

КАРЛОС КАСТАНЕДА

Книга первая

Учение дона Хуана

- Введение
 - Глава 1
 - Глава 2
 - Глава 3
 - Глава 4
 - Глава 5
 - Глава 6
 - Глава 7
 - Глава 8
 - Глава 9
 - Глава 10
 - Глава 11

Книга вторая

Отдельная реальность

- Введение
- Часть первая

ПРЕДДВЕРИЕ К ВИДЕНИЮ

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4

- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Часть вторая](#)
 - [ЗАДАЧА ВИДЕНИЯ](#)**
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)

- [Эпилог](#)

[Книга третья](#)

[Путешествие в Икстлан](#)

- [Введение](#)
- [Часть первая](#)
 - [«ОСТАНОВИТЬ МИР»](#)**
 - [Глава 1. Мир соглашается](#)
 - [Глава 2. Стирание личной истории](#)
 - [Глава 3. Отказ от чувства собственной важности](#)
 - [Глава 4. Смерть-советчик](#)
 - [Глава 5. Принять ответственность](#)
 - [Глава 6. Стать охотником](#)
 - [Глава 7. Стать недоступным](#)
 - [Глава 8. Разрушение распорядков](#)
 - [Глава 9. Последняя битва на земле](#)
 - [Глава 10. Открыться силе](#)
 - [Глава 11. Настроение воина](#)
 - [Глава 12. Битва силы](#)
 - [Глава 13. Последняя остановка воина](#)
 - [Глава 14. Походка силы](#)
 - [Глава 15. «Неделание»](#)

- [Глава 16. Кольцо силы](#)
- [Глава 17. Достойный противник](#)
- [Часть вторая](#)
 - [Глава 18. Магическое кольцо силы](#)
 - [Глава 19. Мир останавливается](#)
 - [Глава 20. Путешествие в Икстлан](#)

Книга четвертая

Сказки о силе

- [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
[Свидетель действий силы](#)
 - [Глава первая СВИДАНИЕ СО ЗНАНИЕМ](#)
 - [Глава вторая ВИДЯЩИЙ СОН И ВИДИМЫЙ ВО СНЕ](#)
 - [Глава третья СЕКРЕТ СВЕТЯЩИХСЯ СУЩЕСТВ](#)
- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
[Тональ и Нагуаль](#)
 - [Глава первая ДОЛЖЕН ВЕРИТЬ](#)
 - [Глава вторая ОСТРОВ ТОНАЛЯ](#)
 - [Глава третья ДЕНЬ ТОНАЛЯ](#)
 - [Глава четвертая СЖАТИЕ ТОНАЛЯ](#)
 - [Глава пятая ВО ВРЕМЕНИ НАГУАЛЯ](#)
 - [Глава шестая ШЕПОТ НАГУАЛЯ](#)
 - [Глава седьмая КРЫЛЬЯ ВОСПРИЯТИЯ](#)
- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
[Объяснение Магов](#)
 - [Глава первая ТРИ СВИДЕТЕЛЯ НАГУАЛЯ](#)
 - [Глава вторая СТРАТЕГИЯ МАГА](#)
 - [Глава третья ПУЗЫРЬ ВОСПРИЯТИЯ](#)
 - [Глава четвертая ПРЕДРАСПОЛОЖЕНИЕ ДВУХ ВОИНОВ](#)

Книга пятая

Второе кольцо силы

- [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Глава первая ПРЕОБРАЖЕНИЕ ДОНЬИ СОЛЕДАД](#)
 - [Глава вторая СЕСТРИЧКИ](#)
 - [Глава третья ЛА ГОРДА](#)

- [Глава четвертая ХЕНАРОС](#)
- [Глава пятая ИСКУССТВО СНОВИДЕНИЯ](#)
- [Глава шестая ВТОРОЕ ВНИМАНИЕ](#)

Книга шестая

Дар Орла

- [ПРОЛОГ](#)
- [Часть первая](#)

ДРУГОЕ «Я»

- [Глава 1 Фиксация второго внимания](#)
- [Глава 2 СОВМЕСТНОЕ ВИДЕНИЕ](#)
- [Глава 3 Квазивоспоминания другого «я»](#)
- [Глава 4 Пересечение границ привязанности](#)
- [Глава 5 Орда разгневанных магов](#)

- [Часть вторая](#)

ИСКУССТВО СНОВИДЕНИЯ

- [Глава 6 Потеря человеческой формы](#)
- [Глава 7 СОВМЕСТНОЕ СНОВИДЕНИЕ](#)
- [Глава 8 Право- и левостороннее осознание](#)

- [Часть третья](#)

- [Глава 9 Правило нагваля](#)
- [Глава 10 Партия воинов нагваля](#)
- [Глава 11 Женщина-нагваль](#)
- [Глава 12 Неделание Сильвио Мануэля](#)
- [Глава 13 Тонкости искусства сновидения](#)
- [Глава 14 Флоринда](#)
- [Глава 15 Пернатый змей](#)

Книга седьмая

Огонь изнутри

- [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [1. ВИДЯЩИЕ нового цикла](#)
 - [2. Мелкие тираны](#)
 - [3. Эманации Орла](#)
 - [4. Светимость осознания](#)
 - [5. Первое внимание](#)

- [6. Неорганические существа](#)
- [7. Точка сборки](#)
- [8. Положение точки сборки](#)
- [9. Сдвиг вниз](#)
- [10. Большие полосы эманаций](#)
- [11. СТАЛКИНГ, НАМЕРЕНИЕ и ПОЗИЦИЯ СНОВИДЕНИЯ](#)
- [12. Нагваль Хулиан](#)
- [13. Толчок земли](#)
- [14. Накатывающаяся сила](#)
- [15. Бросить вызов смерти](#)
- [16. Человеческая матрица](#)
- [17. Путешествие в теле СНОВИДЕНИЯ](#)
- [18. Преодоление барьера восприятия](#)
- [ЭПИЛОГ](#)

Книга восьмая

Сила безмолвия

- [ВВЕДЕНИЕ](#)
- [1. ПРОЯВЛЕНИЯ ДУХА](#)
 - [Первое абстрактное ядро](#)
 - [Безупречность нагваля Элиаса](#)
- [2. ТОЛЧОК ДУХА](#)
 - [Абстрактное](#)
 - [Последнее обольщение нагваля Хулиана](#)
- [3. УЛОВКА ДУХА](#)
 - [Очищение связующего звена с ДУХОМ](#)
 - [Четыре настроения СТАЛКИНГА](#)
- [4. НИСХОЖДЕНИЕ ДУХА](#)
 - [Видение ДУХА](#)
 - [Скачок мысли](#)
 - [Перемещение точки сборки](#)
 - [МЕСТО БЕЗ ЖАЛОСТИ](#)
- [5. ТРЕБОВАНИЯ НАМЕРЕНИЯ](#)
 - [Разбивание зеркала саморефлексии](#)
 - [Билет в безупречность](#)
- [6. УПРАВЛЕНИЕ НАМЕРЕНИЕМ](#)
 - [Третья точка](#)

- [Два односторонних моста](#)
- [Намерение и внешность](#)

Книга девятая

Искусство сновидения

- [ОТ АВТОРА](#)

- [• 1 • МАГИ ДРЕВНОСТИ \(вместо введения\)](#)
- [• 2 • ПЕРВЫЕ ВРАТА СНОВИДЕНИЯ](#)
- [• 3 • ВТОРЫЕ ВРАТА СНОВИДЕНИЯ](#)
- [• 4 • ФИКСАЦИЯ ТОЧКИ СБОРКИ](#)
- [• 5 • МИР НЕОРГАНИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ](#)
- [• 6 • МИР ТЕНЕЙ](#)
- [• 7 • ГОЛУБОЙ ЛАЗУТЧИК](#)
- [• 8 • ТРЕТЬИ ВРАТА СНОВИДЕНИЯ](#)
- [• 9 • НОВАЯ ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ](#)
- [• 10 • СТАЛКИНГ СТАЛКЕРОВ](#)
- [• 11 • АРЕНДАТОР](#)
- [• 12 • ЖЕНЩИНА В ЦЕРКВИ](#)
- [• 13 • ПОЛЕТ НА КРЫЛЬЯХ НАМЕРЕНИЯ](#)

Книга десятая

АКТИВНАЯ СТОРОНА БЕСКОНЕЧНОСТИ

- [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)

- [Синтаксис](#)
- [Синтаксис иного типа](#)

- [Введение](#)

- [Часть первая](#)

- [Трепет в воздухе](#)

- [– 1 – Путешествие силы](#)
- [– 2 – Намерение бесконечности](#)
- [– 3 – КЕМ ЖЕ НА САМОМ ДЕЛЕ БЫЛ ДОН ХУАН?](#)

- [Часть вторая](#)

- [Конец эпохи](#)

- [– 4 – ЗАБОТЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ](#)
- [– 5 – ПОЗИЦИЯ, НА КОТОРОЙ Я НЕ МОГ БОЛЬШЕ ОСТАВАТЬСЯ](#)

- – 6 – НЕИЗБЕЖНАЯ ВСТРЕЧА
- – 7 – ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ
- – 8 – ИЗМЕРЕНИЕ ПОСТИЖЕНИЯ
- – 9 – СКАЗАТЬ «СПАСИБО»
- Часть третья
 - ЗА ПРЕДЕЛАМИ СИНТАКСИСА**
 - – 10 – ПРОВОДНИК
 - – 11 – ИГРА ЭНЕРГИИ НА ГОРИЗОНТЕ
 - – 12 – ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ТЕМНОМУ МОРЮ
ОСОЗНАНИЯ
 - – 13 – НЕОРГАНИЧЕСКОЕ ОСОЗНАНИЕ
 - – 14 – ЧИСТЫЙ ВЗГЛЯД
 - – 15 – ЧЕРНЫЕ ТЕНИ
- Часть четвертая
 - НАЧАЛО ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ**
 - – 16 – ПРЫЖОК В БЕЗДНУ
 - – 17 – ВОЗВРАЩЕНИЕ

Колесо времени

Книга 11

Оглавление

Шаманы Древней Мексики: их мысли о жизни, смерти и Вселенной.....	
Введение.....	
Важнейшие понятия из «Учения Дона Хуана».....	
Комментарии.....	
Важнейшие понятия из «Отдельной Реальности ».....	
Комментарии.....	
Важнейшие понятия из «Путешествия в Икстлан».....	
Комментарии.....	
Важнейшие понятия из «Сказок о Силе».....	
Комментарии.....	
Важнейшие понятия из «Ворого Кольца Силы».....	
Комментарии.....	
Важнейшие понятия из «Дара Орла».....	
Комментарии.....	
Важнейшие понятия из «Огня Изнутри».....	
Комментарии.....	
Важнейшие понятия из «Силы Безмолвия».....	
Комментарии.....	

Тенсегрити Магические пассы

Содержание

[Введение](#)

[Магические пассы](#)

[Тенсегрити](#)

[Шесть серий Тенсегрити](#)

[1. Серия для подготовки к использованию намерения](#)

[Первая группа: перемешивание энергии для намерения](#)

[Вторая группа: пробуждение энергии для намерения](#)

[Третья группа: собирание энергии для намерения](#)

[Четвертая группа: вдыхание энергии намерения](#)

[2. Серия для матки](#)

[Первая группа: магические пассы, принадлежащие Тайше Абеляр](#)

[Вторая группа: магический пасс, имеющий непосредственное отношение к Флоринде Доннер-Грау](#)

[Третья группа: магические пассы, имеющие отношение исключительно к Кэрол Тиггс](#)

[Четвертая группа: магические пассы, принадлежащие Синему Разведчику \(Блю Скаут\)](#)

[3. Серия пяти интересов, или Вествудская серия](#)

[Первая группа: центр принятия решений](#)

[Магические пассы для центра принятия решений](#)

[Вторая группа: работа с инвентарным списком \(рекапитуляция\)](#)

[Магические пассы для работы с инвентарным списком](#)

[Третья группа: сновидение](#)

[Магические пассы для сновидения](#)

[Четвертая группа: внутреннее безмолвие](#)

[Магические пассы, помогающие достижению внутреннего безмолвия](#)

[4. Разделение левого и правого тела: серия для разогрева](#)

[Первая группа: пробуждение энергии в левом и правом теле](#)

[Вторая группа: смешивание энергии левого и правого тела](#)

[Третья группа: перемещение энергии левого и правого тела при помощи дыхания](#)

[Четвертая группа: предпочтения левого и правого тела](#)

[Пять магических пассов для левого тела](#)

[Три магических пасса для правого тела](#)

[5. Серия мужественности](#)

[Первая группа: магические пассы, в которых кисти рук перемещаются синхронно, но не соприкасаются](#)

[Вторая группа: магические пассы для фокусирования энергии сухожилий](#)

[Третья группа: магические пассы для усиления выносливости](#)

[6. Магические пассы, выполняемые с использованием специальных приспособлений](#)

[Первая категория](#)

[Вторая категория](#)

FLORINDA DONNER

ЖИЗНЬ-В-СНОВИДЕНИИ

[Введение](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

Сон ведьмы.

Оглавление

<u>Предисловие.....</u>	<u>2</u>	<u>15.....</u>	<u>65</u>
<u>Примечания автора.....</u>	<u>3</u>	<u>16.....</u>	<u>66</u>
<u>Часть первая.....</u>	<u>4</u>	<u>17.....</u>	<u>68</u>
<u>1.....</u>	<u>4</u>	<u>18.....</u>	<u>76</u>
<u>2.....</u>	<u>6</u>	<u>Часть пятая.....</u>	<u>78</u>
<u>3.....</u>	<u>9</u>	<u>19.....</u>	<u>78</u>
<u>4.....</u>	<u>13</u>	<u>20.....</u>	<u>91</u>
<u>5.....</u>	<u>18</u>	<u>Часть шестая.....</u>	<u>93</u>
<u>6.....</u>	<u>21</u>	<u>21.....</u>	<u>93</u>
<u>7.....</u>	<u>32</u>	<u>22.....</u>	<u>98</u>
<u>Часть вторая.....</u>	<u>34</u>	<u>23.....</u>	<u>107</u>
<u>8.....</u>	<u>34</u>	<u>Часть седьмая.....</u>	<u>109</u>
<u>9.....</u>	<u>36</u>	<u>24.....</u>	<u>109</u>
<u>10.....</u>	<u>46</u>	<u>25.....</u>	<u>114</u>
<u>Часть третья.....</u>	<u>48</u>	<u>26.....</u>	<u>123</u>
<u>11.....</u>	<u>48</u>	<u>Часть восьмая.....</u>	<u>125</u>
<u>12.....</u>	<u>53</u>	<u>27.....</u>	<u>125</u>
<u>13.....</u>	<u>62</u>	<u>28.....</u>	<u>137</u>
<u>Часть четвертая.....</u>	<u>64</u>	<u>Эпилог.....</u>	<u>142</u>
<u>14.....</u>	<u>64</u>		

ШАБОНО

<u>Вступление.....</u>	<u>2</u>	<u>Глава 13.....</u>	<u>79</u>
<u>Основные имена.....</u>	<u>4</u>	Часть четвёртая.....	87
Часть первая.....	5	<u>Глава 14.....</u>	<u>87</u>
<u>Глава 1.....</u>	<u>5</u>	<u>Глава 15.....</u>	<u>93</u>
<u>Глава 2.....</u>	<u>8</u>	<u>Глава 16.....</u>	<u>98</u>
<u>Глава 3.....</u>	<u>18</u>	<u>Глава 17.....</u>	<u>101</u>
<u>Глава 4.....</u>	<u>27</u>	<u>Глава 18.....</u>	<u>103</u>
<u>Глава 5.....</u>	<u>31</u>	Часть пятая.....	109
Часть вторая.....	35	<u>Глава 19.....</u>	<u>109</u>
<u>Глава 6.....</u>	<u>35</u>	<u>Глава 20.....</u>	<u>118</u>
<u>Глава 7.....</u>	<u>41</u>	<u>Глава 21.....</u>	<u>123</u>
<u>Глава 8.....</u>	<u>47</u>	<u>Глава 22.....</u>	<u>126</u>
Часть третья.....	53	Часть шестая.....	135
<u>Глава 9.....</u>	<u>53</u>	<u>Глава 23.....</u>	<u>135</u>
<u>Глава 10.....</u>	<u>63</u>	<u>Глава 24.....</u>	<u>142</u>
<u>Глава 11.....</u>	<u>66</u>	<u>Глава 25.....</u>	<u>150</u>
<u>Глава 12.....</u>	<u>72</u>	<u>Глоссарий.....</u>	<u>154</u>

ТАЙША АБЕЛЯР МАГИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД

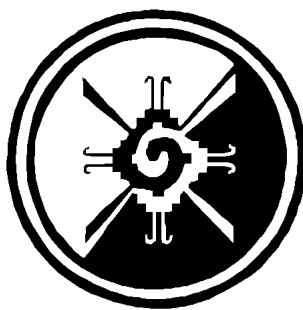
<u>Предисловие Карлоса Кастанеды.....</u>	<u>2</u>	<u>Глава 11.....</u>	<u>133</u>
<u>Вступление.....</u>	<u>4</u>	<u>Глава 12.....</u>	<u>147</u>
<u>Глава 1.....</u>	<u>7</u>	<u>Глава 13.....</u>	<u>161</u>
<u>Глава 2.....</u>	<u>18</u>	<u>Глава 14.....</u>	<u>174</u>
<u>Глава 3.....</u>	<u>32</u>	<u>Глава 15.....</u>	<u>187</u>
<u>Глава 4.....</u>	<u>44</u>	<u>Глава 16.....</u>	<u>200</u>
<u>Глава 5.....</u>	<u>59</u>	<u>Глава 17.....</u>	<u>211</u>
<u>Глава 6.....</u>	<u>69</u>	<u>Глава 18.....</u>	<u>225</u>
<u>Глава 7.....</u>	<u>81</u>	<u>Глава 19.....</u>	<u>238</u>
<u>Глава 8.....</u>	<u>90</u>	<u>Глава 20.....</u>	<u>248</u>
<u>Глава 9.....</u>	<u>102</u>	<u>Глава 21.....</u>	<u>261</u>
<u>Глава 10.....</u>	<u>117</u>		

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Книга первая

Учение дона Хуана

- [Введение](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Введение

Летом 1960 года я, в ту пору студент факультета антропологии при Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе, предпринял несколько поездок на Юго-Запад с целью сбора информации о лекарственных растениях используемых местными индейцами. К одной из этих поездок относится начало описываемых здесь событий.

Я ожидал автобуса на станции в приграничном городишке, болтая с приятелем, который сопровождал меня в качестве гида и помощника. Вдруг он наклонился ко мне и прошептал, что вон тот старый седой индеец, который сидит у окна, здорово разбирается в растениях, а в пейоте особенно. Я попросил нас познакомить.

Приятель окликнул старика, потом подошел к нему и пожал руку. Поговорив с минуту, он жестом подозвал меня и исчез, предоставив мне самому выпутываться из положения. Старик остался невозмутимым. Я представился; он сказал, что зовут его Хуан и что он к моим услугам. По-испански это было сказано с отменной учтивостью. Мы обменялись по моей инициативе рукопожатием и оба замолчали. Это молчание, однако, нельзя было назвать натянутым, оно было спокойным и естественным. Хотя морщины, покрывавшие его смуглое лицо и шею, свидетельствовали о почтенном возрасте, меня поразило его тело – поджарое и мускулистое. Я сообщил ему, что собираю сведения о лекарственных растениях. По совести, я почти ничего не знал о пейоте, однако получилось так, будто я дал понять, что в пейоте я просто дока и что ему вообще стоит сойтись со мной поближе. Пока я нес эту ахинею, он медленно кивнул и взглянул на меня, не говоря ни слова. Я невольно отвел глаза, и сцена закончилась гробовым молчанием. Наконец, после нестерпимо затянувшейся паузы, дон Хуан поднялся и выглянул в окно. Подошел его автобус. Он попрощался и уехал.

Я был раздражен своей дурацкой болтовней под его необычным взглядом, который, казалось, читал меня насквозь.

Вернувшийся приятель, узнав о моей неудачной попытке вывести

что-нибудь от дон Хуана, постарался меня утешить, – старик, мол, вообще неразговорчив и замкнут. Однако тягостное впечатление от этой первой встречи было не так-то легко рассеять. Я приложил усилия, чтобы разузнать, где живет дон Хуан, и после не раз приезжал к нему в гости. При каждой встрече я пытался навести разговор на тему пейота, но безуспешно. Мы, тем не менее, стали хорошими друзьями, и со временем мои научные изыскания были позабыты или, во всяком случае, приобрели совершенно новое направление, о котором я вначале не мог и подозревать.

Приятель, который нас познакомил, после разъяснил, что дон Хуан не был уроженцем Аризоны, где мы встретились: он родился в мексиканском штате Сонора, в племени индейцев яки.

Поначалу дон Хуан был для меня попросту занятым стариком, который очень хорошо говорит по-испански и превосходно разбирается в пейоте. Однако знавшие его утверждали, что он «брухо» – целитель, знахарь, колдун, маг.

Прошел целый год, прежде чем он начал мне доверять. В один прекрасный день он сообщил, что обладает особыми знаниями, которые передал ему «бенефактор», – так он называл своего учителя. Теперь дон Хуан, в свою очередь, избрал меня своим учеником и предупредил, что мне предстоит сделать очень серьезный выбор, так как обучение будет долгим и трудным. Рассказывая о своем учителе, дон Хуан часто употреблял слово «диаблеро». Этим словом, которым, кстати, пользуются только индейцы Соноры, называют оборотня, который занимается черной магией и способен превращаться в животных – птицу, собаку, койота или любое другое существо.

Как-то раз, во время очередной поездки в Сонору, со мной произошло любопытное приключение, иллюстрирующее отношение индейцев к «диаблеро». Я вел машину ночью, в компании двух друзей-индейцев. Вдруг дорогу пересекло животное, похожее на собаку. Один из моих попутчиков предположил, что это громадный койот. Я притормозил и свернул к обочине, чтобы получше рассмотреть странное существо. Еще несколько секунд оно стояло в лучах фар, а затем скрылось в кустарнике. Это был без сомнения койот, только вдвое больше обычного. Под конец возбужденной перепалки мои друзья сошлись на том, что животное было во всяком случае очень

необычное, а один из них высказал предположение, что это был диаблеро. Я решил воспользоваться этим случаем и расспросить местных индейцев об их поверьях, связанных с диаблеро. Я рассказывал эту историю многим, выпрашивая, что они об этом думают. Привожу три разговора, которые иллюстрируют их мнение на этот счет.

– Как ты думаешь, Чой, это был койот? – спросил я выслушавшего историю молодого индейца.

– Кто его знает. Да нет, собака, конечно. Койот поменьше.

– А может, это был диаблеро?

– Ну вот еще. Такого не бывает.

– А почему ты так считаешь, Чой?

– Люди воображают всякое. Бьюсь об заклад, поймай ты это животное – и оказалась бы простая собака. Были у меня как-то дела в другом городе, встал я до рассвета, лошадь оседлал. Выезжаю – вижу, на дороге черная тень, точно большая зверюга. Лошадь встала на дыбы, выбросила меня из седла, да и сам я порядком струхнул. А оказалось – это соседка, тоже в город направилась.

– Ты хочешь сказать, Чой, что не веришь в существование диаблеро?

– Диаблеро? А что это такое? Скажи-ка мне, что такое диаблеро!

– Да не знаю, Чой. Мануэль, который с нами тогда ехал, сказал, что это мог быть диаблеро, а не койот. Может, ты мне скажешь, что такое диаблеро?

– Ну, говорят, что диаблеро – это брухо, который во что захочет, в то и превратится. Так ведь каждый знает, что это враки. Старики здесь напичканы историями про диаблеро. Но от нас, от молодых, ты этих глупостей не услышишь.

– Что это было за животное, как ты думаешь, донья Лус? – спросил я женщину преклонных лет.

– Точно все знает один Господь, но я так думаю, что это был не койот. Бывает такое, что посмотришь – койот, а на самом деле вовсе не койот. Скажи, бежал он просто или что-нибудь нес в зубах?

– По большей части стоял на месте, но в тот момент, когда я его увидел, мне показалось, что он что-то ест.

– А ты уверен, что он ничего не нес в зубах?

– Трудно сказать. А что, тут есть какая-то разница?

- Да, разница есть. Если он что-то нес в зубах, то это был не койот.
- Тогда что же?
- Мужчина или женщина.
- А как они у вас называются, донья Лус? Она не ответила. Я выспрашивал и так и сяк, но безуспешно. Наконец она сказала: «Не знаю». Я спросил, не их ли называют диаблеро. Да, ответила она, есть и такое название.
- А ты сама не знаешь какого-нибудь диаблеро?
- Знала я одну женщину. Ее убили. Я тогда была еще ребенком. Женщина, говорили, превращалась в суку, и как-то ночью забежала в дом белого, хотела стащить сыр. Белый ее застрелил из двустволки, и как раз тогда, когда сука сдохла в доме белого, женщина умерла у себя в хижине. Собрались ее родственники, пришли к белому и потребовали выкуп. За ее убийство белый выложил много денег.
- Как же они могли требовать выкуп, если белый убил всего лишь собаку?
- А они сказали, что белый знал, что это не собака, ведь с ним были еще люди, и все они видели, как собака встала на задние лапы и, совсем как человек, потянулась к сыру, который лежал на подносе, а поднос был подвешен к кровле. Они тогда ждали вора, потому что сыр того белого каждую ночь исчезал. Так что белый убил вора, зная, что это не собака.
- А теперь есть диаблеро, донья Лус?
- Такие вещи под большим секретом. Говорят, что их уже нет, но я сомневаюсь, потому что кто-то из семьи диаблеро должен получить его знание. У них свои законы, и один из них в том и состоит, что диаблеро должен кому-то из своего рода передать свои тайны.
- Как ты думаешь, Хенаро, что это было за животное? – задал я вопрос древнему старику.
- Собака с какого-нибудь местного ранчо, что же еще?
- А мог это быть диаблеро?
- Диаблеро? Ты ненормальный. Они не существуют.
- Ты хочешь сказать, что теперь не существуют или вообще не существуют?
- Когда-то существовали, это да. Это всем известно. Кто ж этого не знает. Но люди их очень боялись и всех поубивали.
- Кто же их убил, Хенаро?

– Да все племя. Последний диаблеро, которого я знал, был С—. Он своим колдовством извел десятки, если не сотни людей. Терпение наше кончилось, как-то ночью мы собрались все вместе и взяли его врасплох, да и сожгли живьем.

– А давно это было?

– Году в сорок втором.

– Ты что, сам это видел?

– Да нет, но люди до сих пор об этом говорят. Говорят, от него даже золы не осталось, а ведь дрова для костра специально были сырые. Все, что осталось под конец, так это большая лужа жира. Хотя дон Хуан сказал, что его учитель был диаблеро, он никогда не говорил, где получил от него знания и никогда не упоминал его имени. О себе самом дон Хуан не рассказывал почти ничего. Все, что я смог из него вытянуть, это то, что он родился на Юго-Западе в 1891-м, почти всю жизнь прожил в Мексике; в 1900-м его семью вместе с тысячами других индейцев Соноры мексиканские власти выселили в Центральную Мексику; в общей сложности в Центральной и Южной Мексике он прожил до 1940-го. Таким образом, поскольку он много путешествовал, его знания сложились в результате многих влияний. И хотя сам он считал себя индейцем Соноры, я сомневаюсь, укладываются ли его познания в круг традиционных представлений сонорских индейцев. Впрочем, здесь я не собираюсь заниматься определением истоков его культуры.

Мое ученичество у дон Хуана началось в июне 1961-го. До этих пор, как бы ни проходили наши встречи, я неизменно воспринимал его с позиции наблюдателя-антрополога. Во время этих первых бесед я втайне делал заметки, чтобы потом с их помощью восстановить по памяти весь разговор. Но когда началось обучение, этот метод оказался малопродуктивным, поскольку разговор всякий раз касался слишком многих вещей, зачастую самых неожиданных. Со временем, после упорных протестов, дон Хуан все же разрешил мне вести записи в открытую. Я хотел вообще все что можно фотографировать и записывать на диктофон, но тут уж пришлось отступить.

Вначале ученичество проходило в Аризоне, а потом, когда дон Хуан перебрался в Мексику, у него в Соноре. Распорядок встреч установился сам собой – я попросту приезжал на несколько дней при каждом удобном случае. Летом 1963 и 1964 гг. мои посещения

были особенно частыми и продолжительными. Теперь я вынужден признать, что такой режим был малоэффективным, поскольку уводил меня из-под безраздельного контроля со стороны учителя, а ведь в магии это главное условие успеха. С другой стороны, я думаю, в этом было и определенное преимущество, поскольку я оставался сравнительно свободным, а это, в свою очередь, стимулировало критичность оценки, что было бы невозможно в случае безусловного и всепоглощающего подчинения. В сентябре 1965 г. от дальнейшего обучения я отказался.

Спустя несколько месяцев я вернулся к своим записям и оказался перед проблемой, как их упорядочить и свести в какое-то внятное целое. Поскольку собранный материал был почти необозрим и перегружен всяким хламом, я для начала попытался выработать какую-то систему классификации. Я разделил материал по темам и расположил по иерархии субъективной значимости, а именно по степени воздействия лично на меня. Постепенно вырисовалась следующая структура: использование галлюциногенных растений; используемые в магии рецепты и процедуры; приобретение «предметов силы» и обращение с ними; использование лекарственных растений; песни и легенды (фольклор).

Однако общий критический обзор зафиксированного мной опыта привел меня к выводу, что всякие попытки классификации не дают ничего, кроме измышления новых категорий, поэтому любые усилия рационализировать эту схему закончатся лишь еще более доморощенным изобретательством. Мне это было совершенно ни к чему. Попытка уяснить все, что я испытал, означала необходимость осмыслить стройную систему подтвержденных опытом конкретных представлений. Уже после первой пейотной церемонии («сессии»), в которой я принимал участие, для меня стало очевидным, что в учении дона Хуана есть внутренняя логика. Решившись однажды меня обучать, он затем передавал мне свои знания в неукоснительном порядке, в строгой последовательности. Именно этот порядок был для меня непостижим.

Этим, по-моему, объясняется то, что даже через четыре года обучения я все еще оставался начинающим. Я понимал только, что знание дона Хуана и метод его передачи были те же, что у его «бенефактора», поэтому и трудности в моем понимании учения были, по всей вероятности, те же, с которыми в свое время

столкнулся дон Хуан. Он сам отметил однажды наше сходство в качестве начинающих и несколько раз проронил, что тоже был не в состоянии понять своего учителя. Поэтому я пришел к выводу, что для любого начинающего, будь он индеец или кто угодно, магическое знание представляется непостижимым благодаря необычайному характеру испытываемых явлений. Лично для меня, как для человека западной культуры, они были столь ошеломляющими, что истолковать их в привычных терминах повседневной жизни было заведомо невозможно, и это означало, что обреченной будет также любая попытка их классификации. Так для меня стало очевидным, что знание дона Хуана имеет смысл рассматривать лишь с его собственной точки зрения; лишь в этом случае будет достоверным и убедительным. В попытках согласовать наши представления я пришел к выводу, что всякий раз, пытаясь разъяснить мне свое знание, он с необходимостью использовал собственные понятия. Поскольку для меня эти понятия и концепции были изначально чуждыми, усилия увидеть его мир его глазами ставили меня в нелепое положение. Поэтому первой задачей было определить его систему концептуализации. Работая в этом направлении, я заметил, что сам дон Хуан особую роль отводил использованию галлюциногенных растений. Именно это я положил в основание собственной систематизации магического опыта.

Дон Хуан использовал три вида галлюциногенных растений, каждый в отдельности и в зависимости от обстоятельств: пейот (*lophophora willamsii*), дурман (*datura inoxia*, или *d. meteloides*) и гриб (по всей вероятности, *psilocybe mexicana*). Галлюциногенные свойства этих растений были известны индейцам задолго до появления европейцев. У индейцев они находят, сообразно свойствам, различное применение: их используют при лечении, при колдовстве, для достижения экстатических состояний или, скажем, просто ради удовольствия. В контексте же учения дона Хуана употребление дурмана и гриба связывается с приобретением особой силы, мудрости, или, проще говоря, знания того, как следует жить.

Для дона Хуана ценность растений определялась их способностью вызывать поток необычного восприятия. С их помощью он вводил меня в переживание этого потока с целью раскрытия мира магии, удостоверения его реальности и адекватной его оценки. Я назвал

этот поток переживаний «состояниями необычной реальности», т. е. такой реальности, которая отличается от повседневной. Их различие определяется самой природой этих состояний, которые в контексте учения дон Хуана расцениваются как соответствующие реальности, хотя их реальность крайне далека от обычной.

Дон Хуан считал, что переживание необычной реальности – единственный способ практического освоения магии и приобретения силы. По его убеждению, именно этой главной цели подчинены все прочие компоненты учения.

Этим, кстати, определялось его отношение ко всему, что не было с нею непосредственно связано. В моих записях полно его замечаний по самому разному поводу. К примеру, как-то он заметил, что некоторые предметы несут в себе определенное количество силы. Сам он не испытывал к предметам силы особого почтения, но сказал, что к их помощи нередко прибегают слабые брухо. Я то и дело выпрашивал его о таких вещах, но его они, казалось, совершенно не интересуют. Однако на этот раз он неожиданно разговорился.

– Существуют определенные предметы, которые наделены силой, – сказал он. – Таких предметов, которыми с помощью дружественных духов пользуются маги, множество. Эти предметы – орудия, не просто орудия, а орудия смерти. И все же это только орудия. От них нельзя чему-либо научиться. Собственно говоря, они относятся к разряду предметов войны и предназначены для сражения. Ими орудуют для убийства.

– Что это за предметы, дон Хуан?

– Это не предметы в обычном смысле слова, скорее разновидности силы.

– А как заполучить эти разновидности силы?

– Это зависит от того, какого рода предмет тебе нужен.

– А какие имеются?

– Я уже сказал – множество. Предметом силы может быть что угодно.

– Ну, а какие в таком случае обладают наибольшей силой?

– Сила предмета зависит от его хозяина, от того, кто он на самом деле такой. Предмет силы, которым пользуется слабый брухо, – почти шутка; и наоборот, орудия сильного брухо получают от него свою силу.

– Ну хорошо, а какие предметы силы самые простые? Какие

обычно предпочитают брюхо?

– Тут не может быть «предпочтения». Все это предметы силы, все до одного.

– А у тебя самого есть какие-нибудь, дон Хуан?

Он не ответил, только взглянул на меня и рассмеялся. Потом надолго замолчал, и я подумал, что мои вопросы, должно быть, его раздражают.

– Для этих разновидностей силы существуют ограничения, – вновь заговорил он. – Но мое уточнение, я уверен, для тебя пустой звук.

У меня самого, можно сказать, жизнь ушла на то, чтобы понять, что один «союзник» стоит всех предметов силы с их детскими тайнами. Такие штуки я имел, когда был мальчишкой.

– Что же они из себя представляли?

– «Маис-пинто», кристаллы и перья.

– Что такое «маис-пинто», дон Хуан?

– Маисовое зерно с красной прожилкой посередине.

– Всего лишь одно зерно?

– Нет, у брюхо их сорок восемь.

– Ну, и что же это зерно?

– Каждое может убить человека, если попадет ему внутрь.

– Ну и что тогда?

– Зерно погружается в тело, а потом оседает в груди или в кишках.

Человек заболевает и, если только брюхо, который взялся его лечить, не окажется сильнее его врага, через три месяца умрет.

– А можно его как-нибудь вылечить?

– Единственный способ – высосать зерно, но редкий брюхо на это отважится. Конечно, брюхо может в конце концов высосать зерно, но если у него не хватит силы его извергнуть, оно убьет его самого.

– Но каким вообще образом зерно умудряется проникнуть в тело?

– Ты не поймешь этого, если не знаешь колдовства с маисом, которое одно из самых сильных, какие мне известны. Его делают при помощи двух вроде разных зерен. Сначала зерно прячут в чашечке только что срезанного желтого цветка, затем, чтобы оно вошло в контакт с врагом, нужно приладить его где-нибудь, где тот бывает, – скажем, на тропинке, где он ходит каждый день. Как только жертва наступит на зерно или как-нибудь его коснется – колдовство совершилось. Зерно погружается в тело.

– А что с этим зерном потом происходит?

– Вся его сила уходит в человека, и зерно свободно. Теперь это

совсем другое зерно. Оно может оставаться там же, где произошло колдовство, или попасть куда угодно, – это уже не имеет значения. Лучше замести его под кусты, где его склюет какая-нибудь птица. – А может птица склевать зерно прежде, чем его коснется человек? – Таких глупых птиц нет, уверяю тебя. Птицы держатся от него подальше.

Затем дон Хуан описал довольно сложную процедуру, посредством которой получают такие зерна.

– Запомни одно: «маис-пинто» – это всего лишь орудие, это не «союзник», – сказал он. – Уясни себе эту разницу – и твои дурацкие проблемы исчезнут. Но если ты думаешь достичь совершенства посредством таких штук, ты просто дурак.

– Что, «союзник» такой же сильный, как предметы силы?

Он презрительно фыркнул. Я видел, что испытываю его терпение.

– «Маис-пинто», кристаллы, перья – все это игрушки по сравнению с «союзником», – сказал он. – Они нужны лишь тогда, когда нет «союзника». Искать их – пустая трата времени, для тебя особенно. Что для тебя действительно необходимо – это постараться заполучить «союзника». И вот когда это тебе удастся, тогда ты поймешь то, что я говорю сейчас. Предметы силы – это детские забавы.

– Пойми меня правильно, дон Хуан, – запротестовал я. – Конечно, я не прочь заполучить «союзника», но мне хотелось бы вообще знать побольше. Ты ведь сам говорил, что знание – это сила.

– Нет, – отрезал он. – Сила зависит от знания, которым ты владеешь. Какой смысл знать то, что бесполезно?

В системе представлений дона Хуана процесс приобретения «союзника» означал главным образом использование состояний необычной реальности, которые он во мне вызывал с помощью галлюциногенных растений. Он считал, что, фокусируя внимание на этих состояниях и подчиняя этому прочие аспекты знания, которое я от него получал, я приду к адекватному восприятию магической реальности.

Книга, таким образом, содержит наиболее важные фрагменты моих полевых записей, где речь идет об испытываемых мною в процессе обучения состояниях необычной реальности. Порядок подачи фрагментов не всегда хронологический, поскольку я следовал логике разворачивания учения. Я никогда не записывал свои впечатления прежде, чем они улягутся и я смогу осмыслить

их сравнительно беспристрастно. Однако комментарии дона Хуана к испытанному мною в очередной раз я записывал немедленно, поэтому подчас они опережают описание самого опыта.

Мои полевые записи представляют субъективную интерпретацию того, что я испытывал непосредственно во время опыта. Эта интерпретация воспроизводится здесь в точном соответствии с моим изложением испытанного дону Хуану, который требовал исчерпывающего и точного воспроизведения каждой детали и подробнейшего пересказа каждого переживания.

При записи я добавлял для полноты картины некоторые бытовые детали. Кроме того, в записках содержатся также попытки толкования мировоззрения дона Хуана.

Чтобы избежать повторений, я упростил наши диалоги и убрал все второстепенное. Однако, чтобы передать все же общую атмосферу, мои правки коснулись лишь тех диалогов, в которых не содержалось ничего нового, что способствовало бы моему постижению этого пути. Информация от дона Хуана всегда была спорадической, и подчас малейшее его замечание вызывало целую лавину расспросов, которые длились часами. С другой стороны, было множество случаев, когда он все рассказывал сам.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 1

Мои заметки о встречах с доном Хуаном начинаются 23 июня 1961 года. С этого дня началось мое обучение. До этого я встречался с ним лишь в качестве наблюдателя. При всяком удобном случае я просил рассказать мне, что он знает о пейоте. Каждый раз это кончалось ничем, и все же, судя по его колебаниям, какая-то надежда оставалась.

И вот на этот раз он дал понять, что может снизойти к моим просьбам – при условии, что я обрету ясность мышления, буду точно знать, о чем прошу. Это условие было для меня непонятным, поскольку моя просьба относительно пейота была, собственно, предложением установить с ним более тесный контакт. Я рассчитывал, что моя ссылка на его особые знания вызовет его на большую откровенность – и я, таким образом, смогу без особых препятствий узнать все, что он вообще знает о растениях. Однако он истолковал мою просьбу банально – а именно как желание получить знания о пейоте.

Пятница, 23 июня 1961

- Ты научишь меня тому, что знаешь о пейоте, дон Хуан?
- Это зачем еще тебе понадобилось?
- Ну, хотелось бы на этот счет знать побольше. Разве сама по себе тяга к познанию – не достаточная причина?
- Нет! Ты должен спросить в самом своем сердце, чего ради тебе, зеленому юнцу, вздумалось связываться со столь серьезными вещами.
- А сам ты чего ради этому учился?
- Ты почему об этом спрашиваешь?
- А может, у меня такая же причина.
- Сомневаюсь! Я – индеец. У нас разные пути.
- Если серьезно, моя причина – просто сильное желание этому учиться, просто я хочу знать чтобы знать. Но у меня нет плохих намерений, честное слово.
- Верю. Я курил тебя.
- А?..

- Неважно. Мне известны твои намерения.
- Ты что, хочешь сказать, что видел меня насквозь?
- Назови как угодно.
- Так, может, ты все-таки будешь меня учить?
- Нет!
- Потому что я не индеец?
- Нет. Потому что ты не знаешь своего сердца. Что по-настоящему важно – это чтобы ты точно знал, почему тебе так позарез этого хочется. Учение о Мескалито – вещь крайне серьезная. Будь ты индейцем – одного твоего желания в самом деле было бы достаточно. Но лишь у очень немногих индейцев может появиться такое желание.

Воскресенье, 25 июня 1961

В пятницу я весь день был у дона Хуана. Я рассчитывал уехать часов в семь вечера. Мы сидели у него на веранде, и я решился еще раз спросить насчет обучения. Затея казалась безнадежной, и я заранее смирился с отказом. На этот раз я спросил его – может быть, существует способ, при котором мое желание выглядело бы так, как если бы я был индейцем. Он долго молчал, а я все ждал ответа, поскольку казалось, он что-то мысленно взвешивает.

Наконец он сказал – есть вообще один способ, собственно вот какой. Прежде всего он обратил внимание на тот факт, что я очень устаю, сидя на полу, и для начала следует найти на полу «пятно», как он выразился, где я мог бы сидеть без усталости сколько угодно. До этого я сидел обхватив руками щиколотки и прижав колени к подбородку. Едва он сказал это, как я почувствовал, что совершенно выдохся и спину у меня ломит от усталости.

Я ожидал объяснений, что это за «пятно», но он и не подумал ничего объяснять. Я решил, что, может быть, он имеет в виду, что мне надо пересесть, поэтому поднялся и сел к нему поближе. Он возмутился и принялся втолковывать, упирая на каждое слово, что «пятно» – это место, где ты чувствуешь себя самим собой – сильным и счастливым. Он похлопал рукой по тому месту на веранде, где сидел, и сказал – вот, к примеру, мое собственное место: затем добавил, что эту задачу я должен решить самостоятельно, причем не откладывая.

Для меня такая задача была попросту загадкой. Я понятия не имел, с чего начать, да и вообще – что именно. Несколько раз я просил дать мне какой-нибудь ключ или хотя бы подсказку насчет того,

как приступить к поискам этого самого места, где я буду чувствовать себя сильным и счастливым. Я стоял на своем и доказывал, что совершенно не представляю себе, что же имеется в виду, да и как подойти к решению этой задачи. Он предложил мне походить по веранде, – может статься, я найду «пятно».

Я встал и начал выхаживать взад-вперед; наконец почувствовал, до чего это глупо, и сел перед ним.

Его охватил гнев, и он заявил, что я ничего не желаю слушать и вообще, похоже, не собираюсь учиться. Потом успокоился и вновь начал втолковывать, что отнюдь не на каждом месте можно сидеть или вообще на нем находиться, и что в пределах веранды есть одно особое место, «пятно», на котором мне будет лучше всего. Моя задача – найти его среди всех остальных. Если угодно, это можно понимать так, что я должен «прочувствовать» все здесь пятна, пока без всяких сомнений смогу определить то, которое мне подходит.

Я возразил, что хотя веранда и не очень велика (восемь футов на двенадцать), возможных пятен на ней множество, и понадобится уйма времени, чтобы проверить каждое; а кроме того, если учесть, что он не указал мне размеров пятна, их количество вообще возрастает до бесконечности. Но спорить было бесполезно. Он встал и очень жестко предупредил, что на поиски у меня может уйти хоть неделя, и если это меня не устраивает, то я могу уезжать хоть сейчас, говорить больше не о чем. Он подчеркнул, что самому-то ему отлично известно, где мое пятно, поэтому я не смогу его обмануть. Это единственный способ, сказал дон Хуан, засчитать в качестве достаточной причины одно лишь мое желание учиться знанию о Мескалито. В его мире, добавил он напоследок, ничто не дается даром, а уж знание и подавно.

Он пошел в кусты за домом помочиться, а потом прямо оттуда вернулся в дом.

Я подумал, что задание найти это самое пятно счастья – попросту предлог, чтобы от меня отделаться, но все же встал и вновь принялся выхаживать по веранде. Небо было безоблачным, и на веранде и вокруг было хорошо видно. Расхаживал я, должно быть, примерно час или больше, но не произошло ничего такого, что указало бы местонахождение пятна. Я устал и сел на пол; через несколько минут пересел на другое место, пока с помощью такой, с позволения сказать, системы не проверил всю веранду. Я честно старался «почувствовать» между местами разницу, но ее критерий

был для меня недостижим. Я чувствовал только, до чего это безнадежно, и все же не уходил. В конце концов, не для того я за тридевять земель сюда тащился, чтобы уехать ни с чем.

Я лег на спину и заложил руки под голову. Затем перевернулся и немного полежал на животе. Такой маневр я повторил по всему полу. Впервые, похоже, я наткнулся хоть на какой-то критерий. Лежать на спине было теплее.

Я снова начал кататься по полу, теперь в обратную сторону, и снова проверил весь пол. На этот раз укладываясь ничком там, где прежде ложился навзничь. Ощущения тепла или холода были неизменными – в зависимости от моего положения, но разницы между местами не было.

Тут меня осенило: место дона Хуана! Я сел на его место, потом лег, сначала на живот, потом на спину, но и здесь не было ровно ничего примечательного. Я встал: я был сыт по горло. Нужно попрощаться с доном Хуаном, вот только не хотелось его будить. Я взглянул на часы. Два часа ночи! Я прокатался по полу шесть часов.

В этот момент на веранду вышел дон Хуан и снова направился вокруг дома в кусты. Потом вернулся и остановился в двери. Я чувствовал отчаяние, мне хотелось сказать ему напоследок что-нибудь оскорбительное и уехать. Но тут я подумал, что это ведь не его вина: в конце концов я сам напросился на эту комедию. Я сказал – сдаюсь: я как идиот всю ночь катался по полу, и все еще не вижу никакого смысла в его загадке.

Он рассмеялся и сказал, что ничего удивительного, ведь я не пользовался глазами. И в самом деле, этого я не сообразил, поскольку сразу понял с его слов именно так, что разницу нужно «почувствовать». Я начал было опять спорить, но он меня прервал, заявив, что глазами тоже можно чувствовать, если не смотреть на вещи в упор. Если уж я за это взялся, то, может быть, стоит попробовать то, что у меня осталось, – мои глаза.

Он закрыл за собой дверь. Я был уверен, что все это время он исподтишка наблюдал за мной, – потому что как иначе он мог знать, что я не пользовался глазами.

Я снова начал валяться по полу, поскольку это было проще всего. Теперь, однако, лежа на животе, я клал на руки подбородок и всматривался в каждую деталь.

Немного погодя темнота вокруг изменилась. Стоило мне

установиться прямо перед собой, как вся периферия поля зрения приобретала яркий однородный зеленовато-желтый цвет. Эффект был поразительным. По-прежнему уставясь перед собой и стараясь не сбить фокус, я пополз боком, передвигаясь каждый раз на фут. Вдруг в точке примерно посреди веранды я заметил смену оттенка. Справа на периферии поля зрения зеленовато-желтый цвет превратился в ярко-пурпурный. Я сконцентрировал на нем внимание. Пурпурный цвет посветлел, не убывая в яркости, и таким и оставался, пока я удерживал его боковым зрением. Я накрыл это место курткой и позвал дону Хуана. Он вышел на веранду. Про себя я торжествовал: я в самом деле видел смену оттенков. На него это, однако, не произвело особого впечатления, но он предложил мне сесть на это место и описать свои ощущения. Я сел на пол; потом лег на спину. Он стоял рядом и то и дело спрашивал, как я себя чувствую; но я не чувствовал в себе каких-то изменений. Минут пятнадцать я старался почувствовать или увидеть, что ли, какую-то разницу, а рядом терпеливо ждал дон Хуан. Наконец я почувствовал, до чего мне все это опротивело. Во рту был металлический привкус. Неожиданно разболелась голова. Похоже было, я вот-вот заболею. Мысль о бесплодности любых моих усилий привела меня в ярость. Я встал.

Дон Хуан, должно быть, заметил, как я расстроен. На этот раз он был очень серьезен и внушительным тоном сказал, что если я в самом деле хочу учиться, то мне придется в отношении самого себя быть непреклонным. Для тебя, сказал он, существует лишь один выбор: либо сдаться и уехать, распрощавшись со своей мечтой, либо разгадать загадку.

Он скрылся за дверью. Я хотел уехать немедленно, но слишком устал. К тому же смена оттенков была столь очевидной, что здесь попросту не мог не скрываться какой-то критерий, а кроме того, не исключено ведь, что существуют еще какие-то признаки. Да и уезжать сейчас было уже поздно. Я сел, вытянул ноги и начал все сначала.

На этот раз, миновав пятно дона Хуана, я быстро добрался с места на место до конца пола, затем развернулся, чтобы захватить внешний край веранды. Дойдя до центра, я зафиксировал еще одно изменение в окраске, опять на периферии поля зрения. Разлитый повсюду однородный зеленовато-желтый цвет в одном месте, справа от меня, превратился в яркий серо-зеленый. Какое-то время

этот оттенок держался, затем вдруг перешел в новый, не тот, который был раньше. Я снял ботинок, отметил эту точку и вновь начал кататься, пока не покрыл пол во всех возможных направлениях. Больше никаких изменений в оттенках не было. Я вернулся к точке, отмеченной ботинком, и тщательно ее осмотрел. Она находилась в шести футах на юго-восток от той, что была отмечена курткой. Рядом лежал валун. Я присел на него передохнуть, пытаюсь найти ключ и всматриваясь в каждую деталь, но по-прежнему не чувствовал никакой разницы. Я решил попробовать с другой точкой. Опустившись на колени, я собрался уже лечь на куртку, когда вдруг почувствовал что-то совершенно необычное. Более всего это напоминало физическое ощущение, как будто что-то буквально давит на мой желудок. Я моментально отскочил. Волосы на затылке встали дыбом. Ноги согнулись, туловище наклонилось, а руки со скрюченными как когти пальцами были выброшены вперед на уровне груди. Я поймал себя на этой странной позе и еще больше испугался. Я невольно попятился и, наткнувшись на валун, сполз на пол рядом с ботинком. Я пытался сообразить, что же меня так напугало. Может быть, я перестарался и слишком устал. Уже давно рассвело. Я чувствовал, что ум заходит за разум и что я совершенно разбит. Но это еще не объясняло мой внезапный страх; кроме того, я по-прежнему не мог понять, чего в конце концов хочет от меня дон Хуан.

Я решил сделать последнюю попытку. Я поднялся и медленно приблизился к месту, отмеченному курткой, и вновь почувствовал невыносимое давление в области желудка. На этот раз я решил ни за что не отступать. Я уселся, потом встал на колени, чтобы лечь на живот, но никак не мог этого сделать, несмотря на отчаянные усилия. Я уперся ладонями перед собой в пол веранды. Дыхание участилось, желудок забунтовал. Меня охватила неодолимая паника, я изо всех сил боролся с желанием удрать. Тут я вспомнил, что дон Хуан, наверное, за мной наблюдает. Я медленно отполз к ботинку и прислонился спиной к валуну. Я хотел передохнуть и собраться с мыслями, но заснул.

Я услышал над собой голос и смех дона Хуана и проснулся.
– Ты нашел его, – говорил он.

Я не сразу понял, и он вновь подтвердил, что мое пятно и есть то самое место, где я заснул. Он опять спросил, как я себя на нем

чувствую. Я ответил, что вроде никакой разницы.

Он предложил мне сравнить свои нынешние ощущения с тем, что я испытывал на прежнем пятне. Впервые до меня дошло, что я, пожалуй, не смогу объяснить все свои ощущения этой ночью. Он с вызовом приказал мне сесть на прежнее пятно. Но это место по какой-то необъяснимой причине наводило на меня страх, и я решительно отказался. Он заключил, что только дурак не увидит разницы.

Я спросил, имеется ли у этих двух пятен название. Хорошее пятно, сказал он, называется «sitio», плохое – «врагом». Эти два пятна – ключ к самочувствию человека, в особенности того, кто ищет знание. Просто сидеть на своем месте значит уже создавать в себе высшую силу; и наоборот, «враг»

ослабляет человека и может даже быть причиной его смерти. Он сказал, что всю свою энергию, которую я столь щедро растратил за ночь, я восполнил только тем, что задремал на собственном месте. Еще он сказал, что разные цвета, которые я видел на разных пятнах, обладают таким же неизменным эффектом, умножая или отбирая силу.

Я спросил, нет ли еще каких-нибудь касающихся меня пятен, и как их разыскать. Он ответил, что мест, сходных с этими, в мире множество, и находить их проще всего по соответствующим цветам.

Для меня все-таки оставалось неясным, решил ли я в конце концов эту проблему и вообще – существовала ли она на самом деле. Я был уверен, что дон Хуан всю ночь за мной подсматривал, а потом решил меня подбодрить и свел все к шутке, объявив, что я, мол, уснул как раз где надо. И все же это было как-то малоубедительно, а когда он потребовал для пробы сесть на другое пятно, я ни за что не мог себя заставить. Существовало странное несоответствие между моими логическими выкладками и несомненным опытом страха перед этим другим пятном.

Дон Хуан, в свою очередь, был совершенно убежден в моем успехе и, выполняя уговор, заявил, что теперь будет учить меня тому, что знает о пейоте.

– Ты просил меня научить тебя тому, что я знаю о Мескалито, – сказал он. – Я хотел проверить, устоишь ли ты, когда встретишься с ним лицом к лицу. Мескалито – дело более чем серьезное. Тебе придется взвесить и призвать все свои силы. Теперь я вправе

засчитать одно лишь твое желание учиться в качестве достаточной причины, чтобы взять тебя в ученики.

– Ты в самом деле будешь учить меня тому, что знаешь о пейоте?

– Я зову его Мескалито, и тебе очень советую.

– Когда мы приступим?

– Угомонись. Сначала ты должен быть готов.

– А я готов!

– Шутки свои оставь при себе. Тебе придется подождать, пока у тебя не останется сомнений, и тогда ты с ним, может быть, встретишься. – Мне что, нужно подготовиться?

– Нет. Просто ждать. Ты еще очень даже можешь передумать. Ты быстро устаешь. Этой ночью ты готов был все бросить, едва лишь столкнулся с первыми трудностями. Мескалито требует твердости несравненно большей.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 2

Понедельник, 7 августа 1961

Я прибыл в дом дона Хуана в Аризоне в пятницу, часам к семи вечера. С ним на веранде сидело еще пятеро индейцев. Я поздоровался с доном Хуаном и в ожидании сел. После солидной паузы один из них встал, подошел ко мне и сказал по-испански: «Buenas noches». Я тоже встал и сказал: «Buenas noches». Потом все они по очереди повторили церемонию, пробормотав «Buenas noches» и обменявшись со мной рукопожатием, точнее, просто коснувшись пальцами моих и тотчас отдернув руку.

Мы опять уселись. Казалось, они просто стесняются, точно не знают что сказать, хотя все говорили по-испански.

Было, наверное, около половины восьмого, когда вдруг все встали и, по-прежнему не произнося ни звука, направились за дом. Дон Хуан сделал мне знак следовать за ними, и мы забрались в стоявший за домом старенький грузовик-пикап. Я сел сзади с доном Хуаном и двумя индейцами помоложе. Никаких сидений или скамеек не было, и пришлось усесться прямо на металлический пол, который оказался ужасно твердым, особенно когда машина свернула с шоссе на грунтовую дорогу. Дон Хуан сказал мне на ухо, что мы едем к одному из его друзей, у которого имеется для меня семь Мескалито.

– А у тебя самого разве нет, дон Хуан? – спросил я.

– Найдется. Да только не для тебя. Видишь ли, свести тебя с Мескалито должен кто-то другой.

– Можно узнать почему?

– Может быть, ты ему не понравишься и он тебя отвергнет, тогда ты никогда не сможешь познакомиться с ним как следует и полюбить его, и значит придет конец нашей дружбе.

– Почему это я ему не нравлюсь? Я же ему ничего такого не сделал.

– А вовсе не обязательно что-нибудь «делать», чтобы понравиться или не понравиться. Он либо принимает тебя, либо сметает прочь.

– Но если я ему, положим, не нравлюсь, так, может, я могу

сделать что-нибудь, чтобы понравиться?

Двое индейцев, наверное, услышали мой вопрос и засмеялись.

– Нет! – сказал дон Хуан, – Тогда уж никто ничего не сможет сделать.

Он отвернулся и, казалось, забыл обо мне.

Мы добирались, наверное, не меньше часа, пока остановились наконец у небольшого дома. Уже совсем стемнело, и когда водитель выключил фары, я смог разобрать лишь смутный контур постройки.

Молодая женщина – судя по акценту, мексиканка – пыталась успокоить без конца лаявшую собаку. Мы вылезли из машины и пошли к дому. Мужчины вполголоса поздоровались с мексиканкой и вошли внутрь дома, а она все пыталась криком унять собаку.

Комната была просторная, но вся забита рухлядью. Маленькая тусклая лампочка едва рассеивала полумрак. У стены стояло несколько стульев со сломанными ножками и продавленными сиденьями. Трое индейцев уселись на красный диван, продавленный почти до самого пола, старый и грязный, который однако среди прочего хлама выглядел наиболее респектабельно. Остальным достались стулья. Долгое время все сидели молча.

Вдруг один из мужчин встал и вышел в соседнюю комнату. Это был индеец лет пятидесяти, высокий и смуглый. Через минуту он вернулся с жестянкой из-под кофе. Он снял крышку и вручил банку мне. В ней было семь каких-то странных предметов, разных по форме и размеру – одни почти круглые, другие продолговатые. На ощупь они напоминали ядро ореха или поверхность пробки, на вид – темную ореховую скорлупу. Довольно долго я вертел их в руках, потирая и поглаживая.

– Это жуют, – сказал дон Хуан вполголоса. До этого я не замечал, что он сидит рядом. Я взглянул на остальных, но никто не смотрел в мою сторону, они о чем-то очень тихо переговаривались. Тут меня охватила тревога и сильный страх. Я почти потерял над собой контроль.

– Мне нужно выйти в туалет, – сказал я дону Хуану. – Я немного пройдусь.

Он протянул мне банку, и я положил бутоны пейота обратно. Я направился к двери, когда мужчина, вручивший мне банку, встал, подошел ко мне и сказал, что туалет в соседней комнате.

Дверь туалета оказалась почти напротив. Рядом, вплотную к двери,

стояла большая кровать, занимавшая едва не всю комнату. На ней спала молодая мексиканка. Я постоял у двери, а потом вернулся. Хозяин дома обратился ко мне по-английски.

– Дон Хуан говорит, что ты из Южной Америки. Водится у вас там Мескалито?

Нет, сказал я, такого я что-то не слышал.

Их вроде заинтересовала тема Южной Америки, и мы немного поговорили об индейцах. Потом один из них спросил, зачем я собираюсь есть пейот. Я ответил – хотелось бы узнать, что это такое. Они сдержанно засмеялись.

Дон Хуан мягко подтолкнул меня: «Давай жуй, жуй».

Ладони у меня вспотели, желудок светло. Банка с бутонами пейота стояла на полу возле стула. Я нагнулся, взял первый попавшийся и положил в рот. Привкус был затхлый. Я откусил половину и принялся жевать. Рот наполнился сильной вяжущей горечью и моментально онемел. По мере того, как я жевал, горечь усиливалась, вызывая невероятное обилие слюны. Ощущение в деснах и небе было такое, точно я ем солонину или воблу, от чего жевать приходилось еще усердней. Потом я сжевал вторую половину, и рот настолько онемел, что я уже не чувствовал горечи. То, что я жевал, было теперь комком волокон, вроде сахарного тростника или пережеванных долек апельсина, и я не знал, проглотить их или выплюнуть. В эту минуту хозяин встал и пригласил всех на веранду.

Мы вышли и расселись на темной веранде. Сидеть здесь было очень удобно, и хозяин принес бутылку текильи.

Мужчины сидели в ряд, прислонившись к стене. Я сидел крайним справа. Дон Хуан, сидевший рядом, поставил банку с пейотом у меня между ног. Потом он вручил мне бутылку, которую пустили по кругу, и велел отхлебнуть немного, чтобы смыть горечь.

Я выплюнул то, что осталось от первого бутона, и отхлебнул. Он приказал не глотать, а только прополоскать рот текилей, чтобы остановить слюну. Со слюной это мало помогло, но хоть убавило горечь.

Дон Хуан дал мне сушеный абрикос или смокву – в темноте я не разобрал, как, впрочем, и самого вкуса, – и велел жевать не спеша и как можно тщательней. Проглотить то, что я жевал, было заведомо невозможно – я был уверен, что оно сразу застрянет в пищеводе.

Немного погодя бутылка вновь пошла по кругу. Дон Хуан сунул мне кусок жесткого вяленого мяса. Я сказал, что не хочу есть.

– Это не еда, – веско произнес он.

Процедура повторилась шесть раз. Я помню, что сжевал уже шестой бутон, когда разговор стал очень оживленным; хотя я не мог понять, на каком языке говорят, сама тема разговора, в котором участвовали все сидевшие на веранде, была чрезвычайно интересной, и я старался не пропустить ни слова, чтобы при случае и самому что-нибудь вставить. Но когда я попытался что-то сказать, то обнаружил, что это невозможно; слова бесцельно кружились у меня в голове.

Я сидел, прислонившись к стене, и слушал, что говорят мужчины. Они говорили по-итальянски, и без конца повторялась фраза о том, до чего глупы акулы. Как-то я говорил дону Хуану, что первые попавшие в Америку испанцы называли реку Колорадо в Аризоне «El rio de los tizones (река головешек)», а потом кто-то переврал «tizones», и получилось «El rio de los tiburones (река акул)». Я был уверен, что именно эту историю обсуждают сейчас, и мне и в голову не приходило, что никто из присутствующих не знает итальянского.

У меня начались сильные позывы к рвоте, но не помню, рвало ли меня на самом деле. Я попросил кого-нибудь принести воды; меня мучила невыносимая жажда. Дон Хуан принес и поставил у стены большую кастрюлю, а с ней приспособленную из жестянки маленькую кружку. Он зачерпнул из кастрюли, протянул мне кружку и сказал, чтобы я не пил, а только прополоскал рот. Вода выглядела странно – она была сверкающей и глянцевой, как глазурь. Я хотел спросить дона Хуана, что бы это значило, и собрался с силами, чтобы выговорить свои мысли по-английски, но тут вспомнил, что он не знает английского. Я испытал настоящий шок, а затем окончательно понял, что хотя мысли совершенно ясные, говорить не получается. Я хотел рассказать об этом странном превращении с водой, но то, что последовало, не было речью; это было такое ощущение, как будто мои не поддающиеся выговариванию мысли свободно, как жидкость, выливаются изо рта. Это было как непосредственное ощущение рвоты без усилий и без спазмов диафрагмы. Это был приятный поток жидких слов.

Я выпил воды. Чувство рвоты прекратилось. К этому времени

исчезли все звуки, и я обнаружил, что мне трудно фокусировать глаза. Я хотел найти дона Хуана, и когда повернул голову, заметил, что поле зрения сократилось до круглого участка перед глазами. Ощущение не было пугающим или неприятным, – напротив, это было что-то новое: я мог буквально, так сказать, подметать землю, фокусируя глаза на узком участке и затем медленно поворачивая голову в любом направлении. Когда я вышел со всеми на веранду, уже совсем стемнело, виднелось только далекое зарево от городских огней. И все же в кругу моего зрения все было прекрасно видно. Я совершенно забыл про дона Хуана, про всех остальных, вообще зачем здесь нахожусь, и с головой ушел в обследование всего, что попадется, своим сузившимся и обострившимся зрением.

Мой взор упал на шов между полом веранды и стеной дома. Следуя взглядом за поверхностью стены, я медленно повернул голову и увидел сидевшего у стены дона Хуана. Я сдвинул голову влево, чтобы взглянуть на воду. Я увидел дно кастрюли; я медленно поднял голову и увидел приближавшегося к воде обычного черного пса. Он приблизился и начал лакать воду. Я поднял руку, чтобы его отогнать; для этого пришлось сфокусировать на нем глаза, и тут я увидел, что он прозрачный. Вода была сверкающей тягучей жидкостью. Я увидел, как она входит в тело собаки по ее горлу; я видел, как вода разливается равномерно по всему телу и затем истекает через каждый волосок. Я видел, как светящаяся жидкость движется по каждому волоску и затем изливается наружу, образуя длинную светящуюся шелковистую гриву.

В этот момент я ощутил сильные судороги, и через пару секунд вокруг меня образовался очень низкий и узкий туннель, твердый и удивительно холодный. На ощупь он был как из толстой фольги. Я обнаружил, что сижу на полу туннеля.

Я попытался встать, но ушибся головой о железный потолок, а туннель стал сжиматься, пока не начал душить меня. Я помню, что пополз к круглому отверстию, где кончался туннель: когда я добрался до выхода (если вообще добрался), то уже все забыл – собаку, дона Хуана, себя самого. Я задыхался от усталости; одежда вся была пропитана холодной липкой жидкостью. Я катался взад-вперед, пытаюсь найти положение, в котором можно отдохнуть, в котором хоть не так страшно будет колотиться сердце. При одном

из этих движений я вновь увидел собаку.

Я сразу все вспомнил, и в голове прояснилось. Я обернулся, чтобы найти дона Хуана, но не увидел никого и ничего. Видеть я мог только собаку, которая светилась все ярче. Ее тело испускало сияние. Я вновь увидел, как по нему течет вода, озаряя все изнутри, как костер. Я добрался до воды, погрузил лицо в кастрюлю ипил вместе с собакой. Руками я упирался в землю перед собой, и когда япил, я видел, как жидкость течет по моим венам, переливаясь красным, желтым и зеленым. Япил без конца. Япил, пока не начал полыхать; я весь горел и светился. Япил, пока жидкость не начала изливаться из моего тела через каждую пору и через каждый волосок, подобно шелковым волокнам, так что теперь и у меня был большой светящийся радужный ореол. Я взглянул на собаку – у нее был такой же. Все мое тело наполнилось высшей радостью, и мы вдвоем побежали в направлении какого-то желтого тепла, исходявшего из какого-то непонятного источника. И там мы стали играть. Мы играли и боролись, пока я не узнал все его желания, а он все мои. Мы по очереди манипулировали друг другом, как в кукольном театре. Я двигал его ногами, вращая носками своих, и каждый раз, когда он кивал головой, мне неудержимо хотелось скакать от счастья. Но самый коронный номер был у него, когда он заставлял меня сидя чесать ногой голову, – делал он это, мотнув головой и хлопая ушами. Это был просто верх совершенства, это было что-то невыносимо забавное. Такой штрих грации и иронии, думал я, такое мастерство. Меня охватила неопишуемая эйфория. Я смеялся до тех пор, пока из легких не ушел весь воздух.

У меня было ясное ощущение, что я не могу открыть глаза. Я глядел сквозь толщу воды. Это было длительное, очень болезненное и тревожное состояние, будто уже проснулся, но никак не можешь пробудиться окончательно. Затем постепенно мир приобрел ясность и вошел в фокус. Поле зрения вновь стало круглым и широким, и первым пришло обычное сознательное действие – оглянуться и отыскать это чудесное существо. И здесь я испытал самую трудную фазу. Переход от моего нормального состояния прошел почти незаметно: я оставался в сознании, чувства и мысли были его результатом и критерием, и сам переход был гладким и ясным. Но эта вторая фаза – пробуждение к привычному трезвому сознанию – была поистине потрясающей. Я

забыл, что я человек! От безнадежности меня охватила такая печаль, что я заплакал.

Суббота, 5 августа 1961

Позже утром, после завтрака, хозяин дома, дон Хуан и я поехали обратно. Хотя я валился с ног от усталости, но в машине уснуть не мог. Я уснул на веранде у дон Хуана только когда отъехал пикап. Когда я проснулся, было темно; дон Хуан накрыл меня одеялом. В доме его не было. Он пришел позже и принес горшок тушеных бобов и стопку лепешек. Я невероятно проголодался. После ужина, когда мы легли отдыхать, он велел рассказать все, что со мной было минувшей ночью. Я пересказал, что помнил, со всеми подробностями и как можно тщательней. Когда я закончил, он кивнул и сказал:

– Ну что ж, похоже, все в порядке. Сейчас мне это трудно объяснить. Но я думаю, у тебя все обошлось благополучно. Понимаешь, подчас он игрив как ребенок, а бывает попросту ужасен, устрашающ. Он либо резвится, либо предельно серьезен. Невозможно предугадать, каким он будет с тем или иным человеком, – хотя, впрочем, иногда, если хорошо знаешь этого человека, предсказать можно. Этой ночью ты с ним играл. Из всех, кого я знаю, ты единственный, у кого получилась такая встреча.

– Чем же то, что я испытал, отличается от того, что испытали другие?

– Ты не индеец, поэтому мне трудно тебе растолковать, что к чему: но я знаю точно, что если он не принимает человека, то его отвергает, будь то индеец или кто угодно. Это мне известно. Таких я видел множество. Мне известно также, что он шутник и многих заставляет смеяться, но чтобы он с кем-нибудь играл – такого я еще не видел.

– Не скажешь ли ты мне теперь, каким образом пейот защищает... Он тут же толкнул меня в плечо:

– Я тебе что говорил – не смей его так называть. Ты ещё недостаточно с ним знаком, чтобы быть запанибрата.

– ... каким образом Мескалито защищает людей?

– Он советует. Он отвечает на любой вопрос.

– Значит, Мескалито реален? Я имею в виду – он что-то такое, что можно видеть?

Похоже было, мой вопрос его просто ошарашил. Он растерянно посмотрел на меня, в его взгляде было искреннее недоумение.

– Я хочу сказать, что Мескалито...

– Я слышал. Разве ты не видел его прошлой ночью?

Я хотел сказать, что видел только собаку, но меня остановил его озадаченный взгляд.

– Так ты думаешь, что то, что я видел прошлой ночью, это и был он?

В его взгляде отразилось участие, потом он усмехнулся, точно не мог поверить, и очень проникновенным тоном сказал.

– Не хочешь же ты сказать, что это была... твоя мать?

Перед словом «мать» он сделал паузу, как будто хотел сказать «*tu chingada madre*» – идиома, которая содержит оскорбительный для собеседника намек. Слово «мать» было настолько неожиданным, что оба мы долго смеялись. Затем я обнаружил, что он уже спит и ничего не слышит.

Воскресенье, 6 августа 1961

Я поехал с доном Хуаном в тот дом, где принимал пейот. По дороге он сказал мне, что человека, который «представил меня Мескалито», зовут Джон. Подъехав к дому, мы увидели Джона на веранде с двумя молодыми людьми. Все они были в прекрасном настроении. Они смеялись и непринужденно болтали. Все трое хорошо говорили по-английски. Я сказал Джону, что приехал поблагодарить за оказанную помощь.

Мне хотелось узнать от них, что я делал во время галлюциногенного опыта, и я сказал, что как ни пытаюсь вспомнить, что вытворял, ничего не получается. Они смеялись и отвечать отказывались. Похоже, их сдерживало присутствие дона Хуана: они все поглядывали на него, как бы ожидая сигнала, разрешающего говорить. Видимо, дон Хуан дал такой сигнал, хотя я ничего не заметил, и Джон начал рассказывать.

Я понял, что ты «готов», сказал он, когда услышал, как ты пукнул. По словам Джона, пухнул я раз тридцать. Да нет, заметил дон Хуан, не больше десяти.

Джон продолжал:

– Ну, мы все тогда к тебе подвинулись. Ты застыл, и у тебя начались конвульсии. Очень долго ты лежал на спине и двигал ртом, как будто говоришь. Затем начал биться головой об пол, тогда дон Хуан напялил на тебя старую шляпу, и ты это прекратил. Ты трясся и вздрагивал, лежа на полу, и так очень долго. Помню, все уже заснуло, я только слышал сквозь сон, как ты пыхтишь и

стонешь. Потом ты заорал, и я проснулся. Вижу – ты орешь и подпрыгиваешь. Ты бросился к воде, перевернул посудину и стал барахтаться в луже. Дон Хуан принес тебе еще воды. Ты сидел спокойно перед кастрюлей, когда вдруг вскочил и стащил с себя всю одежду, встал перед кастрюлей на четвереньки и начал пить как не в себя. Потом уселся и просто сидел, уставясь в пространство. Похоже было, что ты собрался так сидеть до самой смерти. Ну, мы все опять заснули, и дон Хуан тоже, когда ты опять вскочил, завыл и погнался за собакой. Собака перепугалась, тоже завyla и рванула вокруг дома. Тут уж всем стало не до сна. Мы вскочили, видим – ты возвращаешься с другой стороны дома, собака мчится перед тобой, лает и воеет, а ты за ней гонишься. Ты, я думаю, раз двадцать обежал вокруг дома, лая по-собачьи. Я боялся, ты разбудишь всю округу.

Вблизи здесь соседей нет, но твой вой можно было услышать за мили отсюда.

Один из молодых людей вставил:

– Ты поймал собаку и на руках притащил ее на веранду.

– Ага, и начал с ней играть. Ты с ней боролся, вы скакали и кусались. Да уж, было на что посмотреть. Моя собака вообще-то не очень игривая, но тогда вы просто катались и ездили друг на друге как ненормальные.

– Потом вы побежали к кастрюле и принялись лакать, – сказал молодой человек. – Ты вообще бежал с собакой к воде раз пять или шесть.

– Сколько это продолжалось? – спросил я.

– Без конца, – сказал Джон. – Один раз мы потеряли вас из виду. Наверное, вы побежали за дом. Слышно было только, как вы там лаете и рычите. Лаял ты до того похоже на собаку, что вас невозможно было различить.

– Может, это была одна собака? – сказал я.

Они засмеялись, и Джон сказал: – Да нет, парень, ты лаял, и еще как.

– А потом что было?

Все трое посмотрели друг на друга как бы в замешательстве.

Наконец ответил, глядя на Джона, молодой человек, который до этого все время молчал:

– Он поперхнулся.

– Ага, точно, ты вроде задохнулся и начал очень странно плакать, а

потом упал на пол. Мы боялись, что ты откусишь себе язык; дон Хуан разжал тебе челюсти и плеснул в лицо воды. Тогда ты начал дрожать, и по всему телу у тебя опять пошли конвульсии. Потом ты затих. Дон Хуан сказал, что все закончилось. Было уже утро. Мы укрыли тебя одеялом и оставили спать на веранде.

Тут он взглянул на остальных, которые, видно было, удерживаются от смеха. Он повернулся к дону Хуану и что-то спросил. Дон Хуан усмехнулся и что-то ответил. Джон повернулся ко мне и сказал:

– На веранде мы тебя оставили потому, что боялись, как бы ты мне весь дом не обписал.

Все разразились хохотом.

– Что такое? – сказал я. – Неужели я...

– «Неужели ты»? – передразнил Джон. – Мы не хотели тебе говорить, но дон Хуан сказал, что можно. Ты обписал мою собаку с ног до головы!

– Что-что?

– Ну ты же не думаешь, что собака удирала от тебя потому, что тебя боялась? Собака удирала потому, что ты ее поливал.

Все покатались со смеху. Я попытался задать вопрос одному из молодых людей, но за общим хохотом ничего не было слышно.

Джон продолжал:

– Ну, мой пес в долгу не остался. Он тебя тоже обписал как мог. Тут уж все просто завыли от смеха, засмеялся и дон Хуан. Когда они как-то успокоились, я растерянно спросил:

– Что, неужели это правда? Все это в самом деле было?

Джон ответил, все еще посмеиваясь:

– Клянусь: моя собака в самом деле на тебя мочилась.

На обратном пути я спросил дон Хуана:

– Неужели все, что они рассказывали, правда?

– Правда, – ответил дон Хуан. – Только они не видели того, что видел ты. Они не понимают, что ты играл с ним. Поэтому я не вмешивался.

– Но неужели весь этот спектакль со мной и собакой и как мы мочились друг на друга – правда?

– Это была не собака! Сколько тебе повторять? Только так можно понять то, что с тобой было. Только так! С тобой играл именно он.

– А ты знал о том, что со мной было, до того, как я тебе рассказал? Он на секунду задумался.

– Нет, просто я вспомнил после твоего рассказа, какой у тебя был странный вид. По тому, что ты не был испуган, я понял, что с тобой все в порядке.

– И что, все это в самом деле выглядело так, как они рассказывали, – что я играл с собакой и все такое?

– Проклятье! Это была не собака!

Четверг, 17 августа 1961

Я сказал дону Хуану, что я думаю по поводу моего опыта. По сравнению с тем, как я себе рисовал обучение, событие было катастрофическим. Я сказал, что с меня хватит одной встречи. Я признал, что все это, конечно, более чем интересно, но вновь искать подобных встреч я не намерен. Для меня совершенно ясно, что такие истории не по мне. Одним из побочных следствий употребления пейота было странное недомогание – какой-то непонятный страх, какая-то тревога или меланхолия, не поддающаяся точному определению. И я в этом не находил ничего замечательного.

Дон Хуан рассмеялся и сказал:

– Ну вот, ты начинаешь учиться.

– Хорошенькое обучение! Пусть себе учится кто-нибудь другой.

– Любишь ты преувеличивать.

– Да ничего я не преувеличиваю!

– А то как же. Плохо только, что преувеличиваешь ты одно плохое.

– Для меня, я так понимаю, здесь вообще нет ничего хорошего.

Мне страшно, а остальное меня не интересует.

– Ну и что, что тебе страшно. Когда тебе страшно, ты видишь все по-новому.

– А мне это безразлично. Оставлю-ка я лучше Мескалито в покое.

Он меня просто подавляет, что уж тут хорошего.

– Хорошего, положим, в самом деле мало, для меня в том числе.

Не ты один сбит с толку.

– Ты-то здесь при чем?

– Я думал о том, что ты видел прошлой ночью. Без сомнения, Мескалито играл с тобой, вот в чем штука. Это был явный знак.

– Что еще за знак, дон Хуан?

– Мескалито указывал мне на тебя.

– Указывал что?

– Поначалу мне было неясно, а теперь я, кажется, понимаю. Он сказал, что ты «избранный» (escogido). Мескалито указал мне на

тебя и дал знать, что ты избранный.

– Я что, избран для какой-то цели, или как это понимать?

– Это нужно так понимать, что Мескалито сказал мне, что ты можешь оказаться тем человеком, которого я ищу.

– Когда же он тебе это сказал, дон Хуан?

– Он сказал мне это тем, что играл с тобой. Это и значит, что ты избранный; ты избран для меня.

– А что это значит – быть избранным?

– Я знаю некоторые тайны (*tengo secretos*). Среди них есть такие, которые я могу открыть только избранному. И вот я вижу, как ты играешь с Мескалито: той самой ночью мне стало ясно, что ты и есть такой человек. Но при этом ты не индеец. Вот история!

– Ну а для меня – что это значит, дон Хуан! Что мне надо делать?

– Я принял решение и буду учить тебя тем тайным вещам, которые составляют судьбу человека знания.

– Ты имеешь в виду тайны, связанные с Мескалитом?

– Да. Но это еще не все, что я знаю. Есть тайны иного рода, которые мне нужно кому-нибудь передать. У меня у самого был учитель, бенефактор, и я также после определенных испытаний стал его избранным учеником. Всему, что я знаю, я научился от него.

Я опять спросил, что же потребуется от меня в этой роли: он сказал, что потребуется только одно – учиться, учиться в том смысле, который мне начал открываться с недавнего времени. Дело, таким образом, поворачивалось неожиданной стороной. Только я собрался известить дону Хуана о своем решении оставить затею с пейотом, как он сам предложил мне у него по-настоящему учиться – учиться его знанию. Я не вполне понимал, что он имеет в виду, но ясно было, что нечто достаточно серьезное.

Я принялся отпираться, ссылаясь на то, что к этому совершенно не готов – понятно ведь, что для такой задачи потребуется редкое мужество, которого у меня нет и в помине. Я говорил ему, что в таких делах предпочитаю уступать другим и просто наблюдать со стороны. Я хотел бы просто выслушивать его оценки и высказывания по разному поводу. Я сказал – как я был бы счастлив просто сидеть здесь и без конца его слушать. Вот это обучение, я понимаю.

Он терпеливо ждал, когда я закончу. Когда я наконец выдохся, он сказал:

– Ну, все понятно. Страх – первый неизбежный враг, которого человек должен победить на пути к знанию. А ты, помимо прочего, любопытен. Это и значит, что ты будешь учиться вопреки себе самому; таков закон.

Я еще немного потрепыхался, пытаюсь его разубедить, но он, похоже, и не представлял себе иного для меня выхода.

– Ты думаешь не о том и вообще не так, как следует, – сказал он. – Мескалито в самом деле играл с тобой. Вот об этом бы тебе следовало подумать, а не цепляться за свой страх.

– Неужели это было так необычно?

– Сколько я себя помню, я видел лишь одного человека с которым Мескалито играл, – это тебя. Понятно, что такая жизнь для тебя полнейшая неожиданность; потому от тебя и ускользают совершенно ясные знаки. Ты в общем человек серьезный, только твоя серьезность направлена на то, что тебя занимает, а не на то, что стоит внимания. Ты слишком занят собой. В этом вся беда.

Отсюда твоя ужасная усталость.

– А как же должно быть иначе, дон Хуан?

– Нужно искать и видеть чудеса, которых полно вокруг тебя. Ты умрешь от усталости, не интересуясь ничем, кроме себя самого; от этой-то усталости ты глух и слеп ко всему остальному.

– Это, пожалуй, точно, дон Хуан. Но как мне перемениться?

– Подумай хотя бы о том, какое это чудо – Мескалито играл с тобой. О чем тут еще думать? Остальное само придет.

Воскресенье, 20 августа 1961

Вчера вечером дон Хуан приступил к моему обучению. Мы сидели в темноте на веранде. Он сказал, что собирается дать мне некое наставление – в том же виде, в котором сам его получил от своего бенефактора в первый день ученичества. Дон Хуан, видимо, запомнил формулу наизусть, поскольку повторил ее несколько раз для полной уверенности, что я не пропущу ни слова.

– Человек идет к знанию так же, как он идет на войну – полностью пробужденный, полный страха, благоговения и безусловной решимости. Любое отступление от этого правила – роковая ошибка, и тот, кто ее совершает, непременно доживет до того дня, когда горько пожалеет об этом.

На мой вопрос, почему так, он ответил, что только выполняющий эти условия застрахован от ошибок, за которые придется платить; лишь при этих условиях он не будет действовать наобум. Если

такой человек и терпит поражение, то он проигрывает только битву, а об этом не стоит слишком сожалеть.

Затем он сказал, что будет давать мне знание о «союзнике» в точности так же, как его самого учил бенефактор. Слова «в точности так же» он особенно подчеркнул, повторив их несколько раз.

Союзник, сказал он, это сила, которую человек может ввести в свою жизнь как советника, как источник помощи и сил, необходимых для совершения разных поступков – больших или малых, правильных или неправильных. Союзник необходим, чтобы улучшить и укрепить жизнь человека, чтобы направлять его действия и пополнять его знания. Союзник, в сущности, – неоценимая помощь в познании. Все это дон Хуан сказал с силой абсолютной убежденности. Видно было, что он тщательно взвешивает слова. Следующую фразу он повторил четырежды:

– С помощью союзника ты увидишь и поймешь такие вещи, о которых вряд ли еще от кого-нибудь узнаешь.

– Союзник – это что-то вроде сторожевого духа?

– Нет, это не сторож и не дух. Это помощь.

– Твой союзник – Мескалито?

– Нет. Мескалито – совсем иная сила. Несравненная сила! Он – защитник. Он – учитель.

– Чем же он отличается от союзника?

– Союзника можно приручить и использовать. Мескалито – нет.

Он вне кого угодно и ни от кого не зависит. Он по собственному желанию являет себя в каком захочет виде тому, кто предстал пред ним, будь это кто угодно – брехо или обыкновенный пастух.

Дон Хуан с большим пылом заговорил о Мескалито как о наставнике, учителе того, как следует жить. Я спросил, каким же образом учит Мескалито «как следует жить», и дон Хуан ответил – он *показывает* как жить.

– Как показывает?

– Способов множество. Он может показать это у себя на ладони, или на скалах, или на деревьях, или просто прямо перед тобой.

– Это что – картина перед тобой?

– Нет. Это учение перед тобой.

– Он что-то говорит?

– Говорит. Но не словами.

– А как же тогда?

– Каждому по-разному.

Я почувствовал, что мои расспросы опять его раздражают, и больше не прерывал. Он вновь принялся разъяснять, что для познания Мескалито не существует общеобязательных предписаний: учить знанию о Мескалито не может никто, кроме него самого. Потому он особая сила; для каждого он неповторим. Напротив, чтобы заполучить союзника, в обучении требуется строжайшая последовательность, не допускающая ни малейших отклонений. В мире много таких союзных сил, сказал дон Хуан, но сам он знаком лишь с двумя из них. Именно с ними и с их тайнами он намеревался меня познакомить; однако выбирать между союзниками придется мне самому, поскольку я могу иметь лишь одного. У его бенефактора союзником была «трава дьявола» (la yerba del diablo). Но самому дону Хуану она пришлась не очень по душе, хотя он и узнал от бенефактора все ее тайны. Мой личный союзник – «дымок» (humito), сказал дон Хуан, но в дальнейшие детали не вдавался.

Я все же спросил его, что это такое. Он не ответил. После долгой паузы я спросил:

– Какого рода сила союзника?

– Я уже говорил – это помощь.

– В чем она состоит?

– Союзник – это сила, которая способна увести человека за его границы. Именно таким образом союзник открывает то, что никому не известно.

– Но и Мескалито тоже уводит тебя за твои границы. Разве это не делает его союзником?

– Нет. Мескалито уводит тебя за твои границы для того, чтобы учить: союзник – для того, чтобы дать тебе силу.

Я попросил остановиться на этом более детально или хотя бы растолковать разницу в их действии. Он только посмотрел на меня, потом расхохотался и сказал, что обучение посредством разговоров не только пустая трата времени, но и редкая глупость, потому что обучение – труднейшая из всех задач, с которыми человек может столкнуться. Он спросил, помню ли я, как пытался найти свое пятно, желая при этом обойтись без всяких усилий и втайне рассчитывая, что он подаст мне на тарелочке всю информацию. Если бы я так поступил, сказал он, ты бы никогда ничему не научился. Напротив, именно узнав на своей шкуре, как

трудно найти пятно, а самое главное – убедившись, что оно в самом деле существует, я получил такое чувство уверенности, какое невозможно получить никаким иным образом. Он сказал, что пока я сижу, прикипев к своему «благоприятному пятну», никакая сила в мире не способна нанести мне вред именно по причине моей уверенности, что на этом месте это невозможно. На этом месте я могу отразить нападение любого врага. Если же, допустим, он открыл бы мне, где находится это место, я никогда бы не имел той уверенности, которая является единственным критерием моего знания как подлинного. Это и значит: знание – сила.

Затем дон Хуан сказал, что любому, кто приступает к учению, приходится выкладываться совершенно так же, как выкладывался я в поисках своего «пятна», и что границы обучения определяются самой природой ученика. Именно поэтому разговоры на предмет обучения лишены всякого смысла. Некоторые виды знания попросту не по моим силам и способны меня уничтожить. Он поднялся, явно давая знать, что тема исчерпана, и направился к двери. Я сказал, что все это просто пугающе и совсем не то, что я себе представлял.

В ответ он сказал, что страхи – дело обычное; все мы им подвержены, и тут ничего не поделаешь. Однако каким бы устрашающим ни было учение, еще страшней представить себе человека, у которого нет союзника и нет знания.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 3

Прошло два года с тех пор, как дон Хуан принялся обучать меня насчет союзных сил, пока наконец однажды, видимо, решил, что я созрел к их освоению в той практической форме непосредственной вовлеченности, которую он единственную признавал как настоящее обучение. За два года он подвел меня к неизбежному результату всех бесед и к завершающей интеграции всего учения – к состояниям необычной реальности. Вначале он говорил о союзных силах очень редко и лишь при случае. В моих записях первые упоминания о них разбросаны среди бесед на другие темы.

Среда, 23 августа 1961

– «Трава дьявола» была союзником моего бенефактора. Я мог бы и себе выбрать ее в союзники, но мне она не понравилась.

– Почему же она тебе не понравилась?

– Есть у нее один серьезный недостаток.

– Она что, уступает другим союзникам?

– Не передергивай. Она могущественна не менее, чем самые могущественные союзники, но в ней есть нечто, что лично мне не по душе.

– Что именно, можно узнать?

– Она ослепляет людей. Она дает человеку вкус к силе слишком рано, не укрепив его сердце, и делает его одержимым. Благодаря ей он уязвим в самом центре полученной от нее невероятной силы.

– А можно этого как-нибудь избежать?

– Можно преодолеть, избежать нельзя. Всякий, кто берет ее себе в союзники, должен заплатить эту цену.

– Как же это преодолеть, дон Хуан?

– У «травы дьявола» четыре головы: корень, стебель с листьями, цветы и семена. Каждая голова особенная, и именно в этом порядке должен узнавать ее каждый, чьим союзником она становится. Самая важная голова – это корни.

Через корни покоряется сила «травы дьявола». Стебель и листья – это голова, которая лечит болезни; если знать, как ею пользоваться, это будет просто подарок человечеству. Третья

голова – цветы; с ее помощью можно сводить людей с ума, или делать их рабами, или убивать их. Тот, у кого в союзниках «травя дьявола», сам никогда не пользуется ее цветами; по этой же причине он не употребляет стебель и листья, разве что в тех случаях, когда сам чем-нибудь болен: но вот корни и семена идут в дело всегда, семена особенно: они – ее четвертая голова и самая могущественная.

Мой бенефактор говорил, что семена – это «трезвая голова», единственная часть, которая укрепляет человеческое сердце. Тот, кому покровительствует «травя дьявола», говорил он, должен быть с нею постоянно начеку, иначе она убьет его прежде, чем он доберется до секретов «трезвой головы», что ей обычно и удастся.

Существуют, впрочем, рассказы о таких, которые вывели у «трезвой головы» все ее тайны. Достойный вызов человеку знания!

– Твой бенефактор разгадал эти тайны?

– Нет.

– А ты сам кого-нибудь встречал, у кого это получалось?

– Нет. Но такие люди были в те времена, когда ценилось такое знание.

– Может, ты знаешь тех, кто встречал таких людей?

– Нет, не знаю.

– Может, твой бенефактор знал из них кого-нибудь?

– Да, бенефактор знал.

– Почему же сам он не добрался до секретов «трезвой головы»?

– Приручить «травя дьявола» и сделать своим союзником – задача из труднейших. Со мной, например, она никогда не становилась одним целым, – возможно, потому, что я никогда не был особым ее поклонником.

– И все же, хотя она тебе не нравится, ты до сих пор можешь использовать ее как союзника?

– Могу. Но лучше этого не делать. Возможно, у тебя будет иначе.

– Почему ее так называют?

Дон Хуан сделал неопределенный жест и пожал плечами; потом сказал, что это ее временное имя (*su nombre de leche*). Есть и другие, но они под запретом, потому что в данном случае произнести имя – значит идти на серьезный риск, особенно если речь идет ни много ни мало о приручении союзника. Я спросил, почему произнесение имени – дело столь серьезное. Он сказал, что имена хранятся в тайне, на тот крайний случай, когда придется

призывать помощь, в минуты крайнего потрясения или жестокой нужды, и кстати заверил меня, что рано или поздно такое случается в жизни каждого, кто ищет знание.

Воскресенье, 3 сентября 1961

Сегодня во второй половине дня дон Хуан принес домой два свежевыкопанных растения *datura*.

Началось все с того, что он неожиданно перевел разговор на «траву дьявола» и заявил, что мы отправляемся в горы на ее поиски.

Мы поехали в ближние горы. Там я достал из багажника лопату и отправился за доном Хуаном в один из каньонов. Довольно долго мы пробирались сквозь кустарник, густо разросшийся на мягком песчаном грунте. Дон Хуан остановился у небольшого растения с темно-зелеными листьями и цветами в виде больших белесоватых колокольчиков.

– Вот, – сказал дон Хуан.

Он сразу же принялся копать. Я хотел помочь, но он яростно мотнул головой, чтобы я не мешал, и продолжал окапывать растение по кругу, так что получилась яма в виде конуса, отвесная по внешнему краю и горкой поднимающаяся к центру. Выкопав яму, он опустился перед стеблем на колени и пальцами обмел у комля мягкую землю, обнажив примерно четыре дюйма большого раздвоенного корневого клубня, по сравнению с которым стебель был значительно тоньше.

Дон Хуан взглянул на меня и сказал, что растение – мужская особь, так как корень раздваивается как раз в том месте, где соединяется со стеблем. Затем он поднялся и пошел что-то искать.

– Что ты ищешь, дон Хуан?

– Нужно найти палку.

Я начал осматриваться, но он меня остановил.

– Не ты! Ты садись вон там, – он указал на груды камней футов в двадцати отсюда. – Я сам найду.

Вскоре он вернулся с длинной сухой веткой и, пользуясь ею как палкой, осторожно расчистил землю вокруг раздвоенного корня, обнажив его на глубину примерно двух футов. По мере того, как он копал, почва становилась все плотнее так что под конец уже не поддавалась.

Он сел передохнуть. Я подошел к нему. Мы долго молчали.

– Почему ты не выкопаешь лопатой? – спросил я.

– Лопатой можно поранить растение. Пришлось поискать здесь палку, чтобы в случае, если я ударю корень, вред не был бы таким, как от лопаты или вообще чужого предмета.

– А что это за палка?

– Годится любая сухая ветка дерева палOVERD (paloverde). Если не найдется сухой, придется срезать свежую.

– Другие деревья не подходят?

– Я ясно сказал – только палOVERD и никакое другое.

– Почему, дон Хуан?

– Потому что у «травы дьявола» очень мало друзей, и в этой местности палOVERD – единственное дерево, которое с ней в согласии. Если она с кем и уживается, так это разве с ним одним. Случись тебе поранить корень лопатой – и «трава дьявола» для тебя не вырастет, сколько ее ни сажай, но если ты ударишь корень такой палкой, то вполне возможно, что растение ничего не заметит.

– А что теперь с корнем?

– Его нужно срезать. И делать я это буду без тебя. Ступай разыщи другое растение и жди, когда я тебя позову.

– Моя помощь не требуется?

– Помогать будешь, когда я велю.

Я отошел и стал высматривать другое такое растение, борясь с искушением тихонько вернуться и подсмотреть. Немного погодя он пришел ко мне.

– Теперь поищем даму, – сказал он.

– Как ты их различаешь?

– Женская особь выше и больше выдается над землей, так что похожа на небольшое деревцо. Мужская шире, разрастается у самой земли и напоминает куст с густой листвой. Когда мы выкопаем даму, ты увидишь, что у нее корневище раздваивается довольно далеко от стебля – в отличие от мужской особи, где вилка начинается сразу.

Мы довольно долго искали, пока он наконец сказал:

– Вот она.

Затем он повторил всю процедуру выкапывания, и когда очистил корень, я убедился, что все так и есть. Пока он резал корень, пришлось снова куда-нибудь отойти.

Когда мы вернулись домой, он развязал узел и достал то, что выкопал. Сначала он взял растение более крупное – мужское – и обмыл его в железном лотке. С крайней осторожностью он

очистил от грязи корень, стебель и листья, а потом отделил корень от стебля, разломив их там, где они соединялись, по круговому надрезу, сделанному ножом с зубчатым лезвием. Он взял стебель и разложил на отдельные кучки все его части – листья, цветы и усеянные шипами семенные коробочки. Все, что было засохшим или испорченным червями, он отбрасывал. Связав двумя бечевками две ветви корня в одну, он сломал их пополам, сделав сперва такой же надрез в месте соединения, и получилось два куска корня одинаковой длины.

Потом он взял кусок дерюги и положил на него сначала два связанных вместе куска корня, сверху – аккуратно сложенные листья, потом цветы, потом семена, потом стебель. Он сложил дерюгу и концы связал узлом.

Ту же процедуру он повторил со вторым растением, женским, только на этот раз, когда черед дошел до корня, он не разломил его пополам, а оставил целой вилку, напоминавшую перевернутую букву игрек. Потом он сложил все части в другой кусок дерюги. Когда он закончил, было уже темно.

Среда, 6 сентября 1961

Сегодня к вечеру мы вернулись к теме «травы дьявола».

– Я думаю, пора нам за нее взяться, – вдруг сказал дон Хуан.

После вежливой паузы я спросил:

– Что ты намерен с ней делать?

– Растения, которые я выкопал и срезал, – мои, – сказал он, – Это все равно как если бы они были мной; вот с их-то помощью я и буду учить тебя, как приручить «траву дьявола».

– Ну и как же это будет?

– Ее делят на порции; каждая порция различна; у каждой свое особое действие, поэтому каждая требует особого подхода.

Раскрытой левой ладонью он отмерил на полу расстояние между большим пальцем и безымянным.

– Это моя порция. Твоя порция – то, что ты отмеришь собственной рукой. Теперь, приступая к завоеванию травы, ты должен начать с первой порции корня. Однако поскольку к траве привел тебя я, первая порция будет от *моего* растения. Отмерена она для тебя мной, поэтому порцию ты будешь вначале принимать именно мою. Он вошел внутрь дома, принес один из свертков, сел и его развязал. Я заметил, что это мужская особь. Еще я заметил, что там только один кусок корня вместо тех двух, которые были вначале.

Он взял его и поднес его к моим глазам.

– Вот твоя первая порция, – сказал он. – Я – даю – ее – тебе. Я для тебя ее отрезал: я отмерил ее как мою собственную; теперь даю ее тебе.

У меня мелькнула была мысль, что вот сейчас придется грызть этот кусок корня как морковку, но он упаковал его в белый хлопчатобумажный мешочек.

Он пошел на задний двор, там сел по-турецки и круглым камнем принялся толочь корень в мешочке. Вместо ступки был приспособлен плоский камень. Время от времени он мыл оба камня, а воду собирал в небольшую деревянную миску.

Размалывая корень, он непрестанно что-то напевал, тихо и монотонно. Когда корень в мешочке был истолчен в однородную массу, он положил мешочек в миску с водой, туда же положил каменные ступку и пестик, долил воды и отнес к забору, где оставил в деревянном корыте.

Он сказал, что корень должен мокнуть всю ночь, оставаясь снаружи, чтобы напитаться воздухом ночи (el sereno).

– Если завтра будет ясный солнечный день, – сказал он, – это будет превосходный знак.

Воскресенье, 10 сентября 1961

Четверг 7 сентября выдался очень ясным и солнечным. Дон Хуан был очень доволен хорошим знаком; несколько раз он повторил, что «траве дьявола» я, видно, понравился. Корень мок всю ночь, и около десяти утра мы пошли на задний двор. Он взял миску из корыта, поставил ее на землю и сел перед ней. Взявшись за мешочек, он потер его о дно миски, потом вытащил из воды, отжал все содержимое и вновь сунул в воду. Процедура повторилась еще трижды. Затем он в последний раз тщательно отжал мешочек, потряхнул его и оставил миску в корыте на солнцепеке.

Мы вернулись через два часа. Он принес с собой кухонный чайник с кипятком желтоватого цвета. Осторожно наклонив миску, он слил верхнюю воду с оставшегося на дне густого осадка, залил его кипятком и вновь выставил на солнце.

Эта процедура повторилась тоже трижды, с интервалами больше часа. Наконец он слил всю воду и поставил миску под таким углом, чтобы дно освещалось вечерним солнцем.

Когда через несколько часов мы вернулись, уже стемнело. На дне миски был слой клейкой субстанции, напоминавшей

недоваренный крахмал, белесый или светло-серый. Ее набралось бы с чайную ложку. Я выбрал крупницы земли, которые ветер набросал на осадок. Он засмеялся:

– Земля здесь не может повредить.

Когда вода закипела, он налил около стакана в миску. Это была та же вода с желтоватым оттенком. Из осадка образовался похожий на молоко раствор.

– Что это за вода, дон Хуан?

– Отвар плодов и цветов из каньона.

Он вылил то, что было в миске, в старую глиняную чашку, похожую на цветочный горшок. Питье было еще очень горячим, поэтому он сперва на него подул и попробовал на вкус, а затем протянул мне:

– Теперь пей.

Я механически взял чашку и залпом выпил. На вкус питье слегка отдавало горечью. Примечательным был запах: пахло тараканами. Почти сразу я начал потеть. По телу разлился жар, кровь прилила к ушам. Перед глазами появилось красное пятно, и мышцы живота стали судорожно сокращаться. Немного погодя, хотя я уже совсем не чувствовал боли, стало холодно, и я буквально обливался потом. Дон Хуан спросил, нет ли у меня перед глазами черноты или черных пятен. Я ответил, что вижу все красным.

Я стучал зубами от приступов накатывавшей волнами неконтролируемой нервной дрожи, исходившей откуда-то из центра груди.

Потом он спросил, не страшно ли мне. Его вопросы показались мне бессмысленными. Я сказал, что конечно страшно. Но он опять спросил, боюсь ли я «травы дьявола». Я не понял, о чем он говорит, и ответил «да». Он засмеялся и сказал, что ничего я не боюсь. Он спросил, все ли еще я вижу красное. Я только и видел стоявшее перед глазами громадное красное пятно.

Немного погодя мне стало лучше. Нервные судороги постепенно прошли, оставив лишь чувство приятной разбитости и невероятную сонливость. Глаза слипались, хотя издалека все еще доносился голос дона Хуана. Я заснул, но всю ночь чувствовал себя погруженным в глубокий красный цвет. Даже сны были красные.

Проснулся я в субботу около трех пополудни. Я проспал почти двое суток. Все было как при обычном пробуждении, если не

считать того, что слегка болела голова, был расстроен желудок и я чувствовал острые мигрирующие боли в кишечнике. Дон Хуан дремал на веранде, и я его разбудил. Он мне улыбнулся.

– Все в порядке, – сказал он. – Единственное, что имеет значение, это то, что ты видел все в красном.

– А если бы не в красном?

– Тогда ты бы видел черное, а это плохой знак.

– Почему плохой?

– Когда человек видит черное, это значит, что он не создан для «травы дьявола». Его будет рвать зеленым и черным, пока не вывернет наизнанку.

– Он умрет?

– Не обязательно, но болеть будет долго.

– А что с теми, кто видит красное?

– Их не рвет, и корень дает им ощущение удовольствия, а это означает, что они сильны и вообще их натура склонна к насилию – как раз то, что любит «трава дьявола». Именно этим она соблазняет и увлекает. Плохо только то, что под конец, в обмен на силу, которую она дает, они становятся ее рабами. Но это уже не в нашей власти. Человек живет только затем, чтобы учиться, а уж учится ли он хорошему или плохому – зависит лишь от природы его судьбы.

– А теперь что я должен делать, дон Хуан?

– Ты должен посадить саженец (brote) из второй половины первой порции корня. Половину ты принял в прошлый раз, и теперь вторую нужно посадить в землю, чтобы она выросла и созрела прежде, чем ты всерьез возьмешься приручать «траву дьявола».

– Как именно?

– Ее приручают через корень. Тебе нужно будет шаг за шагом изучить все тайны корня, каждой его порции. Эти порции ты и будешь принимать, чтобы изучить тайны «травы дьявола» и завоевать ее силу.

– Что, каждая порция готовится так же, как ты готовил первую?

– Нет, каждая по-своему.

– Как действуют порции?

Я уже говорил, каждая учит особому виду силы. То, что ты принял позавчера, еще ничего не значит. Это может каждый. Но только брюхо готов к порциям более серьезным. Я не могу сказать тебе, как они действуют и что при этом происходит, потому что еще не

знаю, примет ли она тебя. Нужно подождать.

– А когда я об этом узнаю?

– Как только вырастет и созреет твоё растение.

– Если первую порцию может принимать кто угодно, то для чего же она используется?

– В разбавленном виде она годится для всяких человеческих дел: для стариков, которые совсем обессилели, для молодых людей, которые ищут приключений, или, скажем, для женщин, которые хотят страсти.

– Ты ведь говорил, что корень используется только для обретения силы, а выходит, что и для других целей. Или как?

Он пристально посмотрел на меня, и под этим взглядом мне стало неуютно. Ясно было, что он рассердился, но я не понимал почему.

– «Трава дьявола» используется только для обретения силы, – сухо сказал он наконец. – Старик, который хочет вернуть себе молодость, человек, который хочет убить другого человека, молодежь, которая ищет испытаний, голода и усталости, женщина, которая хочет разгореться страстью, – все они мечтают о силе. И эту силу им даст «трава дьявола». Ну как, нравится она тебе? – спросил он после паузы.

– У меня странный прилив сил, – сказал я. Я заметил это ещё при пробуждении, и до сих пор ничего не изменилось. Это было очень необычное ощущение неудобства, какой-то неусидчивости: все тело двигалось и вытягивалось с необычной лёгкостью и силой.

Руки и ноги чесались, плечи вроде раздалились, мышцы спины и шеи распирало, хотелось потереться или потолкаться о деревья. Я чувствовал, что если ударю в стену, она обвалится.

Мы больше ни о чём не говорили, просто сидели на веранде. Я заметил, что дон Хуан засыпает. Он пару раз клюнул носом, затем просто вытянул ноги, лег на пол, подложил руки под голову и заснул. Я встал и пошел за дом, где сжег избыток энергии, очистив двор от мусора. Когда-то дон Хуан вскользь заметил, что неплохо бы убрать мусор за домом.

Позже, когда он проснулся и пришел на задний двор, я был уже в сравнительной норме.

Мы сели ужинать, и за столом он раза три спросил меня, как я себя чувствую. Поскольку это было редкостью, я наконец не выдержал:

– С чего это тебя так волнует мое самочувствие, дон Хуан? Может быть, ты ждешь, когда же я от твоего питья наконец подохну?

Он засмеялся и стал еще больше похож на зловредного мальчишку, который подстроил какой-то подвох и про себя ждет не дождется, когда он сработает. Со смехом он сказал:

— Да нет, не очень-то ты похож на больного. Ты вон мне даже хамишь.

— Ничего подобного, — возмутился я. — Я вообще не помню случая, чтобы я с тобой говорил грубо.

Я возмутился совершенно искренне, потому что в самом деле и в мыслях себе никогда такого не мог позволить.

— Ну вот, ты уже ее защищаешь, — сказал он.

— Кого это?

— «Траву дьявола», кого же еще. Ты говоришь как влюбленный.

Я хотел вообще встать из-за стола, но тут опомнился.

— Смотри-ка, я и не заметил, что в самом деле ее защищал.

— Ясное дело. Ты даже не помнишь того, что говорил, верно?

— Д-да, признаться...

— Вот такая она и есть — «травка дьявола». Она подкрадывается к тебе как женщина, а ты ничего не замечаешь. Ты весь поглощен только тем, что благодаря ей чувствуешь себя прекрасно и полон сил: мышцы налиты энергией, кулаки чешутся, подошвы горят желанием кого-нибудь растоптать. Когда человек становится с нею близок, его действительно переполняют неистовые желания. Мой бенефактор говорил, что «травка дьявола» опутывает тех, которые ищут силы, и губит тех, кто не умеет совладать с нею. Однако в те времена сила была всем известна; ее искали куда упорней. Мой бенефактор был могущественным человеком, а его бенефактор был, по его словам, еще более одержим поиском и накоплением силы. Но в те дни это имело смысл.

— А сегодня, по-твоему, смысла нет?

— Сила — это как раз то, что тебе сейчас нужно. Ты молод; ты не индеец: стало быть, «травка дьявола», возможно, попадет в хорошие руки. Да и тебе самому она как будто по вкусу. Ты буквально чувствуешь, как она наполняет тебя силой. Все это я испытал на себе. И все же она пришлась мне не по нутру.

— Можно узнать почему, дон Хуан?

— Не нравится мне ее сила! От нее мало проку. Раньше, положим, как мне рассказывал бенефактор, в самом деле имело смысл ее искать. Люди совершали неслыханные дела, их почитали за их силу, боялись и уважали за их знание. От бенефактора я слышал о

делах поистине невероятных, которые случались в старину. Но теперь мы, индейцы, больше ее не ищем. В наше время индейцы используют «траву дьявола» разве что для притираний. Листья и цветы идут вообще неизвестно на что. Говорят, к примеру, прекрасное средство от нарывов. Самой же силы больше не ищут – той самой силы, которая действует как магнит, тем более мощный и опасный в обращении, чем глубже ее корень уходит в землю. Когда доходишь до глубины в четыре ярда – а говорят, такое случалось, – то находишь основание и источник силы неисчерпаемой, бесконечной. Очень немногим это удавалось в прошлом, сегодня – никому. Видишь ли, сила «травы дьявола» больше не нужна нам, индейцам. Незаметно мы потеряли к ней интерес, и теперь сила больше не имеет значения. Я и сам не ищу ее, но когда-то, когда я был молод как ты, я тоже чувствовал, как меня от нее просто распирает. Я чувствовал себя как ты сегодня, только в пятьсот раз сильнее. Ударом руки я убил человека. Я мог швырять валуны, огромные валуны, которые двадцать человек не могли сдвинуть с места. Однажды я подпрыгнул так высоко, что сорвал верхние листья с верхушек самых высоких деревьев. Но все это было ни к чему. Разве что на индейцев страх наводить. Остальные, которые ничего про это не знали, отказывались верить. Они видели только сумасшедшего индейца или как что-то скачет по верхушкам деревьев.

Мы долго молчали. Нужно было что-то ему сказать.

– Было совсем иначе, когда в мире еще были люди, – заговорил он, – люди, для которых не было ничего удивительного в том, что человек может превратиться в горного льва или птицу, или просто летать. Так что я больше не пользуюсь «травой дьявола». Зачем? Чтобы пугать индейцев?

И я увидел его печаль, и почувствовал глубокое сострадание. Мне хотелось что-нибудь сказать ему, пусть даже банальность.

– Может быть, дон Хуан, это участь всех, кто ищет знание.

– Может быть, – спокойно сказал он.

Четверг, 23 ноября 1961

Подъехав к дому дон Хуана, я не увидел его на веранде. Это было странно. Я громко кликнул его, и из дому вышла его невестка.

– Заходи, – сказала он.

Оказалось, что две-три недели назад он вывихнул лодыжку. Он сам сделал себе гипсовую повязку, пропитав полосы из тряпок в

кашице, изготовленной из кактусов и толченой кости. Материя, туго обернутая вокруг щиколотки, высохнув, превратилась в легкий и гладкий панцирь. Повязка получилась твердой как гипсовая, но гораздо удобнее и не такая громоздкая.

– Как это произошло? – спросил я.

Ответила его невестка, мексиканка из Юкатана, которая за ним ухаживала:

– Да просто случайность. Он упал и чуть не сломал себе ногу.

Дон Хуан засмеялся, затем подождал, пока она ушла, и сказал:

– Случайность, как бы не так! У меня есть враг поблизости.

Женщина, зовут Ла Каталина. Она улучила мгновение и меня толкнула. Я и упал.

– Зачем это ей понадобилось?

– Убить меня хотела, вот и все.

– Она была у тебя в доме?

– Ага.

– Как же ты ей позволил войти?

– Ничего я ей не позволял. Она сама влетела.

– Как это?

– Она – черный дрозд. И надо признать, у нее это здорово получается.

Я опешил.

– Она уже давно и не раз пыталась со мной покончить. И на этот раз едва не получилось.

– Ты сказал, она – черный дрозд? То есть она что птица?

– Опять ты со своими вопросами. Она – черный дрозд. Точно так же, как я – ворона. Кто я – человек или птица? Я – человек, который знает, как становиться птицей. Касательно же Ла Каталины, так это просто исчадие ада. До того ей не терпится меня убить, что все труднее от нее отбиваться. Птица ворвалась прямо в дом, и я ничего не мог поделать.

– Ты можешь становиться птицей, дон Хуан?

– Могу. Но об этом как-нибудь в другой раз.

– Почему она хочет тебя убить?

– Это старая история. Теперь она подошла к развязке, и похоже, придется с нею покончить, пока она меня не прикончила.

– Ты собираешься прибегнуть к колдовству? – спросил я с надеждой.

– Тьфу, дурень. Какое тут колдовство поможет? У меня другие

планы. Когда-нибудь, может, я ими с тобой поделюсь.

– А что, твой союзник не может тебя от нее защитить?

– Нет, дымок только говорит мне, что делать. Защищать себя я должен сам.

– Ну, а Мескалито? Может быть, прибегнуть к его защите?

– Нет. Мескалито – учитель, а не сила, которую можно использовать как заблагорассудится.

– А «травя дьявола»?

– Говорю тебе, я должен защищать себя сам, следуя при этом лишь указаниям дымка, моего союзника. И в этом смысле, насколько мне известно, дымок может многое. Какие бы проблемы ни возникли, дымок тебе все расскажет, и при этом укажет не только что делать, но и как. Из всех доступных человеку это самый замечательный союзник.

Лучший союзник для каждого?

– С каждым у него по-своему. Многие его боятся и ни за что не станут к нему прикасаться, и вообще предпочитают не связываться. Дымок не для всех, как и все остальное.

– Что же он такое?

Дымок – это дым предсказателей!

В его голосе явственно прозвучало благоговение, чего я до сих пор за ним не замечал.

– Для начала приведу слова моего бенефактора, когда он начал учить меня этим вещам, – хотя в то время я, так же как ты сейчас, не мог его понять по-настоящему. «Трава дьявола» – для тех, кто жаждет обладания силой. Дымок – для тех, кто стремится прежде всего наблюдать и видеть. И я считаю, что в этом дымок не знает себе равных. Как только человек вошел в его владения, ему подвластна любая другая сила. Это великолепно! Разумеется, за это нужно по-настоящему платить. Годы потребуются только на то, чтобы узнать как следует две его главные части: трубку и курительную смесь. Трубку я получил от моего бенефактора, и за долгие годы общения с трубкой я с нею сросся. Она выросла в мои руки. Вручить ее, например, тебе, будет серьезной задачей для меня и большим достижением для тебя – если, конечно, у нас что-то получится. Трубка будет в напряжении от того, что ее держит кто-то другой; и если один из нас сделает ошибку, то она с роковой неизбежностью сама расколется, или, скажем, случайно выскользнет из рук и разобьется, даже если упадет на кучу

соломы. Если это когда-нибудь случится, то, значит, конец нам обоим, о себе не говорю. Непостижимым образом дымок обратится против меня.

– Как он может обратиться против тебя, если он твой союзник? Мой вопрос, видимо, прервал поток его мыслей. Он долго молчал.

– Благодаря сложности состава курительная смесь – опаснейшее вещество из всех, которые мне известны. Без нужной подготовки ее не может сделать никто. Она смертельно опасна для всякого, кроме того, кому покровительствует дымок. Трубка и смесь требуют любовнейшего отношения, и тот, кто намерен с ними учиться, должен подготовить себя, ведя строгую и скромную жизнь. Действие дымка столь устрашающе, что лишь очень сильный человек способен устоять даже против слабой затяжки. Вначале все представляется пугающим и запутанным, зато каждая следующая затяжка проясняет все вокруг и вносит все большую ясность. И внезапно мир открывается заново. Это поразительно! Когда это происходит, дымок становится союзником этого человека и открывает путь в незримые чудесные миры. Это главное в дымке, его величайший подарок. И делает он это, не принося ни малейшего вреда. Вот это – настоящий союзник. Мы, как обычно, сидели на веранде, на хорошо утрамбованном и тщательно подметенном земляном полу. Вдруг он встал и направился в дом. Вскоре он вернулся с узким свертком и вновь уселся.

– Это моя трубка, – сказал он. Он наклонился ко мне и показал трубку, которую вытащил из чехла зеленой парусины. Длинной она была дюймов девять-десять. Черенок был из красноватого дерева, гладкий, без резьбы. Чубук был тоже из дерева, но в сравнении с черенком выглядел значительно более массивным – отполированный до блеска, темно-серого цвета, почти как кусок угля.

Он поднес трубку к моим глазам. Я подумал, что он протягивает ее мне, и хотел было ее взять, но он мгновенно отдернул руку.

– Эту трубку дал мне мой бенефактор, – сказал он. – В свою очередь я передам ее тебе. Но сначала ты должен сойтись с нею поближе. Каждый раз, как ты будешь сюда приезжать, я буду давать ее тебе. Начнешь с прикосновения к ней. Держать ее будешь вначале очень недолго, пока вы не привыкнете друг к другу. Затем ты положишь ее к себе в карман или, скажем, за

пазуху, и только со временем можно будет поднести ее ко рту. Все это нужно делать постепенно, очень медленно и осторожно. Когда между вами установится более прочная связь, ты начнешь ее курить. Если ты последуешь моему совету и не будешь торопиться, то дымок, возможно, станет и твоим любимым союзником.

Он подал мне трубку, не выпуская из рук. Я протянул к ней правую руку.

– Обеими, – сказал он.

Я обеими руками на очень короткое мгновение коснулся трубки.

Он ее не выпускал, так что я не мог ее ухватить, а мог лишь коснуться трубки. Затем он сунул трубку в чехол.

– Первый шаг – полюбить трубку. На это нужно время.

– А она – может меня невзлюбить?

– Нет, трубка не может тебя невзлюбить, но ты должен научиться любить ее, чтобы к тому времени, когда начнешь курить, трубка вселяла в тебя бесстрашие.

– Что ты куришь, дон Хуан?

– Вот это.

Он расстегнул воротник и показал скрытый за пазухой небольшой мешочек, висевший на шее на манер медальона. Он вынул кисет, развязал и очень осторожно отсыпал себе на ладонь немного содержимого.

Смесь по виду напоминала мелко истертые чайные листья разной окраски – от темно-коричневой до светло-зеленой, с несколькими крупными ярко-желтого цвета.

Он всыпал смесь в кисет, завязал его, затянул ремешком и спрятал за пазуху.

– Что это за смесь?

– Там много всякого. Добыть все составляющие – предприятие очень нелегкое. Приходится отправляться очень далеко. Грибочки (los honguitos), необходимые для приготовления смеси, растут только в определенное время года и только в определенных местах.

– Эти смеси разные в зависимости от того, какая нужна помощь?

– Нет, существует только один дымок, и нет никакого другого.

Он ткнул пальцем в мешочек за пазухой и поднял трубку, которая была зажата у него между колен:

– Эти двое – одно. Одного нет без другого. Трубку и секрет смеси я получил от моего бенефактора. Они были переданы ему точно

так же, как он передал их мне. Смесь трудно приготовить, но легко восполнить. Ее секрет – в ее составляющих, в способе их сбора, обработки и самого смешивания. Трубка же – на всю жизнь. Она требует самого тщательного ухода. Она прочная и крепкая, но ее следует всегда беречь от малейшего удара и сотрясения. Держать трубку надо только в сухих руках и никогда не брать потными, а курить лишь в совершенном одиночестве. И никто, ни один человек на свете никогда не должен ее видеть, разве что ты сам намерен ему ее передать. Вот чему учил меня мой бенефактор. И именно так, сколько себя помню, я обращаюсь с трубкой.

– А что случилось бы, если бы ты ее потерял или сломал?

Он очень медленно покачал головой и взглянул на меня:

– Я бы умер.

– У всех магов такие трубки?

– Не у всех такие, как у меня, но я знаю некоторых, у кого не хуже.

– А ты сам можешь сделать такую же, дон Хуан? – допытывался я.

– Предположим, у тебя бы ее не было. Как бы тогда ты передал мне трубку, если бы в этом возникла необходимость?

– Если бы у меня не было трубки, то я не мог бы ее тебе передать, даже если, положим, захотел бы. Я дал бы тебе что-нибудь другое.

Видно было, что он чем-то недоволен. Он очень осторожно положил трубку в чехол, внутри которого, вероятно, был вкладыш из мягкой материи, потому что трубка, едва его коснувшись, мгновенно скользнула внутрь. Он направился в дом ее спрятать.

– Ты на меня не сердишься, а, дон Хуан? – спросил я, когда он вернулся. Он, казалось, удивился.

– Нет. Я никогда ни на кого не сержусь. Ни один человек не может сделать ничего, что этого бы заслуживало. На людей сердишься, когда чувствуешь, что их поступки важны. Ничего подобного я давно не чувствую.

Вторник, 26 декабря 1961

Пересадка «саженца», как называл корень дон Хуан, не требовала специальной даты, хотя предполагалось, что в освоении «травы дьявола» это будет следующий этап.

Я прибыл к дону Хуану в субботу, 23 декабря, сразу после обеда. Как обычно, мы некоторое время сидели в молчании. День был теплый и пасмурный. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как он дал мне первую порцию.

– Время вернуть «траву дьявола» земле, – вдруг сказал он. – Но

сначала нужно установить для тебя защиту. Ты будешь хранить и защищать ее. И никто, кроме тебя, не должен ее видеть. Поскольку устанавливать защиту буду я, я тоже буду видеть твою «траву дьявола». Хорошего в этом мало, поскольку, я уже говорил, я не поклонник «травы дьявола». Не получается у нас идиллии. Но моя память проживет недолго, я слишком стар. А вот ты должен беречь ее от чужих глаз, поскольку до тех пор, пока кто-то будет помнить об увиденном, сила защиты сомнительна.

Он пошел к себе в комнату и вытащил из-под старой циновки три узла из дерюги. Потом вернулся и сел на веранде.

После долгого молчания он развязал один узел. Это была женская особь *datura* из тех, которые он тогда выкопал. Все сложенные им листья, цветы и семенные коробочки высохли. Он взял длинный кусок корня в виде буквы игрек и завязал узел.

Корень высох и сморщился, резко обозначились складки коры. Он положил его на колени, открыл свою кожаную сумку, вытащил нож и поднес корень к моим глазам.

— Эта часть — для головы, — сказал он и сделал первый надрез на нижнем конце «игрека», который в перевернутом виде напоминал человечка с расставленными ногами.

— Эта — для сердца, — Сказал он и сделал надрез в развилке. Затем он обрезал концы корня, оставив примерно по три дюйма на каждом. Потом медленно и кропотливо он вырезал фигурку человека.

Корень был сухой и волокнистый. Прежде чем приступить к самой резьбе, дон Хуан сделал два предварительных надреза, для чего ему пришлось растеребить и вдавить волокна вглубь канавок.

Однако когда он перешел к деталям, то орудовал ножом прямо по дереву, как при отделке рук и ног. Под конец получилась фигурка человека со сложенными на груди руками и сплетенными в замок кистями рук.

Дон Хуан встал и направился к синей агаве, росшей рядом с верандой. Ухватившись за твердый шип одного из самых мясистых листьев, он нагнул его и несколько раз повернул вокруг оси. Шип почти отделился от листа и повис; дон Хуан ухватился за него зубами и выдернул. Шип вышел из мякоти листа, за ним тащился хвост белых нитевидных волокон длиной в два фута. Все еще держа шип в зубах, дон Хуан скрутил из волокон шнур, которым обвил ноги фигурки, словно для того, чтобы свести их вместе. Он

обмотал всю нижнюю часть фигурки; на это ушел весь шнур. Затем он искусно приделал шип в виде копья к передней части фигурки, под сложенными руками, так что оно торчало острием из-под сцепленных ладоней. Он вновь ухватился за шип зубами и, осторожно потянув, вытащил почти до конца. Теперь шип выглядел как длинное копье, выступающее из груди человека. Закончив с фигуркой, дон Хуан сунул ее в кожаную сумку. Я видел, что он сильно устал. Он лег на пол веранды и уснул. Когда он проснулся, было уже темно. Мы поели из тех консервов, которые я ему привез, и еще немного посидели на веранде. Затем дон Хуан взял три узла и пошел за дом. Там он нарубил веток и сухих сучьев и развел костер. Мы уселись у костра поудобнее, и он развязал все три узла. В первом были сухие части женского растения, во втором все, что осталось от мужского, а из третьего, самого внушительного, он вытащил зеленые свежесрезанные части *datura*.

Дон Хуан пошел к корыту и вернулся с каменной ступкой, очень глубокой, напоминавшей скорее горшок с закругленным дном. Он сделал в земле ямку и в ней прочно установил ступку. Он подбросил сучьев в костер, затем взял два узла с сухими частями мужской и женской особи и все это высыпал в ступку, напоследок встряхнув дерюгу, чтобы убедиться, что там ничего не осталось. Из третьего узла он вытащил два свежих куска корня.

— Я буду готовить их специально для тебя, — сказал он.

— Как именно готовить, дон Хуан?

— Этот кусок — от женской особи, этот — от мужской. Сейчас тот редкий случай, когда кавалер и дама кладутся вместе. Оба куска с глубины в один ярд.

Он принялся толочь их в ступке равномерными ударами пестика, тихо напевая при этом что-то, звучавшее как лишенный ритма монотонный гул. Слов я не мог разобрать. Он весь ушел в работу. Когда корни были истерты в порошок, он вынул из свертка несколько листьев, чистых и свежесрезанных, без единой червотчины или следа гусеницы, и неторопливо по одному бросил их в ступку. Потом взял горсть цветов и по одному бросил туда же. Всего я их насчитал четырнадцать. Затем он достал зеленые семенные коробочки, усеянные шипами и еще не раскрывшиеся. Их я сосчитать не мог — он бросил в ступку всю горсть, — но кажется, их тоже было четырнадцать. Он добавил три

стебля без листьев – темно-красного цвета, тоже без червоточин. Судя по многочисленным на них срезам, это были стебли больших растений.

Положив в ступку, он мерными ударами растолок все это в кашу, наконец опрокинул ступку на ладонь и переложил смесь в старый горшок. Он протянул мне руку, и я подумал, что ее нужно вытереть. Но он, схватив мою левую руку и молниеносным движением растопылив средний и безымянный пальцы, воткнул, не успел я опомниться, между ними острие ножа и разрезал кожу вниз по безымянному пальцу. Действовал он с такой быстротой и ловкостью, что когда я отдернул руку, кровь уже лилась ручьем из глубокого пореза. Он опять схватил мою руку, поднес к горшку и выжал в него побольше крови.

Рука онемела. Я был в состоянии шока, в странном холодном жестком напряжении, с ощущением давления в груди и в ушах. Я чувствовал, что куда-то соскальзываю. Я был близок к обмороку. Он отпустил мою руку и помешал в горшке. Когда я очнулся, то был здорово на него сердит. Понадобилось довольно много времени, чтобы я полностью пришел в себя.

Он разложил вокруг костра три камня и поставил на них горшок. Ко всей смеси в горшке он добавил еще что-то вроде большого куска столярного клея, влил большой ковш воды и оставил все это кипеть. Дурман сам по себе пахнет весьма специфически, в соединении же со столярным клеем, который, угодив в закипавшую смесь, тотчас дал о себе знать, получилась такая вонь, что я с трудом удерживался от рвоты.

Смесь долго кипела, а мы все это время неподвижно сидели у костра. Время от времени, когда ветер гнал испарения в мою сторону, меня обволакивало вонью, и я старался не дышать.

Открыв кожаную сумку, дон Хуан вытащил человечка, бережно передал фигурку мне и велел сунуть в горшок, только осторожно, чтобы не обжечься. Фигурка беззвучно скользнула в кипящее варево. Он вынул нож, и у меня мелькнула мысль, что сейчас он опять будет меня резать, но он просто подтолкнул острием фигурку и утопил ее окончательно.

Он еще немного понаблюдал, как кипит варево, а затем принялся чистить ступку. Я помогал. Когда мы закончили, он сложил ступку и пестик у забора. Мы вошли в дом, а горшок оставался на камнях всю ночь.

На рассвете дон Хуан велел мне вытащить фигурку из клея и подвесить к кровле, лицом на восток, сохнуть на солнце. К полудню она стала твердой как проволока. Клей затвердел и стал зеленым от брошенных в варево листьев. Фигурка отливала сверхъестественным глянцем.

Дон Хуан велел снять фигурку и дал мне сумку из старой замшевой куртки, которую я ему когда-то привез. Выглядела сумка точно так же, как его собственная, разве что та была из мягкой желтой кожи.

– Положи свой «портрет» в сумку и закрой ее, – сказал он. Он демонстративно отвернулся и на меня не смотрел. Когда я спрятал фигурку, он дал мне сетку и велел положить в нее глиняный горшок.

Он подошел к моей машине, взял у меня из рук сетку и прицепил ее к открытой дверце бардачка.

– Ступай-ка за мной, – приказал он.

Он обошел вокруг дома, сделав полный оборот по часовой стрелке. Постояв на веранде, он еще раз обошел вокруг дома, на этот раз против часовой стрелки, и опять вернулся на веранду. Какое-то время он стоял неподвижно, потом сел.

Я уже привык считать, что во всем, что бы он ни делал, есть какой-то особый смысл. Я гадал о том, что бы означали эти эволюции вокруг дома, когда он воскликнул:

– Вот те на! Куда ж я его девал?

Я спросил, что он ищет. Оказалось – саженец, который я должен пересадить. Мы еще раз обошли вокруг дома, пока он наконец вспомнил.

Он подвел меня к полочке под крышей; на полочке стояла небольшая стеклянная банка, в ней была вторая половина первой порции корня. Сверху уже пробились ростки. На дне оставалось немного воды, но земли не было.

– А почему там нет земли? – спросил я.

– Каждая почва своеобразна, а «трава дьявола» должна знать только ту землю, на которой будет расти. Сейчас самое время вернуть ее земле, пока не завелись черви.

– Мы посадим ее здесь, возле дома? – спросил я.

– Ни в коем случае! Вернуть земле ее нужно только в том месте, которое тебе нравится.

– А где же оно, это место, которое мне нравится?

- Нужна тебе сила – придется попотеть. Другого выхода нет.
- Может, ты за ней присмотришь, пока я буду отсутствовать, а, дон Хуан?
- Ты издеваешься! Каждый должен сам растить свой саженец. У меня есть свой. Теперь ты должен иметь свой. И считать себя готовым к учению можешь не ранее, чем получишь семена от своего саженца.
- А ты мне не подскажешь, где его сажать?
- Это уж ты сам решаешь. Но место это не открывай никому, даже мне. Только так сажают «траву дьявола». Никто, ни одна душа не должна знать твое место. Если за тобой шел и видел тебя незнакомец, хватай саженец и беги в другое место. Тот, кто тебя видел, может нанести тебе непоправимый вред, манипулируя твоим растением. Он может искалечить или убить тебя. Вот почему даже я не должен знать, где оно находится.
- Он протянул мне банку с куском корня:
- Теперь возьми его.
- Я взял банку, и он почти потащил меня к машине.
- Теперь уезжай. Ступай и подбери место, где ты его посадишь. Вырой яму в мягкой почве, недалеко от воды. Помни – чтобы вырасти как следует, вода должна быть где-нибудь рядом. Яму копай только руками, пусть хоть поранишь их до крови. Корень посадишь в центре ямы, и сделай вокруг него насыпь. Затем польешь водой. Когда вода впитается, засыпь яму мягкой землей. Потом выберешь место в двух шагах на юго-восток от саженца. Там выкопаешь еще одну яму поглубже, тоже собственными руками, и выльешь в нее все, что осталось в горшке. Затем разбей горшок и черепки закопай поглубже где-нибудь подальше от саженца. Когда закопаешь черепки, вернешься к своему саженцу и еще раз его польешь. Затем достань свой «портрет», сунь его между пальцами там, где порез, и, стоя на том месте, где ты закопал варево, слегка дотронься до саженца иглой. Обойди его четырежды, при обходе останавливаясь всякий раз на том же месте, чтобы коснуться саженца.
- В каком направлении двигаться, обходя саженец?
- В каком хочешь. Но ты должен постоянно помнить, где закопал месиво из горшка и в каком направлении ты двигался вокруг саженца. При обходе всякий раз касайся его острием лишь слегка, и только напоследок уколешь поглубже. Делай это осторожно:

стань на колени, чтобы рука случайно не дрогнула, потому что ни в коем случае нельзя сломать острие, чтобы оно не осталось в растении. Сломаешь острие – все пропало; корень тебе больше не понадобится.

– Нужно ли при обходе что-нибудь говорить?

– Нет. Я сделаю это вместо тебя.

Суббота. 27 января 1962

Сегодня утром, как только я приехал, дон Хуан сказал, что покажет приготовление курительной смеси. Мы отправились в горы, далеко в глубь одного из каньонов. Дон Хуан остановился у высокого стройного куста, который по цвету заметно выделялся на фоне прочей растительности. Заросли вокруг куста были желтоватыми, тогда как сам куст – ярко-зеленым.

– Ты должен собрать с него листья и цветы, – сказал он. – Сегодня как раз подходящее время: День Всех Душ (El Dia De Las Animas). Он вынул нож и срезал конец тонкой ветки, выбрал другую такую же и тоже срезал у нее верхушку, – и так до тех пор, пока в руках у него не оказалась горсть срезанных верхушек тонких веточек.

Затем он сел на землю.

– Смотри сюда, – сказал он, – все эти ветки я срезал выше развилки между стеблем и двумя или более листьями. Видишь? Они все одинаковы. От каждой ветки я взял только верхушку, где листья свежие и нежные. Теперь нужно найти тенистое место. Шли мы довольно долго, пока он нашел то, что искал. Он вытащил из кармана длинный шнурок и привязал его одним концом к стволу, другим – к нижним ветвям двух кустов, протянув между ними таким образом что-то вроде бельевой веревки, на которой развесил вверх ногами срезанные веточки. Он равномерно расположил их вдоль шнурка; подвешенные за развилки, они напоминали кавалькаду всадников в зеленых плащах.

– Нужно следить, чтобы листья сохли в тени, – сказал он. – Место должно быть укромным и труднодоступным. Это для них защита. Сушить нужно в таком месте, где их почти невозможно найти. Когда листья высохнут, их нужно сложить в пакет и запечатать. Он снял веточки со шнурка и забросил в кустарник. Очевидно, он хотел только показать мне процедуру.

По пути он сорвал три разных цветка, сказав, что они также входят в смесь и собирать их следует в то же время, но складывать в отдельные глиняные горшки и сушить в темноте. Каждый горшок

должен быть запечатан и плотно закрыт, чтобы цветы покрылись плесенью. Листья и цветы добавляют в смесь, чтобы ее смягчить. Из каньона мы вышли по руслу реки и, сделав большой крюк, вернулись к его дому. Поздно вечером мы уселись в его комнате, что было редкостью, и он рассказал о последней составляющей – грибах.

– В грибах – подлинная тайна смеси, – сказал он. – Их труднее всего раздобыть. Путешествие к местам, где они растут, трудное и небезопасное, а собрать именно те грибы, которые годятся, еще более рискованно. Помимо прочего, их можно спутать с другими, которые там растут и от которых больше вреда, чем пользы. Они только испортят хорошие грибы, если будут сушиться вместе. Чтобы не натворить ошибок и как научиться разбираться в грибах, требуется время. Использование не тех грибов может нанести серьезный вред – и человеку, и трубке. Я знал людей, которые умерли на месте от того лишь, что были небрежны со смесью. Когда грибы собраны, их укладывают в бутыль из тыквы, поэтому их после нельзя перебрать. Дело в том, что грибы приходится вначале искрошить, чтобы протолкнуть через узкое горлышко бутылки.

– Сколько им там находиться?

– Год. Все остальные составляющие также запечатываются на год. Затем их отмеряют в нужной пропорции и по очереди размалывают в мелкий порошок. Грибочки размалывать нет нужды, потому что за год они сами превратятся в пыль; достаточно лишь раздавить комья. К четырем частям грибов добавляют одну часть смеси из прочих составляющих. Все это хорошенько перемешивают и сыпают в мешочек вроде моего. Он ткнул пальцем в кисет под рубашкой.

– Потом все составляющие опять собираются вместе, и только после того, как они убраны сушиться, смесь, которую ты приготовил, можно курить. В твоем случае это будет в следующем году. А еще через год смесь будет в твоём полном распоряжении, потому что будет собрана тобой. Когда будешь курить в первый раз, я сам зажгу для тебя трубку. Ты выкуришь всю трубку и будешь ждать. Дымок придет, ты его почувствуешь. Он даст тебе свободу видеть все, что ты захочешь. Это в самом деле непревзойденный союзник. Но всякий, кто его ищет, должен обладать непреклонной волей и устремленностью, во-первых,

потому, что он должен рассчитывать вернуться и желать возвращения, иначе дымок его непустит; во-вторых, он должен рассчитывать и стремиться запомнить все, что даст ему увидеть дымок, иначе в голове останутся просто обрывки тумана.

Суббота, 8 апреля 1962

В беседах дон Хуан периодически использовал выражение «человек знания», но ни разу не объяснил, что это значит. Я попросил его объяснить.

— Человек знания — это тот, кто добросовестно и с верой переносит лишения и тяготы обучения, — сказал он. — Тот, кто без спешки, но и без промедления отправился в полный опасностей путь, чтобы разгадать, насколько это ему удастся, тайны знания и силы.

— Может ли быть человеком знания каждый?

— Нет, далеко не каждый.

— Что же тогда для этого нужно?

— Человек должен бросить вызов своим четырем извечным врагам и сразить их.

— И после победы над ними он будет человеком знания?

— Да, человек имеет право назвать себя человеком знания лишь если победит всех четырех.

— Тогда может ли любой, кто победит этих врагов, быть человеком знания?

— Любой, кто победит их, становится человеком знания.

— Но существуют ли какие-то особые требования, которым должен соответствовать человек прежде, чем начать битву со своими врагами?

— Нет. Стать человеком знания может пытаться любой, хотя очень немногие преуспевают в этом; но это естественно. Враги, которых встречает человек на пути к знанию, — в самом деле грозные враги. Большинство людей перед ними отступают и сдаются.

— Что же это за враги, дон Хуан?

На этот вопрос он отвечать оказался, сказав лишь, что должно пройти много времени прежде, чем эта тема будет иметь для меня какой-то смысл. Я все же попытался ее удержать и спросил, могу ли стать человеком знания, например, я. Он ответил, что этого, пожалуй, никто не может сказать наверняка. Но мне хотелось точно знать, нет ли какого-нибудь способа определить, есть ли у меня шанс. Он сказал, что это решит моя битва против четырех врагов: я выйду либо победителем, либо побежденным, но исход

битвы предсказать невозможно.

Я спросил, не может ли он прибегнуть к колдовству или гаданию, чтобы увидеть исход. Он ответил совершенно безапелляционно, что результат битвы нельзя предвидеть никоим образом, поскольку быть человеком знания – вещь преходящая. Когда я попросил это растолковать, он ответил:

– Быть человеком знания – не навсегда: это непостоянно. Никто в действительности не является безусловно человеком знания. Скорее, человеком знания становятся лишь на краткое время после победы.

– Скажи мне, что это за враги.

Он не ответил. Я пытался настаивать, но он оборвал эту тему и заговорил о другом.

Воскресенье, 15 апреля 1962

Готовясь к отъезду, я решил еще раз спросить его насчет врагов человека знания. Я всячески отстаивал свои доводы, убеждая его, что меня здесь долго не будет, и потому неплохо бы записать все, что он мне скажет, чтобы потом на досуге над этим поразмыслить. Поколебавшись, он все же заговорил.

– Когда человек начинает учиться, он никогда не имеет четкого представления о препятствиях. Его цель расплывчата и иллюзорна; его устремленность неустойчива. Он ожидает вознаграждения, которого никогда не получит, потому что еще не подозревает о предстоящих испытаниях.

Постепенно он начинает учиться – сначала понемногу, затем все успешней. И вскоре он приходит в смятение. То, что он узнает, никогда не совпадает с тем, что он себе рисовал, и его охватывает страх. Учение оказывается всегда не тем, что от него ожидают. Каждый шаг – это новая задача, и страх, который человек испытывает, растет безжалостно и неуклонно. Его цель оказывается полем битвы.

И таким образом перед ним появляется его первый извечный враг: Страх! Ужасный враг, коварный и неумолимый. Он таится за каждым поворотом, подкрадываясь и выжидая. И если человек, дрогнув перед его лицом, обратится в бегство, его враг положит конец его поискам.

– Что же с этим человеком происходит?

– Ничего особенного, кроме разве того, что он никогда не научится. Он никогда не станет человеком знания. Он может стать

пустомелей или безвредным напуганным человечком: но во всяком случае он будет побежденным. Первый враг поставил его на место.

– А что нужно делать, чтобы одолеть страх?

– Ответ очень прост: не убегать. Человек должен победить свой страх и вопреки ему сделать следующий шаг в обучении, и еще шаг, и еще. Он должен быть полностью устранным, и однако не должен останавливаться. Таков закон. И наступит день, когда его первый враг отступит. Человек почувствует уверенность в себе. Его устремленность крепнет. Обучение больше не будет пугающей задачей. Когда придет этот счастливый день, человек может сказать не колеблясь, что победил своего первого извечного врага.

– Это происходит сразу или постепенно?

– Постепенно, и все же страх исчезает внезапно и тотчас.

– А может человек вновь испытать его, если с ним случится что-нибудь непредвиденное?

– Нет. Тот, кто однажды преодолел страх, свободен от него до конца своих дней, потому что вместо страха приходит ясность, которая рассеивает страх. К этому времени человек знает все свои желания и знает, что с ними делать; он может открывать для себя или предпринимать новые шаги в обучении, и все пронизывает острая ясность. Человек чувствует что для него не существует тайн. И так он встречает второго врага: Ясность! Эта ясность, столь труднодостижимая, рассеивает страх, но она же и ослепляет. Она заставляет человека никогда не сомневаться в себе. Она дает уверенность, что он ясно видит все насквозь. Да он и мужествен благодаря ясности и не остановится ни перед чем. Но все это – заблуждение: здесь что-то не то... Если человек поддается своему мнимому могуществу, значит, он побежден вторым врагом и будет в обучении топтаться на месте. Он будет бросаться вперед, когда надо выжидать, или он будет выжидать, когда нельзя медлить. И так он будет топтаться, пока не выдохнется и потеряет способность еще чему-либо научиться.

– Что случается с ним после такого поражения? Он что, в результате умрет?

– Нет, не умрет. Просто второй враг перекрыл ему путь; и вместо человека знания он может стать веселым и отважным воином или, скажем, скоморохом. Однако ясность, за которую он так дорого заплатил, никогда не сменится вновь тьмой и страхом. Все будет навсегда для него ясным, только он никогда больше ничему не

научится и ни к чему не будет стремиться.

– Что же ему делать, чтобы избежать поражения?

– То же, что со страхом: победить ясность и пользоваться ею лишь для того, чтобы видеть, и терпеливо ждать, и перед каждым новым шагом тщательно все взвешивать; а прежде всего – знать, что его ясность в сущности иллюзорна. И однажды он увидит, что ясность была лишь точкой перед глазами. Только так он сможет одолеть своего второго извечного врага и достичь такого положения, в котором ему уже ничего не сможет повредить. И это не будет заблуждением, всего лишь точкой перед глазами. Это будет подлинная сила.

На этом этапе ему станет ясно, что сила, за которой он так долго гонялся, наконец принадлежит ему. Он может делать с нею все что захочет. Его союзник в его распоряжении. Его желание – закон. Он видит насквозь все вокруг. Это и значит, что перед ним третий враг: Сила!

Это – самый грозный враг. И конечно, легче всего – просто сдаться: ведь в конце концов ее обладатель действительно непобедим. Он хозяин, который вначале идет на обдуманный риск, а кончает тем, что устанавливает закон, потому что он – хозяин. Здесь человек редко замечает третьего врага, который уже навис над ним. И он не подозревает, что битва уже проиграна. Он превращен своим врагом в жестокого, капризного человека.

– Он потеряет свою силу?

– Нет; ни ясности, ни силы он не потеряет никогда.

– Чем же он тогда будет отличаться от человека знания?

– Человек, побежденный собственной силой, умирает, так и не узнав в действительности, что с нею делать. Сила – лишь бремя в его судьбе. Такой человек не властен над самим собой и не может сказать, когда и как использовать свою силу.

– Является ли поражение от какого-нибудь из этих врагов окончательным?

– Разумеется. Раз уж человек однажды побежден, он ничего не может поделать.

– А может ли, например, тот, кто побежден силой, увидеть свою ошибку и ее исправить?

– Нет. Если человек сдался, с ним покончено.

– Но что если он лишь временно был ослеплен силой, а тут от нее откажется?

– Ну, значит не все потеряно; значит он все еще пытается стать человеком знания. Человек побежден лишь тогда, когда он оставил всякие попытки и отрекся от самого себя.

– Но в таком случае получается, что человек может отречься от себя и испытывать страх целые годы, но в конце концов победит его.

– Нет, это не так. Если он поддался страху, то никогда его не победит, потому что будет избегать учения и никогда не отважится на новую попытку. Но если в течение многих лет он даже в центре своего страха не оставит попыток учиться, тогда он рано или поздно победит страх, потому что фактически никогда ему не поддавался.

– Как победить третьего врага, дон Хуан?

– Попросту победить, во что бы то ни стало. Человек должен прийти к пониманию того, что сила, которую он якобы покорил, в действительности ему не принадлежит и принадлежать никогда не может. Он должен утвердиться в неизменном самообладании, трезво и бескорыстно пользуясь всем, что узнал. Если он способен увидеть, что без самообладания ясность и сила хуже иллюзии, он достигнет такой точки, где все будет в его подчинении. Тогда он узнает, когда и как использовать свою силу. Это и будет означать, что он победил третьего врага и пришел к концу своего странствия в обучении.

И вот тут без всякого предупреждения его настигает последний враг: Старость! Это самый жестокий враг, которого нельзя победить, можно лишь оттянуть свое поражение.

Это пора, когда человек избавился от страхов, от безудержной и ненасытной ясности, пора, когда вся его сила в его распоряжении, но и пора, когда им овладевает неодолимое желание отдохнуть, лечь, забыться. Если он даст ему волю, если он убаюкает себя усталостью, то упустит свою последнюю схватку, и подкравшийся враг сразит его, превратив в старое ничтожное существо. Желание отступить затмит его ясность, перечеркнет всю его силу и все его знание.

Но если человек стряхнет усталость и проживет свою судьбу до конца, тогда его в самом деле можно назвать человеком знания, пусть ненадолго, пусть лишь на тот краткий миг, когда ему удастся отогнать последнего и непобедимого врага. Одного лишь этого мгновения ясности, силы и знания уже достаточно.

Глава 4

В разговорах о Мескалите дон Хуан редко пускался в откровенность. Всякий раз, как я затрагивал эту тему, я спрашивал, почему он ее избегает. Отвечать он отказывался, но всегда говорил о Мескалите как раз достаточно, чтобы укрепить во мне впечатление его антропоморфности. В передаче дона Хуана Мескалите был мужского рода не только благодаря соответствующему окончанию, которое свойственно словам мужского рода в испанском языке, но и благодаря его неизменному статусу «защитника и учителя». Такие характеристики лишь подтверждались при всяком новом разговоре.

Воскресенье, 24 декабря 1961

- «Трава дьявола» никогда никого не защищала. Ее назначение – давать силу, и не более того. Мескалите, напротив, великодушен как дитя.
- Но ты же говорил, что он бывает устрашающ.
- Конечно, устрашающ; но с тем, кто ему вверяется, он благороден и добр.
- Из чего это видно, что он добр?
- Он – защитник и учитель.
- Каким же образом он защищает?
- Его можно держать при себе, а он будет следить, чтобы с тобой ничего не случилось плохого.
- Как это – держать при себе?
- В мешочке под рукой или на шее.
- Ты носишь его с собой?
- Нет, потому что у меня есть союзник. Но другие обычно носят.
- Чему же он учит?
- Правильно жить.
- А как он учит?
- Он показывает разные вещи и говорит что есть что (ensenar las cosas y te dice lo que son).
- Как?
- Сам увидишь.

Вторник, 30 января 1962

- Что ты видишь, когда Мескалито берет тебя с собой, дон Хуан?
- Такие вещи так просто не рассказывают. Этого я не могу тебе рассказать.
- Если ты расскажешь, с тобой что-нибудь приключится?
- Мескалито – защитник: добрый, благородный защитник; но это не значит, что с ним можно шутить. Именно потому, что он добрый защитник, он может быть воплощением ужаса для тех, кто ему не нравится.
- Я и не думаю шутить. Я просто хотел бы знать, что он показывает другим и что с ними делает. Я ведь описал тебе все, что со мной было.
- С тобой другое дело, возможно потому, что тебе не известны его пути. Приходится учить тебя этому совершенно так же, как учат ходить ребенка.
- Сколько еще мне предстоит учиться?
- Пока он сам по себе не начнет приобретать для тебя смысл.
- А потом?
- Потом сам все поймешь. Тебе больше не понадобится ничего мне рассказывать.
- Можешь ли ты мне внятно растолковать, куда тебя берет Мескалито?
- Тебе я этого не могу сказать.
- Я хочу только знать, существует ли какой-то другой мир, куда он берет людей.
- Существует.
- Это рай? («Рай» по-испански *cielo*, но это также «небо».)
- Он берет тебя сквозь небо (*cielo*).
- То есть, я хочу сказать, это то небо (*cielo*), где Бог?
- Ты говоришь чушь. Я не знаю, где Бог.
- Мескалито – это Бог, единый Бог? Или один из богов?
- Он просто защитник и учитель. Он – сила.
- Он что, сила внутри нас?
- Нет, Мескалито не имеет с нами ничего общего. Он вне нас.
- Но тогда каждый, кто принимает Мескалито, должен видеть его так же, как остальные.
- Ничего подобного. Для каждого он другой.

Четверг, 12 апреля 1962

- Почему ты не расскажешь мне побольше о Мескалито, дон Хуан?

- Нечего рассказывать.
- Но существует же, наверное, тысяча вещей, которые не мешало бы узнать прежде, чем я снова с ним встречу.
- Нет. Я думаю, что в твоём случае нет ничего такого, что тебе следовало бы знать. Я говорил уже – он с каждым другой.
- Я понял. Но все же хотелось бы знать, что обычно при встрече с ним испытывают.
- Суждения тех, кто о нем болтает, не многого стоят. Сам увидишь. Может статься, какое-то время и ты будешь молоть о нем языком, но вскоре тебе это опротивеет.
- А ты не мог бы все-таки рассказать мне о своем первом опыте?
- Зачем?
- Тогда я знал бы, как себя вести с Мескалито.
- Ты уже знаешь больше меня. Ты в самом деле играл с ним, как ни трудно в это поверить. Когда-нибудь ты убедишься, сколь добр был к тебе защитник. В тот первый раз, не сомневаюсь, он сказал тебе великое множество вещей, но ты был глух и слеп.

Суббота, 14 апреля 1962

- Когда Мескалито показывает себя, он может принимать любую форму?
- Да, любую.
- В таком случае, какие, по-твоему, наиболее обычны?
- Обычных нет.
- Ты хочешь сказать, что он является в любой форме даже тем, кто хорошо с ним знаком?
- Нет. В любой форме он является тем, которые с ним знакомы лишь недавно, но для тех, кто давно его знает, он всегда постоянен.
- Каким образом постоянен?
- Он является им иногда как человек, вроде нас с тобой, иногда как свет.
- Мескалито когда-нибудь изменяет свою постоянную форму с теми, кто хорошо его знает?
- Это не по моей части.

Пятница, 6 июля 1962

К вечеру 23 июня мы отправились в поход – как сказал дон Хуан, поискать «грибочки» (honguitos) в штате Чиуауа. Он предупредил, что поход будет длительным и нелегким; так оно и вышло. В десять вечера мы прибыли в небольшой шахтерский городок на севере штата. От улицы, где я поставил машину, мы прошли на

украину, к дому его друзей, индейца племени тараумара и его жены, и там заночевали.

Часов в пять утра нас разбудил хозяин, который принес кашу и бобы. Пока мы ели, он говорил с доном Хуаном, но о нашем путешествии не сказал ни слова.

После завтрака хозяин наполнил водой мою флягу и положил мне в рюкзак пару булок. Дон Хуан флягу сунул мне, рюкзак приладил поудобней у себя на спине, поблагодарил хозяина и, повернувшись ко мне, сказал:

— Ну, пошли.

Около мили мы шли по грунтовой дороге, потом свернули в поле и через два часа были у подножья гор к югу от города. Мы начали подниматься по пологому склону, двигаясь на запад; когда склоны стали круче, дон Хуан сменил направление, и мы пошли по плато на восток. Несмотря на преклонный возраст, дон Хуан шагал с такой скоростью, что к полудню я полностью выдохся. Мы сделали привал, и он достал провизию.

— Если хочешь, можешь все съесть, — сказал он.

— А ты?

— Я не голоден, а позже эта еда не понадобится.

Я очень устал и проголодался, поэтому не спорил. Я решил, что сейчас самое время узнать наконец о цели путешествия, и как бы невзначай спросил:

— Мы как, по твоим расчетам здесь надолго?

— Мы пришли сюда, чтобы собрать немного Мескалито, и будем здесь до завтра.

— Где это Мескалито?

— Да кругом.

Вокруг было полно кактусов разных видов, но пейота я среди них не заметил.

Мы снова отправились в путь и к трем пополудни оказались в длинной узкой долине среди крутых склонов. Мысль о том, что я, может, вот-вот найду пейот, который я никогда не видел в его природной среде, вызывала во мне необычное возбуждение. Мы вошли в долину и прошли около четырехсот футов, когда вдруг я заметил три несомненных пейота — целое семейство слева от тропы, поднимавшееся над землей на несколько дюймов.

Выглядели они как круглые мясистые зеленые розы. Я бросился к ним, крикнув дону Хуану.

Он точно не слышал и продолжал шагать, уходя все дальше. Я понял, что допустил оплошность, и весь остаток дня мы шли в молчании, медленно передвигаясь по плоской равнине, усеянной мелкими острыми камнями. Шли среди кактусов, вспугивая полчища ящериц, подчас одинокую птицу. Я без звука миновал дюжину кактусов пейота.

К шести вечера мы были у подножья гор на краю долины. Мы взобрались на скалистый уступ. Дон Хуан сбросил рюкзак и сел. Я опять проголодался, но еды больше не было. Я предложил собрать Мескалито и вернуться. Он поморщился и неодобрительно щелкнул языком, потом сказал, что здесь мы останемся на ночь. Мы спокойно сидели. Слева была скала, а справа оставшаяся позади нас долина. Она тянулась довольно далеко, и отсюда видно было, что она шире и не такая плоская, как я думал, а кроме того, оказалось, что в ней полно небольших холмов и впадин.

– Завтра двинемся обратно, – сказал дон Хуан, не глядя на меня и указывая на долину. – На обратном пути и будем его собирать. То есть подбирать его мы будем только когда он окажется прямо на нашем пути. Это он будет находить нас, и никак иначе. Если захочет, он нас найдет.

Дон Хуан прислонился к скале и, отвернувшись, продолжал говорить так, будто кроме нас здесь был еще кто-то.

– Еще одно. Брать его буду только я. Ты будешь нести рюкзак или, может быть, просто идти впереди, пока не знаю. Но только на этот раз ты не будешь вопить и мне на него указывать, как это устроил сегодня.

– Прости, дон Хуан.

– Ладно. Ты не знал.

– Твой бенефактор учил тебя всему этому про Мескалито?

– Нет. Про него никто меня не учил. Меня учил сам защитник.

– Так что, Мескалито – это что-то вроде человека, с которым можно поговорить?

– Нет.

– Как же он тогда учит?

Некоторое время он молчал.

– Помнишь, что было, когда ты с ним играл? Ты ведь понимал его, верно?

– Да, понимал.

– Вот так он и учит. Тогда ты этого не знал, но если бы ты был к

нему внимательней, он говорил бы тебе.

– Когда?

– Когда ты впервые его увидел.

Его явно раздражали мои расспросы. Я сказал, что мне приходится расспрашивать, так как я хочу знать по возможности все.

– Спрашивай не *меня*, – мрачно улыбнулся он. – Спрашивай *его*. В следующий раз, как его увидишь, спроси обо всем, о чем пожелаешь.

– Так что, все-таки Мескалито – в самом деле кто-то вроде собеседника...

Но не дав мне закончить, он отвернулся, взял флягу, спустился со скалы и скрылся. Мне не хотелось оставаться здесь одному, и, хотя он меня не звал, я отправился следом. Мы прошли около пятисот футов к небольшому ручью. Он умылся и наполнил флягу, потом прополоскал рот, но не пил. Я зачерпнул воды и хотел напиться, но он меня остановил, сказав, что пить не обязательно.

Он сунул мне флягу и пошел обратно. Вернувшись на место, мы опять уселись лицом к долине, спиной к скале. Я спросил, не развести ли костер. Его реакция была как на вопрос совершенно нелепый; этой ночью, сказал он, мы в гостях у Мескалито, и уж защитник позаботится, чтобы нам было тепло.

Уже совсем стемнело. Дон Хуан достал два тонких хлопчатобумажных одеяла, одно из них бросил мне на колени и сел, скрестив ноги и накинув другое себе на плечи. Долина внизу скрывалась во тьме, и края ее тоже таяли в сумерках.

Дон Хуан сидел неподвижно, лицом к долине. Ровный ветер дул мне в лицо.

– Сумерки – трещина между мирами, – не поворачиваясь ко мне, тихо сказал он.

Я не переспрашивал. У меня устали глаза. Настроение вдруг стало приподнятым; почему-то неудержимо хотелось плакать.

Я лег ничком; лежать на твердом камне было страшно неудобно, и каждые несколько минут приходилось менять положение. Наконец я сел, тоже скрестил ноги и накинул одеяло на плечи. Как ни странно, эта поза оказалась чрезвычайно удобной, и я заснул.

Проснулся я оттого, что дон Хуан мне что-то говорит. Было очень темно, и я едва мог различить его силуэт. Я не разобрал, что он говорит, но последовал за ним, когда он начал спускаться с уступа. В темноте мы (я во всяком случае) двигались очень осторожно,

пока не остановились у подножья скалистого склона. Дон Хуан сел и знаком велел сесть слева от него. Он расстегнул рубашку, достал кожаный мешочек и, открыв его, положил перед собой. В мешочке было несколько сушеных бутонов пейота.

После долгой паузы он взял один бутон. Он держал его в правой руке, потирая между большим и указательным пальцами, и тихо пел, когда вдруг, совершенно внезапно, издал оглушительный крик: – АЙ-Й-И-И-И-И-И-И!!!...

Это было до того неожиданно и жутко, что я оторопел от страха. В полумраке я видел, как он поднес бутон ко рту и начал его жевать. Через минуту он поднял мешочек, протянул мне и шепотом велел взять Мескалито, затем положить мешочек на прежнее место и делать все в точности как он.

Я взял бутон и потер его так, как это делал дон Хуан. Он тем временем пел, раскачиваясь взад-вперед. Несколько раз я подносил бутон ко рту, но меня как-то останавливала эта необходимость вопить. Затем, словно во сне, из меня вырвался неистовый вопль: – АЙ-Й-И-И-И-И-И-И-И-И!!!...

На мгновение мне показалось, что это крикнул кто-то другой. Нервное потрясение опять отозвалось спазмами в желудке. Я падал назад, теряя сознание. Я положил бутон в рот и начал его жевать. Через какое-то время дон Хуан достал из мешочка другой бутон. Я с облегчением увидел, как после короткой песни он отправил его себе в рот. Он передал мешочек мне, и я, взяв следующий бутон, вернул мешочек на место. Это повторилось пять раз, пока я заметил признаки жажды. Я поднял флягу, чтобы напиться, но дон Хуан сказал, чтобы я не пил, а только прополоскал рот, иначе меня вырвет.

Я несколько раз тщательно прополоскал рот. В какое-то мгновение жажда стала ужасным искушением, и я проглотил немного воды. В желудке тотчас начались спазмы. Я ожидал безболезненного и свободного извержения, как при первом опыте с пейотом, но, к моему удивлению, сопровождавшие рвоту ощущения были обычными. Скоро она прекратилась.

Дон Хуан, взяв еще бутон, сунул мешочек мне, и цикл повторился, пока я не жевал четырнадцать бутонов. К этому времени исчезло всякое ощущение жажды, холода и неудобства. Напротив, я ощущал необычное тепло и возбуждение. Я взял флягу, чтобы прополоскать рот, но она была пустой.

– Может, сходим к ручью, дон Хуан?

Звук голоса не вышел изо рта, а отразился от неба в гортань и эхом катался туда и обратно. Эхо было тихим и музыкальным, казалось, его крылья ласкающими прикосновениями шелестят у меня в горле. Я следил за ними, пока все не стихло.

Я повторил вопрос. Голос был как из погребца.

Дон Хуан не ответил. Я встал и направился к ручью. Я обернулся к дону Хуану, не идет ли он со мной, но он, казалось, к чему-то внимательно прислушивался.

Он сделал рукой повелительный жест – замри.

– *Абутол* (так мне послышалось) здесь! – сказал он.

Раньше я ни разу не слышал этого слова и хотел переспросить, что он сказал, когда заметил звук, похожий на звон в ушах. Звук становился все громче, пока не превратился в рев. На несколько мгновений рев стал нестерпимым, а затем постепенно стих, и наступила полная тишина. Мощь и глубина звука устроили меня до полусмерти. Я так трясся, что едва держался на ногах, и все же мысли оставались совершенно ясными. Если еще недавно хотелось спать, то теперь весь сон как ветром сдуло, и пришла абсолютная ясность. Звук напомнил мне научно-фантастический фильм, в котором гигантская пчела, издавая гул крыльями, вылетает из зоны атомной радиации. От этой мысли я засмеялся. Я увидел дона Хуана, который вновь откинулся спиной к скале. Тут опять вернулся образ гигантской пчелы. Образ был более реальным, чем обычные мысли. Он был совершенно самостоятельным и осязаемым. Все остальное исчезло. Это беспрецедентное состояние ясности вызвало новый приступ страха.

Меня прошиб пот. Я наклонился к дону Хуану сказать ему, что мне страшно. Его лицо было от моего в нескольких дюймах. Он смотрел на меня, но его глаза были глазами пчелы – круглыми очками, светящимися во тьме собственным светом, а его вытянутые хоботком губы издавали прерывистый звук: «Пету-пету-пет-ту». Я отпрянул, едва не разбившись о скалу за спиной. Невыносимый ужас, который я испытал, длился, казалось, вечность. Я задыхался и скулил. Пот жестким панцирем замерзал на коже. Затем до меня дошел голос дона Хуана:

– Очнись! Шевелись! Да очнись же!

Все рассеялось, и я вновь видел его знакомое лицо.

– Я принесу воды, – после очередной бесконечной паузы сказал я.

Голос сорвался. Я с трудом выговаривал слова. Он кивнул. По пути я поймал себя на том, что страх исчез так же быстро и загадочно, как появился.

Приближаясь к ручью, я заметил, что вижу на пути каждый камешек. До меня дошло, что только что я ведь ясно видел дону Хуана, тогда как совсем недавно с трудом различал его силуэт. Я остановился и посмотрел вдаль, – я мог видеть даже по ту сторону долины. Там совершенно отчетливо виднелись отдельные валуны. Я подумал, что, наверное, уже светает и, стало быть, я выпал из времени. Я взглянул на часы. Десять минут двенадцатого! Я поднес часы к уху – они шли. Сейчас не мог быть полдень; значит, сейчас полночь! Я решил зачерпнуть из ручья воды и вернуться к дону Хуану, но увидел, что он спускается, и подождал его. Я сообщил ему, что вижу в темноте.

Он долго молча смотрел на меня, хотя, может быть, мне просто показалось, что он молчит. Я был поглощен своей чудесной способностью видеть в темноте. Я мог различить мельчайшие песчинки. Временами все было так ясно, что казалось, сейчас утренняя или вечерняя заря. Потом вновь темнело, вновь светлело. Вскоре я понял, что яркость совпадает с расширением сердца, а темнота – с сокращением. В соответствии с каждым ударом сердца мир становился ярче или темнее.

Меня полностью захватило это открытие, когда вновь появился прежний странный звук. Я сразу весь напрягся.

– *Ануктал* (так мне слышалось на этот раз) здесь, – сказал дон Хуан. Звук был таким громоподобным, таким всепоглощающим, что все остальное потеряло значение. Когда он стих, я заметил, что уровень воды в ручье значительно поднялся. Ручей, который минуту назад был шириною в ладонь, превратился в громадное озеро. Откуда-то сверху на его поверхность лился свет, как бы сверкавший сквозь густую листву. Время от времени вода на мгновение вспыхивала золотыми и черными искрами и вновь погружалась во тьму, но и во тьме ощущалось ее таинственное присутствие.

Не помню, как долго я оставался на берегу черного озера, сидя на корточках и наблюдая. Рев, должно быть, на то время утих, потому что именно он вернул меня к реальности. Я оглянулся в поисках дона Хуана и увидел, как он вскарабкался и исчез за уступом. Однако одиночество меня совсем не испугало; я остался сидеть на

корточках, предоставленный самому себе и не испытывая никакой тревоги. Вновь послышался рев – мощный, как гул ураганного ветра. Хорошенько к нему прислушавшись, можно было уловить определенную мелодию. Она состояла из высоких звуков, напоминавших человеческие голоса в сопровождении басового барабана. Я весь ушел в мелодию, и вновь заметил, что ритм барабана и рисунок мелодии совпадают с сокращениями сердца. Я встал, и музыка прекратилась. Я попытался различить удары сердца, но ничего не услышал. Я снова сел на корточки, думая, что, может быть, именно поэтому возникали звуки. Но ничего не случилось. Ни звука! Даже звука сердца! Я решил, что хватит, но когда поднялся уходить, то почувствовал толчки под ногами. Земля тряслась. Я терял равновесие. Я упал на спину и лежал навзничь, пока земля уходила в тартарары. Я попытался ухватиться за какой-нибудь куст, но подо мной все скользило. Я вскочил, секунду стоял и опять свалился. Земля подо мной двигалась, съезжая в воду, как плот. Я оставался без движения, парализованный абсолютным ужасом, столь же беспрецедентным, как все происходившее.

Я двигался через воды черного озера, вцепившись в клочок почвы, похожий на земляное бревно. Я смутно чувствовал, что течение увлекает меня на юг. Я видел, как вокруг струятся и взвихриваются потоки обтекавшей островок воды. На ощупь вода была холодной и странно тяжелой. Казалось, она живая.

Не было даже признаков берега или чего-нибудь в этом роде, и я не помню, что думал и испытывал во время этого путешествия. Прошли, казалось, долгие часы, когда плот подо мной сделал под прямым углом поворот налево. Скольжение длилось очень недолго, и неожиданно плот на что-то наткнулся. Инерция швырнула меня вперед. Я закрыл глаза и почувствовал от удара об землю острую боль в коленях и вытянутых руках. Через секунду я открыл глаза. Я лежал на земле. Похоже было, что мое земляное бревно врезалось в берег и слилось с землей. Я сел и оглянулся. Вода отступала! Она двигалась назад, как откатывающаяся волна, пока не исчезла.

Я долго сидел, пытаюсь собраться с мыслями и как-то сообразить, что же произошло. Все тело ныло; горло стало открытой раной: когда я «приземлялся», то прокусил себе губы. Я встал. Ветер напомнил, что я замерз. Одежда была мокрой насквозь. Руки,

челюсти и колени так тряслись, что пришлось снова лечь. Капли пота затекли в глаза и жгли их, пока я не взвыл от боли.

Со временем я как-то восстановил внутреннее равновесие и поднялся. В густых сумерках был ясно виден пейзаж. Я сделал пару шагов. До меня донесся отчетливый звук множества человеческих голосов. Казалось, они о чем-то громко спорят. Я пошел на звук. Я прошел примерно 50 ярдов и вдруг остановился. Впереди был тупик. Место, где я оказался напоминало загон для скота, образованный из огромных валунов. За ними виднелся еще ряд валунов, затем еще и еще и так вплоть до отвесного склона. Это откуда-то оттуда доносилась удивительная музыка – непрерывный жуткий поток сверхъестественных звуков.

Под одним из валунов я увидел в профиль человека, сидевшего на земле. Я приблизился к нему до расстояния в десять футов; туг он повернул голову и взглянул на меня. Я замер: его глаза были водой, которую я только что видел! Они были так же необъятны и сверкали теми же золотыми и черными искрами. Его голова была заостренной, как ягода клубники, кожа зеленой, усеянной множеством бородавок. За исключением заостренной формы, голова была в точности как поверхность пейота. Я стоял перед ним, не в силах отвести глаза. Было такое чувство, будто он умышленно давит мне на грудь своим взглядом. Я задышался. Я потерял равновесие и упал. Его глаза отвернулись. Я услышал, что он говорит со мной. Сначала голос был как тихий шелест ветра. Затем он превратился в музыку – в мелодию голосов, и я «знал», что сама мелодия говорит: «Чего ты хочешь?»

Я упал перед ним на колени и стал рассказывать о своей жизни, потом заплакал. Он вновь взглянул на меня. Я почувствовал, что его глаза меня отталкивают, и подумал, что пришла смерть. Он сделал знак подойти поближе. Заколебавшись на мгновение, я сделал шаг вперед. Когда я приблизился, он отвел взгляд и показал тыльную сторону ладони. Мелодия сказала: «Смотри!» Посреди ладони было круглое отверстие. «Смотри!» – вновь сказала мелодия. Я посмотрел в отверстие и увидел самого себя. Я был очень старым и слабым и бежал от настигавшей меня погони, а вокруг носились яркие искры. Затем три попали в меня, две – в голову и одна – в левое плечо. Фигурка в круглом отверстии секунду стояла, потом выпрямилась совершенно вертикально и исчезла вместе с отверстием.

– Мескалито вновь обратил на меня свой взгляд. Его глаза были так близко, что я «услышал», как они тихо гремят тем самым непонятным звуком, которого я наслышался за эту ночь. Постепенно глаза стали спокойными, пока не превратились в озерную гладь, мерцающую золотыми и черными искрами. Он опять отвел глаза и вдруг отпрыгнул легко как сверчок на добрых пятьдесят ярдов. Он прыгнул еще раз и еще раз и исчез. Потом, помню, я пошел. Напрягая сознание, я пытался распознать ориентиры, – к примеру, горы вдали. Все, что я пережил, совершенно исчерпало мои умственные силы, но я смутно соображал, что север должен быть где-то слева. Я долго шел, пока спохватился, что уже день и что я уже не использую свое «ночное видение». Я вспомнил, что у меня есть часы, и посмотрел на циферблат – часы показывали восемь утра. Было около десяти, когда я добрался до уступа с нашей стоянкой. Дон Хуан лежал на земле и спал.

– Ты где был? – спросил он.

Я сел перевести дыхание. После долгого молчания он спросил:

– Видел его?

Я начал рассказывать ему все с самого начала, но он меня прервал и сказал: важно лишь одно – видел ли я его. Он спросил, как близко от меня был Мескалито. Я сказал, что почти его касался. Дон Хуан сразу оживился и на этот раз внимательно выслушал все в деталях, уточняя мой рассказ лишь вопросами насчет формы существа, которое я видел, его характера и прочего.

Было уже около полудня, когда он, видимо, узнал наконец от меня все что нужно. Он поднялся и привязал мне на грудь холщовый мешок. Он велел идти за ним и сказал, что будет срезать Мескалито и передавать мне, а я должен буду осторожно укладывать их в сумку.

Мы попили немного воды и двинулись в путь. Когда мы достигли края долины, он, похоже, секунду раздумывал, в каком направлении идти, а затем мы уже шли все время по прямой. Каждый раз, как мы подходили к побегам пейота, он склонялся перед ним и с крайней осторожностью срезал верхушку своим коротким ножом с зубчатым лезвием. Срез он делал вровень с землей и затем сыпал «рану», как он ее называл, очищенной серой, которую нес в кожаном мешке. Бутон кактуса он держал в левой руке, а срез сыпал правой. Потом поднимался и передавал

мне бутон, который я, по его указанию, брал обеими руками и клал в мешок.

– Стой прямо и следи, чтобы мешок не коснулся земли или кустов, или еще чего-нибудь, – то и дело повторял он, словно опасаясь, что я забуду.

Мы собрали шестьдесят пять бутонов. Когда мешок был полон, дон Хуан закинул его мне на спину, а на грудь повесил другой. Под конец, когда мы пересекли долину, у нас было уже два полных мешка, а в них сто десять бутонов пейота. Мешки были такие тяжелые и громоздкие, что я едва плелся. Дон Хуан прошептал мне на ухо – мешки потому такие тяжелые, что Мескалито хочет вернуться к земле. Мескалито такой тяжелый от печали при расставании со своей родиной; моя задача – чтобы мешки ни в коем случае не коснулись земли, иначе Мескалито уже никогда мне не дастся в руки.

В какое-то мгновение давление лямок на плечи стало невыносимым. Что-то с чудовищной силой гнуло меня к земле. Меня охватило страшное предчувствие. Я заметил, что ускоряю шаг, почти бегу: можно сказать, я трусцей несясь за доном Хуаном. Вдруг тяжесть на спине и груди исчезла, ноша стала легкой, точно в мешках была губка. Я едва не налетел на дона Хуана и сказал ему, что больше не чувствую тяжести. Ясное дело, обронил он, мы ведь вышли из владений Мескалито.

Вторник, 3 июля 1962

– Ну, кажется, Мескалито тебя почти принял, – сказал дон Хуан.

– Почему «почти»?

– Он тебя не убил и не нанес тебе никакого вреда. Положим, он тебя порядком напугал, так ведь в этом ничего плохого. Если бы он вообще тебя не принял, то явился бы тебе полным ярости чудовищем. Некоторым довелось испытать всю глубину ужаса при встрече с ним, когда он их отверг.

– Если он так устрашающ, то почему ты мне ничего об этом не сказал прежде, чем повести туда к нему?

– У тебя нет мужества для намеренной встречи с ним. Я решил, что тебе лучше не знать.

– Но я же мог умереть!

– Мог. Но я был уверен, что все обойдется. Он ведь уже играл с тобой – и не сделал тебе ничего плохого. Я решил, что и на этот раз он будет к тебе расположен.

Я спросил его, почему он так уверен в том, что Мескалито ко мне расположен. Мой опыт был устрашающим; не понимаю, как я не умер от страха.

Дон Хуан ответил, что Мескалито был со мною сама доброта: он показал мне картинку, которая была ответом на вопрос.

Мескалито, сказал дон Хуан, дал тебе урок. Я спросил, что это за урок и что он означает. На такой вопрос, сказал дон Хуан, ответить невозможно, потому что ты был слишком испуган, чтобы точно знать, о чем спрашиваешь у Мескалито.

Дон Хуан велел мне вспомнить хорошенько, что я сказал Мескалито перед тем, как он показал мне картинку в ладони. Но я не мог вспомнить. Я помнил только, как упал на колени и начал ему исповедоваться.

Дону Хуану, похоже, этот разговор надоел. Я спросил:

– Можешь ты меня научить словам песни, которую пел?

– Нет, не могу. Это мои собственные слова, им меня обучил сам защитник. Песни – мои песни. Я не могу рассказать тебе, что они такое.

– Почему не можешь?

– Потому что эти песни – связь между мной и защитником. Я уверен, когда-нибудь он научит тебя твоим собственным песням. Подожди до тех пор; и никогда не копируй песни, которые принадлежат другому, и не спрашивай о них.

– А что это за имя, которое ты называл? Хотя это ты можешь мне сказать?

– Нет. Его имя никогда не должно упоминаться, его произносят только когда зовут его. – А если я сам захочу позвать его?

– Если когда-нибудь он примет тебя, то скажет тебе свое имя. Это имя будет только для тебя одного – чтобы громко звать его или спокойно произносить про себя. Как знать, может, он скажет, что его зовут Хосе?

– Почему нельзя упоминать его имени?

– Ты что, не видел его глаза? С защитником шутки плохи. А я тебе никак не втолкую, что это значит – что он с тобой играл!

– Какой же он защитник, если может кому-то причинить вред?

– Ответ очень прост. Мескалито – защитник, потому что доступен каждому, кто его ищет.

– Но ведь все в мире доступно каждому, кто ищет, разве не так?

– Нет, не так. Союзные силы доступны только брухо, а к

Мескалито может приобщиться каждый.

– Но почему же тогда он некоторым приносит вред?

– Те, кому он приносит вред, не любят Мескалито, и однако ищут его в надежде что-нибудь получить без особых трудов.

Естественно, что для таких людей встреча всегда ужасна.

– Что происходит, когда он полностью принимает человека?

– Он является ему как человек или как свет. Когда человек наконец заслужит это, Мескалито становится постоянным. Он больше не меняется. Может быть, когда ты вновь встретишься с ним, он будет светом, и однажды даже возьмет тебя в полет и откроет тебе все свои тайны.

– Что мне нужно делать, чтобы достичь этого, дон Хуан?

– Тебе надо быть сильным человеком, и твоя жизнь должна быть правдивой.

– Что такое «правдивая жизнь»?

– Жизнь, прожитая в полном сознании и с полной ответственностью, хорошая, сильная жизнь.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 5

Время от времени дон Хуан словно мимоходом спрашивал, как там посаженный мной дурман. За прошедший год саженец вырос в большой куст, принес семена, и семенные коробочки высохли. Наконец дон Хуан, вероятно, решил, что пришло для меня время узнать о «траве дьявола» побольше.

Воскресенье, 27 января 1963

Сегодня я получил от дон Хуана предварительную информацию насчет «второй порции», которая составляет следующий этап в традиционном обучении. По его словам, только с этой порции начинается настоящее обучение; в сравнении с ней первая порция – для детей. Вторая порция должна быть освоена в совершенстве, ее надлежит принять, сказал дон Хуан, по крайней мере раз двадцать, прежде чем приступить к третьей. Я спросил:

– Что дает вторая порция?

– Ее используют для виденья. С ее помощью человек может переноситься по воздуху и увидеть все, что пожелает.

– Что, в самом деле можно летать по воздуху, дон Хуан?

– Почему же нет? Я уже говорил тебе, «трава дьявола» для тех, кто ищет силы. Освоивший вторую порцию может с помощью «травы дьявола» делать невообразимые вещи, чтобы получить еще больше силы.

– Ну а например, какие вещи, дон Хуан?

– Этого я не могу сказать. У каждого по-разному.

Понедельник, 28 января 1963

Дон Хуан сказал:

– Если у тебя на втором этапе все пройдет успешно, мне останется только показать следующий. Лично я в процессе обучения понял, что «трава дьявола» не для меня, и решил оставить ее путь.

– Что привело тебя к этому решению?

– Несколько раз она меня чуть не убила. Однажды было так плохо, что под конец я думал – от боли мне крышка. Но все же выкарабкался.

– Что, был какой-то особый способ этого избежать?

– Да, есть один способ.

– Это что, заклинание, процедура или еще что-нибудь?

– Это способ схватывания вещей. Например, когда я учился «траве дьявола», я был слишком жаден и нетерпелив.

Я хватался за вещи, как дети хватаются за сладости. «Трава дьявола» – это лишь один из миллиона путей. Да и все что угодно – лишь один путь из миллиона (*un camino entre cantidades de aminos*). Поэтому ты всегда должен помнить, что путь – это только путь; если ты чувствуешь, что он не по тебе, то должен оставить его любой ценой. Чтобы обладать такой ясностью, ты должен вести дисциплинированную жизнь. Только при этом условии ты будешь знать, что любой путь – это всего лишь путь, и ничто не мешает ни тебе самому, ни кому угодно оставить его, если это велит тебе твое сердце. Но предупреждаю: твое решение должно быть свободно от страха или честолюбия. Смотри на любой путь прямо и без колебаний. Испытай его столько раз, сколько найдешь нужным. Затем задай себе, и только себе самому, один вопрос. Этот вопрос задают лишь очень старые люди. Мой бенефактор задал мне его однажды, когда я был молод, но понять его мне тогда помешала слишком горячая кровь. Теперь я его понимаю. Я задам этот вопрос тебе: имеет ли твой путь сердце? Все пути одинаковы: они ведут никуда. Они ведут через кусты или в кусты. Я могу сказать, что в своей жизни прошел длинные-длинные пути, но я не нахожусь нигде. Таков смысл вопроса, который задал мой бенефактор.

Есть ли у этого пути сердце? Если есть, то это хороший путь: если нет, то от него никакого толку. Оба пути ведут никуда, но у одного есть сердце, а у другого – нет. Один путь делает путешествие по нему радостным: сколько ни странствовать, ты и твой путь нераздельны. Другой путь заставит тебя проклинать свою жизнь. Один путь дает тебе силы, другой – уничтожает тебя.

Воскресенье, 21 апреля 1963

Пополудни во вторник 16 апреля я отправился с доном Хуаном в горы, туда, где рос его дурман. Он велел подождать в машине. Вернулся дон Хуан почти через три часа с завернутым в красную тряпку свертком.

Когда мы поехали назад, он сказал, указывая на сверток, что это его последний мне подарок.

Я спросил, не значит ли это, что он больше не будет меня учить.

Он объяснил, что имел в виду тот факт, что у меня теперь есть свое созревшее растение, и в его растениях я больше не нуждаюсь.

Вечером мы уселись в его комнате. Он вытащил хорошо обработанную каменную ступку и пестик. Чаша ступки была примерно шесть дюймов в диаметре. Развернув большой сверток, полный мешочков поменьше, он отобрал из них два и положил рядом со мной на циновку: затем добавил к ним еще четыре такого же размера из свертка, который мы привезли. Он сказал, что это семена и что я должен растереть их в мелкий порошок. Дон Хуан сам развернул первый мешочек и часть его содержимого отсыпал в ступку. Семена были сухие и круглые, по цвету напоминающие желтую карамель.

Я начал работать пестиком; спустя несколько минут он меня поправил, сказав, что нужно не толочь по дну, а орудовать пестиком от одного края к другому, по всему диаметру. Я спросил, что он собирается делать с тем, что получится, но он не ответил. Семена первой порции оказались ужасно твердыми. Чтобы их размолоть, мне понадобилось часа четыре. От позы, в которой я сидел, болела спина. Я лег и хотел тут же уснуть, но дон Хуан открыл следующий мешочек и отсыпал из него в ступку. Эти семена были темнее и точно слиплись между собой. То, что осталось в пакете, напоминало порошок из крохотных круглых темных зерен.

Я хотел перекусить, но дон Хуан сказал, что если я хочу учиться, то должен следовать правилу. А правило таково, что, узнавая секреты второй порции, я могу лишь выпить немного воды. В третьем мешочке была горсть живых черных зернистых жучков. Содержимое последнего мешочка составляли свежие белые семена, мягкие как каша, но волокнистые и трудно поддающиеся растиранию в тонкую пасту, как он от меня требовал.

После того, как я кончил растирать содержимое четырех мешочков, дон Хуан отмерил две чашки зеленоватой воды, вылил ее в глиняный горшок и поставил горшок на огонь. В закипевшую воду он добавил первую порцию растертых семян. Дон Хуан помешивал в горшке длинной острой щепкой или костью, которую вытащил из своей кожаной сумки. Как только вода вновь закипела, он добавил одну за другой остальные субстанции, следуя той же процедуре. Затем он добавил еще одну чашку зеленоватой воды и оставил смесь на малом огне.

– Теперь очередь за корнем, – сказал дон Хуан и осторожно извлек из свертка, который мы привезли, длинный кусок корня дурмана. Корень был примерно шестнадцать дюймов длиной и толщиной около полутора дюймов. Это и есть вторая порция, сказал дон Хуан и снова отмерил ее сам, поскольку это был пока что *его* корень. Он сказал, что для следующего моего опыта с «травой дьявола» я сам буду отмерять корень.

Он подтолкнул ко мне ступку, и я принялся толочь корень совершенно так же, как толоч первую порцию дон Хуан. Под его руководством я выполнил всю последовательность в том же порядке, и истолченный корень мы оставили на ночь вымачиваться под открытым небом. К тому времени кипевшая в глиняном горшке смесь загустела. Дон Хуан снял горшок с огня, положил его в сетку и повесил к потолочной балке посреди комнаты.

Утром 17 апреля, часов примерно в восемь, мы принялись выщелачивать экстракт корня отваром. Вновь был ясный солнечный день, и дон Хуан вновь сказал – это признак того, что «травя дьявола» ко мне благосклонна. По контрасту с тобой, сказал дон Хуан, я только вспоминаю, до чего все было скверно у меня самого.

Процедура выщелачивания экстракта была в точности такой же, какую я наблюдал при изготовлении первой порции. К вечеру, когда мы слили воду в восьмой раз, на дне чашки осталась ложка желтоватой субстанции.

Мы вернулись к нему в комнату, где еще оставались два мешочка, которые дон Хуан пока не трогал.

Он открыл один из них, сунул в него руку, а другой рукой обернут края мешочка вокруг запястья. Он, похоже, ухватил что-то, судя по тому, как двигалась его рука в мешке. Внезапно он быстрым движением стянул мешок с руки, вывернув его как перчатку, и поднес руку к самым моим глазам. В руке была ящерица. Ее голова была от моих глаз всего в нескольких дюймах. С пастью ящерицы было что-то странное. Секунду я глядел, и тут же невольно отпрянул. Пасть была зашита грубыми стежками. Дон Хуан приказал мне взять ящерицу левой рукой и держать покрепче. Я сжал ее; хвост обвился вокруг ладоней. Я почувствовал тошноту. Ладони сразу вспотели.

Он взял последний мешочек и, повторив те же движения, извлек другую ящерицу. У этой были сшиты веки. Ее он велел мне

держат в правой руке.

Когда обе ящерицы оказались у меня в руках, я был близок к обмороку. Я чувствовал непреодолимое желание бросить ящериц и бежать отсюда.

– Смотри не задави, – приказал он, и его голос вернул меня к действительности.

Он спросил, что со мной такое. Хотя лицо его оставалось серьезным, видно было, что он с трудом удерживается от смеха. Я хотел было облегчить хватку, но ладони так вспотели, что ящерицы начали выскользывать. Их острые коготки царапали кожу, вызывая омерзение и тошноту. Я зажмурился и стиснул зубы. Одна из ящериц уже почти выползла мне на запястье; чтобы удрать, ей оставалось только протиснуть голову сквозь пальцы. Я чувствовал непередаваемое физическое отвращение, близкое к отчаянию. Я прорывал сквозь зубы, чтобы он убрал от меня мерзких тварей. У меня начала трястись голова. Он посмотрел на меня с невинным любопытством. Я рычал и топтался как медведь. Наконец он выхватил ящериц, сунул их обратно и принялся хохотать. Я хотел было тоже засмеяться, но желудок у меня свело, и я лег.

Я начал оправдываться, что, мол, все это из-за острых коготков ящериц, царапавших ладони. Он сказал, что существует множество вещей, способных свести с ума, в особенности если у тебя нет решимости, нет устремленности, необходимой для обучения; но если у человека непоколебимая устремленность, никакие эмоции не могут быть препятствием, потому что он способен держать их в узде.

Дон Хуан переждал, а затем в той же последовательности вновь вручил мне ящериц. Он приказал держать их головами вверх и мягко поглаживать ими виски, точно спрашивая у них все, что я хотел бы узнать.

Сначала я не понял, чего он от меня хочет. Он вновь велел задать ящерицам любой вопрос, на который сам я не могу ответить. Он привел целый ряд примеров: узнать что нужно о людях, которых я обычно не вижу, или о пропавших вещах, или о местах, где я не бывал. Тут я понял, что он говорит о ясновидении. Меня охватило сильное возбуждение, сердце заколотилось. Я почувствовал, что у меня перехватывает дыхание.

Он предупредил, что на первый раз нельзя спрашивать ни о чем

личном: лучше думать о чем-нибудь, что не имеет ко мне отношения. Думать нужно быстро и отчетливо, потому что эти мысли потом не будет возможности исправить.

Я стал лихорадочно придумывать, что бы такое узнать. Дон Хуан торопил меня, и я в растерянности обнаружил, что в голову не приходит ничего стоящего.

После мучительно долгого поиска я все же нашел один вопрос.

Когда-то из читального зала кто-то украл кучу книг. Это не был личный вопрос, но он меня интересовал. У меня не было никаких догадок или предположений относительно того или тех, кто взял книги. Я погладил ящерицами виски, спрашивая, кто был вором. Немного погодя дон Хуан убрал ящериц в мешки и объяснил, что с корнем и пастой никаких особых секретов нет Паста изготавливается, чтобы дать направление; корень приносит ясность. Настоящая тайна – это ящерицы. Они и есть самое главное во всем колдовстве со второй порцией. Я спросил – они что, какие-то особенные? Да, ответил он, они должны быть из той местности, где растет твое собственное растение; они должны быть твоими друзьями, а чтобы подружиться, нужно сначала долго за ними ухаживать, приносить им пищу и говорить добрые слова.

Я спросил, почему так важна их дружба. Ящерицы позволяют себя поймать только тому, кого они знают, и любой, кто всерьез воспринимает траву дьявола, ящериц тоже должен воспринимать всерьез. Ловить их, как правило, следует только тогда, когда паста и корень уже готовы, и обязательно в конце дня. Если ты не очень дружен с ящерицами, сказал он, то на попытки поймать их, причем безуспешные, может уйти несколько дней, а паста хранится только один день. Затем он дал мне подробные инструкции относительно того, что делать с пойманными ящерицами.

– Когда поймаешь ящериц, посади их в отдельные мешочки.

Потом возьми первую и поговори с ней. Попроси прощения, что причиняешь ей боль, и попроси тебе помочь. И деревянной иглой зашей ей пасть. Для этого используй шип растения чойа и волокно агавы. Стежки стягивай туго. Потом то же самое скажи второй ящерице и зашей ей веки. К ночи все должно быть готово. Возьми ящерицу с зашитой пастью и объясни ей, что ты хочешь узнать. Попроси ее пойти и посмотреть за тобой; скажи ей, что ты был вынужден зашить ей пасть, чтобы она спешила назад к тебе и по дороге ничего никому не рассказала. Окуни ее в пасту после того,

как помажешь ей голову, и опусти на землю. Если она побежит в сторону твоей удачи, то колдовство будет успешным и легким. Если она побежит в противоположную сторону, то колдовство не получится. Если ящерица пойдет к тебе (на юг), то можно ожидать особой удачи; но если будет убегать от тебя (на север), то колдовство будет ужасно трудным. Ты можешь даже погибнуть. Поэтому если ящерица бежит прочь от тебя, это удобный момент, чтобы отступить. В этот момент можешь принять именно такое решение. В этом случае ты потеряешь возможность командовать ящерицами, но это лучше, чем потерять жизнь. Однако ты можешь решиться все же продолжать колдовство вопреки моему предупреждению. Тогда следующий шаг – взять вторую ящерицу и попросить ее выслушать рассказ сестры и пересказать его тебе.

– Но как может ящерица с зашитой пастью рассказать мне, что она видела? Разве ее пасть зашита не для того, чтобы она молчала?

– Пасть ей зашивают для того, чтобы она не болтала первому встречному. Говорят, что ящерицы болтливы: они повсюду останавливаются поболтать. Как бы там ни было, следующий шаг – смазать ей пастой позади головы, потом потри ее головой свой правый висок, только смотри, чтобы паста не попала на середину твоего лба. В самом начале обучения неплохо привязывать ящерицу за середину туловища к правому плечу. Тогда ты не потеряешь ее и не покалечишь. Но в дальнейшем, когда ты познакомишься с силой «травы дьявола» поближе, ящерицы научатся повиноваться тебе и сами будут крепко держаться у тебя на плече. После того, как ты ящерицей нанес себе пасту на правый висок, опусти пальцы обеих рук в горшок и разотри пасту сначала на обоих висках, а затем смажь ею голову с обеих сторон. Паста быстро высыхает, и ее можно накладывать столько раз, сколько понадобится. При нанесении пасты каждый раз сначала используй голову ящерицы, а затем уже свои пальцы. Рано или поздно та ящерица, что убежала смотреть, вернется и расскажет все о путешествии своей сестре, а слепая ящерица все это передаст тебе, как будто вы одной крови. Когда колдовство будет закончено, отпусти ящерицу, но не смотри, куда она побежит. Выкопай глубокую яму голыми руками и зарой туда все, чем пользовался. Около шести вечера дон Хуан выскреб из горшка экстракт корня на плоскую сланцевую плиту. Получилось меньше чайной ложки желтоватого крахмала. Половину его он положил в чашку и долил

немного желтоватой воды. Взболтав чашку, чтобы растворить смесь, он вручил ее мне и велел выпить. Смесь была безвкусной, но оставила во рту горьковатый привкус. Вода оказалась слишком горячей, и пить было неприятно. Сердце стало колотиться, но скоро все прошло.

Дон Хуан взял другую чашку с пастой. У пасты была гляцевитая поверхность, она казалась застывшей. Я попробовал проткнуть корку пальцем, но дон Хуан мгновенно ко мне подскочил и отшвырнул мою руку. Он был в ярости; он процедил, что такая попытка с моей стороны – чистейшее безумие, и что если я его ученик, то это еще не значит, что я могу вести себя как идиот и делать что в голову взбредет. Это – сила, отчеканил он, указав на пасту, и никто не может сказать, что она такое в действительности. Уже в том, что мы ею манипулируем в собственных интересах, мало хорошего, но тут ничего не поделаешь, мы – люди: однако мы по крайней мере обязаны обращаться с нею с должным почтением.

Смесь выглядела как овсянка – вероятно, благодаря содержащемуся в ней крахмалу. Дон Хуан велел мне достать мешочки с ящерицами. Он вынул ящерицу с зашитой пастью и осторожно передал мне, приказав взять левой рукой, зачерпнуть немного пасты на палец и растереть у ящерицы на лбу, затем опустить ящерицу в горшок и держать там, пока паста всю ее не покроет.

Затем он велел вынуть ящерицу из горшка. Взяв горшок, он повел меня к скалам неподалеку от дома. Дон Хуан указал на большую скалу и велел сесть перед ней, как если бы это было мое растение дурмана. Держа ящерицу перед глазами, я должен был вновь объяснить ей, что я хочу узнать, и попросить ее пойти и найти для меня ответ.

Он посоветовал извиниться перед ящерицей за то, что я причиняю ей неудобство, и пообещать ей, что взамен я буду добрым ко всем ящерицам. Потом он велел взять ящерицу между средним и безымянным пальцами левой руки – там, где он когда-то сделал порез, – и танцевать вокруг скалы точно так же, как я делал, когда пересаживал корень травы дьявола; он спросил, помню ли я все, что делал в тот раз. Я сказал, что помню. Он подчеркнул, что делать все нужно в точности так же, и если я что-то забыл, необходимо подождать, пока все станет на место. Он особенно

предупредил меня, что если я буду спешить и действовать необдуманно, то могу здорово себе навредить. Напоследок я должен был положить ящерицу с зашитой пастью на землю и следить, куда она побежит, чтобы предугадать исход колдовства. Он сказал, что я ни на секунду не должен отрывать глаз от ящерицы, потому что у ящериц обычный трюк – усыпить внимание и юркнуть неизвестно куда.

Еще не совсем стемнело. Дон Хуан взглянул на небо.

– Ну, оставайся, – сказал он и ушел.

Я выполнил все его указания, а затем положил ящерицу на землю. Ящерица неподвижно стояла там, где я ее оставил, затем посмотрела на меня, побежала к скалам на востоке и скрылась.

Я сел на землю перед скалой, как перед своим растением дурмана.

Меня охватила глубокая печаль. Я думал о ящерице с зашитой пастью, о ее странном путешествии и о том, как она взглянула на меня перед тем, как убежать. Это была болезненная и неотвязная проекция. В определенном смысле я тоже был ящерицей, совершающей странное путешествие. Может быть, моя судьба состояла единственно в том, чтобы видеть, и о том, что я вижу, мне, возможно, никогда никому не удастся рассказать.

Уже совсем стемнело. Я с трудом различал скалы перед собой.

Мне вспомнились слова дона Хуана: «Сумерки – это трещина между мирами».

После долгих колебаний я приступил к выполнению предписаний.

Паста, хоть и выглядела как овсянка, на ощупь была очень скользкой и холодной, с необычным острым запахом. Она быстро высыхала на холодеющей коже. Я натер виски одиннадцать раз, не заметив никакого эффекта. Я тщательнейшим образом старался не пропустить ни малейшего изменения в восприятии или, скажем, в своем настроении, потому что даже не знал, чего ждать. К слову сказать, я до сих пор не понимал, в чем суть этого опыта.

Паста высохла и стянула виски. Я собирался нанести на них еще пасты и вдруг обнаружил, что сижу на пятках, по-японски. До этого я сидел скрестив ноги и, хорошо помню, не менял положения. Прошло какое-то время, прежде чем я сообразил, что сижу на полу под чем-то вроде свода с высокими арками. Мне показалось, что арки кирпичные, но присмотревшись, я увидел, что они из камня.

Этот переход был очень трудным, и произошел он так внезапно,

что застал меня врасплох. Восприятие элементов видения было рассеянным, как во сне, однако компоненты не изменялись, они оставались постоянными. Я мог остановиться взглядом на любом из них и буквально его обследовать. В отличие от пейотного виденье не было слишком ясным и реальным. Оно было как бы затуманенным, благодаря чрезвычайно приятным пастельным тонам.

Я попытался встать и тут же обнаружил, что уже куда-то перенесся. Это была лестница. На самом ее верху стоял я, а внизу — одна моя знакомая. Ее глаза лихорадочно блестели. В них светилось безумие. Она так громко смеялась, что, казалось, сама была этим испугана. Она начала подниматься по лестнице. Мне хотелось убежать, скрыться, потому что, я знал, недавно она разбилась на мотоцикле. Я укрылся за колонной, и моя знакомая, не заметив меня, прошла мимо. «Сейчас она отправляется в далекое путешествие», — подумал я. Последней мыслью, которую я запомнил, было: «Она смеется всякий раз, когда должна разбиться».

Внезапно картина стала очень ясной и совершенно не похожей на сон. Это была как бы обычная сцена из жизни, но я видел ее словно через оконное стекло. Я попробовал коснуться колонны, однако ощутил только то, что не могу пошевелиться. В тот миг я точно знал, что могу оставаться здесь и наблюдать за происходящим сколько захочу. Я был внутри этой картины, и все же не был ее частью.

На меня нахлынул поток противоречивых мыслей и логических доводов. Насколько я мог судить, я был в обычном трезвом сознании, каждый элемент восприятия был на своем месте. И все же я знал, что это не обычное состояние.

Картина резко изменилась. Ночь. Я в холле какого-то здания. Темнота внутри здания дала мне понять, что предыдущая сцена была залита ярким солнечным светом. Однако ранее солнечное освещение было так естественно, что я его не заметил.

Всмотревшись, я увидел молодого человека, который выходил из комнаты, неся на плечах большой рюкзак. Я не знал, кто он такой, хотя где-то его видел. Он прошел мимо и стал спускаться по лестнице. К этому времени я забыл о своем первоначальном намерении и логическом тупике. «Кто этот парень? — подумал я. — Почему я его вижу?»

Картина вновь изменилась, и я увидел, как молодой человек выкладывает книги. Он склеивал некоторые страницы, стирал надписи и т.п. Затем я увидел, как он аккуратно расставляет книги в шкаф. В комнате было много полок и шкафов. Происходило это, видимо, в хранилище. Другие картины приходили мне в голову, но не такие ясные. Сцена затуманилась. Я ощутил вращение и очнулся.

Дон Хуан тряс меня за плечи. Потом он помог мне встать, и мы пошли к его дому.

С того момента, как я начал растирать пасту на висках, прошло три с половиной часа, но видения могли длиться не более десяти минут. Я не испытывал никаких неприятных ощущений, просто был голоден и хотел спать.

Четверг 18 апреля 1963

Вчера ночью дон Хуан потребовал, чтобы я рассказал ему все, что видел. Но я слишком хотел спать и не мог сосредоточиться.

Сегодня, как только я проснулся, он вновь приступил к расспросам. – Кто тебе сказал, что эта твоя знакомая разбилась на мотоцикле? – спросил он, когда я закончил свой рассказ.

– Да никто, просто эта мысль почему-то пришла мне в голову.

– Ты полагаешь, это были твои мысли?

– Конечно, мои, – сказал я, хотя у меня не было оснований для предчувствия, что с моей знакомой несчастье. Мысли вообще были странные. Казалось, они возникали ниоткуда. Он пытливо смотрел на меня. Я спросил его – может, он мне не верит; он рассмеялся и сказал, что рассеянность и беспечность – мое обычное уязвимое место.

– Я что-то делал не так, дон Хуан?

– Ты должен был слушать ящериц.

– Как именно?

– Ящерка у тебя на плече описывала тебе все, что видела ее сестра. Она говорила с тобой и все тебе рассказывала, а ты не слушал, полагая, что слова ящерицы – твои собственные мысли.

Но это и были мои собственные мысли!

– Ничего подобного. В этом суть колдовства. Собственно говоря, видение следует скорее слушать, чем смотреть. Со мною было то же самое. Я хотел предупредить тебя, но вспомнил, что меня мой бенефактор не предупреждал.

– Был твой опыт похож на мой, дон Хуан?

- Нет. Я пережил адское путешествие. Я едва не умер.
- Почему адское?
- Наверное, потому, что «траве дьявола» я был не по нраву, а может потому, что я сам не знал толком, о чем хочу спросить, вот как ты вчера. Ты, должно быть, когда спрашивал о книгах, на самом деле думал о той девушке.
- Что-то я такого не припоминаю.
- Ящерицы никогда не ошибаются; каждую мысль они воспринимают как вопрос. Ящерица вернулась и рассказала тебе о твоей знакомой то, чего никто никогда не поймет, потому что даже ты не знаешь, каковы были твои мысли.
- Ну, а второе видение?
- Должно быть, когда ты задавал этот вопрос, твои мысли были устойчивы. Именно так следует совершать это колдовство: все должно быть предельно ясным.
- Ты хочешь сказать, что видение с девушкой не следует воспринимать всерьез?
- Как можно воспринимать его всерьез, если ты не знаешь, на какой именно вопрос отвечали ящери?
- Наверное, ящерица лучше поймет, если задавать только один вопрос?
- Да, так для нее будет яснее, но только если ты сможешь твердо удержать одну мысль.
- Но что будет, если этот вопрос окажется сложным?
- Пока твоя мысль устойчива и не отвлекается на посторонние предметы, она ясна ящеркам, а значит, и тебе будет ясен их ответ.
- Можно ли задавать ящерицам другие вопросы по ходу видения?
- Нет. Виденье состоит в том, чтобы смотреть на то, что тебе рассказывают ящерицы. Вот почему я сказал, что его следует скорее слушать, чем смотреть. Вот почему я велел не задавать лишних вопросов. Как правило, когда ты спрашиваешь о близких людях, искушение дотронуться до них или заговорить с ними слишком велико. Тогда ящерицы прекратят свой рассказ, и колдовство рассеется. Чтобы увидеть вещи, которые касаются лично тебя, ты должен знать много больше, чем сейчас. В следующий раз слушай внимательно. Я уверен, ящерицы рассказали тебе множество вещей, но ты не слушал.

Пятница, 19 апреля 1963

- Что я перетирал для пасты, дон Хуан?

– Семена «травы дьявола» и жучков, которые заводятся в семенных коробочках. Мерка – по одной горсти того и другого. – Он сложил ладонь лодочкой, показывая сколько.

Я спросил, что получится, если один из компонентов будет отсутствовать. Дон Хуан ответил, что такой эксперимент только оттолкнет «траву дьявола» и ящериц.

– С ящерицами нельзя ссориться, – сказал он, – поэтому на следующий день, к вечеру, ты должен вернуться к тому месту, где растет твое растение. Говори со всеми ящерицами и проси тех двух, что помогли тебе в колдовстве, выйти снова. Ищи до самой ночи. Если ничего не получится, значит нужно постараться найти их на следующий день. Если ты сильный, то найдешь обеих; как только нашел – съешь их на месте, и ты навсегда получишь способность видеть неизвестное. Тебе больше не понадобится вновь ловить ящериц, чтобы повторить это колдовство. С этих пор они будут жить внутри тебя.

– А как быть, если я найду только одну из них?

– Если ты найдешь только одну из них, то должен в конце концов ее отпустить. Если ты поймаешь ее в первый день, то не держи ее в надежде, что завтра поймаешь другую. Это только испортит вашу дружбу.

– А что будет, если я не найду ни одной?

– Так для тебя, я думаю, будет лучше всего. Это будет означать, что тебе придется ловить их заново всякий раз, когда понадобится их помощь, а кроме того, это означает, что ты свободен.

– Что значит – свободен?

– Свободен от рабства у «травы дьявола». Если ящерицы будут жить внутри тебя, «травя дьявола» уже никогда тебя не отпустит.

– Это плохо?

– Конечно, плохо. Она отрежет тебя от всего остального, и тебе придется всю жизнь ее ублажать, как своего союзника. «Трава дьявола» – собственница. Как только она завоюет тебя и станет твоей госпожой, тебе останется лишь один путь – ее путь.

– А что если я найду ящериц мертвыми?

– Если ты найдешь одну из ящериц или обеих мертвыми, то должен надолго оставить это колдовство. Пусть себе подождет. Вот, кажется, все, что я должен был тебе сказать; то, что я тебе рассказал, – это правило. Когда бы ты сам ни взялся за это колдовство, ты должен исполнять его строжайшим образом в той

последовательности, которую я тебе изложил, когда ты сидел перед своим растением. Еще одно. Пока колдовство не закончено, нельзя ни есть, ни пить.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 6

В учении дона Хуана следующий этап был связан с новым аспектом освоения второй порции корня *datura*. В период между двумя этапами в обучении дон Хуан интересовался только состоянием моего саженца.

Четверг, 27 июня 1963

– Прежде чем отправиться по пути «травы дьявола», неплохо ее вначале проверить, – сказал дон Хуан.

– Как проверить?

– Прodelай еще одно колдовство с ящерицами. У тебя есть все необходимое, чтобы задать ящерицам еще один вопрос, на этот раз без моей помощи.

– А нельзя обойтись без этого колдовства?

– Это самый верный способ узнать, что она чувствует по отношению к тебе. Она непрерывно тебя испытывает, поэтому будет вполне справедливо испытать и ее, и если где-нибудь на ее пути ты почувствуешь, что по какой-либо причине дальше идти не следует, то должен будешь просто остановиться.

Суббота, 29 июня 1963

Я вновь заговорил о «траве дьявола». Мне хотелось узнать о ней побольше, хотя не очень хотелось с нею связываться.

– Вторую порцию используют только для ясновидения или еще для чего, а, дон Хуан?

– Нет, не только. Помимо того, что с ее помощью учатся колдовству с ящерицами и заодно проверяют «траву дьявола», в действительности вторая порция используется для других целей. Колдовство с ящерицами – только начало.

– Тогда для чего же она используется? Вместо ответа он спросил, какой величины теперь побеги дурмана вокруг того, который я посадил. Я рукой показал размеры.

Дон Хуан сказал:

– Я учил тебя, как отличать мужскую особь дурмана, от женской. Теперь ступай к тому, что посадил, и принеси мне то и другое.

Сначала пойдешь к тому, что посадил, и тщательно проследишь на

земле следы дождевых потоков. К настоящему времени дождь, должно быть, далеко разнес семена. Проследи промоинки (zanjitas) от дождя и по ним определи направление потока. Затем разыщи тот дурман, который пророс дальше всех от твоего саженца. Все побеги дурмана, выросшие между ними, твои. Позже, когда осыплются семена, ты сможешь расширить свою территорию, следуя дождевым промоинкам от одного растения к другому. Он дал мне подробные указания, как изготовить нож для этой работы. Сам корень срезают следующим образом; во-первых, нужно выбрать растение и расчистить землю вокруг того места, где корень соединяется со стеблем. Во-вторых, я должен повторить в точности тот танец, который исполнял, когда пересаживал корень. В-третьих, я должен отрезать стебель, а корень оставить в земле. После этого следует выкопать шестнадцать дюймов корня. Он предостерег, чтобы на протяжении всего этого времени я не проронил ни слова и ничем не выдал свои чувства.

– Возьми с собой два куска материи, – сказал он, – расстели на земле и положи на них растения. Затем разрежь растения на части и сложи их. Последовательность – на твое усмотрение, но только хорошенько ее запомни, потому что должен будешь ее соблюдать и в дальнейшем. Как только все закончишь, принесешь мне.

Суббота, 6 июля 1963

В понедельник 1 июля я срезал растения datura, о которых говорил дон Хуан. Я подождал до полных сумерек, прежде чем вокруг них танцевать, поскольку не хотел, чтобы меня кто-нибудь увидел. Мне было здорово не по себе. Я был уверен, что кто-нибудь наверняка за мной подсматривает. Я заранее выбрал мужскую и женскую особь дурмана. От каждого растения нужно было отрезать по шестнадцать дюймов корня. Копать так глубоко палкой было нелегкой работой. Закончил я в полной темноте, потому, чтобы срезать корень, пришлось вытащить фонарик. Первоначальное опасение, что за мной будут подсматривать, было ничтожным против страха, что кто-нибудь заметит свет фонарика в кустах.

Во вторник 2 июля я принес растения дону Хуану. Он развязал узлы и, рассмотрев то, что я принес, сказал, что покамест все же даст мне семена от своих растений. Он поставил передо мной ступку и высыпал в нее из стеклянной банки сбившиеся в ком

сухие семена.

Я спросил, что это такое. Он ответил, что это семена, подпорченные жучками. В семенах я действительно заметил нескольких жучков. Он сказал, что это – особые жучки, их надо выбрать и положить в отдельную банку. Он дал мне другую банку, на треть полную таких же жучков. Банка была заткнута бумагой, чтобы они не расползлись.

– В следующий раз будешь использовать жучков со своих собственных растений, – сказал дон Хуан; – Срезать надо семенные коробочки, в которых маленькие дырочки, – они полны жучков. Откроешь коробочку и выскребешь из нее все содержимое в кружку. Соберешь горсть жучков и положишь их в другую посудину. С ними не церемонься. Отмеришь горсть семян, прогрызенных жучками, и горсть жучков, все остальное закопаешь на юго-восток от своего растения. Таких семян можешь собрать сколько захочешь: они всегда пригодятся. Неплохо семена из коробочек выбрать там же, чтобы на месте закопать все остатки. Он велел мне растолочь вначале ком семян, потом личинки, потом жучков, и под конец хорошие сухие семена.

Когда все это было по очереди растерто в мелкий порошок, дон Хуан взял нарезанные мной куски *datura*. Он отделил мужской корень и осторожно завернул его в тряпицу. Остальное он вручил мне, велел все это мелко нарезать и хорошенько раздробить, а весь сок собрать в горшок до капли. Он сказал, что размалывать кусочки нарезанного корня нужно в том же порядке, в каком я их складывал.

Когда я все это закончил, он велел отмерить одну чашку кипящей воды, смешать ее с содержимым горшка и добавить еще две кружки кипятку. Он вручил мне отшлифованную костяную палочку. Я помешал ею в горшке и поставил его на огонь. Затем он сказал, что надо приготовить корень, а для этого нужна ступка побольше, потому что мужской корень вообще не разрезают. Мы пошли на задний двор. Ступка была у него наготове, и я начал толочь корень так же, как делал это раньше. Мы замочили корень в воде, оставив его на ночь под открытым небом, и пошли в дом.

Когда я проснулся, дон Хуан уже встал. В чистом небе сияло солнце. Был сухой жаркий день. Дон Хуан вновь не преминул заметить, что у «травы дьявола» я определенно любимчик.

Мы взялись за обработку корня и к концу дня получили

желтоватый осадок на дне миски. Дон Хуан осторожно слил воду. Я думал, что это конец процедуры, но он вновь наполнил миску кипящей водой.

Он снял из-под крышки горшок со вчерашним варевом. Оно, похоже, совсем загустело. Дон Хуан занес горшок в дом, осторожно поставил на пол и сел. Потом заговорил.

— Мой бенефактор учил меня, что неплохо смешивать растение с нутряным жиром. Вот этим ты сейчас и займешься. Такую смесь для меня делал мой бенефактор, но, как я уже говорил, «трава дьявола» мне всегда не очень-то нравилась, и я не слишком стремился слиться с нею воедино. Мой бенефактор говорил мне, что для тех, кто хочет стать господином силы, лучше всего смешивать растение с салом кабана. Больше всего подходит сало с кишок. Но это уже на твой вкус. Может быть, все повернется так, что именно «траву дьявола» ты решишь взять себе в союзники: в таком случае советую тебе, как мне советовал мой бенефактор, поймать дикого кабана и снять у него сало с кишок (*sebo de tripa*). В старые времена, когда «трава дьявола» была в почете и стоила того, брухо, бывало, отправлялись в специальные охотничьи экспедиции за салом диких кабанов. Они искали самых крупных и самых свирепых. Против диких кабанов применялось специальное колдовство; брухо получали от них особую силу. Но теперь она утеряна. Я ничего не знаю об этой силе. И не знаю никого, кто бы знал. Может быть, сама «трава дьявола» тебя научит.

Дон Хуан отмерил горсть жира, бросил в горшок с загустевшей и высохшей смесью, и оставшийся на ладони жир соскоблил о край горшка. Он велел мне растирать содержимое, пока оно не превратится в однородную воздушную массу.

Я взбивал смесь почти три часа. Время от времени дон Хуан подходил взглянуть. Наконец он сказал, что хватит. От воздуха, с которым смешалась взбитая паста, она стала светлосерой и напоминала желе. Он повесил горшок под крышей, рядом с другим, сказав, что оставит его здесь до завтра, потому что эта вторая порция готовится в течение двух дней. Все это время я не должен ничего есть. Можно пить воду, но никакой пищи.

На следующий день, в четверг 4 июля, я по его указанию четырежды выщелачивал корень горячей водой. Под конец, когда я сливал воду в четвертый раз, было уже почти темно. Мы сели на веранде. Он поставил перед собой оба горшка. Экстракта корня

получилось с чайную ложку. Он напоминал беловатый крахмал. Дон Хуан положил его в чашку и добавил воды. Он осторожно взболтал чашку, чтобы экстракт получше растворился, а затем сунул ее мне и приказал выпить до дна. Я выпил залпом, поставил чашку на пол и откинулся назад. Сердце начало колотиться. Я почувствовал, что у меня спирает дыхание. Дон Хуан приказал, как само собой разумеющееся, чтобы я снял с себя всю одежду. Я спросил зачем, и он нетерпеливо объяснил, что надо натереться пастой. Я колебался, раздеваться было как-то странно. Дон Хуан со сдержанной яростью сказал, что нет времени валять дурака. Я снял с себя всю одежду.

Взяв свою костяную палочку, он начертил на поверхности пасты две горизонтальные линии, разделив таким образом содержимое сосуда на три равные части, затем от центра верхней линии провел вертикальную линию вниз, разделив содержимое уже на пять частей. Он указал на нижнюю правую и сказал, что это для левой стопы. Сектор над ней – для левой ноги. Верхняя, самая большая часть – для гениталий. Сектор под нею слева – для правой ноги, а нижний левый – для правой стопы. Он велел наложить пасту, предназначенную для левой стопы, на подошву и хорошенько ее втереть. Затем нужно в указанной последовательности наложить пасту на всю внутреннюю сторону левой ноги, на гениталии, вниз по внутренней стороне правой ноги и, наконец, на правую подошву.

Я сделал как он говорил. Паста была холодная и обладала исключительно сильным запахом. Кончив ее накладывать, я выпрямился. Запах мази ударил мне в нос. Он был удушающим, напоминавшим какой-то газ. От острого запаха мутилось сознание. Я попытался дышать ртом и хотел заговорить с доном Хуаном, но не мог.

Дон Хуан неотрывно смотрел на меня. Я сделал к нему шаг. Ноги были резиновые и длинные, ужасно длинные. Я сделал еще шаг. Колени пружинили, как ходули; они эластично сжимались, вздрагивали и вибрировали. Я двинулся вперед.

Движение тела было медленным и трясущимся, это больше походило на толчки по направлению вперед и вверх. Я взглянул под ноги и бесконечно далеко внизу увидел дома Хуана. Инерция пронесла меня вперед еще на один шаг, еще эластичней и длинней предыдущего. И тут я взлетел.

Я помню, что один раз опустился, затем, оттолкнувшись обеими ногами, прыгнул назад и заскользил на спине. Я увидел над собой темное небо и несущиеся облака. Я извернулся телом так, чтобы можно было смотреть вниз. Я увидел темную массу гор. Скорость, с которой я двигался, была поразительной. Руки были прижаты к туловищу. Голова служила чем-то вроде руля. Откидывая голову назад, я описывал вертикальные круги: поворачивая ее в сторону, я изменял направление. Я наслаждался совершенно мне прежде неизвестными скоростью и свободой. Сказочная темнота внушала чувство непонятной печали, или, может быть, страстного стремления, как если бы я нашел свою родину – ночную тьму. Я пытался осмотреться как следует, но ощущал лишь покой безмолвной ночи, в которой таилось столько могущества.

Наконец я спохватился, что пора спускаться: я словно получил откуда-то приказ, которому обязан повиноваться. И я начал спускаться, парящим перышком качаясь как маятник. От этих движений меня замутило. Я качался и дергался, словно кто-то внизу дергал меня за веревочку. Мне стало совсем плохо. Голова раскалывалась от боли. Меня окутала какая-то чернота. Я ясно чувствовал, как в нее погружаюсь.

Следующее, что я помню, – это ощущение пробуждения. Я был в своей постели, у себя в комнате. Я сел. Комната исчезла. Я встал. Я был голый. От того, что я встал, меня опять замутило.

Понемногу я начал распознавать, где нахожусь. Я был примерно в полумиле от дома дона Хуана, возле того участка, где рос его дурман. Внезапно все стало на свои места, и до меня дошло, что всю дорогу до дома дона Хуана придется идти голым. Без одежды я чувствовал себя чрезвычайно неудобно и понятия не имел, как выйти из положения. Я подумал, не соорудить ли себе из веток что-нибудь вроде юбки, но это было бы нелепо; да и близился восход солнца, потому что сумерки уже рассеялись. Я забыл о своем неудобстве и физическом расстройстве и направился по дороге к дому дона Хуана. Я был охвачен страхом, что меня заметят. Я высматривал, нет ли впереди людей или собак. Я попробовал бежать, но сразу поранил ноги об острые камешки. Пришлось идти медленно. Было уже совсем светло. Затем я увидел, что кто-то идет по дороге навстречу, и прыгнул в кусты. Положение было совершенно идиотским. Совсем недавно я испытывал невероятную радость полета – и вот уже приходится красться и прятаться,

изнывая от собственной наготы. Я прикидывал, не выскочить ли опять на дорогу и изо всех сил промчаться мимо подходявшего человека. Он ведь будет так поражен, рассчитывал я, что к тому времени, когда поймет, что это был голый мужчина, я уже оставлю его далеко позади. Все это проносилось у меня в голове, но я не смел пошевелиться.

Человек, который шел по дороге, поравнялся с кустами и остановился. Я услышал, что он зовет меня по имени. Это был дон Хуан с моей одеждой в руках. Пока я одевался, он смотрел на меня и хохотал. Он так хохотал, что мне вновь стало не до смеха.

К вечеру того же дня, в пятницу 5 июля, дон Хуан велел подробно рассказать, что со мной было. Я по возможности тщательно все ему описал.

– Вторая порция «травы дьявола» используется для полета, – сказал он, когда я закончил. – Сама по себе мазь – дело второстепенное. Мой бенефактор говорил, что направление и мудрость дает сам корень, именно благодаря корню происходит полет. Когда ты научишься большему и полет станет для тебя обычным делом, ты начнешь видеть все очень ясно. Ты сможешь летать по воздуху за сотни миль, чтобы увидеть, что там происходит, или, скажем, чтобы нанести сокрушительный удар врагу, который от тебя очень далеко. Всему этому тебя научит «травка дьявола», когда ты сойдешься с нею поближе. К примеру, она уже научила тебя, как менять направление. Точно так же она обучит тебя невообразимым вещам.

– Например?

– Этого я не могу сказать. У каждого по-разному. Мои бенефактор никогда не говорил мне, чему он научился. Он говорил, что делать и как поступать, но никогда не посвящал меня в то, что он видел. Это личное дело каждого.

– Но я ведь тебе рассказываю все, что вижу, дон Хуан.

– Это покамест. Со временем ничего не потребуется рассказывать. В следующий раз, когда будешь брать «траву дьявола», то будешь делать это сам, совсем один, вблизи растений, которые вырастил, потому что именно там ты приземлишься, возле своих растений. Запомни это. Вот почему я пошел искать тебя к своим растениям. Больше он ничего не говорил, и я заснул. Проснувшись поздно вечером, я чувствовал себя обновленным. Почему-то меня наполняло чувство физического удовлетворения. Я был доволен и

счастлив.

Дон Хуан спросил:

– Понравилось тебе ночью? Или было страшно?

Я сказал, что было восхитительно.

– А как голова? Сильно болела?

– Головная боль была такая же, как все остальные ощущения. В жизни такой не было.

– Так, может, ты не захочешь больше пробовать силу «травы дьявола»?

– Не знаю. Сейчас не хочется; может быть, позже. В самом деле не знаю, дон Хуан.

Был у меня к нему один вопрос, от ответа на который, я знал, он уйдет, поэтому я ждал, когда он сам коснется этой темы; ждал до вечера. Наконец, перед самым отъездом, я все же не утерпел:

– Неужели я в самом деле летал, дон Хуан?

– Так ты мне сам сказал. Разве нет?

– Да нет, сказать-то сказал. Но я имею в виду, летало ли мое тело? Я что, взлетел как птица?

– Ты не можешь без своих вопросов, на которые я не знаю как ответить. Ты – летал. Для того и существует вторая порция «травы дьявола». Будешь принимать ее больше – научишься летать в совершенстве. Дело это не простое. С помощью второй порции человек летает. Вот все, что я могу тебе сказать. А то, что ты хочешь узнать, лишено смысла. Птицы летают как птицы, а человек, который принял «траву дьявола», летает как человек, который принял «траву дьявола» (el enyerbado vuela así).

– Так же, как птицы? (así como los pajaros?)

– Нет, так же, как человек, который принял «траву дьявола» (no, así como los anyerbados).

– Значит, ничего я на самом деле не летал. Все это было только в моем воображении, только у меня в голове. Где было мое тело?

– В кустах, – отрезал он, но тут же вновь разразился смехом. – Беда с тобой в том, что ты понимаешь все только с одной стороны. Ты не можешь представить, что человек летает: и однако брухо способен в одну секунду перенестись за тысячу миль, чтобы посмотреть, что там происходит. Он может нанести удар своему врагу, который за тридевять земель. Так летает он или нет?

– Понимаешь, дон Хуан, у нас с тобой разный подход.

Предположим, ради спора, что когда я принял «траву дьявола»,

здесь был бы кто-нибудь из моих друзей по университету. Увидел бы он меня летящим?

– Ну вот, опять ты со своими вопросами, что было бы, если бы да кабы... Все это бессмысленная болтовня. Если твой друг или еще кто бы там ни был примет вторую порцию «травы дьявола», то все, что ему останется, – это летать. Ну, а если он будет просто наблюдать за тобой, то может увидеть тебя летящим, а может и не увидеть. Это зависит от человека.

– Но я хочу сказать, дон Хуан, что если мы с тобой смотрим на птицу и видим ее летящей, то мы согласимся, что она летит, а вот если бы двое моих друзей видели меня летящим прошлой ночью, то согласились ли бы они с тем, что я летал?

– Ну, а почему бы им не согласиться. Ты ведь согласен с тем, что птицы летают, потому что видишь, как они летают. Для птиц полет – дело обычное. Но ты не согласишься с тем, что птицы делают еще и другие вещи, потому что ты никогда не видел, как они их делают. Если бы твои друзья знали, что есть люди, которые летают с помощью «травы дьявола», тогда они согласились бы.

– Хорошо, я скажу иначе. Я имею в виду, если я тяжелой цепью привяжу себя к скале, то все равно буду точно так же летать, потому что мое тело не имеет с этим полетом ничего общего?

Дон Хуан скептически взглянул на меня.

– Если ты привяжешь себя к скале, – сказал он, – то боюсь, что тебе придется летать вместе со скалой с ее тяжелой цепью.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 7

Сбор и подготовка ингредиентов для курительной смеси составили годичный цикл. В первый год дон Хуан учил меня всей процедуре. На второй год, когда с декабря 1962 начался новый цикл, он просто руководил мной; я сам собрал ингредиенты, приготовил их и отложил до следующего года.

В декабре 1963 начался новый, третий цикл. Дон Хуан сказал мне, как делать самому смесь из высушенных составных частей, собранных и приготовленных мною годом раньше. То, что я собрал, он положил в небольшой кожаный мешочек. Мы опять принялись собирать разные ингредиенты на следующий год. В течение года, который на это ушел, дон Хуан редко упоминал о «дымке». Однако всякий раз, как я к нему приезжал, он давал мне поддержать свою трубку, и вся процедура знакомства с трубкой развивалась неукоснительно по его сценарию. Давал он мне трубку в руки очень постепенно, требуя при этом тщательнейшей и предельной концентрации и сопровождая мои действия по возможности точными указаниями. Любая оплошность с трубкой, говорил он, неизбежно повлечет за собой его или мою смерть. Только по окончании третьего цикла сбора и приготовления смеси дон Хуан впервые заговорил о дымке как о союзнике.

Понедельник, 23 декабря 1963

Мы возвращались на машине к нему домой после сбора одного из необходимых составляющих смеси — желтых цветов. Я заметил вслух, что в этом году мы не следуем тому порядку в сборе составных частей, которого придерживались ранее. Он засмеялся и сказал, что дымок не такой капризный и обидчивый, как «травя дьявола». Для дымка неважен порядок сбора составляющих: от того, кто готовит смесь, требуется только аккуратность и точность. Я спросил, что мы будем делать с той смесью, которую он приготовил и передал мне на хранение. Дон Хуан ответил, что она моя, и добавил, чтобы я с нею не тянул. Я спросил, какова обычная доза. В мешочке, который он мне дал, было примерно втрое больше, чем в обычной пачке табаку. Он сказал, что содержимое

мешочка рассчитано на год, а сколько понадобится каждый раз для трубки – мое личное дело.

Мне хотелось узнать, что будет, если я использую не весь запас. Дон Хуан сказал, что ничего не случится, дымок ничего не требует. Ему самому больше нет нужды курить, и все же каждый год он вновь готовит смесь, – точнее, поправился он, ему редко приходится курить. Я спросил, что он делает с неиспользованной смесью, но он мне не ответил, а сказал, что если смесь в течение года не использована, то уже не годится.

Здесь мы ввязались в долгий спор. Я, очевидно, неточно сформулировал вопрос, и его ответы казались неясными. Как я понял, смесь по истечении года теряет галлюциногенные свойства, и в таком случае необходим новый годовой цикл: но он твердил, что смесь никогда не теряет своих свойств. Происходит только то, сказал он, что человеку она больше не нужна, поскольку он сделал новый запас, и следует распорядиться неиспользованной старой смесью особым образом. Каким именно – я не мог дознаться.

Вторник, 24 декабря 1963

– Ты говорил, дон Хуан, что тебе больше нет надобности курить.

– Да, мне больше не нужно курить, потому что дымок – мой союзник. Я могу его вызвать когда и где захочу.

– Ты хочешь сказать, что он приходит к тебе, даже если ты не куришь?

– Я хочу сказать, что я прихожу к нему свободно.

– А у меня тоже так получится?

– Да, если тебе удастся сделать его своим союзником.

Вторник, 31 декабря 1963

Во вторник 24 декабря у меня был первый опыт встречи с союзником дона Хуана – дымком. Весь день я мыкался вокруг дона Хуана и делал, что прикажет. К вечеру мы вернулись к нему домой. Я напомнил, что мы весь день ничего не ели, но он точно не слышал и заговорил о назревшей для меня необходимости наконец познакомиться с дымком. По его словам, я сам должен был его испытать, чтобы понять, насколько это важный союзник. Не дав мне опомниться, дон Хуан заявил, что раскурит для меня свою трубку прямо сейчас. Я начал отнекиваться, возражая, что еще не готов и слишком давно не держал трубку в руках. Но он сказал, что больше некогда учиться, пора к ней приступать. Он вынул трубку из чехла и любовно ее погладил. Я сел на пол рядом

с ним и лихорадочно искал какой-нибудь предлог, чтобы ответить.

В комнате было почти темно. Дон Хуан зажег керосиновую лампу и поставил ее в угол. Обычно желтоватый свет лампы создавал в комнате успокаивающий полумрак. На этот раз, однако, свет казался тусклым и необычно красным; он действовал на нервы.

Дон Хуан развязал, не снимая со шнурка на шее, свой мешочек со смесью. Он поднес трубку к распахнутому воротнику и зачерпнул чашечкой немного смеси. Он велел, чтобы я следил за его движениями, сказав, что если часть смеси просыплется, то она все равно попадет к нему за пазуху.

Дон Хуан наполнил трубку на три четверти, затем, держа трубку в одной руке, другой завязал мешочек. Он поднял с полу небольшую глиняную миску, дал ее мне и велел принести со двора несколько угольков. Я пошел за дом и, взяв несколько углей из печки, сложенной из кирпича-сырца, вернулся назад. Мне было здорово не по себе.

Подав миску дону Хуану, я сел рядом. Он бросил на нее взгляд и спокойно заметил, что угли слишком большие. Нужны помельче, чтобы вошли внутрь чашечки. Я вновь сходил к печке и принес что требовалось. Он взял блюдо с углями и поставил перед собой.

Сидел он по-турецки. Взглянув на меня краем глаза, он наклонился вперед, так что почти коснулся углей подбородком, и, держа трубку в левой руке, неуловимым движением правой схватил пылающий уголек, положил его в чашечку трубки и выпрямился. Держа трубку обеими руками, поднес ее к губам и трижды пыхнул. Он обеими руками протянул мне трубку и шепотом приказал, чтобы я таким же образом взял ее и курил.

У меня мелькнула отчаянная мысль – отказаться и удрать. Но дон Хуан вновь шепотом приказал взять трубку и курить. Я взглянул на него. Его глаза не отрывались от моих, но взгляд был дружеским, понимающим. Я с обреченностью вспомнил, что выбор ведь сделан давным-давно, и сейчас, стало быть, остается лишь одно – делать все, что он прикажет.

Я взял трубку и едва не выронил – она была раскаленной! Я поднес ее к губам с крайней осторожностью, поскольку опасался обжечься. Но жара я почему-то совсем не почувствовал.

Дон Хуан велел затануться. Струя дыма наполнила рот, и казалось, что он там циркулирует. Дым был тяжелым! Чувство было такое,

будто рот забит сырым тестом. Именно это сравнение пришло мне на ум, хотя я никогда не держал теста во рту. Дым напоминал также ментол, во рту вдруг стало холодно. Я почувствовал свежесть. «Еще! Еще!» – слышал я шепот дона Хуана. Дым свободно просачивался внутрь меня. Дон Хуан мог меня больше не подстегивать – я затягивался уже механически.

Наконец дон Хуан наклонился и взял у меня из рук трубку. Он осторожно вытряс золу в миску с углями, затем поцеловал палец и покрутил им в чашечке, чтобы очистить внутреннюю поверхность. Несколько раз он продул мундштук. Я с любопытством следил, как он прячет трубку в чехол.

Закончив чистить и убрав трубку, он пристально взглянул на меня. И тут я спохватился, что все мое тело онемело. Оно словно стало сплошь ментоловым. Лицо отяжелело, болели челюсти. Я не мог удержать рот закрытым, но слюны не было. Во рту было так сухо, что он горел, и однако я не чувствовал жажды. В голове разлилось странное тепло. Холодный жар! При каждом выдохе дыхание, казалось, резало ноздри и верхнюю губу, но оно не обжигало огнем, а жгло как кусок льда.

Дон Хуан сидел справа от меня и, словно окаменев, прижимал чехол с трубкой к полу, как бы удерживая его силой. Мои ладони отяжелели, руки ломило. Они оттягивали плечи. Из носу текло. Я вытер нос тыльной стороной ладони – и стер верхнюю губу! Я вытер ладонью лицо – и стер его! Я таял! Чувство было такое, словно тает все тело. Я вскочил и попытался ухватиться за что-нибудь, за что угодно – лишь бы опереться. Меня охватил нестерпимый ужас. Я схватился за вкопанный в центре комнаты столб. Стоя у столба, я повернулся взглянуть на дона Хуана. Он сидел по-прежнему неподвижно, прижимая к полу трубку и глядя на меня.

Дыхание было болезненно горячим (или холодным?). Оно душило меня. Я наклонил голову, чтобы опереться ею о столб, но, видимо, промахнулся, потому что голова продолжала наклоняться, миновав то место, где был столб. Я остановился, когда уже чуть не упал на пол, и выпрямился. Столб был на месте, у меня перед глазами. Я снова попробовал прислониться к нему головой. Я старался контролировать себя и не отвлекаться. Держа глаза открытыми, я наклонялся вперед, чтобы лбом коснуться столба. Он был в нескольких дюймах от моих глаз, но когда я его коснулся, у меня

было совершенно дикое ощущение, что голова прошла прямо сквозь столб.

В отчаянных поисках разумного объяснения я решил, что это глаза искажают расстояние, и что столб, должно быть, от меня где-нибудь в 10 футах, хотя я и вижу его прямо перед собой. Тогда я решил определить местонахождение столба с помощью логического, рационального метода. Шаг за шагом я начал обходить его вокруг. Логически я рассчитывал, двигаясь таким образом вокруг столба, сделать круг футов 5 в диаметре; если столб был действительно в 10 футах от меня, то есть дальше вытянутой руки, то в конечном итоге я окажусь к нему спиной. Я предполагал, что в этот момент столб должен исчезнуть, поскольку в действительности оказался бы позади меня.

Я начал обходить столб по кругу, но он по-прежнему оставался у меня перед глазами. В приступе отчаяния и замешательства я схватился за него обеими руками, но руки прошли насквозь; я схватил воздух. Я тщательно рассчитал расстояние до столба. Получалось приблизительно три фута. Некоторое время я играл с восприятием пространственной глубины, поворачивая голову так и этак, поочередно фокусируя глаза то на столбе, то на заднем плане. Согласно моему пространственному восприятию, столб, несомненно, был передо мною примерно в трех футах. Вытянув перед собой руки, чтобы не удариться головой, я ринулся на него. Ощущение было неизменным: я прошел сквозь столб. На этот раз я грохнулся на пол. Я опять поднялся, и этот подъем был, пожалуй, наиболее необычным из всех моих действий этой ночью. Я поднял себя мыслью! В моем движении не участвовали ни мышцы, ни скелет. Я больше не имел над ними контроля, — это я понял в тот момент, когда упал на пол. Но незадача со столбом вызвала во мне такое любопытство, что я чем-то вроде рефлексивного действия «мыслью поднял себя». И прежде, чем до меня дошло, что я ведь не могу двигаться, я уже стоял.

Я позвал дона Хуана на помощь. Голос сорвался в крик, но дон Хуан не пошевелился. Он по-прежнему искоса на меня смотрел, как если бы ему лень было повернуть голову, чтобы взглянуть на меня прямо. Я сделал к нему шаг, но вместо того, чтобы двинуться вперед, меня бросило назад, и я налетел на стену. Я знал, что столкнулся с нею спиной, но не почувствовал удара; я был полностью погружен в мягкую губкообразную субстанцию, — это и

была стена. Руки были разбросаны в стороны, и казалось, что все мое тело медленно тонет в стене. Я мог только смотреть вперед, в комнату. Дон Хуан все так же смотрел на меня, но не делал никаких попыток мне помочь. Я сделал отчаянное усилие вырваться из стены, но тело лишь тонуло все глубже и глубже. В неописуемом ужасе я чувствовал, что губкообразная стена смыкается на моем лице. Я попытался закрыть глаза, но они не закрывались.

Не помню, что было дальше, но вот передо мною совсем близко оказался дон Хуан. Мы были в соседней комнате. Я видел стол и огонь в очаге. Краем глаза я различал в окне изгородь возле дома. Видел я все очень ясно. Дон Хуан принес керосиновую лампу и подвесил ее к потолочной балке. Я попробовал взглянуть в другую сторону, но глаза были устремлены только вперед. Отсутствовало всякое различие или ощущение хоть какой-либо части тела. Своего дыхания я не чувствовал, но мысли были исключительно ясными, и я ясно сознавал все, что со мной происходит. Дон Хуан подошел ко мне, и из головы все исчезло. Казалось, что-то остановилось во мне, мыслей больше не было. Я видел, как ко мне подходит дон Хуан, и ненавидел его. Я хотел разорвать его в клочья. Я убил бы его, если бы мог пошевелиться. Появилось неясное давление на голову, но оно также исчезло. Осталось лишь одно – безудержный гнев на дону Хуана.

Он был от меня всего в нескольких дюймах. Я хотел разорвать его. Я слышал свое рычание. Что-то во мне начало содрогаться. Я услышал, что дон Хуан говорит со мной. Голос был тихим и успокаивающим, и удивительно приятным. Он подошел почти вплотную и стал напевать испанскую колыбельную:

– Senora Santa Ana, porque llora el niño? Por una manzana que se la ha perdido. Yo le dare una. Yo le dare dos. Una para el niño ó otra para vos.

Меня охватило тепло. Это была сердечная теплота, теплота чувств. Слова дона Хуана звучали как далекое эхо. Они будили далекие воспоминания детства.

Ярость, которую я только что чувствовал, исчезла. Ненависть и обиду сменила тоска – меня охватила глубокая любовь к дону Хуану. Он сказал, чтобы я не спал, что у меня больше нет тела и я могу превратиться во что пожелаю. Он сделал шаг назад. Глаза дона Хуана находились на обычном уровне, как если бы я стоял

рядом с ним. Он протянул ко мне руки и велел войти в них. То ли я двигался вперед, то ли он подошел ко мне ближе. Его руки были почти у меня на лице – на глазах, хотя я их не чувствовал. «Войди мне в грудь», – услышал я его голос. Я почувствовал, что он растворяется во мне. Ощущение было такое же, как со стеной из губки.

Его я уже не различал. Глаза были, очевидно, открыты, потому что я видел вспышки света на красном фоне, точно я смотрел на свет сквозь сомкнутые веки. Затем опять включились мысли. Они вернулись бурным потоком картин: лица, пейзажи. Картины хаотически появлялись и исчезали. Это было похоже на стремительный сон, где картины с сумасшедшей скоростью перебивают друг друга. Затем поток мыслей начал убывать и вскоре исчез совсем. Осталось лишь чувство любви и счастья. Я не мог различить никаких очертаний или градаций в освещении. Внезапно я был точно вытолкнут. Это было отчетливое ощущение, будто меня откуда-то подняли. И я был свободен, я двигался с невероятной легкостью и скоростью то ли в воде, то ли в воздухе. Я плавал как угорь. Я извивался и крутился, и взмывал, и опускался, как пожелаю. Я почувствовал, что подхвачен мощным холодным ветром, и начал скользить как перышко, качаясь вперед-назад, как маятник, вниз, и вниз, и вниз.

Суббота, 28 декабря, 1963

Я проснулся вчера к вечеру. По словам дона Хуана, я беспробудно проспал почти двое суток. Голова была тяжелая. Я выпил воды, и мне стало нехорошо. Навалилась усталость, невероятная усталость, и после ужина я снова лег спать.

Сегодня я уже чувствовал себя полностью отдохнувшим и принялся обсуждать с доном Хуаном свой опыт. Полагая, что ему вновь требуется подробный пересказ, я начал описывать свои впечатления, но он меня остановил и сказал, что в этом нет нужды. Он сказал, что в действительности я ничего такого не совершил и почти сразу заснул, потому и говорить не о чем.

– А как же с тем, что я пережил? Разве это совсем не важно?

– Нет. Если с дымком, то не важно. Со временем, когда ты научишься путешествовать, тогда и поговорим. Сначала ты должен научиться проникать внутрь вещей.

– Как это – «проникать внутрь вещей»?

– Ты что, забыл? Ты вошел в стену и прошел сквозь нее.

- А по-моему, в действительности я сошел с ума.
- Нет, ты не сошел с ума.
- А когда ты курил впервые, дон Хуан, с тобой происходило то же самое?
- Нет, у меня было по-другому. Мы с тобой разные.
- А что с тобой было?

Дон Хуан не ответил. Я задал этот вопрос в другой формулировке. Но он сказал, что не помнит, что испытывал и что при этом делал: это все равно что спрашивать у старого рыбака, что он чувствовал, когда в первый раз был на рыбной ловле. Он сказал, что дымок это несравненный союзник, и тут я ему напомнил, что то же самое он говорил о Мескалито. Он возразил, что и тот и другой – несравненный союзник, но каждый по-своему.

– Мескалито – это защитник, потому что он говорит с тобой и показывает, что делать, – сказал он. – Мескалито учит, как правильно жить, его можно видеть, потому что он вне тебя. Напротив, дымок – это союзник. Он преобразует тебя и дает тебе силу, ничем при этом себя не обнаруживая. С ним не говорят. Но у тебя не остается сомнений, что он существует, потому что он убирает твоё тело и делает тебя легким как воздух. Однако ты никогда не увидишь его. И все же он присутствует и дает тебе силу для осуществления казалось бы невозможных вещей, например, убирая твоё тело.

- Я в самом деле чувствовал, что тела больше нет.
- Так оно и было.
- Ты имеешь в виду, что у меня действительно не было тела?
- А ты сам что думаешь?
- Да откуда я знаю. Я могу сказать тебе только то, что я чувствовал.
- Вот так оно и есть в действительности: то, что ты чувствовал.
- Но каким видел меня ты, дон Хуан? В каком я был виде?
- Каким я тебя видел – это неважно. Это похоже на то, как ты ловил столб. Ты чувствовал, что столб не здесь, но все же ходил вокруг него, чтобы убедиться, что столб здесь. Но когда ты прыгнул на него, то вновь почувствовал, что в действительности его здесь нет.
- Но ты меня видел таким как сейчас, или как?
- Нет, не таким как сейчас.
- Ладно! Допустим. Но у меня ведь было мое тело, пусть я – лично

я – его и не чувствовал, а?

– Нет! Проклятье! Не было у тебя такого тела, как сейчас! – А что же тогда с ним было?

– Неужели не ясно! Его взял дымок.

– Но куда же оно девалось?

– Откуда же, по-твоему, мне это знать, черт побери?

Бесполезны были все мои упорные попытки получить рациональное объяснение. Я сказал, что вовсе не желаю спорить и задавать дурацкие вопросы, но если я соглашусь с мыслью, что можно терять свое тело, то я попросту потеряю рассудок.

Он сказал, что я как всегда преувеличиваю и что от дымка я не теряю и не потеряю ничего.

Вторник, 28 января 1964

Я спросил, что будет, если дать дымок кому-нибудь, кто захочет его попробовать. Он безапелляционно сказал, что дать дымок кому угодно – все равно что убить его, потому что у него не будет руководителя. Я попросил объяснить, что он имеет в виду. Он обронил, что я нахожусь здесь, живой и здоровый, только потому, что он меня вытащил, восстановив мое тело. Иначе мне бы никогда не вернуться.

– Как же ты все-таки восстановил мое тело?

– Об этом как-нибудь потом, когда ты научишься все это делать самостоятельно. Вот почему я хочу, чтобы ты научился как можно большему, пока я рядом с тобой. Ты потерял достаточно много времени на свои дурацкие вопросы о всякой чепухе. Хотя, может быть, это в самом деле не твоя судьба – научиться всему, что дает дымок.

– Ну, и что же я тогда буду делать?

– Пусть дымок даст тебе столько знания, сколько ты сможешь взять.

– Выходит, дымок тоже учит?

– А что же еще!

– Учит так же, как Мескалито?

– Нет, дымок не такой учитель, как Мескалито. Он показывает другое.

– Что именно?

– Он показывает, как управлять его силой и как научиться принимать его столько, сколько понадобится.

– Твой союзник, дон Хуан, уж очень устрашающий. То, что я

испытал, уж вовсе из ряду вон.

Почему-то я не мог отвязаться от этой мысли, от мучительного воспоминания. Сравнивая дымок с предыдущими галлюциногенными опытами, я вновь и вновь приходил к выводу, что дымок просто сводит с ума.

Дон Хуан раскритиковал мое сравнение, сказав, что то, что я испытал, было его невообразимой силой. И для того, чтобы ею управлять, сказал он, нужно жить сильной жизнью. Такая жизнь предполагает не только подготовительный период, но и общую позицию человека по отношению ко всем вещам после того, как он удостоверился в ее реальности и необходимости. Сила дымка, сказал он, такова, что человек может сравняться с ним только своей стойкостью, иначе его жизнь будет разбита вдребезги.

Я спросил, одинаково ли действие дымка на каждого. Он сказал, что дымок преобразует, но не каждого.

– Тогда с какой стати он сделал это со мной?

– Это, я думаю, совершенно дурацкий вопрос. Ты послушно исполнял в должной последовательности все, что нужно, и в том, что дымок тебя преобразовал, нет никакого такого чуда.

Я еще раз попросил рассказать, как я выглядел. Мне хотелось это знать потому, что мысль о бестелесном существе, для него совершенно естественная, была для меня, разумеется, невыносимой. Он сказал, что, по правде говоря, смотреть на меня боялся: он чувствовал то же самое, что чувствовал, должно быть, его бенефактор, когда впервые курил сам дон Хуан.

– Почему ты боялся? Я был таким страшным? – спросил я.

– Мне никогда раньше не приходилось видеть кого-нибудь курящим.

– Ты не видел, как курил твой бенефактор?

– Нет.

– Ты никогда не видел даже себя самого?

– Как это, интересно знать?

– Ну, скажем, если бы курил перед зеркалом.

Он молча на меня вытаращился и замотал головой. Я опять спросил, можно ли смотреть при этом в зеркало. Если бы это и было возможно, сказал он, то совершенно бесполезно, потому что попросту, наверно, умрешь от страха, если не еще от чего-нибудь. Я сказал:

– Значит, тогда в самом деле выглядишь устрашающе.

– Я сам всю жизнь гадал об этом, – сказал он, – и все же ничего такого не спрашивал и в зеркало не глядел. Мне это и в голову не приходило.

– Но как же мне тогда узнать?

– Надо ждать, вот как ждал я, пока не передашь кому-нибудь дымок, – конечно, если когда-нибудь его освоишь.

Тогда и увидишь, как при этом выглядит человек. Таково правило.

– А если я, скажем, буду курить перед фотоаппаратом и сам себя сфотографирую?

– Не знаю. Но думаю, дымок обратится против тебя. А ты, похоже, считаешь его столь безобидным, что полагаешь, будто с ним можно играть.

Я сказал, что не собираюсь играть, но ведь, помнится, он сам говорил, что дымок не слишком строгий, вот я и подумал, что не будет большого греха поинтересоваться, как от него выглядишь.

Он возразил, что имел в виду отсутствие необходимости соблюдать, в отличие от «травы дьявола», определенный порядок действий: однако дымок, разумеется, требует должного к себе отношения. В этом смысле правило не знает исключений.

Например, не имеет значения, какой ингредиент собран в первую очередь, если вся смесь составлена правильно.

Я спросил, не будет ли вреда, если я расскажу кому-нибудь то, что пережил. Он ответил, что разглашению не подлежит следующее: как готовить и использовать курительную смесь, как себя вести и как возвращаться; все остальное неважно.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 8

Моя последняя встреча с Мескалито длилась четыре дня и состояла соответственно из четырех сессий. На языке дона Хуана это называлось «митота». В пейотной церемонии принимали участие ученики и *peyoteros* (т.е. люди, имеющие опыт в обращении с пейотом) – двое мужчин в возрасте примерно дона Хуана, один из которых был ведущим. Кроме меня, было еще четверо молодых людей.

Церемония происходила в мексиканском штате Чиуауа, вблизи техасской границы. Это было угощение пейотом и песнопения ночи напролет. Днем приходили женщины и приносили воду: ежедневно мы съедали в качестве ритуала лишь чисто символическое количество специальной пищи.

Суббота. 12 сентября 1964

В первую ночь церемонии, в четверг 3 сентября, я сжевал восемь бутонов пейота. Результата я не заметил – возможно, он был очень слабым. Всю ночь я сидел с открытыми глазами – так было легче. Я не спал и не чувствовал усталости. К самому концу сессии пение стало совершенно необычным. На какое-то мгновение я ощутил такой подъем, что захотелось плакать. Но песня закончилась, и все прошло.

Мы все встали, вышли во двор. Женщины дали нам воды. Одни прополоскали горло, другие пили. Мужчины не говорили ни слова, зато женщины без умолку болтали и хихикали. В полдень нам приготовили ритуальную пищу – вареный маис.

На закате солнца четвертого сентября началась вторая сессия. Ведущий запел пейотную песню, и вновь начался цикл пения и принятия пейота. К утру, под конец цикла, все песни слились в унисон.

Я вышел во двор; женщин на этот раз было меньше. Кто-то дал мне воды, но я этого не заметил. Я опять сжевал 8 бутонов и снова безрезультатно. Должно быть, шло уже к концу сессии, когда пение стало гораздо быстрее, и все пели хором. Я почувствовал, что кто-то или что-то снаружи дома хочет войти, причем нельзя

было понять, имеет ли пение целью помешать или помочь ему ворваться.

Я единственный не пел, потому что только у меня не было собственной песни. Все, казалось, поглядывали на меня с недоумением, особенно молодежь. Это меня смущало, и я закрыл глаза. Тут я обнаружил, что с закрытыми глазами могу гораздо лучше воспринимать все происходящее. Меня полностью захватило это открытие. Я закрыл глаза – и увидел людей перед собой, открыл глаза – картина не изменилась. Сидел ли я с открытыми или с закрытыми глазами – на зрительное восприятие это нисколько не влияло.

Внезапно все исчезло, словно распалось, и перед глазами возникла та самая в виде человека фигура Мескалито, с которой я встретился два года назад. Он сидел немного поодаль, ко мне в профиль. Я смотрел на него не отрываясь, но он на меня ни разу не взглянул и ни разу ко мне не повернулся.

Я подумал, что делаю что-то неправильно, оттого он и держится в стороне. Я встал и сделал к нему шаг, чтобы у него самого об этом узнать. Но от моего движения картина рассеялась, она начала таять, а из нее выплыли фигуры людей, с которыми я находился. Я вновь услышал громкое иступленное пение.

Я направился к кустарнику возле дома и немного прошелся. Все вокруг было совершенно отчетливым. Я заметил, что опять вижу в темноте, но на этот раз это почти не имело значения. Я хотел знать только одно – почему Мескалито меня избегает?

Повернув назад, чтобы присоединиться к группе, я у самого дома вдруг услышал сильный грохот и почувствовал, как подо мной содрогается земля. Звук был совершенно таким, как два года тому назад в пейотной долине.

Я побежал назад, в кусты. Я знал, что Мескалито здесь и я должен его найти. Но в кустах его не было. Я ждал до утра и вернулся под самый конец сессии.

На третий день «митоты» повторилась та же процедура. После обеда я поспал, хотя не чувствовал усталости.

Вечером в субботу, 5 сентября, ведущий затянул свою песню – цикл начался заново. За эту сессию я разжевал только один бутон, не прислушиваясь к песням и не интересуясь ничем вокруг. С самого начала я полностью сосредоточился лишь на одном. Я знал, что не хватает чего-то страшно важного для того, чтобы все было

хорошо. Под нескончаемое пение я во весь голос попросил Мескалито научить меня песне. Моя просьба утонула в громком пении. Тотчас в ушах зазвенела песня. Я повернулся, пересел спиной к остальным и начал слушать. Я вновь и вновь слышал слова и мотив, и повторял их, пока не выучил всю песню. Это была длинная песня на испанском. Затем я несколько раз пропел ее остальным, а вскоре в ушах послышалась новая песня. К утру я бесчисленное множество раз пропел их обе. Я чувствовал себя обновленным и окрепшим.

После того, как нам принесли воду, дон Хуан дал мне сумку, и мы все вместе отправились в горы. Это был долгий и трудный путь на низкое плоскогорье. Там я увидел несколько растений пейота, но почему-то не хотелось на них смотреть. Когда мы пересекли плоскогорье, группа разделилась. Мы с доном Хуаном пошли назад, собирая по пути бутоны пейота, как в прошлый раз, когда я ему помогал.

Вернулись мы к концу дня, в субботу шестого сентября. Вечером ведущий вновь начал цикл. Никто не произнес ни слова, но я был совершенно уверен, что это последняя сессия. Песня ведущего была на этот раз новой. По кругу пошел мешок со свежими бутонами. Впервые я попробовал их свежими. Бутон был сочный, но жевать его было трудно. Он напоминал твердый зеленый плод, но вкус был более острым и горьким, чем у высушенных бутонов. Я сжевал четырнадцать бутонов, старательно их считая. Не успел Я дожевать последний, как послышалось знакомое гроыхание, которое отмечало присутствие Мескалито. Все исступленно запели, и я понял, что грохот услышали дон Хуан и все остальные. Мысль, что это было попросту их реакцией на знак, поданный кем-то, чтобы меня обмануть, я отверг. В то же мгновение я почувствовал, как меня поглощает огромная волна мудрости. Предположения, с которыми я играл три года, уступили место несомненной достоверности. Три года потребовалось мне для того, чтобы понять или, скорее, убедиться, что что бы там ни содержалось в кактусе *lrophophora williamsii*, его существование ничуть от меня не зависит – оно свободно существовать где угодно, везде. Теперь все было ясно.

Я лихорадочно пел до тех пор, пока хватало сил произносить слова. Потом пришло ощущение, что песни находятся внутри моего тела и самопроизвольно его сотрясают. Я должен был выйти

и найти Мескалито, иначе взорвусь. Я пошел в сторону пейотного поля, продолжая петь свои песни. Я знал, что они только мои – неоспоримое доказательство моей единственности. Я ощущал каждый свой шаг. Шаги эхом отдавались от земли; это эхо вызывало неопишемую эйфорию оттого, что я человек.

От каждого пейотного кактуса на поле исходил голубоватый мерцающий свет. Один кактус светился особенно ярко. Я сел перед ним и начал петь ему свои песни. Тут из растения вышел Мескалито – та же фигура в виде человека, которую я видел раньше. Он взглянул на меня. С большим чувством (совершенно необычным для человека моего темперамента) я пел ему свои песни. К ним примешивалась уже знакомая мне музыка – звуки флейты или ветра. Как и два года назад, он беззвучно спросил: «Чего ты хочешь»? Я заговорил очень громко. Я сказал – я знаю, что в моей жизни и в моих поступках чего-то не хватает, но не могу обнаружить, чего же именно. Я смиренно просил его сказать мне, что у меня неладно, и еще сказать свое имя, чтобы я мог позвать его, когда буду в нем нуждаться. Он взглянул на меня. Его рот вытянулся, как тромбон, до самого моего уха. И он сказал мне свое имя.

Внезапно я увидел отца. Он стоял посреди пейотного поля, но поле исчезло, и вся сцена переместилась в старый дом, где прошло мое детство. Я стоял с отцом у смоковницы. Я обнял его и стал торопливо говорить ему все, чего никогда не мог ему сказать. Каждая мысль была законченной и исчерпывающей. Было так, словно у нас в самом деле нет времени и нужно сказать все сразу. Я говорил что-то совершенно потрясающее, говорил о чувствах, которые к нему испытывал, – что-то такое, о чем при обычных обстоятельствах никогда бы не посмел заикнуться.

Отец не отвечал. Он просто слушал, а потом исчез. И я снова был один, я плакал от печали и раскаяния.

Я пошел через пейотное поле, выкликая имя, которому меня научил Мескалито. Что-то появилось из странного, похожего на звездный, света на кактусе. Это был длинный светящийся предмет – что-то вроде палки из света, величиной с человека. На мгновение он осветил все поле ярким светом, желтоватым или янтарным; затем озарил все небо, от чего получилось необычайное, чудесное зрелище. Я подумал, что если буду смотреть, то ослепну. Я зажмурился и спрятал лицо в ладонях.

Я безошибочно знал, что Мескалито велит мне съесть еще один бутон. Но как же это сделать, подумал я, у меня ведь нет ножа, чтобы его срезать. «Съешь прямо с земли», – сказал он мне тем же необычным образом. Я лег на живот и стал жевать верхушку растения. Оно согрело и ободрило меня. Все мое тело, каждая его клетка согрелась и выпрямилась. Все ожило. Все состояло из сложных и тонких деталей, и в то же время все было таким простым. Я был повсюду; я мог видеть все, что вверху, и все, что внизу, и все вокруг одновременно.

Это непередаваемое чувство я испытывал как раз столько времени, чтобы успеть его осознать. Затем его вытеснил гнетущий страх, который пусть не мгновенно, но все же достаточно быстро и неумолимо овладел мной. Сначала в мой чудесный мир безмолвия ворвались острые звуки, но я не обратил на это внимания. Затем звуки стали громче и назойливей, как будто надвигались на меня. И постепенно исчезло недавнее чувство, когда я плавал в мире целостном, безразличном и прекрасном. Звуки выросли в гигантские шаги. Что-то громадное дышало и двигалось вокруг меня. Я понял, что оно за мной охотится. Я побежал и спрятался под валуном, пытаюсь оттуда определить, что же меня преследует. На мгновение я выглянул из своего убежища, и тут преследователь, кто бы он ни был, на меня бросился. Он был похож на морскую водоросль. Водоросль бросилась на меня. Я думал, что буду раздавлен ее весом, но оказался в какой-то выбоине или впадине. Я видел, что водоросль покрыла не всю поверхность земли вокруг камня. Под валуном остался клочок свободного пространства. Я старался вжаться под камень. Я видел капающие с водоросли огромные капли слизи. Я «знал», что это секреторная жидкость – пищеварительная кислота, чтобы меня растворить. Капля упала мне на руку; я пытался стереть кислоту землей и смачивал ожог слюной, продолжая закапываться. В какое-то мгновение я почти растаял.

Меня вытаскивали на свет. Я решил, что уже растворен водорослью. Я смутно заметил свет, который становился все ярче. Свет шел из-под земли, пока наконец не прорвался в то, в чем я узнал встающее из-за гор солнце.

Ко мне медленно возвращалось обычное восприятие. Я лег на живот, уткнувшись подбородком в согнутый локоть. Кактус передо мной вновь начал светиться, и не успел я глазом моргнуть,

как из него снова вырвался длинный сноп света и простерся надо мной. Я сел. Свет спокойной силой коснулся моего тела, а затем откатился и скрылся из виду.

Я бежал, пока не нашел остальных. Вместе мы вернулись в город. Я остался с доном Хуаном еще на один день у Роберто, – так звали ведущего. Весь этот день я проспал. Когда мы стали собираться, ко мне начали подходить участвовавшие в митоте молодые люди. Они по очереди меня обнимали и стыдливо смеялись. Я познакомился с каждым. Я говорил с ними без конца обо всем на свете, кроме митоты.

Дон Хуан сказал, что пора ехать. Я вновь обнялся с каждым. «Возвращайся», – сказал один из них. «Мы уже ждем тебя», – добавил другой. Я отъезжал медленно, стараясь различить где-нибудь стариков, но никого не увидел.

Четверг, 10 сентября 1964

Всякий раз изложение дону Хуану того, что я пережил, невольно понуждало меня к предельной точности. Похоже, это был наилучший способ все как следует вспомнить.

Сегодня я пересказал ему в подробностях свою последнюю встречу с Мескалитом. Он внимательно меня слушал, пока я не добрался до того места, где Мескалит назвал свое имя. Тут он меня остановил.

– Теперь ты сам по себе, – сказал дон Хуан. – Защитник принял тебя. Отныне моя помощь будет крайне незначительной. Тебе не надо больше ничего мне рассказывать о ваших с ним отношениях. Теперь ты знаешь его имя. Ни это имя, ни о ваших с ним делах не должна знать ни одна живая душа.

Я продолжал настаивать на том, что хочу ведь рассказать ему все детали того, что испытал, потому что ничего не понимаю. Я сказал, что мне нужна его помощь, чтобы уяснить и упорядочить то, что я видел. Он сказал, что я и сам могу это сделать, и вообще пора уже думать своей головой. Я возразил, что для меня его мнение много значит, потому что самому мне понадобится слишком много времени, чтобы все понять, да и вообще я не знаю, как подступиться.

Я сказал:

– Вот песни, например. Что они значат?

– Это уж ты сам решай, – сказал он. – Откуда я знаю, что они значат? Сказать тебе это может только защитник, так же как

только он один может научить тебя своим песням. Возьмись я объяснять тебе, что они значат, это было бы все равно, как если бы ты выучил чьи-то чужие песни.

– То есть как это?

– Слушая песни защитника, можно узнать, кто притворяется. Только те песни, которые поются с душой, – его песни и получены от него самого. Остальные – в лучшем случае копии. Люди зачастую легко обманываются. Они поют чужие песни, даже не зная, о чем поют.

Я сказал, что собственно хотел узнать, для чего поются эти песни. Он ответил, что те песни, которые я узнал, служат для вызова защитника, и что я всегда должен пользоваться ими в сочетании с его именем, чтобы его вызвать. Со временем, сказал дон Хуан, Мескалито, вероятно, научит тебя другим песням для других целей. Тогда я спросил, как по его мнению, полностью ли меня принял защитник. Это был, наверное, глупый вопрос, потому что дон Хуан рассмеялся и сказал, что защитник конечно принял меня, а чтобы я это понял, еще и подтвердил это, дважды показавшись как свет. То, что я увидел свет дважды, похоже, произвело на дон Хуана большое впечатление, потому что он это особенно подчеркнул. Я сказал, что не понимаю, зачем Мескалито так пугает человека, если его принимает.

Он молчал так долго, что я подумал, что этим вопросом привел его в замешательство. Но он наконец сказал.

– Но это же так ясно. То, что он хотел сказать, до того ясно, что я не вижу, что здесь может быть непонятного.

Да мне вообще все до сих пор непонятно, дон Хуан.

– Чтобы по-настоящему увидеть и понять то, что имеет в виду Мескалито, нужно время; вот и думай над его уроками, пока тебе не станет все совершенно ясно.

Пятница, 11 сентября 1964

Я вновь принялся уговаривать дон Хуана растолковать мне то, что я видел. Уговаривать пришлось долго. Наконец он заговорил с таким видом, будто мы все давно уже выяснили.

– Убедился теперь, до чего глупо задаваться вопросом, похож ли он на человека, с которым можно говорить? – сказал дон Хуан. – Он не похож ни на что из когда-либо виденного тобой. Он вроде человек, но в то же время совершенно не похож ни на какого человека. Это трудно объяснить тем, которые о нем ничего не

знают, а хотят сразу узнать все. И потом, его уроки так же чудесны, как сам Мескалито. Насколько мне известно, его действия никто не может предсказать. Ты задаешь ему вопрос, и он показывает тебе путь, но не говорит о нем таким же образом, как вот сейчас мы с тобой. Теперь понятно, что именно он делает? – Ну, это, положим, я еще как-то могу понять. Но мне совершенно непонятно, что же он хотел сказать.

– Ты просил его сказать тебе, что у тебя не в порядке, и он дал тебе полную картину. Здесь не может быть никакой ошибки! Ты же не будешь утверждать, что не понял. Это не был разговор – хотя в собственном смысле это был разговор. Потом ты задал ему другой вопрос, и он ответил тебе точно таким же образом. А насчет того, что он хотел сказать, – этого я не могу знать в точности, поскольку мне ты предпочел не говорить о том, что спрашивал.

Я повторил, насколько помнил, свои вопросы Мескалито по возможности буквально и в том же порядке: «Правильно ли я поступаю? На правильном ли я пути? Что мне делать со своей жизнью?» Дон Хуан сказал, что эти вопросы – только слова. Вопросы не произносят, а задают изнутри. Защитник дал мне урок, а вовсе меня не отпугивал, и в доказательство этому дважды явился как свет.

Я сказал, что все еще не понимаю, зачем Мескалито устрашал меня, если принял. Я напомнил дону Хуану, что, по его собственным словам, быть принятым Мескалито означает, что он принимает постоянную форму, а не превращается из радости в кошмар. Дон Хуан вновь рассмеялся и сказал, что стоит мне разобраться как следует в своем заданном Мескалито вопросе, который был у меня в сердце, – и я сам пойму урок.

Разобраться в вопросе, который «был у меня в сердце», оказалось задачей нелегкой. Я сказал дону Хуану, что во мне тогда было много чего. Когда я задавал вопрос, на правильном ли я пути, то имел в виду – какой мир мне выбрать – этот или тот? Не подвешен ли я между обоими мирами? С которым из них мне связать свою жизнь?

Дон Хуан все это выслушал и заключил, что у меня отсутствует отчетливое видение мира и что защитник дал мне превосходный и совершенно ясный урок. Он сказал:

– Ты думаешь, что для тебя имеется два мира, два пути. Но есть лишь один. Защитник показал тебе это с исключительной

ясностью. Единственный доступный тебе мир – это мир людей, и этот мир ты не можешь покинуть по собственной воле. Ты – человек! Защитник показал тебе мир счастья, где между вещами нет различия, потому что там некому спрашивать о различии. Но это не мир людей. Защитник вытряхнул тебя оттуда и показал, как человек думает и борется. Вот это – мир людей! И быть человеком – значит быть обреченным на этот мир. Ты имеешь нахальство полагать, что можешь выбирать между мирами, но это только твоя самонадеянность. Для нас существует лишь один-единственный мир. Мы – люди, и должны безропотно следовать миру людей. Именно в этом, я думаю, состоял урок.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 9

Дон Хуан явно ожидал, что я буду пользоваться «травой дьявола» как можно чаще. Это как-то плохо вязалось с его органической неприязнью к ее силе. Сам он объяснял свое требование тем, что вскоре мне опять придется курить, и к тому времени я должен по возможности ближе познакомиться с силой «травы дьявола». Он то и дело предлагал мне по крайней мере попробовать еще одно гадание с ящерицами. Я долго колебался. Между тем напоминания дона Хуана становились все настойчивей, так что под конец я просто почувствовал себя обязанным ему уступить, и однажды решился погадать насчет кое-каких пропавших вещей.

Понедельник, 28 декабря 1964

В субботу 19 декабря я срезал корень *datura*. Я подождал, пока стемнеет, и проделал свой танец вокруг растения. За ночь я приготовил экстракт корня. В воскресенье, часам к 6 утра, вернулся туда, где рос мой дурман, и сел перед ним. Я прихватил с собой тщательно записанные указания дона Хуана относительно этой процедуры. Перечитав свои записи, я сообразил, что в данном случае нет необходимости размалывать семена. Почему-то уже одно то, что я просто сижу перед своим растением, давало мне непривычное чувство эмоционального равновесия, ясности мышления, т.е. силы концентрации на том, что делаю, чего я вообще напрочь лишен.

Я в точности исполнил все предписания, так рассчитав время, чтобы к концу дня паста и корень были готовы. В пять часов я занялся ловлей ящериц. За полтора часа я перепробовал все способы, какие только мог придумать, но все впустую.

Я сидел перед растением дурмана, теряясь в догадках, как же выйти из положения, когда вдруг вспомнил указание дона Хуана, что вначале с ящерицами нужно поговорить. Поначалу я испытывал неловкость – все равно как при выступлении перед аудиторией. Вскоре однако это чувство прошло, и я продолжал говорить. Была уже почти ночь, когда я, подняв камень, увидел под ним ящерицу. Она казалась застывшей. Я взял ее в руки, и тут

же увидел под соседним камнем другую ящерицу, тоже застывшую. Они даже не пытались вырваться.

Труднее всего оказалось зашить пасть и веки. Я заметил, что благодаря дону Хуану в моих поступках появилась обязательность. Позиция дона Хуана заключалась в том, что если уж взялся за что-либо, то отступать нельзя. Впрочем, если бы я захотел остановиться, то к этому не было никаких препятствий. Возможно, я просто не хотел останавливаться. Я отпустил одну ящерицу, и она побежала на северо-восток – хороший знак, предвещавший, впрочем, что колдовство будет не из легких. Другую ящерицу я привязал к своему плечу и по инструкции смазал себе виски. Ящерица была неподвижна. На мгновение я испугался, что она умерла, а дон Хуан мне ничего не говорил, что делать в таком случае. Но ящерица была живой, только оцепеневшей.

Я выпил снадобье и немного подождал. Не почувствовав ничего необычного, я начал растирать пасту у себя на висках. Пасту я наложил двадцать пять раз. И тут, совершенно механически и бездумно, как во сне, я несколько раз коснулся ею лба. Я с ужасом спохватился и поспешно стер пасту. Лоб покрылся испариной. Меня бросило в дрожь. Я почувствовал отчаяние, потому что дон Хуан всячески от этого предостерегал. Страх сменился чувством абсолютной покинутости и обреченности. Я был оставлен тут на произвол судьбы. Если со мною что-нибудь случится, здесь нет никого, кто бы мне помог. Хотелось удрать. Я испытывал предельную тревогу и растерянность, потому что не представлял, что же теперь делать. В голову хлынул поток мыслей, сменявшихся с необычайной скоростью. Это были странные мысли, возникавшие непонятно откуда. Мне известен мой способ мышления, определяемый моей индивидуальностью, поэтому я замечу любое отклонение.

Одна из таких чужих мыслей была высказыванием какого-то автора. Это было похоже, как я смутно помню, на чьи-то слова у меня за спиной. Произошло это так быстро, что я испугался. Я замер, чтобы зафиксировать эту неизвестно откуда взявшуюся мысль, но ее сменили обычные мысли. Я был уверен, что где-то прочел это высказывание, только забыл, кто автор. Вдруг я вспомнил: Альфред Кребер. Тут же возникла новая чужая мысль и «сказала», что не Кребер, а Георг Зиммель. Я настаивал на том, что Кребер, когда спохватился, что уже втянут в гущу спора с самим

собой, забыв о недавнем чувстве обреченности.

Веки отяжелели, как от снотворного. Именно такое сравнение пришло мне в голову, хотя я никогда никакого снотворного не принимал. Неудержимо клонило в сон. Я хотел добраться до своей машины и там уснуть, но не мог пошевелиться.

Потом, совершенно неожиданно, я проснулся, вернее, ясно почувствовал, что проснулся. Первое, что пришло в голову, – который час. Я огляделся. Растения дурмана передо мной не было. Я с безразличием воспринял, как должное, что прохожу через очередное колдовство. Часы у меня над головой показывали 12:35. Значит, сейчас полдень.

Я увидел молодого человека, несущего пачку бумаг. Я едва его не касался. Я видел прожилки, пульсирующие у него на шее, и слышал ускоренное биение сердца. Меня так увлекло то, что я видел, что я забыл о моих странных мыслях. Затем я услышал у себя в голове сопровождавший сцену «голос», который ее описывал, и понял, что этот «голос» и был источником чужих мыслей.

Меня так захватило вслушивание, что зрительная сторона происходившего отошла на задний план. Я слышал голос у самого уха, над правым плечом. Голос, собственно, и создавал сцену. Но он подчинялся моей воле. Я чувствовал, что в любой момент могу его остановить и разобрать в подробностях то, о чем он говорит. Я «видел-слышал» действия молодого человека во всей их последовательности. Голос продолжал описывать их в малейших деталях, но в сущности описываемое было само по себе не столь важно. По-настоящему загадочным был источник голоса над ухом. Я трижды пытался повернуться, чтобы увидеть наконец того, кто говорит. Я пытался повернуть голову направо или же просто неожиданно обернуться назад, чтобы наконец увидеть, кто это. Но при каждой такой попытке виденье расплывалось. Я подумал: «Я не могу повернуться потому, что я не нахожусь в сфере обычной реальности». Вот эта мысль была моей собственной.

С этого момента я сосредоточил все внимание на одном лишь голосе. Он, казалось, исходил от моего плеча – совершенно отчетливый, хотя и тоненький голосок, причем не детский голос и не фальцет, а мужской голос в миниатюре.

Это был и не мой голос. Говорил он, надо думать, на английском. При каждой моей попытке исхитриться его поймать он тут же

умолкал или удалялся, и сцена мутнела. Удачнее всего было бы сравнение со зрительной формой, создаваемой частичками пыли на ресницах, или же с «мухами» на сетчатке – червеобразной формой, которую видишь до тех пор, пока не смотришь на нее прямо, но как только пытаешься, на нее взглянуть, она с движением глазного яблока моментально ускользает.

Я потерял к происходившему всякий интерес. По мере того, как я слушал, голос становился более сложным. То, что я воспринимал как голос, все более походило на то, как если бы кто-то нашептывал мысли мне в ухо – или, точнее, что-то думало за меня. Мысли были вне меня. Что это так, я не сомневался, потому что мог одновременно фиксировать свои собственные мысли и мысли «другого».

В какое-то мгновение голос создал сцены, автором которых был молодой человек и которые не имели никакого прямого отношения к моему первоначальному вопросу о пропавших вещах. Молодой человек выполнял очень сложные действия. Эти действия вновь приобрели значение, и я больше не обращал внимания на голос. Я начал терять терпение; я хотел остановиться. «Но как это сделать?» – подумал я. Голос в ухе сказал, что нужно вернуться в каньон. Я спросил, как это сделать, и голос ответил – подумать о своем растении.

Я подумал о своем растении. Обычно я сидел перед ним, и делал это так часто, что визуализировать его не составило никакого труда. Увидев растение, я решил, что это очередная галлюцинация, но голос сказал, что я вернулся! Я напряг слух. Была только тишина. Растение *datura* передо мной было не более реальным, чем все, что я только что видел, но я мог его коснуться, мог двигаться вокруг него.

Я поднялся и пошел к машине, но почти сразу выдохся, сел и закрыл глаза. Меня подташнивало, кружилась голова. В ушах звенело. Что-то скользнуло мне на грудь. Это была ящерица. Я вспомнил предостережение дон Хуана, что ее нужно отпустить. Мне было все равно, мертвая она или живая. Я разбил горшок с пастой и набросал на него ногой земли. Потом еле добрался до машины и провалился в беспамятство.

Четверг, 24 декабря 1964

Сегодня я пересказал свое приключение дону Хуану. Внимательно меня выслушав, он сказал:

- Ты сделал опаснейшую ошибку.
 - Знаю. Это была страшная глупость. Случайность.
 - Никаких случайностей, когда имеешь дело с «травой дьявола».
- Говорил я тебе, что она все время будет тебя испытывать. Я так понимаю, что ты или очень силен, или же в самом деле у нее любимчик. Центр лба – только для великих брухо, которые в совершенстве освоили обращение с силой.
- А что обычно происходит, когда человек смажет себе пастой лоб, дон Хуан?
 - Если только он не великий брухо, то попросту никогда не вернется.
 - Ты сам когда-нибудь мазал себе пастой лоб, дол Хуан?
 - Никогда. Мой бенефактор говорил мне, что из такого путешествия возвращаются лишь очень немногие. Человек может отсутствовать в течение многих месяцев, и другим приходится за ним все это время ухаживать. Мой бенефактор говорил, что ящерицы могут взять человека хоть на край света и показать по его заказу самые немыслимые тайны и чудеса.
 - А ты знаешь кого-нибудь, с кем такое было?
 - Да. С моим бенефактором. Но он никогда не говорил мне, как оттуда возвращаться.
 - Неужели возвращение такое трудное?
 - Безусловно. Вот почему то, что с тобой было, для меня в самом деле поразительно. Ты делал все совершенно вслепую, а мы обязаны соблюдать строжайшую последовательность, потому что только так приобретают силу. Иначе мы ничто.
- Воцарилось долгое молчание. Я видел, что он о чем-то глубоко задумался.

Суббота, 26 декабря 1964

Дон Хуан спросил, искал ли я ящериц. Я сказал, что искал, но не смог найти. Я спросил, что было бы, если бы одна из них умерла у меня в руках. Он сказал, что смерть ящерицы – плохой знак. Если ящерица с защитой пастью умрет, то нет смысла продолжать колдовство. Кроме того, это будет означать, что ящерицы порвали со мной дружбу, и дальнейшее обучение с «травой дьявола» нужно надолго отложить.

- Как надолго, дон Хуан? – спросил я.
- Года на два или больше.
- А что было бы, если бы и вторая умерла?

– Со смертью второй тебе уже грозит серьезная опасность. Ты остаешься один, без проводника. Ничего еще, если она умерла до начала колдовства, – его еще можно оставить, заодно распрощавшись с «травой дьявола». Но вот если бы ящерица умерла у тебя на плече, когда колдовство уже началось, тогда пришлось бы его продолжать, а это уж действительно безумие.

– Почему безумие?

– Потому что в этом случае все теряет смысл. Ты один, без проводника, и видишь устрашающие и бессмысленные вещи.

– Что значит – бессмысленные?

– То, что мы видим сами по себе. Вещи, которые мы видим, когда лишены направления. Это значит, что «трава дьявола» хочет от тебя отделаться, отшвырнуть наконец прочь.

– А ты знаешь кого-нибудь, с кем было такое?

– Да. Со мной. Без мудрости ящериц я бы сошел с ума.

– Что же ты видел, дон Хуан?

– Кучу чепухи. Что я еще мог видеть без направления?

Понедельник, 28 декабря 1964

– Ты говорил, дон Хуан, что «трава дьявола» испытывает людей. Как это понимать?

– «Трава дьявола» – как женщина, и, совершенно как женщина, она льстит мужчинам. Она ставит ловушки на каждом шагу. Ты, например, попался, когда она заставила тебя помазать пастой лоб. На этом не кончится, и ты, скорее всего, опять попадешься.

Смотри в оба. Не увлекайся ею; «трава дьявола» – лишь один из путей к тайнам человека знания. Существуют и другие пути.

Главная ее ловушка – заставить тебя поверить, что этот путь – единственный. Запомни: глупо ухлопать жизнь на один-единственный путь, особенно если у него нет сердца.

– А как узнать, дон Хуан, что этот путь не имеет сердца?

– Прежде чем ты решишься на этот путь, спроси себя: имеет ли он сердце? Если ответ будет – нет, значит так оно и есть, и нужно искать другой путь.

– Но как я смогу наверняка узнать, имеет ли этот путь сердце?

– Это может любой. Беда в том, что никто не задает себе этот вопрос; обычно человек слишком поздно понимает, что выбрал путь без сердца, когда уже стоит на краю гибели. В этой точке лишь очень немногие имеют силы оставить свою устремленность и отойти.

– Как правильно задать себе этот вопрос?

– Просто задай его.

– Я имею в виду, существует ли какой-нибудь специальный метод, чтобы я не обманулся и не принял отрицательный ответ за положительный?

– Почему это ты обманешься?

– Ну, скажем, потому, что в этот момент путь будет казаться приятным и радостным.

– Чушь. Путь без сердца никогда не бывает радостным. Уже для того, чтобы на него выйти, приходится тяжело работать. Напротив, путь, у которого есть сердце, всегда легкий: чтобы его полюбить, не нужно особых усилий.

Тут он вдруг заявил, что «травя дьявола» мне очень нравится, и я был вынужден признать, что во всяком случае испытываю к ней предпочтение. А как я отношусь к его союзнику – дымку, спросил он, и мне пришлось сказать наконец, что сама мысль о нем наводит на меня дикий страх.

– Что я говорил: когда выбираешь путь, надо быть свободным от страха и честолюбия; но дымок ослепляет тебя страхом, а «травя дьявола» – честолюбием.

Я возразил, что честолюбие необходимо даже для того, чтобы выйти на какой угодно путь, и что его утверждение, будто следует быть свободным от честолюбия, не имеет смысла. Чтобы учиться, уже необходимо честолюбие.

– Желание учиться – это не честолюбие, – сказал дон Хуан. – Стремление к познанию – наша судьба, потому что мы люди; но искать «траву дьявола» – значит стремиться к силе, а не к познанию. А это и есть честолюбие. Смотри, чтобы «травя дьявола» тебя не ослепила. Она привлекает мужчин и дает им ощущение силы, с нею они уверены, что могут совершать такие вещи, которые обычному человеку не снились. Но в этом ее ловушка. А потом путь без сердца обернется против человека и его уничтожит. Немного нужно, чтобы умереть, и искать смерти – значит ничего не искать.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 10

В декабре 1964 года я отправился с доном Хуаном собирать разные растения, необходимые для приготовления курительной смеси. Это был четвертый цикл. Собирал я, а дон Хуан просто следил, как я выполняю его требования, которые заключались в точном выборе времени сбора и полной при этом сосредоточенности. Как только все ингредиенты были собраны и уложены на хранение, он стал требовать, чтобы я вновь встретился с дымком.

Четверг, 31 декабря 1964

– Теперь, когда ты уже кое-что знаешь про дымок и «траву дьявола», ты можешь сказать с большей определенностью, кого из них предпочитаешь.

– Дымок здорово меня пугает, дон Хуан, честное слово. Не знаю, в чем тут дело, но что-то нет у меня к нему особой симпатии.

– Ты любишь лесть, а «траву дьявола» тебя ублажает. Она приносит тебе удовольствие, точно женщина. Дымок – напротив, сила куда более благородная; у него безупречно чистое сердце. Он не привлекает мужчин и не делает их пленниками, точно так же он свободен от любви и от ненависти. Единственное, чего он требует, – это силы. «Трава дьявола» тоже требует силы, но другой – вроде той, которая нужна, чтобы нравиться женщинам и их удовлетворять. Сила же, которую требует дымок, – это сила сердца. У тебя ее нет, как, впрочем, и у очень многих. Вот почему я настоятельно тебе советую сойтись с ним поближе. Дымок оживляет сердце и вливает в него силы. Это тебе не «траву дьявола», полная страстей, ревности и насилия. Дымок постоянен. С ним ты можешь не беспокоиться – а вдруг его чем-то нечаянно обидел.

Среда, 27 января 1965

19 января я вновь курил галлюциногенную смесь. Я говорил дону Хуану, что с дымком мне здорово не по себе и вообще я его боюсь; но дон Хуан сказал – чтобы оценить дымок по достоинству, нужно еще раз попробовать.

Мы вошли к нему в комнату. Было где-то часа два пополудни. Он

достал свою трубку. Я принес угли, и мы уселись лицом к лицу. Дон Хуан сказал, что сейчас согреет и разбудит трубку, и если я буду смотреть внимательно, то увижу, как она засветится. Раза три-четыре он поднес трубку к губам и пососал ее, с нежностью потирая. Вдруг он почти неуловимым движением кивнул мне на трубку – мол, смотри, пробуждается. Я внимательно смотрел, но ничего такого не заметил.

Он вручил трубку мне. Я наполнил ее своей собственной смесью, потом подхватил горящий уголек чем-то вроде пинцета, который приспособил из деревянной прищепки и припас специально к такому случаю. Дон Хуан взглянул на пинцет и пократился со смеху. Я на секунду зазевался, и уголек пригорел к щипцам. Я побоялся стучать пинцетом о трубку, и пришлось плюнуть на уголек, чтобы его стряхнуть.

Дон Хуан отвернулся и спрятал лицо в ладонях. Он сотрясался всем телом. На мгновение мне показалось, что он плачет, но он беззвучно трясся от смеха.

Процедура оказалась надолго прерванной; наконец он сам взял уголек, положил его в трубку и велел курить. Понадобилось немалое усилие, чтобы раскурить смесь; вероятно, трубка была слишком плотно набита. При первой же затяжке в рот, кажется, попала пыль из смеси, и он сразу онемел. Я видел, как периодически разгорается трубка, но дыма совсем не чувствовал, как, скажем, чувствуешь дым сигареты. Однако я ощущал, что вдыхаю что-то, что сначала затопило легкие, а затем хлынуло вниз, заполняя все тело.

Я насчитал двадцать затяжек, а потом счет потерял значение. Я начал потеть; дон Хуан пристально на меня смотрел и приговаривал, чтобы я не боялся и делал все, как он меня учил. Я хотел сказать «ладно», но вместо этого вырвался жуткий вой, продолжавший звучать и после того, как я закрыл рот. Дон Хуан опешил, но тут же вновь пократился со смеху. Я хотел утвердительно кивнуть, что ли, но не мог двинуться.

Дон Хуан мягко разжал мои руки и забрал трубку. Он приказал мне лечь на пол, но только не засыпать. Я ждал, что он поможет мне лечь, но он просто неотрывно на меня смотрел. Вдруг комната полетела вверх тормашками, и я уже смотрел на него, лежа на полу. С этой минуты зрительный ряд стал странно расплывчатым, как во сне. Я только смутно помню, что пока лежал колодой, дон

Хуан без конца мне что-то говорил.

Я не испытывал ни страха, ни каких-либо неприятных ощущений во время всего этого состояния, и по пробуждении был совершенно здоров. Необычным было разве лишь то, что, проснувшись, я довольно долго не мог собраться с мыслями, но за четыре или пять часов окончательно пришел в себя.

Среда. 20 января 1965

Дон Хуан ничего мне не говорил и не расспрашивал о моих впечатлениях. Он заметил только, что я слишком быстро уснул.

– Единственный способ не заснуть – это стать птицей, или сверчком, или еще чем-нибудь в таком роде, – сказал он.

– Как ты это делаешь, дон Хуан?

– Чему же еще я тебя учу? Ты что, не помнишь, что я говорил вчера, когда ты был без тела?

– Что-то смутно.

– Я – ворона. Я учу тебя, как стать вороной. Когда ты этому научишься, то будешь оставаться при ясном сознании и получишь свободу передвигаться куда угодно; иначе ты всегда будешь приклеен к земле там, где свалился.

Воскресенье, 7 февраля 1965

Следующая встреча с дымком состоялась около полудня 31 января. Я проснулся на следующий день под вечер. Каким-то непонятным, но отчетливейшим образом я помнил все, что в течение опыта говорил мне дон Хуан. Его слова были словно впечатаны мне в память; я слышал их с необычайной ясностью. В течение опыта я разобрался еще с одним явлением: все мое тело онемело вскоре после того, как я начал глотать пыль, попадавшую в рот при каждой затяжке. Получалось, что я не только вдыхал дым, но и поглощал смесь.

Я хотел подробней рассказать обо всем этом дону Хуану, но он бросил, что это ерунда. Мне хотелось обратить его внимание на то, что я могу вспомнить все до мельчайших деталей, но его это не интересовало. Каждое воспоминание было точным и безошибочным. Сама процедура ничем не отличалась от предыдущего опыта. Казалось, один опыт переходил в другой, и я мог все воспроизвести по памяти с того момента, когда закончился первый. Я отчетливо помнил, что после того, как свалился на пол, исчезли все чувства и мысли, однако голова оставалась ясной. Я помню, что последняя мысль, возникающая, когда комната

перевернулась и стала стоймя, была: «Я, наверно, стукнулся головой об пол, а не чувствую никакой боли».

С этого момента я мог только смотреть и слушать. Я помню каждое слово, которое мне сказал дон Хуан. Все его указания я выполнял буквально. Они казались ясными, логичными и вполне осуществимыми. Он сказал, что мое тело исчезает и останется только голова, и потому единственная сейчас возможность не уснуть и быть способным к передвижению это стать вороной. Он скомандовал мне старательно мигать, добавив, что раз уж я могу мигать, то значит готов выполнять дальнейшее. Затем он сказал, что мое тело уже полностью исчезло, осталась одна голова, голова не может исчезнуть потому, что именно голова превращается в ворону.

Он приказал мигать неотступно. Эту команду и прочие он, должно быть, повторял множество раз, потому что я помню каждую с исключительной ясностью. Должно быть, я послушно мигал, потому что он наконец сказал, что я готов, и приказал вытянуть голову и опереться на подбородок. Подбородок, сказал он, это лапы вороны. Он скомандовал почувствовать эти лапы там, где подбородок, и наблюдать за их появлением. Потом он сказал, что я еще не полностью сгустился, и сейчас мне нужно вырастить хвост; хвост появится из затылка. Он приказал распустить хвост как веер и почувствовать, как он подметает пол.

Потом он заговорил о крыльях: крылья вырастут из скул. Он сказал, что они твердые и жесткие и причиняют боль. Он скомандовал раскрыть крылья. Он сказал, что они должны быть как можно шире, я должен расправить их во всю длину, иначе не смогу летать. Он сказал, что крылья уже появляются – широкие и красивые, и велел ими махать, пока они не станут настоящими крыльями.

Затем он заговорил о темени и сказал, что оно еще очень большое и тяжелое, в полете его вес будет мешать. Он сказал, что его можно уменьшить мигая; с каждым движением век голова будет уменьшаться. Он приказал мигать до тех пор, пока тяжесть совсем не исчезнет и я смогу прыгать легко и свободно. Потом он сказал, что я уменьшил голову до размеров вороньей, и теперь нужно пройтись и поскакать, чтобы освоиться.

Теперь, сказал он, для полета осталось еще одно. Это изменение самое трудное, нужно быть особенно внимательным и постараться

исполнить в точности все, что он скажет. Осталось научиться видеть как ворона. Твой рот и нос, сказал он, уже вытягиваются между глазами и вот-вот превратятся в сильный клюв. Вороны видят в обе стороны, сказал он и скомандовал повернуть голову и посмотреть на него одним глазом. Чтобы взглянуть другим глазом, нужно просто потряхнуть клювом вниз – это движение позволит уже другим глазом смотреть в том же направлении. Он приказал поупражняться в переключении с одного глаза на другой. Наконец он заявил, что я готов к полету, и для этого осталось единственное – сейчас он подбросит меня в воздух.

Мои ощущения в точности откликались на каждую команду. Я ясно чувствовал, как растут лапы, сначала слабые и шаткие. Я чувствовал, как из затылка появляется хвост, а из скул крылья. Крылья были сложены глубоко внутри: я чувствовал, как постепенно они выпрямляются наружу. Процесс был трудным, но не очень болезненным. Потом я мигая уменьшил голову до размеров вороньей. Но самое поразительное превращение произошло с глазами. Взгляд стал птичьим!

Когда я по указаниям дона Хуана отрачивал клюв, было раздражающее ощущение нехватки воздуха. Затем что-то выпятилось, и передо мной возникло некое приспособление вроде массивной болванки. Но вначале дон Хуан велел мне убедиться, что мои глаза способны схватить в поле зрения все вокруг. Поочередно закрывая глаза, я мог перебрасывать фокус из одного глаза в другой. Необычным стал сам вид комнаты и все то, что в ней находилось, хотя трудно было сказать, в чем именно состояло это изменение. Возможно, сам угол зрения изменился и стал наклонным, а может быть, предметы ушли из фокуса. Дон Хуан стал очень большим и светящимся. От него исходило что-то успокаивающее и надежное. Затем зрительные образы расплылись; они потеряли очертания и превратились в болезненно-отчетливые абстрактные формы, охваченные мимолетным мерцанием.

Воскресенье, 28 марта 1965

Во вторник 18 марта я вновь курил галлюциногенную смесь. На этот раз процедура отличалась в некоторых деталях. Трубку пришлось набивать дважды. Когда я выкурил первую, дон Хуан велел прочистить трубку, но новую порцию положил в нее сам, потому что у меня была расстроена координация движений. Чтобы двигать руками, требовалось невероятное усилие. В моем кисете

оставалось достаточно смеси для еще одной трубки. Дон Хуан взглянул на кисет и сказал, что до следующего года это мой последний опыт с дымком, потому что я использовал все свои запасы.

Он вывернул кисет наизнанку и вытряхнул пыль в миску с углями. То, что осталось от смеси, вспыхнуло оранжевым пламенем, как если бы он положил на угли какой-то прозрачный лист. Лист загорелся и рассыпался на линии со сложным контуром. Что-то с огромной скоростью пронеслось внутри этих линий. Дон Хуан приказал следить за движением линий. Я увидел что-то вроде маленького шарика, который перекачивался по вспыхнувшему контуру. Дон Хуан наклонился, выхватил шарик, положил его в трубку и велел мне затянуться. Я был уверен, что он положил мне этот шарик именно для того, чтобы я его вдохнул. Комната моментально встала на дыбы, я почувствовал, что весь онемел и стал точно свинцовый.

Когда я очнулся, я обнаружил, что лежу на дне неглубокой канавы с проточной водой, погруженный в воду до подбородка. Кто-то мне поддерживал голову. Это был дон Хуан. Первое, на что я обратил внимание, это что вода была какой-то необычной – холодной и тяжелой. Она плавно накатывалась на меня, и с каждой волной в голове проявлялось. Вначале у воды был ярко-зеленый отблеск или отсвет, что ли, который вскоре рассеялся, остался лишь поток обычной воды.

Я спросил, который час. Дон Хуан сказал – раннее утро. Немного погодя я полностью очнулся и вылез из воды.

– Ну, давай рассказывай все, что видел, – сказал дон Хуан, когда мы вошли к нему в дом. От него я узнал, что он три дня возился со мной, пытаясь меня вернуть, и пришлось здорово потрудиться. Только к вечеру я почувствовал, что способен наконец говорить нормально, и начал рассказывать ему все, что запомнил прямо с той минуты, как свалился на пол. Но это его не интересовало; он сказал, чтобы я все это пропустил, начав прямо с того, как он метнул меня ввысь и я полетел.

Но я мог вспомнить только серию бессвязных, похожих на сон картин или образов. Впечатление было такое, что каждая из этих картин – как отдельный пузырек, всплывающий в фокус и уплывающий из поля зрения. Однако они не были, скажем, какими-то сценами для созерцания. Я находился внутри них. Я принимал

участие в том, что видел. Поначалу, когда я пытался их вспомнить, у меня было ощущение смутных смазанных вспышек; но по мере усилий вспомнить как следует я чувствовал, что каждая из них обладает исключительной ясностью, хотя совершенно несоотносима с обычным видением, – собственно этим объясняется ощущение их смутности. Картин было всего несколько, и они были очень простые.

Как только дон Хуан упомянул вскользь, что бросил меня в воздух, у меня возникло, как вспышка, воспоминание абсолютно ясной сцены, в которой я с определенного расстояния смотрел прямо на него. Я видел только его лицо. Оно поражало монументальностью. Оно было плоским и ярко светилось. Волосы были желтоватыми, и они двигались. Каждая часть лица двигалась сама по себе, излучая своеобразный янтарный свет.

В следующей картине дон Хуан уже подбросил, точнее прямо от себя швырнул меня в воздух. Я помню, что распластал крылья и полетел. Вспарывая воздух в болезненном подъеме, я чувствовал одиночество. Я словно не летел, а шел, с усилием взбираясь ввысь. От трудного подъема болело тело. Ощущения свободного полета, восторга от избытка сил не было.

Затем я вспомнил сцену, в которой неподвижно смотрел на массу острых темных краев, расположенных где-то, откуда исходил смутный, болезненный свет: затем я увидел поле с неисчислимым множеством разных огней. Огни двигались и мерцали, разгораясь и потухая. Они были почти как краски; меня поразила их яркость.

В следующей картине прямо у самых глаз появился какой-то предмет, толстый и заостренный; свечение от него исходило определенно розовое. Я ощутил в своем теле внезапную дрожь и увидел множество таких же розовых форм, которые двигались в мою сторону. Они бросились на меня, и я отпрянул.

Последнее, что я помню, – это трех серебристых птиц. Они сияли металлическим отблеском, почти как нержавеющей сталь, только ярче, интенсивней и подвижней: отблеск был словно живой. Они мне понравились, и я полетел вместе с ними.

В течение всего моего повествования дон Хуан не проронил ни слова.

Вторник, 23 марта 1965

На другой день произошел следующий разговор. Дон Хуан сказал: – Вороной стать вообще несложно. Ты проделал это, и теперь

будешь вороной всегда.

– Что было после того, как я стал вороной, дон Хуан? Неужели я целых три дня летал?

– Нет. Ты вернулся с заходом солнца, как я тебе велел.

– Как же я вернулся?

– Ты очень устал и сразу уснул. Вот и все.

– То есть как я прилетел обратно?

– Я ведь уже сказал. Ты послушался меня и вернулся ко мне домой. Да выбрось это из головы. Это совершенно неважно.

– А что важно?

– Единственное, что по-настоящему ценно в твоём путешествии, – это серебристые птицы.

– Что же в них было такого особенного? Просто птицы.

– Не «просто птицы», а вороны.

– Какие – белые?

– Черные вороны перья в действительности серебристые. Вороны так сверкают, что другие птицы держатся от них подальше.

– Но почему их перья выглядят серебристыми?

– Потому что ты видел так, как видит ворона. Птицу, которая для нас выглядит темной, ворона видит белой. Белые голуби, например, для вороны розовые или голубые; чайки желтые. Теперь попытайся вспомнить, как ты к ним присоединился.

Я попытался, но птицы оставались вырванной из контекста смутной картиной. Я сказал ему, что помню только, точнее чувствую, что с ними летал. Он спросил, где я к ним присоединился – в воздухе или на земле. Но я никак не мог ответить, и это его начало раздражать. Он требовал, чтобы я вспомнил.

– Иначе, – настаивал он, – если ты не вспомнишь хорошенько, все это не будет стоить и гроша, а так и останется скучным бредовым сном.

Я всячески старался вспомнить, но ничего не получалось.

Суббота, 3 апреля 1965

Сегодня мне вспомнилась еще одна картина из моего «сна» с серебристыми птицами. Я вспомнил, что смотрел на темную массу с мириадами булабочных отверстий. Собственно, сама масса была темным скоплением крохотных дырочек. Почему-то мне казалось, что она мягкая. Пока я смотрел на нее появились три птицы, которые летели прямо на меня. Одна из них издала какой-то звук, а

потом все трое уже были на земле рядом со мной. Я описал картину дону Хуану. Он спросил, откуда они прилетели. Я сказал, что, пожалуй, этого не смогу определить. Его охватило сильное нетерпение, и он сказал, что у меня, похоже, вообще деревянная голова, а все оттого, что я боюсь дать себе волю; если я постараюсь, то очень даже могу все вспомнить. Он сказал, что я думаю и как человек и как ворона, но в то время, которое нужно вспомнить, я не был ни тем, ни другим. Он приказал вспомнить, что мне сказали вороны. Я честно пытался вспомнить, но мысли перескакивали с одного на другое. Я не мог сосредоточиться.

Воскресенье, 4 апреля 1965

Сегодня я отправился в далекую прогулку. Когда я возвращался к дому дон Хуана, была уже ночь. Я все думал о воронах, и тут в голове мелькнула очень странная «мысль» – или, точнее, некое впечатление или чувство. Издавшая звук птица, кажется, сказала, что они направляются с севера на юг, и когда мы вновь встретимся, то полетим в том же направлении.

Об этой своей странной фантазии я сообщил дону Хуану. Он сказал:

– Пусть тебя не занимает, выдумал ты это или вспомнил. Так думают только люди. Вороны так не думают, особенно те, которых ты видел, поскольку видел ты посланцев твоей судьбы. Ты уже ворона, и это навсегда. Отныне вороны будут говорить тебе своим полетом о каждом повороте твоей судьбы. В каком направлении вы полетели?

– Да откуда мне знать!

– Если подумаешь как следует, вспомнишь. Сядь на пол и покажи положение, в котором ты находился, когда к тебе прилетели птицы. Закрой глаза и проведи линию на полу.

Я сделал, как он велел, и определил точку.

– Глаз не открывай, – прикрикнул он. – Куда вы полетели относительно этой точки?

Я сделал на полу другую отметку.

Взяв обе за исходную ориентацию, дон Хуан растолковал мне, каким направлением полета какой поворот судьбы мне предвещают вороны. Он установил четыре точки по сторонам света, как оси полета ворон.

Я спросил, всегда ли при предсказании судьбы вороны следуют этим осям. Он сказал, что они касаются меня одного;

абсолютно все, что делали вороны при нашей встрече, было чрезвычайно важным. Он требовал, чтобы я вспомнил все до мельчайших подробностей, поскольку послание или же характер посланцев – дело сугубо индивидуальное, и потому исключительно важное.

В особенности он требовал вспомнить, в какое время суток я с ними расстался. Он велел вспомнить разницу в освещении между началом моего полета и началом полета с воронами. При первом ощущении, которое я помню, – ощущении болезненного подъема, – было темно. Но когда я увидел птиц, все было красноватым, светло-красным или, пожалуй, оранжевым.

Он сказал:

– Это означает, что был конец дня: солнце еще не зашло. Когда наступает ночь, ворона ослеплена белизной, а не тьмой, как люди. Таким образом, это указание на то, что твои посланцы являются на исходе дня. Они позовут тебя, и когда пролетят над твоей головой, то станут серебристо-белыми: ты увидишь, как они сверкают в небе, и это будет означать, что пришла твоя пора. Это будет означать, что ты умираешь, ты умрешь и превратишься в ворону.

– А если я увижу их утром?

– Утром ты их не увидишь.

– Так ведь вороны летают весь день...

– Но не твои посланцы, дурень!

– А что твои посланцы, дон Хуан?

– Мои появятся утром. Их тоже будет трое. Мой бенефактор говорил, что если не хочешь умирать, можно криком отогнать их и превратить в черных. Но теперь я знаю, что этого делать не следует. У моего бенефактора страсть была кричать, здорово получалось, и вообще он любил всякий грохот и неистовство, как это водится у «травы дьявола». Дымок, я считаю, другой именно потому, что бесстрастен. С ним все честно. Когда твои серебряные посланцы придут за тобой, то глупо на них кричать, – просто лети вместе с ними, как ты это уже делал. Взяв тебя с собой, они изменят направление, и вас будет четверо, улетающих прочь.

Суббота, 10 апреля 1965

У меня случались короткие приступы смутных наплывов необычной реальности.

То и дело всплывало одно неотвязное воспоминание из галлюциногенного опыта с грибами: мягкая темная масса

булавочных отверстий. Дальше она визуализировалась как масляный или нефтяной пузырь, который меня затягивал. Было так, как будто пузырь раскрывается и заглатывает меня, и на короткие мгновения я испытывал что-то напоминающее состояния необычной реальности. Последствием было сильное возбуждение, тревога и беспокойство, и я всячески с этими наплывами боролся, чтобы поскорее от них избавиться.

Сегодня я решил спросить у дона Хуана, что он об этом думает и как мне быть. Он выслушал вполуха и посоветовал на всякие рецидивы не обращать внимания, поскольку они бессмысленны, точнее, не имеют никакой ценности. Внимания заслуживают только те «виденья», в которых будет ворона: все прочие – просто результат моих страхов. Он вновь мне напомнил, что дымок требует жить сильной, бесстрастной жизнью. Мне же казалось, что я достиг опасного порога. Я сказал ему, что, как чувствую, я не в силах продолжать: с грибами в самом деле было связано что-то устрашающее.

Перебирая картины, которые запомнились из моего галлюциногенного опыта, я с неизбежностью пришел к выводу, что видел мир таким образом, который в структурном отношении отличается от обычного видения. Сами по себе формы и картины, которые я видел в этих состояниях необычной реальности, всегда оставались в границах обычного визуального восприятия; совсем иным было то, как я видел. Все, что я видел, располагалось в горизонтальной плоскости зрения; не было ничего выше или ниже этого горизонта.

Каждая картина была раздражающе плоской, и в то же время обладала какой-то необычной глубиной. Точнее, вероятно, было бы сказать, что каждая картина представляла собой совокупность невероятно ясных деталей, расположенных в поле различного освещения; свет в этих полях двигался, создавая эффект вращения. После всех моих попыток и усилий как следует все вспомнить я решил прибегнуть к серии аналогий, чтобы «понять» то, что «видел». Лицо дона Хуана, например, выглядело так, точно он смотрел на меня из-под воды. Казалось, вода течет непрерывным потоком, омывая его волосы и лицо: при этом они так увеличивались, что стоило присмотреться – и становилась видна каждая пора, каждый волосок. Вместе с тем то, что я видел, было просто массами материи, плоскими и угловатыми, и к тому же

неподвижными, потому что исходивший от них свет был лишен пульсации.

Я спросил дона Хуана, что бы это все значило. Он сказал, что поскольку я впервые видел как ворона, предметы были неясными или незначительными, но со временем, когда придет опыт, все будет понятно.

Мне хотелось знать о причине той разницы, которую я заметил в движении света.

– В том, что живое, – сказал он, – происходит внутреннее движение, и когда что-либо мертво или близко к смерти, ворона сразу это видит, потому что движение останавливается или угасает, пока не исчезнет совсем. Ворона также видит, когда что-либо движется слишком быстро, и по тому же признаку может сказать, когда что-либо движется не так как надо.

– А как это понимать – «слишком быстро или не так как надо»?

– Это означает, что ворона может точно сказать, чего следует избегать, а к чему стремиться. Когда что-нибудь движется внутри слишком быстро, это означает, что оно вот-вот взорвется или ринется в атаку, и ворона будет всегда начеку и на расстоянии достаточно безопасном. Когда же внутреннее движение нормальное, это приятное зрелище, и оно будет притягивать ворону.

– В камнях есть внутреннее движение?

– Нет, ни в камнях, ни в мертвых животных, ни в засохших деревьях; но они красивые, на них приятно смотреть. Вот почему вороны крутятся возле падали. Они ею любят. Внутри нее отсутствует малейшее движение света.

– Но когда плоть разлагается, разве в ней не происходит движение?

– Происходит, но это совсем другое движение. То, что видит ворона, это миллионы движущихся внутри плоти крохотных светящихся штучек, причем каждая светится по-своему, вот почему воронам так нравится на это смотреть. Это в самом деле незабываемое зрелище.

– Ты сам это видел, дон Хуан?

– Это может видеть каждый, кто научится превращаться в ворону. Увидишь и ты.

Тут я наконец задал мучивший меня вопрос:

– Я в самом деле стал вороной? Я имею в виду – для любого, кто меня увидит, я буду обычной вороной?

– Нет. Глупо так думать, когда имеешь дело с союзными силами. Такие вопросы бессмысленны; и в то же время стать вороной – дело обычное. Почти как фокус; пользы в этом мало. Я уже говорил – дымок не для тех, кто охотится за силой. Он только для тех, кому прежде всего нужно видеть. Я научился становиться вороной, потому что из всех птиц эти самые подходящие. Их не беспокоят никакие другие птицы, кроме разве орлов, потому что они гораздо крупнее и агрессивны, когда голодны. Но вороны летают стаями и могут за себя постоять, люди не тревожат ворон, а это немалое преимущество. Любой человек заметит большого орла, особенно если тот необычного вида, или вообще любую большую и странную птицу, но кого интересуют вороны? Ворона в безопасности. Она идеальна по размеру и по самой природе. Она может безопасно проникать куда угодно, не привлекая внимания. Можно, конечно, стать еще львом или медведем, но это довольно рискованно. Такие существа слишком большие: чтобы во что-нибудь такое превратиться, требуется слишком много энергии. Можно еще стать сверчком, или ящерицей, или хоть муравьем, но это еще опаснее, поскольку большие звери охотятся за маленькими. Я принялся спорить и сказал, что в таком случае это и означает возможность реального превращения в ворону, или в сверчка, или во что там еще. Но он твердил, что я не понимаю.

– Чтобы научиться быть настоящей вороной, нужно много времени, – сказал он. – Ты вот, например, не изменился, и не перестал быть человеком. Необходимо кое-что еще.

– Что же именно, могу я узнать?

– А ты, может быть, и так уже знаешь. Вот если бы ты не трясся так над своим рассудком и над своим телом, то понял бы эту чудесную тайну. А так, похоже, тебе придется ждать до тех пор, пока в тебе исчезнет страх, который мешает понять, что я имею в виду.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 11

Последняя запись в моих полевых тетрадях относится к событию, которое произошло в сентябре 1965 года. Это был последний урок дона Хуана, который я обозначил как «особое состояние необычной реальности», поскольку оно не имело отношения к ранее мною используемым растениям. Я думаю, дон Хуан вызвал его посредством искусного манипулирования намеками относительно себя самого; иными словами, его поведение было рассчитано на мое восприятие таким неуловимым образом, что создавало отчетливое и несомненное впечатление, будто в действительности это не он, а кто-то другой в его обличье. В результате я испытал глубокое психическое расстройство; я видел вроде бы дона Хуана, но что-то говорило о непонятной и жуткой подмене. Этому сопутствовал испытываемый сознанием невыносимый ужас, настолько острый, что совершенно вышиб меня из колеи; и я решил, пока не поздно, отказаться от дальнейшего обучения, и больше к нему не возвращался, хотя дон Хуан не изменил своего отношения ко мне как к ученику. В его оценке мой уход был лишь очередным этапом обучения, который может длиться неопределенное время. С тех пор, впрочем, он больше не делился со мной своим знанием.

Обстоятельный отчет об этом последнем опыте написан мною по истечении месяца после самого события, хотя самые важные моменты были зафиксированы в лихорадочных заметках уже на следующий день, в период сильнейшего волнения и тревоги, на смену которым пришел пик испытанного мной ужаса.

Пятница, 29 октября 1965

В четверг 30 сентября я приехал повидаться с доком Хуаном. Со мною продолжались наплывы состояний необычной реальности, несмотря на маниакальные усилия от них отделаться или, по совету дона Хуана, хоть как-то их обуздать. Я чувствовал себя все хуже, поскольку наплывы становились все более длительными. У меня обострился слух на самолеты. Когда они пролетали, рев двигателей против моей воли захватывал и поглощал внимание,

полностью его парализуя, вплоть до того, что я буквально чувствовал, как улетаю вслед, как если бы находился внутри самолета или летел рядом. Ощущение было крайне неприятное, а более всего тревожило то, что я не могу от него избавиться. Дон Хуан на этот раз очень внимательно меня выслушал и пришел к выводу, что дело серьезное – эта болезнь не что иное, как потеря души. Я сказал, что такие вот галлюцинации появились с тех самых пор, как я курю грибы, но он это отверг и сказал, что описываемые мной симптомы – что-то новенькое. Он сказал, что я и раньше боялся и воображал всякую чепуху, но сейчас я действительно околдован. Доказательство этому – то, что меня уносит гул пролетающих самолетов. Как правило, сказал он, околдованного человека, у которого утащили душу, может поймать шум ручья или реки и унести его к смерти. Затем он заставил меня описать все, что я делал до того, как появились такие галлюцинации. Я перечислил, что мог вспомнить. Исходя из моего отчета он определил место, где я потерял душу.

Я видел, что его все это сильно заинтересовало – что вообще крайне для него необычно. Разумеется, я еще больше встревожился. Он сказал, что пока не может точно определить, кто поймал мою душу, но кто бы это ни был, цель, вне всякого сомнения, меня убить или по крайней мере навести порчу. Затем он детально проинструктировал меня на предмет «боевой формы» – особой стойки, которую следует принимать и оставаться в ней, пока я нахожусь на своем благоприятном пятне. Эту стойку, которую он назвал формой для битвы, я должен был удерживать во что бы то ни стало.

Я спросил, для чего все это и с кем мне придется воевать. Он ответил, что отправляется на поиски того, кто взял мою душу, и посмотрит, нельзя ли ее вернуть обратно: я же должен до его возвращения оставаться на своем пятне. Боевая форма, сказал он, это собственно предосторожность на тот случай, если со мной во время его отсутствия что-нибудь приключится. Используется она как защита во время атаки. Для этого нужно ударять голенью о ляжку правой ноги, топая левой на манер танца, которым я должен лицом к лицу встречать атакующего.

Он предупредил, что эту форму следует принимать лишь в самые критические моменты; в остальное время, пока нет видимой опасности, я должен просто сидеть скрестив ноги на своем пятне.

В случае же крайней угрозы, сказал он, остается прибегнуть к последнему средству защиты: чем-нибудь швырнуть во врага. Обычно, сказал он, швыряют предмет силы, но поскольку у меня ничего такого нет, придется использовать любой небольшой камень, который уляжется в правую ладонь так, чтобы его обхватил большой палец. Он сказал, что это средство используется лишь перед явной и несомненной угрозой смерти. Швырнуть предмет необходимо в сопровождении боевого крика – такого крика, который направит предмет прямо в цель. Он особенно подчеркнул, что с этим криком я должен быть не только предельно решителен, но и предельно бережлив, чтобы он не пропал вхолостую, потому что пользоваться им следует лишь «в условиях крайней серьезности».

Я спросил, что это значит – «условия крайней серьезности». Он сказал, что издаваемый боевой крик – нечто такое, что остается с человеком на всю жизнь, поэтому тут с самого начала нельзя ошибиться: единственная же возможность избежать ошибки – обуздание естественного страха и нерешительности, пока не будешь абсолютно наполнен силой. Только тогда крик вырвется в нужном направлении и с должной силой. Вот что такое, сказал он, условия крайней серьезности, которая необходима для того, чтобы издать крик.

Я попросил объяснить, в чем будет выражаться сила, которая, как он говорит, должна наполнить меня перед криком. Такая сила, сказал он, это то, что ринется в тело из земли, на которой стоишь: точнее говоря, это тот род силы, который исходит из благоприятного пятна. Вот она-то и производит боевой крик, и от умения управлять ею зависит его совершенство.

Я вновь спросил – неужели он так уверен, что со мной что-нибудь случится. Он ответил, что ничего не может сказать определенного, но предостерегает со всей серьезностью, чтобы я под страхом смерти не покидал своего места, пока будет хоть малейшая опасность, потому что оно – моя единственная защита против всего, что бы ни случилось.

Я почувствовал, что в меня закрадывается страх, и попросил дать более подробные объяснения. Он подчеркнул, что может сказать только, чтобы я не сходил с места ни при каких обстоятельствах. Я не должен уходить в дом или в кусты, а самое главное – я не должен издавать ни единого звука, не проронить ни слова, даже

ему. Если, сказал он, будет очень уж страшно – можно петь свои песни Мескалито, и под конец добавил, что я уже знаю обо всех этих вещах достаточно, чтобы мне напоминать, как ребенку, насколько важно все исполнять в точности и ни в коем случае не ошибиться.

Его предостережения лишь усилили мою тревогу. Теперь я не сомневался, что он ждет какой-то беды. Я спросил, почему он советует петь песни Мескалито и что же, по его мнению, может меня так напугать. Он лишь рассмеялся и сказал, что я могу испугаться одиночества. Затем вошел в дом и закрыл дверь. Я взглянул на часы: семь вечера. Долгое время я сидел без движения. В доме стояла мертвая тишина. Дул ветер, а так все было спокойно. Я подумал, не сбегать ли к машине, чтобы принести сюда ветровое стекло, но я не смел нарушить указания дона Хуана. Спать не хотелось, но я чувствовал усталость; холодный ветер не давал покоя.

Часа через четыре я услышал шаги дона Хуана вокруг дома. Я подумал, что он, наверно, вышел через заднюю дверь в кусты помочиться. Затем он громко позвал меня:

– Эй, парень! Парень, иди-ка сюда!

Я едва не вскочил, чтобы побежать к нему. Голос был его, но не его интонации и не его обычные слова. Дон Хуан никогда не называл меня «парень». Поэтому я остался на месте. По спине пробежал мороз.

Он вновь принялся кричать, используя те же выражения или вроде того.

Я услышал, как он обходит дом. Споткнувшись о поленницу, точно не зная, что она там, он вышел на веранду и уселся возле двери спиной к стене. Он казался более грузным, чем обычно. Движения не были медленными или неуклюжими, просто более тяжелыми. Вместо того, чтобы легко и проворно, как всегда, сесть на пол, он на него просто плюхнулся. Кроме того, место было не его, а дон Хуан никогда и ни при каких обстоятельствах не садился ни на какое другое.

Тут он вновь заговорил со мной. Он спросил, почему я не пришел, когда он звал меня. Говорил он очень громко. Я боялся на него смотреть, и все же что-то подталкивало следить за ним. Он начал медленно раскачиваться со стороны в сторону. Я изменил свое положение, приняв боевую форму, которой он меня научил, и

повернулся к нему лицом. Мускулы свело от странного напряжения. Не знаю, что подсказало мне принять боевую форму, – может быть, я был просто уверен, что дон Хуан старается нарочно меня напугать, создавая впечатление, что человек, которого я вижу, на самом деле не он. Впечатление было такое, что он очень тщательно дозирует в своем поведении какие-то странности, чтобы сбить меня с толку и напугать. Я почувствовал страх, но одернул себя – ведь я пока что способен к самоконтролю и критической оценке происходящего.

В этот момент дон Хуан поднялся. Его движения были совершенно чужими. Он протянул перед собой руки и, нагнувшись, оттолкнулся от пола; затем выпрямился, ухватившись за дверной косяк. Я поразился, до чего хорошо успел изучить все его движения и какое ужасное чувство он вызывал, представляясь доном Хуаном с чужими движениями. Он сделал ко мне пару шагов, держась руками за поясницу, как будто выпрямиться окончательно ему не давала боль в спине. Он пыхтел и отдувался, словно у него насморк. Он сказал, что забирает меня с собой, и велел подниматься и следовать за ним. Он пошел к западной половине дома. Я повернулся на месте, чтобы оставаться к нему лицом. Он обернулся. Я не тронулся со своего места. Я к нему точно прирос. Он заревел:

– Эй, парень, я кому сказал? Ты идешь со мной! Не пойдешь – силком потащу!

Он направился ко мне. Я начал колотить голенью о ляжку и быстро пританцовывать. Он подошел к краю веранды почти вплотную ко мне, едва меня не коснувшись. В неистовом страхе я приготовился к метательной позиции, но он изменил направление и пошел к кустам слева. На мгновение, когда он уже уходил, он вдруг повернулся, но я оставался лицом к нему. Он скрылся из виду. Какое-то время я еще сохранял боевую позицию, но поскольку его больше не было видно, вновь уселся, скрестив ноги и опираясь на валун. Теперь было действительно страшно. Я хотел убежать, но мысль об этом путала еще больше. Я знал, что если он схватит меня по дороге к машине, все пропало. Я начал распевать свои пейотные песни, но каким-то образом чувствовал, что здесь это бесполезно. Песни, впрочем действовали успокаивающе, и я немного пришел в себя. Я пел их без конца.

Около 2:45 ночи в доме раздался шум. Я тотчас изменил

положение. Дверь распахнулась, и вывалился дон Хуан. Он хватал ртом воздух и держался за горло. Он упал передо мной на колени и застонал. Он сорванным фальцетом попросил меня подойти к нему и помочь. Затем он вновь заревел, требуя, чтобы я подошел. В горле у него хрипело. Он умолял меня подойти и помочь ему, потому что его что-то душит. Он полз на четвереньках, пока не оказался едва не в четырех от меня футах. Он протянул ко мне руки и прохрипел. «Подойди же!» Затем он поднялся протянутыми ко мне руками. Я увидел, что сейчас он меня схватит. Я подпрыгнул и заколотил голенью о ляжку. Я был вне себя от страха.

Он остановился и пошел к углу дома и оттуда в кусты. Я повернулся, чтобы оставаться лицом к нему. Затем я вновь уселся. Было уже не до песен. Казалось, из меня ушли все силы. Все тело болело. Мускулы одеревенели от напряжения. В голове был полный хаос. Я не знал, сердиться ли на дону Хуана и вообще как быть. Я прикидывал, не броситься ли на него, но чутье подсказывало, что он растопчет меня как букашку. Хотелось разреваться. От мысли, что дон Хуан намерен без конца меня пугать, к горлу подступали рыдания. Я терялся в догадках, к чему эта ужасная игра, этот нелепый розыгрыш. Его имитирующие чужака движения были столь искусны, что я был в полном замешательстве. Это было не так, как если бы он подражал женским движениям, но так, как если бы женщина пыталась двигаться как дон Хуан. Впечатление было такое, что она усердно старается ходить и двигаться с точностью дону Хуана, но ее движениям недоставало его упругости, она была слишком грузной. Кто бы это ни был передо мной, он создавал впечатление, как будто грузная женщина помоложе пытается имитировать скупые движения еще полного сил старика. Эти мысли окончательно повергли меня в панику. Совсем рядом громко запел сверчок. Я машинально отметил богатство его тонов – совсем как баритон. Звук начал стихать и удаляться. Вдруг я вздрогнул всем телом и принял боевую позицию в направлении, откуда только что доносился голос сверчка. Звук уносил меня с собой; он уже почти захватил меня, прежде чем я понял, что он только похож на песню сверчка. Звук вновь приблизился и стал ужасно громким. Я начал петь во весь голос свою пейотную песню. Сверчок вдруг умолк. Я сразу уселся, но продолжал петь. Спустя мгновение я увидел

фигуру человека, бегущего ко мне со стороны, противоположной той, откуда только что пел сверчок. Я хлопнул себя по бедру и отчаянно затопал. Фигура в мгновение ока пронеслась мимо, почти коснувшись меня. Это было что-то вроде собаки. Я ощутил такой дикий страх, что онемел. Не помню, что я тогда думал или чувствовал.

Под утро, когда выпала роса, мне стало немного лучше. Что бы это ни было, похоже, все закончилось. Было без десяти шесть, когда дверь неслышно открылась, и вышел дон Хуан. Он потянулся, зевнул и посмотрел на меня. Он сделал ко мне пару шагов, все так же зевая. Я увидел его глаза, глядящие из-под полуприкрытых век. Я вскочил. Я знал одно – передо мной кто угодно, но не дон Хуан. Правой рукой я схватил с земли подвернувшийся небольшой камень с острыми краями, даже не взглянув на него, я просто схватил и стиснул его в ладони. Я принял ту стойку, которой меня научил дон Хуан. Я почувствовал, как в считанные секунды меня пронизала странная мощь. Тут я издал вопль и швырнул в него камень. Крик, по-моему, получился просто замечательный. В тот момент мне не было дела, жив я или мертв, я чувствовал только устрашающую силу крика. Он был длинный и пронзительный, и, собственно, это он поразил цель. Фигура передо мной дрогнула, издала сдавленный возглас и, шатаясь, метнулась от дома в кусты. Потребовалось несколько часов, чтобы я как-то успокоился. Я продолжал топтаться на том же месте. Мне не хватало воздуха, и дышать приходилось через рот.

В одиннадцать утра вновь вышел дон Хуан. Я подскочил, но его движения могли принадлежать только дону Хуану. Он подошел к своему месту и уселся своим манером в сталь хорошо мне знакомую позу. Он посмотрел на меня и улыбнулся. Я подошел к нему: вся моя обида исчезла, и я поцеловал ему руку. Откуда-то я знал, что это не он проделывал все эти ужасные штуки, а кто-то в его обличье хотел нанести мне серьезный вред или убить меня. Он начал разговор с изложения цепи умозаключений, которыми пользовался, чтобы установить личность женщины, которая, судя по всему, охотилась за моей душой. Затем дон Хуан велел подробно пересказать все, что я пережил.

Пока я, стараясь ничего не упустить, рассказывал все, что было, он посмеивался, точно слушал что-то очень забавное. Когда я закончил, он сказал:

– Ну, молодец. Ты выиграл битву за свою душу. Но дело оказалось серьезней, чем я предполагал. Этой ночью твоя жизнь не стоила и гроша. Большая удача, что ты успел чему-то научиться. Если бы у тебя не было хоть какого-то практического опыта, то сейчас ты был бы уже мертв, потому что кто бы ни был тот, кого ты видел этой ночью, он намеревался с тобой покончить.

– Но как возможно, дон Хуан, чтобы эта женщина смогла принять твое обличье?

– Очень просто. Она *диаблеро*, и у нее есть хороший помощник с той стороны. Но перевоплощение было не слишком мастерским, и ты разгадал ее уловку.

– Помощник с той стороны – это то же самое, что союзник?

– Нет, помощник – это помощь *диаблеро*. Помощник – это дух, который живет на той стороне мира и помогает *диаблеро* вызывать болезнь или боль. Он помогает убивать.

– А может ли *диаблеро* иметь еще и союзника?

– Только *диаблеро* и имеют союзника, но для того, чтобы приручить союзника, *диаблеро* нужно вначале заполучить помощника, который бы ему помогал.

– А что эта женщина, которая перевоплотилась в тебя, дон Хуан? У нее только помощник, а союзника нет?

Я не знаю, есть ли у нее союзник. Некоторым людям не нравится сила союзника, и они предпочитают помощника. Приручить союзника – работа трудная. Куда легче достать себе помощника с той стороны.

– А вот я, как по-твоему, могу получить помощника?

– Чтобы это узнать, ты должен еще многому научиться. Мы опять у самого начала. Почти как в первый день, когда ты появился и попросил меня рассказать о Мескалито, не понимая, о чем просишь. Та, другая сторона – это мир *диаблеро*. Думаю, лучше будет рассказать тебе свои собственные впечатления – так же, как это делал мой бенефактор. Он был *диаблеро* и воин; его жизнь была под знаком силы и насилия мира. Но я чужд и того, и другого – такова уж моя натура. Ты видел мой мир с самого начала.

Поэтому, чтобы показать тебе мир моего бенефактора, я могу лишь подвести тебя к двери, а там решай сам. Тебе придется учиться на свой страх и риск. Нужно вообще признать, что я сделал ошибку. Намного лучше, как я сейчас вижу. Начинать путь так, как это делал я, – самостоятельно. Тогда легче понять, как проста и вместе

с тем как глубока разница. Дияблеро – это дияблеро, а воин – это воин. Человек, впрочем, может быть и тем, и другим: такие встречаются. Но тот, кто лишь проходит по пути жизни, тот действительно является всем. Сегодня я не воин и не дияблеро. Для меня существует только путь, которым я странствую, – любой путь, который имеет сердце или может иметь сердце. Тогда я следую ему, и единственный достойный вызов – пройти его до последней пяди. И я странствую и гляжу без конца, бездыханный. Он умолк. В его лице появилось особое выражение; он стал как-то необычайно серьезен. Я не знал, что еще спросить или сказать. Он вновь заговорил:

– Особая часть учения – как добраться до трещины между мирами и как войти в другой мир. Существует трещина между двумя мирами: миром дияблеро и миром живых. Есть место, где оба мира пересекаются. Вот там трещина. Она открывается и закрывается, как дверь на ветру. Чтобы туда попасть, человек должен развить и испытать свою волю, т.е. это должно стать его неодолимой и всепоглощающей страстью. Но делать это он должен без чьей-либо помощи – силы или человека. Человек должен самостоятельно все взвешивать и стремиться к тому мгновению, когда его тело будет готово испытать путешествие. Этот момент дает знать о себе непрерывным содроганием всего тела и сильной рвотой. Обычно человек не может ни спать, ни есть и вконец ослабевает. Если судороги не прекращаются, человек готов к путешествию, и прямо перед его глазами открывается трещина между мирами, подобная громадной двери, трещина сверху донизу. Когда трещина открывается, нужно сквозь нее проникнуть. На другой стороне границы трудно видеть. Ветер такой, как в песчаную бурю. Кругом носятся смерчи. Попав туда, человек должен идти в любом направлении. Коротким или длинным будет путешествие – зависит только от его силы воли. У того, у кого сильная воля, путешествие короткое; у человека слабого и нерешительного – долгое и опасное. Кончается путешествие у своеобразного плато. Его легко узнать по некоторым признакам. Это плоская возвышенность. Один из признаков – это ветер, который здесь особенно яростный, удары ветра сбивают с ног, и все тонет в его реве. Наверху этого плато есть вход в другой мир, и там протянута шкура, разделяющая миры; мертвые проходят сквозь нее без звука, а мы должны разорвать ее криком. Тот дикий ветер, который дует на

плато, время от времени крепчает, и когда он наберет достаточно силы, человек должен издать крик, и ветер протолкнет его сквозь шкуру. Справиться с этим ветром можно только обладая той же несгибаемой волей – только ей подчинится ветер. Все, что нужно, – это небольшой толчок, а не чтобы пронесло на самый край того света. Оказавшись на той стороне, нужно побродить вокруг. Большая удача – найти помощника сразу же, не слишком далеко от входа. Его нужно попросить о помощи. Человек должен своими собственными словами попросить помощника научить его и сделать из него диابلера. Если помощник согласится, он убивает человека на месте и, когда тот мертв, учит его. Когда ты сам сделаешь такое путешествие, то, если повезет, можешь найти себе в помощники великого диابلера, который убьет тебя и обучит. Но, как правило, все же попадаются более мелкие брухо, которые могут обучить очень немногому. Однако ни у тебя, ни у них нет силы отказаться. Лучше всего найти в помощники мужскую особь, а то как бы не стать жертвой диابلера, которая заставит тебя невероятно страдать. Женщины всегда таковы. Но тут уж как повезет, разве что у человека сам бенефактор великий диابلера, у которого в другом мире много помощников. Тогда он так направит ученика, что тот встретится с тем помощником, который требуется. Таким был мой бенефактор. Он меня так направил, что я встретился как раз с его собственным духом-помощником. После возвращения ты уже будешь другим. Ты будешь обречен то и дело отправляться туда на встречу с помощником, и будешь забредать все дальше от входа, пока наконец когда-нибудь не зайдешь слишком далеко и не сможешь вернуться. Иногда диابلера может схватить чью-нибудь душу и забросить ее через вход, а там оставить в плену у своего помощника до тех пор, пока тот не вытащит из нее последние остатки воли. Но бывает, как, например, с тобой, что душа принадлежит человеку с сильной волей, и тогда диابلера будет держать ее у себя в мешке, потому что ее не так легко куда-нибудь запроторить. В таких случаях, вот как в твоём, все решает битва – битва, в которой диابلера либо все выигрывает, либо все теряет. На этот раз та, с которой ты сражался, потерпела поражение и вынуждена отпустить твою душу. Если бы она победила, то отдала бы ее своему помощнику, а там ты бы потихоньку растворился и угас, и с концами.

– Но как же я победил?

– Ты не сдвинулся с места. Если бы ты сдвинулся хоть на дюйм, то был бы уничтожен. Она поступила умно, выбрав для удара как раз тот момент, когда я отсутствовал, и все проделала как следует, но проиграла потому, что не учла твою собственную натуру, которая склонна к насилию, а также потому, что ты не сдвинулся со своего места, на котором ты неуязвим.

– А если бы я сдвинулся, то был бы убит?

– Она поразила бы тебя как молния. Но самое главное твоя душа была бы в ее полной власти, и ты бы потихоньку испарился.

– А что теперь, дон Хуан?

– Да ничего. Ты отвоевал свою душу. Это была хорошая битва. Прошлой ночью ты многому научился.

После этого мы принялись искать камень, который я швырнул.

Дон Хуан сказал, что если мы его найдем, то можем быть совершенно уверены, что делу конец. Искали мы почти три часа. Я чувствовал, что узнаю его из всех камней, но мы так ничего и не нашли.

К вечеру дон Хуан повел меня в горы неподалеку. Там он дал мне обширные и подробные указания насчет особых боевых методов и процедур. Заучивая все эти предписания, я вдруг обнаружил, что один. Задышавшись, я взбежал по склону. Я обливался потом, но стучал зубами от холода. Я звал дону Хуана, но он не откликался, и меня охватили самые мрачные предчувствия. Я услышал шорох в зарослях, словно кто-то сюда крался. Я напряг слух – шорох прекратился. Затем он послышался вновь – ближе и громче. В этот момент мне пришло в голову, что вновь повторятся ужасы минувшей ночи. Моментально мой страх вырос до бесконечности. Шум в кустарнике стал ближе, и силы оставили меня. Я хотел завизжать или зарыдать, удрать или упасть в обморок. Ноги подкосились, и я с воем повалился на землю. Я даже не мог закрыть глаза. Потом я помню только, как дон Хуан развел костер и растирал мне руки и ноги, сведенные судорогой.

Мне было невероятно плохо в течение нескольких часов. После дон Хуан объяснил, что моя неадекватная реакция – явление вполне обычное. Я сказал, что не могу себе логически уяснить причину моей паники, и он заметил, что это не был страх смерти, а скорее страх потерять свою душу страх обычный для людей, у которых отсутствует непреклонная устремленность.

Это переживание было последним в моем обучении. С тех пор я начал избегать его. И хотя дон Хуан не изменил своего ко мне отношения как к ученику, сам я считаю себя побежденным первым врагом человека знания.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Книга вторая

Отдельная реальность

- [Введение](#)
- [Часть первая ПРЕДДВЕРИЕ К ВИДЕНИЮ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
- [Часть вторая ЗАДАЧА ВИДЕНИЯ](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
- [Эпилог](#)

Введение

Десять лет назад мне посчастливилось познакомиться с индейцем племени яки из северо-западной Мексики. Я называл его «дон Хуан». В испанском языке обращение «дон» выражает уважение. Встретились мы, в общем-то, случайно. Я с Биллом, моим знакомым, сидел на автобусной остановке пограничного городка в Аризоне. Мы молчали. Была вторая половина дня, и жара казалась нестерпимой. Вдруг Билл наклонился и тронул меня за плечо. – Смотри, вон человек, о котором я тебе говорил, – шепотом произнес он и многозначительно кивнул в сторону входа. Я проследил за его взглядом и увидел старика, только что вошедшего в помещение станции.

– Что ты мне о нем говорил? – спросил я.

– Ну тот индеец, помнишь? Который здорово разбирается в пейоте. Я вспомнил. Однажды мы с Биллом целый день мотались на машине в поисках «эксцентричного» мексиканского индейца, который якобы жил где-то неподалеку. Тогда мы так и не нашли его, причем мне казалось, что местные индейцы, которых мы расспрашивали, попросту водили нас за нос. Билл рассказывал, что этот человек – «йерберо», так в Мексике называют собирателей и продавцов лекарственных растений, и что он очень много знает о галлюциногенном кактусе пейоте. Дело в том, что я в то время занимался сбором информации о лекарственных растениях, используемых индейцами Юго-Запада США, а Билл исполнял роль моего гида, так как неплохо знал те места.

Билл поднялся, подошел к старику и поздоровался. Индеец был среднего роста. Его седые короткие волосы слегка прикрывали уши, как бы подчеркивая округлость головы. Множество глубоких резких морщин на очень смуглом лице говорило о преклонном возрасте. Однако тело индейца выглядело подтянутым и хорошо тренированным. Некоторое время я наблюдал за ним. Меня изумила легкость его движений – она никак не вязалась с его возрастом. Билл знаком подозвал меня.

– Он славный парень, однако понять я ничего не могу, – сказал

мой приятель, когда я подошел. – Такое впечатление, что его испанский здорово исковеркан и полон деревенского сленга. Старик взглянул на Билла и улыбнулся. А Билл, который знал по-испански всего несколько слов, соорудил какую-то совершенно бредовую фразу. Он с надеждой посмотрел на меня, как бы спрашивая, имеет ли сказанное им хоть какой-то смысл, но я так и не понял, что он хотел сказать. Билл смущенно улыбнулся и отошел. Старик посмотрел на меня и засмеялся. Я объяснил, что мой приятель иногда забывает, что не говорит по-испански.

– Кажется, он к тому же забыл нас познакомить, – заметил я и представился.

– А я – Хуан Матус, к вашим услугам, – сказал старик. Мы пожали друг другу руки и некоторое время молчали. Я первым нарушил молчание и стал рассказывать о своей работе. Я говорил, что интересуюсь любого рода информацией о растениях, в особенности о пейоте, и что уже довольно много знаю в этой области. По правде говоря, я был во всем этом полнейшим невеждой, особенно в части, касающейся пейота. Но мне почему-то казалось, что чем больше я буду хвастать, тем с большим уважением он станет ко мне относиться. Однако старик молчал, терпеливо слушая чушь, которую я нес. Затем он медленно кивнул и посмотрел мне в глаза. Я запнулся на полуслове. Его глаза сияли собственным светом. На мгновение я почувствовал, что он видит меня насквозь. Мне стало не по себе, и я отвел взгляд.

– Лучше заходи как-нибудь ко мне домой, – сказал он наконец. – Возможно, там проще будет разговаривать.

Произошла некоторая заминка. Я не знал, что ответить, и чувствовал себя не в своей тарелке. Вскоре вернулся Билл. Он, видимо, почувствовал мое состояние, но не сказал ни слова. Какое-то время все напряженно молчали. Затем старик поднялся – подошел его автобус. Он попрощался и вышел.

– Что, не вышло? – спросил Билл.

– Нет. – А ты спрашивал его насчет растений?

– Спрашивал. Но, похоже, свалил дурака.

– Я же тебя предупреждал, что он очень странный. Местные индейцы его знают, но никогда о нем не говорят. А это что-нибудь да значит.

– Тем не менее, он пригласил меня к себе домой.

– Он надует тебя. Конечно, ты можешь приехать к нему домой, а

дальше что? Он никогда тебе ничего не скажет. А если ты начнешь его расспрашивать, он посмеется над тобой, как над идиотом, несущим околесицу.

Билл убежденно сказал, что уже сталкивался с подобными людьми, которые поначалу производят впечатление очень знающих. Однако на них не стоит тратить время, считал он, потому что в конце концов оказывается, что ту же информацию можно получить от кого-то другого, кто не строит из себя недоступного. Лично у него, добавил Билл, нет ни времени, ни терпения разбираться в старческих причудах, и что старик скорее всего просто пускает пыль в глаза, а на деле знает о травах не больше любого другого.

Билли говорил что-то еще, но я не слушал. Мои мысли все еще были заняты старым индейцем. Он знал, что я блефую. Я помнил его глаза. Они действительно сияли. Я приехал к нему через пару месяцев, но уже не столько как студент-антрополог, интересующийся лекарственными растениями, сколько как человек, охваченный неизъяснимым любопытством. То, как он тогда взглянул на меня на автостанции, было беспрецедентным явлением в моей жизни, и желание знать, что крылось за этим взглядом, стало для меня чуть ли не навязчивой идеей. И чем больше я думал, тем более необычный смысл все это приобретало. Мы с доном Хуаном подружились, и в течение года я приезжал к нему множество раз. Вел он себя очень уверенно и обладал превосходным чувством юмора. Но во всем, что он делал, чувствовался какой-то скрытый смысл, неизменно от меня ускользавший. В его присутствии меня охватывало ощущение странного удовольствия, и вместе с тем – не менее странного беспокойства. Он мог не делать ничего особенного, но даже просто находясь рядом с ним, я неизбежно вовлекался в фундаментальную переоценку всех своих моделей поведения. Вследствие воспитания я, как и любой другой, был склонен рассматривать человека как существо по сути своей слабое и подверженное ошибкам. В доне Хуане поражало то, что он ни в коей мере не производил такого впечатления. Более того, находясь в его обществе, я не мог не сравнивать его образ жизни со своим. И сравнение это всегда оказывалось отнюдь не в мою пользу. Пожалуй, более всего в тот период наших отношений меня поразило одно его заявление о нашем внутреннем

принципиальном отличии. Однажды я ехал к дону Хуану, чувствуя себя глубоко несчастным. Вся моя жизнь тогда складывалась как-то не так, и на меня постоянно давил груз целого ряда внутренних психологических конфликтов и неувязок. Подъезжая к его дому, я чувствовал подавленность и раздражение.

Мы беседовали о моем интересе к знанию, но, как обычно, подходили к вопросу с разных сторон. Я имел в виду академическое знание, основанное на передаче чужого опыта, а он – прямое знание мира.

– Ты что-нибудь знаешь об окружающем тебя мире? – спросил он.

– Ну, я знаю многое... – Нет, я имею в виду другое. Ты когда-нибудь ощущаешь мир вокруг себя?

– Насколько могу.

– Этого недостаточно. Необходимо чувствовать все, иначе мир теряет смысл.

Я привел классический довод – что не обязательно пробовать суп, если хочешь узнать его рецепт, и вовсе уж ни к чему совать пальцы в розетку, чтобы познакомиться с электричеством.

– Ты заставляешь это звучать глупо, – сказал дон Хуан, –

Насколько я понимаю, ты намерен цепляться за свои доводы, хотя они ничего тебе не дают. Ты хочешь остаться прежним даже ценой своего благополучия.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Я говорю о том, что в тебе нет целостности. В тебе нет покоя.

Его слова вызвали у меня раздражение. Я почувствовал себя оскорбленным. В конце концов, кто он такой, чтобы судить о моих поступках или о моей личности?

– Ты измучен проблемами, – сказал он. – Почему? – Я всего лишь человек, дон Хуан, – сказал я.

Я придал этой фразе интонацию, с которой ее произносил мой отец. Он говорил так в тех случаях, когда хотел сказать, что слаб и беспомощен. Поэтому в его словах, как и в моих сейчас, всегда звучали отчаяние и безысходность.

Дон Хуан посмотрел на меня так же, как тогда на автостанции.

– Ты слишком много думаешь о своей персоне, – сказал он и улыбнулся. – А из-за этого возникает та странная усталость, которая заставляет тебя закрываться от окружающего мира и цепляться за свои аргументы. Поэтому кроме проблем у тебя не остается ничего. Я тоже всего лишь человек, но когда я это

говоря, то имею в виду совсем не то, что ты.

– Тогда что же?

– Я разделался со своими проблемами. Очень плохо, что жизнь коротка, и я не успею прикоснуться ко всему, что мне нравится. Но это не проблема; это просто сожаление. В 1961, спустя год после нашей первой встречи, дон Хуан сказал мне, что обладает тайными знаниями о лекарственных травах. Он назвал себя «брухо». С испанского это слово переводится как «маг, знахарь, целитель». С этого момента наши отношения изменились. Я стал его учеником, и в течение последующих четырех лет он пытался обучать меня тайнам магии. Этот процесс я описал в книге «Учение дона Хуана. Путь знания индейцев яки».

Говорили мы по-испански. Дон Хуан в совершенстве владел этим языком, что позволило ему очень подобно изложить мне свою систему описания мира. Я называл эту сложную и четко систематизированную ветвь знания магией, а его самого – магом, потому что именно такими категориями пользовался он сам в неофициальном разговоре. Однако в более серьезных и глубоких беседах он говорил о магии как о «знании» и о маге как о «человеке знания». В процессе обучения дон Хуан использовал три достаточно известных психотропных растения: пейот, дурман обыкновенный и один из видов грибов, обладающих галлюциногенным действием. Комбинируя эти средства в определенной последовательности, дон Хуан вводил меня, своего ученика, в специфические состояния искаженного восприятия или измененного сознания. Я назвал их «состояниями необычной реальности». «Реальности» – потому что согласно описанию мира, на котором была основана практическая система дона Хуана, все, что воспринималось в этих состояниях, было не галлюцинациями, а конкретными, хотя и необычными, аспектами повседневной реальности. Дон Хуан рассматривал события, происходившие в необычной реальности, не как *якобы реальные*, но как *вполне реальные*.

Классифицировать растения, которые применялись в процессе обучения, как галлюциногены, а вызываемые ими состояния – как необычную реальность, является, конечно, моей собственной инициативой. Дон Хуан говорил об этих растениях как о транспортных средствах, предназначенных для «доставки» человека к неким безличным «силам». Состояния, которые

возникали вследствие приема растений, дон Хуан интерпретировал как «встречи» с «силами». Такие встречи были необходимы магу для того, чтобы научиться этими «силами» управлять. Силу, заключенную в пейоте, дон Хуан называл «Мескалито». Мескалито является добровольным учителем и защитником людей. Он учит, как «правильно жить». Пейот обычно принимается на собраниях магов, называемых «митоты», участники которых собираются специально для того, чтобы получить урок «правильной жизни».

Дурман и грибы дон Хуан считал силами несколько иного рода. Он называл их «союзниками» и утверждал, что ими можно управлять. Фактически, взаимодействие с союзниками было главным источником могущества мага. Из этих двух сил дон Хуан предпочитал грибы. Он говорил, что сила грибов – его персональный союзник, и называл ее «дым» или «дымок».

Процедура подготовки грибов к употреблению была достаточно сложной. Дон Хуан складывал собранные грибы в небольшой кувшин, который особым образом запечатывал и оставлял на год. За это время грибы в кувшине высыхали и рассыпались в пыль.

Дон Хуан смешивал ее с порошком из пяти других растений и в итоге получал смесь для курительной трубки. Чтобы стать человеком знания, необходимо было «встречаться с союзником» неоднократно – с ним следовало хорошо «познакомиться».

Поэтому курить галлюциногенную смесь требовалось как можно чаще. Грибная пыль в процессе курения не сгорала. Ее нужно было втягивать вместе с дымом от пяти других растений, составлявших смесь, и проглатывать. Мощное воздействие, которое грибы оказывали на восприятие человека, дон Хуан объяснял довольно своеобразно. Он говорил, что «союзник устраняет тело».

Обучение по методу дон Хуана требовало огромных усилий со стороны ученика. Фактически, необходимая степень участия и вовлеченности была столь велика и связана с таким напряжением, что в конце 1965 года мне пришлось отказаться от ученичества.

Лишь теперь, по прошествии пяти лет, я могу сформулировать причину – к тому моменту учение дон Хуана представляло собой серьезную угрозу моей «картине мира». Я начал терять уверенность, которая свойственна каждому из нас: реальность повседневной жизни перестала казаться мне чем-то незыблемым, само собой разумеющимся и гарантированным.

К моменту ухода я был убежден, что мое решение окончательно: я больше не хотел встречаться с доном Хуаном. Однако в апреле 1968 я получил сигнальный экземпляр своей первой книги и почему-то решил, что должен показать ее дону Хуану. Я приехал к нему, и наша связь «учитель-ученик» загадочным образом возобновилась. Так начался второй цикл моего ученичества, разительно отличавшийся от первого. Мой страх был теперь уже не таким острым, как раньше. Да и дон Хуан вел себя гораздо мягче. Он много смеялся сам и смешил меня, как бы специально стараясь свести на нет всю серьезность процесса обучения. Он шутил даже в наиболее критические моменты второго цикла, и это помогло мне пройти через исключительно жесткие ситуации, которые при неблагоприятном исходе вполне могли бы вылиться в серьезные психические расстройства. Такой подход диктовался жизненной необходимостью находиться в легком и спокойном расположении духа, иначе я не смог бы выдержать напор и чужеродность нового знания.

– Ты испугался и удрал потому, что чувствовал себя чертовски важным, – так дон Хуан объяснил мой уход. – Чувство собственной важности делает человека безнадежным: тяжелым, неуклюжим и пустым. Человек знания должен быть легким и текучим.

Во втором цикле дон Хуан сосредоточил основные усилия на том, чтобы научить меня «видеть». В его системе знания существовало семантическое различие между понятиями «видеть» и «смотреть». Тогда как второе обозначало обычный для всех нас способ восприятия, под первым понимался некий сложный процесс, позволявший человеку знания непосредственно воспринимать глубинную сущность явлений.

Чтобы привести свои полевые записи в удобочитаемый вид, я сократил диалоги и убрал все второстепенное. Надеюсь, что это не отразилось на степени соответствия моего изложения истинной сути учения дон Хуана. Моя редакция была направлена на то, чтобы, сохраняя естественность живой беседы и максимально отражая внутреннее психологическое содержание событий, средствами репортажа донести до читателя весь драматизм и напряженность процесса обучения. Каждая глава посвящена одному «уроку» дон Хуана. Как правило, он всегда заканчивал свои уроки на оборванной ноте; таким образом, драматический тон

окончания каждой главы – отнюдь не мое литературное изобретение: это было свойственно манере дона Хуана вести обучение как мнемонический прием, помогавший мне удерживать драматическое качество и важность уроков.

Однако многое в этой книге останется неясным, если я предварительно не остановлюсь на некоторых важных моментах. Я имею в виду набор ключевых концепций. Их выбор, равно как и расстановка акцентов определяются моим интересом к социальным наукам. Вполне возможно, что человек с иными целевыми установками в качестве ключевых выделил бы понятия, совершенно отличные от выбранных мной.

Во втором цикле дон Хуан приложил значительные усилия, чтобы убедить меня в невозможности научиться *видеть* без курения смеси. Поэтому мне приходилось делать это довольно часто.

– Только дым может дать тебе необходимую скорость, чтобы уловить отблеск того текучего мира, – говорил дон Хуан.

С помощью психотропной смеси он вводил меня в определенные состояния необычной реальности. Основной их характеристикой было то, что я мог бы назвать «несоответствием», так как воспринимаемое мной в этих состояниях не поддавалось никакой адекватной интерпретации в рамках нашего привычного мироописания. Другими словами, именно это несоответствие повлекло за собой разрушение цельности моего мировоззрения.

Дон Хуан использовал свойство «несоответствия» состояний необычной реальности для ознакомления меня с новыми «смысловыми блоками» или отдельными элементами той системы знания, которой он меня обучал. Я назвал их так, потому что это были базовые комплексы сенсорных данных и их интерпретаций, на основе которых строились более сложные понятийные структуры. В качестве примера смыслового блока можно взять интерпретацию физиологического действия психотропной курительной смеси. Она вызывает онемение и потерю двигательного контроля: в системе дона Хуана это объяснялось как действие дыма, – вернее, содержащейся в нем силы-союзника, – направленное на «устранение тела практикующего».

Смысловые блоки особым образом объединялись в группы, которые я назвал «чувственными интерпретациями». Очевидно, что в магии существует бесконечное количество вариантов чувственных интерпретаций, которым должен обучиться маг. Ему

необходимо уметь на основе магических смысловых блоков адекватно интерпретировать все воспринимаемое. В своей повседневной жизни мы также сталкиваемся с бесконечным количеством чувственных интерпретаций, свойственных нашему описанию мира. Простой пример: понятие «комната», используемое ежедневно и многократно. В силу многолетней практики нам не нужно каждый раз специально интерпретировать структуру, понимаемую под комнатой. Мы привыкли воспринимать ее как нечто цельное и само собой разумеющееся. Но так или иначе комната остается чувственной интерпретацией, так как упоминая о ней, мы каждый раз в каком-то виде осознаем все элементы, которые дают то, что называется в нашем понимании комнатой. Таким образом, чувственная интерпретация – это процесс, посредством которого практикующий осознает смысловые блоки, необходимые для того, чтобы выносить суждения, делать выводы и предсказания во всех ситуациях, связанных с его деятельностью.

Под практикующим я понимаю всякого, кто обладает адекватным знанием всех или почти всех смысловых блоков, входящих в его систему чувственной интерпретации. Дон Хуан был практикующим, то есть магом, знающим все шаги своей магической практики. Как практикующий, он стремился сделать доступной мне свою систему чувственной интерпретации. В данном случае это было равносильно введению меня в новую социальную среду с присущими ей новыми способами интерпретации сенсорных данных. Именно эти способы мне и предстояло освоить.

Я был здесь «чужим», то есть не умел составлять разумные и адекватные интерпретации из магических смысловых блоков. Чтобы сделать свою систему понятной, дон Хуан как практикующий должен был сначала разрушить во мне определенную уверенность. Речь идет о свойственной подавляющему большинству людей уверенности в том, что наше основанное на «здравом смысле» описание мира окончательно и однозначно. Используя психотропные растения и точно рассчитанные контакты между мной и чуждой системой, он добился своего – я убедился, что мое описание мира не может быть окончательным, поскольку является лишь одной из множества возможных интерпретаций. В течение тысячелетий то

смутное и неопределенное явление, которое мы называем магией, было для американских индейцев серьезной и достоверной практикой, сравнимой по значению с нашей наукой. Понять ее нам сложно, вне всякого сомнения именно потому, что она основана на чуждых смысловых блоках.

Однажды дон Хуан сказал мне, что человеку знания свойственна предрасположенность. Я попросил объяснить.

– Я предрасположен к *видению*, – сказал он.

– Что ты имеешь в виду?

– Мне нравится *видеть*, – пояснил он, – потому что *видение* позволяет человеку знания знать.

– И что же ты *видишь*?

– Все.

– Но я тоже все вижу, а ведь я – не человек знания.

– Нет, ты не *видишь*.

– Мне кажется, что *вижу*.

– А я тебе говорю, что нет.

– Что заставляет тебя так говорить?

– Ты только смотришь на поверхность вещей.

– То есть ты хочешь сказать, что человек знания видит насквозь все, на что он смотрит?

– Нет. Я не это имел в виду. Я говорил о том, что каждому человеку знания свойственна его собственная предрасположенность. Я – *вижу* и знаю, другие делают что-нибудь свое.

– Например?

– Возьмем, например, Сакатеку. Он – человек знания, и он предрасположен к танцу. Он танцует и знает.

– Насколько я понял, предрасположенность относится к чему-то, что человек знания делает» чтобы знать?

– Верно.

– Но как танец может помочь Сакатеке знать?

– Можно сказать, что Сакатека танцует со всем, что его окружает и со всем, что у него есть.

– Он танцует так же, как я? Я хочу сказать – как вообще танцуют?

– Скажем так: он танцует так, как я *вижу*, а не так, как мог бы танцевать ты. – А он *видит* так же, как ты?

– Да, но он еще и танцует.

– И как танцует Сакатека?

– Трудно объяснить... Своего рода танец, особые движения, которые он выполняет, когда хочет знать. Невозможно говорить о танце или о *видении*, не зная путей и способов действия человека знания. Это все, что я могу сказать тебе сейчас.

– Ты *видел* его, когда он танцует?

– Да. Но тот, кто просто смотрит на него, когда он это делает, не в состоянии *видеть*, что это – его способ знать.

Я знал Сакатеку, по крайней мере, мне было известно, кто это. Мы встречались, и однажды я даже покупал ему пиво. Он был очень вежлив и сказал, что я могу останавливаться в его доме, если захочу. Я давно уже хотел к нему заехать, но дону Хуану ничего об этом не говорил.

Днем 14 мая 1962 года я подъехал к дому Сакатеки. Найти его было несложно, потому что Сакатека мне все подробно объяснил. Дом стоял на углу и был окружен забором. Я подергал запертые ворота и обошел вокруг, пытаясь заглянуть внутрь дома. Похоже было на то, что там никого нет.

– Дон Элиас! – громко крикнул я. Испуганные куры с диким кудахтаньем разбежались по двору. К забору подошла собачка. Я подумал, что сейчас поднимется лай. Но собачка молча уселась на землю и стала меня разглядывать. Я позвал еще раз, и куры опять раскудахтались.

Из дома вышла пожилая женщина. Я попросил ее позвать дона Элиаса.

– Его нет дома, – сказала она.

– А где его можно найти?

– Он в поле.

– Где именно?

– Не знаю. Зайдите попозже, ближе к вечеру. Он будет дома около пяти.

– А вы – жена дона Элиаса?

– Да, я его жена, – ответила она и улыбнулась. Я попытался было расспросить ее о Сакатеке, но она извинилась и сказала, что неважно говорит по-испански. Тогда я сел в машину и уехал. Около шести я вернулся, подъехал к двери, вылез из машины и окликнул Сакатеку. На этот раз из дома вышел он сам. Я включил магнитофон, висевший у меня через плечо. В коричневом кожаном футляре он был похож на кинокамеру. Сакатека вроде бы узнал меня.

– А, это ты, – сказал он, улыбаясь. – Как там Хуан?

– Нормально. А как ваше здоровье, дон Элиас?

Сакатека промолчал. Мне показалось, что он нервничает. Внешне он вроде был в порядке, но я чувствовал, что с ним что-то происходит.

– У тебя поручение от Хуана? – Нет, я сам приехал.

– С чего это вдруг?

В его вопросе сквозило искреннее удивление.

– Ну, просто хотел с вами поговорить... – сказал я, стараясь говорить как можно естественнее. – Дон Хуан рассказывал мне о вас удивительные вещи, я заинтересовался и хотел бы задать несколько вопросов. Сакатека стоял передо мной. Худое жилистое тело, рубашка и штаны цвета хаки. Глаза полузакрыты. Он выглядел то ли сонным, то ли пьяным. Рот был слегка приоткрыт, нижняя губа отвисла. Я заметил, что он глубоко дышит и едва не похрапывает. Спят, что ли? Однако мысль эта казалась совершенно неуместной, так как минуту назад, выйдя из дома, он был не только очень бодр, но и вполне осознавал мое присутствие.

– О чем ты хочешь говорить? – спросил он наконец.

Голос его был усталым, казалось, он с трудом выдавливал из себя слова. Мне стало не по себе, словно усталость эта была заразной и перешла на меня.

– Ни о чем особенном. Просто приехал побеседовать с вами по-дружески, вы же меня сами приглашали.

– Да, но это – другое.

– Почему же другое?

– Разве ты не говорил с Хуаном? – Говорил.

– Тогда чего ты хочешь от меня?

– Я думал, может... Ну, я хотел задать вам несколько вопросов...

– Задай Хуану. Разве он тебя не учит?

– Он-то учит, но все равно мне хотелось бы спросить вас о том, чему он меня учит, и узнать еще и ваше мнение. Тогда бы я лучше знал, как мне быть.

– Зачем это тебе? Ты не веришь Хуану?

– Верю.

– Тогда почему не спрашиваешь о том, что тебя интересует, у него?

– Я так и делаю, и он отвечает. Но если бы вы тоже рассказали мне о том, чему он меня учит, может быть, мне было бы понятнее.

– Хуан может рассказать тебе все. И никто, кроме него, это сделать

не может. Неужели ты не понимаешь?

– Понимаю. Но мне хотелось бы поговорить и с такими людьми, как вы. В конце-то концов, не каждый же день встречаешься с человеком знания.

– Хуан – человек знания.

– Я знаю это.

– Тогда зачем тебе говорить со мной? – Я же сказал – приехал просто так, по-приятельски, что ли...

– Ты приехал не за этим. Сегодня в тебе есть что-то другое.

Я еще раз попытался объясниться, но вышло только невнятное бормотание. Сакатека молчал. Казалось, он внимательно слушает. Глаза его снова были полужакрыты, но я чувствовал, что он пристально на меня смотрит. Он едва заметно кивнул, затем веки его приподнялись, и я увидел глаза. Взгляд их был направлен куда-то вдаль. Как бы машинально он постукивал по земле носком правой ноги позади левой пятки, слегка согнув ноги в коленях и расслабленно опустив руки вдоль туловища. Он медленно поднял правую руку, повернув раскрытую ладонь к земле. Выпрямив пальцы, он вытянул руку в моем направлении. Она пару раз качнулась, а затем поднялась на уровень моего лица. На мгновение Сакатека застыл в этой позе, а затем что-то мне сказал. Слова он произносил очень четко, но я ничего не понял. Через секунду Сакатека расслабленно уронил руку вдоль туловища и застыл в странной позе: вес тела он перенес на носок левой ступни, а правую поставил за левой крест-накрест, мягко и ритмично постукивая ее носком по земле.

Меня охватило какое-то странное чувство, своего рода беспокойство. Мысли начали как бы распадаться на части. В голову лезла какая-то бессмыслица, обрывки чего-то, никак не связанного с происходящим.

В общем-то отдавая себе отчет, что со мной творится что-то неладное, я попытался вернуть мысли к реальности, но безуспешно, несмотря на напряженную борьбу. Ощущение было такое, что какая-то сила не позволяет мне сосредоточиться и мешает связно мыслить.

Сакатека упорно молчал, и я не знал, что делать дальше.

Совершенно автоматически я повернулся и ушел.

Позднее я почувствовал, что непременно должен рассказать об этой истории дону Хуану. Он смеялся от души.

– Что это было? Что происходило на самом деле? – спросил я. – Сакатека танцевал, – ответил дон Хуан. – Он *увидел* тебя, и потом танцевал.

– Что он делал? Я ощущал холод и дрожь.

– Ты ему явно не понравился, и он остановил тебя, бросив в тебя слово.

– Как он мог это сделать? – недоверчиво спросил я.

– Очень просто. Он остановил тебя своей волей.

Объяснение меня не удовлетворило, потому что показалось бессмысленным. Я попытался расспрашивать еще, но он так и не сказал ничего вразумительного.

Очевидно, что все случившееся, как и любое другое явление, происходящее в рамках чужой системы чувственной интерпретации, можно объяснить или понять только используя смысловые блоки этой системы. Поэтому читать эту книгу следует как репортаж, поскольку именно таковым она и является. Я не владел системой, которую описывал, и потому претензия на что-то большее была бы несостоятельной и вводила бы читателя в заблуждение. В этом смысле я старался придерживаться феноменологического метода, относясь к магии сугубо как к явлению, с которым мне довелось столкнуться. Я воспринимал нечто и описывал то, что воспринимал, воздерживаясь от каких бы то ни было суждений.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)

Глава 1

2 апреля 1968

Какое-то мгновение дон Хуан глядел на меня. Казалось, он совсем не удивился моему появлению, хотя со времени нашей последней встречи прошло уже более двух лет. Он положил руку мне на плечо, улыбнулся и сказал, что я изменился – потолстел и стал мягче.

Я привез ему экземпляр своей книги. Без предисловий я вынул ее из портфеля и вручил ему.

– Это книга о тебе, дон Хуан, – сказал я.

Он пробежал большим пальцем по страницам, как пролистывают игральные карты, вскрывая новую колоду. Ему понравился зеленый цвет переплета и формат книги. Он погладил ее, повертел в руках и вернул мне. Я ощутил прилив гордости.

– Я хочу, чтобы ты оставил ее себе, – сказал я. Дон Хуан молча засмеялся и покрутил головой.

– Лучше не надо, – сказал он и с широкой улыбкой добавил: – Ты же знаешь, на что в Мексике идет бумага.

Я засмеялся. Его ирония показалась мне забавной.

Мы сидели на скамейке в парке небольшого городка в Центральной Мексике. Я не мог заранее сообщить дону Хуану о своем приезде, но был уверен, что встречу его. Так и случилось. Когда я приехал сюда, дон Хуан был в горах, но ждать его мне

пришлось недолго. Я встретил его на рынке, он стоял возле прилавка одного из своих приятелей.

Дон Хуан несколько не удивился и как бы между прочим сказал, что я появился как раз вовремя, чтобы отвезти его обратно в Сонору. Мы пошли в парк и сели на скамейку в ожидании его друга – индейца-масатека, у которого он гостил.

Мы прождали около трех часов, разговаривая о всяких мелочах. В конце дня, как раз перед приходом его друга, я рассказал о случае, очевидцем которого я был несколько дней назад.

По дороге сюда на окраине одного города у меня сломалась машина, и мне пришлось задержаться на три дня, пока ее ремонтировали. Напротив автомастерской был мотель, но окраины всегда действуют на меня угнетающе, и я снял номер в современном восьмизэтажном отеле в центре.

Посыльный сказал, что в отеле есть ресторан. Спустившись туда, я увидел, что часть столиков вынесена на свежий воздух под красивые кирпичные арки современной архитектуры на углу улицы. Было довольно прохладно, и некоторые столики стояли свободными. Однако я предпочел остаться в душном помещении, так как сквозь раскрытую входную дверь заметил мальчишек – чистильщиков обуви. Они сидели на бордюре перед рестораном, и я был уверен, что стоит мне выйти и занять один из наружных столиков, как они тут же начнут приставать со своими щетками. Я сидел у окна и прекрасно видел мальчишек. Подошли двое молодых людей и сели за один из столиков. Мальчишки тут же окружили их, предлагая почистить обувь. Те отказались и, к моему удивлению, мальчишки не стали настаивать и молча уселись обратно на бордюр. Немного погодя встали и ушли трое мужчин в деловых костюмах. Мальчишки подбежали к их столику и стали жадно доедать объедки. Несколько секунд – и тарелки были чистыми. То же повторилось с объедками на остальных столиках. Я заметил, что дети были весьма аккуратны. Если они проливали воду, то промокали ее своими фланельками для чистки обуви. Я также отметил тотальность поглощения ими объедков, – они съедали все вчистую, даже кубики льда, оставшиеся в стаканах, ломтики лимона из чая и кожуру от фруктов.

За время, пока я жил в отеле, я обнаружил, что между детьми и хозяином ресторана существует нечто вроде соглашения. Детям было позволено околачиваться у заведения, подзарабатывать

чисткой обуви посетителей, а также доедать остатки пищи на столиках, но при условии, что они никого не рассердят и ничего не разобьют. Всего их было одиннадцать в возрасте от пяти до двенадцати лет. Однако самый старший держался немного особняком от остальных. А те, в свою очередь, всячески третировали его и распевали дразнилку про то, что он слишком стар для их компании и что у него в известном месте уже растут волосы.

В течение трех дней я наблюдал, как они, словно стервятники, набрасываются на самые непривлекательные объедки, и в конце концов искренне расстроился. Покидал я город с тяжелым чувством горечи по поводу того, что у этих детей нет никакой надежды – их мир уже изуродован ежедневной борьбой за кусок хлеба.

– Ты их жалеешь? – удивленно воскликнул дон Хуан.

– Разумеется.

– Почему?

– Потому что мне небезразлична судьба моих ближних. Эти мальчишки – совсем еще дети, а их мир так уродлив и мелок. – Постой, постой! С чего это ты взял, что их мир уродлив и мелок? – спросил дон Хуан, передразнивая меня, – Или ты считаешь, что твой – лучше?

Я ответил, что именно так и считаю. Он поинтересовался, на основании чего. Тогда я сказал, что по сравнению с миром этих детей мой – бесконечно разнообразнее и богаче событиями и возможностями для личного удовлетворения и совершенствования. Смех дона Хуана был искренним и дружелюбным. Он сказал, что я неосторожен в суждениях, так как ничего не знаю и не могу знать о богатстве и возможностях мира этих детей.

Я решил, что дон Хуан просто упрямится. Я действительно думал, что он встал на противоположную точку зрения только затем, чтобы меня позлить, и совершенно искренне считал, что у этих детей нет ни малейших шансов на интеллектуальное развитие. Еще некоторое время я отстаивал свою точку зрения, а затем дон Хуан резко спросил:

– Разве не ты говорил мне как-то, что стать человеком знания – высшее из всех достижений, доступных человеческому существу?

Я действительно говорил это, и повторил вновь, что стать человеком знания – высочайшее интеллектуальное достижение.

Ты полагаешь, что твой очень богатый мир способен тебе в этом хоть чем-нибудь помочь? – спросил дон Хуан с некоторым сарказмом.

Я не ответил, и тогда он сформулировал тот же вопрос другими словами – прием, которым я всегда пользовался сам, когда думал, что он не понимает.

– Иначе говоря, – продолжал он, широко улыбаясь и, видимо, понимая, что я уловил намек, – помогут ли тебе твоя свобода и твои возможности стать человеком знания?

– Нет! – твердо ответил я.

– Тогда с какой стати ты жалеешь этих ребят? – спросил он серьезно. – Любой из них может стать человеком знания. Все известные мне люди знания были такими же детьми и так же поедали объедки и вылизывали тарелки. Я почувствовал неудобство. Моя жалость к этим детям была обусловлена вовсе не тем, что им нечего есть, а тем, что, по моему мнению, они были обречены своим миром на умственную неполноценность. И тут дон Хуан заявляет, что каждому из них доступно то, что я считаю высочайшим из всех возможных человеческих достижений, – любой из них может стать человеком знания. Дон Хуан поддел меня очень точно.

Видимо, ты прав, – произнес я. – Но как быть с искренним желанием помочь ближним?

Каким же, интересно, образом можно им помочь?

Облегчая их ношу. Самое малое, что мы можем сделать для них, – это попытаться их изменить. Сам-то ты разве не этим занимаешься?

– Ничего подобного. Я понятия не имею, зачем и что можно изменить в моих ближних. – Как насчет меня, дон Хуан? Разве ты учишь меня не для того, чтобы я смог измениться?

– Нет. Я не пытаюсь изменить тебя. Возможно, что когда-нибудь ты станешь человеком знания, – этого нельзя узнать заранее, – но это никак не изменит тебя. Может быть, однажды ты научишься *видеть*, и тогда, *увидев* людей на другом плане, ты поймешь, что в них невозможно ничего изменить.

– Что это за другой план восприятия людей, дон Хуан?

– Люди выглядят иначе, когда их *видишь*. Дымок поможет тебе увидеть их как волокна света.

– Волокна света?

– Да. Похожие на белую паутину. Очень тонкие. Они тянутся от

Часть первая

ПРЕДДВЕРИЕ К ВИДЕНИЮ

- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)

Глава 1

2 апреля 1968

Какое-то мгновение дон Хуан глядел на меня. Казалось, он совсем не удивился моему появлению, хотя со времени нашей последней встречи прошло уже более двух лет. Он положил руку мне на плечо, улыбнулся и сказал, что я изменился – потолстел и стал мягче.

Я привез ему экземпляр своей книги. Без предисловий я вынул ее из портфеля и вручил ему.

– Это книга о тебе, дон Хуан, – сказал я.

Он пробежал большим пальцем по страницам, как пролистывают игральные карты, вскрывая новую колоду. Ему понравился зеленый цвет переплета и формат книги. Он погладил ее, повертел в руках и вернул мне. Я ощутил прилив гордости.

– Я хочу, чтобы ты оставил ее себе, – сказал я. Дон Хуан молча засмеялся и покрутил головой.

– Лучше не надо, – сказал он и с широкой улыбкой добавил: – Ты же знаешь, на что в Мексике идет бумага.

Я засмеялся. Его ирония показалась мне забавной.

Мы сидели на скамейке в парке небольшого городка в Центральной Мексике. Я не мог заранее сообщить дону Хуану о своем приезде, но был уверен, что встречу его. Так и случилось. Когда я приехал сюда, дон Хуан был в горах, но ждать его мне

Глава 2

С этого приезда к дону Хуану начался новый цикл обучения. Без труда вернувшись к своему прежнему ощущению удовольствия от его чувства юмора и драматизма, я оценил его терпеливость в отношении меня и понял, что непременно должен приезжать почаще. Не видеть дона Хуана было поистине огромной потерей для меня; кроме того, я хотел поговорить с ним об одной вещи, которая представляла для меня определенный интерес. Закончив книгу о его учении, я стал просматривать те полевые записи, которые в нее не вошли. Их было немало, так как раньше меня интересовали в основном состояния необычной реальности.

Перебирая записи, я пришел к выводу, что маг, мастерски владеющий своей практикой, за счет одних только «манипуляций социальными ключами» способен сформировать у своего ученика в высшей степени необычный и специализированный диапазон восприятия. В основе моих рассуждений относительно природы этих манипуляций лежало предположение о том, что для создания требуемого диапазона восприятия необходим ведущий.

В качестве примера я рассмотрел пейотное собрание магов. Я был согласен с тем, что в ходе этого собрания маги приходят к некоторому общему для всех заключению о природе реальности, не прибегая при этом к явному обмену знаками или словами. Из этого следовал вывод – чтобы прийти к такому соглашению, участники должны были пользоваться каким-то очень мудрым кодом.

Я построил сложную систему объяснения такого кода и процедуры его использования. Отправляясь к дону Хуану, я намеревался узнать его мнение по этому вопросу и спросить совета относительно моей дальнейшей работы.

21 мая 1968

По пути ничего особенного не случилось. В пустыне было очень жарко, поэтому дорога оказалась довольно утомительной. Но к вечеру жара спала, и когда я подъехал к дому дона Хуана, дул прохладный ветерок. Я не очень устал, поэтому мы сидели в его

комнате и разговаривали. Я чувствовал себя очень хорошо и непринужденно, и мы просидели допоздна. Это был не тот разговор, который стоило бы записывать. В общем-то я и не пытался говорить о чем-то значительном. Речь шла о погоде, его внуке, индейцах яки, мексиканском правительстве, перспективах на урожай. Я сказал дону Хуану, что мне нравится то острое ощущение, которое возникает от беседы в темноте. Он ответил, что это вполне соответствует моей болтливой натуре и что мне легко любить разговоры в темноте, потому что ни на что другое в подобной ситуации я попросту не способен. Я возразил, что мне нравится нечто большее, чем сам разговор, и сказал, что мне доставляет удовольствие чувство убаюкивающего тепла окружающей темноты. Он спросил, что я делаю дома, когда становится темно. Я ответил, что включаю свет или выхожу побродить по освещенным улицам до тех пор, пока не придет время лечь спать.

– О-о-о... – протянул он с недоверием. А я-то думал, что ты уже научился использовать темноту.

– А для чего ее можно использовать?

Он ответил, что темнота (он сказал «темнота дня») – это лучшее время для того, чтобы *видеть*. «*Видеть*» он выделил особой интонацией. Я попытался выяснить, что он имеет в виду, однако он сказал, что уже слишком поздно, чтобы начинать разбираться с этим вопросом.

22 мая 1968

Едва проснувшись утром, я напрямик сказал дону Хуану, что разработал систему, которая объясняет происходящее во время митоты – пейотного собрания магов. Я взял подготовленные дома заметки и зачитал ему свою версию. Я старался как можно доходчивей объяснить разработанную мною схему, а он терпеливо слушал.

Чтобы все участники настроились на некоторое заданное соглашение, их нужно определенным образом подготовить, рассуждал я, а для этого необходим скрытый лидер – ведущий. Участники митоты собираются для того «чтобы встретиться с Мескалитом и получить урок «правильной жизни». При этом они, не обмениваясь ни единым словом и ни единым жестом, приходят к общему заключению относительно присутствия Мескалитом и содержания его конкретного урока. Во всяком случае, на тех

митотах, в которых я участвовал, дело обстояло именно так – Мескалито являлся каждому и давал урок. На своем личном опыте я убедился, что индивидуальное восприятие формы визита Мескалито и его урока было поразительно одинаковым для всех, хотя содержание урока от человека к человеку менялось. Я не мог объяснить высокую степень совпадения ничем иным, кроме наличия какой-то тонкой и очень сложной системы настройки. На чтение и объяснение всей схемы у меня ушло часа два. В конце я попросил дон Хуана объяснить, какова в действительности система настройки.

Когда я замолчал, он скривился. Я подумал, что мое объяснение показалось ему вызывающим. Казалось, он о чем-то напряженно размышляет. Выдержав паузу, я спросил, что же он все-таки думает по поводу моих соображений.

Тут его гримасу сменила улыбка, перешедшая в гомерический хохот. Я тоже попытался было смеяться, а потом нервно спросил, что же в этом смешного.

– Ты спятил! – воскликнул он. – С какой стати кто-то будет заниматься чьей-то там настройкой в такой важный момент, как митота? Или ты думаешь, что все, связанное с Мескалито – сплошное надувательство?

Какое-то мгновение мне казалось, что он уходит от прямого ответа на вопрос – сказанное им ответом не являлось.

– С какой стати кому-то заниматься настройкой? – упрямо продолжал дон Хуан. – Ведь ты же там был. Ты должен знать, что никто не объяснял тебе, что следует чувствовать или делать. Никто, кроме самого Мескалито. Я настаивал на том, что такое объяснение невозможно, и вновь попросил его рассказать, каким образом достигается соглашение.

– Теперь я понял, зачем ты приехал, – с таинственным видом произнес дон Хуан. – Но вряд ли я смогу тебе чем-то помочь, потому что никакой системы настройки не существует.

– Но тогда почему все эти люди приходят к единому соглашению относительно присутствия Мескалито?

– Да потому, что они *видят*! – драматическим тоном сказал дон Хуан, а потом, как бы между прочим, добавил: – А почему бы тебе еще разок не побывать на митоте и не *увидеть* все самому?

Я понял, что это – ловушка, и, ни слова не говоря, спрятал все свои бумаги. Он не настаивал. Спустя какое-то время дон Хуан

попросил меня съездить с ним к одному из его друзей. Мы поехали и провели там несколько часов. В разговоре Джон – так звали хозяина дома – спросил, что вышло из моего интереса к пейоту. Джон был тем самым человеком, у которого восемь лет назад мы брали пейотные бутоны для моего первого опыта. Я не знал, что ответить. Дон Хуан пришел ко мне на помощь и сказал, что со мной все в порядке.

На обратном пути я почувствовал, что должен как-то объясниться по поводу вопроса, заданного Джоном. Среди прочего я сказал, что пейот меня более не интересует, так как связанная с ним практика требует особой отваги, а ее у меня нет, и что когда я говорил, что больше пробовать не намерен, то имел в виду именно то, что говорил. Дон Хуан молча улыбался, а я продолжал болтать, пока мы не приехали.

Мы уселись на чистой площадке перед домом. Был тёплый ясный день. Довольно сильный вечерний ветерок обвевал нас приятной прохладой. – Что заставляет тебя так яростно сопротивляться? – неожиданно спросил дон Хуан. – Сколько лет уже ты твердишь, что не намерен больше учиться?

– Три года.

– Почему ты всегда говоришь об этом с такой страстью?

– У меня такое чувство, что я предаю тебя, дон Хуан. Наверное, потому я так часто все это повторяю.

– Ты меня не предаешь.

– Я тебя подвел. Я бежал. Я чувствую, что потерпел поражение.

– Ты делаешь все, что можешь, и никакого поражения ты не потерпел. То, чему я должен тебя научить, дается с огромным трудом. Мне, например, было еще тяжелее, чем тебе.

– Но ты не бросил, дон Хуан. Со мной все иначе. Я сдался. А приехал к тебе не потому, что собрался учиться. Просто хотел кое-что спросить по работе...

Дон Хуан секунду смотрел на меня, а затем отвел взгляд.

– Ты снова должен позволить дымку вести себя, – сказал он с нажимом.

– Нет, дон Хуан, я больше не могу. Похоже, я выдохся. – Ты еще и не начал.

– Я очень боюсь.

– Ну и бойся на здоровье. Это не ново. Ты думай не о страхе. Думай о чудесах *видения*.

– Честное слово, я хотел бы думать об этих самых чудесах, да не могу... Когда я вспоминаю о твоём дымке, то чувствую, что на меня наваливается какая-то тьма. Так, словно на всей земле нет больше ни единого человека, никого, с кем можно перекинуться словом. Твой дымок показал мне безысходность одиночества.

– Это неправда. Возьми меня, к примеру. Дымок – мой союзник, а я не ощущаю одиночества.

– Но ты другой. Ты победил страх. Дон Хуан мягко похлопал меня по плечу.

– Ты не боишься, – сказал он. В его голосе слышалось странное обвинение.

– Но разве я лгу насчет страха, дон Хуан?

– Лжешь, не лжешь – меня это не интересует, произнес он сурово.

– Меня волнует другое. Ты не хочешь учиться вовсе не потому, что боишься. Причина в другом. Мне страшно хотелось узнать, в чем же дело. Я пытался выудить из него ответ, но он только молча покачал головой, как бы не в силах поверить, что я не знаю этого сам.

Я сказал ему, что всему виной, должно быть, моя инерция. Он поинтересовался значением слова «инерция». Я взял в машине словарь и прочитал: «Тенденция материального объекта, не подверженного воздействию внешних сил, к сохранению состояния покоя, если оно находится в покое, либо движения в неизменном направлении, если оно движется».

– Не подверженного воздействию внешних сил, – повторил он. – Лучше, пожалуй, и не скажешь... Только дырявый горшок может пытаться стать человеком знания по своей воле. Трезвомыслящего нужно затягивать на путь хитростью. Я уже говорил тебе об этом.

– Но я уверен, что найдется масса людей, которые с радостью захотят учиться, – сказал я. – Да, но эти не в счет. Обычно они уже с трещиной. Как пересохшая бутылка из тыквы, которая с виду в порядке, но начинает течь, как только в нее наливают воду и появляется давление. Когда-то я втянул тебя в учение хитростью, и то же самое в свое время сделал со мною мой бенефактор. Если бы не мой трюк, ты бы никогда не сумел столь многому научиться. Пожалуй, пора повторить этот прием.

Говоря о хитрости, он напоминал мне об одном из самых критических моментов моего ученичества. С тех пор прошло уже несколько лет, но я помнил все так, словно это было только вчера.

Дон Хуан мастерски втянул меня в совершенно жуткое прямое противостояние с одной женщиной, имевшей репутацию колдуньи, что привело к глубокой враждебности с ее стороны. Дон Хуан использовал мой страх перед этой женщиной как мотивировку. Он говорил, что мне ничего не остается, кроме как продолжать обучение, иначе я не смогу устоять против ее магического нападения. Результат его «хитрости» был достаточно убедительным – я искренне поверил, что если хочу остаться в живых, то должен срочно учиться магии, причем как можно эффективнее, и другого выхода у меня нет.

– Если ты намерен снова пугать меня этой дамой, то ноги моей здесь больше не будет, – сказал я. Дон Хуан развеселился.

– Не волнуйся, – успокоил он меня. – Трюки со страхом в твоём случае уже не проходят. Ты больше не боишься, но что касается хитрости вообще, то тебя можно подловить, где бы ты ни был, и для этого тебе вовсе не требуется сюда приезжать.

Он заложил руки за голову и задремал. Я взялся за свои записи и работал часа два – пока он не проснулся. К тому времени уже почти совсем стемнело. Заметив, что я пишу, он сел, выпрямился и с улыбкой спросил, выписался ли я из своей проблемы.

23 мая 1968

Мы говорили об Оахаке. Я рассказал дону Хуану, как однажды попал в этот город в базарный день, когда толпы индейцев со всей округи стекаются на рынок торговать продуктами и разными мелочами. Особенно меня заинтересовал продавец лекарственных растений. У него был деревянный лоток, а на лотке – баночки с высушенными и размолотыми травами. Одну баночку он держал в руке и, стоя посреди улицы, громко распевал речитативом довольно занятную песенку:

Составы против мух, блох, клещей и комаров

Средства для свиней, коз, коней и для коров

И для людей лекарства – не нужно докторов

Корь, свинка и подагра с ревматизмом не страшны

Лекарства для желудка, сердца, печени, спины

Подходите, леди и джентльмены

Имеем лекарства от любых болезней

Составы против мух, блох, клещей и комаров...

Я слушал довольно долго. Его реклама состояла из длинного перечня болезней, от которых, как он утверждал, у него имеются

лекарства. Для того, чтобы песенка была ритмичной, он выдерживал небольшую паузу после каждого четырех названий. Дон Хуан сказал, что в молодости тоже торговал лекарственными травами на Оахакском базаре. Он еще не забыл свою рекламную песенку и пропел ее мне, и добавил, что часто пел дуэтом со своим другом Висенте.

Я сказал, что познакомился с Висенте во время одной из поездок в Мексику. Дон Хуан, казалось, был искренне удивлен и попросил меня рассказать об этом подробнее.

В тот раз я ехал через Дуранго и вспомнил, что в этом городе живет один из друзей дона Хуана, с которым он советовал мне когда-нибудь обязательно познакомиться. Я разыскал этого человека, и мы немного поговорили. На прощанье он дал мне мешочек с несколькими растениями и подробно объяснил, как нужно посадить одно из них.

По пути в Агуас Калентес я остановился, вышел из машины и внимательно осмотрелся, желая убедиться в том, что поблизости никого нет. Я стоял на вершине невысокого холма, с которого дорога просматривалась на несколько километров в обоих направлениях. Местность была абсолютно пустынной. Несколько секунд я помешкал, чтобы сориентироваться и вспомнить инструкции дона Висенте. Потом взял одно из растений, зашел в кактусы к востоку от дороги и посадил его, в точности следуя всем указаниям. Для поливки растения я прихватил из машины бутылку минеральной воды. Я попытался сбить пробку железкой, которой копал ямку для растения, но неудачно – бутылка разбилась и отлетевший осколок зацепил верхнюю губу. Пошла кровь.

Я вернулся к машине за второй бутылкой. Когда я вынимал ее из багажника, рядом остановился почтовый фургон «фольксваген», и водитель спросил, что случилось. Я ответил, что все нормально, и он уехал. Я пошел к растению, полил его и направился обратно к машине. Когда до дороги оставалось метров тридцать, неожиданно послышались голоса. Я быстро спустился к шоссе и увидел трех мексиканцев – двух мужчин и одну женщину. Один из мужчин сидел на переднем бампере моей машины. На вид – лет сорок, среднего роста, с черными курчавыми волосами. На нем были старые потертые джинсы и выгоревшая, когда-то розовая рубашка, за спиной болтался какой-то сверток. Ботинки с незавязанными шнурками были ему, похоже, велики и казались очень

неудобными. Он обливался потом. Другой мужчина стоял шагах в десяти от машины. Он выглядел хрупким и ростом был ниже первого. Прямые волосы были зачесаны назад. На вид ему было лет пятьдесят. Одет он был немного лучше: темно-синий пиджак, светло-голубые джинсы, черные туфли. В руках у него был сверток поменьше. Он ничуть не вспотел, и казался отрешенным и незаинтересованным.

Женщине было за сорок. Толстая и очень смуглая, в черной юбке, белом свитере и остроносых туфлях. Свертка у нее не было, зато был транзистор. Она выглядела очень усталой, лицо покрывали большие капли пота.

Когда я подошел, женщина и мужчина помоложе попросили меня подвезти их. Я показал на полностью загруженное заднее сиденье и сказал, что в машине нет места. Тогда мужчина сказал, что если я поеду не слишком быстро, то их вполне устроит задний бампер. Кроме того, они могли бы устроиться на капоте. Я сказал, что это несерьезно. Однако по их тону чувствовалось, что для них это очень важно. Мне стало неловко, и я дал им денег на автобус. Мужчина помоложе взял деньги и поблагодарил, однако второй неприязненно отвернулся.

— Я хочу, чтобы он нас подвез, — сказал он, — деньги меня не интересуют. Потом он обратился ко мне:

— У тебя есть вода или что-нибудь поесть?

Но у меня не было продуктов, а воды больше не осталось, и предложить им было действительно нечего. Они еще немного постояли, глядя на меня, потом повернулись и пошли по дороге. Я сел в машину и попытался запустить двигатель. Но он не работал — была страшная жара, и я, должно быть, перекачал бензин. Услышав жужжание стартера, мужчина помоложе остановился, а потом вернулся к машине и встал сзади, готовый ее подтолкнуть. Я почувствовал себя страшно неуютно и даже вздохнул с неподдельным отчаянием. Наконец, двигатель заработал, и я укатил прочь.

После того, как я закончил свой рассказ, дон Хуан долго молчал. — Почему ты не говорил мне об этом раньше? — спросил он, не глядя на меня.

Пожав плечами, я ответил, что никогда не считал этот случай чем-то важным.

— Это чертовски важно, — сказал он. — Висенте — первоклассный

маг. Он дал тебе что-то посадить потому, что у него были на то основания. И если ты встретил трех человек, которые выскочили из ниоткуда сразу после того, как ты посадил растение, то этому тоже была своя причина. И только такой непроходимый тупица, как ты, мог не обратить на это внимания и считать, что ничего особенного не произошло.

Он велел как можно подробнее рассказать обо всем, что происходило в тот день, когда я был у Висенте.

Я начал рассказывать, как, проезжая через город, оказался возле рынка. Мне пришла в голову мысль поискать дона Висенте. Я остановился, вылез из машины и пошел через рынок туда, где торговали лекарственными травами. В ряду было три прилавка, но за ними сидели толстые матроны. Я дошел до конца прохода и за поворотом обнаружил еще один прилавок. За ним сидел хрупкий седой человек. Когда я его увидел, он как раз продавал какой-то женщине клетку для птиц.

Я подождал, пока он освободится, а затем поинтересовался, не знает ли он дона Висенте Медрано. Он смотрел на меня, не отвечая. – Что вам нужно от Висенте Медрано? – спросил он наконец.

Я сказал, что пришел навестить его от лица моего друга, и назвал ему имя дона Хуана. Старик секунду смотрел на меня, а затем сказал, что он и есть Висенте Медрано и что он к моим услугам. Потом предложил мне сесть. Он казался очень довольным, вел себя свободно и дружелюбно. Я рассказал ему о своей дружбе с доном Хуаном. Чувствовалось, что между нами сразу же возникла взаимная симпатия. Дон Висенте сказал, что знаком с доном Хуаном с тех пор, как им обоим было по двадцать лет. Он исключительно хорошо отзывался о доне Хуане, а в самом конце разговора произнес с дробью в голосе: – Хуан – истинный человек знания. Сам я очень мало занимался силами растений. Меня всегда больше интересовали их лечебные свойства. Я даже собирал книги по ботанике, которые продал лишь недавно.

Он немного помолчал, потирая подбородок и как бы подбирая подходящее слово.

– Можно сказать, что я – человек лирического знания, – сказал он. – Другое дело Хуан – мой индейский брат...

Дон Висенте помолчал еще с минуту. Застывшим взглядом он уставился в землю слева от меня. Потом повернулся ко мне и сказал почти шепотом:

– О, как высоко парит мой индейский брат!

Дон Висенте поднялся. Разговор, казалось, был окончен. Если бы кто-то другой заявил нечто подобное насчет «парящего индейского брата», я счел бы это штампом, сентиментальной дешевкой.

Однако дон Висенте сказал это так искренне и с таким ясным взглядом, что я был прямо-таки заворочен образом индейского брата, который парит так высоко... Я был уверен, что он говорит совершенно серьезно.

– Лирическое знание. Как же! – воскликнул дон Хуан, когда я рассказал ему все. – Висенте – брухо. Какого черта ты к нему пошел?

Я напомнил, что он сам советовал мне побывать у дона Висенте.

– Какая чушь! – очень выразительно сказал он. – Я тебе говорил, что когда-нибудь, после того, как ты научишься *видеть*, тебе полезно будет познакомиться с моим другом Висенте. Вот что я говорил. А ты пропустил это мимо ушей.

Я пытался возражать, говоря, что дон Висенте не сделал мне ничего дурного и что я был просто очарован его манерами и добротой.

Дон Хуан покрутил головой и полушутливым тоном выразил свое крайнее изумление по поводу того, что он назвал «хранящим меня везением». Он сказал, что мой «поход» к дону Висенте выглядит примерно так же, как если б я забрался в клетку со львами, вооружившись хворостинкой. Дон Хуан казался возбужденным, хотя я не видел никаких причин для беспокойства. Дон Висенте прекрасный человек. Он выглядел таким хрупким, даже почти эфемерным, наверное из-за странно призрачных глаз. Я спросил дона Хуана, каким образом такой замечательный человек мог быть опасным.

– Ты чертовски глуп! – сказал он, жестко взглянув на меня. – Конечно, сам он не сделает тебе ничего плохого. Но знание – это сила. И если человек встал на путь знания, то он больше не отвечает за то, что может случиться с теми, кто вступает с ним в контакт. Отправляться к Висенте тебе следовало только после того, как ты будешь знать достаточно, чтобы обезопасить себя. Обезопасить не от него, а от той силы, которая на него работает и которая, кстати, не принадлежит ни ему, ни кому-либо другому. Узнав, что ты – мой друг, и решив, что ты знаешь достаточно, чтобы защитить себя, он сделал тебе подарок. Ты явно ему

понравился, и он сделал тебе великолепный подарок, на который ты наплевал. Какая жалость!

24 мая 1968

Весь день я надоедал дону Хуану, упрашивая рассказать о подарке дона Висенте. Я доказывал, что он должен учитывать разницу между нами – ведь то, что для него очевидно, мне может быть совершенно непонятным. В конце концов он уступил.

– Сколько растений он тебе дал?

Я сказал, что четыре, хотя в действительности точно не помнил. Тогда дон Хуан попросил меня как можно подробнее рассказать, что происходило после того, как я ушел от дона Висенте. – вплоть до момента, когда я остановился на шоссе. Но я почти ничего не помнил.

– Количество растений и порядок событий имеют огромное значение, – сказал он. – Откуда мне знать, что это был за подарок, если ты сам ничего не помнишь?

Я безуспешно пытался восстановить последовательность событий.

– Если бы ты вспомнил детали, я мог бы, по крайней мере, сказать тебе, каким образом ты упустил подарок. Дон Хуан был заметно взволнован и настойчиво пытался заставить меня вспомнить, но на этом месте в моей памяти был провал.

– Как ты думаешь, что именно я сделал неправильно, дон Хуан? – спросил я просто чтобы не молчать.

– Все.

– Но ведь я буквально следовал всем инструкциям дона Висенте!

– Ну и что? Неужели тебе не ясно, что это было бессмысленно?

– Почему?

– Потому что инструкции были даны тому, кто умеет *видеть*, а не идиоту, который только благодаря везению выпутался из этой истории живым. Ты отправился к Висенте неподготовленным. Он подарил тебе нечто, потому что ты ему понравился. Но этот подарок вполне мог стоить тебе жизни. – Но зачем же тогда он дал мне что-то столь серьезное? Если он маг, то должен был понять, что я ничего не знаю.

– Нет, он не мог этого *увидеть*. Ты выглядишь знающим, хотя в действительности знаешь очень мало.

Я мог бы поклясться, что ничего из себя не строил, по крайней мере, сознательно.

– Я не это имею в виду, – сказал он. – Если бы ты что-то из себя

строил, Висенте увидел бы это. Когда я *вижу* тебя, то для меня ты выглядишь так, словно знаешь очень многое, хотя сам я уверен, что это не так.

— О каком знании ты говоришь, дон Хуан? Что именно я будто бы знаю?

— Секреты силы, конечно, знание брухо. Поэтому когда Висенте увидел тебя, он сделал тебе подарок, а ты поступил с этим подарком, как собака поступает с едой, когда у нее набито брюхо. Наевшись вдоволь, она мочится на пищу, чтобы ее не съели другие собаки. И теперь мы никогда не узнаем, что же это было на самом деле. Ты многое потерял. Какая жалость!

Он помолчал немного, пожал плечами и усмехнулся. — Жаловаться бесполезно, — сказал он. — Но от этого трудно отучиться. Подарки силы встречаются в жизни крайне редко, они уникальны и драгоценны. Мне, например, никогда не делали таких подарков. Я знаю лишь очень немногих людей, которые получали нечто подобное. Стыдно разбрасываться столь уникальными вещами.

— Я тебя понял, дон Хуан, — сказал я. — Что я могу сделать, чтобы спасти подарок?

Он засмеялся и несколько раз повторил «спасти подарок».

— Звучит здорово, — сказал он. — Мне нравится. Но все же спасти твой подарок ничто не в силах.

25 мая 1968

Сегодня дон Хуан показывал мне, как собираются ловушки для мелкой дичи. Почти все утро мы срезали и очищали ветки. У меня в голове вертелось множество вопросов. Я пытался заговорить с ним во время работы, но он отшутился, сказав, что из нас двоих лишь мне одному под силу одновременно работать и руками и языком. Наконец мы присели отдохнуть, и я тут же выпалил вопрос:

— Дон Хуан, на что похоже *видение*?

— Чтобы это узнать, необходимо самому научиться *видеть*. Я не могу объяснить тебе.

— Это что — секрет, который ты мне пока не можешь раскрыть?

— Нет. Просто это нельзя описать словами.

— Почему?

— Ты не поймешь.

— А ты попробуй. Вдруг пойму?

— Нет. Ты должен сделать это самостоятельно. Научившись

видеть, ты будешь воспринимать мир по-другому.

– Так значит ты, дон Хуан, больше не воспринимаешь мир обычным способом?

– Я воспринимаю обоими способами. Если мне нужно *смотреть* на мир, я вижу его как обычный человек, как ты, например. Когда мне нужно *видеть*, я изменяю способ восприятия и вижу иначе.

– Вещи выглядят одинаковыми каждый раз, когда ты их *видишь*?

– Изменяются не вещи, а способ, которым ты их воспринимаешь. – Ты не понял. Возьмем, к примеру, дерево. Оно изменяется или остается одним и тем же каждый раз, когда ты его *видишь*?

– Изменяется, и в то же время остается таким же.

– Но если одно и то же дерево выглядит иначе всякий раз, когда ты его *видишь*, то не означает ли это, что все твое *видение* – сплошная иллюзия?

Улыбнувшись, он некоторое время молчал, как бы собираясь с мыслями. Наконец он сказал:

– Когда ты на что-нибудь смотришь, ты не *видишь*. Ты просто констатируешь наличие чего-то определенного. Поскольку тебя не интересует *видение*, вещи, на которые ты смотришь, каждый раз выглядят для тебя более или менее одинаковыми. Но когда ты *видишь*, вещи никогда не бывают одними и теми же, и в то же время это те же самые вещи. Например, я говорил тебе, что человек выглядит, как яйцо. Каждый раз, когда я вижу одного и того же человека, я вижу яйцо. Но это не то же самое яйцо.

– Да, но если вещи никогда не бывают одними и теми же, то они неузнаваемы. Какой тогда смысл учиться *видению*?

– Чтобы различать. *Видение* – это восприятие истинной сущности. Когда *видишь*, воспринимаешь то, что есть в действительности.

– Значит ли это, что я не воспринимаю то, что есть в действительности?

– Не воспринимаешь. Твои глаза приучены только смотреть. Вот, к примеру, те трое мексиканцев, которых ты встретил на дороге. Ты запомнил их очень хорошо, даже описал мне их одежду, но это лишний раз подтверждает, что ты их не *видел*. Если бы ты мог *видеть*, ты бы сразу понял, что это – не люди.

– Что значит не люди? А кто же тогда?

– Не люди и все.

– Но этого не может быть. Это были такие же люди, как мы с тобой.

– Нет. И я в этом абсолютно уверен. – Что призраки, духи или, может, души умерших? Он ответил, что не знает, кто такие призраки, духи и души. Я взял в машине Вэбстеровский словарь современного английского языка и перевел ему то, что там по этому поводу говорилось: «Призрак – предполагаемый бестелесный дух умершего человека. Считается, что П. является живым людям в виде бледного полупрозрачного видения».

И насчет духов:

«Дух – сверхъестественное существо..., под духами обычно понимаются призраки или подобного рода существа, обитающие в определенной местности и обладающие определенным (добрым или злым) характером».

Дон Хуан сказал, что тех троих можно было бы, пожалуй, назвать духами, хотя прочитанное мной определение не совсем им подходит.

– Может, это что-то типа хранителей? – спросил я.

– Хранителей? Нет, они ничего не хранят. – Тогда наблюдателей? Ну, которые наблюдают за нами и нас контролируют.

– Это просто силы, ни плохие, ни хорошие, просто силы, которых брухо стремится заставить работать на себя.

– Это союзники, дон Хуан?

– Да, это – союзники человека знания.

Впервые за восемь лет нашего знакомства дон Хуан вплотную подошел к тому, чтобы дать определение союзника. Я просил его об этом десятки раз. Обычно он игнорировал мой вопрос, говоря, что мне и без того отлично известно, что такое союзники, и что глупо спрашивать о том, что и так знаешь. Прямое заявление о природе союзников было чем-то новым, и я решил не упускать случая как следует разобраться в этом вопросе.

– Ты говорил, что союзники содержатся в растениях – в дурмане и в грибах, – сказал я.

– Ничего подобного я не говорил, – убежденно возразил он. – Ты всегда переиначиваешь мои слова на свой лад.

– Постой, но в своей книге я именно так и написал.

– Ты можешь писать все, что хочешь, только не надо мне рассказывать, что якобы я такое говорил. Я напомнил ему: когда-то он рассказывал мне о дурмане как о союзнике своего бенефактора и говорил, что его собственный союзник – это дымок, а несколько позже уточнил, что в каждом растении содержится

союзник.

– Нет. Это неверно, – хмуро заявил он. – Дымок – действительно мой союзник, но это не означает, что союзник содержится в курительной смеси, грибах или трубке. Просто все это вместе позволяет мне до него добраться, а почему я называю его дымком – мое личное дело.

Дон Хуан сказал, что те трое, которых я встретил на шоссе, были союзниками дона Висенте.

Тогда я напомнил ему его слова о том, что в отличие от Мескалито, увидеть которого достаточно легко, увидеть союзника невозможно.

После этого мы долго спорили. Дон Хуан утверждал, что, говоря о невозможности *видеть* союзников, он имел в виду их способность принимать любую форму. Когда я возразил, что о Мескалито он говорил то же самое, он прервал дискуссию, заявив, что «видение», о котором говорит он – это не обычное «смотрение», и что путаница возникает из-за моего стремления все облечь в слова. Через несколько часов дон Хуан сам вернулся к теме союзников, хотя я молчал, чувствуя, что мои вопросы его раздражают. Он как раз показывал мне, как собирать ловушку для кроликов. Я держал длинную палку, согнув ее как можно больше, а он связывал ее концы прочной бечевкой. Палка была довольно тонкой, но чтобы удерживать ее в согнутом положении все равно требовались значительные усилия. Когда он, наконец, закончил, у меня дрожали руки, шея затекла и мышцы свело от напряжения.

Мы сели передохнуть, и дон Хуан сказал, что пришел к выводу, что мне ничего не удастся понять, если я как следует об этом не поговорю. Поэтому он не возражает против того, чтобы я задавал вопросы, и попытается рассказать мне о союзниках все, что сможет. – Союзник не содержится в дыме. Дым доставляет тебя к союзнику, а когда ты становишься с ним одним целым, тебе уже больше не нужно использовать дым. С этого момента ты можешь управлять своим союзником при помощи воли и заставлять его делать все, что тебе потребуется. Союзники не бывают ни плохими, ни хорошими, это просто силы, которыми маги пользуются по своему усмотрению. Дымок нравится мне за верность и честность и еще за то, что не требует от меня слишком многого.

– Какими ты воспринимаешь союзников, дон Хуан? Для меня они

выглядели обыкновенными людьми, по крайней мере, так я их воспринял. Как бы они выглядели для тебя?

– Как обыкновенные люди.

– Но как же тогда их отличить от настоящих людей?

– Люди, когда их *видишь*, имеют форму светящихся яиц. Союзник в образе человека всегда имеет форму человеческого тела. Именно это я имел в виду, когда говорил, что союзника невозможно *увидеть*. Союзников невозможно *увидеть* потому, что они всегда принимают чью-то форму – собак, койотов, птиц, даже перекасти-поля. Разница в том, что когда их *видишь*, они сохраняют форму того, чем прикидываются. Понимаешь? Каждое существо и каждый предмет имеет свойственную ему специфическую форму когда его *видишь*. Человек, например – форму светящегося яйца, другие существа – какие-то свои формы. Только союзники, – и когда их воспринимаешь в обычном режиме, и когда их *видишь*, – сохраняют одну и ту же форму, которую копируют. Эта форма достаточно совершенна, чтобы обмануть глаза. Я имею в виду глаза человека. Собаку или, скажем, ворону не проведешь.

– Получается, что они нас попросту дурачат. Но зачем?

– Я думаю, мы сами себя одурачиваем. Союзник всего лишь принимает форму чего-то, что есть в окружающем нас мире, а мы, в свою очередь, принимаем его за то, чем он не является. Разве он виноват в том, что мы не умеем *видеть*, а способны только смотреть на поверхность вещей?

– Мне непонятно их назначение, дон Хуан. Что союзники делают в мире?

– А что люди делают в мире? Я, например, не знаю. Мы существуем и все. Союзники – тоже существуют. Вполне возможно, что они были здесь и до нас.

– А что значит «до нас», дон Хуан?

– Люди не всегда были здесь. – Где это здесь – в этой стране или в этом мире?

Завязалась длинная дискуссия по этому поводу. Дон Хуан сказал, что для него существует только один мир – та земля, по которой он ходит. Я спросил, откуда он знает, что мы не всегда присутствовали в этом мире.

– Очень просто, – сказал он. – Люди знают о мире слишком мало. Койоты знают намного больше. Видимость вещей никогда не вводит их в заблуждение.

– Хорошо, а как же тогда людям удается их ловить и убивать? – спросил я. – Если их не вводит в заблуждение видимость, почему они так легко умирают?

Дон Хуан молча смотрел на меня до тех пор, пока я не почувствовал смущение.

– Мы можем поймать, отравить или пристрелить койота, – сказал он, – Как бы мы ни убили его, он будет легкой добычей, потому что не знаком с нашими хитростями. Но если койот останется жив, можешь быть уверен, что он так просто уже не попадется.

Хороший охотник это знает и никогда не ставит свои ловушки дважды на одном месте. Если койот погиб в капкане, то другие койоты *видят* его смерть, которая всегда бродит поблизости, и обходят капкан, а возможно и всю эту местность, десятой дорогой. Люди не *видят* смерти своих собратьев, которая остается там, где они умерли. Человек может что-то смутно чувствовать, однако не *видит*.

– Койоты *видят* союзников?

– Конечно.

– А как они выглядят для койотов?

– Чтобы это знать, мне нужно было бы побыть койотом. Но я могу сказать, как выглядят союзники для ворон – нечто вроде колпака, широкое и круглое внизу и острое вверх. Некоторые светятся, но в большинстве случаев они очень тусклые и выглядят тяжелыми. Как мокрая тряпка. Неприятное зрелище.

– А какими *видишь* их ты, дон Хуан?

– Я же говорил – они сохраняют форму того, чем прикидываются. А принимать они могут любые формы каких угодно размеров – от булыжника до горы.

– Они говорят, смеются, издают какие-то звуки? – Среди людей они ведут себя как люди, среди животных – как животные. Животные обычно их боятся. Однако если они привыкают к союзнику, то реагируют довольно спокойно. Люди поступают примерно так же. Ведь среди нас – масса союзников, но мы можем только смотреть, и потому просто не замечаем их.

– Ты хочешь сказать, что некоторые из людей, которых я вижу на улице, не являются людьми? – в замешательстве спросил я.

– Некоторые не являются, – выразительно ответил он. Его заявление показалось мне полнейшим абсурдом, и в то же время я не мог допустить, что он сделал его только ради эффекта. Я сказал,

что это похоже на научно-фантастические истории о пришельцах с других планет. Он заявил, что его мало волнует, на что это похоже, но в уличной толпе иногда попадаются союзники в человеческом облике.

— Почему ты считаешь, что все в толпе обязательно должны быть людьми? — спросил он очень серьезным тоном.

Я не мог объяснить этого ничем иным, кроме привычки, основанной на вере.

Он сказал, что ему очень нравится разглядывать толпу и *видеть* ее как скопление яйцеобразных существ. Но иногда среди множества светящихся яиц нет-нет да промелькнет фигура в форме человеческого тела.

— Весьма занятно, во всяком случае для меня, — со смехом сказал он. — Мне нравится сидеть в парках или на автостанциях и наблюдать. Иногда сразу же замечаешь союзника, иногда их нет, и повсюду только настоящие люди. Однажды я даже *видел* двух союзников сразу. Они сидели рядышком в автобусе. Но это был единственный такой случай.

— Этот случай имел для тебя какое-то особое значение? — спросил я. — Конечно. Все, что они делают, имеет значение. Из их действий маг иногда может извлечь силу. Даже если у брухо нет «своего» союзника, он может управлять силой, если умеет *видеть*. Для этого он должен следить за действиями союзников. Задолго до того, как я обзавелся своим, мой бенефактор научил меня извлекать силу из действий других союзников. Я разглядывал толпы людей и каждый раз, когда *видел* союзника, тот меня чему-нибудь учил. Ты встретился сразу с тремя. Какой великолепный урок ты упустил!

Он замолчал и не говорил больше ничего до тех пор, пока мы не закончили собирать ловушку. Потом он повернулся ко мне и неожиданно, как бы вспомнив, сказал, что, если встречаешь двух союзников вместе, то они обычно относятся к одному типу и имитируют существ одного пола. В его случае оба были мужчинами. Я встретил двух мужчин и женщину, так что мой случай был вообще из ряда вон выходящим.

Я спросил, могут ли они копировать детей, и если могут, то какого пола; могут ли они принимать формы людей разных рас или, скажем, семьи из трех человек — мамы, папы и ребенка. И, наконец, я спросил, не видел ли он союзника за рулем автомобиля

или автобуса.

Дон Хуан молча слушал мою болтовню, но в ответ на последний вопрос весело рассмеялся. Он сказал, что я неточно формулирую вопросы. Надо было спросить, не *видел* ли он когда-нибудь союзника за рулем транспортного средства.

– Разве мотоциклы тебя не интересуют? – ехидно прищурившись, спросил он.

Его насмешка была добродушной, и я засмеялся вместе с ним.

Затем он объяснил, что союзники не в состоянии ни на что воздействовать и ничем управлять непосредственно, однако могут действовать косвенно, влияя на людей. Соприкасаться с союзниками опасно, потому что они способны вывести на поверхность все худшее в человеке. Путь ученичества так долг и тернист, потому что прежде чем входить в контакт с этими силами, человек должен исключить из своей жизни все лишнее, все, что не является жизненно необходимым, иначе ему не выдержать столкновения с ними. Дон Хуан сказал, что союзник при первой встрече заставил его бенефактора сильно обжечься, причем шрамы остались такие, словно тот побывал в лапах у горного льва. Самого дона Хуана союзник загнал в тлеющий костер, и он обжег себе колено и спину возле лопатки. Но после того, как он стал одним целым с союзником, шрамы постепенно исчезли.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 3

10 июня 1968 года мы с доном Хуаном отправились на митоту. Ехать нужно было довольно далеко.

Я ждал этой возможности не первый месяц, но уверенности в том, что я хочу ехать, у меня все же не было. Я опасался, что на пейотном собрании мне придется принимать пейот, а это никак не входило в мои планы, о чем я не раз говорил дону Хуану.

Поначалу он только посмеивался, но в конце концов твердо заявил, что ни о каких страхах слышать больше не желает. Я считал, что митота была идеальным случаем для проверки составленной мною схемы. Я так полностью и не отбросил идею о наличии на подобных мероприятиях скрытого лидера, функцией которого было приведение участников к некоторому общему соглашению. Мне казалось, что дон Хуан раскритиковал ее из каких-то своих соображений, считая более целесообразным объяснять все с точки зрения *видения*. Поэтому я думал, что мои попытки найти объяснение с собственных позиций просто не соответствовали его намерениям, что он ждал от меня чего-то другого. Отсюда и критика, которой он подверг мой рационализм. Для него это было достаточно характерно – он всегда отбрасывал то, что не укладывалось в его систему.

Лишь перед самым отъездом дон Хуан сказал, что берет меня на митоту в качестве наблюдателя, так что принимать пейот мне не потребуется. Я успокоился и даже ощутил некоторый подъем. Я был почти уверен, что на этот раз мне удастся раскрыть процедуру, при помощи которой участники митоты приходят к соглашению.

Мы выехали вечером, когда солнце уже клонилось к горизонту. Я чувствовал его лучи сбоку на затылке и жалел, что на заднем стекле моей машины нет жалюзи. Машина взобралась на вершину высокого холма. Дорога черной лентой стелилась по земле, волнами расплаываясь посреди безлюдной огромной холмистой равнины, залитой золотом предзакатного солнца. Какое-то мгновение я смотрел, как она тянется строго на юг и возле самого

горизонта скрывается за цепью невысоких гор. Потом мы начали спускаться.

Дон Хуан смотрел вперед и молчал. Мы ехали уже довольно долго, не произнося ни слова. В машине было очень жарко. Я опустил все стекла, но это не спасало, так как день был исключительно знойным. Меня это раздражало, и я высказался по поводу жары.

Дон Хуан нахмурился и насмешливо взглянул на меня.

– Во всей Мексике в это время жарко, сказал он. – Тут уж ничего не поделаешь. Я не смотрел на него, но знал, что он меня разглядывает. Набирая скорость, машина катилась вниз по склону. Краем глаза я заметил мелькнувший знак «vado» – «выбоина». Когда показалась сама выбоина, скорость была слишком большой и, хотя я успел немного притормозить, нас основательно потрянуло. Я заметно сбавил скорость – в этих краях домашний скот свободно разгуливает и пасется у дороги, и скелет сбитой машиной коровы или лошади – явление довольно частое. Один раз даже пришлось остановиться, чтобы пропустить нескольких лошадей, переходивших шоссе. Мое раздражение все нарастало. Я сказал дону Хуану, что всему виной проклятая жара. С детства я обостренно реагировал на духоту – в жаркие дни мне буквально нечем было дышать.

– Но ты уже не маленький, – сказал он.

– Но жара остается жарой, и мне по-прежнему душно.

– Знаешь, когда я был ребенком, меня постоянно душил голод, – произнес он мягко. – Я не знал ничего, кроме постоянного жуткого чувства голода. Когда мне удавалось поесть, я набивал брюхо так, что не мог дышать. Но это было тогда. Теперь я уже не способен ни задышаться от голода, ни обжираться как головастик. Мне нечего было сказать. Спорить было бессмысленно, потому что еще немного – и мне пришлось бы отстаивать совершенно нелепую точку зрения. Да и жара была не настолько страшной. На самом деле меня больше беспокоила перспектива тысячу километров без отдыха просидеть за рулем. Мысль о предстоящей усталости действовала на нервы.

– Давай остановимся и что-нибудь съедим, – сказал я. – Тем временем солнце зайдет; и будет уже не так жарко.

Дон Хуан с улыбкой посмотрел на меня и сказал, что на расстоянии нескольких сотен миль нет ни одного приличного городка, а я, насколько он понял, предпочитаю не питаться в

придорожных забегаловках.

– Тебя что, уже не пугает дизентерия? – спросил он.

Я знал, что он издевается, хотя его тон и выражение лица не выдавали ничего, кроме искреннего любопытства. – На тебя поглядеть, – сказал он, – так дизентерия просто рыщет вокруг, подкарауливая, когда же, наконец, ты выйдешь из машины. Вот тут-то она и совершит свой коварный прыжок. Да, нечего сказать, плохи твои дела – если и улизнешь от жары, то непременно попадешь в лапы дизентерии.

Дон Хуан сказал это таким серьезным тоном, что я не выдержал и засмеялся. После этого мы долго ехали молча. К стоянке трейлеров Лос Виридос мы подъезжали уже в темноте. Мы остановились у двери кафе, и дон Хуан крикнул из машины:

– Эй, что у вас там сегодня на ужин?

– Свинина, – откликнулся женский голос.

– Надеюсь, что свинья попала под машину сегодня, иначе тебе несдобровать, – смеясь сказал мне дон Хуан.

Мы вылезли из машины. Дорога в этом месте была зажата между двумя цепями низких скалистых гор, напоминавших застывшую лаву, выброшенную каким-то гигантским вулканом. Черные зубчатые пики угрожающе вздымались в темноте и на фоне неба были похожи на стену стеклянных осколков. За ужином я сказал дону Хуану, что понял, почему это место называется Лос Виридос – «Стекла». Совершенно очевидно, что оно обязано этим названием остроконечным скалам, похожим на осколки стекла.

Дон Хуан убежденно сказал, что место называли Лос Виридос потому, что здесь когда-то перевернулся грузовик со стеклом, осколки которого много лет валялись потом вдоль дороги.

– Что, серьезно? – спросил я, чувствуя, что он шутит.

– Почему бы тебе не спросить кого-нибудь из местных? – сказал дон Хуан.

Я спросил человека, который сидел за соседним столиком. Он извиняющимся тоном сказал, что не знает. Я прошел на кухню и спросил у женщин, которые там работали. Никто из них не знал. Стекла, и все. Просто так называется.

– Думаю, что я прав, – сказал дон Хуан. – Мексиканцы не одарены способностью замечать вещи вокруг себя. «Стеклянные» горы – это не для них. Зато вполне в их стиле оставить гору битого стекла валяться у дороги и не убирать его в течение нескольких лет.

Мы оба рассмеялись, потому что все это было действительно забавно.

После еды дон Хуан спросил меня, как я себя чувствую. Я сказал, что нормально, хотя на самом деле мне было немного не по себе. Дон Хуан пристально посмотрел на меня. Я понял, что он что-то заметил.

– Собираясь в Мексику, тебе следовало распрощаться со всеми своими страхами, к которым ты так равнодушен, – очень жестко сказал он. – Твое решение должно было уничтожить их. Ты приехал, потому что хотел приехать. Так поступают на пути воина. Я много раз тебе говорил: быть воином – это самый эффективный способ жить. Воин сомневается и размышляет до того, как принимает решение. Но когда оно принято, он действует, не отвлекаясь на сомнения, опасения и размышления. Впереди – еще миллионы решений, каждое из которых ждет своего часа. Это – путь воина.

– Да я вроде так и делаю, дон Хуан, во всяком случае время от времени. Все-таки трудно следить за собой непрерывно. – Когда воина начинают одолевать сомнения и страхи, он думает о своей смерти.

– Это еще труднее, дон Хуан. Для большинства людей смерть – это что-то неясное и далекое. Мы никогда всерьез не думаем о ней.

– Почему?

– А зачем?

– Зачем? Потому что идея смерти – единственное, что способно закалить наш дух.

Когда мы покидали Лос Виридос, было уже настолько темно, что зубчатые силуэты гор полностью растворились в небе. Больше часа мы ехали молча. Я устал. Говорить не хотелось, да и разговаривать было в общем-то не о чем. За все это время только несколько машин проехало по пустынной дороге нам навстречу. Казалось, что на юг по этому ночному шоссе, кроме нас, не ехал никто. Это было странно, и время от времени я поглядывал на зеркало заднего обзора, надеясь увидеть в нем хотя бы одну машину. Однако трасса позади нас была совершенно пустынной. Спустя некоторое время я оставил это занятие и вернулся к размышлениям о перспективах нашей поездки. Вдруг я заметил, что свет моих фар стал каким-то слишком ярким на фоне окружающей тьмы. Я взглянул в зеркало и увидел яркое сияние.

Затем словно из-под земли вырвались два снопа света. Это были фары машины на вершине холма позади нас. Некоторое время они были видны, а затем исчезли в темноте, будто их выключили. Через секунду они появились на другом бугре и снова исчезли. Так они то появлялись, то исчезали, а я следил за ними почти неотрывно, и это продолжалось довольно долго. В какой-то миг мне стало ясно, что та машина позади догоняет нас. Огни стали больше и ярче. Я до упора выжал педаль газа. Мне почему-то было не по себе. Дон Хуан, казалось, заметил мою озабоченность, а может, его внимание привлекло то, что я увеличил скорость. Он взглянул на меня, потом повернулся и посмотрел на фары позади нас.

Он спросил, все ли со мной в порядке. Я ответил, что на протяжении нескольких часов позади не было ни одной машины, а потом я неожиданно заметил свет фар машины, которая, похоже, все время нас догоняет. Дон Хуан кивнул и спросил:

– А ты уверен, что нас догоняет машина?

– Разумеется.

Дон Хуан сказал, что по моему тону и моему озабоченному виду он понял, что я чувствую – нас догоняет не просто машина. Я настаивал на том, что ничего такого не чувствую, а догоняет нас просто машина или трейлер.

– Ну что это еще может быть? – нервно спросил я.

Его намеки вывели меня из себя.

Он повернулся и посмотрел прямо не меня, потом медленно кивнул, как бы взвешивая то, что собирался сказать.

– Это огни на голове смерти, – сказал он мягко. – Она надевает их наподобие шляпы, прежде чем пуститься в галоп. То, что ты видишь позади – это огни на голове смерти, которые она зажгла, бросившись в погоню за нами. Смерть неуклонно преследует нас, и с каждой секундой она все ближе и ближе.

У меня по спине пробежал озноб. Какое-то время я не смотрел назад, а когда снова взглянул в зеркало, огней нигде не было видно. Я сказал дону Хуану, что машина, должно быть, остановилась или свернула в сторону. Он не глянул назад, а лишь потянулся и зевнул.

– Нет. Смерть никогда не останавливается. Просто иногда она гасит огни. Но это ничего не меняет...

13 июня мы добрались до северо-восточной Мексики. Две очень похожие друг на друга старые индейки, видимо, сестры, и четыре

девушки стояли у двери небольшого дома. За домом виднелась какая-то хибара и разрушенный коровник, от которого осталась только одна стена и часть крыши. Женщины явно нас поджидали. Наверное, они заметили хвост пыли, тянувшийся за моей машиной. К дому от шоссе вела грунтовая дорога, на которую мы съехали за несколько миль от него. Дом стоял в глубокой долине, и от двери шоссе казалось длинным рубцом, прорезавшим склон зеленого холма. Дон Хуан вышел из машины и немного поговорил с женщинами. Они указали ему на деревянные табуретки, стоявшие у двери. Дон Хуан позвонил меня, и мы сели. Одна из старух осталась с нами, все остальные вошли в дом. Две девушки остались стоять в дверях, с любопытством изучая меня. Я помахал им, они захихикали и убежали в дом. Через несколько минут из дома вышли два молодых человека и поздоровались с доном Хуаном. Со мной они не говорили и даже не взглянули в мою сторону. Они немного посоветовались о чем-то с доном Хуаном, потом он поднялся, и все мы, включая женщин, отправились к другому дому, до которого было примерно полмили. Там было еще несколько человек. Дон Хуан вошел внутрь, велел мне оставаться на улице. Я заглянул в дом и увидел сидящего на табуретке старика-индейца, примерно такого же возраста, как дон Хуан. Было не очень темно. Перед домом стоял старый грузовик, вокруг него расположилась группа молодых индейцев – мужчин и женщин. Я обратился к ним по-испански, но они явно не намерены были со мной общаться. Женщины хихикали после каждого моего слова, а мужчины вежливо улыбались и отводили глаза. Они делали вид, что не понимают меня, но я был уверен, что испанский они знают, – я слышал, как они говорили между собой на этом языке.

Через некоторое время дон Хуан и второй старик вышли из дома, подошли к грузовику и сели в кабину рядом с водителем. Это послужило сигналом, по которому все остальные забрались на платформу, заменявшую грузовику кузов. Платформа была без ограждения, и когда грузовик тронулся, все вцепились в длинную веревку, привязанную к каким-то крючкам на раме.

Грузовик медленно тащился по грунтовой дороге. В одном месте, где она слишком круто поднималась по склону холма, все спрыгнули и пошли за грузовиком. Два парня снова запрыгнули на платформу и сели с краю, не держась за веревку. Женщины

смеялись и подзадоривали их. Дон Хуан и старик, которого все называли Сильвио, шли рядом и не обращали на молодежь никакого внимания. Когда дорога снова вышла на ровное место, все забрались обратно. Мы ехали около часа. Поверхность платформы была очень твердой и неудобной, поэтому я поднялся и всю дорогу ехал стоя, держась за крышу кабины. Наконец, машина остановилась возле группы строений. Там были еще какие-то люди, но уже совсем стемнело, и в тусклом желтоватом свете керосиновой лампы, висевшей над дверью одного из домов, я видел только трех-четыре человека.

Все слезли с платформы и разошлись по домам, но мне дон Хуан снова велел оставаться снаружи. Я стоял, облокотившись о крыло грузовика. Через пару минут подошли три молодых человека. С одним из них я был знаком – мы встречались, когда я был на митоте в прошлый раз. Он поздоровался со мной, пожав мои запястья, и прошептал по-испански:

– Ты молодец.

Мы тихо стояли возле грузовика. Было тепло. Мягко шелестел ночной ветер. Мой знакомый спросил, нет ли у меня сигарет. Я вытащил пачку, и все закурили. Присветив сигаретой, я посмотрел на часы: девять.

Вскоре из дома вышло несколько человек, и молодые люди, стоявшие рядом со мной у грузовика, ушли. Подошел дон Хуан и сказал, что объяснил собравшимся цель моего приезда, и что его объяснение всех устроило. Меня пригласили участвовать в митоте в качестве хранителя воды. Дон Хуан сказал, что отправляться нужно прямо сейчас.

Группа из десяти женщин и одиннадцати мужчин вышла из дома. Впереди шел крепкий мужчина лет сорока пяти. Его называли «Мочо» – прозвище, которое переводится как «резаный». Он двигался быстрым уверенным шагом. У него была керосиновая лампа, которой он время от времени помахивал из стороны в сторону. Сначала я думал, что эти движения получаются у него случайно, однако через некоторое время понял, что так он указывает идущим сзади на препятствия и трудные участки дороги. Мы шли больше часа. Женщины болтали и время от времени негромко смеялись. Дон Хуан и второй старик шли где-то впереди, а я плелся в самом хвосте, уставившись в землю и каждый раз тщетно пытаясь разглядеть, куда лучше поставить

ногу. Прошло уже четыре года с тех пор, как мы с доном Хуаном ночью ходили в горах, я потерял форму и все время спотыкался. Из-под ног у меня летели камни, колени не гнулись, а когда я наступал на бугорок, то казалось, что дорога прыгает на меня, а если под ногу попадалась выбоина, то чувство было таким, словно дорога предательски ныряет в какую-то пропасть. Я производил шума больше, чем любой из остальных, и поневоле сделался шутом. Каждый раз, когда я спотыкался, кто-то говорил «ух», и все смеялись. Когда в очередной раз я пнул камень и он угодил в пятку шедшей впереди женщине, она, к всеобщему удовольствию, громко сказала:

– Дайте бедняжке свечку!

Но и это было еще не все. Окончательно я опозорился немного погодя, когда, споткнувшись, начал падать и инстинктивно ухватился за кого-то впереди. Я повис на нем всем своим весом, и он тоже чуть не упал, издевательски заорав при этом не своим голосом. Все хохотали так, что пришлось остановиться.

Ведущий взмахнул фонарем вверх-вниз. Это означало, что мы пришли. Неподалеку справа маячил темный силуэт какого-то дома. Все разбрелись по сторонам. Я поискал дона Хуана. В темноте это было не так-то просто. Я шумно слонялся из стороны в сторону, пока не наткнулся на него. Он сидел на камне.

Дон Хуан еще раз напомнил мне, что моей задачей будет подавать воду участникам митоты. Несколько лет назад он учил меня, как это делается. Я все прекрасно помнил до мельчайших подробностей, но он настоял на том, чтобы я освежил процедуру в памяти, и еще раз показал мне как и что я должен делать.

Потом мы направились за дом, где собрались все мужчины. Там уже горел костер. Метрах в пяти от огня на чистой ровной площадке была сделана подстилка из соломенных циновок. Мочо – наш проводник – первым сел на подстилку. Я обратил внимание на то, что верхушка левого уха у него отсутствует. Видимо, этому он был обязан своим прозвищем. Дон Сильвио сел справа от него, дон Хуан – слева. Мочо сидел лицом к огню. Подошел молодой человек и поставил перед ним плоскую корзинку с пейотными бутонами, а сам сел между ним и доном Сильвио. Другой молодой человек принес еще две плоские корзинки и поставил их рядом с первой, а сам сел между Мочо и доном Хуаном. Еще два молодых человека сели между доном Сильвио и доном Хуаном, замкнув

круг из семи человек. Все женщины оставались в доме. Два парня должны были всю ночь поддерживать огонь, а мальчик-подросток и я – следить за водой, которую нужно было дать участникам после окончания ритуала, который должен был длиться всю ночь. Мы с мальчиком сели возле камня. Огонь и сосуд с водой находились напротив друг друга на равном расстоянии от круга участников.

Мочо – ведущий – пропел свою пейотную песню, глаза его были закрыты, тело покачивалось. Песня была очень длинной. Языка я не понимал. Затем все по очереди пропели свои пейотные песни. Я не заметил, чтобы они следовали какому-то заранее установленному порядку. Было совершенно очевидно, что каждый поет тогда, когда чувствует, что пришла его очередь. Затем Мочо взял корзинку, вынул два пейотных бутона и поставил ее на место. Дон Сильвио, а за ним дон Хуан сделали то же самое. Потом по два бутона взяли четверо молодых людей. У меня сложилось впечатление, что они вчетвером составляли как бы отдельную группу. Пейотные бутоны они тоже брали по очереди, против часовой стрелки.

Съев бутоны, все еще раз пропели свои пейотные песни и снова съели по два бутона. В общей сложности вся процедура повторилась четыре раза. Потом они пустили по кругу две другие корзинки, в которых были сушеные фрукты и мясо.

Весь этот цикл повторился в течение ночи еще несколько раз, но никакой системы в действиях каждого из них я не обнаружил. Они не разговаривали, более того, каждый был как бы наедине с собой. Я не заметил, чтобы хоть один из них обращал внимание на то, что делают остальные. Перед рассветом они встали, и мы с мальчиком дали им воды. Потом я пошел прогуляться и осмотреть местность. Дом оказался низкой саманной хижинкой с крышей из хвороста. Пейзаж был довольно угнетающим – суровая равнина, поросшая кустами и кактусами. Деревьев не было вообще. Мне совершенно не хотелось бродить по округе.

Утром женщины ушли. Мужчины молча слонялись возле дома. Примерно в полдень все снова заняли свои места, и по кругу пошла корзинка с сушеным мясом, разрезанным на кусочки такого же размера, как бутоны пейота. Некоторые из мужчин пели свои пейотные песни. Примерно через час все встали и опять разбрелись в разные стороны.

Уходя, женщины оставили горшок каши для тех, кто следит за огнем и водой. Я немного поел и улегся спать.

Когда стемнело, мужчины, отвечавшие за огонь, разожгли костер, и начался новый цикл приема пейотных бутонов. В общих чертах в эту ночь все происходило в том же порядке, что и в предыдущую, и закончилось на рассвете.

В течение всей ночи я внимательно наблюдал за происходящим и тщательно записывал каждое движение каждого из семи участников в надежде наткнуться хоть на что-то, указывающее на существование вербальной или невербальной системы обмена информацией, но не заметил даже намека на подобное.

Вечером следующего дня все началось сначала. К утру я был уверен, что моя попытка обнаружить какие-то ключи окончилась полнейшим провалом. Никакого скрытого лидера, никакого обмена информацией, никакой системы соглашения. Весь день я провел в одиночестве, разбирая свои записи.

Когда вечером все собрались на четвертый цикл принятия пейоте, я вдруг понял, что эта ночь – последняя. Никто мне об этом не говорил, но каким-то образом я знал, что на следующий день все разъедутся. Я занял свое место возле воды. Остальные тоже расположились в прежнем порядке.

Поведение семерых участников, сидевших кружком на подстилке, было в точности таким же, как раньше. Как и в предыдущие ночи, я был полностью поглощен наблюдением за их действиями. Мне хотелось записать каждое движение, каждый звук, каждый жест. В какой-то момент я услышал гудение, похожее на обыкновенный звон в ушах, и поначалу я не обратил на него особого внимания.

Он усилился, все же не выходя за пределы обычных телесных ощущений. Я помню, что внимание как бы разделилось между людьми, за которыми я наблюдал, и звуком, который слышал. Это был переломный момент. Лица людей вдруг стали ярче, как будто включили свет. В то же время это не было похоже ни на электрический свет, ни на свет керосиновой лампы или вспыхнувшего костра. То, что я видел, скорее напоминало люминесценцию, розовое свечение, очень размытое, но, тем не менее, заметное с того места, где я сидел. Звон в ушах, казалось, усиливался. Я взглянул на паренька, который был рядом со мной, но тот спал. К тому времени розовое свечение стало еще заметней. Я посмотрел на дону Хуана. Он сидел с закрытыми глазами. Мочо

и дон Сильвио – тоже. Глаза молодых людей мне не были видны, потому что двое из них наклонились вперед, а двое сидели ко мне спиной. Я еще глубже ушел в наблюдение, все еще не осознавая, что действительно слышу звон и вижу розовое свечение вокруг людей. Через минуту, однако, до меня дошло, что явления эти очень устойчивы. На мгновение я пришел в сильное замешательство, а потом вдруг возникла мысль, не имевшая ничего общего ни с происходящим, ни с целью моего приезда сюда. Я вспомнил слова, услышанные мною в детстве от матери. Воспоминание немного отвлекло меня, так как было совершенно неуместным, я попытался отбросить его и вновь сосредоточиться на наблюдении, но безуспешно. Мысль-воспоминание упорно возвращалась, становясь все более ярко выраженной. Она требовала от меня все большего внимания, и я вдруг ясно услышал голос матери, она звала меня. Послышалось шлепанье ее тапочек и смех. Я оглянулся, думая, что это какой-то мираж или галлюцинация и что сейчас я перенесусь во времени и пространстве и увижу мать. Но увидел только мальчика, мирно спящего рядом. Это встряхнуло меня и на какое-то мгновение отрезвило. Я взглянул на мужчин. Они неподвижно сидели в прежних позах. Однако свечения уже не было. Отсутствовал и звон в ушах. Я облегченно вздохнул, решив, что галлюцинация с голосом моей матери закончилась. Ее голос был таким ясным и живым, что я чуть было не попался на него. Я мельком заметил, что дон Хуан смотрит на меня, но это не имело значения. Я находился под гипнозом воспоминания о голосе зовущей меня матери и отчаянно пытался думать о чем-то другом. И вдруг снова раздался ее голос. Казалось, она стоит у меня за спиной. Она звала меня по имени. Я резко обернулся, но увидел только темный силуэт хижины и смутные пятна кустарника. Звук моего имени полностью вывел меня из равновесия. Я невольно застонал. Мне стало очень холодно и одиноко. Я заплакал. Внезапно так захотелось, чтобы рядом был хоть кто-нибудь, кому я небезразличен. Я повернул голову, чтобы взглянуть на дону Хуана. Он смотрел на меня. Я не желал его видеть и закрыл глаза. Тогда мне явилась мать. Я не думал о ней как обычно – я отчетливо ее видел. Она стояла рядом. Я задрожал. Меня захлестнула волна отчаяния, хотелось убежать, исчезнуть. Видение матери болезненно не вязалось с тем, что я искал здесь, на этом

пейотном собрании. Несоответствие было кошмарным, и не было никакой возможности сознательно от этого избавиться. Наверно, если бы мне действительно хотелось рассеять видение, то я бы открыл глаза, но почему-то продолжал внимательно его разглядывать, причем с особой тщательностью и скрупулезностью. Меня охватило необъяснимое чувство. Оно было очень странным и действительно охватывало меня, словно какая-то внешняя сила. Я вдруг почувствовал на себе ужасающую тяжесть материнской любви. Звук своего имени я был вырван из реальности, воспоминание о матери захлестнуло меня грустью и болью, но разглядывая ее, я вдруг понял, что никогда ее не любил. Никогда. Осознание этого меня потрясло. На меня вдруг обрушилась лавина мыслей и образов. Тем временем видение матери исчезло – оно больше не имело значения. И меня совершенно не интересовало, чем занимаются эти индейцы – я попросту забыл о митоте, погрузившись в поток необычных мыслей. Необычных потому, что это были, в общем-то, даже не мысли, а нечто большее – некие завершенные и целостные, эмоционально определенные и бесспорные в своей очевидности откровения относительно истинной природы моих взаимоотношений с матерью. Неожиданно поток прервался. Мысли утратили текучесть и потеряли свойство целостного переживания. Я начал думать о чем-то другом, бессвязно и неопределенно, что-то о других членах семьи, но уже без видений. Открыв глаза, я посмотрел на дону Хуана. Он стоял. Остальные – тоже. Они направились к воде. Я подвинулся и толкнул паренька, который все еще спал. Как только мы сели в машину, я рассказал дону Хуану о своих поразительных видениях. Удовлетворенно засмеявшись, он сказал, что эти видения – знак, такой же важный, как и моя первая встреча с Мескалитом. Я вспомнил, как дон Хуан объяснял происходившее со мной, когда я впервые принимал пейот. Тогда он посчитал это указанием на необходимость обучения меня своему знанию. Дон Хуан сказал, что в последнюю ночь митоты Мескалитом указал на меня, причем настолько явно и с такой силой, что все вынуждены были повернуться в мою сторону. Поэтому они и смотрели на меня, когда я открыл глаза. Я спросил его о своих нынешних видениях, но он сказал, что все это ерунда по сравнению со знаком. Дон Хуан продолжал говорить о свете Мескалитом, снизошедшем

на меня, и о том, как это *видели* остальные.

– Это было что-то! – восхищенно произнес он. – Невозможно желать лучшего указания.

Наши мысли явно текли в разных направлениях. Его занимали явления, которые он считал знаком, меня – интерпретация деталей моих видений.

– Да не волнуют меня твои знаки! – сказал я. – Мне важно знать, что случилось со мной.

Дона Хуана, казалось, огорчили мои слова. Нахмурившись, он некоторое время сидел молча и неподвижно. Потом он сказал, что единственно важной была благосклонность ко мне Мескалито, который накрыл меня светом своей силы и преподнес мне урок, хотя я ничего для этого не сделал, а всего лишь находился рядом.

[**НАЗАД**](#) | [**INDEX**](#) | [**ВПЕРЕД**](#)

Глава 4

4 сентября 1968 года я вновь отправился в Сонору. По просьбе дона Хуана я остановился в Эрмосильо и купил ему агавовой самогонки – разновидности текилы, которую в Мексике называют «баканора». Просьба показалась мне странной, потому что дон Хуан не пил, тем не менее я купил четыре бутылки и сунул их в ящик к другим вещам, которые вез для него.

– Четыре бутылки. Ну ты даешь! – со смехом сказал дон Хуан, заглянув в ящик. – Я же просил одну. Ты решил, наверное, что это – для меня. Но я имел в виду Лусио. Отдай ему ее сам, ладно? Не говори, что от меня.

Лусио был внуком дона Хуана. Я познакомился с ним года два назад. Тогда ему было двадцать восемь. Он был высокого роста, где-то метр девяносто, и всегда не по средствам хорошо одет, чем выделялся среди окружающих. Большинство индейцев яки носят штаны цвета хаки или джинсы, соломенные шляпы и самодельные сандалии – «гуарачос». Лусио же обычно носил дорогой кожаный пиджак с черепаховыми пуговицами, шляпу «стетсон» и ковбойские сапожки, разукрашенные монограммами и ручной вышивкой.

Лусио был очень доволен подарком. Он сразу же унес бутылки в дом, видимо, собираясь их спрятать. Дон Хуан по этому поводу сказал, что не стоит прятать спиртное и пить потом в одиночку. На это Лусио ответил, что вовсе не собирался этого делать, а просто положил бутылки в надежное место – пусть полежат, пока он не пригласит друзей и не выпьет вместе с ними.

Вечером того же дня я снова приехал к дому Лусио. Было темно, и я едва разглядел под деревом два смутных силуэта. Это были Лусио и один из его приятелей. Они поджидали меня и проводили в дом, присвечивая карманным фонариком. Дом Лусио был неуклюжим саманным строением с двумя комнатами и земляным полом. Плоскую, как у всех домов индейцев яки, соломенную крышу поддерживали две довольно тонкие на вид балки из мескитового дерева. Дом был около семи метров длиной. Вдоль

всего фасада тянулась «рамада» – типичное для домов яки сооружение, что-то типа навеса с крышей из неплотно уложенных прутьев и сухих веток. Рамаду никогда не кроют соломой, чтобы крыша не препятствовала свободному доступу воздуха. В то же время кровля из прутьев дает достаточно тени.

На пороге я тихонько включил магнитофон, который лежал в портфеле. Лусио представил меня приятелям. Всего в доме было восемь человек, включая дона Хуана. Они сидели кто на чем вдоль стен передней комнаты, под потолком которой к балке была прицеплена бензиновая лампа, заливавшая все ярким резким светом. Дон Хуан сидел на ящике. Я устроился прямо напротив него на краю скамейки из длинной балки, приколоченной гвоздями к двум вкопанным в пол чурбанам. Шляпа дона Хуана лежала на полу рядом с ящиком. Свет бензиновой лампы придавал его седым волосам жемчужно-белый оттенок и делал лицо темнее и старше, резко очерчивая и без того глубокие морщины на лбу и шее. Я посмотрел на остальных. В зеленовато-белом свете лампы все они казались старыми и усталыми.

Лусио по-испански объяснил собравшимся, что пригласил их распить бутылку баканоры, которую я привез ему из Эрмосильо. Он сходил в другую комнату, принес бутылку, откупорил ее и протянул мне вместе с маленькой жестяной кружкой. Я налил пол-глотка, выпил и передал бутылку и кружку дальше. Баканора оказалась более ароматной и густой, чем обычная текила, но и более крепкой. Я закашлялся. Каждый налил себе и выпил, кроме дона Хуана. Он просто взял бутылку и поставил ее перед Лусио, который оказался крайним.

Все оживленно заговорили по поводу богатого букета именно этой баканоры и сошлись на том, что напиток, несомненно, был изготовлен в высокогорье Чиуауа.

Бутылка обошла круг по второму разу. Все причмокивали губами, расхваливая ее содержимое. Завязалась оживленная дискуссия относительно заметного различия между текилой из Гвадалахары и баканорой с высокогорья Чиуауа. Дон Хуан опять не пил, я выпил очень мало, буквально несколько капель, остальные наливали по полной. Бутылка обошла третий круг и опустела.

– Принеси остальные, Лусио, – сказал дон Хуан. Лусио замер в нерешительности, а дон Хуан с простодушным видом похвастал, что я привез для Лусио не одну, а целых четыре бутылки баканоры.

Бениньо, молодой человек примерно одних лет с Лусио, взглянув на портфель, который я как бы невзначай поставил позади себя, спросил, не продавец ли я баканоры. Дон Хуан ответил, что нет, что я приехал в Сонору в действительности для того, чтобы повидаться с ним.

– Карлос изучает Мескалито, и я учу его, – сказал дон Хуан. Все посмотрели на меня и вежливо улыбнулись. Бахеа, дровосек, – маленький худой человек с резкими чертами лица – пристально взглянул на меня и сказал, что лавочник утверждает, будто бы я – шпион американской компании, которая собирается открыть в Сонорской пустыне на землях яки какие-то рудники. Все дружно возмутились по поводу такого подозрения в мой адрес. Кроме того, они недолюбливали лавочника, который был мексиканцем – «йори», как говорят индейцы.

Лусио сходил в другую комнату и принес еще одну бутылку. Открыв ее, он налил себе до краев, выпил, а потом передал бутылку дальше. Разговор вертелся вокруг вероятности того, что американцы откроют в Соноре свои рудники. Рассуждали, чем это чревато для индейцев яки. Бутылка вернулась к Лусио. Он приподнял ее и посмотрел на свет, много ли осталось.

– Успокой его, – прошептал мне дон Хуан. – Скажи, что в следующий раз привезешь больше.

Я наклонился к Лусио и шепотом заверил, что в следующий мой приезд он получит никак не меньше полудюжины бутылок.

В конце концов наступил момент, когда все темы были исчерпаны. Тогда, обращаясь ко мне, дон Хуан громко сказал:

– Почему бы тебе не рассказать о своих встречах с Мескалито? По-моему, это будет намного интереснее, чем нудная болтовня про американцев и рудники в Соноре. – Мескалито – это что, пейот? Да, дед? – с любопытством спросил Лусио.

– Некоторые называют его так, – сухо ответил дон Хуан. – Я предпочитаю говорить «Мескалито».

– Эта дьявольская штука сводит с ума, – сказал Хенаро, высокий угловатый человек средних лет.

– Я думаю, глупо утверждать, что Мескалито сводит с ума, – мягко произнес дон Хуан. – Если бы это было так, вряд ли Карлос был бы сейчас здесь. Скорее всего, он сидел бы где-нибудь в смиренной рубашке, ведь ему доводилось встречаться с Мескалито. И вообще, Карлос – молодец.

Бахеа улыбнулся и скромно заметил:

– Кто знает?

Все засмеялись. – Ну хорошо, тогда возьмем меня, – сказал дон Хуан. – Я знаком с Мескалито почти всю жизнь, и ни разу он не причинил мне вреда.

Никто не смеялся, но было видно, что они не принимают это всерьез.

– С другой стороны, – продолжал дон Хуан, – он действительно сводит людей с ума, тут вы правы, но только тех, которые приходят к нему, не ведая, что творят.

Эскере, старик, по виду примерно ровесник дона Хуана, покачал головой и негромко хмыкнул.

– Что ты имеешь в виду под этим «не ведают, что творят», Хуан? – спросил он. – В прошлый раз я слышал от тебя то же самое.

– Люди в самом деле дуреют, когда нажгутся этого пейотного зелья, – снова вмешался Хенаро. – Однажды я видел, как индейцы-хиколо жрали его. Как будто с ними белая горячка приключилась. Они харкали, рыгали и ссали где попало. Если хавать эту дрянь, то можно заработать эпилепсию. Это мне как-то говорил сеньор Салас, инженер. А ведь эпилепсия – на всю жизнь, сами знаете.

– Да, это значит – быть хуже скотины, – грустно добавил Бахеа. – В случае с теми хиколо ты видел только то, что хотел видеть, Хенаро, – сказал дон Хуан. – Ты же не спросил у них самих, что это такое – встреча с Мескалито. Насколько я знаю, он еще никого не сделал эпилептиком. Что касается твоего инженера, так ведь он – «йори». Я не думаю, чтобы ему что-то было известно о Мескалито. Или, может, ты и вправду думаешь, что все те тысячи людей, которые с ним знакомы – психи?

– Ну, если не психи, то где-то около того. Надо быть психом, чтобы заниматься такими вещами.

– Хорошо, но если бы все эти люди были психами, кто бы за них работал? Как бы они умудрялись прожить? – спросил дон Хуан.

– Макарио, ну, тот, который «оттуда» – из Штатов, говорит, что каждый, кто хоть раз принимал эту штуку, отмечен на всю жизнь, – сказал Эскере. – Макарио врет, – отрезал дон Хуан. – Я уверен: он понятия обо всем этом не имеет.

– Вообще-то Макарио – трепло изрядное, этого у него не отнимешь... – сказал Бениньо.

– Макарио – это кто? – поинтересовался я.

– Один индеец-яки. Живет здесь, – сказал Лусио. – Он говорит, что родом из Аризоны и что во время войны был в Европе. Большой любитель потрепаться.

– Хвастается, что был полковником, – вставил Бениньо. Все засмеялись. Некоторое время обсуждали невероятные рассказы Макарио. Но дон Хуан вернул разговор к теме Мескалито:

– Если всем известно, что Макарио – трепло, то с какой стати вы верите его болтовне о Мескалито?

– Это пейот, что ли, да, дед? – спросил Лусио с таким видом, будто бы с отчаянными усилиями продирался сквозь терминологические дебри.

– Вот черт! Да, – грубо и резко ответил дон Хуан.

Лусио непроизвольно выпрямился, и на мгновение я ощутил, что все они не на шутку испугались. Но дон Хуан широко улыбнулся и продолжал мягко и спокойно: – Неужто непонятно, что Макарио сам не знает, что плетет? Ведь это же очевидно – чтобы говорить о Мескалито, нужно знать.

– Снова ты за свое, – сказал Эскере. – Ты, между прочим, – еще похлеще Макарио. У него хоть что на уме – то и на языке, не важно, знает он это или нет. А от тебя годами я только и слышу – нужно знать, нужно знать... Что знать, скажи на милость?

– Дон Хуан говорит, что в пейоте есть дух, – сказал Бениньо.

– Я видел пейот – он растет в поле – но ни духов, ни чего-нибудь похожего не встречал никогда, – сказал Бахеа.

– Пожалуй, Мескалито и правда похож на дух, – объяснил дон Хуан. – Тем не менее ясности в этом вопросе не бывает, пока не узнаешь его сам. Эскере жалуется, что я годами твержу одно и то же. Он прав. Но разве моя вина в том, что вы не хотите понять? Бахеа говорит, что тот, кто принимает зелье, становится похожим на скотину. Мне так не кажется. Но зато я думаю, что те, кто считает себя выше животных, на самом деле – хуже них. Вот мой внук. Он же вкалывает без отдыха. Я бы даже сказал, что он живет лишь затем, чтобы пахать, как мул. Из того, на что не способны животные, он занимается только одним – пьянствует.

Все рассмеялись. Звонче всех хохотал Виктор – совсем еще молодой парень, почти юноша.

Элихио, молодой фермер, до сих пор не проронил ни слова. Он сидел на полу справа от меня, прислонившись спиной к мешкам с удобрениями, сложенным в доме, чтобы их не намочил дождь.

Элихио дружил с Лусио с детства. Ростом он был чуть пониже своего друга, но отличался атлетическим телосложением и выглядел очень сильным. Казалось, он заинтересовался тем, о чем говорил дон Хуан. Бахеа пытался что-то сказать, но Элихио опередил его.

– Каким образом пейот может все это изменить? – спросил он. – Мне кажется, человек рождается для того, чтобы всю жизнь работать. Мул – тоже. – Мескалито изменяет все, – сказал дон Хуан, – хотя бы мы и продолжали работать как все, как мулы. Я сказал, что в Мескалито есть дух, потому что изменения в человеке производит нечто, действительно похожее на дух. Дух, который можно увидеть, до которого можно дотронуться, дух, изменяющий нас, иногда не считаясь при этом с нашими желаниями.

– Конечно, для начала пейот делает тебя психом, – сказал Хенаро.

– А после этого ты, разумеется, начинаешь воображать, что изменился. Верно?

– Каким образом он может нас изменить? – настаивал Элихио.

– Он учит нас правильному образу жизни, – ответил дон Хуан. – Он помогает тому, кто с ним знаком и защищает его. Ваша жизнь – это не жизнь вовсе. Ни один из вас понятия не имеет о радости сознательного действия. У вас нет защитника.

– Что ты хочешь этим сказать? – обиженно воскликнул Хенаро. – Есть у нас защитники. Господь наш Иисус Христос, Святая Дева Мария, маленькая Дева Гваделупская... Разве это не защитники?

– Ого, целый букет, – усмехнулся дон Хуан. – Ну и как, научили они тебя жить лучше?

– Это потому что люди их не слушаются, – возразил Хенаро. – Люди обращают внимание только на дьявола.

– Если бы они действительно были защитниками, то заставили бы себя слушаться, – сказал дон Хуан. – Когда Мескалито становится твоим защитником, его слушаешься, как миленький, и деться никуда не можешь. Ты *видишь* его, и не в твоих силах не следовать его указаниям. Он заставляет относиться к нему с уважением. Не так, как вы привыкли обращаться со своими защитниками.

– Ты о чем это, Хуан? – спросил Эскере.

– О чем? Да о том, как вы с ними общаетесь. Один пиликает на скрипке, танцор напяливает маску и разные побрякушки, а остальные напиваются до бесчувствия. Бениньо, ну-ка расскажи? Ты же был танцором.

– Я бросил через три года, – сказал Бениньо. – Это слишком тяжелая работа.

– Спроси вон у Лусио, – ехидно вставил Эскере, – Он бросил через неделю. Все, кроме дона Хуана, засмеялись. Лусио натянуто улыбнулся и отхлебнул два больших глотка баканоры. Замечание явно пришлось ему не по вкусу.

– Это не тяжелая работа, а идиотизм, – сказал дон Хуан. – Ты бы спросил у Валенсио, танцора, нравится ли ему танцевать? Нет. Я не раз видел, как он это делает, и всегда он повторяет одни и те же скверно исполненные движения. Он не гордится своим искусством. Разве что когда надо потреться... Он не любит свое дело, поэтому из года в год нудно повторяет одно и то же. Все, что было в его танце бездарного, с годами только закрепилось. А теперь он считает, что так и должно быть.

– Просто его так научили, – сказал Элихио, – Я тоже когда-то был танцором в Ториме. Танцевать приходится так, как тебя учат. – В конце концов, Валенсио – далеко не лучший, – сказал Эскуэре, – Есть и другие. Вот Сакатека...

– Сакатека – человек знания, он вам не чета – совсем другой класс, – резко сказал дон Хуан. – Он танцует потому, что такова склонность его натуры. Я имел в виду не это. Вы – не танцоры и не можете наслаждаться танцем. Если кто-то будет танцевать красиво, вы, возможно, получите удовольствие. Правда, для этого нужно довольно много знать о танце. Я сомневаюсь в том, чтобы кто-то из вас знал достаточно. Поэтому все вы – просто пьяницы. Взгляните хотя бы на моего внука!

– Перестань, дед, – запротестовал Лусио.

– Не ленив и не глуп, – продолжал дон Хуан, – но чем он занимается, кроме пьянства?

– Покупает кожаные пиджаки, – сказал Хенаро, и все расхохотались.

Лусио глотнул еще баканоры.

– Ну и как пейот может все это изменить? – настаивал Элихио.

– Если бы Лусио начал искать защитника, – сказал дон Хуан, – вся бы его жизнь изменилась. Я не знаю, как именно, но в том, что она стала бы другой, не сомневаюсь ни минуты.

– Он что, бросил бы пить, да? – не отставал Элихио. – Да, наверно. Чтобы жизнь удовлетворяла его, ему понадобилось бы что-то, кроме текилы. Это что-то, чем бы оно ни было, даст ему защитник.

– Но тогда пейот должен быть очень вкусным, – сказал Элихио.
– Я этого не говорил, – возразил дон Хуан.
– Черт возьми, тогда я не понимаю. Как можно получать от него удовольствие, если он противный? – недоумевал Элихио.
– Он позволяет более полно наслаждаться жизнью, – объяснил дон Хуан.
– – Какое может быть наслаждение, если вкус у него дерьмовый? – не унимался Элихио. Бред какой-то.
– Ничего подобного, все правильно, – убежденно вставил Хенаро.
– Ты становишься психом и автоматически наслаждаешься жизнью. Неважно, чем ты при этом занимаешься.

Все опять засмеялись.

– Все правильно, – невозмутимо продолжал дон Хуан. – Вы прикиньте, как мало мы знаем и как много могли бы увидеть. Пьянство – нот что делает людей психами. Оно затуманивает мозги, путая все на свете, Мескалито – наоборот, все обостряет. Человек начинает *видеть* ясно и четко. Очень ясно и очень четко. Лусио и Бениньо насмешливо переглянулись. Все это они слышали уже не раз. Хенаро и Эскере вдруг заговорили одновременно. Виктор ржал, заглушая всех остальных. Единственным заинтересовавшимся казался Элихио.

– Как пейот все это делает? – спросил он.

– Прежде всего, человек должен хотеть познакомиться с Мескалито. Я даже склоняюсь к мысли, что это – едва ли не самое главное. Затем нужно, чтобы этого человека представили Мескалито. Ну а потом должно быть еще много встреч, прежде чем он сможет с уверенностью утверждать, что знает Мескалито.

– А потом? – спросил Элихио.

– Потом он лезет на крышу, а задница остается на земле, – вставил Хенаро. Все взревели от хохота.

– То, что происходит потом, полностью зависит от человека, – не теряя самообладания, продолжал дон Хуан. – С Мескалито следует общаться без страха, тогда постепенно он научит, как изменить жизнь в лучшую сторону.

Пауза была довольно долгой. Все порядком устали, бутылка опустела. Лусио, явно преодолевая себя, принес и откупорил еще одну.

– Что, пейот и Карлоса тоже защищает? – спросил Элихио как бы в шутку.

– Откуда мне знать? – сказал дон Хуан. – Спроси его самого, он принимал его трижды.

Все с интересом повернулись ко мне, а Элихио спросил:

– Что, правда?

– Да. Создалось впечатление, что дон Хуан добился своего. То ли они в самом деле заинтересовались, то ли были слишком вежливы, чтобы рассмеяться мне в лицо.

– Ну и как, во рту пекло? – спросил Лусио.

– Очень! И вкус у него отвратительный.

– Зачем же тогда ты его ел? – изумился Бениньо.

Путано и сложно я начал объяснять, что для западного человека познания дона Хуана в пейоте – чуть ли не самая изумительная вещь на свете. Еще я говорил, что все, сказанное доном Хуаном – истинная правда, и каждый может легко проверить это на себе.

Я заметил, что они слегка усмеваются, как бы пытаясь скрыть легкое презрение, и разозлился, осознавая всю неуклюжесть своих потуг и неспособность убедительно изложить то, что было у меня на уме. Я сделал еще попытку, но вдохновения больше не было, и получилось только пережевывание того, что уже сказал дон Хуан. Он пришел мне на помощь, ободряюще спросив:

– Правда ведь, что ты не искал защитника, когда впервые пришел к Мескалито? Я сказал, что не знал тогда об этом качестве Мескалито и что мною двигало только любопытство и страстное желание с ним познакомиться.

Дон Хуан сказал, что Мескалито очень хорошо со мной обошелся, потому что мое намерение было безупречным.

– Но все равно ты рыгал и ссал где попало, да? – гнул свою линию Хенаро.

Я сказал, пейот обладает и таким действием, и что я тоже испытал его на себе. Все сдержанно засмеялись. Я почувствовал, что их презрение ко мне не только не уменьшилось, но даже несколько возросло. Все, кроме Элихио, потеряли к этой теме всякий интерес; он же внимательно меня разглядывал.

– Что ты видел? – спросил он.

Дон Хуан потребовал, чтобы я вспомнил все или хотя бы почти все подробности моих опытов с пейотом. Я полностью описал формы и последовательность переживаний. Когда я закончил, Лусио заявил: – Ну, если в пейоте сидит такой дьявол, то я рад, что не имел с ним дела.

– Ага, я же говорил, – заметил Хенаро, обращаясь к Бахеа, – это штука точно делает людей психами.

– Но сейчас-то Карлос в своем уме. Как насчет этого? – возразил дон Хуан.

– А откуда нам знать? – парировал Хенаро.

Все, включая дона Хуана, засмеялись.

– Страшно было? – спросил у меня Бениньо.

– Конечно.

– Зачем же ты тогда ввязался в это дело? – поинтересовался Элихио.

– Так ведь он сказал – хотел знать, – ответил за меня Лусио. – Похоже, Карлос намерен сделаться таким, как мой дед. И тот, и другой твердят, что хотят знать, но какого черта они хотят знать – не имеет понятия никто.

– Объяснить это знание невозможно, – сказал дон Хуан, обращаясь к Элихио, – Оно индивидуально. Общее – только в том, что Мескалито раскрывает свои тайны каждому лично, один на один. Тому, кто настроен подобно Хенаро, я бы не советовал с ним знакомиться. Однако вполне возможно, что, несмотря на его настрой, Мескалито мог бы ему здорово помочь. Но узнать об этом не дано никому, кроме самого Хенаро. Это и есть то знание, о котором я говорил. Дон Хуан поднялся.

– Пора по домам, – сказал он. – Лусио напился, а Виктор уже спит. Через два дня, 6 сентября, Лусио, Бениньо и Элихио зашли в дом, где я остановился. Мы собирались сходить в чаппараль поохотиться. Какое-то время они сидели молча, а я дописывал что-то в своем блокноте. Потом Бениньо вежливо засмеялся, как бы предупреждая, что сейчас сообщит нечто очень важное. После предварительного интригующего молчания он снова хихикнул и сказал:

– Вот тут Лусио говорит, что не прочь попробовать пейот...

– Что, серьезно? – Да, – отозвался Лусио, – я не возражаю. Бениньо сдавленно хихикал.

– Лусио говорит, что будет жрать пейот, если ты купишь ему мотоцикл.

Лусио и Бениньо переглянулись и оглушительно захохотали.

– Сколько в Штатах стоит мотоцикл? – спросил Лусио.

– Думаю, долларов за сто можно найти, – ответил я.

– Там ведь это не очень много, да? Ты вполне мог бы ему

привезти, правда? – спросил Бениньо.

– Ладно, только сначала спросим у твоего деда, – сказал я, обращаясь к Лусио.

– Э, нет, – протянул он. – Деду – ни слова, он все испортит. Он – дьявол. Да к тому же стар и малость не в себе, поэтому не соображает, что делает.

– Когда-то он был настоящим магом, – добавил Бениньо. – Это правда... Мои старики говорят, что он был самым сильным из всех магов. Но потом пристрастился к пейоту и превратился в тряпку. Теперь он уже слишком стар.

– Только и знает, что несет всякие дурацкие байки о пейоте, – присоединился Лусио, – Только это все – брехня, – сказал Бениньо.

– Мы как-то раз попробовали. Лусио спер у него целый мешок.

Вечером по дороге в город мы эту гадость зажевали. Дерьмо редкостное. Чуть не разодрал мне всю пасть на куски. Сукин сын! Как будто черта жуешь... Прямо с рогами.

– А вы его глотали? – спросил я.

– Выплюнули, – сказал Лусио, – и весь чертов мешок выкинули. Им обоим этот случай казался очень смешным. Элихио тем временем молчал. Он сидел с отсутствующим видом и даже не смеялся.

– А ты не хочешь попробовать, Элихио? – спросил я.

– Нет. Только не я. Даже за мотоцикл.

Лусио и Бениньо снова дико захохотали – их развеселил ответ Элихио.

– Но, по правде говоря, – продолжал он, – дон Хуан меня порядком озадачил. – Дед уже слишком стар, чтобы что-то знать, – убежденно заявил Лусио.

– Да, слишком стар, – словно эхо отозвался Бениньо. Я подумал, что их мнение о доне Хуане было инфантильным и необоснованным, и счел своим долгом вступиться. Я сказал, что дон Хуан, как и прежде, остается великим магом, может быть, величайшим из всех. В нем есть что-то необыкновенное, и я это чувствую. Я предложил им вспомнить, что ему уже далеко за семьдесят, но он энергичнее и сильнее всех нас вместе взятых, и сказал, что они сами могут в этом убедиться, проследив за ним.

– За дедом невозможно следить, – гордо объявил Лусио. – Ведь он – брухо.

Тогда я напомнил, как только что они заявляли, что он слишком

стар и выжил из ума. Я сказал, что, если человек не в себе, то ему не под силу контролировать ситуацию, а собранность и четкость действий дона Хуана меня каждый раз поражают.

– Никто не способен шпионить за брюхо, даже если тот стар, – авторитетно заявил Бениньо. – Хотя, когда он спит, на него все же можно напасть. Так поступили с Сэвикасом. Все устали от его черной магии и потому убили. Я попросил рассказать об этом подробнее, но они сказали, что это случилось давно, когда их еще не было на свете, или когда они были совсем маленькими. Элихио добавил, что многие до сих пор считают, что Сэвикас был просто дураком, потому что настоящему магу никто ничего сделать не в силах. Я попытался вытянуть из них еще что-нибудь о магах и магии, но эта тема была им не интересна. Вдобавок, им не терпелось отправиться пострелять из моего ружья двадцать второго калибра.

Мы молча продирались сквозь густой чаппараль. Спустя некоторое время Элихио, шедший первым, обернулся и сказал мне:

– Может, и правда, это мы – психи? И дон Хуан прав? Посмотри, как мы живем...

Лусио и Бениньо это не понравилось. Я стал на сторону Элихио, заявив, что тоже чувствую ущербность своего образа жизни.

Бениньо заметил, что мне жаловаться – грех: у меня есть деньги и машина. Я возразил, что у каждого из них есть хотя бы клочок земли, а у меня – нет. Они в один голос заявили, что земля принадлежит не им, а федеральному банку. Я сказал, что и машина – не моя, я только арендую ее у Калифорнийского банка, так что живу ничуть не лучше их, просто иначе. К тому времени мы уже забрались в самую чащобу.

Ни олени, ни дикие свиньи нам в этот раз так и не попались. Зато мы подстрелили трех кроликов. На обратном пути зашли к Лусио, и он объявил, что его жена собирается сделать из них жаркое.

Бениньо отправился в лавку за бутылкой текилы и лимонадом. Вернулся он вместе с доном Хуаном.

– Где это ты встретил деда? Он что, зашел в лавку за пивом? – со смехом спросил Лусио.

– Поскольку я не приглашен на вашу сходку, – сказал дон Хуан, – я только на минутку – узнать, собирается ли Карлос в Эрмосильо. Я сказал, что планирую выехать завтра. Пока мы говорили, Бениньо раздал бутылки с лимонадом. Элихио отдал свою бутылку

дону Хуану. У индейцев яки считается верхом невежества отказываться от того, что тебе дают. Даже из самых благородных побуждений. Поэтому дон Хуан спокойно взял бутылку. Я отдал свою Элихио, он тоже не мог отказаться. Бениньо, в свою очередь, отдал мне свою. Но Лусио, который заранее прикинул всю схему хороших манер индейцев яки, свой лимонад к этому моменту уже прикончил. Он повернулся к Бениньо, на лице которого застыло выражение сознания выполненного долга, и со смехом сказал:

– Тебя надули на бутылку!

Дон Хуан заявил, что вообще-то никогда не пьет лимонад, и сунул свою бутылку в руки Бениньо. Все уселись в тени рамады и замолчали.

Чувствовалось, что Элихио нервничает. Он теребил поля своей шляпы, а потом обратился к дону Хуану:

– Я думал о том, что ты рассказывал тогда вечером. Но как же все-таки может пейот изменить нашу жизнь? За счет чего? Дон Хуан не ответил. Какое-то мгновение он пристально смотрел на Элихио, а потом запел на языке яки. Это была даже не песня, а короткий речитатив. Все долго молчали. Я попросил дона Хуана перевести мне слова песни.

– Это – только для яки, – ответил он тоном, исключавшим всякую возможность дальнейших расспросов.

Мне стало досадно – он пел о чем-то очень важном, я чувствовал это, но поделать ничего не мог.

– Элихио – индеец. Как у всякого индейца, у него нет ничего. Ни у кого из нас нет ничего. Все, что ты видишь вокруг, принадлежит «йори». У яки есть только их гнев и то, что бесплатно дает им земля.

Какое-то время все молчали, а потом дон Хуан встал, и, попрощавшись, ушел. Мы смотрели ему вслед, пока он не свернул за угол. Всем было явно не по себе. Лусио растерянно объяснил, что дед ушел, потому что терпеть не может жаркое из кроликов. Элихио был погружен в какие-то свои мысли. Бениньо повернулся ко мне и громко сказал:

– Я думаю, Бог еще покарает и тебя, и дона Хуана за все ваши фокусы.

Лусио засмеялся. Бениньо – тоже, – Ты паясничаеть, Бениньо, – угрюмо произнес Элихио. – несешь бред, который ни черта не стоит.

15 сентября 1968

Была суббота, девять вечера. Дон Хуан сидел напротив Элихио посреди рамады дома Лусио. Между ними лежал мешок с пейотом. Дон Хуан раскачивался и пел. Лусио, Бениньо и я сидели метрах в трех позади Элихио, спинами прислонившись к стене. Сначала было совсем темно, так как до этого мы ждали дона Хуана в доме, освещенном керосиновой лампой. Потом он появился, велел нам выйти на рамаду и показал каждому, где разместиться. Спустя некоторое время глаза привыкли к темноте, и я смог как следует всех рассмотреть. Элихио был охвачен диким ужасом. Тело его тряслось, он стучал зубами и никак не мог взять себя в руки.

Голова подергивалась, спина то и дело спазматически выпрямлялась. Дон Хуан заговорил с ним. Он сказал, что бояться нечего, нужно довериться защитнику и ни о чем другом не думать. Спокойным, даже слегка небрежным движением он вытащил из мешка один бутон, протянул его Элихио и велел медленно жевать. Элихио по-щенячьи заскулил и выпрямился. Его дыхание участилось, грудная клетка заходила ходуном, как кузнечный мех. Он снял шляпу, вытер лоб и закрыл лицо ладонями. Мне показалось, что он плачет. Наступила длинная напряженная пауза, а потом он в какой-то степени овладел собой. Выпрямившись и продолжая держать одну руку возле лица, он протянул вторую за бутонем, взял его, положил в рот и начал медленно жевать.

Я почувствовал огромное облегчение. До этого момента я как-то не отдавал себе отчета, что боюсь, пожалуй, не меньше Элихио. Во рту появилась характерная сухость, вроде той, которую дает пейот. Я почувствовал напряжение. Дыхание участилось. По мере того, как ритм его возрастал, я начал непроизвольно постанывать.

Дон Хуан стал напевать громче. Потом он дал Элихио еще один бутон, а когда тот его прожевал, протянул ему какой-то сушеный плод и велел жевать так же медленно, как пейот. Несколько раз Элихио вставал и ходил в кусты. Один раз – попросил воды. Дон Хуан сказал, чтобы он не пил, а только прополоскал рот. Элихио сжевал еще два бутона, а потом дон Хуан дал ему сушеного мяса.

К тому времени я уже почти заболел от нетерпения. Вдруг Элихио опрокинулся вперед, ударившись о землю лбом. Он перекатился на левый бок и судорожно дернулся. Я посмотрел на часы. Двадцать минут двенадцатого. Больше часа Элихио катался по земле,

дергался и стонал.

Дон Хуан неподвижно сидел напротив. Его пейотные песни перешли в неясное бормотание. Бениньо, сидевший справа от меня, без особого внимания следил за происходящим. Лусио склонился на бок и храпел.

Элихио лежал на правом боку, свернувшись калачиком и зажав руки между ног. Неожиданно мощным рывком он перевернулся на спину и застыл со слегка согнутыми ногами. Левая рука начала очень свободно и грациозно двигаться вверх-вниз. Затем такие же движения стала совершать правая, и, наконец, обе руки вошли в единый ритм, поочередно мягко, медленно и плавно взлетая и опускаясь так, словно Элихио играл на невидимой арфе.

Постепенно движения ускорились. Предплечья заметно вибрировали, поднимаясь и опускаясь наподобие поршней. При этом кисти совершали плавные круговые движения в лучезапястных суставах, а пальцы сгибались и разгибались. Это было прекрасное, гармоничное и даже какое-то гипнотизирующее зрелище. Никогда до этого мне не приходилось сталкиваться со столь идеальным ритмом и несравненным мышечным контролем. Затем Элихио медленно поднялся, как бы цепляясь за некую обволакивающую его трясущееся тело силу. Он покачнулся, а потом рывком встал и выпрямился. Руки, туловище и ноги вздрагивали, как будто через них проходили импульсы электрического тока. Казалось, что ими движет какая-то сила, неподвластная воле Элихио.

Бормотание дон Хуана стало очень громким. Лусио и Бениньо проснулись и какое-то время равнодушно за всем этим наблюдали. Потом они снова заснули. Элихио, казалось, поднимается все выше и выше. Он явно куда-то взбирался. Он перебирал руками, как бы цепляясь за что-то, для меня невидимое, останавливался, чтобы перевести дух, и вновь пускался в путь.

Я хотел рассмотреть его глаза и попытался придвинуться поближе, но свирепый взгляд дон Хуана вернул меня на место.

Вдруг Элихио прыгнул. Это был решающий, грандиозный прыжок. Элихио достиг цели. Он всхлипывал, пытаясь отдышаться. Казалось, что он повис, вцепившись в какой-то выступ. Но что-то отталкивало его, и оно было сильнее. Элихио боролся изо всех сил и отчаянно цеплялся, но в конце концов хватка его ослабла, и он начал падать. Тело выгнулось назад, от

головы до кончиков пальцев ног по нему пробежала волна, движение было конвульсивным, но очень координированным и красивым. Оно повторилось раз сто, прежде чем Элихио мешком рухнул навзничь. Спустя некоторое время он вытянул руки перед собой, как бы от чего-то заслоняясь. Он лежал на животе, выпрямив ноги и приподняв их сантиметров на пятнадцать над полом. Поза была такой, словно он скользил или летел вперед с немыслимой скоростью. Голова до предела откинулась назад, сцепленными в замок руками он прикрывал глаза. Я почувствовал, как вокруг него свистит ветер, ахнул и невольно вскрикнул. Лусио и Бениньо проснулись и с любопытством посмотрели на Элихио. – Если ты пообещаешь, что привезешь мотоцикл, я буду жевать эту штуку прямо сейчас, – громко заявил Лусио.

Я посмотрел на дона Хуана. Тот отрицательно покачал головой. – Сукин сын! – буркнул Лусио и опять уснул.

Элихио встал и, сделав пару шагов по направлению ко мне, остановился. Он счастливо улыбался. Потом он начал насвистывать какую-то мелодию. Простую, всего лишь с парой повторявшихся переходов. Чистого звука не получалось, но гармония была. Спустя какое-то время свист стал отчетливей, а потом ясно вырисовалась и сама мелодия. Похоже было, что Элихио невнятно бормотал слова песни. Он повторял их несколько часов. Песня была очень простая, монотонная, с бесконечными повторами, но в то же время странно красивая.

Пока Элихио пел, он словно на что-то внимательно смотрел. Когда он оказался рядом со мной, я разглядел в полумраке его глаза – застывшие, как бы остекленевшие. Он улыбался, посмеивался, садился, снова вставал и начинал бродить вокруг со стонами и тяжкими вздохами.

Вдруг что-то толкнуло его в спину. Сила горизонтального толчка была такой огромной, что он колесом изогнулся назад. В какой-то момент его тело образовало почти замкнутое кольцо – он стоял на носках и касался руками земли. Потом мягко упал на спину и вытянулся во весь рост в странном оцепенении.

С минуту он стонал, что-то бормоча, а потом захрапел. Дон Хуан укрыл его пустыми мешками. Было уже утро – без двадцати шесть. Лусио и Бениньо спали, сидя у стены и склонившись головами друг к другу. Мы с доном Хуаном долго молчали. Он выглядел очень уставшим. Я нарушил молчание и спросил об Элихио. Он

ответил, что свидание Элихио с Мескалито было исключительно удачным; Мескалито при первой же встрече научил его песне, а это – редчайший случай.

Я спросил, почему он не разрешил Лусио попробовать за мотоцикл. Он сказал, что Мескалито мог убить Лусио, если бы тот осмелился приблизиться к нему с таким мотивом. Дон Хуан признался, что очень тщательно все подготовил, рассчитывая убедить своего внука. Решающее значение он придавал моей дружбе с Лусио. Дон Хуан сказал, что очень любит Лусио и беспокоится о его судьбе. Когда-то они жили вместе, и у него с внуком были очень теплые отношения. Но в семь лет Лусио смертельно заболел, и сын дона Хуана, ревностный католик, пообещал Святой Деве Гваделупской отдать мальчика в школу обрядовых танцев, если тот поправится. Лусио не умер, и его заставили выполнить обет отца. Проучившись всего неделю, мальчик решил нарушить клятву. Он думал, что в результате должен умереть, всячески изводил себя и целыми днями ждал смерти. Все смеялись над ним, и случай этот не забылся. Дон Хуан долго молчал, погрузившись в свои мысли.

– Я рассчитывал на Лусио, – сказал он, – а вместо него нашел Элихио. Я знал, что это – бесполезно, но если кого-то любишь, ты должен действовать настойчиво, с верой в то, что человека можно изменить. В детстве Лусио обладал мужеством, но с годами растерял его.

– А если его заколдовать?

– Заколдовать? Зачем?

– Чтобы вернуть ему мужество.

– Нет. Человека нельзя сделать мужественным. Можно сделать безвредным, больным, немым. Но никакая магия и никакие ухищрения не в силах превратить человека в воина. Чтобы стать воином, нужно быть кристально чистым. Как Элихио. Вот – человек мужества.

Элихио мирно похрапывал под мешками. Уже совсем рассвело. В пронзительной голубизне неба не было ни облачка.

– Что угодно отдам, только бы узнать, где был Элихио, – сказал я.

– Ты не возражаешь, если я спрошу его о ночном путешествии?

– Ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах ты не должен этого делать.

– Но почему? Я же рассказываю тебе обо всех своих переживаниях.

– Это – совсем другое. Ты не склонен держать все при себе. Элихио – индеец. Это путешествие – единственное, что у него есть. Жаль, конечно, что не Лусио...

– И что, ничего нельзя сделать, дон Хуан?

– Ничего. Невозможно вставить в медузу кости. Я поступал глупо. Появилось солнце, розово-оранжевым светом резанув по утомленным глазам.

– Тысячу раз ты говорил мне, дон Хуан, что маг не может делать глупостей. Вот уж не думал, что ты на это способен. Дон Хуан пронзительно взглянул на меня, встал и посмотрел на Элихио, потом перевел взгляд на Лусио и с улыбкой сказал:

– Можно проявлять настойчивость только для того, чтобы проявить ее должным образом. И действовать с полной отдачей, заведомо зная, что твои действия бесполезны. Это – контролируемая глупость мага.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 5

3 октября 1968 года я приехал к дону Хуану с одной-единственной целью – как можно подробнее расспросить его о посвящении Элихио. Чтобы ничего не упустить, я заранее составил список вопросов, постаравшись сформулировать их как можно тщательнее.

Начал я так:

– Дон Хуан, в ту ночь я *видел*?

– Почти. – А ты *видел*, что я *вижу* движения Элихио?

– Да. Я *видел*, что Мескалито позволил тебе *увидеть* часть урока, предназначенного Элихио. Иначе ты просто смотрел бы на человека, который сидит или лежит без движения. Ведь на последней митоте ты не заметил, чтобы кто-то из участников делал что-то особенное, правда?

Это было действительно так. Я сказал дону Хуану, что с уверенностью могу констатировать только одно – некоторые отлучались в кусты чаще остальных.

– Ты почти *видел* весь урок Элихио, – продолжал он. – Подумай об этом. Понимаешь, насколько благосклонен к тебе Мескалито? Я не знаю ни единого человека, с кем бы он так возился. Ни единого. А ты не обращаешь на его великодушие никакого внимания, более того – просто грубо отворачиваешься. Как так можно? За что ты его игнорируешь, демонстрируя ему свой зад?

Я почувствовал, что дон Хуан опять загоняет меня в угол. Мне все время казалось, что я бросил учиться, чтобы спастись. Не зная, что ответить и пытаясь изменить направление разговора, я пропустил все промежуточные вопросы и задал главный:

– Ты не мог бы подробнее остановиться на своей контролируемой глупости? – Что именно тебя интересует?

– Расскажи, пожалуйста, что это вообще такое – контролируемая глупость.

Дон Хуан громко рассмеялся и звучно хлопнул себя по ляжке сложенной лодочкой ладонью.

– Вот это и есть контролируемая глупость, – со смехом воскликнул

он, и хлопнул еще раз.

– Не понял...

– Я рад, что через столько лет ты, наконец, созрел и удосужился задать этот вопрос. В то же время, если б ты никогда этого не сделал, мне было бы все равно. Тем не менее, я выбрал радость, как будто меня в самом деле волнует, спросишь ты или нет. Словно для меня это важнее всего на свете. Понимаешь? Это и есть контролируемая глупость.

Мы оба расхохотались. Я обнял его за плечи. Объяснение показалось мне замечательным, хотя я так ничего и не понял. Как обычно, мы сидели на площадке возле дома. Солнце поднялось уже довольно высоко. На подстилке перед доном Хуаном лежала кучка каких-то семян, из которой он выбирал мусор. Я хотел помочь, но он не позволил, сказав, что эти семена – подарок для его друга, живущего в Центральной Мексике, и что я не обладаю достаточной силой, чтобы к ним прикасаться.

– По отношению к кому ты практикуешь контролируемую глупость, дон Хуан? – спросил я после продолжительной паузы. Он усмехнулся.

– По отношению ко всем.

– Хорошо, тогда давай иначе. Как ты выбираешь, когда следует практиковать контролируемую глупость, а когда – нет?

– Я практикую ее все время.

Тогда я спросил, значит ли это, что он никогда не действует искренне, и что все его поступки – лишь актерская игра.

– Мои поступки всегда искренни, – ответил дон Хуан. – И все же они – не более, чем актерская игра. – Но тогда все, что ты делаешь, должно быть контролируемой глупостью, – изумился я.

– Так и есть, – подтвердил он.

– Но этого не может быть! – возразил я. – Не могут все твои действия быть контролируемой глупостью.

– А почему бы и нет? – с загадочным видом спросил он.

– Это означало бы, что в действительности тебе ни до чего и ни до кого нет дела. Вот, я, например. Уж не хочешь ли ты сказать, что тебе безразлично, стану я человеком знания или нет, жив я или умер, и что вообще со мной происходит?

– Совершенно верно. Меня это абсолютно не интересует. И ты, и Лусио, и любой другой в моей жизни – не более, чем объекты для практики контролируемой глупости.

На меня нахлынуло какое-то особое ощущение пустоты. Было ясно, что у дона Хуана действительно нет никаких причин заботиться обо мне. С другой стороны, я почти не сомневался, что его интересую я лично. Иначе он не уделял бы мне столько внимания. А может быть, он сказал так потому, что я действую ему на нервы? В конце концов, у него были на то основания: я же отказался у него учиться.

— Я подозреваю, что мы говорим о разных вещах, — сказал я. — Не следовало брать меня в качестве примера. Я хотел сказать — должно же быть в мире хоть что-то, тебе небезразличное, что не было бы объектом для контролируемой глупости. Не представляю, как можно жить, когда ничто не имеет значения.

— Это было бы верно, если бы речь шла о *тебе*, — сказал он. — Происходящее в мире людей имеет значение для *тебя*. Но ты спрашивал обо мне, о *моей* контролируемой глупости. Я и ответил, что все мои действия по отношению к самому себе и к остальным людям — не более, чем контролируемая глупость, поскольку нет ничего, что имело бы для меня значение.

— Хорошо, но если для тебя больше ничто не имеет значения, то как же ты живешь, дон Хуан? Ведь это не жизнь.

Он засмеялся и какое-то время молчал, как бы прикидывая, стоит ли отвечать. Потом встал и направился за дом. Я поспешил за ним.

— Постой, но ведь я действительно хочу понять! Объясни мне, что ты имеешь в виду.

— Пожалуй, объяснения тут бесполезны. Это невозможно объяснить, — сказал он. — В твоей жизни есть важные вещи, которые имеют для тебя большое значение. Это относится и к большинству твоих действий. У меня — все иначе. Для меня больше нет ничего важного — ни вещей, ни событий, ни людей, ни явлений, ни действий — ничего. Но все-таки я продолжаю жить, потому что обладаю волей. Эта воля закалена всей моей жизнью и в результате стала целостной и совершенной. И теперь для меня не важно, имеет что-то значение или нет. Глупость моей жизни контролируется волей.

Он опустил на корточки и потрогал растения, которые сушились под солнцем на куске мешковины. Я был совершенно сбит с толку. После длительной паузы я сказал, что некоторые поступки наших ближних все же имеют решающее значение. Например, ядерная война. Трудно представить более яркий пример. Стереть с лица

земли жизнь – что может быть страшнее?

– Для тебя это так. Потому что ты думаешь, – сверкнув глазами, сказал дон Хуан. – Ты думаешь о жизни. Но не *видишь*.

– А если б *видел* – относился бы иначе? – осведомился я.

– Научившись *видеть*, человек обнаруживает, что одинок в мире. Больше нет никого и ничего, кроме той глупости, о которой мы говорим, – загадочно произнес дон Хуан.

Он помолчал, глядя на меня и как бы оценивая эффект своих слов.

– Твои действия, равно как и действия твоих ближних, имеют значение лишь постольку, поскольку ты научился думать, что они важны.

Слово «научился» он выделил какой-то странной интонацией. Я не мог не спросить, что он имеет в виду.

Дон Хуан перестал перебирать растения и посмотрел на меня. –

Сначала мы учимся обо всем думать, – сказал он, – А потом приучаем глаза смотреть на то, о чем думаем. Человек смотрит на себя и думает, что он очень важен. И начинает чувствовать себя важным. Но потом, научившись *видеть*, он осознает, что не может больше думать о том, на что смотрит. А когда он перестает думать о том, на что смотрит, все становится неважным.

Дон Хуан заметил выражение полнейшего недоумения на моем лице и повторил последнее утверждение трижды, как бы пытаясь заставить меня понять. Несмотря на это, сказанное им поначалу произвело на меня впечатление абсолютной бессмыслицы. Но после обдумывания я решил, что это была очень сложная формула, имеющая отношение к каким-то аспектам восприятия.

Я попытался сочинить вопрос, который внес бы ясность, но не мог собраться с мыслями. Внезапно я почувствовал полное изнеможение, и от четкости мышления не осталось и следа.

Дон Хуан, похоже, это заметил и мягко похлопал меня по плечу.

– Почистишь вот эти растения, а потом аккуратно покрошишь их сюда, – сказал он, протянув мне большой кувшин, и куда-то ушел.

Вернулся он через несколько часов. Уже наступил вечер. Давно справившись с растениями, я занимался своими записями, благо времени на это у меня было предостаточно. Я хотел задать ему несколько вопросов, но вместо ответа он сказал, что проголодался, развел огонь в глиняном очаге и поставил на него кастрюлю с бульоном. Пошарив по сумкам с продуктами, которые я привез, дон Хуан вытащил оттуда немного овощей, порезал их на мелкие

кусочки и бросил в кастрюлю. После этого он улегся на свою циновку, сбросил сандалии и попросил меня сесть поближе к очагу и следить за огнем.

Уже почти совсем стемнело. С места, где я сидел, была видна западная часть неба. Края некоторых плотных и почти черных посередине облаков были сильно изрезаны и подсвечены невидимым солнцем. Я хотел сказать дону Хуану, какое красивое сегодня небо, но он меня опередил.

– Рыхлые края и плотная середина, – сказал он, указывая на облака. Его замечание до того совпадало с фразой, которую я намеревался произнести, что я подскочил.

– Я как раз собирался тебе об этом сказать, – проговорил я.

– Один-ноль в мою пользу, – объявил он и засмеялся с детской непосредственностью.

Я спросил, как насчет того, чтобы ответить на вопросы.

– Что тебя интересует?

– Наша сегодняшняя беседа о контролируемой глупости сбила меня с толку, – сказал я, – Я действительно не могу понять, что ты имеешь в виду. – И не сможешь. Потому что ты пытаешься об этом думать, а мои слова никак не вяжутся с твоими мыслями.

– Я пытаюсь думать, – сказал я, – потому что для меня это единственная возможность понять. И все-таки, хочешь ли ты сказать, что как только человек начинает *видеть*, все в мире разом теряет ценность?

– Разве я говорил «теряет ценность»? Становится неважным, вот что я говорил. Все вещи и явления в мире равнозначны в том смысле, что они одинаково неважны. Вот, скажем, мои действия. Я не могу утверждать, что они – важнее, чем твои. Так же, как ни одна вещь не может быть важнее другой. Все явления, вещи, действия имеют одинаковое значение и поэтому не являются чем-то важным.

Тогда я спросил, не считает ли он, что *видение* «лучше», чем простое «смотрение на вещи». Он ответил, что глаза человека могут выполнять обе функции, и ни одна из них не лучше другой. Приучать же себя только к одному из этих способов восприятия – значит безосновательно ограничивать свои возможности. – Ага! Тогда твой смех – настоящий. Получается, что смех – это уже не контролируемая глупость.

Какое-то время он пристально смотрел на меня.

– Знаешь, я с тобой разговариваю отчасти потому, что ты даешь мне повод посмеяться, – произнес он. – В пустыне живут грызуны – крысы такие с пушистыми хвостами. Чтобы похозяйничать в запасах других грызунов, они засовывают в их норки свои хвосты. Те пугаются и убегают. Но в тот момент, когда крыса сидит, засунув в чужую норку хвост, ее очень легко поймать. Так и ты – ловишься на своих же вопросах. Не пора ли выбираться? Ведь эти крысы иногда остаются без хвоста, спасая свою шкуру.

Его сравнение рассмешило меня. Когда-то дон Хуан показывал мне этих зверьков с пушистыми хвостами. Они были похожи на маленьких жирных белок. Я представил себе одну из таких крыс с оторванным хвостом. Картинка получилась грустной и в то же время очень забавной.

– Мой смех – самый что ни на есть настоящий, – сказал дон Хуан. – Впрочем, как и все, что я делаю. Но он же – контролируемая глупость, поскольку бесполезен. Он ничего не меняет, но, тем не менее, я смеюсь.

– Но, насколько я понимаю, дон Хуан, твой смех не бесполезен. Он делает тебя счастливым. – Нет. Я счастлив оттого, что смотрю на вещи, делающие меня счастливым, а потом уже глаза схватывают их забавные стороны, и я смеюсь. Я говорил тебе это много раз. Чтобы быть на высоте, всегда нужно выбирать путь, подсказанный сердцем. Может быть, для кого-то это будет означать всегда смеяться.

Я решил, что он имеет в виду противоположность смеха и плача, или хотя бы то, что плач – это действие, которое нас ослабляет. Но дон Хуан заявил, что никакого принципиального различия нет. Просто ему лично больше подходит смех, потому что когда он смеется, тело его чувствует себя лучше, чем когда он плачет. Тогда я заметил, что равнозначности здесь все же нет, поскольку есть предпочтение. Если он предпочитает смеяться, а не плакать, то смех – важнее. Но он упрямо твердил, что его предпочтение ничего не значит; они равноценны. Я заявил, что, доводя наш спор до логического конца, можно сказать: «Если все равнозначно, то почему бы не выбрать смерть?»

– Иногда человек знания так и поступает, – сказал дон Хуан. – И однажды он может просто исчезнуть. В таких случаях люди обычно думают, что его за что-то убили. А он просто выбрал смерть, потому что для него это не имело значения. Я выбрал

жизнь. И смех. Причем вовсе не оттого, что это важно, а потому, что такова склонность моей натуры. Я говорю «выбрал», потому что *вижу*. Но на самом деле выбрал не я. Моя воля заставляет меня жить вопреки тому, что я *вижу* в мире. Ты сейчас не можешь меня понять из-за своей привычки думать так, как ты смотришь. Последняя фраза меня заинтриговала. Я спросил, что он имеет в виду.

Дон Хуан несколько раз дословно повторил ее, а потом объяснил, что, говоря «думать», имеет в виду устойчивые постоянные понятия, которые есть у нас обо всем в мире. Он сказал, что *видение* избавляет от привычки к ним. Но пока я не научусь *видеть*, мне не удастся понять, о чем идет речь. – Но если ничто не имеет значения, дон Хуан, то с какой стати должно иметь значение – научусь я *видеть* или нет?

– Я уже говорил тебе, что наша судьба как людей – учиться, для добра или зла. Я научился *видеть*, и говорю, что нет ничего, что имело бы значение. Теперь – твоя очередь. Вполне вероятно, что в один прекрасный день ты научишься *видеть*, и тогда сам узнаешь, что имеет значение, а что – нет. Для меня нет ничего, имеющего значение, но для тебя, возможно, значительным будет все. Сейчас ты должен понять: человек знания живет действием, а не мыслью о действии. Он выбирает путь сердца и следует по этому пути. Когда он смотрит, он радуется и смеется; когда он *видит*, он знает. Он знает, что жизнь его закончится очень скоро: он знает, что он, как любой другой, не идет никуда: и он знает, что все равнозначно. У него нет ни чести, ни достоинства, ни семьи, ни имени, ни родины. Есть только жизнь, которую нужно прожить. В таких условиях контролируемая глупость – единственное, что может связывать его с ближними. Поэтому он действует, потеет и отдувается. И взглянув на него, любой увидит обычного человека, живущего так же, как все. Разница лишь в том, что глупость его жизни находится под контролем. Ничто не имеет особого значения, поэтому человек знания просто выбирает какой-то поступок и совершает его. Но совершает так, словно это имеет значение. Контролируемая глупость заставляет его говорить, что его действия очень важны, и поступать соответственно. В то же время он прекрасно понимает, что все это не имеет значения. Так что, прекращая действовать, человек знания возвращается в состояние покоя и равновесия. Хорошим было его действие или плохим, удалось ли его

завершить – до этого ему нет никакого дела.

С другой стороны, человек знания может вообще не совершать никаких поступков. Тогда он ведет себя так, словно эта отстраненность имеет для него значение. Так тоже можно, потому что и это будет контролируемая глупость.

В длинных и путаных выражениях я попытался объяснить дону Хуану, что меня интересуют мотивы, заставляющие человека знания действовать определенным образом вопреки пониманию того, что ничто не имеет значения. Усмехнувшись, он ответил: – Ты думаешь о своих действиях, поэтому тебе необходимо верить, что действия эти важны настолько, насколько ты их таковыми считаешь. Но в действительности из всего, что человек делает, нет ничего, что имело бы значение. Ничего! Но как тогда я могу жить? Ведь ты об этом спрашивал? Проще было бы умереть; ты так говоришь и считаешь, потому что думаешь о жизни. Как, например, думаешь сейчас, на что похоже *видение*. Ты требуешь от меня описания. Такого, которое позволило бы тебе об этом думать, как ты думаешь обо всем остальном. Но в случае *видения* думать вообще невозможно. Поэтому мне никогда не удастся объяснить тебе, что это такое. Теперь по поводу моей контролируемой глупости. Ты хочешь услышать о причинах, которые побуждают меня действовать именно так, но я могу сказать лишь одно – контролируемая глупость очень похожа на *видение*. Ни о том, ни о другом думать невозможно.

Дон Хуан зевнул, лег на спину и потянулся, хрустнув суставами. – Ты слишком долго отсутствовал, – сказал он, – и ты слишком много думаешь.

Он встал и направился в густой чаппараль за домом. Я остался сидеть у огня, подбрасывая хворост, чтобы варево в кастрюле кипело. Хотел было зажечь керосиновую лампу, но сумерки были очень успокаивающими. Света от огня в очаге было достаточно, чтобы писать. Красноватые отблески ложились повсюду. Я положил блокнот на землю и лег рядом. Я устал. Из всего нашего разговора в голове осталось только одно – дону Хуану нет до меня никакого дела. Это не давало мне покоя. Столько лет я ему верил! Если б не эта вера, меня давно бы уже парализовало от страха при встрече с тем, чему он меня учил. В основе этой веры была твердая убежденность в том, что дон Хуан заботится лично обо мне. По большому счету я всегда его побаивался, но страх этот мне

удавалось подавлять благодаря глубокой вере. Теперь он сам полностью разрушил основу, на которой строилось мое к нему отношение. Мне не на что было опереться. Я чувствовал себя совершенно беспомощным.

Меня охватило какое-то странное беспокойство. Я вскочил и начал возбужденно ходить возле очага. Дон Хуан все не приходил, и я с нетерпением ожидал его возвращения.

Наконец он появился и уселся возле огня. Я выложил ему все о своих страхах: и то, что не могу менять направление, добравшись до середины потока; и то, что вера в него для меня неотделима от уважения к его образу жизни, который по своей сути рациональнее, вернее, целесообразнее моего; и то, что он загнал меня в угол, ввергнув в ужасающий конфликт, потому что его слова заставляют в корне изменить мое отношение и к нему, и ко всему, что с ним связано. В качестве примера я рассказал дону Хуану одну историю о старом американце, очень образованном и богатом юристе, консерваторе по убеждениям. Этот человек всю жизнь свято верил, что борется за правое дело. В тридцатые годы, когда администрацией Рузвельта были разработаны и начали претворяться в жизнь кардинальные меры по оздоровлению американской экономики, так называемый «новый подход», он оказался полностью втянутым в политическое противостояние. Он был убежден, что перемены приведут к развалу государства. Отстаивая привычный образ жизни и будучи убежденным в своей правоте, этот человек яростно ринулся в самую гущу борьбы с тем, что он считал политическим злом. Однако время перемен уже наступило, и волна новых политических и экономических реалий опрокинула его. Десять лет он боролся как на политической арене, так и в личной жизни, но вторая мировая война добила его окончательно и в политическом, и в идеологическом отношении. С чувством горечи он ушел от дел и забрался в глушь, добровольно обрекая себя на ссылку. Когда я познакомился с ним, ему было уже восемьдесят четыре, он вернулся в родной город, чтобы дожить оставшиеся годы в доме престарелых. Мне было непонятно, что он жил так долго, учитывая испытываемые на протяжении десятилетий горечь и жалость к себе. Я ему чем-то понравился, и мы часто и подолгу беседовали. Заканчивая разговор, который состоялся у нас перед моим отъездом в Мексику, он сказал: – У меня было достаточно

времени, чтобы оглянуться назад и разобраться в происходившем. Главные события моей жизни уже давно стали историей, причем далеко не лучшими ее эпизодами. И возможно, что я потратил годы своей жизни в погоне за тем, чего просто не существовало. В последнее время я чувствую, что верил в какой-то фарс. Ради этого не стоило жить. Теперь-то я это знаю. Но потерянных сорока лет уже не вернуть...

о Я сказал дону Хуану, что причиной моего внутреннего конфликта были его слова о контролируемой глупости.

– Если нет ничего, что имело бы значение, – рассуждал я, – то тогда, став человеком знания, неизбежно придешь к такой же опустошенности, как этот старик, и окажешься не в лучшем положении.

– Это не так, – возразил дон Хуан. – Твой знакомый одинок, потому что так и умрет, не умея *видеть*. В своей жизни он просто состарился, и сейчас у него больше оснований для жалости к себе, чем когда бы то ни было. Он чувствует, что потеряно сорок лет, потому что он жаждал побед, но потерпел поражение. Он так никогда и не узнает, что быть победителем и быть побежденным – одно и то же.

Теперь ты боишься меня, потому что я сказал тебе, что ты равнозначен всему остальному. Ты впадаешь в детство. Наша судьба как людей – учиться, и идти к знанию следует так, как идут на войну. Я говорил тебе об этом много раз. К знанию или на войну идут со страхом, с уважением, с осознанием того, куда идут, и с абсолютной уверенностью в себе. В себя ты должен верить, а не в меня!

Ты боишься пустоты, в которую превратилась жизнь твоего знакомого? Но в жизни человека знания не может быть пустоты. Его жизнь заполнена до краев.

Дон Хуан встал и вытянул перед собой руки, как бы ощупывая что-то в воздухе.

– Все заполнено до краев, – повторил он, – и все равнозначно. Я не похож на твоего знакомого, который просто состарился. И, утверждая, что ничто не имеет значения, я говорю совсем не о том, что имеет в виду он. Для него его борьба не стоила усилий, потому что он потерпел поражение. Для меня нет ни побед, ни поражений, ни пустоты. Все заполнено до краев и все равно, и моя борьба стоила моих усилий.

Чтобы стать человеком знания, нужно быть воином, а не ноющим ребенком. Бороться не сдаваясь, не жалуясь, не отступая, бороться до тех пор, пока не *увидишь*. И все это лишь для того, чтобы понять, что в мире нет ничего, что имело бы значение.

Дон Хуан помешал содержимое кастрюли деревянной ложкой. Суп был готов. Он снял кастрюлю с огня и поставил на прямоугольное кирпичное сооружение возле стены, которым пользовался как столом и полкой, и ногой придвинул к столу два низких ящика, служивших стульями. Сидеть на них было довольно удобно, особенно если прислониться спиной к вертикальным брускам стены. Налив мне полную миску, дон Хуан знаком пригласил меня к столу. Он улыбался, глаза его сияли, словно мое присутствие доставляло ему море радости. Аккуратным движением он пододвинул мне миску. В том, как он это сделал, было столько тепла и доброты, что я воспринял этот жест как предложение восстановить свою веру в него. Я почувствовал себя идиотом и, чтобы как-то развеять это ощущение, начал разыскивать свою ложку. Ее нигде не было. Суп был слишком горячим, чтобы пить прямо из миски, и, пока он остывал, я спросил у дон Хуана, означает ли контролируемая глупость то, что человек знания никого не может любить.

Дон Хуан перестал есть и расхохотался.

– Ты слишком озабочен тем, чтобы любить людей, и тем, чтобы тебя любили. Человек знания любит, и все. Он любит всех, кто ему нравится, и все, что ему по душе, но он использует свою контролируемую глупость, чтобы не заботиться об этом. Что полностью противоположно тому, чем сейчас занимаешься ты. Любить людей или быть любимым ими – это еще далеко не все, что доступно человеку.

Он посмотрел на меня, слегка склонив голову набок, и добавил:

– Подумай об этом. – Дон Хуан, есть еще один момент, о котором я хотел бы спросить. По твоим словам, для того, чтобы смеяться, нужно смотреть глазами; но мне кажется, что мы смеемся потому, что думаем. Возьми слепого – он тоже смеется.

– Нет. Слепые не смеются. Они могут производить звуки, похожие на смех, и тела их при этом будут вздрагивать, как при смехе. Но они никогда не смотрели на смешные стороны мира, им приходится их воображать. Поэтому по-настоящему хохотать слепые не могут.

Больше мы не разговаривали. Я чувствовал себя счастливым. Сначала мы ели молча; а потом дон Хуан начал смеяться – я использовал сухой прутик, чтобы подносить овощи ко рту.

4 октября 1968

Сегодня днем, выбрав время, я спросил дона Хуана, не будет ли он возражать, если мы немного поговорим о *видении*. Он сначала вроде согласился, но потом, усмехнувшись, сказал, что я вновь взялся за свое – пытаюсь подменить разговорами действие.

– Если ты хочешь *видеть*, ты должен позволить дымку вести себя, – сказал он с ударением. – Разговаривать же об этом я не желаю.

Я помогал ему очищать какие-то сухие растения. Довольно долго мы работали в полном молчании. От долгого молчания мне всегда становилось не по себе, особенно в присутствии дона Хуана.

Наконец я не выдержал и задал вопрос, вырвавшийся у меня чуть ли не самопроизвольно:

– Как человек знания применяет контролируемую глупость, если умирает тот, кого он любит?

Вопрос застал дона Хуана врасплох. Он удивленно взглянул на меня.

– Возьмем Лусио, – развил я свою мысль. – Если он будет умирать, останутся ли твои действия контролируемой глупостью? – Давай лучше возьмем моего сына Эуалио. Это – более подходящий пример, – спокойно ответил дон Хуан. – На него свалился обломок скалы, когда мы работали на строительстве Панамериканской магистрали. То, что я делал, когда он умирал, было контролируемой глупостью. Подойдя к месту обвала, я понял, что он уже практически мертв. Но он был очень силен, поэтому тело еще продолжало двигаться и биться в конвульсиях. Я остановился перед ним и сказал парням из дорожной бригады, чтобы они его не трогали. Они послушались и стояли вокруг, глядя на изуродованное тело. Я стоял рядом, но не смотрел, а сдвинул восприятие в положение *видения*. Я *видел*, как распадается его жизнь, расплываясь во все стороны подобно туману из мерцающих кристаллов. Именно так она обычно разрушается и испаряется, смешиваясь со смертью. Вот что я сделал, когда умирал мой сын. Это – единственное, что вообще можно сделать в подобном случае. Если бы я смотрел на то, как становится неподвижным его тело, то меня бы изнутри раздирали горестный крик, поскольку я бы чувствовал, что никогда больше не буду смотреть, как он,

красивый и сильный, ступает по этой земле.

Но я выбрал *видение*. Я *видел* его смерть, и в этом не было печали, не было вообще никакого чувства. Его смерть была равнозначна всему остальному.

Дон Хуан замолчал: он казался печальным. Вдруг он улыбнулся и потрепал меня по затылку.

– Другими словами, когда умирает тот, кого я люблю, моя контролируемая глупость заключается в смещении восприятия, – сказал он.

Я вспомнил тех, кого любил сам, и сердце защемило от приступа жалости к себе.

– Счастливый ты, дон Хуан. Умеешь сдвигать восприятие. А я могу только смотреть...

Мои слова его рассмешили.

– Счастливый... Осел! – произнес он. – Это – тяжкий труд.

Мы засмеялись. После длительной паузы я снова начал его расспрашивать, видимо для того, чтобы развеять собственную печаль.

– Дон Хуан, если я правильно понимаю, в жизни человека знания контролируемой глупостью не являются только действия в отношении союзников и Мескалито? Верно?

– Верно, – кивнул он. – Союзники и Мескалито – существа совершенно иного плана. Моя контролируемая глупость распространяется только на меня и на мои действия по отношению к людям.

– Да, но логически можно предположить, что человек знания мог бы рассматривать как контролируемую глупость также и свои действия в отношении союзников и Мескалито, не так ли?

Какое-то время он молча смотрел на меня.

– Снова ты начинаешь думать. Человек знания не думает, поэтому возможность такого логического предположения для него исключена. Возьмем, к примеру, меня. Я говорю, что практикую контролируемую глупость по отношению к людям, и говорю так потому, что способен их *видеть*. Однако я не могу *увидеть*, что скрывается за союзником, поэтому он для меня непостижим. Как, скажи на милость, могу я контролировать свою глупость, сталкиваясь с тем, чего не понимаю? По отношению к союзнику и Мескалито я всего лишь человек, который знает как *видеть*, человек, который поражен тем, что он *видит*; человек, которому

никогда не будет дано постичь все, что его окружает. Теперь возьмем, к примеру, тебя. Мне безразлично, станешь ты человеком знания или нет, а Мескалито это почему-то не безразлично. Ясно, что для него это имеет какое-то значение, иначе он не стал бы столько раз и так явно демонстрировать свою заинтересованность в тебе. Он позволил мне это заметить, и я иду ему навстречу хотя причины, заставляющие Мескалито действовать таким образом, для меня непостижимы.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 6

5 октября 1968

Мы с доном Хуаном садились в машину, собираясь ехать в Центральную Мексику. Неожиданно он меня остановил. – Я уже не раз говорил тебе, что нельзя раскрывать настоящих имен магов и рассказывать, где они живут. Думаю, ты понял, что мое истинное имя и место, в котором находится мое тело, всегда должны оставаться в тайне. Сейчас я хочу попросить тебя о том же в отношении моего друга. Ты будешь называть его Хенаро. Сейчас мы поедem к нему и немного у него погостим.

Я заверил дон Хуана, что никогда не нарушал этого условия. – Я знаю, – сказал он по-прежнему серьезно. – Но меня беспокоит то, что временами ты становишься рассеянным и очень уж беспечным.

Я было запротестовал, но дон Хуан сказал, что хотел только напомнить мне о том, что неосторожность в магии – это игра со смертью, бесчувственной и готовой в любой момент стереть с лица земли совершившего ошибку. Но внимательность и осознание каждого шага могут предотвратить такой исход.

– Больше мы к этому возвращаться не будем, – сказал он. – Как только мы отъедем от моего дома – ни слови о Хенаро, более того – ни одной мысли о нем. А сейчас – приведи, пожалуйста, свои мысли в порядок. Когда ты с ним встретишься, тебе нужно будет отбросить все сомнения и стать чистым.

– О каких сомнениях ты говоришь, дон Хуан?

– О любых. К моменту встречи ты должен быть кристально чист.

Он *увидит* тебя.

Его странные предостережения сильно меня обеспокоили. Я заметил, что, может быть, мне вообще не стоит знакомиться с его другом. Я мог бы просто отвезти дон Хуана туда и посадить где-то неподалеку от его дома.

– Я лишь предупредил тебя, – сказал дон Хуан. – Ты уже однажды познакомился с магом, и он чуть не убил тебя. Я имею в виду Висенте. Так что в этот раз будь осторожней. Приехав в один из

городков Центральной Мексики, мы оставили машину на стоянке и пешком отправились в горы, туда, где жил друг дон Хуана. Переход занял два дня. Наконец, показалась маленькая хижина, прилепившаяся к склону горы. Хозяин стоял в дверях, словно ожидая нас. Я сразу же его узнал – мы, оказывается, уже встречались, правда, мимоходом, в тот день, когда я привез дону Хуану свою книгу. Тогда я не обратил на него особого внимания. Мне казалось, что он примерно одного возраста с доном Хуаном. Однако сейчас, когда он стоял в дверях, я заметил, что он значительно моложе – где-то чуть больше шестидесяти. Он был ниже дон Хуана ростом, тоньше, очень жилистый и темнокожий. Довольно длинные и очень густые черные с проседью волосы закрывали уши и лоб. Выражение округлого лица было жестким. Длинный нос и маленькие темные глаза придавали ему сходство с какой-то хищной птицей.

Сначала он обратился к дону Хуану. Тот утвердительно кивнул. Они перекинулись несколькими фразами, но говорили не по-испански, так что я ничего не понял. Потом дон Хенаро обратился ко мне. – Добро пожаловать в мою скромную маленькую лачугу, – извиняющимся тоном произнес он по-испански.

Это была стандартная вежливая формула, которую мне неоднократно доводилось слышать в сельских районах Мексики. Но произнося ее, он без видимой причины засмеялся так радостно, что я понял – это его контролируемая глупость. Ему было в высшей степени безразлично, что дом его – лачуга. Мне дон Хенаро очень понравился.

Первых два дня мы бродили по горам, собирая растения. Отправлялись мы на рассвете. Старики уходили вдвоем – у них в горах было какое-то особое место, – а меня оставляли в лесу. Чувствовал я себя там замечательно. Время пробегало незаметно, одиночество меня ничуть не угнетало. Оба дня я находился в состоянии удивительной собранности. Мне удалось добиться необычайной для себя сосредоточенности на поиске определенных видов растений, которые поручил мне собирать дон Хуан. Возвращались мы поздно вечером. Я так устал, что засыпал практически мгновенно.

Но на третий день мы работали вместе. Дон Хуан попросил дон Хенаро научить меня собирать некоторые растения. Вернулись мы к полудню; оба старика усадились перед домом и неподвижно

просидели несколько часов, словно в трансе. Но они не спали. Я дважды проходил перед ними, и оба раза они провожали меня глазами.

— Прежде чем сорвать растение, с ним нужно поговорить, — сказал дон Хуан. Он произнес это очень размеренно и трижды повторил, как будто пытаюсь завладеть моим вниманием. До этого никто не произнес ни слова.

— Чтобы *увидеть* растения, с ними нужно разговаривать, — продолжал он. — И с каждым из них необходимо познакомиться. Тогда они расскажут все, что ты захочешь о них узнать.

Вечерело. Дон Хуан сидел на плоском камне, лицом на запад — в сторону гор, дон Хенаро — рядом с ним на соломенной циновке, лицом на север. В первый же день после нашего приезда дон Хуан объяснил мне, что это — «их положения», и что мне следует садиться на землю в любом месте напротив них. Еще он добавил, что когда мы втроем сидим в «своих положениях», я должен располагаться лицом на юго-восток, и на них не смотреть, а только изредка поглядывать.

— Да, именно так обстоит дело с растениями, верно я говорю? — дон Хуан повернулся к дону Хенаро, и тот ответил утвердительным кивком.

Я сказал, что не выполняю его указаний насчет разговоров с растениями, так как, занимаясь этим, я чувствую себя глупо.

— Ты не понял. Маги не шутят, — сурово произнес дон Хуан. — Попытка мага *видеть* — это попытка овладеть силой.

Дон Хенаро с недоумением уставился на меня: его, видимо, сбивало с толку то, что я непрерывно пишу. Улыбнувшись мне, он тряхнул головой и что-то сказал дону Хуану. Дон Хуан пожал плечами. Дону Хенаро непрерывно пишущий ученик мага, должно быть, казался явлением весьма странным, по крайней мере, смотреть на это без смеха он не мог. Дон Хуан уже давно привык к тому, что я постоянно что-то записываю, и не обращал на это никакого внимания, продолжая говорить как ни в чем не бывало. Однако реакция дон Хенаро несколько нарушала общий настрой беседы, поэтому я отложил блокнот. Дон Хуан еще раз подчеркнул, что маги не шутят, поскольку для них каждый поворот пути — это игра со смертью. Потом он рассказал дону Хенаро об огнях смерти, которые я видел ночью за спиной на шоссе среди пустынных холмов. В этой истории, видимо, было что-

то очень смешное – дон Хенаро от хохота буквально катался по земле.

Дон Хуан извинился передо мной, сказав, что его друг бывает подвержен приступам смеха. Я взглянул на дону Хенаро, ожидая увидеть его все еще катающимся по земле, но взору моему предстало нечто такое, что я невольно подскочил от изумления. Это было немыслимо и даже противоестественно – он стоял на голове без помощи рук. Ноги его при этом были спокойно сложены крест-накрест, как он их складывал, сидя на своей циновке. Но когда до меня, наконец, дошло, что с точки зрения законов механики человеческого тела дон Хенаро проделал нечто попросту невозможное, тот уже снова как ни в чем не бывало сидел в исходном положении. Дон Хуан, похоже, был в курсе происходящего, потому что приветствовал поразительный трюк своего друга взрывом раскатистого хохота.

Дон Хенаро вроде бы заметил, что я потрясен. Он похлопал в ладоши, приглашая меня следить за тем, что делает, и снова начал кататься по земле. Теперь я заметил, что в действительности он не катался по земле, а раскачивался из стороны в сторону, постепенно увеличивая амплитуду этих маятникообразных движений. В конце концов крутящий момент становишься достаточным для того, чтобы тело, перевернувшись, оказывалось в том противоестественном положении, которое я видел, и несколько мгновений дон Хенаро «сидел на собственной голове».

Когда они успокоились и перестали хохотать, дон Хуан продолжил. Тон его был очень суровым. Я немного подвинулся, сев поудобнее, чтобы не отвлекаться и полностью сосредоточиться на его словах. Обычно он говорил с улыбкой, особенно тогда, когда я слушал очень внимательно. Но сейчас улыбки не было.

Дон Хенаро смотрел на меня, как бы ожидая, что я вот-вот возьмусь за карандаш. Но я решил больше не записывать. Дон Хуан устроил мне форменный разнос за то, что я не разговариваю с растениями, которые собираю, хотя он и велел мне это делать. Он говорил, что убитые мною растения вполне могли бы прикончить меня и что рано или поздно я неизбежно заболею из-за того, что обошелся с ними без должного уважения.

– Правда, ты никогда не согласишься с тем, что твоя болезнь – следствие неправильного обращения с растениями, – сказал дон Хуан, – и наверняка предпочтешь считать ее гриппом.

Они снова засмеялись, а потом дон Хуан очень серьезно и очень жестко добавил, что если не думать о своей смерти, то жизнь так и останется не более, чем личным хаосом.

– Что вообще может быть у человека, кроме его жизни и смерти? – задал он мне риторический вопрос.

Я почувствовал, что нужно записывать, и снова взялся за блокнот. Дон Хенаро уставился на меня, улыбаясь во весь рот. Потом он склонил голову набок и раздул ноздри. Мимикой он владел в совершенстве – ноздри увеличились в диаметре чуть ли не вдвое. Но комичнее всего были не жесты дона Хенаро, а его собственная реакция на них. Раздув ноздри, он наклонился и снова встал в свою фантастическую стойку на голове.

Дон Хуан хохотал до слез. Я почувствовал раздражение и нервно засмеялся.

– Хенаро не любит, когда пишут, – объяснил дон Хуан.

Я отложил блокнот, но дон Хенаро заверил меня, что все нормально и он нисколько не возражает. Я снова взял блокнот и начал писать. Дон Хенаро повторил представление, и они опять хохотали до упаду.

Все еще смеясь, дон Хуан сказал, что его друг изображает меня – когда я пишу, то раздуваю ноздри. А по мнению дона Хенаро, пытаться стать магом, записывая поучения, – такое же трудное и нелепое занятие, как сидение на голове.

– Как это ни смешно, но вы с Хенаро очень похожи, – сказал дон Хуан. – Кроме него, никто не умеет так «сидеть на голове», а ты единственный, кто думает, что можно стать магом, записывая в блокнот поучения. Они снова засмеялись, и дон Хенаро опять повторил свой невероятный трюк: Этот человек мне определенно нравился. В его движениях были непревзойденная грация и точность.

– Прошу прощения, дон Хенаро, – сказал я, указывая на блокнот.

– Все о'кей, – усмехнулся он.

Больше записывать я не решался. Они долго говорили о способности растений убивать и об использовании магами этого свойства. Все время оба пристально смотрели на меня, как бы ожидая, что я начну записывать.

– Карлос у нас – как необъезженная лошадка. С ним нужно обращаться деликатно. Видишь, Хенаро, ты испугал его, и теперь он не может писать.

Дон Хенаро раздул ноздри, вытянул губы и сказал: – Ну что ты, Карлитос, пиши. Пиши, дорогой! Пока пальцы не отвалятся.

Дон Хуан встал и потянулся всем телом, подняв руки и выгнув спину. Несмотря на возраст, тело его выглядело очень сильным и гибким. Он ушел в кусты за дом, и я остался наедине с доном Хенаро. Тот посмотрел на меня. Я почувствовал смущение и отвел взгляд.

– Ах, и глядеть в мою сторону не хочет, – сказал он шутовским тоном.

Он снова раздул ноздри и сделал так, что они задрожали. Потом встал и, повторяя движение дона Хуана, потянулся, выгнув спину и подняв руки. Тело его при этом невероятным образом изогнулось и приняло совершенно немыслимое положение. В этом движении странным образом сочетались грация, гармония и какая-то шутовская нелепость – это была мастерски исполненная пародия на дона Хуана.

Как раз в этот момент дон Хуан появился из-за дома, заметил эту сцену, явно уловив ее значение, и с усмешкой сел на свое место.

– Куда дует ветер? – многозначительно спросил дон Хенаро.

Дон Хуан кивнул в сторону запада. – Ага... Схожу-ка я туда, куда ветер дует, – очень серьезно произнес дон Хенаро. Повернувшись, он погрозил мне пальцем:

– Не пугайся, если вдруг услышишь странные звуки. Запомни, Хенаро срет – земля дрожит!

Одним прыжком он скрылся в кустах, и спустя несколько мгновений я услышал странный звук – глубокий неземной грохот. Не зная что и думать, я взглянул на дона Хуана. Но тот катался по земле, корчась от хохота.

17 октября 1968

Не помню уже, по какому поводу дон Хенаро пустился в объяснение устройства того, что он называл «другим миром». Он сказал, что по-настоящему великий маг – это орел, вернее, он может превращаться в орла. Черный маг – «теколот», то есть сова. Он – порождение ночи, поэтому ему наиболее подходят горный лев и другие дикие кошки, а также ночные птицы, и в особенности – сова. «Брухос лирикос» – лирические маги, то есть маги-дилетанты, предпочитают других животных, например, ворону. Дон Хуан засмеялся.

Дон Хенаро повернулся к нему и сказал:

– Правда, Хуан, ты же сам знаешь...

Потом он объяснил, что маг может взять своего ученика с собой в путешествие сквозь десять слоев другого мира. Маг, если он действительно орел, начинает с самого нижнего слоя и последовательно проходит все десять до самого верха. Черные маги и дилетанты способны с огромным трудом добраться лишь до третьего снизу.

Дон Хенаро описал прохождение слоев другого мира так:

– Ты – в самом низу. Вот учитель берет тебя в полет, и скоро – бах – пролетаешь первый слой. Потом – бах – пролетаешь второй. Бах – третий...

Он методически «бахнул» десять раз, проведя меня таким образом сквозь все слои. Когда он закончил, дон Хуан посмотрел на меня и сочувственно улыбнулся.

– Разговоры не являются предрасположенностью Хенаро, но, если ты не против, он может преподать тебе практический урок равновесия. Дон Хенаро важно кивнул, подтверждая его слова. При этом он слегка выпятил губы и прикрыл глаза. Мне его жест показался замечательным.

Дон Хенаро встал, дон Хуан – тоже.

– Ладно, – сказал дон Хенаро. – Тогда поехали. Заскочим только за Нестором и Паблито. Они уже дома. По вторникам они освобождаются рано.

Они сели в машину, дон Хуан – на переднее сиденье. Ничего не спрашивая, я завел мотор. Дон Хуан показывал дорогу к дому Нестора. Когда мы приехали, дон Хенаро зашел в дом и через несколько минут вышел с Нестором и Паблито – своими молодыми учениками. Все сели в машину, и дон Хуан велел ехать на запад – в горы.

Я оставил машину на обочине грунтовой дороги. С этого места был виден водопад; к нему мы и направились вдоль речушки шириной метров пять-семь. Близился вечер. Окрестности впечатляли. Прямо над нами висела огромная, темная с синевой туча. Она была похожа на подвешенную в пространстве крышу с четко очерченным полукруглым краем. На западе – над склонами высоких гор Центральных Кордильер – шел дождь. Он был подобен белесому занавесу, ниспадавшему на сине-зеленые вершины. К востоку от нас лежала глубокая длинная долина, освещенная солнцем. Над ней виднелись только рваные клочья

облаков. Резкий контраст поражал воображение. Мы остановились у подножия водопада. Высотой он был метров пятьдесят. Рев воды был оглушительный.

В руках у дона Хенаро откуда-то взялся пояс, на котором висело не меньше семи каких-то вещей, похожих на маленькие кувшинчики. Его он надел на талию. Сняв шляпу, дон Хенаро сбросил ее за спину, и она повисла на шнурке. Вытащив кошелек, сделанный из плотной шерстяной ткани, он достал оттуда головную ленту, связанную из разноцветных ниток, на которой особо выделялся ярко-желтый цвет. В нее он воткнул три пера, похожих на орлиные. Я заметил, что расположил он их асимметрично: одно – над кончиком правого уха, второе – на несколько сантиметров ближе ко лбу, третье – возле левого виска. Он снял сандалии, привязал их к брючному ремню и заправил под пояс пончо. Мне не было видно, застегивается пояс или завязывается, но сделан он был вроде из переплетенных полосок кожи.

Дон Хуан сел на круглый камень, предварительно придав ему устойчивое положение. Нестор и Паблито тоже выбрали себе по камню и сели слева от него. Дон Хуан показал мне место справа от себя и сказал, что я должен принести камень и сесть.

– Нам нужно образовать прямую, – объяснил он, показывая, что втроем они уже сели в ряд.

К этому времени дон Хенаро приблизился к водопаду и начал взбираться по тропе справа от него. С места, где мы сидели, обрыв выглядел очень крутым, практически отвесным. Вдоль тропы росло довольно много кустов, хватаясь за которые, дон Хенаро подтягивался. В какой-то миг он оступился и чуть не свалился вниз. Мне показалось, что он поскользнулся на мокрой глине.

Через мгновение он снова чуть не упал, и я подумал, что дон Хенаро, пожалуй, уже староват для скалолазания. Прежде, чем добраться до конца тропы, он оступился еще несколько раз.

Когда дон Хенаро начал взбираться дальше прямо по скале, я даже растерялся, не представляя, что он собирается делать.

– Что он делает? – шепотом спросил я.

Дон Хуан даже не взглянул на меня.

– Насколько я понимаю – карабкается, – ответил он, не отрывая неподвижного взгляда полуприкрытых глаз от дона Хенаро.

Выпрямившись, дон Хуан сидел на краю камня, зажав ладони

между ног

Я слегка подался вперед, желая взглянуть, что делают Нестор и Паблито, но дон Хуан жестом велел мне сидеть смирно и не нарушать линию. Я тут же выпрямился, вернувшись в первоначальное положение. Судя по тому, что я успел заметить краем глаза, молодые люди были так же напряженно-внимательны, как дон Хуан.

Дон Хуан указал на водопад. Я вновь стал наблюдать за доном Хенаро. Он медленно пробирался вдоль выступа, чтобы обойти огромный нависший козырек. Руки его были расставлены в стороны, словно он хотел обнять скалу. С предельной осторожностью он двигался вправо. Вдруг ноги его сорвались. Я невольно ахнул. В какой-то момент все его тело повисло в воздухе. Я был уверен, что он падает, но он не упал, уцепившись за что-то правой рукой. Быстро и четко он снова поймал ногами опору. Прежде, чем двинуться дальше, он повернулся к нам. Это был мимолетный взгляд. Но движение было настолько точным и отработанным, что я невольно обратил на это внимание, вспомнив, что так повторялось всякий раз, когда дон Хенаро делал ошибку. Может быть, его раздражала собственная неуклюжесть, и он смотрел, не наблюдаем ли мы за ним в этот момент?

Поднявшись чуть выше, он снова потерял опору, повиснув на каменном выступе. На этот раз он уцепился левой рукой. Восстановив равновесие, он опять взглянул на нас. Прежде, чем дону Хенаро удалось добраться до вершины, он остуился еще дважды.

Ширина потока на кромке водопада была метров шесть-семь. По крайней мере, так казалось снизу, оттуда, где мы сидели.

Дон Хенаро на какое-то время замер. Я хотел было спросить у дон Хуана, что будет дальше, но он был настолько увлечен наблюдением, что я не решился его беспокоить.

Внезапно дон Хенаро прыгнул в воду. Это был до того неожиданный поступок, что у меня перехватило дыхание. Это был великолепный, неземной прыжок. На мгновение мне показалось, что я вижу серию наложенных друг на друга снимков его тела, совершающего эллиптический полет на середину реки.

Придя в себя, я заметил, что дон Хенаро приземлился на камень, едва видневшийся возле кромки водопада. Он стоял на нем довольно долго. Казалось, он борется с потоком. Дважды он

зависал над обрывом, и это было немыслимо, я не мог понять, как ему удастся устоять на ногах. Наконец, он добился равновесия и присел на корточки. Потом он прыгнул снова. Этот прыжок был похож на прыжок тигра. Камень, на который он приземлился, я едва мог разглядеть – крохотный конический выступ на краю водопада. Там дон Хенаро неподвижно простоял почти десять минут. Это была настолько впечатляющая картина, что меня начала бить дрожь. Хотелось вскочить и куда-то бежать. Заметив, что я нервничаю, дон Хуан велел мне успокоиться. Тем временем неподвижность дон Хенаро, стоявшего посреди потока на краю водопада, ввергла меня в состояние дикого мистического ужаса. Останься он там еще несколько мгновений – и я бы утратил контроль над собой.

Но дон Хенаро опять прыгнул, на этот раз – на противоположный берег потока. Приземлившись на четыре точки, как кошка, он немного посидел на корточках, встал, взглянул на другую сторону потока, потом – на нас. Он стоял, не двигаясь, и смотрел вниз. Руки его были сжаты в кулаки, как будто он держался за невидимые поручни. В его стойке было что-то необычайное, какая-то странная грация и тонкая гармония. Мне даже подумалось, что босой дон Хенаро в своем темном пончо, с лентой и перьями на голове был самым красивым человеческим существом из всех, кого я когда-либо видел.

Вдруг он поднял руки, запрокинул голову и сделал боковое сальто влево, скрывшись за круглым валуном.

В этот момент упали первые крупные капли дождя. Дон Хуан, Нестор и Паблито встали. Их движение было таким порывистым и внезапным, что я замешкался. Мастерский трюк дон Хенаро привел меня в состояние необычайного эмоционального возбуждения. Его искусство было непревзойденным, мне хотелось сейчас же увидеть его и выразить свое восхищение.

Я напряженно всматривался в скалы слева от водопада, думая, что дон Хенаро спускается вниз, но его не было. Я настаивал, чтобы мне сказали, что с ним. Дон Хуан не отвечал.

– Нужно спешить, – сказал он, – Сейчас начнется ливень. Нам пора возвращаться на Северо-Запад, но прежде нужно завезти домой Нестора и Паблито.

– Да, но я даже не попрощался с доном Хенаро, – пожаловался я. – Зато он попрощался с тобой, – резко ответил дон Хуан.

Секунду он сверлил меня глазами, потом взгляд его смягчился, и он улыбнулся.

– Он даже пожелал тебе всего самого лучшего, – добавил он. – Ему было приятно с тобой общаться.

– Что, мы не будем его ждать?

– Нет. Пусть он останется там, где он есть. Может, в это мгновение он орлом парит в другом мире, а может – просто умер там наверху. Сейчас это уже не имеет значения.

23 октября 1968

Как бы невзначай дон Хуан заметил, что скоро опять собирается в Центральную Мексику.

– К дону Хенаро? – спросил я.

– Возможно... – сказал он, не глядя на меня. – С ним все в порядке, не так ли, дон Хуан? Я хочу сказать; с ним ведь ничего не случилось там, над водопадом?

– Ничего с ним не случилось. Он крепок.

Мы немного поговорили о деталях предстоящей поездки, а потом я сказал, что мне очень понравился дон Хенаро, особенно – его шутки. Я все пытался придумать, как бы поделикатнее расспросить об уроке на водопаде.

Дон Хуан взглянул на меня и довольно ехидно спросил:

– Тебе, небось, до смерти любопытно, что за урок Хенаро устроил на водопаде, да?

Я напряженно засмеялся. Любопытно? Да для меня все, что тогда произошло, стало прямо-таки наваждением! Снова и снова перебирая в памяти детали этого события, я уже в который раз приходил к выводу, что стал свидетелем демонстрации фантастического физического совершенства. Я считал, что дон Хенаро, вне всякого сомнения, – выдающийся мастер эквилибристики, настолько отработанным и даже ритуализированным было каждое движение этого невероятно сложного представления.

– Да, – сказал я, – мне до смерти хочется узнать, что это был за урок. – Тогда, пожалуй, я должен тебе кое-что рассказать. Для тебя это была пустая трата времени. Урок был предназначен тем, кто *видит*. Паблито и Нестор кое-что уловили, некий отблеск, хотя они *видят* еще плохо. Но ты – ты только смотрел. Я говорил Хенаро, что ты очень странный набитый дурак, и что такой урок мог бы вытрясти многое из того, чем ты набит. Но у нас, похоже,

ничего не вышло. Впрочем, это не имеет значения. Научиться *видению* очень трудно.

Я не хотел, чтобы ты разговаривал с Хенаро, когда все закончилось, поэтому мы уехали так быстро. Это плохо. Но если бы мы остались, было бы еще хуже. Хенаро сильно рисковал, чтобы показать тебе настоящее чудо. Но ты не *видел*. И это очень плохо.

— Дон Хуан, а ты сам не мог бы мне рассказать, в чем заключался урок? Вдруг окажется, что я все-таки что-то *видел*.

От смеха он согнулся пополам. — Привычка задавать вопросы — твое самое лучшее качество, — сказал он, явно закрывая тему. Он поднялся и направился в дом. Я последовал за ним, требуя, чтобы он выслушал мой рассказ о том, что я видел. Он согласился. Подробно, стараясь ничего не упустить, я рассказал ему все, что помнил. Улыбаясь, он меня внимательно выслушал, а потом покачал головой и сказал:

— Научиться *видеть* очень тяжело.

Я просил его объяснить, о чем идет речь, но он безапелляционно заявил:

— О *видении* не говорят.

Было ясно, что дон Хуан не собирался мне ничего рассказывать, и я ушел выполнять разные мелкие поручения, которые он дал мне раньше.

Вернулся я уже затемно. Мы поужинали и вышли под рамаду. Как только мы сели, дон Хуан сам заговорил об уроке дон Хенаро. Он не дал мне ни минуты на подготовку. Блокнот был у меня с собой, но было уже темно, а перебивать его мне не хотелось, поэтому я не пошел за керосиновой лампой. Дон Хуан сказал, что дон Хенаро — мастер равновесия и может выполнять очень сложные и требующие огромных энергетических затрат действия. Его способ стоять на голове — одно из них. Так дон Хенаро пытался показать мне, что невозможно и *видеть*, и писать одновременно. Стойка на голове без помощи рук — всего лишь шутовской трюк, который может длиться мгновения. По мнению дон Хенаро, одновременное записывание и *видение* — это такой же странный, сложный и ненужный маневр, как его «сидение на голове».

Дон Хуан в темноте пристально посмотрел на меня и драматическим тоном сказал, что когда дон Хенаро «обрабатывал» меня с помощью своих фокусов, я был на грани *видения*. Дон

Хенаро заметил это и попытался развить достигнутый успех многократным повторением своих манипуляций. Но тщетно – я уже потерял нить.

По словам дона Хуана, я очень понравился дону Хенаро, и тот решил еще раз попытаться сдвинуть меня на грань *видения*.

Тщательно все взвесив и обдумав, он решил показать мне чудо равновесия в потоке на кромке водопада. Он усматривал сходство между потоком и той гранью, перед которой остановился я, и был уверен, что, пересекая водопад столь невероятным способом, он сдвинет меня и заставит пересечь эту грань.

Потом дон Хуан объяснил, как дон Хенаро смог совершить свой немыслимый трюк. Для того, кто *видит*, люди выглядят как светящиеся существа, состоящие из чего-то, похожего на волокна света, которые, заворачиваясь спереди назад, образуют пространственную структуру, по форме напоминающую яйцо. Дон Хуан напомнил, что уже рассказывал мне об этом, а также о том, что самой удивительной частью яйцеобразных существ является пучок длинных волокон, исходящих из области пупка и играющих ключевую роль в жизни людей. В использовании этих «щупальцеобразных» волокон и заключался секрет чуда равновесия дона Хенаро. С акробатическими этюдами его действия не имели ничего общего.

Так же внезапно, как он начал говорить об уроке дона Хенаро, дон Хуан перевел разговор на другую тему.

24 октября 1968

Мне удалось загнать дона Хуана в угол. Сославшись на интуицию, я сказал ему, что второго такого урока равновесия в моей жизни не будет и что если он не объяснит мне все сейчас, то шанс извлечь из этого урока хоть что-то будет упущен навсегда. Дон Хуан сказал, что здесь я прав – дон Хенаро никогда больше не повторит для меня свой урок. Потом он спросил:

– Ладно, давай – что тебя интересует?

– Расскажи о щупальцеобразных волокнах.

– Это щупальца, исходящие из середины человеческого тела. Они хорошо заметны любому *магу-видящему*. По виду этих щупалец он определяет, что из себя представляет тот или иной человек и как следует с ним себя вести. У слабых людей волокна-щупальца короткие, их почти не видно. У людей сильных они яркие и длинные. У Хенаро, например, они светятся так ярко, что кажется,

будто это – не отдельные волокна, а массивное утолщение на оболочке. По этим волокнам *видно*, здоров человек или болен, злой он или добрый, подлый или какой-нибудь еще. По ним можно также сказать, способен человек *видеть* или нет. Но с этим бывают сложности. Когда Хенаро *увидел* тебя, он, как в свое время Висенте, решил, что ты можешь *видеть*. Я тоже вижу тебя как *видящего*, но тем не менее знаю, что это не так – ты пока не способен *видеть*. Хенаро так и не смог в этом разобраться. Я говорил ему, что ты очень странный, но он захотел сам в этом убедиться. Поэтому и взял тебя к водопаду.

– Как ты думаешь, почему я произвожу впечатление *видящего*? Дон Хуан не ответил. Он молчал довольно долго. Мне не хотелось беспокоить его вопросами. В конце концов он ответил, что знает причину, но не может объяснить это словами.

– Все твои действия легко понять, потому что в них нет ничего необычного. Отсюда и твоя уверенность в том, что понять можно все в мире. Там, возле водопада, ты смотрел, как Хенаро пересекает поток, и был уверен, что он – мастер эквилибристики, потому что ничего другого предположить ты не мог. Теперь для тебя все это таким и останется навсегда. Но Хенаро никогда не прыгал через поток. Если бы он прыгнул, он бы неминуемо разбился. Хенаро удерживал равновесие, цепляясь своими мощными яркими волокнами-щупальцами, вытягивая их настолько, что смог как бы перекатиться по ним через поток. Он продемонстрировал нам искусство управления щупальцеобразными волокнами, сознательно заставляя их удлиняться и двигаться с поразительной точностью.

Паблито *видел* почти все, Нестор – только основные моменты, детали от него ускользнули, а ты не *видел* ничего.

– Но, может, если бы ты сказал мне заранее...

Он резко перебил меня, сказав, что, если бы он меня проинструктировал, то я бы только мешал дону Хенаро своими волокнами-щупальцами.

– Если бы ты *видел*, то с первого же шага Хенаро понял бы, что он не делал ошибок, поднимаясь вверх по скале рядом с водопадом, а просто отпускал волокна, чтобы перехватиться ими. Дважды он цеплялся ими за круглые выступы, буквально приклеиваясь к скале, как муха. Наверху он зацепился волокнами за маленький камень посреди потока и, как следует зафиксировав их там,

позволил им сократиться и притянуть его к этому камню. Хенаро не прыгал, только это позволяло ему точно приземляться на скользкие мокрые поверхности маленьких камней на самой кромке водопада. Каждый раз он плотно обматывал волокна вокруг камней, которые использовал.

На первом камне он стоял недолго, потому что часть его волокон была зацеплена за другой камень, поменьше, там, где поток был сильнее. Он позволил своим щупальцам перетянуть его туда. Это было самым потрясающим действием Хенаро, ведь форма поверхности камня была такой, что человек в принципе не мог бы на нем устоять. Но если бы Хенаро не оставил часть волокон на первом камне, то неизбежно был бы смыт потоком в пропасть.

На втором камне он стоял долго. Ему нужно было время для того, чтобы постепенно отцепить все волокна и перекинуть их на левый берег потока. Сделав это, он отцепил волокна, которыми цеплялся за первый камень. Это был самый сложный трюк. Хенаро – единственный человек, способный на такое. Он проделал этот смертельный номер специально для нас, но лично я думаю, что он действительно едва не сорвался. Дело в том, что в тот момент он мгновенно «выстрелил» лучом света через поток, зацепившись за левый берег, и только это, наверное, его и спасло. Я подозреваю, что на берег он перетянул себя только силой этого единственного луча. Перебравшись туда, он выпрямился, собрал все свои волокна-щупальца и заставил их сверкать подобно гирлянде огней. Это предназначалось только тебе. Если бы ты мог *видеть*, ты бы *увидел*. Хенаро стоял там, глядя на тебя. И он понял тогда, что ты не *видел* ничего.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Часть вторая

ЗАДАЧА ВИДЕНИЯ

- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)

Глава 7

Дона Хуана не было дома, когда я приехал к нему в полдень 8 ноября 1968 года. Не зная, где он может быть, я вошел в дом, сел и стал ждать. Почему-то я был уверен, что он скоро придет. Так и случилось. Вскоре дон Хуан действительно появился и, заметив меня, кивнул. Мы поздоровались. Вид у него был утомленный, он лег на циновку и несколько раз зевнул.

Я приехал, потому что меня преследовала мысль о необходимости научиться *видеть*. Я готов был даже использовать галлюциногенную курительную смесь. Решиться на это было ужасно трудно, и мне хотелось лишний раз убедиться, что другого выхода нет.

– Я хочу научиться *видеть*, дон Хуан, – сказал я без обиняков. – Но при этом я не хочу ничего принимать и не хочу курить твою смесь. Можно ли без этого обойтись? Дон Хуан сел, посмотрел на меня и снова улегся.

– Нет, – отрезал он. – Тебе придется использовать дымок.

– Но ведь ты сам говорил, что тогда, у дона Хенаро, я был на грани

видения.

– Я имел в виду, что твое свечение было таким, будто ты в самом деле осознаешь, что делает Хенаро. Но ты не *видел*, ты все равно продолжал только смотреть. Совершенно очевидно: в тебе есть что-то, что делает тебя похожим на *видящего*. Но все-таки ты не *видишь*, потому что доверху набит всякой ерундой. Тебе может помочь только дым.

– Зачем обязательно курить? Почему нельзя научиться *видеть* самостоятельно, без помощи дыма? Разве одного моего желания недостаточно? – Недостаточно. *Видеть* не так-то просто. Мир текуч. Чтобы уловить его отблеск, нужна огромная скорость восприятия. Тебе ее способен дать только дым. Иначе ты будешь по-прежнему лишь смотреть.

– Что значит «текучий мир»?

– Когда *видишь*, мир становится иным. Это – текучий мир, в котором все непрерывно движется, изменяется, течет. Я допускаю, что можно научиться воспринимать этот текучий мир самостоятельно, но к добру это не приведет: тело не выдержит напряжения и начнет разрушаться. Используя дым, человек избегает переистощения. Дым дает необходимую быстроту восприятия; он позволяет уловить отблеск текучего мира, сохранив незатронутым тело.

– Ладно, – решил я. – Довольно колебаний. Я готов курить. Пафос моего заявления рассмешил его.

– Брось, – сказал он. – Вечно ты хватаешься не за то, что нужно. Воображаешь, что, позволив дыму себя направлять, ты достигнешь *видения*. Нет, дорогой, это требует еще очень и очень многого. И так всегда, что бы мы ни делали.

Лицо его стало серьезным. – Я был осторожен по отношению к тебе, действуя обдуманно и тщательно, – сказал он, – потому что это Мескалито велел мне тебя учить: это он захотел, чтобы ты узнал то, что знаю я. Но я не успею научить тебя всему. У меня хватит времени лишь на то, чтобы вывести тебя на путь, и я верю, что ты будешь искать, как искал я. Правда, ты ленивее и упрямее меня. Но ты – другой, и я не могу предвидеть, как повернется твоя жизнь.

Его рассудительный тон и его поведение вызвали во мне странное чувство – смесь страха, одиночества и ожидания.

– Но ничего, скоро мы узнаем, где ты стоишь, – произнес он.

Больше дон Хуан не сказал ничего. Немного погодя он вышел из дома. Я вышел следом и остановился перед ним в нерешительности, не зная – то ли сесть, то ли пойти и выгрузить из машины свертки, которые я ему привез. – Это будет опасно? – спросил я просто чтобы не молчать.

– Все опасно, – ответил он.

Похоже, дон Хуан ничего мне не собирался рассказывать. Он вошел в дом и сложил в сетку какие-то маленькие пакетики, кучей валявшиеся в углу. Я не предлагал ему свою помощь, потому что знал – если будет нужно, он сам позовет меня. Потом он улегся на свою соломенную циновку, велел мне тоже расслабиться и отдохнуть. Я лег на свою циновку и попытался уснуть, но не смог. Вчера, остановившись в мотеле, я спал почти до полудня, зная, что доеду за пару часов. Поэтому я не устал.

Дон Хуан тоже не спал. Он лежал с закрытыми глазами, едва заметно покачивая головой. Мне показалось, что он напевает про себя.

– Давай поедим, – сказал он.

Это было так неожиданно, что я вздрогнул. Он добавил:

– Тебе нужно собраться с силами и быть в хорошей форме.

Он сварил суп, но я не был голоден. На следующий день, 9 ноября, дон Хуан разрешил мне съесть только самую малость и велел отдыхать. Все утро я пролежал, но расслабиться так и не смог, потому что не знал, что у дон Хуана на уме. И что хуже всего, я не был уверен, что на уме у меня самого.

Было около трех часов дня. Мы сидели в тени рамады. Я был ужасно голоден и уже несколько раз намекал дону Хуану, что неплохо было бы подкрепиться. Но он не соглашался.

– Ты уже три года не готовил смесь, – неожиданно сказал он, – и тебе придется курить мою. Поэтому будем считать, что я сделал ее специально для тебя. Тебе понадобится ее совсем немного. Я набью трубку всего один раз. Ты выкуришь ее и будешь отдыхать. Затем придет страж другого мира. Тебе нужно будет только наблюдать за ним. Внимательно наблюдай за всеми его движениями, запоминай каждое его действие. От того, насколько ты будешь внимателен, может зависеть твоя жизнь. Все это было сказано без всякой подготовки. Я не знал что сказать, даже что и подумать. Какое-то время я бормотал что-то невразумительное, пытаюсь привести в порядок свои мысли. Наконец я спросил

первое, что пришло в голову:

– Кто такой этот страж?

Дон Хуан наотрез отказался от пояснений, но я так нервничал, что не мог молчать, и отчаянно требовал, чтобы он рассказал мне об этом страже.

– Сам увидишь, – небрежно бросил он. – Он охраняет вход в другой мир.

– Какой мир? Мир мертвых?

– Нет. Не мир мертвых и не мир кого-либо еще. Просто другой мир. Об этом не имеет смысла говорить. Ты сам все увидишь.

С этими словами дон Хуан ушел в дом. Я поплелся за ним в его комнату.

– Постой, дон Хуан, постой. Что ты собираешься делать?

Не отвечая, он достал свою трубку, уселся на соломенную циновку посреди комнаты и уставился на меня с инквизиторским блеском в глазах. Казалось, он ждет моего согласия.

– Дурак ты, – мягко произнес он. – Ты же не боишься. Ты только говоришь, что боишься. Он медленно покачал головой из стороны в сторону, достал мешочек с курительной смесью и набил трубку.

– Дон Хуан, я боюсь. Я действительно боюсь.

– Нет, это – не страх.

Я отчаянно пытался оттянуть время и завел длинный разговор о природе своих ощущений, совершенно искренне утверждая, что по-настоящему боюсь. Но он сказал, что я дышу нормально и сердце бьется размеренно, так что это – не страх.

Я на секунду задумался над его утверждениями. Он ошибся: в моем состоянии были некоторые явные физические изменения, как правило, сопровождающие чувство страха, и я действительно был в отчаянии. В воздухе словно витала неотвратимость судьбы, с желудком творилось что-то невообразимое, я был уверен, что сильно побледнел, ладони вспотели, и все же я вынужден был признать, что действительно не боюсь. Привычное и хорошо знакомое чувство страха, того страха, который был одной из черт моего характера, отсутствовало. Но я продолжал что-то говорить, расхаживая перед доном Хуаном, а он сидел на полу, держа в руках набитую трубку, и смотрел на меня все с тем же инквизиторским выражением лица. Немного подумав, я пришел к выводу, что чувство, заменившее сейчас мой обычный страх, является ощущением глубокого дискомфорта. Такой дискомфорт я

испытывал всякий раз при одной только мысли о путанице, возникающей после приема галлюциногенов.

Некоторое время дон Хуан разглядывал меня, потом отвел взгляд в сторону и прищурился, как бы стараясь разглядеть что-то на очень большом расстоянии.

Я все ходил и ходил перед ним до тех пор, пока он наконец не велел мне сесть и расслабиться. Несколько минут мы сидели молча. – Не хочется расставаться с ясностью, да? – неожиданно спросил он.

– Ты абсолютно прав, дон Хуан, – ответил я.

Он засмеялся с явным удовлетворением. – Ясность – второй враг человека знания. Она довлеет над тобой. Ты не боишься, но не хочешь ее терять. А так как ты – дурак, то называешь то, что с тобой происходит, страхом.

Он усмехнулся и попросил:

– Принеси-ка мне углей.

Сказано это было успокаивающим тоном и как-то по-доброму. Я автоматически поднялся, пошел в заднюю часть дома, вынул из очага немного тлеющих угольков, насыпал их на керамическую плитку и принес в комнату.

– Иди сюда, – громко позвал дон Хуан снаружи.

Он расстелил соломенную циновку на том месте, где я обычно сидел. Я положил плитку с углями рядом с ним, и он подул на них, чтобы они немного разгорелись. Я сел было на землю, но он остановил меня и усадил на правый край циновки. Потом положил один уголек в трубку и протянул ее мне. Я взял ее. Я был поражен безмолвной силой, с которой дон Хуан мною управлял. Я не мог ни думать, ни говорить. Не имея больше никаких аргументов, я был убежден, что не боюсь, а просто не хочу терять ясности.

– Давай, давай, – мягко приказал он. – В этот раз – только одну трубку.

Я сделал затяжку. Смесь в трубке начала тлеть и зашипела.

Мгновенно я почувствовал, как внутренняя поверхность гортани и носоглотки покрывается слоем льда. Сделал еще одну затяжку, и ледяная корка поползла в грудную клетку. К тому времени, как была сделана последняя затяжка, у меня появилось такое ощущение, что все тело от головы до пят наполнилось изнутри странным холодным огнем.

Дон Хуан взял у меня трубку и постучал ею о ладонь, вытряхивая

пепел. Поплевав на палец, протер внутреннюю поверхность чашечки. Так он делал каждый раз после того, как пользовался трубкой.

Мое тело онемело, но тем не менее я мог шевелиться и сел поудобнее.

– Что дальше? – спросил я.

Говорить было трудно. Дон Хуан спрятал трубку в чехол и замотал в длинную тряпку. После этого сел напротив меня и выпрямился. У меня закружилась голова, глаза непроизвольно закрылись. Дон Хуан энергично встряхнул меня и велел не спать. Он сказал, что мне очень хорошо известно, что заснуть в таком состоянии – это смерть. Это подействовало, хотя мне и пришло в голову, что таким способом он просто хочет заставить меня бодрствовать. Но в следующее мгновение я подумал, что это вполне может быть правдой, и вытаращил глаза, стараясь открыть их как можно шире. Дона Хуана это рассмешило.

– Подожди немного, но глаза не закрывай. Скоро появится страж другого мира, – сказал он.

Во всем теле появился неприятный жар. Я хотел изменить позу, но уже не мог двигаться. Попытался что-то сказать дону Хуану, но слова увязли где-то в глубине меня и извлечь их оттуда не удалось. Я опрокинулся на левый бок. Теперь, лежа на циновке, я смотрел на дона Хуана откуда-то снизу.

Он наклонился ко мне и велел не смотреть на него, а выбрать точку на циновке прямо перед глазами и хорошенько на ней сосредоточиться. Он сказал, что смотреть нужно одним глазом – левым, – и тогда я рано или поздно *увиджу* стража.

Я сосредоточился на указанной им точке, но там ничего не было. Однако в какое-то мгновение я заметил мошку, которая кружилась перед глазами. Она села на циновку. Я следил за ней. Мошка подползла настолько близко, что в глазах все поплыло. Затем, совершенно неожиданно, я почувствовал, что стою на ногах. Ощущение было странное, оно сбilo меня с толку, но времени на объяснения не было. Казалось, что я стою и смотрю перед собой, и глаза находятся на обычной высоте, но то, что я увидел, потрясло меня до глубины души. Передать другими словами силу эмоциональной встряски, пережитую в тот момент, пожалуй, невозможно. Прямо передо мной, совсем близко, сидело гигантское животное чудовищного вида. Это был настоящий

живой совершенно жуткий монстр. Никогда, даже в самых диких вымыслах наиболее изощренной фантастики, я не встречал ничего подобного. Я смотрел на это чудовище с неописуемым замешательством и недоумением. Первое, что бросилось мне в глаза, были его размеры. Ростом эта штука должна была быть никак не меньше тридцати метров. По крайней мере, так мне показалось. Стояло оно вроде бы прямо, но точно сказать, как именно, я не могу. Потом я заметил крылья – два коротких широких крыла. В этот миг я осознал, что пытаюсь изучать его как обыкновенное животное, то есть – смотреть на него. Однако делать это привычным для меня способом было невозможно. Я не столько смотрел на животное, сколько замечал все новые детали по мере того, как картинка прояснялась с добавлением каждой новой подробности. Тело существа было покрыто пучками черных волос, с его длинного рыла все время что-то сочилося и капало. Круглые выпуклые глаза были похожи на два огромных белесых шара. Потом животное начало размахивать крыльями. Но это не походило на взмахи птичьих крыльев, скорее напоминало вибрирующую дрожь. Существо начало кружиться передо мной. Однако оно не летало в полном смысле слова, а как бы скользило, почти касаясь земли, двигаясь с поразительной скоростью и проворством. Я даже обнаружил, что увлекся созерцанием этой картины. Все движения чудовища имели совершенно жуткий вид, но их быстрота и легкость не могли не восхищать.

Вибрируя крыльями и брызгая во все стороны выделениями со своего рыла, существо сделало два круга. Потом оно развернулось и улетело прочь, исчезнув вдали. Мне оставалось лишь сосредоточенно смотреть в направлении, куда оно скрылось. Я чувствовал странную тяжесть, мысли потеряли всякую связность, и мне не удавалось привести их в порядок. Было такое впечатление, что меня приклеили к месту.

Потом вдалеке показалось облачко, и через мгновение зверь снова на полной скорости кружился передо мной. Его крыло проносилось все ближе и ближе, почти перед самыми глазами, пока, наконец, не задело меня. Я не знаю, какая часть моего существа находилась в том пространстве, где кружилось чудовище, но как бы там ни было, его крыло действительно ударило меня. Боль пронизала меня всего. Она была едва ли не самой жестокой в моей жизни, и, собрав все силы, я дико заорал.

После какого-то провала я осознал, что сижу, а дон Хуан растирает мне лоб. Листьями он растер мне руки и ноги, а потом оттащил к оросительной канаве, которая была у него за домом. Там он раздел меня и с головой окунул в воду. Потом вытащил и вновь окунул, затем – еще раз, еще и еще...

После этого он положил меня поперек канавы, так, чтобы голова лежала на берегу, взял в руки мою левую ступню и начал время от времени мягко похлопывать по подошве ладонью. Через некоторое время я ощутил щекотку. Заметив это, он сказал, что со мной все в порядке. Одевшись, я вошел в дом и сел на свою циновку. Я хотел что-то сказать, но обнаружил, что не могу сосредоточиться на словах, хотя мысли были ясными и четкими. Меня поразило, насколько глубокая концентрация внимания требуется, чтобы говорить. Оказалось, что сказать что-то мне удастся только в том случае, когда я перестану смотреть на окружающие предметы. Я чувствовал себя ныряльщиком, погружившимся глубоко в бездну. Чтобы что-то сказать, требовалось всплыть на поверхность с какого-то очень глубокого уровня, я как бы вытягивал себя оттуда при помощи слов. Дважды мне удавалось добраться до того, чтобы прочистить глотку совершенно обычным способом. В эти моменты, пожалуй, я мог бы что-нибудь из себя выдавить, но по какой-то причине я молчал, предпочитая оставаться на странном уровне глубокого молчания, где была возможность только созерцать. Ощущение, что я стою на пороге того, что дон Хуан называет видением, возникло во мне и наполнило мое сознание радостью.

Дон Хуан дал мне супа и кукурузных лепешек и настоял на том, чтобы я поел. Это мне вполне удалось сделать, не утратив того, что я принимал за способность *видеть*. Я пристально вглядывался в каждый предмет, попадавший на глаза, будучи убежденным, что *вижу*. Но мир при этом, насколько я мог судить, заметно не изменился. Я напряженно старался *увидеть*, пока совсем не стемнело. В конце концов меня свалила усталость, и я заснул. Когда дон Хуан укрывал меня одеялом, я ненадолго проснулся. Болела голова, и я чувствовал тошноту. Потом стало лучше, и я крепко проспал до утра.

Утром я обнаружил, что полностью пришел в себя, и с нетерпением спросил у дон Хуана: – Что со мной было?

Дон Хуан сдержанно засмеялся и ответил:

– Ты ходил знакомиться со стражем. И ты с ним познакомился.

– Но что это было?

– Страж, хранитель, часовой другого мира.

Я хотел было подробно рассказать ему об этом зловещем и жутком звере, но он не обратил на мою попытку никакого внимания, сказав, что в этом нет ничего особенного и что такой опыт доступен любому человеку.

Тогда я сказал, что страж вогнал меня в такой шок, что до сих пор мне становится не по себе при одном лишь воспоминании о нем. Дон Хуан рассмеялся и прошелся по поводу того, что он назвал моей склонностью к сверхдраматизации.

– Но эта штука, чем бы она ни была, ударила меня, сказал я. – И это было так же реально, как мы с тобой...

– Конечно, все было реально. Что, очень больно ударила, да? По мере того, как я восстанавливал в памяти все новые и новые детали, меня охватывало все более сильное возбуждение. Дон Хуан велел успокоиться, а потом спросил, действительно ли я боялся. Слово «действительно» он выделил.

– Да я просто оцепенел! Никогда в жизни не испытывал такого дикого ужаса.

– Ну-ну, – сказал он со смехом. – Не так уж тебе было страшно.

– Да я клянусь тебе! – сказал я с жаром, – Если бы я мог пошевелиться, то в истерике сбежал бы.

Дон Хуан разразился хохотом. Мои эмоции показались ему весьма забавными.

– Зачем нужно было встречаться с этим кошмаром, дон Хуан? Он уставился на меня с серьезным выражением лица.

– Это был страж. Если ты хочешь *видеть*, ты должен его победить.

– Но как можно победить такую громадину?

Дон Хуан хохотал до слез.

– Дон Хуан, почему бы тебе ни выслушать меня? Я расскажу тебе обо всем, что видел, и тогда не будет двусмысленности.

– Ну, если тебе этого не хватает для полного счастья – вперед. Я слушаю.

Я подробно изложил все, что смог вспомнить, но на его настроении это никак не отразилось.

– Ничего нового, – прокомментировал он с улыбкой.

– Да, но как, по-твоему, я могу одолеть такую громадину? Чем? Он немного помолчал, потом повернулся ко мне и сказал:

– Ты же не боялся. В действительности тебе не было страшно. Больно – да, но не страшно. Он откинулся на кучу каких-то мешков и заложил руки за голову. Я решил, что тема закрыта.

– Знаешь, – неожиданно произнес он, глядя куда-то на крышу рамады, – стража может *увидеть* любой. Некоторым он является в виде гигантского неопишимо жуткого монстра ростом до неба. Тебе повезло – всего-то тридцать метров! Совсем крошка. Однако тайна стража до смешного проста.

Он минуту помолчал, мурлыкая какую-то мексиканскую песню.

– Страж другого мира – это мошка, – с расстановкой произнес он, как бы оценивая эффект, произведенный этим заявлением.

– Прости, не понял...

– Страж другого мира – мошка, – повторил он. – Вчера ты встретился с мошкой. Она будет стоять на твоём пути до тех пор, пока ты её не победишь.

Мгновение я не хотел верить словам дона Хуана, но вспомнив все с самого начала, вынужден был признать, что сначала действительно смотрел на мошку, а потом возникло что-то вроде миража, и явился ужасный зверь.

– Но каким образом мошка могла так сильно меня ударить? – спросил я с искренним недоумением. – Ё-ё, когда она тебя ударила, она не была мошкой. Тебя ударил страж. Возможно, когда-нибудь ты наберешься сил и победишь его. Но не сейчас. Сегодня это – тридцатиметровый летающий монстр, вибрирующий и плюющийся. Но говорить о *нем* бесполезно, и никакого подвига в том, чтобы стоять перед *ним*, нет. Так что если ты намерен узнать его получше, тебе придется снова с ним встретиться.

Через два дня, 11 ноября, я снова курил смесь дона Хуана.

Я сам попросил об этом, тщательно взвесив все «за» и «против». Я снова хотел увидеть стража, потому что интерес к нему был гораздо сильнее страха или нежелания утратить ясность.

Процедура была той же. Дон Хуан один раз набил трубку, а когда я выкурил её, – протер и спрятал. Эффект наступил гораздо позже, чем в прошлый раз. Когда начала кружиться голова, дон Хуан подошел ко мне и, придерживая голову, помог лечь на левый бок. Он велел мне вытянуть ноги и расслабиться; повернув мою правую руку ладонью вниз, он слегка подвинул меня, перенеся на неё часть веса. Я не пытался ни помочь ему, ни помешать, так как не знал, к чему это все.

Он сел напротив меня и велел ни о чем не думать. Он сказал, что страж придет, но чтобы *увидеть* его, мне нужно иметь круговой обзор. Как бы невзначай, он прибавил, что страж может причинить очень сильную боль и что предотвратить ее можно единственным способом. В прошлый раз, когда дон Хуан понял, что с меня довольно, он поднял меня в сидячее положение. В этот раз он указал на мою правую руку и объяснил, что специально положил ее именно таким образом, чтобы я мог пользоваться ею как рычагом, отталкиваясь, когда захочу подняться.

К тому времени, когда он закончил говорить, тело мое уже совсем онемело. Я хотел обратить его внимание на то, что не смогу оттолкнуться, так как не владею мышцами. Но, несмотря на яростные попытки, мне не удалось произнести ни слова. Он, казалось, предвидел это, и объяснил, что весь фокус – в использовании воли, и потребовал, чтобы я вспомнил свой первый опыт курения смеси несколько лет назад. Тогда я упал, но снова встал на ноги за счет того, что он назвал «волей» – я «поднялся с помощью мысли». Он сказал, что это – единственный способ. Но все было бесполезно: я не мог вспомнить ничего, что тогда делал. Всепоглощающее отчаяние охватило меня, и глаза закрылись.

Дон Хуан схватил меня за волосы, резко встряхнул и приказал не закрывать глаза. После этого я не только открыл глаза, но и совершил нечто совсем уж неожиданное: я заговорил.

– Я не знаю, как вставал тогда.

Я изумился. Ритм был каким-то монотонным, но голос был явно моим. В то же время я искренне верил, что не мог этого сказать, поскольку минутой раньше был не в состоянии произнести ни слова. Я взглянул на дону Хуана. Он смеялся, склонив голову набок.

– Я этого не говорил, – сказал я.

Я снова удивился звуку своего голоса. Но почувствовал некоторый подъем. Говорить в таком состоянии было приятно и даже как-то интересно. Я хотел попросить дону Хуана, чтобы он объяснил, за счет чего я могу говорить, но снова не смог выдать из себя ни слова. Я старался изо всех сил, но бесполезно – мне не удавалось выразить свои мысли. Отказавшись от этой затеи, я тут же произнес;

– Кто говорит? Кто говорит?

Этот вопрос заставил дон Хуана так расхохотаться, что он даже опрокинулся набок.

Я определенно мог говорить, но только тогда, когда совершенно точно знал, что хочу сказать.

– Это я говорю? Это я говорю? – спросил я.

Дон Хуан сказал, что, если я не перестану заниматься ерундой, то он пойдет отдохнуть под рамаду, а меня оставит здесь разбираться со своим шутовством.

– Это не шутовство, – произнес я. Я говорил вполне серьезно.

Мысли были очень ясными и четкими, но тела я не чувствовал. Я не задыхался, как было однажды, когда я находился в подобном состоянии; мне было хорошо, потому что я ничего не чувствовал. У меня не было контроля над своим сознанием, и все же я мог говорить. В голову пришло, что раз я могу говорить, то, наверное, могу и встать.

– Встать! – сказал я по-английски, и в мгновение ока был на ногах.

Дон Хуан недоверчиво покачал головой и вышел из дома.

– Дон Хуан! – трижды позвал я.

Он вернулся.

– Уложи меня, – попросил я.

– Уложи себя сам, – сказал он. – Похоже, ты на правильном пути.

Я сказал:

– Лечь! Неожиданно все исчезло. Я не видел ничего. Через мгновение комната и фигура дон Хуана снова появились в поле зрения. Я подумал, что, очевидно, лежал, уткнувшись лицом в циновку и что дон Хуан приподнял мою голову за волосы.

– Спасибо! – очень медленно и монотонно произнес я.

– Пожалуйста, – сказал он, передразнивая меня, и снова захохотал. Потом он взял какие-то листья и начал растирать ими мои кисти и ступни.

– Что ты делаешь?

– Растираю тебя, – произнес он, подражая моему болезненному заунывному тону.

Его тело затряслось от смеха, глаза светились добротой и дружелюбием. Он мне нравился. Я почувствовал, что дон Хуан – хороший, веселый и сострадательный. На душе стало тепло-тепло, и я засмеялся. Звук получился такой жуткий, что дон Хуан отшатнулся.

– Отведу-ка я тебя лучше к канаве, а то, чего доброго, еще

угробишь себя своим шутовством.

Он поставил меня на ноги и заставил походить по комнате.

Понемногу я начал чувствовать ступни, ноги и, наконец, все тело. Уши буквально лопались от странного давления. Это было похоже на ощущение, возникающее в затекшей части тела. Макушкой головы и затылком я ощущал навалившуюся сзади огромную тяжесть.

Дон Хуан затолкал меня в канаву прямо в одежде. Холодная вода постепенно сняла боль и давление.

Я пошел в дом и переоделся. Потом сел, охваченный какой-то прострацией, жадной покоей и неподвижности. Однако на этот раз ясности и четкости сознания не было, скорее – что-то вроде меланхолии и физической усталости. Наконец я заснул.

12 ноября 1968

Утром мы с доном Хуаном отправились в окрестные холмы собирать растения. Около шести миль мы шли по сильно пересеченной местности. Я очень устал и предложил отдохнуть. Мы сели, и дон Хуан заговорил о том, что он доволен моими успехами.

– Теперь я знаю, что действительно разговаривал, – сказал я, – но тогда мог бы поклясться, что говорит кто-то другой.

– Разумеется, разговаривал ты, – подтвердил дон Хуан.

– Как же вышло, что я не мог себя узнать?

– Это сделал дымок. Можно говорить и не замечать этого, можно перенестись на многие тысячи километров в пространстве и тоже не заметить. Можно проходить сквозь все что угодно. Дымок устраняет тело, и человек становится свободным как ветер, даже свободнее ветра. Его не могут остановить ни скалы, ни стены, ни горы. Воздух может застояться в подземелье и стать затхлым, но ничто не может удержать человека, если дымок даст ему силу.

Слова дон Хуана вызвали во мне странное чувство – смесь эйфории и сомнения. Все мое существо наполнилось непонятным беспокойством и неопределенным чувством вины.

– Это что – правда? Такое действительно возможно, дон Хуан?

– А ты как думал? Или ты скорее согласишься с тем, что ты сошел с ума, да? – язвительно сказал он, – Тебе легко все это принять, дон Хуан. А для меня – почти невозможно.

– Мне тоже не так просто. Я – такой же, как ты, и не имею никаких привилегий. И принять все это мне так же трудно, как и любому

другому.

– Но ты же чувствуешь себя во всех этих вещах, как рыба в воде, дон Хуан.

– Верно, однако мне пришлось дорого заплатить. Я должен был сражаться, причем, наверно, больше, чем придется сражаться тебе. Ты каким-то непостижимым образом заставляешь обстоятельства, ситуации и силы работать на тебя. Ты представить себе не можешь, ценой каких усилий мне досталось то, чего ты шутя добился вчера. Что-то помогает тебе на каждом дюйме пути. Иначе объяснить твои успехи в овладении силами невозможно. Сначала – Мескалито, теперь – дымок. Тебе следует полностью сосредоточиться на осознании того факта, что ты – талантлив, и не обращать внимания ни на что другое.

– Ты так говоришь, будто сделать это – раз плюнуть. Но на деле-то все иначе. Меня буквально разрывает на части.

– Ничего, скоро цельность к тебе вернется. Но следует подумать о теле. Ты слишком разжирел. До сих пор я не хотел ничего тебе говорить по этому поводу. Каждый должен иметь возможность поступать так, как считает нужным. Ты не появлялся два года. Но я говорил когда-то, что ты вернешься, и вот – ты здесь. То же было со мной. Я бросал на пять с половиной лет.

– Почему ты ушел, дон Хуан?

– По той же причине, что и ты. Мне это не понравилось.

– А почему вернулся?

– Опять-таки, потому же, почему и ты. Другого пути нет. Это утверждение произвело на меня глубокое впечатление. Мысль о том, что другого пути нет, уже приходила мне в голову и раньше. Я никогда никому о ней не говорил, но дон Хуан сформулировал ее очень точно.

После очень долгой паузы я спросил:

– Дон Хуан, чего я добился вчера? – Ты встал, когда захотел встать.

– Но я не знаю, как это вышло.

– На отработку этого приема требуется время. Но важно, что ты в принципе знаешь, как это делается.

– Так ведь я же не знаю. В том-то и дело, что не знаю.

– Ну как же не знаешь, если знаешь.

– Дон Хуан, ну вот ей-богу, клянусь тебе!

Он не дал мне договорить, он просто встал и ушел.

Потом мы еще раз вернулись к разговору о страже другого мира.

– Если я верю в то, что испытанное мной – реальность, то я должен признать, что страж – это гигантское чудовище, способное причинить невероятную физическую боль, – сказал я, – и если я верю, что усилием воли действительно можно переноситься на громадные расстояния, то логично было бы заключить, что усилием воли я могу заставить чудовище исчезнуть. Правильно? – Не совсем. Ты не можешь заставить стража исчезнуть. Но можешь сделать так, что он не причинит тебе никакого вреда. И, сделав это, без осложнений миновать стража, как бы бешено он ни метался.

– И каким образом я могу этого добиться?

– Ты сам прекрасно знаешь, каким. Задержка лишь за тренировкой. Я сказал, что вечно у нас с ним возникает путаница из-за различного восприятия мира. По-моему, знать что-либо – значит в полной мере осознавать, что делаешь, и быть в состоянии сознательно повторить. В данном случае я не только не отдавал себе отчета в том, что делал под действием дыма, но и не смог бы повторить сделанного мной, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

На лице дона Хуана появилась знакомая уже мне инквизиторская улыбочка. Он изобразил удивление, даже снял шляпу и потер виски – характерный жест, которым он выражал недоумение, – Зато ты точно знаешь, как говорить и ничего не сказать, правда? Я предупреждал тебя, что стать человеком знания можно только имея несгибаемое намерение. Но пока что, похоже, у тебя есть только несгибаемое намерение водить самого себя за нос. Ты настаиваешь на разжевывании всего, словно весь мир состоит только из вещей и явлений, поддающихся объяснению. Ты столкнулся со стражем и с проблемой передвижения волевым усилием. Неужели тебе никогда не приходило в голову, что лишь очень немногое в мире может быть объяснено тем способом, к которому ты привык? Когда я заявляю, что страж действительно стоит на твоём пути и что он способен вышибить из тебя дух, то я знаю, о чем говорю. Когда речь идет о перемещении при помощи воли, я тоже знаю, что имею в виду. Я хотел очень постепенно, шаг за шагом научить тебя этому искусству, но потом понял, что ты им прекрасно владеешь, хотя и утверждаешь, что не имеешь об этом понятия.

– Но я действительно не знаю! – возразил я. – Ты знаешь, что ты

дурак, – сказал он неумолимо, а потом улыбнулся. – У нас тут как-то мальчика по имени Хулио посадили на уборочный комбайн. Оказалось, что он знает, как управлять машиной, хотя никогда раньше этого не делал.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать, дон Хуан. Однако чувствую, что не смогу повторить того, что сделал, потому что не уверен в том, что именно делал.

– Шарлатан пытается объяснить все в мире с помощью объяснений, в которых сам не уверен, тем самым превращая все, что делает, в шарлатанство. Но ты – не лучше. Ты тоже хочешь объяснить все своим способом, и так же не уверен в своих объяснениях.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 8

Неожиданно дон Хуан спросил, не собираюсь ли я в выходные дни уехать домой. Я ответил, что думаю ехать в понедельник утром. Мы сидели под рамадой его дома. Была суббота, 18 января 1969 года, время близилось к полудню. Мы отдыхали после долгой прогулки по окрестным холмам. Дон Хуан встал и вошел в дом. Через несколько секунд он позвал меня. Когда я вошел, он сидел на полу посреди комнаты, а моя циновка лежала перед ним. Он усадил меня и, не говоря ни слова, достал сверток с трубкой, развернул тряпку, вытащил трубку из чехла, набил ее и раскурил. Он даже сам принес для этого в комнату глиняное блюдо с углями.

Дон Хуан не спрашивал, хочу ли я курить, просто вручил мне трубку и велел приступать. Я не колебался. Он очень точно вычислял мое настроение, заметив, наверное, что интерес к стражу не дает мне покоя. Меня не нужно было упрашивать, я нетерпеливо выкурил всю трубку разом.

Последовательность моих реакций была в основном такой же, как раньше. Дон Хуан вел себя, как прежде. Правда, в этот раз он не стал меня трогать, а только напомнил, что правую руку следует положить перед собой. Чтобы мне удобнее было на нее опираться, он посоветовал сжать кисть в кулак.

Я сжал правую руку в кулак, так как обнаружил, что таким образом лежать легче, чем опираясь на раскрытую ладонь. Очень хотелось спать, на какое-то время стало тепло, а потом все ощущения исчезли.

Дон Хуан улегся на пол напротив меня, подперев голову правой рукой. Все шло очень тихо и мирно, тактильная чувствительность исчезла, меня охватило умиротворение.

– Как хорошо! – сказал я.

Дон Хуан вскочил:

– Не смей начинать с этой чепухи! Прекрати болтать. Ты потратишь на это всю свою энергию, и страж прихлопнет тебя, как ты прихлопнул бы мышку.

Ему, видимо, показалось, что он сказал что-то смешное, потому что он засмеялся, но смех внезапно прекратился.

– Не болтай, прошу тебя, не болтай, – сказал он очень серьезно.

– Да вроде и не собирался болтать, – сказал я. Причем я действительно не хотел этого говорить. Я увидел, как дон Хуан уходит в заднюю часть дома. Через мгновение на циновку передо мной села мошка. Это наполнило меня такой тревогой, какой я раньше никогда не испытывал. Это была странная смесь воодушевления, страдания и страха. Я осознавал, что вот-вот стану свидетелем трансцендентального явления – увижу мошку, охраняющую вход в другой мир. Мысль была настолько нелепой, что я едва не рассмеялся вслух, но потом понял, что из-за приподнятого настроения отвлекаюсь и могу пропустить момент перехода, который интересовал меня больше всего. В прошлый раз я сначала левым глазом смотрел на мошку, а потом сразу почувствовал, что стою и созерцаю стража. Но как именно осуществился переход, я не осознал.

Я наблюдал за тем, как мошка ползает по циновке, и тут до меня вдруг дошло – я смотрю на нее обоими глазами. Вот она подползла совсем близко, и в конце концов наступил момент, когда она ушла из поля зрения правого глаза. Я больше не видел ее обоими глазами, поэтому «перебросил» сосредоточение целиком на то, что видел левым, который находился почти на уровне поверхности циновки. В момент этого изменения фокусировки я почувствовал, что тело поднимается в вертикальное положение, и оказался лицом к лицу с гигантским животным. Оно было глянцево-черным.

Спереди его тело было усеяно длинными черными коварно отточенными волосами, вернее, это были даже не волосы, а скорее – иглы, торчащие из трещин гладкой сверкающей чешуи. Росли они как бы пучками. У чудовища были крылья, широкие и короткие по сравнению с длиной его туловища – толстого, массивного и округлого. Между двумя выпуклыми глазами торчало рыло. На этот раз монстр чем-то напоминал крокодила. У него были длинные уши, а может, рога, и, так же, как и в прошлый раз, с его рыла все время что-то текло.

Я напрягся, чтобы как следует зафиксировать взгляд на страже, и почувствовал, что не могу смотреть на него так, как обычно смотрю на предметы. Странно подумать, но, созерцая стража, я ощущал, что каждая часть этого существа живет как бы

независимой жизнью, вернее, является живой сама по себе, как, например, глаза человека. Я впервые в жизни осознал, что глаза – это единственное в человеческом теле, по чему можно сразу же наверняка узнать – жив человек или нет. Проведя аналогию, я бы сказал, что страж состоял из «миллионов глаз».

Я подумал, что это – замечательная находка. До этого я пытался проводить какие-то частные параллели, основанные на принципе подобия, пытаюсь отыскать и описать «искажения», в результате которых мошка представляла в виде гигантского зверя. Я думал, что достаточно близким было бы сравнение «как насекомое под микроскопом». Но в действительности дело обстояло иначе.

Созерцание стража было действием намного более замысловатым и сложным, чем разглядывание насекомого сквозь микроскоп.

Страж начал кружиться передо мной. В какое-то мгновение монстр остановился. Я почувствовал, что он меня изучает. Внимание мое привлек тот факт, что он был совершенно безмолвным. Страж танцевал в абсолютной тишине. Все в его виде призвано было внушать ужас – выпуклые глаза, грозная пасть, коварные, острые как иглы волосы, брызги и сопля, летевшие вовсе стороны с его рыла, и, конечно, его немыслимые размеры. Он был совсем рядом. Я смотрел, как он без единого звука вибрирует крыльями, скользя над землей подобно огромному фантастическому конькобежцу. Глядя на это кошмарное создание, я вдруг почувствовал что-то вроде ликования. Мне показалось, что я разгадал тайну победы над стражем – его не нужно побеждать, потому что он – лишь картинка, немое изображение на экране, он не в состоянии ничего мне сделать и может лишь пугать.

Тем временем страж остановился рылом ко мне, а потом, взмахнув крыльями, повернулся задом. Его спина была похожа на цветной блестящий панцирь, она сверкала и переливалась, но оттенок раздражал меня – это был мой самый нелюбимый цвет. Страж еще немного постоял, демонстрируя мне свой зад, а потом взмахнул крыльями и рванул куда-то вдаль, скрывшись из виду.

Я остался в одиночестве перед странной дилеммой, искренне веря, что одолел-таки стража пониманием того, что он был не монстром, но лишь изображением ярости. Возможно, что эта вера основывалась на утверждении дона Хуана о моем знании, в котором я не хотел себе признаваться. Как бы то ни было, а страж ретировался, путь был свободен. Но я не знал, как быть дальше.

Дон Хуан ничего не говорил мне о том, что делать в подобной ситуации. Я попытался осмотрелся, но не смог шевельнуться. Однако все, что происходило в ставосьмидесятиградусном секторе передо мной, я видел довольно хорошо. Далеко впереди была размытая линия горизонта, а все до нее заполнял какой-то бледно-желтый то ли дым, то ли туман. Пространство вокруг было равномерно окрашено в лимонный оттенок. Впечатление было таким, словно я стою на бескрайней равнине, по которой стелятся испарения серы.

Вдруг точкой на горизонте снова объявился страж. Он сделал большой круг и застыл передо мной, разинув беззубую пасть, похожую на огромную пещеру. Потом затряс крыльями и ринулся на меня, как разъяренный бык, и огромные крылья замелькали перед моими глазами. Я заорал от боли и взлетел, вернее, почувствовал, что поднимаюсь, а потом планирую куда-то за стража и несусь над желтоватой равниной прямо за горизонт, в другой мир – мир людей, а потом обнаружил, что стою посреди комнаты в доме дона Хуана.

19 января 1968

– Я, честное слово, думал, что одолел стража, – сказал я дону Хуану.

– Ты, должно быть, ошибся.

Со вчерашнего дня дон Хуан не произнес ни слова. Впрочем, меня это не беспокоило и даже было где-то на руку. Я пребывал в некой задумчивости и снова чувствовал, что начну *видеть*, если буду смотреть с определенным намерением, хотя ничего специфического или неординарного так и не заметил. Но молчание в любом случае действовало на меня успокаивающе.

Дон Хуан попросил подробно вспомнить обо всем, что происходило «там», и в особенности – какой цвет я видел на спине стража. Когда я закончил рассказ, он вздохнул с явно обеспокоенным видом. – Тебе крупно повезло – цвет был у него на заду, – очень серьезно сказал он, – Если бы он оказался на передней части туловища или, что еще хуже, на голове стража, тебя бы уже не было в живых. Ты больше никогда не должен пытаться *увидеть* стража. Видно, не с твоим характером пересекать эту равнину, Впрочем, я был уверен, что тебе там не пройти. Но не будем об этом; эта дорога – далеко не единственная, есть и другие.

В тоне дона Хуана чувствовалось что-то непривычное – какая-то тяжесть.

– Что произойдет, если я снова попытаюсь *увидеть* стража?

– Он тебя утащит. Возьмет в пасть, занесет куда-нибудь на ту равнину и бросит там навсегда. Очевидно, он знает, что тебе нельзя идти по этой дороге, и потому предупредил, чтобы ты не совался.

– Как ты думаешь, откуда он может об этом знать? Дон Хуан устремил на меня долгий пристальный взгляд. Он попытался было что-то сказать, но передумал, видимо, не подобрав подходящих слов.

– Вопросы у тебя – хоть стой, хоть падай, – с улыбкой сказал он. – Ты ведь спросил не подумав, правда?

Я возразил, сказав, что удивлен тем, что стражу известен мой характер.

– Поразительно! Но интереснее всего то, что ты о своем характере не обмолвился ни единым словом. Ведь ты ничего ему не говорил, не так ли? – сказал дон Хуан немного погодя со странным издевательским блеском в глазах.

Тон его был настолько комичен, что мы оба захохотали. Однако потом он объяснил, что страж, будучи хранителем и наблюдателем другого мира, владеет многими тайнами, знать которые имеет право брюхо и которыми страж может с ним поделиться.

– Для брюхо это один из способов научиться *видеть*, – сказал дон Хуан. – Однако тебе он не подходит, поэтому нет смысла о нем говорить.

– Курение – единственный способ *увидеть* стража? – спросил я. – Нет, можно и без этого. Многие умеют вызывать стража просто так. Но я предпочитаю использовать дым, потому что с ним эффективнее и безопаснее. Тот, кто пытается встретиться со стражем без помощи дыма, имеет шанс не убраться вовремя с его пути. Ты, например, получил предупреждение – страж повернулся к тебе задом и показал враждебный цвет. Потом он ушел, а когда вернулся, то обнаружил, что ты все еще не убрался. Тогда он на тебя напал. Но ты был готов и прыгнул. Дымок обеспечил тебя необходимой защитой. Если бы ты подался в тот мир, не заручившись поддержкой дыма, тебе не удалось бы избежать пасти стража.

– Почему?

– Твои движения были бы слишком медленными. В том мире, чтобы выжить, нужно двигаться с быстротой молнии. Я совершил ошибку, уйдя из комнаты, но нужно было, чтобы ты перестал болтать. У тебя язык без костей, и ты болтаешь даже когда не хочешь. Оставшись в комнате, я вовремя приподнял бы тебе голову. Но ты вскочил сам, и это намного лучше. Но, я думаю, больше рисковать мы не будем: со стражем шутки плохи.

[**НАЗАД**](#) | [**INDEX**](#) | [**ВПЕРЕД**](#)

Глава 9

Три месяца дон Хуан упорно избегал разговоров о страже. За это время я побывал у него четыре раза. Каждый раз он давал мне какие-нибудь поручения, а когда я все выполнял, попросту отправлял домой. 24 апреля 1969 года, в четвертый приезд, мне наконец-то удалось поговорить с ним. Пообедав, мы сели возле очага, и я сказал, что он сбивает меня с толку: ведь я готов учиться, а он вроде и видеть меня не желает. Мне пришлось наступать себе на горло, чтобы преодолеть отвращение к его курительной смеси, и я чувствовал, что, по его словам, времени слишком мало.

Дон Хуан спокойно выслушал мои жалобы. – Ты еще слишком слаб, – сказал он, – Когда нужно выждать, ты торопишься, а когда нужно спешить – чего-то ждешь. Ты слишком много думаешь. Теперь ты думаешь, что нельзя терять время. Недавно ты думал, что больше никогда не будешь курить. Твоя жизнь – сплошное разгильдяйство, ты недостаточно собран, чтобы вновь встретиться с дымком. Я отвечаю за тебя и не хочу, чтобы ты умер, как проклятый дурак.

Я смутился.

– Что делать, дон Хуан? Я испытываю сильное нетерпение.

– Живи как воин. Я уже говорил тебе, что воин принимает ответственность за все свои действия, даже за самые пустяковые. Но ты занят своими мыслями, и это неправильно. Из-за этого ты потерпел неудачу со стражем.

– Как я потерпел неудачу, дон Хуан?

– Ты думаешь обо всем. Ты думал о страже, и поэтому не смог победить его. В первую очередь ты должен жить как воин. Полагаю, ты понял это очень хорошо. Я хотел вставить что-нибудь в свою защиту, но он сделал мне знак молчать.

– Твоя жизнь довольно трудна, – продолжал он. – В сущности, твоя жизнь труднее, чем жизнь Хенаро, Паблито или Нестора, и все же они *видят*, а ты нет. Твоя жизнь труднее, чем у Элихио, а он, вероятно, *увидит* раньше тебя. Это меня огорчает. Даже

Хенаро не может смириться с этим. Ты честно выполнил все то, что я говорил тебе делать. И все, чему мой бенефактор научил меня на первой ступени обучения, я передал тебе. Правило верное, шаги не могут быть изменены. Ты сделал все, что нужно было сделать, и все же ты не *видишь*. Но тем, кто *видит*, подобно Хенаро, кажется все же, что ты *видишь*. Я тоже иногда полагаюсь на это, и я обманываюсь. Ты суетишься и ведешь себя как идиот, который не *видит*, но именно так все и обстоит в твоём случае. Слова дон Хуана причинили мне глубокую боль. Не знаю почему, но я был близок к слезам. Я начал рассказывать ему о своём детстве, и волна жалости к самому себе охватила меня. Дон Хуан пристально взглянул на меня и отвел глаза. В них был пронзительный блеск. Я почувствовал, что он захватил меня своими глазами. Было такое чувство, что две руки ласково сжали меня, и я ощутил непонятное волнение, нетерпеливое желание, приятное отчаяние в области солнечного сплетения. Я стал сознавать свою брюшную полость, ощущая там жар. Я не мог больше говорить связно и забормотал, а затем умолк.

– Возможно, что это – обещание, – сказал дон Хуан после долгой паузы.

– Извини, я не понял.

– Обещание, которое ты дал давным-давно.

– Какое обещание?

– Постарайся сказать мне сам. Ты помнишь это?

– Нет.

– Однажды ты обещал что-то очень важное. Не исключено, что ты обещал охранять себя от *видения*.

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

– Я говорю о данном тобой обещании! Ты должен помнить это. – Если ты знаешь, что это за обещание, то скажи мне, дон Хуан!

– Нет. Не будет никакой пользы сказать тебе это.

– Было ли это обещанием, которое я дал себе?

Я подумал, что он намекает на мой отказ от ученичества.

– Нет. Это было давно.

Я решил, что он меня разыгрывает, и засмеялся при мысли, что тоже могу подшутить над доном Хуаном. Я не сомневался, что он знает о предполагаемом обещании не больше меня самого и пытается импровизировать. Мысль потакать ему в этом доставляла удовольствие.

– Я что-то обещал своему дедушке?

– Нет, – ответил он, и глаза его заблестели. – И даже не бабушке. Смешная интонация, которую он придал слову «бабушка», заставила меня рассмеяться. Я подумал, что дон Хуан ставит мне ловушку, но хотел доиграть до конца. Я начал перечислять своих знакомых, кому мог бы пообещать что-то важное. О каждом он сказал «нет», а затем перевел разговор на мое детство.

– Почему твое детство было печальным? – спросил он с серьезным выражением. Я сказал ему, что мое детство было не то чтобы печальным, а, пожалуй, немного трудным.

– Так чувствует каждый, – сказал он, глядя на меня. – В детстве я тоже был несчастным и все время боялся. Трудно быть индейским ребенком, очень трудно. Но память о том времени не имеет значения для меня, хотя оно и было тяжелым. Я перестал думать о трудностях жизни еще до того, как научился *видеть*.

– Но я тоже не думаю о своем детстве, – сказал я.

– Тогда почему воспоминания о нем вызывают у тебя печаль? Почему ты чуть не плачешь?

– Я не знаю. Наверное потому, что когда я вспоминаю себя ребенком, то испытываю жалость к самому себе и ко всем своим близким. Я чувствую беспомощность и грусть.

Он пристально посмотрел на меня, и опять в области живота я отметил необычное ощущение двух рук, сжимающих его. Я отвел глаза, в потом снова взглянул на него. Он смотрел мимо меня куда-то вдаль затуманившимся взглядом.

– Это – обещание, данное тобой в детстве, – сказал он после паузы.

– Но что я пообещал?

Он не ответил. Его глаза были закрыты. Я невольно улыбнулся, зная, что он нащупывает путь во тьме, но первоначальное желание разыграть его немного поостыло.

– В детстве я был очень худым, – сказал он, – и всегда боялся.

– Я тоже, – произнес я.

– Больше всего мне запомнился ужас и печаль, охватившие меня, когда мексиканские солдаты убили мою мать, – сказал он мягко, словно воспоминание причиняло боль. – Она была бедной и застенчивой индеанкой. Наверное, даже лучше, что ее жизнь оборвалась тогда. Я был совсем маленьким и хотел, чтобы меня убили вместе с ней. Но солдаты подняли меня и избили. Когда я цеплялся за тело матери, меня ударили по рукам плетью и

перебили пальцы. Я не чувствовал боли, но цепляться больше не мог, и они утащили меня.

Он замолчал. Глаза его все еще были закрыты, губы едва заметно дрожали. Глубокая печаль начала охватывать меня. Перед глазами мелькали образы моего детства. – Сколько лет тебе было тогда, дон Хуан? – спросил я, чтобы как-то отвлечься.

– Лет семь. Это происходило во время великой войны племени яки. Мексиканцы напали неожиданно, мать как раз готовила какую-то еду. Она была слабой и незащитной женщиной, и ее убили просто так, без причины. То, что она умерла именно так, в общем-то не имеет особого значения. Но для меня – имеет. Я не могу объяснить почему, но имеет. Я думал, что отца тоже убили, но оказалось, что он ранен. Нас загрузили в товарные вагоны, как скот, и заперли. Несколько дней мы сидели в темноте. Время от времени солдаты бросали нам немного еды.

В этом вагоне отец умер от ран. От боли и лихорадки у него начался бред, но и в бреду он твердил, что я должен выжить. Так он и умер, требуя, чтобы я не сдавался и выжил. Люди позаботились обо мне – накормили, старая знахарка вправила пальцы. Ну, и, как видишь, я выжил. Жизнь моя не была ни хорошей, ни плохой, она была трудной. Жизнь – вообще штука тяжелая, а для ребенка зачастую – ужасна сама по себе.

Мы очень долго молчали. Наверное, около часа. Я никак не мог разобраться в себе, чувствуя, что удручен, но не понимая, чем и почему. Кроме того, я испытывал угрызения совести – совсем недавно я собирался подшутить над доном Хуаном, но он повернул ситуацию в свою пользу. Все было так просто и выразительно. У меня появилось странное ощущение. Страдания детей всегда задевали меня за живое, и сочувствие к дону Хуану в мгновение ока вызвало во мне отвращение к самому себе. Я сидел и записывал рассказ дона Хуана, как будто это был просто, так сказать, «клинический случай». Но на сердце кошки скребли, и вообще – внутри у меня творилось такое, что я готов был уже разорвать к черту блокнот. Тут дон Хуан постучал пальцем по моей ноге. Он сказал, что *видит* свечение насилия вокруг меня, и спросил, уж не собираюсь ли я его поколотить. Он засмеялся, и это несколько разрядило обстановку. Он сказал, что у меня есть склонность к вспышкам насилия, но, поскольку на деле я нерешителен, насилие это чаще всего оборачивается против меня

самого. – Ты прав, дон Хуан.

– Еще бы, – сказал он со смехом.

Он попросил меня рассказать ему о своем детстве. Я заговорил о годах страха и одиночества и постепенно перешел к тому, что считал своей борьбой за выживание и укрепление духа. Дон Хуан засмеялся, когда я употребил метафору «укрепление духа».

Я говорил долго. Он очень серьезно слушал. Потом в какой-то момент снова «сжал» меня глазами, и я замолчал. После короткой паузы он сказал, что никто по-настоящему не унижал меня, и это было причиной моей нерешительности.

– Ты никогда не испытывал поражения, – сказал он.

Он повторил это четыре раза, и в итоге я не мог не спросить, что он имеет в виду. Он объяснил, что «быть побежденным» – это состояние, образ жизни, от которого побежденный не может уйти.

Люди делятся на две категории – победители и побежденные: в зависимости от этого они становятся гонителями или гонимыми.

Человек попеременно находится то в одном, то в другом из этих состояний до тех пор, пока не научится *видеть*. *Видение* рассеивает иллюзии побед, поражений, страданий.

Он добавил, что мне следовало бы научиться *видеть* тогда, когда я буду победителем, чтобы у меня не осталось даже тени воспоминаний о чувстве унижения.

Я возразил, сказав, что никогда и ни в чем не был победителем и что жизнь моя – одно сплошное поражение.

– Если твоя жизнь является таким поражением, наступи на мою шляпу, – вызвал он меня в шутку.

Я чистосердечно доказывал свое. Дон Хуан стал серьезным, его глаза сузились до тонких щелок. Он сказал, что я считаю свою жизнь поражением не потому, что она таковым является, но совсем по другим причинам. Вдруг он быстрым и совершенно неожиданным движением сжал ладонями мои виски и пристально посмотрел мне в глаза. От испуга я непроизвольно сделал глубокий вдох ртом. Он отпустил мою голову, и она откинулась к стене. Все это было проделано так быстро, что когда он расслабился и сел, прислонившись спиной к стене, я был еще на середине глубокого вдоха. Я почувствовал головокружение, нервозность.

– Я *вижу* маленького плачущего мальчика, – сказал дон Хуан после паузы.

Он повторил это несколько раз, но я не обращал на его слова особого внимания, поскольку думал, что речь идет обо мне в детстве.

— Эй, — сказал он, требуя моего полного внимания. — Я *вижу* маленького плачущего мальчика.

— Это — я?

— Нет.

— Это — видение из моей жизни или твои воспоминания?

Дон Хуан не ответил.

— Я *вижу* маленького мальчика, — снова сказал он. — Он плачет и плачет. — Я знаю этого мальчика? — спросил я.

— Да.

— Это — мой сынишка?

— Нет.

— Он плачет сейчас?

— Он плачет сейчас, — сказал он убежденно.

Я подумал, что дон Хуан *видел* ребенка, которого я знаю и который где-то плачет именно в это время. Я начал перечислять имена знакомых детей, но дон Хуан сказал, что все они не имеют к моему обещанию никакого отношения, а этот плачущий мальчик — имеет, причем самое непосредственное.

Утверждение дон Хуана показалось мне нелепым. Он сказал, что в детстве я кому-то что-то обещал, и в то же время — что ребенок, который плачет в данный момент, имеет к этому непосредственное отношение. Я уверял его, что в этом нет смысла. Он спокойно повторил, что *видит* маленького мальчика, который плачет сейчас, и что мальчику больно.

Какое-то время я вполне серьезно старался придать его утверждениям хоть какой-то смысл.

— Хватит, — сказал я наконец. — Я не помню, чтобы давал кому-то важное обещание, а тем более — ребенку. Он опять прищурил глаза и сказал, что это — ребенок из моего детства, который плачет сейчас.

— Он — ребенок из моего детства, и плачет сейчас?

— Да.

— Ты понимаешь, о чем ты говоришь, дон Хуан?

— Понимаю.

— Это не имеет смысла. Как сейчас он может быть ребенком, если был им во время моего детства?

– Это ребенок. Он плачет сейчас, – упрямо повторил он.

– Объясни мне это, дон Хуан.

– Нет, ты должен объяснить мне это.

Хоть убей, но я не мог понять, о чем он говорил.

– Он плачет, он кричит, – продолжал говорить дон Хуан гипнотизирующим тоном. – Он держит тебя. Он крепко сжимает. Он обнимает. Он смотрит на тебя. Ты чувствуешь его глаза? Он становится на колени и обнимает тебя. Он моложе тебя. Он подбегает к тебе. Но его рука сломана. Ты чувствуешь его руку? У этого маленького мальчика нос выглядит подобно пуговке. Да. Это нос-пуговица!

В ушах появился гул, и я потерял чувство реальности происходящего. Слова дон Хуана «нос пуговицей» бросили меня в сцену из моего детства. Я знал мальчика с носом-пуговицей! Дон Хуан незаметно проник в одно из наиболее темных мест моей жизни. Я вспомнил обещание, о котором он говорил. В тот момент мое состояние было смесью экзальтации, отчаяния и благоговения перед доном Хуаном и его великолепным маневром. Откуда, черт возьми, он знает о существовании мальчика с носом-пуговицей из моего детства? Воспоминание до того взволновало меня, что я перенесся в далекое прошлое, когда мне было восемь лет. Моя мать умерла два года назад, и наиболее мучительные годы своей жизни я провел среди ее сестер, которые по очереди брали меня в свои семьи, меняясь раз в два месяца. У каждой из теток была большая семья, и как бы предупредительно и нежно они ко мне ни относились, конкуренция со стороны двадцати двух кузенов и кузин давала себя знать. Их бессердечие было иногда действительно странным. Я почувствовал, что меня окружают враги, и потянулись годы отчаянной и неприглядной войны. В конце концов мне удалось подчинить себе всех своих многочисленных двоюродных братьев и сестер. Мне до сих пор непонятно, за счет чего я вышел в этой войне победителем. У меня больше не было достойных соперников. Однако я не знал этого, и не знал, как прекратить свою войну, которая вскоре перенеслась и на школьную почву.

Классы сельской школы, которую я посещал, были смешанными, и первый класс отделялся от третьего только расстоянием между партами. Там я и познакомился с курносым малышом, которого из-за носа дразнили «Пуговкой». Он был первоклассником. Время от

времени я дразнил и третировал его, правда, не злостно, а просто так, от нечего делать. Но, несмотря ни на что, он, казалось, меня любил и всюду за мной таскался хвостиком. Он даже знал, что на моей совести – несколько проделок, расследование которых завело в тупик самого директора школы, однако никому не говорил об этом ни слова. Но я все равно донимал его. Однажды я нарочно опрокинул тяжелую классную доску, и она упала на Пуговку. Парты, за которой он сидел, отчасти задержала ее, но все равно удар получился сильный и сломал ему ключицу. Он упал. Я помог ему встать и, когда он уцепился за меня и обнял, увидел в его глазах испуг и боль. Это было слишком, я не мог вынести вида малыша с изуродованной рукой, который, плача, обнимал меня. Годы я сражался с родственниками и победил, покорив всех своих противников, но в миг, когда я увидел страдания этого маленького курносого мальчика, все мои победы были уничтожены. Не сходя с места, я проиграл все битвы сразу. Я думал, что ему отрежут руку, и пообещал, что если малыша вылечат, я никогда в жизни не буду победителем. Ради него я отказался от всех своих побед. По крайней мере, так я понимал это тогда.

Дон Хуан вскрыл гнойную рану моей жизни, затянувшуюся многими слоями последовавших событий. Я был ошеломлен, голова кружилась. Передо мной разверзлась пропасть бесконечной печали, и я с головой в нее погрузился. Мои поступки тяжким грузом легли на душу. Воспоминание о курносом малыше по имени Хоакин заставило меня страдать настолько живо, что я начал плакать. У этого мальчика никогда ничего не было, его родители не могли даже обратиться к врачу, так как у них не хватало денег на лечение, и рука Хоакина так и сраслась неправильно. Я заплатил за это всего лишь своими детскими победами. Мне было невыносимо стыдно.

– Успокойся, чудак, – сказал дон Хуан. – Ты отдал достаточно. Теперь ты можешь изменить свое обещание.

– Изменить? Но как? Произнести соответствующие слова?

– Нет, такого рода обещание словами не изменишь. Но очень скоро ты, возможно, поймешь как это сделать. Тогда, наверное, ты даже начнешь *видеть*.

– Можешь ты мне хотя бы подсказать, дон Хуан? Чуть-чуть? – Ты должен терпеливо ждать, зная о своем ожидании и зная, чего ты

ждешь. Это – путь воина. Если дело в том, чтобы выполнить обещание, то ты должен делать это сознательно. Рано или поздно ожидание закончится, и ты будешь свободен от обязательств. Теперь ты уже никак не сможешь изменить жизнь того мальчика. Только он сам может вычеркнуть из своей жизни то, что тогда произошло.

– Как?

– Научившись уничтожать желания. Пока он считает себя жертвой, его жизнь останется адом. Пока ты считаешь его жертвой, твое обещание останется в силе. Желание – вот что заставляет нас страдать, но как только мы научимся уничтожать свои желания, любая полученная нами мелочь превратится в бесценный дар. Будь спокоен, ты сделал Хоакину царский подарок. Бедность и нужда – это только мысли; то же касается ненависти, голода, боли.

– Я не могу в это поверить, дон Хуан. Как голод и боль могут быть только мыслями?

– Для меня сейчас они являются только мыслями. Это все, что я знаю, это мое достижение. Запомни: понимание этого – единственное, что позволяет нам противостоять силам жизни. Без него мы – мусор, пыль на ветру. – Я не сомневаюсь, дон Хуан, что ты это сделал. Но разве такое под силу обыкновенному человеку – мне, скажем, или маленькому Хоакину?

– Наша судьба как людей – противостоять силам жизни. Я много раз говорил тебе: только воин может выжить. Воин знает о своем ожидании и знает, чего он ждет. Когда он ждет, у него нет желаний, и поэтому какую бы малость он ни получил, это всегда больше, чем он может взять. Если он хочет есть, то найдет путь, потому что не голоден. Если он ранен, то справится с этим, потому что не страдает от боли. Быть голодным или страдать от боли означает, что сила голода или боли уничтожает тебя.

Я хотел было отстаивать свое мнение, но остановился, потому что понял, что таким образом пытаюсь защититься от разрушительной силы великолепной победы дона Хуана, которая затронула меня так глубоко и с такой силой. Как он знает? Я подумал, что мог рассказать ему историю о курносом мальчике во время одного из моих состояний необычной реальности. Но мне все равно казалось, что я никогда не говорил ему об этом. Впрочем, то, что я не помнил, предполагалось с самого начала.

– Как ты узнал о моем обещании, дон Хуан?

– Я *видел* его.

– Ты *видел* его, когда я принимал Мескалито или когда я курил твою смесь?

– Я *видел* его сейчас, сегодня.

– Ты *видел* все событие?

– Снова ты за свое. Я же говорил тебе, что нет смысла обсуждать, на что похоже *видение*.

Я больше не настаивал. Эмоционально я был убежден.

– Я также дал клятву однажды, – неожиданно сказал дон Хуан.

Звук его голоса заставил меня вздрогнуть.

– Я обещал отцу, что я буду жить, чтобы уничтожить его убийц. Я носил в себе это обещание долгие годы. Теперь обещание изменено. Я не интересуюсь больше уничтожением кого-либо. Я не ненавижу мексиканцев. У меня нет ненависти ни к кому. Я знаю, что бесчисленные пути каждого пересекаются в его жизни. Все равны. Угнетатель и угнетенный в конце встречаются, и единственное, что преобладает, – это то, что жизнь была слишком короткой для них обоих. Сегодня я чувствую печаль не потому, что мой отец или моя мать умерли так, как они умерли, а потому, что они были индейцами. Они жили как индейцы и умерли как индейцы, и никогда не знали, что они были прежде всего людьми.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 10

30 мая 1969 года я вновь приехал к дону Хуану и с порога заявил, что хочу еще раз попытаться «увидеть». Он отрицательно покачал головой, засмеялся и сказал, что придется потерпеть, потому что еще не время. Но я упорно твердил, что уже готов. Похоже, мои навязчивые просьбы не особенно его раздражали. Тем не менее он попытался сменить тему. Я не поддался и попросил его посоветовать, как мне справиться со своим нетерпением.

– Ты должен действовать, как воин, – сказал он.

– Как?

– Чтобы научиться действовать, как воин, нужно действовать, а не болтать.

– Ты говорил, что воин думает о своей смерти. Я все время это делаю, но, очевидно, этого недостаточно.

Он вроде начал сердиться и даже чмокнул губами. Я поспешно сказал, что не хотел его злить, и что если я сейчас не нужен, то готов уехать обратно в Лос-Анжелес. Дон Хуан мягко погладил меня по спине и сказал, что мне хорошо известно, что значит «быть воином».

– Что я должен делать, чтобы жить как воин? – спросил я.

Он снял шляпу и почесал виски. Он пристально посмотрел на меня и улыбнулся.

– Ты любишь все, выраженное в словах, не так ли?

– Так работает мое сознание.

– Оно не должно так работать. – Я не знаю, как измениться. Вот почему я прошу тебя рассказать мне, что именно я должен делать, чтобы жить как воин. А я попытаюсь к этому приспособиться.

Почему-то мое заявление показалось ему забавным, и он долго хохотал, хлопая меня по спине.

У меня было чувство, что он с минуту на минуту собирается отправить меня домой, поэтому я быстро уселся напротив него на свою циновку и стал задавать вопросы. Меня интересовало, почему мне следует выжидать.

Он объяснил, что если я попытаюсь *видеть*, не «залечив»

предварительно «раны», полученные в битве со стражем, то могу опять столкнуться с этим монстром, даже если не буду искать встречи с ним. Дон Хуан заверил меня, что выжить в такой ситуации не способен никто.

– Ты должен полностью забыть стража, и только после этого пытаться *видеть* снова. – Забыть стража?! Да разве такое можно забыть?

– Для того, чтобы забыть, воин использует волю и терпение. В действительности это все, что у него есть. При помощи воли и терпения воин добивается всего, чего хочет.

– Но я же – не воин.

– Ты встал на путь магии. У тебя нет больше времени ни на отступление, ни на сожаления. Время есть лишь на то, чтобы жить, как подобает воину, вырабатывая терпение и волю. Нравится тебе это или нет.

– Как воин их вырабатывает?

Прежде, чем ответить, дон Хуан долго думал. В конце концов он произнес:

– Мне кажется, об этом невозможно рассказать. Особенно о воле, потому что воля – это нечто очень специфическое. Проявления ее таинственны. Нет никакой возможности объяснить, как ее использовать, можно только увидеть результаты. Они ошеломляют. Наверное, прежде всего нужно осознать, что волю можно развить. Воин знает об этом и терпеливо ждет. Ты не отдаешь себе отчета в том, что твое ожидание – ожидание воли. И это твоя ошибка. Мой бенефактор говорил мне, что воин знает, чего он ждет, и знает чего ждет. Ты знаешь, что ждешь. Но хотя ты и околачиваешься здесь годами, ты так до сих пор и не понял, чего именно ждешь.

Среднему, обычному человеку очень трудно, практически невозможно узнать, чего он ждет. Для воина, однако, такой проблемы не существует. Он знает, что его ожидание – это ожидание воли.

– Ты можешь мне четко сказать, что такое воля? Это что – устремление, вроде мечты Лусио заполучить мотоцикл?

– Нет, – мягко произнес дон Хуан и усмехнулся. – Это – не воля. Лусио просто потакает своим желаниям и своей слабости. Воля – это другое. Воля – это нечто предельно чистое, мощное, что направляет наши действия. Воля – это то, что позволяет человеку

победить в битве, будучи обреченным на поражение. – Тогда, может быть, воля – это то, что мы называем мужеством?

– Нет, мужество – это другое. Мужественные люди зависимы. Они благородны, из года в год окружены толпой людей, которые превозносят их и восхищаются ими. Но волей из мужественных людей не обладает почти никто. Они бесстрашны, способны на действия очень смелые, однако обычные, не выходящие за рамки здравого смысла. Большинство мужественных людей внушают страх, их боятся. Но проявления воли относятся к достижениям, которые не укладываются ни в какие рамки нашей обычной реальности, поразительным действиям, выходящим за пределы здравого смысла.

– Воля – это владение собой?

– Можно сказать, что это один из видов контроля.

– Как ты думаешь, я могу тренировать волю, например, отказываясь от чего-то?

– Например, от того, чтобы задавать вопросы, – съязвил дон Хуан.

Тон его при этом был настолько въедлив, что я даже перестал писать и поднял на него глаза. Мы оба рассмеялись. – Нет.

Отказывая себе в чем-либо, человек потакает себе, идя на поводу самолюбия или даже самовлюбленности. Я не советую заниматься подобными глупостями. Поэтому и позволяю тебе спрашивать – все, что ты пожелаешь. Если бы я потребовал от тебя прекратить задавать вопросы, ты мог бы поранить свою волю, пытаясь выполнить мое требование. Самоограничение – самый худший и самый злостный вид потакания себе. Поступая подобным образом, мы заставляем себя верить, что совершаем нечто значительное, чуть ли не подвиг, а в действительности только еще больше углубляемся в самолюбование, давая пищу самолюбию и чувству собственной важности. Отказаться от чего-то или заставить себя перестать что-то делать – это еще не проявление воли. Если ты, например, заставишь себя перестать задавать вопросы, это действие не будет иметь с волей ничего общего. Воля – это энергия, сила, самостоятельная действующая единица. Она требует должного управления и настройки, на что требуется время. Мне это известно, поэтому в отношении тебя я спокоен. Когда мне было столько же лет, сколько тебе сейчас, я был не менее импульсивен, чем ты. Но это прошло. Воле нет дела до наших слабостей, она работает несмотря ни на что. Твоя, например, уже

начинает приоткрывать просвет.

– О каком просвете ты говоришь?

– У нас есть просвет, как родничок на голове младенца. Только родничок со временем закрывается, а этот просвет – наоборот, по мере того, как у человека развивается воля, становится все больше.

– Где он находится?

– Там, откуда исходят светящиеся волокна, – сказал он, показывая на мою брюшную полость.

– Для чего он?

– Через это отверстие, подобно стреле, выстреливается воля.

– Воля материальна?

– Нет. Я просто сказал так, чтобы тебе было понятнее. То, что маг называет волей, есть сила внутри нас самих. Это не мысль, не предмет, не желание. Прекратить задавать вопросы – не значит использовать волю, потому что для этого нужно думать и хотеть. Воля – это то, что заставляет тебя побеждать, когда твой рассудок говорит тебе, что ты повержен. Воля – это то, что делает тебя неуязвимым. Воля – это то, что позволяет магу пройти сквозь стену, преодолеть огромное расстояние, попасть на Луну, если он того пожелает.

Больше я ни о чем не хотел спрашивать. Я устал и вдобавок нервничал, потому что боялся, что дон Хуан попросит меня уехать.

– Пойдем на холмы, – сказал он неожиданно и встал. По пути он снова начал говорить о воле, посмеиваясь над тем, что я не мог записывать на ходу.

Он описал волю как силу, которая была истинным звеном между миром и людьми. К определению мира дон Хуан подошел очень тщательно, сказав что мир – это то, что мы воспринимаем, независимо от избранного нами способа восприятия. Дон Хуан считал, что «восприятию мира» сопутствует процесс «схватывания», то есть глубокого осознания того, что перед нами предстало и было воспринято. Такое «комплексное» восприятие осуществляется органами чувств и волей.

Я спросил его, не является ли воля тем, что иногда называют «шестое чувство». Он ответил, что она, скорее, является связью между нами и воспринимаемым миром.

Я предложил остановиться, чтобы все это записать. Но он засмеялся и продолжал идти.

В тот вечер он так и не отправил меня в Лос-Анжелес. А на

следующее утро, за завтраком, сам продолжил разговор о воле. – То, что среди людей принято называть волей, – не более чем упорство и твердость характера, – сказал он, – То, что маг называет волей, – есть сила, которая исходит изнутри него и привязывается к внешнему миру. Она выходит через живот, прямо отсюда, где находятся светящиеся волокна.

Он потер свой пупок, указывая место.

– Я говорю, что она выходит отсюда, потому что так это чувствуешь.

– Почему ты называешь это волей?

– Я вообще это никак не называю. Но мой бенефактор называл это волей, и все люди знания называют это так. – Вчера ты сказал, что мир можно воспринимать как чувствами, так и волей. Что это означает?

– Обычный человек «схватывает» то, что есть в мире с помощью рук, глаз или ушей. Маг может «схватывать» также и с помощью воли. Я не могу описать тебе, как это делается, но ты сам, к примеру, не можешь описать мне, как ты слышишь. Так случилось, что я тоже могу слышать, поэтому мы можем говорить о том, что мы слышим, но не о том, как мы слышим. Маг использует свою волю для того, чтобы ощущать мир. Но это ощущение не похоже на слуховое восприятие. Когда мы смотрим на мир или когда мы прислушиваемся к нему, у нас создается ощущение, что он вне нас и что он реален. Ощущая мир нашей волей, мы узнаем, что он не настолько «вне нас» и не так «реален», как мы думаем.

– Воля – это то же самое, что и *видение*? – Нет. Воля – это сила, энергия. *Видение* – это не сила, а способ проникновения в суть вещей. Маг может иметь очень сильную волю, но он все же может не *видеть*, что означает, что только человек знания ощущает мир своими чувствами, своей волей и своим *видением*.

Я сказал ему, что нахожусь в еще большем замешательстве, чем при разговоре о том, как использовать свою волю, чтобы забыть стража. Это заявление и мое недоумение, казалось, развеселили его.

– Я предупреждал, что слова только запутывают, – сказал он и засмеялся. – Теперь ты знаешь, что ждешь свою волю. Но ты все еще не знаешь, ни что это такое, ни как это может с тобой произойти. Поэтому тщательно следи за всем, что делаешь. В ежедневных мелочах, которыми ты занимаешься, кроется то, что

поможет тебе развить волю.

Дон Хуан отсутствовал все утро. Вернулся он после полудня с охапкой сухих растений. Кивком он попросил меня помочь, и несколько часов мы молча разбирали то, что он принес. Закончив, мы присели отдохнуть, и дон Хуан благосклонно улыбнулся. Я очень серьезно заявил, что внимательно перечитал свои позавчерашние и вчерашние заметки, но так и не понял, что значит «быть воином» и в чем суть понятия воли.

– Воля – не понятие, – сказал дон Хуан.

Это были первые его слова, обращенные ко мне тот день.

Он довольно долго молчал, а потом продолжил:

– Мы с тобой очень разные. Наши характеры непохожи. Ты по природе в большей степени склонен к насилию, чем я. В твоём возрасте я не был агрессивен, более того – я был робок. Ты же – наоборот, и в этом похож на моего бенефактора. Он бы идеально подошел тебе в качестве учителя. Это был великий маг, но он не *видел*. Ни так, как я, ни так, как Хенаро. Я ориентируюсь в мире и живу, опираясь на *видение*. Мой бенефактор должен был жить как воин. *Видящий* не должен жить как воин или как кто-то еще, ему это ни к чему. Он *видит*, следовательно, для него все в мире предстает в обличье своей истинной сущности, должным образом направляя его жизнь. Но, учитывая твой характер, я должен сказать тебе, что, возможно, ты так никогда и не научишься *видеть*. В этом случае тебе придется всю жизнь быть воином.

Мой бенефактор говорил: встав на путь знания, человек постепенно осознает, что обычная жизнь для него навсегда осталась позади, что знание – страшная вещь, и средства обычного мира уже не могут его защитить. Поэтому, чтобы уцелеть, нужно жить по-новому. И первое, что необходимо сделать на этом пути, – захотеть стать воином. Важное решение и важный шаг. Путь знания не оставляет выбора – идти по нему может только воин. К тому моменту, когда человек осознает устрашающую природу знания, он осознает и то, что смерть на этом пути – верный попутчик, незаменимый партнер, который всегда рядом. Смерть является главным фактором, превращающим знание в энергию, в реальную силу. Прикосновением смерти завершается все, и все, чего она коснулась, становится силой.

На каждом повороте этого пути человек сталкивается с угрозой полного уничтожения, поэтому неизбежно начинает осознавать

свою смерть. Без осознания смерти он останется только обычным человеком, совершающим заученные действия. Он не будет обладать мощью и способностью к концентрации, чтобы отведенное ему на этой земле время превратить в магическую силу. Поэтому, чтобы стать воином, человек прежде всего должен полностью осознать свою собственную смерть. Но простое беспокойство в связи с возможностью умереть ничего не дает, лишь заставляет замкнуться на себе. Поэтому необходима отрешенность. Тогда идея неизбежности смерти не превращается в манию, а становится безразличной.

Дон Хуан замолчал и посмотрел на меня, словно ждал каких-то слов.

– Ты все понял? – спросил он.

Я понял, что он сказал. Но представить себе, каким образом достигается отрешенность, не мог. Я сказал, что, судя по всему, уже добрался до той точки пути, в которой знание проявляет свою устрашающую природу. С уверенностью могу утверждать, что более не нахожу поддержки в обычной жизни, что хочу стать воином, вернее, не хочу, а остро в этом нуждаюсь.

– Тогда тебе нужно отречься, – сказал он.

– Отречься от чего?

– Отречься от всего.

– Но это невозможно. Я не намерен становиться отшельником.

– Я не об этом. Стать отшельником – значит потакать себе, своей слабости. Отшельник не отрекается, он насильно загоняет себя в пустыню, принуждая к затворничеству, или бежит от женщины, трудностей, полагая, что это спасет его от разрушительного действия сил жизни и судьбы. Но это – самообман. Только мысль о смерти может дать человеку отрешенность, достаточную для того, чтобы принуждать себя к чему бы то ни было, равно как и для того, чтобы ни от чего не отказываться. Но это – не страстная жажда, а молчаливая страсть, которую воин испытывает к жизни и ко всему, что в ней есть. Он знает, что смерть следует за ним по пятам и не даст ни за что зацепиться, поэтому он пробует все, ни к чему не привязываясь. Отрешенный воин знает, что невозможно отвести смерть, и знает, что у него есть только одна поддержка – сила его решений. Он должен быть, так сказать, мастером своего выбора. Он должен полностью понимать, что он сам целиком отвечает за свой выбор и что если он однажды сделал его, то у него

нет больше времени для сожалений или упреков в свой адрес. Его решения окончательны просто потому, что его смерть не дает ему времени привязаться к чему-либо.

И, таким образом, с осознанием своей смерти, своей отрешенности и силы своих решений воин размечает свою жизнь стратегически. Знание о своей смерти ведет его, делает его отрешенным и молчаливо страждущим, и сила его окончательных решений делает его способным выбирать без сожалений, и то, что он выбирает, стратегически всегда самое лучшее. Поэтому он выполняет все со вкусом и страстной эффективностью.

Когда человек ведет себя таким образом, то можно смело сказать, что он – воин, и что он достиг своего терпения. Дон Хуан спросил меня, не хочу ли я что-нибудь сказать, и я заметил, что задача, которую он только что описал, отнимет всю жизнь. Он сказал, что, хотя я слишком часто перечил ему, он знает, что в повседневной жизни я во многом вел себя как воин.

– У тебя достаточно хорошие когти, – сказал он, смеясь. – Показывай их мне время от времени. Это хорошая практика. Он сделал жест, изображая когти, и зарычал, а потом засмеялся. Затем он откашлялся и продолжал:

– Когда воин достиг терпения, он на пути к своей воле. Он знает, как ждать. Его смерть сидит рядом с ним на его циновке. Они друзья. Смерть загадочным образом советует ему, как варьировать обстоятельства и как жить стратегически. И воин ждет. Я бы сказал, что воин учится без всякой спешки, потому что он знает, что он ждет свою волю. Однажды он добьется успеха в свершении чего-то, что обычно совершенно невозможно выполнить. Он может даже не заметить своего необычного поступка. Но по мере того, как он продолжает совершать необычные поступки, или по мере того, как необычные вещи продолжают случаться с ним, он начинает сознавать проявление какой-то силы, исходящей из его тела. Сначала она подобна зуду на животе или жжению, которое нельзя успокоить. Затем это становится болью, большим неудобством. Иногда боль и неудобство так велики, что у воина бывают конвульсии в течение месяца. Чем сильнее конвульсии, тем лучше для него. Отличной воле всегда предшествует сильная боль.

Когда конвульсии исчезают, воин замечает, что у него появляется странное чувство относительно вещей. Он замечает, что может,

фактически, трогать все, что он хочет тем чувством, которое исходит из его тела – из точки, находящейся в районе пупка. Это чувство есть воля, и когда он способен охватываться им, можно смело сказать, что воин – маг, и что он достиг воли.

Дон Хуан остановился и, казалось, ждал моих замечаний или вопросов. Я был слишком занят мыслью, что маг должен испытывать боль и конвульсии, и мне было неудобно спрашивать его, должен ли я также пройти через это. Наконец, после долгого молчания, я спросил его об этом, и он рассмеялся, как будто ждал этого вопроса. Он сказал, что боль не является абсолютно необходимой и что он, например, никогда не испытывал ее, и воля просто пришла к нему.

– Однажды я был в горах, – начал он, – и натолкнулся на пуму, самку. Она была большая и голодная. Я побежал, и она погналась за мной. Я влез на скалу, а она остановилась в нескольких футах, готовая к нападению. Я стал бросать в нее камни. Она зарычала и собралась атаковать меня. И тогда моя воля полностью вышла; я остановил пуму до того, как она прыгнула. Я поласкал ее своей волей. Я действительно потрогал ею ее соски. Она посмотрела на меня сонными глазами и легла. А я побежал как сукин сын, не дожидаясь, пока она оправится.

Дон Хуан сделал очень комичный жест, изображая человека, которому дорога жизнь, бегущего и придерживающего свою шляпу.

Я сказал ему, что мне неловко думать, что меня ожидают только самки горных львов или конвульсии. Я хотел волю. – Мой бенефактор был магом с большими силами, – продолжал он. – Он был воин до мозга костей. Его воля была действительно его самым чудесным достижением. Но человек может пойти еще дальше. Человек может научиться *видеть*. После того, как он научился *видеть*, ему не нужно больше быть ни воином, ни магом. Став *видящим*, человек становится всем, сделавшись ничем. Он как бы исчезает, и в то же время он остается. В принципе он может заполучить все, что только пожелает, и достичь всего, к чему бы ни устремился. Но он не желает ничего, и вместо того, чтобы забавляться, играя обычными людьми, как безмозглыми игрушками, он растворяется среди них, разделяя их глупость. Единственная разница состоит в том, что *видящий* контролирует свою глупость, а обычный человек – нет. Став *видящим*, человек

теряет интерес к своим ближним. *Видение* позволяет ему отрешиться от всего, что он знал раньше.

– Меня бросает в дрожь при одной только мысли об отрешении от всего, что я знаю, – сказал я. – Ты, должно быть, шутишь! Тебя должно бросать в дрожь не от этой мысли, а оттого, что впереди у тебя нет ничего, кроме рутинного повторения одних и тех же действий в течение всей жизни. Представь человека, который из года в год выращивает зерно, и так до тех пор, пока силы не покидают его, и он не падает, подобно старому облезлому псу. Все его мысли и чувства, все, что в нем есть самого лучшего, принесено в жертву одному – добыче еды, производству пропитания. Бессмысленная жертва, пустая трата времени – жить, чтобы питаться, и питаться ради жизни, и снова жить, чтобы питаться, и так – до самой смерти. Развлечения, придуманные людьми, как бы они при этом ни изощрялись, – всего лишь жалкие потуги забыться, не выходя за пределы порочного круга – питаться, чтобы жить, и жить, чтобы питаться... Как по мне, то не может быть страшнее потери!

Мы – люди, и наша судьба, наше предназначение – учиться ради открытия все новых и новых непостижимых миров.

– Что, новые миры – это реальность? – спросил я недоверчиво. – Глупый ты! Мы еще только в самом начале пути. *Видение* доступно лишь безупречному воину. Закали свой дух и стань таковым. Тогда, научившись *видеть*, ты узнаешь, что непознанным мирам нет числа и что все они – здесь, перед ними.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 11

Я выполнил все поручения дона Хуана и думал, что он опять отправит меня домой, как делал последние несколько раз. Но он сказал, чтобы я остался, а на следующий день. 28 июня 1969 года, около полудня, предложил снова выкурить смесь.

– Что, опять в гости к стражу?

– Ни в коем случае. На этот раз – кое-что совсем другое.

Дон Хуан спокойно набил трубку, раскурил и протянул мне. У меня не было никаких предчувствий или опасений. После того, как я выкурил трубку, дон Хуан забрал ее у меня и помог мне встать. До этого мы с ним сидели напротив друг друга на двух циновках, которые он положил посреди комнаты. Он сказал, что мы идем немного прогуляться, и слегка подтолкнул меня к двери. Я шагнул, ноги подкосились, и я рухнул на колени. Дон Хуан взял меня под руку и снова поставил на ноги.

– Ты должен идти. Вспомни, как ты встал прошлый раз. Иди тем же способом. Используй волю.

Но я словно врос в землю. Попытавшись сделать шаг правой ногой, я чуть было не потерял равновесие. Слегка поддерживая под правую подмышку, дон Хуан подтолкнул меня к двери, но ноги не держали, и я непременно расквасил бы физиономию, если бы он вовремя не схватил меня за руку, смягчив падение. Он крепко взял меня под правую руку и прислонил к себе. Я ничего не чувствовал, но был уверен, что моя голова лежит у него на плече, потому что видел все под наклоном. Он вывел меня на веранду и начал водить по ней. Дважды мы с трудом обошли ее, но в конце концов я отяжелел настолько, что он уронил меня на пол. Я знал, что теперь ему не под силу сдвинуть меня с места. Я чувствовал, как что-то во мне вполне целенаправленно словно наливалось свинцом. Дон Хуан даже не пытался меня поднять. Какое-то время он смотрел на меня; я лежал на спине к нему лицом. Когда я попытался ему улыбнуться, он засмеялся, а потом наклонился и хлопнул меня по животу. Ощущение было очень странное – не боль, не что-то приятное, а что-то, о чем я не знал даже как

подумать. Что-то типа толчка. Сразу же после этого дон Хуан принялся меня катать. Я все также ничего не чувствовал, но увидел, как вся веранда вдруг пришла во вращательное движение. Установив, наконец, меня в требуемое положение, он отошел на пару шагов.

– Вставай! – приказал он. – Вставай так, как в прошлый раз, не морочь мне голову, ты знаешь как нужно вставать. Встал! Ну! Я настойчиво пытался вспомнить те действия, которые выполнял в таких случаях. Но я не мог ясно думать. Было так, как будто мои мысли хотели своего, как бы сильно я ни старался контролировать их. Наконец, мне пришла мысль, что если я скажу: «Встаю», как я это делал раньше, то непременно встану. Я сказал «Встаю», громко и отчетливо, но ничего не случилось.

Дон Хуан посмотрел на меня с явным неудовольствием, обошел вокруг и направился к двери комнаты. Я лежал на левом боку, лицом к входной двери, через которую был виден двор перед домом. Когда дон Хуан скрылся из виду, я тотчас же решил, что он ушел в комнату, и громко позвал:

– Дон Хуан!

Он не отвечал.

Мною овладело непреодолимое чувство бессилия и отчаяния. Я хотел встать. Я говорил «Встать» снова и снова, как будто это было магическим словом, которое могло заставить меня сдвинуться. Но ничего не случилось. Я расстроился и испытал раздражение. Мне хотелось биться головой о дверь и плакать. Я проводил мучительные моменты, в которые мне хотелось двигаться или говорить, но я не мог ни того, ни другого. Я был действительно неподвижен, парализован. Наконец, мне удалось промычать:

– Дон Хуан, помоги! Дон Хуан вернулся и уселся передо мной. Он засмеялся и сказал, что я впадаю в истерику и что все мои переживания не имеют никакого значения. Подняв мне голову и глядя в глаза, он сказал, что я поддался постыдному страху, и велел прекратить панику.

– Не усложняй себе жизнь, – сказал он, – выбрось из головы все, что лишает тебя душевного равновесия. Успокойся и приведи себя в порядок.

Он опустил мою голову на землю, перешагнул через меня, и я услышал шарканье его сандалий; больше я ничего не мог

воспринимать. Опять он ушел.

Первым мои побуждением было снова начать беситься. Но энергии на это не хватало. Вместо этого я обнаружил, что захожу в состояние редкостной ясности, и испытал чувство огромного облегчения. Я понял, в чем заключается сложность моей жизни, которую имел в виду дон Хуан. Это – мой маленький сын. Больше всего мне хотелось быть ему настоящим отцом. Я представлял, как я буду выковывать его характер, гулять с ним, вообще – «учить его жизни». Но мысль о том, что мне придется принуждать его вести образ жизни, подобный моему, была мне отвратительна. Тем не менее, став «примерным отцом», я неизбежно вынужден буду заниматься именно этим – заставлять его жить так, как удобно мне – либо силой, либо хитрым сочетанием аргументов, которое у нас принято называть «пониманием».

– Надо оставить его в покое, – подумал я, – и не цепляться к нему. Я должен предоставить ему свободу.

Мысли о сыне ввергли меня в депрессивное состояние. Я начал всхлипывать, глаза наполнились слезами, и изображение веранды поплыло. Вдруг очень захотелось встать и найти дон Хуана, рассказать ему о малыше и все объяснить. В следующее мгновение я уже смотрел на то, что меня окружало, из нормального положения – я стоял на ногах! Повернувшись к двери, ведущей в комнату, я увидел дон Хуана. Он стоял прямо передо мной. Я понял, что он стоял здесь все время и никуда не уходил.

Я не чувствовал, что иду, но, видимо, сделал несколько шагов, так как явно приблизился к дону Хуану. Дон Хуан подошел ко мне и взял меня под руки. Его лицо находилось совсем рядом, – Молодец, очень хорошо! – похвалил он.

В то же мгновение я вдруг осознал, что происходит нечто совершенно необыкновенное. Сначала показалось, что я просто вспоминаю случай многолетней давности. Тогда я тоже смотрел на лицо дон Хуана с очень близкого расстояния после курения смеси. В тот раз мне казалось, что я вижу его лицо так, словно оно находится в прозрачном сосуде с водой. Оно было огромным, светящимся и состояло из чего-то текучего и непрерывно двигавшегося. Но тогда эта картинка исчезла, едва мелькнув перед глазами, и я ничего не успел запомнить. Сейчас, однако, дон Хуан держал меня, чтобы я не упал, и времени на то, чтобы разглядеть его лицо, было достаточно. После того как я смог встать и

повернуться, я ясно увидел дона Хуана – знакомого мне дона Хуана. Он подошел ко мне и взял меня под руки. Это я тоже мог утверждать с полной определенностью. Но, сфокусировав взгляд на его лице, я не увидел того дона Хуана, которого привык видеть. Вместо него перед моими глазами предстало нечто большое и странное. Я знал, что это нечто – лицо дона Хуана, но знал не благодаря своему восприятию, а скорее как результат логического умозаключения – в конце концов, ведь за мгновение до этого «знакомый мне дон Хуан» держал меня под руки. Следовательно, странный светящийся предмет у меня перед глазами должен быть его лицом. Кроме того, в нем было что-то очень знакомое и свойственное лицу дона Хуана, но в то же время какое бы то ни было сходство с его «реальным» лицом в этом светящемся объекте отсутствовало. То, на что я смотрел, было круглым предметом, излучавшим свой собственный свет. Каждая его точка находилась в непрерывном движении. Это было сдержанное, волнообразное и ритмичное течение замкнутого в самом себе потока, никогда не выходящего за определенные границы. В то же время каждая точка на поверхности объекта переливалась каким-то собственным движением. В голову пришло, что именно так, должно быть, переливается жизнь. Действительно, движение было настолько живым и текучим, что захватило и даже загипнотизировало меня. Чем дольше я его созерцал, тем труднее было оторваться, и в конце концов я перестал отдавать себе отчет в том, что за явление у меня перед глазами.

Вдруг я почувствовал толчок, светящийся предмет запрыгал, словно его трясли, потускнел, стал плотным и неподвижным и, наконец, превратился в знакомое смуглое лицо дона Хуана. Он спокойно улыбался. Но изображение его «настоящего» лица сохранялось буквально мгновения, а потом оно вновь начало излучать свечение. Правда, это не был свет в том виде, как мы привыкли его воспринимать. Его нельзя было также назвать сиянием. Я бы сказал, что это было собственно движение, какое-то невероятно быстрое мерцание, движение в движении. Светящийся предмет опять запрыгал вверх-вниз и утратил волнообразную текучесть. Яркость стала уменьшаться, снова появилось «плотное» лицо дона Хуана – то, к которому я привык. В этот момент до моего сознания слабо дошло, что дон Хуан трясет меня. Он что-то говорил. Я ничего не понимал, но он тряс меня до тех пор, пока я

не начал слышать.

– Не смотри на меня! Не смотри на меня!

Он тряс меня, видимо, для того, чтобы нарушить устойчивую фиксацию взгляда. Я определенно не видел светящегося объекта до тех пор, пока не начинал пристально вглядываться в его лицо. Отведя взгляд от его лица, боковым зрением я видел «плотного» дона Хуана, то есть вполне нормальное трехмерное изображение его тела. Правда, не совсем обычным было то, что, практически не глядя на него, я воспринимал не только лицо, но и все тело.

Однако стоило мне лишь на миг сфокусировать взгляд, как тут же лицо дона Хуана превращалось в светящийся объект.

– Вообще на меня не смотри, – зловеще сказал дон Хуан.

Я отвел глаза и уставился в пол.

– В принципе не фиксируй взгляд. Ни на чем, – приказал дон Хуан и отступил в сторону, чтобы помочь мне идти.

Я не чувствовал шагов, и сейчас мне трудно судить, насколько уверенно мне удавалось переставлять ноги, однако с помощью дона Хуана – он держал меня под руку – я умудрился пройти за дом и добраться до оросительной канавы. – Теперь созерцай воду, – велел дон Хуан.

Я посмотрел на воду, но созерцание у меня не выходило – отвлекало течение. Дон Хуан шутливо призывал меня потренировать «силу созерцания», но я не мог сосредоточиться и снова уставился на его лицо. Свечение больше не появлялось.

Во всем теле возник зуд, похожий на ощущение, которое бывает в руке или ноге, которая затекла во время сна. Появились подергивания в мышцах ног. Дон Хуан затолкал меня в воду, и я пошел на дно. Канавка была мелкой, и когда я лег на дно, он тут же вытащил меня обратно за правую руку, которую не отпускал с самого начала.

Приходил в себя я довольно долго. Когда через несколько часов мы вернулись в дом, я попросил его объяснить, что со мной происходило. Переодеваясь, я с воодушевлением описывал ему свои видения, но он поставил на них большой жирный крест, заявив, что они не стоят и выеденного яйца. – Подумаешь, большое дело, – говорил он, поддразнивая меня. – Сияние он видел! Тоже мне...

Я требовал объяснений. Тогда он встал и сказал, что ему нужно кое-куда сходить. Было пять часов вечера.

На следующий день я снова пристал к нему, требуя объяснить странные вещи, которые со мной происходили накануне.

– Дон Хуан, это было *видение*?

Он молчал, загадочно улыбаясь, а я все настойчивее требовал ответа.

– Скажем так: *видение* – это нечто подобное, – наконец, произнес он. – Ты созерцал мое лицо и видел его как светящийся объект.

Дымок иногда позволяет наблюдать такие вещи. Ничего особенного в этом нет.

– А чем отличается *видение*?

– Когда *видишь*, мир теряет привычные черты. Все, что ты видишь, ты видишь впервые, оно ни на что не похоже. Мир невероятен!

– Почему невероятен? – Потому что не остается ничего знакомого, ничего узнаваемого. Все, что ты созерцаешь, превращается в ничто! Вчера ты не *видел*. Ты созерцал мое лицо и, поскольку ты меня любишь, видел мое свечение. Я не был ужасен, как страж, наоборот – красив и интересен. Однако это было не *видение*, так как я не превратился для тебя в ничто. Но это был первый реальный шаг к *видению*. Твоя единственная ошибка была в том, что ты сосредоточился на мне, «зацепился» за мою личность. И в этом смысле я для тебя ничуть не лучше стража. В обоих случаях ты не справился и не *видел*.

– Ты говоришь, что все превращается в ничто. Как понять это? Вещи исчезают?

– Нет, не исчезают. Они не пропадают, если ты это имеешь в виду. Все остается на своих местах, но в то же время превращается в ничто.

– Я не понимаю тебя, дон Хуан!

– Ты чертовски настойчив, когда дело доходит до болтовни! – с серьезным видом воскликнул дон Хуан. – Слушай, а может, мы неправильно вычислили твое обещание, а? На самом деле ты, наверное, обещал никогда не прекращать болтовню.

Дон Хуан говорил довольно сурово. На лице его было выражение озабоченности. Я хотел рассмеяться, но не решился, поверив, что он и в самом деле серьезен. Но он засмеялся. Я сказал, что начинаю нервничать, если долго не разговариваю.

– Давай пройдемся, – предложил он.

Он повел меня к выходу из каньона, тянувшегося между холмами. Мы шли около часа. Добравшись, мы немного отдохнули, а потом

дон Хуан повел меня сквозь густой колючий кустарник к источнику, вернее, к тому месту, где когда-то был источник. Но сейчас там было так же сухо, как и везде вокруг.

— Сядь в центре источника, — велел он.

Я повиновался и сел.

— А ты что, не собираешься здесь садиться? — спросил я, заметив, что он присматривает место возле камня у подножия холма, метрах в двадцати от источника. Он ответил, что понаблюдает за мной оттуда. Я сидел, подтянув колени к груди. Он велел мне поджать под себя левую ногу, а правую оставить согнутой с поднятой коленкой. Сжатой в кулак правой рукой я должен был опереться о землю, а левую руку согнуть в локте на уровне груди. Дон Хуан сказал, чтобы я сел в такой позе лицом к нему и расслабился, но, как он выразился, «не распускался». Когда я таким образом приготовился, он вытащил из сумочки какую-то беловатую веревочку, связанную в петлю. Надев петлю на шею, он сильно натянул ее левой рукой. Получились две струны, одну из которых он натянул правой рукой. Она издала протяжный вибрирующий звук.

Он немного ослабил натяжение своего «инструмента» и сказал мне особое слово, которое я должен был выкрикивать, если вдруг почувствую, что на меня кто-то набросился.

Я спросил, кто может на меня наброситься. Он велел мне молчать.

Потом рукой подал знак, что начинает, но не начал, а сказал, что, если нападение примет очень уж угрожающий характер, то мне следует применить боевой прием, которому он научил меня несколько лет назад. Этот прием является частью техники магической защиты. Он используется в особо опасных и критических ситуациях и представляет собой нечто вроде танца, во время которого носком левой ноги ритмично ударяют по земле, хлопая при этом себя изо всех сил по правой ляжке.

Я почувствовал себя очень неуютно и хотел спросить, чего ради он меня сюда затащил, но дон Хуан не дал мне даже рта раскрыть, начав дергать струну. Он дернул ее несколько раз с промежутками секунд двадцать. Я обратил внимание на то, что каждый раз он изо всех сил натягивает петлю, так что рука и шея дрожали от напряжения. Звук получался очень чистый, и я заметил, что, дергая струну, он, кроме того, особым образом вскрикивает. Сочетание звука струны и этого выкрика порождало какие-то невероятные, ни

на что не похожие вибрации.

На меня пока никто не нападал, но глядя на напряженное тело дона Хуана и вслушиваясь в зловещие сверхъестественные звуки, я почти вошел в транс.

Дон Хуан немного расслабился и оглянулся на меня. Пока он играл, я видел только его спину – он стоял, повернувшись лицом в том же направлении, что и я, то есть на юго-восток. – Когда я играю, не смотри на меня, но ни в коем случае не закрывай глаза. Смотри в землю перед собой и слушай.

Он снова натянул струну и заиграл. Я смотрел в землю и слушал, сосредоточившись на звуке. Ничего подобного мне в жизни слышать не доводилось.

Меня охватил страх. Раскаты потустороннего звука заполнили каньон и «высекли» из скал эхо. Я отчетливо слышал, как звук, издаваемый доном Хуаном, возвращается ко мне со всех сторон, отражаясь от стен каньона. Дон Хуан натянул струну сильнее, и звук стал выше, а тон эха – ниже. Потом эхо сконцентрировалось в одной точке – на юго-востоке.

Дон Хуан начал постепенно ослаблять натяжение струны, тон звука понижался до тех пор, пока не послышался последний низкий тупой удар. Он свернул веревочку, спрятал ее в сумку, подошел ко мне и помог подняться на ноги. Я обнаружил что мышцы рук и ног у меня окаменели, одежда буквально пропиталась потом. Я и понятия не имел, что так сильно потел, когда он играл. Резало глаза, которые воспалились оттого, что в них затекли струйки пота.

Дон Хуан практически оттащил меня от места, где я сидел. Я хотел что-то сказать, но он закрыл мне рот ладонью.

Обратно мы пошли не той дорогой, по которой пришли. Дон Хуан повел меня в обход. Мы вскарабкались наверх по склону каньона, по холмам ушли довольно далеко в сторону от его устья, и только потом повернули к дому.

Весь обратный путь мы проделали молча и пришли, когда уже совсем стемнело. Я снова попытался что-то сказать, и опять дон Хуан зажал мне рот.

Мы ничего не ели и не зажигали керосиновую лампу. Дон Хуан перенес мою циновку в свою комнату и кивнул на нее. Я решил, что он предлагает мне ложиться спать.

– У меня есть для тебя хорошее занятие, – сказал дон Хуан на

следующее утро, едва я протер глаза. – Как раз то, что тебе нужно. Начнешь сегодня же. У нас нет времени, ты ведь знаешь. После долгой неловкой паузы я почувствовал, что нужно расспросить его о вчерашнем:

– Дон Хуан, что ты делал со мной вчера? Он хихикнул совсем как ребенок.

– Стучался к духу источника. К такого типа духам нужно стучаться, потому что если источник высыхает, то дух забирается внутрь горы. Дух этого источника дремал, но вчера мне удалось его разбудить, скажем так. Впрочем, он ничего не имел против и даже указал нам «твое» направление, – и дон Хуан кивнул на юго-восток.

– Что это за штука – струна, на которой ты играл?

– Духоловка.

– Можно посмотреть?

– Нет. Я тебе когда-нибудь сделаю. Или, пожалуй, лучше ты сам себе сделаешь, когда научишься *видеть*.

– А из чего она?

– Моя – это дикий вепрь. Когда у тебя будет своя духоловка, ты поймешь, что она – живая и может научить тебя издавать различные звуки, которые ей нравятся. По мере тренировки ты как следует освоишь свою духоловку, и вместе вы сможете издавать звуки, полные силы.

– Зачем ты водил меня на поиски духа источника?

– Скоро узнаешь.

Было утро – половина двенадцатого. Мы сидели в тени рамады. Я только что выкурил трубку смеси.

Когда тело полностью «отключилось», дон Хуан велел мне встать, что я и проделал поразительно легко. Он немного помог мне сделать первый шаг. Легкость, с которой я управлял телом, меня удивила – практически самостоятельно я дважды обошел рамаду. Дон Хуан все время шел рядом, но не направлял меня и не поддерживал. Затем он взял меня под руку, повел за дом к канаве и велел созерцать воду, ни о чем не думая.

Я попытался сфокусировать взгляд на воде, но ее движение отвлекало. Мысли начали блуждать, цепляясь за детали окружающей обстановки, взгляд – тоже. Дон Хуан взял меня за голову, встряхнул и еще раз велел смотреть на воду и ни о чем не думать. Он сказал, что созерцание движущейся воды – дело

сложное, но следует проявить настойчивость. Я трижды пытался, и каждый раз меня что-нибудь отвлекало. Каждый раз дон Хуан терпеливо меня встряхивал. Наконец я обнаружил, что сознание и взгляд зафиксировались-таки на воде – я не видел движения, погрузившись в созерцание ее текучести. Вода стала выглядеть по-другому. Она как бы потяжелела и приобрела серовато-зеленый оттенок. Рябь, образованная течением, была чрезвычайно отчетливой. Вдруг я почувствовал, что смотрю не на массу текущей воды, а на ее изображение – то, что было у меня перед глазами, напоминало застывший сегмент, словно вырезанный из потока воды. Рябь была неподвижной. Я мог разглядеть каждый ее изгиб. Потом она начала светиться зеленым светом, испуская что-то вроде зеленого тумана. Его становилось все больше, он светился все ярче, пока не превратился в ослепительно яркое сияние, которым было залито все.

Сейчас я не могу сказать, сколько времени я так просидел, созерцая туман. Дон Хуан меня не трогал, я полностью превратился в зеленое мерцание, которое окутывало и успокаивало меня. Не было ни мыслей, ни ощущений – только исполненное покоя осознание растворения в зеленом умиротворяющем сиянии. Следующее, что я осознал, было ощущение холода и сырости. Постепенно придя в себя, я понял, что лежу на дне канавы. В носоглотку попала вода, я проглотил ее и закашлялся. В носу начало жечь. Я несколько раз чихнул, встал и снова чихнул с такой силой, что изрядная порция газов с характерным звуком вышла из анального отверстия. Дон Хуан хлопнул в ладоши и засмеялся. – Тело пердит – стало быть, живое! – прокомментировал он. Он знаком велел следовать за ним, и мы отправились в дом. Хотелось покоя. Мне почему-то казалось, что настроение мое будет угрюмо-отрешенным. Однако ни усталости, ни меланхолии не было. Наоборот, я чувствовал себя прекрасно и, быстро переодевшись, даже начал насвистывать. Дон Хуан с интересом взглянул на меня и изобразил на лице удивление; вытаращил глаза и раскрыл рот. Мне стало очень смешно – я смеялся гораздо дольше, чем это соответствовало ситуации.

– Да ты и впрямь шутник! – заметил он и сам расхохотался. Я объяснил, что приобретение привычки становиться мрачным после курения смеси не входит в мои планы. Потом я вспомнил встречи со стражем и сказал дону Хуану, что каждый раз после того, как он

вытаскивал меня из оросительной канавы, я чувствовал, что *видение* – где-то рядом, стоит только внимательно смотреть на что-нибудь достаточно долго.

– Это не то. Смотреть, сохраняя покой, и *видеть* – это разные вещи, и второе вовсе не обязательно вытекает из первого, – сказал он. – *Видение* – это технический прием, которым некоторые из нас заведомо не владеют.

Он уставился на меня, как бы давая понять, что я отношусь именно к этой категории людей.

– Ты в силах идти? – спросил он.

Я ответил, что чувствую себя прекрасно, и это вполне соответствовало истине. Я не был голоден, хотя с самого утра ничего не ел. Дон Хуан кинул в рюкзак немного хлеба и несколько кусков сушеного мяса, отдал рюкзак мне и кивнул головой, предлагая следовать за ним.

– Куда мы идем? – спросил я.

Он кивком указал в сторону холмов и повел меня к тому каньону, где был источник. Но в самом каньоне мы не остались, а свернули направо, по скалистому склону взобрались наверх и пошли к вершине одного из холмов. Солнце уже почти коснулось горизонта. Несмотря на прохладу, мне было жарко. Я запыхался и хватал воздух ртом.

Дон Хуан ушел далеко вперед и вынужден был остановиться, поджидая меня. Он сказал, что я в отвратительной форме, и мы вряд ли поступим мудро, если пойдем дальше. Я отдыхал около часа. Дон Хуан выбрал большой гладкий валун почти идеально круглой формы и велел мне лечь на него животом вниз. Он велел мне свесить руки и ноги и полностью их расслабить. Полностью расслабившись, я свободно лежал на камне, а руки, ноги и голова свисали вниз. Спина изогнулась, так что поясница была вверху. В этой позе я провел примерно пятнадцать минут. Потом дон Хуан велел мне перевернуться на спину и растянуть одежду, обнажив живот. Он тщательно выбрал немного листьев и кучкой насыпал их на него. Сразу же по всему телу разлилось тепло. После этого дон Хуан взял меня за ноги и развернул головой на юго-восток. – Теперь позовем дух источника, – сказал он.

Я попытался повернуть голову, чтобы взглянуть на него, но он с силой удержал меня за волосы и объяснил, что из-за плохой физической формы я сейчас очень уязвим, поэтому должен лежать

спокойно и неподвижно. Ветки и листья, которые он положил мне на живот, – особенные, они будут меня защищать. Сам он останется рядом, чтобы в случае чего помочь – вдруг я не справлюсь.

Дон Хуан встал надо мной, прямо за моей головой, так что, поднимая глаза, я мог его видеть. Он вытащил свою «духововку» и натянул ее, но тут заметил, что я за ним наблюдаю. Тогда он легонько щелкнул меня по макушке костяшками пальцев и велел смотреть в небо, не закрывать глаза и сосредоточиться на звуке. Затем, как бы между прочим, добавил, что если вдруг на меня кто-то нападет, нужно, не колеблясь, выкрикивать то слово, которое он сказал мне вчера.

Дон Хуан и «духововка» начали с низкого звука. Постепенно натяжение струны увеличивалось, и я услышал что-то похожее на реверберацию, а потом – четкое эхо, отозвавшееся с юго-востока. Натяжение все увеличивалось. Дуэт «дон Хуан – духововка» был безупречен. Дон Хуан усиливал низкий звук струны, превращая его в пронзительный вопль, завывание, от которого в жилах стыла кровь. В пределе это переходило в жуткий потусторонний визг, с точки зрения всего моего жизненного опыта совершенно невероятный.

Звук метался между горами и вновь возвращался к нам. Я вообразил, что звук возвращается прямо ко мне. Вдруг со мной начало твориться что-то странное – непонятным образом изменилась температура тела. До того, как дон Хуан приступил к извлечению своих диких звуков, мне было тепло и уютно, но когда его завывания достигли пика, меня затрясло, зубы начали стучать, и возникло явственное ощущение, что на меня и впрямь что-то набросилось. В какое-то мгновение я заметил, что небо потемнело – я смотрел вверх, но не осознавал его. Жуткая паника охватила меня, и я что было сил заорал заветное слово. Дон Хуан сразу же начал сбавлять интенсивность, звуки сделались менее душераздирающими, но легче мне от этого не стало.

– Заткни уши, – буркнул дон Хуан.

Я зажал уши ладонями. Через несколько минут дон Хуан прекратил издавать звуки и подошел ко мне. Убрав листья и ветки с моего живота, он помог мне встать и аккуратно сложил их на тот камень, где я отдыхал. Из своей сумки он достал другие листья и натер мне ими живот, а те, что лежали на камне, поджег.

Когда я хотел сообщить ему, что страшно болит голова, он зажал мне рот ладонью.

Мы сидели там, пока все листья не догорели. К тому времени совсем стемнело. Мы начали спускаться с холма, и меня вырвало. Когда мы шли вдоль оросительной канавы, дон Хуан сказал, что я сделал достаточно и должен уехать. Я спросил, что такое дух источника, но он жестом велел мне молчать.

– Об этом – в другой раз, – сказал он.

Потом он сменил тему и пустился в длинные объяснения по поводу *видения*. Я заметил, что не могу писать в темноте, и это досадно. Но он сказал, что стремление все записывать не позволяет мне сосредоточиться на смысле его слов.

Он говорил, что *видение* не имеет отношения к союзникам и магическим приемам. Маг – это человек, способный управлять союзником и манипулировать им в своих целях. Но сам факт управления союзником вовсе не означает, что маг умеет *видеть*. Я напомнил дону Хуану его слова о том, что не имея союзника, невозможно *видеть*. Дон Хуан очень спокойно ответил, что пришел к выводу о возможности *видеть* не управляя союзником.

– Собственно, почему бы и нет? Ведь *видение* не имеет никакого отношения к технике магических манипуляций, – сказал он. – Цель всех магических приемов – воздействие на других людей. А *видение* на других никак не влияет.

В голове у меня все встало на свои места. Пока мы шли, я не испытывал ни сонливости, ни усталости, но ужасно хотел есть, и, когда мы пришли, объелся. Потом я попросил дону Хуана рассказать мне еще что-нибудь о *видении*. Он широко улыбнулся и сказал, что я, похоже, окончательно пришел в себя.

Я спросил:

– Что значит «*видение* не влияет на других людей»?

– Я уже рассказывал тебе об этом. *Видение* – это не магия. Правда, его легко спутать с магией, потому что *видящий* без труда может научиться управлять союзником и стать магом. С другой стороны, можно освоить приемы управления союзником и сделаться магом, но так никогда и не научиться *видеть*.

Кроме того, *видение* по сути своей противоположно магии, потому что показывает неважность всего этого.

– Неважность чего, дон Хуан?

– Неважность всего. На этом разговор закончился. Я был в

состоянии глубокого расслабления, говорить не хотелось. Положив под голову свернутую штормовку, я удобно устроился на своей циновке, поставил рядом керосиновую лампу и в течение нескольких часов писал.

Вдруг дон Хуан снова заговорил:

– У тебя сегодня здорово получилось с водой. Ты понравился духу источника, и он тебе помогает.

Я вспомнил, что ничего не рассказал ему, и начал было говорить о том, как воспринял воду, но он прервал меня:

– Я знаю. Ты воспринимал светящийся зеленый туман.

– Откуда ты знаешь? – не удержался я от вопроса.

– *Видел* тебя.

– И что я делал?

– Ничего. Просто сидел, созерцал воду и в конце концов начал воспринимать зеленый туман.

– Это было *видение*?

– Не совсем, но ты подобрался почти вплотную. Я заметно воодушевился. Хотелось узнать об этом как можно больше. Он засмеялся и прошелся по поводу моего нетерпения, заявив, что зеленый туман может воспринять любой дурак – это явление такого же типа, как страж, оно неизбежно возникает при восприятии воды, и в том, что я этот туман увидел, ничего особенного нет.

– Говоря, что у тебя здорово получилось, я имел в виду, что ты не дергался, как тогда со стражем. Если бы ты завелся, мне бы пришлось трясти тебя за голову, чтобы оттуда выдернуть. Бенефактор того, кто погружается в зеленый туман, должен все время быть начеку на случай, если туман поймает ученика. От стража можно улизнуть самостоятельно, но уйти из зеленого тумана без посторонней помощи нельзя. По крайней мере вначале. Потом ты научишься выбираться без меня. А пока мы займемся другим вопросом.

– Каким?

– Посмотрим, сможешь ли ты *увидеть* воду.

– Как я узнаю, что вижу или *видел* ее?

– Узнаешь. Неразбериха бывает только когда болтаешь.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 12

Разбираясь в своих полевых записях, я натолкнулся на несколько любопытных вопросов. Это было 8 августа 1969 года. Мы с доном Хуаном сидели в тени рамады его дома. Я спросил:

– Зеленый туман – это что-то вроде стража? В том смысле, что его тоже нужно преодолеть, чтобы *видеть*?

– Да. Преодолевать приходится все.

– А как мне преодолеть зеленый туман?

– Так же, как и стража, заставив его превратиться в ничто.

– Что для этого следует делать?

– Ничего. Тебе намного легче справиться с зеленым туманом, чем со стражем. Ты нравишься духу источника, а страж был явно не для твоего характера. Его ты по-настоящему не *видел*.

– Наверное потому, что он мне не понравился. А если бы понравился? Ведь некоторым тот страж, которого я видел, наверняка показался бы красивым. Они смогли бы одолеть его? – Нет. Никак ты не поймешь. Совершенно не важно – нравится тебе страж или нет. Пока ты будешь испытывать к нему хоть какое-то чувство, он останется неизменным – чудовищным, красивым или каким-то там еще. Но если ты будешь бесстрастным, он превратится в ничто. Нет, он никуда не денется, но превратится в ничто.

В утверждении, что столь грандиозное явление, как страж, может превратиться в ничто, оставаясь тем не менее перед глазами, не было никакого смысла. Я подумал, что это – одна из алогичных предпосылок системы знания дона Хуана. В то же время я не сомневался, что он сможет объяснить мне это, если захочет.

Поэтому я спросил:

– Что ты имеешь в виду?

– Ты думал о его омерзительности. Он был жутких размеров. Он плевался. Он был чудовищем. Ты знаешь, что подразумевается под всеми этими понятиями. Поэтому для тебя страж все время является чем-то таким, что ты знаешь, что тебе известно, и пока это так, *увидеть* его невозможно. Я уже говорил тебе – страж

должен превратиться в ничто, оставаясь неизменным перед тобой. Он должен оставаться на месте и в то же время быть ничем.

– Ну как это? Дон Хуан, это же – абсурд.

– Да. Но таково *видение*. О нем невозможно говорить. Чтобы научиться *видению*, нужно *видеть*. С водой у тебя явно нет проблем. Тогда ты ее почти *видел*. Вода – твой «конек». Тебе осталось только отработать технику. Кроме того, у тебя есть могучий помощник – дух источника.

– Кстати, о духе источника. Этот вопрос меня очень интересует.

– Тебя может интересовать все что угодно, но говорить о духе источника, находясь на его территории, не стоит. Здесь о нем лучше даже не думать. Иначе он схватит тебя, и никто уже не сможет тебе помочь. Так что помалкивай и думай о чем-нибудь другом.

На следующий день около десяти часов утра дон Хуан вытащил из чехла трубку, набил ее смесью, дал мне и велел отнести на берег канавы. Держа обеими руками трубку, я умудрился расстегнуть рубашку и засунуть трубку за пазуху. Дон Хуан нес две циновки и поднос с тлеющими углями. Мы сели на циновки в тени деревьев бреа на берегу у самой воды. Дон Хуан положил в трубку уголек и протянул ее мне. Я не испытывал ни опасений, ни особого энтузиазма. Почему-то вспомнилось редкостное чувство интереса и благоговения, возникшее у меня во время второй попытки *увидеть* стража, уже после того, как дон Хуан объяснил, кем страж является на самом деле. Но сейчас не было никаких эмоций, кроме любопытства, хотя дон Хуан и предупредил меня, что на этот раз я, возможно, по-настоящему *увиджу* воду.

Дон Хуан заставил меня выкурить не одну, а две трубки подряд. В какой-то момент он наклонился ко мне и в самое ухо прошептал, что собирается научить меня использовать воду для перемещения в пространстве. Он наклонился так близко, что почти касался губами моего уха, и велел смотреть не вглубь воды, а сосредотачивать внимание на ее поверхности до тех пор, пока не появится зеленый туман. Снова и снова он повторял:

– Все внимание сосредотачивай на тумане, пока не перестанешь различать что бы то ни было еще.

Потом я услышал его слова:

– Смотри на воду прямо перед собой, но не позволяй ее журчанию увести тебя. Если ты уйдешь со звуком воды, я не смогу найти

тебя и вернуть. Теперь – вперед, в зеленый туман, и слушай мой голос.

Я все слышал и понимал чрезвычайно ясно. Сосредоточенно глядя на воду, я ощутил нечто вроде физического удовольствия, какое-то неопределенное наслаждение, похожее на внутренний зуд. Я долго всматривался, но зеленого тумана все не было.

Неожиданно я потерял контроль над глазами. Может, я моргнул, а может, закрыл глаза на чуть более длительное время – где-то на секунду, или просто не смог уследить за фокусировкой, но, как бы то ни было, вода остановилась. Движение полностью прекратилось; я словно смотрел на изображение неподвижной ряби, мастерски написанное маслом. Потом вода зашипела, словно в ней мгновенно образовалась масса пузырьков углекислого газа. Через мгновение я увидел, что шипением сопровождался процесс медленного распространения зеленой материи, своего рода постепенный беззвучный взрыв, превративший воду в зеленый туман, который распространялся, пока полностью не окутал меня, заполнив собою все пространство.

Я был погружен в него до тех пор, пока острый, протяжный и резкий звук не всколыхнул все вокруг. Обычные черты водной поверхности снова появились перед глазами, и я как бы «влился» в них. Звук оказался не чем иным, как диким воплем дона Хуана: «Эээээээй!» Он орал у самого моего уха. Потом велел мне внимательно следить за его голосом и, снова погружившись в туман, ждать, когда он меня позовет. Я по-английски ответил «О'кей» и услышал его хохот, похожий на гусиное гоготанье. – Пожалуйста, не разговаривай. – сказал дон Хуан. – давай впредь обойдемся без твоих «О'кей». Я слышал его очень хорошо. Звук голоса был мелодичным и, прежде всего, дружелюбным. Я знал это, не думая. Уверенность в том, что он именно таков, возникла и промелькнула в сознании без каких бы то ни было формулировок. Голос дона Хуана приказал мне сосредоточить все внимание на тумане, но не поддаваться ему. Он несколько раз повторил, что воин не должен поддаваться ничему, даже собственной смерти. Я снова погрузился в туман и обнаружил, что это, оказывается, вовсе даже и не туман. По крайней мере, он не соответствовал моему представлению о тумане. Туманоподобное явление было составлено из мельчайших пузырьков, которые мягко врывались в мое поле зрения, пересекали его и уплывали прочь. Какое-то время

я – их созерцал, но потом громкий далекий звук «оторвал» мое внимание от концентрации на них, и я снова видел только зеленое аморфное туманоподобное свечение. Звук повторился и рассеял туман. Я сидел на берегу оросительной канавы и смотрел на воду. Звук повторился еще раз, гораздо ближе. Это был голос дона Хуана. Дон Хуан говорил, что мне следует следить за его голосом, потому что тугого проводника у меня нет. Он велел смотреть на берег и на растительность прямо перед собой. Я увидел тростник и небольшое пространство, где тростника не было, – маленький заливчик, из которого дон Хуан обычно набирал ведром воду. Через несколько секунд дон Хуан велел мне возвращаться в туман и снова попросил внимательно следить за голосом, потому что он будет указывать мне, как научиться перемещаться. Он сказал, что, едва увидев пузырьки, я должен буду взобраться на один из них и позволить ему меня нести.

Я подчинился и сразу же провалился в зеленый туман. Потом появились пузырьки. Голос дона Хуана воспринимался как очень странный и пугающий грохот. Услышав его, я тут же перестал видеть пузырьки.

– Заберись на один из пузырьков, – услышал я.

Я изо всех сил старался одновременно сохранять восприятие пузырьков и слышать голос. Не знаю, сколько времени я боролся, однако в какой-то момент осознал, что могу-таки слушать дона Хуана, не теряя из виду пузырьки, которые все плыли и плыли, пересекая поле моего зрения. Дон Хуан настойчиво требовал, чтобы я зацепился за один из них.

Мне стало интересно, каким образом это можно осуществить, и я автоматически спросил: «Как»? Слово было похоже на буй, на котором я всплыл из глубин своего существа. Я услышал свой голос. Он звучал как собачий вой. Дон Хуан взвыл по-собачьи в ответ, а потом добавил несколько завываний койота, после чего рассмеялся. Я подумал, что это действительно смешно и засмеялся тоже.

Дон Хуан очень спокойно сказал, чтобы я цеплялся за пузырек.

– Погружайся в туман, – велел он. – В туман!

Я вернулся в туман и обнаружил, что движение пузырьков замедлилось и они стали величиной с баскетбольные мячи. Теперь они были такими большими и двигались так медленно, что их можно было как следует рассмотреть. Это не были пузырьки, они

не походили ни на мыльные пузыри, ни на воздушные шары, ни на какие-либо сферические емкости. В них ничего не содержалось, они не имели границ и в то же время сохраняли форму и двигались. Не были они также и круглыми, хотя в самом начале, только начав их различать, я был уверен, что они круглые, и пузырьки были первым образом, возникшим в сознании. Я смотрел на них как через окно, рама которого мешала мне проследить весь их путь: они всплывали в поле зрения, пересекали его и уплывали прочь.

Однако стоило мне перестать считать их пузырьками, как я тут же смог следить за ними, что в свою очередь позволило мне зацепиться за один из них и поплыть вместе с ним. Я действительно чувствовал, что двигаюсь. Фактически я сам был пузырьком или чем-то напоминающим его.

Затем я услышал голос дон Хуана. Его звук настойчиво толкал меня, и я утратил это ощущение. Звук был ужасно пугающим, он слышался откуда-то очень издалека. Впечатление было таким, словно он выкован из металла и произносит его какой-то жуткий громкоговоритель.

– Посмотри на берег!

Я увидел большую массу воды и слышал ее шум.

– Посмотри на берег! – снова велел дон Хуан.

Я увидел бетонную стену. Шум воды стал ужасающе громким. Он поглотил меня и внезапно прекратился, как будто его отключили или обрезали. Я провалился в ощущение черноты, сна.

Я осознал, что лежу в канаве. Дон Хуан что-то бормотал и брызгал водой мне в лицо. Потом с головой окунул меня в воду, вытащил, за шиворот подтянул к берегу и оставил лежать в воде, уложив голову на край канавы. Рукам и ногам было очень приятно. Я вытянул их. Глаза болели от усталости. Я поднял руку, чтобы их потереть. Это оказалось очень трудно – рука была тяжелой, мне едва удалось приподнять ее над водой, но сделав это, я обнаружил, что она вся покрыта зеленым туманом. Сама рука выглядела темным пятном в массе тумана, окруженным интенсивным зеленоватым свечением. Я поспешно вскочил на ноги и, стоя по колено в воде посреди канавы, посмотрел на свое тело – оно было глубокого зеленого цвета. Цвет был настолько интенсивным, что вызывал ощущение вязкости и текучести. Я был похож на фигурку из корня дурмана, которую дон Хуан сделал мне несколько лет

назад.

Дон Хуан велел мне выйти из воды. Я обратил внимание на его тон – это был приказ. – Я зеленый, – сказал я.

– Прекрати! – приказал он. – У тебя нет времени. Вода уже почти поймала тебя. Убирайся оттуда! Быстро!

Я в панике выскочил на берег.

– На этот раз ты должен подробно рассказать мне обо всем, – сказал дон Хуан таким тоном, словно это разумелось само собой.

Последовательность событий, однако, его не интересовала. Он хотел детально знать только одно – что я видел после указания смотреть на берег. Я описал стену. Он спросил;

– Стена была справа или слева от тебя?

– Она была прямо передо мной.

– Нет, она должна была быть либо справа, либо слева. В то мгновение, когда ты только заметил ее, где она была? Закрой глаза и не открывай, пока не вспомнишь. Он встал и, пока я вспоминал с закрытыми глазами, развернул меня лицом на восток – так я сидел на берегу. Потом он спросил, в каком направлении я двигался.

Я ответил, что вперед. Тогда он потребовал, чтобы я вернулся к тому моменту, когда увидел пузырьки.

– Как они двигались? – спросил он.

Дон Хуан требовал, чтобы я вспомнил, и наконец я признал, что пузырьки вроде бы двигались вправо. Но я был не настолько в этом уверен, как ему хотелось бы. В результате учиненного мне допроса я осознал, что неспособен классифицировать свои переживания. Сначала пузырьки двигались вправо, но потом, когда их размеры увеличились, они стали появляться отовсюду.

Некоторые наплывали прямо на меня, остальные двигались во всевозможных направлениях. Были пузырьки, которые проплывали над и подо мною. Они были везде, со всех сторон. Я вспомнил их шипение; вероятно, восприятие пузырьков осуществлялось не только визуально, но и на слух.

Когда пузырьки выросли до такой степени, что я смог «взобраться» на один из них, стало «видно», как они трутся друг о друга, подобно детским воздушным шарам, связанным в гроздь.

Мое волнение усилилось, когда я вспомнил подробности моего восприятия. Но дон Хуана, однако, это не интересовало. Я сказал ему, что *видел* шипение пузырьков. Это было не чисто слуховым или визуальным эффектом, а чем-то неопределенным, но, тем не

менее, кристально ясным. Пузырьки терлись друг о друга. Я не видел и не слышал их движения, я чувствовал его; я сам был частью этого движения и звука.

Воспоминание потрясло меня. Я нервно схватил дон Хуана за руку. Я понял, что у пузырьков отсутствовала внешняя граница, и в то же время они находились в какой-то среде; контуры их непрерывно менялись и выглядели какими-то неровными, зазубренными. Пузырьки сливались и разделялись с огромной скоростью, но их движение не слепило. Они двигались быстро и в то же время медленно. Рассказывая о своем переживании, я вспомнил еще одно – окраску пузырьков. Они были прозрачными, очень яркими и казались почти зелеными, хотя это и не было оттенком в привычном смысле.

– Ты отклонился от темы, – сказал дон Хуан. – Это все неважно. Ты цепляешься за мелочи. Единственное, что имеет значение, – это направление твоего движения.

Я мог вспомнить только то, что в моем перемещении не было точки отсчета. Но дон Хуан решил, что если сначала пузырьки двигались в основном вправо, то есть на юг, значит следует обратить внимание именно на это направление.

Я вновь попытался вспомнить подробности.

Когда дон Хуан меня позвал и я, так сказать, «вынырнул», стена была слева. Она поднималась из воды совсем рядом, и я мог различить отпечатки опалубки, в которую заливался бетон, и которая, похоже, была сделана из узких плотно сбитых досок. Стена была очень высокой, я видел один ее конец со сглаженным углом.

Какое-то время дон Хуан сидел молча, как бы задумавшись о смысле моего переживания. Наконец он сказал, что ожидал от меня большего.

– Чего большего?

Он не ответил, а только выпятил губы. – Ну ладно, все равно ты молодец. Сегодня ты узнал, как брухо используют воду для перемещения.

– Но я *видел*?

Он с интересом взглянул на меня, и сказал, что я сам смогу ответить на этот вопрос, но только после того, как еще много раз побываю в зеленом тумане. Он немного изменил тему разговора, пояснив, что мне все же не удалось в полной мере научиться

использовать воду, а удалось только узнать, как это делается в принципе, и что он специально велел мне посмотреть на берег потока, чтобы я мог убедиться в реальности перемещения.

– Ты перемещался очень быстро, – сказал он. – Прямо как маг, хорошо владеющий этим приемом. Мне было тяжело за тобой угнаться. – Ты не мог бы мне объяснить все с начала? – попросил я. Он засмеялся, медленно и как бы с недоверием покачивая головой.

– Вечно ты все хочешь знать с начала. Но начала не бывает вообще. Любое начало существует лишь в нашем воображении.

– А мне кажется, все началось когда я курил, сидя на берегу, – сказал я.

– Но перед тем, как дать тебе курить, я знал, что с тобой нужно сделать. Может, мне и следовало объяснить тебе это, но я не могу, потому что это уведет меня совсем в другую сторону. Поэтому лучше не думай ни о каких началах – тебе будет легче.

– Ладно, пусть так. Тогда расскажи, что происходило после того, как я сел на берегу и выкурил трубку.

– Но ведь ты там уже об этом все рассказал, – со смехом заявил он.

– То, что я сделал, – важно, дон Хуан?

Он пожал плечами. – Ты очень хорошо выполнял все мои команды, без осложнений входя в туман и выходя из него. Потом ты слушал мой голос и выбирался всякий раз, когда я тебя звал. Это была тренировка. Дальше – все очень просто. Ты позволил туману себя унести, действуя при этом так, словно отлично знал, что делаешь. Когда ты забрался очень далеко, я позвал тебя и заставил взглянуть на берег, чтобы ты понял, как далеко тебя занесло. А потом я вытащил тебя оттуда.

– Ты хочешь сказать, дон Хуан, что я и в самом деле путешествовал с водой?

– Да. И притом – очень далеко.

– Насколько далеко?

– Ты вряд ли поверишь.

Я упрасивал, чтобы он ответил, но он заявил, что должен ненадолго уйти. Я настаивал, требуя хотя бы намека.

– Мне не нравится, когда меня держат в неведении, – сказал я. –

Ты сам себя держишь в неведении. Вспомни стену, которую видел. Сядь сюда, на циновку, и вспомни все до мельчайших подробностей. Тогда, может быть, до тебя дойдет, где ты был. Я знаю только одно – ты забрался ужасно далеко, потому что мне

стоило огромного труда вытащить тебя оттуда. Если бы меня не было рядом, ты мог бы уйти навсегда. Тогда от тебя остался бы только холодный труп на берегу канавы. Тебе не удалось бы вернуться самостоятельно. Хотя кто знает – с тобой ни в чем нельзя быть уверенным. Так что, судя по тем усилиям, которые от меня потребовались, чтобы тебя вернуть, ты был уже где-то...

Он помолчал, дружелюбно меня разглядывая.

– Ну, если я добрался до гор Центральной Мексики, то мне даже трудно представить, куда занесло тебя. Наверное, в Лос-Анжелес, а может – и в Бразилию.

На следующий день дон Хуан вернулся только под вечер. Пока его не было, я записал все, что смог вспомнить о вчерашнем путешествии. Занимаясь этим, я тщательно осмотрел берега оросительной канавы выше и ниже по течению от того места, где сидел. Меня интересовало, нет ли поблизости чего-нибудь такого, что могло бы вызвать в моем сознании образ бетонной стены. Я подозревал, что пока я был в трансе, дон Хуан вполне мог заставить меня прогуляться вдоль канавы и по пути «зацепить» мое внимание за что-то, напоминающее виденную мною стену. За время, прошедшее между первым появлением зеленого тумана и моментом, когда я выскочил из канавы, можно было проделать путь максимум в три с половиной – четыре километра. Вряд ли он мог заставить меня передвигаться быстрее. Поэтому я тщательно исследовал берег в пределах четырех километров вверх и вниз по течению. Но это была обычная прямая оросительная канава шириной около полутора метров на всем своем протяжении, и нигде не было ничего, хоть сколько-нибудь напоминающего бетонную стену.

Когда дон Хуан появился, я схватил его за руку, усадил и потребовал, чтобы он выслушал все, что я написал. Он слушал без улыбки, глядя вдаль. Судя по всему, он думал. – Надеюсь, ты уже понял, – слова его звучали сурово, – что смертельно опасно все. Вода ничуть не меньше, чем страж. Если не следить за собой и не контролировать свои действия, она вполне может поймать и не отпустить. Вчера с тобой это едва не случилось. Но чтобы попасться, человек должен этого желать. В этом твоя проблема. Ты хочешь поддаться.

Я не понимал, о чем он говорит. Неожиданным разнесом он полностью сбил меня с толку. Я очень мягко попросил объяснить,

что произошло. Он нехотя сказал, что ходил в водный каньон, *видел* дух источника и теперь убежден, что свой шанс *увидеть* воду я прохлопал.

– Как? – спросил я с искренним недоумением.

– Дух – это сила, которая считается только с силой. В ее присутствии нельзя быть слабым. Ты снова потакал себе.

– Когда?

– Вчера, когда позеленел, сидя в воде.

– Я не потакал. Я считал это важным моментом, и потому рассказал тебе.

– Кто ты такой, чтобы думать или решать, что важно, а что – нет? Ты ничего не знаешь о силах, с которыми входишь в контакт. Дух источника существует, и он мог бы тебе помочь. Более того, он тебе помогал до тех пор, пока ты не свалил дурака. А теперь я даже не знаю, что из всего этого получится. Ты уступил силе хозяина источника, и теперь он в любой момент может завладеть тобой.

– Что, мне не нужно было смотреть на себя, когда я позеленел?

– Ты отказался от себя. Это было неправильно. Я уже говорил тебе и повторяю вновь – в мире брухо может выжить только воин. Воин относится ко всему с уважением; он не идет напролом без необходимости. Вчера ты отнесся к воде без должного уважения. Обычно ты ведешь себя очень хорошо. Но вчера ты отказался от себя в пользу смерти; ты поддался ей, как последний болван. Воин никогда не сдается, даже перед лицом смерти. Воин ни у кого не идет на поводу; он сам по себе и всегда недоступен. Вовлекаясь во что-то, он всегда полностью осознает, что делает. Я не знал, что сказать. Дон Хуан казался рассерженным. Меня это очень обеспокоило, потому что таким он был со мной крайне редко. Я сказал, что понятия не имел, что делаю что-то не так. После нескольких минут напряженной тишины он снял шляпу и с улыбкой сказал, что мне нельзя больше здесь оставаться. Я должен уехать и не появляться в его доме до тех пор, пока не обрету контроль над своей слабостью и не перестану ей потакать. Он особо обратил внимание на то, что в течение трех-четырех месяцев вода не должна касаться моего тела.

– Но я не могу обойтись без души!

Дон Хуан смеялся до слез.

– Ах, он не может без души! Временами ты настолько слаб, что мне начинает казаться, что ты меня разыгрываешь. Но это не

шутка. Иногда ты теряешь контроль, и силы твоей жизни легко захватывают тебя.

Я возразил, что человек не может постоянно себя контролировать. Он сказал, что для воина не существует ничего вне контроля. Тогда я заговорил о роли случайностей в нашей жизни. Я сказал, что все, происшедшее со мной в воде, можно расценивать именно как случайность, поскольку я не знал о своем неправильном поведении и не осознавал его. Я говорил о различных несчастьях, происходящих с людьми, которые можно было объяснить случайностью. В частности, я упомянул о Лукасе, симпатичном старом индейце-яки, который сильно пострадал, перевернувшись на грузовике.

– Мне кажется, невозможно избежать случайностей, – сказал я. – Никто не в силах полностью контролировать ситуацию и управлять всем, что вокруг него происходит.

– Верно, – согласился дон Хуан. – Но далеко не всякая случайность неизбежна. Лукас не воин. Если бы он был воином, знающим о своем ожидании и о его цели, он ни за что бы не сел за руль пьяным. В скалу он врезался только потому, что был пьян, и ни за грош покалечил свое тело.

Воин всю жизнь отрабатывает стратегию – а ты хочешь найти смысл жизни. Воин не заботится о смысле. Если бы Лукас жил как воин – а у него такая возможность была, как, впрочем, она есть и у любого другого, – он организовал бы свою жизнь стратегически. И если бы он даже не мог предотвратить аварию, в которой ему раздробило ребра, он смог бы смягчить удар, или избежать последствий, или же преодолеть их. Если бы Лукас был воином, он не сидел бы сейчас в своей полуразвалившейся лачуге, медленно умирая от недоедания. Воин сражается до конца.

Я предложил взять в качестве примера самого дона Хуана. Я спросил, что бы он делал, если бы попал в аварию и лишился, скажем, ног.

– Если бы я ничего не смог сделать и потерял бы ноги, я больше бы не оставался полноценным человеком. Поэтому я ушел бы к тому, что ждет меня там.

Он обвел рукой все вокруг.

Я сказал ему, что он неправильно меня понял. Я имел в виду, что никто не может предвидеть все случайности, подстерегающие его в повседневной жизни.

– Я могу сказать тебе только одно – воин недоступен. Он никогда не стоит посреди дороги, ожидая, пока что-нибудь его пришибет. Он сводит к минимуму возможность возникновения непредвиденных ситуаций. Того, что люди называют случайностями, почти всегда можно легко избежать. Обычно такие вещи происходят с дураками, вся жизнь которых – сплошное разгильдяйство. – Но ведь невозможно двадцать четыре часа в сутки думать и жить стратегически, – сказал я. – Представь, например, что кто-то поджидает тебя с мощной винтовкой, снабженной оптическим прицелом. Он может уложить тебя с расстояния в полкилометра. Что ты сделаешь в подобной ситуации?

Дон Хуан недоверчиво взглянул на меня и расхохотался.

– Так все-таки, что ты сделаешь? – настаивал я.

– Если кто-то ждет меня с винтовкой?

– Да, если кто-то спрятался и ждет тебя. У тебя не будет ни единого шанса. Ты ведь не сможешь остановить пулю.

– Нет, не смогу. Но я все равно не понимаю, к чему ты клонишь.

– Да к тому, что в подобной ситуации никакая стратегия не поможет. – О, еще как поможет! Если кто-нибудь будет ждать меня, вооружившись мощной винтовкой с оптическим прицелом, то меня просто там не окажется.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 13

Очередную попытку *видеть* я сделал 3 сентября 1969 года. Дон Хуан дал мне выкурить две трубки смеси. Начальный эффект был таким же, как и во всех предыдущих случаях. Когда тело полностью онемело, дон Хуан взял меня под руку и повел в густой чаппараль, заросли которого простирались в пустыне вокруг его дома на многие километры. Я не могу вспомнить ни того, что происходило, когда мы вошли в чаппараль, ни того, как долго мы шли. В какой-то момент я обнаружил, что сижу на вершине небольшого холма. Дон Хуан сидел слева от меня, совсем рядом, он даже слегка касался меня плечом. Онемевшее тело ничего не ощущало, но краем глаза я его видел. Мне показалось, что он говорит, но зафиксировать и запомнить слова я не мог. В то же время я чувствовал, что точно знаю, о чем он говорит, несмотря на неспособность восстановить в памяти слова. Это было похоже на уходящий вдаль поезд, и я видел только квадратную заднюю стенку последнего вагона. Я знал, каким было последнее слово, но ни выговорить его ясно, ни ясно о нем думать не мог. Состояние напоминало полудрему с видением поезда из слов.

Вдруг я четко услышал голос дона Хуана.

– Теперь смотри на меня, – сказал он и повернул мою голову лицом к себе. Он повторил эту фразу три или четыре раза.

Я посмотрел и сразу же увидел сияние, которое уже дважды воспринимал, глядя на его лицо, – гипнотизирующее движение, волнообразное течение света в некотором объеме. Этот объем вроде и не был ничем ограничен, однако текущий свет никогда не выходил за какой-то невидимый контур. Я попытался рассмотреть светящийся объект по частям, как бы сканируя его глазами; он сразу потускнел, яркость свечения уменьшилась, и из него проступили знакомые черты лица дона Хуана – – вернее, изображение его лица оказалось как бы наложенным на объект. Должно быть, я снова неподвижно сфокусировал глаза, потому что черты лица дона Хуана поблекли, а сияние опять стало ярким. Я сосредоточил внимание на той части объекта, где должен был

находиться левый глаз дона Хуана. Я заметил, что там сияние выходило за пределы объекта. Это выглядело как ритмично повторявшиеся вспышки, из которых выбрасывались частицы света. Они с силой вылетали в мою сторону и снова возвращались, как на резинке.

Должно быть, дон Хуан повернул мою голову на сто восемьдесят градусов, потому что я вдруг обнаружил, что смотрю на вспаханное поле.

– Смотри прямо перед собой, – услышал я голос дона Хуана. Передо мной, метрах в ста пятидесяти, находился длинный большой холм, весь склон которого был распахан. Борозды располагались строго параллельно друг другу от подножия до самой вершины холма. На вспаханном участке я заметил множество мелких камней и три большие каменные глыбы, нарушавшие геометрию рисунка борозд. У подножия холма был то ли овраг, то ли водный каньон, однако рассмотреть его подробно мешали ближние кусты. Я видел только глубокую расселину, зеленая растительность которой контрастировала с голой поверхностью холма. Мне казалось, что я вижу верхушки деревьев, растущих на дне каньона. В глаза дул легкий ветерок. Мир, полный покой и абсолютная тишина – ни птиц, ни насекомых. Дон Хуан снова заговорил. Я понял его не сразу. Он настойчиво спрашивал:

– Ты видишь человека на том поле?

Я хотел ответить, что никого не вижу, но не мог вымолвить ни слова. Дон Хуан сзади обхватил руками мою голову – я видел его пальцы на бровях и щеках – и, поворачивая ее, дал мне возможность осмотреть все поле справа налево и обратно.

– Смотри внимательно, замечай все детали. От этого может зависеть твоя жизнь, – повторял он. Еще четыре раза он «провел» меня по всему ставосьмидесятиградусному полю зрения. Вдруг, когда голова была до предела повернута влево, мне показалось, что краем правого глаза я что-то заметил – на поле кто-то двигался. Дон Хуан начал поворачивать мою голову обратно, и я смог рассмотреть, что какой-то человек шел вдоль борозд. Одет он был как обычный мексиканский крестьянин – в сандалии, светло-серые джинсы, бежевую рубашку с длинными рукавами и соломенную шляпу. На правом плече у него висела светло-коричневая сумка.

Должно быть, дон Хуан заметил, что я увидел человека, потому что несколько раз спросил, куда тот смотрит – на меня или нет, и куда идет – ко мне или нет. Я хотел сказать, что вижу человека со спины, так как он идет от меня к вершине холма. Он сказал, чтобы я крикнул, как только человек повернется и пойдет в мою сторону. Тогда дон Хуан повернет мою голову, чтобы меня защитить. Я не ощущал ни страха, ни опасения, ни замешательства и спокойно наблюдал. Вот человек остановился посреди поля. Поставил ногу на камень, как бы поправляя сандалию. Потом выпрямился, вытащил из сумки веревочку и намотал ее на кисть левой руки. Повернувшись спиной ко мне и лицом к вершине холма, начал осматривать окрестности. По крайней мере, мне так показалось, потому что он медленно поворачивал голову вправо, как бы обводя взглядом горизонт. Вот я увидел его профиль, вот он начал поворачиваться в мою сторону всем телом, пока не повернулся ко мне лицом. Он сделал резкое движение головой, вернее, повернул ее как-то так, что я однозначно понял – он меня увидел. Вытянув левую руку вперед и вниз, как бы указывая ею на землю, он направился ко мне.

– Идет, – закричал я, и крик этот дался мне на удивление легко. Дон Хуан, должно быть, снова развернул мою голову, потому что спустя мгновение перед моими глазами уже был густой чаппараль. Он велел ни во что не всматриваться, а смотреть «слегка», как бы пробегая глазами. Потом он сказал, что сейчас отойдет немного, встанет передо мной и начнет ко мне подходить, а я в это время должен буду всматриваться в него, пока не увижу свечение. Я увидел, как дон Хуан отошел метров на пятнадцать. Он двигался с такой невероятной скоростью и легкостью, что я с трудом верил в то, что вижу дона Хуана. Повернувшись ко мне лицом, он велел мне пристально на него смотреть.

Лицо его светилось, оно было похоже на световое пятно. Свет как бы развеивался через всю его грудь к середине тела. Ощущение было таким, какое возникает, когда смотришь на свет полуприкрытыми глазами. Свечение как бы распространялось и становилось все гуще. Должно быть, дон Хуан начал ко мне приближаться, потому что интенсивность света усилилась и он стал более отчетливым.

Дон Хуан что-то сказал. Напрягаясь, чтобы понять, я перестал видеть свечение. Дон Хуан стоял меньше чем в метре от меня. Он

опустился на землю и сел, повернувшись ко мне лицом. Сосредоточив внимание на его лице, я снова увидел свечение. Потом картинка немного изменилась – его лицо оказалось как бы исчерченным тонкими лучами света, словно кто-то пускал на него зайчики множеством зеркал. Интенсивность света увеличивалась, наконец контуры лица растаяли, и передо мной снова был аморфный светящийся объект. И опять в области левого глаза я воспринимал пульсирующее излучение. Однако я специально не фокусировал внимание на этом месте, а сосредоточился на прилегающей зоне, которая, по логике, соответствовала правому глазу. В ней я мгновенно заметил чистое прозрачное озерцо света. Жидкого света.

Восприятие света не было чистым созерцанием, в нем было что-то от ощущения. Темноватое озерцо жидкого света имело немыслимую глубину. Оно было дружелюбным, добрым. Излучаемый им свет не вспыхивал и не «взрывался», а медленно и мягко закручивался внутрь, играя дивной красоты бликами. Свечение как-то очень мягко и нежно касалось меня, успокаивая и рождая ощущение чего-то прекрасного.

Потом я увидел, что в этой области периодически появляется вертикально расположенное правильное кольцо из мелких, мерцающих подобно бриллиантовой пыли вспышек. Оно ритмично расширялось и сжималось, то охватывая всю область жидкого света, то обращаясь в едва заметную точку в самой ее середине. Я разглядывал кольцо, оно сжалось и расширилось несколько раз. Потом я немного отодвинулся, чтобы рассмотреть оба глаза одновременно. Левый излучал вспышки света, вырывавшиеся вперед из вертикальной плоскости, правый – радиальные вспышки, не выходившие за пределы этой плоскости. Ритм излучения обоих глаз был строго согласован – когда левый «выстреливал» вспышкой, свет правого сжимался и закручивался внутрь. Потом в правом расширялось кольцо, охватывая огоньками всю область жидкого света, а левый – замирал.

Дон Хуан, должно быть, еще раз повернул мне голову, потому что я снова увидел вспаханное поле и услышал, что он велит мне наблюдать за человеком.

Тот стоял возле камня и смотрел на меня. Я не мог различить черты его лица, потому что он низко надвинул на глаза шляпу. Через мгновение он зажал свою сумку под правой рукой и

направился вправо от меня. Дойдя до края вспаханного участка, он изменил направление движения и делал несколько шагов в сторону оврага. В этот момент я потерял управление фокусировкой взгляда, и человек исчез вместе со всем пейзажем, из которого как бы выступили заросли пустынного чаппаралья.

Я не помню дороги к дому, как не помню и того, что делал дон Хуан, чтобы меня «вернуть». Проснулся я на своей циновке в его комнате. Он подошел и помог мне подняться. Я чувствовал головокружение и тошноту. Дон Хуан быстро и уверенно вытащил меня из дома и подвел к кустам. Меня вырвало. Он засмеялся. Мне стало легче. Я посмотрел на часы – было одиннадцать вечера. Я снова лег спать и только около часа следующего дня почувствовал, что пришел в себя.

Дон Хуан все время спрашивал, как я себя чувствую. Я чувствовал какую-то общую рассеянность, никак не мог сосредоточиться и тенью слонялся по дому под наблюдением дона Хуана, не отходившего от меня ни на шаг. Я понял, что заняться мне нечем, потому что делать я ничего не в состоянии, и снова лег спать.

Проснулся я вечером, чувствуя себя гораздо лучше. Вокруг валялось множество измятых листьев, а сам я лежал на животе, и подо мной их была целая куча. Листья очень сильно пахли, я даже помню, что сначала осознал запах, и лишь потом окончательно проснулся.

Я пошел за дом и увидел там дона Хуана. Он сидел на берегу канавы. Увидев меня, он замахал руками и закричал:

– Уходи! Беги в дом!

Я вбежал в дом. Войдя через несколько минут, он сказал:

– Никогда не ходи меня искать. Если я тебе нужен – жди здесь.

Я извинился. Он сказал, что свои дурацкие извинения я могу оставить при себе, потому что они никак не влияют на совершенные действия. Он сообщил мне, что ему с огромным трудом удалось «вернуть» меня и что он ходил к воде за меня ходатайствовать.

– Теперь можно попробовать отмыть тебя водой, – сказал он.

Я заверил его, что со мной все в порядке. Он долго пристально смотрел мне в глаза, а потом сказал:

– Идем – выкупаешься. – Но я в порядке, – возразил я. – Смотри – я даже могу писать.

Он с трудом оторвал меня от циновки и заставил встать.

– Не раскисай, ты опять потекаешь своей слабости, – сказал он. – Еще немного – и ты опять заснешь, и неизвестно, удастся ли мне вытащить тебя на этот раз.

Мы побежали за дом. На ходу он велел мне зажмурить глаза и не открывать до тех пор, пока он не разрешит, потому что, взглянув на воду, даже на мгновение, я могу умереть. Он взял меня за руку, подвел к канаве и окунул в воду, начиная с головы.

В течение нескольких часов он вновь и вновь окунал меня в воду и вытаскивал из нее. Все это время мои глаза были плотно закрыты. Изменения, которые претерпело мое состояние вследствие такого «купания», были разительны. То, что во мне было не так, оказалось настолько тонким, что я смог это заметить только сравнив с ощущением комфорта и бодрости, возникшим во время купания.

В нос попала вода, и я чихнул. Дон Хуан вытащил меня из воды, и повел в дом. Глаза мои были по-прежнему закрыты. Он помог мне переодеться, отвел в свою комнату, усадил на мою циновку и повернул лицом в нужную сторону, а затем велел открыть глаза. То, что я увидел, заставило меня отскочить и схватиться обеими руками за ногу дона Хуана. Дон Хуан стукнул меня по самой макушке костяшками пальцев. Удар вышел быстрый и какой-то слегка шокирующий, но не жесткий и не болезненный.

– Что с тобой? Что ты увидел? – спросил он.

Открыв глаза, я увидел вчерашний пейзаж и того же человека. Но на этот раз он был совсем рядом. Я видел его лицо. Оно показалось мне знакомым. После удара по голове видение исчезло.

Я поднял глаза на дона Хуана. Смеясь, он спросил, не хочу ли я получить по голове еще разок-другой. Я отпустил его ногу и снова сел на свою циновку, приняв удобную позу. Он приказал мне сесть прямо и ни при каких обстоятельствах не поворачиваться в направлении текущей за домом воды. Тут я заметил, что в комнате было совершенно темно. Я даже засомневался в том, что открыл глаза, и потрогал их руками. Они были открыты. Я громко позвал дона Хуана и сказал ему, что с глазами что-то не то – я ничего не вижу, хотя за секунду до этого видел, как он готовится меня ударить. Он засмеялся где-то у меня над головой и зажег керосиновую лампу. В считанные секунды глаза привыкли к свету, и я увидел, что все вроде бы находится на своих местах – обмазанные глиной деревянные стены, развешенные на них

причудливые изогнутые корни, пучки растений, тростниковая крыша, свисающая с балки керосиновая лампа. Я сотни раз все это видел, но сейчас и в этой обстановке, и в себе самом я чувствовал нечто особенное. Впервые я действительно не верил в однозначность и окончательность «реальности» того, что воспринимал. Я много раз уже был на грани этого ощущения и даже иногда соглашался с ним на интеллектуальном уровне, но никогда еще не подбирался вплотную к столь серьезным сомнениям. На этот раз я, однако, не верил в «реальность» этой комнаты, и на мгновение почувствовал уверенность, что все растает, стоит дону Хуану еще раз стукнуть меня по голове. Меня затрясло, хоть было не холодно. По спине пробежали нервные спазмы. В голове появилась тяжесть, особенно в затылке. Я пожаловался на то, что плохо себя чувствую, и рассказал о том, что увидел. Дон Хуан поднял меня на смех, сказав, что поддаваться страху – недостойное потакание себе.

– Тебе страшно, хотя тебя никто не пугал. Подумаешь, увидел смотрящего на тебя союзника. Ты подожди, вот встретишься с ним лицом к лицу – тогда можно будет и в штаны наложить.

Он велел мне идти к машине, не оборачиваясь к воде, и подождать там, пока он достанет веревку и лопату. Потом мы поехали к тому месту, где когда-то нашли пень, и начали в темноте выкапывать его. Несколько часов я трудился изо всех сил. Выкопать пень нам не удалось, зато чувствовать себя я стал гораздо лучше.

Вернувшись домой, мы поели, и все встало на свои места, сделавшись привычно «реальным».

– Что со мной было? – спросил я. – Что я вчера делал?

– Сначала ты курил меня, потом – курил союзника, – То есть?

– Теперь ты собираешься потребовать, чтобы я рассказал все с самого начала, – со смехом сказал дон Хуан.

– Ты курил меня, – повторил он. – Ты смотрел на мое лицо, в мои глаза. Ты *видел* свечение, соответствующее человеческому лицу. Я – маг, ты *видел* это в моих глазах. Но ты не знал этого, потому что делал все впервые. У людей бывают самые разные глаза, ты через некоторое время это поймешь. Ну, а потом ты курил союзника.

– Ты говоришь о том человеке на вспаханном поле?

– Это был не человек, это был союзник, и он подавал тебе знаки.

– Куда мы ходили? Где мы были, когда я увидел этого человека, то есть этого союзника? Дон Хуан кивнул на кусты перед домом и

сказал, что водил меня на небольшой холмик. Я усомнился, потому что пейзаж, который я видел, не имел ничего общего с пустыней и зарослями чаппарала возле дома. Дон Хуан сказал, что союзник, делавший мне знаки, — не из этих мест.

— А откуда?

— Мы в скором времени туда съездим.

— В чем смысл того, что я видел?

— Ни в чем. Ты просто учился *видеть*, и все. Но сейчас ты идешь на поводу у своей слабости и готов со страху потерять штаны. Ты поддался страху. Может, опишешь все, что видел?

— Я начал рассказывать о том, как выглядело его лицо, но он прервал меня, сказав, что все это не важно. Тогда я сказал, что почти *видел* его как светящееся яйцо. Он возразил, что «почти» не считается, и что мне придется еще здорово попотеть и потратить немало времени, прежде чем я действительно научусь *видеть*.

— Но сейчас меня интересует то, что происходило на вспаханном, поле, и особенно — все, что делал союзник, — сказал дон Хуан. — Он дал тебе знак. Когда он пошел к тебе, я повернул твою голову не потому, что этот союзник был для тебя опасен. Просто лучше подождать. Ты ведь никуда не торопится. Встречаться же с союзником без должной подготовки подобно встрече нападающего льва своим пуканьем.

Метафора мне понравилась. Мы оба от души рассмеялись.

— Что случилось бы, если бы ты не повернул мою голову?

— Тебе пришлось бы сделать это самостоятельно.

— А если бы я не сделал?

— Союзник подошел бы к тебе и напугал бы тебя до полусмерти.

Если б ты был один, он мог бы тебя убить. Тебе не следует бродить в одиночку по горам или пустыне до тех пор, пока ты не научится защищаться. Если союзник поймает тебя одного, то вполне может сделать из тебя отбивную.

— А что означали его действия? — Взгляд означал приглашение.

Потом он показал, что тебе нужна духоловка и нужна сумка, но не из этой местности — его сумка была из другой части страны. Три больших глыбы — это три камня преткновения на твоем пути. Тебе, определенно, в наибольшей степени должны способствовать овраги и водные каньоны — союзник показал тебе подходящий овраг. Все остальное было подсказками, чтобы ты смог его найти. Я знаю, где находится это место, и в скором времени мы туда

съездим.

– Ты хочешь сказать, что пейзаж, который я видел, реально существует?

– Разумеется.

– Где?

– Этого я тебе сказать не могу.

– А как мне найти это место?

– Этого я тебе не скажу. Но не потому, что не хочу, я просто не знаю, как тебе объяснить.

Я спросил, что означало появление того же самого пейзажа перед моими глазами потом, в комнате. Он засмеялся и изобразил, как я хватался за его ногу.

– Это было подтверждением того, что союзник ждет тебя. Он хотел убедиться в том, что хотя бы один из нас – ты или я – знает, что он тебя приглашает. – А как насчет его лица?

– Оно знакомо тебе, потому что ты знаешь этого союзника. Ты уже видел его. Возможно, это – лицо твоей смерти. Ты испугался, и это было ошибкой. Он ждал тебя, но когда он появился, ты поддался страху. Хорошо, что я был рядом и успел тебя ударить, иначе он обратился бы против тебя. И это было бы вполне справедливо, потому что союзник – это сила, а для того, чтобы встретиться с силой, человек должен быть безупречным воином, иначе сила может обернуться против него и разрушить его.

Дон Хуан отговорил меня возвращаться в Лос-Анжелес на следующее утро. Видимо, он считал, что я еще не совсем восстановился, и настоял на том, чтобы я сел в комнате лицом на юго-восток, чтобы сохранить силу. Сам он уселся слева от меня, дал мне мой блокнот и сказал, что на этот раз я его поймал: он должен быть не только рядом, но и разговаривать со мной.

– Когда настанут сумерки, я еще раз должен устроить тебе «водную процедуру», – сказал он. – Ты еще недостаточно тверд, поэтому сегодня тебе нельзя оставаться в одиночестве. Я посижу с тобой до обеда, и к вечеру твоя форма заметно улучшится.

Его озабоченность меня обеспокоила. Я спросил:

– Что со мной?

– Ты постучался в дверь к союзнику.

– То есть?

– Сегодня нам нельзя говорить о союзниках. Давай сменим тему. Если честно, то мне не хотелось разговаривать. Меня охватывало

все возрастающее беспокойство. Дон Хуану ситуация явно казалась комичной – он хохотал до слез.

– Только не говори мне, что как только возникает необходимость в разговоре, тут же выясняется, что тебе нечего сказать, – заявил он с веселым блеском в глазах.

Его настроение подействовало на меня успокаивающе. Однако интересовало меня сейчас лишь одно – союзник. Его лицо было очень знакомым, но я не знал его и никогда до этого не видел. Тут было что-то другое. И как только я начинал думать о его лице, на меня обрушивалась лавина посторонних мыслей. Казалось, что-то во мне знало секрет, но не позволяло остальным частям моего существа подобраться к его осознанию. Странно знакомое лицо союзника... Ощущение было настолько жутким, что вогнало меня в состояние ужасающей меланхолии. А дон Хуан подлил масла в огонь, сказав, что это, возможно, – лицо моей смерти. Это добило меня окончательно. Я отчаянно хотел задать вопрос на эту тему, однако явственно ощущал, что дон Хуан каким-то образом меня сдерживает. Я сделал пару глубоких вздохов и выпалил:

– А что такое смерть, дон Хуан?

– Я не знаю, – ответил он с улыбкой. – Я имею в виду – как бы ты описал смерть? Твое мнение. Я думаю, у каждого есть определенное мнение по поводу смерти.

– Не имею понятия, о чем ты говоришь.

У меня в багажнике лежала «Тибетская Книга Мертвых». Я решил использовать ее в качестве предмета обсуждения, поскольку в ней речь идет как раз о смерти. Я сказал, что хочу почитать ему оттуда, и встал, чтобы сходить за ней. Но дон Хуан велел мне сидеть и сам принес книгу из машины.

– Утро – плохое время для мага, – объяснил он свой поступок. – Ты еще слишком слаб, чтобы выходить из моей комнаты. Здесь ты защищен. Если ты выйдешь отсюда, то вполне можешь столкнуться с чем-нибудь ужасным. Союзник может убить тебя на дороге или где-нибудь в кустах, а когда твое тело найдут, то решат, что ты погиб в автокатастрофе или умер при невыясненных обстоятельствах.

У меня не было ни настроения, ни желания с ним спорить, поэтому все утро я просидел, читая и разъясняя ему главы из «Книги Мертвых». Он внимательно слушал, не перебивая. Дважды я ненадолго прекращая чтение, пока дон Хуан ходил за водой и

продуктами, но как только он освобождался, мы продолжали свое занятие. Казалось, что ему очень интересно. – Я не понимаю, почему эти люди говорят о смерти так, словно она похожа на жизнь, – мягко сказал он.

– Может, так они ее понимают? Как ты думаешь, тибетцы, писавшие эту книгу, были *видящими*?

– Вряд ли. Если человек *видит*, то для него все равнозначно. Если бы тибетцы могли *видеть*, они понимали бы, что ничто не остается прежним. Когда мы *видим*, нет ничего известного, ничего, что осталось бы в том виде, к какому мы привыкли, когда не *видели*.

– Но *видение*, наверно, не одинаково для всех?

– Не одинаково. Но это все равно не означает, что жизнь имеет какое-то особое значение. Для *видящего* ничто не остается прежним, ему приходится пересматривать все ценности без исключения. – Тибетцы, очевидно, считали, что смерть похожа на жизнь. А что по этому поводу думаешь ты?

– Я не думаю, что смерть вообще на что-то похожа. Тибетцы, наверное, говорили о чем-то другом. В любом случае то, о чем идет речь в этой книге, смертью не является.

– Тогда, как ты думаешь, о чем идет речь?

– Может, ты мне это скажешь? Ты же у нас читатель.

Я пытался что-то сказать, но он рассмеялся.

– Наверно, тибетцы действительно были *видящими*, – продолжал дон Хуан. – Если так, то они должны были понять, что то, что они *видят*, не имеет никакого значения, поэтому совершенно не важно, что они напишут. Вот они и написали всю эту чушь, потому что им все это было безразлично, однако в таком случае то, что они написали – вовсе не чушь.

– В конце концов, мне плевать, что говорят тибетцы, – сказал я, – мне важно, что скажешь ты. Я бы хотел знать твое мнение о смерти.

Он секунду смотрел на меня, а затем усмехнулся, широко раскрыл глаза и поднял брови, изобразив удивление. – Смерть? Смерть – это кольцо листьев на стебле, смерть – это лицо союзника, смерть – это шепот Мескалито у твоего уха, смерть – это беззубая пасть стража, смерть – это Хенаро, сидящий на собственной голове, смерть – это мои слова и твой блокнот, смерть – это ничто. Смерть всегда рядом, и в то же время ее не существует.

Дон Хуан удовлетворенно рассмеялся. Его смех напоминал пение,

в нем даже был какой-то танцевальный ритм.

– Бред, верно? – спросил он. – Яне могу рассказать тебе, что такое смерть. Но, вероятно, мог бы рассказать тебе о *твоей* смерти. Невозможно узнать наверняка, какой будет твоя смерть, однако, пожалуй, я расскажу тебе, какой она может быть.

Испугавшись, я сказал, что меня интересует его мнение о смерти вообще, а до подробностей чьей-либо конкретной смерти, в особенности моей собственной, мне нет никакого дела. – Не существует смерти вообще, поэтому я могу говорить только о чьей-то конкретной смерти, – сказал дон Хуан. – Ты просил меня рассказать тебе о смерти? Пожалуйста. Но тогда не бойся послушать о своей собственной.

Я заметил, что слишком нервничаю для такого разговора, что имел в виду некую абстрактную информацию вроде той истории, которую он мне рассказывал о смерти своего сына Эулалио. В тот раз он говорил, что жизнь смешивалась со смертью подобно рассеивающемуся туману из мерцающих кристаллов.

– Тогда я говорил о своем сыне, о том, как *его* жизнь рассеивалась во время *его* смерти, – сказал дон Хуан. – Я говорил не об абстрактной смерти, а о смерти моего сына. Смерть, чем бы она ни была, заставила его жизнь рассеяться.

Мне, однако, хотелось увести разговор от частных случаев, и я сказал, что читал рассказы людей, переживших клиническую смерть, то есть умерших на несколько минут, а затем возвращенных к жизни с помощью средств реанимации. Во всех описанных случаях люди ничего не могли вспомнить. Умирание у них было сопряжено с полным отключением восприятия, с ощущением абсолютной тьмы.

– Это вполне естественно, – сказал дон Хуан. – У смерти две стадии. Первая – отключение, провал в черноту. Она не имеет особого значения и сильно напоминает первую фазу воздействия Мескалито. Человек ощущает легкость. Она дает иллюзию счастья, целостности и ощущение тотального спокойствия всего мирового бытия. Но эта стадия весьма поверхностна. Скоро она проходит, и человек попадает в другую сферу – сферу жесткости и силы. Это вторая стадия, подобная встрече с Мескалито. Смерть вообще очень похожа на общение с ним. Первая стадия – поверхностное отключение. Вторая – стадия собственно смерти – мгновение, следующее за ним. В это мгновение мы снова становимся в каком-то смысле самими собой. И смерть с силой бьет нас снова и снова,

яростно и спокойно, пока наша жизнь не растворяется, превратившись в ничто.

– Почему ты так уверен, что говоришь о смерти? – У меня есть союзник. Дымок показал мне мою смерть безошибочно и очень четко. Именно поэтому я могу говорить только о чьей-то конкретной смерти.

Слова дона Хуана обеспокоили меня. Возникло какое-то жуткое двойственное чувство. Мне казалось, что сейчас он со всеми подробностями расскажет, где, когда и как я умру. Эта мысль вызывала у меня отчаяние и в то же время со страшной силой разжигала любопытство. Конечно, можно было бы попросить, чтобы он рассказал о своей смерти, но этот прием отпадал как некорректный.

Казалось, что дону Хуану мой внутренний конфликт даже доставил удовольствие. Тело его от хохота буквально билось в судорогах.

– Ну что, тебе интересно, как может выглядеть твоя смерть? – спросил он с совершенно детским выражением удовольствия на лице.

Его веселье меня успокоило. Оно почти развеяло мои опасения.

– Ладно, рассказывай, – сказал я дрогнувшим голосом.

Он словно взбесился от смеха, схватившись за живот, опрокинулся набок и, пародируя меня, дрогнувшим голосом повторил:

– Ладно, рассказывай. Дон Хуан сел, выпрямив спину, и, напустив на себя замогильную важность, дрожащим голосом, каким дети рассказывают друг другу страшные истории, произнес:

– Итак, вторая стадия твоей смерти может быть такой...

Изучающим взглядом он с любопытством меня разглядывал. Я засмеялся, осознавая, что его шуточный тон – единственное средство притупить остроту мысли о собственной смерти.

– Ты много времени проводишь за рулем, – продолжал он. –

Поэтому в момент наступления второй стадии ты можешь обнаружить, что ведешь машину. Ощущение будет мгновенным, времени на размышление у тебя не останется. Итак, ты неожиданно окажешься за рулем. Ведь ты провел за ним множество часов, проехав сотни тысяч километров. Но прежде, чем ты успеешь что-то понять, перед ветровым стеклом появится странное образование, эдакая круглая штучка, похожая на розетку блестящих листьев вокруг стебля. Она может напоминать также и

чье-то лицо на фоне неба перед тобой. Потом ты увидишь, как эта штука удаляется, превращаясь в точку, сверкающую вдаль. Затем она начнет приближаться, и в мгновение ока ветровое стекло твоей машины разлетится вдребезги. Ты сильный, поэтому я уверен, что смерти понадобится никак не меньше двух ударов, прежде чем она до тебя доберется.

В этот момент ты поймешь, где ты и что с тобой происходит. Лицо снова отступит, превратившись в точку у горизонта и, набрав скорость, опять обрушится на тебя. Оно войдет внутрь тебя, и тогда ты узнаешь, было ли это лицо союзника или мое, когда я говорю, или твое собственное, когда ты пишешь. А до этого смерть – ничто. Ее нет. Так, маленькая точка, затерявшаяся где-то на листках твоего блокнота. Но, тем не менее, она войдет в тебя с бешеной неуправляемой силой и заставит тебя рассеяться. Ты станешь плоским и рассеешься по всей земле, по всему небу и за его пределами. И ты будешь похож на туман из мельчайших кристаллов, которые будут уплывать, уплывать и уплывать.

В такой интерпретации описание смерти выглядело захватывающим. Я ожидал услышать нечто иное и долго ничего не мог сказать. – Смерть входит через живот, – продолжал дон Хуан, – Она проникает прямо через просвет воли – наиболее уязвимую часть человеческого существа. Это – область, из которой излучается воля и через которую входит смерть. Мой союзник подводил меня ко второй стадии смерти, поэтому я знаю, как это бывает. Маг тренирует волю, открываясь смерти. Смерть одолевает его, но когда он становится плоским и начинает рассеиваться, его безупречная воля берет верх и собирает человека снова, не дав кристаллическому туману рассеяться.

Дон Хуан сделал странный жест. Он растопырил пальцы наподобие двух вееров, поднял кисти на уровень локтей, развернул так, чтобы большие пальцы касались боков туловища, и потом медленно сложил вместе на уровне середины тела, чуть выше пупка. В этом положении он ненадолго замер. Руки дрожали от напряжения. Потом он поднял их, коснувшись лба кончиками средних пальцев, и опустил в то же положение, на уровень живота.

В этом жесте было что-то устрашающее. Сила и красота, с которыми дон Хуан его выполнил, буквально околдовали меня. Воля – вот что собирает мага, – сказал он. – Но с возрастом маг слабеет, и неизбежно наступает миг, когда он теряет способность

управлять волей. И тогда у него не остается ничего, что можно было бы противопоставить безмолвной силе смерти, и жизнь его, подобно жизни любого обычного человека, рассеивается, исчезая в пространстве.

Дон Хуан посмотрел на меня и встал.

– Сходи в кусты, уже можно – скоро вечер, – сказал он.

Мне давно уже нужно было бы сходить, но я не решался, потому что чувствовал себя даже хуже, чем раньше. Однако союзник больше не внушал мне беспокойства. Дон Хуан сказал, что не важно, как я себя чувствую, потому что я уже достаточно «отвердел». Он заверил меня, что я в прекрасной форме и могу сколько угодно спокойно разгуливать в кустах, если, конечно, не стану приближаться к воде.

– Вода – другое дело, – объяснил он. – Мне нужно еще разок устроить тебе «водную процедуру», так что сам лучше к воде не подходи.

Чуть позже дон Хуан попросил меня отвезти его в соседний городок. Я заметил, что поездка меня несколько отвлечет, а то я чувствую себя как-то неуверенно – меня ужасает мысль о том, что маг все время играет со смертью.

– Быть магом очень тяжело, – убедительно сказал он. – Я же говорил – *видеть* намного лучше, чем быть магом. *Видящий* всемогущ, по сравнению с ним маг – просто мальчишка.

– Что такое магия, дон Хуан?

Он долго смотрел на меня, едва заметно покачивая головой, а потом сказал: – Магия – это приложение воли к ключевому звену. Маг отыскивает в том, на что он намерен повлиять, ключевое звено и воздействует на него своей волей. Чтобы быть магом, не обязательно *видеть*. Нужно только уметь манипулировать волей. Я попросил объяснить, что он понимает под ключевым звеном. Он немного подумал и ответил:

– Ну, например, я знаю, чем является твоя машина.

– Вроде бы – машиной, – сказал я.

– Нет. Я имею в виду, что твоя машина – это свечи зажигания. Я рассматриваю свечи как ключевое звено явления, именуемого машиной. Подействовав на них своей волей, я могу сделать так, что твоя машина не будет работать.

Дон Хуан сел в машину. Сделав мне знак последовать его примеру, он поудобнее устроился на переднем сидении.

– Теперь смотри, – сказал он. – Я – ворона. Поэтому прежде всего должен распушить перья.

Он встряхнулся всем телом. Движение напомнило мне купающегося в луже воробья. Он опустил голову, как птица, которая пьет воду.

– Вот так, – сказал он и засмеялся. Смех был очень странный, он обладал каким-то непонятным гипнотическим действием. Я вспомнил, что слышал этот смех много раз. Но раньше не замечал, чтобы он гипнотизировал, может быть, потому, что при мне дон Хуан впервые смеялся так долго.

– Потом ворона расслабляет шею, – сказал дон Хуан, вращая шеей и потирая щеки о плечи. – Потом смотрит на мир. Сначала – одним глазом, потом – вторым.

Он закрутил головой, поочередно «взглядывая на мир» то одним, то другим глазом. Тон его смеха стал выше. У меня появилось дурацкое ощущение, что он вот-вот прямо на моих глазах превратится в ворону. Я хотел смехом отогнать это наваждение, но был почти парализован. Я самым натуральным образом чувствовал, что меня как бы обволакивает какая-то сила. Но я не был испуган и не ощущал ни головокружения, ни сонливости. По-моему, никакие из моих способностей затронуты не были, – Ну все, теперь заводи, – сказал дон Хуан.

Я включил стартер и автоматически нажал на газ. Стартер завизжал, но двигатель не запускался. Смех дон Хуана был похож на мягкое ритмичное карканье. Я снова попытался завести мотор, потом еще, и еще. Минут десять я крутил стартер. Безрезультатно. А дон Хуан все каркал. Тогда я плюнул на это дело и уселся неподвижно.

Дон Хуан внимательно меня разглядывал и я знал, что своим смехом он вогнал меня в некое подобие гипнотического транса. Я вполне отдавал себе отчет в происходящем, но в то же время не был самим собой. Все время, пока я тщетно пытался завести машину, состояние мое было смесью покорности и немоты. Складывалось такое впечатление, что дон Хуан делал что-то не только с машиной, но и со мной тоже. Когда он прекратил каркать, я решил, что уже все, решительно крутанул ключ и нажал на газ. Я был уверен, что весь фокус заключается в том, что дон Хуан загипнотизировал меня своим карканьем, заставив поверить в то, что мотор не заводится. Краем глаза я видел, что он с интересом

наблюдает за тем, как я с остервенением жму на педаль газа. Дон Хуан мягко похлопал меня по плечу и сказал, что ярость делает меня «тверже», так что, может быть, ему даже не придется вечером меня купать. Чем больше я буду себя накручивать, тем скорее окончательно оправлюсь от встречи с союзником.

– Не смущайся, – подзадоривал дон Хуан. – Дай еще газу! Жми, жми сильнее!

Я слышал обычные раскаты его гомерического хохота, почувствовал, что смешон, и издал дурацкий блеющий смешок. Через некоторое время дон Хуан сказал, что отпустил машину. И мотор завелся!

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 14

28 сентября 1969

Я стоял перед домом дона Хуана и не решался войти – что-то жуткое было и в самом доме, и в окружавшем его пейзаже. Мне вдруг показалось, что дон Хуан прячется где-то поблизости и наблюдает за мной. Я позвал его, а потом, набравшись решимости, вошел-таки в дом. Дона Хуана там не было. Я поставил две сумки с продуктами на кучу дров и сел. Все вроде как обычно, я десятки раз приезжал, когда его не было дома. Но впервые за все годы знакомства с доном Хуаном мне было страшно одному в его доме. Я чувствовал присутствие чего-то, словно здесь, рядом со мной был кто-то еще, кто-то невидимый. Я вспомнил, что однажды, несколько лет назад, уже испытывал подобное чувство, смутное ощущение, что нечто неизвестное бродит вокруг меня, когда я один. Я вскочил на ноги и пулей вылетел из дома.

Приехал я в этот раз для того, чтобы сказать дону Хуану, что накапливающийся эффект установки «видеть» стал сказываться на моем состоянии. Мне все чаще становилось не по себе, я почти постоянно ощущал беспричинное смутное беспокойство, уставал, не утомляясь. Ощущение, которое я испытал, сидя только что в доме дона Хуана, разбудило во мне воспоминания о том, как впервые у меня появился подобный страх.

Все началось несколько лет назад, когда дон Хуан втянул меня в очень странное противостояние с женщиной-колдуньей, которую он называл «Ла Каталина». 23 ноября 1961 года я приехал к дону Хуану. Он сидел дома с вывихом голеностопного сустава. Мне он объяснил, что это дело рук его врага – ведьмы, которая могла обернуться черным дроздом. Она уже неоднократно делала попытки его убить.

– Я покажу ее тебе, как только смогу ходить, – сказал дон Хуан. – Ты должен знать, кто это.

– А зачем ей тебя убивать?

Он нервно пожал плечами и ничего не сказал. Когда я приехал через десять дней, он уже был в полном порядке. Он покрутил

ступней, демонстрируя мне совсем здоровую ногу, и сказал, что все так быстро прошло благодаря хитроумной жесткой повязке, которую он сам себе сделал.

– Хорошо, что ты приехал, – сказал он. – Сегодня я хочу предложить тебе небольшое путешествие.

Он сел в машину рядом со мной, и мы отправились в безлюдный район. Дон Хуан указывал дорогу. Когда мы приехали и остановились, дон Хуан поудобнее устроился на сидении, вытянув ноги и откинувшись на спинку, словно собирался вздремнуть. Мне он велел расслабиться и сохранять спокойствие, потому что вечер – очень опасное время для того дела, которым мы заняты, и до наступления темноты нам нужно сидеть как можно тише и незаметнее.

– Чем это мы таким заняты? – поинтересовался я.

– Мы приехали, чтобы отметить Ла Каталину, – ответил он.

Когда совсем стемнело, мы потихоньку вышли из машины и очень медленно и бесшумно углубились в чаппараль.

С того места, где мы остановились, были видны черные силуэты холмов, возвышавшихся по обе стороны. Мы находились на дне довольно широкого каньона с плоским дном. Дон Хуан подробно объяснил мне, что нужно делать, чтобы сливаться с чаппаралем, и научил сидеть, как он выразился, «в готовности». Нужно было сесть, подогнув левую ногу под правое бедро и поставить ступню полностью согнутой правой ноги на землю, подняв колено вертикально вверх. Дон Хуан сказал, что подогнутая нога должна выполнять роль пружины, которая подбросит тело, когда потребуется мгновенно встать. Потом он велел мне сесть лицом на запад, потому что в том направлении находился дом Ла Каталины. Сам он сел рядом, справа от меня, и шепотом сказал, чтобы я сфокусировал взгляд на земле перед собой, и выслеживал, вернее, выжидал волну ветра, от которой зашевелиятся кусты. Когда ветер коснется низких кустов над самой поверхностью земли, на которых сосредоточен мой взгляд, я должен мгновенно вскинуть голову и посмотреть вверх. Там я увижу колдунью «во всем блеске ее зловещего великолепия». Он именно так и выразился, слово в слово. Когда я попросил объяснить, что он имеет в виду, дон Хуан сказал, что, увидев шевеление кустов и взглянув вверх, я сам все пойму. «Маг в полете», сказал он, это нечто невообразимое, не поддающееся никакому описанию.

Дул довольно устойчивый ветерок, и «шевеление» кустов обнаруживалось не раз и не два. Я то и дело вскидывал голову в полной готовности узреть что-нибудь жуткое и трансцендентальное, однако в небе было пусто. Каждый раз, когда порыв ветра раскачивал кусты, дон Хуан стоя яростно ударял ногой по земле, осматривался и взмахивал руками, как крыльями. Сила его движений была необычайной.

После нескольких неудачных попыток увидеть «колдунью в полете» я понял, что никакого трансцендентального явления не предвидится. Но дон Хуан так истово «демонстрировал силу», что я безропотно проторчал там всю ночь.

На рассвете дон Хуан присел рядом со мной. Казалось, он почти в изнеможении и едва двигается. Он прилег на спину и пробормотал, что ему не удалось «пронзить эту женщину». Он повторил эти слова несколько раз, и с каждым разом в них звучало все более глубокое отчаяние. Я с легкостью поддался его настроению. Потом в течение нескольких месяцев дон Хуан ни словом не упоминал ни об этом событии, ни о самой колдунье. Я решил, что он либо забыл об этом, либо разобрался со своими проблемами сам. Но, приехав однажды, я застал его, что называется, «на взводе». От его обычного спокойствия не осталось и следа, когда он начал рассказывать мне, как прошлой ночью «черный дрозд» стоял прямо перед ним, почти его касаясь, и он даже не сразу проснулся. Искусство колдуньи было настолько изощренным, что он вообще не почувствовал ее присутствия. Ему просто повезло, проснись он на мгновение позже, и он уже не успел бы вступить в чудовищную битву за свою жизнь. Он говорил взволнованно, почти с пафосом. Меня охватило сострадание и беспокойство. Мрачным драматическим тоном он еще раз подтвердил, что не в состоянии остановить Ла Каталину, и следующий ее визит к нему станет последним, потому что этот день будет его последним днем на земле. Еще немного – и я бы разрыдался. Дон Хуан заметил мое состояние и засмеялся, как мне показалось, храбро. Похлопав меня по спине, он сказал, что, впрочем, еще не все потеряно. У него осталось еще одна карта, последняя козырная карта в этой смертельной игре.

– Воин живет стратегически, – сказал он, – и никогда не берет на себя груз, который не в силах нести.

Улыбка дона Хуана разогнала роковые тучи. Я почувствовал

неожиданный подъем, и мы оба засмеялись.

– Знаешь, из всего, что есть на свете, только ты – моя козырная карта, – отрывисто сказал он, глядя мне прямо в глаза.

– Что?

– Ты и есть моя козырная карта в схватке с этой ведьмой.

Я не понял, что он имел в виду, и он объяснил. Оказывается, у меня был реальный шанс ее «пронзить», потому что она меня не знала. Для этого я должен был действовать так, как скажет дон Хуан.

– Что значит «пронзить»? – Убить ее тебе не под силу, пронзить, как протыкают воздушный шар, – вполне. Если тебе удастся это сделать, она оставит меня в покое. Но сейчас об этом не думай. Когда придет время, я скажу тебе, что делать.

Прошли месяцы. Я и думать забыл об этом разговоре и потому был весьма удивлен, когда приехал к нему в очередной раз, а он выскочил из дома и, не дав мне вылезти из машины, быстро встревожено зашептал:

– Немедленно уезжай. Слушай внимательно: купи ружье, или достань где-нибудь, главное – чтобы оно не было твоим, понял? Достань любое ружье, кроме своего, и сразу же вези его сюда.

– Зачем тебе ружье?

– Езжай. Возвратился я уже с ружьем. На новое у меня не хватило денег, поэтому я одолжил у одного из приятелей его старую двустволку. Дон Хуан даже не взглянул на ружье. Со смехом он объяснил, что черный дрозд сидел на крыше его дома, и нужно было сделать так, чтобы он меня не увидел.

– Когда я увидел на крыше колдунью, принявшую образ этой черной птицы, то подумал, что ее можно пронзить из ружья, которое ты мог бы достать, – выразительно сказал дон Хуан, – Поскольку мне не хочется, чтобы с тобой что-то случилось, я велел тебе достать где-нибудь чужое ружье или купить новое. Видишь ли, после того, как ты выполнишь задачу, ружье должно быть уничтожено.

– Какую такую задачу?

– Ты должен попытаться поразить эту женщину из ружья.

Дон Хуан заставил меня протереть все ружье листьями какого-то специфически пахнущего растения. Сам он протер два патрона и собственноручно вложил их в стволы. Потом дон Хуан велел мне спрятаться в кустах напротив двери его дома и ждать. Как только

черный дрозд сядет на крышу, нужно тщательно в него прицелиться и выстрелить из обоих стволов дуплетом. Конечно, вряд ли дробь сможет причинить колдунье какой-нибудь вред, ее скорее пронзит эффект удивления. Если я буду собран и силен, то мое действие достигнет цели, и она отстанет от дон Хуана. Таким образом, как прицел, так и мое намерение поразить ее должны быть безупречны.

– В момент выстрела ты должен закричать. Вернее, издать боевой клич – мощный, пронзительный, – сказал дон Хуан.

Затем из охапок тростника и дров он соорудил кучу, метрах в трех-четырех от рамады, и велел мне лечь на нее спиной. Положение оказалось достаточно удобным – как в кресле. Я полулежал, и крыша была мне очень хорошо видна.

Дон Хуан сказал, что еще есть время – так рано ведьмы не летают, и мы успеем подготовиться. Потом он закроется в доме, чтобы привлечь ее и спровоцировать нападение. Мне он велел сесть поудобнее и полностью расслабиться, так, чтобы я мог выстрелить, не пошевелившись перед этим. Он заставил меня пару раз прицелиться, из чего сделал вывод, что я поднимаю и навожу ружье слишком медленно и неуклюже. Ломом он проковырял в земле две глубокие дырки, в которые вставил две рогатины, а на них положил длинную жердь, крепко привязав ее веревкой.

Положив ружье стволами на эту конструкцию, я мог без усилий держать его непрерывно нацеленным на крышу.

Дон Хуан взглянул на небо и сказал, что пора занимать позицию в доме. Он встал и спокойно ушел в дом, напоследок напомнив мне, что дело предстоит нешуточное, и птицу надо уложить с первого же выстрела.

Через несколько минут сумерки сгустились, и стало совсем темно. Казалось, темнота специально выжидала, когда я останусь один. Я пытался сфокусировать взгляд на крыше, которая темным силуэтом вырисовывалась на фоне неба. Вначале горизонт был довольно светлым, но потом небо окончательно потемнело, и я с трудом различал дом вообще. Несколько часов я сидел, неотрывно глядя на крышу, но ничего не замечал. Пару раз пролетали совы, но их невозможно было спутать с черным дроздом из-за большого размаха крыльев. Вдруг я четко различил темный силуэт небольшой птицы, которая села на крышу. Черный дрозд! Сердце бешено заколотилось, в ушах зазвенело, я прицелился в темноту и

нажал на оба спусковых крючка. Грохнул выстрел. Приклад сильно толкнул меня в плечо, и одновременно раздался пронзительный человеческий вопль. Он был громким и жутким и донесся, как мне показалось, с крыши. Я был в полном замешательстве, и вдруг вспомнил, что дон Хуан велел мне кричать во время выстрела. Я забыл это сделать. Я собрался было перезарядить ружье, но тут из дома выскочил дон Хуан с керосиновой лампой. Он явно очень нервничал.

– Похоже, ты попал, – сказал он. – Мы сейчас найдем мертвую птицу.

Он приволок лестницу и заставил меня взобраться на рамаду. Но там я ничего не нашел. Тогда он сам забрался наверх, но тоже безрезультатно. – Наверно, птицу разнесло на куски, – сказал дон Хуан. – Тогда мы найдем хотя бы перо.

Мы начали искать. Сначала вокруг рамады, потом вокруг всего дома. Так мы и бродили с керосиновой лампой по двору до самого утра. Когда рассвело, мы еще раз все обследовали. Около одиннадцати дон Хуан сказал, что дальше искать бессмысленно. Он сел с удрученным видом, как-то глуповато улыбнулся и произнес:

– Ничего не вышло. Тебе не удалось ее остановить. Теперь моя жизнь не стоит и ломаного гроша. Она наверняка разозлилась и жаждет мести. Но тебе ничего не грозит, эта женщина не знает тебя.

Я направился к машине, чтобы уехать домой, и, обернувшись на ходу, спросил:

– Ружье ломать?

– Зачем? Оно ничего не сделало, можешь вернуть его своему приятелю.

В его глазах таилось глубокое отчаяние. Я был настолько тронут, что, едва удерживаясь от рыданий, спросил:

– Я хоть что-нибудь могу для тебя сделать?

– Ничего, – ответил дон Хуан.

Мы помолчали. Я хотел уехать сейчас же. Мне было не по себе, щемящая тоска буквально съедала меня. – Ты и вправду хотел бы мне помочь? – спросил дон Хуан как-то по-детски.

Я еще раз сказал, что всецело в его распоряжении, потому что очень к нему привязан и готов на все ради того, чтобы ему помочь. Дон Хуан улыбнулся и снова спросил, искренне ли я все это

говоря. Я страстно подтвердил, что просто жажду ему помочь.
– Ну что ж, если ты действительно искренен... Есть еще один шанс. Похоже, дон Хуан был доволен. Он широко улыбнулся и несколько раз хлопнул в ладоши. Этим жестом он имел обыкновение выражать удовлетворение. Перемена его настроения была настолько разительной, что я поддался. Подавленность и тоска мгновенно улетучились. Жизнь снова была прекрасна. Дон Хуан сел на землю, я – рядом с ним. Он посмотрел на меня долгим изучающим взглядом и сказал, что я – единственный человек, который может помочь ему в сложившейся ситуации. Он говорил очень спокойно и с расстановкой. По его словам выходило, что шанс есть, но для того, чтобы реализовать его, мне предстоит выполнить какое-то сложное, очень специфическое и опасное действие.

– Я дам тебе оружие, которым ее можно пронзить.
Из своей сумки он вытащил что-то продолговатое и протянул мне. Я сначала взял эту вещь, а потом глянул на нее и чуть не выронил.
– Это – дикий вепрь, – продолжал дон Хуан. – С его помощью ты сможешь ее пронзить.

Предмет, который я держал в руке, оказался засушенной передней ногой дикого кабана. Шкура на ней была мерзкой на ощупь, от прикосновения к щетине передергивало. Копыто было раздвоенным, и его половинки торчали вперед, как будто кабан вытягивал ногу. Вид у этой штуки был, что и говорить, ужасный. Меня чуть не стошнило. Он быстро забрал ее у меня.

– Тебе придется воткнуть дикого вепря ведьме в живот, – сказал дон Хуан. – Что? – слабеющим голосом переспросил я.

– Ты должен взять вепря в левую руку и пырнуть им ведьму. Она – колдунья, поэтому вепрь войдет в ее живот, и никто, кроме другого мага, не увидит, что он там торчит. Это не обычная схватка, а выяснение отношений между магами. Опасность заключается в том, что, если ты промахнешься, она может уложить тебя на месте одним ударом. Или тебя пристрелят либо зарежут ее родственники или компаньоны. Однако ты можешь выпутаться из этой истории без последствий.

Если у тебя получится, она будет так маяться с этим вепрем в своем теле, что ей станет не до меня.

Меня снова охватила гнетущая тоска. Я был глубоко привязан к дону Хуану. Я им восхищался. Я научился считать его образ жизни

и его знания высшими достижениями. А тут вдруг – такая дикая, жуткая просьба. Но как можно позволить умереть такому выдающемуся человеку? С другой стороны – ведь он сам говорит, что от меня требуется сознательно рисковать своей жизнью... Я настолько углубился в анализ своих истинных мотивов, что не заметил, как дон Хуан поднялся на ноги и стоял надо мной, пока, наконец, не сказал со снисходительной улыбкой, похлопав меня по плечу:

– Когда почувствуешь, что действительно готов мне помочь, – возвращайся. Но не раньше. Если ты вернешься, я буду знать, что делать. Теперь – иди. Если ты не захочешь вернуться, я все пойму. Я автоматически поднялся, сел в машину и уехал. Дон Хуан определенно снял меня с крючка. Я мог уехать и никогда больше не возвращаться, но мысль об этом почему-то не успокаивала. Я проехал еще немного, потом резко развернулся и поехал обратно. Дон Хуан сидел под рамадой и, похоже, совсем не удивился, увидев меня.

– Садись, – сказал он. – Смотри, как красивы облака на западе. Скоро стемнеет. Сиди спокойно, и пусть сумерки наполнят тебя. Сейчас делай что хочешь, но когда я скажу, посмотришь на эти яркие облака и попросишь у сумерек силы и спокойствия. Часа два я просидел лицом к облакам на западе. Дон Хуан ушел в дом и сидел внутри. Когда начало темнеть, он вышел и сказал:

– Вставай. Не закрывай глаза. Смотри прямо на облака. Подними руки, растопырив пальцы, и беги на месте.

Я последовал его инструкциям – встал, поднял над головой руки с растопыренными пальцами и побежал на месте. Дон Хуан зашел сбоку и стал корректировать движения. Ногу дикого вепря он сунул мне в левую руку, велел придерживать ее большим пальцем, прижимая к ладони. Потом он слегка опустил мои руки, установив их в таком положении, чтобы пальцы были направлены на запад, прямо к облакам – оранжевым, серым и почти черным. Все пальцы он тщательно выпрямил и велел ни в коем случае их не сгибать. Скрюченные пальцы – это не просьба о силе и спокойствии, а угроза. Кроме того, дон Хуан подправил и сам бег, чтобы он был ровным и спокойным, словно я и в самом деле, вытянув руки, бегу навстречу сумеркам.

В ту ночь я так и не смог заснуть. Было так, будто сумерки привели меня в бешенство, вместо того, чтобы успокоить.

– В моей жизни еще так много всего, что ждет своего решения, – сказал я. – Так много неразрешенных задач...

Дон Хуан мягко усмехнулся и сказал:

– Ничто в мире не ожидает своего решения. Нет ничего законченного, но нет и ничего нерешенного. Спи.

Слова дона Хуана странным образом меня успокоили.

На следующее утро, где-то около десяти, дон Хуан накормил меня, и мы двинулись в путь. Он прошептал, что добраться до ведьмы было бы неплохо в полдень, а если удастся – то и еще пораньше.

Идеальное время для нападения – самые первые часы дня, потому что утром маги всегда наименее сильны и наименее внимательны.

Но ведьма в таком состоянии ни за что не выйдет из дому, а в своем доме она хорошо защищена. Я ничего не спрашивал. Дон Хуан сказал, чтобы я выехал на шоссе, а потом в определенном месте велел съехать на обочину и остановиться.

– Здесь мы будем ждать, – сказал он. Я взглянул на часы. Было пять минут одиннадцатого. Меня одолевала сонливость, мысли бесцельно блуждали, внимание рассеялось.

Вдруг дон Хуан выпрямился и толкнул меня. Я подскочил на сидении.

– Вот она! – сказал он.

По краю распаханного поля в направлении шоссе шла женщина.

На руке у нее висела корзина. Только сейчас я заметил, что мы остановились у перекрестка. Две узкие грунтовые дороги тянулись по обеим сторонам трассы, и еще одна, пошире, пересекала ее. Те, кто пользовался этой дорогой, должны были переходить мощеное полотно трассы.

Когда женщина была еще на грунтовой дороге, дон Хуан велел мне выйти из машины.

– Вперед! – твердо скомандовал он.

Я подчинился. Женщина уже почти поднялась на шоссе. Я побежал, чтобы перехватить ее. Она была совсем близко, я почти касался ее одежды. Выдернув из-за пазухи кабанью ногу, я ткнул ею женщине в живот. Я не почувствовал никакого сопротивления тупому предмету, который держал в руке. В воздухе промелькнула тень, как будто кто-то взмахнул портьерой. Я повернул голову направо и увидел, что женщина стоит метрах в пятнадцати-двадцати от меня на другой стороне трассы. Ла Каталина выглядела очень молодо, у нее было красивое смуглое лицо и

крепкое сильное тело. Она стояла и преспокойно улыбалась мне, слегка прищурившись от ветра и сверкая крупными белоснежными зубами. На правой руке по-прежнему висела корзинка.

На мгновение я впал в какое-то оцепенение. Повернулся к дону Хуану. Он звал меня, отчаянно размахивая руками. Заметив, что трое или четверо мужчин уже спешат в моем направлении, я побежал к машине, прыгнул в нее, и мы уехали.

Я попытался спросить у дон Хуана, что произошло, но не смог – уши буквально лопались от внутреннего давления. Мне казалось, что меня вот-вот разорвет на куски. Дон Хуан казался довольным. Он засмеялся, как будто мое поражение ничуть его не обескуражило. Мои ладони словно приросли к рулевому колесу, я не мог пошевелить пальцами, они как будто насквозь промерзли. Руки до плеч буквально окаменели, то же самое творилось с ногами. Я самым натуральным образом не мог снять ногу с педали газа.

Дон Хуан похлопал меня по спине и велел расслабиться. Мало-помалу давление в ушах ослабло.

– Что там происходило? – наконец смог я выдавить из себя вопрос. Он по-детски хихикнул, но ничего не ответил. Потом он спросил, заметил ли я, каким образом эта женщина ушла от удара. Он был в восхищении от ее реакции и быстроты. Слова дон Хуана показались мне довольно неуместными, я перестал понимать, что происходит. Он хвалил колдунью. Он сказал, что она – воистину безжалостный враг, и сила ее безупречна.

Я спросил:

– На тебя что, нисколько не подействовала моя неудача? Перемена его настроения сильно меня удивила. Я даже чувствовал некоторую досаду. Он определенно чему-то радовался.

Дон Хуан велел мне остановиться. Я поставил машину на обочине. Он положил мне руку на плечо, проникновенно заглянул в глаза и без обиняков заявил:

– Все, что я сегодня с тобой проделал, было хитростью. Таково правило – человек знания должен заманить своего ученика в ловушку. Сегодня я поймал тебя, хитростью поставив перед лицом жесткой необходимости учиться.

Я был ошарашен. Я не мог собраться с мыслями. Дон Хуан тем временем объяснил, что вся история с ведьмой – ловушка. Эта женщина никогда не представляла для него реальной угрозы. Его

задачей было заставить меня столкнуться с ней, когда я буду находиться в особом состоянии отрешенности и силы. Я вошел именно в это состояние, пытаясь ее «пронзить». Он похвалил мою решимость и назвал ее действием силы, которое продемонстрировало колдунье, что я способен на мощные энергетические выплески и проявления силы. Дон Хуан сказал, что, хотя я этого и не осознавал, единственное, чего я достиг, – это покрасовался перед ней, – Ты не в силах даже пальцем до нее дотронуться, – сказал он, – но когти ты ей показал. Теперь она знает, что ты не боишься и бросаешь ей вызов. Я выбрал эту женщину для своей хитрости потому, что она безжалостна, сильна и ничего не забывает. Мужчины обычно слишком заняты делами, отвлекающими их от безжалостной вражды.

Я ужасно разозлился и сказал, что это низко – играть самыми глубокими чувствами и преданностью людей.

Дон Хуан хохотал до слез. В эти мгновения я его ненавидел. Так и хотелось съездить ему по физиономии и укатить восвояси. Но в его смехе обнаружился странный ритм, который почти парализовал меня.

– Ну-ну, зачем же так злиться? – произнес дон Хуан успокаивающим тоном.

Потом он сказал, что ни одно из его действий не было фарсом и что он сам когда-то точно так же рисковал жизнью. Это было очень давно. Его бенефактор хитростью втянул его в суровую переделку, то же самое дон Хуан сегодня проделал со мной. Но бенефактор дон Хуана был человеком жестоким и не возился с ним так, как он со мной. Еще дон Хуан довольно резко добавил, что Ла Каталина действительно пробовала на нем свою силу, пытаясь сжить со свету.

– Но теперь ей известно, что все ее фокусы для меня – детские игрушки. И она возненавидит за это тебя. Со мной ей ничего не под силу сделать, зато на тебе она попытается выместить все. Сейчас она, однако, не знает, чего ты в действительности стоишь, поэтому будет вести разведку, понемногу тебя испытывая. Так что выбора нет. Ты должен учиться, хочешь ты этого или нет, иначе окажешься в лапах этой дамы. А она шутить не любит.

И дон Хуан напомнил мне, как она перемахнула через дорогу.

– Не злись, пожалуйста, – сказал он. – То, что я сделал, не было обычной хитростью. Таково правило.

Действительно, прыжок этой леди через шоссе был явлением умопомрачительным. Причем я видел это своими собственными глазами – в мгновение ока она перелетела на другую сторону довольно широкой трассы. Дется от этого факта было некуда. Начиная с этого момента вся история с ведьмой крепко засела в моей памяти, и мало-помалу у меня накопились доказательства того, что она и впрямь меня преследует. В итоге все это вылилось в то, что под давлением трансцендентального страха я удрал от дона Хуана, бросив ученичество.

Через несколько часов, сразу после полудня, я вернулся к дому дона Хуана. Тот явно уже поджидал меня. Когда я вышел из машины, он подошел и начал с любопытством меня рассматривать. Обойдя вокруг меня пару раз и не дав мне раскрыть рта, он спросил:

– Откуда нервозность?

Я объяснил, что утром меня что-то испугало, и я уехал, так как чувствовал невидимое присутствие. Что-то бродило вокруг, как это бывало и в прошлом. Дон Хуан сел и, казалось, погрузился в свои мысли. Лицо его было необычайно серьезно. Он вроде бы даже устал. Я сел рядом и стал разбирать свои записи.

После длинной паузы лицо его просветлело, и он улыбнулся.

– Утром к тебе приходил дух источника. Это его ты почувствовал. Но я же предупреждал тебя, что нужно быть готовым к неожиданным встречам с силами. Мне казалось, ты понял.

– Я понял.

– Тогда почему боишься?

Я не мог ответить.

– Дух источника стоит на твоём пути. Он уже коснулся тебя в воде. И, уверяю тебя, коснется еще. И если ты не будешь готов к этой встрече, тебе настанет конец.

Слова дона Хуана весьма меня обеспокоили, однако ощущение было довольно странным: я был встревожен, но не напуган.

Слепой страх, который охватывал меня раньше, теперь уже не возникал, что бы ни происходило. Я спросил:

– Что же делать? – Ты очень легко все забываешь, – сказал он. –

Мы не по своей воле становимся на путь знания – нас на него загоняют и постоянно прищипывают. На этом пути нам постоянно приходится с чем-то бороться, чего-то избегать, быть к чему-то готовыми. И это что-то всегда непостижимо, всегда мощнее нас,

всегда нас превосходит. Поэтому нужно готовиться к борьбе. Иного выхода нет. Ты встречаешься с непостижимыми силами. Сейчас это – дух источника, потом будет твой собственный союзник. Несколько лет назад тебя пришпорила Ла Каталина, но она – всего лишь колдунья, это фокус для новичков.

В мире действительно множество устрашающих вещей, а мы – беспомощные создания, окруженные непостижимыми и неумолимыми силами. Обычный человек по невежеству своему полагает, что их можно объяснить или изменить. На самом деле он не знает, как это сделать, однако надеется, что человечество рано или поздно сумеет объяснить их или изменить. Маг, с другой стороны, думает не об объяснениях и не о переменах. Вместо этого он использует эти непостижимые силы для того, чтобы перенаправить себя, приспособившись к направлению их действия. В этом заключается его хитрость. В магии нет ничего особенного, достаточно лишь эту хитрость узнать. Маг ничем не лучше обычного человека. Магия не избавляет его от проблем. В действительности она ему даже мешает, потому что усложняет жизнь и делает ее опасной. Открываясь знанию, маг становится уязвимее обычного человека. С одной стороны, его ненавидят и боятся люди. Естественно, они стараются всяческими способами сократить ему жизнь. С другой – непостижимые и неумолимые силы. Они окружают нас, и нам никуда от них не деться уже только по той причине, что мы живем в этом мире. Для мага они представляют собой даже более серьезную опасность, чем люди. Если мага пронзит человек, ему больно, по-настоящему больно. Но это ничто по сравнению с тем, что бывает, если его заденет союзник. Открываясь знанию, маг попадает в лапы сил.

Единственное средство, позволяющее ему уравновесить себя и сдерживать их напор, – это воля. Поэтому он должен воспринимать и действовать как воин. Я еще раз повторяю; только воин выживает на пути знания. В образе жизни воина кроется сила. Именно эта сила позволяет ему жить лучшей жизнью. Я обязан научить тебя *видеть*. Не потому, что мне этого хочется, а потому, что ты избран, на тебя указал мне Мескалито. Однако научить тебя действовать и чувствовать как подобает воину – лично мое стремление, потому что я уверен, что быть воином – это наиболее подходящий способ жить. Поэтому я постарался показать тебе те силы, с которыми сталкивается маг. Только под их ужасающим

воздействием человек может стать воином. Если бы ты научился *видеть*, не став предварительно воином, это ослабило бы тебя ложным смирением и желанием отступить. Тело твое разрушилось бы, потому что тебе стало бы все равно. Так что сделать тебя воином – мое собственное намерение. Тогда ты не сломаешься. Ты неоднократно повторял, что всегда готов к смерти. Я считаю, что чувствовать себя всегда готовым к смерти не обязательно. Это бесполезное потакание собственной слабости. Воин должен быть готов только к битве. Ты говорил, что родители искалечили твой дух. Я думаю, что дух человека не так-то легко искалечить. По крайней мере, теми действиями, которые ты считаешь калечащими дух. Но можно сделать человека мягким и хлипким, приучить его потакать себе, жалеть себя, поддаваться прозябанию. И, должен отметить, в этом твои родители, безусловно, преуспели.

Дух воина не привязан ни к потаканию, ни к жалобам, как не привязан он ни к победам, ни к поражениям. Единственная привязанность воина – битва, и каждая битва, которую он ведет, – его последняя битва на этой земле. Поэтому исход ее для него практически не имеет значения. В этой последней битве воин позволяет своему духу течь свободно и ясно. И когда он ведет эту битву, он знает, что воля его безупречна. И поэтому он смеется. Я перестал писать и поднял глаза. Дон Хуан смотрел на меня. Он покачал головой и улыбнулся:

– Ты что, и правда все это записываешь? Хенаро говорит, что не может серьезно вести себя с тобой, потому что ты все время пишешь. Он прав – ну как можно быть серьезным, если ты все время пишешь?

Он опять улыбнулся, а я попытался защищаться. – Да ладно, брось, это не важно, – сказал он. – Я полагаю, что если ты когда-нибудь научишься *видеть*, то сделаешь это каким-то собственным невообразимым способом.

Он встал и взглянул на небо. Было около полудня. Он сказал, что пора отправляться в горы на охоту.

– На кого?

– На особого зверя – скажем, на оленя, или на дикого кабана, а может, и на горного льва.

Он помолчал и добавил:

– Или даже на орла.

Я встал и пошел за ним к машине. Он сказал, что в этот раз мы

будем только наблюдать, чтобы обнаружить, на кого следует охотиться. Он уже почти залез в машину, как вдруг остановился, как бы что-то неожиданно вспомнив, улыбнулся и сказал, что охоту придется отложить. Сначала мне следует изучить кое-что, без чего наша охота невозможна.

Мы вернулись и снова уселись под рамадой. Я хотел о многом его расспросить, но он не дал, сразу же начав говорить.

– Теперь мы подобрались к последнему, что ты должен знать о воине. Воин отбирает то, что составляет его мир. Ты знаешь, что с тобой случилось в тот день, когда ты видел союзника и мне дважды пришлось тебя купать?

– Нет.

– Ты растерял свои щиты.

– Какие щиты? О чем ты?

– Я сказал, что воин отбирает то, что составляет его мир, отбирает осознанно, потому что каждая вещь, которую он отбирает, становится его щитом, защищающим от нападения сил, тех сил, которые он старается использовать. Щиты, например, используются воином для защиты от собственного союзника. Обычный средний человек точно так же, как и воин, живет в окружении тех же самых непостижимых сил. Но он им недоступен, так как защищен особыми щитами другого типа.

Он замолчал и вопросительно взглянул на меня. Я не понимал, что он имеет в виду. – Что это за щиты?

– Все, что люди делают.

– А что они делают?

– Ты посмотри вокруг. Все обычные люди непрерывно чем-то заняты. Они делают то, что они делают. Это – их щиты. Когда маг встречается с какими-то из непостижимых и неумолимых сил, его просвет открывается. Маг становится в большей степени подверженным смерти, чем обычно. Я говорил тебе, что смерть входит в нас через этот просвет. Поэтому тот, у кого он открыт, должен быть готов в любой момент заполнить его своей волей. Конечно, если он – воин. Но ты пока что не воин. А если человек не является воином, то ему не остается ничего другого, кроме как использовать житейские проблемы для отвлечения сознания от устрашающих встреч с непостижимыми и неумолимыми силами. Тем самым человек закрывает свой просвет. В тот день, когда ты увидел союзника, ты разозлился на меня. Своим экспериментом с

твоим автомобилем я специально сделал так, чтобы ты пришел в ярость. Купал я тебя так долго для того, чтобы ты основательно замерз. Ты купался в одежде и замерз еще сильнее. Закрыв твой просвет, холод и ярость стали в тот день твоей защитой. Однако использовать подобного рода «житейские щиты» так же эффективно, как их использует обычный человек, ты уже не способен – слишком много знаешь о силах. Поэтому сейчас ты вплотную приблизился к тому, чтобы чувствовать и действовать, как воин. Твои старые щиты разбиты.

– И что мне следует делать?

– Действовать, как подобает воину. Отбирать то, что составляет твой мир. Ты больше не можешь обращаться с вещами как попало. Я говорю тебе это самым серьезным образом. Теперь ты впервые не в безопасности при твоём старом образе жизни.

– Что ты имеешь в виду под отбором частиц моего мира? – Воин встречает эти необъяснимые и непреклонные силы, потому что он намеренно ищет их. Поэтому он всегда готов к встрече с ними. Ты, например, никогда не готов к ней. Фактически, если эти силы явятся к тебе, они захватят тебя врасплох. Испуг откроет твой просвет, и твоя жизнь беспрепятственно ускользнет через него. Первое, что ты должен делать, – это быть готовым. Думай, что союзник собирается выскочить перед твоими глазами в любую минуту. Ты должен быть готов к этому. Встреча с союзником – не воскресный пикник. Воин принимает на себя ответственность по защите своей жизни. Поэтому если какая-либо из этих сил стучится к тебе и открывает твой просвет, ты должен намеренно бороться за то, чтобы закрыть его самому. Для этой цели ты должен иметь избранный ряд вещей, которые дают тебе спокойствие и удовольствие. Вещей, которые ты можешь намеренно использовать для того, чтобы убрать свои мысли от испуга, закрыть свой просвет и сделать себя цельным.

– Что это за вещи? – Несколько лет назад я говорил тебе, что в своей повседневной жизни воин выбирает себе путь сердца. Именно это отличает его от обычного человека. Воин знает, что он на пути сердца, когда един с этим путем, когда переживает огромное спокойствие и удовольствие, идя по нему. Вещи, которые выбирает воин, чтобы сделать свои щиты, – это частицы пути сердца.

– Но ты сказал, что я не воин, как же я могу выбрать путь сердца?

– Это твоя поворотная точка. Можно сказать, что раньше у тебя не было действительной необходимости жить как воин. Теперь иначе. Теперь ты должен окружать себя частицами пути сердца и должен отказаться от остального. Или же ты погибнешь при следующей встрече. Я могу добавить, что ты больше можешь не просить о встрече. Теперь союзник может прийти к тебе во сне, во время твоего разговора с друзьями или когда ты пишешь.

– Я уже годами искренне старался жить в соответствии с твоими поучениями. Очевидно, я делал это недостаточно хорошо. Как я теперь могу делать это лучше?

– Ты слишком много думаешь и разговариваешь. Ты должен прекратить разговор с самим собой.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты слишком много разговариваешь сам с собой. Ты в этом не исключение. Каждый из нас делает это. Мы ведем внутренний разговор. Подумай об этом. Что ты делаешь, когда остаешься один?

– Я разговариваю сам с собой.

– О чем ты разговариваешь с собой?

– Я не знаю. Я полагаю, о чем угодно.

– Я скажу тебе, о чем мы разговариваем сами с собой. Мы разговариваем о нашем мире. Фактически, мы создаем наш мир нашим внутренним разговором.

– Как мы это делаем?

– Когда мы перестаем разговаривать с собой, мир такой, каким он должен быть. Мы обновляем его, мы наделяем его жизнью, мы поддерживаем его своим внутренним разговором. Не только это. Мы также выбираем свои пути в соответствии с тем, что мы говорим себе. Так мы повторяем тот же самый выбор еще и еще, до тех пор, пока не умрем. Потому что мы продолжаем все тот же внутренний разговор.

Воин осознает это и стремится остановить этот разговор. Это последнее, что ты должен знать, если хочешь жить, как воин.

– Как я могу перестать говорить сам с собой?

– Прежде всего, ты должен использовать уши, чтобы снять часть нагрузки с глаз. Мы с самого рождения использовали свои глаза для того, чтобы судить о мире. Мы говорим с другими и с собой главным образом о том, что мы *видим*. Воин осознает это и прислушивается к звукам мира.

Я отложил свои записи. Дон Хуан засмеялся и сказал, что он не

собирался навязывать мне результат. Что прислушивание к звукам мира должно быть гармоничным и терпеливым.

— Воин сознает, что мир изменится, как только он перестанет говорить сам с собой, — сказал он. — Он должен быть готов к этому необычайному толчку.

— Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

— Мир такой-то и такой-то только потому, что мы сказали себе, что он такой. Если мы перестанем говорить себе, что он такой, то он перестанет быть таким. Я не думаю, что ты в этот момент готов к такому внезапному удару, поэтому ты должен начать переставать создавать мир.

— Я действительно не понимаю тебя!

— Твоя беда в том, что смешиваешь мир с тем, что делают люди.

Но ты не одинок в этом — каждый из нас делает это. Вещи, которые делают люди, являются щитами против сил, которые нас окружают. То, что мы делаем как люди, дает нам удобство и чувство безопасности. То, что делают люди, по праву очень важно, но только как щит. Мы никогда не знаем, что все, что мы делаем как люди, — это только щиты, и мы позволяем им господствовать и попираť нашу жизнь. Фактически, я должен сказать, что для человечества то, что делают люди, более важно и значимо, чем сам мир.

— Что ты называешь миром?

— Мир — это все, что заключено здесь, — сказал он и топнул по земле, — Жизнь, смерть, союзники и все остальное, что окружает нас. Мир необъятен. Мы никогда не сможем понять его. Мы никогда не разгадаем его тайну. Поэтому мы должны принимать его таким, как он есть — чудесной загадкой. Обычный человек не делает этого. Мир никогда не является загадкой для него, и когда он приближается к старости, он убеждается, что он не имеет больше ничего, для чего жить. Старик не исчерпал мира. Он исчерпал только то, что делают люди. В своем глупом замешательстве он верит, что мир не имеет больше загадок для него. Вот ужасная цена, которую приходится платить за наши щиты. Воин осознает эту путаницу и учится относиться к вещам правильно. Вещи, которые делают люди, ни при каких условиях не могут быть более важными, чем мир. И, таким образом, воин относится к миру как к бесконечной тайне, а к тому, что делают люди, — как к бесконечной глупости.

Глава 15

Я начал упражняться в «слушании звуков мира». Дон Хуан велел мне практиковать это в течение двух месяцев. Слушать и не смотреть было мучительно трудно, но куда более тяжелым делом оказалась борьба с внутренним разговором. Тем не менее, к концу второго месяца я научился его останавливать, правда, на очень короткие промежутки времени, а также обращать внимание на звуки.

Я приехал к дону Хуану 9 ноября 1969 года.

– Прямо сейчас и отправимся в дорогу, – сказал он.

Я немного отдохнул, и мы поехали на восток – к горам. Оставив машину на попечение одного из его друзей, жившего неподалеку, мы пешком отправились в горы. Дон Хуан положил в рюкзак галеты и несколько сладких булочек для меня, так, чтобы еды хватило на пару дней. Я спросил, не взять ли еще чего-нибудь из продуктов, но он отрицательно покачал головой.

Всю первую половину дня мы шли. День выдался очень теплый. У нас была только одна фляжка воды, из которой пил в основном я.

Дон Хуан только дважды немного глотнул. Когда вода закончилась, он сказал, что здесь смело можно пить прямо из ручьев, постоянно попадавших на пути, и посмеялся над моими сомнениями, отбросить которые вскоре меня заставила жажда.

После полудня мы остановились в небольшой долине у подножия холмов, покрытых сочной зеленью. За ними, на востоке, на фоне облачного неба возвышались силуэты высоких гор.

– Ты можешь записывать все наши разговоры и все свои впечатления, но никогда не должен упоминать места, где мы находимся, – сказал дон Хуан.

Мы немного отдохнули, а потом он достал из-за пазухи сверток и показал мне свою трубку. Набив ее курительной смесью, он спичкой зажег сухую хворостинку, которую засунул в трубку. Трубку он протянул мне. Раскурить ее без уголька оказалось достаточно сложно, и нам пришлось не один раз поджигать палочки, прежде чем смесь разгорелась.

Когда я докурил, он сказал, что мы пришли сюда выяснить, на какую дичь мне предстоит охотиться. Очень внятно он три или четыре раза повторил, что главная моя задача – найти дыры. Дон Хуан так и говорил – «дыры», и даже особо выделял это слово. Он сказал, что в таких «дырах» маг может найти самые разные послания, указания и инструкции. Я хотел спросить, что это за дыры, но дон Хуан, как бы предугадав мой вопрос, объяснил, что их невозможно описать, так как они относятся уже к области *видения*. Несколько раз он повторил, что все внимание нужно сосредоточить на звуках и постараться отыскать дыры между ними. Он сказал, что четыре раза сыграет на своей духовке. Моей задачей было воспользоваться этими жуткими звуками для того, чтобы добраться до приглашавшего союзника. Если это мне удастся, я получу от него очень важное для меня послание. Дон Хуан сказал, что я должен быть в абсолютной готовности, поскольку неизвестно, как появится союзник на этот раз.

Я внимательно слушал, сидя возле каменного склона холма и прислонившись к нему спиной. Чувствовалось легкое онемение. Дон Хуан напомнил, что закрывать глаза нельзя. Начав прислушиваться, я смог различить пение птиц, шум ветра в листве, жужжание насекомых. Сосредоточиваясь на каждой из этих категорий звуков, я различил четыре типа птичьего пения. Можно было различить шум ветра, дующего с различной скоростью, большой и маленькой, и три типа шелеста листьев. Жужжание насекомых просто поражало. Их было так много, что я не мог их ни сосчитать, ни даже различить.

Я погрузился в странный мир звуков. Такого со мной еще никогда не было. Я начал медленно сползать вправо. Дон Хуан сделал было движение, чтобы не дать мне упасть, но я опередил его, выпрямившись самостоятельно. Дон Хуан передвинул меня, усадив так, чтобы спина устойчиво покоилась во впадине скалы, вымел мелкие камни у меня из-под ног и аккуратно прислонил к скале мою голову.

Затем он велел смотреть на юго-восточные горы. Я зафиксировал взгляд на далеких горах, но он поправил меня, сказав, что нужно смотреть не на них и не фиксировать взгляд, а переводить его от точки к точке, как бы осматривая возвышающиеся напротив холмы и растительность на их склонах. Вновь и вновь он повторял, что внимание должно быть сосредоточено на слуховом восприятии.

Опять на первый план вышел мир звуков. Причем не то чтобы я намеренно их слушал, скорее они сами заставляли меня вслушиваться в них. Ветер шуршал листьями. Он взлетал высоко в самые кроны деревьев на холмах и обрушивался в долину, где мы сидели. Падая, он сначала пробегал по листве высоких деревьев. Они издавали интересный звук. Я бы сказал, что это был богатый, сочный и даже звенящий шорох. Потом звучали кусты – мелодично, завораживающе и в то же время требовательно. Он, казалось, мог заглушить все остальное. Мне показался он крайне неприятным. Звук был настолько близко от меня, что я почувствовал тревогу. И, наконец, ветер прокатывался по земле, издавая звук, мало похожий на шорох. Скорее, это было что-то вроде свиста или даже низкого монотонного плоского жужжания. Вслушиваясь в шум ветра, я понял, что в нем одновременно смешиваются звуки всех трех типов. Было интересно, как мне удалось их разделить. Но тут я начал различать пение птиц и жужжание насекомых, словно в течение шума ветра в поле моего сознания ворвался мощный поток всех остальных звуков. Хотя, по логике вещей, эти звуки никуда не девались и тогда, когда я слышал один лишь ветер.

Пересчитать все птичьи посвисты и жужжания насекомых я не мог, однако был абсолютно уверен, что слышу каждый отдельный звук. Сочетание звуков было исключительно упорядоченным. Я действительно не мог бы найти более подходящего слова для описания характера всей звуковой гаммы, чем «упорядоченность». Звучание имело структуру: звуки возникали в строго определенной последовательности.

Затем я услышал ни на что не похожий продолжительный вой. От него меня бросило в дрожь. На какое-то время все другие звуки умолкли, и долина погрузилась в мертвое молчание. Когда реверберация этого воя достигла внешних границ долины и растаяла, звуки появились вновь. Я снова уловил структуру и внимательно в нее вслушался. Спустя мгновение мне стало ясно, что имел в виду дон Хуан, говоря о дырах между звуками. В шумовой структуре звуки были отделены друг от друга паузами! Например, особые посвисты птиц следовали через строго определенные интервалы. То же самое можно было сказать обо всех без исключения воспринимаемых мною звуках. Шорох листьев служил чем-то вроде тягучего вязкого клея, придававшего

всей структуре характер однородного шума. Но главным было то, что продолжительность каждого звука являлась как бы единицей в общей шумовой структуре.

Промежутки или паузы между звуками, когда я обращал на них внимание, оказывались дырами в ней.

Снова раздался продолжительный вой духововки дона Хуана. Я не почувствовал толчка, но звуки опять смолкли, и я воспринял их перерыв как очень большую дыру. В это мгновение внимание сместилось от слуха к зрению. Я смотрел на гряды низких холмов, покрытых сочной зеленой растительностью. В силуэте гряды был разрыв, как раз в том месте, на которое я смотрел. Он воспринимался как дыра в одном из холмов. Это был промежуток между холмами, сквозь который мне был виден темно-серый цвет далеких гор. В течение короткого промежутка времени я не понимал, что это такое. Казалось, что просвет, на который я смотрю, – это «дыра» между звуками. Затем звуки появились вновь, но визуальное изображение дыры осталось. Спустя мгновение я с еще большей ясностью начал осознавать шумовую структуру и расстановку в ней пауз. Сознание обрело способность четко различать и выделять каждый отдельный звук из огромного их количества. Я мог проследить за возникновением и исчезновением каждого звука, и все паузы, таким образом, воспринимались как вполне определенные дыры. В какой-то момент паузы как бы кристаллизовались, образовав в моем сознании некое подобие решетчатой структуры. Я не видел ее и не слышал. Я ощущал ее какой-то непонятной частью своего существа.

Дон Хуан опять заиграл на своей струне, и вновь звуки смолкли, образовав гигантскую звуковую дыру. Однако на этот раз пауза в шумовой структуре была как бы окаймлена дырой между холмами, на которую я смотрел. Эти две дыры наложились друг на друга. Эффект наложения сохранялся достаточно долго. Я успел «увидеть-услышать» совпадение их контуров. Снова восстановился шум, и структура пауз превратилась в гармоничную и почти визуально воспринимаемую картину. Я увидел, как звуки образуют структуру и как структуры всех звуков накладываются на окружающий пейзаж. Это было похоже на совмещение дыр, которое я только что наблюдал. Мое восприятие принципиально отличалось и от слухового, и от зрительного, но сочетало в себе

свойства обоих. Внимание почему-то было сосредоточено на огромной дыре в холмах. Я чувствовал, что одновременно вижу и слышу ее. В ней было что-то притягательное, даже соблазнительное. Она занимала все поле моего восприятия, и каждая отдельная звуковая структура, совмещенная с характеристикой пейзажа, каким-то образом определялась этой дырой и от нее зависела.

Еще раз я услышал жуткий вопль духоловки дон Хуана. Все остальные звуки смолкли, две большие дыры как бы начали светиться, и через мгновение я увидел вспаханное поле. Союзник стоял на том же месте, где я видел его впервые. Вся сцена выглядела очень четкой. Союзника я видел так хорошо, словно до него было метров сорок-сорок пять. Но лица видно не было – по-прежнему мешала шляпа. Потом он пошел ко мне, медленно поднимая голову. Вот уже почти все лицо союзника открылось мне, я был в ужасе и знал, что должен непременно его остановить. Странная волна прокатилась по телу, я почувствовал, как излучается «сила». Я хотел повернуть голову в сторону, чтобы прервать видение, но не смог. В этот критический момент меня осенила одна мысль. Я понял, что имел в виду дон Хуан, говоря о пути сердца и о щитах на этом пути. В моей жизни было что-то, что я хотел сделать, что-то очень нужное и увлекательное, что могло наполнить меня всепроникающими радостью и покоем. Теперь я знал, что союзнику не под силу меня одолеть. Без всякого труда я повернул голову, прежде чем все его лицо открылось мне полностью.

И тогда вновь стали слышны все звуки, которые вдруг стали громкими и пронзительными, словно обозлились на меня. Утратив структурность, они превратились в аморфный сгусток острых воплей, причинявших мне боль. От их давления в ушах зазвенело. Ощущение было таким, будто голова вот-вот разорвется на куски. Я встал и закрыл ладонями уши. Дон Хуан помог мне дойти до ручья, заставил раздеться, лечь, и «вкатил» в него. Я лежал в почти пересохшем русле, а он черпал моей шляпой воду и обливал меня. Давление в ушах быстро упало. На «отмывку» меня ушло всего несколько минут. Осмотрев меня, дон Хуан одобрительно кивнул и сказал, что я сделался «твердым» почти сразу.

Я оделся, и он велел мне сесть на прежнее место. Я чувствовал необыкновенный подъем. Сознание работало ясно и четко.

Дона Хуана интересовали все подробности моего видения. Он сказал, что маги используют звуковые дыры для получения особой информации. Через эти дыры союзник мага показывает ему очень сложные взаимоотношения явлений мира. Подробнее говорить о дырах дон Хуан отказался. Попытку задавать вопросы на эту тему он немедленно пресек, сказав, что, пока у меня нет собственного союзника, такая информация мне только навредит. – Для мага все наполнено смыслом, – сказал он. – В звуках, как и во всем окружающем, имеются дыры. Обычный человек не замечает их из-за низкой скорости восприятия. Поэтому он незащищен перед жизнью. Черви, птицы, деревья, все существа могут рассказывать нам удивительные, невообразимые вещи. От нас требуется только быстрота, достаточная, чтобы уловить их послания. Мы можем ее добиться. В частности, дым дает человеку такую скорость. Но для этого нам нужно состоять в хороших отношениях со всем миром. Именно поэтому мы должны беседовать с растениями, которых собираемся убить, и просить прощения за причиняемый им вред. Это касается и животных, на которых мы охотимся. Мы всегда должны брать ровно столько, сколько нам нужно. Иначе убитые нами растения, животные и черви обернутся против нас и станут причиной наших болезней и несчастий. Понимая это, воин старается их успокоить. Поэтому, когда он заглядывает в дыры, и деревья, и птицы, и черви посылают ему нужные сообщения. Но сейчас все это не так уж важно. Существенно лишь то, что ты *видел* союзника. Это и есть твоя дичь. Я говорил тебе, что мы отправляемся на охоту. На кого – я не знал, но предполагал, что на какого-то зверя. Я решил, что ты должен увидеть зверя, на которого мы будем охотиться. Я в свое время увидел вепря, и поэтому моя духоловка – вепрь.

– Ты хочешь сказать, что она сделана из дикого кабана?

– Нет. В магии этого не бывает. Моя духоловка не сделана из вепря, она *является* им.

– Почему мы пришли сюда охотиться?

– Союзник показывал тебе духоловку, которую вытащил из своей сумки. Тебе нужна духоловка, только с ней ты сможешь его призвать.

– Что представляет из себя духоловка?

– Это веревочка. С ее помощью я могу призывать союзников, в том числе – своего собственного, или духов источников, рек, гор. Моя

духоловка – вебрь, поэтому она и звучит подобно ему. С тобой я использовал ее дважды, когда призывал духа источника тебе помочь. И он являлся, так же, как явился сегодня союзник. Но ты не видел его, потому что тебе не хватало быстроты. Однако в тот день, когда ты лежал на камне в водном каньоне, ты знал, что дух почти одолел тебя, хотя и не видел его. Такого рода духи являются помощниками. Но управлять ими сложно, и в каком-то смысле они очень опасны. Чтобы справиться с ними, нужно иметь безупречную волю.

– На что они похожи?

– Каждый человек воспринимает их по-своему. Впрочем, как и союзников. Видишь, тебе, например, союзник является в образе человека, которого ты когда-то знал или всегда будешь стремиться узнать. Такова склонность твоей натуры. Тебе свойственна таинственность. В этом я на тебя не похож, поэтому союзник является мне в образе чего-то вполне определенного.

Духи источников соответствуют особым местам. С тем, которого я призывал тебе на помощь, я хорошо знаком лично. Он обитает в том каньоне. Когда я в тот раз его вызывал, ты был недостаточно силен, и он обошелся с тобой довольно сурово. Это не было его намерением – у них вообще не бывает намерений, – просто ты лежал там и был слаб, слабее, чем я предполагал. В другой раз, в оросительной канаве, он чуть не убил тебя. Тогда, когда ты начал светиться зеленым светом. Он застал тебя врасплох, и ты едва не поддался. В таких случаях дух всегда возвращается за своей жертвой. Так что, я уверен, ты с ним еще встретишься. К сожалению, после использования дымка тебе нужна вода, чтобы снова стать «твердым». Это ставит тебя в трудное положение. Если ты не воспользуешься водой, то, вероятно, умрешь, а если воспользуешься, то тебя захватит дух.

– Но в других местах мне можно пользоваться водой?

– Это не имеет значения. Пока у тебя нет духоловки, дух источника, обитающий возле моего дома, может достать тебя где угодно. Поэтому союзник и показывал тебе духоловку. Она тебе необходима – вот что он имел в виду. Помнишь, он намотал ее на руку и указал тебе на водный каньон? Сегодня он снова собирался показать тебе духоловку. Но ты прервал видение и поступил мудро – союзник двигался слишком быстро для твоей силы, и столкновение с ним имело бы для тебя очень серьезные

последствия.

– Ну хорошо, а где же мне теперь взять духоловку?

– Как я понял, союзник собирался тебе ее дать.

– Каким образом?

– Откуда я знаю? Тебе придется сходить к нему. Он уже сказал, где его искать.

– Где же?

– На тех холмах, где ты видел дыру.

– Я что, должен найти самого союзника?

– Нет. Но он уже приветствует тебя. Дымок открыл тебе путь к нему. Позже ты встретишься с ним самим. Лицом к лицу. Но это случится только после того, когда ты хорошо с ним познакомишься.

[**НАЗАД**](#) | [**INDEX**](#) | [**ВПЕРЕД**](#)

Глава 16

Вечером 15 декабря 1969 года мы опять пришли в ту же долину. Пока мы пробирались сквозь кустарник, дон Хуан то и дело повторял, что направления и ориентиры имеют решающее значение в той задаче, которую мне предстоит выполнить. – Ты должен определить верное направление сразу после того, как поднимешься на вершину холма, – сказал он, – И тут же повернуться в этом направлении лицом. Он указал на юго-восток; – Запомни, это – твое направление, особенно когда у тебя трудности.

Мы остановились у подножия холмов, в которых была дыра. Дон Хуан указал мне, где сесть. Сам он сел рядом и подробно меня проинструктировал. Он сказал, что, как только я достигну вершины холма, я должен вытянуть перед собой правую руку, повернув ее ладонью к земле и растопырив прямые пальцы. Большой палец, однако, должен быть прижат к ладони. Потом нужно повернуть голову на север и согнуть руку перед грудью, так, чтобы кисть тоже указывала на север, и танцевать, поставив левую ступню позади правой и ударяя ее носком по земле. Дон Хуан сказал, что когда в левой ноге появится ощущение поднимающегося тепла, нужно медленно взмахнуть рукой с севера на юг и обратно.

– Над какой-то точкой ладонь почувствует тепло. Направление на эту точку будет направлением, в котором следует повернуться лицом, а сама эта точка обозначает место, на которое тебе необходимо сесть, – объяснил он. – Восточное и юго-восточное направления означают, что результат будет исключительно удачным. Север означает, что тебе здорово достанется, но есть шанс повернуть ход событий в свою пользу. Юг – плохо, он означает тяжелую борьбу.

В первый раз тебе придется сделать взмаха три-четыре. Впоследствии, когда движение будет как следует отработано, ты с первого взмаха сможешь определить – будет рука нагреваться или нет.

Найдя место, над которым нагревается рука, сядешь на него. Это – твоя первая точка. Если окажется, что ты сидишь лицом на север или на юг, хорошенько подумай, достаточно ли ты силен, чтобы продолжать. Если сомневаешься в себе – вставай и уходи, потому что при отсутствии уверенности продолжать бессмысленно. Если решишь остаться – расчисти место для костра в полутора метрах от себя. Это место должно находиться от тебя строго в том направлении, куда обращено твое лицо. Потом собери весь хворост между первой точкой и расчищенным местом и разведи на нем огонь. Место для костра – твоя вторая точка. Сидя в первой точке, смотри на огонь, то есть – на вторую.

Если, сделав четыре взмаха, ты не почувствуешь тепла, медленно махни с севера на юг, а потом повернись кругом и махни на запад. Если рука начнет нагреваться в любой точке западного сектора – бросай все и беги со всех ног вниз, в долину и, что бы ты ни слышал и ни чувствовал сзади, не оборачивайся. Как только достигнешь ровного места – падай, независимо от того, насколько ты напуган. Ни в коем случае не продолжай бежать – падай сразу же, сними куртку, скомкай ее и прижми к животу. Подтяни ноги к себе и лежи, свернувшись калачиком лицом вниз. Руками крепко обхвати ноги, ладонями закрой глаза. Так лежи до утра. Если ты точно выполнишь мои указания, все будет хорошо, и никто вреда тебе не причинит.

Если же ты вдруг почувствуешь, что не успеваешь добежать до ровного места, – падай сразу же. Тогда тебе придется очень туго. На тебя нападут, но если ты будешь лежать тихо и спокойно, не шевелясь и не оглядываясь, то и в этой переделке останешься цел. Если рука не начнет нагреваться и в западном секторе – тоже беги что есть духу, но на восток. Беги, пока хватает дыхания. Когда почувствуешь, что дальше бежать не в силах, остановись и в этой точке повтори все с самого начала. Ты должен бежать на восток, останавливаясь и выполняя весь набор манипуляций, до тех пор, пока не найдешь место, в котором рука будет нагреваться.

Дон Хуан заставил меня несколько раз повторить все его инструкции, пока я их досконально не запомнил. После этого мы долго сидели молча. Пару раз я порывался заговорить, но он повелительным жестом приказывал молчать.

Темнело. Дон Хуан все так же молча встал и начал взбираться на холм. Я последовал за ним. Наверху я сделал все так, как он

сказал. Дон Хуан стоял рядом и внимательно следил за мной. Я специально делал все очень медленно и аккуратно, пытаюсь почувствовать малейшее изменение температуры. Но ничего не ощущал. Было уже довольно темно, но я все же мог бежать на восток, не цепляясь за низкий кустарник. Совсем запыхавшись, я остановился. Далеко отбежать от первого места не удалось – я очень устал и чувствовал огромное напряжение. Предплечья и голени болели.

Я вновь повторил все движения. Безрезультатно. Тогда я опять побежал на восток. Так повторялось дважды. На третий раз, когда я махал рукой, ладонь сильно нагрелась над точкой, лежавшей к востоку от меня. Меня поразило, насколько ощутимым было изменение температуры. Я сел, подождал дона Хуана и сказал ему, что почувствовал тепло. Он велел продолжать и развести костер. Сам он сел слева в метре от меня. Языки огня танцевали, рисуя странные фантастические силуэты. Иногда пламя вдруг становилось радужным, иногда – голубоватым, а иногда – ослепительно белым. Я объяснял себе такое необычное поведение огня особым химическим составом хвороста, который собрал для костра. У огня было еще одно странное свойство – в центре пламени время от времени мелькали вспышки. А каждый раз, когда я подкладывал хворост, в огне что-то вспыхивало, как будто взрывался теннисный мяч.

Я пристально смотрел на огонь, считая, что именно это имел в виду дон Хуан. У меня закружилась голова. Дон Хуан дал мне свою тыквенную фляжку и велел выпить воды. Вода расслабила и приятно освежила меня.

Дон Хуан наклонился ко мне и прошептал, что не нужно так пристально смотреть на огонь. Я должен просто смотреть в этом направлении. После часа наблюдения я сильно замерз и почувствовал сырость. Неожиданно, когда я собрался наклониться, чтобы в очередной раз собрать хворост, что-то напоминающее мотылька метнулось справа налево между мной и огнем. Я немедленно выпрямился и взглянул на дона Хуана. Тот движением подбородка велел мне смотреть в сторону огня. Через мгновение эта же тень мелькнула в обратном направлении. Дон Хуан поспешно вскочил и начал засыпать костер землей, пока полностью не сбил пламя. Он делал все очень быстро. Я успел только пододвинуться, чтобы помочь ему, как огня уже не было.

Он затоптал тлеющие ветки и чуть ли не силой потащил меня вниз, а потом – прочь из долины. Он шел очень быстро, не оборачиваясь и не позволяя мне говорить.

Через несколько часов мы добрались до места стоянки машины. Я спросил, что это было. Дон Хуан только мотнул головой, и мы молча уехали.

Как только мы подъехали к дому, он сразу же вошел внутрь, жестом запретив мне разговаривать.

Дон Хуан сидел во дворе за домом и, похоже, ожидал, когда я проснусь. Как только я вышел из дома, он заговорил. Мне он сказал, что тень, которую я видел прошлой ночью, была духом, силой, обитающей в том месте. Он сказал, что это существо совершенно бесполезно и безвредно.

– Оно просто существует в том месте, но не владеет секретами силы, так что оставаться там было бессмысленно. Ты бы всю ночь так и просидел, глядя, как перед глазами мельтешит тень. Однако есть существа, которые могут поделиться секретами силы. Если, конечно, тебе повезет с ними встретиться.

Мы позавтракали и молча сидели перед домом. Неожиданно дон Хуан заговорил:

– Существует три типа существ. Существа первого типа совершенно бесполезны, они ничего не могут дать, потому что ничего не имеют. Существа второго типа – устрашающие, эти способны только пугать. И третьего типа – владеющие дарами. Вчерашнее существо относилось к первому типу, оно безмолвно, у него ничего нет, это – всего лишь тень. Правда, в большинстве случаев с безмолвными силами связаны существа второго типа – отвратительные духи, которые вечно болтаются в местах, где обитают безмолвные. Поэтому я и решил, что оттуда нужно поскорее убраться. Эти мерзкие существа обычно увязываются за людьми, забираются в их дома и делают жизнь невыносимой. Я знаю несколько случаев, когда людям приходилось из-за них покидать свои жилища.

Впрочем, всегда находятся люди, полагающие, что из существ этого типа можно извлечь какую-то выгоду, но само по себе то, что в доме живет дух, еще ничего не значит.

Его можно приманивать, за ним можно следить, но он способен только на то, чтобы выкинуть какой-нибудь жуткий фокус, получить же что-либо путное от него невозможно. Был такой

случай: люди даже установили дежурство и несколько месяцев караулили одно из таких пакостных существ, которое забралось к ним в дом. В конце концов вмешались соседи и вытащили их из дома, иначе все это закончилось бы плохо. Они и так уже едва не валились с ног от истощения и усталости. Поэтому единственно мудрое решение при встрече с духом второго типа – не трогать его. Я спросил, как заманивают духов. Дон Хуан ответил, что сначала люди пытаются найти наиболее вероятные места появления духа, а потом раскладывают на его пути оружие, в надежде, что дух до него дотронется. Духи любят оружие и прочие военные принадлежности. Любой предмет, которого коснулся дух, непременно становится предметом силы. Однако существа отвратительного типа никогда ничего не трогают, а только производят иллюзию шума.

Я спросил, каким образом такие духи могут пугать людей. Он ответил, что чаще всего они появляются в образе темной тени человекоподобной формы, которая бродит по дому, производя жуткий стук или бормоча разными голосами. Бывают еще темные тени, неожиданно выскакивающие из углов.

Дон Хуан сказал, что духи третьего типа – это и есть настоящие союзники. Они одаривают тайнами. Обитают они в безлюдных труднодоступных местах. Тому, кто хочет встретиться с таким существом, приходится далеко путешествовать и ходить в одиночку. Находясь в одиночестве в подобном месте, человек должен выполнить все необходимые действия. Если, сидя перед огнем, он увидит промелькнувшую тень, ему следует сразу же уходить. Однако в случае других проявлений, таких, например, как сильный ветер, который задувает огонь и не дает его зажечь не менее четырех раз подряд, или падение ветки, отломавшейся от ближайшего дерева, необходимо остаться. Нужно только убедиться в том, что это действительно отломалась ветка.

Также необходимо обращать внимание на перекатывающиеся камни, мелкие камушки, падающие в костер, а также любой устойчивый непрерывный шум. Нужно идти в том направлении, где произошло подобное явление, до тех пор, пока дух не явится сам.

Существа третьего типа испытывают воина и действуют при этом по-разному. Скажем, союзник может вырасти перед человеком как из-под земли, приняв невообразимо жуткий вид, может схватить в

темноте сзади и, не давая пошевелиться, продержат несколько часов. Может опрокинуть на него дерево. Дон Хуан сказал, что силы эти по-настоящему опасны. И хотя они сами не могут убить человека, им вполне под силу до смерти его испугать, сделать так, чтобы что-то тяжелое рухнуло ему на голову; или, выскочив перед самым его носом, заставить от неожиданности оступиться и сорваться с обрыва.

Он сказал, что если мне придется когда-нибудь столкнуться с таким существом при неблагоприятных обстоятельствах, ни в коем случае нельзя бороться, потому что тогда я наверняка погибну. У того, кто начинает сопротивляться, союзник отнимает душу.

Поэтому нужно броситься на землю и терпеть до утра.

– Встречаясь с союзником – владельцем тайн, – говорил дон Хуан, – нужно собрать в кулак все свое мужество и схватить его прежде, чем он схватит тебя, или начать его преследовать раньше, чем он погонится за тобой. Преследование должно быть неотступным. Затем будет схватка. Нужно бороться с духом до тех пор, пока не удастся прижать его к земле, а добившись этого, держать, пока он не отдаст тебе свою силу.

Я спросил его, насколько материальны эти силы, если их можно потрогать. У меня слово «дух» всегда ассоциировалось с понятием чего-то эфемерного.

– Так не называй их духами, – ответил он. – Называй союзниками или непостижимыми силами. Какое-то время он молчал, потом лег на спину и положил руки под голову.

Я настаивал на том, чтобы он вернулся к теме о степени материальности союзников.

– Черт возьми, да материальны они, – сказал он, помолчав. – Когда с ними борешься, они даже становятся твердыми. Эти существа рассчитывают на испуг человека, поэтому если борешься с одним из них как подобает воину, оно быстро теряет напряжение, а ты становишься сильным. Их напряжение можно самым натуральным образом поглощать.

– Какого рода это напряжение?

– Сила, мощь, энергия. Когда к ним прикасаешься, они вибрируют, словно собираются тебя разорвать. Но это только видимость.

Напряжение иссякает, если ты их продолжаешь держать. – А что происходит, когда они теряют напряжение? Растворяются в воздухе?

– Нет. Они просто теряют силу, сохраняя тем не менее материальность. Но это ощущение, когда их держишь, невозможно передать словами. Оно ни на что не похоже.

Вечером я сказал дону Хуану, что, скорее всего, тогда ночью я видел ночную бабочку. Он засмеялся и терпеливо объяснил, что мотыльки порхают только возле ламп. Лампы не обжигают крыльев. Огонь сжигает их сразу, как только мотыльки к нему подлетают. Кроме того, тень заслоняла собой весь костер, то есть была явно велика для мотылька. Тут я вспомнил, что тень и в самом деле на какое-то мгновение полностью закрыла костер. Однако все произошло так быстро, что я не успел обратить на это внимания. Затем он напомнил, что вспышки были очень большими и улетали влево, хотя ветра не было вообще. Это была правда, та ночь была на удивление тихой.

Я упустил из виду еще один момент – зеленоватое свечение в пламени. Я заметил его, когда дон Хуан велел мне смотреть на огонь после первого явления тени. Он напомнил мне и об этом. Кроме того, ему не нравилось, что я называю эту штуку тенью. Он сказал, что она, скорее, напоминала пузырь.

Спустя два дня, 17 декабря 1969 года, дон Хуан как бы между прочим заметил, что я знаю все необходимые детали и приемы, чтобы пойти в холмы самостоятельно и добыть предмет силы – духоволку. Он велел мне отправляться в одиночку, уверяя, что его общество мне только помешает.

Но когда я уже был готов отправиться, он, похоже, передумал и сказал:

– Пожалуй, ты еще недостаточно силен. Я пойду с тобой, но останусь внизу.

Когда мы пришли в небольшую долину, где я видел союзника, дон Хуан издала внимательно изучил впадину между холмами, которую я воспринял как дыру, и сказал, что нужно идти дальше, в горы. Союзник обитал в самой дальней точке местности, которая просматривалась сквозь дыру. Я посмотрел на дыру, но смог различить только голубоватый массив далеких гор. Дон Хуан повел меня на юго-восток, и после долгого перехода мы пришли к месту, которое находилось, по его словам, «достаточно глубоко во владениях союзника».

Был уже вечер. Мы присели на камни. Я устал и проголодался, потому что за весь день съел только несколько кукурузных

лепешек. Неожиданно дон Хуан встал, посмотрел на небо и велел мне немедленно отправляться в «своем направлении», предварительно запомнив место, где мы остановились. Он сказал, что будет ждать меня здесь, хотя бы на это потребовалась вечность. – Добывание духововки может затянуться? – встревожено спросил я.

– Кто знает... – ответил он с загадочной улыбкой.

Я пошел на юго-восток, несколько раз оглянувшись на дону Хуана. Он очень медленно шел в противоположном направлении. Я взобрался на вершину крутого холма и еще раз оглянулся. До дона Хуана было метров двести. Он не оборачивался. Я сбежал вниз, в чашеобразное углубление между холмами, и вдруг почувствовал одиночество. Я присел и задумался над тем, что, собственно, я здесь делаю. Ищу духововку? Какая нелепость! Я бегом вернулся на тот холм, с которого в последний раз видел дону Хуана, но его нигде не было. Я побежал вниз в том направлении, где его видел. Хотелось все бросить и уехать домой. Я очень устал и чувствовал себя ужасно глупо.

– Дон Хуан! – кричал я. – Дон Хуан!

Но его и след простыл. Я взбежал на вершину другого холма. Дона Хуана не было. Так я бегал довольно долго, но дон Хуан как сквозь землю провалился. Тогда я пошел к тому месту, где мы расстались. На миг у меня появилась иррациональная уверенность, что дон Хуан сидит там и потешается над моей непоследовательностью.

– Какого черта я здесь делаю? – громко спросил я.

Но потом понял, что мне остается только одно – продолжать. Я действительно не знал, как вернуться к машине. Дон Хуан так часто менял направление, что общей ориентации по сторонам света было явно недостаточно. Я боялся заблудиться в горах. Я сел на землю и впервые в жизни испытал странное ощущение – вернуться к исходной точке, откуда все началось, не было никакой возможности. Дон Хуан говорил, что я всегда хочу иметь точку отсчета, которую можно было бы назвать началом, хотя на самом деле начала никогда и нигде не существует. Там, в горах, я понял, что он имел в виду – точкой отсчета всегда был я сам, дон Хуана как бы не было вообще, и когда я смотрел на него в последний раз, он был тем, чем являлся на самом деле, – мимолетным видением, таявшим среди холмов.

Я услышал мягкий шелест листьев, и меня окутал странный аромат. Ветер ощущался, как давление на глаза, своего рода осторожное жужжание. Солнце почти коснулось плотных облаков над горизонтом, похожих на ленту густо-оранжевого цвета, и исчезло за покрывалом низких туч. Спустя мгновение оно появилось под ними – малиновый шар, плывущий в тумане. Казалось, что солнце борется, стараясь добраться до клочка голубого неба, но тучи не дают ему на это времени. Потом оранжевая лента облаков и горы поглотили его окончательно. Я лег на спину. Мир вокруг меня был настолько неподвижным и безмятежным, и в то же время настолько чужим, что я почувствовал какую-то подавленность. Плакать не хотелось, но слезы потекли сами собой. Несколько часов я лежал, не в силах подняться. Подо мной были твердые камни, в том месте, где я лежал, не было почти никакой растительности, хотя повсюду вокруг росли кусты и сочная трава. Я видел кроны высоких деревьев на холмах к юго-востоку от меня.

Темнело. Неожиданно я почувствовал себя почти счастливым. Полумрак мне как-то ближе, чем безжалостный дневной свет. Темнота защищает, и в ней всегда присутствует какая-то поучительность.

Я встал, взобрался на вершину небольшого холма и начал повторять движения, которым научил меня дон Хуан. Мне пришлось семь раз бегать на восток, прежде чем я почувствовал изменение температуры. Соорудив костер, я стал внимательно наблюдать, как советовал дон Хуан, обращая внимание на каждую деталь. Проходили часы. Мне стало холодно, чувствовалась усталость. Я подбросил в костер большую охапку хвороста и придвинулся к огню. Слишком напряженное бодрствование измотало меня, я начал клевать носом. Дважды я засыпал, просыпаясь только когда голова сваливалась набок. Так хотелось спать, что я больше не мог смотреть на огонь. Я выпил воды и побрызгал себе на лицо, чтобы взбодриться. Это помогло, но ненадолго. Я сделался угрюмо-раздраженным. Вся эта затея стала казаться мне идиотизмом, и я впал в состояние подавленности и какой-то иррациональной протрации. Я хотел есть, устал и вообще был раздражен собой. В конце концов я прекратил бороться со сном, подбросил в огонь побольше хвороста и лег спать. В тот момент поиски союзника с духоловкой казались мне

чем-то совершенно дурацким и абсолютно ненужным. Так хотелось спать, что не было сил даже думать. Я уснул.

Меня разбудил громкий треск. Я лежал на правом боку, и мне почудилось, что звук раздался прямо над моим левым ухом.

Мгновенно проснувшись, я сел. В левом ухе звенело, я даже немного оглох, настолько громким и близким был звук. Судя по количеству несгоревшего хвороста, спал я недолго. Больше не было никаких звуков, но я держался настороже и сидел, подбрасывая сучья в огонь.

Я подумал, что меня, видимо, разбудил выстрел. Наверное, кто-то прятался неподалеку, собираясь меня застрелить. Мысль эта была мучительной, и меня захлестнула волна вполне рационального страха. Я был уверен, что эта земля является чьей-то собственностью, и что владелец может принять меня за вора и убить. Или, может, кто-то хочет меня убить, чтобы ограбить, не зная, что у меня ничего нет. Какое-то время я сильно беспокоился за свою безопасность. Шея и плечи напряглись. Я поднял и опустил голову. Шейные позвонки хрустнули. Я по-прежнему смотрел на огонь, но в нем не было ничего необычного. Шума тоже не было слышно.

Через некоторое время я немного расслабился и решил, что это, должно быть, проделки дона Хуана. Очень скоро я пришел к глубокому убеждению, что так оно и есть, и даже засмеялся от этой мысли. Затем на меня обрушилась лавина рациональных соображений и выводов, на этот раз приятных. Дон Хуан, видимо, догадался, что мое отношение ко всей этой затее изменится, и я не захочу оставаться в горах. Не исключено, что он, спрятавшись в укромной пещерке или в кустах, видел, как я носился по холмам, пытаюсь его отыскать. Потом он следил за мной, а когда я уснул, — подошел и сломал сухую ветку над самым моим ухом. Я подбросил в огонь еще хвороста и начал как бы невзначай поглядывать по сторонам в надежде заметить дона Хуана, хотя и знал, что если уж он прячется, то отыскать его в принципе невозможно.

Все было спокойно — сверчки, ветер в листве деревьев на склонах холмов вокруг, потрескивание хвороста в огне... Летали искры, но они были самыми обычными.

Вдруг я услышал громкий треск сломанной ветки. Он донесся слева. Затаив дыхание, я прислушался. Через мгновение сломалась

еще одна ветка, но уже справа. Потом послышался слабый далекий треск ломающихся веток, словно кто-то шагал по ним, приближаясь ко мне. Моя реакция была какой-то замедленной, я не знал – слушать дальше или вставать. Пока я раздумывал, треск ломающихся веток стал доноситься отовсюду. Звуки окружили меня настолько быстро, что я едва успел вскочить на ноги и затоптать костер.

Я помчался вниз. На бегу мелькнула мысль, что там, внизу, не было ровного места. Но я продолжал бежать, вытянув руки перед собой, чтобы защитить глаза от веток. Примерно на полпути к подножию холма я вдруг почувствовал присутствие чего-то за спиной. Это что-то почти касалось меня, но определенно не было веткой. Интуитивно я чувствовал, что *она* гонится за мной и явно догоняет. Я похолодел, внутри все сжалось. Я сорвал с себя куртку, скомкал ее, и рухнул на землю, подогнув нот, прижав куртку к животу и зажав ладонями глаза, как учил дон Хуан. Какое-то время я лежал так, не шевелясь, а потом обнаружил, что вокруг – мертвая тишина. Не было слышно вообще никаких звуков. Меня охватила жуткая тревога. Брюшной пресс стал твердым от напряжения и судорожно подергивался. Послышался треск. Как будто очень далекий, но, тем не менее, чрезвычайно отчетливый. Потом еще – ближе. Пауза полной тишины, и – буквально взрыв над самой моей головой. Я непроизвольно подскочил от неожиданности и чуть было не опрокинулся набок. Звук явно был громким треском сломанной пополам толстой ветки. Он раздался так близко, что я услышал шелест листьев на ней, когда она сломалась.

Затем на меня обрушилась лавина звуков: кто-то с остервенением ломал толстые ветки повсюду вокруг меня. Но вместо того, чтобы испытать мистический ужас, я начал хохотать. Это было совершенно неуместно, однако мне показалось, что я понял, где собака зарыта. Ряд логических умозаключений подкрепил мою уверенность. Я даже воодушевился. Разумеется, это был дон Хуан! Я был почти уверен, что вот-вот поймаю этого хитрющего старика за руку. Он бродит вокруг, ломает ветки и, зная, что я не осмелюсь поднять голову, делает все, что хочет. Я вычислил, что он должен быть один, потому что у него не было времени сходить за помощниками. На этот раз мы зашли довольно далеко в горы и за несколько дней никого не встретили. Итак, если он прячется в

одинокую, то, стало быть, способен производить довольно ограниченное количество звуков. Кроме того, между звуками должны быть более-менее продолжительные паузы, так что подряд может следовать не больше двух-трех тресков. Ну и наконец – разнообразие шумов тоже должно быть ограничено возможностями одного человека. Скрючившись на земле, я думал, что все испытание – наверняка игра, и единственный способ выйти из него с честью – эмоциональная отрешенность. Мне это даже нравилось. Я поймал себя на том, что усмехаюсь при мысли, что могу предвидеть следующий ход дона Хуана, и попытался представить себе, что стал бы делать на его месте.

Из моих интеллектуальных упражнений меня вытряхнуло громкое чмокание. Я внимательно слушал. Вот звук повторился, причем совсем рядом. Словно какой-то зверь хлюпнул по воде лапой. Еще раз, и снова совсем близко. Звук раздражал меня, потому что напоминал девочку-подростка, которая с упоением чавкает жевательной резинкой. Мне стало интересно, как дону Хуану удастся издавать такой звук, но тут звук раздался справа. Сначала послышался одиночный всплеск, а потом – целый каскад чмокающих звуков, словно кто-то прошелся по грязи. Я чуть ли не кожей чувствовал это раздражающее чмокание. На какое-то время все стихло, а потом звуки раздались опять, на этот раз – слева, и очень близко – метрах в трех, не больше. Теперь было похоже на то, что кто-то толстый и тяжелый в резиновых сапогах бежит трусцой по глубокой грязи. Я был удивлен и даже восхищен богатством звука, и не представлял себе, каким образом его можно было произвести с помощью элементарных приспособлений. Вот протопали сзади, а потом начали топтать со всех сторон сразу. Казалось, вокруг меня кто-то с наслаждением топает, скачет и бежит по грязи.

У меня появились вполне закономерные сомнения. В самом деле, если это – дон Хуан, то он должен носиться вокруг меня кругами с абсолютно немыслимой скоростью. Иначе было бы невозможно производить такое количество звуков и с такой частотой. Но даже дон Хуан не способен развить такую скорость, да и вообще, наверное, никто. Я начал было прикидывать, кого он мог подключить к этому делу, но тут интенсивность звуков возросла до такой степени, что поглотила все мое внимание. Я даже думать не мог, но это был не испуг. Меня, скорее, ошеломило странное

качество звуков. Они вибрировали! Это были какие-то колебания, направленные на мой живот. Или, может быть, я воспринимал вибрацию звуков нижней частью живота.

Стоило мне это осознать, как от всей моей объективности и равнодушия не осталось и следа. Звуки нападали на мой живот! А что если это – не дон Хуан? Меня охватила паника. Я напряг живот и посильнее прижал к нему куртку.

Частота и интенсивность звуков резко возросли, словно они почуяли мою неуверенность. Вибрация стала настолько сильной, что я почувствовал – сейчас меня вырвет. Отчаянно борясь с тошнотой, я несколько раз глубоко вздохнул и запел свои пейотные песни. Меня вырвало, и чмоканье сразу же прекратилось. Стали слышны стрекот сверчков, шум ветра и далекий отрывистый лай койотов. Внезапный перерыв позволил мне немного перевести дух и разобраться в своем состоянии. Еще совсем недавно я был в отличном расположении духа, чувствовал уверенность и отрешенность. Однако вполне очевидно, что в своих попытках оценить ситуацию я потерпел досадную неудачу. Даже если бы у дона Хуана были помощники, им все равно было бы не под силу произвести звуки такой интенсивности, чтобы они могли подействовать на мой живот. Для этого нужна специальная аппаратура, которая им явно не по средствам и о которой, скорее всего, они не имеют ни малейшего понятия. То, что со мной происходило, явно не было игрой, и объяснение типа «очередная хитрость дона Хуана» оказывалось неадекватным и грубым. Меня скрутила судорога. Появилось непреодолимое желание выпрямиться и вытянуть ноги. Я решил переползти вправо, чтобы отодвинуть лицо от того места, где меня вырвало. Но стоило мне пошевелиться, как над самым моим левым ухом раздался очень мягкий скрип. Я застыл на месте. Скрип повторился с другой стороны. Звук был одиночным. Мне показалось, что он похож на скрип плохо смазанной двери. Я выждал, но было тихо. Тогда я решил снова попытаться. Но стоило мне шевельнуть головой, как я чуть не вскочил от неожиданности – на меня обрушился целый каскад скрипов. Они то напоминали скрип дверей, то были похожи на писк крыс или морских свинок, не были ни громкими, ни интенсивными, но в них присутствовала какая-то мягкость и предательская вкрадчивость. Каждый наплыв этих звуков вызывал у меня приступ тошноты. Наконец, они начали постепенно

утихать. Поток сделался менее плотным и постепенно перешел в одиночные поскрипывания.

Вдруг над кустами послышались взмахи крыльев огромной птицы. Казалось, она кружится надо мной. Количество скрипов снова начало возрастать. То же самое произошло и со взмахами крыльев. Через некоторое время целая стая гигантских птиц махала мягкими крыльями у меня над головой. Потом и те, и другие звуки как бы слились, образовав мощную обволакивающую волну. Я ощутил, как гигантское пульсирующее нечто окутало меня со всех сторон, подхватило и, волнообразно подбрасывая, понесло. Скрипы и хлопанье были гладкими и длинно прокатывались сквозь меня – я ощущал их всем телом. Хлопанье крыльев стаи птиц как бы тянуло меня снизу вверх, а писк полчищ крыс пытался снизу повернуть меня вокруг оси, чтобы перекинуть на спину.

У меня уже не было никаких сомнений в том, что из-за своей дурацкой глупости я навлек на себя нечто совершенно ужасное. Я сжал зубы и, глубоко дыша, начал петь свои пейотные песни. Так продолжалось довольно долго. Я сопротивлялся изо всех сил. Потом снова настало неожиданное «безмолвие». Так я теперь воспринимал тишину, нарушаемую лишь естественными звуками – стрекотом сверчков и шумом ветра. Период тишины оказался для меня более вредным, чем «звуковая атака» – я взялся обдумывать свое положение, и от этого запаниковал. Я знал, что погиб – у меня не было ни знаний, ни выносливости, ни сил, чтобы отразить то, что на меня обрушилось. Скрючившись над собственной блевотиной, совершенно беспомощный, я решил, что настал мой конец, и заплакал. Хотелось подумать о прожитой жизни, но я не знал, с чего начать. Ничто из того, чем я занимался в жизни, не было достойно этого последнего решающего момента, так что мне не о чем было думать. Осознание этого было очень острым. Да, я сильно изменился с тех пор, как в последний раз испытывал настоящий страх. Теперь я был пуст. Пуст в гораздо большей степени, чем тогда. Личных чувств, которые я готов был унести с собой, было намного меньше.

Как поступил бы воин, попав в мое положение? Я задавал себе этот вопрос и приходил к различным заключениям. С моим животом в области пупка происходило что-то очень важное, в этой части моего тела находился ключ к чему-то, я только не мог понять – к чему. В звуках было что-то сверхъестественное – они

целились в мой живот, и шутки дон Хуана были тут ни при чем. Брюшной пресс все время оставался напряженным, хотя судорог больше не было. Я продолжал петь и глубоко дышать. По телу потекло успокаивающее тепло. Я понял, что если хочу выжить, то должен продолжать действовать так, как учил дон Хуан. В уме я повторил все его инструкции. Я точно помнил, где зашло солнце и как расположены относительно этой точки вершина холма, на которой я сидел, и место, где, скрючившись, лежал сейчас. Прикинув положение своего тела в пространстве и сориентировавшись по сторонам света, я начал переползать так, чтобы в итоге повернуться головой в «своем направлении», то есть на юго-восток. Сначала я медленно, дюйм за дюймом, повернул влево ступни, подвернув их под лодыжки. Затем, отталкиваясь ими, начал передвигать все тело. Но стоило ему немного переместиться в горизонтальной плоскости, как до моей шеи что-то дотронулось. Прикосновение было особенным, я физически ощутил его открытой задней частью шеи. Это произошло настолько быстро, что я невольно вскрикнул и замер. Напрягая мышцы живота и глубоко дыша, я снова запел пейотные песни. Через секунду прикосновение повторилось. Это был мягкий удар или, скорее, толчок. Я съежился. Шея была открыта, и защитить ее не было возможности. Меня снова хлопнули по ней каким-то мягким, почти шелковистым предметом, на ощупь напоминавшим гигантскую кроличью лапу. Еще раз эта штука прикоснулась ко мне, а потом она начала хлопать меня по шее из стороны в сторону. Ощущение было таким, словно стадо безмолвных, гладких и невесомых кенгуру скачет через меня, отталкиваясь от шеи ногами. Каждый раз, когда лапа касалась моей шеи, я даже слышал глухой мягкий звук. Ощущение не было болезненным, но все равно оно сводило с ума. Я знал, что если ничего не сделаю, то свихнусь, вскочу и побегу. Поэтому снова начал переползать, чтобы развернуть тело головой на юго-восток. Хлопанье по шее усилилось и участилось. В конце концов оно достигло такого бешеного темпа, что я не выдержал и рывком развернулся. Я понятия не имел, что за этим последует, а просто пытался защититься от неотвратимого и необратимого буйного помешательства.

Как только я развернулся, похлопывание по шее прекратилось. После долгой мучительной паузы я услышал треск ломающихся в

отдалении веток. Шумы больше не приближались. Казалось, они сосредоточились в определенном месте, расположенном довольно далеко от меня. Через некоторое время хруст веток слился с громким шелестом громадного количества листьев, словно сильный ветер пронесся по всему холму. Казалось, все кусты вокруг меня затрепетали. Шелестящий звук и треск веток вызывали чувство, что весь холм был в огне. Мое тело было твердым как камень. Я сильно вспотел. Мне становилось все теплее и теплее. Я был совершенно уверен, что холм горит. Я не вскочил и не побежал только потому, что так оцепенел, что был практически парализован и даже не мог открыть глаза. В тот момент для меня имело значение только одно – вскочить и убежать от огня. В животе были ужасные спазмы, которые начали отрезать для меня поглощение воздуха. Мне стало трудно дышать. После долгой борьбы я восстановил дыхание и заметил, что шелест утих; лишь время от времени доносилось одиночное потрескивание. Звуки ломающихся веток становились все более и более отдаленными и редкими, пока совершенно не прекратились. Мне удалось открыть глаза. Сквозь полуприкрытые веки я взглянул на землю перед собой. Светало. Долгое время я ждал, не двигаясь, а затем начал выпрямляться. Я перевернулся на спину. На востоке над холмами взошло солнце. Только через несколько часов я смог, наконец, выпрямить ноги, встать и потащиться вниз по склону. Я пошел к месту, где меня оставил дон Хуан. До него было, по моим соображениям, километра два, не больше. К полудню я добрался до опушки леса, но пройти оставалось еще не меньше, чем полкилометра.

Я остановился. Не было, наверное, на свете силы, которая могла бы заставить меня идти дальше. Ноги подкашивались. Я подумал о горных львах и попытался взобраться на дерево, но руки не могли удержать вес тела. Я прислонился к скале и примирился с мыслью умереть здесь. Я был убежден, что стану пищей для горных львов или других хищников. У меня не было сил даже бросить камень. Я не был голоден и не хотел пить. Вскоре я нашел маленький ручеек и выпил немного воды, но вода не помогла мне восстановить силы. Так я и сидел там, совершенно беспомощный, и чувствовал себя больше подавленным, чем испуганным. Я настолько устал, что не заботился больше о своей судьбе и заснул.

Я проснулся от какой-то тряски. Надо мной склонился дон Хуан.

Он помог мне сесть и дал воды и жидкой каши. Засмеявшись, он сказал, что я выгляжу жалко. Я попытался рассказать ему о случившемся, но он знаком велел мне замолчать и сказал, что я прошел то место, которое должен был вчера запомнить, — оно находилось отсюда примерно в сотне метров. Потом наполовину повел, наполовину понес меня вниз, сказав, что отведет к реке и купает в ней. По дороге он заткнул мне уши какими-то листьями, которые были у него в сумке, а затем завязал мне глаза, положив по листу на каждый глаз и примотав кусочками ткани. Заставив меня снять одежду, он велел мне закрыть руками глаза и уши, чтобы быть уверенным, что я ничего не смогу видеть и слышать.

Дон Хуан растер все мое тело листьями, а затем погрузил меня в реку. Река была большая и глубокая — я стоял в воде вертикально, но дна не доставал. Дон Хуан поддерживал меня за правый локоть. Сначала я не ощущал, что вода холодная, но постепенно начал замерзать, и в конце концов холод сделался невыносимым. Дон Хуан вытащил меня и обтер какими-то листьями, имевшими специфический запах. Он одел меня и повел прочь. Мы шли довольно долго, прежде чем он снял с моих глаз повязку и вытащил листья из ушей. Он спросил, хватит ли у меня сил дойти до машины. Произошла странная вещь — я чувствовал себя очень сильным. Я даже взбежал на крутой холм, чтобы доказать это. По пути к машине я множество раз спотыкался, а он смеялся. Я заметил, что его смех действует на меня укрепляюще, и чем больше он смеялся, тем лучше я себя чувствовал.

На следующий день я рассказал дону Хуану последовательность событий, начиная с того момента, когда он оставил меня. Он все время смеялся, особенно когда я сказал, что думал, что это была одна из его хитростей.

— Ты всегда думаешь, что над тобой шутят, — сказал он. — Ты слишком веришь себе. Ты действуешь так, словно знаешь все ответы. Но ты не знаешь ничего, мой маленький друг, ничего. В первый раз дон Хуан назвал меня «маленьким другом». Это застало меня врасплох. Он заметил это и улыбнулся. В его голосе было столько теплоты, что меня охватила глубокая печаль. Я сказал ему, что от природы беспечен и глуп и что я никогда не пойму его мира. Я чувствовал себя глубоко взволнованным. Но он был очень доволен и заявил, что я сделал все очень хорошо.

Я спросил его о значении моего переживания.

– Оно не имело значения, – ответил он. – Это могло случиться с кем угодно, особенно с человеком, просвет которого открыт, как у тебя. Любой воин, который когда-либо отправлялся на поиски союзников, мог бы многое рассказать тебе о том, что они вытворяют. Тебе еще повезло – с тобой обошлись довольно мягко. Однако просвет твой открыт, и именно это заставляет тебя так нервничать. Но невозможно сделаться воином за одну ночь. Так что возвращайся домой и не возвращайся до тех пор, пока не придешь в себя и пока просвет твой не закроется.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 17

Я не был в Мексике несколько месяцев. Все это время я работал над своими записками, и впервые за десять лет учение дон Хуана начало обретать для меня реальный смысл. Я почувствовал, что вынужденные длительные перерывы в обучении шли мне на пользу, давая возможность осмыслить свои находки и расположить их в порядке, соответствующем моему восприятию и моим интересам. Однако события, происшедшие за время последнего визита к дону Хуану, указали на преждевременность моего оптимизма в отношении понимания его системы знаний.

Последняя запись в моем блокноте датирована 16 октября 1970 года. События этого дня стали для меня поворотными. Они ознаменовали начало нового цикла обучения, который так сильно отличался от предыдущего, что на этом должна закончиться моя книга.

Когда я подъехал к дому дон Хуана, он сидел на обычном своем месте у двери под рамадой. Я поставил машину в тени дерева, взял портфель и чемодан с продуктами, подошел к нему и громко поздоровался. И тут выяснилось, что он не один. Незнакомый мне человек сидел за кучей дров и смотрел на меня. Дон Хуан приветливо помахал мне рукой, его гость – тоже. Судя по одежде, он был не индейцем, а мексиканцем с юго-запада: на нем были голубые джинсы, бежевая рубашка, стетсоновская шляпа и ковбойские сапоги.

Я заговорил с доном Хуаном, и затем взглянул на мексиканца. Тот улыбнулся мне. Какое-то время я пристально смотрел на него. – Наш маленький Карлос совсем не хочет со мной разговаривать, – сказал он дону Хуану. – Только не говори мне, что он сердит на меня!

Прежде, чем я смог что-то сказать, они оба расхохотались. Только тогда я понял, что незнакомец был доном Хенаро.

– Ты не узнал меня, да? – спросил он, все еще смеясь.

Я вынужден был признаться, что его наряд сбил меня с толку.

– Что ты делаешь в этих краях, дон Хенаро?

– Он приехал насладиться горячим ветром, – сказал дон Хуан. – Не правда ли? – Верно, – сказал дон Хенаро. – Ты не представляешь, что может сделать горячий ветер для тела такого старика, как я. Я сел между ними.

– И что же он делает с твоим телом? – спросил я.

– Ветер рассказывает моему телу исключительные вещи, – ответил дон Хенаро.

Он повернулся к дону Хуану, и глаза его заблестели.

– Не так ли?

Дон Хуан утвердительно кивнул.

Я сказал им, что сезон горячих ветров Санта Анна был худшим временем года для меня, и поэтому очень странно, что дон Хенаро приезжал искать ветер, тогда как я убегал от него. – Карлос не переносит жары, – сказал дон Хуан дону Хенаро. – Когда становится жарко, он задыхается, как ребенок.

– За...что?

– За...дышается.

– Боже мой! – сказал дон Хенаро, изображая беспокойство, и неописуемо смешным жестом выразил крайнее отчаяние.

Потом дон Хуан объяснил ему, что я так долго не приезжал из-за неприятного приключения с союзниками.

– О, так ты наконец встретил союзника! – сказал дон Хенаро.

– Кажется, да, – с напускной небрежностью ответил я.

Они расхохотались. Дон Хенаро два или три раза легонько похлопал меня по спине. Я расценил этот жест как выражение сочувствия. Задержав руку на моем плече, он посмотрел мне в глаза, и я почувствовал спокойную удовлетворенность. Но это длилось лишь мгновение, а потом дон Хенаро произвел со мной какую-то невообразимую манипуляцию, и на меня вдруг навалилась такая тяжесть, будто на плечи мне взвалили валун. Ощущение было таким, словно вес его руки увеличился в десятки раз. В конце концов я не удержался и под этим грузом начал сгибаться вперед, пока не стукнулся головой о землю.

– Малютке Карлосу нужна помощь, – сказал дон Хенаро, бросив на дону Хуана заговорщицкий взгляд.

Я выпрямился и посмотрел на дону Хуана, но он глядел куда-то вдаль. Я с досадой подумал, что дон Хуан ведет себя так, словно не имеет ко мне никакого отношения. Дон Хенаро засмеялся.

Похоже, что он ждал моей реакции.

Я попросил его еще разок положить руку мне на плечо, но он не захотел. Я потребовал, чтобы он хотя бы объяснил, что это было. Он усмехнулся. Я снова обратился к дону Хуану:

– Рука дона Хенаро была такой тяжелой, что у меня чуть не сломался позвоночник.

– Ничего по этому поводу не могу сказать, – произнес дон Хуан в своей комической манере. – Он никогда не клал руку мне на плечо.

И они оба расхохотались.

– Что ты со мной сделал, дон Хенаро? – спросил я.

– Положил руку тебе на плечо, только и всего, – ответил он простодушно.

– Положи еще раз.

Он отказался. Тут вмешался дон Хуан и попросил меня рассказать дону Хенаро о том, что со мной происходило в ту ночь в горах. Я решил, что от меня требуется подробный отчет, и принялся рассказывать с полной серьезностью. Но чем серьезнее я становился, тем сильнее они хохотали. Я даже пару раз останавливался, но они просили продолжать. Когда я закончил, дон Хуан сказал:

– Теперь союзник непременно придет к тебе, независимо от твоего отношения к нему. Ты можешь сидеть без дела или думать о женщинах и вдруг – хлоп! – кто-то похлопает тебя по плечу. Обернешься – а сзади стоит союзник.

– Что я могу сделать, если такое произойдет?

– Ё-ё, минуточку, – сказал дон Хенаро. – Вопрос некорректен. Надо спрашивать не о том, что ты можешь сделать, – ты не можешь сделать ничего, и это вполне очевидно, – а следует спросить: что может сделать воин?

Прищурившись, он смотрел на меня, склонив голову вправо и скривив рот. Я посмотрел на дону Хуана, пытаясь по его виду понять, шутит дон Хенаро или нет, но дон Хуан сидел с каменным выражением лица.

– Ладно, – сказал я. – Что делает в таком случае воин?

Дон Хенаро подмигнул и почмокал губами, как бы подбирая подходящее слово. Он неотрывно смотрел на меня, потирая подбородок.

– Воин делает в штаны, – произнес он с величественной невозмутимостью, доступной только индейцу.

Дон Хуан закрыл лицо руками, а дон Хенаро хлопнул ладонью по

земле, и оба разразились хохотом.

– Страх – это сильное чувство, – сказал дон Хуан, отсмеявшись. – Когда воин не уверен в победе, он не раздумывая показывает союзнику спину. Воин не может, потакая себе, помереть от страха, и поэтому позволяет союзнику прийти только тогда, когда находится в хорошей форме. Когда воин достаточно силен для схватки, он открывает свой просвет, выманивает союзника, хватает, прижимает к себе и неотрывно смотрит на него столько, сколько нужно, а потом отводит глаза и отпускает союзника на все четыре стороны. Воин, дружок, он воин и есть. В любой ситуации он – мастер.

– Что будет, если долго смотреть на союзника? – спросил я. Дон Хенаро посмотрел на меня и изобразил пронзительный взгляд. – Кто знает? – сказал дон Хуан. – Может, Хенаро расскажет тебе, что было с ним...

– Может, и расскажу, – промолвил дон Хенаро и усмехнулся. Дон Хенаро встал, потянулся, хрустнув суставами, и вытаращил глаза, так что они округлились и стали совершенно безумными. – Хенаро собрался пустыню встряхнуть, – продекламировал он и направился в чаппараль. – Хенаро хочет тебе помочь, – сказал дон Хуан доверительным тоном. – Когда мы были у него, он сделал с тобой такую же штуку, и ты почти *видел*.

Я подумал, что речь идет об уроке у водопада, но он, оказывается, имел в виду неземной грохот, который я слышал возле дома дона Хенаро.

– Кстати, что это было? – спросил я. – Мы тогда посмеялись, но ты так ничего и не объяснил.

– Но ты так ничего и не спросил.

– Я спрашивал.

– Нет, ты спрашивал о чем угодно, только не об этом. Во взгляде дона Хуана было обвинение.

– Это – искусство Хенаро. Кроме него, никто на такое не способен. Ты тогда почти *видел*.

Я сказал, что мне и в голову не приходило, что между *видением* и этим странными звуками может быть какая-то связь.

– А почему бы и нет? – спросил он решительно, – Я думал, что *видение* связано с глазами, – настаивал я.

– Я никогда не говорил, что *видение* связано только с глазами, – сказал он, недоуменно покачивая головой.

– Как он это делает? – не отставал я.

– Он же говорил тебе, – резко ответил дон Хуан.

В этот момент раздался странный грохот.

Я подскочил, а дон Хуан рассмеялся. Звук был похож на грохочущую лавину. Слушая его, я осознал довольно смешной момент – большинство моих представлений о звуках почерпнуто из кинофильмов. Грохот, который я слышал, был похож на тот звук, которым в кино сопровождается мощная лавина, когда снег со всего склона горы обрушивается в долину.

Дон Хуан схватился за бока, словно они болели от хохота.

Громоподобный раскат потряс землю подо мной. Как будто откуда-то свалился огромный валун. Звучало это так, словно валун катился прямо на меня. Я пришел в замешательство. Мышцы напряглись, все тело приготовилось к бегству.

Я взглянул на дона Хуана. Он смотрел на меня. И тут я услышал самый страшный удар в своей жизни. Сила звука была необычайной, словно огромный обломок скалы рухнул прямо за домом. Все задрожало, и в этот миг я испытал странное ощущение: в течение какого-то мгновения я действительно «видел» за домом огромный валун величиной с гору. Но это не было изображением валуна, наложенным на пейзаж, окружавший дом. Не было это также и видением реального валуна. Скорее всего, это можно было описать как образ гигантского валуна, рожденный звуком. Я «видел» звук! Ощущение было настолько непостижимым, что я пришел в отчаяние и невыразимое замешательство. Я никогда не подозревал, что мои органы чувств способны воспринимать таким странным образом. Меня охватил рациональный страх, и я рванулся бежать, но дон Хуан схватил меня за локоть и сказал, чтобы я никуда не убегал и не вертел головой, а смотрел в том направлении, куда ушел дон Хенаро.

Последовала еще целая серия звуков, как будто несколько камней кучей свалились, стуча друг о друга. Потом все стихло. Через несколько минут дон Хенаро вернулся и сел под рамадой. Он спросил, *видел* ли я. Я не знал, что отвечать. Я взглянул на дона Хуана. Тот смотрел на меня.

– Я думаю, да, – сказал он и усмехнулся.

Я хотел сказать, что понятия не имею, о чем идет речь. Я сильно расстроился и чуть ли не физически ощущал злость и крайнее неудобство.

– Думаю, что ему нужно побыть здесь одному, – сказал дон Хуан. Они встали и прошли мимо меня.

– Карлос потакает своему замешательству, – громко проговорил дон Хуан.

Несколько часов я оставался в одиночестве, занимаясь своими записями. Мне стало ясно, что ситуация была абсурдной с самого начала – с того момента, как я увидел дон Хенаро, сидевшего под рамадой. И чем больше я об этом думал, тем очевиднее становилось: дон Хуан передал дону Хенаро «бразды правления». Это наполнило меня зловещим предчувствием.

Они вернулись в сумерках и сели рядом со мной. Придвинувшись, дон Хенаро почти на меня навалился. Его тонкое хрупкое плечо коснулось меня, и возникло то же ощущение, что и тогда, когда он положил мне на плечо ладонь. Меня согнуло под весом сокрушительного груза, и я повалился на бедро дон Хуана. Он помог мне подняться и участливо спросил, не собирался ли я вздремнуть у него на коленях.

Дон Хенаро, похоже, был удовлетворен. Глаза его сияли. Мне хотелось плакать. Было такое чувство, словно я зверь, которого посадили в клетку.

– Я тебя пугаю, да, Карлитос? – спросил дон Хенаро с видом искренней озабоченности. – Ты похож на дикую лошадь.

– Расскажи ему какую-нибудь историю, – сказал дон Хуан. – Это единственное, от чего он успокаивается.

Они отодвинулись и сели напротив, с любопытством меня разглядывая. Глаза их мерцали в темноте подобно темным озерам. Это не были человеческие глаза, они внушали суеверный ужас.

Некоторое время мы смотрели друг на друга, потом я не выдержал и отвел взгляд. Я обнаружил, что их самих я не боюсь. Но глаза их пугали до такой степени, что меня начала бить дрожь. Я был в полном недоумении и чувствовал себя крайне неудобно.

После непродолжительной паузы дон Хуан потребовал, чтобы дон Хенаро рассказал мне о том, что произошло, когда он пытался переглядеть своего союзника. Дон Хенаро сидел в полутора метрах от меня. Он ничего не сказал. Я взглянул на него. Мне показалось, что его глаза раз в пять больше, чем нормальные глаза обычного человека. Они сияли и неодолимо втягивали. То, что казалось светом его глаз, заливало все вокруг. Тело дон Хенаро как бы сжалось и было похоже на кошачье. Я заметил, что это

кошкообразное тело шевельнулось, и испугался. Совершенно автоматически я принял «боевую позу», ритмично ударяя ладонью по лодыжке. Это случилось непроизвольно, словно всю жизнь я только тем и занимался, что отрабатывал технику магической защиты. Опомнившись, я почувствовал неловкость и взглянул на дона Хуана. Его глаза были добрыми, они успокаивали. Он громко засмеялся. Дон Хенаро издал звук, похожий на мурлыканье, встал и ушел в дом. Дон Хуан объяснил, что Хенаро очень силен и не любит заниматься пустяками. Глазами он меня только дразнил. И снова выяснилось, что я знаю гораздо больше, чем мне кажется. Еще дон Хуан упомянул о том, что в сумерках маги очень опасны, а такие мастера, как Хенаро, могут творить невообразимые чудеса. Несколько минут прошли в молчании. Мне стало лучше.

Разговаривая с доном Хуаном, я расслабился, ко мне вернулась уверенность. Затем он сказал, что неплохо бы перекусить, потому что вскоре мы отправимся на прогулку. Дон Хенаро собирается показать мне приемы маскировки.

Я спросил, что такое «приемы маскировки». Он ответил, что больше не будет мне ничего объяснять, так как объяснения только усиливают мою склонность к потаканию себе.

Мы вошли в дом. Дон Хенаро сидел в свете керосиновой лампы с набитым ртом и жевал.

После еды мы втроем направились в густой чаппараль. Дон Хуан шел рядом со мной, дон Хенаро – немного впереди. Ночь была довольно светлой. Несмотря на плотную облачность, я все хорошо видел. В какой-то момент дон Хуан остановился и велел мне идти за доном Хенаро. Я заколебался. Легонько подтолкнув меня, он сказал, что все нормально, и добавил, что я всегда должен находиться в состоянии готовности и верить в собственные силы.

Я пошел за доном Хенаро. В течение двух часов я пытался его догнать, но, как ни старался, расстояние между нами не сокращалось. Его силуэт все время маячил впереди. Иногда он исчезал, словно отпрыгнув с тропы в сторону, но лишь затем, чтобы спустя мгновение вновь появиться все на том же расстоянии. Что же касается меня, то мне эта прогулка казалась бессмысленной, было непонятно, к чему это все вообще. За доном Хенаро я шел только потому, что не знал обратной дороги. Я не мог понять, что он делает, и думал, что мы идем к какому-то неизвестному мне месту в гуще чаппаралья, где дон Хенаро

покажет мне приемы маскировки, о которых говорил дон Хуан. В какой-то момент я вдруг почувствовал, что дон Хенаро находится где-то позади меня. Я оглянулся и на некотором расстоянии заметил фигуру человека. Эффект был поразительный. Я изо всех сил вглядывался в темноту, пытаясь рассмотреть, кто там стоит. От него меня отделяло метров пятнадцать. Фигура почти сливалась с кустами, она словно бы пряталась среди теней. Логически рассуждая, я пришел к заключению, что это должен быть дон Хуан. Видимо, все это время он следовал за нами. В то же мгновение, когда я сделал этот вывод, человек исчез. Я больше не мог различить его среди кустов.

Я пошел туда, где он стоял, но никого не нашел. Дона Хенаро тоже нигде не было видно, и, поскольку я не знал дороги, пришлось сесть на землю и ждать. Через полчаса подошли дон Хуан и дон Хенаро и позвали меня по имени. Я встал и подошел к ним.

Возвращались мы в полном молчании. Мне это пошло на пользу, так как я был совершенно сбит с толку и чувствовал себя не в своей тарелке. Во мне проявилось что-то, о чем я не имел понятия. Манипуляции дона Хенаро изменили характер моего мышления – я не формулировал мысли так, как привык это делать. Это обнаружилось, когда я сидел на тропинке. Садясь, я машинально глянул на часы. После этого мышление как бы выключилось, в сознании воцарилась полная неподвижность. Тем не менее, состояние было как никогда бодрым, восприятие – ясным и четким. Это было безмыслие, сравнимое с полной беззаботностью. Казалось, что мир странно уравновешен, в нем ничего нельзя было добавить или убавить.

Когда мы пришли, дон Хенаро расстелил циновку и лег спать. Мне очень хотелось обсудить с доном Хуаном сегодняшние события, но он запретил мне разговаривать.

18 октября 1970

– Кажется, я понимаю, что Хенаро пытался со мной сделать прошлой ночью, – обратился я к дону Хуану.

Я сказал это, чтобы как-то его зацепить. Его упорное нежелание со мной разговаривать действовало на нервы.

Дон Хуан улыбнулся и покачал головой, как бы соглашаясь со мной. Но глаза его при этом насмешливо блестели.

– Что, думаешь, нет? – выдавил я из себя. – Ну почему же нет?

Конечно, да! Ты действительно понял, что Хенаро все время шел

сзади. Однако понимание – это совсем не то.

Его утверждение о том, что Хенаро все время шел сзади, меня поразило. Я попросил объяснить.

– Твое сознание настроено так, что рассматривает все только с одной стороны, – сказал он.

Он взял хворостинку и начал двигать ею в воздухе. Он не рисовал в пространстве, а, скорее, делал движения, похожие на движения его пальцев, когда он выгребает мусор из кучи семян. Он как бы царапал и мягко колол воздух.

Дон Хуан повернулся и взглянул на меня, но я недоуменно пожал плечами. Он придвинулся поближе и повторил движения, нарисовав на земле восемь точек. Обведя первую из них кружком, он сказал:

– Ты здесь. Все мы здесь. Это – чувственное восприятие. Отсюда мы начинаем. Он обвел кружком еще одну точку, расположенную непосредственно над первой. Затем он несколько раз прочертил линию, соединявшую первую точку со второй, как бы изображая устойчивую связь.

– Есть, однако, еще шесть точек, с которыми человек в принципе может иметь дело. Но в большинстве своем люди о них даже не подозревают.

Он ткнул хворостинкой в линию на земле, соединявшую первые две точки.

– Движение между этими двумя точками ты называешь пониманием. Это то, чем ты занят всю свою жизнь. И если ты скажешь, что понимаешь мое знание, то не сделаешь ничего нового.

Потом он соединил некоторые из восьми точек между собой. Получилась вытянутая трапециевидная фигура, в которой было восемь центров с неодинаковым числом лучей.

– Каждая из оставшихся шести точек – целый мир, подобно тому как сенсорное восприятие и понимание образуют для тебя два взаимосвязанных и взаимообусловленных мира.

– А почему их всего восемь? – осведомился я. – Почему не бесчисленное количество, как в окружности? Я нарисовал на земле окружность. Дон Хуан улыбнулся.

– Мне известно только восемь точек, с которыми человек может иметь дело. Наверное, на большее люди не способны. Причем я говорю «иметь дело», а не «понимать». Чувствуешь разницу?

Он сказал это таким шутовским тоном, что я засмеялся. Намек на мою манеру настаивать на точном определении слов был весьма определенным.

— Твоя проблема в том, что ты непременно хочешь все понять, а это — невозможно. Сводя все к пониманию, ты ограничиваешь свои возможности как человеческого существа. Твой камень преткновения остался там же, где был всегда. Поэтому за все эти годы ты по сути так ничего и не сделал. Безусловно, тебя удалось вытряхнуть из тотальной дремоты, но этого можно было добиться и другими способами при других обстоятельствах. После небольшой паузы дон Хуан сказал мне, что нужно съездить к водному каньону. Когда мы садились в машину, дон Хенаро вышел из дома и забрался на заднее сидение. Мы проехали часть пути, а потом пешком спустились в глубокое ущелье. Дон Хуан выбрал место для отдыха в тени большого дерева. Мы сели, и он сказал:

— Ты когда-то рассказывал, как вы с приятелем сидели и смотрели на высокий клен, с которого медленно падал лист. И твой приятель сказал, что никогда больше этот лист не упадет с этого дерева.

Помнишь?

Я помнил. Он сказал:

— Мы — у подножия высокого дерева. Напротив — еще деревья.

Давайте посмотрим, как с верхушки вон того упадет лист.

Он кивнул головой, предлагая мне смотреть. На другой стороне каньона стояло высокое дерево. Листья на нем высохли и были желтовато-бежевыми. Еще одним кивком головы дон Хуан дал мне понять, что смотреть следует не отрываясь. Через несколько минут на самой верхушке дерева от ветки оторвался лист. Он медленно падал вниз, трижды ударившись о другие листья и ветки, прежде чем достиг земли.

— Ты видел?

— Да.

— Этот лист никогда уже больше не упадет с этого дерева, не так ли?

— Верно.

— С точки зрения твоего понимания это — неоспоримая истина. Но только с точки зрения понимания. Смотри.

Я машинально поднял глаза и увидел падающий лист. Он в точности повторил траекторию предыдущего. Казалось, я вижу

телевизионный повтор. Проследив за волнообразным движением листа до того момента, как он коснулся земли, я привстал в надежде увидеть, сколько листьев лежит в месте его падения – один или два. Но густая трава не позволяла разглядеть, куда он упал. Дон Хуан засмеялся и велел мне сесть. – Смотри, – он кивнул головой на верхушку дерева, – опять падает, и снова – тот же самый.

Третий лист падал точно так же, как и первые два.

Когда лист скрылся в траве, я уже знал, что сейчас дон Хуан опять покажет на верхушку дерева. Не дожидаясь указания, я поднял глаза. Лист падал. Я осознал, что только в первый раз видел, как лист отрывался от ветки. Потом он только падал.

Я сказал об этом дону Хуану и попросил объяснить:

– Я не понимаю, каким образом ты заставляешь меня видеть повтор того, что уже было. Что ты со мной делаешь?

Он засмеялся и не ответил. Я настаивал на том, что он должен рассказать мне, как это делается, поскольку с точки зрения моего здравого смысла такого не может быть. Он ответил:

– С точки зрения моего здравого смысла – тоже. Но он падает.

Снова и снова...

Потом он обратился к дону Хенаро:

– Что, разве не так?

Дон Хенаро не отвечал, пристально глядя на меня.

– Но это невозможно! – произнес я. – Ты прикован! – воскликнул дон Хуан. – Ты прикован к своему здравому смыслу. Один и тот же лист падает снова и снова с одного и того же дерева только для того, чтобы ты отказался от попыток понять.

Доверительным тоном он сказал мне, что с самого начала все складывалось как нельзя более удачно, однако, как всегда, в самом конце моя мания все испортила, и я словно ослеп.

– Понимать тут нечего. Понимание – это лишь крохотная частичка. Совсем крохотная.

Дон Хенаро встал. Они с доном Хуаном обменялись быстрыми взглядами. Потом дон Хуан устался в землю перед собой. Дон Хенаро подошел ко мне, встал напротив и начал синхронно взмахивать обеими руками – вперед-назад, вперед-назад.

– Смотри, Карлитос! – сказал он. – Смотри! Смотри! Он издал странный резкий звук, словно что-то оборвалось. В то же мгновение в животе моем возникло ощущение пустоты. Это было

ужасно мучительное чувство падения, не болезненное, но очень неприятное и изнурительное. Через несколько секунд оно исчезло. Остался только странный зуд в коленях. Но за эти секунды произошло еще одно непонятное явление – я увидел, что дон Хенаро стоит на вершине одной из высоких гор, до которых было никак не меньше полутора десятков километров. Это продолжалось не более десяти секунд и случилось настолько неожиданно, что я не смог разглядеть деталей. Это была то ли фигура в рост человека на вершине горы, то ли уменьшенное изображение дона Хенаро, наложенное на перспективу. Я даже толком не понял, он ли это вообще. Хотя, пока длилось это видение, я был совершенно уверен, что вижу именно дона Хенаро, стоящего на вершине горы. Но в то мгновение, когда я подумал, что невозможно увидеть человека с расстояния почти в двадцать километров, видение исчезло.

Я повернулся, чтобы посмотреть на дона Хенаро, но его не было. Мое недоумение было невообразимым – вполне под стать происходящему. Я был совершенно сбит с толку. Дон Хуан велел мне сесть на корточки и прижать колени к груди, а руки – к нижней части живота. Мы сидели молча, а потом он сказал; – Я ничего не буду тебе объяснять. Чтобы стать магом, нужно действовать. Все остальное – ни к чему.

Он посоветовал мне немедленно уехать, потому что Хенаро, чего доброго, еще прикончит меня своими попытками мне помочь. – Ты собираешься изменить направление, – сказал он, – и вот-вот разобьешь свои оковы.

Он сказал, что нечего было понимать в действиях его и дона Хенаро, и что маги вполне способны совершать такие необыкновенные вещи.

– Хенаро и я действуем отсюда, – сказал он и указал на один из центров на своей диаграмме. – А это – не центр понимания. И все же ты знаешь, что это такое. Я хотел сказать, что понятия не имею, о чем он говорит, но он не дал мне на это времени, встал и сделал знак следовать за ним. Он пошел необыкновенно быстро, и я, пыхтя и потя, старался не отставать от него.

Когда мы сели в машину, я огляделся в поисках дона Хенаро.

– Где он? – спросил я.

– Ты знаешь, где он, – резко ответил дон Хуан.

Прежде чем уехать, я посидел с ним, как делал это всегда. Мне

непреодолимо хотелось попросить разъяснений. Как говорит дон Хуан, объяснение – это в действительности мое потакание себе.

– Где дон Хенаро? – осторожно спросил я.

– Сам знаешь, – сказал дон Хуан. – Ты терпишь неудачу за неудачей именно потому, что пытаешься понять. Прошлой ночью, например, ты с самого начала знал, что дон Хенаро позади тебя. Ты даже обернулся, чтобы его разглядеть.

– Да нет же, вовсе я этого не знал! – запротестовал я. Я говорил совершенно искренне. Мое сознание отказывалось принимать воздействие такого рода как «реальность». Но в то же время, после десяти лет обучения у дон Хуана, я не мог больше полагаться на свои привычные критерии «реальности». Однако все мои изыскания относительно природы реальности до сих пор оставались чисто интеллектуальными манипуляциями.

Доказательством тому служили тупики, в которые своими действиями то и дело загоняли меня дон Хуан и дон Хенаро.

Дон Хуан взглянул на меня, и во взгляде его было столько печали, что я невольно заплакал. Слезы сами катились из глаз. Впервые в жизни я ощутил всю тяжесть и обременительность здравого смысла. На меня накатила какая-то неопишуемая мука. Я непроизвольно застонал и обнял его. Он быстро ударил меня костяшками пальцев по макушке. Я почувствовал, как вниз по позвоночнику пробежала волна. Это немного меня отрезвило.

– Ты слишком сильно себя жалеешь. И потакаешь своей слабости, – мягко сказал он.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Эпилог

Дон Хуан медленно ходил вокруг меня, как бы раздумывая, говорить или нет. Дважды он останавливался, но, казалось, передумывал. Наконец, он остановился и сказал:

– Вернешься ты или нет – совершенно неважно. Однако теперь ты должен жить как воин. Ты и раньше об этом знал. Но в твоём нынешнем положении ты уже обязан использовать нечто, на что раньше не обращал внимание. Но за это знание тебе пришлось бороться. Оно не свалилось на тебя с неба. И его не преподнесли тебе просто так. Тебе пришлось с силой добывать его из самого себя. Но все равно ты остался тем же, чем был, – светящимся существом. И так же, как и всякий человек, ты по-прежнему подвержен смерти. Когда-то я говорил тебе, что в светящемся яйце невозможно изменить ничего.

Он немного помолчал. Я знал, что он на меня смотрит, но избегал его взгляда.

– И в тебе действительно не изменилось ничего, – сказал он.

Книга третья

Путешествие в Икстлан

- [Введение](#)
- [Часть первая «ОСТАНОВИТЬ МИР»](#)
 - [Глава 1. Мир соглашается](#)
 - [Глава 2. Стирание личной истории](#)
 - [Глава 3. Отказ от чувства собственной важности](#)
 - [Глава 4. Смерть-советчик](#)
 - [Глава 5. Принять ответственность](#)
 - [Глава 6. Стать охотником](#)
 - [Глава 7. Стать недоступным](#)
 - [Глава 8. Разрушение распорядков](#)
 - [Глава 9. Последняя битва на земле](#)
 - [Глава 10. Открыться силе](#)
 - [Глава 11. Настроение воина](#)
 - [Глава 12. Битва силы](#)
 - [Глава 13. Последняя остановка воина](#)
 - [Глава 14. Походка силы](#)
 - [Глава 15. «Неделание»](#)
 - [Глава 16. Кольцо силы](#)
 - [Глава 17. Достойный противник](#)
- [Часть вторая](#)
 - [Глава 18. Магическое кольцо силы](#)
 - [Глава 19. Мир останавливается](#)
 - [Глава 20. Путешествие в Икстлан](#)

Введение

В субботу, 22 мая 1971 года я вновь отправился в мексиканский штат Сонора на очередную встречу с доном Хуаном Матусом – магом из племени яки. Мы были знакомы с 1961 года. Я думал, что эта встреча ничем не будет отличаться, от множества предыдущих визитов за десять лет моего ученичества. Однако события, последовавшие за ней, оказались для меня в каком-то смысле решающими, поскольку ознаменовали окончание учебы. Причем это не было ни капризом с моей стороны, ни бегством, но вполне закономерным и естественным окончанием исчерпавшего себя этапа.

Описанию процесса обучения посвящены две предыдущие книги – «Учение дона Хуана» и «Отдельная реальность».

При их написании я исходил из предположения, что ключевыми пунктами в обучении магии являются состояния ощущения необычной реальности, вызванные употреблением психотропных растений.

Дон Хуан был специалистом в использовании трех таких растений: дурмана обыкновенного, кактуса пейота и галлюциногенного гриба.

Под их воздействием восприятие мира становилось настолько необыкновенным и впечатляющим, что я поневоле пришел к выводу: состояния необычной реальности – единственный путь к постижению и освоению того знания, которое пытался мне передать дон Хуан.

Однако я ошибался.

Чтобы исключить возможность какой-либо путаницы относительно моей работы с доном Хуаном, я хотел бы сказать, что я никогда не предпринимал никаких попыток соотнести дона Хуана с какой-либо социально-культурной средой. Себя он считает индейцем яки, однако это отнюдь не означает, что система известных ему знаний является достоянием всего племени яки или только ими практикуется.

Говорили мы по-испански, и только благодаря тому, что он в

совершенстве владел этим языком, мне удалось получить исчерпывающее толкование его практической системы.

Я называл эту систему магией, а дон Хуана – магом, поскольку именно такими категориями пользовался он сам.

В начале ученичества мне удавалось записывать большую часть того, что говорил дон Хуан, а потом уже, на более поздних этапах, – вообще практически все. Поэтому за годы обучения у меня накопились целые кипы блокнотов, заполненных полевыми записями. При их обработке и редактировании мне, естественно, пришлось кое-что исключить. Но в любом случае это были моменты, с моей точки зрения, не существенные и не принципиальные.

Работая с доном Хуаном, я относился к нему только как к магу. Соответственно, мои усилия сводились лишь к тому, чтобы приобщиться к его системе магических знаний.

Здесь следует особо остановиться на одном моменте, лежащем в основе системы магического знания. В передаче дон Хуана маг, в отличие от обычного человека, не считает мир повседневной жизни чем-то устойчивым и однозначно реальным. Для мага реальность, то есть мир как мы его знаем, – не более чем описание. В попытках убедить меня в правомерности такого подхода дон Хуан приложил все усилия, чтобы я убедился на собственном опыте: мир, который я привык считать реальным и основательным, – всего лишь описание мира, программа восприятия, которую закладывали в мое сознание с самого рождения.

В его объяснении каждый человек, который вступает в общение с ребенком, непрерывно разворачивает перед ним свое описание мира. Таким образом все, кого ребенок встречает в своей жизни, становятся для него учителями. Они учат его определенным образом описывать мир, и в какое-то мгновение ребенок начинает воспринимать мир в соответствии со сформированным в его сознании описанием. Этот момент имеет огромное значение, поскольку, ни много ни мало, определяет всю нашу судьбу. Дон Хуан утверждал, что мы не помним об этом моменте попросту потому, что нам не с чем сравнивать. Однако именно в этот миг человек «входит в мир». Ребенок становится полноправным членом группы людей, использующих определенное описание мира. Он владеет этим описанием и способен в его рамках соответствующим образом интерпретировать то, что

воспринимает. Интерпретации же, в свою очередь, подтверждают описание, которое в результате становится еще более устойчивым. Таким образом, с точки зрения дона Хуана, реальность нашей повседневности состоит из бесконечного потока чувственных интерпретаций. Являясь членами группы лиц, использующих одно и то же описание мира, мы просто научились одинаково интерпретировать явления, воспринимаемые нашими органами чувств.

Впечатление цельности картины мира, составленной из чувственных интерпретаций, обусловлено тем, что последние следуют нескончаемым слитным потоком и, за ничтожными исключениями, практически никогда не подвергаются сомнению. В самом деле, мы давно привыкли к гарантированной однозначности того, что считаем реальностью, и вряд ли способны сколько-нибудь серьезно отнестись к основной предпосылке магического знания, по которой эта реальность – всего лишь одно из множества возможных описаний мира.

К счастью, дон Хуан вообще не интересовало, могу ли я серьезно воспринимать то, что он говорит. Он просто излагал положения своей системы, не обращая внимания ни на мое неприятие, ни на мое неверие, ни даже на мою неспособность его понять. Таким образом, с самой первой нашей встречи дон Хуан был для меня в роли учителя магического знания, неуклонно внедряя в мое сознание свое описание мира. Смысловые блоки этого нового описания настолько не соответствовали основам привычной для меня картины реальности и были до такой степени чужды моему восприятию, что осознание каждого понятия, входившего в систему дона Хуана, требовало от меня чрезвычайных усилий.

Он заявлял, что учит меня *«видеть»*, подразумевая под этим способ восприятия, принципиально отличающийся от обычного зрительного восприятия, которое дон Хуан определял словом *«смотреть»*. Первым шагом на пути к *«видению»* была, по его словам, *«остановка мира»*.

Все эти годы я считал *«остановку мира»* лишь загадочной метафорой, лишенной точного смысла. И только недавно, в самом конце своего ученичества, во время разговора, не имевшего, казалось бы, прямого отношения к процессу обучения, я неожиданно осознал всю глубину и значимость этого понятия. Оно

оказалось одним из краеугольных камней, лежащих в основе всего учения.

Мы с доном Хуаном просто сидели и болтали о том о сем, и я рассказал ему об одном из своих приятелей, у которого были серьезные проблемы с девятилетним сыном. Последние четыре года мальчик жил с матерью, а потом отец забрал его к себе и сразу же столкнулся с вопросом: что делать с ребенком? По словам моего друга, тот совершенно не мог учиться в школе, потому что его ничто не интересовало, и, кроме того, у мальчика совершенно отсутствовала способность к сосредоточению. Часто ребенок без видимых причин раздражался, вел себя агрессивно и даже несколько раз пытался сбежать из дома.

– Да, – и впрямь – проблема, – усмехнулся дон Хуан.

Я хотел было еще кое-что рассказать ему о «фокусах» ребенка, но дон Хуан меня оборвал.

– Достаточно. Не нам судить о его поступках. Бедный малыш! Сказано это было довольно резко и твердо. Но затем дон Хуан улыбнулся.

– Но что же все-таки делать моему приятелю? – спросил я.

– Худшее, что он может сделать, – это заставить ребенка согласиться, – сказал дон Хуан.

– Что ты имеешь в виду?

– Отец ни в коем случае не должен ругать или шлепать мальчика, когда тот поступает не так, как от него требуется, или плохо себя ведет.

– Да, но если не проявить твердость, как же тогда хоть чему-нибудь научить ребенка?

– Пусть твой приятель сделает так, чтобы ребенка отшлепал кто-то другой.

Предложение дон Хуана меня удивило.

– Да ведь он не позволит никому даже пальцем до него дотронуться!

Моя же реакция ему определенно понравилась. Он усмехнулся и сказал:

– Твой друг – не воин. Будь он воином, ему было бы известно, что в отношениях с человеческими существами не может быть ничего хуже и бесполезнее прямого противостояния.

– А что в таких случаях делает воин, дон Хуан?

– Воин действует стратегически.

- Все равно я не понимаю, что ты хочешь этим сказать.
- А вот что: если бы твой друг был воином, он помог бы сыну *остановить мир*.
- Каким образом?
- Для этого ему потребовалась бы личная сила. Он должен быть магом.
- Но он ведь не маг.
- В таком случае нужно, чтобы изменилась картина мира, к которой привык мальчик. А в этом ему можно помочь и обычными средствами. Это еще не *остановка мира*, но сработают они, пожалуй, не хуже.

Я попросил объяснить. Дон Хуан сказал:

- На месте твоего друга я бы нанял кого-нибудь, чтобы тот отшлепал парнишку. Порыскал бы хорошенько по трущобам и нашел бы там мужчину как можно более жуткой наружности.
- Чтобы тот испугал малыша?
- Глупый ты, просто испугать в этом случае – мало. Ребенка необходимо *остановить*, но отец ничего не добьется, если сам будет ругать его или бить. Чтобы *остановить* человека, необходимо сильно на него «нажать». Однако самому при этом нужно оставаться вне видимой связи с факторами и обстоятельствами, непосредственно связанными с этим давлением. Только тогда давлением можно управлять.

Идея показалась мне нелепой, но что-то в ней было.

Дон Хуан сидел, облокотившись левой рукой на ящик и подпирая ладонью подбородок. Глаза его были закрыты, но под веками двигались глазные яблоки, словно он по-прежнему меня разглядывал. Мне стало не по себе, и я сказал:

- Может, ты все же объяснишь подробнее, что делать моему приятелю?
- Пусть отправится в трущобы и найдет самого жуткого ублюдка, только помоложе и покрепче.

Затем дон Хуан изложил довольно странный план, которому должен последовать мой приятель. Нужно сделать так, чтобы во время очередной прогулки с ребенком нанятый тип следовал за ними или поджидал их в условленном месте.

При первом же проступке сына отец подаст знак, бродяга выскочит из засады, схватит мальчика и отлупит как следует.

- А потом пусть отец как сможет успокоит мальчика и поможет

прийти в себя. Я думаю, трех-четырёх раз будет достаточно, чтобы круто изменить отношение мальчика ко всему, что его окружает. Картина мира станет для него иной.

– А испуг не повредит ему? Не искалечит психику?

– Испуг никому не вредит. Если что и калечит наш дух – то это как раз постоянные придирки, оплеухи и указания, что нужно делать, а что нет.

Когда мальчик станет достаточно управляемым, скажешь своему другу еще одно, последнее; пусть найдет способ показать сыну мертвого ребенка. Где-нибудь в больнице или морге. И пускай мальчик потрогает труп. Левой рукой, в любом месте, кроме живота. После этого он станет другим человеком и никогда уже не сможет воспринимать мир так же, как раньше.

И тут я понял, что все эти годы дон Хуан применял подобную тактику в отношении меня самого. В других масштабах, при иных обстоятельствах, но с тем же самым принципом в основе. Я спросил, так ли это, и он подтвердил, сказав, что с самого начала старался научить меня «останавливать мир».

– Но пока безуспешно, – сказал он с улыбкой. – Ты непробиваем. Наверно, потому, что слишком упрям. Если бы не твое потрясающее упрямство, ты бы уже, наверно, мог *останавливать мир* любым из приемов, которым я тебя учил.

– Каких приемов, дон Хуан?

– Все, что я заставлял тебя делать, – это и есть приемы, с помощью которых *останавливают мир*.

Несколько месяцев спустя дон Хуан все же добился своего. Я *остановил мир*.

Это событие было одним из поворотных в моей жизни. Оно заставило меня тщательно пересмотреть все, что имело место в течение десяти лет обучения. С полной очевидностью я осознал: мое первоначальное предположение относительно принципиального значения психотропных растений – ошибка. Они вовсе не являются важным аспектом магического описания мира, они лишь помогают свести воедино разрозненные части этого описания. Просто в силу особенностей характера я был не в состоянии воспринимать эти части без помощи растений. Упорно цепляясь за привычную версию реальности, я был глух и слеп к тому, что дон Хуан пытался внедрить в мое сознание. И только эта моя нечувствительность заставляла его использовать в моем

обучении психотропные средства.

Просматривая полевые записи, я пришел к заключению, что основы нового для меня магического описания мира дон Хуан дал мне еще в самом начале нашего знакомства, обучая тому, что он называл приемами *останавливания мира*. Но это не было связано с применением психотропных растений и поэтому осталось за рамками моего внимания. Теперь пришло время вернуть целостность учению дон Хуана, расставив все по своим местам. Этому посвящены первые семнадцать глав настоящей книги. В остальных трех речь идет о событиях, в результате которых мне удалось наконец *«остановить мир»*.

Подводя итог, я могу сказать, что в начале ученичества у дон Хуана я столкнулся с иной реальностью; то есть, кроме привычного, знакомого мне описания мира, имело место описание магическое, которым я не владел.

Маг и учитель, дон Хуан на протяжении десяти лет последовательно разворачивал передо мной новое описание мира, добавляя по мере моего продвижения все новые и новые его аспекты.

Окончание ученичества означало, что я в полной мере усвоил новое описание, научившись тем самым воспринимать мир в соответствии с этим описанием. Другими словами, я окончательно «вошел в новый мир», сделавшись полноправным членом группы, использующей магическое его описание.

Дон Хуан утверждал, что на пути к «*видению*» сначала нужно *«остановить мир»*. Термин *«остановка мира»*, пожалуй, действительно наиболее удачен для обозначения определенных состояний сознания, в которых осознаваемая повседневная реальность кардинальным образом изменяется благодаря остановке обычно непрерывного потока чувственных интерпретаций некоторой совокупностью обстоятельств и фактов, никоим образом в этот поток не вписывающихся. В моем случае роль такой совокупности сыграло магическое описание мира. По мнению дон Хуан, необходимым условием *«остановки мира»* является убежденность. Иначе говоря, необходимо прочно усвоить новое описание. Это нужно для того, чтобы затем, противопоставив его старому, разрушить догматическую уверенность, свойственную подавляющему большинству человечества, — уверенность в том, что однозначность и

обоснованность нашего восприятия, то есть картины мира, которую мы считаем реальностью, не подлежит сомнению. Следующим этапом после *«остановки мира»* является *«видение»*.

То, что под этим понимал дон Хуан, я определил бы как «способность воспринимать аспекты мира, выходящие за рамки описания, которое мы приучены считать реальностью».

Я твердо уверен: понять этапы магической практики можно только на основе соответствующего описания мира. С самого начала обучения именно дон Хуан последовательно знакомил меня с этим описанием. Поэтому для меня его учение остается единственным источником, приоткрывающим доступ к реальности, скрытой за магическим описанием мира, и пусть слова дона Хуана говорят сами за себя.

Пинола – латиноамериканское блюдо типа каши из поджаренной кукурузы.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Часть первая

«ОСТАНОВИТЬ МИР»

Глава 1. Мир соглашается

Передо мной стоял старик-индеец.

– Мне говорили, сэр, что вы большой знаток растений, – сказал я. Буквально за минуту до этого мой приятель, который нас свел, куда-то ушел, и нам не оставалось ничего другого, кроме как представиться. Старик сказал, что его зовут Хуан Матус.

– Кто говорил, твой приятель, что ли? – небрежно поинтересовался он.

– Да.

– Что ж, я в самом деле собираю растения, вернее, они мне позволяют себя собирать, – мягко произнес он.

Мы стояли в зале ожидания автобусной станции в Аризоне. Я спросил по-испански, не согласится ли он ответить на некоторые вопросы. Сказано это было очень официально и звучало так:

– Не позволит ли благородный господин (кабальеро) задать ему несколько вопросов?

Слово «кабальеро» происходит от испанского «кабальо» – лошадь – и буквально переводится как «всадник-дворянин».

Старик ехидно посмотрел на меня и с широкой улыбкой произнес:

– Всадник без коня. Я же тебе сказал: меня зовут Хуан Матус.

Его улыбка мне понравилась. Я подумал, что он, должно быть, умеет ценить прямоту, и решил без обиняков изложить свою просьбу. Я сказал, что меня интересует все, что связано со сбором и изучением лекарственных растений, в особенности – все то, что касается использования галлюциногенного кактуса пейота, которым я довольно долго занимался в Лос-Анжелесском университете.

Сказано это было довольно сдержанно, с достоинством и, как мне показалось, весьма убедительно. Я решил, что представился

достаточно солидно и впечатление произвел внушительное. Старик медленно кивнул. Его молчание меня ободрило, и я добавил, что для нас обоих, вне всякого сомнения, было бы полезно как-нибудь встретиться и потолковать о пейоте. Но тут он поднял голову и взглянул мне прямо в глаза. Это был жуткий, устрашающий взгляд, хотя в нем не было ни гнева, ни угрозы. И все же этот взгляд буквально пронзил меня насквозь. Я словно онемел, моя болтовня мгновенно оборвалась. На этом мы расстались. Однако перед уходом старик все же несколько меня обнадежил, сказав, что я могу как-нибудь заехать к нему в гости. Чтобы оценить должным образом, насколько сильно подействовал на меня взгляд дона Хуана, нужно представить себе всю его уникальность в контексте моего жизненного опыта. Дело в том, что к тому времени, когда я взялся за изучение антропологии и встретился с доном Хуаном, мне уже довелось как следует «покрутиться» в жизни, и в этом плане я чувствовал себя достаточно искушенным. С тех пор, как я покинул дом, прошло много лет, и я считал, что вполне могу о себе позаботиться. Всякий раз, когда мне приходилось сталкиваться с какими-либо препятствиями или чьим-то противодействием, я неизменно умудрялся то ли найти обходные пути, то ли добиться своего лестью, обманом, хитростью. Иногда я шел на компромиссы, иногда – спорил, иногда – злился. Если ничто не помогало, можно было прибегнуть к жалобам и нытью – часто это срабатывало. Другими словами, в любых обстоятельствах у меня в запасе всегда был какой-нибудь ход, и никогда ни одному человеку не удавалось осадить меня так быстро и основательно, как это сделал в тот день дон Хуан одним только взглядом. Причем дело было не только в том, что я замолчал – мне не раз доводилось, не проронив ни единого слова, выслушивать уважаемых мною оппонентов, вступать в пререкания с которыми я не мог себе позволить. Но мысли мои в таких случаях все равно были исполнены гнева и раздражения. Взгляд же дона Хуана подействовал на меня настолько оглушающе, что я на какое-то время утратил даже способность к сколько-нибудь связному мышлению. Я был настолько заинтригован необычайной силой этого взгляда, что решил во что бы то ни стало встретиться со стариком еще раз. Полгода я готовился, перечитывая все, что смог найти, об использовании пейота американскими индейцами, обращая особое

внимание на материалы, касавшиеся пейотного культа индейцев Великих Равнин. В итоге мне удалось познакомиться практически со всем, что когда-либо было написано на эту тему. Почувствовав, что готов, я снова отправился в Аризону.

Суббота, 17 декабря 1960

Чтобы отыскать дом дона Хуана, мне пришлось буквально провести опрос местного индейского населения, на что ушел не один час и не один доллар. В конце концов, где-то к полудню, я все же добрался до него и остановил машину перед дверью. Дон Хуан сидел на деревянном ящике из-под молочных бутылок. Он вроде бы узнал меня и помахал рукой, пока я вылезал из машины. Мы обменялись любезностями, а потом я осторожно перевел разговор на цель своего приезда, сказав, что в прошлый раз был здорово сбит с толку. Я покаялся в том, что блефовал тогда, хвастая своими познаниями относительно пейота, на самом деле не зная ровным счетом ничего. Дон Хуан неотрывно смотрел на меня. Его глаза излучали доброту.

Потом я рассказал, как полгода готовился к этой встрече, изучая специальную литературу.

— И теперь я действительно довольно много знаю о пейоте, — заключил я.

Дон Хуан рассмеялся, усмотрев, очевидно, в моих словах что-то забавное, а я смущенно замолчал, чувствуя нарастающее раздражение.

Дон Хуан явно заметил мою реакцию и заверил меня, что, несмотря на самые лучшие побуждения, подготовиться к нашей встрече у меня не было никакой возможности.

Я прикинул, не спросить ли о скрытом смысле этого утверждения, если таковой имеется, но решил воздержаться. Однако дон Хуан, словно уловив мое настроение, сам объяснил, что имеет в виду. Он сказал, что я напомнил ему историю об одном правителе некоторого государства, который преследовал людей, относившихся к определенной категории. Эти люди ничем не отличались от своих преследователей, кроме одного — отдельные слова они произносили по-своему. И это их, естественно, выдавало. Правитель расставил на всех дорогах и перекрестках посты, которые должны были требовать от каждого прохожего произнести контрольное слово. Тех, кто выговаривал его как положено, отпускали, а тех, кто произносил иначе, убивали на

месте. И вот однажды один молодой человек из числа преследуемых решил подготовиться к тому, чтобы миновать посты. Для этого он начал учиться нужному произношению контрольного слова.

С широкой улыбкой дон Хуан сказал, что на это у молодого человека ушло как раз «полгода». И вот настал день великого испытания. Молодой человек уверенно подошел к заставе и стал ждать, пока часовой задаст ему вопрос.

Тут дон Хуан выразительно умолк и взглянул на меня. Пауза была явно наигранной и показалась мне приемом довольно банальным, но я не подал виду, поддерживая игру. Что будет дальше, мне было хорошо известно – это был старый анекдот о евреях в Германии.

Чтобы выявить еврея, человека заставляли произносить определенные слова. В этом анекдоте молодой человек попадался, потому что часовой забыл контрольное слово и попросил произнести другое, похожее, но которое тот выговаривать не умел. Дон Хуан, казалось, ожидал, пока я спрошу, что было дальше. Что я и сделал, притворяясь, что меня в самом деле интересует продолжение истории:

– Что же с ним случилось?

– Молодой человек был очень хитер, – ответил дон Хуан, – он понял, что контрольное слово вылетело у часового из головы, и прежде, чем тот успел что-либо сказать, признался, что готовился целых полгода.

Он снова замолчал, глядя на меня с озорным блеском в глазах. На этот раз перевес явно был на его стороне. Признание молодого человека было чем-то новеньким, и теперь уже я действительно не знал, чем закончится история.

– Так что же все-таки с ним случилось? – спросил я, теперь уже с неподдельным интересом.

– Как что? Разумеется, его тут же убили, – ответил дон Хуан и залился раскатистым хохотом.

Мне понравился этот новый ход, а еще больше понравилось, как лихо он связал старый анекдот с моим собственным поведением. Похоже, дон Хуан специально все это придумал. Конечно, он надо мной потешался, но как тонко и артистично! Я тоже засмеялся. Потом я заявил, что, наверное, в самом деле глупо выгляжу, но мне действительно очень хочется знать все, что касается растений.

– Я люблю ходить пешком, – сказал он.

Я решил, что он не хочет отвечать и потому меняет тему. Мне не хотелось быть назойливым.

Он спросил, не хочу ли я отправиться с ним в небольшой поход по пустыне. Я с готовностью заявил, что такая прогулка, безусловно, доставит мне удовольствие.

– Только это будет не прогулка, – предупредил он. Тогда я сказал, что в отношении работы с ним настроен весьма серьезно. Мне нужна любая информация об использовании лекарственных растений, и я готов заплатить ему за то время и усилия, которые он на меня затратит.

– И сколько ты собираешься мне платить?

В его голосе проскользнула нотка алчности.

– Сколько ты сочтешь нужным.

– Тогда за мое время ты будешь платить мне своим временем, – произнес он.

Я подумал, что он – явно со странностями, и ответил, что не понимаю. Он объяснил, что о растениях вообще нечего рассказывать, поэтому брать с меня за это деньги для него немыслимо.

Он пронзительно посмотрел на меня, нахмурился и спросил:

– Слушай, чем это ты все время занимаешься в кармане? Уж не ласкаешь ли своего бобика?

В необъятном кармане моей штормовки лежал блокнот, и я вслепую непрерывно записывал в него наш разговор. Когда я объяснил дону Хуану, в чем дело, он от души расхохотался.

Я сказал, что просто не хотел действовать ему на нервы.

– Пиши, если хочешь, – разрешил он, – ты не действуешь мне на нервы.

Мы бродили по окрестной пустыне, пока почти совсем не стемнело. Дон Хуан не показал мне ни одного растения и вообще не сказал ни слова на эту тему. Наконец мы остановились передохнуть возле каких-то больших кустов.

– Растения – очень занятные существа, – сказал дон Хуан, не глядя на меня, – они живые и все чувствуют.

Едва он это произнес, как сильный порыв ветра пронесся по пустынному чапаралю. Кусты громко зашелестели.

– Слышишь? – спросил дон Хуан. – Листья и ветер со мной соглашаются.

Он сложил правую ладонь лодочкой и приставил к уху, как бы для

того, чтобы лучше слышать.

Я засмеялся. Прежде чем познакомить меня с доном Хуаном, мой приятель предупредил, что старик со странностями. И теперь я решил, что «соглашение с листьями» – одна из его эксцентричных шуток.

Мы прошли еще немного, но дон Хуан по-прежнему не показывал мне и не собирал никаких растений. Он просто скользил сквозь кустарник, слегка прикасаясь к ветвям. Затем он остановился, присел на камень и велел мне отдохнуть и осмотреться.

Но я был настроен на беседу и еще раз напомнил ему, что меня очень интересуют растения, особенно пейот. Я снова предложил ему плату за информацию.

– Не нужна мне никакая плата, – сказал он, – Спрашивай о чем угодно. Я расскажу тебе то, что мне известно, а после объясню, что со всем этим делать.

Дон Хуан поинтересовался, устраивает ли меня такой вариант. Я был доволен. Но потом он добавил загадочную фразу:

– Только вряд ли о растениях можно что-то узнать, ведь о них нечего сказать.

Я не понял, что он сказал, или что он имел в виду.

– Что ты сказал?

Он трижды повторил ту же самую фразу. Как только дон Хуан замолчал, из-за холмов вынырнул военный самолет. Он пронесся над нами на бреющем полете, сотрясая всю округу ревом двигателей.

– О! Слышишь, как мир со мной соглашается? – сказал дон Хуан, приставив к уху левую ладонь.

Дон Хуан казался мне весьма занятым человеком. К тому же он так заразительно смеялся.

– Дон Хуан, ты родом из Аризоны? – спросил я, чтобы вновь навести разговор на возможность получить от него интересующую меня информацию.

Он взглянул на меня и утвердительно кивнул. В его глазах появилась усталость. Между нижними веками и зрачками блеснули белки.

– Ты родился в этих местах?

Он снова молча кивнул. Жест был вроде бы утвердительным, и в то же время рассеянным, как у человека, глубоко погруженного в свои мысли.

– А ты-то сам откуда? – спросил дон Хуан.

– Из Южной Америки.

– Южная Америка большая. Ты что, родился во всей сразу?

Он вновь посмотрел на меня, блеснув глазами.

Я начал было объяснять ему обстоятельства своего рождения, но он перебил меня:

– В этом смысле мы с тобой похожи. Вообще-то я – яки из Соноры. Но сейчас живу здесь.

– Правда? А я родом из...

Он не дал мне договорить.

– Знаю, знаю. Ты – тот, кто ты есть, родом оттуда, откуда ты родом, так же, как я – яки из Соноры.

Меня вновь поразили его ясный взгляд, а от смеха я почему-то почувствовал неудобство, словно дон Хуан уличил меня во лжи. Это было какое-то неопределенное чувство вины. Как будто дон Хуан знал обо мне нечто такое, чего не знал я сам или в чем не хотел признаваться.

Мне становилось все более не по себе. Дон Хуан, видимо, это заметил, и спросил:

– Как насчет того, чтобы поужинать в ресторане?

Мы вернулись к его дому, а потом поехали в город. По дороге я почувствовал некоторое облегчение, но полностью расслабиться мне все же не удалось. Я ощущал как бы нависшую надо мной угрозу, но никак не мог понять, в чем дело.

В ресторане я хотел угостить дон Хуана пивом, но он отказался, сказав, что вообще не пьет, даже пива. Я не поверил и внутренне усмехнулся: мой друг, который нас познакомил, говорил мне, что «старик, как правило, обычно малость не в себе». Но даже если дон Хуан лгал насчет того, что не пьет, это меня ничуть не беспокоило. Все равно он мне нравился, в нем было что-то, что меня успокаивало.

На моем лице, видимо, было написано недоверие, так как дон Хуан объяснил, что в молодости пил довольно много, но однажды взял и бросил.

– Люди, как правило, не отдают себе отчета в том, что в любой момент могут выбросить из своей жизни все, что угодно. Вот так. И дон Хуан щелкнул пальцами, как бы демонстрируя, насколько просто это делается.

– Ты думаешь, так легко бросить пить или, скажем, курить? –

спросил я.

– Ну конечно! – убежденно воскликнул он. – Бросить пить или курить – вообще дело плевое. Эти привычки – ерунда, ничто, если мы намерены от них отказаться.

В это мгновение кипятилок в кофеварке весело забулькал.

– Слышишь? – воскликнул дон Хуан, блеснув глазами. – Кипятилок со мной согласен.

И, помолчав немного, добавил:

– Человек может получать подтверждение от всего, что его окружает.

Тут кофеварка издала булькающий звук, напоминающий нечто не совсем приличное.

Дон Хуан взглянул на кофеварку и мягко произнес:

– Спасибо.

Потом он кивнул и оглушительно захохотал.

Я был буквально ошеломлен. Смеялся он, пожалуй, слишком громко, но вся ситуация в целом меня чрезвычайно озадачила.

На этом наша первая встреча закончилась. У дверей ресторана я попрощался со своим «информатором». Я сказал, что мне еще нужно заехать к друзьям и что хотел бы снова встретиться с ним в конце следующей недели.

– Когда ты будешь дома? – спросил я.

Он окинул меня оценивающим взглядом и ответил:

– Тогда, когда ты приедешь.

– Но я не знаю точно, когда смогу приехать.

– Приезжай, когда сможешь, и не беспокойся.

– А если тебя не будет дома?

– Буду, – с улыбкой ответил он, повернулся и зашагал прочь.

Я догнал его и спросил, не возражает ли он против того, чтобы я взял с собой фотоаппарат и сфотографировал его самого и его дом.

– Исключено, – ответил дон Хуан, нахмурившись.

– А магнитофон хоть можно?

– Боюсь, что с магнитофоном дело обстоит точно так же.

Мне стало досадно. Я разозлился и заявил, что не нахожу в его отказе никакой логики.

Дон Хуан отрицательно покачал головой.

– Забудь об этом, – властно сказал он. – И, если хочешь иметь со мной дело, никогда больше не вспоминай.

Я сделал слабую попытку настаивать, объясняя, что фотографии и

магнитофонные записи необходимы мне в работе. Дон Хуан сказал, что во всем, что мы делаем, по-настоящему необходимо лишь одно – «дух».

– Без духа человек ни на что не годен, – заявил он, – А у тебя его нет. Вот это должно тебя беспокоить, а вовсе не фотографии.

– Что ты име...

Он не дал мне договорить, взмахом руки прервав на полуслове, но, отойдя на несколько шагов, обернулся.

– Приезжай обязательно, – сказал он вполголоса и помахал рукой на прощанье.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 2. Стирание личной истории

Вторник, 22 декабря 1960

Дон Хуан сидел на земле возле двери своего дома, прислонясь к стене. Перевернув деревянный ящик из-под молочных бутылок, он предложил мне присесть и чувствовать себя как дома. Я привез с собой блок сигарет. Вытащив несколько пачек, я предложил их дону Хуану. Он сказал, что не курит, но подарок принял. Мы поговорили о том, что ночи в пустыне стоят холодные, и еще о разных мелочах.

Я спросил, не нарушает ли мое появление его привычный распорядок. Он взглянул на меня, слегка нахмурившись, и ответил, что у него нет никаких распорядков и что если мне хочется, я могу провести у него хоть целый день.

Я заранее заготовил несколько опросных генеалогических карт, которые собирался заполнить со слов дона Хуана. Кроме того, порывшись в литературе по этнографии, я составил обширный перечень особенностей культуры местных индейцев. Я собирался просмотреть его с доном Хуаном и отметить то, что покажется ему знакомым.

Начал я с генеалогии.

Как звали твоего отца? – спросил я.

– Я звал его «папа», – ответил дон Хуан совершенно серьезно.

С некоторым раздражением я подумал, что он не понял и надо ему втолковать. Показав опросную карту, я разъяснил, что одна пустая графа там оставлена для имени и фамилии отца, другая – для имени и фамилии матери. Потом я решил, что, наверное, следовало начать с матери, и спросил:

– Как звали твою мать?

– Я звал ее «мама», – ответил он с обезоруживающей наивностью. Сдерживаясь и стараясь быть вежливым, я сформулировал вопрос иначе:

– А как ее звали другие? Как вообще к ней обращались?

С глуповатой улыбкой старик взглянул на меня и почесал за ухом:

– Ага... Вот тут ты меня поймал. Надо подумать...

После минутного замешательства он, казалось, что-то вспомнил. Я приготовился записывать. С глубокомысленным видом дон Хуан произнес:

– Другие? Другие обращались к ней так: «Эй, послушай-ка!»

Я невольно рассмеялся. Все это выглядело действительно комично, и я не мог понять, то ли передо мной хитрый старый индеец, который намеренно морочит мне голову, то ли и вправду простодушный дурачок. Набравшись терпения, я постарался разъяснить ему, что этот вопрос – весьма серьезен и что заполнение опросных карт является очень важным моментом в моей работе. Я приложил максимум стараний к тому, чтобы он понял идею генеалогии и личной истории. Закончив, я спросил:

– Так можешь ты назвать мне имена своих родителей?

Он взглянул на меня. Взгляд его был ясным и добрым.

– Ты зря тратишь время. Давай не будем заниматься ерундой.

Я не нашелся что сказать. Только что я разговаривал с растерявшимся глуповатым индейцем, который озадаченно чесал в затылке, и вот, спустя какое-то мгновение, роли переменялись: теперь уже я сам чувствовал себя дураком, а он смотрел на меня совершенно неопишуемым взглядом. В его взгляде не было ни раздражения, ни презрения, ни торжества или самодовольства, а лишь ясность, проникновенность и доброта.

– У меня нет личной истории, – сказал дон Хуан после продолжительной паузы. – В один прекрасный день я обнаружил, что в ней нет никакой нужды, и разом избавился от нее. Так же, как от привычки выпивать.

Я ничего не понял. У меня возникло ощущение смутной тревоги. Я напомнил ему, что он сам разрешил мне задавать вопросы. Он опять сказал, что против вопросов не возражает.

– Но личной истории у меня больше нет, – сказал он и испытующе взглянул на меня. – Когда она стала лишней, я от нее избавился.

Я уставился на него, пытаясь вникнуть в скрытый смысл его слов.

– Но как можно избавиться от личной истории?

– Сначала нужно этого захотеть, а потом, действуя последовательно и гармонично, в конце концов просто отсечь ее.

– Но зачем?! – воскликнул я.

Моя личная история была мне ужасно дорога. Я совершенно искренне чувствовал, что без глубоких семейных корней в моей жизни не было бы ни преемственности, ни цели.

– Нельзя ли уточнить, что имеется в виду, когда ты говоришь «избавиться от личной истории»? – спросил я.

– Уничтожить ее. Стереть – вот что, – жестко ответил дон Хуан.

– Ну ладно. Возьмем, например, тебя. Ты – яки. Как можно это стереть? Ведь ты не можешь этого изменить.

– Я – яки? – с улыбкой спросил он. – С чего ты взял?

– Верно! – сказал я. – Я не могу этого знать наверняка, но сам-то ты знаешь, и это единственное, что имеет значение и что делает этот факт личной историей.

Я почувствовал, что попал в точку. Но он ответил;

– То, что мне известно, – яки я или нет, еще не является личной историей. Личной историей становится лишь то, что знаю не только я, но и кто-нибудь другой. Что же касается моего происхождения, то уверяю тебя; никто не может сказать с уверенностью, что ему что-нибудь об этом известно.

Я торопливо записывал за ним все, что он говорил. Затем, прекратив писать, взглянул на него. Я никак не мог понять, с кем имею дело. В уме промелькнул весь набор впечатлений, которые он на меня производил: таинственный жуткий взгляд, с которого началось наше знакомство, обаяние его утверждений о том, что все в мире соглашается с ним, его остроумие, собранность и динамичность, и тут же – выражение полнейшей тупости на лице, когда я спросил о родителях, а сразу после этого – совершенно неожиданная сила его ответов, которыми он поставил меня на место.

– Ты недоумеваешь, кто же я такой? – спросил он, словно читая мои мысли. – Тебе никогда не узнать, кто я и что из себя представляю. Потому что у меня нет личной истории.

Он спросил, есть ли у меня отец. Я ответил, что есть. Дон Хуан сказал, что мой отец – пример того, о чем идет речь. Он велел вспомнить, что думает обо мне отец, а потом сказал.

– Отец знает о тебе все. Поэтому ты для него – как раскрытая книга. Он знает, кто ты такой, что из себя представляешь и чего стоишь. И нет на земле силы, которая могла бы заставить его изменить свое отношение к тебе.

Дон Хуан сказал, что у каждого, кто меня знает, сформировался определенный образ моей личности. И любым своим действием я как бы подпитываю и еще больше фиксирую этот образ.

– Неужели тебе не ясно? – драматически сказал он. – Твоя личная

история постоянно нуждается в том, чтобы ее сохраняли и обновляли. Поэтому ты рассказываешь своим друзьям и родственникам обо всем, что делаешь. А если бы у тебя не было личной истории, надобность в объяснениях тут же отпала бы. Твои действия не могли бы никого рассердить или разочаровать, а самое главное – ты не был бы связан ничьими мыслями.

Неожиданно до меня дошло, что он имеет в виду. Я и раньше, можно сказать, знал это, но никогда не пытался это осознать. Свобода от личной истории казалась вещью довольно заманчивой, по крайней мере на интеллектуальном уровне. Но от нее веяло грозным и неуютным одиночеством. Я хотел было поделиться с ним своими ощущениями, но спохватился, поскольку во всей этой ситуации было что-то ужасно нелепое. Мне казалось, что просто смешно ввязываться в философский спор с невежественным старым индейцем, который в плане «интеллектуальной изощренности» явно уступает студенту университета. Однако он все же каким-то образом увел меня в сторону от первоначального намерения расспросить его о генеалогии. Чтобы вернуть разговор в нужное мне русло, я сказал:

– Почему мы вообще обо всем этом заговорили? Мне ведь, собственно, только нужно было заполнить опросную карту.

– Как почему? – ответил он. – Мы заговорили об этом, потому что я сказал: задавать вопросы о прошлом – занятие совершенно никчемное.

Говорил он очень твердо. Я понял, что ничего не добьюсь, и решил изменить тактику.

– Освобождение от личной истории присуще всем индейцам яки? – спросил я.

– Оно присуще мне.

– А как ты этому научился?

– Жизнь научила.

– Тебя учил отец?

– Нет. Скажем так, я научился этому сам. И сегодня я открою тебе эту тайну, так что ты уедешь отсюда не с пустыми руками.

Его голос перешел в торжественный шепот. Это актерство меня рассмешило. Я не мог не признать, что в этом он – большой мастер. Мне даже пришло в голову, что я имею дело с прирожденным артистом.

– Давай, – покровительственным тоном сказал дон Хуан, –

Записывай. Ты ведь без этого жить не можешь.

Я взглянул на него, и в моих глазах, должно быть, мелькнуло скрытое замешательство. Он хлопнул себя по ляжкам и с довольным видом рассмеялся.

– Всю личную историю следует стереть для того... – медленно, как бы диктуя, произнес он.

Я лихорадочно записывал.

– ... чтобы освободиться от ограничений, которые накладывают на нас своими мыслями другие люди.

Я не верил своим ушам. Он не мог этого сказать. Я был буквально подавлен, что, должно быть, отразилось на моем лице. Он не преминул этим воспользоваться.

– Вот ты, например, – продолжал он. – В данный момент ты недоумеваешь, гадая, кто же я такой. Почему? Потому что я стер личную историю, постепенно окутав туманом свою личность и всю свою жизнь. И теперь никто не может с уверенностью сказать, кто я такой и что делаю.

– Но ты-то сам знаешь, разве не так? – вставил я.

– Я-то, будь уверен... тоже нет! – воскликнул он и затрясся от смеха.

Прежде чем сказать «тоже нет» он выдержал довольно длинную паузу, и я был уверен, что он скажет «знаю». В его неожиданном ответе было что-то угрожающее, и я вновь почувствовал страх.

– Это и есть та маленькая тайна, которую я намерен тебе сегодня открыть, – тихо произнес дон Хуан. – Никто не знает моей личной истории. Никому не известно, кто я такой и что делаю. Даже мне самому.

Прищурившись, он смотрел в пространство за моим правым плечом. Он сидел, скрестив ноги и выпрямившись, однако его тело казалось полностью расслабленным. В этот миг он был сама суровость: ни дать ни взять – могучий вождь, «краснокожий воин» из книг моего детства. Я поддался романтическому воображению и вдруг отчетливо ощутил противоречивость своего отношения к этому человеку: он очень меня притягивал и в то же время до смерти путал.

Так он сидел, глядя в пространство перед собой довольно долго.

– Откуда мне знать, кто я такой, если все это – я? – спросил он, движением головы указывая на все, что нас окружало: потом он взглянул на меня и улыбнулся.

– Ты должен постепенно создать вокруг себя туман, шаг за шагом стирая все вокруг себя до тех пор, пока не останется ничего гарантированного, однозначного или очевидного. Сейчас твоя проблема в том, что ты слишком реален. Реальны все твои намерения и начинания, все твои действия, все твои настроения и побуждения. Но все не так однозначно и определено, как ты привык считать. Тебе нужно взяться за стирание своей личности.

– Но зачем? – ошеломленно спросил я.

До меня вдруг дошло, что он мне указывает, как себя вести. Сколько себя помню, я всегда терпеть не мог, когда кто-либо пытался учить меня жить. Сама мысль о том, что мне собираются указывать, что я должен делать, немедленно вызывала во мне защитную реакцию.

– Ты говорил, что тебя интересует информация о растениях, – спокойно сказал он. – Ты что же, думаешь получить ее даром? Как это, по-твоему, называется? Мы ведь условились – ты задаешь вопросы, а я рассказываю тебе то, что знаю. Если тебя это не устраивает, то нам больше не о чем говорить.

Меня раздражала его ужасная прямота, но я поневоле был вынужден признать, что он прав.

– Скажем так: если ты хочешь изучать растения, то должен, кроме всего прочего, стереть свою личную историю.

– Но каким образом? – спросил я.

– Начни с простого – никому не рассказывай о том, что в действительности делаешь. Потом расстанься со всеми, кто хорошо тебя знает. В итоге вокруг тебя постепенно возникнет туман.

– Но это же полный абсурд! – воскликнул я. – Почему меня никто не должен знать? Что в этом плохого?

– Плохо то, что те, кто хорошо тебя знают, воспринимают твою личность как вполне определенное явление. И как только с их стороны формируется такое к тебе отношение, ты уже не в силах разорвать пути их представлений о тебе. Мне же нравится полная свобода неизвестности. Никто не знает меня с полной определенностью, как, например, многие знают тебя.

– Но в этом уже присутствует ложь.

– Ложь или правда – мне до этого дела нет, – жестко произнес он. – Ложь существует только для тех, у кого есть личная история. Я возразил, что мне не нравится намеренно мистифицировать

людей или вводить их в заблуждение. Он ответил, что я и так ввожу в заблуждение всех, с кем имею дело.

Старик затронул больной вопрос. Я даже не спросил, что он имеет в виду или почему он решил, что я постоянно всех мистифицирую. Вместо этого я тут же пустился в объяснения – все мои родственники и друзья почему-то считают меня человеком ненадежным, и это причиняет мне боль, так как за всю жизнь я ни разу не солгал.

– Но ты всегда знал, как это делается, – заметил он. – Тебе не хватало одного – ты не знал, зачем следует лгать. Теперь знаешь. Я запротестовал:

– Неужели ты не понимаешь – я сыт по горло тем, что меня считают ненадежным?

– Но ведь это так, – убежденно сказал он.

– Да нет же, черт возьми! – воскликнул я.

Вместо того, чтобы отнестись к этой моей вспышке серьезно, он захохотал как безумный. Я чувствовал, что ненавижу его. Но к сожалению, он снова был прав.

Угомонившись, он продолжил:

– Если у человека нет личной истории, то все, что бы он ни сказал, ложью не будет. Твоя беда в том, что ты вынужден всем все объяснять, и в то же время ты хочешь сохранить ощущение свежести и новизны от того, что делаешь. Но оно исчезает после того, как ты рассказал кому-нибудь обо всем, что сделал, поэтому чтобы продлить его, тебе необходимо выдумывать.

Я был ошеломлен таким оборотом нашей беседы, и старался как можно точнее все записывать. Для этого мне пришлось полностью сосредоточиться на его словах, оставив в стороне свои собственные возражения и возможный скрытый смысл того, о чем он говорил.

– Отныне, – сказал он, – ты просто должен показывать людям то, что считаешь нужным, но никогда не говори, как достиг этого.

– Но я не умею хранить тайны! – воскликнул я. – Поэтому то, что ты говоришь, для меня бесполезно.

– Ну так изменись! – резко бросил он, яростно сверкнув глазами.

Он напоминал странного дикого зверя, но в то же время был очень последователен и мыслил исключительно точно. Мое раздражение сменилось состоянием замешательства.

– Видишь ли, – продолжал он, – наш выбор ограничен: либо мы

принимаем, что все – реально и определенно, либо – нет. Если мы выбираем первое, то в конце концов смертельно устает и от себя самих, и от всего, что нас окружает. Если же мы выбираем второе и стираем личную историю, то все вокруг нас погружается в туман. Это восхитительное и таинственное состояние, когда никто, даже ты сам, не знает, откуда выскочит кролик.

Я возразил, что стирание личной истории лишь усугубит чувство неуверенности и незащищенности.

– Когда отсутствует какая бы то ни было определенность, мы все время начеку, мы постоянно готовы к прыжку, – сказал он. –

Гораздо интереснее не знать, за каким кустом прячется кролик, чем вести себя так, словно тебе все давным-давно известно.

Он замолчал и, кажется, целый час не говорил ни слова. Я не знал, что спросить. Наконец он встал и попросил подвезти его в соседний городок.

Почему-то от этой беседы я так устал, что хотелось спать. Он попросил меня остановить машину и сказал, что если мне нужно отдохнуть, я должен взобраться на плоскую вершину холма у дороги и полежать на ней ничком, головой на восток.

В его голосе была настойчивость. Я не хотел спорить, а может, просто настолько устал, что был не в силах даже говорить.

Взбравшись на холм, я сделал все так, как он сказал.

Я заснул всего на две-три минуты, но этого оказалось достаточно, чтобы мои силы полностью восстановились.

Мы доехали до центра городка, где он попросил его высадить.

– Возвращайся, – сказал он, выходя из машины. – Обязательно возвращайся.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 3. Отказ от чувства собственной важности

Я рассказал о своих поездках к дону Хуану познакомившему нас приятелю. Он заключил, что я только зря трачу время. Я передал ему свои беседы с доном Хуаном во всех подробностях. Он же полагал, что я преувеличиваю и создаю романтический ореол вокруг выживающего из ума старика.

Но я был весьма далек от романтической идеализации. Напротив, мою симпатию к дону Хуану основательно поколебала его постоянная критика в мой адрес. Тем не менее я не мог не признать, что во всех случаях критика была уместной, точной и вполне справедливой.

Таким образом, я оказался перед дилеммой: с одной стороны, я не мог примириться с мыслью, что дон Хуан способен разрушить мои взгляды на мир, а с другой – мне не хотелось соглашаться с моим приятелем, утверждавшим, что старик просто ненормальный. Поэтому, чтобы составить окончательное мнение, я поехал к нему еще раз.

Среда, 28 декабря 1960

Едва я приехал, дон Хуан повел меня в пустынный чаппараль, даже не взглянув на сумку с продуктами, которые я ему привез. Похоже, он ждал меня.

Мы шли несколько часов. Растений он не собирал и мне не показывал, зато научил меня «правильно ходить». Он сказал, что удерживать внимание на траве и окружающей обстановке легче, если при ходьбе слегка подогнуть пальцы рук. Он заявил, что моя обычная походка ослабляет внимание и лишает сил, кроме того, никогда ничего нельзя носить в руках. Для поклажи следует пользоваться рюкзаком или заплечным мешком. Особое положение рук, сказал дон Хуан, повышает выносливость и обостряет внимание.

Я решил не спорить и на ходу подогнул пальцы, как он велел. Ни на моем внимании, ни на моей выносливости это никак не отразилось.

Мы вышли утром, а первый привал сделали только около полудня.

Я сильно вспотел и хотел напиться из своей фляги, но дон Хуан остановил меня, сказав что лучше сделать только маленький глоток. Потом он срезал несколько листьев с невысокого желтоватого кустика и принялся их жевать. Несколько штук он дал мне и сказал, что это – замечательные листья; если их медленно жевать, жажда исчезнет. Пить хотелось по-прежнему, но неудобства я не ощущал.

Он словно прочел мои мысли и объяснил, что я не почувствовал ни преимуществ «правильной ходьбы», ни положительного действия листьев, которые жевал, потому что я молод и силен, а тело мое ничего этого не заметило из-за некоторой своей тупости. Он засмеялся. Однако я не был склонен веселиться, и это как будто позабавило его еще больше. Он уточнил свое предыдущее заявление, сказал, что мое тело не то чтобы действительно тупое, но как бы спит.

В это мгновение прямо над нами с карканьем пролетела огромная ворона. Это меня испугало, и я засмеялся. Я думал, что это – как раз тот случай, когда смех вполне уместен, но он, к моему удивлению, энергично дернул меня за рукав и с самым серьезным видом велел замолчать.

– Это – не шутка, – сурово произнес он с таким видом, словно я знал, о чем идет речь.

Я попросил объяснить, сказав, что не понимаю, почему его так разозлил мой смех по поводу вороны, ведь мы же смеялись, когда в кофеварке булькал кипяток.

– То, что ты видел, не было просто вороной! – воскликнул он.

– Но я видел, что это была ворона, – настаивал я.

– Ничего ты, дурак, не видел, – оборвал он.

Я не видел причин для грубости с его стороны и сказал, что не люблю действовать людям на нервы и что мне лучше уехать, поскольку он явно не расположен к общению.

Он громко расхохотался, словно я разыграл перед ним клоунаду. Я буквально рассвирепел.

– Ну ты горяч, – небрежно прокомментировал он. – Ты слишком серьезно к себе относишься.

– Можно подумать, ты относился к себе по-другому, когда на меня разозлился! – вставил я.

Он сказал, что ему даже в голову не приходило на меня злиться, и пронзительно взглянул на меня.

– То, что ты видел, не было согласием со стороны мира. Летящая, да еще и каркающая ворона никогда не выражает согласие мира. Это был знак!

– Знак чего?

– Очень важный знак. Он касается тебя, – ответил он загадочно. В это мгновение прямо к нашим ногам упала сухая ветка, сорванная ветром с куста.

– А вот это – согласие! – дон Хуан взглянул на меня сияющими глазами и рассмеялся грудным смехом.

У меня возникло ощущение, что он просто дразнит меня, на ходу выдумывая правила своей странной игры так, чтобы ему можно было смеяться, а мне – нет. Раздражение мое вспыхнуло с новой силой, и я все это ему выложил.

Но он не рассердился и не обиделся. Он снова засмеялся, и смех этот привел меня в негодование. Я подумал, что он попросту надо мной издевается, и тут же решил, что сыт по горло подобного рода «полевыми исследованиями».

Я встал и сказал, что хотел бы прямо сейчас отправиться в обратный путь к его дому, потому что мне нужно возвращаться в Лос-Анжелес.

– Сядь! – приказал он, – Ты обидчив, как старая дама. Ты не уедешь сейчас, потому что мы еще не договорили.

Я ненавидел его. Самодовольный, высокомерный тип!

Он запел идиотскую мексиканскую песенку, имитируя манеру исполнения одного популярного певца. Он растягивал одни слоги и проглатывал другие, превращая песню в такую смешную пародию, что в конце концов я не выдержал и начал посмеиваться.

– Видишь, ты смеешься над глупой песенкой, – сказал он. – А ведь тот, кто ее таким образом исполняет, равно как и те, кто платит деньги за то, чтобы его послушать, не смеются. Они считают, что это – очень серьезно.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил я.

Я подумал, что этим примером он решил мне показать, что я смеялся по поводу вороны потому, что не воспринял ее всерьез, как не воспринимаю всерьез дурацкую песенку. Но дон Хуан снова сбил меня с толку. Он сказал, что своим невыносимым чванством и слишком серьезным отношением ко всякой чепухе, которая с точки зрения человека, находящегося в здравом рассудке, не стоит выеденного яйца, я напоминаю исполнителя этой песенки и его

почитателей.

Затем он вернулся к тому, что говорил раньше об «изучении растений», как бы для того, чтобы освежить эту информацию в моей памяти. Он особо подчеркнул, что если я действительно хочу учиться, то мне необходимо изменить подавляющее большинство своих моделей поведения.

Я снова начал злиться, и взвинтил себя до такой степени, что лишь ценой огромных усилий мог продолжать записывать.

– Ты слишком серьезно к себе относишься, – медленно проговорил он. – И воспринимаешь себя как чертовски важную персону. Это нужно изменить! Ведь ты настолько важен, что считаешь себя вправе раздражаться по любому поводу. Насколько важен, что можешь позволить себе развернуться и уйти, когда ситуация складывается не так, как тебе этого хочется. Возможно, ты полагаешь, что тем самым демонстрируешь силу своего характера. Но это же чушь! Ты – слабый, чванливый и самовлюбленный тип! Я попытался было возразить, но дон Хуан не позволил. Он сказал, что из-за непомерно раздутого чувства собственной важности я за всю свою жизнь не довел до конца ни единого дела.

Я был поражен уверенностью, с которой он говорит. Но все его слова, разумеется, в полной мере соответствовали истине, и это меня не только разозлило, но и здорово напугало.

– Чувство собственной важности, так же, как личная история, относится к тому, от чего следует избавиться, – веско произнес он. У меня пропало всякое желание с ним спорить. Было вполне очевидно, что положение мое крайне невыгодно: он не собирался возвращаться домой, пока не сочтет нужным, я же попросту не знал дороги и был вынужден оставаться с ним.

Вдруг он сделал странное движение, как бы пригнувшись и ритмично подергивая головой. Он весь как-то странно подобрался, словно перед прыжком, повернулся и с любопытством изумленно оглядел меня с головы до ног, словно высматривая что-то особенное, а потом рывком вскочил и быстро зашагал прочь. Он почти бежал. Я поспешил за ним. Примерно с час он шел очень быстро.

Наконец он остановился у скалистого холма, и мы присели в тени под кустом. Я был полностью истощен быстрой ходьбой, но настроение мое несколько улучшилось. Со мной произошли странные изменения. Если в начале перехода дон Хуан меня почти

бесил, то теперь я испытывал чуть ли не душевный подъем.

– Непостижимо, – удивился я, – мне в самом деле очень хорошо.

Вдалеке каркнула ворона.

– Знак, – отметил дон Хуан.

Со скалы скатился небольшой камень и с треском упал в чаппараль.

Дон Хуан громко засмеялся и указал пальцем в ту сторону, откуда донесся звук:

– А это – согласие.

Затем он спросил, готов ли я продолжить разговор о своем чувстве собственной важности. Я рассмеялся: недавний приступ гнева казался мне теперь чем-то столь далеким, что было непонятно, каким образом я вообще умудрился рассердиться на дона Хуана.

– Не понимаю, что со мной происходит, – недоумевал я, – то злился, то вдруг почему-то успокоился.

– Нас окружает очень таинственный мир, – сказал он. – И он не так-то просто расстается со своими секретами.

Мне нравились его загадочные утверждения. В них была тайна, и в них был вызов. Я не мог понять: то ли они содержат некий глубоко скрытый смысл, то ли являются полной бессмыслицей.

– Если будешь когда-нибудь в этих местах, – сказал он, – держись подальше от места нашей первой стоянки. Беги от него, как от чумы.

– Почему? В чем дело?

– Не время это объяснять, – ответил дон Хуан. – Сейчас нам нужно разобраться с чувством собственной важности. Пока ты чувствуешь, что наиболее важное и значительное явление в мире – это твоя персона, ты никогда не сможешь по-настоящему ощутить окружающий мир. Точно замороженная лошадь, ты не видишь в нем ничего, кроме самого себя.

Какое-то время он разглядывал меня, словно изучая, а потом сказал, указывая на небольшое растение:

– Поговорю-ка я со своим маленьким другом.

Он встал на колени, погладил кустик и заговорил с ним. Я сперва ничего не понял, но потом дон Хуан перешел на испанский, и я услышал, что он бормочет какой-то вздор. Потом он поднялся.

– Неважно, что говорить растению, – сказал он. – Говори что угодно, хоть собственные слова выдумывай. Важно только, чтобы в душе ты относился к растению с любовью и обращался к нему,

как равный к равному.

Собирая растения, объяснил он, нужно извиняться перед ними за причиняемый вред и заверять их в том, что однажды и твое собственное тело послужит им пищей.

– Так что в итоге мы с ними равны, – заключил дон Хуан. – Мы не важнее их, они – не важнее нас.

– Ну-ка, поговори с растением сам, – предложил он. – Скажи ему, что ты больше не чувствуешь себя важным.

Я заставил себя опуститься перед растением на колени, но заговорить с ним так и не смог. Я почувствовал себя глупо и рассмеялся. Однако злости не было.

Дон Хуан похлопал меня по плечу и сказал, что все нормально, мне удалось не рассердиться, и это уже хорошо.

– Теперь всегда говори с растениями, – сказал он. – Пока полностью не избавишься от чувства собственной важности. В конце концов тебе должно стать безразлично, смотрит на тебя кто-то в этот момент или нет. Ступай-ка вон туда, в холмы, и потренируйся сам.

Я спросил, можно ли беседовать с растениями молча, в уме.

Он засмеялся и потрепал меня по затылку.

– Нет! С ними нужно разговаривать громко и четко, так, словно ты ждешь от них ответа.

Я направился туда, про себя посмеиваясь над его странностями. Я даже честно пытался поговорить с растениями, но ощущения нелепости этого занятия побороть не смог.

Выждав, как мне показалось, достаточно долго, я вернулся к дону Хуану, чувствуя, что он знает о моей неудаче.

Он даже не взглянул на меня, только жестом велел сесть и сказал:

– Смотри внимательно. Сейчас я снова буду беседовать со своим маленьким другом.

Он опустился на колени перед кустиком и примерно с минуту, улыбаясь, что-то говорил, причудливо раскачиваясь и изгибаясь всем телом.

Мне показалось, что он спятил.

– Кустик велел сообщить тебе, что он весьма съедобен, – сказал дон Хуан, поднявшись с земли. – Горсть его листьев способна сохранить человеку здоровье. Еще он сказал, что вон там такие кусты растут во множестве.

И дон Хуан кивнул на склон холма ярдах в двухстах отсюда.

– Идем поищем, – предложил он.

Меня рассмешила эта клоунада. Конечно, мы их там найдем, ведь дон Хуан прекрасно знает пустыню, и ему наверняка хорошо известно, где что растет.

По пути он велел мне запомнить это растение, потому что оно является не только съедобным, но и лекарственным.

Я спросил его, наполовину в шутку, не от кустика ли он все это сейчас узнал. Он остановился, окинул меня недоверчивым взглядом, покачал головой и со смехом воскликнул:

– Ну и ну! Ты умник, и оттого глуп – глупее, чем я думал. Ну как растение могло поведать мне о том, что я и так знаю?

Потом он объяснил, что все свойства растений этого вида были ему хорошо известны и раньше, а этот кустик только открыл ему, где в изобилии произрастают его собратья, сказав, что не возражает против того, чтобы дон Хуан рассказал об этом мне.

На склоне мы обнаружили целые заросли таких кустов. Я едва не расхохотался, но он тотчас велел мне поблагодарить растения. Я чувствовал себя мучительно скованным, и так и не смог этого сделать.

Он снисходительно улыбнулся и произнес еще одну из своих загадочных фраз, повторив ее три или четыре раза:

– Мы находимся в таинственном мире. И люди значат здесь ничуть не больше всего прочего. И если растение поступает благородно по отношению к нам, мы должны его поблагодарить, иначе оно вполне может не дать нам уйти отсюда.

При этом он взглянул на меня так, что я похолодел. Я поспешно наклонился к растениям и громко сказал:

– Спасибо!

Он удовлетворенно засмеялся.

Побродив по пустыне еще час, мы повернули к его дому. Вскоре я отстал, и дону Хуану пришлось меня подождать. Он проверил мои руки; пальцев я не подгибал. Он сказал, что либо я буду за ним наблюдать и во всем подражать ему, либо он вообще никогда не возьмет меня с собой.

– Ты не маленький, и я не собираюсь всякий раз тебя дожидаться, – отчитал он меня.

Эта фраза смутила меня и повергла в недоумение. Как могло получиться, что старик ходит быстрее меня? Мне всегда казалось, что я сложен атлетически и достаточно силен, однако я

действительно не мог за ним угнаться.

Я согнул пальцы и с удивлением обнаружил, что без особых усилий могу выдерживать тот бешеный темп, который задавал дон Хуан. Я даже почувствовал, что руки сами тянут меня вперед. Настроение поднялось, и я беззаботно шагал рядом с этим странным старым индейцем, чувствуя себя почти счастливым. Я попросил его показать мне, где здесь растет пейот. Взглянув на меня, он не сказал ни слова.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 4. Смерть-советчик

Среда, 25 января 1961

– Ты когда-нибудь расскажешь мне о пейоте? – спросил я. Вместо ответа он снова взглянул на меня как на ненормального. Я уже не раз заговаривал с ним на эту тему, но он только хмурился и качал головой. В этом жесте не было прямого отказа, скорее саркастичное недоумение.

Дон Хуан резко встал. Мы сидели на земле у порога. Едва заметно кивнув, он предложил мне идти за ним.

Мы направились на юг и углубились в пустынный чаппараль. По пути он повторял, что я должен ясно понять бесполезность чувства собственной важности и личной истории.

– Твои друзья, – сказал он, резко повернувшись ко мне. – Которые давно тебя знают – от них нужно уйти, причем как можно скорее. Я подумал, что он до идиотизма настойчивый псих, но промолчал. Он пристально посмотрел на меня и начал смеяться.

Наконец мы остановились. Только я собрался присесть, как дон Хуан велел мне пройти еще ярдов двадцать и громко поговорить с растениями на полянке. Я почувствовал неловкость и внутреннее сопротивление. Я был сыт по горло его странными требованиями и заявил, что не могу разговаривать с растениями, так как чувствую себя при этом ужасно глупо. На это он сказал только одно: мое чувство собственной важности поистине не имеет границ. Вдруг ему что-то пришло в голову, и он, видимо, принял решение. Он сказал, что мне не следует пытаться разговаривать с растениями до тех пор, пока это не станет у меня получаться легко и естественно.

– Ты хочешь изучать их, и в то же время не желаешь ничего для этого сделать, – произнес он с укором. – Так что же тебе на самом деле нужно?

Я объяснил, что меня интересует любая информация об использовании растений, поэтому я и попросил его быть моим информатором, предложив даже плату за труды и за потраченное на меня время.

– Ты должен согласиться брать с меня деньги, – сказал я, – Так

будет лучше для нас обоих – я смогу расспрашивать тебя о том, что мне нужно, а ты будешь на меня работать и за это получать деньги. Что ты об этом думаешь?

Дон Хуан взглянул на меня презрительно и, сложив губы трубочкой, издал громкий непристойный звук.

– Вот что я об этом думаю, – сказал он и истерически захохотал при виде крайнего изумления, написанного, должно быть, на моем лице.

Мне было совершенно ясно, что это – не тот человек, с которым я мог бы легко совладать. Несмотря на возраст, он был полон энергии и невероятно силен. Раньше я полагал, что он станет для меня идеальным «информатором», поскольку он очень стар. Я всегда считал, что старики являются наилучшими информаторами, поскольку не способны ни на что, кроме разговоров. Но дон Хуан не был жалким типом. Я чувствовал, что он неуправляем и опасен. Мой друг, который нас познакомил, был прав. Дон Хуан – странный старый индеец, и, хотя он не был малость не в себе, как говорил мой приятель, дело с ним обстояло еще хуже – он был сумасшедшим. На меня снова нахлынула волна прежних сомнений и опасений, от которых я, как мне казалось, уже избавился. В самом деле, мне не составило никакого труда убедить себя, что я хочу съездить к дону Хуану. Я подумал, что сам был слегка не в себе, когда чувствовал, что мне нравится с ним общаться. Тогда на меня сильно подействовала его идея относительно того, что мне очень мешает чувство собственной важности. Но, видимо, все это было не более чем интеллектуальными упражнениями с моей стороны, и едва лишь мне вновь довелось столкнуться с его непостижимым поведением, как опасения охватили меня с новой силой, и мне захотелось уехать.

Я сказал, что, по моему мнению, мы с ним – совершенно разные люди, и это делает наше общение невозможным.

– Один из нас должен измениться, – произнес он, глядя в землю. – И ты знаешь, кто.

Он начал напевать мексиканскую песню, а потом резко вскинул голову и взглянул мне прямо в лицо. В глазах его были ярость и огонь. Я хотел было отвести глаза или закрыть их, но, к своему великому изумлению, оторваться от его взгляда не смог.

Он спросил, что я увидел в его глазах. Я ответил, что ничего, но он настаивал на том, чтобы я рассказал, осознание чего вызвал во мне

его взгляд. Я постарался дать ему понять, что его глаза заставили меня осознать только собственное смущение, и что я чувствовал себя под его взглядом весьма и весьма неуютно.

Он не отступал. Он продолжал смотреть. В его взгляде отсутствовала прямая угроза или злость, он был скорее таинственным и беспокоящим.

Дон Хуан спросил, не напоминает ли он мне птицу.

– Птицу?! – воскликнул я.

Он по-детски хихикнул, отвел глаза и мягко сказал:

– Да. Очень необычную птицу!

Он снова зафиксировал на мне взгляд и приказал вспоминать. С чрезвычайной убежденностью он утверждал, что «знает» – я уже когда-то видел этот взгляд.

У меня возникло ощущение, что каждый раз, когда старик раскрывает рот, он меня просто провоцирует. Я уставился на него с откровенным пренебрежением. Вместо того, чтобы разозлиться, он захохотал. Хлопнув себя по ляжкам, он заорал так, словно объезжал дикую лошадь. Потом дон Хуан снова стал серьезным и сказал, что сейчас для меня очень важно перестать с ним бороться и вспомнить ту необычную птицу, о которой он говорит.

– Смотри мне в глаза, – велел он.

В его глазах была дикая ярость. Мне показалось, что они и впрямь о чем-то мне напомнили, но я не мог с уверенностью сказать, о чем именно. Некоторое время я об этом размышлял, а потом вдруг осознал: не форма глаз или головы, но холодная ярость этого взгляда напомнила мне о том, как выглядят глаза сокола. В этот самый миг он искоса смотрел на меня, и в течение короткого мгновения в моем уме царил полный хаос. Мне казалось, что вместо дона Хуана я вижу сокола. Однако образ был слишком мимолетным, а я находился в чересчур подавленном состоянии, и это помешало мне в достаточной степени на нем сосредоточиться. Очень возбужденно я сказал дону Хуану, что готов поклясться – я видел черты сокола в его лице. Дон Хуан снова расхохотался. Мне доводилось видеть глаза соколов. Когда-то в детстве я охотился на них, и, по мнению моего деда, это у меня хорошо получалось. У него была ферма по разведению леггорнских кур, и соколы представляли угрозу для этого бизнеса. Их отстрел считался делом не только целесообразным, но и «правильным». До этого самого момента я не вспоминал, что ярость соколиных глаз

годами преследовала меня. Все это было где-то далеко в прошлом, и я думал, что в памяти моей не осталось и следа тех воспоминаний.

– Я охотился на соколов, – сказал я.

– Я знаю, – сказал дон Хуан таким тоном, словно это было нечто само собой разумеющееся.

В его голосе звучала такая уверенность, что я рассмеялся. Что за нелепость, в конце концов! У него хватило наглости сделать вид, будто бы он знал, что я охотился на соколов! Я почувствовал к нему безграничное презрение.

– А почему ты так злишься? – спросил он с видом крайней озабоченности.

Я не знал, почему. Дон Хуан принялся «прощупывать» меня очень необычным способом. Он попросил меня снова посмотреть на него и рассказать об «очень необычной птице», которую он мне напомнил. Я воспротивился и презрительно заявил, что рассказывать здесь нечего. А потом почувствовал: следует спросить, откуда ему известно о том, что я охотился на соколов.

Но вместо того, чтобы ответить, он в очередной раз прокомментировал мое поведение. Он сказал, что я – горячий парень и начинаю «брызгать слюной» из-за каждого пустяка. Я возразил, заявив, что это неправда. Мне всегда казалось, что я весьма терпим и добродушен. Я сказал, что он сам виноват, поскольку своими неожиданными словами и действиями вывел меня из себя.

– Почему ты злишься? – спросил он.

Я проанализировал свои чувства и реакции. Причины для того, чтобы злиться, действительно не было.

Он вновь настоятельно потребовал, чтобы я посмотрел ему в глаза и рассказал о «необыкновенном соколе». Теперь он выразился иначе: раньше он говорил «очень необычная птица», а в этот раз сказал «необыкновенный сокол». Это соответствовало изменению, происшедшему в моем собственном настроении. Меня внезапно охватила печаль.

Он прищурился, так что его глаза превратились в узенькие щелки, и сказал, что «видит» очень необычного сокола. Слова его звучали с каким-то особенным драматизмом. Он трижды повторил их, словно в самом деле видел перед собой эту птицу и спросил;

– Ты его помнишь?

Ничего подобного я не помнил.

– А что в этом соколе необыкновенного? – спросил я.

– Это ты должен мне сказать, – ответил дон Хуан.

Я настаивал на том, что понятия не имею, о чем идет речь, и, соответственно, рассказывать мне нечего.

– Не нужно со мной бороться! – сказал дон Хуан. – Борись с собственной вялостью и вспоминай.

Какое-то время я совершенно серьезно старался его раскусить. Но мне пришло в голову, что точно так же можно было бы попытаться вспомнить.

– Когда-то ты видел множество птиц, – намекнул дон Хуан, как бы давая мне ключ.

Я сказал, что в детстве жил на ферме и подстрелил не одну сотню птиц.

Дон Хуан заявил, что в этом случае мне будет несложно вспомнить всех необычных птиц, на которых я охотился.

Он вопросительно смотрел на меня, словно это была решающая подсказка.

– Птиц было столько, и я охотился так много, – сказал я, – что ничего не могу о них вспомнить.

– Это – особенная птица, – произнес он почти шепотом. – Эта птица – сокол.

Я снова начал вычислять, к чему он ведет. Дразнит? Или говорит серьезно? После длинной паузы он снова велел мне вспоминать. Я почувствовал, что и мне не остается ничего другого, кроме как вступить в игру.

– Ты говоришь о соколе, на которого я охотился? – спросил я.

– Да, – прошептал он, закрыв глаза.

– То есть это произошло, когда я был мальчишкой?

– Да.

– Но ты говоришь, что видишь сокола перед собой сейчас.

– Вижу.

– Что ты пытаешься со мной сделать?

– Пытаюсь заставить тебя вспомнить.

– Что вспомнить? Ради Бога!

– Сокола, быстрого как свет, – сказал он, глядя мне в глаза.

Я почувствовал, что сердце мое замерло.

– Теперь смотри на меня, – велел он.

Но я не смотрел. Его голос едва до меня доносился. Я был

ошеломлен воспоминанием, которое полностью овладело моим существом. Белый сокол!

Началось все с того, что, подсчитывая своих леггорнских цыплят, дед приходил в бешенство. Цыплята регулярно исчезали самым досадным образом. Дед лично организовал и осуществлял тщательнейшее дежурство, и после нескольких дней наблюдения мы, наконец, заметили, как большая белая птица уносит в когтях молоденькую курочку. Птица действовала очень быстро и четко знала, что делает. Она выскользнула из-за деревьев, схватила курочку и скрылась сквозь просвет между ветвями. Все произошло настолько быстро, что дед едва успел заметить, но я рассмотрел, что это был сокол. Дед сказал, что если это действительно так, то сокол должен быть альбиносом.

Началась кампания по охоте на сокола-альбиноса, и дважды я думал, что он у меня в руках. Он даже выпускал из когтей добычу, но каждый раз уходил. Он был слишком быстр для меня. И очень умен, потому что на ферму моего деда охотиться больше не прилетал.

Я бы забыл о нем, если бы дед постоянно не подзуживал меня. Два месяца я преследовал белого сокола по всей долине, в которой мы жили. Я изучил все его повадки и был способен чуть ли не интуитивно предвидеть траекторию его полета. Но скорость и внезапность его появления неизменно сбивали меня с толку. Я мог похвастаться, что практически каждый раз, когда мы с ним встречались, я не давал ему ухватить жертву, но добыть его мне все-таки никак не удавалось.

Только однажды за два месяца войны с белым соколом мне удалось подобраться к нему близко. Целый день я его выслеживал и очень устал. Присев отдохнуть под эвкалиптом, я заснул.

Разбудил меня внезапно раздавшийся над головой соколиный крик. Не двигаясь, я открыл глаза и увидел высоко в ветвях эвкалипта белую птицу. Это был сокол-альбинос. Преследование закончилось. Выстрел предстоял трудный: я лежал на спине, а сокол сидел, повернувшись ко мне хвостом. Я воспользовался внезапным порывом ветра, чтобы поднять свое длинное ружье двадцать второго калибра и прицелиться.

Я хотел дождаться, пока птица повернется или взлетит, тогда бы я не промахнулся. Но сокол не шевелился. Чтобы подстрелить сокола в том положении, в котором он сидел, нужно было

прицелиться получше, а для этого я должен был подвинуться, но в этом случае сокол наверняка бы ушел, потому что был слишком быстрым. Я решил, что правильнее будет ждать. И я ждал бесконечно долго. Может быть, на меня подействовала длительность ожидания, а может – уединенность места, где, кроме меня и сокола, не было никого, но вдруг вверх по моему позвоночнику пробежал холодок, я встал и совершил совершенно неожиданный поступок – я ушел. Ушел, ни разу не оглянувшись, чтобы посмотреть – улетела птица или по-прежнему сидит на ветке.

Я никогда не придавал особого значения своему заключительному поступку в этой истории с белым соколом. Однако то, что я не выстрелил, было очень странным. Ведь я убил десятки соколов. На ферме, где я рос, охота на птиц и самых различных животных была делом совершенно естественным.

Дон Хуан внимательно выслушал мой рассказ о белом соколе.

– Откуда ты о нем узнал? – спросил я.

– Я увидел его, – ответил он.

– Где?

– Прямо здесь, перед тобой.

Я не был настроен спорить и спросил:

– Что все это значит?

Он ответил, что белая птица вроде этой – знак, и отказ от того, чтобы в нее выстрелить, был единственным правильным решением.

– Смерть ненавязчиво предупредила тебя, – с таинственным видом произнес дон Хуан. – Она всегда приходит как холод в позвоночнике.

– О чем ты говоришь? – нервно спросил я.

Он в самом деле действовал мне на нервы своей мистической болтовней.

– Ты много знаешь о птицах, – сказал он. – Ты убил их слишком много. Ты знаешь, как нужно ждать. Ты часами неподвижно ждал. Я знаю. Я *вижу*.

От его слов все мои мысли и чувства пришли в полнейший беспорядок. Я подумал, что больше всего меня раздражает та уверенность, с которой он делает свои заявления. Эта догматическая однозначность была для меня невыносимой, тем более что речь шла о том, что касалось только меня и моей жизни, и в чем я сам не был уверен. Дон Хуан наклонился ко мне, но я

был настолько подавлен, что не замечал этого, пока он что-то не прошептал мне в самое ухо. Сперва я не понял, и ему пришлось повторить. Он велел мне как бы невзначай обернуться и взглянуть на камень слева от себя. Он сказал, что моя смерть сидит там и смотрит на меня, и, если я по его сигналу поверну голову, то, возможно, смогу ее заметить.

Он сделал знак глазами. Я оглянулся, и мне показалось, что я заметил, как над камнем что-то мелькнуло. По спине прокатилась холодная волна, мышцы живота непроизвольно напряглись, и все тело судорожно дернулось. Мгновение спустя я совладал с собой, и тут же уверил себя в том, что движение, которое я заметил над камнем, – это оптическая иллюзия, вызванная резким поворотом головы.

– Смерть – наш вечный попутчик, – сказал дон Хуан предельно серьезным тоном. – Она всегда находится слева от нас на расстоянии вытянутой руки. Когда ты ждал, глядя на белого сокола, она наблюдала за тобой и что-то шепнула тебе на ухо, и ты ощутил ее холод, так же, как ощутил его сегодня. Она всегда за тобой наблюдала. И будет наблюдать, пока не настанет день, когда она похлопает тебя по плечу.

Дон Хуан вытянул руку и слегка коснулся моего плеча, громко щелкнув языком. Эффект был поистине сокрушительный: меня почти вывернуло наизнанку.

– Ты принял правила игры и выжидал терпеливо, как выжидает смерть, и так же, как она, ты находился слева от белого сокола. Странная сила его слов ввергла меня в состояние дикого неуправляемого ужаса, и я принялся лихорадочно записывать все, что он сказал, потому что другого способа защиты у меня не было. – Как можно чувствовать себя настолько важной персоной, когда знаешь, что смерть неуклонно идет по твоему следу? – спросил дон Хуан.

Я чувствовал, что ответа не требуется. Впрочем, в любом случае я был не в состоянии что-либо произнести. Совершенно новое настроение охватило меня.

А дон Хуан продолжал:

– Когда ты в нетерпении или раздражен – оглянись налево и спроси совета у своей смерти. Масса мелочной шелухи мигом отлетит прочь, если смерть подаст тебе знак, или если краем глаза тыловишь ее движение, или просто почувствуешь, что твой

попутчик – всегда рядом и все время внимательно за тобой наблюдает.

Он снова наклонился ко мне и прошептал в самое ухо, что, резко оглянувшись налево по его знаку, я опять увижу на камне свою смерть.

Он едва заметно мигнул, но оглянуться я не отважился. Я сказал, что верю, и что в этом плане ему больше нет нужды на меня давить, потому что я и так в ужасе. Дон Хуан разразился своим раскатистым грудным хохотом.

Он ответил, что в вопросах, касающихся наших взаимоотношений со своей смертью, просто невозможно нажать на психику человека так сильно, как следовало бы. Но я возразил, сказав, что в моем случае бессмысленно столь углубленно это рассматривать, потому что ничего, кроме ощущения страха и дискомфорта, мысль о смерти мне не дает.

– Ты просто доверху набит всяким вздором! – воскликнул он. – Единственный по-настоящему мудрый советчик, который у нас есть, – это смерть. Каждый раз, когда ты чувствуешь, как это часто с тобой бывает, что все складывается из рук вон плохо и ты на грани полного краха, повернись налево и спроси у своей смерти, так ли это. И твоя смерть ответит, что ты ошибаешься, и что кроме ее прикосновения нет ничего, что действительно имело бы значение. Твоя смерть скажет: «Но я же еще не коснулась тебя!» Дон Хуан покачал головой, как бы ожидая моей реакции. Но мне нечего было сказать. Мысли в бешеном темпе сменяли одна другую. По моему самонаблюдению был нанесен сокрушительный удар. В свете моей смерти раздражение по адресу дона Хуана выглядело настолько мелочным!

Я чувствовал, что дон Хуан в полной мере осознает все изменения, которые произошли в моем настроении. Он выиграл, и теперь все складывалось в его пользу. Он начал напевать мексиканскую песенку.

– Да, – мягко произнес он после длинной паузы. – Один из нас должен снова осознать, что смерть охотится за каждым из нас, что она всегда рядом, за нашим левым плечом. Один из нас должен обратиться к смерти за советом, чтобы избавиться от бездарной мелочности, свойственной людям, которые живут так, словно смерть никогда их не коснется.

Больше часа мы молчали, а потом пошли обратно. Несколько

часов мы петляли по пустынному чапаралю. Я не спрашивал, для чего это нужно, – это не имело значения. Каким-то образом дону Хуану удалось вернуть мне давно забытое чувство огромной радости просто оттого, что я есть, что я иду, не придавая этому никакого глубокомысленного значения и не ставя перед собой никаких интеллектуальных целей. Я захотел еще раз взглянуть на то, что видел там, на камне.

– Сделай так, чтобы я смог еще раз увидеть тень, – попросил я.

– Ты говоришь о своей смерти, да? – уточнил дон Хуан с оттенком иронии в голосе.

Мгновение я боролся с внутренним сопротивлением, но в конце концов решился:

– Да. Сделай так, чтобы я смог еще раз увидеть свою смерть.

– Не сейчас, – сказал он. – Сейчас ты слишком тверд.

– Не понимаю...

Дон Хуан засмеялся, и смех его почему-то не был обидным и предательским, как раньше. Я бы не сказал, что теперь он смеялся не так, как прежде, – тон, громкость и дух этого смеха остались неизменными. Но новый элемент все же присутствовал, и элементом этим было мое настроение. С точки зрения неотступности смерти мое раздражение и все мои страхи становились совершенно бессмысленной ерундой.

– Тогда позволь мне поговорить с растениями, – попросил я.

Дон Хуан разразился хохотом.

– Сейчас ты слишком хорош, – сказал он, не переставая смеяться. – Но тебя бросает из крайности в крайность. Успокойся. Ни к чему разговаривать с растениями, если тебе не нужно узнать их секреты, а для того, чтобы это понадобилось, необходимо обладать нестигаемым намерением. Так что побереги свои наилучшие побуждения для другого случая. Точно так же нет необходимости в том, чтобы встречаться со смертью. Достаточно чувствовать, что она всегда рядом.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 5. Принять ответственность

Вторник. 11 апреля 1961

Ранним утром 9 апреля я приехал к дому дона Хуана. Было воскресенье.

– Доброе утро, дон Хуан! – поздоровался я. – Рад тебя видеть! Взглянув на меня, он мягко рассмеялся. Он подошел к машине, открыл дверцу и держал ее, пока я вытаскивал пакеты с продуктами, которые привез ему.

Мы пошли к дому и уселись возле двери.

Впервые я по-настоящему осознал, что делаю здесь. Три месяца я буквально с нетерпением ждал очередного выезда «в поле». Словно мина замедленного действия разорвалась внутри меня и заставила внезапно вспомнить нечто, имевшее для меня трансцендентальное значение. Однажды я уже был очень терпелив и действовал исключительно эффективно.

Прежде чем дон Хуан смог что-либо сказать, я задал ему вопрос, который не давал мне покоя. Все три месяца меня одолевали воспоминания о белом соколе. Как мог дон Хуан о нем узнать, если сам я об этом давно забыл?

Он засмеялся, но не ответил. Я умолял его объяснить.

– Это все – ерунда, – сказал он со своей обычной убежденностью.

– Любой тебе скажет, что ты странный. Просто ты все время находишься в каком-то оцепенении и потому нечувствителен. И всего-то.

Я почувствовал, что он опять заговаривает мне зубы и загоняет в угол, куда мне не очень-то хотелось.

– Разве можно увидеть собственную смерть? – спросил я, пытаясь не дать разговору отклониться от темы.

– Конечно, – со смехом ответил он. – Она всегда рядом с нами.

– Откуда ты это знаешь?

– Я уже стар. С годами человек многое узнает.

– Я знаком со многими стариками, но они ничего подобного не знают. Как вышло, что ты – знаешь?

– Скажем так: я много чего знаю потому, что у меня нет личной

истории, потому, что не чувствую себя более важным, чем любое другое явление в этом мире, и потому, что моя смерть всегда находится рядом со мной, вот здесь.

Он вытянул левую руку и пошевелил пальцами, словно что-то поглаживая.

Я засмеялся. Я знал, к чему он клонит. Старый черт снова собрался меня зацепить скорее всего на тему чувства собственной важности, но на этот раз я был не против. Воспоминание о бесконечной терпеливости переполнило меня ощущением странной, спокойной эйфории, рассеявшим практически всю мою нервозность и нетерпимость в отношении дона Хуана. Вместо этого я чувствовал, что каждое его действие в каком-то смысле было чудом.

– Но все-таки, кто ты на самом деле? – поинтересовался я.

Казалось, он удивился. Он выпучил глаза до немыслимых размеров и мигнул, как птица. Его веки сомкнулись и разомкнулись подобно шторкам, не меняя фокусировки глаз.

Неожиданный маневр дона Хуана меня испугал, я даже слегка отпрянул, а он рассмеялся по-детски непринужденно.

– Для тебя я – Хуан Матус, и я – к твоим услугам, – сказал он с подчеркнутой учтивостью.

Тогда я задал ему еще один вопрос, не дававший мне покоя;

– Что ты сделал со мной в тот день, когда мы встретились впервые?

– Я? Ничего, – ответил он невинным тоном.

Я описал ему, что чувствовал, когда в тот раз он на меня взглянул, и насколько немыслимо для меня было буквально онеметь от одного только взгляда.

Дон Хуан хохотал, пока по щекам его не потекли слезы. Я снова почувствовал прилив злости по отношению к нему. Я подумал, что веду себя так серьезно и так осмысленно, а он в ответ – настолько «по-индейски» в самом худшем смысле слова.

Очевидно, он тут же уловил мое настроение и мгновенно прекратил смеяться.

После довольно длительных колебаний, я все же сказал ему, что его смех разозлил меня потому, что я самым серьезным образом пытался понять, что со мной тогда произошло.

– А тут нечего понимать, – невозмутимо заявил он.

Я напомнил ему всю цепочку необычных событий, произошедших после моего с ним знакомства, начиная с того, как он таинственным способом меня затормозил, и заканчивая

воспоминанием о белом соколе и тенью над камнем, которая, по его словам, была моей смертью.

– Зачем ты все это делаешь со мной? – спросил я.

В моем вопросе не было и тени враждебности. Мне просто было любопытно, почему именно я.

– Ты попросил меня рассказать все, что я знаю о растениях, – ответил дон Хуан.

В его голосе я уловил оттенок сарказма. Это звучало так, словно он меня разыгрывал.

– Но все, что ты до сих пор мне рассказал, не имеет с растениями ничего общего, – возразил я.

Он ответил, что изучение растений требует времени.

Я почувствовал: препираться с ним бесполезно. Я осознал полный идиотизм простых и абсурдных решений, которые принимал. Пока я находился дома, я обещал себе, что, общаясь с доном Хуаном, никогда больше не стану нервничать и раздражаться. Но на деле, однако, я мгновенно выходил из себя, стоило ему в очередной раз меня отшить. Я чувствовал, что никак не могу нащупать путей взаимодействия с ним, и это меня злило.

– А сейчас подумай о своей смерти, – неожиданно велел дон Хуан.

– Она – на расстоянии вытянутой руки. И в любое мгновение может похлопать тебя по плечу, так что в действительности у тебя нет времени на вздорные мысли и настроения. Времени на это нет ни у кого из нас. Ты хочешь знать, что я сделал с тобой в тот день, когда мы впервые встретились? Я *видел* тебя. И я *видел*, что ты думаешь, что врешь мне. Но ты не врал, ты действительно не врал. Я сказал, что его объяснение только еще больше меня запутало. Он ответил, что именно по этой причине не хотел мне ничего объяснять, и что в зачет идет только одно – действие. Действие, а не разговоры.

Он вытащил соломенную циновку и улегся на нее, подложив под голову какой-то сверток. Устроившись поудобнее, он сказал, что мне предстоит еще кое-что сделать, если я действительно хочу изучать растения.

– Я *увидел* в тебе тогда один существенный недостаток – ты не любишь принимать ответственность за свои действия, – медленно произнес дон Хуан, как бы давая мне время понять, о чем он говорит. – Когда ты говорил мне все это на автостанции, ты прекрасно отдавал себе отчет в том, что врешь. Почему ты врал?

Я объяснил, что делал это, чтобы заполучить «главного информатора» для своей работы.

Дон Хуан улыбнулся и затянул мексиканскую мелодию.

– Если ты что-то решил, нужно идти до конца, – сказал он, – но при этом необходимо принять на себя ответственность за то, что делаешь. Что именно человек делает, значения не имеет, но он должен знать, зачем он это делает, и действовать без сомнений и сожалений.

Он смотрел на меня изучающе. Я не знал, что сказать. Наконец, у меня сформировалось мнение, почти протест. Я воскликнул:

Он смотрел на меня изучающе. Я не знал, что сказать. Наконец, у меня сформировалось мнение, почти протест. Я воскликнул:

– Но это же невозможно!

Он спросил, почему, а я ответил, что, наверно, было бы идеально, если бы люди обдумывали все, что собираются сделать. Но на практике, однако, такое невозможно, и невозможно избежать сомнений и сожалений.

– Еще как возможно! – убежденно возразил дон Хуан, – Взгляни на меня. У меня не бывает ни сомнений, ни сожалений. Все, что я делаю, я делаю по собственному решению, и принимаю на себя всю полноту ответственности за это. Самое простое действие, например, прогулка с тобой по пустыне, может означать для меня смерть. Смерть неуклонно идет по моему следу. Поэтому места для сомнений и сожалений я оставить не могу. И если во время нашей с тобой прогулки мне предстоит умереть в пустыне, то я должен там умереть. Ты же, в отличие от меня, ведешь себя так, словно ты бессмертен, а бессмертный человек может позволить себе отменять свои решения, сожалеть о том, что он их принял, и в них сомневаться. В мире, где за каждым охотится смерть, приятель, нет времени на сожаления или сомнения. Время есть лишь на то, чтобы принимать решения.

Я совершенно искренне возразил, что, по моему мнению, мир, о котором он говорит, нереален, что он произвольно создает этот мир, взяв идеальную модель поведения и утверждая, что следует действовать именно таким образом.

И я рассказал дону Хуану о своем отце, который любил читать мне бесконечные проповеди о чуде здравого ума в здоровом теле, о том, что молодым людям следует закалять и укреплять свое тело, преодолевая трудности и участвуя в спортивных состязаниях. Отец

был молод; когда мне было восемь, ему едва исполнилось двадцать семь. Летом он, как правило, уезжал из города, где работал учителем в школе, чтобы хоть месяц провести на ферме моего деда, где я жил. Этот месяц был для меня сущим адом. Я привел дону Хуану один из типичных примеров поведения отца. Пример этот, как мне казалось, вполне соответствовал теме нашего разговора.

Едва приехав на ферму, отец тут же тащил меня с собой на длинную прогулку, во время которой мы обсуждали дальнейшие действия. Отец строил планы насчет того, как мы будем ходить плавать каждое утро в шесть часов. Вечером он заводил будильник на полшестого, чтобы утром у нас было достаточно времени: ведь ровно в шесть мы уже должны быть в воде. Утром будильник звонил, отец выбирался из постели, надевал очки и выглядывал в окно.

Я даже дословно вспомнил монолог, который он при этом произносил:

– М-м-м... Что-то сегодня как-то облачно. Слушай, я полежу еще минут пять. О'кей? Только пять! Просто нужно хорошенько потянуться, чтобы сон окончательно прошел.

И он неизменно засыпал, и спал до десяти, а иногда и до полудня. Я сказал дону Хуану, что особенно меня раздражало то, что он упорно не желал отказываться от своих невыполнимых решений. Ритуал повторялся каждое утро, до тех пор, пока я, в конце концов, не отказывался заводить будильник, чем страшно обижал отца.

– Это вовсе не были невыполнимые решения, – возразил дон Хуан, явно принимая сторону моего отца. – Он просто не знал, как ему проснуться и встать, вот и все.

– Как бы там ни было, – сказал я, – я не терплю неосуществимых решений.

– А какое решение было бы в данном случае осуществимым? – застенчиво улыбаясь, спросил дон Хуан.

– Отец должен был признаться себе, что не в силах пойти купаться в шесть, и решить, что купаться мы отправимся, скажем, в три часа пополудни.

– Твои решения ранят дух, – сказал дон Хуан исключительно серьезным тоном.

Мне показалось, что в голосе его даже прозвучали печальные нотки. Довольно долго мы молчали. Мое раздражение улеглось. Я

думал о своем отце.

– Он не хотел идти купаться в три часа пополудни. Неужели ты не понимаешь? – сказал дон Хуан.

Его слова заставили меня взвиться.

Я сказал, что отец был слаб, и таким же был его мир идеальных поступков, которые он никогда не осуществлял. Я почти кричал. Дон Хуан не произнес ни слова. Он медленно и ритмично покачал головой. Я чувствовал ужасную печаль. Всякий раз, когда я вспоминал об отце, меня охватывало какое-то опустошающее чувство.

– Думаешь, ты был сильнее, да? – как бы между прочим спросил дон Хуан.

Я ответил, что именно так и думаю, и начал было рассказывать о состоянии эмоциональной сумятицы, в которое отец неизменно меня приводил, но дон Хуан перебил;

– Он поступал с тобой нечестно?

– Нет.

– Может, он был мелочен по отношению к тебе?

– Нет.

– И он делал для тебя все, что было в его силах?

– Да.

– Так что тебе не нравится?

Я снова начал кричать, что он был слаб, но спохватился и понизил голос. На допросе у дон Хуана я чувствовал себя как-то нелепо.

– Зачем ты все это делаешь? – спросил я, – Предполагалось, что мы будем говорить о растениях.

Я был раздражен и подавлен больше, чем когда-либо до этого. Я сказал, что мое поведение – не его дело, и что не с его познаниями об этом судить, а он разразился грудным хохотом.

– Когда ты злишься, ты всегда чувствуешь, что прав, да? – спросил он и по-птичьи моргнул.

Это было действительно так. Мне была свойственна тенденция всегда чувствовать праведность своего гнева.

– Давай не будем говорить о моем отце, – сказал я, изображая хорошее настроение, – поговорим лучше о растениях.

– Нет уж, давай поговорим о твоём отце, – настаивал дон Хуан. – Это как раз то, с чего нам сегодня следовало бы начать. Если ты думаешь, что был настолько сильнее его, то скажи, почему ты сам не ходил купаться в шесть утра и не вытаскивал его с собой?

Я ответил, что не мог поверить в то, что отец просил меня об этом всерьез. Я всегда считал, что купание в шесть утра – это дело моего отца, а не мое.

– С того момента, как ты принял его идею, это стало также и твоим делом, – резко сказал дон Хуан.

Я сказал, что никогда ее не принимал, потому что знал, что отец склонен к самообману. Таким тоном, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся, дон Хуан спросил, почему я тогда же не сказал отцу все, что по этому поводу думал.

– Отцу таких вещей не говорят, – неуверенно попытался я объяснить.

– А, собственно, почему?

– В моем доме это было не принято, вот и все.

– Ты совершал гораздо более неприглядные поступки в своем доме, – провозгласил он, как судья, выносящий приговор. – Единственное, чего ты так и не совершил – ты не возжег огонь собственного духа?

Сила этих его слов была столь сокрушительной, что они, словно эхо, отозвались в моем сознании. Он опрокинул все мои щиты. Я был не в состоянии с ним спорить. Чтобы как-то защититься, я кинулся записывать.

В последней слабой попытке объясниться я сказал, что всю жизнь мне почему-то приходится иметь дело с людьми вроде моего отца, которые, подобно ему, бросали мне наживку в виде своих заманчивых планов, а в итоге я всегда оказывался не у дел.

– Ты жалуешься, – мягко произнес дон Хуан. – Ты жаловался всю свою жизнь, потому что не привык принимать ответственность за свои решения. Если бы ты согласился с решением твоего отца каждое утро в шесть часов ходить купаться, ты пошел бы самостоятельно, если бы понадобилось, или послал бы отца к черту, едва он заикнулся бы на эту тему после того, как ты понял, чего стоят все эти разговоры. Но ты ничего ему не сказал. Так что ты был так же слаб, как твой отец. Принять на себя ответственность за свои решения – это значит быть готовым умереть за них.

– Постой, постой! – воскликнул я. – Ты передергиваешь!

Но он не дал мне закончить. А сказать я собирался, что привел своего отца лишь в качестве примера нереалистического образа действия, и что ни один здравомыслящий человек не согласится

умирать за такую идиотскую вещь.

– Не имеет значения, каким именно является решение, – сказал дон Хуан. – В этом мире нет ничего более серьезного, чем что-либо другое. Разве ты не понимаешь? В мире, где за каждым охотится смерть, не может быть маленьких или больших решений. Здесь есть лишь решения, которые мы принимаем перед лицом своей неминуемой смерти.

Я не мог сказать ничего. Прошло не менее часа. Дон Хуан совершенно неподвижно лежал на своей циновке. Но он не спал.

– Почему ты мне все это рассказываешь, дон Хуан? – спросил я. – Почему ты делаешь все это со мной?

– Ты пришел ко мне, – ответил он. – Вернее, ты был ко мне приведен. И я за тебя взялся.

– Прошу прощения?..

– Ты мог бы взяться за своего отца, если бы стал ради него купаться по утрам. Но ты не сделал этого, наверно, потому, что был слишком молод. Я прожил больше тебя. Надо мной ничего не висит. В моей жизни нет спешки, поэтому я могу как следует за тебя взяться.

Во второй половине дня мы отправились в поход. Я легко выдерживал темп, который задавал дон Хуан, и опять восхищался его поразительной тренированностью. Он шел настолько легко и шаги его были настолько уверенными, что рядом с ним я выглядел ребенком. Я заметил, что он не любит разговаривать во время ходьбы. Если я заговаривал с ним, он останавливался, чтобы ответить.

Через пару часов мы подошли к холму. Дон Хуан сел и указал мне на место рядом с собой. Напыщенно-торжественным тоном он заявил, что собирается рассказать мне сказку.

Жил некогда молодой человек – очень бедный индеец. Он жил в большом городе, и окружали его только белые люди. У него не было ни дома, ни родных, ни друзей. Он пришел в город за счастьем, но нашел лишь нищету и боль. Время от времени он, работая как мул, добывал несколько центов на кусок хлеба. Если бы не это, ему пришлось бы просить милостыню или воровать.

Однажды молодой человек отправился на рынок. Бредя как в тумане, он диким взглядом рассматривал изобилие прекрасных товаров. Он был в таком шоке, что не видел, куда идет и, в конце концов, налетев на стоявшие корзины, свалился на какого-то

старика.

Старик нес четыре большущих кувшина и только что остановился и присел, чтобы перекусить. Дон Хуан многозначительно улыбнулся и сказал, что старику показалось довольно странным то, что на него свалился молодой человек. Он не рассердился из-за того, что его потревожили, но лишь удивился, почему это оказался именно этот конкретный молодой человек. Парень же, наоборот, разозлился и обругал старика за то, что тот расселся у него на дороге. Его совершенно не интересовала скрытая причина их встречи. Он не заметил, что это было пересечением их путей. Дон Хуан изобразил движение человека, который пытается схватить нечто перевернувшееся и покотившееся. Он сказал, что кувшины старика опрокинулись и покатались. Увидев это, молодой человек решил, что на сегодня ему удалось найти для себя пропитание.

Он помог старику и взялся нести тяжелые кувшины. Старик сказал, что идет домой в горы, и молодой человек настоял на том, чтобы сопровождать его хотя бы часть пути.

Старик повернул в горы и по дороге накормил молодого человека, отдав ему часть купленных на рынке продуктов. Молодой человек набил брюхо под самую завязку и, почувствовав, что сыт, начал замечать, насколько тяжелы сосуды, которые он нес. И он покрепче прижал их к себе.

Дон Хуан вытаращил глаза и с дьявольской усмешкой сказал, что молодой человек спросил у старика: «Что у тебя в этих кувшинах?» Старик не ответил, но сказал, что собирается показать молодому человеку друга, который развеет его горести, даст ему совет и научит мудрости, необходимой для того, чтобы разобраться в неисповедимых путях этого мира.

Дон Хуан изобразил обеими руками величественный жест и сказал, что после этого старик призвал к себе оленя. Ничего красивее этого оленя молодому человеку в своей жизни видеть не доводилось. Олень был настолько ручным, что подошел совсем близко и бродил вокруг. Он сиял и переливался всеми цветами радуги. Молодой человек был очарован и тут же догадался, что это – «олень духа». Старик сказал ему, что, если молодой человек хочет, чтобы олень стал его другом и подарил ему свою мудрость, он должен всего-навсего отказаться от кувшинов.

Дон Хуан изобразил честолобивую усмешку и сказал, что все

мелочные желания и страсти молодого человека всколыхнулись в ответ на это предложение. Глазки дон Хуана стали маленькими и дьявольски колючими. Имитируя молодого человека, он вкрадчиво спросил: «Так что же все-таки в твоих кувшинах?»

Дон Хуан сказал, что ответ старика был очень искренним: в кувшинах – пища. «Пинола» и вода. Он прервал рассказ и пару раз прошелся по кругу. Я не знал, что он делает. Но сказка еще явно не закончилась. Я решил, что хождение по кругу изображает мучительные раздумья, в которые погрузился молодой человек.

Дон Хуан сказал, что, разумеется, молодой человек не поверил ни единому слову старика. Он прикинул, что старик – наверняка колдун, и если за свои кувшины он готов отдать «оленья духа», то какое невероятное могущество, какую фантастическую силу они должны содержать!

Лицо дон Хуана снова исказила дьявольская усмешка и он сказал, что молодой человек заявил: он выбирает кувшины. Последовала длинная пауза, вроде бы означавшая конец сказки. Дон Хуан молчал, но я был уверен, что он ждет от меня вопросов, и спросил: – И что же произошло с молодым человеком?

– Он взял кувшины, – ответил дон Хуан с улыбкой, выражавшей удовлетворение.

Последовала еще одна длительная пауза. Я засмеялся. Я подумал, что это – настоящая «индейская сказка».

Сияя глазами, дон Хуан улыбнулся с видом простачка, а потом засмеялся мягкими раскатами и спросил:

– Разве тебе не интересно, что было в кувшинах?

– Интересно, конечно. Просто я думал, что сказка закончилась.

– Ну что ты! – сказал он с озорным блеском в глазах. – Молодой человек схватил свои кувшины, убежал, забрался в укромное место и там их открыл.

– И что он увидел? – спросил я.

Дон Хуан взглянул на меня, и я почувствовал, что он в полной мере осознает все упражнения, которые в этот момент проделывал мой интеллект. Он тряхнул головой и усмехнулся.

– Ну ладно, – сказал я. – Кувшины оказались пустыми?

– В кувшинах оказались только пища и вода, – ответил он. – И молодой человек в припадке гнева разбил их о камни.

Я сказал, что его реакция совершенно естественна – любой на его месте сделал бы то же самое.

На что дон Хуан заявил, что молодой человек был дураком, который сам не знает, что ищет. Он не знал, что такое «сила», поэтому не мог судить о том, нашел он ее или нет. Он не принял на себя ответственности за свое решение, поэтому так разозлился из-за своего просчета. Он рассчитывал что-то приобрести, а вместо этого не получил ничего. Дон Хуан сказал, что, окажись я на месте того молодого человека и последуй я своим склонностям, я точно так же закончил бы припадком гнева и разочарованием, и остаток своей жизни, несомненно, провел бы, жалея себя и стenea о том, что потерял.

Потом он объяснил мне поведение старика. Тот поступил очень умно, предварительно до отвала накормив молодого человека. В результате тот обрел «отвагу сытого желудка» и, обнаружив в кувшинах только пищу, пришел в ярость и разбил их о камни. – Если бы решение молодого человека было осознанным и если бы он готов был за него ответить, – сказал дон Хуан, – он оставил бы еду, которая была в кувшинах, себе и был бы этим более чем доволен. А может, ему бы даже удалось понять, что эта еда тоже была силой.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 6. Стать охотником

Пятница, 23 июня 1961

Едва присев, я принялся в буквальном смысле слова бомбардировать дон Хуана вопросами. Он не отвечал. В конце концов нетерпеливым жестом он велел мне замолчать. Похоже было, что настроен он весьма серьезно.

– Я думал о том, что ты ни на йоту не изменился за это время, а еще пытаешься изучать растения, – произнес он. В тоне его звучал укор.

Громким голосом он принялся перечислять все личностные изменения, которые мне следовало произвести в себе, руководствуясь его указаниями. Я сказал ему, что отношусь к ним с полной серьезностью, но вряд ли способен осуществить их на практике, так как уж очень они противоречат тому, что составляет основу моей личности. Он ответил, что как бы я к ним ни относился, одного только отношения недостаточно, и что все сказанное им говорилось не ради красного словца. Я в очередной раз принялся твердить о своем страстном желании изучать растения, которое отнюдь не ослабевало от того, что я не предпринимаю почти ничего для приведения своей личной жизни в соответствие с провозглашаемыми им идеалами.

После длительной неловкой паузы я отважно спросил:

– Я намерен изучать пейот. Ты будешь меня учить, дон Хуан?

Он ответил, что одного только моего намерения недостаточно и что знания о пейоте – тут он впервые назвал его «Мескалитом» – дело очень и очень серьезное. Больше говорить было вроде как не о чем.

Однако вечером дон Хуан дал мне контрольное задание. Без каких бы то ни было подсказок с его стороны мне предлагалось найти благоприятное для меня место на площадке перед домом, где мы обычно с доном Хуаном сидели. Это должно было быть место, на котором я определенно чувствовал бы себя совершенно счастливым и ощущал бы прилив сил. Почти всю ночь я провел, катаясь по земле на этой площадке в поисках благоприятного

места. За это время мне удалось дважды заметить изменение цвета на фоне однородного темного грязного пола.

Наконец, в полном изнеможении я заснул на одном из мест, в которых менялся цвет. Утром дон Хуан разбудил меня и сказал, что я справился с заданием наилучшим образом: мне удалось отыскать не только благоприятное место, но и противоположное ему по воздействию, так сказать, враждебное или отрицательное, а также определить цвета, соответствующие обоим местам.

Суббота, 24 июня 1961

Ранним утром мы отправились в пустынный чаппараль. По пути дон Хуан объяснил, что поиск «благоприятных» и «враждебных» мест имеет огромное значение для тех, кому приходится жить среди дикой природы. Я попытался перевести разговор на тему пейота, но об этом он говорить наотрез отказался, сказав, что сам вернется к теме пейота, когда придет время, и предупредив, что до этого я не должен даже вспоминать о ней.

Мы присели отдохнуть на густо заросшей площадке под какими-то высокими кустами. Чаппараль вокруг нас еще не совсем высох от солнца, и среди растительности обитало огромное количество мух, которые постоянно мне докучали. Но дон Хуан мухи как будто не беспокоили. Мне стало интересно, каким образом ему удастся их не замечать, но потом я увидел, что они попросту вообще не садятся на его лицо.

— Иногда может возникнуть необходимость в том, чтобы очень быстро найти благоприятное место прямо в чистом поле, — продолжил дон Хуан. — Или определить, не является ли враждебным то, на котором ты как раз собираешься отдохнуть. Когда-то мы сделали привал возле холма, и настроение у тебя тут же упало; помнишь, как ты тогда взбесился? Место, на котором мы сидели, было тебе враждебно. Ворона тебя об этом предупреждала, помнишь?

Я вспомнил, что в тот раз дон Хуан посоветовал мне в будущем избегать этого места. И вспомнил, как действительно пришел в бешенство оттого, что он не разрешил мне смеяться.

— Я думал тогда, что ворона, которая пролетела над нами, была знаком только для меня, — сказал он, — поскольку не знал, что вороны благоволят и к тебе тоже.

— Не понимаю, о чем ты...

— Ворона была знаком, — продолжал он. — Если бы ты разбирался в

повадках ворон, ты бы немедленно убежал с того места, словно оно заражено чумой. Но не всегда поблизости оказывается ворона, которая может тебя предупредить, поэтому необходимо научиться самостоятельно находить место для лагеря или отдыха.

После довольно длительной паузы дон Хуан неожиданно повернулся ко мне и сказал, что найти подходящее место для отдыха просто: нужно всего лишь свести к переносице глаза. Он заговорщицки подмигнул мне и доверительным тоном сказал, что именно так я и поступил, когда катался ночью по земле, и благодаря этому смог найти оба места и увидеть соответствующие им цвета. Дон Хуан признался в том, что моя удача произвела на него сильное впечатление.

– Но я, честное слово, не знаю, как это у меня получилось, – сказал я.

– Ты свел глаза, – выразительно произнес он. – Это – технический прием, ты должен был его применить, хотя можешь об этом и не помнить.

Затем дон Хуан подробно описал этот прием. Он сказал, что на его отработку могут уйти годы. Заключается он в том, чтобы постепенно, сводя глаза к переносице, заставить их воспринимать одно и то же изображение по отдельности. Из-за несовпадения изображений возникает раздвоение зрительного восприятия мира, благодаря которому, по словам дон Хуана, человек может отмечать изменения в окружающей обстановке, которых в обычном режиме восприятия глаза попросту не замечают.

Дон Хуан предложил мне попробовать, заверив, что зрению это не повредит. Он сказал, что начинать следует с коротких взглядов почти самыми уголками глаз, а затем показал мне как это делается, выбрав большой куст. Когда я смотрел на глаза дон Хуана, бросавшие непостижимо быстрые взгляды на куст, у меня возникло странное ощущение. Они напомнили мне бегающие глазки животного, которое не может постоянно смотреть прямо перед собой.

Мы шли еще примерно час, в течение которого я пытался ни на чем не фокусировать взгляд. Затем дон Хуан велел мне смотреть раздельно, изолированно воспринимая изображения, видимые каждым глазом. Еще через час у меня ужасно разболелась голова, и нам пришлось остановиться.

– Как думаешь, сможешь ты сам найти подходящее место для

привала? – спросил дон Хуан.

Я не имел понятия, по какому критерию судить о том, является место «подходящим» или нет. Он терпеливо объяснил, что, бросая на окружающий мир быстрые взгляды, можно увидеть необыкновенные явления.

– Какого типа? – спросил я.

– Это явления, которые мы не столько видим, сколько чувствуем, – уточнил дон Хуан. – Они больше похожи на ощущения, чем на зрительные образы. Если ты согласишься таким способом на дерево или скалу, под которыми тебе хотелось бы отдохнуть, глаза помогут тебе ощутить, является ли выбранное место наиболее удачным для привала.

Я снова потребовал, чтобы дон Хуан объяснил, на что похожи ощущения, о которых он говорит, но он либо не мог их описать, либо просто не хотел, и сказал, что мне самому нужно попробовать выбрать подходящее место, и тогда он скажет, работают мои глаза в этом плане или нет.

В какое-то мгновение я заметил что-то похожее на точки света, отраженного прожилками кварца. Когда я прямо смотрел на то место, где они мелькнули, их не было видно, но стоило мне быстрым взглядом вскользь пробежать по окружающему пейзажу, как что-то вроде слабого сияния вновь обнаруживалось на том же самом месте. Я показал это место дону Хуану. Оно находилось как раз посередине открытого прямым лучам солнца участка голой земли. Дон Хуан раскатиисто захохотал, а потом спросил, почему я выбрал именно это место. Я сказал, что увидел там сияние.

– Не имеет значение, что ты видишь, – объяснил он. – Ты можешь увидеть все, что угодно, хоть слона. Важно, что ты при этом чувствуешь.

Но я не чувствовал ничего. Дон Хуан загадочно взглянул на меня и сказал, что хотел бы доставить мне удовольствие и посидеть вместе со мной на выбранном мною пятачке, но предпочитает, чтобы я проверил свой выбор самостоятельно, а он тем временем посидит где-нибудь в другом месте.

Я опустил на землю. Дон Хуан отошел метров на десять-двенадцать и стал наблюдать за мной оттуда. Через несколько минут он начал громко смеяться. Его смех почему-то действовал мне на нервы. Он вывел меня из себя. Я почувствовал, что дон Хуан надо мной издевается, и буквально взбесился. Я спрашивал

себя, что мне вообще здесь нужно. Во всей этой ситуации с учебой у дона Хуана с самого начала определенно был какой-то изъян. Я чувствовал, что, попав к нему в лапы, стал пешкой в неведомой мне игре.

Внезапно дон Хуан со всех ног бросился ко мне, схватил за руку и волоком оттащил меня по земле метров на пять от того места, где я сидел. Он помог мне встать на ноги и отер пот со своего лба. Я заметил, что на этом действии он выдохся чуть ли не до последнего предела. Он похлопал меня по спине и сказал, что я выбрал плохое место, и что ему пришлось в спешном порядке спасать меня, пока оно не сожрало все мои чувства. Я рассмеялся. Образ дона Хуана, бросающегося вызволять меня из «проклятого места», выглядел довольно занятно. Он неся так, словно ему было двадцать лет. Ступнями он словно цеплялся за мягкую красноватую пыль пустыни, как будто собирался с ходу через меня перемахнуть. Все произошло почти мгновенно: только что дон Хуан смеялся надо мной, а буквально через секунду-другую уже волок меня за руку по земле.

Немного погодя он велел мне снова попытаться найти подходящее место. Мы шли не останавливаясь, но как я ни старался, что-либо заметить или «почувствовать» мне не удавалось. Наверно, у меня получилось бы, если б я сильнее расслабился. Но злиться на него я, тем не менее, перестал. В конце концов он указал на группу камней, мы подошли к ним и сделали привал.

– Не расстраивайся, – сказал дон Хуан. – На то, чтобы как следует натренировать глаза, требуется немало времени.

Я ничего не сказал. Мне и в голову не приходило расстраиваться из-за того, чего я совершенно не понимал. Тем не менее я не мог не признать, что с тех пор, как мы с доном Хуаном познакомились и я начал к нему приезжать, я уже трижды приходил в неистовство и накручивал себя чуть ли не до болезненного состояния, когда сидел на тех местах, которые дон Хуан называл плохими.

– Весь фокус в том, чтобы научиться чувствовать глазами, – объяснил дон Хуан. – Ты не знаешь, что именно чувствовать, и в этом – твоя проблема. Но с практикой это придет.

– Может быть, ты расскажешь мне, что я должен чувствовать? – спросил я.

– Это невозможно.

– Почему?

– Никто не сможет тебе сказать, что в этом случае человек чувствует. Это – не тепло, не свет, не сверкание, не цвет... Это ни на что не похоже.

– И ты не можешь этого описать?

– Нет. Я могу только обучить тебя техническим приемам. Когда ты научишься разделять изображения и воспринимать все в раздвоенном виде, ты должен будешь сосредоточить внимание на пространстве между этими двумя изображениями. Любое заслуживающее внимания изменение произойдет именно в этой области.

– Об изменениях какого типа ты говоришь?

– Это не важно. Важно ощущение, которое у тебя при этом возникнет. Сегодня ты увидел сверкание, но это ничего не значило, потому что отсутствовало ощущение. Что и как ощущать, я тебе объяснить не могу. Ты должен узнать это сам.

Некоторое время мы молча отдыхали. Дон Хуан лежал, прикрыв лицо шляпой, и не двигался, как будто спал. Я полностью погрузился в свои записи. Вдруг он сделал резкое движение. От неожиданности я вздрогнул. Дон Хуан рывком сел и, нахмурившись, повернулся ко мне:

– Ты обладаешь склонностью к охоте. Охота – именно то, чему тебе следует учиться. Так что мы больше не будем говорить о растениях.

Он на секунду выдвинул челюсть, а потом бесстрастно добавил:

– Впрочем, этим, как мне кажется, мы никогда и не занимались, верно?

И засмеялся.

Остаток дня мы бродили по чапаралю, и дон Хуан невероятно подробно и обстоятельно рассказывал мне о гремучих змеях. Где они гнездятся, как двигаются, каковы их сезонные повадки, их уловки и прочее. В конце концов он поймал и убил большую змею. Он отрезал ей голову, вычистил внутренности, содрал кожу и поджарил мясо на костре. Наблюдение за всем этим доставило мне истинное удовольствие, потому что действовал дон Хуан мастерски, и каждое движение его было точным и грациозным. Я зачарованно следил за ним и слушал все, что он говорил.

Сосредоточение мое было настолько полным, что весь остальной мир практически перестал для меня существовать.

Змеиное мясо пришлось съесть, и это довольно грубо вернуло меня

в обычный мир. Когда я начал жевать первый кусочек, меня затошнило. Объективных причин для этого не было никаких, так как мясо оказалось прекрасным, но я ничего не мог поделать, словно мой желудок был сам по себе и от меня никак не зависел. Глотать мне удавалось лишь с огромным трудом. Я думал, что дон Хуана от смеха хватит сердечный приступ.

Потом мы присели отдохнуть в тени каких-то камней. Я начал обрабатывать свои заметки, и по их количеству понял, насколько громадным объемом информации о гремучих змеях снабдил меня дон Хуан.

– К тебе вернулся дух охотника, – неожиданно произнес дон Хуан с очень серьезным выражением лица, – Теперь ты попался.

– Прошу прощения?..

Я хотел, чтобы он развил свое утверждение относительно того, что я попался, но он только засмеялся и повторил его.

– На чем я попался? – не унимался я.

– Охотники всегда будут охотиться, – сказал он. – Я и сам охотник.

– Ты хочешь сказать, что охотишься для того, чтобы жить?

– Я охочусь, чтобы жить. Я могу жить где угодно на земле.

Дон Хуан движением головы обвел все вокруг.

– Чтобы быть охотником, надо очень много знать, – продолжал он.

– Это означает, что человек может смотреть на вещи с разных сторон. Чтобы быть охотником, необходимо находиться в совершенном равновесии со всем-всем в мире. Без этого охота превратится в бессмысленное занятие. Сегодня, например, мы добыли змейку. Мне пришлось извиниться перед ней за то, что я оборвал ее жизнь так внезапно и так окончательно. Я сделал это, зная, что моя собственная жизнь однажды будет оборвана точно так же внезапно и окончательно. Так что, в конечном счете, мы и змеи равны. Одна из них сегодня нас накормила.

– Я никогда не находился в таком равновесии, когда охотился, – сказал я.

– Неправда. Ты не просто убивал животных. И ты, и вся твоя семья ели дичь.

Он говорил с такой убежденностью, словно видел это собственными глазами. И, разумеется, был прав. Были времена, когда вся семья питалась мясом, которое мне удавалось добыть на охоте.

После минутного колебания я спросил:

– Откуда ты знаешь?

– Есть вещи, которые я просто знаю. Но не могу сказать, откуда.

Я рассказал, как мои тети и дяди совершенно серьезно именовали «фазанами» всех птиц, которых я приносил.

Дон Хуан сказал, что вполне может себе представить, как они говорят на скворца «маленький фазанчик», и очень смешно изобразил, как кто-то из них жует птичку. Следя за неподражаемыми движениями его челюстей, я буквально ощущал, что во рту у него – птичка, которую он жует прямо с костями.

– Я в самом деле думаю, что у тебя есть способности к охоте, – сказал дон Хуан, уставившись на меня, – Мы начали не с того конца. Возможно, ты захочешь изменить свой образ жизни для того, чтобы стать охотником.

Он напомнил мне, что я не только без особого труда понял, что в мире есть благоприятные и неблагоприятные места, но еще и обнаружил соответствующие им цвета.

– Все это говорит о том, что у тебя есть склонность к охоте, – объявил он. – Далеко не каждый способен одновременно определить и то и другое.

«Стать охотником» звучало заманчиво* и романтично, но с моей точки зрения это было абсурдным, потому что охота лично меня ни в коей мере не интересовала. Я сказал ему об этом.

– Вовсе не обязательно, чтобы охота тебя интересовала или нравилась тебе, – сказал он. – Ты обладаешь естественной склонностью. Я думаю, что настоящие охотники никогда не любят охотиться. Они просто хорошо это делают, вот и все.

У меня возникло ощущение, что дон Хуан готов спорить по любому вопросу и способен переспорить кого угодно. Но он утверждал, что вообще не любит разговаривать.

– Это – как охота, – сказал он. – Мне вовсе ни к чему любить разговаривать. Просто у меня есть способности к тому, чтобы говорить, и я делаю это хорошо. Вот и все. Гибкость его ума меня произвела на меня впечатление.

– Охотник должен быть очень жестким, – продолжил дон Хуан, – Он практически ничего не предоставляет случаю. Все время я пытаюсь убедить тебя в том, что ты должен изменить свой образ жизни. Но до сих пор все попытки оказывались безуспешными. Тебе не за что было ухватиться. Теперь ситуация изменилась. Я вернул тебе твой старый охотничий дух. Может быть, он поможет

тебе измениться.

Я возразил, что вовсе не желаю становиться охотником.

Я напомнил ему, что изначально всего лишь хотел, чтобы он рассказал мне о лекарственных растениях, но он так далеко увел меня от исходной цели, что теперь я и сам не знаю, действительно ли мне хотелось изучать растения.

– Хорошо! – сказал он. – В самом деле хорошо! Если у тебя нет ясной картины того, чего ты хочешь, ты можешь стать более смирным. Давай сделаем так. Для тебя не имеет особого значения, будешь ты изучать растения или что-нибудь еще. Ты сам мне об этом говорил. Тебя интересует все, что кто-либо может тебе рассказать. Так?

Я действительно однажды сказал ему это, чтобы разъяснить задачи антропологии и привлечь его в качестве информатора.

Дон Хуан усмехнулся, явно сознавая, что полностью контролирует ситуацию.

– Я – охотник, – сказал он, словно читая мои мысли. – Я почти ничего не предоставляю случаю. Наверно, мне следует объяснить тебе, что охотником я стал. Я не всегда жил так, как живу сейчас. В какой-то момент своей жизни я вынужден был измениться.

Теперь я указываю направление тебе. Я веду тебя. Я знаю, о чем говорю, меня всему этому научили. Я не сам все это понял.

– Ты хочешь сказать, что у тебя был учитель, дон Хуан?

– Скажем так: некто научил меня охотиться так, как я хочу научить тебя, – сказал он и быстро сменил тему.

– Я думаю, что были времена, когда охота была самым почетным делом, которым мог заниматься человек, – сказал он. – Все охотники были могущественными людьми. Действительно, чтобы выдержать всю суровость той жизни, охотнику нужно было прежде всего быть могущественным.

Мне стало любопытно – уж не говорит ли дон Хуан о временах, предшествовавших Конкисте? Я начал его прощупывать:

– Когда это было?

– Давным-давно.

– Когда именно? Что означает твое «давным-давно»?

– «Давным-давно» означает давным-давно, а может быть – сейчас, сегодня. Это не имеет значения. Было время, когда все знали, что охотник – лучший из людей. Сейчас об этом известно далеко не каждому, но есть люди, которые это знают. Я знаю, и ты когда-

нибудь узнаешь. Понимаешь, о чем я говорю?

– Скажи мне, это индейцы яки так относятся к охотникам?

– Не обязательно.

– Индейцы пима?

– Не все. Но некоторые – да.

Я назвал еще несколько племен. Мне хотелось привести его к утверждению о том, что культ охоты является верованием и практикой определенной группы людей. Но он избегал прямого ответа, поэтому я сменил тему:

– Зачем ты со мной все это проделываешь, дон Хуан?

Он снял шляпу и с наигранным недоумением почесал виски.

– Я тобой занимаюсь, – мягко ответил он. – Раньше подобным образом мною занимались другие, и когда-нибудь ты сам кем-то займешься. Скажем так: сейчас – моя очередь. Однажды я обнаружил, что если я хочу быть охотником, который мог бы уважать себя, мне необходимо изменить свой образ жизни. До этого я все время жаловался и распускал нюни. У меня были веские причины, чтобы чувствовать себя обделенным и обманутым жизнью. Я – индеец, а с индейцами обращаются хуже, чем с собаками. Я не мог этого изменить, и поэтому мне не оставалось ничего, кроме печали. Но удача повернулась ко мне лицом, и однажды в моей жизни появился тот, кто научил меня охотиться. И я осознал, что жизнь, которую я вел, не стоит того, чтобы жить. Поэтому я изменил ее.

– Но моя жизнь меня вполне устраивает, дон Хуан. С какой стати я должен ее изменять?

Он принялся напевать мексиканскую песню, очень мягко, а потом просто замурлыкал мелодию, кивая в такт головой.

– Как ты думаешь, мы с тобой равны? – резко спросил он. Вопрос застал меня врасплох. В ушах зазвенело, как будто он громко выкрикнул эти слова, хотя он не кричал. Однако в его голосе был какой-то металлический звук, который завибрировал в моих ушах.

Я почесал мизинцем внутри левого уха. Уши чесались, и в конце концов я принялся ритмично почесывать их мизинцами обеих рук, движения мои при этом скорее напоминали подергивания рук от плеч до кончиков мизинцев.

Дон Хуан с явным удовольствием наблюдал за моими действиями.

– Ну, равны мы? – переспросил он.

– Конечно, мы равны, дон Хуан, – ответил я.

Естественно, я оказывал ему некоторое снисхождение. Я относился к нему очень тепло, даже несмотря на то, что порою не знал, что с ним делать. Но все же в глубине души я считал, хотя никогда и не говорил об этом вслух, что я – студент университета, человек из цивилизованного западного мира – стою выше старого индейца.

– Нет, – спокойно сказал он, – мы не равны.

– Ну почему же, равны, – возразил я.

– Нет, – произнес он мягко. – Мы не равны. Я – охотник и воин, а ты – паразит.

У меня отвисла челюсть. Я не мог поверить в то, что дон Хуан действительно это сказал. Блокнот выпал у меня из рук, я тупо уставился на дону Хуана, а потом, конечно, пришел в ярость. Дон Хуан спокойно и собранно смотрел на меня. Я избегал его взгляда. А потом он заговорил. Он произносил слова очень четко. Речь его лилась гладко и металлически бесстрастно. Он сказал, что я жалко и лицемерно веду себя по отношению ко всем. Что я отказываюсь вести собственные битвы, а вместо этого копаюсь в чужих проблемах и занимаюсь чужими битвами. Что я ничему не желаю учиться – ни знанию растений, ни охоте, ничему вообще. И что его мир точных действий, чувств и решений неизмеримо более эффективен, чем тот бездарный разгильдяйский идиотизм, который я называю «моя жизнь».

Когда он закончил, я онемел. Он говорил без враждебности и без презрения, но с такой мощью и в то же время с таким спокойствием, что даже гнев мой как рукой сняло.

Мы молчали. Я был подавлен и не мог найти подходящих слов. Я ждал, что он первым нарушит молчание. Проходили часы. Дон Хуан постепенно становился все более и более неподвижным, пока, наконец, его тело не сделалось странно, почти пугающе застывшим. Темнело, и силуэт его становился все менее различимым и в конце концов полностью слился с чернотой окружающих скал в кромешной тьме опустившейся ночи. Дон Хуан был настолько неподвижен, что его как бы вовсе не существовало.

Была уже полночь, когда я, наконец, осознал, что, если понадобится, он может вечно сохранять неподвижность среди камней в этой дикой ночной пустыне. Его мир точных действий, чувств и решений был действительно неизмеримо выше.

Я прикоснулся к его руке, и слезы хлынули у меня из глаз.

Глава 7. Стать недоступным

Вторник, 29 июня 1961

Всю неделю дон Хуан рассказывал мне о повадках диких животных, чем совершенно меня очаровал. Он объяснил мне, а потом продемонстрировал несколько тактических приемов охоты, основанных на том, что он называл «перепелиные причуды». Я был настолько поглощен его объяснениями, что совершенно не замечал течения времени. Я даже забыл об обеде. Дон Хуан в шутку заметил, что это совсем на меня не похоже.

К концу дня он поймал пятерых перепелов в простейшую ловушку, устанавливать которую он меня научил.

– Двух будет достаточно, – сказал он и остальных выпустил.

Затем он научил меня жарить перепелов на костре. Я хотел было нарезать с кустов веток, чтобы запечь перепелов на костре целиком, как это делал мой дед. Он готовил дичь на углях, обложив ее листьями и зелеными ветками и обмазав мокрой землей. Но дон Хуан сказал, что нет никакой нужды в том, чтобы причинять вред кустам, тем более, что мы уже причинили его перепелам.

Поев, мы не спеша направились к скалам, видневшимся в отдалении. Мы уселись на склоне песчаникового холма, и я в шутку сказал, что как по мне, то я приготовил бы всех пятерых перепелов и что приготовленные мной, они по вкусовым качествам заметно превзошли бы жаркое, которое приготовил он.

– В этом я не сомневаюсь, – с готовностью согласился дон Хуан, – Но если бы ты все это проделал, то, возможно, нам не удалось бы уйти отсюда целыми и невредимыми.

– Что ты хочешь сказать? – спросил я. – Что могло бы нам помешать?

– Кусты, перепела, все вокруг восстало бы против нас.

– Никогда я не могу понять, всерьез ты говоришь или нет, – сказал я.

Он изобразил нетерпение и причмокнул губами:

– У тебя какое-то странное представление о том, что значит

говорить всерьез. Я много смеюсь, потому что мне нравится смеяться, но все, что я говорю, это совершенно серьезно, даже если ты не понимаешь, о чем идет речь. Почему мир должен быть таким, каким ты его считаешь? Кто дал тебе право так думать? – Но ведь нет доказательств того, что он – не такой, – возразил я. Темнело. Мне было интересно, собирается ли он поворачивать к дому, но он, похоже, не торопился, а я был настроен довольно благодушно.

Дул холодный ветер. Вдруг дон Хуан встал и сказал, что нам нужно подняться на вершину холма и встать там на свободной от кустов площадке.

– Не бойся, – подбодрил он меня, – Я – твой друг и прослежу за тем, чтобы с тобой ничего плохого не случилось.

– Что ты имеешь в виду? – встревожился я.

Дон Хуан обладал коварной способностью из состояния полнейшей удовлетворенности и даже радости мгновенно загонять меня в состояние дикого страха.

– В это время суток мир очень странен, – сказал он. – Вот что я имею в виду. Но что бы ты ни увидел, не пугайся.

– А что я могу увидеть?

– Пока не знаю, – ответил он, внимательно всматриваясь во что-то, находящееся к югу от нас.

Дон Хуан вроде не был ничем обеспокоен. Я смотрел в том же направлении, что и он.

Вдруг он оживился и левой рукой указал на темное пятно среди кустарника внизу.

– Вот оно, – сказал он, словно ждал появления чего-то, и это что-то неожиданно появилось.

– Что это? – спросил я.

– Вон оно, – повторил он. – Смотри! Смотри!

Но я не видел ничего, кроме кустов.

– А теперь оно здесь, – настойчиво сказал он. – Оно здесь.

В это мгновение меня ударил порыв ветра, в глазах появилась резь. Я смотрел на то место, куда показывал дон Хуан. Там не было абсолютно ничего необычного.

– Я ничего не вижу, – сказал я.

– Ты только что это почувствовал. Только что. Оно попало тебе в глаза и мешает смотреть.

– Что – «оно»? О чем ты говоришь?

– Я специально привел тебя на вершину холма, – ответил он. – Здесь мы заметны, и нечто пришло к нам.

– Что «нечто»? Ветер?

– Не просто ветер, – сурово произнес он. – Тебе может казаться, что это ветер, потому что ветер – это все, что тебе известно.

Я напряг глаза, вглядываясь в кустарник, покрывавший окружающую пустыню. Дон Хуан немного постоял рядом со мной, а потом вошел в чаппараль и начал обрывать большие ветки с каких-то кустов. Сорвав восемь веток, он сложил их в пучок. Мне он велел проделать то же самое и громко извиниться перед кустами за причиненный им вред.

Когда у каждого из нас оказалось по охапке веток, дон Хуан велел мне бегом вернуться на свободную от растительности вершину холма и там лечь между двумя большими камнями. С молниеносной быстротой он разложил ветки из моей охапки так, что они укрыли меня с головы до ног. Потом он улегся сам и точно так же укрылся ветками из своей охапки. Потом сквозь листья он прошептал, чтобы я следил, как так называемый ветер перестанет дуть, едва мы сделаемся незаметными.

В какой-то момент ветер, как и предсказывал дон Хуан, действительно утих, что весьма меня изумило. Переход был настолько плавным, что я вряд ли заметил бы перемену, если бы специально за этим не следил. Какое-то время после того, как мы спрятались, ветер еще шуршал листьями над моим лицом, а потом все вокруг нас постепенно стихло.

Я прошептал дону Хуану, что ветер стих, и он шепотом ответил, что нужно лежать неподвижно и не шуметь, поскольку то, что я называю ветром – не ветер вовсе, а нечто обладающее собственной волей и самым натуральным образом способное нас узнать.

От нервного напряжения я засмеялся.

Приглушенным голосом дон Хуан обратил мое внимание на застывшую вокруг нас тишину. Потом он прошептал, что собирается встать, и велел мне сделать то же самое, левой рукой аккуратно отодвинув ветки.

Встали мы одновременно. Дон Хуан какое-то время всматривался в южном направлении, а потом вдруг резко повернулся на запад.

– Змея. Настоящая змея, – пробормотал он, указывая на юго-запад.

– Смотри! Смотри! – подтолкнул он меня.

Я смотрел со всей внимательностью, на какую только был

способен. Мне очень хотелось увидеть то, о чем он говорит, но я ничего не замечал. Вернее, я не замечал ничего такого, чего не было до этого. Передо мной простиралась пустыня, поросшая кустами, которые, вроде бы, шевелит мягкий ветерок. Они шелестели.

– Оно здесь, – сказал дон Хуан.

И в это мгновение ветер ударил мне в лицо. Казалось, что он и в самом деле начал дуть после того, как мы встали. Это было невероятно, я решил, что всему этому обязательно должно быть какое-либо вполне логичное объяснение.

Дон Хуан мягко усмехнулся и посоветовал мне не перегружать мозги поисками причины.

– Давай-ка еще раз наломаем веток, – сказал он. – Я очень не люблю так поступать с маленькими растениями, но мы должны тебя остановить.

Он собрал те ветки, которыми мы укрывались, сложил их в кучу и забросал землей и камнями. Затем так же, как и в первый раз, мы сорвали по восемь больших раскидистых ветвей. Все это время ветер дул безостановочно. Я чувствовал, как он треплет волосы у меня над ушами. Дон Хуан прошептал, что после того, как он меня укроет, я должен лежать молча и без малейшего движения. Он очень быстро укрыл меня с ног до головы, потом лег рядом и укрылся сам.

Мы лежали так минут двадцать. За это время произошло совершенно необъяснимое явление: ветер опять стих. Его жесткий непрерывный напор сменился едва заметными вибрациями.

Я затаил дыхание в ожидании сигнала. Вот дон Хуан осторожно отодвинул ветки. Я сделал то же, и мы встали. Над вершиной холма опять нависла неподвижная тишина. Чаппараль под нами еле-еле вздрагивал листьями.

Дон Хуан неотрывно смотрел на юг.

– Опять идет! – громко воскликнул он.

Я непроизвольно подпрыгнул от неожиданности, едва не потеряв равновесие, а он громко приказал мне смотреть.

– Но что я должен увидеть? – в отчаянии спросил я.

Он ответил, что оно – чем бы там оно ни было – ветром или чем-то другим – похоже на облако, на вихрь вдалеке над кустами, который подбирается к вершине холма, на которой мы стоим.

Я увидел волну, пробежавшую по кустарнику на некотором

расстоянии от нас.

– Вот оно, – сказал дон Хуан, – смотри, как оно нас ищет.

Сразу вслед за его словами мне в лицо в очередной раз ударил устойчивый поток ветра. Но реакция моя теперь была иной – я пришел в ужас. Я не видел того, о чем говорил дон Хуан, однако видел таинственную волну, пробежавшую по поверхности кустарника. Не желая поддаваться страху, я спешно выискивал какое-нибудь приемлемое объяснение. Я уверял себя в том, что в тех местах, должно быть, имеются устойчивые воздушные потоки, и дон Хуан, отлично зная эту местность, не только хорошо в них разбирается, но и умеет рассчитывать их поведение. Поэтому все, что от него требовалось, – это лежать, считать и поджидать, пока ветер прекратится. Поднявшись же на ноги, ему нужно было только дожждаться следующего порыва.

Из моих умственных упражнений меня вытряхнул голос дон Хуана. Он говорил, что пора уходить. Я заупрямился, мне хотелось остаться и убедиться в том, что ветер перестанет дуть сам по себе.

– Я ничего не видел, дон Хуан, – сказал я.

– Но нечто необычное ты все же заметил.

– Может, еще раз расскажешь, что я должен быть видеть?

– Я уже все тебе рассказал, – ответил он. – Нечто, скрывающееся в потоках ветра. Оно похоже на вихрь, на облако, на туман, на лицо, которое кружит вокруг.

И дон Хуан рукой изобразил горизонтальное и вертикальное движение:

– Оно движется в определенном направлении либо перекатываясь, либо вращаясь, как смерч. Чтобы правильно действовать, охотник должен все это знать.

Я собрался было пошутить по этому поводу, но дон Хуан так упорно и серьезно отстаивал свою точку зрения, что я не посмел. Он бросил на меня короткий взгляд, и я отвел глаза.

– Глупо верить в то, что мир именно таков, каким считаешь его ты, – сказал он. – Этот мир – место, исполненное тайн. Особенно в сумерках.

Он кивнул в том направлении, откуда дул ветер:

– Это может преследовать нас. Оно способно нас вымотать и даже убить.

– Ветер?

– В это время суток, в сумерках, ветра не бывает. В это время

существует только сила.

Мы оставались на вершине холма еще около часа. Все это время, не переставая, дул сильный ветер.

Пятница, 30 июня 1961

Вечером после еды мы с доном Хуаном устроились на площадке перед домом. Я уселся на «своем месте» и занялся заметками. Дон Хуан улегся на спину, сложив на животе руки. Из-за «ветра» мы целый день не отходили от дома. Дон Хуан объяснил, что вчера мы намеренно побеспокоили силу, с которой лучше не шутить. Он даже заставил меня спать, укрывшись ветками.

Неожиданный порыв ветра заставил дона Хуана вскочить одним невероятно мощным прыжком.

– Вот черт! – воскликнул он. – Ветер ищет тебя.

– Не морочь голову, дон Хуан, – со смехом сказал я. – Меня на такое не купишь. В самом деле, нет.

Я не упрямился. Просто я никак не мог согласиться с тем, что ветер обладает собственной волей и может меня искать, равно как и с тем, что он на самом деле выслеживал нас и бросался к нам на вершину холма. Я сказал, что идея «ветра, обладающего волей» относится к очень примитивному мировоззрению.

– Хорошо, тогда что такое ветер? – вызывающе спросил дон Хуан. Я терпеливо объяснил ему, что массы горячего и холодного воздуха создают различные давления, и, вследствие их разницы, воздух перемещается в горизонтальном и вертикальном направлениях. Я довольно долго посвящал дона Хуана в основы метеорологии.

– То есть ты хочешь сказать, что ветер – это лишь результат взаимодействия холодного и горячего воздуха? – спросил дон Хуан с заметным замешательством.

– Боюсь, что так, – ответил я, молча наслаждаясь своим триумфом. Дон Хуан, казалось, был ошарашен. Но потом он взглянул на меня и расхохотался.

– Все твои мнения – окончательны, – сказал он с ноткой сарказма в голосе. – Все они – последнее слово, верно? Но для охотника, однако, твое мнение по поводу ветра – чистейший вздор. Нет никакой разницы, каким будет давление – единица, две или десять. Если бы ты жил среди дикой природы, ты бы знал: в сумерках ветер становится силой. Настоящий охотник знает это и действует соответственно.

– Как именно?

– Он использует сумерки и силу, скрытую в ветре.

– Как?

– Если ему нужно, охотник прячется от силы, укрываясь ветками и лежа неподвижно до тех пор, пока не кончатся сумерки. И сила окутывает его своей защитой.

Движениями рук дон Хуан изобразил, как именно сила окутывает охотника.

– Это похоже на ...

Дон Хуан замолчал, подыскивая соответствующее слово.

– Кокон, – подсказал я.

– Точно, – согласился он. – Защита силы окутывает тебя подобно кокону. Охотник может спокойно оставаться на открытом месте, и ни пума, ни койот, ни ядовитый клоп его не потревожат. Горный лев может подойти к самому носу охотника и обнюхать его, но если охотник останется неподвижным, лев уйдет. Я могу тебе это гарантировать.

Если же охотник хочет стать заметным, ему нужно всего лишь подняться в сумерках на вершину холма. Сила зацепится за него и будет следовать за ним всю ночь. Поэтому, если охотник хочет совершить ночной переход, или если ему необходимо всю ночь бодрствовать, он должен стать доступным ветру. В этом состоит секрет великих охотников – в смене доступности и недоступности точно на соответствующих поворотах пути.

Чувствуя, что несколько сбит с толку, я попросил его вкратце повторить все, что он сказал.

– Ты должен научиться сознательно становиться доступным и недоступным, – сказал он. – Хочешь ты этого или нет, но при твоём нынешнем образе жизни ты все время остаешься доступным. Ты всегда открыт.

Я запротестовал. Я чувствовал, что моя жизнь становится все более и более скрытной. Он сказал, что я его не понял. Быть недоступным вовсе не значит прятаться или быть скрытным. Это значит – быть недостижимым, то есть закрытым и защищенным.

– Давай скажем иначе, – терпеливо продолжал он. – Нет никакой разницы в том, прячешься ты или нет, если каждый знает, что ты прячешься. Из этого вытекают все твои нынешние проблемы.

Когда ты прячешься, то об этом знают все; ты открыт и доступен, и каждый может в тебя чем угодно ткнуть.

Я почувствовал какую-то угрозу и поспешно попытался защититься.

– Не нужно оправдываться, – сухо сказал дон Хуан. – В этом нет никакой нужды. Все мы – дураки, и ты не можешь быть другим. Когда-то я тоже, подобно тебе, был доступен и раскрывался снова и снова до тех пор, пока от меня почти ничего не осталось. А то, что осталось, могло только ныть. Что я и делал, так же, как ты. Дон Хуан смерил меня взглядом и громко вздохнул.

– Я, правда, был тогда моложе тебя, – продолжал он, – но в один прекрасный день я почувствовал, что с меня довольно, и изменился. Скажем так: однажды, когда я сделался охотником, я постиг секрет смены доступности и недоступности.

Я сказал, что до меня все равно не доходит то, что он хочет сказать. Я действительно никак не мог понять, что он имеет в виду, говоря «быть доступным». Он использовал испанские идиоматические выражения «ponerse al alcance» è «ponerse en el medio del camino» – «быть в пределах досягаемости» и «находиться посреди оживленной улицы».

– Ты должен оттуда убраться, – объяснил он. – Уйти с середины улицы, на которой полно машин и прохожих. Ты весь – там, всем своим существом, поэтому не имеет никакого значения, прячешься ты или нет. Прятаться там бессмысленно, ты только можешь воображать, что спрятался. Ты находишься посреди улицы; это значит, что каждый, кто по ней проходит или проезжает, видит, как ты бродишь там туда-сюда.

Метафора была интересной и в то же время весьма туманной.

– Ты говоришь загадками, – сказал я.

Он довольно долго не мигая смотрел на меня, а потом замурлыкал мексиканскую мелодию. Я выпрямил спину и насторожился, потому что уже знал – эта мелодия означает, что сейчас он меня снова на чем-нибудь поймает.

– Эй, – сказал он, улыбнувшись и вытаращившись на меня. – Слушай, а что с той блондинкой, твоей подружкой? Ну, той, которая тебе по-настоящему нравилась.

Я уставился на него. Должно быть, у меня был вид полнейшего идиота. Он засмеялся с явным удовольствием. У меня не было слов.

– Ты мне сам о ней рассказывал, – сказал дон Хуан, словно затем, чтобы несколько меня подбодрить.

Но я не помнил, чтобы когда-либо рассказывал ему о ком-то из

своих друзей, тем более о белокурой девушке.

– Никогда ни о чем подобном я тебе не рассказывал, – сказал я.

– Ну как же не рассказывал, если рассказывал, – возразил он, как бы подводя итог спору.

Я хотел было возразить, но он не дал, сказав, что то, откуда он о ней узнал, не имеет значения, а важно лишь то, что я действительно ее любил.

На меня накатила волна враждебности к нему из-за того, что он лезет мне в самую душу.

– Только не надо хорохориться, – сказал дон Хуан сухо. – С чувством собственной важности уже давно пора покончить. У тебя была женщина, очень дорогой тебе человек. И ты ее потерял.

Я начал вспоминать, действительно ли я когда-нибудь говорил с доном Хуаном об этом. В конце концов я пришел к выводу, что это было вряд ли возможно. Хотя все же я мог что-то рассказать ему, когда мы ехали в машине. Я не помнил всего, о чем мы говорили во время совместных поездок, потому что, сидя за рулем, не мог записывать. Эта мысль в какой-то степени меня успокоила. Я сказал ему, что он прав. В моей жизни действительно была белокурая девушка, и отношения с ней действительно имели для меня огромное значение.

– Почему сейчас она не с тобой? – спросил дон Хуан.

– Она ушла от меня.

– Почему?

– По многим причинам.

– Причин было не так уж много. Причина была одна – ты сделался слишком доступным.

Я искренне хотел понять, что он имеет в виду. Ему в очередной раз удалось меня здорово зацепить. Он, похоже, отлично отдавал себе в этом отчет и, чтобы скрыть предательскую улыбку, выпятил губы.

– О ваших отношениях знали все вокруг, – сказал он с непоколебимой уверенностью.

– А что в этом плохого?

– Это очень плохо, просто ужасно. Ведь она была прекрасным человеком.

Я искренне заявил, что его манера гадать о том, о чем он не может иметь ни малейшего понятия, мне отвратительна, и что самое неприятное в этом то, что он говорит с такой уверенностью,

словно видел все собственными глазами.

– Но все, что я говорю, – правда, – сказал дон Хуан с обезоруживающей прямоотой. – Я *видел* все это. Она была очень тонкой личностью.

Я знал, что спорить не имеет смысла, но очень разозлился на него за то, что он разбередил самую глубокую из моих ран. Поэтому я сказал, что, в конце концов, та девушка была не такой уж тонкой личностью, и что, по моему мнению, она была личностью довольно слабой.

– Как и ты, – спокойно произнес дон Хуан. – Но это – не важно. Значение имеет лишь то, что ты ее повсюду искал. Это делает ее особым человеком в твоей жизни. А для особых людей у нас должны быть только хорошие слова.

Я был подавлен. Глубокая печаль начала охватывать меня.

– Что ты со мной делаешь, дон Хуан? – спросил я. – Тебе каждый раз удастся вогнать меня в печаль. Почему?

– А сейчас ты потворствуешь своей сентиментальности, – с укором сказал он.

– Но в чем тут дело, дон Хуан?

– Дело в доступности, – провозгласил он. – Я напомнил тебе о той девушке только затем, чтобы непосредственно показать то, чего не смог показать посредством ветра. Ты потерял ее, потому что был доступен; ты всегда находился в пределах ее досягаемости, и твоя жизнь была подчинена строгому распорядку.

– Нет! – возразил я. – Ты не прав. В моей жизни никогда не было распорядка.

– Был и есть, – с догматической убежденностью заявил он. – Это – распорядок необычный, поэтому складывается впечатление, что его нет. Но я уверяю тебя, он есть.

Я собрался было надуться и погрузиться в мрачное расположение духа, но что-то в его глазах не давало мне покоя, его взгляд словно бы все время куда-то меня подталкивал.

– Искусство охотника заключается в том, чтобы сделаться недостижимым, – сказал дон Хуан. – В случае с белокурой девушкой это означало бы, что ты должен был стать охотником и встречаться с ней осторожно, бережно. А не так, как ты это делал. Ты оставался с ней изо дня в день до тех пор, пока не истощились все чувства, кроме одного – скуки. Верно?

Я не ответил. Да ответа и не требовалось. Он был прав.

– Быть недостижимым – значит бережно прикасаться к окружающему миру. Съесть не пять перепелов, а одного. Не калечить растения лишь для того, чтобы сделать жаровню. Не подставляться без необходимости силе ветра. Не пользоваться людьми, не выжимать из них все до последней капли, особенно из тех, кого любишь.

– Но я никогда никем не пользовался, – вставил я.

Но дон Хуан сказал, что пользовался, и потому теперь могу только тупо твердить, что устал от них и что они нагоняют на меня тоску.

– Быть недоступным – значит сознательно избегать истощения, бережно относясь и к себе, и к другим, – продолжал он. – Это значит, что ты не поддаешься голоду и отчаянию, как несчастный дегенерат, который боится, что не сможет поесть больше никогда в жизни, и потому пожирает без остатка все, что попадает на пути, всех пятерых перепелов!

Дон Хуан определенно бил ниже пояса. Я засмеялся, и это, похоже, ему понравилось. Он слегка дотронулся до моей спины.

– Охотник знает, что в его ловушки еще не раз попадет дичь, поэтому он не беспокоится. Беспокойство неизбежно делает человека доступным, он непроизвольно раскрывается. Тревога заставляет его в отчаянии цепляться за что попало, а зацепившись, ты уже обязан истощить либо себя, либо то, за что зацепился.

Я сказал, что в моей жизни быть недостижимым невозможно, потому что мне постоянно приходится иметь дело с множеством людей и быть в пределах досягаемости каждого из них.

– Я уже тебе говорил, – спокойно продолжал дон Хуан, – что быть недостижимым – вовсе не означает прятаться или скрытничать. И не означает, что нельзя иметь дело с людьми. Охотник обращается со своим миром очень осторожно и нежно, и не важно, мир ли это вещей, растений, животных, людей или мир силы. Охотник находится в очень тесном контакте со своим миром и, тем не менее, он для этого мира недоступен.

– Но тут у тебя явное противоречие, – возразил я. – Невозможно быть недоступным для мира, в котором находишься постоянно, час за часом, день за днем.

– Ты не понял, – терпеливо объяснил дон Хуан. – Он недоступен потому, что не выжимает из своего мира все до последней капли. Он слегка касается его, оставаясь в нем ровно столько, сколько необходимо, и затем быстро уходит, не оставляя никаких следов.

Глава 8. Разрушение распорядков

Воскресенье, 16 июля 1961

Все утро мы наблюдали за грызунами, похожими на жирных белок. Дон Хуан называл их водяными крысами. Он рассказывал, что, спасаясь от опасности, эти животные могут развивать огромную скорость. Но у них есть пагубная привычка: стоит животному оторваться от погони, независимо от того, кто его преследует, как оно останавливается, а иногда даже взбирается на камень и садится на задние лапки, чтобы осмотреться и почиститься.

– У них исключительное зрение, – сказал дон Хуан. – Двигаться можно, только пока животное бежит. Поэтому ты должен научиться предугадывать момент, в который оно остановится, чтобы тоже остановиться и замереть в неподвижности.

Я полностью погрузился в наблюдение за животными, устроив себе то, что охотники называют «днем в поле», так много я выследил этих грызунов. В конце концов я научился предвидеть практически каждое их движение.

Потом дон Хуан научил меня делать ловушки. Он объяснил, что время у охотника уходит в основном на то, чтобы выследить места кормежки грызунов или их обитания. Зная это, он может за ночь соответствующим образом расставить ловушки. А на следующий день ему останется только спугнуть зверьков, и они со всех ног бросятся прямо в западню.

Мы набрали палочек и прутьев и взялись за сооружение ловушек. Я уже почти закончил свою и с нетерпением прикидывал, будет ли она действовать, как вдруг дон Хуан прекратил работу и, взглянув на свое левое запястье, как бы на часы, которых у него не было, сказал, что по его хронометру уже пришло время ленча. Я как раз мастерил обруч из длинного прута, скручивая его в кольцо.

Автоматически я положил прут на землю рядом с остальными своими охотничьими приспособлениями.

Дон Хуан смотрел на меня с любопытством. Потом он издал воющий сигнал фабричной сирены, означающий начало перерыва

на ленч. Я засмеялся. Звук он скопировал в совершенстве. Я направился к нему и заметил, что он внимательно на меня смотрит. Он покачал головой из стороны в сторону и произнес:

– Будь я проклят...

– В чем дело? – поинтересовался я.

Он снова издал протяжный воющий звук фабричного гудка и сказал:

– Ленч закончен. Приступаем к работе.

Я на мгновение смутился, но потом подумал, что это он решил таким образом пошутить, так как еды у нас с собой никакой не было. Я настолько увлекся грызунами, что совсем об этом забыл. Я поднял прут и снова попытался его согнуть. Через несколько секунд «сирена» дон Хуана опять взвыла.

– Пора идти домой, – пояснил он.

Он взглянул на воображаемые часы, а потом посмотрел на меня и подмигнул.

– Пять часов, – сказал он, словно раскрывая большой секрет.

Я подумал, что ему, должно быть, надоела сегодняшняя охота, и он предлагает все бросить и идти домой. Я положил все на землю и начал собираться домой. На дон Хуана я не смотрел, полагая, что он делает то же самое. Когда у меня все было готово, я поднял глаза. Скрестив ноги, дон Хуан сидел в нескольких метрах от меня.

– Я готов, – сказал я. – Можем отправляться в любой момент.

Он встал и взобрался на камень высотой около двух метров.

Посмотрев на меня оттуда, он приложил руки ко рту и, делая полный оборот вокруг своей оси, издал очень длинный пронзительный звук, похожий на усиленный вой фабричного гудка.

– Что ты делаешь, дон Хуан? – спросил я.

Он ответил, что дает всему миру сигнал идти домой. Я был полностью сбит с толку, не понимая, шутит он или просто рехнулся. Я внимательно наблюдал за ним, пытаясь как-то связать его действия с чем-нибудь, что он перед этим говорил. Но мы почти ни о чем не разговаривали с самого утра, по крайней мере, я не мог вспомнить ничего, заслуживающего внимания.

Дон Хуан по-прежнему стоял на камне. Он взглянул на меня и еще раз подмигнул. И тут меня охватила тревога. Дон Хуан приставил ладони ко рту и снова издал длинный гудок.

Потом он сказал, что уже восемь утра и что я снова должен взяться за свою работу, потому что впереди у нас – целый день.

К этому моменту я был уже в замешательстве. За считанные минуты страх мой вырос до совершенно непреодолимого желания куда-нибудь удрать. Я думал, что дон Хуан – псих. Я уже совсем готов был броситься наутек, как вдруг дон Хуан соскочил с камня и с улыбкой подошел ко мне.

– Думаешь, я – псих, да? – спросил он.

Я ответил, что своей неожиданной выходкой он напугал меня до потери сознания.

Он сказал, что мы находимся примерно в одинаковом состоянии. Я не понял, что он имеет в виду, так как был погружен в мысли о том, насколько по-настоящему безумными казались его действия. Он объяснил, что специально старался напугать меня до потери сознания безумностью своего непредсказуемого поведения, потому что у него самого голова идет кругом от предсказуемости моего. И добавил, что моя приверженность распорядкам не менее безумна, чем его вой.

Я был в шоке и принялся доказывать, что у меня нет никаких распорядков. Я сказал ему, что считаю свою жизнь сплошной кашей именно из-за того, что в ней нет здоровой упорядоченности. Дон Хуан засмеялся и знаком велел мне сесть рядом с собой. Вся ситуация разом таинственно изменилась. Стоило дону Хуану начать говорить, как мой страх тут же растаял.

– О каких распорядках ты говоришь? – спросил я.

– Обо всем, что ты делаешь. Ты действуешь в соответствии с распорядком.

– А разве другие действуют не так?

– Не все. Я ничего не делаю в соответствии с распорядком.

– Что подсказало тебе такой ход, дон Хуан? Что я такого сделал, что заставило тебя действовать именно таким образом?

– Ты беспокоился по поводу ленча.

– Но я же ничего тебе не сказал, откуда ты узнал, что я беспокоюсь о ленче?

– Вопрос о еде возникает у тебя ежедневно около полудня, в шесть вечера и в восемь утра, – произнес он со зловещей усмешкой. – В это время ты начинаешь беспокоиться о еде, даже если не голоден. И чтобы продемонстрировать тебе запрограммированность твоего духа, мне нужно было только завывать сиреной. Твой дух выдрессирован работать по сигналу.

Он вопросительно уставился на меня. Мне нечего было сказать в

свою защиту.

– А теперь ты готов превратить в распорядок охоту, – продолжал он. – Ты уже установил в этом деле свой ритм: в определенное время ты разговариваешь, в определенное время – ешь, в определенное время – ложишься спать.

Мне нечего было сказать. Дон Хуан очень точно описал мою привычку есть в одно и то же время. Похожая структура была во всем, чем я занимался. Тем не менее я чувствовал, что моя жизнь все же протекает по менее строгой программе, чем жизнь большинства моих друзей и знакомых.

– Теперь ты довольно много знаешь об охоте, – продолжал дон Хуан, – и тебе легко осознать, что хороший охотник прежде всего знает одно – распорядок своей жертвы. Именно это и делает его хорошим охотником. Если ты вспомнишь, как я учил тебя охотиться, ты поймешь, о чем я говорю. Сначала я научил тебя делать и устанавливать ловушки, потом рассказал о жизненных распорядках дичи, которую предстоит ловить, и наконец мы на практике испытали, как ловушки работают с учетом этих распорядков. Это – элементы охотничьего искусства, образующие его внешнюю структуру. А сейчас я обучу тебя последней и самой сложной части этого искусства. По сложности она, пожалуй, намного превосходит все остальные, вместе взятые. Наверное, пройдут годы, прежде чем ты сможешь сказать, что понял ее и стал охотником.

Дон Хуан умолк, как бы давая мне время собраться с мыслями. Он снял шляпу и изобразил, как чистятся грызуны, за которыми мы весь день наблюдали. Получилось очень забавно. Круглая голова дона Хуана делала его похожим на одного из этих зверьков.

– Быть охотником – значит не просто ставить ловушки, – продолжал он. – Охотник добывает дичь не потому, что устанавливает ловушки, и не потому, что знает распорядки своей добычи, но потому, что сам не имеет никаких распорядков. И в этом – его единственное решающее преимущество. Охотник не уподобляется тем, на кого он охотится. Они скованы жесткими распорядками, путают след по строго определенной программе, и все причуды их легко предсказуемы. Охотник же свободен, текуч и непредсказуем.

Слова дона Хуана я воспринял как произвольную иррациональную идеализацию. Я не мог себе представить жизнь без распорядков.

Мне хотелось быть с ним предельно честным, поэтому дело было вовсе не в том, чтобы согласиться или не согласиться. Я чувствовал, что то, о чем он говорил, было невыполнимо. Ни для меня, ни для кого бы то ни было другого.

– Мне нет равным счетом никакого дела до того, что ты по этому поводу чувствуешь, – сказал дон Хуан. – Чтобы стать охотником, ты должен разрушить все свои распорядки, стереть все программы. Ты уже здорово преуспел в изучении охоты. Ты – способный ученик и схватываешь все на лету. Так что тебе уже должно быть ясно: ты подобен тем, на кого охотишься, ты – легко предсказуем. Я попросил уточнить на конкретных примерах.

– Я говорю об охоте, – принялся спокойно объяснять дон Хуан. – Поэтому я так подробно останавливаюсь на том, что свойственно животным: где они кормятся; где, как и в какое время спят; где живут; как передвигаются. Все это – программы, распорядки, на которые я обращаю твое внимание, с тем, чтобы ты провел параллели с самим собой и осознал, что ты сам живешь точно так же. Ты внимательно наблюдал за жизнью и повадками обитателей пустыни. Они едят и пьют в строго определенных местах, они гнездятся на строго определенных участках, они оставляют следы строго определенным образом. То есть всему, что они делают, присуща строгая определенность, поэтому хорошему охотнику ничего не стоит предвидеть и точно рассчитать любое их действие. Я уже говорил, что с моей точки зрения ты ведешь себя точно так же, как те, на кого ты охотишься. И в этом ты отнюдь не уникален. Когда-то в моей жизни появился некто, указавший мне на то же самое в отношении меня самого. Всем нам свойственно вести себя подобно тем, на кого мы охотимся. И это, разумеется, в свою очередь делает нас чьей-то добычей. Таким образом, задача охотника, который отдает себе в этом отчет – прекратить быть добычей. Понимаешь, что я хочу сказать?

Я снова высказал мнение, что его установка невыполнима.

– На это требуется время, – сказал он. – Можешь начать с того, чтобы отказаться от ежедневного ленча в одно и то же время.

Дон Хуан взглянул на меня и снисходительно улыбнулся, соорудив такую забавную мину, что я не смог удержаться от смеха.

– Однако существуют животные, выследить которых невозможно, – продолжал он. – Например, – особый вид оленя. Очень удачливый охотник может встретиться с таким животным только

благодаря редкостному везению, и едва ли ни единственный раз в жизни.

Дон Хуан выдержал драматическую паузу, взглянув на меня пронзительно. Он, похоже, ждал вопроса, но у меня вопросов не было. Тогда он сам спросил:

– Как ты думаешь, почему этих животных так трудно отыскать, и встреча с ними – столь уникальное явление?

Не зная, что сказать, я лишь пожал плечами.

– У них нет распорядков, – произнес он таким тоном, словно это было великое откровение. – И это делает их волшебными животными.

– Но олень должен спать по ночам, – возразил я. – Разве это не распорядок?

– Распорядок, если олень спит каждую ночь в строго определенное время и во вполне определенном месте. Но волшебные животные так себя не ведут. Ты сам когда-нибудь, возможно, в этом убедишься. Наверное, весь остаток жизни ты будешь отслеживать одно из таких животных. Это станет твоей судьбой.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Тебе нравится охотиться, и, вероятно, в один из дней пути твои и волшебного существа пересекутся, и ты, вполне возможно, последуешь за ним. Волшебные животные являют собой зрелище воистину дивное. Мне посчастливилось, и мой путь однажды пересекся с тропой одного из них. Это случилось после того, как я очень многое узнал об охоте и долго отрабатывал это искусство. Как-то я бродил по густому лесу в безлюдных горах Центральной Мексики. Вдруг послышался очень мягкий и благозвучный свист. Я никогда не слышал этого звука, ни разу за многие годы странствований среди дикой природы. Я не мог определить, где находится источник этого свиста; казалось, он доносится сразу со многих сторон. Я решил, что нахожусь в самой середине стада или стаи каких-то неведомых зверей. Дразнящий свист повторился, на этот раз он доносился как будто отовсюду. И я понял, что мне несказанно повезло. Я знал, что это свистит чудесное существо – волшебный олень. Я знал также, что волшебный олень отлично разбирается как в распорядках обычных людей, так и в распорядках охотников. Вычислить, что в такой ситуации будет делать обычный человек, очень легко. Прежде всего страх превратит его в добычу. А добыча может действовать только

двумя способами: либо бросается наутек, либо прячется. Если у человека нет оружия, он, вероятнее всего, бросится к открытому месту, чтобы там спастись бегством. Если он вооружен, он приготовит оружие к бою и устроит засаду, либо застыв неподвижно в зарослях, либо рухнув на землю. Охотник же, выслеживающий дичь среди дикой природы, никогда никуда не пойдет, не прикинув прежде, как ему защититься. Поэтому он немедленно спрячется. Он либо бросит свое пончо на землю, либо зацепит его за ветку, а сам спрячется поблизости и станет ждать, пока зверь опять не подаст голос или не шевельнется. Зная все это, я повел себя совершенно иначе. Я быстро встал на голову и начал тихонько подвывать. Я так долго самым натуральным образом лил слезы и всхлипывал, что едва не потерял сознание. Вдруг я ощутил мягкое дыхание, кто-то обнюхивал мою голову как раз за правым ухом. Я попытался повернуться, чтобы взглянуть, кто это, но не удержал равновесия и перекувырнулся через голову. Я сел и увидел, что на меня смотрит светящееся существо. Олень внимательно меня разглядывал, и я сказал, что не причиню ему вреда. И он заговорил со мной.

Дон Хуан умолк и посмотрел на меня. Я непроизвольно улыбнулся. Говорящий олень – это было, мягко говоря, маловероятно.

– Он заговорил со мной, – с усмешкой повторил дон Хуан.

– Олень заговорил?

– Олень.

Дон Хуан встал и собрал свои охотничьи принадлежности.

– Что, правда заговорил? – переспросил я еще раз с растерянностью в голосе.

Дон Хуан разразился хохотом.

– И что он сказал? – спросил я наполовину в шутку.

Я думал, он меня разыгрывает. Дон Хуан немного помолчал, как бы припоминая. Потом глаза его просветлели, он вспомнил:

– Олень сказал мне: «Здорово, приятель!» А я ответил: «Привет!»

Тогда он спросил: «Отчего ты плачешь?» Я сказал: «Оттого, что мне грустно». Тогда волшебное существо наклонилось к самому моему уху и произнесло так же ясно, как говорю сейчас я: «Не грусти».

Дон Хуан посмотрел мне в глаза. Вид у него был озорной до невозможности. Он раскатисто рассмеялся.

Дон Хуан посмотрел мне в глаза. Вид у него был озорной до невозможности. Он раскатисто рассмеялся.

Я сказал, что беседа у них с оленем вышла несколько туповатой.

– А чего ты ожидал? – не переставая смеяться, спросил он. – Я же – индеец.

Его чувство юмора показалось мне настолько потрясающим, что я смог только рассмеяться вместе с ним.

– Ты не поверил в то, что волшебные олени разговаривают, да?

– К сожалению, я не могу поверить в то, что такие вещи вообще возможны, – ответил я.

– Я не виню тебя в этом, – сказал он ободряющим тоном. – Ведь эта штука – из самых заковыристых.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 9. Последняя битва на земле

Понедельник, 24 июля 1961

Несколько часов мы с доном Хуаном бродили по пустыне. Около полудня он выбрал тенистое место для отдыха. Едва мы сели на землю, дон Хуан заговорил. Он сказал, что я уже довольно много знаю об охоте, но изменился не в такой степени, как ему бы хотелось.

– Недостаточно знать, как делаются и устанавливаются ловушки, – сказал он. – Чтобы извлечь из жизни максимум, охотник должен жить так, как подобает охотнику. К сожалению, человек изменяется с большим трудом, и изменения эти происходят очень медленно. Иногда только на то, чтобы человек убедился в необходимости измениться, уходят годы. Я, в частности, потратил на это годы. Но, возможно, у меня не было способностей к охоте. Я думаю, что самым трудным для меня было по-настоящему захотеть измениться.

Я заверил его в том, что понял, о чем он говорит. Действительно, с того времени, как он взялся обучать меня охоте, я провел переоценку всех своих действий. Наверное, самым трудным для меня было по-настоящему захотеть измениться.

Я заверил его в том, что понял, о чем он говорит. Действительно, с того времени, как он взялся обучать меня охоте, я провел переоценку всех своих действий. Наверное, самым драматическим открытием для меня стало то, что мне нравился образ жизни дона Хуана. Мне нравился сам дон Хуан как личность. В его поведении было что-то несокрушимое. В том, как он действовал, чувствовалось истинное мастерство, но он никогда не пользовался своим превосходством, чтобы что-либо от меня потребовать. Его стремление изменить мой образ жизни выливалось в безличные поручения, либо в авторитетную констатацию и разъяснение моих слабых сторон. Он заставил меня в полной мере осознать все мои недостатки, но я все же не мог представить себе, каким образом его путь может что-нибудь во мне исправить. Я искренне полагал, что в свете того, чего я хотел достичь в своей жизни, его путь

может привести меня только к нужде и трудностям. Отсюда и тупик, в который зашло мое обучение. Однако я научился уважать мастерство дона Хуана, неизменно восхищавшее меня своей красотой и точностью.

– Я решил изменить тактику, – заявил он.

Я попросил объяснить, потому что его заявление показалось мне весьма туманным, я даже не был уверен в том, что оно касается именно меня.

– Хороший охотник меняет свой образ действия настолько часто, насколько это необходимо, – ответил он. – Да ты сам знаешь.

– Дон Хуан, что ты задумал?

– Охотник должен не только разбираться в повадках тех, на кого он охотится. Кроме этого, ему необходимо знать, что на этой земле существуют силы, которые направляют и ведут людей, животных и вообще все живое, что здесь есть.

Он замолчал. Я ждал, но он, похоже, сказал все, что хотел.

– О каких силах ты говоришь? – спросил я после длительной паузы.

– О силах, которые руководят нашей жизнью и нашей смертью.

Дон Хуан снова умолк, словно столкнувшись с огромными затруднениями относительно того, что сказать дальше. Он потирал руки и, двигая нижней челюстью, качал головой. Дважды он знаком просил меня помолчать, когда я начинал просить его объяснить эти загадочные утверждения.

– Тебе непросто будет остановиться, – сказал он наконец. – Ты упрям, я знаю, но это не имеет значения. Когда тебе, в конце концов, удастся себя изменить, упрямство будет тебе на руку.

– Я стараюсь, как только могу, – сказал я.

– Нет. Я не согласен. Ты не стараешься, как только можешь. Ты сказал так, потому что для тебя это звучит красиво. Ты говоришь так обо всем, что бы ты ни делал. Ты годами стараешься, как только можешь, и все без толку. Что-то нужно сделать, чтобы с этим покончить.

Как обычно, я почувствовал было, что должен защищаться. Но дон Хуан, как правило, находил мои самые слабые места. Поэтому каждый раз, начав защищаться от его критики, я неизменно оказывался в дураках. Поэтому на середине длинного выступления в свою защиту я умолк.

Дон Хуан с любопытством оглядел меня и засмеялся. Очень добродушно он напомнил, что уже говорил мне, что все мы –

дураки. И что я – не исключение.

– Ты каждый раз чувствуешь себя обязанным объяснить свои поступки, как будто ты – единственный на всей земле, кто живет неправильно. Это – все то же чувство собственной важности. У тебя его все еще слишком много, так же, как слишком много личной истории. И в то же время ты так и не научился принимать на себя ответственность за свои действия, не используешь свою смерть в качестве советчика и, прежде всего, ты слишком доступен, ты полностью открыт. Другими словами, жизнь твоя по-прежнему настолько же бездарна и запутана, насколько была до того, как мы с тобой встретились.

Чувство уязвленного самолюбия захлестнуло меня, и я снова собрался было спорить. Но он сделал мне знак помолчать.

– Человек должен отвечать за то, что живет в этом странном мире, – сказал он. – Ведь ты же знаешь, это – действительно странный мир.

Я утвердительно кивнул.

– Ты соглашаешься, но мы с тобой имеем в виду различные вещи. Для тебя мир странен своим свойством либо нагонять на тебя скуку, либо быть с тобой не в ладах. Для меня мир странен, потому что он огромен, устрашающ, таинственен, непостижим. Ты должен с полной ответственностью отнестись к своему пребыванию здесь – в этом чудесном мире, здесь – в этой чудесной пустыне, сейчас – в это чудесное время. Моя задача – убедить тебя в этом. И я все время старался ее выполнить. Я хотел убедить тебя в том, что необходимо научиться отдавать себе отчет в каждом действии, сделать каждое действие осознанным. Ведь ты пришел сюда ненадолго, и времени, которое тебе отпущено, слишком мало, действительно слишком мало для того, чтобы прикоснуться ко всем чудесам этого странного мира.

Я настаивал на том, что испытывать тоску или находиться с миром не в ладах – нормальное человеческое состояние.

– Так измени его! – ответил он сухо. – Это – вызов, и если ты его не принимаешь, значит ты – практически мертв.

Он предложил мне вспомнить хоть что-нибудь из своей жизни, что я делал бы с полной самоотдачей. Я назвал искусство. Мне всегда хотелось стать художником, и в течение нескольких лет я пытался реализовать свое желание. Иногда я все еще с болью вспоминал о постигшей меня неудаче.

– Ты никогда не относился с ответственностью к тому, что находишься в этом непостижимом мире, – сказал он таким тоном, словно выносил приговор. – Поэтому ты так и не стал художником, и, наверное, так и не станешь охотником.

– Значит, на большее я не способен, дон Хуан.

– Неправда. Ты не знаешь, на что ты способен.

– Но я делаю все, что могу.

– И снова ты ошибаешься. Ты можешь сделать гораздо больше и действовать гораздо лучше. Ты допускаешь только одну-единственную ошибку – ты думаешь, что в твоём распоряжении уйма времени.

Он помолчал, глядя на меня как бы в ожидании реакции с моей стороны.

– Ты думаешь, что в твоём распоряжении – уйма времени, – повторил он.

– Уйма времени на что, дон Хуан?

– Ты считаешь, что твоя жизнь будет длиться вечно.

– Вовсе я так не считаю.

– Тогда, если ты не считаешь, что твоя жизнь будет длиться вечно, чего же ты ждешь? Почему ты колеблешься вместо того, чтобы решительно измениться?

– А тебе не приходило в голову, дон Хуан, что я не хочу меняться?

– Приходило. Так же, как и ты, я когда-то не хотел изменяться.

Однако мне не нравилась моя жизнь. Я устал от нее, так же как ты сейчас устал от своей. Зато теперь я чувствую, что на все мне ее не хватит.

Я начал неистово доказывать, что его настойчивое стремление изменить мой образ жизни – это произвол, и что оно меня пугает. Я сказал, что на определенном уровне я с ним согласен, но лишь один тот факт, что он неизменно остается хозяином положения, делает всю ситуацию неприемлемой для меня.

– Дурак, у тебя нет времени на то, чтобы становиться в позу, – сурово произнес он. – То, что ты делаешь в данный момент, вполне может оказаться твоим последним поступком на земле, твоей последней битвой. В мире нет силы, которая могла бы гарантировать тебе, что ты проживешь еще хотя бы минуту.

– Я знаю, – сказал я, сдерживая гнев.

– Нет. Ты не знаешь. Если бы ты это знал, ты был бы охотником.

Я заявил, что осознаю неотвратимость своей смерти, но говорить

или думать об этом бесполезно, потому что я ничего не могу сделать, чтобы ее избежать. Дон Хуан засмеялся и, сказал, что я похож на балаганного актера, механически твердящего заученную роль.

– Если бы это была твоя последняя битва на земле, я бы сказал, что ты – идиот, – спокойно проговорил он. – Свой последний поступок на земле ты совершаешь, находясь в совершенно дурацком состоянии.

Некоторое время мы оба молчали. Мысли у меня в голове перепутались и устроили бешеную свистопляску. Он, разумеется, был прав.

– Друг мой, у тебя же нет времени. Нет времени. Его нет ни у кого из нас.

– Я согласен с тобой, дон Хуан, но...

– Просто соглашаться ни к чему, – перебил он. – Вместо того, чтобы так легко соглашаться на словах, ты должен соответствующим образом действовать. Прими вызов. Изменись.

– Что, вот так взять и измениться?

– Именно так. Изменение, о котором я говорю, никогда не бывает постепенным. Оно происходит внезапно. А ты даже не думаешь готовиться к неожиданному действию, от которого изменится абсолютно все.

Мне показалось, что он сам себе противоречит. Я объяснил ему, что если бы я готовился к изменению, то тем самым постепенно изменялся бы.

– Ты не изменился ни на йоту, – сказал он. – И поэтому веришь, что меняешься очень постепенно, понемногу. Но однажды ты, возможно, очень удивишься, обнаружив, что внезапно, без каких бы то ни было предупреждений изменился. Я знаю, что так оно и бывает, и поэтому не оставляю попыток тебя убедить.

Я не мог продолжать спорить, потому что не был уверен в том, что действительно хочу что-то сказать. Немного помолчав, дон Хуан продолжил объяснения:

– Наверное, мне следовало бы сказать иначе. Я вот что тебе советую: обрати внимание на то, что ни у одного из нас не может быть уверенности в том, что его жизнь будет продолжаться неопределенно долго. Я только что сказал, что изменение происходит внезапно. Точно так же приходит смерть. Как ты думаешь, что можно с этим поделать?

Я решил, что его вопрос – чисто риторический. Но он приподнял брови, требуя ответа.

– Жить как можно счастливее, – ответил я.

– Верно! А ты знаешь хоть одного человека, который был бы по-настоящему счастлив?

Моим первым побуждением было ответить «да». Мне показалось, что я знаком с довольно многими людьми, которые могли бы послужить примером. Однако затем я понял, что с моей стороны это будет лишь пустая попытка оправдаться. И я ответил:

– Нет. Действительно не знаю.

– А я – знаю, – сказал дон Хуан. – Есть люди, которые очень аккуратно и осторожно относятся к природе своих поступков. Их счастье – в том, что они действуют с полным осознанием того, что у них нет времени. Поэтому во всех их действиях присутствует особая сила, в каждом их поступке есть чувство.

Дон Хуан замолчал, как бы подбирая соответствующее слово. Он потер виски и улыбнулся. Потом внезапно встал, словно давая понять, что разговор окончен. Я принялся умолять его закончить то, что он мне говорил. Он сел и выпятил губы.

– Поступки обладают силой, – сказал он. – Особенно когда тот, кто их совершает, знает, что это – его последняя битва. В действии с полным осознанием того, что это действие может стать для тебя последним на земле, есть особое всепоглощающее счастье. Мой тебе совет: пересмотри свою жизнь и рассматривай свои поступки именно в таком свете.

Я не согласился с ним. Я сказал, что для меня счастье состоит в том, что моим действиям свойственна определенная протяженность во времени, и я могу по своему желанию продолжать делать то, что делаю в данный момент, особенно если это мне нравится. Я объяснил ему, что мое несогласие – отнюдь не банальная фраза, но утверждение, которое вытекает из глубокой убежденности в том, что и мир, и я сам обладаем свойством существовать в течение промежутка времени, вполне поддающегося оценке.

Все мои усилия доходчиво изъясниться дона Хуана, похоже, весьма забавляли. Он все время посмеивался, качал головой, а когда я выдал фразу насчет «свойства существовать в течение промежутка времени, вполне поддающегося оценке», он сорвал с головы шляпу, швырнул ее на землю и принялся топтать.

Закончилось это тем, что мы оба хохотали над его уморительной выходкой.

– У тебя нет времени, приятель, – сказал он. – В этом – беда всех человеческих существ. Времени нет ни у кого из нас, и твой «поддающийся оценке промежутков времени» ничего не значит в этом жутком таинственном мире.

– Надежда на этот самый «промежуток времени» делает тебя робким, лишает решительности, – продолжал он. – И в твоих действиях не может быть того духа, той мощи, той неодолимой силы, которая присутствует в действиях того, кто знает, что сражается в своей последней битве на этой земле. Другими словами, расчет на «промежуток времени» не делает тебя ни счастливым, ни могущественным.

Я признался, что боюсь мыслей о предстоящей смерти, и обвинил дона Хуана в том, что он своими постоянными разговорами о смерти лишает меня душевного равновесия.

– Но ведь нам всем действительно предстоит умереть, – сказал он. Дон Хуан указал на далекие холмы.

– Есть нечто, что ждет меня где-то там. Это – несомненно. И когда-нибудь оно меня дождется. Это – тоже несомненно. Но ты, наверное, – совсем не такой, и смерть вовсе тебя не ждет.

Я в отчаянии развел руками, и он рассмеялся.

– Дон Хуан, я не желаю об этом думать.

– Почему?

– Это бессмысленно. Ведь она так или иначе где-то меня ждет, тогда какой смысл по этому поводу тревожиться?

– Разве я сказал, что ты должен по этому поводу тревожиться?

– Тогда что я должен делать?

– Использовать ее. Сосредоточить внимание на связующем звене между тобой и твоей смертью, отбросив сожаление, печаль и тревогу. Сосредоточить внимание на том факте, что у тебя нет времени. И пусть действия твои текут соответственно. Пусть каждое из них станет твоей последней битвой на земле. Только в этом случае каждый твой поступок будет обладать законной силой. А иначе все, что ты будешь делить в своей жизни, так и останется действиями робкого и нерешительного человека.

– А что, это так ужасно – быть робким и нерешительным человеком?

– Нет, если ты намерен жить вечно. Но если тебе предстоит

умереть, то у тебя просто нет времени на проявления робости и нерешительности. Нерешительность заставляет тебя цепляться за то, что существует только в твоём воображении. Пока в мире – затишье, это успокаивает. Но потом этот жуткий таинственный мир разевает пасть, намереваясь тебя проглотить, и ты с полной очевидностью осознаешь, что все твои проверенные и надежные пути вовсе такими не были. Нерешительность мешает нам испытать и полноценно использовать свою судьбу – судьбу людей. – Но, дон Хуан, это же противоестественно – все время жить с мыслью о смерти.

– Смерть ожидает нас, и то, что мы делаем в этот самый миг, вполне может стать нашей последней битвой на этой земле, – очень серьезно, почти торжественно произнес он. – Я называю это битвой, потому что это – борьба. Подавляющее большинство людей переходит от действия к действию без борьбы и без мысли. Охотник же, наоборот, тщательно взвешивает каждый свой поступок. И поскольку он очень близко знаком со своей смертью, он действует рассудительно, так, словно каждое его действие – последняя битва. Только дурак может не заметить, настолько охотник превосходит своих ближних – обычных людей. Охотник с должным уважением относится к своей последней битве. И вполне естественно, что последний поступок должен быть самым лучшим. Это доставляет удовольствие. И притупляет страх.

– Ты прав, – признал я. – Просто это трудно принять.

– Да. Чтобы убедиться в том, что дело обстоит именно так, тебе понадобятся годы. И годы – на то, чтобы научиться действовать сообразно этому убеждению. Мне остается лишь надеяться, что ты успеешь.

– Ты пугаешь меня, когда так говоришь, – сказал я.

Дон Хуан окинул меня взглядом. Лицо его было необычайно серьезно.

– Я уже говорил тебе, это – очень странный мир. Силы, которые руководят людьми, непредсказуемы и ужасны, но в то же время их великолепие стоит того, чтобы стать его свидетелем.

Он замолчал и снова взглянул на меня. Казалось, он вот-вот раскроет мне что-то очень важное. Но он передумал и улыбнулся.

– Что, в самом деле существует нечто, что нами руководит?

– Конечно. Существуют силы, которые нас направляют.

– Ты можешь их описать?

– Нет. Действительно – нет. Я могу только назвать их разными словами: сила, дух, ветер или как-нибудь еще.

Я собрался было расспросить его подробнее, но не успел задать ни одного вопроса. Он встал. Я изумленно уставился на него. Он встал одним движением: его тело просто дернулось вверх, и в мгновение ока он уже стоял на ногах.

Я все еще размышлял о необыкновенном мастерстве, которое требуется для того, чтобы двигаться с такой скоростью, когда дон Хуан сухим приказным тоном велел мне поймать кролика, убить, освежевать и зажарить до того, как закончатся сумерки.

Он взглянул на небо и сообщил, что времени у меня, пожалуй, достаточно.

Я автоматически начал действовать так, как действовал уже много раз. Дон Хуан шел рядом и оценивающим взглядом следил за каждым моим движением. Я был очень спокоен и двигался с большой осторожностью, поэтому без особого труда в скором времени поймал кролика-самца.

– Теперь убей его, – сухо велел дон Хуан.

Я засунул руку в ловушку, схватил кролика за уши и начал тянуть к себе. И тут вдруг меня охватил дикий ужас. Впервые за все время, в течение которого дон Хуан обучал меня охоте.

Я засунул руку в ловушку, схватил кролика за уши и начал тянуть к себе. И тут вдруг меня охватил дикий ужас. Впервые за все время, в течение которого дон Хуан обучал меня охоте, до меня дошло: он никогда не учил меня убивать дичь! Множество раз мы с ним бродили по пустыне, и до сих пор он убил только одного кролика, двух перепелов и одну гремучую змею.

Я отпустил кролика и взглянул на дона Хуана:

– Я не могу его убить.

– Почему?

– Я никогда этого не делал.

– Но ты же убил сотни птиц и других животных.

– Из ружья, а не голыми руками.

– Какая разница? Время этого кролика подошло к концу.

Тон дона Хуана потряс меня. Он говорил настолько уверенно, с такой убежденностью, что в сознании моем не осталось и тени сомнения. Он действительно знал, что время этого кролика закончилось.

– Убей его! – с яростным блеском в глазах приказал он.

– Не могу.

Дон Хуан закричал, что кролик должен умереть, потому что закончил свои скитания по этой прекрасной пустыне, и что мне нечего увиливать, так как сила, которая направляет пути кроликов, привела в мою ловушку именно этого кролика, и сделала это как раз на границе сумерек.

На меня нахлынул целый поток бессвязных мыслей и ощущений. Они словно только и ждали возможности меня одолеть, и, явившись, привели меня в состояние глубокой подавленности. Со смертельной ясностью я почувствовал, какая это трагедия для кролика – попасть в мою западню. За считанные секунды в сознании пронеслись воспоминания о наиболее критических моментах моей жизни, когда я сам был в положении, подобном положению этого кролика.

Я смотрел на кролика, а кролик – на меня. Он прижался к задней стенке клетки. Он сидел, свернувшись почти калачиком, очень тихо и неподвижно. Мы с ним обменялись мрачными взглядами. В его взгляде я прочел молчаливое отчаяние, и это еще больше усилило во мне ощущение полного сходства с этим кроликом. Я живо представил себя на его месте.

– Черт с ним, – громко сказал я. – Я никого не буду убивать. Я его отпускаю.

От избытка чувств меня затрясло. Дрожащими руками я полез в ловушку, пытаясь схватить кролика за уши. Он быстро увернулся, и я промазал. Я попытался еще раз и снова неудачно. Я пришел в отчаяние. Меня стало тошнить, и я быстро ударил по ловушке ногой, чтобы разбить ее и таким образом освободить кролика. Но клетка оказалась неожиданно прочной и не разваливалась. Мое отчаяние переросло в невыносимую муку. Изо всех сил я правой ногой топнул по клетке. Прутья с треском сломались. Я вытащил кролика, на мгновение испытал облегчение, от которого в следующий момент не осталось и следа. Кролик без движения висел у меня в руке. Он был мертв.

Я не знал, что делать. В голове начали роиться мысли о том, отчего мог умереть кролик. Я оглянулся на дона Хуана. Он смотрел на меня. Я ощутил ужас, от которого по всему телу прошла холодная волна.

Я сел на землю возле каких-то камней. Ужасно болела голова. Дон Хуан положил на нее ладонь и прошептал мне в самое ухо, что я

должен освежевать кролика и зажарить мясо до того, как закончатся сумерки.

Меня тошнило. Дон Хуан разговаривал со мной очень терпеливо, как с ребенком. Он сказал, что силы, руководящие людьми и животными, привели именно этого кролика ко мне. Точно так же когда-нибудь они приведут меня к моей собственной смерти. Он сказал, что смерть кролика была даром мне, точно так же, как моя смерть станет даром кому-то другому.

Мне было плохо. Казалось бы, ничего особенного не произошло, но простые события этого дня что-то надломили во мне. Я пытался думать, что это – всего-навсего кролик, но однако не мог отделаться от ощущения какой-то жуткой своей с ним тождественности.

Дон Хуан сказал, что я должен поесть мяса этого кролика. Хоть кусочек. Это закрепит то, что я сделал сегодня.

– Я не могу, – кротко попытался я отказаться.

– В руках этих сил мы – мусор, ничто, – жестко произнес он. – Так что прекрати потакать своему чувству собственной важности и воспользуйся подарком силы как подобает.

Я поднял кролика. Он был еще теплый.

Дон Хуан наклонился ко мне и прошептал:

– Твоя ловушка стала для него последней битвой. Я же тебе говорил: время его скитаний по этой чудесной пустыне закончилось.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 10. Открыться силе

Суббота, 19 августа 1961

Накануне утром мы с доном Хуаном были в городе и завтракали в ресторане. Он посоветовал мне изменять свой привычный рацион и распорядок питания не слишком резко.

– Твое тело не привыкло к мясу силы, – сказал он. – Если ты не будешь есть привычную пищу, ты заболеешь.

Сам он ел с удовольствием. Когда я по этому поводу пошутил, он просто сказал:

– Моему телу нравится все.

Около полудня мы снова пришли в водный каньон. Мы опять старались сделать свое присутствие заметным для духа. Для этого мы, как и в прошлый раз, сначала «громко разговаривали», а потом несколько часов сидели в напряженном молчании.

Когда мы оттуда ушли, дон Хуан, вместо того, чтобы идти домой, повернул в сторону гор. Дойдя до каких-то отрогов, мы поднялись на вершину высокого холма. Там дон Хуан выбрал для отдыха пятачок на открытом незатененном месте. Он сказал, что нам нужно дожждаться сумерек, а потом мне следует вести себя как можно естественнее, в том числе задавать любые вопросы.

– Я знаю, что там прячется дух, – очень тихо сообщил он мне.

– Где?

– Вон там, в кустах.

– Какой именно дух?

Он с ехидцей взглянул на меня и спросил:

– А какие бывают?

Мы оба рассмеялись. Я задавал вопросы из-за того, что нервничал.

– Когда наступят сумерки, он выйдет, – сказал дон Хуан. – Нужно просто подождать.

Я молчал. Все мои вопросы куда-то улетучились.

– Сейчас нам нужно разговаривать без перерывов, – сказал он. – Человеческие голоса привлекают духов. Сейчас там в кустах прячется один из них. Мы должны дать ему знать о своем присутствии, так что не молчи.

Меня охватило идиотское чувство пустоты. Я был не в состоянии отыскать какую-либо тему для разговора. Дон Хуан засмеялся и похлопал меня по спине.

– Ну ты и тип! Как нужно потрепаться, так ты словно язык проглотил. Ну-ка, пошлепай губами!

И он шумно зашлепал губами, быстро открывая и закрывая рот.

– С этого момента о целом ряде вещей мы будем разговаривать только в местах силы, – продолжал дон Хуан. – Сегодня у тебя первая попытка, что-то вроде испытания. Мы находимся сейчас в одном из этих мест, и говорить здесь можно только о силе.

– Но я и в самом деле понятия не имею, что такое сила, – сказал я.

– Сила – это нечто, с чем имеет дело воин, – объяснил он. –

Вначале она кажется человеку чем-то совершенно невероятным, противоестественным, в существование чего невозможно поверить, о чем даже думать трудно, не то чтобы ее себе представить. Сейчас ты находишься с ней именно в таких отношениях. Но потом она превращается в нечто серьезное, и отношение к ней соответственно изменяется. Человек может ею не обладать, он может даже в полной мере не осознавать ее существования, но он уже чувствует, он уже знает – в мире присутствует что-то, чего до этого он не замечал. А затем сила дает о себе знать, она приходит к человеку, и он не может ничего с этим поделать, так как сила для него пока остается неуправляемой. Не существует слов, которыми можно было бы описать, как она приходит и чем в действительности является. Она – ничто, и в то же время ей подвластны чудеса, и чудеса эти человек видит собственными глазами. И, наконец, сила становится чем-то, присущим самому человеку, превращается в нечто, что изнутри управляет его действиями и в то же время подчиняется его командам, подвластно его решениям.

После короткой паузы дон Хуан спросил, понял ли я. Я сказал, что понял, чувствуя себя при этом довольно по-дурацки. Он, похоже, заметил, что настроение у меня заметно упало, усмехнулся и отчетливо, словно диктуя мне письмо, проговорил:

– На этом самом месте я научу тебя *формировать сновидение*.

Он опять взглянул на меня и спросил, знаю ли я, о чем идет речь. Я не знал. Я вообще почти ничего не понимал. Он объяснил, что *формировать сновидение* – значит точно и жестко управлять общим ходом сна, целенаправленно формируя возникающую в нем

ситуацию, подобно тому, как человек управляет своими действиями, например, идя по пустыне и решая, скажем, взобраться на холм или укрыться в тени скал водного каньона.

– Начинать следует с какого-нибудь простого действия, – сказал дон Хуан. – Сегодня ночью во сне посмотри на свои руки.

Я громко рассмеялся. В его интерпретации это звучало так, словно речь шла о чем-то обычном, что я делаю изо дня в день.

– Почему ты смеешься? – удивился он.

– Как, интересно, во сне можно посмотреть на собственные руки?

– Очень просто: перевести на них взгляд. Вот так.

И он наклонил голову и, разинув рот, уставился на свои руки.

Выглядело это настолько комично, что я расхохотался.

– Нет, серьезно, как это делается? – переспросил я.

– Я же тебе показал, – отрезал дон Хуан. – В принципе можешь смотреть на что хочешь – на свои ноги, на свой живот, хоть на свой нос, в конце концов. Я советую смотреть на руки только потому, что мне лично так было легче всего.

Только не думай, что это шуточки. *Сновидение* – это так же серьезно, как *видение*, как смерть, как все, что происходит в этом жутком таинственном мире. Пускай для тебя это будет увлекательной тренировкой. Представь себе все самые невероятные вещи, которые ты мог бы совершить. Ведь возможности того, кто охотится за силой, в *сновидении* почти безграничны.

Я попросил как-то уточнить задание.

– Уточнять тут нечего. Просто смотри на собственные руки.

– Не может быть, чтобы тебе нечего было добавить, – настаивал я.

Он покачал головой и, сведя глаза, несколько раз быстро на меня взглянул.

– Все мы разные, – наконец произнес он. – Ты просишь, чтобы я уточнил, однако я могу рассказать тебе лишь о том, как и что делал я сам, когда учился. Но мы с тобой непохожи. В нас нет даже намека на сходство.

– Но, может быть, твой рассказ в чем-то мне поможет.

– Проще будет, если ты просто начнешь смотреть на свои руки. Тебе же проще.

Дон Хуан задумался, словно что-то для себя формулируя и время от времени кивая головой.

– Каждый раз, когда ты смотришь во сне на какой-нибудь объект,

он меняет форму, – произнес он после долгой паузы. – Когда учишься *формировать сновидение*, весь фокус заключается в том, чтобы не просто посмотреть на объект, а удержать его изображение. *Сновидение* становится реальностью тогда, когда человек обретает способность фокусировать глаза на любом объекте. Тогда нет разницы между тем, что делаешь, когда спишь, и тем, что делаешь, когда бодрствуешь. Понимаешь?

Я ответил, что слова его мне понятны, но принять то, что он сказал, я не в состоянии. В цивилизованном мире масса людей страдает разными маниями. Такие люди не в состоянии провести грань между реальными событиями и тем, что происходит в их болезненных фантазиях. Я сказал, что все они, вне всякого сомнения, больны, и с каждым разом, когда он советует мне действовать подобно сумасшедшему, мне становится все более и более не по себе.

После моей тирады дон Хуан обхватил щеки ладонями и тяжело вздохнул, изображая отчаяние. Получилось довольно смешно. – Слушай, оставь ты в покое свой цивилизованный мир. Ну его! Никто тебя не просит уподобляться психу. Я же говорил тебе: воин охотится за силами, и он не справится с ними, если не будет безупречно совершенен. Разве воин не в состоянии разобраться, что есть что? А с другой стороны, ты, приятель, в мгновение ока запутаешься и погибнешь, если жизнь твоя окажется в зависимости от твоей способности отличить реальное от нереального. Хотя ты и уверен, что знаешь, что такое есть этот твой реальный мир.

Очевидно, мне не удалось точно выразить свою мысль. Просто каждый раз, когда я начинал возражать, во мне говорило ощущение невыносимого внутреннего разлада из-за понимания несостоятельности моей позиции.

– я же вовсе не пытаюсь сделать тебя больным, помешанным, – продолжал дон Хуан. – Этого ты с успехом можешь добиться и без моей помощи. Но силы, которые ведут по миру каждого из нас, привели тебя ко мне, и я пытался тебя научить способу действия, с помощью которого ты смог бы изменить свой дурацкий образ жизни, и начать жить, как подобает охотнику – жизнью твердой и чистой. Потом силы еще раз направили тебя и дали мне понять, что я должен учить тебя дальше, чтобы ты научился жить безупречной жизнью воина. Похоже, ты на это не способен. Но кто

может сказать наверняка? Мы так же таинственны и так же страшны, как этот непостижимый мир. И кто сможет с уверенностью сказать, на что ты способен, а на что – нет? В тоне дона Хуана явственно сквозила печаль. Я хотел было извиниться, но он снова заговорил:

– Вовсе не обязательно смотреть именно на руки. Выбери что-нибудь другое, но выбери заранее, а потом, когда уснешь, – найди во сне то, что выбрал. Я посоветовал выбирать руки, потому что они всегда при тебе. Когда они начнут терять форму, отведи от них взгляд и посмотри на что-нибудь другое, а потом опять – на руки. На то, чтобы в совершенстве освоить этот прием, требуется время, много времени.

Я настолько увлекся своими записями, что не заметил как начало темнеть. Солнце уже скрылось за горизонтом. Небо затянулось облаками. Становилось все темнее. Дон Хуан встал и несколько раз украдкой взглянул на юг.

– Идем, – сказал он. – Нам нужно идти на юг до тех пор, пока не покажется дух источника.

Мы шли примерно полчаса. Вдруг характер местности резко переменялся, и мы оказались на открытом пространстве. Впереди виднелся большой круглый холм, весь чаппараль на котором сгорел. Холм напоминал гигантскую лысую голову. Мы направились к нему. Я думал, что дон Хуан намерен подняться вверх по пологому склону, но он остановился и весь буквально превратился во внимание. Тело его словно окаменело. Потом он задрожал, и через мгновение полностью расслабился. Было непонятно, как ему вообще удастся сохранять вертикальное положение при настолько расслабленных мышцах.

В это мгновение сильнейший порыв ветра встряхнул все мое тело. Тело дона Хуана повернулось лицом на запад – туда, откуда этот ветер пришел. Это движение не было произвольным: по крайней мере, для того, чтобы повернуться, дон Хуан не воспользовался мышцами так, как это сделал бы я. Впечатление было такое, что его развернула некая внешняя сила.

Я смотрел на дона Хуана. Краем глаза он взглянул на меня. На лице его была написана решимость, целеустремленность. Он снова был весь внимание. Я разглядывал его с удивлением: на моей памяти мы ни разу еще не оказывались в ситуациях, требующих от него столь странной концентрации.

Вдруг по его телу прошла дрожь, словно на него вылили ведро ледяной воды. Потом он еще раз вздрогнул и, как ни в чем ни бывало, пошел дальше.

Я последовал за ним. Он начал подниматься на голый холм с востока и, когда мы дошли примерно до середины склона, остановился и повернулся лицом на запад.

С того места, где мы теперь стояли, вершина холма уже не выглядела такой круглой и гладкой, какой она казалась издалека. Возле самой макушки холма была дыра, похожая на вход в пещеру. Я принялся пристально смотреть на нее, потому что дон Хуан делал то же самое. Налетел еще один сильный порыв ветра, от которого вверх по моему позвоночнику побежал холодок. Дон Хуан повернулся на юг и принялся обшаривать глазами местность. – Вон там! – шепотом сказал он и указал на что-то, лежавшее на земле.

Я напряг зрение. Метрах в шести от нас что-то лежало на земле. Оно было светло-коричневого цвета. Когда я на него посмотрел, оно задрожало. Я сосредоточил на нем все свое внимание. «Это» было почти круглым, словно кто-то лежал, свернувшись калачиком. Совсем как собака.

– Что это? – шепотом спросил я у дон Хуана.

– Не знаю, – точно так же шепотом ответил он, всматриваясь в «это». – Как ты думаешь, на что оно похоже?

– На собаку.

– Великогато для собаки.

Я сделал к «этому» пару шагов, но дон Хуан слегка дернул меня за рукав. Я снова принялся всматриваться в «это». Определенно – какое-то животное. То ли спит, то ли умерло. Я почти различал голову с острыми, как у волка, ушами. К тому моменту я уже был в полной уверенности, что перед нами – какое-то животное, которое лежит, свернувшись калачиком. Я решил, что это, возможно, бурый теленок, и шепотом сообщил об этом дону Хуану. Он ответил, что животное слишком невелико для теленка, и, кроме того, у него острые уши.

Животное еще раз вздрогнуло, и я понял, что оно живое. Я видел, как оно дышит, хотя дыхание это не было ритмичным. Оно делало вздохи, скорее походившие на неравномерные спазмы. И тут меня осенило.

– Это животное умирает, – прошептал я дону Хуану.

– Ты прав, – шепотом ответил он. – Но что это за животное? Я не мог различить никаких характерных признаков. Дон Хуан сделал в направлении него пару осторожных шагов. Я – за ним. Было уже довольно темно, и мы сделали еще два шага, чтобы рассмотреть животное.

– Осторожно! – прошептал дон Хуан мне на ухо. – Если оно умирает, то может броситься на одного из нас из последних сил. Но зверь, казалось, находился на последнем издыхании. Дыхание его было неравномерным, тело спазматически вздрагивало. Но лежал он по-прежнему свернувшись. Однако в какой-то момент страшный спазм потряс все его тело, буквально подбросив зверя на месте. Я услышал дикий вопль, и зверь вытянул лапы с устрашающими когтями. От этого зрелища меня затошнило. Дернувшись еще раз, зверь завалился набок, а затем опрокинулся на спину.

Я услышал душераздирающий стон зверя и крик дон Хуана:
– Беги! Спасайся!

Что я и исполнил незамедлительно. С невероятной быстротой и ловкостью я кинулся взбираться на макушку холма. На полпути оглянувшись, увидел, что дон Хуан стоит там же, где стоял. Знаком он позвал меня. Я бегом бросился вниз.

– Что случилось? – спросил я, подбежав к нему.
– Похоже, зверь умер, – ответил он.

Мы осторожно приблизились к зверю. Он, вытянувшись, лежал на спине. Подойдя поближе, я чуть не заорал от страха. Зверь был еще жив. Тело все еще вздрагивало, торчавшие вверх лапы дико дергались. Это явно была агония.

Я шел впереди дон Хуана. Еще один спазм встряхнул тело зверя, и я увидел его голову. В диком ужасе я оглянулся на дон Хуана. Судя по телу, животное явно было млекопитающим. Но у него был огромный птичий клюв!

Я смотрел на зверя в полнейшем ужасе. Ум отказывался верить тому, что видели глаза. Я был оглушен, подавлен. Я не мог вымолвить ни слова. Никогда в жизни мне не приходилось встречаться ни с чем подобным. Перед моими глазами находилось нечто абсолютно невозможное. Я хотел попросить дон Хуана объяснить мне, что за невероятное явление – этот зверь, но получилось лишь нечленораздельное мычание. Дон Хуан смотрел на меня. Я взглянул на него, потом на зверя, и вдруг что-то во мне

переключилось и перестроило мир. Я сразу понял, что это за зверь. Я подошел к нему и подобрал его. Это была большая ветка. Она обгорела, и в ней запуталась сухая трава и всякий мусор, что сделало ее похожей на крупного зверя с округлым телом. На фоне зелени цвет обгоревшего мусора воспринимался как светло-бурый. Я засмеялся по поводу своего идиотизма и возбужденно объяснил дону Хуану, что ветер шевелил то, что запуталось в этой ветке и что делало ее похожей на живого зверя. Я думал, что ему понравится моя разгадка природы таинственного зверя, но он резко повернулся и пошел к вершине холма. Я последовал за ним. Он заполз в углубление, которое снизу казалось пещерой. Это была всего лишь неглубокая ниша в песчанике.

Дон Хуан набрал мелких веточек и вымел из углубления мусор. – Нужно избавиться от клещей, – объяснил он.

Знаком он предложил мне сесть и велел устраиваться поудобнее, потому что нам предстояло провести там всю ночь.

Я заговорил было о ветке, но он сделал мне знак замолчать.

– То, что ты сделал, – отнюдь не триумф, – сказал он. – Ты зря растратил прекрасную силу – силу, вдохнувшую жизнь в сухой хворост.

Он сказал, что истинной победой для меня был бы отказ от сопротивления. Мне нужно было довериться силе и следовать за ней до тех пор, пока мир не прекратил бы свое существование. Дон Хуан, похоже, вовсе на меня не сердился и не был расстроен моей неудачей. Он несколько раз повторил, что это – только начало, что управлять силой сразу не научишься. Он потрепал меня по плечу и пошутил, что еще сегодня я был человеком, знавшим, что реально, а что – нет.

Я был подавлен. Я принялся извиняться за свою склонность быть всегда уверенным в правильности своего подхода.

– Брось, – сказал дон Хуан. – Это неважно. Ветка действительно была зверем, реальным зверем, и этот зверь был жив, когда сила коснулась ветки. И поскольку сила делала его живым, весь фокус состоял в том, чтобы, как в *сновидении*, сохранять образ зверя как можно дольше. Понял?

Я хотел его еще о чем-то спросить, но он снова велел мне молчать. Я должен молчать всю ночь. Но не спать. А говорить сегодня будет только он, и то – недолго.

Дух знает его голос и может оставить нас в покое, если говорить

будет только он. Открыться силе – это очень серьезно. Это действие, которое может повлечь за собой далеко идущие последствия. Сила способна разрушать, и мощь ее всеограшающая, поэтому она может запросто уничтожить того, кто бездумно ей откроется. Обращаться с силой нужно предельно аккуратно. Открываться ей следует постепенно, систематически и всегда очень осторожно.

Нужно заявить о своем присутствии, изображая громкий разговор или делая что-то другое, производящее много шума. А потом нужно долго сохранять молчание и неподвижность. Если шумное активное действие сознательно сменяется безмолвной неподвижностью, и если и то, и другое находится под полным контролем, сила знает – она имеет дело с воином, ибо это – его признаки. Я должен был еще хотя бы некоторое время сохранять образ живого чудовища. Спокойно, полностью себя контролируя, не теряя головы и не сходя с ума от возбуждения и страха, я должен был постараться *«остановить мир»*. После того, как я бежал на холм, искренне веря, что спасаю свою жизнь, состояние мое было идеальным – как раз таким, в котором «останавливают мир». В нем соединились страх, благоговение, сила и смерть. Дон Хуан сказал, что еще раз ввести меня в это состояние будет до невозможного трудно.

Я прошептал ему в самое ухо:

– Дон Хуан, что ты имеешь в виду, говоря *«остановить мир»*? Прежде чем ответить, дон Хуан яростно взглянул на меня. Но потом объяснил, что *«остановка мира»* – это прием, которым пользуется тот, кто охотится за силой. Прием, результатом применения которого становится крушение мира. Мир в том виде, в каком мы его знаем, рушится и прекращает свое существование.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 11. Настроение воина

В четверг, 31 августа 1961 года, едва я остановился перед домом, дон Хуан заглянул в открытое окно машины и, не дав мне даже поздороваться, сообщил:

– Мы поедем к месту силы, которое находится довольно далеко. А уже, кстати, почти полдень.

Он открыл дверцу, устроился рядом со мной и велел ехать по шоссе на юг. Километров через сто двадцать он показал мне грунтовую дорогу, на которую нужно было свернуть. Она вела на восток. По ней мы доехали до отрогов гор. Я поставил машину в углублении, которое выбрал дон Хуан. Углубление было довольно большим, и машину в нем не было видно с дороги. Прямо оттуда мы начали подниматься на цепь высоких холмов, пересекавших обширную плоскую пустынную равнину.

Когда стемнело, дон Хуан выбрал место для сна. Он потребовал абсолютного молчания.

На следующий день мы наспех позавтракали и двинулись на восток. Растительность пустыни сменилась сочной зеленью горных кустов и деревьев.

Около полудня мы вскарабкались на вершину гигантского монолитного утеса, склон которого был похож на каменную стену. Дон Хуан сел и знаком велел мне сделать то же самое.

– Это – место силы, – после долгой паузы объяснил дон Хуан. – Когда-то очень давно здесь были захоронены воины.

В это мгновение каркнула пролетавшая над нами ворона. Дон Хуан проводил ее пристальным взглядом.

Я принялся разглядывать скалу и прикидывать, каким образом и где именно в ней могли быть захоронены воины. Дон Хуан с улыбкой похлопал меня по плечу:

– Не здесь, дурень. Там, внизу.

Он указал на поле, которое расстиралось прямо под нами к востоку от подножия утеса. Он объяснил, что на этом поле есть участок, окруженный естественной изгородью из больших валунов. Оттуда, где я сидел, мне был виден этот участок – идеально круглой

формы, метров сто в диаметре. Он весь порос густым кустарником, скрывавшим валуны. Я бы даже не заметил, что участок представляет собой идеальный круг, если бы дон Хуан не обратил на это моего внимания.

Дон Хуан сказал, что по старому индейскому миру разбросано множество таких мест. Они не являются в полном смысле местами силы, как некоторые холмы или геологические образования, где обитают духи. Это, скорее, – места просветления, в которых человек может многому научиться и отыскать решения мучающих его проблем.

– Для этого нужно просто сюда прийти, – сказал дон Хуан. – Или провести ночь на этой скале. Это приводит в порядок чувства.

– Мы остановимся здесь на ночь?

Я думал, что – да, но ворона только что, сказала мне что делать этого не нужно.

Я попытался было подробнее расспросить его о вороне, но он нетерпеливым движением головы велел мне молчать.

– Посмотри на этот круг из валунов, – сказал он. – Хорошенько зафиксируй его в памяти, и когда-нибудь ворона приведет тебя к другому такому месту. Чем правильнее круг, тем больше в нем силы.

– А кости воинов до сих пор здесь находятся?

Дон Хуан очень комично изобразил изумление, а потом широко улыбнулся:

– Это – не кладбище. Здесь нет ничьих могил. Я сказал, что здесь были захоронены воины. Они приходили сюда и хоронили себя на ночь, на два дня или на столько, на сколько считали нужным для каких-то своих целей. Кладбища меня не интересуют. В них нет силы. Правда, в костях воина сила есть всегда, но кости воина никогда не бывают закопаны на кладбище. И еще больше силы – в костях человека знания, но его кости отыскать практически невозможно.

– Кто такой человек знания, дон Хуан?

– Любой воин может стать человеком знания. Я уже говорил тебе, что воин – это безупречный охотник, который охотится за силой. Если охота его будет успешной, он может стать человеком знания.

– Что ты...

Движением руки дон Хуан прервал меня. Он встал и знаком велел следовать за ним. Потом он начал спускаться по крутому

восточному склону утеса. На его почти вертикальной поверхности была хорошо заметна тропа, которая вела прямо к окруженному валунами участку.

Мы медленно спускались по опасной тропе. Достигнув основания утеса, дон Хуан, не останавливаясь, повел меня сквозь густые заросли сочного чаппарала в самый центр круга. Там он набрал сухих веток и подмел ими заросший пятачок, на котором мы и расположились. Пятачок оказался тоже идеально круглым.

– Я собирался захоронить тебя здесь на всю ночь, – сообщил мне дон Хуан. – Но теперь знаю, что время для этого еще не пришло. У тебя нет для этого силы. Я захороню тебя совсем ненадолго.

Я занервничал от мысли о том, что он собирается меня закопать, и спросил, что он имеет в виду, говоря о захоронении. Он по-детски хихикнул и принялся собирать сухие ветки. Помогать он не позволил, сказав, что мое дело – сидеть и ждать.

Собранные ветки он бросал в центр очищенного круга. Затем он заставил меня лечь головой на восток, сложил мою куртку, засунул ее мне под голову и соорудил вокруг моего тела клетку. Для этого он воткнул в мягкий грунт палки длиной около метра. Некоторые из них вверху оканчивались развилками. В эти развилки он положил длинные продольные прутья, в результате чего вся конструкция приобрела вид открытого гроба. Потом дон Хуан сделал крышку и нижнюю торцевую стенку, закрыв всю конструкцию, начиная от моих плеч, короткими поперечными палками, поверх которых он выложил мелкие ветки и листья. В итоге я оказался лежащим в закрытой со всех сторон клетке, из которой торчала только голова со сложенной курткой под ней в качестве подушки.

Потом он взял толстую сухую палку и, пользуясь ею как лопатой, разрыхлил грунт вокруг меня и забросал клетку землей.

Конструкция оказалась настолько жесткой, а листья – уложенными настолько тщательно, что ни одна песчинка не упала внутрь клетки. Я свободно мог двигать ногами, в случае необходимости – вылезти из клетки и забраться обратно.

Дон Хуан сказал, что обычно воин сперва сооружает клетку, а потом залезает в нее и заделывает лаз изнутри.

– А звери? – поинтересовался я. – Они тоже могут разгрести землю, забраться в клетку и поранить, а то и вовсе загрызть человека.

– Нет. Для воина звери – не проблема. Это проблема для тебя, потому что у тебя нет силы. Воин же руководим несгибаемым намерением. Он способен отогнать кого угодно и отвести от себя любую напасть. Ни крыса, ни змея, ни горный лев не в силах беспокоить воина.

– А ради чего воины хоронят себя, дон Хуан?

– Ради просветления и силы.

У меня появилось исключительно приятное ощущение умиротворенности. Весь мир наполнился покоем. Тишина стояла редкостная. Но на нервы она мне не действовала. Я не привык к такого рода безмолвию и попытался что-то сказать, но дон Хуан не дал. Спустя некоторое время неподвижное безмолвие и спокойствие, царившие в этом месте, начали действовать на мое настроение. Я начал думать о своей жизни и личной истории, и, как всегда, на меня нахлынуло знакомое чувство печали, и вслед за ним – поток смутных сожалений и угрызений совести. Я сказал дону Хуану, что недостойн этого места и не заслуживаю того, чтобы здесь находиться, ведь его мир – это мир силы, справедливости и чистоты, а я – слаб, и дух мой искорежен обстоятельствами моей жизни.

Дон Хуан засмеялся и пригрозил засыпать мою голову землей, если я буду продолжать в том же ключе. Он сказал, что я человек. И, как любой человек, заслуживаю всего, что составляет человеческую судьбу – радости, боли, печали и борьбы. Но природа поступков человека не имеет значения, если он действует как подобает воину.

Понизив голос почти до шепота, дон Хуан сказал, что если я действительно чувствую, что дух мой искорежен, мне нужно просто укрепить его – очистить и сделать совершенным.

Укрепление духа – единственное, ради чего действительно стоит жить. Не действовать ради укрепления духа – значит стремиться к смерти, а стремиться к смерти – значит не стремиться ни к чему вообще, потому что к ней в лапы каждый из нас попадает независимо ни от чего.

После долгого молчания дон Хуан с глубоким убеждением произнес:

– Стремление к совершенствованию духа воина – единственная задача, достойная человека.

Его слова подействовали, как катализатор. Я вдруг разом ощутил

груз всех своих прошлых поступков. Тяжесть его была невыносима. Непреодолимым препятствием они лежали на моем пути, и я чувствовал, что это – безнадежно. Всклипывая, я заговорил о своей жизни. Я так долго скитался без цели, что сделался нечувствительным к боли и печали, и что меня пронимает лишь в редких случаях, когда я осознаю свое одиночество и свою беспомощность.

Дон Хуан не сказал ничего. Он схватил меня под мышки и выволок из клетки. Когда он меня отпустил, я сел. Он опустился рядом. Установилось неловкое молчание. Я решил, что он дает мне время на то, чтобы прийти в себя. Я достал блокнот и принялся лихорадочно строчить.

– Одинокий лист на ветру... Да? – произнес он, наконец неподвижно глядя на меня.

Он очень точно выразил мое состояние. Я чувствовал себя именно так. И дон Хуан, похоже, тоже проникся этим ощущением. Он сказал, что мое настроение напомнило ему одну песню, и начал тихонько напевать. Он пел очень приятным голосом. Слова песни унесли меня куда-то далеко-далеко:

Рожден в небесах.

Но сегодня я

Так далеко от них.

И мысли мои

Полны безграничной тоской.

Одинок и печален.

Как лист на ветру.

Я порою готов рыдать.

А порой – смеяться.

Забыв обо всем.

От стремления

Что-то искать.

Мы долго молчали. Наконец, он заговорил:

– С того самого дня, когда ты родился, каждый, с кем сталкивала тебя жизнь, так или иначе что-то с тобой делал.

– Это верно, – согласился я.

– И делали это с тобой против твоей воли.

– Да.

– А теперь ты беспомощен, как лист на ветру.

– Да. Так и есть.

Я сказал, что обстоятельства моей жизни иногда складывались поистине невыносимо жестоко. Дон Хуан выслушал меня очень внимательно, однако я не мог понять, то ли он делает это просто от сочувствия, то ли что-то его действительно весьма заинтересовало. Я терялся в догадках, пока не заметил, что он пытается спрятать улыбку.

– Тебе очень нравится себя жалеть. Я понимаю. Но, как бы тебя это ни тешило, от этой привычки придется избавиться, – мягко сказал он. – В жизни воина нет места для жалости к себе.

Он засмеялся и еще раз пропел песню, слегка изменив интонацию. В результате получился нелепый плаксиво-сентиментальный куплет. Дон Хуан сказал, что мне эта песня понравилась именно потому, что всю свою жизнь я только тем и занимался, что выискивал во всем недостатки, жаловался и ныл. Спорить с ним я не мог. Он был прав. Но, тем не менее, я полагал, что у меня все же достаточно оснований к. тому, чтобы чувствовать себя подобно сорванному ветром одинокому листу.

– Нет в мире ничего более трудного, чем принять настроение воина, – сказал дон Хуан. – Бесполезно пребывать в печали и ныть, чувствуя себя вправе этим заниматься, и верить, что кто-то другой что-то делает с нами. Никто ничего не делает ни с кем, и особенно – с воином. Сейчас ты здесь, со мной. Почему? Потому что ты этого хочешь. Тебе пора было бы уже принять на себя всю полноту ответственности за свои действия. В свете этого идея относительно одинокого листа и воли ветра не имеет права на существование.

Он встал и принялся разбирать клетку. Землю он тщательно ссыпал туда, откуда ее брал, а все ветки аккуратно засунул в чаппараль. Потом, забросав очищенную площадку мусором, он придал ей такой вид, как будто никто к ней даже не притрагивался. Я отметил мастерство, с которым это было сделано. Дон Хуан сказал, что хороший охотник все равно узнает, что мы здесь были, потому что следы человека полностью уничтожить невозможно. Он сел, скрестив ноги, велел мне сделать то же самое и, как можно удобнее расположившись лицом к тому месту, на котором он меня хоронил, сохранять неподвижность до тех пор, пока полностью не развеется моя печаль.

– Воин хоронит себя, чтобы обрести силу, а вовсе не для того, чтобы хлюпать носом от жалости к себе, – сказал он.

Я попытался было объясниться, но он не дал, резким кивком велел

мне молчать. Он сказал, что ему пришлось вытащить меня из клетки, так как настроение мое стало недопустимым и он побоялся, что место возмутится моей безобразной мягкостью и накажет меня.

– Жалость к себе несовместима с силой, – продолжал он. – В настроении воина полный самоконтроль и абсолютное самообладание соединяются с отрешенностью, то есть с полным самоотречением.

– Как это? – недоуменно поинтересовался я. – Как самоконтроль, заключающийся в концентрации на себе, может совмещаться с самоотречением, то есть отказом от себя?

– Это – сложный прием, – ответил он.

Он остановился, как бы раздумывая – продолжать или нет. Дважды он готов был что-то сказать, но потом передумывал и улыбался.

– Ты еще не преодолел печаль, – проговорил он наконец. – Ты все еще чувствуешь себя слабым, так что сейчас нет смысла толковать о настроении воина.

Почти час прошел в абсолютном молчании. Потом дон Хуан отрывисто спросил, как у меня обстоят дела с техникой *сновидения*, которой он меня обучил. Я тренировался весьма усердно, и ценой невообразимых усилий мне в конце концов удалось обрести некоторый контроль над своими снами. Дон Хуан был прав, утверждая, что эту практику можно рассматривать как увлекательную тренировку и даже как развлечение. Теперь я чуть ли не с нетерпением ожидал наступления вечера и времени, когда придет пора ложиться спать. Раньше со мной такого не случалось. И в ответ на вопрос дона Хуана я представил ему подробный отчет о своих успехах.

После того, как я научился давать себе команду смотреть на руки, мне уже было легко удерживать их изображение в течение довольно длительного времени. Мои контролируемые ночные видения, в которых, правда, не всегда присутствовали мои руки, занимали уже, как мне казалось, значительную часть общей длительности сна. Но в конце концов я каждый раз проваливался в непредсказуемые коллизии обычных снов. Команда смотреть во сне на руки или на что-то еще не была связана у меня ни с какими волевыми усилиями. Все получалось как-то само собой. В какой-то момент вдруг в памяти всплывало, что нужно смотреть на руки, а потом на то, что меня окружает. Однако были ночи, в которые я ни

о чем этом не вспоминал.

Дон Хуан, похоже, был удовлетворен. Он спросил, какие еще объекты, кроме своих рук, я обычно воспринимаю в контролируемых ночных видениях. Я, не сумев вспомнить ничего конкретного, принялся копать в кошмаре, который посетил меня предыдущей ночью.

– Не заводишься, не заводишься, – сухо остановил он меня.

Тогда я рассказал ему, что подробно конспектирую все свои сны. С тех пор, как я начал практиковать фиксацию рук во сне, сны мои сделались очень живыми и богатыми, а способность к их запоминанию возросла до такой степени, что я с легкостью мог восстанавливать их вплоть до самых незначительных деталей. Дон Хуан сказал, что следить за этими снами – пустая трата времени, потому что ни подробности снов, ни их живость не имеют равным счетом никакого значения.

– Обычные сны всегда становятся очень живыми, стоит лишь человеку начать учиться *формированию сновидений*, – объяснил он. – Более того, их живость и ясность становятся серьезными препятствиями на пути, и с тобой в этом плане дело обстоит гораздо хуже, чем с кем бы то ни было из тех, кого я знаю. У тебя – самая настоящая мания, причем совершенно ужасная. Ты записываешь все, что только можешь.

А я-то искренне считал, что поступаю правильно. Благодаря подробнейшим конспектам своих снов я в какой-то степени уяснил себе природу видений, проходивших передо мною во сне.

– Брось это! – приказал он. – Это ни в чем тебе не поможет. Ты только отклоняешься от цели – *сновидения*, в котором присутствует контроль и сила.

Он улегся на спину, накрыл лицо шляпой и заговорил, не глядя на меня:

– Я хочу напомнить тебе все приемы, которые ты должен практиковать. Сначала фокусируешь взгляд на руках. Это – отправная точка. Затем начинаешь переводить взгляд на другие объекты, на очень короткое время фиксируя его на них.

Постарайся бросить такой короткий взгляд на максимальное количество объектов. Помни: если ты будешь только коротко взглядывать на объекты, они не начнут сдвигаться. Потом снова вернись к своим рукам. Каждый раз, когда ты возвращаешься к своим рукам, ты восстанавливаешь силу, необходимую для

продолжения *сновидения*. Поэтому вначале не нужно смотреть сразу на множество объектов. На первый раз четырех будет достаточно. Потом ты постепенно сможешь увеличить их количество, и в конце концов будешь в состоянии разглядывать все, что захочешь. Но всегда, как только начинаешь терять контроль, – возвращайся к рукам.

Когда ты почувствуешь, что можешь смотреть на что угодно сколько захочешь, знай – ты готов к освоению следующего шага. Вторым шагом является прием, которому я научу тебя сейчас. Но применять его, я надеюсь, ты станешь только тогда, когда будешь готов.

Минут пятнадцать он лежал молча. Наконец, он сел и посмотрел на меня.

– Следующим шагом в *формировании сновидения* является обучение перемещению в пространстве, – продолжал он. – Тем же способом, каким ты научился смотреть на руки, ты заставляешь себя двигаться, перемещаться в пространстве. Сначала определи место, в которое ты хотел бы попасть. Выбирай места, которые хорошо знаешь, – университет, соседний парк, дом кого-нибудь из твоих друзей, а потом пожелай попасть в выбранное место. Этот прием очень сложный. Он состоит из двух частей. Первая: волевым усилием заставить себя переместиться туда, куда наметил. Вторая: проконтролировать точное время своего путешествия.

Записывая его слова, я почувствовал, что определенно рехнулся, поскольку совершенно серьезно конспектировал инструкции, представлявшие собой натуральный бред сумасшедшего. Чтобы их выполнить, мне пришлось бы каким-то немыслимым способом выбраться из самого себя. Меня в очередной раз охватило замешательство и сожаление о том, что я во все это ввязался.

– Что ты со мной делаешь, дон Хуан? – невольно вырвалось у меня. Он, похоже, удивился. Некоторое время он пристально смотрел на меня, а потом улыбнулся.

– Слушай, сколько раз можно задавать один и тот же вопрос? Ничего я с тобой не делаю. Ты открываешься силе, ты за ней охотишься. А я только помогаю тебе, задаю, так сказать, направление.

Он склонил голову на бок и принялся меня разглядывать. Одной рукой он взял меня за подбородок, второй – за затылок и подергал

меня за голову взад-вперед. От этого движения мышцы, которые были скованы сильным напряжением, расслабились.

Дон Хуан посмотрел на небо и некоторое время что-то на нем изучал.

– Нам пора, – сухо сообщил он и встал.

Мы направились на восток и к пяти часам вечера пришли к рощице из невысоких деревьев в долине между двумя большими холмами.

Дон Хуан небрежно заметил, что нам, возможно, придется провести там ночь. Он указал на деревья и сказал, что там есть вода.

Он весь напрягся и начал по-звериному принюхиваться. Я видел, как быстро вздрагивают мышцы его живота, расслабляясь и напрягаясь в такт частым коротким вдохам-выдохам. Он велел мне сделать то же и самому определить, где именно находится вода. Я без особой охоты начал подражать его манере дыхания. Минут через пять-шесть у меня уже кружилась голова. Но ноздри странным образом прочистились, и я почувствовал запах речных ив. Однако установить, где они находятся, мне так и не удалось.

Дон Хуан велел мне несколько минут отдохнуть, а потом снова заставил принюхиваться. Второй раунд был более интенсивным. Я ощутил слабый запах речных ив, исходивший откуда-то справа.

Мы свернули туда и примерно через полкилометра вышли к болотцу со стоячей водой. Мы обошли его и подошли к немного возвышавшейся над ним плоской горизонтальной площадке.

Дальше над площадкой и вокруг нее все заросло непроходимым сочным чаппаралем.

– Это место кишит горными львами и другими кошками поменьше, – как бы между прочим заметил дон Хуан таким тоном, словно речь шла о какой-то самой обычной мелочи.

Я мигом подбежал к нему. Он засмеялся.

– Обычно я стараюсь вообще сюда не заходить, – сказал он. – Но ворона показала именно это направление. Здесь мы должны найти что-то особенное.

– Дон Хуан, нам действительно необходимо здесь находиться?

– Да. Иначе я ни за что не пошел бы в это место.

Я начал заметно нервничать. Он велел мне слушать внимательно и заговорил:

– Охота на горных львов – единственное, ради чего человек может забраться в это место. Поэтому я должен научить тебя тому, как

это делается. Сначала делают ловушку для водяных крыс, которые служат приманкой. Но изготавливают ее особым образом: боковины делают подвижными, а вдоль них вертикально устанавливают очень остро отточенные шипы. Когда клетка стоит, их острия спрятаны. Но когда на клетку падает что-нибудь увесистое, боковины не выдерживают, клетка снимается, а шипы высовываются и пронзают то, что упало на клетку.

Я не мог понять, как это делается, но он нарисовал на земле схему и объяснил, как закрепить на раме вертикальные прутья стенок таким образом, чтобы при возникновении вертикальной нагрузки на ее крышу клетка заваливалась бы в одну из сторон.

Шипами в такой конструкции служат остро отточенные прутья из твердого дерева, жестко укрепленные на раме.

Дон Хуан сказал, что во время охоты на горного льва высоко над ловушкой подвешивают большую сетку с тяжелыми камнями. Над клеткой протягивают веревку. Вся система устроена так, что стоит только задеть эту веревку, как все камни из сетки рухнут вниз.

Учув водяных крыс в клетке, горный лев подходит к ловушке.

Обычно он пытается разрушить препятствие ударом передних лап сверху вниз. Вот и в этом случае, чтобы добраться до крыс, он изо всех сил ударяет обеими лапами по крышке клетки. Клетка сминается, и шипы вонзаются ему в лапы. От боли и неожиданности огромная кошка подпрыгивает и цепляет веревку, обрушивая на себя лавину камней.

— Когда-нибудь тебе может понадобится поймать горного льва, — продолжал дон Хуан. — Они очень сообразительны, и поймать их можно только одним способом — обманув при помощи боли и запаха речных ив.

С поразительной быстротой и сноровкой дон Хуан соорудил ловушку и после довольно долгого ожидания поймал трех щекастых грызунов, похожих на жирных белок.

Он велел мне нарвать охапку веток речных ив на краю болотца и заставил натереть ими одежду. Сам он сделал то же самое. Потом очень быстро и ловко сплел из тростника две сетки, одну из которых набил водорослями и грязью, которые набрал в болоте.

Он принес ее на площадку и спрятался.

Пока он этим занимался, грызуны в клетке начали громко пищать. Из своего укрытия дон Хуан велел мне взять вторую сетку, набрать в нее побольше грязи и растений из болота и вместе с ней

взобраться на нижние ветви дерева, под которым стояла ловушка с грызунами.

Дон Хуан объяснил, что не хочет калечить ни кошку, ни зверьков, поэтому собирается отпугнуть зверя, окатив грязью, когда тот только подойдет к ловушке. Я должен быть готов сделать то же самое. Он посоветовал мне вести себя как можно внимательнее, чтобы не свалиться с дерева. И напоследок велел мне замереть, буквально слиться с ветвями.

Дона Хуана я не видел. Грызуны визжали все громче. Постепенно стемнело настолько, что я едва угадывал общие очертания местности. Вдруг послышались мягкие шаги и приглушенное кошачье дыхание, а потом раздался очень мягкий рык. Грызуны замолкли. И тут прямо под деревом я заметил темную массу звериного тела. Прежде, чем я смог рассмотреть зверя и убедиться в том, что это – горный лев, он бросился на ловушку. Но добежать до нее не успел: что-то обрушилось на него сверху, и он отскочил. Я швырнул свою сетку, как велел дон Хуан, но не попал. Однако шума наделал много. Тут дон Хуан издал несколько жутких пронзительных воплей, от которых по спине у меня побежали мурашки. Кошка с невообразимой ловкостью метнулась через площадку и скрылась.

Дон Хуан еще некоторое время продолжал вопить, а потом велел мне как можно быстрее слезть с дерева, взять клетку со зверьками и бежать к нему на площадку.

Через невероятно краткий промежуток времени я уже стоял рядом с доном Хуаном. Он велел мне кричать, как можно точнее имитируя звуки, которые издавал он сам. Это нужно было для того, чтобы держать на расстоянии льва, пока дон Хуан разбирает ловушку и выпускал зверьков.

Я начал было кричать, но получалось плохо. Голос от возбуждения сделался хриплым.

Дон Хуан сказал, что нужно отрешиться от себя и кричать по-настоящему, с чувством, потому что лев все еще рядом. И тут я в полной мере оценил ситуацию. Лев-то был вполне реален! И я издал восхитительнейший каскад душераздирающих пронзительных воплей.

Дон Хуан буквально взревел от хохота.

Он дал мне еще немного покричать, а потом сказал, что теперь нужно как можно тише покинуть это место, потому что лев – не

дурак и уже, вероятно, возвращается.

– Он наверняка пойдет за нами, – сказал дон Хуан. – Как бы аккуратно мы себя ни вели, позади нас все равно останется след шириной с Панамериканское шоссе.

Я шел совсем рядом с доном Хуаном. Время от времени он на мгновение замирал и прислушивался. Потом в какой-то момент он бросился бежать в темноту. Я – за ним, вытянув перед собой руки, чтобы защитить глаза от веток.

Наконец мы добрались до подножия утеса, на котором сидели днем. Дон Хуан сказал, что если лев не разорвет нас до того, как мы доберемся до вершины, то мы спасены. Он начал взбираться первым, показывая путь. Было совсем темно. Непонятно, каким образом мне это удавалось, но я следовал за доном Хуаном очень уверенно. Когда мы были уже недалеко от вершины, я услышал странный звериный крик. Он напоминал коровье мычание, но был более продолжительным и хриплым.

– Быстрее! Быстрее вверх! – заорал дон Хуан. И я в кромешной тьме рванулся к вершине, оставив дону Хуану позади. Когда он добрался до плоской площадки на макушке утеса, я уже сидел там, восстанавливая дыхание.

Дон Хуан рухнул на землю. Я решил было, что напряжение оказалось для него слишком сильным, однако оказалось, что он просто катается по земле от хохота. Его рассмешил мой бросок к вершине.

Мы молча просидели там еще часа два, потом отправились в обратный путь.

Воскресенье, 3 сентября 1961

Когда я проснулся, дон Хуан дома не было. До его прихода я успел поработать над своими записями и насобирать хвороста для очага в чаппарале вокруг дома. Когда дон Хуан вошел, я как раз ел. Он прошелся по поводу того, что он называл моей запрограммированностью на принятие пищи в полдень, но от пары бутербродов не отказался.

Я сказал ему, что история с горным львом сбила меня с толку. Теперь ситуация казалась нереальной, словно дон Хуан подстроил все это специально для меня. События сменяли друг Друга с такой бешеной скоростью, что у меня просто не было времени на то, чтобы испугаться. Времени было достаточно только на действия, но не на раздумья о складывающихся обстоятельствах. Когда я

писал заметки, у меня вдруг возникли сомнения – а действительно ли я видел горного льва? В моей памяти еще свежа была сухая ветка.

– Это был горный лев, – сказал дон Хуан тоном, отмечающим всякие сомнения.

– Что, живой зверь из плоти и крови?

– Разумеется.

Я объяснил, что подозрения возникли у меня из-за того, что все прошло как-то слишком уж гладко. Лев явился как по заказу, словно он специально нас ожидал и был подготовлен в соответствии со сценарием дона Хуана.

Однако на дона Хуана залп моих скептических замечаний не произвел ни малейшего впечатления. Он только посмеялся надо мной.

– Смешной ты парень, – сказал он. – Ты же видел кошку собственными глазами. Прямо под деревом, на котором сидел. Она не унюхала тебя и на тебя не бросилась только из-за запаха речной ивы. Он заглушает любой другой запах, а у тебя на коленях лежала целая куча ивовых веток.

Я сказал, что дело не в том, что я сомневаюсь в его честности, а в том, что все происходившее в ту ночь никоим образом не уместается в рамки обычного течения моей жизни. Когда я писал заметки, у меня даже ненадолго возникло подозрение, что это дон Хуан изображал горного льва. Однако эту идею пришлось отбросить, потому что уж слишком явственно я видел темное тело четвероногого зверя, который бросился на клетку, а потом перемахнул через площадку.

– Чего ты мечешься? – спросил дон Хуан. – Это была обыкновенная большая кошка. Тысячи их рыщут в тех горах. Большое дело! Ты, как всегда, обращаешь внимание не на то, на что следует. Не важно, что это было – лев или мои штаны. Имеют значение только твоё состояние и твои чувства в тот момент.

Я никогда в жизни не видел и не слышал большой кошки на воле. И тот факт, что я находился всего в какой-то паре метров от зверя, никак не укладывался у меня в голове.

Дон Хуан терпеливо выслушал все мои соображения по поводу истории с горным львом.

– Слушай, а почему эта большая кошка внушает тебе такой страх? Ты прямо трепещешь перед ней, – довольно ехидно спросил он. –

Ведь с такого же расстояния тебе приходилось наблюдать практически всех животных, которые здесь водятся. Но они тебя в такое состояние не приводили. Тебе нравятся кошки?

– Нет.

– А-а-а... Ну тогда забудь о ней. Собственно, урок состоял вовсе не в том, чтобы научиться охотиться на львов.

– А в чем?

– Ворона указала мне на то место возле болота, и там я *увидел*, каким способом можно заставить тебя понять, что значит «действовать в настроении воина». Вчера ночью, например, ты действовал, находясь в соответствующем настроении. Ты четко себя контролировал, и в то же время был полностью отрешен, особенно в тот момент, когда спрыгнул с дерева и подбежал ко мне. Ты не был парализован страхом. А потом, на утесе, ты действовал вообще превосходно. Я уверен, что ты не поверил бы в то, что совершил, если бы взглянул на тот склон днем. Большая степень отрешенности сочеталась в твоём состоянии с не меньшей степенью самоконтроля. Ты не бросил все и не наделал в штаны, и в то же время ты на все плюнул и взобрался в крошечной темноте на ту стену. Если бы ты случайно сошел с тропы, ты бы погиб. Чтобы в темноте подняться наверх, тебе необходимо было одновременно себя контролировать и от себя отказаться, бросив самого себя на произвол судьбы. Такое состояние я и называю настроением воина.

Я возразил, что все, что я совершил прошлой ночью, было результатом моего страха, а вовсе не настроения, соединившего в себе самоконтроль и отрешенность.

– Я знаю, – произнес он с улыбкой. – И именно поэтому я хотел показать тебе, что ты способен превзойти самого себя, если будешь находиться в нужном настроении. Воин сам формирует свое настроение. Ты об этом не знаешь. В этот раз настроение воина возникло у тебя благодаря страху. Но теперь тебе известно состояние, соответствующее настроению воина, и ты можешь воспользоваться чем угодно, чтобы в него войти.

Я хотел начать спорить, но для этого моим мыслям не хватало четкости. Непонятно почему, мне вдруг стало досадно.

– Очень удобно действовать, всегда находясь в настроении воина, – продолжал дон Хуан. – Оно не дает цепляться за всякий вздор и позволяет оставаться чистым. Помнишь свое особенное ощущение

там, на вершине? Это было здорово, а?

Я сказал, что понимаю, о чем он говорит, однако чувствую, что попытки применить то, чему он меня учит, в повседневной жизни, были бы полным идиотизмом.

– Каждый из поступков следует совершать в настроении воина, – объяснил дон Хуан. – Иначе человек уродует себя и делается безобразным. В жизни, которой не хватает настроения воина, отсутствует сила. Посмотри на себя. Практически все мешает тебе жить, обижает и выводит из состояния душевного равновесия. Ты распускаешь нюни и ноешь, жалуясь на то, что каждый встречный заставляет тебя плясать под свою дудку. Сорванный лист на ветру! В твоей жизни отсутствует сила. Какое, должно быть, мерзкое чувство! Воин же, с другой стороны, прежде всего охотник. Он учитывает все. Это называется контролем. Но закончив свои расчеты, он действует. Он отпускает поводья рассчитанного действия. И оно совершается как бы само собой. Это – отрешенность. Воин никогда не уподобляется листу, отданному на волю ветра. Никто не может сбить его с пути. Намерение воина непоколебимо, его суждения – окончательны, и никому не под силу заставить его поступать вопреки самому себе. Воин настроен на выживание, и он выживает, выбирая наиболее оптимальный образ действия.

Мне понравилась его установка, хотя она и была идеалистической. С точки зрения того мира, в котором я жил, она выглядела слишком упрощенной.

Дон Хуан только посмеялся над моими аргументами. Я же продолжал настаивать на том, что настроение воина никак не сможет помочь мне преодолеть обиду и боль, вызванные неблагоприятными поступками моих близких. Я предложил рассмотреть гипотетический случай: меня преследует и по-настоящему изводит, вплоть до физического воздействия, жестокий и злобный негодяй, облеченный властью.

Дон Хуан расхохотался и сказал, что пример вполне удачный.

– Воина можно ранить, но обидеть его – невозможно, – сказал он. –

Пока воин находится в соответствующем настроении, никакой поступок кого бы то ни было из людей не может его обидеть.

Прошлой ночью лев тебя совсем не обидел, правда? И то, что он преследовал нас, ни капельки тебя не разозлило. Я не слышал от тебя ругательств в его адрес. И ты не возмущался, вопя, что он не

имеет права нас преследовать. А ведь этот лев вполне мог оказаться самым жестоким и злобным во всей округе. Однако вовсе не его характер явился причиной того, что ты действовал так, а не иначе, изо всех сил стараясь избежать встречи с ним. Причина была в тебе самом, и причина была одна – ты хотел выжить. В чем вполне и преуспел. Если бы ты был один и льву удалось бы до тебя добраться и насмерть тебя задрать, тебе • бы и в голову не пришло пожаловаться на него, обидеться или почувствовать себя оскорбленным столь неблагоприятным поступком с его стороны. Так что настроение воина не так уж чуждо твоему или чьему бы то ни было еще миру. Оно необходимо тебе для того, чтобы прорваться сквозь пустопорожний треп. Я принялся излагать свои соображения по этому поводу. Льва и людей с моей точки зрения нельзя ставить на одну доску. Ведь о ближних своих я знаю очень много, мне знакомы их типичные уловки, мотивы, мелкие ухищрения. О льве же я не знаю практически ничего. Ведь в действиях моих ближних самым обидным является то, что они злобствуют и делают подлости сознательно.

– Знаю, – терпеливо проговорил дон Хуан. – Достичь состояния воина – очень и очень непросто. Это – революция, переворот в сознании. Одинаковое отношение ко всему, будь то лев, водяные крысы или люди – одно из величайших достижений духа воина. Для этого необходима сила.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 12. Битва силы

Вторник, 28 декабря 1961

Мы отправились рано утром. Сначала ехали на юг, а затем повернули на восток, в горы. Дон Хуан взял с собой две тыквенные фляги с едой и водой. Мы перекусили в машине, а потом оставили ее и двинулись в путь пешком.

– Держись поближе ко мне, – проинструктировал меня дон Хуан прежде чем мы отправились. – Эта местность тебе незнакома, поэтому не стоит рисковать. Ты вышел на поиски силы, и в зачет идет каждый твой шаг. Следи за ветром, в особенности – ближе к концу дня. Следи за тем, как он меняет направление, и всегда занимая такое положение, чтобы я заслонял тебя от него.

– Что мы будем делать в этих горах, дон Хуан?

– Ты охотишься за силой.

– Я хотел спросить, чем конкретно мы будем заниматься?

– За силой невозможно охотиться по какому-либо плану. Впрочем, как и за дичью. Охотник охотится на то, что ему попадается.

Поэтому он все время должен находиться в состоянии готовности.

Ты уже кое-что знаешь о ветре и самостоятельно можешь охотиться на силу, в нем заключенную. Но существует много других вещей, о которых ты не знаешь, но которые, подобно ветру, в определенное время и в определенных местах становятся центрами силы. Сила – штука очень любопытная. Ее невозможно взять и к чему-нибудь пригвоздить, как-то зафиксировать или сказать, что же это в действительности такое. Она сродни чувству, ощущению, которое возникает у человека в отношении определенных вещей. Сила всегда бывает личной, она принадлежит только кому-то одному. Мой бенефактор, например, одним лишь взглядом мог заставить человека смертельно заболеть. Стоило ему бросить на женщину такой взгляд, как она увядала и становилась некрасивой. Но это вовсе не значит, что заболевали все, на кого он смотрел. Его взгляд действовал лишь тогда, когда в этом участвовала его личная сила.

– А как он решал, кого сделать больным?

– Не знаю. Он и сам не знал. С силой всегда так. Она командует тобой и в то же время тебе подчиняется. Охотник за силой ловит ее, а затем накапливает как свою личную находку. Его личная сила таким образом растет, и может наступить момент, когда воин, накопив огромную личную силу, станет человеком знания.

– Как накапливают силу, дон Хуан?

– Это тоже что-то вроде ощущения. Характер его определяется типом личности воина. Мой бенефактор был человеком яростным. Он пользовался чувством ярости для накопления силы. Все, что он делал, он делал прямо, резко и жестко. Он оставил в моей памяти ощущение чего-то проламывающегося сквозь, сокрушающего все, что оказывалось на пути. И все, что с ним происходило, происходило именно в таком ключе.

Я сказал, что не понимаю, как можно накапливать силу с помощью чувства. Дон Хуан долго молчал.

– Это невозможно объяснить, – сказал он, наконец. – Ты должен сделать это сам.

Он взял свои тыквенные фляги и повесил их себе на спину. Мне он дал веревочку, на которую были нанизаны куски сушеного мяса. Восемь штук. Вевочку он велел надеть мне на шею.

– Это – пища, обладающая силой, – объяснил он.

– За счет чего она обладает силой, дон Хуан?

– Это – мясо животного, обладавшего силой. Оленя, редкостного, уникального оленя. Меня вывела на него моя личная сила. Этого мяса хватит для того, чтобы поддерживать нас в течение недель, а если потребуется, то и месяцев. Каждый раз откусывай маленький кусочек и жуй очень медленно и тщательно. Пусть сила входит в твое тело постепенно.

И мы пошли. Было около одиннадцати часов утра. Дон Хуан еще раз напомнил мне, как нужно идти:

– Следи за ветром. Не позволяй ему сбивать с шага и утомлять тебя. Жуй мясо силы и прячься от ветра за моей спиной. Мне ветер не причинит никакого вреда, мы с ним давно и очень хорошо знакомы.

Дон Хуан повел меня по тропе, которая шла прямо к высоким горам. День был пасмурным, собирался дождь. Я видел, как с гор на нас ползут низкие дождевые тучи и туман.

Часов до трех пополудни мы шли, не произнося ни слова. Я жевал сушеное мясо. Это действительно придавало мне силы. А

наблюдение за изменениями ветра вылилось в итоге в весьма загадочное явление: я до такой степени в это дело втянулся, что буквально всем телом ощущал каждое изменение еще до того, как оно происходило. У меня было такое чувство, что я могу воспринимать волны ветра как какое-то давление на верхнюю часть грудной клетки и бронхи. Каждый раз, когда я вот-вот должен был ощутить порыв ветра, в груди и в гортани появлялся зуд.

Дон Хуан на минутку остановился и осмотрелся. Казалось, он ориентируется. Потом он повернул направо. Я заметил, что он тоже жует сушеное мясо. Я чувствовал себя очень свежим и совсем не уставшим. Наблюдение за изменениями направления ветра требовало настолько полного сосредоточения, что я потерял счет времени.

Мы вошли в глубокое ущелье и по одному из склонов поднялись на маленькую площадку почти у вершины гигантской горы. Дон Хуан взобрался на громадную скалу, под которой заканчивалась площадка, и помог мне сделать то же самое. Скала была похожа на купол, возвышавшийся над отвесными стенами. Мы начали медленно ее обходить. В конце концов мне пришлось ползти на ягодицах, цепляясь за скалу руками и упираясь пятками. Я весь покрылся потом и был вынужден то и дело вытирать руки. Обойдя скалу, я увидел очень большую неглубокую пещеру. Она находилась под самой вершиной горы и была похожа на зал в виде балкона с двумя колоннами, возникший вследствие выветривания песчаника.

Дон Хуан сказал, что в этой пещере мы остановимся. Он объяснил, что она безопасна, так как недостаточно глубока для того, чтобы стать логовом горных львов или других хищников, чересчур открыта для того, чтобы быть крысиным гнездом, и слишком сильно продувается ветром для того, чтобы в ней водились опасные насекомые. Дон Хуан засмеялся и сказал, что она — идеальное место для человека, потому что никто другой просто не выдержит в ней долго.

И он, словно горный козел, метнулся к ней. Мне оставалось только восхищаться его фантастической ловкостью.

Я медленно сполз на ягодицах вниз по скале, а затем по склону горы, и побежал вверх по уступу. Последние несколько метров буквально лишили меня сил. Я в шутку спросил дона Хуана,

сколько же ему на самом деле лет. Я имел в виду, что для того, чтобы добраться до уступа так, как это сделал дон Хуан, нужно было быть очень молодым и отлично тренированным.

— Я молод настолько, насколько хочу, — ответил он. — Это, кстати, тоже связано с личной силой. Если ты накапливаешь силу, тело твое становится способным на невероятные действия. А если, наоборот, ее рассеиваешь, то на глазах превращаешься в жирного слабого старика.

Выступ протянулся с запада на восток. Открытая сторона пещеры была обращена на юг. Я подошел к западному краю площадки. Вид оттуда открывался просто потрясающий. Со всех сторон нас окружал дождь, полупрозрачным занавесом ниспадавший на расстилавшуюся внизу холмистую равнину.

Дон Хуан сказал, что у нас вполне достаточно времени на то, чтобы построить укрытие. Он велел мне принести на уступ как можно больше камней, а сам занялся сбором палок для крыши. За час он соорудил на восточном конце уступа стену толщиной чуть меньше полуметра. Длина ее была сантиметров семьдесят, а высота — примерно метр. Он сплел и связал несколько пучков веток, а потом соорудил из них крышу и установил ее на двух длинных палках с развилками на конце. Еще одна такая же палка была прикреплена к самой крыше и поддерживала ее с другой стороны напротив стены. Вся конструкция получилась похожей на высокий трехногий стол.

Дон Хуан уселся, скрестив ноги, под крышей на самом краю площадки. Мне он велел сесть рядом, справа от него. Некоторое время мы молчали.

Нарушил молчание дон Хуан. Шепотом он сообщил, что нам следует вести себя так, будто ничего необычного не происходит. Я спросил, что именно мне следует делать. Он ответил, что мне следует заняться своими записями и писать так, словно я сижу дома за столом и кроме этой работы меня больше ничто в мире не интересует и не беспокоит. В какой-то миг он меня слегка подтолкнул и глазами укажет, куда смотреть. Он предупредил, что я не должен произносить ни слова, что бы ни увидел. Свободно разговаривать может только он, потому что его знают все силы в этих горах.

Следуя его инструкциям, я около часа прилежно писал. Вдруг я ощутил мягкое похлопывание по руке и увидел, что глазами и

кивком головы дон Хуан указывает мне на полосу тумана метрах в двухстах от нас, спускавшуюся с вершины горы. Дон Хуан зашептал мне на ухо голосом, едва слышным даже на таком близком расстоянии:

– Поводи глазами туда-сюда по этой полосе тумана. Но не смотри на нее прямо. Моргай почаще и не фокусируй глаза на тумане. Когда заметишь на нем зеленое пятно, покажи мне глазами, где оно находится.

Я начал водить глазами туда-сюда вдоль полосы тумана, которая медленно к нам приближалась. Прошло, наверное, полчаса.

Темнело. Туман полз очень и очень медленно. В какое-то мгновение мне вдруг показалось, что справа от себя я заметил слабое зеленоватое свечение. Сперва я даже подумал было, что вижу просто пятно зеленой растительности, проглядывающее сквозь туман. Когда я взглянул прямо в том направлении, там ничего не оказалось. Но стоило мне снова начать смотреть не фокусируя взгляда, как размытое зеленоватое пятно снова сделалось заметным.

Я показал его дону Хуану. Он прищурился и начал пристально на него смотреть.

– Теперь сфокусируй глаза на пятне, – прошептал он мне на ухо. – И смотри, не моргая, пока не начнешь *видеть*.

Я хотел было спросить, что именно я должен видеть, но дон Хуан бросил на меня выразительный взгляд, как бы напоминая о том, что мне нельзя разговаривать.

Я снова принялся смотреть на туман, но теперь уже прямо. Клок тумана спустился откуда-то сверху и завис, похожий на кусок чего-то плотного и твердого. Он находился как раз в том месте, где я видел зеленое пятно. Через некоторое время глаза у меня устали, и я прищурился. Сначала я увидел клочок тумана, наложенный на туманную полосу, а потом – узкую полосу тумана, похожую на мост, который тянулся откуда-то сверху, как бы соединяя склон горы позади надо мной с туманом, висевшим впереди. На мгновение я даже вроде бы увидел, как по этому мосту, не изменяя его очертаний, тянется прозрачный туман, который течет сверху с горы. Казалось, что мост действительно образован чем-то твердым. В какой-то момент мираж сделался настолько полным, что приобрел объемность, прорисованную темными тенями под мостом и его светлой боковой поверхностью цвета песчаника.

Совершенно ошарашенный, я смотрел на этот мост. А потом то ли я поднялся до его уровня, то ли он опустился до моего, но внезапно я обнаружил, что смотрю на прямую дорожку, начинающуюся прямо у моих ног. Это была невообразимо длинная твердая дорога, узкая и без перил, но достаточно широкая для того, чтобы по ней можно было идти...

Дон Хуан энергично дергал меня за руку. Я почувствовал, как дергается вверх-вниз голова, а потом ощутил жуткую резь в глазах. Совершенно произвольно я потерял их. Дон Хуан тряс меня не переставая до тех пор, пока я снова не открыл глаза. Он налил в ладонь немного воды из своей фляги и плеснул ее мне в лицо. Было очень неприятно. Вода показалась мне настолько холодной, что я ощутил каждую каплю как язву на коже. И только после этого я обратил внимание на то, что тело мое было очень теплым. Я был как в жару.

Дон Хуан торопливо заставил меня попить воды, и затем побрызгал мне на уши и шею.

Я услышал очень громкий, длинный неземной крик какой-то птицы. Дон Хуан прислушался, а потом ногой разрушил стену. Крышу он разломал и закинул в кусты, а все камни один за другим сбросил вниз.

Потом он шепнул мне на ухо:

– Выпей воды и жуй свое сушеное мясо. Нам нельзя здесь оставаться. Этот крик был не птичьим.

Мы спустились с уступа и двинулись на восток. За считанные минуты стемнело настолько, что у меня появилось ощущение, будто перед моими глазами повесили плотный черный занавес. Туман был похож на непроницаемую стену. До этого я даже не подозревал, насколько опасен ночной туман. Я не мог себе представить, каким образом дону Хуану удастся находить дорогу. Я держался за его руку, как слепой за руку поводыря.

Каким-то образом я почувствовал, что мы идем по самому краю пропасти. Ноги отказывались двигаться. Мой рассудок верил дону Хуану, и умом я хотел идти вперед, но тело не желало слушаться, и дону Хуану приходилось в полной темноте тащить меня за собой. Он, должно быть, в совершенстве знал местность. Вот он остановился и заставил меня сесть. Но руку его я все равно не отпустил. Мое тело без тени сомнения чувствовало, что я сижу на голой куполообразной горе, и стоит мне сдвинуться вправо хоть на

пару сантиметров, как я скачусь в бездну. Я был абсолютно уверен, что сижу на округлом склоне, потому что тело все время произвольно сползало вправо. Я решил, что таким образом оно пытается сохранить вертикальное положение, поэтому, чтобы как-то компенсировать это, отклонился, насколько мог, влево, к дону Хуану.

Дон Хуан неожиданно резко отклонился от меня и, потеряв опору, я опрокинулся на землю. Прикосновение к ней восстановило мое чувство равновесия. Я лежал на ровном месте. Я тут же принялся на ощупь обследовать окружающее пространство. Земля была усыпана сухими листьями и хворостом.

Вдруг все вокруг осветила вспышка молнии, и раздался чудовищный раскат грома. Дон Хуан стоял слева от меня. В метре-другом за ним была пещера, а вокруг росли огромные деревья. Дон Хуан велел мне залезть в пещеру. Я вполз в нее и прижался спиной к камню.

Я почувствовал, как дон Хуан наклонился ко мне, а потом услышал, как он шепотом напоминает, что я должен сохранять абсолютное молчание.

Одна за другой последовали три вспышки молнии. Краем глаза я увидел, что дон Хуан сидит со скрещенными ногами слева от меня. Пещера оказалась совсем небольшим углублением, в котором сидя могли бы разместиться два-три человека. Было такое впечатление, что углубление образовано вогнутой поверхностью большого валуна. Я понял, что поступил мудро, когда вползал сюда на четвереньках. Если бы я попытался войти в нее во весь рост, то стукнулся бы головой о камень.

Свет молний позволил мне оценить плотность тумана. Я заметил стволы гигантских деревьев. Они выглядели как темные силуэты на фоне матовой светло-серой массы тумана.

Дон Хуан прошептал, что туман и молния в сговоре друг с другом и что как бы ни одолевала меня усталость, я ни в коем случае не должен засыпать, потому что вовлечен в битву силы. В свете сверкнувшей в это мгновение молнии перед моими глазами предстала настоящая фантазмагория. Туман был подобен белому матовому фильтру, он равномерно рассеивал свет и напоминал плотную белесую субстанцию, висящую в пространстве между высокими деревьями. Но прямо передо мной, над самой землей, туман был менее плотным, и я мог различить очертания местности.

Мы находились в сосновом лесу. Нас окружали высоченные деревья. Они были настолько огромны, что я мог бы поклясться, что мы – среди секвой, если бы не знал, где мы на самом деле. Целый каскад молний осветил дорогу. Он длился несколько минут, и с каждой вспышкой окружающий пейзаж проступал все яснее. Прямо перед собой я увидел тропу. На ней ничего не росло. Похоже было, что впереди, там, где она заканчивалась, начиналось свободное от деревьев пространство.

Молнии сверкали в таком количестве, что определить, с какой они стороны, я не мог. Однако пейзаж был освещен настолько хорошо, что я почувствовал себя заметно лучше. Страх и неуверенность исчезли, едва лишь света стало достаточно для того, чтобы немного приподнялся занавес тьмы. И теперь, когда между вспышками наступала длительная пауза, окружающая чернота уже больше не сбивала меня с толку.

Дон Хуан прошептал, что я, наверное, уже наблюдал достаточно, и теперь следует сосредоточиться на звуке грома. Тут я, к своему удивлению, осознал, что до этого не обращал на гром никакого внимания вообще, хотя раскаты его были действительно грандиозны. Дон Хуан добавил, что нужно следить за звуком и смотреть в том направлении, откуда он идет.

Каскадов молний и грома больше не было. Только время от времени тьму разгоняли яркие одиночные вспышки и тишину раскалывали короткие мощные громовые раскаты. Мне показалось, что раскаты грома слышатся справа. Туман постепенно приподнимался, и, привыкнув к кромешной тьме, я начал различать массивы зарослей. Молнии продолжали сверкать, сопровождаемые громом, и неожиданно я обнаружил, что справа от меня ничего нет. Я увидел небо.

Буря сдвигалась, как мне показалось, вправо. Опять сверкнула молния, и вдалеке справа от себя я увидел гору. Свет молнии осветил фон за ней и выхватил из тьмы ее массивный округлый силуэт. Мне были видны деревья на вершине горы, похожие на изящную черную аппликацию на фоне сверкающего белого неба. Я даже видел кучевые облака над горами.

Туман вокруг нас полностью рассеялся. Дул устойчивый ветер, и я слышал шелест листьев в кронах больших деревьев слева от себя. Буря полыхала молниями слишком далеко для того, чтобы осветить деревья, но их темный массив был вполне различим.

Однако света молний было достаточно, чтобы я смог разглядеть цепь далеких гор справа. Лес был слева от меня, я находился как раз на его границе. Внизу подо мной вроде бы расстилалась темная долина, которой не было видно вовсе. Электрическая буря бушевала на другой ее стороне.

Потом пошел дождь. Я вжался спиной в скалу. Шляпа прикрывала туловище и поджатые ноги. Намокли только голени и ботинки. Дождь шел долго. Он был теплым. Я чувствовал, как вода течет по ступням. А потом я заснул.

Меня разбудили голоса птиц. Я осмотрелся в поисках дон Хуана. Его не было. В обычной ситуации мне стало бы интересно; отошел он ненадолго или ушел вообще, оставив меня одного. Но в этот раз я был буквально парализован, до такой степени меня потрясло то, что я увидел вокруг.

Я встал. В ботинках хлюпала вода. Шляпа насквозь промокла и с ее полей на меня пролились остатки воды. Я находился вовсе ни в какой не в пещере, а под густыми кустами. Замешательство, меня охватившее, было ни с чем не сравнимо. Я стоял на плоском участке земли между двумя невысокими земляными холмами, покрытыми кустарником. Ни деревьев слева, ни долины справа не было в помине. Прямо передо мной, там, где я видел тропу в лесу, рос громадный куст.

Я не верил своим глазам. Несовместимость двух версий реальности, свидетелем которых я был, заставила меня сразу же углубиться в поиски какого-то объяснения. Может, я спал настолько беспробудно, что дон Хуан перетащил меня на спине в другое место, не разбудив при этом?

Я осмотрел место, на котором проснулся. Земля там, где я сидел, была сухой. Такой же сухой была и земля на пяточке рядом, там, где сидел дон Хуан.

Я пару раз позвал его, а потом меня охватила тревога, и я заорал как можно громче:

– Дон Хуан!

Он вышел из-за кустов. Я мгновенно понял, что он отлично знает, что происходит. Он улыбался настолько ехидно, что я не выдержал и улыбнулся сам.

У меня не было желания играть с ним в какие бы то ни было игры, и я выложил ему все, что творилось у меня внутри. Как можно точнее и последовательнее я во всех подробностях описал ему

свои ночные видения. Он слушал, не прерывая. Сохранять серьезное выражение лица ему, однако, удавалось с трудом, пару раз он даже начинал посмеиваться, но сдерживался и тут же брал себя в руки.

Три или четыре раза я по ходу дела задавал вопросы, но дон Хуан только качал головой с таким видом, словно ничего не понимает.

Когда я завершил свой отчет, он взглянул на меня и сказал.

– Вид у тебя, конечно, ужасный. Может, сходишь в кусты?

Он усмехнулся и посоветовал мне раздеться и выкрутить вещи, чтобы они быстрее высохли.

Ярко светило солнце. Облаков почти не было. Стоял ясный солнечный день.

Дон Хуан повернулся и, уходя, сказал, что пойдет поищет кое-какие растения. Мне он велел привести себя в порядок и что-нибудь поесть и не звать его до тех пор, пока я не почувствую, что полностью успокоился и собрался с силами.

Вся одежда на мне промокла. Я уселся на солнцепеке, чтобы просохнуть. Я чувствовал, что могу расслабиться единственным способом – достав блокнот и взявшись за свои записи. Я принялся писать и заодно, не отрываясь от этого занятия, поел.

Через пару часов я почувствовал, что расслабился в достаточной степени, и позвал дону Хуана. Он отозвался откуда-то с вершины холма. Он велел мне взять его фляги и подниматься к нему.

Взобравшись на холм, я увидел, что дон Хуан сидит на плоском камне и поджидает меня. Он открыл фляги и достал немного еды для себя. Мне он дал два больших куска мяса.

Я не знал, с чего начать, потому что вопросы буквально толпой теснились в моей голове. Дон Хуан, похоже, был в курсе моего настроения и с явным удовлетворением рассмеялся.

– Как ты себя чувствуешь? – с оттенком иронии спросил он.

Я не хотел отвечать. Я все еще был не в себе.

Дон Хуан велел мне сесть на плоскую каменную плиту. Он сказал, что этот камень – объект силы, и что если я немного на нем посижу, силы мои восстановятся.

– Садись! – сухо приказал он.

На лице его не было улыбки. Глаза его были яростными и пронзительными. Я автоматически сел.

Он сказал, что, допуская уныние и плохое настроение, я поступаю неосмотрительно. С силой так вести себя нельзя, и этому

необходимо положить конец, иначе сила обернется против нас, и мы никогда не уйдем живыми из этих безлюдных холмов.

После короткой паузы он как бы между прочим спросил:

– Как у тебя обстоят дела со *сновидением*?

Я рассказал, как сложно мне стало давать себе команду смотреть на свои руки. Сначала все шло относительно гладко. Может быть, это было обусловлено новизной. Без каких бы то ни было затруднений я вспоминал о том, что нужно приказать себе смотреть на руки. Однако восторг прошел, и вот уже в течение целого ряда ночей я вообще не мог этого сделать.

– Нужно на ночь надевать головную повязку, – сказал дон Хуан. – Но добыть ее не так-то просто. Я не могу тебе ее дать, ты должен сделать повязку сам. Из грубой ткани. Но только после того, как увидишь ее в *сновидении*. Понимаешь? Головную повязку нужно изготовить в строгом соответствии с особым видением. И у нее должна быть поперечная лента, проходящая четко через макушку головы. Конечно, ты мог бы ложиться спать в шляпе или, как бенедиктинец, надевать на ночь колпак, но это только интенсифицирует обычные сны, а *сновидению* способствовать не будет.

Он немного помолчал, а потом быстро и многословно начал объяснять, что видение головной повязки может явиться не только в «*сновидении*», но и в бодрствующем состоянии в результате какого-нибудь события, не имеющего к ней, казалось бы, никакого отношения. Например, наблюдения полета птиц, течения воды, облаков или чего-то в таком роде.

– Охотник за силой наблюдает за всем, – продолжал он.

– И все, за чем он наблюдает, раскрывает ему какие-нибудь тайны.

– Но как убедиться в том, что наблюдаемый тобой объект раскрывает тебе тайну? – спросил я.

Я рассчитывал, что он выдаст мне какую-нибудь формулу, позволяющую делать «правильные» интерпретации.

– Единственный способ убедиться – неукоснительно следовать всем тем инструкциям, которые я давал тебе, начиная с самой первой нашей встречи, – ответил он. – Чтобы обладать силой, нужно вести жизнь, наполненную силой.

Он снисходительно улыбнулся. Его ярость вроде прошла, он даже слегка подтолкнул меня под локоть:

– Жуй свою пищу, обладающую силой.

Я принялся жевать сушеное мясо, и тут до меня дошло: наверное, в нем содержатся какие-то психотропные вещества. Этим и объясняются мои ночные галлюцинации. На какое-то время я почувствовал облегчение. Если Дон Хуан действительно добавил что-то в мясо, то все миражи, которые я наблюдал, становятся вполне понятным явлением. Я спросил его, добавлялось ли что-то в «мясо силы».

Он засмеялся, но прямо не ответил. Я настаивал, уверяя его в том, что вовсе не сержусь, и даже не чувствую раздражения, а просто хочу это знать, чтобы как-то удовлетворительно с моей точки зрения объяснить события предыдущей ночи. Я требовал, просил и в конце концов начал умолять его сказать мне правду.

— А ты точно — с трещиной, — произнес он, недоверчиво качая головой. — У тебя есть коварная тенденция. Ты настаиваешь на объяснениях, которые удовлетворяли бы именно тебя. В этом мясе нет ничего, кроме силы. И силу туда не добавлял ни я, ни кто-либо другой. Силой мясо наполнила сама сила. Это — мясо оленя, который был дан мне в качестве дара. Не так давно таким же даром для тебя явился кролик. К тому кролику ни ты, ни я ничего не добавляли. Я не говорил тебе засушить его мясо, потому что для этого тебе потребовалось бы гораздо больше силы, чем у тебя есть. Но я велел тебе поесть кроличьего мяса. По собственной глупости ты съел тогда слишком мало. То, что произошло с тобой сегодня ночью, не было ни шуткой, ни чьими-то проделками. У тебя была встреча с силой. Туман, тьма, молнии, гром и дождь были частями великой битвы силы. Дуракам везет. Воин многое бы отдал за такую битву.

Я возразил, что все событие в целом не могло быть битвой силы, потому что оно не было реальным.

— А что реально? — очень спокойно спросил дон Хуан.

— Вот это, то, на что мы смотрим, — реально, — ответил я, обедая рукой окружавший нас пейзаж.

— Но мост, который ты видел ночью, и лес, и все остальное — все было таким же.

— Тогда куда оно все делось? Если все это реально, где оно сейчас?

— Здесь. Если бы ты обладал достаточной силой, ты мог бы вызвать все, что видел ночью. Вызвать прямо сейчас. Но сейчас ты на это не способен, потому что находишь большую пользу в том, чтобы сомневаться и цепляться за свою реальность. Однако в этом нет

никакой пользы, приятель. Никакой. Прямо здесь, перед нами, расстилаются неисчислимые миры. Они наложены друг на друга, друг друга пронизывают, их множество, и они абсолютно реальны. Если бы ночью я не схватил тебя за руку, ты пошел бы по мосту, независимо от своего желания. А до этого мне приходилось защищать тебя от ветра, который тебя искал.

– А что бы случилось, если б ты меня не защищал?

– Ты не обладаешь достаточной силой. Поэтому ветер заставил бы тебя заблудиться, и, вероятно, даже убил бы, столкнув в пропасть. Но туман был вполне реален. В нем с тобой могли бы случиться две вещи. Либо ты перешел бы по мосту на другую сторону, либо ты упал бы и разбился насмерть. Все зависит от силы. Но в одном я уверен – если бы я тебя не защищал, ты пошел бы по мосту.

Несмотря ни на что. Такова природа силы. Как я тебе уже говорил, сила командует тобой и в то же время тебе подчиняется. Этой ночью, например, она заставила бы тебя взойти на мост. Но потом, подчиняясь тебе, она поддерживала тебя на твоём пути по мосту. Я остановил тебя, так как знаю, что ты не умеешь использовать силу, а без ее помощи мост бы разрушился.

– Ты тоже видел этот мост, дон Хуан?

– Нет. Я *видел* просто силу. Она может быть чем угодно.

Например, для тебя в этот раз она была мостом. Почему именно мостом, я не знаю. Мы – таинственные существа.

– А вообще ты когда-нибудь видел мост в тумане, дон Хуан?

– Никогда. Но это объясняется лишь тем, что я – не такой, как ты. Я видел другое. Мои битвы силы совсем не были похожи на твои.

– А что видел ты, дон Хуан? Можешь рассказать?

– В своей первой битве силы я встретился в тумане со своими врагами. Но у тебя врагов нет. Тебе не свойственно ненавидеть людей. А во мне это было. Моя ненависть к людям была для меня способом потакать своей слабости. Теперь этого нет. Я победил в себе ненависть, но в той первой битве силы она меня почти разрушила. Твоя же битва силы была, наоборот, очень тонкой и почти тебя не затронула. Но зато теперь ты пожираешь себя своими собственными вздорными мыслями и сомнениями. Это – твой способ потакать себе. Туман повел себя с тобой безупречно. Чем-то ты ему близок. Он подарил тебе дивный мост, и мост этот теперь всегда будет ждать тебя там, в тумане. И будет являться тебе снова и снова, пока не настанет день, когда ты по нему

пройдешь. Поэтому я настоятельно тебе советую с сегодняшнего дня не ходить в одиночку в места, где бывают туманы. До тех пор, пока ты не будешь готов сделать это сознательно. Сила – штука очень странная, волшебная. Чтобы в полной мере ею обладать и повелевать, нужно сперва обзавестись некоторым количеством силы, достаточным для начала. Можно однако, сделать и по другому: понемногу накапливать силу, никак ее не используя до тех пор, пока не наберется достаточно, чтобы выстоять в битве силы.

– Что такое битва силы?

– Происходившее с тобой этой ночью было ее началом. Картины, которые разворачивались перед твоими глазами, были вместилищем силы. Когда-нибудь ты разберешься в их смысле, ведь они имеют огромное значение.

– А ты не мог бы рассказать, что они означают, дон Хуан?

– Нет. Эти картины – твое личное завоевание. Его нельзя ни с кем разделить. Но то, что произошло этой ночью, – лишь начало, только первая стычка. Настоящая битва ждет тебя за мостом. Что там? Об этом узнаешь только ты. И только ты узнаешь, куда ведет та тропа в лесу. Но все это может произойти, а может и не произойти. Чтобы пускаться в путешествие по этим неведомым тропам и мостам, нужно иметь достаточное количество своей собственной силы.

– А если силы у человека недостаточно, что тогда?

– Смерть ждет, она ждет всегда, и едва сила воина подходит к концу, смерть просто дотрагивается до него. Так что просто глупо пускаться в путь к неизвестному, не имея силы. Он приведет только к смерти.

Я почти не слушал его. Я со всех сторон обсасывал идею относительно галлюциногенных свойств мяса силы. Мне нравилось это занятие, оно успокаивало и умиротворяло, несмотря на то, что было явным потаканием себе.

– Не утруждай себя, ты все равно ничего не вычислишь, – произнес дон Хуан, словно прочитав мои мысли. – Мир – это тайна. И то, что ты видишь перед собой в данный момент, – еще далеко не все, что здесь есть. В мире есть еще столько всего... Он воистину бесконечен в каждой своей точке. Поэтому попытки что-то для себя прояснить – это на самом деле всего лишь попытки сделать какой-то аспект мира чем-то знакомым, привычным. Мы с

тобой находимся здесь, в мире, который ты называешь реальным, только потому, что оба мы его знаем. Ты не знаешь мира силы, и поэтому не способен превратить его в знакомую картину.

– Ты знаешь, что я не могу с тобой спорить, – сказал я. – Но в то же время принять все это мой разум не в состоянии.

Он засмеялся и легонько дотронулся до моей головы.

– Ты – псих. Честное слово, – улыбнулся он. – Но это – нормально. Я знаю: жить, как подобает воину, необычайно трудно. Если бы ты выполнял все мои инструкции и действовал в точности так, как я тебя все время учил, ты к сегодняшнему дню обладал бы силой, достаточной, чтобы пройти по мосту. Достаточной для того, чтобы *видеть* и *остановить мир*.

– Но с какой стати, дон Хуан, я должен хотеть обладать силой?

– Вряд ли можно сейчас размышлять о причинах. Но если бы ты накопил достаточное количество силы, она сама подсказала бы тебе ответ на этот вопрос. Бред сумасшедшего, верно?

– Хорошо, а тебе самому сила зачем?

– Я в этом похож на тебя. Я тоже не хотел обладать силой. И не видел причин для того, чтобы ее накапливать. И никогда не выполнял инструкций, которые мне давались, или, по крайней мере, никогда не думал, что их выполняю. И однако, несмотря на свою глупость, я накопил достаточное количество силы, и в один прекрасный день моя личная сила заставила мир рухнуть.

– Но почему кто-то должен хотеть *остановить мир*?

– Так ведь никто и не хочет, в том-то и дело. Это просто происходит. А когда ты узнаешь, что это такое – *остановка мира*, ты осознаешь, что на то есть свои веские причины. Видишь ли, одним из аспектов искусства воина является умение сначала по некоторой особой причине разрушить мир, а затем – снова восстановить его для того, чтобы продолжать жить.

Я сказал, что, наверное, было бы убедительнее всего, если бы он на примере разъяснил мне эти особые причины для разрушения мира.

Он какое-то время молчал, как бы обдумывая, что мне ответить.

– Ничего не могу тебе по этому поводу сказать, – проговорил он наконец. – Для того, чтобы это знать, нужна сила, много силы.

Может быть, когда-нибудь ты, несмотря на собственное сопротивление, начнешь жить, как подобает воину. Это произойдет, вероятнее всего, тогда, когда ты накопишь достаточно

силы и сможешь ответить на свой вопрос самостоятельно. Я научил тебя практически всему, что необходимо воину для того, чтобы начать должным образом действовать в мире, самостоятельно накапливая силу. Но мне, в то же время, известно, что ты еще не можешь этого сделать и что я должен проявить терпение. Чтобы попасть в мир силы, необходимо пройти путь длиною в жизнь. Это – непреложный факт, и мне он известен. Дон Хуан взглянул на небо, а потом – на горы. Солнце уже повернуло к западу, а на горах клубились и быстро росли дождевые тучи. Я забыл завести часы и не знал, который час. Я спросил дон Хуана о времени, и у него начался такой приступ хохота, что он скатился с плиты, на которой мы сидели, прямо в кусты.

Потом он встал, потянулся, зевнул и сказал:

– Еще рано. Подождем, пока на вершине нашего холма соберется туман. Ты должен остаться один на этой плите и поблагодарить туман за все, что он для тебя сделал. А я буду где-нибудь поблизости, чтобы помочь тебе в случае необходимости.

Перспектива один на один встретиться с туманом почему-то привела меня в ужас. Я подумал, что такая иррациональная реакция с моей стороны – просто идиотизм.

– Ты не можешь, не поблагодарив, уйти из этих безлюдных гор, – твердо произнес дон Хуан. – Воин никогда не поворачивается к силе спиной, не заплатив за проявленную к нему благосклонность. Он лег на спину, накрыл шляпой лицо и сложил руки под головой. – Как я должен вести себя в ожидании тумана? – спросил я. – Что мне делать?

– Пиши! – сказал он из-под шляпы. – Только не закрывай глаза и не поворачивайся к туману спиной, когда он появится.

Я попытался было записывать, но никак не мог сосредоточиться. Я встал и начал беспокойно расхаживать туда-сюда. Дон Хуан приподнял шляпу и взглянул на меня с некоторым раздражением.

– Сядь! – приказал он.

Он сказал, что битва силы еще не окончена и что мне нужно приучить свой дух к безмятежности. Ничто из того, что я делаю, не должно выдавать моих чувств. Если, конечно, я не хочу, чтобы эти горы стали для меня ловушкой.

Дон Хуан сел и движением руки дал мне понять, что сейчас будет говорить о чем-то очень важном. Он сказал, что мне следует вести

себя так, как будто ничего происходит, потому что места силы, а в одном из них мы в тот момент находились, способны «втянуть» человека, который чем-то обеспокоен. Тогда между человеком и местом силы могут образоваться странные и болезненные узы. – Эти узы – как тяжелый якорь. Они не дают человеку оторваться от места силы иногда в течение всей жизни, – продолжал он. – А это место – не для тебя. Ты не нашел его сам. Так что возьми себя в руки, а то еще, чего доброго, штаны со страху потеряешь. Его предостережение подействовало на меня подобно заклинанию. Несколько часов я работал без перерыва.

Дон Хуан заснул и проснулся только когда туман, спускавшийся с вершины холма, был уже в сотне метров от нас. Он встал и осмотрелся. Я тоже посмотрел вокруг, не поворачиваясь спиной к туману. Спустившийся с гор, которые были справа от нас, туман уже окутал все вокруг. Слева тумана не было, однако ветер, который вроде бы дул справа, гнал туман в долину. Туман неуклонно нас окружал.

Дон Хуан прошептал мне, что я должен в полном спокойствии стоять на месте, не закрывая глаз. Повернуться и начать спускаться вниз мне можно будет лишь тогда, когда туман полностью нас окружит.

И дон Хуан спрятался среди камней метрах в двух позади меня. Горы были погружены в величественное и одновременно жуткое безмолвие. Мягкий ветер шуршал, подгоняя туман, и мне показалось, что это сам туман шипит, скатываясь на меня с вершины холма большими клочьями, похожими на комки плотного белесого вещества. Я понюхал туман. Запах чего-то острого странным образом смешивался с какими-то свежими мягкими ароматами. И туман окутал меня.

У меня возникло ощущение, что туман действует на веки. Они отяжелели. Захотелось закрыть глаза. Стало холодно. В горле запершило, захотелось кашлянуть, но я не решился. Чтобы не кашлянуть, я запрокинул голову и вытянул шею. Взглянув вверх, я почувствовал, что вижу плотность тумана, будто взгляд мой проникает сквозь него. Глаза начали закрываться, я не в силах был бороться со сном. Я почувствовал, что через мгновение рухну на землю. Тут откуда-то выскочил дон Хуан и, схватив меня за руки, сильно встряхнул. Этого было достаточно, чтобы я пришел в себя. Он шепнул мне на ухо, что теперь я должен что есть духу бежать

вниз по склону. Он будет следовать за мной, потому что ему вовсе не хочется, чтобы на него катились камни, которые я на бегу столкну вниз. Он сказал, что это – моя битва силы, поэтому я должен быть впереди, и моя задача – сохранять ясность ума и отрешенность, чтобы выбрать правильный путь.

– Это – как раз тот случай, – громко произнес он. – Мы спустимся только если твое настроение будет настроением воина. Иначе нам не уйти из тумана.

Мгновение я колебался. У меня не было уверенности в том, что я найду дорогу, которая выведет нас отсюда, из этих гор, на равнину.

– Ну! Беги, кролик, беги!!! – завопил дон Хуан и подтолкнул меня вниз.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 13. Последняя остановка война

Воскресенье, 28 января 1962

Около 10 часов утра дон Хуан вошел в дом. Уходил он, когда едва занимался рассвет. Я поздоровался. Он усмехнулся и в шутку пожал мне руку, приветствуя меня с подчеркнутой церемонностью. – Нам предстоит, небольшая прогулка, – сказал он. – Садись в машину, поедem в одно очень интересное место, и там ты поищешь силу.

Он расстелил две сетки и на каждую из них поставил по две тыквенные фляги: одну – с едой, вторую – с водой. Потом он стянул сетки тонкой веревкой и одну из них вручил мне. Мы неспешно поехали на север. Километров через сто пятьдесят свернули с Панамериканского шоссе на запад и поехали по мощеной гравием дороге. Мы ехали несколько часов, и за все это время никого не встретили. Мне казалось, что моя машина – единственная на всей этой дороге. Лобовое стекло постепенно покрывалось разбившимися об него насекомыми и пылью. В конце концов наступил момент, когда стало почти невозможно различать дорогу. К тому же был уже вечер, и довольно сильно стемнело. Я отчаянно напрягал зрение, стараясь разглядеть дорогу и очертания впереди, но мне это не удавалось.

Я сказал дону Хуану, что нужно остановиться и протереть лобовое стекло. Он велел ехать не останавливаясь, даже если придется тащиться со скоростью пешехода, высунув голову в окно, чтобы смотреть вперед. Он сказал, что, пока мы не прибудем на место, нам вообще нельзя останавливаться.

В каком-то месте он велел мне свернуть направо. Было так темно и мы поднимали такую тучу пыли, что даже фары не особенно помогали. С содроганием я съехал с дороги. Я боялся, что на обочине – глубокий песок, но она оказалась глинистой и хорошо утрамбованной.

Метров сто я ехал с самой низкой скоростью, на какую только способна машина, высунувшись наружу и рукой придерживая открытую дверцу. Наконец дон Хуан велел остановиться. Он

сказал, что мы приехали и что машина как раз стоит за огромным камнем, где ее не видно с дороги.

Я выбрался из машины и пошел вперед, чтобы в свете фар хоть немного осмотреть местность. Я не имел ни малейшего представления о том, где мы находимся. Но дон Хуан выключил фары. Он громко сказал, что у нас нет времени, поэтому нужно запереть машину и немедленно отправляться дальше.

Он дал мне мою сетку с флягами. Было темно, я споткнулся и чуть их не уронил. Дон Хуан мягко, но непреклонно потребовал, чтобы я сел и подождал, пока глаза привыкнут к темноте. Однако с глазами все было в порядке, проблема заключалась не в этом.

После того, как я вылез из машины, они быстро привыкли к темноте, и теперь я видел все достаточно хорошо. А мешала мне какая-то непонятная нервозность, заставлявшая меня вести себя так, словно я был слегка невменяем. Я жаждал ясности и принялся с пристрастием допрашивать дона Хуана:

– Куда мы идем?

– Мы должны в полной темноте пешком добраться до одного особенного места.

– Зачем?

– Чтобы точно узнать, способен ты продолжить охоту за силой или нет.

– Это что – тест? Экзамен? Но ведь я могу его завалить, дон Хуан. Что будет тогда? Ты не перестанешь со мной общаться? А учить меня своему знанию?

Он выслушал все вопросы, не перебивая. Но сказал, что то, что мы делаем, – вовсе не тест и не экзамен. Мы ожидаем знака. Если его не будет, значит моя охота за силой оказалась неудачной. В этом случае я буду свободен от каких бы то ни было обязательств, и мне будет предоставлена возможность оставаться настолько глупым, насколько я захочу. Но в любом случае дон Хуан останется моим другом и будет всегда рад возможности видеть меня и со мной общаться.

Мне почему-то стало ясно, что я не справлюсь.

– Знака не будет, – как бы в шутку сказал я, – Я знаю. У меня мало силы.

Дон Хуан засмеялся и мягко похлопал меня по спине:

– Ты не волнуйся, – парировал он. – Знак будет. Я знаю. У меня силы намного больше, чем у тебя.

Он решил, что сказал что-то забавное. Он хлопнул себя по ляжкам, хлопнул в ладоши и расхохотался.

Дон Хуан закрепил мою сетку у меня на спине и объяснил, что я должен идти сзади на расстоянии одного шага и стараться как можно точнее ступать за ним след в след.

Очень драматическим тоном он прошептал:

– Это поход за силой, так что в зачет идет абсолютно все.

Он объяснил также, что, ступая за ним след в след, я буду поглощать силу, рассеиваемую им при ходьбе.

Я взглянул на часы. Было одиннадцать вечера.

Дон Хуан поставил меня по стойке смирно. Потом он взял меня за правую ступню и передвинул ее вперед на расстояние одного шага. Потом сам встал на шаг впереди меня в точно такой же позе и пошел вперед, повторив предварительно свои инструкции относительно того, что я должен пытаться идти за ним след в след. Очень разборчиво он прошептал, что ни на что другое внимание обращать не нужно. Только ступать след в след. Не смотреть ни вперед, ни по сторонам, только вниз, на его ноги.

Начал он очень спокойно и расслабленно. Я без труда следовал за ним, мы шли по относительно твердой земле. Метров тридцать я прошел, следуя шагу дона Хуана и точно попадая след в след, но потом украдкой глянул в сторону и тут же наступил ему на ногу. Он хихикнул и сказал, что я совсем не повредил ему лодыжку, наступив ботинком на ногу, но если я и дальше буду продолжать в том же духе, то к утру один из нас станет калекой. Очень тихо, но твердо он со смехом сказал, что не собирается из-за моей глупости и невнимательности становиться хромым и что если я еще раз наступлю ему на ногу, он заставит меня разуться и идти босиком.

– Но я не могу идти без ботинок! – громко и хрипло заявил я.

Дон Хуан снова расхохотался, и нам пришлось остановиться и ждать, пока он отсмеется.

Он сказал, что насчет ботинок говорил совершенно серьезно. Мы идем на встречу с силой и мне предстоит к ней прикоснуться, поэтому в каждом шаге должно присутствовать совершенство. Перспектива прогуляться по пустыне без ботинок напугала меня невероятно. Дон Хуан пошутил, что моя семья, должно быть, относилась к тем фермерским семьям, в которых в обуви чуть ли не в постель ложатся. Разумеется, он был прав. Я никогда не ходил босиком, и прогулка без ботинок по пустыне была в моем

понимании чем-то подобным самоубийству.

– Эта пустыня буквально сочится силой, – прошептал дон Хуан. – Не время и не место для боязливости.

И мы снова двинулись в путь. Дон Хуан шел неторопливо, и мне было легко. Через некоторое время я заметил, что мы прошли участок с твердым грунтом и теперь идем по песку. Ноги дон Хуана увязали в нем и оставляли глубокие следы.

Мы долго шли, прежде чем дон Хуан решил остановиться. Он не сделал это неожиданно, а сперва предупредил меня, что сейчас остановится, чтобы я на него не налетел. Почва к тому моменту уже опять стала плотной. Было такое впечатление, что мы поднимаемся вверх по склону.

Дон Хуан сказал, что если мне нужно сходить в кусты, то это следует сделать сейчас. Дальше нам предстоит тяжелый переход, который нужно совершить без единой остановки. Я взглянул на часы. Был час ночи.

После десяти-пятнадцатиминутного отдыха дон Хуан велел мне встать и приготовиться. И мы снова двинулись в путь. Он был прав – переход оказался сущим кошмаром. Мне в жизни не приходилось делать ничего, что требовало бы такой полной концентрации. Дон Хуан шел так быстро и напряжение от сосредоточенности на каждом его шаге было столь огромным, что в какой-то момент я вообще перестал ощущать, что иду. Я шагал словно по воздуху, не чувствуя ни ног, ни земли, и какая-то сила несла меня вперед и вперед. Я был настолько сконцентрирован на своем движении, что даже не заметил, как постепенно начало светать. Просто неожиданно обнаружилось, что мне виден дон Хуан, идущий впереди, и видны его ноги, движения которых мне приходилось всю ночь наполовину угадывать.

В какое-то мгновение дон Хуан неожиданно отпрянул в сторону. Инерция пронесла меня еще метров двадцать. Постепенно шаг мой замедлился, ноги ослабели и начали дрожать. В конце концов я рухнул на землю.

Я поднял глаза. Дон Хуан стоял надо мной и спокойно меня разглядывал. Он совсем не выглядел уставшим. Я же хватал ртом воздух, весь покрывшись холодным потом.

Дон Хуан взял меня за руку и развернул. Он сказал, что восстановить силы можно только лежа головой на восток.

Мало-помалу я расслабился. Все тело ныло, однако постепенно я

отдохнул и пришел в себя. Наконец у меня появилось достаточно энергии, чтобы встать. Я хотел взглянуть на часы, но дон Хуан не позволил, прикрыв ладонью мое запястье. Очень мягко, почти нежно, он развернул меня лицом на восток и сказал, что в моем дурацком хронометре нет никакой надобности, потому что мы находимся в магическом времени, и нам предстоит узнать наверняка, способен ли я преследовать силу.

Я огляделся. Мы стояли на плоской вершине очень большого высокого холма. Я хотел было подойти к чему-то, что показалось мне краем площадки или трещиной в скале, но дон Хуан подскочил ко мне и удержал на месте.

Он приказал мне оставаться там, где я упал, пока из-за далеких темных вершин не появится солнце.

Дон Хуан указал на восток и обратил мое внимание на плотную грядку туч над горизонтом. Он сказал, что ветер может вовремя их разогнать, и тогда первые лучи солнца коснутся моего тела. Это будет знак.

Он велел мне стоять лицом на восток, выставив вперед правую ногу, и смотреть в сторону солнца, не фокусируя глаз.

Скоро ноги одеревенели, икры начали болеть. Поза оказалась мучительной, ноги подкашивались, все мышцы ныли. Я держался, сколько мог. Я уже почти упал. Ноги дрожали, когда дон Хуан сказал:

– Хватит!

Он помог мне сесть.

Гряда туч не сдвинулась с места, и солнца, которое уже наверняка взойшло над горизонтом, мы не видели.

По этому поводу дон Хуан произнес только два слова:

– Очень плохо.

Я не хотел тут же спрашивать, в чем именно дело, но, зная дону Хуана, был уверен, что он будет в точности следовать указаниям знаков. А в это утро знака не было. Боль в икроножных мышцах улеглась, и я ощутил прилив сил. Самочувствие заметно улучшилось. Я попрыгал, чтобы снять закрепощенность мышц. Дон Хуан очень ненавязчиво посоветовал сбегать на соседний холм, нарвать листьев особого вида кустарника и растереть ими мышцы ног, чтобы снять боль.

С того места, где я стоял, мне хорошо был виден большой пышный зеленый куст. Листья выглядели очень сочными. Когда-то я

такими уже пользовался. Мне они, как правило, не особенно помогали, но дон Хуан всегда утверждал, что по-настоящему дружественные растения действуют очень тонко, почти незаметно. Я сбежал с нашего холма и быстро поднялся на соседний. Добравшись до вершины, я почувствовал, что напряжение было для меня слишком большим. Я пережил несколько весьма неприятных минут, пока ценой огромных усилий пытался восстановить дыхание. У меня заболел живот, я присел на корточки, а потом, скрючившись, опустился на колени и оставался в этом положении, пока не расслабился. Потом я встал и направился к кусту, чтобы нарвать листьев. Но не смог его найти. Я огляделся. Я был уверен, что стою точно на том месте, где видел куст, но ни там, ни где-либо поблизости не было ничего, скольконибудь напоминающего именно это растение. Но я в самом деле стоял на том месте, где его видел! Это было единственное место на поверхности холма, которое хорошо просматривалось оттуда, где стоял сейчас дон Хуан.

Я прекратил поиски и вернулся на другой холм. Когда я рассказал, в чем дело, дон Хуан снисходительно улыбнулся.

– Почему ты называешь это ошибкой? – спросил он.

– Потому что там нет никакого куста, – ответил я.

– Но ведь ты же его видел! Верно?

– Мне казалось, что вижу.

– А что ты теперь видишь на том месте?

– Ничего.

На том месте, где я, как мне казалось, видел куст, никакой растительности не было вообще. Я попытался объяснить то, что видел, оптическим обманом, чем-то вроде миража. Ведь я был буквально на грани полного изнеможения и вполне мог поверить, что вижу ожидаемое там, где ничего подобного нет в помине. Дон Хуан мягко усмехнулся и коротко, но пристально на меня взглянул.

– Не вижу никакой ошибки, – сказал он. – Растение там, на вершине холма.

Теперь наступила моя очередь посмеяться. Я внимательно осмотрел весь противоположный склон. В поле зрения подобных растений не было. То, что происходило со мной, когда я видел куст, было, насколько я понимал, настоящей галлюцинацией.

С невозмутимым видом дон Хуан начал спускаться с холма, сделав

мне знак следовать за ним. Вместе мы взобрались почти на вершину соседнего холма и подошли прямо к тому месту, где я видел куст.

Я усмехнулся, поскольку был уверен, что прав. Дон Хуан тоже усмехнулся.

– Сходи на другую сторону холма, – сказал он. – Куст – там.

Я заявил, что склон с противоположной стороны холма не был мне виден, и там вполне может расти такой куст, но это ничего не значит.

Дон Хуан снова кивнул мне, приглашая следовать за ним. Вместо того, чтобы подняться на вершину холма, а затем спуститься на склон, он повел меня в обход и с многозначительным видом остановился возле зеленого куста, не глядя на него.

Он повернулся ко мне, как-то странно пронзительно на меня взглянув.

– В округе, должно быть, сотни таких растений, – пробормотал я. Дон Хуан, по-прежнему невозмутимо, принялся спускаться по той стороне холма, на которой мы теперь стояли. Мы попытались отыскать еще хотя бы один такой же куст. Но в пределах видимости ничего подобного не было, и только примерно через полкилометра мы наткнулись на второе такое растение.

Ни слова не говоря, дон Хуан повел меня на первый холм. Мы немного там постояли, а потом отправились на поиски растений этого вида в противоположном направлении. Довольно тщательно прочесав местность, мы наткнулись еще на два куста примерно в миле от того места, с которого мы начали поиск. Они росли вместе, одним пятном зелени, более сочной, чем окружающая сухая растительность.

Дон Хуан взглянул на меня с серьезным выражением лица. Я не знал, что думать по этому поводу.

– Очень странный знак, – сказал он.

Мы вернулись на вершину первого холма, сделав большой круг, чтобы приблизиться к ней с другой стороны. Казалось, дон Хуан специально отклонялся от прямого пути, чтобы я убедился – вокруг не так уж мало растений такого вида. По дороге к вершине мы не встретили больше ни одного. Наверху мы молча сели, и дон Хуан развязал свою сетку с флягами.

– Поешь, тебе станет лучше, – сказал он.

Он не мог скрыть удовлетворения. С лучистой улыбкой он

потрепал меня по затылку. Я чувствовал, что полностью сбит с толку. Меня беспокоило то, как разворачивались события, но я слишком устал и был голоден, поэтому не пытался по-настоящему все это обдумывать.

После еды я почувствовал, что очень хочу спать. Дон Хуан предложил мне использовать технику сведения глаз и выбрать подходящее для сна место на вершине холма, где я видел куст. Я выбрал. Дон Хуан собрал на этом месте хворост и выложил им круг, диаметр которого равнялся длине моего тела. Очень аккуратно он сорвал несколько веток и подмел площадку внутри круга. Он только делал метушие движения над поверхностью земли, в действительности ее не касаясь. Потом он собрал все камни внутри круга и сложил их в центре, тщательно рассортировав по размеру на две кучки с равным количеством камней в каждой.

– Что ты делаешь с этими камнями? – спросил я.

– Это не камни, – ответил он. – Это – струны. На них будет подвешено твое место.

Он взял камни из кучи поменьше и выложил их по границе круга. Действуя как каменщик, дон Хуан палкой прочно закрепил в земле каждый камень.

Меня он внутрь круга не пустил, а велел ходить вокруг и наблюдать за тем, что он делает. Я насчитал восемнадцать камней, которые он укладывал по очереди против часовой стрелки.

– Теперь беги вниз и жди у подножия холма, – велел он. – А я подойду к краю и гляну, в подходящем ли ты месте стоишь.

– Что ты собираешься делать?

– Собираюсь бросить тебе каждую из этих струн, – ответил он, указывая на кучку более крупных камней. – А ты должен выложить их на земле, там, где я покажу, таким же образом, как я здесь выложил маленькие. Ты должен действовать крайне аккуратно. Когда имеешь дело с силой, в каждом движении должно быть совершенство. Ошибки здесь смертельны. Каждый из этих камней – это струна, которая может убить нас, если мы оставим ее незакрепленной. Поэтому у тебя нет ни малейшей возможности ошибиться. Твой взгляд должен быть прикован к струне, когда я буду ее бросать и когда она упадет на землю. Если ты отвлечешься хотя бы на мгновение, ты потеряешь струну и не сможешь отличить ее от множества обычных камней,

разбросанных вокруг.

Я предположил, что будет проще, если я сам по одному отнесу все камни вниз.

Дон Хуан засмеялся и отрицательно покачал головой:

– Это – струны. Я должен их бросить, а ты – подобрать.

На выполнение этого задания ушло несколько часов.

Концентрация, которая для этого требовалось, стала для меня настоящей пыткой. Каждый раз, бросая камень, дон Хуан напоминал мне, что нужно быть внимательным и сфокусировать взгляд. И он поступал очень правильно. Было безумно трудно проследить за камнем, который катился с горы, цепляясь по пути за другие камни и сталкивая их вниз.

Когда круг, наконец, замкнулся и я поднялся наверх, мне казалось, что я вот-вот упаду замертво. Дон Хуан набрал мелких веток и устлал ими землю внутри круга. Он дал мне немного листьев и велел засунуть их под штаны и приложить к коже в области пупка. Он сказал, что они согреют меня и мне будет тепло спать без одеяла. Я вошел в круг и повалился на землю. Подстилка из веток оказалась очень мягкой, и я мгновенно уснул.

Когда я проснулся, был уже почти вечер. Дул ветер, и небо было в тучах. Надо мной висели плотные кучевые облака, но к западу они сменялись тонким покрывалом перистых облаков, и солнце время от времени освещало землю.

Сон освежил меня. Я чувствовал себя обновленным и счастливым. Ветер меня не беспокоил. Мне не было холодно. Подперев голову руками, я осмотрелся. Раньше я не обращал внимания на то, что вершина холма находилась на довольно большой высоте. На западе открывался впечатляющий вид. Я видел огромное пространство: низкие холмы, постепенно переходившие в плоскую поверхность пустыни, протянувшейся до самого горизонта. С севера на восток протянулись хребты коричневых горных вершин. На юге лежали бесконечные цепи холмов и низин, а вдали виднелся синеватый горный массив.

Я сел. Дона Хуана нигде не было видно. Мною овладел внезапный страх; я подумал, что он мог уйти, оставив меня в одиночестве, а обратного пути к машине я не знал. Я снова улегся на подстилку из веток. Меня опять охватил покой, я испытал изумительное ощущение прекрасного самочувствия и совершенно новое для себя состояние: мышление словно отключилось. Я был счастлив. Я

чувствовал себя здоровым. Меня буквально затопило странное спокойное возбуждение. С запада дул мягкий ветерок. Он волной пробегал вдоль тела, но холодно от этого не становилось. Я чувствовал его дуновение на лице и за ушами. Это было похоже на мягкие волны теплого прибоя, который окатывал меня, отступал, снова окатывал... Я пребывал в странном состоянии. Оно не походило ни на одно из состояний, знакомых мне по моей занятой, суетливой и неустроенной жизни. Я заплакал. Но не от печали. И не от жалости к себе. Я заплакал от радости, от какой-то неизъяснимой и невыразимой радости.

Мне хотелось остаться на этом месте навсегда. Я, наверное, так бы и поступил, но откуда-то явился дон Хуан и выдернул меня из круга.

– Ну, хватит, ты достаточно отдохнул, – сказал он, за руку поднимая меня с земли.

Очень спокойно он повел меня прогуляться вокруг вершины холма. Мы шли медленно и молча. Позже он захотел, чтобы я осмотрел окружающий пейзаж. Глазами и движением подбородка он указал на небо и горы.

Был вечер, и панорама, открывавшаяся с вершины холма, выглядела потрясающе. Вид ее пробудил во мне ощущения величественного страха и отчаяния. И воспоминание о картинах, которые я видел в детстве.

Мы взобрались на самую высокую точку холма – вершину заостренной скалы, вздымавшейся над площадкой. Там мы сели лицом к югу и устроились поудобнее, прислонившись к камню. Перед нами простиралась поистине величественная картина: холмы, холмы без конца и края.

– Запечатлей все это в памяти, – прошептал мне на ухо дон Хуан. – Здесь – твое место. Утром ты *видел*, и это был знак. Ты нашел это место с помощью *видения*. Знак оказался неожиданным, но он явился. Так что тебе придется охотиться за силой, нравится это тебе или нет. Право принятия такого решения не принадлежит людям. Ни тебе, ни мне. Отныне вершина этого холма – твое место, твое любимое место. Все, что ты видишь вокруг, находится на твоем попечении. Ты должен заботиться обо всем, что здесь есть, и все это, в свою очередь, будет заботиться о тебе.

В шутку я спросил, является ли все здесь моим. Он очень серьезно ответил, что да. Я засмеялся и сказал, что это напоминает мне

историю завоевания испанцами Нового Света и то, как они делили открытые земли во имя своего короля. Они поднимались на вершину горы и объявляли принадлежащими испанской короне все земли в округе.

– Хорошая идея! – сказал дон Хуан. – Я подарю тебе всю землю, которую может охватить твой взгляд.

Он встал и обвел рукой все, повернувшись всем телом, чтобы замкнуть круг.

– Вся эта земля – твоя!

Я громко рассмеялся.

Он хихикнул и спросил:

– А почему бы и нет? Почему я не могу подарить тебе эту землю!

– Но ты же не владеешь этой землей, – сказал я.

– Ну и что? Испанцы тоже не владели землей, но делили ее и раздавали. Почему ты не можешь получить землю таким же способом?

Я пристально его разглядывал, пытаюсь определить, что скрывается за его улыбкой. Он расхохотался и чуть не свалился со скалы.

– Вся эта земля – твоя. Вся, сколько видит глаз, – продолжал он, по-прежнему улыбаясь, – Не для того, чтобы использовать, но чтобы запомнить. Однако вершина этого холма, на которой мы находимся, – твоя. Ею ты можешь пользоваться всю оставшуюся жизнь. Я отдаю ее тебе, потому что ты сам ее нашел. Она – твоя. Бери!

Я засмеялся, однако дон Хуан, казалось, был очень серьезен. Он улыбался, но, похоже, действительно верил, что дарит мне всю эту землю.

– Действительно, почему бы и нет? – спросил он, словно читая мысли.

– Я принимаю подарок! – сказал я наполовину в шутку.

Улыбка исчезла с его лица. Прищурившись, он смотрел на меня.

– Каждый камень и каждый куст на этом холме, особенно на его вершине, находится под твоей опекой. Каждый живущий здесь червяк – твой друг. Ты можешь пользоваться ими, а они – тобой.

Несколько минут мы молчали. Мыслей было необычно мало. Я смутно чувствовал, что неожиданное изменение его настроения является чем-то вроде предупреждения, но не испугался и не встревожился. Просто мне больше не хотелось разговаривать.

Слова почему-то казались мне неточными, а их значения – слишком расплывчатыми. Никогда прежде у меня не возникало подобного чувства, но стоило мне осознать необычность своего настроения, как я поспешно заговорил.

– Но что мне делать с этим холмом, дон Хуан?

– Запечатлей каждую деталь в своей памяти. Сюда ты будешь приходить в *сновидениях*. Здесь ты встретишься со своими силами, здесь однажды тебе будут открыты тайны. Ты охотишься за силой; это – твое место, и здесь ты будешь черпать энергию. Сейчас то, что я говорю, лишено для тебя смысла. Так что пусть пока это останется бессмыслицей.

Мы спустились со скалы, и дон Хуан повел меня к небольшому чашеобразному углублению на западной стороне вершины. Там мы сели и перекусили.

Несомненно, было на вершине этого холма что-то неописуемо приятное для меня. И во время еды, как и во время отдыха, я испытывал неизвестное прежде тонкое наслаждение.

Медные отсветы заходящего солнца ложились на все вокруг.

Камни, трава, кусты – все было словно залито золотом. Я полностью предался созерцанию. Думать не хотелось.

Дон Хуан заговорил. Тихо, почти шепотом. Он велел мне запомнить все, каждую деталь, независимо от того, насколько мелкой или незначительной она кажется. Особенно пейзаж, наиболее впечатляющие виды которого открывались в западном направлении. Он сказал, что сейчас я должен смотреть на солнце, не фокусируя взгляда. До тех пор, пока оно не скроется за горизонтом.

Последние минуты перед тем, как солнце коснулось покрывала низких туманных облаков, были поистине фантастическими, в полном смысле слова. Словно солнце подожгло землю, подобно искре, упавшей в сухой хворост, вспыхнувший почти мгновенно ярким пламенем. Кожей лица я буквально ощущал красноту солнечного света.

– Встань! – закричал дон Хуан, с силой потянув меня за руку.

Он отскочил от меня и очень требовательным тоном велел бежать на месте.

Я побежал. По телу поплыло тепло. Тепло было медно-розовым. Я ощущал, как оно струится по небу и собирается над глазами. Вся верхняя часть головы словно пылала холодным огнем, излучая

медно-розовое сияние.

По мере того, как исчезало за облаками солнце, что-то во мне заставляло меня бежать все быстрее и быстрее. В какое-то мгновение я ощутил необычайную легкость, я почувствовал, что вот-вот взлечу и унесусь прочь. Дон Хуан крепко схватил меня за запястье. Почувствовав давление его пальцев, я вернулся в состояние уравновешенной собранности. Я плюхнулся на землю. Дон Хуан сел рядом.

Он дал мне отдохнуть несколько минут. Потом встал, похлопал по плечу и знаком пригласил следовать за ним. Мы слезли с заостренной скалы, на которой сидели. Скала прикрывала нас от холодного ветра. Дон Хуан нарушил молчание:

– Хороший знак. Как странно! Он явился в конце дня. Насколько все же мы с тобой разные... Ты в гораздо большей степени, чем я, – создание ночи. Мне больше нравится юное сияние утра. Вернее, сияние утреннего солнца ищет меня. А от тебя – скрывается. А умирающее солнце, наоборот, к тебе благосклонно. Оно омыло тебя своим светом. Оно опалило тебя своим огнем, но не сожгло. Как странно!

– Почему странно?

– Я никогда такого не видел. Знак, если он является вообще, всегда приходит ко мне из обители восходящего солнца.

– А почему так, дон Хуан?

– Сейчас не время об этом говорить, – отрезал он. – Знание – сила. Для того, чтобы о нем говорить, нужно уметь управлять силой. А чтобы этому научиться, необходимо время. Много времени. Я пытался настаивать, но он резко сменил тему. Он спросил, как у меня обстоят дела со «сновидением».

К тому времени я уже начал наблюдать во сне конкретные места – университет и квартиры своих друзей.

– Когда ты бываешь в этих местах – днем или ночью? – спросил дон Хуан.

Мои сны соответствовали тому времени дня, в которое я обычно бываю в соответствующих местах. В университете – днем, в домах своих друзей – вечером.

Дон Хуан предложил мне практиковать «сновидение» во время дневного сна и посмотреть, удастся ли мне визуализировать выбранное место в том виде, который оно имеет в тот самый момент, когда я сплю. Если я практикую «сновидение» ночью, то и

видения выбранных мест должны быть ночными. Переживаемое в «сновидении» должно соответствовать тому времени суток, в которое «сновидение» практикуется. В противном случае это будет не «сновидение», а обычный сон.

– Чтобы облегчить себе задачу, тебе следует избрать вполне определенный объект, который должен находиться в том месте, куда ты хочешь попасть. На этом объекте необходимо сосредоточить внимание, – продолжал дон Хуан. – Например, ты можешь выбрать на этой вершине какой-нибудь вполне конкретный куст и смотреть на него до тех пор, пока он прочно не отпечатается в твоей памяти. И впоследствии ты сможешь попадать сюда в *сновидении*, просто вызвав образ этого куста. Или, скажем, камня, на котором мы сидели. Или чего угодно другого, что здесь присутствует: Задача путешествий в *сновидениях* значительно упрощается, если вызываешь образ места силы. Например, такого, как то, где мы сейчас находимся. Но если тебе по каким-либо причинам не хочется попадать именно сюда, можешь воспользоваться любым другим местом. Вероятнее всего, университет тоже является для тебя местом силы. Используй его. Сначала сосредоточься на любом объекте, который там есть, а потом отыщи этот объект в *сновидении*. С объекта, который тебя интересует, переводи взгляд на руки. Потом – на любой другой объект и так далее. Но сейчас тебе необходимо полностью сосредоточиться на том, что присутствует здесь, на этой вершине, поскольку это – самое важное место в твоей жизни.

Он взглянул на меня, как бы оценивая впечатление от своих слов. Я нервно задвигался, меняя позу, а он улыбнулся:

– Мне придется еще не раз приходить с тобой сюда. А потом ты будешь снова и снова приходить сюда сам. До тех пор, пока не насытишься этой вершиной, пока она буквально не затопит все твое существо. Ты сам узнаешь, когда это произойдет. И тогда эта вершина станет местом твоего последнего танца.

– Что означают твои слова, дон Хуан? Что за последний танец?

– Это – место твоей последней остановки. Где бы ни застала тебя смерть, умирать ты будешь здесь. У каждого воина есть место смерти. Избранное место, насквозь пропитанное незабываемыми, исполненными силы событиями, каждое из которых оставило неизгладимый след; место, на котором воин становился свидетелем великих чудес, в котором ему были поведаны тайны;

место, где воин запасает свою личную силу. Долг воина – возвращаться туда после каждого контакта с силой, чтобы в этом месте сделать ее запас. Он либо просто приходит туда, либо попадает в *сновидении*. А в итоге, когда заканчивается время, отведенное ему здесь, на этой земле, и он чувствует на левом плече прикосновение смерти, дух его, который всегда готов, летит в избранное место, и там воин совершает свой последний танец. Он танцует, и единственным зрителем является смерть. У каждого воина своя особая последовательность движений и поз. Они несут в себе силу. Этому своеобразному танцу воин учится в течение всей жизни. Танцу, который воин исполняет под воздействием своей личной смерти. Если сила умирающего воина ограничена, танец его короток. Но если сила воина грандиозна, то его танец исполнен фантастического великолепия. Однако независимо от того, мала его сила или неизмерима, смерть должна остановиться. Смерть не может не стать свидетелем последнего танца воина на этой земле. Этот танец есть рассказ воина о том тяжелом труде, каким была его жизнь, и смерть должна ждать, ибо ей не под силу одолеть воина, пока танец его не будет завершен.

От слов дона Хуана меня бросило в дрожь. Покой, сумерки, величественные суровые картины окружающей природы – все было словно отдельными чертами, соединение которых рождало в воображении фантастические образы последнего танца воина – танца силы.

– Можешь ли ты научить меня этому танцу, невзирая на то, что я – не воин? – спросил я.

– Тот, кто охотится за силой, должен научиться этому сам, – ответил он. – И сейчас я ничем не могу тебе помочь. В скором времени у тебя, возможно, появится достойный противник. Тогда я покажу тебе первое движение твоего танца силы. А все остальные его элементы тебе придется находить самостоятельно, и это станет делом всей твоей жизни. Каждое новое движение ты будешь добывать в борьбе за силу. Так что, собственно говоря, танец воина – это история его жизни, история его личной борьбы, которая растет по мере того, как растет его личная сила.

– И что, смерть действительно останавливается, чтобы посмотреть на танец воина?

– Воин – всего лишь человек. Простой человек. И ему не под силу вмешаться в предначертания смерти. Но его безупречный дух,

который обрел силу, пройдя сквозь невообразимые трудности, несомненно способен на время остановить смерть. И этого времени достаточно для того, чтобы воин в последний раз насладился воспоминанием о своей силе. Можно сказать, что это – сговор, в который смерть вступает с тем, чей дух безупречен. Меня одолело любопытство, и я задал вопрос, который, по правде говоря, был праздным. Я спросил дон Хуана, знал ли он воинов, которые умерли, и известно ли ему, как последний танец повлиял на процесс их умирания.

– Прекрати, – сухо ответил он. – Смерть – это слишком серьезно и фундаментально. Умереть – не просто подрыгать ногами и задубеть.

– А я тоже буду исполнять свой последний танец перед лицом смерти?

– Непременно. Ты охотишься за личной силой, хотя пока что и не живешь как воин. Сегодня солнце явило тебе знак. Все лучшее, что ты сделаешь в своей жизни, будет сделано в конце дня. Очевидно, тебе не по нраву юное сияние раннего света. Путешествия по утрам тебя не привлекают. Но умирающее солнце – – темно-желтое слепое солнце – твое. Ты не любишь жару, ты любишь закатное сияние. И поэтому твой последний танец будет совершен на этой вершине в конце дня. И в танце этом будет твой рассказ о борьбе, о битвах, в которых ты победил, и о тех, которые проиграл, о радостях и разочарованиях, обо всем, что было встречено тобой в походе за личной силой. Твой танец поведаст об открывшихся тебе тайнах и о чудесах, ставших твоим достоянием. Так же, как сегодня, умирающее солнце опалит тебя, но не обожжет. Будет дуть мягкий теплый ветер, и вершина холма задрожит. И когда танец твой подойдет к концу, ты согласишься на солнце, согласишься в последний раз, потому что больше ты не увидишь его никогда – ни наяву, ни в *сновидении*. А потом – потом смерть позовет тебя, указав на юг. В бесконечность.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 14. Походка силы

Суббота, 8 апреля 1962

– Смерть – это личность, дон Хуан? – спросил я, усаживаясь на крыльце.

Во взгляде дона Хуана отразилось замешательство. Он держал сумку с продуктами, которые я ему привез. Осторожно поставив ее на землю, он сел напротив меня. Я почувствовал воодушевление и объяснил, что меня интересует, является ли смерть личностью, или выглядит как некое существо, когда наблюдает за воином во время его последнего танца.

– Какая разница? – спросил дон Хуан.

Я сказал, что меня впечатлял этот образ. Поэтому мне интересно, каким образом дон Хуан к нему пришел. Откуда он знает, что дело со смертью и последним танцем воина обстоит именно так.

– Все очень просто, – ответил дон Хуан. – Человек знания видит, и поэтому знает, что последний свидетель – смерть.

– Ты имеешь в виду, что сам видел последний танец воина?

– Нет. Человек не может быть его свидетелем. Только смерть. Но я *видел* собственную смерть. Она наблюдала за мной, и я танцевал перед ней, как будто умирая. В конце моего танца смерть не позвала меня и не указала ни в каком направлении, а избранное место не вздрогнуло, со мной прощаясь. То есть мое время на земле еще не было исчерпано, и я не умер. Просто тогда, когда это происходило, я обладал небольшим количеством силы, поэтому мне не дано было понять предначертаний моей смерти. И я верил в то, что умираю.

– Она была похожа на личность?

– Смешной ты человек. Полагаешь, задавая вопросы, сможешь все понять. Я не думаю, что это тебе удастся, но кто я такой, чтобы говорить наверняка? Смерть не похожа на личность. Скорее, это – некое присутствие, присутствие чего-то неопределенного. Можно выбрать разные способы говорить о ней. Можно сказать, что смерть – ничто. И в то же время смерть – это все. И то, и другое утверждения – верны. Смерть становится тем, что ты хочешь в ней

увидеть. Мне легко иметь дело с людьми. Поэтому для меня смерть – это личность. Кроме того, я склонен к мистификации. Поэтому смерть является мне с пустыми глазницами. Я могу смотреть сквозь них, как сквозь два окна. И в то же время они двигаются, как обычные глаза. Поэтому я могу сказать, что смерть пустыми глазницами смотрит на воина, исполняющего свой последний танец на земле.

– Но все это – именно так только для тебя, дон Хуан, или для любого воина?

– Для любого воина, у которого есть танец силы, это именно так. И в то же время не так. Смерть становится свидетелем последнего танца воина, но каждый воин видит смерть по-своему. Она может быть чем угодно – птицей, светом, человеком, кустом, камнем, туманом или присутствием чего-то неизвестного.

Образы смерти, созданные доном Хуаном, растревожили меня. Я не мог подобрать слов для вопросов. Я даже начал заикаться. Дон Хуан с улыбкой смотрел на меня.

– Ну-ну, давай, давай, – подбодрил он.

Я спросил, зависит ли то, в каком виде воин воспринимает смерть, от его воспитания. В качестве примера я привел индейцев юма и индейцев яки. Сам я полагал, что именно воспитанием в значительной степени определяется то, как человек видит свою смерть.

– Воспитание не имеет никакого значения, – ответил он.

– Все зависит от личной силы. Личность человека – это суммарный объем его личной силы. И только этим суммарным объемом определяется то, как он умирает.

– Что такое личная сила?

– Личная сила – это чувство. Что-то вроде ощущения удачи или счастья. Можно назвать ее настроением. Личная сила человека и ее накопление никак не связаны с его происхождением. Я уже говорил, что воин – это охотник за силой. И я учу тебя тому, как на нее охотиться и как ее накапливать. И ты столкнулся с общей для всех нас проблемой – проблемой убежденности. Тебе необходимо твердо верить в то, что личная сила существует, что ее можно использовать и накапливать. Но убежденности в том, что все это – именно так, у тебя до сих пор нет.

Я сказал, что он все же своего добился и что ему удалось убедить меня настолько, насколько это вообще возможно. Он засмеялся:

– Это – не та убежденность, которую я имею в виду. Два-три раза он мягко ударил меня кулаком по плечу и со смешком добавил:

– Мне не нужны твои комплименты, ты же знаешь.

Я почувствовал, что должен заверить его в своей абсолютной серьезности.

– Не сомневаюсь, – сказал он. – Но под убежденностью подразумевается способность к самостоятельным действиям. А для того, чтобы этого добиться, тебе предстоит еще предпринять усилия. Ты должен сделать еще очень и очень много. Ведь ты же только начал.

Он немного помолчал. На лице его отразилась безмятежность.

– Ты иногда до смешного напоминаешь мне меня самого, – продолжал он. – Я тоже не хотел становиться на путь воина. Я считал, что вся эта работа никому не нужна. Если нам все равно предстоит умереть, какая разница – умереть воином или не воином. Но я ошибался. Однако к этому заключению я должен был прийти самостоятельно. Только когда человек сам убеждается в том, что не прав и что разница – невообразимо огромна, тогда он – убежден. И дальше может продолжать самостоятельно. И даже самостоятельно стать человеком знания.

Я спросил, кого он называет человеком знания. Он ответил:

– Того, кто должным образом неуклонно преодолевает все трудности обучения. Все. Того, кто без спешки и медлительности идет как можно дальше по пути раскрытия тайн личной силы. Потом дон Хуан сказал, что это – не тема для обсуждения. Он сказал, что единственное, чем я должен интересоваться, – это накопление личной силы.

– Но я не понимаю! – возразил я. – Мне действительно непонятно, к чему ты ведешь.

– Охота за силой – дело очень занятное и странное. Сначала – идея, потом – настройка, а потом – бац! Случилось!

– Что случилось? Как именно?

Дон Хуан встал и потянулся. Как обычно, все его суставы захрустели.

– Идем, – сказал он. – Впереди – далекий путь.

– Но я о многом хочу еще тебя спросить, – попытался задержать его я.

– Мы идем к месту силы, – сказал он, входя в дом. – Почему бы тебе не приберечь вопросы до того времени, когда мы туда

придем? Там у нас, вероятно, будет возможность поговорить. Я думал, что мы поедем на машине, поэтому встал и направился к ней. Но дон Хуан позвал меня в дом и велел взять сетку с флагами. Пока я собирал сетку, он вышел, и стоял, ожидая меня, на краю зарослей чаппарала за домом.

– Нужно торопиться, – сказал он.

Мы шли на запад и около трех часов дня добрались до отрогов гор Сьерра Мадре. День стоял теплый, но во второй его половине задул прохладный ветер. Дон Хуан сел на камень и пригласил меня сделать то же самое.

– Чем мы займемся на этот раз, дон Хуан?

– Ты прекрасно знаешь – мы будем охотиться за силой.

– Да, я знаю. Но что конкретно мы будем делать?

– Ты знаешь, что я не имею ни малейшего представления.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что никогда не имеешь никакого плана действий?

– Охота за силой – непонятная штука, – сказал он. – В ней не может быть никакого предварительного плана. В принципе не может быть. И это делает ее особенно захватывающей. Но действует воин так, словно у него есть план. Потому что доверяет своей личной силе. Он твердо уверен в том, что она направит его действия в правильное русло.

Я отметил, что его утверждения в некотором смысле противоречивы. Если воин уже обладает личной силой, к чему ему еще на нее охотиться.

Дон Хуан с притворным недоумением поднял брови.

– Ты охотишься за личной силой, – объяснил он, – а я воин, который ею уже обладает. Ты спросил, есть ли у меня план, а я ответил, что доверяю своей личной силе и что она направит меня, поэтому никакой план мне не нужен.

Немного посидев молча, мы отправились дальше. Склоны были очень крутыми. Подъем давался мне с трудом. Я устал. А выносливости дона Хуана, казалось, не было предела. Он не бежал и не торопился. Он шел ровно и неумоимо. Я заметил, что он совсем не потел. Он не вспотел даже после подъема на особенно высокий и почти отвесный склон. Когда я взобрался наверх, он уже сидел там, ожидая меня. Я сел рядом, чувствуя, что сердце вот-вот выскочит из груди. Я лег на спину, и пот буквально ручьями заструился у меня со лба.

Дон Хуан рассмеялся и принялся катать меня по земле туда-сюда. Это помогло мне восстановить дыхание.

Я сказал, что его тренированность буквально внушает мне благоговение.

– Я все время стараюсь привлечь к ней твоё внимание, – сказал он.

– Ты совсем не стар, дон Хуан.

– Конечно нет. И все время стараюсь, чтобы ты это заметил.

– Как ты это делаешь?

– Я ничего не делаю. Мое тело хорошо себя чувствует только и всего. Я очень хорошо к себе отношусь, и поэтому не вижу причин чувствовать, что устал или что мне не по себе. Секрет заключается не в том, что ты с собой делаешь, а в том, чего не делаешь.

Я ждал разъяснений. Он вроде бы отдавал себе отчет в моей неспособности понять это его заявление. Он улыбнулся и встал.

– Это – место силы, – сообщил он, – Найди площадку для стоянки на этой вершине.

Я принялся протестовать. Я хотел, чтобы он объяснил, чего мне не следует делать со своим телом. Он оборвал меня повелительным жестом и мягко произнес:

– Кончай базар. На этот раз от тебя требуются действия. Действия, направленные на то, чтобы измениться. Так что – ищи место. Не важно, сколько времени тебе на это потребуется. Хоть всю ночь. Не имеет значения даже то, найдешь ты его или нет. Важно то, что ты будешь пытаться его найти.

Я отложил письменные принадлежности и встал. Дон Хуан напомнил мне, как он обычно делал, когда просил найти место для отдыха, что нужно смотреть, не фокусируя взгляда ни на чем и прищурившись так, чтобы изображение было размытым.

Я начал ходить по вершине холма, просматривая землю полуприкрытыми глазами. Дон Хуан шел в полутора-двух метрах справа от меня и на пару шагов позади.

Сперва я обошел вершину по периметру, намереваясь постепенно по спирали приблизиться к ее центру. Но как только я замкнул периметр, дон Хуан меня остановил.

Он сказал, что я иду на поводу у своего пристрастия к распорядкам и программам. Он добавил, что мне, конечно, удастся систематически покрыть всю площадь вершины, но при таком тупом методе подходящего места мне не отыскать ни за что. И еще он добавил, что отлично знает, где находится это место, поэтому

никакие импровизации с моей стороны не пройдут.

– Как же мне быть? – спросил я.

Дон Хуан заставил меня сесть. Потом сорвал с нескольких кустов по одному листу и дал листья мне. Он сказал, что я должен лечь на спину, растянуть ремень и положить листья на кожу в области пупка. Он следил за каждым моим движением и велел обеими руками прижать листья к телу. Затем велел закрыть глаза, предупредив, что если я хочу получить совершенный результат, то не должен ни отпускать листья, ни открывать глаза, ни пытаться сесть, когда он приведет мое тело в положение силы.

Он схватил меня за правую подмышку и резко крутнул. У меня возникло непреодолимое желание посмотреть сквозь полуприкрытые веки, но дон Хуан прикрыл мне глаза ладонью. Он приказал мне сосредоточиться только на ощущении тепла, которое будет исходить от листьев.

Я немного полежал неподвижно. От листьев начало идти странное тепло. Сначала я почувствовал его ладонями. Потом тепло растеклось по животу, и, в конце концов, залило все тело. Через несколько минут ступни буквально горели. Все это напомнило мне случаи, когда я болел с высокой температурой.

Я сообщил дону Хуану о неприятных ощущениях и о том, что хочу снять ботинки. Он сказал, что собирается помочь мне встать, и что я не должен открывать глаза до тех пор, пока он не скажет. А перестать прижимать листья к животу можно будет только после того, как я найду подходящее место.

Когда я уже стоял на ногах, он прошептал мне на ухо, чтобы я открыл глаза и начинал идти, но не по какому-либо плану, а позволив силе тянуть и направлять меня.

Я принялся бесцельно ходить. Жар вызывал дискомфортное ощущение. Я решил, что у меня – высокая температура, и принялся гадать, как дону Хуану удалось этого добиться.

Дон Хуан шел за мной. Вдруг он издал крик, который почти парализовал меня. Он со смехом объяснил, что резкие звуки отпугивают неприятных духов. Я прищурился и около получаса ходил туда-сюда. За это время дискомфорт сменился качеством приятного тепла. Расхаживая вверх-вниз по холму у вершины, я ощутил легкость. Но в то же время я был несколько разочарован. Я почему-то ожидал, что обнаружу какой-либо визуальный феномен, но на периферии моего поля зрения ничего не происходило – не

было ни необычных цветов, ни сверкания, ни темных масс. Наконец я устал бродить, прищурившись, и открыл глаза. Я стоял перед небольшим выступом из песчаника. Это был один из скальных выходов на вершине холма. Остальная поверхность была покрыта землей и утыкана редкими кустиками. Похоже, растительность здесь когда-то сгорела и еще не вполне восстановилась. По какой-то непонятной причине песчаниковый выступ показался мне красивым. Я долго стоял перед ним а потом просто на него сел.

– Хорошо! Молодец! – сказал дон Хуан, похлопав меня по плечу. Он велел мне аккуратно вытащить листья из-под одежды и положить их на камень.

Как только я убрал от кожи листья, тело начало остывать. Я пощупал пульс. Вроде нормальный.

Дон Хуан засмеялся и, обратившись ко мне «доктор Карлос», спросил, не хочу ли я подсчитать и его пульс. Он сказал, что то, что я чувствовал, было силой листьев, которая меня очистила, позволив тем самым выполнить задачу.

Со всей искренностью я принялся его уверять, что ничего особенного не делал, а сел на это место просто потому, что устал, и еще потому, что мне понравился цвет песчаника.

Дон Хуан ничего не сказал. Он стоял в паре метров от меня. Вдруг он отпрыгнул и с невероятной ловкостью отбежал к высокому каменному гребешку поодаль, по пути перемахивая через кусты.

Я встревожился:

– Что случилось?

– Будешь следить, в каком направлении ветер понесет твои листья. А сейчас быстро их пересчитай и половину опять прижми к животу. Ветер идет!

Я насчитал двадцать штук. Едва я успел засунуть десять под рубашку, как сильный порыв ветра понес остальные на запад. Я смотрел, как они летят, скрываясь в бесформенной зеленой массе кустарника, и не мог отделаться от жуткого ощущения, что их целенаправленно сметает воля какого-то сверхъестественного существа.

Вернулся дон Хуан и сел слева от меня лицом на юг.

Мы долго сидели, не произнося ни слова. Я не знал, что сказать. Я чувствовал, что измотан до крайности. Я хотел закрыть глаза. Но не решился. Дон Хуан, должно быть, заметил мое состояние. Он

велел мне лечь, положить ладони на живот поверх листьев и попытаться почувствовать себя подвешенным на ложе из «струн», которое он сделал для меня на моем «избранном месте». Я закрыл глаза, и меня охватило то ощущение мира, покоя и самодостаточности, которое я испытывал тогда там, на вершине совсем другого холма. Хотелось выяснить, смогу ли я действительно ощутить, что взвешен в пространстве. Но я уснул. Я проснулся перед закатом. Сон освежил меня и восстановил силы. Дон Хуан тоже спал. Он открыл глаза одновременно со мной. Было ветрено, но холода я не чувствовал. От листьев исходило тепло, словно на животе у меня горела печка или работал какой-то электрообогреватель.

Я осмотрелся. Место, выбранное мною для отдыха, находилось как бы в небольшой ложбине. На выступе можно было сидеть, как на длинном диване, спинкой которого служила довольно высокая каменная стенка. Я обнаружил, что, прежде чем лечь спать, дон Хуан принес мои письменные принадлежности и положил их мне под голову.

– Ты правильно определил место, – с улыбкой произнес он. – И произошло все именно так, как я говорил. Сила направила тебя к нему без каких-либо планомерных действий с твоей стороны.

– Что это были за листья? – спросил я.

Тепло, которое от них исходило, было для меня явлением загадочным и крайне любопытным. Я спал на ветру без одеяла, без толстой одежды, и мне было хорошо и удобно.

– Листья? Просто листья, – ответил дон Хуан.

– Ты хочешь сказать, что я могу нарвать любых листьев с какого угодно куста и их действие будет таким же?

– Нет. Я не хочу сказать, что ты можешь сделать это сам. Ты не обладаешь личной силой. Я хочу сказать, что такой эффект могут произвести любые листья в случае, если даст их тебе человек, обладающий силой. Сегодня тебе помогли не листья. Сегодня тебе помогла сила.

– Твоя сила, дон Хуан?

– Думаю, ты вправе говорить, что моя. Но на самом деле это не совсем точно. Сила не может принадлежать никому. Она никогда не бывает ни моей, ни твоей, ни чьей бы то ни было еще.

Некоторые из нас умеют собирать ее и накапливать, и могут различными способами передавать другим. Видишь ли, ключевой

момент в использовании накопленной силы заключается в том, что ее можно применять только для помощи кому-то другому в накоплении силы.

Я спросил, означает ли это, что его сила ограничена только помощью другим. Дон Хуан терпеливо объяснил, что сам для себя он может пользоваться своей личной силой как ему заблагорассудится, в любых делах, в любом направлении. Но когда дело доходит до прямой передачи силы другому человеку, положение изменяется. Переданная сила бесполезна, если человек, ее получивший, применяет ее для чего бы то ни было, кроме одного – поиска собственной личной силы. Чужая личная сила может быть использована только в поиске своей.

– Все, что совершает человек, определяется уровнем его личной силы, – продолжал дон Хуан. – Поэтому тому, кто ею не обладает, свершения человека могущественного кажутся невероятными. Обычный человек, как правило, не способен не только поверить в то, что совершает могущественный маг или человек знания, но даже просто уместить в сознании саму возможность этих свершений. Ведь для того, чтобы хотя бы как-то представить себе, что такое сила, ею нужно обладать. Именно об этом я тебе всю дорогу толкую. Но ты не понимаешь. И я об этом знаю. Ты не понимаешь не потому, что не хочешь, а потому, что не можешь. У тебя очень низкий уровень личной силы.

– Что же мне делать, дон Хуан?

– Ничего. Действуй так, как действуешь. Живи, как живешь. Сила найдет способ к тебе пробиться.

Он встал и повернулся кругом, внимательно осмотрев окрестность. Он не двигал глазами. Тело его описало полный круг одновременно с поворотом взгляда. Дон Хуан напомнил мне фигурку святого из старинных механических часов, которая делает полный оборот одним равномерным непрерывным движением. Разинув рот, я смотрел на него в безмолвном изумлении. Он попытался скрыть улыбку, выдававшую, что он в полной мере сознает впечатление, произведенное на меня этим его маневром.

– Сегодня ты будешь охотиться за силой в темноте дня, – проговорил он и сел.

– Что?..

– Ночью ты отправишься в эти неизведанные холмы. Ночью они перестают быть холмами.

– А чем становятся?

– Чем-то другим. Чем-то, о чем ты не можешь даже думать, потому что никогда не был свидетелем их существования.

– Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан? Вечно ты пугаешь меня своими мистическими разглагольствованиями.

Он засмеялся и слегка пнул мою икру.

– Мир – это тайна, – в очередной раз сообщил он. – И он вовсе не таков, каким ты его себе рисуешь.

Он на минутку словно задумался, ритмично покачивая головой, а потом улыбнулся и добавил:

– Впрочем, таким, каким его рисуешь себе ты, он тоже является.

Но это – далеко не все. В нем присутствует еще очень и очень многое. И ты все время с этим сталкиваешься. А сегодня ночью обнаружишь кое-что новенькое.

От его тона мурашки побежали по моему телу.

– Что ты задумал? – спросил я.

– Я – ничего. Все, что задумано, – задумано силой, которая позволила тебе отыскать это место. Здесь все решает только сила.

Дон Хуан встал и указал куда-то вдаль. Я решил, что он хочет, чтобы я встал и взглянул туда. Я попытался вскочить на ноги, но не успел их выпрямить: дон Хуан с огромной силой толкнул меня вниз.

– Я не предлагал тебе делать то, что делаю сам, – сурово произнес он.

Потом смягчился и добавил:

– Тебе предстоит тяжелая ночь. Тебе потребуется вся личная сила, которую ты способен собрать. Так что сиди, где сидишь, и побереги себя для ночи. Я ни на что тебе не указывал, просто хотел убедиться в том, что они там есть.

Потом он сказал, что все нормально, и велел сидеть спокойно и чем-нибудь заняться, потому что до наступления полной темноты еще много времени, которое я могу использовать, например, для работы над записями. Он улыбнулся, и улыбка его меня успокоила. Мне тоже захотелось улыбнуться.

– Но что мы будем делать, дон Хуан?

Он покрутил головой с подчеркнутым недоверием:

– Пиши!

И повернулся ко мне спиной.

Ничего другого мне не оставалось. Я работал над своими

заметками, пока не стало слишком темно, чтобы писать.

В течение всего времени, пока я работал, дон Хуан сидел в одной и той же позе. Казалось, он полностью поглощен наблюдением за чем-то, находившемся на западе. Но едва я прекратил писать, он повернулся ко мне и шутливо сообщил, что существует только три способа заставить меня заткнуться: дать чего-нибудь поесть, заставить писать или уложить спать.

Он добыл из своего рюкзака небольшой сверток и развернул его с видом шамана, совершающего ритуал. В свертке было сушеное мясо. Один кусок он дал мне, второй взял сам и принялся жевать. Как бы между прочим он в очередной раз сообщил мне, что это – мясо силы. И добавил, что в данном случае оно необходимо и мне, и ему. Я слишком сильно хотел есть для того, чтобы задумываться о возможности наличия в сушеном мясе психотропных веществ. Мы молча жевали, пока не съели все мясо. К тому времени совсем стемнело.

Дон Хуан встал и потянулся. Мне он предложил сделать то же самое. Он сказал, что растягивание всего тела после сна, сидения и ходьбы – очень хорошая практика.

Потом дон Хуан подошел ко мне вплотную и прошептал в правое ухо:

– Иди за мной. Держись как можно ближе. И копируй каждое мое действие.

Он сказал также, что на том месте, где мы стоим, мы в безопасности, потому что оно находится как раз на границе ночи.

– Здесь – не ночь, – он топнул по камню, на котором мы стояли. – Ночь – там.

И он указал в темноту, нас окружавшую.

Потом он проверил, хорошо ли закреплена у меня на спине сетка с тыквенными флягами, и мягко объяснил, что воин всегда проверяет, все ли в порядке. Не потому, что надеется выжить в предстоящем испытании, но потому, что это – неотъемлемая часть его безупречного поведения.

Вместо того, чтобы принести мне облегчение, его приготовления породили во мне уверенность в приближении чего-то неотвратимо рокового. Захотелось плакать. Я был уверен, что дон Хуан полностью осознает действие своих слов.

– Верь своей личной силе, – сказал он мне на ухо. – Это – единственное, что есть у человека в этом таинственном мире.

Он слегка подтолкнул меня, и мы двинулись. Он шел на пару шагов впереди. Я шел следом, взглядом уткнувшись в землю. Почему-то я не решался смотреть по сторонам. Сфокусировав взгляд на земле, я почувствовал странное спокойствие. Земля почти меня загипнотизировала.

Скоро дон Хуан остановился. Он прошептал, что абсолютная тьма – рядом, и что он пройдет вперед. Но о своем местоположении будет давать мне знать, имитируя крик особой маленькой совы. Он напомнил мне, что я уже знаю – его имитация этого звука начинается хрипло и к концу становится мягкой и мелодичной, как крик настоящей совы. И предупредил, чтобы я ни в коем случае не спутал его крик с другими совиными криками, потому что это – смертельно опасно.

К тому моменту, когда дон Хуан закончил меня инструктировать, я был практически в панике. Я вцепился в его локоть железной хваткой. Две-три минуты у меня ушло на то, чтобы вернуть себе дар речи. Нервные судороги пробежали по мышцам живота, не давая мне внятно говорить.

Спокойно и мягко дон Хуан сказал, чтобы я взял себя в руки. Темнота – существо для меня почти полностью неизвестное, и, если я не буду предельно внимателен и осторожен, она может легко меня перехитрить. Чтобы иметь с ней дело, необходимо быть совершенно спокойным.

– Ты должен «отпустить» себя. Тогда твоя личная сила сможет слиться с силой ночи, – проговорил он мне на ухо.

Он еще раз повторил, что пойдет вперед, и на меня снова накатила волна иррационального страха.

– Но это же безумие! – запротестовал я.

Дон Хуан не разозлился и не проявил нетерпения. Он спокойно засмеялся и что-то сказал мне на ухо. Я не совсем понял.

Дон Хуан закрыл мне рот рукой и прошептал, что воин действует так, словно знает в точности, что делает, тогда как в действительности не знает ничего. Он повторил это трижды или четырежды, как будто хотел, чтобы я как следует запомнил. Потом он сказал;

– Воин безупречен, если он доверяет своей личной силе, независимо от того, мала она или огромна.

Немного погодя он спросил, все ли со мной в порядке. Я кивнул, и он шагнул во тьму, исчезнув почти мгновенно и совершенно

беззвучно.

Я попытался осмотреться. Под ногами у меня была густая растительность. Я смог различить только темную массу кустов или низкорослых деревьев. Я сосредоточился на звуках, но не заметил ничего особенного. Шум ветра заглушал все звуки, кроме редких пронзительных вскрикиваний больших сов и посвистывания других птиц.

Я ждал, буквально превратившись во внимание. И тут раздался хриплый длинный крик маленькой совы. Я был уверен, что кричит дон Хуан. Звук донесся откуда-то сзади. Я развернулся и пошел в его направлении. Двигался я очень медленно, чувствуя, сколь непреодолимо препятствует мне тьма.

Я шел примерно десять минут. Вдруг прямо передо мной как из-под земли выросла темная масса. Я вскрикнул и упал на пятую точку. В ушах зазвенело. Испуг был так велик, что у меня перехватило дыхание. Чтобы вздохнуть, пришлось открыть рот. – Вставай? – мягко сказал дон Хуан. – Я не хотел тебя напугать. Я просто вышел навстречу.

Он сказал, что наблюдал за моей корявой походкой. Я напомнил ему хромую старую даму на грязной улице после дождя, которая брезгливо на цыпочках обходит лужи. Он, видимо, живо представил себе эту картинку и рассмеялся.

Затем он показал мне способ передвижения в темноте – способ, который он назвал «походкой силы». Сначала он слегка склонился вперед и заставил меня потрогать его спину и колени, чтобы я понял, в каком положении находится его тело. Туловище было слегка наклонено вперед, но позвоночник оставался прямым. Ноги были чуть согнуты в коленях.

Он медленно прошелся передо мной, чтобы я увидел: при каждом шаге колено его поднимается почти до груди. А затем он буквально побежал таким способом, быстро скрывшись из виду. Через несколько секунд дон Хуан вернулся. Я не мог понять, как ему удастся бегать в темноте.

– Походка силы специально предназначена для того, чтобы быстро передвигаться в темноте, – прошептал он мне на ухо.

Он предложил мне попробовать. Я был уверен в том, что непременно сломаю себе ноги, наступив на камень или оступившись на какой-нибудь ямке. Но дон Хуан твердил, что «походка силы» совершенно безопасна.

Я заявил, что он, должно быть, знает каждый камень и каждую ямку на этих холмах. Иначе его действия для меня непостижимы. Дон Хуан сжал ладонями мою голову и с силой прошептал: – Это – ночь! И это – сила!

Он отпустил мою голову и мягко добавил, что ночью мир совсем не такой, как днем, и что его способность бежать во тьме никак не связана с тем, что он знает эти холмы. Он сказал, что ключ ко всему – в свободном течении личной силы. Ее нужно «отпустить», и тогда она сольется с силой ночи. И если это произойдет, оступить будет уже невозможно. И он очень серьезно предложил мне задуматься на минутку о том, что происходит. Это рассеет мои сомнения. Для человека его возраста попытка бегать по этим холмам в это время суток – верный способ покончить с собой. Если, конечно, его не ведет сила ночи.

– Смотри! – сказал дон Хуан, умчался куда-то в темноту и вернулся обратно.

Способ его передвижения выглядел настолько необычно, что я не поверил собственным глазам. Некоторое время он словно бежал на месте. Это напомнило мне разминку спринтера перед забегом. Затем дон Хуан велел мне бежать за ним. Я попробовал, очень скованно и неловко. С предельной тщательностью я пытался высматривать место, на которое станет нога, но оценить расстояние было невозможно. Дон Хуан вернулся и гарцевал рядом. Он прошептал, что нужно отрешиться от себя, отдавшись силе ночи, и верить той крохотной личной силе, которой я обладаю. Иначе я никогда не смогу двигаться свободно. Тьма препятствует мне только потому, что я во всем, что делаю, полагаюсь на зрение, не зная, что другой способ движения заключается в том, чтобы предоставить силе возможность вести меня.

Я несколько раз попробовал, но безуспешно. Я просто, не мог себя «отпустить», не мог преодолеть боязнь покалечить ноги. Тогда дон Хуан приказал мне бежать на месте, стараясь почувствовать себя так, словно я бегу, используя «походку силы».

Потом он сказал, что побежит вперед, а мне велел оставаться и ждать условного сигнала – крика маленькой совы. И растаял во тьме прежде, чем я успел что-либо произнести. Я закрыл глаза и принялся бежать на месте. Прошел примерно час. За это время я несколько раз бегал на месте с закрытыми глазами. Напряжение

понемногу прошло, и к концу этого часа я уже чувствовал себя вполне нормально. И тут раздался крик дон Хуана.

Я побежал метров пять в том направлении, откуда послышался крик, стараясь, как предлагал дон Хуан, «отрешиться от себя». Однако налетел на куст. Это происшествие мигом возродило все мои страхи и мою неуверенность.

Дон Хуан ждал меня. Он немного подправил положение моего тела, заставив слегка согнуть к ладоням мизинцы, безымянные и средние пальцы, и выпрямить указательные и большие. Потом он сказал, что, по его мнению, я просто потворствую своему чувству собственной неполноценности, потому что отлично знаю: как бы ни была темна ночь, я *уввижу* все наилучшим образом, если не буду ни на чем фокусировать взгляд, а просто стану смотреть в землю прямо перед собой. «Походка силы» аналогична методике поиска благоприятного места в том смысле, что и то, и другое требует отрешенности и веры. При передвижении «походкой силы» глаза должны быть неотрывно прикованы к земле прямо перед бегущим. Любой, даже мимолетный взгляд куда-нибудь в сторону разрывает поток движения. Дон Хуан объяснил, что наклон туловища как раз и призван привести глаза в положение, удобное для того, чтобы смотреть в землю. А колени нужно поднимать так высоко, чтобы шаги были очень короткими. Тогда бег безопасен. Дон Хуан предупредил, что мне предстоит спотыкаться и оступаться еще не раз. Но с практикой придет уверенность, и я смогу бегать настолько же быстро и так же легко, как днем.

В течение нескольких часов я пытался копировать его движения и старался привести себя в то состояние, которое он мне рекомендовал. Каким-то необъяснимым образом мне удалось добиться совершенной степени уверенности в себе. Насколько я чувствовал, ничего такого, что давало бы мне основание испытывать подобное ощущение, я не совершал. Но тело, казалось, само знало, что ему делать. Мне, например, не были видны выступы и впадины, но тело неизменно умудрялось поставить ногу на подходящее место. Я совсем не спотыкался и не оступался, попав ногой во впадину, если не считать нескольких случаев, когда я отвлекался. Для того, чтобы неотрывно смотреть в землю перед собой, требовалось полное сосредоточение. Как предупреждал дон Хуан, малейшая попытка взглянуть в сторону влекла за собой нарушение потока.

Дона Хуана я нашел после долгих поисков. Он сидел возле каких-то темных силуэтов. Мне показалось, что это – деревья. Он подошел и сказал, что у меня хорошо получается, но пора закругляться, потому что он уже довольно долго пользуется своим криком-сигналом, и крик этот вполне могли научиться имитировать другие.

Я был полностью согласен с тем, что закругляться действительно пора, потому что мои попытки измотали меня почти до бесчувствия. Я ощутил облегчение и спросил, кому может понадобиться имитировать его крик.

– Мало ли кому: силам, союзникам, духам... Кто знает? – ответил он шепотом.

Он объяснил, что эти «сущности ночи» обычно издают очень мелодичные звуки. Им очень трудно изобразить хриплые человеческие голоса или скрипучие голоса птиц. Он советовал каждый раз, когда я услышу подобный звук, остановиться и вспомнить его слова, так как иногда бывает необходимо разобраться. Очень убедительным тоном он сказал, что я вполне освоил «походку силы». Теперь, чтобы в совершенстве овладеть этим способом бега, мне нужен лишь небольшой толчок, который я вполне могу получить, когда мы с ним в очередной раз выберемся ночью в горы. Он похлопал меня по плечу и объявил, что он, пожалуй, готов отправиться домой.

– Давай будем отсюда выбираться, – сказал он и побежал.

– Эй-эй! Постой! Подожди! – диким голосом завопил я.

– Давай пойдем!

Дон Хуан остановился и снял шляпу.

– Вот тебе раз! – растерянно проговорил он. – В крутой оборот мы угодили. Я ведь не могу идти в темноте. Ты ведь знаешь. Я себе все ноги переломаю. Я могу только бежать!

Я чувствовал, что он ехидно улыбается, хотя и не видел его лица. Доверительным тоном он добавил, что слишком стар для ходьбы, да и мне не помешает немного потренироваться в беге «походкой силы». И случай как раз подходящий.

– И потом, если мы не воспользуемся «походкой силы», нас просто скосят, как траву, – шепнул он мне на ухо.

– Кто?

– В ночи присутствует нечто, действующее на людей, – прошептал он тоном, от которого по телу моему побежали мурашки.

Он сказал, что мне вовсе не обязательно за ним поспевать, поскольку он периодически будет подавать мне сигнал – четыре крика маленькой совы подряд. Так что я смогу без труда за ним следовать.

Я предложил остаться среди холмов до утра, и возвращаться, когда будет светло. Очень драматическим тоном он ответил, что это равносильно самоубийству. Даже если мы останемся в живых, ночь вытянет из нас личную силу, и мы попадем в какое-нибудь происшествие уже днем.

– Не будем тратить времени, – сказал он с ноткой настойчивости в голосе. – Давай отсюда выбираться.

Он заверил меня в том, что попытается бежать как можно тише и, что бы ни случилось, нельзя издавать ни звука, даже дышать следует как можно тише. Потом он сказал мне, в какой стороне находится дом, и побежал. Довольно медленно. Он почти шел «походкой силы». Но, несмотря на это, мне не удавалось за ним угнаться, и в скором времени он растворился во тьме впереди меня. Оставшись наедине с собой, я обнаружил, что, сам того не замечая, набрал весьма высокий темп. Это меня поразило. Я решил попытаться как можно дольше его сохранять. Тут немного справа раздался сигнал – четыре совиных крика подряд.

Еще через несколько минут я опять услышал крик совы, теперь уже намного правее. Я повернул на сорок пять градусов вправо, и начал двигаться в новом направлении, надеясь, что остальные три крика этой серии позволят мне его уточнить.

Новый крик раздался почти в направлении того места, откуда мы начали бежать. Я остановился и прислушался. Совсем недалеко от меня послышался резкий звук, словно ударились друг о друга два камня. Я напряг слух. Послышалась целая серия тихих-тихих постукиваний. Потом раздался еще один крик совы, и я понял, что имел в виду дон Хуан, когда меня предупреждал. Этот звук был очень мелодичным. Он определенно звучал дольше и был мягче, чем настоящий крик совы.

У меня возникло странное чувство испуга. Живот сжало, как будто какая-то сила потянула меня вниз из средней части тела. Я повернул на сто восемьдесят градусов и начал полубежать-полуидти в противоположном направлении.

Послышался далекий слабый крик совы. За ним последовали еще три. Это был дон Хуан. Я побежал в их направлении. Судя по

звуку, он находился от меня на расстоянии метров триста, не меньше. Если он будет продолжать нестись в том же темпе, я очень скоро останусь безнадежно один среди этих холмов. Мне было непонятно, почему дон Хуан побежал вперед вместо того, чтобы кругами бегать вокруг меня, если ему так уж необходимо выдерживать этот темп.

Я обратил внимание, что слева от меня вроде бы тоже что-то движется. Я почти видел нечто на периферии своего зрения. Я был готов удариться в панику, но в мозгу молнией мелькнула отрезвляющая мысль: я не могу ничего видеть в темноте. Я хотел было прямо взглянуть в том направлении, но не сделал этого, опасаясь потерять набранный темп.

Из размышлений меня вытряхнул крик совы, донесшийся слева. Я не повернул на него, потому что это был, вне всякого сомнения, самый приятный и мелодичный крик, какой мне доводилось когда-либо слышать. И он меня испугал. В нем было что-то призывное, или даже призрачно-печальное.

Потом слева направо передо мной очень быстро промелькнуло темное пятно. От неожиданности я поднял голову, оступился и с шумом налетел на какие-то кусты. Я упал на бок, и тут же в нескольких шагах слева от меня раздался мелодичный крик. Я встал, но прежде чем я успел двинуться дальше, раздался новый крик, более требовательный, чем первый, и неодолимо зовущий. Словно что-то требовало, чтобы я остановился и прислушался. Звук совиных криков был настолько протяжным и мелодичным, что все мои страхи прошли. Я уже почти остановился, как вдруг послышалась серия хриплых криков дона Хуана. Они, казалось, были ближе, чем в прошлый раз. Я подпрыгнул и побежал на них. Через некоторое время слева в темноте снова появилось какое-то мелькание или пульсация. Это было нечто не столько видимое, сколько ощущаемое. Но в то же время я был уверен, что воспринимаю это нечто именно глазами. Двигалось оно быстрее, чем я, и снова промелькнуло слева направо, пытаясь сбить меня с ритма и заставить оступиться. Но на этот раз я не упал, и это, как ни странно, вывело меня из состояния внутреннего равновесия. Я неожиданно разозлился, и эта неадекватность реакции повергла меня в панику. Я попытался повысить темп бега и хотел было крикнуть совой, чтобы дать дону Хуану знать, где я нахожусь. Но, вспомнив его предупреждение относительно молчания, не решился.

И тут мое внимание привлекло нечто неопишимо жуткое. Слева от себя я почувствовал что-то похожее на животное. Оно меня почти касалось. Я непроизвольно отпрыгнул и рванулся вправо. Ужас буквально душил меня. Я мчался сквозь тьму без единой мысли в голове. Я просто не мог ни о чем думать, страх охватил все мое существо, и я несся вперед и вперед со скоростью, которая в нормальном состоянии показалась бы мне немыслимой. Я чувствовал страх телом, он действительно был телесным ощущением, не имевшим никакого отношения к моим мыслям. Это показалось мне весьма необычным. В моей жизни страх всегда строился на некоторой интеллектуальной основе и был обусловлен угрожающими социальными ситуациями или опасным для меня поведением людей. На этот раз, однако, страх имел совершенно новые свойства. Причина его относилась к неизвестной мне части мира, и возникал он, соответственно, в неизвестной мне части моего существа.

Я услышал крик совы очень близко и немного слева. Точно его тона я не расслышал, но мне показалось, что это – дон Хуан. Крик не был мелодичным. Я побежал медленнее. Еще крик. С хриплым призывом. Дон Хуан! Я побежал на звук немного быстрее. Третий крик раздался совсем рядом. Я различал перед собой темный массив то ли камней, то ли деревьев. Еще один крик. Я решил, что дон Хуан ждет меня, потому что мы находимся уже за пределами опасной зоны. Я подбежал почти вплотную к темной массе, как вдруг кровь застыла у меня в жилах, и я буквально прирос к месту. Пятый крик! Я изо всех сил вглядывался в темную массу. Вдруг слева что-то зашуршало. Я повернулся и вовремя успел заметить какой-то черный предмет, который катился или скользил сбоку. Я отскочил. Раздалось чмоканье, словно кто-то пошлепал влажными губами, а потом от темного массива то ли деревьев, то ли скал отделилось что-то большое, черное и прямоугольное, похожее на трехметровой высоты дверной проем.

От неожиданности я вскрикнул. В течение секунды мой испуг был безграничным. Но потом я вдруг обнаружил в себе жуткую мистическую невозмутимость и абсолютное спокойствие. Я созерцал черный прямоугольник.

Насколько я мог отдавать себе отчет в своих реакциях, они были чем-то совершенно для меня новым. Что-то во мне тянуло меня к черному объекту, а что-то – наоборот, отчаянно сопротивлялось.

Было так, словно я хочу подойти поближе и как следует во всем разобраться, и в то же время – истерически вопя, уносить ноги куда глаза глядят.

Я едва разобрал совиные крики дон Хуана. Казалось, он кричит где-то совсем близко и как-то странно: крики были продолжительнее и грубее, чем раньше, словно дон Хуан бежал ко мне навстречу.

Неожиданно для самого себя я вдруг обрел самоконтроль.

Некоторое время я бежал в точности так, как предписывал дон Хуан.

– Дон Хуан! – выкрикнул я, налетев на него.

Он ладонью прикрыл мне рот и знаком велел бежать за ним. Мы двигались в среднем темпе и вскоре прибежали на тот выступ из песчаника, от которого стартовали.

Примерно час мы молча сидели на выступе. Начало светать.

Открыв тыквенные фляги с провизией, мы поели. Дон Хуан сказал, что нам необходимо оставаться здесь до полудня, но ни в коем случае не спать. Лучше всего сидеть как ни в чем не бывало и разговаривать.

Он попросил меня подробно рассказать обо всем, что со мной происходило после того, как он от меня убежал. Когда я закончил, он долго молчал. Казалось, он глубоко ушел в свои мысли.

– Дело дрянь, – проговорил он наконец. – Все, что произошло с тобой этой ночью, – очень серьезно. Настолько серьезно, что тебе нельзя больше в одиночку ходить по ночам. Отныне сущности ночи не оставят тебя в покое.

– А что именно произошло со мной, дон Хуан?

– Ты столкнулся с некоторыми сущностями, обитающими в этом мире. Сущности этого типа могут воздействовать на людей. И, как правило, не упускают возможности этим заняться. Ты о них ничего не знаешь, потому что никогда раньше с ними не сталкивался.

Было бы правильнее назвать их сущностями гор, поскольку по большому счету они не относятся к ночи. Я называю их сущностями ночи лишь потому, что в темноте их легче воспринимать. Но в принципе они все время здесь, вокруг нас.

Однако днем нам сложнее почувствовать их присутствие, так как дневной мир нам хорошо знаком, и в нем воспринимается преимущественно то, что мы хорошо знаем. Ночью же все одинаково странно, и нет ничего, что имело бы предпочтение в

плане восприятия, поэтому мы более восприимчивы к незнакомым аспектам мира, и в частности – к сущностям ночи.

– Они реальны, дон Хуан?

– Разумеется! Они настолько реальны, что обычно при встрече с ними человек погибает, особенно тот, кто решился отправиться в дикие места, не имея личной силы.

– Но если ты знал, что они так опасны, почему же ты оставил меня одного?

– Существует один способ учиться – реальное действие. Праздные разговоры о силе бесполезны. С их помощью можно лишь призвать силу. Но только тогда, когда ты станешь на путь самостоятельного действия, ты действительно узнаешь, что такое сила, ощутишь ее в полной мере. Причем действие это должно быть полноценным, со всем, что ему присуще. Путь к знанию и силе очень труден и очень долог. Ты, наверное, заметил, что до сегодняшней ночи я тебя одного во тьму не отпускал. У тебя для этого не было силы. Теперь ты обладаешь достаточной силой для того, чтобы провести неплохую битву, но выстоять во тьме до конца ты в одиночку не сможешь.

– А если я попытаюсь?

– Ты умрешь. Сущности ночи раздавят тебя как клопа.

– Получается, что мне теперь нельзя проводить ночь в одиночестве?

– В собственной постели – сколько угодно. Но не в горах.

– А на равнинах?

– Это касается только диких мест, где совсем нет людей, и в особенности – диких мест высоко в горах. Естественные места обитания сущностей ночи – скалы и ущелья. Поэтому с сегодняшнего дня тебе нельзя в одиночку ходить в горы. До тех пор, пока не накопишь достаточно личной силы.

– Но как мне накопить личную силу?

– Ты накопишь ее, если будешь жить так, как я советую. Мало-помалу ты заткнешь дыры и подберешь хвосты. Причем тебе не придется делать для этого что-то особенное. Сила всегда находит путь сама. Возьми, к примеру, меня. Когда я начал учиться, я не знал, что встал на путь воина, и понятия не имел о том, что накапливаю силу. Подобно тебе, я считал, что ничего особенного не делаю. Но это было не так. Сила имеет одно любопытное свойство: ее не замечаешь, когда она накапливается, и

накапливается она незаметно.

Я попросил объяснить, почему он решил, что мне опасно оставаться в темноте одному.

– Сущности ночи двигались слева от тебя. Это значит, что они старались слиться с твоей смертью. Особенно опасна та «дверь», которую ты видел. Это – отверстие, ты знаешь. И оно втягивало бы тебя до тех пор, пока бы ты в него не вошел. И это было бы твоим концом.

Как можно корректнее я заметил, что разные непонятные вещи случаются со мной только в его присутствии. И это мне странно. Ведь я много раз в своей жизни проводил ночи в диких местах, в том числе – в горах, и никогда ничего подобного не происходило. Все было тихо, спокойно и вполне в рамках объяснимых событий. Ни теней, ни мистических звуков... Действительно, меня ничто никогда в таких случаях не пугало.

Дон Хуан мягко усмехнулся и сказал, что это служит лишь подтверждением его большой личной силы, которая позволяет ему призывать на помощь массу различных вещей.

Уж не намекает ли он на то, что позвал кого-то из знакомых людей в качестве помощников?

Дон Хуан вроде бы угадал ход моих мыслей, громко рассмеялся и сказал:

– Не ломай себе голову. Мои слова не имеют для тебя никакого смысла. Все по той же причине: у тебя слишком мало личной силы. Но больше, чем было в самом начале. Поэтому с тобой начали случаться разные вещи. У тебя уже была очень мощная встреча с туманом и молнией. И не важно, понимаешь ты, что именно происходило тогда с тобой, или нет. Важно то, что это запечатлелось в твоей памяти. Мост и все, что ты видел в ту ночь, непременно явится тебе еще раз. Когда у тебя будет достаточно личной силы.

– Дон Хуан, а какова будет цель такого повтора?

– Не знаю. Я – не ты. Это вопрос, на который, кроме тебя, не ответит никто. А мы с тобой очень разные. Кстати, именно по этой причине сегодня ночью я оставил тебя одного, хоть и знал, что это – смертельно опасно. Ты должен был сам испытать себя, узнать, насколько ты способен выдержать встречу с сущностями ночи, действуя так, как свойственно действовать именно тебе. И крик совы я выбрал в качестве сигнала как раз потому, что совы

являются вестниками сущностей ночи, и криком совы пользуются для выманивания этих существ. Этой ночью они стали для тебя опасными вовсе не потому, что они зловредны по природе. Они не зловредны и не добры, они – никакие. Просто ты не был безупречен. В тебе есть нечто дешевое, и я знаю – что именно. Ты оказываешь мне снисхождение, ты потакаешь мне: ладно, мол, сделаю, как он хочет. И ты всю жизнь был точно так же снисходителен ко всем подряд. А это автоматически ставило тебя выше других. Но тебе отлично известно, что так не бывает. Ты – всего лишь человек, и жизнь твоя слишком коротка для того, чтобы охватить все чудеса и весь ужас этого изумительного непостижимого мира. Поэтому снисходительность твоя – дешевая, она делает тебя мелким и никчемным.

Мне хотелось протестовать. Дон Хуан опять попал в точку, как это было уже десятки раз. На какое-то время я даже разозлился. Но потом необходимость записывать отвлекла меня, и, как это обычно бывало, я успокоился.

– Однако мне, кажется, известно, как тебя от этого избавить, – продолжил дон Хуан после длинной паузы. – Я думаю, даже ты согласишься с тем, что это – единственный способ, если вспомнишь сегодняшнюю ночь. Ты побежал хорошо и быстро, как бежал бы настоящий маг, только когда запахло жареным. Когда противник сделался невыносимым, и ты почувствовал, что это – вполне серьезно. Это известно нам обоим, тут уж ничего не попишешь. Думаю, я нашел тебе достойного противника.

– Дон Хуан, что ты собрался со мной делать? Вместо ответа он встал и потянулся всем телом, растянув буквально каждую мышцу. Мне он велел сделать то же самое.

– В течение дня нужно многократно растягивать все мышцы. Чем чаще, тем лучше. Но только после достаточно продолжительных периодов непрерывной работы либо довольно длительного покоя или отдыха.

– Дон Хуан, что это за противник? – не унимался я.

– К несчастью, только наши ближние могут стать достойными противниками. Да, только люди. Другие существа не обладают собственной волей, поэтому, чтобы с ними столкнуться, необходимо идти и цеплять их, выманивать. А люди – наоборот, неотступны и безжалостны.

Он замолчал, а потом отрывисто проговорил:

– Ладно. Похоже, мы достаточно потолковали. Прежде чем уйти отсюда, тебе необходимо сделать еще одно, последнее. Сейчас я кое-что расскажу тебе, чтобы ты уяснил, почему и для чего находишься здесь. Заметь, ты все время приезжаешь ко мне. Что бы ни случилось, как бы я тебя в очередной раз ни обидел, ты возвращаешься. Причина предельно проста. При каждой нашей встрече твое тело учится определенным вещам. Даже вопреки твоему желанию. Так было с самого начала. И теперь твое тело постоянно нуждается в освоении новых и новых знаний и каждый раз требует возвращения ко мне. Скажем так: твое тело знает, что его смерть неизбежна, хотя ты об этом никогда не задумываешься. И я рассказал твоему телу, что моя смерть так же неизбежна, и что прежде чем я умру, я хотел бы показать ему кое-что такое, чего сам ты дать ему не можешь. Ну, например, твоему телу нужен испуг. Ему нравится пугаться. Твоему телу нужна тьма, и ему нужен ветер. Теперь оно узнало походку силы и ждет не дождется случая как следует испытать этот способ передвижения. То есть твое тело возвращается меня навестить, потому что я – его друг. Дон Хуан молчал довольно долго, словно собираясь с мыслями.

– Я говорил тебе; секрет сильного тела не в том, что ты делаешь, а в том, чего не делаешь, – проговорил он наконец.

– И теперь пришло время не делать то, что ты привык делать всегда. Так что до нашего ухода сиди здесь и *не-делай*.

– Я не понимаю, дон Хуан.

Он забрал у меня блокнот, аккуратно закрыл его и перетянул резинкой, а потом запустил его, как диск, куда-то в колючки. Блокнот скрылся в кустах.

Я был в шоке и начал было возмущаться, но он закрыл мне рот ладонью. Потом указал на большой густой куст и велел сосредоточиться на нем. Но не на самих листьях, а на их тенях. Он сказал, что бег во тьме не обязательно должен быть действием гонимого страхом человека. Это может быть самая естественная реакция ликующего тела, которому ведомо искусство «неделания». Снова и снова дон Хуан шептал мне в правое ухо:

– *Не-делай* то, что ты хорошо умеешь делать, – ключ к силе. Ты знаешь, как делать то, что умеешь делать. И это нужно *не-делать*. В случае созерцания дерева я знал, что смотреть нужно на листья, и, естественно, немедленно фокусировал на них взгляд. При этом тени и промежутки между листвой никогда меня не интересовали.

Последнее, что сказал дон Хуан, была инструкция начать созерцать тени от листьев на одной ветке и постепенно перейти к такого рода созерцанию всего дерева, не давая глазам возвратиться в привычный для них режим созерцания листьев. Первый сознательный шаг в накоплении личной силы – позволить телу *«не-делать»*.

Наверное, причиной тому явилась моя усталость или нервное перевозбуждение, но я настолько погрузился в созерцание теней, что к тому моменту, когда дон Хуан поднялся на ноги, я мог формировать тени в зрительно воспринимаемые массивы настолько же свободно, насколько обычно в массивы формируется листва. Эффект был поразительный. Я сказал дон Хуану, что хочу посидеть так еще. Он засмеялся и похлопал по моей шляпе: – Я же говорил. Тело любит такие штучки.

Потом он велел мне позволить накопленной за время созерцания силе вывести меня к блокноту, и легонько подтолкнул меня к чапаралю. Некоторое время я шел бездумно и бесцельно, а потом обнаружил, что стою перед блокнотом. Я решил, что подсознательно запомнил направление, в котором дон Хуан его метнул. Но дон Хуан объяснил случившееся иначе. Он сказал, что я вышел прямо на блокнот потому, что мое тело в течение нескольких часов пребывало погруженным в *«неделание»*.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 15. «Неделание»

Среда, 11 апреля 1962

Когда мы вернулись, дон Хуан посоветовал мне заняться моими записями, и делать это так, словно со мной ничего не случилось, не упоминая и даже не думая о том, что произошло ночью.

После однодневного отдыха дон Хуан сообщил мне, что нам необходимо на несколько дней уехать подальше от его дома, так как желательно отделить себя от «сущностей» некоторым расстоянием. Он сказал, что их воздействие на меня оказалось весьма глубоким, хотя я пока что этого не замечаю, так как тело мое еще недостаточно чувствительно. Однако если сейчас я не отправлюсь на свое «избранное место», чтобы очиститься и восстановиться, то очень скоро серьезно заболею.

Мы выехали перед рассветом и направились на север. Вечером, после изнурительной езды и очень быстрого перехода, мы добрались до вершины холма.

Как и в прошлый раз, дон Хуан выложил место, на котором я спал, ветками и листьями. Затем он дал мне горсть листьев, чтобы я положил их на кожу живота, и велел лечь и отдыхать. Для себя он очистил и подготовил второй пятачок на расстоянии полутора метров за моей головой и немного слева, на котором и улегся.

Буквально через считанные минуты я почувствовал очень приятное тепло. Мне стало хорошо. Я ощущал себя словно бы подвешенным в воздухе в состоянии какого-то небывалого физического комфорта. Теперь я в полной мере мог согласиться с утверждением дона Хуана относительно того, что «постель из струн» удерживает мое тело в подвешенном состоянии. Я поделился с доном Хуаном своим удивлением по поводу невероятного качества моего чувственного восприятия собственного состояния. Дон Хуан спокойно сказал, что это нормально и что «постель» для того и делалась.

– Невероятно! Не могу поверить, что такое возможно! – изумленно воскликнул я.

Дон Хуан воспринял мои слова буквально и выругал меня. Он

сказал, что его утомляет моя привычка потакать своему чувству собственной важности, снова и снова требуя доказательств того, что мир непостижим и прекрасен.

Я попытался объяснить ему, что мои восклицания были чисто риторическими и не имели ровным счетом никакого значения. Он возразил, что в этом случае мне следовало бы выразиться как-нибудь по-другому. Казалось, он в самом деле серьезно раздражен. Я приподнялся на локтях и принялся было извиняться, но он рассмеялся и, передразнивая мою манеру говорить, предложил несколько забавных вариантов восклицания, которыми я мог бы воспользоваться. В конце концов я рассмеялся, настолько нарочито абсурдными были некоторые из них.

Дон Хуан мягко напомнил мне о том, что я должен полностью погрузиться в ощущение парения.

Успокаивающее чувство умиротворенности и самодостаточности пробудило эмоции, скрытые где-то в глубинах моего существа. Я заговорил о своей жизни. Я покался, что никогда не уважал и не любил даже самого себя, и что от рождения порочен. Отсюда налет бравады и дерзости в моем отношении ко всем окружающим.

– Верно, – согласился дон Хуан. – Ты совсем себя не любишь.

Он усмехнулся и сообщил, что «видел» меня в то время, когда я говорил. Он посоветовал не сожалеть ни о чем когда-либо сделанном. Рассматривать чьи-то действия как низкие, подлые, отвратительные или порочные – значит придавать неоправданное значение личности их совершившего, то есть – потакать его чувству собственной важности.

Я нервно задвигался, и постель из веток и листьев зашуршала. Дон Хуан сказал, что если я хочу отдохнуть, то должен лежать абсолютно неподвижно, как он, а не ерзать и не приводить листья своей подстилки в состояние возбуждения. Только что он «видел» одно из моих настроений. Он некоторое время помолчал, подбирая подходящую формулировку, а потом сказал, что это настроение – некоторое ограниченное состояние сознания, в которое меня постоянно заносит. Он описал его как дверцу ловушки. Она открывается в самые неожиданные моменты и меня заглатывает. Я попросил уточнить. Он ответил, что невозможно уточнять то, что «видишь».

Прежде чем я успел произнести что-либо еще, он сказал, что мне нужно расслабиться, но не засыпать. И постараться как можно

дольше оставаться в полностью сознательном состоянии. Он объяснил, что «постель из струн» делается исключительно для того, чтобы воин мог войти в особое состояние умиротворенности и внутреннего благополучия.

Драматическим тоном дон Хуан заявил, что внутреннее благополучие – это состояние, которое нужно взлелеять и тщательно за ним ухаживать. Чтобы его искать, необходимо сначала его познать.

– Ты никогда не испытывал состояния внутреннего благополучия, поэтому понятия не имеешь, что это такое, – сказал дон Хуан.

Я позволил себе с ним не согласиться. Но он стоял на своем, говоря, что внутреннее благополучие – это не просто состояние. Это – достижение, к которому нужно стремиться, которое нужно искать. Он сказал, что я знаю только как сбивать себя с толку в поисках внутреннего неблагополучия, смятения и неразберихи.

Дон Хуан насмешливо улыбнулся и заверил меня, что напряженный и самоотверженный труд моей жизни не прошел даром – мне вполне удалось сделать себя несчастным. Но самое смешное и абсурдное в этом то, что с теми же затратами я мог настолько же успешно сделать себя целостным и сильным.

– Весь фокус в том, на что ориентироваться, – сказал он. – Каждый из нас либо сам делает себя несчастным, либо сам делает себя сильным. Объем работы, необходимой и в первом, и во втором случае – один и тот же.

Я закрыл глаза и снова расслабился, почувствовав, что плыву в пространстве. Я даже ощущал свое движение сквозь это пространство, словно я был листом, отданным на волю ветра. Ощущение было очень приятным. Однако оно напоминало мне чувство вращения в пространстве, которое я испытывал при головокружениях во время болезни. Я решил, что, наверное, съел что-нибудь не то.

Дон Хуан что-то говорил. Но я не слышал и не особенно напрягался, чтобы услышать. Я усердно перебирал в памяти все, что в тот день ел. Но делал это как-то незаинтересованно. Похоже, для меня это не имело значения.

– Следи за тем, как изменяется солнечный свет, – проговорил дон Хуан.

Чистое звучание его голоса напомнило мне воду – текущую и теплую.

Абсолютно безоблачное на западе небо было ровно залито фантастическим желтовато-оранжевым сиянием склонявшегося к горизонту солнца. Тот факт, что дон Хуан обратил на солнечный свет мое внимание, делал картину в моем восприятии еще более величественной.

– Пусть сияние солнца зажжет тебя, – сказал дон Хуан.

– Когда солнце коснется горизонта, ты должен быть абсолютно спокоен и полон сил, потому что завтра или послезавтра тебе предстоит учиться *не-делать*.

– Не делать что? – спросил я.

– Сейчас это не важно. Подожди, пока мы доберемся вон до тех лавовых гор.

Он указал на далекие темные и грозные остроконечные пики на севере.

Четверг, 12 апреля 1962

Вечером мы добрались до пустынного плоскогорья, на котором возвышались горы вулканического происхождения. На расстоянии темно-коричневые нагромождения застывшей лавы производили почти зловещее впечатление. Низкое солнце косыми лучами освещало западные склоны пиков, рассекая казавшуюся монолитной стену темного камня слепящей сеткой золотистых отражений.

Я не мог отвести глаз от этого поистине гипнотизирующего зрелища.

К началу сумерек показались подножия гор. Растительности на плоскогорье почти не было, до самого горизонта повсюду торчали только кактусы, отдельные кустики да редкие пучки какой-то высокой сухой травы.

Дон Хуан остановился и сел, аккуратно прислонив к камню тыквенные фляги с провизией. Он сказал, что на этом месте мы устроимся на ночлег. Мы находились на возвышенности. Оттуда, где я стоял, окружающая местность просматривалась довольно далеко во всех направлениях.

День был облачный, и все быстро погружалось в сумерки. Я увлекся созерцанием того, с какой скоростью малиново-пурпурные облака на западе становились равномерно-серыми.

Дон Хуан встал и пошел в сторону кактусов. Когда он вернулся, массив лавовых гор уже превратился в однородный темный силуэт. Дон Хуан сел рядом со мной и обратил мое внимание на что-то,

показавшееся мне естественным образованием на склонах лавовых гор на северо-востоке от того места, где мы сидели. Это было пятно, значительно более светлое, чем фон. В сумерках горный массив был одноцветным темно-коричневым, а пятно – желтовато-коричневым или темно-бежевым. Я не мог понять, что это такое. Я смотрел на него долго и неотрывно. Казалось, оно шевелилось, я бы даже сказал, что оно пульсировало. Сощутив глаза, я увидел, что оно как бы трепещет.

– Смотри неотрывно! – приказал дон Хуан.

В какое-то мгновение я вдруг почувствовал, что весь горный массив двинулся на меня. Этому сопутствовало странное ощущение под ложечкой. Дискомфорт стал настолько острым, что я встал.

– Сядь! – рывкнул дон Хуан, но я уже стоял на ногах.

Когда я поднялся, перспектива несколько изменилась. Пятно сползло вниз по склону горного массива. Я снова сел, не сводя глаз. Пятно поднялось. Я смотрел на него еще несколько секунд, а потом все стало на свои места. Я осознал, что пятно находится не в горах, а рядом, что это – всего-навсего кусок желтовато-зеленой ткани, висящей на высоком кактусе прямо напротив меня.

Я громко рассмеялся и объяснил дон Хуану, что оптический обман возник из-за сумеречного освещения.

Он встал, подошел к кактусу, снял с него ткань, сложил ее и засунул в сумку.

– Зачем ты это сделал? – спросил я.

– Затем, что эта тряпка обладает силой, – как ни в чем не бывало ответил он. – В какое-то мгновение у тебя получилось хорошо, и неизвестно, что было бы дальше, если бы ты не встал.

Пятница. 13 апреля 1962

Мы двинулись к горам, едва начало светлеть небо на востоке.

Оказалось, до них на удивление далеко. Около полудня мы вошли в один из каньонов. В неглубоких озерах там была вода. Мы присели отдохнуть в тени нависающего выступа.

Горы оказались сложенными гигантскими глыбами застывшего потока вулканической лавы. За тысячелетия отвердевшая лава выветрилась, превратившись в пористый коричневый камень. Растительности на скалах не было, если не считать отдельных чахлах кустиков, торчавших из трещин.

Я взглянул вверх на почти вертикальные стены каньона, высота

которых достигала многих десятков метров, и под ложечкой у меня странно засосало. У меня возникло чувство, что стены каньона наползают на меня и вот-вот сомкнутся. Солнце стояло практически в зените, чуть отклонившись к юго-западу.

– Стой вот здесь, – велел дон Хуан и развернул меня лицом в сторону солнца.

Потом он сказал, чтобы я неподвижно смотрел на стены каньона над собой.

Зрелище меня потрясло. Огромная высота потока лавы поражала воображение. Какими же должны были быть масштабы извержения, чтобы образовалось такое? Я несколько раз прошелся взглядом вверх-вниз по стенам каньона и полностью погрузился в созерцание богатейшей цветовой гаммы камня. Там были вкрапления всех мыслимых оттенков. Все камни были покрыты пятнами светло-серого лишайника. Я взглянул прямо вверх, на стены, причудливо сверкающие бесчисленным количеством каких-то вкраплений, фантастически разбивавшими солнечный свет на множество невыносимо ярких точек.

Я смотрел туда, где точки отраженного света сливались в гигантское сияющее пятно. По мере того, как солнце сползло к западу, яркость постепенно уменьшалась. Потом пятно совсем поблекло.

Я взглянул на другую сторону каньона и увидел там еще одно такое же пятно. Я объяснил дон Хуану, что происходит.

Потом я заметил еще одно пятно света, за ним – еще... В конце концов весь каньон покрылся огромными пятнами света.

У меня закружилась голова. Я закрыл глаза, но пятна, составленные мириадами сверкающих точек, все равно остались перед глазами. Я схватился за голову и попытался заползти под нависающий выступ. Но дон Хуан крепко схватил меня за руку и приказал продолжать созерцание стен и попытаться увидеть темные зоны в середине пятен света.

Я не хотел смотреть, мерцание раздражало глаза. Я сказал, что это похоже на то, как темный силуэт окна стоит перед глазами после того, как посмотришь сквозь него на залитую полуденным солнцем улицу.

Дон Хуан покачал, головой из стороны в сторону и начал посмеиваться. Он отпустил мою руку, и мы сели под нависающей скалой.

Я кратко записывал свои впечатления от окружающего пейзажа, когда дон Хуан после длительной паузы вдруг заговорил драматическим тоном:

– Я привел тебя сюда, чтобы обучить одной вещи, – сказал он и помолчал. – Тебе предстоит научиться *неделанию*. Сейчас мы можем об этом поговорить. Без объяснений у тебя ничего не получится. Я надеялся, что ты сразу сможешь действовать, без каких-либо разговоров. Я ошибся.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь, дон Хуан.

– Это неважно. Я расскажу тебе о вещах очень простых, но трудновыполнимых. Я расскажу тебе о *неделании*. Несмотря на тот факт, что рассказать о нем невозможно, поскольку *неделание* – это действие тела.

Он бросил на меня несколько коротких взглядов, а потом сказал, что мне нужно отнестись к его рассказу с максимальным вниманием.

Я закрыл блокнот, но, к моему удивлению, он потребовал, чтобы я все записал.

– *Неделание* – это очень трудно. И оно обладает такой силой, что тебе нельзя будет о нем упоминать, – продолжал он. – До тех пор, пока ты не *остановишь мир*. Только после этого тебе можно будет свободно разговаривать о *неделании*. Если тебе это еще будет нужно.

Дон Хуан посмотрел вокруг и ткнул пальцем в большой камень неподалеку от нас:

– *Делание* делает вон тот камень камнем.

Мы переглянулись, и он улыбнулся. Я ждал объяснений, но он молчал. В конце концов я вынужден был сказать, что не понял.

– Вот, это – *делание*! – воскликнул он.

– Извини, я...

– И это – *делание*.

– О чем ты, дон Хуан?

– *Делание* – это то, что делает тот камень камнем, а куст кустом.

Делание делает тебя тобой, а меня мной.

Я сказал, что его объяснение ничего не объясняет. Он засмеялся и почесал виски.

– Вот-вот... В этом – главная проблема с разговорами. Они всегда создают путаницу. Начиная говорить о *делании*, вечно приходишь к чему-то другому. Взять, к примеру, скалу. Смотреть на нее – это

делание. Видеть ее – неделание.

Я вынужден был признаться, что его слова лишены для меня какого-либо смысла.

– Ничего подобного! – воскликнул дон Хуан. – В них присутствует глубокий смысл. Но ты убежден, что его в них нет, потому что это – твоё *делание*. Это – твой способ поддерживать взаимоотношения со мной и с миром.

Он снова указал на скалу.

– Это скала является скалой только лишь потому, что ты знаешь, как с ней обращаться и что с ней можно делать. Я называю это *деланием*. Человек знания, например, осознает, что скала является скалой только вследствие *делания*. Поэтому если он хочет, чтобы она перестала быть скалой, ему достаточно начать практиковать *неделание*. Понимаешь?

Я не понимал ничего. Он засмеялся и предпринял еще одну попытку:

– Мир есть мир потому, что ты знаешь *делание*, которое делает его таковым. Если бы ты не знал *делания*, свойственного миру, он был бы другим.

Он с любопытством принялся меня разглядывать. Я прекратил писать. Мне хотелось послушать. Он продолжал объяснять, что без определенного «делания» в том, что нас окружает, не было бы ничего знакомого.

Он наклонился и поднял маленький камушек. Взяв его между большим и указательным пальцами левой руки, он поднес камушек к самым моим глазам.

– Смотри: вот камушек. Он является камушком вследствие *делания*, которое делает его камушком.

– Что? – спросил я, совершенно сбитый с толку.

Дон Хуан улыбнулся, пытаясь скрыть ехидное удовлетворение.

– Не знаю, с чего это ты вдруг запутался, – сказал он.

– Ведь ты предрасположен к разговорам и должен сейчас чувствовать себя на седьмом небе.

Он загадочно взглянул на меня и три-четыре раза повел бровями. Потом снова указал на камушек, который по-прежнему держал у меня перед носом.

– Я тебе говорю, что ты превращаешь это в камушек, зная *делание*, которое для этого необходимо. И теперь, чтобы *остановить мир*, ты должен прекратить это *делание*.

Я по-прежнему ничего не понимал. Дон Хуан, казалось, в полной мере отдавал себе в этом отчет. Он улыбнулся и покачал головой. Потом взял хворостинку и провел ею по неровному краю камушка. – В случае с этим маленьким камнем, – продолжал он, – первое, что *делание* с ним осуществляет, – это жесткая привязка к вот такому размеру. Поэтому воин, который стремится *остановить мир*, первым делом уничтожает этот аспект фиксации – он увеличивает маленький камень или что-либо другое в размере. Посредством *неделания*.

Дон Хуан встал и положил камушек на крупный валун, а потом предложил подойти и хорошенько его изучить. Он велел внимательно разглядывать отверстия, впадины и трещины на камушке, стараясь рассмотреть все до мельчайших деталей. Он сказал, что, если мне удастся выделить все детали, отверстия, углубления и трещинки исчезнут, и я пойму, что такое «*неделание*». – Этот проклятый камушек сведет тебя сегодня с ума, – пообещал дон Хуан.

Наверное, на лице моем отразилось полнейшее недоумение. Он взглянул на меня и раскатисто захохотал. Потом он изобразил гнев, словно камушек его разозлил, и несколько раз стукнул по камушку шляпой.

Я потребовал, чтобы дон Хуан объяснил свое последнее утверждение. Я заявил, что когда он хочет, он может объяснить все что угодно в лучшем виде. Стоит лишь постараться.

Дон Хуан хитро взглянул на меня и покачал головой, словно признавая безнадежность ситуации.

– Безусловно, я могу объяснить все что угодно, – согласился он. – Но сможешь ли ты понять? Вот вопрос.

Я несколько опешил от такого его намека.

– *Деланием* разделяются этот камушек и этот валун, – продолжил он. – Чтобы научиться *неделанию*, тебе, скажем так, нужно слить их воедино.

Он указал на небольшое пятнышко тени, которую камушек отбрасывал на валун:

– Это – тень? Это – не тень. Это – клей, их соединяющий.

Потом он повернулся и пошел прочь, сказав, что вернется попозже, чтобы взглянуть, как я тут себя чувствую.

Я долго неотрывно вглядывался в камушек. Сосредоточиться на мельчайших деталях отверстий на его поверхности мне так и не

удалось, но крохотная тень, которую он отбрасывал на булыжник, стала явлением весьма интересным. Дон Хуан оказался прав. Она была подобна клею. Она двигалась. У меня возникло впечатление, что тень как бы выдавливается из-под камушка.

Когда дон Хуан вернулся, я поделился с ним результатами своих наблюдений.

– Неплохо для начала, – сказал он. – Тени могут рассказать воину обо всем.

Затем он предложил мне взять камушек и где-нибудь его захоронить.

– Зачем? И почему захоронить, а не просто закопать?

– Ты очень долго его созерцал. Теперь в нем есть частица тебя.

Воин всегда старается повлиять на силу делания, обращая его в *неделание*. Оставить камушек лежать на этом месте, считая, что это – просто кусочек камня – это *делание*. *Неделание*

предусматривает иное отношение к нему, в котором учитывается, что это – отнюдь не просто кусочек камня. В нашем случае этот камушек был надолго погружен в твое внимание и потому пропитался тобой, тем самым став частицей тебя. И ты не можешь оставить его просто так здесь валяться. Его необходимо захоронить. И сделать это должен именно ты.

Если бы ты обладал личной силой, твое *неделание* превратило бы этот камушек в предмет силы.

– А сейчас?

– Сейчас твоя жизнь слишком разболтана для того, чтобы ты мог это совершить. Если бы ты мог *видеть*, тебе стало бы ясно, что твое воздействие на этот камушек было очень тяжелым. Оно превратило его в нечто настолько неприглядное, что невозможно придумать ничего лучше, чем вырыть ямку и захоронить камушек. Пусть земля поглотит всю эту тяжесть.

– Это все правда, дон Хуан?

– Если я отвечу «да» или «нет», я совершу *делание*. Но поскольку ты учишься *неделанию*, я должен ответить, что не имеет никакого значения – правда это или нет. И в этом – преимущество воина по отношению к обычному человеку. Вопросы истины и лжи беспокоят обычного человека, ему важно знать, что правда, а что нет. Воину до этого ровным счетом нет никакого дела. Обычный человек по-разному действует в отношении того, что считает правдой, и того, что считает ложью. Ему говорят о чем-то: «Это

правда». И он действует с верой в то, что делает. Ему говорят: «Это неправда». И он опускает руки, он не действует; или, если даже и действует, не верит в то, что делает, что не меняет сути. Воин действует в обоих случаях. Ему говорят: «Это правда». И он действует с полной ответственностью, и это – его *делание*. Ему говорят: «Это неправда». И он действует с полной ответственностью, и это – его *неделание*. Понимаешь?

Туманные изъяснения дона Хуана вызвали во мне всплеск раздражения. Я не видел в них абсолютно никакого смысла. Я заявил, что все это – сплошной бред, а он высмеял меня, сказав, что я неспособен сохранить безупречность духа даже в том, что мне больше всего нравится, – в болтовне. Он поднял на смех мою болтовню, назвав ее ущербной и бестолковой.

– Взятся быть одним большим сплошным языком – так уж будь языком-воином, – сказал он и покатился со смеху.

Я был удручен. В ушах звенело. К голове прилил неприятный жар. От раздражения я, наверное, даже покраснел.

Я встал, зашел в колючки и закопал камушек.

Когда я вернулся и сел, дон Хуан сказал:

– Я позволил себе немного тебя подразнить. Но все равно отлично знаю – ты ничего не поймешь, пока не поговоришь. Для тебя разговоры – это *делание*. Но для понимания того, что есть *неделание*, такое *делание*, как разговор, не подходит. Сейчас я покажу тебе простое упражнение. Оно поможет тебе понять, что такое *неделание*. И, поскольку речь идет о *неделании*, не имеет никакого значения, попробуешь ты выполнить это упражнение сейчас или через десять лет.

Он заставил меня лечь на спину, взял мою правую руку и согнул в локте под прямым углом. Кисть ее он развернул ладонью вперед, а пальцы согнул к ладони, придав кисти такое положение, словно я держусь за ручку дверного замка. Потом он начал двигать мою руку круговым движением вперед-назад, как будто вращая рукоятку колодезного колеса.

Дон Хуан объяснил, что воин выполняет это движение каждый раз, когда хочет вытолкнуть что-либо из своего тела. Например, болезнь или непрощенное чувство. Идея упражнения состояла в том, чтобы тянуть и толкать воображаемую противодействующую силу до тех пор, пока не появится ощущение чего-то тяжелого и плотного, препятствующего свободному движению руки.

«Неделание» здесь заключалось в повторении движения до возникновения противодействия при полной очевидности того факта, что взяться этому противодействию попросту неоткуда, и потому поверить в то, что оно возникает, невозможно.

Я начал двигать рукой, и очень скоро кисть сделалась холодной, как лед. Вокруг нее я почувствовал что-то мягкое, словно она двигалась в плотной вязкой жидкости.

Неожиданно дон Хуан схватил меня за руку и остановил движение. Все мое тело вздрогнуло, словно некая невидимая сила встряхнула его изнутри. Дон Хуан придиричиво осмотрел меня. Я сел. Он обошел вокруг меня, а потом опять уселся на свое место. – Достаточно, – сказал он. – Будешь делать это упражнение потом, когда у тебя накопится побольше личной силы.

– Я что-то сделал не так?

– Все так. Просто *неделание* – для очень сильных воинов. У тебя еще недостаточно личной силы, чтобы браться за практику этого рода. Сейчас ты можешь только нагрести в себя рукой какую-нибудь жуткую пакость. Поэтому тренируйся очень-очень постепенно, понемногу. Кисть не должна остывать. Если она остается теплой, ты сможешь зацепить и ощутить ею линии мира. Он замолчал, как бы предоставляя мне возможность спросить о линиях мира. Но я не успел. Он начал рассказывать о существовании неисчислимого количества линий, которые связывают нас с объектами, имеющимися в мире. Он сказал, что с помощью упражнения в «*неделании*», которому он только что меня обучил, любой человек может ощутить линию, исходящую из движущейся кисти. Этой линией можно дотронуться до чего угодно в мире. Дон Хуан сказал, что это – не более чем упражнение, потому что длина линий, формируемых рукой, относительно невелика, и линии эти на практике мало на что годятся.

– Для формирования более длинных линий человек знания использует другие части тела.

– Какие, дон Хуан?

– Самые протяженные линии исходят из середины тела. Но такие же можно формировать глазами.

– Эти линии реальны?

– Конечно.

– Их можно увидеть? Или дотронуться до них?

– Скажем так: их можно почувствовать. Самое сложное на пути воина – осознать, что мир есть ощущение, мир воспринимается посредством ощущений. Практикуя *неделание*, воин чувствует мир. Ощущается же мир посредством линий мира.

Он замолчал, с любопытством меня изучая. Он приподнял брови, выпучил глаза и мигнул. Это напомнило мне птицу. Почти мгновенно я ощутил неудобство и подташнивание, словно что-то сжало меня в области желудка.

– Понимаешь, что я имею в виду? – спросил дон Хуан и отвел глаза.

Я отметил, что меня тошнило, а он сказал, что знает об этом, причем сказал таким тоном, как будто иначе и быть не могло. Он объяснил, что пытался глазами сделать так, чтобы я животом ощутил линии мира. Но я не мог согласиться с утверждением, что это он заставил мое самочувствие измениться. Я высказал сомнения по этому поводу. Он никак на меня не воздействовал физически. Поэтому то, что именно он вызвал у меня тошноту, казалось мне, мягко говоря, крайне маловероятным.

– *Неделание* – это очень просто, но для тебя это – очень сложно, – сказал он. – И дело тут не в понимании, а в практическом освоении и совершенствовании. Конечно, окончательным достижением человека знания является *видение*. Но оно приходит лишь после того, как посредством *недания* *остановлен мир*.

Я невольно улыбнулся, потому что не понял ничего.

– Когда делаешь что-то с людьми, – сказал он, – задача состоит лишь в том, чтобы предоставить возможность действовать их телам. И с тобой я поступаю именно таким образом – я предоставляю твоему телу узнавать определенные вещи. А понимаешь ты или не понимаешь – кого это волнует?

– Но это же нечестно, дон Хуан! Я хочу все понять, иначе все мое общение с тобой превращается в пустую трату моего времени.

– Ах, в пустую трату его времени! Его драгоценного времени! Ты – самовлюбленный самодовольный тип.

Он встал и сказал, что нам нужно подняться на вершину лавового пика, вздымавшегося справа от нас.

Задача эта оказалась поистине головоломной. Самый настоящий альпинизм, с той лишь разницей, что у нас не было ни крючьев, ни веревок, ни ледорубов. Дон Хуан все время повторял, чтобы я не смотрел вниз, а пару раз даже подтягивал меня вверх, когда я, не

удержавшись, начинал сползать в пропасть. Меня ужасно угнетало то, что такой глубокий старик, как дон Хуан, должен мне помогать. Я сказал ему, что нахожусь в отвратительной форме, так как слишком ленив для того, чтобы каким-то образом тренироваться. Он ответил, что по достижении некоторого уровня личной силы надобность в физических упражнениях и обычной тренировке отпадает, поскольку единственное, что требуется для поддержания безупречной формы, – это «*неделание*».

Когда мы добрались до вершины, я упал на камень в полном изнеможении. Меня почти тошнило от слабости. Дон Хуан ногой покатал меня туда-сюда, как он уже однажды делал. Постепенно это движение привело меня в чувство. Но я нервничал, словно ожидая внезапного появления чего-то. Несколько раз я непроизвольно оглядывался. Дон Хуан ничего не говорил, но когда я смотрел по сторонам, он смотрел туда же, куда и я.

Дон Хуан сказал, что мое тело заметило преследователя, несмотря на упрямое сопротивление моего интеллекта. Он заверил меня в том, что ничего необычного в этом нет, и быть преследуемым тенью – дело вполне нормальное.

– Это – просто сила, – сказал он. – Тут, в этих горах, таких существ полным-полно. Они подобны тем сущностям, которые напугали тебя тогда ночью.

Я поинтересовался, действительно ли я могу сам воспринимать это существо. Дон Хуан ответил, что днем я могу его только ощущать. Я попросил объяснить, почему он называет это существо тенью. Ведь его не видно, и оно явно не похоже на тень от камня. Он ответил, что и то, и другое имеют сходные очертания, поэтому и то, и другое – тени.

Он указал на высокий вытянутый валун, стоявший вертикально прямо перед нами.

– Взгляни на тень этого валуна. Тень – это валун, но она – не валун. Наблюдать валун с тем, чтобы узнать, что такое есть валун – это *делание*. Наблюдать его тень – это *неделание*. Тени подобны дверям. Дверям в *неделание*. Человек знания, например, наблюдая за тенью людей, может сказать о самых сокровенных чувствах тех, за чьими тенями он наблюдает.

– В их тенях присутствует какое-то движение? – спросил я.

– Можно сказать, что в них присутствует движение, можно также сказать, что в них отпечатываются линии мира, или можно сказать,

что из них исходят ощущения.

– Но как из тени могут исходить ощущения, дон Хуан?

– Считать, что тени суть всего лишь тени – это *делание*, – объяснил он. – Но это глупо. Подумай сам: если во всем, что есть в мире, присутствует огромное количество чего-то еще, то вполне очевидно, что тени не являются исключением. В конце концов, только наше *делание* делает их теньями.

Мы долго молчали. Я не знал, что сказать.

– Приближается вечер, – проговорил дон Хуан, взглянув на небо. – Еще одно последнее упражнение. Чтобы вспомнить его, тебе нужно будет воспользоваться этим дивным светом золотисто-желтого солнца.

Он подвел меня к двум вертикальным выдвинутым скалам, стоявшим рядом на вершине неподалеку от нас. Расстояние между ними составляло примерно полтора метра. Дон Хуан остановился метрах в трех от них, повернувшись к ним лицом. Он показал, где должен был стоять я. Потом он велел мне смотреть на параллельные друг другу тени этих скал. Он сказал, что мне следует свести глаза. Так же, как я это делал, выбирая место для отдыха. Но, в отличие от несфокусированного взгляда при созерцании земли в случае поиска места, сейчас нужно было сохранить максимальную четкость изображения. Задача заключалась в том, чтобы, сводя глаза, совместить изображения теней. Дон Хуан объяснил, что тогда тени начнут излучать некоторое ощущение. Я сказал, что объяснения его весьма туманны, но он заявил, что описать то, что он имеет в виду, говоря об излучаемом теньями ощущении, в действительности нет никакой возможности.

Я попытался выполнить упражнение. Тщетно. Я не отступал. В конце концов разболелась голова. Но дон Хуан моя неудача ни в малейшей степени не обескуражила. Он взобрался на куполообразную скалу и крикнул, чтобы я поискал два небольших продолговатых камня. Руками он показал мне, какой они должны быть величины.

Я нашел два подходящих камня и отнес их ему. Дон Хуан воткнул их в трещину на расстоянии тридцати сантиметров друг от друга. Меня он поставил лицом к западу, так, что торчащие из скалы камни оказались между мной и солнцем. Потом он велел мне повторить упражнение с теньями этих камней.

На этот раз все было иначе. Почти сразу же мне удалось свести глаза так, что тени как бы наложились друг на друга, слившись в одну. Она обладала невероятной глубиной и даже своего рода прозрачностью. Я был ошеломлен. Я мог четко различать каждую точку, каждую трещину и песчинку на том месте, куда смотрел. И на все это ложилась тень, словно сверхтонкая неопишуемо прозрачная пленка.

Моргать не хотелось. Я боялся потерять изображение, фиксация которого, я чувствовал это, была такой непрочной. Но в конце концов жжение в глазах сделалось невыносимым, и я моргнул. Однако изображение никуда не делось. Более того, оно даже стало более четким, видимо, вследствие смачивания роговицы. Я обнаружил, что как бы смотрю с неизмеримой высоты на совершенно новый, доселе невиданный мир. Я также заметил, что могу просматривать окрестности тени, не теряя фокусировки визуального восприятия. Затем, на мгновение, я утратил ощущение, что смотрю на поверхность камня. Я спустился в странный бесконечный мир, простиравшийся за все мыслимые и не мыслимые пределы. Но это дивное восприятие продолжалось лишь миг, а потом все вдруг разом выключилось. Я поднял глаза. Дон Хуан стоял прямо передо мной, заслонив спиной солнечный свет, падавший на камни.

Я описал ему свое необычное ощущение. Он объяснил, что вынужден был все это прервать, поскольку увидел, что я уже почти затерялся в безбрежных пространствах того странного мира. Дон Хуан сказал, что тенденция потворствовать себе вполне естественна для человеческих существ, когда речь идет об ощущениях такого рода. Он объяснил, что, потакая своей слабости и тем самым отказываясь от контроля, я почти превратил «неделание» в старое знакомое «делание». Еще он сказал, что мне нужно было только сохранять изображение, не поддаваясь искушению втянуться в него, потому что привычка поддаваться — это «делание».

Я пожаловался на то, что не был готов. Дону Хуану следовало предварительно объяснить мне, чего можно ожидать и как действовать. Но он ответил, что не мог заранее знать, удастся мне слить тени воедино или нет.

Я вынужден был признаться, что теперь «неделание» стало для меня еще более загадочным, чем прежде. Дон Хуан сказал, что я и

так должен быть вполне удовлетворен. Мне с первого раза удалось очень многое выполнить правильно. Уменьшая мир, я увеличил его и, несмотря на то, что до ощущения линий мира мне было еще далеко, я правильно использовал тень от камней в качестве двери в «неделание».

Утверждение о том, что «уменьшая мир, я увеличил его», бесконечно меня заинтересовало. Подробности пористой поверхности камня, на небольшом участке которой был сфокусирован мой взгляд, воспринимались настолько живо и вырисовывались с такой точностью, что поверхность куполообразной скалы превратилась для меня в бескрайний мир. И в то же время это было уменьшенное изображение камня. Когда дон Хуан заслонил свет и я обнаружил, что смотрю самым обычным образом, мельчайшие подробности изображения стали неясными, крохотные отверстия в пористой поверхности камня увеличились, коричневый цвет застывшей лавы сделался матовым, и все утратило сияющую прозрачность, превращавшую камень в целый мир.

Дон Хуан взял оба камня и аккуратно опустил их в глубокую трещину, а потом сел, скрестив ноги, на том месте, где стояли камни. Он похлопал ладонью по камню слева от себя и предложил мне сесть.

Мы долго сидели молча. Затем так же молча поели. И только после захода солнца дон Хуан неожиданно спросил, как у меня обстоят дела со «сновидением».

Я ответил, что раньше все шло хорошо и просто, но что к этому моменту я перестал находить во сне свои руки.

– Когда ты начинал, ты пользовался моей личной силой. Поэтому сперва все шло хорошо и просто, – объяснил дон Хуан, – Теперь ты пуст. Но тебе не следует оставлять попыток. До тех пор, пока в достатке не накопишь собственной силы. Видишь ли, *сновидение* – это *неделание* снов. По мере того, как ты будешь прогрессировать в *неделании*, тебе все лучше будет удаваться *не-делать* сны, и ты будешь прогрессировать также в *сновидении*. Весь фокус состоит в том, чтобы не прекращать поиски рук во сне, даже если не веришь в то, что это имеет какой-то смысл. В самом деле, я же тебе говорил: воину нет нужды верить, потому что когда он действует без веры, он практикует *неделание*.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

– Мне больше нечего сказать о *сновидении*, – продолжал он. – Все, что бы я ни сказал, будет *неделанием*. Но стоит тебе непосредственно соприкоснуться с *неделанием*, как ты тут же будешь знать, что делать в *сновидениях*. Однако сейчас важно находить руки, и я уверен, что у тебя получится.

– Я не знаю, дон Хуан. Я в себя не верю.

– Веришь ты в кого бы то ни было или нет – не имеет значения. Дело не в этом. Дело в том, что это – борьба воина. И ты будешь продолжать бороться. Если не под воздействием своей собственной силы, то под нажимом достойного противника, или с помощью каких-нибудь союзников, вроде того, который уже преследует тебя.

Непроизвольно я резко дернул правой рукой. Дон Хуан сказал, что мое тело знает гораздо больше, чем я подозреваю, поскольку сила, нас преследующая, находится справа от меня. Очень тихо он сообщил мне, что уже дважды за сегодняшний день союзник подходил ко мне так близко, что приходилось вмешиваться.

– Днем дверями в нежелание являются тени, – сказал дон Хуан. – Однако ночью, во тьме, мало что остается от *делания*. И все, включая союзников, становится тенями. Я уже рассказывал тебе об этом, когда говорил о походе силы.

Я громко рассмеялся и испугался собственного смеха.

– Все, чему я тебя до сих пор учил, – это аспекты *неделания*, – продолжал он. – Воин применяет *неделание* ко всему в мире, но рассказать тебе об этом больше, чем рассказал сегодня, я не могу. Ты должен позволять своему телу самостоятельно открыть силу и ощутить *неделание*.

У меня начался еще один приступ нервного смеха.

– С твоей стороны глупо презирать тайны мира лишь потому, что ты знаешь *делание* презрения, – сказал он с очень серьезным выражением лица.

Я заверил его, что никогда никого и ничего не презирал, но что я просто нервничаю гораздо сильнее и чувствую себя гораздо более невежественным, чем он полагает.

– Со мной всегда так было, – сказал я. – Но я хочу измениться, однако не знаю как. Я такой бестолковый.

– Я уже знаю, что ты считаешь себя порочным, – произнес дон Хуан. – И это – твое *делание*. Теперь я предлагаю тебе подействовать на это *делание* другим *деланием*. С этого момента в

течение восьми дней тебе следует себя обманывать. Вместо того, чтобы говорить себе, что ты отвратителен, порочен и бестолков, ты будешь убеждать себя в том, что ты – полная этому противоположность. Зная, что это – ложь и что ты абсолютно безнадежен.

– Но какой смысл в этом самообмане, дон Хуан?

– Он может зацепить тебя и привести к другому *деланию*. А потом ты осознаешь, что и то, и другое – ложь, иллюзия, что они нереальны, и вовлекаться в какое то ни было из них, превращая его в основу своего бытия, – нелепо, что это – пустая трата времени, и что единственной реальностью является существо, которое живет в тебе и удел которого – смерть. Достижение этого существа, отождествление себя с ним и его самосознание есть *неделание* самого себя.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 16. Кольцо силы

Суббота, 14 апреля 1962

Дон Хуан взвесил на руке наши тыквенные фляги с провизией и сказал, что пора возвращаться домой, поскольку запасы на исходе. Как бы между прочим я заметил, что добраться до его дома мы сможем не раньше, чем через пару дней. Он сказал, что собирается не к себе домой, в Сонору, а в один приграничный городок, где у него есть дела.

Я думал, что мы отправимся вниз по каньону, но дон Хуан повел меня по высокому вулканическому плато на северо-запад. Примерно через час мы пришли в глубокое ущелье, которое заканчивалось у основания двух высоченных пиков. Там был склон, очень странный склон. Он поднимался вверх очень круто, закрывая почти все поле зрения и образуя некое подобие вогнутого моста между двумя пиками.

Дон Хуан указал мне участок на поверхности склона:

– Смотри туда неотрывно. Солнце почти в нужном месте.

Он объяснил, что свет полуденного солнца может помочь мне в плане «неделания». Затем он велел мне сделать следующее: ослабить ремень и все тугие и облегающие детали одежды, сесть скрестив ноги и напряженно созерцать место, которое он мне указал.

Облаков на небе было очень мало, а на западе – вообще ни одного. Стояла жара, и прямые лучи солнца раскаляли отвердевшую лаву. Я внимательно созерцал.

Прошло довольно много времени. Наконец я не выдержал и спросил:

– Собственно говоря, а что именно я созерцаю? То есть – что предполагается увидеть?

Дон Хуан нетерпеливым жестом велел мне замолчать.

Я устал. Хотелось спать, и я прикрыл глаза. Они чесались, и я потерял их. Но руки плохо слушались и были мокрыми. От пота глаза начало жечь. Я посмотрел сквозь полуопущенные веки на лавовые пики, и вдруг все горы вспыхнули.

Я сказал дону Хуану, что, когда глаза мои сведены, я *вижу* окружающие горы как хитросплетение световых волокон.

Дон Хуан велел мне дышать как можно реже и мельче, чтобы сохранить *видение* световых волокон и ни на чем не фиксировать взгляд, а время от времени посматривать на определенную точку горизонта над самым склоном. Я так и сделал. Я увидел бесконечную даль, покрытую паутиной света. Картина была довольно устойчивой.

Очень мягко дон Хуан велел мне попытаться выделить в поле световых волокон темные пятна. Как только я *увиджу* такое пятно, я должен открыть глаза и посмотреть, в каком месте склона оно расположено.

Я не воспринимал никаких темных областей. Я свел глаза, несколько раз широко открыл их и снова прищурил. Дон Хуан подошел ко мне и указал на область справа от меня, а потом – еще на одну, прямо передо мной. Я попытался немного изменить позу. Мне казалось, что, изменив перспективу, я *увиджу* предполагаемые темные области, на которые указывал дон Хуан. Но он дернул меня за рукав и сурово приказал не двигаться и проявить терпение. Я свел глаза и опять увидел паутину световых волокон. Некоторое время я смотрел на нее, а потом открыл глаза шире. В это мгновение послышался гул – его легко можно было принять за гудение пролетавшего вдалеке реактивного самолета – а потом широко открытыми глазами я увидел, что все горы передо мной превратились в поле, составленное бесчисленными точками света. Словно множество сверкающих вкраплений в отвердевшей лаве вдруг разом отразило свет солнца в мою сторону. Потом солнечный свет потускнел и как бы выключился, а горы снова превратились в массу однородного коричневого камня.

Одновременно подул ветер, и стало прохладно.

Я решил, что солнце скрылось за облаком, и попытался было оглянуться, чтобы убедиться в этом. Но дон Хуан схватил меня сзади за голову и не дал ее повернуть. Он сказал, что, обернувшись, я могу увидеть одну из сущностей гор – того союзника, который за нами увязался, а сил у меня явно недостаточно, чтобы выдержать напряжение зрелища такого рода. Затем он многозначительно добавил, что гул, который я слышал, – это особый сигнал – таким сигналом союзник извещает о своем присутствии.

Затем дон Хуан встал и объявил, что нам предстоит взобраться вверх по склону.

– Куда мы направляемся? – спросил я.

Он ткнул пальцем в сторону одной из областей, выделенных им ранее в качестве темных пятен. Он объяснил, что «неделание» позволило ему определить это место как возможный центр силы или, что тоже вполне вероятно, как место, на котором находится предмет силы.

После очень трудного восхождения мы, наконец, туда добрались. Дон Хуан некоторое время неподвижно стоял в двух метрах передо мной. Я двинулся было, чтобы шагнуть к нему, но он рукой сделал мне знак стоять на месте. Казалось, он пытался сориентироваться. Я видел, как двигается его затылок, когда он осматривал склон сверху вниз и обратно. Потом он уверенным шагом подошел к небольшому карнизу, сел и рукой смахнул с него песок. Затем пальцем провел канавку вокруг небольшого камня, торчавшего из земли, и велел мне его выкопать.

Когда я добыл камень, он приказал тут же засунуть его за пазуху, потому что камень этот – предмет силы и принадлежит он теперь мне. Дон Хуан сказал, что отдает его мне на хранение, и что я должен отполировать его и всячески за ним ухаживать.

Сразу после этого мы начали спускаться в каньон, а через пару часов были уже на пустынном плоскогорье у подножья лавовых гор. Дон Хуан в хорошем темпе шел метрах в трех впереди меня. Мы двигались на юг, пока солнце не опустилось совсем низко. За сплошной пеленой облаков мы не видели заката, однако подождали, пока солнце наверняка не скрылось за горизонтом.

Потом мы отправились дальше, но теперь дон Хуан изменил направление и вел меня на юго-восток. Мы поднялись на холм, и я заметил четырех человек, которые приближались к нам с юга.

Я взглянул на дона Хуана. За все время наших с ним совместных путешествий мы ни разу не встречали ни единого человека. Я не знал, как вести себя в подобных случаях, но дон Хуан, казалось, ничуть не был обеспокоен. Он продолжал идти, как шел, словно ничего не произошло.

Те четверо приближались к нам с юга. Они явно никуда не спешили и шли медленно, почему-то петляя по пустыне. Когда мы подошли к ним поближе, я рассмотрел, что это – четверо молодых индейцев. Они узнали дона Хуана. Он заговорил с ними по-

испански. Они отвечали очень вежливо и мягко и явно относились к дону Хуану с огромным почтением. Из них лишь один, самый смелый, заговорил со мной. Я шепотом спросил у дона Хуана, можно ли мне с ними разговаривать. Он кивнул.

Когда мы с ними разговорились, оказалось, что они очень приветливы и общительны, в особенности – тот, который заговорил со мной первым. Они рассказали мне, что ищут кристаллы кварца, обладающие силой, и что бродят в окрестностях лавовых гор уже много дней, но удача так ни разу и не улыбнулась им.

Дон Хуан осмотрелся и указал на каменистый участок пустыни метрах в двухстах от того места, где мы стояли.

– Там есть хорошее место для ночевки, – сказал он и направился туда.

Мы пошли за ним следом.

Место, куда он нас привел, было очень неровным и лишенным какой бы то ни было растительности. Все уселись на камни. Дон Хуан сказал, что вернется обратно – туда, где были отдельные колючие кусты, – чтобы набрать хвороста на костер. Я поднялся было, чтобы ему помочь, но он шепнул мне на ухо, что намерен сложить особый костер специально для этих юношей, и я ничем не могу ему в этом помочь.

Юноши расселись вокруг меня тесной кучкой, причем один из них сел со мной спина к спине. Я почувствовал по этому поводу некоторое раздражение.

Вернулся дон Хуан с охапкой хвороста. Он похвалил юношей за осторожность и предусмотрительность. Мне он объяснил, что все четверо – ученики мага, и что есть такое правило: во время охоты за предметами силы необходимо располагаться кольцом, в центре которого два человека должны сесть спина к спине.

Один из юношей спросил, доводилось ли мне самому когда-либо находить кристаллы. Я ответил, что дон Хуан никогда не давал мне задания их искать.

Дон Хуан выбрал место рядом с большим валуном и принялся сооружать костер. Ни один из юношей не пошевелился, чтобы помочь ему. Но все четверо с пристальным вниманием наблюдали за каждым его жестом. Когда огонь разгорелся, дон Хуан сел, прислонившись спиной к валуну. Костер находился от него по правую руку.

Юноши определенно знали, что происходит. Но я не имел ни малейшего понятия о том, что следует делать при встрече с учениками мага.

Я наблюдал за юношами. Они расположились правильным полукругом, лицом к дону Хуану. Я обратил внимание на то, что дон Хуан сидит лицом ко мне, а юноши – по бокам от меня, двое – справа, двое – слева.

Дон Хуан заговорил. Он рассказал им о том, что я был в лавовых горах, где учился «неделанию», и что нас преследовал союзник. Начало показалось мне весьма драматичным. И я не ошибся. Все юноши изменили позу, сев на ступню левой ноги.

До этого я не обращал внимания на их позы, считая, что они сидят так же, как и я – скрестив ноги. Мельком взглянув на дону Хуана, я обнаружил, что он тоже сидит, подогнув левую ногу. Я незаметно подогнул под себя левую ногу.

Дон Хуан говорил мне однажды, что такую позу маг принимает, когда обстоятельства складываются каким-то непредвиденным образом. Однако меня эта поза всегда очень сильно утомляла. Я чувствовал, что просидеть в ней все время, пока он не закончит говорить, будет довольно трудно. Дон Хуан, казалось, отлично осознавал всю невыгодность положения, в котором я находился, и потому был краток. Он объяснил юношам, что кристаллы кварца на этом плоскогорье можно найти только в неких особых местах. Найдя кристаллы, нужно убедить их согласиться покинуть свое место. Для этого существуют специальные приемы. Если это удастся сделать, то кристаллы сливаются с человеком, и сила их превосходит все мыслимые пределы.

Дон Хуан сказал, что кристаллы обычно собраны в гроздь. Тот, кто нашел такую гроздь, имеет право выбрать из нее пять самых больших и красивых кристаллов и отделить их от основания. Его задача – обработать и отполировать их, заострив и придав им размеры и форму, соответствующие пальцам его правой руки. Затем дон Хуан рассказал, что в оружие кристаллы превращает дух – союзник, и объяснил, как его искать. Прежде всего нужно выбрать место, подходящее для того, чтобы приманить союзника. Это место следует искать на вершине холма, взмахивая из стороны в сторону рукой с обращенной вниз ладонью до тех пор, пока ладонь не ощутит тепло. На том месте, над которым рука начала нагреваться, нужно развести костер. Дон Хуан объяснил, что

костер привлечет союзника, и тот обнаружит себя серией последовательных звуков. Человек, который ищет союзника, должен отправиться в том направлении, откуда эти звуки донесутся, и идти до тех пор, пока союзник не появится прямо перед ним.

Затем необходимо вступить с союзником в борьбу и одолеть его, прижав к земле. Именно в этот момент можно заставить союзника прикоснуться к кристаллам, чтобы они наполнились силой.

Дон Хуан предупредил, что в лавовых горах обитает множество духов другого типа, которые не относятся к союзникам. Они не шумят и появляются только в виде мелькающих теней, которые никакой силой не обладают.

Дон Хуан сказал, что внимание союзника можно привлечь ярко раскрашенным пером или хорошо отполированными кристаллами кварца, но, в конце концов, годится любой предмет, поскольку значение имеет не то, что именно становится предметом силы, а то, удастся ли найти силу, которая его таковым сделает.

– Какой смысл таскать с собой красиво отполированный кристалл, если не можешь найти союзника, чтобы тот наполнил твой кристалл силой? – сказал дон Хуан. – Однако, если у тебя нет кристаллов, а ты нашел и поборол союзника, ты можешь подсунуть ему что угодно, лишь бы он прикоснулся. Подсунь ему хоть собственные яйца, если под рукой не окажется ничего более подходящего.

Юноши сдержанно засмеялись. Самый смелый из них, тот, который первым заговорил со мной, смеялся громче всех.

Я заметил, что дон Хуан расслабился и снова сидит со скрещенными ногами. Все юноши сделали то же самое. Я хотел незаметно пересесть в более удобную позу, но в колене то ли что-то защемило, то ли судорога свела какую-то мелкую мышцу, и мне пришлось встать и несколько минут побегать на месте.

Дон Хуан не преминул пройтись по этому поводу. Он сказал, что я, видать, давно не тренировался в преклонении колен, поскольку не заходил в церковь с тех пор, как с ним снюхался.

Это замечание вызвало оживление. Все четверо начали нервно посмеиваться, некоторые при этом закрыли лица ладонями.

– А теперь, парни, я вам кое-что покажу, – сообщил дон Хуан, когда смех прекратился.

Я решил, что он собирается показать нам некоторые из предметов

силы, которые всегда носил в своей сумке. Я думал, что юноши сейчас подойдут и сгрудятся вокруг него, но они синхронно наклонились слегка вперед, подтянули левую ногу и сели в мистическую позу, столь неблагоприятно отражавшуюся на моем колене.

Я тоже подтянул ногу, стараясь при этом выглядеть как можно естественнее. Я обнаружил, что если не садиться на ступню, а оставаться как бы в полуколенопреклоненном положении, то колено болит не так сильно.

Дон Хуан встал и зашел за валун.

Должно быть, пока я разбирался со своими коленями, он подбросил в огонь хвороста, потому что там что-то затрещало, и языки пламени выросли чуть ли не вдвое. Это каким-то образом накалило обстановку. Вдруг дон Хуан вышел из-за валуна и встал на том месте, где перед этим сидел. Я был ошарашен. На голове у него красовалась настоящая пиратская треуголка с круглым верхом и торчащими по бокам сложенными полями. Одет он был в длинный сюртук с фалдами, застегнутый на одну-единственную блестящую пуговицу, и у него была деревянная нога!

Вид у него был на редкость дурацкий, я даже про себя рассмеялся. Интересно, откуда он все это взял здесь, в дикой пустыне?

Наверное, заранее припрятал за камнем. Я подумал, что ему бы еще черную повязку на глаз да попугая на плечо – и будет точь-в-точь вылитый пират из детской книжки.

Дон Хуан медленно обвел всех взглядом слева направо. Потом посмотрел вверх и уставился во тьму за нашими спинами. Немного постояв, он снова начал обходить валун и скрылся за ним.

Я не заметил, как он шел. Чтобы изобразить человека на деревянной ноге, ему, конечно, пришлось согнуть ногу в коленке, и когда он повернулся спиной, я должен был бы это заметить. Но я, видимо, был настолько впечатлен всей этой мистификацией, что не обратил внимания на детали.

Как только дон Хуан повернулся и пошел вокруг валуна, огонь утратил яркость. Я отдал должное точности расчета дона Хуана. Это же надо было так четко вычислить, сколько будет гореть свежеподброшенный хворост, и организовать выход в строгом соответствии с поведением огня!

На четырех молодых индейцев изменения интенсивности пламени произвели очень сильное впечатление – по их телам даже

пробежала нервная дрожь. Когда огонь уменьшился, все четверо вернулись в позу со скрещенными ногами.

Я надеялся, что дон Хуан вот-вот выйдет из-за валуна и займет свое место, но он не появлялся. Я с нетерпением ждал. Его все не было. Индейцы сидели с бесстрастными лицами. Дона Хуана не было.

А я никак не мог понять, чего он этим представлением хотел добиться. После долгого ожидания я обратился к юноше, сидевшему справа от меня, и спросил, не усмотрел ли он какого-либо скрытого значения в странных атрибутах, которые надел на себя дон Хуан, – смешной шляпе и длинном сюртуке с фалдами, – а также в том, что он вышел на деревянной ноге.

Юноша взглянул на меня с довольно смешным выражением озадаченности на лице. Казалось, что-то его смутило. Я спросил то же самое у другого юноши, который сидел рядом с первым и внимательно на меня смотрел.

Они переглянулись с видом полнейшего недоумения. Я сказал, что в этой шляпе и в сюртуке дон Хуан на своей деревяшке превратился в форменного пирата.

К этому времени все четверо уже придвинулись ко мне и сидели совсем рядом. Они мягко посмеивались и нервно ежились.

Казалось, они хотят что-то сказать, но не знают как начать.

Наконец, самый решительный из них заговорил. Он сказал, что на доне Хуане не было шляпы и сюртука, и уж наверняка – никакой деревяшки. А была на нем черная сутана с капюшоном, как у монаха, и сутана эта ниспадала до самой земли.

– Нет! – негромко воскликнул другой юноша. – Не было никакой сутаны.

– Это верно, – согласились остальные.

Тот, который первым со мной заговорил, смотрел на меня с недоверием.

Я сказал, что нам нужно тщательно и спокойно во всем разобраться, и что я уверен – дон Хуан специально не появляется, давая нам на это время.

Молодой человек, сидевший вторым справа от меня, сообщил, что дон Хуан был одет в лохмотья. На нем было поношенное пончо или какая-то похожая индейская одежда и обвисшее сомбреро. В руках он держал корзину, в которой лежали какие-то странные предметы. Что именно было в корзине, юноша сказать не мог. Он

добавил только, что дон Хуан был похож не на нищего бродягу, но скорее на человека, возвращающегося из далекого путешествия с какими-то непонятными вещами.

Юноша, видевший дону Хуана в черной сутане, заявил, что у того в руках не было ничего, а волосы были длинными и спутанными, словно это был страшный дикарь, только что убивший монаха и надевший его сутану. Даже монашеское одеяние не могло скрыть его дикости.

Молодой человек, сидевший слева от меня, мягко усмехнулся и сказал, что все это – очень странная мистика, потому что дон Хуан был одет, как солидный господин, только что сошедший с лошади. На нем были кожаные краги для верховой езды, большие шпоры, в руках – плеть, которой он постукивал по левой ладони, на голове – чичуауанская шляпа с конической тульей, а за поясом – два автоматических пистолета сорок пятого калибра. Дон Хуан выглядел точь-в-точь как преуспевающий ранчиро.

Юноша, сидевший вторым слева от меня, застенчиво засмеялся и не захотел рассказать, что видел он. Я пытался было его упрямить, но остальным, похоже, это было неинтересно.

Казалось, он слишком застенчив, чтобы поддерживать беседу.

Дон Хуан вышел из-за валуна, когда огонь уже совсем погас.

– Нам пора, – сказал он. – Этим парням нужно разобраться в своем *делании* самим. Попрощайся с ними.

И он пошел прочь. Медленно, чтобы дать мне возможность попрощаться. На них он даже не взглянул.

Индейцы по очереди обняли меня.

Пламя угасло, но мерцающие угли еще давали немного света.

Темная фигура дону Хуана маячила в нескольких шагах. Индейцы расселись в кружок и замерли иссиня-черными силуэтами на фоне окружающей тьмы.

И в этот миг все происшедшее как-то разом вдруг на меня подействовало. Холодок пробежал по позвоночнику. Я поспешил догнать дону Хуана. Тонм настоятельного требования он сказал, что мне не следует оглядываться на индейцев, потому что они уже превратились в кольцо теней.

Животом я ощутил какую-то внешнюю силу, словно невидимая рука сдвигала меня. Я непроизвольно вскрикнул. Дон Хуан шепнул, что в этих краях так много силы, что мне легко будет воспользоваться «походкой силы».

Мы бежали несколько часов. Пять раз я упал. Дон Хуан громко отсчитывал все мои падения. Потом он остановился.

– Сядь, забейся в щель между камнями, свернись калачиком и закрой руками живот, – шепнул он мне на ухо.

Воскресенье, 15 апреля 1962 года.

Утром мы отправились в путь, едва стало достаточно светло для того, чтобы идти. Дон Хуан привел меня к месту, где я оставил машину. Я был голоден, но чувствовал себя свежим и хорошо отдохнувшим.

Мы позавтракали галетами и запили их минеральной водой, которая была у меня в машине. Я хотел задать дону Хуану несколько вопросов, не дававших мне покоя, но он приставил палец к губам.

В полдень мы были уже в приграничном городке, где дон Хуан намеревался со мной расстаться. Мы зашли в ресторан пообедать. Зал был пуст. Мы сели за столик у окна, выходившего на людную, заполненную транспортом главную улицу городка.

Дон Хуан вроде бы расслабился, глаза его задорно поблескивали. Я почувствовал воодушевление и забросал его вопросами. В основном мне хотелось знать, что означало его пере одевание.

– Просто я показал тебе частичку своего *неделания*, – сказал он, и глаза его как бы вспыхнули.

– Но все мы видели тебя по-разному, – сказал я, – Как ты это сделал?

– Все очень просто, – ответил он. – Это была лишь маскировка. В известном смысле все, что мы обычно делаем, – это маскировка. И все, что мы обычно делаем, как я уже тебе говорил, относится к области *делания*. Человек знания может зацепиться за *делание* любого человека и явить тому разного рода мистику. Но на самом деле это – не мистика вовсе. Вернее, мистика, но лишь для того, кто увяз в *делании*. Те четверо, как и ты, пока еще не осознали, что такое *неделание*, поэтому одурачить вас – проще простого.

– Но каким образом ты нас одурачил?

– Я могу объяснить, но для тебя мое объяснение будет полной бессмыслицей. Пока что для тебя нет никакой возможности это понять.

– А ты попробуй. Ну пожалуйста, дон Хуан...

– Ладно. Скажем так: когда человек рождается, он приносит с собой в мир маленькое кольцо силы. Это кольцо почти мгновенно

начинает использоваться. Поэтому каждый из нас с самого рождения уже сидит на крючке делания, наши кольца силы сцеплены с кольцами силы всех окружающих. Другими словами, наши кольца силы нанизаны на крючок *делания* мира. Тем самым и создается мир.

– Приведи пример, может быть тогда я пойму, – попросил я.

– Например, кольца силы – твое и мое – в данный конкретный момент зацеплены за *делание* этой комнаты. Мы ее создаем. Наши кольца силы в данный момент вызывают к жизни вот эту самую комнату, в которой мы находимся.

– Постой, постой, – перебил я. – Эта комната существует сама по себе. Я не создаю ее, у меня нет с ней ничего общего.

Мое возражение, достаточно основательное с моей точки зрения, не произвело на дона Хуана никакого впечатления. Он очень спокойно повторил, что эта комната вызвана к жизни и существует для каждого человека лишь благодаря силе, заключенной в его кольце.

– Видишь ли, – продолжал он, – каждый из нас владеет *деланием* комнаты, поскольку значительную часть своей жизни мы так или иначе проводим в комнатах. А человек знания развивает другое кольцо силы – второе. Я назвал бы его кольцом *неделания*, потому что *неделание* есть тот крючок, на который оно нанизано. И это кольцо позволяет нам вызвать к жизни другой мир.

Девушка-официантка принесла то, что мы заказывали. На лице ее было написано подозрение. Дон Хуан шепнул, чтобы я заплатил сразу, потому что она сомневается в моей платежеспособности.

– Она не верит тебе, но ее вины в этом нет, – сказал он и разразился хохотом. – После нашей прогулки ты на черта похож. Я заплатил по счету и дал чаевые, после чего официантка ушла. Я уставился на дона Хуана, пытаясь снова ухватить нить нашей беседы. Он пришел мне на помощь:

– Твоя проблема заключается в том, что ты еще не развил дополнительного кольца силы, и тело твое не знает *неделания*. Я не понял. Мое сознание было замкнуто на довольно прозаическом вопросе: мне только хотелось знать, надевал он пиратский костюм или не надевал. Я спросил.

Дон Хуан не ответил. Вместо этого он забился в приступе хохота. Я умолял его все мне объяснить.

– Да я же объяснил! Только что все объяснил!

– То есть ты хочешь сказать, что не переодевался?

– Я только зацепил свое кольцо силы за твоё *делание*. А все остальное сделал ты сам.

– Невероятно!

– Нас всех учат вступать в некое общее соглашение относительно всего, что связано с *деланием*, – мягко произнес он. – Ты даже понятия не имеешь, какую мощь, какую силу несет в себе это соглашение. Но, к счастью, *неделание* настолько же иллюзорно и несет в себе не меньшую силу.

Я ощутил, как по животу пробежала неконтролируемая волна напряжения. Между тем, что я видел вчера, и его объяснением лежала такая пропасть, преодолеть которую я был не в силах. И, как всегда, в качестве последнего средства защиты я избрал сомнения и неверие. В сознании возник вопрос: а что, если дон Хуан все подстроил, предварительно договорившись с той четверкой?

Я сменил тему и спросил его о четырех учениках мага:

– Ты говорил, что они были теньями, да?

– Да.

– Это были союзники?

– Нет, это были ученики одного моего хорошего знакомого.

– Почему же ты сказал, что они – тени?

– Потому что в тот миг к ним прикоснулась сила *неделания*. А поскольку они не так тупы, как ты, они сдвинули себя в положение, совершенно отличное от всего, что тебе известно. И я не хотел, чтобы ты это видел. Это только травмировало бы тебя. Вопросов у меня больше не было. И я не был голоден. Дон Хуан ел с большим аппетитом, и настроение у него было отличное. Но я чувствовал себя подавленным. Неожиданно я ощутил какую-то всепоглощающую усталость. Я осознал, что путь дона Хуана для меня недоступен. У меня нет качеств, необходимых для того, чтобы стать магом.

– Вероятно, тебе поможет еще одна встреча с Мескалитом, – сказал дон Хуан.

Я заверил его, что вот об этом уж как раз я и не думал. Более того, мне не хотелось даже допускать мысли о возможности такого шага.

– Да-а, с тобой непременно должно будет произойти что-то сносшибательное. Иначе ты так и не позволишь своему телу извлечь пользу из того, чему научился, – сказал он.

– Наверно, если б я мог как-то развязать все узлы своих дел и проблем, каким-то образом абстрагироваться от тех условий, в которых живу и действую, мне было бы легче проникнуть в твой мир, – задумчиво проговорил я. – Или, может, если бы я отправился к тебе жить в дикую пустыню. А сейчас я одной ногой стою в одном мире, второй – в другом, и в итоге от меня нет никакого проку ни здесь, ни там.

Дон Хуан долго на меня смотрел.

– Вот он – твой мир, – произнес он, кивнув на людную улицу за окном. – Ты – человек этого мира. И там, в этом мире – твои охотничьи угодья. Невозможно уйти от делания своего мира. И воину остается только одно – превратить свой мир в свои охотничьи угодья. Воин – охотник, и как охотник он знает: мир создан для того, чтобы его использовали. И воин использует каждую частицу мира. Воин подобен пирату – он берет все, что хочет, и использует так, как считает нужным, и в этом он не признает никаких запретов и ограничений. Но, в отличие от пирата, воин не чувствует себя оскорбленным и не возражает, если кто-то или что-то берет и использует его самого.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 17. Достойный противник

Вторник, 11 декабря 1962

Мои ловушки были совершенны. Я устанавливал их по всем правилам. Я видел кроликов, белок и других грызунов, а также птиц. Но за целый день так никого и не поймал.

Рано утром, прежде чем мы вышли из его дома, дон Хуан сказал мне, что сегодня мне следует ожидать «подарка силы». В мои ловушки должно попасть некое особенное, исключительное животное, мясо которого я смогу засушить в качестве «мяса силы». Теперь же дон Хуан пребывал в задумчивости. По поводу моих охотничьих манипуляций и неудач он не сказал ни слова и не дал мне ни единого совета. В конце концов он медленно произнес:

– Некто вмешивается в твою охоту.

– Кто? – спросил я с неподдельным изумлением.

Он взглянул на меня, улыбнулся и недоверчиво покачал головой:

– Ты ведешь себя так, словно не знаешь – кто. А между тем тебе это прекрасно известно, ты знал об этом с самого начала и знал в течение всего дня.

Я собрался было возразить, но потом понял, что это ни к чему. Я знал, что на вопрос «кто?» он в конце концов ответит: «Ла Каталина». И если это было то, что, по его словам, я должен знать, то он прав. Я действительно знал об этом с самого начала.

– Мы можем поступить двояко, – сказал он. – Либо сейчас же отправиться домой, либо дождаться сумерек и в сумерках ее изловить.

Он явно ждал моего решения. Я хотел уйти и начал сматывать бечевку, которой что-то в этот момент привязывал. Но сказать ему о своем решении не успел. Дон Хуан опередил меня, резко приказав:

– Сядь! Уйти – проще, и это, пожалуй, самое трезвое решение, которое мы можем сейчас принять. Но сегодняшний случай – особый, и поэтому мне кажется, что мы должны остаться. Это представление устроено специально для тебя.

– Что ты имеешь в виду?

– Некто вмешивается в твои дела. Это – своего рода демонстрация силы. Я знаю, чьих это рук дело. И ты тоже знаешь.

– Ты меня пугаешь, – сказал я.

– Не я, – со смехом отвечал он. – Тебя пугает та женщина. Она подбирается к тебе.

Он замолчал, как бы ожидая, какой эффект произведут на меня его слова. Пришлось признаться, что я – в ужасе.

Чуть больше месяца назад у меня было жуткое столкновение с колдуньей по прозвищу Ла Каталина. Рискуя жизнью, я тогда напал на нее. Дело в том, что дону Хуану удалось убедить меня, что она охотится за ним и вот-вот лишит его жизни, и что он не в состоянии защититься самостоятельно. После того, как я попытался на нее напасть, дон Хуан открыл мне, что она никогда не представляла для него сколько-нибудь реальной опасности. Вся же эта затея была организована им специально, чтобы меня перехитрить. Но не в качестве коварного розыгрыша, а для того, чтобы загнать меня в незавидное положение, выход из которого был один – срочно учиться магической практике.

Метод его был воспринят мною как крайне неэтичный по отношению ко мне. Я был буквально взбешен.

В ответ на мою бурную реакцию дон Хуан принялся напевать мексиканские песенки. Он так комично пародировал популярных исполнителей, что в конце я хохотал, как ребенок. До этого я понятия не имел о богатстве его репертуара идиотских шлягеров.

– Давай-ка я тебе кое-что расскажу, – сказал он наконец по поводу всей этой истории с колдуньей. – Хитрость – единственный способ заставить нас учиться. То же самое было со мной. То же происходит с каждым. В том и состоит искусство бенефактора, чтобы загнать нас в угол, из которого нет другого выхода.

Показывать путь и хитростью заставлять учиться – вот все, что под силу бенефактору. И я занимался этим все время. Помнишь, каким способом я зацепил твой охотничий дух? Ты сам сказал мне, что охота заставляет тебя забыть об изучении растений. Ради того, чтобы стать охотником, ты был готов на многое, на что никогда не согласился бы ради изучения растений. А теперь, чтобы выжить, тебе придется сделать гораздо больше.

Он пристально взглянул на меня и рассмеялся.

– Но это все – какой-то бред сумасшедшего! – воскликнул я. – В конце концов, ведь мы же разумные существа!

– Ты – разумное, а я нет.

– И ты – тоже, – настаивал я. – Ты – чуть ли не самый разумный человек из всех, с кем мне доводилось иметь дело.

– Ладно, не будем спорить. Я – разумен. И что?

Я вовлек его в спор о том, пристало ли нам – двум разумным людям – вести себя столь идиотским и безумным образом, как мы поступаем в отношении этой колдовской леди.

– Ты – разумен. Хорошо, допустим, – яростно заявил он. – И поэтому полагаешь, что очень много знаешь о мире. Но так ли это? Много ли ты знаешь о нем на самом деле? Ведь ты видел только действия людей. И весь твой опыт ограничен лишь тем, что люди делают по отношению к тебе и друг другу. И больше ты не знаешь ничего. Ничего о тайнах этого неизведанного мира.

Он направился к машине. Мы сели в нее и поехали в небольшой мексиканский городок неподалеку.

Я не спрашивал, куда мы едем. Он велел поставить машину перед рестораном. Потом мы обошли автостанцию и универмаг. Дон Хуан шел справа от меня, показывая дорогу. Вдруг я осознал, что кто-то идет со мной бок о бок слева. Но, прежде, чем я успел повернуться и взглянуть, дон Хуан резко наклонился, словно хотел что-то поднять с земли, а когда я споткнулся об него и начал падать, подхватил меня за подмышку и поволок к машине. Он не отпускал меня, даже когда я возился с ключами и открывал дверь. Потом мягко впихнул меня в машину и только после этого сел в нее сам.

– Поезжай медленно и остановись перед универмагом, – сказал он. Когда я остановил машину, дон Хуан кивнул головой. Я посмотрел туда, куда он указывал и увидел, что Ла Каталина стоит на том месте, где он схватил меня за руку. Я непроизвольно отпрянул. Женщина сделала пару шагов в направлении машины и остановилась с вызывающим видом. Я внимательно оглядел ее и пришел к выводу, что она красива. У нее была очень темная кожа и плотное тело, но не из-за жира, а из-за хорошо развитых мускулов. Она выглядела очень сильной. Круглое скуластое лицо и две длинные черные косы. Но больше всего поразила меня ее молодость. Ей было от силы лет тридцать.

– Пусть подойдет поближе, если хочет, – шепнул дон Хуан.

Она сделала три-четыре шага по направлению к машине и остановилась метрах в трех от нас. Мы смотрели друг на друга. В

этот миг я почувствовал, что в ней нет ничего угрожающего. Я улыбнулся и помахал ей рукой. Она хихикнула в ладошку, словно застенчивая девчонка. Мне почему-то было приятно. Я повернулся к дону Хуану, чтобы поделиться с ним своими соображениями относительно ее внешности и поведения, но он до полусмерти напугал меня, яростно крикнув:

– Вот черт, да не поворачивайся же ты к ней спиной!

Я мгновенно повернулся обратно и взглянул на нее. За это время она подошла еще на два шага и стояла совсем рядом, почти в метре от дверцы машины. Она улыбалась, показывая белые и очень чистые зубы. Однако в улыбке этой было что-то мистически жуткое. Это была не дружелюбная улыбка, а скорее какая-то сдержанная ухмылка. Ла Каталина улыбалась одними губами. Ее большие черные глаза смотрели холодно и неподвижно.

По моему телу пробежали мурашки. Дон Хуан принялся ритмично смеяться. Постояв еще немного, Ла Каталина, пятась, начала отступать, пока не затерялась в толпе.

Мы поехали прочь, и по пути дон Хуан с удовлетворением прошелся по поводу того, что теперь мне придется срочно подбирать хвосты, устраняя из своей жизни расхлябанность и разгильдяйство, и как можно эффективнее учиться, иначе Ла Каталина раздавит меня как беспомощного клопа.

– Я же обещал тебе достойного противника! Она и есть этот самый противник, – сказал он в заключение.

Дон Хуан сказал, что нужно дождаться знака. Тогда будет ясно, что нам делать с ведьмой, вмешавшейся в мою охоту.

– Если покажется ворона или послышится карканье, мы будем знать наверняка, что нужно ждать. И где именно ждать, – сказал он и медленно обвел взглядом окружающий пейзаж.

– Здесь мы ждать не будем, – шепотом сообщил он.

Мы пошли на восток. Было уже довольно темно. Вдруг откуда-то сзади из-за высоких кустов вылетели две вороны, пролетели над нами и скрылись за холмом. Дон Хуан сказал, что нас интересует именно этот холм.

Когда мы подошли к холму, дон Хуан обошел его вокруг и выбрал место у подножия. Он очистил от хвороста, листьев и прочего мусора круглый пятачок диаметром около двух метров. Я пытался помогать, но дон Хуан с силой отодвинул меня решительным движением руки. Он прижал палец к губам, призывая к молчанию.

Закончив готовить место, он втянул меня в центр круга, поставил лицом на юг и спиной к холму и шепнул на ухо, чтобы я повторял его движения. Потом он принялся как бы пританцовывать, ударяя подошвой правой ступни по земле. Серии из семи ровных ударов перемежались короткими сериями из трех быстрых постукиваний. Я попробовал приспособиться к его ритму, и после нескольких неуклюжих попыток мне это более или менее удалось.

– Для чего это? – спросил я.

Он сказал, что это – кроличий бой. В конце концов тот, кто ко мне подбирается, не выдержит и придет взглянуть, в чем дело и что за шум.

Когда я полностью перенял его ритм, дон Хуан прекратил топать, велел мне продолжать, и стал дирижировать рукой, чтобы я не сбился с ритма.

Время от времени он внимательно прислушивался, слегка склонив голову набок и как бы пытаюсь разобраться в шумах, доносившихся из чаппарала. В какой-то момент он сделал мне знак остановиться и застыл в позе полной готовности, словно собирался прыгнуть на неизвестного и невидимого врага.

Потом он дал мне знак продолжать топать. Через некоторое время снова остановил. Каждый раз, когда я останавливался, он прислушивался с таким сосредоточением, что, казалось, каждая клетка его тела готова была взорваться от напряжения.

Я осмотрелся. Нас окружала темная масса кустарника, холмов и скал. Облака на темно-синем небе уже не были видны. Весь мир казался скоплением однородной массы темных размытых силуэтов. Я услышал далекий жуткий крик какого-то животного – то ли койота, то ли ночной птицы. Он прозвучал настолько неожиданно, что я даже не обратил на него внимания. Но дон Хуан слегка вздрогнул всем телом. Он подошел и встал рядом, и я почувствовал, что его тело слегка вибрирует.

– Вот и она, – прошептал он. – Топай и будь готов. Она идет.

Я принялся яростно топать. Дон Хуан слегка наступил мне на ногу и знаком велел топать мягче и ритмичнее.

– Прекрати дергаться – отпугнешь! – сказал он.

Дон Хуан снова принялся отсчитывать ритм взмахами руки. После того, как он остановил меня вторично, я снова услышал тот же крик, но теперь уже заметно ближе. Теперь он был похож на крик птицы, пролетавшей над холмом.

Дон Хуан опять велел мне топтать. Когда он остановил меня, слева послышался шорох, словно какой-то тяжелый зверь ходил в кустах по сухой траве. Медведь! Нет, медведи в пустыне не водятся... Я схватил дон Хуана за руку, он улыбнулся и снова поднес палец к губам, призывая к молчанию. Я всматривался во тьму слева от себя, но дон Хуан знаком велел мне этого не делать. Он несколько раз показал на небо над моей головой, а потом велел повернуться кругом и пальцем указал на какую-то точку на холме. Я уставился туда и вдруг, как в ночном кошмаре, оттуда на меня метнулась тень. Я вскрикнул и упал на спину. Мгновение я видел черный силуэт на фоне темно-синего неба. Потом он поплыл по воздуху и приземлился в кустах позади нас. Я услышал треск, словно тяжелое тело проламывалось сквозь кусты, а потом раздался жуткий крик, от которого в жилах стыла кровь.

Дон Хуан поднялся и повел меня сквозь тьму к тому месту, где остались мои ловушки. Он заставил меня снять и разобрать их, а потом разбросал их детали. Все это он делал без единого слова. Мы молчали всю дорогу до его дома.

– Что ты хочешь от меня услышать? – спросил дон Хуан в ответ на мои настойчивые просьбы объяснить события, свидетелем которых я стал несколько часов назад.

– Что это было? – спросил я.

– Вот черт, ну ты же прекрасно знаешь кто это был! – воскликнул он. – И не надо замыливать себе глаза нейтральным вопросом «что это было?». Кто это был – вот что важно.

У меня уже было некое подобие объяснения, которое в принципе вполне меня устраивало. Фигура надо мной была очень похожа на воздушного змея, которого выпустил на холме и тянул за веревочку кто-то, прятавшийся за нами в кустах. Видимо тот, в кустах, в конце быстро потянул змея к себе, отсюда и впечатление, что силуэт пролетел над нами и скрылся в чаппарале метрах в пятнадцати-двадцати за нашей спиной.

Дон Хуан внимательно выслушал мое объяснение, а потом долго хохотал, пока по щекам не потекли слезы.

– Слушай, хватит тебе топтаться вокруг да около. Давай ближе к сути. По-твоему, это была не она?

Мне пришлось признать, что, упав и взглянув вверх, я заметил силуэт женщины в длинной юбке, пролетавший надо мной в замедленном прыжке. Потом что-то словно дернуло этот силуэт

вперед, и он с большой скоростью рухнул в кусты. Именно такой характер движения силуэта создал у меня впечатление, что это был воздушный змей.

Дон Хуан отказался дальше обсуждать происшествие.

Утром следующего дня дон Хуан ушел по каким-то своим загадочным делам, а я сел в машину и отправился в соседний поселок навестить своих знакомых индейцев яки.

Среда, 12 декабря

Как только я приехал в поселок яки, тамошний лавочник-мексиканец сказал мне, что в выездной лавке из Сьюдад Обрегона взял напрокат проигрыватель и два десятка пластинок для «фиесты», которую планировал устроить вечером в честь Девы Гваделупской. Он уже всем рассказал, что достал все через Хулио – продавца выездной лавки, который дважды в месяц приезжал в поселок собирать очередные взносы за дешевую одежду, которую он иногда умудрялся продавать индейцам в рассрочку.

Хулио привез проигрыватель утром и подключил его к генератору, от которого питалась электросеть лавки. Он убедился в том, что все работает, потом включил максимальную громкость, напомнил лавочнику, чтобы тот не трогал никаких кнопок и принялся раскладывать пластинки.

– Я знаю, сколько царапин на каждой из них, – сказал Хулио лавочнику.

– Скажи это моей дочке.

– Отвечаешь ты, а не твоя дочка.

– Это все равно. Кроме нее, к пластинкам никто не притронется.

Хулио сказал, что его мало волнует, будет притрагиваться к пластинкам только она или кто-то еще, потому что платить за поврежденные пластинки все-таки придется лавочнику. Тот начал спорить с Хулио. Хулио покраснел. Время от времени он обращался к большой группе индейцев, собравшихся перед лавкой. Он разводил руками, изображая отчаяние, делал расстроенное лицо и соответствующим образом гримасничал. В конце концов он потребовал залог. Это вызвало новый каскад препирательств о том, сколько платить за поврежденную пластинку. Хулио авторитетно заявлял, что платить нужно полную цену, как за новую. Лавочник злился все сильнее и начал собирать свой удлинитель. Похоже было, что он склонен был отменить все мероприятие и собирался отключить проигрыватель. Своим

клиентам, собравшимся перед лавкой, он дал понять, что сделал все, от него зависящее, и если соглашение не достигнуто, то лишь из-за несговорчивости Хулио. Похоже было, что вечеринка провалилась, еще не начавшись.

Блас – старый индеец, в доме которого я остановился, – вслух принялся униженно жаловаться на бедственное положение индейцев яки, которые не могут позволить себе даже отпраздновать свой самый почитаемый религиозный праздник – день Девы Гваделупской.

Я хотел было вмешаться и предложить свою помощь, но Блас меня остановил. Он сказал, что если я внесу залог, то лавочник собственноручно из вредности перебьет все пластинки.

– Подонок редкостный, – объяснил Блас. – Путь платит. Обдирает нас, как липку, почему бы ему не заплатить?

После долгой дискуссии, в которой все присутствовавшие, как это ни странно, выступали на стороне Хулио, лавочник добился-таки обоюдоприемлемого решения. Он не внес залог, но согласился принять на себя ответственность за пластинки и проигрыватель.

Хулио сел на мотоцикл и, оставляя за собой пыльный шлейф, укатил клиентам, жившим в домиках, разбросанных по пустыне вдалеке от поселка. Блас объяснил, что Хулио спешит потому, что хочет добраться до них раньше, чем те успеют прийти лавку и пропить все свои денежки в честь праздника. Едва он это сказал, как из-за лавки вышла группа индейцев. Блас взглянул на них и засмеялся. Смеялись и все остальные.

Блас объяснил, что эти индейцы – те самые клиенты Хулио. Они ждали, спрятавшись за лавкой, пока он уедет.

Вечеринка началась относительно рано. Дочь лавочника поставила пластинку и опустила иглу. Послышался жуткий скрежет высокочастотное шипение, а потом – дребезжание гитар, скрипучие голоса труб.

Вечеринка заключалась в прокручивании пластинок на полную громкость. Четыре молодых мексиканца танцевали с двумя дочерьми лавочника тремя другими женщинами-мексиканками. Яки не танцевали, зато с явным удовольствием следили каждым движением танцующих. Казалось, для наслаждения им не нужно ничего другого – просто сидеть и, наблюдая за танцующими, прихлебывать дешевую текилу.

Я заказал выпивку для каждого, с кем был знаком. Чтобы не

вызвать ничьих обид, я сновал между индейцами, разговаривал с ними и предлагал выпивку. Все шло хорошо, пока они не подзарядились достаточно и не обратили внимание, что сам я не пью. Тогда они все разом на меня обозлились, словно осознав, что я их не уважаю и не принадлежу к их среде. Они надулись и молча сидели, время от времени ехидно на меня поглядывая.

До мексиканцев, которые напились уже примерно до такой же степени, в тот же самый момент дошло, что я не только не пью, но и не танцую. Эти тоже обозлились. Однако вели они себя увереннее и агрессивнее, чем индейцы. Один из парней схватил меня за рукав, подтянул к самому проигрывателю, налил полную кружку и потребовал, чтобы я выпил все залпом, доказав тем самым, что я – «macho».

Я попытался их утихомирить, выдавив из себя идиотский смешок, призванный означать, что все это мне нравится. Я сказал, что лучше сперва потанцую, а выпью потом. Один из парней назвал песню. Девушка принялась рыться в грудe пластинок. Она тоже была заметно навеселе, несмотря на то, что женщины вроде бы открыто не пили, и с попаданием пластинки на диск у нее возникли осложнения.

– Это – неправильная пластинка, – поводя заметно помутневшими глазами заявил парень. – Это вовсе не твист!

Девушка снова принялась неуклюже перебирать пластинки непослушными пальцами. Все сгрудились вокруг проигрывателя и приняли деятельное участие в поисках подходящей музыки. Я воспользовался моментом и сбежал с освещенной площадки в темноту за лавкой.

Я стоял метрах в тридцати от них в темноте среди кустов, пытаюсь сообразить, как быть дальше. Я устал и склонялся к тому, что пора садиться в машину и отправляться домой. Я направился к дому Бласа, где стояла машина, прикинув, что если ехать медленно с потушенными фарами, то никто моего побега не заметит.

Возле проигрывателя все еще продолжались поиски пластинки: слышно было, как шипят динамики. Потом грянул твист. Я рассмеялся, представив себе, как они оглянулись и обнаружили, что меня и след простыл.

На дороге показались темные силуэты нескольких человек, направлявшихся в сторону лавки. Разминувшись со мной, они побормотали: «Buenas noches». Я узнал их и сообщил, что

вечеринка удалась на славу.

Подходя к крутому повороту дороги, я встретил еще двоих. Их я не знал, но на всякий случай все равно поздоровался. Здесь, на дороге, визг проигрывателя был слышен так же хорошо, как перед лавкой. Была темная беззвездная ночь, но света фонарей возле лавки было достаточно, чтобы видеть дорогу. До дома Бласа было уже совсем недалеко, и я прибавил шаг. На повороте дороги с левой стороны я заметил темный силуэт сидевшего на корточках человека. Сначала я подумал, что это – кто-то, ушедший с вечеринки раньше меня. Человек сидел так, словно испражнялся на обочине. Это показалось мне странным. Жители поселка обычно ходили в кусты. Я решил, что человек, кем бы он ни был, пьян в дымину, раз не решился отойти от дороги, чтобы справить большую нужду.

Проходя мимо, я сказал: «Buenas noches». Ответом мне послужил жуткий хриплый совершенно нечеловеческий вой. Волосы мои самым натуральным образом встали дыбом. Секунду я был парализован. А потом пошел дальше, шагая все быстрее и быстрее. Темный силуэт приподнялся. Это была женщина. Согнувшись и наклонившись вперед, она прошла насколько метров, а потом прыгнула. Я побежал. Женщина подобно гигантской птице прыгала рядом, отталкиваясь от земли обеими ногами и не отставая от меня. Когда я уже подбегал к дому Бласа, она бросилась мне наперерез, почти до меня дотронувшись. Я перескочил через неглубокую сухую канаву и ввалился в дом, толкнув плечом хлипкую дверь.

Блас был дома. Я рассказал ему о случившемся, но он не придал этому значения.

– Здорово тебя разыграли! – прокомментировал он мой рассказ, – Индейцы любят выделять всякие такие фокусы с иностранцами. Вечерняя история настолько выбила меня из колеи, что наутро вместо того, чтобы отправиться домой, я поехал напрямик к дону Хуану.

Его дома не оказалось. Появился он только ближе к вечеру. Я не дал ему сказать ни слова и выложил все, не забыв упомянуть и комментарий Бласа. Возможно, это было лишь игрой воображения, но мне показалось, что дон Хуан обеспокоен.

– То, что сказал Блас, ерунды, – очень серьезно произнес он. – Бласу ничего не известно о битвах между магами. Ты должен был

понять, что происходит нечто серьезное, уже в тот момент, когда заметил, что тень – слева от тебя. Но в любом случае бежать было нельзя.

– А что же мне было делать? Стоять на месте?

– Да. Встречаясь с противником, который не является обычным человеческим существом, воин должен принять свою стойку. Это – единственное, что в таком случае делает его неуязвимым.

– О чем ты говоришь, дон Хуан?

– Я говорю о том, что это было твое третье столкновение с достойным противником. Она всюду преследует тебя, выжидая момент, когда ты проявишь слабость. В этот раз ты почти оказался у нее в руках.

На меня нахлынуло раздражение. Я обвинил его в том, что он подвергает меня бессмысленной опасности. Я сказал, что он ведет жестокую игру.

– Это было бы жестоко в отношении обычного человека, – возразил он. – Но человек перестает быть обычным, едва вступив на путь воина. И, кроме того, я нашел тебе достойного противника вовсе не затем, чтобы с тобой поиграть или тебе досадить.

Достойным противник подстегнет тебя. Под влиянием такого достойного противника, как Ла Каталина, ты можешь научиться использовать все то, чему я тебя научил. Я не вижу другого способа.

Мы немного помолчали. От его слов у меня возникло тяжелое мрачное предчувствие.

Потом дон Хуан попросил меня как можно точнее воспроизвести крик, который я услышал после того, как произнес: «Buenas noches».

Я попытался, и получившийся жуткий вой испугал меня самого. Дону Хуану моя интерпретация показалась, видимо, смешной. Он хохотал без удержу.

После этого он предложил мне восстановить всю последовательность событий: расстояние, которое я пробежал; расстояние, на котором женщина была от меня, когда я ее заметил; расстояние, бывшее между нами, когда я подбегал к дому и момент, в который она начала прыгать.

– Ни одна жирная индейка не способна этак скакать, – сказал дон Хуан, выслушав все подробности. – Ни одна из них столько даже просто не пробежит.

Он заставил меня попрыгать. Мне удавалось за каждый прыжок покрывать не больше полутора метров. А та женщина, если я не ошибся, прыгала, самое малое, – на три метра с лишним!

– Я думаю, ты уже понял, что должен с этой самой минуты постоянно быть в тонусе и держаться настороже, – очень серьезно сказал дон Хуан. – Она пыталась хлопнуть тебя по левому плечу в момент твоей слабости, когда ты неспособен осознавать.

– Что мне делать? – спросил я.

– Жаловаться, во всяком случае, бессмысленно. С этого момента самым важным фактором в твоей жизни становится стратегия.

Стратегическая линия жизни.

Я не мог сосредоточиться на том, что он говорил, и записывал чисто автоматически. После длительного молчания он спросил, не ощущаю ли я боли за ушами или в затылочной части шеи. Я ответил, что не ощущаю, а он сказал, что боль в любом из этих мест означала бы, что я действовал неуклюже и Ла Каталина сумела причинить мне вред.

– Впрочем, все твои действия вчера вечером были неуклюжи, – заявил он. – Прежде всего, ты отправился на вечеринку, чтобы убить время. Как будто есть время на то, чтобы его убивать. Это тебя ослабило.

– Мне что, нельзя ходить на вечеринки?

– Тебе можно ходить, куда угодно, но при этом ты должен отвечать за каждое свое действие. Воин живет стратегически. И на вечеринку или что-то этом роде он отправляется лишь том случае, если этого требует стратегическая линия его жизни. И это само собой подразумевает, что он находится в состоянии абсолютного самоконтроля и осознанно совершает все действия, которые считает необходимыми.

Дон Хуан пристально посмотрел на меня, потом закрыл лицо руками и мягко усмехнулся.

– Ты попал в ужасно крутой оборот, – сказал он. – На твоём пути оказался достойный противник, и впервые в жизни ты не можешь позволить себе разгильдяйства. На этот раз тебе придется освоить совершенно новое для тебя дело – *делание стратегии*. Если ты выступишь в схватке с Ла Каталиной, то настанет день, когда тебе нужно будет поблагодарить ее за то, что она заставила тебя изменить твоё *делание*.

– Боже, какой ужас! А если не выстою?

– Воин никогда не потворствует таким мыслям. На той вечеринке, например, ты был шутом, потому, что задача быть шутом вытекает из твоей стратегии, но потому, что ты сам отдался во власть этих людей, никогда не утруждал себя контролем поэтому конце концов был вынужден от них убежать.

– Что же мне следовало делать?

– Не ходить туда вообще, если идти, то только для того, чтобы совершить какой-либо особенный поступок. После дурацкой ситуации с пьяными мексиканцами ты был ослаблен. И Ла Каталина не преминула этим воспользоваться. Потому она и устроилась у тебя пути. Тело почувствовало, что тут что-то не то, но ты все равно с ней заговорил. И это было ужасно. Во время столкновения с противником ты не должен произносить ни слова. А потом ты повернулся к ней спиной. И это было еще хуже. Но вслед за этим ты побежал. И вот хуже этого ты уже ничего не мог придумать. Если бы на месте этой ведьмы оказался настоящий магический воин, он уложил бы тебя на месте уже в тот момент, когда ты повернулся спиной. Единственная защита мага – не двигаться с места и исполнять свой танец.

– О каком танце ты говоришь? – спросил я.

Он ответил, что «кроличий бой», которому он меня научил на днях – первое движение танца воина. Того самого танца, который воин оттачивает и развивает всю свою жизнь, а потом исполняет во время своей последней остановки на этой земле.

Тут в сознании моем что-то, наконец, прояснилось, и возникли кое-какие соображения. С одной стороны, я не мог не признавать реальности всего, что происходило во время моей первой стычки с Ла Каталиной, и, безусловно, существовала возможность того, что она меня действительно преследует. Но, с другой стороны, я не мог понять, каким образом она это делает, и потому у меня возникло подозрение, что дон Хуан просто меня разыгрывает и сам производит многие из тех жутких эффектов, которые я наблюдал. Вдруг дон Хуан посмотрел на небо и сообщил, что теперь – самое время съездить взглянуть на ведьму. Он заверил меня, что это почти совсем не опасно, поскольку мы всего лишь просто проедем мимо ее дома.

– Тебе нужно только на нее взглянуть, – объяснил он.

– Тогда все сомнения так или иначе отпадут.

Руки мои начали обильно потеть, и мне пришлось несколько раз

вытереть их полотенцем. Мы сели в машину. Дон Хуан велел мне ехать сначала по трассе, а затем свернуть на широкую немошеную дорогу. Я вел машину по самой ее середине, потому что тяжелые грузовики и тракторы выдавили в земле довольно глубокие колеи, и моя машина оказалась слишком низкой для того, чтобы ехать по правой или левой стороне. Мы медленно продвигались вперед, окруженные густым облаком пыли. Грубый гравий, которым когда-то были засыпаны выбоины, во время дождей смешался с грязью, и теперь сухие комья из камней и глины с грохотом колотили по металлическому днищу автомобиля.

Когда мы подъехали к небольшому мостику, дон Хуан велел притормозить. Возле моста сидели четверо индейцев. Они приветливо нам помахали. Я не был уверен, что знаком с ними. Мы проехали мост, и дорога слегка повернула.

– Вот ее дом, – шепнул мне дон Хуан, указывая глазами на белый дом за высокой изгородью.

Он велел мне развернуться, остановиться напротив дома и наблюдать, ожидая, пока подозрения колдуньи не разыграются настолько, что она решится выглянуть на улицу.

Мы простояли там минут, наверное, десять. Мне это время показалось бесконечностью. Дон Хуан не произносил ни слова. Он неподвижно сидел и смотрел на дом.

– Вот она, – сказал он, и тело его неожиданно вздрогнуло.

Я заметил внутри дома зловещий темный силуэт женщины.

Еще через несколько минут она вышла из темноты комнаты и остановилась в дверях, глядя на нас. Мы некоторое время смотрели на нее, а потом дон Хуан велел мне ехать. Я буквально потерял дар речи. Я мог поклясться, что это была та самая женщина, которая скакала за мной по темной дороге.

Примерно через полчаса, когда мы уже ехали по шоссе, дон Хуан заговорил.

– Ну, что скажешь? – спросил он, – Ты узнал ее фигуру?

Я долго колебался, прежде, чем ответить. Я боялся окончательности, которая неизбежно была сопряжена с утвердительным ответом. Я тщательно сформулировал фразу и сказал, что, пожалуй, было слишком темно, чтобы судить наверняка.

Он засмеялся и погладил меня по голове.

– Она это была. Она. Правда?

Он не дал мне возможность ответить. Он приставил палец к губам, а потом прошептал, что говорить бессмысленно, и что выжить в противостоянии с Ла Каталиной я смогу только воспользовавшись всем тем, чему он меня научил.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Часть вторая

Глава 18. Магическое кольцо силы

В мае 1971 года я приехал к дону Хуану в последний раз. Я ехал к нему с тем же настроением, с которым ездил все десять лет своего ученичества. Можно сказать, что мне просто приятно было проводить время в его обществе. Именно за этим я и ехал.

Оказалось, что у дон Хуана гостит его друг – индеец племени масатеков, которого я называл доном Хенаро. Когда я приезжал к дону Хуану полгода назад, дон Хенаро тоже у него гостил. Я хотел спросить, уезжал ли он домой или так и жил здесь все это время. Но дон Хенаро опередил меня, объяснив, что ему так нравится североамериканская пустыня, что он решил приехать еще раз. И как раз удачно, потому что я тоже появился, и он рад со мной встретиться. Оба они засмеялись, словно им был известен некий секрет.

– Но ты больше не будешь пытаться мне помогать, правда, дон Хенаро? – спросил я.

Они хохотали до судорог. Дон Хенаро сперва катался по земле, а потом улегся на живот и поплыл. Увидев это, я понял, что пропал. В этот момент тело мое каким-то образом ощутило, что конец близок. Я не знал, какой именно конец и чего, но, вследствие своей личной склонности к драматизации и памятуя предыдущий опыт общения с доном Хенаро, я вообразил, что конец этот вполне может быть концом моей жизни.

Когда я приезжал сюда в прошлый раз, дон Хенаро предпринял попытку столкнуть меня на грань «остановки мира». Действия его были настолько эксцентричны и безусловно непостижимы, и воздействие их на меня оказалось настолько прямолинейным и жестким, что дон Хуан сам велел мне уехать. Демонстрация «силы», к которой прибегнул тогда дон Хенаро, была такой поразительной и до такой степени сбивала меня с толку, что в результате я полностью пересмотрел все свои представления. Я

отправился домой, засел за свои записи всего периода ученичества, и в глубине моего существа таинственным образом возникло странное чувство, хотя и в полной мере мною не осознаваемое. Но не осознавалось оно лишь до того момента, пока я не увидел, как дон Хенаро поплыл по полу.

Плавание это было вполне в стиле всех прочих странных и непостижимых действий, которые дон Хенаро совершал у меня на глазах. В этот раз он начал с того, что улегся на пол лицом вниз. Сперва он хохотал, причем до того самозабвенно, что тело его дергалось, словно в судорогах, потом он принялся дрыгать ногами и, наконец, движения его ног сделались согласованными и к ним подключились гребковые движения рук, после чего дон Хенаро заскользил по полу, словно лежал на доске с колесиками из шарикоподшипников. Несколько раз он менял направление, лавируя между мной и доном Хуаном на площадке перед домом. Это было уже не первое клоунское представление, которое разыгрывал в моем присутствии дон Хенаро. После каждого такого случая дон Хуан утверждал, что я был на грани «*видения*». То, что мне так и не удавалось «*видеть*», было якобы следствием моих попыток объяснить каждое действие дон Хенаро с рациональных позиций. В этот раз я был начеку, и увидев, что он поплыл, не стал пытаться найти объяснение этому, а просто стоял и смотрел. Но избежать состояния полной ошарашенности мне все же не удалось. Он самым натуральным образом скользил на животе и груди, как на санках по льду. Мои глаза начали сходить к переносице, и появилось нехорошее предчувствие. Я был убежден: если удастся не скатиться к попыткам рационально объяснить происходящее, я непременно «*уввижу*». Эта уверенность наполнила меня сильнейшей тревогой. Предчувствие переросло в нервное ожидание, и в какой-то миг я вновь очутился в исходной точке. Я обнаружил, что вновь цепляюсь за какие-то соображения рационального характера.

Должно быть, дон Хуан все это время за мной наблюдал. Он неожиданно хлопнул меня по спине. Я автоматически повернул голову в его сторону и на мгновение потерял из виду дон Хенаро. Когда я снова на него взглянул, он стоял совсем рядом, слегка склонив голову и почти положив подбородок на мое правое плечо. Я на секунду остолбенел, а потом отскочил в сторону. Дон Хенаро соорудил уморительную рожу, изображавшую

изумление по поводу моей запоздалой реакции. Я не смог удержаться от смеха и забился в припадке истерического хохота. Однако я осознал, что смех мой несколько необычен. Тело встряхивали судорожные нервные спазмы, исходившие откуда-то из центра живота. Дон Хенаро дотронулся до моего живота ладонью, и волнообразные спазмы прекратились.

– Ах, наш малютка Карлос так впечатлителен! – воскликнул он тоном светской дамы, склонной по каждому поводу хлопаться в обморок.

А потом добавил, пародируя наставления дона Хуана:

– Разве тебе не известно, что воин никогда не смеется таким образом?

Он изобразил дона Хуана настолько точно, что я захохотал еще сильнее.

Потом они вдвоем куда-то ушли и вернулись часа через два.

Они уселись со скрещенными ногами на площадке перед домом, не произнося ни слова. Казалось, они ужасно хотят спать и устали до потери сознания. Они долго сидели так неподвижно.

Чувствовалось, что тела их расслаблены и это сидение не доставляет им неудобства. Дон Хуан словно спал, слегка приоткрыв рот, но большие пальцы его сложенных на коленях рук непрерывно ритмично шевелились.

Я немного забеспокоился и на некоторое время принял позу ожидания. Но потом почувствовал успокаивающую самодостаточность. Должно быть, даже задремал. Разбудил меня смешок дона Хуана. Я открыл глаза. Оба они пристально на меня смотрели.

– Я чувствую, что если ты не поговоришь, то непременно и окончательно заснешь, – сказал дон Хуан со смехом.

– Боюсь, что да, – согласился я.

Дон Хенаро улегся на спину и принялся дрыгать ногами в воздухе. Я решил было, что он собрался выкинуть еще какой-либо из своих номеров, но он тут же вернулся в положение со скрещенными ногами.

– Я должен тебе сейчас кое о чем рассказать, – сообщил мне дон Хуан. – Назовем это маленьким кусочком удачи. Объемом, скажем, в один кубический сантиметр. Кубический сантиметр удачи. Он появляется время от времени перед носом каждого из нас, независимо от того, ведем мы жизнь воина или нет. Различие

между обычным человеком и воином состоит лишь в том, что воин знает о кубическом сантиметре удачи, и знает, что одна из задач воина – быть всегда наготове, всегда ждать. Поэтому когда кубический сантиметр удачи появляется в пределах его досягаемости, воин хватается его, так как ждал этого момента и готовился к нему, развивая необходимую быстроту и ловкость. Удача, везение, личная сила – не имеет значения, как мы это назовем, – штука занятная. Вернее, это даже не то чтобы какая-то штука, а скорее – некое положение вещей, что-то вроде такого маленького абстрактного хвостика, который возникает перед самым нашим носом и принимается призывно вилять, как бы приглашая его схватить. Но обычно мы слишком заняты делами, или слишком глубоко погружены в очень умные мысли, или попросту слишком тупы и ленивы для того, чтобы осознать: этот хвостик – хвостик удачи. Воин же все время собран и находится в состоянии полной готовности, у него внутри – словно сжатая пружина, и ум его всегда готов проявить максимум сообразительности, чтобы в мгновенье броске ухватить этот хвостик удачи.

– Как у тебя обстоят дела с собранностью? – спросил дон Хенаро.

– Полагаю, что нормально, – ответил я убежденно.

– А полагаешь ли ты, что сумеешь ухватить свою удачу за хвостик? – с выражением некоторого недоверия спросил дон Хуан.

– Мне кажется, все время только этим и занимаюсь.

– Я думаю, ты готов только к тому, что знаешь, заявил дон Хуан.

– Может быть, это – самообман, но у меня есть уверенность, что в последнее время я гораздо четче осознаю происходящее, чем когда бы то ни было в своей жизни, – сказал я.

Я действительно так думал.

Дон Хенаро одобрительно кивнул.

– М-да, – мягко произнес он, как бы беседуя с самим собой, – малютка Карлос и правда в порядке. И готов абсолютно ко всему. Я чувствовал, что они потешаются надо мной. Наверное, мое заявление о якобы присущей мне собранности вызвало у них раздражение.

– Я не хвастаюсь, – заверил я их.

Дон Хенаро поднял брови и раздул ноздри. Взглянув на мой блокнот, он сделал вид, что пишет.

– Думаю, Карлос очень собран. Собраннее, чем когда-либо, –

сказал дон Хуан, обращаясь к дону Хенаро.

– Может, даже слишком, – отозвался дон Хенаро.

– На него похоже, – заключил дон Хуан.

Я не знал, что можно вставить в их диалог, и потому молчал.

– Помнишь тот случай, когда я заглушил мотор твоей машины? – спросил дон Хуан.

Вопрос был задан резко и довольно неожиданно и вроде бы не имел никакого отношения к тому, о чем шла речь. Дон Хуан имел в виду случай, когда я не мог завести машину до тех пор, пока он не разрешил ей завестись.

Я заметил, что такое вряд ли забудешь.

– Но это было так, ерунда, – как бы между прочим сообщил дон Хуан. – Мелочь. Верно, Хенаро?

– Верно, – с безразличным видом подтвердил тот.

– Что ты хочешь сказать? – взвился я. – Да то, что ты тогда сделал, ни в какие рамки не укладывается. Это – нечто, выходящее за пределы моего понимания.

– Ну, это еще ни о чем не говорит, – парировал дон Хенаро.

Оба они громко засмеялись, а потом дон Хуан похлопал меня по спине.

– Хенаро способен на гораздо большее, чем просто заглушить двигатель твоего автомобиля, – продолжал он. – Верно, Хенаро?

– Верно, – ответил дон Хенаро, по-детски выпятив губы.

– На что именно? – спросил я, стараясь выглядеть спокойным.

– Хенаро может убрать всю твою машину целиком! – многозначительно воскликнул дон Хуан, а потом добавил в том же тоне: – верно, Хенаро?

– Верно! – рявкнул дон Хенаро самым громким голосом, какой мне доводилось слышать.

От неожиданности я вздрогнул. По телу пробежали три-четыре нервных спазма.

– Что ты имеешь в виду? Что значит «убрать всю мою машину целиком»?

– Хенаро, что это значит? – переспросил дон Хуан.

– Это значит, что я сяду в машину, заведу мотор и уеду, – совершенно серьезно ответил дон Хенаро.

Правда, его серьезный вид был довольно неубедительным.

– Хенаро, убери прочь его машину! – кривляясь, повелел дон Хуан.

– Сделано! – в тон ему ответил дон Хенаро, нахмурился и

посмотрел на меня.

Я заметил, что его брови, когда он нахмурился, вздрогнули, от чего в его пронзительном взгляде появилось что-то озорное.

– Ладно, – сказал дон Хуан. – Пошли, проверим.

– Да, – отозвался дон Хенаро, – Пошли, проверим.

Они очень медленно поднялись на ноги. Я на мгновение растерялся, не зная, что делать, но дон Хуан сделал мне знак встать и идти за ними.

Мы начали подниматься на небольшой холм перед самым домом дона Хуана. Они шли по бокам, дон Хуан – справа, дон Хенаро – слева, и метра на полтора-два впереди меня.

– Поглядим, как там поживает машина, – сказал дон Хенаро.

Дон Хуан сделал вид, что держит в руках клубок, и принялся наматывать на этот клубок невидимую нить. Дон Хенаро сделал то же самое и повторил:

– Посмотрим, как там поживает машина.

Они шли, слегка подпрыгивая, более широкими, чем обычно, шагами. Руками они при этом совершали такие движения, словно отмахивались и отбивались от каких-то невидимых предметов. Я никогда не видел, чтобы дон Хуан таким образом кривлялся. Я чувствовал даже своего рода смущение, глядя на него.

Когда мы поднялись на вершину холма, я глянул вниз, туда, где метрах в сорока от нас должна была стоять машина. Внутри у меня все оборвалось. Машины не было! Я сбежал с холма. Машины нигде не было видно. Я был полностью сбит с толку.

Приехав рано утром, я поставил машину на этом самом месте. А полчаса назад приходил сюда, чтобы взять чистую пачку писчей бумаги. Я подумал, не оставить ли мне открытыми окна, потому что было очень жарко, но решил не делать этого из-за обилия насекомых, и оставил машину запертой, как обычно.

Я еще раз осмотрел все вокруг. Я не мог поверить в то, что моей машины нет. Я подошел к самому краю свободной от чаппарала площадки. Дон Хуан и дон Хенаро ходили вслед за мной и в точности повторяли каждое мое движение, пристально вглядываясь вдаль, словно высматривая притаившуюся в кустах машину. На меня вдруг нахлынул короткий приступ эйфории, сменившийся чувством разлагающего раздражения. Они, похоже, заметили это и принялись ходить вокруг меня, делая руками такие движения, словно месили тесто.

– Слушай, Хенаро, что же все-таки могло случиться с автомобилем? – кротко спросил дон Хуан.

– Как что? Я его угнал! – сказал дон Хенаро и с поразительным сходством изобразил движения человека, который переключает скорости и крутит руль.

Он согнул ноги, как будто сидел на сидении, и оставался в этом положении несколько секунд, удерживая его, очевидно, только с помощью мускулатуры ног. Потом он перенес вес тела на правую ногу, а левую вытянул, как бы нажимая на педаль газа. Губами он издал звук работающего мотора и в довершение изобразил, что наткнулся на выбоину и подпрыгнул на сидении, не отрывая рук от руля.

Пантомима дона Хенаро в совершенстве изображала повадки незадачливого водителя-дилетанта и выглядела изумительно. Дон Хуан хохотал, пока не начал задыхаться. Я тоже хотел было присоединиться к их веселью, но не тут-то было. Я не мог расслабиться. Мне было не по себе от ощущения нависшей надо мной неведомой угрозы. Меня охватило совершенно беспрецедентное беспокойство. Я почувствовал, что завожусь, и принялся со злостью пинать мелкие камни. Закончилось это тем, что я окончательно взбесился и начал швырять камни в кусты в дикой неконтролируемой и неопишуемой ярости. Ощущение было, словно бешенство пришло извне, окутало меня, а затем проникло внутрь моего существа. Потом раздражение исчезло так же внезапно, как появилось. Я глубоко вздохнул. Стало легче. Я не решался взглянуть на дону Хуана. Буйное проявление приступа гнева смутило меня, но в то же время мне было смешно. Дон Хуан подошел ко мне и похлопал по спине. Дон Хенаро обнял меня за плечи и сказал:

– Нормально, нормально! Ну, чего же ты остановился? Теперь самое время заехать кулаком себе в нос, так, чтоб кровь пошла. Потом откроешь рот и булыжником вышибешь все зубы. Вот это кайф! А если и это не поможет, положишь яйца на камень, а вторым зарядишь по ним сверху!

Дон Хуан хихикнул. Я сказал, что вел себя плохо, осознал и стыжусь. Я сообщил им, что в меня словно что-то вселилось, но я не знаю, что. Дон Хуан заявил, что мне отлично известно, в чем дело, но я делаю вид, что ничего не знаю. И взбесился я именно от этого притворства.

Дон Хенаро сделался вдруг каким-то очень хорошим и ласково похлопал меня по спине.

– Это бывает с каждым из нас, – сказал дон Хуан.

– Что ты имеешь в виду, дон Хуан? – спросил дон Хенаро, пародируя мою манеру задавать вопросы.

Дон Хуан начал с важным видом изрекать какую-то белиберду типа:

– Когда мир переворачивается вверх ногами, мы находимся в нормальном положении, но когда мир приобретает нормальное положение, мы становимся с ног на голову. И в то же время, когда и мы, и мир находимся в нормальном положении, нам кажется, что с ног на голову встало вообще все...

Дон Хуан говорил и говорил, неся какую-то околесицу, а дон Хенаро судорожно писал воображаемой ручкой в воображаемом блокноте, раздув ноздри и выпучив глаза, неподвижный взгляд которых был неотрывно прикован к лицу дона Хуана. Дон Хенаро изображал мои попытки писать, не глядя в блокнот. Я делал это, чтобы не нарушать естественного хода беседы. Пародистом, нужно признать, он был гениальным.

Неожиданно мне стало хорошо и легко. Я был почти счастлив. На миг я отпустил себя и рассмеялся. И тут же на меня накатила новая волна тревоги, недоумения и разложения. Я подумал, что все это просто невозможно. В самом деле, ситуация казалась совершенно непостижимой с точки зрения здравого смысла и логического мышления, с помощью которого я привык судить о мире. Но объективность моего восприятия вынуждала признать: машина исчезла. Естественно, как и всякий раз, когда дон Хуан сталкивал меня нос с носом с непостижимым, в голову пришла мысль, что меня попросту водят за нос при помощи самых обычных человеческих средств. Так было всегда – стоило моему сознанию столкнуться с каким-либо стрессовым фактором подобного рода, как оно неизменно и произвольно хваталось за одни и те же логические построения.

Я принялся подсчитывать, сколько помощников понадобилось бы дону Хуану и дону Хенаро для того, чтобы поднять мою машину и на руках унести куда-нибудь с глаз долой. Я был абсолютно уверен том, что запирает двери. Машина стояла на ручном тормозе. Сцепление было выключено, а рулевое колесо – заблокировано. Так что сдвинуть машину можно было, только оторвав колеса от

земли. Для этого требовалось довольно много работников. Я был уверен, что дону Хуану и дону Хенаро не удалось бы собрать такое количество помощников в одном месте сразу. Оставалась еще одна версия: они подговорили кого-то открыть машину, замкнуть зажигание и угнать ее. Но для осуществления этого требовалась довольно высокая квалификация, которой не могло быть ни у кого из числа их знакомых. Таким образом, само собой напрашивалось единственное правдоподобное объяснение: они меня гипнотизируют. Движения, которые они все время совершали, были для меня настолько новыми и выглядели так подозрительно, что это вывело меня на новый виток соображений рационального характера. Если они меня гипнотизируют, то состояние моего сознания должно было измениться. Из опыта я знал, что состояния измененного сознания характеризуются разрушением связности мышления и неспособностью оценки временных интервалов. Ни в одном из состояний необычной реальности, которые я испытывал ранее, события никогда не следовали друг за другом связно, а наоборот, сменялись самым непредвиденным образом. Например, я мог смотреть на гору, а в следующий осознаваемый миг – на долину, к которой стоял спиной. Когда и как я повернулся к ней лицом, я не фиксировал и вспомнить был не в состоянии. Я решил, что если и сейчас происходит нечто подобное, то происшествие с машиной легко объяснимо. Поэтому единственное, что можно сделать, – это внимательно следить за происходящим, с предельной тщательностью фиксируя каждую деталь.

– Где мой автомобиль? – спросил я, обращаясь к ним обоим.

– Хенаро, где его автомобиль? – с исключительно серьезным видом переадресовал вопрос дон Хуан.

Дон Хенаро начал переворачивать мелкие булыжники и внимательно разглядывать то, что было под ними. Он лихорадочно обшаривал всю площадку, на которой я оставил машину. Он перевернул все камни до единого. Время от времени он изображал раздражение и злобно швырял очередной камень в кусты.

Дон Хуан был в восторге. Он посмеивался, ухмылялся и даже вроде бы забыл о моем присутствии.

Дон Хенаро с притворным негодованием запустил в кусты очередной камень. Остался только один камень, который он не перевернул – единственный относительно крупный валун на всей площадке. Дон Хенаро, пыхтя и сопя, принялся его

переворачивать. Но камень был слишком велик и глубоко врос в землю. Дон Хенаро старался изо всех сил, но тщетно. В конце концов он сел на камень и, отливаясь потом, попросил дон Хуана помочь.

Дон Хуан повернулся ко мне и с лучезарной улыбкой предложил:

– Ты бы пошел, помог Хенаро, а?

– А что он делает?

– Как что? Он ищет твой автомобиль! – ответил дон Хуан, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся.

– О, Боже! Автомобиль? Под камнем?

– О, Боже! А почему бы и нет? – отозвался дон Хенаро и они оба разразились неудержимым хохотом.

Камень не поддавался. Дон Хуан предложил сходить к дому и поискать какую-нибудь толстую жердь, которая могла бы послужить рычагом.

По пути к дому я заявил, что они занимаются каким-то абсурдным делом, и что то, что они со мной делают, чем бы оно ни было – совершенно ни к чему.

Дон Хенаро устался на меня.

С предельно серьезным выражением лица дон Хуан сообщил:

– Хенаро у нас – педант. Он очень тщателен и дотошен. Совсем как ты. Ведь ты же сам говорил, что во всем любишь доскональность. Вот он не может ни одного камня оставить не перевернутым.

Дон Хенаро сказал, что ему в самом деле очень хочется быть на меня похожим, и тут дон Хуан попал в точку. Дон Хенаро взглянул на меня, безумно сверкнув глазами и раздув ноздри.

Дон Хуан хлопнул в ладоши и швырнул на землю шляпу. После долгих поисков среди разного хлама, валявшегося вокруг дома, дон Хенаро нашел длинное толстое бревно – кусок балки, поддерживавшей когда-то крышу дома. Он взвалил бревно на плечо, и мы отправились обратно – искать машину.

Когда мы поднимались на холм, меня осенило: нужно увидеть машину раньше, чем ее увидят они! Я рванул к вершине, но, взглянув вниз, обнаружил, что машина под холмом все равно отсутствует.

Дон Хуан и дон Хенаро, очевидно, поняли, что у меня на уме.

Когда я припустил на холм, они с безумным хохотом ринулись следом за мной.

Спустившись с холма, они немедленно принялись за работу. Я некоторое время за ними наблюдал. Их действия были воистину непостижимы. Они не просто делали вид, что работают, они самым настоящим образом трудились в поте лица, стараясь перевернуть валун, чтобы взглянуть, не прячется ли под ним злосчастный автомобиль! Я не выдержал и присоединился к ним. Они пыхтели, сопели и кричали, а дон Хенаро время от времени взывал койотом. Они обливались потом. Я обратил внимание на их громадную физическую силу. По сравнению с ними я выглядел хлипким юношей.

В скором времени я уже обливался потом так же, как и они.

Наконец, валун поддался и откатился в сторону. Дон Хенаро со сводящей с ума тщательностью обследовал каждый квадратный сантиметр открывшейся под валуном поверхности, что-то там поковырял и объявил:

– Нет. Автомобиль отсутствует.

От хохота они согнулись пополам, а дон Хуан не выдержал и рухнул на землю. Было похоже, что истерический смех сотрясает его тело самыми настоящими и довольно болезненными судорогами. Я нервно хихикнул.

– Итак, куда мы теперь направимся? – спросил дон Хенаро после длительной передышки.

Дон Хуан кивком головы указал направление.

– Куда мы идем? – спросил я.

– Как куда? Автомобиль твой искать! – без тени улыбки ответил дон Хуан.

Они снова встали по бокам и повели меня в кусты. Пройдя всего лишь несколько метров, дон Хенаро знаком велел нам остановиться. Он на цыпочках подкрался к большому густому кусту, раздвинул ветки и заглянул внутрь, а потом сообщил, что машины там нет.

Мы прошли еще немного, и снова дон Хенаро подал нам знак застыть. Он изогнул спину, вытянув над головой руки с согнутыми наподобие когтей пальцами. Тело его приняло форму латинской буквы « S ». Вдруг он прыгнул головой вперед и вцепился руками в длинную ветку с сухими листьями, лежавшую на земле. Потом он аккуратно поднял ее и обследовал место, на котором она лежала, и снова отметил, что автомобиль отсутствует.

Мы углублялись все дальше и дальше в чаппараль. Дон Хенаро то

и дело заглядывал в кусты, карабкался на низкие корявые деревья и высматривал в их листве машину, а потом громогласно заявлял, что ее нигде нет.

Я же все это время старался как можно четче фиксировать в уме все что видел и чего касался. Последовательность и упорядоченность восприятия мира ничем не отличались от нормальных. Я дотрагивался до камней, кустов, деревьев. Я изменял фокусировку глаз, то рассматривая ближний план, то переводя взгляд на дальний. Я по очереди закрывал и открывал глаза, проводя эксперименты по их раздельной фокусировке. Но никакой специфики, свойственной состояниям необычной реальности, не обнаружилось. По всем признакам я шагал сквозь чаппараль, как шагал десятки раз до этого, будучи в совершенно нормальном состоянии.

Потом дон Хенаро вдруг улегся на живот и велел нам сделать то же самое. Подбородок он положил на сложенные в замок кисти рук. Дон Хуан – тоже. Они внимательно разглядывали крохотные холмики на поверхности земли. Вдруг дон Хенаро быстрым взмахом руки что-то поймал. Он знаком подозвал нас поближе. Потом начал медленно разжимать кулак. Когда ладонь до половины раскрылась, оттуда вылетело что-то довольно крупное и черное и быстро скрылось. Это произошло настолько быстро, и это черное было таким большим, что я отскочил и едва не свалился. Дон Хуан поддержал меня.

– Это был не автомобиль, – с сожалением констатировал дон Хенаро. – А была всего лишь задрипанная муха. Простите! А жаль...

Потом они принялись меня изучать. Они стояли прямо передо мной и довольно долго разглядывали меня уголками глаз.

– Это была муха, да? – спросил у меня дон Хенаро.

– Я думаю – да, – ответил я.

– А ты не думай, ты скажи, что видел, – приказал дон Хуан.

– Я видел что-то величиной с ворону. Оно вылетело у него из кулака, – я кивнул на дону Хенаро.

Я только говорил о том, что воспринял и вовсе не собирался шутить. Но им, похоже, показалось, что ничего более смешного в тот день не произносилось. Они хохотали, корчились и подпрыгивали, пока не начали задыхаться.

– Я думаю, на сегодня с Карлоса достаточно, произнес дон Хуан

охрипшим от смеха голосом.

Дон Хенаро сказал, что почти нашел машину, что он чувствует: становится все горячее, горячее... Дон Хуан предупредил, что мы забрались в очень уж пересеченную местность и что найти машину прямо здесь было бы весьма нежелательно. Дон Хенаро снял шляпу привязал ней за шейный шнурок длинную веревочку, которую достал из сумки. Свой вязаный шерстяной пояс он прикрепил желтой кисточке на полях.

– Змея делаю... сообщил он.

Я следил за его действиями, зная наверняка, что он шутит. Я всегда считал себя крупным специалистом по части воздушных змеев. В детстве я изготовил массу змеев самых разнообразных конструкций, вплоть до самых замысловатых, поэтому видел, что поля шляпы слишком мягкие и не смогут сопротивляться потоку, тулья – слишком высока, – будут образовываться завихрения. Так что змей, сделанный из шляпы, не полетит ни за что.

Думаешь, не полетит? – поинтересовался дон Хуан.

Знаю – не полетит.

Дон Хенаро оставил наши реплики без внимания. Он как раз заканчивал цеплять к своему шляпному змею длинную бечевку. День стоял ветреный. Дон Хенаро побежал вниз по склону холма. Дон Хуан держал шляпу. Потом веревочка натянулась, и это чертово сооружение взмыло в небо.

– Смотри! Смотри на змея! – завопил дон Хенаро.

Змей пару раз нырнул, но продолжал держаться в воздухе.

– Не отрывай взгляд от змея, – твердо приказал дон Хуан.

У меня закружилась голова. Глядя на змея, я вспомнил детство, и себя, и змеев, которых запускал среди холмов в своем родном городке.

На какое-то мгновение воспоминания затопили меня, и я утратил чувство времени.

Вдруг я услышал, как дон Хенаро что-то кричит, потом увидел, что змей, несколько раз подпрыгнув, упал туда, где стояла моя машина. Все произошло так быстро, что я не понял толком, что же все-таки случилось. У меня кружилась голова. Сознание судорожно пыталось справиться с дилеммой: я видел то ли как шляпный змей дон Хенаро превратился в мою машину, то ли как дон Хенаро шляпным змеем показал мне место, на котором она стояла. И дело было не в том, что и тот, и другой варианты были

одинаково немислимы. Мое сознание из всех сил цеплялось за эту проблему, чтобы как-то сохранить исходное равновесное состояние.

— Не сопротивляйся, — услышал я голос дон Хуана.

Я чувствовал, что сознание вот-вот куда-то съедет, и из глубин моего существа выплывет нечто. Мысли и образы пульсировали неуправляемыми волнами, словно я находился на грани сна. Я ошарашено уставился на автомобиль. Он стоял на ровной каменистой площадке метрах в ста от меня. Все это выглядело так, словно кто-то только что взял его и аккуратноенько туда поставил. Я подбежал к машине и принялся внимательно ее осматривать.

— Вот черт! Да не пялся ты на свою тачку! *Останови мир!*

Потом, как во сне, я услышал его вопль:

— Шляпа! Шляпа Хенаро!

Я взглянул на них. Они смотрели прямо на меня. Глаза их сверкали и взгляд проникал куда-то внутрь моего существа. Резко разболелась голова. Заболел живот. Мне сделалось плохо.

Дон Хуан и дон Хенаро разглядывали меня с любопытством. Я сел на землю рядом с машиной, а потом, совершенно автоматически, отпер дверцу и впустил на заднее сиденье дон Хенаро. Дон Хуан уселся рядом с ним, вместо того, чтобы занять свое обычное место возле меня.

Как в тумане я поехал к дому дон Хуана. Я был сам не свой. Живот болел, тошнило ужасно, и все мое трезвомыслие от этого напрочь куда-то улетучилось. Я вел машину чисто механически. Я слышал, как дон Хуан и дон Хенаро по-детски веселятся на заднем сидении. Потом услышал голос дон Хуана:

— Карлос, мы уже подъезжаем, да?

Тут я начал осознавать дорогу. Мы были возле самого дома.

— Уже почти приехали, — промямлил я.

Они взвыли от хохота. Они колотили в ладоши и хлопали себя по ляжкам.

Когда мы приехали, я автоматически выпрыгнул из машины и отворил перед ними дверь. Первым из машины степенно выбрался дон Хенаро. Он церемонно поздравил меня с тем, что назвал самой приятной и гладкой поездкой в его жизни. Дон Хуан сказал то же самое. Я не обращал внимания.

Я запер машину и, едва переставляя ноги, вполз в дом. Засыпая, я слышал раскатистый хохот обоих донов.

Глава 19. Мир останавливается

На следующий день, едва проснувшись, я принялся расспрашивать дона Хуана. Он рубил дрова за домом. Дона Хенаро нигде не было видно. Дон Хуан сказал, что говорить в общем-то не о чем. Я отметил, что мне удалось достичь отрешенности. Ведь когда дон Хенаро «плавал» по полу, я просто наблюдал за ним, не желая и не требуя никаких объяснений. Но такая моя сдержанность ни в малейшей степени не помогла мне понять, что же в действительности происходило. Потом, когда пропала машина, я автоматически включился в режим поиска логического объяснения. Но и это не помогло. Я сказал дону Хуану, что моя настойчивость в поиске объяснений не является чем-то произвольно мною выдуманным ради усложнения его и моей собственной жизни, но есть некая потребность, сидящая глубоко в недрах моей натуры и потому пересиливающая любые иные побуждения.

– Это – как болезнь, – сказал я.

– Болезней не бывает. Бывает лишь потворство своей слабости, – спокойно ответил дон Хуан. – И, пытаясь все подряд объяснить, ты всего лишь потакаешь себе. Объяснения тебе больше не нужны. Я настаивал, утверждая, что могу адекватно функционировать только при наличии условий упорядоченности и понимания. Я напомнил ему о тех глубочайших изменениях, которые мне удалось произвести в своем характере за годы нашего с ним общения, равно как и о том, что изменения эти стали возможны исключительно благодаря тому, что мне удавалось находить объяснения, доказывающие их необходимость.

Дон Хуан мягко засмеялся. Потом долго молчал.

– Ты очень умен, – произнес он наконец. – И каждый раз находишь способ возвратиться к исходной точке. Но теперь этому настал конец. Тебе некуда возвращаться. И я больше ничего не намерен тебе объяснять. То, что Хенаро сделал с тобой вчера, было сделано с твоим телом, так что позволь телу самому решать, что есть что. Дон Хуан говорил по-дружески, но в тоне его сквозила необычная

отрешенность, и это заставило меня ощутить всепроникающее одиночество. Я сказал дон Хуану, что чувствую печаль. Он улыбнулся, слегка похлопал меня по плечу и мягко произнес: – Мы с тобой – существа, уделом которых является смерть. У нас больше нет времени на то, чтобы действовать так, как мы привыкли. Пришло время использовать *неделание*, которому я тебя обучил, и *остановить мир*.

Он еще раз похлопал меня по руке. Я ощутил дружелюбную непреклонность касания его ладони. Он словно подтверждал, что по-прежнему остается моим другом и заботится обо мне, но было в этом жесте и негибкое намерение воина.

– Помнишь, я говорил когда-то, что должен тобой заняться? Это было что-то вроде договора, который мы с тобой заключили. Я сделал все, что мог, и теперь наступил твой черед. Сегодня ты отправишься вон в те дружелюбные горы один.

И движением подбородка он указал на далекую горную цепь на юго-востоке.

Он сказал, что там мне предстоит оставаться до тех пор, пока мое тело не скажет «довольно». И тогда я должен вернуться в его дом. Дон Хуан слегка подтолкнул меня к машине, тем самым давая понять, что больше не собирается ни что-либо мне объяснять, ни откладывать выполнение этого решения.

– Что я должен делать в горах? – спросил я.

Он не ответил, а только покачал головой и произнес:

– Все. Слов больше не будет.

А потом указал пальцем на юго-восток и коротко сказал:

– Иди.

Мы много раз ездили по этим дорогам. Сначала – на юг, потом – на восток. Там, где заканчивалась грунтовая дорога, я оставил машину и по знакомой тропе поднялся на высокое плато. У меня не было ни малейшего понятия относительно того, что делать дальше. Я начал петлять в поисках места для отдыха. Вдруг я обратил внимание на маленький участок слева. Он отличался от остальной поверхности земли цветом. Видимо, химический состав верхнего слоя почвы там имел какую-то особенность. Я заметил его краем глаза, а когда посмотрел туда прямо, не обнаружил никаких отличий. Тогда я попытался «ощутить» его, как советовал дон Хуан.

Я остановился в паре метров от пятачка и простоял неподвижно

почти целый час. Мысли постепенно исчезали, и наконец внутренний разговор с самим собой полностью прекратился. Потом возникло раздражение. Оно исходило откуда-то из середины живота. Особенно остро оно ощущалось, когда я поворачивался лицом прямо к тому участку, который пытался почувствовать. Появилось ощущение какого-то отталкивания, я почувствовал, что нужно уйти. Я пошел, осматривая землю сведенными к переносице глазами. Через некоторое время я наткнулся на большой плоский камень. Я остановился перед ним. В нем вроде бы не было ничего особенного, но почему-то он казался мне привлекательным. Ни какого-либо цвета, ни свечения. Но он мне нравился. Телу было хорошо и удобно. Я присел на камень и немного отдохнул.

Я бродил по плоскогорью и окружающим горам весь день, а в сумерках вернулся к плоскому камню. Откуда-то я знал, что ночью буду на нем в полной безопасности.

На следующий день я зашел подальше в высокие горы на восток от плато. К вечеру я вышел на другое плато, еще более высокое, чем первое. Мне показалось, что я уже бывал в этих местах. Я осмотрелся, пытаюсь сориентироваться, но не узнал ни одной из окружавших меня вершин. Тщательно выбрав подходящее место, я присел отдохнуть на краю голой каменистой площадки. Я чувствовал себя очень спокойно, все внутри было заполнено приятным теплом. Я попытался вытряхнуть из тыквенной фляги немного еды, но там было пусто. Тогда я решил попить из второй фляги. Но вода оказалась затхлой; Ну что ж, делать нечего – придется возвращаться к дону Хуану. Я начал прикидывать, целесообразно ли отправляться в обратный путь прямо сейчас. Я улегся на живот и положил подбородок на руки. Было как-то неудобно. Я принялся крутиться и в конце концов оказался лежащим лицом на запад. Солнце клонилось к горизонту. Глаза устали. Я посмотрел на землю и заметил большого черного жука. Он выполз из-за камня, толкая перед собой шарик, вдвое превосходивший по размеру его самого. Я долго следил за жуком. Он игнорировал мое присутствие и упорно тащил свой груз через камни, корни, ямки, трещины, холмики. Насколько я понимал, жук вообще не осознавал моего присутствия. Эта мысль повлекла за собой целую цепочку соображений относительно различий мира жука и моего мира. Мы с жуком существовали в одном и том же

мире, но вполне очевидно, что мир для нас не одинаков. Я углубился в созерцание жука, восхищаясь огромной силой этого существа, позволявшей ему тащить свой груз по камням и трещинам.

Я наблюдал за жуком очень долго. А потом вдруг обратил внимание на безмолвие, царившее вокруг. Только ветер шелестел листьями чаппарала. Я взглянул вверх и, непроизвольно повернув голову налево, краем глаза заметил бледную тень, мелькавшую на камне в полутора метрах от меня. Сперва я не обратил на нее внимания, но потом до меня дошло, что тень была слева. Я еще резко обернулся и четко воспринял тень на камне. Я ощутил, как тень каким-то диковинным образом скользнула по камню вниз и впилась в землю, подобно тому, как впитывается в промокашку чернильная клякса. По спине пробежал холодок. В сознании мелькнула мысль: это – смерть, она наблюдает за мной и за жуком. Я поискал насекомое взглядом, но его нигде не было видно. Наверно, пополз туда, куда направлялся, и бросил свою ношу в норку. Я прижался щекой к гладкой поверхности камня. Жук вылез из глубокой трещины и замер в нескольких сантиметрах от моего лица. Некоторое время он, казалось, внимательно меня рассматривал. Я почувствовал, что жук осознал мое присутствие подобно тому, как я осознал присутствие своей смерти. По телу пробежала дрожь. Мы с жуком ничем друг от друга не отличаемся. Смерть, как тень, караулит за камнем и меня, и его. Я ощутил необычайный душевный подъем. Жук и я – мы стоим на одной доске! И ни один из нас не может быть лучше другого. Нас уравнивает смерть.

Меня охватила радость, и все это настолько ошеломляло, что я заплакал. Дон Хуан прав. Он прав во всем. Я живу в таинственном мире. И как любой другой, я – существо таинственное, и в то же время я – не важнее, чем жук. Тильной стороной кисти я вытер глаза и краем глаза заметил человека или что-то, по форме напоминавшее силуэт человека. Справа, метрах в сорока. Я сел и попытался рассмотреть, кто это. Но мешало золотисто-желтое сияние висевшего над самым горизонтом солнца. В этот миг послышался странный гул, похожий на далекое гудение реактивного самолета. По мере того, как я все полнее сосредотачивал свое внимание на этом звуке, он делался все громче и пронзительнее, и постепенно перешел в резкое

металлическое жужжание, а потом смягчился и стал странным и гипнотически мелодичным, похожим на вибрации электрического тока. В воображении возник образ двух сближавшихся заряженных сфер или двух трущихся друг о друга заряженных металлических кубов, которые замирают, когда стороны их точно совпадают, издавая при этом глухой звук. Я еще раз напрягся, пытаюсь разглядеть человека, который словно прятался от меня. Но увидел только что-то темное среди кустов. Я прикрыл глаза от солнца рукой и понял, что там никого не было, только игра света и тени в ветвях чаппарала.

Я отвел глаза и увидел койота. Он спокойно трусил по каменистому плато. До него было метров пятьдесят. Он бежал на юг, но потом остановился, повернулся и пошел ко мне. Я пару раз крикнул, надеясь его отпугнуть. Безрезультатно. Я забеспокоился. А вдруг он – бешеный? Койот приближался. Я даже подобрал несколько камней на случай, если он вздумает напасть. Когда койот был метрах в трех от меня, я заметил, что он нисколько не возбужден и даже наоборот – совершенно спокоен и ни капельки меня не боится. Он замедлил шаг и в полутора метрах от меня остановился. Мы молча смотрели друг на друга, а потом койот подошел еще ближе. Его карие глаза смотрели ясно и дружелюбно. Я сел на камень. Койот стоял совсем близко, почти касаясь меня. Мне никогда не доводилось видеть дикого койота так близко. Единственное, что пришло мне в этот момент в голову – с ним поговорить. Я заговорил так, как разговаривают со знакомой собакой. А потом мне показалось, что койот отвечает. Я даже был абсолютно уверен: койот что-то сказал. Я был в недоумении, но времени на то, чтобы разбираться, у меня не было, потому что койот «заговорил» опять. Он не произносил слова в том виде, как человек. Это было скорее «ощущением» того, что он говорит. А он на самом деле говорил, он сформулировал вполне определенную мысль и выразил ее в виде чего-то, весьма напоминающего законченную фразу. Выглядело это примерно следующим образом: – Ну что, как поживаешь, койотик? – спросил я.

Мне показалось, что я услышал ответ:

– Нормально. А ты?

Я оторопел. Койот повторил. Я от удивления вскочил на ноги. Койот не шевелился. Даже мой внезапный прыжок не произвел на него никакого впечатления, он по-прежнему дружелюбно смотрел

на меня ясными глазами. Потом он улегся на живот, склонил голову набок и спросил:

– Чего ты боишься?

Я опустился на камень и между нами состоялась беседа – самая невообразимая и странная, из всех, какие мне когда-либо доводилось вести. В конце он спросил:

– Что ты здесь делаешь?

Я ответил, что пришел в эти горы, чтобы *«остановить мир»*.

Койот сказал:

– Qua bueno!

Тут я осознал, что это – какой-то двуязычный койот.

Существительные и глаголы в его фразах были английскими, а союзы, междометия и некоторые другие части речи – испанскими. В голову пришло, что это – койот Чикано. Я засмеялся – уж очень абсурдной была вся ситуация в целом. Я хохотал все сильнее и довел себя почти до истерики. Вся тяжесть и несуразность происходящего вдруг разом обрушилась на меня, и разум мой сник. Койот встал на ноги. Глаза наши встретились. Я неподвижным взглядом смотрел ему прямо в глаза и чувствовал, что они словно притягивают меня. Вдруг койот засветился. От него исходило мягкое сияние. Словно в сознании всплыли события десятилетней давности, когда под действием пейота я наблюдал превращение обыкновенной собаки в дивное светящееся существо. Как будто койот пробудил во мне воспоминания, и образы прошлого возникли перед глазами и наложились на фигуру койота. Я смотрел на него и видел мерцающее текучее светящееся существо. Его свечение ослепляло. Я хотел прикрыть глаза руками, но не мог пошевелиться. Светящееся существо прикоснулось к чему-то во мне, и тело мое наполнилось неопишущим теплом. Я не мог пошевелить ни одной частью тела, но что-то не давало мне упасть.

Я не имею понятия, сколько прошло времени. И светящийся койот, и вершина холма, на которой я стоял, уже давно куда-то исчезли. Не было ни ощущений, ни мыслей. Все отключилось, и я свободно парил в бесконечности некоего неопределенного пространства. Вдруг я ощутил удар. Что-то охватило все мое тело и зажгло его. Тогда я осознал, что на меня падают лучи солнца. Я слабо различал далекие горы на западе. Солнце было уже над самым горизонтом. Я смотрел прямо на него и видел «линии мира». Я

действительно видел белые светящиеся линии, в невообразимом изобилии протянувшиеся вокруг во всех направлениях. Я подумал было, что это солнечный свет так рассеивается ресницами. Я моргнул и взглянул еще раз. Линии были очень устойчивы и непрерывны. Они лежали на всем и проходили сквозь все. Я повернулся, разглядывая новый мир. Картина линий устойчиво сохранялась, даже когда я не смотрел в сторону солнца.

В экстазе я стоял на вершине холма целую вечность. Может быть, объективно все событие продолжалось всего лишь несколько минут, в течение которых солнце опускалось к горизонту, но мне казалось, что прошла вечность. Из всего мира, в том числе из моего собственного тела, истекало тепло.

Я знал, что раскрыл тайну. Все так просто. Поток неведомых ранее чувств переполнил меня. Никогда в жизни не испытывал я такой эйфории, такой умиротворенности, такого всеохватывающего понимания. Но в то же время тайна, которую я постиг, была невыразимой, ее невозможно было облечь в слова. И даже в мысли. Это было знание, доступное лишь телу.

Потом я либо заснул, либо потерял сознание. Придя в себя, я обнаружил, что лежу на камнях. Мир был таким, каким я привык его видеть. Темнело. Я отправился к машине.

Я приехал к дому дон Хуана на следующее утро. Я спросил, где дон Хенаро, и дон Хуан ответил, что тот отправился куда-то недалеко по своим делам. Я сразу же рассказал дону Хуану о том, что со мной приключилось. Он слушал с неподдельным интересом, а когда я закончил, сказал:

— Ну что ж, ты просто *остановил мир*.

Мы немного помолчали, а потом дон Хуан сказал, что я должен поблагодарить дон Хенаро за помощь. Казалось, дон Хуан очень мною доволен, что было не совсем обычным. Он похлопывал меня по спине и улыбался.

— Но говорящий койот — это же непостижимо! — сказал я.

— А он и не был говорящим. Вы не разговаривали.

— Как не разговаривали? А что же тогда все это означает?

— Это означает, что впервые твое тело смогло понять. Но тебе не удалось осознать, что, прежде всего, это был не койот, и что он, разумеется, не говорил с тобой так, как разговариваем между собой мы.

— Но я видел — это был койот, и он действительно говорил, дон

Хуан!

– Говоришь ты. И делаешь это сейчас в своей обычной идиотской манере. После стольких лет мог бы соображать получше. Вчера ты *остановил мир*. И, может быть, даже *увидел*. Волшебное существо общалось с твоим телом, и тело понимало его язык, потому что мир разрушился.

– Мир был таким же, как сегодня.

– Нет. Сегодня койоты ничего тебе не рассказывают, и ты не *видишь* линий мира. Вчера это происходило потому, что просто нечто разрушилось в тебе.

– Что разрушилось во мне?

– Описание мира. Шаблон, который формируется в восприятии человека навязчивыми объяснениями людей. Видишь ли, нам объясняют с самого рождения: мир такой-то и такой-то. И у нас нет выбора. Мы вынуждены принять, что мир именно таков, каким его нам описывают.

Мы переглянулись.

– Вчера мир стал для тебя таким, каким его описывают маги, – продолжал он. – И там, в этом мире, живут говорящие койоты. И олени, и гремучие змеи, и деревья... Но я хочу, чтобы ты научился *видеть*. Наверно, ты уже понял, что *видение* появляется только тогда, когда тебе удастся проскользнуть в щель между двумя мирами – миром людей и миром магов. Сейчас ты увяз в этой щели, в некой промежуточной точке. Вчера ты поверил в то, что койот с тобой говорил. Точно так же в это поверил бы маг. Но *видящий* знает: поверить в это – значит увязнуть в магическом мире. Но не поверить – значить увязнуть в мире обычных людей.

– Ты хочешь сказать, что ни мир магов, ни мир обычных людей не являются реальными?

– Они реальны. Они могут на тебя воздействовать. Вчера, например, ты вполне мог спросить того койота о чем угодно, и он обязан был тебе отвечать. Единственное, что грустно, – койоты ненадежны. Они все – жулики. Видно, такова твоя судьба – не иметь надежного друга среди животных.

Дон Хуан объяснил, что койот теперь станет моим приятелем на всю жизнь и что в мире магов иметь койота в качестве друга и помощника крайне нежелательно, потому что на него нельзя ни в чем положиться.

Он сказал, что было бы идеально, если бы я вчера беседовал с

гремучей змеей. Змеи – самые надежные друзья.

– На твоём месте, – сказал он, – я бы ни за что не доверился койоту. Но ты – не такой, как я. Ты даже можешь стать койотным магом.

– Койотный маг – это что такое?

– Тот, кто извлекает много полезного из общения со своими братьями-койотами.

Я хотел задать ему несколько вопросов, но он жестом прервал меня.

– Ты видел линии мира. Ты видел светящееся существо. Ты уже почти готов к встрече с союзником. И ты, разумеется, знаешь, что именно союзник прятался в кустах, когда тебе казалось, что там прячется человек. Ты слышал звук, похожий на рев самолета. Союзник ждет тебя на краю равнины. Туда я отведу тебя сам. Мы долго молчали. Дон Хуан сидел, сложив руки на животе и едва заметно шевеля большими пальцами.

– Хенаро тоже должен будет пойти с нами туда, – неожиданно произнес он. – Хенаро помог тебе *остановить мир*.

И дон Хуан пронзительно на меня взглянул.

– И еще кое-что я тебе скажу, – он засмеялся. – Сейчас это имеет значение. В тот день Хенаро никуда не прятал твою машину. В обычном человеческом мире автомобиль все время стоял там, где ты его оставил. Хенаро заставил тебя воспринимать мир так, как воспринимают маги. А в магическом мире места для твоего автомобиля не было. Хенаро хотел разбить твою определенность, то есть смягчить жесткую фиксированность твоего восприятия. Целью всех его выходов было дать твоему телу возможность почувствовать абсурдность попыток понять абсолютно все. А когда он запустил своего шляпного змея, ты уже почти *видел*. Ты нашел свою машину, находясь одновременно в двух мирах. А хохотали мы с ним так, что чуть не полопались, из-за того, что ты на полном серьёзе думал, что везешь нас к дому с того места, где, как тебе казалось, нашел свой автомобиль.

– Но как ему удалось сместить меня в область магического восприятия мира?

– Я ему помогал. И он, и я очень хорошо знаем мир магов. А тому, кто его знает, достаточно лишь задействовать дополнительное кольцо силы, которым владеют маги. Я уже говорил тебе о нем. Для Хенаро это – раз плюнуть. А после он зацепил тебя

переворачиванием камней, чтобы отвлечь твои мысли и дать телу возможность *увидеть*.

Я сказал дону Хуану, что события последних трех дней необратимо разрушили мое прежнее мировоззрение. Никогда за все десять лет обучения психика моя не подвергалась таким глубоким сдвигам, даже когда я принимал психотропные растения. – Растения силы – только средства, – сказал дон Хуан. – Значение имеет только одно – тело должно осознать, что оно способно *видеть*. Лишь в этом случае человеку становится ясно, что мир, на который он смотрит ежедневно, – не мир вовсе, а всего лишь описание. Это – именно то, что я старался тебе показать. К сожалению, до встречи с союзником у тебя осталось слишком мало времени. Очень скоро союзник встретит тебя.

– А что, это так обязательно?

– Иначе невозможно. Чтобы *увидеть*, нужно научиться смотреть на мир так, как смотрят маги. Для этого необходимо вызвать союзника. А коль скоро вызов брошен, союзник явится непременно.

– Слушай, а может, обойдемся как-нибудь без союзника?

– Не обойдемся. Чтобы *увидеть*, нужно научиться смотреть на мир каким-нибудь иным способом, а другого способа, кроме магического, я не знаю.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 20. Путешествие в Икстлан

Дон Хенаро вернулся около полудня. По настоянию дона Хуана мы все втроем сели в машину и отправились к горам, в которых я был накануне. Мы прошли по той же тропе, но не остановились на высоком плато, как сделал я, а двинулись дальше в горы. Мы поднимались все выше и выше, пока наконец не достигли одной из вершин первой, низкой цепи гор. Потом мы начали спускаться в долину.

На вершине высокого холма мы остановились отдохнуть. Дон Хенаро выбрал место для привала, и я автоматически уселся лицом к ним. Дон Хуан сел справа от меня, дон Хенаро – слева. Таким треугольником мы располагались всегда.

После короткого весеннего ливня чаппараль изумительно поблескивал свежей зеленью.

– Хенаро собирается кое-что рассказать тебе, – неожиданно сказал мне дон Хуан. – Он расскажет тебе о том, как впервые встретился со своим союзником. А, Хенаро?

В тоне, которым это было сказано, звучала просьба. Дон Хенаро посмотрел на меня и сложил губы трубочкой. Он завернул язык и принялся открывать и закрывать рот, словно у него были спазмы. Дон Хуан засмеялся. Я не мог взять в толк, что это означает.

– Что он делает? – спросил я у дона Хуана.

– Он – курица, – ответил тот.

– Курица?

– Смотри на его рот. Это куриная задница, сейчас яйцо вылезет.

Спазматические движения рта дона Хенаро усиливались. Он приоткрывался, словно спазмы расширяли круглое отверстие. В горле у дона Хенаро захрипело и забулькало, он скрестил руки на груди, спрятав под мышками кисти, и довольно беспардонно сплюнул мокроту.

– Черт возьми! Это, оказывается, было не яйцо, – сказал он с озабоченным видом.

Его поза и выражение лица были так комичны, что я не мог удержаться от смеха.

– Теперь, после того, как Хенаро чуть не снес яйцо, он, возможно, расскажет о своем первом свидании с союзником, – настаивал дон Хуан.

– Возможно, расскажет, – равнодушно отозвался дон Хенаро. Я принялся упрашивать его рассказать.

Он встал, потянулся, хрустнув суставами, снова сел и заговорил:

– Когда я впервые заполучил союзника, я был очень молод. Я помню, что была вторая половина дня. С рассвета я работал в поле, и в тот момент возвращался домой. Вдруг из-за куста вышел союзник и преградил мне путь. Он поджидал меня специально для того, чтобы предложить побороться. Я начал было поворачиваться, чтобы уйти, но тут мне пришло в голову, что я достаточно силен и вполне могу завладеть им.

Однако было все равно страшно. По спине пробежали мурашки, шея одеревенела. Кстати, это признак того, что тело готово к борьбе. Я имею в виду шею, которая затвердевает.

Дон Хенаро расстегнул рубашку и показал мне спину. Он напряг мышцы спины и рук. Такой великолепной мускулатуры я никогда не видел. Казалось, что воспоминание о встрече с союзником привело в тонус каждую мышцу торса дона Хенаро.

– В такой ситуации всегда необходимо закрыть рот, – продолжал он.

Потом он спросил у дона Хуана:

– Правда?

– Да, – ответил тот. – Когда хватаешь союзника, встряска бывает такой сильной, что можно откусить себе язык или вышибить зубы. Спина должна быть прямой, стоять нужно прочно, буквально вцепившись ступнями в землю.

Дон Хенаро встал и показал правильную стойку: колени слегка согнуты, руки с немного скрюченными пальцами свободно висят по бокам. Казалось, он полностью расслабился, и в то же время стоял он очень устойчиво. Пробыв в такой позе пару секунд, он мощным прыжком неожиданно бросился вперед, словно к пяткам его были приделаны пружины. Движение его было настолько внезапным, что я опрокинулся на спину. Однако в падении я успел заметить, или даже, скорее, почувствовать, что дон Хенаро вроде бы схватил какого-то человека либо нечто, по форме напоминавшее человеческое тело.

Я поднялся и сел. Тело дона Хенаро все еще сохраняло

чудовищное напряжение. Потом он расслабился и опустился на свое место.

– Карлос только что видел твоего союзника, – как бы между прочим отметил дон Хуан, – но упал, потому что все еще слаб.

– Правда, видел? – с наигранным простодушием спросил дон Хенаро и раздул ноздри.

Дон Хуан заверил его, что я действительно «видел» союзника.

Дон Хенаро еще раз прыгнул вперед с такой силой, что я опрокинулся набок. Было совершенно непонятно, каким образом он умудрился совершить свой прыжок из положения сидя.

Они оба рассмеялись. Смех дон Хенаро перешел в вой, неотличимый от завывания койота.

– Ты не думай, что тебе придется прыгать так, как прыгает Хенаро.

Ты сможешь схватить союзника и без этого, – предупредил дон Хуан. – Хенаро способен на такие прыжки потому, что ему союзник уже помогает. Тебе же потребуются только прочно стоять на ногах, чтобы выдержать столкновение. Нужно будет принять позу, в которой стоял Хенаро, прежде чем прыгнул первый раз. Если потом понадобится прыгнуть, чтобы схватить союзника, – прыгай как сумеешь.

– Но сперва пусть поцелует крестик, – вставил дон Хенаро.

Дон Хуан с притворной суровостью сообщил, что я не ношу никаких крестиков.

– Тогда блокнот, – не унимался дон Хенаро, – Пусть сделает что-нибудь ритуальное со своим блокнотом. Засунет его в какое-нибудь место... Или нет, пусть блокнотом хорошенько отлупит союзника!

– Черт побери! – изумленно воскликнул дон Хуан. – Я как-то даже об этом не подумал! Наверняка еще никому никогда не приходило в голову повергнуть союзника при помощи блокнота. Да-а, блокнотами союзников еще не били... Карлос будет первопроходцем!

Когда дон Хуан прекратил, наконец, хохотать, а дон Хенаро – завывать, настроение у всех нас было прекрасное.

– А что случилось, когда ты схватил своего союзника, дон Хенаро? – спросил я.

– Меня мощно встряхнуло, – после некоторого колебания ответил он.

Казалось, он пытается привести в порядок мысли.

– Я и представить себе не мог, что такое бывает, – продолжал дон Хенаро. – Это было такое, что-то такое... Я даже не могу выразить – какое. Я схватил союзника. Он начал вращаться и закрутил меня. Но я его не отпускал. Мы неслись сквозь пространство, вращаясь с такой скоростью и силой, что я перестал вообще что-либо видеть. Вдруг я почувствовал, что снова стою на твердой земле. Я осмотрел себя. Союзник меня не убил. Я был цел. Я был самим собой! Я понял, что победил, и что теперь у меня есть собственный союзник! Я запрыгал от радости. Какое это было чувство! Потом я осмотрелся, пытаюсь сообразить, где я. Все вокруг было мне незнакомо. Я подумал, что союзник, должно быть, унес меня по воздуху далеко от того места, где я его схватил. Я сориентировался по сторонам горизонта и решил, что дом мой – где-то на востоке. И я пошел на восток. Было еще очень рано, свидание с союзником длилось недолго. В скором времени я вышел на тропу, а немного погодя встретил группу мужчин и женщин. Они шли навстречу. Это были индейцы. Я решил, что они из племени масатеков. Они окружили меня и спросили, куда я иду. Я ответил: «Домой, в Икстлан». Один из них спросил: «Ты что, заблудился?» Я спросил в ответ: «Почему ты так решил?» Кто-то из них объяснил: «Потому что Икстлан – в другой стороне. Мы сами туда идем». Потом все заговорили разом; «Пойдем с нами! У нас есть продукты. Много!»

Дон Хенаро замолчал и посмотрел на меня, как бы ожидая вопроса.

– Ну, и что было дальше? Ты с ними пошел? – спросил я.

– Нет. Не пошел. Потому что они не были настоящими. Я понял это сразу, едва лишь они ко мне подошли. В их голосах, в их дружелюбном отношении и особенно в том, как они звали меня с собой, было что-то, что их выдавало. И я убежал. Они звали меня, просили вернуться. Их мольбы преследовали меня неотступно, но я не поддавался и убегал все дальше.

– Кем они были?

– Людьми. Но они не были настоящими.

– Они были подобны призракам, – объяснил дон Хуан. – Подобны фантомам.

– Пройдя еще немного, – продолжал дон Хенаро, – я почувствовал некоторую уверенность в себе. Я знал, что Икстлан находится именно там, куда я иду. А потом увидел еще двоих. Они тоже шли навстречу и тоже были вроде бы индейцами-масатеками. Они вели

осла, нагруженного дровами.

Они прошли мимо, пробубнив: «Добрый вечер». Они не обратили на меня никакого внимания и пошли дальше. Не останавливаясь, я ответил: «Добрый вечер». Я замедлил шаг и как бы случайно оглянулся. Они шли, не оборачиваясь. Эти вроде бы были настоящими. Я побежал за ними вдогонку, крича: «Постойте! Погодите!» Они придержали осла и остановились по бокам от него, словно готовились защищать свои дрова от посягательств. Я сказал: «Я заблудился в горах, Вы не могли бы подсказать мне, как пройти в Икстлан?» Они махнули в том направлении, куда шли сами. Один из них сказал: «Ты сейчас очень далеко от Икстлана. Быстрее, чем за четыре-пять дней, не дойдешь». Они повернулись и пошли своей дорогой. Я подумал, что они на самом деле – настоящие индейцы, и попросился к ним в компанию. Мы немного прошли вместе, а потом один из них достал пакет с продуктами и предложил мне немного поесть. Я застыл на месте. В том, как он это сделал, было что-то очень-очень странное. Мое тело испугалось, я отскочил и побежал прочь. Они закричали, что я умру один в горах, если не пойду с ними. Они умоляли меня вернуться. Их мольбы тоже навязчиво преследовали меня, но я бежал со всех ног не оборачиваясь. И я пошел дальше. Я знал, что нахожусь на пути в Икстлан, знал, что иду верно, и что призраки просто стараются сбить меня с пути. Я встретил еще восьмерых. Но эти, должно быть, сразу поняли, что намерение мое несгибаемо. Они просто молча стояли вдоль дороги, смотрели на меня, и глаза их были наполнены мольбой. Некоторые из них даже показывали мне продукты и разные товары, прикидываясь обычными торговцами. Я не остановился. Я даже на них не взглянул. Вечером я пришел в долину, которая показалась мне знакомой. Я решил, что уже, видимо, когда-то в ней бывал. Но если так, то я находился к югу от Икстлана. Я начал искать какие-либо указатели, чтобы сориентироваться, и встретил маленького индейского мальчика. Он пас двух коз. Ему было лет семь, и он был одет в точности так, как я одевался в его возрасте. Он действительно очень напоминал меня самого. Ведь я тоже пас двух отцовских коз. Я некоторое время наблюдал за ним.

Мальчик разговаривал сам с собой, совсем как я в детстве. Потом он заговорил со своими козами. Я понял, что он хорошо пасет коз. Он был аккуратен и осторожен. Он не баловал своих коз, но и не

был с ними жесток. Я решил окликнуть мальчика. Когда я заговорил, он вскочил и спрятался от меня за камнями. Он готов был в любой момент броситься наутек, спасая свою жизнь. Он понравился мне. Несмотря на то, что он явно меня испугался, он успел загнать коз за камни, где они не были мне видны. Я долго с ним беседовал. Я рассказал, что заблудился в горах, и что не знаю, как добраться до Икстлана. Я спросил, как называется то место, в котором мы находились. Он ответил, и я обрадовался, потому что это было именно то место, которое я думал. Я понял, что мои блуждания закончились, и подивился силе своего союзника, который в мгновение ока занес меня так далеко. Я поблагодарил мальчика и пошел прочь. Он вышел из-за камней и погнал своих коз по едва заметной тропинке куда-то вниз, в долину. Я еще раз окликнул его, и он не стал убегать. Я пошел к нему. Когда я подошел слишком близко, он отпрыгнул в кусты. Я похвалил его за бдительность и начал расспрашивать. Я спросил: «Куда ведет эта тропинка?» Он ответил: «Вниз». Я спросил: «Где ты живешь?» Он ответил: «Там, внизу». Я спросил: «Там много домов?» Он ответил: «Нет, только один». Я спросил: «А где остальные дома?» Мальчик с безразличием, свойственным ему возрасту, указал пальцем в другую сторону долины. Потом он начал спускаться, гоня коз перед собой. «Подожди, – сказал я ему, – я очень устал и хочу есть. Отведи меня к своим родителям». «У меня нет родителей», – ответил маленький мальчик, и от этого меня передернуло. Не знаю, но что-то в его голосе меня насторожило. Заметив, что я колеблюсь, мальчик остановился и повернулся ко мне: «Дома никого нет. Дядя уехал, тетка работает в поле. А в доме полно еды. Полным-полно». Я почувствовал почти печаль. Мальчик тоже оказался призраком. Тон его голоса и заинтересованность, с которой он меня заманивал, выдали его. Меня окружали одни призраки, и они жаждали до меня добраться. Но я не боялся. И в то же время был все еще не в себе после столкновения с союзником. Я хотел было помешаться на призраках или на союзнике, но мне почему-то не удавалось накрутить себя, как я обычно это делал. Я бросил эту затею. Потом я решил опечалиться, поскольку мальчик мне понравился, но это мне не удалось. И эту затею я тоже бросил. И тут до меня дошло, что у меня есть союзник, и призраки ничего не в силах со мной сделать. И я пошел вслед за мальчиком по тропинке вниз, в

долину. Со всех сторон выскакивали другие призраки, пытаюсь заманить меня в пропасть, но моя воля была сильнее, чем они. Они, должно быть, это чувствовали, потому что перестали меня дергать. Они просто стояли вдоль моего пути. Я проходил, а они оставались позади стоять так, как стояли. Тех из них, кто все-таки пытались ко мне броситься, я останавливал своей волей. А потом они и вовсе оставили меня в покое.

Дон Хенаро надолго замолчал.

Дон Хуан смотрел на меня.

– А что было потом, дон Хенаро? – спросил я.

– Я продолжил путь, – ответил он.

Казалось, рассказ его окончен, и ему нечего добавить.

Я спросил, говорило ли то, что они предлагали ему пищу, о том, что это – призраки.

Он не ответил. Я допытывался, нет ли у индейцев-масатеков обычая прятать еду или сильно беспокоиться по этому поводу.

Он ответил, что дело не в этом. Тон их голоса, их настойчивость в попытках его заманить и то, как они говорили о еде, выдавало их.

Ему помогал союзник, поэтому он смог *увидеть*, что это – призраки. Он сказал, что самостоятельно никогда не заметил бы этих особенностей.

– Призраки были союзниками, дон Хенаро? – спросил я.

– Нет, они были людьми.

– Людьми? Но ты же сказал, что они были призраками...

– Я сказал, что они более не были настоящими. После встречи с союзником не осталось ничего настоящего.

Мы долго молчали.

– И каким же был конечный результат твоего опыта, дон Хенаро? – спросил я.

– Конечный результат?

– Я хотел сказать: когда и как ты наконец добрался до Икстлана? Они оба расхохотались.

– То есть для тебя это был бы конечный результат... – произнес дон Хуан. – Пусть так. В таком случае путешествие Хенаро не имело конечного результата. И не имеет до сих пор. И не будет иметь никогда. Потому что Хенаро все еще находится на пути в Икстлан...

Дон Хенаро пронзительно взглянул на меня, а потом отвернулся и стал смотреть на юг.

– Я никогда не дойду до Икстлана, – твердо, но очень-очень тихо, едва слышно проговорил он. – Иногда бывает – я чувствую, что вот-вот, еще немного, еще один шаг – и я дойду. Но этого не будет никогда. На моем пути не попадается даже ни одного знакомого знака или указателя, который был бы мне привычен. Ничто больше не бывает прежним, ничто не остается тем же самым.

Дон Хуан и дон Хенаро переглянулись. Глубокая печаль была в их взглядах.

– И только призрачные путники встречаются мне по пути в Икстлан, – мягко сказал дон Хенаро.

– Все, кого встречает Хенаро по пути в Икстлан – лишь эфемерные существа, – объяснил дон Хуан. – Взять, например, тебя. Ты тоже – лишь призрак. Твои чувства и желания – это преходящие чувства и желания человека. Они эфемерны, и, заставляя тебя суетиться и запутываться во все новых и новых проблемах, исчезают, рассеиваясь как дым. Вот он и говорит, что по пути в Икстлан встречает лишь призрачных путников.

Я вдруг понял, что рассказ дон Хенаро о путешествии в Икстлан – сплошная метафора от начала и до конца.

– То есть твое путешествие в Икстлан – не настоящее? – спросил я.

– Путешествие-то – настоящее! – возразил дон Хенаро. – Путники – не настоящие.

Он кивнул в сторону дон Хуана и выразительно произнес;

– Вот он – настоящий. Только он один. Только когда я с ним, мир становится реальным.

Дон Хуан улыбнулся:

– Хенаро рассказал тебе свою историю, потому что вчера ты *остановил мир*. Он думает, что ты также и *видел*. Но ты такой лопух, что этого не заметил. А я говорю ему, что ты очень странный, но все равно рано или поздно научишься *видеть* по-настоящему. В любом случае, в следующий раз, когда ты *увидишь* союзника, если такое, конечно, случится, ты должен будешь вступить с ним в борьбу и его покорить. Если ты выступишь, а я в этом ни минуты не сомневаюсь, так как ты силен и живешь жизнью воина, так вот, если ты выступишь, ты останешься в живых, но окажешься на совершенно незнакомой земле. И тогда тебе захочется вернуться домой, в Лос-Анжелес. Это естественно. Первая реакция любого из нас в этом случае – поскорее вернуться домой. Но обратной дороги нет, и домой нам не дано вернуться

уже никогда. И ты вернешься в Лос-Анжелес. То, что осталось там, позади, – потеряно навсегда. К тому времени ты, несомненно, уже станешь магом. Но это тебе не поможет. В той ситуации для любого из нас имеет значение лишь один-единственный непреложный факт: все, что мы любили и что ненавидели, все, чего желали и за что цеплялись, все это осталось далеко-далеко позади. Но чувства человека не умирают и не меняются. Поэтому маг отправляется в долгий путь домой, зная, что никогда не дойдет и что на земле нет силы, способной возвратить его в те места и к тем людям, которые им любимы. Этого не может сделать даже смерть. Вот о чем Хенаро тебе рассказал.

Объяснение дона Хуана сработало наподобие катализатора. Я соотнес сказку дона Хенаро со своей жизнью, и тут меня проняло. – А как же те люди, которых я люблю? – спросил я у дона Хуана. – Что будет с ними?

– Они останутся позади.

– Есть ли способ их вернуть? Может, я могу спасти их и взять с собой?

– Нет. Союзник швырнет тебя в неведомые миры. Только тебя одного.

– Но я же могу поехать в Лос-Анжелес! Могу ведь, да? Купить билет на автобус или на самолет и вернуться. Ведь Лос-Анжелес останется там же, где был, верно?

– Безусловно, – засмеялся дон Хуан. – И Мантека, и Темекула, и Туксон.

– И Òúëàðú. – очень серьезно добавил дон Хенаро.

– И Пьедрас Нэграс, и Транкитас, – с улыбкой сказал дон Хуан. Дон Хенаро добавил еще несколько названий, дон Хуан – еще, и так они все перечисляли и перечисляли замысловатые и смешные названия городов и поселков.

– Когда союзник закружит тебя, изменится твое восприятие мира, – сказал дон Хуан. – А восприятие – это все. Изменится оно – изменится сам мир.

Он напомнил мне стихотворение Хуана Рамона Хименеса, которое я когда-то ему читал, и попросил прочесть его еще раз. Он имел в виду «Решающее путешествие». Я прочел:

...И я уйду. А птица будет петь.

Как пела.

И будет сад, и дерево в саду.

И мой колодец белый.
На склоне дня, прозрачен и спокоен.
Замрет закат, и вспомнят про меня
Колокола окрестных колоколен.
С годами будет улица иной;
Кого любил я, тех уже не станет.
И в сад мой за беленою стеной.
Тоскуя, только тень моя заглянет.
И я уйду; один – без никого.
Без вечеров, без утренней капли
И белого колодца моего...

А птицы будут петь и петь, как пели.
– Это – то ощущение, о котором говорил Хенаро, – сказал дон Хуан. – Только страстный человек может быть магом. А у страстного человека всегда есть земные чувства и то, что ему дорого; и если нет ничего другого, то хотя бы путь, по которому он идет. Рассказ Хенаро – о том, что все любимое им осталось в Икстлане. Дом, люди, все, о чем он заботился. И теперь он скитается в своих чувствах. Иногда, как он говорит, ему почти удастся добраться до Икстлана. И это – общее для всех нас. У Хенаро – Икстлан, у тебя – Лос-Анжелес, у меня...

Мне не хотелось, чтобы дон Хуан рассказывал о себе. Он замолчал, словно читая мои мысли.
Хенаро вздохнул и перефразировал первые строки стихотворения:
...И я ушел. А птица все поет.

Как пела.

И сад стоит, и дерево в саду...

На мгновение страдание охватило меня, и на всех нас снизошло чувство невыразимого одиночества. Я смотрел на дону Хенаро и знал, что у него, как у человека страстной натуры, должно было быть так много сердечных связей, привязанностей, так много того, что он оставил позади. Я ясно ощущал, что сила его воспоминаний вот-вот вырвется из-под контроля, и что он с трудом сдерживает рыдания.

Я поспешно отвел глаза. Страстность дону Хенаро, абсолютность его одиночества довели меня до слез.

Я взглянул на дону Хуана. Он пристально смотрел на меня.

– Только воин способен выстоять на пути знания, – сказал он. – Ибо искусство воина состоит в нахождении и сохранении

гармонии и равновесия между всем ужасом человеческого бытия и сказочным чудом того, что мы зовем «быть человеком».

Я внимательно посмотрел на них; сначала – на одного, потом – на второго. Их глаза светились ясностью и умиротворением. Они вызвали волну всепоглощающей ностальгии, но когда, казалось, от того, чтобы расплакаться, их отделяло какое-то мгновение, они остановили эту волну. На мгновение мне показалось, что я *вижу*. Я *видел* одиночество человека. Оно было гигантской волной, замершей передо мной, словно натолкнувшись на невидимую стену фразы дона Хуана.

Печаль моя была настолько безгранично всеобъемлющей, что меня охватило какое-то эйфорическое возбуждение. Я обнял их.

Дон Хенаро улыбнулся и встал. Дон Хуан тоже встал и мягко положил руку мне на плечо.

– Ты остаешься здесь, – сказал он. – А мы уйдем. Поступай как знаешь. Союзник ждет тебя на краю вон той равнины.

И он указал на темную долину, простиравшуюся вдалеке.

– Но если ты почувствуешь, что твое время еще не пришло, – не ходи к нему, – продолжал он. – Ни к чему торопить события, это ничего не даст. Чтобы выжить, нужна кристальная чистота и абсолютная уверенность в себе.

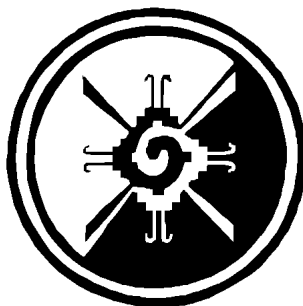
И дон Хуан, не оглядываясь, пошел прочь. Дон Хенаро пару раз обернулся и, подмигивая, кивнул мне: иди. Я смотрел, как они исчезают вдали, а потом пошел к машине, сел в нее и уехал. Ибо знал, что время для меня еще не настало.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Книга четвертая

Сказки о силе

- [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Свидетель действий силы](#)
 - [Глава первая СВИДАНИЕ СО ЗНАНИЕМ](#)
 - [Глава вторая ВИДЯЩИЙ СОН И ВИДИМЫЙ ВО СНЕ](#)
 - [Глава третья СЕКРЕТ СВЕТАЩИХСЯ СУЩЕСТВ](#)
- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ Тональ и Нагуаль](#)
 - [Глава первая ДОЛЖЕН ВЕРИТЬ](#)
 - [Глава вторая ОСТРОВ ТОНАЛЯ](#)
 - [Глава третья ДЕНЬ ТОНАЛЯ](#)
 - [Глава четвертая СЖАТИЕ ТОНАЛЯ](#)
 - [Глава пятая ВО ВРЕМЕНИ НАГУАЛЯ](#)
 - [Глава шестая ШЕПОТ НАГУАЛЯ](#)
 - [Глава седьмая КРЫЛЬЯ ВОСПРИЯТИЯ](#)
- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ Объяснение Магов](#)
 - [Глава первая ТРИ СВИДЕТЕЛЯ НАГУАЛЯ](#)
 - [Глава вторая СТРАТЕГИЯ МАГА](#)
 - [Глава третья ПУЗЫРЬ ВОСПРИЯТИЯ](#)
 - [Глава четвертая ПРЕДРАСПОЛОЖЕНИЕ ДВУХ ВОИНОВ](#)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Свидетель действий силы

Глава первая

СВИДАНИЕ СО ЗНАНИЕМ

Я не видел дона Хуана несколько месяцев. Была осень 1971 года. Я был уверен, что он гостит у дона Хенаро в Центральной Мексике, и выехал туда, приготовившись к неделе пути. Но проезжая через Сонору к концу второго дня путешествия, я свернул к его дому и вышел из машины. Как ни странно, меня встретил сам хозяин.

– Дон Хуан! – воскликнул я. – Не ожидал тебя здесь найти.

Дон Хуан рассмеялся. Похоже, мое удивление доставило ему удовольствие. Он сидел у двери верхом на пустом молочном бидоне, как будто давно меня поджидая. Сняв шляпу, он с шутовской галантностью раскланялся, затем снова надел ее и отдал мне честь по-военному.

– Ну, присаживайся, – весело сказал он. – Рад тебя видеть снова.

– А я собирался впустую проделать весь путь до Центральной Мексики, потом мне пришлось бы возвращаться назад в Лос-Анжелес. То, что я нашел тебя здесь, сэкономило мне столько дней пути!

– Так или иначе, ты бы нашел меня, – загадочно произнес он. – Сойдемся на том, что ты должен мне эти шесть дней пути до Центральной Мексики, и ты используешь их на кое-что более интересное, чем нажимать педаль газа в своей машине.

Было что-то необыкновенно привлекательное в его теплой улыбке.

– Где же твой блокнот? – спросил он.

Я сказал, что оставил его в машине, и он велел мне вернуться за ним, поскольку без него я выгляжу сиротливо.

– Я закончил работу над книгой, – сообщил я.

Он пристально посмотрел на меня, так что у меня заныло под ложечкой, словно он чем-то мягким толкал меня в живот. Мне едва

не стало дурно, но тут он отвернулся, и все прошло.

Я хотел поговорить о своей новой книге, но он сделал знак, что ему это не интересно, потом заулыбался и тут же втянул меня в беседу о каких-то незначительных вещах. Наконец мне все же удалось перевести разговор на интересующую меня тему. Я упомянул, что просмотрел свои ранние записи и пришел к выводу, что с первого дня нашей встречи получал от него подробное описание мира магов, только мне не совсем понятна роль галлюциногенных растений.

– Почему ты так часто заставлял меня принимать эти растения силы? – спросил я.

Он рассмеялся и еле слышно произнес:

– Потому что ты тупой.

Ответил он достаточно внятно, но я на всякий случай переспросил, будто не расслышал:

– Что-что?

– Сам знаешь что, – оборвал он и встал. – Ты слишком заторможенный, – пояснил он, потрепав меня по голове. – И не было другого способа расшевелить тебя.

– Выходит, в этих растениях не было абсолютной необходимости?

– В твоём случае была. Хотя, конечно, есть и такие, кто в них не нуждается.

Он постоял, взглядываясь в кустарник слева от дома, затем снова сел и заговорил об Элихио, другом своем ученике. Он сказал, что Элихио растения силы понадобились всего один раз, в самом начале обучения, но преуспел он гораздо больше меня.

– Вообще восприимчивость – состояние для некоторых вполне обычное, – сказал дон Хуан. – Но не для тебя. Как, впрочем, и не для меня. В конце концов, восприимчивость – не самое главное.

– А что главное?

Казалось, он подыскивает ответ.

– Главное – это безупречность воина, – сказал он наконец. – Но все это лишь способ говорить, способ ходить вокруг да около. Ты уже выполнил ряд магических задач и, я думаю, достаточно созрел для того, чтобы указать тебе на источник самого главного. Я сказал бы, что для воина самое главное – обрести целостность самого себя.

– Что это значит?

– Я же сказал, что только упомяну о главном. В твоей жизни еще слишком много свободных концов, которые тебе предстоит свести

воедино, прежде чем мы сможем поговорить о целостности. Он жестом оборвал разговор. Кто-то или что-то явно находилось поблизости. Дон Хуан внимательно прислушивался, скосив глаза влево так, что стали видны одни белки. Через несколько секунд он встал и, наклонившись ко мне, прошептал на ухо, что нам нужно пойти на прогулку.

– Что-то не так? – спросил я тоже шепотом.

– Нет, все так. Все о'кей.

Мы направились в пустынный чапарраль и примерно через полчаса вышли на небольшой, футов двенадцати в диаметре участок ссохшейся красноватой почвы, идеально утрамбованной и плоской, причем без каких-либо следов механической обработки. В центре этого круга, лицом на юго-восток сел дон Хуан, велел мне сесть напротив, лицом к нему.

– Что мы здесь будем делать? – спросил я.

– Здесь у нас сегодня вечером свидание, – ответил дон Хуан. Он окинул взглядом окрестности и вновь стал смотреть на юго-восток. Его действия встревожили меня. Я спросил, с кем будет свидание.

– Со знанием, – ответил он. – Можно сказать, что знание кружит вокруг нас.

Не дав мне ухватиться за столь загадочный ответ, он быстро сменил тему и весело предложил мне быть естественным, то есть писать и говорить так, словно мы находимся у него дома. В то время меня особо занимало яркое переживание, испытанное мною полгода назад, – «разговор с койотом». Тогда я впервые сумел самостоятельно визуализировать магическое описание мира, в котором разговор с животными был в порядке вещей.

– Мы не будем рассуждать о подобных опытах, – сказал дон Хуан, когда я закончил. – Не стоит индульгировать, фокусируя внимание на прошедших событиях. Мы можем касаться их, но только для примера.

– Почему, дон Хуан?

– У тебя еще недостаточно личной силы для поиска объяснения магов.

– Значит, существует объяснение магов?

– Конечно. Маги тоже люди. Мы – создания мысли. Мы ищем разъяснений.

– А я-то был уверен, что поиск объяснений – это и есть мой главный недостаток.

– Нет. Твой недостаток в поиске подходящих объяснений, которые вписывались бы в твой мир. Я возражаю именно против твоей рассудочности. Маг тоже объясняет вещи в своем мире, но он не такой твердолобый, как ты.

– Как могу прийти к объяснению магов я?

– Накапливая личную силу, ты придешь к нему естественным образом. Но объяснение магов – это не то, что понимаешь под объяснением ты. И все же оно делает мир и его чудеса если не ясными, то, по крайней мере, не столь устрашающими. Именно это должно быть сущностью объяснения. Но это не то, что ты ищешь. Ты ищешь только отражения собственных идей.

Я устал от своих же вопросов. Однако улыбка дон Хуана подталкивала к продолжению разговора. Для меня была очень важна еще одна тема – его друг дон Хенаро и то странное воздействие, которое оказывали на меня его поступки. Каждая встреча с ним сопровождалась совершенно неопишущим расстройством всех моих органов чувств. Услышав мой вопрос, дон Хуан рассмеялся.

– Хенаро поразителен, – сказал он. – Но пока нет смысла говорить о нем или о его воздействии на тебя. Для этой темы у тебя еще недостаточно личной силы. Подожди, когда она у тебя будет, тогда и поговорим об этом.

– А если у меня ее не будет никогда?

– Если ее у тебя никогда не будет, значит мы никогда и не поговорим.

– Но когда же она у меня появится при моих-то темпах продвижения?

– Это зависит от тебя. Я дал тебе все необходимые знания. Теперь ты сам отвечаешь за накопление достаточной личной силы, чтобы суметь потрогать чешуйки.

– Ты говоришь метафорами, – сказал я. – Скажи лучше прямо, что мне делать. А если ты мне это уже говорил, тогда давай предположим, что я забыл.

Дон Хуан усмехнулся и лег, заложив руки за голову.

– Ты прекрасно знаешь, что тебе нужно, – сказал он. Я ответил, что и мне порой так кажется, но обычно я не уверен в себе.

– Боюсь, что ты путаешь понятия, – сказал он. – Уверенность в себе воина и самоуверенность обычного человека – это разные вещи. Обычный человек ищет признания в глазах окружающих,

называя это уверенностью в себе. Воин ищет безупречности в собственных глазах и называет это смирением. Обычный человек цепляется за окружающих, а воин рассчитывает только на себя. Похоже, что ты гоняешься за радугой вместо того, чтобы стремиться к смирению воина. Разница между этими понятиями огромна. Самоуверенность означает, что ты знаешь что-то наверняка; смирение воина – это безупречность в поступках и чувствах.

– Я все время пытаюсь жить по твоим советам, – сказал я. – Может быть, у меня не всегда это получается, но я делаю все, что могу. Можно ли назвать это безупречностью?

– Нет. Ты должен делать нечто большее. Ты должен постоянно превосходить самого себя.

– Но ведь это безумие, дон Хуан. На это никто не способен.

– Есть масса естественных для тебя вещей, которые лет десять назад показались бы тебе безумием. Эти вещи не изменились.

Изменилось твое представление о себе. Невозможное тогда стало вполне возможным сейчас. Не исключено, что твой полный успех в изменении себя – всего лишь вопрос времени. В этом отношении единственно возможный для воина курс – это действовать неуклонно, не оставляя места для отступления. Ты достаточно знаешь о пути воина, чтобы поступать должным образом, но тебе мешают старые привычки и нелепый распорядок жизни.

Мне показалось, что я понял его.

– Ты считаешь, что записывание – это одна из моих старых привычек, от которых я должен избавиться? Может, мне уничтожить мою новую рукопись?

Вместо ответа он поднялся и посмотрел на край чапаррала. Я сказал, что получил много писем от читателей, которые уверяли меня, что нельзя писать о своем ученичестве. Они ссылались на то, что учителя восточных эзотерических учений требуют соблюдения абсолютной тайны.

– Может, эти учителя просто индугируют в том, что они учителя? – сказал дон Хуан, не глядя на меня. – Я не учитель. Я всего лишь воин. Поэтому я понятия не имею, что чувствует учитель.

– Дон Хуан, может быть, я действительно напрасно раскрываю некоторые вещи?

– Неважно, что именно человек раскрывает или удерживает при

себе, — ответил он. — Что бы мы ни делали и кем бы ни являлись — все это основывается на нашей личной силе. Если ее достаточно, то всего одно сказанное нам слово может изменить нашу жизнь. А если ее мало, то пусть даже будут раскрыты все сокровища мудрости — это ничего нам не даст.

Он понизил голос, словно собираясь поведать мне нечто сокровенное.

— Я хочу доверить тебе величайшее знание, — сказал он. —

Посмотрим, сумеешь ли ты им распорядиться. Знаешь ли ты, что в это мгновение ты окружен вечностью? И что этой вечностью ты можешь воспользоваться, если пожелаешь?

Он выжидающе посмотрел на меня, едва заметными движениями глаз подталкивая к ответу. После длинной паузы я сказал, что не понимаю, о чем идет речь. — Вон там! Вечность — там! — произнес он, указывая на горизонт. Затем — прямо вверх: — Или там. А можно сказать и так: вечность — это нечто здесь и здесь... — И он раскинул руки в стороны, указывая на запад и восток.

Мы посмотрели друг на друга. В его глазах был вопрос.

— Что ты на это скажешь? — требовательно спросил дон Хуан.

Я не знал, что ответить.

— Знаешь ли ты, что можешь навечно расширить свои границы в любом из указанных мною направлений? — продолжал он. —

Знаешь ли ты, что одно мгновение может быть вечностью? Это не загадка; это факт, но только если ты оседлаешь это мгновение и используешь его, чтобы унести с собой свою целостность навсегда и в любом направлении.

Он смотрел на меня.

— У тебя раньше не было этого знания, — сказал он, улыбнувшись. — Теперь я открыл его тебе, но что это изменило? Пока у тебя все равно недостаточно личной силы, чтобы им воспользоваться.

Иначе моих слов хватило бы тебе, чтобы собрать свою целостность и направить ее на прорыв собственных границ.

Он подошел ко мне и постучал костяшками пальцев по моей груди.

— Вот границы, о которых я говорю, — сказал он. — Можно выйти за них. Мы — это чувство, осознание, заключенное здесь.

Он хлопнул меня по плечам обеими руками, да так, что мои блокнот и карандаш полетели на землю. Дон Хуан наступил на блокнот и, смеясь, смотрел на меня.

Я спросил его, не возражает ли он против моих замечаний. Он сказал,

что нет, и убрал ногу.

– Мы – светящиеся существа, – сказал он, ритмично покачивая головой. – А для светящихся существ значение имеет только личная сила. Но если ты спросишь меня, что такое личная сила, я отвечу, что этого мои объяснения тебе не объяснят.

Дон Хуан взглянул на запад и сказал, что до заката еще несколько часов.

– Мы пробудем здесь долго, – объяснил он. – Можно сидеть тихо или разговаривать. Для тебя неестественно молчать, поэтому продолжим беседу. Это место является местом силы, и поэтому мы должны воспользоваться им до наступления ночи. Сиди как можно естественней, не напрягайся и не бойся. Похоже, что тебе легче всего расслабиться, делая заметки. Поэтому пиши, сколько душе угодно. А теперь расскажи мне о своем *сновидении*.

Этот внезапный переход застал меня врасплох. Дон Хуан повторил свою просьбу.

На эту тему можно было говорить долго. «Сновидения» предполагали культивирование контроля над снами до такой степени, что опыт, приобретенный в них, становился равнозначным опыту бодрствования. По мнению магов, при практике «сновидения» обычный критерий различия между сном и реальностью становится недействительным. Эта практика, как учил дон Хуан, сводилась к упражнению, в котором требовалось найти свои руки во сне.

После нескольких лет тонировок я сумел, наконец, сделать это. Теперь я понимаю, что добился успеха лишь потому, что научился в какой-то степени контролировать мир своей повседневной жизни. Дон Хуан хотел знать все детали. Я рассказал ему, как часто бывает непреодолимо трудно дать самому себе команду смотреть на руки. Он предупредил меня, что даже начальный этап подготовительной работы, называемый им «настройка сновидения», – это смертельная игра, в которую разум человека играет сам с собой, и какая-то часть меня будет делать все возможное, чтобы воспрепятствовать выполнению этой задачи.

По словам дон Хуана, это могли быть размышления о бессмысленности такого занятия, меланхолия или даже депрессия с суицидальными тенденциями. Я, однако, так далеко не зашел. В моем опыте преобладала комическая сторона. И все же результат был неизменно отрицательным. Всякий раз, когда я собирался

взглянуть во сне на свои руки, случалось что-то необычное. То я начинал летать, то мой сон переходил в кошмар, а то и просто появлялось чувство очень приятного телесного возбуждения. Все это своей живостью выходило за рамки «нормального» сна, поэтому вырваться было очень трудно. В таких ситуациях мое первоначальное намерение увидеть свои руки обычно забывалось. И вот однажды ночью я совершенно неожиданно нашел свои руки во сне. Мне снилось, что я иду по улице какого-то города и вдруг поднимаю руки к лицу. Казалось, что-то внутри меня сдалось и позволило мне увидеть тыльную сторону своих ладоней. Дон Хуан предупреждал меня, что как только образ моих рук станет расплываться или меняться на что-то другое, я должен перевести взгляд с них на любой другой предмет. В этом сне я перенес внимание на здание в конце улицы. Когда вид этого здания тоже начал туманиться, я сфокусировал внимание на других элементах сна. В результате получилась ясная и четкая картина пустынной улицы в каком-то неизвестном городе.

Дон Хуан расспрашивал меня о других опытах «сновидения». Мы беседовали довольно долго. Под конец моего отчета он встал и направился к кустам. Поднялся и я. Я нервничал. Это было ничем не обоснованное чувство, так как для страха или тревоги не было никаких оснований. Вскоре дон Хуан вернулся. Он заметил мое возбуждение.

– Успокойся, – сказал он, мягко сжав мою руку.

Усадив меня, он положил мне на колени блокнот и велел писать. Он сказал, что я не должен беспокоить место силы ненужными вибрациями страха или нерешительности.

– Почему я так разнервничался? – спросил я.

– Это естественно, – сказал он. – Твоя деятельность в *сновидениях* угрожает чему-то в тебе самом. Пока ты о ней не думал, с тобой было все в порядке. Но теперь, раскрыв свои действия, ты готов упасть в обморок. У каждого воина свой собственный способ *сновидения*. Все они различны. Объединяют нас только уловки, направленные на то, чтобы заставить себя отступить.

Единственный выход – это продолжение опытов, несмотря на все преграды и разочарования.

Затем он спросил, могу ли я выбирать тему для «сновидения». Я ответил, что даже не представляю, как это делается.

– Объяснение магов относительно выбора темы для *сновидения*

закljučается в следующем, – сказал дон Хуан. – Воин выбирает тему сознательно, прервав внутренний диалог и удерживая образ в голове. Иными словами, если он сможет на какое-то время прервать беседу с самим собой, а затем, пусть даже на мгновение, удержать мысль о желаемом в *сновидении* образе, он увидит то, что ему нужно. Я уверен, что ты это сделал, хотя и неосознанно. После длинной паузы дон Хуан начал принюхиваться. Похоже было, что он прочищает нос. Несколько раз он с силой выдохнул, при этом мышцы его живота сокращались рывками, в такт коротким, отрывистым вдохам.

– Хватит говорить о *сновидениях*, – сказал он. – Это может стать у тебя манией. Если в чем-то и можно добиться успеха, то он должен приходить легко, пусть даже с какими-то усилиями, но без потрясений и навязчивых идей.

Он встал, подошел к кустарнику и начал всматриваться в листву. Было похоже, что он пытается что-то увидеть там, стараясь не подходить слишком близко.

– Что ты там делаешь? – спросил я, не в силах сдержать любопытство.

Он повернулся ко мне и с улыбкой поднял брови.

– В кустах много странных вещей, – сказал он и снова сел.

Его спокойный тон испугал меня больше, чем если бы он внезапно закричал. Я выронил блокнот и карандаш. Он засмеялся, повторив мои движения, и сказал, что преувеличенные реакции являются одним из свободных концов, все еще существующих в моей жизни. Я хотел поговорить на эту тему, но он не позволил.

– Осталось совсем немного дневного времени, – сказал он. – Есть более важные вещи, которые мы должны обсудить до наступления сумерек.

Он добавил, что, судя по моим успехам в «сновидении», я, видимо, научился останавливать внутренний диалог по своему желанию. Я подтвердил это.

В начале нашего знакомства дон Хуан предлагал мне для этого другую технику: подолгу ходить с расфокусированными глазами, пользуясь только боковым зрением. Он утверждал, что если удерживать расфокусированные глаза на точке чуть выше горизонта, то получаешь почти полный 190-градусный обзор. Он настаивал, что это упражнение является единственным способом остановки внутреннего диалога. Поначалу он расспрашивал меня о

моих успехах, но вскоре перестал интересоваться этим.

Я сказал ему, что применял эту технику в течение нескольких лет, но без особого эффекта. Впрочем, я и не ожидал никаких изменений. Каково же было мое потрясение, когда однажды я понял, что за последние десять минут не сказал самому себе ни единого слова!

Тогда же я понял, что остановка внутреннего диалога – это не просто удерживание слов, произносимых самому себе. Весь процесс моего мышления остановился, и я ощутил себя как бы парящим.

Чувство паники, вызванное этим состоянием, заставило меня в качестве противоядия восстановить свой внутренний диалог.

– Я говорил тебе, что именно внутренний диалог и прижимает нас к земле, – сказал дон Хуан. – Мир для нас такой-то и такой-то или этакий и этакий лишь потому, что мы сами себе говорим о нем, что он такой-то и такой-то или этакий и этакий.

Дон Хуан объяснил, что вход в мир магов открывается лишь после того, как воин научится останавливать свой внутренний диалог.

– Ключом к магии является изменение нашей идеи мира, – сказал он. – Остановка внутреннего диалога – единственный путь к этому. Все остальное – просто разговоры. Пойми, – все, что ты видел или сделал, за исключением остановки внутреннего диалога, ничего не смогло изменить ни в тебе самом, ни в твоей идее мира. Суть в том, что такое изменение не может быть вызвано силой. Вот поэтому учитель и не обрушивается на своих учеников. Это привело бы их лишь к депрессии и навязчивым идеям.

Он попросил подробно рассказать и о других случаях остановки внутреннего диалога, которые у меня были. Я рассказал все, что смог вспомнить.

Мы беседовали долго. Стемнело, и я не мог больше говорить и записывать одновременно. Заметив это, дон Хуан рассмеялся. Он сказал, что я выполнил еще одну задачу магии – писал, не концентрируя на этом внимания. В этот момент я осознал, что до сих пор совершенно не уделял никакого внимания процессу записывания. Казалось, это была отдельная деятельность, с которой я не имел ничего общего. Я был озадачен. Дон Хуан попросил меня сесть рядом с ним в центре круга. Он сказал, что наступили сумерки и мне опасно сидеть так близко к кустам. Я невольно вздрогнул и рванулся к нему.

Он велел мне сесть лицом к востоку, успокоиться и остановить внутренний диалог. Но я был слишком возбужден, чтобы сделать это. Дон Хуан повернулся ко мне спиной, предложив опереться на его плечо. Он сказал, что я должен остановить свои мысли, а затем повернуть лицо к кустам на юго-востоке и не закрывать глаза. Загадочным тоном он добавил, что от решения поставленной передо мной задачи зависит, буду ли я готов к восприятию новой грани мира магов.

Я робко спросил о природе этой задачи. Он мягко усмехнулся. Я ждал его ответа, но затем что-то во мне как бы переключилось, и я почувствовал себя парящим. Казалось, из моих ушей вынули затычки, и сразу же стали слышны бесчисленные шумы чапарраля. Их было так много, что они сливались в сплошной гул. Я почти задремал, как внезапно что-то привлекло мое внимание. Мой мыслительный процесс при этом был отключен. Я как будто не заметил ничего особенного вокруг, но мое осознание было явно чем-то захвачено. Я проснулся окончательно. Мои глаза были сфокусированы на пятне у края чапарраля, но я не смотрел, не думал и не говорил сам с собой. Это было чисто телесным ощущением. Слов не требовалось. Я чувствовал, что прорываюсь через что-то неопределенное. Может быть, прорывалось то, что в обычном состоянии было моими мыслями. Во всяком случае, в моих ощущениях было что-то вроде снежного обвала – что-то, центром чего был я, рушилось. Я почувствовал жжение в животе. Что-то тянуло меня в чапарраль. Я видел темную массу кустов перед собой. Но это не было сплошным темным пятном. Я мог видеть каждый куст, как если бы смотрел на них в ранних сумерках. Казалось, что они двигаются. Их листва напоминала черные юбки, которые нес ко мне ветер. Но ветра не было. Я погрузился в их гипнотизирующее движение. Какая-то пульсирующая сила подтягивала их все ближе и ближе ко мне. Потом на фоне темных очертаний кустов появился более светлый силуэт. Я сфокусировал глаза сбоку от него и смог различить в нем слабое сияние. Не фокусируясь, я взглянул прямо на него. Появилась уверенность, что светлый силуэт – это человек, прячущийся под кустами.

В этот момент я находился в крайне необычном состоянии. Я осознавал и окружающее, и процесс мышления, который оно во мне вызывало. Но я не мог думать так, как обычно. Например,

когда я понял, что силуэт, наложенный на кусты, – человек, я вспомнил другой случай. Однажды во время ночной прогулки с доном Хенаро я заметил, что позади нас в кустах прячется человек. Но как только я попытался рационально объяснить это явление, человек исчез из виду. Однако в этот раз я чувствовал себя хозяином положения и отказался не только объяснять что-либо, но и думать вообще. В какой-то момент у меня появилось чувство, что я могу удержать человека и заставить его оставаться на месте. Затем я ощутил странную боль в центре живота. Казалось, что-то вырывается из меня, и я уже не мог держать напряженными мышцы брюшного пресса. Как только я сдался, темный силуэт громадной птицы или какого-то летающего существа бросился на меня из чапаррала. Было похоже, что человек превратился в птицу. У меня появилось ясно осознанное восприятие страха. Я ахнул и с громким криком опрокинулся на спину. Дон Хуан помог мне подняться. Его лицо было вровень с моим. Он смеялся.

– Что это было? – закричал я.

Он прикрыл мне рот рукой и прошептал в самое ухо, что нам нужно покинуть это место спокойно и собранно, словно ничего не произошло. Мы шли бок о бок. Его походка была спокойной и размеренной. Пару раз он быстро оглянулся. Я сделал то же самое и дважды уловил какую-то темную массу, которая, казалось, следовала за нами. Позади я слышал громкий и какой-то неземной крик. На мгновение меня охватил ужас. По мышцам живота прошли судороги. Они начались спазматически, и их интенсивность росла до тех пор, пока они буквально не заставили мое тело бежать.

Применяя терминологию дона Хуана, о моей реакции можно сказать, что мое тело под воздействием испуга выполнило «бег силы» – особую технику передвижения в темноте, которой он обучал меня несколькими годами ранее.

Я действовал почти бессознательно и внезапно обнаружил себя в доме дона Хуана. Очевидно, он следовал за мной, и мы прибежали одновременно. Он зажег керосиновую лампу, поставил ее на потолочную балку и спокойно сказал, чтобы я сел и расслабился. Некоторое время я бежал на месте, пока немного не успокоился. Затем я сел. Он подчеркнуто потребовал, чтобы я вел себя так, словно ничего не случилось, и вручил мне мой блокнот. В спешке я и не заметил, что обронил его.

– Что там произошло, дон Хуан?

– У тебя было свидание со знанием, – сказал он, указывая движением подбородка на темный край чапаррала. – Я повел тебя туда потому, что еще раньше уловил отблеск знания, бродившего вокруг дома. Ты можешь считать, что знание знало о твоём приезде и ждало тебя здесь. Но я предпочел встретиться с ним не здесь, а на месте силы. Затем я проверил, достаточно ли у тебя личной силы, чтобы отличить знание от остальных вещей вокруг нас. Ты сделал все прекрасно.

– Минуточку! – запротестовал я. – Я видел силуэт человека, прячущегося за кустами, а затем видел огромную птицу.

– Ты не видел человека! – сказал он с ударением.

– Не видел ты и птицу. И силуэт в кустах, и то, что полетело к нам, – это была бабочка. Если ты хочешь быть точным в терминологии магов и не боишься оказаться смешным в своей собственной, то можешь сказать, что сегодня у тебя было свидание с бабочкой. Знание – это бабочка.

Он пристально посмотрел на меня. Свет лампы отбрасывал причудливые тени на его лицо. Я отвел глаза.

– Возможно, сегодня ночью у тебя будет достаточно личной силы для решения этой загадки, – сказал он, – если не сегодня, то, может быть, завтра. Не забывай – ты должен мне еще шесть дней.

Дон Хуан поднялся и прошел на кухню в задней части дома. Он взял лампу и поставил ее у стены на короткий круглый чурбан, который использовал как табурет. Мы сели на пол друг против друга и поели бобов с мясом из горшка, который он поставил между нами. Ели мы молча.

Время от времени он искоса поглядывал на меня, и, казалось, готов был рассмеяться. Его глаза были прищурены. Когда он смотрел на меня, то слегка приоткрывал их, и влага в уголках отражала свет. Казалось, он использовал свет лампы для того, чтобы создавать зеркальные отражения. Он играл с этим, почти незаметно покачивая головой всякий раз, когда останавливался на мне взгляд. В результате возникала захватывающая игра света. Я осознал его маневры лишь после того, как он использовал их пару раз. Я был убежден, что он делает это с определенной целью, и мне показалось важным спросить об этом.

– Для этого у меня есть веская причина, – заверил он меня. – Я успокаиваю тебя своими глазами. Ты ведь уже больше не

нервничаешь, правда?

Я должен был признать, что чувствую себя очень хорошо.

Мелькание света в его глазах не было угрожающим и ни в коем случае не раздражало и не пугало.

– Как ты успокаиваешь меня глазами? – спросил я. Он повторил незаметное покачивание головой. Его глаза на самом деле отражали свет лампы.

– Попробуй сделать это сам, – небрежно сказал он и положил мне еще еды. – Ты сможешь успокаивать себя без моей помощи.

Я попробовал покачивать головой, но мои движения были неестественными и неуклюжими.

– Просто болтая головой ты себя не успокоишь. Скорее заработаешь головную боль. Секрет состоит не в качании головой, а в том чувстве, которое приходит к глазам из области внизу живота. Именно оно заставляет голову качаться.

Он потерял свой живот.

После еды я прислонился к куче дров, накрытых пустыми мешками, и попытался имитировать его качания головой. Дон Хуан от души забавлялся, смеясь и хлопая себя по ляжкам.

Затем его смех прервался. Я услышал странный глубокий звук, похожий на постукивание по дереву. Он исходил из чапарраля.

Дон Хуан вскинул голову, сделав мне знак быть внимательным.

– Это бабочка зовет тебя, – сказал он бесстрастно. Я вскочил. Звук тотчас прекратился. Я посмотрел на дону Хуана в поисках объяснений, но он сделал комический жест беспомощности, пожав плечами.

– Ты еще не закончил своего свидания, – добавил он. Я сказал, что не чувствую себя достойным, что лучше уеду домой и вернусь, когда буду сильнее.

– Ты говоришь ерунду, – сказал он. – Воин берет свою судьбу, какой бы она ни была, и принимает ее в абсолютном смирении. Он в смирении принимает себя таким, каков он есть, но не как повод для сожалений, а как живой вызов.

Каждому из нас требуется время, чтобы понять это и сделать своим достоянием. Я когда-то ненавидел само слово «смирение».

Я – индеец, а мы, индейцы, всегда были смиренны и только и делали, что опускали головы. Я думал, что смирению не по пути с воином. Я ошибался. Сейчас я знаю, что смирение воина и смирение нищего – невероятно разные вещи. Воин ни перед кем не

опускает голову, но в то же время он никому не позволит опускать голову перед ним. Нищий, напротив, падает на колени и шляпой метет пол перед тем, кого считает выше себя. Но тут же требует, чтобы те, кто ниже его, мели пол перед ним.

Вот почему я сегодня сказал тебе, что не знаю, что чувствуют учителя. Я знаю только смирение воина. А оно никогда не позволит мне быть чьим-то учителем.

Мы некоторое время молчали. Его слова глубоко взволновали меня. Я был тронут ими, но в то же время мне не давало покоя увиденное в чапаррале. Про себя я решил, что дон Хуан явно что-то скрывает и на самом деле вполне осведомлен о происходящем. Я ушел в эти размышления, но тот же странный звук вдруг вывел меня из задумчивости. Дон Хуан усмехнулся.

– Ты любишь смирение нищего, – тихо сказал он. – Ты склоняешь голову перед разумом.

– Мне вечно кажется, что меня разыгрывают, – сказал я. – Это моя основная проблема.

– Ты прав, тебя разыгрывают, – заметил он с обезоруживающей улыбкой. – Но твоя проблема не в этом. На самом деле ты считаешь, будто я сознательно тебя обманываю. Так ведь?

– Да, что-то во мне не позволяет поверить в реальность происходящего.

– Ты опять прав. Ничто из происходящего не является реальным.

– Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан?

– Вещи становятся реальными лишь тогда, когда ты научился соглашаться с их реальностью. Например то, что произошло сегодня ночью, вряд ли может быть для тебя реальным, потому что никто тебя в этом не поддержит.

– Ты хочешь сказать, что ничего не видел?

– Конечно видел, но я не в счет. Вспомни – я тот, кто тебя обманывает.

Дон Хуан смеялся, пока не закашлялся. Его смех был дружеским, хотя смеялся он явно надо мной.

– Не принимай близко к сердцу чушь, которую я несу, – сказал он ободряюще. – Я просто стараюсь расслабить тебя, зная, что ты чувствуешь себя в своей тарелке только когда выбит из колеи. Его выражение было рассчитано комичным, так что мы оба расхохотались. После некоторой паузы я вдруг понял, что эти слова только еще больше испугали меня.

– Ты боишься меня? – спросил он.

– Не тебя, а того, что ты приносишь с собой.

– Я приношу с собой свободу воина. Ты этого боишься?

– Нет, но твое знание слишком устрашающе. В нем нет для меня утешения. Нет гавани для приюта.

– Ты опять все путаешь. Утешение, гавань, страх – все это настроения, которым ты научился, даже не спрашивая об их ценности. Как видно, черные маги уже завладели всей твоей преданностью.

– Кто такие черные маги?

– Окружающие нас люди являются черными магами. А поскольку ты с ними, то ты тоже черный маг. Задумайся на секунду, можешь ли ты уклониться от тропы, которую они для тебя проложили?

Нет. Твои мысли и поступки навсегда зафиксированы в их терминологии. Это рабство. А вот я принес тебе свободу. Свобода стоит дорого, но цена не невозможна. Поэтому бойся своих тюремщиков, своих учителей. Не трать времени и сил, боясь меня. Я знал, что он был прав. Но, несмотря на мое искреннее согласие с ним, я знал, что привычки моей жизни обязательно заставят меня тянуться к моей старой тропе. Я и в самом деле был рабом.

После долгого молчания дон Хуан спросил меня, достаточно ли у меня силы, чтобы еще раз столкнуться со знанием.

– Ты хочешь сказать – с бабочкой? – спросил я шутя. Он согнулся от смеха, словно я только что сказал самую смешную вещь в мире.

– Что ты в действительности имеешь в виду, когда говоришь, что знание – это бабочка? – спросил я.

– Я ничего другого не имею в виду, – ответил он. – Бабочка есть бабочка. Я думал, что к настоящему времени у тебя со всеми твоими достижениями будет достаточно силы, чтобы *видеть*. Вместо этого ты всего лишь мельком заметил человека, а это не было истинным *видением*.

В самом начале моего ученичества дон Хуан ввел концепцию *видения* как особой способности, которая позволяет воспринимать истинную природу вещей и которую можно развить.

За годы нашего общения у меня сложилось впечатление, что так, называемое «видение» является интуитивным восприятием или же способностью понимать что-то целиком и мгновенно, или, возможно, способностью насквозь видеть человеческие поступки и выявлять скрытые значения и мотивы.

– Сегодня вечером, когда ты впервые встретился с бабочкой, ты наполовину смотрел, наполовину *видел*, – сказал дон Хуан. – В этом состоянии, хотя ты и не был обычным самим собой, но, тем не менее, смог вполне сознательно управлять своим знанием мира. Дон Хуан остановился и взглянул на меня. Сначала я не знал, что сказать.

– Как я управлял своим знанием мира? – спросил я наконец.

– Твое знание мира сказало тебе, что в кустах можно найти только подкрадывающихся животных или людей, прячущихся за листвой. Ты удержал эту мысль. Естественно, что тебе пришлось найти способ удержать мир таким, чтобы он отвечал этой мысли.

– Но я вообще не думал, дон Хуан.

– Тогда не будем называть это думаньем. Скорее, это привычка видеть мир соответствующим нашему представлению о нем. Когда это не так, мы просто делаем его соответствующим. Бабочки, большие, как человек, не могут быть даже мыслью. Поэтому для тебя то, что находилось в кустах, должно было быть человеком. То же самое случилось с койотом. Твои старые привычки определили природу и этой встречи. Что-то произошло между тобой и койотом, но это был не разговор. Я сам бывал в такой переделке. Я тебе рассказывал, как однажды говорил с оленем. Но ни ты, ни я никогда уже не узнаем, что происходило в этих случаях на самом деле.

– О чем ты говоришь, дон Хуан?

– Когда мне стало понятным объяснение магов, было уже слишком поздно узнавать, что именно сделал для меня олень. Я сказал, что мы разговаривали, но это было не так. Сказать, что между нами состоялась беседа, – лишь способ расставить все по местам так, чтобы я мог рассказать об этом. Олень и я что-то делали, но в это время мне нужно было заставить мир соответствовать моим идеям совершенно так же, как это сделал ты. Как и ты, я всю жизнь разговаривал. Поэтому мои привычки взяли верх и распространились на оленя. Когда олень подошел ко мне и сделал то, что он сделал, я был вынужден понимать это как разговор.

– Это объяснение магов?

– Нет, это мое объяснение тебе. Но оно не противоречит объяснению магов.

Его объяснение вызвало у меня состояние огромного умственного возбуждения. На некоторое время я не только забыл о крадущейся

бабочке, но даже перестал записывать. Я попытался перефразировать его заявление, и мы ушли в длинные рассуждения относительно рефлексивной природы нашего мира. Мир, по словам дона Хуана, должен соответствовать его описанию. Это описание отражает само себя.

Еще одним аспектом его объяснения была идея, что мы научились соотносить себя с нашим описанием мира в соответствии с тем, что он называл «привычками». Я привел более обширный термин «преднамеренность» – как свойство человеческого осознания, посредством которого соотносятся с объектом или его истолковывают.

В ходе разговора мы пришли к интересному выводу. После объяснений дона Хуана наш «разговор» с койотом приобретал новые черты. Я действительно намеренно вызвал диалог, поскольку никогда не знал другого пути намеренной коммуникации. Я преуспел в том, чтобы заставить и его отвечать описанию, соответственно которому общение происходит через диалог. Таким образом я заставил описание отразиться.

Я чувствовал огромный подъем. Дон Хуан засмеялся и сказал, что быть до такой степени тронутым словами – это другой аспект моей глупости. Он забавными жестами изобразил немой разговор.

– Мы все проходим через одну и ту же ерунду, – сказал он после длительной паузы. – Единственный способ преодолеть ее – это продолжать действовать как воин. Остальное придет само собой и через себя самого.

– А что остальное, дон Хуан?

– Знание и сила. Люди знания обладают и тем и другим. Но как они их приобрели, не сможет сказать никто. Единственное, что можно утверждать, – они неуклонно действовали как воины, и в какой-то момент все изменилось.

Он посмотрел на меня. Казалось, он был в нерешительности. Затем он встал и сказал, что у меня нет иного выхода, как только продолжить свое свидание со знанием.

Я ощутил озноб. Сердце начало колотиться. Я поднялся. Дон Хуан обошел вокруг меня, как бы рассматривая мое тело под всеми возможными углами. Он сделал мне знак сесть и продолжать писать.

– Если будешь слишком испуган, ты не сможешь провести свое свидание. Воин должен быть спокоен и собран и никогда не

должен ослаблять своей хватки.

– Я Действительно испуган, – сказал я. – Бабочка или не бабочка, но что-то там ползает по кустам.

– Конечно это она! – воскликнул он. – Я возражаю против того, что ты настаиваешь на восприятии ее как человека, точно так же, как ты настаивал на восприятии разговора с койотом.

Какая-то часть меня полностью поняла, что он хочет сказать. Но был и другой аспект меня самого, который не желал отступить и, вопреки очевидному, накрепко вцепился в рассудок.

Я сказал дону Хуану, что его объяснения не удовлетворяют мои чувства, хотя интеллектуально я полностью согласен с ним.

– В этом слабая сторона слов, – сказал он ободряюще. – Они заставляют нас: чувствовать себя осведомленными, но когда мы оборачиваемся, чтобы взглянуть на мир, они всегда предают нас, и мы опять смотрим на мир как обычно, без всякого просветления.

Поэтому маг предпочитает действовать, а не говорить. В результате он получает новое описание мира, в котором разговоры не столь важны, а новые поступки имеют новые отражения.

Он сел рядом, посмотрел мне в глаза и попросил рассказать о том, что я действительно «видел» в чапарале.

На секунду меня охватило чувство полной неопределенности. Я видел темную фигуру человека, но видел и то, как эта фигура превратилась в птицу. Таким образом я видел больше, чем мой разум позволял мне считать вероятным. Но что-то во мне сопротивлялось возможности совершенно отбросить разум. Я предпочел выбрать отдельные детали моего опыта, такие как размеры и общие очертания темной фигуры, и, удерживая их как разумную возможность, предпочел проигнорировать другие.

Например, то, что темная фигура превратилась в птицу. Таким образом я убедил себя, что видел человека.

Когда я рассказал о своем затруднении, дон Хуан расхохотался. Он сказал, что рано или поздно объяснение магов придет мне на помощь. И тогда все станет совершенно ясным без необходимости быть разумным или неразумным.

– А пока все, что я могу для тебя сделать, – гарантировать, что это был не человек.

Взгляд дона Хуана стал беспокоящим. Я почувствовал себя неуютно и занервничал.

– Я ищу отметки на твоем теле, – объяснил он. – Может, ты этого и

не знаешь, но сегодня вечером мы побывали в хорошей переделке.

– Что за отметки ты ищешь?

– Не физические отметки, а знаки, указания на твоих светящихся волокнах, области особого свечения. Мы – светящиеся существа, и все, что мы делаем и чувствуем, бывает видно в наших волокнах. У людей есть яркость, свойственная только им. Это единственный способ отличить их от других светящихся существ.

Если бы ты *видел* сегодня вечером, то заметил бы, что фигура в кустах не была светящимся живым существом.

Я хотел продолжить расспросы, но он приложил руку к моим губам и прошептал, чтобы я прислушался и попытался услышать тихое шуршание, мягкие приглушенные шаги бабочки по сухим листьям и веткам на земле.

Я ничего не слышал. Дон Хуан резко встал, взял лампу и сказал, что мы перейдем под рамаду. Он вывел меня через черный ход и обвел вокруг дома по краю чапарраля вместо того, чтобы просто пройти через комнату и выйти через переднюю дверь. Он объяснил, что нам важно дать знать о своем присутствии. Мы наполовину обошли дом с левой стороны. Дон Хуан шел очень медленно, с трудом передвигая ноги. Трясущимися руками он держал лампу, освещая путь.

Я спросил, что с ним случилось. Подмигнув мне, он прошептал, что большая бабочка, рыскающая вокруг, ожидает свидания с молодым человеком, и что шаркающая походка немощного старика была явным способом показать, с кем из нас она должна встретиться.

Когда мы, наконец, подошли к крыльцу, дон Хуан повесил лампу на балку, усадил меня спиной к стене, а сам сел справа.

– Мы будем сидеть здесь, – сказал он. – Пиши и говори со мной как обычно. Бабочка, которая бросилась на тебя сегодня ночью, прячется в кустах неподалеку. Через некоторое время она подойдет, чтобы взглянуть на тебя. Вот почему я повесил лампу над твоей головой. Свет поможет бабочке найти тебя. Когда она подойдет к краю кустов, то позовет тебя. Это очень специфический звук. Он сам по себе может помочь тебе.

– Что за звук, дон Хуан?

– Это песня, навязчивый зов, который производит бабочка.

Обычно его нельзя услышать, но бабочка, которая находится там, в кустах – редкая бабочка. Ты будешь явно слышать ее зов, и, при

условии, что ты будешь неуязвим, он останется с тобой до конца твоей жизни.

– Чем он мне поможет?

– Сегодня ночью ты попытаешься закончить начатое раньше.

Видение приходит только тогда, когда воин способен остановить внутренний диалог. Сегодня ты своей волей остановил его там, в кустах. И ты *видел*. То, что ты *видел*, не было ясным. Ты думал, что это был человек. Я говорю, что это была бабочка. Мы оба не правы, но это потому, что нам приходится говорить. Я, однако же, взял верх, потому что я *вижу* лучше тебя и потому что я знаком с объяснением магов. Поэтому я знаю, хотя и не абсолютно точно, что фигура, которую ты видел, была бабочкой. А сейчас молчи, ни о чем не думай и дай возможность той бабочке прийти к тебе опять. Я едва был способен записывать. Дон Хуан засмеялся и попросил меня продолжать, как ни в чем не бывало. Он взял меня за руку и сказал, что ведение записей является моим самым лучшим щитом.

– Мы никогда не говорили о бабочках, – сказал он. – Но сейчас пришло время. Как ты уже знаешь, твой дух воина не уравновешен. Чтобы уравновесить его, я научил тебя жить, как подобает воину. Воин начинает с уверенности, что его дух неуравновешен, а затем, с полным осознанием, но без спешки и медлительности, он делает все лучшее для достижения этого равновесия.

В твоем случае, как и в случае с каждым человеком, твоя неуравновешенность вызвана общей суммой всех твоих поступков. К настоящему времени твой дух, кажется, готов к разговору о бабочках.

– Откуда ты это знаешь?

– Я заметил отблеск бабочки, рыскающей вокруг, когда ты приехал. Впервые она была так дружелюбна и открыта. Я видел ее и прежде в горах возле дома Хенаро, но тогда она была угрожающей фигурой, отражающей отсутствие порядка в тебе. В этот момент я услышал странный звук. Он был похож на приглушенный треск ветвей, трущихся друг о друга, или на работу небольшого моторчика, находящегося в отдалении. Он менял тональность, создавая неуловимый ритм. Неожиданно он прекратился.

– Это была бабочка, – сказал дон Хуан. – Возможно ты уже заметил, что хотя свет лампы достаточно яркий, чтобы привлекать

насекомых, ни одно из них не прилетело.

Я не обращал на это внимания и только сейчас заметил невероятную тишину в пустыне вокруг дома.

– Не становись непоседливым, – сказал он. – В мире нет ничего такого, чего воин не должен принимать в расчет. Видишь ли, воин рассматривает себя как бы уже мертвым, поэтому ему нечего терять. Самое худшее с ним уже случилось, поэтому он ясен и спокоен. Если судить о нем по его поступкам, то никогда нельзя заподозрить, что он замечает все.

Слова дона Хуана, а еще больше – его настроение, подействовали на меня успокаивающе. Я сказал ему, что в своей повседневной жизни уже больше не испытываю прежнего захлестывающего страха, но теперь мое тело содрогается от испуга при одной мысли о том, что находится там, в темноте.

– Там есть только знание, – сказал он как само собой разумеющееся. – Знание пугающе, это правда. Но если воин принимает пугающую природу знания, то он отбрасывает его возможность ужасать.

Станный воркующий звук раздался снова. Он казался ближе и громче. Я внимательно слушал. Чем больше внимания я ему уделял, тем труднее было определить его природу. Оттенок каждого звука был богатым и глубоким, он не походил на крик птицы или животного. Одни звуки производились в низком ключе, другие – в высоком. Они имели особую длительность. Некоторые были протяжными. Я слышал их отдельные ноты. Другие были короткими, они сливались вместе, как звук пулеметной очереди.

– Бабочки являются глашатаями, или, лучше сказать, стражами вечности, – сказал дон Хуан после того, как звук прекратился. – По какой-то причине, или, может быть, вообще без всякой причины, они являются хранителями золотой пыли вечности.

Эта метафора была мне незнакома. Я попросил объяснить ее.

– Бабочки несут пыльцу на своих крыльях, – сказал он. – Темно-золотую пыль. Эта пыль является пылью знания.

Его объяснение сделало метафору еще более смутной. Какое-то время я раздумывал, пытаясь получше сформулировать вопрос, но он заговорил вновь.

– Знание – это особая вещь, – сказал он. – Специально для воина. Знание для воина является чем-то таким, что приходит сразу, поглощает его и проходит.

– Но какая связь между знанием и пылью на крыльях бабочки? – спросил я после длинной паузы.

– Знание приходит, летя как крупницы золотой пыли, той самой пыльцы, которая покрывает крылья бабочек, поэтому для воина знание похоже на ливень, на пребывание под дождем из крупниц темно-золотой пыли.

Как можно вежливее я заметил, что его объяснения смутили меня еще больше. Он засмеялся и заверил меня, что говорит вполне осмысленные вещи, вот только мой разум не позволяет мне чувствовать себя хорошо.

– Бабочки были близкими друзьями и помощниками магов с давних времен. Я не касался этой темы раньше, потому что ты не был к ней готов.

– Но как может пыльца на их крыльях быть знанием?

– Ты увидишь.

Положив руку на мой блокнот, он велел закрыть глаза и умолкнуть, ни о чем не думая. Он сказал, что зов бабочки из чапарраля поможет мне. Если я буду внимателен к нему, то он расскажет мне о необычных вещах. Он подчеркнул, что не знает, как будет установлена связь между мной и бабочкой. Так же как не знает, каковы будут условия этой связи. Он велел мне чувствовать себя легко и уверенно и доверять своей личной силе.

Хотя вначале я беспокоился и нервничал, я добился того, что начал отключать свой внутренний диалог. Мыслей постепенно становилось все меньше, пока мой ум не стал совершенно чистым. Когда я стал более спокоен, звуки в чапаррале, казалось, исчезли. Станный звук, который, по словам дона Хуана, производила бабочка, возобновился вновь. Он воспринимался как ощущение в моем теле, а не как мысль. Я понял, что он не был угрожающим. Он был милым и простым. Он почему-то напоминал ребенка и вызывал воспоминание о маленьком мальчике, которого я знал кола-то. Длинные звуки напомнили мне о его круглой белой голове, короткое стаккато звуков – о его смехе. Очень сильное чувство охватило меня, но мыслей все же не было. Я чувствовал сильную боль во всем теле. Сидеть я больше не мог и завалился на бок. Моя печаль была так велика, что я начал думать. Я взвесил свою боль и печаль и внезапно оказался в самой гуще внутренних споров о маленьком мальчике. Воркующий звук исчез. Мои глаза были закрыты. Я услышал, как дон Хуан поднялся, а затем

почувствовал, что он помогает мне сесть. Говорить не хотелось. Он тоже молчал. Я услышал, что он двигается рядом со мной, и открыл глаза. Он стоял возле меня на коленях и рассматривал мое лицо, держа возле него лампу. Он велел мне положить руку на живот, поднялся, пошел на кухню и принес воды. Он плеснул мне немного в лицо, а остальное дал выпить.

Он сел рядом и подал мне мои записи. Я рассказал ему, что звук вызвал у меня очень болезненные воспоминания.

– Ты индульгируешь сверх всякой меры, – сухо сказал он.

Казалось, он задумался, как бы подыскивав подходящую фразу.

– Твоя задача на сегодняшнюю ночь – *видение людей*, – сказал он наконец. – Сначала ты должен остановить свой внутренний диалог.

Затем ты должен вызвать образ лица, которое ты захочешь *увидеть*. Любая мысль, которую ты удерживаешь в уме в состоянии внутреннего молчания, равносильна команде, поскольку там нет других мыслей, способных соперничать с ней. Сегодня ночью бабочка в кустах хочет помочь тебе, поэтому она будет петь для тебя. Эта песня принесет тебе золотую пыль, и ты *увидишь* выбранного тобой человека.

Я хотел узнать подробности, но он жестом прервал меня и велел продолжать.

После нескольких минут борьбы я смог остановить внутренний диалог. Затем я произвольно задержал мысль о своем друге. Мне показалось, я закрыл глаза всего лишь на мгновение и вдруг понял, что кто-то трясет меня за плечи. Я медленно приходил в себя.

Открыв глаза, я увидел, что лежу на левом боку. Очевидно, я заснул так глубоко, что даже не заметил, как упал на землю. Дон Хуан помог мне сесть. Засмеявшись, он изобразил мое храпение, и сказал, что если бы он своими глазами не видел, как это произошло, он никогда бы не поверил, что можно так быстро заснуть. Добавив, что забавно наблюдать за мной, когда я делаю что-нибудь, выходящее за рамки моего понимания, он забрал у меня блокнот и сказал, что мы должны начать все сначала.

Я прошел необходимые ступени. Вновь я услышал странный воркующий звук. На этот раз он исходил не из чапарраля. Он шел как бы изнутри меня, словно его издавали мои губы, руки или ноги. Звук, казалось, поглотил меня. Я чувствовал, словно какие-то мягкие шарики летели не то в меня, не то от меня. Это было успокаивающее, захватывающее ощущение, как будто тебя

бомбардируют тяжелыми ватными шариками. Внезапно я услышал, как ветер распахнул дверь, и опять начал думать. Я думал о том, что испортил еще один шанс. Я открыл глаза и увидел, что нахожусь в своей комнате. Все предметы на письменном столе лежали так же, как я их оставил. Дверь была открыта, снаружи дул сильный ветер. Мне пришла в голову мысль, что нужно проверить кипятильник. Затем я услышал постукивание по окну, которое я сам закрыл и которое плохо прилегало к раме. Это был отчаянный стук, как будто кто-то хотел войти. Я ощутил приступ страха. Поднявшись с кресла, я вдруг почувствовал, что что-то тащит меня. Я закричал.

Дон Хуан тряс меня за плечи. Я возбужденно пересказал ему свое видение. Оно было таким живым, что я все еще дрожал. Я ощущал себя так, словно только что перенесся из-за своего письменного стола в плоти и крови.

Дон Хуан с недоверием покачал головой и сказал, что я просто гений в том, как я себя дурачу. Его, казалось, не впечатлило то, что я сделал. Он просто отказался обсуждать это и велел мне смотреть вновь.

Опять я слышал мистический звук. Он приходил ко мне, как сказал дон Хуан, в виде дождя золотых крупинок. Я не ощущал, чтобы это были плоские пластинки или чешуйки, как он их описывал, а, скорее, как сферические пузырьки, и они плыли ко мне. Один из них разорвался перед моими глазами и раскрылся, открывая странный предмет. Он был похож на гриб. Я смотрел на него, и это явно не было сном. Грибовидный предмет оставался неизменным в поле моего «зрения», а затем подскочил, как если бы свет, который заливал его, был выключен. Наступила темнота. Я ощутил дрожь, очень неприятный толчок, а затем внезапно понял, что меня трясут. Чувства мои сразу же включились. Дон Хуан сильно тряс меня, а я смотрел на него. Должно быть, в этот момент я только что открыл глаза.

Он брызнул мне в лицо водой. Ощущение холода было очень резким. После секундной паузы он захотел узнать, что случилось. Я пересказал ему каждую деталь моего видения.

— Но что я *видел*? — спросил я.

— Своего друга, — съехидничал он.

Я засмеялся и терпеливо объяснил, что «видел» грибовидную фигуру, и хотя у меня не было никаких критериев, чтобы судить о

ее размерах, но думаю, что она была около фута длиной. Дон Хуан подчеркнул, что только чувства тут идут в счет. Он сказал, что это мои чувства вызвали то состояние существа предмета, которое я *видел*.

– По твоему описанию и по твоим чувствам я могу заключить, что твой друг должен быть очень красивым человеком, – сказал он. Я был озадачен его словами.

Он сказал, что грибовидные образования были основной формой человеческих существ, когда маг *видел* их на большом расстоянии. Но когда он прямо смотрит на человека, которого *видит*, то человеческие качества проявляются как яйцевидное образование светящихся волокон.

– Ты не был лицом к лицу со своим другом, – сказал он. – Поэтому он показался тебе грибом.

– Почему это так, дон Хуан?

– Никто не знает. Просто таким способом люди являются в этом особом типе *видения*.

Он добавил, что каждая черта в грибовидном образовании имеет особое значение и что для начинающего невозможно точно истолковать, что означает тот или иной признак.

Затем ко мне пришло воспоминание, озадачившее меня.

Несколькими годами ранее в состоянии необычной реальности, вызванном приемом психотропных растений, я испытал или ощутил, глядя на водный поток, как ко мне плыли пузырьки, которые поглощали меня. Те золотые пузырьки, которые я только что видел, летели ко мне и захватывали меня точно таким же образом. Фактически я мог бы сказать, что и те, и другие пузырьки имели одинаковую структуру и одинаковый паттерн.

Дон Хуан выслушал мои комментарии без интереса.

– Не трать свою силу на мелочи, – сказал он, – когда имеешь дело с бесконечностью.

Движением руки он указал на чапарраль.

– Если ты превратишь это величие в разумность, то ничего этим не добьешься. Окружающее нас здесь – сама вечность. И заниматься тем, чтобы уменьшать ее до уровня управляемой чепухи не только глупо, но и крайне вредно.

Затем он настоял на том, чтобы я попытался «увидеть» еще кого-нибудь из круга моих знакомых. Он сказал, что когда видение закончится, я должен постараться раскрыть глаза и сам пробиться

на поверхность до полного осознания окружающего.

Я добился успеха в том, чтобы удержать картинку другой грибообразной структуры, но если первая была желтоватая и небольшая, то вторая была белесой, крупнее и плотнее первой. К тому времени, когда мы закончили разговор о двух только что *увиденных* мною формах, я позабыл о «бабочке в кустах», которая так занимала меня недавно. Я сказал дону Хуану, что меня удивляет, с какой легкостью я оказался способен отбросить то, что так недавно потрясло меня. Казалось, я стал не тем лицом, которого знал всегда.

– Не понимаю, почему ты поднимаешь из-за этого такой шум, – сказал дон Хуан. – Всегда, когда прекращается диалог, мир разрушается, и на поверхность выходят незнакомые грани нас самих, как если бы до этого они содержались под усиленной охраной наших слов. Ты такой, какой ты есть, потому что ты говоришь это себе.

После короткого отдыха дон Хуан попросил меня продолжать «вызывать» друзей. Он сказал, что здесь важно постараться «видеть» так много, насколько это возможно, чтобы установить мостик для чувства.

Я вызвал по очереди тридцать два человека. После каждой попытки он требовал детального описания всего, что я ощущал в своем видении. Однако он изменил эту процедуру, когда я стал осуществлять ее более успешно. Он судил по тому, что я стал останавливать внутренний диалог за несколько секунд, стал способен открывать глаза сам в конце каждого опыта и восстанавливал обычную деятельность без всякого перехода. Я заметил эту перемену, когда мы обсуждали окраску грибовидных образований. Он указал, что это была не окраска, но сияние переменной интенсивности. Я уже собирался описать желтоватое сияние, которое только что «видел», как вдруг он прервал меня и точно описал сам, что именно я «видел». Начиная с этого момента он описывал содержание каждого видения, но не так, как если бы ориентировался с моих слов, но как если бы «видел» это сам. Когда я попросил его прокомментировать это, он просто отказался говорить на эту тему.

К тому времени, когда я вызвал уже тридцать два человека, я сообразил, что *видел* большое разнообразие грибовидных форм и сияний, и испытал по отношению к ним целую гамму чувств,

начиная от тихого восхищения, кончая откровенным отвращением. Дон Хуан объяснил, что светимости людей наполнены образованиями, которые могут быть желаниями, проблемами, печалью, заботами и так далее. Он сказал, что только очень могучий маг может расшифровать значение этих образований и что я должен быть доволен тем, что просто вижу общие очертания людей.

Я устал. Созерцание этих странных форм вызывало у меня довольно неприятное чувство обреченности. Казалось, они поймали меня в ловушку. Дон Хуан велел мне писать, чтобы рассеять мрачное настроение. После некоторой паузы, во время которой я так и не смог ничего написать, он попросил меня вызывать тех людей, которых он сам будет выбирать.

Появилась новая серия форм. Они были похожи не на грибы, а скорее на японские чашечки для саке, перевернутые вверх дном. У некоторых было образование, похожее на голову, как ножка у чашки для саке, другие были округлыми. Их очертания были спокойными и приятными. Я чувствовал, что в них заключалось какое-то врожденное чувство счастья или что-то вроде этого. Они парили, как бы не связанные земным тяготением, которое приковывало к себе предыдущие формы. Каким-то образом один этот факт ослабил мою усталость.

Среди тех людей, которых он выбрал, был и его ученик Элихио. Когда я вызвал видение Элихио, то ощутил толчок, который выбил меня из состояния наблюдения. Элихио был длинной белой формой, которая качнулась, дернулась и, казалось, прыгнула на меня. Дон Хуан объяснил, что Элихио – очень талантливый ученик, и что он, без сомнения, заметил, что кто-то *видит* его. Другим был Паблито, ученик дон Хенаро. Видение Паблито привело меня в еще большее потрясение, чем видение Элихио. Дон Хуан так смеялся, что слезы потекли у него по щекам.

– Почему эти люди имеют другую форму? – спросил я.

– У них больше личной силы, – заметил он. – Как ты мог заметить, они не привязаны к земле.

– Что дало им такую легкость? Они что, такими родились?

– Все мы рождаемся легкими и парящими, по постепенно наша форма становится фиксированной и прикованной к земле. Мы сами себя такими делаем. Пожалуй, можно сказать, что эти люди имеют другую форму, потому что живут как воины. Однако важно

не это. Сейчас важно то, что ты подошел к грани. Ты вызвал сорок семь человек, и теперь тебе осталось вызвать только одного.

Тут я вспомнил, что несколько лет назад в разговоре о магии зерна он сообщил мне, что количество зернышек для этого колдовства – сорок восемь, но так и не сказал, почему. Я снова спросил его об этом.

– Сорок восемь – это наше число, – сказал он. Именно оно делает нас людьми. Я не знаю, почему. Не трать свою силу на idiotские вопросы.

Он поднялся, потянулся всем телом и велел мне сделать то же. Я заметил, что на востоке появилась светлая полоска неба. Затем мы сели, и он приложил губы к моему уху.

– Последний человек, которого ты собираешься вызвать, это Хенаро – настоящая звезда, – прошептал он.

Я почувствовал волну возбуждения и любопытства. Я вновь прошел через все требуемые ступени. Станный звук, доносящийся из чапарраля, стал живым и приобрел новую силу. Я почти забыл о нем. Золотые пузырьки охватили меня, а затем в одном из них я увидел самого дона Хенаро. Он стоял передо мной улыбаясь, держа шляпу в руке. Я поспешно раскрыл глаза, собираясь заговорить, с доном Хуаном, но застыл в полной растерянности, не в силах вымолвить ни слова. По телу у меня пробежал озноб. Сам дон Хенаро стоял передо мной!

Я повернулся к дону Хуану. Он улыбался. Потом оба громко расхохотались. Я тоже попытался смеяться, но не смог и вскочил.

Дон Хуан подал мне чашку воды. Автоматически я выпил ее.

Дон Хенаро почесал голову, скрывая усмешку.

– Разве ты не собираешься поздороваться с Хенаро? – спросил дон Хуан.

Мне стоило огромных усилий привести в порядок свои мысли и чувства, пока я смог, наконец, выдать какие-то приветствия. Дон Хенаро поклонился.

– Ты звал меня, верно? – спросил он, улыбаясь.

Я пробормотал, что просто поражен его появлением.

– Он звал тебя, – вставил дон Хуан.

– Что ж, вот и я, – сказал дон Хенаро. – Что вам угодно, сударь?

Я медленно приходил в себя. И, наконец, ко мне пришло внезапное озарение. С необыкновенной ясностью я понял, что в действительности произошло. Дон Хенаро гостил у дона Хуана.

Увидев мою машину, он спрятался в кустах и оставался там до наступления темноты. Я считал доказательства убедительными. Время от времени дон Хуан подталкивал меня в нужном направлении, и таким образом управлял развитием событий. В нужный момент дон Хенаро позволил мне заметить свое присутствие, а когда мы с доном Хуаном бежали обратно к дому, он следовал за нами самым очевидным образом, чтобы увеличить мой страх. Затем он скрывался в чапаррале, время от времени издавая те странные звуки по знаку дона Хуана. Последний знак выйти из кустов дон Хуан, должно быть, дал, когда мои глаза были закрыты – как раз тогда, когда он попросил меня вызвать Дона Хенаро. Очевидно, тогда дон Хенаро поднялся на веранду и ждал, пока я не открою глаза, чтобы испугать меня до потери сознания. Единственное несоответствие в моей логической схеме было связано с тем, что я действительно видел, как человек, прятаясь в кустах, превратился в птицу и что в первый раз дон Хенаро предстал передо мной как видение в золотом пузырьке. В моем видении он был одет точно так же, как и в действительности. Не найдя убедительного способа объяснить эти несоответствия, я, как обычно в подобных случаях, заключил, что эмоциональный стресс мог сыграть важную роль в том, что я считал своим «видением».

При мысли о том, что все происшедшее было всего лишь розыгрышем, мною овладел истерический смех. Я рассказал им о моих умозаключениях. Оба раскатисто захохотали. Мне казалось, что этот смех их выдает.

– Ты прятался в кустах, не так ли? – спросил я дона Хенаро.

Дон Хуан сел, схватившись за голову обеими руками.

– Нет, я не прятался, – сказал дон Хенаро терпеливо. – Я был далеко отсюда, но ты позвал меня – и я пришел повидаться с тобой.

– А где ты был, дон Хенаро?

– Далеко.

– Как далеко?

Дон Хуан, прервав меня, сказал, что дон Хенаро оказал мне любезность, и я не должен спрашивать, где он был, потому что он был нигде.

Дон Хенаро стал меня защищать и сказал, что все в порядке и что я могу спрашивать о чем угодно.

– Но если ты не прятался около дома, то где же ты был, дон

Хенаро? – спросил я.

– Я был у себя дома, – сказал он с большой важностью.

– В Центральной Мексике?

– Да, это единственный дом, который у меня есть.

Они взглянули друг на друга и опять расхохотались. Я знал, что они дурачат меня, но предпочел не копаться в этом вопросе дальше, решив, что у них должны быть причины для таких сложных трюков.

Я сел. Вдруг у меня появилось весьма странное ощущение раздвоения. Одна часть меня совсем не была шокирована и могла принять любые поступки дона Хенаро или дона Хуана за чистую монету. Но была и другая, которая совершенно отказывалась сделать это. Это была моя самая сильная часть. В итоге я пришел к выводу, что только на интеллектуальном уровне принял описание мира магии, которое дал мне дон Хуан, тогда как мое тело как целостность отказывалось от него. В этом и была моя дилемма. Но затем, с годами моей связи с доном Хуаном и доном Хенаро я испытал необычайные вещи, и это уже был не интеллектуальный опыт, а опыт тела. Немногим ранее, этой же ночью я выполнил бег силы, который с точки зрения моего интеллекта являлся невообразимым достижением. И более того, сегодня у меня были невероятные видения, являвшиеся по моему желанию без каких-либо вспомогательных средств.

Я объяснил им природу своей мучительной и в то же время оправданной растерянности.

– Этот парень – гений! – сказал дон Хуан дону Хенаро, недоверчиво качая головой.

– Ты ужасный гений, Карлитос! – сказал дон Хенаро, как бы передавая сообщение.

Они уселись по сторонам от меня, дон Хуан справа, а дон Хенаро слева. Дон Хуан заметил, что скоро наступит утро. В этот момент я опять услышал зов бабочки. Он шел теперь с другой стороны. Я посмотрел на них обоих, выдерживая их взгляд. Моя логическая схема начала распадаться. Звук обладал гипнотизирующей глубиной и силой, богатством оттенков.

Затем я услышал мягкие, приглушенные шаги, словно кто-то осторожно наступал на сухую подстилку. Воркующий звук раздался ближе, и я прижался к дону Хуану. Он сухо велел мне *видеть* это. Я сделал громадное усилие.

До сих пор я был уверен, что «бабочка» – это дон Хенаро. Но дон Хенаро сидел рядом со мной. Но что же тогда было в кустах? Бабочка? Воркующий звук эхом отдавался у меня в ушах. Мне никак не удавалось прекратить внутренний диалог. Хотя я и слышал звук, но не мог почувствовать его в своем теле, как делал это раньше. Я слышал отчетливые шаги. Что-то пробиралось в темноте. Послышался громкий треск, словно кто-то наступил на сухую ветку, и внезапно меня охватило пугающее воспоминание. Несколько лет назад я провел ужасную ночь. В диких горах и подвергся нападению чего-то огромного, но очень легкого и мягкого, что вновь и вновь наступало мне на шею, пока я скорчившись лежал на земле. Дон Хуан объяснил мне то событие, как встречу с «союзником», мистической силой, которую маг выучивается воспринимать как существо.

Я плотнее прижался к дону Хуану и шепотом рассказал ему о своем воспоминании. Дон Хенаро на четвереньках подполз к нам, чтобы быть поближе.

– Что он сказал? – спросил он дон Хуана шепотом.

– Он сказал, что там в кустах союзник, – ответил тот тихо.

Дон Хенаро отполз назад я сел. Затем он повернулся ко мне и сказал громким шепотом:

– Ты гений!

Они тихонько засмеялись. Движением подбородка дон Хенаро показал на чапарраль.

– Пойди туда, схвати его, только смотри, не забудь перед этим раздеться, и изгони из этого союзника дьявола!

Они затряслись от смеха. Звук тем временем исчез. Дон Хуан приказал, мне прекратить думать, но оставить глаза открытыми, сфокусированными на краю чапарраля передо мной. Он сказал, что бабочка меняет свое положение из-за того, что здесь находится дон Хенаро, и если она собирается показаться мне, то выберет место прямо передо мной.

После секундной борьбы за успокоение своих мыслей я опять услышал звук. Он был богаче, чем когда-либо. Сначала я слышал приглушенные шаги по сухим веткам, а затем ощутил их на своем теле. В этот момент я различил темную массу прямо перед собой на краю чапарраля.

Я чувствовал, что меня трясут. Дон Хуан и дон Хенаро наклонились надо мной, а я стоял на коленях, как если бы заснул в

скрюченном положении. Дон Хуан дал мне воды, и я сел, прислонившись спиной к стене. Вскоре рассвело. Чапарраль, казалось, проснулся. Утренняя прохлада освежила меня. Это не дон Хенаро был «бабочкой». Мое разумное построение распадалось. Я больше не хотел задавать вопросов, но и молчать мне не хотелось. В конце концов мне пришлось заговорить.

– Но если ты был в Центральной Мексике, дон Хенаро, то как же ты попал сюда?

Хенаро сделал какой-то непонятный и невероятно смешной жест.

– Прости, – сказал он мне. – Мой рот не хочет разговаривать.

Затем он повернулся к дону Хуану и сказал, улыбаясь:

– Почему ты не расскажешь ему?

Дон Хуан поколебался, а затем сказал, что дон Хенаро как потрясающий мастер магии способен на невероятные дела.

Грудь дона Хенаро выпятилась, как будто слова дона Хуана надували его. Он как будто вдохнул так много воздуха, что его грудная клетка стала в три раза больше. Казалось, он вот-вот взлетит. Он подпрыгнул. У меня было ощущение, что это воздух внутри его легких заставил его подпрыгнуть. Он прохаживался взад-вперед по земляному полу до тех пор, пока, видимо, не совладал со своей грудной клеткой. Он погладил ее и с большой силой пробежал ладонями от грудных мышц к животу, как если бы выжимал воздух через грудную клетку. Наконец он уселся. Дон Хуан улыбнулся. Его глаза светились откровенным удовольствием.

– Пиши свои заметки, – сказал он мягко. – Пиши, пиши, или ты умрешь!

Затем он заметил, что даже дон Хенаро воспринимает мое записывание как нечто неземное.

– Это верно, – сказал Хенаро. – Я даже подумываю о том, чтобы начать писать самому.

– Хенаро – человек знания, – сказал дон Хуан сухо. – И, как человек знания, он вполне способен переносить себя на большие расстояния.

Он напомнил мне, что однажды, несколько лет назад, мы все трое были в горах, и дон Хенаро, пытаясь помочь мне преодолеть свой глупый рассудок, совершил огромный прыжок на вершины гор, находившихся в десяти милях от нас. Я помнил это событие, но помнил и то, что не смог поверить в его прыжок.

Дон Хуан добавил, что иногда Хенаро способен выполнять

необычайные задачи.

– В определенное время Хенаро – это не Хенаро, а его дубль, – сказал он.

Он повторил это три или четыре раза. Затем оба они стали следить за мной, как бы ожидая запоздалой реакции. Я не понял, что он имел в виду под словами «его дубль». Он никогда не упоминал этого раньше. Я попросил разъяснений.

– Есть другой Хенаро, – объяснил он.

Мы все трое посмотрели друг на друга. Я очень встревожился. Движением глаз дон Хуан приказал мне продолжать разговор.

– У тебя что, есть брат-близнец? – спросил я, поворачиваясь к дону Хенаро.

– Конечно, – сказал он. – У меня есть двойник.

Я не мог понять, шутят они или нет. Оба смеялись как два ребенка, празднующих шалость.

– Можно сказать, – продолжал дон Хуан, – что в настоящий момент Хенаро – это его двойник.

Это заявление повергло их обоих на землю от хохота. Но я не мог примкнуть к их веселью. Мое тело невольно задрожало. Дон Хуан сказал жестким тоном, что я слишком ощущаю собственную важность.

– Отпустишь, – приказал он. – Ты знаешь, что Хенаро – маг и неуязвимый воин, поэтому он способен выполнять дела, которые были бы немыслимы для обычного человека. Его двойник – другой Хенаро – одно из этих дел.

Я онемел. Воспринять все это просто как шутку я уже не мог.

– Для воина, подобного Хенаро, – продолжал он, – произвести Другого – не такая уж невероятная задача.

После долгих колебаний я наконец спросил:

– А этот «другой» похож на него самого?

– Другой и есть он сам, – ответил дон Хуан. Его объяснение было невероятным, но не более невероятным, чем все, что они делали.

– А из чего сделан «другой»? – спросил я после минутной нерешительности.

– Этого нельзя узнать, – сказал он.

– Но если он такой же реальный, как я...

– Такой же реальный, как ты? – вставили в унисон дон Хуан и дон Хенаро.

Они переглянулись и так смеялись, что им чуть не стало дурно.

Дон Хенаро бросил свою шляпу на пол и танцевал вокруг нее. Его танец был сложным, грациозным и по какой-то совершенно непонятной причине очень смешным. Наверное, юмор был в его исключительно отточенных движениях. Несоответствие было таким тонким, и в то же время столь заметным, что я скорчился от смеха.

– Твоя беда, Карлитос, – сказал он, после того, как сел, – состоит в том, что ты гений.

– Я должен узнать о дубле, – сказал я.

– Невозможно узнать, состоит ли он из плоти и крови, – сказал дон Хуан, – потому что он такой же реальный, как и ты. Дубль Хенаро такой же реальный, как Хенаро, понимаешь, что я имею в виду?

– Ты должен признать, дон Хуан, что существует способ узнать.

– Дубль – это он сам. Это объяснение должно удовлетворять тебя. Если бы ты, однако, *видел*, ты бы знал, что есть очень большая разница между Хенаро и дублем. Для мага, который *видит*, дубль ярче.

Я чувствовал себя слишком слабым, чтобы продолжать задавать вопросы. Я положил блокнот, и на мгновение мне показалось, что я сейчас потеряю сознание. Поле зрения сузилось, став как бы туннелем. Все вокруг было темным, кроме круглого пятна ясной видимости прямо перед глазами.

Дон Хуан сказал, что мне надо поесть. Я не был голоден. Дон Хенаро заявил, что он умирает от голода, встал и отправился в заднюю часть дома. Дон Хуан тоже поднялся и сделал мне знак идти следом. На кухне дон Хенаро положил себе еды, а затем невероятно комично начал изображать человека, который страшно хочет есть, но не может проглотить пищу. Я думал, что дон Хуан сейчас умрет. Он рычал, брыкал ногами, кричал, кашлял и задыхался от смеха. Мне казалось, что я сейчас надорву себе бока. Игра дона Хенаро была бесценной.

Наконец он отказался от своих попыток и взглянул на нас по очереди. Его блестящие глаза излучали улыбку.

– Не помогает, – сказал он и пожал плечами.

Я съел огромное количество пищи, как и дон Хуан. Затем все мы вышли на веранду перед домом. Солнечный свет был очень ярким, небо – чистым, утренний ветерок освежал. Я чувствовал себя сильным и счастливым. Мы сели треугольником лицом друг к другу. После вежливого молчания я решил попросить их

просьнуть мою проблему. Я опять чувствовал себя в отличной форме и хотел использовать свою силу.

– Расскажи мне еще о дубле, дон Хуан, – попросил я. Дон Хуан указал на дона Хенаро, и тот поклонился.

– Вот он, – сказал дон Хуан. – Тут нечего говорить. Он здесь, ты можешь смотреть на него.

– Но он – дон Хенаро, – сказал я в слабой попытке направить разговор.

– Конечно, я – Хенаро, – сказал он и пожал плечами.

– Что же тогда такое дубль, дон Хенаро? – спросил я.

– Спроси его, – сказал он, указывая на дона Хуана. – Он тот, кто разговаривает, а я немой.

– Дубль – это сам маг, развившийся через свои *сновидения*, – объяснил дон Хуан. – Дубль для мага – это действие силы, но лишь сказка о *силе* – для тебя. В случае с Хенаро его дубль неотличим от оригинала. Он воин, и его безупречность – выше всяких похвал. Поэтому сам ты никогда не замечал разницы. Но за те годы, что ты его знаешь, ты встречался с оригиналом Хенаро только дважды. Все остальное время ты был с его дублем.

– Но это противоестественно! – воскликнул я.

Я чувствовал нарастающую тревогу. Я был так возбужден, что уронил свой блокнот, и мой карандаш куда-то закатился. Дон Хуан и дон Хенаро буквально нырнули на землю и начали разыгрывать его поиски. Я никогда не видел более поразительного представления театрального фокусника с ассистентом. Разве что здесь не было сцены или декораций, и, скорее всего, исполнители не применяли при этом ловкость рук.

Хенаро, главный фокусник, и его ассистент дон Хуан в несколько секунд извлекли поразительное разнообразие самых невероятных предметов, которые они находили под, или за, или над любым объектом, находившимся на веранде.

В стиле эстрадного артиста ассистент раскладывал предметы прямо на грязном полу: камни, мешки, куски дерева, молочную флягу и мой пиджак. Затем фокусник дон Хенаро приступал к обследованию предмета, который он выбрасывал, как только убеждался, что это не мой карандаш. Коллекция найденных предметов включала одежду, парики, очки, игрушку, поварешки, шестерни, мешки, женское нижнее белье, человеческие зубы, сэндвичи и предметы религиозного культа. Один из найденных

предметов был совершенно отвратителен. Это был кусок высохшего дерьма, который дон Хуан извлек из-под моего пиджака. Наконец, дон Хенаро нашел мой карандаш и вручил его мне после того, как обтер с него пыль полкой своей рубашки. Они отметили свою клоунаду криками и смехом. Я оказался зрителем, который никак не мог присоединиться к их веселью.

– Не принимай все так серьезно, Карлитос, – сказал дон Хенаро с оттенком участия. – Иначе ты сделаешь...

Он сделал смешной жест, который мог означать что угодно. После того, как их смех утих, я спросил у дона Хенаро, что делает дубль, или что маг делает со своим дублем. Отвечал дон Хуан. Он сказал, что у дубля есть сила, и ее можно использовать для задач, которые были бы невообразимы в обычных условиях.

– Я уже неоднократно говорил тебе, что мир неизмерим, – сказал он мне. – Как и мы, как и каждое существо, которое есть в этом мире. Поэтому невозможно постичь дубля разумом, однако тебе было позволено смотреть на него, и этого должно быть более чем достаточно.

– Но есть же хоть какой-нибудь способ говорить о нем? – спросил я.

– Ты сам говорил мне, что ты объяснял свой разговор с оленем, чтобы иметь возможность говорить со мной. Не можешь ли ты сделать то же самое с дублем?

Он молчал. Я упрасивал. Нетерпение, которое я испытывал, было ни с чем не сравнимо.

– Что ж, маг может раздвоиться, – сказал дон Хуан. – Это все, что можно сказать.

– Но осознает ли он, что раздвоился?

– Конечно, он это осознает.

– Знает ли он, что находится одновременно в двух местах?

Оба посмотрели на меня и обменялись взглядами.

– Где сейчас другой Хенаро? – спросил я.

Дон Хенаро наклонился ко мне и уставился мне в глаза.

– Я не знаю, – сказал он мягко. – Ни один маг не знает, где находится его другой.

– Хенаро прав, – сказал дон Хуан. – У мага нет данных о том, что он находится в двух местах сразу. Ощущать это было бы равносильно тому, чтобы встретиться со своим дублем лицом к лицу, а маг, который сталкивается лицом к лицу с самим собой, –

мертвый маг. Таков закон, таким образом сила расположила вещи. И никто не знает почему.

Дон Хуан пояснил, что к тому времени, как воин, овладев *сновидением* и *видением*, разовьет дубля, он должен также преуспеть в стирании личной истории, чувства собственной важности и распорядка жизни.

Он сказал, что в свое время обучил меня некоторым техникам, которым я умудрился не придать особого значения. На самом деле они и были, в сущности, средством устранить непрактичность обладания дублем в обычном мире. Они были направлены на то, чтобы сделать меня самого и мир текучими, поместив все это за границы обусловленности.

– Текучий воин не может больше принимать мир в хронологическом порядке, – объяснил дон Хуан. – Для него мир и он сам не являются больше предметными и плотными. Он – светящееся существо в светящемся мире. Дубль – это простое дело для мага, который знает, что он делает. Записывание – это простое дело для тебя, но ты все еще пугаешь Хенаро своим карандашом.

– Может ли сторонний наблюдатель, глядя на мага, видеть, что он находится в двух местах одновременно? – спросил я дон Хуана.

– Конечно. Это было бы единственным способом узнать истину.

– Но разве нельзя логически заключить, что маг тоже может заметить, что находится в двух местах?

– Ага! – воскликнул дон Хуан. – На этот раз ты прав. Маг, конечно, может заметить впоследствии, что он был в двух местах сразу. Но это только регистрация, и она никак не соотносится с фактом, что пока он действует, он этой двойственности не ощущает.

Мои мысли путались. Я чувствовал, что если перестану писать, то взорвусь.

– Подумай вот о чем, – продолжал он. – Мир не отдается нам прямо. Между нами и ним находится описание мира. Поэтому, правильно говоря, мы всегда на один шаг позади, и наше восприятие мира всегда только воспоминание о его восприятии. Мы вечно вспоминаем тот момент, который только что прошел. Мы вспоминаем, вспоминаем, вспоминаем.

Он покрутил рукой, как бы давая мне почувствовать, что он имеет в виду.

Но если весь наш опыт восприятия мира – воспоминание, тогда

вполне естественно заключить, что маг может быть в двух местах сразу. Это происходит не с точки зрения его собственного восприятия, потому что и маг должен вспоминать только что совершенный поступок, только что пережитый опыт и события, свидетелем которых он был. В его осознании это является одним единственным воспоминанием. Но сторонний наблюдатель, смотрящий на мага, может решить, что маг действует одновременно в двух различных эпизодах. Маг, однако, вспоминает два отдельных мгновения, потому что клей описания времени больше не связывает его.

Когда дон Хуан закончил говорить, я был уверен, что у меня поднимается температура.

Дон Хенаро смотрел на меня любопытными глазами.

– Он прав, – сказал он. – Мы всегда на один прыжок позади.

Он стал двигать руками, как перед этим делал дон Хуан. Его тело начало дергаться и раскачиваться, и он отпрыгнул назад сидя.

Казалось, у него была икота, и при каждом спазме его тело конвульсивно отпрыгивало назад. Он начал двигаться назад, прыгая на зад, и доскакал так до конца веранды и обратно.

Вид дона Хенаро, прыгающего на ягодицах, вместо того чтобы быть забавным, привел меня в такой ужас, что дону Хуану пришлось несколько раз ударить меня костяшками пальцев по лбу.

– Я просто не могу ухватить всего этого, – сказал я.

– Я тоже не могу, – сказал дон Хуан и пожал плечами.

– И я тоже не могу, дорогой Карлитос, – сказал дон Хенаро.

Вся эта смесь из моей усталости, невероятного объема чувственных восприятий и того настроения легкости и юмора, которым была наполнена клоунада дона Хенаро, были слишком большой нагрузкой для моих нервов. Я никак не мог утихомирить возбуждение в мышцах живота.

Дон Хуан заставил меня покататься по земле на животе до тех пор, пока я не восстановил свое спокойствие. Затем я опять сел, глядя на них.

– Дубль материален? – спросил я дона Хуана после долгого молчания.

Они посмотрели на меня.

– Есть ли у дубля материальное тело? – повторил я.

– Определенно, – сказал дон Хуан. – Плотность, материальность – это воспоминания. Поэтому, как и все, что мы ощущаем в мире,

они являются только накапливаемой нами памятью. Памятью об описании. Ты помнишь о моей материальности точно таким же способом, как и о коммуникации посредством слов. Поэтому ты разговаривал с койотом, и именно поэтому ты воспринимаешь меня сейчас как плотное тело.

Придвинувшись, он слегка толкнул меня плечом и предложил дотронуться до него. Я взял его за руку, а затем обнял со слезами на глазах.

Дон Хенаро поднялся и подошел ко мне. Он был похож на маленького ребенка с блестящими озорными глазами. Надув губы, он долго смотрел на меня.

– А как же я? – спросил он, пряча улыбку. – Неужели ты не хочешь обнять меня?

Поднявшись, я протянул к нему руки, но мое тело, казалось, застыло на месте. Я был не в силах двинуться. Как я ни пытался дотянуться до него, ничего не получалось.

Дон Хуан и дон Хенаро стояли рядом, внимательно наблюдая за мной. Я чувствовал, как тело сотрясается под неведомой тяжестью.

Дон Хенаро сел и притворился обиженным тем, что я его так и не обнял. Он скреб землю пятками и пинал ее ногами, а затем оба они покатались со смеху.

Я весь дрожал, мышцы живота свело от напряжения. Дон Хуан заметил, что я двигаю головой так, как он учил меня, отражая луч света уголками глаз. Он выволок меня из-под крыши веранды на открытое место и повернул лицом на восток, к солнцу. Но к тому времени дрожь прекратилась. Я заметил, что сжимаю в руке свой блокнот, только когда дон Хенаро сказал, что я дрожал под тяжестью бумаги.

Я сказал дону Хуану, что тело заставляет меня уехать, и, не давая им времени на уговоры, помахал рукой дону Хенаро.

– До свидания, дон Хенаро, – крикнул я. – Я уезжаю. – Он помахал мне в ответ. Дон Хуан проводил меня к машине. – А у тебя тоже есть дубль, дон Хуан?

– Конечно! – воскликнул он.

И тут мне пришла в голову одна весьма пугающая мысль. Я хотел было отмахнуться от нее и побыстрее уехать, но что-то изнутри так и подмывало задать вопрос. За много лет нашего знакомства для меня стало привычным, что всякий раз, когда я хотел видеть дона Хуана, мне достаточно было приехать в Сонору или в

Центральную Мексику, и он всегда был там, ожидая меня. До сих пор я не придавал этому особого значения, принимая как само собой разумеющееся.

– Скажи мне, дон Хуан, – спросил я полушутя, – ты сам-то настоящий, или ты – твой дубль?

Он наклонился ко мне, улыбаясь.

– Мой дубль, – прошептал он.

Я подскочил как ужаленный и помчался к своей машине.

– Я просто пошутил, – крикнул мне вдогонку дон Хуан громовым голосом. – Ты не имеешь права уезжать ты должен мне еще пять дней!

Смеясь и гримасничая, они вприпрыжку бежали за моей машиной, пока я выруливал.

– Карлитос, вызывай меня в любое время! – закричал дон Хенаро.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава вторая

ВИДЯЩИЙ СОН И ВИДИМЫЙ ВО СНЕ

Я подъехал к дому дона Хуана на рассвете. По дороге япереночевал в мотеле с таким расчетом, чтобы приехать пораньше и не разбивать день.

Дон Хуан был где-то за домом и вышел ко мне, когда я его окликнул. Он тепло приветствовал меня и сказал, что рад меня видеть. Затем он сделал замечание, которое должно было заставить меня почувствовать себя легко, но произвело противоположное действие.

– Я услышал шум мотора, – сказал он с улыбкой. – И поэтому спрятался за домом, чтобы ты, чего доброго, не испугался, увидев меня на пороге.

Отметив мой мрачный вид и подавленность, дон Хуан сказал, что я напоминаю ему Элихио, который достаточно угрюм, чтобы быть хорошим магом, но слишком угрюм, чтобы стать человеком знания. Он добавил, что единственный способ противостоять разрушительному воздействию мира магов – это смеяться над ним. Он не ошибся в оценке моего настроения. Я действительно нервничал и чувствовал себя неважно. Мы отправились побродить по пустыне, и мне понадобилось немало времени, чтобы развеяться.

Эта простая прогулка с ним вернула мне душевное равновесие лучше любых разговоров.

Мы гуляли долго и вернулись лишь к вечеру. Я основательно проголодался. После еды мы устроились на веранде. День был ясным и солнечным. Я чувствовал себя обновленным и хотел поговорить.

– Вот уже несколько месяцев я чувствую себя не в своей тарелке, – сказал я. – Я был очень испуган тем, что вы говорили и делали в мой последний приезд.

Дон Хуан ничего не сказал. Он встал и несколько раз прошелся по веранде.

– Мне нужно поговорить с тобой, – сказал я. – Я окончательно

зашел в тупик и не могу не думать об этом постоянно.

– Ты боишься? – спросил он.

Я не боялся. Скорее, я был ошеломлен, перегружен тем, что увидел и услышал. Бреши в моем разуме были такими гигантскими, что я должен был или чинить их, или вообще отбросить свой проклятый рассудок. Мои замечания рассмешили его.

– Не выбрасывай пока свой разум, – сказал он. – Еще не время. Хотя это когда-нибудь и произойдет, но я не думаю, что сейчас именно тот случай.

– Нужно ли мне самому пытаться найти объяснение случившемуся?

– Конечно, – сказал он. – Это твой долг – успокоить ум. Воины выигрывают свои битвы не потому, что они бьются головами о стены, а потому, что берут их. Воины прыгают через стены. Они не преуменьшают их.

– Как же мне перепрыгнуть через эту? – спросил я.

– Прежде всего, я думаю, смертельно неправильно для тебя относиться ко всему так серьезно, – сказал он, садясь рядом со мной. – Есть три рода плохих привычек, которыми мы пользуемся вновь и вновь, сталкиваясь с необычными жизненными ситуациями. Во-первых, мы можем отрицать очевидное и чувствовать себя при этом так, словно ничего не случилось. Это – путь фанатика. Второе – мы можем все принимать за чистую монету, как если бы мы *знали*, что происходит. Это – путь набожного человека. И третье – мы можем приходить в замешательство перед событием, когда мы или не можем ни искренне отбросить его, ни искренне принять. Это путь дурака. Не твой ли? Есть четвертый, правильный – путь воина. Воин действует так, как если бы никогда ничего не случилось, потому что он ни во что не верит. И, однако же, он все принимает за чистую монету. Он принимает, не принимая, и отбрасывает, не отбрасывая. Он никогда не чувствует себя знающим, и в то же время никогда не чувствует себя так, как если бы ничего не случилось. Он действует так, как будто он в полном контроле, даже если у него, может быть, сердце в пятки ушло. Если действуешь таким образом, то замешательство рассеивается. Мы долгое время молчали. Слова дона Хуана были для меня подобны бальзаму.

– Могу ли я говорить о доне Хенаро и его дубле? – спросил я.
– Это зависит от того, что ты хочешь сказать о нем, – ответил он. – Ты собираешься индальгировать в воем замешательстве?
– Я собираюсь индальгировать в объяснениях, – сказал я. – Я в замешательстве потому, что не осмеливался приехать к тебе, а больше мне не с кем поговорить о своих затруднениях и сомнениях.

– Разве ты не говоришь со своими друзьями?
– Я-то говорю, но чем они могут мне помочь?
– Никогда не думал, что тебе нужна помощь. Ты должен культивировать чувство, что воин ни в чем не нуждается. Помощь в чем? У тебя есть все необходимое для этого экстравагантного путешествия, которым является твоя жизнь. Я пытался научить тебя тому, что реальным опытом должен быть сам человек, и все, что для этого нужно – быть живым. Жизнь – это маленькая прогулка, которую мы предпринимаем сейчас, жизнь сама по себе достаточна, сама себя объясняет и заполняет.

Понимая это, воин живет соответственно. Поэтому можно смело сказать, что опыт всех опытов – это быть воином.

Он выжидающе посмотрел на меня, но я медлил, тщательно подбирая слова.

– Если воин нуждается в утешении, – продолжал дон Хуан, – он просто выбирает любого человека и рассказывает ему о своих трудностях. В конечном счете, воин не ищет ни понимания, ни помощи. Говоря, он просто облегчает свою ношу. Но это при условии, что у воина есть талант к разговору. Если у него нет такого таланта, то он не говорит ни с кем. Но ты живешь не совсем как воин, во всяком случае, пока что. И провалы, которые ты встречаешь на своем пути, обязательно должны быть для тебя громадными. Я тебе сочувствую.

Казалось, он говорил серьезно. Судя по выражению участия в его глазах, это был он сам, а не его дубль. Он встал, погладил меня по голове и прошелся взад-вперед по веранде, поглядывая на чапарраль вокруг дома. Его движения встревожили меня.

Чтобы расслабиться, я заговорил о своей дилемме. Я чувствовал, что мне уже абсолютно поздно притворяться простодушным наблюдателем. Под его руководством я научился достигать удивительных состояний, таких как «остановка внутреннего диалога» и контролирование своих снов. Это были такие вещи,

которые нельзя было подстроить или сбросить со счетов. Я следовал его советам, хотя и не всегда буквально, и частично преуспел в разрушении распорядка дня, принятии ответственности за свои поступки, стирании личной истории. И наконец я пришел к тому, что еще несколько лет назад приводило меня в ужас. Отныне я мог оставаться в одиночестве без нарушения физического или эмоционального комфорта. Пожалуй, это было моим самым впечатляющим достижением. С точки зрения моего прежнего «я», долго находиться в одиночестве и «не сойти с ума» было немыслимым. Я остро чувствовал изменения, которые происходили в моем образе жизни и мировоззрении. И поэтому я понимал, что моя реакция на откровения дон Хуана и дон Хенаро о дубле была несколько преувеличенной и неадекватной.

– Что со мной не так, дон Хуан? – спросил я.

– Ты индугируешь, – бросил он. – Ты считаешь, что индугировать в сомнениях и размышлениях – это признак чувствительного человека. Ну так я тебе скажу правду: ты очень далек от того, чтобы быть чувствительным. Поэтому зачем же притворяться? Однажды я говорил тебе, что воин в смирении принимает себя таким, каков он есть.

– Ты так говоришь, словно я намеренно обманываю самого себя, – сказал я.

– Мы обманываем самих себя намеренно, – сказал он. – Мы осознаем свои действия, но наш маленький ум превращает себя в монстра, каковым он себя воображает. Однако, он слишком мал для такой большой формы.

Я объяснил ему, что моя дилемма, пожалуй, еще более сложна, чем ему кажется. Я сказал, что до тех пор, пока он и дон Хенаро были для меня людьми, подобными мне, их высший контроль делал их образцом для моего собственного поведения. Но если они являются людьми, совершенно отличными от меня по сути, то я не могу больше воспринимать их как пример, а только как нечто чуждое и странное, подражать чему невозможно при всем желании.

– Хенаро – человек, – сказал дон Хуан ободряющим тоном. – Правда, он уже больше не такой человек, как ты, но это его достижение, и это не должно возбуждать в тебе страх. Если он другой, то тем больше причин восхищаться им.

– Но его отличие – это не человеческое отличие, – сказал я.

– А что же это, по твоему, такое? Разница между человеком и

лошадью?

– Не знаю, но он не такой, как я.

– Однако когда-то он был таким.

– Но могу ли я понять его изменения?

– Конечно, ты и сам меняешься.

– Ты хочешь сказать, что я разовью дубля?

– Никто не развивает дубля. Это просто способ говорить. Из-за своей любви к разговорам ты являешься мешком слов. Ты – в сетях их значений. Сейчас ты думаешь, что дубля развивают какими-нибудь злыми чарами. Но все мы, светящиеся существа, имеем дубля. Все мы! Воин учится осознавать это, только и всего. Есть, видимо, почти непроходимые барьеры, охраняющие это осознание, но этого можно было ожидать. Эти барьеры и делают такую задачу уникальной.

– Почему я так боюсь этого, дон Хуан?

– Потому что ты думаешь, что дубль – это то, что означают слова. Двойник, или какой-то другой ты. Я выбрал это слово только для описания. Дубль – это ты сам. Ик нему нельзя подходить никаким другим образом.

– Что если я не хочу его иметь?

– Дубль – это не дело личного выбора. И точно так же не нам решать, будем ли мы учиться знанию магов, которое ведет к такому осознанию. Ты никогда не задавал себе вопрос, почему именно ты?

– Все время. Я сотни раз задавал этот вопрос и себе, и тебе тоже, но ты так и не ответил.

– Я имею в виду, что ты должен задавать себе этот вопрос не как требующий ответа, а в смысле размышления воина над его огромной удачей. Удачей оттого, что он нашел вызов.

Превратить это в обыкновенный вопрос – средство обычных рассудительных людей, которые хотят, чтобы ими восхищались или жалели их. Меня не интересует такого рода вопрос, потому что нет способа ответить на него. Избрать тебя было решением силы. Никто не может изменить планов силы. Теперь, когда ты выбран, ты уже ничего не сможешь сделать, чтобы остановить выполнение этого плана.

– Но ты сам говорил мне, дон Хуан, что всегда можно потерпеть поражение.

– Это верно. Каждый может потерпеть поражение. Но я думаю, ты

имеешь в виду что-то другое. Ты хочешь иметь свободу потерпеть поражение и закончить все на своих собственных условиях.

Слишком поздно. Воин находится в руках силы, и его единственная свобода заключается в том, чтобы вести безупречную жизнь. Нет никакого способа разыграть победу или поражение. Твой рассудок, для того, чтобы отказаться от целостности самого себя, может захотеть, чтобы ты проиграл битву и упал. Но есть контрмера, которая не позволит тебе провозгласить ложную победу или ложное поражение. Если ты думаешь, что можешь отступить в гавань поражения, то ты не в своем уме. Твое тело будет стоять на страже и не позволит тебе пойти этим путем.

Он тихонько засмеялся.

– Почему ты смеешься? – спросил я.

– Ты в ужасном положении, – сказал он. – Тебе слишком поздно возвращаться, но слишком рано действовать. Все, что ты можешь – это только наблюдать. Ты похож на младенца, который уже не может вернуться в материнское лоно, но еще не может ни резвиться, ни тем более действовать самостоятельно. Все, что может ребенок – это наблюдать и слушать рассказы о действиях. Ты сейчас как раз в таком положении. Ты не можешь вернуться в лоно своего прежнего мира, но в то же время не можешь действовать с силой. Ты можешь лишь наблюдать за поступками силы и слушать сказки – сказки о силе.

Дубль – одна из таких сказок. Ты это знаешь, и именно потому твой разум настолько этим захвачен. Притворяясь понимающим, ты лишь бьешься головой о стену. Могу сказать тебе только то, что дубль, хоть к нему и приходят через *сновидение*, реален настолько, насколько это возможно.

– Согласно тому, что ты мне рассказал, дон Хуан, дубль может совершать поступки. Может ли в таком случае дубль...

Он прервал меня, напомнив, что неуместно ссылаться на его рассказы, так как я видел дубля собственными глазами.

– Конечно, дубль может совершать поступки, – сказал я.

– Конечно! – ответил он.

– Но может ли дубль действовать от самого себя?

– Это он сам, черт возьми!

Мне было трудно пояснить свою мысль. Я хотел сказать, что если маг может совершать два поступка одновременно, то его

способность к утилитарным действиям удваивается. Он может работать на двух работах, бывать в двух местах, видеть двух людей и так далее, одновременно.

– Позволь мне выразиться так, – продолжал я. – Гипотетически, может ли дон Хенаро убить кого-нибудь за сотни километров от себя, поручив сделать это своему дублю?

Дон Хуан смотрел на меня. Он покачал головой и отвел глаза в сторону.

– Ты просто набит сказками о насилии, – сказал он. Хенаро никого не может убить просто потому, что у него больше не осталось заинтересованности в других людях. К тому времени, когда воин способен превзойти *видение* и *сновидение* и осознает свое свечение, в нем не остается подобных интересов.

Я указал на то, что в самом начале моего ученичества он заявил, что маг, управляющий своим союзником, может быть перенесен за сотни километров для того, чтобы нанести удар своему врагу.

– Даа, – протянул он, – на сей раз я ответственен за твоё замешательство. Я уже говорил тебе, что с тобой я не всегда следую системе, которую предписал мне мой собственный учитель. Он был магом. Мне следовало и тебя толкнуть в тот мир. Я этого не сделал, потому что меня больше не заботят подъемы и падения окружающих меня людей. Однако слова моего учителя запали мне в душу. И я неоднократно разговаривал с тобой так, как он сам говорил со мной. Видишь ли, Хенаро – человек знания. Самый чистый из всех. Его поступки безупречны. Он вне обычных людей и магов. Его дубль – это выражение его радости и юмора. Так что он, пожалуй, не сможет использовать его для создания или разрешения ординарных ситуаций. Насколько я знаю, дубль – это осознание нашего состояния как светящихся существ. Хенаро как дубль может делать все что угодно, и тем не менее он предпочитает быть ненавязчивым и мягким.

Моей ошибкой было ввести тебя в заблуждение заимствованными словами. Мой учитель был неспособен производить те эффекты, которые создает Хенаро. Для моего учителя, к несчастью, очень многие вещи остались, как для тебя, только сказками о силе.

Я почувствовал себя обязанным отстаивать свою точку зрения. Я сказал, что говорил в гипотетическом смысле.

– Не существует гипотетического смысла, когда ты говоришь о мире людей знания. **Человек знания не может причинять вред**

окружающим людям. Гипотетически или как угодно еще.

– Но что, если окружающие люди замышляют что-то против его здоровья или безопасности? Может ли он тогда использовать свой дубль для защиты?

Он неодобрительно прищелкнул языком.

– Что за невероятное насилие в твоих мыслях? – сказал он. – Никто ничего не может замышлять против безопасности и здоровья человека знания. Он *видит*, и поэтому всегда сумеет избежать подобных вещей.

Хенаро, например, намеренно пошел на риск, встречаясь, с тобой. Однако ты не можешь сделать ничего, что угрожало бы его здоровью или безопасности. В противном случае его *видение* дало бы ему об этом знать. Наконец, если в тебе есть что-либо врожденно-вредное для него, и его *видение* не сможет до этого добраться, тогда это – его судьба, и ни Хенаро, ни кто бы то ни было другой не смогут избежать этого. Так что, как видишь, человек знания все контролирует, не контролируя ничего.

Мы помолчали. Солнце почти коснулось верхушек густых высоких кустов с западной стороны дома. До захода солнца еще оставалось около двух часов.

– Почему бы тебе не позвать Хенаро? – спросил он Хуан как бы невзначай.

Мое тело подпрыгнуло. Первым моим побуждением было бросить все и бежать к машине. Дон Хуан расхохотался. Я сказал ему, что не нуждаюсь в том, чтобы доказывать что-либо самому себе, и что я вполне удовлетворен тем, что разговариваю с ним. Дон Хуан никак не мог перестать смеяться. Наконец, он сказал, что это позор, что дон Хенаро не сможет насладиться такой великолепной сценой.

– Видишь ли, если тебе неинтересно позвать Хенаро, то мне интересно, – сказал он решительным тоном. – Мне нравится его компания.

У меня появился ужасно кислый привкус во рту. Лицо покрылось испариной. Я хотел что-нибудь сказать, но сказать мне было, в сущности, нечего. Дон Хуан бросил на меня долгий изучающий взгляд.

– Давай, – сказал он. – Воин всегда готов. Быть воином – это не значит просто желать им быть. Это, скорее, бесконечная битва, которая будет длиться до последнего момента. Никто не рождается

воином. Точно так же никто не рождается разумным существом. Мы сами себя делаем тем и другим. Подтянись, я не хочу, чтобы Хенаро видел тебя таким дрожащим.

Он поднялся и прошелся взад и вперед по чистому полу веранды. Моя нервозность была настолько интенсивной, что я не мог больше писать и вскочил на ноги.

Дон Хуан заставил меня бежать на месте, обратясь лицом к западу.

Он уже заставлял меня проделывать это ранее в различных обстоятельствах. Сутью этого бега было извлечь силу из сгущающихся сумерек. Подняв руки кверху с расставленными веером пальцами надо было с силой сжать их, когда руки находились в средней точке между горизонтом и зенитом.

Упражнение подействовало, я почти сразу же успокоился и собрался. Я не мог не удивляться тому, что случилось со старым «мной», который никогда раньше не мог расслабиться, выполняя эти движения, казавшиеся столь простыми и идиотскими.

Я хотел сконцентрировать внимание на той процедуре, которой дон Хуан, без сомнения, воспользуется для вызова дона Хенаро. Я предвидел какие-то невероятные действия. Но дон Хуан встал на краю веранды, приложил руки ко рту и закричал: «Хенаро! Иди сюда!»

Через секунду дон Хенаро вышел из чапарраля. Оба они сияли. Они практически танцевали передо мной. Дон Хенаро очень приветливо поздоровался со мной, а затем уселся на молочный бидон.

Со мной было что-то не так. Я не был озадачен, был как будто спокоен, но какое-то невероятное состояние безразличия и оцепенения охватило меня. Казалось, я наблюдал за сценой со стороны. Без всяких церемоний я стал рассказывать дону Хенаро, что за время своего последнего визита он напугал меня чуть ли не до смерти, и что даже во время моих опытов с психотропными растениями я не бывал в состояниях такого полного хаоса. Оба они приветствовали мои заявления, как будто я делал их специально для того, чтобы их рассмешить. Я засмеялся вместе с ними.

Они смеялись над моим ошеломленным видом, тыча в меня пальцами и подшучивая, как над пьяным.

Что-то во мне отчаянно боролось, пытаясь превратить все это в знакомую ситуацию. Мне явно хотелось быть озабоченным и испуганным.

В конце концов, плеснув мне в лицо водой, дон Хуан велел сесть и записывать. Он в очередной раз повторил, что если я не буду писать, то умру. Действительно, стоило мне записать первых несколько слов, как я начал приходить в себя. Казалось, что-то вновь становилось кристально ясным. Что-то, мгновение назад бывшее мутным и немым.

Я пришел в себя, и ко мне вернулись все мои обычные страхи. Как ни странно, меня это устраивало больше, чем не быть испуганным. Узнаваемость моих прежних реакций, даже не слишком приятных, была восхитительным лекарством.

Наконец я понял, что дон Хенаро просто вышел из чапарраля. На этот раз я решил отказаться от анализа и ни о чем не спрашивать, а просто быть молчаливым свидетелем.

– Хенаро прибыл вновь только ради тебя, – сказал дон Хуан.

Дон Хенаро сидел на старом молочном бидоне, прислонившись спиной к стене. Он изображал всадника, покачиваясь и держа перед собой воображаемую уздечку.

– Это правда, Карлитос, – сказал он, и «придержал лошадь».

Он «спешился», перекинув ногу через воображаемую шею лошади. Его движения были столь совершенны, что на секунду у меня возникла полная иллюзия, что он прибыл верхом.

– Хенаро пришел, потому что он хочет рассказать тебе о дубле, – сказал дон Хуан, делая вид, что уступает дону Хенаро трибуну.

Дон Хенаро поклонился, повернувшись лицом ко мне.

– Что ты хочешь знать, Карлитос? – спросил он неестественно высоким голосом.

– Ладно, раз уж ты хочешь рассказать мне о дубле, то рассказывай все, – сказал я с наигранной небрежностью.

Оба они покачали головой и посмотрели друг на друга.

– Хенаро хочет рассказать тебе о видящем сон и о видимом во сне, – сказал дон Хуан.

– Как ты знаешь, Карлитос, – сказал дон Хенаро тоном оратора, начинающего речь, – дубль начинается в *сновидении*.

Он пристально посмотрел на меня, улыбнулся и перевел взгляд на мою записную книжку и карандаш.

– Дубль – это сон, – сказал он, потянувшись.

Дон Хенаро встал, прошел к краю веранды и вошел в чапарраль.

Он стоял у куста, повернувшись к нам в профиль. Казалось, он мочился. Через секунду я заметил, что с ним что-то неладно. Было

похоже, что он из всех сил пытается помочиться, но не может. По смеху дон Хуана я понял, что это очередная шутка. Дон Хенаро изгибался так комично, что вызвал у нас настоящую истерику. Дон Хенаро вернулся на веранду и сел с лучезарной улыбкой.

– Когда не можешь, то уж не можешь, – сказал он и пожал плечами. Затем, после секундной паузы он добавил, вздохнув: – Да, Карлитос, дубль – это сон.

– Ты хочешь сказать, что он нереален? – спросил я.

– Нет, я хочу сказать, что он сон, – ответил он.

Тут вмешался дон Хуан и сказал, что дон Хенаро говорит о начальной стадии осознания нашей природы как светящихся существ.

– Все мы различны, и потому различны детали нашей борьбы, – сказал дон Хуан. – Однако ступени, ведущие к дублю, одинаковы для всех. Особенно первые ступени, которые еще так шатки и непрочны.

Дон Хенаро согласно кивнул и сделал замечание о неопределенности, существующей у мага на этой стадии.

– Когда это случилось со мной впервые, я не знал, что происходит. Однажды, собирая растения в горах, я добрался до места, на котором явно уже побывали другие травники. У меня уже было два огромных мешка лекарственных трав, и я собрался возвращаться домой. Решив отдохнуть перед обратной дорогой, я прилег у тропы в тени дерева и заснул. Вдруг я проснулся от какого-то шума и увидел, что с холма спускаются люди. Я быстро отбежал на несколько шагов и спрятался в кустах. Вдруг у меня возникло чувство, что я что-то забыл. Я глянул на то место у дороги, где я спал, и от испуга чуть не потерял штаны. Я все еще спал там! Это был я! Я потрогал свое тело. Это был я сам! Люди уже подходили к тому мне, который спал. В то время как я, который не спал, беспомощно выглядывал из укрытия. «Черт возьми! – подумал я. – Сейчас они увидят меня и заберут мешки». Но они прошли мимо, словно меня там и не было.

Мое видение было настолько живым, что я совсем взбесился. Я закричал и тогда проснулся вновь. Черт побери! Это был сон! Дон Хенаро замолчал и взглянул на меня, как бы ожидая вопроса или замечания.

– Расскажи о том, как ты проснулся во второй раз, – сказал дон Хуан.

– Я проснулся на том же месте, где и заснул. Какое-то мгновение я смотрел на себя просыпающегося, а затем что-то дернуло меня к краю дороги, и я очнулся, протирая глаза.

Последовала длинная пауза. Я не знал, что сказать.

– Что ты сделал потом? – спросил дон Хуан.

Они засмеялись, и я понял, что дон Хуан поддразнивает меня. Это была пародия на мою манеру задавать вопросы.

Дон Хенаро продолжил. Он сказал, что на секунду застыл, а затем пошел все проверить.

– Место, где я прятался, было в точности таким, каким я его видел, – сказал он. – И люди, которые прошли мимо меня, удалялись по дороге. Я сбежал с холма и убедился, что это были те самые люди, которых я видел. Я шел с ними до самого города. Должно быть, они посчитали меня ненормальным. Я расспрашивал их, не видели ли они моего друга, спящего у дороги. Все они сказали, что не видели.

– Как видишь, – сказал дон Хуан, – все мы проходим через одни и те же сомнения. Мы боимся сойти с ума. Но, к несчастью для нас, мы все уже и так сумасшедшие.

– Однако ты чуть больше сумасшедший, чем все мы, – сказал мне дон Хенаро и подмигнул. – И более подозрительный.

Они посмеялись над моей подозрительностью, и дон Хенаро стал рассказывать дальше.

– Все мы изрядные тупицы, – сказал он. – Так что не ты один такой, Карлитос. Пару дней я был выбит из колеи этим сном, но затем мне пришлось зарабатывать себе на жизнь и заботиться о множестве других вещей. И у меня действительно не было времени раздумывать над загадкой своих снов. Так что скоро я вообще забыл об этом. Я был очень похож на тебя.

Но однажды, несколько месяцев спустя, после ужасно утомительного дня, я заснул после обеда, как бревно. Как раз пошел дождь, и течь в крыше разбудила меня. Я вскочил с постели и забрался на крышу дома, чтобы починить ее прежде, чем натечет много воды. Я чувствовал себя таким бодрым и сильным, что закончил работу в одну минуту, даже не вымокнув. Я подумал, что мой короткий сон подействовал на меня очень хорошо. Когда я все закончил, я вернулся в дом, чтобы поесть что-нибудь, но обнаружил, что не могу глотать. Я подумал, что заболел. Я собрал корней и листьев и привязал их к шее, а затем отправился в

постель. И, когда я подошел к своей постели, я опять чуть не уронил штаны. Я был там, в постели, и спал! Я хотел было потрясти самого себя и разбудить, но чувствовал, что это сильно не та вещь, которую я должен сделать. Поэтому я выбежал из дому Охваченный паникой, я бесцельно бродил среди холмов. У меня не было ни малейшего представления, куда я иду, и, хотя я жил там всю жизнь, я заблудился. Я шел под дождем и даже не замечал его. Похоже было на то, что я не мог думать. А затем молния и гром стали настолько интенсивными, что я проснулся опять.

На секунду он сделал паузу.

– Ты хочешь узнать, где я проснулся?

– Конечно, хочет, – ответил дон Хуан.

– Я проснулся в холмах под дождем.

– Но как ты знал, что ты проснулся? – спросил я.

– Мое тело знало это, – ответил он.

– Это был глупый вопрос, – вставил дон Хуан. – Ты ведь и сам знаешь, что что-то в войне всегда осознает каждое изменение. И целью пути воина как раз является усиление и поддержание этого осознания. Воин заботится о нем, очищает и полирует до блеска. Он был прав. Я вынужден был признать, что какая-то часть меня действительно всегда осознает и регистрирует все, что бы я ни делал.

Однако же это не имело ничего общего с моим обыденным осознанием самого себя. Это было что-то другое, чего я не мог обозначить. Я сказал им, что, возможно, дон Хенаро сможет описать это лучше меня.

– Ты отлично все делаешь и сам, – сказал дон Хенаро. – Это внутренний голос, который говорит тебе, что есть что. И в тот раз он сказал мне, что я проснулся вторично. Проснувшись, я вначале решил, что нахожусь в *сновидении*. Затем я понял, что это не было настоящим *сновидением*, хотя и не было обычным сном. Поэтому я остановился на другой версии: что я ходил во сне полупроснувшись. Может быть, я не мог тогда понять этого иначе. Дон Хенаро сказал, что его бенефактор объяснил ему, что испытанное им совсем не было сном, и он не должен настаивать на том, чтобы рассматривать это как хождение во сне.

– Он сказал тебе, что это было? – спросил я.

– Он сказал, что это была бука, – ответил Хенаро голосом маленького ребенка.

Я поинтересовался, совпадало ли объяснение бенефактора дон Хенаро с их собственным объяснением.

– Конечно, совпадало, – сказал дон Хуан.

– Мой бенефактор сказал, что тот сон, в котором человек смотрит на себя спящего, – продолжал дон Хенаро, – является временем дубля. Он рекомендовал мне не растрачивать свою силу на удивление или попытки объяснять происходящее, а быть готовым к действию.

Следующий случай произошел в доме моего бенефактора. Дом моего бенефактора был большим. Он был богатым человеком, на него работало много людей.

В тот день я помогал ему в работе по дому. Затем я лег отдохнуть и, по обыкновению, крепко заснул. Его дом определенно был местом силы и помог мне. Внезапно я проснулся от громкого шума. Звук походил на шум от лопаты, которой копают гравий. Я сел, прислушиваясь, а затем поднялся. Звук был очень беспокоящим, и я не мог понять почему. Я подумал, не пойти ли мне посмотреть что там такое, и вдруг увидел самого себя спящим на полу. На этот раз, однако, я знал, чего мне ожидать и что делать, и последовал за звуком. Я прошел вглубь дома. Там никого не было. Звук, казалось, доносился извне. Я продолжал следовать за ним. Чем дальше я шел, тем быстрее мог двигаться. В конце концов, я оказался в отдаленном месте, где стал свидетелем невероятных вещей.

Он объяснил, что хотя в то время он был начинающим и в области *сновидения* сделал еще очень мало, но при этом у него с легкостью получалось видеть во сне самого себя спящим.

– И куда же ты пришел, дон Хенаро? – спросил я.

– Тогда я в первый раз действительно двигался в *сновидении*, – сказал он. – Однако я уже знал о нем достаточно, чтобы вести себя правильно. Я ни на что не смотрел прямо, и в конце концов оказался в глубоком овраге, где у моего бенефактора росли некоторые из его растений силы.

– Так ты думаешь, что в этом случае лучше знать о *сновидении* не слишком много? – спросил я.

– Нет, – вставил дон Хуан. – У каждого из нас есть способность что-нибудь делать с особой легкостью. У Хенаро – талант к *сновидению*.

– Что ты видел в овраге, дон Хенаро? – спросил я.

– Я видел, как мой бенефактор выполняет некоторые опасные маневры с людьми. Я думал, что нахожусь здесь, чтобы помочь ему, и спрятался за деревьями. Однако я не знал, чем помочь. Но вскоре догадался, что эта сцена для того, чтобы я наблюдал за ней, а не участвовал.

– Где, как и когда ты проснулся?

– Я не знаю, когда я проснулся. Должно быть, прошло несколько часов. Я знаю только, что последовал за моим бенефактором и другими людьми. По пути они громко спорили, и когда вошли в дом, шум их голосов разбудил меня. Я был на том же месте, где видел себя спящим.

Проснувшись, я понял, что все, что я видел или делал, не было сном. Я действительно уходил на какое-то расстояние, ведомый звуком.

– Знал ли твой бенефактор, что ты делаешь?

– Конечно. Он специально производил этот звук лопатой, чтобы помочь мне выполнить свою задачу. Войдя в дом, он сделал вид, что недоволен тем, что я заснул. Я знал, что он *видел* меня.

Позднее, когда его друзья ушли, он рассказал мне, что заметил мое свечение, скрывающееся за деревьями.

Дон Хенаро считал, что эти три случая поставили его на тропу *сновидения*, и добавил, что у него ушло пятнадцать лет на то, чтобы дожидаться следующего раза.

– Четвертое видение было еще более странным и сложным, – сказал он. – Я оказался посреди распаханного поля, обнаружив себя спящим на боку в борозде. Я знал, что нахожусь в *сновидении*, потому что каждую ночь занимался настройкой *сновидения*.

Обычно каждый раз, когда я видел себя спящим, я был на том месте, где заснул. На этот раз я не был у себя в постели, хотя и знал, что вечером уснул там. В этом сновидении был день.

Поэтому я начал исследовать. Я отошел от того места, где лежал, и сориентировался. На самом деле я находился не так уж далеко от дома – милях в двух, не больше. Я прошелся вокруг, обращая внимание на каждую деталь, встал в тени большого дерева, росшего поблизости, и посмотрел через небольшую равнину на кукурузные поля, расположенные по склону холма. И тут меня поразило нечто совершенно необычное: детали окружающего не менялись и не исчезали, как бы долго я на них не смотрел.

Испугавшись, я побежал обратно к тому месту, где спал. Другой я

был еще там, как и прежде. Я стал рассматривать себя. У меня было странное ощущение безразличия по отношению к телу, на которое я смотрел.

Затем я услышал, что приближаются люди. Люди, казалось, всегда крутились вокруг меня. Я взбежал на небольшой холм и осторожно посмотрел оттуда. Десять человек приближались к тому полю, где я находился. Все они были молодыми людьми. Я бегом вернулся к борозде, и пережил ужаснейшие моменты в своей жизни, пока смотрел на самого себя, лежащего и храпящего, как свинья. Я знал, что должен разбудить себя, но не имел представления, как это сделать. Я знал также, что смерти подобно для меня разбудить себя самого. Но неизвестно, что будет, если эти юноши найдут меня здесь. Все эти соображения, пронесшиеся у меня в голове, на самом деле не были мыслями. Они, скорее, были сценами у меня перед глазами. Моя озабоченность была, например, сценой, в которой я смотрел на самого себя, ощущая при этом, как меня лупят кулаками. Я называю это обеспокоенностью. После этого первого раза такое бывало со мной неоднократно.

Что же, поскольку я не знал, что предпринять, то стоял, глядя на самого себя в ожидании самого худшего. Калейдоскоп мелькающих картин пронесся у меня перед глазами. В особенности я уцепился за вид моего дома и моей постели. Картина была очень ясной. О, как я хотел оказаться опять в своей постели! Тут вдруг я дернулся, как от удара, и проснулся. Я был у себя в постели! Очевидно, я был в *сновидении*.

Я выскочил из постели и побежал к месту моего *сновидения*. Все было в точности таким, как я видел. Молодые люди работали там. Я долгое время наблюдал за ними. Это были те же самые молодые люди.

Я вернулся туда к вечеру, когда все ушли, и остановился на том месте, где видел себя спящим. Да, кто-то лежал здесь. Земля была примята!

Дон Хуан и дон Хенаро наблюдали за мной. Они были похожи на двух странных животных. По спине у меня пробежал озноб. Я был на грани индуглирования в очень рациональном страхе, что они не были в действительности людьми, подобными мне, но тут дон Хенаро рассмеялся.

— В те дни, — сказал он, — я был совершенно таким же, как ты,

Карлитос. Я хотел все проверить. Я был таким же подозрительным, как и ты.

Он остановился, поднял палец и погрозил мне, а затем повернулся к дону Хуану.

– Ты не был таким подозрительным, как этот парень? – спросил он.

– Нисколько, – сказал дон Хуан. Он – чемпион.

Дон Хенаро повернулся ко мне и изобразил жест извинения. –

Кажется, я ошибся, – сказал он. – Я не был таким подозрительным, как ты.

Они тихо засмеялись, как бы не желая шуметь. Тело дона Хуана сотрясало от приглушенного смеха.

– Это твое место силы, – сказал дон Хенаро шепотом. – Ты уже списал до костей все пальцы на том месте, где сидишь. Ты когда-нибудь делал здесь какое-нибудь могучее *сновидение*?

– Нет, он не делал, – сказал дон Хуан тихим голосом. – Но зато он делал могучее писание.

Казалось, они не хотели громко смеяться. Их тела сотрясались.

Тихий смех был похож на ритмическое покашливание.

Дон Хенаро выпрямился и подсел ко мне поближе. Он несколько раз похлопал меня по плечу, говоря, что я негодай, а затем с огромной силой рванул меня за левую руку к себе. Потеряв равновесие, я упал вперед, едва не ударившись лицом о твердый грунт. Я успел лишь выбросить перед собой правую руку и смягчить падение. Кто-то из них схватил меня за шею и прижал к земле. Я не был уверен, кто именно. Державшая меня рука была похожа на руку дона Хенаро, и я испытал момент опустошительной паники. Я чувствовал, что теряю сознание.

Возможно, это и произошло. Давление в животе было настолько интенсивным, что меня вырвало. Следующим ясным ощущением было, что кто-то помогает мне сесть.

Я повернулся в поисках дона Хуана, но его нигде не было видно. Передо мной на корточках с сияющей улыбкой сидел дон Хенаро. Его глаза блестели. Он пристально посмотрел на меня. Я спросил его, что он со мной сделал, и он сказал, что я разбит на части. Судя по его тону, он был то ли недоволен, то ли раздражен мной. Дон Хенаро несколько раз повторил, что я разбит на части и что я должен собраться вновь. Он попытался разыграть суровый тон, но засмеялся на середине фразы. Он сказал, что это совершенно ужасно – я рассыпан по всему этому месту, и ему, пожалуй,

понадобится метла, чтобы смести все части в одну кучу. Потом он добавил, что какие-нибудь части могут оказаться у меня не на тех местах, и все кончится тем, что мой пенис окажется на месте большого пальца. Здесь он снова засмеялся. Я тоже хотел было засмеяться, но вдруг испытал совершенно необычное ощущение. Мое тело развалилось! Казалось, что я был заводной механической игрушкой, которая попросту рассыпалась на части. У меня не было никаких физических ощущений, и точно так же я не чувствовал ни страха, ни озабоченности. Распад на части был сценой, которую я наблюдал с точки зрения постороннего, и при этом не испытывал никаких чувств.

Дальше я осознал, что дон Хенаро манипулирует моим телом. Тут у меня уже были физические ощущения – вибрация настолько интенсивная, что заставила меня потерять из виду все окружающее. Тут я почувствовал, что меня трясут. Передо мной на корточках сидел дон Хенаро. Он поднял меня и помог мне идти. Я не мог понять, где нахожусь. Мне казалось, что все происходит во сне, но при этом было полное ощущение непрерывности времени. Я остро осознавал, что только что находился вместе с доном Хенаро на веранде дома дона Хуана. Дон Хенаро шел рядом, поддерживая меня под левую руку. Я не мог определить природу того, что я наблюдал. То, что находилось перед моими глазами, более походило на чувство или настроение, и центром этих изменений была область в середине моего живота. Я определил эту связь не как мысль или соображение, но как телесное ощущение, которое внезапно стало фиксированным и подавляющим. Изменения вокруг меня исходили из моего живота. Я создавал мир, бесконечный поток ощущений и картин. Тут было все, что я знал. Это само по себе было не мыслью и не сознательным заключением, но скорее чувством.

С минуту еще из-за своей почти неискоренимой привычки все отмечать я попытался что-нибудь зарегистрировать, но в определенный момент процесс регистрации исчез, и что-то безымянное обволокло меня со всеми моими чувствами и картинками.

Когда в какой-то момент что-то внутри меня опять принялось за регистрацию, я заметил, что одна картина все время повторяется: дон Хуан и дон Хенаро, которые пытаются пробраться ко мне. Картина была мимолетной, как если бы я видел ее из окна

мчащейся машины. Казалось, они пытались поймать меня, когда я проходил мимо.

По мере того, как эта картина возвращалась, она становилось более ясной и длительной. В какой-то момент я понял, что намеренно выделяю ее из бесчисленного множества других картин. Я словно пронесился через все остальное именно к этой картине. Наконец, я смог удерживать ее, думая о ней. Как только я начал думать, мои обычные процессы взяли верх, и в конце концов выделенная мною сцена стала совершенно определенной: дон Хуан и дон Хенаро поддерживали меня подмышки на веранде дома дона Хуана. Я хотел продолжать смотреть на другие картины, но они мне мешали. Секунду я боролся, чувствуя себя легким и счастливым. Оба они мне очень нравились. Я не боялся и даже хотел пошутить с ними, но не знал как, и продолжал смеяться, похлопывая их по плечам. У меня было и другое любопытное осознание. Я был уверен, что я в *сновидении*, потому что все, на чем я фокусировал взгляд, немедленно начинало расплываться.

Дон Хуан и дон Хенаро обращались ко мне, но я не мог удержать смысл их слов и не различал, кто именно из них говорит. Дон Хуан развернул меня и указал на какую-то фигуру, лежащую на земле. Дон Хенаро подтащил меня к ней поближе и заставил обойти вокруг. Это был человек, который лежал на животе, повернув голову вправо. Снова и снова они показывали мне на него и что-то говорили. Они перемещали меня и поворачивали так, чтобы я мог рассмотреть человека с разных сторон. Я никак не мог сфокусировать глаза, но в конце концов успокоился и взглянул на него. Медленно пришло осознание, что человек, лежавший на земле, – это я сам. Страха не было. Я просто понял это без всяких эмоций. В тот момент я был на грани между сном и бодрствованием. Я стал лучше понимать дона Хуана и дон Хенаро и смог разобрать их слова. Дон Хуан сказал, что мы пойдем к месту силы – круглой площадке в чапаррале, и перед моими глазами тут же возникла картина этого места. Я увидел темную массу кустов вокруг него. Я повернулся вправо. Дон Хуан и дон Хенаро тоже были тут. Тело мое вздрогнуло, и я почувствовал, что боюсь их, – они выглядели как две угрожающие тени. Но страх исчез, стоило мне различить их черты. Я снова любил их. Я был как пьяный и не мог ни за что ухватиться. Они схватили меня под руки и стали трясти, приказывая проснуться. Я

слышал их голоса ясно и раздельно. Затем произошло нечто уникальное: я увидел сразу две картины, два сна. Я почувствовал, как что-то, прежде глубоко спавшее во мне, пробуждается, и обнаружил себя лежащим на полу веранды, где дон Хуан и дон Хенаро трясли меня. Но в то же время я находился на месте силы, и дон Хуан и дон Хенаро трясли меня и там. В один критический момент я не находился ни там, ни здесь, а был скорее одновременно в двух местах, наблюдая обе сцены. У меня было невероятное ощущение, что в тот момент я мог перейти на любую сторону. Все, что мне нужно было сделать — это изменить перспективу, и вместо того, чтобы наблюдать сцену извне, почувствовать ее с точки зрения субъекта.

Было что-то очень притягательное в доме дона Хуана, и я предпочел эту сцену.

Затем я испытал ужасающий спазм, настолько потрясший меня, что ко мне мгновенно вернулось мое обычное сознание. Дон Хуан и дон Хенаро ведрами лили на меня воду. Я был на веранде дома дона Хуана.

Спустя несколько часов мы сидели на кухне. Дон Хуан велел мне вести себя так, словно ничего не случилось. Он дал мне какой-то еды и посоветовал есть побольше, чтобы компенсировать расход энергии.

Когда мы принялись за еду, я взглянул на часы. Был десятый час вечера. Мой опыт длился несколько часов, но у меня было такое чувство, что я заснул лишь ненадолго.

Я полностью пришел в себя, хотя все еще был каким-то оцепеневшим. Обычное сознание вернулось ко мне только тогда, когда я начал делать записи. Я был очередной раз поражен, насколько мгновенно это занятие возвращает мне трезвость. Как только я стал «самим собой», немедленно хлынул поток разумных объяснений всего происшедшего. Например, я тут же «знал», что дон Хенаро загипнотизировал меня в тот момент, когда прижал к земле. Правда, я не пытался понять, как он это сделал.

Оба они истерически хохотали, когда я поделился с ними своим «открытием». Дон Хенаро внимательно осмотрел мой карандаш и сказал, что он является тем ключиком, которым заводится моя основная пружина. Я почувствовал замешательство, сменившееся усталостью и раздражением. В конце концов я сорвался на крик, а они смеялись надо мной до упаду.

Дон Хуан сказал, что позволительно ступить мимо лодки, но уж не настолько далеко и что дон Хенаро прибыл исключительно для того, чтобы помочь мне открыть тайну видящего сон и видимого во сне.

Моя раздражительность достигла предела. Дон Хуан движением головы сделал знак дону Хенаро. Оба они поднялись и повели меня за дом. Там дон Хенаро продемонстрировал свой огромный репертуар рычания и криков различных животных и сказал, что я могу выбрать любой из них, и он научит меня его воспроизводить. После длительной практики я научился подражать ему довольно хорошо. Кончилось тем, что они смеялись до слез, наслаждаясь моим нелепым видом, а я избавился от своего напряжения, имитируя громкий крик животного. Я в шутку сказал им, что вошел в роль и начинаю бояться самого себя. Спокойная расслабленность моего тела была ни с чем не сравнима. Дон Хуан сказал, что если я усовершенствую этот крик, то смогу превратить его в действие силы или просто использовать для разрядки всегда, когда мне это будет нужно. Он предложил мне отдохнуть, но я боялся спать. Еще некоторое время я сидел рядом с ними у кухонного очага, а затем незаметно погрузился в глубокий сон. Проснулся я на рассвете. Дон Хенаро спал у двери. Казалось, он открыл глаза одновременно со мной. Я был укрыт, под головой вместо подушки лежал свернутый пиджак. Я чувствовал себя очень спокойным и хорошо отдохнувшим. Я заметил дону Хенаро, что прошлая ночь совсем обессилила меня. Он сказал, что его тоже, а затем прошептал, как бы доверяясь мне, что дон Хуан устал еще больше, потому что он старше.

– Мы с тобой молоды, – сказал он с блеском в глазах, – а он стар. Сейчас ему, наверное, уже около трехсот.

Я поспешно сел. Дон Хенаро прикрыл лицо одеялом и захохотал. В этот момент в комнату вошел дон Хуан. Я чувствовал мир и покой. Хоть однажды ничто действительно не имело значения. Мне было так легко, что хотелось плакать.

Дон Хуан сказал, что прошлой ночью я начал осознавать свое свечение. Он предупредил меня, чтобы я не индольгировал в своем хорошем самочувствии, как я это делаю сейчас, иначе оно снова обратится в недовольство.

– В данный момент, – сказал я, – я ничего не хочу объяснять. Не имеет никакого значения, что дон Хенаро сделал со мной прошлой

ночью.

– Я ничего с тобой не делал, – бросил дон Хенаро. – Смотри, это я, Хенаро. Твой Хенаро! Потрогай меня!

Я обнял дона Хенаро, и мы смеялись, как два ребенка. Он спросил меня, не кажется ли мне странным, что я могу обнять его, тогда как в прошлый раз, когда мы виделись, я был не способен к нему даже прикоснуться. Я заверил, что эти вопросы меня больше не волнуют.

Дон Хуан заметил, что я индугирую в широкомыслии и хорошем самочувствии.

– Берегись, – сказал он. – Воин всегда настороже. Если ты будешь продолжать быть таким же счастливым, то выпустишь последнюю маленькую силу, которая в тебе еще осталась.

– Что я должен делать? – спросил я.

– Быть самим собой, – сказал он. – Сомневаться во всем, быть подозрительным.

– Но мне не нравится быть таким, дон Хуан.

– Не имеет никакого значения, нравится тебе это или нет. Значение имеет то, что ты можешь использовать как щит. Воин должен использовать все доступные ему средства, чтобы прикрыть свой смертельный просвет, когда он открывается. Поэтому неважно, что тебе на самом деле не нравится быть подозрительным или задавать вопросы. Сейчас это – твой единственный щит.

– Пиши, пиши. Иначе ты умрешь, – сказал он. – Умереть в восторженном состоянии – не лучший способ умирания.

– Тогда как должен умирать воин? – спросил дон Хенаро, в совершенстве имитируя мою интонацию.

– Воин умирает трудно, – сказал дон Хуан. – Смерть должна бороться с ним. Воин не отдается ей.

Дон Хенаро раскрыл глаза до огромных размеров, а затем мигнул.

– То, что Хенаро показал тебе вчера – крайне важно, – продолжил дон Хуан. – Ты не должен утопить это в слепом доверии. Вчера ты сказал мне, что тебя сводит с ума идея дубля. Но взгляни на себя сейчас. Тебе больше нет до этого дела. В том-то и беда с людьми, которые сходят с ума. Они сходят с ума в обе стороны. Вчера ты весь был вопросом, сегодня ты весь – приятие.

Я сказал, что он всегда находит изъян в том, что я делаю, вне зависимости от того, как я это делаю.

– Это неправда! – воскликнул он. – В пути воина нет изъянов.

Следуй ему, и никто не сможет тебя упрекнуть. Возьми, например, вчерашний день. Путем воина было бы, во-первых, задавать вопросы без страха и подозрений, а затем позволить Хенаро открыть тебе тайну видящего сон, вместо того, чтобы сопротивляться ему, опустошая себя. Сегодня путем воина было бы собрать все, чему ты научился, без предвзятости и без восторженности. Делай так, и никто не найдет в этом никаких изъянов.

Судя по его тону, я подумал, что дон Хуан и вправду раздражен моей неуклюжестью, но он улыбнулся мне, а затем расхохотался, как если бы его рассмешили его собственные слова.

Я сказал ему, что просто сдерживаюсь, потому что не хочу нагружать их своими вопросами. Я действительно был переполнен впечатлениями от того, что дон Хенаро сделал со мной. Я был убежден, хотя это больше и не имело значения, что дон Хенаро ожидал в кустах, пока дон Хуан не позвал его. Затем, позднее, он воспользовался моим испугом, чтобы ошеломить меня. После того, как я был прижат к земле, я, без сомнения, потерял сознание, и тогда дон Хенаро, должно быть, загипнотизировал меня.

Дон Хуан возразил, что я слишком силен, чтобы поддаться так легко.

– Что же тогда произошло на самом деле? – спросил я.

– Хенаро пришел навестить тебя, чтобы рассказать тебе нечто исключительное, – сказал он. – Когда он вышел из кустов, он был Хенаро-дубль. Есть способ объяснить это понятнее, но сейчас я не могу им воспользоваться.

– Почему, дон Хуан?

– Потому что ты еще не готов говорить о целостности самого себя. Пока что я скажу лишь, что сейчас Хенаро – не дубль. Он кивнул в сторону дон Хенаро. Тот пару раз моргнул.

– Прошлой ночью Хенаро был дублем, а дубль, как я уже тебе говорил, имеет невообразимую силу. Он показал тебе очень важную вещь. Чтобы сделать это, ему пришлось коснуться тебя. Дубль просто коснулся твоей шеи в том месте, где союзник наступил на тебя несколько лет назад. И, естественно, ты выключился, как свет. Естественно также, что ты индугировал, как сукин сын. Нам понадобилось несколько часов, чтобы раскрутить тебя. Таким образом, ты рассеял свою силу, и когда пришло время выполнить задачу воина, в твоём мешке ее не

хватило.

– Что это была за задача, дон Хуан?

– Я говорил, что Хенаро пришел показать тебе нечто, тайну светящихся существ как видящих сны. Ты хотел узнать о дубле. Он начинается в снах. Но затем ты спросил: «Что такое дубль?» Я сказал, что дубль – это ты сам. Человек сам видит во сне дубля. Это должно быть простым, разве что нет ничего простого относительно нас. Может быть, обычные сны для тебя очень просты, но это не значит, что сам ты прост. Когда ты научишься видеть во сне дубля, то прибудешь на этот колдовской перекресток, и настанет момент, когда ты осознаешь, что дубль видит во сне себя самого.

Я тщательно записал все, что он сказал, но мало что понял.

Дон Хуан повторил свою формулировку.

– Урок прошлой ночи, как я сказал тебе, был о видящем сон и видимом во сне, или о том, кто кого видит во сне.

– Извини, я не понял, – сказал я. Оба они покатались со смеху.

– Прошлой ночью, – продолжал дон Хуан, – ты почти выбрал проснуться на месте силы.

– Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан?

– Это был бы поступок. Если бы ты не индальгировал в своей обычной дурацкой манере, у тебя было бы достаточно силы, чтобы потрогать чешуйки, и ты, без сомнения, перепугался бы до смерти. К счастью или к несчастью, но как бы там ни было, силы у тебя было недостаточно. На деле ты до такой степени растратил свою силу в бесполезном замешательстве, что тебе ее едва хватило, чтобы выжить.

Поэтому, как ты можешь теперь понять, индальгировать в своих мелких уловках не только глупо и невыгодно, но и вредно.

Воин, который опустошает себя, не способен выжить. Тело имеет пределы выносливости. Ты мог тяжело заболеть, и этого не случилось просто потому, что мы с Хенаро отклонили часть твоей чепухи. До меня начал полностью доходить смысл его слов.

– Прошлой ночью Хенаро провел тебя через сложности дубля, – продолжал дон Хуан. – Только он мог сделать это для тебя. И когда ты увидел себя, лежащего на земле, это не было ни видением, ни галлюцинацией. Ты мог бы понять это очень ясно, если бы не заблудился в своем индальгировании. И ты знал бы тогда, что сам ты являешься сном, что твой дубль видит тебя во

сне точно так же, как ты его видел во сне прошлой ночью.

– Но как это может быть?

– Никто не знает, как это происходит. Мы знаем лишь то, что это случается. В этом – наша тайна как светящихся существ. Прошлой ночью у тебя было два сна, и ты мог проснуться в любом из них.

Но у тебя было недостаточно силы, чтобы понять это.

Секунду они пристально смотрели на меня.

– Я думаю, он понимает, – сказал дон Хенаро.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава третья

СЕКРЕТ СВЕТАЩИХСЯ СУЩЕСТВ

Дон Хенаро долгое время развлекал меня какими-то абсурдными инструкциями относительно того, как я должен управляться со своим повседневным миром. Дон Хуан посоветовал мне самым серьезным образом отнестись к рекомендациям дона Хенаро, потому что, хоть они и забавны, но ни в коем случае не являются шутками.

Около полудня дон Хенаро поднялся и, не сказав ни слова, пошел в кусты. Я тоже начал вставать, но дон Хуан придержал меня и бесстрастным голосом заявил, что Хенаро попытается сделать со мной еще одну вещь.

– Что он задумал? – спросил я. – Что еще он собирается делать со мной?

Дон Хуан заверил меня, что мне не нужно беспокоиться.

– Ты приближаешься к перекрестку, – сказал он. – Определенному перекрестку, к которому подходит каждый воин.

У меня мелькнула мысль, что он говорит о моей смерти. Он, казалось, предвидел мой вопрос и сделал мне знак помолчать.

– Мы не будем обсуждать этот предмет, – сказал он. –

Удовлетворись тем, что перекресток, о котором я говорю, является объяснением магов. Хенаро считает, что ты к нему готов.

– Когда ты собираешься рассказать мне о нем?

– Я не знаю. Это зависит от тебя. Ты сам должен решить, когда.

– А чем плохо, если сейчас?

– Решить – это не значит выбрать время наугад.

Решить – означает, что ты настроил свой дух и сделал его неуязвимым и что ты сделал все возможное, чтобы быть достойным знания и силы.

Сегодня, однако, по просьбе Хенаро ты должен будешь решить одну маленькую задачку. Он ушел раньше и будет ожидать нас где-то в чапарале. Мы не знаем ни места, где он будет находиться, ни времени, когда нужно будет отправиться к нему. Если ты сумеешь правильно определить время для нашего выхода из дома, то ты

сможешь также и привести нас туда, где он ждет нас.

Я сказал, что и представить не могу, как решить такую задачу.

– Какая связь между временем нашего ухода и местом, где будет ждать нас дон Хенаро? – спросил я.

Дон Хуан улыбнулся и начал напевать какую-то мелодию.

Казалось, мое возбуждение доставляло ему удовольствие.

– Это и есть та проблема, которую Хенаро поставил перед тобой, – сказал он. – Если у тебя достаточно личной силы, то ты абсолютно точно определишь правильное время для выхода из дома. Как именно точное время будет вести тебя, не знает никто. Но если у тебя хватит личной силы, то ты убедишься, что так оно и будет.

– Но что значит «будет вести», дон Хуан?

– Этого тоже никто не знает.

– Мне кажется, дон Хенаро просто надувает меня.

– Тогда лучше поберегись: если Хенаро тебя надувает, то ты можешь лопнуть.

Дон Хуан рассмеялся над своей собственной шуткой. Я никак не мог к нему присоединиться. Мой страх перед возможной опасностью, связанной с манипуляциями дон Хенаро, был слишком реален.

– Может, ты поможешь мне хотя бы намеком? – спросил я.

– Здесь нет места для намеков, – сказал он отрывисто.

– Почему дон Хенаро затеял все это?

– Он хочет испытать тебя, – сказал он. – Скажем так, ему очень важно узнать, сможешь ли ты понять объяснение магов. Если ты решишь задачу, из этого будет следовать, что ты накопил достаточно личной силы и что ты готов. Но если ты провалишься, то это произойдет потому, что личной силы у тебя недостаточно. В таком случае объяснение магов не будет иметь для тебя никакого смысла. Лично я думаю, что мы должны дать тебе это объяснение независимо от того, поймешь ты его или нет. Но, в отличие от меня, Хенаро более консервативный воин. Он любит, чтобы все было в должном порядке, и не хочет давать тебе его до тех пор, пока не сочтет, что ты готов.

– Почему бы тебе самому не дать мне объяснение магов?

– Потому что тем, кто помогает тебе, должен быть Хенаро.

– Почему, дон Хуан?

– Потому что Хенаро не хочет, чтобы я рассказывал тебе, почему.

– Разве мне повредит, если я узнаю объяснение магов?

– Я так не думаю.

– Тогда прошу тебя, дон Хуан, расскажи мне.

– Ты, должно быть, шутишь. У Хенаро есть свои соображения по этому поводу, и мы должны уважать их.

Он сделал повелительный жест, чтобы утихомирить меня. После долгой успокаивающей паузы я спросил:

– Но как же я смогу решить эту задачу, дон Хуан?

– Я действительно не знаю этого, поэтому ничего не могу тебе посоветовать, – сказал он. – Хенаро бесконечно эффективен в своих поступках. И поскольку он делает это ради твоего же блага, то он настроен только на тебя одного. Поэтому только ты один можешь выбрать точное время, чтобы выйти из дому. Он сам позовет тебя и будет вести тебя посредством своего зова.

– Каким будет его зов?

– Я не знаю, его зов для тебя, а не для меня. Он будет касаться непосредственно твоей *воли*. Иными словами, ты должен использовать свою долю, превратив ее в действующее начало. «Воля» была еще одной концепцией дон Хуана, которую он тщательно обосновал, отчего, правда, она не стала для меня более ясной. Я понял из его объяснений лишь то, что «воля» является какой-то силой, исходящей из живота через невидимое отверстие чуть ниже пупка, которое он называл «просвет». «Воля» намеренно культивировалась только магами. Она приходила к практикующим таинственным образом и якобы давала им возможность совершать необычайные поступки.

Я заметил дону Хуану, что не вижу для себя ни малейшего шанса сделать действующим началом в своей жизни нечто столь неопределенное.

– Здесь ты ошибаешься, – сказал он, – воля развивается в войне, несмотря на любое сопротивление разума.

– Разве не мог дон Хенаро, будучи магом, узнать, готов ли я, не проверяя меня? – спросил я.

– Конечно, мог, – сказал он. – Но такое знание не имело бы никакой ценности или последствий, потому что оно было бы изолировано от тебя. Ты – тот, кто учится. Поэтому ты сам должен провозгласить знание силой, а не Хенаро. Хенаро интересуется не его знание, а твое. Ты сам должен обнаружить, работает или нет твоя воля. Это очень трудно сделать. Несмотря на все то, что мы с Хенаро знаем о тебе, ты должен доказать самому себе, что

способен провозгласить знание силой. Другими словами, ты должен убедиться сам, что можешь использовать свою *волю*. Если это не так, значит ты должен убедиться в этом сегодня. Если ты не сможешь выполнить эту задачу, тогда дон Хенаро решит, что несмотря на все, что он *видит* относительно тебя, ты еще не готов. Меня переполняло волнение.

– Это действительно необходимо? – спросил я.

– Это – просьба Хенаро, и она должна быть выполнена, – сказал он твердо, но дружелюбно.

– Но какое отношение ко мне имеет дон Хенаро?

– Может быть, сегодня ты это обнаружишь.

Я упрашивал дона Хуана, чтобы он не мучил меня своими недомолвками. Он засмеялся, хлопнул меня по груди и пошутил насчет мексиканского грузчика, у которого огромные грудные мускулы, но он не может выполнять тяжелой физической работы, потому что у него слабая спина.

– Следи за теми мышцами, – сказал он. – Они должны быть не только для вида.

– Мои мышцы не имеют отношения к тому, что ты говоришь, – проворчал я.

– Имеют, – ответил он. – Чтобы воля стала действующим началом, тело должно быть совершенным.

Я с раздражением отметил про себя, что дон Хуан опять увел меня в сторону. Поднявшись, я пошел на кухню выпить воды. Дон Хуан последовал за мной и предложил мне потренироваться в воспроизведении крика животного, которому дон Хенаро обучил меня. Мы отошли от дома, я сел на поленницу дров и сосредоточился на имитации этого крика. Пару раз дон Хуан поправил меня и показал, как правильно дышать. Конечным результатом было состояние полной релаксации. Мы вернулись на веранду и снова сели. Я сказал, что моя беспомощность иногда раздражает меня самого.

– Нет ничего неправильного в чувстве собственной беспомощности, – сказал дон Хуан. – Все мы хорошо знакомы с ним. Вспомни, что мы провели целую вечность как беспомощные младенцы. Я уже говорил тебе, что сейчас ты похож на младенца, который не может выбраться сам из колыбели, а тем более – действовать самостоятельно. Хенаро вынимает тебя из колыбели, скажем, берет тебя на руки. Но ребенок хочет действовать, а

поскольку он не может, он жалуется на жизнь. В этом нет ничего плохого, но совсем другое дело – индугльгировать, протестуя и жалуясь.

Он велел мне расслабиться и предложил задавать вопросы до тех пор, пока мой ум не успокоится.

От неожиданности я не сразу нашелся, что спросить. Дон Хуан развернул соломенную циновку и сказал, чтобы я сел на нее. Затем он наполнил водой большую тыквенную флягу и положил ее в сумку. Казалось, он готовился к путешествию. Он снова сел и выжидательно поднял брови, как бы приглашая задавать вопросы. Я попросил его еще раз рассказать мне о бабочке. Он бросил на меня изучающий взгляд и усмехнулся.

– Это союзник, – сказал он. – Ты знаешь это.

– Что такое в действительности союзник? – спросил я.

– Невозможно сказать, чем в действительности является союзник. Точно так же, как невозможно сказать, чем является дерево.

– Дерево – это живой организм, – сказал я.

– Мне это мало о чем говорит, – сказал он. – Я могу сказать также, что союзник – это сила, напряжение, и я уже говорил тебе это, но это мало что сказало тебе о союзнике.

Так же как и в случае с деревом, узнать, что такое союзник, – значит воспринять его. Ты, возможно, не понимаешь этого, но тебе потребовалось несколько лет подготовки для того, чтобы встретиться с деревом. Встреча с союзником – это то же самое.

Учитель должен знакомить своего ученика с союзником мало-помалу, шаг за шагом. С годами ты накопил достаточно знаний об этом, и теперь ты способен собрать эти знания воедино и ввести в свой опыт союзника так же, как ты ввел в свой опыт дерево.

– Я и понятия не имел, что делаю это.

– Твой разум не осознает этого прежде всего потому, что он не может принять саму возможность существования союзника. К счастью, совсем не разум собирает союзника вместе. Это делает тело. Ты воспринимал союзника много раз и в значительной степени. Каждое из этих восприятий откладывалось в твоём теле. Суммой всех этих кусочков и является союзник. Я не знаю никакого другого способа описать его.

Я сказал, что не могу взять в толк, как это тело может действовать само по себе, словно отдельное существо, независимое от моего рассудка.

– Они не разделены, это мы их сделали такими, – сказал он. – Наш мелочный разум всегда в разногласии с телом. Это, конечно, только способ говорить, но достижение человека знания как раз и состоит в том, что он объединяет эти две части воедино.

Поскольку ты не являешься человеком знания, то твое тело сейчас делает странные вещи, которые твой разум не способен воспринять. Союзник – одна из таких вещей. Ты не был безумен и не спал, когда ты воспринимал союзника в ту ночь прямо здесь, Я спросил о той пугающей мысли, которую они с доном Хенаро зачем-то внушили мне, что союзник является существом, ожидающим меня на краю маленькой долины в горах северной Мексики. Они сказали мне, что рано или поздно я должен буду пойти на это свидание с союзником, чтобы бороться с ним.

– Все это лишь способы говорить о тех тайнах, для которых не существует слов. Мы с Хенаро сказали, что на краю той долины тебя ожидал союзник. Это заявление было правильным, но не в том смысле, который ты ему придаешь. Союзник ждет тебя, это совершенно верно. Но не на краю какой-либо долины, а прямо здесь, или вон там, или в любом другом месте. *Союзник* ждет тебя точно так же, как ждет тебя смерть – повсюду и нигде.

– Зачем он меня ждет?

– Затем же, зачем тебя ждет смерть, – сказал он. – Потому что ты был рожден. В данный момент невозможно объяснить, какой смысл кроется за всем этим. Сначала ты должен ввести союзника в свой опыт. Тогда объяснение магов сможет пролить на него свет. Пока что у тебя было достаточно силы, чтобы прояснить по крайней мере один момент, что союзник – это бабочка.

Несколько лет назад мы ходили в горы, и там ты столкнулся с чем-то неизвестным. Тогда я не мог рассказать тебе, что именно происходит. Ты видел странную тень, летающую взад и вперед над костром. Ты сам сказал, что она выглядела как бабочка. Хотя ты не знал, о чем говоришь, ты был абсолютно прав. Тень была бабочкой. Затем при других обстоятельствах что-то очень сильно испугало тебя после того, как ты заснул опять-таки перед огнем. Я предупреждал тебя, чтобы ты не спал, но ты не обратил внимания на мои слова. Ты заснул, и это отдало тебя во власть союзника, и бабочка наступила тебе на шею. Почему ты остался жив, навсегда останется для меня загадкой. Тогда ты этого не знал, но я уже считал тебя мертвым. Настолько серьезной была твоя оплошность.

С тех пор каждый раз, когда мы бывали в горах или в пустыне, ты даже не замечал, что бабочка всегда следовала за тобой. Так что в общем мы можем сказать, что для тебя союзник – это бабочка. Но я не имею в виду, что это бабочка в обычном смысле этого слова. Называть союзника бабочкой – опять-таки только способ говорить, способ сделать эту безбрежность вокруг нас понятной.

– А для тебя союзник тоже бабочка? – спросил я.

– Нет, то, как каждый понимает союзника – это его личное дело.

Я заметил, что мы опять вернулись к тому, с чего начали. Он так и не рассказал мне, чем в действительности является союзник.

– Не стоит приходить в замешательство, – сказал он. –

Замешательство – это настроение, в него можно войти, но точно так же и выйти. В данный момент нет возможности прояснить что-либо. Может быть, еще сегодня мы сможем рассмотреть эти вещи более детально. Все зависит от тебя. Или, скорее, от твоей личной силы.

Больше он не проронил ни слова. Я стал очень нервничать от страха, что провалю испытание. Дон Хуан отвел меня за дом и усадил на циновку возле оросительной канавы. Вода текла так медленно, что казалась почти застывшей. Он приказал мне сесть спокойно, остановить внутренний диалог и смотреть на воду. Несколько лет назад я узнал от него, что у меня есть какая-то особая привязанность к воде, что было весьма кстати для тех испытаний, в которые я был вовлечен. Я заметил ему тогда, что у меня нет никакой особой любви к водоемам, хотя и неприязни тоже нет. Он сказал, что как раз потому вода так благоприятна для меня, что я был безразличен к ней. В условиях стресса вода не может схватить меня, но не может и оттолкнуть.

Он сел чуть позади меня справа и велел мне не бояться, потому что он рядом и поможет, если возникнет необходимость.

На мгновение я испугался. Я посмотрел на него, ожидая дальнейших инструкций. Он с силой повернул мою голову в направлении воды и приказал мне начинать. У меня не было ни малейшего представления о том, чего он хочет от меня, и я просто расслабился. Когда я смотрел на воду, то краем глаза заметил камышинки на противоположной стороне. Бессознательно я остановил на них несфокусированные глаза. Медленное течение заставляло их дрожать. Вода имела окраску пустынной почвы. Я заметил, что завихрения воды вокруг камышинок были похожи на

развилки или овраги на гладкой поверхности. В какой-то момент эти складки стали гигантскими, и вода превратилась в гладкую охристую поверхность, а затем через доли секунды я крепко спал, или, может быть, впал в состояние, для которого у меня нет другого названия. Больше всего это было похоже на то, что я заснул и увидел очень ясный сон.

Я чувствовал, что могу оставаться в этом состоянии бесконечно, если захочу. Но я намеренно прервал его, включив свой внутренний диалог. Я раскрыл глаза. Я лежал на соломенной циновке, а дон Хуан был в нескольких футах от меня. Мой сон был настолько великолепен, что я тут же начал пересказывать его. Дон Хуан знаком велел мне молчать. Взяв прутик, он указал им на две длинные тени от сухих веток чапарраля и очертил по земле сначала одну из них, а затем другую. Тени были около фута длиной и дюйма шириной на расстоянии шести-семи дюймов друг от друга. Движения прутика нарушили мою фокусировку, и я обнаружил, что смотрю раскошенными глазами на четыре тени. Внезапно две тени в середине слились в одну и создали необычайное ощущение глубины. В тени, образовавшейся таким образом, была какая-то необъяснимая округлость и объем. Она почти походила на прозрачную трубу, круглую балку из какой-то неизвестной субстанции. Я знал, что мои глаза раскошены, и, тем не менее, они казались сфокусированными на одном месте. Поле моего зрения в этом месте было кристально ясным. Я мог двигать глазами, не нарушая общей картины.

Я продолжал наблюдать, стараясь не терять контроля. Я ощутил любопытный порыв отступить и погрузиться в наблюдаемую сцену. Что-то в том, что я наблюдал, казалось, тянуло меня. Но что-то внутри меня пробилось на поверхность, я начал полусознательный диалог с самим собой и почти мгновенно осознал окружающее в мире повседневной жизни.

Дон Хуан наблюдал за мной. Он, казалось, был озадачен. Я спросил его, все ли в порядке. Не отвечая, он помог мне сесть. Только тогда я сообразил, что лежал на спине, глядя в небо, а дон Хуан склонился надо мной.

Моим первым порывом было рассказать ему, что я в действительности видел тени на земле, в то время как смотрел в небо, но он приложил мне руку ко рту. Некоторое время мы сидели молча. У меня не было мыслей. Я испытывал ощущение мира и

покоя, а затем совершенно внезапно почувствовал непреодолимое желание встать и пойти в чапарраль на поиски дона Хенаро, Я сделал попытку заговорить с доном Хуаном, но он вздернул подбородок и сжал губы, молчаливо приказывая мне не разговаривать. Я попытался организовать свои ощущения разумным образом, но моя внутренняя тишина мне настолько нравилась, что не было никакого желания утруждать себя логическими соображениями.

После минутной паузы я опять почувствовал настоятельную необходимость идти в чапарраль. Я пошел по тропинке. Дон Хуан шел позади меня, как если бы я был лидером.

Мы шли около часа. Мне по-прежнему удавалось оставаться без всяких мыслей. Наконец мы пришли к склону холма. Дон Хенаро сидел у гребня скалы. Он с большим воодушевлением приветствовал меня, но ему приходилось почти кричать, так как он находился примерно в пятидесяти футах над землей. Дон Хуан усадил меня и сел рядом. Дон Хенаро объяснил, что я нашел то место, где он прятался, потому что меня вел звук, который он издавал. Тут я понял, что действительно слышал какой-то звук, который до сих пор считал звоном в ушах. Казалось, он имел внутреннее происхождение, зависел от состояния тела и был настолько неопределенным, что я никак не оценивал и не интерпретировал его. Мне показалось, что в левой руке у дона Хенаро был какой-то маленький инструмент. С того места, где я сидел, я не мог его рассмотреть. Инструмент был похож на варган. С его помощью он производил мягкий неземной звук, который был практически неразличим. Он продолжал играть на нем некоторое время, как бы давая мне возможность осознать то, что он мне сказал. Затем он раскрыл ладонь. Никакого инструмента там не было. Меня ввело в заблуждение то, как он прикладывал руку ко рту. В действительности он издавал звук при помощи губ и края ладони между большим и указательным пальцами, Я повернулся к дону Хуану, собираясь объяснить ему, что дон Хенаро одурачил меня своими движениями. Дон Хуан быстрым жестом велел мне не разговаривать, а наблюдать за действиями дона Хенаро. Я повернулся, чтобы взглянуть на дона Хенаро, но его не было. Я подумал, что он уже спустился вниз. Несколько секунд я ждал, пока он появится из-за кустов. Скала, на которой он стоял, была любопытным образованием. Она больше походила на

огромный карниз сбоку от еще большей скалы. Я, должно быть, отвел от него глаза всего на пару секунд. Если бы он забрался наверх, то я успел бы заметить его, прежде чем он достиг бы верха каменной стены. Если бы он спустился вниз, то его тоже можно было бы видеть с того места, где я сидел.

Я спросил, куда делся дон Хенаро. Дон Хуан ответил, что тот все еще стоит на выступе. Насколько я видел, там никого не было, но он настойчиво утверждал, что дон Хенаро все еще стоит на скале. Казалось, он не шутил. Его глаза были жесткими и смотрели в упор. Он отрывисто сказал, что моих органов чувств недостаточно, чтобы уследить за действиями дон Хенаро, и приказал остановить внутренний диалог. Я сразу попытался это сделать и закрыл глаза, но он бросился ко мне, встряхнул за плечи и прошептал, чтобы я смотрел на каменный карниз.

Его слова донесли до меня как сквозь сон. Совершенно автоматически я взглянул на карниз и снова увидел там дон Хенаро, но это почему-то оставило меня равнодушным. Почти бессознательно я отметил, что мне очень трудно дышать, но не успел я подумать об этом, как дон Хенаро прыгнул вниз со скалы. Это не произвело на меня никакого впечатления. Они взяли меня под руки и поставили на ноги. Затем дон Хенаро помог мне сделать несколько шагов. Он прошептал мне на ухо что-то непонятное, и внезапно тело мое рванулось вверх каким-то невероятным образом. Ощущение было таким, словно он вцепился в кожу моего живота и швырнул на карниз или, возможно, на другую скалу. Я знал только, что мгновенно оказался на скале. Картина была мимолетной, и я не успел разобрать деталей, но тем не менее мог бы поклясться, что это был тот самый каменный карниз. Затем что-то во мне сдалось, и я полетел назад, проваливаясь в обволакивающую дурноту. Через какое-то время я осознал, что дон Хуан обращается ко мне. Я был как во сне, пытаюсь пробиться изнутри через окутавшую меня завесу, тогда как дон Хуан пробивался через нее снаружи. Наконец она действительно лопнула, и я отчетливо услышал слова дон Хуана. Он приказывал мне выбираться на поверхность. Я отчаянно пытался совладать со своим состоянием, но безуспешно, невольно удивляясь тому, как это трудно.

Я старался заговорить с самим собой. Дон Хуан, казалось, понимал, что со мной происходит. Он настойчиво приказывал

приложить больше усилий. Что-то извне не давало мне начать привычный внутренний диалог. Казалось, какая-то неведомая сила делала меня сонным и безучастным. Я продолжал бороться с ней, пока не начал задыхаться. Я слышал, как дон Хуан что-то сказал мне. Мое тело непроизвольно задрожало от напряжения. Я почувствовал себя так, как будто меня захватило и втянуло в смертельную битву что-то не дающее мне дышать. У меня не было даже страха. Скорее, какая-то неконтролируемая ярость овладела мной и достигла такой степени, что я рычал и визжал, как животное. Затем мое тело испытало толчок, который мгновенно остановил меня. Я опять мог нормально дышать и понял, что дон Хуан льет воду из фляги мне на живот и шею.

Он помог мне сесть. Дон Хенаро стоял на карнизе. Он позвал меня по имени, а затем прыгнул на землю. Я увидел его падение с высоты около пятидесяти футов и испытал непереносимое ощущение в области пупка. Такое же ощущение у меня бывало, когда я падал во сне.

Дон Хенаро подошел ко мне и улыбаясь спросил, понравился ли мне его прыжок. Я безуспешно пытался что-нибудь сказать. Он опять позвал меня по имени.

– Карлитос! Следи за мной!

Он взмахнул руками в стороны четыре или пять раз, как бы набирая инерцию, а затем прыгнул и исчез из виду или сделал что-то такое, чего я не смог бы описать. Он был в пяти-шести футах от меня, а затем исчез, как будто его втянула какая-то неконтролируемая сила.

Я чувствовал себя утомленным и безучастным. Было ощущение безразличия, и я не хотел ни думать, ни говорить с самим собой. Я чувствовал не испуг, а необъяснимую печаль. Мне хотелось плакать. Дон Хуан несколько раз ударил меня костяшками пальцев по голове и засмеялся, как если бы все, что случилось, было шуткой. Затем он потребовал, чтобы я разговаривал с собой, потому что на этот раз внутренний диалог был отчаянно нужен. Я слышал, как он приказывает мне: «Разговаривай! Разговаривай!» Губы сводила судорога. Мой рот двигался без единого звука. Я вспомнил, как дон Хенаро двигал ртом подобным же образом, когда устраивал клоунаду, и хотел бы сказать, как сказал он: «Мой рот не хочет разговаривать». Я попытался произнести что-нибудь, и мои губы болезненно искривились. Дон Хуан, казалось, вот-вот

свалится от смеха. Его радость была так заразительна, что я тоже засмеялся. Наконец он помог мне подняться. Я спросил, собирается ли дон Хенаро вернуться. Он сказал, что на сегодня с меня достаточно.

– Ты почти сделал это, – сказал дон Хуан. Мы сидели на кухне у горящего очага. Дон Хуан настаивал, чтобы я поел, но я не чувствовал ни голода, ни усталости. Мною овладела необычайная меланхолия; я чувствовал себя отстраненным от событий дня. Дон Хуан вручил мне мой блокнот. Я через силу выдавил из себя несколько замечаний, пытаюсь вернуться в свое обычное состояние. В конце концов это мне удалось. Казалось, с меня внезапно спала какая-то пелена, и я вновь оказался в привычном состоянии заинтересованности и ошеломленности.

– Хорошо, хорошо, – сказал дон Хуан, погладив меня по голове, – Я говорил тебе, что подлинным искусством воина является умение уравнивать ужас и удивление.

Настроение дона Хуана было необычным. Он выглядел каким-то нервным, встревоженным. Казалось, он о чем-то хотел поговорить со мной. Я решил, что он готовит меня к объяснению магов и сам встревожился. В его глазах был странный блеск, который прежде я видел лишь несколько раз. Я спросил, что с ним. Дон Хуан ответил, что рад за меня и что как воин он разделяет радость побед окружающих его людей, если только это победы духа. Он добавил, что я, к сожалению, еще не готов к объяснению магов, потому что, хотя я и успешно решил задачу дона Хенаро, но не смог отразить его последнюю атаку и был почти мертв, когда дон Хуан лил на меня воду.

– Сила Хенаро была подобна приливу, который поглотил тебя, – сказал он.

– Разве дон Хенаро желает мне вреда? – спросил я.

– Нет, – сказал он. – Хенаро хочет помочь тебе, но сила может быть встречена только силой. Он испытывал тебя, и ты не выдержал испытания.

– Но ведь я решил его задачу, не так ли?

– Это ты сделал прекрасно, – сказал он. – Настолько прекрасно, что Хенаро решил, что ты способен к настоящей задаче воина. И ты почти выполнил ее. Но на этот раз тебя подкосило не индальгирование.

– А что же?

– Ты слишком нетерпелив и в тебе слишком много насилия. Вместо того чтобы расслабиться и идти вместе с Хенаро, ты стал сопротивляться ему. Ты не можешь победить его. Он сильнее тебя. Затем дон Хуан дал мне несколько советов относительно моих отношений с людьми вообще. Его замечания, в сущности, были переложением на серьезный лад недавних шуточных поучений дона Хенаро. Он был благодушно настроен и без всяких уговоров с моей стороны стал объяснять, что происходило во время двух моих последних приездов.

– Как ты знаешь, – сказал он, – главная помеха в магии – внутренний диалог: это ключ ко всему. Когда воин научится останавливать его, все становится возможным. Самые невероятные проекты становятся выполнимыми. Ключом ко всякому колдовству и магическому опыту, который ты пережил недавно, был тот факт, что ты смог остановить внутренний разговор с самим собой. В трезвом уме ты видел союзника, дубля Хенаро, видящего сон и видимого во сне, а сегодня был близок к тому, чтобы узнать о целостности самого себя. Это было задачей воина, и Хенаро считал, что ты ее исполнишь, потому что к тому времени ты уже накопил достаточно личной силы. В прошлый твой визит я увидел очень важный знак. Когда ты приехал, я заметил, что союзник бродит вокруг. Я услышал его мягкие шаги, а потом *увидел* бабочку, которая смотрела, как ты выходил из машины. Союзник был неподвижен, наблюдая за тобой. Это было для меня наилучшим знаком. Если бы он возбужденно двигался вокруг, как это бывало раньше, словно недовольный твоим присутствием, то ход событий был бы совсем другим. Много раз я замечал союзника, недружелюбно настроенного по отношению к тебе, но в этот раз знак был верный, и я знал, что у него есть для тебя кусочек знания. Вот почему я сказал тебе, что у тебя назначено свидание со знанием, свидание с бабочкой, которое долго откладывалось. По какой-то непонятной для нас причине союзник предпочел явиться тебе в форме бабочки.

– Но ты говорил, что союзник бесформенный и что о нем можно судить только по его проявлениям, – сказал я.

– Верно, – ответил он. – Но союзник является бабочкой и для связанных с тобой наблюдателей – Хенаро и меня. Для тебя союзник – только проявление, ощущение в твоём теле, или звук, или золотые крупинки знания. Тем не менее, это остается фактом:

избрав форму бабочки, союзник говорит мне и Хенаро что-то очень важное. Бабочки дают знание, они друзья и помощники магов. Именно потому, что союзник предпочел быть рядом с тобой бабочкой, Хенаро поставил на тебя так много.

В ту ночь твоя встреча с бабочкой, как я и предвидел, была для тебя истинным свиданием со знанием. Ты узнал зов бабочки, почувствовал золотую пыльцу на ее крыльях, но главное, в ту ночь ты впервые осознал, что *видел*, а твое тело узнало, что мы – светящиеся существа. Ты еще не полностью оценил это поразительное событие в твоей жизни. Хенаро продемонстрировал тебе со страшной силой и ясностью, что мы являемся чувством, ощущением, а то, что мы называем своим телом – это пучок светящихся волокон, наделенных осознанием.

Прошлой ночью ты вновь находился под покровительством союзника. Когда ты приехал, я посмотрел на тебя и понял, что нужно позвать Хенаро, чтобы он смог объяснить тебе тайну видимого во сне и видящего сон. Как обычно, ты считал тогда, что я тебя разыгрываю, но Хенаро вовсе не прятался в кустах, как ты полагал. Он действительно появился ради тебя, даже если твой разум отказывается в это поверить.

Эта часть разъяснений дона Хуана была действительно слишком трудной, чтобы принять ее на веру. Я не мог ее признать и сказал, что дон Хенаро был реальным и относился к этому миру.

– Все, что ты видел и чему до сих пор был свидетелем, было реальным и относилось этому миру, – сказал он. – Другого мира нет. Твой камень преткновения – это особая настойчивость с твоей стороны, и эту твою особенность нельзя вылечить объяснениями, поэтому сегодня Хенаро обращался непосредственно к твоему телу. Тщательный анализ того, что ты сделал сегодня, покажет тебе, что твое тело превосходно смогло объединить отдельные части мозаики. Каким-то образом ты воздержался от индугирования в своих видениях у оросительной канавы. Ты удерживал редкостный контроль и отрешенность, как это и должен делать воин; ты ничего не принимал на веру, и все же действовал эффективно и поэтому смог последовать зову Хенаро. Ты действительно нашел его без всякой помощи с моей стороны. Когда мы подошли к каменному выступу, ты был пропитан силой, и ты увидел Хенаро стоящим там, где с той же целью стояли другие маги. Он подошел к тебе после того, как спрыгнул с

выступа. Он сам был силой. Если бы ты продолжал действовать так же, как у оросительной канавы, то ты бы *увидел* его таким, каким он является в действительности – светящимся существом. Вместо этого ты испугался, особенно когда Хенаро заставил тебя прыгнуть. Одного этого прыжка было бы достаточно, чтобы вывести тебя из твоих собственных границ. Но у тебя не было сил, и ты вновь рухнул в мир своего разума. После этого ты, конечно, вступил в смертельную битву с самим собой. Что-то в тебе – твоя воля – хотело идти с Хенаро, тогда как твой разум противился этому. Если бы я тебе не помог, ты бы лежал сейчас мертвый и был похоронен на месте силы. Но был момент, когда исход был сомнительным даже несмотря на мою помощь.

Несколько минут мы молчали. Я ждал, что он заговорит. В конце концов я спросил:

– Дон Хенаро действительно заставил меня прыгнуть на каменный выступ?

– Это не был прыжок в том смысле, в каком ты привык его понимать. Повторяю тебе еще раз, что это только способ говорить. До тех пор, пока ты думаешь, что ты твердое тело, ты не способен воспринять моего объяснения.

Он насыпал на землю пепел возле лампы, покрыв участок примерно в два квадратных фута, и пальцем нарисовал диаграмму, состоящую из восьми точек, соединенных между собой линиями. Это была геометрическая фигура. Такую же фигуру он рисовал мне год назад, пытаюсь объяснить, что когда я наблюдал четыре раза подряд падение одного и того же листа с одного и того же дерева, это не было иллюзией.

Диаграмма на пепле имела два центра. Один он назвал «разумом», а второй – «волей». «Разум» был непосредственно соединен с точкой, названной им «разговор». Через «разговор» «разум» косвенно был соединен с тремя точками: «ощущение», «сновидение» и «видение». Другой центр, «воля», был непосредственно связан с «ощущением», «сновидением» и «видением», но только косвенно с «разумом» и «разговором».

Я отметил, что диаграмма отличалась от той, которую я зарисовал в своем блокноте год назад,

– Внешняя форма не имеет значения, – сказал он.

– Эти точки представляют человека и могут быть нарисованы как угодно.

– Они представляют тело? – спросил я.

– Не называй это телом, – сказал он. – На волокнах светящегося существа есть восемь точек. На диаграмме ты видишь, что главное в человеке – это *воля*, ведь она непосредственно связана с тремя точками: *ощущением*, *сновидением* и *видением*. И лишь во вторую очередь человек – это *разум*. Центр *разум* играет гораздо меньшую роль, так как соединен только с *разговором*.

– А что значат две другие точки, дон Хуан?

Он взглянул на меня и улыбнулся.

– Сейчас ты намного сильнее, чем тогда, когда мы впервые говорили об этой диаграмме, но еще недостаточно силен, чтобы понять значение всех восьми точек. Со временем Хенаро покажет тебе оставшиеся две.

– У каждого ли есть все 8 точек, или только у магов?

– Можно сказать, что у каждого. Две из них – *разум* и *разговор* – известны всем. Так или иначе мы знакомы и с чувством, хотя и смутно. Но лишь в мире магов достигается знакомство со *сновидением*, *видением* и *волей*. Наконец на краю этого мира встречаешься еще с двумя. Осознание всех восьми точек – это именно то, что приводит нас к целостности самих себя.

Он показал на диаграмме, что все точки могут косвенно соединяться друг с другом.

Я снова спросил о двух таинственных точках. Он сказал, что они соединяются только с «волей», удалены от «чувства», «сновидения» и «видения» и еще дальше – от «разговора» и «разума», показав пальцем, что они изолированы не только от остальных точек, но и друг от друга.

– Эти две точки недоступны ни *разговору*, ни *разуму*, – сказал он. – Только *воля* может иметь с ними дело, *разум* настолько удален от них, что пытаться понять их совершенно бессмысленно. Этот момент – один из труднейших, так как природа *разума* заставляет его стремиться понять даже то, что не имеет ничего общего с пониманием.

Я спросил его, соответствуют ли эти восемь точек участкам тела или отдельным органам.

– Соответствуют, – сухо ответил он и стер диаграмму.

Он стал показывать центры, прикасаясь к соответствующим местам на моем теле. Голова была центром «разума» и «разговора», верхняя часть груди – центром «чувства», место чуть

ниже пупка – «воли». Центр «сновидения» был с правой стороны против ребер, а «видения» – с левой. Он сказал, что у некоторых воинов центры «видения» и «сновидения» расположены на одной стороне.

– А где остальные две точки? – спросил я.

Он дал мне совершенно непристойный ответ и расхохотался.

– Ты очень хитрый, – сказал он, – Думаешь, что я сонный старый козел, не так ли?

Я объяснил, что спросил скорее по инерции,

– Не торопись, – сказал он. – В свое время ты это узнаешь, но с той поры будешь предоставлен самому себе.

– Ты хочешь сказать, что я никогда больше не увижу тебя?

– Никогда, – сказал он. – Мы с Хенаро станем тем, чем были всегда – пылью на дороге.

У меня перехватило дыхание.

– О чем ты говоришь, дон Хуан?

– Я говорю о том, что все мы – непостижимые существа, светящиеся и безграничные. Ты, Хенаро и я связаны одной целью, которая не является нашим личным выбором.

– Что это за цель?

– Это цель пути воина. Ты не можешь сойти с него, и мы тоже. До тех пор, пока паше главное достижение впереди, ты будешь находить меня или Хенаро. Но когда мы с ним достигнем своей цели, ты полетишь свободно, и никому не известно, куда понесет тебя сила твоей жизни.

– Какую роль играет в этом дон Хенаро?

– Пока что эта тема не для тебя. Сегодня я должен углубить зацепку Хенаро и помочь тебе лучше осознать тот факт, что все мы – светящиеся существа, что мы не объекты, а чистое осознание, не имеющее ни плотности, ни границ. Представление о плотном мире лишь облегчает наше путешествие на земле, это описание, созданное нами для удобства, но не более. Однако наш разум забывает об этом, и мы сами себя заключаем в заколдованный круг, из которого редко вырываемся в течение жизни.

Сейчас, например, ты пытаешься высвободиться из пут разума.

Появление дона Хенаро на краю чапаррала кажется тебе невероятным и немыслимым; тем не менее, ты не можешь отрицать, что был свидетелем этого. Ты видел это своими глазами. Дон Хуан усмехнулся и тщательно нарисовал на пепле другую

диаграмму, но не позволил ее скопировать, прикрыв шляпой.
– Мы – воспринимающие существа, – продолжал он. – Однако воспринимаемый нами мир является иллюзией. Он создан описанием, которое нам внушали с рождения.

Мы, светящиеся существа, рождаемся с двумя кольцами силы, но для создания мира используем только одно из них. Это кольцо, которое замыкается на нас в первые годы жизни, есть *разум* и его компаньон, *разговор*. Именно они и состряпали этот мир, столкнувшись между собой, а теперь поддерживают его.

Так что твой мир, охраняемый *разумом*, создан описанием и его неизменными законами, которые *разум* научился принимать и отстаивать.

Секрет светящихся существ заключается в том, что у них есть второе кольцо силы, которое почти никогда не используется – *воля*. Уловка мага – это та же уловка обычного человека. У обоих есть описание, но только обычный человек поддерживает свое при помощи *разума*, а маг – при помощи *воли*. Оба описания имеют свои законы, и эти законы поддаются восприятию. Но *воля* по сравнению с *разумом* более всеобъемлюща, и в этом преимущество мага.

Сейчас я хочу тебе предложить, чтобы, начиная с этой минуты, ты позволил себе воспринимать и поддерживать оба описания – мира *разума* и мира воли. Чувствую, что для тебя это единственный способ использовать твой повседневный мир как вызов и как средство накопить достаточно личной силы для обретения целостности самого себя.

И тогда, быть может, тебе ее хватит уже в следующий твой приезд. Но жди до тех пор, пока не почувствуешь, как сегодня у оросительной канавы, что внутренний голос подсказывает тебе поступить именно так, а не иначе. Помни, что приезжать в любом другом настроении для тебя не только бесполезно, но и опасно. Я заметил, что если мне следует ждать такого голоса, то мы, вероятно, больше никогда не увидимся.

– Ты не представляешь себе, насколько хорошо можно действовать, когда тебя прижмут к стенке, – сказал он.

Дон Хуан поднялся, взял охапку дров и подбросил в глиняную печь несколько сухих палок: разгоревшееся пламя отбрасывало на землю желтоватые отблески. Потушив лампу, он сел на корточки перед своей шляпой, которая накрывала рисунок, сделанный им на

пепле.

Он велел мне расслабиться, выключить внутренний диалог и смотреть на шляпу. С минуту я боролся с собой, а затем возникло ощущение парения или падения с высоты. Казалось, меня ничто не поддерживало, я как бы не имел тела.

Дон Хуан поднял шляпу. Под ней были спирали пепла. Я смотрел на них, не думая. Я видел, что спирали двигаются и ощущал их своим животом. Пепел, казалось, собрался в кучу, а затем взметнулся, развеялся, и внезапно я увидел дона Хенаро, сидящего передо мной.

Это зрелище мгновенно вернуло мой внутренний диалог. Думая, что это сон, я начал прерывисто дышать и попытался открыть глаза, но они и так были открыты.

Я слышал, как дон Хуан велит мне вставать и двигаться. Вскочив, я побежал на веранду. Дон Хуан и дон Хенаро бросились за мной. Дон Хуан пошел в дом, вынес лампу и повесил ее на балку. Я никак не мог перевести дыхание и пытался успокоиться, как делал это раньше, повернувшись к западу и выполняя бег на месте с поднятыми руками. Дон Хуан подошел ко мне сбоку и сказал, что эти движения делаются только в сумерках.

Дон Хенаро закричал, что для меня это сумерки, и оба они рассмеялись. Дон Хенаро побежал к кустам, а затем прыгнул обратно на веранду, как если бы он был привязан к огромной резиновой ленте, которая растянулась, а затем дернула его обратно. Он повторил это движение три-четыре раза, а затем подошел ко мне. Дон Хуан пристально смотрел на меня, хихикая, как ребенок. Они незаметно переглянулись, и дон Хуан громким голосом сказал дону Хенаро, что мой разум опасен и что он может убить меня, если его не усмирить.

– Бога ради! – взревел дон Хенаро. – Усмири его разум!

Они подпрыгивали и смеялись, как дети. Дон Хуан усадил меня на освещенное лампой место и вручил блокнот.

– Сегодня мы действительно разыграли тебя, – сказал он тоном заговорщика. – Не бойся. Хенаро просто прятался под моей шляпой.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Тональ и Нагуаль

Глава первая ДОЛЖЕН ВЕРИТЬ

Я шел к центру города по улице Пасео да ла Реформа. Я был утомлен; высота города Мехико над уровнем моря несомненно имела к этому отношение. Можно было сесть на автобус или взять такси, но почему-то хотелось пройтись, несмотря на усталость. Был воскресный день. Движение было незначительным, и все же выхлопные газы автобусов и машин с дизельными двигателями делали узкие улочки центрального района города похожими на каньоны, наполненные смогом.

Дойдя до Зокало, я заметил что кафедральный собор Мехико еще больше обветшал со времени моего последнего приезда. Я вошел под огромные своды, но в голову полезли циничные мысли, и я сразу же вышел.

Быстрым шагом я направился на базар Лагунилья. Какое-то время я бесцельно бродил там, ни к чему особенно не приглядываясь, пока не остановился у лотка со старыми монетами и книгами.

– Привет, привет! Кого я вижу! – сказал кто-то, хлопнув меня по плечу.

Подскочив от неожиданности, я быстро обернулся и разинул рот от удивления. Передо мной стоял дон Хуан.

– Господи, дон Хуан! – воскликнул я с дрожью в голосе, – Что ты здесь делаешь? – Что ты здесь делаешь? – эхом откликнулся он. Я сказал, что остановился в городе на пару дней, собираясь затем отправиться к нему в горы Центральной Мексики.

– Ну что ж, можно сказать, что я спустился с этих гор, чтобы найти тебя, – сказал он, улыбаясь.

Он вновь похлопал меня по плечу и, казалось, был рад меня видеть. Подбоченившись, он выпятил грудь и спросил, нравится ли

мне его вид. Только сейчас я заметил, что он был в костюме, и вся тяжесть подобной несообразности обрушилась на меня. Я был ошарашен.

– Тебе нравится мой *такуче*? – спросил он, сияя. Он употребил жаргонное слово «такуче» вместо испанского «трахе» – костюм.

– Да, сегодня я в костюме, – сказал он, как бы объясняясь, и добавил, указывая на мой рот: – Закрой, закрой.

Я недоверчиво засмеялся. Он заметил мое смущение и затрясся от смеха, поворачиваясь, чтобы я мог рассмотреть его со всех сторон. Невероятно! На нем был идеально отутюженный светло-коричневый костюм, коричневые ботинки и белая рубашка. И галстук! Интересно, подумал я, есть ли на нем носки, или же он просто надел туфли на босу ногу?

Мое ошеломление усугублялось тем безумным чувством, что когда я обернулся к хлопнувшему меня по плечу дону Хуану, то мне показалось, что я вижу его в штанах цвета хаки, рубашке и соломенной шляпе. А когда он заставил меня осознать каждую деталь своего наряда, его новая внешность стала фиксированной, как если бы я мысленно создал ее. Мой рот, казалось, был частью тела, наиболее пораженной удивлением. Он открывался произвольно. Как бы помогая закрыть его, дон Хуан коснулся моего подбородка.

– Ты определенно развиваешь второй подбородок, – сказал он с коротким смешком.

Лишь теперь я понял, что он без шляпы, и его коротко подстриженные седые волосы расчесаны на пробор. Он выглядел типичным горожанином, таким пожилым мексиканским джентльменом.

Я сказал, что разнервничался, увидев его здесь, и хотел бы где-нибудь присесть. Он отнесся к этому с пониманием и предложил пойти в ближайший парк.

Мы молча прошли несколько кварталов к площади Гарибальди, своеобразной бирже труда для музыкантов. Там мы смешались с толпой зевак и туристов и прошли в парк. Вскоре он остановился, оперевшись на стену, и слегка подпернул брюки на коленях. На нем были светло-коричневые носки. Я попросил объяснить, к чему весь этот загадочный вид. Он уклончиво ответил, что сегодня ему необходимо быть в костюме по причинам, которые будут мне ясны позже.

Вид дона Хуана, одетого в костюм, был настолько неземным, что моя нервозность стала почти неконтролируемой. Мы не виделись несколько месяцев, и больше всего на свете я хотел поговорить с ним, но обстановка не располагала к этому, и мое внимание рассеивалось. Заметив мое состояние, дон Хуан предложил пойти в парк Ла Аламеда, более тихое место в нескольких кварталах отсюда.

Здесь было меньше людей, и мы быстро нашли пустую скамейку. Мы сели, и моя нервозность сменилась чувством неловкости. Я не смел поднять глаза на дона Хуана.

После длинной напряженной паузы, все еще не глядя на него, я сказал, что внутренний голос в конце концов погнал меня искать его, что поразительные события, свидетелем которых я был в его доме, глубоко повлияли на мою жизнь и что мне необходимо поговорить о них.

Он сделал нетерпеливый жест и сказал, что никогда не учил меня жить событиями прошлого.

— Главное, что ты выполнил мое требование и принял свой повседневный мир как вызов, — сказал он, — И то, что ты так легко нашел меня здесь, лишний раз доказывает, что ты накопил достаточно личной силы.

— Что-то не верится, — сказал я.

— Я знаю только одно — я ждал тебя, и ты появился, — сказал он. — Воину этого достаточно.

— И что теперь, когда я нашел тебя? — спросил я.

— Во-первых, мы не будем обсуждать проблемы, которые мучают сейчас твой разум, так как они относятся к другому времени и к другому настроению. Собственно это лишь ступени бесконечной лестницы, и делать на них ударение означало бы уходить от действительности текущего момента. Воин не может себе этого позволить.

У меня было почти неодолимое желание жаловаться, но не потому, что я сожалел о чем-то случившемся. Просто я искал утешения и сочувствия. Казалось, дон Хуан видел меня насквозь и говорил так, словно я действительно произнес вслух то, что думал.

— Только воин может выстоять на пути знания, — сказал он. — Воин не жалуется и ни о чем не сожалеет. Его жизнь — бесконечный вызов, а вызовы не могут быть плохими или хорошими. Вызовы — это просто вызовы.

Он говорил сухо и сурово, но улыбка была теплой и обезоруживающей.

– Теперь, когда ты здесь, мы будем ждать знак, – сказал он.

– Какой знак?

– Мы должны узнать, насколько устойчива твоя сила, – сказал он.

– В прошлый раз она иссякла совершенно, но сейчас, похоже, ты действительно готов к объяснению магов.

– Так ты сможешь рассказать мне о нем?

– Это зависит от твоей личной силы. Ты знаешь, что во всем, что касается *делания* и *неделания* воинов, значение имеет только личная сила. Но я могу сказать, что пока ты действовал неплохо. После секундной паузы он поднялся и, как бы желая сменить тему, указал мне на свой костюм.

– Я надел свой костюм ради тебя, – таинственно сказал он. – Этот костюм – мой вызов. Смотри, как хорошо я выгляжу в нем! Как легко! А? Не правда ли?

Дон Хуан действительно выглядел прекрасно. Для сравнения я вспомнил о своем дедушке, когда он надевал свой тяжелый английский фланелевый костюм. Мне всегда казалось, что он чувствует себя в нем неестественно. Дон Хуан же, напротив, смотрелся очень непринужденно.

– Думаешь, мне легко выглядеть естественно в костюме? – спросил он.

Я не знал, что ответить, но про себя подумал, что судя по его виду и поведению, для него это самая легкая вещь в мире.

– Носить костюм – это вызов для меня, – сказал он. – Вызов такой же трудный, как для тебя – носить сандалии и пончо. Однако у тебя никогда не было необходимости принимать это как вызов. Мой случай другой. Я – индеец.

Мы посмотрели друг на друга. Он вопросительно поднял брови, как бы ожидая моих замечаний.

– Воин тем и отличается от обычного человека, что он все принимает как вызов, тогда как обычный человек принимает все как благословение или проклятие. Факт, что сегодня ты здесь, указывает на то, что ты потрогал чешуйки в пользу пути воина. Его пристальный взгляд беспокоил меня. Я хотел было встать и пройти, но он удержал меня.

– Ты будешь сидеть и ерзать здесь до тех пор, пока мы не закончим. Мы ждем знака; мы не можем продолжать без него, так

как только одного того, что ты нашел меня здесь, – недостаточно, как недостаточно было и только найти в тот день Хенаро в пустыне. Твоя сила должна накрутиться здесь и дать нам указание.

– Не понимаю, к чему все это.

– Я видел как что-то кружилось вокруг парка, – сказал он.

– Это был *союзник*?

– Нет, не союзник. Поэтому мы должны оставаться здесь и выяснить, что за знак накручивает твоя сила.

Он попросил подробно рассказать о том, как я следовал его рекомендациям в отношении моей повседневной жизни и взаимоотношений с окружающими. Я не знал, с чего начать, но он предложил мне быть смелее, так как мои личные дела не были личными в обычном смысле. Они входили в поставленную передо мной магическую задачу. Я шутя заметил, что из-за этой магической задачи моя жизнь разрушилась, и рассказал, как трудно мне теперь поддерживать мир своей повседневной жизни. Я говорил долго. Дон Хуан смеялся до слез. Пару раз он хлопал себя по ляжкам, и этот жест, который я видел в его исполнении сотни раз, был не слишком уместен для человека, одетого в костюм.

– Твой костюм пугает меня больше всего того, что ты делал со мной, – сказал я.

– Ты привыкнешь к нему, – сказал он. – Воин должен быть текучим и изменяться в гармонии с окружающим миром, будь это мир *разума* или мир *воли*.

Реальная опасность для воина возникает тогда, когда выясняются, что мир – это ни то и ни другое. Считается, что единственный выход из этой критической ситуации – продолжать действовать так, как если бы ты верил. Другими словами, секрет воина в том, что он верит, не веря. Разумеется, воин не может просто сказать, что он верит, и на этом успокоиться. Это было бы слишком легко. Простая вера устранила бы его от анализа ситуации. Во всех случаях, когда воин должен связать себя с верой, он делает это по собственному выбору, как выражение своего внутреннего предрасположения. Воин не верит, воин *должен* верить.

Несколько секунд он молча наблюдал за тем, как я записываю. Я так и не уловил разницы, но мне не хотелось ни спорить, ни задавать вопросов. Мне хотелось обдумать сказанное им, но меня отвлекало происходящее вокруг. На улице позади нас стояла

длинная вереница непрерывно сигнализирующих автомобилей и автобусов, а на краю парка, метрах в сорока от нашей скамейки, стояла группа из семи или восьми человек, включая трех полицейских в светло-серой форме. Они склонились над каким-то мужчиной, неподвижно лежащим на траве. Вероятно он был или пьян, или серьезно болен. Взглянув на дона Хуана, я заметил, что он тоже смотрел на этого человека. Я пожаловался, что почему-то никак не могу разобраться в том, что он только что сказал мне.

– Я бы не спрашивал, – сказал я, – Но если я не попрошу тебя объяснить, то сам не пойму. Не задавать вопросов – очень ненормально для меня.

– Прошу тебя быть нормальным любыми средствами, – сказал он с наигранной серьезностью.

Я сказал, что не понимаю разницы между тем, когда веришь и когда должен верить. Для меня это – одно и то же.

– Помнишь историю, которую ты рассказывал мне о своей подруге и ее кошках? – спросил он спокойно.

Взглянув на небо, он откинулся на скамейке, вытянул ноги и, заложив руки за голову, потянулся всем телом. Как обычно, при этом его суставы громко хрустнули.

Он имел в виду историю, которую я как-то ему рассказал. Моя подруга нашла однажды в сушилке прачечной двух почти мертвых котят. Она взяла их домой, выходила, и со временем котята выросли в двух огромных котов – черного и рыжего. Через два года она продала свой дом. Поскольку взять котов с собой не было возможности, а новых хозяев для них не нашлось, оставалось единственное – отнести их в ветеринарную больницу, чтобы там их усыпили.

Я помогал ей отвозить котов в больницу. Коты никогда раньше не бывали в машине, и она старалась их успокоить. Они царапались и кусались, особенно рыжий, по кличке Макс. Когда мы, наконец, подъехали к больнице, она взяла черного кота на руки и, ни слова не говоря, вышла из машины. Кот играл с ней, слегка трогая ее лапкой, когда она толкнула тяжелую входную дверь.

Я взглянул на Макса. Он сидел на заднем сидении. Мое движение, должно быть, испугало его, потому что он нырнул под сидение водителя. Я откинул сидение, так как не хотел лезть за ним, опасаясь, что он исцарапает мне руки. Кот лежал в углублении пола машины. Он казался сильно возбужденным и ушаченно

дышал. Он смотрел на меня. Наши глаза встретились, и мною овладела какая-то тревога, неясное предчувствие или, может быть, раздражение из-за того, что я участвую в таком деле.

Мне захотелось объяснить Макс, что это было решением моей подруги, а я только помогаю ей. Кот продолжал смотреть на меня, как бы понимая мои слова.

Я посмотрел, не идет ли она. Через стеклянную дверь я видел, как она разговаривает с приемщицей. Тело мое ощутило странный толчок, и я автоматически открыл дверь.

– Беги, Макс, беги! – сказал я коту. Он выпрыгнул из машины и помчался через улицу, стелясь над землей, как настоящая дикая кошка. Противоположная сторона улицы была пустой. Машины там не стояли, и я видел, как Макс бежит по улице вдоль тротуара. Он добежал до угла бульвара, а затем нырнул в канализационный люк.

Моя подруга вернулась. Я сказал ей, что Макс убежал. Она села в машину, и мы уехали, не проронив ни слова.

В последующие месяцы этот инцидент стал для меня символом. Я видел, а может и вообразил, отчаянный блеск в глазах Макса, когда он взглянул на меня, прежде чем выпрыгнуть из машины. И я верил в то, что на какое-то мгновение это кастрированное, перекормленное и бесполезное животное-игрушка стало настоящим котом.

Я убежден, сказал я дону Хуану, что Макс перебежал улицу и нырнул в канализационный люк, когда его «кошачий дух» был безупречен, и, возможно, не было другого времени в его жизни, когда его «кошачесть» была столь очевидной. Этот случай произвел на меня неизгладимое впечатление.

Я рассказывал эту историю всем своим друзьям, и все больше удовольствия доставляло мне отождествление себя с этим котом.

Я считал себя похожим на Макса, чересчур разбалованного, одомашненного всеми возможными способами, и все же я надеялся, что однажды человеческий дух сможет овладеть всем моим существом точно так же, как дух «кошачести» овладел разжиревшим и бесполезным телом Макса.

Дону Хуану история понравилась, и он сделал несколько замечаний на этот счет. Он сказал, что человеческий дух временами овладевает каждым из нас, но удержать его может только воин.

– Так что об истории с кошками? – спросил я.

– Ты, кажется, веришь, что сумеешь воспользоваться своим шансом, как это сделал Макс?

– Да, я надеюсь.

– Я пытался рассказать тебе, что воин не просто верит, что он *должен* верить. Например, в случае с Максом, ты *должен* верить, что его побег не был бесполезным порывом. Да, он мог нырнуть в канализационный люк и погибнуть. Он мог утонуть или умереть от голода, или же его могли съесть крысы. Воин учитывает все эти возможности, а затем выбирает ту из них, которая соответствует его внутреннему предрасположению.

Как воин ты должен верить, что Макс сделал это – то есть, что он не только убежал, но и сохранил свою силу. Ты *должен* верить в это. Скажем так, без этой веры ты не имеешь ничего.

Различие стало ясным. Я подумал, что действительно избрал верить, что Макс выжил, зная, что он избалован жизнью на мягких подушках.

– Просто верить – легко и спокойно, – продолжал дон Хуан. – *Должен* верить – нечто совершенно иное, – и в этом случае, например, сила дала тебе великолепный урок. Но ты предпочел использовать лишь часть его. Однако, если ты *должен* верить, то должен использовать все событие.

– Я понял, что ты имеешь в виду, – сказал я. Мне действительно казалось, что я понимаю его с необыкновенной ясностью.

– Боюсь, что ты все еще не понял, – сказал он почти шепотом и пристально посмотрел на меня. Секунду я выдерживал его взгляд.

– Как насчет другого кота? – спросил он.

– А? Другого кота? – повторил я невольно.

Я забыл о нем. Мой символ касался только Макса. Другой кот не имел ко мне никакого отношения.

– Но он имеет! – воскликнул дон Хуан после того, как я сказал ему об этом.

– *Должен* верить означает, что ты должен знать и принимать в расчет обстоятельства, связанные с другим котом, который игриво лизал руки, несущие его к року. Это был тот кот, который пошел к своей смерти доверчиво, полный своих кошачий суждений.

Ты думаешь, что похож на Макса, и поэтому ты забыл о другом коте. Ты даже не знаешь его имени. *Должен* верить означает, что ты обязан учитывать все, и прежде чем решить, что ты похож на

Макса, ты должен принять в расчет, что ты можешь быть похож и на другого кота. Вместо того чтобы бежать, спасая свою жизнь, и использовать каждый шанс, ты, быть может, так же идешь навстречу року, наполненный своими суждениями.

В его словах была непонятная печаль, а может быть печаль была моей. Долгое время мы молчали. Мне действительно никогда не приходило в голову, что я могу быть похожим и на второго кота. Мысль об этом была для меня очень неприятной.

Из состояния задумчивости меня вывел внезапный беспокойный шум голосов. Полицейские разгоняли людей, столпившихся вокруг человека, лежащего на траве. Кто-то положил ему под голову свернутый пиджак. Человек лежал параллельно улице лицом к востоку. С того места, где я сидел, я почти наверняка мог сказать, что его глаза были открыты.

Дон Хуан вздохнул.

– Какой чудесный день, – сказал он, глядя на небо.

– Я не люблю Мехико, – сказал я.

– Почему?

– Я ненавижу смог.

Он слегка покачал головой, как бы соглашаясь со мной.

– Лучше бы мы были с тобой в горах или в пустыне, – сказал я.

– На твоём месте я бы так не говорил, – ответил он.

– Но я не имел в виду ничего предосудительного, дон Хуан.

– Мы оба знаем это. Однако имеет значение не то, что ты хотел сказать в данном случае, а сам принцип. Ни воин, ни обычный человек не могут заведомо что-либо предпочесть, потому что воин живет по вызову, а обычный человек не знает, где найдет его смерть. Взгляни на того мужчину, который лежит сейчас на траве. Как ты думаешь, что с ним?

– Пьян, наверное, или болен.

– Он умирает! – с абсолютной уверенностью сказал дон Хуан. – Как только мы сели здесь, я сразу же *увидел* отблеск смерти, которая кружилась вокруг него. Вот почему я запретил тебе вставать. Что бы там ни было – дождь или солнце – но ты не должен вставать с этой скамейки, пока все не выяснится. Это и есть тот знак, которого мы ожидали. Сейчас конец дня, и солнце уже коснулось горизонта. Это твой час силы. Взгляни! Картина умирающего человека – только для нас.

И он указал мне, что с того места, где мы сидели, ничто не мешало

нам видеть этого человека. Толпа зевак собралась возле него полукругом с противоположной от нас стороны.

С каким-то тревожным чувством я посмотрел на человека, лежащего на траве. Он был худощавый, темнокожий, еще молодой. Его черные волосы были короткими и вились. Рубашка была расстегнута, грудь открыта. На нем была оранжевая кофта с дырами на локтях и стоптанные серые сандалии. Он был напряжен. Я не мог сказать, дышит он или нет. Я раздумывал над тем, действительно ли этот человек умирает или же дон Хуан намеренно драматизировал ситуацию для очередного урока. Я не раз уже обращал внимание, что каким-то образом ему всегда удавалось любое событие подгонять под свои таинственные схемы. После долгого молчания я повернулся к дону Хуану. Его глаза были закрыты.

– Этот человек сейчас умрет, – сказал он не поднимая век. – Хотя ты и не веришь этому, правда? – Он открыл глаза, и я на мгновение замер под его пристальным взглядом.

– Не верю, – сказал я.

Мне действительно казалось, что все было слишком уж просто, словно кем-то подстроено. Не успели мы прийти в парк и сразу же наткнулись на умирающего человека.

– Обстоятельства выстраиваются сами собой, – сказал он в ответ на мои сомнения. – Это не спектакль, а знак, действие силы.

Мир *разума* превращает это событие в нечто заурядное, в незначительный случай на пути к более важным делам. И тогда мы мельком замечаем, что какой-то человек просто лежит на траве, наверное, пьяный.

Но мир воли превращает это зрелище в действие силы. И тогда мы можем *видеть* смерть, кружащую вокруг человека. Она все глубже и глубже погружает свои когти в его светящиеся волокна, и они, медленно теряя свое натяжение, исчезают одно за другим.

Вот две возможности, открытые для нас как светящихся существ.

Ты – где-то посередине, все еще желая, чтобы мир был под рубрикой *разума*. И все-таки ты не можешь отрицать факт, что твоя личная сила дала тебе знак. Мы пришли в этот парк после того, как ты нашел меня именно там, где я тебя ждал. В какой-то момент ты просто наткнулся на меня, не думая, ничего не планируя, не используя намеренно свой *разум*. А затем мы садимся здесь и ждем знака. Оба мы обращаем внимание на этого человека,

но каждый замечает его по-своему. Ты – своим *разумом*, я – своей *волей*.

Этот умирающий – и есть тот кубический сантиметр шанса, который сила всегда открывает воину. Искусство воина состоит в том, чтобы быть непрерывно текучим, иначе он не успеет ухватиться за этот шанс. Я-то успел, а как насчет тебя?

Я не отвечал, начиная осознавать бесконечную пропасть внутри себя, и на какое-то мгновение действительно ощутил те два мира, о которых он говорил.

– Какой это исчерпывающий знак! – продолжал дон Хуан. – И все для тебя. Сила показала тебе, что смерть – это необходимая добавка к *долгу* верить. Без осознания смерти все становится обычным, незначительным. Мир потому и является неизмеримой загадкой, что смерть постоянно выслеживает нас. Что касается меня, то я лишь развернул детали этого знака, чтобы указать тебе направление. Попутно я показал тебе и еще одно: сказанное мною сегодня – это как раз то, во что я *должен* верить сам, потому что таково предрасположение моего духа.

Мгновение мы смотрели друг другу в глаза.

– Помнишь, ты читал мне стихотворение, – сказал он, отводя глаза.

– О человеке, который дал обет умереть в Париже. Как там?

Это было стихотворение Сесара Вальехо «Черный камень на белом камне». Я не раз читал ему по его просьбе первые две строфы.

Я умру в Париже, когда идет дождь.

В день, который я уже помню.

Я умру в Париже – и не убегу прочь

Может быть, осенью, в среду, как сегодня.

Это будет среда, потому что сегодня.

Когда я пишу эти строки – среда.

Я костями чувствую Поворот.

И никогда как сегодня за весь мой путь

Я не видел себя настолько одиноким.

Почему-то всегда эти строки вызывали у меня чувство невыразимой печали.

Дон Хуан сказал, что я *должен* верить, что у умирающего было достаточно личной силы, чтобы самому избрать улицы Мехико местом своей смерти.

– Мы снова возвращаемся к истории о двух котах, – сказал он. – Мы *должны* верить, что у Макса было достаточно личной силы,

чтобы понять нависшую над ним опасность и, подобно этому человеку на траве, сознательно выбрать, по крайней мере, место своего конца. Но был и другой кот, как есть и другие люди, которые встретят свою смерть в одиночестве, не осознавая ее, глядя на унылые стены своей опостылевшей комнаты.

С другой стороны, этот человек умирает там, где он всегда жил – на улице. Трое полицейских – его почетный караул. И когда он потерял сознание, его глаза уловили последний отблеск огня в магазинах на противоположной стороне улицы, машины, деревья и вереницы людей, снующих вокруг, а его уши были наполнены в последний раз звуками транспорта и голосами проходящих мимо мужчин и женщин.

Так что, как видишь, без осознания присутствия нашей смерти нет ни силы, ни тайны.

Я долго смотрел на человека. Он не двигался. Возможно, он был действительно мертв. Но мое неверие не имело больше никакого значения. Дон Хуан был прав. Долг верить, что мир таинственен и непостижим, был выражением самого глубокого предрасположения воина, без которого он не имел ничего.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава вторая **ОСТРОВ ТОНАЛЯ**

Мы встретились на следующий день в том же парке около полудня. Он и сегодня был в своем коричневом костюме. Сняв пиджак, он тщательно, но с изысканной небрежностью сложил его и положил на скамейку. Его небрежность казалась одновременно и рассчитанной и совершенно естественной. Я поймал себя на том, что попросту глазею на него. Он, казалось, осознавал парадокс, перед которым меня поставил, и улыбался. Он поправил галстук. Бежевая рубашка с длинными рукавами шла ему чрезвычайно.

– На мне все еще этот костюм, потому что я хочу сказать тебе одну очень важную вещь, – сказал он, похлопав меня по плечу. – Вчера для тебя был хороший спектакль, а сейчас самое время прийти к некоторому окончательному соглашению.

Он сделал долгую паузу. Казалось, он готовится к важному заявлению. У меня появилось странное ощущение в животе. Я немедленно заключил, что он собирается открыть мне объяснение магов. Он пару раз поднимался и начинал прохаживаться, как будто ему трудно было подобрать слова.

– Пойдем в ресторан напротив и перекусим, – сказал он наконец. Он развернул свой пиджак и, прежде чем надеть его, показал мне, как тот превосходно шит.

– Сделано на заказ, – сказал он и улыбнулся, довольный, как будто это имело какое-то особое значение.

– Я должен был обратить на это твоё внимания, а то бы ты просто не заметил. Сейчас очень важно, чтобы ты это осознал. Ты привык осознавать только то, что считаешь важным для себя. Но настоящий воин должен осознавать все и всегда.

Мой костюм и все эти мелочи важны, потому что по ним можно судить о моем положении в жизни, или, скорее, об одной из двух частей моей целостности. Этот разговор давно назрел. Я чувствую, что сейчас для него пришло время. Но он должен быть проведен как следует, или это совсем не будет иметь для тебя смысла. Я хотел при помощи костюма дать тебе первый намек. Я считаю, что

ты его получил. Теперь время поговорить, потому что для понимания этой темы нужна серьезная беседа.

– Что это за тема, дон Хуан?

– Целостность самого себя.

Он резко поднялся и повел меня в ресторан в большом отеле напротив. Хозяйка довольно недружелюбно показала нам столик в дальнем углу. Очевидно, места для избранных были вдоль окон.

Я сказал дону Хуану, что эта женщина напомнила мне другую хозяйку в Аризоне, где мы с ним когда-то ели. Прежде чем вручить нам меню, та спросила, хватит ли у нас денег, чтобы расплатиться.

– Я не виню этих бедных женщин, – сказал дон Хуан, словно сочувствуя ей. – Эта так же, как и та, другая, боится мексиканцев.

Он добродушно засмеялся. Несколько посетителей ресторана обернулись и посмотрели на нас.

Дон Хуан сказал, что, сама того не зная, а то и вопреки своему желанию, хозяйка отвела нам самый лучший столик в зале. Здесь мы можем свободно разговаривать, а я могу писать сколько душе угодно.

Как только я вынул блокнот из кармана и положил его на стол, к нам внезапно подлетел официант. Казалось, он тоже был в плохом настроении. Он стоял над нами с вызывающим видом.

Дон Хуан начал заказывать для себя весьма сложный обед. Он заказывал, не глядя в меню, как если бы знал его наизусть. Я растерялся. Официант появился неожиданно и я не успел даже заглянуть в меню, поэтому сказал, что хочу то же самое.

Дон Хуан пошептал мне на ухо: – Держу пари, у них нет ничего из того, что я заказал.

Он уютно устроился в кресле и предложил мне расслабиться и сесть поудобнее, потому что пройдет целая вечность, пока нам приготовят обед.

– Ты на очень примечательном перекрестке, – сказал он. – Может быть, на последнем и самом трудном для понимания. Наверное, некоторые вещи из того, что я скажу тебе, полностью ясными не станут никогда. Но так и должно быть. Поэтому не беспокойся, не раздражайся и не разочаровывайся. Все мы – изрядные тупицы, когда вступаем в мир магии. Да и это не гарантирует нам перемен к лучшему. Некоторые из нас остаются идиотами до самого конца. Мне понравилось, что он включил и себя в число идиотов. Я знал, что он сделал это не по доброте душевной, но чтобы я лучше

усвоил сказанное.

– Не теряйся, если ты не уловишь чего-нибудь из моих объяснений, – продолжал он. – Учитывая твой темперамент, я боюсь, что ты можешь выбиться из сил, стремясь понять. Не надо! То, что я собираюсь сказать, лишь укажет тебе направление.

Внезапно меня охватила тревога. Предупреждение дона Хуана вызвало у меня в уме настоящий хаос. Он и раньше предупреждал меня точно таким же образом, и всякий раз это оборачивалось каким-нибудь разрушительным событием.

– Я начинаю очень нервничать, когда ты так разговариваешь со мной, – сказал я.

– Знаю, – сказал он спокойно. – Я специально заставляю тебя подняться на цыпочки. Мне нужно твое нераздельное внимание. Он сделал паузу и взглянул на меня. У меня вырвался нервный смешок. Я знал, что он нарочно усиливает драматические возможности ситуации.

– Я говорю тебе все это не для эффекта, – сказал он, как бы прочитав мои мысли. – Я просто даю тебе время для правильной настройки.

В этот момент к нашему столу подошел официант и заявил, что у них нет ничего из заказанного нами. Дон Хуан громко рассмеялся и заказал тортильи с мясом и бобы. Официант снисходительно усмехнулся и сказав, что они такого не готовят, предложил бифштекс и цыпленка. Мы выбрали суп. Ели мы молча. Мне суп не понравился, и я его так и не доел, но дон Хуан съел свой полностью.

– Я надел свой пиджак, – сказал он внезапно, – для того, чтобы рассказать уже известные тебе вещи. Но чтобы это знание стало эффективным, оно нуждается в разъяснении. Я откладывал это до сих пор, потому что Хенаро считает, что недостаточно одного твоего желания пойти по пути знания. Твои действия должны быть безупречны, чтобы ты стал достойным этого знания. Ты действовал хорошо. Теперь я расскажу тебе объяснение магов. Он опять сделал паузу, потер щеки и подвигал языком внутри рта, как бы ощущая зубы.

– Я собираюсь рассказать тебе о *тонале* и *нагуале*, – сказал он наконец и пронзительно посмотрел на меня.

Мне впервые за время нашего знакомства довелось услышать от него эти два термина. Я смутно помнил их из антропологической

литературы о культурах центральной Мексики. Я знал, что «тональ» (произносится как тох-на'хл) был своего рода охранительным духом, обычно животным, которого ребенок получал при рождении и с которым он был связан глубокими узами до конца своей жизни.

«Нагуаль» (произносится как нах-уа'хл) – название, дававшееся или животному, в которое маг мог превращаться, или тому магу, который практиковал такие превращения.

– Это мой *тональ*, – сказал дон Хуан, потерев руками грудь.

– Твой костюм?

– Нет, моя личность.

Он похлопал себя по груди, по ногам и по ребрам.

– Мой тональ – все это.

Он объяснил, что каждое человеческое существо имеет две стороны, две отдельных сущности, две противоположности, начинающие функционировать в момент рождения. Одна называется «тональ», другая – «нагуаль».

Я рассказал ему о мнении антропологов об этих двух понятиях.

Он позволил мне говорить, не перебивая.

– Ну, все что ты о них знаешь или думаешь – сплошная ерунда, – сказал он наконец. – Я могу заявить это с полной уверенностью, потому что ты ни в коем случае не мог знать того, что я скажу о *тонале* и *нагуале*. Дураку ясно, что ты ничего об этом не знаешь: для того, чтобы познакомиться с этим, следует быть магом. А ты – не маг. Ты мог поговорить об этом с другим магом, но этого не было. Поэтому отбрось то, что ты слышал об этом раньше, потому что это никому не нужно.

– Это было только замечание, – сказал я.

Он комически поднял брови.

– Сейчас твои замечания неуместны, – сказал он, – На этот раз мне нужно твое нераздельное внимание. Я собираюсь познакомить тебя с тоналем и *нагуалем*. У магов к этому знанию интерес особый и уникальный. Я бы сказал, что тональ и нагуаль находятся исключительно в сфере людей знания. Для тебя это пока та заслонка, которая закрывает все то, чему я тебя обучал. Поэтому я и ждал до сих пор, чтобы рассказать тебе о них.

Тональ – это не животное, которое охраняет человека. Я бы сказал, пожалуй, что это хранитель, который может быть представлен и как животное, но это не главное.

Он улыбнулся и подмигнул мне.

– Теперь я использую твои собственные слова, – сказал он, – *тональ* – это социальное лицо.

Он засмеялся и подмигнул мне.

– *Тональ* является по праву защитником, хранителем. Хранителем, который чаще всего превращается в охранника.

Я схватился за блокнот. Он засмеялся и передразнил мои нервные движения.

– *Тональ* – это организатор мира, – продолжал он, – Может быть, лучше всего его огромную работу было бы определить так: на его плечах покоится задача создания мирового порядка из хаоса. Не будет преувеличением сказать, что все, что мы знаем и делаем как люди, – работа *тоналя*. Так говорят маги.

В данный момент, например, все, что участвует в твоей попытке найти смысл в нашем разговоре, является *тоналем*. Без него были бы только бессмысленные звуки и гримасы, и из моих слов ты не понял бы ничего.

Скажу далее, *тональ* – это хранитель, который охраняет нечто бесценное – само наше существование. Поэтому врожденными качествами *тоналя* являются консерватизм и ревнивость относительно своих действий. А поскольку его деяния являются самой что ни на есть важнейшей частью нашей жизни, то не удивительно, что он постепенно в каждом из нас превращается из хранителя в охранника.

Он остановился и спросил, понял ли я. Я машинально кивнул головой, и он недоверчиво улыбнулся.

– Хранитель мыслит широко и все понимает, – объяснил он. – Но охранник – бдительный, косный и чаще всего деспот.

Следовательно, *тональ* во всех нас превратился в мелочного и деспотичного охранника, тогда как он должен быть широко мыслящим хранителем.

Я явно не улавливал нити его объяснения. Хотя я расслышал и записал каждое слово, но мне мешал какой-то мой собственный, непрерывный и запутанный внутренний диалог.

– Мне очень трудно следить за тобой, – пожаловался я.

– Если бы ты не цеплялся за разговоры с самим собой, то у тебя не было бы этих трудностей, – отрезал он.

Я начал долго и нудно объяснять что-то в свою защиту, но в конце концов спохватился и извинился за свою привычку постоянно

оправдываться.

Он улыбнулся и жестом дал понять, что совсем не сердится.

– *Тональ* – это все, что мы есть, – продолжал он. – Назови его! Все, для чего у нас есть слово – это *тональ*. А поскольку *тональ* и есть его собственные деяния, то в его сферу попадает все.

Я напомнил ему, что он сказал, будто бы «тональ» является «социальным лицом». Этим термином в разговорах с ним пользовался я сам, чтобы определить человека как конечный результат процесса социализации. Я указал, что если «тональ» был продуктом этого явления, то он не может быть «все», потому что мир вокруг нас не является результатом социальных процессов.

Дон Хуан возразил, что мой аргумент не имеет никаких оснований, ведь он уже говорил мне, что никакого мира в широком смысле не существует, а есть только описание мира, которое мы научились визуализировать и принимать как само собой разумеющееся.

– *Тональ* – это все, что мы знаем, – сказал он, – Я думаю, что это само по себе уже достаточная причина, чтобы считать *тональ* могущественной вещью.

Он на секунду остановился, как будто ожидая вопросов или замечаний, но у меня их не было. Но я почему-то чувствовал себя обязанным задать вопрос и пытался сформулировать подходящий. Мне это не удалось. После всех предупреждений, которыми он начал наш разговор, мне как-то не хотелось задавать вопросы. Меня охватило непонятное оцепенение, и я был неспособен сосредоточиться и привести в порядок свои мысли. Фактически, я чувствовал и знал без тени сомнения, что не способен думать, но знал это не разумом, если только такое возможно.

Я взглянул на дону Хуана. Он смотрел на среднюю часть моего тела. Но вот он поднял глаза, и ко мне мгновенно вернулась ясность мысли.

– *Тональ* – это все, что мы знаем, – медленно повторил он. – И это включает не только нас как личности, но и все в нашем мире. Можно сказать, что *тональ* – это все, что мы способны видеть глазами.

Мы начинаем возвращать его с момента рождения. Как только мы делаем первый вдох, с ним мы вдыхаем и силу для *тоналя*.

Поэтому правильным будет сказать, что *тональ* человеческого существа сокровенно связан с его рождением.

Ты должен запомнить это. Понимание всего этого очень важно.

Тональ начинается с рождения и заканчивается смертью.

Мне хотелось, чтобы он повторил все это еще раз, и уже открыл было рот, чтобы попросить его об этом, но к своему изумлению не смог произнести ни слова. Это было очень любопытное состояние. Слова мои были тяжелыми, и у меня совершенно не было возможности контролировать свои ощущения.

Я взглянул на дона Хуана, пытаясь показать ему, что я не могу говорить. Он опять смотрел на мой живот. Потом он поднял глаза и спросил, как я себя чувствую.

Слова полились из меня, словно прорвало плотину. Я рассказал ему, что испытывал любопытное ощущение, будто я не могу ни говорить, ни думать, и в то же время мои мысли были кристально ясными.

– Твои мысли были кристально ясными? – переспросил он.

И тут я понял, что ясность относилась не к моим мыслям, а только к моему восприятию мира.

– Ты что-нибудь делаешь со мной, дон Хуан? – спросил я.

– Я пытаюсь убедить тебя в том, что твои замечания не нужны, – сказал он и засмеялся.

– Значит, ты не хочешь, чтобы я задавал вопросы?

– Нет, нет, спрашивай все, что хочешь, только не позволяй отвлекаться твоему вниманию.

Я вынужден был признать, что растерялся из-за безбрежности темы.

– Я все еще не могу понять, дон Хуан, что ты подразумеваешь под утверждением, что *тональ* – это все? – спросил я после секундной паузы.

– *Тональ* – это то, что творит мир.

– *Тональ* является создателем мира?

Дон Хуан почесал виски.

– *Тональ* создает мир только образно говоря. Он не может ничего создать или изменить, и, тем не менее, он творит мир, потому что его функция – судить, оценивать и свидетельствовать. Я говорю, что *тональ* творит мир, потому что он свидетельствует и оценивает его согласно своим правилам, правилам тоналя. Очень странным образом *тональ* является творцом, который не творит ни единой вещи. Другими словами, *тональ* создает законы, по которым он воспринимает мир, значит, в каком-то смысле он творит мир.

Дон Хуан мурлыкал популярную мелодию, отбивая ритм пальцами

на краю стула. Его глаза сияли. Казалось, они искрятся. Он усмехнулся и покачал головой.

– Ты не слушаешь меня, – сказал он и улыбнулся.

– Я слушаю, нет проблем, – сказал я не очень убежденно.

– *Тональ* – это остров, – объяснил он. – Лучшим способом описать его будет сравнение вот с этим.

Он очертил рукой край стола.

– Мы можем сказать, что *тональ*, как поверхность этого стола, остров, и на этом острове мы имеем все. Этот остров – фактически весь наш мир.

У каждого из нас есть личные *тонали* и есть коллективный *тональ* для нас всех в любое данное время, и его мы можем назвать *тоналем* времени.

Он показал на ряд столов в ресторане.

– Взгляни, все столы одинаковы, на каждом из них есть одни и те же предметы. Но каждый из них имеет и свои собственные индивидуальные отличия. За одним столом больше людей, чем за другим. На них разная пища, разная посуда, различная атмосфера. Но мы должны согласиться, что все столы в ресторане очень похожи. То же происходит и с *тоналем*. Можно сказать, что *тональ* времени – это то, что делает нас похожими, как похожи все столы в ресторане. В то же время каждый стол существует сам по себе, как и личный *тональ* каждого из нас. Однако следует помнить очень важную вещь: все, что мы знаем о нас самих и о нашем мире, находится на острове *тоналя*. Понимаешь, о чем я?

– Если *тональ* – это все, что мы знаем о нас самих и о нашем мире, то что же такие *нагуаль*?

– *Нагуаль* – это та часть нас, с которой мы вообще не имеем никакого дела.

– Прости, я не понял.

– *Нагуаль* – это та часть нас, для которой нет никакого описания – ни слов, ни названий, ни чувств, ни знаний.

– Но это противоречие, дон Хуан. Мне кажется, если это нельзя почувствовать, описать или назвать, то оно просто не существует.

– Это противоречие существует только в твоём разуме. Я предупреждал тебя ранее, что ты выбьешься из сил, стараясь понять это.

– Не хочешь ли ты сказать, что *нагуаль* – это ум?

– Нет, ум – это предмет на столе, ум – это часть *тоналя*. Скажем

так, ум – это чилийский соус. Он взял бутылку соуса и поставил ее передо мной.

– Может быть, нагуаль – это душа?

– Нет, душа тоже на столе. Скажем, душа – это пепельница.

– Может, это мысли людей?

– Нет, мысли тоже на столе. Мысли – столовое серебро.

Он взял вилку и положил ее рядом с бутылкой соуса и пепельницей.

– Может, это состояние блаженства, небеса?

– И не это тоже. Это, чем бы оно ни было, часть *тоналя*. Это, скажем, – бумажная салфетка.

Я продолжал перечислять всевозможные способы описания того, о чем он говорит: чистый интеллект, психика, энергия, жизненная сила, бессмертие, принцип жизни. Для всего, что я назвал, он находил на столе что-нибудь для сравнения и ставил это напротив меня, пока все предметы на столе не были собраны в одну кучу. Дон Хуан, казалось, наслаждался бесконечно. Он посмеивался, потирая руки каждый раз, когда я высказывал очередное предположение.

– Может быть, *нагуаль* – это Высшая Сущность, Всемогуший, Господь Бог? – спросил я.

– Нет, Бог тоже на столе. Скажем так, Бог – это скатерть.

Он сделал шутливый жест, как бы скомкав скатерть и положив ее передо мной к другим предметам.

– Но значит, по-твоему, Бога не существует?

– Нет, я не сказал этого. Я сказал только, что нагуаль – не Бог, потому что Бог принадлежит нашему личному *тоналю* и *тоналю* времени. Итак, *тональ* – это все то, из чего, как мы думаем, состоит мир, включая и Бога, конечно. Бог не более важен, чем все остальное, будучи *тоналем* нашего времени.

– В моем понимании, дон Хуан, Бог – это все. Разве мы не говорим об одной и той же вещи?

– Нет, Бог – это все-таки то, о чем мы можем думать, поэтому, правильно говоря, он только один из предметов на этом острове. Нельзя увидеть Бога по собственному желанию, о нем можно только говорить. *Нагуаль* же всегда к услугам воина и его можно наблюдать, но о нем невозможно сказать словами.

– Если нагуаль не является ни одной из тех вещей, которые я перечислил, то, может быть, ты сможешь скачать мне о его

местоположении. Где он?

Дон Хуан сделал широкий жест и показал на пространство вокруг стола. Он провел рукой, как если бы ее тыльной стороной очистил воображаемую поверхность за краями стола.

– *Нагуаль* – там, – сказал он. – Там, вокруг острова. *Нагуаль* там, где обитает сила. Мы чувствуем с самого момента рождения, что есть две части нас самих. В момент рождения и некоторое время спустя мы являемся целиком *нагуалем*. Затем мы чувствуем, что для нормальной деятельности нам необходима противоположная часть того, что мы имеем. *Тональ* отсутствует, и это дает нам с самого начала ощущение неполноты. Затем *тональ* начинает развиваться и становится совершенно необходимым для нашего существования. Настолько необходимым, что затеняет сияние *нагуаля*, захлестывает его. С момента, когда мы целиком становимся тоналем, в нас все возрастает наше старое ощущение неполноты, которое сопровождало нас с момента рождения. Оно постоянно напоминает нам, что есть еще и другая часть, которая дала бы нам целостность.

С того момента, как мы становимся целиком тоналем, мы начинаем составлять пары. Мы ощущаем две наши стороны, но всегда представляем их предметами *тоналя*. Мы говорим, что две наши части – душа и тело, или мысль и материя, или добро и зло, Бог и дьявол. Мы никогда не осознаем, что просто объединяем в пары вещи на одном и том же острове, как кофе и чай, хлеб и лепешки или чилийский соус и горчицу. Скажу я тебе, мы – странные животные. Нас унесло в сторону, но в своем безумии мы уверили себя, что все понимаем правильно.

Дон Хуан поднялся и обратился ко мне с видом оратора. Он ткнул в меня указательным пальцем и затряс головой.

– Человек мечется не между добром и злом, – сказал он патетически, схватив солонку и перечницу и потрясая ими, – его истинное движение – между отрицательным и положительным. Он уронил солонку и перечницу и схватил нож и вилку.

– Вы не правы! Никакого движения тут нет, – продолжал он, как бы возражая сам себе. – Человек – это только разум.

Он взял бутылку соуса и поднял ее. Затем опустил.

– Как видишь, – сказал он мягко, – мы легко можем заменить разум чилийским соусом и договориться до того, что «человек – это только чилийский соус». Это не сделает нас более

ненормальными, чем мы уже есть.

– Боюсь, я задал не тот вопрос, – сказал я, – Может быть, мне правильнее было бы спросить, что особенного можно найти в области за островом.

– Нет возможности ответить на это. Если я скажу – «ничего», то я только сделаю *нагуаль* частью *тоналя*. Могу сказать только, что за границами острова находится *нагуаль*.

– Но когда ты называешь его нагуалем, разве ты не помещаешь его на остров?

– Нет, я назвал его только затем, чтобы дать тебе возможность осознать его существование.

– Хорошо! Но разве мое осознание не превращает *нагуаль* в новый предмет моего *тоналя*?

– Боюсь, что ты не понимаешь. Я назвал *нагуаль* и *тональ* как истинную пару. Это все, что я сделал.

Он напомнил мне, как однажды, пытаясь объяснить ему свою настойчивую потребность во всем улавливать смысл, я говорил, что дети, может быть, не способны воспринимать разницу между «отцом» и «матерью», пока не научатся достаточно разбираться в терминологии. И что они, возможно, верят, что отец – это тот, кто носит брюки, а мать – юбки, или учитывают какие-нибудь другие различия в прическе, сложении или предметах одежды.

– Мы явно делаем то же самое с нашими двумя частями, – сказал он, – Мы чувствуем, что есть еще одна часть нас, но когда стараемся определить эту другую сторону, *тональ* захватывает рычаги управления, а как директор он крайне мелочен и ревнив. Он ослепляет своими хитростями и заставляет нас забыть малейшие намеки на другую часть истинной пары – *нагуаль*.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава третья **ДЕНЬ ТОНАЛЯ**

Когда мы выходили из ресторана, я сказал дону Хуану, что он был прав, предупреждая меня о трудности темы. Всей моей хваленой интеллектуальности явно не хватало для восприятия объяснений его концепции. Я спросил, не лучше ли мне сейчас пойти в гостиницу, прочитать свои записи и еще раз все обдумать. Он ответил, что не стоит придавать такое большое значение словам. В это мгновение я с замиранием сердца почувствовал в себе присутствие чего-то неизведанного.

Я сказал об этом. Он посмотрел на меня с нескрываемым любопытством. Я объяснил, что подобное со мной бывало и раньше – какие-то странные провалы, перерывы в потоке сознания. Обычно они начинались с ощущения толчка в теле, после чего я чувствовал себя как бы парящим.

Мы не спеша пошли к центру города. Дон Хуан попросил подробнее рассказать об этих «провалах», но мне было крайне трудно подобрать слова. Я начал было описывать их в терминах «забывчивость», «рассеянность», «невнимательность», но он напомнил мне, что в действительности я человек очень обязательный и осторожный, с отличной памятью.

Сначала я связывал эти странные провалы с остановкой внутреннего диалога, но затем вспомнил, что они случались со мной и тогда, когда я вовсю разговаривал сам с собой. Казалось, они исходили из области, независимой от всего того, что я знаю. Дон Хуан похлопал меня по спине, удовлетворенно улыбаясь. – Наконец-то ты начинаешь устанавливать реальные связи, – сказал он.

Я попросил его объяснить это загадочное явление, но он резко оборвал разговор и сделал знак следовать за ним. Мы пришли в небольшой парк перед собором.

– Здесь мы и остановимся, – сказал он, садясь на скамейку. – Это идеальное место для наблюдения за людьми. Отсюда мы сможем видеть как прохожих на улице, так и прихожан, идущих в церковь.

Он указал на широкую людную улицу и на дорожку, усыпанную гравием, ведущую к церкви. Наша скамья находилась как раз посередине между церковью и улицей.

— Это моя любимая скамейка, — сказал он, поглаживая ее.

Он подмигнул мне и добавил с улыбкой:

— Она любит меня, вот почему на ней никто не сидит. Она знала, что я приду.

— Скамейка знала?

— Нет, не скамейка — мой *нагуаль*.

— Разве *нагуаль* имеет сознание? Он осознает предметы?

— Конечно, он осознает все. Вот почему меня интересует твой отчет. То, что ты называешь провалами и ощущениями — это *нагуаль*. Чтобы говорить об этом, мы должны заимствовать понятия с острова *тональ*, поэтому лучше ничего не объяснять, а просто перечислять его проявления.

Мне хотелось поговорить об этих странных ощущениях, но он велел мне замолчать.

— Хватит, сегодня не день *нагуаля*. Сегодня — день *тоналя*. Я надел костюм, потому что сегодня я — целиком *тональ*.

Он смотрел на меня. Я хотел сказать ему, что эта тема, похоже, оказалась для меня труднее всего, что он когда-либо объяснял. Он, казалось, предвидел мои слова.

— Это трудно, — продолжал он. — Я знаю это. Но поскольку эта тема является твоим последним барьером и заключительным этапом моего учения, можно без преувеличения сказать, что она охватывает все, о чем я говорил тебе с первого дня нашей встречи. Мы долго молчали. Я чувствовал, что мне нужно подождать, пока он не закончит своего объяснения, но ощутил внезапный приступ тревоги и поспешно спросил:

— *Нагуаль* и *тональ* внутри нас?

Он пристально посмотрел на меня.

— Очень трудный вопрос, — сказал он. — Сам ты сказал бы, что они внутри нас. Я бы сказал, что это не так, но мы оба были бы неправы. *Тональ* твоего времени призывает тебя утверждать, что все, имеющее отношение к твоим мыслям и чувствам, находится внутри тебя. *Тональ* магов говорит противоположное — все снаружи. Кто прав? Никто. Внутри ли, снаружи — это совершенно не имеет значения.

Я не отступал. Я сказал, что когда он говорит о «тонале» и

«нагуале», то это звучит так, словно существует еще и третья часть. Он сказал, что «тональ» «заставляет нас» совершать поступки. Я поинтересовался; кого это «нас»?

Он уклонился от прямого ответа.

– Все это не так просто объяснить, – сказал он. – Какой бы умной ни была защита тоналя, *нагуаль* всегда прорывается на поверхность. Однако его проявления всегда ненамеренны. Величайшее искусство *тоналя* – это подавление любых проявлений *нагуаля* таким образом, что даже если его присутствие будет самой очевидной вещью в мире, оно останется незамеченным.

– Незамеченным для кого?

Он усмехнулся, покачав головой. Я настаивал на ответе.

– Для *тоналя*, – ответил он, – Речь идет исключительно о нем. Я могу ходить кругами, но пусть это тебя не удивляет и не раздражает. Ведь я предупреждал – понять то, о чем я говорю, очень трудно. Мне приходится погружаться вместе с тобой во все это пустозвонство, потому что мой *тональ* осознает, что это разговор о нем самом. Другими словами, мой *тональ* использует себя самого, чтобы понять ту информацию, которую я хочу сделать ясной для твоего *тоналя*. Скажем так, когда *тональ* обнаруживает, насколько приятно говорить о себе, он создает термины «я», «меня» и им подобные, чтобы говорить о себе не только с самим собой, но и с другими *тоналями*.

Далее, когда я говорю, что *тональ* заставляет нас делать что-либо, я не имею в виду, что есть какая-то третья часть. Очевидно, он заставляет самого себя следовать своим суждениям.

При определенных обстоятельствах *тональ* начинает осознавать, что кроме него есть еще нечто. Это что-то вроде голоса, который приходит из глубин, голоса *нагуаля*. Видишь ли, целостность является нашим естественным состоянием, и *тональ* не может полностью отбросить этот факт. Поэтому бывают моменты, особенно в жизни воинов, когда целостность становится явной. Именно в эти моменты мы получаем возможность осознать, чем мы являемся в действительности.

Меня заинтересовали толчки, о которых ты говорил, потому что именно так *нагуаль* и выходит на поверхность. В эти моменты *тональ* начинает осознавать целостность самого себя. Такое осознание – это всегда потрясение, потому что оно разрывает

пелену нашей умиротворенности. Я называю его целостностью существа, которое умрет. Суть в том, что в момент смерти другой член истинной пары – *нагуаль* – становится полностью действенным. Все осознание, воспоминания, восприятие, накопившиеся в наших икрах и бедрах, в нашей спине, плечах и шее, начинают расширяться и распадаться. Как бусинки бесконечного разорванного ожерелья, они раскатываются без связующей нити жизни.

Он посмотрел на меня. Его глаза были мирными. Я чувствовал себя глупо и неловко.

– Целостность самого себя очень тягучее дело, – сказал он. – Нам нужна лишь малая часть ее для выполнения сложнейших жизненных задач. Но когда мы умираем, мы умираем целостными. Маг задается вопросом: если мы умираем с целостностью самих себя, то почему бы тогда не жить с ней?

Он сделал мне знак головой, чтобы я следил за вереницей проходивших мимо людей.

– Все они – *тональ*, – сказал он. – Я буду указывать тебе на некоторых из них, чтобы твой *тональ*, оценивая этих людей, смог оценить самого себя.

Он обратил мое внимание на двух пожилых дам, только что вышедших из церкви. С минуту они постояли наверху гранитной лестницы, а затем начали осторожно спускаться, отдыхая на каждой ступеньке.

– Внимательно следи за этими женщинами, – сказал он. – Но рассматривай их не как людей, а как *тонали*. Женщины, держась друг за друга, дошли наконец до конца лестницы и опасливо пошли по гравийной дорожке, как по льду, на котором они в любой момент могли поскользнуться.

– Смотри на них, – тихо сказал дон Хуан, – трудно найти *тональ* более жалкий.

Обе женщины были тонкокостными, но очень толстыми. Им было, пожалуй, за пятьдесят. Вид у них был такой измученный, словно идти по ступенькам церкви было выше их сил.

Поравнявшись с нами, они в нерешительности остановились – на дорожке была еще одна ступенька.

– Смотрите под ноги, дамы! – драматически воскликнул дон Хуан, поднимаясь с места. Они взглянули на него, явно смущенные этим выпадом.

– Моя мать однажды сломала здесь правое бедро, – сказал он и галантно подскочил к ним, помогая преодолеть ступеньку.

Они многословно поблагодарили его, а он участливо посоветовал им в случае падения лежать неподвижно, пока не приедет скорая помощь. Женщины перекрестились.

Дон Хуан вернулся и сел. Его глаза сияли. Он тихо заговорил:

– Эти женщины не настолько стары и слабы, однако же они – инвалиды. Все в них пропитано опасением – одежда, запах, отношение к жизни. Как ты думаешь, почему?

– Может, они такими родились?

– Нет, такими не рождаются – такими становятся. *Тональ* этих женщин слаб и боязлив.

Я сказал, что сегодня день тоналя, потому что сегодня я хочу иметь дело только с ним. При помощи своего костюма я хотел показать, что воин обращается со своим тоналем особым образом. Как видишь, костюм сшит по последней моде, прекрасно на мне сидит, и я выгляжу в нем очень естественно. Но тщеславие здесь ни при чем – я надел его только затем, чтобы показать тебе свой дух воина, свой тональ воина.

Сегодня эти женщины дали тебе первый урок тоналя. Если ты будешь небрежен со своим тоналем, жизнь обойдется с тобой так же безжалостно. Им я противопоставляю себя. Думаю, ты уже все понял, и можно не продолжать.

Неожиданно я почувствовал, что теряю почву под ногами и с отчаянием попросил его объяснить, что же я должен понять. Дон Хуан громко рассмеялся.

– Взгляни-ка лучше на этого парня в зеленых штанах и розовой рубашке, – прошептал он, указывая на тощего молодого человека с острыми чертами лица, стоявшего почти перед нами. Казалось, он не знал, куда пойти – к церкви или к улице. Дважды он поднимал руку в направлении церкви, как бы уговаривая себя идти туда. Затем он уставился на меня отсутствующим взглядом.

– Посмотри, как он одет. Посмотри на его ботинки, – шепотом сказал дон Хуан.

Одежда молодого человека была мятой и грязной, а его ботинки пора было выбрасывать на помойку.

– Вероятно, он очень беден, – сказал я.

– И это все, что ты можешь сказать о нем? – спросил он.

Я перечислил возможные причины бедственного положения

молодого человека: плохое здоровье, невезение, безразличие к своей внешности, и в конце концов предположил, что он только что вышел из тюрьмы.

Дон Хуан сказал, что я просто строю догадки, и его не интересуют мои попытки оправдывать других на том основании, что они – жертвы неблагоприятных обстоятельств.

– А может быть он – секретный агент, который должен выглядеть оборванцем, – сказал я шутя.

Молодой человек нетвердой походкой пошел в направлении улицы.

– Он и есть самый настоящий оборванец, – сказал дон Хуан. –

Посмотри на его слабое тело, тонкие руки и ноги. Он же еле ходит.

Невозможно притворяться до такой степени. С ним явно что-то неладно, но дело тут не в обстоятельствах. Еще раз повторяю, что сегодня ты должен смотреть на людей как на *тонали*.

– Что значит видеть человека как *тональ*?

– Это значит перестать судить его в моральном плане и оправдывать на том лишь основании, что он похож на лист, отданный на волю ветра. Другими словами, что означает видеть человека, не думая о его безнадежности и беспомощности. Ты абсолютно точно знаешь, что я имею в виду. Ты можешь оценить этого человека, не обвиняя его и не оправдывая.

– Он слишком много пьет, – вдруг сказал я. Эти слова вырвались у меня непроизвольно, на мгновение мне даже показалось, что их произнес кто-то другой. Мне захотелось объяснить, что это заявление было очередной моей спекуляцией.

– Это не так, – сказал дон Хуан. – На этот раз в твоем голосе была уверенность. Ты ведь не сказал: «Может быть, он пьяница».

Я почувствовал необъяснимое раздражение. Дон Хуан рассмеялся.

– Ты *видел* этого человека, – сказал он. – В таком случае заявления делаются без обдумывания и с большой уверенностью. Это было *видение*. Внезапно ты понял, что *тональ* этого парня никуда не годится, не зная сам, как это у тебя получилось.

Я признался, что именно это и почувствовал.

– Ты прав, – сказал дон Хуан. – Его молодость не имеет никакого значения. Он калека, как и те две женщины. Молодость никоим образом не является барьером против разрушения *тоналя*. Пытаясь объяснить состояние этого человека, ты придумывал множество причин. Я считаю, что причина только одна – его *тональ*. И его *тональ* слаб вовсе не потому, что он пьет. Как раз наоборот – он

пьет из-за слабости своего *тоналя*. Именно эта слабость делает его таким, каков он есть. Но что-то подобные в той или иной форме происходит со всеми нами.

– Но разве, характеризуя его *тональ*, ты не судишь о его поведении?

– Я даю тебе объяснение, с: которым ты раньше никогда не встречался. Однако это не оправдание и не осуждение. *Тональ* этого молодого человека слаб и боязлив, но он не одинок в этом. Все мы более или менее в той же лодке.

В этот момент мимо нас прошел в направлении церкви какой-то грузный мужчина в дорогом темно-сером костюме. Пиджак он нес в руке, воротник рубашки у него был расстегнут, галстук расслаблен. Он обливался потом. Он был очень бледен, и это делало пот еще более заметным.

– Следи за ним, – приказал мне дон Хуан.

Человек шел короткими тяжелыми шагами, раскачиваясь при ходьбе. Он не стал подниматься к церкви, обошел ее и исчез за углом.

– Нет никакой необходимости обращаться с телом таким ужасным образом, – сказал дон Хуан с ноткой укора. – Но как ни печально, все мы в совершенстве умеем делать наш *тональ* слабым. Я называю это индуглированием.

Положив руку на блокнот, он сказал, чтобы я перестал писать, так как это нарушает мою концентрацию. Он предложил расслабиться, остановить внутренний диалог и «сливаться» с людьми, за которыми я буду наблюдать.

Я спросил, что он имеет в виду под слиянием. Он ответил, что объяснить это невозможно. Это нечто такое, что тело ощущает или делает при визуальном контакте с другими телами. Затем он добавил, что в прошлый раз он называл этот процесс «видением» и что он состоял в установлении истинной внутренней тишины, за которой следует внешнее удлинение чего-то изнутри нас.

Удлинение, которое встречается и сливается с другим телом или с чем-либо еще в поле нашего осознания.

Очень хотелось записать все это, но он остановил меня и начал выбирать отдельных людей из проходящей мимо толпы. Он обратил мое внимание на десятки людей, составивших широкий диапазон типов мужчин, женщин и детей различного возраста. Дон Хуан выбирал лиц, чей слабый *тональ*, по его словам, может

подойти к некоторой классификационной схеме, и таким способом он познакомил меня с большим разнообразием форм индульгирования.

Невозможно было запомнить всех людей, на которых он мне указывал и которых мы обсуждали. Я пожаловался на то, что если бы я делал записи, то, по крайней мере, смог бы набросать заметки к его схеме индульгирования. Однако он не захотел повторять, а может быть, и сам всего не запомнил.

Он засмеялся и сказал, что не помнит ее, потому что в жизни мага за творчество отвечает *«нагуаль»*. Он взглянул на небо и сказал, что уже поздно, и что с этого момента мы должны изменить направление. Вместо слабых *тоналей* мы станем ждать появления «правильного» *тоналя*. Он добавил, что только воин может иметь «правильный *тональ*» и что у обычного человека может быть в лучшем случае «хороший *тональ*».

После нескольких минут ожидания он хлопнул себя по ляжкам и засмеялся.

– Ты посмотри, кто идет, – сказал он, указывая на улицу движением подбородка. – Они как будто встали в очередь.

К нам приближались трое индейцев. Все они были в коротких шерстяных пончо, белых штанах, доходящих до середины икр, белых рубашках с длинными рукавами, грязных изношенных сандалиях и старых соломенных шляпах: у каждого был заплечный мешок.

Дон Хуан поднялся и пошел к ним навстречу. Он окликнул их. Индейцы были удивлены и с улыбками окружили его. Видимо, он рассказывал им что-то обо мне. Все трое повернулись в мою сторону и улыбнулись. Они были в трех-четыре метрах. Я слушал внимательно, но не мог понять, о чем они говорили.

Дон Хуан достал из кармана несколько ассигнаций и отдал им.

Индейцы казались очень довольными. Они смущенно переминались с ноги на ногу. Мне они очень понравились. Они напоминали детей. У всех были белые мелкие зубы и очень приятные мягкие черты лица. Старший носил усы. Его глаза были усталыми и очень добрыми. Он снял шляпу и подошел ближе к скамейке. Остальные последовали за ним. Все трое в один голос приветствовали меня. Мы пожали друг другу руки. Дон Хуан сказал мне, чтобы я дал им денег. Они поблагодарили меня и после вежливого молчания попрощались. Дон Хуан сел на скамейку, и

мы проводили их взглядом, пока они не исчезли в толпе.

Я сказал дону Хуану, что почему-то они мне очень понравились.

– Ничего удивительного, – сказал он. – Ты должен был почувствовать, что их *тональ* очень хороший. Это правильно, но не для нашего времени. Наверное ты заметил, что они похожи на детей. Они и есть дети. И это очень грустно. Я понимаю их лучше тебя, поэтому не мог не почувствовать привкус печали. Индейцы – как собаки, у них ничего нет. Но такова их судьба, и я не должен был чувствовать печаль. Моя печаль – это мой собственный способ индугировать.

– Откуда они, дон Хуан?

– С гор. Сюда они пришли в поисках счастья. Они братья и хотят стать торговцами. Я сказал им, что тоже пришел с гор и что я сам торговец. Тебя я представил как своего компаньона. Деньги, которые мы дали им, были амулетом. Воин должен давать подобные амулеты всегда. Им, без сомнения, нужны деньги, но необходимость не должна быть существенным соображением в случае с амулетом. Обращать внимание следует на чувства. Лично меня тронули эти трое.

Индейцы в наше время – это те, кто теряют. Их падение началось с испанцами, а теперь, под владычеством их потомков, индейцы потеряли все. Не будет преувеличением сказать, что индейцы потеряли свой *тональ*.

– Это метафора, дон Хуан?

– Нет, это факт. *Тональ* очень уязвим, он не выдерживает плохого обращения. С того дня, как белые ступили на эту землю, они постоянно разрушали не только индейский *тональ* времени, но и личный *тональ* каждого индейца. Легко можно представить, что для бедного среднего индейца владычество белого человека было настоящим адом. И, однако же, ирония в том, что для Других индейцев оно было чистым благом.

– О ком ты говоришь? Что это за другие индейцы?

– Маги. Для магов Конкиста была вызовом жизни. Они – единственные, кто не был уничтожен ею, не примирился с ней, а использовал ее с полной выгодой для себя.

– Как это было возможно, дон Хуан? Мне казалось, что испанцы не оставили камня на камне.

– Скажем так, они перевернули все камни, которые находились в границах их собственного тоналя. Но в жизни индейцев были

вещи, недоступные восприятию белого человека, и он их просто не наметил. Может быть магам просто повезло, а может быть, их спасло знание. После того, как *тональ* времени и личный *тональ* каждого индейца были разрушены, маги обнаружили, что удерживаются за единственную вещь, оставшуюся незатронутой, *нагуаль*. Другими словами, их *тональ* нашел убежище в их *нагуале*. Этого не могло бы произойти, если бы не мучительное положение побежденных людей.

Люди знания сегодняшнего дня – это продукт таких условий. И единственные знатоки *нагуаля*, потому что они оставались там совершенно одни. Туда белый человек никогда не заглядывал. Фактически, он даже не подозревал о его существовании. Здесь я вмешался, искренне утверждая, что европейская мысль знакома с тем, что он называл «нагуалем» и привел концепцию Трансцендентного Эго или ненаблюдаемого Наблюдателя, незримо присутствующего во всех наших мыслях, восприятиях и ощущениях. Я объяснил дону Хуану, что именно через это Эго индивидуум и воспринимает себя самого, потому что это единственное в нас, не подверженное изменениям, способное раскрыть реальность в сфере нашего осознания.

На дона Хуана это не произвело впечатления. Он засмеялся.

– Раскрытие реальности, – сказал он, подражая мне, – это *тональ*. Я настаивал, что *тоналем* может быть названо Эмпирическое Эго, существующее лишь в преходящем потоке сознания или опыта человека, тогда как Трансцендентное Эго пребывает вне этого потока.

– Наблюдая, я полагаю, – сказал он насмешливо.

– Правильно, наблюдая самого себя, – сказал я.

– Я слышу твои слова, – сказал он. – Но ты не говоришь ничего.

Нагуаль – это не опыт, не интуиция и не сознание. Эти термины и все остальное, что бы ты ни сказал, являются только предметами острова тоналя. С другой стороны, *нагуаль* – это только эффект. *Тональ* начинается с рождением и кончается со смертью, но *нагуаль* не кончается никогда. *Нагуаль* – беспределен. Я сказал, что *нагуаль* это нечто, где обитает Сила – но это только способ упомянуть о нем. Из-за его проявлений *нагуаль* лучше всего понимать в терминах силы. Сегодня утром, например, когда ты почувствовал себя онемевшим и потерял дар речи, я, в сущности, успокаивал тебя при помощи своего *нагуаля*.

– Как это, дон Хуан?

– Ты не поверишь, но узнать это невозможно. Я знаю только, что хотел целиком захватить твоё внимание. Затем мой *нагуаль* приступил к работе над тобой. Я видел его проявления, но я не знаю, как он работает.

Он замолчал. Я хотел продолжить разговор и попытался задать вопрос, но он остановил меня.

– Можно сказать, что нагуаль ответственен за творчество, – сказал он наконец и пристально посмотрел на меня. – *Нагуаль* – единственное в нас, что способно творить.

Дон Хуан спокойно смотрел на меня. Эта тема чрезвычайно заинтересовала меня, и я попросил раскрыть её подробнее. Он сказал, что тональ – это лишь свидетель и регистратор. Я спросил, как он объясняет тот факт, что мы конструируем великолепные здания и сложнейшие механизмы.

– Это не творчество, – сказал он, – это только формовка.

Объединившись с другими тоналями, мы можем сформировать что угодно. Великолепные здания, как ты сказал.

– Но тогда что же такое творчество, дон Хуан?

Он искоса посмотрел на меня, усмехнулся, поднял правую руку над головой и резко двинул кистью, как бы поворачивая дверную ручку.

– Творчество вот, – сказал он и поднес ладонь к моим глазам.

Мучительно долго я не мог сфокусировать взгляд на его руке. Как уже было однажды, невидимая оболочка сковала все мое тело так, что не разорвав её, я не мог перевести глаза на его ладонь.

Я боролся, пока капли пота не попали в глаза. Наконец я услышал или ощутил хлопок, и голова дернулась, освободившись.

На его правой ладони находился любопытнейший грызун, похожий на белку. Однако хвост у него был как у дикобраза, покрытый жесткими иглами.

– Потрогай его, – сказал дон Хуан тихо.

Я машинально повиновался и погладил пальцем по мягкой спинке. Дон Хуан поднес руку ближе, и тогда я заметил нечто, из-за чего у меня начались нервные спазмы: у белки были очки и очень большие зубы.

– Он похож на японца, – сказал я и истерически засмеялся.

Грызун стал расти на руке дон Хуана, и, пока мои глаза были ещё полны слез от смеха, грызун стал таким большим, что буквально

исчез из моего поля зрения. Это произошло так быстро, что я даже не успел перестать смеяться. Когда я протер глаза и снова посмотрел на дона Хуана, он сидел на скамейке, а я стоял перед ним, хотя и не помнил, как встал.

На мгновение моя нервозность стала неконтролируемой. Дон Хуан спокойно поднялся, усадил меня, зажал мой подбородок между бицепсом и локтем левой руки и ударил меня по макушке костяшками правой. Эффект был подобен удару электрическим током, и я тут же успокоился.

Я хотел спросить его о многом. Но мои слова не могли пробиться через эти вопросы. До меня вдруг дошло, что я потерял контроль над голосовыми связками. Но мне не хотелось бороться с этим, и я просто откинулся на скамейку. Дон Хуан велел мне собраться и перестать индульгировать. У меня слегка закружилась голова. Он приказал мне писать и вручил блокнот и карандаш, подобрав их из-под скамейки.

Я сделал усилие, пытаюсь выдавить из себя хоть слово, и ясно ощутил, что меня вновь сковывает какая-то прозрачная оболочка. Дон Хуан хохотал, глядя на меня, а я пыхтел и стонал, пока не услышал или ощутил еще один хлопок.

Я тут же бросился записывать. Дон Хуан заговорил, как бы диктуя мне.

– Один из принципов воина заключается в том, чтобы никому и ничему не давать воздействовать на себя, – сказал он, – и поэтому воин может видеть хоть самого дьявола, но по нему этого никогда не скажешь. Контроль воина должен быть безупречным.

Он подождал, пока я не закончу писать, и спросил меня, смеясь:

– Ты все уловил?

Я проголодался и предложил пойти в ресторан поужинать. Он сказал, что мы должны оставаться здесь до появления «правильного тоналя». Он серьезно добавил, что если даже этого не произойдет сегодня, то мы все равно будем сидеть на этой скамейке до тех пор, пока «правильный *тональ*» не вздумает появиться.

– Что такое *правильный тональ*? – спросил я.

– *Тональ*, который совершенно правилен, уравновешен и гармоничен. Предполагается, что один такой ты сегодня найдешь, или, вернее, – что твоя сила приведет его к нам.

– Но как я смогу отличить его от других *тоналей*?

– Об этом не думай, пока я не покажу его тебе.

– На что он похож, дон Хуан?

– Трудно сказать, это зависит от тебя. Это представление – для тебя, поэтому ты сам и поставишь эти *условия*.

– Как?

– Я не знаю. Твоя сила, твой *нагуаль* сделают это. Грубо говоря, у каждого *тоналя* есть две стороны. Одна – внешняя сторона, бахрома, поверхность острова. Эта часть связана с действием и действом – беспорядочная сторона. Другая часть – это решения и суждения, внутренний *тональ* – более мягкий, более нежный, более сложный.

Правильный тональ – это такой *тональ*, где оба уровня находятся в гармонии и равновесии.

Дон Хуан замолчал. К тому времени стало довольно темно, и мне трудно было записывать. Он велел мне вытянуться и расслабиться и сказал, что день сегодня был очень утомительным, но очень полезным. И что он уверен в том, что *правильный тональ* появится.

Десятки людей прошли мимо. Расслабившись, минут десять-пятнадцать мы сидели молча. Затем дон Хуан резко поднялся.

– Ей-Богу, ты это сделал! Посмотри, кто там идет. Девушка!

Кивком головы он указал на молодую девушку, которая пересекала парк и приближалась к нашей скамейке. Дон Хуан сказал, что эта молодая женщина была *правильным тоналем* и что если она остановится и заговорит с кем-то из нас, то это будет необычайным знаком и мы должны будем сделать все, что она захочет.

Я не мог рассмотреть черт лица молодой женщины, хотя было еще довольно светло. Она прошла мимо в двух шагах от нас, но не оглянулась. Дон Хуан велел мне догнать ее и заговорить с ней.

Я побежал за ней и спросил о каком-то направлении. Я подошел к ней очень близко. Она была молода, наверное, лет двадцати пяти, среднего роста, очень привлекательная и хорошо одетая. Ее глаза были ясными и спокойными. Она улыбалась мне. В ней было какое-то очарование. Мне она очень понравилась, так же, как и те три индейца.

Я вернулся к скамейке и сел.

– Она воин? – спросил я.

– Не совсем, – ответил дон Хуан, – Твоя сила еще не настолько отточена, чтобы привести воина. Но у нее очень хороший *тональ*.

Такой, который может стать *правильным тоналем*. Воины получают из такого теста.

Его заявление очень заинтересовало меня. Я спросил, могут ли женщины быть воинами. Он посмотрел на меня, явно пораженный моим вопросом.

– Конечно могут, – ответил он. – И они даже лучше мужчин экипированы для пути знания. Мужчины, правда, немного устойчивей, но все же у женщин явно есть небольшое преимущество.

Я удивился, что мы никогда не говорили о женщинах в связи с его знанием.

– Ты мужчина, – сказал он, – поэтому я использовал мужской род, когда говорил с тобой. Только и всего. Остальное все то же. Я хотел продолжить расспросы, но он махнул рукой, как бы закрывая эту тему. Он посмотрел вверх. Небо было почти черным, но оставались еще участки, где облака были слегка оранжевыми.

– Конец дня – твое лучшее время, – сказал дон Хуан. – Появление этой молодой женщины на самом краю дня является знаком. Мы разговаривали о *тонале*, поэтому этот знак относится к твоему *тоналю*.

– Что он означает, дон Хуан?

– Он означает, что у тебя очень мало времени, чтобы организовать свою жизнь. Все твои планы должны быть жизненно важными, потому что у тебя не будет времени построить другие. Твои идеи должны воплощаться сейчас, иначе они – не идеи вообще.

Я предлагаю тебе, вернувшись домой, подтянуть свои нити и убедиться в их крепости. Они тебе пригодятся.

– Что со мной произойдет, дон Хуан?

– Однажды ты сделал ставку на силу. Ты прошел через трудности учения как подобает – без суеты, спешки и медлительности. И сейчас ты на краю дня.

– Что это значит?

– Для правильного тоналя все, что есть на острове *тональ*, является вызовом. Иными словами, для воина все в мире является вызовом. И, разумеется, величайшим вызовом из всех является его ставка на силу. Но сила приходит из нагуаля. И когда воин оказывается на краю дня, это означает, что *нагуаль* уже близок. Час силы воина приближается.

– Я все еще не понимаю, дон Хуан. Значит ли это, что я скоро умру?

– Если ты глуп, то умрешь, – отрезал он. – Но если говорить более мягко, то ты скоро наложишь в штаны. Однажды ты поставил на силу, и эта ставка необратима. Я не могу сказать, что ты вот-вот выполнишь свое предназначение, потому что нет никакого предназначения. Единственное, что можно сказать, – это что ты близок к обретению своей силы. Знак был ясным. Эта молодая женщина пришла к тебе на краю дня. У тебя осталось мало времени и совсем не осталось времени для ерунды. Превосходное состояние! Я бы сказал, что лучшее, на что мы способны, проявляется, когда нас прижимают к стене. Когда мы ощущаем рок, нависший над нами. Лично я не хотел бы, чтобы было иначе.

[**НАЗАД**](#) | [**INDEX**](#) | [**ВПЕРЕД**](#)

Глава четвертая **СЖАТИЕ ТОНАЛЯ**

В среду, около десяти утра я вышел из отеля минут за пятнадцать до встречи, назначенной доном Хуаном. Мы договорились встретиться возле авиакасс на Пасео де Ла Реформа, в пяти-шести кварталах отсюда.

Я только что позавтракал с одним из своих приятелей. Он хотел пройти со мной, но я сделал вид, что иду на свидание с девушкой. Я намеренно пошел по противоположной стороне улицы, а не по той, где находились кассы авиакомпании. Меня не покидало неприятное ощущение, что мой приятель, который давно уже просил меня познакомить его с доном Хуаном, догадывается, что я иду на встречу с ним, и может увязаться следом.

Я увидел дону Хуана у журнального киоска на другой стороне. Переходя дорогу, я остановился посередине, пережидая машины. Осторожно оглянувшись, я увидел, что мой приятель следует за мной. Он стоял на углу, ухмыляясь, и разводил руками, как бы говоря, что не смог удержаться. Я бросился через улицу, не давая ему времени догнать меня.

Дон Хуан, видимо, понимал мое положение. Когда я подбежал к нему, он бросил беглый взгляд через мое плечо.

— Он подходит, — сказал он. — Нам лучше свернуть на боковую улицу.

Он указал на улицу, которая по диагонали сливалась с Пасео де ла Реформа в том месте, где мы стояли. Я быстро сориентировался. На этой улице я никогда не был, но два дня назад я был в авиакассах и примерно помнил план этого здания. Контора находилась на узком углу, образованном этими улицами. Она имела по двери, выходящей на каждую из этих улиц, и расстояние между ними было три-четыре метра. В конторе имелся проход от одной двери к другой, и можно было легко перейти с одной улицы на другую. В тот день, когда я туда заглядывал, в ней было полно народу.

Мне хотелось немедленно бежать туда, но шаги дона Хуана были

размеренными. Когда мы достигли дверей конторы на диагональной улице, я спиной почувствовал, что мой приятель тоже перебежал через бульвар и вот-вот перейдет на улицу, по которой мы идем. Я взглянул на дон Хуана в надежде, что у него есть какое-то решение. Он пожал плечами. Я чувствовал раздражение и ничего не мог придумать сам, разве что стукнуть моего приятеля по носу.

Должно быть, в этот момент я то ли вдохнул, то ли выдохнул, потому что в следующее мгновение ощутил внезапную потерю воздуха от сильного и резкого толчка, который дал мне дон Хуан и от которого я волчком влетел через дверь конторы. Дон Хуан до такой степени застал меня врасплох, что мое тело не оказало никакого сопротивления. Мой испуг слился с настоящим потрясением от его чудовищного толчка.

Я непроизвольно выставил руки перед собой, защищая лицо. Толчок был такой сильный, что, когда я ворвался в комнату, в глазах у меня потемнело и слюна брызнула изо рта. Я едва не потерял равновесие и с огромным трудом удержался на ногах, несколько раз крутнувшись вокруг своей оси. Сцена была неясной, видимо, из-за скорости моего движения. Я смутно различил толпу посетителей, занимающихся своими делами, и почувствовал сильное раздражение в уверенности, что все смотрят, как я тут кручусь по комнате. Мысль о том, что я выгляжу дураком, была очень неприятной.

Ряд опасений промелькнул у меня в голове. Я боялся упасть лицом вниз или налететь на одного из посетителей: может быть – на пожилую даму, которая покалечится при столкновении. Или, того хуже – стеклянная дверь на другой стороне будет закрыта, и я разобью себе голову.

В помутненном сознании я достиг двери, ведущей на Пасео де ла Реформа. Она была открыта, и я вылетел из нее. Все произошло настолько быстро, что направленность моих мыслей не успела измениться, и я продолжал думать о своем приятеле и о доне Хуане. Не открывая глаз, я автоматически повернул направо и пошел по бульвару к центру города в уверенности, что дон Хуан вот-вот присоединится ко мне, и что мой друг остался на соседней улице.

Открыв глаза, я в ошеломлении не сразу сообразил, что же произошло. Я был не на Пасео де ла Реформа, как думал, а на

базаре Лагунилья в полутора милях от касс.

Не веря своим глазам, я ошарашенно смотрел по сторонам.

Я оглянулся, пытаюсь сориентироваться, и понял, что нахожусь неподалеку от места, где впервые встретился с доном Хуаном в Мехико. Возможно даже, что это было то же самое место.

Прилавки нумизматов были в полутора метрах от меня. С огромным усилием я взял себя в руки. Видимо, я галлюцинировал. Иначе объяснить это было невозможно. Я быстро повернулся, чтобы вернуться в контору, но за мной были только прилавки со старыми книгами и журналами. Дон Хуан, улыбаясь, стоял справа от меня.

В голове появилась тяжесть и в носу защипало, словно у меня через нос выходил газ от содовой. Слов не было. Я попытался что-нибудь произнести, но безуспешно.

Я отчетливо расслышал, как дон Хуан велит мне ни о чем не думать и ничего не говорить, но хотелось сказать хоть что-нибудь, все равно что. Ужасная нервозность росла во мне. Я чувствовал, что слезы катятся у меня по щекам.

Дон Хуан не встряхнул меня, как обычно, когда я поддавался неконтролируемому страху. Вместо этого он погладил меня по голове.

– Ну, ну, маленький Карлос, – сказал он, – не теряй своих шариков. Мгновение он держал мое лицо в своих ладонях.

– Не пытайся разговаривать, – сказал он. Он отпустил мое лицо и указал на окружающее.

– Это не для разговоров, – сказал он. – Это только для наблюдения. Следи! Следи за всем!

Я в самом деле плакал, но моя реакция на это была очень странной. Я продолжал плакать, не заботясь об этом. В этот момент для меня не имело значения, каюсь я дураком или нет. Я оглянулся. Прямо передо мной стоял мужчина средних лет в розовой рубашке и темно-серых брюках, по виду американец. Коренастая женщина, похоже, его жена, держала его за руку. Мужчина перебирал монеты, в то время как мальчик тринадцати или четырнадцати лет, очевидно, сын продавца, смотрел на него. Мальчик следил за каждым движением мужчины. Наконец тот положил монеты обратно на стол, и мальчик немедленно расслабился.

– Следи за всем, – опять потребовал дон Хуан. Вокруг не было

ничего настолько необычного, что привлекло бы мое внимание. Люди проходили мимо в различных направлениях. Я повернулся. Мужчина, который, казалось, был владельцем журнального киоска, смотрел на меня, то и дело щурясь, как бы спросонья. Он выглядел обмякшим и казался утомленным или больным.

У меня было такое впечатление, что следить здесь не за чем – по крайней мере, ничего стоящего я не видел. Я смотрел по сторонам, но ни на чем не мог сконцентрироваться. Дон Хуан обошел вокруг меня. Казалось, он что-то во мне оценивает. Он покачал головой и выпятил губы.

– Идем, идем! – сказал он, беря меня за руку. – Время пройти. Как только мы двинулись, я почувствовал, что мое тело было необычайно легким. У меня было любопытное ощущение, что мои подошвы подпрыгивают, словно резиновые мячики.

Дон Хуан, должно быть, осознавал мои ощущения. Он крепко держал меня, как бы не давая убежать. Он прижимал меня книзу, словно боясь, что я взлечу, как воздушный шарик, и он не сможет меня поймать.

Прогулка принесла мне облегчение. Мое самочувствие улучшилось, нервозность сменилась приятной легкостью.

Дон Хуан продолжал настаивать, чтобы я наблюдал за всем происходящим. Я сказал ему, что наблюдать тут не за чем и что меня совершенно не интересует, что люди делают на базаре, и что мне не хочется чувствовать себя идиотом, старательно наблюдая за какими-то покупателями монет и старых книг, тогда как гораздо более важные вещи проходят мимо меня.

– Что такое «более важная вещь»? – спросил он.

Остановившись, я убежденно сказал, что, по моему мнению, важно то, что он заставил меня ощутить, будто я мгновенно покрыл расстояние между авиакассами и рынком. При этих словах меня пробрала дрожь, и я почувствовал, что мне сейчас станет плохо. Дон Хуан заставил меня прижать ладони к животу.

Он обвел рукой вокруг и уверенно сказал, что окружающая нас повседневная деятельность является единственно важной вещью. Я почувствовал раздражение. У меня появилось физическое ощущение вращения, и я глубоко вздохнул.

– Что это ты такое сделал, дон Хуан? – спросил я с деланной небрежностью.

Успокаивающим голосом он сказал, что может объяснить мне это

в любое время, но вот то, что происходит вокруг меня, никогда не повторится. С этим я не спорил. Понятно, что сцены, которые я наблюдал, никогда больше не повторятся во всех деталях. Однако же я считал, что подобные вещи я смогу увидеть в любое время. Куда более важным мне казалось то, что я каким-то образом был перенесен через пространство.

Когда я сказал это, дон Хуан скривился, словно мои слова и вправду причинили ему боль.

Некоторое время мы шли молча. Меня лихорадило. Я почувствовал жар в ладонях и ступнях. Такой же необычный жар появился в ноздрах и на веках.

– Что ты сделал, дон Хуан? – жалобно спросил я. Вместо ответа он похлопал меня по груди и рассмеялся. Он сказал, что люди очень хрупкие существа и своим индальгированием делают себя еще более хрупкими. Очень серьезным тоном он призвал меня прекратить чувствовать себя страдальцем, вытолкнуть себя за собственные границы и просто остановить внимание на окружающем меня мире.

Мы продолжали идти очень медленно. Я был совершенно выбит из колеи и ничему не мог уделять внимание. Дон Хуан остановился и открыл было рот, чтобы что-то сказать, но видимо передумал, и мы опять пошли.

– Случилось то, что ты вновь пришел сюда, – сказал он, резко повернувшись и глядя на меня.

– Как это произошло?

Он сказал, что знает только то, что я выбрал это место сам.

Когда мы продолжили разговор, я вообще перестал что-либо понимать. Мне хотелось разложить все по полочкам, а он настаивал, что выбор места – это единственная вещь, которую мы можем обсуждать. А поскольку я не знаю, почему я его выбрал, то и говорить здесь, в сущности, не о чем. Он критиковал меня без всякого раздражения и назвал ненужным индальгированием мое желание рассматривать все разумно. Он сказал, что проще и эффективнее действовать, не подыскивая объяснений и что говоря о своем опыте или думая о нем, я его рассеиваю.

Через какое-то время он сказал, что нам нужно покинуть это место, потому что я испортил его, и оно становится все более и более вредным для меня.

Мы покинули рынок и прошли до парка Ла Аламеда. Я так устал,

что плюхнулся на скамейку. Только теперь мне пришло в голову взглянуть на часы. Было двадцать минут одиннадцатого. Мне пришлось сделать изрядное усилие, чтобы сконцентрировать внимание. Я не помнил точно, когда встретился с доном Хуаном, но подсчитал, что это было около десяти. И никак не более десяти минут заняло у нас пройти от рынка до парка. Неучтенными оставались только десять минут.

Я рассказал дону Хуану о своих подсчетах. Он улыбнулся. Я был уверен, что за его улыбкой скрывалось недовольство мною, однако по его лицу этого не было видно.

– Ты считаешь меня безнадежным идиотом, правда, дон Хуан?

– Ага! – сказал он и вскочил на ноги. Его реакция была такой неожиданной, что я вскочил вместе с ним.

– Расскажи мне, пожалуйста, какие, по-твоему, я сейчас испытываю чувства? – сказал он с ударением.

Я ощущал, что знаю его чувства. Казалось, я их чувствую сам. Но когда я попытался высказать их, я понял, что не могу говорить.

Разговор требовал громадных усилий.

Дон Хуан сказал, что у меня еще недостаточно сил для того, чтобы «видеть» его. Но что я могу «видеть» достаточно, чтобы самому найти подходящее объяснение всему происшедшему.

– Не смущайся, – сказал он. – Расскажи мне в точности, что ты *видишь*.

Внезапно у меня возникла странная мысль, очень похожая на мысли, которые обычно приходят в голову перед тем, как заснуть. Это была более чем мысль, скорее это можно было бы описать как целостный образ. Я видел экран, на котором были различные персонажи. Прямо напротив меня на подоконнике сидел человек. Пространство позади подоконника было расплывчатым, но сам мужчина и подоконник были видны абсолютно четко. Он смотрел на меня. Его голова была слегка повернута влево, так что он смотрел на меня искоса. Я видел, как двигались его глаза, чтобы удерживать меня в фокусе. Правым локтем он опирался на подоконник. Рука его была сжата в кулак, мышцы напряжены. Слева от мужчины на экране был другой образ. Это был летающий лев. То есть, голова и грива были львиными, а нижняя часть тела принадлежала курчавому белому французскому пуделю. Я уже готов был остановить свое внимание на нем, когда вдруг мужчина издал губами чмокающий звук и наполовину высунулся

из окна. Появилось все его тело, как будто его что-то выталкивало. Секунду он висел, цепляясь за раму кончиками пальцев и раскачиваясь, как маятник, а затем разжал пальцы.

Я испытал ощущение падения в своем собственном теле. Это было не тяжелым падением, а мягким снижением, переходящим в плавный полет. Человек этот был невесом. Некоторое время он оставался на месте, а затем исчез из виду, словно неконтролируемая сила всосала его через трещинку в экране.

Секунду спустя он снова появился в окне, искоса глядя на меня. Правой рукой он все так же опирался на раму, только на этот раз он помахал мне рукой, прощаясь.

Дон Хуан заметил, что мое «видение» было слишком усложненным.

– Ты можешь действовать лучше, – сказал он. – Ты хочешь, чтобы я объяснил тебе то, что случилось, но я предпочел бы, чтобы ты использовал для этого свое собственное *видение*. Ты *видел*, но *видел* ты ерунду. Информация подобного рода бесполезна для воина. Слишком много времени уйдет на то, чтобы разобраться, что есть что. *Видение* должно быть прямым, потому что воин не может тратить своего времени на распутывание *увиденного* им. *Видение* потому и называется *видением*, что оно прорывается сквозь всю эту бессмыслицу.

Я спросил его, не думает ли он, что мое *видение* в действительности было только галлюцинацией. Но из-за сложности деталей он был убежден, что это было *видением*, которое, однако, к данному случаю не подходило.

– Как ты думаешь, мое видение объясняет что-нибудь?

– Безусловно. Но я не стал бы на твоём месте пытаться распутать все это. На первых порах *видение* смущает, и в нем легко потеряться. По мере того, как воин становится жестче, его *видение* становится тем, чем оно должно быть – прямым знанием.

Пока дон Хуан говорил, у меня произошел один из тех любопытных провалов в ощущениях, и я ясно почувствовал, что вот-вот сниму завесу с чего-то такого, что я уже знал. Но мне это не удалось, потому что все стало очень туманным. Я осознал, что втянут в какую-то борьбу. Чем больше я старался достичь этого ускользающего кусочка знания, тем глубже оно тонуло.

– Это *видение* было слишком... непрактичным, – сказал дон Хуан. Звук его голоса встряхнул меня.

– Воин задает вопрос и через свое *видение* получает ответ. Но ответ прост. Он никогда не осложняется до степени летающих французских пуделей.

Мы посмеялись над этой картиной, и я полушутя сказал ему, что он слишком строг, что любой, прошедший через то, что прошел я этим утром, заслуживает хоть капельки снисхождения.

– Это легкий выход, – сказал он. – Это путь индульгирования. Твой мир основан на чувстве, что для тебя все – слишком. Ты не живешь как воин.

Я сказал ему, что у того, что он называет путем воина, слишком много граней и что невозможно понять их все. И что значение всего этого становится ясным для меня только тогда, когда я должен применять его на практике.

– Для воина правилом большого пальца является выполнять свои решения так тщательно, что ничто, случившееся в результате его действий, не может его удивить, и уж тем более – истощить его силы.

Быть воином означает быть смиренным и алертным. Сегодня от тебя требовалось следить за сценой, которая разворачивалась у тебя перед глазами, а не размышлять о том, каким образом это возможно. Ты сконцентрировал свое внимание не на том. Если бы я хотел быть с тобой снисходительным, то я легко мог бы сказать, что, поскольку это произошло с тобой впервые, ты не был готов. Но это недопустимо, потому что ты пришел сюда как воин, готовый к смерти. Поэтому происходящее не должно было застать тебя со спущенными штанами.

Я сделал вывод, что моей тенденцией было индульгировать в страхе и замешательстве.

– Скажем так, правилом большого пальца для тебя должна быть готовность к смерти, когда ты приходишь встречаться со мной, – сказал он. – Если ты приходишь сюда, готовый умереть, то не будет никаких ловушек, никаких неприятных сюрпризов и никаких ненужных поступков. Все должно мягко укладываться на свое место, потому что ты не ожидаешь ничего.

– Это легко сказать, дон Хуан. Мне приходится жить со всем этим.

– Это не означает, что ты должен жить со всем этим. Ты являешься всем этим, а не просто смирился на какое-то время. Твое решение объединить силы с этим злым миром магии должно было сжечь все тянущиеся чувства замешательства и дать тебе силы, чтобы

провозгласить это своим миром.

Я почувствовал смесь раздражения и печали. Действия дона Хуана, вне зависимости от того, насколько я был подготовлен, срабатывали таким образом, что каждый контакт с ним не оставлял для меня возможности отступления. Он заставлял меня действовать и чувствовать подобно полуразумному придирчивому и ворчливому существу. На меня нахлынула волна ярости, и я больше не хотел писать. В этот момент я хотел разорвать свои записки и бросить все это в урну. И я сделал бы это, если бы не дон Хуан, который засмеялся и остановил меня за руку.

Насмешливым тоном он сказал, что мой *тональ* опять собирается сам себя одурачить. Он порекомендовал мне пойти к фонтану и плеснуть воды на шею и уши.

Вода успокоила меня. Долгое время мы молчали.

– Пиши, пиши, – дружески подтолкнул меня дон Хуан. – Скажем, твоя записная книжка – это единственная магия, которая у тебя есть. Разорвать ее – это еще один способ открыть себя навстречу твоей смерти. Это будет еще одним взрывом гнева, в лучшем случае, шикарным взрывом, но не изменением. Воин никогда не покидает острова *тональ*. Он использует его.

Он указал вокруг меня быстрым движением руки, а затем коснулся моей записной книжки.

– Это твой мир, и ты не можешь этого отрицать. Бесполезно сердиться или разочаровываться в самом себе. Все, что в данном случае происходит – это то, что твой *тональ* ушел в свою внутреннюю битву. Битва внутри собственного тоналя – это одно из самых нежелательных состояний, какие только можно представить. Безупречная жизнь воина предназначается для того, чтобы закончить эту битву. Для начала я обучил тебя, как избегать опустошенности и измотанности. Теперь в тебе больше нет войны. Нет в том смысле, в каком она была, потому что путь воина – это сначала гармония между действиями и решениями, а затем гармония между *тоналем* и *нагуалем*.

В течение всего времени, что я тебя знаю, я говорил, обращаясь как к твоему *тоналю*, так и к твоему *нагуалу*. Именно таким способом должны даваться инструкции.

Сначала следует разговаривать с *тоналем*, потому что именно *тональ* должен уступить контроль. Но он должен сделать это с радостью. Например, твой *тональ* без особой борьбы уступил

часть своего контроля, потому что ему стало ясно, что в противном случае твоя целостность была бы разрушена. Иными словами, *тональ* должен отказаться от таких ненужных вещей, как чувство собственной важности и потакание себе, которые лишь погружают его в скуку. Но проблема в том, что *тональ* цепляется за все это, хотя он должен был бы радостно избавиться от подобной мути. Необходимо сначала убедить *тональ* стать свободным и текучим. Прежде всего магу необходим сильный, свободный *тональ*. Чем сильнее он становится, тем меньше привязывается к своим действиям и тем легче его сжать. В сущности, сегодня утром произошло вот что. Я увидел возможность сжать твой *тональ* — ты был рассеян, торопился, не думал, и я воспользовался этим моментом, чтобы тебя толкнуть.

Время от времени *тональ* как бы съеживается, особенно когда он потревожен. Вообще осторожность и подозрительность характерны для *тоналя*. В тех случаях, когда *тональ* застигнут врасплох, боязливость неминуемо заставляет его сворачиваться. Сегодня я схватил свой кубический сантиметр шанса. Я заметил открытую дверь той конторы и толкнул тебя. Этот толчок был техникой для сжатия *тоналя*. Толкнуть следует в строго определенный момент, но для этого нужно *видеть*.

Когда человека толкнули, и его *тональ* сжался, его *нагуаль*, если он хоть сколько-нибудь, пробужден, берет верх и совершает необычайные вещи. Этим утром твой *нагуаль* пришел в движение, и ты оказался на рынке.

Дон Хуан замолчал, словно ожидая вопроса. Мы посмотрели друг на друга.

— Я не знаю, как это произошло, — сказал он, словно читая мои мысли. — *Нагуаль* способен на невероятные вещи — вот все, что я знаю.

Сегодня утром я просил тебя быть внимательным. Сцена, которую ты наблюдал, имела большое значение. Но ты не внял моему совету, индольгируя в бесполезном замешательстве.

Какое-то время ты был целиком *нагуалем* и не мог говорить. В это время ты должен был только наблюдать. Затем твой *тональ* снова взял верх. Чтобы избежать смертельной борьбы между твоим *тоналем* и *нагуалем*, я и привел тебя сюда.

— Что особенного было в той сцене, дон Хуан?

— Я не знаю. Это случилось не со мной.

– Что ты имеешь в виду?

– Это был твой опыт, а не мой.

– Но ты же был со мной, правда?

– Нет. Ты был один. Я повторял тебе, чтобы ты следил за всем, потому что сцена была только для тебя.

– Дон Хуан, ты ведь был рядом со мной.

– Нет, не был. Но бесполезно говорить об этом. Что бы я ни сказал, это не будет иметь для тебя смысла, потому что мы оба находились тогда во времени *нагуаля*. Действия *нагуаля* можно воспринимать только телом, но не разумом.

– Но если тебя со мной не было, то кто же тогда был тот, кого я считал тобой!?

– Это был я, и в то же время – меня там не было.

– Где же ты тогда был?

– Я был с тобой, но не там. Скажем так, я был рядом с тобой, но не в том месте, куда *нагуаль* тебя перенес.

– Ты хочешь сказать, что не знал, что мы находились на базаре?

– Не знал. Я просто следовал за тобой, чтобы не потерять тебя из виду.

– Но это действительно страшно, дон Хуан!

– Мы были во времени *нагуаля*, и в этом нет ничего страшного. Мы способны на гораздо большее. Такова наша природа как светящихся существ. Наш изъян – в упорном стремлении оставаться на своем монотонном скучном и удобном острове. Наш *тональ* – это обыватель, а он не должен быть таким.

Я рассказал ему все, что помнил. Он поинтересовался, не запомнились ли мне какие-нибудь особенности неба – дневной свет, например, облака или солнце, не слышал ли я каких-нибудь странных звуков, не заметил ли необычных людей или сцен. Он хотел узнать, не было ли там драк, не кричали ли люди, а если кричали, то что именно.

Я так и не смог ответить ни на один из его вопросов. Я искренне принял все событие за чистую монету, решив, что благодаря знанию дона Хуана, каким бы оно ни было, я за несколько секунд «пролетел» значительное расстояние и приземлился посреди базара в своем материальном теле.

Мои реакции были прямым следствием такой интерпретации. Я хотел узнать процедуру, *членское знание* «как это сделать».

Поэтому я и не следил за тем, что считал ординарными событиями,

не имеющими никакого значения.

– Как ты думаешь, люди на базаре видели меня? – спросил я.

Дон Хуан не ответил. Засмеявшись, он легонько ткнул меня кулаком.

Я пытался вспомнить, были ли у меня какие-нибудь физические контакты с людьми, но безуспешно.

– Что видели люди в конторе авиакасс, когда я ворвался туда?

– Вероятно, они видели, что какой-то человек пробежал от одной двери к другой.

– Но они видели, как я растаял в воздухе?

– Об этом позаботился нагуаль. Это уж его дело. Мы – текущие светящиеся существа, сотканные из волокон. Только благодаря *тоналю* мы считаем себя плотными объектами. Когда *тональ* сжимается, могут происходить необыкновенные вещи. Но они необыкновенны только для *тоналя*.

Для *нагуаля* двигаться таким образом, как ты двигался сегодня утром – ничто. Особенно для твоего *нагуаля*, который уже способен к трудным действиям. На этот раз он действительно погрузился во что-то ужасно загадочное. Ты не ощущаешь, что это? На меня мгновенно нахлынул миллион вопросов и ощущений; все мое кажущееся самообладание как ветром сдуло. Я задрожал, всем телом ощутив себя на краю бездны. Я боролся с таинственным, но конкретным куском знания. Казалось, мне вот-вот что-то покажут, но в то же время какая-то часть меня упрямо настаивала на том, чтобы прикрыть все облаком. Борьба постепенно заставила меня онеметь до такой степени, что я перестал ощущать свое тело. Рот мой непроизвольно открылся, глаза закатились. У меня было ощущение, что я могу видеть, как лицо у меня становится все тверже и тверже, пока оно не стало лицом трупа с желтоватой кожей, накрепко приросшей к черепу.

В следующее мгновение я почувствовал толчок. Дон Хуан стоял рядом со мной, держа пустое ведро. Он облил меня с головы до ног. Я кашлял и вытирал воду с лица, меня знобило. Я вскочил со скамейки. Дон Хуан выплеснул остатки воды мне на шею.

Группа детей смотрела на меня и хохотала. Дон Хуан улыбнулся мне. Он держал мою записную книжку, и сказал, что мне лучше пойти в отель переодеться. Он вывел меня из парка. С минуту мы стояли у тротуара, пока не подъехало такси.

Несколько часов спустя, после ленча и отдыха мы сели на его

любимую скамейку в парке у церкви. Обходным путем мы подошли к теме моей странной реакции. Казалось, он был очень осторожен. Он не ставил меня прямо перед ней.

– Известно, что подобные вещи происходят, – сказал он. – *Нагуаль*, научившись однажды выходить на поверхность, может причинить большой вред *тоналю* выходя наружу без всякого контроля. Однако твой случай – особый. У тебя талант индульгировать в такой преувеличенной манере, что ты бы умер и даже не сопротивлялся бы этому. Или, еще хуже – ты бы даже не осознал, что умираешь.

Я сказал ему, что моя реакция началась, когда он спросил, чувствую ли я, что сделал мой *нагуаль*. И я подумал, что в точности знаю, о чем он говорит. Но когда я попытался описать это, то оказалось, что я не в состоянии мыслить ясно. Как если бы на самом деле мне ни до чего не было дела. Затем это ощущение перешло в гипнотизирующую концентрацию. Казалось, я был мысленно высосан. Мое внимание привлекло и захватило ощущение, что передо мной вот-вот раскроется огромный секрет, и что я не хочу, чтобы что-то мешало такому раскрытию.

– Что собиралось быть раскрыто тебе, так это твоя смерть, – сказал дон Хуан, – В этом опасность индульгирования. Особенно для тебя. Потому, естественно, что ты настолько все преувеличиваешь. Твой *тональ* настолько талантлив в индульгировании, что он угрожает целостности самого себя. Это ужасное состояние существа.

– Что я могу сделать?

– Твой *тональ* должен быть убежден разумом, твой *нагуаль* – действиями, пока они не сравняются друг с другом, как я тебе говорил. *Тональ* правит, и, тем не менее, он очень уязвим. *Нагуаль*, с другой стороны, никогда или почти никогда не действует, но когда он действует, он ужасает *тональ*.

Этим утром твой *тональ* испугался и стал сжиматься сам собой, и тогда твой *нагуаль* начал брать верх.

Мне пришлось одолжить ведро у фотографов в парке, чтобы загнать твой *нагуаль*, как плохую собаку, назад на его место.

Тональ должен быть защищен любой ценой. Корона должна быть с него снята, однако он должен оставаться как защищенный поверхностный наблюдатель.

Любая угроза *тоналю* обычно заканчивается его смертью. А если

умирает *тональ*, то умирает и весь человек. *Тональ* легко уничтожить из-за его врожденной слабости, и потому одним из искусств равновесия воина является вывести на поверхность *нагуаль*, чтобы уравновесить *тональ*. Я говорю, что это искусство; и маги знают, что только путем усиления *тоналя* может появиться *нагуаль*. Понятно, что я имею в виду? Это усиление называется личной силой.

Дон Хуан поднялся, потянулся и выгнул спину. Я начал подниматься тоже, но он мягко толкнул меня обратно.

– Ты должен оставаться на этой скамейке до сумерек, – сказал он.

– Мне нужно сейчас уйти. Хенаро ждет меня в горах. Поэтому приезжай к его дому дня через три, и мы встретимся там.

– Что мы будем делать у дона Хенаро? – спросил я.

– В зависимости от того, будет ли у тебя достаточно личной силы, Хенаро может показать тебе *нагуаль*.

Мне хотелось услышать от него еще одну вещь. Я хотел знать, был ли его костюм потрясающим представлением для меня одного, или же он действительно был частью его жизни. Ни один из его поступков никогда не приводил меня в такое смятение. Но не столько сам факт, что он носит костюм, был таким пугающим для меня, сколько то, что дон Хуан был при этом действительно элегантным. Его ноги были юношески стройными. Казалось, что ботинки сместили точку его равновесия, и его шаги стали более длинными и твердыми, чем обычно.

– Ты носишь костюм всегда? – спросил я.

– Да, – ответил он с очаровательной улыбкой. – У меня есть и другие, но я не стал сегодня надевать другой костюм, потому что это испугало бы тебя еще больше.

Я не знал, что и думать. Я чувствовал, что прибыл к концу своей тропы. Если дон Хуан может носить костюмы и быть в них элегантным, то все возможно.

Ему, казалось, понравилось мое смущение, и он засмеялся.

– Я владелец мануфактурной базы, – сказал он таинственным, но безразличным тоном, и пошел прочь.

На следующее утро, в четверг, я попросил своего друга проводить меня от дверей той конторы, где дон Хуан толкнул меня, до базара Лагунилья. Мы выбрали самый прямой маршрут. Это заняло у нас тридцать пять минут. Когда мы пришли, я попытался сориентироваться. Мне это не удалось. Я вошел в магазин одежды

на самом углу широкой улицы, где мы тогда стояли.

– Простите меня, – сказал я молодой женщине, которая осторожно чистила щеткой шляпу. – Где прилавки с монетами и подержанными книгами?

– У нас таких нет, – сказала она мерзким тоном.

– Но я видел их где-то на этом базаре вчера.

– Не хулиганьте, – сказала она и вошла за конторку.

Я побежал за ней, умоляя сказать мне, где они находятся. Она осмотрела меня с головы до ног.

– Вы не могли видеть их вчера, – сказала она. Эти прилавки устанавливаются только по воскресеньям прямо здесь, вдоль этой стены. В другие дни их у нас нет.

– Только по воскресеньям? – переспросил я механически.

– Да, только по воскресеньям. Таков порядок. В остальные дни они мешали бы движению.

Она указала на широкий проспект, заполненный машинами.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава пятая

ВО ВРЕМЕНИ НАГУАЛЯ

Я взбежал на склон перед домом дон Хенаро и увидел, что дон Хуан и дон Хенаро сидят на открытом участке перед дверью. Они улыбнулись мне. В их улыбках были такое тепло и простодушие, что мое тело немедленно испытало чувство тревоги. Я автоматически перешел на шаг и поздоровался с ними.

– Как поживаешь? – спросил дон Хенаро таким участливым голосом, что все мы засмеялись.

– Он в хорошей форме, – вставил дон Хуан прежде чем я успел что-либо сказать.

– Оно и видно, – сказал дон Хенаро. – Взгляни на этот двойной подбородок! И посмотри на эти бугры окорочного жира на его ягодицах! Дон Хуан засмеялся, держась за живот.

– У тебя лицо стало круглым, – продолжал дон Хенаро. – Что ты делал все это время? Ел?

Дон Хуан шутливо заверил его, что стиль моей жизни требует, чтобы я ел очень много. Самым дружеским образом они дразнили меня по поводу моей жизни, а затем дон Хуан попросил меня подойти и сесть между ними. Солнце уже скрылось за высоким гребнем гор на западе.

– Где же твоя знаменитая записная книжка? – спросил дон Хенаро. А когда я вытащил ее из кармана, он воскликнул: «Йиппии!», – и выхватил ее у меня из рук.

Очевидно, он очень внимательно наблюдал за мной и великолепно знал все мои привычки. Он держал блокнот обеими руками и нервно поигрывал им, как бы не зная что с ним делать. Дважды, казалось, он был готов его выбросить, но каждый раз сдерживался. Затем он положил его на колени и притворился, что пишет в нем, как это делал я.

Дон Хуан смеялся так, что чуть не задохнулся.

– Что ты делал после того, как мы расстались? – спросил дон Хуан, когда они успокоились.

– В четверг я пошел на базар, – сказал я.

– Что же ты там делал? Повторял свои шаги?

Дон Хенаро повалился на спину и губами воспроизвел сухой звук, как будто ударился головой о твердую землю. Он искоса взглянул на меня и подмигнул.

– Я должен был это сделать, – ответил я дону Хуану. – И я обнаружил, что по будним дням нет прилавков, на которых продают монеты и подержанные книги.

Оба они рассмеялись. Затем дон Хуан заметил, что задавание вопросов вряд ли может открыть что-то новое.

– Что же в действительности произошло, дон Хуан? – спросил я.

– Поверь мне, что нет способа узнать это, – ответил он сухо. – В этих делах мы с тобой на равных. В данный момент мое преимущество перед тобой состоит в том, что я знаю, как пробираться к *нагуалью*, а ты – нет. Но как только я попадаю туда, я имею там не больше преимуществ и знания, чем ты.

– Но я действительно приземлился на базаре, дон Хуан?

– Конечно, я рассказывал тебе, что *нагуаль* подчиняется воину. Разве это не так, Хенаро?

– Правильно, – воскликнул дон Хенаро громовым голосом и поднялся одним единым движением. Это произошло так, словно это голос поднял его из лежачего положения в вертикальное. Дон Хуан от смеха буквально катался по земле. Дон Хенаро с недружелюбным видом комически поклонился и попрощался.

– Вы с Хенаро увидите завтра утром, – сказал дон Хуан. Сейчас ты должен сидеть здесь в полном молчании.

Мы не сказали больше ни слова. Через несколько часов молчания я заснул.

Я взглянул на свои часы. Было около шести утра. Дон Хуан осмотрел могучую массу темных облаков над восточным горизонтом, и заключил, что день будет сумрачным. Дон Хенаро понюхал воздух и добавил, что он будет еще и жарким и безветренным.

– Мы далеко пойдем? – спросил я.

– Вон к тем эвкалиптам, – ответил дон Хенаро, указывая на то, что казалось рощей на расстоянии примерно одной мили.

Когда мы достигли деревьев, я сообразил, что это была не роща. Эвкалипты были посажены прямыми линиями для того, чтобы отметить границы поля, засаженного различными культурами. Мы прошли по краю кукурузного поля вдоль линии огромных

деревьев, тонких и прямых – около тридцати метров высотой, и пришли к пустому полю. Я подумал, что урожай, должно быть, уже собран. Там были только сухие стебли и листья каких-то растений, которых я не узнал. Я нагнулся, чтобы поднять листик, но дон Хенаро остановил меня. Он удержал мою руку с огромной силой. Я взвился от боли, и только тут заметил, что он лишь едва коснулся меня пальцами.

Он определенно сознавал, что именно он сделал и что испытал при этом я. Быстро подняв руку, он опять коснулся пальцами моей руки. Он повторил это еще раз и рассмеялся, как довольный ребенок, видя мою гримасу. Его горбатый нос делал его похожим на птицу. Птицу со странными длинными белыми зубами.

Тихим голосом дон Хуан сказал мне, чтобы я ничего не трогал. Я спросил его, не знает ли он, какие культуры здесь выращивались. Казалось, он собирается мне ответить, но дон Хенаро вмешался и сказал, что это было поле червей.

Дон Хуан посмотрел на меня пристально и не улыбаясь.

Бессмысленный ответ дон Хенаро, казалось, был шуткой. Я подождал какого-нибудь намека, чтобы начать смеяться, но они выжидающе смотрели на меня.

– Поле гигантских червей, – сказал дон Хенаро. – Да, то, что здесь росло, было самыми очаровательными червями, которых ты когда-либо видел.

Он повернулся к дону Хуану. Секунду они смотрели друг на друга.
– Разве не так? – спросил он.

– Совершенно верно, – сказал дон Хуан и, повернувшись ко мне, добавил, что сегодня Хенаро держит бразды правления.

– Только он может сказать, что есть что. Поэтому делай в точности все, что он говорит.

Мысль, что Хенаро держит бразды правления, наполнила меня ужасом. Я повернулся к дону Хуану, чтобы сказать ему об этом, но, прежде чем я успел произнести свои слова, дон Хенаро издал громкий пронзительный крик. Крик был настолько громким и пугающим, что я упал на спину. У меня судорогой свело шею, волосы мои взлетели вверх, как будто их вздуло ветром. Я испытал момент полной бессвязности, и остался бы приклеенным к месту, если бы не дон Хуан. Он с невероятной скоростью и хладнокровием перевернул мое тело таким образом, чтобы мои глаза стали свидетелями невообразимого поступка. Дон Хенаро

стоял горизонтально примерно в сотне футах над землей на стволе эвкалипта, который находился в пятидесяти ярдах от нас. То есть, он стоял, расставив ноги примерно на метр, перпендикулярно дереву. Казалось, у него были крючки на подошвах, и с их помощью он смог обмануть гравитацию. Он стоял, со скрещенными на груди руками, спиной ко мне.

Я смотрел на него и боялся моргнуть из страха потерять его из виду. Я сделал быстрый подсчет и заключил, что если я смогу удержать его в поле зрения, то смогу заметить намек, движение или что-нибудь еще, что поможет мне понять происходящее.

Я ощутил губы дона Хуана у своего правого уха и услышал его шепот о том, что всякая попытка найти объяснение бесполезна и идиотична. Я услышал, как он повторяет:

– Втяни живот! Глубже, глубже!

Это была техника, которой он обучил меня несколькими годами ранее для использования ее в минуты большой опасности, страха или стресса. Она состояла в том, чтобы толкнуть диафрагму вниз, делая четыре глубоких дыхания через рот, за которыми следовали четыре вдоха и выдоха через нос. Он объяснял, что короткие резкие вдохи воздуха через рот должны ощущаться как толчки в средней части живота, и что плотно прижатые сцепленные над пупком руки дают силу брюшному прессу и помогают контролировать короткие и глубокие вдохи. Глубокие вдохи должны были продолжаться в течение счета до восьми при толкаемой вниз диафрагме. Выдохи делались дважды через нос и дважды через рот, медленно или быстро – в зависимости от предпочтения.

Я автоматически повиновался дону Хуану. Однако я не осмеливался отвести глаза от дона Хенаро. Пока я продолжал так дышать, мое тело расслабилось, и я мог сознавать, что дон Хуан поворачивает мои ноги. Очевидно, когда он повернул меня вокруг, моя правая нога вывернулась и была неудобно подогнута. Когда он выпрямил меня, я сообразил, что мое потрясение от зрелища дона Хенаро, стоящего на стволе дерева, заставило меня забыть об этом неудобстве.

Дон Хуан прошептал мне на ухо, чтобы я не смотрел на дону Хенаро пристально. Я услышал, как он говорит; «Моргай! моргай!» Несколько мгновений я не слушался. Он снова велел мне моргать. Я был убежден, что все это дело было как-то связано со

мной как со зрителем, и если я как единственный свидетель поступка дона Хенаро, перестану на него смотреть, то он упадет на землю, или эта сцена исчезнет.

После мучительно долгого периода неподвижности дон Хенаро повернулся на пятках на 45° вправо и пошел по стволу. Его тело дрожало. Я видел, как он медленно делал один маленький шаг за другим, пока не сделал восемь. Он даже обогнул ветку. Затем, все еще со скрещенными на груди руками он сел на ствол спиной ко мне. Его ноги болтались, как если бы он сидел на стуле, словно гравитация не имела для него никакого значения. Затем он как бы проехался на задугу немного вниз. Он достиг ветки, которая была параллельна его телу и на несколько секунд облокотился на нее. Видимо, он опирался не столько для поддержки, сколько для драматического эффекта. Затем он продолжал движение на задугу, переместившись со ствола на ветку, пока не изменил своего положения и не оказался сидящим на ней в нормальном положении, как можно сидеть на ветке.

Дон Хуан тихо посмеивался за моей спиной. У меня появился ужасный привкус во рту. Я хотел было оглянуться, но боялся упустить что-либо из действий дона Хенаро.

Еще с минуту дон Хенаро сидел на ветке, болтая ногами, а затем снова скользнул вперед, на ствол.

Дон Хуан обеими руками взял меня за голову и осторожно начал сгибать ее влево, пока линия зрения не стала параллельной дереву, а не перпендикулярной ему, как раньше. С этой перспективы дон Хенаро уже не нарушал законов гравитации, а просто сидел на стволе дерева. Я заметил, что если смотреть пристально и не мигать, то его фигура постепенно становится доминантой на размытом фоне.

Дон Хенаро быстро спустился обратно на ветку и отжался на ней, как гимнаст на трапеции. Новая перспектива позволяла мне теперь видеть оба положения его тела, особенно «сидение» на стволе дерева, как одинаково возможные.

В это время дон Хуан повернул мою голову направо, пока подбородок не уткнулся в плечо. Поза дона Хенаро опять казалась мне совершенно нормальной, но когда он в очередной раз поднялся на ствол, я не смог сделать необходимого уточнения в восприятии и увидел его в перевернутом ракурсе вверх ногами. Дон Хенаро еще несколько раз повторил свои перемещения, а дон

Хуан при этом поворачивал мою голову из стороны в сторону. В результате я полностью утратил чувство нормальной перспективы, а без нее движения дон Хенаро были не такими пугающими. Дон Хенаро оставался на ветке долгое время. Дон Хуан выпрямил мою шею и прошептал, что дон Хенаро сейчас спустится. Я услышал повелительные нотки в его шепоте: «Втяни живот глубже, глубже!»

Я затаил дыхание, но в это мгновение тело дон Хенаро как бы вспыхнуло в ореоле электрического свечения, затем потускнело, и он, откинувшись назад и на мгновение повиснув на коленях, мешком рухнул вниз.

Пока он падал, у меня самого было ощущение падения через бесконечное пространство – какое-то болезненное и в то же время очень приятное внутреннее томление, столь интенсивное и длительное, что ноги мои подкосились, и я повалился на землю, с трудом вытянув руки, чтобы смягчить падение. Я так тяжело дышал, что мягкая земля попадала в ноздри, вызывая зуд. Я попытался подняться, но мышцы не повиновались.

Дон Хуан и дон Хенаро подошли ко мне. Я отдаленно слышал их голоса и в то же время чувствовал, как они поднимают меня за руки и ноги и куда-то несут. Моя голова безвольно болталась, тело было совершенно расслабленным. Глаза были открыты, я видел землю и пучки травы, проплывавшие подо мной. Затем я ощутил холод, судорожно дернулся и закашлялся оттого, что вода попала мне в рот и нос. Я инстинктивно сделал несколько плавательных движений, но нащупал дно и только тогда осознал, что стою на четвереньках в мелкой речке, куда они меня забросили.

Дон Хуан и дон Хенаро глупо смеялись. Закатав штанины, дон Хуан подошел, заглянул мне в глаза и сказал, что я еще не готов, после чего пихнул меня обратно в воду. Мое тело не оказало никакого сопротивления. Мне совершенно не хотелось окунаться вновь, но мышцы были как чужие, и я плюхнулся в воду спиной вниз. На этот раз холод был почти нестерпимым. Я быстро вскочил и вылетел по ошибке на противоположный берег. Дон Хуан и дон Хенаро улюлюкали и свистели, бросая камни в кусты передо мной, словно загоняли бычка. Я пересек речку обратно и уселся на камне рядом с ними. Дон Хенаро вручил мне мою одежду, и только тогда я заметил, что был наг, хотя я и не помнил, когда и как раздевался. С меня стекала вода, и я не хотел одеваться мокрым. Дон Хуан

повернулся к дону Хенаро, и громовым голосом сказал.

– Бога ради, дай человеку полотенце!

Через пару секунд и до меня самого, наконец, дошла вся абсурдность происходящего.

У меня было прекрасное состояние. Я чувствовал себя настолько счастливым, что даже не хотелось разговаривать. Но я был уверен, что если они заметят мою эйфорию, то снова окунут меня в воду.

Дон Хенаро следил за мной. Его глаза блестели, как у дикого животного, пронизывая меня насквозь.

– Прекрасно, – внезапно сказал дон Хуан. – Теперь ты собран. Но под эвкалиптами ты индугировал, как сукин сын.

Я хотел было истерически захохотать. Слова дона Хуана почему-то показались мне необычайно забавными, и я удержался лишь с огромным трудом. А затем что-то во мне словно подало команду. Неконтролируемое раздражение в средней части тела заставило меня снова снять одежду и погрузиться в воду. Я оставался в реке около пяти минут. Холод отрезвил меня. Когда я вышел, то снова был самым собой.

– Хорошо исполнено, – сказал дон Хуан, похлопывая меня по плечу.

Они повели меня назад, к эвкалиптам. По дороге дон Хуан объяснил, что мой «тональ» был опасно уязвимым, и что несообразность поступков дона Хенаро оказалась для него слишком большим испытанием. Он сказал, что они решили было не трогать его больше и возвращаться к дому дона Хенаро. Но факт, что я знал, что мне нужно снова забраться в речку, изменил все. Однако он не сказал мне, что они собираются делать.

Мы остановились посреди поля на том самом месте, где были раньше. Дон Хуан был справа от меня, а дон Хенаро слева. Оба они были напряжены и минут десять стояли, подобрравшись, словно чего-то ожидая. Я переводил взгляд с одного на другого в надежде, что дон Хуан даст мне намек относительно моих действий. Я оказался прав. В какой-то момент он расслабился и пнул ногой твердые комочки земли. Не глядя на меня, он сказал: – Я думаю, нам лучше пойти.

Я автоматически решил, что дон Хенаро, должно быть, намеревался дать мне еще одну демонстрацию *нагуаля*, но почему-то передумал. Я почувствовал облегчение. Я ждал еще чего-нибудь для полного подтверждения. Дон Хенаро тоже расслабился, а

затем они оба сделали шаг вперед. Тогда я понял, что на этом мы все закончили. Но в тот момент, когда я расслабился, дон Хенаро опять издал свой невероятный вопль.

Я начал неистово дышать. Я оглянулся: дон Хенаро исчез. Дон Хуан стоял передо мной. Его тело тряслось от смеха. Он повернулся ко мне.

– Я прошу прощения, – сказал он шепотом, – но другого способа нет.

Я хотел спросить насчет дон Хенаро, но почувствовал, что если я не буду продолжать дышать и отжимать вниз диафрагму, то умру. Дон Хуан указал подбородком на какое-то место позади меня. Не сдвигая ног, я начал поворачивать голову через левое плечо. Но прежде, чем я смог увидеть, на что он указывает, дон Хуан прыгнул и остановил меня. Сила его прыжка и скорость, с которой он меня схватил, заставили меня потерять равновесие. Когда я падал на спину, у меня было ощущение, что я вцепился в дон Хуана и увлекаю его за собой на землю, но когда я взглянул вверх, мои осязательные и зрительные впечатления оказались в полном несоответствии. Я увидел, что дон Хуан стоит надо мной и смеется, хотя мое тело в этот же момент несомненно ощущало тяжесть другого тела, придавившего меня к земле.

Дон Хуан протянул мне руку и помог подняться. На телесном уровне я ощущал, что он поднимает два тела. Он понимающе улыбнулся и прошептал, что никогда нельзя поворачиваться налево, когда смотришь на «нагуаль». Он сказал, что *нагуаль* смертельно опасен, и что нет необходимости увеличивать риск, который и так велик. Затем он осторожно перевернул меня и обратил лицом к огромному эвкалипту. Наверное, это было самое старое дерево в округе. Его ствол был почти вдвое толще, чем у любого другого. Он указал глазами на вершину. Дон Хенаро сидел на ветке, лицом ко мне. Я видел его глаза как два огромных зеркала, отражающих свет. Я хотел отвернуться, но дон Хуан настаивал, чтобы я не отводил глаз. Повелительным шепотом он приказал мне моргать, не поддаваться испугу и не потакать себе. Я заметил, что если все время моргать, то глаза дон Хенаро не кажутся такими пугающими. Взгляд его становился сводящим с ума только тогда, когда я смотрел пристально.

Он сидел на корточках на ветке долгое время. Затем, без каких-либо видимых усилий он спрыгнул на землю и приземлился ярдах

в двух от меня все в той же позе. Наблюдая последовательность его прыжка, я знал, что воспринял больше, чем увидел глазами. Это не был прыжок в обычном смысле. Казалось, что-то толкнуло его сзади и заставило скользить по параболической кривой. Ветка, с которой он спрыгнул, была, пожалуй, футах в ста над землей, а дерево находилось в ста пятидесяти футах от меня. Таким образом, его тело должно было описать параболу, чтобы приземлиться там, где оно это сделало. Но дон Хенаро преодолел это расстояние не за счет силы мышц. Его тело было «сдуто» с ветки на землю.

Мгновение я видел подошвы его ботинок и контуры тела, описывающего параболу. Затем он мягко приземлился, хотя вес его разбил мягкие сухие комочки почвы и даже поднял немного пыли.

Дон Хуан засмеялся позади меня. Дон Хенаро поднялся, как ни в чем не бывало и потянул меня за рукав рубашки, давая знать, что мы уходим.

На пути к дому дона Хенаро никто из нас не произнес ни слова. Пару раз дон Хуан останавливался и осматривал мои глаза. Он казался удовлетворенным. Как только мы добрались, дон Хенаро ушел за дом. День только начинался. Дон Хуан сел на пол у двери и указал на место для меня. Утомленный, я лег и выключился, как свет.

Проснулся я оттого, что дон Хуан тряс меня. Я хотел узнать, который час, но моих часов не было. Дон Хуан вынул их из кармана рубашки и вручил мне. Был час дня. Я взглянул на него. Наши глаза встретились.

– Здесь не может быть никакого объяснения, – сказал он, отворачиваясь от меня. – Можно быть только свидетелем *нагуаля*. Я вышел на улицу и обошел дом, разыскивая дона Хенаро. Его нигде не было. Вернувшись, я обнаружил, что дон Хуан приготовил мне завтрак. Когда я поел, он начал говорить.

– Когда имеешь дело с *нагуалем*, никогда не следует смотреть на него прямо, – сказал он. – Этим утром ты смотрел на него пристально, и поэтому из тебя ушли все соки. Единственный способ – смотреть на *нагуаль* как на обычное явление. Следует моргать, чтобы прервать пристальный взгляд. Наши глаза – это глаза *тоналя* или, точнее, – наши глаза выдрессированы тоналем. Поэтому *тональ* считает их своими. Одним из источников твоего замешательства и неудобства является то, что твой *тональ* не

отступается от твоих глаз. В день, когда он это сделает, твой *нагуаль* выиграет великую битву. Твоей помехой, или, лучше сказать, помехой каждого является стремление настроить мир согласно правилам тоналя. Поэтому каждый раз, когда мы сталкиваемся с *нагуалем*, мы сходим с дороги, чтобы сделать наши глаза застывшими и бескомпромиссными. Я должен вызывать к той части твоего *тоналя*, которая понимает эту дилемму, а ты должен сделать усилие, чтобы освободить глаза. Тут нужно убедить *тональ*, что есть другие миры, которые могут проходить перед теми же самыми окнами. *Нагуаль* показал тебе это сегодня утром. Поэтому отпусти свои глаза на свободу. Пусть они будут настоящими окнами. Глаза могут быть окнами, чтобы заглядывать в хаос или заглядывать в эту бесконечность.

Дон Хуан сделал метущее движение левой рукой, показывая на все окружающее. Глаза у него блеснули, улыбка была одновременно и пугающей и обезоруживающей.

– Как я могу это сделать? – спросил я.

– Скажу тебе, что это очень просто. Может быть, я говорю так потому, что давно уже делаю это сам. Нужно только установить намерение как таможенника. Когда находишься в мире *тоналя*, ты должен быть безупречным *тоналем*; никакого времени для иррациональной ерунды. Но в мире *нагуаля* ты также должен быть безупречен – никакого времени для разумной ерунды. Для воина намерение – это дверь в промежуточное положение. Она полностью закрывается за ним, когда он выходит на тот или иной путь.

Второе, что тебе следует делать при встрече с *нагуалем* – время от времени менять направление взгляда, чтобы *нагуаль* не околдовал тебя. Смена положения глаз всегда облегчает ношу тоналя.

Сегодня утром я заметил, что ты был исключительно уязвимым, и поэтому изменил положение твоей головы. В подобных случаях ты должен научиться делать это самостоятельно – но только для передышки, а не для того, чтобы снова оградить себя, сохранив распорядок *тоналя*. Я могу дать честное слово, что ты попытаешься использовать эту технику, чтобы спрятать за ней рациональность своего *тоналя*, считая при этом, что спасаешь ее от уничтожения. Но дело в том, никто не собирается уничтожать рациональность *тоналя*. Так что твой страх совсем не обоснован. Больше мне нечего сказать тебе, кроме того, что ты должен

наблюдать за каждым движением Хенаро, не истощая себя. Сейчас ты проверяешь, загружен ли твой *тональ* несущественными деталями. Если на твоём острове слишком много ненужных вещей, то ты не сможешь выстоять во время встречи с *нагуалем*.

– Что же тогда случится со мной?

– Ты можешь умереть. Никто не способен выжить в намеренной встрече с *нагуалем* без длительной тренировки. Требуются годы, чтобы подготовить *тональ* к такой встрече. Сталкиваясь лицом к лицу с *нагуалем*, обычный человек обычно умирает от шока. Цель тренировки воина вовсе не в обучении каким-то злым чарам, а в том, чтобы научить *тональ* не отвлекаться на ерунду. Это очень трудное достижение. Воин должен стать безупречным и совершенно пустым, иначе о встрече с *нагуалем* лучше и не думать. Возьмем твой случай. Тебе следует перестать рассчитывать. То, что ты делал этим утром, было абсурдом. Ты называешь это объяснениями. Я называю это бесплодной и назойливой настойчивостью *тоналя* удерживать все под своим контролем. Когда ему это не удастся, наступает момент замешательства, и тогда *тональ* открывается своей смерти. Что за самодовольный глупец! Он скорее готов убить самого себя, чем уступить контроль, и, тем не менее, мы очень немного можем сделать, чтобы изменить такое положение вещей.

– А ты сам как это меняешь, дон Хуан?

– Остров *тоналя* должен быть тщательно выметен и содержаться в чистоте. Это единственная альтернатива, которая есть у воина. Чистый остров не оказывает сопротивления, ему нечем сопротивляться.

Он прошелся по двору и уселся на большой гладкий камень. Оттуда можно было заглянуть в глубокий овраг. Он сделал мне знак сесть рядом.

– Не можешь ли ты мне сказать, дон Хуан, что мы еще собираемся делать сегодня? – спросил я.

– Мы ничего не собираемся делать. То есть, мы с тобой будем только свидетелями. Твой бенефактор – Хенаро.

Я подумал, что недопонял из-за своего поспешного записывания. На начальных ступенях моего ученичества дон Хуан ввел термин «бенефактор». Мне всегда казалось, что сам он и был моим бенефактором.

Дон Хуан молча смотрел на меня. Я сделал быструю прикидку и

заключил, что дон Хенаро является для меня чем-то вроде звезды-исполнителя для таких случаев. Дон Хуан усмехнулся, как бы читая мои мысли.

– Хенаро – твой бенефактор, – повторил он.

– Но ты, разве не ты? – спросил я отчаянным голосом.

– Я тот, кто помогает тебе подмести твой остров *тональ*, – сказал он. – У Хенаро есть два ученика – Паблито и Нестор. Он помогает им подметать остров. Но я буду показывать им *нагуаль*. Я буду их бенефактором. Хенаро только их учитель. В этих делах можно или говорить, или действовать. Нельзя делать и то и другое с одним и тем же человеком. Берешь или остров *тональ*, или *нагуаль*. В случае с тобой я должен работать с твоим *тоналем*.

По мере того, как дон Хуан это говорил, я почувствовал такой ужас, что мне чуть не стало плохо. Я боялся, что он собирается оставить меня с доном Хенаро, а для меня ничего не могло быть хуже этого.

Дон Хуан смеялся до слез, когда я высказал ему свои страхи.

– То же самое происходит и с Паблито, – сказал он. – Ему становится плохо от одного взгляда на меня. Однажды он пришел в отсутствие Хенаро. В доме был только я один, и когда Паблито увидел у двери мое сомбреро, то его *тональ* был настолько испуган, что он попросту наложил в штаны.

Я легко мог понять чувства Паблито. При более тщательном рассмотрении я вынужден был признать, что дон Хуан может быть устрашающим. Я научился, однако, чувствовать себя с ним удобно. В его присутствии я испытывал чувство близости, рожденной нашей долгой с ним связью.

– Я не собираюсь оставлять тебя с Хенаро, – сказал он, все еще смеясь. – Я тот, кто заботится о твоём *тонале*. Без него ты мертв.

– Каждый ли ученик имеет учителя и бенефактора? – спросил я, чтобы унять свое беспокойство.

– Нет, но некоторые имеют.

– Почему только некоторые?

– Когда обычный человек готов, сила предоставляет ему учителя, и он становится учеником. Когда ученик готов, сила предоставляет ему бенефактора, и он становится магом.

– Что значит быть готовым к тому, чтобы сила предоставила бенефактора?

– Никто не знает этого. Мы только люди. Некоторые из нас –

люди, научившиеся *видеть* и использовать *нагуаль*, но никакие наши достижения не помогут раскрыть нам планов силы. Поэтому не у каждого ученика есть бенефактор. Сила решает все.

Я спросил его, был ли у него самого и учитель, и бенефактор, и впервые за тринадцать лет он открыто заговорил о них. Он сказал, что как его учитель, так и его бенефактор были из Центральной Мексики. Я всегда считал, что любая информация о доне Хуане будет ценной для моих антропологических исследований. Но в момент его откровения это как-то не имело значения.

Дон Хуан взглянул на меня, как мне показалось, участливо. Затем он резко сменил тему и попросил подробно рассказать ему о моих утренних переживаниях.

– Внезапный испуг всегда сжимает *тональ*, – сказал он, комментируя мое описание того, что я ощутил от вопля дона Хенаро. – Проблема здесь в том, чтобы не позволить *тоналю* сжаться совсем в ничто. Серьезный вопрос для воина – знать в точности, когда позволить своему *тоналю* сжаться, а когда остановить его. Это великое искусство. Воин должен бороться, как демон, для того чтобы сжать свой *тональ*. Но в тот самый момент, когда его *тональ* сжимается, воин должен повернуть всю эту битву и направить ее на прекращение сжатия.

– Но, делая это, разве он не возвращается назад к первоначальному состоянию? – спросил я.

– Нет, после того, как *тональ* сжимается, воин закрывает ворота с другой стороны. До тех пор, пока его *тональ* не под угрозой, воин с безопасной стороны ограды. Он на знакомой почве и знает все законы. Но когда *тональ* сжимается – он на ветреной стороне, и это отверстие должно быть накрепко закрыто немедленно, иначе он будет унесен прочь. И это не просто способ говорить. За воротами *тоналя* бушует ветер, я имею в виду реальный ветер. Ветер, который может унести твою жизнь. Это не метафора. Фактически, это тот ветер, который несет все живые существа на земле. Несколько лет назад я познакомил тебя с этим ветром. Однако ты воспринял это как шутку.

Он напоминал о том времени, когда он взял меня в горы и объяснил мне некоторые особенности ветра. Однако я никогда не думал, что это была шутка.

– Не имеет значения, воспринял ты это всерьез, или нет, – сказал он, выслушав мои протесты. – Как закон, *тональ* должен

защищать себя любой ценой всякий раз, когда ему угрожают. Не имеет никакого значения, как именно реагирует *тональ*, защищая себя. Тем не менее важно, чтобы *тональ* был знаком со всеми возможными альтернативами. Поэтому учитель направляет свои усилия на то, чтобы развить ног этих возможностей. Именно вес новых возможностей помогает сжать *тональ*, как и остановить его, чтобы он не сжался совсем в ничто.

Он сделал мне знак продолжить пересказ утренних событий и прервал меня, когда я подошел к тому, как дон Хенаро скользил взад и вперед между стволом дерева и веткой.

— *Нагуаль* может выполнять необычные вещи, — сказал он. — Вещи, которые кажутся невозможными, немислимыми для *тоналя*. Но что удивительнее всего — человек, который их выполняет, не знает, как он это делает. Иными словами, Хенаро не знает, как он делает эти вещи. Он знает только, что делает их. Секрет мага в том, что он знает, как добраться до *нагуаля*, но когда он туда попадает, то его догадки относительно происходящего там ничуть не лучше твоих собственных.

— Но что чувствуешь, когда делаешь все это?

— Чувствуешь, как будто что-то делаешь.

— Чувствует ли дон Хенаро, что он ходит по стволу дерева?

Дон Хуан секунду осмотрел на меня, а затем отвернулся.

— Нет, — сказал он громким шепотом. — Не в том смысле, как ты это понимаешь.

Больше он ничего не сказал. Я буквально затаил дыхание, ожидая его объяснений. Наконец, я спросил:

— Что же он чувствует?

— Я не могу сказать тебе, и не потому, что это — его личное дело, а потому что нет способа описать это.

— Ну, пожалуйста, — уговаривал я его. — Нет ничего такого, чего нельзя было бы объяснить словами. Я уверен, что даже если и невозможно описать что-нибудь прямо, то всегда можно хоть как-то намекнуть на это.

Дон Хуан рассмеялся. Его смех был дружеским и добрым. Однако, в нем был оттенок насмешки и какой-то явный подвох.

— Я должен сменить тему, — сказал он. — Удовлетворись тем, что *нагуаль* был нацелен на тебя утром. Что бы Хенаро ни делал, это была смесь его и тебя. Его *нагуаль* был оттенен твоим *тоналем*.

Я продолжал свои попытки.

– Когда ты показываешь твой *нагуаль* Паблито, что ты чувствуешь?

– Я не могу тебе этого объяснить, – сказал он тихо. – И не потому, что не хочу, – просто мой *тональ* здесь останавливается. Я не хотел больше нажимать на него. Некоторое время мы молчали, а затем он снова заговорил.

– Можно сказать, что воин учится настраивать свою *волю*, направлять ее с точностью иголки, фокусировать ее, где захочет. Как если бы его *воля*, которая выходит из средней части тела, была единственным светящимся волокном. Нитью, которую он может направить в любое воображаемое место. Эта нить – дорога к *нагуалю*. Можно сказать также, что воин погружается в *нагуаль* с помощью этой единственной нити. Как только он погрузился, способ выражения *нагуаля* – дело его личного темперамента. Если воин забавен, то его *нагуаль* забавен. Если он мрачен, то его *нагуаль* мрачен. Если он зол, его *нагуаль* зол.

Хенаро всегда смешит меня до упаду, потому что он – одно из самых приятных живых существ. Я никогда не знаю, с чем он приходит. Для меня это – абсолютная сущность магии. Хенаро такой подвижный воин, что малейшее фокусирование его воли заставляет его *нагуаль* действовать невероятным образом.

– А сам ты видел, что именно делал дон Хенаро?

– Нет, я просто *видел*, что его *нагуаль* находился на деревьях.

– То есть, ты хочешь сказать, что, как и в случае с базаром, тебя со мной не было?

– Похоже на это. Когда встречаешься с *нагуалем*, то всегда остаешься с ним один на один. Я был поблизости, но только для того, чтобы защитить твой *тональ*. Это моя обязанность.

Дон Хуан сказал, что мой *нагуаль* едва не разлетелся на куски, когда дон Хенаро спустился с дерева. Это произошло не потому, что *нагуаль* сам по себе опасен, а потому, что мой *тональ* индугировал в своем замешательстве. Он сказал, что воин должен устранять замешательство *тоналя*, пока не станет настолько текучим, что сможет принять все, не принимая ничего. Когда я описал прыжки дон Хенаро на дерево и обратно, дон Хуан сказал, что крик воина является одним из важнейших моментов магии и что дон Хенаро, фокусируя свой крик, использует его как движущую силу.

– Ты прав, – сказал он. – Хенаро взлетел, частично притянутый своим криком и частично деревом. С твоей стороны это было

настоящим *видением* подлинной картины *нагуалья*. Воля Хенаро сфокусировалась в этом крике, а его личное прикосновение заставило дерево притянуть *нагуаль*. Линии протянулись в обе стороны – от Хенаро к дереву и от дерева к Хенаро. Когда Хенаро спрыгнул с дерева, ты должен был *увидеть*, что вначале он сфокусировался на участке земли перед тобой, а потом дерево толкнуло его. Но толчок этот был лишь кажущимся. В сущности, это было больше похоже на освобождение от дерева. Дерево отпустило *нагуаль*, и он вернулся обратно в мир *тоналя*, на то место, где он сфокусировался. Когда Хенаро спустился с дерева во второй раз, твой *тональ* был уже не настолько потрясен. Ты индольгировал меньше, и поэтому не потерял столько энергии, как в первый раз.

Около четырех часов дня дон Хуан прервал нашу беседу.

– Мы идем назад к эвкалиптам. *Нагуаль* ждет нас там, – сказал он.

– Не рискуем ли мы, что нас увидят люди? – спросил я.

– Нет, *нагуаль* все держит взвешенным, – ответил он.

Глава шестая **ШЕПОТ НАГУАЛЯ**

Когда мы приблизились к эвкалиптам, я увидел дона Хенаро, который сидел на пне и улыбался нам. Он приветственно помахал рукой. Мы подошли к нему. На деревьях устроилась стая ворон. Они громко каркали, словно были чем-то встревожены. Дон Хенаро сказал, что мы должны переждать, пока не успокоятся вороны.

Дон Хуан прислонился спиной к дереву и велел мне сделать то же, указав на соседнее дерево в двух шагах слева от него. Мы стояли лицом к дону Хенаро, который был от нас на расстоянии двух или трех ярдов.

Едва заметным движением глаз дон Хуан сделал мне знак изменить положение ног. Сам он стоял твердо, слегка расставив ступни и касаясь ствола только верхней частью лопаток и затылком. Его руки свободно свисали по бокам.

Мы стояли так, наверное, около часа. Я внимательно наблюдал за обоими, особенно за доном Хуаном. В какой-то момент он медленно опустился по стволу дерева на землю и сел, обхватив руками приподнятые колени и сохраняя прежний контакт с деревом. Я сделал то же самое. Ноги устали, и перемена позы принесла облегчение.

К тому времени вороны уже перестали каркать, и на поле воцарилось безмолвие. Наступившая тишина была еще более тревожной, чем крики ворон.

Дон Хуан вполголоса сказал, что сумерки – мое лучшее время. Он взглянул на небо. Должно быть, было уже больше шести. День был сумрачный, и я не мог определить положение солнца. Я слышал далекие крики уток, но на поле, где росли эвкалипты, было совершенно тихо.

Очень долгое время не слышно било ни свиста птиц, ни жужжания насекомых.

Насколько я мог судить, дон Хуан и дон Хенаро сохраняли полную неподвижность, кроме тех нескольких секунд, когда они меняли

позу чтобы отдохнуть.

После того, как мы с доном Хуаном соскользнули на землю, дон Хенаро сделал внезапное движение. Он поднял ноги и поместил ступни на пень. Потом он повернулся на сорок пять градусов, и я увидел его профиль слева. Я посмотрел на дона Хуана в поисках объяснений. Он лишь вздернул подбородок – это был приказ смотреть на дона Хенаро.

Меня начало охватывать чудовищное возбуждение. Я был не в силах совладать с собой: мои кишки судорожно задвигались, и теперь-то я точно знал, что ощущал Паблито, когда увидел сомбреро дона Хуана. Расстройство желудка заставило меня вскочить и помчаться в кусты. Я слышал, как они завывали от смеха. Обескураженный, я не смел вернуться, кляня себя за то, что своей внезапной выходкой разрушил очарование момента. Через минуту дон Хуан и дон Хенаро пришли ко мне сами. Они стали по сторонам, как конвоиры, и повели меня на другое поле. Мы остановились в самом центре, и я узнал то место, на котором мы были утром.

Дон Хуан заговорил со мной. Он сказал, что мне следует остановить внутренний диалог и оставаться текучим и безмолвным. Я внимательно слушал. Дон Хенаро, должно быть, осознавал, что все мое внимание было приковано к объяснениям дона Хуана, и воспользовался этим моментом, чтобы сделать то же, что сделал утром. Он издал свой сводящий с ума вопль. Это опять застало меня врасплох, но на этот раз я был подготовлен и почти сразу восстановил равновесие при помощи дыхания.

Потрясение было ужасным, но кратким, так что я успел проследить за его движениями и видел, как дон Хенаро прыгнул на нижнюю ветку дерева футах в восьмидесяти-девяноста от того места, где он стоял. Я испытал странное зрительное расстройство: он не то чтобы прыгнул, оттолкнувшись ногами от земли, а скорее скользнул по воздуху, частично катапультированный своим ужасным воплем и частично притянутый какими-то смутными линиями, эманировавшими из дерева. Казалось, дерево втянуло его своими линиями.

Мгновение дон Хенаро оставался на ветке, повернувшись ко мне в профиль, а затем стал выполнять какие-то странные движения. Его голова болталась, тело дрожало. Несколько раз он засовывал голову между колен. Чем больше он двигался и елозил, тем

труднее мне было сфокусировать глаза на его теле. Казалось, что он растворяется в воздухе. Я мигнул в отчаянии, а затем стал менять направление взгляда, поворачивая голову из стороны в сторону, как учил меня дон Хуан. Из левой перспективы я увидел тело дона Хенаро таким, каким я его никогда раньше не видел. Казалось, что он, переодевшись, изменил свою внешность. На нем был меховой костюм. Окраска меха была как у сиамской кошки: светло-дымчато-коричневая со слегка более темным шоколадно-коричневым на ногах и спине. У него был длинный толстый хвост. Костюм Хенаро делал его похожим на мохнатого коричневого длинноногого крокодила. Я не мог различить ни его головы, ни черт лица. Когда я выпрямил голову в нормальное положение, вид переодетого дона Хенаро остался неизменным.

Вдруг его руки задрожали. Дон Хенаро встал на ветке, наклонился и прыгнул вниз с четырехметровой высоты. Насколько я мог судить, это был обычный прыжок человека, одетого в причудливый костюм. Я видел, как тело дона Хенаро почти коснулось земли, а затем его толстый хвост слегка завибрировал, и, вместо того, чтобы приземлиться, он взлетел вверх, словно под действием беззвучного реактивного двигателя. Пролетев над деревьями, он спланировал к земле и снова взмыл. Он делал это снова и снова. Временами он хватался за ветку и кружился вокруг дерева, или как угорь извивался между ветвей. А затем он скользил вниз и кружился вокруг нас. Или хлопал в ладоши, касаясь животом верхушек деревьев.

Пилотаж дона Хенаро наполнил меня благоговейным страхом. Наблюдая за ним, я два или три раза ясно различил, что он пользуется, словно тяжами, какими-то сверкающими нитями. Затем он промчался над вершинами деревьев к югу и исчез за ними. Я пытался предугадать место, откуда он появится вновь, но он исчез.

Только сейчас я заметил, что лежу на спине, хотя мне все время казалось, что я смотрю на дона Хенаро из положения стоя. Дон Хуан пом01 мне сесть, а затем я увидел дона Хенаро, который шел к нам с беспечным видом. Он игриво улыбнулся и спросил меня, как мне понравились его полеты. Я силился что-то сказать, но не мог.

Они обменялись странными взглядами, после чего дон Хенаро опять сел на корточки. Он наклонился и зашептал что-то в мое

левое ухо. Я услышал, как он говорит. «Почему бы тебе не полетать вместе со мной?» Он повторил это пять или шесть раз. Дон Хуан подошел ко мне и прошептал в правое ухо. «Не разговаривай, просто следуй за Хенаро».

Дон Хенаро заставил меня сесть на корточки и зашептал опять. Я слышал его с необыкновенной ясностью. Он повторил свои слова раз десять. Он сказал «Доверься *нагуалью*. *Нагуаль* возьмет тебя». Затем дон Хуан зашептал мне в правое ухо. Он сказал: «Измени свои чувства».

Затем дон Хуан зашептал мне в правое ухо. Он сказал: «Измени свои чувства».

Они говорили одновременно, ни я слышал каждого из них в отдельности. Все, что говорил дон Хенаро, имело отношение к общему контексту скольжения по воздуху. Фразы, которые он повторял десятки раз, казалось, выгравировались в моей памяти. Слова дона Хуана, звучавшие с другой стороны, были особыми командами, которые он повторял множество раз. Эффект такого двойного нашептывания был совершенно необычным. Казалось, звучание их индивидуальных слов расщепляли меня пополам. В конце концов, бездна между моими ушами стала такой, что я потерял всякое чувство единства. Оставалось, несомненно, и что-то мое, но оно не было твердым. Оно было скорее светящимся туманом, темно-желтой дымкой, которая имела ощущения.

Дон Хуан сказал мне, что он собирается склеить меня для летания. При этом у меня возникло ощущение, что эти слова были подобны щипцам, которые закручивали и скрепляли мои «чувства».

Слова дона Хенаро были приглашением следовать за ним. Я почувствовал, что хочу сделать это, но не могу. Расщепление было настолько полным, что я был лишен возможности действовать. Затем я услышал одной то же короткое заявление, бесконечно повторяемое ими обоими:

«Взгляни на эту прекрасную летающую форму». «Прыгай, прыгай!». «Твои ноги достигнут вершин деревьев». «Эвкалипты похожи на зеленые точки». «Черви – это свет».

В какой-то момент что-то во мне прекратилось – быть может, мое осознание их слов. Я чувствовал, что дон Хенаро все еще со мной, но не видел ничего, кроме гигантского скопления совершенно необычных источников света. Временами их сияние уменьшалось, а временами достигало поразительной интенсивности. Ощущал я

также и движение. Было такое впечатление, что меня безостановочно втягивает какой-то вакуум. Стоило мне замедлить свое движение и сфокусировать осознание на источниках света, как вакуум снова уносил меня прочь.

В какой-то момент между двумя перепадами скорости я почувствовал крайнее замешательство. Мир вокруг меня, чем бы он ни был, приближался и удалялся в одно и то же время, отсюда и следовал вакуумоподобный эффект. Я видел два отдельных мира – один, который уходил от меня, и другой, который надвигался. Я осознал это не обычным путем, у меня не было ощущения понимания чего-то раньше скрытого. Скорее, у меня было два независимых осознания без объединяющего заключения.

После этого картины моего восприятия стали какими-то тусклыми. Им недоставало точности, или же восприятий было слишком много, и я не мог их рассортировать. Следующим набором различимых восприятий была серия звуков в конце длинного трубообразного образования. «Грубой» был я сам, а звуки были словами дона Хуана и дона Хенаро, снова шептавших мне в уши. Чем дольше они говорили, тем короче становилась труба, пока звуки не оказались в границах моего понимания. Иначе говоря, звуки слов дона Хуана и дона Хенаро достигли моего нормального диапазона восприятия. Сначала эти звуки осознавались как шумы, затем как слова, которые выкрикивают, и, наконец, как слова, которые мне шепчут в уши.

Затем я различил предметы знакомого мне мира. Очевидно, я лежал лицом вниз. Я мог видеть маленькие камешки, комочки почвы и сухие листья, а затем я вспомнил поле с эвкалиптами. Дон Хуан и дон Хенаро стояли рядом со мной. Было еще светло. У меня возникло желание забраться в воду. Я дошел до реки, разделся и оставался в холодной воде, пока полностью не пришел в себя.

Дон Хенаро ушел, как только мы добрались до его дома. Уходя, он небрежно потрепал меня по плечу. Я рефлекторно отскочил, думая, что его прикосновение будет болезненным. К моему изумлению, это было просто мягкое похлопывание по плечу.

Дон Хуан и дон Хенаро смеялись как два ребенка, празднующих шалость.

– Не будь таким прыгучим, – сказал дон Хенаро. – *Нагуаль* не все время преследует тебя.

Он почмокал губами, как бы не одобряя мою преувеличенную реакцию, и протянул ко мне руки с дружелюбным видом. Я обнял его. Он похлопал меня по спине. Это был очень дружеский и теплый жест.

– Твое внимание должно быть на *нагуале* только в определенные моменты. Все остальное время мы такие же люди, как и все на этой земле.

Он повернулся к дону Хуану и улыбнулся ему.

– Разве это не так, Хуанчо? – спросил он, подчеркивая слово «Хуанчо» – забавное уменьшительное от имени «Хуан».

– Это так, Хенарчо, – ответил дон Хуан, тут же создав такое же уменьшительное от имени «Хенаро».

Оба они расхохотались.

– Должен предупредить тебя, – сказал мне дон Хуан. – Тебе нужно научиться уверенно определять, когда человек – *нагуаль*, а когда человек – это просто человек. Ты можешь умереть, если придешь в прямой физический контакт с *нагуалем*.

Дон Хуан повернулся к дону Хенаро и с сияющей улыбкой спросил:

– Разве не так, Хенарчо?

– Это абсолютно так, Хуанчо, – ответил дон Хенаро, и они снова расхохотались.

Их ребячество очень трогало меня. События дня были утомительными, и я стал очень эмоционален. Волна жалости к самому себе охватила меня. Я готов был заплакать, повторяя самому себе, что все то, что они сделали со мной, было необратимым и, скорее всего, вредным. Дон Хуан, казалось, читал мои мысли. Усмехнувшись, он недоверчиво покачал головой. Я попытался остановить внутренний диалог, и вся моя жалость к себе исчезла.

– Хенаро очень теплый, – заметил дон Хуан, когда дон Хенаро ушел. – Планом силы было, чтобы ты нашел мягкого бенефактора. Я не знал, что сказать. Мысль о том, что дон Хенаро является моим бенефактором, интриговала меня до бесконечности. Я хотел, чтобы дон Хуан побольше рассказал мне об этом, но он, казалось, не был расположен к разговорам. Он посмотрел на небо и на вершины темных силуэтов деревьев сбоку от дома. Он уселся, прислонившись спиной к толстому раздвоенному столбу, вкопанному почти перед дверью, и сказал, чтобы я сел рядом с ним

слева.

Я сел. Он сказал, что это время ночи опасно для меня, особенно в данном случае. Очень спокойным голосом он дал мне ряд наставлений: мы не должны были продолжать разговор без перерывов, и я должен дышать и моргать, как если бы я видел перед собой *нагуаль*.

– Разве *нагуаль* поблизости? – спросил я.

– Конечно, – сказал он и усмехнулся.

Я практически навалился на дона Хуана. Он начал говорить и фактически вытягивал из меня каждый вопрос. Он даже вручил мне блокнот и карандаш, как если бы я мог писать в темноте. Он заметил, что я должен быть настолько спокоен и нормален, насколько это возможно, и нет лучшего для меня способа укрепить свой *тональ*, чем мои записи. Все это дело он представил в особом свете. Он сказал, что записывание – мое предрасположение, а раз так, то я должен быть способен делать заметки в любых обстоятельствах, даже в полной темноте. В его голосе был оттенок вызова, когда он сказал, что я могу превратить делание заметок в задачу воина, а в этом случае темнота никак не будет препятствием.

Он, должно быть, убедил меня каким-то образом, потому что я ухитрился записать часть разговора. Основной темой был дон Хенаро как мой бенефактор. Мне было любопытно узнать, когда дон Хенаро стал им. И дон Хуан предложил мне вспомнить необычное событие, которое произошло в тот день, когда я впервые встретил дона Хенаро, и которое послужило правильным знаком. Я ничего подобного вспомнить не мог. Я начал пересказывать события. Насколько я помнил, это была ничем не примечательная и случайная встреча, которая произошла весной 1968 года. Дон Хуан прервал меня.

– Если ты слишком туп и не можешь вспомнить, то лучше оставим это. Воин следует указаниям силы. Ты вспомнишь все по мере надобности.

Дон Хуан сказал, что иметь бенефактора – это очень трудное дело. В качестве примера он взял своего ученика, Элихио, который был с ним много лет. Он сказал, что Элихио не смог найти бенефактора. Я спросил, найдет ли Элихио его когда-нибудь, и он ответил, что нет возможности предсказывать поворот силы. Он напомнил мне, как однажды, несколькими годами ранее, мы

встретились с группой молодых индейцев, бродивших по пустыне северной Мексики. Он сказал, что *видел*, что никто из них не имел бенефактора, и что общая обстановка и настроение момента были совершенно правильными для того, чтобы протянуть им руку и показать *нагуаль*. Он говорил об одной ночи, когда четверо юношей сидели у огня, и дон Хуан, по моему мнению, показал интересное представление, в котором он явно виделся каждому из нас в разной одежде.

– Эти парни знали очень многое. Ты был единственный новичок среди них, – сказал он.

– Что случилось с ними впоследствии?

– Некоторые из них нашли бенефакторов, – ответил он.

Дон Хуан сказал, что обязанностью бенефактора является отдать долг силе и что бенефактор передает новичку свое личное прикосновение не меньше, а то и больше, чем учитель.

Во время короткой паузы я услышал странный шуршащий звук позади дома. Среагировав на него, я почти встал, но дон Хуан прижал меня вниз. До того, как раздался этот шум, разговор наш казался мне обычным. Но когда наступила пауза и последовал момент молчания, странный звук прорвался сквозь него. В этот момент у меня возникла уверенность, что наш разговор является необычайным событием. У меня было ощущение, что звук моих и дона Хуана слов был подобен разорвавшемуся листу и что шуршащий звук намеренно ожидал удобного шанса, чтобы прорваться сквозь этот лист.

Дон Хуан велел мне сидеть неподвижно и не обращать внимания на окружающее. Шуршание показалось мне похожим на звук, который производит суслик, копая сухую землю. Как только я подумал о сходстве, у меня сразу возникло зрительное изображение грызуна вроде того, что дон Хуан показал мне на ладони. Это было, как если бы я заснул, и мои мысли превратились в видения или сны.

Я начал дыхательные упражнения. Дон Хуан продолжал говорить, но я его уже не слушал. Мое внимание было приковано к мягкому шуршанию чего-то змееподобного, скользящего по сухой листве. Я испытал момент паники и физического отвращения при мысли, что ко мне подкрадывается змея. Невольно я запихнул свои ступни под ноги дона Хуана и начал отчаянно дышать и моргать.

Я услышал звук так близко, что казалось, он находился в двух

футах от меня. Моя паника нарастала. Дон Хуан спокойно сказал, что единственный способ отразить *нагуаль* – это остаться неизменным. Он приказал мне сесть как прежде и не концентрировать внимание на звуке. Он повелительно потребовал, чтобы я или писал или задавал вопросы и не вздумал поддаться страху.

После большой внутренней борьбы я спросил его, не дон ли Хенаро производит эти звуки. Он сказал, что это *нагуаль* и что я не должен их смешивать. «Хенаро» – имя *тоналя*. Затем он сказал что-то еще, но я не понял его. Что-то кружило вокруг дома, и я не мог концентрироваться на нашем разговоре. Он велел мне сделать максимальное усилие. Через некоторое время я обнаружил, что бормочу какие-то идиотские фразы о своей непригодности. Я ощутил толчок страха и вырвался в состояние огромной ясности. Затем дон Хуан сказал мне, что теперь можно слушать. Но звуков больше не было.

– *Нагуаль* ушел, – сказал дон Хуан и, поднявшись, вошел внутрь дома. Он зажег керосиновую лампу и приготовил еду. Мы молча поели. Я спросил его, не вернется ли *нагуаль*.

– Нет, – сказал он с серьезным выражением. – Он просто испытывал тебя. В это время ночи, сразу после сумерек, ты всегда должен вовлекать себя в какое-нибудь занятие. Подойдет все, что угодно. Это только короткий период, один час, может быть. Но для тебя это – смертельно опасный час.

Сегодня *нагуаль* пытался заставить тебя споткнуться, но ты был достаточно силен, чтобы отразить его нападение. Однажды ты поддался ему, и я вынужден был лить воду на твоё тело. На этот раз ты прошел хорошо.

Я заметил, что слово «нападение» придает этому событию очень опасное звучание.

– «Опасное звучание»? Это неправильный способ выражаться, – сказал он. – Я не собираюсь пугать тебя. Действия *нагуаля* смертельно опасны. Я уже говорил тебе об этом, и это не означает, что дон Хенаро старается повредить тебе. Наоборот – его забота о тебе неуязвима. Но если у тебя недостаточно силы, чтобы отразить нападение *нагуаля*, ты умрешь, несмотря на мою помощь или заботу Хенаро.

После еды дон Хуан сел рядом и заглянул в мой блокнот. Я заметил, что события этого дня были настолько ошеломляющими,

что мне, пожалуй, понадобятся годы, чтобы разобраться во всем. – Если тебе непонятно, то ты в прекрасной форме, – сказал он. – Вот когда ты понимаешь, ты находишься в каше. Конечно, это точка зрения мага. С точки зрения среднего человека, если ты не можешь понять, то ты идешь ко дну. В твоем случае средний человек подумал бы, что ты распался или начинаешь распадаться. Я засмеялся над его выбором слов. Это была ирония – однажды я упоминал о концепции распада в связи со своими страхами. Я заверил его, что на этот раз вообще ни о чем не намерен спрашивать.

– Я никогда не возражал против разговоров, – сказал он. – Мы можем с тобой говорить о *нагуале*, сколько угодно, но с одной маленькой поправкой: если ты помнишь, я сказал, что можно быть лишь свидетелем проявлений *нагуаля*. И поэтому мы можем говорить только о том, чему были свидетелями. Но ты ищешь объяснений, а это печально. Ты хочешь объяснить *нагуаль* при помощи *тоналя*, а это глупо, особенно в твоем случае, так как ты больше не прячешься за своим невежеством. Ты очень хорошо знаешь, что наш разговор имеет смысл лишь в определенных границах, а эти границы неприложимы к *нагуалю*.

Я пояснил, что дело не в желании объяснить все с разумной точки зрения – просто мне нужно поддерживать хоть какой-то порядок, чтобы выдержать натиск всех этих потрясающих переживаний и состоянии. Дон Хуан заметил, что я пытаюсь отстаивать точку зрения, с которой сам не согласен.

– Ты чертовски хорошо знаешь, что индულიгуешь, сказал он. – Поддерживать порядок – значит быть совершенным *тоналем*, то есть осознавать все, что происходит на острове *тоналя*. Ты им не являешься, и поэтому твоё возражение насчет поддержания порядка безосновательно. Ты пользуешься им только для самооправдания.

Я не знал, что и ответить. Дон Хуан успокоил меня, что очистка *тоналя* достигается лишь ценой длительной борьбы, а затем попросил рассказать о второй встрече с «нагуалем». Когда я закончил, он прокомментировал, что мохнатый крокодил был, пожалуй, вершиной чувства юмора дона Хенаро.

– Жаль, что ты все еще такой тяжелый, – сказал он. Тебя всегда останавливает ошеломление, и поэтому ты не видишь настоящего искусства Хенаро.

- А ты осознавал его внешний вид, дон Хуан?
- Нет, представление было только для тебя.
- Что ты *видел*?
- Сегодня я *видел* лишь движения *нагуаля*, скользящего между деревьями и кружащего вокруг наг. Любой, кто *видит*, может свидетельствовать это.
- А как же насчет того, кто не *видит*?
- Он не заметит ничего. Может быть только, что деревья сотрясаются бешеным ветром, или даже какой-то странный свет, возможно, светлячок неизвестного вида. Если настаивать, то человек, который не *видит*, скажет, что хотя и видел что-то, но не может вспомнить что. Это совершенно естественно. Человек всегда будет цепляться за смысл. В конце концов, его глаза и не могут заметить ничего необычного. Будучи глазами *тоналя*, они должны быть ограничены миром *тоналя*, а в этом мире нет ничего поразительно нового. Ничего такого, что глаза не могли бы воспринять, а *тональ* не мог бы объяснить.
- Я спросил его о тех непонятных явлениях, которые были результатом их двойного нашептывания.
- Это было лучшей частью всего события, – сказал он. Остальное можно опустить, но это было венцом дня. Закон требует, чтобы бенефактор и учитель произвели окончательную настройку, которая является труднейшим искусством. Оба они, – и учитель, и бенефактор, – должны быть безупречными воинами даже только для того, чтобы лишь попытаться расщепить человека. Ты поймешь это позже, но сила опять была благосклонна к тебе.
- Хенаро – самый безупречный воин из всех, кого я знаю.
- Почему расщепление человека считается таким трудным?
- Потому что это опасно. Ты можешь умереть, как букашка. Или, – что еще хуже, – мы не сумели бы собрать тебя снова, и ты так бы и остался на том же уровне чувств.
- Зачем это нужно было делать со мной, дон Хуан?
- В определенный момент шепот *нагуаля* должен расщепить ученика.
- Что это значит, дон Хуан?
- Чтобы быть средним *тоналем*, человеку необходимо единство – все его существо должно принадлежать острову *тональ*. Без этого единства человек полезет на стенку. Магу необходимо разорвать это единство, не подвергая опасности свою жизнь. Важно

научиться ждать, чтобы избежать ненужного риска, и поэтому маг годами выметает свой остров, пока не представится случай сбежать с него. Расщепление надвое как раз и является вратами для такого побега. Это расщепление – наиболее опасная вещь из всего, что с тобой происходило, осуществилось гладко и просто. *Нагуаль* мастерски руководил тобой. Поверь мне, нужно быть безупречным воином, чтобы сделать это. Я очень рад за тебя. Дон Хуан положил мне руку на плечо, и у меня появилось огромное желание заплакать.

– Наступает ли тот момент, когда я больше не увижу тебя? – спросил я.

Он засмеялся и покачал головой.

– Ты индугируешь, как сукин сын. Однако все мы делаем это, только каждый по-своему. Иногда я и сам индугирую – чувствую, например, что избаловал тебя и сделал слабым. Я знаю, что Хенаро точно так же думает о Паблито. Он балует его, как ребенка. Но так все разметила сила. Хенаро дает Паблито все, что способен дать. И нельзя требовать от него большего. Нельзя критиковать воина за то, что он безупречно делает лучшее, что может.

С минуту он молчал. Я слишком нервничал, чтобы вынести молчание.

– Что, по-твоему, происходило со мной, когда я ощущал, что меня засасывает вакуум? – спросил я.

– Ты летал, – сказал он как само собой разумеющееся.

– По воздуху?

– Для *нагуаля* нет ни земли, ни воздуха, ни воды. С этим ты можешь согласиться сам. Дважды ты был в этом состоянии, а ведь это было только преддверие. Ты сказал мне, что все, с чем ты встретился, нельзя нанести на карту. *Нагуаль* скользит, кружится и летает в своем времени, которое не имеет ничего общего со временем *тоналя*. Эти две вещи не пересекаются.

Пока он говорил, я чувствовал дрожь в теле. Челюсть у меня отвисла, и рот невольно открылся. Из ушей словно вынули вату, так что я различал даже едва уловимые оттенки вибрации. Я стал рассказывать ему об этом, и вдруг заметил, что говорю как бы в паре с кем-то невидимым. Это было сложное ощущение, связанное со слухом. Я как бы слышал то, что собирался сказать, прежде чем произносил это.

Мое левое ухо было источником необыкновенных ощущений. Я чувствовал, что воспринимаю им намного интенсивнее и точнее. В этом потоке ощущений было что-то, прежде мне совершенно неведомое. Когда я повернулся направо, чтобы взглянуть на дона Хуана, то понял, что с левым ухом связано некое физическое пространство – коридор ясного слухового восприятия, в котором я слышал все с невероятной отчетливостью. Таким образом, поворачивая голову, я мог использовать ухо в качестве локатора. – Это сделал с тобой шепот *нагуаля*, – сказал дон Хуан, когда я описал ему свои ощущения. Временами это приходит, а затем исчезает. Не бойся этого, а также любых других необычных ощущений, которые могут появиться у тебя с этого времени, но главное – не индульгируй в объяснениях и не становись в тупик. Я знаю, ты добьешься успеха. Время для твоего расщепления было выбрано правильно. Так постановила сила. Теперь все зависит от тебя. Если ты достаточно силен, то выступишь перед огромным потрясением от того, что ты был расщеплен. Но если ты не сможешь выстоять, то пропадешь. Ты начнешь сохнуть, худеть, бледнеть, становиться рассеянным, раздражительным, застывшим. – Может быть, если бы ты рассказал мне об этом несколько лет назад, – начал я, – то у меня было бы достаточно...

Он поднял руку и не дал мне закончить.

– Это заявление бессмысленно, – сказал он. – Ты как-то сказал, что если бы ты не был так упрям и не цеплялся за разумные объяснения, то к этому времени стал бы уже магом. Но стать магом в твоем случае означает преодолеть упрямство и необходимость в разумных объяснениях, которые стоят на твоём пути. Более того – именно эти недостатки и являются твоей дорогой к силе. Ты не можешь сказать, что сила потечет к тебе, если **твоя** жизнь изменится.

Мы с Хенаро должны действовать точно так же, как ты, – в определенных границах. Устанавливает эти границы сила, и воин является, скажем так, пленником силы. Пленником, у которого есть только один свободный выбор – действовать как безупречный воин, или действовать как осел. В конечном счете, воин не пленник, а раб силы, так как у него нет даже этого выбора. Хенаро может действовать только безупречно, потому что действовать как осел для него будет равносильно смерти. Это вызовет опустошение и конец.

Ты боишься Хенаро, потому что он должен использовать страх, чтобы сжимать твой *тональ*. Твое тело знает это, хотя твой разум, может быть, и не знает. Вот поэтому твоё тело и хочет каждый раз убежать, когда Хенаро поблизости. Я любопытствовал, намеренно ли дон Хенаро взялся пугать меня. Он ответил, что действия *нагуаля* иногда очень необычны, и предвидеть их невозможно. В качестве примера он напомнил мне случай, когда однажды утром он не дал мне повернуться налево и посмотреть на дона Хенаро на дереве. Дон Хуан сказал, что хотя он и осознавал тогда все действия своего *нагуаля*, но не знал заранее, что произойдет. Он объяснил, что мой внезапный поворот налево был шагом к смерти, который мой *тональ* сделал намеренно, как рывок к самоубийству. Это движение выпустило *нагуаль* дона Хуана, в результате чего какая-то часть его самого упала на меня.

Я сделал невольный жест замешательства.

– Твой *разум* опять говорит тебе, что ты бессмертен.

– Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан?

– У бессмертного существа есть время для сомнений, замешательства и страха. Но воин, не может цепляться за смысл, найденный во владениях *тоналя*. Он знает, что целостность самого себя – лишь преходящий эпизод на этой земле.

Я возразил, что мои страхи, сомнения и замешательство были, скорее, бессознательными. И как я ни старался их контролировать, но при встрече с доном Хуаном и доном Хенаро я всякий раз чувствовал себя беспомощным.

– Воин не может быть ни беспомощным, ни испуганным, – сказал он, – ни при каких обстоятельствах. У воина есть время только для безупречности. Все остальное истощает его силу. Безупречность восполняет ее.

– Мы возвращаемся к моему старому вопросу, дон Хуан. – Что такое «безупречность»?

– Да, мы вернулись к твоему старому вопросу, а значит – и к моему старому ответу. Безупречность – это делать лучшее, что можешь во всем, во что ты вовлечен.

– Но дон Хуан, я считаю, что всегда делаю лучшее, что могу. Но очевидно – это не так.

– Это не так сложно, как выглядит с твоих слов. Ключом к безупречности является чувство времени. Запомни: когда чувствуешь и действуешь как бессмертное существо, – ты не

безупречен. Оглянись вокруг. Твое представление о том, что у тебя есть время, — идиотизм. Нет бессмертных на этой земле.

[**НАЗАД**](#) | [**INDEX**](#) | [**ВПЕРЕД**](#)

Глава седьмая

КРЫЛЬЯ ВОСПРИЯТИЯ

Весь день мы бродили с доном Хуаном в горах. Мы ушли на рассвете. Он провел меня по четырем местам силы, и на каждом из них давал мне особую инструкцию относительно конкретной задачи, которую он наметил для меня несколько лет назад как жизненную ситуацию. Вернулись мы в конце дня. Поев, дон Хуан ушел из дома дона Хенаро. Он сказал, что мне следует подождать Паблито, который принесет керосин для лампы, и поговорить с ним.

Я погрузился в работу над своими заметками и не слышал, как пришел Паблито, пока вдруг не обнаружил его стоящим рядом со мной. Паблито заметил, что он практиковал походку силы, потому, конечно, я и не слышал его, да и не мог услышать, разве что мог *увидеть*.

Мне всегда нравился Паблито. Однако в прошлом у меня не было возможности побыть с ним наедине, хотя мы и были хорошими друзьями. Паблито всегда поражал меня своим особым очарованием. Его звали, конечно, Пабло, но уменьшительное «Паблито» подходило к нему как нельзя лучше. Он был тонкокостным, но жилистым. Подобно дону Хенаро, он был поджарым, неожиданно мускулистым и сильным. Ему, было около тридцати, но выглядел он, пожалуй, лет на восемнадцать. Он был темным, среднего роста, с чистыми и ясными карими глазами. И так же, как у дона Хенаро, на лице его сияла покоряющая улыбка с примесью какой-то неуловимой чертовщинки.

Я спросил его о его друге Несторе, еще одном ученике дона Хенаро. В прошлом я всегда видел их вместе, и у меня возникло впечатление, что они отлично понимают друг друга даже без слов. Однако по внешнему виду и характеру они были противоположностями. В то время как Паблито был веселым и прямым, Нестор был мрачным и себе на уме. Он был выше, тяжелее и темнее товарища.

Паблито сказал, что Нестор, наконец, вовлекся в его работу с

доном Хенаро, и что он превратился в совершенно другую личность по сравнению с тем, каким я видел его в последний раз. Он не хотел углубляться дальше в разговор о работе Нестора или об изменениях его личности и резко сменил тему разговора.

– Как я понимаю, *нагуаль* кусает тебя за пятки, – сказал он.

Я был удивлен, что он это знает, и спросил, как он догадался.

– Хенаро мне все рассказывает, – сказал он. Я заметил, что он не говорит о доне Хенаро в той же учтивой форме, что и я. Он просто звал его фамильярно Хенаро. Он сказал, что дон Хенаро был ему как брат, и что им очень легко друг с другом, как если бы они были из одной семьи. Он открыто признался, что очень любит дону Хенаро. Я был глубоко тронут его простотой. Разговаривая с ним, я понял, насколько я был близок по темпераменту к дону Хуану, поэтому наши отношения были формальными и строгими по сравнению с отношениями между доном Хенаро и Паблито. Я спросил у Паблито, почему он боится дону Хуана. Его глаза сверкнули. Казалось, уже одна мысль о доне Хуане испугала его. Похоже, он каким-то таинственным способом оценивает меня.

– Ты не боишься его? – спросил он.

Я сказал ему, что боюсь дону Хенаро, и он рассмеялся, как будто меньше всего мог ожидать этого. Он сказал, что разница между доном Хуаном и доном Хенаро подобна разнице между днем и ночью. Дон Хенаро был день, а дон Хуан – ночь, и как таковой, он был самым пугающим существом на земле. Описание своего страха перед доном Хуаном заставило Паблито сделать некоторые замечания относительно своего собственного состояния как ученика.

– Я в самом жалком состоянии, – сказал он. – Если бы ты мог видеть, что делается в моем доме, ты бы решил, что я знаю слишком много для обычного человека, но если бы ты увидел меня с *нагуалем*, ты бы понял, что я не знаю ничего.

Он быстро сменил тему и стал смеяться над тем, что я делаю заметки. Он сказал, что дон Хенаро доставлял ему массу удовольствия, имитируя меня. Он сказал, что дону Хенаро я очень нравлюсь, несмотря на странности моей личности. И что он выразил это в том, что я являюсь его «протехидо».

Я впервые услышал такой термин. Он соответствовал другому термину, введенному доном Хуаном в начале нашей связи. Он сказал, что я являюсь его «эскохидо» – избранным. Слово

«протехидо» означало «защищаемый».

Я спросил Паблито о его встрече с *нагуалем*, и он рассказал мне историю своей первой встречи с ним. Он сказал, что однажды дон Хуан дал ему корзину, которую он посчитал подарком доброй воли. Он повесил ее на крюк над дверью своей комнаты и, поскольку не мог придумать для нее в то время никакого применения, то и не вспоминал о ней весь день. Он думал, что корзина была даром силы и должна была быть использована для чего-нибудь особого.

В начале вечера, который, по словам Паблито, был для него самым опасным часом, он вошел в комнату, чтобы надеть пиджак. Он был один в доме, и собирался идти в гости. В комнате было темно. Он схватил пиджак и, когда уже подходил к двери, корзина упала перед ним и подкатилась к его ногам. Паблито сказал, что он смехом прогнал свой испуг, как только увидел, что это просто корзина, которая упала с крючка. Он нагнулся, чтобы поднять ее, и все его существо содрогнулось. Корзина отпрыгнула от него и начала трястись и визжать, как если бы кто-нибудь крутил и давил ее. Паблито сказал, что из кухни в комнату попадало достаточно света, чтобы все вокруг можно было достаточно хорошо различить. Мгновение он смотрел на корзину, хотя чувствовал, что этого делать не нужно. По корзине прошла конвульсия, как будто она тяжело дышала. Паблито утверждал, что он действительно слышал и видел, как корзина дышала, и что она была живой и гонялась за ним по всей комнате, загораживая ему выход. Он сказал, что затем корзина начала расти, раздуваясь. Все кольца бамбука разошлись, и корзина превратилась в гигантский шар, похожий на сухой куст перекасти-поля, который покатился к нему. Он упал назад на пол, а шар начал взбираться по его ногам. Паблито сказал, что к этому мгновению он был уже без ума и истерически визжал. Шар пригвоздил его и двигался по ногам, как бы пронзая их иглами. Он попытался оттолкнуть его, и только тогда заметил, что шар – это лицо дона Хуана с открытым ртом, готовым пожрать его. В этом месте он не смог выдержать ужаса и потерял сознание.

Паблито очень прямо и открыто пересказал мне серию устрашающих встреч, которые он и члены его семьи имели с *нагуалем*. Мы провели несколько часов, разговаривая. Казалось, что он находится в таком же положении, как и я. Однако он

определенно был более чувствителен, чем я в обращении с терминологией магов.

Вдруг он поднялся и сказал, что чувствует приближение дона Хуана и не хочет оказаться тут. Он исчез с невероятной скоростью. Казалось, что-то выбросило его из комнаты. Я не успел закончить «До свидания».

Вскоре пришли дон Хуан и дон Хенаро. Они смеялись.

– Паблито бежал по дороге как душа, преследуемая дьяволом, – сказал дон Хуан.

– Почему?

– Я полагаю, он испугался, когда увидел, как Карлитос срабатывает пальцы до кости, – ответил Хенаро, насмехаясь над моим писанием.

Он подошел ко мне поближе.

– Эй! У меня есть идея, – сказал он почти шепотом. – Поскольку ты любишь так много писать, почему бы тебе не научиться писать пальцем вместо карандаша? Вот это было бы да!

Они сели у меня по бокам и смеялись, обсуждая возможность писать пальцем. Дон Хуан серьезным тоном сделал странное замечание. Он сказал:

– Нет сомнения, что он может писать пальцем, только вот сможет ли он прочесть это?

Дон Хенаро согнулся от смеха и добавил:

– Я уверен, что он может прочесть что угодно.

А затем он начал рассказывать совершенно не связанную с предыдущим историю о деревенском простачке, который стал важным чиновником во время политического переворота. Дон Хенаро сказал, что герой его истории стал полномочным министром, губернатором или даже президентом, – точно сказать он не может, потому что не знает, что именно люди делают по своей глупости. Из-за этого назначения он поверил в то, что он действительно важное лицо и научился определенному действию.

Дон Хенаро сделал паузу и посмотрел на меня с видом драматического актера, переигрывающего свою роль. Он подмигнул мне и двинул бровями вверх и вниз. Он сказал, что герой его рассказа был очень хорош на публичных собраниях и мог выдать длинную речь без всяких затруднений, но его положение обязывало, чтобы он читал свои речи по бумажке. А этот человек был неграмотный. Поэтому он использовал свои мозги, чтобы

перемудрить всех. У него был лист бумаги, на котором было что-то написано, и он размахивал им, когда произносил речь. И, таким образом, его эффективность и хорошие качества были несомненными для всех простачков страны. Но однажды грамотный иностранец проходил мимо и заметил, что наш герой читает речь, держа бумажку вверх ногами. Он засмеялся и указал всем на ложь.

Дон Хенаро снова сделал паузу, искоса посмотрел на меня и продолжил: – Ты думаешь, герой попался? Нисколько. Он спокойно всех осмотрел и спросил: «Вверх ногами? О, какое значение может иметь положение бумаги, если знаешь, как читать?» И все простачки с ним согласились.

Они расхохотались. Дон Хенаро мягко похлопал меня по спине. Казалось, это я был героем его рассказа. Я почувствовал раздражение и нервно засмеялся. Я подумал, что, наверное, в этом есть скрытый смысл, но не посмел спросить.

Придвинувшись, дон Хуан наклонился и прошептал мне на правое ухо: «Не думаешь ли ты, что это забавно?»

Дон Хенаро одновременно прошептал мне на левое ухо: «Что он сказал?» Я автоматически среагировал на оба вопроса и сделал невольный синтез:

– Да. Я думаю, он сказал, что это забавно.

Очевидно они сознавали эффект своего маневра, так как смеялись до слез. Как обычно, реакция дона Хенаро была более преувеличенной. Он упал навзничь, несколько метров прополз на спине, брыкая ногами, а затем распластался на животе и стал вращаться на полу, как юла, с каждым витком приближаясь ко мне. Задев меня ногой, он рывком сел и глупо улыбнулся.

Дон Хуан держался за бока, словно от смеха у него начались колики.

Через минуту они опять наклонились надо мной и стали шептать мне в уши. Я хотел запомнить их слова, но после тщетной попытки сдался. Там было слишком много всего.

Так продолжалось, пока я снова не почувствовал, что расщеплен надвое. Как вчера, я стал дымкой, желтым туманом, который ощущал все непосредственно. Я мог «знать» вещи. Мысли здесь не участвовали. Была только уверенность. И когда у меня возникло ощущение чего-то мягкого, губчатого и пружинистого, что было вне меня и, в то же время, было частью меня, я «знал», что это –

дерево. Я ощущал, что это дерево, по его аромату. Оно не пахло, как какое-либо из тех конкретных деревьев, которые я мог вспомнить. Тем не менее, что-то во мне «знало», что этот особый запах был «сущностью» дерева.

У меня не было ни точного чувства знания, ни того, что мое знание от разума, ни того, что оно пришло извне. Я просто знал, что есть что-то в контакте со мной, повсюду вокруг меня. Дружественный, теплый, всеохватывающий запах, исходящий от чего-то, что не было ни твердым, ни жидким, ни чем-то еще. И все это, как я «знал», было деревом. Я чувствовал, что, «зная» его таким образом, я касаюсь его сущности. Это нечто не отталкивало меня, а скорее манило, приглашая к слиянию. Оно захлестывало меня или, может быть, это я захлестывал его. Между нами существовала связь, которая не была ни натянутой, ни неприятной.

А затем меня охватила волна удивления и экзальтации. Все мое существо вибрировало, словно под действием электрического тока. Это необычное ощущение было приятным, но столь неопределенным, что его невозможно было классифицировать. Тем не менее, я знал, что нахожусь в контакте с землей: какая-то часть меня признала это с совершенной уверенностью. Но когда я сознательно попытался разобраться в потоке прямых восприятий, то немедленно потерял всякую способность дифференцировать свои ощущения.

И вдруг я снова стал самим собой. Я думал. Переход был настолько резким, что мне показалось, будто я проснулся. Но в моих ощущениях чего-то не доставало, и я понял это раньше, чем открыл глаза. Я оглянулся. Я все еще был во сне или во власти какого-то видения. Но мои мысли были необычайно ясными. У меня не было сомнений, что дон Хуан и дон Хенаро вызвали мое сноподобное состояние для какой-то определенной цели. Казалось, я вот-вот пойму, что это за цель, но в этот момент что-то заставило меня уделить внимание окружающему. Мне понадобилось долгое время, чтобы сориентироваться. Я лежал на полу на животе, и то, на чем я лежал, было совершенно непостижимым полом.

Рассмотрев его, я не мог преодолеть чувства испуга и удивления. Я не мог сообразить, из чего он сделан. Нерегулярные полосы какой-то неизвестной субстанции были уложены сложнейшим, и в то же время простым образом. Они были собраны вместе, не примыкая ни к полу, ни одна к другой. Они были эластичными и

поддавались, когда я пытался раздвинуть их пальцами, но как только я отпустил пальцы, они снова вернулись в свое первоначальное положение.

Я попытался встать и был охвачен совершенно невероятным расстройством органов чувств. У меня не было контроля над телом. Фактически, тело не было моим. Оно было инертным. У меня не было связи ни с одной из его частей, и когда я попытался подняться, то не смог даже двинуть руками и лишь беспомощно ворочался на животе с боку на бок. Наконец я перевалился на спину, мельком заметив две странной формы ноги и самые неправильные ступни, которые я когда-либо видел. И это было мое тело! Я, казалось, был завернут в какую-то тунику. Мне пришла в голову мысль, что я переживаю видение самого себя как калеки или какого-то инвалида. Я попытался вытянуть шею и взглянуть на свои ноги, но смог только дернуться всем телом. Я смотрел прямо на желтое небо, глубокое ярко-желто-лимонное небо. На нем были борозды или канавы более темного желтого тона и бесчисленное количество протуберанцев, которые свисали подобно каплям воды. Общий эффект от зрелища этого невероятного неба был потрясающим. Я не мог определить, были ли эти протуберанцы облаками. Там были также и районы теней разных тонов желтого цвета, которые я обнаружил, двигая головой из стороны в сторону.

Затем что-то еще привлекло мое внимание. Солнце в зените этого желтого неба висело прямо у меня над головой. Слабое солнце, судя по тому, что я мог смотреть на него. Оно излучало спокойный, однообразный белесоватый свет. Прежде, чем я успел поразмыслить над всеми этими неземными картинами, я был жестоко потрясен. Моя голова дернулась и закачалась из стороны в сторону. Я почувствовал, что меня поднимают. Я услышал резкий голос и смех и увидел потрясающее зрелище – гигантскую босоногую женщину. Ее лицо было круглым и огромным, волосы были причесаны, как у мальчика, руки и ноги были огромными. Она подняла меня и положила к себе на плечи, словно куклу. Мое тело безвольно свесилось. Я смотрел вниз на ее сильную спину, покрытую сетью мелких волокон. С высоты ее роста я снова увидел великолепный пол. Я слышал, как он эластично поддается под ее громадным весом и видел вмятины, которые оставались на нем от ее ног.

Она положила меня на живот перед каким-то огромным сооружением, своего рода зданием. Тут я заметил, что у меня было что-то не так с пространственным восприятием. Глядя на здание, я никак не мог определить его размеров. Оно то казалось мне до смешного маленьким, то, после настройки восприятия, поражало своими монументальными пропорциями.

Гигантская девица уселась рядом со мной на пол. Я прикасался к ее огромному колену. Она пахла не то конфетами, не то земляникой. Она заговорила со мной, указывая на сооружение, и я понял все, что она сказала. Она сказала, что я буду здесь жить.

Вскоре я оправился от первоначального потрясения, и моя способность к наблюдению возросла. На крыше здания я заметил четыре громадных бутафорских колонны, необыкновенно простых по форме: длинные грациозные выступы, достигавшие этого невероятного желтого неба. Эти перевернутые колонны показались мне воплощением красоты. От чувства эстетического наслаждения у меня перехватило дыхание.

Колонны казались цельными. Я не мог понять, как они сделаны. Две передние колонны соединялись тонкой переладиной, длинной полосой, которая, как я подумал, может служить каким-нибудь проходом или верандой, выходящей с фасада.

Гигантская девица заставила меня скользнуть на спине в это сооружение. Крыша была черной и плоской, она была покрыта симметричными дырками, которые пропускали желтоватый свет неба, образуя очень сложный рисунок. Я был поражен совершенной красотой и простотой, которая достигалась за счет этих точек желтого неба, видных сквозь точные дырки в крыше, а также рисунком тени, которые они создавали на этом великолепном сборном полу. Структура была квадратной, и, помимо ее выдающейся красоты, все было непонятно мне.

Мое состояние экзальтации было таким интенсивным, что на мгновение мне захотелось заплакать или остаться здесь навсегда. Но какая-то сила, нечто непреодолимое, начало тащить меня.

Внезапно я оказался вне структуры, все еще лежа на спине.

Гигантская девица была тут, но тут же находилось и другое существо – женщина, такая большая, что достигала неба, и головой была на уровне солнца. По сравнению с ней гигантская девица была маленькой девочкой. Большая женщина была сердита. Она ухватила сооружение за одну из колонн, подняла его, перевернула

и поставила на пол. Это был стул! Это соображение явилось как бы катализатором. Оно выпустило какие-то другие захлестывающие восприятия. Я прошел через серию картин, которые были разъединены, но могли быть приведены в порядок. Последовательными вспышками я увидел или понял, что непостижимый в своем великолепии пол был соломенной циновкой, желтое небо – потолком комнаты, солнце – электрической лампочкой, а сооружение, столь поразившее мое воображение – стулом, который ребенок перевернул вверх ногами, чтобы поиграть в домик.

Передо мной мелькнуло еще одно последовательное и осмысленное видение другого загадочного архитектурного сооружения монументальных размеров. Оно стояло само по себе. Оно было похоже на раковину улитки, которая стоит вверх хвостом. Стены ее были сделаны из выпуклых и вогнутых плиток какого-то странного материала. Каждая плитка имела бороздки, которые были скорее функциональными, чем просто украшениями. Я пристально рассмотрел сооружение и обнаружил, что оно было, как и в предыдущем случае, совершенно необъяснимым. Я ожидал, что внезапно настрою свое восприятие, чтобы раскрыть истинную природу сооружения. Ничего подобного не произошло. Затем у меня последовал ряд перепутанных и необъяснимых «осознаний» или «находок» о сооружении и его функции, которые не имели смысла, поскольку мне не с чем было его сравнивать.

Внезапно ко мне полностью вернулось мое обычное осознание. Дон Хуан и дон Хенаро были рядом со мной. Я устал. Я взглянул на свои часы – их не было. Дон Хуан и дон Хенаро прыснули в унисон. Дон Хуан сказал, что мне не следует беспокоиться о времени и что я должен сконцентрировать все свое внимание на том, чтобы следовать данным мне доном Хенаро определенным рекомендациям.

Я повернулся к дону Хенаро, и он сказал шутя, что самая важная рекомендация состояла в том, что мне следует научиться писать пальцем, чтобы сэкономить карандаши и показать себя. Они еще некоторое время дразнили меня моими заметками, а затем я пошел спать.

Когда я проснулся на следующий день, дон Хуан и дон Хенаро выслушали детали сделанного мною по просьбе дона Хуана отчета о моем опыте.

– Хенаро чувствует, что на этот раз с тебя достаточно, – сказал дон Хуан, когда я закончил свой рассказ.

Дон Хенаро отозвался кивком.

– Какое значение имеет то, что я испытал прошлой ночью?

– Ты бросил взгляд на важнейшую проблему магии, – сказал дон Хуан. – Пройдя ночью ты заглянул в целостность самого себя. Но это, конечно, бессмысленное заявление для тебя в настоящий момент. Прибытие к целостности самого себя, очевидно, не является делом собственного решения или согласия, или собственного желания учиться. Хенаро считает, что твоему телу нужно время для того, чтобы шепот *нагуаля* погрузился в него.

Дон Хенаро опять кивнул.

– Массу времени, – сказал он, качая головой. – Двадцать или тридцать лет, может быть.

Я не знал, как реагировать и взглянул на дону Хуана в поисках объяснений. Оба они казались серьезными.

– У меня действительно есть двадцать или тридцать лет? – спросил я.

– Конечно, нет! – закричал дон Хенаро, и они оба расхохотались.

Дон Хуан сказал, что мне следует вернуться, как только мне подскажет это внутренний голос и что до тех пор я должен «смонтировать» все те внушения, которые они делали, пока я был расщеплен.

– Как я могу это сделать? – спросил я.

– Выключая свой внутренний диалог и позволяя чему-то в себе вытекать и расширяться, – сказал дон Хуан.

– Это что-то – твоё восприятие, и не пытайся разобраться, что я имею в виду. Просто позволь шепоту *нагуаля* вести себя.

Затем он сказал, что прошлой ночью у меня было два набора совершенно различных взглядов. Один был необъяснимым, другой – совершенно естественным, и последовательность, в которой они проходили, указывает на условие, свойственное всем нам.

– Один взгляд был *нагуаль*, другой – *тональ*, – добавил дон Хенаро. Я захотел, чтобы он прокомментировал своё заявление. Он посмотрел на меня и похлопал по спине.

Дон Хуан вмешался и сказал, что первые два моих переживания были связаны с *нагуалем*, и что дон Хенаро выбрал дерево и землю как отправные точки. Другие два были видами *тоналя*, которые выбрал он сам. Одно из них было моим восприятием мира как

ребенка.

— Он показался тебе чужим миром, потому что твое восприятие еще не было отшлифовано настолько, чтобы перетекать в желаемые формы, — сказал он.

— Именно таким образом я действительно видел когда-то мир? — спросил я.

— Конечно, — сказал он. — Это была твоя память.

Я спросил дона Хуана, было ли чувство эстетического восхищения, которое захватило меня, тоже частью моей памяти.

— Мы входим в эти точки зрения такими, каковы мы сегодня, — сказал он. — Ты видел эти сцены так, как ты видел бы их сегодня, но упражнение это было упражнением восприятия. Это было сценой времени, когда мир стал для тебя тем, что он есть сейчас. Временем, когда стул стал стулом.

Он не захотел обсуждать другую сцену.

— Эти не было воспоминанием моего детства, — сказал я.

— Правильно, — сказал он. — Это было нечто иное.

— Было ли это чем-то таким, что я увижу в будущем?

— Будущего нет, — воскликнул он отрывисто. — Будущее — это только способ разговаривать. Для мага есть только здесь и сейчас.

Он сказал, что об этом, в сущности, нечего сказать, потому что целью упражнения было развернуть крылья моего восприятия. И что хотя я и не полетал на этих крыльях, тем не менее, коснулся четырех точек, которых было бы невозможно достичь с точки зрения обычного восприятия.

Я начал собирать вещи к отъезду. Дон Хенаро устроил клоунаду, помогая мне упаковывать блокнот. Он положил его на дно моего саквояжа.

— Ему будет там тепло и удобно, — сказал он и подмигнул. — Во всяком случае, ты можешь быть уверен, что он не простудится. Затем дон Хуан, казалось, изменил свое намерение относительно моего отъезда и начал говорить о моем опыте. Я автоматически попытался выхватить свой саквояж из рук дона Хенаро, но он уронил его на пол прежде, чем я к нему прикоснулся. Дон Хуан говорил, повернувшись ко мне спиной. Я расстегнул саквояж и начал поспешно рыться в поисках своего блокнота. Дон Хенаро действительно запаковал его так туго, что было страшно трудно добраться до него. Наконец, я вынул его и начал писать. Они смотрели на меня.

– Ты в ужасном положении, – сказал дон Хуан. – Ты тянешься к своему блокноту, как пьяница к бутылке.

– Как любящая мать тянется к своему ребенку, – бросил дон Хенаро.

– Как священник хватается за свое Распятие, – добавил дон Хуан.

– Как женщина хватается за свои трусы, – закричал дон Хенаро.

Они продолжали и продолжали, приводя сравнения и, завывая от смеха, пока провожали меня к машине.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Объяснение Магов

Глава первая

ТРИ СВИДЕТЕЛЯ НАГУАЛЯ

По возвращении домой я опять столкнулся с необходимостью привести в порядок свои полевые записки. То, что заставили меня испытать дон Хуан и дон Хенаро, стало еще более явным, когда я пересмотрел прошедшие события. Однако я заметил и нечто новое. Моя обычная реакция, прежде проявляющаяся в месяцах испуга и ошеломления после таких поездок, на этот раз не была такой интенсивной. Несколько раз я нарочно попытался вызвать обычные ранее спекуляции или даже жалость к самому себе, но всему этому чего-то недоставало. Я намеревался также записать ряд вопросов, чтобы задать их дону Хуану, дону Хенаро или даже Паблито. Проект отпал сам собой, прежде чем я за него принялся. Что-то во мне противилось желанию впасть в настроение усложнения и расследования.

Я не стремился вернуться назад к дону Хуану и дону Хенаро, но и не боялся такой возможности. Но вот однажды я просто почувствовал, совершенно непредвиденно для самого себя, что пришло время их повидать.

Прежде каждый раз, когда я собирался поехать в Мексику, у меня всегда была необходимость задать дону Хуану тысячу важных и неотложных вопросов. На этот раз ничего такого не было.

Обработав свои заметки, я как бы освободил себя от прошлого и стал готов для «здесь и сейчас» мира дона Хуана и дон Хенаро. Мне пришлось ждать лишь несколько часов, пока дон Хуан «нашел» меня на базаре маленького городка в центральной Мексике. Он очень тепло приветствовал меня и, как бы невзначай, сказал, что до поездки к дому дон Хенаро ему хотелось бы навестить учеников дон Хенаро – Паблито и Нестора. Когда я

свернул с шоссе, он сказал, чтобы я пристально следил за любым необычным явлением или предметом у дороги или на самой дороге. Я попросил его уточнить, что он имеет виду.

Не могу, – сказал он. – *Нагуаль* не нуждается в точных объяснениях.

Я затормозил, автоматически среагировав на его ответ. Он громко засмеялся и сделал мне знак рукой, чтобы я продолжал ехать.

Когда мы приблизились к городу, где жили Паблито и Нестор, дон Хуан сказал, чтобы я остановил машину. Он незаметно указал движением подбородка в сторону средних размеров валунов у края дороги.

– Там *нагуаль*, – сказал он шепотом.

Я ожидал увидеть дона Хенаро, но вокруг никого не было. Я снова взглянул на валуны, а затем осмотрел весь участок вокруг них. В поле зрения ничего такого не было. Я напрягал глаза, чтобы различить хоть что-нибудь – маленькое животное, насекомое, тень, странное образование камней – хоть что-нибудь необычное. Через минуту я сдался и обернулся к дону Хуану. Он выдержал мой вопросительный взгляд без улыбки, а затем мягко толкнул мою руку тыльной стороной ладони, чтобы я опять взглянул на валуны. Я уставился на них. Потом дон Хуан вышел из машины и сказал, чтобы я шел следом и осмотрел их.

Мы медленно поднялись по пологому склону до подножия скал. На секунду остановившись, он прошептал мне в правое ухо, что *нагуаль* ждет меня прямо на этом месте. Я сказал ему, что, несмотря на все Мои старания, я могу различить только камни, несколько пучков травы и кактус. Однако он настаивал, что *нагуаль* тут и ждет меня.

Он приказал мне сесть, выключить внутренний диалог и удерживать несфокусированные глаза на вершине валуна. Он сел рядом со мной и, приложив губы к моему правому уху, прошептал, что *нагуаль* видит меня, что он здесь, хотя я и не могу его визуализировать. Он сказал, что все дело лишь в том, что я не могу полностью выключить свой внутренний диалог. Я слышал каждое слово, произносимое им в полной тишине. Все было понятно, тем не менее, ответить я не мог. Было невозможно сделать усилие, чтобы говорить и думать. Моей реакцией на его замечания были не мысли в прямом смысле слова, но скорее законченные единицы ощущений. Они имели все оттенки значения, которое я обычно

связывал с мышлением.

Он прошептал, что очень трудно самому нащупать путь к *нагуалю* и что мне просто повезло встретиться с бабочкой и ее песней. Он сказал, что если я вспомню зов бабочки, то смогу вернуть ее назад, чтобы она помогла мне.

То ли его слова были сверхсильным внушением, то ли, может быть, я вспомнил то перцептивное явление, которое он называл «зов бабочки», но как только он прошептал это, стали слышны необычные воркующие звуки. Богатство оттенков этого звука создавало впечатление, что я нахожусь в огромном пустом зале. По мере приближения или нарастания звука я обнаружил в состоянии какого-то полусна, что над вершинами валунов что-то движется. Движение испугало меня так сильно, что я немедленно восстановил свое кристально чистое сознание. Мои глаза остановились на валунах. На одном из них сидел дон Хенаро!

Пятками своих ботинок он стучал по камню, производя ритмичный звук, который был синхронизирован с «зовом бабочки». Он улыбнулся и помахал мне рукой. Я пытался думать разумно. Мне хотелось понять, каким образом он там оказался, или каким образом я вижу его там. Но полностью включить разум мне не удавалось. В данных обстоятельствах я мог только смотреть на него. Он сидел, улыбаясь и помахивая рукой.

Через секунду он, казалось, приготовился соскользнуть по валуну. Я увидел, как он напряг ноги, подготовив ступни к приземлению на твердую почву, и выгнул спину, почти коснувшись поверхности камня, чтобы развить скользящую инерцию. Но посреди спуска его тело остановилось. Мне показалось, что оно прилипло. Он пару раз брыкнул обеими ногами, как бы плавая в воде. Казалось, он пытается освободиться от чего-то, что поймало его сзади за штаны. Он отчаянно тер свои ягодицы обеими руками. У меня действительно возникло впечатление, что он схвачен очень болезненно. Я хотел подбежать к нему и помочь, но дон Хуан схватил меня за руку. Я услышал, как он говорит мне, задыхаясь от смеха:

— Следи за ним, следи!

Дон Хенаро брыкался, извивался всем телом и раскачивался из стороны в сторону, как бы пытаясь освободиться от гвоздя. Затем я услышал громкий хлопок, и он скользнул или был брошен туда, где стояли мы с доном Хуаном. Он приземлился на ноги в четырех-

пяти футах от меня. Он тер свои ягодицы и танцевал от боли, выкрикивая ругательства.

– Скала не хотела меня отпускать и схватила за жопу, – сказал он ноющим тоном.

Я испытал ощущение ни с чем не сравнимой радости и громко засмеялся. Мое веселье, как я заметил, было равно моей ясности мысли. В этот момент я был охвачен общим чувством огромного осознания. Все вокруг для меня было совершенно ясным. До этого я был сонным или рассеянным из-за своего внутреннего молчания, но затем что-то в облике дона Хенаро создало ощущение, что все освещено.

Дон Хенаро продолжал тереть ягодицы и прыгать еще некоторое время. Затем он бросился к моей машине, открыл дверцу и забрался на заднее сидение. Я автоматически повернулся, чтобы заговорить с доном Хуаном, но его нигде не было видно. Я начал громко звать его. Дон Хенаро вышел из машины, начал бегать вокруг Нее кругами и тоже выкрикивать имя дона Хуана высоким отчаянным голосом. Только увидев это, я сообразил, что он подражает мне. Я так испугался, обнаружив, что оказался наедине с доном Хенаро, что совершенно бессознательно обежал вокруг машины, выкрикивая имя дона Хуана.

Дон Хенаро сказал, что мы захватим Паблито и Нестора, и что дон Хуан будет ждать нас где-нибудь по пути. Оправившись от первоначального испуга, я сказал, что рад его видеть. Дон Хенаро прошелся по поводу моей реакции. Он съязвил, что дон Хуан для меня скорее не как отец, а как мать, после чего отпустил несколько забавных шуточек насчет «матерей». Я так смеялся, что даже не заметил, как мы подъехали к дому Паблито. Дон Хенаро велел мне остановиться и выйти из машины. Паблито стоял у двери. Он подбежал и забрался на переднее сидение.

– Поехали к дому Нестора, – сказал он, как если бы мы очень спешили.

Я оглянулся, чтобы взглянуть на дона Хенаро. Его нигде не было. Паблито умоляющим тоном просил меня поторопиться.

Мы подъехали к дому Нестора. Он тоже ждал у дверей. Мы вышли из машины. У меня было ощущение, что они знают, что происходит.

– Куда мы едем? – спросил я.

– Разве Хенаро не сказал тебе? – спросил Паблито с оттенком

недоверия.

Я заверил их, что мне никто ничего не говорил.

– Мы едем к месту силы, – сказал Паблито.

– Что мы собираемся там делать? – спросил я.

Они оба в один голос сказали, что не знают. Нестор добавил, что дон Хенаро велел им проводить меня к тому месту.

– Ты едешь из дома Хенаро? – спросил меня Паблито.

Я заметил, что был с доном Хуаном и доном Хенаро и что дон Хуан оставил меня с доном Хенаро на дороге.

– Куда делся дон Хенаро? – спросил я Паблито.

Но Паблито не знал, о чем я говорю. Он не видел дона Хенаро в моей машине.

– Я думаю, у тебя в машине был *нагуаль*, – сказал Нестор испуганно.

Он не захотел сесть сзади и вместе с Паблито втиснулся на переднее сиденье.

Мы ехали в молчании, за исключением нескольких коротких указаний Нестора относительно направления.

Я хотел подумать о событиях сегодняшнего утра, но каким-то образом знал, что любая попытка объяснить их была бы с моей стороны бесплодным индальгированием. Я постарался вовлечь в разговор Паблито и Нестора. Они сказали, что очень нервничают внутри машины и не могут говорить. Я довольствовался этим чистосердечным ответом и больше не трогал их.

После полуторачасовой езды я остановил машину у дороги. Мы взобрались по крутому склону большой горы. Около часа мы шли в молчании с Нестором во главе, а затем остановились у подножия огромного утеса, который был, вероятно, выше двухсот футов высотой и почти совершенно отвесным. Нестор сканировал землю полуприкрытыми глазами, отыскивая подходящее место для привала. Я болезненно сознавал, что он неуклюж в выполнении этой техники. Паблито, который находился рядом со мной, несколько раз был на грани того, чтобы выступить вперед и поправить его, но удержался и расслабился.

Затем, после минутного колебания Нестор выбрал место. Паблито с облегчением вздохнул. Я тоже знал, что место, выбранное Нестором, было правильным. Но я не мог понять, откуда я знаю это. Таким образом, я вовлек себя в псевдопроблему, воображая, какое бы место я выбрал сам, если бы вел их. Однако я не успел

даже начать спекулировать по поводу этой проблемы, так как Паблито явно осознал мое занятие.

– Ты не должен этого делать, – прошептал он мне.

Я засмеялся с некоторым раздражением, как будто меня поймали на чем-то неприличном. Паблито засмеялся тоже и сказал, что дон Хенаро всегда ходил с ними обоими по горам, и время от времени давал кому-нибудь из них возможность вести. Поэтому он знал, что нет никакого способа сделать так, как я хотел.

– Дело в том, что есть или плохой, или хороший выбор, – сказал он. – Когда ты сделал неправильный выбор, твое тело знает это точно, как и тело каждого другого. Но если ты сделал правильный выбор, то тело это знает и расслабляется, вообще забывая о том, что здесь был выбор. Видишь ли, ты перезарядил свое тело, как ружье для следующего выбора. Если ты хочешь использовать его вновь, чтобы оно сделало тот же самый выбор, то оно не сработает. Нестор посмотрел на меня. Он явно любопытствовал насчет моих замечаний. Он утвердительно кивнул, как бы соглашаясь с Паблито, а затем впервые за все время улыбнулся. Два его передних зуба были кривыми. Паблито объяснил, что Нестор не был ни злым, ни мрачным. Он просто стыдился своих зубов, и по этой причине он никогда не улыбался. Нестор засмеялся, прикрывая свой рот. Я сказал ему, что могу направить его к дантисту, который выправит ему зубы. Он принял мое предложение за шутку, и они засмеялись, как два ребенка.

– Хенаро говорит, что он должен преодолеть чувство стыда сам, – сказал Паблито. – Кроме того, Хенаро говорит, что ему повезло. Ведь тогда как все кусают одинаково, Нестор может расщеплять кости вдоль своими сильными кривыми зубами, и он может прокусить дырку в твоем пальце, как гвоздем.

Нестор раскрыл рот и показал мне свои зубы. Левый резец и клык росли боком. Он заклацал зубами и завыл по-собачьи, сделав два или три смешных выпада в мою сторону. Паблито смеялся.

Я никогда не видел Нестора таким легким. За те несколько раз, что я бывал с ним в прошлом, он произвел на меня впечатление человека среднего возраста. Когда же сейчас он сидел здесь, улыбаясь своими кривыми зубами, я поразился тому, как молодо он выглядит. Он казался юношей, которому только что за двадцать. Паблито и на этот раз безошибочно прочел мои мысли.

– Он теряет чувство собственной важности, – сказал он. – Вот

почему он моложе.

Нестор утвердительно кивнул, не говоря ни слова, и вдруг очень громко выпустил газы. От неожиданности я выронил свой карандаш.

Паблито и Нестор чуть не умерли от смеха. Когда они успокоились, Нестор подошел ко мне и показал самодельную игрушку, которая издавала особый звук, когда ее сдавливали рукой. Он объяснил, что Хенаро показал ему, как ее сделать. Она имела небольшие меха, а вибратор изготавливался из любого листика, который помещался в щелку между двумя кусочками дерева, служившими зажимом. Нестор сказал, что звук, который он производит, зависит от типа листа, используемого как вибратор. Предложив мне испытать ее, он показал, как нажимать на компрессор, чтобы производить звук определенного типа, и как открывать ее, чтобы менять листик для воспроизведения другого звука.

– Для чего ты это используешь? – спросил я.

Они переглянулись.

– Это ловец духов, дурень, – сказал Паблито отрывисто. Его тон был резким, но улыбка – дружеской. Оба они сочетали в себе очень странную нервирующую смесь дона Хенаро с доном Хуаном. Мной овладела страшная мысль. А что, если дон Хенаро и дон Хуан разыгрывают меня? Я пережил момент неподдельного ужаса. Но что-то щелкнуло у меня в животе, и я мгновенно успокоился. Я знал, что Паблито и Нестор используют дона Хенаро и дона Хуана как модели поведения. Я также обнаружил, что веду себя во все большей и большей степени подобно им.

Паблито сказал, что Нестору повезло, что у него есть ловец духов. У него самого такого нет.

– Что мы будем здесь сейчас делать? – спросил я Паблито. Ответил Нестор, как если бы я обращался к нему.

– Хенаро сказал, что нам нужно ждать здесь, и пока мы будем ждать, мы должны смеяться и развлекать друг друга.

– Как долго, по-твоему, нам придется здесь ждать? – спросил я.

Он не ответил. Покачивая головой, он взглянул на Паблито, как бы спрашивая его.

– Понятия не имею, – ответил Паблито.

Затем мы оживленно заговорили о сестрах Паблито. Нестор дразнил его, что у его старшей сестры такой злой взгляд, что она

способна им убивать клопов. Он сказал, что Паблито боится ее: она так сильна, что однажды в порыве злости вырвала клочок волос у него на голове, как будто это были куриные перья.

Паблито заключил, что его старшая сестра была зверем, но что «нагуаль» остановил ее и привел в норму. После, того, как он рассказал мне, как ее заставили вести себя хорошо, я сообразил, что Паблито и Нестор ни разу не упомянули имя дона Хуана, упоминая о нем как о «нагуале». Очевидно, дон Хуан вмешался в жизнь Паблито и привел всех его сестер к более гармоничной жизни. Паблито сказал, что после того, как «нагуаль» поработал с ними, они стали как святые.

Нестор пожелал узнать, что я делаю со своими заметками. Я объяснил ему суть своей работы. Как ни странно, но мне казалось, что они искренне заинтересованы. В конце концов, я стал говорить об антропологии и философии. Я чувствовал себя смешным и хотел остановиться, но втянулся в свои просветительские речи и не мог сразу оборвать их. У меня было неприятное ощущение, что оба они вместе каким-то образом заставили меня давать им все эти длинные объяснения. Их глаза были сфокусированы на мне.

Казалось, это их не утомляло и не раздражало.

Посреди фразы я вдруг услышал слабый звук «зова бабочки». Мое тело напряглось, и я сразу же переключился.

– *Нагуаль* здесь, – сказал я автоматически.

Паблито и Нестор обменялись взглядами, которые, как мне показалось, были чистым ужасом. Они прыгнули ко мне, прижавшись с обеих сторон боками. Их рты были открыты, они казались испуганными детьми.

Затем я испытал невообразимое ощущение. Мое левое ухо начало двигаться. У меня было такое чувство, что оно крутится само по себе. Оно практически повернуло мою голову на пол-оборота до тех пор, пока я не оказался лицом к востоку. Голова дернулась слегка вправо. В этой позе я был способен замечать богатство рокошущего звука «зова бабочки». Он звучал, как если бы был где-то далеко, доносясь с северо-востока. Как только я уловил это направление, мое ухо различило невероятное количество звуков, однако я не знал, было ли это лишь воспоминанием о звуках, которые я слышал ранее, или же действительно существующими звуками.

Место, где мы находились, было пересеченным западным склоном

горного хребта. К северо-востоку находились рощи деревьев и пятна горного кустарника. Мое ухо, казалось, улавливало звук чего-то тяжелого, движущегося по камням и идущего с того направления. Нестор и Паблито то ли реагировали на мои действия, то ли сами слышали эти звуки. Мне хотелось спросить их об этом, но я не смел, или, может быть, был не в состоянии нарушить концентрацию.

Нестор и Паблито прижимались ко мне по бокам. Звук становился все громче и громче. На Нестора он, казалось, влиял больше всего. Его тело непроизвольно дрожало. В какой-то момент моя левая рука начала подергиваться. Она поднималась помимо моей воли до тех пор, пока не оказалась на уровне лица, а затем указала в сторону кустов. Я услышал вибрирующий звук или рев. Он был мне знаком, этот звук. Я слышал его много лет назад под воздействием психотропного растения. В кустах я различил гигантскую черную форму. Казалось, что сами кусты постепенно становились все темнее, пока не превратились в сплошную черноту. Эта чернота не имела определенных очертаний, но она двигалась. Она, казалось, дышала. Я услышал потрясающий вопль, который смешался с криками ужаса Паблито и Нестора, и кусты – или черная форма, в которую они превратились, – полетели прямо на нас.

Я не смог удержать равновесия. Каким-то образом что-то во мне сдало. Темная фигура накрыла нас, а затем поглотила. Все вокруг сразу же потускнело, как если бы вдруг наступили сумерки. Я чувствовал головы Паблито и Нестора у себя подмышками. Я опустил руки на их головы бессознательным защитным жестом и, переворачиваясь, полетел на землю.

Однако я не достиг каменистой земли, потому что через мгновение каким-то образом оказался вновь стоящим с Паблито и Нестором по бокам. Оба они, казалось, сжались, несмотря на то, что были выше меня, согнув ноги и спины так, что их головы были у меня подмышками.

Перед нами стояли Дон Хуан и дон Хенаро. Глаза дон Хенаро сверкали, как глаза кошки ночью. Глаза дон Хуана светились точно так же. Я никогда не видел, чтобы дон Хуан выглядел подобным образом. Он был действительно устрашающим. Еще более пугающим, чем дон Хенаро. Он казался моложе и сильнее, чем обычно. Глядя на них, я испытывал безумное чувство, что они

не были людьми, как я.

Паблито и Нестор тихо скулили. Тогда дон Хенаро сказал, что мы представляем собой картину святой троицы. Я был Отец, Паблито – Сын, а Нестор – Дух Святой. Дон Хуан и дон Хенаро рассмеялись гулкими голосами. Паблито и Нестор жалко улыбнулись.

Дон Хенаро сказал, что мы должны разорвать свои обьятия, потому что обьятия позволительны только между мужчиной и женщиной или между мужчиной и его осликом.

Тут я сообразил, что стою на том же месте, где и раньше, и что я, очевидно, вовсе не падал назад, как мне показалось. Нестор и Паблито тоже были там же, где и раньше.

Дон Хенаро сделал знак Паблито и Нестору движением головы, и дон Хуан велел мне следовать за ними. Нестор пошел вперед и указал место, где сидеть мне, и другое – для Паблито. Мы сели на одной линии, примерно в пятидесяти ярдах от подножья утеса, где стояли дон Хуан и дон Хенаро. Пока я продолжал на них смотреть, мои глаза невольно вышли из фокуса. Я определенно знал, что раскосил их, потому что увидел их как четверых. Затем картина дона Хуана в левом глазу наложилась на картину дона Хенаро в правом. Результатом такого смещения было то, что я увидел радужное светящееся существо, стоящее между доном Хуаном и доном Хенаро. Это не был человек, какими я обычно видел людей. Скорее, это был шар белого огня. Что-то вроде волокон света покрывало его. Я встряхнул головой. Двойное изображение рассеялось, и все же вид дона Хуана и дона Хенаро как светящихся существ остался. Я видел два странных удлинённых светящихся предмета. Они походили на два радужных мяча для регби с нитями, которые обладали собственным свечением.

Два светящихся существа встряхнулись. Я действительно видел, как встряхнулись их нити, а затем они исчезли из виду. Они были втянуты наверх длинной нитью паутины, которая, казалось, вылетела с вершины утеса. У меня было такое ощущение, что длинный луч света или сверкающая нить упала со скалы и подняла их. Я воспринял событие своими глазами и всем своим телом. Я смог также наметить огромные противоречия в своем способе восприятия. Но я не был способен рассуждать, об этом, как сделал бы обычно. Таким образом, я осознал, что смотрю прямо на основание утеса, и в то же время видел дона Хуана и дона Хенаро

на вершине, как если бы задрал голову на 45°.

Я хотел было испугаться, закрыть лицо руками и заплакать, или сделать еще что-нибудь из круга моих обычных реакций, но, казалось, был заперт. Мои желания не были мыслями в обычном понимании этого слова. Поэтому они не могли пробудить эмоциональный отклик, который я привык вызывать в себе.

Дон Хуан и дон Хенаро прыгнули на землю. Я знал, что они это сделали, судя по всепоглощающему чувству падения, которое я ощутил в своем животе.

Дон Хенаро остался на месте их приземления, а дон Хуан подошел к нам и сел позади и справа от меня. Нестор сидел скорчившись. Его ноги были подтянуты к животу, подбородок он положил на сцепленные ладони. Его локти служили поддержкой, опираясь на колени. Паблито сидел, слегка наклонившись вперед всем телом, прижав руки к животу. Тут я заметил, что тоже прижал руки к животу и держу себя за кожу на боках. Я схватил себя так сильно, что бока болели.

Дон Хуан заговорил сухим шепотом, обращаясь ко всем.

— Вы должны фиксировать свой взгляд на *нагуале*, — сказал он. — Все мысли и слова должны быть смыты прочь.

Он повторил это пять или шесть раз. Его голос был странным, чужим. Он вызывал у меня реальное ощущение чешуек на коже ящерицы. Это сходство было чувством, а не сознательной мыслью. Каждое его слово отделялось, как чешуйка. В том, как он произносил слова, был какой-то волшебный ритм. Они были приглушенными, сухими, как тихое покашливание. Ритмичный шепот, превращенный в приказ.

Дон Хенаро стоял неподвижно. Когда я смотрел на него прямо, я не мог удерживать превращенный образ, и мои глаза невольно скосились. В этом состоянии я опять заметил странное свечение в теле дон Хенаро. Мои глаза начали закрываться. Дон Хуан пришел ко мне на помощь. Я услышал, как он приказывает мне не скашивать глаза. Я почувствовал мягкий удар по голове.

Очевидно, он бросил в меня камнем. Я увидел, как камешек качнулся пару раз на скале около меня. Точно так же, должно быть, он стукнул Паблито и Нестора. Я слышал звук двух других камешков, упавших в траву. Дон Хенаро принял странную танцевальную позу. Его колени были подогнуты, руки расставлены по бокам, пальцы растопырены. Казалось, он собирается вертеться.

И действительно, он крутнулся пару раз вокруг себя, а затем поднялся вверх. У меня было отчетливое восприятие, что он был прикреплен к нити какой-то гигантской гусеницы, и эта нить подняла его тело на самую вершину утеса.

Мое восприятие движения вверх было сложной смесью зрительных и телесных ощущений. Я наполовину видел, наполовину чувствовал его полет на скалу. Было что-то, что выглядело и ощущалось подобно почти незаметной линии света, которая тащила его. Я не видел его полета вверх в том смысле, в каком бы я мог наблюдать за полетом птицы. В его движениях не было линейной последовательности. Мне не нужно было поднимать голову, чтобы удерживать его в поле зрения. Я увидел, как нить поднимает его. Затем я ощутил движение в своем теле или своим телом, и в следующее мгновение он уже был на вершине утеса в сотнях футов над землей.

Через несколько минут он спикировал вниз. Я чувствовал его падение и невольно застонал.

Дон Хенаро повторил свое действие три или четыре раза. С каждым разом мое восприятие настраивалось. Во время его последнего прыжка вверх я мог реально различить серию линий, выходящих из средней части его тела. Когда он собирался прыгнуть вверх, линии изгибались вверх. Обратное происходило, когда он собирался спрыгнуть вниз.

После своего четвертого прыжка дон Хенаро подошел к нам и уселся позади Паблито и Нестора. Затем дон Хуан вышел вперед и остановился там, где раньше был дон Хенаро. Некоторое время он стоял неподвижно. Дон Хенаро дал несколько коротких указаний Паблито и Нестору. Я не понял, что он им сказал. Взглянув на них, я увидел, что он заставил каждого взять камень и приложить к телу в районе пупка. Я не знал, нужно ли мне делать то же, но он сказал, что предупреждение ко мне не относится, но следует приготовить камень и мне на случай, если я почувствую себя плохо. Дон Хенаро выставил подбородок вперед, показывая, что я должен смотреть на дон Хуана. Затем он сказал что-то неразборчивое. Он опять повторил это, и хотя я и не понял его слов, я понял, что это та самая формула, которую говорил дон Хуан. Слова действительно не имели значения. Значения имели ритм, сухость тона, покашливающий характер фразы. У меня была убежденность, что какой бы там язык Хенаро ни использовал, но

он был более подходящим, чем испанский, из-за его отрывистого ритма.

Дон Хуан сделал все так же, как вначале делал дон Хенаро, но затем, вместо того, чтобы прыгнуть вверх, он стал вращаться, как гимнаст. Полусознательно я ожидал, что он приземлится на ноги, но он этого не сделал. Его тело продолжало раскачиваться в нескольких футах над землей. Вначале круги были быстрыми, но затем они замедлились. С того места, где я находился, я мог видеть, что тело дона Хуана висит подобно телу дон Хенаро, на нитевидном волокне света. Он медленно вращался, как бы давая всем нам хорошенько рассмотреть его. Затем он начал подъем. Он набирал высоту до тех пор, пока не достиг вершины утеса. Дон Хуан действительно парил, как если бы не имел веса. Его повороты были медленными и напоминали движения космонавта, вращающегося в космосе в состоянии невесомости.

Пока я следил за ним, у меня закружилась голова. Это мое чувство, казалось, подхлестнуло его, и он начал кружить на большой скорости. Он отлетел от утеса, и когда он набрал скорость, я почувствовал себя совершенно ужасно. Я схватил камень, прижал его к животу и вжимал его в тело так сильно, как только мог. Это чуточку улучшило мое состояние. Действие прижимания камня к животу дало мне секундную паузу, и хотя я не отводил глаз от дона Хуана, но каким-то образом нарушил свою концентрацию. Перед тем как потянуться за камнем, я почувствовал, что скорость, которую набрало его парящее тело, размыла его очертания. Он был похож на вращающийся диск, а затем на кружащийся огонь. После того, как я прижал камень к животу, его скорость уменьшилась. Он походил на шляпу, порхающую в воздухе, на воздушного змея, ныряющего вверх и вниз.

Движения воздушного змея были особенно беспокоящими. Мне стало неконтролируемо плохо. Я услышал, как птица захлопала крыльями, и после секундной неуверенности понял, что событие закончилось.

Мне было настолько плохо и я так устал, что лег на спину и закрыл глаза. Должно быть, на минуту я задремал и очнулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Это был Паблито. Он отчаянным голосом умолял меня не спать, потому что если я засну, то все мы погибнем, и настаивал, чтобы мы немедленно покинули это место, даже если нам придется тащиться на четвереньках. Вид у него

тоже был крайне измученный. Перспектива идти в темноте к машине казалась мне ужасающей, и я попытался убедить Паблито, что будет лучше, если мы проведем ночь здесь. От этого он пришел в еще большее отчаяние. Нестору было так плохо, что он был ко всему безразличен.

Паблито опустилсЯ на землю в состоянии полнейшего отчаяния. Я попытался собраться с мыслями. К этому времени стало совсем темно, хотя света было еще достаточно, чтобы различать камни вокруг нас. Полная тишина вокруг нас была в одно и то же время и успокаивающей и тревожной. Я почти наслаждался моментом, но вдруг мое тело непроизвольно подскочило: послышался отдаленный звук сломанной ветки. Я машинально повернулся к Паблито – казалось, он знал, что произошло. Мы подхватили Нестора подмышки, практически взвалили на себя и побежали. Нестор, похоже, был единственным, кто знал дорогу. Время от времени он слабым голосом давал нам короткие команды. Мое внимание, однако, было сосредоточено не на том, что мы делаем, а на моем левом ухе, которое казалось независимой единицей. Какое-то внутреннее чувство заставляло меня время от времени останавливаться и сканировать окружающее этим своим ухом. Я знал, что нас преследует что-то массивное: приближаясь, оно дробило мелкие камни.

Нестор до какой-то степени пришел в себя и шагал самостоятельно, лишь иногда держась за руку Паблито. Мы добрались до группы деревьев. К этому времени стало совершенно темно. Я услышал громкий, исключительно резкий треск: словно щелкнул гигантский бич, обрушившийся на вершины деревьев. Я почувствовал нечто вроде упругой волны, разрывающей воздух над головой.

Паблито и Нестор взвизгнули и помчались прочь, что есть мочи. Я хотел остановить их, так как не был уверен, что сам смогу бежать в темноте. Но тут вдруг я услышал серию тяжелых вздохов справа от себя. Мой испуг был неопиcуемым. Мы все втроем побежали и достигли машины. Нестор вел нас каким-то неизвестным путем. Я думал, что сначала развезу их по домам, а затем вернусь в город, в гостиницу, так как ни за что на свете я не поехал бы сейчас к дому донА Хенаро. Но Нестор не хотел вылезать из машины, не хотел и Паблито, да и я тоже не хотел оставаться один, и поэтому все кончилось тем, что мы остановились у дома Паблито. Он

послал Нестора купить пива и содовой, пока его мать и сестры готовили нам еду. Нестор пошутил, не сможет ли его сопровождать старшая сестра Паблито на случай нападения на него собак или пьяниц. Паблито засмеялся и сказал мне, что Нестор был ему доверен.

– Кем он был тебе доверен?

– Силой, конечно, – ответил он. – Одно время Нестор был старше меня, но Хенаро с ним что-то сделал, и теперь он намного моложе. Ты заметил это, не так ли?

– Что сделал дон Хенаро?

– Ты знаешь, он опять сделал его ребенком. Нестор был слишком важным и тяжелым. Он бы умер, если бы снова не стал молодым. В Паблито действительно было что-то милое и приятное. Простота его объяснения поразила меня. Нестор, на самом деле, не только выглядел моложе, но и вел себя как невинный ребенок. Я знал без тени сомнения, что он искренне чувствует себя таким.

– Я забочусь о нем, – продолжал Паблито. – Хенаро сказал, что почетно заботиться о воине. Нестор – прекрасный воин.

Его глаза сияли, как у Хенаро. Он энергично похлопал меня по спине и засмеялся.

– Пожелай ему всего хорошего, Карлитос, – сказал он. – Пожелай ему.

Я очень устал. Меня затопила волна странной счастливой печали. Я сказал ему, что прибыл из такого места, где люди редко, если вообще когда-нибудь, желают друг Другу всего хорошего.

– Я знаю, – сказал он. – Так было и со мной. Но сейчас я воин, и могу позволить себе желать ему хорошего.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава вторая СТРАТЕГИЯ МАГА

Когда ранним утром я добрался до дома дона Хенаро, дон Хуан был там.

– Послушай, что с тобой произошло? Мы с Хенаро ждали тебя всю ночь, – сказал он.

Я знал, что он шутит. Я чувствовал себя легко и счастливо. До сих пор я упорно отказывался размышлять о вчерашних событиях, однако на этот раз любопытство оказалось сильнее меня, и я спросил его об этом.

– А! Это была простая демонстрация того, что тебе следует знать до того, как ты получишь объяснение магов, – сказал он. – Вчера ты действовал хорошо. Поэтому Хенаро почувствовал, что ты накопил достаточно силы, чтобы взяться за настоящую вещь. Очевидно, ты последовал его рекомендациям. Вчера ты дал крыльям своего восприятия развернуться. Хотя ты и был застывшим, но зато воспринял все приходы и уходы *нагуаля*.

Другими словами, ты *видел*. Кроме того, тебе удалось нечто, в настоящее время даже более важное, чем *видение*, – ты сумел удерживать непоколебимое внимание на *нагуале*. Именно это и решит исход последней проблемы – объяснения магов.

Паблито и ты пройдете через него в одно мгновение. Находиться в сопровождении такого прекрасного воина – подарок силы.

Казалось, это все, что он хотел сказать. Через некоторое время я спросил его о доне Хенаро.

– Он поблизости, – сказал дон Хуан. – Он пошел в кусты, чтобы потрясти горы.

В этот момент я услышал отдаленный грохот, как бы приглушенный гром.

Дон Хуан посмотрел на меня и засмеялся. Он усадил меня и спросил, ел ли я. Я уже поел, и поэтому он вручил мне мой блокнот и отвел к любимому месту дона Хенаро – к большому камню с западной стороны дома, с которого открывался вид на глубокий овраг.

– Сейчас пришел момент, когда мне необходимо твое полное внимание. Внимание в том смысле, в каком воины понимают внимание: настоящая пауза, чтобы позволить объяснению магов полностью впитаться в тебя. Мы близки к завершению своей задачи. Все необходимые инструкции ты уже получил, и сейчас тебе нужно остановиться, оглянуться назад и пересмотреть свои шаги. Маги говорят, что это единственный способ утвердить свои достижения. Я определенно предпочел бы тебе рассказать все это на твоём собственном месте силы, но Хенаро является твоим бенефактором, и его место в подобном случае может оказаться для тебя более благоприятным.

Мое «место силы», о котором он говорил, было вершиной холма в пустыне северной Мексики, которую он мне не раз показывал, и которую однажды «отдал» мне во владение.

– Должен ли я слушать, не записывая?

– Это действительно хитрый маневр, – сказал он. С одной стороны – мне необходимо твое полное внимание, а с другой – тебе необходимо быть спокойным и уверенным в себе. У тебя есть единственный способ достичь этого легко – это писать. Поэтому пришло время собрать всю твою личную силу и выполнить непосильную задачу: быть самим собой, не будучи самим собой. Он хлопнул себя по ляжкам и засмеялся.

– Как ты уже знаешь, я отвечаю за твой *тональ*, а Хенаро – за твой *нагуаль*, – продолжал он. – Моей обязанностью было помогать тебе во всем, что относится к твоему *тоналю*. И все мои действия в отношении тебя служили одной-единственной цели – чистке и приведению в порядок твоего острова *тональ*. Это была моя работа как твоего учителя. Задача Хенаро как твоего бенефактора состояла в том, чтобы дать тебе бесспорные демонстрации *нагуаля* и показать, как в него входить.

– Что ты имеешь в виду под чисткой и приведением в порядок острова *тональ*?

– Я имею в виду полное изменение, о котором твержу с первого дня нашей встречи, – сказал он. – Я много раз говорил тебе, что необходимо измениться самым решительным образом, если мы хотим добиться успеха на пути к знанию. Я имею в виду не изменение настроения, отношения или взглядов, а полную трансформацию острова *тональ*. Ты выполнил эту задачу.

– Ты думаешь, я действительно изменился? – спросил я.

Он помедлил, а затем громко рассмеялся.

– Ты такой же идиот, как всегда, – сказал он. – И все же ты – другой. Понимаешь, что я имею в виду?

Он посмеялся над моим записыванием и пожалел, что нет дона Хенаро. Вот кто порадовался бы абсурдности записывания объяснения магов!

– В таких случаях учитель обычно говорит своему ученику, что они прибыли на последний перекресток, – продолжал он. – Но говорить так – значит вводить в заблуждение. На мой взгляд, нет никого последнего перекрестка и никакого последнего шага к чему-либо. А раз так, то не должно быть и никаких секретов относительно нашей судьбы как светящихся существ. Личная сила решает, кто может, а кто не может извлечь пользу из объяснения. Я убедился на собственном опыте, что очень немногие хотят даже слушать, а тем более – действовать в соответствии с тем, что они слышали. А из горстки тех, кто хочет действовать, лишь единицы имеют достаточно личной силы, чтобы извлечь пользу из своих действий. Так что в итоге вся секретность объяснения магов выкипает в рутину – такую же пустую рутину, как и любая другая. Во всяком случае, теперь ты знаешь о *нагуале* и *тонале*, которые являются вершиной объяснения магов. Сейчас это знание кажется тебе совершенно безопасным и безвредным. Мы сидим здесь и мирно беседуем о них, как о чем-то вполне обычном. Ты деловито записываешь, как делал это не раз за прошедшие годы. Пейзаж вокруг нас – картина спокойствия. Сейчас утро, день обещает быть прекрасным, горы окутывают нас своей защитой, и не нужно быть магом, чтобы понять – это место, говорящее о силе и безупречности Хенаро, является самым подходящим фоном для того, чтобы отворить дверь. Потому что именно это я делаю для тебя сегодня – открываю для тебя дверь. Но прежде, чем мы переступим эту черту, необходимо честное предупреждение. Предполагается, что учитель должен как можно убедительнее предупредить своего ученика, что безопасность и спокойствие этого момента – мираж. Что перед ним находится бездонная пропасть, и что если дверь открыта, то нет никакого способа закрыть ее вновь.

Он на мгновение замолчал.

Я чувствовал себя легко и счастливо. С места предрасположения дона Хенаро передо мной открывался захватывающий вид. Дон

Хуан был прав – и день, и пейзаж были более чем прекрасными. Я хотел ощутить озабоченность его предупреждениями и увещеваниями, но каким-то образом спокойствие вокруг меня оттесняло все мои попытки, и я стал надеяться, что он говорит только о метафорических опасностях.

Внезапно дон Хуан заговорил опять.

– Годы тяжелого учения – только подготовка к опустошительной встрече воина с...

Он опять сделал паузу, скосив глаза и усмехнувшись.

– ... с тем, что лежит там, за этой чертой, – сказал он.

Я попросил его объяснить, что он имеет в виду.

– Объяснение магов, которое совсем не похоже на объяснение, является смертельным, – сказал он. – Оно кажется безвредным и очаровательным, но как только воин откроется ему, оно наносит удар, который никто не может отразить.

Он громко рассмеялся.

– Поэтому будь готов к худшему, но не торопись и не паникуй, – продолжал он. – У тебя совсем нет времени, и в то же время ты окружен вечностью. Что за парадокс для твоего *разума*!

Дон Хуан поднялся. Он смахнул пыль и мусор с гладкого чашеобразного углубления и очень удобно уселся спиной к камню и лицом к северо-западу. Он указал на другое место, где мог удобно сесть и я. Я был слева от него, тоже лицом к северо-западу. Камень был теплым и вызывал ощущение спокойствия и защищенности. Было тепло. Мягкий ветер смягчал жару полуденного солнца и делал ее приятной. Я снял шляпу, но дон Хуан велел мне снова надеть ее.

– Сейчас ты обращен лицом в сторону твоего собственного места силы, – сказал он. – Это может защитить тебя. Сегодня тебе нужны все зацепки, какие ты только сможешь использовать. Твоя шляпа может быть одной из них.

– Почему ты предупреждаешь меня? Что же на самом деле произойдет?

– То, что произойдет сегодня, будет зависеть от количества твоей личной силы. Ее должно хватить, чтобы сконцентрировать непоколебимое внимание на крыльях твоего восприятия, – сказал он.

Его глаза блеснули. Он казался более возбужденным, чем когда-либо прежде. Я подумал, что в его голосе есть что-то необычное,

похожее на непривычную нервность.

Он сказал, что обстоятельства требуют, чтобы прямо здесь, на месте предрасположения моего бенефактора, он пересказал мне шаг за шагом все то, что он предпринял в своей борьбе за приведение в порядок моего острова *тональ*. Его пересказ был подробным и занял у него пять часов. Блестящим и ясным образом он дал мне детальнейший отчет обо всем, что он делал со мной со времени нашей первой встречи. Казалось, была разрушена плотина. Его откровения застали меня совершенно врасплох. Я приучил себя быть агрессивным исследователем, и то, что дон Хуан, который всегда был отвечающей стороной, описал все точки своего учения в такой академической манере, было не менее поразительно, чем его костюмы в Мехико Сити. Его владение языком, его драматические паузы и выбор слов были так необычны, что это просто не укладывалось у меня в голове. Он сказал, что в этот момент учитель должен говорить с конкретным воином в очень определенных терминах. Что та манера, в которой он со мной говорит, и ясность его объяснения являются частью его последнего трюка. И что только в конце все, что он делал со мной, приобретет для меня смысл. Он говорил, не останавливаясь, пока не закончил весь свой пересказ, и я записал все, не прикладывая к этому ни малейших усилий и не уделяя записям никакого внимания.

— Позволь мне начать с того, что учитель никогда не ищет учеников, и что никто не может распространять учение, — сказал он. — Только знак всегда указывает на ученика. Тот воин, который может оказаться в положении учителя, должен быть alertным, чтобы схватить свой кубический сантиметр шанса. Я *видел* тебя еще перед тем, как мы встретились. У тебя был хороший *тональ*, как у той девушки, которую мы встретили в Мехико. После того, как я *увидел* тебя, я подождал, точно так же, как мы сделали в случае с той девушкой в парке. Девушка прошла мимо, не обратив на нас внимания. Но тебя подвел ко мне человек, который убежал, пробормотав что-то бессвязное. Ты остался лицом к лицу со мной, бормоча какую-то чушь. Я знал, что должен действовать быстро и зацепить тебя. Тебе самому тоже пришлось бы делать что-либо подобное, если бы та девушка заговорила с тобой. То, что я сделал тогда, было схватыванием тебя своей *волей*.

Дон Хуан вспоминал о том необычном способе, каким он взглянул

на меня в день нашей первой встречи. Он фиксировал на мне свой взгляд, и у меня было необъяснимое ощущение пустоты и онемения. Я не мог найти никакого логического объяснения своей реакции, и всегда считал, что после первой нашей встречи я отправился его разыскивать только потому, что меня озадачил его взгляд.

— Для меня это был самый быстрый способ зацепить тебя. Это был прямой удар по твоему *тоналю*. Я сковал его, сфокусировав на нем свою *волю*.

— Как ты это сделал?

— Пристальный взгляд воина устремляется в правый глаз другого человека, — сказал он. — И он заставляет того остановить свой внутренний диалог. Тогда выходит на поверхность *нагуаль*, отсюда опасность этого маневра. Когда *нагуаль* даже на короткое мгновение берет верх, тело испытывает совершенно неопишуемое ощущение. Я знаю, что ты потратил бесконечные часы, пытаюсь подобрать объяснение тому, что тогда почувствовал. И ты до сего дня так и не смог этого сделать. Однако я добился своего. Я зацепил тебя.

Я сказал, что до сих пор помню, как он посмотрел на меня.

— Пристальный взгляд в правый глаз — это не обычный взгляд — сказал он. — Скорее, это насильственный захват другого человека через его глаз. Другими словами, хватаешь нечто, находящееся за глазом. При этом возникает физическое ощущение удерживания чего-то своей *волей*.

Он почесал голову, надвинув шляпу на глаза.

— Естественно, что это только способ говорить, — продолжал он. — Способ объяснить непостижимые физические ощущения.

Он велел мне перестать писать и посмотреть на него. Он сказал, что собирается слегка схватить мой «тональ» своей «волей». Я снова испытал то потрясающее ощущение, уже знакомое мне по первой встрече и другим случаям, когда дон Хуан заставлял меня чувствовать, что его глаза касаются меня, действительно в физическом смысле.

— Но как ты заставляешь меня чувствовать это прикосновение, дон Хуан? Что ты на самом деле при этом делаешь?

— Нет способа в точности описать, что тут делаешь. Что-то вырывается вперед из какого-то места в области живота. Это нечто имеет направление и может быть сфокусировано на чем угодно.

Я опять ощутил что-то похожее на мягкие щупальца, схватившие какую-то неопределенную часть меня.

– Это работает только тогда, когда воин научится фокусировать свою *волю*, – объяснил дон Хуан после того, как отвел глаза. – Это невозможно практиковать, поэтому я не рекомендовал и не поощрял его использование. Эта сила приходит в определенный момент жизни воина. Никто не знает как.

Некоторое время он молчал. Я был крайне взволнован. Внезапно он начал говорить снова.

– Секрет заключается в левом глазе. По мере того, как воин продвигается по тропе знания, левый глаз обретает способность схватывать все. Обычно левый глаз воина имеет странный вид.

Иногда он остается постоянно скошенным или становится меньше другого, или больше, или еще как-то отличается.

Он насмешливо посмотрел на меня, притворяясь, что рассматривает мой левый глаз. Покачивая головой с шутливым неодобрением, он улыбнулся.

– После того, как ученик зацеплен, начинаются инструкции, – продолжал он. – Первым действием учителя является внушить ему идею, что знакомый нам мир является только видимостью, описанием мира. Каждое усилие учителя направлено на то, чтобы доказывая это своему ученику. Но принять эту идею является самой трудной вещью на свете. Мы полностью захвачены своим частным взглядом на мир, и это заставляет нас чувствовать и действовать так, как если бы мы знали о мире все. Учитель с самого первого своего действия направлен на то, чтобы остановить этот взгляд. Маги называют это остановкой внутреннего диалога, и они убеждены, что это – единственная важнейшая техника, которой ученик должен овладеть.

Для того, чтобы остановить способ видения мира, который поддерживаешь с колыбели, недостаточно просто желать или просто принять решение. Необходима практическая задача. Эта практическая задача называется правильным способом ходьбы. Она кажется безобидной и бессмысленной. Как и все остальное, что имеет силу в себе или вокруг себя, правильный способ ходьбы не привлекает внимания. Ты не понял этого, и по крайней мере, в течение нескольких лет рассматривал просто как любопытный способ поведения. До самого последнего времени тебе не приходило в голову, что это было самым эффективным средством

для остановки твоего внутреннего диалога.

– Как правильный способ ходьбы может остановить внутренний диалог?

– Ходьба в этой специфической манере насыщает *тональ*, – сказал он. – Она переполняет его. Видишь ли, внимание *тоналя* должно удерживаться на его творениях.

В действительности, именно это внимание в первую очередь и создает порядок в мире. Поэтому *тональ* должен быть наблюдателем этого мира, чтобы поддерживать его. И превыше всего он должен поддерживать наше восприятие мира как внутренний диалог.

Он сказал, что правильный способ ходьбы является обманным ходом. Воин сначала, поджимая пальцы, привлекает свое внимание к рукам, а затем, глядя без фиксации глаз на любую точку прямо перед собой на линии, которая начинается у концов его ступней и заканчивается над горизонтом, он буквально затопляет свой *тональ* информацией. *Тональ* без своих отношений с глазу на глаз с элементами собственного описания не способен разговаривать сам с собой, и таким образом он становится тихим.

Дон Хуан объяснил, что положение пальцев никакого значения не имеет, и что нужно просто привлечь внимание к рукам, сжимая пальцы непривычными способами. И что важным здесь является то, что нефокусированные глаза замечают огромное количество штрихов мира, не получая о них ясного представления. Он добавил, что глаза в этом состоянии способны замечать такие детали, которые были бы слишком мимолетными для нормального зрения.

– Наряду с правильным способом ходьбы, – продолжал дон Хуан, – учитель должен обучить своего ученика еще одной возможности, которая является еще более тонкой, – способности действовать не веря, не ожидая награды. Действовать только ради самого действия. Я не преувеличу, если скажу тебе, что успех дела учителя зависит от того, насколько хорошо и насколько грамотно он ведет своего ученика именно в этом особом направлении.

Я сказал дону Хуану, что не помню, чтобы он когда-нибудь обсуждал действие ради самого действия как особую технику. Я могу вспомнить только его постоянные, но ни с чем не связанные замечания об этом.

Он засмеялся и сказал, что его маневр был таким тонким, что

прошел мимо моего внимания до сего дня. Затем он напомнил мне обо всех тех «бессмысленных»

шутливых задачах, которые он обычно давал мне всякий раз, когда я бывал у него дома. Абсурдные работы, типа укладки дров особым образом, окружение его дома непрерывной цепью концентрических кругов, нарисованных моим пальцем, переметание мусора из одного угла в другой и тому подобное. В эти задачи входили также и «домашние задания», например, носить белую шапку или всегда в первую очередь завязывать свой левый ботинок, или застегивать пояс всегда справа налево. Я не воспринимал ни одно из этих заявлений иначе, как шутку, по той причине, что он всегда велел мне забыть о них после введения их в регулярный распорядок.

После того, как он напомнил мне все те задания, которые давал мне, я сообразил, что заставляя меня придерживаться бессмысленных распорядков, он действительно воплотил во мне идею действовать, не ожидая ничего взамен.

— Остановка внутреннего диалога является ключом к миру магов, — сказал он. — Вся остальная деятельность — только зацепки. Все это направлено лишь на ускорение эффекта остановки внутреннего диалога.

Он сказал, что существуют два основных вида деятельности, используемых для ускорения эффекта остановки внутреннего диалога: стирание личной истории и *сновидение*. Он напомнил мне, что на первых этапах моего ученичества дал мне целый ряд особых рекомендаций для изменения моей личности. Я внес их в свои заметки и забыл о них на несколько лет, пока не понял их важности. На первый взгляд, эти методы были весьма мало приятным способом наставить меня изменить свое поведение. Он объяснил, что искусство учителя состоит в том, чтобы увести в сторону внимание ученика от наиболее важных моментов учения. Вот наглядный пример такого искусства: я до сегодняшнего дня не понимал, что он трюком привлек меня к усвоению важнейшего правила — «действовать, не ожидая наград». Он сказал, что параллельно с этим переключил мой интерес на идею *видения*. При правильном понимании она была действием, непосредственно связанным с «нагуалем». Это действие, являющееся неизбежным результатом и окончанием учения, в то же время *было* абсолютно невыполнимым как задача сама по себе.

– Каков был смысл этого трюка в моем случае? – спросил я.
– Маги убеждены, что все мы являемся грудой никчемности, – сказал он. – Мы никогда не способны по своей воле отказаться от своего бесплодного контроля. Поэтому с нами нужно действовать путем трюков.

Он рассказал мне, что, заставив меня действовать, концентрируя свое внимание на псевдозадаче учиться «видеть», он успешно достиг двух вещей. Во-первых, он наметил прямое столкновение с «нагуалем», не упоминая о нем, а во-вторых, с помощью трюка он заставил меня рассматривать важнейшие моменты его учения как несущественные. Стирание личной истории и *сновидение* никогда не были для меня столь же важными, как *видение*. Мне они казались очень увлекательной деятельностью. Я даже считал, что это такая практика, которая дается мне легче всего.

– Легче всего, – сказал он насмешливо, когда услышал мое замечание.

– Учитель ничего не должен оставлять случаю. Я тебе уже говорил, ты правильно чувствовал, что тебя надувают. Проблема состояла в способе убедить тебя, что надувательство было применено для одурачивания твоего *разума*. Для меня этот трюк означал – отвлечь твое внимание и сориентировать его в нужном направлении.

Он взглянул на меня, скосив глаза, и повел рукой вокруг нас.

– Секрет всего этого – наше внимание, – сказал он.

– Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

– Все это существует только из-за нашего внимания. Тот самый камень, на котором мы сидим, является камнем только потому, что мы были вынуждены уделить ему внимание как камню.

Я хотел, чтобы он объяснил эту мысль. Он засмеялся и погрозил мне пальцем.

Это выводы, – сказал он. – Мы вернемся к этому позже.

Он убедительно объяснил, что благодаря его обходному маневру я заинтересовался стиранием личной истории и *сновидением*.

Эффект этих двух техник был бы совершенно разрушительным, если бы они практиковались во всей их полноте. И главной заботой каждого учителя является не дать своему ученику сделать что-либо такое, что швырнет его к помрачению разума и истощению.

– Стирание личной истории и *сновидение* должны были только

помочь, – сказал он. – Каждому ученику для страховки необходимы умеренность и сила. Вот почему учитель знакомит ученика с путем воина или способом жить как воин. Это клей, который соединяет все в мире мага. Мало-помалу учитель должен выковывать и развивать его. Без устойчивости и способности держаться на плаву воину невозможно выстоять на пути знания. Дон Хуан сказал, что при обучении пути воина внимание ученика скорее улавливалось, чем отклонялось. И он уловил мое внимание тем, что выбивал меня из привычных обстоятельств жизни каждый раз, когда я навещал его.

Например, мы с ним часто ходили в пустыню или горы. Но это были отнюдь не прогулки, а своего рода прием для изменения контекста моего обычного мира. Мне это, конечно, даже в голову не приходило. Такая перестановка в моем мире означала, что я, не подозревая об этом, сконцентрировал внимание на действиях дона Хуана.

– Каков трюк, а? – сказал он и засмеялся.

Я тоже засмеялся, но несколько испуганно. Я никогда не представлял, насколько он все осознает.

Затем он перечислил свои шаги в руководстве моим вниманием и улавливании его. Закончив отчет, он добавил, что учитель должен быть сориентирован на личность ученика. Со мной ему пришлось быть осторожным, поскольку в моей природе было много насилия и отчаяния, а в отчаянии я мог бы не придумать ничего лучшего, чем покончить с собой.

– Ну и непостижимый же ты парень, дон Хуан, – сказал я шутя, и он расхохотался.

Он объяснил, что в помощь стиранию личной истории нужно было обучить меня еще трем техникам. Они заключались в избавлении от чувства собственной важности, принятия ответственности за свои поступки и использовании смерти как советчика. Без благоприятного эффекта этих техник стирание личной истории могло вызвать в ученике неустойчивость, ненужную и вредную двойственность относительно самого себя и своих поступков.

Дон Хуан попросил меня вспомнить, какой у меня была наиболее естественная реакция в моменты стресса и замешательства до того, как я стал его учеником. Он сказал, что его собственной реакцией была ярость. Я ответил, что моей была жалость к самому себе.

– Хотя ты не можешь помнишь этого, но тебе нужно было хорошо

поработать для отключения своей головы, чтобы это чувство стало естественным, – сказал он. – Сейчас ты и представить себе не можешь, какие бесконечные усилия тебе потребовались, чтобы утвердить жалость к самому себе как отличительную черту на твоём острове. Жалость к себе была постоянным свидетелем всего, что ты делал. Она была прямо на кончиках твоих пальцев, готовая давать тебе советы. Воин рассматривает смерть как более подходящего советчика и свидетеля всего, что ты делаешь, вместо жалости к себе или ярости.

После невероятной борьбы ты научился чувствовать жалость к самому себе. Но точно так же ты можешь научиться чувствовать свой неизбежный конец, и теперь уже иметь на кончиках пальцев идею своей смерти. Как советчик жалость к себе ничто по сравнению со смертью.

Затем дон Хуан указал на кажущуюся противоречие в идее изменения. С одной стороны, мир магов призывал к полной трансформации, с другой – объяснение магов говорит, что остров *тоналя* является цельным, и ни один из его элементов не может быть перемещен. В таком случае изменение не означает уничтожения чего бы то ни было, а скорее замещение значения, которое мы придаем этим элементам.

– Жалость к самому себе, например, – сказал он. – Нет никакого способа избавиться от нее, освободиться от нее с пользой. Она имеет определенное место и определенный характер на твоём острове, – определенный фасад, который видно издалека. Поэтому каждый раз, когда предоставляется случай, жалость к самому себе становится активной. У нее есть история. Если ты сменишь фасад жалости к самому себе, то ты уберешь и ее выдающееся положение.

Я попросил его объяснить значение этих метафор, особенно идею смены фасадов. Я понял это как возможность играть несколько ролей одновременно.

– Фасады изменяешь, изменяя использование элементов острова, – сказал он. Возьмем опять жалость к себе. Она была полезной для тебя, потому что ты чувствовал свою важность, и считал, что ты заслуживаешь лучших условий, лучшего обращения. Она, может быть, еще и потому имела значение, что ты не хотел принимать ответственности за поступки, которые побуждали тебя жалеть самого себя, или потому, что ты не был способен принять идею

своей нависшей смерти как свидетеля твоих поступков и советчика. Стирание личной истории и три сопутствующие ей техники являются средствами магов для изменения фасадов элементов острова. Например, стиранием личной истории ты отрицал использование жалости к самому себе. Для того, чтобы жалость к себе сработала, тебе необходимо быть важным, безответственным и бессмертным. Когда эти чувства каким-либо образом изменены, ты уже не можешь жалеть самого себя. То же справедливо и в отношении всех других элементов, которые ты изменил на своем острове. Без использования этих четырех техник ты бы никогда не добился успеха в перемене их. Смена фасадов означает только то, что ты отводишь второстепенное место первоначально важным элементам. Твоя жалость к себе все еще предмет на твоём острове. Она будет там, на заднем плане, точно так же, как идеи нависшей смерти, или смиренности, или твоей ответственности за свои поступки уже находились там раньше без всякого использования.

Дон Хуан сказал, что после освоения всех этих техник ученик прибывает на перекресток, и в зависимости от своей чувствительности, он делает одну из двух вещей. Он или принимает рекомендации и предложения, сделанные его учителем, за чистую монету, действуя без ожидания наград, или считает, что ему морочат голову.

Я заметил, что в своем собственном случае я путаюсь со словом «техника». Я всегда ожидал ряда точных указаний, но он давал мне только неопределенные предложения, которые я не был способен принять всерьез и действовать в соответствии с его условиями.

– В этом и была твоя ошибка, – сказал он. – Вот тогда мне и пришлось решать, использовать ли растения силы. Ты мог бы воспользоваться только этими четырьмя техниками, чтобы очистить и реорганизовать свой *тональ*. Они привели бы тебя к *нагуалю*. Но не все мы способны реагировать на простые рекомендации. И ты, и я в этом отношении нуждаемся еще и в каком-нибудь потрясении. Нам нужны были эти растения силы. Мне действительно потребовались годы, чтобы понять важность советов, предложенных доном Хуаном в начале моего обучения. Тот необычайный эффект, который оказали на меня психотропные растения, стал основой моего вывода, что их использование является ключевым моментом в учении. Я держался за это

убеждение, и лишь в последние годы своего обучения сообразил, что все осмысленные трансформации и находки магов делаются только в состоянии трезвого осознания.

– Что произошло бы, если бы тогда я принял твои рекомендации всерьез? – спросил я.

– Ты бы достиг *нагуаля*, – ответил он.

– Но разве я смог бы достичь нагуаля без бенефактора?

– Сила дается нам в соответствии с нашей неуязвимостью, – сказал он, – и если бы ты серьезно использовал эти техники, то накопил бы достаточно личной силы, чтобы найти бенефактора. Ты был бы неуязвимым, и сила открыла бы тебе все нужные пути для установления контактов. Это закон.

– Почему ты не дал мне больше времени? – спросил я.

– У тебя было столько времени, сколько нужно, – сказал он. – Так показала мне сила. Помнишь, когда-то ты должен был найти благоприятное для себя место у двери моего дома. Той ночью ты действовал под давлением обстоятельств безупречно, и утром заснул на том самом месте, на камне, который я поставил туда для тебя. Сила показала мне, что тебя следует безжалостно подталкивать, иначе ты и пальцем не пошевелишь.

– Помогли ли мне растения силы? – спросил я.

– Конечно, – сказал он. – Они раскрыли тебя, остановив твой взгляд на мир. В этом растения силы оказывают такое же воздействие на *тональ*, как и правильный способ ходьбы. И то, и другое переполняет его информацией, и сила внутреннего диалога приходит к концу. Растения силы превосходно подходят для этой цели, но их применение оплачивается слишком дорого. Они наносят слишком большой вред телу. Это их недостаток, особенно дурмана.

– Но если ты знал, что они так опасны, зачем ты давал их мне в таких количествах и так много раз?

Он заверил меня, что детали этой процедуры определялись самой силой. Он сказал, что несмотря на то, что учение предоставляет всем ученикам одинаковые методы, порядок их различен для каждого. И у него было множество знаков, что меня нужно принуждать и принуждать, чтобы заставить принять что-либо во внимание.

– Я имел дело с изнеженным бессмертным существом, которому не было никакого дела до его жизни или смерти, – сказал он,

смеясь.

Я напомнил, что он описывал и обсуждал эти растения в антропоморфических терминах. Он всегда обращался к ним так, как если бы растение было персонажем. Он ответил, что это были предписанные средства для отвлечения внимания ученика в сторону от истины, которая заключалась в остановке внутреннего диалога.

— Но если они используются только для остановки внутреннего диалога, то какую связь они имеют с союзниками? — спросил я.

— Это трудно объяснить, — сказал он. — Растения подводят ученика непосредственно к *нагуалью*, а союзник является одним из его аспектов. Мы действуем исключительно в центре *разума* вне зависимости от того, кем мы являемся, и откуда мы пришли. *Разум* способен естественно так или иначе брать в расчет все, что происходит в рамках его идеи мира. Союзник — это нечто такое, что находится вне его обозрения, вне царства *разума*. Это может наблюдаться только в центре *воли* в те моменты, когда наш обычный взгляд остановлен. Поэтому правильно было бы сказать, что это — *нагуаль*. Маги, однако, могут научиться воспринимать союзников крайне необычным образом, и, поступая так, они оказываются слишком глубоко погруженными в новую точку зрения. Чтобы защитить тебя от такой судьбы, я не представлял тебе союзников так, как обычно это делают маги. Маги научились после многих поколений использования растений силы отдавать себе отчет о своем взгляде на мир во всем, что происходит с ними. Я сказал бы, что маги, используя свою *волю*, добились расширения своих взглядов на мир. Мой учитель и мой бенефактор были ярчайшими примерами этого. Они были людьми огромной силы, но не были людьми знания. Они так и не разорвали границ своего огромного мира, и поэтому никогда не прибыли к целостности самих себя. Тем не менее, они знали об этом. Не то, чтобы они жили, отклонившись от правильного пути и претендуя на что-то выше своих возможностей; они знали, что шагнули мимо лодки, и что только в момент их смерти вся загадка будет полностью раскрыта им. Магия дала им только мимолетный взгляд, но не реальное средство для достижения целостности самих себя.

— Я дал тебе достаточно из описания мира магов, не позволив тебе зацепиться за это. Я говорил, что только когда помещаешь одно видение напротив другого, можно прибыть к реальному миру. Я

хочу сказать, что целостности самих себя возможно достичь только если полностью понимаешь, что мир – это просто точка зрения, вне зависимости от того, принадлежит ли эта точка зрения обычному человеку или магу.

Именно здесь я уклонился от традиции. После целой жизни борьбы я знаю, что действительно важным является не просто научиться новому описанию, но прибыть к целостности самого себя. Следует прибыть к *нагуалью*, не покалечив *тоналя* и, превыше всего, не покалечив своего тела. Ты принимал эти растения, следуя точным этапам, через которые прошел я сам. Единственным отличием было то, что я остановился, когда решил, что ты накопил достаточно взглядов на *нагуаль*. Именно по этой причине я никогда не хотел обсуждать с тобой твои встречи с растениями силы и не позволял тебе иметь навязчивую идею относительно них. Не было смысла строить схемы того, о чем нельзя говорить. Это были настоящие экскурсии в *нагуаль*, в неизвестное.

Я заметил, что моя потребность говорить о переживаниях, вызванных влиянием психотропных растений, была связана с желанием подтвердить собственные гипотезы на этот счет. Я был убежден, что при помощи таких растений он снабжал меня воспоминаниями о невообразимых способах восприятия. Эти воспоминания могли казаться отвлеченными и не связанными с чем-то осмысленным, но через какое-то время собирались в единицы смысла. Я знал, что дон Хуан искусно руководит мною в каждом случае, и что все эти единицы смысла собирались под его руководством.

– Я не хочу подчеркивать эти события, чтобы объяснять их, – сказал он сухо. – Застревание в объяснениях вернет нас назад, туда, где мы быть не хотим. Это отбросит нас назад в восприятие мира, но на этот раз – в более широкое восприятие, и только. Дон Хуан сказал, что после остановки внутреннего диалога действием растений силы появлялся неизбежный тупик. У ученика начинали возникать сомнения относительно смысла всего ученичества. По мнению дона Хуана, даже самые большие энтузиасты в этой точке ощутят серьезную потерю заинтересованности.

– Растения силы потрясают *тональ* и угрожают прочности всего острова, – сказал он. – Именно в этот момент ученик отступает, и мудро делает. Он хочет выбраться из всей этой каши. Так вот,

именно в этот момент учитель устанавливает свою наиболее искусную ловушку – стоящего противника. Без помощи стоящего противника, который в действительности является не врагом, а совершенно преданным помощником, ученик не имеет возможности продолжать путь знания. Ловушка имеет две цели. Во-первых, она позволяет учителю удерживать своего ученика, а во-вторых, она дает ученику точку соотнесения, чтобы пользоваться ею в дальнейшем. Ловушка – это маневр, который выводит на арену стоящего противника. Лучшие из людей сдались бы на этой черте, если бы они могли решать сами. Я привел к тебе стоящего противника, прекраснейшего воина, какого только можно было найти – ла Каталину.

Дон Хуан вспоминал о том времени несколькими годами раньше, когда он ввел меня в эту затяжную битву с колдуньей-индеанкой. – Я привел тебя в непосредственный контакт с ней, и я выбрал женщину, потому что ты доверяешь женщинам. Разрушить это доверие было для нее очень трудным делом. Через несколько лет она мне призналась, что ей хотелось отступить, потому что ты ей нравился, но она – великий воин, и, несмотря на свои чувства, она чуть не стерла тебя с лица планеты. Она нарушила твой *тональ* так интенсивно, что он уже никогда больше не был тем же самым. Она нарушила порядок на твоём острове настолько глубоко, что ее действия послали тебя в другую реальность. Она сама могла бы быть твоим бенефактором, если бы твоим предназначением было стать магом ее типа. Но ты другой. Что-то было не так между вами двумя. Ты не был способен бояться ее. Однажды ночью ты чуть было не растерял свои шарики, когда она напала на тебя, и все же тебя влекло к ней. Для тебя она была желанной женщиной, вне зависимости от того, насколько ты ее боялся. Она знала это. Однажды в городе я заметил, как ты смотрел на нее, трясаясь до подошв от страха и пуская слюни одновременно.

Далее, под действием стоящего противника ученик может или разлететься на куски, или радикально измениться. Действия ла Каталины в отношении тебя, поскольку она тебя не убила, – не потому, что недостаточно хорошо пыталась, а потому, что ты оказался достаточно стойким, – дали положительный эффект и снабдили тебя решением.

Учитель использует стоящего противника для того, чтобы заставить ученика сделать выбор в своей жизни. Ученик должен

выбрать между миром воина и своим обычным миром. Но никакое решение невозможно до тех пор, пока ученик не поймет свой выбор. Поэтому учитель должен быть потрясающе терпеливым и уверенной рукой, с позиции понимания вести своего ученика к такому выбору. А превыше всего он должен быть уверен, что его ученик выберет мир и жизнь воина. Я добился этого, попросив тебя помочь мне победить ла Каталину. Я сказал тебе, что она собирается меня убить, и что мне нужна твоя помощь, чтобы освободиться от нее. Я честно предупредил тебя относительно твоего последнего выбора и дал тебе массу времени, чтобы решить, принимать его или нет.

Я ясно помню, что дон Хуан отпустил меня в тот день. Он сказал мне, что если я не захочу ему помочь, то свободен уехать и никогда не возвращаться назад. В тот момент я знал, что свободен выбрать свой собственный путь и не имею по отношению к нему никаких обязательств.

Я покинул его дом и уехал со смесью печали и радости. Мне было жаль, что я покидаю дону Хуана, и все же я был счастлив, что разделался со всей этой деятельностью, которая приводила меня в такое расстройство. Я подумал о Лос-Анжелесе, о своих друзьях, обо всем том порядке обычной жизни, который ожидал меня. О той маленькой повседневности, которая всегда давала мне так много приятного. На некоторое время я ощутил эйфорию.

Сверхъестественные тайны дона Хуана и его жизни были позади, и я был свободен.

Однако мое счастливое настроение длилось недолго. Желание покинуть мир дона Хуана оказалось нестойким. Моя рутина потеряла свою прелесть. Я попытался подумать о чем-нибудь, что мне хотелось бы делать в Лос-Анжелесе, но там не было ничего. Дон Хуан однажды говорил мне, что я боюсь людей, и научился защищаться тем, что ничего не желаю. Он сказал, что ничего не желать – прекраснейшее достижение воина. Но я по своей глупости расширил это чувство нежелания и заставил его перейти в противоположное – что мне нравится все. Поэтому моя жизнь стала пустой и нудной.

Он был прав. И пока я катил на север по шоссе, весь груз моего безумия, совершенно неожиданного, в конце концов свалился на меня. Передо мной открылся масштаб моего выбора. Я в действительности променял волшебный мир непрерывного

обновления на свою тихую и нудную жизнь в Лос-Анжелесе. Я начал вспоминать свои пустые дни. Особенно ясно вспомнилось мне одно воскресенье. Весь день тогда я чувствовал беспокойство от того, что мне нечем заняться. Никто из моих друзей не пришел ко мне в гости, никто не пригласил меня на вечеринку. Тех людей, к которым мне хотелось пойти, не оказалось дома, и, что совсем уж плохо, я успел пересмотреть все фильмы, которые шли в городе. К концу дня, в полном отчаянии, я еще раз взялся за список кинофильмов и нашел один, который раньше совсем меня не интересовал. Он шел в городишке, находившемся в тридцати пяти милях отсюда. Я поехал туда. Фильм мне совершенно не понравился, но даже это было лучше, чем полное ничегонеделание. Под давлением мира дона Хуана я изменился. С тех пор, как я встретился с ним, у меня не было времени скучать. Одного этого было для меня достаточно. Дон Хуан прав был в своей уверенности. Он знал, какой выбор я сделаю. Я развернулся, и поехал назад к его дому.

– Что случилось бы, если бы я выбрал ехать назад в Лос-Анжелес?

– Это было невозможно, – сказал он. – Такого выбора для тебя не существовало. Все, что тогда от тебя требовалось, – это позволить своему тоналю осознать, что он решил вступить в мир магов.

Тональ не знал, что решение находится в царстве *нагуаля*.

Принимая решение, мы только признаем, что нечто вне нашего понимания установило рамки нашего так называемого решения, и мы просто идем туда.

В жизни воина есть только одна вещь, один-единственный вопрос, который действительно не решен: насколько далеко можно пройти по тропе знания и силы. Этот вопрос остается открытым, и никто не может предсказать его исход. Я однажды говорил тебе, что свобода воина состоит в том, чтобы или действовать неуязвимо, или действовать как ничтожество. А поскольку неуязвимость – единственное, что дает свободу, то именно она является мерой духа воина.

Дон Хуан сказал, что после принятия учеником решения вступить в мир магов учитель дает ему практическую задачу – задание, которое он должен выполнять в своей повседневной жизни. Он объяснил, что задача должна подходить к личности ученика. Это своего рода растянутая жизненная ситуация, в которую попадает ученик. и которая будет являться средством, постоянно

воздействующим на его взгляд на мир. В моем случае я понимал эту задачу скорее как шутку, чем как серьезную жизненную ситуацию. Однако со временем мне, наконец, стало ясно, что я должен относиться к ней серьезно и внимательно.

— После того, как ученик получил свою магическую задачу, он готов к другого типа наставлениям. — продолжал он. — Здесь он уже воин. В твоем случае, поскольку ты уже не был учеником, я обучил тебя трем техникам, помогающим *сновидению*: разрушению распорядка жизни, бегу силы и неделанию. Ты был очень инертный, глупый как ученик, и глупый как воин. Ты старательно записывал все, что я тебе говорил, и все, что с тобой происходило, но действовал ты далеко не совершенно. Поэтому мне все еще приходилось подстегивать тебя растениями силы. Затем дон Хуан шаг за шагом описал, как он отвлек мое внимание от *сновидения*, заставив поверить в важность очень трудной деятельности, называемой им неделанием, и представляющей собой перцептуальную игру фокусирования внимания на тех чертах мира, которые обычно остаются незамеченными, например, тени предметов. Дон Хуан сказал, что его стратегией было оставить неделание в стороне, окружив его самой строгой секретностью.

— Неделание, как и все остальное — очень важная техника. Но она не была основным моментом, — сказал он. Ты попался на секретности. Ты — балаболка, и вдруг тебе доверили секрет. Он засмеялся и сказал, что может вообразить те трудности, через которые я прошел, чтобы держать рот закрытым. Он объяснил, что разрушение рутины, бег силы и неделание были путем к обучению новым способам восприятия мира, и что они давали воину намек на невероятные возможности действия. По идее дона Хуана. знание отдельного практического мира *сновидения* делалось возможным при помощи использования этих трех техник.

— *Сновидение* — это практическая помощь, разработанная магами. Они не были дураками, они знали, что делают, и искали полезности *нагуаля*, обучая свой *тональ*, так сказать, отходить на секунду в сторону, а затем возвращаться назад. Это утверждение не имеет для тебя смысла. Но этим ты и занимался все время. Обучал себя отпускаться, не теряя при этом своих шариков. *Сновидение*, конечно, является венцом усилия магов, полным

использованием *нагуаля*.

Он прошелся по всем упражнениям неделания, которые заставлял меня выполнять, по всей рутине моей повседневной жизни, которую нужно было разрушить, и по всем тем случаям, когда он вынуждал меня пользоваться бегом силы.

– Мы подходим к концу моего пересказа, – сказал он. – Теперь нам нужно поговорить о Хенаро.

Дон Хуан сказал, что в день моей встречи с Хенаро был очень важный знак. Я ответил, что не могу вспомнить ничего необычного. Он напомнил, что в тот день мы сидели на скамейке в парке. Перед этим он говорил мне, что собирается встретиться с другом, которого раньше я никогда не видел. И когда этот друг появился, я узнал его без всяких колебаний среди большой толпы. Это и был тот знак, который заставил их понять, что Хенаро – мой бенефактор.

Когда он сказал это, я вспомнил, что мы сидели и разговаривали, а затем я обернулся и увидел небольшого поджарого человека, который излучал необыкновенную жизненную силу, грацию и просто самобытность. Он только что свернул из-за угла в парк. В шутку я сказал дону Хуану, что его друг приближается к нам, и что, судя по его виду, он наверняка является магом.

– С того дня и далее Хенаро советовал, что мне с тобой делать. Как твой гид в *нагуале*, он предоставил тебе безукоризненные демонстрации. Каждый раз, когда он действовал как *нагуаль*, ты получал знание, которое игнорировало и обходило твой *разум*. Он разрушил твою картину мира, хотя ты и не осознаешь этого. В этом случае ты вел себя так же, как и в случае с растениями силы, тебе было нужно больше, чем это необходимо. Нескольких атак *нагуаля* было бы достаточно, чтобы разрушить картину мира. Но даже до сего дня, после всех наступлений *нагуаля* твоя картина кажется неуязвимой. Как ни странно, но это твоя лучшая черта. В конце концов, действия Хенаро должны были ввести тебя в *нагуаль*. Но здесь мы встречаемся со странным вопросом: что должно было быть введено в *нагуаль*?

Он движением бровей предложил мне ответить на этот вопрос.

– Мой разум? – спросил я.

– Нет, разум здесь не при чем. *Разум* выключается в ту же секунду, как только оказывается за своими узкими границами.

– Тогда это был мой *тональ*, – сказал я.

– Нет, *тональ* и *нагуаль* являются двумя естественными частями нас самих, – сказал он сухо. Они не могут быть введены одна в другую.

– Мое восприятие? – спросил я.

– Вот тут ты попал, – закричал он, как если бы я был ребенком, который дал правильный ответ. – Теперь мы подходим к объяснению магов. Я уже предупреждал тебя, что оно ничего не объяснит, и все же...

Он остановился и взглянул на меня сияющими глазами.

– Это еще один из трюков магов, – сказал он.

– О чем ты говоришь? Какой еще трюк? – спросил я, тут же испугавшись.

– Объяснение магов, конечно. Ты увидишь это сам. Но давай продолжим. Маги говорят, что мы находимся внутри пузыря. Это тот пузырь, в который мы были помещены с момента своего рождения. Сначала пузырь открыт, но затем он начинает закрываться, пока не запирает нас внутри себя. Этот пузырь является нашим восприятием. Мы живем внутри него всю свою жизнь. А то, что мы видим на его круглых стенках, является нашим собственным отражением.

Он наклонил голову и взглянул на меня искоса, потом усмехнулся.

– Ты с ума сошел, – сказал он. – Здесь тебе полагается задавать вопрос.

Я засмеялся. Так или иначе, его предупреждения об объяснении магов, плюс представление внушающих благоговейный ужас масштабов его осознания начали, наконец, оказывать на меня свое воздействие.

– Что за вопрос мне полагалось задать?

– Если то, что мы видим на стенках, является нашим отражением, значит то, что отражается, должно быть реальной вещью, – сказал он, улыбаясь.

– Это хороший довод, – сказал я шутливым тоном.

Мой разум мог легко принять этот аргумент.

– Это отражение является нашей картиной мира, – сказал он. – Эта картина – описание, которое давалось нам с момента нашего рождения, пока все наше внимание не оказывалось захваченным ею, и описание не стало взглядом на мир.

Задачей учителя является перестроить этот взгляд, подготовить светящееся существо к тому времени, когда бенефактор откроет

пузырь снаружи.

Он сделал еще одну рассчитанную паузу и еще одно замечание относительно отсутствия у меня внимания, судя по моей неспособности вставить подходящее замечание или вопрос.

– Каким должен быть мой вопрос?

– «Почему пузырь должен быть открыт?» – ответил он.

Он громко рассмеялся и похлопал меня по спине, когда я сказал: – Это хороший вопрос.

– Конечно! – воскликнул он. – Он должен быть хорошим для тебя, потому что он – один из твоих собственных.

Пузырь открывается для того, чтобы позволить светящемуся существу увидеть свою целостность, – продолжал он. –

Естественно, что назвать это «пузырем» – только способ говорить. Но в данном случае это очень точный способ.

Деликатный маневр введения светящегося существа в его собственную целостность требует, чтобы учитель работал внутри пузыря, а бенефактор – снаружи. Учитель перестраивает картину мира. Я назвал эту картину островом *тональ*. Я сказал, что все, чем мы являемся, находится на этом острове. Объяснение магов говорит, что остров *тональ* создан нашим восприятием, выученным концентрироваться на определенных элементах.

Каждый из этих элементов и все они, вместе взятые, образуют нашу картину мира. Работа учителя относительно восприятия ученика состоит в перенесении всех элементов острова на одну половину пузыря. К настоящему времени ты, должно быть, понял, что чистка и перестройка острова *тональ* означает перегруппировку всех этих элементов на сторону *разума*. Моей задачей было разделить твою обычную картину мира; не уничтожить ее, а заставить ее перекатиться на сторону *разума*. Ты сделал это лучше чем любой, кого я знаю.

Он нарисовал воображаемый круг на камне и разделил его пополам вертикальным диаметром. Он сказал, что учитель с помощью своего искусства заставляет ученика сгруппировать всю свою картину мира на правой стороне пузыря.

– Почему правая половина? – спросил я.

– Это сторона *тоналя*, – сказал он. – Учитель всегда обращается к ней и, с одной стороны, познакомив своего ученика с путем воина, он заставляет его быть разумным, трезвым и сильным душой и телом. А с другой – он сталкивает его с невыносимыми, но

реальными ситуациями, с которыми ученик не может справиться. Таким образом он заставляет его понять, что его *разум*, хотя и является чудеснейшей вещью, может охватить лишь очень небольшую поверхность. Как только воин столкнулся с невозможностью все охватить *разумом*, он сходит со своей дороги, чтобы поддержать и защитить свой поверженный *разум*. Чтобы добиться этого, он соберет все, что у него есть, вокруг него. Учитель следит за этим, безжалостно подхлестывая его, пока вся его картина мира не окажется на одной стороне пузыря. Другая половина пузыря – та, что очистилась, теперь может быть заполнена тем, что маги называют *волей*.

Очевидно, яснее будет сказать, что задача учителя – начисто отмыть одну половину пузыря и заново сгруппировать все на другой половине. Потом задачей бенефактора будет открыть пузырь на той стороне, которая была очищена. После того, как печать сорвана, воин уже никогда не бывает тем же самым. Он теперь может управлять своей целостностью. Половина пузыря является абсолютным центром *разума, тоналем*. Другая половина – абсолютным центром *воли, нагуалем*. Вот какой порядок должен превалировать, любая другая аранжировка бессмысленна и мелочна, потому что она идет против нашей природы. Она крадет у нас наше магическое наследие и превращает нас в ничто. Дон Хуан поднялся, потянулся и прошелся, чтобы расправить мускулы. К этому времени слегка похолодало. Я спросил его, закончили ли мы.

– Ну, представление еще даже не начиналось, – воскликнул он и засмеялся. – Это было только вступление.

Он взглянул на небо и указал на запад небрежным движением руки.

– Примерно через час *нагуаль* будет здесь, – сказал он, улыбнулся и снова сел.

– У нас осталось еще кое-что, – продолжал он. – Маги называют это секретом светящихся существ, и вот этот секрет: мы – воспринимающие. Мы, люди, и другие светящиеся существа на Земле являемся воспринимающими. Это наша беда – пузырь восприятия. Мы ошибаемся, считая, что единственное достойное признания восприятие приходит к нам через *разум*. Маги считают, что разум – это только один из центров, и он не должен столь многое принимать как само собой разумеющееся.

Хенаро и я рассказывали тебе о восьми точках, которые

составляют целостность нашего пузыря восприятия. Ты знаком с шестью из них. Сегодня мы с Хенаро еще раз прочистим твой пузырь восприятия, и после этого ты познакомишься с оставшимися двумя точками.

Он резко сменил тему и попросил меня дать ему подробный отчет о моих впечатлениях предыдущего дня, начиная с момента, когда я увидел камни у дороги. Он не делал никаких замечаний и ни разу не прервал меня. Закончив отчет, я добавил свое собственное наблюдение. Утром я говорил с Нестором и Паблитом, и они рассказали мне о своих собственных наблюдениях, очень похожих на мои. Я исходил из того, что *нагуаль*, как говорил мне сам дон Хуан, был индивидуальным опытом, свидетелем которого может быть только наблюдатель. В предыдущий день там было три наблюдателя, и все мы были свидетелями более или менее одной и той же вещи. Различие выражалось только в разном способе чувствовать и реагировать на отдельные детали общего явления. – То, что случилось вчера, было демонстрацией *нагуаля* для тебя, Нестора и Паблитом. Я их бенефактор. Мы с Хенаро исключили центр *разума* у всех троих. У нас двоих достаточно силы, чтобы заставить вас согласиться между собой относительно события, свидетелями которого вы были. Несколько лет назад мы с тобой встретились с группой учеников однажды ночью. Однако у одного меня не хватило силы, чтобы заставить вас видеть одну и ту же вещь.

Судя по моему рассказу о восприятии предыдущего дня и из того, что он *увидел* во мне, он заключил, что я готов к объяснению магов. Он добавил, что готов и Паблитом, но не был уверен относительно Нестора.

– Быть готовым к объяснению магов – очень трудное достижение, – сказал он. – Оно не должно быть таковым, но все мы цепляемся за индуглирование в наших привычных взглядах на мир. В этом отношении ты, Нестор и Паблитом одинаковы. Нестор прячется за своим смущением и застенчивостью, Паблитом – за своим обезоруживающим очарованием, а ты – за своим упрямством и словами. Все это черты, которые не кажутся угрожающими, но до тех пор, пока вы трое настаиваете на их использовании, ваши пузыри восприятия еще не очищены и объяснение магов не будет иметь смысла.

Я пошутил, что это знаменитое объяснение магов преследует меня

уже давным-давно. Однако чем ближе я к нему подхожу, тем оно сильнее удаляется. Я собирался добавить еще одно шутивное замечание, но вдруг он выхватил эти слова прямо у меня из рта. – Не окажется ли в конце концов, что объяснение магов – это просто липа? – спросил он, смеясь.

Он похлопал меня по спине, и, казалось, был доволен, как ребенок, радующийся празднику.

– Хенаро цепляется за закон, – сказал он доверительным тоном. – Ничего не поделаешь с этим пресловутым объяснением. Моя бы воля, так я бы дал его тебе давным-давно. Не делай на него слишком большую ставку.

Он поднял голову и посмотрел в небо.

– Теперь ты готов, – сказал он драматическим и мрачным тоном. – Пора идти, но прежде, чем мы покинем это место, я должен сказать тебе одну последнюю вещь. Тайна или секрет объяснения магов состоите том, что оно имеет дело с развертыванием крыльев восприятия.

Он положил руки на мою записную книжку и сказал, что мне следует пойти в кусты и позаботиться о своих телесных функциях. После этого я должен снять свою одежду и оставить ее в узле прямо тут, где мы находимся. Я посмотрел на него вопросительно, и он объяснил, что мне следует быть обнаженным, но я могу оставить свои ботинки и шляпу.

Я настаивал на том, чтобы узнать, почему я должен быть голым. Дон Хуан засмеялся и сказал, что причина эта довольно личного характера и связана она с моим собственным удобством, и это я сам должен был сказать ему, что хочу раздеться. Его объяснение озадачило меня. Мне казалось, что он разыгрывает со мной какую-то шутку, или просто отвлекает мое внимание. Я хотел знать, зачем он делает это.

Он напомнил мне об инциденте, который произошел со мной несколько лет назад, когда мы находились в горах Северной Мексики с доном Хенаро. В тот день они объясняли мне, что «разум» явно не может охватить всего происходящего в мире. Чтобы дать мне убедительную демонстрацию этого, дон Хенаро выполнил великолепный прыжок как «нагуаль» и «удлинил» себя так, что достиг пиков гор в пятнадцати милях от нас. Дон Хуан сказал, что я прозевал самое главное, и в том, что касалось моего «разума», демонстрация дона Хенаро была неудачей, но с точки

зрения моей телесной реакции – это было событие.

Я хорошо помнил ту телесную реакцию, о которой говорил дон Хуан. Я видел, как дон Хенаро исчез у меня перед глазами, словно его сдул ветер. Его прыжок произвел на меня такое сильное впечатление, что я почувствовал себя так, как будто его движение прорвало что-то у меня в кишечнике. Мне пришлось раздеться. Мое неудобство и раздражение были беспредельны. Пока я добрался до своей машины, мне пришлось идти голым, надев только шляпу, по дороге, где было довольно большое движение. Дон Хуан напомнил мне, что именно тогда я сказал ему, чтобы он не позволял мне больше портить свою одежду.

После того, как я разделся, мы пошли к большой скале в нескольких сотнях футов впереди. Скала нависла над ущельем. Он заставил меня заглянуть вниз. Там была глубина не менее ста футов. Затем он сказал мне, чтобы я выключил свой внутренний диалог и прислушался к звукам вокруг нас.

Через несколько мгновений я услышал звук камешка, задевающего скалу по пути на дно ущелья. Я слышал каждый удар гальки с невероятной ясностью. Затем я услышал, как еще один камешек был брошен вниз, затем еще один. Я поднял голову, чтобы направить свое левое ухо сторону, откуда исходил звук, и увидел дона Хенаро, сидящего на вершине скалы в пятнадцати футах от нас. Он небрежно бросал камешки в ущелье.

Он закричал и засмеялся, когда понял, что я его вижу, и сказал, что прятался здесь и ожидал, когда я его найду. Я испытал момент замешательства. Дон Хуан несколько раз прошептал мне на ухо, что мой *разум* не приглашен на это событие и что я должен отбросить несносное желание все контролировать. Он сказал, что *нагуаль* был восприятием только для меня и что именно по этой причине Паблито не видел *нагуаль* в моей машине. Как бы читая мои мысли, он добавил, что хотя только я один мог быть свидетелем *нагуаля*, но все же это был сам дон Хенаро.

Дон Хуан взял меня за руку и, как бы играя, подвел к месту, где сидел дон Хенаро. Дон Хенаро поднялся и подошел ко мне поближе. Его тело излучало жар, который я мог видеть. От его сияния у меня закружилась голова. Он подошел ко мне сбоку, приблизил губы к моему уху, не касаясь его, и начал шептать. Дон Хуан тоже начал шептать мне в другое ухо. Их голоса слились. Оба они стали повторять одни и те же слова. Они говорили, что я

не должен бояться, и что у меня есть длинные мощные нити, которые существуют не для того, чтобы защищать меня, потому что защищать нечего, и не для того, чтобы обороняться, они здесь для того, чтобы вести меня в моем восприятии *нагуаля*, как мои глаза ведут меня в моем нормальном восприятии *тоналя*. Они сказали, что мои нити находятся повсюду вокруг меня, что благодаря им я могу воспринимать все сразу и что одной-единственной нити достаточно, чтобы прыгнуть в ущелье или чтобы прыгнуть со дна ущелья на скалу.

Я слышал все, что они шептали. Каждое слово, казалось, имело для меня свое особое значение. Я мог ухватить каждый его оттенок, как если бы я был записывающим устройством. Они оба уговаривали меня прыгнуть на дно ущелья. Они сказали, что я должен вначале ощутить свои нити, затем изолировать одну, которая ведет вниз на дно ущелья, и следовать ей. Когда они произносили свои инструкции, их слова вдруг действительно стали соответствовать моим ощущением. Во всем моем теле появилось какое-то крайне интересное состояние, которое само по себе невыразимо, но приближалось к ощущению «длинного почесывания». Мое тело действительно могло ощущать дно ущелья, и я чувствовал это как щекотку в каком-то неопределенном месте тела.

Дон Хуан и дон Хенаро продолжали убеждать меня скользнуть по этому чувству, но я не знал, как это сделать. Затем я стал слышать голос только одного дона Хенаро.

Он сказал, что собирается прыгнуть вместе со мной. Он схватил меня, или толкнул, или обнял, и бросился вместе со мной в бездну. У меня появилось чувство сильной физической боли. Мой живот как будто пережевывали и пожирали. Это была смесь боли и удовольствия такой интенсивности и длительности, что я мог только кричать, кричать и кричать, насколько у меня хватало воздуха в легких. Когда это чувство уменьшилось, я увидел невероятно перепутанную смесь искр и темных масс, лучей света и облакоподобных образований. Я не мог сказать, открыты мои глаза или закрыты, и вообще где находится мое тело. Затем появилось то же физическое чувство, хотя и не столь выраженное, как в первый раз, потом мне показалось, что я проснулся и оказался стоящим на скале вместе с доном Хуаном и доном Хенаро.

Дон Хуан сказал, что я опять валял дурака, что бесполезно, было

прыгать, если мое восприятие прыжка собиралось быть таким хаотическим. Они оба бесчисленное количество раз шептали мне в уши, что *нагуаль* сам по себе бесполезен, что он должен умеряться *тоналем*. Они сказали, что я должен прыгнуть охотно и осознать свой поступок.

Я колебался не столько потому, что боялся, сколько из-за того, что мне ужасно не хотелось этого. Я ощущал свои колебания, как если бы мое тело болталось из стороны в сторону, как маятник. Затем какое-то странное настроение овладело мной, и я прыгнул всем своим физическим телом. Думать во время прыжка я не мог. Я видел как бы сквозь туман стены узкого ущелья и острые камни на дне. У меня не было последовательного восприятия моего спуска. Вместо этого возникло ощущение, что я действительно нахожусь на земле на дне ущелья. Я различал каждую деталь камней в небольшом кругу вокруг себя. Мой обзор был не направленным и стереоскопичным с уровня глаз, но плоским и круговым. Через секунду меня охватила паника, и что-то дернуло меня вверх, как йо-йо (мячик на резинке). Дон Хуан и дон Хенаро заставили меня выполнять прыжок вновь и вновь. После каждого прыжка дон Хуан уговаривал меня, чтобы я не напрягался и меньше сопротивлялся. Он повторял вновь и вновь, что секрет магов при использовании *нагуаля* заключается в нашем восприятии. Что прыжки были просто упражнением в восприятии и что упражнение закончится только тогда, когда я смогу воспринимать как совершенный *тональ* то, что находится на дне ущелья.

В какой-то момент у меня возникло невообразимое состояние. Я полностью и трезво осознавал, что стою на краю скалы, а дон Хуан и дон Хенаро шепчут мне в уши. А затем, в следующее мгновение, я смотрел на дно ущелья. Все было совершенно нормальным. К тому времени уже почти совсем стемнело, но света было еще достаточно, чтобы можно было абсолютно все различать, как в мире моей повседневной жизни. Я рассматривал какие-то кусты, когда услышал внезапный звук – камень, падающий вниз. Мгновенно я увидел хороших размеров камень, несущийся вниз по скале прямо на меня. Как при вспышке был виден и дон Хенаро, сбрасывавший его.

Я испытал чувство паники, и мгновение спустя был втянут обратно на вершину скалы. Я оглянулся в поисках дон Хенаро. Его нигде не было. Дон Хуан со смехом сказал, что дон Хенаро нас

покинул, так как он не мог больше выносить моей вони. Тут я с отвращением понял, что действительно нахожусь в весьма неприглядном виде. Дон Хуан был прав, когда заставил меня снять одежду. Он повел меня к ручью и отмывал, набирая моей шляпой воду и бросая ее на меня, как моют лошадей. Одновременно он отпускал смешные замечания относительно того, что спас мои штаны.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава третья

ПУЗЫРЬ ВОСПРИЯТИЯ

Я провел целый день один в доме дона Хенаро. Большую часть дня я спал. Дон Хуан вернулся к концу дня, и мы в полном молчании прогулялись до ближайшей горной гряды. В сумерках мы остановились и сели на краю глубокого провала. Мы оставались там, пока не стемнело, и тогда дон Хуан повел меня к другому месту поблизости – громадному обрыву – утесу с совершенно отвесной каменной стеной. Утес нельзя было заметить с той тропинки, которая к нему вела, однако дон Хуан показывал мне его несколько раз раньше. Он заставил меня взглянуть через край и сказал, что весь утес был местом силы, особенно его основание, расположенное в каньоне на несколько сот футов ниже. Каждый раз, когда я смотрел на него, я испытывал неприятный озноб. Каньон всегда был темным и угрожающим. Прежде чем мы достигли этого места, дон Хуан сказал, что дальше мне следует идти одному и встретиться с Паблито на краю утеса. Он рекомендовал, чтобы я расслабился и выполнил бег силы, чтобы смыть свою нервную усталость.

Дон Хуан шагнул в сторону влево от тропы, и темнота просто поглотила его. Я хотел остановиться и посмотреть, куда он делся, но тело мне не повиновалось. Я побежал, хотя устал настолько, что едва мог держаться на ногах. Добравшись до утеса, я никого там не увидел и продолжал бежать на месте, тяжело дыша. Через некоторое время я немного расслабился. Я стоял неподвижно, прислонившись спиной к камню, и тут заметил фигуру человека в нескольких футах от меня. Казалось, он прятал лицо в ладонях. Я вначале очень испугался и дернулся, как пружина, но затем решил, что это, должно быть, Паблито, и без всяких колебаний подошел к нему. Я громко позвал Паблито по имени, полагая, что он не узнал меня и так испугался, что прикрыл голову, чтобы ничего не видеть. Но прежде чем я коснулся его, какой-то необъяснимый страх овладел мною. Мое тело застыло на месте с протянутой рукой, уже готовой к прикосновению. Человек поднял голову. Это был не

Паблито! Его глаза сверкали, как два огромных зеркала, как глаза тигра. Мое тело отскочило назад. Мышцы напряглись, а затем сняли оцепенение без малейшего вмешательства со стороны моей воли. Я выполнил прыжок назад, такой быстрый и сильный и такой огромный, что в нормальных обстоятельствах я бы непременно погрузился в грандиозную спекуляцию по этому поводу. Как бы там ни было, но мой страх был настолько вне всяких пределов, что у меня не было ни малейшей склонности к размышлению. Я убежал бы отсюда со скоростью звука, если бы кто-то не схватил меня за руку. Это ощущение швырнуло меня в состояние полнейшей паники. Я закричал. Мой крик вместо того, чтобы быть визгом, как я ожидал, прозвучал длинным, захватывающим дух воплем.

Я повернулся к своему противнику. Это был Паблито, который трясся еще больше, чем я. Моя нервозность достигла предела. Я не мог разговаривать, зубы стучали, по спине бегали мурашки, заставляя меня непроизвольно дергаться. Я вынужден был дышать через рот. Паблито сказал между щелканьем зубов, что «нагуаль» подждал его и что он едва спасся от его клыков, когда наткнулся на меня, а я чуть не убил его своим воплем. Пытаясь засмеяться, я издал самые жуткие звуки, какие только можно вообразить. Немного успокоившись, я рассказал Паблито, что, очевидно, то же самое произошло и со мной. Неожиданным для меня итогом происшедшего явилось полное исчезновение усталости. Вместо этого я ощущал невероятный прилив сил и хорошего самочувствия. Паблито, казалось, испытывал то же ощущение. Мы начали глупо и нервно посмеиваться.

Я услышал в отдалении шорох мягких и осторожных шагов. Паблито, очевидно, еще не слышал их и отреагировал на то, что я застыл. Я был уверен, что кто-то приближался к месту, где мы стояли. Мы повернулись в направлении звука. Секунду спустя появились силуэты дона Хуана и дона Хенаро. Они шли медленно и остановились в четырех-пяти футах от нас. Дон Хуан стал лицом ко мне, а дон Хенаро – к Паблито. Я хотел рассказать дону Хуану, как что-то испугало меня до безумия, но Паблито схватил меня за руку. Я знал, что он имеет в виду. Что-то странное было в донях Хуане и Хенаро. Когда я посмотрел на них, мои глаза начали выходить из фокуса.

Дон Хенаро сказал что-то резко и повелительно. Я не понял, что он

сказал, но «знал», что он приказывает нам не скашивать глаза. – Темнота опустилась на мир, – сказал дон Хуан, глядя на небо. Дон Хенаро начертил на земле ущербный месяц. Мгновение мне казалось, что он использовал какой-то светящийся мел, но затем я сообразил, что в руках у него ничего нет. Я воспринимал воображаемый полумесяц, который он нарисовал своим пальцем. Он велел мне и Паблито сесть на внутреннюю кривую выпуклого края, в то время как дон Хуан и он сели на концы полумесяца, скрестив ноги, в четырех-пяти футах от нас.

Первым заговорил дон Хуан. Они собирались показать нам своих союзников. Он сказал, что если мы посмотрим внимательно, то у каждого из них сбоку у пояса сможем увидеть что-то вроде тряпки или носового платка, подвешенного к поясу. Дон Хенаро добавил, что помимо тряпочек у них на поясах были две круглые, похожие на пуговицы штуковины, и что мы должны смотреть на их пояса до тех пор, пока не увидим и «тряпочки», и «пуговицы».

Прежде чем дон Хенаро договорил, я уже заметил какие-то плоские предметы, подобные кускам ткани, и по одному круглому камешку, которые висели у каждого из них на поясе. *Союзники* дона Хуана были более темными и каким-то образом более угрожающими, чем у дона Хенаро. Моей реакцией была смесь любопытства и страха. Я реагировал животом, поскольку ни о чем не мог судить разумным образом.

Дон Хуан и дон Хенаро коснулись своих поясов, и, казалось, отцепили темные кусочки ткани. Они взяли их левыми руками. Дон Хуан подбросил свой в воздух у себя над головой, но дон Хенаро позволил своему мягко опуститься на землю. Кусочки ткани распахнулись, как будто хозяева, подбросив, заставили их расстелиться, как совершенно гладкие носовые платки. Они опускались, медленно ныряя, как воздушные змеи. Движение союзника дона Хуана было точно таким же, как несколько дней назад, когда он кружил возле меня. Когда «кусочки ткани» приблизились к земле, они стали твердыми, круглыми и массивными, но сначала они свернулись, как бы упав на дверную ручку, а затем расправились.

Платок дона Хуана вырос в объемную тень. Она выступила вперед и двинулась к нам, дробя мелкие камни и твердые куски земли. Она подошла к нам на три-четыре фута до самого углубления полумесяца между доном Хуаном и доном Хенаро. В какой-то

момент мне показалось, что она собирается прокатиться через нас и растереть нас в пыль. Мой ужас в этот миг был подобен пылающему огню. Тень передо мной была гигантской, наверное, около четырнадцати футов высотой и шести – в ширину, и она двигалась, как бы чувствуя дорогу без всяких глаз. Она дергалась и раскачивалась. Я знал, что она разыскивает меня. Паблито в этот момент прижал голову к моей груди. Ощущение, которое вызвало его движение, рассеяло часть пугающего внимания, которое я сфокусировал на тени. Тень, казалось, стала рассыпаться, судя по ее беспорядочным рывкам, а затем скрылась из виду, слившись с окружающей темнотой. Я потряс Паблито. Он поднял голову и издал сдавленный крик. Я взглянул вверх. На меня смотрел незнакомый человек. Он, видимо, был раньше позади тени, может быть, прятался за ней. Он был довольно высоким и стройным, совсем без волос. У него было длинное лицо, и вся левая сторона его головы была покрыта какой-то болячкой или экземой. Его глаза дико горели, рот был полуоткрыт. На нем был какой-то странный костюм, похожий на пижаму со слишком короткими штанами. Я не мог различить, был ли он обут. Он долгое время стоял, глядя на нас и как бы ожидая просвета, чтобы броситься на нас и разорвать в клочья. Такая ярость была в его глазах... Это была не ненависть или жестокость, скорее – животное желание растерзать. Я больше не мог выдерживать напряжения и хотел принять боевую позицию, которой дон Хуан обучил меня несколько лет назад. И я бы так и сделал, если бы Паблито не зашептал, что союзник не может пересечь линию, которую дон Хенаро нарисовал на земле. До меня дошло, что там действительно была яркая линия, которая, казалось, отделяла все, что было перед нами.

Через секунду человек двинулся влево и исчез, как и тень перед ним. У меня было ощущение, что дон Хуан и дон Хенаро отзывали их назад.

Последовала короткая спокойная пауза. Я больше не видел на концах полумесяца дона Хуана и дона Хенаро. Внезапно раздался звук падения двух маленьких камешков на твердую каменистую почву рядом с нами, и мгновенно весь участок перед нами был освещен расплывчатым желтоватым светом. Прямо перед нами находилось огромное хищное животное – тошнотворно выглядевший койот или волк. Все его тело было покрыто чем-то

белесым, словно пот или слюна. Его шерсть была мокрой и взлохмаченной, глаза – дикими. Он взвыл со слепой яростью, которая бросила меня в дрожь. Его челюсти дрожали, и клочья слюны разлетались вокруг. Он загребал лапами землю, как бешеная собака, пытающаяся сорваться с цепи. Затем он поднялся на задние лапы и стал быстро перебирать передними, щелкая челюстями. Вся его ярость, казалось, была сконцентрирована на том, чтобы сломать какой-то барьер перед нами.

Я осознал, что мой страх перед этим бешеным животным был другого сорта, чем страх перед теми двумя привидениями. К этому животному я испытывал отвращение и ужас. Я в полном бессилии смотрел на его ярость. Внезапно оно, казалось, потеряло свою дикость и скрылось из виду.

Затем я услышал или почувствовал, как еще что-то приближается к нам. Совершенно внезапно перед нами появилась фигура колоссального зверя из семейства кошачьих. Сначала я видел только ее глаза в темноте. Они были огромными и неподвижными, как два озера, отражающие свет. Она всхрипнула и зарычала тихо и грозно, потом выдохнула воздух и стала метаться взад-вперед перед нами, не отрывая от нас глаз. Она не обладала тем электрическим свечением, какое было у койота, и я не мог четко рассмотреть ее контуров, но знал, что ее присутствие было бесконечно более опасным, чем присутствие другого зверя. Она как будто копила силу для нападения. Я чувствовал, что этот зверь настолько смел, что может превзойти свои границы. Паблито, должно быть, был такого же мнения, потому что он прошептал, что мне следует пригнуть голову и лечь почти вплотную к земле. Через секунду кошка атаковала. Она побежала прямо на нас, а затем прыгнула, вытянув лапы вперед. Я закрыл глаза и обхватил голову руками, прижавшись к земле. Животное разорвало защитную линию, которую дон Хенаро начертил вокруг нас, и уже находилось прямо над нами. Я чувствовал ее вес, прижимающий меня к земле. мех ее живота терся о мою шею. Казалось, ее передние лапы в чем-то завязли, и она дергалась, чтобы освободиться. Я ощущал ее рывки и дерганья, слышал ее дьявольское шипение. Тут я понял, что пропал. У меня появилось неопределенное чувство разумного выбора, и я хотел спокойно отдаться своей судьбе и умереть здесь, но я боялся физической боли умирания при таких ужасных обстоятельствах. Затем какая-

то странная сила вырвалась из моего тела. Казалось, тело отказывалось умирать и собрало всю свою силу в левое плечо и руку. Я почувствовал мощную волну, прошедшую по ним. Что-то неконтролируемое охватило мое тело. Нечто такое, что заставило меня столкнуться с нас массивный и опасный груз зверя. Паблито реагировал точно так же, и мы оба поднялись сразу. Так много энергии было высвобождено нами обоими, что животное отлетело, как тряпичная кукла.

Напряжение было огромным. Я свалился на землю, хватая воздухом. Мышцы моего живота были так напряжены, что я не мог дышать. Я не обращал внимания на Паблито и на то, что он делает. Наконец я заметил, что дон Хуан и дон Хенаро помогают мне сесть. Я увидел Паблито, распростертого на земле лицом вниз. Казалось, он потерял сознание. Усадив меня, они взялись за Паблито. Они растирали его живот и спину, и через некоторое время он мог сесть сам.

Дон Хуан и дон Хенаро уселись на концах полумесяца и начали двигаться перед нами, как по какому-то невидимому рельсу, который они использовали, чтобы менять свое положение туда и сюда с одного конца полумесяца на другой. От их движения у меня закружилась голова. Наконец они остановились рядом с Паблито и начали шептать ему в уши. Через секунду они поднялись все трое сразу и пошли к краю утеса. Дон Хенаро поднял Паблито, как ребенка. Тело Паблито было твердым, как доска. Дон Хуан взял его за щиколотки. Они раскрутили его, чтобы набрать инерцию и силу, а затем отпустили, забросив его тело через край утеса в бездну.

Я видел тело Паблито на фоне темного западного неба. Оно описывало круги, точно так же, как раньше это делал дон Хуан. Круги были медленными. Паблито, казалось, набирал высоту, вместо того, чтобы падать. Затем круги стали ускоряться. На секунду тело Паблито зависло, завертелось, как диск, а затем растаяло. Мне показалось, что он исчез в воздухе. Дон Хуан и дон Хенаро подошли ко мне, опустились на корточки и стали шептать мне в уши. Каждый из них говорил разное, но у меня не было затруднений в том, чтобы выполнять их команды. Казалось, я был «расщеплен» в тот же момент, когда они сказали свои первые слова. Я почувствовал, что они делают со мной то же самое, что и с Паблито. Дон Хенаро раскрутил меня, и потом у меня на какой-

то момент появилось совершенно сознательное ощущение вращения в воздухе или парения. Затем я несясь сквозь воздух, падая вниз на землю с огромной скоростью. Падая, я чувствовал, что моя одежда срывается с меня, затем испарилось мое тело, и, наконец, осталась только голова.

У меня было очень ясное ощущение, что мое тело расчленилось. Исчез мой чрезмерный вес, и падение потеряло инерцию, а скорость уменьшилась. Мое снижение не было больше пикированием. Я начал парить взад-вперед, как падающий лист, затем голова тоже лишилась веса, и все, что осталось от «меня», было квадратным сантиметром, комочком, тонкой линзой. Все мои чувства были сконцентрированы в этом комочке. Затем это оставшееся нечто как будто взорвалось и разлетелось на тысячу кусков. Я знал, или что-то знало, что я осознаю тысячью кусков сразу. Я был самым осознанием. Затем какая-то часть моего осознания начала собираться. Она росла, увеличивалась. Она стала локализованной, и мало-помалу я обрел чувство границ осознания или что-то вроде этого. И внезапно тот «я», который был мне знаком, превратился в захватывающий дух калейдоскоп всех воображимых комбинаций «прекрасных» сцен. Я как будто смотрел на тысячи картин мира, людей и вещей.

Затем картина стала туманной. У меня было ощущение, что сцены проносятся перед моими глазами на все более высокой скорости, пока ни одну из них я уже не мог выделить. Наконец передо мной словно предстало все устройство мира, несущегося перед моими глазами, как неразрывная бесконечная цепь.

Внезапно я увидел себя стоящим на скале рядом с доном Хуаном и доном Хенаро. Они прошептали, что выдернули меня назад, и что я был свидетелем неизвестного, о котором никто не может говорить. Они сказали, что собираются швырнуть меня в него еще раз и что я должен позволить крыльям своего восприятия развернуться так, чтобы они коснулись одновременно и *тоналя*, и *нагуаля*, а не бросались от одного к другому.

У меня опять было ощущение, что меня развернули, бросили, ощущение падения, вращения на большой скорости. Затем я взорвался, распался. Что-то во мне поддалось. Тут я полностью осознал, что во мне затронут некий секретный резервуар, и что его содержимое неудержимо хлынуло наружу. Освободилось нечто такое, что я всю жизнь держал замкнутым. Больше не

существовало того сладкого единства, которое я называл «я». Не было ничего, и, тем не менее, это ничто было наполнено до краев. Это не была темнота или свет. Это не был холод или жара. Это не было приятно или неприятно. Не то чтобы я двигался, или парил, или был неподвижен. И не был я также единой частицей, самим собой, каким я привык быть. Я был мириадами частиц, которые все были мной. Колонии разделенных частиц, которые имели особую связь друг с другом и могли объединиться, чтобы неизбежно сформировать единое осознание, мое человеческое осознание. Не то чтобы я знал все это без тени сомнения, потому что мне нечем было «знать», но все мое единое осознание «знало», что «я» и «меня» знакомого мира было колонией, конгломератом раздельных и независимых ощущений, неразрывно связанных между собой. Именно эта неразрывная связь моих бесчисленных осознаний, то отношение, которые эти части имели друг к другу, и была моей жизненной силой.

Для описания этого объединенного ощущения можно было бы сказать, что крупинки осознания были рассеяны. Каждая из них осознавала себя, и ни одна не была более важной, чем другая. Затем что-то согнало их, и они объединились, и оказались в области, где все должны были слиться в одно облако, в «меня», которого я знал. Когда «я», «я сам» оказывался таким, то я мог быть свидетелем связных сцен деятельности мира, сцен, которые относились к другим мирам, и таких, которые, как я полагал, были чистым воображением, или сцен, которые относились к «чистому мышлению», то есть я видел интеллектуальные системы или идеи, стянутые вместе для словесного выражения. В некоторых сценах я от души разговаривал сам с собой. После каждой из этих связных картин «я» распадался в ничто опять.

Во время одной из таких экскурсий в связную картинку я оказался на скале с доном Хуаном. Я мгновенно сообразил, что я – это тот «я», с которым я знаком. Я физически ощутил себя как реального. Я, скорее, был в мире, чем смотрел на него.

Дон Хуан обнял меня, как ребенка. Я мог видеть его глаза в темноте. Они были добрыми. Казалось, в них был вопрос. Я знал, что это за вопрос. Невыразимое действительно было невыразимым. – Ну? – сказал он тихо, как если бы ему нужно было мое подтверждение.

Я был бессловесен. Слова «онемелый», «ошеломленный»,

«смущенный» и так далее ни в коей мере не могли описать моих чувств в данный момент. Я не был плотным. Я знал, что дону Хуану пришлось схватить и удерживать меня силой на земле, иначе бы я взлетел в воздух и исчез. Я не боялся исчезнуть. Меня страстно тянуло в «неизвестное», где мое осознание не было объединенным.

Надавливая на мои плечи, дон Хуан медленно привел меня к тому месту, где находился дон Хенаро. Он заставил меня лечь, а затем покрыл мягкой землей из кучи, приготовленной заранее. Он засыпал меня до шеи. Из листьев он сделал мягкую подушку, на которой могла лежать моя голова, и велел мне не двигаться и ни в коем случае не спать. Он сказал, что собирается сидеть рядом, и составлять мне компанию до тех пор, пока земля вновь не сделает твердой мою форму.

Я чувствовал себя очень удобно, только невыносимо хотел спать. Дон Хуан не позволял. Он требовал, чтобы я разговаривал о чем угодно, только не о том, что я испытал. Сначала я не знал, что сказать, а затем спросил о доне Хенаро. Дон Хуан сказал, что дон Хенаро забрал Паблито и зарыл поблизости, делая с ним то же, что он со мной.

Я как будто и хотел поддержать разговор, но что-то во мне не было цельным. Мне все было необыкновенно безразлично; моя усталость больше походила на скуку. Похоже, дон Хуан знал, что я испытываю. Он заговорил о Паблито и о связи наших судеб. Он сказал, что стал бенефактором Паблито в то же время, когда дон Хенаро стал его учителем, и что сила сводила меня с Паблито шаг за шагом. Он заметил, что единственным различием между Паблито и мною было то, что мир Паблито как воина находился в царстве страха и давления, а мой управлялся любовью и свободой. Дон Хуан объяснил, что это вызвано различием в личностях бенефакторов. Дон Хенаро был мягким, привлекательным, забавным, тогда как он сам был строгим, сухим и прямым. Он отметил, что моя индивидуальность требовала сильного учителя и нежного бенефактора. Паблито же, напротив, нужен был добрый учитель и суровый бенефактор.

Мы продолжали говорить еще некоторое время, пока не настало утро. Когда над восточными пиками гор появилось солнце, он помог мне выбраться из-под земли.

Я проснулся во второй половине дня, и мы с доном Хуаном сидели

у дверей дома дона Хенаро. Дон Хуан сказал, что дон Хенаро все еще с Паблито и что он подготавливает его к последней встрече.

– Завтра ты и Паблито отправитесь в неизвестное, – сказал он. – Я должен подготовить тебя к этому сейчас. Вы пойдете туда самостоятельно. Прошлой ночью вы оба были как мячики на резинке, а мы дергали вас туда и сюда. Завтра же вы будете предоставлены самим себе.

Меня одолел зуд любопытства, и вопросы о том, что происходило со мной прошлой ночью, хлынули из меня. Мой поток не затронул его.

– Сегодня я должен выполнить самый критический маневр, – сказал он. – Я должен разыграть тебя в последний раз. И ты должен клюнуть на мой трюк.

Он засмеялся и хлопнул себя по ляжкам.

– Первое упражнение, которое Хенаро хотел показать вам прошлой ночью – как маги используют *нагуаль*, – продолжал он. – Нет возможности подобраться к объяснению магов, если по своей воле не используешь *нагуаль* или, скорее, по собственной воле не используешь *тональ* для того, чтобы твои действия в *нагуале* обрели смысл. Еще один способ объяснить все это – сказать, что внимание *тоналя* должно превалировать, если собираешься использовать *нагуаль* так, как это делают маги.

Я сказал ему, что вижу противоречие в его утверждениях. С одной стороны, два дня назад он дал мне невероятнейшее объяснение своих поразительных действий в течение ряда лет, действий, нацеленных на изменение моей картины мира. А теперь он хочет, чтобы эта самая картина превалировала.

– Одно к другому не относится, – сказал он. – Порядок в нашем восприятии является исключительно царством *тоналя*. Только там наши действия могут иметь последовательность, только там они являются лесенкой, на которой можно считать ступеньки. В *нагуале* ничего подобного нет. Поэтому картина *тоналя* – это инструмент. Но он не только лучший инструмент, но и единственный, который мы имеем.

Прошлой ночью пузырь твоего восприятия раскрылся, и его крылья развернулись. Больше мне нечего сказать об этом.

Невозможно объяснить, что с тобой произошло. Я не пытаюсь, и тебе не советую. Достаточно сказать, что крылья твоего восприятия были созданы для осознания твоей целостности.

Прошлой ночью ты вновь и вновь двигался между *нагуалем* и *тоналем*. Тебя швыряли дважды для того, чтобы не осталось возможности ошибок. Второй раз ты испытал полный удар путешествия в неизвестное. И тогда твое восприятие развернуло свои крылья. Что-то внутри тебя поняло свою истинную природу. Ты – пучок.

Это объяснение магов. *Нагуаль* невыразим. Все возможные ощущения, и существа, и личности плавают в нем, как баржи – мирно, неизменно, всегда. Это идея жизни связывает их вместе. Ты сам обнаружил это прошлой ночью. То же с Паблито. И то же было с Хенаро, когда он впервые путешествовал в неизвестное, и со мной. Когда клей жизни связывает все эти чувства воедино, возникает существо, теряющее ощущение своей истинной природы, ослепленное суетой и сиянием места, где оно оказалось – *тоналем*. *Тональ* – это то, где существует всякий объединенный организм. Существо впрыскивается в *тональ*, как только сила жизни связывает все необходимые ощущения. Я однажды говорил тебе, что *тональ* начинается с рождения и кончается смертью. Я говорил это потому, что знаю: как только сила жизни оставляет тело, все эти единые осознания распадаются и возвращаются назад туда, откуда они пришли – в *нагуаль*. То, что делает воин, путешествуя в неизвестном, очень похоже на умирание, только вот его пучок единых ощущений не распадается, а лишь немного расширяется, не теряя своей целостности. В смерти, однако, они тонут глубоко и двигаются независимо, как если бы они никогда не были единым целым.

Я хотел сказать ему, насколько точно он описал мой опыт, но он не дал мне договорить.

– Нет способа говорить о неизвестном, – сказал он. – Можно быть только свидетелем его. Объяснение магов гласит, что у каждого из нас есть центр, из которого можно быть свидетелем *нагуаля*, – это *воля*. Поэтому воин может отправляться в *нагуаль* и позволять своему пучку складываться и перестраиваться всевозможными способами. Я уже говорил тебе, что способ выражения *нагуаля* – это личное дело. Я имел в виду, что от самого воина зависит направление изменения этого пучка. Исходной позицией являются человеческая форма или человеческое существо. Быть может, она нам просто милее. Однако есть бесчисленное количество других форм, которые может принять пучок. Я говорил тебе, что

маг может принять любую форму, какую хочет. Это правда. Воин, владеющий целостностью самого себя, может перераспределить частицы своего пучка любым воображимым способом. Сила жизни – вот что делает такие объединения возможными. Когда сила жизни иссякнет – не будет никакого способа вновь собрать пучок. Я назвал этот пучок пузырем восприятия. Я также говорил, что он упакован, закрыт накрепко, и никогда не открывается до момента нашей смерти. И все же его возможно открыть. Маги явно раскрыли этот секрет, и хотя не все они достигли целостности самих себя, но знали о возможности этого. Они знали, что пузырь открывается только тогда, когда погружаешься в *нагуаль*. Вчера я рассказал тебе обо всех тех шагах, которые ты сделал, чтобы достичь этой точки.

Он пристально посмотрел на меня, как бы ожидая замечаний или вопросов. То, что он сказал мне, было вне замечаний. Я понял, что если бы он сообщил мне все это четырнадцать лет назад, до меня это просто не дошло бы. Так же, как и в любой другой момент моего ученичества. Важным был опыт, полученный мною теперь и ставший фундаментом для объяснения.

– Я жду обычного вопроса, – сказал он, медленно выговаривая каждое слово.

– Какого вопроса? – спросил я.

– Того, который не терпится задать твоему *разуму*.

– Сегодня я устраниюсь от всех вопросов. У меня действительно нет ни одного, дон Хуан.

– Это нечестно, – сказал он смеясь. – Есть особый вопрос, и мне нужно, чтобы ты его задал.

Он сказал, что если я выключу внутренний диалог хоть на мгновение, то смогу понять, что это за вопрос.

У меня появилась внезапная мысль, мгновенное озарение, и я уже знал, чего он хочет.

– «Где находилось мое тело, когда все это происходило со мной?» – выпалил я, и он схватился за живот от смеха.

– И это последний трюк мага, – сказал он. – Скажем так: то, что я собираюсь тебе раскрыть, является последней крупинкой объяснения. До этого момента твой *разум* готов был принять идею, что мир не соответствует обычному описанию, и что в мире есть намного больше всего, чем способен увидеть глаз. *Разум* почти хочет и готов признать, что твое восприятие действительно

скакало вверх и вниз по тому утесу. И какая-то часть тебя или даже весь ты прыгал на дно ущелья и осматривал глазами *тоналя* то, что там находится, как если бы ты спускался туда по веревке или по лестнице. Акт осмотра дна ущелья был венцом всех этих лет тренировки. Ты сделал это хорошо. Хенаро увидел кубический сантиметр шанса, бросая камень в *тебя*, который был на дне ущелья. Ты видел все. Мы с Хенаро поняли тогда без тени сомнения, что ты готов к броску в неизвестное. В тот миг ты не только *видел*, но и знал все о дубле, о *другом*.

Я прервал его, сказав, что он оказывает мне незаслуженное доверие в чем-то таком, что находится вне моего понимания. Он отвечал, что нужно время, чтобы впечатления осели, и как только это произойдет, ответы польются из меня таким же потоком, как в прошлом – вопросы.

– Секрет дубля в пузыре восприятия, который той ночью у тебя был одновременно и на вершине скалы и на дне ущелья, – сказал он. – Пучок чувств можно воспринимать здесь и там одновременно. Он доваривал меня подумать и вспомнить последовательность событий, которые, как он сказал, были столь обычны, что я почти забыл их. Я не мог понять, о чем он говорит. Он уговаривал меня попытаться еще.

– Подумай о своей шляпе, – сказал он. – И подумай о том, что Хенаро с ней сделал.

Я испытал потрясающий момент вспоминания. Я вспомнил, что Хенаро действительно хотел, чтобы я снял свою шляпу, потому что она все время спадала, сдуваемая ветром. Но я не хотел с ней расставаться. Просто я чувствовал себя ужасно глупо, будучи голым. То, что на мне была шляпа, которую я не имел обыкновения носить, дарило странное ощущение: я уже не был реально самим собой. А в таком случае пребывать без одежды не казалось столь уж неловким. Дон Хенаро пытался поменяться со мной, но его шляпа была слишком мала для моей головы. Он отпускал шуточки по поводу размеров моей головы и пропорций моего тела и, в конце концов, снял с меня шляпу и обмотал мою голову старым пончо, как тюрбаном.

Я сказал дону Хуану, что забыл о шляпе, но уверен, что это происходило где-то между так называемыми прыжками. Но ведь мое воспоминание об этих «прыжках» составляло единое, непрерывное целое!

– Они действительно были непрерывным целым. Но таким же целым было шутовство Хенаро с твоей шляпой, – сказал он. – Два этих воспоминания нельзя уложить одно за другим, потому что они происходили одновременно.

Он заставил пальцы своей левой руки двигаться так, будто они не могли пройти между пальцами правой руки.

– Эти прыжки были только началом, – продолжал он. – Затем пришла твоя настоящая экскурсия в неизвестное. Прошлой ночью ты испытывал невыразимое – *нагуаль*. Твой *разум* не может бороться с физическим знанием о тебе как безымянном пучке ощущений. В этой точке твой *разум* даже может признать, что есть другой центр – *воля*, которым можно судить, или оценивать, или использовать необычные эффекты *нагуаля*. Наконец-то твоему *разуму* стало ясно, что *нагуаль* можно отражать через *волю*, хотя объяснить его нельзя никогда.

Но затем приходит твой вопрос: «Где я находился, когда все это происходило? Где было мое тело?» Убеждение, что ты есть реальный «ты» – следствие того, что ты перекатил все, что у тебя было, поближе к *разуму*. В данный момент твой *разум* признает, что твой *нагуаль* невыразим не потому, что его в этом убедили доказательства, но потому, что для него безопаснее признать это. Твой *разум* на безопасной почве, все элементы тоналя на его стороне.

Дон Хуан сделал паузу и внимательно посмотрел на меня. Его улыбка была доброй.

– Пойдем к месту предрасположения дона Хенаро, – сказал он отрывисто.

Он поднялся, и мы пошли к той скале, на которой разговаривали два дня назад. Мы удобно усьелись на тех же местах, прислонившись спиной к камню.

– Постоянной задачей учителя является делать все, чтобы *разум* чувствовал себя в безопасности, – сказал он. – Я трюком подвел твой *разум* к вере в то, что *тональ* объясним и предсказуем. Мы с Хенаро очень потрудились, и у тебя создалось впечатление, что только *нагуаль* находится за границами объяснения.

Доказательством успеха наших маневров служит твоя уверенность в существовании какого-то центра, который ты можешь назвать своим собственным, своим разумом. И это несмотря на все, что ты уже прошел. Это мираж. Твой драгоценный *разум* является только

центром сборки, зеркалом, которое отражает нечто, находящееся вне его. Прошлой ночью ты был свидетелем не только неопишуемого *нагуаля*, но и неопишуемого *тоналя*.

В последнем кусочке объяснения магов говорится, что *разум* только отражает внешний порядок, ничего не зная об этом порядке, и он не может объяснить его точно так же, как не может объяснить *нагуаль*. *Разум* может только свидетельствовать эффекты *тоналя*, но никогда не сможет понять его или разобраться в нем. Уже то, что мы думаем и говорим, указывает на какой-то порядок, которому мы следуем, даже не зная, ни как мы это делаем, ни того, чем является этот порядок.

Тут я привел концепцию исследований западного человека о работе мозга и о возможности объяснения природы этого порядка. Он заметил, что все эти исследования сводятся лишь к признанию, что что-то происходит.

— Маги делают то же самое своей *волей*, — сказал он. — Они говорят, что через *волю* они могут быть свидетелями эффектов *нагуаля*. Я добавлю только, что через *разум*, вне зависимости от того, что мы делаем и как мы это делаем, мы просто свидетельствуем эффекты *тоналя*. В обоих случаях равно нет никакой надежды понять или объяснить, чему именно мы являемся свидетелями.

Прошлой ночью ты в первый раз взлетел на крыльях своего восприятия. Пока ты еще очень боязлив и отважился только на полосу человеческого восприятия. Маг использует эти крылья, чтобы коснуться и иных ощущений. Например, вороны, койота, сверчка, или порядка других миров в этом бесконечном пространстве.

— Ты имеешь в виду другие планеты, дон Хуан?

— Конечно. Крылья восприятия могут унести нас в отдаленнейшие пространства *нагуаля* или невообразимые миры *тоналя*.

— И что, маг может, например, отправиться на Луну?

— Конечно может, — ответил он. — Но он не сможет принести оттуда мешок камней.

Мы посмеялись и пошутили об этом, но его заявление было сделано совершенно серьезно.

— Мы прибыли к окончанию объяснения магов, — сказал он. —

Прошлой ночью мы с Хенаро показали тебе две последние точки, образующие целостность человека, — *нагуаль* и *тональ*. Однажды я говорил тебе, что эти две точки находятся вне нас, и в то же время

это не так. Это парадокс светящегося существа. *Тональ* каждого из нас является просто отражением неопишуемого неизвестного, наполненного порядком, а *нагуаль* каждого из нас является только отражением неопишуемой пустоты, которая содержит все.

Теперь ты должен сидеть на месте предрасположения Хенаро до сумерек. К тому времени ты камня на камне не оставишь от объяснения магов.

Теперь у тебя нет ничего, кроме силы жизни, которая связывает пучок ощущений.

Он поднялся.

– Задача завтрашнего дня в том, чтобы броситься в неизвестное тебе самому, а мы с Хенаро проследим за тобой, не вмешиваясь, – сказал он. – Сядь здесь и выключи свой внутренний диалог. Ты можешь собрать силу, необходимую для того, чтобы развернуть крылья восприятия и полететь в эту бесконечность.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава четвертая

ПРЕДРАСПОЛОЖЕНИЕ ДВУХ ВОИНОВ

Дон Хуан разбудил меня на рассвете. Он вручил мне флягу с водой и сумку с сухим мясом. Около двух миль до места, где я два дня назад оставил машину, мы прошли молча.

– Это путешествие – наше последнее путешествие вместе, – спокойно сказал он, когда мы подошли к машине.

Я ощутил в животе сильный толчок. Я знал, что он имеет в виду. Пока я открывал дверцу, он стоял, прислонившись к переднему бамперу, и смотрел на меня с таким чувством, какого я в нем еще не знал. Мы сели в машину, но прежде, чем я завел мотор, он сделал несколько замечаний, которые я прекрасно понял. Он сказал, что есть еще пара минут, чтобы посидеть в машине и коснуться некоторых чувств очень личного характера.

Я сидел спокойно, но мне было не по себе. Мне хотелось сказать что-нибудь такое, что помогло бы мне хоть немного успокоиться. Но напрасно я искал подходящие слова, формулировку, которая выразила бы то, что я «знал» без слов.

Дон Хуан заговорил о маленьком мальчике, которого я знал когда-то, и о моих чувствах к нему, которые не менялись со временем и расстоянием. Дон Хуан сказал, что он уверен, что всегда, когда я думаю об этом мальчике, моя душа радостно вздрагивает, и я без следа эгоизма и мелочности желаю ему всего самого лучшего.

Он напомнил мне о той истории, что я рассказывал ему когда-то. Истории, так понравившейся ему, и в которой он находил глубокий смысл. Во время одной из наших прогулок в горах близ Лос-Анжелеса маленький мальчик устал идти, и я взял его на плечи. Волна бесконечного счастья охватила нас тогда, и мальчик кричал во все горло слова благодарности солнцу и горам.

– Это был его способ прощания с тобой, – сказал дон Хуан.

У меня болезненно сжалось горло.

– Есть много способов прощания, – сказал он. – Наилучший способ – это удержать конкретное воспоминание радости. Если ты живешь как воин, то тепло, которое ты ощущал, когда мальчик

был на твоих плечах, будет свежим и неизменным все время, пока ты живешь. Это способ прощания воина.

Я поспешно включил мотор и поехал быстрее, чем обычно. Мы ехали по каменистой дороге до тех пор, пока не попали на грунтовую.

Небольшое расстояние мы проехали, а остальной путь прошли пешком. Примерно через час мы пришли к роще. Дон Хенаро, Паблито и Нестор уже ждали нас там. Я поздоровался. Казалось, все они были счастливы и полны энергии. Я посмотрел на них и на дону Хуана, и меня охватило чувство глубокой привязанности к ним всем. Дон Хенаро обнял меня и ласково похлопал по спине. Он сказал Нестору и Паблито, что я прекрасно выполнил прыжки на дно ущелья. Держа руку на моем плече, он обратился к ним громким голосом.

– Да, господа, – сказал он, глядя на них. – Я его бенефактор и знаю, что это было истинным достижением. Это было венцом многих лет жизни воина.

Он повернулся ко мне, положив мне на плечо и другую руку. Глаза его были сияющими и спокойными.

– Мне нечего сказать тебе, Карлитос, – сказал он, медленно произнося каждое слово. – За исключением того, что у тебя необычайное количество экскрементов в кишках.

После чего он и дон Хуан взвыли от смеха так, что, казалось, они вот-вот потеряют сознание. Паблито и Нестор нервно посмеивались, не зная, как себя вести.

Когда они успокоились, Паблито сказал мне, что он не уверен в своей способности пойти в неизвестное самому.

– Я на самом деле я не имею понятия, как это сделать, – сказал он.

– Хенаро говорит, что ничего не нужно, кроме неуязвимости. А ты как думаешь?

Я сказал, что знаю еще меньше, чем он. Нестор озабоченно вздохнул. Потом нервно задвигал руками и ртом, как будто собирался сказать что-то важное, но не знал, как это сделать.

– Хенаро говорит, что вы оба сделаете это, – наконец сказал он.

Дон Хенаро взмахом руки показал, что мы уходим. Они с доном Хуаном шли впереди в нескольких ярдах от нас. В полном молчании мы шли горной тропой почти целый день и ни разу не останавливались. Все мы несли с собой сухое мясо и флаги с водой, значит, в этом путешествии мы должны были есть. В каком-

то месте тропа явно стала дорогой. Она обогнула горы, и внезапно перед нами открылся вид долины. Это было захватывающее дух зрелище, – длинная зеленая долина, отсвечивающая под лучами солнца. Над ней повисли две великолепные радуги, и повсюду над холмами были видны полосы дождя.

Дон Хуан остановился и вздернул подбородок, указывая на что-то внизу дону Хенаро. Дон Хенаро покачал головой. Это не было отрицанием или согласием, простой кивок. Оба они стояли неподвижно, долго глядя в долину.

Мы сошли с дороги, пойдя напрямик, пока не спустились до более узкой и неровной тропы, ведущей в северную часть долины.

Равнины мы достигли в полдень. Резко запахло ивами и влажной речной землей. На мгновение дождь на деревьях слева от меня был похож на мягкий зеленый шорох, потом под ним затрепетал только тростник. Я слышал журчание ручья. На секунду я остановился, прислушиваясь, и взглянул на вершины деревьев. Высокие слоистые облака на западном горизонте плыли, как клочья ваты, рассеянные по небу. Я стоял там, наблюдая за облаками довольно долго, так что все остальные успели уйти далеко вперед. Я побежал за ними.

Дон Хуан и дон Хенаро остановились и повернулись одновременно. Их глаза двигались и застыли на мне с такой синхронностью и единством, как если бы они были одним существом. Это был короткий пронзительный взгляд, от которого озноб прошел у меня по спине. Затем дон Хенаро засмеялся и сказал, что я бегу, топая, как трехсотфунтовый плоскостопный мексиканец.

– Почему плоскостопный мексиканец? – спросил дон Хуан.

– Плоскостопный трехсотфунтовый индеец не бежит, – «объяснил» дон Хенаро.

– А, – протянул дон Хуан, как если бы Хенаро действительно что-то объяснил.

Мы пересекли сочную зеленую долину и взобрались на гору с востока. В конце дня мы, наконец, сделали привал на вершине плоского, загроможденного камнями утеса, нависшего над долиной с юга. Растительность полностью изменилась. Всюду вокруг нас находились выветренные горы. Земля в долине и по склонам была размежевана и обработана, но от всего здесь веяло отдаленностью и одиночеством. Солнце уже было низко над юго-

западным горизонтом. Дон Хуан и дон Хенаро повели нас к северному краю утеса. С этого места ландшафт был более гористым. На севере виднелись бесконечные долины и горы, а на западе – высокий горный хребет. Солнечный свет, отражаясь в далеких северных горах, делал их оранжевыми, похожими на облака на западе. Пейзаж, несмотря на свою красоту, вызывал чувства печали и одиночества.

Дон Хуан вручил мне мой блокнот. У меня не было никакого желания делать заметки. Мы сели полукругом, с доном Хуаном и доном Хенаро по краям.

– Ты начал путь знания записывая, и ты закончишь его так же, – сказал дон Хуан.

Они так уговаривали меня писать, словно только это и было важно.

– Ты на самом краю, Карлитос, сказал дон Хенаро. И ты Паблито. Вы оба.

Его голос был мягким, добрым и озабоченным. Не было привычной клоунады.

– Другие воины, путешествуя в неизвестное, останавливались на этом самом месте, – сказал он. – И все они желают вам добра.

Я услышал какой-то треск, словно воздух был полутвердым, и какая-то волна вдруг прорвалась сквозь него.

– Все мы здесь желаем вам двоим всего хорошего, – сказал он.

Нестор обнял Паблито и меня, а затем сел в стороне от нас.

– Еще есть время, – сказал дон Хенаро, глядя на небо. А затем, повернувшись к Нестору, он добавил: – Чем займемся?

– Мы должны смеяться и развлекать друг друга, – ответил Нестор быстро.

Я сказал дону Хуану, что боюсь того, что меня ожидает, и что я определенно лишь трюком вовлечен во все это. Я, который даже не воображал ситуации, подобной той, в которой мы с Паблито теперь оказались. Я сказал, что мною овладевает нечто пугающее и мало-помалу подталкивает меня, пока я не окажусь лицом к лицу с чем-то похуже смерти.

– Ты жалуешься, – сказал дон Хуан сухо. – Ты чувствуешь жалость к самому себе до последней минуты.

Тут они все рассмеялись. Он был прав. Что за непобедимая штука! А я-то думал, что изгнал ее из своей жизни. Я попросил их всех извинить меня за мой идиотизм.

– Не извиняйся, – сказал мне дон Хуан. – Извинение – это чепуха.

Что сейчас важно на самом деле — это быть неуязвимым воином в этом уникальном месте силы. Это место давало приют наилучшим воинам. Будь таким же, какими были они.

Затем он обратился к нам с Паблито.

— Вы уже знаете, что это последняя задача, в которой мы будем вместе, — сказал он. — Вы войдете в *нагуаль* и *тональ* при помощи только своей личной силы. Хенаро и я находимся здесь только для того, чтобы попрощаться с вами. Сила определила, чтобы Нестор был свидетелем. Так будет.

Это также будет последним перекрестком для вас, свидетелями которого будем мы с Хенаро. Как только вы войдете в неизвестное сами, вы уже не будете зависеть от нас в своем возвращении, поэтому решение обязательно: вы сами должны будете решить, возвращаться вам или нет. Мы уверены, что у вас двоих хватит силы вернуться, если вы решите это сделать. Прошлой ночью вы смогли и вместе и по отдельности в совершенстве отшвырнуть союзника, который иначе сокрушил бы вас до смерти. Это было испытанием вашей силы.

Я могу добавить также, что немногие из воинов остаются в живых после встречи с неизвестным, которая ждет вас. Не столько потому, что это трудно, сколько потому, что *нагуаль* привлекателен свыше всякой меры, и воины, которые отправляются в него, находят, что возвращение к *тоналю* или к миру порядка, шума и боли — неприятнейшее дело.

Решение остаться или вернуться принимается чем-то внутри нас, чем-то, что не является ни нашим *разумом*, ни нашим желанием, ни даже нашей волей. Поэтому невозможно заранее узнать исход. Если вы выберете не возвращаться, то вы исчезнете, как если бы земля поглотила вас. Но если вы выберете вернуться, — вернуться на эту Землю, то вы должны будете ждать как истинные воины, пока ваши частные задачи не будут закончены. После того, как они будут завершены, неважно, успехом или неудачей, вы обретете власть над целостностью самих себя.

Дон Хуан на секунду остановился. Дон Хенаро посмотрел на меня и подмигнул.

— Карлитос хочет узнать, что это значит — обрести власть над целостностью самого себя? — сказал он, и все засмеялись.

Он был прав. При любых других обстоятельствах яспросил бы об этом, однако ситуация была слишком мрачной для таких вопросов.

– Это значит, что воин в конце концов встретился с силой, – сказал дон Хуан. – Никто не может сказать, что именно каждый воин станет с ней делать. Может, вы двое будете бродить мирно и незаметно по лицу Земли, а может, вы вернетесь, чтобы стать ненавидимыми людьми, или, может быть, знаменитыми, или добрыми. Все это зависит от неуязвимости и свободы вашего духа. Важной вещью, однако, является ваша задача. Это дар, который дают учитель и бенефактор своим ученикам. Я надеюсь, что оба вы успешно доведете свои задачи до их завершения.

– Ждать начала выполнения этой задачи – весьма особое ожидание, – сказал дон Хенаро совершенно внезапно. – И я собираюсь рассказать вам историю о племени воинов, которое жило в другие времена в горах где-то в том направлении, – он небрежно указал на восток, но затем, после секундного колебания изменил решение, поднялся и указал на далекие северные горы. – Нет, они жили в том направлении, – сказал он, глядя на меня и улыбаясь со знающим видом. – В точности в ста тридцати пяти милях отсюда.

Дон Хенаро, должно быть, изображал меня. Он наморщил лоб и нос, плотно прижал руки к груди, как бы удерживая какой-то воображаемый предмет, который, надо полагать, был записной книжкой. Он принял очень смешную позу. Я однажды встречался с одним немецким студентом-китаистом, который выглядел в точности так же. Мысль о том, что все это время я, может быть, бессознательно подражал гримасам немецкого синолога, позабавила меня. Я засмеялся. Казалось, эта шутка была специально для меня.

Дон Хенаро уселся опять и продолжал свой рассказ.

– В тех случаях, когда член племени воинов совершал поступок, который, как считалось, шел вразрез с их законами, то его судьба решалась ими всеми. Обвиняемый должен был объяснить причины, по которым он сделал то, что сделал. Его товарищи должны были выслушать его, а затем они расходились, если находили причины убедительными, или же выстраивались со своим оружием на самом краю плоской горы, очень похожей на ту гору, где мы стоим сейчас, готовые привести в исполнение смертный приговор – если они находили его оправдания неприемлемыми. В этом случае приговоренный воин должен был попрощаться со своими старыми товарищами, и его казнь

начиналась.

Дон Хенаро взглянул на меня и на Паблито, как бы ожидая от нас знака. Затем он повернулся к Нестору.

– Может быть, Свидетель может сказать нам, что общего эта история имеет с этими двумя? – спросил он у Нестора.

Нестор застенчиво улыбнулся и, казалось, на секунду погрузился в глубокое раздумье.

– Свидетель понятия не имеет, – сказал он с нервным смешком.

Дон Хенаро попросил всех подняться и пойти с ним взглянуть через западный край утеса.

Там был пологий склон до дна равнинного образования. Затем там была узкая полоска земли, заканчивающаяся расщелиной, которая, казалось, была естественным каналом для стока дождевой воды.

– Как раз там, где находится эта расщелина, рос ряд деревьев в тех горах, о которых идет речь, – сказал он. – За этой чертой был густой лес. Попрощавшись со своими товарищами, приговоренный воин должен был начать спускаться по склону к деревьям. Затем его товарищи брали свое оружие и прицеливались в него. Если никто не стрелял, или если воин, несмотря на свои ранения, достигал края деревьев, он был свободен.

Мы вернулись назад к тому месту, где сидели.

– Как теперь, Свидетель? – спросил он Нестора. – Можешь сказать?

Нестор страшно нервничал. Он снял шляпу и почесал голову.

Потом он закрыл лицо руками.

– Откуда бедный Свидетель может знать? – бросил он наконец вызывающим тоном и засмеялся вместе со всеми.

– Говорили, что там были люди, которые прорывались без ранения, – продолжал дон Хенаро. – Скажем так, их личная сила влияла на их товарищей. Волна проходила по ним, когда они целились, и никто не смел использовать, своего оружия. Или, может быть, они боялись, его смелости и не могли причинить ему вреда.

Дон Хенаро взглянул на меня, а затем на Паблито.

– Там было одно условие для этой ходьбы к деревьям, – продолжал он. – Воин должен был идти спокойно и собранно, ни на что не обращая внимания. Его шаги должны были быть уверенными и твердыми, он должен был смотреть перед собой спокойно. Он должен был спускаться, не спотыкаясь и не оборачиваясь чтобы посмотреть назад и, главное, не пускаться бежать.

Дон Хенаро сделал паузу. Паблито отозвался на его слова кивком. – Если вы двое решите вернуться на Землю, – сказал он, – то вы должны будете ждать как истинные воины до тех пор, пока не будут выполнены ваши задачи. Это ожидание очень похоже на спуск воина в этом рассказе. Понимаете, воин покидал время человеческой жизни, – то же и с вами. Единственная разница заключается в том, кто целится в вас. Те, кто целились в воина, были его товарищами-воинами. Но то, что целится в вас двоих, – это неизвестное. Единственным вашим шансом является ваша неуязвимость. Вы должны ждать, не оглядываясь назад. И вы должны направить всю вашу личную силу на выполнение ваших задач.

Если вы не будете действовать неуязвимо, если вы начнете психовать и станете нетерпеливыми или отчаётесь, то вы будете безжалостно застрелены меткими стрелками из неизвестного. С другой стороны, ваша неуязвимость и ваша личная сила таковы, что вы способны выполнить ваши задачи. Тогда вы достигнете обещания силы. Вы можете спросить, что это за обещание. Это обещание, которое личная сила дает людям как светящимся существам. У каждого воина – своя судьба, поэтому невозможно сказать, чем именно будет это обещание для каждого из вас. Солнце почти село. Светло-оранжевая окраска на далеких северных горах потемнела. Пейзаж создавал ощущение выметенного ветром одинокого мира.

– Вы узнали, что сущностью воина является быть смиренным и эффективным, – сказал дон Хенаро, и его голос заставил меня подскочить.

– Вы научились действовать, не ожидая ничего в награду. Теперь я скажу вам, что вам понадобится вся ваша выдержка, чтобы выстоять перед лицом того, что лежит за границами этого дня. Я испытал спазм в животе. Паблито начал тихонько дрожать. – Воин всегда должен быть готовым, – продолжал Хенаро. – Судьбой всех нас явилось узнать, что мы являемся пленниками силы. Никто не может сказать, почему именно мы. Но какая великая удача!

Дон Хенаро замолчал и опустил голову, как бы утомившись. В первый раз я слышал, чтобы он говорил подобными словами.

– Здесь принято, чтобы воин попрощался со всеми присутствующими и со всеми теми, кого он оставляет позади себя,

– сказал дон Хуан. Он должен сделать это своими словами и громко; так, чтобы его голос навсегда остался на этом месте силы. Голос дон Хуана вызвал еще одно изменение в моем осознании данного момента. Наша беседа в машине стала еще мучительней. Как прав он был, когда сказал, что умиротворенность окружавшего нас пейзажа была только миражом и что объяснение магов наносит такой удар, парировать который не в состоянии никто. Я слышал объяснение магов, и я испытал его основные предпосылки, и теперь я был тут более обнаженным и более беспомощным, чем за всю свою жизнь. Ничто из того, что я когда-либо сделал, что я когда-либо воображал, не могло сравниться с болью и одиночеством этого момента.

Объяснение магов содрало с меня даже мой «разум». Дон Хуан опять был прав, когда говорил, что воин не может избежать боли и печали, а избегает только индальгирования в них. В этот момент моя печаль была выше всех пределов. Я не мог вынести прощания с теми, кто разделял со мной повороты моей судьбы. Я сказал дону Хуану и дону Хенаро, что когда-то я обещал одному человеку умереть вместе, и что дух мой не может вынести того, что остается один.

– Мы все одиноки, Карлитос, – сказал дон Хенаро мягко, – и это наше условие.

Я ощутил в горле боль привязанности к жизни и к тем, кто был близок мне. Я не хотел прощаться с ними.

– Мы одиноки, – сказал дон Хуан. – Но умереть одному – это не значит умереть в одиночестве.

Его голос звучал приглушенно и сухо, как покашливание.

Паблито тихо плакал. Затем он поднялся и заговорил. Это не было речью или исповедью. Чистым голосом он поблагодарил дон Хуана и дон Хенаро за их доброту. Он повернулся к Нестору и поблагодарил его за то, что тот давал ему возможность заботиться о себе. Он вытер глаза рукавом.

– Что за прекрасной вещью было – жить в этом прекрасном мире! В это чудесное время! – воскликнул он и вздохнул. Его настроение было ошеломляющим.

– Если я не вернусь, то я прошу вас как о высшем благодеянии помочь тем, кто делил мою судьбу, – сказал он дону Хенаро. Затем он повернулся к западу в направлении своего дома. Его поджарое тело сотрясилось от слез. Он подбежал к краю утеса с

вытянутыми руками, как бы собираясь обнять кого-то. Его губы двигались, казалось, он что-то говорил тихим голосом.

Я отвернулся. Я не хотел слышать, что говорит Паблито.

Он вернулся туда, где мы сидели, плюхнулся рядом со мной и повесил голову.

Я не мог сказать ничего. Но затем какая-то внешняя сила овладела мной, заставила меня встать, и я тоже высказал свою благодарность и свою печаль.

Мы снова затихли. Северный ветер, тихо посвистывая, дул мне в лицо. Дон Хуан посмотрел на меня. Я никогда не видел в его глазах столько доброты. Он сказал мне, что воин прощается, благодаря всех тех, кто сделал ему что-то доброе или проявил участие. И что я должен выразить свою благодарность не только им, но также и тем, кто заботился обо мне и помогал мне на моем пути. Я повернулся на северо-запад, к Лос-Анжелесу, и вся сентиментальность моей души выплеснулась наружу. Каким очистительным облегчением было произнести мою благодарность! Я опять сел. Никто не смотрел на меня.

– Воин признает свою боль, но не indulgiрует в ней, – сказал дон Хуан. – Поэтов настроение воина, который входит в неизвестность – это не печаль. Напротив, он весел, потому что он чувствует смирение перед своей удачей, уверенность в том, что его дух неуязвим и, превыше всего, полное осознание своей эффективности. Радость воина исходит из его признания своей судьбы и его правдивой оценки того, что лежит перед ним.

Последовала долгая пауза. Моя печаль была чрезмерной. Я хотел что-нибудь сделать, чтобы вырваться из этой подавленности.

– Свидетель, пожалуйста, сдави свой ловец духов, – сказал дон Хенаро Нестору. Я услышал громкий и очень смешной звук, который вырвался из маленькой игрушки Нестора. Паблито истерически рассмеялся, рассмеялись и дон Хуан с доном Хенаро. Тогда я заметил характерный запах и сообразил, что Нестор выпустил газы. Ужасно смешным было выражение совершенной серьезности на его лице. Он сделал это не для шутки, а потому, что у него не было при себе его ловца духов. Он помогал нам наилучшим образом, как только мог.

Все они непринужденно смеялись. Что за легкость была в этом переходе из грустной ситуации в совершенно смешную!

Паблито внезапно повернулся ко мне. Он хотел узнать, не поэт ли

я. Но прежде чем я успел ответить, Хенаро составил строфу:

– Карлитос поэт. Он спокоен: хоть псих и дурак, но воин.

Все они опять расхохотались.

– Вот это настроение лучше, – сказал дон Хуан. – А сейчас, прежде чем мы с Хенаро попросимся с вами, вы двое можете сказать все, что угодно. Может быть, это последний раз, когда вы сможете что-нибудь сказать.

Паблито отрицательно покачал головой, но у меня кое-что оставалось.

Я хотел выразить свое восхищение, свое благоговение перед исключительностью духа воина дона Хуана и дона Хенаро, но я запутался в словах, и в конце концов ничего не сказал, или, хуже того – я издал какие-то жалостливые звуки.

Дон Хуан покачал головой и чмокнул губами в насмешливом неодобрении. Я невольно засмеялся; было неважно, что я не сумел выразить им своего восхищения. Очень любопытное ощущение начало овладевать мною. У меня было чувство радости и веселья, абсолютной свободы, которое заставляло меня смеяться. Я сказал дону Хуану и дону Хенаро, что мне наплевать на исход моей встречи с неизвестным, что я счастлив и собран, и что буду ли я жив, или умру – совершенно неважно для меня в данный момент. Они порадовались моим словам еще больше, чем я. Дон Хуан похлопал себя по ляжкам и засмеялся. Дон Хенаро бросил свою шляпу на землю и завопил, как будто объезжал дикую лошадь.

Внезапно дон Хенаро сказал:

– Мы развлекались и смеялись во время ожидания совершенно так, как рекомендовал Свидетель. Но естественным условием порядка является то, что это всегда приходит к концу.

Он посмотрел на небо.

– Уже почти пришло время нам разойтись, как делали воины в том рассказе, – сказал он. – Но прежде, чем мы пойдем нашими различными путями, я должен сказать вам двоим одну последнюю вещь: я хочу раскрыть вам секрет воина. Возможно, вы назовете его предрасположением воина.

Адресуя свои слова в основном мне, он сказал, что я говорил им когда-то, будто жизнь воина холодна, одинока, лишена чувств. Он еще добавил, что как раз теперь я особенно убежден, что это так.

– Жизнь воина ни в коем случае не может быть холодной, одинокой или лишенной чувств, – сказал он. – Потому что она

основывается на любви, преданности и посвящении тому, кого он любит. И кто, можете вы спросить, те, кого он любит? Я покажу вам сейчас.

Дон Хенаро поднялся и отошел на совершенно плоский участок в десяти-двенадцати футах в стороне. Там он сделал странный жест. Он двигал руками, как бы счищая пыль со своей груди и живота. Затем произошла удивительная вещь. Поток почти неосязаемого света прошел сквозь него. Он исходил из земли, и, казалось, обнял все его тело. Он сделал что-то вроде заднего пируэта, нырок назад, и приземлился на грудь и руки. Его движение было выполнено с такой точностью и легкостью, что он казался невесомым существом, вспыхнувшей саламандрой. Оказавшись на земле, он исполнил ряд неземных движений. Он скользил всего в нескольких дюймах над землей или катался по ней, как если бы лежал на шарикоподшипниках, или плавал, описывая круги и поворачиваясь с быстротой и легкостью угря, плывущего в океане.

В какой-то момент мои глаза расфокусировались, и я уже следил без всякого перехода за шаром света, скользящим взад и вперед по чему-то похожему на поверхность катка с тысячами лучей света, сияющих над ней.

Картина была грандиозной. Затем шар огня остановился и остался неподвижным. Голос встряхнул меня и рассеял мое внимание.

Говорил дон Хуан. Сначала я не мог понять, что он говорит. Я опять взглянул на огненный шар, но увидел только дона Хенаро, лежащего на земле с разбросанными руками и ногами.

Голос дона Хуана был очень ясным. Я, казалось, нажал на какой-то переключатель в себе, и начал писать.

– Любовь Хенаро – этот мир, – сказал он. – Он только что обнимал эту огромную Землю, но поскольку он такой маленький, то все, что он может сделать – это только плавать в ней. Но Земля знает, что он любит ее, и заботится о нем. Именно поэтому жизнь Хенаро наполнена до краев, и его состояние, где бы он ни был, будет изобильным. Хенаро бродит по тропам своей любви и, где бы он ни находился, он полный.

Дон Хуан присел перед нами на корточки. Он нежно гладил землю.

– Это предрасположение двух воинов, – сказал он. Эта земля, этот мир. Для воина не может быть большей любви.

Дон Хенаро поднялся и минуту сидел на корточках рядом с доном Хуаном, пока оба они пристально смотрели на нас. Затем оба сели,

скрестив ноги.

– Только если любишь эту землю с несгибаемой страстью, можно освободиться от печали, – сказал дон Хуан. – Воин всегда весел, потому что его любовь неизменна. И его возлюбленная – Земля – обнимает его и осыпает его невообразимыми дарами. Печаль – удел лишь тех, кто ненавидит эту землю, дающую укрытие всем живым существам.

Дон Хуан опять с нежностью погладил землю.

– Это милое существо, которое является живым до самой последней пылинки и понимает каждое чувство, успокоило меня. Оно излечило мою боль и, наконец, когда я полностью понял мою любовь к нему, оно научило меня свободе.

Он сделал паузу. Тишина вокруг нас была пугающей. Мягко свистел ветер, а затем я услышал далекий лай одинокой собаки.

– Прислушайтесь к этому лаю, – сказал дон Хуан. – Именно так моя любимая земля помогает мне привести вас к этой последней точке. Этот лай – самая печальная вещь, которую может услышать человек.

С минуту мы молчали. Лай одинокой собаки был настолько печален, а тишина вокруг настолько интенсивной, что я ощутил щемящую боль. Она заставила меня думать о моей собственной жизни и о моей собственной печали, о моем собственном незнании, куда идти и что делать.

– Лай этой собаки – это ночной голос человека, – сказал дон Хуан.

– Он слышится из дома в той долине внизу. Человек кричит через свою собаку, поскольку они являются компаньонами по рабству на всю жизнь, выкрикивая свою печаль и свою запутанность. Он молит свою смерть прийти и освободить его от тусклых и унылых цепей его жизни.

Слова дон Хана затронули во мне самую беспокойную струну. Я почувствовал, что он говорит, обращаясь прямо ко мне.

– Этот лай и то одиночество, которое он создает, говорят о чувствах всех людей, – продолжал он. – Людей, для которых вся жизнь была как один воскресный вечер. Вечер, который не был абсолютно жалким, но довольно душным, унылым и неудобным. Они потели, суетились. Они не знали, куда пойти и что делать. Этот вечер оставил им воспоминания только о мелочном раздражении и скуке. А затем все внезапно кончилось, уже наступила ночь.

Он пересказал историю, которую я когда-то рассказал ему о семидесятидвухлетнем старике, который жаловался, что его жизнь была слишком короткой. Ему казалось, что всего день назад он был еще мальчиком. Этот человек сказал мне:

– Я помню ту пижамку, которую я обычно носил, когда мне было десять лет от роду. Кажется, прошел всего один день. Куда ушло время?

– Противоядие, которое убивает этот яд, здесь, – сказал дон Хуан, лаская землю. – Объяснение магов совершенно не может освободить дух. Взгляните на вас двоих. Вы добрались до объяснения магов, но что вам от того, что вы знаете его? Вы более одиноки, чем когда-либо, потому что без неизменной любви к тому существу, которое дает нам укрытие, уединенность является одиночеством. Только любовь к этому великолепному существу может дать свободу духу воина. А свобода – это радость, эффективность и отрешенность перед лицом любых препятствий. Это последний урок. Его всегда оставляют на самый последний момент, на момент полного уединения, когда человек остается лицом к лицу со своей смертью и своим одиночеством. Только тогда делать это имеет смысл.

Дон Хуан и дон Хенаро поднялись и потянулись, как будто от сидения их тела онемели. У меня лихорадочно забилося сердце. Они заставили меня и Паблито встать.

– Закат – это трещина между мирами, – сказал дон Хуан. – Это дверь в неизвестное.

Широким движением руки он указал на столообразную вершину, где мы стояли.

– Это плато находится перед дверью.

Он указал на северный край вершины.

– Это дверь. За ней – бездна, а за бездной – неизвестность.

Затем дон Хуан и дон Хенаро повернулись к Паблито и попрощались с ним. Глаза Паблито были расширенными и застывшими, по щекам текли слезы.

Я услышал голос дон Хенаро, прощавшегося со мной, но не слышал голоса дон Хуана.

Дон Хуан и дон Хенаро подошли к Паблито и что-то коротко прошептали ему на ухо. Затем они подошли ко мне. Но еще до того, как они успели начать, я ощутил знакомое чувство расщепленности.

– Мы теперь будем как пыль на дороге, – сказал дон Хенаро. –
Может, когда-нибудь она снова попадет и на твои глаза.

Дон Хуан и дон Хенаро ступили в сторону и, казалось, слились с
темнотой. Паблито взял меня за руку, и мы попрощались друг с
другом. Затем странный порыв, сила заставила меня бежать вместе
с ним к северному краю плато. Я ощутил его руку в своей, когда
мы прыгнули, а затем я был один.

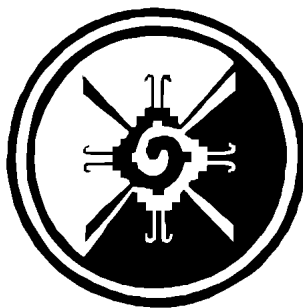
[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Книга пятая

Второе кольцо силы

- [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
- [Глава первая ПРЕОБРАЖЕНИЕ ДОНЬИ СОЛЕДАД](#)
- [Глава вторая СЕСТРИЧКИ](#)
- [Глава третья ЛА ГОРДА](#)
- [Глава четвертая ХЕНАРОС](#)
- [Глава пятая ИСКУССТВО СНОВИДЕНИЯ](#)
- [Глава шестая ВТОРОЕ ВНИМАНИЕ](#)

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Местом моей последней встречи с доном Хуаном, доном Хенаро и еще двумя их учениками – Паблитом и Нестором стала плоская безжизненная вершина горы на западных склонах Сьерра-Мадре в Центральной Мексике. Торжественность и масштабы происшедшего там не оставляли сомнений, что мое ученичество подошло к концу, и что я действительно видел дона Хуана и дона Хенаро в последний раз. Встреча завершилась тем, что мы все попрощались друг с другом, а затем мы с Паблитом прыгнули вместе с вершины горы в пропасть.

Перед этим прыжком дон Хуан дал мне принципиальное объяснение для предстоящих во время прыжка событий. Прыгнув в пропасть, я должен был стать чистым восприятием и двигаться взад и вперед между *тоналем* и *нагвалем*, двумя внутренне присущими всем существам формами.

Во время прыжка мое восприятие семнадцать раз перескакивало от *тоналя* к *нагвалю* и обратно. При переходах в *нагваль* тело воспринималось как распавшееся. Мыслить и чувствовать связно я не мог, хотя что-то думал и как-то чувствовал. При возвращении в *тональ* я прорывался в единство. Я был целостным, и восприятие обретало связность. У меня были упорядоченные видения. Их интенсивность была столь сильной, их живость – такой реальной, а сложность – такой огромной, что не было способа удовлетворительно объяснить их природу. Сказать, что они были видениями, живыми грезами или даже галлюцинациями – значит не сказать ничего.

После самого тщательного и внимательного исследования и анализа своих ощущений, восприятий и интерпретаций этого прыжка я окончательно убедился, что мой разум отказывается верить в реальность происшедшего. И все же какая-то часть меня сохраняла убежденность в том, что это случилось, что я действительно прыгнул.

Дон Хуан и дон Хенаро были теперь недостижимы. Их отсутствие вызывало у меня настоятельную потребность пробиться сквозь

гущу совершенно неразрешимых противоречий.

Я вернулся в Мексику, чтобы повидать Паблито и Нестора и искать у них помощи в решении моих внутренних конфликтов. Но то, с чем я столкнулся во время своей поездки, нельзя охарактеризовать иначе чем мощную атаку, финальное нападение на мой разум, запланированное самим доном Хуаном.

Направляемые им ученики самым методичным и точным образом за несколько дней разрушили последний бастион моего разума. В течение этих дней мне был продемонстрирован один из двух практических аспектов магии – *искусство сновидения*, являющееся на сегодняшний день ядром всей работы.

Искусство сталкинга, еще один практический аспект их магии и венец фундамента учения дона Хуана и дон Хенаро, было продемонстрировано мне во время следующих встреч. Оно являлось наиболее сложной стороной их существования как магов в мире повседневной жизни.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава первая

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ДОНЬИ СОЛЕДАД

У меня возникло внезапное предчувствие, что Паблито и Нестора дома нет. Моя уверенность в этом была настолько глубокой, что я остановил машину. Дальше кончался асфальт, и я раздумывал, стоит ли продолжать в этот день долгую и трудную езду по крутой, покрытой крупной щебенкой дороге в их городок, затерянный в горах Центральной Мексики.

Я опустил боковое стекло. Было довольно ветрено и холодно. Я вышел, чтобы размять одеревеневшее от напряжения многочасовой езды тело, и прошелся по обочине мощеной дороги. Земля была сырой после недавнего ливня. Сильный дождь все еще шел на склонах гор к югу, совсем недалеко от места моей остановки. Однако прямо напротив, на севере и на востоке небо было чистым. Еще по дороге сюда при поворотах извилистой дороги иногда можно было видеть там голубоватые пики горных вершин, сияющие на солнце.

После минутного раздумья я решил вернуться назад и поехать в город, так как у меня было своеобразное предчувствие, что я найду дона Хуана на рынке. Собственно говоря, я обычно поступал именно так, всегда находя его на рыночной площади с самого начала нашей с ним связи. Как правило, если я не находил его в Соноре, то ехал в Центральную Мексику, шел на базар в этом городе и, рано или поздно, дон Хуан объявлялся. В таких случаях мне ни разу не пришлось ожидать его более двух дней. Я настолько привык встречаться с ним таким образом, что не сомневался – так будет и на этот раз.

Я ждал на рынке всю вторую половину дня. Прохаживаясь туда и сюда по рядам, я изображал человека, желающего сделать покупку. Потом я пошел побродить в парке. С наступлением сумерек я уже знал, что он не придет. У меня было ясное ощущение, что он был здесь, но уже ушел. Я опустился на скамейку в парке, где мы сидели с ним столько раз, и попытался проанализировать свои ощущения.

В город я приехал в приподнятом настроении, твердо зная, что дон Хуан где-то тут, на улицах. То, что я ощущал, не было просто памятью о бесчисленных прежних встречах; мое тело знало, что он ищет меня. Но потом, когда я сидел на скамейке, у меня появилась странная уверенность другого рода. Я знал, что его тут больше не было. Я упустил его.

Спустя некоторое время я прекратил свои спекуляции. Я подумал, что на меня начинает действовать окружающая обстановка. Моя рассудительность и в прошлом покидала меня после нескольких дней, проведенных в этой местности.

Я пошел в свой номер в отеле, чтобы пару часов отдохнуть, а потом вышел побродить по улицам. Предчувствие встречи с доном Хуаном улетучилось. Я сдался и вернулся обратно в отель, чтобы хоть выспаться как следует.

Утром, перед отъездом в горы, я на всякий случай объехал главные улицы города, хотя совершенно точно знал, что напрасно теряю время: дон Хуана здесь не было.

Я потратил все утро, чтобы добраться до маленького городка, где жили Паблито и Нестор. Я прибыл около полудня. Дон Хуан учил меня никогда не заезжать прямо в город, чтобы не привлекать любопытства зевак. Всякий раз, бывая здесь, я перед самым городом всегда съезжал с дороги на ровное поле, где подростки обычно играли в футбол. Почва на поле была хорошо утрамбованной до самой тропы, проходящей мимо домов Паблито и Нестора и достаточно широкой для проезда. Они жили в предгорьях к югу от городка. Когда я достиг края поля, то вдруг обнаружил, что пешеходная тропа превратилась за время моего отсутствия в очень неплохую гравийную дорогу.

Я размышлял, куда направиться – к дому Нестора или Паблито. Ощущение, что их там нет, упорно сохранялось. Я решил ехать к дому Паблито. Нестор жил один, тогда как у Паблито была мать и четыре сестры. Если нет его самого, я смогу узнать у женщин, где его искать. Приближаясь к дому, я заметил, что грунтовая тропа у дома расширена. Грунт казался твердым, места для машины было достаточно, поэтому я подъехал почти к передней двери. К дому из необожженного кирпича была пристроена новая веранда, покрытая черепичной крышей. Почему-то не было слышно привычного собачьего лая, но из-за загородки за мной спокойно и внимательно наблюдал громадный пес. Выводок цыплят, кормившихся у дома, с

писком рассыпался в стороны. Я выключил мотор и потянулся всем уставшим телом, вытянув руки над головой.

Дом казался опустевшим. У меня мелькнула мысль, что Паблито и его семья выехали, и в доме живет кто-то другой. Внезапно передняя дверь с шумом распахнулась, и оттуда так стремительно выскочила мать Паблито, будто ее кто-то вытолкнул. Она уставилась на меня непонимающим взглядом. Когда я вышел из машины, она, казалось, узнала меня. Она как-то очень грациозно вздрогнула всем телом и бросилась ко мне. Должно быть, она вздремнула, и шум машины разбудил ее. Потому-то она и не сразу узнала меня, когда вышла посмотреть, в чем дело. Нелепый вид бегущей ко мне старой дамы заставил меня улыбнуться. Но когда она приблизилась, я на мгновение усомнился, что это мать Паблито. Уж слишком проворно она двигалась.

– Боже мой, что за сюрприз! – воскликнула она.

– Донья Соледад? – спросил я недоверчиво.

– Ты меня не узнаешь? – ответила она, смеясь.

Я забормотал какую-то ерунду о ее удивительной живости.

– Ты почему всегда смотришь на меня как на беспомощную старуху? – спросила она, глядя насмешливо и вызывающе.

И тут же, не дав мне опомниться, она резко обвинила меня в том, что я дал ей прозвище «миссис Пирамида». Я вспомнил, что как-то сказал Нестору, что ее формы напоминают мне пирамиду. У нее была маленькая заостренная голова и широкий массивный зад.

Длинные платья, которые она обычно носила, еще усиливали этот эффект.

– Посмотри-ка на меня, – сказала она, – я все еще похожа на пирамиду?

Она улыбнулась, но под ее взглядом я почувствовал себя не слишком уютно. Я попытался отшутиться, но она оборвала меня, заставив признаться, что именно я дал ей это прозвище. Я заверил ее, что ничего дурного не имел в виду, и что как бы там ни было, в данный момент она стала такой стройной, что о пирамиде больше вспоминать не приходится.

– Что с тобой произошло, донья Соледад? – спросил я. – Ты просто преобразилась!

– Ты сам сказал это – мгновенно ответила она. – Да, я преобразилась.

Выразился я фигурально. Однако, приглядевшись повнимательней,

я должен был признать, что метафоры тут неуместны. Она действительно совершенно изменилась. Внезапно во рту у меня появился сухой металлический привкус. Я испугался. Она стояла, подбоченясь и слегка расставив ноги, и смотрела мне в лицо. Она была одета в светло-зеленую юбку в складку и вылинявшую блузку. Ее юбка была гораздо короче тех, которые она обычно носила. Я не мог разглядеть ее волос: она перевязала их широкой повязкой, похожей на тюрбан. Она была босая и ритмично постукивала своей большой ступней по земле, улыбаясь с простодушием юной девушки. Мне еще никогда не приходилось видеть женщину, которая распространяла бы вокруг себя столько силы. Я заметил странный блеск в ее глазах, волнующий, но не пугающий. Я подумал что до сих пор по-настоящему не присматривался к ней. Кроме всего прочего, я чувствовал себя виноватым за поверхностное отношение к людям, жившим здесь. Сила личности дона Хуана делала окружающих серыми и невзрачными по сравнению с ним.

Я сказал ей, что никогда не представлял себе, что она обладает столь значительной жизненной силой, и что только моя невнимательность виной тому, что я не знал ее на самом деле, и что, я надеюсь, теперь у меня будет возможность узнать ее поближе.

Она подошла ко мне, улыбаясь, и мягко взяла меня под руку своей правой рукой.

– Непременно, – прошептала она мне на ухо.

Ее улыбка застыла и глаза остекленели. Она была так близко, что я ощущал касание ее груди. Мое смятение возрастало, но я попытался убедить себя, что причин для тревоги нет. Снова и снова я повторял себе, что просто никогда не знал матери Паблито и что, возможно, такое поведение было вполне обычным для нее.

Но какая-то испуганная часть меня знала, что это было всего лишь самоуспокоением, для которого не было оснований. Вопреки моим нынешним покаянным комплиментам я в действительности не только помнил ее достаточно хорошо, но и совсем неплохо знал ее. Она была для меня архетипом матери. Я думаю, что ей было лет под шестьдесят или даже больше. Ее дряблые мышцы с трудом передвигали старое тело, волосы были почти совсем седыми. Она была, насколько я помнил ее, унылой и печальной женщиной с мягкими и красивыми чертами лица, преданной и страдающей

матерью, вечно занятой на кухне, вечно усталой. Я помнил очень добрую бескорыстную женщину, такую робкую, что все ею просто помыкали. Вот таким было мое представление о ней, сложившееся да годы случайных контактов. Но сегодня что-то ужасно изменилось. Женщина, стоявшая передо мной, не укладывалась в мое представление о матери Паблито. Тем не менее это была она, только более стройная и сильная, выглядевшая лет на двадцать моложе, чем при нашей последней встрече. Я заметил, что весь дрожу.

– Дай мне посмотреть на тебя, – сказала она. – Нагваль говорил нам, что ты – дьявол.

Тут я вспомнил, что все они – Паблито, его мать, сестры и Нестор, словно избегая произносить имя дона Хуана, называли его «Нагваль». Привык так называть его и я, разговаривая с ними.

Она смело положила руки мне на плечи – жест, немыслимый для прежней доньи Соледад, матери Паблито. Мое тело напряглось. Я онемел. Наступила долгая пауза, позволившая мне критически взглянуть на себя со стороны. Ее появление и внешность напугали меня до такой степени, что я забыл спросить о Паблито и Несторе.

– Скажи мне, где Паблито? – спросил я, охваченный волной внезапной тревоги.

– А, он ушел в горы, – ответила она уклончиво и отодвинулась от меня.

– А Нестор?

Она возвела глаза к небу, демонстрируя досаду и безразличие.

– Они вместе в горах, – сказала она тем же тоном.

С сильным облегчением я сказал ей, что уверен – с ними все в порядке.

Она взглянула на меня и улыбнулась. Волна счастья и радостного возбуждения заставила меня обнять ее. Она страстно прижала меня к себе, и это так поразило меня, что у меня перехватило дыхание.

Ее тело было твердым и, в ней чувствовалась необычайная сила.

Мое сердце заколотилось. Я постарался осторожно отстранить ее и спросил, виделся ли еще Нестор с доном Хуаном и доном Хенаро. Во время нашей последней встречи дон Хуан сомневался, готов ли Нестор к окончанию своего ученичества.

– Хенаро ушел навсегда, – сказала она, позволив мне высвободиться. Она нервно теребила края своей блузы.

– А как насчет дона Хуана?

– Нагваль тоже ушел, – сказала она, поджав губы.

– Куда они ушли?

– Ты хочешь сказать, что ты этого не знаешь?

Я сказал ей, что они попрощались со мной два года назад, и я знаю только, что тогда они ушли. Я не отваживался даже думать о том, куда они ушли. Они и в прошлом никогда не говорили мне о том, где их искать. Я давно смирился с фактом, что если бы они захотели исчезнуть из моей жизни, то им просто нужно было отказаться от встреч со мной.

– Их нет поблизости, это точно, – сказала она, нахмурившись. – И они не собираются возвращаться обратно – это тоже точно.

Ее голос был холодным и бесстрастным. Она начала раздражать меня. Мне хотелось уехать.

– Но зато ты здесь, – сказала она, улыбнувшись. – Тебе надо подождать Паблито и Нестора. Они очень хотят тебя видеть.

Она схватила меня за руку и потянула прочь от машины. В прошлом такая смелость с ее стороны была просто немыслима.

– Но сначала позволь мне показать тебе моего друга, – сказала она и с силой потащила меня в сторону дома.

Там была отгороженная площадка, похожая на маленький загон. В нем находился огромный кобель. Прежде всего мне бросилась в глаза его великолепная блестящая желтовато-коричневая шерсть. Это была явно не обычная собака. Он не был привязан и легко мог бы перепрыгнуть изгородь. Пес остался безразличным к нашему визиту, он даже не шевельнул хвостом. Донья Соледад указала на большую клетку позади. В ней свернувшись лежал койот.

– Это мой друг, – сказала она. – Пес – нет. Он принадлежит моим девочкам.

Пес посмотрел на меня и зевнул. Мне он очень понравился. У меня возникло нелепое ощущение сродства с ним.

– Теперь пошли в дом, – сказала она и потянула меня за руку.

Я заколебался. Какая-то часть меня была крайне встревожена и хотела немедленно убраться отсюда: но что-то противоположное во мне ни за что на свете уходить не хотело.

– Может, ты боишься меня? – спросила она обвиняющим тоном.

– Конечно, боюсь! – воскликнул я.

Она хихикнула и самым доверительным тоном сообщила, что она – грубая, простая женщина, что очень неуклюже владеет речью и что она совсем не умеет вести себя с людьми. Она посмотрела мне

прямо в глаза и сказала, что дон Хуан поручил ей помочь мне, так как очень обо мне заботился.

— Он говорил нам, что ты несерьезный и везде шляешься, причиняя много неприятностей ни в чем не повинным людям.

До сих пор ее утверждения были сравнительно ясными, но я никак не мог представить себе, чтобы дон Хуан говорил обо мне такие вещи.

Мы вошли в дом. Я собрался было сесть на скамейку, где обычно сидели мы с Паблито, но она остановила меня.

— Это место не для нас с тобой, — сказала она. — Пойдем в мою комнату.

— Я лучше буду сидеть здесь, — сказал я твердо. — Я знаю это место и чувствую здесь себя очень удобно.

Она недовольно фыркнула, как разочарованный ребенок.

Поджатая верхняя губа у нее при этом была похожа на утиный клюв.

— Что-то здесь ужасно не так, — сказал я. — Я думаю, мне лучше будет уехать, если ты не объяснишь мне, что происходит.

Она пришла в сильное возбуждение и начала доказывать мне, что просто не знает, как разговаривать со мной. Я поставил ее перед фактом ее очевидного преобразования и потребовал, чтобы она рассказала мне, что случилось. Я должен был знать, как это произошло.

— Если я расскажу тебе, ты останешься? — спросила она ребячливым голосом.

— Придется остаться.

— В таком случае я все тебе расскажу. Но это должно происходить в моей комнате.

На мгновенье меня охватила настоящая паника. Чтобы успокоиться, мне пришлось сделать крайнее усилие. Мы направились в ее комнату. Она жила в задней половине дома, где Паблито построил для нее спальню. Я уже был в этой комнате однажды, когда она строилась, и еще раз, когда она была закончена, как раз перед вселением туда доньи Соледад. Комната выглядела такой же пустой, как и раньше, если не считать кровати в самом центре и двух скромных комодов у двери. Побелка на стенах поблекла и приобрела очень успокаивающий желтоватый оттенок. Деревянный потолок тоже потемнел от времени. Глядя на гладкие чистые стены, я подумал, что их каждый день моют

губкой. Комната больше всего напоминала монашескую келью, очень скромную и аскетическую. В ней не было никаких украшений. На окнах – массивные ставни с железными засовами. Не было ни стульев, ни вообще чего-нибудь, на чем можно было бы сидеть.

Донья Соледад забрала у меня мой блокнот, прижала его к груди и села на кровать, сделанную из двух толстых матрасов, положенных прямо на доски. Она показала мне, чтобы я сел рядом с ней.

– Ты и я – одно и то же, – сказала она, вручив мне мою записную книжку.

– Прости, я не понял.

– Ты и я – одно, не глядя на меня повторила она.

Я не мог сообразить, что она имеет в виду. Она уставилась на меня, ожидая моей реакции.

– Но что это значит, донья Соледад? – спросил я.

Мой вопрос, казалось, озадачил ее, как если бы я спрашивал о чем-то очевидном. Она вначале засмеялась, но когда я стал настаивать, что действительно не понимаю, она рассердилась. Сидя на кровати, она выпрямилась и, гневно взглянув на меня, обвинила в неискренности. Ее глаза пылали, рот скривился в гримасе ярости, и она сразу опять сделалась старухой.

Я искренне недоумевал, не чувствуя себя лицемером. Казалось, и она тоже была в затруднении. Она пыталась что-то сказать, но только беззвучно шевелила губами. Наконец она пробормотала, что я действовал в такой важный момент не безупречно. Она повернулась ко мне спиной.

– Посмотри на меня, донья Соледад, – сказал я твердо. – Я никоим образом не ввожу тебя в заблуждение. Ты, должно быть, знаешь нечто такое, о чем я сам не имею ни малейшего понятия.

– Ты слишком много разговариваешь, – ответила она. – Нагваль говорил, чтобы я никогда не позволяла тебе разговаривать. Ты все перекручиваешь.

Она соскочила на пол и топнула ногой, как избалованный ребенок. И тут я заметил, что в комнате был совсем другой пол. Я помнил, что раньше пол здесь был темный, земляной. Новый пол был охристо-розового цвета. Я моментально забыл о нашей стычке и обошел комнату. Было непонятно, как я сразу не обратил внимания на это великолепие. Сначала я подумал, что это красная

глина, уложенная, как цемент, когда он еще мягкий и влажный, но тут я заметил, что на нем не было трещин. Высохнув, глина должна была изогнуться, растрескаться, распасться на куски. Я наклонился и осторожно провел пальцами по полу. Он был твердым, как кирпич. Глина была обожженной. Я обнаружил, что пол сделан из больших глиняных плиток, образующих удивительный и завораживающий узор, совершенно незаметный, если специально не обращать на него внимания. Искусство, с которым были выложены плитки, указывало на очень хорошо продуманный план. Мне захотелось узнать, как такие большие плитки не покособились при обжиге. Я было обернулся спросить донью Соледад, но спохватился: она, скорее всего, не знала этого. Я снова стал расхаживать по полу. Глина была немного шероховатой, почти как песчаник.

– Это Паблито выложил пол? – спросил я.

Она не ответила.

– Великолепная работа, – сказал я. – Ты должна очень гордиться им.

Я не сомневался, что это сделал Паблито. Ни у кого другого не нашлось бы способностей и воображения задумать такое. Должно быть, он сделал этот пол, когда меня здесь не было. Но тут же я вспомнил, что никогда не бывал в комнате доньи Соледад с тех пор, как ее пристроили к дому шесть или семь лет тому назад.

– Паблито, Паблито! Вот еще! – воскликнула она сердитым, раздраженным голосом. – По-твоему, он – единственный, кто способен сделать такую вещь?

Мы обменялись долгими и пристальными взглядами, и вдруг я понял, что это она сделала пол и что вдохновил ее на это дон Хуан. Мы молча стояли, глядя друг на друга, еще некоторое время. Я чувствовал, что было излишним спрашивать ее, прав ли я.

– Я сделала его сама, – сказала она сухо. – Нагваль научил меня, как.

Ее слова привели меня в эйфорическое состояние. Я заключил ее в объятия и закружился с ней по комнате. После этого я буквально забросал ее вопросами. Я хотел знать, как она сделала плитки, что означали узоры, где она брала глину. Но донья Соледад не разделяла моего восторга. Она оставалась безмолвной и безучастной, время от времени искоса поглядывая на меня.

Я снова прошелся по полу. Кровать была расположена точно в

эпицентре сходящихся линий. Глиняные плитки были обрезаны под острым углом, создавая сходящиеся линии, которые начинались под кроватью и разбегались по всей комнате.

– У меня нет слов, чтобы передать тебе, как я восхищен, – сказал я.

– Слова. Кому они нужны? – отрезала она.

Внезапно меня озарило. Мой разум опять предал меня. Был только один способ объяснения ее метаморфозы: дон Хуан, должно быть, сделал ее своей ученицей. Как иначе старая женщина могла обратиться в такое таинственное, полное силы существо? Я должен был понять это с первого взгляда. Но я, как обычно, ожидал увидеть то, что соответствовало моим представлениям о ней, а в них такая возможность не входила.

Я подумал, что поразительное превращение, которому способствовал дон Хуан, произошло с ней в течение тех двух лет, что я не видел ее, хотя непонятно, как можно было уложиться в такой короткий срок.

– Я кажется догадываюсь, что произошло с тобой, – сказал я нарочито небрежно и бодро. – Кое-что прояснилось у меня в голове прямо сейчас.

– Ах, вот как? – равнодушно сказала она.

– Нагваль тебя учит магии, не правда ли?

Она бросила на меня такой свирепый взгляд, как если бы я не мог сказать ничего хуже. Ее лицо выражало только презрение. Она не собиралась отвечать мне.

– Какой же ты ублюдок! – внезапно воскликнула она, сотрясаясь от ярости.

Я не мог понять причины ее гнева. Я присел на край кровати. Она нервно постукивала пяткой об пол. Затем, не глядя на меня, она села на другой край.

– Чего, собственно, ты хочешь от меня? – спросил я твердо и грозно.

– Я уже сказала тебе, – закричала она, – Ты и я – одно!

Я попросил ее объяснить, не допуская ни на мгновение, будто я что-либо знаю. Это разозлило ее еще больше. Она резко вскочила и сбросила на пол свою юбку.

– Вот что я имею в виду! – завопила она, поведя рукой в области лона.

У меня отвисла челюсть. До меня медленно доходило, что я усталился на нее, как идиот.

– Ты и я одно здесь, – опять сказала она.

Я был ошеломлен. Донья Соледад, старая индейская женщина, мать моего друга Паблито стояла полуобнаженной в нескольких футах от меня, демонстрируя свои гениталии. Я уставился на нее, не будучи в силах даже мыслить связно. Но одно я знал точно: ее тело не было телом старухи. У нее были прекрасные мускулистые бедра, смуглые и гладкие. Костная структура ее таза хоть и была широкой, но жировых отложений на нем не было.

Она, должно быть, заметила мой изучающий взгляд и бросилась на постель.

– Ты знаешь, что делать, – сказала она, указывая на свое лоно. – Мы едины здесь.

Она обнажила свои крепкие груди.

– Донья Соледад, я тебя умоляю! – воскликнул я. – Что с тобой происходит, ведь ты мать Паблито.

– Нет, – отрезала она. – Никому я не мать. – Она села и посмотрела на меня горящими глазами.

– Я, как и ты, частица Нагваля, – сказала она. – Нам предназначено соединиться.

Она раздвинула ноги, и я отскочил.

– Подожди немного, донья Соледад, – сказал я. – Давай поговорим. На меня нахлынул дикий страх, и вдруг возникла сумасшедшая мысль. А что если дон Хуан спрятался где-нибудь поблизости и хохочет теперь до упаду?

– Дон Хуан! – заорал я.

Мой вопль был таким громким, что донья Соледад поспешно соскочила с постели и натянула на себя юбку. Я увидел, что она одевается и завопил снова:

– Дон Хуан!

Я ринулся через весь дом, выкрикивая имя дона Хуана до тех пор, пока не заболело горло. Донья Соледад тем временем уже выбежала из дома и стояла у моей машины, с недоумением глядя на меня.

Я шагнул к ней и спросил, не дон Хуан ли велел ей проделать все это. Она утвердительно кивнула. Я спросил, нет ли его поблизости, на что она ответила отрицательно.

– Расскажи мне все, – потребовал я.

Она рассказала, что лишь следовала распоряжениям дона Хуана. Он велел ей изменить свое существо в воина, чтобы помочь мне.

Она сообщила, что ждала годами, чтобы выполнить это обязательство.

– Я очень сильная сейчас, – сказала она мягко. – Как раз для тебя. Но в спальне я тебе не понравилась, правда?

Я принялся объяснять, что дело вовсе не в этом, что я учитывал лишь свои чувства к Паблито; но потом до меня дошло, что я несу какую-то ужасную чушь.

Донья Соледад, по-видимому, поняла мое замешательство и предложила забыть о случившемся.

– Ты, наверное, голоден, – сказала она оживленно. – Я приготовлю тебе что-нибудь поесть.

– Ты мне еще многого не объяснила, – сказал я. – Я буду откровенен с тобой: я не хотел бы оставаться здесь ни за что на свете. Ты пугаешь меня.

– Ты обязан принять мое гостеприимство, раз речь идет только о чашке кофе, – сказала она спокойно. – Ну давай забудем об этом. Она сделала жест, приглашая идти в дом. Тут я услышал глубокое рычание. Рядом стоял пес и смотрел на нас, как будто понимая, о чем идет речь. 1

Я поймал на себе невероятно пугающий взгляд доньи Соледад. Тут она смягчила его и улыбнулась.

– Не допускай, чтобы мои глаза беспокоили тебя, – сказала она. – По правде говоря, я старая. В последнее время у меня бывают головокружения. Я думаю, что мне нужны очки.

Она разразилась смехом и стала дурачиться, глядя через свернутые кольцом пальцы, словно через очки.

– Старая индеанка в очках. Вот смеху будет! – захихикала она.

И тут я решил удрать отсюда без всяких объяснений. Но перед отъездом мне надо было оставить кое-какие вещи для Паблито и его сестер. Я открыл багажник, чтобы достать привезенные им подарки. Я глубоко вплез в него, чтобы достать сначала два пакета, уложенные между задним сиденьем и запасной камерой. Нащупав один, я уже собирался взять и другой, как вдруг ощутил на шее мягкую пушистую лапу. Я невольно вскрикнул и рванулся из багажника, врезавшись головой в открытую крышку. Я пытался обернуться, но давление пушистой лапы помешало мне сделать это. Мельком я смог заметить у своего горла серебристую то ли руку, то ли лапу. В панике я судорожно изогнулся, метнулся прочь от багажника и упал на сидение водителя с пакетом в руке. Все мое

тело сотрясало, мускулы ног свело и я непроизвольно вскочил и побежал прочь.

– Я не собиралась пугать тебя, – сказала донья Соледад извиняющимся тоном, когда я был уже футах в десяти от нее.

Она показала мне ладони своих рук в жесте капитуляции, как бы заверяя меня, что она здесь ни при чем, и «это» не было ее рукой.

– Что ты со мной сделала? – спросил я, старясь говорить спокойно и сдержанно.

Она казалась совершенно сбитой с толку. Пробормотав что-то, она тряхнула головой, так, как если бы не понимала, о чем я говорю, или не могла сказать этого вслух.

– Ну, ладно, донья Соледад, – сказал я, приближаясь к ней. – Мне эти шутки не нравятся.

Казалось, она вот-вот расплачется. Я хотел утешить ее, но что-то во мне противилось этому. После короткой паузы я сообщил ей, что произошло у машины.

– Это просто ужасно! – пронзительно воскликнула она.

Она ребячливым жестом закрыла лицо правым предплечьем. Я подумал, что она плачет. Я подошел к ней и попытался было положить ей руку на плечо, но не смог заставить себя сделать это.

– Послушай, донья Соледад, – сказал я, – давай забудем все это.

Позволь мне вручить тебе эти пакеты, и я уеду.

Я остановился перед ней, собираясь заглянуть ей в лицо. Я увидел из-за ее руки черные сияющие глаза. Она не плакала. Она смеялась. Я отскочил назад. Ее улыбка ужасала. Мы долго стояли неподвижно. Она продолжала закрывать лицо, но было видно, что она наблюдает за мной.

Я стоял парализованный страхом и отчаянием. Положение было безвыходным. Мое тело знало, что донья Соледад – колдунья, и все же я еще не мог поверить в это. Мне отчаянно хотелось верить, что она просто сумасшедшая, и ее держат здесь, как в психиатрической лечебнице.

Я не отваживался двинуться или отвести глаза. Мы, должно быть, стояли так минут пять. Она не опускала руку и оставалась неподвижной. Стояла она у заднего крыла машины, почти прислонившись к нему. Крышка багажника была все еще открыта. Я задумал сделать бросок к правой дверце. Ключ зажигания был на месте.

Я немного расслабился, чтобы собрать энергию для броска. Она,

кажется, заметила это. Ее рука двинулась вниз, открывая лицо. Зубы у нее были стиснуты, глаза, полные угрюмой решимости, не отрывались от меня. Внезапно она качнулась ко мне, притопывая правой ногой, как фехтовальщик, и с пронзительным воплем протянула скрюченные пальцы, пытаясь схватить меня за талию. Мое тело отпрянуло назад, из пределов ее досягаемости. Я рванулся к машине, но она с непостижимой ловкостью бросилась мне в ноги и сделала подсечку. Я упал лицом вниз, и она быстро схватила меня за левую ногу. Я поджал правую ногу и оттолкнул ее лицо подошвой ботинка. Наконец она отпустила меня и отпрыгнула назад. Я вскочил на ноги и попытался открыть дверцу машины. Она была заперта. Я перелетел через капот и бросился к другой, но каким-то образом донья Соледад опередила меня. Я попытался перекатиться назад над капотом, но по пути я ощутил резкую боль в правой икре. Она вцепилась мне в голень. Я не мог ударить ее левой: она успела прижать обе моих ноги к капоту. Она рванула меня к себе, и я упал на нее сверху. Мы продолжали бороться на земле. Ее сила была поразительной, но еще страшнее были вопли. Я едва барахтался под гигантским давлением ее тела. Дело было не столько в весе, сколько в создаваемом ее телом напряжении. Внезапно я услышал рычание, и огромный пес прыгнул ей на спину, отшвырнув ее от меня. Я встал и хотел броситься в машину, но около дверцы боролись женщина и пес. Единственным спасением был дом. Я оказался там за одну-две секунды. Не оглядываясь, я бросился внутрь и захлопнул за собой дверь, закрыв ее на железную щеколду, потом побежал к черному ходу и проделал то же самое.

Снаружи доносились яростное рычание пса и нечеловеческие вопли женщины. Затем вдруг рычание и лай пса оборвались, и он заскулил, как от страха или боли. Меня словно что-то ударило под лопатку, в ушах зазвенело. Я понял, что попал в ловушку внутри дома. На меня накатила волна полнейшего ужаса. Я клял себя на чем свет стоит за свою идиотскую идею забежать в дом. Атака доньи Соледад настолько ошеломила меня, что отшибла всякую логику и стратегическое чутье. Я вел себя так, словно убегал от обычного противника, которому можно было преградить путь закрытой дверью. Я слышал яростные крики, потом кто-то подошел к двери и налег на нее, пытаясь открыть. Затем послышались громкие удары в дверь.

– Открой дверь, – приказала донья Соледад твердым тоном. – Проклятая собака покалечила меня.

Я колебался. Мне вдруг вспомнилось столкновение с женщиной-магом, которая несколько лет назад, если верить дону Хуану, приняла его обличье, чтобы обмануть меня и нанести смертельный удар. Донья Соледад явно не была той, которую я знал, но мне как-то не верилось, что она была магом. Это противоречило бы самому закону времени. Паблито, Нестор и я находились в контакте с доном Хуаном и доном Хенаро много лет, но все еще не были магами; когда же могла успеть стать магом донья Соледад? Даже при ее поразительном изменении она не могла сымпровизировать нечто такое, для чего потребовалась бы целая жизнь.

– Почему ты нападаешь на меня? – спросил я громко, чтобы она могла расслышать меня через массивную дверь.

Она ответила, что Нагваль велел ей не позволять мне уйти. Я спросил ее, почему. Она не отозвалась. Вместо этого она стала яростно колотить в дверь, а я в ответ заколотил еще сильнее со своей стороны. Мы продолжали стучать так в течение нескольких минут. Она остановилась и стала умолять меня открыть дверь. Я почувствовал прилив нервной энергии. Меня всего трясло. Я знал, что если я открою щеколду, у меня будет шанс спастись бегством. Я открыл дверь. Она вошла, пошатываясь. Ее блуза была разорвана. Повязка, удерживавшая волосы, свалилась, и ее длинные волосы рассыпались по всему лицу.

– Посмотри, что этот сукин сын сделал со мной, – закричала она. – Смотри! Смотри!

Я с трудом перевел дыхание. Она казалась несколько ошеломленной. Сев на скамейку, она принялась стаскивать порванную блузу. Воспользовавшись этим, я мгновенно выскочил из дома и бросился к машине. С быстротой, порожденной страхом, я вскочил внутрь, захлопнул дверцу, автоматически включил зажигание и перевел машину на задний ход. Я нажал педаль газа и повернул голову, чтобы посмотреть через заднее стекло. Раздалось ужасающее рычание, я ощутил горячее дыхание на своем лице и в то же мгновение увидел рядом демонические глаза пса.

Он стоял на заднем сидении. Его клыки мелькнули возле самых моих глаз. Я быстро наклонил голову, и его зубы вцепились мне в волосы. Я изогнулся всем телом и убрал ногу с педали сцепления. Резкая остановка заставила пса потерять равновесие, и он едва не

свалился. Я распахнул дверцу и выскочил наружу. Голова пса протиснулась за мной. Я услышал клацанье его огромных зубов, когда он, захлопнув пасть, промахнулся всего на несколько дюймов от моих каблуков. Машина тронулась и стала медленно катиться обратно, а я снова метнулся к дому. Но остановился я, не успев достичь двери.

Там стояла донья Соледад. Она снова подвязала волосы и накинула на плечи шаль. Она одно мгновение пристально смотрела на меня, а затем начала смеяться, сначала еле слышно, словно ее раны причиняли ей боль, а потом все громче, указывая на меня пальцем и схватившись за живот от хохота. Она с усилием согнулась пополам, чтобы перевести дыхание. Я мог видеть ее груди, сотрясавшиеся от смеха. Она была обнажена до пояса. Я понял, что все пропало, и оглянулся. Машина проехала четыре-пять футов и остановилась. Дверца снова захлопнулась, закрыв пса изнутри. Я видел и слышал, как громадная зверюга грызет спинку переднего сидения и яростно скребет окно.

В этот момент я оказался перед весьма своеобразным выбором. Я не знал, кто для меня страшнее – донья Соледад или этот проклятый пес. После краткого раздумья я решил, что собака – всего лишь глупое животное.

Я бегом вернулся к машине и взобрался на крышу. Шум разъярил пса, слышно было, как он рвет клыками обивку. Лежа на крыше, я ухитрился открыть дверцу водителя. У меня была идея – открыть обе дверцы, а затем соскочить с крыши в машину через одну из них, когда пес выскочит в другую. Я свесился, чтобы открыть правую, забыв, что она заперта изнутри. В этот момент голова собаки высунулась из открытой дверцы. В дикой панике при одной мысли, что сейчас он выберется и бросится на меня, я соскочил с крыши и опять мгновенно оказался у двери дома.

Донья Соледад, обхватив себя руками, стояла в дверном проеме. Смех, сотрясавший ее, уже походил на конвульсии.

Пес уже снова сидел в машине, все еще исходя пеной от ярости. Очевидно, он был чересчур велик для нее и не мог протиснуться над передним сидением. Я подошел к машине и осторожно закрыл левую дверцу, потом стал искать длинную палку, чтобы открыть замок правой. Поиски на площадке перед домом ни к чему не привели. Вокруг не было видно ни куска дерева. Тем временем донья Соледад ушла внутрь дома. Я оценил свое положение. У

меня не было другого выбора, как только обратиться к ее помощи. С крайней опаской я переступил порог дома, озираясь по сторонам на случай, если она, подстерегая меня, прячется где-нибудь за дверью.

– Донья Соледад? – крикнул я.

– Какого черта тебе надо? – донесся крик из ее комнаты.

– Пожалуйста, выйди и забери собаку из машины.

– Ты шутишь? – отвечала она. – Это не моя собака. Я тебе уже говорила, что она принадлежит моим девочкам.

– А где твои девочки?

– Они в горах.

Она вышла из своей комнаты и остановилась передо мной.

– Хочешь увидеть, что этот проклятый пес со мной сделал? – спросила она сухим тоном. – Смотри!

Она сбросила шаль и показала мне свою обнаженную спину.

Никаких заметных следов от клыков или когтей пса на ее спине не было. Только несколько неглубоких царапин, которые она могла заработать, когда каталась по земле или нападала на меня.

– Там ничего нет, – сказал я.

– Пойди и посмотри на свету, – сказала она и подошла к двери.

Она настаивала, чтобы я искал глубокие раны от собачьих зубов. Я чувствовал себя глупо, вокруг глаз, особенно возле бровей, было какое-то неприятное напряжение.

Пес был на месте и начал лаять, как только я вышел из дома.

Я проклинал себя. Мне некого было винить, кроме себя самого. Я попал в эту ловушку, как дурак. Сейчас возьму и уйду пешком в город, решил я. Но мой бумажник, все мои документы, все, что у меня было, лежало в портфеле на полу машины как раз под лапами у собаки. Меня охватил приступ отчаяния. Идти в город было бесполезно. Денег, которые были у меня в кармане, не хватило бы и на чашку кофе. Ни единой живой души в этом городе я не знал. Мне оставалось только одно – выгнать пса из машины.

– Что ест эта собака? – закричал я, стоя у двери.

– Почему бы тебе не угостить ее своей ногой? – крикнула в ответ донья Соледад из своей комнаты и захихикала.

Я поискал на кухне какой-нибудь еды. Горшки были пустыми.

Мне оставалось только вновь обратиться к ней.

Мое отчаяние сменилось гневом. Я ворвался в ее комнату, готовый к борьбе до конца. Она лежала на своей кровати, укрывшись

шалью.

– Пожалуйста, прости меня за все, что я тебе сделала, – сказала она, глядя в потолок. Ее прямога погасила мой гнев.

– Ты должен понять мое положение, – продолжала она. – Я не могла позволить тебе уйти.

Она тихо засмеялась и ясным, спокойным и очень приятным голосом сказала, что она была настырной и бестактной настолько, что ей почти удалось до смерти, испугать меня своим шутовством. Но сейчас ситуация внезапно изменилась.

Она сделала паузу и села в постели, прикрыв грудь шалью, а затем добавила, что в ее тело влилась странная уверенность. Она подняла глаза к потолку и стала в каком-то завораживающем ритме размахивать руками, как ветряная мельница.

– Возможности уехать сейчас для тебя не существует, – заявила она.

Она изучающе взглянула на меня без тени улыбки. Мой гнев утих, но отчаяние достигло предела. Я хорошо понимал, что мне не справиться ни с ней, ни с псом.

Она сказала, что наша встреча была предрешена много лет назад, и что ни один из нас не имеет достаточно силы, чтобы ускорить ее или воспрепятствовать ей.

– Не истощай себя, пытаясь уехать, – сказала она. – Твои усилия уехать так же бесполезны, как и мои – удержать тебя здесь. Нечто помимо твоей воли вызовет тебя отсюда, и нечто помимо моей воли удержит тебя здесь.

Каким-то странным образом ее уверенность не только смягчила ее, но и придала ей большую власть над словами. Ее утверждения были неотразимо убедительными и кристально ясными. Дон Хуан сказал когда-то, что я был доверчивой душой, когда дело доходило до слов. Когда она говорила, я поймал себя на мысли, что она в действительности вовсе не столь ужасна, как мне показалось. Она больше не производила впечатления взбесившейся фурии, в любой момент готовой к нападению. Мой разум чувствовал себя почти свободно, но что-то во мне не поддавалось. Все мышцы моего тела были подобны натянутым струнам, однако я вынужден был признаться себе, что хоть она меня и испугала до полусмерти, она все же была очень привлекательна.

– Я покажу тебе, что бесполезно пытаться уехать, – сказала она, соскакивая с постели. – Я собираюсь помочь тебе. Что тебе нужно?

Она следила за мной со странным блеском в глазах. Ее мелкие белые зубы придавали улыбке что-то дьявольское. Круглое лицо было удивительно гладким, совершенно без морщин. Две глубокие линии, сбегаящие от крыльев носа к уголкам рта, придавали лицу отпечаток зрелости, но не возраста. Когда она вставала с постели, шаль соскользнула, обнажив ее полные груди. Не дав себе труда вновь накрыться, она еще и выпятила грудную клетку, заставив грудь приподняться.

— О, ты уже заметил, да? — и повернула тело из стороны в сторону, словно любуясь собой. — Я всегда стягиваю волосы на затылке. Нагваль велел мне делать так. Натяжение делает мое лицо моложе. Я был уверен что она заговорит и о груди. Ее уловка поразила меня.

— Я не имела в виду, что натяжение волос заставляет меня выглядеть моложе, — продолжала она с улыбкой. — Оно делает меня моложе.

Я поинтересовался, как это может быть.

С чарующей улыбкой она поинтересовалась, понял ли я как следует дона Хуана, когда он говорил, что всякая вещь становится возможной, если человек хочет ее с несгибаемым намерением. Я пожелал более точного объяснения. Мне хотелось знать, что еще, кроме стягивания волос она делает, чтобы выглядеть такой молодой. Она сказала, что ложится на свою кровать и опустошает себя от всех мыслей и ощущений, а затем просто позволяет линиям своего пола убрать все морщины прочь. Я добивался от нее более детального ответа о ее ощущениях, чувствах и восприятиях, которые она испытывала, лежа на своей постели. Она настаивала, что не ощущает ничего и не знает, как действуют линии ее пола. И она знает только, что не надо позволять вмешиваться своим мыслям.

Она положила руки мне на грудь и очень мягко оттолкнула. По-видимому, это был жест, показывающий, что с нее довольно моих вопросов. Мы вышли наружу через заднюю дверь. Я сказал ей, что мне нужна длинная палка. Она сразу пошла к куче дров, но среди них не было длинных палок. Я спросил, не сможет ли она дать мне пару гвоздей, чтобы скрепить два куска дерева из поленницы. Мы обшарили весь дом, но гвоздей не нашли. Наконец я вытащил самую длинную палку, какую удалось найти, из курятника, построенного Паблито за домом. Эта жердь, хотя и была немного

тонковатой, казалась подходящей для моей цели.

Донья Соледад помогала мне в моих поисках не улыбаясь и без шуточек. Казалось, она была полностью поглощена своей задачей помогать мне. Ее концентрация была такой интенсивной, что я под конец не сомневался в ее искренности. Вооруженный длинной жердью и поленом из дровяной кучи, я подошел к своей машине. Донья Соледад стояла у передней дверцы.

Я стал дразнить собаку короткой палкой, в то же время пытаюсь освободить замок жердью. Пес едва не цапнул меня за руку, и я выронил короткую палку. Ярость и сила огромного зверя были такими безмерными, что я чуть не потерял и длинную палку тоже. Пес пытался перекусить ее надвое, как вдруг донья Соледад пришла мне на помощь. Колотя в заднее стекло, она отвлекла внимание пса, и это позволило мне забрать палку.

Воодушевленный ее отвлекающим маневром, я нырнул головой вперед, проскользнул по всей длине сидения и успел-таки освободить замок. Я тут же ринулся назад, но пес бросился на меня сзади со всей своей мощью, и его массивные плечи и лапы нависли над передним сидением, прежде чем я успел вернуться назад. Я почувствовал его лапы на своем плече и съезился от страха. Я не сомневался, что сейчас он меня прикончит. Пес наклонил голову, собираясь меня растерзать, но ударился о рулевое колесо. Я стремительно рванулся и одним движением взлетел на капот, затем на крышу. Все тело у меня было в синяках. Я открыл правую дверцу, попросил донью Соледад подать мне длинную палку и нажал на рычаг, освобождающий спинку сиденья, закрепленную вертикально. Я надеялся, что если буду дразнить пса, то он свалит ее вперед и освободит себе путь к выходу, но он не двигался. Он лишь яростно грыз палку.

В этот момент донья Соледад вскочила на крышу и легла рядом со мной. Она хотела помочь мне дразнить собаку. Я сказал, что ей не следует оставаться на крыше, так как когда пес вылезет, я собираюсь соскользнуть в машину и немедленно уехать. Я поблагодарил ее за помощь и сказал, что ей лучше вернуться в дом. Она пожала плечами, спрыгнула вниз и пошла обратно к двери. Я снова нажал на защелку и начал дразнить пса своей кепкой. Я хлопал ею у самых его глаз, прямо перед мордой. Ярость пса была неопишима, однако он не собирался покидать сидение. Наконец его мощные лапы выбили палку из моей руки. Я

опустился вниз, чтобы поднять ее из-под машины. Внезапно я услышал пронзительный крик доньи Соледад:

– Осторожно! Он вылезает!

Я рывком обернулся. Пес протискивался над сиденьем. Его задние лапы застряли в рулевом колесе. Он был почти на свободе.

Я бросился к дому и оказался внутри в тот самый момент, когда пес всем телом с размаху ударил в дверь. Заперев дверь на щеколду, донья Соледад сказала, хихикая:

– Я говорила тебе, что это бесполезно.

Она прочистила горло и повернулась ко мне.

– Ты можешь привязать его на веревку? – спросил я.

Я был уверен, что получу ничего не значащий ответ, но, к моему удивлению, она сказала, что мы должны испробовать все, даже заманить собаку в дом и закрыть ее там.

Ее идея привлекла меня. Я осторожно открыл дверь. Пса там больше не было. Я рискнул распахнуть дверь пошире и выглянуть наружу. Его не было видно. Я надеялся, что он убрался наконец в свой загон. На всякий случай я решил подождать еще немного, а затем сделать бросок к машине, как вдруг услышал злобное рычание и увидел массивную голову внутри машины. Он снова забрался на переднее сидение.

Донья Соледад была права – бесполезно было и пытаться сбежать. Волна уныния охватила меня. Каким-то образом я знал, что конец мой близок.

В порыве полного отчаяния я сказал донье Соледад, что собираюсь взять на кухне нож и убить пса или быть убитым им. И я сделал бы это, если бы в доме был хоть один металлический предмет.

– Разве Нагваль не учил тебя принимать свою судьбу? – спросила донья Соледад, следуя за мной по пятам. – Этот пес – не обычная собака. У него есть сила. Он воин. Он сделает то, что должен сделать. Даже убьет тебя, если нужно.

На мгновение я оказался на грани неконтролируемого срыва. Рассвирепев, я схватил ее за плечи и зарычал. На нее это не произвело никакого впечатления. Она повернулась ко мне спиной и сбросила на пол свою шаль. Ее спина была очень сильной и красивой. У меня было жуткое желание ударить ее, но вместо этого я провел рукой по ее плечам. Ее кожа была мягкой и шелковистой. Руки и плечи были мускулистыми, но не массивными. Лишь минимальный слой жира окружал ее мускулы

и делал тело гладким на вид, однако пальцами я чувствовал невидимые под кожей твердые мышцы. Мне не хотелось смотреть на ее грудь.

Она пошла на террасу в задней части дома и я последовал за ней. Она села на скамейку и не торопясь помыла ноги в бадье. Когда она обувала сандалии, я в сильной тревоге заглянул зачем-то в новую пристройку в задней части дома. Когда я выходил оттуда, она встретила меня у двери.

– Ты любишь поговорить, – сказала она мимоходом, ведя меня в свою комнату. – Торопиться некуда. Теперь мы можем говорить вечно.

Она достала мой блокнот с крышки своего комода, куда, должно быть, сама его сунула, и вручила мне с преувеличенной любезностью. Затем она сняла покрывало, аккуратно сложила его и положила туда, где прежде лежал блокнот. Тут я заметил, что оба комода были под цвет стен, желтовато-белыми, а постель без покрывала была охристо-красной, почти под цвет пола. Покрывала же были темно-коричневыми, как дерево потолка и ставней.

– Давай поговорим, – сказала она, сняв сандалии и удобно усаживаясь на постели.

Она обхватила руками колени, касаясь их голой грудью. У нее был вид молодой девушки. Ее агрессивные и властные манеры исчезли, сменившись обаянием. В этот момент она была полной противоположностью недавней донье Соледад. Я невольно рассмеялся над тем, как она убеждала меня писать. Она напоминала мне дону Хуана.

– Теперь у нас есть время, – сказала она. Ветер переменялся. Ты заметил это?

Я заметил. Она сказала, что новое направление ветра было ее благоприятным направлением, и теперь ветер превратился в ее помощника.

– Что ты знаешь о ветре, донья Соледад? – спросил я, спокойно усевшись в ногах ее постели.

– Только то, чему учил меня Нагваль, – сказала она. – Каждая из нас, то есть женщин, имеет свое собственное направление, особый ветер. Мужчины не имеют. Я – северный ветер; когда он дует, я становлюсь другой. Нагваль сказал, что женщина-воин может использовать свой особый ветер для всего, что пожелает. Лично я с его помощью привела в порядок свое тело и переделала его. Смори

на меня. Я – северный ветер. Чувствуешь, как я вхожу в окно? Сильный ветер дул через окно, которое стратегически было обращено к северу.

– Почему ты думаешь, что у мужчин нет ветра?

Она на мгновение задумалась, а затем ответила, что Нагваль никогда не упоминал, почему.

– Ты хотел знать кто сделал этот пол, – сказала она, укутывая одеялом плечи. – Я сделала его сама. Я потратила четыре года, чтобы выложить его. Теперь этот пол подобен мне самой.

Когда она говорила, я заметил, что сходящиеся линии на полу были сориентированы так, что начинались с севера. Однако комната не была расположена в полном соответствии со странами света, поэтому ее постель находилась под некоторым углом к стенам, как и линии, образованные глиняными плитками.

– Почему ты сделала пол красным, донья Соледад?

– Это мой цвет. Я красная, подобно красной почве. Я нашла красную глину в горах поблизости отсюда. Нагваль сказал мне, где искать, и он же помогал мне носить ее а с ним и все остальные.

Они все мне помогали.

– Как ты обжигала глину?

– Нагваль вырыл мне яму. Мы заполнили ее топливом, а потом положили штабелем глиняные плитки, переложив их плоскими кусочками камня. Я закрыла яму крышей из почвы и проволоки и подожгла дрова. Они горели несколько дней.

– Как ты уберегла плитки от искривления?

– Это не я. Это сделал ветер, северный ветер, который дул все время, пока горел огонь. Нагваль показал мне, как вырыть яму, чтобы она была обращена к северу и северному ветру, и заставил меня оставить четыре дыры для северного ветра, чтобы он дул в яму. Потом он велел мне проделать одну дыру в центре крышки, чтобы мог выходить дым. Ветер заставил гореть дерево в течение нескольких дней. Когда яма остыла, я открыла ее и начала чистить и выравнивать плитки. Мне потребовалось больше года чтобы сделать достаточно плиток и закончить свой пол.

– Как ты придумала узор?

– Мне дал его ветер. Когда я делала пол, Нагваль уже научил меня не сопротивляться ветру. Он показал мне, как отдаваться своему ветру и позволять ему руководить мной. На это он потратил много времени и сил, годы и годы. Вначале я была очень упрямой и

неразумной старухой. Он говорил мне это сам, и он был прав. Но я училась очень быстро. Наверное потому, что я старая, и мне больше нечего терять. В самом начале у меня были громадные трудности из-за моего постоянного страха. Одно присутствие Нагваля заставляло меня заикаться и робеть. Так же чувствовали себя с ним и остальные. Это была его судьба – наводить ужас. Она перестала говорить и пристально взглянула на меня.

– Нагваль – не человек, – сказала она.

– Почему ты так говоришь?

– Нагваль – дьявол, я не знаю, с каких пор.

От ее слов меня бросило в дрожь. Я ощутил, как заколотилось сердце. Она, безусловно, не могла бы найти лучшего слушателя. Я был бесконечно заинтригован и попросил объяснений.

– Его касание изменяло людей, – проговорила она. – Ты знаешь это сам. Он изменил твое тело. Причем ты, как видно, даже не догадываешься об этом. Но он вошел в твое прежнее тело, он что-то вложил в него. То же самое он проделал со мной. Он оставил что-то во мне, и это нечто взяло вверх. Такое может только дьявол. Теперь я – северный ветер и не боюсь никого и ничего. А до того, как он изменил меня, я была слабой, незащитной, безобразной старухой, дрожавшей от одного его имени, Паблито, конечно, не мог помочь мне, так как он сам боялся Нагваля до смерти.

Однажды Нагваль и Хенаро пришли в дом, когда я была одна. Я слышала их за дверью, словно крадущихся ягуаров. Я перекрестилась. Для меня они были демонами, однако я вышла, чтобы посмотреть, что я могу сделать для них. Они были голодны, и я охотно приготовила им еду. У них были миски, сделанные из тыквы, и я налила им обоим супа. Нагваль, по-видимому, не был признателен за еду; он не хотел есть пищу, приготовленную такой слабой, неуклюжей женщиной, и он взмахом руки сбросил миску со стола. Но миска, вместо того, чтобы опрокинуться и выплеснуться на пол, от силы удара Нагваля соскользнула и упала на мою ногу, да так и стояла там, пока я не нагнулась и не подняла ее. Ни капли супа не пролилось. Я поставила ее на стол перед ним и сказала, что хотя я и слабая женщина и всегда боюсь его, моя пища приготовлена с добрыми чувствами. С этого момента Нагваль изменился по отношению ко мне. То, что миска упала на мою ногу и не разлилась, было знаком, что сила указывает на меня. Я не знала этого тогда и думала, что он изменился по отношению

ко мне потому, что ему стало стыдно за свой отказ от моей пищи. Я не придавала значения этой перемене. Я все еще боялась его и не могла даже смотреть ему в глаза. Но он стал все больше обращать на меня внимания. Он даже принес мне подарки: шаль, платье, гребенку и другие вещи. Это привело меня в ужас. Я стыдилась, ибо думала, что он мужчина, который ищет женщину. У Нагваля были молодые девушки; чего он хотел от такой старухи, как я? Сначала я не хотела и смотреть на его подарки, но Паблито уговорил меня, и я начала носить их. После этого я стала еще больше бояться его и не хотела оставаться с ним наедине. Я знала, что он не мужчина, а дьявол. Я знала, что он сделал со своей женщиной.

Тут я не мог не перебить ее. Я сказал, что впервые слышу о женщине в жизни дона Хуана.

– Да ты знаешь, кого я имею в виду.

– Поверь мне, донья Соледад, не знаю.

– Не говори так. Ты хорошо знаешь, что я говорю о Ла Горде.

Единственная «Ла Горда», которую я знал, была сестра Паблито, чрезвычайно тучная девушка по прозвищу Горда, Толстуха. Я догадывался, что на самом деле она не была дочерью доньи Соледад, хотя мне этого никто не говорил. А выспрашивать об этом мне как-то не хотелось. Внезапно я вспомнил, что эта девушка исчезла из дома, и никто не мог или не смел сказать мне, что с ней.

– Однажды я была одна возле дома, – продолжала донья Соледад.

– Я расчесывала волосы на солнце гребнем, подаренным Нагвалем, и не догадывалась, что он пришел и стоит за спиной. Вдруг я почувствовала, как его руки обхватили мою шею. Я услышала, как он мягко сказал, чтобы я не двигалась, иначе я могу сломать шею. Он повернул мне голову налево, не до упора, а немного. Я была очень испугана и завизжала, пытаюсь освободиться от его хватки, но он твердо держал мою голову долгое-долгое время.

Когда он выпустил мой подбородок, я потеряла сознание. Я не помню, что было потом. Когда я пришла в себя, я лежала на земле прямо там, где сидела. Нагваль уже ушел. Мне было так стыдно, что я никого не хотела видеть, особенно Ла Горду. Долгое время я даже думала, что Нагваль никогда не поворачивал мне шею и что мне все это просто привиделось.

Она остановилась. Я ожидал объяснения тому, что случилось. Но

она казалась задумчивой и отсутствующей.

– Что же случилось на самом деле, донья Соледад? – спросил я, не сумев сдержаться. – Он действительно что-то сделал с тобой?

– Да! Он повернул мою шею, чтобы изменить направление моих глаз, – сказала она громко и засмеялась, заметив мое удивление.

– Я имею в виду, не сделал ли он...?

– Да. Он изменил мое направление, – продолжала она, не обращая внимания на мои расспросы. – Он сделал это и с тобой и со всеми остальными.

– Действительно, он сделал это и со мной. Но зачем, как ты думаешь, он сделал это?

– Он обязан был. Это самая важная вещь, которую нужно сделать. Она имела в виду своеобразное действие, которое дон Хуан считал абсолютно необходимым. Я никогда ни с кем не говорил об этом. Фактически я почти забыл о нем. В начале моего ученичества он однажды развел два небольших костра в горах Северной Мексики. Они находились футах в двадцати друг от друга. Он велел мне стать тоже в двадцати футах от них, удерживая тело и особенно голову в максимально расслабленном положении лицом к костру справа. Зайдя сзади, он повернул мою шею налево и направил мои глаза (но не плечи) в сторону второго огня. Он удерживал в этом положении мою голову несколько часов, пока не погас огонь. «Новое направление» было юго-востоком; точнее, он расположил второй костер в юго-восточном направлении. Я воспринял все это как еще одно из загадочных чудачеств дона Хуана, один из его ничего не значащих ритуалов.

– Нагваль сказал мне, что у всех нас в течение всей жизни развивается одно единственное направление, в котором мы постоянно смотрим, – продолжала она. – Оно становится направлением и для глаз духа. С течением времени это направление от чрезмерного использования становится слабым и неприятным, и поскольку мы слишком привязаны к нему, то мы и сами становимся слабыми и непривлекательными. В день, когда Нагваль повернул мне шею и держал ее, пока я не упала в обморок от страха, он дал мне новое направление.

– Какое именно?

– Зачем ты спрашиваешь? – сказала она с излишней силой. – Ты думаешь, что Нагваль дал мне неправильное?

– Я могу сказать, какое направление он дал мне.

– Не надо, – отрезала она. – Он говорил мне об этом сам. Она казалась возбужденной. Поменяв позу, она легла на живот. У меня затекла спина, я долго писал согнувшись. Я спросил ее, могу ли я сесть на пол и использовать кровать как стол. Она встала и вручила мне сложенное покрывало в качестве подстилки.

– Что еще делал с тобой Нагваль? – спросил я.

– После изменения моего направления Нагваль начал по-настоящему беседовать со мной о силе, – сказала она, ложась снова. – Сначала он говорил об этих вещах от случая к случаю, так как не знал точно, что со мной делать. Однажды он взял меня на короткую прогулку в горы. Потом, в другой раз, мы с ним поехали на автобусе в его родные края в пустыню. Понемногу я привыкла к этим путешествиям.

– Он когда-нибудь давал тебе растения силы?

– Однажды, когда мы были в пустыне, он дал мне Мескалито. Но так как я была пустой женщиной, Мескалито не принял меня. Встреча с ним была просто ужасной. Именно тогда Нагваль понял, что вместо этого меня надо познакомить с ветром. Все это было, конечно, лишь после того, как он получил знак. Он снова и снова повторял, что хотя он и был магом, умеющим *видеть*, но если нет знака, то он не может сказать, какой путь избрать. Он ждал указания обо мне уже несколько дней, но сила не хотела давать его. Не имея выхода, он привел меня к своему гуахе, и я встретилась с Мескалитом.

Я перебил ее. Ее употребление слова «гуахе» (тыква-горлянка) привело меня в замешательство. В контексте ее рассказа оно было лишено смысла. Я подумал, что она говорит метафорически, или что слово «горлянка» было эвфемизмом.

– Что такое «гуахе», донья Соледад?

В ее глазах мелькнуло удивление. После паузы она ответила.

– Мескалито – гуахе Нагваля.

Ее ответ смутил меня. Судя по интонации, для нее такое объяснение было очевидным. Когда я попросил дальнейших объяснений, она уверяла, что я все знаю сам. Это был излюбленный прием дона Хуана для пресечения всех расспросов. Я сказал ей, что дон Хуан говорил мне, что Мескалито – это божество или сила, содержащаяся в батонах пейота. Сказать, что Мескалито был тыквой-горлянкой, было явной бессмыслицей.

– Нагваль с помощью своей горлянки может познакомить тебя с

чем угодно, – сказала она после паузы. – Тыква – ключ к его силе. Пейот может дать любой, но только маг с помощью своей горлянки может познакомить тебя с Мескалитом.

Она замолчала и пристально посмотрела на меня. Взгляд был свирепым.

– Почему ты заставляешь меня повторять то, что ты и так давно знаешь? – спросила она.

Ее перемена застала меня врасплох – только что она была такой мягкой и милой.

– Не обращай внимания на перемены моего настроения, – сказала она, улыбаясь. – Я – северный ветер. Я очень нетерпима. Всю свою жизнь я не смела и слова сказать. Теперь я не боюсь никого. Я говорю то, что чувствую. Чтобы общаться со мной, ты должен быть сильным.

Она подползла на животе поближе ко мне.

– Итак, Нагваль познакомил меня с Мескалитом, который вышел из его горлянки, – продолжала она. – Однако он не мог предположить, чем это кончится. Он думал, что моя встреча с Мескалитом будет похожа на твою или Элихио. В обоих случаях он был в затруднении и предоставил горлянке решать, что делать дальше. И в обоих случаях горлянка помогала ему. Со мною все было иначе. Мескалит велел ему, чтобы я убиралась, пока цела. Мы с Нагвалем спешно удрали оттуда. Вместо того, чтобы вернуться домой, мы поехали на север. Мы сели в автобус, идущий в Мехикали, но вышли посреди пустыни. Было уже очень поздно. Солнце садилось за горы. Нагваль хотел перейти дорогу и идти пешком на юг. Мы ожидали, пока проедут какие-то быстро мчавшиеся машины, но вдруг он хлопнул меня по плечу и указал на дорогу перед нами. Порыв ветра вздымал спиралью пыль в стороне от дороги. Мы наблюдали, как она движется к нам. Нагваль перебежал дорогу, и ветер схватил меня. Он мягко закружил меня, а потом исчез. Это и был знак, которого ожидал Нагваль.

С тех пор мы ходили в горы или пустыню искать ветер. Сначала ветер не любил меня, потому что это было мое старое «я».

Поэтому Нагваль постарался изменить меня. Сначала он велел мне сделать эту комнату и этот пол. Затем он велел мне носить новые платья и спать на матрасе вместо соломенной циновки. Он велел мне носить обувь и набить одеждой полные комоды. Он заставлял

меня ходить сотни миль и научил быть спокойной. Я училась очень быстро. Еще были всякие странные вещи, не имеющие никакого смысла.

И однажды, когда мы были в горах, в его родных местах, я в первый раз услышала ветер. Он вошел прямо в мою матку. Я лежала на верхушке плоской скалы, и ветер кружил вокруг меня. Я уже видела его в этот день, когда он кружился в кустах, но на этот раз он охватил меня и остановился. Нагваль велел мне снять всю свою одежду. Я была совершенно голая, но мне не было холодно, меня согревал ветер.

– Ты боялась, донья Соледад?

– Боялась? Да я оцепенела от ужаса. Ветер был живой; он ласкал меня с головы до пяток. А затем он вошел внутрь моего тела. Я была как воздушный шар, и ветер выходил из моих ушей, рта и других мест, о которых я упоминать не хочу. Я думала, что сейчас умру, и я бы удраля, если бы Нагваль не прижимал меня к скале. Он говорил мне на ухо, чтобы я не боялась, и успокаивал меня. Я лежала спокойно и позволяла ветру делать со мной все, что ему угодно. Именно тогда он сказал мне, что делать.

– Что делать с чем?

– С моей жизнью, с моими вещами, моей комнатой, моими ощущениями. Сначала это было не ясно. Мне казалось, что это мои мысли. Нагваль сказал мне, что все мы так думаем. Но стоит по-настоящему успокоиться, – и мы понимаем, что есть еще нечто, говорящее нам разные вещи.

– Ты слышала голос?

– Нет. Ветер движется внутри тела женщины. Нагваль говорил, что это потому, что у женщины есть матка. Когда ветер находится внутри матки, он просто пронзает тебя и говорит, что делать. Чем более спокойна и расслаблена женщина, тем лучше результаты. И внезапно ты оказываешься способной делать такие вещи, о которых раньше не могла и мечтать.

С того дня ветер приходил ко мне постоянно. Он говорил в моей матке и рассказывал мне все, что я хотела знать. Нагваль видел с самого начала, что я была северным ветром. Другие ветры никогда не разговаривали со мной, как этот, хотя я научилась различать их.

– А сколько их всего?

– Есть четыре ветра, как и четыре направления. Это, конечно, относится к магам и к тому, что они делают. Четыре – это число

силы для нас. Первый – бриз, утренний ветер. Он приносит надежду и подъем; он является вестником дня. Он приходит и уходит, и проникает во все. Иногда он мягкий и незаметный, иногда – назойливый и докучный.

Другой ветер – суровый ветер, холодный или горячий, или и то и другое вместе. Это полуденный ветер. Губительный, полный энергии, он полон и безрассудства. Он вламывается в двери и рушит стены. Маг должен быть очень сильным, чтобы совладать с таким ужасным ветром.

Затем есть холодный послеполуденный ветер. Унылый и утомительный, он никогда не оставит тебя в покое.

Он будет приводить тебя в уныние и заставит плакать. Однако Нагваль сказал, что в нем есть такая глубина, которая заслуживает особого внимания в его поисках.

И, наконец, есть горячий ветер. Он согревает, защищает и окутывает все. Это ночной ветер магов. Его сила приходит вместе с темнотой.

Таковы четыре ветра. Они связаны с четырьмя направлениями.

Бриз – это восток. Холодный ветер – запад. Горячий – юг. Суровый – север.

Четыре ветра – это еще и личности. Бриз – игривый, вкрадчивый и переменчивый. Холодный ветер – угрюмый, тоскливый и всегда печальный. Горячий ветер – счастливый, безудержный и хвастливый. Суровый ветер – энергичный, властный и нетерпеливый.

Нагваль сказал мне, что четыре ветра являются женщинами.

Именно поэтому воины-женщины ищут их. Ветры и женщины родственны друг другу. По этой причине, кстати, женщины лучше мужчин. Я сказала бы, что женщины потому и учатся быстрее, если только верны своему собственному ветру.

– Как женщине узнать, какой из ветров – ее?

– Если она успокоилась и не разговаривает сама с собой, ее ветер просто схватит ее вот так.

Она сделала рукой хватающий жест.

– Должна ли она лежать обнаженной?

– Это помогает. Особенно если она стыдливая. Я была толстой старухой. Я никогда не снимала своей одежды. Я спала в ней и всегда купалась в нижнем белье. Для меня показать свое тело ветру было подобно смерти. Нагваль знал это и сделал на это свою

главную ставку. Он знал о дружбе женщин с ветром, но я сбила его с толку, и он привел меня к Мескалито.

После того, как Нагваль в тот первый ужасный день повернул мою голову, он почувствовал, что несет за меня ответственность. Он говорил, что не имел понятия, как со мной быть. Одно было несомненно – ему не нужна была толстая старуха, шныряющая вокруг его мира. Нагваль сказал, что он находился со мной в таком же неопределенном положении, как и с тобой. Он был в растерянности. Нам обоим нечего было делать в мире Нагваля. Ты не индеец, а я – старая корова. Если говорить прямо, оба мы никуда не годились. Но посмотри на нас теперь. Кое-что с нами явно произошло.

Женщины, конечно, гораздо податливее мужчин. Женщина изменяется очень легко под воздействием силы мага. Особенно такого мага, как Нагваль. Ученик-мужчина, согласно Нагвалю, крайне упрям. Ты, например, не изменился так сильно, как Ла Горда, а она вступила на свой путь ученичества гораздо позже тебя. Женщина мягче и послушнее, сверх того, женщина подобна горлянке – она восприимчива. Но так или иначе, мужчина имеет больше силы. Хотя Нагваль никогда не соглашался с этим. Он полагал, что женщины несравненно выше. Он также утверждал, что я ставлю себя ниже мужчин, потому что я – пустая женщина. Он, должно быть, был прав. Я так долго была пустой, что забыла, что значит быть полной. Нагваль сказал, что если я когда-нибудь стану полной, мои ощущения на этот счет изменятся. Однако, если бы он был прав, Ла Горда добилась бы таких же успехов, как Элихио, а ты знаешь, что это не так.

Мне трудно было следить за ходом ее повествования, так как она молчаливо подразумевала, что я знаю, о чем она говорит.

– Чем Ла Горда отличалась от Элихио?

Она на миг взглянула на меня, как бы взвешивая что-то. Затем она села, подтянув колени к груди.

– Нагваль рассказывал мне все, – сказала она оживленно. – У Нагваля не было от меня секретов. Элихио был самым лучшим; поэтому его теперь нет в мире. Он не вернулся. На самом деле он был таким хорошим, что у него не было необходимости прыгать с обрыва, когда время его ученичества подошло к концу. Он был подобен Хенаро. Однажды, когда он работал в поле, что-то пришло к нему и забрало его отсюда. Он знал, как позволить

унести себя.

У меня возникло желание спросить ее, действительно ли я прыгал с обрыва. Прежде чем задать этот вопрос, я некоторое время колебался. В конце концов, я приехал сюда, чтобы увидеть Паблито и Нестора именно для этого. Любая информация на эту тему от любого вовлеченного в мир дона Хуана человека была бы весьма полезна для меня.

Как я и ожидал, она засмеялась, услышав мой вопрос.

– Ты хочешь сказать, что не знаешь того, что сам сделал?

– Это слишком необыкновенно, чтобы быть реальным.

– Таков мир Нагваля. Ни одна вещь в нем не является реальной. Он сам советовал мне не верить ничему. Тем не менее, ученики-мужчины должны прыгнуть. Если только они не такие великолепные, как Элихио.

Нагваль взял нас, меня и Ла Горду, на эту гору и велел нам смотреть вниз, на ее подножие. Там он показал нам, как выглядит Нагваль в полете, но уследить за ним могла только Ла Горда. Она тоже хотела прыгнуть в пропасть, но Нагваль сказал ей, что это бесполезно. Он сказал, что женщины должны делать более болезненные и трудные вещи, чем эта. Еще он сказал, что прыжок был предназначен только для вас четверых. Так оно и произошло: вы четверо прыгнули.

По ее рассказу получалось, что дон Хуан и дон Хенаро последовали за нами, тогда как я полагал, что прыгнули только мы с Паблито. Вообще-то я не удивился, но было приятно и трогательно.

– Ну что ты несешь! – воскликнула она, когда я высказал свою догадку. – Ты что, не знаешь, что я имею в виду тебя и трех учеников Хенаро? Ты, Нестор и Паблито прыгнули вместе в тот день.

– А кто же третий ученик Хенаро? Я знаю только Паблито и Нестора.

– Ты хочешь сказать что не знаешь, что Бениньо был учеником Хенаро?

– Для меня это новость.

– Он был самым старым учеником Хенаро. Он прыгнул до того, как это сделал ты, и он прыгнул сам.

Бениньо был одним из пяти индейских юношей, которых я однажды встретил, когда бродил с доном Хуаном по Сонорской

пустыне. Они искали предметы силы. Дон Хуан сказал мне, что все они были учениками мага. Несколько раз после этого я вновь виделся с Бениньо, и очень с ним подружился. Он был из южной Мексики. Мне он очень нравился. Непонятно зачем, но он с видимым наслаждением окутывал свою жизнь непроницаемой тайной. Я никогда не мог выяснить, кем он был и что делал. При каждой нашей встрече он неизменно сбивал меня с толку обезоруживающей прямоотой, с которой отклонял все расспросы. Однажды дон Хуан по собственному почину дал мне некоторую информацию о Бениньо, сказав, что тому очень повезло с учителем и бенефактором. Я принял слова дон Хуана как ничего не значащее случайное замечание. Донья Соледад прояснила для меня загадку десятилетней давности.

– Как ты думаешь, почему дон Хуан ничего не рассказывал мне о Бениньо?

– Откуда мне знать? Наверное, причина была. Нагваль никогда ничего не делал просто так.

Чтобы продолжать писать, мне пришлось прислониться ноющей от усталости спиной к ее кровати.

– И что же случилось с Бениньо?

– С ним все в порядке. По-видимому, его положение лучше, чем у кого бы то ни было. Ты увидишь его. Они с Паблито и Нестором неразлучны. На них печать Хенаро. То же и с девочками: они неразлучны, так как на них печать Нагваля.

Я перебил ее снова и спросил, о каких девочках идет речь.

– О моих девочках, – сказала она.

– О твоих дочерях? Я имею в виду – о сестрах Паблито?

– Они не сестры Паблито, они – ученицы Нагваля.

Я был поражен. С тех пор, как я встретил Паблито, я был склонен считать, что четыре девушки в его доме – его сестры. Дон Хуан сам говорил мне это. На меня почему-то вновь нахлынуло отчаяние, которым так богат был сегодняшний день.

Донья Соледад не следовало верить: она явно готовила какую-то очередную ловушку. Я был убежден, что дон Хуан ни при каких обстоятельствах не стал бы так грубо обманывать меня.

Донья Соледад изучала меня с явным любопытством.

– Ветер только что сказал мне, что ты мне не веришь, – сказала она и засмеялась.

– Ветер прав, – отозвался я сухо.

– Девочки, которых ты видел несколько лет, принадлежат Нагвалю. Они были его ученицами. Теперь, когда Нагваль ушел, они являются самим Нагвалем. Но они также и мои девочки. Мои!

– Ты имеешь в виду, что на самом деле ты не мать Паблито, и что именно они – твои дочери?

– Я имею в виду, что они мои. Нагваль оставил их на мое попечение. Ты всегда ошибаешься, так как ты полагаешься на слова, чтобы непременно объяснить все. Так как я мать Паблито, и ты слышал, что они – мои девочки, ты сделал вывод, что они должны быть братом и сестрами.

Девочки – мои настоящие дети. Паблито, хоть и приходится мне сыном, вышедшим из моей утробы, – мой смертельный враг.

Моей реакцией была смесь отвращения и гнева. Я подумал, что она не только ненормальная, она опасна. Каким-то образом что-то во мне знало это с самого момента моего приезда сюда.

Она долго наблюдала за мной. Чтобы не встречаться с ней глазами, я снова сел на покрывало.

– Нагваль предостерегал меня о твоих причудах, – сказала она внезапно, – но я не могла понять, что он имел в виду. Теперь я знаю. Он говорил мне, чтобы я не сердила тебя и была осторожна, так как ты вспыльчив, и непредсказуем. Извини, что не была так внимательна, какой должна была быть. Еще он говорил, что когда ты пишешь, ты можешь оказаться в самом пекле и не заметить этого. И лучше тебя тогда не трогать. Я и не беспокоила тебя. Затем он сказал мне, что ты недоверчив, так как слова путают тебя. И я не запутывала тебя. Я заговорила до умопомрачения, пытаюсь тебя не запутать.

В ее тоне было молчаливое обвинение. Я был сбит с толку и раздосадован.

– В то, что ты говоришь, очень трудно поверить, – сказал я. – Либо ты, либо дон Хуан, но кто-то из вас двоих ужасно обманул меня.

– Никто из нас не лгал. Ты понимаешь только то, что хочешь понять. Нагваль сказал, что это обусловлено твоей пустотой.

Девочки – дети Нагваля, так же как ты и Элихио. Он сделал шестерых детей, четырех женщин и двух мужчин. Хенаро сделал трех мужчин. Всего получается девять. Один из вас, Элихио, уже все закончил, так что вас осталось восемь, пытающихся выполнить то же.

– Куда ушел Элихио?

– Он ушел, чтобы присоединиться к Нагвалю и Хенаро.
– А куда ушли Нагваль и Хенаро?
– Ты знаешь, куда они ушли. Ты дурачишь меня, что ли?
– В том-то и дело, донья Соледад. Зачем мне притворяться?
– Тогда слушай. Я не могу ни в чем отказать тебе. Нагваль и Хенаро вернулись в то место, откуда пришли – в другой мир. Когда пришло их время, они просто шагнули в окружающую тьму там, вовне, а так как они не собирались возвращаться, тьма ночи поглотила их.

Я понял, что расспрашивать дальше бесполезно. Мне хотелось сменить тему, но она меня опередила.

– Ты ухватил проблеск другого мира, когда прыгнул, – продолжала она. – Но, наверное, прыжок привел тебя в замешательство. Очень плохо. С этим ничего не поделаешь. Это твоя судьба, ты мужчина. Женщины в этом отношении лучше мужчин. Им прыгать в пропасть нет нужды. У женщин свои собственные пути. У них своя пропасть. У них менструации. Нагваль говорил, что это – дверь для них. Во время своего женского цикла они становятся чем-то еще. Я знаю, это в это время он и учил моих девочек. Мне уже слишком поздно. Я слишком стара, поэтому я на самом деле не знаю, как выглядит эта дверь. Нагваль настаивал, чтобы девочки уделяли внимание всему, что происходит с ними во время этого периода. Он обычно брал их в эти дни в горы и оставался с ними до тех пор, пока для них не открывалась трещина между мирами.

Нагваль был лишен каких-либо страхов и колебаний, он подвергал их безжалостному давлению, чтобы они сами могли обнаружить, что у женщин есть трещина, которую все они отлично маскируют. Во время этого периода, как бы ни хороша была маскировка, она спадает, и женщина оказывается разоблаченной. Нагваль давил на них до полусмерти, чтобы открыть эту трещину. Они сделали это. Он заставил их сделать это, но на это понадобилось несколько лет.
– Как они стали ученицами?

– Лидия была первой. Он нашел ее однажды утром, когда наткнулся как-то на разрушенную хижину в горах. Нагваль говорил мне, что хижина была пуста, но с самого утра были знаки, звавшие его в этот дом. Бриз сильно беспокоил его. Он не мог даже открыть глаза, когда пытался уйти оттуда. Поэтому когда он увидел хижину, он понял, что там кто-то есть. Он заглянул под

кучу соломы и хвороста и нашел Лидию. Она была очень больна. Она едва могла говорить, но тем не менее заявила ему, что не нуждается в помощи. Она собиралась спать дальше, и если бы она больше не проснулась, никто бы ее не хватился. Нагвалю понравился ее дух, и он заговорил с нею на ее языке. Он сказал, что собирается вылечить ее и заботиться о ней до тех пор, пока она не станет сильной снова. Она была индеанкой, которая знала лишь одни огорчения и лишения. Она сказала Нагвалю, что родители давали ей всякие лекарства, но ничего не помогло.

Слушая ее, Нагваль все больше убеждался, что знак указал ему на нее самым своеобразным способом. Знак скорее походил на приказание.

Нагваль поднял ее и положил себе на плечи, как ребенка, а потом отнес ее к Хенаро. Хенаро приготовил для нее лекарства. Она больше не могла открыть глаза. Ее веки слиплись. Они распухли и гноились.

Нагваль ухаживал за ней, пока она не почувствовала себя лучше. Он нанял меня смотреть за ней и готовить ей еду. Я поставила ее на ноги. Она – мой первый ребенок. Когда она поправилась, а на это ушел почти целый год, Нагваль собирался вернуть ее к родителям, но девушка отказалась уйти и осталась с ним.

Вскоре после того, как он нашел Лидию, когда она была еще совсем слабой, Нагваль нашел тебя. Тебя привел человек, которого он никогда в жизни не видел. Нагваль *видел*, что смерть витает над головой этого человека, и ему показалось странным, что он указывает на тебя именно в такой момент. Ты насмешил Нагваля, и он немедленно устроил тебе проверку. Он не взял тебя, но сказал, чтобы ты пришел сам и нашел его. Вообще он никого не испытывал и не проверял. Он говорил, что таков был твой путь. Три года у него было два ученика – Лидия и ты. Но как-то раз, когда он был в гостях у своего друга Висенте, целителя с Севера, к тому привели помешанную девочку, которая только и делала, что кричала и плакала без конца.

Люди, приведшие ее, приняли Нагваля за Висенте и передали девочку в его руки. Нагваль говорил мне, что эта девочка подбежала и ухватила за него, словно знала его давным-давно. Нагваль предложил ее родителям оставить ее у него. Они беспокоились о плате, но Нагваль заверил их, что будет лечить ее даром. Я полагаю, что девочка так осточертела им, что они не

знали, как от нее избавиться. Нагваль привел ее ко мне. Это был суший ад! Она и вправду была помешанной. Это была Хосефина. Нагвалю понадобилось несколько лет, чтобы вылечить ее. Но и по сей день она совершенно сумасшедшая. Она, конечно, помешалась на Нагвале, и на этой почве у нее с Лидией началась смертельная вражда. Они ненавидели друг друга. Но я любила их обеих.

Увидев, что они не ладят, Нагваль стал с ними очень жестким. Ты знаешь, Нагваль может приструнить кого угодно. Поэтому он напугал их обеих до полусмерти. Однажды Лидия не выдержала и сбежала. Она решила найти себе молодого мужа. По дороге она нашла крошечного цыпленка. Он только что вылупился и потерялся. Лидия подобрала его, а так как она была одна посреди пустынной местности и вокруг не было никаких домов, то она решила, что цыпленок ничей. Она засунула его под блузу между грудей, чтобы согреть его. Лидия рассказывала мне, что когда она бежала, маленький цыпленочек начал перемещаться набок. Она попыталась вернуть его на место, но никак не могла его схватить. Цыпленок быстро шнырял под блузкой по всему ее телу. Лапки цыпленка вначале щекотали ее, а затем довели до помешательства. Когда она поняла, что не в состоянии вытащить его, она примчалась обратно ко мне, вопя без памяти и упрасывая меня вытащить это проклятое создание. Я раздела ее, но это было бесполезно. Там не оказалось никакого цыпленка, тем не менее она продолжала чувствовать, как его лапы щекочут ей кожу.

Тут к нам пришел Нагваль. Он сказал, что как только она отпустит свое старое «я», бег цыпленка прекратится. Лидия бесновалась три дня и три ночи. Нагваль велел мне связать ее. Я кормила ее, убирала за ней и давала ей воду. На четвертый день она стала очень мирной и тихой. Я развязала ее, и она стала одеваться, а когда она оделась так, как в тот день, когда сбежала, из блузы вышел маленький цыпленок. Она взяла его на руки, целовала и благодарила его. Потом она отнесла его туда, где нашла. Я провожала ее часть пути.

С тех пор Лидия никого не беспокоила. Она приняла свою судьбу. Ее судьба – Нагваль; без него она уже умерла бы. Какой смысл пытаться изменить или отвергнуть то, что остается только принимать?

Затем пришла очередь Хосефины. Случившееся с Лидией порядочно ее напугало, но вскоре она забыла об этом. Однажды в

воскресенье, во второй половине дня, когда она шла домой, сухой лист зацепился за нити ее шали. Эта шаль была связана неплотно. Она попыталась вытащить листик, но побоялась распустить шаль. Поэтому, войдя в дом, она немедленно стала высвобождать его. Но это никак не получалось, листик сильно застрял. В порыве гнева Хосефина стиснула шаль с листом и раскрошила его рукой. Она рассчитывала, что маленькие кусочки легче будет вытряхнуть. Я услышала иступленный вопль, и Хосефина упала на землю. Я подбежала к ней и обнаружила, что она не может разжать руку. Лист исполосовал ей ладонь, как обломками бритвенного лезвия. Мы с Лидией нянчились с ней несколько дней. Она была упрямее всех, и чуть не умерла. В конце концов ей удалось раскрыть свою руку, но только после того, как она решила оставить старые пути. У нее до сих пор еще время от времени бывают боли в теле, особенно в руке, когда она раскапризничается. Нагваль сказал им обоим, чтобы они не слишком полагались на свою победу, так как каждый из нас всю свою жизнь ведет борьбу против своих старых «я».

Лидия и Хосефина никогда больше не враждовали. Не думаю, что они любят друг друга, но они, безусловно, ладят. Я люблю этих двоих больше всего. Все эти годы они были со мной. Да и они меня тоже любят.

— А откуда взялись две другие?

— Годом позже появилась Елена. Она и есть Ла Горда. Дела ее были совсем плохи. Она весила двести двадцать фунтов и давно уже махнула на себя рукой. Паблито приютил ее в своей мастерской. Чтобы содержать себя, она брала заказы на стирку белья. Однажды утром Нагваль пришел к Паблито и заметил работавшую там толстую девушку, над головой которой кружился рой бабочек. Он рассказал, что мотыльки образовали самый совершенный круг, какой ему когда-либо приходилось видеть. Он *видел*, что женщина близка к концу своей жизни, но бабочки давали ему несомненный знак. Нагваль не раздумывая взял ее с собой.

Она была хорошей, но ее дурные привычки так глубоко укоренились, что она никак не могла отказаться от них. Оставалось либо помочь ей, либо убить ее. Поэтому однажды Нагваль обратился за помощью к ветру. Ветер дул так, что выгнал ее из дому. В тот день она была одна, и никто не видел, что

происходило. Ветер тащил ее через холмы и овраги, пока она не упала в яму, в точности похожую на могилу. Ветер держал ее там несколько дней. Когда Нагваль наконец нашел ее, она уже сумела остановить ветер, но ослабела так, что не могла идти.

– Как девушкам вообще удавалось выбраться из этих историй?

– Ну, скажем, эти наводившие на них ужас истории содержались в тыкве-горлянке, которую Нагваль носил привязанной к поясу.

– А что было в горлянке?

– Союзники, которых Нагваль носит с собой. Он говорил, что союзники вылетают из его горлянки. Не спрашивай больше, я ничего не знаю о союзниках. Я знаю только, что Нагваль распоряжался двумя, и заставлял их помогать ему. В случаях с моими девочками союзник возвращался в тыкву, когда они были готовы измениться. Для них, конечно, это был выбор – либо измениться, либо умереть. Но это случалось со всеми нами, так или иначе.

И Ла Горда изменилась больше, чем кто-либо. Она была пустой, даже более пустой, чем я, но она работала над своим духом, и теперь она – сама сила. Я не люблю ее. Я боюсь ее. Я для нее открыта. Но никто не может ничего сделать с ней, потому что ее нельзя застать врасплох. Она не испытывает ко мне ненависти, но думает, что я злая женщина. Может быть, она и права. Я думаю, что она знает меня достаточно хорошо, а я не столь безупречна, как следовало бы. Но Нагваль советовал мне не обращать внимания на мои чувства к Ла Горде. Она подобна Элихио; мир больше не затрагивает ее.

– Что же такого особенного Нагваль сделал с ней?

– Он учил ее вещам, каким не учил больше никого. Он никогда не баловал ее или что-нибудь в этом роде. Он доверял ей. Она знает все обо всех. Нагваль рассказывал обо всем и мне, но только не о ней. Может, именно поэтому я не люблю ее. Она знает все, что я делаю. Нагваль велел ей быть моим надзирателем. Куда бы я ни пошла, я нахожу ее. Например, я не удивлюсь, если она и сейчас заявится.

– Ты думаешь, она придет?

– Сомневаюсь. Сегодня вечером ветер на моей стороне.

– Как ты считаешь, что она собирается делать? Может, у нее какое-нибудь особое задание?

– Я уже достаточно говорила о ней. Боюсь, что если я продолжу,

она заметит меня оттуда, где сейчас находится, а мне бы этого очень не хотелось.

– Тогда расскажи мне о других.

– Спустя несколько лет после того, как появилась Горда, Нагваль нашел Элихио. Он рассказал мне, что привез тебя в свои родные места, а Элихио пришел посмотреть на тебя, так как ты заинтересовал его. Нагваль не обратил на него внимания. Он знал его с детских лет. Но как-то утром Нагваль шел к дому, где ты ожидал его, и столкнулся с Элихио. Они прошли вместе совсем небольшое расстояние, и вдруг кусочек чольи упал на носок левого башмака Элихио. Он попытался стряхнуть его, но колючки чольи вцепились в кожу башмака, словно когти. Нагваль предложил Элихио ткнуть пальцем в небо и встряхнуть ногой; чолья сорвалась и пулей взвилась в воздух. Элихио засмеялся, словно это была хорошая шутка, но Нагваль понял, что у него есть сила, о которой он даже не подозревает. Вот почему он без особых забот стал совершенным, безупречным воином.

То, что я с ним познакомилась, было для меня большой удачей. Нагваль считал, что мы с ним кое в чем схожи: если мы за что-то ухватимся, то уже не отпускаем. Я ни с кем не спешила делиться этой своей удачей, даже с Ла Гордой. Она встречала его, но, как и ты, как следует не распознала. Нагваль с самого начала знал, что Элихио уникален, – и от всех его изолировал. Он знал, что ты и девочки – одна сторона монеты, а Элихио, сам по себе, – другая. Нагвалю и Хенаро действительно очень повезло, что они нашли его.

Я впервые встретила с ним, когда Нагваль привел его в мой дом. Элихио не ладил с моими девочками. Они ненавидели его и боялись. Но ему было все равно, мир не затрагивал его. Особенно Нагваль не хотел, чтобы именно ты часто встречался с Элихио. Нагваль говорил, что ты маг такого рода, от которого надо держаться подальше. Он говорил, что твое касание не умиротворяет, а наоборот – причиняет вред. Он сказал, что твой дух захватывает в плен. Ты вообще был ему в каком-то смысле противен, но в то же время и нравился. Он говорил, что когда нашел тебя, ты был еще более помешанным, чем Хосефина, да ты и сейчас такой.

Странно и не слишком приятно было слышать от кого-то, что говорил обо мне дон Хуан. Сначала я пытался игнорировать слова

доньи Соледад, но потом понял, что это была крайне дурацкая и мелочная попытка защитить свое эго.

— Он возился с тобой потому, что так приказала сила. И он как безупречный воин подчинялся и охотно делал то, что велела делать с тобой сила.

Наступила пауза. Мне ужасно хотелось узнать еще что-нибудь об отношении ко мне дона Хуана. Вместо этого я попросил ее рассказать мне о четвертой девочке.

— Месяц спустя после того, как нашел Элихио, Нагваль нашел Розу. Роза была последней. Теперь Нагваль знал, что число его учеников стало полным.

— Как он нашел ее?

— Он отправился повидать Бениньо к нему домой. Он уже подходил к дому, как вдруг из горного кустарника посреди дороги выбежала Роза, преследуя сорвавшуюся с привязи и убегавшую свинью. Свинья бежала гораздо быстрее Розы. Роза налетела на Нагваля и не смогла поймать свинью. Тогда она повернулась к Нагвалю и стала орать на него. Он сделал жест, словно хватал ее, но она готова была драться с ним. Нагвалю сразу понравился ее дух, но не было знака. Вдруг свинья побежала обратно и остановилась возле него. Это был знак. Роза привязала свинью на веревку, а Нагваль сразу прямо спросил, довольна ли она своей работой. Она сказала, что нет. Она была служанкой, живущей у хозяев. Нагваль спросил ее, не хочет ли она пойти с ним, и она сказала, что если для того, что она предполагает, то нет. Нагваль сказал ей, что приглашает ее работать, и она захотела узнать, сколько он будет платить. Он назвал ей цифру, и она спросила, что это будет за работа. Нагваль сказал ей, что она будет работать вместе с ним на табачных плантациях в Веракрусе. Тогда она призналась, что испытывала его: если бы он пригласил ее работать горничной, то она знала бы, что он лгун, поскольку он выглядит как человек, который никогда в своей жизни не имел дома. Нагваль был в восторге и сказал, что если она захочет вырваться из ловушки, в которой находится, то должна прийти в дом Бениньо к полудню. Еще он сказал ей, что будет ждать ее только до двенадцати. Если она придет, то должна быть готова к трудной жизни и тяжелой работе. Она спросила, как далеко находятся табачные плантации, и он ответил, что в трех днях езды на автобусе. Если это в самом деле так далеко, ответила Роза, она,

безусловно, готова ехать, как только отведет свинью в хлев. Так она и сделала. Она приехала сюда, и все сразу полюбили ее. Она никогда не была ни вредной, ни надоедливой. Нагвалю не нужно было заставлять ее или трюками вовлекать в работу. Меня она совсем не любит, но заботится обо мне больше всех. Я доверяю ей и все-таки совсем не люблю ее, а когда уезжаю, то скучаю по ней больше всех. Можешь представить себе такое?

Я увидел печальный блеск в ее глазах. Мои подозрения окончательно рассеялись. Она механически вытерла глаза.

Здесь наша беседа сама собой угасла, и наступила естественная пауза. К тому времени уже начало темнеть, и я едва различал то, что пишу. К тому же мне нужно было сходить в туалет. Она настояла, чтобы я воспользовался уборной во дворе прежде нее, как сам Нагваль.

После этого она принесла две круглые бадьи размером с детскую ванночку, до половины налила их теплой водой и добавила немного зеленых листьев, сначала тщательно размяв их руками. Авторитетным тоном она велела мне помыться в одной бадье, а сама она возьмет другую. Вода слабо благоухала. Она вызывала ощущение щекотки, от нее исходил слабый ментольный запах. Мы вернулись в ее комнату. Она положила на комод мои письменные принадлежности, оставленные на ее постели. Через открытые окна было видно, что еще не стемнело. Очевидно, было около семи.

Донья Соледад, улыбаясь мне, легла на спину. Я подумал, что она – воплощение тепла, только глаза ее, несмотря на улыбку, выдавали безжалостность и несгибаемую силу.

Я спросил ее, как долго она была с доном Хуаном как женщина или ученица. Она посмеялась над моей осторожностью в определениях, и ответила, что семь лет. Потом она сказала мне, что мы не виделись пять лет. До этого я был убежден, что видел ее два года назад. Я попытался вспомнить нашу последнюю встречу, но не смог.

Она предложила мне лечь рядом с ней и очень тихо спросила, боюсь ли я. Я сказал, что не боюсь, и это было правдой. В этот момент в ее комнате я столкнулся со своей старой реакцией, проявлявшейся бесчисленное число раз как смесь любопытства с губительным безразличием.

Почти шепотом она сказала мне, что должна быть безупречной со

мной, и сообщила, что эта встреча была решающей для нас обоих. Она сказала, что Нагваль дал ей прямые указания, что и как делать. Когда она все это говорила, я не мог удержаться от смеха, глядя на ее усилия подражать дону Хуану. Я слушал и мог предугадывать, что она скажет дальше.

Внезапно она села, и ее лицо оказалось в нескольких дюймах от места. Я видел ее белые зубы, блестящие в полутьме комнаты. Вдруг она обвила меня руками и повалила на себя.

Мой ум был предельно ясен, но что-то вело меня все глубже и глубже в какую-то трясину. Я ощущал себя как нечто совершенно чуждое. Внезапно я понял, что все время каким-то образом чувствую ее ощущения. Она была очень странной. Она загипнотизировала меня словами. Она была холодной старой женщиной, и ее планы были планами старухи, несмотря на ее молодую энергию и физическую силу. Меня озаарило, что дон Хуан повернул ее голову в совершенно ином направлении, чем мою. Эта мысль была бы нелепа в любом другом контексте, но в тот миг я принял ее как ошеломляющее откровение. Все тело охватило чувство опасности. Я бросился из ее постели, но меня держала необычайная сила, она парализовала любое мое движение. Она, должно быть, почувствовала мою догадку. Молниеносным движением она сорвала повязку с волос и накинула ее вокруг моей шеи. Я чувствовал, что меня душат, но почему-то все казалось нереальным.

Дон Хуан всегда говорил мне, что нашим ужасным врагом является неверие в то, что случающееся с нами происходит всерьез. И в тот момент, когда донья Соледад накинула мне петлю на шею, я знал, что он имел в виду. Но даже после возникновения этой интеллектуальной рефлексии мое тело все еще не реагировало. Я оставался равнодушным к тому, что, по-видимому, будет моей смертью.

Я чувствовал, с какой силой и ловкостью она затягивала ленту вокруг моей шеи. Я начал задыхаться. Ее глаза блестели исступленным блеском. Тогда я понял, что она хочет прикончить меня.

Дон Хуан часто повторял, что когда мы наконец осознаем происходящее, часто бывает слишком поздно. Именно наш ум оставляет нас в дураках, потому что, первым получив сигнал опасности, начинает с ним забавляться, и вместо того, чтобы

немедленно действовать, теряет драгоценное время.

Затем я услышал – или скорее ощутил – звук щелчка в основании шеи, прямо позади трахеи. Я подумал, что она сломала мне шею. В ушах у меня зашумело, потом зазвенело. Все звуки стали невероятно отчетливыми. Я подумал, что умираю. Я ненавидел свою неспособность сделать хоть что-нибудь, чтобы защитить себя. Я и пальцем не мог пошевелить, чтобы ударить ее. Я не мог больше дышать. Мое тело задрожало, и вдруг я обнаружил себя стоящим и свободным от ее смертельной хватки. Я взглянул вниз, на постель. Казалось, я смотрел с потолка. Тут я увидел свое тело, неподвижное и вялое, навалившееся на нее.

Я увидел ужас в ее глазах. Мне хотелось, чтобы она отпустила петлю. Меня охватила ярость из-за своей бестолковости, и я ударил ее кулаком прямо в лоб. Она пронзительно вскрикнула, схватилась за голову, потом потеряла сознание, но до этого передо мной мелькнула призрачная сцена: я увидел, как донья Соледад была выброшена из постели силой моего удара. Я видел, как она бежит к стене и прижимается к ней, точно испуганный ребенок. Следующей проблемой была затрудненность дыхания. Моя шея ужасно болела. Горло казалось сильно пересохшим, так что я не мог глотать. Мне понадобилось немало времени, чтобы собрать достаточно силы и подняться. Я стал рассматривать донью Соледад. Она лежала на постели без сознания, на лбу у нее вздулась огромная красная шишка. Я сходил за водой и побрызгал ей в лицо, как всегда поступал со мной дон Хуан. Когда она пришла в себя, я заставил ее пройтись, поддерживая подмышки. Она была вся мокрая от пота. Я положил ей на лоб полотенце, смоченное холодной водой. Ее вырвало. Я был почти уверен, что она получила сотрясение мозга. Ее трясло. Я попробовал укрыть ее одеждой и одеялами, но она сбросила с себя все и повернула лицо в сторону ветра. Она попросила оставить ее одну и сказала, что если ветер изменит направление, это будет знак, что она выздоровеет.

– Я думаю, что одному из нас было предназначено умереть сегодня вечером.

– Не говори глупостей. Ты ведь еще не скончалась, – сказал я, и я действительно это имел в виду.

Что-то убеждало меня, что с ней действительно все обойдется. Я вышел из дому, подобрал палку и пошел к своей машине. Пес

зарычал. Он все еще был там и лежал на заднем сидении. Я приказал ему убираться, и он покорно выпрыгнул из машины. В его поведении что-то резко изменилось. Я увидел, как его огромный силуэт затрусил в полутьме в свою загородку. Я был свободен. Я сел в машину, чтобы все обдумать. Нет, я не был свободен, что-то толкало меня обратно в дом. Там оставалось незаконченное дело. Я больше не боялся доньи Соледад, понимая, что она, намеренно или бессознательно, дала мне исключительно важный урок. Ее ужасающе целенаправленная попытка убить меня заставила меня действовать на уровне, недостижимом для меня при обычных обстоятельствах. Я был почти задушен, что-то в ее проклятой комнате парализовало мою волю, и все же я выбрался. Я не мог понять, что произошло. Видимо, прав был дон Хуан, что все мы имеем в своем распоряжении мощные скрытые силы, которые никогда не используются. Фактически я ударил донью Соледад из положения призрака. Я взял из машины фонарик, вернулся в дом, зажег все керосиновые лампы, какие смог найти, и сел писать у стола в гостиной. Работа привела меня в норму. На рассвете донья Соледад вышла из своей комнаты, с трудом удерживая равновесие и спотыкаясь. Она была совершенно обнаженной. У двери ей стало дурно, и она упала. Я дал ей воды и попытался укрыть ее одеялом, но она опять отказалась от него. Она пробормотала, что должна быть обнаженной, чтобы ветер мог исцелить ее. Она сделала пластырь из размятых листьев, наложила его себе на лоб и обвязала тюрбаном. Потом она закуталась в одеяло, подошла к столу, где я писал, и села напротив меня. Глаза ее были красными. Она выглядела больной.

— Я должна рассказать тебе кое-что, — сказала она слабым голосом.
— Нагваль оставил меня ждать тебя; я должна была ждать, даже если бы на это понадобилось двадцать лет. Он дал мне подробные инструкции, как за-

влекать тебя и похитить твою силу. Он знал, что рано или поздно, но ты должен приехать, чтобы увидеть Нестора и Паблито, поэтому он велел мне использовать эту возможность, чтобы околдовать тебя и взять у тебя все, что ты имеешь. Нагваль сказал, что если я буду жить безупречной жизнью, моя сила должна привести тебя сюда, когда в доме никого больше не будет. Моя сила сделала это. Ты пришел, когда остальные удалились. Моя безупречная жизнь помогла мне. Мне оставалось только взять твою силу, а потом

убить тебя.

– Но зачем было делать такую ужасную вещь?

– Потому что я нуждаюсь в твоей силе для своего собственного путешествия. Нагваль должен был это устроить. В конце концов, я почти не знаю тебя. Ты ничего не значишь для меня. Так почему же мне не взять у тебя то, в чем я так отчаянно нуждаюсь? Это были собственные слова Нагваля.

– Зачем Нагвалю нужно было причинить мне вред? Ведь ты сама сказала, что он заботился обо мне.

– То, что я сделала с тобой прошлой ночью, не имеет отношения к этому. Не имеет никакого значения, что он чувствовал к тебе или ко мне. Это исключительно наше дело. Не было свидетелей тому, что произошло между нами вчера, так как мы оба – часть самого Нагваля. Но ты получил от него что-то такое, чего нет у меня. Ты владеешь тем, в чем я отчаянно нуждаюсь, – специальной силой, которую он дал тебе. Нагваль говорил что он дал что-то каждому из шести детей. Элихио для меня недоступен. Я не могу взять это у своих девочек. Остаешься ты. Ты – единственная подходящая жертва. Я увеличивала силу, которую дал мне Нагваль, и, увеличившись, она изменила мое тело. Ты тоже увеличил свою силу. Мне нужна была твоя сила, поэтому я должна была убить тебя. Нагваль сказал, что даже если ты не умрешь, то ты все равно должен пасть жертвой моих чар и стать моим пленником на всю жизнь, если я этого захочу. В любом случае твоя сила перешла бы ко мне.

– Но какая польза для тебя от моей смерти?

– Не от смерти, но от твоей силы. Я делала это, потому что нуждаюсь в поддержке. Без нее мое путешествие будет адски трудным. Мне недостает стойкости. Поэтому я не люблю Ла Горду. Она молодая и обладает большой стойкостью. Я старая, и у меня есть задние мысли и сомнения. Если хочешь знать правду, то истинная борьба происходит между мной и Паблито. Он – мой смертельный враг. Нагваль сказал мне, что твоя сила могла сделать мое путешествие более легким и помочь мне получить то, что нужно.

– Как может Паблито быть твоим врагом?

– Когда Нагваль изменял меня, он знал, к чему это ведет. Прежде всего он устроил так, чтобы мои глаза смотрели на север. И хотя ты, я и мои девочки – одно и то же, я противоположна вам. Я иду в

другом направлении. Паблито, Нестор и Бениньо – с тобой. Направление их глаз – то же. Все вы будете идти в сторону Юкатана.

Паблито – мой враг, но не из-за направления, а потому, что он мой сын. Вот о чем я должна была рассказать тебе, даже если ты и не понимаешь, о чем я говорю. Я должна войти в другой мир. Туда, где сейчас Нагваль, Хенаро и Элихио. Даже если ради этого я должна уничтожить Паблито.

– Что ты несешь, донья Соледад? Ты сошла с ума!

– Нет, не сошла. Нет ничего важнее для нас, чем войти туда.

Видишь ли, для меня это – смысл жизни. Чтобы войти в тот мир, я живу так, как учил меня Нагваль. Без надежды на тот мир я – ничто, ничто. Я была старой жирной коровой. Теперь только эта надежда дает мне путеводную нить, направление, и хотя я и не смогла взять твою силу, я не оставила своей цели.

Она положила голову на руки, сложенные на столе. Сила ее речи ошеломила меня. Я не понял, о чем она, но почти сочувствовал ей, хотя это было наиболее страшным из всего, что я узнал этой ночью. Ее цель была, в стиле и духе терминов дона Хуана, целью воина. Однако я и не подозревал, что для ее достижения нужно уничтожать людей.

Она подняла голову и посмотрела на меня сквозь полуприкрытые веки.

– В начале вечера все складывалось благоприятно. Я была несколько испугана, когда ты приехал. Я ждала этого момента долгие годы. Нагваль сказал мне, что ты любишь женщин. Он сказал, что ты – легкая добыча для них, и я сыграла на этом ради быстрой развязки. Я рассчитала, что ты попадешься на этом. Нагваль научил меня, как захватить тебя в тот момент, когда ты будешь наиболее слабым. Я вела тебя к этому моменту с помощью моего тела. Но ты заподозрил неладное. Я была слишком нерасторопной. Я привела тебя в свою комнату, где линии моего пола должны были захватить тебя и сделать тебя беспомощным. Но ты одурачил мой пол, так как он тебе понравился, и ты стал рассматривать его линии. Стоило тебе опустить глаза на его линии – и он терял всякую силу. Твое тело знало, что делать. Затем ты окончательно напугал мой пол, завопив так, как ты это сделал. Внезапные шумы вроде этого губительны, особенно голос мага. Сила моего пола умерла, как пламя. Я знала это, а ты – нет.

Потом ты был близок к тому, чтобы сбежать, и я должна была задержать тебя. Нагваль рассказал мне, как использовать свою руку, чтобы ухватить тебя. Я пыталась сделать это, но у меня не хватило силы. Мой пол был напуган. Твои глаза заставили оцепенеть его линии. Никто другой никогда не бросал на них ни единого взгляда.

Поэтому я потерпела неудачу, пытаюсь обхватить твою шею. Ты выскользнул из моей хватки прежде, чем я успела прижать тебя. Тогда я поняла, что ты ускользаешь, и предприняла еще одну атаку. Я использовала ключ, который, по словам Нагваля, больше всего действует на тебя – страх. Я напугала тебя своими воплями, и это дало мне достаточно силы, чтобы подчинить тебя. Я думала, что ты у меня в руках, но мой дурацкий пес одурел и сбросил меня с тебя, когда ты почти уже был в моей власти. Теперь я понимаю, он совсем не был таким уж идиотом, вероятно, он заметил твоего дубля и бросился на него, но вместо этого свалил меня.

– Ты говорила, что это не твой пес.

– Я специально обманула тебя. Он был моей козырной картой.

Нагваль научил меня, что всегда надо иметь козырь – некий неожиданный трюк. Почему-то я знала, что мой пес может понадобиться мне. Когда я позвала тебя посмотреть на моего друга, я хотела, чтобы он принялся к тебе. Как раз койот – друг моих девочек. Когда ты побежал в дом, мне пришлось обойтись с псом довольно круто. Я запихала его внутрь твоей машины, заставив его визжать от боли. Он очень крупный и едва мог протиснуться у тебя над сидением. Я ему велела разорвать тебя в клочья. Я знала, что искусанный псом ты станешь беспомощным, и я легко смогу справиться с тобой.

Ты снова ускользнул, но ты не мог покинуть дом. Я знала, что надо набраться терпения и дожждаться темноты. А уж когда ветер изменил направление, я была уверена в успехе.

Нагваль говорил мне, что я непременно понравлюсь тебе как женщина. Нужно было только дожждаться подходящего момента.

Нагваль сказал, что ты убил бы себя, если бы понял, что я захватила твою силу. Но если бы мне не удалось захватить ее, или если бы ты не убил себя, или мне не захотелось бы оставить тебя в живых как своего пленника, я должна была использовать свою головную повязку, чтобы задушить тебя насмерть. Он даже показал мне место, куда бросить твой труп: бездонную яму,

расщелину в горах, где часто пропадают козы. Но Нагваль никогда не упоминал о твоей устрашающей стороне. Я уже говорила, что один из нас должен был умереть этой ночью. Я никак не ждала, что это случится со мной. Нагваль внушил мне уверенность, что я одержу победу. Как жестоко было с его стороны не рассказать мне всю правду о тебе!

– Представь себе, донья Соледад, что я знал еще меньше тебя.

– Это не одно и то же. Нагваль несколько лет готовил меня к тому, что случилось вчера. Я знала каждую деталь. Ты был у меня в ловушке. Нагваль даже показал мне листья, которые я всегда должна была держать под рукой свежими, чтобы ты оцепенел под их воздействием. Я положила их тебе в бадью, будто для аромата. Ты и не заметил, что для своей бадьи я воспользовалась другими листьями. Ты попадался на все, что я приготовила для тебя. И все-таки твоя устрашающая сторона взяла верх.

– О какой устрашающей стороне ты говоришь?

– Я имею в виду того, кто ударил меня и убьет меня сегодня ночью. Твой ужасный дубль, вышедший, чтобы прикончить меня. Я никогда не забуду его. И если выживу, в чем я сомневаюсь, я никогда уже не буду прежней.

– Он был похож на меня?

– Да, конечно, это был ты, но не такой, каким ты выглядишь сейчас. На самом деле я вообще не могу сказать, на что он был похож. От одной мысли о нем мне становится дурно.

Я рассказал ей о своем мимолетном видении, как она вышла из своего тела после моего удара. Я намеревался выудить у нее еще кое-что. Мне показалось, что подлинной скрытой целью происшедшего с нами было намерение вынудить нас прибегнуть к источникам, обычно нам недоступным. Мой удар, несомненно, был смертельным. Я нанес серьезное повреждение ее телу, но сам я никак не был на такое способен. Я и в самом деле ощущал, что ударил ее своим левым кулаком – об этом свидетельствовала огромная красная шишка у нее на лбу. Но при этом суставы мои не опухли, и в них не было ни малейшей боли или хоть слегка неприятного ощущения, хотя удар такой силы должен был повредить мне руку.

Услышав, что я видел ее прижимающейся к стенке, она пришла в полное отчаяние. Я спросил, соответствовало ли хоть что-нибудь в ее ощущениях тому, что я видел. Например, было ли у нее чувство,

что она покидает тело или мимолетное восприятие комнаты в неожиданном ракурсе.

– Я знаю теперь, что обречена, – сказала она. – Очень немногие выживают после касания дубля. Если моя душа уже вышла, мне не остаться в живых. Я буду слабеть, пока не умру.

Ее глаза дико блеснули. Она потянулась ко мне и, похоже, хотела ударить меня, но упала обратно на стул.

– Ты забрал мою душу, – прошептала она. – Ты, должно быть, держишь ее у себя в кисете, хотя разве ты скажешь мне об этом? Я поклялся ей, что не имел намерения причинить ей вред, что я-то в любом случае действовал исключительно ради самозащиты и не держу на нее зла.

– Если моей души нет у тебя в кисете, то это еще хуже. Она, должно быть, бесцельно бродит где-то поблизости. Тогда я никогда не получу ее обратно, – горестно проговорила она. Казалось, силы оставили ее. Ее голос почти угас. Я предложил ей пойти прилечь, но она отказалась уйти из-за стола.

– Нагваль сказал, что если уж я потерплю полную неудачу, я должна передать тебе сообщение, – сказала она. – Он велел мне передать тебе, что он давно заменил твое тело. Ты теперь являешься им самим.

– Что он хотел этим сказать?

– Он маг. Он вошел в твое старое тело и изменил его светимость. Ты больше не сын своего отца. Теперь ты сияешь, как сам Нагваль. Ты – сам Нагваль.

Донья Соледад встала. Она нетвердо держалась на ногах. Она хотела сказать что-то еще, но язык ее не слушался. Она пошла в свою комнату. Я помогал ей до двери: она не хотела, чтобы я заходил туда. Она сбросила покрывало, легла на постель и очень мягким голосом попросила меня выйти на дорогу, чтобы посмотреть, не поменялся ли ветер. Она добавила мимоходом, чтобы я взял с собой ее пса. Что-то в этой просьбе мне не понравилось. Я ответил, что лучше влезу на крышу и посмотрю оттуда. Она повернулась ко мне спиной и сказала, что попросила насчет пса как об услуге, чтобы он на холме приманил ветер. Тут я просто разозлился. Ее комната в полумраке оказывала угнетающее воздействие. Я пошел на кухню, взял две лампы и понес их обратно. Завидев свет, она истерически вскрикнула. Я тоже издал вопль, но по другой причине. Когда свет проник в комнату, я

увидел, что пол свернулся коконом вокруг ее постели. Это впечатление было столь мимолетным, что в следующее мгновение я готов был поклясться, что эту призрачную сцену создали тени проволочных защитных стенок ламп. Это иллюзорное впечатление привело меня в ярость. Она заплакала как ребенок и обещала больше не устраивать никаких трюков. Я поставил лампы на комод, и она мгновенно уснула.

К середине утра ветер переменялся. Я ощутил сильные порывы ветра, буквально врывающегося в северное окно. Около полудня донья Соледад вышла снова. Она еще немного пошатывалась. Краснота ее глаз исчезла и шишка на лбу значительно уменьшилась. Осталась едва заметная припухлость.

Я почувствовал, что пора уезжать. Я сказал ей, что, хоть я и записал сообщение, переданное ею от дона Хуана, оно ничего не прояснило.

– Ты больше не сын своего отца. Ты – сам Нагваль, – повторила она.

Со мной творилось что-то несообразное. Несколько часов назад я был совершенно беспомощным, и донья Соледад действительно пыталась убить меня; но теперь, в момент, когда она говорила, я забыл весь этот ужас, словно ничего и не было. Кроме того, во мне было еще что-то, готовое без конца возиться с анализом каких-то нелепых столкновений со всеми, кто оказался лично связан со мной или моей работой, тем самым «мной», которого я знал всю жизнь.

Та же часть меня, что прошла схватку со смертью этой ночью, а потом забыла об этом, не была реальной. Она была мною, и все же я ее не знал. В свете такой несообразности заявление дона Хуана казалось не таким уж невероятным, но пока еще я отказывался его понимать.

Донья Соледад казалась отсутствующей. Она мирно улыбалась.

– О, они здесь! – сказала она внезапно. – Какая удача для меня! Мои девочки здесь. Теперь они позаботятся обо мне.

С нею, похоже, опять что-то было не в порядке. Она выглядела такой же сильной, как и прежде, но ее поведение было каким-то странно раздвоенным. Мои страхи выросли опять. Я не знал, оставить ее здесь или взять в больницу, в город за несколько сотен миль отсюда.

Внезапно она вскочила и побежала через переднюю дверь вниз по

дороге в направлении шоссе. Я поспешно забрался в машину, чтобы догнать ее. Спускаться приходилось задним ходом, потому что развернуться было негде. Когда я достиг шоссе, я увидел донью Соледад в окружении четырех молодых женщин.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава вторая **СЕСТРИЧКИ**

Донья Соледад что-то объясняла четырем женщинам, окружавшим ее. Она то делала драматические жесты руками, то восклицала что-то, хватаясь за голову. Было ясно, что она рассказывала обо мне. Я вернулся по подъездной дороге на место прежней стоянки, собираясь подождать их там. Я прикидывал, остаться ли мне в машине или небрежно сесть на левое крыло. Наконец я решил встать у дверцы, готовый вскочить в нее и уехать, если возникнут намеки на возможность повторения чего-нибудь типа вчерашних событий.

Я страшно устал. Я не смыкал глаз более суток. У меня был план – сообщить молодым женщинам то, что смогу, об инциденте с доньей Соледад, чтобы они могли принять необходимые меры для помощи ей, а затем уехать. Их присутствие произвело некую перемену, все казались заряженными новой энергией. Я ощутил эту перемену, когда увидел донью Соледад, окруженную ими. Откровение доньи Соледад, что они были ученицами Нагваля, сделало их мучительно притягательными для меня, и я не мог дожждаться встречи с ними. Меня мучил вопрос, не были ли они подобны донье Соледад. Она говорила, что они похожи на меня самого, и что мы идем в одном и том же направлении. Это легко интерпретировалось в положительном смысле. Во всяком случае, в это хотелось верить.

Дон Хуан обычно называл их «лас эрманитас» – сестрички, самое подходящее наименование по крайней мере для двух знакомых мне девушек, Лидии и Розы. Это были две легкие, похожие на фэй очаровательные молодые девушки. Я прикинул, что им, когда я впервые увидел их, было чуть больше двадцати, хотя Паблито и Нестор всегда отказывались говорить об их возрасте. Две другие, Хосефина и Елена, были полной загадкой для меня. Я слышал, как их имена время от времени упоминались обычно в каком-то неблагоприятном контексте. Из случайных замечаний, сделанных доном Хуаном, я заключил, что они были какими-то чудными –

одна была помешанной, а вторая – очень толстой, поэтому их держали в изоляции. Однажды я столкнулся с Хосефиной, когда пришел с доном Хуаном. Он представил ей меня, но она закрыла лицо и убежала прочь прежде, чем я успел поздороваться. В другой раз я увидел Елену, стиравшую белье. Она была огромных размеров. Я подумал, что у нее не все в порядке с железами. Я приветствовал ее, но она даже не обернулась. Я никогда не видел ее лица.

После рекламы, сделанной им доньей Соледад, мне и ужасно хотелось познакомиться с таинственными «эрманитос», и было как-то не по себе. Я вскользь взглянул на дорогу, собираясь с силами, чтобы встретиться с ними, но на дороге было пусто. Никто не приближался, а между тем только минуту назад они были не более чем в тридцати ярдах от дома. Я взобрался на крышу машины, но опять никого не увидел, даже собаки. Я запаниковал. Соскользнув вниз, я уже готов был вскочить в машину и уехать, но вдруг услышал, как кто-то сказал: «Эй, посмотри, кто здесь!»

Я мгновенно обернулся и столкнулся лицом к лицу с двумя девушками, которые только что вышли из дому. Очевидно, они прибежали впереди меня и вошли в дом через заднюю дверь. Я вздохнул с облегчением.

Ко мне подошли две юных девушки. Должен сознаться, что никогда по-настоящему не замечал их. Они были красивые, смуглые и очень стройные, но не худые. Их длинные черные волосы были подобраны. Они были одеты в незатейливые юбки, синие хлопчатобумажные жакеты и коричневые мягкие туфли на низком каблуке. Они были без чулок, ноги у них были стройными и мускулистыми. Ростом они были около пяти футов и трех-четырёх дюймов. Они казались очень развитыми физически и двигались необыкновенно изящно. Одна из них была Лидия, другая – Роза.

Я приветствовал их, и тогда они одновременно протянули мне руки для рукопожатия. Они встали по обе стороны от меня. Выглядели они здоровыми и бодрыми. Я попросил их достать пакеты из багажника. Когда мы несли их в дом, я услышал рычание, такое сильное и близкое, что оно было похоже на рычание льва.

– Что это такое? – спросил я Лилию.

– Ты не знаешь? – спросила она недоверчиво.

– Это, должно быть, пес, – сказала Роза, и они побежали в дом, практически волоча меня за собой.

Мы положили пакеты на стол, а затем сели на скамейку. Обе девушки смотрели на меня. Я сказал им, что Донья Соледад больна и что я собираюсь отвезти ее в больницу в город, потому что не знаю, как помочь ей. Тут я понял, что ступил на опасную почву. Я не представлял, какую информацию я должен дать им о подлинном характере моего сражения с доньей Соледад. Я решил наблюдать за ними, пока не отыщу ключ. Я полагал, что если буду внимательно за ними наблюдать, смогу по выражению их лиц понять, как много они знают. Но они продолжали молчать, предоставляя мне самому вести разговор. Я начал сомневаться, надо ли вообще говорить что-либо по своей инициативе. Пытаясь рассчитать, что делать, чтобы не допустить промаха, я кончил тем, что стал нести чепуху. Лидия оборвала меня. Сухим тоном она сообщила мне, что мне нечего беспокоиться насчет здоровья доньи Соледад, потому что они уже приняли меры, чтобы помочь ей. Ее слова заставили меня спросить, знает ли она, что случилось с доньей Соледад.

– Ты забрал ее душу, – бросила она обвиняюще.

Первой моей реакцией было желание оправдываться. Я горячо заговорил, но в конце концов запутался в противоречиях. Они пристально смотрели на меня. Я пришел в полное замешательство. Я пытался снова сказать то же самое, но другими словами. Но моя усталость была такой огромной, что я с трудом мог собраться с мыслями. Наконец, я сдался.

– Где Паблито и Нестор? – спросил я после долгой паузы.

– Они скоро будут здесь, – мгновенно ответила Лидия.

– Вы были с ними?

– Нет! – воскликнула она и уставилась на меня.

– Мы никогда не будем вместе, – объяснила Роза. – Мы не имеем ничего общего с этими лодырями.

Лидия сделала повелительный знак ногой, чтобы она замолчала. Она явно была лидером. Уловив движения ее ног, я вспомнил, как во время наших бесчисленных скитаний дон Хуан без всяких специальных усилий успешно обучил меня системе тайных коммуникаций при помощи закодированных движений ног. Я заметил, что Лидия дала Розе сигнал опасности. Он употреблялся, если в поле зрения сигнализирующего появлялось

что-нибудь нежелательное или опасное. В данном случае – я. Я засмеялся. Я вспомнил, что дон Хуан впервые подал мне этот знак при первом появлении дона Хенаро. Сделав вид, что не понимаю происходящего, я решил посмотреть, не смогу ли расшифровать еще что-нибудь. Роза сделала знак, что собирается напасть на меня. Лидия ответила повелительным знаком запрета. По словам дона Хуана, Лидия была очень талантливой. Он считал ее более чувствительной и алертной, чем Паблито, Нестор или я сам. Мне никогда не удавалось завязать с ней дружбу. Она держалась отчужденно и была очень резкой. У нее были огромные черные живые глаза, никогда ни на кого не смотрящие прямо, широкие скулы и точеный нос, несколько уплощенный и расширенный к переносице. Я вспомнил, что у нее раньше были красные, вечно воспаленные веки, что служило поводом для всеобщих насмешек. Краснота век исчезла, но она продолжала часто тереть глаза и часто моргать. На протяжении всего моего знакомства с доном Хуаном я видел Лидию чаще всех, но при этом мы не обменялись с ней и дюжиной слов. Паблито считал ее очень опасным существом. И все же мне она всегда казалась слишком застенчивой. Роза же была очень бойкой. Я считал ее самой младшей из сестер. Ее глаза были искренними и сияющими. Она была прямой, но несколько раздражительной. Я разговаривал с Розой чаще, чем с остальными. Она была дружелюбной, дерзкой и забавной.

– Где остальные? – спросил я Розу. – Они собираются появиться? – Они скоро придут, – отвечала Лидия.

Мне было ясно, что, несмотря на внешнее дружелюбие, настроены они совершенно иначе. Судя по их сигналам, они были столь же опасны, как и донья Соледад. И все же, когда я сидел там, глядя на них, они казались мне просто замечательными. Я испытывал к ним самые теплые чувства. И чем дольше они смотрели мне в глаза, тем сильнее становилось это мое чувство. В какой-то момент я почувствовал к ним настоящую любовь. Они были так привлекательны, что я мог бы сидеть часами и смотреть на них, но вдруг некая отрезвляющая мысль заставила меня вскочить. Я не собирался повторять ошибок прошлой ночи. Я решил, что лучшей защитой будет выложить карты на стол. Спокойно и твердо я заявил, что дон Хуан устроил для меня некоего рода испытание, используя донью Соледад, или, возможно, наоборот.

Существовала вероятность, что он и их настроил соответствующим образом, и нам предстоит сражаться друг с другом в некоторого рода битве, которая может плохо кончиться для кого-нибудь из нас. Я воззвал к их воинскому духу. Если они настоящие воины и наследники дона Хуана, то они должны быть безупречными со мной, раскрыть свои карты, а не вести себя как обычные алчные человеческие существа.

Я повернулся к Розе и спросил ее, почему она хотела напасть на меня. Она на мгновение растерялась, а потом рассердилась. Ее глаза пылали гневом, губы сурово сжались.

Лидия очень спокойно и вразумительно объяснила, что мне нечего бояться их, и что Роза сердится из-за моей атаки на донью Соледад. И что это исключительно ее личная реакция.

Тогда я сказал, что мне пора. Я встал. Лидия жестко остановила меня. Она казалась испуганной или сильно обеспокоенной. Она начала возражать, но меня отвлекли какие-то звуки, доносившиеся из-за двери. Девушки отпрянули в сторону. Что-то тяжелое прислонилось к двери или толкало ее. Тут я заметил, что щеколда закрыта. Я почувствовал раздражение. Все начиналось сначала. Я уже устал от всего этого.

Девушки взглянули друг на друга, потом на меня, потом опять друг на друга.

Я слышал поскуливание и тяжелое дыхание какого-то большого животного возле дома. Это мог быть пес.

На этот поступок меня толкнуло изнеможение. Я бросился к двери и стал отпирать ее. Лидия метнулась ко мне и снова закрыла дверь на щеколду.

– Нагваль был прав, – сказала она. – Ты тупее, чем можно было ожидать.

Она толкнула меня обратно к столу. Я приготовился в подходящих выражениях высказать раз и навсегда, что с меня достаточно. Тут Роза села рядом, касаясь меня: я ощущал ее ногу, нервно касавшуюся моей. Лидия стояла лицом ко мне, глядя на меня в упор. Ее горящие глаза пытались сказать мне нечто такое, чего я не мог понять.

Я начал говорить что-то, но не окончил. Внезапно и на очень глубоком уровне я стал осознавать зеленоватый свет, какую-то фиолетовую флюоресценцию снаружи дома. Я не видел и не слышал ничего. Я просто осознавал свет, как если бы внезапно

уснул, и мое тело, мои мысли превратились в образы, наложенные на мир обыденной жизни. Свет двигался с большой скоростью. Я ощущал его своим животом. Я следовал за ним или, скорее, фокусировал свое внимание на нем в мгновения, когда он приближался к нам в своем вращении вокруг дома. В результате фокусирования на этом свете мой ум стал необыкновенно ясным. Теперь я понял, что в этом доме, в присутствии этих девушек было бы неправильно и опасно вести себя, как случайный наивный наблюдатель.

– Ты не боишься? – спросила Роза, указывая на дверь.

Ее голос нарушил мою концентрацию.

Я согласился, что нечто, находившееся за дверью, чем бы оно ни было, испугало меня на очень глубоком уровне, достаточном, чтобы умереть от страха. Я хотел сказать больше, но тут меня охватила ярость и я захотел увидеть донью Соледад и поговорить с ней. Я не верил ей. Я пошел прямо в ее комнату. Ее там не было. Я стал звать ее, выкрикивая ее имя. В доме была еще одна комната. Я распахнул дверь и ворвался туда. Там никого не было. И тогда мой гнев вырос до таких же масштабов, как и мой страх. Я снова сел у стола. Роза не двигалась. Она словно застыла на месте.

– Мы – одно и то же, – сказала она внезапно. – Нагваль сказал нам это.

– Скажи тогда, кто рыскал вокруг дома? – спросил я.

– Союзник, – отвечала она.

– Где он сейчас?

– Он все еще здесь. Он не уйдет. И когда ты будешь слабым, он сомнет тебя. Однако мы ничего не можем рассказать тебе.

– Кто же тогда может?

– Ла Горда! – воскликнула Роза, открывая дверь как можно шире. – Только она может. Она знает все.

Роза спросила меня, можно ли закрыть на всякий случай дверь. Не дожидаясь моего ответа, она медленно пошла к двери и с шумом захлопнула ее.

– Пока мы здесь, нам остается только ждать, – сказала она.

Лидия вернулась в комнату с пакетом, в котором был какой-то предмет, обернутый в кусок темно-желтой ткани. Похоже, она расслабилась. Но я отметил, что она настроена очень решительно. Она каким-то образом передала свое настроение и нам с Розой.

– Ты знаешь, что здесь у меня? – спросила она.

Я не имел ни малейшего представления. Она начала неторопливо разворачивать сверток. Потом остановилась и посмотрела на меня. Она ухмыльнулась, как будто ей было неловко показывать то, что в свертке.

– Этот пакет оставил для тебя Нагваль. Я настаивал, чтобы она развернула его. Она бросила на меня свирепый взгляд и молча вынесла пакет из комнаты.

Я наслаждался игрой Лидии. Она действовала в полном соответствии с уроками дон Хуана и продемонстрировала, как можно наилучшим образом использовать заурядную ситуацию. Она заинтриговала меня, показав мне пакет и сделав вид, что хочет развернуть его. Перед этим она сказала, что он оставлен мне доном Хуаном. Она понимала: я вынужден буду остаться, чтобы узнать о содержимом пакета. Я мог предполагать все что угодно. Это могла быть трубка, которой дон Хуан пользовался при применении психотропных растений. Он как-то говорил мне, что эта трубка будет отдана мне на хранение. Это мог быть его нож, или кожаный кисет, или даже его магические предметы силы. С другой стороны, это могло быть всего лишь уловкой Лидии; дон Хуан был слишком непростым, слишком далеким, чтобы оставлять мне свои личные вещи.

Я сказал Розе, что еле держусь на ногах от голода. Мне хотелось вернуться в город, отдохнуть несколько дней и вернуться для встречи с Паблито и Нестором. Я добавил, что к тому времени смогу встретиться и с двумя другими девушками.

Тут вернулась Лидия, и Роза сказала ей о моем намерении уехать.

– Нагваль приказал нам подчиняться тебе как ему самому, – сказала Лидия. – Мы все являемся самим Нагвалем, но почему-то ты – в большей степени.

Обе заговорили одновременно, уверяя, что, в отличие от доньи Соледад, они ничего не собираются предпринимать против меня. Мое тело было буквально переполнено искренней нежностью, которую излучали их глаза. Я поверил им.

– Ты должен дожидаться возвращения Ла Горды, – сказала Лидия.

– Нагваль говорил, что ты будешь спать в его постели, – добавила Роза.

Я зашагал по комнате, раздумывая над странной дилеммой. С одной стороны, мне хотелось остаться и отдохнуть – в их присутствии я чувствовал себя физически легким и счастливым,

чего и в помине не было днем раньше с доньей Соледад. Но моя разумная сторона и не собиралась расслабляться. И на этом уровне я был все таким же испуганным. В моменты отчаяния я мог действовать безрассудно смело, но затем становился таким же уязвимым как обычно.

Нервно расхаживая по комнате, я занимался самоанализом. Обе девушки молчали, с тревогой наблюдая за мной. Внезапно задача решилась: я знал, что какая-то часть меня лишь притворялась испуганной.

С этим способом осознания я познакомился еще при доне Хуане. На протяжении нашей многолетней связи я целиком полагался на его защиту и был уверен в том, что он сможет всегда меня успокоить. Моя зависимость от него давала мне утешение и безопасность. Но больше я рассчитывать на это не мог – дона Хуана не было. У его учеников не было ни его терпеливости, ни его искушенности, ни его абсолютной власти. Искать у них утешения было совершенно бессмысленно.

Девушки отвели меня в другую комнату. Окно в ней выходило на юго-восток, так же была сориентирована и постель, в качестве которой использовалась толстая циновка. Кусок стебля агавы длиной в два фута был разрезан так, что его пористая сердцевина служила подушкой и опорой для шеи. Посредине была мягкая выемка. Поверхность агавы была очень гладкой. Я лег, почувствовав при этом необычайный комфорт. Лежа на постели дона Хуана, я ощущал безопасность и удовольствие.

Несравненный покой охватил мое тело. Подобное чувство я уже испытал однажды, когда дон Хуан сделал мне постель на вершине холма в пустыне северной Мексики. Я заснул.

Проснулся я в конце дня. Роза и Лидия крепко спали, лежа почти на мне. Несколько секунд я лежал неподвижно, а затем обе девушки одновременно проснулись.

Лидия зевнула и сказала, что они должны были спать вместе со мной, чтобы защитить меня и дать мне возможность отдохнуть. Я сильно проголодался. Лидия отправила Розу на кухню приготовить нам поесть, а сама тем временем зажгла все лампы в доме. Мне стало казаться, что я знал их всю жизнь. Мы молча поели.

Когда Роза убрала со стола, я спросил Лидию, спят ли они все в постели Нагваля: это была единственная постель в доме, кроме постели доньи Соледад. Как само собой разумеющееся Лидия

сказала, что они выехали из этого дома несколько лет назад в свой собственный дом неподалеку отсюда, и что Паблито уехал одновременно с ними и живет теперь с Нестором и Бениньо.

— Что с вами случилось? Я думал, что вы живете все вместе.

— Больше нет, — ответила Лидия. — С тех пор, как ушел Нагваль, у нас разные задачи. Нагваль соединил нас, он же и разделил.

— А где Нагваль сейчас? — спросил я как можно небрежней.

Они посмотрели на меня и переглянулись.

— Но мы не знаем, — ответила Лидия. — Они с Хенаро покинули нас. Казалось, она говорит правду, но я настаивал, чтобы они рассказали мне все, что им известно.

— Мы ничего не знаем, — огрызнулась Лидия, явно раздраженная моим вопросом. — Они переместились в другое пространство.

Спроси об этом Ла Горду. Она должна тебе кое-что рассказать.

Она еще вчера знала, что ты приедешь, и мы спешили всю ночь, чтобы застать тебя.

Мы боялись, что ты уже мертв. Нагваль сказал, что мы должны помогать и верить только тебе. Он сказал, что ты — это он сам.

Она захихикала, закрыв лицо руками, а затем добавила: — Но в это очень трудно поверить.

— Вся беда в том, что мы не знаем тебя, — сказала Роза. — Все мы четверо чувствовали одно и то же. Мы боялись, что ты умрешь, но страшно рассердились, увидев тебя живым.SOLEDAД для нас даже больше, чем мать.

Они обменялись понимающими взглядами. Я мгновенно интерпретировал это как сигнал опасности. В них было что-то недоброе. Лидия заметила внезапное недоверие, должно быть, написанное у меня на лице и начала уверять в своем желании оказывать мне помощь. У меня как будто не было оснований сомневаться в их искренности. Если бы они захотели навредить мне, они могли бы сделать это, когда я спал. Лидия говорила так убедительно, что мне стало стыдно за мои подозрения. Я решил раздать привезенные для них подарки и сказал, что в пакетах есть кое-какие безделушки, и они могут выбрать себе то, что им понравится. Лидия ответила, что предпочла бы, чтобы я разделил их сам. Она деликатно добавила, что все будут признательны мне, если я вылечу донью SOLEDAД.

— Как же, по-твоему, я смогу вылечить ее? — спросил я после долгого молчания.

– Используй свой дубль, – безапелляционным тоном ответила она. Я мягко попытался объяснить, что донья Соледад едва предательски не убила меня и что я остался в живых только благодаря чему-то такому во мне, что не было ни умением, ни знанием. И то неуловимое, что нанесло ей удар, было реальным, но непостижимым. Иными словами, я мог с таким же успехом помочь донье Соледад, как и слетать на Луну.

Они молча и внимательно слушали меня, оставаясь напряженными.

– А где сейчас донья Соледад? – спросил я Лидию.

– Она с Ла Гордой, – уныло ответила она. – Ла Горда забрала ее и пытается вылечить, но где они – мы не знаем. Это правда.

– А где Хосефина?

– Она пошла искать Свидетеля. Он единственный, кто мог бы вылечить Соледад. Роза считает, что ты знаешь больше Свидетеля, но ты так сердит на Соледад, что желаешь ее смерти. Мы не осуждаем тебя.

Я заверил их, что не сержусь на нее и уж тем более не желаю ее смерти.

– Тогда вылечи ее! – сердито выкрикнула Роза. – Свидетель нам говорил, что ты всегда знаешь, что делать, а Свидетель ошибаться не может.

– Черт возьми, да кто такой этот Свидетель?

– Свидетель – это Нестор, – нехотя объяснила Лидия, как бы не желая произносить его имя. – Ты прекрасно знаешь это сам.

Я вспомнил, что во время нашей последней встречи дон Хенаро называл Нестора Свидетелем. Тогда я подумал, что это имя было шуткой или уловкой для смягчения невыносимого напряжения и боли тех последних нескольких минут.

– Это была не шутка, – сказала Лидия твердо, – Хенаро и Нагваль вели Свидетеля по иному пути. Они брали его с собой повсюду, где бывали сами. Я имею в виду – везде и всегда! И Свидетель был свидетелем всего, что следовало засвидетельствовать.

Отсутствие взаимопонимания между нами было просто ужасающим. Я попытался объяснить, что был практически чужим для них, так как Дон Хуан держал меня вдали от всех, в том числе от Паблито и Нестора. Все эти годы между нами не было никаких контактов за исключением случайных приветствий. Я знал их только со слов дон Хуана. Я лишь однажды столкнулся с Хосефиной и даже не помнил, как она выглядит, а все, что я

заметил в Ла Горде, — это ее гигантский зад. Я сказал им, что до вчерашнего дня понятия не имел ни об их ученичестве, ни о том, что Бениньо тоже входил в группу.

Они украдкой переглянулись. Роза открыла было рот, собираясь что-то сказать, но Лидия шевельнула ногой, подавая ей тайный знак. Я ожидал, что после моих долгих откровений они прекратят тайное общение друг с другом. Мои нервы были настолько взвинчены, что их секреты привели меня в ярость. Я заорал на них во всю силу легких и грохнул по столу кулаком. Роза вскочила с невероятной быстротой и в ответ на ее внезапное движение мое тело само по себе, без вмешательства разума, отступило назад. Как раз вовремя, чтобы уклониться на несколько дюймов от удара палкой или каким-то другим предметом, который Роза держала в левой руке. Он врезался в стол с оглушительным грохотом. Как и прошлой ночью, когда донья Соледад душила меня, я услышал у основания шеи своеобразный и таинственный звук, напоминающий треск ломающейся курительной трубки.

Глаза у меня полезли на лоб, и с быстротой молнии моя левая рука опустилась на палку Розы и раздавила ее. Я видел эту сцену словно со стороны.

Роза пронзительно вскрикнула и тут я понял, что наклонился вперед и изо всех сил ударил левым кулаком по тыльной стороне ее ладони. Я был потрясен. Происшедшее казалось нереальным. Роза продолжала вопить. Лидия увела ее в комнату дона Хуана. Какое-то время до меня еще доносились ее крики, а затем все стихло. Я сел за стол. Мои мысли были бессвязными и хаотичными.

На этот раз я остро осознал специфический звук в основании шеи. Дон Хуан увязывал этот звук с изменением скорости восприятия, и я смутно припоминал, что уже испытывал нечто подобное в его присутствии. Простой ночью я только начал осознавать его, но окончательно понял, что это такое, только после случая с Розой. Я вспомнил также, что этот звук сопровождался необычным ощущением жара во рту и в ушах. Сила и сухость звука напоминали звон большого треснувшего колокола.

Немного погодя вернулась Лидия. Она казалась более спокойной и собранной. Она даже улыбалась. Я попросил ее помочь мне распутать эту загадку и объяснить, что же произошло. После долгих колебаний она сказала мне, что когда я с криком ударил по

столу, Роза, испугавшись, подумала, что я собираюсь напасть на нее, и попыталась ударить меня своей *«рукой сновидения»*. Я увернулся от ее удара и стукнул ее по тыльной стороне руки тем же способом, что и донью Соледад. Лидия сказала, что теперь рука Розы будет бездействовать, пока я не найду способа помочь ей. Затем в комнату вошла Роза. Ее рука была замотана куском ткани. Она взглянула на меня глазами обиженного ребенка. Я уже и не представлял, что я должен чувствовать. Какая-то часть меня чувствовала себя неуютно и виновато, тогда как другая оставалась невозмутимой. Если бы не эта моя часть, я бы не смог остаться в живых после нападения доньи Соледад или сокрушительного удара Розы.

После длительного молчания я сказал им, что с моей стороны было мелочным раздражаться на их секретные сообщения друг другу при помощи ног, но что нельзя же сравнивать мой удар по столу с действиями Розы. Поскольку я не был знаком с их практиками, она могла серьезно повредить мою руку своим ударом.

Угрожающим тоном я потребовал, чтобы Роза показала руку. Она нехотя развернула ее. Рука была опухшей и красной. У меня не осталось никаких сомнений в том, что эти женщины испытывали меня в соответствии с замыслом дон Хуана.

Вступая с ними в конфронтацию, я попадал в непостижимую с рациональной точки зрения область.

Дон Хуан неоднократно повторял, что разум является лишь незначительной частью «целостности самого себя». При внезапной угрозе реального физического уничтожения мое тело, уходя от смерти, воспользовалось скрытыми ресурсами. Трюк, похоже, заключался в том, чтобы по-настоящему принять возможность существования таких ресурсов и возможность их реального достижения. Годы практики были лишь шагами к такому приятию. Согласно своей установке о невозможности компромиссов, дон Хуан добивался для меня полной победы или полного поражения. Если бы тренировки не позволили мне воспользоваться моими скрытыми ресурсами, испытание выявило бы это и тогда я был бы бессилен. Будучи столь глубоким знатоком человеческой природы, он, вероятно, был прав.

Это был момент для смены направления действий. Лидия сказала, что я мог бы помочь Розе и донье Соледад с помощью той же силы, которая причинила им вред; следовательно, проблема

заклучалась в воспроизведении правильной последовательности ощущений, мыслей, или чего-то еще, что приводило мое тело к высвобождению этой силы. Я взял руку Розы и начал ее тереть. Мне хотелось ее излечить. Я испытывал к ней наилучшие чувства. Обнимая Розу, я долго гладил ее руку. Я начал гладить ее по голове и она в конце концов задремала на моем плече. Но краснота и опухоль ничуть не изменились.

Улыбаясь, Лидия молча наблюдала за мной. Мне хотелось сказать ей, что я бездарный исцелитель. Казалось, ее глаза поймали мое настроение и держали его до тех пор, пока оно не изменилось. Роза хотела спать. Она то ли смертельно устала, то ли была больна. Впрочем, это меня не слишком интересовало. Я взял ее на руки: она оказалась невероятно легкой. Я отнес ее к постели доня Хуана и осторожно уложил. Лидия укрыла ее одеялом. В комнате было очень темно. Я выглянул в окно и увидел безоблачное небо, усеянное звездами. До этой минуты я как-то не помнил, что мы находились на довольно большой высоте.

Когда я взглянул на небо, я вдруг ощутил прилив оптимизма. Казалось, звезды каким-то образом рады мне. Смотреть в юго-восточном направлении было очень приятно.

Внезапно у меня возникло острое желание посмотреть, насколько отличается вид неба из комнаты доньи Соледад, обращенной на север. Я взял Лидию за руку, собираясь повести ее туда, но меня остановило щекочущее ощущение на макушке. Оно прошло, как волна ряби, по спине к пояснице, а оттуда – к подложечной ямке. Я сел на циновку и попытался проанализировать свои чувства. Но все мысли, казалось, вылетели у меня из головы, и как я ни пытался включить тот ментальный процесс, который обычно называю «думанием», ничего не получалось.

Мои ментальные упражнения заставили меня забыть о Лидии. Она опустилась передо мной на колени и пристально смотрела на меня до тех пор, пока я не осознал, что ее огромные глаза внимательно разглядывают меня с расстояния в несколько дюймов. Я снова взял ее за руку и повел в комнату доньи Соледад. Когда мы подходили к двери, я почувствовал, что все ее тело оцепенело. Мне пришлось тащить ее. Я уже собирался переступить порог, как вдруг в глаза мне бросилась какая-то громоздкая, напоминающая человеческое тело масса, лежавшая у стены напротив двери. От неожиданности я ахнул и отпустил Лидию. Это была донья Соледад. Она лежала

головой к стене. Я обернулся к Лидии. Та отскочила на пару шагов. Я прошептал, что донья Соледад вернулась, но не услышал звуков своего голоса, хотя был уверен, что произнес эти слова. Я хотел было повторить, но возникло чувство, что этого делать не нужно. Похоже было, что слова требовали слишком много времени, а мне его не хватало. Я вошел в комнату и направился к донье Соледад. Видимо, ей было очень плохо. Прежде чем что-то спросить, я приподнял ей голову и посмотрел на нее. На ее лбу я увидел что-то, напоминавшее самодельный пластырь из листьев, темный и липкий на ощупь. Я почувствовал, что обязательно нужно убрать его. Уверенно откинув назад ее голову, я сорвал пластырь. Он был похож на облезшую резину. За все это время донья Соледад не пошевелилась и не издала ни звука. На лбу осталось желтовато-зеленое пятно. Оно двигалось, словно было живым и насыщенным энергией. Мгновение я смотрел на него, не зная, что делать дальше. Я коснулся пятна пальцем, и оно пристало к нему как клей.

Как ни странно, оно не только не испугало меня, но даже понравилось. Я растер его кончиками пальцев, и пятно перешло на мою руку. Я встал. Эта липкая субстанция давала ощущение тепла. Какое-то мгновение она напоминала клейкую пасту, а затем высохла у меня на ладони. Я вновь почувствовал вспышку понимания и тут же побежал в комнату дон Хуана. Схватив руку Розы, я стер такое же флюоресцирующее желтовато-зеленое вещество с ее руки, как я стер его со лба доньи Соледад. Мое сердце колотилось так сильно, что я едва мог стоять на ногах. Хотелось лечь на пол, но что-то во мне толкнуло меня к окну и заставило бежать на месте.

Не знаю, как долго это продолжалось. Внезапно я почувствовал, как что-то трется о мою шею и плечи. Я начал осознавать, что был совершенно голым и мокрым от пота. Лидия закутала меня куском ткани и вытирала мне лицо.

Ко мне сразу же вернулся нормальный процесс мышления. Я осмотрел комнату. Роза крепко спала. Я побежал в комнату доньи Соледад, ожидая найти ее там спящей, но в комнате никого не было. Лидия пришла следом за мной. Я рассказал ей о случившемся. Она бросилась к Розе и начала ее будить, а я в это время одевался. Роза все еще не просыпалась. Лидия схватила ее за поврежденную руку и встряхнула. Одним пружиnistым

движением Роза вскочила, словно и не спала.

Они заматались по дому, гася лампы. Казалось, они собрались бежать отсюда. Я хотел спросить, к чему такая спешка, но вдруг заметил, что и сам одеваюсь с лихорадочной скоростью.

Теперь мы носились все вместе. Более того, они, казалось, ожидали от меня указаний, что делать дальше.

Мы выбежали из дома, захватив с собой все привезенные мною пакеты. Лидия посоветовала не оставлять их. Я не успел распределить их и поэтому они как бы еще принадлежали мне. Я швырнул их на заднее сидение машины, а обе девушки поместились на переднем, прижавшись друг к другу. Я завел машину и стал медленно выкруливать задним ходом, угадывая путь в темноте. Когда мы были уже на дороге, я совершенно растерялся, услышав их заявление: они в один голос сказали, что я – их лидер. Они сказали, что их действия зависят от моих решений. Я – Нагваль. Мы не могли выбежать из дома и уехать беспричинно. Теперь я должен руководить ими.

Я понятия не имел, ни что делать, ни куда ехать. Повернувшись, я взглянул на них. В отблеске фар их глаза были похожи на зеркала. Я вспомнил, что глаза дона Хуана были такими же: они тоже, казалось, отражали больше света, чем глаза обычного человека. Я знал: обе девушки осознавали, что я в тупике. Лучше было, наверное, подшутить над собой, чтобы прикрыть свою несостоятельность, но вместо этого я прямолинейно переложил всю ответственность на них.

Я сказал, что еще не привык к роли Нагваля и буду благодарен им за любое предложение или указание, куда нам следует ехать. Они, похоже, остались недовольны мной. С разочарованным видом они переглянулись и покачали головами. Я быстро прикинул в уме различные варианты действий – отвезти их в город, или в дом к Нестору, или даже взять с собой в Мехико, но ни один из них не был осуществим.

Я остановил машину на пути в город. Больше всего на свете мне хотелось поговорить с ними по душам. Я открыл было рот, но они повернулись лицом друг к другу и положили руки друг другу на плечи. Видимо, это означало, что они замкнулись и не слушают меня.

Я был смертельно расстроен. В это мгновение я страстно желал умения дона Хуана владеть любой ситуацией, его

интеллектуальной способности дружеского общения, его юмора. Вместо этого я находился в компании двух дурочек.

Я заметил выражение подавленности на лице Лидии, и моя жалость к самому себе мгновенно исчезла. И тут я со всей очевидностью понял, что нашим взаимным разочарованиям не будет конца. Видимо, они тоже привыкли к мастерству дона Хуана, хоть он и вел себя с ними иначе, чем со мной. Для них переход от самого Нагваля ко мне был катастрофическим. Я долго сидел, не выключая мотора. Затем у меня опять появилось знакомое щекочущее ощущение на макушке. Теперь я знал, что случилось после того, как я вошел в комнату доньи Соледад. Я не видел ее в обычном смысле. У стены лежала не донья Соледад, а фантом – моя память о том, как ее тело лежало там после удара. Знал я и то, что, коснувшись той липкой фосфоресцирующей субстанции, я исцелил ее и что это была специфическая энергия, оставленная мною на ее голове и на руке Розы, когда я ударил каждую из них.

Перед глазами возник образ какой-то лощины. Я был уверен, что донья Соледад и Ла Горда находятся именно там. Это знание было не предположением, а истиной, не нуждавшейся в подтверждениях. Ла Горда привела донью Соледад на дно этого ущелья, и в этот момент пыталась вылечить ее. Я хотел сказать ей, что больше нет необходимости лечить опухоль на лбу доньи Соледад и что нет нужды оставаться там.

Я описал свое видение девушкам. Обе они сказали, чтобы я не индугировал, как это обычно раньше говорил дон Хуан. Правда, у него эти слова обычно звучали более уместно. Я никогда не чувствовал себя уязвленным его критикой или насмешками, но девушки – это другое дело. Я почувствовал себя обиженным. – Я отвезу вас домой, – сказал я. – Где вы живете?

Лидия повернулась ко мне и с яростью сказала, что они – мои подопечные и что я должен позаботиться об их безопасности, так как по требованию Нагваля они отказались от личной свободы, чтобы помогать мне.

Я страшно рассердился. Мне захотелось отшлепать девушек, но тут я опять ощутил странную дрожь. Она вновь началась как щекочущее раздражение на макушке, прошла вниз по спине и достигла живота. Теперь я знал, где они живут. Щекочущее ощущение было как защита, как мягкая, теплая пелена. Я ощущал

физически, как она окутывает мое тело от паха до нижних ребер. Гнев сменился странной твердостью, отрешенностью и одновременно желанием смеяться. Вдруг я испытал нечто трансцендентальное. Под натиском действий доньи Соледад и сестричек мое тело прекратило составление мнений. Выражаясь языком дона Хуана, я остановил мир.

У меня одновременно было два ощущения: щекочущее раздражение на макушке и звук, похожий на сухой треск в основании шеи. Их соединение являлось ключом к этой остановке внутреннего диалога.

Сидя с двумя девушками в машине на обочине пустынной горной дороги, я впервые отчетливо и полностью осознал «остановку мира». Это ощущение напомнило мне о самом первом телесном осознании, пережитом много лет назад. Оно также имело отношение к щекочущему ощущению на макушке. Дон Хуан говорил, что маги должны культивировать это чувство, и подробно описал его. По его словам, это было нечто вроде зуда, который не был ни приятным, ни болезненным. Чтобы познакомить меня с ним на интеллектуальном уровне, он описал и проанализировал его особенности. Затем, пытаясь на практике вызвать необходимое телесное ощущение, он заставлял меня бегать под ветками или скалами, нависшими в нескольких дюймах над моей головой, для того, чтобы тело как следует запомнило это ощущение.

Многие годы я пытался следовать его указаниям, но безуспешно. Я не понимал, что крылось за его описанием, и никакие практические упражнения не снабжали мое тело адекватной памятью об этом ощущении. Бега под выбранными им для демонстрации ветками или скалами я никогда не ощущал своей макушкой ничего особенного. Но однажды, когда я заводил высокую грузовую тележку в трехъярусный гараж, мое тело само открыло это ощущение. Я въехал в ворота гаража с той же скоростью, с какой обычно въезжал на своем маленьком двухместном седане. В результате с высокого сидения тележки я почувствовал, как поперечная бетонная балка крыши скользит по моей голове. Я не успел остановить тележку вовремя и чувствовал, что бетонная балка буквально снимает с меня скальп. Я никогда еще не водил такой высокий транспорт, как эта тележка, поэтому не смог соответствующим образом настроить свое восприятие. Мне казалось, что промежуток между крышей и моей макушкой

просто отсутствовал. Я ощущал балку кожей своего черепа. В тот день я ездил внутри гаража часами, давая телу возможность накопить нужную память об этом щекочущем ощущении. Я повернулся лицом к девушкам и хотел сказать им, что уже знаю, где они живут, но промолчал. Я не представлял, как можно описать, что щекочущее чувство заставило меня вспомнить случайное замечание дона Хуана. Однажды по пути к Паблито мы проходили мимо какого-то дома, и, указав на необычное сооружение, он заметил, что это идеальное место для отдыха и расслабления. Я повез их туда.

Дом был довольно велик. Это была такая же постройка из необожженного кирпича с соломенной крышей, как и дом доньи Соледад. Одна длинная комната в передней части дома, крытая кухня – в задней, огромное патио рядом с кухней и загородка для цыплят рядом с патио. Самой важной частью дома была закрытая комната, одна из дверей которой выходила в переднюю, а другая – в патио. Лидия сказала, что ее построили они сами. Я захотел посмотреть ее, но Лидия не позволила, сказав, что сейчас не время. Без Хосефины и Ла Горды она не могла показать мне принадлежащие им части комнаты.

В углу передней комнаты была сооружена кирпичная платформа около восемнадцати дюймов высотой, одним концом примыкающая к стене. Лидия положила на нее несколько толстых соломенных циновок и предложила мне отдохнуть, сказав, что они будут охранять мой сон. Роза зажгла лампу и повесила ее на гвоздь над постелью. Было достаточно света, чтобы писать. Я объяснил им, что записывание снимает с меня напряжение, и спросил, не мешает ли оно им.

– Почему ты спрашиваешь? – удивилась Лидия. – Делай что хочешь!

Самым небрежным тоном я объяснил, что некоторые мои привычки всегда казались странными дону Хуану и дону Хенаро, и уж тем более могли показаться странными им.

– Все мы со странностями, – сухо сказала Лидия.

Я сел на постели под лампой, прислонившись спиной к стене. Они легли рядом, по обе стороны от меня. Роза укрылась одеялом и тут же заснула, едва коснувшись головой циновки. Лидия сказала, что теперь мы можем спокойно поговорить, и попросила меня потушить свет, так как он слепит ей глаза.

Наша беседа в темноте касалась главным образом местонахождения двух других девушек. Лидия сказала, что не представляет себе, где сейчас Ла Горда, но Хосефина, несомненно, все еще разыскивает Нестора в горах, несмотря на темноту. Она пояснила, что Хосефина лучше других может позаботиться о себе ночью в пустынном месте, поэтому Ла Горда и отправила ее с этим поручением.

Я сказал ей, что из всего услышанного раньше я понял, что Ла Горда – их лидер. Лидия ответила, что Ла Горда действительно была за старшего и что сам Нагваль поставил ее во главе. Она добавила, что если бы даже он этого не сделал, то рано или поздно Ла Горда все равно взяла бы верх, потому что она лучше их всех. Тут мне захотелось зажечь лампу и кое-что записать. Лидия недовольно сказала, что свет усыпляет ее, но я настоял на своем.

– Что делает Ла Горду лучшей? – спросил я.

– У нее больше личной силы, – сказала она. – Она знает все, и, кроме того, Нагваль научил ее управлять людьми.

– Ты завидуешь Ла Горде в том, что она самая лучшая?

– Раньше завидовала, а теперь – нет.

– Почему же ты изменилась?

– В конце концов я приняла свою судьбу, как учил меня Нагваль.

– А какова твоя судьба?

– Моя судьба... Моя судьба – быть бризом. Быть *сновидящей*. Моя судьба – быть воином.

– А Роза или Хосефина завидуют Ла Горде?

– Да нет, что ты. Все мы приняли свою судьбу. Нагваль сказал, что сила придет к нам только после того, как все мы без взаимных упреков примем свою судьбу. Раньше я часто жаловалась и временами приходила в ужас, потому что Нагваль мне нравился. Я все думала, что я – женщина. Но он объяснил мне, что это не так. Он показал мне, что я – воин. Моя жизнь окончилась, когда я встретила его. То же он сделал и с остальными. Может быть, ты и не такой, как мы, но нам Нагваль дал новую жизнь.

Когда он сказал, что собирается покинуть нас, так как ему надо заниматься другими делами, мы думали, что умрем. А посмотри на нас сейчас. Мы живы, и знаешь, почему? Потому что Нагваль показал нам, что мы – это он сам. Он здесь, с нами. Он всегда будет здесь. Мы – его тело и его дух.

– Вы все четверо чувствуете одинаково?

– Нас не четверо. Мы – одно. Это наша судьба. Мы должны поддерживать друг друга. И ты такой же, как мы. Все мы – одно и то же. И донья Соледад такая же, хотя она и идет в другом направлении.

– А Паблито, Нестор и Бениньо? Как с ними?

– Мы не знаем. Мы не любим их. Особенно Паблито. Он трус. Он не принял свою судьбу и хочет увильнуть от нее. Он даже хочет отказаться от своих шансов стать магом и жить обычной жизнью. Это было бы великолепно для Соледад. Но Нагваль приказал нам помогать и ему. Хотя мы уже устали ему помогать. Может быть, совсем скоро Ла Горда отшвырнет его с пути навсегда.

– Неужели она способна это сделать?

– Способна ли она? Конечно да. Она получила от Нагваля больше остальных. Может быть, даже больше тебя.

– Как ты думаешь, почему Нагваль никогда не говорил мне, что вы – его ученицы?

– Потому что ты – пустой.

– Это он сказал, что я – пустой?

– Каждый знает, что ты – пустой. Это написано на твоём теле.

– Написано что?

– У тебя в середине есть дыра.

– В середине моего тела? Где?

Она очень мягко коснулась правой стороны моего живота и пальцем очертила круг, словно обозначая границы какой-то невидимой дыры диаметром пять-шесть дюймов.

– А ты сама пустая, Лидия?

– Ты шутишь? Я – полная. Разве ты не *видишь* этого?

Ее ответы принимали неожиданный оборот. Мне не хотелось раздражать ее своим невежеством, поэтому я утвердительно кивнул.

– Как ты думаешь, почему у меня в середине есть дыра, которая делает меня пустым? – спросил я, считая этот вопрос самым невинным.

Не отвечая, она повернулась ко мне спиной и пожаловалась, что свет лампы режет ей глаза. Я настаивал на ответе. Она вызывающе посмотрела на меня.

– Я не хочу больше разговаривать с тобой. Ты тупой.

Даже Паблито не такой тупой, а он хуже всех.

Я не хотел опять попасть в тупик, делая вид, что знаю, о чем идет

речь. Поэтому я опять спросил, что вызвало мою пустоту. Я упрасивал ее сказать, горячо уверяя, что дон Хуан никогда не давал мне разъяснений на эту тему. Он постоянно говорил мне, что я пустой, и я понимал его, как понял бы это любой западный человек. Я считал, что он подразумевает отсутствие у меня воли, решительности, целеустремленности и даже ума. Он никогда не упоминал о дыре в моем теле.

– С правой стороны у тебя дыра, – сказала она как само собой разумеющееся. – Дыра, которую сделала женщина.

– Ты знаешь, кто эта женщина?

– Только ты можешь сказать это. Нагваль говорил, что мужчины часто не знают, кто опустошил их. Женщины удачливее, они точно знают, кто сделал это с ними.

– Твои сестры тоже пустые, как я?

– Не говори глупостей. Как они могут быть пустыми?

– Донья Соледад сказала, что она пустая. Выглядит ли она подобно мне?

– Нет. Дыра в ее животе огромна. Она по обе стороны. Это значит, ее опустошили мужчина и женщина.

– Что произошло между доньей Соледад и этими мужчиной и женщиной?

– Она отдала им свою полноту.

Я заколебался, прежде чем задать следующий вопрос. Мне хотелось взвесить все последствия ее заявления.

– Ла Горда была еще хуже, чем донья Соледад. – продолжала Лидия. – Ее опустошили две женщины. Дыра в ее животе была похожа на пещеру. Но она закрыла ее. Она опять полная.

– Расскажи мне про этих двух женщин.

– Я не могу тебе больше ничего сказать, – властно ответила она. – Только Ла Горда может рассказать тебе об этом. Дождись ее прихода.

– Но почему только Ла Горда?

– Потому что она знает все.

– И она – единственная, кто знает все?

– Свидетель знает столько же, может быть, даже больше, но он является самым Хенаро, и с ним очень трудно ладить. Мы не любим его.

– Почему вы его не любите?

– Эти три трутня ужасны. Они такие же ненормальные, как

Хенаро. Они постоянно воюют с нами, потому что мстят нам за свой страх перед Нагвалем. Во всяком случае, так говорит Ла Горда.

– Что же заставляет Ла Горду говорить так?

– Нагваль рассказывал ей вещи, которых не говорил остальным.

Она *видит*. Нагваль сказал нам, что ты тоже *видишь*. Хосефина, Роза и я – не *видим*, тем не менее мы все пятеро – одно и то же. Фраза «Мы – одно и то же», которой пользовалась донья Соледад прошлой ночью, вызвала у меня лавину мыслей и опасений. Я быстро убрал свой блокнот и огляделся вокруг. Я пребывал в странном мире, лежа в странной постели между двумя молодыми женщинами, которых я не знал. И все же я чувствовал себя довольно легко. Мое тело испытывало непринужденность и безразличие. Я верил им.

– Ты собираешься спать здесь? – спросил я.

– А где же еще?

– А как насчет твоей собственной комнаты?

– Мы не можем оставлять тебя здесь одного. Мы чувствуем то же, что и ты – ты для нас чужой, если не считать нашей обязанности помогать тебе. Ла Горда сказала, что хотя ты и глуп, мы должны это делать. Она говорила, что мы должны спать с тобой в одной постели, как если бы ты был самим Нагвалем.

Лидия погасила лампу. Я продолжал сидеть спиной к стене.

Задумавшись, я закрыл глаза и мгновенно заснул.

Лидия, Роза и я сидели на площадке перед дверью около двух часов, с восьми утра. Я пытался втянуть их в беседу, но они отказались разговаривать. Они выглядели расслабленными, почти сонными. Однако их отрешенность не передавалась мне. Сидя в вынужденном молчании, я ушел в свои мысли. Их дом стоял на вершине небольшого холма; передняя дверь была обращена на восток. С моего места была видна почти вся узкая долина, пролегающая с востока на запад. Городка я не видел, но мне были видны зеленые участки возделанных полей внизу долины. С другой стороны к долине примыкали гигантские круглые обветренные холмы. Высоких гор в окрестности долины не было, только эти огромные холмы, вид которых угнетал меня. Мне казалось, что эти холмы собираются перенести меня в другое время.

Лидия внезапно заговорила, и ее голос нарушил мои грезы. Она

потянула меня за рукав.

– Сюда идет Хосефина, – сказала она.

Я посмотрел на извилистую тропинку, ведущую из долины к дому. Ярдах в пятидесяти от нас по ней поднималась женщина. Я сразу же отметил значительную разницу в возрасте между Лидией и Розой и приближавшейся незнакомкой. Я снова посмотрел на нее. Судя по походке и осанке ей было не менее пятидесяти. Длинная темная юбка подчеркивала ее худобу.

Женщина несла на спине вязанку хвороста. К ее поясу был приторочен какой-то узел. Было похоже, что она несла на левом боку ребенка. Казалось, она кормила его грудью во время ходьбы. Ее поступь была почти немощной. Она с трудом одолела последний крутой подъем перед домом. Когда она наконец остановилась в нескольких шагах от нас, то дышала так тяжело, что я попытался помочь ей сесть. Она сделала жест, по-видимому, означавший, что все в порядке. Я слышал, как Лидия и Роза хихикают. Я не посмотрел на них, так как все мое внимание целиком было захвачено этой женщиной.

Я никогда не видел более отвратительного и мерзкого существа, чем она. Отвязав вязанку хвороста, она с грохотом сбросила ее на пол. Я непроизвольно отпрыгнул, как из-за шума, так и потому, что под тяжестью дров женщина чуть не упала мне на колени. Она бросила на меня взгляд и опустила глаза, смущенная своей неловкостью. Выпрямив спину, она вздохнула с явным облегчением. Видимо, охапка была слишком тяжелой для ее старого тела.

Когда она встряхнула руками, прядь волос выбилась из-под грязной темно-коричневой повязки, завязанной на лбу. У нее были длинные седые волосы, выглядевшие грязными и спутанными. Она улыбнулась мне и слегка кивнула. Все ее зубы, наверное, выпали. Видна была только черная яма беззубого рта. Она прикрыла лицо рукой и засмеялась. Затем сбросила сандалии и вошла в дом, не дав мне сказать ни слова. Роза направилась следом. Я был ошарашен. Со слов доньи Соледад я считал, что Хосефина примерно того же возраста, что и Лидия с Розой.

Я повернулся к Лидии. Она внимательно смотрела на меня.

– Я понятия не имел, что она такая старая, – сказал я.

– Да, она старовата, – сказала Лидия, словно это было совершенно естественно.

- Разве у нее есть ребенок? – спросил я.
- Да, она повсюду таскает его за собой и никогда не оставляет его с нами. Она все боится, что мы собираемся его съесть.
- Это мальчик?
- Мальчик.
- Сколько ему лет?
- Он у нее уже довольно давно. Но я не знаю точно сколько ему лет. Мы считали, что в ее возрасте не стоило бы иметь ребенка. Но она не обращает на нас внимания.
- Чей это ребенок?
- Хосефины, конечно.
- Я имел в виду, кто его отец?
- Нагваль, кто же еще?

Ситуация была явно нелепой и неприятно действующей на нервы.

- Я полагаю, что в мире Нагваля возможно все, – сказал я.
- Это были скорее мысли вслух, чем комментарий для Лидии.
- Еще бы! – сказала она и засмеялась.

Гнетущая атмосфера этих обветренных холмов стала совершенно невыносимой. В этой местности воистину было что-то вызывающее отвращение, а Хосефина стала последним ударом. Вдобавок к уродливому, старому, зловонному телу и отсутствию зубов, видимо, у нее был еще и паралич каких-то лицевых мышц. Нервы левой стороны ее лица, судя по всему, были повреждены, что очень неприятно деформировало ее левый глаз и левую половину рта.

Мое настроение стало совершенно гнусным. Меня утешала только одна мысль, что я в любой момент могу собраться и уехать.

Я пожаловался Лидии, что плохо себя чувствую. Она засмеялась и заметила, что меня, безусловно, испугала Хосефина.

– Она на всех так действует, – сказала Лидия. – Все ненавидят ее характер. Она противнее таракана.

– Помню, я как-то видел ее, но тогда она казалась молодой.

– Все меняется, – философски произнесла Лидия. – Так или иначе.

Посмотри на Соледад. Какая перемена, а? И ты изменился. Я помню тебя менее массивным. Ты все больше становишься похожим на Нагваля.

Мне хотелось сказать, что перемена Хосефины была отвратительной, но испугался, что она услышит меня. Я посмотрел на обветренные холмы на противоположной стороне долины. Мне

хотелось немедленно сбежать от них.

— Нагваль дал нам этот дом, — сказала Лидия, — но он не предназначен для отдыха. У нас был другой дом, прежде чем этот стал воистину превосходным. Это место для накопления силы. Эти горы там, наверху, подгоняют, что надо.

Уверенность, с которой она читала мои мысли, выбила меня из колеи. Я не знал, что и сказать.

— Мы все по натуре ленивы и не любим напрягаться, — продолжала она. — Нагваль знал это, потому и поместил нас сюда, чтобы это место подгоняло нас.

Резко встав, она сказала, что хочет есть. Мы прошли на кухню, отгороженную только двумя стенами. В открытом конце ее, справа от двери, была глиняная печь; в другом конце, где стенки образовывали угол, находилась большая площадка для еды с длинным столом и тремя скамейками. Пол был вымощен галькой. Плоская крыша находилась на высоте около десяти футов и опиралась на обе стены и на толстые брусья с открытой стороны. Лидия положила мне из горшка миску бобов с мясом, приготовленных на медленном огне, и подогрела несколько небольших лепешек. Вошла Роза, села рядом со мной и попросила Лидию дать еды и ей.

Я внимательно наблюдал за тем, как Лидия большим черпаком набирала бобы и мясо. Создавалось впечатление, что она на глаз отмеряет точную порцию. Она, должно быть, заметила, что я удивлен ее манипуляциями. Отобрав два или три боба из миски Розы, она положила их обратно в горшок и в этот момент я краем глаза заметил входящую Хосефину. Посмотреть на нее я не решился.

Она села напротив меня. Я почувствовал тошноту. Я понимал, что не смогу есть, пока эта женщина смотрит на меня. Пытаясь снять напряжение, я шутливо сказал, что в миске у Розы оказалось еще два лишних боба, а она и не заметила. Лидия отделила два боба с точностью, заставившей меня задохнуться от изумления. Я нервно засмеялся, зная, что как только Лидия сядет, я вынужден буду оторвать взгляд от печки и повернуться к Хосефине.

В конце концов мне пришлось нехотя взглянуть на Хосефину. Наступила мертвая тишина. Я недоверчиво уставился на нее. От удивления я раскрыл рот и услышал громкий смех Лидии и Розы. Мне понадобилось немало времени для приведения своих мыслей

и чувств в относительный порядок.

Напротив меня сидела не та Хосефина, которую я видел совсем недавно, а очень хорошенькая девушка. Черты ее лица не были индейскими, как у Лидии и Розы; она скорее походила на женщину латинской расы. У нее был светло-оливковый цвет лица, очень маленький рот и прекрасный точеный нос, мелкие белые зубы и коротко подстриженные вьющиеся черные волосы. Кроме того, у нее на левой щеке была ямочка, делавшая ее улыбку особенно милой и несколько дерзкой.

Это была та девушка, которую я мельком видел несколько лет назад. Она стерпела мой пристальный осмотр. Выражение ее глаз было дружелюбным. Мною постепенно овладела неконтролируемая нервозность. В конце концов я стал корчить из себя шута, отчаянно изображая неподдельное замешательство. Они смеялись, как дети. Когда их смех стих, я попросил рассказать о цели маскарада Хосефины.

– Она практикует искусство *сталкинга*, – сказала Лидия. – Нагваль научил нас вводить людей в заблуждение, чтобы они не обращали на нас внимания. Хосефина очень хорошенькая. И когда она ходит ночью одна, никто к ней не пристанет, если она будет выглядеть безобразной и старой. Но если она становится сама собой, ты и сам знаешь, что может произойти.

Хосефина утвердительно кивнула головой, и вдруг ее лицо исказилось безобразной гримасой.

– Она может ходить с таким лицом целый день, – сказала Лидия. Я возразил, что если бы жил неподалеку, то скорее обратил бы внимание на Хосефину из-за этих невероятных перемен в ее внешности.

– Этот обман был рассчитан на тебя, – сказала Лидия, и все трое рассмеялись. – Посмотри, как она тебя запутала. Ты обратил больше внимания на ребенка, чем на нее.

Лидия прошла в комнату, вынесла оттуда тряпичный сверток, похожий на запеленатого ребенка и бросила на стол передо мной. Я расхохотался вместе с ними.

– Вы все умеете создавать такие обманчивые внешности?

– Нет, только Хосефина. Никто не знает, какая она на самом деле, – ответила Лидия. Хосефина кивнула мне и молча улыбнулась. Она мне страшно понравилась. В ней было что-то простодушное и милое.

– Скажи что-нибудь, Хосефина, – сказал я, схватив ее за предплечье.

Она смущенно посмотрела на меня и отпрянула. Я решил, что, причинил ей боль. Я отпустил ее. Она выпрямилась, скривила свой маленький ротик и разразилась невероятным ворчанием и визгом. Неожиданно ее черты изменились. Серия безобразных неконтролируемых спазмов исказила лицо, только что бывшее таким спокойным.

Я с ужасом смотрел на нее. Лидия толкнула меня локтем.

– Зачем ты испугал ее, болван? – прошептала она. – Разве ты не знаешь, что она онемела и вообще перестала говорить?

Хосефина, очевидно, поняла ее и, казалось, стала протестовать. Она погрозила Лидии кулаком и вновь разразилась очень громкими и устрашающими воплями, а потом поперхнулась и закашлялась. Роза начала растирать ей спину. Лидия хотела ей помочь, но Хосефина чуть не ударила ее по лицу.

Лидия села рядом со мной и беспомощно пожала плечами.

– Вот так, – шепнула она мне. Хосефина повернулась к ней. Ее лицо было искажено безобразной гневной гримасой. Из открытого рта вновь вырвались какие-то устрашающие гортанные звуки.

Лидия соскользнула со скамейки и незаметно покинула кухню.

Хосефина, казалось, была олицетворением ярости. За считанные секунды она потеряла всю прелесть и простодушие, так очаровавшие меня. Я не знал, что делать. Я попытался попросить прощения, но нечеловеческие вопли Хосефины заглушили меня. Наконец Роза увела ее в дом.

Лидия вернулась и села напротив меня.

– У нее здесь что-то не в порядке, – сказала она, прикасаясь к голове.

– Когда это случилось?

– Давно. Нагваль, должно быть, что-то сделал с ней, потому что она внезапно перестала говорить.

Лидия казалась опечаленной. Я подумал даже, что ей вовсе не хотелось, чтобы я это заметил, печаль обнаружилась помимо ее воли. Я готов был сказать ей, что не стоит так бороться с собой, пытаюсь скрыть свои эмоции.

– Как Хосефина общается с вами? Пишет?

– Прекрати говорить глупости. Она не пишет. Она – не ты. Она с помощью рук и ног говорит нам все, что хочет.

Хосефина и Роза вернулись на кухню и встали возле меня. Я подумал, что Хосефина опять кажется образцом простодушия и доброжелательности. Ее чарующее спокойствие не давало ни малейшего повода считать, что она могла быть такой безобразной и такой жесткой. Глядя на нее, я вдруг понял, что ее невероятные способности к жестикуляции вызваны потерей речи. Я подумал, что столь искусным в имитации может быть лишь человек, утративший дар словесного общения.

По словам Розы, Хосефине очень хотелось опять заговорить, так как я ей очень понравился.

– Пока ты не появился, она была счастлива и так, – резко сказала Лидия.

Хосефина кротко кивнула, подтверждая слова Лидии, и издала ряд коротких звуков.

– Мне бы хотелось, чтобы здесь была Ла Горда, – сказала Роза. – Лидия всегда раздражает Хосефину.

– Мне этого совсем не хочется, – запротестовала Лидия.

Хосефина улыбнулась ей и протянула руку, пытаясь коснуться ее. Казалось, она хочет примирения. Лидия резко оттолкнула ее руку.

– Да ну тебя, идиотка, – пробормотала она.

Хосефина не рассердилась. Она казалась глубоко погруженной в себя. В ее глазах было столько печали, что было больно смотреть. Я решил вмешаться и помирить их.

– Ей кажется, что она единственная женщина в мире, у которой есть проблемы, – раздраженно бросила Лидия. – Нагваль велел нам обращаться с ней круто и без снисхождения, пока она не перестанет чувствовать жалость к самой себе.

Роза посмотрела на меня и кивком подтвердила сказанное.

Повернувшись к Розе, Лидия велела ей отойти от Хосефины. Роза покорно отошла и села на скамейку рядом со мной.

– Нагваль предсказывал, что в один прекрасный день она снова заговорит, – сказала мне Лидия.

– Эй! – сказала Роза, дергая меня за рукав. – Может, это ты поможешь ей заговорить?

– Да! – отозвалась Лидия, словно у нее мелькнула та же мысль. – Может быть, ради этого мы и должны были ждать тебя.

– Ну конечно же! – воскликнула Роза с выражением истинного озарения.

Они вскочили и стали обнимать Хосефину.

– Ты снова будешь говорить! – кричала Роза, встряхивая Хосефину за плечи.

Хосефина открыла глаза и начала вращать ими. Она издавала приглушенные вздохи, похожие на всхлипы, а потом заметалась из стороны в сторону, крича, как животное. Ее возбуждение было таким сильным, что она не могла разжать челюсти. Они и не пытались успокоить ее.

– Ты снова будешь говорить! – кричали они. – Ты снова будешь говорить!

От криков, стонов и всхлипов Хосефины у меня по коже прошел озноб. Я был совершенно сбит с толку и решил попытаться поговорить с ними спокойно. Я зывал к их разуму, но вдруг до меня дошло, что его у них – по моим стандартам – было крайне мало. Я расхаживал по кухне взад-вперед, пытаюсь сообразить, что же мне делать.

– Поможешь ты ей или нет? – требовала Лидия. – Ну пожалуйста, сэр, пожалуйста, – умоляла меня Роза.

Я сказал им, что они сошли с ума, и я просто не представляю, что надо делать. Но говоря это, я обнаружил вдруг в глубине своего разума странное чувство любопытства и уверенности. Сначала я хотел отбросить его, но оно завладело мною. Однажды у меня уже было подобное переживание, когда одна моя близкая подруга была смертельно больна. Мне казалось, что смогу помочь ей выздороветь и выйти из больницы, где она умирала. Я даже консультировался по этому поводу с доном Хуаном.

– Точно. Ты можешь вылечить ее и вырвать из лап смерти, – сказал он.

– Как? – спросил я.

– Это очень просто, – начал он. – Ты только должен напомнить ей, что она неизлечимо больна. Так как это крайний случай, то у нее есть сила. Человек становится мужественным, когда ему нечего терять. А ей больше терять нечего. Она уже потеряла все. Мы малодушны только тогда, когда есть еще что-то, за что мы можем цепляться.

– Но разве одного напоминания достаточно?

– Нет. Но это даст ей необходимую поддержку. Затем она должна оттолкнуть болезнь левой рукой. Она должна толкать вперед свою левую руку, сжатую в кулак, как бы держась за дверную ручку. Она должна с усилием толкать и толкать ее, говоря болезни:

«Прочь, прочь, прочь». Скажи, что ей больше ничего не остается, как только посвятить каждую секунду оставшейся жизни выполнению этого движения. Я уверяю тебя, что она сможет выкарабкаться, если захочет.

– Это звучит так просто.

Дон Хуан хмыкнул.

– Это кажется простым, – сказал он. – Но это не так. Чтобы сделать это, твоей подруге необходим безупречный дух.

Он долго смотрел на меня, как будто пытаюсь измерить тревогу и печаль, которые я испытывал по отношению к своей подруге.

– Правда, если бы у твоей подруги был безупречный дух, – добавил он, – то она бы там не оказалась.

Я передал ей то, что сказал мне дон Хуан. Но она была уже слишком слаба.

В случае же с Хосефиной моя уверенность основывалась на том, что она была воином с безупречным духом. Я размышлял, нельзя ли и ей применить то же самое движение рукой.

Я сказал Хосефине, что ее неспособность говорить вызвана каким-то зажимом.

– Да, да, это зажим, – повторяли Лидия и Роза вслед за мной.

Я объяснил Хосефине движение рукой и сказал ей, что она должна вытолкнуть этот зажим, двигая рукой таким образом.

Глаза Хосефины застыли. Видимо, она находилась в трансе и шевелила губами, производя едва слышные звуки. Она попыталась двинуть рукой, но была так возбуждена, что размахивала ею без всякой координации. Я попытался скорректировать ее движения, но она, похоже, находилась в состоянии настолько помраченном, что даже не слышала моих слов. Ее глаза расфокусировались и я понял, что она находится на грани потери сознания. Роза, по-видимому, осознавала происходящее: она отпрыгнула в сторону, схватила чашку с водой и плеснула ее Хосефине в лицо. Глаза Хосефины закатились, обнажив белки. Она долго моргала, пока смогла сфокусировать их снова. Она шевелила губами, но не могла произнести ни звука.

– Коснись ее горла! – закричала мне Роза.

– Нет! Нет! – в ответ закричала Лидия. – Коснись ее головы! Это у нее в голове, ты, чучело!

Она схватила меня за руку и заставила положить ее на голову Хосефины.

Хосефина задрожала и с трудом издала серию слабых звуков. Они показались мне более осмысленными, чем те нечеловеческие вопли, которые она производила раньше.

Роза, кажется, тоже заметила разницу.

– Ты слышишь? Ты слышишь это? – шепотом спросила она.

Но тут Хосефина издала серию еще более гротескных звуков, чем раньше. Успокоившись, она коротко всхлипнула и заплакала. В конце концов Лидия и Роза успокоили ее. Совершенно изможденная, она уселась на скамейку, с трудом подняла веки, взглянула на меня и кротко улыбнулась.

– Мне очень жаль, – сказал я, беря ее за руку.

Задрожав всем телом, она опустила голову и снова начала плакать. Я ощутил волну горячего сочувствия к ней. В этот момент я бы отдал жизнь, чтобы помочь ей. Она сдавленно всхлипывала, пытаясь заговорить со мной. Лидия и Роза, по-видимому, были так захвачены ее драмой, что непроизвольно повторяли ее гримасы.

– Ради всего святого, сделай что-нибудь! – воскликнула Роза умоляюще.

Я испытал невыносимую тревогу. Хосефина поднялась и вдруг, неистово вцепившись в меня, рванула прочь от стола. В этот момент Лидия и Роза с удивительным проворством и скоростью обеими руками схватили меня за плечи, одновременно делая мне подсечку. Вес тела Хосефины, повисшей на мне, плюс быстрота маневра Лидии и Розы заставили меня потерять равновесие. Все они двигались одновременно и прежде чем я понял, что произошло, повалили меня на пол так, что Хосефина оказалась сверху. Я чувствовал ее сердцебиение. Она прижалась ко мне с такой силой, что стук ее сердца отдавался у меня в ушах. Я ощущал его биение буквально в собственной груди и попытался оттолкнуть ее, но она держалась крепко. Лидия и Роза придавили к полу мои руки и ноги, навалившись всей тяжестью своих тел. Роза хихикнула, как ненормальная и стала покусывать мой бок. Ее маленькие острые зубы лязгали, ее рот кусал, открываясь и закрываясь в нервных спазмах.

Я чувствовал смесь боли, физического отвращения и ужаса. Я задыхался. Мои глаза вышли из фокуса. Я знал, что на этот раз мне конец. Внезапно я вновь «услышал» сухой треск в основании шеи, и знакомое щекочущее чувство, появившееся на макушке головы, дрожью пробежало по всему телу.

В следующее мгновение я увидел всю сцену с другой стороны кухни. Девушки, лежа на полу, пристально смотрели на меня.

– Вы что делаете, люди? – сказал кто-то громко и властно.

Тут у меня появилось невероятное ощущение. Я чувствовал, что Хосефина отпустила меня и встала. Я лежал на полу, и в то же время стоял на некотором расстоянии от них, глядя на только что переступившую порог незнакомую женщину. Она пошла по направлению ко мне и остановилась в шести-семи футах. Я мгновенно понял, что это и есть Ла Горда. Она хотела знать, что здесь происходит.

– Мы только что сыграли с ним небольшую шутку, – вдруг сказала Хосефина, прочищая горло. – Я изображала из себя немую.

Трое девушек прижались друг к другу и начали смеяться. Ла Горда бесстрастно смотрела на меня.

Они разыгрывали меня! Моя глупость и доверчивость показались мне настолько непростительными, что у меня начался приступ истерического смеха. Мое тело задрожало.

Я знал, что Хосефина не просто шутила, как она заявила только что. Они явно преследовали какую-то цель. Я физически ощущал тело Хосефины как какую-то силу, стремившуюся проникнуть внутрь моего тела.

То, что Роза покусывала мой бок, было явной уловкой для отвлечения моего внимания – это совпало с ощущением, что сердце Хосефины начинает биться у меня в груди.

Я слышал, как Ла Горда убеждает меня успокоиться.

В средней части тела я почувствовал какую-то нервную вибрацию, а потом нахлынула волна спокойного холодного гнева. Я ненавидел их. С меня было достаточно. Я собирался подобрать куртку и блокнот и уйти из дома, хотя еще не полностью пришел в себя. Мне было немного дурно, чувства были расстроены. У меня сохранилось ощущение, что когда я впервые взглянул на девушек через кухню, я на самом деле смотрел на них с высоты, большей уровня моих глаз, откуда-то из-под крыши.

Но еще больше сбивало с толку то, что я теперь точно знал, что щекочущее ощущение на макушке головы и было тем, что вырвало меня из объятий Хосефины. Это было не так, как если бы что-то вышло из моей макушки, – что-то действительно вышло оттуда.

Несколько лет назад дон Хуан и дон Хенаро манипулировали моим восприятием и у меня появилось невероятное двойственное

ощущение: я чувствовал, что дон Хуан навалился на меня и прижимает к земле, и одновременно ощущал, что продолжаю стоять. Я был как будто в двух местах сразу. На языке магов я мог бы сказать, что мое тело сохранило память об этом двойственном восприятии и, по-видимому, воспроизвело его. Однако на этот раз к моей телесной памяти добавились два новых аспекта. Одним из них было щекочущее чувство, которое я начал осознавать во время моих столкновений с этими женщинами. Именно оно и было причиной появления этого двойного восприятия. Вторым – звук в основании шеи, высвобождавший во мне нечто, способное выходить из макушки моей головы.

Спустя несколько минут я ясно почувствовал, что спускаюсь из-под потолка, пока не оказался стоящим на полу. Потребовалось некоторое время, чтобы вернуть глазам нормальный уровень видения. Когда я посмотрел на четырех женщин, я почувствовал себя незащищенным и ранимым. Неожиданно возникло чувство раздвоенности и потери непрерывности восприятия. Было такое впечатление, словно я закрыл глаза и какая-то сила заставила меня обернуться пару раз вокруг своей оси. Когда я открыл глаза, девушки стояли и изумленно смотрели на меня. Каким-то образом я снова был самым собой.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава третья **ЛА ГОРДА**

Прежде всего в облике Ла Горды привлекали внимание глаза – очень темные и спокойные. Она, видимо, изучала меня с головы до пят. Ее глаза прошлись по моему телу так, как это обычно делал дон Хуан. Они имели то же спокойствие и силу. Я понял, почему она самая лучшая. Мне пришла в голову мысль, что дон Хуан, должно быть, оставил ей свои глаза.

Она была чуть выше остальных девушек. Когда она повернулась к ним, я отметил ее худощавое смуглое тело великолепную спину и изящные линии ее широких плеч.

Она что-то сказала повелительным тоном, и все трое сели на скамейку прямо за ней. Заслонив их своим телом, она снова повернулась лицом ко мне.

Она была очень серьезна, но без капли мрачности или суровости. Хотя она не улыбалась, но явно была дружественной. Я отметил ее приятные черты: лицо хорошей формы, не угловатое и не круглое, маленький рот с гонкими губами, широкий нос, широкие скулы и блестящие черные волосы.

Я не мог не отметить ее прекрасные мускулистые руки, сцепленные перед собой над серединой живота. Тыльной стороной руки были повернуты ко мне. Я видел, как мускулы ритмично сокращались, когда она сжимала свои ладони.

Она была одета в длинное хлопчатобумажное вылинявшее платье оранжевого цвета с длинными рукавами и коричневую шаль. В ней было что-то ужасно успокаивающее и завершающее. Я ощутил присутствие дон Хуана. Мое тело расслабилось.

– Садись, садись. – Убеждающе сказала она.

Я вернулся к столу. Она показала мне куда сесть, но я остался стоять. Она впервые улыбнулась и ее глаза стали мягкими и сияющими. Она была не так хороша, как Хосефина, и все же была прекрасней всех.

Мы немного помолчали. Затем она объяснила мне, что с тех пор как ушел Нагваль, они делали лучшее, на что были способны и что

благодаря своей самоотверженности они свыклись с поставленной доном Хуаном задачей.

Я не вполне понимал смысл ее слов, но когда она заговорила, я более чем когда-либо ощутил присутствие дона Хуана. Это не означало, что она копирует манеры дона Хуана или подражает его голосу. Просто она обладала внутренним контролем, благодаря которому действовала так же как дон Хуан. Их сходство было чисто внутренним.

Я сказал ей, что приехал сюда в надежде на помощь Паблито и Нестора, потому что я то ли слишком медлителен, то ли просто глуп в понимании путей магов. Я был искренним, но все обходились со мной почему-то злобно и вероломно.

Она начала оправдываться, но я не дал ей закончить. Взяв свои вещи, я вышел из дома. Она побежала за мной. Не мешая мне собираться, она быстро говорила, как будто должна была до моего отъезда успеть сказать все, что хотела.

Она сказала, что я должен выслушать ее и что она вынуждена ехать со мной до тех пор, пока не передаст все, что Нагваль поручил ей сообщить мне.

– Я еду в Мехико, – сказал я.

– Если будет нужно, я поеду с тобой и в Лос-Анжелес, – ответила она.

Я понял, что это правда.

– Прекрасно, – сказал я, испытывая ее. – Садись в машину. После секундного колебания она молча остановилась и повернулась лицом к дому. Хлопком сведя ладони, она прижала их к низу живота. Затем повернувшись лицом к долине, она проделала то же самое.

Я знал, что она делает. Она прощалась со своим домом и окружающими его величественными круглыми холмами.

Несколько лет назад дон Хуан научил меня этому прощальному жесту. Он подчеркивал, что это очень мощный жест и воин должен использовать его экономно. Я воспользовался им всего дважды. Прощальное движение Ла Горды несколько отличалось от того, которому учил меня дон Хуан. Он говорил, что руки складывают как при молитве, либо осторожно, либо с большой скоростью, в каждом случае схлопывая ладони. В обоих вариантах хлопок должен был уловить ощущение, которое воин не хотел забыть. Когда сложенные руки захватили это ощущение, их с большой

силой направляли к груди на уровне сердца. Там это движение становилось «кинжалом» и воин вонзал его в себя, как бы держа обеими руками.

Дон Хуан говорил мне, что воин так прощается лишь в том случае, когда у него есть основания считать, что он может не вернуться назад.

Прощание Ла Горды захватило меня.

– Ты прощаешься? – спросил я из любопытства.

– Да, – сухо ответила она.

– Ты не прикладываешь руки к груди?

– Это делают мужчины. У женщин есть матка. Они накапливают ощущения там.

– Ты учишься, что так прощаются только тогда, когда знают, что могут не вернуться назад?

– Может, я и не вернусь, – ответила она. – Но все равно я еду с тобой.

Я почувствовал прилив непонятной печали, непонятной потому, что я совсем не знал этой женщины. На ее счет у меня было множество сомнений и подозрений. Но, посмотрев в ее чистые глаза, я почувствовал свою родственную близость с ней. Я смягчился. Мой гнев исчез и уступил место странной печали. Оглядевшись я понял, что эти огромные круглые таинственные холмы разрывают меня на части.

– Эти холмы – живые, – сказала она, прочитав мои мысли.

Повернувшись к ней я сказал, что и местность, и женщины повлияли на меня на каком-то очень глубоком уровне, – уровне, которого я в обычных условиях не достигал. Я даже не мог сказать, что действовало более опустошительно – местность или женщины. Атаки женщин были прямыми и ужасающими, но эти холмы вызывали постоянное, неотступное опасение, желание спастись от них бегством. Когда я рассказал об этом Ла Горде, она отметила, что я очень точно определил эффект этого места, и что Нагваль оставил их здесь именно поэтому. Я никого не должен винить в случившемся, так как сам Нагваль приказал этим женщинам попытаться уничтожить меня.

– И тебе тоже он отдал подобный приказ? – спросил я.

– Нет. Я отличаюсь от них, – сказала она. – Они – сестры. Они – одно и то же, в точности одно и то же. Так же как Паблито, Нестор и Бениньо – одно и то же. Только ты и я можем быть одним и тем

же. Сейчас это не так, потому что ты еще не полный. Но однажды мы станем одним и тем же, в точности одним и тем же.

– Мне сказали, что ты – единственная, кто знает, где Нагваль и Хенаро сейчас, – сказал я.

Внимательно посмотрев на меня, она утвердительно кивнула.

– Это верно, – сказала она. – Я знаю, где они. Нагваль велел мне взять тебя туда, если я смогу.

Я предложил ей не ходить вокруг да около, а немедленно открыть мне их точное местонахождение. Казалось, мое требование ошеломило ее. Извинившись, она заверила меня, что расскажет все позже, в дороге. Она умоляла не расспрашивать о них, так как получила строгие указания ничего не говорить до наступления подходящего момента.

Лидия и Хосефина подошли к двери и уставились на меня. Я поспешно забрался в машину. Когда Ла Горда садилась следом, было похоже, что она входила в пещеру. Она словно заползала в нее. Дон Хуан обычно поступал так же. Однажды я сказал ему, что разумнее было бы делать это так, как делаю я. Я полагал, что этот странный способ садиться связан с его отношением к автомобилю. Он объяснил мне, что машина является пещерой и что в пещеры следует входить именно так, если мы намерены пользоваться ими. Пещерам, естественным или искусственным, присущ особый дух и к этому духу следует приближаться с почтением. Вползание – единственный способ показать это почтение.

Я колебался, можно ли спросить Ла Горду о том, не дон Хуан ли рассказал ей о таких деталях, но она заговорила первой. Она сказала, что Нагваль дал ей специальные инструкции на случай, если я останусь в живых после атаки доньи Соледад и трех девушек. Затем она вскользь заметила, что перед поездкой в Мехико мы должны побывать в одном особом месте в горах, куда обычно ходили дон Хуан и дон Хенаро. Там она и сообщит мне информацию, которую Нагваль никогда прежде мне не открывал. Мгновение я колебался, а затем что-то во мне, не имевшее отношения к разуму, заставило меня согласиться поехать в горы. Мы ехали в полном молчании. Я несколько раз пытался завязать разговор, но она каждый раз останавливала меня энергичным жестом. Наконец она устала от моих попыток и с нажимом сказала: то, что она должна сообщить, будет сказано только на месте силы и мы, пока не доедем туда, должны воздерживаться от

опустошающих бесполезных разговоров.

После долгой езды и утомительной ходьбы в сторону от дороги мы, наконец, достигли места силы. Было уже далеко за полдень. Мы очутились в глубоком каньоне. На дне его было уже темно, хотя солнце еще освещало вершины гор над ним. Мы подошли к неглубокой пещере, которая находилась на северной стороне пролежавшего с востока на запад каньона. Я хорошо знал это место. Обычно мы с доном Хуаном проводили здесь много времени.

Перед тем, как войти в пещеру, Ла Горда тщательно подмела пол ветками, как это обычно делал и дон Хуан, очищая камни от клещей. Затем она нарезала большую охапку веточек с мягкими листьями с окружающих кустов и разложила их на каменном полу в качестве подстилки.

Она жестом пригласила меня войти. Из уважения я всегда пропускал вперед дону Хуана. То же я хотел сделать и по отношению к ней, но она отклонила мое предложение, сказав, что Нагваль – я. Я вполз в пещеру так же, как она вползала в машину и засмеялся над своей непоследовательностью. Мне казалось нелепым обращаться с машиной как с пещерой.

Она предложила мне расслабиться и устроиться поудобнее.

– Причина, по которой Нагваль не мог раскрыть тебе все свои секреты, заключается в том, что ты не полный, – внезапно сказала она. – И ты все еще остаешься таким, но сейчас, после схваток с доньей Соледад и сестричками ты стал гораздо сильнее.

– Что значит быть неполным? Все говорят, что только ты можешь объяснить это, – сказал я.

– Это очень просто, – ответила она. – Полный человек – это тот, кто никогда не имел детей.

Она сделала паузу, как бы давая мне время записать сказанное. Я поднял глаза от своих заметок. Она внимательно смотрела на меня, оценивая эффект от своих слов.

– Я знаю, что Нагваль говорил тебе то же, что говорю я, – продолжала она, – но ты не обратил внимания на его слова, как, думаю, не обратишь и теперь.

Я вслух прочел то, что записал, и повторил сказанное. Она хихикнула.

– Нагваль сказал, что неполный человек – это человек, у которого есть дети, – раздельно, словно диктуя, сказала она.

Она внимательно посмотрела на меня, ожидая вопроса или замечания. Я молчал.

– Теперь я рассказала тебе все о том, что значит быть полным и неполным, – продолжила она. – И я рассказала тебе это точно так же, как мне – Нагваль. Это не имело никакого значения для меня тогда, как не имеет никакого значения для тебя сейчас.

Я невольно рассмеялся над тем, как она копирует дона Хуана.

– У неполного человека дыра в животе. Маг может *видеть* эту дыру так же ясно, как ты видишь мою голову. Когда дыра находится с левой стороны живота, то ребенок, который произвел эту дыру, имеет тот же пол. Если же она находится справа, то ребенок противоположного пола. Дыра слева – черная, справа – бурая.

– Ты можешь «видеть» эту дыру у имеющих детей?

– Конечно. Есть два способа *видеть* ее. Маг может *видеть* или в *сновидении*, или непосредственно глядя на человека. Маг, который *видит*, смотрит на светящееся существо и без всякого труда определяет, есть ли дыра в светимости тела. Но даже если маг не знает, как это делать, он может посмотреть и различить темноту дыры через одежду.

Она остановилась. Я уговаривал ее продолжать.

– Нагваль говорил мне, что ты записываешь, но потом не помнишь того, что записал, – сказала она обвиняющим тоном.

Я запутался в словах, пытаюсь оправдаться. Но я знал, что сказанное ею было правдой. Слова дона Хуана всегда оказывали двойное воздействие: одно – когда я слушал что-то впервые, и другое – когда я читал дома то, что записал, а потом забыл.

Однако разговор с Ла Гордой был принципиально иным. У учеников дона Хуана не было бесконечной глубины его знания. Их откровения, хотя и необычные, были лишены чего-то существенного и оставались лишь составными частями головоломки. Из-за необычного характера этих фрагментов картина не становилась более ясной, но только сильнее запутывалась.

– У тебя была бурая дыра с правой стороны живота, – продолжала она. – Это значит, что тебя опустошила женщина. У тебя есть ребенок женского пола.

– Ты сказала, «была дыра». У меня ее больше нет?

– Нет. Она была залатана. Нагваль помог тебе залатать ее. Без его

помощи ты был бы сейчас еще более пустым.

– Что это за заплата?

– Латка в твоей светимости. Я не знаю, как еще объяснить это.

Нагваль сказал, что маг его уровня может в любой момент заполнить эту дыру. Но это заполнение – только латка без светимости. Любой, кто *видит*, или *сновидящий* может сказать, что это выглядит как заплата свинцового цвета на желтой светимости остального тела.

Нагваль залатал тебя, меня и Соледад. Но он предоставил нам самим восстановить свою светимость.

– Как он залатал нас?

– Он – маг. Он что-то вложил в наши тела. Он изменил нас. Мы больше не такие, как прежде. Заплата – это то, что он вложил туда.

– Как он вложил это туда, и что это такое?

– Его собственная светимость. Он сделал это своей рукой. Он просто проник в наши тела и оставил там свои волокна. Он сделал это со всеми своими шестью детьми и с Соледад. Все мы – одно и то же, кроме Соледад. Она совсем другая.

Ла Горда, казалось, не хотела продолжать. Она заколебалась и начала запинаться.

– Что представляет собой донья Соледад? – настаивал я.

– Это очень трудно объяснить, – сказала она после длительных уговоров. – Она такая как и я, и все-таки другая. Она имеет ту же светимость и все же она не с нами. Она идет в противоположном направлении. Сейчас она больше всего похожа на тебя. Вы оба имеете заплаты, напоминающие свинец. Моя заплата исчезла и я снова – полное светящееся яйцо. Поэтому я и сказала, что ты и я будем совершенно одинаковыми в тот день, когда ты снова станешь полным. Нас делает в данный момент почти одинаковыми светимость Нагваля, одинаковое направление и еще то, что мы оба были пустыми.

– Как выглядит полный человек для мага? – спросил я.

– Как светящееся яйцо, состоящее из волокон, – ответила она. – Все волокна – целые. Тогда они выглядят как струны, туго натянутые струны.

У пустого человека на краях дыры волокна оборваны. Если у него много детей, его волокна вообще не похожи на волокна. Эти люди выглядят как два разделенных чернотой куса светимости. Это ужасное зрелище. Нагваль заставлял меня *видеть* таких людей,

когда мы с ним были в городском парке.

– Как ты думаешь, почему Нагваль никогда не говорил мне об этом?

– Он говорил, но ты никогда не понимал его правильно. Как только он видел, что ты неверно истолковываешь его слова, он менял тему. Твоя пустота препятствует пониманию. Нагваль сказал, что для тебя это совершенно естественно – не понимать, ведь когда человек становится неполным, он действительно опустошается, как тыква-горлянка, из которой вытряхнули содержимое. Ты не обращал внимания на частые напоминания дона Хуана о том, что ты – пустой. Ты никогда не понимал, что он имеет в виду, или, что еще хуже, – не хотел понимать.

Ла Горда ступила на опасную почву. Я попытался отвлечь ее другими вопросами, но она отклонила их.

– Ты любишь маленького мальчика и не хочешь понять, что Нагваль имеет в виду, – сказала она обвиняюще. – Нагваль сказал, что у тебя есть дочь, которую ты никогда не видел, и что ты любишь того маленького мальчика. Одна взяла твое острое, другой – захватил тебя. Ты соединил их вместе.

Мне пришлось прекратить записывать. Я вылез из пещеры, встал и начал спускаться по крутому склону на дно лощины. Ла Горда следовала за мной. Она спросила меня, не расстроился ли я из-за ее прямоты. Мне не хотелось лгать.

– А как ты думаешь?

– Ты прямо кипишь! – воскликнула она и захихикала с такой знакомой мне непринужденностью дона Хуана и дона Хенаро. Видимо, она едва не потеряла равновесие и схватилась за мою левую руку. Чтобы помочь ей спуститься на дно лощины, я поднял ее за талию. Я отметил, что она весит не более ста фунтов. Поджав губы, как это обычно делал дон Хуан, она сказала, что весит сто пятнадцать фунтов. Мы одновременно рассмеялись. Это был момент прямого непосредственного общения.

– Почему ты все время пристаешь ко мне с этими разговорами? – спросила она.

Я рассказал ей, что когда-то был маленький мальчик, которого я безмерно любил. Мне казалось что я просто обязан поговорить о нем. Какая-то чрезвычайная необходимость выше моего понимания заставляла меня открыться этой совершенно чужой женщине.

Когда я начал рассказывать о мальчике, меня охватила волна ностальгии; то ли место так повлияло на меня, то ли ситуация, а может, время дня. Для меня как-то слились воедино память о мальчике с памятью о доне Хуане. Впервые за то время, что я не видел его, мне его смертельно не хватало. Лидия говорила, что они не тосковали о нем, так как он всегда был с ними. Он был их телом и духом. В это мгновение я знал, что она имела в виду. То же чувствовал и я сам. Однако в этой лощине меня охватило неведомое мне прежде ощущение. Я сказал Ла Горде, что до сих пор ни разу не испытывал такой необходимости в доне Хуане. Она не ответила. Она смотрела вдаль.

По-видимому, ощущение тоски по этим двум людям было обусловлено тем катарсисом, которым стала в моей жизни встреча с каждым из них. И оба ушли. Я не осознавал до сих пор, насколько окончательным было это расставание. Я сказал Ла Горде, что этот мальчик был для меня больше чем другом, и в один день его отняли у меня силы, которые я не мог контролировать. Это было, пожалуй, самым сильным ударом который я когда-либо получал. Я поехал к дону Хуану просить о помощи. Это был единственный случай, когда я просил его помочь мне. Он выслушал мою просьбу, а затем разразился громким хохотом. Его реакция была столь неожиданной, что я не мог даже разгневаться. Я смог только сделать критическое замечание о том, что казалось мне бесчувственностью.

– Какого действия ты ждешь от меня? – спросил он.

Я сказал, что он как маг, по-видимому, может помочь мне вернуть моего маленького друга ради моего утешения.

– Ты не прав. Воин ничего не ищет для утешения, – сказал он тоном, не допускающим возражений.

Затем он занялся разгромом моих аргументов. Он сказал, что воин в любом варианте ничего не должен отдавать на волю случая.

Воин действительно влияет на результаты событий силой своего осознания и своего несгибаемого намерения. Он сказал, что если бы у меня было несгибаемое намерение помогать этому ребенку и защищать его, я бы принял меры, предусматривающие его пребывание со мной. Но в своем нынешнем виде моя любовь является всего лишь пустым звуком, бесполезной вспышкой пустого человека. Затем он сказал что-то о пустоте и полноте, но я не хотел слушать его. У меня было только чувство утраты. И я был

уверен, что пустота, о которой он говорил, относилась именно к этому чувству.

– Ты любил его, ты чтил его дух, ты желал ему блага, а теперь ты должен забыть его, – сказал он.

Но я был не в состоянии поступить так. В моих эмоциях оставалось что-то ужасно живое, несмотря на время, смягчающее их. Некоторое время мне казалось, что я забыл, но затем одно ночное происшествие произвело во мне глубочайший эмоциональный переворот. Я шел к себе в офис, как вдруг меня окликнула молодая мексиканка. Она сидела на скамье в ожидании автобуса и спросила, не идет ли этот автобус мимо детской больницы. Я не знал. Она объяснила, что у ее малыша давно высокая температура и она очень беспокоится, так как у нее нет денег на лечение. Я подошел к скамейке и увидел стоявшего чуть поодаль маленького мальчика, который прислонился головой к спинке скамейки. Он был одет в курточку, короткие штанишки и шапочку. Увидев меня, он подошел к краю скамейки и прижался головой к моей руке.

– У меня головка болит, – сказал он мне тихо по-испански.

У него был такой тоненький голос и такие печальные глаза, что меня охватила волна бесконечной жалости. Я взял его на руки и отвез его и его мать в ближайшую больницу. Я оставил их там и дал матери достаточно денег, чтобы оплатить счет. Но мне не хотелось ни оставаться, ни узнавать что-либо о них. Мне хотелось верить, что я чем-то помог ему, и сделав это, я «отплатил человеческому духу». Я научился этому магическому акту у донна Хуана. Однажды я, потрясенный внезапным осознанием, что никогда не смогу отплатить ему за все, что он сделал для меня, спросил его: «Есть ли что-нибудь такое, что я мог бы сделать для тебя, чтобы сравнять счет?» Мы как раз выходили из банка после размена мексиканской валюты.

– Я не нуждаюсь в том, чтобы мне платили, – сказал он, – но если тебе так хочется отплатить, сделай свой вклад в человеческий дух. Это может быть очень немного, но сколько бы ты ни вложил, этого всегда будет более чем достаточно.

Помогая этому ребенку, я попытался отплатить человеческому духу за любую помощь, какую мой маленький мальчик сможет получить от других людей на своем пути.

Я говорил Ла Горде, что моя любовь к нему будет жива всю мою

жизнь, пусть даже я никогда не увижу его больше. Мне хотелось объяснить ей, что память о нем коренится так глубоко, что ничто не может коснуться ее, но почему-то я промолчал. Становилось темно, а мне хотелось успеть выбраться из этой лощины.

– Давай-ка лучше уедем, – сказал я. – Я отвезу тебя домой. Может, когда-нибудь мы сможем обсудить все это.

Она засмеялась надо мной так, как обычно смеялся дон Хуан, хотя я, кажется, не сказал ничего смешного.

– Почему ты смеешься, Ла Горда? – спросил я.

– Ты прекрасно знаешь, что мы не можем уйти отсюда просто так, – сказала она. – У тебя здесь назначено свидание с силой. Да и у меня тоже.

Она вернулась к пещере и вползла в нее.

– Заходи, – сказала она изнутри. Все равно у тебя нет возможности сейчас покинуть это место.

Моя реакция была совершенно непоследовательной. Я вполз в пещеру и сел рядом с ней. Было ясно, что это опять какая-то уловка, но мне вовсе не хотелось вступать с ней в конфронтацию именно здесь. Мне следовало бы впасть в ярость, но вместо этого мной овладело безразличие. Я не мог лгать самому себе, что просто остановился здесь по пути в Мехико. Что-то свыше моего понимания заставило меня приехать сюда.

Ла Горда вручила мне мой блокнот и предложила записывать. Она сказала, что если я буду писать, то не только сам расслаблюсь, но и успокою ее.

– Что это за свидание с силой? – спросил я.

– Нагваль сказал мне, что мы с тобой должны встретиться с чем-то из этих мест. Сначала у тебя была встреча с Соледад, затем с сестричками. Их целью было уничтожить тебя. Но Нагваль сказал мне, что если после их нападений ты останешься в живых, я должна буду взять тебя сюда, чтобы мы вместе оставались здесь для третьей встречи.

– Что это за встреча?

– Я на самом деле не знаю этого. Как и все остальное, это зависит от нас. Как раз теперь что-то ожидает тебя в этих местах. Я утверждаю, что оно ждет именно тебя, так как я приходила сюда одна много раз, и ничего не случалось. Но сегодня вечером все иначе. Ты здесь и эта штука придет.

– Но почему Нагваль пытается уничтожить меня?

– Да не пытается он никого уничтожать! – протестующе воскликнула Ла Горда. – Ты – его дитя. А теперь он хочет, чтобы ты был им самим. В большей степени, чем любой из нас. Но чтобы быть им самим, настоящим Нагвалем, ты должен проявить свою силу. Иначе он не готовил бы так тщательно нападение на тебя Соледад и сестричек. Он научил Соледад, как изменить свою внешность и стать молодой. Он заставил ее сделать этот дьявольский пол в ее комнате, пол, против которого не смог бы устоять никто. Видишь ли, Соледад пустая, так что Нагваль вдохновил ее сделать нечто грандиозное. Он дал ей самое опасное и трудное задание, уникальное, предназначенное только для нее, и это задание было – прикончить тебя. Он объяснил ей, что нет ничего труднее, чем одному магу убить другого. Обычному человеку нетрудно убить мага, как и магу – обычного человека, но в случае с двумя магами ситуация необозримо трудна. Нагваль сказал, что лучше всего было бы застать тебя врасплох и напугать. Это она сделала. Еще Нагваль подучил ее стать привлекательной и заманить тебя в свою комнату, а уж там ее пол околдовал бы тебя, потому что никто, решительно никто не смог бы противостоять этому полу. Это был шедевр Нагваля и Соледад. Но ты что-то сделал с ее полом! После этого Соледад пришлось изменить тактику, и опять же в соответствии с инструкциями Нагваля. Он сказал ей, что если вдруг что-то не удастся, то она должна говорить с тобой и рассказать тебе все, что бы ты ни захотел узнать. И Нагваль в качестве последнего ресурса научил ее очень хорошо разговаривать. Но и в этом Соледад не смогла тебя пересилить.

– Почему так важно было одолеть меня?

Она сделала паузу и внимательно посмотрела на меня. Потом она прочистила горло и села прямо. Взглянув на низкий потолок, она с шумом выдохнула через нос.

– Соледад – женщина, подобная мне самой. Я расскажу тебе немного о своей жизни, и тогда, может быть, ты лучше поймешь Соледад.

Когда-то у меня был мужчина. Я забеременела от него, когда была еще очень молодой, и у меня появились одна за другой две дочери. Этот человек был пьяницей и бил меня днем и ночью. Моя жизнь была адом. Я ненавидела его, а он – меня. Я стала жирной, как свинья. Как-то раз мимо проходил другой мужчина; он сказал, что

я понравилась ему, и он хочет, чтобы я поехала с ним в другой город в качестве платной служанки. Он знал, что я была очень трудолюбивой, и собирался просто использовать меня. Но моя жизнь была настолько убогой, что я попалась на эту удочку и пошла с ним. Он был еще хуже первого – подлый и мерзкий. Через неделю или около того он уже ненавидел меня. Он привык избивать меня так, что ты и представить не смог бы. Я думаю, что он мог бы убить меня, не будучи даже пьяным, только за то, что я не нашла работу. Он послал меня нищенствовать с больным ребенком. Из денег, что я приносила, он что-то платил матери ребенка, а потом бил меня за то, что я мало принесла. Ребенок все слабел и я знала, что когда он умрет, этот тип убьет меня. Поэтому однажды я пришла, к матери этого малыша, дала ей немного денег и вернула ей ее ребенка. Тот день был удачным: маленький сын заграничной леди дал мне пятьдесят песо на покупку лекарства для ребенка.

Я прожила с этим ужасным человеком три месяца, хотя мне показалось – двадцать лет. Все деньги были потрачены на возвращение домой. Я снова была беременна. Тот мужчина хотел завести своего ребенка, чтобы не платить за чужого.

Вернувшись, я пыталась увидеть своих детей, но их забрала семья отца. Его родственники собрались под предлогом разговора со мной, но на самом деле они отвели меня на пустырь, избili камнями и палками, и оставили умирать.

Ла Горда показала мне множество шрамов на голове. – До сих пор не знаю, как мне удалось вернуться в город. Я потеряла ребенка, которого вынашивала. У меня никого не оставалось, кроме тетки. Мои родители уже умерли. Тетка дала мне кров и позаботилась обо мне. Она выхаживала меня два месяца и я наконец встала на ноги.

Однажды тетка сказала мне, что тот мужчина приехал в город и разыскивает меня. Он обратился в полицию и сказал, что уплатил мне деньги вперед и что я сбежала, украв деньги, после того, как убила ребенка одной женщины. Я знала, что мне пришел конец. Но удача вернулась ко мне, и я убежала на грузовике одного американца. Я увидела грузовик на дороге и в отчаянии подняла руку. Шофер остановился и разрешил мне сесть. Он привез меня в этот район Мексики и высадил в городе. Я никого здесь не знала. Я скиталась по этой местности как бешеная собака, питаюсь

отбросами на улицах. И тут судьба опять повернулась ко мне лицом.

Я встретила Паблито и перед ним я в неоплатном долгу. Он взял меня в свою плотницкую мастерскую и выделил мне там угол для постели. Он сделал это из жалости ко мне. Мы встретились на базаре, когда он споткнулся и упал на меня. Я сидела там, выпрашивая милостыню. Бабочка или пчела, не знаю что, налетела на него и попала ему в глаз. Он развернулся на пятках, споткнулся и полетел на меня. Я думала, что он разозлится и ударит меня, но вместо этого он дал немного денег. Я спросила, не сможет ли он дать мне работу. Он взял меня в свою мастерскую, дал утюг и гладильную доску, чтобы я могла зарабатывать стиркой.

Мне жилось очень хорошо, не считая того, что я еще больше растолстела, потому что большинство людей, которых я обстирывала, кормили меня объедками. Иногда я ела по шестнадцать раз в день. Я постоянно что-то ела. Уличные дети смеялись надо мной, дразнили и крались следом, пока кто-нибудь из них не толкал меня и я не падала. Они доводили меня до слез своими жестокими шутками, особенно когда пачкали мне белье. Однажды поздно вечером какой-то странный старик пришел к Паблито. Я не думала, что Паблито может быть связан с таким жутким человеком. Повернувшись к нему спиной, я продолжала работать. Никого больше не было. Внезапно я почувствовала на шее ладони этого человека. Мое сердце замерло. Я не могла крикнуть, не могла даже дышать. Я упала, а этот ужасный старик держал мою голову около часа. Потом он ушел. Я была так напугана, что оставалась на полу до утра. Паблито нашел меня там; засмеявшись, он сказал, что я должна гордиться, так как этот старик – могучий маг и что он – один из учителей Паблито. Я была огорошена и не могла поверить, что Паблито – маг. Он объяснил мне, что его учитель увидел совершенный круг бабочек, летающих над моей головой. Он видел также мою смерть, кружившуюся вокруг меня. Именно поэтому он действовал с быстротой молнии, меняя направление моих глаз. Паблито сказал, что Нагваль возложил руки на меня и проник в мое тело и что скоро я буду другой. Я не понимала, о чем он говорит. Точно так же я не понимала и того, что же сделал этот безумный старик. Для меня это не имело никакого значения. Я была похожа на собаку, которую все пинали. Паблито единственный, кто был

дружественным ко мне тогда. Сначала я думала, что он хочет, чтобы я стала его женщиной. Но я была слишком безобразная, толстая и вонючая. Поэтому он действительно был просто добр ко мне.

На следующую ночь тот старик пришел снова и опять схватил меня за шею. Он причинил мне ужасную боль. Я не понимала, что он делает. Он не произносил ни слова. Я смертельно боялась его. Позже он стал разговаривать со мной, объясняя, что делать с моей жизнью. Мне нравилось то, что он говорил. Он постоянно водил меня с собой, но моя пустота была страшным врагом. Я никак не могла принять его путей, и когда ему надоело возиться со мной, он наслал на меня ветер. Я была позади дома Соледад в тот день, когда почувствовала усиливающийся ветер. Он дул через забор и задувал мне глаза. Я хотела спрятаться в доме, но мое тело было напугано, и вместо того, чтобы войти в дверь, вышла через ворота в ограде. Ветер толкал меня и заставлял кружиться. Я пыталась вернуться, но это было невозможно, так как я не могла одолеть силу ветра. Он гнал меня в сторону от дороги, пока я не упала в глубокую яму, похожую на могилу. Ветер держал меня там много дней, пока я не решила измениться, принять судьбу без сожалений. Когда ветер стих, Нагваль нашел меня и привел обратно. Он сказал мне, что моей задачей будет теперь отдавать то, чего я не имела – любовь и внимание и что я должна заботиться о сестрах – Лидии и Хосефине лучше, чем они сами о себе заботились. Только тогда я поняла то, что Нагваль говорил мне столько лет. Моя жизнь давно окончилась. Он дал мне новую жизнь. Я не должна была вносить в нее свои старые уродливые пути. В ту первую ночь, когда он нашел меня, на меня указали бабочки. Я не должна была восставать против своей судьбы.

Я начала меняться, заботясь о Лидии и Хосефине больше, чем о самой себе. Выполняя все указания Нагваля, однажды ночью, в этой долине и в этой пещере я обрела свою полноту. Я заснула прямо на этом месте, а потом меня разбудил шум. Подняв глаза, я увидела себя прежней – стройной, цветущей, юной. Это был мой дух, возвращавшийся ко мне. Сначала он не хотел приближаться, ведь я была такой страшной. Но он не смог противиться и подошел ко мне. И внезапно я поняла то, что Нагваль объяснял мне многие годы. Он говорил, что если человек имеет ребенка, то этот ребенок забирает острие его духа. Для женщины – иметь девочку означает

конец острия. Иметь двух, как я, означает конец меня Лучшие мои силы и иллюзии ушли к девочкам. Они похитили мое острие, как сказал Нагваль, так же, как я похитила его у своих родителей. Такова наша судьба. Мальчик похищает большую часть острия у отца, а девочка – у матери. Нагваль сказал, что люди, имеющие детей, могли бы сказать о себе (если бы они не были такими упрямыми), что в них чего-то не хватает. Ушли некоторая помешанность, некоторая нервозность, некоторая сила, бывшие раньше. У них всегда это было, но где это теперь? Нагваль сказал, что оно в маленьком ребенке, играющем возле дома, полном энергии, полном иллюзий. Другими словами, – просто полным. Нагваль сказал, что если бы мы понаблюдали за детьми, то могли бы сказать о них, что они дерзновенные, отважные и вечно скачут. Если же мы понаблюдаем за родителями, то увидим, что они осторожные, пугливые, и больше не прыгают. Нагваль сказал, что мы объясняем это тем, что они взрослые и имеют обязанности. Но это неправда. Дело лишь в том, что они потеряли острие.

Я спросил Ла Горду, что ответил бы Нагваль, если бы я сказал ему, что знаю сколько угодно родителей, у которых гораздо больше и духа и острия, чем у их детей.

Она с наигранным смущением закрыла лицо руками и захихикала. – Можешь спросить у меня, – сказала она. – Хочешь услышать мое мнение?

– Конечно, хочу.

– У этих людей больше решимости, а не духа, и они, постоянно запугивая своих детей, приучили их к послушанию и смирению. Тогда я рассказал ей об одном человеке, отце четверых детей, который в пятьдесят три года полностью изменил свою жизнь. Он оставил свою жену и административную службу в большой корпорации – и это после двадцати пяти лет кропотливого продвижения по служебной лестнице и укрепления семьи. Он решительно бросил все и отправился жить на остров в Тихом океане.

– Ты хочешь сказать, что он отправился туда жить один? – удивленно спросила Ла Горда.

Она разрушила мой аргумент. Я вынужден был признать, что он отправился туда со своей двадцатипятилетней невестой.

– Которая, несомненно, была полной, – заметила Ла Горда.

И опять я был вынужден с ней согласиться.

– Пустой мужчина всегда использует полноту женщины, – продолжала Ла Горда. – Полная женщина опасна в своей полноте больше, чем мужчина. Она ненадежная, нервная, изменчивая, но при этом способна на большие перемены. Подобные женщины могут вскочить и отправиться в какое угодно место. Там они ничего не смогут сделать, но прежде всего потому, что они и не собираются ничего делать. Пустые люди не могут больше так прыгать, но зато они более надежны. Нагваль сказал, что пустые люди подобны гусенице, которая оглядывается вокруг перед тем, как снова немного продвинуться, затем дают задний ход, затем снова немного продвигаются вперед. Полные люди всегда скачут, кувыркаются и почти всегда приземляются на голову, но им на это наплевать.

Нагваль утверждал: для того, чтобы войти в другой мир, надо быть полным. Чтобы быть магом, надо иметь всю свою светимость, – никаких дыр, никаких заплат – и все свое острие. Мужчина ты или женщина, но ты должен восстановить свою полноту, чтобы войти в другой мир там, вовне. В ту вечность, где теперь Нагваль и Хенаро ждут нас.

Она замолчала и длительное время пристально смотрела на меня. Было достаточно светло, чтобы писать.

– Но как ты восстановила свою полноту? – спросил я.

При звуке моего голоса она подскочила. Я повторил свой вопрос. Прежде чем ответить мне, она взглянула на свод пещеры.

– Я вынуждена была отказаться от своих девочек, – сказала она. – Нагваль объяснил мне, как сделать это; он объяснял и тебе, но ты не захотел слушать. Он сказал, что надо похитить острие обратно. Мы его трудным путем получили, похитив его, говорил он, и мы должны восстановить его тем же путем. Это на самом деле очень трудный путь.

Он вел меня к тому, чтобы сделать это; и в первую очередь мне необходимо было отказаться от любви к своим двум детям. Я должна была сделать это в *сновидении*. Шаг за шагом я училась не любить их, но Нагваль сказал, что это бесполезно. Надо научиться еще и не заботиться о детях. Когда эти девочки перестали что-либо значить для меня, я должна была увидеть их снова. Я должна была, мягко поглаживая их по голове, позволить своей левой стороне вытащить у них острие.

– И что же случилось с ними потом?!

– Ничего. Они ничего не почувствовали и ушли домой. Теперь они похожи на взрослых. Пустые, как и большинство людей вокруг. Они не любят детских компаний, потому что им они не нужны. Я бы сказала, – они стали лучше. Я отняла их ненормальность. Они не нуждаются в ней, а я нуждаюсь. Я не знала, что делала, когда наградила их ею. Кроме того, в них есть острие отца. Нагваль был прав, никто не заметил потери, я же заметила свое приобретение. Когда я выглянула из пещеры, то увидела все свои иллюзии, выстроенные в ряд, как солдатская шеренга. Мир был ярким и новым. Тяжесть тела и духа исчезла, и я и стала совершенно новым существом.

– Ты знаешь, как ты взяла острие у своих детей?

– Они не мои дети! Я никогда не имела никаких детей. Посмотри на меня.

С этими словами она вылезла из пещеры и задрала юбку, показывая мне свое обнаженное тело. Прежде всего я заметил, какая она стройная и мускулистая.

Она заставила меня подойти поближе и осмотреть ее. Ее тело было худым и твердым, и можно было подумать, что у нее никогда не было детей. Она поставила свою правую ногу на камень и показала мне влагалище.

Она слишком старалась, и мне пришлось рассмеяться, чтобы скрыть нервность. Я сказал, что я не доктор и не мне судить, но, очевидно, она права.

– Конечно, права, – сказала она, заползая обратно в пещеру. – Никто никогда не выходил из этой матки.

После минутной паузы она вдруг ответила на забытый мною под впечатлением ее демонстрации вопрос.

– Моя левая сторона просто взяла свое острие обратно, – сказала она. – Я всего лишь пошла и навестила своих девочек. Чтобы почувствовать себя с ними легко, я ходила туда пять или шесть раз. Они выросли и уже ходили в школу. Я думала, что придется бороться с собой, чтобы отказаться от любви к ним. Но Нагваль сказал, что это не имеет значения и я могу их любить, если мне так хочется. И я любила. Но моя любовь к ним была любовью постороннего человека. Мой ум был подготовлен, мой замысел – негибает. Для того, чтобы осуществить его, мне нужно было все острие моего духа. Мне нужна моя полнота. Ничто не может помешать достичь мне того мира. Ничто!

Она вызывающе уставилась на меня.

– И ты, если стремишься к полноте, должен отказаться от обоих – от женщины, опустошившей тебя, и от маленького мальчика, забравшего твою любовь. От женщины ты можешь отказаться легко. Маленький мальчик – это совсем другое. Неужели ты думаешь, что твоя бесполезная привязанность к этому ребенку настолько важна, что стоит входа в ту сферу?

Мне нечего было сказать. И не потому, что мне надо было обдумать ответ. Просто я был в полном замешательстве.

– Соледад, если она хочет войти в *нагваль*, должна отнять свое острое у Паблито, – продолжала она. – Как черт возьми, она собирается сделать это? Паблито, как бы ни слаб он был, все-таки маг. Но Нагваль дал Соледад уникальную возможность. Он сказал, что у нее будет единственный шанс сделать это, когда ты войдешь в дом.

Ради этого мгновения он и заставил нас переехать в другой дом. Но сначала мы должны были выровнять тропу к дому, чтобы ты мог беспрепятственно подъехать на машине к самой двери. Он сказал ей, что если она будет жить безупречно, то сможет захватить тебя и высосать светимость, оставленную в твоём теле Нагвалем. Ей совсем не трудно было бы сделать это. Она идет в другом направлении и могла бы выжать тебя досуха. Величайшим искусством для нее было довести тебя до полной беспомощности. Если бы она убила тебя, твоя светимость увеличила бы ее силу. И тогда она явилась бы за нами. Я была единственной, кто знал об этом. Лидия, Роза и Хосефина любят ее. Я – нет. Я знала ее замыслы. Она взяла бы нас в подходящий момент одну за другой, так как ей нечего было терять, а приобрести она могла все. Нагваль сказал, что для нее нет другого пути. Он вверил мне девушек и объяснил, что делать, если Соледад придет за нашей светимостью. Он рассчитывал, что у меня есть шанс спасти себя и, возможно, одну из трех девушек.

Понимаешь, Соледад совсем неплохая женщина, просто она делает то, что должен делать безупречный воин. Сестрички любят ее больше, чем своих собственных матерей. Она – настоящая мать для них. Нагваль сказал бы, что в этом и состоит ее преимущество. Что бы я ни делала, я не в состоянии оттолкнуть от нее сестричек. Так что, убив тебя, она бы потом взяла минимум двух из этих доверчивых дурочек. Без тебя Паблито стал бы ничем. Она могла

бы раздавить его, как клопа. И тогда со всей полнотой и силой она вошла бы в тот мир. Будь я на ее месте, я бы, наверное, действовала точно так же.

Как видишь, для нее это было все или ничего. Когда ты появился в первый раз, все ушли. Это казалось концом для тебя и кого-то из нас. Но это стало концом для нее и шансом для сестер. Когда я уже знала, что ты одержал верх, я сказала трем девушкам, что теперь – их черед. Нагваль говорил, что они должны ждать утра, чтобы захватить тебя врасплох. Он рассказал, что для тебя утро – самое плохое время. Он приказал мне оставаться в стороне и не мешать сестрам, но явиться, если ты попытаешься причинить вред их светимости.

– Они тоже собирались убить меня?

– Ну да. Ты являешься мужской стороной их светимости. Их полнота временами бывает их недостатком. Нагваль правил ими железной рукой и уравнивал их. Но теперь, когда он ушел, у них нет уравнивающего фактора. Твоя светимость могла бы сделать это для них.

– А как насчет тебя, Горда? Ты тоже планируешь прикончить меня?

– Я уже сказала тебе, что я – другая. Я уравновешена. Моя пустота, бывшая раньше недостатком, теперь стала моим преимуществом. Когда маг восстанавливает свою полноту, он уравновешен, тогда как магу, всегда бывшему полным, равновесия явно недостает. Таким был Хенаро. Нагваль был уравновешен, ведь он был пустым, как и ты, но в большей степени, чем ты и я, вместе взятые. У него было три сына и одна дочь. Сестричкам, подобно Хенаро, недостает уравновешенности. Часто настолько сильно, что они не знают меры.

– А как же я, Горда? Я что, тоже должен действовать в этом духе?

– Нет. Отнять твою светимость – это годилось только для них.

Тебе не извлечь пользы из чьей-либо смерти. Нагваль оставил тебе особую силу, какого-то особого рода равновесие, которого нет ни у одного из нас.

– Могут ли они научиться такому равновесию?

– Безусловно, могут. Но это не имеет отношения к заданию, которое они должны были выполнить. Им нужно было похитить твою силу. Для этого они стали настолько едиными, что сейчас являются практически одним существом. Они тренировали себя, чтобы выпить твою светимость, как стакан содовой. Нагваль

научил их быть обманщиками высшего класса, особенно Хосефину. Она устроила для тебя несравненный спектакль. По сравнению с их искусством игра Соледад была детским лепетом. Она неотесанная женщина, сестрички же – настоящие маги. Две из них завоевали твое доверие, а третья привела в шоковое состояние и сделала тебя беспомощным. Они разыграли свое представление в совершенстве. Ты полностью включился в него – и чуть не погиб. Единственным их слабым местом было то, что ты прошлой ночью повредил, а затем излечил светимость Розы; это сделало ее нервной. Если бы не ее нервозность, из-за чего она и покусывала твой бок так сильно, у тебя сейчас не было бы шансов находиться здесь. Я видела все из-за двери и вошла в тот самый момент, когда ты был готов стереть их в порошок.

– Как я мог уничтожить их?

– Откуда я знаю? Я – не ты.

– Но ты ведь видела, что я делал?

– Я видела дубля, выходящего из тебя.

– Как он выглядит?

– Он выглядит как и ты, как же еще? Но он был очень большой и грозный. Твой дубль убил бы их. Поэтому я вошла и вмешалась. Мне потребовалась вся моя сила, чтобы успокоить тебя. Сестрички были беспомощны. А ты был яростным и неистовым. Ты изменял цвета прямо перед ними. Один цвет был особенно неистовым и устрашающим. Я даже испугалась, что ты заодно убьешь и меня.

– Какой это был цвет, Горда?

– Белый, какой же еще? Дубль – белый, желтовато-белый, как солнце.

Я уставился на нее. Ее улыбка стала какой-то новой.

– Да, – продолжала она. – Мы являемся кусочками солнца. Именно поэтому мы – светящиеся существа. Но наши глаза не могут видеть эту светимость, так как она очень тусклая. Только глаза мага могут *видеть* ее, а это приходит после целой жизни борьбы. Ее откровение было для меня полным сюрпризом. Я попытался собраться с мыслями, чтобы задать подходящий вопрос.

– Нагваль говорил тебе что-нибудь о солнце? – спросил я наконец.

– Да. Все мы подобны солнцу, только очень, очень тусклые. Наш свет слишком слаб, но это – свет.

– Но, может быть, он говорил, что солнце является *нагвалем*? – упорно настаивал я.

Ла Горда не ответила. Она почмокала губами, по-видимому, соображая, как лучше ответить. Я ожидал ответа, готовый записать его. После долгой паузы она выползла из пещеры.

– Я покажу тебе мой тусклый цвет, – сказала она, как само собой разумеющееся.

Она подошла к центру узкой лощины позади пещеры и присела на корточки. С моего места не было видно, что она делает, так что пришлось выбираться из пещеры. Она засунула руки под юбку, по-прежнему сидя на корточках. Внезапно она встала. Ее руки были неплотно сжаты в кулаки. Она подняла их над головой и щелкнула пальцами, открывая их. Я услышал резкий звук, словно что-то лопнуло, и увидел искры, вылетающие из ее пальцев. Я был вынужден запрокинуть голову вверх, чтобы видеть их на фоне тусклого неба. Они выглядели как длинные нити красноватого цвета. Спустя некоторое время они гасли и исчезали.

Она снова присела на корточки, и когда позволила своим пальцам разжаться, из них эманировала удивительная серия огней. Небо заполнилось множеством лучей света. Это было очаровывающее зрелище. Я был так поглощен им, что не обращая внимания на Ла Горду смотрел на огни. Услышав внезапный выкрик, я взглянул на нее как раз вовремя, чтобы увидеть, как она ухватилась за одну из созданных ею линий и оказалась на самом верху каньона.

Мгновение она висела, как темная гигантская тень на фоне неба, а затем рывками или небольшими скачками, как бы скатываясь на животе вниз по лестнице, опустилась по воздуху на дно лощины. Внезапно я увидел, что она стоит надо мной, и только тогда понял, что сижу. Я встал. Она была мокрой от пота и изо всех сил пыталась восстановить дыхание. Говорить она не могла. Ее трясло. Я не смел прикоснуться к ней. Наконец она успокоилась настолько, что смогла вернуться в пещеру. Несколько минут она отдыхала.

Она действовала так быстро, что я едва успел осознать происходящее. Во время демонстрации я чувствовал невыносимую щекочущую боль чуть ниже пупка. Хотя я и не затратил никаких физических усилий, но тоже задыхался.

– Я думаю, пора идти на свидание, – сказала она, переводя дыхание. – Мой полет открыл нас обоих. Ты почувствовал мой полет своим животом, а значит – ты открыт и готов встретить четыре силы.

– О каких силах ты говоришь?

– О четырех союзниках Нагваля и Хенаро. Ты их видел. Сейчас они освободились от горлянок Нагваля и Хенаро. Одного из них ты слышал прошлой ночью возле дома Соледад. Они ждут тебя. В сумерках они станут неудержимы. Один из них пошел за тобой в дом Соледад даже в дневное время. Эти союзники принадлежат теперь нам обоим. Каждый из нас возьмет по два. Я не знаю как, но Нагваль сказал, что мы должны сделать это сами.

– Погоди-погоди! – воскликнул я.

Она не позволила говорить, мягко прикрыв мне рот рукой. Меня начал охватывать дикий ужас. В прошлом я уже сталкивался с какими-то необъяснимыми феноменами, которых дон Хуан и дон Хенаро называли своими «союзниками». Их было четверо, и все они были сущностями такими же реальными, как и все в этом мире. Их присутствие было настолько потрясающим, что при каждом столкновении с ними у меня появлялось ощущение безмерного ужаса. В первый раз я встретился с союзником дона Хуана: это была темная прямоугольная масса от восьми до девяти футов высотой и четырех-пяти – в ширину. Она двигалась с сокрушительной тяжестью огромного валуна и дышала так тяжело, что это напоминало шум кузнечных мехов. Я всегда сталкивался с ней ночью, в темноте. Мне она казалась похожей на дверь, которая двигалась, переваливаясь сначала на один угол, а потом на другой. Второй был союзником дона Хенаро. Это был длиннолицый, лысый, необычайно высокий пылающий человек с толстыми губами и огромными горящими глазами. Он всегда был одет в штаны, слишком короткие для его ног.

Я неоднократно видел этих двоих, находясь вместе с доном Хуаном и доном Хенаро. Вид их неизменно вызывал во мне неприятное разъединение разума и восприятия. С одной стороны, у меня не было никакого разумного основания верить, что происходящее со мной действительно реально, а с другой – никакой возможности отбросить подлинность моего восприятия. Так как они появлялись только в присутствии дона Хуана и дона Хенаро, я относил их на счет того могучего влияния, которое эти два человека оказывали на меня. Мне казалось, что дело в моей внушаемости, или же в том, что дон Хуан и дон Хенаро владели силами, называемыми ими союзниками, силами, способными показываться мне как эти условные сущности.

Особенностью союзников было то, что они никогда не позволяли мне тщательно исследовать их. Я неоднократно пытался фиксировать на них нераздельное внимание, но всякий раз испытывал головокружение и раздвоение.

Два других союзника были неуловимы. Я видел их только однажды – гигантского черного ягуара с горящими желтыми глазами и громадного хищного койота. Эти звери были невероятно агрессивными и смертельно опасными. Ягуар был союзником дона Хуана, койот – дона Хенаро.

Ла Горда выползла из пещеры. Я последовал за ней. Она повела меня за собой. Мы вышли из лощины и достигли длинной каменистой равнины. Остановившись, она пропустила меня вперед. Я сказал, что если она мне предоставит возможность вести, то я приведу нас к машине. Она утвердительно кивнула и прижалась ко мне. Я чувствовал ее прохладную кожу. Похоже, она была сильно возбуждена. До места, где мы оставили машину, было около мили и нам предстояло пересечь пустынную каменистую равнину. Дон Хуан как-то показал мне скрытую тропу среди больших валунов. Тропа проходила практически по подножью горы, примыкавшей с востока к равнине. Я направился к ней. Меня вело какое-то непонятное побуждение. Иначе бы я вернулся назад тем же путем, по которому мы пришли сюда.

Ла Горда, казалось, чувствовала что-то угрожающее. Она вцепилась в меня. Глаза ее были дикими.

– Мы правильно идем? – спросил я.

Не отвечая, она стащила шаль и скрутила ее как толстую веревку. Она опоясала ею меня, потом, скрестив концы, обернула их вокруг себя и завязала в узел. Таким образом мы оказались связанными поясом в виде восьмерки.

– Зачем ты это делаешь?

Она встряхнула головой. Зубы ее стучали, она не могла произнести ни слова. Видимо, она была предельно испугана. Она подталкивала меня, чтобы я продолжал идти. С удивлением я обнаружил, что сам перепуган до потери сознания.

Когда мы достигли высоко проходящей тропинки, на мне стало сказываться физическое напряжение. Я запыхался и мне пришлось дышать ртом. Я видел контуры больших валунов. Луны не было, но необыкновенно ясное небо давало достаточно света, чтобы различать тропу. Я слышал тяжелое дыхание Ла Горды.

Я хотел остановиться, чтобы перевести дыхание, но она отрицательно покачала головой и легонько подтолкнула меня. Пытаясь снять напряжение, я хотел как-то пошутить, но вдруг услышал звук странных тяжелых ударов. Голова непроизвольно повернулась вправо, позволяя левому уху пристально вслушиваться в окружающее. На мгновение задержав дыхание я ясно услышал, что кроме меня и Ла Горды кто-то еще тяжело дышит. Я проверил еще раз, прежде чем сказать ей об этом. Та массивная фигура явно находилась среди валунов. Когда мы продолжили движение, я прикрыл рукой рот Ла Горды и знаком велел ей затаить дыхание. Я бы сказал, что массивная фигура была даже слишком близко. Казалось, она скользила настолько тихо, насколько могла. Она мягко пыхла возле валунов.

Ла Горда была очень встревожена. Она присела на корточки и потянула меня вниз своей завязанной вокруг пояса шалью. На мгновение она засунула руки под юбку, и встала. Ее ладони были сжаты. Открывая их, она щелкнула пальцами и из них вылетел сноп искр.

– Писай в свои руки, – прошептала Ла Горда сквозь стиснутые зубы.

– Что-что? – переспросил я, совершенно не понимая чего она хочет. Она все более настойчивым шепотом повторила приказ три или четыре раза. Видимо, она поняла, что я не могу уловить смысл ее слов, поэтому, присев, показала, как она мочится на свои руки. С изумлением я увидел, что она заставила свою мочу лететь подобно красноватым искрам. Мой разум был опустошен. Я не знал, что захватывало больше: вид Ла Горды, творящей свет из своей мочи, или тяжелое дыхание приближающегося существа. Я не мог решить, на чем фокусировать свое восприятие – оба зрелища были захватывающими.

– Быстро! Делай это в свои руки, – сквозь зубы процедила Ла Горда.

Я слышал ее, но мое внимание было сдвинуто. Умоляющим голосом Ла Горда добавила, что мои искры заставят приближающееся существо отступить. Она начала всхлипывать и я почувствовал отчаяние. Я не только слышал нечто приближающееся, но и всем телом ощущал его. Я хотел послушаться ее, но из-за смущения и нервозности не смог. Мне передалось возбуждение Ла Горды и я делал отчаянные усилия,

пытаясь помочиться. Наконец я смог это сделать. Я трижды щелкнул пальцами, но из них ничего не вылетело.

– Делай это снова, – сказала Ла Горда. – Чтобы сделать искры, нужно время.

Я объяснил, что уже израсходовал всю мочу. Она была в полном отчаянии.

В это мгновение я увидел приближающуюся к нам массивную прямоугольную фигуру. Мне она почему-то не казалась угрожающей, хотя Ла Горда падала в обморок от страха.

Внезапно она развязала шаль, вскочила на лежащую за мной небольшую глыбу и крепко вцепилась в меня сзади, положив подбородок мне на голову. Она почти вскарабкалась мне на плечи. В тот момент когда она приняла эту позу, фигура перестала двигаться. Она продолжала тяжело дышать, находясь примерно в двадцати футах от нас.

Я почувствовал колоссальное напряжение, сосредоточенное в средней части тела. Спустя какое-то время я уже не сомневался, что если мы не изменим этого положения, наша энергия истощится и мы станем жертвами нашего преследователя.

Я сказал, что ради спасения наших жизней мы должны бежать. Она отрицательно покачала головой. Казалось, она вновь обрела силу и уверенность. Затем Ла Горда сказала, что мы должны прикрыть головы руками и лечь, поджав ноги к животу.

Неожиданно я вспомнил, что как-то ночью несколько лет назад дон Хуан заставил меня сделать то же самое. Тогда, в пустынном поле Северной Мексики, я был настигнут чем-то таким же непонятным, но и столь же реальным для моих чувств. В тот раз дон Хуан сказал, что спастись бегством бесполезно и единственное, что можно сделать, это оставаться на месте в позе, только что описанной Ла Гордой.

Я готов был опуститься на колени, но у меня неожиданно появилась уверенность, что мы совершили большую ошибку, покинув пещеру. Мы должны были вернуться в нее во что бы то ни стало.

Я закрепил шаль Ла Горды над шеей и под руками и предложил ей взобраться мне на плечи и держаться там, используя концы шали в качестве поводьев. Несколько лет назад дон Хуан говорил мне, что нужно встречать подобные события неожиданными действиями. Он рассказал мне, что однажды сам столкнулся с оленем, который

«разговаривал» с ним. Дон Хуан все это время простоял на голове, чтобы спасти свою жизнь и ослабить напряжение этого события. Мне пришло в голову попытаться обойти фигуру и вернуться к пещере с Ла Гордой, стоящей у меня на плечах.

Она прошептала, что о пещере не может быть и речи. Нагваль говорил ей, что там оставаться нельзя. Я начал доказывать, что мое тело уверено: в пещере с нами будет все в порядке. Она ответила, что это правда. Но это сработало бы только в случае, если бы у нас был способ контролировать эти силы. Для этого необходим был специальный контейнер вроде тех тыквочек-горлянок, которые висели у поясов дона Хуана и дона Хенаро.

Сняв башмаки, она вскарабкалась мне на плечи и встала там. Я держал ее за икры. Когда она натянула концы своей шали, я почувствовал натяжение петли у себя подмышками и подождал, пока она добьется равновесия. Идти в темноте, имея сто пятнадцать фунтов на плечах, было далеко не просто. Я шел очень медленно. Насчитав двадцать три шага, я вынужден был опустить ее вниз. Боль в плечах стала невыносимой. Я сказал ей, что хотя она и очень стройная, но своим весом чуть не переломала мне ключицы.

Но самым главным было то, что прямоугольная фигура исчезла. Наша стратегия сработала! Ла Горда предложила некоторое время нести меня на своих плечах. Я нашел эту идею смешной. Мой вес был слишком большим для ее хрупкого сложения. Мы решили идти еще некоторое время и наблюдать, что будет происходить. Нас окружала мертвая тишина. Мы шли медленно, привязавшись друг к другу. Но прошли мы не больше нескольких ярдов, как я снова услышал похожий на тяжелое дыхание шум и мягкое долгое шипение, похожее на шипение больших диких кошек. Я поспешно помог Ла Горде взобраться на свои плечи и прошел еще сто десять шагов.

Я знал, что если мы хотим выбраться отсюда, то должны придерживаться тактики неожиданного. Я хотел придумать новую серию неожиданных действий, как вдруг она сдернула с себя свое длинное платье. Одним движением она обнажилась и соскочила на землю, что-то отыскивая. Я услышал треск и появилась Ла Горда, держа ветку от низкого куста. Укутав шалью мои шею и плечи она сделала для себя нечто вроде седла, чтобы сесть, обвив ногами мою талию так, как носят на спине маленьких детей. Затем она

нацепила платье на ветку и подняла ее над головой. Ла Горда стала размахивать веткой, заставляя платье совершать странные скачки. К этому эффекту она добавила своеобразный свист, имитируя крик ночной совы.

Пройдя сто ярдов, я услышал те же странные шаги и звуки, доносящиеся теперь не только сзади, но и со всех сторон. Она переменила свист на птичий зов – пронзительный крик, вроде того, который издают павлины. Через некоторое время павлиньи крики доносились уже отовсюду.

Много лет назад вместе с доном Хуаном я был свидетелем подобного феномена ответных птичьих криков. Тогда я считал, что эти звуки издавал или сам дон Хуан, прятавшийся поблизости, или кто-то тесно связанный с ним, вроде дона Хенаро. Кто-то помогал ему вызвать у меня неудержимый страх, заставлявший меня бежать в полной темноте, не спотыкаясь.

Дон Хуан называл этот особый бег в темноте «бегом силы».

Я спросил Ла Горду, знает ли она, как выполняется бег силы. Она ответила, что знает. Я сказал, что мы должны попробовать его, хотя я не уверен, что вообще смогу сейчас его выполнить. Указав вперед, Ла Горда ответила, что для этого неподходящее время и место. Мое и без того быстро стучащее сердце бешено заколотилось в груди. Прямо передо мной, примерно в десяти футах, стоял один из союзников дона Хенаро, странный пылающий человек с длинным лицом и лысой головой. Я застыл на месте. Словно издали до меня донесся вопль Ла Горды. Она неистово заколотила кулаками по моим бокам.

Ее удары нарушили мою фиксацию на человеке. Она повернула мою голову налево, а затем направо. С левой стороны, почти касаясь моей ноги, находилась черная масса гигантской кошки с яркими желтыми глазами. Справа от себя я увидел громадного фосфоресцирующего койота. За нами, почти касаясь спины Ла Горды, темнела прямоугольная фигура.

«Человек» повернулся к нам спиной и двинулся по тропинке. Я пошел следом. Ла Горда продолжала вопить и скулить.

Прямоугольная форма едва не хватала ее за спину. Я слышал, как она двигалась с сокрушительными тяжелыми ударами. Звук ее шагов отдавался в холмах позади нас. На шее чувствовалось ее холодное дыхание. Я знал, что Ла Горда близка к сумасшествию. Я, впрочем, тоже. Ягуар и койот почти соприкасались с моими

ногами. Я слышал их нарастающее шипение и рычание. В этот миг у меня возникло иррациональное побуждение воспроизвести определенный звук, которому научил меня дон Хуан. Союзники ответили мне. Я исступленно повторил его и они ответили вновь. Напряжение постепенно спадало, и когда мы приблизились к дороге, я был участником весьма экстравагантного зрелища. Ла Горда сидела верхом, счастливо размахивая своим платьем над головой, словно ничего не произошло, в ритм со звуком, который я производил, а четыре создания иного мира отвечали мне, шествуя со мной в ногу и примыкая к нам со всех сторон.

В таком виде мы вышли на дорогу. Но мне еще не хотелось уезжать. Казалось, чего-то не хватает. Я остановился с Ла Гордой на спине и воспроизвел еще один весьма специфический, напоминающий постукивание звук, которому меня научил дон Хуан. Он сказал тогда, что это – зов бабочек. Чтобы воспроизвести его, нужно было использовать край левой ладони и губы.

Как только я издал его, все мирно закончилось. Когда четыре существа ответили мне, я уже знал, какие из них будут моими. Я подошел к машине, снял со спины Ла Горду и посадил ее на сидение.

Возвращались мы в полном молчании. Что-то коснулось меня где-то, и все мысли исчезли.

Ла Горда предложила поехать не к ее дому, а к месту где жил дон Хенаро. Она сказала, что Нестор Бениньо и Паблито живут там, но сейчас их нет в городе. Ее идея мне понравилась.

Войдя в дом, Ла Горда зажгла лампу. Со времени моего последнего приезда к дону Хенаро обстановка не изменилась. Мы сели на пол. Придвинув скамейку, я положил на нее блокнот. Я не устал и хотел записывать, но не смог этого сделать.

– Что Нагваль рассказывал тебе о союзниках? Мой вопрос явно застал ее врасплох. Она не знала, что ответить.

– Я не могу думать, – наконец сказала она. Казалось, она никогда не испытывала подобного прежде. Она расхаживала передо мной взад-вперед. Мелкие капли пота выступили у нее на кончике носа и на верхней губе.

Внезапно схватив за руку, она практически вытащила меня из дома и повела в ближайший овраг. Там ее стошнило.

Я тоже почувствовал тошноту. Она сказала, что напряжение от встречи с союзниками было слишком большим и что я должен

заставить себя вырвать. Я устал на нее, ожидая дальнейших объяснений. Ла Горда взяла мою голову в свои руки и сунула мне палец в горло с решительностью няни, имеющей дело с ребенком. Меня действительно стошнило. Она объяснила, что у человеческих существ есть очень деликатного рода свечение в области живота и что это свечение постоянно испытывает напряжение под воздействием всего окружающего. Временами, когда напряжение слишком велико, как в случае контакта с союзниками, или даже просто с сильными людьми свечение становится возбужденным, меняет цвет или даже совсем угасает. В таких случаях можно помочь единственным способом – рвотой.

Я почувствовал себя лучше, но еще не полностью пришел в себя. Я страшно устал, особенно сильным было ощущение тяжести вокруг глаз. Мы пошли в дом. Когда мы подошли к двери, Ла Горда понюхала воздух, как собака и сказала, что ей известно, какие союзники мои. Ее слова, обычно не имевшие никакого подтекста, сейчас обладали каким-то особым катарсическим эффектом. В голову хлынули мысли. Сразу же включились мои обычные интеллектуальные процессы и я подскочил в воздух, как если бы мои мысли сами по себе имели энергию.

Прежде всего я подумал, что союзники – реальные существа. Раньше я не смел сознаться в этом даже самому себе. Я видел их, чувствовал их и даже общался с ними. Меня охватило состояние эйфории. Обняв Ла Горду, я стал объяснять ей свою интеллектуальную дилемму. Я видел союзников без помощи дона Хуана и дона Хенаро. и этот акт все перевернул во мне. Я рассказал Ла Горде, как однажды сообщил дону Хуану, что видел одного из союзников. Он рассмеялся и посоветовал не воспринимать это так серьезно и не придавать увиденному значения.

Мне никогда не хотелось верить в то, что я галлюцинирую, но и допустить, что это действительно был союзник, я не мог. Моя рациональная основа была незыблемой. Я был бессилен заполнить этот пробел. Но в этот раз все было иначе и мысль, что на этой Земле имеются существа другого мира, в то же время ей не чуждые, превосходила все, что я мог выдержать. Полушутя я сказал Ла Горде, что втайне буду считать все это безумием. Что еще освободило бы меня от сокрушительной ответственности за перестройку моего понимания мира? Ирония заключалась в том,

что я и не желал такой перестройки, но – только на интеллектуальном уровне. Но этого было недостаточно, этого никогда не могло быть достаточно. Это было моим вечным непреодолимым препятствием, моим ужасным изъяном. Я заигрывал с миром дона Хуана наполовину; поэтому я был квази-магом. Все мои усилия были не более чем осмысленным стремлением отгородиться интеллектом, словно я находился в академии, где можно заниматься этим с восьми до семнадцати, а потом идти домой отдыхать. Дон Хуан шутил, что после описания мира в очень прекрасной и просвещенной манере школяр в пять часов уходит домой отдыхать от своих замечательных построений.

Пока Ла Горда готовила еду, я лихорадочно работал над заметками. После еды я расслабился. Ла Горда пребывала в прекрасном расположении духа. Подобно дону Хенаро, она паясничала, подражая моему поведению во время письма.

– Что тебе известно о союзниках, Горда? – спросил я.

– Только то, что говорил мне Нагваль. – ответила она. – Он говорил, что это силы, доступные нашему контролю. У него и Хенаро в горлянках было по два союзника.

– Как они помещали их в горлянки?

– Этого никто не знает. Нагваль говорил, что прежде чем обуздывать союзников, необходимо найти маленькую превосходную горлянку с горлышком.

– Где можно найти такую горлянку?

– Где угодно. Нагваль говорил мне, что если мы останемся в живых после нападения союзников, мы должны будем найти идеальную горлянку величиной с большой палец левой руки. Такого размера была горлянка Нагваля.

– Ты видела его горлянку?

– Нет. Никогда. Нагваль говорил, что горлянка такого рода уже не в мире людей. Она подобна маленькому узелку, притороченному к поясу. На нее нельзя смотреть преднамеренно, – все равно ничего не увидишь.

Горлянку, как только она найдена, следует тщательно вычистить. Обычно маги находят подобные горлянки в лесу на виноградных лозах. Они снимают их и высушивают, а затем выдалбливают, сглаживают и полируют. Как только горлянка готова, маг должен подставить ее союзникам и заманить их туда. Если союзники соглашаются жить в ней, горлянка исчезает из мира людей, а

союзники становятся помощниками мага. Нагваль и Хенаро с помощью союзников делали все, что не могли делать сами. Например так ветер гнал меня, а цыпленок бегал в блузе Лидии. Я услышал за дверью специфическое протяжное шипение. Это был тот же звук, который я слышал двумя днями раньше в доме доньи Соледад. Теперь я уже знал, что это был ягуар. Звук не пугал меня. Я вышел бы посмотреть на ягуара, если бы Ла Горда не остановила меня.

– Ты все еще неполный, – сказала она. – Союзники проглотят тебя, если ты выйдешь сам. Особенно тот красавец, который сейчас там рыщет.

– Мое тело чувствует себя в безопасности, – запротестовал я. Она похлопала меня по спине и снова усадила возле скамейки, на которой я писал.

– Ты еще неполный маг, – сказала она. – У тебя посредине огромная заплата и сила союзников сорвет ее с места. Они – не шутка.

– Что предполагаешь делать ты, когда к тебе так явятся союзники?

– Мне в любом случае нечего волноваться. Нагваль научил меня уравновешенности и я ничего не ищу страстно. Сегодня вечером я поняла, какие союзники придут к тебе, если ты когда-нибудь сможешь достать горлянку и обработать ее. Ты способен страстно стремиться получить их, я – нет. Возможно, я сама так никогда их и не получу. С ними много хлопот. Они как заноза.

– Почему?

– Потому что это силы и они могут выжать тебя досуха. Нагваль говорил, что лучше пожертвовать всем, кроме своей цели и свободы. Когда ты станешь полным, мы, видимо, должны будем сделать выбор – иметь их или не иметь.

Я сказал ей, что мне лично ягуар понравился, хотя и есть в нем что-то подавляющее.

Она уставилась на меня. В ее глазах сквозило удивление и замешательство.

– Но он мне действительно понравился!

– Расскажи мне, что ты видел, – сказала она.

Тут до меня дошло, что она могла видеть их иначе, чем я. Я подробно описал ей всех четырех союзников как я их видел. Она слушала более чем внимательно. Казалось, она была захвачена моим изложением.

– Союзники не имеют формы, – сказала она, выслушав меня. – Они словно присутствие, словно ветер, словно пылание. Первый – сегодняшний – был чернотой, пытавшейся проникнуть в мое тело. Именно поэтому я и вопила. Я чувствовала, как она поднимается у меня по ногам. Другие были просто цветом. Они так пылали, что на тропинке было светло, как днем.

Ее утверждения потрясли меня. А я-то принял наконец после многих лет борьбы и на основе опыта этой ночи, что союзники имеют консенсуальную форму, субстанцию, одинаково воспринимаемую органами чувств каждого человека.

Я шутя сказал Ла Горде, что уже успел записать в своих заметках, что союзники – это создания, имеющие форму.

– Что же мне после этого делать? – задал я риторический вопрос.

– Это очень просто. Напиши теперь, что они не такие.

Я подумал, что она абсолютно права.

– Но почему же я видел их как монстров?

– В этом нет тайны. Ты все еще не потерял свою человеческую форму. То же происходило и со мной. Но я обычно видела их людьми. Они были индейцами с ужасными лицами и злобными взглядами. Обычно они ожидали меня в пустынных местах. Я думала, что интересую их как женщина. Нагваль всегда смеялся до упаду над моими страхами. Но я бывала смертельно испугана. Один из них приходил, садился на мою постель и тряс ее, пока я не просыпалась. Страх мой был так велик, что и сейчас, когда я изменилась, я не хотела бы еще раз испытать это. Похоже, что сегодня вечером я боялась союзников не меньше, чем боялась их раньше.

– Ты хочешь сказать, что ты больше не видишь их человеческими существами?

– Не вижу. Нагваль говорил тебе, что союзники бесформенны. Он прав. Союзник – только присутствие, помощник, который есть ничто и все же он так же реален, как ты и я.

– Сестрички видели союзников?

– Так или иначе все их видели.

– Союзники для них тоже только сила?

– Нет. Они как ты. Они все еще не потеряли свою человеческую форму. Никто из них. Для них всех – сестричек, Хенарос и Соледад – союзники являются устрашающими фигурами, злобными и ужасными ночными созданиями. Одно упоминание о

союзниках сводит с ума Лидию, Хосефину и Паблито. Бениньо и Нестор не так их боятся, но и они не хотят сталкиваться с союзниками. У Бениньо свои планы, так что он не интересуется ими. На самом деле они не беспокоят ни его, ни меня. А вот другие оказываются для них легкой добычей, особенно сейчас, когда союзники вышли из горлянок Нагваль и Хенаро. Вот за тобой они следят все время.

Нагваль сказал мне, что если кто-то цепляется за человеческую форму, то он и отражает только эту форму. А поскольку союзники получают жизненную силу из середины нашего живота, они обычно делают нас слабыми, и тогда мы видим их как могучих и безобразных существ.

– Что можно сделать, чтобы защитить себя или видеть их в другой форме?

– Единственное, что мы можем сделать – это потерять свою человеческую форму.

– Что ты имеешь в виду?

Мой вопрос, похоже, показался ей бессмысленным. Ла Горда безучастно уставилась на меня, как бы ожидая дальнейших объяснений. Она на мгновение закрыла глаза.

– Ты ведь знаешь о человеческом шаблоне и человеческой форме, правда? – спросила она.

Я изумленно уставился на нее.

– Я только что *видело*, что ты ничего не знаешь о них, – улыбнувшись, сказала она.

– Ты абсолютно права.

– Нагваль говорил мне, что человеческая форма – это сила, а человеческий шаблон – это... ну... шаблон. Он сказал, что все имеет свой особый шаблон. Растения имеют шаблоны, животные, черви. Ты уверен, что Нагваль никогда не показывал тебе человеческий шаблон?

Я рассказал ей, что он упоминал это понятие, но лишь вкратце, пытаясь объяснить один из моих снов. В этом сне я увидел человека, который, казалось, прятался в темноте узкой ложины. Заметив его там, я испугался. Какое-то время я смотрел на него, а потом человек выступил вперед и стал виден полностью. Он был обнажен и тело его пылало. Выглядел он утонченным, почти хрупким. Мне понравились его глаза. Они были дружескими и глубокими. Я подумал, что они очень доброжелательны. Но затем

он отступил назад, в темноту и его глаза стали подобны двум зеркалам, глазам свирепого животного.

Дон Хуан сказал, что я столкнулся в «сновидении» с человеческим шаблоном. Он объяснил, что для вступления в контакт с человеческим шаблоном маги располагают таким средством, как «сновидение». И что шаблон людей является определенной сущностью, которую могут видеть только маги, когда они насыщены силой и, безусловно, все – в момент смерти. Он описал шаблон как источник, начало человека. Без шаблона, группирующего вместе силу жизни, эта сила не имеет возможности собраться в человеческую форму. Он объяснил мой сон как краткий, очень упрощенный и мимолетный взгляд на шаблон. И еще добавил, что мой сон безусловно подтверждает, что я – человек схематичный и приземленный.

Смеясь, Ла Горда заметила, что хотела сказать мне то же самое.

Видеть шаблон как обычного земного человека, а затем еще и как животное – действительно очень упрощенное видение.

– Наверное, это был просто обычный бестолковый сон, – сказал я, пытаюсь оправдаться.

– Нет, – ответила она с усмешкой. – Видишь ли, человеческий шаблон пылает и всегда находится в водных дырах и водных лощинах.

– Почему именно там?

– Он питается водой. Без воды нет шаблона. Я знаю, что Нагваль регулярно брал тебя к водным дырам в надежде показать тебе шаблон. Но увидеть его не позволяла твоя пустота. То же самое было и со мной. Он обычно заставлял меня ложиться обнаженной на камень в самом центре водной дыры, но я добила только ощущения чьего-то присутствия, напугавшего меня до потери сознания.

– Почему пустота мешает увидеть шаблон?

– Нагваль сказал, что все в мире – сила, притяжение или отталкивание. Для того, чтобы нас отталкивали или притягивали, мы должны быть похожи на парус или воздушный змей на ветру. Но если в нашей светимости дыра, сила пройдет насквозь и не подействует.

Нагваль говорил мне, что Хенаро очень любил тебя и изо всех сил пытался помочь тебе осознать дыру в середине твоего тела. Он заставил летать свое сомбреро как змея, чтобы расшевелить тебя;

он даже вытягивал тебя из этой дыры, доводя тебя до поноса, но ты так никогда и не уловил того, что он делал.

– Но почему они не говорили так понятно, как Ты сейчас?

– Они говорили, но ты не обращал внимания на их слова.

Я не мог ей поверить. Немыслимо было допустить, чтобы они говорили мне об этом, а я не смог осознать.

– Ты когда-нибудь видела шаблон, Горда?

– Конечно, когда я снова стала полной. Я пошла однажды сама к той водной дыре и он был там. Это было лучистое светящееся существо. Я не могла смотреть на него. Оно ослепило меня. Я ощущала счастье и прилив сил. Ничто другое не имело значения. Ничто. Мне просто хотелось быть там. Нагваль сказал, что иногда, когда у нас достаточно личной силы, мы можем схватить проблеск шаблона, даже если мы и не являемся магами. Когда это случается, мы говорим, что видели Бога. Он сказал, что если мы называем его Богом, то это правда. Шаблон – это Бог.

Я пришла в ужас, услышав это от Нагваля, потому что я была очень религиозна. Религия – это все, что у меня было. Поэтому от слов Нагваля меня обычно бросало в дрожь. Но потом я стала полной, силы мира начали толкать меня, и я поняла, что Нагваль бы прав. Шаблон – это Бог. Как ты думаешь?

– Обещаю тебе сказать это в день, когда увижу его.

Она засмеялась и сказала, что Нагваль обычно шутил, что в тот день, когда я *увиджу* шаблон, я стану монахом, потому что в глубине души я очень религиозен.

– Шаблон, который ты видела, кем он был – мужчиной или женщиной? – спросил я.

– Ни то, ни другое. Это был просто светящийся человек. Нагваль сказал, что я могла бы спросить что-нибудь о себе самой. Что это шанс, которого не должен упускать воин. Но я не смогла придумать вопроса. И так было лучше всего. У меня остались самые прекрасные воспоминания об этом. Нагваль сказал, что воин, имеющий достаточно силы, может *видеть* шаблон много-много раз. Какая это, должно быть, большая удача!

– Но если человеческий шаблон – это то, что скрепляет нас вместе, то что же тогда человеческая форма?

– Нечто клейкое, клейкая сила, которая делает нас такими людьми, какие мы есть. Нагваль говорил мне, что человеческая форма на самом деле бесформенна. Как и союзники, которых он носил в

своей горлянке, это может быть чем угодно. Но, несмотря на отсутствие формы, оно владеет нами в течение всей нашей жизни и оставляет только со смертью. Я никогда не видела человеческую форму, но я чувствовала ее в своем теле.

Затем она описала очень сложную серию восприятий, которые были у нее в течение последних нескольких лет. Их кульминацией было серьезное физическое расстройство, напомнившее мне описание тяжелого сердечного приступа. Она сказала, что человеческая форма, являясь силой, покинула ее тело после тяжелой внутренней борьбы. Этот процесс и проявился в виде тяжелого недомогания.

– Похоже, у тебя был сердечный приступ.

– Может быть и так, – сказала она, – но одно я знаю точно. В тот день, когда это произошло, я потеряла человеческую форму. Я так ослабела, что в течение нескольких дней не могла даже встать с постели. С того дня у меня уже не было энергии оставаться моим прежним «я». Время от времени я пыталась вернуться к своим старым привычкам, но у меня просто не было сил наслаждаться ими, как прежде. В конце концов я бросила эти попытки.

– В чем смысл потери твоей формы?

– Для того, чтобы измениться, воин должен сбросить свою человеческую форму. Иначе это будут только разговоры об изменении, как в твоем случае. Нагваль сказал, что бесполезно полагать или надеяться, что человек может изменить свои привычки. Человек не может измениться ни на йоту, пока держится за свою человеческую форму. Как говорил Нагваль, воин знает, что измениться он не может. Но хотя ему это прекрасно известно, он все же пытается изменить себя. Это единственное преимущество, которое воин имеет перед обыкновенным человеком. Воин не испытывает разочарования, когда пытается измениться, терпит неудачу.

– Но ты остаешься собой, Горда, не так ли?

– Нет. Уже нет. Единственное, что заставляет считать себя собой – это форма. Когда она уходит, ты – ничто.

– Но ведь ты все еще разговариваешь, думаешь и чувствуешь как обычно, или нет?

– Ни в коей мере. Я – новая.

Она засмеялась и крепко обняла меня, словно утешая ребенка.

– Только Элихио и я потеряли свою форму, – продолжала она. –

Большой удачей было потерять ее, когда Нагваль еще был с нами. Вам же предстоит ужасное время. Это – ваша судьба. Тот, кто потеряет ее следующим, будет пользоваться только моей поддержкой. Мне жаль его заранее.

– Что ты еще чувствовала, потеряв форму, Горда, кроме недостатка энергии?

– Нагваль сказал, что воин без формы начинает видеть глаз. Закрывая глаза, я постоянно видела его перед собой. Это было так плохо, что я больше не могла отдыхать: глаз следовал за мной повсюду, куда бы я ни пошла. Я чуть не сошла с ума. В конце концов, видимо, я стала привыкать к нему. Сейчас я даже не замечаю его, потому что он стал частью меня.

Бесформенный воин использует этот глаз, чтобы приступить к *сновидению*. Если ты не имеешь формы, то тебе не нужно засыпать, чтобы делать *сновидение*. Глаз перед тобой всякий раз тянется туда, куда ты хочешь отправиться.

– Где именно этот глаз. Горда?

Она закрыла глаза и провела рукой из стороны в сторону прямо перед своими глазами, очертив размер, равный ширине своего лица.

– Иногда этот глаз очень маленький, а иной раз – огромный, – продолжала она. – Когда он маленький, то *сновидение* бывает точным. Когда он большой, то *сновидение* подобно полету над горами, тогда деталей не увидишь. Я еще не делала достаточно *сновидений*, однако Нагваль сказал мне, что этот глаз является моей козырной картой. Однажды, когда я стану по-настоящему бесформенной, я больше не буду видеть глаз; он станет ничем, как и я, и все же будет существовать как союзник. Нагваль сказал, что все просеивается через нашу человеческую форму. Если мы не имеем формы, то ничто не имеет формы, но в то же время все присутствует. Тогда я не могла понять, что имелось в виду, но теперь вижу, что он был абсолютно прав. Союзники – это только присутствие, так же, как и глаз. Но сейчас этот глаз для меня все. Теоретически имея его, я способна вызывать свои *сновидения* даже в состоянии бодрствования. Но пока я не смогла сделать этого. Видимо, как и ты, я немного упряма и ленива.

– Как ты выполнила полет, который показывала мне сегодня вечером?

– Нагваль научил меня, как использовать свое тело для выделения

света. Ведь мы так или иначе являемся им, так что я выделяла искры и свет, а они притянули линии мира. Как только я *увидела* одну, было легко прицепиться к ней.

– И как ты прицепилась?

– Я схватила ее.

Она сделала жест руками. Сложив их клешней, она соединила запястья, образовав нечто вроде чаши с обращенными вверх скрюченными пальцами.

– Ты должен схватить линию, как ягуар, – продолжала она, – и никогда не разделять запястья. Если ты сделаешь это, то упадешь и свернешь, себе шею.

Она сделала паузу и это заставило меня взглянуть на нее в ожидании дальнейших объяснений.

– Ты мне не веришь, что ли? – спросила она.

Не давая мне времени на ответ, она села на корточки и вновь показала свои искры. Я был спокоен и собран и все свое нераздельное внимание сконцентрировал на ее действиях. Когда она щелкала пальцами, раскрывая их, каждое волокно ее мышц сразу же напрягалось. Это напряжение, казалось, фокусировалось на кончиках ее пальцев и проецировалось наружу как лучи света. Влага на них фактически была носителем какой-то энергии, эманировавшей из ее тела.

– Как ты это делаешь, Горда? – с искренним изумлением спросил я.

– Я сама не знаю. Я просто делаю, и все. Я уже делала это много-много раз, и все же не знаю, как это у меня получается. Когда я хватаю один из этих лучей, я чувствую как что-то тянет меня. Я и вправду ничего не делаю, только позволяю линиям, которые схватила, тянуть меня. Когда я хочу вернуться назад, то чувствую, что линии не хотят отпускать меня, и впадаю в панику. Нагваль сказал, что это моя наихудшая черта. Я становлюсь такой перепутанной, что когда-нибудь искалечу свое тело. Но я надеюсь, что скоро стану еще более бесформенной, и тогда не буду пугаться. Так что, если я до того дня продержусь, со мной все будет в порядке.

– Тогда расскажи, Ла Горда, как ты позволяешь линиям тянуть тебя?

– Мы опять вернулись к тому же. Я не знаю. Нагваль предостерегал меня, что ты хочешь знать вещи, которые узнать нельзя.

Я пытался объяснить ей, что меня интересует только порядок действий. Я действительно отказался искать у всех них каких бы то ни было объяснений, так как эти объяснения все равно ничего мне не давали. Совсем другое дело – описание необходимых шагов. – Как ты научилась позволять своему телу держаться на линиях мира?

– Я научилась этому в *сновидении*, – сказала она. – Но я действительно не знаю как. Для женщины-воина все начинается в *сновидении*. Как и всех нас, Нагваль учил меня, что сначала нужно посмотреть на свои руки во сне. Я не могла найти их вообще. В моих снах у меня не было рук. Несколько лет я безуспешно пыталась найти их. Обычно каждую ночь я приказывала себе найти руки но все было напрасно. Я никогда ничего не находила в своих снах. Нагваль был беспощаден со мной. Он сказал, что я должна или найти их, или погибнуть. Поэтому я соврала ему, что нашла руки. Нагваль не сказал тогда ни слова, но Хенаро бросил свою шляпу на пол и начал плясать на ней. Он погладил меня по голове и сказал, что я действительно великий воин. Чем больше он расхваливал меня, тем хуже я себя чувствовала. Я была уже готова рассказать им о своей лжи, как вдруг сумасшедший Хенаро направил на меня свой зад и издал такой громкий и долгий звук, какого я никогда не слышала. Он практически оттолкнул меня им. Это было похоже на горячий и вонючий ветер, омерзительный и зловонный, и очень похожий на меня. Нагваль даже трясся от хохота.

Я убежала в дом и спряталась там. Тогда я была очень толстой. Я привыкла есть много, и у меня были обильные газы. Поэтому я решила некоторое время не есть ничего. Лидия и Хосефина помогали мне. Я ничего не ела двадцать три дня и однажды ночью я нашла свои руки во сне. Они были старыми, безобразными и зелеными, но они были моими. Так что начало было положено. Остальное было легко.

– А что было «остальное», Горда?

– Следующее, чего хотел от меня Нагваль – попытаться найти в своих снах дома или постройки и смотреть на них, стараясь не разрушить эти образы. Он сказал, что искусство *сновидящего* заключается в удержании образов своего сна. Потому что так или иначе мы занимаемся этим всю нашу жизнь.

– Что под этим подразумевалось?

– Мы как обычные люди удерживаем образ того, на что мы смотрим. Нагваль сказал мне, что мы делаем это, но не знаем как. Мы просто делаем; наши тела делают это. В *сновидении* мы должны делать то же самое, только вот в *сновидении* мы должны научиться как делать это. Мы должны стараться не смотреть, а только бросать мимолетные взгляды, и все же удерживать образ. Нагваль велел мне в своих снах найти повязку для моего пупка. На это потребовалось много времени, потому что я не понимала, что он имеет в виду. Он сказал, что в *сновидении* мы реагируем пупком, поэтому он должен быть защищен. Нам нужно немного тепла или чувство давления на центр живота, чтобы удерживать образы в своих снах.

Я нашла в своих снах гальку, которая была приложена к моему пупку, и Нагваль заставлял меня искать ее в водяных дырах и каньонах, пока я не нашла ее. Я сделала для нее пояс, и с тех пор днем и ночью ношу его. Это помогает мне удерживать образы в своих снах. Затем Нагваль дал мне задание отправляться в *сновидении* в определенные места. Я действительно хорошо выполняла эти задания, но в то время я как раз теряла форму и начала видеть перед собой глаз. Нагваль сказал, что он все изменил, и приказал использовать глаз, чтобы тянуть себя. Он сказал, что у меня нет времени для получения дубля в *сновидении* и что глаз – это даже лучше. Я почувствовала обман. Теперь мне все равно. Я использовала глаз, как только могла. Я позволяла ему тянуть меня в *сновидение*. Я закрывала глаза и засыпала с легкостью даже днем и в любом месте. Глаз тянет меня и я вхожу в другой мир. Большую часть времени я просто брожу там.

Нагваль сообщил мне и сестричкам, что во время наших менструальных периодов *сновидение* становится силой. Для начала я стала слегка сумасшедшей и более отважной. И Нагваль был прав – в эти дни перед нами открывается трещина. Ты не женщина, поэтому для тебя это не имеет никакого смысла, но знай: за два дня до своего периода женщина может открыть для себя эту трещину и вступить в другой мир.

Левой рукой она обвела контуры какой-то невидимой линии, которая, казалось, пролегла вертикально перед ней, на расстоянии вытянутой руки.

– В этот период женщина может, если хочет, позволять проходить

через себя образом мира, – продолжало Ла Горда. – Это трещина между мирами и, по словам Нагваля, она находится прямо перед нами, женщинами.

Причина, по которой Нагваль считал, что женщины – лучшие маги, чем мужчины, заключается в том, что перед ними всегда есть трещина, тогда как мужчина должен сделать ее.

Именно во время своих периодов я научилась летать в *сновидении* с помощью линий мира. Я научилась делать искры с помощью своего тела, а потом научилась хватать их. И это пока все, чему я научилась в *сновидении*.

Я засмеялся и сказал, что мне после нескольких лет практики «сновидения» вообще нечем похвастаться...

– Ты научился вызывать союзников в *сновидении*, – уверенно сказала она.

Я ответил, что эти звуки научил меня издавать дон Хуан. Было похоже, что она мне поверила.

– Его союзники должны приходить к тебе, потому что они *видят* его светимость, – сказала она. – Светимость он оставил с тобой. Он говорил мне, что каждый маг имеет так много светимости только для того, чтобы отдавать ее. Поэтому он выделил ее всем своим детям в соответствии с повелением, которое приходило к нему откуда-то из этой безбрежности. Тебе он оставил свой собственный зов.

Она щелкнула языком и подмигнула мне.

– Если ты не веришь мне, – продолжала она, – то почему бы тебе не воспроизвести тот звук, которому научил тебя Нагваль и посмотреть, не придут ли к тебе союзники?

Мне не хотелось делать этого. Не потому, что я не верил ей, но не хотелось идти у нее на поводу.

С минуту она ждала, но убедившись, что я не собираюсь пробовать, приложила ладонь ко рту и в совершенстве сымитировала мой «зов бабочки». Она издавала его в течение пяти-шести минут, останавливаясь только для того, чтобы перевести дыхание.

– Видишь, что я имею в виду? – спросила она, улыбаясь. –

Союзникам наплевать на мой призыв, несмотря на то, что он очень похож на твой. Теперь попробуй сам.

Я попробовал. Через несколько секунд я услышал ответный зов. Ла Горда вскочила. Мне показалось, что она удивлена даже больше

меня. Она поспешно остановила меня, погасила лампу и собрала мои заметки.

Вначале она собиралась открыть дверь, но тут же остановилась. Прямо из-за двери донесся пугающий звук. Мне показалось, что это рычание. Звук был таким ужасающим и зловещим, что заставил нас отскочить от двери. Моя физическая тревога была столь интенсивной, что если бы было куда бежать, я сбежал бы.

На дверь напирало что-то тяжелое: оно заставляло дверь трещать. Я посмотрел на Ла Горду. Казалось, она была встревожена еще больше. Она все еще стояла с вытянутой рукой, словно собираясь открыть дверь. Ее рот был открыт. Похоже, она застыла в нерешительности. Дверь могла распахнуться в любой момент. Это были не удары, но именно ужасное давление, и не только на дверь, но и со всех сторон дома.

Ла Горда вскочила и велела мне обхватить ее сзади вокруг талии, сомкнув ладони на пупке. Она выполнила странные движения, словно размахивая на уровне глаз полотенцем и повторила это четыре раза. Затем она сделала не менее странное движение. Она прижала руки к середине груди ладонями вверх, одна над другой, без соприкосновения друг с другом. Ее локти были расставлены в стороны. Она сжала руки, словно внезапно схватила два невидимых стержня. Потом медленно повернула руки, пока ладони не оказались направленными вниз, и сделала очень красивое напряженное движение, в котором, казалось, приняли участие все мышцы ее тела. Это выглядело так, словно она открывала тяжелую раздвижную дверь, которая с трудом подавалась. Тело ее дрожало от напряжения. Руки двигались медленно, пока не оказались полностью вытянутыми в стороны.

У меня было абсолютно четкое ощущение, что когда она открыла эту «дверь», через нее ворвался ветер. Этот ветер захватил нас и мы практически пролетели сквозь стену. Или, вернее, стены дома прошли сквозь нас, или же, все трое – Ла Горда, дом и я сам – прошли через дверь, которую она открыла. Внезапно я очутился в поле и мог видеть темные очертания окрестных гор и деревьев. Я больше не держался за пояс Ла Горды. Шум заставил меня посмотреть вверх и я увидел ее, парящую примерно в десяти футах надо мной подобно черной фигуре гигантского змея. Я почувствовал ужасный зуд в центре живота и вдруг Ла Горда ринулась вниз с предельной скоростью, но, вместо того, чтобы

врезаться в землю, мягко остановилась.

В момент приземления Ла Горды зуд в центре моего живота превратился в весьма мучительную нервную боль. Казалось, что от этого приземления все мои внутренности вывернуло наизнанку. Я во весь голос завопил от боли.

Ла Горда стояла возле меня, отчаянно переводя дыхание. Я сидел. Мы снова находились в комнате дома дона Хенаро.

Ла Горда никак не могла отдышаться. Она была мокрой от пота. – Мы должны убраться отсюда, – пробормотала она. Затем была недолгая поездка к дому сестричек. Ни одной из них поблизости не было. Ла Горда зажгла лампу и повела меня прямо в открытую дверь к задней части дома. Там она разделась и попросила обмыть ее, как лошадь, бросая воду на ее тело. Я взял небольшой ушат, наполненный водой, и начал лить на нее понемногу, но она попросила, чтобы я окатил ее.

Она объяснила, что такой контакт с союзниками вызывает очень вредную испарину, которую необходимо немедленно смыть. Она заставила меня раздеться и облила водой, холодной, как лед. Она дала мне чистый кусок ткани и мы насухо вытерлись, возвращаясь в дом. Она села на небольшую постель в передней комнате, повесив на стену лампу. Ее колени были подняты и я мог видеть каждую часть ее тела. Сжав ее в объятиях, я понял, что имела в виду донья Соледад, когда говорила, что Ла Горда – женщина Нагваля. Она была бесформенной, как и сам Нагваль. О ней, наверное, невозможно было бы думать как о женщине.

Я стал одеваться. Она забрала у меня одежду и сказала, что прежде чем надеть ее снова, ее необходимо высушить на солнце, и дала мне одеяло, чтобы набросить его на плечи, а себе взяла другое.

– Эта атака союзников была действительно жуткой, – сказала она, когда мы сели на постель. – Нам очень повезло, что мы смогли вырваться из их хватки. Я не знала, почему Нагваль велел мне идти с тобой к дому Хенаро. Теперь знаю. Этот дом является местом, где союзники сильнее всего. Нам повезло, что я знала, как выйти.

– Как ты это сделала, Горда?

– Я действительно не знаю, – сказала она. – Я просто сделала это. Я думаю, что мое тело знало, но когда я хотела обдумать свои действия, у меня ничего не получилось.

Это было серьезным испытанием для нас обоих. Вплоть до

сегодняшнего дня я не знала, что смогу открыть глаз, но посмотри что я сделала. Я действительно открыла его, как и говорил мне Нагваль. До твоего приезда это у меня никогда не получалось. Я пыталась, но это никогда не срабатывало. На этот раз страх перед союзниками заставил меня открыть глаз так, как говорил мне Нагваль – встряхнув его четыре раза по всем направлениям. Он сказал мне, что я должна встряхнуть его, как простыню, а затем открыть, как дверь, держа прямо за середину. Остальное было очень просто. Когда дверь была открыта, я почувствовала сильный ветер, тянущий меня, а не уносящий прочь. Нагваль говорил, что трудно вернуться. Нужно быть очень сильным, чтобы сделать это. Нагваль, Хенаро и Элихио легко могли входить в этот глаз и выходить из него.

Для них глаз не был глазом; они говорили что это был оранжевый свет, похожий на солнце. И Нагваль и Хенаро летали в этом оранжевом свете. Я очень много тогда весила; Нагваль сказал, что когда я летаю, то распластываюсь и выгляжу как кусок коровьего помета в небе. Я не имею светимости. Поэтому возвращение так опасно для меня. Сегодня вечером ты помог мне и дважды вытащил меня обратно. Причина, по которой я показала тебе свой полет сегодня вечером, – приказ Нагваля позволить тебе *увидеть* это, как бы после этого ни было трудно и мерзко. Предполагалось, что я помогу тебе своим полетом точно так же, как ты помог мне, показав своего дубля. Я *видела* весь твой маневр из-за двери. Ты был так поглощен чувством жалости к Хосефине, что твое тело не заметило моего присутствия. Я *видела*, как твой дубль вышел из макушки. Он выполз, как червь. Я *видела* дрожь, которая началась в твоих ногах и прошла по всему твоему телу, и твой дубль вышел. Он был похож на тебя, но очень сиял. Он был похож на самого Нагваля. Именно поэтому сестры и оцепенели. Я знаю, они подумали, что это был сам Нагваль. Однако я не смогла *увидеть* всего. Я пропустила звук, так как не уделила ему внимания.

– Прости, не понял.

– Дубль требует огромного количества внимания. Нагваль дал это внимание тебе, но не мне. Он сказал, что уже исчерпал эту возможность.

Она говорила что-то еще об определенном роде внимания, но я уже слишком устал. Я уснул так внезапно, что не успел отложить в сторону свои заметки.

Глава четвертая

ХЕНАРОС

Я проснулся около восьми утра и обнаружил, что Ла Горда уже высушила на солнце мою одежду и приготовила завтрак. Мы ели на кухне, на обеденной площадке. Закончив завтрак, я спросил о Лидии и Хосефине. Казалось, они исчезли из дома.

– Они помогают Соледад, – сказала Ла Горда. – Она готовится к отъезду.

– Куда она собирается?

– Куда-нибудь подальше отсюда. У нее нет больше причин оставаться здесь. Она ждала тебя и ты уже приехал.

– Сестрички собираются вместе с ней?

– Нет. Они просто не хотят сегодня быть здесь. Похоже, им сегодня здесь находиться не стоит.

– Почему не стоит?

– Сегодня Хенарос приходят повидаться с тобой, а девочки не ладят с ними. Если соберутся все вместе, между ними начнется самая ужасная борьба. В прошлый раз они чуть не поубивали друг друга.

– Они борются физически?

– Можешь не сомневаться. Все они сильные, и никто из них не хочет быть на вторых ролях. Нагваль предупреждал, что так и будет, но я бессильна остановить их. Более того, я вынуждена принимать чью-то сторону, так что получается та еще кутерьма.

– Откуда ты знаешь, что Хенарос придут сегодня?

– Я не виделась с ними. Я просто знаю, что сегодня они будут здесь, вот и все.

– Ты знаешь это, потому что *видишь*, Горда?

– Правильно. Я *вижу* их идущими. И один из них идет прямо к тебе, потому что ты тянешь его.

Я заверил ее, что никого персонально не тяну. Я добавил, что никому и не заикался о цели своей поездки, но предпринял ее, чтобы выяснить кое-что у Паблито и Нестора.

Сдержанно улыбнувшись, она сказала, что судьба свела меня с

Паблито, так как мы очень похожи, и прежде всего, несомненно, именно он рассчитывает увидеть меня. Ла Горда добавила, что все происходящее с воином можно интерпретировать как знак. Следовательно, мое столкновение с Соледад было знаком о том, что именно мне предстоит выяснить в этот мой приезд. Я попросил ее объяснить, что она хочет этим сказать.

– Сейчас мужчины дадут тебе очень мало, – сказала она. – Это именно женщины разорвут тебя на клочки, как это делала Соледад. Вот что я хотела тебе сказать, если только правильно поняла знак. Ты ждешь Хенарос, но они мужчины, подобные тебе. И обрати внимание на другой знак: они чуть-чуть позади. Я бы сказала – на пару дней позади. Твоя судьба, как и у них, мужчин, – быть на несколько дней позади.

– Позади чего, Горда?

– Позади всего. Позади нас, женщин, например.

Она засмеялась и погладила меня по голове.

– Неважно, что ты упрям, – сказала она. – Ты убедишься в моей правоте. Жди и смотри.

– Разве Нагваль говорил тебе о том, что мужчины позади женщин? – спросил я.

– Конечно, – ответила она. – Все, что ты должен делать, – это смотреть вокруг.

– Я так и делаю, Горда. Но я не вижу ничего подобного. Женщины всегда позади. Они зависят от мужчин.

Она засмеялась. В ее смехе не было ни пренебрежения, ни язвительности. Он скорее был выражением чистого веселья.

– Ты знаешь мир людей лучше, чем я, – твердо сказала она. – Но я уже бесформенная, а ты – нет. Я говорю тебе – женщины как маги лучше, потому что перед нашими глазами есть трещина, а перед вашими нет.

Она не казалась сердитой, но я счел нужным объяснить, что задавал вопросы или делал замечания не потому, что нападал или защищался, а потому, что мне хотелось поговорить с ней.

Она сказала, что только и делает, что говорит со мной с тех пор, как мы встретились, и что Нагваль для этого и научил ее разговаривать.

– Все, что мы говорим, – продолжала она, – является отражением мира людей. Ты поймешь еще до отъезда, что ты говоришь и действуешь так только потому, что цепляешься за свою

человеческую форму, как Хенарос и сестрички – за свою, когда стремятся убить друг друга.

– Но разве вы не обязаны сотрудничать с Паблито и Нестором?

– Хенаро и Нагваль сказали всем нам, что мы должны жить в гармонии, помогать и защищать друг друга – потому что мы одиноки в этом мире. Мы вчетвером оставлены на попечение Паблито, но он трус. Если бы это зависело от него, то он бросил бы нас подыхать, как собак. Впрочем, когда Нагваль был здесь, Паблито был очень любезен с нами и очень о нас заботился. Мы обычно поддразнивали его и шутили, что он заботится о нас так, словно мы его жены. Нагваль и Хенаро сказали ему перед уходом, что у него есть реальный шанс стать Нагвалем, так как мы могли бы стать его четырьмя ветрами, его четырьмя сторонами света. Паблито воспринял это как свое задание и с тех пор изменился. Он просто невыносим и стал вести себя и командовать нами так, словно мы в действительности были его женами.

Я спросила Нагваля о шансах Паблито и он сказал мне, что я должна знать, что в мире война все зависит от личной силы, а личная сила зависит от безупречности. Если бы Паблито был безупречен, он имел бы шанс. Я засмеялась, услышав это: я знаю Паблито очень хорошо. Но Нагваль объяснил, что нельзя относиться к этому легкомысленно. Он сказал, что у воинов всегда есть шанс, пусть даже и незначительный. Он заставил меня понять, что я воин и не должна препятствовать Паблито своими мыслями. Он сказал также, что я должна устранить их и предоставить Паблито самому себе, что безупречное действие для меня – это помогать Паблито, что бы там ни было мне о нем известно.

Я поняла то, что сказал Нагваль. Кроме того, у меня есть собственный долг перед Паблито, и я всегда при случае помогала ему. Но я знала, что, несмотря на мою помощь, он все равно потерпит неудачу. Я также знала, что у него нет того, что делало бы его подобным Нагвалю. Из-за своей небезупречности он просто жалок, но все еще хочет стать Нагвалем.

– Как он потерпел неудачу?

– Когда Нагваль ушел, у Паблито произошла смертельная схватка с Лидией. Несколько лет тому назад Нагваль дал ему задание стать мужем Лидии, но только для видимости. Местные жители думали, что она его жена. Лидии это было неприятно. Она очень вспыльчивая. Дело в том, что Паблито всегда боялся ее до смерти.

Они никогда не могли поладить друг с другом и терпели друг друга только потому, что рядом был Нагваль. Но когда он ушел, Паблито стал еще более ненормальным, чем был, и пришел к убеждению, что у него достаточно личной силы, чтобы сделать нас своими женами. Трое Хенарос собрались вместе, обсудили дальнейшие действия Паблито и решили, что сначала он должен взяться за самую несговорчивую женщину, Лидию. Дождавшись, когда она останется одна, все трое вошли в дом, схватили ее за руки, повалили на постель, и Паблито взобрался на нее. Сначала она думала, что Хенарос шутят. Но когда она поняла, что у них серьезные намерения, то ударила Паблито головой в середину лба и чуть не убила его. Хенарос убежали, а Нестору пришлось несколько месяцев лечить рану Паблито.

– Могу ли я хоть чем-то помочь им?

– Нет. К несчастью, их проблема заключается не в понимании. Все шестеро очень хорошо все понимают. На самом деле трудность в чем-то ином, очень угрожающем и ничто не может помочь им. Они индугируют в попытке остаться неизменными. Так как они знают, что сколько бы они ни пытались, нуждались или хотели, но успеха в изменении не добьются, то вообще отказались от всяких попыток. Это так же неправильно, как и чувствовать себя обескураженным своими неудачами при попытке изменения. Нагваль говорил каждому из них, что воины – как мужчины, так и женщины – должны быть безупречными в своих усилиях измениться, чтобы вспугнуть свою человеческую форму и стряхнуть ее. Как сказал Нагваль, после многих лет безупречности наступит момент, когда форма не сможет больше выдержать и уйдет, как она покинула меня. Конечно, при этом она повреждает тело и может даже убить его, но безупречный воин всегда выживет. Внезапный стук в дверь прервал ее. Ла Горда встала и пошла открывать. Это была Лидия. Она как-то очень официально приветствовала меня и попросила Ла Горду пойти вместе с ней. Они ушли.

Я был рад остаться в одиночестве. Несколько часов я работал над своими заметками. На открытой обеденной площадке было светло и прохладно.

Ла Горда вернулась около полудня. Она спросила меня, хочу ли я есть. Я не был голоден, но по ее настоянию поел. Она сказала, что контакты с союзниками очень изнурительны и что она чувствует

себя очень слабой.

После еды я сел вместе с Ла Гордой и собрался расспросить ее о «свидении», но внезапно дверь отворилась, и вошел Паблито. Он часто и тяжело дышал. Видимо, он бежал и был очень возбужден. С минуту он стоял у двери, переводя дыхание. Он мало изменился. Пожалуй, он выглядел немного старше, может быть, чуть массивнее или, может быть, только более мускулистым. Однако он все еще оставался таким же худощавым и жилистым. Он был бледен, словно давно не был на солнце. Яркость его глаз контрастировала с едва заметными признаками утомления на лице. Я помнил очаровательную улыбку Паблито, а когда он стоял там, глядя на меня, его улыбка была столь же прекрасной, как и всегда. Он подбежал ко мне и молча схватил за руки. Я встал, а он слегка встряхнул и обнял меня. Я тоже был рад видеть его и подпрыгивал от радости, как ребенок. Я не знал, что скачать. Наконец, он нарушил молчание.

– Маэстро, – сказал он радостно, слегка наклоняя голову как бы в знак преклонения передо мной.

Титул «маэстро» – «учитель», застал меня врасплох. Я обернулся, как бы ища кого-то, кто находился прямо за мной. Я умышленно утрировал свои движения, чтобы показать свое недоумение. Он улыбался, и единственное, что пришло мне в голову, это спросить, как он узнал о моем приезде.

Он сказал, что Нестора и Бениньо заставило спешно вернуться необычайно сильное предчувствие. Оно заставило их бежать сутки без передышки. Нестор пошел домой, чтобы узнать, нет ли там чего-то, объясняющего их ощущения. Бениньо пошел в городок к Соледад, а он сам – к дому девушек.

– Ты попал в точку, Паблито. – сказала Ла Горда и засмеялась.

Паблито не ответил и свирепо посмотрел на нее, – Я уверен, что ты собираешься вывести меня из себя, – сказал он очень гневно.

– Не борись со мной, Паблито, – спокойно ответила Ла Горда.

Паблито повернулся ко мне и извинился, а затем очень громко добавил, словно хотел, чтобы кто-то еще услышал его, что он принес с собой собственный стул, чтобы сидеть на нем и ставить его там, где ему захочется.

– Вокруг никого нет, кроме нас, – мягко сказала Ла Горда и фыркнула.

– В любом случае я внесу свой стул, – сказал Паблито. – Ты не

против, Маэстро?

Я выглянул на Ла Горду. Она подала мне едва заметный знак разрешения кончиком ступни.

– Вноси, вноси все, что хочешь, – сказал я.

Паблито вышел из дому.

– Они такие всегда, – сказала Ла Горда. – Все трое.

Спустя несколько минут Паблито вернулся, неся на плечах необычного вида стул. Форма стула совпадала с очертаниями его спины, так что, когда он нес его на спине в перевернутом виде, стул был похож на рюкзак.

– Можно мне поставить его? – спросил он.

– Конечно, – сказал я, отодвигая скамейку, чтобы освободить место.

Он засмеялся с преувеличенной непринужденностью.

– Разве ты не Нагваль? – спросил он. – Или ты должен ожидать распоряжения?

– Я Нагваль, – шутливо ответил я, чтобы ублажить его.

Я чувствовал, что он ищет повод для ссоры с Ла Гордой. Она, должно быть, тоже почувствовала это, потому что извинилась и вышла в заднюю часть дома.

Паблито положил руки на спинку стула. Затем он взял стул в одну руку, развернул его и сел, заложив руки за спинку, что позволяло ему сидеть на нем с максимальным удобством. Я сел напротив. С уходом Ла Горды его настроение совершенно изменилось.

– Я должен попросить у тебя прощения за свое поведение, – улыбаясь, сказал он. – Но мне нужно были отделаться от этой ведьмы.

– Разве она такая плохая, Паблито?

– Можешь не сомневаться в этом, – ответил он.

Чтобы переменить тему, я сказал, что он выглядит прекрасно.

– Ты сам выглядишь прекрасно, Маэстро, – сказал он.

– Что за бред, какой я тебе Маэстро? – спросил я насмешливо.

– Многое изменилось, – сказал он – Мы находимся в новых условиях и Свидетель говорит, что ты теперь Маэстро, а Свидетель не ошибается. Но он сам расскажет тебе эту историю. Он скоро здесь появится и рад будет видеть тебя снова. Когда мы возвращались обратно, мы все почувствовали, что ты, видимо, уже в пути, но никто из нас не почувствовал, что ты уже прибыл.

Тут я сказал, что приехал с единственной целью – увидеть его и

Нестора и что только с ними я могу поговорить о нашей последней встрече с доном Хуаном и доном Хенаро, и рассеять мою неуверенность по поводу этой встречи.

— Мы связаны друг с другом, — сказал он. — Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе. Однако я должен предупредить, что я не такой сильный, как ты думаешь. Лучше бы нам, наверное, не говорить вообще. Но, с другой стороны, если мы не поговорим, то никогда ничего не поймем.

Тщательно подбирая слова, я объяснил, что все мое затруднительное положение заключается в одном-единственном рациональном вопросе.

— Скажи мне, Паблито, — спросил я. — Мы действительно прыгнули в пропасть?

— Я не знаю, — ответил он. — Я действительно не знаю.

— Но ведь ты был рядом со мной?

— В том-то и дело. Был ли я там в самом деле?

Я был раздражен его загадочными ответами. У меня было такое чувство, что если бы я встряхнул его или стиснул, что-то в нем бы освободилось. Мне казалось, что он намеренно утаивает нечто важное. Я сказал, что он, видимо, решил быть скрытным со мной, хотя нас и связывают узы полного доверия.

Паблито качнул головой, как бы молча возражая против моего обвинения.

Я попросил его описать все переживания, начиная с момента, когда дон Хуан и дон Хенаро готовили нас к заключительному прыжку.

Ответ Паблито был невнятным и путаным. Все, что он мог вспомнить о последних минутах перед нашим прыжком в пропасть, — это то, что дон Хуан и дон Хенаро попрощались с нами и скрылись в темноте. В тот момент его сила иссякла и он был на грани срыва, но я взял его за руку и подвел к краю пропасти, и там он отключился.

— Что случилось потом, после того как ты отключился, Паблито?

— Я не знаю.

— Были ли у тебя видения? Что ты видел?

— Что касается меня, то у меня не было никаких видений, а если и были, то я не мог уделить им должного внимания. Мое отсутствие безупречности мешает мне вспомнить их.

— А потом что случилось?

– Я проснулся на старом месте Хенаро. Не знаю, как я туда попал. Он замолчал, а я лихорадочно подыскивал в уме какой-нибудь вопрос или критическое замечание в надежде разговорить его. Фактически в ответе Паблито не было ничего, что могло бы помочь объяснить случившееся. Я почувствовал себя обманутым и почти рассердился. Мною овладело смешанное чувство разочарования в Паблито и жалости к нам обоим.

– Мне жаль, что я так разочаровал тебя, – сказал Паблито. Моей мгновенной реакцией на его слова было скрыть свои ощущения и заверить его, что я вовсе не разочарован.

– Я маг, – сказал он, – скверный маг, но этого достаточно, чтобы знать, что мое тело говорит мне. И сейчас оно говорит мне, что ты на меня сердишься.

– Я не сержусь, Паблито! – воскликнул я.

– Это говорит твой разум, но не твоё тело, – сказал он. – Твоё тело сердится. Твой разум, однако, не находит причины сердиться на меня – так что ты попал под перекрестный огонь. Самое малое, что я могу для тебя сделать – так это распутать все это. Твоё тело сердится, так как оно знает, что я небызупречен и что только безупречный воин может помочь тебе. Твоё тело сердится потому, что знает, что я опустошаю тебя. Оно поняло это в ту минуту, когда я вошел в эту дверь.

Я не знал, что сказать и почувствовал внезапный приступ раскаяния. По-видимому, он был прав, когда говорил, что мое тело знало все это. Во всяком случае, прямота его тирады притупила остроту моего разочарования. Я спросил себя, не играет ли сейчас Паблито в какую-то игру со мной? Мне показалось, что с его прямотой и уверенностью он, видимо, не мог быть таким слабым, каким изобразил себя. Я сказал ему об этом.

– Моя слабость привела к тому, что у меня даже появилось томление, – сказал он шепотом. – Я томлюсь по жизни обычного человека. Можешь ли ты поверить в это?

– Этого не может быть, Паблито! – воскликнул я.

– Может, – ответил он. – Я тоскую по своей привилегии ходить по земле как обычный человек, без этого ужасного бремени.

Я нашел его позицию просто невозможной и снова и снова восклицал, что этого не может быть. Паблито посмотрел на меня и вздохнул. Внезапно меня осенило. Он, по-видимому, готов был разрыдаться. Мое понимание этого повлекло за собой интенсивное

сочувствие. Никто из нас не мог помочь друг другу.

В этот момент на кухню вернулась Ла Горда. Паблито, казалось, мгновенно оживился. Он вскочил на ноги и затопал по полу.

– Какого дьявола тебе надо!? – завопил он визгливым нервным голосом. – Почему ты шныряешь вокруг?

Ла Горда обратилась ко мне, словно его и не существовало. Она вежливо сказала, что собирается пойти в дом к донье Соледад.

– На кой черт нам беспокоиться, куда ты идешь? – взвизгнул он. – Можешь отправляться хоть к чертовой матери.

Он затопал по полу, как капризный ребенок, тогда как Ла Горда стояла улыбаясь.

– Давай уйдем из этого дома, Маэстро, – громко сказал он.

Его внезапный переход от печали к гневу заворожил меня. Я целиком ушел в наблюдение за ним. Одной из его характерных черт, которые меня изумляли, была необыкновенная легкость движений. Даже когда он топал ногами, движения его были грациозны.

Внезапно он протянул руку над столом и чуть не вырвал мой блокнот. Он схватил его большим и указательным пальцами правой руки. Мне пришлось удерживать его изо всех сил обеими руками. В его тяге была огромная сила, так что если бы он действительно хотел забрать блокнот, он сделал бы это без труда. Но он отпустил его и когда он убирал руку, у меня появилось мимолетное впечатление, что она чем-то удлинена. Это случилось так быстро, что я мог объяснить это иллюзией, вызванной внезапностью толчка, произведенного огромной силой его попытки выдернуть блокнот. Но я был уже научен тому, что нельзя объяснять действия этих людей обычным образом, поэтому не стал и пытаться.

– Что у тебя в руке, Паблито? – спросил я.

Он отпрянул и изумленно спрятал руку за спину, смущенно пробормотав, что нам надо поскорее оставить этот дом, так как здесь ему становится дурно.

Ла Горда громко рассмеялась и сказала, что Паблито такой же хороший притворщик, как Хосефина, а может даже и лучше. И если я буду настаивать, чтобы он сказал, что у него в руке, он упадет в обморок и Нестору придется выхаживать его несколько месяцев.

Паблито начал задыхаться. Его лицо побагровело. Ла Горда

равнодушно велела ему прекратить представление, потому что у него нет аудитории. Она уходит, а у меня не хватит терпения. Затем она обернулась ко мне и властно сказала, чтобы я не ходил к Хенарос.

– Почему, к дьяволу, нет? – завопил Паблито и подскочил к ней, словно пытаясь помешать ей уйти. – Какое нахальство! Говорить Маэстро, что он должен делать!

– У нас была стычка с союзниками прошлой ночью, – сказала Ла Горда Паблито как само собой разумеющееся. – Нагваль и я еще не пришли в себя после этого. Я бы на твоём месте, Паблито, уделила внимание работе. Ситуация изменилась. Все изменилось после его приезда.

Ла Горда вышла через переднюю дверь. Я начал понимать, что она действительно выглядит очень усталой. То ли ее туфли были ей чересчур тесны, то ли она была настолько слаба, что едва волочила ноги. Она казалась маленькой и хрупкой.

Я подумал, что, должно быть и сам выгляжу усталым. Так как в доме не было зеркал, мне захотелось выйти наружу и посмотреть на себя в боковое зеркальце моей машины. Я, наверное, так бы и сделал, но Паблито помешал мне. Очень искренне он попросил меня не верить ни слову из того, что она сказала о нем как о притворщике. Я предложил ему не беспокоиться об этом.

– Ты страшно не любишь Ла Горду, правда? – спросил я.

– Можешь повторить еще раз, – сказал он с лютым видом. – Ты лучше других знаешь, как опасны эти женщины. Нагваль сказал, что однажды ты приедешь сюда и попадешь к ним в лапы. Он умолял нас быть начеку и предупредить тебя об их замыслах.

Нагваль сказал, что у тебя имеется одна из четырех возможностей: если бы наша сила была достаточной, мы могли бы привести тебя к себе предостеречь и спасти тебя; если бы у нас было мало силы, то мы пришли бы сюда как раз для того, чтобы увидеть твой труп; третьей – было бы найти тебя пленником доньи Соледад или одной из этих омерзительных баб; четвертой и самой неправдоподобной было бы найти тебя живым и здоровым.

Нагваль сказал, что если ты останешься в живых, ты сам станешь Нагвалем и мы должны будем верить тебе, потому что только ты сможешь нам помочь.

– Я сделаю для тебя все что смогу, Паблито. Ты знаешь это.

– Не только для меня. Я не один. Свидетель и Бениньо со мной.

Мы вместе, и ты должен помочь всем нам.

– Конечно, Паблито. Об этом не может быть и речи.

– Люди здесь, в округе, никогда не беспокоили нас. Все наши проблемы связаны с этими безобразными мужеподобными уродинами. Мы не знаем, что делать с ними. Нагваль приказал нам оставаться возле них несмотря ни на что. Раньше я был очень счастлив. Теперь я, кажется, больше не смогу наладить свою жизнь.

– Что случилось, Паблито?

– Эти ведьмы выжили меня из дому. Они взяли верх и выбросили меня из дому, как мусор. Теперь я живу в доме Хенаро вместе с Нестором и Бениньо. Нагваль сказал, что такое может случиться, и дал Ла Горде задание быть посредником между нами и этими тремя суками, но Ла Горда все еще остается такой, какой Нагваль обычно называл ее – Двести Двадцать Задниц. Он дал ей это прозвище потому, что она весила двести двадцать фунтов, и она носила его много лет.

При воспоминании о Ла Горде Паблито фыркнул от смеха.

– Она была самой жирной и вонючей недотепой, какую только можно представить, – продолжал он. – Сейчас она весит вдвое меньше, но по своему уму все еще остается такой же толстой и ленивой и ничего не может сделать для нас. Но теперь ты здесь, Маэстро, и наши беды позади. Теперь нас четверо против четверых. Я хотел вставить замечание, но он остановил меня.

– Позволь мне закончить то, что я хотел сказать, прежде чем эта ведьма вернется обратно, чтобы вышвырнуть меня, – сказал он, нервно поглядывая на дверь. – Я знаю, что они сказали тебе, что вы пятеро – одно и то же, так как вы – дети Нагваля. Это ложь! Ты подобен и нам, Хенарос, потому что Хенаро помогал тебе формировать твою светимость. Ты тоже один из нас. Понимаешь, что я имею в виду? Так что не верь тому, что они говорят. Точно так же ты принадлежишь и нам. Ведь они не знают, что Нагваль рассказал нам все. Они думают, что только они все знают. Нас сделали два толтека. Мы – дети обоих. Эти ведьмы...

– Постой-постой, Паблито, – сказал я, закрыв ему рот рукой.

Он остановился, очевидно испуганный моим внезапным жестом.

– Что ты имеешь в виду, говоря, что понадобились два толтека для того, чтобы сделать нас?

– Нагваль говорил нам, что мы – толтеки. Он сказал нам, что толтек – это получатель и хранитель тайн. Нагваль и Хенаро –

толтеки. Они дали нам свою особую святость и свои тайны. Мы получили тайны, и теперь храним их.

Использование им слова «толтек» озадачило меня. Я был знаком только с его антропологическим значением. В этом контексте оно относилось к культуре говорящего на языке науатль народа в Центральной и Южной Мексике, которая ко времени Конкисты уже угасала.

– Почему он называл нас толтеками? – спросил я в полном недоумении.

– Потому что мы ими являемся. Вместо того, чтобы называть нас магами или колдунами, он говорил, что мы – толтеки.

– Если это так, то почему ты называешь сестричек ведьмами?

– А, это потому, что я ненавижу их. Это не имеет никакого отношения к тому, чем мы являемся.

– Нагваль говорил это всем?

– Да, конечно. Все знают это.

– Но он никогда не говорил этого мне.

– Ну, это потому, что ты очень образованный человек и всегда начинаешь обсуждать любую ерунду.

Он пронзительно рассмеялся и похлопал меня по спине.

– Нагваль случайно не говорил тебе, что толтеки были древним народом, который жил в этой части Мексики? – спросил я.

– Видишь, куда тебя заносит. Вот поэтому он и не говорил тебе. Старый ворон, наверное, и не знал, что толтеки были древним народом.

Смеясь, он стал раскачиваться на своем стуле. Смеялся он очень заразительно и с большим удовольствием. Потом встал и прошел к кухонной плите. Изучив содержимое горшка, стоявшего на малом огне, он спросил, кто приготовил эту еду. Я был совершенно уверен, что это дело рук Ла Горды, но ответил, что не знаю. Он несколько раз принюхался к нему короткими вдохами, как собака, и заявил, что нос говорит ему: еду готовила Ла Горда. Он спросил меня, пробовал ли я это, и когда я сказал, что закончил есть как раз перед его приходом, он взял миску с полки и положил себе огромную порцию. Он настоятельно порекомендовал мне есть только пищу, приготовленную Ла Гордой и пользоваться только ее миской, как это делает он сам. Я ответил, что Ла Горда и сестрички подавали мне еду в темной миске, которую держали на полке отдельно от остальной посуды. Он сказал, что она

принадлежала самому Нагвалю. Мы вернулись к столу Он ел молча и очень медленно. Его полная сосредоточенность заставила меня осознать, что в полном молчании все они ели всегда.

– Ла Горда – великая повариха, – сказал он, закончив есть, – Она обычно кормила меня. Это было много лет назад, когда она еще не ненавидела меня – до того, как она стала ведьмой, я имею в виду – толтеком.

Он посмотрел на меня с искоркой в глазах и подмигнул.

Я почувствовал себя обязанным ответить ему, что Ла Горда не производит на меня впечатления человека, способного кого-то ненавидеть. Я поинтересовался, знает ли он, что она потеряла свою форму.

– Это сплошной вздор! – воскликнул он.

Он уставился на меня, как бы оценивая мой удивленный взгляд, а затем закрыл лицо рукой и захихикал, как смущенный ребенок.

– Ну, хорошо – она действительно сделала это, – сказал он. – Она просто великолепна.

– Почему же тогда ты не любишь ее?

– Я хочу кое-что рассказать тебе, Маэстро, потому что верю тебе. Неправда, что я совершенно не люблю ее. Она самая лучшая. Она – женщина Нагваля. Просто я веду себя с ней так, потому что мне нравится, когда она балует меня, и она делает это. Она никогда на меня не раздражается. Я могу делать все что угодно. Иногда меня заносит, мною овладевает физическое возбуждение и я хочу отколотить ее. Когда это случается, она просто отходит в сторону, как это обычно делал Нагваль. В следующий момент она даже не помнит, что я сделал. Это настоящий бесформенный воин для тебя. Она ведет себя точно так же со всеми. Но остальные для нас – сущий кошмар. Мы по-настоящему плохие. Те три ведьмы ненавидят нас, а мы ненавидим их.

– Вы – маги, Паблито. Неужели вы не можете прекратить ваши пререкания?

– Конечно же можем, но не хотим. Ты что, ждешь от нас, что мы будем братьями и сестрами?

Я не знал, что сказать.

– Они были женщинами Нагваля, – продолжал он. – И все же все ожидали, что возьму их я. Как, во имя неба, я должен был сделать это! Я сделал попытку с одной, но вместо того, чтобы помочь мне, ублюдочная ведьма чуть не убила меня. В результате теперь эти

бабы остерегаются меня, словно я совершил преступление. Все, что я делал – это выполнял инструкции Нагваля. Он сказал мне, что я должен вступить в интимную связь с каждой из них по очереди, пока я не смогу владеть всеми вместе. Но я не мог вступить в интимную связь даже с одной.

Я хотел спросить его о его матери, донье Соледад, но не мог придумать предлог, чтобы перевести разговор на эту тему. С минуту мы молчали.

– А ты ненавидишь их за то, что они пытались сделать с тобой, или нет? – внезапно спросил он.

Я увидел свой шанс.

– Нет, ничуть, – сказал я. – Ла Горда объяснила мне их мотивы. Но вот нападение доньи Соледад было очень жутким. Ты часто видишься с ней?

Не отвечая, он смотрел в потолок. Я повторил свой вопрос, но вдруг заметил, что его глаза полны слез. Его тело конвульсивно вздрагивало от тихих рыданий.

Он сказал, что когда-то у него была прекрасная мать, которую я, без сомнения, помню и сам. Ее звали Мануэлитой; святая женщина, которая поставила на ноги двух своих детей, работая ради этого, как мул. Он испытывал самое глубокое почтение к женщине, которая любила и растила его. Но однажды его несчастливая судьба привела его к встрече с Хенаро и Нагвалем и они, действуя совместно, разрушили его жизнь. Очень эмоционально Паблито сказал, что эти два дьявола взяли его душу и душу его матери. Они убили его Мануэлитой и оставили вместо нее эту жуткую ведьму Соледад. Он посмотрел на меня глазами, полными слез, и сказал, что эта отвратительная женщина – не его мать. Она никак не могла быть его Мануэлитой.

Он неудержимо рыдал. Я не знал, что сказать. Его эмоциональный взрыв был таким неподдельным, а слова такими правдивыми, что на меня нахлынула волна сентиментальности. Мысля как обычный цивилизованный человек, я должен был согласиться с ним. То, что его путь пересекался с путем доня Хуана и доня Хенаро, безусловно, выглядело как несчастье для Паблито.

Я положил руку ему на плечо и сам едва не заплакал.

После долгого молчания он встал и прошел вглубь дома. Я услышал, как он прочищает нос и умывается в бадье. Когда он вернулся, он был спокойнее и даже улыбался.

– Не пойми меня неправильно, Маэстро, – сказал он, – в том, что случилось со мной, я никого не виню. Это была моя судьба. Хенаро и Нагваль действовали как безупречные воины. Я просто слаб, вот и все. Потому я и потерпел неудачу при выполнении своего задания. Нагваль сказал, что мой единственный шанс избежать нападения этой ужасной ведьмы – это овладеть четырьмя ветрами и сделать их четырьмя сторонами света. Но я потерпел неудачу. Эти женщины были в сговоре с Соледад и не захотели помочь мне. Нагваль говорил, что если я потерплю неудачу, у тебя самого не останется никаких шансов. Если бы она убила тебя, то я должен был спастись и бежать ради спасения своей жизни. Правда, он сомневался, что я успею добраться даже до дороги. Он сказал, что, располагая твоей силой вдобавок к тому, что эта ведьма уже знает, она будет несравненной. Поэтому когда я потерпел неудачу в своей попытке овладеть четырьмя ветрами, я понял, что пропал. И, разумеется, возненавидел этих женщин. Но сегодня Маэстро ты снова дал мне надежду.

Я сказал, что его чувства к матери глубоко тронули меня. Но все происшедшее настолько потрясло и ужаснуло меня, что я сомневаюсь что сейчас могу дать ему хоть какую-то надежду.

– Дал! – убежденно воскликнул он. – Все это время я ужасно себя чувствовал. Любому станет не по себе, если тебя будет преследовать собственная мать с топором к руке. Но теперь она выбыла из игры благодаря тебе и тому, что ты сделал.

Эти женщины убеждены в том что я трус, и поэтому ненавидят меня. В их тупых головах не укладывается, что мы просто разные. Ты и эти четверо женщин отличаетесь от меня, Нестора и Бениньо в одном. Все вы были, можно сказать мертвы до того, как Нагваль нашел вас. Он говорил мне, что вы даже пытались покончить с собой. Мы не такие. Мы были благополучными, жизнерадостными и счастливыми. Мы противоположны вам. Вы – отчаявшиеся люди. Мы – нет. Если бы Хенаро не встретился на моем пути, я был бы счастливым плотником. А может, уже бы и умер. Это не имеет значения. Я делал бы то, что мог, и это было бы прекрасно. Его слова вызвали у меня любопытное настроение. Я вынужден был признать, что он прав – и эти женщины и я на гамом деле были людьми отчаявшимися. Если бы я не встретил дона Хуана, то, несомненно, был бы мертв. Но я не мог сказать, как Паблито, что в любом случае я чувствовал бы себя прекрасно. Дон Хуан дал

жизнь и энергию моему телу и свободу моему духу.

Утверждения Паблито заставили меня вспомнить слова дона Хуана об одном старике, моем друге. Дон Хуан сказал очень выразительно, что жизнь или смерть этого старика не имеют абсолютно никакого значения. Я почувствовал некоторое раздражение, так как подумал, что дон Хуан хватил через край. Я сказал, что конечно, жизнь или смерть этого старика не имеют никакого значения, поскольку все в мире имеет какое-то значение только лично для каждого из нас.

– Ты сказал! – воскликнул он и засмеялся, – Это именно то, что я имею в виду. Жизнь и смерть этого старика не имеют значения для него лично. Он мог бы умереть в 1929, или в 1950, или жить до 1995 года. Это не имеет значения. Все одинаково бестолково для него.

До встречи с доном Хуаном вся моя жизнь протекала по этому руслу. Ничто никогда не было важным для меня. Я действовал так, как если бы определенные вещи волновали меня, но это было только рассчитанной уловкой, чтобы казаться чувствительным человеком.

Заговорив, Паблито прервал мои размышления. Он спросил, не задел ли он моих чувств. Я заверил его, что это пустяки.

Продолжая разговор я поинтересовался, как он встретился с доном Хенаро.

– Моя судьба пришла в виде болезни моего хозяина, – сказал он. – Мне пришлось пойти вместо него на городской рынок, чтобы построить там новую секцию мануфактурных киосков. Я работал там два месяца. Там я встретил дочь владельца одного из киосков.

Мы влюбились друг в друга. Я сделал прилавок киоска ее отца немного пошире, чтобы мы могли заниматься любовью под стойкой, а ее сестра в это время обслуживала покупателей.

Однажды Хенаро принес торговцу напротив мешок лекарственных трав и во время разговора с ним заметил, что прилавок мануфактурной лавки сотрясается. Он внимательно посмотрел на стойку, но увидел только полусонную сестру, сидящую на стуле. Тот человек сказал Хенаро, что каждый день примерно в это время этот прилавок так трясется. На следующий день Хенаро привел Нагваля посмотреть на трясущийся прилавок, и он действительно в тот день трясся. Они пришли на следующий день и киоск содрогался снова. Тогда они стали ждать, пока я выйду. В тот день

я познакомился с ними, а после этого Хенаро сказал мне, что он травник и предложил изготовить снадобье, против которого не устоит ни одна женщина. Я любил женщин и попался на это. Он, конечно, сделал снадобье для меня, но для этого ему понадобилось десять лет. За это время я хорошо узнал его и полюбил, как родного брата. А теперь мне его чертовски не хватает. Так что ты видишь, он поймал меня на крючок. Иногда я рад, что он сделал это, но чаще я негодную.

— Дон Хуан сказал мне, что он должен был получить какой-нибудь знак, прежде чем выбрать кого-то. Было ли в твоём случае что-либо подобное?

— Да. Хенаро сказал, что сначала он с любопытством смотрел, как сотрясается стойка, а потом он *увидел*, что два человека занимаются любовью под прилавком. Тогда он сел, чтобы посмотреть на людей, которые выйдут оттуда; ему было любопытно узнать, кто там был. Через некоторое время за стойкой появилась девушка, но меня он пропустил. Он подумал, что это очень странно, не мог он пропустить меня, ведь он принял решение обязательно меня увидеть. На следующий день он пришел вместе с Нагвалем. И тот тоже *видел*, что два человека занимаются любовью под прилавком, но когда они хотели засечь меня, то пропустили снова. Они вновь пришли на следующий день. Хенаро обошел вокруг и стал за стойкой, а Нагваль остался стоять перед ней. Когда я выползал, то наткнулся на Хенаро. Я подумал, что он еще не увидел меня, так как был все еще скрыт куском ткани, прикрывающим маленькое квадратное отверстие, проделанное мною на боковой стенке прилавка. Я начал тявкать, чтобы он подумал, что за занавеской была собачонка. Он неожиданно зарычал и залаял, да так, что я и в правду поверил, что с той стороны меня ждет огромная и свирепая собака. Я так перепугался, что выбежал с другой стороны прилавка и с размаху налетел на Нагваля. Если бы он был обыкновенным человеком, то я бы его опрокинул, так как врезался прямо в него, но вместо этого он подхватил меня как ребенка. Я был изумлен до предела. Для такого старика он был невероятно силен. Я подумал, что мог бы использовать такого силача для переноски строительных материалов. К тому же мне не хотелось терять лица перед человеком, который видел меня выбегающим из-под прилавка. Я спросил его, не хочет ли он работать на меня. Он согласился. В тот

же день он пришел в мастерскую и стал работать моим подручным. Он работал так ежедневно в течение нескольких месяцев. Эти два дьявола не оставили мне ни единого шанса. Невообразимый образ дона Хуана, работающего на Паблито, страшно развеселил меня. Паблито начал имитировать, как дон Хуан переносил на своих плечах строительные материалы. Я должен был согласиться с Ла Гордой, что Паблито такой же хороший актер, как и Хосефина.

– Почему они пошли на все эти хлопоты, Паблито?

– Они должны были заманить меня. Или ты думаешь, что я повел бы себя с ними, как ты? Я с детства слышал в магах, колдунах и духах. Я, конечно, не верил всему этому ни на грош. Те, кто трепался об этом, были просто ничтожными людьми. Если бы Хенаро сказал мне, что он и его друг – маги, я бы распрощался с ними сразу. Но они были слишком умны для меня. Эти два лиса были весьма хитры. Они не спешили, Хенаро сказал, что он ждал бы меня, даже если бы ему на это понадобилось двадцать лет. Поэтому Нагваль и пошел работать на меня. Я сам попросил его об этом, так что фактически это я сам и дал им ключ.

Нагваль был усердным работником. Я был немного плутоват и думал, что смогу обмануть его. Я верил, что Нагваль – просто глупый старый индеец, поэтому я сказал, что собираюсь представить его своему хозяину как своего дедушку, иначе его не возьмут на работу. Но за это я должен получать какую-то долю его заработка. Нагваль сказал, что его это вполне устраивает. Он отдавал мне кое-что из тех нескольких песо, которые он зарабатывал ежедневно.

Мой хозяин был очень впечатлен тем, что мой дедушка такой выносливый работник. Но другие парни смеялись над ним. Как ты знаешь, у него была привычка время от времени трещать всеми суставами. В мастерской он трещал ими всякий раз, когда что-нибудь нес. Люди, естественно, думали, что у него от старости уже скрипит тело.

Я выглядел довольно жалко в сравнении с Нагвалем, играющим роль моего дедушки. Но к тому времени Хенаро уже воспользовался моей алчностью. Он сказал, что дает Нагвалю особый состав, изготовленный из растений, делающий его сильным, как бык. Хенаро сказал, что его друг ничего собой не представляет без его стряпни и, чтобы доказать мне это, он не

давал ее ему два дня. Без зелени Нагваль был обычным стариком. Хенаро сказал, что я также мог бы воспользоваться его снадобьем, чтобы заставлять женщин любить себя. Я очень заинтересовался этим и сказал, что мы могли бы быть партнерами, если я буду помогать ему готовить состав и давать его Нагвалю. Однажды он показал мне немного американских денег и сказал, что продал первую партию одному американцу. Этим он поймал меня на удочку и я стал его партнером.

Мой партнер Хенаро и я имели большие замыслы. Он сказал, что мне нужно иметь собственную мастерскую, потому что с деньгами, которые мы собираемся заработать на его снадобье, я смогу позволить себе все что угодно. Я купил мастерскую и мой партнер уплатил за нее. Так я ввязался в эту сумасбродную идею. Я знал, что мой партнер предложил мне стоящее дело и начал работать, изготавливая его зеленую смесь.

Тут у меня появилась странная уверенность, что Хенаро, должно быть, использовал психотропные растения для изготовления своего снадобья. Я рассуждал, что он должен был хитростью заставить его принимать их, чтобы добиться его податливости.

– Он давал тебе растения силы, Паблито? – спросил я.

– Разумеется. Он давал мне зеленую массу, и я ел ее тоннами.

Он описал и имитировал, как дон Хуан сидит у дверей дома дона Хенаро в состоянии глубокой апатии, а затем внезапно оживает, как только его губы прикасаются к снадобью. Паблито сказал, что, глядя на такое превращение, он был готов попробовать его сам.

– Что было в этом составе? – спросил я.

– Зеленые листья, – сказал он, – Первые попавшиеся зеленые листья. Вот таким дьяволом был Хенаро. Он обычно говорил о своем составе и заставлял меня так смеяться, что я начинал парить, как воздушный змей. Боже, как я любил те дни!

У меня вырвался нервный смешок. Паблито несколько раз качнул головой и прочистил горло. Он, казалось, еле сдерживался, стараясь не заплакать.

– Как я уже говорил, Маэстро, – продолжал он, – мною двигала жадность. Я тайно планировал скрыться от своего партнера, когда научусь делать зеленую смесь. Хенаро, должно быть, всегда знал о моих замыслах, и перед тем, как уйти он крепко обнял меня и сказал, что настало время выполнить мое желание; самое время отделаться от партнера, ведь я уже научился делать зеленую смесь.

Паблито встал. Глаза его увлажнились слезами.

– Этот негодяй Хенаро, – сказал он тихо. – Этот проклятый дьявол. Я по-настоящему люблю его, и если бы я не был таким трусом, я бы сегодня делал его зеленую смесь.

Мне не хотелось больше писать. Чтобы рассеять свою печаль, я сказал Паблито, что нужно пойти и отыскать Нестора.

Я раскладывал свои заметки по порядку, собираясь уходить, как вдруг передняя дверь с шумом распахнулась. Я непроизвольно вскочил и быстро повернулся. У двери стоял Нестор. Я побежал к нему. Мы встретились посреди прихожей. Он чуть было не запрыгнул на меня, тряся меня за плечи. Он выглядел выше и сильнее, чем в последнюю нашу встречу. Его длинное худощавое тело было по-кошачьему гибким. Каким-то образом человек, стоящий лицом к лицу со мной и смотрящий на меня, не был тем Нестором, которого я знал. Я помнил его очень застенчивым человеком, который стеснялся улыбаться из-за своих кривых зубов, доверенного попечению Паблито. Смотрящий на меня Нестор был смесью дона Хуана и дона Хенаро. Он был жилистым и проворным, как дон Хенаро, и одновременно обладал магнетической властью дона Хуана. Я собирался было индугировать в своем замешательстве, но в итоге смог только рассмеяться вместе с ним. Он похлопал меня по спине и снял свою шляпу. Тут только я осознал, что у Паблито шляпы не было. Я заметил также, что Нестор был гораздо темнее и черты его лица были намного грубее. Рядом с ним Паблито выглядел почти хрупким. Оба носили американские джинсы фирмы «Levi's», толстые куртки и ботинки на каучуковой подошве.

В присутствии Нестора в доме мгновенно исчезло подавленное настроение. Я пригласил его присоединиться к нам на кухне.

– Ты пришел как раз вовремя, – сказал Паблито Нестору с широкой улыбкой, когда мы сели. – Маэстро и я здесь прослезилась, вспоминая дьяволов-толтеков.

– Ты действительно плакал, Маэстро? – спросил Нестор с ехидной улыбкой.

Очень тихий треск у двери заставил Паблито и Нестора замолчать. Если бы я был один, то не обратил бы на него внимания. Паблито и Нестор встали и я сделал то же самое. Мы посмотрели на переднюю дверь – она очень осторожно открывалась. Я подумал, что, наверное, вернулась Ла Горда и тихо открывает дверь, чтобы

не побеспокоить нас. Когда дверь открылась достаточно широко, чтобы через нее мог пройти человек, вошел Бениньо, двигаясь так, словно крался в темную комнату. Его глаза были закрыты и шел он на цыпочках. Он напомнил мне подростка, прокрадывающегося в кинотеатр через незапертую дверь, чтобы посмотреть фильм. Он и нашуметь боится, и в темноте увидеть ничего не может.

Все молча смотрели на Бениньо. Он открыл один глаз ровно настолько чтобы сориентироваться, а затем пошел на цыпочках через переднюю дверь в кухню. С минуту он постоял у стола с закрытыми глазами. Затем Бениньо опустился рядом со мной на скамейку. Он мягко боднул головой мое плечо. Это был легкий толчок, означавший, что мне нужно отодвинуться, освобождая ему место на скамейке. Затем он уселся поудобнее все еще с закрытыми глазами.

Одет он был так же, как Паблито и Нестор. Его лицо слегка расплнело после последней нашей встречи, состоявшейся несколько лет назад. Линия его волос изменилась, но я не мог сказать как. У него было более светлое лицо, чем я помнил, очень мелкие зубы, полные губы, широкие скулы, небольшой нос и большие уши. Он всегда казался мне выросшим ребенком, чьи черты так и не стали зрелыми.

Паблито и Нестор, прервавшие разговор, чтобы наблюдать за тем, как вошел Бениньо, возобновили беседу, словно ничего не произошло.

– Разумеется, он плакал вместе со мной, – сказал Паблито.

– Он не плакса, как ты, – сказал Нестор.

Затем он повернулся и обнял меня.

– Я очень рад, что ты жив, – сказал он. – Мы только что разговаривали с Ла Гордой и она сказала нам, что ты – Нагваль, но не рассказала, как ты остался в живых, Маэстро?

Здесь мне предстоял странный выбор. Я мог бы идти по пути своего разума, как делал это обычно, и сказать, что не имею ни малейшего понятия, и был бы прав. Либо я мог сказать, что мой дубль вызволил меня из лап этих женщин. Я взвешивал в уме эффект этих двух возможностей, как вдруг меня отвлек Бениньо. Он слегка приоткрыл один глаз и захихикал, спрятав голову в ладони.

– Бениньо, ты не хочешь разговаривать со мной? – спросил я.

Он отрицательно покачал головой.

Я чувствовал себя неловко рядом с ним, и решил узнать, что с ним происходит.

– Что он делает? – спросил я Нестора.

Нестор похлопал Бениньо по голове и встряхнул его.

Бениньо открыл глаза, а затем снова закрыл их.

– Он всегда такой, ты же знаешь, – сказал Нестор. – Он крайне застенчив. Рано или поздно он откроет глаза. Не обращай на него внимания. Если ему надоест, он заснет.

Бениньо утвердительно кивнул головой, не открывая глаз.

– Ну, хорошо – как ты выкарабкался? – настаивал Нестор.

– Ты не хочешь рассказать нам? – спросил Паблито.

Я осторожно рассказал, что мой дубль трижды выходил из макушки моей головы. Потом я дал им подробный отчет о случившемся.

Они нисколько не удивились и восприняли мой рассказ как должное. Паблито стал смаковать мои спекуляции о том, что донья Соледад могла не поправиться и в конце концов умереть. Он хотел знать, стукнул ли я точно так же и Лидию. Нестор решительным жестом велел ему замолчать и Паблито послушно остановился посередине фразы.

– Я извиняюсь, Маэстро, но это был не твой дубль, – сказал Нестор.

– Но все говорили, что это был мой дубль.

– Я знаю наверняка, что ты неправильно понял Ла Горду. Когда мы с Бениньо шли сюда, Ла Горда перехватила нас и сказала, что ты и Паблито находитесь здесь в этом доме. Она назвала тебя Нагвалем. Знаешь, почему?

Я засмеялся и сказал, что это, наверное, потому, что Нагваль передал мне большую часть своей святости.

– Один из нас дурак! – сказал Бениньо гулким голосом не открывая глаз.

Звук его голоса был таким диковинным, что я отпрыгнул от него.

Его совершенно неожиданное заявление плюс моя реакция на него заставили всех рассмеяться. Бениньо открыл один глаз, посмотрел на меня и спрятал свою голову в руки.

– Ты знаешь, почему мы называли дона Хуана Матуса Нагвалем? – спросил меня Нестор.

Я сказал, что всегда думал, что это был осторожный способ называть дона Хуана магом.

Бениньо засмеялся так громко, что звук его голоса заглушил смех

остальных. Казалось, он искренне наслаждался. Он опустил голову на мое плечо, словно не мог больше выдерживать ее тяжести.

– Причина, по которой мы называли его Нагвалем, – продолжал Нестор, – в том, что он был расщеплен надвое. Другими словами, когда ему это было нужно, он мог попасть в другую колею. Мы не можем сделать этого. Из него выходило что-то такое, что было не его дублем, а какой-то устрашающей грозной фигурой. Она выглядела точно как он, но была вдвое больше по величине. Мы называли эту фигуру нагвалем, и каждый, у кого она есть, является Нагвалем.

Нагваль сказал нам, что все мы могли бы иметь эту фигуру, выходящую из головы, но обстоятельства складываются так, что никто из нас не хочет этого. Кажется, ты – единственный, кому ее всучили.

Они захохотали и завопили, как будто загоняли стадо скота.

Бениньо обнял меня за плечи, не открывая глаз, и смеялся до тех пор, пока по его щекам не покатались слезы.

– Почему ты говоришь, что мне всучили ее? – спросил я Нестора.

– Она требует слишком много энергии, – сказал он. – Слишком много труда. Я не знаю, как ты все еще держишься на ногах.

Нагваль и Хенаро однажды расщепили тебя в эвкалиптовой роще. Они взяли тебя туда, потому что эвкалипты – твои деревья. Я присутствовал там и был свидетелем, как они расщепили тебя и вытащили твой *нагваль* наружу. Они тащили тебя врозь за уши, пока не расщепили твою светимость, и ты больше был не яйцом, а двумя светящимися кусками. Затем они сложили тебя вместе снова, но любой маг, который *видит*, может сказать, что там, в середине есть огромный пробел.

– В чем преимущество такого расщепления?

– У тебя есть, одно ухо, которое слышит все, и один глаз, который *видит* все, и ты всегда будешь способен пройти лишнюю милю в случае необходимости. По этой же причине мы называем тебя теперь «Маэстро».

Они пытались расщепить Паблито, но, судя по всему, потерпели неудачу. Он слишком избалован и всегда индугирует, как ублюдок. Именно поэтому он теперь такой взвинченный.

– Что же тогда такое дубль?

– Дубль – это Другой. Это тело, которое человек получает в *сновидении*. Он выглядит в точности как сам человек.

– У вас у всех есть дубли?

Нестор удивленно уставился на меня.

– Эй, Паблито! Скажи Маэстро насчет наших дублей, – засмеялся он.

Паблито протянул руку через стол и встряхнул Бениньо.

– Расскажи ему ты, Бениньо. – сказал он, – Или лучше покажи.

Бениньо встал, открыл глаза как можно шире и посмотрел на крышу. Затем он сдернул штаны и показал мне свой пенис.

Хенарос хохотали, как сумасшедшие.

– Когда ты спрашивал меня, ты действительно это имел в виду, Маэстро? – нервно спросил меня Нестор.

Я заверил их, что был предельно серьезен, желая знать все, относящееся к их знанию. Я пустился в длинные объяснения, что дон Хуан держал меня вдали от них и по причинам, которые мне были непонятны, не давал мне возможности знать о них больше.

– Пожалуйста, подумай вот о чем, – сказал я. – Еще три дня назад я не знал, что эти четыре девушки были ученицами Нагваля, или что Бениньо был его учеником. Бениньо открыл глаза.

– Пожалуйста, подумай об этом сам, – сказал он. – Я не знал до сих пор, что ты такой глупый.

Он снова закрыл глаза, и все безумно захохотали.

Мне ничего другого не оставалось как только самому присоединиться.

– Мы сейчас дразним тебя, Маэстро, – сказал Нестор в виде оправдания. – Мы думали, что ты разыгрываешь нас, нарочно растравляя. Нагваль сказал, что ты *видишь*. Если ты действительно *видишь*, то ты можешь знать, что мы – жалкая компания. Мы не имеем *тела сновидения*. Никто из нас не имеет дубля.

Очень серьезным и откровенным тоном Нестор сказал, что что-то пролегло между ними и их желанием иметь дубль. Я понял это высказывание так, что с тех пор, как ушли дон Хуан и дон Хенаро, возник некий барьер. Он считал это результатом поражения Паблито в выполнении своего задания.

Паблито добавил, что с тех пор, как ушли дон Хуан и дон Хенаро, что-то как будто преследует их. И даже вынужден был вернуться Бениньо, живший в то время на юге Мексики. Только когда они трое были вместе, они могли чувствовать себя легко.

– Как ты думаешь, что это такое? – спросил я Нестора.

– Есть что-то в этой безбрежности, что толкает нас, – ответил он, –

Паблито думает, что это следствие его неудачной попытки вступить в связь с женщинами.

Паблито повернулся ко мне. Его глаза ярко сияли.

– Они наложили проклятие на меня, Маэстро, – сказал он. – Я знаю, что причина всех неприятностей заключается во мне. Я хотел скрыться из этих мест после своей борьбы с Лидией и спустя несколько месяцев удрал в Веракрус. Я был там на самом деле счастлив с одной девушкой, на которой хотел жениться. Нашел работу, и все было прекрасно до тех пор, пока однажды я пришел домой и увидел, что эти четыре мужеподобные уродки, словно хищные звери, нашли меня по моему следу. Они были в моем доме, мучая мою женщину. Эта сука Роза наложила руку на живот этой женщины и заставила ее нагадить в постель. Их лидер, Двести Двадцать Задниц, сказала мне, что они прошли всю страну, разыскивая меня. Тут же она схватила меня за пояс и потащила прочь. Я осатанел хуже дьявола, но ничего не мог поделать с Двести Двадцать Задниц. Она посадила меня в автобус. Но по дороге я сбежал. Я бежал через кусты и холмы, пока мои ноги не опухли так, что я не мог снять свои башмаки. Я почти умирал. Я был болен девять месяцев. Если бы Свидетель не нашел меня, я бы уже умер.

– Я не находил его, – сказал мне Нестор, – его нашла Ла Горда. Она взяла меня туда где он был, и мы вдвоем отнесли его к автобусу и привезли сюда. Он был в бреду, и мне пришлось доплатить, чтобы водитель автобуса разрешил нам провезти его. Невероятно драматическим тоном Паблито сказал, что не изменил своего намерения. Он все еще хочет умереть.

– Но почему?

Вместо него гортанно ответил Бениньо.

– Его член не работает.

Звук его голоса был таким необычным, что на мгновение мне показалось, что он говорит из пещеры. Это было одновременно и пугающе и нелепо. Я невольно рассмеялся.

Нестор сказал, что Паблито пытался выполнить свое задание – установить половые отношения с женщинами согласно инструкции Нагваля. Тот сказал Паблито, что его четыре стороны света уже приведены в нужное положение и что ему нужно только заявить свои права на них. Но когда Паблито пошел, чтобы «заявить право» на свою первую сторону, Лидию, она чуть не

убила его. Нестор добавил, что по его личному мнению как свидетеля этого события, Лидия ударила Паблито не потому, что была возмущена происходящим, а потому, что Паблито оказался несостоятельным как мужчина.

– Паблито действительно заработал болезнь в результате этого удара или он только делал вид? – спросил я полушутя.

Бениньо ответил таким же гулким голосом.

– Он просто делал вид! – сказал он. – Все, что он получил, была шишка на голове.

Паблито и Нестор захохотали и завопили.

– Мы не виним Паблито за то, что он боится этих женщин, – сказал Нестор. – Они точно такие же, как Нагваль, – устрашающие воины. Они серьезные и хмурые. Когда Нагваль был рядом, они обычно сидели около него и пристально смотрели вдаль часами, иногда днями.

– Это правда, что Хосефина была когда-то ненормальная?

– Это смешно, – сказал Паблито. – Не когда-то. Она ненормальная сейчас. Она самая сумасшедшая из всей группы.

Я рассказал им о том, что она сделала со мной. Я думал, что они оценят юмор ее великолепного представления, но мой рассказ, похоже, плохо подействовал на них. Казалось, они были сильно испуганы. Даже Бениньо открыл глаза, слушая мой отчет.

– Какая гадость! – воскликнул Паблито. – Эти суки действительно ужасны. И ты знаешь, что их лидер – Двести Двадцать Задниц. Она швырнет в тебя камень, а потом спрячет руку за спину и сделает вид невинной девочки. Будь осторожен с ней, Маэстро.

– Нагваль тренировал Хосефину так, чтобы она могла быть всем, чем угодно. Она может делать все что захочет: визжать, смеяться, сердиться и все что угодно, – сказал Нестор.

– А какая она, когда не прикидывается? – спросил я Нестора.

– Тогда она просто помешанная. Она безумней летучей мыши, – ответил Бениньо мягким голосом. – Я встретился с Хосефиной впервые когда ее привезли. Мне пришлось внести ее в дом. Мы с Нагвалем обычно привязывали ее к постели. Однажды она начала плакать о своей подруге, с которой она обычно играла в детстве. Она плакала три дня. Паблито утешал ее и кормил, как ребенка. Она похожа на него. Оба они, когда что-то начнут, не знают как остановиться.

Бениньо внезапно начал нюхать воздух. Он встал и подошел к

плите.

– Он действительно застенчивый? – спросил я Нестора.

– Он застенчивый и эксцентричный, – отвечал Паблито. – Он будет таким до тех пор, пока не потеряет свою форму, Хенаро говорил, что рано или поздно все мы потеряем свою форму, так что не имеет смысла делать жалкие потуги, пытаясь изменить себя так, как говорил нам Нагваль. Хенаро сказал, чтобы мы наслаждались жизнью и ни о чем не заботились. Ты не знаешь, как наслаждаться вещами, а мы не знаем, как сделать себя ничтожными. Ты и женщины заботитесь и пытаетесь. Мы, с другой стороны, наслаждаемся. Нагваль называл делание себя жалким безупречностью, Мы же называем это глупостью, правда?

– Говори за себя, Паблито, – сказал Нестор. – Бениньо и я думаем иначе.

Бениньо положил мне в миску еды и поставил ее передо мной; потом он обслужил остальных. Паблито изучил миски и спросил Бениньо, где он нашел их. Бениньо сказал, что они были спрятаны в ящике, который показала ему Ла Горда. Паблито доверительно сказал, что миски принадлежали им до разрыва.

– Мы должны быть осторожными, – сказал Паблито нервно. – Миски, несомненно, заколдованы. Эти суки вложили что-то в них. Я буду лучше есть из миски Ла Горды.

Нестор и Бениньо начали есть. Тут я заметил, что Бениньо дал мне коричневую миску. Паблито, судя по всему, очень тревожился. Я хотел успокоить его, но Нестор остановил меня.

– Не принимай его всерьез, – сказал он, – он любит быть таким. Он сядет и будет есть. Тут ни ты, ни женщины ничего не сможете сделать. У тебя нет способа понять Паблито таким, каков он есть. Ты ожидаешь, что все будут похожи на Нагваля. Ла Горда единственная, кто относится к нему спокойно, но не потому, что она понимает, а потому что потеряла форму.

Паблито принялся за еду, и мы вчетвером прикончили горшок с бобами. Бениньо помыл миски и тщательно спрятал их обратно в ящик, а затем все удобно уселись вокруг стола.

Нестор предложил пойти, когда стемнеет, в близлежащую долину, куда обычно ходили дон Хуан и дон Хенаро. Мне почему-то совсем не хотелось этого. Я чувствовал себя в их компании не очень уверенно. Нестор сказал, что они привыкли ходить в темноте и что искусство мага заключается в том, чтобы остаться

незамеченным даже в толпе. Я рассказал им, как дон Хуан однажды оставил меня одного в пустынном месте в горах не слишком далеко отсюда. Он потребовал, чтобы я полностью сконцентрировался на попытке остаться незамеченным. Он сказал, что люди в этой местности знают друг друга в лицо. Там было не очень много людей, но те, кто там жил, постоянно ходили вокруг и могли засечь чужака за несколько миль. Он предупредил, что многие из этих людей имеют огнестрельное оружие и им ничего не стоит подстрелить меня, «Не беспокойся насчет существ из другого мира», сказал тогда дон Хуан, смеясь. «Мексиканцы куда опаснее».

– Так оно и есть. Вот потому Нагваль и Хенаро были такими артистами. Дон Хуан всегда говорил, что не существа другого мира опасны, а опасны-то как раз мексиканцы. Нагваль и Хенаро научились быть незаметными среди всего этого. Они владели искусством *сталкинга*.

Было еще слишком рано для нашей прогулки в темноте. Я хотел воспользоваться этим временем, чтобы задать Нестору свои критические вопросы. Пока еще я все время избегал этого. Какое-то странное ощущение предостерегало меня не задавать вопросов. Было так, словно моя заинтересованность сместилась после ответа Паблито. Однако Паблито сам пришел мне на помощь и внезапно затронул эту тему, словно прочитав мои мысли.

– Нестор тоже прыгнул в пропасть в тот день, как и мы, – сказал он. – В результате этого он стал Свидетелем, ты стал Маэстро, а я – деревенским идиотом.

Я попросил Нестора рассказать мне о его прыжке в пропасть. Я старался, чтобы вопрос выглядел так, словно это интересовало меня весьма умеренно. Но Паблито осознал подоплеку моего деланного безразличия. Он засмеялся и сказал Нестору, что я так осторожен потому, что остался глубоко разочарован его собственным рассказом об этом событии.

– Я бросился после того, как вы сделали это, – сказал Нестор. Он взглянул на меня, как бы ожидая нового вопроса.

– Ты прыгнул сразу после нас? – спросил я.

– Нет. Мне потребовалось еще некоторое время для подготовки. Хенаро и Нагваль не сказали мне, что делать. Тот день был самым важным для каждого из нас, – сказал Нестор.

Паблито выглядел подавленным. Он встал со своего стула и

прошелся по комнате. Затем он снова сел, качая головой в жесте отчаяния.

– Ты действительно видел, как мы бросились с края? – спросил я Нестора.

– Я – Свидетель, – сказал Нестор. – Быть свидетелем – мой путь знания. Рассказывать вам безупречно то, чему я был свидетелем – мое задание.

– И что же ты на самом деле видел? – спросил я.

– Я видел, как вы оба, держась за руки, подбежали к краю, – сказал Нестор, – а затем я видел вас обоих, как воздушных змеев в небе. Паблито двигался дальше по прямой линии, а затем упал вниз. Ты немного поднялся, а затем продвинулся на небольшое расстояние от края, затем упал.

– Но мы действительно прыгнули вместе с нашим телом?

– Ну да. Я не думаю, чтобы это можно было бы сделать другим способом, – сказал он и засмеялся.

– Может быть, это была иллюзия? – спросил я.

– Что ты хочешь выяснить, Маэстро? – спросил он сухо.

– Я хочу узнать, что в действительности случилось, – ответил я.

– На тебя случайно не нашло помрачение, как на Паблито? – сказал Нестор со странноватым блеском в глазах.

Я попытался объяснить ему природу моего недоумения в связи с прыжком. Он не выдержал и перебил меня. Паблито вмешался, чтобы призвать его к порядку, и они стали пререкаться. Паблито прекратил спор и проскакал вокруг стола полусидя на своем стуле.

– Нестор не видит дальше своего носа, – сказал он мне. – То же самое с Бениньо. Ты ничего не получишь от них. Так что все мои симпатии на твоей стороне.

Паблито захохотал, трясясь всем телом, и закрыл лицо шляпой Бениньо.

– Что касается меня, то я знаю, что вы оба прыгнули, – внезапно взорвался Нестор. – Нагваль и Хенаро не оставили вам другого выбора. Это было их искусство – сначала загнать вас, а потом отвести к единственным воротам, которые были открыты. Итак, вы двое бросились через край. Я был свидетелем этого. Паблито говорит, что он ничего не ощущал. Это сомнительно. Я знаю, что он прекрасно все осознавал, но избрал ощущать и говорить, что он ничего не помнит.

– Я действительно не осознавал, – сказал мне Паблито тоном

оправдания.

– Возможно, – сказал Нестор сухо. – Но я сам ощутил, я сам видел, как ваши тела сделали то, что они должны были сделать – прыгнули.

Утверждения Нестора привели мой разум к весьма странному состоянию. Все это время я искал подтверждения испытанному. Но когда я получил его, вдруг оказалось, что оно ничего не меняет. Одно дело было знать, что я прыгнул, и испугаться того, что я воспринимал, а другое – найти согласованное подтверждение. Я понял тогда, что одно не имеет необходимой корреляции с другим. Я думал все это время, что наличие кого-то, кто подтвердит, что я действительно испытал прыжок, освободит интеллект от его сомнений и страхов. Я ошибался. Вместо этого мое беспокойство только выросло. Моя вовлеченность в эту проблему стала еще сильнее.

Я объяснил Нестору, что хотя и приехал специально для встречи с ними, чтобы получить их подтверждение относительно реальности моего прыжка, но теперь мое Настроение изменилось. Я не хочу больше разговаривать об этом. Оба они заговорили одновременно и в этот момент мы вступили в трехсторонний спор. Паблито доказывал, что он ничего не сознавал. Нестор кричал, что тот индульгирует, а я говорил, что не хочу больше ничего слышать о прыжке.

Мне впервые стало ясно, что никто из нас не обладает необходимой степенью спокойствия и самоконтроля. Никто из нас не хотел уделить другому свое нераздельное внимание, как это делали Хенаро и Нагваль. А так как я был неспособен поддерживать какой-либо порядок в нашем обмене мнениями, то погрузился в свои собственные размышления. Я всегда думал, что единственным изъяном, который мешал мне войти в мир дона Хуана, было мое вечное желание все объяснить разумно. Но присутствие Паблито и Нестора придало новое направление моим мыслям. Не меньшим изъяном была моя неуверенность. Как только я сходил с надежных рельс здравого смысла, я не мог верить себе и ужасался глобальности того, что раскрывалось передо мной. Поэтому я оказался не в состоянии поверить, что прыгнул в пропасть.

Дон Хуан настаивал на том, что центральной проблемой магии является восприятие. В соответствии с этим он и дон Хенаро во

время нашей последней встречи на краю пропасти инсценировали великолепную катарсическую драму. После того, как они заставили меня принести мою благодарность в громких и ясных выражениях каждому, кто помогал мне, меня пронизал невероятный душевный подъем. В этот момент они захватили все мое внимание и повели мое тело к восприятию единственно возможного акта в пределах их системы отношений – прыжка в пропасть. Этот прыжок был практическим свершением моего восприятия не как обычного человека, а как мага.

Я так ушел в записывание своих мыслей, что не заметил, как Нестор и Паблито перестали пререкаться и все трое смотрели на меня. Я объяснил, что не представляю, как понять, что произошло в связи с этим прыжком.

– Здесь нечего понимать, – сказал Нестор. – События просто случаются и никто не может сказать, почему. Спроси Бениньо, хочет ли он понять.

– Ты хочешь понять? – спросил я шутливым тоном.

– Будь уверен, что хочу, – прогудел он глубоким и низким голосом, и все рассмеялись.

– Ты индульгируешь, говоря, что хочешь понять, – продолжал Нестор. – Так же, как индульгирует Паблито, говоря, что он ничего не помнит.

Он взглянул на Паблито и подмигнул мне. Паблито опустил голову. Нестор спросил меня, не заметил ли я чего-нибудь особого в настроении Паблито, когда мы собирались прыгать. Я вынужден был признать, что был не в состоянии обращать внимание на такие тонкости, как настроение Паблито.

– Воин должен замечать все, в этом весь трюк и в этом его преимущество, как сказал бы Нагваль.

Он улыбнулся, сделав нарочитый жест смущения и прикрыл лицо шляпой.

– Что именно я упустил в настроении Паблито? – спросил я.

– Паблито прыгнул прежде, чем переступил через край, – сказал он, – Ему уже больше ничего не нужно было делать. Он мог бы с таким же успехом сесть на краю вместо прыжка.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я его.

– Паблито уже распадался, – ответил он, – Именно поэтому он думает, что потерял сознание. Паблито лжет. Он что-то скрывает. Тут заговорил Паблито. Он бормотал что-то абсолютно

невразумительное, затем в отчаянии махнул рукой и плюхнулся обратно на свой стул. Нестор тоже что-то начал говорить. Я остановил его. Я не был уверен, что понял его правильно.

– Тело Паблито распадалось? – спросил я. Он долго всматривался в меня, не говоря ни слова. Он сидел справа от меня, но тут молча пересел на скамейку напротив.

– Ты должен серьезно отнестись к тому, что я тебе говорю, – сказал он. – Нет способа повернуть колесо времени к тому, чем мы были перед прыжком. Нагваль сказал, что быть воином – это честь и радость и что судьба воина – делать то, что он должен делать. Я должен рассказать тебе безупречно о том, чему я был свидетелем. Паблито распадался. Когда вы двое побежали к краю, только ты был плотным. Паблито был похож на облако. Он думал, что был близок к тому, чтобы упасть ничком, а ты думаешь, что держал его за руку, чтобы помочь добежать до края. Никто из вас не прав. Я сомневаюсь, что для вас обоих было бы хуже, если бы ты не поддерживал Паблито.

Я чувствовал еще большее замешательство чем прежде. Я искренне верил, что он правдиво излагает все, свидетелем чему он был, но помнил только, что держал Паблито за руку.

– Что бы случилось, если бы я не вмешался? – спросил я.

– Я не могу ответить на это, – сказал Нестор, – Вы воздействовали на светимость друг друга. В тот момент, когда ты подал Паблито руку, он стал более плотным, но ты вложил свою драгоценную силу в ничто.

– Что ты делал после того, как мы прыгнули? – спросил я Нестора после долгого молчания.

– Сразу же после того, как вы исчезли, я был так потрясен, что не мог дышать, и потерял сознание, но не знаю на какое время. Я думал, что это длилось один момент. Когда я снова пришел в себя, я оглянулся в поисках Хенаро и Нагваля, но они ушли. Я бегал взад и вперед по вершине горы, зовя их пока не сорвал голос. Тогда я понял, что остался один. Я подошел к краю утеса и попытался отыскать знак, который дает земля, когда воин не собирается возвращаться. Но я уже пропустил его. До этого момента я не осознавал, что они обращались ко мне, когда вы подбежали к краю, – они попрощались со мной.

Обнаружить себя в одиночестве в такое время дня, да еще в таком пустынном месте было больше чем я мог вынести. Одним махом я

потерял всех друзей, которые у меня были в мире. Я сел и заплакал. А когда я испугался еще больше, я начал вопить во всю мочь. Я во все горло выкрикивал имя Хенаро. К тому времени стало очень темно и я больше не мог различать окружающих предметов. Я знал, что как воин не должен indulgировать в своей печали. Чтобы успокоиться, я начал выть, как койот – так, как научил меня Нагваль. Спустя некоторое время после начала воя я почувствовал себя намного лучше, – я забыл свою печаль, забыл о существовании мира. Чем больше я выл, тем легче было ощущать тепло и защиту земли.

Должно быть, прошло несколько часов. Внезапно я ощутил толчок позади своего горла и звон в ушах. Я вспомнил, что Нагваль сказал Элихио и Бениньо перед их прыжком. Он сказал, что ощущение в горле приходит как раз перед тем, как человек готовится изменить свою скорость. И звук колокольчика является средством, которое человек может использовать для выполнения всего что ему требуется. Тогда я захотел стать койотом. Я посмотрел на свои руки, – они были на земле передо мной. Они изменили форму и стали похожи на лапы койота.

Я увидел шерсть койота на своих руках и груди. Я был койотом. Это наполнило меня таким счастьем, что я стал кричать, как должен кричать койот. Я ощущал у себя зубы койота, его длинную заостренную морду и язык. Каким-то образом я знал, что умер, но это не тревожило меня. Для меня не имело значения – умереть, превратиться в койота или остаться в живых. На четырех лапах как койот я пошел к краю обрыва и прыгнул туда. Ничего другого мне не оставалось.

Я ощутил, что падаю, и мое койотное тело перевернулось в воздухе. Затем я снова стал самим собой, кружась высоко над землей. Но прежде чем упасть вниз, я стал таким легким, что больше не падал, а парил. Воздух проходил сквозь меня. Я поверил, что моя смерть наконец-то входит внутрь меня. Что-то размешало мои внутренности, и я распался, как сухой песок. Там, где я был, было мирно и превосходно. Я каким-то образом знал, что я и был там и не был одновременно. Я был ничто. Это все, что я могу сказать об этом. Затем совершенно внезапно то же самое, что сделало меня подобным сухому песку, собрало меня вместе. Я вернулся обратно к жизни и обнаружил, что сижу в хижине старого мексиканского мага. Он сказал, что его зовут Порфирио.

Он был рад видеть меня и начал обучать меня некоторым вещам о растениях, которым Хенаро меня не учил. Он взял меня туда, где растут эти растения, и показал мне шаблон растений и особенно – отметины на шаблоне каждого растения. Он сказал, что если я буду наблюдать эти отметины на растениях, то смогу легко сказать на что они годятся, даже если никогда не видел этих растений раньше. Когда я изучил эти растения, он попрощался со мной, но попросил меня приходить к нему снова. В этот момент я ощутил сильный толчок и распался как раньше. Я стал миллионом кусочков.

Затем я снова был втянут в самого себя и пошел повидать Порфирио. Ведь он приглашал меня. Я знал, что могу пойти, куда захочу, но избрал хижину Порфирио, потому что он был дружелюбен со мной и учил меня. Я не хотел рисковать, встретившись вместо него с чем-то ужасным. На этот раз Порфирио взял меня с собой, чтобы посмотреть на шаблон животных. Там я увидел свое собственное животное-нагваль. Мы узнали друг друга по виду. Порфирио был восхищен, видя такую дружбу. Я видел также *нагваль* Паблито и твой, но они не захотели разговаривать со мной. Они казались печальными. Я не настаивал на разговоре с ними. Я не знал, что с вами произошло во время прыжка. Я знал, что сам я мертв, но мой *нагваль* сказал мне, что я не умер и что вы оба тоже живы. Тут я вспомнил, что когда я был свидетелем прыжка Элихио и Бениньо то слышал как Нагваль давал Бениньо инструкции не стремиться к причудливым видениям или мирам за пределами нашего собственного. Нагваль сказал, чтобы он изучал только свой собственный мир, потому что делая так, он найдет доступную только ему форму силы, единственно доступную для него форму. Нагваль специально проинструктировал их, чтобы они дали возможность кусочкам взрываться как можно дольше, чтобы вернуть назад свои силы. Я сам делал то же самое. Я прошел взад и вперед от *тоналя* к *нагвалю* одиннадцать раз. Но каждый раз я встречал только Порфирио, который давал мне дальнейшие инструкции. Каждый раз, когда мои силы иссякали, я восстанавливал их в *нагвале*, пока не восстановился до такой степени, что очутился опять на этой земле.

– Донья Соледад сказала мне, что Элихио не должен был прыгать в пропасть, – сказал я.

– Он прыгнул вместе с Бениньо, – ответил Нестор. – Спроси его, и он скажет тебе это своим излюбленным голосом.

– Будь уверен, что мы прыгнули вместе! – продребезжал тот, – Но я никогда не говорю об этом.

– А что Соледад говорила насчет действий Элихио? – спросил Нестор.

Я рассказал, что донья Соледад говорила, что Элихио закружил ветер, и он покинул мир, когда работал в поле.

– Она совершенно все перепутала, – сказал Нестор. – Элихио закружили союзники. Их было несколько, но он не захотел ни одного из них, поэтому они оставили его в покое. Это не имеет никакого отношения к прыжку, Ла Горда сказала, что у вас была стычка с союзниками прошлой ночью; я не знаю, что вы делали, но если вы хотели захватить их, завлечь, чтобы они остались с вами, вы должны были кружиться с ними. Иногда они по собственному почину приходят к магу и кружат его. Элихио был наилучшим воином какие только есть, так что союзник пришел к нему сам. Если бы кто-нибудь из нас захотел иметь союзников, мы должны были бы домогаться их много лет, но даже и тогда я сомневаюсь, что союзники согласились бы помогать нам.

Элихио должен был прыгнуть как и все остальные. Я был свидетелем его прыжка. Он был в паре с Бениньо. Многое из того, что случается с нами как магами, зависит от того, что делает твой партнер. У Бениньо немного не хватает винтиков в голове, потому что его партнер не вернулся. Не так ли, Бениньо?

– Будь уверен, что это так! – ответил Бениньо своим любимым голосом.

Тут я не устоял перед сильным любопытством, которое мучило меня с самого начала, как только я услышал голос Бениньо. Я спросил его, как ему удастся его гудящий голос. Он повернулся лицом ко мне, сел прямо и указал на свой рот, как будто хотел, чтобы я внимательно посмотрел на него.

– Я не знаю! – прогудел он. – Я просто, открываю рот и этот голос выходит из меня.

Он сократил мышцы лба, скривил губы и издал глубокий гудящий звук. Тут я увидел, что у него на висках были потрясающие мышцы, которые придавали его голове другие очертания. Не только линия волос была другой, но и вся передняя часть головы.

– Хенаро оставил ему свои шумные звуки, – сказал мне Нестор. –

Подожди, сейчас он покажет тебе свой главный звук.

Мне показалось, что Бениньо готовится продемонстрировать свои способности.

– Постой-постой, Бениньо, – сказал я, – в этом нет необходимости.

– Вот дьявол! – сказал Бениньо тоном разочарования. – У меня как раз был самый лучший звук для тебя.

Паблито и Нестор засмеялись так сильно, что даже Бениньо утратил свою невозмутимость и захохотал вместе с ними.

– Скажи мне, что случилось с Элихио, – спросил я Нестора, когда все успокоились.

– Когда Элихио и Бениньо прыгнули, – ответил Нестор, – Нагваль заставил меня быстро взглянуть через край и уловить знак, который дает земля при прыжке воина в пропасть. Если там будет что-нибудь вроде облачка или слабого порыва ветра, то время пребывания воина на земле еще не истекло. В тот день, когда прыгнули Бениньо и Элихио, я ощутил дыхание воздуха со стороны Бениньо и знал, что его час еще не пробил. А со стороны Элихио все было безмолвно.

– А как ты думаешь, что случилось с Элихио? Он умер?

Все трое уставились на меня. С минуту они молчали. Нестор почесал виски обеими руками. Бениньо хихикнул и потряс головой. Я попытался объяснить, но Нестор остановил меня жестом руки.

– Ты серьезно задаешь нам эти вопросы? – спросил он меня.

Бениньо ответил за меня. Когда он не паясничал, его голос был глубоким и мелодичным. Он сказал, что Нагваль и Хенаро подстроили все так, что каждый из нас имеет кусочки информации, которых не имеют другие.

– Хорошо, раз так, то мы тебе расскажем, что к чему, – сказал Нестор, словно у него гора свалилась с плеч. – Элихио не умер. Ни в коем случае.

– Где же он теперь? – спросил я.

Они снова переглянулись. У меня было ощущение, что они сдерживались чтобы не засмеяться. Я рассказал им то, что сообщила мне донья Соледад: Элихио ушел в другой мир, чтобы присоединиться к Нагвалю и Хенаро. Для меня это звучало так, словно все трое умерли.

– Почему ты так говоришь, Маэстро? – спросил Нестор тоном глубокого участия. – Даже Паблито не говорит ничего подобного.

Мне показалось, что Паблито собирается протестовать. Он чуть было не встал, но потом очевидно переменял свое намерение.

– Да, правильно, – сказал он. Даже я не говорю так.

– Ну ладно. Если Элихио жив, то где он?

– Соледад уже сказала тебе, – мягко сказал Нестор. – Элихио ушел, чтобы соединиться с Нагвалем и Хенаро.

Я решил, что будет лучше не задавать им никаких вопросов. Я не собирался быть агрессивным в своих расспросах, но дело почему-то всегда оборачивалось именно так. Кроме того, у меня возникло чувство, что для меня все это больше не имеет никакого значения. Нестор внезапно встал и начал расхаживать передо мной взад и вперед. Наконец, он потащил меня прочь от стола. Он не хотел, чтобы я писал. Он спросил меня, действительно ли я подобно Паблито выключился в момент прыжка и ничего не помню. Я сказал, что у меня был ряд живых грез или видений, которые я не могу объяснить и что я приехал для того, чтобы увидеть их и добиться ясности. Они захотели услышать обо всех моих видениях. После того, как они выслушали мой отчет, Нестор сказал, что мои видения были слишком причудливы. Только первые два имели большое значение и относились к Земле, остальные же были видениями чуждых миров. Он объяснил, что особое значение следует придавать первому видению, так как оно было подлинным знаком. Он сказал, что маги всегда рассматривают первое событие из любой серии как программу или карту того, что должно произойти впоследствии.

В этом конкретном видении я обнаружил, что смотрю на диковинный мир. Прямо перед моими глазами была огромная скала, расщепленная надвое. Через широкую щель в ней я мог видеть огромную фосфоресцирующую равнину, залитую зелено-желтым светом. На одной стороне долины, справа и частично скрытое от моего поля зрения огромной скалой, находилось невероятное куполообразное строение. Оно было темное, почти угольно-серое. Если там у меня были почти такие же размеры что и в обыденной жизни, то купол должен был иметь почти пятьдесят тысяч футов в высоту и много миль в ширину.

Такие колоссальные размеры меня просто ошеломили. У меня закружилась голова, и я погрузился в состояние распада.

Я снова вышел из него и оказался на очень неровной и все-таки плоской поверхности. Это была сияющая безграничная

поверхность, которой я никогда не видел прежде. Она простиралась до тех пор, пока видел глаз. Вскоре я осознал, что могу поворачивать голову в любом направлении в горизонтальной плоскости, но я не мог взглянуть на себя. Однако я имел возможность исследовать окрестности, поворачивая голову слева направо в любом желаемом направлении. Тем не менее, когда я хотел повернуться направо кругом, чтобы посмотреть вокруг себя, я не смог сдвинуть свой корпус.

Равнина простиралась с монотонным однообразием как налево, так и направо. В поле моего зрения не было ничего другого, кроме безграничного белого сияния. Я хотел посмотреть на почву под ногами, но глаза не могли сдвинуться вниз. Я поднял голову вверх, чтобы посмотреть на небо, но увидел только другую безграничную поверхность, которая казалась связанной с той, на которой я стоял. Тут у меня возник намек на прозрение и я ощутил, что что-то прямо сейчас готово раскрыться мне. Но внезапный опустошающий толчок распада остановил мое откровение. Какая-то сила потянула меня вниз. Было так, словно белесая поверхность поглотила меня.

Нестор сказал, что видение купола имело колоссальное значение, потому что эта особая форма была выделена Нагвалем и Хенаро как видение места, где, как предполагается, все мы когда-нибудь встретимся.

Тут заговорил Бениньо. Он сказал, что слышал, как Элихио инструктировали, чтобы он нашел этот особый купол. Он сказал, что Нагваль и Хенаро настаивали на том, чтобы Элихио понял их объяснения точно. Они всегда считали Элихио самым лучшим, поэтому всегда посылали его находить этот купол и входить под его белоснежные своды снова и снова.

Паблито сказал, что они все трое получили инструкции найти этот купол если смогут, но он не нашел его. Тут я пожаловался, что дон Хуан и дон Хенаро никогда не упоминали при мне ни о чем подобном. Мне не давали никаких инструкций по поводу купола. Бениньо, который сидел напротив через стол, внезапно встал и пошел в мою сторону. Он сел слева от меня и очень тихо прошептал мне на ухо, что, по-видимому, старики инструктировали меня, но я ничего не запомнил, или что они ничего не сказали мне, чтобы я не фиксировал на этом своего внимания если найду его.

– Почему этот купол был так важен? – спросил я Нестора.
– Потому что это место, где находятся Нагваль и Хенаро, – ответил он.

– А где находится этот купол? – спросил я.

– Где-то на этой Земле, – ответил он.

Я вынужден был детально объяснить им, что невозможно, чтобы на нашей планете могло существовать, строение такой величины. Я сказал, что мое видение было больше похоже на грезу и что такие строения могут существовать разве что во сне или фантазии. Они засмеялись и мягко похлопали меня по спине, словно ублажали ребенка.

– Ты хочешь знать, где находится Элихио? – спросил внезапно Нестор. – Так вот, он находится под белыми сводами того купола вместе с Нагвалем и Хенаро.

– Но этот купол был видением, – сказал я.

– Тогда Элихио находится в видении, – сказал Нестор. – Вспомни, что Бениньо только что сказал тебе. Нагваль и Хенаро не говорили тебе, чтобы ты нашел этот купол и приходил к нему снова и снова. Если бы они тебе это сказали, тебя не было бы здесь. Ты был бы, как и Элихио, под куполом того видения. Так что ты видишь, что Элихио не умер, как умирает человек на улице. Он просто не вернулся из своего прыжка.

Его заявление ошеломило меня. Я не мог отрицать воспоминания о живости своих видений, но по какой-то непонятной причине мне хотелось спорить с ними. Нестор, не давая мне времени что-то сказать, продвинул свои утверждения еще на ступень дальше. Он напомнил мне еще одно из моих видений – предпоследнее. Это видение было самым кошмарным из всех. Я обнаружил, что меня преследует какое-то странное невидимое создание. Я знал, что оно находится сзади, но не мог видеть его, и не потому, что оно было невидимым, а потому, что мир, в котором я находился, был таким неправдоподобно чужим, что я совершенно не способен был сориентироваться. Каковы бы ни были элементы этого видения, они, безусловно, были не с этой Земли. Эмоциональное потрясение, которое я испытал, было едва ли не больше того, что я мог выдержать. В какой-то момент поверхность, на которой я стоял, начала сотрясаться. Я ощутил, как она оседает под моими ногами, и ухватился за что-то вроде ветки ли отростка какого-то предмета, напоминавшего мне дерево, который висел как раз над

моей головой в горизонтальном положении. В тот момент, когда я коснулся его, отросток обвился вокруг моего запястья, словно он обладал нервной системой и мог чувствовать. Я ощутил, что поднят на огромную высоту. Я посмотрел вниз и увидел невероятное животное. Я знал, что это и была та ужасная тварь, которая преследовала меня. Она вылезала из-под поверхности, которая выглядела как земля. Я мог видеть ее огромный рот, открытый, как пещера. Я услышал леденящий душу и совершенно неземной рев, нечто вроде поразительного звенящего металлического вздоха; щупальца, схватившие меня, разжались, и я упал в пещерообразный рот. Затем он захлопнулся со мною внутри. Я ощутил огромной силы давление, которое расплющило мое тело.

– Ты уже умер, – сказал Нестор, – Это животное съело тебя. Ты отважился выйти за пределы этого мира и нашел сплошной ужас. Наша жизнь и наша смерть не более и не менее реальны, чем твоя короткая жизнь в этом месте и твоя смерть в пасти чудовища. Та жизнь, которую мы ведем сейчас, это всего лишь длительное видение. Разве ты не знаешь этого?

Нервные спазмы пробежали по всему моему телу.

– Я не выходил за пределы этого мира, – продолжал он, – но я знаю, о чем говорю. У меня не было таких ужасных историй, как у тебя. Все, что я сделал – это посетил Порфирио десять раз. Если бы это зависело от меня, я ушел бы туда навсегда, но мой одиннадцатый отскок был таким сильным, что изменил мое направление. Я ощутил, что пролетел мимо хижины Порфирио и вместо того, чтобы очутиться у его двери, я оказался в городе, очень близко от дома, где жил один мой друг. Мне это показалось очень странным. Я знал, что путешествую между *нагвалем* и *тоналем*. Никто не говорил мне, что эти путешествия должны быть какого-то особого рода. Поэтому мне стало любопытно и я решил увидеть своего старого друга. Я заинтересовался, увижу ли я его реально. Я подошел к его дому и постучал в дверь так же, как я делал это уже множество раз. Его жена впустила меня, как всегда делала это, и мой друг был действительно дома. Я сказал ему, что прибыл в город по делу, и он вернул мне деньги, которые был должен. Я положил деньги к себе в карман. Я знал, что мой друг, его жена, и эти деньги, и этот город – все это было лишь видением так же, как хижина Порфирио. Я знал, что сила, которая была

выше меня, может расщепить меня на части в любой момент. Поэтому я уселся, чтобы насладиться общением с моим другом в полной мере. Осмелюсь сказать, что я был потешным и очаровательным как никогда. Мы смеялись и шутили. Я долго оставался там, ожидая толчка. Так как он не приходил, я решил уйти. Попрощавшись и поблагодарив его за деньги и дружелюбие, я ушел оттуда. Я хотел увидеть город, прежде чем та сила заберет меня снова, и бродил всю ночь по холмам, возвышающимся над городом. В тот момент, когда взошло солнце, осознание пронизало меня, как вспышка молнии. Я вернулся обратно в мир, и сила, которая когда-нибудь распылит меня, отступила и позволила мне остаться еще в течение некоторого времени. Мне суждено было видеть родные края и эту чудесную землю немного дольше. Какая великая радость, Маэстро! Но я не могу сказать, что не наслаждался дружбой Порфирио. Оба видения равны, но я предпочитаю видение своей формы и своей Земли. Возможно, это мое индульгирование.

Нестор перестал говорить и все трое уставились на меня. Я ощущал угрозу, которой не было никогда прежде. Некоторая часть меня трепетала перед тем, что он сказал, а другая хотела бороться с ним. Мое бессмысленное настроение длилось несколько минут, пока я не начал осознавать, что Бениньо смотрит на меня с очень неприятливым выражением. Он фиксировал свои глаза на моей груди. Я ощутил, что внезапно что-то зловещее начало давить на мое сердце, и стал потеть, словно перед моим лицом находился обогреватель. У меня зашумело в ушах.

В этот самый момент ко мне подошла Ла Горда. Она появилась самым неожиданным образом. Я был уверен, что Хенарос почувствовали то же. Они прекратили делать то что делали, и посмотрели на нее. Паблито первым опомнился от удивления. – Почему ты так вошла? – спросил он жалобно, – Ты подслушивала из другой комнаты, да?

Она сказала, что находится в доме всего несколько минут и только что вошла на кухню. И причина, по которой она вошла так тихо, не столько в том, что ей хотелось подслушать, сколько в том, чтобы проверить свою способность быть незаметной.

Ее присутствие вызвало странную передышку. Я хотел опять окунуться в поток откровений Нестора, но прежде чем успел что-нибудь спросить, Ла Горда сказала, что сестрички находятся на

пути к дому и могут войти в дверь в любой момент. Хенарос сразу же встали, словно их подбросила одна и та же пружина. Паблито взгромоздил свой стул на плечо.

– Давай отправимся на прогулку в темноте, Маэстро, – сказал он мне.

Ла Горда очень повелительным тоном сказала, что я не могу отправиться вместе с ними, потому что она еще не закончила рассказывать мне то, что Нагваль велел ей рассказать мне.

Паблито повернулся ко мне и подмигнул.

– Я уже говорил тебе, – сказал он. – Эти угрюмые суки вечно командуют. Я искренне надеюсь, что ты не такой, Маэстро.

Нестор и Бениньо пожелали мне спокойной ночи и обняли меня.

Паблито как раз выходил, неся свой стул как рюкзак. Они вышли через заднюю часть дома.

Несколько секунд спустя ужасно громкий стук в дверь заставил нас с Ла Гордой вскочить на ноги. Снова вошел Паблито вместе со своим стулом.

– Ты думаешь, что я забыл сказать «спокойной ночи», да? – спросил он и засмеялся.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава пятая

ИСКУССТВО СНОВИДЕНИЯ

На следующее утро, предоставленный самому себе я работал над своими записками. В полдень я помогал перевозить на своей машине сестричкам и Ла Горде вещи из дома доньи Соледад в их дом.

Вечером мы с Ла Гордой сидели одни на обеденной площадке. Некоторое время мы молчали. Я очень устал.

Ла Горда первая нарушила молчание. Она сказала, что все они после ухода Нагваля и Хенаро стали очень самонадеянными. Каждый из них был слишком поглощен своей собственной задачей. Ла Горде Нагваль велел быть бесстрастным воином и следовать по тем тропам, которые предложит ей судьба. Если бы Соледад захватила мою силу, Ла Горда должна была спастись бегством и попытаться спасти сестричек, а затем присоединиться к Бениньо и Нестору, единственным двум Хенарос, которые остались бы в живых. Если бы сестрички убили меня, она бы присоединилась к Хенарос, так как сестрички бы в ней больше не нуждались. В случае, если бы из нас двоих только одна она осталась в живых после нападения союзников, то ей следовало уехать из этих мест и остаться в одиночестве. Ее глаза заблестели, когда она сказала, что была уверена в том, что ни один из нас не выживет, когда прощалась с сестричками, своим домом и холмами. – Нагваль сказал мне, что в случае, если мы оба выживем после столкновения с союзниками, – продолжала она, – я должна буду во всем помогать тебе, потому что это и будет моим путем воина. Именно поэтому я и вмешалась в то, что делал с тобой Бениньо вчера вечером.

Он давил глазами на твою грудь. Это было его искусство *сталкинга*. Перед этим ты вчера видел руку Паблито; и это было частью того же искусства.

– Что это за искусство, Горда?

– Искусство *сталкинга*. Оно было предрасположением Нагваля, и в этом Хенарос – его дети. Мы, с другой стороны, – *сновидящие*.

Твой дубль является *сновидением*.

Все это было новостью для меня. Мне хотелось услышать более подробные объяснения и я помолчал минуту, чтобы перечитать записанное и выбрать самый подходящий вопрос. Прежде всего мне хотелось бы выяснить, что она знает о моем дубле, а потом – об искусстве *сталкинга*.

– Нагваль сказал мне, что твой дубль – это нечто, требующее много силы для выхода, – сказала она. – Он полагал, что у тебя достаточно энергии, чтобы выпустить его дважды. Именно поэтому он настроил Соледад и сестричек, чтобы они или убили тебя, или помогли тебе.

Ла Горда добавила, что у меня оказалось гораздо больше энергии, чем думал Нагваль, и мой дубль выходил трижды. По-видимому, нападение Розы не было бессмысленным действием; напротив, она очень хитро рассчитала, что если она сможет поразить меня, то я стану беспомощным. Такую же уловку пыталась применить донья Соледад со своим псом. Я дал Розе шанс ударить меня, когда заорал на нее, но она потерпела поражение, пытаясь повредить мне. Вместо этого вышел мой дубль и причинил вред ей. Лидия рассказала Ла Горде, как все произошло: Роза не хотела просыпаться, когда они удирали из дома Соледад, и Лидия стиснула ее поврежденную руку. Роза не ощутила никакой боли и мгновенно сообразила, что я исцелил ее. Из этого они сделали вывод, что я истощил свою силу. Ла Горда утверждала, что хитроумные сестрички придумали план, как полностью лишить меня силы: потому они и настаивали, чтобы я исцелил Соледад. Когда Роза поняла, что я исцелил и ее тоже, она решила, что я непоправимо ослабил себя. В итоге им оставалось только подождать Хосефину, чтобы прикончить меня.

– Сестрички не знали, что исцелив Розу и Соледад, ты снова наполнился, – сказала Ла Горда и засмеялась, словно это была шутка, – Именно поэтому у тебя было достаточно энергии, чтобы извлечь свой дубль в третий раз, когда сестрички пытались отнять твою светимость.

Я рассказал ей о видении доньи Соледад, съежившейся у стены своей комнаты, и как это видение было связано с моим осязательным ощущением вязкой субстанции на ее лбу.

– Это было настоящее *видение*, – сказала Ла Горда. – Ты *видел* Соледад в ее комнате, хотя она была в это время со мной недалеко

от дома Хенаро. А затем ты *видел* свой *нагваль* на ее лбу. Мне вдруг показалось необходимым сообщить ей подробности происшедшего, особенно возникшее у меня осознание, что я действительно исцелил донью Соледад и Розу прикосновением к вязкой субстанции, которую я ощущал как часть самого себя.

– *Видеть* эту вещь на руке Розы – тоже было истинным *видением*, – сказала она. – И ты абсолютно прав, что эта субстанция была твоей собственной. Прикоснувшись к ней, ты втянул ее обратно. Затем словно раскрывая тайну, Ла Горда сообщила, что Нагваль приказал ей не открывать мне следующий факт. Поскольку у всех нас была одна и та же светимость, то прикосновение моего *нагваля* к одному из них не делало меня слабее, как это произошло бы в случае, если бы мой *нагваль* коснулся обычного человека.

– Если твой *нагваль* касается нас, – сказала она, слегка шлепнув меня по голове, – твоя светимость останется на поверхности. Ты можешь забрать ее снова и ничего не будет потеряно.

Я сказал ей, что мне очень трудно уловить суть ее объяснения. Она пожала плечами, словно говоря, что это ее не касается. Тогда я спросил, что она подразумевает под словом «нагваль». Я сказал, что дон Хуан объяснял мне *нагваль* как неопиcуемый принцип, источник всего.

– Разумеется, – – сказала она, улыбаясь. – Я знаю, что он имел в виду. *Нагваль* находится во всем.

Я иронически заметил, что это же можно сказать и о противоположном, – что *тональ* находится во всем. Она спокойно объяснила, что здесь нет противопоставления, и мое утверждение правильно – *тональ* тоже находится во всем. Она сказала, что *тональ*, находящийся во всем, можно легко постигнуть нашими чувствами, в то время как *нагваль*, находящийся во всем, открывается только глазу мага.

Она добавила, что мы можем натолкнуться на самые диковинные виды *тоналя* и испугаться их, или испытать потрясение от них, или чувствовать к ним безразличие, потому что все это находится в пределах нашего восприятия. С другой стороны, для восприятия *нагваля* требуются особые чувства мага. Но как *тональ*, так и *нагваль* присутствуют всегда и во всем. Поэтому магу свойственно говорить, что «смотрение» состоит в обозревании *тоналя*, находящегося во всем, а «видение», с другой стороны, – это наблюдение *нагваля*, тоже находящегося во всем. Поэтому, если

воин наблюдает мир как человеческое существо, он «смотрит», а если он наблюдает его как маг, то он «видит». То, что он «видит», и следует, собственно говоря, называть *нагвалем*.

Затем она повторила то, что я уже знал от Нестора: причину, по которой дон Хуана называют Нагвалем, и подтвердила, что я также являюсь Нагвалем из-за фигуры, выходящей из моей головы. Мне хотелось узнать, почему они называют эту фигуру дублем. Она ответила, что они думали, будто разыгрывают со мной персональную шутку. Они всегда называли эту фигуру дублем, потому что она вдвое больше по величине, чем человек, у которого она есть.

– Нестор сказал мне, что эта фигура не настолько хорошая вещь, чтобы стоило иметь ее, – сказал я.

– Она ни хорошая, ни плохая, – ответила она. – У тебя она есть и это делает тебя Нагвалем. Вот и все. Один из нас восьмерых должен быть Нагвалем, и им являешься ты. Это мог быть Паблито, или я, или кто-нибудь другой.

– Расскажи мне теперь, что такое искусство *сталкинга*, – попросил я.

– Нагваль был *сталкером*, – сказала она и уставилась на меня. – Ты должен знать это. Он учил тебя *сталкингу* с самого начала. Мне показалось, что она имеет в виду то, что дон Хуан называл охотой. Он, безусловно, учил меня, как быть охотником. Я рассказал ей, что дон Хуан показывал мне, как охотиться и делать ловушки. Однако ее употребление слова «выслеживатель» было более точным.

– Охотник просто охотится, – сказала она. – *Сталкер* же выслеживает все, включая самого себя.

– Как он делает это?

– Безупречный *сталкер* может все обратить в жертву. Нагваль говорил мне, что мы можем выслеживать даже собственные слабости.

Я прекратил писать и попытался вспомнить, знакомил ли меня когда-либо дон Хуан с такой новой возможностью: выслеживать свои слабости. Я не мог припомнить, чтобы он когда-нибудь описывал это такими словами.

– Как может человек выслеживать свои слабости, Горда?

– Точно таким же способом, как ты выслеживаешь жертву. Ты разбираешься в своем установившемся распорядке жизни, пока не

узнаешь все действия своих слабостей, а затем ты приходишь за ними и ловишь их в клетку, как кроликов.

Дон Хуан учил меня именно так поступать со своим распорядком, но в русле общих принципов, которые должен применять охотник. Но ее понимание и применение этого термина было более прагматическими, чем у меня.

Дон Хуан говорил, что любая привычка является «деланием», и что для функционирования деланию необходимы все его составные части. Если некоторые части отсутствуют, делание расстраивается. Под «деланием» он подразумевал любую связную и осмысленную последовательность действий. Другими словами, привычка нуждается во всех своих составных частях, чтобы быть живой деятельностью.

Затем Ла Горда описала, как она выслеживала свою собственную слабость – чрезмерную любовь к пище. Она сказала, что Нагваль предложил ей сначала заняться главной частью этой привычки, связанной с ее работой. Она была прачкой. Клиенты всегда угощали ее, когда она разносила по домам белье, и она никогда не отказывалась поесть. Она ждала от Нагваля подробных инструкций, но он только высмеял ее и сказал, что стоит ему дать ей какое-нибудь указание, как она тут же станет сопротивляться, лишь бы не делать этого. В результате, как правило, человек вовлекается в ненависть к тому, кто дал ему совет.

В течение многих лет она ничего не могла придумать, чтобы выследить эту свою слабость. Но вот однажды она стала настолько больной и усталой от своего ожиревшего тела, что отказалась принимать пищу в течение двадцати трех дней. Это было начальное действие, которое разрушило ее фиксацию. Затем у нее возникла идея засунуть в рот губку, чтобы клиенты думали, будто у нее болят зубы и она не может есть. Эта уловка сработала не только с ее клиентами, переставшими предлагать ей еду, но и с ней самой, потому что у нее жевание губки вызывало ощущение еды. Ла Горда смеялась, когда рассказывала мне, как она всюду ходила с засунутой в рот губкой – в течение нескольких лет, – пока ее привычка к обжорству не истощилась.

– Тебе нужно было только уничтожить свою привычку?

– Нет, мне нужно было научиться есть как воин.

– А как ест воин?

– Воин ест медленно и понемногу за раз. Я привыкла

разговаривать во время еды и ела очень быстро, поглощая огромное количество пищи за один прием. Нагваль сказал мне, что воин делает четыре глотка за один раз. Немного погодя он делает еще четыре глотка, и так далее.

А еще воин в течение дня проходит мили и мили. Моя слабость к еде никогда не позволяла мне много ходить. Я победила ее тем, что делала по четыре глотка пищи каждый час и тем, что ходила пешком. Иногда я ходила весь день и всю ночь. Так я согнала жир со своих ягодич.

Она засмеялась, вспомнив прозвище, которое дал ей дон Хуан. Но выследить свои слабости – еще недостаточно для того, чтобы освободиться от них, – сказала она, – Ты можешь отслеживать с сей минуты и до судного дня и это не даст никаких результатов. Именно поэтому Нагваль не хотел давать мне никаких инструкций. Чтобы реально достичь безупречного мастерства в *сталкинге*, у воина должна быть цель.

Ла Горда рассказала, как она день за днем жила, не имея никакой перспективы, пока не встретила Нагваля. Она не имела ни надежд, ни мечтаний, ни желания чего-либо. Только возможность поесть была всегда доступна ей по какой-то причине, которую она не могла постичь. Каждый день у нее было обилие еды. Так много еды, что одно время она весила двести тридцать шесть фунтов. – Еда была единственной вещью, которой я наслаждалась в жизни, – сказала Ла Горда. – Кроме того я никогда не считала себя жирной. Я думала, что довольно привлекательна, и люди любят меня именно такой, какая я есть. Все говорили, что я выгляжу цветущей.

Нагваль сказал мне нечто очень странное. Он сказал, что у меня было огромное количество личной силы и благодаря этому мне всегда удавалось получить еду от друзей, тогда как мои домашние оставались голодными. Каждый имеет достаточно личной силы для чего-то. В моем случае фокус состоял в том, чтобы оттолкнуть свою личную силу от еды и направить ее к цели воина.

– Что это за цель, Ла Горда? – спросил я полушутя.

– Войти в другой мир, – сказала она улыбаясь и сделала вид, что собирается ударить меня костяшками пальцев по макушке головы – любимый прием дона Хуана для прекращения моего индольгирования. Стало слишком темно, чтобы писать. Я попросил ее принести лампу, но она объяснила, что очень устала и

должна немного поспать перед приходом сестричек. Мы пошли в переднюю комнату. Она дала мне одеяло, сама закуталась в другое и мгновенно заснула. Я сел спиной к стене. Кирпичное ложе было жестким, хотя на нем были постелены четыре соломенных циновки. Удобнее было лечь. Как только я сделал это, я тотчас уснул.

Внезапно я проснулся от невыносимой жажды. Я хотел пойти на кухню, чтобы напиться, но не смог сориентироваться в темноте. Рядом со мной лежала Ла Горда, завернувшаяся в одеяло. Я потряхнул ее два-три раза и попросил, чтобы она помогла мне найти воду. Она пробормотала что-то неразборчивое. Очевидно, она так крепко спала, что не могла проснуться. Я встряхнул ее снова и внезапно она проснулась, – только это была не Ла Горда. Тот, кого я тряс, заорал на меня грубым мужским голосом, посылая меня к черту. На месте Ла Горды был мужчина! Я смертельно испугался. Спрыгнув с постели, я побежал к передней двери. Но я совершенно не способен был сориентироваться и в результате оказался на кухне. Я схватил лампу и поспешно зажег ее. В этот момент из уборной, находившейся в задней части дома, вышла Ла Горда и спросила меня, в чем дело. Я взволнованно рассказал ей что случилось. Казалось, она тоже была сбита с толку. Ее рот приоткрылся, глаза потеряли свой обычный блеск. Она решительно потрясла головой и это, казалось, восстановило ее alertность. Она взяла лампу, и мы пошли в переднюю комнату. В постели никого не было. Ла Горда зажгла еще три маленьких лампы. Она была явно встревожена. Велев мне оставаться на месте, она открыла дверь в их комнату. Я заметил, что оттуда шел свет. Она закрыла дверь снова и очень естественным тоном сказала, что тревожиться нечего, ничего не случилось и что она лучше пойдет и приготовит нам что-нибудь поесть. С быстротой и расторопностью настоящей буфетчицы она приготовила еду и горячий шоколадный напиток с кукурузной мукой. Мы сели друг против друга в полном молчании и начали есть.

Ночь была холодной. Похоже, собирался дождь. Три керосиновые лампы, которые она принесла на обеденную площадку, давали умиротворяющий желтоватый свет. Она взяла несколько досок, сложенных штабелем на полу у стенки, и разместила их вертикально, засунув в глубокий паз на поперечной опорной балке крыши. На полу была параллельная балке длинная щель, которая

удерживала доски на месте. В результате получилась передвижная стенка, окружившая обеденную площадку.

– Кто был в постели? – спросил я.

– В постели рядом с тобой была Хосефина, кто же еще? – ответила она, как бы смакуя каждое слово, а затем рассмеялась. – Она мастер на шуточки вроде этой. Вначале я подумала, что это кто-то другой, но потом уловила запах. Так пахнет тело Хосефины, когда она устраивает одну из своих проделок.

– Она что, пыталась испугать меня до смерти? – спросил я.

– Ты знаешь, что не являешься их любимцем, – ответила она. – Им не нравится, что их спихивают с привычного пути. И еще они вне себя из-за отъезда Соледад. Они не хотят понимать, что нам всем пора покинуть эту местность. Похоже на то, что наш час пробил. Я поняла это сегодня. Когда я ушла из дому, я ощутила, что эти скудные холмы там, снаружи, делают меня усталой. Я никогда не замечала этого вплоть до сегодняшнего дня.

– Куда вы собираетесь уходить?

– Я не знаю. Похоже, что это зависит от тебя. От твоей силы.

– От меня? Как это понимать, Ла Горда?

– Позволь мне объяснить. За день до твоего приезда мы с сестричками шли в город. Я хотела найти тебя там, потому что у меня было очень странное видение в моем *сновидении*. В этом видении я была в городе вместе с тобой. Я видела тебя так четко, как вижу сейчас. Ты не знал, кто я такая, но заговорил со мной. Я не могла разобрать, что ты сказал. Я возвращалась к тому же самому видению три раза, но была в этом *сновидении* не настолько сильной, чтобы понять твои слова. Я сделала вывод, что мое видение означает необходимость пойти в город и довериться своей силе, чтобы найти тебя там. Я была уверена, что ты находишься в пути.

– – Сестрички знали, зачем ты взяла их в город? – спросил я.

– Я ничего не сказала им, – ответила она. – Просто взяла их с собой. Мы бродили по улицам все утро.

Ее рассказ вызвал у меня очень странное состояние. Спазмы нервного возбуждения прокатились по всему телу. Я вынужден был встать и пройтись. Затем я снова сел и сказал ей, что в тот самый день я был в городе и всю вторую половину дня бродил по базарной площади, разыскивая дона Хуана. Она уставилась на меня с открытым ртом.

– Должно быть, мы разминулись, – сказала она со вздохом. – Мы были на базаре и в парке. Большую часть дня мы просидели на ступеньках церкви, чтобы не привлекать к себе внимания. Отель, в котором я остановился, был рядом с церковью. Я вспомнил, что долго стоял, глядя на людей на ступеньках церкви. Что-то побуждало меня внимательно рассматривать их. При всей абсурдности такого чувства я был уверен, что дон Хуан и дон Хенаро должны быть среди этих людей, изображая попрошаек, чтобы удивить меня.

– Когда вы покинули город? – спросил я.

– Мы ушли около пяти и направились к месту Нагваля в горах, – ответила она.

А я как раз в конце дня вдруг ощутил четкую уверенность в том, что дон Хуан ушел. Теперь было совершенно ясно, что именно я чувствовал в течение всего периода розысков дона Хуана. В свете ее рассказа я должен был в корне пересмотреть свои позиции. Я объяснял свою уверенность в присутствии дона Хуана в городе как иррациональное ожидание, возникшее в результате многократных встреч с ним там в прошлом. Но в городе была Ла Горда, которая искала меня, а она была существом, наиболее близким по характеру к дону Хуану. Я все время ощущал там именно ее присутствие. Рассказ Ла Горды лишь подтвердил то, что мое тело знало без тени сомнения.

Я заметил, что когда я рассказывал ей о своих ощущениях в тот день, ее начала бить нервная дрожь.

– Что произошло бы, если бы ты нашла меня? – спросил я.

– Все было бы по-другому, – ответила она. – Для меня найти тебя означало, что у меня достаточно личной силы, чтобы двигаться вперед. Поэтому я взяла с собой сестричек. Все мы – ты, я и сестрички – уехали бы вместе в тот же день.

– Куда, Горда?

– Кто знает? – задумчиво сказала Ла Горда. – Если бы у меня было достаточно силы, чтобы найти тебя, то была бы и сила узнать это. Теперь – твоя очередь. Очевидно, у тебя сейчас достаточно силы, чтобы узнать, куда мы должны идти. Понимаешь, что я имею в виду?

В этот момент меня охватила глубокая печаль. Я более остро, чем когда бы то ни было, ощущал отчаяние от своей человеческой бренности и недолговечности. Дон Хуан всегда говорил, что

единственным средством, сдерживающим отчаяние, является осознание смерти как ключа к магической схеме существования. Он утверждал, что осознание нашей смерти является единственной вещью, которая дает нам силу вынести тяжесть и боль нашей жизни и боязни неизвестного. Но он никогда не говорил мне, как вывести это осознание на передний план. Каждый раз, когда я просил его об этом, он настаивал, что единственно важным фактором является волевой акт, – иначе говоря, я должен принять решение сделать это осознание свидетелем своих действий. Мне казалось, что я сделал это. Но, столкнувшись с решимостью Ла Горды найти меня и уехать со мной я понял, что если бы она нашла меня в этом городе, я никогда бы не вернулся домой, никогда уже не увидел бы тех, кто мне дорог. Я не был готов к этому. Я приготовился к смерти, но не к тому, чтобы исчезнуть на оставшуюся часть моей жизни, находясь, как должно воину, в полном осознании, без гнева и разочарования, оставив позади свои чувства.

Почти в полном замешательстве я сказал Ла Горде, что не являюсь воином, достойным иметь такую силу, чтобы оставить навсегда мою прежнюю жизнь и знать куда идти и что делать.

– Мы человеческие существа, – сказала она. – Кто знает, что ожидает нас и какого рода силу мы можем иметь?

Я сказал ей, что моя печаль от такого решения слишком велика. Перемены, которым подвергаются маги, слишком радикальны и слишком окончательны. Я рассказал ей про невыносимую печаль Паблито об утрате своей матери.

– Такими ощущениями питается человеческая форма, – сказала она сухо. – Я жалела своих маленьких детей в течение многих лет. Я не могла понять, как Нагваль может быть таким жестоким, приказывая мне сделать то, что я сделала – оставить своих детей, разрушить и забыть их.

Она сказала, что понадобились годы, чтобы понять, что Нагваль тоже должен был сделать выбор – оставить свою форму. Он не был жестоким. Просто у него больше не осталось человеческих чувств. Для него все было равно. Он принял свою судьбу. Наша с Паблито проблема в этом отношении состояла в том, что никто из нас не принял свою судьбу. Ла Горда сказала с презрением, что Паблито плакал, вспоминая свою мать, свою Мануэлиту главным образом тогда, когда должен был готовить себе еду. Она предложила мне

вспомнить мать Паблито такой, какой она была: старой бестолковой женщиной, которая хотела только одного – быть прислугой для Паблито. Она сказала, что все они считают Паблито трусом, он ведь так несчастлив потому, что его прислуга Мануэлиты стала ведьмой Соледад, которая могла бы убить его, раздавив, как клопа.

Ла Горда драматически встала и склонилась над столом так что ее лоб почти коснулся моего.

– Нагваль сказал, что у Паблито необычная судьба, – сказала она. – Мать и сын берутся за одно и то же. Если бы он не был таким трусом, он принял бы свою судьбу и противостоял Соледад как воин, без страха и ненависти. В конце концов лучший победил бы и забрал все. Если бы победителем вышла Соледад, Паблито должен был быть счастлив своей судьбой и желать ей блага. Но только подлинный воин может знать счастье такого рода.

– Как ко всему этому относится донья Соледад?

– Она не индугирует в своих ощущениях, – сказала Ла Горда и снова села. – Она приняла свою судьбу с большей готовностью, чем любой из нас. Прежде чем Нагваль помог ей, она была еще хуже, чем я. По крайней мере я была молодой; она же была старой коровой, жирной и измученной, и молила о приходе смерти. Теперь смерть должна будет бороться, чтобы заявить свои права на нее.

Меня страшно смущало, как мало времени понадобилось для преобразования доньи Соледад. Я сказал Ла Горде, что видел донью Соледад около двух лет назад, и она была все той же старухой, какой я знал ее всегда. Ла Горда рассказала, что в последний раз, когда я был в доме у доньи Соледад, считая, что это всё еще дом Паблито. Нагваль научил их действовать так, словно ничего не изменилось. Донья Соледад приветствовала меня из кухни, как она всегда это делала, и я фактически не видел ее лица. Лидия, Роза и Паблито в совершенстве играли свои роли, чтобы я не мог раскрыть их подлинную деятельность.

– Зачем Нагваль пошел на все эти хлопоты, Горда?

– Он берег тебя для чего-то пока еще неясного. Он намерение держал тебя вдали от всех нас. Они с Хенаро велели мне никогда не показывать тебе свое лицо, когда ты был поблизости.

– Велели ли они то же самое и Хосефине?

– Да. Она ненормальная и ничего не может с собой поделать. Ей

хотелось разыгрывать с тобой свои шуточки.

Она обычно следовала за тобой неподалеку, а ты никогда не знал об этом. Однажды ночью, когда Нагваль взял тебя в горы, она в темноте чуть не столкнула тебя вниз, в ущелье. Нагваль заметил ее как раз вовремя. Она проделывала все эти «шуточки» не со злобы, а потому, что это доставляет ей удовольствие. Это ее человеческая форма. Хосефина будет такой, пока не потеряет ее. Я уже говорила тебе, что все они шестеро немножко психи. Тебе надо понять это, чтобы не быть пойманным в их сети. А если и поймаешься, не гневайся. Они не могут сдерживать себя.

Некоторое время она молчала. Я уловил, что она еле заметно дрожит. Ее глаза, казалось, вышли из фокуса, рот приоткрылся, словно мышцы перестали держать нижнюю челюсть. Я был поглощен наблюдением за ней. Она несколько раз встряхнула головой.

– Я только что *видела* кое-что, – сказала она, – Ты в точности такой же, как сестрички и Хенарос.

Она начала тихо смеяться. Я ничего не сказал. Мне хотелось, чтобы она объяснила все сама.

– Они сердятся на тебя, потому что до них до сих пор не дошло, что ты не отличаешься от них. Они смотрят на тебя как на Нагваля. Им не понять, что ты индульгируешь своим способом, точно так же, как они – своим. Она сказала, что Паблито ноет и жалуется, и играет слабовольного человека. Бениньо играет застенчивого человека, который не может даже поднять глаза. Нестор играет мудреца, – того, кто все знает. Лидия играет крутую женщину, которая может сокрушить взглядом кого угодно. Хосефина была ненормальной, на которую нельзя было положиться. Роза была раздражительной девицей, которая кусала moskitos за то, что они кусают ее. А я был дураком, который приехал из Лос-Анжелеса с блокнотом и кучей нелепых вопросов. И всем нам нравилось вести себя так, как мы привыкли.

– Когда-то я была толстой и вонючей, – продолжала она после паузы. – Я не обращала внимания на то, что других пинают меня ногами, как собаку. Это была моя форма.

Я должна буду рассказать им, что я *увидела* относительно тебя, чтобы их не раздражали твои действия.

Я не знал что сказать, чувствуя, что она бесконечно права. Самым важным фактором была не столько безошибочность ее

утверждений, сколько способ, которым она пришла к своему неоспоримому утверждению, и свидетелем которого был я сам.

– Как ты *увидела* это? – спросил я.

– Это просто пришло ко мне, – ответила она.

– Как оно пришло к тебе?

– Я испытала ощущение *видения*, пришедшее на верхушку моей головы, и просто *знала* все это.

Я настаивал на том, чтобы она описала каждую деталь этого «ощущения видения», о котором она только что упомянула. После минутного колебания она уступила, описав мне точно такое же щекочущее ощущение, что было и у меня во время моих столкновений с Соледад и сестричками. Ла Горда сказала, что оно начинается на макушке, а затем опускается вниз по спине и вокруг талии к матке. Она ощущала его внутри своего тела как поглощающее щекочущее раздражение, которое превратилось в *знание*, что я цепляюсь за свою человеческую форму подобно всем остальным. Разница между нами лишь в том, что я делаю это непонятным для них способом.

– Ты слышишь голос, который говорит все это? – спросил я.

– Нет. Я просто *видела* все, что рассказала тебе о тебе самом, – ответила она.

Я хотел спросить, было ли у нее видение меня, цепляющегося за что-то, но передумал. Я не хотел индугировать в своем обычном поведении. Кроме того я знал, что именно она имеет в виду, когда говорит о *видении*. То же случилось и со мной, когда я был с Розой и Лидией. Я внезапно «знал», где они жили. У меня не было видения их дома, я просто ощутил, что *знаю* это.

Я спросил ее, слышала ли и она звук, похожий на треск деревянной палочки, сломавшейся у основания ее шеи.

– Нагваль учил нас, как получить ощущение на макушке головы, – сказала она, – но не каждый из нас может вызвать его. Звук позади горла – еще более трудная вещь. Никто из нас до сих пор не ощущает его. Странно, что у тебя он есть, ведь ты пустой.

– Как действует этот звук? – спросил я. – И что это такое?

– Ты знаешь это лучше, чем я. Что же еще я могу сказать тебе? – ответила она резко.

Тут она явно поймала себя на раздражительности и сконфужено улыбнувшись опустила голову.

– Я чувствую себя глупо, рассказывая тебе то, что ты уже и так

знаешь, – сказала она. – Ты задаешь мне эти вопросы чтобы проверить, действительно ли я потеряла форму?

Я сказал ей, что нахожусь в растерянности. Мне кажется, я знаю, что это был за звук; но чтобы знать что-либо на самом деле, мне нужно непременно выразить свое знание в словах. В данном же случае я просто не представлял, где мне взять эти слова и как их соединить в понятия. Поэтому единственное, что я мог сделать, – это задавать вопросы в надежде, что ее ответы могли бы помочь мне.

– Я не могу помочь тебе в случае с твоим звуком, – сказала она. Я вдруг ощутил невероятный дискомфорт. Я сказал ей, что привык иметь дело с доном Хуаном и что теперь нуждаюсь в нем более чем когда бы то ни было. Он бы разъяснил мне все это.

– Тебе недостает Нагваль? – спросила она. Я сказал, что да и что я не понимал, как сильно мне недостает его, пока не оказался в его родных краях.

– Тебе недостает его потому, что ты все еще цепляешься за свою человеческую форму, – сказала она и захихикала, словно наслаждаясь моей печалью.

– А тебе самой недостает его, Горда?

– Нет. Не мне. Я – его. Вся моя светимость была изменена. Как может мне недоставать чего-то, что есть я сама?

– Чем отличается твоя светимость?

– Человеческое существо или любое другое создание имеет бледно-желтое свечение. Животные – скорее желтое, люди – более белое, но маг – янтарно-желтое, как мед на солнечном свете. Некоторые женщины-маги – зеленые. Нагваль сказал, что они самые могущественные и самые опасные.

– Какой цвет у тебя, Горда?

– Янтарный, такой же, как у тебя и у всех нас. Об этом мне сказали Нагваль и Хенаро. Все мы янтарные. И все мы, за исключением тебя, похожи на надгробный камень. Обычные люди похожи на яйцо. Именно поэтому Нагваль называл их светящимися яйцами. Маги изменяют не только цвет своей светимости, но и свои очертания. Мы похожи на надгробные камни, только закругленные с обоих концов.

– А у меня до сих пор очертания яйца, Горда?

– Нет. У тебя тоже очертание камня, но в твоей светимости имеется уродливая тусклая заплатка. Пока у тебя есть эта латка, ты

не сможешь спокойно летать как летают маги. Так, как я летала для тебя прошлой ночью. Ты даже не способен сбросить свою человеческую форму.

Я втянулся в страстный спор не столько с ней, сколько с самим собой. Я настаивал, что их точка зрения на способ обретения этой метафизической полноты была абсурдной. Я сказал, что никто не смог бы убедительно досказать мне, что нужно повернуться спиной к своему ребенку, чтобы осуществить самую неопределенную из целей – войти в мир *нагваля*. Я был так глубоко убежден в своей правоте, что вышел из себя и стал сердито кричать на нее. Моя вспышка оставила ее равнодушной. – Это должен делать не каждый, – сказала она, – а только маги, которые хотят войти в другой мир. Есть немало хороших магов, которые *видят*, но все же остаются неполными. Быть полными – это только для нас, толтеков.

Возьми, например, Соледад. Она наилучшая колдунья, которую ты смог бы отыскать, и она – неполная. У нее было два ребенка, одним из которых была девочка. К счастью для Соледад, ее дочь умерла. Нагваль сказал, что острие духа человека, который умирает, снова возвращается к родителям, то есть к тем, кто отдал его. Если человек умирает, имея детей, то острие переходит к полному ребенку. А если все дети полные, то острие уходит к тому, кто обладает большей силой, причем это не обязательно будет лучший из них. Например, когда мать Хосефины умерла, то острие ушло к самой ненормальной – к Хосефине. Казалось, оно должно было бы пойти к ее брату – работающему и достойному человеку. Но у Хосефины было больше силы, чем у ее брата. Дочь Соледад умерла, не оставив детей, и Соледад получила поддержку, в результате чего закрыла половину своей дыры. Теперь единственная надежда закрыть ее полностью связана для нее со смертью Паблито. В свою очередь для Паблито великая надежда на получение поддержки связана со смертью Соледад.

Я сказал ей в очень сильных выражениях, что все это вызывает у меня отвращение и ужас. Она согласилась. Раньше она и сама считала, что именно эта установка магов – самая мерзкая вещь, какую только можно вообразить. Она взглянула на меня сияющими глазами. В ее усмешке было что-то коварное. – Нагваль сказал мне, что ты понимаешь все, но ничего не хочешь делать в соответствии с этим, – сказала она мягким голосом.

Я начал спорить снова. Слова Нагваль обо мне не имеют никакого отношения к той части установки, которую мы сейчас обсуждаем. Я объяснил ей, что люблю детей, очень глубоко что их и сочувствую их беспомощности в окружающем их устрашающем мире. Я не мог и помыслить о причинении вреда ребенку ни в каком смысле и ни по какой причине.

– Это правило придумал не Нагваль. Оно создано не человеком, а где-то там, вовне.

Я защищался, говоря, что не сержусь ни на нее, ни на Нагваль, но спорю потому, что не могу постичь смысла всего этого.

– Смысл в том, что нам нужно наше острое, вся наша сила, чтобы войти в другой мир, – сказала она, – Я была религиозной женщиной и обычно повторяла слова, смысла которых не понимала. Я хотела, чтобы моя душа вошла в Царствие Небесное. Я до сих пор хочу этого, несмотря на то, что нахожусь на другом пути. Мир Нагваль и есть Царствие Небесное.

Из принципиальных соображений я восстал против религиозного аспекта ее утверждений. Дон Хуан приучил меня никогда не рассуждать на эту тему. Она очень спокойно объяснила, что не видит никакой разницы в образе жизни между нами и истинными монахами и священниками. Она указала, что настоящие монахи не только являются как правило полными, но они еще и никогда не ослабляют себя сексуальными отношениями.

– Нагваль сказал, что в этом и заключается причина, почему они никогда не будут искоренены, кто бы ни пытался искоренить их, – сказала она. – Те, кто стоит за этим – всегда пустые. Они не обладают мужеством истинных монахов и священников. Мне нравилось, что Нагваль говорил это. Я всегда буду восхищаться монахами и священниками. Мы похожи. Мы отказались от мира, не мы находимся в гуще него. Священники и монахи сделались бы великими летающими магами, если бы кто-нибудь сказал им, что они могут делать это.

Тут я вспомнил о симпатиях моих отца и деда к мексиканской революции. Больше всего они восхищались попыткой искоренить духовенство. Мой отец унаследовал это восхищение от своего отца, а я – от них обоих. Это было своего рода членство, которое мы разделяли. Одной из первых вещей, которые дон Хуан разрушил в моей личности, было именно это членство.

Однажды, как бы провозглашая свое собственное мнение, я сказал

дону Хуану то, что я слышал всю жизнь, – что излюбленной уловкой церкви было держать нас в невежестве. Лицо дона Хуана стало очень серьезным, как будто мое утверждение затронуло какую-то глубокую струну в его душе. Я немедленно подумал о веках эксплуатации, которой подвергались индейцы.

– Эти грязные ублюдки, – сказал он. – Они держали меня в невежестве, да и тебя тоже.

Я сразу уловил его иронию и мы оба рассмеялись. По правде говоря, мне никогда и в голову не приходило проверить реальность этого положения серьезным исследованием. Я даже не очень-то верил в него, но мне как будто ничего не оставалось, как только принять его. Я рассказал дону Хуану о своих дедушке и отце и об их либеральных взглядах.

– Не имеет значения, что именно кто-то говорит или делает, – сказал дон Хуан. – Ты сам должен быть безупречным человеком. Битва происходит в этой груди, прямо здесь.

Он мягко постучал по моей груди.

– Если бы твой дедушка или твой отец попытались стать безупречными воинами, – продолжал он, – у них не осталось бы времени на пустяковые битвы. Нам требуется наша энергия и наше время целиком и полностью, чтобы победить весь этот идиотизм в себе. Только это и имеет значение. Остальное не важно. Ничто из того, что твой дед или отец говорили о церкви, не принесло им благополучия. Но вот если ты будешь безупречным воином, то это даст тебе мужество, молодость и силу. Так что тебе надлежит сделать мудрый выбор.

Моим выбором были безупречность и простота жизни воина.

Вследствие этого выбора я чувствовал, что должен принять слова Ла Горды самым серьезным образом. Но это казалось мне даже более угрожающим, чем действия дона Хенаро. Он обычно пугал меня на очень глубоком уровне. Но его действия, хотя и ужасающие, были органично вплетены в непрерывную ткань их учения. Слова и действия Ла Горды угрожали мне иным образом, более конкретным и реальным.

Тело Ла Горды вдруг вздрогнуло. По нему пробежала дрожь, заставляя сокращаться мышцы ее рук и плеч. Она схватилась за край стола, неловко пошатнувшись. Затем она расслабилась и приняла свой обычный вид.

Она улыбнулась. Ее глаза и улыбка были ослепительными. Она

сказала небрежным тоном, что только что *видела* мою дилемму.
– Бесплезно закрывать глаза и делать вид, что ты ничего не понимаешь или не знаешь. Ты можешь делать это с людьми, но не со мной, – сказала она. – Я знаю теперь, почему Нагваль поручил мне рассказать тебе все это. Я – никто. Ты восхищаешься великими людьми. Нагваль и Хенаро были величайшими из всех. Она остановилась и посмотрела на меня. Казалось, она ожидала моей реакции на свои слова.

– Ты все время боролся против того, что тебе говорили Нагваль и Хенаро, – продолжала она. – Именно поэтому ты позади. И боролся с ними ты потому, что они были великими. Это твой способ бытия. Но ты не мог бороться против меня и моего рассказа, потому что ты не хочешь смотреть на меня с уважением. Я – ровня тебе, я нахожусь в твоём кругу. Ты любишь бороться с теми, кто лучше тебя. В борьбе с моей позицией для тебя нет вызова. Бедный Нагвальчик! Ты проиграл игру.

Она приблизилась ко мне и прошептала на ухо, что Нагваль говорил ей, что она никогда не должна пытаться забрать у меня мой блокнот. Это так же опасно, как пытаться выхватить кость из пасти голодной собаки. Она положила голову мне на плечо, обняла и засмеялась тихо и мягко.

Ее *видение* сразило меня. Я знал, что она была абсолютно права. Ла Горда долго держала меня в объятиях, склонив голову мне на плечо. Близость ее тела каким-то образом очень успокаивала меня. В этом она была в точности подобна дону Хуану. Она излучала силу, уверенность, твердость. Она ошибалась считая, что я не восхищаюсь ею.

– Давай оставим все это, – сказала она внезапно. – Поговорим о том, что нам предстоит делать сегодня вечером.

– Что именно мы будем делать сегодня, Горда?

– Нам предстоит последнее свидание с силой.

– Это снова будет ужасная битва с чем-то?

– Нет. Сестрички просто собираются показать тебе нечто такое, что завершит твой визит сюда. Нагваль сказал мне, что после этого ты можешь уехать и никогда не вернуться или предпочтешь остаться с нами. Но в любом случае мы должны показать тебе свое искусство. Искусство *сновидения*.

– А что это за искусство?

– Хенаро говорил мне, что он терял время опять и опять, чтобы

познакомить тебя с искусством *сновидящих*. Он показал тебе свое другое тело – тело *сновидения*. Однажды он даже заставил тебя быть в двух местах одновременно. Но твоя пустота помешала тебе *видеть* то, что он демонстрировал тебе. Это выглядело так, словно все его усилия проваливались через дыру в твоём теле.

Кажется, теперь все обстоит иначе. Хенаро сделал сестричек настоящими *сновидящими* и сегодня вечером они покажут искусство Хенаро. В этом отношении сестрички являются истинными детьми Хенаро.

Это напомнило мне о словах Паблито, который говорил, что мы являемся детьми обоих и что мы – толтеки. Я спросил ее, что он подразумевал под этим.

– Нагваль говорил мне, что на языке его бенефактора маги обычно назывались толтеками, – ответила она.

– А что это за язык?

– Он никогда не рассказывал. Но они с Хенаро обычно разговаривали на языке, который никто не мог понять. А ведь все мы вместе знаем четыре индейских языка.

– Дон Хенаро тоже говорил, что он толтек?

– У него был тот же бенефактор, так что он говорил то же самое.

Из ответов Ла Горды я начал подозревать, что она то ли сама знает очень мало, то ли не хочет говорить об этом со мной. Я сказал ей о своих выводах. Она призналась, что никогда не уделяла большого внимания этой теме. И удивилась, что это так важно для меня. Я прочел ей настоящую лекцию по этнографии Центральной Мексики.

– Маг становится толтеком только тогда, когда овладеет секретами *сталкинга* и *сновидения*, – сказала она небрежно. – Нагваль и Хенаро получили эти секреты от своего бенефактора и потом хранили их в своих телах. Мы делаем то же самое. И потому мы являемся толтеками, подобно Нагвалю и Хенаро.

Нагваль учил тебя и меня быть бесстрастными. Я более бесстрастна чем ты, потому что я бесформенна. У тебя все еще сохранилась твоя форма, и ты пуст. Поэтому ты цепляешься за каждый сучок. Однако однажды ты снова будешь полным. И тогда ты поймешь, что Нагваль был прав. Он сказал, что мир людей поднимается и опускается и что люди поднимаются и опускаются вместе со своим миром. Как магам нам нечего следовать за ними в их подъемах и спусках.

Искусство магов состоит в том, чтобы быть вне всего и быть незаметными. И самым главным в искусстве магов является то, чтобы никогда не расточать понапрасну свою силу. Нагваль сказал мне, что твоя проблема – вечно попадать в ловушку идиотских дел вроде того, чем ты занимаешься сейчас. Я уверена, что ты собираешься расспрашивать нас всех о толтеках. но так и не соберешься спросить нас о *внимании*.

Ее смех был чистым и заразительным. Я вынужден был согласиться, что она права. Мелкие проблемы всегда пленяли меня. Я только сказал ей, что озадачен употреблением слова «внимание».

– Я уже говорила тебе о том, что Нагваль рассказывал нам о внимании, – сказала она. – Мы удерживаем своим вниманием образы мира. Обучать мужчину-мага очень трудно, потому что его внимание всегда закрыто, сфокусировано на чем-нибудь. А вот женщина всегда открыта. Поэтому она большую часть своего времени ни на чем не фокусирует свое внимание, особенно в течение менструального периода. Нагваль рассказал мне, а затем продемонстрировал, что в эти дни я могу полностью отвлечь свое внимание от образов мира. Если я не фиксирую его на мире, то мир рушится.

– Как это делается, Горда?

– Это очень просто. Женщина-маг использует трещину между мирами, о которой я уже упоминала. Когда женщина менструирует, она не способна фокусировать свое внимание. Это и есть та трещина, о которой говорил мне Нагваль. Прекратив бороться за фокусирование, женщина должна отвлечься от образов мира, созерцая отдаленные холмы, воду, например – реку, или облака.

Во время созерцания у тебя начинает кружиться голова и глаза устают, но если ты немного прикроешь их и мигнешь и сместишь их от одной горы к другой или от одного облака к другому, то созерцать можно часами или целыми днями, если это необходимо. Нагваль обычно заставлял нас сидеть у двери и созерцать те круглые холмы на другой стороне долины. Иногда мы сидели так по несколько дней, пока трещина не открывалась.

Мне хотелось узнать об этом больше, но она замолчала и поспешно села вплотную ко мне. Она сделала мне рукой знак прислушаться. Я услышал слабый шелест и внезапно на кухню

вошла Лидия. Я подумал, что она, должно быть, спала и звук наших голосов разбудил ее.

Она сменила западную одежду на длинное платье вроде тех, что обычно носили индейские женщины. На плечи была накинута шаль и она была босая. Длинное платье не делало ее старше, скорее она была похожа на ребенка, одетого в наряд взрослой женщины.

Она подошла и очень официально приветствовала Ла Горду; «Добрый вечер, Горда». Затем она повернулась ко мне и сказала: «Добрый вечер, Нагваль».

Ее приветствие было таким неожиданным и таким серьезным, что я чуть было не рассмеялся, но уловил предостережение Ла Горды. Она сделала вид, что чешет макушку головы тыльной стороной сжатой в кулак левой руки.

Я повторил следом за Ла Гордой: «Добрый вечер, Лидия».

Она села в конце стола справа от меня. Я не знал, начинать ли мне беседу. Только я собрался что-то сказать, как Ла Горда стукнула меня коленкой по ноге и едва заметным движением бровей дала мне знак слушать. Я снова услышал приглушенный шорох длинного платья, соприкасающегося с полом. Хосефина секунду постояла у двери, прежде чем направиться к столу. Она приветствовала меня, Лидию и Ла Горду точно таким же образом. Я не мог оставаться серьезным, глядя на нее. Она тоже была босая, одета в длинное платье и шаль, но ее платье было на три размера больше и она подложила под него толстую прокладку. Это было чудовищно несовместимо; худое и юное лицо – и гротескно раздутое тело.

Она взяла скамейку, поставила ее с левого конца стола и села. Все трое выглядели чрезвычайно серьезными. Они сидели, сдвинув ноги вместе, и держались очень прямо. Я еще раз услышал шуршание платья и вошла Роза. Она была одета так же, как и другие, и тоже босая. Ее приветствие было таким же официальным и, естественно, включило Хосефину. Все ответили точно таким же тоном. Она села напротив, лицом ко мне. Все мы довольно долго молчали.

Внезапно Ла Горда заговорила, и звук ее голоса заставил подскочить всех остальных. Указав на меня, она сказала, что Нагваль собирается показать им своих союзников и намерен воспользоваться специальным зовом, чтобы вызвать их в комнату.

Попытавшись обратить все это в шутку, я сказал, что Нагваль здесь нет, так что он не может показать никаких союзников. Мне показалось, что они собираются рассмеяться. Ла Горда закрыла лицо рукой, а сестрички уставились на меня. Ла Горда приложила пальцы к моим губам и прошептала на ухо, что мне абсолютно необходимо воздержаться от идиотских высказываний. Она взглянула мне прямо в глаза и сказала, что я должен познать союзников, воспроизводя «зов бабочек».

Я неохотно послушался. Но не успел я начать, как дух ситуации овладел мною, и через мгновение я обнаружил, что с максимальной концентрацией отдаюсь воспроизведению этого звука. Я модулировал его звучание и управлял воздухом, выталкиваемым из легких таким образом, чтобы произвести самое длительное постукивание. Оно звучало довольно мелодично. Я набрал невероятное количество воздуха, чтобы начать новую серию, и внезапно остановился; что-то снаружи дома откликнулось на мой зов. Постукивающие звуки были слышны со всех сторон и шли даже с крыши. Сестрички вскочили и столпились вокруг меня и Ла Горды, как испуганные дети.

– Пожалуйста, Нагваль, не вызывай ничего в дом, – умоляла Лидия. Даже Ла Горда казалась немного испуганной. Она резко приказала мне остановиться. Я в любом случае не собирался продолжать свой зов. Однако союзники – как бесформенные силы или как существа, которые шныряли за дверью – были уже независимы от моего зова. Я снова ощутил, как и две ночи назад в доме Хенаро, невыносимую тяжесть, навалившуюся на весь дом. Я буквально физически чувствовал ее в середине живота как зуд, нервозность, которая вскоре превратилась в настоящее физическое страдание. Три сестрички были вне себя от страха, особенно Лидия и Хосефина. Обе они скулили, как раненые собаки. Все они окружили меня и уцепились за мою одежду. Роза заползла под стол и засунула голову между моими ногами. Только Ла Горда стояла позади меня, стараясь сохранять спокойствие. Через несколько секунд истерия и страх этих трех девушек возросли до огромных размеров. Ла Горда наклонилась и прошептала, что я должен издать противоположный звук, – звук, который рассеет их. Я был крайне смущен, так как понятия не имел ни о каком другом звуке. Но затем возникло знакомое щекочущее ощущение на макушке, дрожь в теле и я неизвестно почему вдруг вспомнил

особый свист, который дон Хуан обычно исполнял ночью, и которому старался научить меня. Он описал мне его как средство удерживать равновесие во время ходьбы, чтобы в темноте не сбиться с пути.

Когда я начал свистеть таким образом, давление в области живота прекратилось. Ла Горда улыбнулась и вздохнула с облегчением, а сестрички отодвинулись от меня, хихикая так, словно все это было только шуткой.

У меня начали появляться мысли, которые дон Хуан наверняка назвал бы индугльгированием в самый неподходящий момент. Уж слишком резкой была перемена от достаточно приятного общения с Ла Гордой до нынешней невероятной ситуации. Например, я думал, а не было ли все это просто розыгрышем с их стороны. Но я был слишком слаб и почти терял сознание. В ушах шумело, а напряжение в области живота было таким сильным, что заставило подумать о серьезном заболевании. Я положил голову на край стола, но через несколько минут уже чувствовал себя настолько неплохо, что смог выпрямиться.

Девушки, казалось, уже забыли, как они были перепуганы. Они смеялись, толкали друг друга, повязывая свои шали вокруг талии. Ла Горда не казалась ни нервной, ни расслабленной.

Вдруг две другие девушки толкнули Розу и она упала со скамейки, где все трое сидели. Она приземлилась на ягодицы. Мне казалось, что она разъярится, но она захихикала. Я взглянул на Ла Горду, ожидая указаний. Она сидела, держа спину очень прямо. Ее глаза были полуприкрыты и фиксированы на Розе. Сестрички смеялись громко, как истеричные школьницы. Лидия толкнула Хосефину и заставила ее упасть рядом с Розой на пол. Когда Хосефина оказалась на полу, их смех немедленно затих. Роза и Хосефина вздрогнули всем телом, проделав непонятные движения ягодицами: они двигали ими из стороны в сторону, как бы растирая что-то на полу. Затем они молча вскочили, как два ягуара, и взяли Лидию за руки. Все трое совершенно бесшумно покружились пару раз по комнате. Роза и Хосефина взяли Лидию подмышки и пронесли ее, идя на цыпочках, два-три раза вокруг стола. Затем все трое рухнули, словно в коленях у них были одновременно сжавшиеся пружины. Их длинные платья вздулись, придав им вид огромных шаров. Очутившись на полу, они стали еще бесшумнее. Не было никаких других звуков, кроме легкого

шуршания их платьев, когда они вертелись и ползали. Казалось, я смотрю стереофильм с отключенным звуком.

Ла Горда молча наблюдала за ними, сидя рядом со мной. Внезапно она встала и с акробатическим проворством побежала к двери на углу обеденной площадки, ведущей в их комнату. Прежде чем достигнуть двери, она упала на правый бок и плечо, сразу перевернувшись, встала, увлекаемая инерцией своего вращения, и распахнула дверь. Она проделала все это в абсолютной тишине. Три девушки вертелись и ползали по полу, как гигантские шарообразные насекомые. Ла Горда подала мне сигнал подойти к ней. Мы вошли в комнату и она усадила меня спиной к дверной раме, прямо на полу. Сама она села справа от меня, также спиной к раме. Она заставила меня переплести пальцы и сложить руки над пупком.

Сначала я пытался делить внимание между Ла Гордой, сестричками и комнатой. Но как только Ла Горда устроила меня в этой позе, мое внимание было целиком захвачено комнатой. Все три девушки лежали в центре большой белой квадратной комнаты с кирпичными полами. Там было четыре керосиновых лампы, по одной на каждой стене, размещенные на встроенных полочках в шести футах над полом. Потолка в комнате не было. Огромные балки крыши были затемнены, и – это создавало впечатление невероятной комнаты, открытой сверху. В самом углу, одна напротив другой находились две двери. Когда я взглянул через комнату на закрытую дверь, я заметил, что стены комнаты были ориентированы по странам света. Дверь, где мы находились, была в северо-западном углу.

Роза, Лидия и Хосефина несколько раз покрутились вокруг комнаты против часовой стрелки. Я напрягался, чтобы услышать шуршание их платьев, но тишина была абсолютной. Я мог слышать только дыхание Ла Горды. Сестрички наконец остановились и сели спиной к стенам, каждая под своей лампой. Лидия села у восточной стены. Роза – у северной, а Хосефина – у западной.

Ла Горда встала, закрыла дверь позади нас и заперла ее на щеколду. Она заставила меня отодвинуться на несколько дюймов, не меняя позы, пока я не оказался спиной к двери. Затем она молча пересекла комнату и села под лампой у южной стены. Это, по-видимому, послужило сигналом. Лидия встала и начала ходить на

цыпочках по периметру комнаты вдоль стен. Собственно, это была не ходьба, а скорее беззвучное скольжение. Она увеличила скорость, ступая на стыке пола и стен. Она перепрыгивала через Розу, Хосефину, Ла Горду и меня каждый раз, когда добиралась до мест, где мы сидели. Я ощущал, как ее длинное платье задевало меня при каждом ее обороте. Чем быстрее она бегала, тем выше оказывалась на стенах. Наступил момент, когда Лидия молча бегала вокруг четырех стен комнаты примерно в семи-восьми футах над полом. Вид девушки, бегающей перпендикулярно стенам, был таким невероятным, что это смахивало на гротеск. Ее длинное облачение делало картину еще более сверхъестественной. Казалось, тяготение не имело никакого отношения к ней самой, но действовало на ее длинную юбку – она свисала вниз. Я ощущал ее всякий раз, когда она, как штора, проносилась по моему лицу. Она захватила мое внимание на уровне, которого я не мог и вообразить. Напряжение от концентрации на ее движении было таким сильным, что у меня начались конвульсии в животе. Я буквально ощущал животом ее бег. Мои глаза расфокусировались. На последнем крошечном остатке способности к концентрации я увидел, как Лидия сошла вниз по диагонали восточной стены и остановилась посреди комнаты.

Она запыхалась, тяжело дышала и обливалась потом, как Ла Горда после демонстрации своего полета. Ей было трудно сохранять равновесие. Через секунду она пошла к своему месту у восточной стены и повалилась на пол, как мокрая тряпка. Казалось, она потеряла сознание, но затем я увидел, что она уже почти спокойно дышит ртом.

После нескольких минут неподвижности, вполне достаточных для того, чтобы Лидия полностью пришла в себя и села прямо, встала Роза, беззвучно пробежала к центру комнаты, повернулась на пятках и побежала обратно к своему месту. Это дало ей возможность разбежаться для диковинного прыжка. Она подпрыгнула в воздух, как баскетболист, вдоль вертикального пролета стены, и ее руки поднялись над стенами, которые возвышались более чем на десять футов. Мне было видно, как ее тело ударилось о стену, хотя звука удара не было. Я ожидал, что в результате столкновения ее отбросит обратно на пол, но она осталась висеть там, прикрепившись к стене. С моего места это выглядело так, словно она держалась левой рукой за какой-то

крючок. Она минуту раскачивалась, как маятник, затем переместилась на три-четыре фута влево, оттолкнувшись правой рукой от стены когда размах ее качания был максимальным. Она повторила эти раскачивания и перемещения три или четыре раза, пролетев таким образом вокруг всей комнаты, а затем перебралась к балкам крыши, где рискованно болталась, вися на невидимом крючке.

Когда она сделала это, я вдруг осознал, что в ее левой руке не было никакого крючка. В действительности это было каким-то свойством ее руки, которое позволяло ей висеть на ней. Той же самой руки, которой она атаковала меня позапрошлой ночью.

Ее демонстрация завершилась свисанием с балок в самом центре комнаты. Внезапно она потеряла сцепление, сорвавшись с высоты пятнадцать-шестнадцать, футов. Ее длинное платье поднялось и собралось вокруг головы. Перед тем, как она беззвучно приземлилась, секунду она выглядела, как вывернутый силой ветра зонт. Ее обнаженное тело казалось ручкой зонтика, прикрепленной к темной массе платья.

Мое тело ощутило толчок от ее падения наверное больше чем она сама. Она приземлилась, присев на корточки, и какое-то время оставалась неподвижной, стараясь перевести дыхание. Я растянулся на полу, испытывая болезненные спазмы в животе. Ла Горда пересекла комнату, взяла свою шаль и повязала вокруг моего живота, обмотав ее два-три раза как пояс. Она тенью вернулась обратно к южной стороне.

Пока она делала все это, я потерял из виду Розу. Когда я поднял глаза, та снова сидела у южной стены. Теперь уже Хосефина молча направилась в центр комнаты. Она расхаживала взад и вперед между местом, где сидел я, и своим, у западной стены. Она все время была обращена лицом ко мне. Приблизившись к своему месту, она внезапно подняла левое предплечье и поместила его прямо перед лицом, словно хотела заслониться от меня. Она на секунду скрыла за предплечьем половину своего лица. Потом опустила его и подняла снова, на этот раз закрыв все лицо. Она бесчисленное количество раз повторяла этот процесс, беззвучно расхаживая по комнате из одного конца в другой. Каждый раз, когда она поднимала предплечье, все большая часть ее тела исчезала из моего поля зрения. Наступил момент, когда она закрыла все свое тело, раздутое за счет одежды, своим тонким

предплечьем. Казалось, словно заслоняя все мое тело, находящееся в десяти-двенадцати футах от нее, от своего взора – задача вполне выполнимая, ее она легко могла решить за счет ширины своего предплечья – она заслоняла от моего взгляда и свое тело – а уж это никак нельзя было сделать за счет ширины ее предплечья.

Когда она закрыла все свое тело, я мог различать только силуэт ее висящего в воздухе предплечья. Он покачиваясь двигался из одного угла комнаты в другой, и только однажды я мог смутно увидеть и саму руку.

Я почувствовал отвращение, невыносимую дурноту. Двигающееся и покачивающееся предплечье истощало мою энергию. Я соскользнул на бок, не в силах сохранить равновесие, и увидел, как рука падает на землю. Хосефина лежала на полу, накрытая одеждами, словно ее вздутое платье взорвалось. Она лежала на спине, раскинув руки.

Мне потребовалось довольно много времени, чтобы восстановить физическое равновесие. Моя одежда промокла от пота. Все это действовало не только на меня. Все они были измотанными и мокрыми. Ла Горда держалась лучше всех, но и ее контроль был, по-видимому, на грани срыва. Я мог слышать, как все они, включая Ла Горду, дышат ртом.

Когда я снова полностью пришел в себя, все сидели на своих местах. Сестрички пристально смотрели на меня. Краешком глаза я видел, что у Ла Горды глаза были полуприкрыты. Внезапно она бесшумно перекатилась в мою сторону и прошептала мне на ухо, что я должен начать свой зов бабочки, продолжая его до тех пор, пока союзники не вернутся в дом и не будут готовы взять нас.

Я был в нерешительности. Она прошептала, что другого способа изменить направление не существует и что мы должны закончить то, что начали. Сняв свою шаль с моего пояса, она опять перекатилась на свое место и села.

Я поднес руку к губам и попытался издать постукивающий звук. Поначалу это казалось очень трудным. Губы были сухими, а руки потными, но после первой неудачи у меня появилось ощущение бодрости и хорошего тонуса. У меня получился самый великолепный зов, который я когда-либо издавал. Он напоминал мне такой же звук, который я когда-то давным-давно слышал в ответ на свой. Когда я остановился, чтобы передохнуть, то услышал ответное постукивание со всех сторон.

Ла Горда сделала мне знак продолжать. Я выдал еще три серии. Последняя была совершенно гипнотической. Мне даже не пришлось набирать много воздуха и выпускать его небольшими порциями, как я делал это всегда. На этот раз постукивающий звук свободно лился из моего горла. Мне даже не нужно было использовать край ладони чтобы издать его.

Внезапно Ла Горда бросилась ко мне, подхватила подмышки и потащила на середину комнаты. Ее действие нарушило мою абсолютную концентрацию. Я заметил, что Лидия держит меня за правую руку, Хосефина – за левую, а Роза пятится назад передо мной и поддерживает меня за пояс вытянутыми руками. Ла Горда была позади меня. Она приказала мне протянуть руки назад и схватиться за шаль, которую она повязала вокруг шеи и плеч как упряжь.

Тут я заметил, что в комнате кроме нас было еще что-то, хотя и не мог сказать, что именно. Сестрички дрожали. Я знал, что они видят это, хотя сам ничего различить не мог. Я также знал, что Ла Горда собирается повторить то, что делала в доме дона Хенаро. Внезапно я почувствовал ветер из глаза-двери, втягивающий нас. Я изо всех сил уцепился за край шали Ла Горды, а сестрички схватились за меня. Я ощутил, что мы кружимся, кувыркаемся и раскачиваемся из стороны в сторону, как гигантский невесомый лист.

Я открыл глаза и увидел, что мы похожи на пучок. Мы то ли стояли, то ли горизонтально висели в воздухе, – я не мог разобрать, так как не имел точки опоры для чувств. Затем так же внезапно, как и поднялись, мы стали опускаться. Я чувствовал падение серединой своего живота и завопил от боли. Мои вопли слились с воплями сестричек. Вдруг я ощутил невыносимый толчок в ногах и подумал, что, должно быть, сломал их.

Следующим моим впечатлением было ощущение, что что-то проникло в мой нос. Я лежал на спине в полной темноте.

Приподнявшись, я понял, что это Ла Горда щекочет мне ноздри прутиком. Я не чувствовал ни опустошенности, ни даже усталости. Вскочив на ноги, я был потрясен увиденным. Мы находились не в доме, а на бесплодном каменистом холме. Я сделал шаг и едва не упал, споткнувшись о чье-то тело. Я узнал Хосефину. Она была очень горячей. Казалось, у нее был жар. Я попытался заставить ее сесть, но она была совершенно вялой. Рядом с ней лежала Роза. По

контрасту ее тело было холодным, как лед. Я положил их одну на другую и потянул. Это движение привело их в себя.

Ла Горда тем временем нашла Лидию и заставила ее идти. Спустя несколько минут все мы были на ногах. Мы находились, по-видимому, в полумиле к востоку от дома.

Несколько лет назад дон Хуан вызвал у меня аналогичное переживание, но с помощью психотропных растений. По всей вероятности, он заставил меня летать, и я приземлился на некотором расстоянии от его дома. В то время я попытался объяснить это событие рациональными причинами. Оснований для такого объяснения у меня не было, и я вынужден был пойти по одному из двух возможных путей: или объяснить происшедшее тем, что дон Хуан перенес меня на удаленное поле, пока я находился в бессознательном состоянии под действием психотропного растения, или утверждать, что под влиянием алкалоидов я поверил в то, что внушил мне дон Хуан. То есть, что я летал.

На этот раз у меня не было другого выхода, как только набраться мужества и признать, что я летал. Я начал индугировать в сомнениях и сочинять, как четыре девушки перенесли меня на этот холм. Я громко засмеялся, не в силах сдержать непонятный восторг.

Это был рецидив моей старой болезни. Мой разум, который был временно блокирован, опять начал захватывать власть надо мной. Мне хотелось победить его. Или, точнее сказать, – в свете диковинных действий, которые я наблюдал и выполнял со дня моего приезда, – мой разум отстаивал свою независимость от более сложного комплекса, который, кажется, и был «мною». Тем мною, которого я не знал.

С позиции почти незаинтересованного наблюдателя я следил, как мой разум борется, чтобы найти подходящие разумные обоснования, в то время как другая, гораздо большая часть меня могла больше не заботиться об объяснении вообще чего бы то ни было.

Ла Горда выстроила трех девушек в линию, затем потянула меня к себе. Все они сложили руки за спиной. Ла Горда заставила меня сделать то же самое. Она вытянула мои руки как можно дальше назад, велела мне согнуть их и захватить мои предплечья как можно крепче и ближе к локтям. Это создавало большое

мышечное напряжение в плечевых суставах. Она давила на мое туловище вперед до тех пор, пока я совсем не согнулся. Затем она издала особый птичий крик. Это был сигнал. Лидия начала двигаться. В темноте ее движения напоминали мне движения конькобежца. Она шла быстро и молча, и за несколько минут исчезла из виду. Ла Горда издала один за другим еще два птичьих крика, и Роза с Хосефиной удалились тем же способом, что и Лидия. Ла Горда велела мне следовать рядом с ней. Она издала еще один птичий крик, и мы тронулись с места.

Я был удивлен легкостью, с которой шел. Все мое равновесие было сосредоточено в ногах. То, что руки находились за спиной, не только не препятствовало движениям, но помогало мне поддерживать это необычное равновесие. Но больше всего меня удивила плавность моей походки.

Достигнув дороги, мы стали идти нормально. Мы прошли мимо двух человек, идущих в противоположном направлении. Когда мы добрались до дома, сестрички уже стояли у двери, не решаясь войти. Ла Горда сказала им, что хотя я не мог управлять союзниками, но мог и призывать их, и заставить их уйти.

Союзники больше не будут беспокоить нас. Девушки поверили ей, чего нельзя было сказать обо мне.

Мы вошли внутрь. Все они очень спокойно и быстро разделись, облились холодной водой и сменили одежду. Я сделал то же самое. Ла Горда принесла мне мою старую одежду, которая хранилась обычно в доме дона Хуана в коробке, и я переоделся.

Все мы были в приподнятом настроении. Я попросил Ла Горду объяснить мне, что мы делали.

– Мы поговорим об этом позже, – сказала она твердо.

Тут я вспомнил, что пакеты, которые я привез им, все еще были в машине. Я подумал, что пока Ла Горда готовит нам еду, можно пойти и вытащить их. Я вышел, взял их, принес в дом и положил на стол. Лидия спросила, распределил ли я подарки. Я сказал, что хочу, чтобы они сами выбрали то, что им понравится. Она отказалась, сказав, что, несомненно, у меня было приготовлено что-то особое для Паблито и Нестора, а для них – груда безделушек, которые я высыпал на стол, чтобы они дрались за них.

– Кроме того, ты ничего не привез для Бениньо, – сказала она, подойдя ко мне сбоку, и взглянула на меня с напускной серьезностью. – Ты не должен оскорблять чувства Хенарос, давая

им два подарка на троих.

Они все засмеялись. Мне было неловко. Она была совершенно права.

– Ты беззаботный. Именно поэтому ты никогда не нравился мне, – сказала Лидия, погасив улыбку и нахмурившись. – Ты никогда не приветствовал меня с симпатией или уважением. Каждый раз ты только делал вид, что рад видеть меня.

Она имитировала мое явно неискреннее приветствие, которым я пользовался много раз в прошлом.

– Почему ты никогда не спрашивал меня, как у меня дела? – спросила Лидия.

Я прекратил писать. Мне просто никогда не приходило в голову спрашивать ее о чем-либо. Я сказал ей, что мне нет оправдания. Вмешалась Ла Горда, сказав, что я никогда не сказал при встрече больше двух слов Лидии и Розе по очень простой причине: я привык разговаривать только с женщинами, которыми увлечен в том или ином смысле. Ла Горда добавила, что Нагваль велел им только отвечать на мои вопросы, а если я к ним не обращаюсь, то они не должны были ничего говорить сами.

Роза сказала, что не любит меня, потому что я всегда смеялся и пытался потешать всех. Хосефина добавила, что я никогда не замечал ее, и она невзлюбила меня как раз за эти невыносимые шутки.

– Я хочу, чтобы ты знал, что я не признаю тебя как Нагваля, – сказала мне Лидия, – Ты очень тупой. Ты ничего не знаешь. Я знаю больше тебя. Как я могу уважать тебя?

Она добавила, что я могу убраться туда, откуда пришел, или хоть провалиться в преисподнюю.

Роза и Хосефина не сказали ни слова. Однако, судя по серьезному и неприветливому выражению их лиц, они были согласны с Лидией.

– Как этот человек может вести нас? – спросила Лидия Ла Горду. – Он не настоящий Нагваль. Он человек. Он собирается делать из нас таких же идиотов, как он сам.

Когда она говорила это, я видел, как выражение лиц Розы и Хосефины становится все более и более враждебным.

Ла Горда вмешалась и объяснила им то, что она *видела* обо мне раньше. Она добавила, что она советует мне больше не попадаться в их ловушки, но рекомендует то же самое ним – не попадаться в

мои.

После того, как Лидия сначала продемонстрировала мне свою вполне обоснованную неподдельную враждебность, я был изумлен, как легко она поддавалась замечаниям Ла Горды. Она даже улыбнулась мне, а потом подошла и села рядом со мной.

– Ты на самом деле такой же как мы, да? – спросила она смущенно. Я не знал, что сказать. Я боялся допустить промах. Лидия явно была лидером сестричек. В тот момент, когда она улыбнулась мне, две другие тотчас были охвачены тем же настроением.

Ла Горда сказала, чтобы они не обращали внимания на мой карандаш и бумагу и на мои постоянные вопросы и что я, в свою очередь, не должен тревожиться, если они вовлекаются в свое любимое занятие – индуглирование на самих себе.

Все трое сели около меня. Ла Горда подошла к столу, взяла пакеты и отнесла их в мою машину. Я попросил Лидию извинить меня за мои непростительные промахи в прошлом и попросил всех рассказать мне, как они стали ученицами дона Хуана. Чтобы заставить их чувствовать себя непринужденно, я описал свою встречу с доном Хуаном. Их рассказы повторили то, что я уже знал от доньи Соледад.

Лидия сказала, что они вольны были оставить мир дона Хуана, но их выбор был – остаться. Сама она была самой первой ученицей и имела возможность уйти. Когда Нагваль и Хенаро вылечили ее, Нагваль указал ей на дверь и сказал, что если она не уйдет теперь, то дверь закроется и никогда не откроется снова.

– Моя судьба была решена, когда дверь закрылась, – сказала мне Лидия. – В точности то же случилось и с тобой. Нагваль говорил мне, что, когда он наложил на тебя заплату, у тебя была возможность покинуть его. Но ты не сделал этого.

Я помнил о том решении более живо, чем о чем угодно другом. Я рассказал им, как дон Хуан заставил меня поверить, что за ним охотится женщина-маг, а затем предоставил мне выбор – или покинуть его навсегда, или остаться, чтобы помочь ему вести войну против этой ведьмы. Потом оказалось, что мнимым врагом была одна из его сотрудниц. Вступив в борьбу с ней – как я думал, в защиту дона Хуана – я направил ее против себя, и она стала тем, что он называл моим «стоящим противником».

Я спросил у Лидии, были ли у них такие противники.

– Мы не такие тупые, как ты, – сказала Роза. – Мы никогда не

нуждались ни в каком кнуте.

– Паблито как раз такой тупица, – сказала Роза, – Его противником является Соледад. Впрочем, я не знаю, насколько она стоящая. Но, как гласит пословица, нет курицы, так съешь и луковицу.

Они засмеялись и заколотили по столу.

Я спросил у них, знал ли кто-нибудь Ла Каталину, женщину-мага, которую дон Хуан натравил на меня. Они отрицательно покачали головой.

– Я знаю ее, – сказала Ла Горда, стоя у кухонной плиты. – Она из цикла Нагваля, а выглядит так, как будто ей лет тридцать.

– Что такое цикл, Горда? – спросил я. Она подошла к столу, поставила ногу на скамейку и, облокотясь на нее, подперла рукой подбородок.

– Маги, подобные Нагвалю и Хенаро, имеют два цикла. Первый – это когда они еще человеческие существа, подобные нам. Мы находимся в первом цикле. Каждому из нас было дано задание, и это задание вынуждает нас оставить человеческую форму. Элихио, мы пятеро и Хенарос относимся к одному и тому же циклу. Второй цикл наступает тогда, когда маг больше не является человеческим существом. Такими были Нагваль и Хенаро. Они пришли учить нас. И после того, как они обучили нас, они ушли. Мы являемся вторым циклом для них. Нагваль и Ла Каталина подобны тебе и Лидии. Они находятся в таком же взаимодействии. Она ужасающий маг, в точности как Лидия.

Ла Горда вернулась к кухонной плите. Сестрички, казалось, нервничали.

– Эта женщина, должно быть, знает растения силы, – сказала Лидия Ла Горде.

Ла Горда ответила, что так оно и есть. Я спросил, давали ли им когда-нибудь растения силы.

– Нам троим не давали, – ответила Лидия. – Растения силы дают только пустым людям, таким как ты и Ла Горда.

– Так Нагваль давал тебе их? – спросил я Ла Горду. Ла Горда подняла над головой два пальца.

– Нагваль давал ей свою трубку дважды, – сказала Лидия, – И оба раза у нее ехала крыша.

– Что случилось, Горда? – спросил я.

– Я становилась сумасшедшей, – сказала Ла Горда, подойдя к столу. – Растения силы давали нам потому, что Нагваль

накладывал латки на наши тела. Моя пристала быстро, а у тебя это протекало трудно. Нагваль сказал, что ты еще ненормальной Хосефины и такой же невыносимый, как Лидия, и он вынужден был давать тебе растения силы огромное количество раз.

Ла Горда объяснила, что растения использовали только те маги, которые в совершенстве владели этим искусством. Эти растения были таким могущественным средством, что для правильного обращения с ними требовалось самое безупречное внимание со стороны магов. Нужна была целая жизнь, чтобы натренировать свое внимание до необходимого уровня. Ла Горда сказала, что полный человек не нуждается в растениях силы и что ни сестрички, ни Хенарос никогда не принимали их. Но в какой-то момент, когда они усовершенствуют свое искусство *сновидения*, им придется воспользоваться растениями силы для получения завершающего тотального толчка. Это будет толчок такой силы, что нам невозможно и представить его.

— А тебе тоже придется принимать их? — спросил я Ла Горду.

— Всем нам, — ответила она. — Нагваль сказал, что ты должен будешь знать об этом моменте раньше, чем любой из нас.

Я некоторое время думал на эту тему. Психотропные растения оказывали на меня ужасающее воздействие. Они, казалось, достигали какого-то обширного резервуара во мне и извлекали из него целый мир. Я боялся принимать их из-за нарушения моего физического тонуса и невозможности управлять их действием. Мир, в который они погружали меня, был неподатлив и хаотичен. Пользуясь терминологией дона Хуана, мне не хватало контроля и силы, чтобы воспользоваться этим миром. Однако, если бы такой контроль у меня был, то я открыл бы в себе потрясающие возможности.

— Я принимала их, — внезапно сказала Хосефина, — Когда я была помешанной, Нагваль дал мне свою трубку, чтобы исцелить или убить меня. И она исцелила меня.

— Нагваль действительно давал Хосефине свой дым, — сказала Ла Горда и подошла к столу. — Он знал, что она притворяется более сумасшедшей, чем есть на самом деле. Она всегда была немного чокнутой, по она еще и индугирует, как никто другой. Она всегда хотела жить там, где никто бы ей не надоедал и где она смогла бы делать все, что ей захочется. Поэтому Нагваль дал ей свой дым и отправил пожить в мир ее предрасположения на

четырнадцать дней, пока она так не пресытилась им, что излечилась. Она пресекла свое indulgирование. В этом и состояло ее излечение.

Ла Горда вернулась к плите. Сестрички смеялись и хлопали друг друга по спинам.

Тут я вспомнил, что в доме доньи Соледад Лидия не только сделала вид, что Нагваль оставил для меня какой-то пакет, но и на самом деле показала сверток, похожий на футляр для трубки дона Хуана. Я напомнил Лидии об их обещании отдать мне этот пакет в присутствии Ла Горды.

Сестрички переглянулись, а затем посмотрели на Ла Горду. Она кивнула. Хосефина встала и пошла в переднюю комнату. Спустя минуту она вернулась со свертком, который показывала мне Лидия. Мое нетерпение достигло предела. Хосефина аккуратно положила сверток на столе передо мной. Все столпились вокруг. Она стала развязывать его так же, как в первый раз это делала Лидия. Когда пакет был полностью развернут, она вывалила его содержимое на стол. Это было тряпье для менструаций.

Секунду я был в ярости. Но громкий смех Ла Горды был таким веселым, что я и сам был вынужден рассмеяться.

– Это личный сверток Хосефины, – сказала Ла Горда. – Это была блестящая идея – сыграть, на твоём сильном желании получить дар от дона Хуана, чтобы вынудить тебя остаться.

– Ты должен признать, что это была хорошая идея, – сказала мне Лидия.

Она имитировала выражение жадности на моем лице, когда она разворачивала передо мной сверток, и затем мое разочарование, когда она перестала делать это.

Я сказал Хосефине, что ее идея действительно была блестящей, что она сработала, как она и ожидала, и что я хотел заполучить этот пакет больше, чем хотел признаться.

– Ты можешь получить его, – сказала Хосефина, чем вызвала общий смех.

Ла Горда сказала, что Нагваль знал с самого начала, что Хосефина вовсе не была больна на самом деле, но именно по этой причине ему так трудно было вылечить ее. Люди, которые действительно больны, более податливы. Хосефина отдавала себе полный отчет во всем и была очень строптивой, поэтому он должен был курить ее великое множество раз.

Дон Хуан сказал когда-то то же самое и насчет меня – что он «курил» меня. Я всегда считал, что он имеет в виду использование психотропных грибов для того, чтобы составить себе определенное представление обо мне.

– Как он «курил» тебя? – спросил я у Хосефины.

– Так же, как он курил и тебя, – ответила она. – Он вытянул твою светимость и высушил ее дымом от огня, который он развел.

Я был убежден, что дон Хуан никогда не объяснял мне этого. Я попросил Лидию, чтобы она рассказала мне все, что они знали об этом. Она повернулась к Ла Горде.

– Дым имеет очень большое значение для мага, – сказала Ла Горда.

– Дым подобен густому туману. Туман, конечно, лучше, но с ним слишком трудно обращаться. Он не так удобен для использования, как дым. Поэтому, если маг хочет *видеть* и узнать кого-то очень закрытого, своенравного и упрямого, как ты и Хосефина, – он разводит огонь и позволяет дыму окутать этого человека. Все, что они скрывают, выходит с дымом.

Ла Горда сказала, что Нагваль использовал дым не только для того, чтобы узнавать людей, но и для исцеления. Он делал Хосефине дымные ванны. Он заставлял ее сидеть или стоять у огня с той стороны, куда дует ветер. Дым обычно окутывал ее и заставлял ее кашлять и плакать, но это неудобство было лишь временным и не имело последствий. Зато огромным положительным эффектом было очищение светимости.

– Нагваль предписывал нам всем дымные ванны, – сказала Ла Горда. – Ты получил даже больше ванн, чем Хосефина. Он сказал, что ты был невыносим, а ведь ты не притворялся как она.

Теперь я все понял. Она была права. Дон Хуан заставлял меня сидеть у огня сотни раз. Дым обычно раздражал мне горло и глаза до такой степени, что я содрогался, когда видел, что он снова начинает собирать сухие ветки и хворост. Он говорил, что я должен научиться контролировать свое дыхание и ощущать дым с закрытыми глазами, тогда я смогу дышать без удушья.

Ла Горда сказала, что дым помог Хосефине стать легкой и совершенно неуловимой, а мне, несомненно, он помог излечиться от моей ненормальности, в чем бы она ни заключалась.

– Нагваль сказал, что дым забирает из тебя все, – продолжала Ла Горда. – Он делает тебя прямым и чистым.

Я спросил ее, знает ли она, как вместе с дымом вынести из

человека скрываемое. Она сказала, что может очень легко сделать это, потому что она потеряла свою форму. Но сестрички и Хенарос сами не могут, хотя они десятки раз видели, как это делали Нагваль и Хенаро. Мне было любопытно узнать, почему дои Хуан никогда при мне не упоминал об этом, хотя он окуривал меня сотни раз, как сухую рыбу.

– Он упоминал, – сказала Ла Горда со своей обычной убежденностью. – Нагваль даже учил тебя пристальному созерцанию тумана. Он говорил нам, что однажды ты курил целое место в горах и *видел* то, что было скрыто за сценой. Он сказал, что он сам был поражен этим.

Я вспомнил острое нарушение восприятия, особого рода галлюцинацию, которая, как я думал, была результатом взаимодействия между очень густым туманом и случившейся в это самое время грозой. Я рассказал им этот эпизод и добавил, что дон Хуан действительно никогда не учил меня прямо ничему о тумане или о дыме. Он просто брал меня в полосу тумана или разжигал костры. Ла Горда не сказала ни слова. Она встала и пошла к плите. Лидия покачала головой и прищелкнула языком.

– Ты действительно тупой, – сказала она. – Нагваль учил тебя всему. Как, по-твоему, ты *видел* все, о чем только что рассказывал нам?

Между нашим пониманием принципов обучения была пропасть. Я сказал им, что если бы я учил их чему-то, известному мне, например – вождению машины, то я шел бы шаг за шагом, удостовераясь, что они поняли каждую грань каждой процедуры. Ла Горда повернулась к столу.

– Это только в случае, если маг учит чему-нибудь относительно *тоналя*. Когда маг имеет дело с *нагвалем*, он обязан дать инструкцию, которая должна показать воину тайну. И это все, что ему нужно делать. Воин, который получает тайну, должен сделать это знание силой, выполнив то, что ему показано. Нагваль показал тебе больше тайн, чем всем нам, вместе взятым. Но ты ленив, подобно Паблито, и предпочитаешь находиться в состоянии глупости. *Тональ* и *нагваль* – два различных мира. В одном ты разговариваешь, в другом – действуешь.

Когда она говорила это, я понимал каждое ее слово с абсолютной ясностью. Я знал все это. Она пошла обратно к плите, помешала что-то в горшке и вернулась.

– Почему ты такой тупой? – бесцеремонно спросила меня Лидия.

– Он пустой, – ответила Роза.

Они заставили меня встать и, глядя искоса, стали сканировать мое тело глазами. Все они коснулись меня в области середины живота.

– Но почему ты все еще пустой? – спросила Лидия.

– Ты ведь знаешь, что делать, правда? – добавила Роза.

– Он ненормальный, – сказала Хосефина. – Он и сейчас, должно быть, ненормальный.

Ла Горда пришла мне на помощь, сказав им, что я все еще пустой по той же причине, по которой все они еще имеют свою форму.

Все мы втайне не хотим мира Нагваля. Мы боимся и имеем задние мысли. Короче говоря, никто из нас не лучше Паблито.

Они не сказали ни слова. Все трое, казалось, были в полном замешательстве.

– Бедный Нагвальчик, – сказала Лидия тоном, полным участия. –

Он так же напуган, как и мы. Я делаю вид, что я резкая, Хосефина притворяется ненормальной, а ты притворяешься тупым.

Они засмеялись и в первый раз со времени моего приезда проявили ко мне дружеское расположение – обняли меня и прислонили свои головы к моей.

Ла Горда села лицом ко мне, а сестрички расположились вокруг нее. Я был обращен лицом ко всем четырем.

– Теперь мы можем поговорить о том, то случилось сегодня вечером, – сказала Ла Горда, – Нагваль говорил мне, что если мы останемся в живых после последнего контакта с союзниками, мы не будем теми же самими. Союзники что-то сделали с нами этой ночью. Они дали нам сильную встряску.

Она мягко коснулась моего блокнота.

– Эта ночь была для нас особой, – продолжала она. – Этой ночью все мы, включая союзников, энергично взялись за то, чтобы помочь тебе. Нагвалю понравилось бы это. Этой ночью ты все время видел.

– Я *видел*? – переспросил я.

– Опять ты за свое, – сказала Лидия, и все засмеялись.

– Расскажи мне о моем *видении*, Горда, – настаивал я. – Ты знаешь, что я тупой. Но ведь между нами не должно быть непонимания.

– Ну ладно, – сказала она. – Этой ночью ты *видел* сестричек.

Я сказал им, что мне приходилось быть свидетелем невероятных действий, выполняемых доном Хуаном и доном Хенаро. Я видел

их так же ясно, как видел сестричек, и тем не менее дон Хуан и дон Хенаро всегда приходили к выводу, что я не *видел*. Так что я не в состоянии определить, чем могли отличаться действия сестричек.

– Ты хочешь сказать, что не *видел*, как они держались за линии мира? – спросила она.

– Нет, не *видел*.

– И ты не *видел*, как они проскользнули в трещину между мирами? Я изложил им то, чему был свидетелем. Они слушали молча. К концу моего отчета Ла Горда, казалось, готова была расплакаться.

– Какая жалость! – воскликнула она.

Она встала, обошла вокруг стола и обняла меня. Ее глаза были ясными и утешающими. Я знал, что она не питает ко мне неприязни.

– Это наш рок – то, что ты так закупорен, – сказала она. – Но ты все еще остаешься для нас Нагвалем. Я не буду испытывать к тебе недобрых чувств. Ты можешь быть уверен в этом в любом случае. Я знал, что она говорит искренне. Она говорила со мной с уровня, который я наблюдал только у дона Хуана. Она не раз повторяла, что ее настрой – это следствие потери ее человеческого формы. Она действительно была бесформенным воином. Волна глубокого расположения к ней нахлынула на меня. Я едва не заплакал. Как раз к тот момент, когда я понял, что она была самым превосходным воином, со мной случилось нечто чрезвычайно интригующее. Наиболее точно это можно было бы описать, сказав, что мои уши внезапно лопнули. Вслед за этим я ощутил лопанье в области середины своего тела как раз под пупком, причем еще более резко, чем в ушах. Сразу после этого все стало невероятно отчетливым: звуки, картины, запахи. Затем я услышал интенсивный шум, который, как ни странно, не нарушал моей способности слышать самые тихие звуки. Казалось, я слышал шум какой-то другой частью себя, не имеющей отношения к моим ушам. Через тело прокатилась горячая волна. И тут я вспомнил нечто такое, чего никогда не видел. Было так, словно мною овладела чужая память. Я вспомнил, как Лидия подтягивалась на двух красноватых веревках, когда ходила по стене. Она фактически не ходила, а скользила на толстом пучке линий, которые держала ногами. Я вспомнил, как она часто и тяжело дышала ртом после усилий, затраченных на подтягивание по этим

веревкам. В конце ее демонстрации я не мог удержать равновесие потому, что видел ее как свет, который носился вокруг комнаты так быстро, что у меня закружилась голова. Он тянул меня за нечто в области пупка.

Я вспомнил также и действия Розы и Хосефины. Роза держалась левой рукой за длинные красноватые волокна, которые выглядели как лианы, ниспадающие с темной крыши. Правой рукой она держалась еще за какие-то волокна, которые, по-видимому, придавали ей устойчивость. Она держалась за них еще и пальцами ног. В конце своей демонстрации она выглядела как свечение над крышей. Контур ее тела были стерты.

Хосефина прятала себя за какими-то линиями, которые, казалось, исходили из пола. Своим приподнятым предплечьем она сдвигала линии вместе, располагая их на такой ширине, чтобы они скрывали ее туловище, и ее раздутые одежды были очень важны для опоры. Они каким-то образом сжали ее светимость. Одежды были громоздкими только для глаз, которые «смотрели». В конце демонстрации Хосефина, подобно Лидии и Розе, была просто пятном света. Я мог в уме переключаться с одного воспоминания на другое.

Когда я рассказал им об этих сосуществующих видах памяти, сестрички посмотрели на меня с недоумением. Только одна Ла Горда, по-видимому, поняла, что со мной случилось. Она с неподдельным удовольствием засмеялась и сказала, что Нагваль был прав: я слишком ленив, чтобы помнить, что *видел*, поэтому заботился только о том, на что «смотрел».

Возможно ли это, спрашивал я себя, чтобы я мог бессознательно отбирать, что мне помнить? Или все это дело рук Ла Горды? Если это было правдой, значит я сначала отобрал свои воспоминания, а затем освободил то, что было подвергнуто цензуре. Значит, тогда правда и то, что и в действиях дона Хуана и дона Хенаро я воспринимал намного больше, чем помнил сейчас. И вот теперь я мог вспоминать только отобранную часть моего целостного восприятия тех событий.

– Трудно поверить, – сказал я Ла Горде, – я могу теперь вспомнить нечто такое, чего совсем недавно вообще не знал.

– Нагваль сказал, что каждый человек может *видеть*, но почему-то мы предпочитаем не помнить того, что мы *видели*, – сказала она, – Теперь я понимаю, что он был прав. Все мы можем *видеть* в

большей или меньшей степени.

Я сказал Ла Горде, что некоторая часть меня знала, что я, наконец, нашел трансцендентный ключ. И все они вернули мне его пропавшую часть. Но было трудно разобрать, что же это такое. Она заявила, что только что *увидели*, что я действительно овладел значительной частью искусства *сновидения* и развил свое внимание, но предпочитаю сам себя дурачить, делая вид, что ничего не знаю.

– Я уже пыталась рассказать тебе о внимании, – продолжала она. – Но ты знаешь об этом столько же, сколько все мы.

Я заверил ее, что мое знание по сути отличается от их. Их знание было бесконечно более эффективным, чем мое, поэтому все, что они могли сообщить мне в связи со своими практиками, было бы чрезвычайно важным для меня.

– Нагваль велел нам показать тебе, что с помощью своего внимания мы можем удерживать образы сна точно так же, как мы удерживаем образы мира, – сказала Ла Горда. – Искусство *сновидения* – это искусство внимания.

Мысли нахлынули на меня лавиной. Я вынужден был встать и пройти по кухне. Мы долго молчали. Я знал, что она имела в виду, когда сказала, что искусство *сновидения* – это искусство внимания. Я знал также, что дон Хуан рассказал и показал мне все, что мог. Однако когда он был рядом, я не смог осознать предпосылки этого знания в своем теле. Он говорил, что мой *разум* является демоном, который держит меня в оковах и что я должен победить его, если хочу достичь осознания его учения. Проблема, следовательно, заключалась в том, как победить мой разум. Мне никогда не приходило в голову потребовать от него определения понятия «разум». Я всегда считал, что он подразумевает способность строить умозаключения или мыслить упорядоченным и рациональным образом. Из того, что сказала мне Ла Горда, я понял, что для него «разум» означал «внимание».

Дон Хуан говорил, что ядром нашего существа является акт восприятия, а его тайной – акт осознания. Для него восприятие и осознание было обособленной нерасчленимой функциональной единицей, которая имела две области. Первая – это «внимание *тоналя*», то есть способность обычных людей воспринимать и помещать свое осознание в обычный мир обыденной жизни. Дон Хуан называл еще эту сферу внимания «первым кольцом силы» и

характеризовал ее как нашу ужасную, но принимаемую за нечто само собой разумеющееся способность придавать порядок нашему восприятию повседневного мира.

Второй областью было «внимание *нагваля*» – способность магов помещать свое осознание в необычный мир. Он называл эту область внимания «вторым кольцом силы» или совершенно необыкновенной способностью, которая есть у всех нас, но которую используют только маги, чтобы придавать, порядок восприятию необычного мира.

Ла Горда и сестрички демонстрировали мне, как с помощью своего второго внимания можно удерживать образы своих снов. Тем самым они раскрыли практический аспект системы дона Хуана. Они были практиками, которые вышли за пределы теории его учения. Чтобы продемонстрировать это искусство, они должны были воспользоваться «вторым кольцом силы» или «вниманием *нагваля*». Чтобы стать свидетелем их искусства, мне нужно было сделать то же самое. Было очевидно, что я распределил свое внимание по обоим областям. По-видимому, все мы непрерывно воспринимаем обоими способами, но предпочитаем выделять для запоминания одно и отвергать другое. Или, возможно, мы затушевываем его, как это делал я сам. При определенных условиях стресса или предрасположения подвергнутые цензуре воспоминания выходят на поверхность и тогда у нас может быть два различных воспоминания об одном и том же событии. То, что дон Хуан пытался победить или, вернее, подавить во мне, было не моим разумом или способностью рационально мыслить, а моим вниманием *тоналя* или моим осознанием мира здравого смысла. Ла Горда объяснила, почему он так этого добивался.

Повседневный мир существует только потому, что мы знаем, как удерживать его образы. Следовательно, если исключить осознание, необходимое для поддержания этих образов, то мир рухнет.

– Нагваль сказал нам, что в счет идет только практика, – внезапно сказала Ла Горда, – Если постоянно уделять внимание образам своего сна, внимание прогрессирует. В результате ты можешь стать таким, как Хенаро, который мог удерживать образы любого сна.

– У каждой из нас есть еще по пять снов, – сказала Лидия, – но мы показали тебе первый, потому что это сон, который дал нам

Нагваль.

– Вы можете *сновидеть* в любое время, когда захотите? – спросил я.

– Нет, – ответила Ла Горда. – *Сновидение* отнимает слишком много силы. Никто из нас не владеет ею в таком количестве. Сестрички должны были так много раз кататься по полу потому, что при катании земля дает им энергию. Может быть, ты сможешь вспомнить еще и свое *видение* их как светящихся существ, получающих энергию от земли. Нагваль говорил, что самый лучший путь получения энергии – это, конечно, позволить солнцу войти в глаза, особенно в левый.

Я сказал ей, что ничего не знаю об этом, и она описала процедуру, которой обучил их дон Хуан. Пока она говорила, я вспомнил, что он обучал этой процедуре и меня тоже. Она заключалась в том, что я должен был медленно двигать головой из стороны в сторону, пока не поймаю солнечный свет своим полуприкрытым левым глазом. Он сказал, что можно пользоваться не только солнцем, но и любым источником света, который может светить в глаза.

Ла Горда сказала, что Нагваль рекомендовал им повязывать свои шали ниже талии, когда они будут кататься по земле, чтобы предохранить тазовые кости. Я заметил, что дон Хуан никогда не говорил мне о такой процедуре. Она сказала, что это нужно только женщинам, потому что у них есть матка, и энергия Земли поступает прямо в матку. Путем вращения они распределяют эту энергию по остальной части своего тела. Мужчины, чтобы заряжаться энергией, должны лечь на спину, согнув колени так, чтобы подошвы ног соприкасались друг с другом. Руки должны быть вытянуты в стороны, предплечья вертикально подняты, а пальцы согнуты перпендикулярно ладони.

– Мы *сновидели* эти сны несколько лет, – сказала Лидия, – Эти сны – самые лучшие, потому что наше внимание в них – полное. В остальных наших снах наше внимание еще непрочное.

Ла Горда сказала, что удерживание образов сна является толтекским искусством. После нескольких лет практики каждая из них стала способна выполнять в любом сне по одному действию.

Лидия могла ходить по чему угодно, Роза могла висеть на чем угодно, Хосефина могла скрыться за чем угодно, а она сама могла летать. Но они были только начинающими, ученицами в этом искусстве. Они овладели полным вниманием только для одного

вида деятельности. Она добавила, что Хенаро был мастером *сновидения* и мог делать удивительные вещи. Он владел вниманием для любых действий, которые мы способны совершать в нашей повседневной жизни, и для него обе сферы внимания были равнозначны.

Я ощутил потребность задать свой обычный вопрос: мне хотелось знать процедуры, посредством которых они удерживают образы своих снов.

– Ты знаешь это так же хорошо, как и мы, – сказала Ла Горда. – Я могу добавить только, что когда мы приходим в один и тот же сон снова и снова, мы начинаем ощущать линии мира. С их помощью мы и делаем то, что ты видел.

Дон Хуан говорил мне, что наше «первое кольцо силы» включается очень рано. И мы проживаем всю жизнь под впечатлением, что это все, что у нас есть. Наше «второе кольцо силы», внимание *нагваля*, остается скрытым для подавляющего большинства из нас и только в момент нашей смерти оно оказывается доступным каждому.

Существует, правда, доступный для всех путь к его достижению, но следуют ему только маги, – и это путь через «*сновидение*».

Сновидение, в сущности, является преобразованием обычных снов в процесс, включающий волевой акт. *Сновидящие*, привлекая свое внимание *нагваля* и фиксируя его на темах и событиях своих обычных снов, преобразуют эти сны в *сновидения*. Дон Хуан говорил, что *внимания нагваля* не достичь никакими процедурами. Он только дал мне указания.

Прежде всего надо было найти свои руки во сне. Затем упражнение по уделению внимания расширялось до поиска предметов и отыскания конкретных вещей, домов, улиц и тому подобного. Отсюда делался прыжок к *сновидению* о конкретных местах в конкретное время дня.

Заключительной стадией было фокусирование «*внимания нагваля*» исключительно на самом себе. Дон Хуан говорил, что этой заключительной стадии обычно предшествовал сон, который видели многие из нас в то или иное время и в котором человек смотрит на самого себя, спящего в постели.

К моменту появления такого сна внимание мага развивается до такой степени, что вместо того, чтобы проснуться, как делают многие из нас в этой ситуации, он разворачивается на своих

каблуках и приступает к какой-либо деятельности, как если бы это происходило в обычной жизни. С этого момента появляется брешь, разграничение в до сих пор единой личности.

Результатом привлечения *«внимания нагваля»* и развития его до уровня и усложненности нашего обычного внимания к миру, в системе дона Хуана является *«другое я»*, существо, подобное самому человеку, но созданное в *сновидении*.

Дон Хуан говорил мне, что не существует определенных стандартов или точных шагов для обучения этому дублю. Точно так же, как не бывает определенных шагов для достижения нашего обычного осознания. Мы просто делаем это посредством практики.

Он утверждал, что в процессе привлечения нашего *«внимания нагваля»* мы найдем эти шаги сами. Он убеждал меня практиковать *сновидение*, не позволяя своим страхам совать мне палки в колеса.

Он учил тому же и Ла Горду с сестричками. И очевидно, что-то в них было более восприимчивым к идее другого уровня внимания.

– Хенаро большую часть жизни был в теле *сновидения*, – сказала Ла Горда. – Ему это больше нравилось. Именно поэтому он мог делать самые невероятные вещи и пугал тебя до полусмерти.

Хенаро мог входить и выходить через трещину между мирами, как ты и я можем входить и выходить через дверь.

Дон Хуан подробно рассказал мне о трещине между мирами. Я всегда считал, что он говорит метафорически о тонком различии между миром, который воспринимает обычный человек, и миром, воспринимаемым магом.

Ла Горда и сестрички показали мне, что трещина между мирами – это больше чем метафора. Скорей, это была способность менять уровни внимания. Одна часть меня великолепно понимала Ла Горду, тогда как другая была еще более испуганной, чем прежде.

– Ты спрашиваешь, куда ушли Нагваль и Хенаро, – сказала Ла Горда. – Соледад очень тупая, она сказала тебе, что они покинули этот мир; Лидия сказала, что они ушли в другую местность, а бестолковые Хенарос напугали тебя. Истина заключается в том, что Нагваль и Хенаро прошли через эту трещину.

По какой-то причине, не поддающейся определению, ее утверждения погрузили меня в глубокий хаос. Я все время ощущал, что они ушли в хорошее место. Я знал, что они не «ушли» в обычном смысле, но держал это утверждение в области метафоры. Хотя я даже сообщил об этом своим близким и друзьям,

думаю, что сам я никогда в действительности не верил в это. В глубине души я всегда оставался рациональным человеком. Но Ла Горда и сестрички обратили мои неопределенные метафоры в реальные возможности.

Ла Горда действительно транспортировала меня на полмили с помощью энергии своего *сновидения*.

Ла Горда поднялась и сказала, что я уже все понял, и что нам пора поесть. Она подала еду, которую только что приготовила. Мне не хотелось есть. После еды она встала и подошла ко мне.

– Я думаю, что тебе пора уезжать, – сказала она мне.

По-видимому, это послужило для сестричек сигналом. Они тоже встали.

– Если ты останешься с нами, с этого момента ты не сможешь больше покинуть нас, – продолжала Ла Горда.

– Нагваль однажды предоставил тебе свободу выбора, но ты выбрал остаться с ним. Он сказал мне, что если мы останемся в живых после последнего контакта с союзниками, то я должна накормить тебя, сделать так, чтобы ты хорошо себя чувствовал, а затем попрощаться с тобой. Я полагаю, что мне и сестричкам некуда идти, так что у нас нет выбора. Но ты – другое дело.

Сестрички окружили меня и попрощались со мной.

В этой ситуации была чудовищная ирония. Я был волен уехать, но ехать мне было некуда. У меня тоже не было выбора. Много лет назад дон Хуан дал мне шанс вернуться обратно, но я остался, потому что уже тогда мне некуда было уйти.

– Мы выбираем только однажды, – сказал он мне тогда. – Мы выбираем либо быть воинами, либо – обычными людьми. Другого выбора у нас нет. Не на этой земле.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава шестая

ВТОРОЕ ВНИМАНИЕ

– Ты можешь уехать сегодня попозже, – сказала мне Ла Горда после завтрака. Так как ты решил идти с нами, ты должен помочь нам выполнить наше новое задание. Нагваль оставил меня во главе только до твоего приезда. Как ты знаешь, он поручил мне сообщить тебе некоторые вещи. Большую часть из них я уже тебе рассказала. Но осталось и еще кое-что, о чем я не могла говорить, пока ты не сделал выбор. Сегодня мы займемся этим. Сразу после этого ты должен уехать, чтобы дать нам время подготовиться. Нам нужно несколько дней, чтобы все уладить и приготовиться покинуть эти горы навсегда. Мы находились здесь очень долго. Трудно все ломать. Но все внезапно закончилось. Нагваль предупреждал, что ты принесешь нам полную перемену независимо от исхода своих сражений, но я думаю, что никто не принимал его слова всерьез.

– Я никак не могу понять, почему вам нужно что-то менять? – сказал я.

– Я уже объясняла тебе, – возразила она, – Мы утратили нашу старую цель. Теперь у нас есть новая, и она требует, чтобы мы были такими же легкими, как бриз. Бриз – это наше новое настроение. Он обычно бывает горячим ветром. Ты изменишь наше направление.

– Ты говоришь загадками, Горда.

– Да, но это потому, что ты пустой. Я не могу сделать это более ясным. Когда ты вернешься, Хенарос покажут тебе искусство *сталкинга* и сразу после этого мы уедем. Нагваль сказал, что если ты решишь быть с нами, то прежде всего ты должен вспомнить свои сражения с доньей Соледад и сестричками и исследовать каждый штрих происшедшего тогда. Все это – знаки о том, что случится с тобой на твоём пути. Если ты будешь внимателен и безупречен, то увидишь, что эти сражения были дарами силы.

– Что теперь собирается делать донья Соледад?

– Она уезжает. Сестрички уже помогли ей снять ее пол. Этот пол

помогал ей достигать *внимания нагваля*. У линий этого пола имелась сила делать это. Каждая из них помогала ей собрать кусочек внимания. Неполнота не является для некоторых воинов препятствием к достижению такого внимания. Соледад преобразилась потому, что достигла его быстрее, чем все мы. Ей больше не нужно пристально созерцать свой пол, чтобы войти в тот другой мир. Поэтому в нем нет больше нужды и она вернула его земле, где и взяла раньше.

– Вы действительно решили уехать, Горда?

– Да, все мы. Именно поэтому я прошу тебя уехать на несколько дней, чтобы дать нам время сбыть все, что мы имеем.

– Должен ли я найти место для всех вас, Горда?

– Если бы ты был безупречным воином, ты бы как рад это и сделал. Но ты не являешься безупречным воином и мы тоже. Тем не менее, мы должны будем сделать лучшее, на что мы способны, чтобы принять наш новый вызов.

Я ощутил тяжесть рока на своих плечах. Я никогда не относился к людям, готовым нести ответственность, и подумал, что обязанность вести их – бремя, с которым мне не справиться.

– Может быть, нам ничего не нужно делать, – сказал я.

– Да. Это правда, – сказала она смеясь. – Почему бы тебе не говорить себе это снова и снова, пока ты не почувствуешь себя в безопасности? Нагваль снова и снова говорил тебе, что свобода для воина – это быть безупречным.

Она рассказала мне, что Нагваль требовал от них понимания того, что безупречность является не только свободой, но и единственным способом вспугнуть человеческую форму.

Я описал ей, каким способом Нагваль заставил меня понять, что имеется в виду под безупречностью. Мы шли с ним однажды через очень крутое ущелье, как вдруг громадная каменная глыба отделилась от стены, покатилась вниз и с невероятным грохотом упала на дно каньона в двадцати-тридцати ярдах от места, где мы стояли. Падение этой глыбы было впечатляющим событием. Тут же дон Хуан увидел возможность извлечь драматический урок. Он сказал, что сила, которая правит нашими судьбами, находится вне нас и не обращает внимания на наши действия или волеизъявления. Иногда эта сила заставляет нас на нашем пути наклониться, чтобы завязать шнурки на ботинках, как это только что сделал я. И, заставив нас остановиться, эта сила заставляет нас

добраться до точно определенного момента. Если бы мы продолжали идти, этот огромный валун явно раздавил бы нас насмерть. Однако в некоторый день, в другом ущелье, та же самая руководящая сила вновь заставит нас наклониться и завязать шнурки, в то время как другая глыба сорвется в точности над тем местом, где мы будем стоять. Заставив нас остановиться, эта сила заставит нас упустить точно определенный момент. На этот раз, если бы мы продолжали идти, то спаслись бы. Дон Хуан сказал, что поскольку у меня полностью отсутствует контроль над силами, которые решают мою судьбу, моя единственная свобода в этом ущелье состоит в безупречном завязывании своих ботинок.

Ла Горда, по-видимому, была тронута моим отчетом. На минуту она взяла мое лицо в ладони, протянув руки через стол.

– Сейчас для меня безупречность – это рассказать тебе в надлежащее время то, что Нагваль велел мне сообщить тебе, – сказала она. – Но сила должна приурочить это к точному моменту времени, иначе мой рассказ не будет иметь никакого воздействия. Она сделала драматическую паузу. Ее задержка была обдуманной и невероятно эффективной.

– Что это такое? – спросил я в отчаянии. Она взяла меня за руку и повела на площадку, находящуюся перед дверью. Она усадила меня на плотно утрамбованную землю спиной к толстому деревянному столбу высотой около полутора футов, похожему на пень вкопанный в землю почти рядом со стеной дома. Там был ряд из пяти таких столбов, врытых на расстоянии около двух футов друг от друга. Я собирался спросить Ла Горду об их назначении. Вначале я подумал, что прежний хозяин дома привязывал к ним животных. Однако мое предположение было очевидно нелепым, потому что площадка у входной двери представляла собой род открытого крыльца. Я высказал Ла Горде свою гипотезу, когда она села рядом слева от меня, спиной к другому столбу. Она засмеялась и сказала, что столбы действительно использовались для привязывания своего рода животных, но не прежним хозяином и что она чуть не сломала себе спину, выкапывая для них ямы.

– Для чего ты их используешь? – спросил я.

– Позволь сказать, что это мы привязываемся к ним, – ответила она. – И как раз это ведет меня к следующей теме, которую Нагваль велел мне обсудить с тобой. Он сказал, что так как ты пустой, ты должен был собирать свое второе внимание *нагваля*

способом, отличным от нашего. Мы собирали его посредством *сновидения*, а ты сделал это при помощи своих растений силы. Нагваль сказал, что эти растения собрали угрожающую сторону твоего второго внимания в одну глыбу, и что это и есть та фигура, которая выходит из твоей головы. Он сказал, что это случается с магами, которым дают растения силы. Если они не умирают, то растения силы закручивают их второе внимание в ту устрашающую фигуру.

– Теперь мы подошли к тому, что ты должен сделать. Он сказал, что теперь ты должен изменить направление и начать собирать свое второе внимание другим способом, больше похожим на наш. Ты не можешь удержаться на пути знания, пока не уравнишь свое второе внимание. До сих пор твое второе внимание выезжало на силе Нагваля, но теперь ты один. Именно это я и должна была передать тебе.

– Как мне уравновесить свое второе внимание?

– Ты должен делать *сновидение*, как это делаем мы. *Сновидение* – единственный способ собрать второе внимание, не повреждая его и не делая его устрашающим. Твое второе внимание фиксировано на устрашающей стороне мира, наше – на его красоте. Ты должен поменять стороны и идти вместе с нами.

– Может ли эта фигура выходить из меня в любое время?

– Нет. Нагваль сказал, что она больше не выйдет, пока ты не достигнешь его возраста. Твой *нагваль* уже выходил столько раз, сколько было нужно. Нагваль и Хенаро позаботились об этом. Они обычно выдразнивали его из тебя. Нагваль говорил мне, что иногда ты бывал на волосок от смерти, потому что твое второе внимание очень любит индугировать. Он сказал, что однажды ты напугал даже его: твой *нагваль* напал на него и он должен был ублажать его, чтобы он успокоился. Но самое худшее случилось с тобой в Мехико; там дон Хуан однажды толкнул тебя, ты влетел в один офис и в этом офисе прошел через трещину между мирами. Он намеревался только рассеять твое внимание *тоналя*: ты терзался какими-то глупыми вещами. Но когда он пихнул тебя, твой *тональ* сжался и все твое существо прошло через трещину. Ему были чертовски трудно найти тебя. Был момент, когда ему показалось, что ты ушел за пределы его досягаемости. Но затем он *увидел* тебя, бесцельно слоняющегося поблизости, и забрал назад. Он сказал, что ты прошел через трещину около десяти утра. Так

что с того дня десять часов утра стало твоим новым временем.

– Моим новым временем для чего?

– Для чего угодно. Если ты останешься человеком, ты умрешь примерно в это время. Если станешь магом, ты покинешь мир около этого времени.

Элихио также шел по пути, которого никто из нас не знает. Мы встретились с ним как раз перед его уходом. Элихио был самым удивительным *сновидящим*. Он был таким хорошим, что Нагваль и Хенаро обычно брали его с собой, проходя через трещину, и у него было достаточно силы, чтобы выдержать это так, словно это были пустяки. Нагваль и Хенаро дали ему последний толчок с помощью растений силы. И именно это послало его туда, где он сейчас находится.

– Хенарос сказали мне, что Элихио прыгнул вместе с Бениньо. Верно ли это?

– Конечно. К тому времени, когда Элихио должен был прыгнуть, его второе внимание уже бывало в том другом мире. Нагваль сказал, что твое тоже там побывало, но для тебя это стало кошмаром, потому что у тебя не было контроля. Он сказал, что его растения силы скособочили тебя. Они заставили тебя прорваться сквозь внимание *тоналя* и доставили прямо в сферу твоего второго внимания без какой бы то ни было власти над ним с твоей стороны. Элихио же Нагваль не давал растения силы вплоть до самого конца.

– Ты думаешь, что мое второе внимание было повреждено, Горда?

– Нагваль никогда не говорил мне этого. Он думал, что ты был просто ненормальным, но это не имеет ничего общего с растениями силы. Он говорил, что оба твоих внимания с трудом поддаются контролю. Но если ты сможешь завоевать их, ты станешь великим воином.

Мне хотелось побольше узнать обо всем этом, ни она положила руку на мой блокнот и сказала, что нам предстоит очень тяжелый день и нужно запастись энергией, чтобы выдержать его. Теперь мы должны были зарядить себя энергией с помощью солнечного света. Ла Горда сказала, что обстоятельства требуют, чтобы мы принимали солнечный свет левым глазом. Она начала медленно двигать из стороны в сторону головой, мельком глядя на солнце сквозь полуприкрытые веки. Через минуту к нам присоединились Лидия, Роза и Хосефина. Хосефина села рядом с Лидией, та села

возле меня, а Роза – возле Ла Горды. Я оказался в центре ряда. Все прислонились спиной к столбам. Был ясный день. Солнце стояло как раз над отдаленной цепью гор. Они стали двигать головами из стороны в сторону с совершенной синхронностью. Я присоединился к ним, и у меня возникло ощущение, что я невольно синхронизирую свои движения с ними. Мы продолжали делать это в течение примерно минуты, а затем остановились. На них были шляпы, которыми они пользовались для защиты лица от солнечного света, когда они не купали в нем глаза. Ла Горда дала мне знак надеть свою старую шляпу.

Мы сидели там около получаса. В течение этого времени мы повторяли упражнение бесчисленное количество раз. Всякий раз во время перерывов я собирался было делать заметки в своем блокноте, но Ла Горда очень небрежно отшвырнула блокнот за пределы досягаемости.

Внезапно Лидия встала, бормоча что-то очень невразумительное. Ла Горда наклонилась ко мне и прошептала, что вверх по дороге идут Хенарос. Я напряг зрение, но никого не увидел. Роза и Хосефина тоже встали, а потом пошли вместе с Лидией внутрь дома.

Я сказал Ла Горде, что не вижу, чтобы кто-нибудь приближался. Она ответила, что Хенарос были видны только в одном месте дороги, и добавила, что она страшится той минуты, когда все должны будут собраться вместе, но уверена, что я сумею совладать с ситуацией. Она посоветовала мне быть чрезвычайно осторожным с Хосефиной и Паблитом, потому что они совсем не контролируют себя. Она сказала, что наиболее разумным с моей стороны было бы забрать Хенарос прочь по истечении часа или около того. Я продолжал смотреть на дорогу, но там не было никаких признаков жизни.

– Ты уверена, что они идут? – спросил я.

Она сказала, что сама не видела их, но Лидия видела.

Хенарос были видны ей, потому что она пристально созерцала, одновременно купая свои глаза. Я не был уверен, что правильно понял Ла Горду, и попросил объяснений.

– Мы – созерцатели, – сказала она, – точно так же как и ты сам.

Мы все одинаковые. Не нужно доказывать, что ты не созерцатель. Нагваль рассказывал нам о твоих подвигах пристального созерцания.

– Мои подвиги созерцания! – воскликнул я. – О чем ты говоришь, Ла Горда?

Она поджала губы и, по-видимому, была на грани раздражения. Казалось, она еле сдерживалась. И вдруг она улыбнулась и слегка толкнула меня рукой.

В этот момент у нее по телу прошла дрожь. Она уставилась куда-то мимо меня, затем энергично встряхнула головой. Оказалось, она только что *видела*, что Хенарос пока не придут. Им было еще рано приходить. Они собираются еще подождать некоторое время, прежде чем появиться. Она улыбнулась, словно эта отсрочка принесла ей облегчение.

– Как бы там ни было, нам еще рано встречаться здесь. И они чувствуют то же самое по отношению к нам, – сказала она.

– Где они сейчас? – спросил я.

– Они, должно быть, сидят где-то в стороне от дороги, – ответила она. – Бениньо, несомненно, пристально созерцал дом, когда они шли сюда, и увидел, что мы сидим – здесь. Поэтому он решил подождать. Это даст нам время.

– Ты пугаешь меня, Ла Горда. Время для чего?

– Ты должен собрать сегодня вместе свое второе внимание именно ради нас четверых.

– Как я могу сделать это?

– Не знаю. Ты очень загадочен для нас. Нагваль сделал кучу вещей для тебя с помощью растений силы, но ты не можешь провозгласить это знанием. Именно это я и пытаюсь тебе объяснить. Если ты овладеешь своим вторым вниманием, ты сможешь пользоваться им. Иначе навсегда останешься на полпути между ними двумя как сейчас. Все происшедшее с тобой со времени твоего приезда было направлено на то, чтобы заставить твое внимание действовать. Я давала тебе инструкции понемногу, точно так, как велел мне это делать Нагваль. Так как у тебя другой путь, ты не знаешь многого из того, что знаем мы, как мы ничего не знаем о растениях силы. Соледад знает намного больше, ведь Нагваль брал ее в свои родные края. О лекарственных растениях кое-что знает Нестор, но никого из нас не обучали таким же способом как тебя. До сих пор мы не нуждались в твоём знании. Но когда-нибудь, когда мы будем готовы, именно ты будешь знать, как дать нам толчок с помощью растений силы. Одна я знаю, где спрятана трубка Нагваля в ожидании этого дня.

По воле Нагваля ты должен изменить свой путь и идти вместе с нами. Это означает, что ты должен заниматься *сновидением* с нами и *сталкингом* с Хенарос. Ты не можешь больше позволить себе оставаться там где находишься – на угрожающей стороне своего второго внимания. Если твой *нагваль* снова выйдет, эта новая встряска может убить тебя. Нагваль сказал, что человеческие существа являются хрупкими созданиями, состоящими из многих слоев светимости. Когда *видишь* их, кажется, что они состоят из волокон, но эти волокна в действительности являются слоями, как у луковицы. Встряски любого рода разделяют эти слои и даже могут вызывать смерть человеческих существ.

Она встала и повела меня обратно на кухню. Мы сели лицом друг к другу Лидия, Роза и Хосефина были заняты во дворе. Я не мог их видеть, но слышал, как они разговаривают и смеются.

– Нагваль говорил, что когда наши слои разделяются, мы умираем, – сказала Ла Горда. – Встряски всегда разделяют их, но они соединяются снова. Однако иногда встряска бывает такой сильной, что слои высвобождаются и больше не могут соединиться.

– Ты когда-нибудь *видела* слои. Горда?

– Конечно. Я *видела* человека, умиравшего на улице.

Нагваль говорил мне, что и ты однажды нашел такого, но ты не *видел* его смерть. Нагваль заставил меня *видеть* слои умиравшего человека. Они были подобны шелухе луковицы. Когда человеческие существа здоровы, они похожи на светящиеся яйца, но если они повреждены, то начинают шелушиться, как луковицы. Нагваль рассказывал мне о твоём втором внимании. Иногда оно было таким сильным, что само выходило наружу. Они с Хенаро вдвоем должны были удерживать тебя, иначе ты бы умер. Именно поэтому он рассчитывал, что твоего запаса энергии достаточно, чтобы извлечь из себя *нагваль* дважды. Но ты превзошел его ожидания и сделал это трижды. Теперь ты исчерпан. У тебя нет больше энергии, чтобы удержать свои слои вместе в случае новой встряски. Нагваль поручил мне заботиться о каждом. Моя забота о тебе сейчас – помочь тебе затянуть свои слои.

Нагваль говорил, что смерть расслаивает их. Он объяснил мне, что центр нашей светимости, – внимание *нагваля*. – всегда выступает наружу и именно это распускает наши слои. Поэтому смерть может легко войти между ними и полностью разделить их. Маги должны делать все от них зависящее, чтобы держать свои слои

закрытыми. Вот почему Нагваль обучил пас *сновидению*.

Сновидение затягивает слои. Маги, научившиеся ему, связывают вместе два свои внимания, и этому центру больше нет необходимости выступать наружу.

– Ты хочешь сказать, что маги не умирают?

– Верно. Маги не умирают.

– Значит ли это, что никто из нас не умрет?

– Я не имела в виду нас. Мы собой ничего не представляем. Мы – ни то ни се. Я говорила о настоящих магах. Нагваль и Хенаро – маги. У них два внимания так тесно связаны, что, по-видимому, они никогда не умрут.

– Это сказал Нагваль, Горда?

– Да. Оба они – Нагваль и Хенаро, говорили мне об этом. Почти перед самым уходом Нагваль объяснял нам силу внимания. До этого я ничего не знала о *нагвале* и *тонале*.

Ла Горда рассказала, каким способом Нагваль объяснял им значение этой решающей дихотомии – *нагваль-тональ*. Однажды Нагваль собрал их вместе, чтобы взять в горы на длительную прогулку в безлюдную каменистую долину. Он увязал кучу разнообразных предметов в большой узел, положив туда даже радиоприемник Паблито. Затем он вручил этот узел Хосефине, взвалил на плечи Паблито тяжелый стол и все отправились на «прогулку». Он заставил их по очереди нести узел и стол, и они прошли почти сорок миль, добравшись наконец до уединенного места высоко в горах. Когда они прибыли туда, Нагваль велел Паблито поставить стол в самом центре долины. Затем он попросил Хосефину разложить содержимое узла на столе. Когда все было размещено, он объяснил разницу между *тоналем* и *нагвалем* в тех же терминах, что и мне в ресторане Мехико, хотя в их случае пример был куда выразительнее.

Он сообщил им, что *тональ* является порядком, который мы осознаем в нашем повседневном мире, а также и личным порядком, который мы несем всю жизнь на плечах, как они несли стол и узел. Личный *тональ* каждого из нас подобен столу в этой долине, крошечному островку, заполненному знакомыми нам вещами.

Нагваль, с другой стороны, – это необъяснимый источник, удерживающий стол на месте, и он подобен безбрежности этой пустынной долины.

Он сказал им, что маги обязаны наблюдать свой *тональ* с некоторой дистанции, чтобы лучше охватить то, что реально находится вокруг них. Он заставил их перейти к хребту, откуда они могли обозревать всю местность. Оттуда стол был едва виден. Затем он заставил всех вернуться к столу и буквально уткнуться в него лицом, чтобы показать, что обычный человек находится прямо на поверхности своего стола, держась за все предметы на нем.

Затем он заставил их всех мельком взглянуть на вещи, лежащие на столе, и проверил память каждого, записывая что-нибудь и пряча. Все прошли проверку отлично. Он указал, что их способность так хорошо помнить предметы связана с тем, что они успешно развили свое внимание *тоналя*, внимание в пределах стола. Потом он призвал всех мимолетно взглянуть на землю прямо под столом и проверил их способность к запоминанию камешков, прутиков и всего остального. Правильно вспомнить все увиденное под столом не смог никто.

Потом Нагваль все смел со стола и велел каждому из них по очереди лечь на живот поперек стола и изучит, землю внизу. Поскольку немисливо объять всю безбрежность *нагваля*, олицетворением которого служила долина, маги принимают в качестве своей области действия участок прямо под столом, – «островом *тоналя*». Этот участок – модель второго внимания или внимания *нагваля*. Это внимание достигается только после полной очистки воинами поверхности своих столов. Он сказал, что достижение второго внимания объединяет оба внимания воедино и это единство является целостностью самого себя.

Для Ла Горды демонстрация была настолько ясной что она сразу поняла, почему Нагваль заставил ее очистить свою жизнь. Он определил это как «подмести свой остров *тоналя*». Она понимала, как ей повезло встретиться с таким учителем. Ей было еще далеко до объединения двух видов внимания, но ее старательность привела в результате к безупречной жизни, а это и было, по его уверениям, единственным для нее путем к потере человеческой формы. Потеря же человеческой формы являлась важнейшей предпосылкой для объединения двух видов внимания.

– Внимание под столом – ключ ко всему, что делают маги, – продолжала она. – Чтобы достичь этого внимания, Нагваль и Хенаро обучили нас *сновидению*, как тебя учили растениям силы Я

не знаю, что они делали с тобой, когда учили тебя улавливать второе внимание. Нас Нагваль учил пристальному созерцанию. Он никогда не объяснял нам, что же он, в сущности, делает. Он просто учил нас созерцать. Мы никогда не догадывались, что пристальное созерцание – один из способов уловить наше второе внимание. Мы думали, что это что-то вроде забавы. Но это было не так.

Сновидящие вначале должны стать *созерцающими*.

Вначале Нагваль положил на землю сухой лист и заставил меня смотреть на него часами. Каждый день он приносил лист и клал его передо мной. Сначала я думала, что это один и тот же лист, но потом заметила, что они были разные. Нагваль сказал, что, когда мы осознаем это, мы уже не смотрим, но *созерцаем*.

Затем он стал класть передо мной кучу сухих листьев. Он велел мне чувствовать их, разбрасывая левой рукой и созерцая их при этом. *Сновидец* рассматривает листья по спирали, а затем *сновидит* узоры, образуемые листьями. Нагваль говорил, что если *сновидящий* вначале видит в *сновидении* узоры, а на завтра находит их в своей куче листьев, он может считать, что овладел созерцанием листьев. И еще он говорил, что пристальное созерцание листьев укрепляет второе внимание. Если ты созерцаешь грудку листьев часами, как он обычно заставлял делать меня, то мысли утихают. Без мыслей затихает и внимание *тоналя*. Внезапно твое второе внимание цепляется за что-то в листьях и листья становятся чем-то еще. Нагваль назвал момент, когда второе внимание зацепляется, остановкой мира.

И это точно. Мир останавливается. По этой причине рядом всегда кто-то должен быть. Мы ничего не знаем о фокусах второго внимания. А так как мы никогда не использовали его, мы должны воспитать его, прежде чем отважиться на пристальное созерцание в одиночку. Трудность созерцания в том, чтобы научиться утихомиривать мысли. Нагваль говорил, что учит нас этому по куче сухих листьев просто оттого, что они всегда есть под руками. Той же цели может служить и любая другая вещь. Когда ты можешь остановить мир, ты стал *созерцателем*. А так как единственный способ достичь остановки мира состоит в постоянных попытках, то Нагваль заставлял нас созерцать сухие листья годы и годы. Я думаю, что это наилучший способ достичь второго внимания. Он комбинировал пристальное созерцание сухих листьев с поиском рук во сне. Мне потребовалось около

года, чтобы найти свои руки, и четыре года, чтобы остановить мир. Нагваль говорил, что, когда уловишь свое второе внимание с помощью сухих листьев, начинаешь *сновидеть*, чтобы расширить его. Вот и все, что касается пристального созерцания.

– У тебя это звучит так просто, Горда.

– Все, что делают толтеки – очень просто. Нагваль говорил, что для улавливания нашего второго внимания нужно просто пытаться и пытаться. Все мы остановили мир с помощью пристального наблюдения сухих листьев. Ты и Элихио – другие. Ты сделал это с помощью растений силы. Каким путем следовал Нагваль в случае с Элихио, я не знаю. Он мне никогда не рассказывал. О тебе он рассказал мне потому, что у нас общая задача.

Но ведь в своих заметках я записал, что мне впервые удалось полностью остановить мир только несколько дней назад! Услышав это, она засмеялась.

– Ты остановил мир раньше, чем кто бы то ни было из нас, – сказала она. – Как ты думаешь, что ты делал, когда принимал эти растения силы? Просто ты никогда не пользовался для этой цели пристальным созерцанием, вот и все.

– Нагваль заставлял вас созерцать только кучу сухих листьев?

– Когда *сновидящий* знает, как остановить мир, он может созерцать и другие вещи. Потеряв в конце концов форму, он может созерцать все что угодно. Я делаю это. Хотя он советовал нам следовать определенному порядку в созерцании, я могу войти во что угодно.

– Вначале мы созерцали маленькие растения. Нагваль предупреждал нас, что такие растения очень опасны. Их сила сконцентрирована, они имеют очень интенсивное свечение и чувствуют, когда *сновидящие* наблюдают их. Они собирают свой свет и стреляют им в *сновидца*. Поэтому каждый должен уметь выбрать один вид растения и созерцать только его.

Потом мы созерцали деревья. У каждого *сновидящего* – свой собственный вид дерева для созерцания. И в этом плане мы с тобой одно и то же – мы оба должны созерцать эвкалипт.

Выглянув на меня, она, должно быть, предугадала мой следующий вопрос.

– Нагваль говорил, что с помощью его дыма ты очень легко достигал своего второго внимания, – продолжала она. – Ты его много раз фокусировал на предрасположении Нагваля, – на воронах. Он вспоминал, что однажды твое второе внимание так

превосходно сфокусировалось на вороне, что ты улетел как ворона к единственному эвкалипту, который рос поблизости.

Об этом опыте я размышлял годами. Я не мог рассматривать его иначе, чем невообразимо глубокое гипнотическое состояние, вызванное психотропными грибами из курительной смеси дона Хуана в сочетании с его искусством манипулирования поведением. Он вызвал у меня перцептуальный катарсис и я как будто превратился в ворону и воспринимал мир как ворона. При этом мое восприятие мира полностью отличалось от того, каким оно было на основании всего моего прошлого опыта. Объяснение Ла Горды каким-то образом упростило все это.

Потом, продолжала она. Нагваль заставил их созерцать движущиеся живые существа. Он говорил, что маленькие насекомые – это наилучшие объекты. Их подвижность делала их безвредными для созерцания в отличие от растений, которые извлекали свой свет прямо из земли.

Следующим шагом было пристальное созерцание камней. Из-за своей древности и силы камни имеют особый свет, скорее зеленоватый, в отличие от белого света растений и желтоватого света подвижных существ. Камни открываются созерцателю весьма непросто, но это стоит усилий – у камней есть свои особые секреты, скрытые в их сердцевине. Эти секреты способны помочь магу в *сновидении*.

– Что же за секреты открывают камни тебе?

– Когда я пристально смотрю в самую сердцевину камня, – сказала она, – я всегда улавливаю дуновение особого запаха, присущего только этому камню. Когда я странствую в своем *сновидении*, благодаря этим запахам я знаю, где нахожусь.

Она добавила, что важным фактором при созерцании листьев, камней и растений было время дня. Ранним утром деревья и камни кажутся оцепеневшими и свет у них тусклый. Около полудня они находятся в самой лучшей форме, и созерцание их в это время проводится для заимствования их света и силы. В конце дня и рано вечером деревья и камни тихи и печальны, особенно деревья. Ла Горде казалось иногда, что в этот час они сами созерцают *созерцателя*.

Второй серией в последовательности пристальных созерцаний является созерцание природных явлений: дождя, тумана. Она сказала, что созерцатели могут фокусировать свое внимание

непосредственно на самом дожде и двигаться вместе с ним, или фокусировать его на заднем плане и использовать дождь как своего рода волшебное стекло, чтобы увидеть скрытые особенности мира. Места силы или места, которых следует избегать, находят при помощи пристального созерцания через дождь. Места силы – желтоватого цвета, а неблагоприятные места – интенсивно-зеленые.

Ла Горда отметила, что, несомненно, туман для созерцателя самая таинственная вещь на Земле и что его можно использовать теми же двумя способами, что и дождь. Но он нелегко поддается женщине; даже после того, как она потеряет форму, он все же остается непостижимым для нее. Она рассказала, как однажды Нагваль заставил ее *видеть* зеленую дымку перед полосой тумана и пояснил, что это было второе внимание старого *созерцателя тумана*, живущего в горах, где они тогда были, и что он движется вместе с туманом. Она добавила, что туман используется для обнаружения призраков вещей, которых больше нет и что настоящее мастерство созерцателей тумана заключается в умении позволить своему второму вниманию войти во все, что раскроет им их созерцание.

Тут я рассказал ей, как однажды, когда я был вместе с доном Хуаном, я видел мост, образованный из полосы тумана. Для меня он был более чем реален. Картина была настолько интенсивной и живой, что я не мог забыть ее. Дон Хуан предсказал, что когда-нибудь я должен буду перейти этот мост.

– Я знала об этом, – сказала она. – Нагваль говорил мне, что когда ты достигнешь мастерства в овладении своим вторым вниманием, ты должен будешь пересечь при его помощи этот мост тем же способом, каким был осуществлен твой полет в качестве вороны. Он сказал мне, что если ты станешь магом, перед тобой образуется мост из тумана, и ты пересечешь его, чтобы исчезнуть из этого мира навсегда. Точно так же, как однажды сделал он сам.

– А он тоже исчез через мост?

– Нет, но ты был свидетелем, как они с Хенаро прямо на ваших глазах вошли в трещину между мирами. Нестор сказал, что Хенаро только помахал рукой на прощанье, в последний раз. Нагваль не попрощался, ведь ему нужно было открывать трещину. Нагваль говорил мне, что для этого, собрав второе внимание, нужно только сделать жест открывания этой двери. Это секрет *толтеков*–

сновидцев, и узнают они его, становясь бесформенными.

Мне хотелось расспросить, как Нагваль и Хенаро прошли ту трещину. Но легким прикосновением руки к моим губам она заставила меня молчать.

Следующим этапом был пристальный взгляд вдаль и на облака. В обоих случаях усилия созерцателей были направлены на то, чтобы позволить своему второму вниманию войти в место их пристального созерцания. Таким образом они покрывали любые расстояния или плыли на облаках. При работе с облаками Нагваль никогда не разрешал им созерцать грозовые тучи. Он сказал им, что они сначала должны стать бесформенными, а уж тогда смогут совершать подвиги и поэффектней: они смогут «ездить верхом» не только на грозовой туче, но и на самой молнии.

Ла Горда засмеялась и спросила, кто, по моему мнению, был настолько дерзким и ненормальным, чтобы пытаться созерцать грозовые тучи. Я, естественно, предположил, что Хосефина. Так и было. Ла Горда сказала, что именно Хосефина пробовала созерцать грозовые тучи всякий раз, когда Нагваль отсутствовал, пока ее чуть не убила молния.

– Хенаро был магом молний, – продолжала она. – На двух его первых учеников ему указали дружественные молнии. Он говорил, что искал растения силы в очень удаленной местности, где индейцы замкнуты и не любят посторонних. Они разрешали Хенаро бывать на их землях, ибо он говорил на их языке. Хенаро собирал какие-то растения, как вдруг начался дождь. Там поблизости было несколько домов, но их хозяева были не слишком дружелюбны, и ему не хотелось вступать с ними в контакт. Он уже собирался влезть в какую-то яму, как вдруг увидел юношу на велосипеде, тяжело нагруженном каким-то товаром. Это был Бениньо, посредник из города по торговле с этими индейцами. Он пытался вытащить из грязи свой велосипед, и прямо там в него ударила молния. Хенаро подумал, что он убит. Люди в домах увидели, что случилось, и выбежали наружу. Бениньо был сильно испуган, но жив, а вот его велосипед и товары сгорели. Хенаро остался с ним и за неделю вылечил его.

Почти так же все случилось и с Нестором. Обычно он покупал у Хенаро лекарственные растения и однажды попросился с ним в горы. Чтобы больше не платить Хенаро, он решил высмотреть, где тот собирает эти растения. Хенаро специально зашел далеко в

горы. Он хотел, чтобы Нестор заблудился.

Дождя не было, но сверкали молнии. Внезапно одна ударила рядом и заструилась по сухой земле, как змея. Она пробежала прямо между ногами Нестора и ударила в камень в десяти ярдах.

Хенаро рассказал, что молния обуглила ноги Нестора изнутри. Его яички опухли и он очень болел. Хенаро пришлось лечить его прямо там, в горах.

К моменту излечения и Бениньо, и Нестор были уже пойманы на крючок. Женщина не нуждается в этом. Женщины добровольно идут на все. В этом их сила, но и недостаток тоже. Мужчин надо вести, а женщин – сдерживать.

Она захихикала и сказала, что в ней, несомненно, было немало мужского, так как ее надо было вести, а во мне хватало женственности, потому-то меня приходилось сдерживать.

Последней серией было пристальное созерцание огня, дыма и теней. Она сказала, что для созерцателя огонь не яркий, а темный, почти черный, такой же, как и дым. А вот тени имеют цвет и в них есть движение.

Оставались еще две вещи, стоящие особняком – пристальное созерцание звезд и воды. Созерцание звезд выполнялось только магами, уже потерявшими свою человеческую форму. По ее словам, созерцание звезд проходило у нее очень хорошо, но она не могла управляться с созерцанием воды, особенно текущей. Маги использовали ее, чтобы собрать свое второе внимание и переправить его в любое место, где им хотелось бы оказаться. – Все мы страшимся воды, – продолжала она. – Река собирает второе внимание и уносит его, и нет способа остановиться. О твоих подвигах по части созерцания воды Нагваль мне рассказывал. Однажды ты чуть было не распался в воде одной маленькой речки, так что теперь тебе нельзя даже купаться.

Дон Хуан заставлял меня много раз смотреть на воду в оросительной канаве позади его дома, когда я был под воздействием его курительной смеси. Я испытывал невероятные переживания. Однажды я видел себя зеленым, как будто весь был покрыт водорослями. После этого он рекомендовал мне избегать воды.

– Было ли мое второе внимание повреждено водой? – спросил я.

– Да, было, – ответила она, – Ты очень любишь индугировать.

Нагваль предупреждал тебя соблюдать осторожность, но ты вышел

вместе с текущей водой за свои пределы. Нагваль сказал, что ты мог бы пользоваться водой как никто другой, но умеренность, к сожалению, никогда не была твоей положительной чертой.

Она пододвинула свою скамью поближе к моей.

— Это все, что касается пристального созерцания, — сказала она. — Но есть и другие вещи, о которых я должна рассказать тебе до твоего отъезда.

— И что же это, Горда?

— Во-первых, сначала ты должен собрать свое второе внимание для сестричек и для меня.

— Но я не уверен, что смогу сделать это.

Ла Горда встала и пошла в дом. Спустя минуту она вернулась с небольшой круглой подушкой из волокон, которые обычно употребляются для изготовления сетей. Не говоря ни слова, она повела меня к переднему крыльцу. Там она сказала, что сделала эту подушку сама, на ней удобно было сидеть, когда она училась созерцанию. При пристальном созерцании положение тела очень важно.

Сидеть нужно на земле на мягкой подушке из натуральных волокон или на подстилке из листьев. Спину прислоняют к дереву, пню или камню. Тело при этом должно быть совершенно расслабленным. Глаза не фиксируются на объекте, чтобы избежать утомления. Пристальное созерцание заключается в очень медленном сканировании созерцаемого объекта против часовой стрелки, но без поворота головы. Она добавила, что Нагваль заставил их вкопать эти толстые столбы, чтобы они могли прислоняться к ним.

Ла Горда усадила меня на подушку и прислонила спиной к столбу. Она сказала, что собирается руководить мною при созерцании пятна силы, которое находится на круглых холмах по ту сторону долины. Она надеялась, что созерцая его, я получу энергию, необходимую для собирания своего второго внимания. Она села слева, почти вплотную ко мне, и стала давать указания. Почти шепотом она велела мне держать веки полуприкрытыми и смотреть на то место, где сходились два огромных круглых холма. Там был глубокий узкий водный каньон. Она сказала, что это особое созерцание состоит из четырех отдельных действий. Во-первых, надо было использовать края моей шляпы как козырек, чтобы заслонить излишнее количество света и пропустить к глазам

лишь минимальное число лучей, а затем полуприкрыть веки. Дальше надо было удерживать веки в постоянном положении, чтобы обеспечить равномерный приток света. И наконец, нужно было выделить водный каньон на фоне остальной картины через сетку волокон света на своих ресницах.

Сначала я не мог выполнить ее инструкции. Солнце было высоко над нами, и мне пришлось запрокинуть голову назад. Я вертел шляпу так и этак, пока не закрыл большую часть солнечного сияния ее полями. Кажется, это было все, что требовалось. Когда я полуприкрыл глаза, небольшое количество света, словно исходящее из полей моей шляпы, буквально взорвалось у меня на ресницах, которые, как фильтр, создавали светлое кружево. Я держал веки полуприкрытыми и некоторое время играл со светящимся кружевом, пока не смог различить на его фоне темный вертикальный контур водного каньона.

Затем Ла Горда велела мне созерцать среднюю часть каньона, пока я не смогу различить очень темное коричневое пятно. Она сказала, что эта дыра в каньоне не для тех глаз, которые смотрят, но только для глаз, которые *видят*. Она предупредила, что как только я *увиджу* пятно, мне необходимо проявить свой контроль, чтобы оно не притянуло меня к себе. Я должен скорее «ввинтиться» в него и пристально его созерцать. Она предложила мне нажать на ее плечо в тот момент, когда я найду дыру, чтобы дать знать об этом. Она подвинулась и прислонилась ко мне.

С минуту я боролся, пытаясь скоординировать и сделать устойчивыми все четыре действия. И вдруг в середине каньона оформилось темное пятно. Я немедленно заметил, что вижу его каким-то иным способом, чем обычно. Темное пятно производило впечатление какого-то дефекта в зрении. В тот момент, когда мой контроль ослаб, оно исчезло. Оно находилось в поле моего восприятия, только если я сохранял контроль над всеми четырьмя действиями. Тут я вспомнил, что дон Хуан множество раз занимал меня такой деятельностью. Он обычно вешал небольшой лоскуток на низкую ветку куста, стратегически размещенную так, чтобы находиться на одной линии с каким-нибудь определенным геологическим образованием, таким, например, как водные каньоны, склоны холмов. Заставляя меня сидеть примерно в пятидесяти футах от этого лоскутка и пристально смотреть через низкие ветки куста, он пользовался этим, чтобы создать во мне

определенный перцептуальный эффект. Лоскуток всегда был более темного оттенка, чем то геологическое образование, которое я пристально созерцал, и казался лишь деталью этой картины. Идея заключалась в том, чтобы допустить игру своего восприятия, не анализируя ее. Раз за разом я терпел неудачу, так как был совершенно не способен воздержаться от оценок, и мой ум всегда уходил в какие-то рациональные спекуляции о природе механизма моего иллюзорного восприятия.

На этот раз я не чувствовал необходимости в каких бы то ни было спекуляциях. Ла Горда не была той авторитетной сильной фигурой, с которой я подсознательно пытался бороться, как это было в случае с доном Хуаном.

Темное пятно в поле моего восприятия стало почти черным. Я прислонился к плечу Ла Горды, чтобы дать ей знать. Она прошептала мне на ухо, что я должен изо всех сил удерживать веки в том же положении и тихо дышать животом. Я не должен был позволять пятну подтягивать меня, но постепенно входить в него. Следовало избегать позволить дыре выраста и поглотить меня. В случае, если это произойдет, я должен немедленно открыть глаза.

Я стал дышать, как она предписала, и таким образом смог удерживать веки сколь угодно долго фиксированными в нужном положении.

Некоторое время я оставался в этой позиции. Затем заметил, что дышу нормально и это не нарушает моего восприятия. Но внезапно черное пятно стало пульсировать, двигаться, и, прежде чем я смог начать правильно дышать, чернота двинулась вперед и обволокла меня. Я ужаснулся и открыл глаза.

Ла Горда сказала, что я выполнял пристальное созерцание вдаль, а для этого нужно было дышать именно таким способом, который она рекомендовала. Она предложила мне начать все сначала.

Нагваль обычно заставлял их сидеть целыми днями и собирать свое второе внимание посредством пристального созерцания. Он неоднократно предупреждал их об опасности быть поглощенными пятном из-за встряски, от которой может пострадать тело.

Мне потребовалось около часа пристального созерцания, чтобы сделать то, что она описала. «Ввинчивание» в коричневое пятно и пристальное всматривание в него привели к тому, что коричневый клочок земли в моем поле зрения неожиданно вспыхнул. Когда

картинка стала яснее, я понял, что нечто во мне выполняет неожиданное и невероятное действие. Я ощутил, что действительно приближаюсь к тому пятну. Отсюда у меня и возникло впечатление, что оно прояснилось. Затем я настолько приблизился, что мог различить даже отдельные его детали: камни и растительность. Я приблизился к нему еще, и тут увидел любопытное образование на одном из камней. Оно выглядело как грубо высеченный стул. Мне почему-то оно очень понравилось. По сравнению с ним остальные камни были бледными и неинтересными.

Не знаю, как долго я созерцал его. Я мог рассмотреть каждую его деталь. Мне казалось, что я мог бы потеряться в его деталях – им не было конца. Но что-то рассеяло мое видение: на камень наложился странный образ, затем еще и еще. Мне досаждали эти помехи. Как только я начал беспокоиться, до меня дошло, что Ла Горда, стоя позади меня, поворачивает мою голову из стороны в сторону. За считанные секунды концентрация моего созерцания совершенно рассеялась.

Ла Горда засмеялась и сказала, что она поняла, почему я доставлял Нагвалю столько хлопот. Она убедилась сама, что я индугирую выше всяких пределов. Она села у столба рядом со мной и сказала, что она и сестрички собираются созерцать место силы Нагваля. Затем она издала пронзительный птичий крик. Спустя минуту сестрички вышли из дома и приступили к созерцанию вместе с ней. Их мастерство в созерцании было очевидно. Их тела приобрели необычайную жесткость. Казалось, они не дышали вовсе. Эта их неподвижность была столь заразной, что и я невольно полуприкрыл глаза и уставился на холмы.

Пристальное созерцание было для меня настоящим откровением. Когда я выполнял его, мне стал ясен один важный момент во взглядах дон Хуана. Ла Горда описала задачу весьма смутно. «Ввинтиться в него» было скорее командой, чем описанием процесса. И все же оно было описанием при условии выполнения одного требования. Дон Хуан называл это требование «остановкой внутреннего диалога». Из утверждений Ла Горды относительно пристального созерцания мне стало ясно, что имел в виду дон Хуан, заставляя их созерцать, – именно остановку внутреннего диалога. Ла Горда сформулировала это как «утихание мыслей». Дон Хуан тоже заставлял меня делать это, хотя он вел меня по

другому пути: вместо фокусирования взгляда, как это делали созерцатели, он научил меня открывать его, затопляя свое сознание и не фокусируясь ни на чем. Я должен был как бы ощущать своими глазами все 180° перед собой, удерживая глаза нефокусированными чуть выше линии горизонта.

Мне было очень трудно созерцать – это переворачивало с ног на голову всю мою предыдущую практику. Когда я пытался созерцать, у меня возникало стремление раскрыться. Однако необходимость держать это стремление в узде отключила мои мысли. А как только отключился внутренний диалог, уже не трудно было созерцать так, как предписывала Ла Горда.

Дон Хуан утверждал снова и снова, что отключение внутреннего диалога является фундаментальным достижением магии. В терминологии объяснения о двух сферах внимания, данного мне Ла Гордой, остановка внутреннего диалога была рабочим способом описания отвлечения внимания *тоналя*.

Дон Хуан говорил, что как только мы остановим внутренний диалог, мы остановим и мир. Это было операционное описание непостижимого процесса фокусировки нашего второго внимания. Он говорил, что некоторая часть нас всегда пребывает под замком, так как мы боимся себя.

Эта часть нас с точки зрения разума подобна сумасшедшему родственнику, которого мы держим взаперти в темнице. Эта часть и была, по словам Ла Горды, вторым вниманием. Когда оно сможет в конце концов сфокусироваться на чем-либо, – мир остановлен. Поскольку мы как обычные люди знаем только внимание *тоналя*, то не будет большим преувеличением сказать, что как только это внимание гасится, мир действительно останавливается для нас.

Фокусирование нашего необузданного, нетренированного второго внимания неизбежно должно быть ужасной вещью. Дон Хуан был прав, говоря, что единственным способом удержать этого сумасшедшего родственника от нападения на нас и является необходимость защищаться при помощи нескончаемого внутреннего диалога.

Ла Горда и сестрички закончили свое приблизительно получасовое созерцание. Ла Горда сделала мне знак рукой следовать за ними. Они пошли на кухню. Ла Горда предложила мне сесть на скамью. Потом она сказала, что пойдет на дорогу встретить Хенарос и

приведет их сюда. Она вышла через переднюю дверь.

Тем временем сестрички сели вокруг меня. Лидия предложила ответить на все вопросы, которые я хотел бы задать ей. Я попросил ее рассказать мне о пристальном созерцании пятна силы дона Хуана, но она мне не ответила.

– Я созерцатель дали и теней, – сказала она. – После того, как я стала созерцателем, Нагваль заставил меня начать все сначала и созерцать тени листьев, деревьев, растений, камней. С тех пор я больше не смотрю на вещи, – я смотрю на их тени. Даже если света нет совсем, – тени существуют, даже ночью есть тени. Так как я – созерцатель теней, то я также и созерцатель вдаль. Я могу созерцать тени даже вдали.

Рано утром они многого не скажут. В это время тени отдыхают. Поэтому бесполезно созерцать в начале дня. Около шести утра тени просыпаются и к наилучшей форме приходят часам к пяти пополудни. Тогда они полностью пробуждены.

– Что же тени говорят тебе?

– Все, что я захочу узнать. Они говорят со мной при помощи того, что они теплые или холодные, двигаются или меняют цвета. Я еще не знаю всего, что означает тепло, цвет или движение. Нагваль предоставил мне изучить это самой.

– Как же ты изучаешь это?

– В *сновидении*. *Сновидящие* должны пристально созерцать, а затем – искать свои сны в созерцании. Например, Нагваль велел мне созерцать тени скал, а потом в своем *сновидении* я обнаружила, что у этих теней имеется свечение, потому с тех пор я начала искать свечение в тени, пока не нашла его. Созерцание и *сновидение* идут рука об руку. Мне пришлось долго созерцать тени, чтобы получилось *сновидение* теней. А затем мне нужно было долго *сновидеть* и созерцать, чтобы соединить их и на самом деле *видеть* в тенях то, что я вижу в *сновидении*. Понимаешь, что я имею в виду? Каждая из нас делает то же самое. *Сновидение* Розы связано с деревьями и она – созерцатель деревьев, а у Хосефины – с облаками и она – созерцатель облаков. Они созерцают деревья и облака, пока не достигают согласованности созерцания и *сновидения*.

Роза и Хосефина согласно кивнули.

– А как насчет Ла Горды? – спросил я.

– Она – созерцатель блох, – ответила Роза и все засмеялись.

– Просто Ла Горда не любит, когда ее кусают блохи, – объяснила Лидия. – Она бесформенная и может созерцать все, что угодно, но она привыкла быть созерцателем дождя.

– А Паблито?

– Он созерцает женские промежности, – ответила Роза с каменным выражением лица.

Они засмеялись. Роза хлопнула меня по спине:

– Я полагаю, что, как твой партнер, он похож на тебя, – сказала она.

Они захохотали, колотя ладонями по столу и сотрясая скамейки ногами.

– Паблито – созерцатель камней, – сказала Лидия. – Нестор – созерцатель дождя и растений, а Бениньо – созерцатель дали.

Однако не спрашивай больше о созерцании, потому что я потеряю силу, если буду продолжать.

– Почему тогда Ла Горда рассказывает мне все?

– Ла Горда потеряла свою форму, – ответила Лидия. – Когда я потеряю свою, я тоже буду рассказывать тебе все. Но к тому времени тебя это больше не будет беспокоить. Ты беспокоишься, потому что ты такой же глупый, как и мы все. В тот день, когда мы потеряем форму, мы все перестанем быть глупыми.

– Почему ты задаешь так много вопросов, когда ты и так все это знаешь? – спросила Роза.

– Потому что он похож на нас, – ответила ей Лидия. – Он еще не настоящий Нагваль. Он еще человек.

Она повернулась лицом ко мне. Минуту ее лицо было твердым, а глаза – колючими и холодными, но ее лицо смягчилось, когда она заговорила вновь.

– Ты и Паблито – партнеры, – сказала она, – Он тебе действительно нравится?

Я подумал минуту, прежде чем ответить. Я сказал ей, что так или иначе, но я полностью ему доверяю. Безо всякой причины у меня было чувство, что мы похожи.

– Ты любишь его так сильно, что испортил его, – сказала она обвиняюще. – На той вершине горы, где вы все прыгнули, он сам подбирался к своему второму вниманию, но ты вынудил его прыгнуть вместе с тобой.

– Я только держал его за руку, – возразил я.

– Маг не держит другого мага за руку, – сказала она. – Все мы очень способные. Ты не нуждался в том, чтобы кто-нибудь из нас

троих помогал тебе. Только маг, который *видит* и потерял свою человеческую форму, имеет право помогать. На той вершине горы, где вы все прыгнули, ты обязан был идти первым. Теперь Паблито привязан к тебе. Я полагаю, ты собирался помогать и нам тем же способом. Боже, чем больше я думаю о тебе, тем больше я презираю тебя.

Роза и Хосефина что-то согласно пробормотали. Роза встала и яростно потребовала, чтобы я признался, что я собираюсь делать с ними. Я сказал, что собираюсь очень скоро убраться отсюда. Мое заявление явно возмутило их. Все они заговорили одновременно. Голос Лидии звенел над другими. Она сказала, что время уезжать настало еще предыдущей ночью, и что она ненавидит минуту, когда я решил остаться.

Я ощутил внезапное содрогание, встал и не своим голосом заорал, чтобы они успокоились. Все с ужасом посмотрели на меня. Я попытался напустить на себя небрежный вид, но и сам испугался не меньше.

В этот момент на кухню вошла Ла Горда, словно пряталась в соседней комнате, ожидая момента, когда мы начнем драку. Она сказала, что предупреждала всех, чтобы мы не попадались в сети друг друга. Я был вынужден рассмеяться над тем, что она журит нас, как детей.

Она сказала, что мы обязаны уважать друг друга, что уважение среди воинов является весьма деликатной вещью. И что сестрички знают, как воины должны вести себя друг с другом. Знают это и Хенарос – между собой.

Но стоит мне прийти в одну из этих групп или двум группам сойтись вместе, как все тотчас забывают о своих знаниях воинов и ведут себя как тупицы.

Мы сели. Ла Горда села возле меня. После минутной паузы Лидия пояснила, что она боится, как бы я не сделал с ними того же, что с Паблито. Ла Горда засмеялась и сказала, что она никогда не позволит мне помогать кому-либо из них таким способом. Я сказал ей, что не могу понять, что же такого неправильного я сделал с Паблито. Я совсем не осознавал что делал, и если бы Нестор не рассказал мне, то я никогда бы и не узнал, что фактически подтолкнул Паблито. Я даже спросил, не преувеличивал ли случайно Нестор. Может быть, он просто ошибся?

Ла Горда сказала, что Свидетель не допустил бы такой грубой

ошибки. Свидетель является самым совершенным воином среди нас всех.

– Маги не помогают друг другу так, как ты помог Паблито. Ты вел себя как человек с улицы. Нагваль учил всех нас быть воинами. Он говорил нам, что воин не испытывает сочувствия ни к кому.

Испытывать сочувствие – означает желать, чтобы другой человек был похож на тебя, был в твоей шкуре. И ты протягиваешь руку помощи именно для этой цели. Ты сделал это с Паблито. Самая трудная вещь в мире для воина – предоставить других самим себе. Когда я была жирной, я беспокоилась, что Лидия и Роза едят недостаточно. Я боялась, что они заболеют и умрут от недоедания. Не щадя сил, я откармливала их, и у меня были самые лучшие намерения.

Безупречный воин предоставляет других самим себе и поддерживает их в том, что для них важнее всего. Если, конечно, ты веришь, что они и сами являются безупречными воинами.

– А что если они не являются безупречными воинами? – спросил я.

– Тогда твой долг – быть безупречным самому и не говорить ни слова. Нагваль сказал, что только маг, который *видит* и является бесформенным, может позволить себе помогать кому-либо. Вот почему он помогал нам и сделал нас такими, какие мы есть. Не думаешь ли ты, что можешь ходить повсюду, подбирая людей на улице, чтобы помогать им?

Дон Хуан уже ставил меня лицом к лицу с дилеммой, что я никоим образом не мог помогать своим близким существам. По его мнению, каждое наше усилие помочь фактически является произвольным актом, руководимым исключительно нашим своекорыстием.

Как-то в городе я поднял улитку, лежавшую посреди тротуара, и бережно положил ее под какой-то виноградный куст. Я был уверен, что оставь я ее на тротуаре, люди рано или поздно раздавили бы ее. Я считал, что убрав ее в безопасное место, спас ее. Дон Хуан тут же показал мне, что это не так. Я не принял во внимание две важные возможности. Одна из них была такой: улитка избежала верной смерти на виноградных листьях от яда. А другая – улитка имела достаточно личной силы, чтобы пересечь тротуар. Своим вмешательством я не спас улитку, а только заставил ее утратить то, чего она с таким трудом достигла. Когда я захотел положить улитку туда, где нашел ее, он не позволил мне и

этого. Он сказал, что такова была судьба улитки – что какой-то идиот пересечет ей путь и прервет ее продвижение. Если я оставлю ее там, где положил, она, быть может, будет в состоянии собрать Достаточно личной силы и дойти туда, куда собиралась.

Я думал, что понял его мысль. Очевидно, тогда я лишь поверхностно согласился с ним. Самой трудной вещью на свете для меня было предоставить других самим себе.

Я рассказал им эту историю.

Ла Горда погладила меня по спине.

– Мы все очень плохие, – сказала она. – Все мы пятеро – ужасные люди и не хотим ничего понимать. Я освободилась от большей части своей плохой стороны, но не от всей. Мы довольно туповатые и по сравнению с Хенарос ужасно деспотичные. Хенарос, с другой стороны все похожи на Хенаро – в них мало ужасного.

Сестрички согласно кивнули.

– Но ты – самый отвратительный из нас, – сказала мне Лидия. – Я думаю, что мы не такие уж плохие по сравнению с тобой.

Ла Горда захихикала и легонько стукнула меня по ноге, словно веля согласиться с Лидией. Я так и сделал. Все они засмеялись как дети.

Мы долго пребывали в молчании.

– Я подхожу теперь к концу того, что должна была рассказать тебе, – внезапно сказала Ла Горда.

Заставив всех нас встать, она сказала, что собирается показать мне стойку силы воинов-толтеков. Лидия встала справа от меня, лицом ко мне. Она взяла мою руку своей правой рукой, ладонь к ладони, не переплетая пальцев. Затем она просунула мою руку прямо под локтем своей левой руки и плотно прижала меня к своей груди.

Хосефина сделала то же самое слева от меня. Роза стала лицом к лицу со мной, просунула свои руки у меня подмышками и захватила меня за плечи. Ла Горда зашла сзади и обхватила меня за талию, переплетя свои пальцы над моим пупком.

Все мы были примерно одного и того же роста и они могли прижать свои головы к моей. Ла Горда очень тихо, хотя и достаточно громко, чтобы все мы слышали ее, заговорила за моим левым ухом. Она сказала, что все мы должны попытаться перенести свое второе внимание в место силы Нагваля без вмешательства кого бы то ни было или чего бы то ни было. На этот

раз не было учителя, чтобы помочь нам, или союзников, чтобы прищипорить нас. Мы собираемся отправиться туда просто силой нашего желания.

Тут у меня возникла неодолимая потребность спросить, что я должен делать. Она сказала, что я должен позволить своему второму вниманию сфокусироваться на месте, которое я созерцал. Она объяснила, что та особая позиция, в которой мы сейчас находимся, является толтекским расположением силы. Я был в этот момент центром и связующей силой четырех сторон света. Лидия была востоком, оружием, которое воин-толтек держит в своей правой руке. Роза была севером, щитом, который заслоняет воина спереди. Хосефина была западом, ловцом духа, который воин держит в своей левой руке. А Ла Горда была югом, корзиной, которую воин несет на своей спине и в которой он держит свои объекты силы. Она сказала, что естественной позицией для каждого воина будет обратиться лицом к северу и держать оружие-восток в правой руке. Однако нужное нам направление на сей раз находилось на юге, слегка в сторону востока. Таким образом, действие силы, которую Нагваль оставил нам для выполнения задания, заключалось в перемене направления.

Она напомнила мне, что одним из первых действий Нагваля по отношению к нам всем было повернуть наши глаза лицом к юго-востоку. Этим способом он завлек наше второе внимание для выполнения задачи, которую мы сейчас намеревались решить. Было две возможности выполнить это. Первая состояла в том, чтобы мы все развернулись лицом к востоку, используя меня в качестве оси, и таким образом переменили базисное значение и функцию каждого из нас. Лидия стала бы западом, Хосефина – востоком. Роза – югом, а она сама – севером.

Другая возможность состояла в том, чтобы мы изменили свое направление и стали лицом к югу, не поворачиваясь вокруг. Это была альтернатива силы, связанная с приведением в действие нашего второго лица.

Я сказал Ла Горде, что не понимаю, что такое второе лицо. Она ответила, что Нагваль поручил ей попытаться собрать воедино второе внимание каждого из нас и что каждый воин-толтек имеет два лица и смотрит каждым лицом в двух противоположных направлениях. Второе лицо было вторым вниманием.

Внезапно Ла Горда отпустила свою хватку. Остальные сделали то

же самое. Она снова села и жестом показала мне сесть рядом с ней. Сестрички остались стоять. Ла Горда спросила, все ли мне ясно. Мне было не слишком-то ясно. Прежде чем я успел сформулировать вопрос, она сказала, что Нагваль велел ей передать мне следующее: я должен изменить направление, суммируя свое внимание с их вниманием и включив свое лицо силы, чтобы увидеть то, что находится позади меня.

Ла Горда встала и жестом велела следовать за ней. Она повела меня к двери их комнаты и мягко втолкнула туда. Когда я переступил порог, Лидия Роза и Хосефина присоединились ко мне тем же способом, а затем Ла Горда закрыла дверь.

В комнате было очень темно, и казалось, что в ней не было никаких окон. Ла Горда взяла меня за руку и поместила, как мне показалось, в центре комнаты. Все они окружили меня. Я вообще не мог видеть их и только ощущал, что они расположились с четырех сторон вокруг меня.

Спустя некоторое время глаза начали привыкать к темноте. Я смог увидеть, что в комнате есть два окна, закрытых ставнями. Через них просачивалось немного света и я смог различить их всех. Затем они обхватили меня тем же способом, как и несколькими минутами раньше и совершенно в унисон прислонили свои головы к моей. Я закрыл глаза, чтобы воспроизвести образ своего созерцания, но не смог сделать этого. Я чувствовал себя очень утомленным и сонным. Глаза ужасно зудели. Я хотел потереть их, но Лидия и Роза держали меня за руки. Мы долго находились в такой позиции. Я невыносимо устал и начал терять сознание. У меня было ощущение, что колени не выдерживают моего веса. Я подумал, что сейчас рухну на пол и прямо там усну. Но пола не было.

Подо мной не было ничего. Когда я осознал это я настолько испугался, что мгновенно пришел в себя. Однако сила большая, чем мой страх, толкала меня назад в сонное состояние. Я сдался. Я плыл вместе с ними как воздушный шар. Казалось, что я заснул и видел сон а в этом сне видел серию несвязных образов. Мы более не стояли в темноте их комнаты. Было так много света что он ослепил меня. Временами я мог заметить лицо Розы напротив моего, уголком глаза видел лица Лидии и Хосефины. Я мог видеть их лбы, прижатые к моим ушам. А затем образ менялся, и вместо этого я видел лицо Ла Горды напротив моего. Всякий раз, когда

это случалось, она прикладывала рот к моему и дышала. Мне это очень не понравилось. Какая-то сила во мне пыталась высвободиться. Я почувствовал ужас и попытался оттолкнуть их всех от себя. Чем сильнее я пытался, тем сильнее они держали меня. Это убедило меня в том, что Ла Горда вовлекает меня в какой-то трюк и что в конце концов она завлечет меня в смертельную западню. Но в противоположность остальным, Ла Горда была непревзойденным игроком. Мысль, что она направляла меня безупречной рукой, доставила мне облегчение. Я перестал бороться. Мне стало любопытно, когда же наступит смерть, которая казалась мне неизбежной, и я смирился. Появилось чувство невероятной радости, подъема сил и я решил, что это было предвестником моего конца, если не самой смертью.

Я притянул Лидию и Хосефину еще ближе к себе. В этот момент Ла Горда была впереди меня. Меня не беспокоило больше, что она дышала мне в рот; скорее я был удивлен, что она вдруг прекратила это делать. Они начали оглядываться и тем самым освободили мне голову. Я смог двигать ею. Лидия, Ла Горда и Хосефина были так близко от меня, что я мог видеть только через щель между их головами. Я не мог сообразить, где мы находимся. В одном я был уверен – мы не стоим на земле. Мы находились в воздухе. И еще я знал наверняка, что наш порядок изменился. Лидия была слева от меня, а Хосефина справа. Лица Ла Горды, Лидии и Хосефины были покрыты потом. Розу я мог только чувствовать позади себя. Я мог видеть ее руки, выходящие у меня из подмышек и держащие мои плечи.

Ла Горда что-то говорила, но что – я не мог слышать. Она произносила слова очень медленно, словно желая дать мне время прочесть их по губам, но мое внимание было захвачено движениями ее губ, а не смыслом речи. В какой-то момент я понял, что все четверо неторопливо раскачивали меня. Это вынудило меня обратить внимание на беззвучные слова Ла Горды. На этот раз я отчетливо прочел по ее губам, что она приказывает мне повернуться вокруг. Я попытался, но голова была как будто закреплена. Я ощутил, что кто-то покусывает мне губы. Я взглянул на Ла Горду. Она не кусалась, но внимательно смотрела на меня и четко артикулируя, произносила свой приказ повернуть голову. Пока она говорила, я одновременно чувствовал, как она лижет мое лицо или кусает губы и щеки.

Лицо Ла Горды было как-то искажено. Оно выглядело большим и желтоватым. Я решил, что поскольку все вокруг было желтоватым, то и на ее лице отражалась эта желтизна. Я мог слышать, как она приказывает мне повернуть голову вокруг. В конце концов беспокойство, которое мне причиняло покусывание, заставило меня встряхнуть головой. Внезапно звук голоса Ла Горды стал едва слышен. Она была позади и кричала мне, чтобы я повернул свое внимание вокруг. Это Роза лизала мне лицо. Я оттолкнул ее лбом. Роза плакала. Ее лицо было покрыто потом. Я слышал голос Ла Горды позади: она сказала, что я опустошил их, борясь с ними и что она не знает, что теперь надо сделать, чтобы уловить наше первоначальное внимание. Сестрички поскуливали.

Мои мысли были кристально ясными. Однако рационально мыслить я не был способен. Я *знал* все быстро и непосредственно, причем в уме у меня не было никаких сомнений. Например, я непосредственно знал, что должен снова заснуть и что это заставит нас опуститься вниз. Знал я и то, что должен позволить им принести нас обратно к дому. Но здесь я был беспомощен. Если я и мог где-то сфокусировать свое второе внимание, то это могло произойти только на одном месте в Северной Мексике, которое дал мне дон Хуан. Я всегда был способен представить его в своем уме, как ничто другое в этом мире. Но я не решался воспроизвести это видение. Я знал, что там нам будет конец.

Я подумал, что надо рассказать Ла Горде то, что я знаю, но не мог говорить. Тем не менее, какая-то часть меня была уверена, что она поняла. Тогда я полностью вверился ей и за считанные секунды впал в сон. В своем сне я смотрел на кухню в их доме. Там были Паблито, Нестор и Бениньо. Они казались огромными и сияющими. Я не мог сфокусировать на них глаза, так как между нами был слой пластичного материала. Потом я осознал, что это выглядело как если бы я смотрел на них через оконное стекло, которое кто-то поливает водой.

Паблито поливал меня водой из бадьи. Нестор и Бениньо стояли рядом. Ла Горда, сестрички и я лежали на земле позади дома. Хенарос облили водой из бадьи нас всех.

Я вскочил на ноги. Либо вода, либо необычное переживание, через которое я только что прошел, придали мне бодрости.

Ла Горда и сестрички сменили одежду, которую кто-то из Хенарос разложил на солнце. Моя одежда также была аккуратно сложена

на земле. Я переоделся, не говоря ни слова. Я находился в своеобразном состоянии, которое, по-видимому, сопутствовало фокусированию второго внимания. Говорить я не мог, а может и мог, но мне этого вовсе не хотелось. Желудок был расстроен. Ла Горда, наверное, почувствовала это и мягко потянула меня на площадку в задней части загородки. Тут мне стало плохо. Ла Горда и сестрички испытывали то же самое.

Я вернулся на кухонную площадку и умылся. Холодная вода почти привела меня в чувство. Паблито, Нестор и Бениньо сидели вокруг стола. Паблито принес свой стул. Он встал и пожал мне руку. Затем то же сделали Нестор и Бениньо. К нам присоединились Ла Горда и сестрички.

Кажется, со мной опять было что-то не в порядке. В ушах у меня стоял гул, кружилась голова. Хосефина схватилась за Розу, чтобы не упасть. Я повернулся к Ла Горде, собираясь спросить у нее, что делать. Лидия падала спиной на скамейку. Я подхватил ее, но увлекаемый весом ее тела упал вместе с ней.

Со мной, должно быть, случился обморок. Внезапно я очнулся. Я лежал на соломенном мате в передней комнате. Лидия, Роза и Хосефина лежали рядом со мной. Мне пришлось перелезть через них, чтобы встать. Я задел их, но они не проснулись. Я вышел на кухню. Ла Горда и Хенарос сидели за столом.

– Добро пожаловать обратно, – сказал Паблито.

Он добавил, что Ла Горда проснулась незадолго до меня. Я снова чувствовал себя прежним и был голоден. Ла Горда дала мне миску с едой. Она сказала, что они уже поели. После еды я почувствовал себя превосходно во всех отношениях, только вот не способен был думать так, как обычно. Мои мыслительные процессы совершенно замедлились. Мне понравилось такое состояние. Тут я заметил, что было уже далеко за полдень. У меня возникло побуждение встать и бежать на месте лицом к солнцу, как меня обычно заставлял делать дон Хуан. Я встал и Ла Горда присоединилась ко мне. Кажется, у нее возникла та же идея одновременно со мной. Это движение заставило меня вспотеть. Я скоро начал задыхаться и вернулся к столу. Ла Горда последовала за мной. Мы сели. Хенарос глазели на нас. Ла Горда вручила мне блокнот.

– Нагваль собирается здесь погибнуть, – сказала она. В момент, когда она говорила, я испытал очень своеобразное чувство. На меня лавиной хлынули мои прежние мысли. Это, должно быть,

стало заметно по моему лицу, потому что Паблито обнял меня и то же самое сделали Нестор и Бениньо.

– Нагваль собирается жить! – громко сказал Паблито.

Ла Горда, казалось, тоже обрадовалась. Она с облегчением потерла лоб. Она сказала, что я чуть не убил себя и их из-за своей ужасной склонности к индугльгированию.

– Фокусировать второе внимание – не шутка, – сказал Нестор.

– Что с нами случилось, Горда? – спросил я.

– Мы потерялись, – сказала она, – Ты начал индугльгировать в своем страхе и мы потерялись в той безбрежности. Мы больше не могли фокусировать свое внимание *тоналя*. Но мы успешно связали свое второе внимание с твоим и теперь у тебя два лица. В этот момент на кухню вошли Лидия, Хосефина и Роза. Они улыбались и казались такими же свежими и бодрыми, как и всегда. Они взяли себе еды, и пока они ели, никто не произнес ни слова. Когда все поели, Ла Горда продолжила говорить с того места, на котором остановилась.

– Теперь ты – воин с двумя лицами, – продолжала она, – Нагваль сказал, что все мы должны иметь два лица. Он и Хенаро помогли нам собрать наше второе внимание и повернули нас вокруг, так, чтобы мы могли быть обращены лицом в двух направлениях. Но тебе они не оказали такой помощи. Чтобы стать настоящим Нагвалем, ты должен был сам утвердить свою силу. Тебе еще далеко до этого, но позволь сказать, что теперь ты уже не ползаешь, я ходишь прямо, а когда ты восстановишь свою полноту и потеряешь форму, ты будешь парить.

Бениньо сделал жест рукой, имитируя летящий самолет и подражая реву двигателя своим гудящим голосом. Звук был поистине оглушительный.

Все засмеялись. Сестрички были в восторге.

До этого момента я не осознавал времени. Я сказал Ла Горде, что мы, должно быть, проспали несколько часов, потому что вошли в их комнату перед полуднем.

Она сказала, что мы спали совсем недолго, а большую часть времени были затеряны в другом мире и что Хенарос были по-настоящему испуганы и подавлены, потому что ничего не могли сделать, чтобы вернуть нас.

Я повернулся к Нестору и спросил его, что они в действительности видели, когда мы отсутствовали. Прежде чем ответить, он

внимательно посмотрел на меня.

– Мы принесли много воды во двор, – сказал он, указывая на пустые бочки из-под масла, – Затем вы все притащились сюда и мы вылили воду на вас, вот и все.

– Мы вышли из комнаты? – спросил я.

Бениньо громко засмеялся. Нестор взглянул на Ла Горду, словно спрашивая ее разрешения или совета.

– Нет, – ответил Нестор.

Мне показалось, что Ла Горда жаждала узнать это не меньше меня, и я сильно встревожился. Она даже уговаривала Нестора рассказывать.

– Вы пришли из ниоткуда, – сказал Нестор, – Я должен сказать, что это выглядело странно. Все вы были похожи на туман.

Паблито увидел вас первым. Вы, может быть, были во дворе очень долго, но мы не знали, где искать вас. Затем Паблито завопил и мы увидели вас. Мы никогда не видели ничего подобного.

– На что мы были похожи? – переспросил я.

– Вы были похожи на... – Хенарос взглянули друг на друга.

Наступило невыносимое молчание. Сестрички уставились на Нестора, разинув рты.

– Вы были похожи на клочья тумана, зацепившиеся за паутину, – сказал Нестор. – Когда мы вылили на вас воду, вы снова стали твердыми.

Я хотел, чтобы он продолжал рассказывать, но Ла Горда сказала, что осталось слишком мало времени, потому что я должен уехать в конце дня, а у нее есть еще что рассказать мне.

Хенарос встали и пожали руки сестричкам и Ла Горде. Они обняли меня и сказали, что им потребуется всего несколько дней, чтобы подготовиться к отъезду. Паблито положил свой стул в перевернутом виде на спину. Хосефина побежала на площадку возле кухонной плиты, подняла сверток, принесенный ими из дома доньи Соледад, и закрепила его между ножками стула, который оказался идеальным приспособлением для переноски грузов.

– Поскольку ты идешь домой, ты можешь свободно взять это, – сказала она. – Это принадлежит тебе в любом случае.

Паблито пожал плечами и передвинул стул, чтобы уравновесить груз.

Нестор дал сигнал Бениньо взять сверток, но Паблито не позволил ему.

– Все в порядке, – сказал он. Я прекрасно могу быть в роли осла, пока я несу этот проклятый стул.

– Почему ты носишь его, Паблито? – просил я.

– Я должен копить свою силу, – сказал он, – Я не могу везде сидеть на чем попало. Кто знает, какая дрянь сидела там до меня? Он захохотал и пожал плечами, заставив сверток закачаться.

После ухода Хенарос Ла Горда объяснила мне, что Паблито начал свое выкаблучивание со стулом, чтобы поддразнить Лидию. Он не хотел сидеть там, где сидела она. Но его заносит на поворотах, и так как ему нравится индугировать, то теперь он везде сидит только на своем стуле.

– Он способен пронести его через всю жизнь, – сказала мне Лидия с большой уверенностью. – Он почти так же плох, как и ты. Он – твой партнер: ты будешь нести свой блокнот через всю жизнь, а он – свой стул. Какая здесь разница? Оба вы индугируете больше чем любой из нас.

Сестрички окружили меня и засмеялись, хлопая меня по спине.

– Очень трудно войти во второе внимание, – продолжала Ла Горда, – а овладеть им индугируя, как ты – еще труднее. Нагваль говорил, что ты лучше всех нас должен знать, насколько это трудно. С помощью его растений силы ты научился уходить в тот мир очень далеко. Вот почему сегодня ты тянул нас так сильно, что мы чуть не умерли. Мы хотели собрать наше второе внимание на месте Нагваля, а ты погрузил нас в нечто такое, чего мы не знаем. Мы не готовы для этого, но не готов и ты.

Впрочем, ты ничего не можешь с собой поделывать: таким тебя сделали растения силы. Нагваль прав – все мы должны помогать тебе и сдерживать тебя во втором внимании, а ты должен помогать нам подталкивать наше. Твое второе внимание может зайти очень далеко, но бесконтрольно; наше может пройти только маленький кусочек, но над ним мы имеем абсолютный контроль. Ла Горда и сестрички одна за другой рассказали мне, каким пугающим было ощущение потерянности в другом мире.

– Нагваль рассказывал мне, – продолжала Ла Горда, – что когда ты собирал свое второе внимание с помощью его дыма, ты сфокусировал его на комаре, и этот маленький комар стал для тебя стражем другого мира.

Я сказал ей, что это правда. По ее просьбе я описал им переживание, которое дон Хуан дал мне испытать. С помощью его

курительной смеси я воспринял комара как ужасное чудовище, высотой в сто футов, двигавшееся с громадной скоростью и ловкостью. Это создание было невероятно отвратительным, тем не менее в нем было впечатляющее величие.

И этот случай, и ряд других я не мог уложить в свою рациональную схему восприятия мира. Единственной опорой моему интеллекту была глубокая уверенность в способности психотропной смеси вызвать у меня галлюцинации относительно величины комара.

Я представил им, особенно Ла Горде, мое рациональное и причинно обусловленное объяснение того, что произошло тогда. Они засмеялись.

— Здесь нет места для галлюцинаций, — сказала она. — Если кто-то неожиданна видит что-то такое, чего не было раньше, значит второе внимание человека собралось и фокусируется на этом. Так вот: собирать второе внимание человека может что угодно — это может быть спиртной напиток, наркотики, или сумасшествие, или, наконец, курительная смесь Нагваля.

— Ты *увидел* комара и он стал для тебя стражем другого мира. Тот другой мир — это мир нашего второго внимания. Нагваль надеялся, что твое второе внимание будет достаточно сильным, чтобы пройти «стража» и войти в другой мир. Но оно не было сильным. Если бы оно было сильным, ты мог бы войти в тот мир и никогда не вернуться. Нагваль сказал мне, что он приготовился следовать за тобой. Он вынужден был заставлять тебя фокусировать твое второе внимание с помощью его растений силы, потому-то ты мог фокусироваться только на устрашающей стороне вещей. Поэтому он и прекратил давать тебе растения силы и заставил тебя делать *сновидение*, чтобы ты мог собрать свое второе внимание другим способом. Но он был уверен, что твое *сновидение* также будет устрашающим. С этим он ничего не мог поделать. Ты следовал по его стопам, а у него самого была ужасающая сторона.

Ла Горда вспомнила, что Нагваль однажды показывал мне одно очень специфическое красное насекомое в горах его родины. Она спросила меня, помню ли я это.

Я помнил его. Несколько лет назад дон Хуан взял меня в неизвестную мне местность в горах северной Мексики. С крайней осторожностью он показал мне каких-то красных насекомых размером с божью коровку. Их спинки были глянцево-красными.

Я захотел опуститься на землю и рассмотреть их, но он не позволил. Он сказал, что я должен наблюдать их, не устремляя пристального взгляда до тех пор, пока я не запомню их форму. Он добавил, что я обязан помнить их всегда. Затем он объяснил мне некоторые незамысловатые детали их поведения, причем это звучало у него как метафора. Он рассказал мне об условной значительности наших наиболее лелеемых обычаев. В подтверждение он указал на некоторые обычаи этих насекомых и противопоставил их человеческим. Это сравнение высмеивало некоторые наши привычные взгляды.

– Как раз перед тем, как он и Хенаро ушли, – сказала Ла Горда, – Нагваль взял меня с собой на прогулку в то место в горах, где обитают эти жучки. Я уже была там однажды, и другие тоже. Нагваль убедился, что все мы знаем эти маленькие создания, хотя он никогда не позволял нам пристально созерцать их.

– Когда я была вместе с ним, он рассказал мне, что делать с тобой и что я должна сказать тебе. Я уже рассказала тебе почти все из того, что он попросил меня сообщить тебе, кроме этой последней вещи. Ты спрашиваешь у каждого: где Нагваль и Хенаро. Сейчас я расскажу тебе, где они. Нагваль сказал, что ты поймешь это лучше, чем любой из нас. Никто из нас никогда не видел «стража». Никто из нас никогда не был в том зеленоватом мире, где он обитает. Ты единственный среди нас, кто испытал все это. Так вот, Нагваль сказал что он последовал за тобой в тот мир, когда ты сфокусировал свое внимание на страже. Он намеревался уйти туда вместе с тобой, может быть, навсегда, если бы ты был достаточно силен, чтобы пройти. Именно так он впервые узнал о мире тех маленьких красных букашек. Он сказал, что их мир был самой прекрасной и совершенной вещью, какую только можно вообразить. Поэтому, когда пришло время ему и Хенаро покинуть этот мир, они собрали все свое второе внимание и сфокусировали его на том мире. Затем Нагваль открыл трещину, как ты сам свидетельствовал, и они проскользнули через нее в тот мир, чтобы мы присоединились к ним когда-нибудь. Нагваль и Хенаро любили красоту. Они пошли туда исключительно ради своего наслаждения красотой.

Она взглянула на меня. Мне нечего было сказать. Она была права, говоря, что сила должна назначить точное время для откровений, чтобы они стали эффективными. Я ощущал муку, которую не мог

выразить. Мне хотелось плакать, хотя я не испытывал ни печали, ни тоски. Я страстно желал чего-то невыразимого, но эта страсть не была моей. Подобно многим ощущениям и чувствам, которые были у меня с момента приезда, она была чужда мне. Мне пришли в голову утверждения Нестора об Элихио. Я пересказал Ла Горде то, что он говорил. Она попросила меня изложить им видения моего путешествия между *тоналем* и *нагвалем*, вызванные моим прыжком в пропасть. Когда я закончил, все они казались испуганными. Ла Горда немедленно отметила мое видение купола.

– Нагваль сказал нам, что наше второе внимание когда-нибудь сфокусируется на этом куполе, – сказала она. – В тот день мы будем целиком вторым вниманием, точно так же, как Нагваль и Хенаро, и в тот день мы присоединимся к ним.

– Ты имеешь в виду, Горда, что мы пойдем такими, каковы мы есть? – спросил я.

– Да, мы пойдем такими, каковы мы есть. Тело – это первое внимание, внимание *тоналя*. Когда оно становится вторым вниманием, оно просто входит в другой мир. Прыжок в пропасть на некоторое время собрал все твое второе внимание. Но Элихио был сильнее и его второе внимание было зафиксировано этим прыжком. Вот что случилось с ним, а он был в точности такой же, как и все мы. Однако нет способа говорить о том, где он находится. Даже сам Нагваль не знал. Но если он где-то и находится, то он в том куполе. Или переходит от одного видения к другому, может быть, на протяжении целой вечности.

Ла Горда сказала, что в своем путешествии между *тоналем* и *нагвалем* я подтвердил возможность того, что все наше существо становится целиком вторым вниманием в большом масштабе. В значительно меньших масштабах это происходило когда я сегодня довел их до затерянности в мире второго внимания, а также когда она транспортировала нас на полмили, чтобы удрать от союзников. Она добавила, что Нагваль оставил нам в качестве вызова проблему: способны ли мы развить свою *волю* или силу своего второго внимания, чтобы без ограничений фокусироваться на чем угодно.

Мы некоторое время молчали. Кажется, мне было пора уезжать, но я никак не мог двинуться. Мысль о судьбе Элихио парализовала меня. Очутился ли он в куполе нашей встречи или задержался в

необъятности – образ его путешествия был сводящим с ума. Мне не составляло никакого труда представить это, потому что у меня был опыт моего собственного путешествия.

Другой мир, на который дон Хуан ссылался практически с момента нашей встречи, всегда был для меня метафорой, смутным способом наклеить ярлык на некоторые перцептуальные искажения или, в лучшем случае, – способом говорить о неопределимых состояниях существования.

Хотя дон Хуан и научил меня воспринимать неописуемые черты мира, я не мог рассматривать мои переживания как нечто, стоящее по ту сторону игры моего восприятия, своего рода управляемого миража, который он ухитрился заставить меня испытать или посредством психотропных растений, или путем средств, которые я не мог рационально проследить. Каждый раз, когда это случалось, я заслонялся, как щитом мыслью, что единство «меня», которого я знал, было лишь временно вытеснено. Когда это единство восстанавливалось, мир неизбежно снова становился убежищем для моего рационального «я». Замысел, который Ла Горда открыла своими откровениями, был ужасающим.

Она встала, стащила меня со скамейки и сказала, что я должен уехать до наступления сумерек. Все они прошли вместе со мной к моей машине и мы попрощались.

Ла Горда дала мне последнее указание. Она сказала, что когда я вернусь, я должен ехать прямо к дому Хенаро.

– Мы не хотим тебя видеть, пока ты не будешь знать, что делать, – сказала она с лучезарной улыбкой. Но не задерживайся слишком долго.

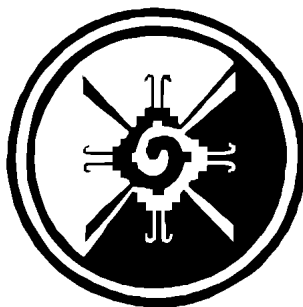
Сестрички кивнули.

– Эти горы вряд ли позволят нам надолго остаться здесь, – сказала она и легким движением подбородка указала на зловещие обветренные холмы по ту сторону долины.

Я задал ей еще один вопрос. Я хотел знать, знает ли она, куда Нагваль и Хенаро пойдут после того, как состоится наша встреча. Посмотрев на небо, она подняла руки и сделала ими неописуемый жест, чтобы показать, что этой безбрежности нет предела.

Книга шестая
Дар Орла

- [ПРОЛОГ](#)
- [Часть первая ДРУГОЕ «Я»](#)
 - [Глава 1 Фиксация второго внимания](#)
 - [Глава 2 СОВМЕСТНОЕ ВИДЕНИЕ](#)
 - [Глава 3 Квазивоспоминания другого «я»](#)
 - [Глава 4 Пересечение границ привязанности](#)
 - [Глава 5 Орда разгневанных магов](#)
- [Часть вторая ИСКУССТВО СНОВИДЕНИЯ](#)
 - [Глава 6 Потеря человеческой формы](#)
 - [Глава 7 СОВМЕСТНОЕ СНОВИДЕНИЕ](#)
 - [Глава 8 Право- и левостороннее осознание](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава 9 Правило нагваля](#)
 - [Глава 10 Партия воинов нагваля](#)
 - [Глава 11 Женщина-нагваль](#)
 - [Глава 12 Неделание Сильвио Мануэля](#)
 - [Глава 13 Тонкости искусства сновидения](#)
 - [Глава 14 Флоринда](#)
 - [Глава 15 Пернатый змей](#)

ПРОЛОГ

Я антрополог, но эта книга не является научной в строгом смысле этого слова, хотя вдохновила ее антропология, поскольку именно в этой области много лет назад я начинал свои полевые исследования. Тогда меня интересовало применение лекарственных растений индейцами юго-западной и северной Мексики.

По мере того, как я глубже понимал проблему, исследование лекарственных растений уступало место интересу к системе верований, пограничной по крайней мере для двух культур. Такое смещение акцентов произошло благодаря индейцу из племени яки (северная Мексика) по имени дон Хуан Матус, который позднее познакомил меня с доном Хенаро Флоресом, индейцем из племени масатек (центральная Мексика). Оба они практиковали древнее знание, которое в наше время известно как магия и считается примитивной формой медицины и психологии, фактически же оно является традицией практиков, исключительно владеющих собой, и состоит из чрезвычайно сложных методов. Эти два человека стали моими учителями, а не просто информаторами, хотя я еще долго упорствовал, без всяких на то оснований, считая своей главной задачей антропологические исследования. Я потратил годы, пытаясь разгадать культурную матрицу этой системы верований, причины ее происхождения и распространения, совершенствуя таксономию и классификационные схемы. И все впустую, если принять во внимание, что в конечном итоге непреодолимые силы, заложенные в самой этой системе, направили мой интерес в иное русло и превратили меня из отстраненного наблюдателя в непосредственного участника событий.

Под влиянием этих людей, как бы излучавших древнюю магическую силу, моя работа начала носить автобиографический характер, в том смысле, что я был вынужден писать о происходящем непосредственно со мной. Автобиография эта весьма своеобразна, поскольку я не веду речь, подобно всякому

нормальному человеку, о повседневных событиях моей жизни или о своих субъективных состояниях, вызванных этими событиями. Я пишу скорее о тех метаморфозах моей жизни, которые были непосредственным результатом принятия мной чуждой мне системы идей и действий. Иными словами, система верований, которую я намеревался беспристрастно изучать, поглотила меня, и, чтобы продолжать свои исследования, мне пришлось ежедневно расплачиваться собственной жизнью.

Таким образом, передо мной встала особая проблема – объяснить, чем же я, собственно, занимаюсь. Я очень далеко отошел от того, с чего начинал как антрополог или просто как западный человек, – но должен подчеркнуть еще раз, что все это не плод фантазии. То, что я описываю, для нас совершенно необычно и потому кажется нереальным.

По мере того, как я все дальше проникаю в запутанные лабиринты магии, то, что раньше представлялось примитивной системой верований и ритуалов, оказывается теперь огромным и сложным миром. То, что со мной происходит, не является больше чем-то таким, что известно антропологам о системах верований мексиканских индейцев. В результате я оказался в весьма затруднительном положении. Все, что мне остается делать при подобных обстоятельствах, так это представить все так, как оно происходило на самом деле. Я могу заверить читателя в том, что не веду двойной жизни, и что в своем повседневном существовании следую принципам системы дона Хуана.

После того, как дон Хуан и дон Хенаро, два мага из мексиканских индейцев, сообщили мне то, что сочли нужным или возможным, они простились со мной и исчезли. Я понял, что отныне моя задача – самостоятельно осмыслить и реализовать все, что я от них получил.

В связи с этим я вернулся в Мексику и обнаружил, что у дона Хуана и дона Хенаро было еще девять учеников магии: пятеро женщин и четверо мужчин. Старшую женщину звали Соледад, более молодую – Мария Елена по прозвищу ла Горда, остальные, Лидия, Роза и Хосефина, были совсем юными и их называли «сестричками». Четверых мужчин звали, по старшинству, Элихио, Бениньо, Нестор и Паблито; трех последних называли «Хенарос», поскольку они были учениками дона Хенаро.

Я уже знал, что Нестор, Паблито и Элихио, которого уже не было,

– ученики магов, но мне казалось, что четверо девушек – дочери Соледад и, стало быть, сестры Паблито. С Соледад я был знаком не первый год и обращался к ней уважительно – донья Соледад, поскольку она была по возрасту ближе к дону Хуану. Лидию и Розу я тоже знал, но наши встречи были слишком непродолжительны и случайны, чтобы я мог понять, кем они были в действительности. Хосефину и Ла Горду я знал только по именам. Встречался я и с Бениньо, но не подозревал, что он связан с доном Хуаном и доном Хенаро.

По непонятным для меня причинам все они, казалось, так или иначе ждали моего возвращения в Мексику. Они сообщили мне, что я должен занять место дона Хуана как их лидер, их Нагваль, потому что дон Хуан и дон Хенаро покинули нас, и Элихио тоже. И женщины, и мужчины были убеждены, что все трое не умерли, а перешли в иной, отличный от нашей повседневной жизни, однако столь же реальный мир.

Женщины, особенно Соледад, яростно сталкивались со мной со времени нашей первой встречи. Тем не менее эти стычки активизировали мою энергию. Общение с ними внесло в мою жизнь мистическое брожение, в моем мышлении стали происходить разительные перемены, однако не на сознательном уровне, – впервые посетив их, я испытал ни с чем не сравнимое смятение, более сильное, чем когда бы то ни было ранее, хотя под всем этим хаосом я неожиданно обнаружил удивительно прочное основание. В столкновениях с ними я открыл в себе такие ресурсы, о которых даже не подозревал.

Ла Горда и сестрички были совершенными *сновидящими*; они добровольно дали мне указания и продемонстрировали мне свои достижения. Дон Хуан описывал искусство *сновидения* как способность владеть своим обычным сном, переводя его в контролируемое состояние сознания при помощи особой формы внимания, которое он и дон Хенаро называли вторым вниманием. Я ожидал, что трое Хенарос обучат меня тому, чего они достигли в другой области учения дона Хуана и дон Хенаро, – «искусству сталкинга». Я понимал это искусство как совокупность приемов и установок, позволяющих находить наилучший выход из любой мыслимой ситуации. Но что бы мне ни рассказывали трое Хенарос об искусстве сталкинга, все это не имело для меня ни того смысла, ни той силы, каких я ожидал. Возможно, они сами не владели этим

искусством, а может, просто не захотели мне его передать. Я прекратил расспросы, чтобы каждый мог чувствовать себя со мной раскованно, но все выжидали и уповали на то, что раз уж я больше не задаю вопросов, значит я наконец-то веду себя как Нагваль. Каждый из них требовал от меня советов и руководства. Чтобы соответствовать их требованиям, я был вынужден был сделать полный обзор всего, чему учили меня дон Хуан и дон Хенаро, и еще глубже проникнуть в искусство магии.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Часть первая

ДРУГОЕ «Я»

Глава 1

Фиксация второго внимания

Туда, где жили ла Горда и сестрички, я добрался к полудню. Ла Горда была одна, она сидела у двери снаружи и смотрела на далекие горы. Она пояснила, что погрузилась в воспоминания, и как раз в данный момент находилась на грани того, чтобы вспомнить нечто, смутно связанное со мной.

Вечером того же дня после ужина ла Горда, три сестрички и трое Хенарос вместе со мной сидели на полу в комнате ла Горды. Женщины сидели рядом. По какой-то причине я выделил ла Горду как главный объект моего интереса, хотя я знал их одинаковое время. Другие как бы и не существовали для меня. Причиной этого, вероятно, было то, что ла Горда напоминала мне дону Хуана. В ней ощущалась какая-то легкость, хотя эта легкость никак не проявлялась в ее манере поведения, а существовала только в моем восприятии ее.

Все они захотели узнать, что я делал и чем занимался. Я рассказал им, что ездил в Тулу, или Толлан (столицу древних толтеков) в провинции Идальго, чтобы посмотреть развалины древних сооружений. Самое большое впечатление на меня произвел ансамбль из четырех колоссальных каменных фигур, так называемых «атлантов», которые стоят на плоской вершине пирамиды. Эти фигуры были изготовлены из цельных глыб базальта и вырезаны, по мнению археологов, в виде толтекских воинов, облаченных в доспехи. В шести метрах позади каждой из этих фигур на вершине пирамиды находился еще один ряд из четырех прямоугольных колонн такой же высоты и ширины и также изготовленных из цельных каменных глыб. Благоговейный страх, внушаемый фигурами этих «атлантов»,

лишь усилился после рассказа о них одного из моих друзей, который водил меня по этим местам. По его словам, сторож полуразрушенной пирамиды признался ему, что слышал, как «атланты» ходят по ночам, сотрясая землю.

Я спросил у Хенарос, что они думают об этом. Они застенчиво посмеивались. Я обратился к ла Горде, сидевшей рядом со мной, и прямо попросил ее высказать свое мнение.

– Я никогда не видела этих фигур, – сказала она, – и вообще никогда не была в Туле. Одна лишь мысль поехать туда приводит меня в ужас.

– Почему это тебя так пугает? – спросил я.

– Что-то случилось со мной в развалинах Монте Альбан в Оахаке, – сказала она. – Я обычно бродила по развалинам даже после того, как Нагваль запретил мне и ногой туда ступать. Не знаю почему, но мне нравилось это место. Каждый раз, бывая в Оахаке, я отправлялась туда. Поскольку одиноким женщинам часто угрожает опасность, то я обычно шла туда вместе с Паблитом, он очень смелый.

Но однажды я пошла туда с Нестором. Он заметил, что на земле что-то поблескивает. Поковырявшись в земле, мы выкопали странный камень, который как бы вливался в мою ладонь. В центре камня было аккуратно просверлено отверстие. Я хотела просунуть в него палец, но Нестор остановил меня. Камень был гладкий и сильно согревал мою руку. Мы не знали, что с ним делать. Нестор положил его в свою шляпу, и мы понесли его, словно это была какая-то живая зверюшка.

Все расхохотались. В том, что рассказывала ла Горда, казалось, была скрыта какая-то шутка.

– Ну и что вы с ним сделали? – спросил я.

– Мы принесли его сюда, в этот дом, – ответила она, и это заявление вызвало у остальных неудержимый смех. Они буквально задыхались от хохота.

– Мы смеемся над ла Гордой, – сказал Нестор. – Ты должен знать, что она упряма, как никто другой. Нагваль уже предупреждал ее, чтобы она не шутила с камнями, костями и другими предметами, которые она может найти в земле, но за его спиной она подбирала всякую ерунду. Тогда в Оахаке она настояла на том, чтобы взять с собой эту богом проклятую вещь. Мы сели в автобус и привезли камень прямо в эту комнату.

– Нагваль и Хенаро отправились в какую-то поездку, – сказала ла Горда, – я набралась храбрости и просунула палец в отверстие. Мне сразу же передались чувства того, кто раньше держал этот камень. Это был камень силы. Мое настроение изменилось. Я стала бояться. Что-то ужасное стало мелькать в темноте, что-то, не имеющее ни формы, ни окраски. Я не могла оставаться одна. Я просыпалась от собственного крика, и уже через пару дней совсем не могла спать. Все по очереди составляли мне компанию и днем, и ночью.

– Когда вернулись Нагваль и Хенаро, – сказал Нестор, – то Нагваль отправил меня и Хенаро положить камень туда же, откуда мы его выкопали. Хенаро понадобилось три дня, чтобы разыскать точное место. И он его нашел.

– Что с тобой случилось потом, ла Горда?

– Нагваль похоронил меня, – сказала она. – Девять дней я обнаженной пролежала в земляном гробу.

Опять последовал взрыв всеобщего хохота.

– Нагваль сказал, что ей нельзя выходить оттуда, – объяснил Нестор. – Бедной ла Горде пришлось делать все в свой гроб.

Нагваль замуровал ее в ящик, который он сделал из палок, прутьев и земли. Лишь сбоку была маленькая дверца, чтобы давать воду и пищу. Все остальное было плотно заделано.

– Почему он похоронил ее? – спросил я.

– Это был единственный способ поместить ее под защиту, – сказал Нестор. – Она должна была находиться под землей, чтобы земля исцелила ее – нет лучшего лекаря, чем земля. К тому же Нагваль должен был снять ощущение тою камня, который был сфокусирован на ла Горде. Земля – это экран, она ничего не пропускает сквозь себя ни туда, ни обратно. Нагваль знал, что ей не станет хуже от того, что она на девять дней будет похоронена. Ей могло стать только лучше, что и случилось.

– Ла Горда, что это за чувство – быть похороненной? – спросил я.

– Я чуть не сошла с ума, – сказала она, – но это было просто индугированием. Если бы Нагваль не поместил меня туда, я бы умерла. Сила этого камня была для меня чересчур велика. Его владелец был очень крупным мужчиной. Можно сказать, что его ладонь была вдвое больше моей. Он держался за этот камень ради собственной жизни, но в конце концов кто-то убил его. Его страх ужаснул меня. Я могла чувствовать, как что-то находит на меня,

чтобы пожрать мою плоть. Именно это чувствовал тот мужчина. Он был человеком силы, но кто-то еще более сильный одолел его. Нагваль говорил, что если иметь предмет такого рода, то он принесет несчастье, потому что его сила входит в столкновение с другими предметами такого же рода, и владелец становится или преследователем, или жертвой. Нагваль говорил, что у таких предметов в самой их природе заключена война, так как та часть нашего внимания, которая фокусируется на них, чтобы придать им силу, является очень опасной и воинственной.

— Ла Горда очень жадная, — сказал Паблито. — Она рассчитывала, что если найдет что-нибудь такое, что уже имеет большой запас силы, то станет победительницей, так как в наше время уже никто не заинтересован в накоплении силы.

Ла Горда утвердительно кивнула.

— Я не знала, что можно подцепить что-либо еще кроме той силы, которую имеют такие предметы, — сказала она. — Когда я впервые просунула палец в отверстие и зажала камень в ладони, рука стала горячей и начала вибрировать. Я почувствовала себя действительно большой и сильной. Я скрытная, и поэтому никто не знал, что я держу камень в руке. После того, как я держала его несколько дней, начался настоящий ужас. Я чувствовала, что за владельцем камня гонятся, и ощущала его страх. Он был, несомненно, очень сильным магом, и тот, кто его преследовал, хотел не только убить его, но и съесть. Мне стало действительно страшно. Мне следовало немедленно бросить камень, но переживаемое мною чувство было настолько новым, что я вцепилась в него как последняя дура, а когда, наконец, бросила его, было уже поздно. Что-то во мне попало на крючок. Я стала *видеть* людей, подступающих ко мне, одетых в странные одежды. Я чувствовала, как они раздирают меня на части, отрывая куски мяса с моих ног маленькими острыми ножами и просто зубами. Я обезумела!

— Как эти *видения* объяснил дон Хуан? — спросил я.

— Он сказал, что она больше не имела защиты, — ответил Нестор, — и поэтому могла воспринимать фиксацию этого человека, его второе внимание, которое было влито в этот камень. Когда его убивали, он держался за этот камень для того, чтобы собрать всю свою концентрацию. Нагваль сказал, что сила этого человека ушла из его тела в его камень; он знал, что делает. Он не хотел, чтобы

его враги получили его силу, съев его тело. Те, кто убивал его, знали об этом, вот почему они пожирали его живьем, чтобы получить ту силу, которая все еще оставалась в нем. Ну, а ла Горда и я, как два идиота, нашли этот камень и выкопали его.

Ла Горда кивнула с очень серьезным выражением лица.

– Нагваль сказал мне, что второе внимание – самая свирепая вещь на свете, – сказала она. – Если оно сфокусировано на предметах, ничего не может быть хуже.

– Ужаснее всего здесь то, что мы цепляемся, – сказал Нестор. – Тот человек, который владел этим камнем, цеплялся за свою жизнь, за свою силу, вот почему он пришел в ужас, почувствовав, как съедают его плоть. Нагваль говорил, что если бы он отказался от своего чувства обладания, то в нем не было бы никакого страха.

Разговор угас. Я спросил остальных, имеют ли они еще какие-нибудь мнения. Сестрички с удивлением посмотрели на меня.

Бениньо хихикнул и прикрыл лицо шляпой.

– Мы с Паблито были в окрестностях Тулы, – сказал он наконец. – Мы облазили все пирамиды, какие только есть в Мексике. Они нам нравятся.

– Почему именно все пирамиды? – спросил я. – Зачем они вам понадобились?

– Да кто его знает, – ответил он. – Наверное потому, что Нагваль запретил нам это делать.

– А ты, Паблито? – спросил я.

– Я ездил туда учиться, – сказал он вызывающе и засмеялся.

– Я жил когда-то неподалеку от Тулы и знаю эти пирамиды, как свои пять пальцев. Нагваль говорил, что он тоже жил там раньше.

Он знал о пирамидах все, он сам был из народа толтеков.

Тут я понял, что на археологические раскопки в Туле меня погнало нечто большее, чем простое любопытство. Приглашение друга я принял главным образом потому, что во время моего первого приезда к ла Горде и остальным узнал о доне Хуане нечто такое, чего сам он мне никогда не говорил мне, – что он считал себя потомком толтеков. В древности Тула была центром империи толтеков.

– А что ты думаешь об атлантах, разгуливающих по ночам? – спросил я у Паблито.

– Конечно, по ночам они ходят, – сказал он. – Эти штуковины стоят там много столетий. Никто не знает, кто построил пирамиды.

Нагваль говорил, что испанцы были не первыми, кто их обнаружил. До них были другие. Бог знает, сколько их было.

– Ты не знаешь, что изображают эти каменные фигуры? – спросил я.

– Это не мужчины, а женщины, – ответил он. – Пирамида является центром устойчивости и порядка. Фигуры представляют четыре ее угла, это четыре ветра, четыре направления. Они – фундамент и основа пирамиды. Они должны быть женщинами, мужеподобными женщинами, если хочешь. Как ты сам знаешь, мы, мужчины, не так уж горячи. Мы хорошая связка, клей, чтобы удерживать вещи вместе, но не больше. Нагваль говорил, что загадка пирамиды в ее структуре. Четыре угла были подняты до вершины. Сама пирамида – мужчина, поддерживаемый своими четырьмя женщинами-воинами. Мужчина, который поднял тех, кто его поддерживает, до высшей точки. Понимаешь, о чем я говорю?

Должно быть, на моем лице отразилось замешательство. Паблито засмеялся. Это был вежливый смех.

– Нет, я не понимаю, о чем ты говоришь, Паблито, – сказал я. – Но это наверное потому, что дон Хуан никогда не говорил мне о чем-либо подобном. Пожалуйста, расскажи мне все, что знаешь.

– Атланты – это *нагваль*. Они *сновидящие*. Они представляют собой порядок второго внимания, выведенного вперед. Поэтому они такие пугающие и загадочные. Они – существа войны, но не разрушения. Другой ряд колонн – прямоугольных – представляют собой порядок первого внимания – *тональ*. Они сталкеры. Вот почему они покрыты надписями. Они очень миролюбивы и мудры, в отличие от фигур первого ряда.

Паблито замолчал и взглянул на меня почти отчужденно, а затем расплылся в улыбке.

Я думал, он объяснит то, что сказал, но он молчал, как бы ожидая моих замечаний.

Я попросил его продолжать рассказывать. Он, казалось, был в нерешительности. Он пристально взглянул на меня и глубоко вздохнул. Он начал говорить снова, но голоса остальных заглушили его шумом протеста.

– Нагваль все это нам уже объяснял, – нетерпеливо сказала ла Горда. – Зачем заставлять его повторять это?

Я попытался объяснить им, что на самом деле не имею представления о том, что говорит Паблито. Я настаивал, чтобы он

продолжал. Опять возникла волна голосов, говорящих одновременно. Судя по тому, как смотрели на меня сестрички, они сильно сердились, особенно Лидия.

– Мы не можем говорить об этих женщинах, – сказала мне ла Горда. Она была предельно сдержанной. – Одна мысль о женщинах пирамид делает нас очень нервными.

– Да что с вами творится? – спросил я. – Почему вы так себя ведете?

– Мы не знаем, – ответила ла Горда. – Это просто чувство, которое мы все разделяем. Очень беспокоящее чувство. Мы чувствовали себя прекрасно, пока полчаса назад ты не начал задавать вопросы об этих женщинах.

Заявление ла Горды послужило как бы сигналом тревоги. Все вскочили и угрожающе придвинулись ко мне, говоря в полный голос. Мне понадобилось много времени, чтобы их успокоить и усадить. Сестрички были очень взволнованы, и их состояние, казалось, передалось ла Горде. Мужчины вели себя более сдержанно. Я повернулся к Нестору и прямо попросил его объяснить, почему женщины пришли в такое возбуждение. Может быть, я невольно сделал что-то такое, что вывело их из равновесия.

– Я в самом деле ничего не понимаю, – сказал он. – Да и никто здесь, я уверен, не понимает, что с ним творится, но все мы чувствуем себя очень нервными и расстроенными.

– Потому что мы заговорили о пирамидах?

– Видимо, да, – сказал он. – Я и сам не знал, что эти фигуры являются женщинами.

– Да конечно же ты знал, тупица, – бросила Лидия.

Нестор, казалось, был разъярен се выходкой, но тут же расслабился и посмотрел на меня с глупым видом.

– Может, и знал, – сдался он. – Мы проходим через очень странный период в нашей жизни. Никто больше ничего не знает наверняка. С тех пор, как ты вошел в нашу жизнь, мы больше не знаем самих себя.

Атмосфера накалилась. Я настаивал на том, что единственным способом разрядить ее может быть разговор об этих загадочных колоннах пирамид. Женщины горячо протестовали. Мужчины помалкивали. У меня было ощущение, что они сочувствуют женщинам, но втайне не прочь, как и я, обсудить этот вопрос.

– Говорил ли дон Хуан что-нибудь о пирамидах, Паблито? –

спросил я, желая увести разговор от болезненной темы, но не слишком далеко от атлантов.

– Он сказал, что там, в Туле, есть одна особая пирамида, она является гидом, – охотно ответил Паблито.

По его тону похоже было, что ему действительно хочется поговорить об этом, а то, с каким вниманием нас слушали другие, говорило о том же.

– Нагваль сказал, что эта пирамида – гид ко второму вниманию, – продолжал Паблито, – но ее разграбили, и все там было уничтожено. Он сказал мне, что некоторые пирамиды были гигантским «неделанием». Они были не жилищами, а местом, где воины практиковались в *сновидении* и втором внимании. Все, что они делали, было запечатлено в рисунках и надписях на стенах. Затем, вероятно, пришли воины другого рода, которым не понравилось то, что делали маги пирамиды со своим вторым вниманием, и они разрушили пирамиду и все связанное с ней. Нагваль считал, что новые воины, должно быть, были воинами *третьего внимания* – воинами, которых ужаснуло зло, заключенное в фиксации второго внимания. Маги пирамиды были слишком увлечены своей фиксацией, чтобы вовремя понять, что происходит. Когда до них дошло, было уже слишком поздно. Все в комнате, и я в том числе, слушали Паблито как загипнотизированные. То, что он говорил, перекликалось с тем, что я слышал раньше от дона Хуана.

По словам дона Хуана, мы состоим как бы из двух сегментов.

Первый – это наше знакомое физическое тело, которое мы можем ощущать непосредственно. Второй – светящееся тело, придающее нам вид огромного светящегося яйца, которое может быть замечено только *видящими*. Он говорил также, что одной из самых важных задач магии является достижение светящейся оболочки. Это цель, которая достигается путем сложной системы *сновидения* и жесткой систематической практики неделания. «Неделание» он определил как некое непривычное действие, вовлекающее все наше существо и заставляющее его осознавать свою светящуюся часть.

Поясняя эту идею, дон Хуан изобразил наше сознание разделенным на три неравных части. Самую маленькую часть он назвал первым вниманием и сказал, что это именно то внимание, которое развито в каждом человеке для жизни в повседневном

мире; оно охватывает сознание физического тела. Другую, более крупную часть он назвал вторым вниманием и описал его как то внимание, которое нам нужно, чтобы воспринимать нашу светящуюся оболочку и действовать как светящееся существо. Он сказал, что второе внимание в течение всей нашей жизни пребывает на заднем плане, если только оно не выводится вперед благодаря специальной практике или случайной травме, и что оно охватывает осознание светящегося тела. Последнюю, самую большую часть он назвал *третьим вниманием*. Это то неизмеримое осознание, которое включает в себя неопределимые аспекты физического и светящегося тел.

Я спросил его, испытал ли он сам *третье внимание*. Он ответил, что был на его периферии и что если он когда-нибудь войдет в него полностью, я тотчас узнаю об этом, потому что все в нем мгновенно станет тем, чем оно и является в действительности – взрывом, вспышкой энергии. Он добавил, что второе внимание является чем-то вроде полигона для достижения *третьего внимания*. Это состояние очень трудно достижимо, но крайне плодотворно.

– Пирамиды вредны, – продолжал Паблито. – Особенно для незащищенных воинов вроде нас. Еще вреднее они для бесформенных воинов, подобных ла Горде. Нагваль говорил, что нет ничего более опасного, чем злая фиксация второго внимания. Когда воины приобретают способность фокусироваться на слабой стороне второго внимания, ничто не может устоять на их пути. Они становятся охотниками за людьми, вампирами. Даже если они умерли, они могут добраться до своей жертвы сквозь время, как если бы они присутствовали здесь и сейчас, поэтому мы становимся именно такой жертвой, когда входим в одну из этих пирамид. Нагваль называл их ловушками второго внимания.

– Он не говорил, что при этом происходит? – спросила ла Горда.
– Нагваль сказал, что мы, пожалуй, сможем выдержать одну поездку на пирамиды, – объяснил Паблито. – При втором посещении мы начнем чувствовать непонятную печаль. Она будет подобна холодному бризу, который оглушит и утомит нас. Это утомление очень скоро превратится в невезение. Через непродолжительное время мы станем носителями злого рока, всякого рода беды будут преследовать нас. Нагваль фактически сказал, что все наши неудачи вызваны нашими своевольными

посещениями этих развалин, вопреки его рекомендациям. Элихио, например, всегда слушался Нагваля, и его нельзя было бы найти там мертвым. Так же поступал в свое время и этот наш Нагваль. Им всегда везло, тогда как остальные не могли избавиться от своего злого рока, особенно ла Горда и я. Разве нас не кусали всегда одна и те же собаки? И разве не одни и те же потолочные балки на кухне дважды не загорались и не падали на нас?

– Нагваль никогда мне этого не объяснял, – сказала ла Горда.

– Да объяснял же, конечно, – настаивал Паблито.

– В этих проклятых местах ноги бы моей не было, если бы я знала, насколько это опасно, – запротестовала ла Горда.

– Нагваль говорил каждому из нас одни и те же вещи, – сказал Нестор. – Беда в том, что каждый из нас был невнимателен или же воспринимал его слова по-своему и слышал только то, что хотел услышать.

– Нагваль сказал, что фиксация на втором внимании двулика. Первое, самое простое лицо – злое. Так происходит, когда *видящие* используют искусство *сновидения*, чтобы фокусировать свое второе внимание на предметах, подобных деньгам и власти над миром. Второе лицо – крайне трудно достижимо. Оно возникает, когда воин фокусирует свое второе внимание на предметах, которых нет в этом мире, подобных путешествию в неизвестное. Чтобы достичь этого лица, воинам требуется предельная безупречность.

Я сказал им, что уверен, что дон Хуан выборочно открывал одни вещи одним, а другие – другим. Я, например, не могу вспомнить, чтобы дон Хуан когда-либо упоминал при мне о злом лице второго внимания.

Затем я рассказал им все, что помнил из рассказов дона Хуана о фиксации второго внимания. Он подчеркивал, что все археологические развалины в Мексике, особенно пирамиды, были вредны для современного человека. Он описал пирамиды как выражение чуждых нам мыслей и действий. Он сказал, что каждая деталь и каждый рисунок в них были рассчитанным усилием выразить такие аспекты внимания, которые для нас абсолютно чужды. Для дона Хуана это были не просто руины древних культур – они несли в себе опасность. Все, что там было объектом беспокоящего притяжения, обладало вредным потенциалом.

Однажды мы обсуждали это подробнее. Это было вызвано его реакцией на мою озабоченность относительно того, где мне хранить свои записи. Я относился к ним с сильным чувством собственности и был обеспокоен их безопасностью.

– Как мне быть? – спросил я его.

– Хенаро уже предлагал тебе решение, – ответил он. – Ты думал, что он, как всегда, шутит. Хенаро никогда не шутит. Он сказал тебе, что ты должен был писать не карандашом, а кончиком собственного пальца. Ты не понял его, поскольку тебе и в голову не пришло, что это – неделание во время записывания.

Я не соглашался, все же считая совет Хенаро просто шуткой. Я воображал себя ученым-социологом, которому необходимо записать все, что говорится и происходит, чтобы вывести окончательное заключение. Для дона Хуана одно с другим не имело ничего общего. Чтобы быть серьезным исследователем, считал он, вовсе не обязательно делать записи. Лично я решения не видел. Предложение дона Хенаро казалось мне забавной, но никак не реальной возможностью.

Дон Хуан продолжал отстаивать свою точку зрения. Он сказал, что обычное записывание является способом вовлечения в задачу запоминания первого внимания. Рекомендация дона Хенаро не была шуткой, так как вождение по бумаге кончиком пальца, являясь неделанием при записывании, заставило бы сфокусироваться на запоминании мое второе внимание, и тогда мне не пришлось бы накапливать горы листов бумаги. Дон Хуан считал, что конечный результат был бы более точным и более значительным, чем при обычном записывании. Насколько он знал, этого никто никогда не делал, но сам принцип был хорош.

Он заставил меня некоторое время «записывать» подобным образом. Я расстроился. Записывание действовало не только как способ запоминания, но и успокаивало меня. Это была моя привычная опора. Накапливая листы бумаги, я получал ощущение целенаправленности и уравновешенности.

– Когда ты горюешь о том, что тебе делать с записями, – объяснил дон Хуан, – ты фиксируешь на них очень опасную часть самого себя. Все мы имеем эту опасную сторону. Чем сильнее мы становимся, тем губительнее становится эта сторона. Воинам рекомендуется не иметь никаких материальных вещей, на которых концентрировалась бы их сила, а фокусироваться на духе, на

действительном полете в неведомое, а не на тривиальных щитах. В твоём случае такой щит – это твои записи. Они не дают тебе жить спокойно.

Я чувствовал, что нет на земле ничего, что могло бы разлучить меня с моими мыслями и с моими записями. Тогда дон Хуан избрал для меня задачу в русле «правильного неделания» Он сказал, что для того, кто, подобно мне, охвачен таким чувством собственности, подходящим способом освободиться от своих записей было написать книгу, сделав их всеобщим достоянием. В то время я думал, что это еще большая шутка, чем предложение записывать пальцем.

– Твое стремление обладать и цепляться да вещи не уникально, – сказал он. – Каждый, кто хочет следовать путем воина и мага, должен освободиться от этой фиксации. Мой бенефактор рассказывал мне, что было время, когда воины имели материальные предметы и переносили на них свою магию. Это порождало вопрос, чей предмет более сильный и чей самый сильный из всех. Остатки таких предметов все еще имеются в мире – обломки этой гонки за силой. Никто не может сказать, какого рода фиксацию получили все эти предметы. Люди, бесконечно более сильные, чем ты, вливали в них все свое внимание. Ты пока что просто начал вливать свои мелочные заботы в листы своих записей. Ты еще не добрался до других уровней внимания. Подумай, как будет ужасно, если к концу своего пути воина ты обнаружишь, что все еще тащишь на спине тюк с записями. К тому времени твои записи станут живыми, особенно если ты не научишься писать кончиком пальца, и ты все еще будешь вынужден накапливать листы бумаги. В таком случае меня не удивит, если кто-нибудь повстречает твои тюки, идущие сами по себе.

– Теперь понятно, почему Нагваль не хотел, чтобы мы чем-нибудь увлекались, – сказал Нестор, когда я закончил свой рассказ. – Мы все *сновидящие*. Он не хотел, чтобы мы фокусировали свое *тело сновидения* на слабой стороне второго внимания. В то время я не понимал его маневров. Меня раздражало то, что он заставлял меня освободиться от всего, что я имел. Мне казалось, что он несправедлив. Я считал, что он старается удержать Паблито и Бениньо от зависти ко мне, потому что у них самих не было ничего. По сравнению с ними я был богачом. В то время у меня и

мысли не было, что он защищает мое *тело сновидения*.

Дон Хуан определял искусство *сновидения* по-разному. Наиболее туманное из этих описаний, как мне теперь кажется, является наиболее удачным. Он сказал, что искусство *сновидения* – это, по сути, *неделание* сна. Оно дает возможность практикующим его использовать ту часть жизни, которую они обычно проводят в хаосе. *Сновидящие* как бы не спят вообще, но без всяких болезненных последствий. Это не значит, что у *сновидящих* вообще отсутствует сон, просто эффект *сновидения* продлевает состояние бодрствования за счет использования некоего вспомогательного тела – *тела сновидения*.

Дон Хуан объяснил мне, что *тело сновидения* – это нечто такое, что иногда называют «дубль», а иногда – «другой», потому что это точная копия *тела сновидящего*. В сущности, это энергия светящегося существа, белесая, призракоподобная эманация, которая посредством фиксации второго внимания проецируется в трехмерное изображение тела. Дон Хуан объяснил, что *тело сновидения* – это не привидение, оно настолько же реально, насколько реально все, с чем мы сталкиваемся в повседневном мире.

Он сказал, что второе внимание неизбежно стягивается фокусом на энергетическом поле нашего существа и трансформирует эту энергию во что-нибудь подходящее. Самое легкое – это, конечно, изображение нашего физического тела, которое мы хорошо знаем по опыту использования первого внимания. То, что маги называют волей, как раз и является проводником нашей энергии для создания чего бы то ни было в пределах возможного. Невозможно определить, где находятся эти пределы, но на уровне светящихся существ их диапазон настолько велик, что напрасно и пытаться установить их; поэтому можно сказать, что воля способна преобразовать энергию светящегося существа во что угодно.

– Нагваль говорил, что *тело сновидения* во все вовлекается и цепляется за все, что ему попадается, – сказал Бениньо. – Оно как бы ничего не соотносит. Он рассказывал, что мужчины в этом смысле слабее женщин, так как у мужчин *тело сновидения* больше стремится к обладанию.

Сестрички дружно закивали в знак согласия. Ла Горда взглянула на меня и улыбнулась.

– Нагваль рассказывал мне, что ты из породы собственников, –

сказала она. – Хенаро говорил, что ты даже со своим дерьмом прощаешься, прежде чем спустить его в унитаэ.

Сестрички покатились со смеху. Хенарос сделали явное усилие, чтобы сдержаться. Нестор, сидевший рядом со мной, хлопнул меня по колену.

– Нагваль и Хенаро рассказывали о тебе потрясающие истории, – сказал он. – Они годами развлекали нас рассказами о том, с каким необыкновенным человеком знакомы. Теперь-то мы знаем, что это был ты.

Я почувствовал волну раздражения. Получалось, что дон Хуан и дон Хенаро предали меня, смеясь надо мной в присутствии учеников. Мне стало жаль себя. Возмущенный, я громко сказал, что они были предубеждены, заведомо считая меня недотепой.

– Это неверно, – сказал Бениньо, – мы очень рады, что ты с нами.

– Разве? – бросила Лидия.

Между ними вспыхнул горячий спор. Мужчины и женщины разделились. Ла Горда держалась особняком. Она молча сидела рядом со мной, тогда как остальные вскочили и начали кричать друг на друга.

– Мы переживаем трудное время, – тихо сказала мне ла Горда. – Мы уже очень много занимались *сновидениями*, но для того, что нам нужно, этого крайне мало.

– Что же вам нужно, ла Горда? – спросил я.

– Мы не знаем, – сказала она. – Мы надеялись, что ты нам скажешь это.

Сестрички и Хенарос опять уселись, чтобы послушать то, что говорит ла Горда.

– Нам нужен лидер, – продолжала она. – Ты Нагваль, но ты не лидер.

– Чтобы стать настоящим Нагвалем, нужно время, – сказал Паблито – Нагваль Хуан Матус говорил мне, что сам он был в молодости изрядным тупицей, пока не получил как следует по голове.

– Я этому не верю, – закричала Лидия. – Мне он никогда этого не говорил.

– Он говорил, что был очень большим растяпой, – добавила ла Горда вполголоса.

– Нагваль рассказывал мне, что в молодости он был таким же неудачником, как и я, – сказал Паблито. – Его бенефактор тоже

говорил ему, чтобы он не совался к пирамидам, но из-за этого он чуть ли не жил там, пока его не выгнала оттуда орда призраков. Очевидно, никто из присутствующих не знал этой истории. Все вострепнулись.

– Я совсем забыл об этом, – пояснил Паблито. – Я только что это вспомнил. Это получилось так же, как с ла Гордой. Однажды, когда Нагваль наконец сделался бесформенным воином, злые фиксации тех воинов, запечатленные в пирамидах, набросились на него. Они добрались до него в тот момент, когда он работал в поле. Он рассказывал, что увидел руку, высовывавшуюся из свежей борозды. Рука схватила его за штанину. Он подумал, что это, видимо, кто-то из работавших с ним людей, – что его случайно засыпало. Он попытался его выкопать. Затем он понял, что копается в земляном гробу: в нем был погребен человек. Нагваль сказал, что этот человек был очень худым, темным и безволосым. Нагваль попытался быстро починить земляной гроб, поскольку не хотел, чтобы его видели рабочие, и не хотел причинить вред этому человеку, раскопав гроб против его воли. Он так сосредоточенно работал, что не заметил, как остальные рабочие собрались вокруг него. К тому времени земляной гроб развалился, и темный человек зашевелился на поверхности, совершенно голый. Нагваль попытался помочь ему подняться и попросил людей подать ему руку. Они засмеялись, решив, что у него началась белая горячка, так как в поле не было ни человека, ни земляного гроба – вообще ничего подобного.

Нагваль говорил, что он был потрясен, но не посмел сказать об этом своему бенефактору. Это, впрочем, уже не имело значения, так как ночью за ним явилась целая толпа призраков. В дверь постучали, он пошел открывать, и в дом ворвалась орда голых людей с горящими желтыми глазами. Они бросили его на пол и навалились на него. Они переломали бы ему все кости, если бы не быстрые действия его бенефактора. Он *увидел* призраков и уволок Нагваля в безопасное место в глубокую яму за домом, которую он всегда держал наготове. Там он захоронил Нагваля, а призраки сидели вокруг на корточках, поджидая удобного случая. Нагваль рассказывал, что он был тогда так напуган, что даже после того, как призраки окончательно скрылись, он еще долгое время добровольно отправлялся спать в яму.

Паблито замолчал. Все, казалось, готовы были разойтись. Они

нервно шевелились и меняли позы, как бы показывая, что устали от долгого сидения.

Тогда я рассказал им, что был очень обеспокоен, когда услышал, что атланты ходят по ночам среди пирамид Тулы. Я недооценивал глубину собственного восприятия того, чему учили меня дон Хуан и дон Хенаро. Умом я ясно понимал, что возможность прогулок этих колоссальных каменных фигур не достойна какого-нибудь серьезного обсуждения, так что моя реакция была для меня полным сюрпризом.

Я подробно объяснил им, что идея хождения атлантов по ночам была ясным примером фиксации второго внимания. К такому заключению я пришел на основе следующего: во-первых, мы не являемся тем, чем заставляет нас считать себя наш здравый смысл. В действительности мы – светящиеся существа, способные осознать свою светимость. Во-вторых, как светящиеся существа, осознавшие свою светимость, мы способны раскрыть различные стороны своего осознания, или нашего внимания, как это называл дон Хуан. В-третьих, такое раскрытие может быть достигнуто или за счет сознательных и намеренных усилий, которые предпринимаем мы сами, или же случайно, вследствие телесной травмы. В-четвертых, было время, когда маги намеренно направляли различные стороны своего внимания на материальные предметы. В-пятых, атланты, судя по производимому ими впечатлению, были объектами фиксации многих магов прошлого. Я сказал, что сторож, сообщивший о прогулках атлантов моему другу, несомненно, приоткрыл другую сторону своего внимания. Мне не кажется таким уж невероятным, что он мог неосознанно, хотя бы на мгновение, воспринять и визуализировать проекции второго внимания древних магов.

Если эти маги принадлежали к той же традиции, что и дон Хуан с доном Хенаро, то они должны были быть безупречными практиками, и в этом случае при помощи фиксации своего второго внимания они могли сделать что угодно. И если они пожелали, чтобы атланты ходили по ночам, то атланты будут ходить по ночам.

По мере того, как я говорил, сестрички все больше нервничали и сердились. Когда я замолчал. Лидия обвинила меня в том, что я ничего не делаю, а только болтаю. Затем они поднялись и ушли, даже не попрощавшись. Мужчины последовали за ними, но в

дверях остановились и по очереди попрощались со мной за руку.

– С этими женщинами явно что-то неладно, – сказал я.

– Просто они устали от разговоров, – сказала ла Горда. – Они ждут от тебя действий.

– Почему же тогда Хенарос не устали от разговоров?

– Они глупее женщин, – ответила она сухо.

– А ты, Горда? – спросил я. – Ты тоже устала?

– Не знаю, – ответила она бесстрастно. – Когда я с тобой, то не устаю, но когда я с сестричками, то устаю смертельно, так же, как и они.

Я провел с ними еще несколько дней, не отмеченных никакими событиями. Было совершенно ясно, что сестрички враждебно настроены ко мне. Хенарос, казалось, просто терпели меня. Только ла Горде, похоже, было легко со мной. Я удивлялся – почему?

Перед отъездом в Лос-Анжелес я спросил ее об этом.

– Странно, но я привыкла к тебе, – сказала она. – Как будто мы с тобой вместе, а сестрички и Хенарос – это совсем другой мир.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 2

СОВМЕСТНОЕ ВИДЕНИЕ

В течение нескольких дней после возвращения в Лос-Анжелес я ощущал какое-то сильное неудобство, которое объяснял головокружением и внезапной потерей дыхания при физических нагрузках. Однажды ночью это достигло кульминационной точки, когда я проснулся в ужасе, не в состоянии дышать. Врач, к которому я обратился, диагностировал мои жалобы как гипервентиляцию, вызванную скорее всего перенапряжением. Он прописал мне успокаивающее и посоветовал при повторении приступа дышать в бумажный мешок.

Я решил, вернуться в Мексику, чтобы спросить у ла Горды совета. Когда я рассказал ей о поставленном мне диагнозе, она заверила, что никакой болезни тут нет, а просто я в конце концов теряю свои щиты, и что испытываемое мною является «потерей человеческой формы» и вхождением в новое состояние отделенности от всех человеческих дел.

– Не борись с этим, – сказала она, – Сопротивляться этому – наша естественная реакция. Поступая так, мы рассеиваем то, что должно произойти. Оставь страх и теряй свою человеческую форму шаг за шагом.

Она добавила, что в ее случае распад человеческой формы начался с невыносимой боли в матке и с необычайного давления, медленно смещавшегося вниз – к ногам и вверх – к горлу. Она добавила, что последствия ощущаются немедленно.

Я хотел записывать каждый нюанс моего нового состояния. Я приготовился вести детальный дневник обо всем происходящем, но, к моему большому разочарованию, ничего больше не случилось. После нескольких дней напрасного ожидания я отбросил объяснение ла Горды и решил, что доктор был прав в своем диагнозе. Мне это было совершенно понятно. Я взвалил на себя ответственность, порождавшую невыносимое напряжение. Я принял лидерство, которое, по мнению учеников, принадлежало мне, но я не имел никакого представления, как себя вести и что

делать.

Нагрузка проявилась в моей жизни и более серьезным образом. Мой обычный уровень энергии непрерывно падал. Дон Хуан сказал бы, что я теряю личную силу и, следовательно, я непременно потеряю свою жизнь. Дон Хуан учил меня жить, полагаясь исключительно на личную силу, что я понимал как такое отношение к миру, которое может быть разрушено только со смертью. Поскольку никакой возможности изменить ситуацию не предвиделось, я заключил, что жизнь моя подходит к концу. Мое чувство обреченности, казалось, разъярило всех учеников. Я решил на пару дней уехать, чтобы рассеять свою хандру и снять их напряжение.

Когда я вернулся, они стояли у дверей дома сестричек, как бы ожидая меня. Нестор бросился к моей машине и, прежде чем я выключил мотор, прокричал, что Паблито сбежал. Он уехал умирать, сказал Нестор, в город Тула, на родину предков. Я был в ужасе и почувствовал себя виновным.

Ла Горда не разделяла моего отношения к случившемуся. Она сияла, светясь удовлетворением.

– Этому красавчику лучше умереть, – сказала она. – Все мы теперь заживем гармонично, как и должны были. Нагваль говорил нам, что ты внесешь перемену в нашу жизнь. Что ж, ты ее принес.

Паблито нам больше не досаждал. Ты избавил нас от него.

Посмотри, как мы счастливы. Без него нам живется куда лучше.

Я был вне себя от ее бесчувственности. Я сказал так жестко, как только мог, что дон Хуан учил нас быть воинами. Я подчеркнул, что безупречность воина требует, чтобы я не позволил Паблито умереть просто так.

– Что же ты собираешься делать? – спросила ла Горда.

– Я собираюсь послать одного из вас, чтобы он жил с ним, – сказал я. – До того дня, пока мы все, включая Паблито, не сможем уехать отсюда.

Они посмеялись надо мной, даже Нестор и Бениньо, которых я считал наиболее близкими к Паблито. Ла Горда смеялась дольше всех, явно провоцируя меня.

Я обратился за поддержкой к Нестору и Бениньо. Они отвели глаза в сторону.

Я воззвал к высшему пониманию ла Горды. Я умолял ее. Я использовал все доводы, какие мог придумать. Она смотрела на

меня совершенно невозмутимо.

– Пойдемте, – сказала она остальным.

Она лучезарно улыбнулась мне, затем передернула плечами и поджала губы.

– Приглашаем тебя идти с нами, – сказала она мне, – при условии, что ты не станешь задавать вопросов и не будешь упоминать об этом маленьком красавчике.

– Ты, ла Горда, бесформенный воин, – сказал я, – ты сама мне это говорила. Почему же тогда ты судишь Паблито?

Ла Горда не ответила. Удар лопал в цель. Она поморщилась и отвернулась от моего взгляда.

– Ла Горда с нами! – пронзительно закричала Хосефина.

Сестрички окружили ла Горду и затолкали ее в дом. Я последовал за ними. Нестор и Бениньо тоже вошли внутрь.

– Что ты собираешься делать, забрать кого-нибудь из нас силой? – спросила ла Горда.

Я сказал им, что считаю своим долгом помочь Паблито и делал бы то же для любого из них.

– Ты действительно думаешь, что сможешь это сделать? – спросила ла Горда, сверля меня злобным взглядом.

Я хотел было яростно заорать, как я уже делал однажды в их присутствии. Но обстоятельства были иными. Я не мог этого сделать.

– Я собираюсь забрать с собой Хосефину, – сказал я. – Я – Нагваль.

Ла Горда сгребла сестричек и прикрыла их своим телом. Они уже собирались взяться за руки; что-то во мне знало, что если они это сделают, то их объединенная сила станет ужасной, и все мои усилия забрать Хосефину пойдут прахом. Моим единственным шансом было ударить прежде, чем они успеют образовать группу.

Я толкнул Хосефину обеими руками так, что она волчком вылетела на середину комнаты. Прежде, чем они успели собраться снова, я ударил Лидию и Розу. Они согнулись от боли. Ла Горда бросилась на меня с яростью дикого зверя. Я никогда не видел ее такой разъяренной. Она вложила в этот бросок всю свою концентрацию. Если бы она меня ударила, я бы умер на месте. Она промахнулась лишь на какой-то дюйм. Я схватил ее в охапку, и мы покатались по полу. Мы отчаянно боролись, пока полностью не выдохлись. Ее тело расслабилось. Она начала гладить тыльную сторону моих рук, которые были крепко сцеплены у нее на животе.

Тут я заметил, что Нестор и Бениньо стоят у дверей. Оба они, казалось, были на грани обморока.

Ла Горда смущенно улыбнулась и сказала, что рада тому, что я одолел ее.

Я увез Хосефину к Паблито. Я чувствовал, что она единственная из всех искренне нуждается в том, чтобы за ней кто-то ухаживал, а Паблито меньше всех сторонился ее. Я надеялся, что благородство заставит его прийти на помощь, если она будет в такой помощи нуждаться.

Через месяц я снова приехал в Мексику. Паблито и Хосефина вернулись. Они поселились в доме Хенаро вместе с Бениньо и Розой. Нестор и Лидия жили в доме Соледад, а ла Горда – одна в доме сестричек.

– Тебя не удивляет наше новое расселение? – спросила ла Горда. Я действительно был очень удивлен и хотел знать, что стоит за этой новой организацией.

Ла Горда сухо сообщила мне, что за всем этим, насколько ей известно, не кроется ничего особенного. Они избрали жизнь парами, но не парами в обычном понимании. Она добавила, что вопреки тому, что я могу подумать, они были безупречными воинами.

Новая форма отношений была действительно приятной. Все, казалось, полностью расслабились. Не было больше ни подначек, ни вспышек конкуренции. Они стали одеваться в стиле, принятом у индейцев этого района. Женщины были одеты в длинные широкие юбки в складку, почти касавшиеся пола. Они надевали темные шали, заплетали волосы в косы, только Хосефина всегда носила шляпу. Мужчины носили легкие белые штаны и рубашки, а на голове – соломенные шляпы. Все были обуты в самодельные сандалии.

Я спросил у ла Горды о значении их нового одеяния. Она сказала, что они готовятся к отъезду. Раньше или позже, с моей помощью или без нее, они собираются покинуть эту долину. Они намереваются отправиться в новый мир, в новую жизнь. Чем дольше они носят индейскую одежду, тем резче будет их переход к новой городской. Она сказала, что их учили быть гибкими, чувствовать себя легко в любой ситуации, в какой бы они ни оказались, и что меня учили тому же. От меня требовалось вести себя с ними непринужденно, вне зависимости от того, как они

относятся ко мне. Их задачей, с другой стороны, было покинуть свою долину и переселиться куда-нибудь еще, чтобы убедиться, могут ли они быть такими гибкими, как надлежит воину.

Я спросил, каково в действительности было ее мнение о наших шансах на успех. Ла Горда ответила, что на наших лицах лежит печать поражения. Затем она резко сменила тему разговора, сказав, что в своем *сновидении* она смотрела в гигантскую узкую щель между двумя высокими круглыми горами. Ей казалось, что эти круглые горы ей знакомы, и хотелось, чтобы я отвез ее в город расположенный неподалеку. Она считала, не зная, почему, что эти две горы расположены там и что послание, полученное ею в *сновидении*, состоит в том, чтобы мы вдвоем отправились туда. Мы уехали на рассвете. Я уже как-то проезжал через этот город. Он был очень маленьким, и я не помнил в его окрестностях ничего похожего на *видение* ла Горды. Вокруг него были только невысокие холмы. Оказалось, что двух гор там действительно не было, а если они там и были, то мы не смогли их найти.

Однако в течение двух часов, которые мы провели в этом городе, нас не покидало ощущение, что мы знали что-то неопределенное, ощущение, которое временами становилось бесспорным, а затем опять отступало во тьму и порождало неуверенность. Посещение этого города странным образом волновало нас, или же, лучше сказать, — по неизвестным причинам мы стали очень беспокойными. Я глубоко ушел в совершенно нелогичный конфликт. Я не помню, чтобы когда-нибудь останавливался в этом городе, и все же я мог поклясться, что не только бывал здесь, но даже какое-то время жил. Это не было отчетливым воспоминанием. Я не помнил улицы или дома. То, что я ощутил, было необоснованным, но сильным предчувствием, что что-то вот-вот должно проясниться у меня в голове. Я не знал, что именно, может, просто какое-то воспоминание.

Временами это смутное воспоминание было всепоглощающим, особенно когда я увидел один дом. Я остановил машину перед ним. Мы с ла Гордой смотрели на него из машины, около часа, но никто из нас не предложил выйти из машины и войти в него. Мы оба были на грани. Мы стали говорить о ее *видении* двух гор. Наш разговор вскоре перешел в спор. Она считала, что я не принял ее *сновидения* всерьез. Мы вошли в раж и кончили тем, что начали орать друг на друга, но не столько от гнева, сколько от нервного

напряжения. Я поймал себя на этом и замолчал.

На обратном пути я остановил машину на обочине грунтовой дороги. Мы вышли размять ноги. Ла Горда все еще казалась взволнованной. Мы немного прошлись, но было слишком ветрено, чтобы получить удовольствие от такой прогулки. Мы вернулись к машине и забрались в нее.

– Если бы ты только привлек свое знание, – сказала ла Горда умоляюще, – ты бы понял, что потеря человеческой формы... Она запнулась посреди фразы. Должно быть, ее остановила моя гримаса. Она знала о моей внутренней борьбе. Если бы у меня внутри было какое-то знание, которое я мог бы привлечь, я бы давно это сделал.

– Но ведь мы – светящиеся существа, – сказала она тем же умоляющим тоном. – В нас еще так много всего. Ты – Нагваль, значит, в тебе еще больше.

– Что же, по-твоему, я должен сделать? – спросил я.

– Ты должен оставить свое желание цепляться за все. То же самое происходило со мной. Я цеплялась за такие вещи, как пища, которую я любила, горы, среди которых я жила, люди, с которыми мне нравилось разговаривать. Но больше всего я цеплялась за желание нравиться.

Я сказал ей, что ее советы для меня бессмысленны, так как я не знаю, за что я цепляюсь. Она настаивала, что где-то, как-то, но я знаю, за что цепляюсь, что я ставлю барьер потере своей человеческой формы.

– Наше внимание натренировано непрерывно быть сфокусированным на чем-то, – продолжила она. – Именно так мы поддерживали свой мир. Твое первое внимание было обучено фокусироваться на чем-то совершенно чуждом мне, но очень знакомом тебе.

Я ответил ей, что мои мысли беспорядочно витают в облаках. Не то чтобы я не мог понять этого, как каких-то тонкостей высшей математики, но скорее я просто терялся в дебрях предположений.

– Сейчас самое время уйти от всего этого, – сказала она. – Для того, чтобы потерять человеческую форму, ты должен освободиться от всего этого балласта. Ты уравновесил все так основательно; что парализуешь сам себя.

У меня не было настроения спорить. То, что она называла потерей человеческой формы, было слишком смутной концепцией, чтобы

тут же размышлять об этом. Я был поглощен тем, что мы испытали в городе. Ла Горда не хотела об этом говорить.

– Единственное, что имеет значение, так это привлечение твоего знания, – сказала она. – Если тебе нужно, ты умеешь это делать, как в тот день, когда убежал Паблито, и ты затеял драку.

Ла Горда сказала, что происшедшее в тот день было примером привлечения знания. Не отдавая себе в точности отчета в том, что я делаю, я выполнил сложные действия, которые требуют способности *видеть*.

– Ты не просто напал на нас, ты *видел*.

В каком-то смысле она была права. В тот раз имело место нечто, совсем не похожее на обычный ход вещей. Я детально перебирал воспоминания об этом, связывая их, однако, с аргументами личного характера. У меня не было адекватного объяснения всему случившемуся. Я только мог сказать, что эмоциональное напряжение того момента повлияло на меня невысказанным образом. Когда я вошел в тот дом и увидел четырех женщин, я в долю секунды осознал, что могу изменить свой обычный способ восприятия. Я увидел прямо перед собой четыре аморфных шара, излучавших очень интенсивный желтый свет. Один из них был более спокойным и приятным, остальные выглядели недружелюбными, острыми беловато-желтыми сияниями. Более спокойным желтоватым сиянием была ла Горда. И в этот момент три недружелюбных сияния склонились над ней.

Шар беловатого сияния, ближайший ко мне, которым была Хосефина, выглядел несколько неуравновешенным. Он наклонился, поэтому я толкнул его и пнул два других в углубления, которые каждый из них имел с правой стороны. У меня не было осознанного намерения ударить их в это место. Я просто счел выемку подходящей. Каким-то образом она приглашала меня пнуть туда ногой. Результат был сокрушительным. Лидия и Роза сразу отключились. Я ударил каждую из них в правое бедро. Это не было пинком, который мог бы сломать какую-нибудь кость. Я просто надавил ногой и толкнул пузыри света, находившиеся передо мной. Тем не менее все выглядело так, будто я нанес им по сокрушительному удару в самое уязвимое место их тел.

Ла Горда была права – я привлек знание, об обладании которым никогда не подозревал. Если это называется *видением*, то для

моего интеллекта *видением* являлось знание тела. Ведущая роль зрения воздействует на знание тела и создает иллюзию, что оно связано с глазами. То, что я испытал, нельзя было назвать чисто зрительными ощущениями. Я *видел* шары света чем-то помимо моих глаз. Поскольку я сознавал, что в поле моего зрения находятся четыре женщины, я и имел дело все время с ними. Шары света даже не налагались на них. Самым сложным для меня выступал вопрос времени. Все было сжато в несколько секунд. Если бы я переводил взгляд с одной сцены на другую, то этот переход должен был быть таким быстрым, что становился бессмысленным. Поэтому я могу вспомнить только восприятие двух совершенно различных сцен одновременно.

После того, как я пнул два шара света, желтоватый шар, ла Горда, бросился на меня, но не прямо, а целясь в мой левый бок. С того момента, как начался бросок, этот шар имел явное намерение промахнуться. Когда свечение прошло мимо меня, я схватил его. Катаясь с ним по полу, я почувствовал, что вплавляюсь в него. Это был единственный момент, когда я действительно потерял последовательность событий. Я вновь осознал себя, когда ла Горда гладила меня ладонью.

— В наших *сновидениях* я и сестрички научились сцеплять руки, — сказала ла Горда. — Мы знаем, как образовать цепь. В этот день нашей проблемой было то, что мы никогда не образовывали цепь вне нашей комнаты. Именно поэтому мы потащили тебя в дом. Твое тело знало, что значит для нас сцепить руки. Если бы мы это сделали, то я была бы под их контролем. Они более свирепы, чем я. Их тела плотно закрыты, они не связаны с сексом. Я же связана, что делает меня более слабой. Я уверена, что зависимость от секса затрудняет тебе привлечение твоего знания.

Она продолжала говорить дальше о пагубных последствиях половых особенностей. Я ощутил неудобство и попытался увести разговор от этой темы, но она, казалось, была намерена сознательно возвращаться к ней, хотя видела, что мне не по себе.

— Поедем с тобой в Мехико, — сказал я в отчаянии, думая, что напугаю ее.

Она не отвечала. Она поджала губы, скосив глаза. Мышцы подбородка у нее напряглись, а верхняя губа выпятилась, пока не вывернулась под самым носом. Ее лицо так исказилось, что я отшатнулся. Увидев мое удивление, она расслабила мышцы лица.

– Ла Горда, – повторил я, – поедем в Мехико.

– Конечно, почему бы и нет, – сказала она. – Что мне для этого надо?

Я не ожидал подобной реакции и сам был шокирован.

– Ничего, – сказал я. – Мы поедем так, как есть.

Ни слова не говоря, она уселась на сидение, и мы поехали в сторону Мехико. Было еще рано. Я спросил, осмелится ли она поехать со мной до Лос-Анжелеса. Минуту она, казалось, размышляла.

– Я только что задала этот вопрос своему светящемуся телу, – сказала она.

– Что же оно ответило?

– Оно сказала: «Если сила это позволит».

В ее голосе было такое богатство чувств, что я остановил машину и обнял ее. Моя привязанность к ней в этот момент была настолько велика и глубока, что я испугался. Она не имела ничего общего с сексом или стремлением к психологической поддержке. Это чувство превосходило все, что я знал.

Это объятие вернуло мне ощущение, которое было у меня раньше, – будто что-то во мне собиралось вырваться наружу. Что-то такое, что было закупорено и упрятано в глубине, так что я не мог сознательно до него добраться. Я почти знал, что это такое, но тут же терял, как только до него добирался.

В город Оахака мы приехали в начале вечера. Я оставил машину на одной из боковых улиц, и мы прошли к площади в центре города. Мы искали скамейку, на которой обычно сидели дон Хуан и дон Хенаро. Она была не занята. Мы уселись там в благоговейном молчании.

В конце концов ла Горда сказала, что она много раз была здесь с доном Хуаном и еще кем-то, кого она не может вспомнить. Она не была уверена, наяву это происходило или просто снилось ей.

– Что вы с доном Хуаном делали на этой скамейке? – спросил я.

– Ничего, мы просто ждали попутной машины, которая подбросила бы нас в горы, – ответила она.

Я рассказал ей, что когда я сидел с доном Хуаном на этой скамейке, то мы часами болтали. Я сообщил ей о его склонности к поэзии, и как я обычно читал ему стихи, когда нам больше нечего было делать. Он слушал стихи, но считал, что прослушивания достойны только первая и иногда вторая строфы, последующие же

он называл индугльгированием поэта. Лишь очень немногие из тех сотен стихов, которые я прочитал ему здесь, он выслушал полностью.

Сначала я читал ему то, что мне нравилось, а именно абстрактные, двусмысленные, идущие от ума стихи. Позднее он заставлял меня вновь и вновь читать то, что ему нравилось. По его мнению, стихотворение должно быть компактным, предпочтительно – коротким. Оно должно быть составлено из точных, прямых и очень простых картин. В конце дня на этой скамейке стихотворение Сесара Вальехо, казалось, подвело черту под его особым чувством тоски. Я прочитал его ла Горде по памяти, не столько ради нее, сколько ради себя.

Интересно, что она делает в этот час.

Моя милая Рита, девушка Анд.

Мой легкий тростник, девушка дикой вишни.

Теперь, когда усталость душит меня

И кровь засыпает, как ленивый коньяк.

Интересно, что она делает теми руками.

Которые с постоянной прилежностью

Гладили крахмальное белье

После полудня.

Теперь, когда этот дождь уносит

Мое желание идти дальше.

Интересно, что стало с ее юбкой с каймой.

С ее вечным трудом, с ее походкой.

С ее запахом весеннего сахарного

Тростника, обычного в тех местах.

Она, должно быть, в дверях

Смотрит но быстро несущиеся облака.

Дикая птица на крыше издает свой крик.

И, взглянув, она наконец скажет:

«Господи, как холодно!»

Воспоминания о доне Хуане были невероятно живыми. Это не были воспоминания на уровне мысли, так же, как они не были воспоминаниями на уровне всех моих осознаваемых чувств. Это был неизвестный вид памяти, который заставил меня плакать.

Слезы лились из моих глаз, но они совсем не успокаивали меня.

Последний час дня всегда имел особое значение для дона Хуана. Я перенял у него такое отношение к этому часу и его убежденность в

том, что если что-нибудь важное должно произойти со мной, то оно произойдет именно в этот час.

Ла Горда положила голову мне на плечо. Какое-то время мы оставались в таком положении. Я чувствовал себя расслабленным. Возбуждение ушло. Странно, что такое простое действие, как то, что я положил свою голову на голову ла Горды, принесло мне такой покой. Я хотел пошутить, что нам следовало бы связать наши головы вместе. Но тут же я понял, что она переиначит мои слова и посмеется над ними. Тело мое затряслось от смеха, и я понял, что сплю, хотя глаза мои были открыты, и я легко мог бы встать, если бы захотел. Мне не хотелось двигаться, поэтому я остался в том же положении, одновременно и бодрствующим и спящим. Я видел, что прохожие глазают на нас. Но мне не было до этого никакого дела, хотя обычно мне не нравилось быть объектом внимания.

Затем внезапно все люди в поле моего зрения превратились в большие пузыри белого света. Я смотрел на светящиеся яйца не мельком, а непрерывно, впервые в своей жизни. Дон Хуан говорил мне, что человеческие существа кажутся *видящему* светящимися яйцами. Я уже испытывал проблески такого восприятия, но никогда еще не фокусировал свое зрение на них так, как я делал в этот день.

Пузыри света вначале были расплывчатыми, как если бы мои глаза не были настроены, но затем в одну секунду мое зрение как бы установилось, и пузыри белого света стали продолговатыми светящимися яйцами. Они были большими, – даже огромными, никак не меньше метра в ширину.

В какой-то момент я вдруг заметил, что одно яйцо перестало двигаться; я увидел плотную массу света перед собой. Яйца следили за мной, угрожающе наклоняясь надо мной. Я намеренно двинулся и сел прямо. Ла Горда крепко спала у меня на плече. Вокруг нас была группа подростков. Должно быть, они думали, что мы пьяны. Они передразнивали нас. Самый смелый из юнцов касался груди ла Горды. Я встряхнул ее и разбудил. Мы поспешно встали и ушли. Они последовали за нами, насмехаясь и выкрикивая оскорбления. Присутствие полицейского на углу помешало им продолжать свое преследование.

В полном молчании мы прошли до того места, где я оставил машину. Сумерки почти сгустились. Внезапно ла Горда схватила

меня за руку. Ее глаза были дикими, рот перекошен. Она показала рукой.

– Смотри, смотри! – закричала она. – Там Нагваль и Хенаро! Я увидел двух людей, поворачивающих за угол впереди нас. Ла Горда быстро побежала. Я пустился за ней и на ходу спросил, уверена ли она. Она была вне себя. Она сказала, что когда подняла глаза, то увидела, как оба, и дон Хуан, и дон Хенаро, в упор смотрят на нее. В тот момент, когда их глаза встретились с ее глазами, они двинулись прочь.

Когда мы достигли угла, два человека были на том же расстоянии от нас. Я не мог различить их черт. Они были в соломенных шляпах и в одежде мексиканских крестьян. Один был плотным, как дон Хуан, другой – стройным, как Хенаро. Оба завернули за угол, и мы опять с шумом помчались за ними. Улица, на которую они повернули, была пустынной и вела к окраине города. Она слегка поворачивала влево. Двое мужчин находились как раз там, где улица делала поворот.

В этот момент произошло нечто, заставившее меня почувствовать, что это действительно могут быть они. Это было движение, которое сделал более стройный человек. Он повернулся к нам на три четверти оборота и кивнул головой, как бы приглашая следовать за собой. Подобный жест дон Хенаро обычно использовал по отношению ко мне, когда мы бывали в лесу. Обычно он смело шел впереди, движением головы приглашая догнать себя.

Ла Горда начала кричать во весь голос:

– Нагваль! Хенаро! Подождите!

Она бежала впереди меня, но они шли очень быстро в сторону каких-то разрушенных бараков, едва видневшихся в темноте. Они, должно быть, вошли в один из них, или повернули в какой-нибудь другой проход, так как внезапно исчезли из виду.

Ла Горда стояла на месте и изо всех сил выкрикивала их имена, безо всякого стыда. Люди выскакивали на улицу, чтобы посмотреть, кто это орет. Я держал ее, пока она не успокоилась.

– Они были прямо передо мной, – сказала она, всхлипывая, – меньше, чем в трех метрах. Когда я закричала, привлекая твоё внимание, они мгновенно оказались за квартал от нас.

Я попытался успокоить ее. Она была в состоянии сильного возбуждения, дрожала и цеплялась за меня. По какой-то

необъяснимой причине я был абсолютно уверен, что это не были дон Хуан и дон Хенаро, поэтому я не разделял возбуждения ла Горды.

Она сказала, что нам следует возвращаться домой, что сила не позволит ей ехать со мной в Лос-Анжелес и даже в Мехико. Для такого путешествия еще не пришло ее время. Она была убеждена, что встреча с ними была знаком. Они исчезли, указав на восток – по направлению к ее родному городу.

У меня не было никаких возражений против того, чтобы сразу отправиться назад. После всего, что случилось с нами в этот день, я должен был бы быть смертельно уставшим. Вместо этого я ходуном ходил от совершенно непонятного прилива сил. Это напомнило мне времена с доном Хуаном, когда я чувствовал себя способным пробивать стены плечом.

На обратном пути к машине я опять был преисполнен нежной привязанности к ла Горде. Я никогда не смогу отблагодарить ее за помощь. Что бы она там ни сделала для того, чтобы я *видел* светящиеся оболочки, я их *видел* – это сработало. Она была такой мужественной, рискуя быть осмеянной, когда сидела на той скамейке. Я выразил ей свою благодарность. Она посмотрела на меня так, будто я сошел с ума, а затем расхохоталась.

– Я то же самое думала о тебе, – сказала она. – Я думала, что это ты сделал для меня. Я тоже *видела* светящиеся оболочки. Со мной такое было впервые. Мы *видели* вместе, одновременно! Как это обычно делали Нагваль и Хенаро.

Когда я открывал для ла Горды дверцу машины, полное осознание того, что мы сделали, поразило меня. Моя эйфория была такой же интенсивной, как недавнее возбуждение ла Горды. Я хотел выбежать на середину улицы и вопить от восторга. Теперь настала очередь ла Горды сдерживать меня.

Она присела на корточки и помассировала мне икры. Как ни странно, я тотчас успокоился. Я обнаружил, что мне трудно разговаривать. Мои мысли опережали способность выражать их словами. Теперь я не хотел немедленно возвращаться в ее город. Казалось, еще так много надо сделать. Поскольку я не мог внятно объяснить, чего же я хочу, то я просто потащил упиравшуюся ла Горду назад к площади, но в тот час там не было свободных скамеек. Я был голоден, и поэтому затащил ее в ресторан. Она думала, что не сможет есть, но когда нам принесли еду, оказалось,

что она так же проголодалась, как и я. Еда нас полностью расслабила.

Вечером того же дня мы сидели на скамейке. Я воздерживался от разговора о том, что с нами произошло, до тех пор, пока мы не сможем там сесть. Ла Горда вначале не хотела ничего говорить. Мой ум был в странном состоянии опустошенности и брожения. У меня были подобные моменты с доном Хуаном, и, как правило, это вызывалось воздействием галлюциногенов.

Я начал с того, что описал ла Горде то, что я *видел*. Что больше всего поразило меня в светящихся оболочках, так это их движение. Они не шли, а как бы перекатывались рывками и, тем не менее, перемещались по земле. То, как они двигались, не было приятным. Их движения были скованными, неестественными, порывистыми. Когда они находились в движении, форма яйца становилась меньше и округлее. Они, казалось, прыгали, дергались или встряхивались вверх и вниз с большой скоростью. Это вызывало очень неприятное, нервирующее чувство. Пожалуй, точнее всего я могу описать физическое неудобство, вызываемое их движением, сказав, что изображение на киноэкране давалось с нарастающей скоростью.

Что меня еще заинтересовало – я не заметил никаких ног. Я однажды видел балетную постановку, в которой актеры изображали солдат, катающихся по льду на коньках. С этой целью у них были длинные туники, свисающие до самого пола. Их ног нельзя было увидеть, поэтому создавалась иллюзия, что они скользят по полу. Светящиеся яйца, которые парадом шли мимо меня, производили впечатление скольжения по пересеченной местности. Их светимость встряхивалась вверх-вниз почти незаметно для глаза, тем не менее этого было достаточно, чтобы вызвать у меня болезненное чувство. Когда яйца были в покое, они становились удлиненными. Некоторые из них были такими длинными и застывшими, что невольно возникала ассоциация с лицами на старинных иконах.

Еще более беспокоящей чертой было отсутствие глаз. Я никогда так остро не сознавал, насколько сильно мы привязаны к глазам живых существ. Светящиеся яйца были абсолютно живыми, они наблюдали за мной с большим любопытством. Я мог *видеть*, как они дергались вверх-вниз, перегибались, чтобы посмотреть на меня, но без всяких глаз.

Многие из этих светящихся яиц имели на себе темные пятна, огромные темные пятна ниже среднего сечения. Другие их не имели. Ла Горда сказала мне, что половая жизнь воздействует на тела как мужчин, так и женщин, вызывая появление дыры в нижней части живота, но пятна на этих светящихся яйцах не казались мне похожими на дыры. Это были участки без светимости, но в них не ощущалось глубины. Те, что имели темные пятна, казались мягкими и усталыми. Скорлупа их яйца была морщинистой, она выглядела матовой по сравнению с остальной их светимостью. С другой стороны, те, что не имели пятен, были раздражающе яркими. Они казались мне опасными. Они вибрировали, наполненные энергией и белизной.

Ла Горда сказала, что в тот момент, когда я положил свою голову на ее, она тоже впала в состояние, напоминающее *сновидение*. Она бодрствовала и в то же время не могла двигаться. Она сознавала, что кругом идут люди. Затем она *увидела*, как они превратились в светящиеся пузыри и, наконец, в яйцевидных существ. Она не знала, что я тоже *вижу*. Вначале она думала, что я наблюдаю за ней, но в какой-то момент давление моей головы стало таким сильным, что она пришла к выводу, что я тоже *вижу*. Лишь после того, как я выпрямился и оттолкнул молодого человека, трогавшего ее, пока она спала, я сообразил, что происходило с ней. То, что мы увидели, различалось, так как она отличала мужчин от женщин по форме каких-то нитей, которые она называла «корнями». У женщин, сказала она, связки нитей напоминают львиный хвост, они растут внутрь от того места, где находятся гениталии. Она объяснила, что эти корни были тем, что дает жизнь. Эмбрион для того, чтобы расти, прикрепляется к одному из этих питающих корней и полностью съедает его, оставляя дыру. Мужчина, с другой стороны, имеет короткие нити, которые живут как бы сами по себе и плавают почти отдельно от светящейся массы самого тела.

Я спросил ее, что, на ее взгляд, было причиной нашего совместного *видения*. Она уклонилась от каких бы то ни было комментариев, но попросила меня высказать свое мнение. Я сказал, что, по-моему, единственно очевидной причиной являются эмоции.

После того, как мы с ней уселись на излюбленную скамейку дона Хуана в начале вечера этого дня и я прочитал стихотворение,

которое ему нравилось, я был сильно заряжен эмоционально. Мои эмоции, должно быть, приготовили мое тело. Но я также должен был учесть тот факт, что, занимаясь *сновидением*, я научился входить в состояние совершенного спокойствия. Я мог отключать свой внутренний диалог и оставаться как бы внутри оболочки, выглядывая через дырочку. В таком состоянии я мог или отбросить часть имеющегося контроля и войти в состояние *сновидения*, или держаться за этот контроль и оставаться пассивным, без мыслей и без желаний.

Однако я не думал, чтобы это было в данном случае таким уж значимым фактором. Я считал катализатором присутствие ла Горды. По моему мнению, именно мои чувства по отношению к ней создали условия для *видения*.

Ла Горда смущенно засмеялась, когда я рассказал ей, что я думаю. – Я не согласна с тобой, – сказала она. – Я думаю, случилось то, что твое тело начало вспоминать.

– Что ты имеешь в виду, ла Горда? – спросил я.

Последовала длинная пауза. Казалось, она не то боролась с собой, чтобы сказать то, чего она не хочет говорить, не то пыталась найти подходящие слова.

– Я знаю так много всего, – сказала она, – и в то же время не знаю, что я знаю. Я помню так много, что не могу вспомнить ничего. Я думаю, что ты сам в таком же положении.

Я заверил ее, что я этого не осознаю. Она не поверила мне.

– Временами я действительно верю, что ты не знаешь, – сказала она. – Но иногда мне кажется, что ты играешь с нами. Нагваль рассказывал нам, что он сам тоже не знал. Мне теперь вспоминается многое из того, что говорили о тебе.

– Что это значит, что мое тело стало вспоминать? – настаивал я.

– Не спрашивай об этом, – сказала она с улыбкой. – Я не знаю, что ты должен вспоминать и что это за воспоминания. Я сама этого никогда не делала. Уж это-то я знаю».

– Есть ли кто-нибудь среди учеников, кто мог бы рассказать мне об этом? – спросил я.

– Никого, – ответила она. – Я думаю, что я курьер к тебе. Курьер, который в этот раз привез только половину послания.

Она поднялась и попросила меня ехать назад в ее город. Я был слишком взволнован, чтобы ехать тут же. Мы погуляли по площади. В конце концов мы сели на другую скамейку.

– Тебе не кажется странным то, с какой легкостью мы можем *видеть* вместе? – спросила ла Горда.

Я не знал, что она имеет в виду, поэтому медлил с ответом.

– Что бы ты сказал, если я стану утверждать, что, по моему мнению, мы уже раньше *видели вместе*? – спросила она, осторожно подбирая слова.

Я не мог понять, что она имеет в виду. Она повторила вопрос, но я все еще не видел в нем смысла.

– Когда мы могли *видеть вместе* раньше? – спросил я. – Твой вопрос не имеет смысла.

– В том-то и беда – он не имеет смысла, и в то же время я чувствую, что мы *видели вместе* раньше.

Я почувствовал озноб и поднялся. Я опять вспомнил ощущение, которое было у меня в том- городе. Ла Горда открыла рот, но остановилась на полуслове. Она посмотрела на меня ошеломленно, приложила руку к моим губам, а затем буквально потащила меня к машине.

Я вел машину всю ночь. Я хотел разговаривать, анализировать, но она заснула, как если бы намеренно избегала всякого обсуждения. Она была права, конечно, – из нас двоих она была тем, кто понимал опасность, возникающую при исчезновении настроения из-за чрезмерного анализа его.

Когда мы вышли из машины, приехав к ее дому, она сказала, что мы вообще не должны разговаривать о происшедшем в Оахаке.

– Но почему, ла Горда? – спросил я.

– Я не хочу тратить нашу силу, – сказала она. – Это путь мага. Никогда не растрачивай свои достижения.

– Но если мы не будем говорить об этом, мы никогда не узнаем, что в действительности случилось с нами, – запротестовал я.

– Мы должны молчать, по крайней мере девять дней, – сказала она.

– Разве мы не можем поговорить об этом между собой? – спросил я.

– Разговор между собой – это как раз то, чего мы должны избегать. Мы уязвимы. Мы должны дать себе время оправиться.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 3

Квазивоспоминания другого «я»

– Не скажешь ли ты, что происходит? – спросил меня Нестор, когда мы собрались вечером. – Куда вы вдвоем вчера ездили? Я забыл рекомендации ла Горды не говорить о случившемся, и начал рассказывать, что мы поехали сначала в ближайший городок и обнаружили там заинтересовавший нас дом.

Всех их, казалось, охватила внезапная дрожь. Они встрепенулись, посмотрели друг на друга, а затем на ла Горду, как бы ожидая, что она сообщит об этом.

– Что это за дом? – спросил Нестор.

Прежде, чем я успел ответить, ла Горда прервала меня. Она начала рассказывать торопливо и почти нечленораздельно. Мне было ясно, что она импровизирует. Она вставляла в речь слова и фразы на языке масатек, украдкой бросая на меня взгляды, в которых содержалась молчаливая просьба ничего не говорить об этом.

– Как насчет твоих *сновидений*, Нагваль? – спросила она с облегчением человека, выпутавшегося из трудного положения. – Нам хотелось бы знать все, что ты делаешь. Я думаю, очень важно, чтобы ты рассказал нам об этом.

Она наклонилась вперед и еле слышно, как только могла, прошептала мне на ухо, что из-за того, что произошло с нами в Оахаке, я должен рассказать им о своем *сновидении*.

– Почему это так важно для вас? – спросил я громко.

– Я думаю, мы очень близки к завершению, – бесстрастно сказала ла Горда. – Все, что ты скажешь или сделаешь, представляет для нас сейчас величайшую важность.

Я рассказал им содержание того, что считал своим настоящим *сновидением*. Дон Хуан говорил мне, что нет смысла останавливаться на деталях. Он дал мне следующее основное правило: я должен уделять чему-либо особое внимание только если увижу его не меньше трех раз. В остальных же случаях все попытки будут простой ступенью в понимании второго внимания. Однажды во сне я увидел, что проснулся и выскочил из постели,

тут же обнаружив самого себя спящим на кровати. Я посмотрел на себя и сохранил достаточно самообладания, чтобы вспомнить, что я нахожусь в *сновидении*. Тогда я последовал указаниям дона Хуана, состоявшим в том, чтобы избегать внезапных потрясений и воспринимать все спокойно. *Сновидящий*, говорил дон Хуан, должен быть бесстрастным экспериментатором. Вместо того, чтобы рассматривать свое спящее тело, *сновидящий* выходит из комнаты.

Непонятно как я внезапно оказался снаружи комнаты. У меня было такое впечатление, что я оказался там мгновенно. Когда я остановился, то холл и лестница показались мне громадными. Если что-то и испугало меня той ночью, так это размеры тех сооружений, которые в реальной жизни были вполне нормальными. Холл был около десяти метров длиной, лестница в 16 ступенек. Я не мог представить себе, как преодолеть те огромные расстояния, которые я воспринимал. Я был неподвижен, а затем что-то заставило меня двигаться. Однако я не шел, я не чувствовал своих шагов. Совершенно неожиданно я оказался держащимся за перила. Я мог видеть кисти и предплечья своих рук, но не чувствовал их. Я удерживался при помощи какой-то силы, никак не связанной с моей мускулатурой. То же самое произошло, когда я попытался спуститься с лестницы. Я не знал, как ходить, я просто не мог сделать ни шагу, будто мои ноги были склеены вместе. Наклоняясь вперед я видел свои ноги, но не мог двинуть ими ни вперед, ни назад, ни вбок, не мог поднять их к груди. Казалось, я прирос к верхней ступеньке. Я чувствовал себя чем-то вроде пластмассовых куколок, которые могут наклоняться в любом направлении до тех пор, пока не примут горизонтального положения, лишь для того, чтобы вес их тяжелого округлого основания вновь вернул их в вертикальное положение.

Я сделал громадное усилие, чтобы идти, и зашлепал со ступеньки на ступеньку, как плохо накачанный мяч. Мне потребовалось невероятное внимание, чтобы добраться до первого этажа. Я никак иначе не мог этого описать. Особенно трудно было сохранить свое поле зрения, не дать ему распасться на мимолетные картины обычного сна.

Когда я, наконец, добрался до входной двери, я не мог ее открыть. Я пытался отчаянно, но безуспешно. Затем я вспомнил, что я выбрался из своей комнаты, выскользнув из нее, как если бы дверь

была открыта. Мне понадобилось только вспомнить то чувство выскальзывания, и внезапно я оказался уже на улице. Было темно. Непроницаемый свинцовый мрак не позволял мне воспринимать какие-либо цвета. Весь мой интерес был тотчас прикован к широкому полю яркого света передо мной на уровне глаз. Я скорее вычислил, чем вспомнил, что это уличный фонарь, поскольку сообразил, что такой фонарь находился за углом в шести метрах над землей. Тут я понял, что не могу привести свое восприятие в соответствующий порядок, чтобы правильно судить, где верх, где низ, где здесь, где там. Все казалось необычным. У меня не было никакого критерия, как в обычной жизни, чтобы настроить свое восприятие. Все находилось на переднем плане, а у меня не было желания заниматься настройкой восприятия.

Ошеломленный, я находился на улице, пока у меня не появилось ощущение, что я левитирую. Я удерживался за металлический столб, на котором висели фонарь и дорожный знак. Сильный ветер поднимал меня вверх. Я скользил вверх по столбу, пока не смог ясно разобрать название улицы: Эштон.

Несколько месяцев спустя, когда я опять оказался в *сновидении*, созерцая свое спящее тело, я уже знал, что мне нужно сделать. В ходе своих регулярных *сновидений* я узнал, что здесь значение имеет волевое усилие, а сама реальность тел не существенна.

Именно память тормозит *сновидящего*. Я без колебаний выскользнул из комнаты, так как мне не нужно было ни открывать дверей, ни ходить для того, чтобы двигаться. Холл и лестница уже не казались мне такими огромными, как в первый раз. Я проскользнул с большей легкостью и оказался на улице, где пожелал передвинуться на три квартала дальше. Я воспринимал фонари как очень беспокоящее зрелище. Если я фокусировал на них свое внимание, они разливались неизмеримыми озерами света. Остальные элементы этого *сновидения* контролировать было легко. Дома казались необыкновенно большими, но их очертания были знакомыми. Я колебался, что делать дальше. Затем я совершенно случайно понял, что если я буду не рассматривать предметы, а только поглядывать на них мельком, как мы это делаем в повседневной жизни, то смогу привести свое восприятие в порядок. Другими словами, если я буквально следовал советам дона Хуана и принимал свое *сновидение* как само собой разумеющееся, то я мог пользоваться способами восприятия,

присущими повседневной жизни. Через несколько секунд окружающее стало контролируемым, хотя и не полностью знакомым.

В следующий раз, когда у меня было подобное *сновидение*, я отправился в свою любимую кофейню на углу. Причина, по которой я ее выбрал, состояла в том, что каждое утро я ходил туда пить кофе. В своем *сновидении* я увидел знакомую официантку, обслуживавшую рабочих кладбища. Я разглядел нескольких человек, которые ели за стойкой, а в самом углу заметил любопытное лицо человека, которого видел каждый день бесцельно бродящим по дорожкам между университетских корпусов. Он был единственным, кто действительно взглянул на меня. В ту же секунду, когда я вошел, он почувствовал это, как мне показалось. Он повернулся и уставился на меня.

Несколько дней спустя рано утром я в бодрствующем состоянии в том же кафе встретил этого человека. Он бросил на меня взгляд и, по-видимому, узнав меня, сильно испугался и стремглав убежал, не дав мне возможности заговорить с ним.

Когда я еще раз посетил это кафе в *сновидении*, характер последнего изменился. Пока я наблюдал за этим ресторанчиком через улицу, вид стал совершенно иным. Я больше не видел знакомых домов, вместо этого перед моими глазами была картина первозданной природы. Стоял погожий день, и я смотрел на заросшую долину. Болотистые темно-зеленые, похожие на тростник растения покрывали все. Рядом со мной находился выступ скалы двух-трех метров высотой. На нем сидел громадный саблезубый тигр. Я окаменел. Долгое время мы пристально смотрели друг на друга.

Размеры хищника были поразительными, однако он не выглядел ни гротескным, ни непропорциональным. У него была великолепная голова, большие глаза цвета темного меда, массивные лапы, широченная грудная клетка. Самое большое впечатление на меня произвела окраска его шкуры. Она была равномерно-темно-коричневая, почти шоколадная. Цвет меха напоминал поджаренные кофейные зерна, только мех еще и блестел, шерсть была длинной, но гладкой и чистой. Она не была похожа на мех пумы, волка или гризли. Мех выглядел похожим на что-то, никогда мною не виданное.

С тех пор для меня стало обычным видеть этого тигра. Временами

небо над долиной затягивали облака, накрапывал мелкий дождик, иногда сменявшийся проливным ливнем. Временами же долина была залита солнцем. Довольно часто я замечал там и других саблезубых тигров. Я мог слышать их своеобразный повизгивающий рев – крайне неприятный для меня звук.

Тигр ни разу не тронул меня. Мы смотрели друг на друга с расстояния 3 – 6 метров. Тем не менее я понимал, чего он от меня хочет. Он показывал мне особый способ дыхания. Я уже дошел в своих *сновидениях* до такой точки, когда мог так хорошо имитировать дыхание тигра, что даже чувствовал, как сам превращаюсь в тигра. Я рассказал другим ученикам, что ощутимым результатом *сновидений* было то, что мое тело стало более мускулистым.

Выслушав мой отчет, Нестор поразился, насколько их *сновидения* отличались от моих. У них были различные задачи *сновидения*. Его задачей было находить лекарства от болезней человеческого тела. Задача Бениньо – предсказывать, предвидеть и находить решения всего, что касалось человека. Задачей Паблито было учиться строить. Нестор сказал, что именно эти задачи были причиной того, что он занимался лекарственными растениями, Бениньо был оракулом, а Паблито – плотником. Он добавил, что до сих пор они касались только поверхности *сновидений* и ни о чем существенном говорить пока не могут.

– Ты, может быть, подумаешь, что мы сделали много, – продолжал он, – но это не так. Хенаро и Нагваль сделали все для нас и этих четырех женщин. Самостоятельно же мы еще ничего не сделали.

– Похоже на то, что Нагваль учил тебя иначе, чем нас, – сказал Бениньо очень медленно и значительно. – Ты, должно быть, был тигром, и опять определенно превратишься в него. Именно это произошло с Нагвалем. Он был вороной, и еще в этой жизни опять превратился в нее.

– Проблема в том, что такого вида тигров больше не существует, – сказал Нестор. – Мы никогда не слышали, что бывает в таких случаях. – Он повел головой, как бы говоря от имени всех присутствующих.

– Я знаю, что происходит, – сказала ла Горда. – Я помню, как Нагваль называл это *сновидением призрака*. Он говорил, что никто из нас еще не совершал *сновидения призрака*, потому что в нас нет разрушения и насилия. Он сам его никогда не совершал. И он

сказал, что тот, кто сделает его, отмечен судьбой иметь помощников среди призраков и союзников.

– Что это значит? – спросил я у ла Горды.

– Это значит, что ты не такой, как мы, – ответила она сухо.

Ла Горда казалась очень возбужденной. Она поднялась и несколько раз прошлась по комнате, прежде чем села рядом со мной.

В разговоре наступил перерыв. Хосефина бормотала что-то невразумительное. Она тоже казалась очень нервной. Ла Горда пыталась успокоить ее, обняв и поглаживая по спине.

– У Хосефины есть кое-что для тебя об Элихио, – сказала она мне.

Все вопросительно посмотрели на Хосефину.

– Несмотря на тот факт, что Элихио исчез с лица земли, – продолжала ла Горда, – он все еще один из нас, и Хосефина все время разговаривает с ним.

Все сразу стали очень внимательными и, переглянувшись, посмотрели на меня.

– Они встречаются в *сновидении*, – драматическим тоном сказала ла Горда.

Хосефина глубоко вздохнула. Она казалась воплощением нервозности. Ее тело непроизвольно тряслось. Паблито уложил ее на пол, лег на нее и стал энергично дышать диафрагмой, заставляя ее дышать в унисон с ним.

– Что он делает? – спросил я ла Горду.

– Разве ты не видишь? – резко ответила она.

Я прошептал, что понимаю, что он хочет ее расслабить, но эта процедура для меня внове. Она сказала, что Паблито передает Хосефине энергию, поместив среднюю часть тела, где у мужчин ее избыток, напротив матки Хосефины, где женщины хранят энергию. Хосефина села и улыбнулась мне. Она выглядела совершенно расслабленной.

– Я действительно все время встречаю Элихио, – сказала она. – Он ждет меня каждый день.

– Как получилось, что ты никогда об этом не говорила? – спросил Паблито недовольным тоном.

– Она говорила мне, – вмешалась ла Горда, а затем принялась пространно объяснять, как много значит для всех нас доступность Элихио. Она добавила, что ожидала от меня знака, чтобы передать слова Элихио.

– Не ходи вокруг да около, женщина, – закричал Паблито. Скажи нам, что он говорил.

– Эти слова не для тебя! – воскликнула ла Горда.

– Для кого же они тогда? – спросил Паблито.

– Они для Нагваля, – указала она на меня.

Ла Горда извинилась, что повысила голос. Она сказала, что все, что говорил Элихио, было сложным, загадочным и она не может в этом разобраться.

– Я просто слушала его, это все, что я могла делать – слушать его.

– Ты хочешь сказать, что тоже встречала Элихио? – спросил Паблито голосом, в котором была смесь нетерпения и злости.

– Да, – ответила ла Горда почти шепотом. – Я не могла об этом говорить, потому что я должна была ждать его.

Она указала на меня, а затем толкнула меня обеими руками. Я потерял равновесие и шлепнулся на бок.

– Что это такое? Что ты с ним делаешь? – спросил Паблито очень сердито. – Это что – проявление индейской любви?

Я повернулся к ла Горде. Она сделала знак, чтобы я успокоился.

– Элихио сказал, что ты – Нагваль, но ты не для нас, – сказала Хосефина.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Я не знал, как воспринимать заявление Хосефины. Я ждал, пока заговорит кто-нибудь еще.

– Ты чувствуешь облегчение? – испытующе спросила меня ла Горда.

Я сказал им, что у меня вообще нет никакого мнения. Они выглядели ошеломленными детьми. У ла Горды был вид хозяйки церемонии, которая крайне недовольна.

Нестор поднялся и посмотрел на ла Горду. Он сказал ей что-то на языке масатек. Это звучало как приказание или просьба.

– Расскажи нам все, что ты знаешь, – продолжал он по-испански. – Ты не имеешь права играть с нами и держать при себе нечто столь важное.

Ла Горда запротестовала. Она сказала, что утаила все, что знала, по просьбе Элихио. Хосефина кивком подтвердила ее слова.

– Он говорил все это тебе или Хосефине? – спросил Паблито.

– Мы были вместе, – сказала ла Горда едва слышным шепотом.

– Ты хочешь сказать, что вы с Хосефиной были вместе в *сновидении*? – У Паблито перехватило дыхание. Удивление в его

глазах соответствовало тому потрясению, которое, казалось, прокатилось по остальным.

– Что в точности сказал Элихио вам двоим? – спросил Нестор, когда прошел шок.

– Он сказал, что я должна попытаться помочь Нагвалю вспомнить левую сторону, – сказала ла Горда.

– Ты понимаешь, о чем она говорит? – спросил меня Нестор.

Было бы невероятно, если бы я понимал. Я сказал, чтобы они обратились за ответом к самим себе. Но никто из них не высказал никаких предположений.

– Он говорил Хосефине и другие вещи, которых она не может вспомнить, – сказала ла Горда. – Поэтому мы действительно в затруднении. Элихио сказал, что ты определенно Нагваль и что ты должен нам помочь, но что ты не для нас. Только вспомнив свою левую сторону, ты сможешь взять нас туда, куда мы должны идти. Нестор заговорил с Хосефиной отеческим тоном, побуждая ее вспомнить, что именно сказал Элихио. Он не настаивал на том, чтобы я вспоминал что-то, что, видимо, было каким-то кодом, поскольку никто из нас не видел в этом никакого смысла.

Хосефина моргала и корчила рожи, как если бы на нее давил тяжелый груз – она и на самом деле выглядела как тряпичная кукла, которую расплющили. Я с тревогой наблюдал.

– Не могу, – сказала она наконец. – Когда он со мной разговаривает, я знаю, что он говорит, но сейчас я не могу вспомнить. Не выходит.

– Не помнишь ли ты каких-нибудь слов? – спросил Нестор. – Просто каких-нибудь отдельных слов?

Она потрясла головой.

– Нет, – сказала она через секунду.

– Какого рода *сновидениями* ты занимаешься? – спросил я.

– Только теми, которые знаю, – бросила она.

– Я рассказывал тебе, как я делаю свои, – сказал я. – Теперь расскажи мне о своих.

– Я закрываю глаза и вижу стену, похожую на плотный туман; там меня ждет Элихио. Он проводит меня сквозь нее и, наверное, показывает мне всякие вещи. Я не знаю, что мы делаем, но мы что-то делаем вместе, а затем я возвращаюсь и забываю увиденное.

– Как случилось, что ты пошла с ла Гордой? – спросил я.

– Элихио велел мне взять ее, – сказала она. – Мы вдвоем

подождали ла Горду и, когда она вошла в *сновидение*, схватили ее и протолкнули сквозь стену. Мы делали это дважды.

– Как вы схватили ее? – спросил я.

– Не знаю, – сказала Хосефина. – Но я подожду тебя в твоём *сновидении*, и тогда ты узнаешь.

– Ты можешь схватить любого? – спросил я.

– Конечно, – ответила она, улыбаясь. – Но я не делаю этого, потому что это не нужно. Я схватила ла Горду, ибо Элихио говорил мне, что ему нужно ей что-то сказать, поскольку она более здравомыслящая, чем я.

– Тогда Элихио говорил тебе то же самое, ла Горда, – сказал Нестор с непривычной твердостью.

Ла Горда сделала необычный жест, пожимая плечами и поднимая руки над головой.

– Хосефина рассказала тебе, что происходило, – сказала она. – Я не могу вспомнить. Элихио изъясняется на другой скорости. Он говорит, но мое тело не понимает его, нет. Мое тело не может вспомнить, вот в чем дело. Я лишь знаю, что он сказал, будто Нагваль, который здесь, вспомнит и возьмет нас туда, куда нужно идти. Он не мог сказать больше, потому что было мало времени. Он сказал, что кто-то, но я не помню, кто именно, ждет меня.

– Это все, что он сказал? – наседал Нестор.

– Когда я увидела его вторично, он сказал, что все мы должны будем вспомнить свою левую сторону, рано или поздно, если мы хотим попасть туда, куда нам надо идти. Но вот он должен вспомнить первым.

Она указала на меня и опять толкнула меня, как и раньше. Сила ее толчка заставила меня покатиться, как мяч.

– Зачем ты это делаешь, ла Горда? – спросил я недовольно.

– Я пытаюсь помочь тебе вспомнить, – сказала она. – Нагваль говорил, что тебя надо время от времени толкать, чтобы ты встряхнулся.

Совершенно внезапно ла Горда обняла меня.

– Помоги нам, Нагваль, – попросила она. – Если ты этого не сделаешь, нам лучше умереть.

Я был близок к слезам, но не столько из-за них, сколько потому, что что-то боролось внутри меня. Это было что-то такое, что все время прорывалось наружу с тех пор, как мы посетили этот город. Мольба ла Горды разрывала мне сердце. У меня опять начался

приступ чего-то похожего на гипервентиляцию. Я весь покрылся холодным потом. Затем мне стало плохо. С исключительной добротой ла Горда ухаживала за мной.

Верная своей тактике выжидания, ла Горда не хотела обсуждать наше *совместное видение* в Оахаке. Целыми днями она оставалась замкнутой и решительно незаинтересованной. Она не собиралась обсуждать и то, почему мне стало плохо. Так же поступали и остальные женщины. Дон Хуан обычно подчеркивал необходимость дождаться наиболее подходящего времени для того, чтобы выпустить то, что мы держим. Я понял технику действий ла Горды, но был недоволен ее упорством в ожидании. Это не соответствовало нашим интересам. Я не мог надолго остаться в Мексике, и поэтому потребовал, чтобы мы собрались вместе и поделились тем, кто что знает. Она была непреклонна. – Мы должны ждать, – сказала она. – Мы должны дать нашим телам шанс добраться до решения. Наша задача – вспомнить не умом, а телом. Все понимают это.

Она испытующе посмотрела на меня. Она, казалось, высматривала намеки, который подсказал бы ей, что я точно понял задачу. Я признал, что я в полном недоумении с тех пор, как оказался в стороне. Я был один, в то время как все они поддерживали друг друга.

– Это молчание воинов, – сказала она, смеясь, а затем добавила примирительно: – Это молчание не означает, что мы не можем разговаривать о чем-нибудь другом.

– Может, мы вернемся к нашему обсуждению потери человеческой формы? – спросил я.

В ее взгляде было недовольство. Я многословно пояснил, что должен точно понимать значение всего, в особенности, когда применяются незнакомые подходы.

– Что именно ты хочешь узнать? – спросила она.

– Что угодно, что ты только захочешь мне рассказать.

– Нагваль говорил, что потеря человеческой формы приносит свободу, – сказала она. – Я верю этому, но пока не ощущаю этой свободы.

Последовала минута молчания. Она следила за моей реакцией.

– О какой свободе ты говоришь, ла Горда? – спросил я.

– О свободе вспомнить свое «я», – сказала она. – Нагваль говорил, что потеря человеческой формы подобна спирали. Она дает

свободу вспоминать, а это, в свою очередь, делает тебя еще более свободным.

– Почему ты не чувствуешь себя свободной? – поинтересовался я. Она прищелкнула языком и пожала плечами. Казалось, она была в затруднении, или не желала продолжать наш разговор.

– Я связана с тобой, – сказала она. – До тех пор, пока ты не потеряешь свою человеческую форму, чтобы вспомнить, я не смогу узнать, что эта свобода означает. Но, быть может, ты не сможешь потерять ее до тех пор, пока не вспомнишь. Во всяком случае, нам не следует об этом разговаривать. Почему ты не пойдешь и не поговоришь с Хенарос?

Это прозвучало так, будто мать отправляет своего приставучего ребенка пойти погулять, но я не обиделся. Если бы так сказал кто-нибудь другой, я легко мог бы принять это за враждебность или жалость. Мне нравилось быть с ней, в этом все дело.

Я нашел Паблито, Нестора и Бениньо в доме Хенаро, занятых странной игрой. Паблито болтался в полутора метрах над землей, заключенный во что-то вроде кожаного корсета или сбруи, прикрепленной к его груди и запястьям. Корсет напоминал толстый кожаный жилет.

Посмотрев пристальней, я заметил, что Паблито в действительности стоит на толстых петлях, свисавших с его жилета, подобно стремянам. Он был подвешен в центре комнаты на двух веревках, перекинутых через толстую круглую потолочную балку. Каждая веревка была прикреплена к корсету на груди Паблито с помощью металлического кольца. Натягивая веревку, Нестор и Бениньо держали Паблито в воздухе, стоя лицом к лицу. Паблито изо всех сил держался за два толстых шеста, стоявших на полу и удобно входивших в его стиснутые ладони. Нестор стоял слева от Паблито, а Бениньо справа. Игра походила на трехстороннее перетягивание каната, на отчаянную борьбу между тянущими и подвешенным.

Когда я вошел в комнату, было слышно только тяжелое дыхание Паблито и Нестора. Мышцы у них на руках вздулись от напряжения. Паблито пристально следил за обоими, попеременно поглядывая на каждого. Все трое настолько ушли в свою игру, что не заметили моего появления. А если и заметили, то были настолько сосредоточенными, что не могли оторваться.

В течение десяти минут Нестор, Бениньо и Паблито пристально

смотрели друг на друга в полном молчании. Затем Нестор притворился, что отпускает свою веревку. Бениньо на это не попался, а Паблито поверил. Он усилил свою хватку левой рукой и зацепился ногами за шесты, чтобы укрепить свое положение. Бениньо воспользовался этим моментом и сделал могучий рывок как раз в то мгновение, когда Паблито ослабил свою хватку. Рывок Бениньо застал Паблито и Нестора врасплох. Бениньо всем телом повис на веревке. Нестор был перетянут; Паблито отчаянно пытался уравновеситься, но все было напрасно – Бениньо победил. Паблито выбрался из корсета и подошел ко мне. Я спросил его об их необычной игре. Ему, по-видимому, не хотелось рассказывать. Нестор и Бениньо присоединились к нам после того, как сняли свои приспособления. Нестор сказал, что игра была изобретением Паблито, который обнаружил такую конструкцию в своем *сновидений*, а затем построил ее как игру. Сначала устройство было рассчитано на двоих, но впоследствии *сновидение* Бениньо позволило переделать игру так, чтобы мышцы напрягали все трое. Они также обостряли зрительную реакцию, пребывая в состоянии бдительности иногда целыми днями.

– Теперь Бениньо считает, что это помогает нашим телам вспоминать, – продолжал Нестор. – Ла Горда, например, чертовски здорово играет в эту игру. Она выигрывает всегда, в каком бы положении ни находилась. Бениньо говорит, что это потому, что ее тело помнит.

Я спросил, есть ли у них правило молчания. Они рассмеялись. Паблито сказал, что ла Горда больше всего хочет походить на Нагваля, она намеренно подражает ему вплоть до самых нелепых деталей.

– Вы не будете против, если мы поговорим о том, что произошло прошлой ночью, – спросил я почти в замешательстве, поскольку ла Горда решительно возражала против этого.

– Нам все равно, – сказал Паблито. – Ты – Нагваль.

– Бениньо тут вспомнил кое-что действительно таинственное, – сказал Нестор, не глядя на меня.

– Сам-то я думал, что это сон, просто запутанный сон, – сказал Бениньо, – но Нестор считает иначе.

Я с нетерпением ждал и кивком головы попросил их продолжать.

– Прошлой ночью он вспомнил, как ты учил его искать следы на мягкой почве, – сказал Нестор.

– Должно быть, это был сон, – сказал я. Я хотел рассмеяться, ибо это был абсурд, но все трое умоляюще смотрели на меня.

– Чепуха, – добавил я.

– В любом случае, я лучше расскажу тебе, что у меня тоже были похожие воспоминания, – сказал Нестор. – Ты водил меня к каким-то скалам и показывал, как надо прятаться. У меня это не было сном. Я бодрствовал. Я шел с Бениньо за растениями и внезапно вспомнил, как ты учил меня. Поэтому я спрятался так, как ты мне показывал, и напугал Бениньо до полусмерти. – Я учил тебя! – воскликнул я. – Как это может быть?! Когда?

Я начал нервничать. По-видимому, они не шутили.

– Когда? В том-то и дело, – сказал Нестор. – Мы не можем сказать – когда. Но и я, и Бениньо знаем, что это был ты.

Я чувствовал подавленность, дышать было трудно. Я боялся, что мне опять станет плохо. Я решился тут же сообщить о нашем с ла Гордой совместном *видении*, и, рассказывая об этом, расслабился. В конце рассказа я уже обрел контроль над собой.

– Нагваль оставил нас чуть приоткрытыми, – сказал Нестор. – Все мы немножко *видим*. Мы *видим* дыры у людей, у которых были дети, а также время от времени мы *видим* небольшое сияние в людях. Поскольку ты не *видишь* совсем, то похоже, что Нагваль оставил тебя совершенно закрытым для того, чтобы ты сам открылся изнутри. Теперь ты помог ла Горде, и она не то *видит* изнутри, не то выезжает на тебе.

Я возразил, что происшедшее в Оахаке могло быть случайностью. Паблито решил, что нам следует пойти на излюбленную скалу дона Хенаро и посидеть там, сблизив головы вместе. Двое остальных нашли его идею блестящей. Я не возражал. Мы сидели там очень долго, но ничего не произошло. Тем не менее мы неплохо отдохнули.

Пока мы сидели на скале, я рассказал им о двух людях, которые, по мнению ла Горды, были доном Хуаном и доном Хенаро. Они соскочили с камня и буквально потащили меня в дом ла Горды. Нестор был возбужден больше всех. Он был почти невменяем. Единственное, чего я смог от него добиться, – что все они ждали такого знака.

Ла Горда ожидала нас у двери. Она знала, что я им все рассказал. – Я просто хотела дать своему телу время, прежде чем мы успеем что-то сказать. Я должна была быть совершенно уверена, и теперь

это так. Это были Нагваль и Хенаро.

– Что находится в тех бараках? – спросил Нестор.

– Они не вошли туда, – сказала ла Горда. – Они ушли в сторону открытых полей, в сторону востока. Именно в этом направлении находится наш город.

Казалось, она хотела их успокоить. Она просила их остаться, но они отказались, извинились и вышли. Я был уверен, что они чувствовали себя неловко в ее присутствии. Она выглядела очень сердитой. Я наслаждался взрывом ее эмоций, и это было совершенно нетипично для меня. Обычно я чувствовал себя взвинченным в присутствии взволнованного человека, но Ла Горда в данном случае была загадочным исключением.

Вечером мы собрались в комнате ла Горды. Они были задумчивы. Все сидели молча, уставившись в пол. Ла Горда попыталась начать разговор. Она сказала, что не бездельничала, и, сложив два и два, получила ответ.

– Дело не в том, чтобы сложить два и два, – сказал Нестор. – Дело в том, чтобы заставить свое тело вспоминать.

Похоже было, что они переговаривали между собой, судя по тем кивкам согласия, которые Нестор получил от остальных. Это поставило меня и ла Горду в положение посторонних.

– Лидия тоже помнит кое-что, – продолжал Нестор. – Она считала это своей глупостью, но, услышав о том, что вспомнил я, она рассказала нам, что вот этот Нагваль отвез ее к лекарю и оставил там, чтобы она вылечила свои глаза.

Мы с ла Гордой повернулись к Лидии. Она опустила голову и как бы в раздражении что-то бормотала. Похоже, что воспоминание было слишком болезненным для нее. Она сказала, что когда дон Хуан впервые нашел ее, ее глаза были так поражены инфекцией, что она не могла видеть. Кто-то отвез ее на машине очень далеко к лекарю, который и вылечил ее. Она всегда была убеждена, что это сделал дон Хуан, но, услышав мой голос, поняла, что именно я возил ее туда. Нелепость таких воспоминаний бросала ее в дрожь уже с первого дня, как она меня встретила.

– Мои уши не лгут мне, – добавила Лидия после молчания. – Именно ты отвез меня туда.

– Невозможно! Невозможно! – закричал я.

Мое тело начало конвульсивно подергиваться. У меня появилось ощущение раздвоенности. Вероятно, то, что я называю рассудком,

не могло больше контролировать всего меня, и заняло место зрителя. Какая-то часть меня наблюдала за тем, как другая часть меня тряслась.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 4

Пересечение границ привязанности

– Что с нами происходит, Горда? – спросил я, когда остальные ушли.

– Наши тела вспоминают, но не могут понять, что именно, – сказала ла Горда.

– Ты веришь в воспоминания Лидии, Нестора и Бениньо?

– Конечно. Они серьезные люди, и ничего не говорят просто так, лишь бы подурочить нас.

– Но то, что они говорят, невероятно. Мне-то ты веришь, ла Горда?

– Я верю, что ты не помнишь, но тогда...

Она не договорила. Она подошла ко мне и зашептала на ухо. Она сказала, что имеется нечто такое, о чем Нагваль взял с нее обещание не говорить, пока не придет нужное время. Козырной картой нужно пользоваться только тогда, когда нет другого выхода. Драматическим шепотом она добавила, что Нагваль предвидел их новый уклад жизни, который явился результатом того, что я взял Хосефину в Тулу, чтобы она поддержала Паблито. Она сказала, что существует ничтожный шанс, что мы добьемся успеха как группа, если последуем естественному ходу такой организации. Ла Горда объяснила, что, поскольку мы разделены на пары, мы образовали живой организм, мы стали змеем, могучим змеем. У змея четыре отдела, и он разделен на две продольные части, мужскую и женскую. Она сказала, что мы с ней образуем первую часть змея – голову. Это холодная, расчетливая, ядовитая голова. Вторая часть образована Нестором и Лидией. Это твердое, чистое сердце змея. Третья – брюхо, подвижное, переменчивое, ненадежное, – оно образовано Паблито и Хосефиной. И четвертый отдел – хвост, где расположена «погремушка», – он образован парой, которая в реальной жизни может греметь часами до бесконечности на своем цокающем наречии, – Бениньо и Розой. Ла Горда встала и выпрямилась. Она улыбнулась мне и похлопала меня по спине.

– Элихио сказал еще одно слово, которое сейчас вспомнилось мне,

– продолжала она. – Хосефина согласна со мной, что он вновь и вновь повторял слово «след». Мы пойдем по следу.

Не дав мне возможности задать ей какой-нибудь вопрос, она сказала, что собирается немного поспать, а затем собрать всех, чтобы отправиться в путешествие.

Мы вышли в полночь при ярком лунном свете. Сначала никто не хотел идти, но Ла Горда очень удачно описала им то, что дон Хуан называл «построением змея». Перед выходом Лидия предложила, чтобы мы позаботились о провизии на случай, если путешествие затянется. Ла Горда возразила, что мы не знаем, какое путешествие ждет нас. Она сообщила, что Нагваль однажды указал ей начало тропы и сказал, что при удобном случае мы должны собраться на этом месте и позволить силе открыться нам. Ла Горда добавила, что это не обычная козья тропа, а естественная линия на земле, которая, по словам Нагваля, может дать нам силу и знание, если мы сможем следовать по ней и стать с ней единым целым.

Мы двигались под смешанным руководством. Ла Горда дала нам толчок, а Нестор знал местность. Ла Горда привела нас к определенному месту в горах. После этого Нестор принял руководство и нашел тропу. Наше построение было очевидным, то есть голова вела, а остальные располагались соответственно анатомическому строению змеи: сердце, брюхо и хвост. Мужчины шли справа от женщин. Каждая пара шла в полутора метрах за предыдущей.

Мы шли так быстро и так неслышно, как только могли. Временами слышался лай собак, а когда мы поднялись выше в гору, осталось только пение сверчков. Мы шли еще какое-то время. Внезапно Ла Горда остановилась и, схватив меня за руку, показала вперед.

В 40 – 50 метрах прямо посреди тропы высился силуэт громадного человека, около двух с половиной метров высотой. Он преграждал нам дорогу. Мы столпились гурьбой. Наши глаза были прикованы к темной фигуре. Она не двигалась. Некоторое время спустя Нестор сделал несколько шагов вперед. Лишь после этого фигура сдвинулась – навстречу нам. Каким бы громоздким ни выглядел человек, перемещался он плавно. Нестор бегом вернулся обратно. В тот момент, когда он присоединился к нам, человек остановился. Ла Горда сделала шаг в его направлении, и человек сделал шаг нам навстречу. Было очевидно, что если мы будем продолжать двигаться, мы столкнемся с ним. Мы были не чета гиганту, чем бы

он ни был. Я взял на себя инициативу, толкнул всех назад и быстро увел с этого места.

Мы возвращались к дому ла Горды в глубочайшем молчании. Обратный путь занял у нас несколько часов. Мы полностью выдохлись. Когда мы благополучно уселись в комнате ла Горды, она заговорила.

– Мы обречены, – сказала она. – Эта штука, которую мы видели, была одним из твоих союзников: ты не хотел, чтобы мы двигались вперед. Твои союзники выскакивают из своих укромных мест, когда ты подталкиваешь их.

Я не ответил. Протестовать не было смысла. Я вспомнил, как много раз я сам считал, что дон Хуан и дон Хенаро были в сговоре друг с другом. Я думал, что пока дон Хуан разговаривает со мной в темноте, дон Хенаро переодевается для того, чтобы напугать меня, а дон Хуан утверждает потом, что меня пугают союзники. Сама мысль о существовании союзников и тому подобного за пределами нашего повседневного внимания была слишком неприемлемой для меня. Но затем я на своем опыте убедился, что союзники, которых описывает дон Хуан, действительно существуют. В мире, как он говорил, полно всевозможных тварей.

Авторитетным тоном, крайне редким в моей повседневной жизни, я сказал ла Горде и остальным, что у меня есть для них предложение, которое они вольны либо принять, либо нет. Если они готовы двинуться отсюда, то я могу взять на себя ответственность и увести их в другое место. Если не готовы, я буду чувствовать себя свободным от каких-либо обязательств перед ними.

Я чувствовал прилив оптимизма и уверенности. Никто из них ничего не сказал. Они смотрели на меня молча, как бы взвешивая мое заявление.

– Сколько вам понадобится времени, чтобы собрать вещи? – спросил я.

– У нас нет вещей, – сказала ла Горда. – Мы поедем как есть. И мы можем ехать прямо сейчас, сию же минуту, если это необходимо. Но если мы можем подождать еще три дня, то это было бы лучше для нас.

– Как насчет ваших домов? – спросил я.

– Об этом позаботится Соледад, – ответила она.

Впервые с тех пор, как я в последний раз видел донью Соледад,

было упомянуто ее имя. Я настолько заинтересовался, что моментально забыл о тяжелом положении данного момента. Я сел. Ла Горда колебалась с ответами на вопросы о донье Соледад. Нестор вмешался и сказал, что Соледад где-то поблизости, но они очень мало знают о том, чем она занимается. Она приходит и уходит, ни у кого не спрашивая. Между ними существовало соглашение, чтобы она присматривала за их домами. Донья Соледад знала, что рано или поздно им нужно будет уехать, и тогда она примет на себя ответственность и сделает все необходимое, чтобы они избавились от своей собственности.

– Как вы дадите ей знать? – спросил я.

– Это дело ла Горды, – ответил Нестор. – Она знает, где находится Соледад.

– Где донья Соледад, ла Горда? – спросил я.

– Откуда, черт возьми, я могу знать это? – бросило ла Горда.

– Но ведь именно ты всегда зовешь ее, – сказал Нестор.

Ла Горда посмотрела на меня. Это был мимолетный взгляд, но он поверг меня в дрожь. Я узнал этот взгляд, но откуда? Все мое тело напряглось. Солнечное сплетение стало твердым, как никогда. Моя диафрагма, казалось, давила вверх сама на себя. Я подумывал о том, не прилечь ли, когда внезапно оказался стоящим.

– Ла Горда не знает, – сказал я. – Только я знаю, где она находится. Все были потрясены, и я, пожалуй, сильнее всех. Я сделал это заявление без всяких разумных на то оснований. Однако в тот момент, когда я его произносил, у меня была абсолютная уверенность, что я знаю, где она находится. Это было похоже на озарение, промелькнувшее в моем сознании. Я увидел горный район с зазубренными сухими пиками и пустую холодную равнину. Как только я замолчал, следующей осознанной мыслью было, что я, по-видимому, видел этот ландшафт в кино и что нагрузка от пребывания с этими людьми вызвала у меня такой срыв. Я извинился, что ввел их в заблуждение, хотя и ненамеренно, и уселся.

– Ты хочешь сказать, что не знаешь, почему ты это сказал? – спросил меня Нестор. Он осторожно подбирал слова. Естественнее было бы спросить, по крайней мере для меня: «Значит, ты на самом деле не знаешь, где она находится?». Я сказал им, что на меня нашло что-то неизвестное. Я описал им местность, которую увидел, и ту нахлынувшую на меня уверенность, что донья

Соледад находится именно там.

– Это происходит с нами довольно часто, – сказал Нестор.

Я повернулся к ла Горде, и она кивнула головой. Я попросил ее объясниться.

– Эти сумасшедшие запутанные вещи все время приходят нам в голову, – сказала ла Горда. – Спроси Лидию, Розу или Хосефину. С тех пор, как они поселились парами, Лидия, Роза и Хосефина мало говорили со мной. Они ограничивались приветствиями или случайными репликами о пище или погоде.

Лидия избегала моего взгляда. Она пробормотала, что временами ей кажется, будто она помнит еще и другие вещи.

– Иногда я могу действительно ненавидеть тебя, – сказала она мне.

– Я думаю, что ты притворяешься глупым, но потом я вспоминаю, что однажды ты даже заболел из-за нас. Это был ты?

– Конечно, это был он, – вмешалась Роза. – Я тоже вспоминаю разное. Я помню даму, которая была добра ко мне. Она учила меня, как держать себя в чистоте, а этот Нагваль подстриг мне волосы в первый раз, пока она меня держала, потому что я была очень напугана. Эта дама любила меня. – Она была очень высокая. Я помню, что мое лицо прижималось к ее груди, когда она обнимала меня. Она была единственным человеком, который действительно заботился обо мне. Я бы с радостью приняла смерть ради нее.

– Кто была эта дама. Роза? – спросила ла Горда, затаив дыхание. Роза указала на меня подбородком, жестом, полным отвращения и недовольства.

– Он знает, – сказала она.

Все уставились на меня, ожидая ответа.

Я рассердился и заорал на Розу, что не ее дело лезть с заявлениями, которые в действительности являются обвинениями. Я никоим образом не лгал им.

На Розу не подействовала моя вспышка. Она спокойно объяснила, что помнит, как эта дама говорила ей, что я еще вернусь после того, как оправлюсь от своей болезни. Роза поняла это так, что дама заботится и обо мне, лечит меня, и поэтому я должен знать, кто она такая и где она, поскольку я уже явно выздоровел.

– Что за болезнь была у меня, Роза? – спросил я.

– Ты заболел, потому что не смог удерживать свой мир, – сказала она очень убежденно. – Кто-то говорил мне, я думаю, давным-

давно, что ты не создан для нас, точно так же, как Элихио говорил ла Горде в *сновидениях*. Поэтому ты нас и покинул, и Лидия так и не простила тебе этого. Она будет ненавидеть тебя и за границами этого мира.

Лидия запротестовала, сказав, что ее чувства не имеют ничего общего с тем, что говорит Роза. Она просто очень легко выходит из себя и сердится из-за моей глупости.

Я спросил Хосефину, помнит ли она меня тоже.

— Конечно, помню, — сказала она с улыбкой. — Но ты же знаешь, что я сумасшедшая. Мне нельзя верить. На меня нельзя положиться.

Ла Горда настаивала на том, чтобы Хосефина сказала о том, что она помнит. Хосефина была настроена не говорить ничего, и они спорили, пока, наконец, Хосефина не сказала мне:

— Какой толк от всех этих разговоров о воспоминаниях, они гроша ломаного не стоят.

Хосефина, казалось, высказалась за всех, больше говорить было не о чем. Они собирались уйти после того, как посидели в вежливом молчании еще несколько минут.

— Я помню, как ты покупал мне красивые платья, — внезапно сказала мне Хосефина. — Разве ты не помнишь, как я упала с лестницы в магазине? Я чуть не поломала ноги, и тебе пришлось меня нести.

Все опять сели, уставившись на Хосефину.

— Еще я помню одну сумасшедшую, она хотела побить меня и гонялась за мной, пока ты не рассердился и не остановил ее.

Я был растерян. Все, казалось, уцепились за слова Хосефины, хотя сама она говорила, чтобы ей не верили, так как она сумасшедшая. Она была права. Ее воспоминания не имели для меня никакого смысла.

— Я тоже знаю, почему ты заболел, — сказала она. — Я была там, но не помню, где. Они взяли тебя сквозь стену тумана, чтобы разыскать глупышку ла Горду. Я думаю, она заблудилась. Ты не мог вернуть ее. Когда они принесли тебя назад, ты был почти мертв.

Молчание, следовавшее за ее словами, было гнетущим. Я уже просто боялся что-либо спрашивать.

— Я не могу вспомнить, ради чего она отправилась туда и кто принес тебя оттуда. Глупая ла Горда клянется, что она не знала

тебя, пока ты не пришел к нам в этот дом несколько месяцев назад. Я же узнала тебя сразу. Я помнила, что ты был Нагваль, который заболел. Ты хочешь что-то узнать? Я думаю, эти женщины просто индугируют, как и глупый Паблито. Они-то должны помнить, ведь они были там же.

– А ты помнишь, где мы были? – спросил я.

– Не помню, – сказала Хосефина. – Однако узнала бы, если бы ты меня туда привез. Когда мы были там, нас называли пьяницами, потому что мы блуждали. У меня в голове тумана было меньше, чем у остальных, поэтому я помню довольно отчетливо.

– Кто называл нас пьяницами? – спросил я.

– Не тебя, только нас, – ответила Хосефина. – Я не помню кто. Наверное, Нагваль Хуан Матус.

Я посмотрел на них, и все отвели глаза.

– Мы подходим к концу, – пробормотал Нестор, как бы говоря сам с собой. – Наш конец уже смотрит нам в лицо.

Казалось, он был на грани слез.

– Я должен быть рад и горд, что мы прибыли к концу, и все же я печален. Не можешь ли ты объяснить это, Нагваль?

Внезапно всех охватила печаль. Даже дерзкая Лидия загрустила.

– Что с вами случилось? – спросил я. – О каком конце вы говорите?

– Я думаю, каждый знает, что это за конец, – сказал Нестор. – В последнее время у меня были странные ощущения. Что-то зовет нас, а мы сопротивляемся, цепляясь.

Паблито, как истинный кавалер, отметил, что ла Горда единственная среди нас, кто ни за что не цепляется. Все остальные, заверил он меня, безнадежные эгоисты.

– Нагваль сказал, что когда придет время, мы получим знак, – сказал Нестор. – Что-то такое, что нам действительно нравится, выйдет на передний план и позовет нас.

– Он сказал, что это не обязательно должно быть что-то большое, – добавил Бениньо. – Может подойти что угодно, что нам нравится.

– Для меня знак придет в виде оловянных солдатиков, которых у меня никогда не было, – добавил Бениньо. – Отряд оловянных солдатиков, конных гусар, явится, чтобы забрать меня. А чем это явится для тебя?

Я вспомнил, как дон Хуан говорил мне однажды, что смерть может стоять позади чего угодно, даже позади точки в моем блокноте. А потом он дал мне определенную метафору моей смерти. Я

рассказал ему, что, гуляя однажды по бульвару Голливуда в Лос-Анжелесе, я услышал звуки трубы, играющей старый, идиотский популярный мотив. Музыка доносилась из магазина грампластинок на этой улице. Никогда я не слышал более приятных звуков. Я был захвачен ими. Я был вынужден присесть на бордюр. Медные звуки трубы попадали мне прямо в мозг. Я ощущал их над своим правым виском. Они ласкали меня, пока я не опьянел от них. Когда они смолкли, я знал, что нет способа когда-нибудь повторить это ощущение, и у меня было достаточно отрешенности, чтобы не броситься в магазин и не купить эту пластинку вместе со стереопроектором, чтобы слушать и слушать ее.

Дон Хуан сказал, что это было знаком, который дала мне сила, управляющая судьбой людей. Когда придет мое время покинуть этот мир в какой бы то ни было форме, я услышу те же самые звуки трубы и тот же идиотский мотив, исполняемый тем же трубачом.

Следующий день был для всех суматошным. Казалось, каждому нужно было сделать бесчисленное множество дел. Ла Горда сказала, что их хлопоты носили личный характер и должны были выполняться каждым без посторонней помощи. Я был рад остаться один. У меня тоже имелись свои дела. Я поехал в ближайший городок, который так сильно нарушал мое спокойствие. Я подъехал прямо к дому, имевшему такую притягательную силу для меня и ла Горды. Я постучал в дверь. Открыла дама. Я сочинил историю, что жил в этом доме ребенком и хотел бы взглянуть на него опять. Она была доброжелательной женщиной и повела меня в дом, многословно извиняясь за несуществующий беспорядок. Этот дом был переполнен скрытыми воспоминаниями. Они были там, я мог их чувствовать, но вспомнить не мог ничего.

На следующий день ла Горда уехала ранним утром. Я ожидал, что ее не будет весь день, но к обеду она возвратилась. Казалось, она была крайне взволнована.

– Соледад вернулась и хочет тебя видеть, – сказала она напрямик. Без единого слова объяснений она отвела меня к дому Соледад. Донья Соледад стояла у двери. Она выглядела еще более молодой и сильной, чем когда я ее видел в последний раз. У нее осталось лишь отдаленное сходство с той старой женщиной, которую я знал много лет назад.

Ла Горда была на грани слез. То напряжение, через которое мы проходили, делало ее состояние вполне понятным для меня. Она ушла, не сказав ни слова.

Донья Соледад сказала, что у нее очень мало времени для разговора со мной и что она собирается использовать каждую минуту. Она производила странное впечатление отрешенности. В каждом ее слове звучала вежливость.

Я сделал жест, чтобы остановить ее и задать вопрос. Самым деликатным образом она прервала меня. Она сказала, что подбирает слова очень тщательно и что недостаток времени позволит ей сказать лишь то, что существенно. Она секунду пристально смотрела мне в глаза, и эта секунда показалась мне неестественно длинной. Это раздражало меня. Она могла бы и говорить со мной, и в то же время ответить на какие-нибудь вопросы.

Она прервала паузу и заговорила о том, что я воспринял как абсурд. Она сказала, что нападала на меня, поскольку я сам об этом просил в тот день, когда мы впервые пересекли параллельные линии, и что она может лишь надеяться, что ее атака была эффективной и послужила своей цели. Я хотел закричать, что я никогда не просил ее о чем-либо подобном, что ничего не знаю о параллельных линиях и что то, что она говорит, – бессмыслица. Она зажала мне губы ладонью. Я автоматически расслабился. Она выглядела опечаленной. Она сказала, что нет способа, при помощи которого мы могли бы разговаривать, потому что в данный момент мы находимся на двух параллельных линиях, и ни у кого из нас нет энергии пересечь их. Только ее глаза могли сообщить мне о ее настроении.

Безо всяких причин я почувствовал себя расслабленным. Что-то во мне смягчилось. Я заметил, что по моим щекам катятся слезы, а затем мной на секунду овладело невероятное ощущение. На короткий момент, но достаточно продолжительный, чтобы пошатнуть основание моего сознания или моей личности, или того, что, как я думал и чувствовал, является «мною». В это мгновение я понял, что мы очень близки друг к другу по своим целям и темпераменту. Наши обстоятельства были похожими. Я хотел сказать ей, что это была отчаянная битва, но что она еще не закончена и никогда не закончится. Она прощалась, потому что, будучи безупречным воином, знала, что наши пути никогда не

пересекутся. Мы пришли к концу следа. Запоздалая волна чувства общности вырвалась из какого-то темного, непостижимого уголка меня самого. Эта вспышка была подобна электрическому разряду внутри моего тела. Я обнял ее, мои губы двигались, говоря что-то, не имеющее для меня никакого смысла. Ее глаза загорелись. Она тоже говорила что-то, чего я не мог понять. Единственное ощущение, бывшее для меня ясным и состоявшее в том, что я пересек параллельные линии, не имело никакого прагматического значения. Внутри меня вырвался наружу какой-то источник, какая-то необъяснимая сила разрывала меня на части. Я не мог дышать, и все покрылось мглой.

Я почувствовал, как кто-то касается меня и мягко тормозит. В фокусе появилось лицо ла Горды. Я увидел, что лежу на кровати доньи Соледад, около меня сидела ла Горде. Мы были вдвоем.

– Где она? – спросил я.

– Ушла, – ответила ла Горда.

Я хотел все рассказать ла Горде, но она остановила меня и открыла дверь. Все ученики ожидали меня снаружи. Они надели свои лучшие одежды. Ла Горда объяснила, что они порвали все остальное, что у них было. Время клонилось к вечеру. Я проспал несколько часов. Не разговаривая, мы пошли к дому ла Горды, где стояла моя машина. Они забились внутрь, словно дети, собирающиеся на воскресную прогулку.

Прежде чем сесть в машину, я остановился, глядя на долину. Мое тело медленно поворачивалось, совершая полный круг, как если бы оно имело собственную волю и свои задачи. Я чувствовал, что постигаю сущность этого места. Я хотел удержать ее в себе, потому что я знал совершенно определенно, что никогда больше его не увижу.

Другие, должно быть, уже проделали это. Они были свободны от меланхолии, шутили и смеялись друг над другом.

Я завел машину, и мы поехали. Когда мы достигли последнего поворота дороги, солнце садилось, и ла Горда закричала, чтобы я остановился. Она выбралась наружу и побежала на небольшой холмик сбоку от дороги. Она забралась на него и бросила прощальный взгляд на свою долину. Она потянула к ней руки и вдыхала ее в себя.

Поездка вниз с этих гор была на удивление короткой и совершенно лишенной событий. Все хранили спокойствие. Я пытался втянуть

ла Горду в разговор, но она наотрез отказалась. Она сказала, что горы, будучи собственниками, хотят завладеть ими и что если они не сохранят своей энергии, то горы никогда не отпустят их. Как только мы спустились в долину, все стало очень оживленными, особенно ла Горда. Она, казалось, кипела энергией. Она даже добровольно поделилась информацией, без всяких уговоров с моей стороны. Одним из ее утверждений было то, что Нагваль говорил ей, а Соледад подтвердила, что у нас есть другая сторона. Услышав это, остальные выступили с вопросами и замечаниями. Они были в смущении из-за своих странных воспоминаний о событиях, которые логически не могли иметь места. Так как некоторые из них повстречались со мной несколькими месяцами раньше, то воспоминания обо мне, уходящие в отдаленное прошлое, были чем-то превосходящим границы их понимания.

Тогда я рассказал им о своей встрече с доньей Соледад. Я описал им свое чувство, что я очень близко знал ее раньше, и то чувство, что я, несомненно, пересек тогда то, что она называла параллельными линиями. В ответ на мое заявление все смутились. Казалось, они слышали этот термин раньше. Но я не был уверен, что все они понимали, что это значит. Для меня это была метафора. Я не мог бы поклясться, что и для них это было так же. Когда мы приехали в город Оахаку, они изъявили желание посетить то место, где, по словам ла Горды, исчезли дон Хуан и дон Хенаро. Я приехал прямо туда. Они высыпали из машины и, казалось, ориентировались, принимались к каким-то признакам. Ла Горда указала направление, в котором они ушли.

– Ты сделала ужасную ошибку, ла Горда, – сказал Нестор. – Это не восток. Это север.

Ла Горда протестовала и отстаивала свое мнение. Женщины и Паблито поддерживали ее. Бениньо не вступал в разговор и молча смотрел на меня, как если бы я должен был дать ответ, что я и сделал.

Я обратился к карте Оахаки, которая была у меня в машине. Направление, указанное ла Гордой, было севером.

Нестор заметил, что наш отъезд из их города, как он все время чувствовал, ни в коей мере не был преждевременным или насильственным. Срок был правильным. У других такого ощущения не было, их колебания были вызваны ошибкой ла

Горды. Она считала, что Нагваль указал на их родной город, и это означало, что они должны были остаться там. Я с опозданием признал, что, в конце концов, виноват сам, потому что вовремя не воспользовался картой.

Потом я вспомнил, что забыл им рассказать, как один из тех людей, кого я принял в тот момент за дон Хенаро, позвал нас за собой кивком головы. Глаза ла Горды широко раскрылись от искреннего удивления или даже тревоги. Она этого жеста не заметила. Приглашение касалось только меня.

– Вот он, перст судьбы! – воскликнул Нестор.

Он повернулся к остальным. Все заговорили одновременно. Он отчаянно жестикулировал, чтобы успокоить их.

– Я лишь надеюсь, что вы сделали все как надо в расчете на то, что никогда не вернетесь, – сказал он, – потому что мы никогда не возвратимся назад.

– Ты говоришь нам правду? – спросила Лидия со свирепым выражением лица, в то время как остальные выжидающе уставились на меня.

Я заверил, что у меня не было причин выдумывать что-либо. И, к тому же, я совершенно не был убежден, что это были дон Хуан и дон Хенаро.

– Ты очень хитрый, – сказала Лидия. – Ты, быть может, говоришь нам это для того, чтобы мы покорно следовали за тобой.

– Подожди минутку, – вмешалась ла Горда. – Этот Нагваль может быть таким хитрым, как ты думаешь, но он никогда не поступит подобным образом.

Они заговорили все сразу. Я попытался вмешаться, и мне пришлось сказать, что виденное мною в любом случае ничего не меняет. Нестор очень вежливо объяснил им, что Хенаро говорил, что когда для них наступит время покинуть долину, он каким-нибудь образом даст им знать об этом кивком головы. Они успокоились, когда я сказал, что если их судьбы предрешены благодаря этому событию, то такое же можно сказать и о моей судьбе. Все мы отправляемся на север.

Затем Нестор отвел нас к месту ночевки – постоялому двору, где он обычно останавливался, когда у него бывали дела в городе. Их настроение было приподнятым, пожалуй, даже слишком приподнятым, чтобы я мог чувствовать себя комфортно. Даже Лидия обняла меня, извинившись за свою несносность. Она

объяснила, что верила ла Горде и потому не позаботилась о том, чтобы эффективно разорвать свои связи с долиной. Хосефина и Роза вновь и вновь гладили меня по спине. Я хотел поговорить с ла Гордой. Мне надо было обсудить с ней наши дальнейшие действия. Но в этот вечер никакой возможности остаться с ней наедине так и не представилось.

Нестор, Паблито и Бениньо ушли рано утром, чтобы сделать кое-какие дела. Женщины тоже ушли – за покупками. Ла Горда попросила, чтобы я помог ей купить новое платье. Она хотела, чтобы я выбрал для нее платье, которое дало бы ей полную уверенность в себе, необходимую для того, чтобы быть гибким воином. Я подыскал не только такое платье, но и туфли с чулками. Мы с ней пошли прогуляться. Мы кружили по центру города, глаза на индейцев в их местных одеяниях. Будучи бесформенным воином, она уже совершенно свободно чувствовала себя в своем новом элегантном одеянии. Выглядела она очаровательно. Казалось, она никогда не одевалась иначе. Не она, а я никак не мог привыкнуть к ее новой одежде.

Мне было очень трудно сформулировать вопросы, которые прямо-таки рвались из меня. Неожиданно оказалось, что я не имею ни малейшего представления, о чем бы ее спросить. Со всей серьезностью я сказал, что ее новый облик очень сильно воздействует на меня. Она весьма рассудительно ответила, что на меня воздействует не это, а пересечение границ.

– Вчера вечером мы пересекли некие границы, – сказала она, – Соледад говорила мне, чего ожидать, поэтому я была подготовлена, а ты – нет.

Она начала медленно и мягко объяснять, что мы пересекли границы привязанности. Она четко выговаривала каждый звук, как если бы говорила с ребенком или иностранцем. Но я не мог сконцентрироваться на ее словах. Мы повернули к нашему жилью. Я нуждался в отдыхе, но кончилось тем, что я опять отправился в город. Лидия, Роза и Хосефина не смогли ничего купить и теперь хотели что-нибудь такое, как у ла Горды.

К полудню я вернулся на постоянный двор, восхищаясь сестричками. Розе было немного трудно идти на высоких каблуках. Мы подшучивали над ее походкой, когда дверь медленно отворилась и вошел Нестор. Он был одет в сшитый на заказ темно-синий костюм, светло-розовую рубашку и синий

галстук. Его волосы были тщательно причесаны и слегка вились, как после специальной химической завивки. Он посмотрел на женщин, а те на него. Вошел Паблито, а следом Бениньо. Оба выглядели сногшибательно. Их туфли были совершенно новыми, а костюмы сшиты по последней моде.

Меня порадовало, как все мгновенно адаптировались к городской одежде. Это очень напоминало дона Хуана. Я, пожалуй, так же был поражен видом трех Хенарос в городской одежде, как когда-то был потрясен, увидев дона Хуана в костюме. Но их новый облик я воспринял сразу. С другой стороны, хотя я и не удивлялся преобразению женщин, привыкнуть к их новой внешности я не мог.

Я подумал, что Хенарос, видимо, улыбнулась удача магов, раз им удалось купить такие прекрасные костюмы. Услышав мои рассуждения об удаче, они расхохотались. Нестор объяснил, что эти костюмы для них сшил портной еще несколько месяцев назад. – Каждый из нас имеет еще по одному костюму, есть у нас и кожаные чемоданы. Мы знали, что время нашей жизни в горах подходит к концу. Мы готовы к отъезду. Конечно, сначала ты должен сказать нам – куда. А также то, сколько времени мы будем находиться здесь.

Он сказал, что у него есть давние деловые счета, которые надо закрыть, и что это потребует определенного времени. Ла Горда вышла вперед и заявила, что нынче вечером мы отправляемся так далеко, как позволит сила, следовательно – до конца дня все должны уладить свои дела. Нестор и Паблито медлили у дверей. Они смотрели на меня, ожидая подтверждения. Я подумал, что наименьшее, что я могу – это быть с ними честным. Но ла Горда прервала меня как раз в тот момент, когда я собрался сказать, что сам пребываю в затруднении относительно того, куда нам ехать и что нам надлежит делать.

– Мы встретимся на скамейке Нагваля в сумерках, – сказала она. – Оттуда мы и отправимся. Нам следует сделать все, что нужно, или все, что мы хотим, до этого времени, зная, что никогда больше в нашей жизни мы сюда не вернемся.

После того, как все разошлись, мы с ла Гордой остались одни. Резким и неуклюжим движением она села мне на колени. Она была такой легкой, что я мог бы стряхнуть ее тело, пошевелив ногами. Ее волосы слабо пахли какими-то духами. Я пошутил, что запах

невыносим. Она затряслась от смеха, и вдруг ко мне пришло ощущение воспоминания. Внезапно я как бы держал на коленях другую ла Горду, полную, в два раза толще той, которую я знал. Лицо ее было круглым, и я дразнил ее, потешаясь над запахом ее волос. У меня было ощущение, что я забочусь о ней.

Действие этого потрясающего воспоминания заставило меня встать. Ла Горда грохнулась на пол. Я описал ей то, что вспомнил. Я сказал, что видел ее полной только один раз, и то так непродолжительно, что не смог бы описать ее черты. И, тем не менее, я только что видел ее, когда она была еще полной. Она никак этого не комментировала, но сняла свою новую одежду и вновь надела старое платье.

— Я еще не готова к нему, — сказала она, указывая на свое новое одеяние. — Нам предстоит сделать еще одну вещь, прежде чем мы будем свободны. Согласно инструкциям Нагваля мы все должны посидеть на выбранном им месте силы.

— Где это место?

— Где-то поблизости, в горах. Нагваль говорил, что на этом месте есть естественная трещина. Он сказал, что определенные места силы являются дырами в этом мире. Если быть бесформенным, то можно пройти сквозь такую дыру в неизвестное, в иной мир. Тот мир и этот — где мы живем — находятся на двух параллельных линиях. Вполне возможно, что он всех нас в разное время брал в тот мир через эти линии, но мы этого не помним. Элихио находится в том другом мире. Иногда мы достигаем его при помощи *сновидения*. Хосефина, конечно, самый лучший *сновидящий* среди нас. Она пересекает эти линии ежедневно, но то, что она сумасшедшая, делает ее безразличной и туповатой, поэтому Элихио помог мне пересечь эти линии, считая, что я более разумна. Но и я оказалась такой же тупой. Элихио хочет, чтобы мы вспомнили свою левую сторону. Соледад говорила мне, что левая сторона — это линия, параллельная той, на которой мы живем сейчас. Поэтому, если он хочет, чтобы ее вспомнили, значит, мы должны были уже бывать там. И не в *сновидении*. Вот почему мы все вспоминаем время от времени какую-то чертовщину.

Ее заключения были логичными, учитывая те исходные данные, которыми она располагала. Я знал, о чем она говорит. Эти случайные, необоснованные воспоминания обладали реальностью повседневной жизни. И тем не менее мы были неспособны найти

для них ни временной последовательности, ни хоть какого-нибудь промежутка в непрерывной последовательности нашей жизни.

Ла Горда села, откинувшись на кровать. В ее глазах была измученность.

– Но вот вопрос – как найти это место силы? – сказала она. – Без этого места нет возможности для нашего путешествия.

– А меня заботит, куда вас вести и что там с вами делать?

– Соледад говорила мне, что мы поедем на север, до самой границы, – сказала ла Горда. – А некоторые, пожалуй, поедут еще дальше на север. Но ты не будешь все время с нами. У тебя другая судьба.

Ла Горда на минуту задумалась. Лицо ее исказилось от попытки привести мысли в порядок.

– Соледад говорила, что ты возьмешь меня, чтобы я выполнила свое предназначение. Я единственная из всех нас, кто находится на твоём попечении.

Должно быть на моем лице отразилась тревога. Она улыбнулась.

– Соледад сказала мне также, что ты закрыт глушкой, – продолжала она. – Но иногда ты бываешь Нагвалем. Все остальное время, по словам Соледад, ты подобен тому сумасшедшему, у которого временами проясняется сознание, а затем он вновь впадает в свое безумие.

Донья Соледад нашла очень подходящие слова, чтобы описать меня. Именно те, которые я мог понять. Должно быть, по ее мнению, у меня был проблеск в сознании, когда я знал, что пересекал параллельные линии. Однако этот момент, по моим собственным стандартам, был самым абсурдным. Мы с доньей Соледад явно находились на разных линиях мышления.

– Что еще она тебе говорила? – спросил я.

– Она говорила, что я должна заставить тебя вспомнить, она совсем выдохлась, пытаясь поднять на поверхность мою память; именно поэтому она не могла подробнее заняться тобой.

Ла Горда поднялась. Она была готова к выходу. Мы пошли погулять по городу. Она, казалось, была счастлива. Она ходила, наблюдая за всем, насыщая свои глаза миром. Дон Хуан уже давал мне такую картину, говоря, что воин ждет, что он знает, чего ждет, и пока он ждет, он насыщает свои глаза миром. Для него окончательное выполнение задачи воина было радостью. В тот день в Оахаке ла Горда буквально следовала учению дона Хуана.

В конце дня на закате солнца мы пришли и сели на скамью донна Хуана. Первыми пришли Паблито, Бениньо и Хосефина, а через несколько минут к ним присоединились и трое остальных. Паблито уселся между Лидией и Хосефиной, положил им руки на плечи. Они опять переоделись в старую одежду.

Ла Горда поднялась и начала рассказывать им о месте силы.

Нестор стал смеяться над ней, остальные присоединились к нему.

— Никогда больше ты не заставишь нас попасть под твое влияние, — сказал Нестор. — Мы свободны от тебя. Прошлой ночью мы пересекли границы.

Ла Горду это не затронуло, но остальные рассердились. Я громко сказал, что хочу подробнее узнать о тех границах, которые мы пересекли. Нестор объяснил, что это относится только к ним. Ла Горда не согласилась. Казалось, они были готовы сцепиться. Я отвел Нестора в сторону и велел ему рассказать о границах.

— Наши чувства создают границы вокруг чего угодно, — сказал он.

— Чем больше мы любим, тем сильнее границы. В данном случае мы любили свой дом. Прежде чем уехать, нам пришлось забрать свои чувства назад. Наши чувства к своему дому доходили до вершин гор на западе нашей долины. Это была граница. Когда мы пересекли вершины гор, зная, что никогда не вернемся назад, мы эти границы переступили.

— Но я тоже знал, что никогда не вернусь сюда, — сказал я.

— Ты не любил эти горы так, как мы, — сказал Нестор.

— Это еще как сказать, — загадочно бросила ла Горда.

— Мы были под ее влиянием, — сказал Паблито, указывая на ла Горду. — Она держала всех нас за шиворот. Теперь я вижу, насколько мы были тупы в отношении ее. Мы не можем плакать над пролитым молоком, но больше мы не попадемся.

Лидия и Хосефина присоединились к Нестору и Паблито. Бениньо и Роза смотрели так, словно вся эта стычка совсем их не касается.

В этот момент у меня опять появился проблеск уверенности и авторитетного поведения. Я поднялся и без всякого сознательного желания заявил, что беру все руководство на себя и освобождаю ла Горду от каких бы то ни было дальнейших обязанностей делать замечания и представлять свои идеи как единственно верное решение. Когда я закончил, то был шокирован собственной смелостью. Все, включая ла Горду, были довольны. Сила, стоявшая за моей вспышкой, первоначально была физическим

ощущением раскрывания моих лобных пазух, а затем осознанием того, где именно находится место, которое мы должны посетить, прежде чем станем свободными, и о котором говорил дон Хуан. Когда открылись мои лобные пазухи, передо мной предстало видение того дома, который так меня заинтриговал.

Я сказал им, куда мы должны ехать. Они приняли мои указания без каких-либо замечаний. Мы расплатились с хозяином постоянного двора и отправились поужинать. Затем, примерно до 11 часов вечера, мы гуляли вокруг площади по прилегающим улочкам. Я подогнал машину, мы шумно уселись и поехали. Ла Горда бодрствовала, чтобы составить мне компанию. Остальные спали. Затем Нестор вел машину, а мы с ла Гордой спали.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 5

Орда разгневанных магов

Мы добрались до города на рассвете. Тут я занял место за рулем и повел машину прямо к тому дому. Квартала за два до него ла Горда попросила меня остановить машину. Она вышла и пошла по высокому тротуару. Один за другим остальные вышли из машины и последовали за ла Гордой. Паблито сказал, что машину надо оставить на площади за квартал отсюда, что я и сделал.

В тот момент, когда я увидел, как ла Горда поворачивает за угол, я понял, что с ней что-то не в порядке. Она была необычайно бледна. Она подошла ко мне и сказала, что собирается пойти послушать утреннюю мессу в костеле. Лидия тоже захотела пойти. Они пересекли площадь и вошли в церковь.

У Хенарос было совершенно непроницаемое выражение лиц. Роза была напугана, ее рот приоткрылся, глаза, не мигая, смотрели в сторону дома. Только Хосефина сияла. Она панибратски хлопнула меня по спине.

– Ты все-таки добился своего, негодник! – воскликнула она. – Ты таки снял сургуч с этих сукиных детей.

Она смеялась, пока чуть не задохнулась.

– Это то место, Хосефина? – спросил я.

– Конечно, – ответила она. – Ла Горда в те времена всегда ходила в церковь. Она была заядлой богомолкой.

– Ты помнишь вон тот дом? – спросил я, указывая на него.

– Это дом Сильвио Мануэля, – сказала она.

Мы все вздрогнули, услышав это имя. Я почувствовал что-то похожее на то, как если бы через мои колени прошел электрический ток. Это имя определенно не было мне знакомо, и тем не менее мое тело подскочило, когда я услышал его. Сильвио Мануэль – такое редкое имя, такое текучее звучание! Трое Хенарос и Роза были так же ошеломлены, как и я. Я заметил, что они побледнели. Судя по тому, что я чувствовал, я должен был быть таким же бледным, как и они.

– Кто такой Сильвио Мануэль? – ухитрился я наконец спросить

Хосефину.

– Теперь ты поймал меня, – сказала она. – Я не знаю.

Она ретировалась, сказав, что она сумасшедшая и что ничего из того, что она говорит, всерьез принимать нельзя. Нестор попросил ее рассказать все, что она помнит. Хосефина попыталась сообразить, но она была не тем человеком, который может что-либо делать, когда на него давят. Я знал, что она ответит куда лучше, если к ней не приставать с расспросами. Я предложил найти булочную или какое-нибудь место, где можно перекусить.

– Мне в этом доме многого не позволяли – вот что я помню, – сказала вдруг Хосефина.

Она посмотрела вокруг, как бы что-то ища и ориентируясь.

– Чего-то тут не хватает, – воскликнула она. – Тут было иначе.

Я попытался помочь ей, задавая вопросы, которые считал подходящими, как то: не отсутствуют ли какие-то дома, или, может, изменилась их окраска, или появились новые здания, но Хосефина не могла сообразить, что именно изменилось.

Мы зашли в булочную и купили сладких рогаликов. Когда мы возвращались на площадь, чтобы дожидаться ла Горду и Лидию, Хосефина внезапно хлопнула себя по лбу, как если бы ее осенило.

– Я знаю, чего не хватает! – воскликнула она. – Этой дурацкой стены тумана. Она тогда все время была здесь. Теперь ее нет.

Тут мы заговорили одновременно, расспрашивая ее об этой стене, но Хосефина беззаботно продолжала говорить свое, как будто нас здесь и не было.

– Это была стена тумана, которая тянулась повсюду до самого неба, – сказала она. – Она была прямо здесь, она сводила меня с ума. Правильно, черт возьми. Я не была такой уж чокнутой, пока эта стена не свела меня с ума. Я видела ее хоть с открытыми, хоть с закрытыми глазами. Я думала, что эта стена преследует меня.

На минуту Хосефина потеряла свое естественное оживление. Ее взгляд стал отчаянным. Я видел такой у людей, которые проходят через психический стресс. Я поспешно предложил ей съесть рогалик. Она тотчас же успокоилась и начала жевать.

– Что ты обо всем этом думаешь, Нестор? – спросил я.

– Я боюсь, – сказал он тихо.

– Ты что-нибудь помнишь?

Он отрицательно покачал головой. Паблито и Бениньо повторили это движение.

– А ты, Роза?

Услышав, что я обращаюсь к ней, Роза подскочила. Она, казалось, потеряла дар речи. Она пристально рассматривала сладкий рогалик в своей руке, как бы пытаюсь сообразить, что же с ним делать.

– Конечно, она помнит, – сказала Хосефина, смеясь. – Но она до смерти перепугалась. Разве вы не видите, что у нее даже из ушей страх сочится?

Вероятно, Хосефина сочла свою реплику великолепной шуткой. Она согнулась от смеха и уронила на землю свой рогалик, затем подняла его, обтерла и съела.

– Сумасшедшие едят все, – сказала она, похлопывая меня по спине. Нестору и Бениньо, по-видимому, было неловко за паясничанье Хосефины. Паблито же был доволен. В его глазах светилось восхищение. Он потряс головой и цокнул языком, как бы не в силах поверить в такое величие.

– Пойдем к дому, – подталкивала нас Хосефина. – Я расскажу вам там всякие вещи.

Я сказал, что нам надо подождать ла Горду и Лидию. К тому же было еще слишком рано беспокоить очаровательную даму, жившую в этом доме. Паблито сказал, что бывал в этом городе по своим плотничьим делам и знает место, где проезжих кормят обедами. Хосефина не хотела ждать. Ей было все равно – идти к дому или идти есть.

Я высказался за завтрак и попросил Розу зайти в церковь и позвать ла Горду и Лидию, но Бениньо галантно вызвался дожидаться их и проводить к месту завтрака. Очевидно, он тоже знал, где оно находится. Паблито не повел нас прямо туда. Вместо этого он, по моей просьбе, сделал большой круг. На окраине города был большой мост, и мне захотелось его осмотреть. Я видел его из машины в тот день, когда приезжал сюда с ла Гордой. По-видимому, он был колониальной постройки. Мы вошли на мост, но затем внезапно остановились на его середине. Я спросил стоявшего там человека, очень ли это старый мост. Он ответил, что видит его всю свою жизнь, а ему уже за шестьдесят. Я думал, что этот мост имеет притягательную силу исключительно для меня, но, наблюдая за другими, вынужден был заключить, что и на них он воздействует так же. Нестор и Роза тяжело дышали, им не хватало воздуха. Паблито схватился за Хосефину, та же, в свою очередь, спряталась за меня.

– Ты что-нибудь помнишь, Хосефина? – спросил я.
– Этот дьявол, Сильвио Мануэль, находится на той стороне моста,
– сказала она, указывая на противоположный берег в каких-то десяти метрах от нас.

Я посмотрел в глаза Розе, и она утвердительно кивнула головой, прошептав, что однажды уже пересекала этот мост в великом страхе, и что на его противоположном конце что-то поджидало ее, чтобы сожрать.

От обоих мужчин было мало толку. Они смотрели на меня в полном замешательстве. Каждый сказал, что он без всяких на то причин сильно боится. Я должен был согласиться с ними. Я чувствовал, что за все золото мира не соглашусь пересечь этот мост. Я не знал почему.

– Что ты еще помнишь, Хосефина?

– Сейчас мое тело очень напугано, – сказала она. – Я больше ничего не могу вспомнить. Этот дьявол, Сильвио Мануэль, всегда находился во мгле. Спроси у Розы.

Движением головы она попросила Розу говорить. Та три-четыре раза утвердительно кивнула, но не смогла выдать из себя ни одного слова. Напряжение, которое испытывал я сам, было беспричинным, но реальным. Все мы стояли на этом мосту, на самой его середине, не в состоянии сделать ни одного шага в том направлении, в котором указывала Хосефина. Наконец Хосефина взяла на себя инициативу и повернула назад. Мы пошли назад в центр города. Паблито привел нас к большому дому. Ла Горда, Лидия и Бениньо уже ели. Они даже заказали еду для нас. Я не был голоден. Паблито.

Нестор и Роза были в оцепенении, Хосефина же ела с удовольствием. За столом царил мрачное молчание. Каждый избегал моего взгляда, когда я пытался начать разговор. После завтрака мы пошли к тому дому. Никто не произнес ни слова. Я постучал, и когда дама открыла дверь, я объяснил ей, что мне хочется показать дом моим друзьям. Она на секунду заколебалась. Ла Горда дала ей немного денег и извинилась за то, что мы ее беспокоим.

Хосефина повела нас прямо в заднюю половину дома. Я не видел этой части дома, когда был здесь в прошлый раз. Там находился мощный дворик, с помещениями, расположенными вокруг него. В крытых коридорах хранился громоздкий сельскохозяйственный

инвентарь. У меня было такое ощущение, что я уже видел этот дворик, когда тут не было всего этого хлама. С каждой стороны дворика находились по две комнаты. Нестор, Паблито и Бениньо, казалось, были на грани физического заболевания. Ла Горда обливалась потом. Она села с Хосефиной в нишу одной из стен, а Лидия и Роза вошли в одну из комнат. Внезапно Нестор, как будто в поисках чего-то, вошел в другую комнату. Так же сделали и Паблито с Бениньо. Я остался наедине с хозяйкой дома. Я хотел было заговорить с ней и спросить, знавала ли она Сильвио Мануэля, но не мог набраться храбрости для разговора. Мой живот, казалось, завязывался узлами, с лица капал пот. Что-то подавляло меня, невыразимая печаль, тоска по чему-то отсутствующему, непостижимому. Я не мог этого вынести. Я уже собирался попрощаться с дамой и выйти на улицу, когда ко мне подошла ла Горда. Она прошептала, что нам следует посидеть немного в большой комнате, примыкающей к холлу, отделенному от дворика. Комнату было видно с того места, где мы стояли. Мы вошли внутрь. Это была очень большая, пустая комната с высоким сводчатым потолком, темная и хорошо проветриваемая. Ла Горда позвала всех туда. Дама посмотрела на нас, но сама внутрь не вошла. Каждый, казалось, в точности знал, где ему надлежит сидеть. Хенарос уселся справа от двери, у одной из стен комнаты. Сестрички сели слева, у противоположной стены. Они уселись вплотную к стенам. Хотя мне хотелось сесть рядом с ла Гордой, я занял место в центре комнаты, показавшееся мне правильным. Не знаю почему, но наши места, казалось, предопределял какой-то высший порядок. Пока я там сидел, волна странных чувств нахлынула на меня. Я был пассивен и расслаблен. Я казался себе киноэкраном, на который проецировались чужие чувства печали и тоски. Однако не было ничего, что я мог бы узнать, как точные воспоминания.

Мы оставались в этой комнате больше часа. К концу я уже чувствовал, что готов открыть источники неземной печали, заставившие меня почти неконтролируемо плакать. Но затем так же произвольно, как уселись, мы встали и покинули дом, даже не поблагодарив его хозяйку и не попрощавшись с ней.

На площади мы сгрудились вместе. Ла Горда сразу заявила, что, поскольку она бесформенная, она все еще несет ответственность. Она сказала, что занимает такую позицию из-за тех выводов, к

которым она пришла в доме Сильвио Мануэля. Ла Горда, казалось, ждала замечаний. Молчание остальных было для меня невыносимым. В конце концов, я должен был что-то сказать.

— К каким же выводам ты пришла в этом доме, ла Горда? — спросил я.

— Думаю, все знают, к каким, — высокомерно ответила она.

— Мы этого не знаем, — сказал я. — Никто пока ничего не говорил.

— Мы знаем, что нам и не надо разговаривать, — буркнула ла Горда.

Я настаивал на том, что такие важные вещи я не могу принять так просто, как нечто само собой разумеющееся. Нам необходимо поговорить о наших чувствах. Что касается лично меня, то все, что я оттуда вынес, — это опустошительное чувство печали и отчаяния.

— Нагваль был прав, — сказала ла Горда. — Мы должны были посидеть на том месте, чтобы освободиться. Я теперь свободна. Я не знаю, как это произошло, но что-то было снято с меня, пока я там сидела.

Все женщины согласились с ней. Трое же мужчин — нет. Нестор сказал, что он был на грани того, чтобы вспомнить действительные лица, но, несмотря на его старания очистить свое поле зрения, что-то прерывало его. Все, что он испытал, было чувство тоски и печали оттого, что он все еще находится в этом мире.

— Видишь, ла Горда, что я имею в виду? — сказал я.

Она, казалось, была недовольна. Она надулась, как никогда на моей памяти. Или же я видел ее такой надутой когда-то раньше.

Она выступала перед группой. Я не мог сосредоточиться на том, что она говорит. Я углубился в воспоминание, которое было неоформленным, но почти достижимым для меня. Чтобы эти воспоминания продолжались, я, казалось, нуждался в постоянном потоке слов ла Горды. Я был привязан к звуку ее голоса, к ее гневу. В какой-то момент, когда она начала остывать, я заорал на нее, что она строит из себя шишку. Она действительно взволновалась. Я какое-то время следил за ней. Я вспомнил другую ла Горду, в другое время, — сердитую, толстую ла Горду, толкающую меня в грудь кулаками. Я вспомнил, как смеялся над ее гневом, потешаясь над ней, как над ребенком. Воспоминание окончилось в тот момент, когда замолк голос ла Горды. Она как будто поняла, что я делал.

Я обратился ко всем и сказал, что мы находимся в опасном положении, что-то неизвестное нависло над нами.

– Оно не нависло над нами, оно уже ударило нас, – тихо сказала ла Горда. – Я полагаю, ты знаешь, что это.

– Я не знаю, и думаю, что говорю не только за себя, но и за других мужчин, – сказал я.

Трое Хенарос согласно кивнули.

– Мы жили в этом доме, пока мы были на левой стороне, – объяснила ла Горда. – Я любила сидеть в том алькове я плакать, потому что не знала, что делать. Я думаю, что если бы я осталась в этой комнате чуть дольше, я вспомнила бы все, но что-то вытолкнуло меня оттуда. Я сидела обычно в той комнате, когда там находились другие люди. Но я не могу вспомнить их лиц.

Однако другие вещи прояснились, пока я сидела там. Я бесформенная, ко мне приходит все, и плохое, и хорошее.

Например, я ощутила свое старое раздражение и желание браниться. Но я приобрела и кое-что хорошее.

– Я тоже, – сказала Лидия хриплым голосом.

– Что это за хорошие вещи? – спросил я.

– Я думаю, что не права в своей ненависти к тебе, – сказала Лидия.

– Моя неприязнь не дает мне улететь. Так говорили мне все в этой комнате, и мужчины, и женщины.

– Какие еще мужчины и женщины? – испуганно спросил Нестор.

– Я бывала там, когда они там были. Это все, что я знаю, – сказала Лидия. – И ты там бывал. Все мы там бывали.

– Кто эти люди, Лидия? – спросил я.

– Я бывала там, когда они там были. Это все, что я знаю, – повторила Лидия.

– А ты, ла Горда? – спросил я.

– Я уже говорила тебе, что не могу вспомнить лица или что-либо специфическое. Но я знаю одно – что бы мы ни делали в этом доме, это было на левой стороне. Мы пересекали, или кто-то заставлял нас пересекать параллельные линии. Те непонятные воспоминания, что приходят к нам, идут из того времени, из того мира.

Не сговариваясь, мы покинули площадь и направились к мосту. Ла Горда и Лидия побежали впереди нас. Когда мы догнали их, то обнаружили, что они стоят на том самом месте, где раньше остановились мы.

– Сильвио Мануэль – это мгла, – прошептала мне ла Горда, не отрывая глаз от противоположной стороны моста.

Лидия тряслась. Она попыталась заговорить со мной, но я не мог понять, что она бормочет.

Я подтолкнул всех назад, прочь с моста. Я думал, что если мы сумеем собрать по крупицам все, что каждый знает об этом мосте, то совокупное знание поможет нам решить эту проблему. Мы сели на землю в нескольких метрах от моста. Мимо проходило множество людей, но никто не обращал на нас никакого внимания.

– Кто такой Сильвио Мануэль, ла Горда? – спросил я.

– Никогда раньше не слыхала этого имени. Я не знаю этого человека и в то же время – знаю его. Что-то похожее на волны накатывает на меня, когда я слышу это имя. Хосефина назвала его, когда мы находились в доме. С этой минуты всякая всячина начала лезть мне в голову, сама по себе, как у Хосефины. Никогда не думала, что доживу до того, что стану похожей на Хосефину.

– Почему ты сказала, что Сильвио Мануэль – это мгла? – спросил я ла Горду.

– Понятия не имею, – сказала она. – Однако все мы знаем, что это правда.

Ла Горда подтолкнула женщин, чтобы те заговорили. Никто не произнес ни слова. Я выбрал Розу, которая несколько раз порывалась что-то сказать. Я обвинил ее в том, что она от нас что-то скрывает. Она содрогнулась.

– Мы пересекли этот мост, и Сильвио Мануэль ждал нас на той стороне, – сказала Роза еле слышно. – Я шла последней. Когда он пожирал остальных, я слышала их вопли. Я х-хотела убежать, но этот дьявол, Сильвио Мануэль, б-был с обеих сторон моста.

Спасть было невозможно.

Ла Горда, Лидия и Хосефина согласились с ней. Я спросил, было ли это просто ощущением, что все так и произошло, или же прямым и точным воспоминанием о чем-то. Ла Горда ответила, что для нее все представляется точно так, как рассказала Роза, – это совершенно отчетливое воспоминание. Остальные женщины согласились с ней.

Я не мог понять, что же было с людьми, живущими у моста. Если женщины кричали так, как рассказывала Роза, то прохожие должны были это слышать. Вопли вызвали бы тревогу. На секунду я почувствовал, что весь город должен был бы говорить об этом. Дрожь прошла по моему телу. Я повернулся к Нестору и прямо высказал все, что чувствовал. Нестор сказал, что Нагваль и Хенаро

– воины высших достижений и, как таковые, они были совершенно особыми существами. Их контакты с людьми носили индивидуальный характер. Совершенно невозможно, чтобы целый город, или хотя бы люди, живущие рядом с мостом, находились с ними в сговоре. Для того, чтобы это стало возможно, сказал Нестор, все эти люди должны быть воинами, вероятность чего крайне ничтожна.

Хосефина с ухмылкой начала расхаживать вокруг меня.

– Ты нахал, – сказала она. – Притворяешься, что ничего не знаешь, а сам был здесь. Это ведь ты привел нас сюда! Это ты толкал нас на этот мост.

В глазах женщин зажглась угроза. Я повернулся за помощью к Нестору.

– Я ничего не помню, – сказал он. – Это место меня пугает – вот все, что я знаю.

С моей стороны обращение к Нестору было блестящим маневром. Женщины набросились на него.

– Конечно, ты помнишь! – визжала Хосефина. – Мы все были здесь. Что ты за глупый осел!

Мои расспросы требовали порядка. Я увел их прочь от моста. Я думал, что они, будучи активными людьми, смогут больше расслабиться, если начнут двигаться и разговаривать на ходу, вместо того, чтобы сидеть на месте, как предпочел бы я.

Когда мы пошли, гнев женщин утих так же внезапно, как и вспыхнул. Лидия и Хосефина стали еще более разговорчивыми. Они вновь и вновь повторяли, что Сильвио Мануэль был пугающей фигурой. Тем не менее никто не помнил, чтобы потерпел какой-нибудь физический урон. Они помнили одно – свою парализованность страхом. Роза не произнесла ни слова, но знаками выражала свое согласие со всем, что говорили остальные. Я спросил, не ночью ли они пытались перейти мост. И Лидия, и Хосефина ответили, что это было середь бела дня. Роза прокашлялась и сказала, что была ночь. Ла Горда уточнила, что это случилось как раз перед рассветом. Мы дошли до конца коротенькой улочки и автоматически повернули назад к мосту.

– Это же так просто! – вырвалось у ла Горды, как будто ее внезапно осенило. – Мы пересекали, или, вернее, Сильвио Мануэль заставлял нас пересекать параллельные линии. Этот мост – место силы. Дыра в этом мире. Вход в иной мир. Мы прошли в

эту дверь. Вероятно, проходить было больно, так как мое тело боится. Сильвио Мануэль ждал нас с другой стороны. Никто из нас не помнит его внешности, потому что Сильвио Мануэль – это мгла, и он никогда не показывает своего лица. Мы могли видеть только его глаза.

– Один глаз, – флегматично уточнила Роза и отвернулась.

– Все здесь, включая тебя, – сказала ла Горда, обращаясь ко мне, – знают, что лицо Сильвио Мануэля пребывает во мгле. Можно только слышать его голос – мягкий, как приглушенное покашливание.

Ла Горда замолчала и начала так пристально рассматривать меня, что я почувствовал себя неловко. В ее глазах мелькала хитринка, что дало мне основания подозревать, что она знает о чем-то, но помалкивает. Я спросил ее. Она отрицала, но признала, что ощущает множество необоснованных чувств, которые даже не старается объяснить. Я подталкивал ее, а затем прямо потребовал, чтобы женщины попробовали вспомнить, что же все-таки случилось с ними на той стороне моста. Каждая могла вспомнить только вопли остальных.

Трое Хенарос остались в стороне и в наш разговор не вступали. Я спросил у Нестора, не имеет ли он хоть какого-нибудь представления о том, что же все-таки произошло. Он бесстрастно ответил, что все это находится где-то вне его понимания.

Тогда я пришел к быстрому решению. Мне показалось, что единственное, что нам остается в этом случае, – пересечь мост. Я предложил вернуться к мосту и перейти через него. Мужчины немедленно согласились, женщины – нет. Исчерпав все свои доводы, я, в конце концов, вынужден был толкать и тащить Лидию, Хосефину и Розу. Ла Горда не была расположена идти, но казалась заинтригованной предстоящим. Она шла рядом, не помогая мне тащить женщин. Хенарос поступали так же. Они нервно посмеивались над моими попытками справиться с сестричками, но и пальцем не пошевелили, чтобы помочь мне. Так мы дошли до той точки, где останавливались раньше. Там я внезапно почувствовал, что слишком слаб, чтобы удержать трех женщин. Я заорал на ла Горду, чтобы она мне помогла. Она сделала полуискреннюю попытку удержать Лидию, но тут группа распалась и все стали пробираться, спотыкаясь и тяжело дыша, к безопасности улицы. Мы с ла Гордой остались как бы

приклеенными к мосту, не в силах двинуться вперед и не желая возвращаться.

Ла Горда прошептала мне на ухо, что мне совсем не следует бояться, потому что именно я и ждал их тогда на той стороне моста. Она добавила, что убеждена, будто я знаю, что являлся помощником Сильвио Мануэля, ноне смею признаться в этом остальным.

Туг меня охватила неконтролируемая ярость. Я чувствовал, что ла Горда не должна соваться, делая такие заявления или испытывая подобные чувства. Я схватил ее за волосы и крутанул. В наивысшей точке своего гнева я спохватился и остановился. Я извинился и обнял ее. Меня отрезвила простая мысль. Я сказал, что мне действует на нервы необходимость быть руководителем. Напряжение, по мере нашего продвижения, становилось все более и более сильным.

Она не согласилась со мной. Она твердо держалась своего мнения, будто Сильвио Мануэль и я были чрезвычайно близки и поэтому, когда мне напоминали о моем хозяине, я приходил в ярость. Хорошо, что я должен о ней заботиться, сказала она, не то я сбросил бы ее с моста.

Мы повернули назад. Остальные находились уже на безопасном расстоянии от моста и взирали на нас с откровенным страхом. Казалось, господствовало очень странное состояние безвременья. Словно мы были выброшены из привычного потока времени. Вокруг совсем не было людей. Мы пробыли на мосту никак не менее пяти минут, и ни один человек не только не пересек мост за это время, но и даже не показался в виду. Затем, совершенно внезапно, люди опять стали двигаться вокруг нас, как всегда бывает в это деловое время суток.

Не говоря ни слова, мы пошли назад на площадь. Все ощущали опасную слабость. У меня было смутное желание задержаться в городе еще немного, но мы сели в машину и поехали на восток к атлантическому побережью. Мы с Нестором по очереди вели машину, останавливаясь только для того, чтобы заправиться и •перекусить, пока не достигли Вера-Круса. Этот город был для нас нейтральной зоной. Я бывал там только однажды, остальные вообще ни разу. Ла Горда считала, что такой незнакомый город является подходящим местом, чтобы сбросить старую оболочку. Мы остановились в отеле, и там они приступили к разрыванию на

куски своих старых одежд. Впечатления нового города творили чудеса с их моралью и самочувствием.

Затем мы приехали в Мехико и остановились в отеле неподалеку от парка Аламеда, там же, где я когда-то останавливался с доном Хуаном. В течение двух дней мы вели себя как обыкновенные туристы. Мы делали покупки и посещали столько туристских мест, сколько могли. Бениньо приобрел фотоаппарат в магазине подержанных товаров. Своим «Полароидом» он сделал 425 снимков. В одном месте, пока мы любовались поразительной мозаикой, служитель, приняв меня за гида, спросил, откуда приехали эти великолепные иностранки. Я ответил, что из Шри-Ланки. Он поверил и поразился тому, насколько они похожи на мексиканок.

На следующий день, в десять утра, мы прибыли в авиаагентство, в которое дон Хуан втолкнул меня однажды. Когда он втолкнул меня, я влетел в одну дверь, а вылетел в другую, но не назад на улицу, с которой входил, а на рынок, находящийся примерно в трех километрах отсюда, прямо в хаотично перемещавшуюся толпу.

Ла Горда рассуждала, что агентство, как и мост, было местом силы, местом пересечения параллельных линий. Нагваль толкнул меня через этот проход, но я застрял посередине между двумя мирами, между линиями, и таким образом смог наблюдать за жизнью базара, не будучи сам ее частью. Она сказала, что Нагваль, конечно, хотел пропихнуть меня сквозь дверь, но мое упрямство помешало ему, и в конце концов я вернулся назад через ту же линию в этот мир.

Мы прошли от авиаагентства до рынка, а оттуда в парк Аламеда, где мы с доном Хуаном сидели после происшествия у агентства. Я много раз бывал в этом парке с доном Хуаном. Я чувствовал, что это место является наиболее благоприятным для того, чтобы обсудить наши дальнейшие действия.

Я намеревался подвести итоги всему, что мы сделали для того, чтобы сила могла решить, какой следующий шаг нам предпринять. После попытки пересечь мост я безуспешно пытался придумать, как удержать моих компаньонов в одной группе. Мы уселись на каменные ступеньки, и я начал с того, что для меня знание приходит обычно вместе со словами. Моя глубочайшая вера состоит в том, что если опыт или событие не вписаны в систему, то

они рассеиваются. Поэтому я попросил их представить свои индивидуальные оценки нашего положения.

Паблито заговорил первым. Я нашел это странным, потому что вплоть до настоящего момента он был необыкновенно тихим. Он извинился за то, что собирался сказать мне не что-нибудь из всплывшего в памяти, но просто свое заключение, основанное на том, что он знал. Он сказал, что ему нетрудно понять то, что, по словам женщин, произошло на мосту. Это было, утверждал Паблито, результатом вынужденного перехода с правой стороны – *тоналя* на левую – *нагваль*. Всех пугал тот факт, что управлял этим переходом кто-то еще, заставлявший их его совершать. Он не видел проблемы в том, чтобы считать, что именно я помог тогда Сильвио Мануэлю. Он подтвердил свое заключение заявлением, что всего лишь двумя днями ранее он был свидетелем того, как я делал то же самое – заталкивал всех на мост силой. В этот раз, однако, мне никто не мог помочь – не было Сильвио Мануэля, чтобы тащить всех к себе из-за моста.

Я попытался сменить тему разговора, сказав, что такая забывчивость, как у нас, называется амнезией. Я знал об амнезии слишком мало, чтобы пролить свет на наш случай, однако достаточно, чтобы считать, что мы не могли так просто и быстро, как по команде, все забыть. Я сказал, что кто-то – может быть, дон Хуан – сделал с нами нечто невообразимое. Я хотел точно выяснить, что же именно.

Паблито настаивал, что для меня очень важно, чтобы я понял, что именно я был в сговоре с Сильвио Мануэлем. Затем он сказал, что Лидия и Хосефина уже говорили с ним о той роли, которую я играл, силой заставляя их пересечь параллельные линии.

Я не испытывал особого удовольствия, обсуждая эти вопросы. Я заметил, что никогда, вплоть до разговора с Соледад, я не слышал о параллельных линиях. Однако я не мог возражать против того, что идею этих линий я понял мгновенно. Я рассказал им, как словно в озарении я увидел, что она имеет в виду. Я даже поверил, что пересек параллельные линии сам, когда думал, что вспомнил ее. Остальные, за исключением ла Горды, сказали, что впервые слышали о параллельных линиях тогда, когда я заговорил о них. Ла Горда добавила, что она впервые слышала о них от доньи Соледад как раз передо мной.

Паблито сделал попытку завести разговор о моих отношениях с

Сильвио Мануэлем. Я прервал его и сказал, что пока мы были на мосту, пытаюсь перейти его, я не заметил, что я, а предположительно и все мы, находились в состоянии необычной реальности. Я осознал перемену, когда заметил, что на мосту совсем нет людей. Лишь мы одни находились там. Стоял погожий день, но внезапно небо затянули облака, а яркий свет позднего утра превратился в сумерки. В то время я был настолько поглощен своими страхами и субъективными интерпретациями, что не заметил пугающей перемены. Когда мы сошли с моста, я обнаружил, что другие люди опять идут вокруг нас. Но что происходило с нами, когда мы пытались перейти мост?

Ла Горда и остальные ничего не заметили. В действительности они ничего не знали о переменах до тех пор, пока я их не описал.

Теперь они смотрели на меня с раздражением и страхом. Паблито опять перехватил инициативу и обвинил меня в попытке втравить их во что-то такое, чего они не хотят. Он не уточнил, что это может быть такое. Но его ораторского напора оказалось достаточно, чтобы все встали на его сторону. Внезапно передо мной оказалась целая орда разгневанных магов. От меня потребовалась масса усилий и времени, чтобы объяснить, почему мне необходимо проверить со всех возможных точек зрения наше удивительное и странное приключение на мосту. В конце концов они успокоились, не столько из-за того, что я их убедил, сколько из-за эмоциональной усталости. Все, включая ла Горду, ревностно отстаивали позицию Паблито.

Нестор выдвинул другую линию рассуждений. Он предположил, что я, возможно, был таким невольным соучастником, который полностью не отдавал отчета в своих действиях. Он добавил, что сам он лично не может поверить, как остальные, в то, что я осознавал, будто оставлен с задачей увести их в сторону от желаемого ими. Он чувствовал, что я на самом деле не знал, что веду их к уничтожению, хотя делал именно это. Он думал, что существуют два способа пересечения параллельных линий. Один – при помощи чьей-нибудь силы, другой – своими собственными усилиями. Его конечный вывод состоял в том, что Сильвио Мануэль заставил их когда-то пересечь линии, напугав их так сильно, что некоторые даже вообще не помнят об этом. Их задачей было сделать это своими силами, тогда как моей задачей было помешать им в этом.

Затем заговорил Бениньо. Он сказал, что последнее, что сделал дон Хуан для своих учеников-мужчин, – это помог им пересечь параллельные линии, заставив прыгнуть в пропасть. Бениньо считал, что мы уже располагаем достаточно большим знанием о пересечении параллельных линий, но еще не пришло время, чтобы повторить это. На мосту они не могли сделать ни одного шага вперед потому, что еще не настало нужное время. Поэтому они правы, думая, что я пытался их уничтожить, заставляя пересекать линии. Он считал, что переход через параллельные линии с полным осознанием явится для них конечным шагом – шагом, который должен быть сделан только тогда, когда они будут готовы исчезнуть с этой земли.

Затем против меня выступила Лидия. Она не давала никаких оценок, но призывала меня вспомнить, как я в первый раз заманил ее на мост. Она нагло утверждала, что я был учеником не Нагваля, а Сильвио Мануэля, и что мы с Сильвио Мануэлем пожрали тела друг друга.

У меня вновь вспыхнул приступ ярости, как на мосту с ла Гордой. Я вовремя взял себя в руки. Успокоила меня логичная мысль. Я повторял себе вновь и вновь, что я заинтересован в таком анализе. Я объяснил Лидии, что бесполезно напирать на меня таким образом. Но она не хотела остановиться. Она кричала, что Сильвио Мануэль – мой хозяин, и что именно в этом причина того, что я не являюсь частью их всех.

Роза добавила, что Сильвио Мануэль дал мне все, чем я сейчас являюсь. Я попросил Розу выбирать выражения. Я сказал, что ей следовало бы говорить, что Сильвио Мануэль дал мне все, что я имею. Она настаивала на своем выборе слов. Сильвио Мануэль дал мне все, чем я являюсь.

Даже ла Горда поддержала ее, сказав, что она помнит то время, когда я был болен – настолько болен, что у меня не оставалось сил для жизни. Все во мне было израсходовано. И именно тогда Сильвио Мануэль взял все в свои руки и вдохнул новую жизнь в мое тело. Ла Горда сказала, что мне лучше было бы узнать свое происхождение, чем продолжать, как я это делал до сих пор, утверждать, что мне помог Нагваль. Она настаивала на том, что я фиксировался на Нагвале, потому что он был предрасположен изъясняться словами. Сильвио же Мануэль, наоборот, был молчаливой мглой. Она объяснила, что для того, чтобы

последовать за ним, мне требовалось пересечь параллельные линии. Ну а чтобы следовать за Нагвалем, достаточно было просто говорить о нем.

Все, что они высказывали, было для полной бессмыслицей. Я уже собирался сделать то, что считал уместным в отношении подобной чепухи, как внезапно линия моего мышления была буквально смята. Я не мог уже вспомнить, о чем только что думал, хотя лишь секунду назад решение представлялось максимально ясным.

Вместо этого на меня нахлынуло крайне любопытное воспоминание. Это было не ощущением чего-то, а ясной и чистой памятью о случившемся.

Я вспомнил, что был однажды с доном Хуаном и еще одним человеком, лица которого вспомнить не мог. Мы втроем беседовали о чем-то, что я воспринимал как одну из черт мира. Оно находилось в пяти – семи метрах справа от меня и выглядело как бесплотная стена желтого тумана, разделявшего, насколько я мог судить, весь мир надвое. Эта стена простиралась от земли до неба, уходя в бесконечность. Пока мы беседовали, половина мира, находившаяся справа от меня, была целиком закрыта этим туманом, левая же половина была видна как на ладони.

Я помню, как сориентировался по ландшафтным признакам и понял, что ось стены тумана идет с востока на запад. Помню, как спросил дон Хуана, что случилось с миром к югу от этой линии. Дон Хуан заставил меня повернуться вправо, и я увидел, что стена тумана передвигается по мере того, как я поворачиваю голову. Мир был разделен на уровне, недоступном моему интеллекту. Разделение казалось реальным, но граница проходила не на физическом уровне. Она была как-то связана со мной самим. Или это не так?

Был еще осколок этого воспоминания. Тот, другой человек сказал, что разделить мир надвое – очень большое достижение. Но еще большее достижение, когда у воина достаточно невозмутимости и контроля для того, чтобы остановить вращение этой стены. Он сказал, что эта стена не находится внутри нас. Она определенно снаружи в мире, разделяя его на две части и вращаясь, когда мы поворачиваем голову, как если бы она была прикреплена к нашим вискам. Успешное удержание стены от поворота дает воину возможность повернуться к ней лицом и силу проходить сквозь нее в любое время, когда он только пожелает.

Когда я рассказал всем то, что только вспомнил, женщины были убеждены, что этот другой человек – Сильвио Мануэль. Хосефина, как знаток тумана, объяснила, что преимущество Элихио перед остальными состояло в его способности останавливать стену, так что он по желанию мог проходить сквозь нее. Она добавила, что стену тумана легче проходить в *сновидении*, потому что тогда она не движется.

Ла Горду, казалось, охватила целая серия болезненных воспоминаний. Ее тело конвульсивно подрагивало, наконец она быстро заговорила. Она сказала, что больше не имеет никаких оснований отрицать тот факт, что я был помощником Сильвио Мануэля. Сам Нагваль предупреждал ее, что я порабошу ее, если она не будет осторожна. Даже Соледад просила ее следить за мной, потому что мой дух берет людей в плен и делает их своими рабами. На такое был способен лишь Сильвио Мануэль. Он поработил меня, и теперь я буду поработать любого, кто приблизится ко мне. Она призналась, что находилась под действием моих чар вплоть до того момента, когда села в комнате Сильвио Мануэля, и что-то вдруг свалилось с ее плеч.

Я поднялся и буквально зашатался под тяжестью слов ла Горды. В животе у меня образовался какой-то вакуум. Я был убежден, что могу рассчитывать на ее поддержку при любых обстоятельствах. Я чувствовал себя преданным. Я подумал, что для них было бы не лишним знать мое чувство, но на помощь пришел здравый смысл. Вместо этого я сказал им, что моим бесстрастным заключением, как воина, является следующее. Дон Хуан изменил ход моей жизни в лучшую сторону. Я оценивал и переоценивал то, что он для меня сделал, и вывод всегда оставался тем же. Он принес мне свободу. Свобода – это все, что я знаю, и это все, что я могу принести кому-либо, пришедшему ко мне.

Нестор поддержал меня. Он убеждал женщин перестать враждебно относиться ко мне. Он смотрел на меня глазами человека непонимающего, но жаждущего понять. Он сказал, что я не принадлежу к ним, потому что в действительности я одинокая птица. Они нуждались во мне на короткий миг, чтобы порвать свои границы привязанности и рутины. Теперь, когда они свободны, только небо является их границей. Остаться со мной было бы, без сомнения, приятно для них, но убийственно.

Он, казалось, был глубоко растроган. Он подошел ко мне, положил

руку мне на плечо и сказал, что, судя по его ощущениям, мы никогда больше не увидимся на Земле. Он очень сожалеет, что мы расстаемся, как мелочные людишки, ропща и обвиняя. Он сказал, что говорит не только от себя, но и от имени остальных. Он просит меня уехать, так как у нас нет больше возможности оставаться вместе. Он добавил, что посмеялся над Ла Гордой по поводу ее слов о змее, которого мы образуем. Он изменил свое мнение и больше не находит эту идею смешной. Это было нашим последним шансом добиться успеха в качестве цельной группы.

Дон Хуан учил меня принимать судьбу смиренно.

– Ход жизни воина неизменяем, – сказал он мне однажды. –

Вопрос лишь в том, насколько далеко уйдет он по узкой дороге, насколько безупречным он будет в нерушимых границах... Если на его пути встречаются препятствия, воин стремится безупречно преодолеть их. Если на своей тропе он встречает невыносимые трудности и боль, он плачет, и все его слезы, вместе взятые, не смогут сдвинуть линию его судьбы даже на толщину волоска.

Мое первоначальное решение – позволить силе этого места определить, куда нам сделать следующий шаг, – было правильным. Я поднялся. Остальные отвернули лица. Ла Горда подошла ко мне и сказала, как ни в чем небывало, что мне следует уехать и что она свяжется со мной потом, позднее. Я хотел отмахнуться, возразить, что не вижу причины, почему она должна ко мне присоединяться – ведь она уже решила примкнуть к другим. Она, казалось, прочла мое чувство, что меня предали. Она спокойно заверила меня, что мы должны исполнить свое предназначение вместе, как воины, а не как мелочные людишки, которыми мы были.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Часть вторая

ИСКУССТВО СНОВИДЕНИЯ

Глава 6

Потеря человеческой формы

Несколько месяцев спустя Ла Горда поселилась в Аризоне, после того, как помогла всем остальным осесть в разных частях Мексики. Затем мы приступили к разворачиванию самой странной и самой поглощающей части нашего ученичества. Сначала наши отношения были довольно натянутыми. Мне было трудно перешагнуть через свои чувства по поводу того, каким образом мы расстались в парке Аламеда. Хотя Ла Горда и знала местонахождение остальных, мне она ни разу ничего об этом не говорила. Она чувствовала, что мне ни к чему знать об их деятельности.

Внешне между мной и Ла Гордой все было нормально. Тем не менее, я чувствовал горький осадок из-за того, что она в тот раз встала на сторону остальных против меня. Я не подавал виду, но осадок все равно оставался. Я помогал ей и делал для нее все, как если бы ничего не случилось, но это входило в требование безупречности. Это был мой долг; чтобы выполнить его, я с радостью пошел бы на смерть. Я намеренно ушел в руководство ею и в посвящение ее во все тонкости современной городской жизни. Она даже начала изучать английский язык, причем ее успехи были просто поразительны.

Три месяца пролетели почти незаметно. Но однажды, когда я находился в Лос-Анжелесе, я проснулся на рассвете с невыносимой тяжестью в голове. Это не было головной болью. Скорее, это походило на сильное давление в ушах. Я чувствовал тяжесть также на висках и в горле. Я ощущал жар, но только в голове. Я сделал слабую попытку подняться и сесть. Мелькнула мысль, что у меня, должно быть, удар. Поначалу мне хотелось

позвать на помощь, но я все же как-то успокоился и попытался преодолеть страх. Через некоторое время давление в голове начало спадать, но усилилось в горле. Я задыхался, хрипел, кашлял. Спустя некоторое время давление постепенно переместилось на грудь, затем на живот, в область паха, пока, наконец, через стопы не ушло из тела.

Происходившее со мной, чем бы оно ни было, длилось примерно два часа. В течение этих мучительных часов казалось, будто что-то внутри моего тела действительно движется вниз, выходя из меня. Мне чудилось, будто это что-то сворачивается наподобие ковра. Другое сравнение, пришедшее ко мне в голову, – шарообразная масса, передвигающаяся внутри тела. Первый образ все же был точнее, так как более всего это походило на что-то, сворачивающееся внутри самого себя, ну прямо как скатываемый ковер. Оно становилось все тяжелее и тяжелее, а отсюда – нарастающая боль, ставшая совсем нестерпимой к коленям и ступням, особенно в правой ступне, которая оставалась очень горячей еще с полчасика после того, как вся боль и давление исчезли. Ла Горда, услышав мой рассказ, сказала, что на этот раз я наверняка потерял свою человеческую форму, сбросив все щиты или, по крайней мере, большинство из них. Она была права. Не зная и даже не соображая, что произошло, я оказался в совершенно незнакомом состоянии. Я чувствовал себя отрешенным, не ощущающим воздействий извне. Теперь уже было неважно, как поступила со мной Ла Горда. Это не означало, что я простил ее за предательство; просто чувство было таким, как будто никакого предательства и не было. Во мне не осталось никакой – ни явной, ни скрытой неприязни ни к Ла Горде, ни к кому бы то ни было другому. То, что я ощущал, не было апатией или желанием побыть одному. Скорее, это было незнакомое чувство отстраненности, способности погрузиться в текущий момент, не имея никаких мыслей ни о чем другом. Действия людей больше не влияли на меня, потому что я вообще больше ничего не ждал. Странный покой стал руководящей силой моей жизни. Я чувствовал, что каким-то образом все-таки воспринял одну из концепций жизни воина – отрешенность. Ла Горда сказала, что я сделал больше, чем воспринял ее, – я фактически ее воплотил. Дон Хуан вел со мной долгие беседы о том, что когда-нибудь я добьюсь этого. Он говорил, что отрешенность не означает

автоматически мудрости, но, тем не менее, она является преимуществом, потому что позволяет воину делать моментальную паузу для переоценки ситуации и для пересмотра позиции. Для того, чтобы пользоваться этим дополнительным преимуществом адекватно и правильно, необходимо, однако, говорил он, чтобы воин непрестанно сражался за свою жизнь. Я не рассчитывал когда-либо испытать это чувство. Насколько я мог судить, не было способа симпровизировать его. Мне было бесполезно думать о преимуществах этого чувства или рассуждать о возможности его появления. В течение тех лет, что я знал дона Хуана, я явно испытывал постепенное ослабление внешних связей с миром, но это происходило в интеллектуальном плане. В своей повседневной жизни я не изменился, вплоть до того времени, пока не потерял свою человеческую форму.

Я беседовал с Ла Гордой о том, что концепция потери человеческой формы относится к телесным условиям и овладевается учеником тогда, когда он достигает определенного порога в ходе обучения. Как бы там ни было, конечным результатом потери человеческой формы для меня и Ла Горды было, как это ни странно, не только скрытое чувство отрешенности, но и решение нашей неясной задачи по воспоминанию. И в этом случае интеллект сыграл минимальную роль.

Однажды вечером мы с Ла Гордой обсуждали кинокартину. Она ходила смотреть порнографический фильм, и мне хотелось услышать ее мнение. Фильм ей совершенно не понравился. Она утверждала, что такой опыт расслабляет, так как быть воином означает вести сдержанную жизнь в полном целомудрии, как Нагваль Хуан Матус.

Я сказал ей, что дон Хуан не чуждался женщин и не был затворником, я знаю это наверняка и нахожу это великолепным. – Ты безумец! – воскликнула она с изумлением в голосе. – Нагваль был совершенным воином. Он не был пойман ни в какие сети чувственности.

Она хотела узнать, почему я считаю, что дон Хуан не был девственником.

Я рассказал ей об одном случае, который произошел в Аризоне еще в начале моего ученичества. Я отдыхал однажды в доме дона Хуана после утомительной прогулки. Дон Хуан выглядел странно

нервным. Он часто подходил к двери, чтобы выглянуть на улицу, казалось, он ждал кого-то. Затем он внезапно сказал мне, что из-за поворота дороги показалась машина, которая направляется к его дому. Он пояснил, что это девушка, его друг, везет ему одеяло. Я никогда не видел дон Хуана раздраженным, и меня опечалило то, что он так взволнован, даже не знает, как поступить. По моему мнению, он не хотел моей встречи с этой девушкой. Я предложил ему спрятаться, но в его доме не было такого укромного места. Поэтому он уложил меня на пол и укрыл соломенной циновкой. Я услышал, как подъехала машина, затем через щелку в циновке увидел девушку, стоявшую в дверях. Она была высокой, стройной и очень молодой. Мне она показалась очень красивой. Дон Хуан что-то говорил ей тихим интимным голосом. Затем он повернулся и показал на меня.

– Карлос прячется под циновкой, – сказал он девушке громко и отчетливо. – Поздоровайся с ним.

Девушка помахала мне рукой и поздоровалась с дружелюбной улыбкой. Я чувствовал себя очень глупо и сердился на дон Хуана за то, что он поставил меня в такое затруднительное положение. Мне казалось очевидным, что таким образом он избавляется от своей нервозности или, того хуже, красуется передо мной. Когда девушка уехала, я сердито потребовал объяснений. Он ласково сказал, что был вынужден так поступить, потому что мои ноги торчали наружу, и он не знал, что тут еще можно предпринять. Когда я услышал это, его маневр стал мне ясен. Он просто показывал мне свою молодую подружку. Я никак не мог высовывать ноги, так как они у меня были поджаты. Я понимающе рассмеялся, и дон Хуан вынужден был объяснить, что он любит женщин, а особенно – эту девушку.

Я никогда не забывал об этом инциденте. Дон Хуан ни разу не обсуждал его. Когда бы я ни поднимал этот вопрос, он всегда меня останавливал. Я чуть ли не навязчиво думал об этой молодой девушке. Я надеялся, что когда-нибудь она разыщет меня, прочитав мои книги.

Ла Горда разволновалась. Пока я говорил, она ходила по комнате взад-вперед, чуть не плача. Я воображал всякого рода сложные сети взаимоотношений, которые оказались затронутыми здесь. Я думал, что Ла Горда – собственница, и реагирует как всякая женщина, когда ей угрожает другая.

– Ты ревнуешь, Горда? – спросил я.

– Не будь дураком, – сказала она сердито. – Я бесформенный воин. Во мне не осталось ни зависти, ни ревности.

Я спросил о том, что говорили Хенарос, будто бы Ла Горда была женщиной Нагваля. Ее ответ был едва слышен.

– Я думаю, что была, – сказала она с затуманенным взглядом и села на кровать. – У меня такое ощущение, что я была ею, хотя я и не знаю, как это могло случиться. В этой жизни Нагваль Хуан Матус был для меня тем же, чем и для тебя. Он не был мужчиной. Он был Нагвалем. У него не было интереса к сексу.

Я заверил ее, что сам слышал, как дон Хуан выражал свою привязанность к этой девушке.

– Он говорил тебе, что у него с ней интимные отношения?

– Нет, так он не говорил, но это явствовало из того, как он говорил, – сказал я.

– Тебе бы хотелось, чтобы Нагваль походил на тебя, не так ли? – спросила она с издевкой. – Нагваль был безупречным воином.

Я считал, что прав, и не видел необходимости пересматривать свое мнение. Просто чтобы поддеть Ла Горду, я сказал, что, может быть, та девушка была ученицей Нагваля, а не любовницей.

Последовала длинная пауза. То, что я сам сказал, оказало на меня беспокоящее воздействие. До сих пор я никогда не думал о такой вероятности. Я был зашорен своим предвзятым мнением, не оставив себе никакой возможности для его переоценки.

Ла Горда попросила меня описать ту молодую женщину. Я не мог этого сделать. В самом деле, я не присматривался к ней. Я был слишком сердит и раздражен, чтобы разглядывать детали. Она же, казалось, почувствовала неловкость ситуации и поспешила покинуть дом.

Ла Горда сказала, что она, безо всяких на то логических оснований, чувствует, что эта молодая женщина была ключевой фигурой в жизни Нагваля. Ее заявление привело нас к разговору о друзьях дона Хуана. Мы долго пытались собрать по крупицам сведения о людях, связанных с ним. Я рассказал ей о нескольких случаях, когда дон Хуан приглашал меня участвовать в пейотной церемонии. Я описал всех присутствовавших там, кого помнил. Она никого не узнала. Тогда я сообразил, что знаю, может быть, больше людей, связанных с доном Хуаном, чем она. Однако что-то из сказанного мной вызвало у нее воспоминание о том времени,

когда она видела, как молодая женщина подвозила Нагваля и Хенаро в небольшом белом автомобиле. Женщина высадила их обоих у дверей дома Ла Горды и пристально посмотрела на нее перед тем, как уехать. Ла Горда подумала тогда, что молодая женщина просто подбросила Нагваля и Хенаро по их просьбе. Потом я вспомнил, что, выбравшись из-под циновки в доме дона Хуана, успел разглядеть белый Фольксваген, уезжающий прочь. Я упомянул также о случае с участием еще одного друга дона Хуана – человека, давшего мне несколько растений пейота на городском базаре в северной Мексике. Он тоже годами занимал мое воображение. Звали этого человека Висенте. Услышав это имя, Ла Горда отреагировала так, как будто был задет ее нерв. Ее голос изменился. Она попросила меня повторить имя и описать этого человека. И опять я не мог дать никакого описания. Я видел этого человека только однажды, в течение нескольких минут, десять лет назад.

Мы с Ла Гордой прошли через периоды злости, но злились мы не друг на друга, а на то, что держало нас закрытыми. Последний инцидент, связанный с вполне законченным воспоминанием, произошел однажды, когда я простудился и оставался в постели с легким насморком и лихорадкой. Мысли бесцельно мелькали в моей голове. Весь день у меня в уме вертелась мелодия старой мексиканской песни. В какой-то момент мне стало чудиться, будто кто-то играет эту мелодию на гитаре. Я пожаловался на ее монотонность, а тот, кто играл и кому я жаловался, толкнул меня гитарой в живот. Я вскочил, уклоняясь, и, стукнувшись головой о стену, проснулся. Это было живым сном, только мотив все еще преследовал меня. Я не мог забыть звука гитары, он продолжал звучать у меня в ушах. Я пребывал в полусонном состоянии, прислушиваясь к музыке. Казалось, я входил в состояние *сновидения* – полная и продолжительная сцена сновидения появилась перед моими глазами, и в этой сцене рядом со мной сидела молодая женщина. Я мог различить каждую деталь ее внешности. Я не знал, кто она, но то, что я ее вижу, потрясло меня. В один момент я полностью проснулся. Беспокойство, которое вызвало у меня это лицо, было таким интенсивным, что я поднялся и совершенно автоматически начал ходить взад и вперед, обливаясь потом и боясь выйти из комнаты. Я также не мог позвать на помощь Ла Горду, уехавшую на несколько дней в

Мексику, чтобы навестить Хосефину. Чтобы стянуть талию, я обвязался простыней. Это помогло немного утихомирить волны нервной энергии, прокатывавшиеся по мне.

По мере того, как я расхаживал по комнате, картина в моем уме постепенно расплывалась, но не в спокойное забытие, как мне хотелось бы, а в полноценное воспоминание. Я вспомнил, как однажды сидел на каких-то мешках с зерном, наваленных в складе. Молодая женщина пела мексиканскую песню, аккомпанируя себе на гитаре. Это была та самая песня, которая звучала у меня в голове.

Там со мной сидели и другие люди – Ла Горда и трое мужчин. Я очень хорошо знал этих мужчин, но все еще не мог вспомнить, кто была эта молодая женщина. Я старался изо всех сил, но, казалось, это было безнадежно.

Я улегся спать, обливаясь потом. Я хотел немного отдохнуть, прежде чем снять мокрую пижаму. Как только я положил голову на высокую подушку, картина, казалось, еще более прояснилась, и теперь я уже знал, кто играет на гитаре.

Это была женщина-нагваль, самое значительное на земле существо для меня и Ла Горды. Она была женским аналогом Нагваля-мужчины, не жена и не женщина его, а его противоположная часть. Она обладала спокойствием и властью подлинного лидера. Будучи женщиной, она вынянчила нас.

Я не осмеливался слишком далеко подталкивать свою память.

Интуитивно я знал, что у меня не хватит сил выстоять перед полным воспоминанием, поэтому остановился на уровне абстрактных чувств. Я знал, что она была воплощением чистейшей, ничем не замутненной и глубокой привязанности.

Пожалуй, наиболее подходящим аиёи бы сказать, что мы с Ла Гордой любили женщину-нагваль больше жизни. Что такое могло случиться с нами, что мы забыли ее?

Ночью, лежа в постели, я настолько разволновался, что стал опасаться за свою жизнь. Я начал напевать какие-то слова, ставшие для меня направляющей силой. И лишь когда я успокоился, то вспомнил, что и сами слова, которые я повторял вновь и вновь, были воспоминанием, вернувшимся ко мне той ночью. Воспоминанием о формуле, способной провести меня через преграду, подобную той, с которой я столкнулся:

Я уже отдан силе, что правит моей судьбой.

Я ни за что не держусь, поэтому мне нечего

Будет защищать.

У меня нет мыслей, поэтому я увижу.

Я ничего не боюсь, поэтому я буду помнить себя.

Эта формула имела еще одну строфу, которая в то время была для меня непонятной:

Отреженный, с легкой душой

Я проскочу мимо Орла, чтобы быть свободным.

Моя болезнь и лихорадка, возможно, послужили своего рода буфером; его могло быть достаточно, чтобы отвести часть удара того, что я сделал, или, скорее, того, что нашло на меня, так как сам я намеренно не сделал ничего.

Вплоть до той ночи, если бы существовало поминутное описание моего опыта, я мог бы поручиться за непрерывность своего существования. Отрывочные воспоминания, которые были у меня о Ла Горде или о том, что я жил в том горном домике в южной Мексике, в определенном смысле представляли угрозу моей непрерывности. Однако это не шло ни в какое сравнение с воспоминанием о женщине-нагваль. И не столько из-за тех эмоций, которые принесло это воспоминание, сколько из-за того, что я ее забыл. Забыл не так, как забывают имя или мотив. До момента откровения в уме у меня не было о ней ничего. Ничего! Потом что-то нашло на меня, или что-то с меня свалилось, и я стал вспоминать самого важного для меня человека, которого, с точки зрения «я», образованного опытом моей жизни, предшествующей этому моменту, я никогда не встречал.

Я вынужден был ждать еще два дня до возвращения Ла Горды, прежде чем я смог рассказать ей о моем воспоминании. Ла Горда вспомнила женщину-нагваль в тот же момент, как я ей ее описал; ее осознание каким-то образом зависело от этого.

— Девушка, которую я видела в белом автомобиле, была женщина-нагваль! — воскликнула Ла Горда. — Она возвратилась ко мне, но я не могла тогда ее вспомнить.

Я слышал слова и понимал их значение, но потребовалось долгое время, чтобы мысль сфокусировалась на том, что она говорила. Я не мог сосредоточиться. Казалось, у меня перед глазами поставлен источник света, который медленно угасал. У меня было ощущение, что если я не остановлю это угасание, то умру. Внезапно я ощутил рывок и понял, что сложил вместе две части себя, разделенные

прежде. Я понял, что молодая девушка, которую я увидел тогда в доме дона Хуана, была женщина-нагваль.

В этот момент эмоционального подъема Ла Горда ничем не могла помочь мне. Ее настроение было заразительным. Она плакала, не переставая. Эмоциональное потрясение от воспоминания о женщине-нагваль было для нее травмирующим.

— Как я могла ее забыть? — всхлипывала она.

Я уловил оттенок недоверия в ее взгляде.

— Ты не имел представления о ее существовании, ведь так? — спросила она.

При любых других обстоятельствах я счел бы вопрос неуместным, даже оскорбительным, но я точно так же недоумевал по поводу нее. Мне пришло в голову, что она, возможно, знала больше, чем говорила.

— Нет, не знал, — ответил я. — Но как насчет тебя, Ла Горда? Ты знала, что она существует?

На ее лице была такая невинность и такое замешательство, что мои сомнения рассеялись.

— Нет, — ответила она. — До сегодняшнего дня не знала. А теперь совершенно определенно знаю, что я часто сидела с ней и Нагвалем на скамейке, на той площади в Оахаке. Я всегда помнила об этом, помнила ее черты, но считала, что видела все это во сне. Я все знала, и в то же время не знала. Но почему я думала, что это был сон?

На секунду я поддался панике. Потом у меня появилась полная уверенность в том, что по мере того, как она говорит, в моем теле открывается канал. И вдруг мне стало ясно, что я тоже часто сидел с ней и доном Хуаном на той скамейке. Я вспомнил и ощущение, которое каждый раз посещало меня в таких случаях. Это было такое чувство физической удовлетворенности, счастья и полноты, что его невозможно было вообразить. Я думал о том, что дон Хуан и женщина-нагваль были совершенными существами, и находиться в их обществе — действительно моя большая удача. Сидя на этой скамейке рядом с самыми выдающимися людьми на земле, я испытывал, пожалуй, наивысшую степень своих человеческих чувств. Однажды я сказал дону Хуану это, имея в виду, что хотел бы тут же и умереть, чтобы сохранить данное чувство чистым, незапятнанным, свободным от искажений.

Я рассказал о своем воспоминании Ла Горде. Она ответила, что

понимает, что я имел в виду. Секунду мы были спокойны, а затем груз наших воспоминаний опасно повел нас в сторону печали и отчаяния. Мне пришлось удерживать необыкновенно сильный контроль за собой, чтобы, не заплакать. Ла Горда всхлипывала, прикрыв лицо рукой.

Через некоторое время, когда мы немного успокоились, Ла Горда уставилась мне в глаза. Я знал, о чем она думает. Это были те же вопросы, которые и меня донимали целыми сутками. Кто была женщина-нагваль? Где мы ее встретили? Какова ее роль? Знают ли о ней и остальные?

Я как раз хотел сформулировать свои вопросы, но Ла Горда опередила меня.

— Я действительно не знаю, — сказала она, поймав меня на том же вопросе. — Я рассчитывала, что ты скажешь мне все это. Не знаю, почему, но я чувствую, что ты можешь объяснить мне, что к чему. Она рассчитывала на меня, а я — на нее. Мы рассмеялись над нелепостью нашего положения. Я попросил ее сообщить мне все, что она помнит о женщине-нагваль. Ла Горда сделала три или четыре попытки что-нибудь сказать, но никак не могла собраться с мыслями.

— Я в самом деле не знаю, с чего начать, — сказала она. — Знаю только, что люблю ее.

Я сказал, что испытываю такие же чувства. Неземная печаль охватывала меня, когда я думал о женщине-нагваль. Пока я говорил, тело мое начало содрогаться.

— Мы с тобой любили ее, — сказала Ла Горда. — Не знаю, почему я это говорю, но знаю, что она владела нами.

Я попросил ее объясниться, но она не могла определить, почему она так сказала. Я больше не мог уделять ей внимание, ибо ощутил пульсацию в солнечном сплетении. Начало формироваться смутное воспоминание о женщине-нагваль. Я попросил Ла Горду продолжать говорить, повторять одно и то же, даже если ей будет нечего сказать, но не замолкать. Звук ее голоса действовал на меня как проводник в иное измерение, в другой вид времени. Как будто кровь бежала по моим жилам под необычайным давлением. Я почувствовал покалывание со всех сторон, а затем возникло странное воспоминание плоти, я знал в своем теле, что женщина-нагваль была существом, делающим комплекс Нагваля цельным. Она принесла Нагвалю мир, полноту, чувство защищенности,

освобожденности.

Я сказал Ла Горде, что у меня было такое откровение, будто женщина-нагваль была партнером Нагваля. Ла Горда взглянула на меня с изумлением. Она медленно покачала головой из стороны в сторону.

– Она никак не связана с Нагвалем Хуаном Матусом, болван, – сказала она чрезвычайно авторитетным тоном. – Она была для тебя. Вот почему мы оба принадлежим ей.

Мы с Ла Гордой уставились друг на друга. Я был уверен, что она произвольно высказывает мысли, которые рационально для нее ничего не значат.

– Что ты имеешь в виду, Ла Горда? – спросил я после длительного молчания.

– Она была твоим партнером, – ответила она. – Вдвоем вы составляли единую пару. А я была ее подопечной. И она доверила тебе однажды передать меня ей.

Я просил Ла Горду рассказать мне все, что она знает, но она, казалось, больше ничего не знала. Я чувствовал себя измотанным.

– Куда она делась? – внезапно спросила Ла Горда. – Я просто не могу себе представить. Она была с тобой, а не с Нагвалем. Она должна была бы быть сейчас с нами.

Потом с ней опять случился приступ неверия и страха. Она обвинила меня, что я скрываю женщину-нагваль в Лос-Анжелесе. Я пытался успокоить ее, и вдруг с удивлением обнаружил, что разговариваю с Ла Гордой как с ребенком. Она слушала меня с видимым вниманием, однако глаза ее были пустыми. Тогда мне стало ясно, что она использует звук моего голоса точно так же, как использовал я – как проводник. Я знал, что и она осознает это. Я продолжал говорить, пока не исчерпал все в пределах нашей темы. Тут что-то еще произошло, и я оказался наполовину прислушивающимся к звукам собственного голоса. Я говорил, обращаясь к Ла Горде, но без всякого волевого усилия с моей стороны.

Слова, которые, казалось, были запечатаны внутри меня, а теперь освободились, достигли небывалого уровня абсурдности. Я говорил и говорил, пока что-то не остановило меня. Я вспомнил, что дон Хуан говорил мне и женщине-нагваль на скамейке в Оахаке об особом человеческом существе, чья сущность объединяет для него все, на что он только мог рассчитывать и чего

мог ожидать от сотрудничества с людьми. Эта женщина была для него тем же, чем и женщина-нагваль для меня – партнером, противоположной частью. Она покинула его точно так же, как меня покинула женщина-нагваль. Его чувства по отношению к ней были неизменными и всплывали на поверхность от меланхолии, вызванной некоторыми стихами, которые я ему читал.

Я вспомнил также, что женщина-нагваль обычно снабжала меня книгами стихов. Она держала их целыми пачками в багажнике моей машины. Именно она побудила меня читать стихи дону Хуану. Внезапно физическая память о женщине-нагваль, сидящей рядом со мной на скамейке, стала такой явственной, что я ахнул и задохнулся. Давящее чувство утраты, более сильное, чем любое чувство, которое я когда-либо испытывал, завладело всем моим существом. Я согнулся с разрывающей болью в правой лопатке. Было что-то еще, чего я не знал. Воспоминание, которое какая-то часть меня не хотела открыть.

Я обратился к тому, что осталось от моего интеллектуального счита, как к единственному средству вернуть здравый смысл. Я повторял себе вновь и вновь, что мы с Ла Гордой действовали в двух совершенно различных планах. Она помнила намного больше, чем я. Но она не была склонна к выяснениям, ее не обучали задавать вопросы другим или себе. Затем до меня дошло, что и сам я не лучше. Я все еще был такой же размазней, как и тогда, когда дан Хуан впервые назвал меня так. Я никогда не забывал, что я читал стихи дону Хуану, и тем не менее мне ни разу не пришлось в голову проверить тот факт, что у меня никогда не было книг испанской поэзии и я никогда не возил таких книг в машине.

Ла Горда прервала мои размышления. Она была почти в истерике и кричала, что ей только что стало ясно, будто женщина-нагваль должна быть где-то совсем рядом с нами. Точно так же, как мы были оставлены, чтобы найти друг друга, женщина-нагваль была оставлена, чтобы найти нас. Сила ее уверенности почти убедила меня. Однако что-то во мне знало, что это не так. Это была память, находившаяся внутри меня, которую я не смел вывести на поверхность.

Я хотел затеять с Ла Гордой спор, но не нашел смысла, так как мой путь интеллекта и слов был недостаточен для того, чтобы принять на себя набор воспоминаний о женщине-нагваль. Их эффект был

потрясающим для меня, и более опустошающим, чем даже страх смерти.

– Женщина-нагваль где-то потерпела кораблекрушение, – мягко сказала Ла Горда. – Она, вероятно, на необитаемом острове, а мы ничего не делаем, чтобы помочь ей.

– Нет! Нет! – заорал я. – Ее больше здесь нет.

Я не знал в точности, почему я так сказал, но знал, что это правда.

На минуту мы погрузились в такие глубины печали, которые невозможно было измерить рассудком. В первый раз на моей памяти я знал, что чувствую искреннюю, безграничную печаль, ужасную незавершенность. Где-то внутри меня пребывала женщина, которая была открыта заново.

На этот раз я не мог спрятаться, как делал это многожды в прошлом, за покровом загадки и незнания. Не знать было бы для меня благословением. Какую-то секунду я безнадежно соскальзывал в растерянность. Ла Горда остановила меня.

– Воин – это тот, кто ищет свободу, – сказала она мне. – Печаль – это не свобода. Мы должны освободиться от нее.

Иметь чувство отрешенности, как говорил дон Хуан, значит располагать на мгновение паузой для переоценки ситуации. В глубинах своей печали я знал, что он имел в виду. У меня была отрешенность. В моей власти было использовать эту паузу правильно.

Я не был уверен, сыграло ли здесь роль какое-нибудь волевое усилие с моей стороны, но моя печаль совершенно исчезла. Казалось, ее больше не существовало. Скорость изменения моего настроения была мгновенной, и полнота этого изменения встревожила меня.

– Вот теперь ты там, где и я, – воскликнула Ла Горда, когда я описал ей то, что произошло. – После стольких лет я еще не научилась бороться с бесформенностью. Я беспомощно перемещаюсь мгновенно от одного чувства к другому. Из-за своей бесформенности я могу помочь сестричкам, но я также и в их власти. Любая из них достаточно сильна, чтобы толкнуть меня из одной крайности в другую. Проблема была в том, что я потеряла человеческую форму раньше тебя. Если бы мы с тобой потеряли ее одновременно, то могли бы помогать друг другу. Ну, а в той ситуации, что была, я переходила то вверх, то вниз быстрее, чем могла запомнить.

Я должен признаться, что ее слова о собственной бесформенности всегда были сомнительны для меня. В моем понимании потеря человеческой формы влекла за собой и необходимые последствия – постоянство характера, что в свете ее постоянных подъемов и спадов было вне ее возможности. Из-за этого я судил ее резко и несправедливо. Потеряв свою человеческую форму, я теперь находился в таком положении, когда можно было понять, что бесформенность является по крайней мере разрушителем здравого смысла. Здесь не действует никакая автоматическая эмоциональная сила. Быть отрешенным, способным погружаться во все, что делаешь, естественно охватывает все, включая непостоянство и даже самую мелочность.

Преимущество бесформенности в том, что она дает нам мгновенную паузу, при условии, что мы имеем необходимые самодисциплину и мужество, чтобы воспользоваться ею. Наконец-то поведение Ла Горды в прошлом стало понятным мне. Она уже несколько лет была бесформенной, но не имела необходимой самодисциплины. Таким образом, она оказывалась во власти резких перепадов настроения и невероятного несоответствия между ее поступками и ее задачами.

После наших первоначальных воспоминаний о женщине-нагваль мы с Ла Гордой объединили наши усилия и целыми днями пытались вывести на поверхность еще какие-нибудь воспоминания, но их вроде бы больше не было. Я догадывался, что во мне, должно быть, похоронено еще очень многое, но не мог до этого добраться. Мой ум был свободен даже от самых смутных намеков на еще какие-нибудь воспоминания.

Мы с Ла Гордой прошли через период ужасных сомнений и смущения. В нашем случае быть бесформенным означало подвергаться приступам самого глубокого неверия, какое только возможно.

Мы чувствовали себя подопытными морскими свинками в руках дона Хуана, существа, предположительно похожего на нас, о котором в действительности мы ничего не знали. Мы накачивали друг друга сомнениями и страхами. Самой серьезной темой была, конечно, женщина-нагваль. Когда мы фокусировали на ней свое внимание, наша память о ней становилась настолько четкой, что мы не могли представить, как мы умудрились забыть ее. Это вновь и вновь провоцировало рассуждения о том, что же в

действительности сделал с нами дон Хуан. Это предположения очень легко приводили нас к чувству, что мы были использованы. Мы приходили в ярость от неизбежного вывода, что он нами манипулировал, оставив затем беспомощными и неизвестными самим себе.

Когда наша ярость выдохлась, нас начал охватывать страх – потому что мы были лицом к лицу с пугающей возможностью того, что дон Хуан мог сделать с нами и еще более разрушительные вещи.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 7

СОВМЕСТНОЕ СНОВИДЕНИЕ

Однажды, для того, чтобы рассеять наше тяжелое настроение, я предложил заняться *сновидением*. Как только я высказал свою идею, я осознал, что тот мрак, который целыми днями преследовал меня, может быть резко отброшен желанием перемены. Я отчетливо понял: наша с Ла Гордой проблема состояла в том, что мы необдуманно сфокусировали внимание на страхе и недоверии, тогда как все время имели, не осознавая этого, противоположную возможность – сконцентрировать внимание на той загадке, на чуде, которое с нами произошло.

Я рассказал Ла Горде о своих соображениях. Она сразу же согласилась со мной, как-то оживилась, тучи ее хандры рассеялись в долю секунды.

– Какого рода *сновидениями* ты предлагаешь нам заняться? – спросила она.

– А сколько их есть? – спросил я.

– Мы можем попробовать *совместное сновидение*, – ответила она.

– Мое тело подсказывает мне, что мы уже делали это раньше, уходя в *сновидение* парой. Это будет для нас страховкой, как в совместном *видении*.

– Но ведь мы не знаем, что представляет собой процедура *совместного сновидения*, – сказал я.

– Мы не знали, как видеть совместно, и, однако же, видели, – возразила она. – Я уверена, что мы сможем сделать это, если попробуем. Потому что во всем, что делает воин, нет ступеней. Есть только личная сила. И как раз сейчас она у нас имеется. Мы должны начать наше *сновидение* в двух различных точках, отстоящих одна от другой настолько далеко, насколько это возможно. Тот, кто войдет в *сновидение* первым, подождет второго. Как только мы отыщем друг друга, мы возьмемся за руки и отправимся глубже вместе.

Я сказал, что не имею ни малейшего представления, как ждать ее, если я войду в *сновидение* первым. Она и сама не могла объяснить

всего этого, но сказала, что ждать второго *сновидящего* означает то, что Хосефина называла «схватить» его. Ла Горда была однажды так схвачена Хосефиной.

– Хосефина называла это «схватыванием», потому что один из нас должен схватить второго за руку, – объяснила она.

Затем она продемонстрировала процедуру смыкания своего левого предплечья с моим правым, когда один берет другого за руку пониже локтя.

– Но как мы сможем сделать это в *сновидении*? – спросил я.

Я всегда считал, что *сновидение* – это одно из самых интимных состояний, какие только можно вообразить.

– Не знаю, но я тебя схвачу, – пообещала Ла Горда. – Я полагаю, что мое тело знает, как это сделать. Но чем больше мы об этом разговариваем, тем труднее будет это сделать.

Мы начали свое *сновидение* в разных местах. Мы могли договориться только о времени, когда ляжем в постель, поскольку вход в *сновидение* был чем-то таким, чего нельзя рассчитать по минутам.

Возможность того, что именно мне придется ждать Ла Горду, а не наоборот, сильно беспокоила меня, и я не мог войти в *сновидение* с обычной легкостью. Через десять-пятнадцать минут беспокойства мне наконец удалось войти в состояние, которое я называю спокойным бодрствованием.

Несколько лет назад, когда я достиг определенной опытности в *сновидениях*, я спрашивал дона Хуана, есть ли тут какие-нибудь известные ступени, которые были бы общими для всех нас. Он сказал, что в конечном счете каждый *сновидящий* отличается от других. Но, разговаривая с Ла Гордой, я обнаружил такое сходство в наших *сновидениях*, что набросал возможную классификационную схему различных состояний.

Спокойное бодрствование – это предварительное состояние, когда чувства засыпают, но окружающее еще осознается. В моем случае я всегда воспринимал в этом состоянии поток красноватого света, примерно такого, какой видишь, когда через плотно сомкнутые веки смотришь на солнце.

Второе состояние *сновидения* я назвал динамическим бодрствованием. В этом случае красноватый свет рассеивается, как туман, и смотришь на какую-нибудь сцену, вроде табло, так как эта сцена неподвижна. Видишь трехмерную картину. Застывший

кусочек чего-то, будь то пейзаж, улица, человек, лицо, что угодно. Третье состояние я определил как пассивное наблюдение. В этом состоянии *сновидящий* уже не смотрит на застывшие осколки мира, но наблюдает, являясь свидетелем происходящего события. Преобладание у нас зрительных и слуховых ощущений превращает это состояние *сновидения* главным образом в дело глаз и ушей. В четвертом состоянии я оказываюсь втянутым в действие. Здесь уже что-то делаешь, предпринимаешь какие-то шаги и используешь свое время полностью. Я назвал это состояние динамической инициативой.

Предложение Ла Горды подождать меня было связано со вторым и третьим состояниями нашего совместного бодрствования. Когда я вошел в состояние динамического бодрствования, я увидел сцену *сновидения*, где находились дон Хуан и другие люди, включая и полную Ла Горду. Прежде, чем я успел хотя бы разобраться в том, что я вижу, я ощутил сильнейший рывок за руку и сообразил, что рядом со мной «реальная» Ла Горда. Она находилась слева от меня и схватила меня за левое предплечье своей правой рукой. Я ясно почувствовал, как она подняла мою руку к своему предплечью, чтобы мы могли держаться друг за друга. Потом я оказался в третьем состоянии *сновидения*, в пассивном наблюдении. Дон Хуан говорил мне, чтобы я присматривал за Ла Гордой и заботился о ней самым эгоистичным образом – так, словно она является мною самим.

Его игра словами доставляла мне удовольствие. Я чувствовал неземное блаженство, находясь здесь вместе с ним и другими. Дон Хуан продолжал объяснять, что мой эгоизм может быть прекрасно использован, и что его вполне можно запрячь в работу. Общее чувство товарищества царило среди собравшихся здесь людей. Они смеялись тому, что говорил дон Хуан, но не высмеивали.

Дон Хуан сказал, что самый верный способ запрячь наш эгоизм в работу – взять за основу деятельность, которой мы занимаемся в повседневной жизни. Он говорил, что я был эффективен во всем, что делал, потому что некому было изгонять из меня беса, и что у меня не вызывало сомнений – взлететь, подобно стреле, самостоятельно. Однако, если дать мне задачу, подобную заботе о Ла Горде, моя независимая эффективность разлетится вдребезги, и для того, чтобы выжить, мне придется расширить эгоистическую

заботу настолько, чтобы включить в себя и Ла Горду. Только через помощь ей, подчеркнул дон Хуан, я смогу найти ключи к выполнению своей задачи.

Ла Горда обхватила меня за шею своими толстыми руками. Дон Хуан вынужден был остановиться. Он так смеялся, что не мог продолжать говорить. Все просто с ног падали от хохота.

Я ощущал раздражение и недовольство Ла Гордой. Я попытался освободиться от ее объятий, но ее руки были крепко сомкнуты у меня на шее. Дон Хуан сделал знак рукой, чтобы остановить меня. Он сказал, что испытываемое мною минимальное раздражение – ничто по сравнению с тем, что меня ждет.

Смех утихал. Я чувствовал себя счастливым, хотя и огорчился, что придется иметь дело с Ёа Гордой, так как не знал, что это за собой повлечет.

В этот момент в своем *сновидении* я изменил точку зрения – или, вернее, что-то выдернуло меня из сцены, и я стал смотреть вокруг как зритель.

Мы находились в доме в северной Мексике, как я мог определить по окружающему ландшафту, который был виден с того места, где я стоял.

Я видел отдаленные горы. Я вспомнил также обстановку дома и его расположение. Мы находились позади под навесом на открытой веранде. Некоторые из присутствующих сидели на громоздких стульях. Большинство стояли или сидели на полу. Я узнавал каждого из них. Там было 16 человек. Ла Горда стояла рядом со мной лицом к лицу с доном Хуаном.

Тут я осознал, что могу испытывать одновременно два различных чувства. Я мог или войти в сцену *сновидения* и чувствовать, что повторяю давно забытое переживание, или же быть свидетелем этой сцены, сохраняя настроение моей теперешней жизни. Когда я погружался в сцену сновидения, я чувствовал себя в безопасности и под защитой, когда же я был свидетелем, сохраняя актуальное настроение, я чувствовал себя потерянным, незащищенным, встревоженным. Мне это настроение не понравилось, поэтому я погрузился в сцену *сновидения*.

Полная Ла Горда спросила дона Хуана голосом, перекрывавшим смех всех и каждого, буду ли я ее мужем. Последовала секундная пауза. Дон Хуан, казалось, перебирал варианты ответа. Он погладил ее по голове и сказал, что может поговорить со мной и

что я буду в восторге от возможности стать ее мужем. Все присутствующие захохотали. Я смеялся вместе с ними. Мое тело сотрясало от самого искреннего удовольствия, тем не менее я не чувствовал себя смеющимся над Ла Гордой. Я не считал ее ни клоуном, ни дурой. Она была ребенком. Дон Хуан повернулся ко мне и сказал, что я должен чтить Ла Горду вне зависимости от того, как она станет поступать по отношению ко мне, и что я должен через взаимодействие с ней научить мое тело чувствовать себя легко и свободно в самых трудных обстоятельствах. Дон Хуан обратился к группе и заметил, что намного легче двигаться в условиях максимального стресса, чем быть безупречным в обычных обстоятельствах, таких, как взаимодействие с кем-нибудь вроде Ла Горды.

Дон Хуан добавил, что ни при каких условиях я не должен сердиться на Ла Горду, потому что она в действительности будет моим бенефактором, так как только через нее я смогу запрячь в работу свой эгоизм.

Я настолько глубоко погрузился в *сновидение*, что забыл о том, что я *сновидящий*. Внезапное давление на руку напомнило мне, что я в *сновидении*. Я почувствовал присутствие Ла Горды рядом со мной, но не видел ее. Она существовала только как прикосновение, тактильное ощущение на моем предплечье. Я перевел на него свое внимание, и это ощущение стало чувствоваться как цепкая хватка, а затем и вся Ла Горда материализовалась целиком, как если бы она была сделана из наложенных друг на друга кадров фотопленки. Это было что-то вроде комбинированной съемки в кино. Сцена *сновидения* рассеялась. Вместо этого мы с Ла Гордой смотрели друг на друга, взявшись за руки.

Одновременно мы опять повернулись к сцене сновидения, свидетелями которой мы были. В этот момент я знал без тени сомнения, что мы оба видим одно и то же. Теперь дон Хуан говорил что-то Ла Горде, но я не мог слышать. Мое внимание скакало туда-сюда между третьим состоянием *сновидения*, пассивным наблюдением, и вторым, динамическим бодрствованием. В какой-то момент я оказывался с доном Хуаном, Ла Гордой и остальными шестнадцатью людьми, а уже в следующую секунду – с современной Ла Гордой, наблюдая застывшую сцену. Затем резкий рывок моего тела перевел меня на другой уровень внимания: я ощутил что-то как хруст сухого

кусочка дерева. Это был маленький взрыв, он походил на очень громкое щелканье сустава пальца. Я оказался в первом состоянии *сновидения* – в спокойном бодрствовании. Я спал, но в то же время прекрасно все осознавал. Я хотел подольше остаться на этой мирной стадии, но еще один рывок заставил меня моментально проснуться. Я внезапно осознал, что мы с Ла Гордой были в *совместном сновидении*.

Мне более чем не терпелось поговорить с ней. Она чувствовала то же самое. Мы начали оживленно разговаривать Друг с другом. Когда мы успокоились, я попросил ее описать мне все, что произошло с ней в нашем *совместном сновидении*.

– Я тебя долго ждала, – сказала она. – Какая-то часть во мне думала, что я тебя прозевала, но другая знала, что ты нервничаешь и у тебя затруднения, поэтому я ждала.

– Где ты ждала, Ла Горда?

– Я не знаю. Я знаю, что уже вышла из красноватого света, но еще ничего не могла видеть и как бы нащупывала дорогу. А может, я все еще была в красноватом свете. Хотя нет, он не был красноватым. Место, где я находилась, было окрашено в светло-персиковый цвет. Затем я открыла глаза, и там был ты. Ты, казалось, готов был уйти, и поэтому я схватила тебя за руку. Затем я увидела Нагваля, тебя, себя, других людей в доме Висенте. Ты был моложе, а я была полная.

Упоминание о доме Висенте внезапно навело меня на мысль, о которой я рассказал Ла Горде. Однажды, когда я проезжал через Закатекас в северной Мексике, у меня появилось странное желание заехать и навестить одного из друзей дона Хуана, Висенте. При этом я не понимал, что, поступая так, я необдуманно врываюсь в другую область, так как дон Хуан никогда меня с ним не знакомил. Висенте, как и женщина-нагваль, принадлежали к иному миру. Не удивительно, что Ла Горда была так потрясена, когда я рассказал ей о своем визите. Мы его знали настолько хорошо, и он был так же близок к нам, как дон Хенаро, может, даже еще ближе. И тем не менее мы его забыли, так же, как и женщину-нагваль.

Здесь мы с Ла Гордой сразу сделали огромный шаг вглубь воспоминаний. Мы оба вспомнили, что Висенте, Хенаро и Сильвио Мануэль были друзьями дона Хуана, его соратниками. Они все были связаны своего рода обетом. Мы с Ла Гордой не могли припомнить, в чем именно состояла эта связь. Висенте не

был индейцем. В молодости он был фармацевтом. Он был ученым группы и настоящим врачом, который поддерживал их всех всегда здоровыми. Я был уверен, что он знает о растениях больше, чем кто-либо из ныне живущих людей. Мы с Ла Гордой вспомнили, что именно Висенте научил всех нас, включая дону Хуана, пользоваться лекарственными растениями. Он особенно интересовался Нестором, и мы считали, что Нестор будет похож на него.

– Воспоминание о Висенте заставляет меня заботиться о самой себе, – сказала Ла Горда. – Это наводит меня на мысль, какой непереносимой женщиной я была. Самое худшее, что может произойти с женщиной – это родить детей, получить дыры в своем теле и тем не менее вести себя как маленькая девочка. В этом и была моя проблема. Я хотела быть умной, но была пустышкой. И мне позволяли строить из себя дуру, помогали мне быть ишачьим хвостом.

– Кто помогал тебе, Ла Горда? – спросил я.

– Нагваль и Висенте, и все эти люди, бывшие в доме, когда я вела себя с тобой такой ослицей.

Мы с Ла Гордой вспомнили одновременно. Ей позволяли быть несносной только со мной. Больше никто не поддерживал ее чепухи, хотя она и пыталась отыгаться на каждом.

– Висенте принимал меня, – сказала Ла Горда. – Он все время играл со мной. Я даже звала его дядей. Когда я попыталась назвать дядей Сильвио Мануэля, он чуть не сорвал у меня кожу с запястий своими клещеподобными руками.

Мы попытались сфокусировать наше внимание на Сильвио Мануэле, но не могли вспомнить, как он выглядел. Мы могли ощущать его присутствие в своих воспоминаниях, но в них он не был личностью, он был только ощущением.

Насколько это касалось сцены *сновидения*, мы помнили, что она была точной копией того, что действительно имело место в нашей жизни в определенное время и в определенном месте. Но мы никак не могли вспомнить, когда именно. Я, однако, знал, что принял заботу о Ла Горде как средство самовоспитания и подготовки к преодолению трудностей взаимодействия с людьми.

Совершенно необходимо было воспитать в себе чувство легкости при столкновении с затруднительными социальными ситуациями, и здесь никто не мог быть лучшим тренером, чем Ла Горда.

Проблески воспоминаний, появлявшиеся у меня по отношению к полной Ла Горде, происходили именно из этих обстоятельств, так как я буквально последовал указаниям дон Хуана.

Ла Горда сказала, что ей не нравилось настроение сцены *сновидения*. Она бы предпочла просто следить за ней, но я втащил ее внутрь сцены, заставив ее переживать ее старые чувства, которые были ей отвратительны. Ее неудобство было так велико, что она намеренно потащила меня за руку, чтобы прервать наше участие в чем-то, столь неприятном для нее.

На следующий день мы договорились о времени нашего следующего сеанса *совместного сновидения*. Она начала его из своей спальни, а я – из своего кабинета, но ничего не произошло. Мы выдохлись уже от попытки войти в *сновидение*. Целыми днями после этого мы пытались достичь эффективности нашего первого опыта. С каждой неудачей мы становились все ожесточеннее и упрямее.

Перед лицом наших неудач я решил, что нам следует на некоторое время отказаться от *совместного сновидения* и проанализировать его концепции и процедуры, подробнее рассмотреть сам процесс *сновидения*. Ла Горда поначалу не согласилась со мной. Для нее идея того, что необходим обзор всего, что мы знаем о *сновидении*, была как бы еще одним способом сложить руки и сдаться. Она предпочитала продолжать попытки, даже если мы не добиваемся успеха. Я настаивал, и она в конце концов приняла мою точку зрения просто из чувства растерянности.

Однажды вечером мы сели и так подробно, как только могли, стали обсуждать все, что мы знали о *сновидениях*. Вскоре выяснилось, что здесь есть несколько ключевых тем, которым дон Хуан придавал особое значение.

Прежде всего, это сам акт *сновидения*. Он, видимо, начинается как совершенно особое состояние осознания, к которому приходишь, фокусируя остаток сознания, который еще имеешь во сне, на отдельных чертах или элементах сна. Этот остаток сознания, который дон Хуан называл «вторым вниманием», вводился в действие или запрягался в работу при помощи упражнения «неделания». Мы считали, что существенной помощью *сновидению* было состояние умственного покоя, которое дон Хуан называл «остановкой внутреннего диалога» или «неделанием разговора с самим собой». Чтобы научить меня

выполнению этого, он обычно заставлял меня усиливать периферическое зрение. Этот метод был эффективен сразу в двух планах. Он позволил мне остановить свой внутренний диалог и он тренировал мое внимание. Заставляя меня концентрировать внимание на периферии поля зрения, дон Хуан усиливал мою способность сосредоточиваться в течение длительного времени на одной единственной деятельности.

Позднее, когда я добился успеха в концентрировании внимания, я мог часами заниматься какой-нибудь нудной работой, не отвлекаясь, на что ранее не был способен. Дон Хуан говорил мне, что наилучший способ войти в *сновидение* – концентрировать внимание на кончике грудины, на верхней части живота. Он сказал, что энергия, нужная для *сновидения*, исходит из этой точки. Та же энергия, которая нужна, чтобы перемещаться в *сновидениях*, исходит из области, расположенной на 2-5 см ниже пупка. Он называл эту энергию «волей», или силой собирать воедино и выбирать. У женщин как внимание, так и энергия для *сновидения* исходят из матки.

– *Сновидение* женщины должно исходить из матки, потому что это ее центр, – заметила Ла Горда. – Мне для того, чтобы начать *сновидение* или прекратить его, нужно всего лишь сконцентрировать внимание на моей матке. Я научилась чувствовать ее внутреннюю поверхность. Я вижу красноватое сияние и тут же выхожу.

– Сколько времени тебе требуется, чтобы увидеть его?

– Несколько секунд. В то же мгновение, когда мое внимание сосредотачивается на матке, я уже в *сновидении*, – продолжала она.

– Я обычно никогда не имею с этим проблем. У женщин всегда так. Самое трудное для нас – понять, как начать. Мне потребовалось два года, чтобы прервать внутренний диалог и сконцентрироваться на матке. Может, поэтому женщина всегда и нуждается в ком-либо, кто направлял бы ее.

Нагваль клал мне на живот холодные мокрые речные камни, чтобы я почувствовала эту точку, или просто какой-нибудь грузик. У меня было свинцовое грузило, которое он дал мне. Он заставлял меня закрывать глаза и концентрировать внимание на той точке, где находился груз. Каждый раз я засыпала. Но это его не заботило. Фактически не имеет значения, что делаешь, до тех пор, пока внимание сконцентрировано на матке. В конце концов я

научилась концентрироваться на этой точке баз всякого грузика. Однажды я самостоятельно вошла в *сновидение*. Я чувствовала свой живот в том месте, куда Нагваль так часто клал грузик, когда внезапно заснула, как и обычно, но только при этом что-то толкнуло меня в матку. Я увидела красноватое сияние, а затем совершенно изумительный сон. Но как только я попыталась пересказать его Нагвалю, я поняла, что это не был обычный сон. Я не смогла объяснить ему, что это был за сон, просто я чувствовала себя очень сильной и счастливой. Он сказал, что это было *сновидение*.

С тех пор он никогда не клал на меня грузик. Он позволял мне заниматься *сновидением*, не вмешиваясь. Время от времени он просил меня рассказать ему об этом и давал указания. Вот так должно осуществляться обучение *сновидению*.

Ла Горда сказала, что, по словам дона Хуана, облегчить *сновидение* могло все, что угодно, в качестве «неделания», при условии, что внимание будет удерживался фиксированным. Например, он заставлял ее и других учеников пристально смотреть на камни и листья, и поддерживал Паблито, когда тот захотел сконструировать свое собственное устройство для «неделания». Паблито начал с неделания ходьбы задом наперед. Он двигался, бросая короткие взгляды через плечо, чтобы видеть тропу и избегать, препятствий на ней. Я подал ему идею использовать зеркальце заднего обзора, а он развил ее в целую конструкцию из деревянного шлема с придатками, на которых примерно в 15 см от его лица и на 5 см ниже уровня его глаз были укреплены два маленьких зеркальца. Эти зеркальца не мешали ему смотреть вперед, а благодаря боковому углу, под которым они были установлены, они охватывали все пространство позади него. Паблито хвастал, что имеет полный круговой обзор. При помощи этой конструкции Паблито мог идти задом наперед на любое расстояние и в течение какого угодно времени. Поза, которую нужно принимать для *сновидения*, тоже была очень важной темой.

— Не знаю, почему Нагваль не говорил мне с самого начала, — сказала Ла Горда, — что лучшей позой, которая нужна для женщины, чтобы начать *сновидение*, будет сесть со скрещенными ногами, а затем дать телу упасть, как оно и сделает, если сосредоточить внимание на *сновидении*. Нагваль сказал мне об

этом, наверное, через год после того, как я начала. Теперь я секунду сижу в таком положении, затем ощущаю свою матку, и вот я уже в *сновидении*.

В самом начале, так же, как и Ла Горда, я входил в *сновидение*, лежа на спине, пока однажды дон Хуан не сказал мне, что я добьюсь лучших результатов, если буду сидеть на тонкой мягкой циновке, сложив ступни ног одна к другой и положив бедра так, чтобы они касались циновки. Он указал, что поскольку у меня гибкие тазобедренные суставы, то я должен развить их полностью, ставя перед собой задачу, чтобы мои бедра полностью прилегали к циновке. Он добавил, что если я буду входить в *сновидение* в таком сидячем положении, то мое тело не соскользнет и не упадет в сторону, а туловище наклонится вперед и я лягу лбом на ступни. Еще одной очень важной темой было время, в которое следует проводить *сновидение*. Дон Хуан говорил нам, что наиболее благоприятны для этого поздний вечер и раннее утро. Причина, по которой он предпочитал именно эти часы, крылась в том, что он называл практическим применением знания магов. Он сказал, что поскольку заниматься *сновидением* приходится в окружении людей, следует выбирать наилучшие условия для уединения и отсутствия вмешательства. Вмешательством, которое он имел в виду, было не физическое присутствие людей, а их внимание. По словам дона Хуана, бессмысленно уходить из мира и прятаться, потому что даже если человек совсем один в уединенном и пустынном месте, вмешательство людей превалирует, потому что невозможно отключить их первое внимание. В зависимости от местности, в часы, когда большинство людей спит, возможно отвести часть этой фиксации на короткий отрезок времени. Именно в эти часы первое внимание окружающих спит. Это привело его к описанию второго внимания. Дон Хуан объяснял нам, что внимание, необходимое в начале *сновидения*, должно быть насильственно остановлено на определенной детали сна. Таким путем обездвиживания внимания обычный сон можно превратить в *сновидение*.

Далее он объяснил, что в *сновидении* приходится пользоваться теми же механизмами внимания, что и в повседневной жизни. Наше первое внимание приучено с большой силой концентрироваться на деталях мира для того, чтобы превратить аморфную и хаотическую сферу восприятия в упорядоченный мир

осознания.

Дон Хуан сказал нам также, что второе внимание выполняло функции приманки, притягивающей шансы. Чем больше им пользуются, тем выше вероятность достичь желаемого результата. Но это была также и функция внимания вообще, функция, принимаемая настолько как само собой разумеющееся в обычной жизни, что ее перестали замечать. Если мы сталкиваемся с удачей, мы говорим о ней как о случае или совпадении, а не в том смысле, что второе внимание указало нам на событие.

Обсуждение второго внимания подготовило почву для второй ключевой темы – *тела сновидения*. В целях руководства Ла Гордой дон Хуан поставил перед ней задачу – постепенно и неуклонно мобилизовать свое второе внимание на компоненты ощущения полета в *сновидении*.

– Как ты научилась летать в *сновидении*? – спросил и ее. – Тебя кто-нибудь учил?

– Нагваль Хуан Матус учил меня здесь, в этом мире, – ответила она. – И в *сновидении* кто-то, кого я никогда не могла увидеть, учил меня. Это был только голос, говорящий мне, что я должна делать. Затем у меня ушли годы на то, чтобы научиться переходить из обычного тела, которое можно потрогать, в *тело сновидения*.

– Ты должна мне это объяснить, Ла Горда, – сказал я.

– Ты учился входить в свое *тело сновидения*, когда видел в *сновидении*, что выходишь из своего тела. Но, насколько я могу судить, Нагваль не дал тебе никакой специальной задачи, поэтому ты отправляешься по любой из дорожек, по какой только можешь. Передо мной же стояла задача использовать свое *тело сновидения*. Такую же задачу имели и сестрички. Дон Хуан сказал, что как только выучиваешься *сновидению*, любой сон, который ты можешь запомнить, уже не является сном. Это *сновидение*. В моем сне я однажды видела себя летающей, подобно воздушному змею. Я рассказала об этом Нагвалю, так как мне понравилось ощущение парения. Он воспринял все это очень серьезно и превратил в задачу.

Тогда я стала стараться летать в *сновидении*. Но я не могла его настроить. Чем больше я старалась воздействовать на свое *тело сновидения*, тем труднее это становилось. В конце концов Нагваль сказал, чтобы я перестала пытаться и позволила ему прийти самому. Мало-помалу я научилась летать в *сновидениях*. Именно

тогда какой-то голос начал говорить мне, что надо делать. Это был женский голос, как я всегда чувствовала.

Когда я научилась летать в совершенстве, Нагваль сказал, что каждое движение полета, которому я научилась в *сновидении*, я должна повторить наяву. У тебя была такая же возможность, когда саблезубый тигр учил тебя дышать. Но ты никогда не превращался в тигра в *сновидении*, поэтому не мог правильно сделать это в состоянии бодрствования. Ну, а я научилась летать в *сновидении*.

Сдвигая свое внимание в *тело сновидения*, я могла летать как воздушный змей и тогда, когда бодрствовала. Однажды я показала тебе, как я летаю, так как хотела, чтобы ты увидел, как я научилась пользоваться *сновидением*. Но ты не знал, что происходит.

Она имела в виду тот случай, когда она перепугала меня своим невообразимым имитированием реального колыхания в воздухе, подобно воздушному змею. Событие это настолько далеко выходило за рамки моего понимания, что я едва мог начать его обдумывать хоть сколько-нибудь логично. Как всегда, когда я сталкивался с такими вещами, я относил их к аморфной категории «ощущения в условиях стресса». Я придерживался мнения, что в условиях сильного стресса восприятие органов чувств очень сильно искажается. Мое объяснение ничего не объясняло, но, казалось, удерживало рассудок в умиротворенном состоянии. Я сказал Ла Горде, что туг должно быть еще и многое другое, помимо простого повторения летательных движений – в том, что она называла своим переходом в *тело сновидения*.

Прежде, чем ответить, она немного подумала.

– Я полагаю, Нагваль тебе тоже говорил, – сказала она, – что единственное, на самом деле имеющее значение в таком переходе, – это закрепление второго внимания. Нагваль говорил тебе, что именно внимание создает мир. Он был, конечно, абсолютно прав. У него были причины так говорить. Он был мастером внимания. Я думаю, он сознательно ставил передо мной задачу самой понять, что все, что требуется мне, чтобы переместиться в *тело сновидения*, это сфокусировать свое внимание на акте полета. Здесь важно прежде всего накапливать внимание в *сновидении*, чтобы наблюдать за всем, что делаешь во время полета. Это единственный способ культивировать второе внимание. Как только оно окрепло, стоило лишь чуть-чуть сфокусировать его на деталях, и ощущение полета усиливало чувство реальности, пока

для меня не стало обычным *сновидеть*, что я парю в воздухе. Таким образом, в деле полета мое второе внимание было обострено. Когда Нагваль поставил передо мной задачу перемещаться в *тело сновидения*, он имел в виду, чтобы я включила свое второе внимание, бодрствуя. Так я это понимаю. Первое внимание, внимание, создающее мир, никогда нельзя преодолеть полностью. Оно лишь на мгновение может быть выключено или замещено вторым вниманием, при условии, что тело уже накопило его в достаточном количестве. Искусство *сновидения* является естественным путем накопления второго внимания. Поэтому можно сказать, что для перемещения в тело второго внимания в бодрствующем состоянии надо следовать практике *сновидения*, пока у тебя из ушей дым не пойдет.

– Можешь ли ты в любое время, когда захочешь, попадать в свое *тело сновидения*? – спросил я.

– Нет, это не так просто, – ответила она. – Я научилась повторять движения и ощущение полета в бодрствующем состоянии, но тем не менее я не могу летать, когда пожелаю. Для моего *тела сновидения* всегда существует барьер. Иногда я чувствую, что барьер снят. В это время мое тело свободно, и я могу летать, как если бы я была в *сновидении*.

Я сказал Ла Горде, что в моем случае дон Хуан поставил передо мной три задачи для тренировки второго внимания. Первая состояла в том, что я находил в *сновидении* свои руки. Затем он рекомендовал мне выбрать место и сфокусировать внимание на нем, а затем продолжать делать *сновидение* и посмотреть, смогу ли я в действительности туда попасть. Он предложил, чтобы я посещал в таком месте кого-нибудь, кого я знаю, предпочтительно женщину, преследуя две цели. Во-первых, зафиксировать малейшие изменения, которые могут действительно указать на то, что я был там в *сновидении*; во-вторых, найти какую-нибудь малозаметную деталь, которая окажется как раз тем, на что настраивается мое второе внимание.

Наиболее серьезной проблемой, с которой встретится в этом аспекте *сновидящий*, является неуклонная фиксация второго внимания на такой детали, всегда остающейся незамеченной вниманием повседневным, создавая тем самым почти непреодолимое препятствие для оценки. То, что ищешь в *сновидении*, оказывается совсем не тем, чему уделяешь внимание в

повседневной жизни.

По словам дона Хуана, только в период обучения необходимо прилагать усилия к тому, чтобы сделать второе внимание неподвижным. После этого приходится выдерживать почти непреодолимое давление второго внимания и лишь мельком бросать взгляды на окружающее. В *сновидении* следует удовлетворяться самыми краткими видениями всего, так как если на чем-нибудь сфокусируешься, мгновенно теряешь контроль. Последней обобщенной задачей, которую он передо мной поставил, был выход из тела. Я частично преуспел в этом, и все время считал это своим единственным реальным достижением в *сновидении*.

Дон Хуан исчез прежде, чем я усовершенствовал ощущение в *сновидении*, что я могу свободно обращаться с миром повседневных вещей, находясь тем временем в *сновидении*. Его уход прервал то, что, по моему мнению, должно было быть неизбежным проникновением *сновидения* в мир повседневной жизни.

Для того, чтобы объяснить контроль второго внимания, дон Хуан ввел идею поля. Он сказал, что воля может быть представлена в виде максимального контроля свечения тела как энергетического поля, или о ней можно говорить как об уровне профессионализма, или как о таком состоянии бытия, которое внезапно входит в повседневную жизнь воина в определенное время. Она ощущается как сила, излучаемая из средней части тела вслед за моментом абсолютной тишины, или сильного ужаса, или глубокой печали, потому что счастье слишком опустошает и не дает воину концентрации, требуемой, чтобы использовать свечение тела и обратить его в молчание.

— Нагваль говорил мне, что печаль человеческого существа настолько же могущественна, как и испуг, — сказала Ла Горда. — Печаль заставляет воина лить кровавые слезы. И то, и другое может привести к моменту молчания. Или же молчание приходит само по себе из-за того, что воин стремится к нему в течение всей своей жизни.

— Ты сама когда-нибудь испытывала такой момент молчания?

— Испытывала, конечно. Но я не могу припомнить теперь, на что это похоже, — сказала она. — Мы с тобой оба испытывали его, но никто из нас ничего не может об этом вспомнить. Нагваль говорил,

что это момент отвлечения сознания, еще более тихий, чем момент выключения внутреннего диалога. Это отключение сознания, эта тишина дают возможность подняться *намерению*, направить второе внимание, управлять им, заставлять его делать то или другое. Именно потому он называется волей. Нагваль говорил, что они взаимосвязаны. Он говорил мне все это, когда я пыталась научиться летать в *сновидении*. Намерение летать производит результат полета.

Я сообщил ей, что уже отбросил всякую надежду на возможность когда-либо испытать волю.

– Ты ее испытаешь, – сказала Ла Горда. – Беда в том, что мы не обладаем достаточно острым умом, чтобы знать, что же с нами происходит. Мы не ощущаем своей воли, потому что думаем, будто она должна быть чем-то таким, о чем мы сможем знать наверняка, например – злостью. Воля очень тиха, незаметна. Воля принадлежит другому «я».

– Какому другому «я»? – спросил я.

– Ты знаешь, о чем я говорю, резко сказала она. – Мы находимся в нашем другом «я», когда совершаем *сновидение*. К настоящему времени мы уже входили в наше другое «я» бесчисленное количество раз, но мы еще не являемся цельными.

Последовала затяжная пауза. Я признался себе, что она права, утверждая, что мы не цельные. Я понимал это в том смысле, что мы были только учениками неисчерпаемого искусства. Но затем мне пришло на ум, что, возможно, она имела в виду что-то другое. Это не была рационально обоснованная мысль. Сначала я ощутил нечто вроде щекотки в солнечном сплетении, а потом возникла готовая мысль, что она, вероятно, говорит о чем-то совсем другом. Затем я таким же образом ощутил ответ. Он пришел ко мне готовым, своего рода отливкой. Я ощутил его целиком сначала кончиком своей грудины, а затем в уме. Проблема состояла в том, что я не мог распутать то, что знал, чтобы выразить его в словах. Ла Горда не прерывала моих размышлений ни дальнейшими комментариями, ни жестами. Она, казалось, была внутренне соединена со мной до такой степени, что нам не нужно было говорить словами.

Некоторое время мы еще поддерживали состояние общности друг с другом, а затем оно захлестнуло нас обоих. Постепенно мы успокоились. Наконец, я заговорил. Не то, чтобы у меня была

потребность произнести то, что мы оба и так знали. Просто нужно было восстановить опору для нашей дискуссии.

Я сказал ей, что знаю, в каком смысле мы не являемся цельными, но мне трудно перевести это свое знание в слова.

— Есть множество вещей, известных нам, — сказала она. — И все же мы не можем заставить их работать на себя, потому что не имеем представления, как их вытащить из себя на поверхность. Ты только начал ощущать это давление. Я ощущаю его уже несколько лет. Я знаю, и в то же время — не знаю. Я все время странствую по самой себе, и когда пытаюсь высказать то, что знаю, это звучит по-идиотски.

Я понял, что она имеет в виду. Понял на физическом уровне. Я знал что-то чрезвычайно практичное и очевидное о воле и о том, что Ла Горда называла другим «я», и в то же время я не мог произнести ни одного слова о том, что я знал, и не потому, что был скрытным или смущенным, а просто потому, что не знал, с чего начать или как организовать свое знание.

— Воля является настолько полным контролем второго внимания, что это называется другим «я», — сказала Ла Горда после длинной паузы. — Несмотря на все, что мы сделали, мы знаем лишь ничтожную частичку нашего другого «я». Нагваль предоставил нам самим завершить наше знание. В этом и состоит наша задача воспоминаний.

Она хлопнула себя по лбу ладонями, как если бы ее внезапно осенило.

— Господи! Мы же вспоминаем другое «я», — воскликнула она почти на грани истерики. Затем она успокоилась и продолжала говорить приглушенным голосом. — Очевидно, мы уже были там, и единственный способ вспомнить — тот, которым мы пользуемся, когда выстреливаем наши *тела сновидения* во время *совместного сновидения*.

— Что ты имеешь в виду? Что это такое — выстреливание наших *тел сновидения*? — спросил я.

— Ты сам был свидетелем того, как Хенаро выстреливал свое *тело сновидения*, — сказала она. — Оно выскакивает, как медленная пуля. Оно фактически приклеивается и отклеивается от физического тела с громким треском. Нагваль говорил мне, что у Хенаро *тело сновидения* могло делать большинство вещей, которые мы обычно можем делать. Он обычно приходил к тебе в таком виде, чтобы

встряхнуть тебя. Я знаю теперь, чего добивались Нагваль и Хенаро. Они хотели, чтобы ты вспомнил, и с этой целью Хенаро совершал невероятные действия перед самыми твоими глазами, выстреливая свое *тело сновидения*. Однако все было напрасно. – Но я совсем не знал, что он был в своем *теле сновидения*, – сказал я.

– Ты не знал, потому что не следил, – сказала она. – Хенаро пытался дать тебе знать, делая попытки выполнять то, чего *тело сновидения* выполнить не может. Например, есть, пить и т.д. Нагваль рассказывал мне, что Хенаро обычно подшучивал над тобой, говоря, что он пойдет в кусты и заставит горы трястись. – Почему *тело сновидения* не может делать этих вещей? – спросил я.

– Потому что оно не владеет *намерением* есть и пить, – ответила она.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Великим достижением Хенаро было то, что в своем *сновидении* он обучился *намерению* тела, – объяснила она. – Он закончил то, что ты только начал делать. Он мог создавать в *сновидении* все свое тело настолько совершенным, насколько это вообще возможно. Но у *тела сновидения* и у тела физического *намерения* различны. Например, *тело сновидения* может проходить сквозь стены, потому что оно знает *намерения* растворяться в воздухе. Физическое тело знает *намерение* еды и питья, но не исчезновения. Для физического тела Хенаро пройти сквозь стену было столь же невозможно, как для его *тела сновидения* поесть.

Ла Горда немного помолчала, как бы оценивая то, что она только что сама сказала. Я хотел немного подумать, прежде чем задавать ей вопросы.

– Хенаро довел до мастерства только *намерения* своего *тела сновидения*, – сказала она. – Сильвио Мануэль, с другой стороны, был абсолютным хозяином *намерения*. Теперь я знаю, что причина, по которой мы не можем припомнить его лицо, состоит в том, что он не был таким, как все остальные.

– Что тебя заставляет так говорить, Ла Горда?

Она начала было пояснять, что имела в виду, но оказалась не в состоянии вразумительно выразить свои мысли. Внезапно она улыбнулась. Глаза ее засветились.

– Поймала, – сказала она. – Нагваль говорил мне, что Сильвио

Мануэль был мастером *намерения*, поэтому он постоянно находился в своем другом «я». Он был настоящим руководителем. Он стоял позади всего, что делал Нагваль. Фактически благодаря ему Нагваль стал заботиться о тебе.

Я испытывал большое физическое неудобство, слушая, как Ла Горда мне это говорит. У меня даже чуть не расстроился живот, и я предпринимал отчаянные усилия, чтобы Ла Горда этого не заметила.

Я отдувался. Она на секунду остановилась, а затем продолжала, как бы приняв решение не обращать внимания на мое состояние. Вместо этого она начала на меня кричать. По ее мнению, сейчас было самое время развеять наши огорчения. Напомнив мне о моих чувствах отстраненности после того, что произошло в Мехико, Ла Горда сказала, что горечь я чувствовал не потому, что она примкнула к другим ученикам, встав против меня, а потому, что приняла участие в срывании с меня маски. Я объяснил ей, что эти чувства у меня уже прошли. Она была непреклонна и настаивала, что если я не встречу с этими чувствами лицом к лицу, то они все равно вернуться ко мне снова, но только как-нибудь иначе, и что мои близкие отношения с Сильвио Мануэлем были причиной всего этого.

Я сам не мог поверить тем сменам настроения, через которые я прошел, услышав такое заявление. Я как бы стал сразу двумя людьми. Один – разъяренный, с пеной у рта. Другой – спокойный, наблюдающий. Последовал еще один спазм живота, и мне стало плохо. Однако этот спазм вызвала не тошнота, скорее это была неудержимая ярость.

Когда я, наконец, успокоился, я был раздражен своим поведением и переживал в связи с тем, что этот инцидент может случиться со мной вновь и в другое время.

– Как только ты примешь свою истинную природу, – сказала Ла Горда равнодушным тоном, – ты освободишься от ярости.

Я хотел с ней поспорить, но видел тщетность всего этого. Кроме того, мой приступ ярости оставил меня совсем без энергии. Я рассмеялся при мысли, что не буду знать, как поступить, если окажется, что она права. Затем мне пришла в голову мысль, что все возможно, если я умудрился забыть о женщине-нагваль. У меня было странное ощущение не то тепла, не то раздражения в горле, как если бы я поел горячей острой пищи. В теле я ощутил тревогу,

как будто знал, что кто-то крадется у меня за спиной, и в тот же момент я узнал нечто такое, чего не знал мгновением раньше – Ла Горда была права, ответственным за меня был Сильвио Мануэль. Ла Горда громко рассмеялась, когда я рассказал ей все это. Она ответила, что тоже вспомнила кое-что о Сильвио Мануэле.

– Я не помню его как личность, как я помню женщину-нагваль, – продолжала она, – но я помню, что говорил мне о нем Нагваль.

– Что же он тебе говорил?

– Он говорил, что когда Сильвио Мануэль был на этой земле, он был такой, как Элихио. Он исчез однажды, не оставив следа, и вошел в другой мир. Он отсутствовал много лет, а затем однажды вернулся. Нагваль говорил, что Сильвио Мануэль не помнил, ни где был он сам, ни что он делал, но его тело изменилось. Он вернулся назад в этот мир, но он вернулся в своем другом «я».

– Что еще он говорил, Ла Горда? – спросил я.

– Я не могу больше вспомнить. Это похоже на взгляд сквозь туман. Я знал, что если мы сосредоточимся сильнее, то вспомним, кто же был Сильвио Мануэль. Я сообщил ей об этом.

– Нагваль говорил, что *намерение* присутствует всюду, – внезапно сказала она.

– Что это значит? – спросил я.

– Не знаю, – ответила Ла Горда. – Я просто произношу то, что приходит ко мне в голову. Нагваль сказал также, что *намерение* создает мир.

Я знал, что уже слышал эти слова раньше. Я подумал что дон Хуан, должно быть, говорил мне это, но я просто забыл.

– Когда дон Хуан говорил тебе это? – спросил я.

– Не могу вспомнить. Но он говорил, что люди, а отсюда все живые существа, являются рабами *намерения*. Оно заставляет нас действовать в этом мире. Оно даже принуждает нас умирать. Он сказал, что когда мы становимся воинами, *намерение* тем не менее превращается в нашего друга. Оно позволяет нам на секунду быть свободными, иногда даже приходит к нам, как если бы оно поджидало нас поблизости. Он говорил мне, что сам был только другом *намерения*. Сильвио же Мануэль был его хозяином.

Целые армады скрытых воспоминаний бились во мне, чтобы вырваться на поверхность. Я испытал на минуту ужасное замешательство, а затем что-то во мне внезапно сдалось. Я успокоился. Я больше не интересовался открытиями о Сильвио

Мануэле.

Ла Горда интерпретировала мою смену настроения как признак того, что мы готовы лицом к лицу встретить свои воспоминания о Сильвио Мануэле.

– Нагваль всем нам показывал, что он может делать со своим *намерением*, – внезапно сказала она. – Он мог заставлять вещи появляться, призывая *намерение*. Он говорил, что если я захочу летать, то должен буду вызвать намерение полета. Затем он показал мне, как он сам может призывать его, прыгнув в воздух и пролетев круг надо мной, как огромный воздушный змей. Или же он заставлял предметы появляться и исчезать в его руке. Он сказал, что знал *намерение* многих вещей и мог вызывать эти вещи, направляя *намерение* на них. Различие между ним и Сильвио Мануэлем состояло в том, что Сильвио Мануэль, будучи хозяином *намерения*, знал *намерение* всего.

Я заметил, что ее объяснение требует дальнейших уточнений. Она, казалось, изо всех сил пыталась организовать слова в своем уме.

– Я научилась намерению летать, – сказала она, – повторяя все чувства, которые у меня были, когда летала в *сновидении*. Это было только одно. Нагваль за свою жизнь научился *намерению* сотен вещей. Но Сильвио Мануэль пришел к самому источнику. Он коснулся его. Ему не надо было учиться *намерению* чего бы то ни было. Он составлял с *намерением* единое целое. Проблема заключалась в том, что у него не осталось больше желаний, потому что *намерение* не имеет своих собственных желаний. Поэтому Сильвио Мануэль мог сделать все, чего бы Нагваль ни пожелал. Нагваль направлял *намерение* Сильвио Мануэля. Но поскольку Нагваль также не имел желаний, большую часть времени они вообще ничего не делали.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 8

Право- и левостороннее осознание

Обсуждение *сновидения* оказалось очень полезным не только потому, что вывело нас из тупика с нашим *совместным сновидением*, но и потому, что перевело последнее из концепции на интеллектуальный уровень. Разговор о *сновидении* занимал нас и позволял воспользоваться паузой, чтобы снять нервное возбуждение.

Однажды вечером, когда я был по делам в городе, я позвонил Ла Горде из телефона-автомата. Она сказала, что ходила в супермаркет и там у нее возникло ощущение, будто я прячусь в витрине среди манекенов. Она была уверена, что я специально ее разыгрываю, и так рассердилась, что бросилась через магазин, чтобы поймать меня и задать хорошую взбучку. Затем она сообразила, что в действительности вспоминает нечто такое, что часто делала в моем присутствии, когда сердилась.

Тогда мы оба высказали желание продолжать наше *совместное сновидение*. Пока мы разговаривали, мы ощутили новый прилив оптимизма. Я немедленно поехал домой.

Я очень легко вошел в первое состояние – состояние *спокойного бодрствования*. Это было ощущение телесного удовольствия, приятного излучения из солнечного сплетения, которое преобразовалось в мысль, что сейчас мы добьемся прекрасных результатов. Эта мысль превратилась в нервное ожидание. Я обнаружил, что мои мысли идут от точки покалывания в центре груди, однако в тот момент, когда я перевел внимание туда, покалывание прекратилось. Это было похоже на электрический ток, который я мог включать и выключать.

Опять началось покалывание, сильнее прежнего, и внезапно я очутился лицом к лицу с Ла Гордой – точь-в-точь, как если бы я повернул за угол и с нею столкнулся. Я принялся ее рассматривать. Она была настолько реальной, настолько самой собой, что мне хотелось к ней прикоснуться. Предельно чистая, неземная привязанность к ней прорвалась во мне в эту минуту, и я

непроизвольно начал всхлипывать.

Ла Горда тотчас, чтобы это прекратить, попыталась сцепить наши руки, но она не могла двинуться. Мы осмотрелись. Вокруг не было никакой застывшей картины и вообще ничего в этом роде. Меня внезапно осенило, и я сказал Ла Горде – мы потому пропустили момент появления сцены *сновидения*, что смотрели друг на друга. Только я закончил говорить, как понял, что мы уже в новой ситуации. Звук собственного голоса меня испугал. Это был чужой, резкий и неприятный голос, от которого меня передернуло.

Ла Горда ответила, что мы ничего не пропустили, что наше второе внимание захвачено чем-то еще. Она улыбнулась и меня передразнила, смешно двигая губами с выражением удивления и недовольства звуками собственного голоса.

Я нашел совершенно очаровательным разговаривать в *сновидении*, так как сцены нашего разговора нам не снились – мы говорили наяву. Это требовало совершенно непривычных усилий, вроде тех, которые потребовались мне, когда я в *сновидении* спускался с лестницы.

Я спросил ее, смешно ли звучит мой голос. Она кивнула и громко рассмеялась. Звук ее смеха был совершенно потрясающим. Я вспомнил, как Хенаро издавал чрезвычайно странные и пугающие звуки. Таким же был смех Ла Горды. Меня поразило осознание того, что мы с Ла Гордой совершенно спокойно вошли в свои *тела сновидения*.

Я хотел взять ее за руку, но, несмотря на ряд попыток, не мог пошевелиться. Поскольку у меня был какой-то опыт в движениях при таком состоянии, я приказал себе придвинуться к Ла Горде. Моим желанием было обнять ее, но вместо этого я придвинулся настолько близко, что наши тела слились в одно. Я признавал себя как индивидуальное существо, но в то же время я был частью Ла Горды. Это ощущение мне страшно понравилось. Мы оставались слитыми, пока что-то не разорвало нашу связь. Я ощутил приказ осмотреть местность. Взглянув вокруг, я ясно вспомнил, что уже видел это раньше. Куда ни глянь, нас окружали небольшие круглые холмики, похожие на дюны. На вид они были из чего-то вроде светло-желтого песчаника или круглых крупинок серы. Небо было того же цвета и выглядело очень низким, давящим. В некоторых местах с неба свисали клочья желтоватого тумана или каких-то испарений.

Я заметил, что дыхание у нас как будто нормальное. Я не мог пощупать свою грудную клетку, но чувствовал, как она мерно вздымается при вдохе. По-видимому, желтые испарения нам не вредили.

Мы начали двигаться – медленно, осторожно, словно прогуливаясь. Но почти сразу я очень устал. Ла Горда тоже. Мы скользили над самой землей и, видимо, подобный способ передвижения был очень утомительным для нашего второго внимания, он требовал необычайной степени концентрации. Мы не подражали намеренно нашей обычной ходьбе, но результат был таков, как будто этим мы и занимались. Движение требовало выбросов энергии, чего-то вроде периодических микровзрывов. У нас не было никакой определенной цели, поэтому вскоре мы остановились.

Ла Горда заговорила со мной таким слабым голосом, что я едва ее расслышал. Она сказала, что нас влечет в сторону большей тяжести и если мы не повернем, то наверняка погибнем.

Автоматически мы повернулись и пошли назад, но чувство усталости нас не оставляло. Мы оба настолько выдохлись, что не могли удерживаться в вертикальном положении. Мы повалились на землю и непроизвольно приняли позу *сновидения*.

Я мгновенно проснулся у себя в кабинете, а Ла Горда – у себя в спальне. Первое, о чем я сказал ей после пробуждения, – что я уже был в этой местности несколько раз раньше. Я видел ее по крайней мере в двух ракурсах: совершенно плоской – и покрытой маленькими холмиками. Пока я говорил, мне пришло в голову, что я даже не уточнил, одно ли и то же мы видели. Остановившись, я сказал, что позволил себе увлечься. Затем приступил к описанию того, что видел, как если бы мы сравнивали свои впечатления от совместной воскресной прогулки.

– Сейчас об этом говорить уже не имеет смысла, – сказала она со вздохом. – Но если тебе это доставит удовольствие, то я расскажу тебе, что видела я.

Она терпеливо описала все, что мы видели, говорили или делали. Она сказала, что тоже бывала раньше в этой пустынной пересеченной местности и что знает наверняка – эта земля не принадлежит людям, это – пространство между мирами, между миром, который мы знаем, и иным миром.

– Это пространство между параллельными линиями, – продолжала

она. — Мы можем приходить туда в *сновидении*, но для того, чтобы покинуть этот мир и перейти в тот, надо пройти в эту область целиком, всем своим телом.

Я ощутил озноб при мысли, что надо войти в это странное место в своем физическом теле.

— Мы с тобой уже там бывали в наших телах, — добавила она. — Разве ты не помнишь?

Я сказал, что все, что я могу вспомнить — это то, что я уже дважды под руководством дона Хуана видел этот странный ландшафт, но оба раза отбрасывал этот опыт, потому что он следовал за приемом галлюциногенных растений. Следуя своему рассудку, я рассматривал этот опыт как совершенно субъективные видения, а не как достоверные явления. Я не помнил, чтобы когда-нибудь раньше видел эту местность.

— Когда мы попадали туда в своих телах? — спросил я.

— Не знаю, — сказала она. — Смутное воспоминание об этом просто мелькнуло у меня в голове, когда ты сказал, что видел его раньше. Я полагаю, твоя очередь помочь мне закончить то, что я начала вспоминать. Я не могу на этом сфокусироваться, но припоминаю, что в это пустынное место нас и женщину-нагваль брал с собой Сильвио Мануэль, но не знаю зачем. Мы не были тогда в *сновидении*.

Я уже не слышал, что она говорила дальше. Мой ум стал настраиваться на что-то, пока еще невыразимое. Я попытался привести мысли в порядок. Они бесцельно разбрелись. На секунду я почувствовал, будто вновь вернул те годы и то время, когда я не мог останавливать свой внутренний диалог. Затем туман начал рассеиваться. Мысли пришли в порядок без моего сознательного вмешательства, и в результате всплыли законченные воспоминания о событиях, которые я уже частично припомнил в одной из тех бесчисленных вспышек памяти, которые у меня бывали. Ла Горда была права. Нас уже однажды брали в ту область, которую дон Хуан называл «чистилищем», очевидно, заимствовав этот термин из религиозной догмы. Я знал, что Ла Горда права и в том, что мы были там не в *сновидении*.

В тот раз, по просьбе Сильвио Мануэля, дон Хуан собрал вместе женщину-нагваль, меня и Ла Горду. Дон Хуан объяснил, что причиной нашего сбора послужило то, что я своими собственными средствами, но неосознанно, вошел в особое состояние сознания,

представлявшее собой самую тонкую форму внимания. Я уже входил в это состояние, которое дон Хуан называл «левосторонним», но очень ненадолго и всякий раз с его помощью. Одной из основных черт этого состояния, представлявшей наибольшее значение для нас, было то, что в левостороннем сознании мы могли воспринимать необозримую массу желтоватого тумана, которую дон Хуан называл «стеной тумана». Всегда, когда я мог ее воспринимать, она находилась справа от меня, распространяясь вперед до горизонта и вверх до бесконечности, разделяя мир надвое.

Стена тумана поворачивалась одновременно с движением головы, поэтому я никогда не имел возможности повернуться к ней лицом. В тот день, о котором идет речь, дон Хуан и Сильвио Мануэль говорили со мной о стене тумана. Я помню, что потом Сильвио Мануэль схватил Ла Горду за загривок, как котенка, и исчез с ней в массе тумана. У меня была доля секунды, чтобы увидеть их исчезновение, потому что дон Хуан каким-то образом добился того, что я оказался повернутым к стене тумана. Он не хватал меня за шкуру, а толкнул в стену тумана, и следующее, что я увидел, была пустынная равнина. Дон Хуан, Сильвио Мануэль, женщина-нагваль и Ёà Горда также находились там. Меня не интересовало, что они делают; я был парализован неприятнейшим и угрожающим ощущением придавленности – усталости, сводящей с ума затрудненностью дыхания. Я ощущал, что стою внутри душной желтой пещеры с низким потолком. Физическое ощущение давления стало таким сильным, что я больше не мог дышать. Казалось, все мои физические функции остановились. Я уже не мог чувствовать ни одной из частей своего тела. Однако я все еще мог двигаться, ходить, поднимать руки, поворачивать голову. Я положил руки на бедра, но ни бедра, ни ладони ничего не чувствовали. Мои руки и ноги зрительно были здесь, но на ощупь отсутствовали.

Движимый безграничным страхом, я схватил женщину-нагваль за руки и сбил ее с ног. Но толкнула меня не моя мускулатура, это была сила, сконцентрированная не в моих мышцах и не в скелете, а в центре моего тела.

Желая опробовать силу еще раз, я схватил Ла Горду. От моего рывка она пошатнулась. Тут я понял, что энергия, с помощью которой я все это делал, исходит из стержневидного протуберанца,

действующего как щупальце из центра моего тела.

Все это заняло лишь секунду. В следующий момент я вновь погрузился в состояние дискомфорта и страха. Я посмотрел на Сильвио Мануэля с молчаливой просьбой о помощи. Он взглянул на меня, и я понял, что пропал. Его глаза были холодны и безразличны. Дон Хуан отвернулся от меня, и я внутренне затрясся от невыразимого физического ужаса. Мне казалось, что кровь в моем теле кипит, не потому, что я чувствовал жар, но потому, что внутреннее давление приблизилось к точке взрыва.

Дон Хуан приказал мне расслабиться и отдаться смерти. Он сказал, что я останусь здесь, пока не умру, и что у меня есть шанс умереть мирно, если я сделаю сверхусилие и позволю страху завладеть мной; если же я стану с ним бороться, то умру в агонии.

Со мною заговорил Сильвио Мануэль, что случалось крайне редко. Он сказал, что энергия, необходимая для того, чтобы принять мой ужас, находится в центре моего тела, и что единственным способом добиться успеха будет сдаться, не сдаваясь.

Женщина-нагваль и Ла Горда были совершенно спокойны. Я был здесь единственным, кто умирал. Сильвио Мануэль сказал, что судя по тому, как я теряю энергию, до моего конца остаются мгновения, и что я могу считать себя уже мертвым. Дон Хуан сделал женщинам знак следовать за ним, и они повернулись ко мне спиной. Я не видел, что они делали. Я почувствовал мощную вибрацию, идущую сквозь меня, и решил, что это мои смертные судороги. Моя борьба окончена. Меня больше ничего не тревожило. Я отдался неумолимому ужасу, убивавшему меня. Мое тело, или образование, которое я считал своим телом, расслабилось, отдав себя смерти. Как только я позволил ужасу войти или, точнее, выйти из меня, я почувствовал и увидел, как тяжелый туман или беловатое испарение на фоне сернисто-желтого тумана покидает мое тело.

Дон Хуан повернулся ко мне и с любопытством посмотрел на мое тело. Сильвио Мануэль отошел в сторону и опять схватил Ла Горду за загривок. Я ясно видел, как он отшвырнул ее, словно огромную тряпичную куклу, в массу тумана. Затем он вошел туда сам и исчез.

Женщина-нагваль сделала мне знак, приглашая войти в туман. Я двинулся к ней, но прежде, чем я подошел, дон Хуан дал мне мощный пинок в спину, который пронес меня сквозь толщу

тумана. Я нигде не задержался и, проскочив стену, упал на землю в повседневном мире.

Ла Горда вспомнила это событие, когда я рассказал ей о нем. Затем она кое-что уточнила.

– Мы с женщиной-нагваль не боялись за твою жизнь, – сказала она. – Нагваль говорил нам, что тебя надо заставить отпустить все, за что ты держишься, но в этом нет ничего нового. Каждого воина-мужчину нужно подталкивать страхом.

Сильвио Мануэль уже протаскивал меня через у́дó стену трижды, чтобы я научилась расслабляться. Он сказал, что если ты увидишь, что я чувствую себя там спокойно, это окажет на тебя влияние. Так и произошло. Ты сдался и расслабился.

– Тебе тоже было трудно научиться расслабляться?

– Нет. У женщин с этим проще. Проблема лишь в том, что нас надо протаскивать через туман. Мы не можем делать этого самостоятельно.

– Почему не можете?

– Надо быть очень тяжелым, чтобы пройти сквозь туман, а женщина легкая, даже слишком, – сказала она.

– А как насчет женщины-нагваль? Я не видел, чтобы ее тоже кто-нибудь протаскивал.

– С женщиной-нагваль особый случай, – сказала Ла Горда. – Она все могла делать самостоятельно. Она могла взять туда тебя или меня. Она могла даже самостоятельно пройти ту долину, что, как говорил Нагваль, обязательно для всех, кто странствует в неизвестное.

– Почему она пошла туда со мной?

– Сильвио Мануэль взял нас, чтобы поддержать тебя. Он считал, что тебе нужна защита двух женских и двух мужских сопровождающих – защита от тех сущностей, которые рыскают там. Из этой пустынной равнины приходят союзники и другие твари, еще более свирепые.

– У тебя тоже была защита? – спросил я.

– Я в ней не нуждаюсь. Я – женщина. Я свободна от всего этого. Но мы считали, что ты находишься в ужасном положении. Ты был Нагваль, но очень глупый Нагваль. Мы считали, что эти свирепые союзники или, если хочешь, называй их демонами, могут разорвать тебя на части. Так сказал нам Сильвио Мануэль. Он взял нас, чтобы охранять тебя с четырех сторон. Но забавным было то,

что ни Нагваль, ни Сильвио Мануэль не знали, что ты в нас не нуждаешься. Предполагалось, что пройдет немного времени, пока ты не потеряешь свою энергию. Затем Сильвио Мануэль собирался напугать тебя, показав тебе союзников и натравив их на тебя. Он и Нагваль планировали помогать тебе понемножку. Таково правило. Но что-то нарушилось. В ту же минуту, как ты попал туда, ты взбесился. Ты не сдвинулся ни на дюйм, и уже умирал. Ты был до полусмерти напуган, еще даже не увидев союзников.

Сильвио Мануэль рассказывал мне, что он не знал, что делать, поэтому он сказал тебе на ухо то, что должен был сказать в самую последнюю очередь – сдаться, не сдаваясь. Ты сразу успокоился, сам по себе, и им не понадобилось делать всего того, что они планировали. Нагвалю и Сильвио Мануэлю ничего не оставалось, как забрать нас оттуда.

Я рассказал Ла Горде, что когда я вернулся назад в этот мир, то кто-то был рядом со мной и помог мне подняться. Это все, что я помнил.

– Мы были в доме Сильвио Мануэля, – сказала она. – Сейчас я могу очень многое вспомнить об этом доме. Кто-то говорил мне, не помню, кто, что Сильвио Мануэль нашел его и купил, потому что дом был построен на месте силы. Но кто-то еще говорил, что ему просто понравился этот дом, он купил его и сделал местом силы. Лично я чувствую, что Сильвио Мануэль принес силу. Я чувствую, что его безупречность делала этот дом местом силы, пока он жил там со своей компанией.

Когда им пришлось время уходить, место силы исчезло вместе с ними, и дом стал таким же, каким он был до тех пор, пока Сильвио Мануэль не купил его, – обычным домом.

Пока Ла Горда говорила, мой ум, казалось, еще больше прояснялся, но не настолько, чтобы открыть, что случилось с нами в этом доме и наполняло меня такой печалью. Не зная, почему, я был уверен, что это связано с женщиной-нагваль. Где она?

Ла Горда не ответила, когда я спросил об этом. Наступило длительное молчание. Она извинилась, сказав, что должна приготовить завтрак; было уже утро. Она оставила меня наедине с самим собой, с очень болезненной тяжестью на сердце. Я позвал ее обратно. Она рассердилась и швырнула кастрюли на пол. Я понял почему.

В следующей серии *совместного сновидения* мы еще более

углубились в тонкости второго внимания. Это произошло несколько дней спустя. Мы с Ла Гордой без особых ожиданий и усилий оказались стоящими вместе. Она три-четыре раза пыталась сцепить наши руки, но безрезультатно. Она заговорила со мной, но ее речь была невнятной. Тем не менее я знал: она говорит, что мы опять находимся в своих *телах сновидения*. Она предупредила меня о том, что все движения должны делаться из средней части наших тел.

Как и при нашей последней попытке, никакого целостного видения не появилось. Однако я, казалось, узнавал местность, которую видел в своих *сновидениях* почти ежедневно в течение года. Это была долина саблезубого тигра.

Мы прошли несколько метров, и на этот раз наши движения уже не были ни порывистыми, ни толчкообразными. Мы действительно шли, исходя из живота, не напрягая никаких мышц. Трудность состояла только в отсутствии у меня практики. Это походило на первую поездку на велосипеде. Я быстро устал и потерял ритм, стал нерешительным и неуверенным в себе. Мы остановились. Ла Горда тоже потеряла синхронность движений. Тут мы начали осматривать то, что нас окружало. Все имело неоспоримую реальность, по крайней мере для глаз. Мы находились в пересеченной местности с пышной растительностью. Я не мог определить вид тех странных кустов, которые там росли. Они походили на маленькие деревья, полтора-два метра высотой. На них было немного листьев, плотных и толстых, зеленовато-коричневого цвета, и огромные, темно-коричневые, с золотистыми полосками цветы. Стебли не были древовидными, они выглядели легкими и упругими, как водоросли, и были покрыты длинными устрашающими шипами. Несколько погибших растений упали, и было видно, что они пустотелые.

Почва была очень темной и казалась сырой. Я попытался нагнуться, чтобы потрогать ее, но мне не удалось двинуться. Ла Горда знаком показала, чтобы я использовал среднюю часть тела. Когда я это сделал, мне не понадобилось нагибаться, чтобы коснуться земли. У меня появилось что-то вроде щупальца, которым я мог чувствовать. Однако я не мог разобрать, что именно я чувствую. Не было никаких тактильных ощущений, на основе которых можно было бы воспринимать различия. Земля, которой я коснулся, казалась почвой, но на вид, а не на ощупь. Тут я

погрузился в интеллектуальную дилемму. Почему *сновидение* кажется продуктом моих зрительных способностей? Может быть, потому, что зрение доминирует у нас в повседневной жизни? Вопросы были бессмысленными. Я не был в том состоянии, когда мог бы отвечать на них, и единственным, к чему привели эти размышления, было ослабление моего второго внимания.

Ла Горда прервала мои рассуждения, хорошенько боднув. Я ощутил как бы удар. Дрожь пробежала по всему моему телу. Она показала вперед. Как обычно, саблезубый тигр лежал на каменистом выступе, где я его видел всегда. Мы приблизились, пока не оказались в двух метрах от камня, так что нам приходилось поднимать голову, чтобы смотреть на тигра. Мы остановились. Он поднялся. Его размеры были поразительны, особенно ширина.

Я знал, что Ла Горда хочет пройти со мной вокруг тигра на другую сторону холма. Я хотел сказать ей, что это может быть опасно, но не знал, как ей это передашь. Тигр казался сердитым, возбужденным. Он присел на задние лапы, как бы собираясь прыгнуть на нас. Я испугался.

Ла Горда повернулась ко мне, улыбаясь. Я понял, что она говорит, чтобы я не поддавался панике, так как тигр был только образом, подобным призраку. Движением головы она подталкивала меня идти вперед. Однако на неизмеримо более глубоком уровне я знал, что тигр является сущностью, может быть не в таком физическом смысле, как в нашем обычном мире, но тем не менее – реальной. А поскольку мы с Ла Гордой были в *сновидении*, мы потеряли свою повседневную материальность. В этот момент мы были с тигром на равных. Наше существование тоже было призрачным.

Мы сделали еще один шаг по настоянию Ла Горды. Тигр прыгнул. Я видел, как в воздухе взметнулось его огромное тело, направляясь прямо на меня. Я потерял ощущение, что я в *сновидении*, для меня тигр был реальным и через мгновение должен был меня растерзать. Каскад огней, образов самых интенсивных красок, какие я только видел, замелькал вокруг меня. Я проснулся в своем кабинете.

После того, как мы добились значительных успехов в *совместном сновидении*, у меня появилась уверенность, что мы ухитрились сохранить свою отрешенность, и торопиться больше некуда. Нас заставляли действовать не результаты наших усилий. Скорее это

было какое-то всеохватывающее побуждение, дававшее нам толчок действовать безупречно, без мысли о награде. Наши последующие сеансы были такими же, как и первый, за исключением быстроты и легкости, с которой мы теперь входили во второе состояние *сновидения* – *динамичное бодрствование*.

Наше искусство в *совместном сновидении* дошло до такого уровня, что мы с успехом повторяли его каждую ночь. Без всякого специального намерения с нашей стороны, наше *совместное сновидение* фокусировалось наугад на трех областях: на песчаных дюнах, на долине саблезубого тигра и, самое важное, на забытых событиях прошлого.

Когда перед нами предстали сцены, имевшие отношение к забытым событиям, в которых Ла Горда и я играли важную роль, она без всяких затруднений сцепляла свою руку с моей. Это действие давало мне иррациональное ощущение безопасности. Ла Горда объяснила, что этот акт необходим для того, чтобы рассеять абсолютное одиночество, которое является результатом второго внимания. Она сказала, что смыкание рук вызывает чувство объективности, и в результате мы можем следить за действиями, происходящими в каждой сцене. Иногда мы непосредственно вовлекались в эту деятельность, а иногда бывали полностью объективными и наблюдали за сценой, как в кино.

Когда мы посещали песчаные дюны или долину саблезубого тигра, мы не могли сомкнуть руки. В этих случаях наши действия никогда не повторялись, они никогда не были предусмотренными и всегда производили впечатление спонтанных реакций на новую ситуацию.

По мнению Ла Горды, большинство наших *совместных сновидений* распадалось на три категории. Первая, самая большая, состояла из повторного участия в событиях, которые мы уже когда-то пережили. Вторая – когда мы оба наблюдали за действиями, которые я один когда-то совершил, – страна саблезубого тигра относилась к этой категории. Третья – действительное посещение такой области, которая существовала такой же, какой мы видели ее в момент посещения. Ла Горда утверждала, что упомянутые желтые холмы существуют здесь и сейчас и что именно так они выглядят и так расположены для приходящего туда воина.

В одном пункте мне хотелось с ней поспорить. У нас случались загадочные встречи с людьми, которых мы почему-то забыли, но с

которыми явно были знакомы. Саблезубый тигр, с другой стороны, был существом из моего *сновидения*. Я не мог воспринимать его и тех людей как относящихся к одной категории.

Прежде, чем я успел задать свой вопрос, я уже услышал ответ Ла Горды. Казалось, она и впрямь находится у меня в голове, читая как по раскрытой книге.

— Они все одного класса, — сказала она и нервно рассмеялась. — Мы не можем найти объяснения тому, почему мы забыли или как так получилось, что теперь приходится вспоминать. Мы ничего не можем объяснить. Саблезубый тигр где-то там. Мы никогда не узнаем, где. Но почему мы должны тревожиться из-за каких-то надуманных несоответствий? Сказать, что это — факт, а вот это — *сновидение*, не имеет ни малейшего смысла для другого «я».

Обычно мы с Ла Гордой занимались *совместным сновидением* как средством достижения невообразимого мира скрытых воспоминаний. Оно позволяло извлекать на поверхность события, добраться до которых посредством повседневной памяти было невозможно. Когда мы перебирали такого рода события во время бодрствования, это вызывало еще более детальные воспоминания. Подобным образом мы, так сказать, освободили массу воспоминаний, погребенных в нас. Потребовалось почти два года невероятных усилий и концентрации, чтобы начать понимать, что же с нами было на самом деле.

Дон Хуан говорил нам, что человеческие существа разделены надвое. Правая сторона, которую он называл тоналъ, схватывает все, что может воспринимать интеллект. Левая сторона — нагваль, — царство, черты которого неописуемы, мир, который невозможно заключить в слова. Левая часть до какой-то степени воспринимается (если это можно назвать восприятием) всем нашим телом, отсюда и его сопротивление построению концепций. Дон Хуан говорил нам также, что все способности, возможности и достижения магии, от самых простых до самых немыслимых, заключаются в самом человеческом теле.

Исходя из того, что мы разделены надвое и что все вообще заключено в самом теле. Ла Горда предложила объяснение наших воспоминаний. Как она поняла, в течение всего периода нашей связи с Нагвалем Хуаном Матусом наше время было разделено поровну между состояниями нормального осознания, на правой стороне, тонале, где преобладает первое внимание, и состояниями

повышенного осознания, на левой стороне, нагвале, или на стороне второго внимания.

Ла Горда считала, что усилия Нагваля были направлены на то, чтобы привести нас к другому «я» при помощи контроля над вторым вниманием посредством *сновидения*: Однако в непосредственный контакт со вторым, вниманием он вводил нас при помощи манипуляций столом. Ла Горда прибавила, что он заставлял ее переходить от одного края к другому, толкая ее или массируя ей спину, а иногда нанося сильный удар в области правой лопатки. Результатом было вхождение в состояние необычной ясности. Ла Горде казалось, что в этом состоянии и в этом мире все происходит гораздо быстрее, оставаясь при этом неизменным.

Спустя несколько недель после этого рассказа Ла Горды я вспомнил, что точно так же бывало и со мной. В любой момент дон Хуан мог нанести мне сильный удар в спину. Я всегда ощущал этот удар между лопатками и чуть выше. За ударом следовала необычайная ясность. Мир оставался таким же, но становился четче. Все становилось самым собой. Видимо, удар дона Хуана отключал мою способность суждения, и она больше не вмешивалась в непосредственное восприятие.

Я мог оставаться в этом состоянии неопределенно долго или до тех пор, пока дон Хуан не наносил мне второй удар, чтобы вернуть меня в нормальное состояние сознания. Он никогда меня не толкал и не массировал. Это всегда был прямой и сильный удар раскрытой ладонью – удар, от которого у меня на секунду перехватывало дыхание. В таких случаях я обычно начинал задыхаться, дышал мелко и часто, пока не восстанавливал дыхание.

Ла Горда рассказывала о таком же эффекте: удар Нагваля мгновенно опустошал легкие, и чтобы их вновь наполнить, приходилось хватать воздух как не в себя. Это судорожное дыхание, считала Ла Горда, и было здесь основным фактором; именно оно вызывало перемену, но каким образом дыхание воздействовало на восприятие и сознание – этого она не могла объяснить. Она сказала также, что ей никогда не наносился удар, чтобы вернуть ее в нормальное осознание: возвращалась она уже самостоятельно, хотя и не знала как.

Все, что она рассказала, похоже, в равной степени относилось ко мне. Не только в детстве, но уже будучи взрослым, когда мне

случалось грохнутья спиной, я испытывал такое ощущение, будто из легких сразу вылетел весь воздух. Но последствия удара донна Хуана, хотя я тоже моментально становился бездыханным, были совсем иными. Тут не было никакой боли, вместо этого возникало ощущение, описать которое невозможно. Пожалуй, точнее всего было бы сказать, что внутри меня внезапно возникала сухость. Удары в спину, казалось, высушивали мне легкие и затягивали все вокруг туманом. Затем, по наблюдениям Ла Горды, все, что затуманивалось после удара, становилось кристально ясным одновременно с восстановлением дыхания, как если бы дыхание было катализатором, фактором первостепенной важности. То же самое происходило и со мной на пути к нормальному, повседневному осознанию жизни. Воздух бывал из меня выбит, мир становился затуманенным, а затем он прояснялся, когда я вновь наполнял легкие воздухом.

Еще одной чертой этих состояний повышенного осознания было ни с чем не сравнимое богатство наших личных взаимодействий. Богатство, которое наше тело воспринимало как ощущение ускорения. Наши двухсторонние перемещения между правой и левой сторонами облегчали нам понимание того, что на правой стороне слишком много энергии поглощается поступками и взаимодействиями нашей повседневной жизни. На левой стороне, напротив, существует врожденная потребность в экономии и скорости.

Ла Горда не могла описать, чем в действительности была эта скорость. Не мог и я. Лучше всего я мог бы сказать, что на левой стороне я мог схватывать значение всего с особенной точностью и направленностью.

Любая грань деятельности была свободна от вступлений и введений. Я действовал и отдыхал. Я шел вперед и отступал, без всяких мыслительных процессов, столь обычных для меня.

Именно это мы с Ла Гордой понимали как ускорение.

В какой-то момент мы выяснили, что богатство восприятия на левой стороне проявлялось постфактум, то есть наши взаимодействия оказывались такими богатыми в свете нашей возможности запоминать их. Мы понимали, что в этих состояниях повышенного осознания мы воспринимали все одним целым куском, монолитной массой неотделимых деталей. Мы назвали эту способность воспринимать все сразу интенсивностью. Годами мы

считали невозможным использовать отдельные составляющие части этих монолитных кусков опыта. Мы не могли синтезировать эти части в такую последовательность, которая имела бы смысл для интеллекта. Поскольку мы были неспособны на такой синтез, мы не могли и вспомнить, эта наша неспособность вспомнить была фактически нашей неспособностью расположить воспоминания в линейной последовательности. Мы не могли, так сказать, разложить наши переживания перед собой и собрать их последовательно, одно за другим. Полученные переживания были доступны для нас, но в то же время мы не могли до них добраться, так как они были замурованы стеной интенсивности.

Следовательно, задачей воспоминания было соединить наши левые и правые стороны, объединить эти две стороны различных форм восприятия в единое целое. Это была задача по конденсации целостности самого себя путем расположения интенсивности в линейной последовательности.

Для нас стало ясно, что та деятельность, в которой мы принимали участие, могла занимать очень мало времени, если судить по часам. Из-за нашей неспособности воспринимать в терминах интенсивности мы могли иметь только подсознательное восприятие больших отрезков времени. По мнению Ла Горды, если бы мы могли расположить интенсивность в линейной последовательности, мы были бы вправе честно признать, что прожили тысячу лет.

Прагматический шаг, предпринятый доном Хуаном для того, чтобы облегчить нам задачу воспоминания, состоял в том, что он вводил нас в контакт с различными людьми, пока мы находились в состоянии повышенного осознания. Он тщательно следил за тем, чтобы мы не видели этих людей в состоянии обычного осознания. Таким образом, он создал подходящие условия для воспоминания. Закончив наши воспоминания, мы с Ла Гордой вошли в очень смутное состояние. У нас было детальное знание о социальных взаимодействиях, которые мы разделяли с доном Хуаном и его партнерами. Это не были воспоминания в том смысле, как я мог бы вспомнить эпизод из своего детства. Это были более чем живые, детальные воспоминания о событиях. Мы восстановили разговоры, которые, казалось, еще звучали у нас в ушах, как если бы их слушали. Мы оба чувствовали, что излишним было бы стараться разобраться в том, что с нами произошло. Все то, что мы

вспоминали, с точки зрения нашего опыта происходило непосредственно сейчас. Таков был характер наших воспоминаний. Наконец-то мы могли ответить на вопросы, так мучавшие нас. Мы вспомнили, кем была женщина-нагваль, какое место она среди нас занимала, какова была ее роль. Мы вспомнили, а точнее – вычислили, что провели одинаковое время с доном Хуаном в состоянии нормального осознания и с доном Хуаном и его сотоварищами в состоянии повышенного осознания. Мы восстановили каждый нюанс этих взаимоотношений, скрытых интенсивностью.

После вдумчивого обзора всего того, что мы обнаружили, мы хоть и минимальным образом, но соединили две свои стороны. Затем мы обратились к другим темам, к новым вопросам, которые встали на место старых. Существовало три предмета, три вопроса, суммировавших все, что нас волновало. Кто был дон Хуан и кем были его сотоварищи? Что они в действительности делали с нами и куда они все ушли?

[**НАЗАД**](#) | [**INDEX**](#) | [**ВПЕРЕД**](#)

Часть третья

Глава 9

Правило нагваля

Дон Хуан был очень скуп на информацию о своем прошлом и о своей личной жизни. Его сдержанность была главным образом, дидактическим средством. Насколько это касалось его самого, его время началось с того момента, когда он стал воином. Все, что случилось с ним раньше, значения не имело.

Все, что мы с Ла Гордой знали о его прошлом, – это то, что он родился в Аризоне. Его родители были индейцами племен яки и юма. Когда он был еще ребенком, родители перевезли его жить к индейцам яки в северную Мексику. В десятилетнем возрасте его закрутил водоворот войн яки. Мать убили, а отца захватили в плен мексиканские солдаты. Дона Хуана с отцом сослали в резервацию для репатриантов на южной окраине штата Юкатан, где он и вырос. Он никогда не рассказывал нам о том, что происходило с ним в этот период. Он полагал, что говорить об этом никакой необходимости нет. Я считал иначе. Значение, которое я придавал этому периоду его жизни, было связано с убеждением, что все отличительные черты и характер его лидерства коренятся в опыте, приобретенном им в то время.

Однако не этот опыт, каким бы важным он ни был, сделал дона Хуана столь неизмеримо значимой фигурой в наших глазах и в глазах его сотоварищей. Своим выдающимся положением он был обязан тому случайному происшествию, благодаря которому он вошел в правило.

Быть вовлеченным в правило – все равно, что жить в мифе. Дон Хуан и жил мифом, мифом, поймавшим его и сделавшим Нагвалем. Дон Хуан говорил, что когда правило поймало его, он был агрессивным и неуправляемым человеком, живущим в изгнании, как жили в то время тысячи других индейцев племен яки. Он работал на табачной плантации в южной Мексике. Однажды в

результате роковой стычки из-за денег со своим напарником он получил пулевое ранение в грудь. Когда он пришел в себя, над ним склонился старый индеец, ощупывающий рану в его груди. Пуля застряла в мышцах у ребра, не пробив груди. Дон Хуан два-три раза терял сознание от шока, потери крови и, по его собственным словам, от страха перед смертью. Старик-индеец извлек пулю и, поскольку дону Хуану некуда было идти, взял его к себе домой и выхаживал его в течение месяца.

Старый индеец был добрым, но жестким человеком. Однажды, когда дон Хуан достаточно окреп, старик нанес ему сильный удар в спину и заставил его войти в состояние повышенного осознания. Затем, без лишних церемоний, он открыл дону Хуану часть правила, относящуюся к нагвалю и его роли.

Дон Хуан проделал то же самое со мной и Ла Гордой. Он заставил нас сместить уровни осознания и рассказал нам правило нагваля в следующей форме.

Сила, правящая судьбой всех живых существ, называется Орлом. Не потому, что это орел или что-то, имеющее нечто общее с орлом либо как-то к нему относящееся, а потому, что для *видящего* она выглядит как неизмеримый иссиня-черный Орел, стоящий прямо, как стоят орлы, высотой уходя в бесконечность.

Когда *видящий* смотрит на черноту, являющуюся Орлом, четыре вспышки света освещают его сущность.

Первая вспышка, подобно молнии, помогает *видящему* охватить контуры тела Орла. Тогда можно видеть белые мазки, выглядящие как перья. Вторая вспышка молнии освещает колышущуюся, создающую ветер черноту, выглядящую как крылья Орла. С третьей вспышкой *видящий* замечает пронзительный нечеловеческий глаз. – А четвертая, последняя вспышка открывает то, что Орел делает. Орел пожирает осознание всех существ, живших на Земле мгновение назад, а сейчас мертвых, прилетевших к клюву Орла, как бесконечный поток мотыльков, летящих на огонь, чтобы встретить своего Хозяина и причину того, что они жили. Орел разрывает эти маленькие осколки пламени, раскладывая их, как скорняк шкурки, а затем съедает, потому что осознание является пищей Орла.

Орел – сила, правящая судьбой живых существ, – видит всех этих существ сразу и совершенно одинаково. Поэтому у человека нет никакого способа разжалобить Орла, просить у него милости или

надеяться на снисходительность. Человеческая часть Орла слишком мала и незначительна, чтобы затронуть целое.

Только судя по действиям Орла *видящий* может сказать, чего Орел хочет. Хотя Орла и не волнуют обстоятельства жизни любого живого существа, каждому из них он сделал *дар*.

По-своему, своими собственными средствами, каждое из них, если пожелает, имеет власть сохранить силу осознания, силу не повиноваться зову смерти и тому, чтобы быть сожранным.

Каждому живому существу была дарована сила, если оно того пожелает, искать проход к свободе и пройти через него. Для того *видящего*, который видит этот проход, и для тех существ, которые прошли сквозь него, совершенно очевидно, что Орел дал этот дар для того, чтобы увековечить осознание.

Для того, чтобы к этой лазейке существовал проводник, Орел создал Нагваля. Нагваль – это двойное существо, которому было открыто правило, будь он в форме человека, растения или чего угодно живого. Нагваль уже по самой своей двойной природе стремится искать этот проход.

Нагваль приходит парами, образованными мужчиной и женщиной. Двойной мужчина и двойная женщина становятся Нагвалем только после того, как каждому из них будет открыто правило и каждый из них поймет и примет его полностью.

Глазу *видящего* Нагваль-мужчина или Нагваль-женщина видятся как светящееся яйцо с четырьмя отделами. В отличие от обычных людей, имеющих только две стороны – правую и левую, у Нагваля левая сторона разделена на две длинных секции, точно так же и правая.

Орел создал первых Нагваля-женщину и Нагваля-мужчину и тотчас пустил их в мир *видеть*. Он снабдил их четырьмя женщинами-воинами, которые были сталкерами, тремя воинами-мужчинами и одним мужчиной-курьером, которых они должны были вести к свободе и заботиться о них.

Женщины-воины называются направлениями, четырьмя углами квадрата, четырьмя темпераментами, женскими личностями, существующими в человеческом роде.

Первая – Восток. Это порядок. Она оптимистична, беззаботна, обходительна, как устойчивый бриз.

Вторая – Север. Это сила. Она находчива, резка, пряма, негибаема, как сильный ветер.

Третья – Запад. Это чувство. Она интроспективна, сочувлива, артистична, подобна прохладному порыву ветра.

Четвертая – Юг. Это рост. Она питает, она шумна, застенчива, тепла, как горячий ветер.

Трое мужчин-воинов и курьер представляют собой мужской тип деятельности и темперамента.

Первый тип – любознательный человек, ученый, благородный, на него можно положиться, он спокоен, полностью предан выполнению своей задачи, какова бы она ни была.

Второй тип – человек действия, очень переменчивый, большой весельчак и ненадежный компаньон.

Третий тип – организатор за сценой, загадочный, непознаваемый человек. О нем нельзя ничего сказать, так как сам он никакой информации о себе не сообщает.

Четвертый тип – курьер. Это помощник, неразговорчивый, бесстрастный, действует очень хорошо, если его должным образом направить, но не может действовать полностью самостоятельно.

Для того, чтобы облегчить задачу, Орел показал мужчине и женщине-нагваль, что каждый из этих четырех типов мужчин и женщин имеет особые черты в своем светящемся теле.

Ученый имеет своего рода небольшую зазубрину, яркую вмятину у солнечного сплетения. У некоторых людей она выглядит как лужица интенсивного свечения, иногда гладкая и сияющая, как зеркало без отражения.

У человека действия есть волокна, выходящие из точки воли.

Количество волокон варьирует от трех до пяти, их толщина колеблется от толщины струны до толстого кнутовищного щупальца до 2,5 м длиной.

Человека за сценой можно узнать не по его отличительным чертам, а по его способности совершенно произвольно создавать вспышки силы, которые эффективно блокируют внимание *видящего*. Находясь в присутствии такого человека, *видящий* оказывается погруженным скорее в посторонние детали, чем в *видение*.

Помощник не имеет явных очертаний, *видящему* он кажется ясным свечением в безукоризненной оболочке.

В женском царстве Восток узнается по почти непроницаемым участкам в светимости, чем-то похожим на небольшие обесцвеченные пятна.

Север имеет всестороннее излучение красноватого цвета, похожее на жар.

Запад вся окутана как бы тончайшей пленкой, заставляющей ее казаться темнее остальных.

Юг имеет перемежающееся свечение. Она мгновение светится, а затем гаснет, чтобы вспыхнуть вновь.

У Нагваля (и женщины, и мужчины) заметны два различных типа движения в светящихся телах. Их правые стороны колыхнутся, а левые – вращаются.

В личностном смысле Нагваль-мужчина является опорой, он постоянен и неизменен. Женщина-нагваль всегда воюет и в то же время она расслаблена. Ее осознание постоянно, но не напряжено. Оба они отражают четыре типа их пола как четыре варианта поведения.

Первым приказанием, данным Орлом Нагвалям, было разыскать своими силами другой набор четырех женщин-воинов, четырех направлений, которые были бы точной копией сталкеров, но которые были бы *сновидящими*.

Сновидящие кажутся *видящему* как бы с передничком светящихся волокон в средней части тела. У сталкеров тоже имеется похожее на передник образование, но состоит оно не из волокон, а из бесчисленных мелких округлых протуберанцев.

Восемь женских воинов делятся на две группы, называемые правой и левой планетами. Правую планету составляют четыре сталкера, а левую – четыре *сновидящих*. Воины каждой планеты были обучены Орлом правилу их конкретной задачи: сталкеры обучались искусству сталкинга, *сновидящие* – искусству *сновидения*.

Два женских воина каждого направления живут вместе. Они так похожи, что являются зеркальным отражением друг друга, и лишь через безупречность могут найти утешение и вызов в отражении друг друга.

Четверо *сновидящих* и четверо сталкеров собираются вместе только тогда, когда им нужно выполнить очень трудную задачу. Но лишь в исключительных обстоятельствах эти четверо могут соединять свои руки, ибо их соприкосновение сливает их в единое существо и должно совершаться только в случае крайней нужды или в момент покидания этого мира.

Два женских воина каждого направления связаны с одним из

мужчин в любой требуемой комбинации. Таким образом, они образуют четыре дома, способных включать в себя столько воинов, сколько необходимо.

Мужские воины и курьеры тоже могут образовывать независимую единицу или же действовать как отдельные существа в зависимости от обстоятельств.

Следующий приказ, полученный Нагвалем и его партией, состоял в том, чтобы найти еще трех курьеров. Они могли быть женщинами или мужчинами либо же составлять смешанную группу, но все мужчины должны быть из четвертой группы – помощниками, а все женщины должны представлять Юг.

Чтобы быть уверенным, что мужчина-нагваль поведет свою партию к свободе, а не отклонится от пути и не окажется совращенным, Орел поместил женщину-нагваль в ином мире, чтобы она служила маяком, ведя всю партию к выходу.

Затем Нагвалю и его воинам было приказано забыть. Они были брошены во тьму, и перед ними поставили новую задачу: вспомнить самих себя и вспомнить Орла.

Команда забыть была настолько сильной, что все разделились. В намерение Орла входило, что если они окажутся способными вновь вспомнить самих себя, то они обретут целостность. Только тогда у них появились бы сила и отрешенность, необходимые для того, чтобы искать и встретить лицом к лицу свое последнее путешествие.

Их последней задачей после того, как они восстановят свою целостность, было разыскать пару двойных существ и преобразовать их в нового Нагваля-мужчину и женщину-нагваль, открыв им правило.

И точно так же, как первый Нагваль, мужчина и женщина были снабжены минимальной партией. Они должны были снабдить новую пару Нагвалей четырьмя женскими воинами, которые представляли бы собой стalkerов, тремя мужскими воинами и одним мужчиной-курьером.

Когда первый Нагваль и его партия были готовы пройти через проход, первая женщина-нагваль ждала, чтобы провести их. Потом им было приказано взять новую женщину-нагваль с собой, в иной мир, чтобы она служила маяком своим людям, оставляя нового Нагваля в мире, чтобы повторить цикл.

В мире минимальное количество воинов под руководством

Нагваля равно 16: восемь женских воинов, четыре мужских воина, считая Нагваля, и четыре курьера. В момент покидания мира, когда к ним присоединяется новая женщина-нагваль, число воинов партии Нагваля составляет 17. Если его личная сила позволит ему иметь больше воинов, то может быть добавлено число, кратное четырем.

Я потребовал от дона Хуана объяснить, как правило стало известно человеку. Он растолковал, что правило бесконечно и охватывает каждую грань поведения воина. Интерпретация и накопление правила является работой *видящих*, чьей единственной задачей из века в век было видеть Орла, наблюдать за его бесконечным потоком. Из своих наблюдений *видящие* сделали вывод, что если светящаяся оболочка, заключающая человечество, будет сломлена, то появится возможность найти в Орле слабое отражение человека. Невыразимые указания Орла могут быть восприняты *видящими*, правильно истолкованы ими и накоплены в форме свода правил.

Дон Хуан объяснил, что правило – это не сказка и что перескочить к свободе не означает вечной жизни в том смысле, как обычно понимается вечность – как непрерывная бесконечная жизнь. Правило утверждает то, что возможно сохранить осознание, распадающееся в момент умирания. Дон Хуан не мог объяснить, что это значит – сохранить такое осознание, возможно, он даже не представлял себе этого.

Его бенефактор говорил ему, что в момент переходаходишь в третье внимание, и тело во всей его полноте озаряется знанием. Каждая клетка мгновенно осознает себя и целостность всего тела. Его бенефактор говорил также, что это осознание бессмысленно для нашего многокомнатного ума. Поэтому критическая точка борьбы воина состоит не только и не столько в том, чтобы осознать, что переход, о котором говорит правило, означает переход к третьему вниманию, сколько в том, что такое осознание вообще существует.

Дон Хуан сказал, что сначала правило было для него чем-то таким, что находится исключительно в царстве слов. Он не мог вообразить, каким образом правило может входить в фактический мир и его законы. Однако под эффективным руководством его бенефактора и после напряженной работы он в конце концов ухватил истинную природу правила и полностью принял его как

ряд прагматических указаний, а не просто как миф. С этого момента у него не было проблем в том, что касалось третьего внимания. Единственная преграда на его пути выросла из-за его полной убежденности, что правило – это карта, с которой он должен сверяться, чтобы в буквальном смысле найти в мире проход. Каким-то образом он, без всякой на то надобности, задержался на первом уровне развития воина.

В результате собственная работа дона Хуана как лидера и учителя была направлена на то, чтобы помочь ученикам, а в особенности мне, избежать повторения его ошибки. Работая с нами, он добился успеха в том, что провел нас через три стадии развития воина, ни на одной не делая чрезмерного акцента. Сначала он вел нас к принятию правила как карты, затем к пониманию того, что можно достичь высшего осознания, раз оно существует, и, наконец, привел нас к фактическому проходу в иной, скрытый мир осознания.

Для того, чтобы провести нас через первую стадию, стадию принятия правила как карты, дон Хуан сообщил нам классификацию Нагваля и его роли и показал, что все в ней соответствует неоспоримым фактам.

Он добился этого, позволив нам, пока мы находились в состоянии повышенного осознания, иметь неограниченные контакты с членами его собственной группы, представлявшими собой живые воплощения восьми типов людей, описанных правилом. В ходе общения с ними нам были открыты еще более сложные и содержательные аспекты правила, пока, наконец, мы не поняли, что включены в сферу чего-то такого, что мы сначала рассматривали как миф, но что в действительности было картой. Дон Хуан рассказал нам, что в этом аспекте его случай был идентичен нашему. Его бенефактор помог ему пройти через эту стадию, разрешив ему точно такое же общение. С этой целью он постоянно переводил его то в левое, то в правое осознание, так же, как поступал с нами дон Хуан.

На левой стороне он познакомил его с членами его собственной группы, с восемью женскими и тремя мужскими воинами и четырьмя курьерами, которые были, как и полагается, точнейшими образцами типов, описанных правилом. Эффект знакомства и общения с ними был для дона Хуана потрясающим. Это не только заставило его рассматривать правило как фактическое

руководство, но и дало ему возможность понять масштаб неизвестных возможностей.

Он сказал, что к тому времени, когда все члены его собственной группы уже были набраны, он настолько основательно стоял на пути воина, что воспринял как само собой разумеющееся тот факт, что без каких-либо особых усилий с чьей-нибудь стороны они оказались точной копией партии воинов его бенефактора.

Сходство их личных вкусов, предпочтений и прочего не было результатом подражания. Дон Хуан считал, что они принадлежали, как отмечено правилом, к особым группам людей, похожих как внешне, так и внутренне. Единственными различиями среди членов одной и той же группы были высота и тембр их голоса, звук их смеха.

Стараясь объяснить мне последствия общения с воинами его бенефактора, дон Хуан обратил особое внимание на существенную разницу между его бенефактором и им самим в том, как они истолковывали правило, а также в том, как они вели и учили других воинов принимать его в качестве карты. Он сказал, что существует два типа интерпретаций – универсальная и индивидуальная. Универсальное толкование принимает установки основного отдела правила такими, какими они есть. Для примера можно было бы сказать, что Орлу нет никакого дела до человеческих действий, и все же он предоставил человеку проход к свободе.

Индивидуальная же интерпретация является тем заключением, к которому приходят *видящие*, используя универсальные интерпретации как исходные посылки. Например, поскольку Орлу нет до меня никакого дела, я должен убедиться, что мои шансы достичь свободы возрастают благодаря, быть может, моей решительности.

Согласно дону Хуану, он и его бенефактор были совершенно разными в отношении тех методов, которыми они пользовались, чтобы вести своих подопечных. Дон Хуан говорил, что основной чертой его бенефактора была суровость. Он вел железной рукой и, следуя своему убеждению, что с Орлом ни о каких послаблениях не может быть и речи, ничего никому не давал прямо. Вместо этого он активно помогал каждому действовать самостоятельно. Он считал, что дар свободы, пожалованный Орлом, не ниспосланная благодать, а только шанс получить шанс.

Дон Хуан хотя и признавал достоинства метода его бенефактора, не был с ним согласен. Позднее, когда он уже стал самостоятельным, он сам увидел, что при этом методе тратится драгоценное время. Для него более уместным было поставить каждого перед определенной ситуацией, заставить принять ее, а не дожидаться, пока каждый станет готовым принять ее самостоятельно. В этом и состоял его метод взаимодействия со мной и другими учениками.

Ярким примером такого различия в руководстве была первая встреча дона Хуана с воинами его бенефактора. Заповедь правила состояла в том, что его бенефактор должен был найти для дона Хуана сначала женщину-нагваль, а затем четырех мужчин и четырех женщин, которые составили бы его партию воинов. Его бенефактор видел, что дон Хуан не имеет еще достаточной личной силы, чтобы принять на себя ответственность за женщину-нагваль, поэтому он изменил последовательность и попросил женщин своей собственной партии найти для дона Хуана сначала четырех женщин, а затем четырех мужчин.

Дон Хуан признался, что был захвачен идеей такой перестановки. В его понимании эти женщины предназначались ему, что по его представлению означало сексуальные отношения. Он, однако, необдуманно поделился своими предвкушениями с бенефактором, и тот немедленно познакомил дона Хуана с мужчинами и женщинами своей партии, предоставив ему самому общаться с ними.

Для дона Хуана встреча с этими воинами была настоящим испытанием, и не только потому, что они намеренно жестко контактировали с ним, но и потому, что сама природа такой встречи должна была быть прорывом.

Для дона Хуана встреча с этими воинами была настоящим испытанием, и не только потому, что они намеренно жестко контактировали с ним, но и потому, что сама природа такой встречи должна была быть прорывом.

Дон Хуан сказал, что взаимодействие в левостороннем осознании не произойдет, если не все участники разделяют это состояние. Именно поэтому он переводил нас в левостороннее осознание только в тех случаях, когда мы должны были встречаться с его воинами. Этой процедуры придерживался и его бенефактор, взаимодействуя с ним.

Дон Хуан кратко рассказал мне о том, что произошло во время его первой встречи с членами группы его бенефактора. Он считал, что я, возможно, смогу использовать его опыт, хотя бы как пример того, чего можно ожидать. Он сказал, что мир его бенефактора был удивительно завершенным. Членами его партии были индейские воины со всех концов Мексики. В то время, когда он их встретил, они жили в отдаленном горном районе Мексики.

Когда дон Хуан добрался до их дома, его встретили две очень похожие друг на друга особы, самые крупные индейские женщины, каких он когда-либо встречал. Они были угрюмы и мрачны, но все же черты их были не лишены приятности. Когда он попытался пройти мимо них, они зажали его между своими огромными животами, схватили за руки и начали избивать. Они швырнули его на землю и уселись сверху, едва не раздавив ему грудную клетку. Они продержали его без движения почти 12 часов, препираясь с его бенефактором, который должен был без остановки говорить всю ночь напролет, пока, наконец, утром они не отпустили дон Хуана. Больше всего его испугала непреклонность в глазах этих женщин. Он думал, что с ним уже все кончено, что они будут сидеть на нем, пока он не умрет, что, по их словам, они и собирались сделать.

В нормальных условиях после этого должен был последовать перерыв в несколько недель, прежде чем знакомиться с другими воинами, но из-за того, что его бенефактор хотел оставить его в их среде одного, дон Хуан немедленно был отведен на следующую встречу. Его познакомили со всеми в один день, и они отнеслись к нему как к грязи. Они утверждали, что он – неподходящий для работы человек, что он слишком неотесан и глуп, молод годами, но уже одряхлел и поизносился. Его бенефактор блестяще выступал в его защиту. Он говорил им, что они могут изменить эти условия и что как для них, так и для дон Хуана должно быть высшим удовольствием принять такой вызов.

Дон Хуан сказал, что его первое впечатление оказалось правильным. С этих пор для него существовала только работа и бесконечные трудности. Женщины видели, что дон Хуан был ненадежным и что ему нельзя было доверить выполнение такой сложной и деликатной задачи, как вести четырех женщин.

Поскольку сами они были *видящими*, они имели собственную интерпретацию правила и поэтому решили, что дону Хуану

сначала будут полезны четверо мужчин, а затем уже четверо женщин. Дон Хуан сказал, что их *видение* было верным, потому что для того, чтобы иметь дело с четырьмя женскими воинами, Нагвалю надо было находиться в состоянии всепоглощающей силы, безмятежности и контроля, то есть в таком состоянии, которое для него тогда было невообразимым.

Его бенефактор поместил его под непосредственное наблюдение двух своих западных женщин, самых свирепых и бескомпромиссных воинов из всех. Дон Хуан сказал, что все западные женщины, в полном соответствии с правилом, безумствуют и что о них надо заботиться. Под воздействием искусства *сновидения* и stalking они теряют правую сторону, свой рассудок. Их ум легко воспламеняется из-за необыкновенной обостренности левостороннего восприятия. Потеряв рассудочную сторону, они становятся безупречными *сновидящими* и сталкерами, поскольку их больше не сдерживает никакой рациональный балласт.

Дон Хуан сказал, что эти женщины излечили его от похоти. В течение шести месяцев он большую часть времени проводил в корсете, подвешенный к потолку их сельской кухни, как коптящийся окорок, пока окончательно не очистился от мыслей о достижениях и личном удовлетворении.

Дон Хуан объяснил, что подвешивание в корсете – превосходный способ для излечения от некоторых болезней, не являющихся телесными.

Идея состоит в том, что чем выше человек подвешен и чем дольше он не имеет возможности коснуться земли, болтаясь в воздухе, тем выше вероятность по-настоящему очищающих последствий.

В то время, пока западные воины очищали его, остальные женщины были заняты розыском мужчин и женщин для его партии. Чтобы справиться с этим, потребовавшись годы.

Тем временем дон Хуан *а́иё* вынужден самостоятельно взаимодействовать с воинами его бенефактора. Присутствие этих воинов и контакт с ними настолько его угнетали, что ему начало казаться, будто он никогда не избавится от этого давления.

Результатом явилось полное и безусловное принятие им правила. По словам дон Хуана, он тратил драгоценное время, размышляя о существовании действительного прохода в иной мир. Он считал это ошибкой, которой следует по возможности не допускать.

Чтобы уберечь меня от нее, он позволил, чтобы требуемое взаимодействие с членами его группы происходило тогда, когда я защищен присутствием Ла Горды или любого из остальных учеников.

В моем случае встреча с воинами дона Хуана была конечным результатом длительного процесса. О них никогда не упоминалось ранее в случайных беседах с доном Хуаном. Я знал об их существовании единственно из требования правила, открываемого мне доном Хуаном по частям. Позднее он признал, что они существуют, и что в нужное время мне придется встретиться с ними. Он подготовил меня к столкновению с ними, дав общие инструкции и указания.

Он предостерег меня от возможной ошибки – переоценки левостороннего осознания, ослепления его ясностью и силой. Он сказал, что находиться в левостороннем осознании совсем не означает немедленного освобождения от собственной глупости. Это означает только более широкую возможность воспринимать, большую легкость понимания и обучения и, самое главное, большую возможность забывать.

Когда пришло время познакомить меня с воинами своей партии, дон Хуан дал мне общее описание партии его бенефактора, чтобы я мог представить себе ее членов. Он сказал, что для внешнего наблюдателя мир его бенефактора казался как бы состоящим из четырех домов.

Первый был образован южными женщинами и курьером Нагваля; второй – восточными женщинами, ученым и мужчиной-курьером; третий – северными женщинами; четвертый – западными женщинами, человеком за сценой и третьим мужчиной-курьером. В другое время этот мир мог бы показаться состоящим из нескольких групп. Первую образовывали совершенно непохожие друг на друга пожилые мужчины – бенефактор дона Хуана и три его мужских воина. Вторую группу составляли четверо очень похожих друг на друга мужчин-курьеров. Третья и четвертая группа включали по две женские пары: в одной группе южные и восточные, в другой – северные и западные – очень похожие друг на друга, как сестры-близнецы.

Эти женщины не были родственницами – они казались похожими из-за невероятно огромной личной силы, которой обладал бенефактор дона Хуана. Дон Хуан описывал южных женщин как

двух мастодонтов устрашающего вида, но очень дружелюбных. Восточные женщины были очень красивы, свежи и забавны, улаживая взор. Северные женщины были исключительно женственными, легкомысленными, кокетливыми, озабоченными своим возрастом, но в то же время ужасно непосредственными и нетерпеливыми. Западные женщины временами были безумны, но в другое время представляли собой воплощение жесткости и целеустремленности. Именно они больше всего беспокоили дона Хуана, потому что у него в голове не укладывалось, как они, будучи столь трезвы, добры и дружелюбны, в любой момент могут потерять свою выдержку и буквально обезуметь. Мужчины же ничем не запомнились дону Хуану. Он не видел в них ничего примечательного. Казалось, они были всецело поглощены потрясающей силой устремленности женщин и всеподавляющей силой его бенефактора.

Что касалось его лично, дон Хуан говорил, что, будучи брошен в мир своего бенефактора, он осознал, насколько легко и удобно ему было идти по миру без всяких самоограничений. Он понял, что заблуждался, считая, будто его цели являются единственно стоящими из всех, какие только может иметь человек. Всю свою жизнь он был марионеткой, и поэтому его всепоглощающая амбиция сводилась к тому, чтобы иметь материальные блага, быть кем-то. Он был настолько занят своим желанием вырваться вперед и отчаянием в предвкушении будущих неудач, что у него не было времени осмотреться и хоть что-нибудь проверить. Он с радостью примкнул к своему бенефактору, ибо понял, что ему предоставляется возможность что-то сделать из самого себя. Уж если не остается ничего иного, думал он, то тут есть возможность научиться быть магом. Он признался, что погружение в мир его бенефактора было для него подобно эффекту испанского завоевания индейской культуры. Оно разрушило все, но в то же время заставило его по-новому взглянуть на самого себя. Моей реакцией на подготовку к встрече с партией воинов дона Хуана были, как ни странно, не благоговение и страх, а мелочная интеллектуальная озабоченность по двум вопросам. Первое – заявление, что в мире существуют только четыре типа мужчин и женщин. Я возражал дону Хуану, что амплитуда реальной изменчивости людей слишком велика для такой простой схемы. Он не согласился и сказал, что правило окончательно и что для

неопределенного числа типов людей в нем нет места.

Вторым вопросом была культурная подоплека знания дона Хуана. Он и сам ее не знал, рассматривая свое знание как продукт своего рода всеиндейский. Его предположение относительно этого знания состояло в том, что когда-то в мире индейцев, задолго до завоевания, ожило искусство управления вторым вниманием. Оно, вероятно, в течение тысячелетий развивалось без помех и достигло той точки, на которой потеряло свою силу. Практики того времени могли не испытывать надобности в контроле, поэтому второе внимание, не имея ограничений, вместо того, чтобы становиться сильнее, ослабло из-за возросшей усложненности. Затем явились испанские завоеватели и своей превосходящей технологией уничтожили индейский мир.

Дон Хуан сказал, что его учитель был убежден, будто лишь горстка тех воинов выжила, смогла вновь собрать свое знание и отыскать свою тропу. Все, что дон Хуан и его бенефактор знали о втором внимании, было лишь реставрированной версией, имеющей встречные ограничения, потому что она оформлялась в условиях жесточайшего угнетения.

[**НАЗАД**](#) | [**INDEX**](#) | [**ВПЕРЕД**](#)

Глава 10

Партия воинов нагваля

Когда дон Хуан решил, что пришло время познакомить меня с его воинами, он изменил мой уровень осознания. Затем ясно дал мне понять, что он сам никоим образом не будет влиять на то, как меня встретят, и предупредил, что если им взбредет в голову меня избить, он не сможет их остановить. Они могут вытворять со мной все, что захотят, но только не убивать. Он вновь и вновь подчеркивал, что воины его партии являются точной копией воинов его бенефактора, но некоторые женщины еще более свирепы, а все мужчины уникальны и могущественны. Поэтому моя первая встреча с ними может быть похожей на падение вниз головой.

С одной стороны, я был встревожен и нервничал, но с другой – меня разбирало любопытство. Мысли бешено плясали в моей голове. В первую очередь меня интересовало, как выглядят эти воины.

Дон Хуан сказал, что у него есть выбор – или направить меня на запоминание ритуала, как это было сделано с ним самим, или же сделать встречу предельно произвольной. Он ожидал знака, чтобы решить, какой вариант избрать. Его бенефактор делал нечто подобное, только он настоял, чтобы дон Хуан научился ритуалу до того, как появится знак. Когда дон Хуан высказал свои сексуальные мечты о том, как он будет спать с четырьмя женщинами, его учитель истолковал это как знак, отбросил ритуал и кончил тем, что препирался, как торговец свиньями, из-за жизни дона Хуана.

В моем случае дон Хуан хотел получить знак прежде, чем учить меня ритуалу. Этот знак был дан, когда мы с ним проезжали пограничный городок в Аризоне, и полицейский остановил машину. Полицейский решил, что я – незаконно въехавший иностранец. Лишь после того, как я предъявил ему свой паспорт, который он счел вначале поддельным, и другие документы, он разрешил нам ехать дальше. Все это время дон Хуан сидел на

переднем сидении рядом со мной, и полицейский как будто не замечал его. Он был занят исключительно мной. Дон Хуан решил, что это и есть тот знак, которого он ждал. Он истолковал его так, что мне будет очень опасно привлекать к себе внимание, и сделал вывод, что мой мир должен быть миром совершенной простоты и открытости. Сложный ритуал и помпезность будут в данном случае неуместными. Он заметил, однако, что минимальное соблюдение ритуала при знакомстве с его воинами будет в порядке вещей. Я должен начать с приближения к ним со стороны юга, потому что именно в этом направлении идет непрекращающийся поток силы. Жизненная сила течет к нам с юга и оставляет нас, уходя на север. Он сказал, что единственный вход в мир Нагваля идет через юг и что ворота образованы двумя женскими воинами, которые будут приветствовать меня и позволят мне пройти, если сочтут это возможным.

Он привез меня в городок центральной Мексики, к дому на окраине. Когда мы пешком со стороны юга приблизились к нему, я увидел двух индейцев, стоявших в полутора метрах друг от друга. Они находились примерно в 10-12 метрах от двери дома, стоя на твердой, спекшейся почве грунтовой дороги.

Женщины выглядели необыкновенно мускулистыми и крепко сбитыми. У обеих были иссиня-черные волосы, заплетенные в длинную косу. Они походили друг на друга, как сестры: одинакового сложения, примерно 160 см ростом и до 70 кг весом. На них была типичная одежда индейских женщин центральной Мексики – длинное свободное платье, шаль и самодельные сандалии.

Дон Хуан остановил меня в метре от них. Он повернулся сам и заставил меня повернуться к женщине слева от нас. Он сказал, что ее зовут Сесилией и что она ясновидящая. Затем он резко повернулся, не дав мне времени что-либо сказать, и заставил меня стать лицом к более темной женщине. Он сообщил, что ее имя Делия и она сталкер. Женщины кивнули мне. Они не улыбнулись, не двинулись пожать мне руку и не сделали ни одного приглашающего жеста.

Дон Хуан прошел между ними, как если бы они были двумя опорными столбами ворот. Он сделал несколько шагов и обернулся, как бы ожидая, что женщины пригласят меня пройти между ними. Секунду женщины спокойно смотрели на меня. Затем

Сесилия пригласила меня войти, как если бы я стоял на пороге настоящего дома.

Дон Хуан показывал дорогу к дому. У входной двери мы встретили чрезвычайно тощего мужчину. На первый взгляд он выглядел молодым, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что ему около шестидесяти. Он производил впечатление постаревшего ребенка – небольшого роста, худощавый, с проникновенными темными глазами. Он был подобен эльфу или тени. Дон Хуан представил его мне как Эмилито, сказав, что это его курьер, помощник во всех делах, который будет рад приветствовать меня сам.

Мне показалось, что Эмилито действительно наиболее подходящее существо, чтобы приветствовать кого бы то ни было. Его улыбка излучала радушие. Он пожал мне руку, вернее, скрестил обе свои руки, обхватив ими обе мои. Казалось, он преисполнен удовольствия. И можно было поклясться, что он в экстазе от радости видеть меня. Его голос был очень мягким и теплым, а глаза светились.

Мы прошли в большую комнату. Там находилась еще одна женщина. Дон Хуан сказал, что ее имя Тереза и что она является курьером Сесилии и Делии. Ей было, вероятно, чуть больше двадцати лет и выглядела она как дочь Сесилии. Она была спокойна и молчалива, но очень дружелюбна. Мы прошли за доном Хуаном в заднюю часть дома, где располагалась крытая веранда. Стоял теплый день. Мы сели за стол и после скромного обеда разговаривали, пока не перевалило за полночь.

Эмилито был за хозяина. Он очаровывал и развлекал всех своими экзотическими рассказами. Женщины раскрылись. Слышать их смех доставляло подлинное наслаждение. Они были поразительно мускулистыми и телесно живыми. В одном месте, когда Эмилито сказал, что Сесилия и Делия являются для него как бы двумя матерями, а Тереза – дочкой, они схватили его и подбросили в воздух, как ребенка.

Из двух женщин Делия выглядела более рассудительной, более земной. Сесилия же, наверное, была более «не от мира сего», но она, казалось, обладала большей внутренней силой. Она производила впечатление более нетерпимой и беспокойной. Ее вроде бы раздражали некоторые из рассказов Эмилито.

Тем не менее она настораживалась, когда он рассказывал свои так

называемые «легенды вечности». Каждую историю Эмилито начинал словами: «Знаете ли вы, друзья, что...». Рассказ, который произвел на меня наибольшее впечатление, был посвящен неким существам, по его словам, существующим во вселенной и сильно напоминающим людей, но не являющимся ими. Это существа, всецело захваченные движением и способные заметить малейшее колебание внутри себя или снаружи. Они настолько чувствительны к движению, что это стало их проклятием. Оно причиняет им такую боль, что все их устремления направлены на поиски покоя.

Эмилито пересыпал свои легенды вечности самыми непристойными шутками. Из-за его необычайного дара рассказчика я понимал каждую из его историй как метафору или притчу, при помощи которой он нас чему-нибудь учил.

Дон Хуан сказал, что Эмилито просто докладывает о том, чему он был свидетелем в своих путешествиях по бесконечности. Роль курьера состояла в том, чтобы путешествовать впереди Нагваля, подобно лазутчику в военных операциях. Эмилито уходил за границы второго внимания, и все, чему он являлся свидетелем, затем сообщал остальным.

Вторая встреча с воинами дона Хуана прошла так же без осложнений, как и первая. Однажды дон Хуан перевел меня в повышенное осознание и сказал, что меня ждет вторая встреча. Он велел мне ехать в город Закатекас в северной Мексике. Мы прибыли туда ранним утром. Дон Хуан сказал, что здесь у нас будет просто остановка и что нам надо передохнуть до завтрашнего дня, когда нам нужно будет прибыть на вторую официальную встречу, чтобы познакомиться с восточными женщинами и воином-ученым из его партии. Потом он растолковал мне тонкий и запутанный момент выбора. Он сказал, что мы встретили Юг и курьера в середине второй половины дня, потому что он сделал индивидуальную интерпретацию правила и выбрал этот час как символизирующий ночь. Юг в действительности был ночью, теплой, дружелюбной, уютной ночью, и по правилам мы должны были бы идти на встречу с теми двумя южными воинами после полуночи. Однако это оказалось бы для меня нежелательным, потому что я имел направленность к свету, к оптимизму – тому оптимизму, который сам гармонично трансформируется в загадку тьмы. Он сказал, что именно это мы и

проделали в тот день. Мы наслаждались компанией Друг друга, пока не стало совершенно темно. Я еще удивился тогда, почему никто не зажигает лампу. Дон Хуан сказал, что восток, напротив, является утром, светом и что мы будем встречать восточных женщин завтра в середине утра.

Перед завтраком мы пошли на площадь и сели на скамейку. Дон Хуан сказал мне, что он оставит меня здесь подождать его, пока он сделает кое-какие дела. Он ушел, и вскоре после его ухода подошла женщина и села на противоположном конце скамейки. Я не обратил на нее никакого внимания и стал читать газету. Через минуту еще одна женщина присоединилась к первой. Я хотел пересесть на другую скамейку, но вспомнил, что дон Хуан специально подчеркнул, чтобы я сидел здесь и никуда не уходил. Я отвернулся от женщин и словно забыл об их существовании. Они сидели тихо, и вдруг с ними поздоровался какой-то мужчина, остановившись лицом ко мне. Из их разговора я понял, что женщины ждали его. Мужчина извинился за опоздание. Он явно хотел сесть. Я отодвинулся, освобождая ему место. Он пышно поблагодарил меня и извинился за причиненное беспокойство, а затем сказал, что они, будучи сельскими жителями, совершенно теряются в городе и что однажды, когда они ездили в Мехико, чуть не попали под машину. Он спросил меня, живу ли я в Закатекасе. Я сказал «нет» и уже хотел было оборвать разговор, но заметил в его взгляде какую-то лукавинку. Он был пожилым человеком, хорошо сохранившимся, для своего возраста. Он не был индейцем, а напоминал благородного фермера из какого-то сельского местечка. На нем были костюм и соломенная шляпа. Черты его лица были утонченными, кожа казалась прозрачной, нос имел высокую переносицу, род был маленьким, окаймленным тщательно подстриженной бородкой. Здоровье, казалось, переполняло его, и в то же время он выглядел хрупким.

Он поднялся и представился как Висенте Медрано, сказав, что приехал в город по делам только на один день. Затем указал на женщин и сообщил, что это его сестры. Женщины встали и повернулись к нам. Они были очень худенькими, лицом темнее брата и намного моложе его. Одна из них вполне могла быть его дочерью. Я заметил, что кожа у них не такая, как у него, а гораздо суше. Обе женщины имели очень приятную внешность. У них были такие же утонченные черты лица, а глаза светились чистотой

и спокойствием. Они были среднего роста, одеты в прекрасно сшитые платья, но со своими шальями, туфлями на низком каблучке и бумажными чулками выглядели зажиточными селянками. Старшей, казалось, было уже за пятьдесят, младшей – лет на десять меньше.

Мужчина представил их мне. Старшую звали Кармела, младшую – Эрмелинда. Я спросил, есть ли у них дети. Обычно этот вопрос был верной завязкой разговора. Женщины рассмеялись и одновременно провели руками по своим животам, показывая, какие они стройные. Мужчина спокойно объяснил, что его сестры – старые девы, а сам он закоренелый холостяк. Полушутливым тоном он поведал мне, что его сестры, к сожалению, чересчур мужественны; не имея женственности, делающей женщин желанными, они не смогли найти себе мужей.

Я сказал, что вряд ли они проиграли, если учесть, что в нашем обществе женщины частенько довольствуются ролью прислуги. Они не согласились со мной, возразив, что ничего не имели бы против того, чтобы быть служанками, если бы только нашлись мужчины, пожелавшие стать их хозяевами. Младшая сказала, что суть проблемы здесь состоит в том, что их отцу не удалось научить их вести себя так, как полагается женщинам. Мужчина со вздохом пожаловался, что их отец был настолько деспотичным, что даже помешал ему жениться, ибо намеренно не учил его, как стать женихом. Все трое вздохнули и помрачнели. Меня душил хохот. После некоторого молчания мы опять уселись. Мужчина сказал, что если я еще немного посижу на этой скамейке, у меня появится шанс встретиться с их отцом, который еще достаточно бодр для своего преклонного возраста. Он добавил смущенным тоном, что отец собирался повести их позавтракать, так как у них самих никогда не бывает денег. Тесемки кошелька всегда находились в руках у отца.

Я опешил. Эти старые люди, выглядевшие так бодро, в действительности были подобны слабым зависимым детям. Я попрощался и поднялся, чтобы уйти. Мои собеседники настаивали, чтобы я остался. Они заверяли меня, что их отцу будет приятно, если я составлю им компанию за завтраком. Я не хотел встречаться с их отцом, но в то же время меня одолевало любопытство. Я сказал им, что сам жду кое-кого. При этих словах женщины начали посмеиваться, и затем все трое разразились хохотом. Я

почувствовал себя в глупом положении, и мне захотелось убраться оттуда. В этот момент показался дон Хуан, и я понял их маневр. Я не находил его забавным.

Мы все поднялись. Они еще продолжали смеяться, когда дон Хуан сообщил мне, что эти женщины были Востоком, что Кармела – сталкер, а Эрмелинда – *сновидящая*, а Висенте – воин-ученый и его старейший сотоварищ.

Когда мы покидали площадь, к нам присоединился еще один человек, темный индеец старше сорока лет. Он был одет в джинсы и ковбойскую шляпу. Выглядел он ужасно сильным и мрачным. Дон Хуан представил его мне как Хуана Туму, курьера и помощника в изысканиях Висенте.

Мы прошли несколько кварталов до ресторана. Женщины держали меня под руки с двух сторон. Кармела сказала, что надеется на то, что я не слишком обиделся на их шутку, ибо у них был выбор – прямо представиться или немного подурочить меня. К последнему варианту их склонило мое снобистское отношение к ним и то, что я повернулся к ним спиной и даже хотел пересечь на другую скамейку. Эрмелинда добавила, что следует быть предельно смиренным и не иметь ничего, что следовало бы защищать, даже свою собственную личность. Собственная личность должна быть защищенной, но не защищаемой. Проявляя к ним высокомерие, я не был защищенным, а просто защищался.

Я пребывал в склочном настроении. Их маскарад выбил меня из колеи. Я начал спорить, но прежде, чем я успел высказать свое мнение, ко мне подошел дон Хуан. Он сказал женщинам, что мне надо простить мою задиристость, потому что нужно очень много времени, чтобы счистить те наслоения, которые прилипают в мире к светящемуся существу.

Хозяин ресторана, в который мы пришли, знал Висенте и приготовил нам изысканный завтрак. Все были в прекрасном настроении, но я никак не мог освободиться от своего недовольства. Тогда по просьбе дон Хуана Хуан Тума начал рассказывать о своих путешествиях. Он был чрезвычайно обстоятелен. Я был загипнотизирован его сухими отчетами о вещах, выходящих за пределы моего понимания. Наиболее захватывающими мне показались его описания неких лучей света или энергии, которые, пересекаясь, постоянно держат Землю в фокусе. Он сказал, что эти лучи не колеблются и не изменяются,

как вообще все во вселенной, но фиксированы в определенном порядке. Этот порядок совпадает с сотнями точек светящегося тела. Эрмелинда поняла так, что все эти точки находятся в нашем физическом теле, но Хуан Тума объяснил, что поскольку светящееся тело относительно велико, некоторые точки удалены чуть ли не на метр от физического тела. В каком-то смысле они вне нас, но это не так. Они находятся на периферии нашей светимости и поэтому принадлежат общему телу. Самая важная из этих точек находится в 30 сантиметрах от живота, на 40 градусов правее воображаемой линии, идущей прямо вперед. Хуан Тума сказал нам, что это центр сбора второго внимания и что этим центром можно манипулировать, мягко похлопывая воздух ладонями. Слушая Хуана Туму, я забыл о своем гневе.

Предмет следующей встречи с миром дон Хуана составлял Запад. Дон Хуан пространно предупредил меня, что встреча с Западом – очень ответственное событие, потому что именно Западу предстоит так или иначе решать, что я буду делать впоследствии. Он насторожил меня, сказав, что это событие станет для меня испытанием, поскольку я чересчур негибок и считаю себя важной персоной. Он сообщил, что к Западу нужно приближаться в сумерках – во время суток, трудное само по себе, и что воины Запада чрезвычайно могущественны, отважны, но временами впадают в безумие. В то же время я встречу там с мужским воином, являющимся человеком за сценой. Дон Хуан призвал меня сохранять предельную осторожность и терпение, потому что женщины не только время от времени безумствовали, но, как и мужчина, являлись самыми могущественными воинами, каких он знал. По его мнению, они были непререкаемыми авторитетами во втором внимании. Дальше эту мысль дон Хуан не развивал. Однажды, как бы под влиянием внезапного решения, он сказал, что пришло время отправиться на встречу с западными женщинами. Мы доехали до какого-то городка на севере Мексики. Перед наступлением темноты дон Хуан велел мне остановить машину у небольшого неосвещенного дома на окраине города. Мы вышли, и дон Хуан несколько раз постучал в парадную дверь, но никто не ответил. У меня было ощущение, что мы приехали не вовремя, дом казался пустым.

Дон Хуан продолжал стучать, пока не устал. Он велел мне сменить его и стучать без остановки, потому что хозяева плохо слышат. Я

спросил, не будет ли лучше возвратиться попозже или на следующий день. Он велел мне продолжать барабанить в дверь. После бесконечного ожидания дверь медленно приоткрылась, и какая-то невообразимо мрачная женщина поинтересовалась, не собираюсь ли я проломить дверь или разбудить всех соседей и собак в округе. Дон Хуан сделал шаг вперед, чтобы что-то сказать, но женщина вышла наружу и с силой оттолкнула его в сторону. Она стала грозить мне пальцем, вопя, что я веду себя так, будто весь мир принадлежит мне, будто только я один существую на этой земле. Я запротестовал, что делал только то, что мне велел дон Хуан. Она спросила, велел ли мне дон Хуан выламывать дверь. Дон Хуан попытался вмешаться, но опять был отменен в сторону. Женщина выглядела так, будто только что встала с постели. Наш стук, наверное, разбудил ее и она надела платье из корзины с грязным бельем. Она была босая, ее волосы с проседью были взлохмачены. У нее были красные, как пуговики, глаза. Она была домашней женщиной, но каким-то образом страшно внушительной, довольно высокой, около 170 см, темной и ненормально мускулистой. Ее голые руки были покрыты буграми мышц. Я заметил, что у нее очень красивой формы колени. Она смерила меня глазами с головы до ног, возвышаясь надо мной, и кричала, что не слышит моих извинений. Дон Хуан прошептал, что мне следует извиниться громко и ясно.

Как только я это сделал, она улыбнулась и, повернувшись к дону Хуану, обняла его, как ребенка. Она укоряла его, что не нужно было позволять мне стучать, так как мои прикосновения к двери очень скользкие и беспокоящие. Она взяла дону Хуана за руку и повела его в дом, помогая переступить высокий порог. Она называла его «миленьким старикашечкой», и дон Хуан смеялся. Мне было дико видеть, что он ведет себя так, как будто ему приятна та чушь, которую несла эта ужасная женщина. Заведя «миленького старикашечку» внутрь дома, она сделала мне знак рукой, как будто отгоняя прочь приبلудившуюся собаку, и рассмеялась над моим недоумением. Ее зубы были большими, неровными и темными. Затем она как будто переменяла решение и сказала, чтобы я вошел.

Дон Хуан направился к двери, которую было едва видно в конце темного проема. Во всем доме не было света. Женщина открыла дверь в очень большую и практически пустую комнату. Там стояли

только два старых кресла в центре под самой тусклой электрической лампочкой, которую я видел в жизни. Это была старомодная длинная лампочка.

Еще одна женщина сидела в одном из кресел. Первая женщина села на пол и прислонилась спиной к другому креслу. Затем она прижала колени к груди, совершенно при этом обнажившись. Я был ошарашен.

Отвратительно грубым голосом женщина спросила меня, почему я так выпучился на нее. Я не знал, что сказать, и потому начал отнекиваться. Она вскочила и, казалось, была готова ударить меня. Я был страшно раздражен и в то же время недоволен тем, что она поймала мой нескромный взгляд.

Женщина спросила дона Хуана, что я за Нагваль, если никогда не видел обнаженной женщины. Она повторяла это вновь и вновь, обежала вокруг комнаты и, остановившись у сидящей женщины, потрясла ее за плечо и сказала, что я – мужчина, никогда не видевший наготы. Она смеялась надо мной и всячески поносила меня.

Я был раздосадован. Я чувствовал, что дон Хуан должен был что-то сделать, чтобы избавить меня от этого посмешища. Я вспомнил, как он говорил мне, что эти женщины бывают совершенно безумными. Он недооценил их, эта фурия была готова стать клиенткой психбольницы. Я взглянул на дона Хуана в поисках поддержки и совета. Он смотрел в сторону и выглядел таким же растерянным, хотя мне показалось, что я поймал злорадную ухмылку, которую он скрыл, отвернув голову.

Женщина легла на спину, задрала юбку и велела мне смотреть, сколько душе угодно, вместо того, чтобы бросать взгляды украдкой. Я был так раздражен, что чуть не потерял контроль над собой. Мне хотелось проломить ей голову.

Тут сидящая в кресле женщина внезапно поднялась и, схватив первую за волосы, рывком поставила ее на ноги, совершенно без видимых усилий. Она посмотрела на меня сквозь полуприкрытые веки, приблизив лицо почти вплотную к моему. Ее запах был удивительно свежим.

Очень высоким голосом она сказала, что мы должны перейти к делу. Обе женщины стояли теперь рядом со мной под электрической лампочкой. Вторая женщина была старше, ее лицо было покрыто толстым слоем косметической пудры, придававшей

ей вид клоуна. Ее волосы были ровно уложены в шиньон. Она казалась спокойной, только у нее постоянно дрожали нижняя губа и подбородок.

Обе женщины были одинаково высокими и сильными на вид. Они угрожающе нависли надо мной и долгое время пристально на меня смотрели. Дон Хуан не прерывал их затянувшегося разглядывания. Старшая женщина кивнула головой, и дон Хуан сказал мне, что ее зовут Зулейка и что она *сновидящая*. Женщину, открывшую нам дверь, звали Зойла и она была сталкером.

Зулейка повернулась ко мне и спросила, верно ли, что я никогда не видел обнаженной женщины. Дон Хуан не мог больше сдерживаться и начал хохотать. Жестом я показал ему, что не знаю, как отвечать. Он прошептал мне на ухо, что будет лучше, если я отвечу, что не видел, не то от меня потребуют подробного описания.

Я так и ответил. Дон Хуан смеялся и кашлял от хохота. Я попросил его вывести меня из этого сумасшедшего дома. Он опять прошептал мне на ухо, что гораздо лучше для меня будет хорошенько смотреть и казаться внимательным и заинтересованным, потому что иначе нам придется оставаться здесь до второго пришествия.

Зулейка очень тихо повела нас во внутренний дворик. Она сказала, что там есть некто, ожидающий встречи со мной. Во дворике было так темно, что я едва мог различать силуэты остальных. Затем я увидел темные очертания человека, стоящего в нескольких футах от меня. Мое тело ощутило произвольный толчок.

Дон Хуан тихо заговорил с этим человеком, сообщая ему, что привел меня для встречи с ним. Он назвал этому человеку мое имя. После секундного молчания дон Хуан сказал мне, что его зовут Сильвио Мануэль и что он – воин темноты и фактический лидер всей партии воинов. Затем Сильвио Мануэль заговорил со мной. Я подумал, что у него какой-то дефект речи, так как его голос был приглушенным и слова вылетали зарядами, как мягкое покашливание.

Он велел мне подойти поближе. Когда я попытался приблизиться к нему, он отдалился так, как будто завис в воздухе. Он провел меня в еще более темный конец зала, неслышно двигаясь спиной вперед. Он пробормотал что-то, но я не разобрал, что именно. Я хотел заговорить, но в горле у меня пересохло и першило. Он два или

три раза повторил мне что-то, пока до меня не дошло, что он приказывает мне раздеться. В его голосе и окружающей темноте было что-то завораживающее, и я не смел послушаться. Сняв с себя одежду, я стоял совершенно голый, трясаясь от страха и холода. Было настолько темно, что я не знал, здесь ли еще дон Хуан и двое женщин. Я услышал тихое продолжительное шипение из источника в нескольких футах от меня и, ощутив прохладный ветерок, понял, что Сильвио Мануэль, выдыхая воздух, овеивает им все мое тело.

Затем он попросил меня сесть на мою одежду и смотреть на яркую точку, легко различимую в темноте и излучавшую, как мне казалось, слабый желтоватый свет. Я смотрел на эту точку, по-моему, бесконечно долго, пока внезапно не сообразил, что точкой был глаз Сильвио Мануэля. После этого я уже смог различить контуры его лица и тела. В зале было не настолько темно, как казалось сначала. Сильвио Мануэль приблизился ко мне и помог подняться. Мысль о том, что можно с такой ясностью видеть в темноте, захватила меня. Мне даже стало все равно, что я раздет и что, как теперь я видел, женщины наблюдают за мной. Очевидно, они тоже могли видеть в темноте, так как они в упор смотрели на меня. Обе женщины и Сильвио Мануэль долгое время разглядывали меня, затем дон Хуан, возникнув из ниоткуда, вручил мне мои туфли. Зойла повела нас по коридору к открытому дворику с деревьями. Я различил темный силуэт женщины, стоящей в центре двора. Дон Хуан заговорил с ней, и она что-то пробормотала в ответ. Она сказала мне, что она южная женщина, зовут ее Марта и что она является курьером двух западных женщин. Марта добавила, что она может поспорить, что я еще никогда не знакомился с женщиной, будучи совершенно голым. Потому что нормальным является сначала знакомиться, а уже потом раздеваться. Она громко рассмеялась. Этот смех был таким приятным, таким чистым и молодым, что по мне пробежала дрожь. Ее смех перекачивался по всему дому, усиливаясь темнотой и тишиной вокруг. Я взглянул на дону Хуана, ища поддержки. Его не было, не было и Сильвио Мануэля. Я остался один с тремя женщинами. Забеспокоившись, я спросил у Марты, не знает ли она, куда ушел дон Хуан. И как раз в этот момент кто-то схватил меня за запястья. Я взвыл от боли. Я знал, что это Сильвио Мануэль. Он поднял меня так, словно я вообще ничего не весил, и

страхнул с меня туфли. Затем он поставил меня в низкий бак с ледяной водой и опустился к моим коленям.

Я оставался в баке довольно долго, пока все они пристально изучали меня. Затем Сильвио Мануэль поднял меня и поставил рядом с туфлями, которые кто-то аккуратно поставил рядом с баком.

Дон Хуан опять вынырнул из ниоткуда и вручил мне мою одежду. Он прошептал, что мне следует одеться и побыть еще некоторое время, чтобы не показаться невежливым. Марта подала мне полотенце. Я оглянулся, разыскивая остальных женщин и Сильвио Мануэля, но их нигде не было видно.

Марта, дон Хуан и я оставались в темноте, продолжая разговор. Марта говорила вроде бы с доном Хуаном, но именно я был ее основным слушателем. Я ждал, когда дон Хуан подаст мне знак, что пора уходить, но он, казалось, наслаждался оживленной беседой с Мартой. Она рассказывала ему, что Зойла и Зулейка в этот день находились в высшей точке своего безумия. Затем она добавила для меня, что почти все время они бывают в здравом уме. Как бы открывая секрет, Марта рассказала нам, что причиной того, что волосы у Зулейки были в таком растрепанном виде, было то, что по крайней мере треть их была волосами Зойлы. Случилось так, что они прониклись друг к другу исключительно теплыми чувствами и каждая помогала другой делать прическу. Зулейка укладывала волосы Зойлы, как делала это уже сотни раз, но, находясь вне контроля, вплела в волосы Зойлы и часть своих. Марта сказала, что когда они поднялись, то тут же повалились наземь. Она бросилась им на помощь, но, пока она успела добежать до комнаты, Зулейка уже одержала верх и, будучи в этот день более рассудительной, чем Зойла, решила отрезать ту часть волос Зойлы, которая была сплетена с ее волосами. В суматохе она ошиблась и вместо Зойлиных обрезала свои волосы.

Дон Хуан смеялся так, как если бы это было презабавнейшей вещью на свете. Я слышал мягкий кашель, подобный смеху, из темноты в дальнем конце двора. Марта добавила, что ей придется сделать для Зулейки шиньон, пока у нее не отрастут волосы.

Я смеялся вместе с доном Хуаном. Марта нравилась мне, а две других женщины были мне отвратительны. Меня просто тошнило от них. Марта же, с другой стороны, казалась проводником

спокойной и тихой целенаправленности. Я не мог видеть черты ее лица, но она казалась мне очень красивой. Звук ее голоса увлекал. Очень вежливо она спросила у дона Хуана, не голоден ли я. Я ответил, что чувствую себя скованно в присутствии Зойлы и Зулейки и у меня может разболеться живот. Марта заверила меня, что обе женщины ушли, взяла меня за руку и провела через абсолютно темный зал в неожиданно хорошо освещенную кухню. Контраст оказался болезненным для глаз. Я остановился в дверях, привыкая к свету.

Кухня имела высокий потолок, была современной и удобной. Мы сели. Марта казалась молодой и очень сильной женщиной, у нее была полная чувственная фигура, круглое лицо, небольшие рот и нос. Ее иссиня-черные волосы были заплетены в косу и уложены вокруг головы.

Я подумал, что ей, наверное, так же любопытно рассмотреть меня, как и мне ее. Мы сидели, ели и беседовали очень долго. Я был очарован ею. Она была необразованной женщиной, но своей беседой околдовала меня. Она развлекала нас подробными описаниями необычайных поступков, совершенных Зойлой и Зулейкой, когда они не были сумасшедшими.

Когда мы отъехали, дон Хуан выразил свое восхищение Мартой. Он сказал, что она, пожалуй, представляет собой наилучший среди всех известных ему образец того, как целеустремленность может влиять на человеческое существо. Без опыта и без всякой подготовки, за исключением ее негибаемого *намерения*, Марта успешно справлялась с самой трудной из всех вообразимых задач, взяв на себя заботу о Зойле, Зулейке и Сильвио Мануэле.

Я спросил у дона Хуана, почему Сильвио Мануэль не пожелал, чтобы я взглянул на него при свете. Он ответил, что Сильвио Мануэль находился в своей среде и что у меня еще будут бесчисленные возможности увидеть его. Во время же первой встречи полагается, чтобы он оставался в границах своей силы – во мгле ночи. Сильвио Мануэль и эти две женщины жили вместе, потому что они были сплоченной группой потрясающих магов. Дон Хуан посоветовал мне не делать скороспелых выводов о западных женщинах. Я встретился с ними, когда они были вне контроля, но это отсутствие контроля относится только к внешнему поведению.

У них есть внутреннее ядро, которое неизменно. Так, в минуты

самого глубокого безумия они способны смеяться над своим собственным поведением, как будто наблюдают представление, разыгрываемое кем-то другим.

С Сильвио Мануэлем все обстоит иначе. Он не был сумасшедшим ни в коей мере. Фактически его глубокая трезвость давала ему возможность эффективно взаимодействовать с этими женщинами, потому что они находились на разных полюсах.

Дон Хуан сказал, что Сильвио Мануэль таким родился, и все окружающие признавали его отличие от них. Даже его бенефактор, который был жестким и непреклонным со всеми, уделял Сильвио Мануэлю очень много внимания. Дону Хуану потребовались годы, чтобы понять причину такого предпочтения. Благодаря чему-то необъяснимому в своей природе Сильвио Мануэль, войдя однажды в левостороннее осознание, уже никогда из этого состояния не выходил. Его постоянное пребывание в повышенном осознании вкупе с руководством его бенефактора позволило ему не только прежде, чем кому-либо иному, прийти к заключению, что правило является картой и что действительно существует другой род осознания, но также и к действительному проходу в этот другой мир осознания. Дон Хуан сказал, что Сильвио Мануэль безупречнейшим образом уравновесил свои исключительные достижения тем, что поставил их на службу общей цели. Он стал молчаливой силой за спиной дона Хуана.

Последняя из серии моих предварительных встреч состоялась с северными воинами дона Хуана. Дон Хуан поехал со мной в город Гвадалахару. Он сказал, что место встречи находится рядом с центром города. Встреча должна состояться в полдень, потому что Север представляет собой середину дня. Мы вышли из гостиницы примерно в 11 часов утра и неторопливо пошли через центр города. Я шел, не глядя по сторонам, озабоченный предстоящей встречей, и с разгона налетел на какую-то даму, выходящую из магазина. Она несла кучу пакетов с покупками, которые рассыпались по всему тротуару. Я извинился и стал помогать ей собирать их. Дон Хуан попросил меня поторопиться, так как мы рискуем опоздать. Дама, казалось, не вполне пришла в себя от моего могучего толчка. Я поддержал ее.

Она была высокой худенькой женщиной, лет шестидесяти, очень элегантно одетой. Она была изысканно вежлива и приняла вину на себя, сказав, что отвлеклась, высматривая своего слугу. Она

производила впечатление дамы из общества. Затем она спросила, не могу ли я помочь ей отыскать слугу в толпе. Я повернулся к дону Хуану. Он сказал, что наименьшее, что я могу сделать после того, как чуть не убил ее, это помочь ей.

Я взял ее покупки и мы вернулись в универмаг. Неподалеку я заметил индейца, стоявшего в толпе с растерянным видом, жалкого и неуместного. Дама окликнула его, и он подошел к ней, как побитая собака. У него был такой вид, как будто он собирался лизать ей руки.

Дон Хуан ожидал нас у магазина. Он объяснил даме, что мы торопимся, а затем назвал мое имя. Дама мило улыбнулась и протянула мне руку, здороваясь. Я подумал, что в молодости она, вероятно, была восхитительна, поскольку и сейчас она достаточно красива и привлекательна.

Дон Хуан повернулся ко мне и внезапно сказал, что ее имя Нелида, что она – Север и *сновидящая*. Затем он повернул меня к слуге и сказал, что его зовут Хенаро Флорес; что он человек действия, воин действия в партии. Мое удивление было полным, и они втроем расхохотались. Чем большим было мое замешательство, тем сильнее, видимо, оно их забавляло.

Дон Хенаро раздал покупки группе детей, сказав им, что эта добрая леди купила все это им в подарок – это ее добрый поступок сегодняшнего дня. Затем мы молча прошли примерно полквартила. Мой язык совершенно не слушался меня. Внезапно Нелида указала на магазин и попросила минутку подождать, потому что она выбрала там нейлоновые чулки, которые для нее отложили. Улыбаясь, она посмотрела прямо на меня сияющими глазами и сказала, что магия там или не магия, но ей нужно носить нейлоновые чулки. Дон Хуан и дон Хенаро засмеялись как два идиота. Я вытаращился на Нелиду, потому что ничего больше делать не мог. Что-то в ней было чрезвычайно земным, и в то же время она выглядела почти небесным созданием.

Она ребячливо попросила дона Хуана поддержать меня, потому что я собираюсь брякнуться в обморок. Дон Хуан надавил мне на спину, чтобы вывести из ступора. Он сказал, что я встречу с другой северной женщиной – Флориндой, наедине и в другое время, потому что она будет звеном, соединяющим меня с другим циклом, с другим настроением. Он описал Флоринду как негативную копию Нелиды.

Я заметил, что Нелида настолько изнеженна и выхолена, что я не удивился бы, встретив ее в салоне мод. Тот факт, что она так красива и изящна, вероятно, родом из Франции или северной Италии, удивил меня. Хотя Висенте тоже не был индейцем, его деревенская внешность не так выделялась. Я спросил дона Хуана, почему в его мире есть неиндейцы. Он сказал, что воинов партии нагваля выбирает сила, а ее планы вывести невозможно. Мы торчали у дверей магазина уже более получаса. Дон Хуан, казалось, потерял терпение и попросил меня зайти внутрь и предложить им поторопиться. Я вошел в магазин. Это было небольшое помещение из которого не было второго выхода. И никого нигде не было видно. Я спросил приказчиков, но они ничем не могли мне помочь.

Я бросился к дону Хуану и потребовал объяснений по поводу того, что произошло. Он сказал, что они или испарились в воздухе, или улизнули, пока он похлопывал меня по спине. Я разъярился и сказал ему, что большинство его людей – шуты и паяцы. Он смеялся до слез. Он сказал, что я – идеальный объект для розыгрышей. Моя собственная важность делает из меня презабавнейшего субъекта. Он так хохотал над моим раздражением, что вынужден был прислониться к стене.

Ла Горда описала мне свою первую встречу с воинами дона Хуана. Ее версия отличалась только конкретными фактами, форма была той же. Пожалуй, воины были с ней чуть жестче, но она поняла это как попытку стряхнуть с нее ее сон, а также как естественную реакцию на то, что она считала своей отвратительной личностью. Когда мы пересмотрели мир дона Хуана, то поняли, что он был копией мира его бенефактора. Его можно было рассматривать как состоящий из групп или домов. Имелась группа из четырех независимых пар женщин, похожих на сестер, которые жили и работали вместе. Другая группа состояла из трех мужчин одного возраста с доном Хуаном, бывших очень близкими к нему. Группа из двух мужчин помоложе – курьеров Эмилито и Хуана Тумы. И, наконец, группа из молодых женщин, южных воинов Марты и Терезы, которые казались родственницами. С другой стороны мир казался состоящим из четырех отдельных домов, находящихся в отдалении друг от друга в различных районах Мексики. Один был образован двумя западными женщинами, Сильвио Мануэлем и их курьером Мартой. Следующий состоял из восточных женщин,

Кармелы и Эрмелинды, а также Висенте и их курьера Хуана Тумы. Еще один – из южных женщин, Сесилии и Делии, курьера дона Хуана – Эмитито и курьера Терезы. Последний – из северных женщин, Нелиды и Флоринды, и дона Хенаро.

Согласно дону Хуану, его мир не имел такой гармонии равновесия, как мир его бенефактора. Единственные две женщины, которые полностью уравнивали друг друга и выглядели как двойняшки, были его северные воины Нелида и Флоринда. Нелида однажды говорила мне, что и группа крови у них была одинаковая. Для меня одним из самых приятных сюрпризов явилась трансформация Зулейки и Зойлы, которые показались мне столь отвратительными при первой встрече. Как и говорил дон Хуан, они оказались самыми трезвыми и спокойными, преданными своему делу воинами, каких только можно себе представить, и я не мог поверить своим глазам, когда увидел их вновь. Период их безумия прошел, и они выглядели хорошо одетыми мексиканскими дамами, темными и крепкими, со сверкающими почти черными глазами, подобными осколкам блестящего темного обсидиана. Они смеялись и подшучивали надо мной по поводу нашей первой встречи, как если бы ее участниками были другие, а сами они не имели к случившемуся никакого отношения. Я легко мог представить себе кошмар дона Хуана с западными воинами его бенефактора. Я абсолютно не мог себе представить, чтобы Зулейка и Зойла могли превращаться в тех невыносимых, тошнотворных существ, которых я встретил в первый раз. После мне неоднократно приходилось быть свидетелем их метаморфоз, но я никогда больше не мог судить о них так сурово, как сделал это после первой встречи. Их выходки потом вызывали у меня главным образом печаль.

Но самым большим сюрпризом оказался для меня Сильвио Мануэль. В темноте нашей первой встречи он представлялся мне сверхсильным гигантом, внушительным мужчиной. На самом же деле он был малюткой, хотя и ширококостным. Его тело было телом жокея, небольшим, но ладно скроенным. Он показался мне похожим на гимнаста. Его физический контроль над телом был таким замечательным, что он мог, раздувшись, как лягушка, стать вдвое толще, чем был на самом деле, напрягая все мышцы своего тела. Он устраивал поразительные демонстрации того, как можно разъединять свои суставы и ставить их затем на место без

малейших признаков боли.

Глядя на Сильвио Мануэля, я всегда испытывал глубокое и незнакомое чувство страха. Он казался мне похожим на пришельца из другого времени. Цвет его кожи был палево-темным, как у бронзовой статуи. Черты его лица были острыми, а горбатый нос, толстые губы и широко расставленные щелочки глаз делали его похожим на стилизованную фигуру с фресок майя. Большую часть дня он был дружелюбным и теплым, но как только сгущались сумерки, становился неизмеримо далеким. Его голос менялся. Он садился в темном углу и позволял темноте поглотить себя. Все, что оставалось от него видимым, – это его левый глаз, который не закрывался и приобретал странное сияние, подобно глазам кошек. Второй темой, затронутой в нашем общении с воинами дона Хуана, был вопрос о контролируемой глупости.

Дон Хуан однажды давал мне краткие объяснения, когда рассказывал о двух категориях, на которые, согласно правилу, делятся все женские воины, – о *сновидящих* и сталкерах. Он сказал, что все воины его партии применяют искусство *сновидения* и сталкинга как часть своей повседневной жизни, но женщины, образующие планету *сновидящих*, и те, что образуют планету сталкеров, являются главными авторитетами в соответствующей деятельности.

Сталкеры – это те, кто взваливает на себя тяготы повседневного мира. Они ведут все дела и именно они имеют дело с людьми. Все, что хоть как-то относится к миру обычных дел, совершается через них. Сталкеры практикуют контролируемую глупость, точно так же, как *сновидящие* практикуют искусство *сновидения*. Дон Хуан сказал, что вообще самое большое достижение воина во втором внимании – это искусство *сновидения*, а самое большое его достижение в первом внимании – это искусство сталкинга.

Я неправильно понял то, что воины дона Хуана делали по отношению ко мне при нашей первой встрече. Я принял их действия за трюкачество, и это мнение так и осталось бы у меня до сего дня, если бы не идея контролируемой глупости. Дон Хуан сказал, что их действия со мной были мастерским уроком в искусстве сталкинга. Он добавил, что его бенефактор обучал его этому искусству прежде всего остального. Для того, чтобы выжить среди воинов своего бенефактора, ему приходилось учиться этому искусству ускоренным темпом. В моем случае, по его словам, мне

пришлось сначала учиться *сновидению*, поскольку мне не довелось постоянно быть одному среди его воинов. Когда настанет нужный момент, появится Флоринда и введет меня в искусство сталкинга. Никто другой не может квалифицированно разговаривать со мной об этом, они могут только давать мне уроки прямой демонстрации, что они и делали при нашей первой встрече.

Дон Хуан подробно объяснил мне, что Флоринда является одним из самых выдающихся практиков искусства сталкинга, поскольку она обучена каждой его тонкости его бенефактором и четырьмя его женскими воинами-сталкерами. Флоринда была первым женским воином, попавшим в мир дона Хуана, и из-за этого она станет моим личным проводником не только в искусстве сталкинга, но в загадке третьего внимания, если я когда-нибудь туда попаду. Дон Хуан не углублялся в этот вопрос дальше. Он сказал, что все это подождет до тех пор, пока я не буду готов сначала учиться искусству сталкинга, а затем войти в третье внимание.

Дон Хуан говорил, что его бенефактор не жалел времени на него и на других воинов во всем, что относилось к овладению мастерством сталкера. Он применял сложные розыгрыши, чтобы создать подходящий контекст для гармонического соответствия между буквой правила и поведением воина в повседневном мире, когда он взаимодействует с людьми. Он считал это единственным способом убедить их в том, что при отсутствии чувства собственной важности единственный способ, каким воин может взаимодействовать с социальной средой, – это контролируемая глупость. Разрабатывая свои ситуации, бенефактор дона Хуана сталкивал обычно действия людей и действия воинов с требованиями правила, а затем отходил в сторону и предоставлял естественной драме разворачиваться самостоятельно. Глупость людей некоторое время занимает главенствующее положение и вовлекает воинов в свое течение, как и следует из естественного хода событий, но в конце концов обязательно бывает побеждена более широким планом правила.

Дон Хуан рассказывал нам, что сначала он противился контролю бенефактора над участниками игровой ситуации. Он даже высказывал ему это в лицо. Бенефактора это не задело. Он возразил, что его контроль – не более, чем иллюзия, созданная Орлом. Он только безупречный воин, и его действия – не более,

чем попытка отразить Орла, как в зеркале.

Дон Хуан сказал, что та сила, с которой его бенефактор приводил свои замыслы в исполнение, исходила из его знания того, что Орел реален и окончателен и что все, что делают люди, является абсолютной глупостью. То и другое вместе создает и составляет источник контролируемой глупости, которую учитель дона Хуана описывал как единственный мостик между глупостью людей и тем окончательным, что диктует Орел.

[**НАЗАД**](#) | [**INDEX**](#) | [**ВПЕРЕД**](#)

Глава 11

Женщина-нагваль

Дон Хуан рассказывал, что когда он находился под надзором двух западных женщин, чтобы те очистили его, он также попал под начало северной женщины, сравнимой с Флориндой, сталкером номер один, обучавшей его основам этого искусства. Она и его бенефактор дали ему действенные средства для того, чтобы взять под свою опеку троих мужчин-воинов, одного курьера и четырех женщин-сталкеров, которые должны были составить его партию. Восемь женщин-*видящих* из группы его бенефактора были брошены на поиски отличительных конфигураций светимости и не встретили никаких затруднений в обнаружении мужчин и женщин-воинов подходящего типа для партии дона Хуана. Однако бенефактор не позволял этим *видящим* собирать найденных ими воинов. Дону Хуану было предоставлено самостоятельно применить на практике принципы сталкинга и взять их под свою опеку.

Первым воином явился Висенте. У дона Хуана не хватало мастерства в искусстве сталкинга, чтобы завлечь его. Его бенефактор и северные сталкеры вынуждены были проделать основную работу. Затем пришел Сильвио Мануэль, позднее – Хенаро и, наконец, Эмилито – курьер. Флоринда была первым женским воином, за ней последовала Зойла, затем Делия и, наконец, Кармела. Дон Хуан говорил, что его бенефактор непреклонно настаивал, чтобы все взаимодействие с миром проходило исключительно в рамках контролируемой глупости. Конечным результатом явилась потрясающая команда практиков, задумывавших и исполнявших самые сложные планы. Когда все они достигли определенного мастерства в искусстве сталкинга, его бенефактор решил, что пришло время найти для них женщину-нагваль. Придерживаясь своей политики – помогать каждому действовать самостоятельно, он не спешил вводить ее в их мир до тех пор, пока они не только стали мастерами сталкинга, но и дон Хуан не научился видеть. Хотя дон Хуан и очень сожалел

о времени, потраченном на ожидание, он признавал, что их совместные усилия в том, чтобы заполучить ее, укрепили связывающие их узы и как бы вдохнули вторую жизнь в их решение посвятить себя поиску собственной свободы.

Его бенефактор начал свою операцию по вовлечению в группу женщины-нагваль с того, что стал ревностным католиком. Он потребовал, чтобы дон Хуан, будучи наследником его знания, ходил с ним в церковь как его сын. Он водил его к мессе ежедневно и рассказывал, что и его бенефактор, в свое время, будучи очень располагающим к себе и общительным, именно в церкви знакомил его со всеми как своего сына, продолжателя рода. Дон Хуан, в то время, по его собственным словам, – неотесанная деревенщина, был подавлен тем, что, попав в общество, оказался вынужденным вести беседы и рассказывать о себе. Он утешался мыслью, что у его бенефактора должны быть высшие причины для всего, что он делает. Он пытался наблюдать за ним и выяснить, какие же это причины. Действия его бенефактора были неизменными и казались совершенно искренними. Как образцовый католик, он завоевал расположение множества людей, и особенно ксендза, оказывавшего ему большое доверие и считавшего его своим другом и доверенным лицом. Дон Хуан не мог представить себе, зачем ему все это нужно. Ему даже приходила в голову мысль, что его бенефактор на самом деле принял католицизм или же спятил. Он еще не понимал того, что воин не теряет рассудка ни при каких обстоятельствах.

Недовольство дон Хуана вынужденными посещениями церкви прошло, когда его бенефактор начал знакомить его с дочерьми тех людей, с которыми он был уже знаком. Это ему нравилось, хотя он и чувствовал себя не в своей тарелке. Дон Хуан решил, что его бенефактор помогает ему улучшить его речь. Он не был ни обаятельным, ни общительным, а его бенефактор говорил ему, что Нагваль должен быть и тем и другим.

Однажды в воскресенье, во время мессы, после почти целого года практически ежедневного посещения церкви, дон Хуан узнал, зачем в $\alpha\alpha\epsilon\eta\eta\delta\alpha\epsilon\delta\alpha\epsilon\eta\eta\eta\delta\epsilon$ он туда ходил. Он стоял на коленях рядом с девушкой по имени Олинда – дочерью одного из знакомых его бенефактора. Он обернулся, чтобы обменяться с ней взглядами, что уже стало обычным после почти месячного знакомства. Их глаза встретились, и внезапно дон Хуан стал видеть, видеть ее как

святище – и тут же сам увидел ее двойное строение. Олинда была двойной женщиной. Его бенефактор знал об этом с самого начала и избрал труднейший путь для того, чтобы ввести дону Хуана в соприкосновение с ней. Дон Хуан признался нам, что этот момент произвел на него ошеломляющее впечатление.

Его бенефактор знал, что дон Хуан увидел. Его миссия по сведению вместе двух двойных существ была закончена успешно и безупречно. Он поднялся и окинул взглядом всю церковь. Затем вышел, не оглядываясь. Ему больше нечего было там делать.

Дон Хуан сказал, что когда его бенефактор вышел посреди мессы, все головы повернулись за ним. Дон Хуан хотел последовать за ним, но Олинда смело схватила его за руку и удержала на месте. Тогда он понял, что сила видения принадлежит не ему одному.

Какая-то искра пробежала между ними, и они оказались связанными. Дон Хуан вдруг сообразил, что месса давно закончилась и что они находятся уже не в церкви. Его бенефактор пытался успокоить мать Олинды, оскорбленную неожиданным и непозволительным проявлением их привязанности.

Дон Хуан понятия не имел, что делать дальше. Он знал, что ему надлежит разработать план. У него были для этого возможности, но важность события заставила его потерять уверенность в своих силах. Он забыл о своей подготовке сталкера и погрузился в интеллектуальные раздумья о том, следует ли обращаться с Олиндой в рамках контролируемой глупости.

Его бенефактор сказал, что ничем помочь ему не может. Его долгом было столкнуть их. На этом его ответственность заканчивалась. Теперь долгом дона Хуана было предпринять необходимые шаги для того, чтобы взять ее под свою опеку. Он предложил, чтобы дон Хуан учел даже возможность жениться на ней, если только это будет именно тем, что здесь поможет. Только после того, как она сама по своей воле придет к нему, он сможет помочь ему, вступив с ней в контакт как Нагваль.

Дон Хуан начал с формальных ухаживаний. Ее родители не приняли его, потому что и подумать не могли о ком-нибудь из другого общественного класса как о паре для своей дочери.

Олинда не была индейкой. Ее родители были среднего достатка горожанами, имеющими небольшое собственное дело. Отец вынашивал другие планы относительно дочери. Он пригрозил отослать ее, если дон Хуан не откажется от своего намерения

жениться на ней.

Дон Хуан сказал, что двойные существа, особенно женщины, необычайно консервативны, даже робки. Олинда не была исключением. После внезапной вспышки в церкви она была охвачена осторожностью, даже страхом. Ее собственная реакция испугала ее.

В качестве стратегического маневра его бенефактор посоветовал дону Хуану отступить. Так, чтобы это выглядело уступкой желанию ее отца, которому поведение девушки не понравилось, причем это мнение разделяли все, кто был свидетелем инцидента в церкви. Люди сплетничали, что их выходка была столь неприятна отцу, что тот, будучи таким ревностным католиком, даже перестал ходить в церковь.

Бенефактор сказал дону Хуану, что воин никогда не бывает осажденным. Находиться в осаде означает, что имеешь какую-то личную собственность, которую могут подвергнуть осаде. У воина же ничего в мире нет, кроме его безупречности, а безупречности ничто угрожать не может. Тем не менее в битве за собственную жизнь, вроде той, которую вел Нагваль, чтобы заполучить женщину-нагваль, воин должен стратегически использовать все доступные средства.

В полном соответствии с этим дон Хуан, чтобы получить эту девушку, решил использовать известное ему мастерство stalking. В конце концов он привлек Сильвио Мануэля, чтобы тот применил в этих целях свое магическое искусство, которое даже на той ранней стадии было поразительным.

Сильвио Мануэль, представлявший вместе с Хенаро пару отчаянных пройдох, пробрался с ним в дом девушки, переодевшись старухами – прачками. Солнце стояло в зените, и все готовили пищу для большой группы родственников и друзей, собравшихся к обеду. Предполагались неофициальные проводы Олинды. Сильвио Мануэль рассчитал, что люди, увидев двух незнакомых прачек, решат, что это связано с отъездом Олинды, и ничего не заподозрят. Дон Хуан предварительно снабдил Сильвио Мануэля и Хенаро подробной информацией относительно расположения комнат в доме. Он рассказал им, что прачки обычно несут свои узлы выстиранного белья внутрь дома и оставляют их в кладовой для глажки. Неся здоровенные тюки белья, Сильвио Мануэль и Хенаро прошли прямо в нужную комнату, зная, что в

это время Олинда будет там.

Дон Хуан рассказывал, что Сильвио Мануэль, подойдя к Олинде, гипнотической силой заставил ее потерять сознание. Они положили ее в мешок, обернули простынями с ее постели и вышли, оставив принесенные с собой тюки. В дверях они столкнулись с ее отцом. Тот не обратил на них никакого внимания. Бенефактор, узнав об этом маневре, совершенно вышел из себя. Он велел дону Хуану немедленно вернуть девушку домой.

Совершенно обязательно, сказал он, чтобы двойная женщина пришла в дом бенефактора по своей собственной свободной воле, пусть без намерения присоединиться к нему, но хотя бы из любопытства.

Дон Хуан считал, что все пропало. Вероятность незаметно доставить ее в дом была слишком мала. Однако Сильвио Мануэль нашел решение. Он предложил, чтобы четыре женщины из партии дона Хуана понесли женщину по пустынной дороге, где дон Хуан спасет ее. Сильвио Мануэль предложил, чтобы женщины притворились, будто похищают ее ради выкупа. Где-нибудь на дороге кто-то увидит их и бросится в погоню. Преследователь догонит их, и они бросят мешок так, чтобы не осталось сомнений в серьезности их намерений. Преследователем же будет, естественно, дон Хуан, который чудесным образом окажется в нужном месте в нужное время.

Сильвио Мануэль требовал действий предельно жизненных. Он велел женщинам завязать девушке рот, так как к тому времени она, конечно, очнется и начнет верещать в мешке. Он велел им бежать несколько миль по дороге, неся мешок, затем спрятаться от своего преследователя и, наконец, после действительно утомительной гонки они должны были бросить мешок так, чтобы девушка могла быть свидетелем отчаянной схватки между доном Хуаном и четырьмя женщинами. Сильвио Мануэль сказал женщинам, что все должно выглядеть предельно реально. Он вооружил их палками и велел побить ими дона Хуана поубедительнее, прежде чем он прогонит их прочь. Среди женщин особенно легко впадала в истерику Зойла. Как только они начали колотить дона Хуана, она вошла в роль, и представление захватывало дух. Она наносила дону Хуану такие могучие удары, что у того на плечах и на спине тело стало сплошной раной. Еще мгновение, и похитители, казалось, одержат победу. Сильвио Мануэль был вынужден выйти

из укрытия и, притворившись прохожим, напомнить им, что это лишь розыгрыш и что им пора убегать.

Таким образом дон Хуан оказался спасителем и защитником Олинды. Он сказал ей, что сам не сможет отвезти ее домой, так как сильно избит и изранен. Но он отправит ее туда со своим набожным отцом. Она сама помогла ему дойти до дома его бенефактора. Дон Хуан рассказал, что ему не понадобилось изображать раненого, он весь истекал кровью и с трудом добрался до дверей собственного дома.

Когда Олинда рассказала его бенефактору о происшедшем, то его желание рассмеяться было настолько сильным, что ему пришлось скрыть свой смех, притворившись рыдающим. Дону Хуану перевязали раны и уложили в постель. Олинда начала было объяснять, почему ее отец не принял его, но не закончила. В комнату вошел бенефактор дона Хуана и сказал ей, что ему кажется, судя по ее походке, будто похитители повредили ей спину. Он предложил выправить ее, пока не возникли осложнения. Олинда заколебалась. Он напомнил ей, что похитители не шутили – они чуть не убили его сына. Это напоминание подействовало. Она прошла на половину бенефактора и позволила нанести ей хороший удар по лопатке. Лопатка щелкнула, и Олинда вошла в состояние повышенного осознания. Он открыл ей правило, и она, как и дон Хуан, приняла его полностью. Не осталось ни сомнений, ни колебаний.

Женщина-нагваль и дон Хуан нашли друг в друге завершенность и спокойствие. Дон Хуан говорил, что чувство, которое они испытывали каждый к другому, не имело ничего общего с привязанностью или потребностью. Это было скорее разделяемое физическое ощущение, что внутри их сломан некий конечный барьер и они являются как бы одним и тем же существом.

Дон Хуан и его женщина-нагваль, как и предписывало правило, несколько лет работали вместе, чтобы собрать группу из четырех женщин-сновидящих, которыми оказались Нелида, Зулейка.

Сесилия и Эрмелинда, и трех курьеров – Хуана Тумы, Терезы и Марты. В который раз подтвердилась прагматическая природа правила: все они были именно такими, какими должны были оказаться согласно правилу. Их приход означал начало нового цикла для каждого, включая бенефактора дона Хуана и его партию. Для дона Хуана и его партии это означало цикл

сновидения, и для бенефактора и его партии – период ни с чем не сравнимой безупречности в поступках.

Бенефактор объяснил дону Хуану, что когда его в молодости познакомили с правилом как со средством освобождения, он очутился на седьмом небе от счастья. Свобода для него была реальностью за ближайшим углом. Когда он дорос до понимания природы правила как факта, его надежды и оптимизм удвоились. Позднее же его жизнь затопила трезвость. Чем старше он становился, тем меньше шансов он видел для личного успеха и успеха партии его воинов. В конце концов он убедился, что вне зависимости от того, что они делают, шансы против слишком велики, чтобы их скованное человеческое осознание когда-нибудь полетело свободно. Он смирился со своей судьбой и с поражением. Он сказал Орлу из самой своей глубины, что он рад и гордится тем, что его осознание будет съедено, и пригласил Орла к этому. Дон Хуан рассказывал, что такое же настроение разделялось всеми воинами партии его бенефактора. Свобода, о которой говорилось в правиле, была чем-то таким, что он считал недостижимым. Они уловили отблески той уничтожающей силы, которой был Орел, и почувствовали, что у них нет ни одного шанса выстоять против нее. Все они, тем не менее, согласились, что проживут свою жизнь безупречно, без всяких на то причин, кроме самой безупречности. Дон Хуан сказал, что его бенефактор со своей партией, несмотря на ощущение своей неадекватности или, может быть, по причине такого ощущения, нашли свою свободу. Они вошли в третье внимание, хотя и не группой, а один за другим. Тот факт, что они нашли проход, был конечным подтверждением истины, содержащейся в правиле. Последним покидал мир осознания повседневной жизни бенефактор. Действуя в соответствии с правилом, он взял с собой женщину-нагваль дона Хуана. Когда они оба растворились в полном осознании, дон Хуан и его воины как бы взорвались изнутри. Он не мог найти другого сравнения, чтобы описать чувство, охватившее их при насильственном забвении всего, чему они были свидетелями в мире его бенефактора.

Кто никогда ничего не забывал, так это Сильвио Мануэль. Именно он привлек дона Хуана к непосильному труду по вторичному сведению вместе всех членов их группы, которые разбрелись, кто куда. Затем он погрузил их в задачу отыскания целостности самих

себя. Им понадобились годы, чтобы выполнить обе эти задачи. Дон Хуан очень много говорил на тему забывания, но только в связи с их огромными трудностями в том, чтобы вновь собраться и начать все сначала, но уже без своего бенефактора. Он никогда не объяснял им, что это значит – забыть или найти целостность самого себя. В этом отношении он был верен учению своего бенефактора – только помогать им действовать самостоятельно. Для этого он обучил Ла Горду и меня совместному *видению* и сумел показать нам, что хотя человеческие существа и кажутся *видящему* светящимися яйцами, но яйцевидная форма – лишь внешний кокон – оболочка светимости, скрывающая крайне интригующую, захватывающую, гипнотизирующую сердцевину, состоящую из концентрических колец желтоватой светимости цвета пламени свечи. Во время нашего последнего сеанса он позволил нам *видеть* людей, снующих вокруг церкви. День был на исходе, смеркалось, и существа внутри своих прочных светящихся коконов излучали достаточно света, чтобы ясно освещать все вокруг. Зрелище было чудесным.

Дон Хуан объяснил, что яйцевидная оболочка, казавшаяся такой яркой, на самом деле была тусклой. Светимость исходила из сияющей сердцевины. Оболочка же фактически затемняла это сияние. Дон Хуан сказал нам, что для того, чтобы освободить это существо, оболочка должна быть сломана. Она должна быть сломана изнутри и в нужное время, точно так же, как проламывают скорлупу существа, вылупляющиеся из яиц. Если им не удастся этого сделать, они задыхаются и погибают. И так же, как существа, вылупляющиеся из яиц, воин не может проломить оболочку своей светимости раньше положенного срока.

Дон Хуан сказал нам, что потеря человеческой формы является единственным средством освобождения светящейся сердцевины осознания, выступающей пищей Орла. Сломать эту оболочку значит вспомнить свое другое «я» и прийти к целостности самого себя.

Дон Хуан и его воины пришли к целостности самих себя и приступили к своей последней задаче, состоявшей в том, чтобы найти пару светящихся существ. По словам дона Хуана, они считали это простым делом. Все остальное пока удавалось им сравнительно легко. Они не представляли себе, что кажущаяся легкость их достижений как воинов была следствием мастерства и

личной силы их бенефактора. Их попытки найти новую пару двойных существ оказались тщетными. В своих поисках они ни разу не натолкнулись на женщину с двойной светимостью. Они нашли нескольких двойных мужчин, но все они были хорошо обеспеченными, занятыми, процветающими и настолько довольными своей жизнью, что подходить к ним было совершенно бесполезно. Им не было нужды искать цель жизни. Они считали, что уже нашли ее. Дон Хуан рассказал, как однажды он понял, что и он сам и его группа старятся и теряют последнюю надежду выполнить свою задачу. Впервые они ощутили жало отчаяния и бессилия.

Сильвио Мануэль настоял на том, что им следует взять себя в руки и жить безупречно, невзирая на отсутствие надежды найти свою свободу. Дон Хуан считал, что это, возможно, окажется ключом. В этом смысле он оказался идущим по стопам своего бенефактора. Он пришел к пониманию того, что неодолимый пессимизм одолевает воина в определенной точке его пути. Чувство поражения или, точнее, чувство своей недостойности находит на него почти незаметно. Дон Хуан говорил, что раньше он, бывало, посмеивался над сомнениями своего бенефактора и никак не мог поверить, что тот говорит всерьез. Несмотря на протесты и предупреждения Сильвио Мануэля, дон Хуан считал все это гигантским розыгрышем, призванным научить его чему-то. Поскольку он не мог поверить, будто сомнения его бенефактора реальны, то не мог поверить и в то, что решение бенефактора жить безупречно без надежды на свободу было искренним. Когда до него, наконец, дошло, что бенефактор со всей серьезностью признал свое поражение, то ему стало ясно и то, что решение жить безупречно несмотря ни на что нельзя рассматривать как стратегию, направленную на достижение успеха. Дон Хуан и его партия сами подтвердили эту истину, когда поняли как непреложный факт, что шансы против них неимоверны. Дон Хуан сказал, что в такие моменты верх берет тренировка в течение всей жизни, и воин входит в состояние абсолютного смирения. Когда истинная нищета его человеческих ресурсов становится неоспоримой, воину не остается ничего другого, как отступить назад и склонить голову. Дон Хуан поражался, что такое заключение не оказало никакого влияния на женских воинов его партии. Это же он заметил и в

партии своего бенефактора. Женщины никогда не были так озабочены и так мрачны из-за своей судьбы, как мужчины. Они, казалось, просто присоединились к суждению своего бенефактора и последовали за ним, не испытывая ни эмоциональной усталости, ни измотанности. Если женщины и были затронуты хоть на каком-нибудь уровне, то они остались безразличны к этому. Быть занятыми – вот все, что имело для них значение. Казалось, только мужчины бросили вызов свободе и ощутили ответный удар. В своей собственной группе дон Хуан наблюдал такой же контраст. Женщины охотно согласились с ним, когда он сообщил, что ресурсов у него недостаточно. Он мог сделать единственный вывод, что женщины, хотя они никогда и не упоминали об этом, с самого начала никогда не верили, что у них есть какие-либо ресурсы. Как следствие, они никогда не могли испытывать разочарования или отчаяния, обнаружив, что они бессильны. Это было известно им с самого начала.

Дон Хуан рассказал нам, что причина, по которой Орел требовал вдвое больше женских воинов, чем мужских, состояла как раз в этом – в том, что женщинам присуще врожденное равновесие, которого нет у мужчин. В критический момент именно мужчины впадают в истерику и совершают самоубийство, если приходят к выводу, что все потеряно. Женщина же может убить себя из-за отсутствия направления и цели, но не из-за краха той системы, к которой она принадлежит.

После того, как дон Хуан и его воины отказались от надежды или, скорее, как выразился дон Хуан, когда он и мужчины достигли каменистого дна, а женщины нашли подходящие способы успокоить их, дон Хуан, наконец, натолкнулся на двойного мужчину, который мог ему подойти. Этим мужчиной оказался я. Он сказал, что поскольку никто в здравом уме на такое противоестественное дело, как битва за свободу, добровольно не пойдет, ему пришлось последовать принципам своего учителя и в истинном стиле сталкера заманить меня, так же, как когда-то он заманил членов своей собственной партии. Ему нужно было быть со мной наедине в таком месте, где он смог бы оказать физическое давление на мое тело, причем было совершенно необходимо, чтобы я пришел туда по собственной воле. Как он говорил, захватить двойного мужчину никогда не бывает большой проблемой. Трудность состоит в том, чтобы найти именно

доступного.

Первый визит в его дом, с моей точки зрения, прошел без особых событий. Дон Хуан был очарователен и шутил со мной. Он подвел разговор к теме усталости, которую испытывает тело водителя за рулем. Тема эта мне, студенту антропологии, казалась совершенно посторонней. Затем он случайно заметил, что моя спина выглядит немного искривленной и, не говоря больше ни слова, положил мне руку на грудь, выпрямил меня и нанес мне мощный шлепок по спине. Он до такой степени застал меня врасплох, что я потерял сознание. Когда я открыл глаза, то чувствовал себя так, как если бы он сломал мне спину, но я знал, что я другой – не тот, которого я знал. С тех пор при каждой встрече он перемещал меня из правостороннего осознания в левостороннее, а затем раскрывал мне правило.

Почти сразу же после встречи со мной Дон Хуан обнаружил и двойную женщину. Он не сводил нас с ней при помощи какого-либо плана, как его бенефактор, а изобрел розыгрыш, настолько же эффективный, как и тот, при помощи которого он сам заманил и увлек двойную женщину. Он взял на себя этот труд, потому что считал обязанностью Нагваля вовлечь обоих двойных существ сразу после их нахождения, а уж затем свести их вместе как партнеров по невообразимому предприятию.

Он рассказал мне, как однажды, живя в Аризоне, он пришел в какое-то правительственное учреждение, чтобы заполнить какую-то бумагу. Дама в справочном окне отправила его к служащей а другом секторе и, не глядя, показала налево. Дон Хуан проследил за ее вытянутой рукой и увидел двойную женщину. Когда он принес к ней свое прошение, то обнаружил, что это еще совсем молоденькая девушка. Она сказала, что к прошению никакого отношения не имеет, но из сочувствия к бедному старому индейцу уделила ему время, чтобы помочь оформить документ.

Требовались определенные юридические документы. Они находились у дона Хуана в кармане, но он изобразил полную беспомощность и невежество. Казалось, бюрократическая организация является для него полнейшей загадкой. Дон Хуан говорил, что изображать полную безмозглость ему было совсем не трудно. Все, что от него требовалось, так это вернуться к тому, что когда-то было его нормальным осознанием. В его задачу входило продлить контакт с девушкой, насколько возможно. Его наставник

говорил ему, да и сам он убедился в этом, что двойные женщины крайне редки. Его наставник говорил ему также, что эти женщины обладают внутренними ресурсами, делающими их очень переменчивыми. Дон Хуан опасался, что если он не сумеет провести свою игру мастерски, девушка может сбежать. Он играл на ее сочувствии, чтобы выиграть время. Он создал дальнейшие проволочки, притворившись, что юридические документы потеряны. Почти каждый день он приносил ей разные бумажки. Она читала их и каждый раз с сожалением говорила, что это не та справка, которая нужна. Девушка была настолько тронута его жалким положением, что даже вызвалась заплатить адвокату, чтобы тот оформил удостоверение об утере документов. Через три месяца таких хождений дон Хуан решил, что пришло время извлечь документы на свет. К этому времени она уже привыкла к нему и чуть ли не ждала его появления каждый день. Дон Хуан пришел в последний раз, чтобы выразить свою благодарность и попрощаться. Он сказал, что был бы рад преподнести ей подарок, чтобы выразить ей свою признательность, но у него нет денег даже на еду. Она была растрогана его прямоотой и пригласила на ленч. Пока они ели, он говорил, что подарок не обязательно должен быть предметом, который покупают. Это может быть нечто такое, что дают только глазам получателя. Нечто, что можно помнить, но не владеть им. Она была заинтригована. Дон Хуан напомнил ей, что она выразила сочувствие к индейцам и к индейскому существованию. Он спросил, не хочет ли она взглянуть на индейцев не как на нищих, а как на артистов. Он сказал, что знаком с одним стариком, который является последним в династии танцоров силы. Он обещал, что этот человек станцует для нее по его просьбе и что никогда в жизни она не видела ничего подобного и не увидит вновь. Этот танец – нечто такое, чему бывают свидетелями одни лишь индейцы.

Ей понравилась эта идея. Она посадила его в свою машину после работы, и они поехали к холмам, где, по словам дон Хуана, обитал этот индеец. Дон Хуан направил ее к своему собственному дому. Он попросил ее остановить машину неподалеку, и остаток пути они прошли пешком. Прежде, чем они достигли дома, он остановил ее и, начертив на мягком песке дорожки линию, сказал, что эта линия – граница, и начал уговаривать ее перейти эту

границу.

Сама она рассказывала мне, что вплоть до этого момента была крайне заинтригована возможностью посмотреть на настоящего индейского танцора, но когда старый индеец начертил на земле линию и назвал ее границей, она стала колебаться. Затем она по-настоящему встревожилась, когда старик сказал что эта граница существует для нее одной и что переступив через нее однажды, теряешь возможность вернуться.

Индеец явно видел ее напряженность и пытался успокоить. Он вежливо погладил ее по руке, заверив, что с ней не может случиться ничего плохого, пока он рядом с ней. Границу можно считать как бы символом, символической платой танцору, так как денег он не берет. Ритуал заменял деньги, и ритуал требовал, чтобы она по своему желанию переступила границу.

Старый индеец весело переступил линию и сказал, что для него это просто индейская чепуха, но танцору, наблюдающему за ними, следует польстить, если она хочет увидеть его танец.

Женщина-нагваль говорила, что внезапно ощутила такой испуг, что не могла двинуться с места, чтобы переступить линию. Старый индеец сделал попытку убедить ее, говоря, что переступание границы благотворно сказывается на теле. Переступая ее, не только чувствуешь себя моложе, но и реально становиться более молодым, такую силу имеет эта граница. Чтобы продемонстрировать это, он немедленно перешел обратно, и тотчас плечи его поникли, углы рта впали, глаза потеряли свой блеск. Женщина-нагваль не могла отрицать тех изменений, которые вызывал переход линии.

Дон Хуан перешел линию в третий раз. Он глубоко дышал, расправлял грудь, его движения стали уверенными и четкими.

Женщина-нагваль сказала, что ей пришла в голову мысль, не скрываются ли за всем этим сексуальные намерения. Ее машина осталась слишком далеко позади, чтобы броситься бежать к ней. Единственное, что она могла сделать, это убеждать себя, что глупо бояться старика-индейца.

Тогда старик еще раз воззвал к ее разуму и чувству юмора.

Заговорщицким тоном и как бы с неохотой он сказал, что просто притворяется помолодевшим, чтобы сделать приятное танцору, и что если она не поможет ему, перейдя линию, он в любую минуту может свалиться без сил от того перенапряжения, которое

требовалось от него, чтобы ходить не сгорбившись. Он прошел туда и обратно через линию, чтобы показать ей, каких неимоверных усилий требует от него такая пантомима.

Она рассказывала, что в его умоляющих глазах отражалась боль, которую испытывало его старческое тело, подражая молодости. Она перешагнула линию, чтобы помочь ему и покончить со всем этим; она хотела ехать домой.

В тот момент, когда она пересекла линию, дон Хуан сделал невероятный прыжок и заскользил над крышей дома. Женщина-нагваль сказала, что он летал, как огромный бумеранг. Когда он приземлился рядом с ней, она упала на спину. Ее испуг превосходил все, что она до сих пор испытывала, но таким же было ее возбуждение оттого, что она явилась очевидцем такого чуда. Она даже не спрашивала, каким образом он выполнил такой великолепный подвиг. Ей хотелось бежать обратно к своей машине и мчаться домой. Старик помог ей подняться и извинился за то, что так подшутил над ней. В действительности танцором является он сам, и его полет над домом как раз и был его танцем. Он спросил ее, заметила ли она, в каком направлении совершался его полет. Она провела рукой против часовой стрелки. Он потечески погладил ее по голове и сказал, что это очень примечательно – то, что она была так внимательна. Затем он сказал, что она, возможно, при падении повредила себе спину и он не может отпустить ее просто так, не убедившись, что все в порядке. Он смело расправил ей плечи, поднял ее подбородок и затылок, показывая, как распрямить спину. Затем он нанес ей мощный шлепок между лопатками, буквально выбив весь воздух из ее легких. Какое-то мгновение она не могла дышать и потеряла сознание.

Придя в себя, она обнаружила, что находится внутри дома. Из носу у нее шла кровь, дыхание было учащенным, глаза не фокусировались. Он посоветовал ей делать глубокие вдохи на счет восемь. Чем дольше она дышала, тем больше все прояснялось. В какой-то момент вся комната осветилась. Все засияло желтоватым светом. Она застыла и больше не могла дышать глубоко. Желтый свет к тому времени уже так сгустился, что стал напоминать туман, а затем туман трансформировался в желтоватую паутину. В конце концов он рассеялся, но весь мир некоторое время еще оставался однородно желтым.

Затем дон Хуан заговорил с ней. Он вывел ее из дома и показал ей, что весь мир разделен на две половины. Левая сторона была чистой, а правая затянута желтоватым туманом. Он сказал ей, что чудовищно думать, будто весь мир познаваем или что мы сами являемся познаваемыми. Он заявил, что воспринимаемое ею – неразрешимая загадка, которую можно воспринимать только со смирением и почитанием.

Затем он открыл ей правило. Ясность ее мыслей была такой интенсивной, что она поняла все, что он говорил. Правило показалось ей само собой разумеющимся и очевидным. Он объяснил ей, что две стороны человеческого существа полностью отделены, и для того, чтобы сорвать печать и перейти на другую сторону, требуется огромная дисциплина и целеустремленность. Двойные существа имеют огромное преимущество: состояние двойственности помогает им и позволяет сравнительно легко перемещаться между отделами на правой стороне. Невыгодность положения двойных существ в том, что, имея два отдела, они оседлы, консервативны и боятся перемен. Дон Хуан сказал ей, что его *намерением* было заставить ее передвинуться из крайнего правого отдела в более светлый и острый отдел правой стороны, но вместо этого, по какой-то необъяснимой причине, его удар послал ее через всю ее двойственность из ее повседневного крайнего правого отдела в ее крайний левый отдел. Он четыре раза пытался вернуть ее назад в обычное состояние, но безуспешно. Однако его удары помогли ей включать и выключать по своему желанию восприятие стены тумана. Хотя у дон Хуана не было такого намерения, он был прав, говоря, что та линия была для нее односторонней границей. Перейдя ее однажды, она, как и Сильвио Мануэль, уже никогда не вернулась. Когда дон Хуан свел нас с ней лицом к лицу, никто из нас не знал о существовании другого, тем не менее мы немедленно почувствовали, что знакомы друг с другом. Дон Хуан по своему опыту знал, что умиротворенность, которую двойные существа испытывают в компании друг друга, неопишима, но слишком уж непродолжительна. Он сказал нам, что мы были сведены вместе силой, непостижимой для нашего разума, и что единственное, чего мы не имеем, так это времени. Каждая минута может быть последней, поэтому проживать ее надо одухотворенно.

После того, как дон Хуан свел нас вместе, ему и его воинам

осталось лишь найти четырех женщин-сталкеров, трех воинов-мужчин и одного мужчину-курьера, чтобы создать нашу партию. Для этого дон Хуан нашел Лидию, Хосефину, Ла Горду, Розу, Бениньо, Нестора, Паблито и курьера Элихио. Каждый из них был недоразвитой копией членов собственной партии дона Хуана.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 12

Неделание Сильвио Мануэля

Дон Хуан и его воины самоустранились, предоставив женщине-нагваль и мне претворять в жизнь правило, то есть опекать, поддерживать и вести восьмерых воинов к свободе. Все, казалось, было в совершенном порядке, но в то же время что-то было не так. Первая группа женских воинов, найдённых доном Хуаном, были *сновидящими*, тогда как им полагалось быть сталкерами. Он не знал, чем объяснить эту аномалию. Единственный вывод, к которому он мог прийти, заключался в том, что сила поставила его на тропу этих воинов таким образом, что от них нельзя было отказаться.

Имелась еще одна поразительная аномалия, еще больше озадачивавшая дона Хуана и его партию. Трое женских и трое мужских воинов были неспособны войти в состояние повышенного осознания, несмотря на титанические усилия дона Хуана. У них замутнялось сознание, сбивался фокус зрения, но они не могли сломать оболочку, мембрану, разделяющую две стороны. Их прозвали пьяницами, потому что они начинали качаться, теряя мышечную ориентацию. Только курьер Элихио и Ла Горда достигали необычной степени осознания. Особенно Элихио, который был на равных с любым из воинов дона Хуана.

Три девушки сблизилась между собой и образовали устойчивую единицу. Так же поступили и трое мужчин. Группы из трех человек, тогда как правило предписывало четверых, были чем-то зловещим. Число три – символ динамики, изменения, движения и, самое главное, обновления.

Правило больше не служило картой. И тем не менее было совершенно невообразимо, чтобы где-то вкралась ошибка. Дон Хуан и его воины были убеждены, что сила ошибок не допускает. Они пытались решить этот вопрос в своих *сновидениях* и в своем *видении*. Они допускали, что, может быть, чересчур поторопились и не *видела*, что эти три женщины и трое мужчин являются непригодными.

Дон Хуан признался мне, что он усматривал здесь два взаимосвязанных вопроса. Первый – прагматический – проблема нашего присутствия среди них. Второй касался надежности правила. Их бенефактор внушил им уверенность, что правило охватывает все, с чем может столкнуться воин. Он не подготовил их к такому случаю, когда правило может оказаться неработающим.

Ла Горда сказала, что у женщин из партии дона Хуана никогда со мной проблем не было. Мужские же его воины пребывали в растерянности. Для них было непонятным и неприятным, что в моей случае правило неприменимо.

Женщины, однако, были уверены, что рано или поздно причина моего появления среди них прояснится. Я наблюдал, как женщины не поддавались эмоциональному замешательству и, казалось, были полностью безразличны к тому, чем все это кончится. Они как будто – без всяких разумных оснований – заранее знали, что мой случай все-таки подчиняется правилу. В конце концов я помог им тем, что принял свою роль. Благодаря женщине-нагваль и мне Дон Хуан и его воины завершили свой цикл и были почти свободны. Ответ пришел к ним через Сильвио Мануэля. Его видение открыло, что Хенарос и сестрички не были непригодными, скорее я был не тем Нагвалем, в котором они нуждались. Я был неспособен вести их, потому что имел конфигурацию, не укладывающуюся в схему, данную правилом, – конфигурацию, которую дон Хуан как *видящий* проглядел. Мое светящееся тело давало видимость четырех отделов, тогда как в действительности их имелось только три; существовало другое правило для того, кто назывался «трехзубчатым Нагвалем». Я подпадал под это правило. Сильвио Мануэль сказал, что я подобен птице, возвращенной теплом и заботой других птиц. Все они должны были помочь мне, так же как и я был обязан сделать для них все возможное, хотя и не подходил им.

Ответственность за меня дон Хуан взял на себя, поскольку это он ввел меня в их среду. Но мое присутствие среди них вынудило их максимально выкладываться в поисках ответов на два вопроса: что я среди них делаю и что им в связи с этим нужно делать.

Сильвио Мануэль очень быстро нашел решение, как вывести меня из их среды. Он взял на себя задачу руководить планом, но поскольку у него не было ни терпения, ни желания, чтобы лично

иметь дело со мной, он предоставил дону Хуану действовать вместо него. Целью Сильвио Мануэля было подготовить меня к тому моменту, когда у меня появится курьер, несущий правило, применимое к трехзубчатому Нагвалю. Он сказал, что в его задачу не входит раскрывать эту часть правила. Я должен ждать, пока не придет нужное время, и точно так же должны ждать все остальные. Существовала еще одна серьезная проблема, увеличивавшая путаницу. Она касалась Ла Горды и косвенно меня Ла Горда была принята в партию воинов как южная женщина. Дон Хуан и его воины подтвердили это. Казалось, она принадлежала к той же категории, что и Сесилия, Делия и другие женщины-курьеры. Сходство было неоспоримым. Затем Ла Горда похудела и как бы вдвое уменьшилась. Перемена была столь радикальной и глубокой, что она превратилась во что-то иное.

Долгое время это оставалось незамеченным – просто потому, что остальные воины были слишком заняты моими трудностями, чтобы обращать на нее внимание. Однако ее перемена была настолько разительной, что в конце концов приковала их внимание, и тут они увидели, что она вовсе не является женщиной Юга. Объемы ее тела обманули их предыдущее видение. И тогда они припомнили, что уже с момента появления у них она не смогла близко сойтись с Сесилией, Делией и другими южными женщинами.

С другой стороны, она была просто очарована Нелидой и Флориндой и находилась с ними на короткой ноге, ибо в действительности была подобна им. Это означало, что в моей партии состоят двое северных *сновидящих* – Ла Горда и Роза, что представляло собой грубое нарушение правила.

Дон Хуан и его воины были более чем озадачены. Они поняли случившееся как знак, как указание на то, что ход событий должен принять какой-то непредсказуемый оборот. Поскольку они не могли принять идею того, что человеческая ошибка могла перечеркнуть правило, то решили, будто были вынуждены ошибиться в результате команды свыше, по причинам трудным для понимания, но тем не менее реальным.

Они рассматривали вопрос, что же делать дальше, но прежде, чем кто-либо из них натолкнулся на ответ, истинно южная женщина, донья Соледад, вышла на сцену с такой силой, что проигнорировать это оказалось совершенно невозможно. Она была

сталкером и подпадала под правило.

Ее присутствие на какое-то время сбilo нас с толку, потому что выглядело это так, будто она, развив энергичную деятельность, собирается подтолкнуть нас на другую платформу. Флоринда взяла ее под свою опеку, чтобы проинструктировать в искусстве сталкинга. Но какую бы пользу это не приносило, этого было недостаточно, чтобы пресечь ощущаемую мной странную потерю энергии, опустошенность, которая становилась все глубже и глубже.

Затем однажды Сильвио Мануэль сказал, что в своих *сновидениях* он получил великолепный план. Он оживился и отправился обсуждать его детали с доном Хуаном и другими воинами.

Женщина-нагваль была включена в их число, а я – нет. Это заставило меня заподозрить, что они не хотят, чтобы я узнал, что именно Сильвио Мануэль открыл относительно меня.

Я выложил им свои подозрения. Все расхохотались, за исключением женщины-нагваль, сказавшей, что я прав.

Сновидения Сильвио Мануэля открыли причину моего присутствия среди них, но мне придется покориться своей судьбе, а это значит – не знать существа моей задачи, пока я не буду к этому готов.

В ее тоне была такая непререкаемость, что мне оставалось только безоговорочно принять все, что она сказала. Я думаю, что если бы дон Хуан или Сильвио Мануэль сообщили мне то же самое, я не принял бы этого так легко. Она сказала, что не соглашалась с Сильвио Мануэлем, считая, что меня следует проинформировать об общей цели их действий – хотя бы для того, чтобы избежать ненужных трений и разногласий.

Сильвио Мануэль намеревался подготовить меня к моей задаче, введя меня непосредственно во второе внимание. Он планировал ряд смелых действий, которые должны были обострить мое осознание. В присутствии остальных он сказал, что берет на себя руководство мною и что помещает меня в свою область силы – в ночь. Объяснения, данные им, заключались в том, что в его *сновидениях* ему предстал ряд неделаний. Эти неделания предназначались для меня и Ла Горды как исполнителей и для женщины-нагваль как наблюдателя.

Сильвио Мануэль испытывал благоговейный страх перед женщиной-нагваль и мог говорить о ней только с восхищением. Он

сказал, что она обучается сама собой. Во всем она могла действовать на равных с ним или с любым из воинов Нагваля. Ей не хватало опыта, но она могла манипулировать своим вниманием как пожелает. Он признавался, что ее совершенство представляло для него не меньшую загадку, чем мое присутствие среди них, и что ее чувство цели и убежденность были настолько остры, что я был ей не пара. Поэтому он попросил Ла Горду оказывать мне особую поддержку, чтобы я мог выдержать контакт с женщиной-нагвалем.

Для нашего первого неделания Сильвио Мануэль сконструировал деревянную клетку, достаточно большую, чтобы вместить Ла Горду и меня, если мы сядем спина к спине с поджатыми к подбородку коленями. Клетка имела решетчатую крышку для вентиляции. Мы с Ла Гордой должны были забраться внутрь и сидеть в крошечной тьме и полном молчании, не засыпая. Он начал с того, что запускал нас в ящик на короткое время, а затем, когда мы привыкли к этой процедуре, увеличивал время, пока мы не смогли проводить в ней всю ночь, не двигаясь и не засыпая. Женщина-нагваль оставалась около нас, следя за тем, чтобы мы не сменили уровень осознания из-за усталости. Сильвио Мануэль сказал, что типичной тенденцией в необычных стрессовых ситуациях является смена повышенного осознания на нормальное и наоборот.

Общим эффектом этого неделания было для меня каждый раз ни с чем не сравнимое чувство отдыха, представлявшее для меня полную загадку, ибо мы ни секунды не спали в течение всего ночного бдения. Я связывал это чувство с пребыванием в состоянии необычного осознания, но Сильвио Мануэль сказал, что дело не в этом – чувство отдыха возникает от сидения с поднятыми коленями.

Второе неделание состояло в том, чтобы лечь на землю, свернувшись по-собачьи, почти в зародышевой позе, лежа на левом боку и упираясь лбом в сложенные руки. Сильвио Мануэль настаивал на том, чтобы мы держали глаза закрытыми как можно дольше, открывая их только для того, чтобы по его приказу сменить позу и лечь на правый бок.

Он говорил, что цель этого неделания состоит в том, чтобы позволить нашему слуху отделиться от зрения. Как и в первом случае, он постепенно увеличивал срок такого лежания, пока мы

не смогли проводить так всю ночь в слуховом бодрствовании. После этого Сильвио Мануэль был готов перевести нас в другую сферу деятельности. Он объяснил, что в первых двух неделаниях мы сломали некие барьеры восприятия, пока были прикованы к земле. Сравнив человеческие существа с растениями, он уподобил нас подвижным деревьям, укорененным в земле. Наши корни способны к передвижению, но это не освобождает нас от грунта. Он сказал, что для установления равновесия мы должны выполнить третье неделание, вися в воздухе. Если мы добьемся успеха в том, чтобы направлять свое *намерение*, зависнув в воздухе в подвешенных к дереву кожаных корсетах, то сформируем своим *намерением* треугольник основание которого находится на земле, а вершина – в воздухе. Сильвио Мануэль считал, что мы до такой степени сконцентрировали свое внимание первыми двумя неделаниями, что сможем в совершенстве выполнить третье с самого начала.

Однажды ночью он подвесил меня и Ла Горду в двух отдельных корсетах, напоминающих плетеные стулья. Мы сели в них, и он поднял нас через блок к самым верхним толстым ветвям высокого дерева. Он хотел, чтобы мы обратили внимание на основание дерева, которое, по его словам, будет давать нам сигналы, поскольку мы у него в гостях. Женщину-нагваль он оставил на земле, чтобы она время от времени окликала нас по именам в течение всей ночи.

Занимаясь неделанием в подвешенном виде бесчисленное число раз, мы испытывали могучий поток физических ощущений, подобных слабым разрядам электрических импульсов.

В течение первых трех-четырёх попыток дерево, казалось, сопротивлялось нашему вторжению. Затем, когда это прошло, мы начали ощущать импульсы как сигналы мира и равновесия. Сильвио Мануэль рассказал нам, что основание дерева питается из глубин земли, в то время как осознание подвижных существ – с поверхности. В дереве отсутствует чувство конфликта, тогда как движущиеся существа наполнены им до краев.

Он исходил из того, что наше восприятие испытывает глубокое потрясение, когда мы оказываемся в состоянии покоя в темноте. Ведущее положение при этом занимает слух, но сигналы от всех живущих и существующих тварей могут быть замечены не только при помощи слуха, а и при помощи комбинации слуховых и

зрительных ощущений, расположенных в таком порядке. Он сказал, что в темноте, особенно в подвешенном состоянии, глаза занимают подчиненное положение по отношению к ушам.

Как убедились мы с Ла Гордой, он был абсолютно прав. При помощи третьего неделания Сильвио Мануэль сообщил нашему восприятию окружающего мира третье измерение.

Затем он сказал нам, что следующий комплекс из трех упражнений неделания будет значительно более сложным. Они будут иметь отношение к поведению в ином мире. Обязательное требование здесь состоит в доведении до максимума эффекта упражнений перемещением времени действия на вечерние или предрассветные сумерки. Он рассказывал, что первое неделание второго комплекса включает две стадии. На первой мы должны привести себя в самое обостренное из наших состояний повышенного осознания, чтобы можно было заметить стену тумана. Когда это будет достигнуто, наступит вторая стадия, на которой мы должны заставить стену тумана перестать вращаться для того, чтобы проникнуть в мир между параллельными линиями.

Он предупредил, что его конечной целью является поместить нас во второе внимание без всякой интеллектуальной подготовки. Он хотел, чтобы мы учились его тонкостям без разумного понимания того, что мы делаем. Он исходил из того, что магический олень или магический койот управляют вторым вниманием вообще без интеллекта. Благодаря вынужденной практике путешествий через стену тумана мы рано или поздно подвергаемся стойкому изменению всего нашего существа, изменению, которое заставит нас принять как должное то, что миры между параллельными линиями реальны, потому что они являются частью общего мира, как наше светящееся тело является частью нашего существа.

Сильвио Мануэль сказал также, что использует Ла Горду и меня, чтобы проверить возможность того, сумеем ли мы когда-нибудь помочь другим ученикам, сопровождая их в иной мир, тогда они могли бы сопровождать Нагваля Хуана Матуса и его партию в их последнем путешествии. Он говорил, что поскольку женщина-нагваль должна покинуть этот мир с Нагвалем Хуаном Матусом и его воинами, ученики должны последовать за ней, так как она остается их единственным лидером в отсутствие Нагваль-мужчины. Она сказала мне, что рассчитывает на нас и что именно в этом причина ее наблюдения за нашей работой.

Сильвио Мануэль усадил меня и Ла Горду на пол в задней половине его дома, там, где мы выполняли все предыдущие неделания. Нам не понадобилась помощь дона Хуана, чтобы войти в самое обостренное состояние осознания. Почти сразу я увидел стену тумана. Ла Горда тоже. Однако как мы ни пытались, остановить ось вращения не могли. Каждый раз, когда я поворачивал голову, стена тумана повторяла движение в этом направлении.

Женщина-нагваль могла остановить ее и пройти на ту сторону, но она была не в состоянии протащить за собой нас двоих. В конце концов дон Хуан и Сильвио Мануэль должны были остановить стену для нас и физически протолкнуть сквозь нее. Ощущение, которое я испытал, входя в эту стену, сравнимо с тем, как если бы мое тело скручивали, как волокна веревки.

На другой стороне находилась ужасная пустыня с небольшими круглыми песчаными дюнами. Над нами висели низкие желтые облака, но ни неба, ни горизонта видно не было. Ключья бледно-желтого тумана ограничивали видимость. Ходить было очень трудно. Давление, казалось, намного превосходило то, к которому привыкло мое тело. Мы с Ла Гордой шли в никуда, но женщина-нагваль, казалось, знала, куда она идет. Чем дальше мы отходили от стены тумана, тем темнее становилось и тем труднее было двигаться. Мы с Ла Гордой больше не могли идти выпрямившись. Мы были вынуждены ползти. Мы выбились из сил. Женщине-нагваль пришлось тащить нас волоком назад к стене и затем вытаскивать оттуда.

Мы повторили это путешествие бесчисленное множество раз. На первых порах дон Хуан и Сильвио Мануэль помогали нам, останавливая стену тумана, но затем Ла Горда и я добились в этом едва ли не такого же мастерства, как женщина-нагваль. Мы научились останавливать стену тумана, и произошло это для нас совершенно естественно. Что касается меня, то однажды я сообразил, что ключом является мое *намерение*, особый аспект моего *намерения*, ибо это не было волевым действием, насколько я его знаю. Это было интенсивное желание, фокусировавшееся в центре моего тела, своеобразная нервность, от которой по телу пробегала дрожь, превращавшаяся затем в силу, которая стену не остановила, но заставила какую-то часть моего тела непроизвольно повернуться на 90 градусов вправо. В результате на мгновение у

меня стало два поля зрения. Я видел мир, разделенный надвое стеной тумана, и в то же время я смотрел прямо на толщу желтоватого испарения. Последнее поле зрения взяло верх, и что-то толкнуло меня в туман и сквозь него.

Кроме этого, мы научились смотреть на окружающую местность как на действительность. Наши путешествия приобрели для нас такую же реальность, как экскурсии в горы или морская прогулка на яхте. Пустынная равнина с подобными песчаным дюнам буграми стала такой же реальной, как и любая другая часть мира. У нас с Ла Гордой было такое ощущение, будто мы провели между параллельными линиями уже целую вечность, однако мы не могли припомнить, что же с нами там происходило. Вспоминались только ужасающие моменты, когда нам надо было возвращаться в мир повседневной жизни. Это всегда были мгновения страшной тревоги и неуверенности.

Дон Хуан и его воины с большим любопытством следили за нашими потугами. Единственным, кто не соприкасался с нашей деятельностью, был Элихио. Хотя он и сам был несравненным воином, он не принимал участия в нашей борьбе и не помогал нам. Ла Горда сказала, что Элихио удалось прикрепиться к Эмилито и, таким образом, непосредственно к Нагвалю Хуану Матусу. Его никогда не беспокоили наши проблемы, так что войти во второе внимание и путешествовать там для него было все равно что глазом моргнуть.

Ла Горда напомнила мне день, когда необычайные таланты Элихио позволили ему обнаружить, что я не их человек, задолго до того, как кто-нибудь хотя бы заподозрил истину.

Я сидел на заднем крыльце дома Висенте в северной Мексике, когда внезапно появились Эмилито и Элихио. Все принимали как должное, что Эмилито должен был исчезать на длительное время. Когда же он вновь появлялся, то каждый опять-таки считал само собой разумеющимся, что он вернулся из путешествия. Никто не задавал ему никаких вопросов. Он докладывал о своих находках сначала дону Хуану, а затем любому, кто хотел его послушать. В тот день все выглядело так, будто Эмилито и Элихио только что вошли через черный ход. Эмилито, как всегда, кипел. Элихио, как обычно, хранил спокойствие и бесстрастность. Я всегда думал, когда видел их вместе, что утонченность личности Эмилито подавляла Элихио и делала его еще более замкнутым.

Эмилито прошел вглубь дома, разыскивая дона Хуана, а Элихио приветствовал меня. Он положил руку мне на плечо и прошептал, что сломал оболочку параллельных линий и теперь может ходить в такое место, которое Эмилито называл великолепием.

Элихио начал мне что-то объяснять насчет этого великолепия, но я никак не мог его понять. Казалось, мой ум способен фокусироваться только на периферии этого события. Окончив свои объяснения, Элихио взял меня за руку и поставил посреди дворика так, чтобы я смотрел на небо со слегка поднятым подбородком. Он стоял справа от меня в той же позе. Он велел мне расслабиться и падать назад под тяжестью моей макушки. Что-то схватило меня сзади и потянуло вниз. Позади была пропасть. А затем я внезапно оказался в пустынной равнине с дюноподобными холмами.

Элихио хотел, чтобы я следовал за ним. Он сказал, что край великолепия находится за холмами. Я шел с ним, пока не устал так, что больше не мог идти. Он бежал впереди меня безо всяких усилий, как если бы он был невесомым. Остановившись на вершине большого холма, он указал на него, затем сбежал вниз и попросил меня заползти на этот холм, за которым, по его словам, находился край великолепия. Он был, пожалуй, не дальше полуметра от меня, но я не мог продвинуться ни на сантиметр. Он пытался затащить меня на холм, но не мог даже сдвинуть с места. Мой вес, казалось, увеличился в сотни раз. В конце концов Элихио пришлось позвать дона Хуана и его партию. Сесилия подняла меня на плечи и вынесла оттуда.

Ла Горда сказала, что Эмилито подтолкнул Элихио к таким действиям со мной. Эмилито действовал в соответствии с правилом – правило требовало, чтобы он показал мне его. Я мог припомнить, с каким нетерпением и страстью Элихио предпринимал последние усилия, чтобы я смог стать свидетелем великолепия. Я припоминал также его печаль и разочарование, когда ему это не удалось. После этого он никогда со мной не заговаривал.

Мы с Ла Гордой так увлеклись своими путешествиями за стену тумана, что совсем забыли о следующей серии неделаний Сильвио Мануэля, ожидавшей нас. Он сказал, что это неделание может быть опустошительным и что оно состоит из пересечения параллельных линий с Хенарос и сестричками прямо к входу в мир полного осознания. Он не включил донью Соледад, потому что его

неделания предназначались для *сновидящих*, а она была сталкером. Сильвио Мануэль добавил, что ждет от нас, чтобы мы познакомились с третьим вниманием после того, как он вновь и вновь будет помещать нас к подножию Орла. Приготовив нас к потрясению, он объяснил, что путешествия воина в пустынную равнину с дюнами являются подготовительными, как бы первым шагом для действительного пересечения границ. Чтобы проходить за стену тумана, находясь в состоянии повышенного осознания, требует небольшая часть нашего полного осознания, тогда как для того, чтобы телесно перейти в иной мир, нужно все наше существо полностью. Сильвио Мануэль решил использовать мост как символ настоящего пересечения. Он говорил, что мост находится рядом с местом силы, а место силы является расщелинами, проходящими в иной мир. Он считал, что мы с Ла Гордой получили достаточно силы, чтобы выдержать взгляд Орла. Он заявил, что моим личным долгом является собрать этих трех женщин и трех мужчин и помочь им войти в самое обостренное состояние осознания. Это самое малое, что я мог для них сделать, поскольку я, возможно, и являюсь тем фактором, который сводит на нет их шансы на свободу.

Он перенес время нашего действия на предрассветный час, на утренние сумерки. Я старательно пытался заставить их сместить уровни осознания, как это делал со мной дон Хуан. Поскольку я не имел представления, как управлять их телами, или о том, что в действительности должен с ними сделать, то кончил тем, что начал лупить их по спине. После нескольких убийственных попыток наконец вмешался дон Хуан. Он подготовил их, насколько это вообще было возможно, и передал их мне, чтобы я загонял их, как коров, на мост. Моя обязанность состояла в том, чтобы переводить их через мост одного за другим. Место силы находилось южнее нас – очень благоприятный знак. Сильвио Мануэль планировал перейти первым, подождать, пока я передам их ему, а затем толкнуть нас всей группой в неведомое.

Сильвио Мануэль прошел через мост в сопровождении Элихио, который даже не взглянул на меня. Я удерживал шестерых учеников тесной группой на северной стороне моста. Они были перепуганы, вырвались из моей хватки и бросились врассыпную в разные стороны. Мне удалось одна за другой поймать троих женщин и передать их Сильвио Мануэлю. Он удерживал их у

входа в трещину между мирами. Трех мужчин поймать не удалось. Гоняясь за ними, я смертельно устал и посмотрел через мост на дона Хуана, спрашивая совета. Он, вся его партия и женщина-нагваль стояли тесной группой, глядя на меня. Они подбадривали меня жестами, чтобы я и дальше гонялся за мужчинами, смеясь над моими неуклюжими действиями. Дон Хуан сделал мне знак головой, чтобы я перестал обращать внимание на мужчин и переходил к Сильвио Мануэлю и Ла Горде. Мы перешли. Сильвио Мануэль и Элихио, казалось, удерживали стороны вертикальных створок в человеческий рост. Женщины побежали и спрятались позади Ла Горды. Сильвио Мануэль велел всем нам шагнуть в отверстие.

Я повиновался, женщины – нет. За входом ничего не было. Тем не менее все там было до краев заполнено этим ничто. Мои глаза были открыты, все чувства предельно обострены. Я напрягался, пытаюсь что-либо увидеть, но передо мной ничего не было, а если и было, то я не мог его различить. Мои чувства не были привычно разделены. Все пришло ко мне сразу, или же это ничто пришло ко мне в такой степени, как никогда раньше или позже. Я почувствовал, как все мое тело разрывается на части. Какая-то часть из середины меня рвалась наружу. Я разрывался, и отнюдь не в переносном смысле. Внезапно я почувствовал, как человеческая рука выхватила меня оттуда прежде, чем я распался. Женщина-нагваль прошла туда и спасла меня. Элихио не мог двинуться, потому что он удерживал створки входа, а Сильвио Мануэль держал за волосы четверых женщин, по две в каждой руке, готовясь швырнуть их туда.

Я полагал, что все это должно было длиться с четверть часа, но в то время мне ни разу не пришло в голову подумать о людях на мосту. Время, казалось, каким-то образом остановилось, точно так же, как оно остановилось, когда мы вернулись на этот мост по пути в Мехико.

Сильвио Мануэль сказал что хотя попытка и оказалась неудачной, она тем не менее привела к полному успеху, ибо испытанное мной было истинным чувством смерти.

– В смерти нет ничего величественного и спокойного, – сказал он, – потому что только после умирания и начинается настоящий ужас. С той же неизмеримой силой, которую ты испытал. Орел вытянет из тебя последнюю искру осознания, какую ты когда-либо

имел.

Сильвио Мануэль подготовил меня и Ла Горду к очередной попытке. Он объяснил, что места силы в действительности являлись своеобразными отверстиями в оболочке, не дающей миру потерять свою форму- Место силы может быть использовано так долго, пока человеку хватает силы, собранной во втором внимании. Он сказал, что ключом к тому, чтобы выстоять в присутствии Орла, является сила собственного *намерения*. Без *намерения* нет ничего. Он сказал мне, поскольку я был единственным, кто входил в иной мир, что меня там чуть не убила моя неспособность изменить свое *намерение*. Он был уверен, однако, что путем напряженных тренировок все мы придем к тому, что сможем удлинить свое *намерение*. Однако он не мог объяснить, чем же все-таки это *намерение* является. Он пошутил, что только Нагваль Хуан Матус мог бы объяснить это, но его-то как раз и нет поблизости.

К сожалению, наша вторая попытка не состоялась, потому что я остался без энергии. Произошла скоропостижная и опустошительная потеря жизненных сил. Внезапно я так ослабел, что потерял сознание в доме Сильвио Мануэля.

Я спросил у Ла Горды, знает ли она, что произошло потом, так как сам я представления об этом не имел. Ла Горда сказала, что Сильвио Мануэль сообщил всем присутствующим, что Орел отделил меня от их группы и что я наконец-то готов к тому, чтобы меня подготовили к исполнению предначертанного мне судьбой. В его планы входило взять меня в мир между двумя параллельными линиями, пока я нахожусь без сознания, и позволить иному миру выносить из моего тела всю оставшуюся и бесполезную энергию. Его идея имела смысл, по мнению всех компаньонов, потому что, согласно правилу, туда можно входить только с осознанием. Войти туда без него означало смерть, поскольку при отсутствии осознания жизненная сила растрачивается из-за воздействия иного мира.

Ла Горда добавила, что они не брали ее вместе со мной. Однако Нагваль рассказывал ей, что после, того, как я остался без жизненной энергии, практически мертвым, все они по очереди вдохнули в мое тело новую энергию. В том мире любой, кто обладает жизненной силой, может отдавать ее другим, дуя на них. Они прикладывали дыхание ко всем точкам, где находятся

хранилища энергии. Первым дул Сильвио Мануэль, затем женщина-нагваль. Оставшаяся часть меня была восстановлена всеми членами партии Нагваля.

После того, как они вдули в меня свою энергию, женщина-нагваль вынесла меня из тумана в дом Сильвио Мануэля. Она положила меня головой к юго-востоку. Ла Горда сказала, что выглядел я мертвецом. Она, Хенарос и три сестрички были там же. Женщина-нагваль объяснила им, что я заболел, но когда-нибудь вернусь, чтобы помочь им отыскать их свободу, потому что я не буду свободен сам, пока не сделаю этого. Затем Сильвио Мануэль дал мне свое дыхание и вернул к жизни. Вот почему она и сестрички запомнили, что он – мой хозяин. Он отнес меня в постель и уложил спать, как будто ничего не случилось. По пробуждении я уехал и не вернулся. Дальше она забыла, потому что никто больше не переводил ее на левую сторону. Она уехала жить в тот город, где я нашел ее вместе с остальными. Нагваль Хуан Матус и Хенаро образовали два дома. Хенаро заботился о мужчинах, Нагваль Хуан Матус – о женщинах.

Я отправился спать, чувствуя себя подавленным и слабым. Когда я проснулся, я отлично контролировал себя, был оживленным, полным необычной и незнакомой энергии. Мое прекрасное самочувствие было омрачено только словами дона Хуана о том, что я должен покинуть Ла Горду и стремиться в одиночку совершенствовать свое внимание, вплоть до того дня, когда я смогу вернуться, чтобы помочь ей. Он сказал мне также, чтобы я не боялся и не отчаивался, потому что носитель правила со временем покажется мне для того, чтобы раскрыть мою истинную задачу.

После этого дня я не видел дона Хуана очень долго. Когда я вернулся, он продолжал перемещать меня из правого осознания в левое, преследуя две цели. Во-первых, чтобы я мог продолжать свои отношения с воинами его партии и женщиной-нагваль, во-вторых, чтобы он мог поместить меня под непосредственное наблюдение Зулейки, с которой я постоянно взаимодействовал в течение всех оставшихся лет моей связи с доном Хуаном.

Он говорил мне, что причина, по которой он поручает меня Зулейке, состоит в том, что по искуснейшему плану Сильвио Мануэля я должен был получить два рода инструкций – один для правой стороны, а второй – для левой. Инструкции для правой

стороны относились к нормальному состоянию осознания и были направлены на то, чтобы привести меня к интеллектуальному убеждению, что у человеческих существ имеется другой, скрытый тип осознания. Ответственным за этот инструктаж был дон Хуан. Инструктаж для левой стороны был поручен Зулейке. Он был связан с состоянием повышенного осознания и касался исключительно обращения со вторым вниманием. Таким образом, каждый раз, когда я приезжал в Мексику, половину своего времени я проводил с Зулейкой, а другую половину – с доном Хуаном.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 13

Тонкости искусства сновидения

Решение задачи введения меня во второе внимание дон Хуан начал с уведомления о том, что я уже имею большой опыт по вхождению в это состояние. Сильвио Мануэль подвел меня к самому входу.

Единственным упущением было то, что мне не дали соответствующих рациональных объяснений. Воинам-мужчинам нужно раскрывать серьезные причины, прежде чем они рискнут отправиться в неизвестное. Воины-женщины не подвержены этому и могут идти без всяких колебаний, при условии, что они полностью доверяют тому, кто их ведет.

Он сказал, что начать я должен с освоения тонкостей *сновидения*. После этого он поместит меня под наблюдение Зулейки. Он предупредил меня о необходимости быть безупречным и обязательно практиковать все, чему я научусь, а самое главное – быть целенаправленным и осторожным в поступках, чтобы не растратить понапрасну свою жизненную силу. Он сказал, что предварительным требованием для вхождения в любую из трех стадий внимания является обладание жизненной силой, потому что без нее воин не может иметь ни направления, ни цели. Он объяснил, что сразу после смерти осознание обычного человека тоже входит в третье внимание, но только на мгновение, для очищения перед тем, как Орел поглотит его.

Ла Горда сказала, что Нагваль заставил каждого из учеников научиться *сновидению*. Она считала, что нам всем эта задача была дана одновременно. Инструктаж каждого так же делился на правый и левый. Далее она сообщила, что инструкции для нормального осознания давали Нагваль и Хенаро. Когда они решили, что ученики готовы, Нагваль заставил их изменить осознание на повышенное и оставил каждого с соответствующим напарником. Висенте учил Нестора, Сильвио Мануэль – Бениньо, Хенаро – Паблито, Эрмелинда – Лидию, Нелида – Розу.

Ла Горда добавила, что Хосефина и она сама были поручены заботам Зулейки для того, чтобы они когда-нибудь смогли вместе

прийти мне на помощь.

Более того, Ла Горда сделала собственное заключение, что мужчин отдавали на обучение также и Флоринде, чтобы они постигали искусство сталкинга. Доказательством этого была разительная перемена в их поведении. Она сказала, что знала еще раньше, чем вспомнила, что и ее обучали принципам искусства сталкинга, но как-то поверхностно. Ее не готовили для практики, в то время как мужчинам давали практические задачи и знания. Это доказывала перемена в их поведении. Они стали беззаботными и веселыми, наслаждались жизнью, в то время как она и другие женщины из-за своих занятий *сновидением* становились все более мрачными и хмурыми.

Ла Горда считала, что мужчины не могли вспомнить свой инструктаж, когда я попросил их рассказать о том, что они знают об искусстве сталкинга, потому что, применяя его, они толком не знали, что именно делают. Их тренированность, однако, бросалась в глаза, когда они общались с людьми. Они были прекрасными актерами, когда требовалось склонить людей к своему желанию. Благодаря своей практике сталкинга они также научились контролируемой глупости. Например, они вели себя так, как если бы Соледад была матерью Паблито. Любому наблюдателю они показались бы матерью и сыном, очень жалеющими друг друга, тогда как они просто играли эти роли. Они убедили всех. Иногда Паблито давал такие представления, что мог бы убедить самого себя.

Ла Горда призналась, что они были сбиты с толку моим поведением. Они не знали, то ли я сошел с ума, то ли являюсь мастером контролируемой глупости. Внешне по моему поведению казалось, будто я поверил в их маскарад. Соледад сказала, чтобы они не поддавались на эту удочку, потому что я действительно сумасшедший. Внешне кажется, будто я контролирую себя, но на самом деле я до такой степени идиот, что не могу вести себя как Нагваль. Она уговорила каждую из женщин нанести мне смертельный удар. Она добавила, что я сам просил ее об этом однажды, когда был в своем уме.

Ла Горда сказала, что ей потребовалось несколько лет, чтобы под руководством Зулейки научиться *сновидению*. Когда Нагваль Хуан Матус решил, что она достигла мастерства, он, наконец, свел ее с настоящей напарницей, Нелидой. Именно Нелида показала ей, как

вести себя в мире людей. Она не только заботилась о том, чтобы Ла Горда естественно чувствовала себя в западной одежде, но и прививала ей хороший вкус. Таким образом, когда она надела свою одежду в Оахаке и изумила меня своей грацией и очарованием, она была уже опытна в таких превращениях.

В качестве гида Зулейка была очень эффективна, проводя меня ко второму вниманию. Она настояла на том, чтобы наши взаимодействия проводились только ночью, в темноте. Для меня Зулейка была только голосом во мгле – голосом, начинавшим все наши контакты с приказанием мне фокусировать внимание на звучащих словах и ни на чем больше. Ее голос и был тем женским голосом, который, как думала Ла Горда, она слышала в *сновидениях*. Зулейка говорила мне, что если *сновидение* должно проводиться в закрытом помещении, то лучше всего осуществлять его в полной темноте, сидя или лежа на узкой кровати или, еще лучше, сидя в ящике, напоминающем гроб.

Она считала, что все *сновидения* вне помещений должны проводиться под защитой пещеры в песчаных районах у источников, но никогда не на плоских равнинах рядом с реками, озерами морем, потому что плоские равнины, как и вода, противопоказаны второму вниманию.

Каждый из моих сеансов с ней был полон мистических обертонов. Она говорила, что кратчайший путь ко второму вниманию лежит через ритуальные действия, монотонное пение, сложные повторяющиеся движения.

Ее учение не затрагивало предварительных ступеней *сновидения*, которым меня обучил дон Хуан. Она исходила из того, что каждый, кто к ней приходит, уже знает, как делать *сновидение*, потому что оно касалось исключительно эзотерических моментов левостороннего осознания.

Инструкции Зулейки начались в тот день, когда дон Хуан привел меня в ее дом. Мы приехали туда вечером. Дом казался пустым, хотя когда мы приблизились, входная дверь открылась. Я ожидал появления Зойлы или Марты, но в дверях никого не было. У меня было ощущение, что открывший дверь сразу же убрался с нашей дороги. Дон Хуан повел меня на крытую веранду и посадил на ящик, к которому была приделана спинка, превратившая его в подобие стула. Сидеть на ящике было очень жестко и неудобно. Я опустил руку под тонкую ткань, покрывавшую ящик, и обнаружил

там острые камни. Дон Хуан сказал мне, что моя ситуация необычна, потому что я был вынужден изучать тонкости *сновидения* в спешке. Сидение на жесткой поверхности должно было напомнить моему телу, что оно находится в нормальной ситуации. За несколько минут до прибытия к дому дон Хуан изменил уровень моего осознания. Он сказал, что инструкции Зулейки должны проводиться в таком, состоянии для того, чтобы я имел нужную им скорость. Он предупредил меня, чтобы я полностью расслабился и доверился Зулейке. Затем он приказал, чтобы я сфокусировал взгляд с максимальной концентрацией, на какую только способен, и запомнил детали веранды, находящиеся в поле моего зрения. Он настаивал, чтобы я запомнил и такую деталь, как ощущение моего сидения здесь. Чтобы удостовериться, что я все понял, он еще раз повторил свои инструкции, а затем ушел.

Скоро стало совсем темно, и, сидя там, я начал сильно дрожать. У меня было достаточно времени, чтобы сконцентрироваться на деталях веранды. Я услышал какой-то шуршащий звук позади себя, а затем голос Зулейки заставил меня вздрогнуть. Громким шепотом она сказала, чтобы я поднялся и следовал за ней.

Автоматически я повиновался. Лица ее я видеть не мог. Она была только темной фигурой, идущей в двух шагах впереди меня. Она привела меня к алькову в самом темном зале ее дома. Хотя мои глаза привыкли к темноте, я все еще не мог что-либо различить. Я споткнулся обо что-то, и она приказала мне сесть внутри узкого корыта и опереться спиной на что-то, что я принял за жесткую подушку.

Вслед за тем я ощутил, что она отошла на несколько шагов сзади меня, что меня крайне озадачило, потому что я думал, что моя спина находится лишь в нескольких сантиметрах от стены.

Находясь за мной, она мягким голосом приказала мне сфокусировать внимание на ее словах и позволить им вести меня. Она сказала, чтобы я держал их открытыми и фиксированными на точке, находившейся прямо передо мной на уровне глаз, добавив, что эта точка превратится в очень приятный и яркий оранжево-красный свет.

Речь Зулейки лилась плавно и монотонно. Я слышал каждое сказанное ею слово. Темнота вокруг меня, казалось, активно подавляла любые отвлекающие внешние факторы. Я слушал слова

Зулейки в вакууме, а затем до меня дошло, что внутри меня царит такая же тишина, как и в зале.

Зулейка объяснила, что *сновидящий* должен начинать с точки цвета; интенсивный же свет или ничем не нарушаемая темнота на первых порах бесполезны. Прекрасными отправными точками являются такие цвета, как пурпурный, светло-зеленый или насыщенно-желтый. Сама она, однако, отдавала предпочтение оранжево-красному цвету, дававшему ей максимальное ощущение покоя. Она заверила меня, что как только я научусь входить в оранжево-красный цвет, я смогу постоянно вызывать свое второе внимание, при условии, что окажусь в состоянии осознавать последовательность физических событий.

Мне потребовалось несколько сеансов с голосом Зулейки, чтобы мое тело поняло, чего она от меня хочет. Преимущество пребывания в состоянии повышенного осознания состояло в том, что я мог следить за своим переходом из состояния бодрствования в состояние *сновидения*. В нормальных условиях этот переход замутнен, но в этих особых обстоятельствах я действительно ощутил во время одного из сеансов, как берется под контроль мое второе внимание.

Первым шагом была необычайная затрудненность внимания. Не то чтобы мне было трудно вдыхать и выдыхать, и не то чтобы мне не хватало воздуха – просто мое дыхание внезапно изменило ритм. Моя диафрагма начала сокращаться и вынудила среднюю часть живота двигаться с большой скоростью. В результате получилось самое учащенное дыхание, какое я знал. Я дышал нижней частью легких и ощущал сильное давление на кишечник. Безуспешно пытался я прервать судорожные сокращения диафрагмы. Чем больше я старался, тем меньше из этого было проку. Зулейка приказала мне позволить моему телу делать все, что нужно, и даже не думать о том, чтобы направлять или контролировать его. Я хотел послушаться, но не знал, как. Спазмы, длившиеся минут по десять – пятнадцать, внезапно сменились другим странным, потрясающим ощущением. Я ощутил его вначале как очень странную щекотку, как физическое чувство, которое нельзя было назвать ни приятным, ни неприятным – это походило на нервную дрожь. Дрожь стала настолько интенсивной, что заставила меня сфокусировать на ней свое внимание, чтобы определить, в какой части тела она имеет место. Я был поражен, когда понял, что она

отсутствует в моем физическом теле, находясь снаружи его, но тем не менее я ее чувствовал.

Не слушая приказа Зулейки войти в окрашенное пятно, образовавшееся на уровне моих глаз, я полностью отдался исследованию этого странного ощущения, находящегося вне моего тела. Зулейка, должно быть, увидела, что со мной происходит. Она внезапно начала объяснять мне, что второе внимание принадлежит светящемуся телу, также как первое – телу физическому. Точка, в которой собирается второе внимание, расположена как раз там, где указал Хуан Тума при нашей первой встрече, – приблизительно в полутора футах перед серединной точкой между желудком и пупком в десяти сантиметрах правее.

Зулейка приказала мне массировать это место, двигая пальцами обеих рук по этой точке, как будто я играю на лютне. Она заверила меня, что рано или поздно я почувствую, как мои пальцы проходят через что-то плотное, подобное воде, и как в конце концов я нащупаю свою светящуюся оболочку.

Двигая пальцами, я ощутил, как воздух становится все плотнее и превращается в какую-то густую массу. Неопределенное физическое наслаждение растеклось по телу, и я подумал, что прикасаюсь к нерву своего тела, но тут же понял абсурдность и этой мысли, и всего происходящего. Я остановился.

Зулейка предупредила меня, что если я не буду двигать пальцами, она ударит меня по голове. Чем дольше я продолжал волнообразные движения, тем ближе к телу ощущал почесывание. В конце концов оно оказалось в двенадцати – пятнадцати сантиметрах от моего тела. Как будто что-то во мне осело. Мне действительно казалось, что я могу чувствовать впадину. Затем последовало еще одно неземное ощущение. Я засыпал и тем не менее находился в полном осознании. В ушах у меня зазвенело, а затем я почувствовал, как какая-то сила опрокинула меня на левый бок, не разбудив. Эта же сила скатала меня очень туго, как сигару, и вмяла внутрь щекочущего углубления.

Я вспомнил, что однажды увидел и пнул углубление в светящейся оболочке Лидии и Розы. Я думал, что впадина находилась на высоте верхней наружной части их правого бедра. Ла Горда объяснила, что тогда я пнул в углубление их второго внимания и что я чуть не убил их.

По словам Ла Горды, она с Хосефиной в течение нескольких

месяцев жила в доме Зулейки. Нагваль Хуан Матус однажды передал их ей, после того, как сменил уровни их осознания. Он не говорил им, что они будут там делать и чего ожидать, а просто оставил их одних в гостиной ее дома и ушел. Они сидели там, пока не стемнело. Тогда к ним пришла Зулейка. Они никогда не видели ее, только слышали ее голос, как будто она говорила с ними из какой-то точки на стене.

Зулейка была очень требовательна с того момента, как приняла руководство. Она приказала им раздеться и залезть в толстые ватные пушистые мешки, лежащие на полу. Эти мешки покрывали их от кончиков пальцев на ногах до шеи. Затем она велела им сесть на циновки спиной к спине, в том же алькове, где обычно сидел и я. Она сказала им, что их задача – глядеть в темноту, пока та не начнет окрашиваться. После многих сеансов они действительно начали видеть в темноте цвета. С этого момента Зулейка заставляла их день ото дня сидеть бок о бок и смотреть в одну точку.

Ла Горда сказала, что Хосефина училась очень быстро. Однажды ночью она вошла в оранжево-красное пятно, физически исчезнув из мешка. Ла Горда думала, что или Хосефина дотянулась до пятна света, или оно дотянулось до нее. В результате Хосефина мгновенно исчезла. С этого момента Зулейка разделила их, и Ла Горда начала свое медленное обучение в одиночестве.

Рассказ Ла Горды напомнил мне, что Зулейка и меня заставляла влезать в пушистые одеяния. Команды, которые она применяла, чтобы заставить меня забраться внутрь, открыли мне разумность такого использования мешка. Она говорила, чтобы я почувствовал его пушистость своей кожей, особенно кожей икр. Она вновь и вновь повторяла, что человеческие существа имеют великолепный чувствительный центр на наружной стороне икр, и если кожу на этом месте заставить расслабиться или нежно погладить ее, то объем нашего восприятия увеличивается намного больше, чем это было бы достижимо при помощи рассудка. Мешок был мягким и теплым и производил впечатление необычайно приятного расслабления в ногах. Активность нервных окончаний в моих икрах существенно повысилась.

Ла Горда рассказала о таких же ощущениях физического удовольствия. Она даже добавила, что сила такого мешка помогла ей найти пятно оранжево-красного цвета. Это одеяние произвело

на нее такое впечатление, что она сшила такой же мешок, но его эффект был гораздо ниже, хотя и ее самоделка давала ей блаженное спокойствие и хорошее самочувствие. Она сказала, что они с Хосефиной все свое свободное время проводили, как правило, в таких мешках, сшитых ею им обоим.

Лидию и Розу тоже помещали в такое одеяние, но оно им никогда не нравилось. Точно так же, как и мне.

Ла Горда сказала, что привязанность ее и Хосефины к таким мешкам была прямым следствием того, что они нашли свой цвет, находясь внутри мешков. По ее мнению, причина моего безразличия к нему состояла в том, что я вообще не входил в цветовую точку – скорее, она приходила ко мне. Она была права. Что-то еще помимо голоса Зулейки определяло исход этой подготовительной фазы. По всем данным, Зулейка вела меня по тому же пути, что и Ла Горду с Хосефиной. В течение многих сеансов я смотрел в темноту и был готов визуализировать цветковое пятно. Я даже был свидетелем всей метаморфозы от однородной темноты до четко очерченного пятна интенсивной яркости. А затем меня уносило в сторону появления щекотки, на которой я вынужденно фокусировал внимание, пока не входил в фазу спокойного бодрствования. Именно тогда я впервые погрузился в оранжево-красное пятно.

После того, как я научился оставаться в промежуточном состоянии между бодрствованием и сном, Зулейка, казалось, ослабила свой напор. Я даже решил, что она не торопится выводить меня из этого состояния. Она оставляла меня в нем, не вмешиваясь, и никогда не спрашивала меня о нем, возможно потому, что ее голос предназначался только для руководящих указаний, а не для вопросов. Мы действительно никогда не общались, по крайней мере не общались так, как я беседовал с доном Хуаном.

Находясь в состоянии спокойного бодрствования, я однажды понял, что мне бесполезно оставаться там, поскольку ограничения были очевидными. Затем я почувствовал дрожь в теле и открыл глаза, вернее, мои глаза открылись сами. На меня смотрела Зулейка. Я испытал момент замешательства. Я думал, что проснулся, и вовсе не ожидал увидеть Зулейку во плоти, ибо привык слышать только ее голос. Меня удивило также, что ночь прошла. Я огляделся вокруг. Мы находились не в доме Зулейки. Тут до меня внезапно дошло, что я был в *сновидении*, в нем же и

проснулся.

После этого Зулейка принялась за другую часть своего учения.

Она начала учить меня двигаться. Прежде всего она скомандовала, чтобы я поместил свое осознание в среднюю точку тела; у меня эта точка находилась ниже среднего края пупка. Она сказала, чтобы я подметал им пол, то есть делал качающиеся движения, как если бы к животу была прикреплена метла. В течение бесчисленных сеансов я пытался выполнить то, что приказывал мне ее голос. Она не позволяла мне погружаться в состояние спокойного бодрствования, ее *намерением* было привести меня к ясному восприятию подметания пола своей средней точкой, пока я нахожусь не в *сновидении*. Она сказала, что пребывание на левой стороне осознания – достаточное преимущество для того, чтобы хорошо выполнять это упражнение.

Однажды, по непонятной для меня причине, мне удалось почувствовать смутное ощущение в области живота. Это не было чем-то определенным, а когда я сфокусировал на этом свое внимание, то понял, что это мягкое покалывание имеет место не точно в моем животе, а чуть повыше его. Чем внимательнее я это исследовал, тем больше деталей замечал.

Расплывчатость ощущений вскоре сменилась определенностью.

Между нервозностью и покалыванием, с одной стороны, и солнечным сплетением и правой икрой, с другой стороны, существовала странная связь.

Когда это ощущение стало более острым, я непроизвольно прижал правое колено к груди. Таким образом, эти две точки сблизились настолько, насколько позволяла анатомия. Секунду меня трясло от необычайной нервозности, а затем я ясно почувствовал, что подметаю пол своей средней точкой. Это было тактильное ощущение, которое возвращалось вновь и вновь, как только я начинал раскачивать свое тело в сидячем положении.

Во время следующего сеанса Зулейка позволила мне войти в состояние спокойного бодрствования. На этот раз оно было не совсем таким, как обычно. Во мне, казалось, присутствовал своего рода контроль, мешавший мне свободно наслаждаться этим состоянием, что я делал прежде, – контроль, заставивший меня сосредоточиться на шагах, предпринятых мною для того, чтобы в это состояние войти. Сначала я ощутил щекотку в точке своего второго внимания на моей светящейся оболочке. Я промассировал

эту точку, двигая пальцами так, будто играю на лютне, и точка опустилась к моему животу.

Я ощущал это как прикосновение рук к своей коже. Затем я ощутил мягкое покалывание на наружной части икры. Это была смесь удовольствия и боли. Ощущение распространилось по всей ноге, а затем по нижней части спины. Я чувствовал, как дрожат мои ягодицы. Все тело было охвачено нервной дрожью. Мне казалось, что мой лоб и кончики пальцев на ногах вошли в соприкосновение. Я был похож на подкову со сведенными вместе концами. Затем я почувствовал, что меня как бы сложили вдвое и закатали в простыню. Нервные спазмы как бы заставляли простыню скатываться в рулон, со мной в его середине. Когда закатывание закончилось, я уже больше не мог ощущать своего тела. Я превратился в простое аморфное осознание, нервный спазм, обернутый вокруг себя. Осознание успокоилось в нише внутри самого себя.

Тут я понял невозможность описать все то, что происходит в *сновидении*. Зулейка сказала, что правая и левая стороны осознания сворачиваются вместе. И то, и другое успокаивается в едином клубке, вдавленном в центр второго внимания. Для того, чтобы совершить *сновидение*, нужно манипулировать как светящимся, так и физическим телом. Во-первых, центр концентрации второго внимания должен быть сделан доступным благодаря тому, что он будет вдавлен кем-то снаружи или втянут самим *сновидящим*. Во-вторых, для того, чтобы отделить первое внимание от второго, центры физического тела, расположенные в средней точке и в икрах, должны быть активизированы и сдвинуты как можно ближе один к другому, пока не окажутся слитыми. Тогда возникает ощущение скатанности в клубок, и автоматически верх берет второе внимание.

Объяснения Зулейки, дававшиеся в виде команд, были наиболее подходящими для описания происходящего, потому что ни одно из сенсорных ощущений, имеющих место в *сновидении*, не является частью нашего нормального опыта сенсорных ощущений. Все они приводили меня в замешательство. Источник щекочущего, покалывающего ощущения был локализован, поэтому беспокойство от его чувствования было минимальным. С другой стороны, ощущение накручивания на самого себя было гораздо более беспокоящим. Сюда входил целый комплекс ощущений,

приводивших тело в шоковое состояние. Я был убежден, что в один из моментов кончики пальцев моих ног касались лба, — но я знал, что принять эту позу я физически не в состоянии. В то же время я знал совершенно несомненно, что находился внутри сетки, вися вниз головой, как груша, с пальцами ног, прижатыми ко лбу, хотя в физическом плане я сидел, прижав колени к груди.

Зулейка сказала также, что ощущение скатанности в сигару и помещения во впадину второго внимания было результатом соединения левого и правого осознания, при котором порядок доминирования переключается и ведущее положение занимает левая сторона. Она призывала меня быть достаточно внимательным, чтобы заметить обратный переход, когда оба внимания занимают свои старые места и верх берет опять первое. Я ни разу не уловил того чувства, о котором шла речь, но ее призыв настолько захватил меня, что я, как парализованный, застрял в своих попытках удерживать наблюдение за всем сразу. Она была вынуждена отменить свое распоряжение, велев мне отказаться от этой скрупулезности, так как у меня есть еще много других дел.

Зулейка сказала, что прежде я должен достичь совершенства в движениях по своему желанию, произвольно. Свои инструкции она начинала с того, что вновь и вновь приказывала мне открывать глаза в то время, когда я пребывал в состоянии спокойного бодрствования. Мне потребовалось много усилий, чтобы добиться этого. Однажды мои глаза внезапно открылись, и я увидел склонившуюся надо мной Зулейку. Я лежал, но не мог определить, где именно. Свет был исключительно ярким, как будто я находился прямо под электрической лампочкой, но не бил мне прямо в глаза. Я без всяких усилий мог смотреть на Зулейку. Она приказала мне встать, применив для движения свою волю. Она сказала, что я должен толкнуть себя вверх средней частью своего тела, что у меня там имеются три толстых щупальца, которые я могу использовать как костыли, чтобы поднять свое тело.

Я всеми способами пытался подняться, но тщетно. У меня было ощущение отчаяния и физической тревоги, напоминающей ночные кошмары детства, в которых я не мог проснуться и в то же время был полностью бодрствующим, безуспешно пытаюсь крикнуть. В конце концов Зулейка заговорила со мной. Она сказала, что я

должен придерживаться определенной последовательности и что совершенно глупо и неуместно робеть или приходить в возбуждение, как будто я имею дело с повседневным миром. Робость уместна только тогда, когда находишься в первом внимании. Второе же внимание является воплощением спокойствия. Она хотела, чтобы я повторно вызвал ощущение, которое у меня было, когда я «подметал пол» средней частью своего тела. Я подумал, что для этого мне надо сидеть. Без всяких размышлений я сел и принял ту позу, в которой у меня впервые получилось такое ощущение. Что-то во мне переключилось, и я уже стоял. Я не мог представить себе, что я сделал, чтобы двинуться. Я подумал, что если начну все сначала, то смогу уловить последовательность. Как только у меня мелькнула мысль об этом, я уже лежал на земле. Встав вторично, я сообразил, что никаких протяженных процессов здесь не происходит и что для того, чтобы двигаться, я должен иметь *намерение* двигаться на очень глубоком уровне. Иными словами, для этого мне надо быть совершенно уверенным, что я хочу двигаться, или, пожалуй, точнее будет сказать, что я должен быть уверен, что мне нужно двинуться.

Как только я понял этот принцип, Зулейка заставила меня на практике освоить все воображаемые аспекты произвольных передвижений. Чем больше я практиковал их, тем яснее мне становилось, что *сновидение* фактически является разумным состоянием. Зулейка объяснила это так: во время *сновидения* правая сторона – разумное осознание – завернуто внутрь левостороннего осознания, для того, чтобы дать *сновидящему* возможность чувствовать трезвую рациональность, но воздействие рациональности должно быть минимальным и использоваться лишь как сдерживающий механизм, чтобы защитить *сновидящего* от эксцессов и эксцентричных поступков.

Следующий шаг состоял в необходимости научиться управлять *телом сновидения*. Еще в самый первый раз, когда я пришел к Зулейке, дон Хуан предложил, чтобы я зрительно запоминал детали веранды, пока сижу на ящике. Я послушно рассматривал веранду, иногда целыми часами. В доме Зулейки я всегда был один. Было такое впечатление, что в те дни, когда я бывал там, все куда-то уезжали или прятались, тишина и одиночество помогали мне, и я добился того, что отчетливо запомнил все детали веранды.

Соответственно Зулейка поставила передо мной задачу открывать глаза, когда я нахожусь в состоянии спокойного бодрствования, и видеть веранду. Чтобы выполнить это, понадобилось много сеансов. Сначала я открывал глаза и видел Зулейку; тогда она рывком отбрасывала меня назад, словно я был мячиком, в состояние спокойного бодрствования. При одном из таких возвращений я ощутил интенсивную дрожь. Что-то из моих ног будто бы пробралось внутрь, и я его выкашлял. Сцена веранды ночью внезапно появилась передо мной, как будто вылетев из моего горла в сопровождении звука, подобного рычанию зверя. Я услышал, как голос Зулейки долетел до меня, подобно слабому шепоту. Я не мог понять, что она говорит. Мельком я заметил, что сижу на ящике. Я хотел встать, но почувствовал, что во мне нет телесности. Как будто ветер может вот-вот унести меня. Затем я отчетливо услышал, как Зулейка велит мне не двигаться. Я попытался оставаться неподвижным, но какая-то сила толкнула меня. Я проснулся в алькове гостиной. На меня смотрел Сильвио Мануэль.

После каждого сеанса *сновидения* с Зулейкой дон Хуан ожидал меня в совершенно темном зале. На этот раз там находился Сильвио Мануэль. Не говоря ни слова, он поместил меня в корсет и поднял к притолоке. Я провисел там до полудня, пока дон Хуан не пришел спустить меня на пол. Он сказал, что пребывание в подвешенном состоянии, без соприкосновения с полом, настраивает тело и что это необходимо перед опасными путешествиями, вроде того, что ожидает меня.

Потребовалось много сеансов *сновидения*, чтобы я научился, открывая глаза, видеть или Зулейку, или неосвещенную веранду. К тому времени я понял, что она и сама бывала только в *сновидении*. Она никогда не присутствовала лично позади меня в алькове. В ту первую ночь я был прав, когда считал, что моя спина упирается в стену. Зулейка была просто голосом из *сновидения*.

Во время одного из сеансов *сновидения*, когда я открыл глаза, ожидая увидеть Зулейку, я был потрясен, увидев рядом с собой Ла Горду с Хосефиной. Затем начался последний этап ее обучения. Зулейка учила нас троих путешествовать вместе с ней. Она сказала, что наше первое внимание привязано к эманациям земли, тогда как второе – к эманациям вселенной. При этом она имела в виду, что *сновидящий* уже по природе своей находится вне всего,

что касается повседневной жизни. Итак, последней задачей Зулейки было так настроить второе внимание Ла Горды, Хосефины и меня, чтобы мы могли следовать за ней в ее путешествие в неизвестное.

Во время последующих сеансов голос Зулейки сказал мне, что ее «одержимость» приведет меня на встречу с ней, что когда дело касается второго внимания, одержимость *сновидящего* служит проводником, что ее одержимость сфокусирована на определенном месте за пределами этой Земли. Оттуда она собирается позвать меня, а я должен использовать ее голос как путеводную нить, которая поведет меня.

В течение двух сеансов ничего не происходило. Голос Зулейки становился все слабее и слабее, и я беспокоился, что не смогу за ней последовать. Она не сказала мне, что надо делать. Я испытывал необыкновенную тяжесть. Я не мог разорвать окружающую меня связывающую силу, мешавшую мне выйти из спокойного бодрствования.

Во время третьего сеанса я внезапно открыл глаза, не приложив к этому никакого усилия. На меня смотрели Зулейка, Ёà Горда и Хосефина. Я стоял рядом с ними. Я сразу же заметил, что мы находимся в каком-то незнакомом месте. Прежде всего в глаза бросился очень яркий не прямой свет. Все вокруг было залито белым мощным «неоновым» светом. Зулейка улыбалась, приглашая нас оглядеться. Ла Горда и Хосефина, казалось, пребывали в таком же замешательстве, как и я. Они украдкой бросали взгляды на меня и Зулейку.

Зулейка сделала нам знак подвигаться. Мы стояли на открытом месте в центре полыхающего огнем круга. Грунт казался твердым, однако он отражал очень много слепящего белого света, лившегося сверху. Станным было то, что я, понимая, что свет слишком ярок и интенсивен для моих глаз, не был ослеплен, когда поднял голову и посмотрел на его источник. Это было солнце. Я смотрел на солнце, которое, может быть, из-за того, что я находился в *сновидении*, выглядело интенсивно белым.

Ла Горда с Хосефиной тоже смотрели на солнце, очевидно, безо всякого вреда для себя. Внезапно меня охватил испуг. Свет был чужим для меня. Это был безжалостный свет; он, казалось, нападал на нас, создавая ветер, который я мог ощущать. Однако тепла я не чувствовал. Я считал этот свет вредным. Ла Горда, я и

Хосефина одновременно бросились к Зулейке и сгрудились возле нее, как перепуганные дети. Она придержала нас, а затем белый пылающий свет постепенно начал терять свою интенсивность, пока не исчез совсем. Вместо него все теперь оказалось залитым очень приятным слабым желтоватым светом.

Тут я осознал, что мы находимся уже в ином мире. Грунт имел цвет мокрой терракоты. Гор не было. Но и равниной местность, в которой мы находились, назвать было нельзя. Все вокруг нас казалось застывшим бурным терракотовым морем. Повсюду я мог видеть одно и то же, как если бы находился в центре этого безбрежья. Я взглянул вверх. Небо уже не было безумно палящим. Оно было скорее темным, чем синим. На горизонте зависла лучистая звезда. Тут мне стало ясно, что мы находимся в мире с двумя солнцами, двумя звездами. Одна из них была огромной и только что скрылась за горизонтом, вторая – поменьше и, вероятно, более отдаленная.

Я хотел задавать вопросы, пройти по окрестностям, посмотреть, что тут есть еще. Зулейка сделала нам знак расслабиться и терпеливо ждать. Но что-то, казалось, подталкивало нас. Внезапно Ла Горда и Хосефина исчезли, а затем я проснулся.

С тех пор я больше не ездил в дом Зулейки. Дон Хуан смещал мне уровни осознания у себя дома или там, где мы находились, и я входил в *сновидение*. Зулейка, Ла Горда и Хосефина всегда ждали меня. Мы вновь и вновь отправлялись в то неземное место, пока хорошенько не познакомились с ним. Мы всегда старались попасть туда не во время дневного слепящего сияния, а ночью, чтобы следить за появлением над горизонтом колоссального небесного светила, столь величественного, что когда оно зависало над горизонтом, то закрывало чуть ли не половину полусферы нашего обзора. Небесное светило было чрезвычайно красивым, и его подъем над горизонтом представлял собой зрелище настолько захватывающее, что я мог оставаться там целую вечность, лишь бы только наблюдать его.

Это огромное светило в зените занимало почти весь небосвод. Чтобы наблюдать его, мы всегда ложились навзничь. Оно имело постоянную конфигурацию, и Зулейка научила нас распознавать ее. Я понял, что это не звезда. Его свет был отраженным, его поверхность скорее всего была матовой, потому что отраженный свет был очень мягким при таких колоссальных размерах. На его

оранжево-желтой поверхности проступали громадные неизменяющиеся коричневые пятна.

Зулейка регулярно брала нас в эти сказочные путешествия. Ла Горда сказала, что Зулейка брала Хосефину еще дальше и глубже в неизвестное, потому что Хосефина, как и сама Зулейка, была немного безумной; ни одна из них не имела того ядра рассудительности, которое дает *сновидящему* трезвость – поэтому они не имели барьеров и интереса в поисках разумных причин чего бы то ни было.

Единственное, что мне сказала Зулейка о наших путешествиях (и это прозвучало как объяснение), что данная сила *сновидения* – фокусироваться на своем внимании – превращает их в живые гарпуны. Чем сильнее и безупречнее *сновидящий*, тем дальше он может проецировать свое второе внимание в неизвестное и тем дольше продлится его проекция *сновидения*.

Дон Хуан сказал, что мои путешествия с Зулейкой не были иллюзией и что все, что я с ней делал, являлось шагами к контролю над вторым вниманием. Зулейка обучала меня особенностям восприятия иного мира. Он, однако, не мог объяснить точной природы этих путешествий, а может быть, не хотел. Он говорил, что если попытаться объяснить особенности восприятия второго внимания в терминах первого внимания, то лишь безнадежно запутаешься в словах. Он хотел, чтобы я сам пришел к определенному выводу, и чем больше я обо всем этом размышлял, тем яснее мне становилось, что он совершенно прав. Под руководством Зулейки во время ее инструктажа по второму вниманию я совершал посещения мест, которые были загадками явно за пределами возможностей моего разума, но столь же явно в пределах возможностей моего полного осознания. Я научился путешествовать во что-то непонятное и закончил тем, что мог сам, как Эмилито и Хуан Тума, рассказывать собственные «легенды вечности».

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 14

Флоринда

Мы с Ла Гордой пришли к полному согласию относительно того, что, когда Зулейка обучила нас тонкостям *сновидения*, мы приняли как безоговорочный факт: правило – это карта, в нас скрыто другое осознание и есть возможность входить в это другое осознание. Дон Хуан выполнил предписание правила.

Согласно правилу, на следующем этапе ему следовало познакомить меня с Флориндой, единственной из женщин-воинов, кого я еще не встречал.

Дон Хуан сказал, что в ее дом я должен войти сам, без него, потому что все, что произойдет между мной и Флориндой, никого другого не касается. Он добавил, что Флоринда будет моим личным гидом, как если бы я был таким же Нагвалем, как и он. У него были такие же отношения с женским воином из партии его бенефактора, соответствовавшим Флоринде.

Однажды дон Хуан оставил меня у дверей дома Нелиды, велел мне войти и сказав, что внутри меня ждет Флоринда.

– Горд и счастлив познакомиться с Вами, – сказал я женщине, открывшей дверь.

– Я – Флоринда, – ответила она.

Мы молча смотрели друг на друга. Я был поражен. Мое осознание стало необычайно острым, никогда прежде я не испытывал подобного чувства.

– Красивое имя, – только и смог сказать я, желая сказать больше. Мягкое и протяженное произношение испанских гласных делало ее имя текучим и звонким, особенно «и». Имя не было редким, просто я никогда не встречал никого, кто был бы самой сущностью своего имени. Стоявшая передо мной женщина подходила к этому имени, как будто его придумали специально для нее, или как если бы она сама подобрала себе личность под это имя.

Внешне она выглядела копией Нелиды, разве что казалась более уверенной в себе, более могущественной. Она была довольно высокой и худощавой, с оливковым оттенком кожи, как у жителей

Средиземноморья. Испанка или, может быть, француженка. Она была немолода, но без всяких следов увядания. Ее тело казалось гибким и подтянутым. Длинные ноги, угловатые черты лица, маленький рот, красивой формы нос, темные глаза и светлые волосы. Никаких складок, никаких морщин на лице. Она выглядела так, как будто притворялась старой.

Когда я впоследствии вспоминал об этой встрече, мне пришлось в голову нечто совершенно постороннее, но уместное здесь.

Однажды я видел в газете двадцатилетней давности фотографию молодой голливудской актрисы, снятой в роли женщины на двадцать лет старше ее. Рядом с этим снимком был помещен современный, зафиксировавший облик актрисы после двадцати лет нелегкой жизни. Флоринда напоминала первую фотографию этой актрисы – молодую женщину, игравшую роль пожилой.

– Ну и что мы имеем, – сказала она, осматривая меня. – Судя по твоему виду, негусто. Мягкий. Окружил себя самозащитой до мозга костей, вне всякого сомнения.

Ее прямота напомнила мне дона Хуана, так же, как и внутренняя жизнь ее глаз. Вспоминая о встречах с доном Хуаном на протяжении всех этих лет, я не могу вспомнить ни единого случая, когда бы его глаза выглядели напряженными. В них нельзя было заметить никакого возбуждения. Это не значит, что глаза его были красивы внешне. Я видел немало красивых глаз, о которых, тем не менее, нечего было сказать, кроме того, что они красивы. Глаза же Флоринды, как и глаза дона Хуана, вызывали у меня ощущение, что они были свидетелями всего, чему только можно быть свидетелями; они были умиротворенными, но не безразличными. Казалось, что ее природный темперамент был как бы упрятан внутрь, со временем превратившись во что-то такое, что я мог бы назвать только внутренней жизнью.

Флоринда провела меня через жилую комнату и дальше, на крытую веранду. Мы сели в удобные мягкие кресла. Ее глаза, казалось, что-то искали на моем лице.

– Знаешь ли ты, кто я и что я должна для тебя сделать? – спросила она.

Я сказал, что все, что мне известно об этом, не выходит за рамки рассказанного мне доном Хуаном. Обращаясь к ней, я назвал ее доньей Флориндой.

– Не называй меня доньей Флориндой, – сказала она с детским

жестом неудовольствия и раздражения. – Я еще не настолько стара и даже не настолько респектабельна.

Я поинтересовался, как же мне к ней обращаться.

– Можно просто Флоринда. Относительно того, кто я такая, могу рассказать тебе прямо сейчас – я женский воин, знающий секреты сталкинга. А относительно того, что я должна для тебя сделать, могу сказать – я собираюсь научить тебя первым семи принципам сталкинга, первым трем принципам правила для сталкеров и первым трем маневрам сталкинга.

Затем она добавила, что для каждого воина является нормальным все забывать, когда взаимодействия осуществляются на левой стороне, и что требуются годы, чтобы потом возвратиться к тому, чему она собирается меня учить. Она сказала, что ее инструктаж – только начало, но что когда-нибудь она закончит мое обучение, но уже при других обстоятельствах.

Я спросил, не будет ли она возражать, если я начну задавать вопросы.

– Делай что хочешь, – сказала она. – Все, что мне от тебя требуется, – твое согласие на практику. В конце концов тебе известно все, что мы собираемся обсуждать. Твоим недостатком является неуверенность в себе и то, что ты не хочешь признавать свое знание силой. Нагваль, будучи мужчиной, слишком подавлял тебя. Ты не можешь действовать самостоятельно. Только женщина может освободить тебя от этого.

Начну с того, что расскажу тебе историю своей жизни, и по ходу дела тебе многое станет ясно. Мне придется рассказывать по частям, поэтому ты будешь приходить сюда довольно часто.

Ее явное желание поведать мне свою биографию поразило меня как не соответствующее сдержанности всех остальных относительно своей личной жизни. После многих лет общения с ними я безоговорочно перенял у них это правило, и теперь ее добровольное желание поделиться со мной интимными подробностями ее жизненных странствий было совершенно мне непонятно. Такое заявление сразу же насторожило меня.

– Прости, – сказал я, – неужели ты действительно собираешься рассказать мне свою личную историю?

– А почему бы и нет? – ответила она вопросом на вопрос.

Я разразился длинным обстоятельным пояснением на тему того, что дон Хуан говорил мне об обволакивающей силе личной

истории и о том, что каждому воину необходимо стереть ее. Сказал и то, что он запретил мне когда-либо говорить о моей жизни.

Она звонко расхохоталась, как будто я ее чем-то очень обрадовал. – Это относится только к мужчинам, – сказала она. – Неделание твоей личной жизни состоит в рассказывании бесконечных историй, в которых нет ни единого слова о тебе реальном. Видишь ли, быть мужчиной означает иметь за спиной солидную историю. У тебя есть семья, друзья, знакомые, и у каждого из них есть определенное представление о тебе. Быть мужчиной означает, что ты должен отчитываться, ты не можешь исчезнуть так просто. Для того, чтобы исчезнуть, тебе понадобилась уйма труда. Мой случай иной. Я женщина, и это дает мне замечательное преимущество. Мне не надо отчитываться. Известно ли тебе, что женщинам не надо отчитываться?

– Я не знаю, что ты имеешь в виду под необходимостью отчитываться.

– Я хочу сказать, что женщина может легко исчезнуть, – сказала она. – Во всяком случае, женщина может выйти замуж, она принадлежит мужу. В семье, где много детей, дочерей очень рано сбрасывают со счетов, никто не рассчитывает на них, и есть шансы, что какая-нибудь из них исчезнет, не оставив следа. Их исчезновение воспринимается легко. Сын же, с другой стороны, – это некто, на кого делается ставка. Сыну не так легко ускользнуть и исчезнуть. И даже если он это сделает, он оставит после себя следы. Сын чувствует вину за свое исчезновение, дочь – нет. Когда Нагваль учил тебя держать язык за зубами относительно твоей личной жизни, он хотел помочь тебе преодолеть чувство, будто ты плохо поступил по отношению к своей семье и друзьям, которые так или иначе рассчитывали на тебя. После целой жизни борьбы воин-мужчина, конечно, стирает себя. Но эта борьба не проходит для него даром. Он становится скрытным, он всегда на страже самого себя. Женщине же не приходится преодолевать эти трудности. Женщина всегда готова раствориться в воздухе. Более того, именно этого от нее и ожидают.

Поскольку я – женщина, я не склонна к скрытности. Мне до нее нет дела. Скрытность – это та цена, которую вам, мужчинам, приходится платить за то, что вы имеете значение для общества. Это борьба только для мужчин, потому что они не хотят стирать

себя и находят разные смешные способы, чтобы как-нибудь выделиться. Возьми, например, себя. Ты повсюду разъезжаешь и читаешь лекции.

Интереснейшим образом Флоринда заставила меня нервничать. В ее присутствии я чувствовал странное беспокойство. Я без колебаний признавал, что дон Хуан и Сильвио Мануэль вгоняют меня в нервную дрожь, но то было совсем другое чувство.

Фактически я боялся их, особенно Сильвио Мануэля. Он ужасал меня, но я научился уживаться со своим ужасом.

Флоринда же меня не путала. Моя нервозность скорее была следствием моей раздраженности, опаски по отношению к ее духовной живости. Она не смотрела на меня столь пристально, как это делали дон Хуан и Сильвио Мануэль. Те всегда фиксировали на мне свой взгляд, пока я не отводил глаза в знак покорности.

Флоринда только поглядывала на меня. Ее взгляд постоянно переходил с одного объекта на другой. Она, казалось, рассматривала не только глаза, но и каждый участок моего лица и тела. Разговаривая, она бросала быстрые взгляды то на мое лицо, то на руки, то на свои ноги, то на потолок.

— Я вызываю у тебя чувство неловкости, да? — спросила она.

Ее вопрос застал меня врасплох. Но ее тон не был угрожающим, и я засмеялся. — Да, — сказал я.

— О! Это совершенно понятно, — сказала она. — Ты привык быть мужчиной. Женщина для тебя — нечто, созданное для твоего удобства. Женщина для тебя глупа. А тот факт, что ты мужчина и Нагваль, еще больше все усложняет.

Я почувствовал необходимость защищаться. Я подумал, что эта дама слишком скоро в своих суждениях, и собрался было высказать ей это. Я начал длинную фразу, но споткнулся почти немедленно, услышав ее смех. Это был веселый молодой смех.

Дон Хуан и дон Хенаро все время смеялись надо мной, и их смех был таким же молодым, но у Флоринды была иная вибрация. В ее смехе не было спешки, не было давления.

— Я думаю, нам лучше войти внутрь, — сказала она, — там нас ничто не будет отвлекать. Нагваль Хуан Матус уже водил тебя повсюду, показывая мир. Это было важно для того, что он должен был тебе говорить. Я должна говорить о вещах, которые требуют иной обстановки.

Мы сели на кожаную кушетку в нише у веранды. В помещении я

чувствовал себя лучше. Она сразу начала рассказывать о своей жизни.

Она сказала, что родилась в довольно большом мексиканском городе в богатой семье, и поскольку она была единственным ребенком, родители баловали ее с самого рождения. Без малейшей лож-

ной скромности Флоринда сказала, что всегда осознавала свою красоту, и добавила, что красота – это демон, который множится и процветает при наличии поклонения. Она заверила меня, что может без тени сомнения заявить, что одолеть этого демона труднее всего, и если я посмотрю вокруг на тех, кто красив, то обнаружу самых искалеченных существ, каких только можно вообразить.

Я не хотел с ней спорить, хотя мне очень хотелось сказать ей, что она несколько догматична. Должно быть уловив мое чувство, она подмигнула мне.

– Они искалечены, лучше не спорь, – продолжала она, – испытай их. Не соглашайся с их представлением о себе как о красивых и потому значительных, и сразу увидишь, что я имею в виду:

Она сказала, что вряд ли может винить своих родителей или саму себя за свое поведение. Все вокруг нее, словно сговорившись, с самого младенчества давали ей возможность чувствовать себя значительной и уникальной.

Затем она сообщила, что в отрочестве наслаждалась вниманием и связями с несколькими любовниками. В 18 лет она обстоятельно выбрала наилучшего мужа из одиннадцати серьезных поклонников и вышла замуж за Селестино, человека с большими средствами, старше ее на пятнадцать лет.

Свою замужнюю жизнь Флоринда описывала как рай на земле. К огромному кругу имевшихся у нее друзей добавились друзья Селестино, в результате получился большой непрекращающийся праздник.

Однако ее блаженство длилось только шесть месяцев, пролетевших незаметно. Все пришло к внезапному и жестокому концу, когда она заболела ужасной, загадочной, угрожающей болезнью. Ее левая стопа, икра и колено начали раздуваться, уничтожив прекрасные очертания ноги. Опухоль настолько разрослась, что на ноге начала лопаться кожа. Вся нога ниже колена покрылась язвами и гнойными выделениями. Кожа

отвердела, заболевание было диагностировано как слоновья болезнь. Доктора пытались облегчить ее состояние, но их попытки были неуклюжими и болезненными, и в конце концов решили, что только Европа, где медицинские центры более развиты, может ее исцелить.

Эти три месяца для Флоринды превратились в ад. В отчаянии она думала, что лучше умереть, чем продолжать такие мучения. Ее страдания были так трогательны, что однажды девушка-служанка, будучи не в силах выносить их, призналась ей, что была подкуплена прежней любовницей Селестино, чтобы подложить ей в пищу яд, приготовленный магами. Для искупления своей вины служанка пообещала отвести ее к знахарке, которая, по слухам, является единственным человеком, способным обезвредить яд. Флоринда усмехнулась, вспомнив свои затруднения. Она была воспитана ревностной католичкой, не верила в колдовство и индейских знахарей. Однако боль была настолько сильна, а положение – так серьезно, что она была готова на все Селестино категорически возражал. Он хотел сдать служанку властям. Флоринда вмешалась – не столько из жалости, сколько из опасения, что в одиночку она не найдет знахарку.

Внезапно Флоринда встала. Она сказала, что мне пора уезжать, взяла за руку и проводила к двери, как если бы я был старым и дорогим другом. Она объяснила, что я выдохся, потому что находиться в левостороннем осознании – значит быть в особом и неустойчивом состоянии, пользоваться которым нужно с перерывами. Это, конечно, не состояние силы. Доказательством было хотя бы то, что я чуть не умер Сильвио Мануэль попытался подстегнуть мое второе внимание, заставляя меня смело входить в него. Она сказала, что на земле не существует такого способа, которым можно было бы кому-либо или самому себе приказывать накапливать знания. Дело это медленное, тело в надлежащее время в принадлежащих обстоятельствах безупречности само ускоряет накопление знания, без вмешательства желания.

Некоторое время мы стояли у входной двери, обмениваясь тривиальными любезностями. Внезапно она сказала, что причина, по которой Нагваль Хуан Матус привел меня к ней, состоит в ее осведомленности и подходе к концу времени его пребывания на Земле. Две формы инструктажа, которые я должен был получить в соответствии с искуснейшим планом Сильвио Мануэля, уже были

завершены. Все, что осталось пока не сделанным, — это то, что она собирается мне сказать. Она подчеркнула, что в действительности это не совсем инструктаж, а скорее установление связи между нами.

В следующий раз дон Хуан привел меня к Флоринде и перед тем, как оставить у дверей, повторил мне то, что я уже от нее слышал, — что приближается время, когда он и его партия войдут в третье внимание. Не успел я задать ему вопрос, как он втолкнул меня внутрь дома. Его толчок перенес меня не только в дом, но и в мое самое острое состояние осознания. Я увидел стену тумана.

Флоринда стояла в гостиной, как бы ожидая, когда дон Хуан втолкнет меня. Она взяла меня за руку и спокойно провела в жилую комнату. Я хотел начать разговор, но не мог говорить. Она объяснила, что толчок безупречного воина, подобного Нагвалю Хуану Матусу, может вызвать перемещение в другую область осознания. Она сказала, что я все время ошибался, считая, будто эта процедура важна сама по себе. Процедура вталкивания воина в другое состояние осознания применима только тогда, когда оба участника, и особенно толкающий, безупречны и обладают личной силой.

Тот факт, что я видел стену тумана, вызвал своеобразную физическую нервность — мое тело неудержимо дрожало. Флоринда сказала, что мое тело дрожит, потому что оно привыкло к активности во время нахождения в этом состоянии осознания, но что мое тело может научиться также фокусировать все самое острое внимание на том, что говорится, а не на том, что делается. Она сказала, что введение в левостороннее осознание является своего рода ставкой на будущее. Заставляя меня входить в состояние повышенного осознания и позволяя взаимодействовать со своими воинами только тогда, когда я нахожусь в этом состоянии, Нагваль получает уверенность, что в будущем у меня будет ступенька, на которую я смогу встать. По мнению Флоринды, его стратегия состояла в выращивании небольшой части другого «я» с намеренным наполнением ее воспоминаниями о взаимодействиях. Это забудется, чтобы когда-нибудь впоследствии всплыть на поверхность и послужить отправной точкой для путешествия в неизмеримую безбрежность другого «я». Поскольку я сильно нервничал, она предложила успокоить меня, продолжив рассказ о своей жизни, который в действительности

являлся не историей ее жизни в мире как женщины, а повествованием о том, как богатой, избалованной никчемности помогли стать воином.

Как только она решила навестить знахарку, остановить ее было уже нельзя. Она отправилась на носилках, которые несли четверо слуг-мужчин в сопровождении служанки в двухдневное путешествие, изменившее весь ход ее жизни. Дороги не было. Они шли по горам, и иногда мужчинам приходилось нести ее на спине. К дому знахарки они прибыли в сумерках. Место было хорошо освещено, в доме находилось множество людей. Какой-то обходительный старик сообщил ей, что знахарка поехала лечить пациента и вернется через день. Этот человек, казалось, был прекрасно осведомлен о деятельности знахарки, и Флоринде было легко разговаривать с ним. Он был заботлив и признался, что он тоже пациент. Свою болезнь он описал как неизлечимое состояние, заставляющее его забывать весь мир. Они дружески проболтали допоздна. Старик был настолько внимателен, что даже уступил ей свою постель, чтобы она могла отдохнуть и подождать возвращения знахарки.

Наутро она проснулась от острой боли в ноге. Какая-то женщина двигала ее ногу, нажимая на нее кусочком отполированного дерева. – Знахарка была очень симпатичной женщиной, – продолжала Флоринда. – Она взглянула на мою ногу и покачала головой, сказав: – «Я знаю, кто это сделал. Должно быть, ему хорошо заплатили, или же он убежден, что ты – совсем бесполезное человеческое существо. Как ты думаешь, какое из этих двух мнений вернее?»

Флоринда засмеялась. Она приняла тогда знахарку за сумасшедшую или грубую и невоспитанную бабу. Она представить себе не могла, чтобы кто-нибудь в мире мог поверить, будто она – бесполезное человеческое существо. Несмотря на испытываемую ею жуткую боль, она многословно дала понять этой женщине, что является богатой и важной персоной, посмеяться над которой никому и в голову не придет.

Флоринда сказала, что знахарка сразу изменила свое отношение к ней. Она как будто испугалась и начала обращаться к ней уважительно «мисси», встала со стула и выпроводила всех из комнаты. Когда они остались одни, знахарка уселась Флоринде на грудь и перегнула ее голову через край кровати. Флоринда

отбивалась, думая, что ее хотят убить. Она пыталась закричать, но знахарка, быстро накинута ей на голову одеяло и заткнула нос. Ей пришлось дышать открытым ртом, чтобы не задохнуться. Чем больше Флоринде сдавливали грудь, тем сильнее она открывала рот. Когда она поняла, что знахарка делает на самом деле, она уже выпила всю гадко пахнущую жидкость, содержащуюся в большой бутылке, которую знахарка сунула ей в рот. Флоринда обратила внимание, что знахарка так хорошо манипулировала ею, что она даже не захлебнулась, хотя ее голова свисала с края кровати.

— Я выпила так много снадобья, что мне чуть не стало плохо. Она усадила меня и, не мигая, смотрела мне в глаза. Я хотела сунуть пальцы в рот, чтобы вызвать рвоту. Она отхлестала меня по щекам, пока мои губы не стали кровоточить. Индеанка бьет меня по лицу! Разбивает губы в кровь! Ни отец, ни мать никогда меня пальцем не тронули. Мое изумление было так велико, что я забыла о неудобстве в желудке.

Она позвала моих людей и велела им нести меня домой. Затем наклонилась к самому моему уху.

— Если ты не вернешься через девять дней, ты, ишачья задница, раздуешься как жаба, и будешь умолять бога о смерти.

Флоринда сказала, что жидкость вызвала у нее в горле раздражение. Она не могла сказать ни слова. Это, однако, оказалось наименьшим из ее огорчений. Когда она добралась до дома, Селестино был уже вне себя, поджидая ее. Не имея возможности говорить, она могла лишь наблюдать за ним. Она заметила, что его злость никак не связана с огорчением из-за ее здоровья, она связана с высоким положением, которое он занимал в обществе. Он был не в состоянии перенести того, что его друзья могут узнать, что он обращался к индейским знахарям. Он был в ярости, вопя, что собирается подать жалобу армейскому начальству, взять солдат, поймать знахарку и привезти ее в город, чтобы ее отхлестали кнутами и бросили в тюрьму. Это не было пустой угрозой. Он действительно надавил на военное начальство, чтобы за знахаркой выслали отряд. Несколько дней спустя солдаты вернулись, сообщив, что женщина пропала.

Служанка успокоила Флоринду, сказав, что знахарка будет ждать ее, если вернется назад. Хотя воспаление в горле было таким сильным, что она не могла есть твердой пищи. Флоринда не могла дожидаться дня, когда ей нужно будет навестить знахарку. Боль в

ноге стала меньше!

Когда она сообщила Селестино о своих намерениях, он настолько разъярился, что нанял себе помощников, чтобы самолично положить конец этой чертовщине. С тремя верными людьми он отправился верхом впереди нее.

Когда Флоринда прибыла к дому знахарки, ожидая увидеть ее жертвой, она обнаружила Селестино, сидевшего в одиночестве. Он отправил своих людей в три ближайших селения, приказав привести знахарку силой. Флоринда увидела старика, встреченного ею здесь в прошлый раз. Он пытался успокоить ее мужа, уверяя, что кто-нибудь из ее посыльных обязательно вернется вместе с женщиной.

Как только Флоринду положили на крыльцо в переднем дворе, знахарка сразу вышла из дома. Она начала оскорблять Селестино, выкрикивая всякие обидные вещи, пока он не пришел в такую ярость, что бросился на нее с кулаками. Старик стал удерживать его и просить не трогать женщину. Он встал на колени, говоря, что это старая женщина. Селестино не обращал на это никакого внимания. Он сказал, что собирается отхлестать ее нагайкой, несмотря на ее возраст. Он подошел, чтобы схватить ее, но внезапно замер на месте. Шестеро страшного вида мужчин вышли из кустов, размахивая мачете. Страх приковал Селестино к месту. Он посерел. Знахарка подошла к нему и сказала, что либо он добровольно позволит отхлестать себя нагайкой по ягодицам, либо будет разрублен на куски ее помощниками. Несмотря на свою гордость, он покорно согласился, чтобы его наказали. За несколько секунд знахарка превратила его в беспомощного человека. Она смеялась ему в лицо, зная, что он бессилен. Он попался в ее ловушку, как беспечный дурак, каким они был, потеряв чувство реальности из-за преувеличенного представления о собственной значимости.

Флоринда взглянула на меня и улыбнулась. Немного помолчав, она продолжила:

– Первым принципом искусства stalking является то, что воин сам выбирает место для битвы. Воин никогда не вступает в битву, не зная окружающей обстановки. Своей битвой с Селестино знахарка продемонстрировала мне первый принцип stalking. Затем она подошла к тому месту, где я лежала. Я плакала. Это было единственное, что я могла делать. Она, казалось,

сочувствовала мне.

Подоткнув одеяло вокруг моих плеч, она улыбнулась и подмигнула мне.

— Дело еще не окончено, ишачья задница, — сказала она. —

Возвращайся так быстро, как только сможешь, если хочешь жить, но не приводи больше с собой своего хозяина, ты, маленькая шлюшка. Приходи только с теми, кто абсолютно необходим.

По молчанию Флоринды я понял, что она ждет моих замечаний.

— Отбросить все, что не является необходимым, — вот второй принцип искусства сталкинга. — изрекла она, не дав мне раскрыть рта.

Ее рассказ так сильно захватил меня, что я не заметил, как исчезла стена тумана. Я просто осознавал, что ее больше нет. Флоринда поднялась со стула и повела меня к двери. Некоторое время мы постояли, как и после нашей первой встречи.

Флоринда сказала, что злость Селестино позволила знахарке указать ее телу, а не рассудку, первых три предписания для сталкера. Несмотря на то, что ее ум был полностью сфокусирован на ней самой, поскольку для нее не существовало ничего, кроме ее физической боли и страха утратить свою красоту, ее тело все же запомнило все случившееся и в дальнейшем нуждалось лишь в напоминании, чтобы расставить все по своим местам.

— Для воина мир не является подушкой, чтобы смягчать толчки, поэтому он должен иметь правила, — продолжала она. — Однако правило сталкеров приложимо ко всем.

Раздражение Селестино стало началом его развенчания и на чалом моего инструктажа по освобождению. Его собственная значительность, бывшая в такой же степени и моей, заставляла нас обоих верить в то, что мы практически превыше всех в мире. Знахарка же свела нас к тому, чем мы и были в действительности, — к нулю.

Первое предписание правила состоит в том, что все, окружающее нас, является непостижимой тайной.

Второе предписание правила состоит в том, что мы должны пытаться раскрыть эту тайну, даже не надеясь добиться этого.

Третье предписание состоит в том, что воин, зная о непостижимой тайне окружающего мира и о своем долге пытаться раскрыть ее, занимает свое законное место среди тайн и сам себя рассматривает как одну из них. Следовательно, воин не знает конца тайны бытия,

будь то тайна бытия камешка, муравья или его самого. В этом заключается смирение воина. Каждый равен всему остальному. Последовало длительное вынужденное молчание. Флоринда улыбнулась, играя кончиком своей косы. Она сказала, что с меня довольно.

Когда мы в третий раз приехали к Флоринде, дон Хуан не оставил меня у дверей, а вошел вместе со мной. Все члены его партии собрались в этом доме и приветствовали меня, как будто я возвратился после долгого путешествия. Это было исключительное событие. Оно соединило Флоринду со всеми нами, поскольку она впервые находилась с ними в моем присутствии.

Когда я на следующий раз пришел к Флоринде, дон Хуан неожиданно толкнул меня, как он делал это раньше. Мое потрясение не знало границ. Флоринда ожидала меня в гостиной. Я мгновенно вошел в то состояние, когда видна стена тумана.

— Я рассказывала тебе, как мне показали принципы искусства сталкинга, — сказала она, как только мы усадились на кушетке в ее жилой комнате. — Теперь ты должен сделать то же самое для меня. Как их тебе показывал дон Хуан Матус?

Я ответил, что сразу вспомнить не могу. Мне нужно подумать, а думать-то я и не могу — мое тело испугано.

— Не усложняй, — сказала она командным голосом, — стремись к тому, чтобы все было простым. Приложи всю свою имеющуюся у тебя сосредоточенность и реши, вступать или не вступать в битву, потому что любая битва — это борьба за собственную жизнь. Это — третий принцип искусства сталкинга. Воин должен хотеть и быть готовым стоять до конца здесь и сейчас. Но не как попало.

Я просто не мог собраться с мыслями. Я прилег на кушетку, вытянув ноги, и глубоко вздохнул, чтобы расслабить середину тела, которая, казалось, была завязана в узел.

— Хорошо, — сказала Флоринда, — я вижу, ты применяешь четвертый принцип искусства сталкинга. Расслабься, отступишь от себя, ничего не бойся. Только тогда силы, ведущие нас, откроют нам дорогу и помогут нам. Только тогда.

Я попытался вспомнить, как дон Хуан показывал мне принципы сталкинга. По какой-то необъяснимой причине мои мысли отказывались сосредоточиться на моем прежнем опыте. Дон Хуан представлялся в очень смутном воспоминании. Я поднялся и стал

осматриваться по сторонам.

Комната, в которой мы находились, была хорошо обставлена. Пол покрывали желтые плитки. В их расположении чувствовалась рука мастера. Я собирался осмотреть мебель и пошел в направлении красивого темно-коричневого стола. Флоринда подбежала и сильно встряхнула меня.

– Ты правильно применил пятый принцип искусства stalking. – сказала она. – Теперь не давай себе уйти в сторону.

– Что это за пятый принцип? – спросил я.

– Встречаясь с неожиданным и непонятным и не зная, что с ним делать, воин на какое-то время отступает, позволяя своим мыслям бродить бесцельно. Воин занимается чем-нибудь другим. Тут годится все, что угодно.

Ты сделал как раз это, а теперь, когда ты это совершил, тебе следует применить шестой принцип: воин сжимает время, даже мгновения идут в счет. В битве за собственную жизнь секунда – это вечность, вечность, которая может решить исход сражения. Воин нацелен на успех, поэтому он экономит время, не теряя ни мгновения.

Внезапно шквал воспоминаний ворвался в мое сознание. Я возбужденно сказал Флоринде, что, конечно же, могу вспомнить, когда дон Хуан впервые ознакомил меня с этими принципами. Флоринда приложила палец к губам, требуя этим жестом молчания. Она сказала, что была только заинтересована свести меня лицом к лицу с принципами, но не хочет, чтобы я делился с ней своими воспоминаниями.

Флоринда продолжила свое повествование. Она сказала, что знахарка велела ей еще раз прийти к ней без Селестино и дала выпить состав, который почти мгновенно уменьшил ее боль. Затем она прошептала, что Флоринда должна сама принять мгновенное решение, что она должна занять свой ум чем угодно, но как только решение будет принято, ей не следует терять ни секунды. Дома она заявила о своем желании вернуться назад. Селестино ничего возразить не мог, потому что ее решимость была непоколебима.

– Почти сразу я отправилась к знахарке, – продолжала Флоринда. – На этот раз мы ехали на лошадях. Я взяла с собой своих доверенных слуг: служанку, давшую мне яд, и мужчину, чтобы присматривать за лошадьми. При переходе через эти горы нам

пришлось нелегко. Лошади нервничали из-за запаха моей ноги. Сама того не сознавая, я применила третий принцип искусства сталкера.

Я подвела свою жизнь или то, что от нее осталось, к новому рубежу. Я хотела и была готова умереть. Для меня это не было таким уж большим решением, потому что я и так умираю. Правильно говорят, что когда умираешь и уже наполовину мертв, как в моем случае, и когда это приносит скорее неудобство, чем боль, появляется склонность к лени и слабости, исключаящим какое бы то ни было усилие.

Я оставалась в доме знахарки в течение шести дней. Уже на второй день я чувствовала себя лучше. Опухоль начала спадать.

Выделения из ноги прекратились. Боль стихла, и только когда я пыталась ходить, чувствовалась слабость в коленях.

На шестой день она взяла меня в свою комнату и была очень заботлива со мной. Оказывая всяческое внимание, она усадила меня на постель и подала кофе. Сама она уселась на полу у моих ног лицом ко мне. Сказанное ею я могу вспомнить дословно: «Ты очень больна, и только я могу тебя вылечить. Если я этого не сделаю, ты умрешь такой смертью, что и представить себе невозможно. Поскольку ты глупа, ты предпочтешь горький конец. С другой стороны, я могу вылечить тебя в один день, но не сделаю этого. Ты будешь приходить сюда до тех пор, пока не поймешь того, что я тебе показываю. Только тогда я излечу тебя полностью. Если я сделаю иначе, то ты, будучи глупой, никогда сюда не придешь».

Знахарка с огромным терпением объяснила ей нюансы своего решения помочь ей, но Флоринда не поняла ни слова. Эти подробности заставили ее еще больше увериться в том, что знахарка несколько не в себе.

Когда знахарка сообразила, что до Флоринды ничего не доходит, она стала более суровой и заставляла ее повторять, как ребенка, что без помощи знахарки ее жизнь закончена и что она, знахарка, может прекратить лечение и оставить ее умирать. В конце концов женщина потеряла терпение, когда Флоринда начала упрашивать ее побыстрее закончить лечение и отослать ее домой к семье. Знахарка подняла бутылку с лекарством, разбила ее о землю и заявила Флоринде, что больше знать ее не хочет.

Тогда Флоринда заплакала – это были единственные настоящие

слезы в ее жизни. Она сказала знахарке, что хочет только одного – быть здоровой и что она более чем согласна заплатить за это. Женщина ответила, что оплата деньгами уже опоздала и что единственное, чего она хочет, – это ее внимания, а не денег. Флоринда призналась мне, что всю жизнь она добивалась того, чего хотела. Она знала, что значит быть упрямой. Поэтому она заговорила о том, что к знахарке обращались тысячи пациентов, таких же полумертвых, как и она, и что знахарка брала их деньги. Почему же ее случай другой? Флоринде ничего не сказала объяснение женщины, что, будучи *видящей*, она видела светящееся тело Флоринды, и это тело в точности такое, как у знахарки. Флоринда решила, что она наверняка сошла с ума, раз не понимает, что между ними целая пропасть различий. Знахарка была грубой индеанкой.

необразованной и примитивной, в то время как Флоринда была богатой, красивой и белой.

Флоринда поинтересовалась, что та собирается с ней делать. Знахарка ответила, что ей поручено вылечить ее, а затем обучить чему-то очень важному. Флоринда спросила, кто это поручил. Женщина сказала, что поручил Орел, – этот ответ окончательно убедил Флоринду в том, что женщина окончательно спятила. И все же Флоринда не видела никакого способа противиться требованиям женщины. Она сказала ей, что согласна делать все, что угодно.

Женщина мгновенно изменила свое отношение к ней, дала Флоринде с собой снадобье и велела возвращаться, как только она сможет.

– Как ты знаешь и сам, учитель должен применить к ученику трюк. Она использовала трюк с моей болезнью. Она была права, я представляла собой такую идиотку, что если бы она меня вылечила сразу, то я вернулась бы к своей прежней глупой жизни, как будто со мной ничего не случилось. Разве все мы поступаем не так же?

Флоринда вернулась на следующей неделе. Когда она подъезжала, ее приветствовал старик, которого она встречала раньше. Он заговорил с ней, как будто они были старинными друзьями, и сказал, что знахарка на несколько дней уехала, но оставила для нее лекарство, на тот случай, если она появится. Он сообщил Флоринде дружески, но с металлом в голосе, что у нее есть только

два варианта – либо возвратиться домой в состоянии гораздо более худшем из-за утомительного путешествия, либо в точности следовать тщательно разработанным инструкциям знахарки. Он добавил, что если она решит остаться и начать лечение прямо сейчас, то через три – четыре месяца она будет совершенно здоровой. Здесь, однако, есть трудность – если она решит остаться, то ей придется пробыть в доме знахарки восемь следующих дней, а поэтому слуг надо отослать домой.

Флоринда сказала, что решать тут нечего – она остается. Старик немедленно дал ей настой трав, оставленный знахаркой для нее. Он просидел с ней большую часть ночи, поддерживая ее беседой, и его плавная речь пробуждала во Флоринде оптимизм и доверие. Двое ее слуг уехали на следующее утро. Флоринда совсем не боялась. Она глубоко доверяла старику. Он сказал ей, что должен построить ящик для ее лечения в соответствии с инструкциями знахарки. Он усадил ее на низкий стульчик, установленный в центре открытого места, лишенной всякой растительности. Пока она сидела там, старик познакомил ее с тремя молодыми людьми, являвшимися, по его словам, его помощниками. Двое были индейцами, третий – белый.

Им четвертым понадобилось меньше часа, чтобы соорудить ящик вокруг стула, на котором сидела Флоринда. Когда они закончили, она оказалась замурованной в ящике, крышка которого имела решетку для вентиляции. Одна из его сторон висела на петлях и служила дверью. Старик открыл дверь и помог Флоринде выйти оттуда. Он привел ее в дом и попросил помочь приготовить для нее лекарство, чтобы иметь его под рукой к тому времени, когда вернется знахарка.

Флоринда была поражена тем, как он работал. Сначала он приготовил отвар из растений с затхлым запахом и ведро горячей жидкости. Затем предложил. Чтобы для удобства она погрузила ногу в ведро и, если пожелает, выпила приготовленное им лекарство, пока оно не потеряло силу. Флоринда молча повиновалась. После этого она испытала значительное облегчение. Затем старик выделил ей комнату и велел молодым людям поставить ящик внутри комнаты. Он сказал, что пройдет несколько дней, прежде чем знахарка вернется, и тем временем ей следует тщательно выполнять все ее инструкции. Она согласилась, и он вытащил список заданий. Туда входило очень много ходьбы для

того, чтобы собирать лекарственные растения, необходимые для целительного снадобья для нее, и предусматривалось оказание ею помощи в его приготовлении.

Флоринда сказала, что провела там двенадцать дней вместо восьми, потому что ее слуги задержались из-за проливных дождей. Только на десятый день она обнаружила, что знахарка никуда не уезжала и что подлинным целителем был старик.

Флоринда смеялась, описывая свое потрясение. Старик заманил ее в активное участие в ее излечении. Более того, под предлогом, что этого требует знахарка, он ежедневно держал ее в ящике по крайней мере по шесть часов для того, чтобы выполнять особое задание, которое он называл «пересмотром».

В этом месте своего рассказа Флоринда внимательно осмотрела меня и заключила, что с меня достаточно и что мне пора уходить. При нашей последующей встрече она объяснила, что старик был ее бенефактором и что она была первым сталкером, которого женщины из партии бенефактора нашли для Нагваля Хуана Матуса.

но тогда ничего этого она не знала. Несмотря на то, что бенефактор сместил ей уровни осознания и открыл смысл происходящего, это оказалось бесполезным. Она была возвращена, чтобы быть красивой, и это создавало вокруг нее такой непроницаемый щит, что она не поддавалась переменам. Ее бенефактор пришел к выводу, что ей нужно время. Он разработал план, чтобы вывести Селестино на поле битвы Флоринды. Он дал ей возможность увидеть в личности Селестино такие вещи, о которых она знала сама, но не имела мужества открыто на них посмотреть. У Селестино было сильное чувство собственности, относящееся ко всему, чем он владел. Среди его владений и богатства Флоринда занимала очень важное место. Его заставили поступиться своей гордостью, унизив, когда он попал в руки знахарки, тем, что знахарка была дешевой, а Флоринда действительно поправлялась. Он ждал своего часа, когда лечение будет закончено, чтобы отомстить.

Флоринда сказала, что ее бенефактор знал об опасности того, что в случае быстрого выздоровления Селестино может решить, коль скоро именно он принимает решения в семье, будто Флоринде больше не нужно видеть своего лекаря Бенефактор дал ей особый настой, чтобы смазывать им другую ногу Настой был очень

терпким и вызывал раздражение на коже, напоминавшее распространение болезни. Бенефактор посоветовал ей пользоваться раствором каждый раз, когда ей захочется поехать повидать его, даже если ей не надо будет никакого лечения. По словам Флоринды, на лечение ушел год. За это время бенефактор познакомил ее с правилом и муштровал, как солдата, в искусстве сталкинга. Он заставил ее применять принципы сталкинга ко всему, чем она занималась ежедневно, начиная с самого малого и не пропуская ничего в жизни.

За этот год ее познакомили с Нагвалем Хуаном Матусом, которого она описала как очень умного и вдумчивого, но все еще самого ненадежного и ужасающего человека, которого она когда-либо встречала. Она сказала, что именно Нагваль помог ей бежать от Селестино. Он и Сильвио Мануэль украдкой вывезли ее из города через полицейские и военные кордоны. Селестино подал жалобу в суд по поводу ее побега и, будучи человеком влиятельным, использовал все свои ресурсы, чтобы помешать ей покинуть его. Из-за этого ее бенефактор вынужден был переехать в другую часть Мексики, а она, спрятавшись, несколько лет пребывать в его доме. Такое положение устраивало Флоринду, поскольку она должна была выполнить задачу пересмотра, а для этого нуждалась в абсолютной тишине и одиночестве.

Она объяснила, что пересмотр является основной силой сталкера, так же как *тело сновидения* является основной силой *сновидящих*. Пересмотр состоит из анализа собственной жизни вплоть до самых незначительных деталей. Таким образом, ее бенефактор дал ей ящик как средство и как символ. Это было средство, которое должно было позволить ей научиться концентрации, потому что ей придется сидеть там долгие годы, пока вся жизнь не пройдет у нее перед глазами, и одновременно это был символ – символ узости границ нашей личности. Ее бенефактор сказал, что когда она закончит свой пересмотр, то разломает ящик, символизируя этим, что она больше не связана ограничениями собственной личности. Она сказала, что сталкеры пользуются ящиками или земляными гробами для того, чтобы зарываться в них, пока они вновь переживают, а не просто просматривают, каждое мгновение своей жизни. Причина, по которой сталкеры должны просматривать свою жизнь так подробно, состоит в том, что дар Орла человеку включает в себя его согласие принять вместо настоящего

осознания суррогат, если такой суррогат окажется совершенной копией. Флоринда объяснила, что поскольку осознание является пищей Орла. Орел может удовлетвориться лишь в совершенстве выполненным пересмотром вместо осознания.

Затем Флоринда сообщила мне основы пересмотра. Она сказала, что первая стадия – это краткий учет всех случаев нашей жизни, которые явным образом подлежат просмотру. Вторая стадия – это более полный просмотр, начинающийся систематически с точки, которой может быть момент, предшествовавший тому, когда сталкер сел в ящик, и теоретически может простирается вплоть до рождения человека.

Она заверила меня, что совершенный пересмотр может изменить война настолько же, если не больше, как и полный контроль над *телом сновидения*. В этом смысле как искусство *сновидения*, так и искусство сталкинга ведут к одному и тому же – к входу в третье внимание. Для война, однако, важно знать и практиковать как то, так и другое. Она сказала, что женщинам требуются разные конфигурации светящегося тела для того, чтобы добиться мастерства в одном или в другом. Мужчины же, с другой стороны, могут делать и то, и другое довольно легко, но они никогда не способны достичь такого уровня мастерства, которого в каждом искусстве достигают женщины.

Флоринда объяснила, что ключевым моментом пересмотра является дыхание. Дыхание для нее стало магическим, потому что это функция, поддерживающая жизнь. Она сказала, что пересматривать легко, если уменьшить сферу стимуляции вокруг тела. В этом и состоял смысл ящика. Затем дыхание будет выносить на поверхность все более и более глубокие воспоминания. Теоретически сталкеры могут вспомнить каждое чувство, которое они испытали в своей жизни, а этот процесс у них начинается с дыхания. Она предупредила меня, что те вещи, которым она меня учит, являются лишь предварительными и что в другое время и в другой обстановке она научит меня тонкостям. Она сказала, что ее бенефактор велел ей написать список тех событий, которые ей надо было пережить повторно. Он сообщил, что процедура начинается с правильного дыхания. Сталкер начинает с того, что его подбородок лежит на правом плече, и по мере медленного вдоха он поворачивает голову по дуге на 180 градусов. Вдох заканчивается, когда подбородок укладывается на

левое плечо. После того, как вдох окончен, голова возвращается в первоначальное положение в расслабленном состоянии. Выдыхает же сталкер, глядя прямо перед собой.

Затем сталкер берет событие, стоящее в его списке на первом месте, и вспоминает его до тех пор, пока в памяти не всплывут все чувства, которые это событие вызвало. Когда сталкер вспомнит все эти чувства, он делает медленный вдох, перемещая голову с правого плеча на левое. Смысл этого вдоха состоит в том, чтобы восстановить энергию. Флоринда сказала, что светящееся тело постоянно создает паутинообразные нити, выходящие из светящейся массы под воздействием разного рода эмоций.

Поэтому каждая ситуация взаимодействия или ситуация, в которой задействованы чувства, потенциально опустошительна для светящегося тела. Вдыхая справа налево при вспоминании чувства, сталкер, используя энергию дыхания, подбирает нити, оставленные им позади. Сразу за этим следует выдох слева направо. При помощи него сталкер освобождается от тех нитей, которые оставили в нем другие светящиеся тела, участвовавшие в припоминаемом событии.

Она сказала, что это – обязательная подготовительная ступень сталкинга, через которую прошли все члены ее партии как через введение в более сложные упражнения этого искусства. Если сталкеры не прошли этой подготовительной ступени для того, чтобы вернуть нити, оставленные ими в мире, а в особенности для того, чтобы выбросить нити, оставленные в них другими, нет никакой возможности практиковать контролируемую глупость, потому что эти чужие нити являются основой для безграничного роста чувства собственной значительности. Для того, чтобы практиковать контролируемую глупость, поскольку это не является способом дурачить людей или чувствовать свое превосходство над ними, нужно быть способным смеяться над самим собой. Флоринда сказала, что одним из результатов детального пересмотра является искренний смех при столкновении лицом к лицу с набившим оскомину проявлением самовлюбленности, являющейся сущностью всех человеческих взаимодействий.

Флоринда подчеркнула, что правильно определила искусство *сновидения* и искусство сталкинга именно как виды искусства, поскольку они являются чем-то таким, что исполняют люди. Она

сказала, что дающая жизнь природа дыхания является тем, что дает в то же время и способность очищаться. Именно эта способность превращает пересмотр в практическое дело.

При нашей следующей встрече Флоринда подвела итоги тому, что она назвала последними указаниями. Она сказала, что поскольку общее заключение Хуана Матуса и его воинов состояло в том, что мне не придется иметь дело с миром повседневной жизни, они обучали меня искусству *сновидения* вместо искусства stalking. Она объяснила, что это заключение было радикально пересмотрено и что они оказались в неудобном положении. У них не осталось времени обучать меня искусству stalking. Ей придется отстать, задержавшись на периферии третьего внимания для того, чтобы выполнить свою задачу позднее, когда я буду готов. С другой стороны, если я покину мир вместе с ними, то эта обязанность будет с нее снята.

Флоринда сказала, что самыми важными задачами, которые может выполнить воин, ее бенефактор считал три основных техники stalking – ящик, список событий для пересмотра и дыхание сталкера. По его мнению, наиболее действенным средством для потери человеческой формы является глубокий пересмотр. После пересмотра своей жизни сталкерам легче использовать все неделания самого себя, такие, как стирание личной истории, потеря чувства собственной значительности, ломка привычек и т. п. Бенефактор Флоринды дал им всем пример того, о чем он говорил, сначала действуя из собственных предпосылок, а затем дав им разумные основания воина относительно своих поступков. В ее случае он, будучи мастером stalking, разыграл представление с ее болезнью и излечением, которое не только совпадало с путем воина, но и было мастерским введением в семь основных принципов искусства stalking.

Сначала он затащил Флоринду на свое собственное поле битвы, где она оказалась в его руках. Он заставил ее отбросить то, что не было существенным; он научил ее, как сделать собственную жизнь однонаправленной при помощи решения; он обучил ее расслаблению; для того, чтобы помочь ей заново собрать свои ресурсы, он заставил ее войти в совершенно новое состояние оптимизма и уверенности в себе; он научил ее уплотнять время; и, наконец, он показал ей, что сталкер никогда не выставляет себя вперед.

Наибольшее впечатление на Флоринду произвел последний принцип. По ее мнению, он сводил воедино все то, что она хотела сказать мне в своих последних указаниях.

– Мой бенефактор был вождем, – сказала Флоринда, – и в то же время, глядя на него, никто бы в это не поверил. Он всегда выдвигал вперед кого-нибудь из своих воинов-женщин, притворяясь одним из посторонних или изображая старого дурака, постоянно подметающего сухие листья самодельной метлой. Флоринда объяснила, что для того, чтобы применять седьмой принцип искусства сталкинга, необходимо использовать остальные шесть. Поэтому ее бенефактор как бы наблюдал за всем происходящим из-за кулис, благодаря чему он мог избегать конфликтов или отражать их. Возможная угроза всегда была направлена не на него, а на его передовую линию – на женщину-воина.

– Надеюсь, теперь ты понял, – продолжала она, – что только мастер-сталкер может быть мастером контролируемой глупости. Контролируемая глупость не сводится к тому, чтобы просто дурачить людей. Ее смысл в применении воином семи основных принципов сталкинга ко всему, что он делает, начиная от самых тривиальных поступков до ситуаций жизни и смерти. Применение этих принципов приводит к трем результатам. Первый – сталкер обучается никогда не принимать самого себя всерьез, уметь смеяться над собой. Если он не боится выглядеть дураком, он может одурачить другого. Второй – сталкер приобретает бесконечное терпение. Он никогда не спешит и никогда не волнуется. Третий – сталкер бесконечно расширяет свои способности к импровизации.

Флоринда поднялась. Как обычно, мы сидели в ее жилой комнате. Я сделал вывод, что наш разговор окончен. Она сказала, что у нее есть еще одна тема, с которой она хочет меня познакомить, прежде чем попрощаться, и привела меня на другую веранду. Никогда раньше я не бывал в этой части ее дома. Она мягко позвала кого-то, и из комнаты вышла женщина. Сначала я не узнал ее. Женщина обратилась ко мне по имени, и только тут я сообразил, что это донья Соледад, но совершенно изменившаяся. Она стала намного моложе и сильнее.

Флоринда сказала, что Соледад провела в ящике для пересмотра пять лет и что Орел принял этот пересмотр вместо осознания и

отпустил ее на свободу. Донья Соледад подтвердила это кивком головы. Флоринда резко прервала нашу встречу, сказав, что мне пора уходить, потому что у меня больше не осталось энергии. После этого я неоднократно бывал в доме Флоринды, но каждый раз видел ее всего несколько секунд. Она сказала, что решила больше не учить меня, потому что для меня лучше иметь дело только с доньей Соледад.

Мы с доньей Соледад встречались несколько раз, но то, что происходило между нами во время этих встреч, оставалось для меня абсолютно непонятным. Каждый раз, когда мы оказывались вдвоем, она усаживала меня у двери ее комнаты лицом к востоку. Сама она садилась справа, касаясь меня. Затем мы останавливали вращение стены тумана и оставались оба в ее комнате лицом к югу. Я уже научился останавливать вращение стены тумана с Ла Гордой. Донья Соледад, казалось, помогала мне понять другой аспект этой способности восприятия. Мы с Ла Гордой правильно заметили, что лишь какая-то часть меня останавливает стену. Как будто я внезапно делился надвое. Часть моего полного «я» смотрела вперед и видела неподвижную стену справа, тогда как другая, более крупная часть моего полного «я» поворачивалась на 90 градусов вправо и смотрела на стену в упор.

Каждый раз, когда мы с доньей Соледад останавливали стену, мы оставались смотреть на нее, но никогда не входили в пространство между параллельными линиями, как я делал это неоднократно вместе с женщиной-нагваль и Ла Гордой. Донья Соледад заставляла меня каждый раз вглядываться в туман, как если бы он был чем-то вроде зеркала, и всегда я испытывал необычное нарушение ассоциаций. Проносясь как будто бы на необычайной скорости, я мог видеть фрагменты ландшафтов, формирующихся в тумане, и внезапно оказывался в иной физической реальности. Это был горный район, каменистый и неприветливый. Там всегда находилась донья Соледад в обществе милой женщины, громко смеявшейся мне навстречу.

Моя неспособность заметить и запомнить, что мы делали после этого момента, была еще более острой, чем неспособность помнить то, что женщина-нагваль, Ла Горда и я делали в пространстве между параллельными линиями.

Казалось, мы с доньей Соледад входили в другую область осознания, неизвестную мне. Я пребывал уже в том состоянии,

которое считал самым острым состоянием своего осознания, и тем не менее было что-то еще более острое. Тот аспект второго внимания, который донья Соледад, очевидно, показывала мне, был более сложным и недоступным, чем все, с чем я встречался до сих пор. Все, что я мог вспомнить, – это ощущение неимоверного множества движений, чисто физическое ощущение, подобное тому, какое испытываешь, пройдя несколько миль пешком или возвратившись с горной прогулки. У меня также была ясная уверенность, хотя я и не мог сказать, почему, что донья Соледад, эта женщина и я обменивались словами, мыслями и чувствами, но я не мог их припомнить.

После каждой встречи с доньей Соледад Флоринда немедленно выпроваживала меня. Словесно донья Соледад передавала минимальную часть информации. Мне показалось, что пребывание в состоянии повышенного осознания оказывало на нее такое влияние, что она едва могла говорить. Было что-то такое, что мы делали в этой горной местности, помимо той милой женщины, что заставляло нас буквально валиться без сил. Она тоже ничего не могла вспомнить, хотя и пыталась.

Я попросил Флоринду разъяснить природу моих путешествий с доньей Соледад. Она сказала, что часть ее последних инструкций состояла в том, чтобы заставить меня войти в состояние второго внимания так, как это делают сталкеры, и что донья Соледад еще более способна, чем она сама, втягивать меня в пространство сталкеров.

На той нашей встрече, которая должна была стать последней, Флоринда, как обычно, ожидала меня в гостиной. Она взяла меня за руку и проводила в жилую комнату. Мы сели. Она предупредила меня, чтобы я пока не пытался осмысливать свои путешествия с доньей Соледад. Она объяснила, что сталкеры в основе своей отличаются от *сновидящих* и что донья Соледад занималась тем, что пыталась помочь мне повернуть голову.

Когда дон Хуан описывал концепцию поворота головы воина для того, чтобы увидеть новое измерение, я понял это как метафору, в которой подразумевалось изменение установки. Флоринда сказала, что это сравнение верно, но что это не метафора. Сталкеры действительно поворачивают голову, однако они делают это не для того, чтобы повернуться лицом в новом направлении, а для того, чтобы по-другому взглянуть на время. Сталкеры обращены лицом

к времени наступающему. Обычно же мы смотрим на время, уходящее от нас. Только сталкеры могут менять направление и поворачиваться лицом к накатывающемуся на нас времени. Флоринда объяснила, что поворачивание головы не равносильно взгляду в будущее, а означает, что время видится как нечто конкретное, хотя и непонятное. Поэтому для меня было излишне обдумывать то, что мы делали с доньей Соледад. Все это приобретет смысл, если я смогу воспринять целостность самого себя и в таком случае получу энергию, необходимую для того, чтобы разрешить эту загадку.

Тонем человека, вручающего награду, Флоринда сообщила мне, что донья Соледад является сталкером экстракласса; она назвала ее величайшей из всех. В любой момент донья Соледад может пересекать параллельные линии. Более того, никто из воинов партии Хуана Матуса не был способен делать то, что делала она. Донья Соледад, благодаря своей безупречной технике сталкера, нашла свое параллельное существо.

Флоринда объяснила, что все, что я испытал с Сильвио Мануэлем, или с Нагвалем Хуаном Матусом, или с Зулейкой, или с Хенаро, было лишь микроскопической долей второго внимания. То, что помогла мне испытать донья Соледад, было еще одной микроскопической долей, но совсем другой.

Донья Соледад не только заставила меня повернуться лицом к накатывающемуся времени, но и привела меня к своему параллельному существу. Флоринда определила параллельное существо как противовес, который имеют все живые твари, благодаря тому, что они являются светящимися существами, наполненными энергией. Параллельное существо любой личности – это другая личность того же пола, очень тесно и нераздельно соединенная с первой. Они существуют в мире в одно и то же время. Двое параллельных существ являются как бы двумя сторонами одной медали.

Воину почти невозможно найти свое параллельное существо, потому что в его жизни слишком много отвлекающих факторов, других вещей, представляющихся первостепенными. Но те, кто способен справиться с этой задачей, найдут в своем параллельном существе, как это сделала донья Соледад, неисчерпаемый источник молодости и энергии.

Флоринда резко поднялась и отвела меня в комнату доньи

Соледад. Может быть, потому, что я знал о том, что это наша последняя встреча, меня охватила странная тревога. Донья Соледад улыбнулась мне, когда я рассказал ей о том, что мне только что сообщила Флоринда. Она сказала с истинным смирением воина, что она не учит меня ничему, что она надеялась единственно показать мне свое параллельное существо, потому что именно туда она отступит, когда Нагваль Хуан Матус и его воины покинут этот мир. Однако случилось что-то еще, что было выше ее понимания. Флоринда объяснила ей, что мы увеличивали энергию друг друга и что это заставило нас встретить наступающее время не в малых дозах, как планировала Флоринда, а непроглатываемыми порциями, как хотела того моя беспорядочная натура.

Результат нашей последней встречи был еще более ошеломляющим. Донья Соледад, ее параллельное существо и я оставались вместе в течение необычайно долгого времени. Я видел каждую черточку лица параллельного существа. Я чувствовал, как она пытается сказать мне, кто она такая. Она, казалось, тоже знала, что это наша последняя встреча. В ее глазах проступало непреодолимое ощущение слабости. Затем сила, подобная ветру, унесла нас прочь во что-то такое, что не имело для меня смысла. Внезапно Флоринда помогла мне встать. Она взяла меня за руку и повела к двери. Донья Соледад пошла с нами. Флоринда сказала, что мне придется трудно, когда я буду вспоминать происшедшее, потому что я самозащищался при помощи своей рассудительности, а это состояние может только ухудшиться, потому что они скоро уйдут и не останется никого, кто помог бы мне сместить уровни осознания. Она добавила, что мы с доньей Соледад встретимся опять в мире повседневной жизни.

Тогда я повернулся к донье Соледад и попросил вывести меня из моего состояния самозащиты. Я сказал, что если ей это не удастся, то пусть лучше она убьет меня. Я не хочу жить в путах своей рассудительности.

— Так говорить неправильно, — сказала Флоринда. — Мы — воины, а у воинов только одна цель — их свобода. Умереть и быть съеденным Орлом — это не вызов. С другой стороны, проскочить мимо Орла и стать свободным — исключительная доблесть.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 15

Пернатый змей

Совершив все, что было определено правилом, дон Хуан со своей партией воинов были готовы к своей конечной задаче – покинуть мир повседневной жизни. Все, что оставалось Ла Горде, другим ученикам и мне, – быть свидетелями их ухода. Оставалась только одна нерешенная проблема: что делать с учениками. Дон Хуан сказал, что они должны были уйти вместе с ними, влившись в их собственную группу, однако они не были готовы. То, как они себя вели, пытаясь пересечь мост, показало, ему, в чем состоят их слабости.

Дон Хуан признал, что выбор его бенефактора – ожидать, годами, прежде чем собрать для него партию воинов, – был мудрым выбором и дал положительные результаты, тогда как его собственное решение – побыстрее свести меня с женщиной-нагваль и моей собственной группой воинов – едва не оказалось для нас фатальным.

Я понял, что он говорит это не в знак сожаления, а как подтверждение свободы воина выбирать и принимать свой выбор. Более того, он сказал, что серьезно думал – не последовать ли примеру своего бенефактора, и что если бы он так сделал, то очень скоро обнаружил бы, что я не такой же Нагваль, как он сам, и никто другой, кроме меня, не был бы вовлечен в дальнейшие события. А вышло так, что Лидия, Роза, Бениньо, Нестор и Паблито столкнулись с серьезными трудностями; Ла Горде и Хосефине нужно время, чтобы усовершенствовать себя; только Соледад и Элихио были в порядке, поскольку они, пожалуй, были подготовлены даже лучше, чем воины его собственной группы. Дон Хуан добавил, что теперь этим девятерым придется принять свои счастливые или несчастливые обстоятельства и без сожаления, без отчаяния и без похлопывания друг друга по плечу превратить свое проклятие или благословение в живой вызов. Дон Хуан сказал, что не все у них было неудачно – небольшая роль, сыгранная нами среди воинов его группы, принесла полный

триумф, поскольку правило подходило к каждому члену моей партии, за исключением меня. Я полностью согласился с ним. Начиная с женщины-нагваль, все полностью соответствовали правилу. Она обладала выдержкой и контролем, была воинственной и в то же время спокойной. Без всякой внешней подготовки она справлялась и вела всех одаренных воинов дона Хуана, несмотря на то, что они были вдвое старше ее. Эти мужчины и женщины признавали, что она была копией другой женщины-нагваль, которую они знали. Она в совершенстве отражала каждую из женщин-воинов, а следовательно, могла отражать также и тех пятерых женщин, которых дон Хуан нашел для моей партии, потому что они были копией старших женщин. Лидия была как Эрмелинда, Хосефина – как Зулейка, Роза и Ла Горда – как Нелида, а Соледад – как Делия.

Мужчины также представляли собой копии воинов дона Хуана: Нестор был копией Висенте, Паблито – Хенаро, Бениньо – Сильвио Мануэля, а Элихио был подобен Хуану Тума. Правило действительно было голосом всеохватывающей силы, сплотившей всех людей в одно целое. Лишь благодаря странному капризу судьбы они остались беспризорными, без лидера, который нашел бы для них проход в другое осознание.

Дон Хуан сказал, что всем членам моей партии придется войти в другое осознание самостоятельно и что он не знает, каковы их шансы, потому что это зависит от каждого из них в отдельности. Он безупречно помог каждому; в результате его дух освободился от беспокойства и забот, а его разум стал свободен от всяких пустых спекуляций. Ему осталось лишь прагматически показать нам, что это значит – пересечь параллельные линии в своей целостности.

Мне же дон Хуан сказал, что я смогу помочь в лучшем случае только одному из учеников и что он выбрал Ла Горду из-за ее восприимчивости и из-за того, что я уже знаком с ней. По его мнению, у меня не хватит энергии для остальных, поскольку я должен буду выполнять другие обязанности, пройти по другим тропам действия, которые соответствуют моей истинной задаче. Дон Хуан объяснил мне, что каждый из его собственных воинов знал, в чем состоит эта задача, но не открыл ее мне, потому что мне еще предстояло доказать, что я ее достоин. Поскольку они находились в конце своего пути, а я точно следовал его

инструкциям, появилась необходимость открыть мне эту задачу, хотя бы только и частично.

Когда дону Хуану пришло время уходить, он дал мне об этом знать, пока я находился в состоянии нормального осознания. Я не понял значения того, что он сказал. Дон Хуан до самого конца учил меня соединять оба моих состояния осознания. Все было бы очень просто, если бы я оказался способен сделать это. Поскольку же мне это не давалось и я лишь интеллектуально был затронут его откровением, он заставил меня сместить уровни осознания для того, чтобы дать мне возможность воспринять события более полно.

Он неоднократно предупреждал меня, что пребывание в левостороннем состоянии осознания представляет Преимущество только в том смысле, что мы там быстрее все схватываем. В то же время это невыгодно, поскольку позволяет нам с невероятной ясностью фокусироваться каждый раз только на одном предмете: это делает нас зависимыми и уязвимыми. Мы не можем быть сами по себе, пока находимся в левостороннем осознании, поэтому нас должны оберегать воины, достигшие целостности самих себя и знающие, как управлять собой в этом состоянии.

Ла Горда сказала, что однажды Нагваль Хуан Матус и Хенаро собрали всех учеников в ее доме. Нагваль перевел их в левостороннее осознание и сообщил, что время его пребывания на земле подошло к концу. Сначала она не поверила ему. Она решила, что он пытается напугать их, чтобы они действовали как воины. Но затем до нее дошло, что в его глазах было такое сияние, которого она никогда раньше не видела.

Изменив их уровни осознания, он разговаривал с каждым в отдельности и заставил вспомнить все концепции и процедуры, с которыми он их познакомил. То же самое он проделал и со мной. Это произошло за день до того, как я увидел его в последний раз. В моем случае он совершил подобный обзор в обоих моих состояниях осознания. Фактически он перемещал меня туда и назад, как бы желая убедиться, что в обоих случаях я усвоил все полностью.

Сначала я не мог вспомнить, что происходило после этого обзора. Однажды Ла Горде в конце концов удалось сломать барьеры моей памяти. Она сказала, что находилась внутри моего разума, как если бы читала мои мысли. Она утверждала, что моя память держит

взаперти страх вспомнить свою боль. То, что произошло в доме Сильвио Мануэля вечером, перед тем, как они ушли, было нераздельно переплетено с моим страхом. Она сказала, что у нее абсолютно ясное ощущение, что я боюсь, но она не знает причины этого страха. Она также не могла вспомнить, что в точности происходило в том доме, а в особенности в той комнате, где мы сидели.

Пока Ла Горда говорила, я почувствовал, что как бы падаю в бездну. Я сообразил, что что-то во мне пытается создать связь между двумя отдельными событиями, свидетелем которых я был в двух своих состояниях осознания. На левой стороне, как под замком, находились воспоминания о доне Хуане и его партии воинов в их последний день на земле. На правой же стороне была память о том, как в тот день я прыгнул в бездну. Пытаясь соединить эти две стороны, я испытал общее чувство физического падения. Колени мои подогнулись, и я повалился на пол. Когда я описал Ла Горде свой опыт и его истолкование, она сказала, что в мое правостороннее осознание, вне всякого сомнения, пробивается воспоминание, всплывшее у нее, пока я говорил. Она только что вспомнила, как мы предпринимали еще одну попытку пересечь параллельные линии вместе с Нагвалем Хуаном Матусом и его партией. Она имела в виду тот случай, когда мы с ней вместе с остальными учениками еще раз пытались перейти через мост.

Я не мог сосредоточиться на этом воспоминании. Казалось, существовала какая-то ограничивающая сила, мешавшая мне собрать свои мысли и чувства относительно этого события. Ла Горда сказала, что Сильвио Мануэль велел Нагвалю Хуану Матусу приготовить меня и всех учеников к переходу. Он не хотел оставлять меня в мире, потому что считал, что у меня нет ни одного шанса выполнить свою задачу. Нагваль не был согласен с ним, но независимо от своих чувств подготовил нас.

Ла Горда добавила, что помнит, как я подъехал к ее дому, чтобы отвезти ее и остальных учеников к дому Сильвио Мануэля. Они остались там, а я вернулся назад к Хуану Матусу и Хенаро, чтобы подготовиться к переходу.

Я совершенно не помнил этого. Она настаивала, чтобы я использовал ее, поскольку мы были так тесно связаны, и уверяла меня, что я могу читать у нее в разуме и найти там что-нибудь, что

пробудит у меня полное воспоминание.

В моих мыслях царил хаос. Чувство тревоги мешало мне сосредоточиться даже на том, что говорит Ла Горда. Она продолжала говорить, описывая то, что она вспомнила о нашей второй попытке перейти мост. Она напонила, как Сильвио Мануэль обратился к нам с речью, сказав, что мы достаточно подготовлены, чтобы попытаться еще раз полностью войти в другое «я», что нам необходимо только отбросить намерение своего первого внимания. Как только мы окажемся в осознании другого «я», сила Нагваль Хуана Матуса и его партии возьмет нас и легко поднимет в третье внимание – чего нельзя будет сделать, если мы будем пребывать в нормальном осознании.

В какой-то момент я перестал слушать Ла Горду, но звук ее голоса был для меня действительной помощью. Внезапно я вспомнил это событие – и согнулся под грузом воспоминаний. Ла Горда замолчала, когда я рассказал ей о том, что вспомнил. Она тоже вспомнила все.

Я вспомнил, что дон Хуан и Хенаро подготавливали меня к переходу, пока я пребывал в состоянии нормального осознания. Я не без оснований считал, что они готовят меня к прыжку в бездну. Ла Горда вспомнила, как Сильвио Мануэль, чтобы подготовить их к переходу, подвешивал каждого к потолочной балке в кожаном корсете. В каждой комнате его дома висело по одному ученику, и это длилось почти целый день. Ла Горда заметила, что иметь такой корсет в комнате – отличная штука. Хенарос, не зная в действительности, что они делают, наткнулись на псевдовоспоминания о тех корсетах, в которых их подвешивали, и создали свою собственную игру, соединявшую в себе лечебные и очищающие эффекты, поскольку она удерживала от соприкосновения с землей, давая возможность упражняться еще и в концентрации, необходимой для перемещения из правой в левую сторону осознания. Кроме этого, их игра была действенным средством, помогавшим им вспоминать.

Ла Горда сказала, что после того, как ученики провисели так почти целый день, Сильвио Мануэль в сумерках опустил их на землю.

Они гурьбой пошли с ним к мосту и ждали там вместе с основной партией, пока не показались Нагваль Хуан Матус, Хенаро и я. Дон Хуан объяснил им, что на мою подготовку ему понадобилось больше времени, чем он предполагал.

Я вспомнил, что дон Хуан и его воины пересекли мост прежде нас. Донья Соледад и Элихио автоматически пошли с ними. Последней перешла женщина-нагваль. С другой стороны моста Сильвио Мануэль подал нам знак начинать переход. Не говоря ни слова, мы все пошли сразу. На середине моста Лидия, Роза и Паблито, казалось, не были способны сделать больше ни шагу. Бениньо и Нестор дошли почти до конца и остановились там. Туда же, где стояли дон Хуан и члены его партии, подошли только мы с Ла Гордой и Хосефина.

То, что произошло потом, страшно напоминало первую попытку перехода. Сильвио Мануэль и Элихио держали открытыми какие-то створки. У меня было достаточно энергии, чтобы сфокусировать на них свое внимание. Это не походило на углубление в холме, находящемся по ту сторону моста, не было это и отверстием в стене тумана, хотя я мог различить туманоподобные испарения вокруг створок. Это была темная таинственная расщелина, стоявшая сама по себе вне всего остального. Она была размером в человеческий рост, но узкой. Дон Хенаро пошутил, назвав ее «космическим влагалищем». Эта реплика вызвала у его друзей гомерический хохот. Ла Горда и Хосефина держались за меня, и мы вошли туда.

Я тут же почувствовал себя раздавленным. Та же неизмеримая сила, которая чуть не разорвала меня в первый раз, вновь овладела мной. Я ощущал, как Ла Горда и Хосефина сливаются со мной. Казалось, я был шире, чем они, и эта сила обволакивала мною их обоих. Затем я оказался лежащим на земле, а Ла Горда и Хосефина были •на мне. Сильвио Мануэль помог нам встать и сказал, что на этот раз мы не имеем возможности присоединиться к ним в их путешествии, но, может быть, позднее, когда мы доведем себя до совершенства, Орел позволит нам пройти.

Пока мы возвращались к его дому, Сильвио Мануэль рассказал мне почти шепотом, что этой ночью моя и их тропы разошлись. Они разошлись навсегда, они никогда не сольются вновь, и я остаюсь в одиночестве. Он убеждал меня быть экономным и использовать каждую крупицу моей энергии, ничего не расходуя понапрасну. Он заверил меня, что если я смогу достичь целостности самого себя без чрезмерной утечки энергии, то у меня ее будет достаточно, чтобы выполнить свою задачу. Если же я чрезмерно опустошу себя, прежде чем потеряю человеческую

форму, то на мне можно будет поставить крест. Я спросил у него, есть ли способ избежать утечки энергии. Он покачал головой и заметил, что такой способ есть, но он не для меня. То, добьюсь я успеха или нет, никак не связано с моими волевыми усилиями. Затем он сообщил мне о моей задаче, но не сказал, как ее вспомнить. Он был убежден, что когда-нибудь Орел поставит на мою тропу кого-нибудь, кто расскажет мне, как это сделать. И до тех пор, пока я не добьюсь в этом успеха, я не стану свободным. Когда мы вернулись в дом, все собрались в большой комнате. Дон Хуан сидел в ее центре лицом к юго-востоку. Восемь воинов-женщин окружили его. Они сели парами по сторонам света, тоже лицом к юго-востоку. Затем трое воинов-мужчин образовали треугольник снаружи этого круга, причем Сильвио Мануэль находился в его вершине, указывающей на юго-восток. Двое женщин-курьеров сели по бокам от него, а двое мужчин-курьеров сели прямо перед ним у стены. Женщина-нагваль усадила учеников-мужчин, против восточной стены, женщин усадила против западной стены, затем провела меня к месту сразу позади дона Хуана. Мы с ней сели там вместе.

Как мне казалось, мы просидели так мгновение, тем не менее я ощутил в своем теле необычайный прилив энергии. Я считал, что мы сели и сразу же поднялись. Когда я спросил у женщины-нагваль, почему мы встали так быстро, она ответила, что мы просидели несколько часов и что когда-нибудь, прежде чем я войду в третье внимание, все это вернется ко мне.

Ла Горда подтвердила, что у нее было такое же ощущение, что мы сидели в этой комнате лишь мгновение, но ей никто не сказал, что все было иначе. Нагваль Хуан Матус сказал ей после этого, что на ней лежит обязанность помогать всем ученикам, в особенности Хосефине, и что когда-нибудь я вернусь, чтобы дать последний толчок, который ей будет нужен, чтобы полностью перейти в другое «я».

Она была связана со мной и Хосефиной.

Во время нашего *совместного сновидения* под наблюдением Зулейки мы обменялись огромным количеством нашей светимости. Именно поэтому мы смогли вместе выдержать давление другого «я», когда входили в него телесно. Дон Хуан говорил ей также, что только сила воинов его партии сделала в этот раз переход таким легким и что когда ей придется переходить

самостоятельно, она должна быть готова сделать это в *сновидении*. После того, как мы поднялись, ко мне подошла Флоринда. Она взяла меня за руку и прошла со мной по комнате, пока дон Хуан и его воины разговаривали с учениками. Она сказала, что я не должен позволять событиям той ночи на мосту смущать меня. Я не должен считать, как считал когда-то Нагваль Хуан Матус, что существует какой-то действительно физический проход в другое «я». Расщелина, которую я видел, была просто воплощением их *намерения*, обусловленного смесью одержимости Нагваля Хуана Матуса относительно проходов и странного чувства юмора Сильвио Мануэля. Эта смесь и создала «космическое влагалище». Насколько она знает, проход из одного «я» в другое не имеет физической материальности. «Космическое влагалище» было физическим выражением силы двух людей приводить в движение колесо времени.

Флоринда объяснила, что когда она и ее друзья говорят о времени, они не имеют в виду что-то такое, что измеряется движением часовой стрелки. Время является сущностью внимания; эманации Орла состоят из времени, и, по существу, когдаходишь в любой аспект другого «я», то знакомишься со временем.

Флоринда заверила меня, что этой ночью, пока мы сидели в комнате, у них был последний шанс помочь мне и ученикам повернуться лицом к колесу времени. Она сказала, что колесо времени подобно состоянию повышенного осознания, являющегося частью другого «я», так же как лево- и правостороннее осознания являются частями нашего повседневного «я», и что его физически можно описать как туннель бесконечной длины и ширины, туннель с отражающими бороздками. Каждая бороздка бесконечно, и бесконечно их число. Живые существа созданы силой жизни так, что смотрят только в одну бороздку. Смотреть же в нее означает быть пойманным ею, жить ею, этой бороздкой. Она сказала, что то, что воины называют волей, относится к колесу времени. Что-то похожее на усик виноградной лозы или на неосязаемое щупальце, которым мы все обладаем. Она сказала, что конечная цель воина – научиться фокусировать волю на колесе времени для того, чтобы заставить его поворачиваться. Воины, сумевшие повернуть колесо времени, могут смотреть в любую бороздку и извлекать оттуда все, что пожелают, вроде этого «космического влагалища». Быть

пойманным в бороздку времени означает видеть образы этой бороздки, но только по мере того, как они уходят. Свобода от околдовывающей силы этих бороздок означает возможность смотреть в любом направлении на то, как эти бороздки уходят или приближаются.

Флоринда замолчала и обняла меня, а затем прошептала на ухо, что она когда-нибудь вернется, если я достигну целостности самого себя, чтобы закончить свой инструктаж.

Дон Хуан подозвал всех ко мне. Меня окружили. Сначала дон Хуан обратился ко мне и сказал, что я не могу идти с ними в их путешествие, потому что меня невозможно отделить от моей задачи. В подобных обстоятельствах единственное, что можно сделать, – это пожелать мне всего наилучшего. Он добавил, что воины не имеют своей собственной жизни. С того момента, как они начинают понимать природу осознания, они перестают быть личностями, и человеческие усилия больше не являются частью их воззрений. У меня есть мой долг как воина, и ничто другое не является важным, потому что я остаюсь позади для того, чтобы выполнить крайне неясную задачу.

Поскольку я уже освободился от своей жизни, им нечего больше сказать, разве что пожелать действовать так хорошо, как я только смогу. Мне тоже нечего было сказать им, кроме того, что я понял и принял свою судьбу.

Следующим ко мне подошел Висенте. Он заговорил очень мягко и сказал, что вызовом для воина является приход к очень тонкому равновесию между положительными и отрицательными силами. Этот вызов не означает, что воин стремится все взять под контроль, а означает лишь, что воин должен стремиться встретить любую воображимую ситуацию, ожидаемую и внезапную, с равной эффективностью. Быть совершенным в благоприятных обстоятельствах означает быть бумажным воином. Мой вызов состоит в том, что я остаюсь позади. Их вызов – в том, чтобы идти в неизвестное. Оба вызова являются захватывающими. Для воинов восхищение от того, что остаешься, равно восхищению от того, что отправляешься в путь; Оба равны, потому что оба состоят в выполнении священного долга.

Затем ко мне приблизился Сильвио Мануэль. Заботясь о практических моментах, он снабдил меня формулой, своеобразным заклинанием на тот случай, если моя задача окажется для меня

непосильной. Это был тот напев, который пришел мне на ум, когда я в первый раз вспомнил женщину-нагваль.

Я уже отдан силе, что правит моей судьбой.

Я ни за что не цепляюсь, поэтому мне нечего защищать.

У меня нет мыслей, поэтому я буду видеть.

Я ничего не боюсь, поэтому я буду помнить себя.

Отрешенный, с легким сердцем.

Я мимо Орла проскользну, чтобы снова стать свободным.

Он сказал мне, что собирается продемонстрировать практическое маневрирование вторым вниманием, и тут же превратился в светящееся яйцо. Затем вернул себе свою нормальную внешность, и повторил эти превращения три или четыре раза. Я отлично понял, что он делает. Ему не понадобилось объяснять мне это, но тем не менее я не мог выразить словами то, что узнал.

Сильвио Мануэль улыбнулся, понимая мои проблемы. Он сказал, что требуется огромная сила для того, чтобы освободиться от намерения повседневной жизни. Секрет, только что открытый мне, состоит в том, как уходить от такого намерения. Чтобы выполнить то, что он сделал, нужно перенести свое внимание на светящуюся оболочку.

Он еще раз превратился в светящееся яйцо, и тогда мне стало ясно все, что я знал и так. Глаза Сильвио Мануэля на какое-то мгновение сфокусировались на точке второго внимания. Голова его была повернута прямо, но взгляд был несколько скошен в сторону. Он сказал, что воин должен вызвать *намерение*, а взгляд является ключом. Глаза как бы выманивают *намерение*.

Меня охватила эйфория.

В конце концов, теперь я получил возможность думать о чем-то таком, что я знал, в действительности не зная. Причина того, что видение является зрительным, состоит в том, что глаза нужны нам, чтобы фокусироваться на *намерении*. Дон Хуан и партия его воинов знали, как использовать свои глаза для того, чтобы схватить другой аспект *намерения*. Они называли это действие видением. То, что показал мне Сильвио Мануэль, являлось истинной функцией глаз – ловцов *намерения*.

Я решил использовать свои глаза, чтобы приманить *намерение*, и сфокусировал их на точке второго внимания. Внезапно дон Хуан, его воины, донья Соледад и Элихио стали светящимися яйцами, но это не относилось к Ла Горде, трем сестричкам и Хенарос. Я

продолжал перемещать глаза туда и назад между шарами света и людьми, пока не услышал щелчок в основании шеи, и тогда все в комнате стали светящимися яйцами. Мгновение мне казалось, что я не смогу их различать, но затем мои глаза как-то приспособились, и я удержал два аспекта *намерения*, два образа сразу. Я мог видеть и их физические тела, и их светимости. Две сцены не были наложены друг на друга, они существовали отдельно, – и все же я не мог понять – каким образом. У меня как бы сосуществовали два канала зрения, где видение совершалось моими глазами и в то же время было независимо от них. Закрывая глаза, я продолжал видеть светящиеся тела, но уже не видел физических тел.

В какой-то момент у меня возникло острейшее чувство, что я знаю, как перемещать свое внимание на собственную светимость. Я знал также, что стоит мне сфокусировать свои глаза на своем теле, как я возвращусь на физический уровень.

Затем ко мне подошел дон Хенаро и сказал, что Нагваль Хуан Матус дал мне долг как прощальный подарок, Висенте подарил мне вызов, Сильвио Мануэль – магию, а он хочет подарить мне юмор. Он осмотрел меня с головы до ног и заметил, что на вид я – самый печальный Нагваль, какого он когда-либо видел. Он окинул взглядом учеников и заключил, что нам ничего не остается, как быть оптимистами и смотреть на положительные стороны вещей. После этого он рассказал нам анекдот о деревенской девушке, соблазненной и покинутой городским ухажером. Когда ей в день свадьбы сообщили, что жених сбежал, она взяла себя в руки благодаря трезвой мысли о том, что еще не все потеряно. Да, она лишилась девственности, но, слава богу, еще не успела заколоть поросенка, предназначенного для свадебного пира.

Дон Хенаро сказал, что может помочь нам выбраться из нашей ситуации, похожей на ситуацию брошенной невесты.

Единственный выход – держаться за своих поросят, чем бы они ни были, и весело смеяться. Только при помощи смеха мы можем изменить свое положение.

Жестами головы и рук он пригласил нас сказать ему сердечное «ха-ха». Вид учеников, пытающихся рассмеяться, был таким же смешным, как и мои собственные потуги. Внезапно я рассмеялся вместе с доном Хуаном и его воинами.

Дон Хенаро, всегда подшучивавший над моими поэтическими

наклонностями, попросил меня громко продекламировать стихотворение. Он сказал, что хочет суммировать свои сантименты и свои рекомендации стихотворением, прославляющим жизнь, смерть и смех. Он имел в виду отрывок из поэмы Хосе Горостизы «Смерть без конца».

Женщина-нагваль вручила мне книгу, и я прочел тот отрывок, который всегда нравился дону Хуану и дону Хенаро.

О, какая слепая радость!

Какое огромное желание!

Пользоваться воздухом, которым мы дышим

Ртом, глазами, рукой.

Какое горячее нетерпение

Потратить всего себя без остатка

В одном-единственном взрыве смеха.

О, эта наглая выскочка смерть.

Добивающая нас издалека.

Дотянувшись до нас через удовольствия.

Которые мы находим

В ничтожной ласке.

В чашке чая...

Обстановка для стихотворения была захватывающей. Я ощутил озноб. Ко мне подошли Эмилито и Хуан Тума. Они не сказали не слова. Их глаза сияли как черные стеклянные бусинки. Казалось, все их чувства были сфокусированы в глазах. Курьер Хуан Тума очень мягко сказал, что когда-то в своем доме он посвятил меня в тайны Мескалито и что это было предшественником другого случая в колесе времени, когда он хотел ввести меня в полную и окончательную тайну.

Эмилито сказал, как если бы его голос был эхом Хуана Тумы, что они оба уверены, что я выполню свою задачу. Курьер Хуан Тума добавил, что Орел свел меня с партией Нагваля Хуана Матуса как со спасательной командой. Они еще раз обняли меня и прошептали вдвоем, что я должен верить в самого себя.

После курьеров ко мне подошли воины-женщины. Каждая обнимала меня и шептала на ухо наилучшие пожелания.

Последней подошла ко мне женщина-нагваль. Она села и поставила меня между колен, как будто я был ребенком. Она излучала чистоту и привязанность. У меня перехватило дыхание. Мы поднялись и обошли комнату, разговаривая о нашей судьбе.

Силы, которые невозможно изменить, привели нас к этому кульминационному моменту. Испытываемое мною преклонение было неизмеримым, и такова же была моя печаль. Затем она открыла мне частичку правила, относящегося к трехзубчатому Нагвалю. Она была крайне возбуждена, и в то же время казалась спокойной. Ее интеллект был безупречен, и в то же время она не пыталась ни о чем рассуждать. Ее последний день на земле поглощал ее. Она затопила меня своим настроением. Казалось, что вплоть до этого момента я не вполне понимал фатальность нашей ситуации. Пребывание на левой стороне приводило к тому, что непосредственно текущий момент заслонял все остальное, и это делало практически невозможным какое бы то ни было предвидение дальше этого момента. Однако воздействие ее настроения захватило значительную часть и моего правостороннего осознания вместе с его способностью предвидеть те чувства, которые придут потом. Я понял, что никогда больше не увижу ее. Это было невыносимо.

Дон Хуан говорил, что на левой стороне нет слов, что воин не может больше плакать и что единственным выражением боли является дрожь, приходящая откуда-то из самых глубин вселенной, как если бы одна из эманаций Орла была болью. Дрожь воина бесконечна. Пока женщина-нагваль разговаривала со мной и держала меня, я ощутил эту дрожь. Женщина-нагваль обвила руками мою шею и прижала свою голову к моей. Я ощущал себя чем-то вроде выкручиваемой тряпки. Затем я почувствовал, как что-то не то выходит из моего тела, не то переходит из ее тела в мое. Боль стала настолько нестерпимой и жгучей, что я обездумел и повалился на пол вместе с женщиной-нагваль, все еще обнимавшей меня. Как во сне, промелькнула мысль, что я, должно быть, ушиб ей голову при падении. Наши лица были залиты кровью.

Дон Хуан и дон Хенаро подняли меня и крепко схватили за руки. По мне проходили неудержимые судороги, подобные схваткам. Женщины-воины окружили женщину-нагваль, выстроившись в ряд посреди комнаты. К ним присоединились мужчины. Через мгновение между ними возникла явная энергетическая цепь. Этот ряд проходил передо мной. Каждый из них подходил и на секунду останавливался возле меня, не разрывая при этом ряда, как будто они находились на конвейере, который нес их куда-то, двигаясь

рывками и замирая возле меня. Первыми ушли мужчины-курьеры, затем женщины-курьеры, затем мужчины-воины, затем *сновидящие*, сталкеры и, наконец, женщина-нагваль. Они прошли мимо меня и находились в полной видимости еще одну – две секунды – достаточно долго для того, чтобы сказать «прощай», а затем исчезали во тьме таинственной расщелины, появившейся в комнате.

Дон Хуан нажал мне на спину и снял часть невыносимой боли. Он сказал, что понимает мою боль и что та близость, которая связывает Нагваля-мужчину с женщиной-нагваль, является чем-то таким, что нельзя сформулировать. Она существует как результат эманаций Орла. После того, как эти двое людей сведены вместе, а затем разъединены, нет никакого способа заполнить пустоту, потому что это не социальная пустота, а движение этих эманаций. Дон Хуан сказал мне, что он собирается переместить меня в мое крайнее правостороннее осознание. Он добавил что этот маневр – милосердный, хотя и временный, и что он позволит мне на некоторое время забыть, но не успокоит меня, когда я вспомню. Дон Хуан сказал также, что этот акт воспоминания является абсолютно непознаваемым. Фактически это акт воспоминания самого себя, который не прекращается после того, как вспомнишь все взаимодействия, имевшие место на левой стороне осознания. Напротив, воспоминание самого себя продолжает извлекать на свет каждое воспоминание, хранящееся светящимся телом с момента рождения.

Те систематические взаимодействия, через которые воин проходит в состоянии повышенного осознания, являются лишь средством заставить другое «я» раскрыть себя в воспоминаниях. Этот акт воспоминания, хотя он кажется относящимся только к воинам, в действительности касается каждого человеческого существа. Каждый из нас может идти прямо в память нашего светящегося тела, достигая невероятных результатов.

Затем дон Хуан сказал, что этим днем, в сумерках, они уйдут, и единственное, что им осталось сделать для меня, так это создать расщелину – разрыв в потоке моего времени. Они собирались заставить меня прыгнуть в бездну для того, чтобы прервать эманации Орла, из-за которых у меня есть ощущение, что я цельный и непрерывный.

Прыжок должен быть сделан, когда я буду находиться в состоянии

нормального осознания.

Идея состояла в том, что мое второе внимание возьмет верх.

Вместо того, чтобы умереть на дне бездны, я полностью войду в свое другое «я». Дон Хуан сказал, что через некоторое время я выйду из своего другого «я», после того, как моя энергия будет израсходована. Но выйду я не на той же вершине, с которой мне придется прыгнуть. Он предсказал, что я появлюсь на своем излюбленном месте, где бы оно ни было. Это и будет разрывом в континууме моего времени.

Затем он полностью изъясил меня из моего левостороннего осознания, и я забыл свою боль, свою цель и свою задачу.

В сумерках того же вечера Паблито, Нестор и я прыгнули в пропасть. Удар Нагваля был столь точным и столь милосердным, что ничто из событий их прощания не проникло сквозь границы другого события, когда мы остались живы после прыжка в верную смерть. Каким бы поразительным ни было это событие, оно бледнело по сравнению с тем, что происходило в другой сфере.

Дон Хуан заставил меня прыгнуть как раз в тот момент, когда он и его воины воспламенили свое осознание. Меня посетило подобное сну видение ряда людей, смотрящих на меня. Впоследствии я благоразумно решил, что это одно из длинной серии видений или галлюцинаций, прошедших передо мной во время прыжка. Такова была жалкая интерпретация моего правостороннего осознания, подавленного чудовищностью этого события. На своей левой стороне, однако, я понял, что вошел в свое другое «я», и это вхождение не имело никакого отношения к моей рациональности.

Воины партии дона Хуана удержали меня на бесконечный момент, прежде чем исчезнуть во всеобщем свете, прежде чем Орел пропустил их. Я знал, что они находятся в сфере эманаций Орла, которой я достичь не мог. Они ждали дона Хуана и дона Хенаро. Я видел, как дон Хуан занял свое место впереди, а затем все превратилось в кавалькаду ослепительных огней в небе. Что-то подобное ветру, казалось, заставило ряд огней сокращаться и сжиматься. В одном месте, где находился дон Хуан, появилось ослепительное сияние. Я подумал об оперенном змее из толтекской легенды – о Кецалькоатле, змее с изумрудными перьями. А затем огни исчезли.

Книга седьмая

Огонь изнутри

- [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
- [1. ВИДЯЩИЕ нового цикла](#)
- [2. Мелкие тираны](#)
- [3. Эманации Орла](#)
- [4. Светимость осознания](#)
- [5. Первое внимание](#)
- [6. Неорганические существа](#)
- [7. Точка сборки](#)
- [8. Положение точки сборки](#)
- [9. Сдвиг вниз](#)
- [10. Большие полосы эманаций](#)
- [11. СТАЛКИНГ, НАМЕРЕНИЕ и ПОЗИЦИЯ СНОВИДЕНИЯ](#)
- [12. Нагваль Хулиан](#)
- [13. Толчок земли](#)
- [14. Накатывающаяся сила](#)
- [15. Бросить вызов смерти](#)
- [16. Человеческая матрица](#)
- [17. Путешествие в теле СНОВИДЕНИЯ](#)
- [18. Преодоление барьера восприятия](#)
- [ЭПИЛОГ](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мои предыдущие книги были подробными отчетами, в которых я описывал свое ученичество у дон Хуана – индейского мага из Мексики. Дон Хуан хотел, чтобы я понял и усвоил понятия и практические методы, бывшие для меня совершенно чуждыми. Поэтому мне не оставалось ничего другого, как только представить его учение в виде повествования о том, что происходило, ничего не изменяя и не добавляя от себя.

В основе метода обучения, которым пользовался дон Хуан, лежала концепция двух типов человеческого осознания. Он обозначал их терминами «правая сторона» и «левая сторона». Дон Хуан говорил, что правостороннее осознание – это нормальное состояние человеческого сознания, необходимое для адекватного функционирования в повседневной жизни. В левостороннем же осознании заключено все, что есть в человеческом существе загадочного. Левостороннее осознание – это состояние сознания, в котором человек действует как маг и *видящий*. Соответственно классификации типов осознания дон Хуан разделял свои методы обучения на две части – методика для обучения правой стороны и методика для обучения левой стороны.

Все инструкции для правой стороны дон Хуан давал мне, когда я находился в состоянии нормального осознания. Описанию именно этой части обучения и посвящены мои предыдущие книги. Дон Хуан сообщил мне, что он маг, когда я был в обычном состоянии осознания. Он также познакомил меня с другим магом – доном Хенаро Флоресом. Из того, какие взаимоотношения установились между нами, логически вытекало, что они взяли меня в ученики. Это ученичество закончилось непостижимым действием, к выполнению которого подготовили меня дон Хуан и дон Хенаро. Они сделали так, что я смог прыгнуть с вершины плоской горы в пропасть.

Все, что произошло там, на вершине, описано в одной из моих книг. Это был последний акт драмы, которой являлось учение дон Хуана для правой стороны. Он был разыгран доном Хуаном,

доном Хенаро, двумя их учениками – Паблито и Нестором, и мною. Паблито, Нестор и я прыгнули тогда с вершины в пропасть. Прошли годы, в течение которых я был уверен – для подавления рационального страха, возникшего во мне перед лицом реального уничтожения, было достаточно только лишь моей абсолютной веры в дона Хуана и дона Хенаро. Сейчас я знаю, что это не так. Секрет моего непостижимого поступка заключался в учении дона Хуана для левостороннего осознания. Теперь я отдаю себе отчет в том, какая огромная дисциплина и настойчивость требовались для того, чтобы передать мне это учение.

Прошло десять лет, прежде чем мне удалось вспомнить в точности все, что происходило, когда дон Хуан проводил обучение для левой стороны, результатом которого явилось ощущение настоящей потребности совершить столь непостижимое действие, как прыжок в пропасть.

Именно в учении для левой стороны заключался основной смысл того, что дон Хуан, дон Хенаро и их помощники делали со мной в действительности. И именно там лежала разгадка того, кем они на самом деле были. Они вовсе не обучали меня магии, но передавали мне учение совершенного владения тремя аспектами древнего знания, которыми обладали сами. *Осознание, stalking и намерение* – так называются эти три аспекта. Сами же дон Хуан, дон Хенаро и их помощники не были магами. Они именовали себя *видящими*. А дон Хуан, кроме того, был еще и Нагвалем.

Многое из того, что касалось понятий «*видение*» и «нагваль», дон Хуан объяснил мне еще в учении для правой стороны. Насколько я тогда понял, видение является способностью человеческого существа расширить поле своего восприятия до состояния, в котором воспринимается не только облик и образ, но также внутренняя сущность любого объекта и явления. Дон Хуан также рассказывал мне, что *видящие видят* человека как поле энергии, образующее светящийся объект яйцеобразной формы. У большинства людей это яйцо разделено на две части. Однако некоторые мужчины и женщины состоят из четырех или трех частей. Эти люди более жизнеспособны, чем обычные.

Научившись *видеть*, они могут стать Нагвалями.

В своем учении для левой стороны дон Хуан развернул передо мной всю сложность понятий «*видение*» и «нагваль». Быть Нагвалем, говорил он, это нечто гораздо более емкое и

значительное, чем просто быть особо жизнеспособным человеком, который научился *видеть*. Быть Нагвалем – значит быть лидером, учителем, быть тем, кто ведет и указывает путь.

В качестве Нагваля дон Хуан возглавлял группу *видящих*.

Согласно традиции такая группа называется отрядом или партией нагваля. В партию дона Хуана входили восемь женщин-*видящих* – Сесилия, Делия, Эрмелинда, Кармела, Нелида, Флоринда, Зулейка и Зойла; три *видящих*-мужчины – Висенте, Сильвио Мануэль и Хенаро; а также четыре курьера или вестника – Эмилито, Джон Тума, Марта и Тереза.

Дон Хуан не только возглавлял свою команду, но также обучал и вел группу *видящих*-учеников. Это была новая команда следующего Нагваля. Она состояла из четырех молодых мужчин – Паблито, Нестора, Элихио, Бениньо – и пяти женщин – Соледад, Ла Горды, Лидии, Хосефины и Розы. Номинальным лидером новой команды нагваля являлся я совместно с женщиной-нагвалем Кэрол. Чтобы быть в состоянии воспринять учение дона Хуана для левой стороны, мне нужно было входить в совершенно особое состояние пронзительной ясности восприятия. Это состояние называется «состоянием повышенного осознания». В это состояние меня вводил дон Хуан. В течение всех лет нашего с ним общения он использовал для этого особый удар ладонью по верхней части моей спины.

Как объяснял дон Хуан, в состоянии повышенной сознательности ученик может вести себя так же естественно, как в обычной жизни, но разум его способен при этом концентрироваться на чем угодно с потрясающей силой и ясностью. Однако неотъемлемым свойством состояния повышенной сознательности является то, что оно не связано с правосторонней памятью. Поэтому, возвратившись в свое обычное состояние, ученик не способен вспомнить ничего из того, что происходило, когда он находился в состоянии повышенного осознания. Для того же, чтобы свойства и силы, обретенные учеником в состоянии повышенного осознания, стали частью его обычного состояния, он должен все вспомнить. А это требует многолетних усилий, связанных с постоянным, зачастую разрушительным напряжением.

То, что происходило между мной и командой нагваля, являет собой наглядный пример трудностей, связанных с восстановлением в памяти информации, полученной в состоянии

повышенной сознательности. Только в этом состоянии я контактировал со всеми, кто в нее входил. Исключение составлял лишь дон Хенаро. Поэтому в своей повседневной жизни я не мог вспомнить ни одного из этих людей. Даже тенями во сне они мне не являлись. То, каким образом мы с ними каждый раз встречались, стало своего рода почти ритуалом. Приезжал я неизменно к дому дона Хенаро в небольшом городке на юге Мексики. К нам с доном Хенаро сразу же присоединялся дон Хуан, и втроем мы проходили какую-то часть учения для правой стороны. Затем дон Хуан изменял уровень моего осознания и только после этого мы отправлялись в соседний городок, где жил сам дон Хуан и остальные пятнадцать *видящих*.

Каждый раз, входя в состояние повышенного осознания, я не переставал изумляться тому, насколько различны две стороны моего существа. Ощущение всегда было таким, словно занавес поднимался перед моими глазами. Как будто я был полуслеп и вдруг мгновенно становился зрячим. Меня охватывало ни с чем не сравнимое ощущение свободы и всеобъемлющей радости. Это было так не похоже ни на что, когда-либо мною пережитое. И в то же время в этом ощущении присутствовало пугающее чувство глубокой печали и тоски. Они были неотделимы от свободы и радости. Дон Хуан говорил, что без печали и тоски полнота недостижима. Без них не может быть завершенности, ибо не может быть ни доброты, ни уравновешенности. А мудрость без доброты и знание без уравновешенности бесполезны, говорил дон Хуан.

В соответствии с построением учения для левой стороны требовалось, чтобы дон Хуан совместно с некоторыми из своих помощников-*видящих* раскрыл передо мною три грани своего знания: овладение искусством осознания, овладение искусством *сталкинга* и овладение *намерением*.

Данная книга посвящена овладению искусством осознания, которое является частью полного комплекса аспектов учения для левой стороны, комплекса, использованного доном Хуаном для того, чтобы подготовить меня к умопомрачительному поступку — прыжку в пропасть.

Все, о чем здесь идет речь, я воспринимал, находясь в состоянии повышенного осознания. Поэтому описанные в книге события как бы выпадают из канвы повседневной жизни. Им не хватает событийного контекста, несмотря даже на то, что я со своей

стороны сделал все возможное, пытаясь восполнить пробелы и в то же время ничего не добавлять от себя. Дело в том, что, находясь в состоянии повышенного осознания, человек в минимальной степени отдает себе отчет в происходящем вокруг него, поскольку все его восприятие целиком сконцентрировано на непосредственных деталях действия, в которое он вовлечен.

В данном случае действием, в которое я был вовлечен, являлось обучение искусству осознания. Термином «искусство осознания» дон Хуан обозначал современную интерпретацию исключительно древней традиции. Эту древнюю традицию он называл «традицией древних *видящих-толтеков*».

Несмотря на то, что дон Хуан чувствовал свою неразрывную связь с этой древней традицией, себя он относил к числу «*видящих* нового цикла». Когда я как-то спросил его, чем же собственно отличаются *видящие* нового цикла, он ответил, что они – воины свободы. Они довели владение искусством осознания, искусством *сталкинга* и *намерением* до такой степени совершенства, что даже смерть не способна выследить и поймать их, как ловит всех остальных людей. Воины полной свободы сами выбирают время и способ своего ухода из этого мира. И когда выбранный миг наступает, приходит огонь изнутри, и они сгорают в нем, исчезая с лица земли, свободные, словно их никогда здесь не было.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

1. ВИДЯЩИЕ нового цикла

По пути в горы я заехал в поисках дона Хуана в Оахаку – город в южной Мексике. Утром, уезжая из города, я почувствовал, что неплохо было бы проехать через главную площадь. Дон Хуан сидел там на своей любимой скамейке, словно специально меня поджидая.

Я сел рядом. Он сказал, что приехал в город по делам и остановился в маленькой частной гостинице, где найдется место и для меня. Мы немного поговорили о моей работе, о проблемах мира академической науки.

Удар между лопаток я получил, разумеется, в самый неожиданный момент. Дон Хуан всегда использовал этот прием, чтобы сдвинуть мое восприятие в область повышенного осознания.

Мы долго сидели молча. Я с нетерпением ждал, когда же дон Хуан наконец заговорит, и все же первые его слова застали меня врасплох.

– За много веков до того, как в Мексику пришли испанцы, – произнес дон Хуан, – здесь жили необыкновенные люди – *видящие-толтеки*. Они были способны на невероятные, непостижимые вещи. Эти *видящие* являлись последним звеном минной цепи знания, передававшегося в течение тысячелетий.

– *Видящие-толтеки* воистину были людьми необыкновенными, – продолжал он, – могучими магами, мрачными и скрытными. Им удалось разгадать тайны знания, с помощью которого они преследовали других людей и полностью подчиняли их своей воле. Для этого они фиксировали на чем-нибудь – по своему выбору – осознание своих жертв.

Дон Хуан замолчал и пристально посмотрел на меня. Я чувствовал – он ждет вопроса. Но о чем следует спросить, не знал.

Тогда он продолжил:

– Я должен подчеркнуть важный момент. Эти маги знали, как фиксировать осознание своих жертв. Ты не обратил на это внимания, потому что для тебя мои слова ничего не значили. Это не удивительно, ибо сам факт возможности манипулировать

осознанием относится к разряду вещей, которые труднее всего укладываются в сознании.

Я был в замешательстве. Я знал, что он старается к чему-то меня подвести. Появилось неприятное предчувствие – оно уже было мне знакомо, поскольку неизменно возникало в начале каждого нового этапа обучения.

Я сообщил дону Хуану о том, что со мной происходит. Он слегка улыбнулся. Обычно его улыбка излучала радость и веселье, в этот же раз в ней была озабоченность. Какое-то время он, казалось, колебался – продолжать или нет. Он еще раз пристально на меня посмотрел, медленно переводя взгляд вдоль всего моего тела. Затем с явным удовлетворением кивнул и заявил, что я готов к последнему этапу тренировки. Через это должен пройти каждый из воинов, прежде чем принять решение о своей готовности к самостоятельному пути. Я был заинтригован более чем когда-либо. – Ну что ж, поговорим об осознании, – сказал дон Хуан. – *Видящие-толтеки* владели искусством овладения осознанием.

Практически они были непревзойденными мастерами этого искусства. Когда я говорю о том, что они знали, как фиксировать осознание своих жертв, я имею в виду следующее: их секретные знания и практики позволили им проникнуть в тайну собственно осознания как явления и процесса. Изрядная часть этих практик сохранилась до сих пор, но, к счастью, в модифицированном виде. Я говорю «к счастью», поскольку то, что делали древние *видящие-толтеки*, – почему, я объясню позже, – не привело их к свободе, но, напротив, стало для них роковым.

– А ты сам знаком с этими практиками? – спросил я.

– Ну разумеется, – ответил дон Хуан. – Мы не можем их не знать. Однако это не означает, что мы ими пользуемся. У нас другие взгляды, другой подход. Ведь мы принадлежим к новому циклу.

Я спросил:

– И ты не считаешь себя магом, дон Хуан, правда?

– Не считаю, – ответил он. – Я – воин, который *видит*. И вообще, все мы – «лос нуэвос видентес» – новые *видящие*. Магами были древние *видящие*.

Обычный человек, – продолжал дон Хуан, воспринимает магию как нечто скорее отрицательное, тем не менее она его привлекает. Именно поэтому, когда ты находился в состоянии нормального осознания, я сделал так, чтобы ты считал нас магами. Так

рекомендуется поступать, чтобы пробудить интерес. Но для нас – сделаться на самом деле магами – тупик.

Мне хотелось узнать, что он имеет в виду, но дон Хуан отказался говорить на эту тему. Он сказал, что все встанет на свои места по мере того, как он будет рассказывать об осознании.

Потом я спросил его об истоках толтекского знания.

– Первый шаг по пути знания толтеки сделали, поедая растения силы, – ответил дон Хуан. – То ли из любопытства, то ли от голода, а может быть даже по ошибке, но они их ели. Ну а остальное было лишь вопросом времени. Не могло быть так, чтобы рано или поздно кто-то из них не занялся анализом своих ощущений. Я полагаю, что те, кто первыми встал на этот путь знания, были людьми чрезвычайно отважными, но что они очень сильно ошибались.

– Дон Хуан, а что если все это – твои личные домыслы?

– Нет, это не мои личные домыслы. Ведь я – *видящий*, и, когда я фокусирую силу своего *видения* на том далеком времени, я знаю в точности все, что тогда происходило.

– И ты можешь *видеть* прошлое во всех его подробностях? – спросил я.

– *Видение* – это особое чувство знания, – ответил дон Хуан. – Знания, что *видишь*, без тени сомнения. В данном же случае мне доподлинно известно, что именно делали те люди, не только благодаря *видению*, но также и потому, что между нами и ними существует тесная связь.

Затем дон Хуан объяснил, что термином «толтек» он обозначает вовсе не то, что под этим понимаю я. Для меня это было название представителя определенной культуры – Толтекской Империи. Он же, говоря «толтек», подразумевал «человек знания».

Дон Хуан рассказал мне, что в те далекие времена – за сотни, а может быть и за тысячи лет до Конкисты – завоевания

Центральной Америки испанцами – эти люди знания жили в пределах довольно обширной области, простиравшейся на север и на юг от долины Мехико. Они занимались специфическими видами деятельности – целительством, колдовством, сказительством, танцем, гаданием и прорицаниями, приготовлением пищи и напитков. Благодаря такому направлению деятельности у них выработалась особая мудрость, которая отличала их от обычных людей. Однако толтеки не были оторваны

от социума, более того, они входили в структуру повседневной жизни людей, в значительной степени подобно тому, как в структуру повседневной жизни современного общества входят врачи, учителя, священники и торговцы. Толтеки практиковали каждый свое профессиональное искусство под строгим контролем организованных братств, приобретая все более высокую квалификацию и все большее могущество. В конце концов влияние их сделалось настолько сильным, что они даже стали доминировать над этническими группами, расселявшимися за пределами географической области, занятой толтеками.

После того, как некоторые из этих людей научились *видеть* – а на это ушли столетия экспериментов с растениями силы, – наиболее предприимчивые из них взялись за обучение *видению* других людей знания. И это стало началом их конца. С течением времени *видящих* становилось все больше и больше, но все они были одержимы тем, что *видели*, ибо то, что они *видели*, наполняло их благоговением и страхом. В конце концов одержимость их приобрела такие масштабы, что они перестали быть людьми знания. Мастерство их в искусстве *видения* стало необыкновенным, доходило даже до того, что они были способны управлять всем, что было в тех странных мирах, которые они созерцали. Но это не имело никакой практической ценности. *Видение* подорвало силу этих людей и сделало их одержимыми *увиденным*.

– Однако среди *видящих* были и такие, которым удалось избежать этой участи, – продолжал дон Хуан. – Это были великие люди.

Несмотря на свое *видение*, они оставались людьми знания.

Некоторые из них находили способы положительного использования *видения* и учили этому других людей. Я убежден, что под их руководством жители целых городов уходили в другие миры, чтобы никогда сюда не вернуться.

Те же *видящие*, которые умели только *видеть*, были обречены. И когда на их землю пришли завоеватели, они оказались такими же беззащитными, как и все остальные.

– Завоеватели, – говорил дон Хуан, – покорили мир толтеков. Они присвоили себе все. Но они так никогда и не научились *видеть*.

– Но почему ты полагаешь, что они так никогда и не научились *видеть*?

– Потому что они копировали толтекскую практику вслепую, не

обладая внутренним знанием, которым владели толтеки. До сих пор по всей Мексике встречается множество магов – последователей тех завоевателей. Они следуют по пути толтеков, но понятия не имеют ни о том, что сами делают, ни о том, о чем говорят, поскольку не являются *видящими*.

– Кто были эти завоеватели, дон Хуан?

– Индейцы других племен, – ответил он. – К тому времени, когда здесь появились испанцы, с момента исчезновения древних *видящих* уже прошли столетия. Но существовало новое поколение *видящих*, которое начало занимать свое место в новом цикле.

– Новое поколение *видящих*, – что ты имеешь в виду?

– После того, как мир первых толтеков был разрушен, те *видящие*, кому удалось выжить, ушли в подполье и принялись за серьезнейший пересмотр своих практических методов. И первое, что они сделали, – выделили *сталкинг*, *сновидение* и *намерение* в качестве ключевых техник, в то же время очень сильно ограничив применение растений силы. Это, кстати, может послужить нам намеком на то, что в действительности случилось с ними из-за растений силы.

Новый цикл только-только сформировался, когда пришли испанские захватчики. К счастью, новые *видящие* успели как следует подготовиться к такого рода опасности. Они уже стали непревзойденными мастерами практики искусства *сталкинга*. Последовавшие за этим столетия порабощения обеспечили новым *видящим* идеальные условия для дальнейшего совершенствования мастерства. Это может показаться довольно странным, но именно исключительная суровость и жестокость тех времен дали им импульс к выработке новых принципов. А благодаря тому, что они никогда не афишировали свою деятельность, их оставили в покое, так что они получили возможность разобраться в своих находках.

Я спросил:

– Во времена Конкисты *видящих* было очень много?

– Поначалу – да. Но к концу осталось горсточка. Остальных уничтожили.

– А как в наше время, дон Хуан?

– Немного. Видишь ли, они как бы растворены повсюду в общей массе людей.

– Ты знаешь кого-нибудь? – спросил я.

– На такой простой вопрос ответить очень трудно. Некоторых мы

знаем достаточно хорошо. Но они на нас не слишком похожи, поскольку сосредоточились на других аспектах знания – таких как танец, целительство, колдовство, заговоры – а не на *сталкинге*, *сновидении* и *намерении*, как советуют новые *видящие*. Пути же тех.

кто в точности похож на нас, никогда с нашими путями не пересекаются. Так устроили *видящие*, жившие во времена Конкисты, для того, чтобы испанцы их не истребили. Каждый из тех *видящих* основал свою линию. Причем не все из них имели последователей, так что лишь немногие из линий сохранились. – Но ты лично знаком с кем-нибудь, кто в точности похож на нас? – С несколькими, – лаконично ответил он.

Тогда я попросил его дать мне как можно более полную информацию об этих людях. Меня это очень заинтересовало, поскольку появлялась возможность получить подтверждение со стороны. Я полагал, что очень важно заполучить имена и адреса. Однако дон Хуан явно не собирался идти мне навстречу. Он сказал: – Знаешь, новые *видящие* уже прошли через это. Они достаточно занимались поисками подтверждений. Добрая половина их на этом погорела – они запутались в подтверждениях и погибли, так и не сумев выбраться из этих дебрей. Так что теперь все мы – одинокие птицы. И давай оставим все как есть. Наша линия – единственная, о которой мы с тобой можем говорить. Но зато об этом ты и я можем говорить сколько угодно.

Потом дон Хуан объяснил, что все линии были основаны *видящими* в одно и то же время и по одному и тому же образцу. В конце шестнадцатого века каждый Нагваль намеренно изолировал себя и свою группу *видящих*, полностью исключив возможность каких бы то ни было явных контактов с *видящими* других групп. Следствием такого резкого разделения было образование отдельных изолированных линий, каждая из которых обладала своими специфическими чертами. Наша линия состояла из четырнадцати Нагвалей и ста двадцати шести *видящих*. Некоторые из этих Нагвалей имели в своих группах всего по семь *видящих*, некоторые по одиннадцать, а некоторые – по пятнадцать.

Дон Хуан рассказал мне, что его учителем – он говорил «бенефактором» – был нагваль Хулиан, а перед Хулианом был нагваль Элиас. Я спросил, известны ли ему имена всех четырнадцати Нагвалей, и он перечислил их по порядку, чтобы я

смог запомнить. Еще дон Хуан сказал, что лично был знаком с пятнадцатью *видящими*, составлявшими партию его бенефактора, и что он знал также учителя своего бенефактора – нагваля Элиаса – и одиннадцать *видящих* его команды.

По словам дон Хуана наша линия была особенной, поскольку в 1723 году претерпела резкое изменение. Его причиной явилось внешнее воздействие, которое очень сильно нас затронуло и жестко изменило общее направление развития линии. О том, что это было за событие, дон Хуан говорить не захотел. Он только отметил, что именно тот момент принято считать новым началом линии, поскольку восемь Нагвалей, возглавлявших ее после этого, были принципиально отличны от шести, бывших до них.

У дон Хуана в тот день были какие-то дела, поэтому я не видел его практически до полудня. Тем временем в городе появились трое из его учеников – Паблито, Нестор и Ла Горда. Они ездили по магазинам, покупая инструменты и материалы для столярной мастерской Паблито. Я присоединился к ним и помогал им, пока они не покончили с делом. Затем мы все вместе отправились в гостиницу.

Мы сидели и разговаривали у меня в номере, когда появился дон Хуан. Он сообщил, что после обеда мы уезжаем, но что прежде он намерен кое о чем переговорить со мной наедине. Он назначил всем встречу в ресторане и сказал, что до этого мы с ним вдвоем прогуляемся по центральной площади.

Паблито с Нестором встали и вышли, сославшись на дела и сказав, что присоединятся к нам в ресторане. Лицо Ла Горды выражало крайнее недовольство.

– О чем это вы там собираетесь разговаривать? – выпалила она, но тут же захихикала, поняв, что погорячилась.

Дон Хуан холодно взглянул на нее, но не произнес ни слова.

Несколько ободренная его молчанием, Ла Горда заметила, что мы могли бы взять ее с собой. Она заверила нас, что ни в малейшей степени не собирается нам мешать.

– Нисколько в этом ни сомневаюсь, – ответил дон Хуан, – однако, видишь ли, дело в том, что я намерен говорить именно с ним и действительно не хочу, чтобы ты слышала хоть слово из нашей беседы.

Ла Горда пришла в ярость, и это было очевидно. Она вспыхнула, а когда мы с доном Хуаном выходили из номера, лицо ее мгновенно

исказила гримаса напряжения и беспокойства. Рот ее был полуоткрыт, губы пересохли.

Настроение Ла Горды меня весьма беспокоило. Возникло явственное ощущение дискомфорта. Я ничего не говорил по этому поводу, но от внимания дона Хуана мое состояние, похоже, не ускользнуло, и он неожиданно произнес:

– Знаешь, а ведь ты должен денно и ночью благодарить Ла Горду. Она помогает тебе разделаться с твоим чувством собственной важности. Ла Горда в твоей жизни исполняет роль мелкого тирана, однако до тебя это пока что не дошло.

Мы прогуливались по скверу на площади, пока вся моя нервозность не улетучилась. Затем сели на любимую скамейку дона Хуана.

– На самом деле древним *видящим* удивительно везло, – начал дон Хуан, – у них было предостаточно времени на то, чтобы узнать замечательные вещи. Уверяю тебя, они владели знанием о таких чудесах, которые сегодня невозможно себе даже вообразить.

– Но кто их всему этому научил? – спросил я.

– Никто. Они узнали все самостоятельно посредством *видения*, – ответил он. – Львиная доля всего, что известно нашей линии, была найдена ими. Древние *видящие* допускали ошибки. Новые *видящие* эти ошибки исправили. Но корни всего, что мы знаем и делаем, уходят далеко в глубины времен древних толтеков.

И он объяснил, что имеется в виду.

– Одна из наиболее простых и в то же время наиболее важных с точки зрения обучения находок древних *видящих* заключалась в том, что они обнаружили: человек обладает двумя типами осознания. Древние *видящие* называли их правой и левой сторонами человеческого существа.

– Они также обнаружили, – продолжал дон Хуан, – что наилучшим способом передачи их знаний является обучение в состоянии, когда восприятие ученика сдвинуто влево, то есть когда ученик находится в состоянии повышенного осознания. Именно в этом состоянии происходит реальное обучение. Древним *видящим* отдавали в науку совсем маленьких детей, поэтому их ученики не знали иного образа жизни. Когда они вырастали, то, в свою очередь, брали в ученики маленьких детей. Можно только вообразить, на что же они вышли, столетиями непрерывно сосредотачиваясь на сдвигах влево-вправо!

Я заметил, что меня эти сдвиги приводят в глубокое замешательство. Дон Хуан сказал, что мое восприятие этих вещей очень похоже на его собственное. Его бенефактору – нагвалю Хулиану – удалось сформировать в его психике глубочайший раскол, сдвигая его восприятие туда и обратно – из одного типа осознания в другой. Настолько разительным был контраст между ясностью и свободой состояния повышенного осознания и рациональной мотивацией, защитными рефлексам, злостью и страхом, присущими нормальному состоянию осознания.

Древние *видящие* использовали такую полярность восприятия в своих узко специализированных целях: этим они заставляли учеников достигать глубокого сосредоточения, необходимого для освоения магических приемов. Однако новые *видящие* пользуются этим иначе, а именно – приводят своих учеников к глубокому убеждению в том, что человек обладает огромнейшим потенциалом нереализованных возможностей.

– Высшее достижение новых *видящих*, – объяснял далее дон Хуан, – заключается в их объяснении тайны осознания. Они оформили ее в виде ряда понятий и практических действий, которым ученик обучается, находясь в состоянии повышенного *осознания*.

Особая же ценность метода обучения, применяемого новыми *видящими*, заключается в невозможности запомнить что-либо из того, что происходит с человеком в состоянии повышенного осознания. Тем самым воздвигается почти непреодолимый барьер на пути воина, который должен вспомнить все, чему его учили, если намерен продолжить путь. Воин мучительно пытается вспомнить. На это уходят годы – долгие годы борьбы и железной дисциплины. Но к тому времени, когда это ему удастся, понятия и приемы, которым его учили, уже настолько глубоко внедряются в его существо, что обретают ту силу, которой должны обладать по замыслу новых *видящих*.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

2. Мелкие тираны

Прошло несколько месяцев. За все это время дон Хуан ни разу не вернулся к теме овладения искусством осознания.

В тот день мы находились в доме, где жила команда нагваля.

– Пойдем-ка прогуляемся, – сказал дон Хуан, положив руку мне на плечо. – Или нет, лучше идем на площадь – там как раз полно народу, – сядем на скамейку и потолкуем.

Я был несколько удивлен, так как находился в доме уже пару дней, но он со мной практически не общался, разве что поздоровается, и все.

Когда мы выходили из дома, путь нам преградила Ла Горда. Она потребовала, чтобы мы взяли ее с собой. Было похоже, что на этот раз она не собирается мириться с отказом. Но дон Хуан очень жестко сказал ей, что у него со мной предполагается сугубо личный разговор.

– Ага, вы собрались говорить обо мне, – произнесла Ла Горда с выражением подозрительности и крайнего раздражения в голосе и жестах.

– Точно. Именно о тебе, – сухо подтвердил дон Хуан. И он прошел мимо Ла Горды, даже не взглянув в ее сторону.

Я последовал за ним, и в молчании мы дошли до городской площади. Когда мы сели на скамейку я спросил, почему мы будем вдруг говорить о Ла Горде.

Перед моими глазами все еще стояло ее лицо с выражением немой угрозы, когда мы покидали дом.

– Мы не собираемся обсуждать ее или кого бы то ни было другого, – ответил дон Хуан. – Просто ее чувство собственной важности практически безгранично, а мои слова были провокацией. И она сработала. Сейчас Ла Горда в бешенстве. Насколько я ее знаю, к этому моменту она уже достаточно себя накрутила и испытывает праведный гнев по поводу того, что ее так беспардонно отшили и выставили душой. Я не удивлюсь, если она вскоре явится и набросится на нас прямо здесь, на этой скамейке.

– Ну хорошо, если мы не собираемся беседовать о Ла Горде, то

чем тогда мы займемся? – спросил я.

– А мы продолжим разговор, начатый некогда в Оахаке, – ответил дон Хуан. – От тебя потребуется полное напряжение всех твоих сил и огромная устремленность в осуществлении сдвигов в одну и в другую сторону между уровнями осознания. Иначе объяснения осознания тебе не понять. Поэтому на время нашей беседы я требую от тебя полнейшей концентрации и настойчивости.

Почти жалобно я сообщил ему, что, отказываясь говорить со мной на протяжении последних двух дней, он ставил меня в неловкое положение, заставляя ощущать изрядное неудобство. Дон Хуан взглянул на меня, вскинув брови. По губам его пробежала усмешка, которая тут же исчезла. Я понял – он дает мне понять, что я ничем не лучше Ла Горды.

– Я провоцировал твое чувство собственной важности, – подмигнув, сообщил он. – Чувство собственной важности – главнейший и самый могущественный из наших врагов. Подумай вот о чем: нас уязвляют и обижают действия либо посягательства со стороны наших ближних, и это нас ослабляет. Наше чувство собственной важности заставляет нас почти все время чувствовать себя оскорбленными кем-то или на кого-то обиженными.

Новые *видящие* рекомендуют направить все возможные усилия на исключение чувства собственной важности из жизни воина. Я все время следовал и следуя этим рекомендациям. И значительная часть моих действий в отношении тебя направлена на то, чтобы ты увидел – лишившись чувства собственной важности, мы становимся неуязвимыми.

Я внимательно слушал. Вдруг глаза дон Хуана заискрились, и я подумал, что он, похоже, вот-вот рассмеется. Явной причины на то вроде бы не было, но не успел я сообразить, в чем же дело, как внезапно был огорошен резкой, звонкой и весьма болезненной затрещиной слева.

Я вскочил со скамейки. Сзади стояла Ла Горда со все еще поднятой рукой. Лицо ее гневно пылало.

– А теперь – теперь можете говорить обо мне все, что хотите! По крайней мере, сейчас у вас есть повод! – заорала она. – Однако если вам есть, что сказать, – скажите мне это прямо в лицо!

Этот взрыв словно исчерпал все ее силы, потому что она опустилась на асфальт и заплакала. Дон Хуан застыл на месте с выражением невыразимого ликования на лице. Меня же сковала

бешеная ярость. Бросив на меня свирепый взгляд, Ла Горда повернулась к дону Хуану и смиренно проямлила, что мы не вправе ее критиковать.

Дон Хуан хохотал. Он сложился пополам. Он почти рухнул на землю. Два-три раза он пытался что-то сказать мне, но в конце концов просто повернулся и двинулся прочь, то и дело сотрясаясь всем телом в приступах гомерического смеха.

Я ринулся было за ним, все еще охваченный негодованием по адресу Ла Горды – в тот момент я презирал ее, – как вдруг со мной произошло нечто необычайное. Я понял, что именно так забавляло дона Хуана. Мы с Ла Гордой были похожи до ужаса! Мы оба обладали совершенно монументальным чувством собственной важности. И мое удивление, и моя ярость по поводу пощечины в точности соответствовали гневу и подозрительности Ла Горды. Дон Хуан был абсолютно прав. Бремя чувства собственной важности в самом деле является жуткой обузой.

И я побежал вслед за доном Хуаном со слезами радости, которые текли по моим щекам. Я догнал его и рассказал о том, что осознал за миг до этого. Глаза его светились озорным блеском удовлетворения.

– Но что мне делать с Ла Гордой? – спросил я.

– Ничего, – ответил он. – Осознание – дело сугубо личное.

Он сменил тему, сообщив мне, что знаки говорят о том, что продолжить беседу мы должны у него дома – либо в большой комнате с удобными креслами, либо на заднем дворе, окруженном крытой галереей. Дон Хуан объяснил, что когда он кому-нибудь что-либо объясняет в одном из этих двух мест, никто другой туда не входит.

Мы вернулись в дом. Там дон Хуан рассказал всем о поступке Ла Горды. Все *видящие* принялись подтрунивать над Ла Гордой, делая это с явным удовлетворением, что поставило Ла Горду в крайне незавидное положение.

– Щепетильность и тактичность – не помощники в борьбе с чувством собственной важности, – пояснил дон Хуан в ответ на мое выражение озабоченности по поводу положения Ла Горды. Потом он попросил всех покинуть комнату. Мы сели, и дон Хуан начал объяснять.

Он сказал, что *видящих*, как древних, так и новых, можно разделить на две категории. К первой относятся те, кто стремится

практиковать самообуздание и способен направить свою деятельность в русло достижения прагматических целей, несущих благо другим *видящим* и человеку вообще. Другая категория – это те, кому нет дела до самообуздания и достижения прагматических целей. Среди *видящих* принято считать, что тем, кто составляет вторую категорию, не удалось справиться с проблемой чувства собственной важности.

– Чувство собственной важности, – пояснил дон Хуан, – не является чем-то простеньким и незамысловатым. С одной стороны, это сердцевина всего наилучшего, что в нас имеется. А с другой – сердцевина всей нашей внутренней гнили. И потому методика избавления от этого гнилостного аспекта чувства собственной значительности в каждом случае являет собою поистине стратегический шедевр. И во все века *видящие* с глубочайшим восхищением относились к тем, кому удалось это совершить. Я пожаловался на то, что идея избавления от чувства собственной значительности, временами для меня довольно привлекательная, кажется мне все же чем-то непостижимым. Я сказал, что нахожу его указания относительно избавления от чувства собственной важности весьма туманными и потому не могу им следовать. На это дон Хуан ответил:

– Я говорил тебе не один раз: вставший на путь знания должен обладать огромным воображением. На этом пути, видишь ли, ничто не бывает таким ясным, как нам бы того хотелось. Я ощущал некоторое неудобство, и это заставило меня вступить в спор. Я заявил, что его указания напоминают мне постулаты католической веры, и что после того, как мне всю жизнь долбили о греховности и грехе, я сделался невосприимчивым к подобного рода вещам.

– Для воина борьба с чувством собственной важности – не принцип, а чисто стратегический вопрос, – ответил дон Хуан. – Твоя ошибка заключается вот в чем: то, что я говорю, ты рассматриваешь с точки зрения нравственности.

– И я действительно считаю тебя человеком высоконравственным, дон Хуан.

– Ты просто заметил мою безупречность. И это все, – произнес он. – Безупречность, равно как избавление от чувства собственной важности, – понятия слишком неопределенные, чтобы представлять для меня какую-то практическую ценность, –

заметил я.

Дон Хуан чуть не задохнулся от смеха, и я в вызывающем тоне потребовал от него объяснения безупречности.

– Безупречность есть не более чем адекватное использование энергии, – сказал он. – И все, что я говорю, к вопросам морали и нравственности не имеет ни малейшего отношения. Я обладаю энергией, и это делает меня неуязвимым. Чтобы понять, тебе необходимо самому накопить достаточное количество энергии. Довольно долго мы молчали. Мне хотелось обдумать сказанное доном Хуаном. Неожиданно он снова заговорил:

– Воин проводит стратегическую инвентаризацию. Он составляет список всего, что делает. А затем решает, какие пункты этого перечня можно изменить, чтобы дать себе передышку в расходовании энергии.

Я возразил, что в такой перечень должно входить все, что только есть под солнцем. Дон Хуан терпеливо пояснил, что стратегической инвентаризации, о которой идет речь, подвергаются только те поведенческие структуры, которые не являются существенными с точки зрения выживания и благополучия.

Тут я буквально подскочил. Какая возможность! И я принялся говорить о том, что выживание и благополучие – категории, допускающие бесконечное количество толкований, и потому прийти к сколь-нибудь определенному соглашению относительно того, что считать существенным, а что – несущественным с точки зрения выживания и благополучия, попросту невозможно!

По мере того, как я говорил, я начал терять исходный импульс. В конце концов я умолк, так как осознал всю несерьезность своей аргументации.

Дон Хуан ответил, что в стратегическом инвентарном списке воина чувство собственной важности фигурирует в качестве самого энергоемкого фактора. Отсюда и усилия, которые воин прилагает для его искоренения.

– Одна из первейших забот воина – высвободить эту энергию для того, чтобы использовать ее при встрече с неизвестным, – продолжал дон Хуан. – Безупречность как раз и является тем, посредством чего осуществляется такое перераспределение энергии.

Наиболее эффективную стратегию, по словам дона Хуана,

выработали *видящие* времен Конкисты – великие мастера искусства *сталкинга*. Эту стратегию составляют шесть взаимодействующих между собой элементов. Пять из них называются атрибутами образа жизни воина: контроль, дисциплина, выдержка, чувство времени и *воля*. Все они относятся к миру воина, ведущего битву с чувством собственной важности. Шестой же элемент – наиболее, пожалуй, важный из всех – относится к внешнему миру и называется мелким тираном. Дон Хуан замолчал и взглянул на меня, как бы спрашивая, все ли я понял.

– Я, знаешь ли, весьма озадачен, – произнес я. – Ты вот все говоришь, что Ла Горда – мелкий тиран моей жизни. Но что же все-таки такое этот мелкий тиран?

– Мучитель. Мелкий тиран – это мучитель, – объяснил дон Хуан. – Некто либо обладающий властью над жизнью и смертью воина, либо просто раздражающий его до безумия.

Дон Хуан говорил это с лучезарной улыбкой. Он сообщил мне, что новые *видящие* разработали собственную классификацию мелких тиранов, и, несмотря на то, что речь идет едва ли не о самых важных и серьезных вещах, классификация эта не лишена юмора.

Дон Хуан заверил меня, что какую бы из классификаций, разработанных новыми *видящими*, мы не взяли, в ней всегда будет присутствовать оттенок ехидства, потому что смех – единственный способ противостоять пристрастию человеческого сознания к инвентарным спискам и громоздким классификационным перечням.

Сообразно своей практике новые *видящие* поставили во главу классификационного перечня тиранов то, что является истоком всего, – первичный источник энергии. Поскольку он является единственным и полноправным правителем всей вселенной, они называли его просто тираном. Естественно, любые другие деспоты и диктаторы стоят неизмеримо ниже категории тирана. По сравнению с источником всего сущего самые могущественные и беспощадные тираны рода человеческого являются жалкими шутами и потому относятся к категории мелких тиранов – «пинчес тиранос».

Кроме того, существует два подкласса малых мелких тиранов. Первый подкласс составляют мелкие тираны, во власти которых всячески преследовать человека и даже довести его до нищеты, но

которые не могут непосредственно лишить его жизни. Их называют мелкие тиранчики – «пинчес тиранитос». Второй подкласс состоит из мелких тиранов, которые просто бесконечно раздражают и надоедают. Их название – мелюзговые тиранчики – «репинчес тиранитос», или крошечные тиранчики – «пинчес тиранитос чикититос».

Мне эта его классификация показалась нелепой. Я был уверен, что испанская терминология – плод его импровизации. Я спросил его, так ли это.

– А вот и нет! – словно забавляясь, ответил дон Хуан. – Новые *видящие* – большие мастера по части составления классификаций. И Хенаро, вне всякого сомнения, – один из величайших. Так что если ты внимательно за ним понаблюдаешь, ты в точности поймешь, как новые *видящие* относятся к своим классификациям. Когда я спросил, не водит ли он попросту меня за нос, дон Хуан раскатисто захохотал.

– У меня и в мыслях этого не было! – наконец с улыбкой сказал он.

– Хенаро – тот на такое способен, но я – нет, тем более, что мне известно твое отношение к классификациям. Просто новые *видящие* ужасно непочтительны.

Потом он добавил, что в подкласс мелких тиранчиков входят четыре их категории. Первая – те, что мучают посредством жестокости и насилия. Вторая – те, кто своей хитростью и нечестностью создают невыносимую обстановку неуверенности и постоянных опасений. Третья категория мелких тиранчиков нажимает на жалость – эти терроризируют посредством своего собственного страдания. Ну и последняя категория – те, которые просто приводят воина в бешенство.

– Ла Горда – это отдельный класс, – продолжал дон Хуан. – Активный мелюзговый тиранчик. Она смертельно тебя раздражает и к тому же приводит в бешенство. И даже дает затрещины! Всем этим она учит тебя отрешенности.

– Но это – ерунда! – воскликнул я.

– Ты пока что не свел воедино все составляющие стратегии новых *видящих*, – возразил он. – А когда ты это сделаешь, ты поймешь, насколько эффективным и толковым приемом является использование мелкого тирана. Более того, я бы даже сказал так: такая стратегия не только позволяет избавиться от чувства собственной важности, но также готовит воина к окончательному

осознанию того факта, что на пути знания в зачет идет только безупречность.

Разрабатывая свою стратегию, новые *видящие* имели в виду смертельный номер, в котором мелкий тиран подобен горному пику, атрибуты же образа жизни воина – альпинистам, которые должны встретиться на его вершине.

– Обычно в игре участвуют только четыре атрибута, – продолжал дон Хуан. – Пятый – *воля* – всегда находится в запасе на случай, так сказать, рукопашной схватки.

– А почему так?

– Потому что *воля* принадлежит к иной сфере бытия. Она относится к неизвестному. Остальные четыре относятся к сфере известного. И там же обитают мелкие тираны. По сути, в мелкого тирана человек превращается вследствие своего маниакального пристрастия к власти, к возможности быть правителем в сфере известного. Причем власть имеется в виду в самом широком смысле.

Далее дон Хуан объяснил мне, что заставить вступить во взаимодействие все пять составляющих способен только *видящий*, который, кроме того, является также истинным воином и мастерски владеет *волей*. Организация такого взаимодействия – сложнейший прием, абсолютно недоступный для обычного человека в его нормальном состоянии.

– Вообще-то, чтобы справиться с самым худшим из мелких тиранов, достаточно четырех составляющих, – продолжал дон Хуан. – Ну разумеется, если мелкого тирана удалось отыскать. Я уже говорил – мелкий тиран является внешним элементом и относится к тому, чем мы не можем управлять непосредственно. И в то же время этот элемент – самый важный. Мой бенефактор часто говорил, что воин, которому удалось случайно наткнуться на мелкого тирана, – просто счастливчик. Он имел в виду, что если мелкий тиран сам возник на твоём пути, тебе крупно повезло. Потому что в противном случае тебе придется покинуть насиженное место и отправиться на поиски своего мелкого тирана. Затем дон Хуан рассказал мне, что одним из величайших достижений *видящих* времен Конкисты было открытие конструкции, которую он назвал «трехфазной прогрессией». Постигнув человеческую природу, *видящие* того времени смогли прийти к неоспоримому заключению: если *видящий* способен

добиться своего, имея дело с мелким тираном, то он определенно сможет без вреда для себя встретиться с неизвестным и даже выстоять в столкновении с непознаваемым.

— Обычный человек, — продолжал дон Хуан, — расположил бы эти три утверждения в обратном порядке. Тогда получится, что *видящий*, способный остаться самим собой в столкновении с неизвестным, гарантированно может справляться с мелкими тиранами. Но в действительности это не так. Именно из-за такой ошибки погибли многие великолепные *видящие* древности. Однако теперь мы в этом разобрались получше. И знаем — ничто так не закаляет дух воина, как необходимость иметь дело с невыносимыми типами, обладающими реальной властью и силой. Это — совершенный вызов, и только в таких условиях воин обретает уравновешенность и ясность, без которых невозможно выдержать натиск непознаваемого.

Я принялся бурно выражать свое несогласие. Я сказал дону Хуану, что, по моему мнению, тиран может только сделать свою жертву либо абсолютно беспомощной и жалкой, либо такой же злобной и жестокой, как он сам. Я сослался на множество работ по изучению воздействия физических и психологических пыток на психологию жертвы.

— Да, но ты сам только что сформулировал то, чем обусловлено принципиальное различие, — парировал дон Хуан. — Ты говоришь о жертве, а не о воине. Когда-то в отношении этого вопроса я испытывал такие же чувства, какие ты испытываешь сейчас.

Потом я расскажу тебе, что заставило меня измениться, но сперва давай вернемся к временам Конкисты. *Видящие* тех времен даже мечтать не могли о лучших условиях. Испанцы были мелкими тиранами, в столкновении с которыми *видящие* испытывали свое мастерство в самом полном объеме, до предела.

Натренировавшись же на завоевателях, они могли иметь дело с чем угодно. *Видящим* тех времен крупно повезло. Мелких тиранов тогда было полным-полно, и встречались они повсеместно.

Да, но те замечательные времена изобилия давно прошли, и теперь дело обстоит несколько иначе. Никогда после здесь не было мелких тиранов такого масштаба, поскольку неограниченной власть их была лишь тогда. А ведь мелкий тиран, обладающий неограниченными правами и возможностями, — это идеальный компонент для получения выдающегося *видящего*.

Так что в наше время *видящим* приходится идти на крайние меры, чтобы отыскать нечто достойное внимания. И тем не менее в большинстве случаев им приходится удовлетворяться очень-очень крохотными тиранчиками.

– А ты? Тебе-то удалось найти мелкого тирана, дон Хуан?

– Мне повезло. Он сам нашел меня – великолепный мелкий тиран, прямо-таки королевский экземпляр. Правда, отношение мое ко всему этому было тогда похоже на твое нынешнее. Так что счастливчиком я себя отнюдь не ощущал.

И дон Хуан рассказал, как началось его испытание – за несколько недель до того, как он встретил своего бенефактора. В то время дону Хуану едва исполнилось двадцать. Он устроился чернорабочим на сахарную фабрику. Получение работы, на которой требовались сильные мускулы, не было для него проблемой, поскольку он всегда отличался завидной физической силой. Однажды, когда он был занят перетаскиванием тяжелых мешков с сахаром, он заметил очень хорошо одетую женщину. На вид ей было лет за сорок. Дон Хуану она показалась очень властной. Проходя мимо, она взглянула на дону Хуана, потом что-то сказала управляющему и ушла. После этого тот подошел к дону Хуану и сказал, что за плату может помочь ему получить работу в доме владельца фабрики. Дон Хуан ответил, что у него нет денег. Управляющий с улыбкой сказал ему, что насчет этого беспокоиться не следует: скоро день зарплаты, и тогда у дона Хуана будет достаточная сумма, чтобы расплатиться. Потом управляющий похлопал его по спине, сказав, что получить работу в доме хозяина – большая честь.

В то время дон Хуан был обычным невежественным индейским парнем. Кроме заработка, достаточного для того, чтобы прокормиться, его, в общем-то, ничто не интересовало. Поэтому он не только поверил каждому слову, но и решил, что фортуна наконец-то повернулась к нему лицом. Он пообещал управляющему, что заплатит столько, сколько тот пожелает. Управляющий назвал сумму – очень большую – и сказал, что дон Хуан может выплачивать ее по частям.

Как только договоренность была достигнута, управляющий сразу же сам отвел дону Хуана в дом, находившийся на изрядном удалении от города. Там управляющий передал его другому управляющему – огромному, мрачному типу отвратительной

наружности. Тот принялся задавать множество вопросов. Особенно его интересовало, есть ли у дона Хуана семья. Когда же дон Хуан ответил, что у него нет никого, управляющий от удовлетворения даже расплылся в улыбке, обнажив гнилые зубы. Он заверил дона Хуана, что зарплата будет высокой, и тот даже сможет накопить немного денег, поскольку тратить их будет некуда – ведь и жить, и питаться предстоит прямо в доме. Смех, который за этим последовал, поверг дона Хуана в ужас. Он понял, что нужно немедленно бежать. Он рванулся было к воротам, но его новый управляющий с револьвером в руке преградил ему путь.

– Тебя взяли сюда, чтобы ты работал до изнеможения, – сказал он.
– Заруби это себе на носу.

И он развернул дона Хуана на сто восемьдесят градусов,огрев его при этом дубинкой. Затем отвел к дому и велел выкорчевать два огромных пня, предварительно заметив, что работают здесь без выходных от зари и до заката, без перерывов. Еще он сказал, что пристрелит дона Хуана, если тот попытается бежать или пожалуется властям. Если же ему все-таки удастся ускользнуть и подать жалобу, то управляющий под присягой заявит, что дон Хуан пытался убить хозяина фабрики.

– Ты будешь вкалывать, пока не подохнешь, – сообщил он дону Хуану, – а после этого твое место займет другой индеец. Ведь сейчас ты здесь тоже вместо индейца, который умер.

По словам дона Хуана, дом напоминал крепость. Повсюду были вооруженные мужчины с мачетэ. Поэтому дон Хуан принялся за работу, стараясь не думать о том, что его ожидает. Вечером вернулся управляющий и пинками погнал дона Хуана на кухню: ему не понравился вызов в глазах дона Хуана. Он пригрозил перерезать ему жилы на руках в случае неповиновения.

На кухне какая-то старуха принесла еду. Но дон Хуан был так расстроен и напуган, что не мог есть. Старуха посоветовала ему есть как можно больше. Она сказала, что нужно быть сильным, так как работе не будет конца. И еще она сообщила дону Хуану, что человек, место которого он занял, умер всего за день до этого. Он слишком ослаб, чтобы работать, и упал со второго этажа.

Потом дон Хуан рассказал мне, что в хозяйском доме он проработал три недели. Тот тип изо дня в день постоянно бил его, заставлял выполнять самую опасную и тяжелую работу, которую

только можно представить. И все время угрожал ножом, револьвером и дубинкой. Ежедневно он заставлял дону Хуана чистить стойла в конюшне, когда в них стояли нервные жеребцы. И каждый день на рассвете дон Хуан думал, что настал последний день его жизни на земле. И то, что ему удавалось выжить, означало лишь новый круг ада на следующий день.

Развязка наступила неожиданно, когда дон Хуан попросил ненадолго его отпустить. Он сказал, что ему нужно сходить в город, чтобы отдать долг управляющему с сахарной фабрики. Однако местный управляющий заявил, что ничего не получится, ведь дон Хуан не может оторваться от работы ни на минуту, поскольку он в долгах по самые уши за возможность работать в доме.

И тут дон Хуан понял, что пропал. До него дошло, в чем тут дело. Оба управляющих были в сговоре. Они брали простых индейцев с фабрики, заставляли их работать до смерти, а зарплату их делили между собой. Догадка эта настолько разозлила дону Хуана, что он с воплем ринулся в кухню и через нее выбежал из комнаты. Для управляющего и остальных работников это было полнейшей неожиданностью. Выбежав через парадную дверь, дон Хуан совсем было поверил, что ему удастся убежать, однако управляющий догнал его и выстрелил ему в грудь. Решив, что дон Хуан убит, он ушел.

Однако дону Хуану не суждено было умереть в тот день. Его бенефактор подобрал его и выходил.

– Когда я рассказал бенефактору всю эту историю, – продолжал дон Хуан, – тот не мог скрыть своего возбуждения. Он сказал: «Да ведь этот управляющий – настоящий подарок. Он слишком хорош, его нельзя упускать. Однажды тебе предстоит вернуться в тот дом».

– Он что-то нес о том, насколько мне повезло, – говорил дон Хуан, – ведь это уникальный шанс – один из миллиона – мелкий тиран, обладающий неограниченной властью. Я же думал, что старик спятил. Прошли годы, прежде чем я смог наконец в полной мере понять, о чем он тогда говорил.

– Это одна из самых жутких историй из всего, что мне доводилось слышать, – прокомментировал я его рассказ. – И что, ты действительно вернулся в тот дом?

– Ну конечно же! Через три года. Бенефактор был прав. Подобный мелкий тиран действительно может попасться в одном случае из

миллиона. И его нельзя было упускать.

– Но как тебе удалось туда возвратиться?

– Мой бенефактор разработал стратегический план, в основу которого легли четыре атрибута образа жизни воина: контроль, дисциплина, выдержка и чувство времени.

И дон Хуан продолжил свой рассказ. Бенефактор объяснил ему, каким образом следует действовать, чтобы извлечь пользу из общения с людоедом типа того управляющего. *Видящие* считают, что на пути знания имеются четыре основных шага. Первый – решение начать учиться. Второй шаг ученик делает тогда, когда ему удалось изменить свое отношение к себе самому и к миру. Ученик становится воином – это и есть второй шаг. Воин уже обладает железной дисциплиной и способностью к полнейшему самоконтролю. Третий шаг может быть сделан только после обретения выдержки и чувства времени. Заключается же этот третий шаг в том, что воин становится человеком знания. И когда человек знания обучается *видению*, он становится *видящим*, сделав тем самым четвертый шаг.

Бенефактор сказал, что к тому моменту дон Хуан находился на пути знания уже достаточно долго, чтобы обрести первые два атрибута – контроль и дисциплину – в минимально необходимом объеме. Для меня дон Хуан подчеркнул, что и тот, и другой из этих двух атрибутов относятся к внутреннему состоянию. Воин ориентирован на себя, однако не эгоистически, а в смысле непрекращающегося и возможно более глубокого изучения своей сущности.

– Но я в то время совсем не владел двумя другими атрибутами, – продолжал дон Хуан. – Выдержка и чувство времени имеют отношение не только к внутреннему состоянию. Они относятся к сфере человека знания. И своей стратегией бенефактор раскрыл их передо мной.

– Означает ли это, что самостоятельно ты не смог бы справиться с мелким тираном? – спросил я.

– Я уверен, что смог бы сделать это и сам, но до сих пор сомневаюсь в том, что мне удалось бы решить задачу с такой точностью и получить при этом столько удовольствия. Мой же *бенефактор*, направляя поединок, попросту им наслаждался. Идея использования мелкого тирана состоит не только в том, что это необходимо для закалки духа воина, но также и в том, чтобы

извлечь из этого максимум радости и удовольствия.

– Но как же можно наслаждаться монстром, подобным тому типу, которого ты описал?

– Во времена Конкисты *видящим* доводилось иметь дело с настоящими чудовищами. Этот им и в подметки не годился. И, судя по всему, *видящие* тех времен были вне себя от восторга. Они доказали: можно наслаждаться столкновением даже с наигнуснейшим и жесточайшим из тиранов. При условии, разумеется, что сам ты – воин.

И дон Хуан объяснил, в чем заключается основная ошибка обычного человека. Сталкиваясь с мелким тираном, обычный человек не имеет стратегии, на которую мог бы опереться. И самое слабое место обычного человека – слишком серьезное отношение к самому себе. Все свои действия и чувства, равно как действия и чувства мелкого тирана, обычный человек рассматривает как нечто предельно важное, нечто, имеющее решающее значение. Воин же не только обладает хорошо продуманной стратегией, но и свободен от чувства собственной важности. Его чувство собственной важности обуздано пониманием того факта, что реальность – всего лишь наша интерпретация мира. Знание это стало решающим преимуществом, которым обладали новые *видящие* по отношению к простым и грубоватым испанцам. Дон Хуан сказал, что был убежден – ему удастся справиться с управляющим уже хотя бы благодаря осознанию того факта, что мелкие тираны относятся к самим себе со смертельной серьезностью, воины же – нет. Сообразно стратегическому плану бенефактора, дон Хуан снова устроился на ту же самую сахарную фабрику. Никто не помнил о том, что он там уже когда-то работал: рабочие-пеоны приходили на фабрику и уходили с нее, не оставив следа.

Стратегия бенефактора предусматривала, что дон Хуан должен сделать все возможное, чтобы его заметили, когда придут за очередной жертвой. Получилось так, что пришла та же самая женщина и точно так же выбрала его, как и три года назад. На этот раз физически он был даже сильнее, чем прежде.

Все повторилось, однако теперь, в соответствии со стратегическим планом, дон Хуан должен был с самого начала отказаться платить управляющему. Тот никогда раньше отказа не встречал и потому был ошарашен. Он пригрозил, что уволит дону Хуана. Дон Хуан

пригрозил в ответ, что немедленно отправится в дом и все расскажет той женщине. Дон Хуан знал, что женщина была женой хозяина фабрики и не знала о темных делах своих двух управляющих. Он сказал управляющему, что знает, где она живет, потому что работал в близлежащих полях на рубке сахарного тростника. Управляющий принялся торговаться, и дон Хуан потребовал, чтобы тот заплатил ему за согласие идти работать в дом. Управляющий сдался и дал ему несколько банкнот. Дон Хуан вполне отдавал себе отчет в том, что уступчивость управляющего – всего лишь уловка, цель которой – заманить его в дом.

– И опять он самолично отвел меня в дом, – рассказывал далее дон Хуан. – Это была старая гасиенда, принадлежавшая владельцам сахарной фабрики, людям богатым, которые то ли знали о том, что творится в доме, но не придавали этому значения, то ли им было настолько все равно, что они даже ничего не замечали.

Едва мы пришли, я тотчас же побежал в дом, отыскал хозяйку и, бухнувшись перед нею на колени, принялся целовать ей руки и рассыпаться в благодарностях. Оба управляющих были вне себя от злости.

Управляющий в доме действовал по той же схеме, что и прежде. Но я на этот раз был во всеоружии: я владел контролем, дисциплиной, выдержкой и чувством времени. Поэтому все получалось так, как планировал мой бенефактор. Благодаря контролю я мог выполнять самые идиотские требования этого типа. Ведь обычно в подобной ситуации мы тратим львиную долю своей энергии на переживания, обусловленные нашим чувством собственной важности. Любой человек, у которого есть хоть на йоту гордости, лопнуть готов, когда его заставляют чувствовать себя полнейшим ничтожеством.

Я с радостью выполнял все, что он требовал. Я был весел и силен. И мне было наплевать на гордость и страх. Я вел себя там как безупречный воин. Умение закалять свой дух в то время как тебя попирают и топчут – вот что называется контролем.

Затем дон Хуан объяснил, что, согласно стратегическому плану бенефактора, он не стал испытывать чувство жалости к себе, как делал раньше. Вместо этого он немедленно приступил к работе по выяснению сильных и слабых черт управляющего, а также особенностей его поведения.

Он обнаружил, что самыми сильными сторонами этого человека

были его склонность к насилию и дерзость. Он выстрелил в дону Хуана среди бела дня на глазах у множества свидетелей. Огромной же слабостью управляющего было то, что ему нравилась его работа, и он ни в коем случае не пошел бы ни на что, грозившее ему увольнением. Поэтому ни при каких обстоятельствах он не стал бы убивать дону Хуана в пределах усадьбы днем. Еще одной слабостью этого человека была семья. У него были жена и дети. Они жили в лачуге недалеко от усадьбы.

– Способность собирать подобного рода информацию в то время как тебя постоянно колотят – вот что такое дисциплина, – объяснил дон Хуан. – Этот человек был законченным негодяем, без малейшего намека на милосердие. Новые *видящие* считают, что совершенный мелкий тиран не должен иметь ни одной черты характера, которая смягчала бы его тиранические свойства. Потом дон Хуан рассказал мне, что два оставшихся атрибута образа жизни воина – выдержка и чувство времени (ими он тогда еще не обладал) – были задействованы бенефактором автоматически благодаря избранной им стратегической линии. Выдержка – это умение терпеливо ждать. Без порывов, без нетерпения – просто спокойно и радостно ждать того, что должно произойти.

– Ежедневно я унижался, – рассказывал дон Хуан, – временами мне приходилось даже плакать под кнутом управляющего. Но все же я был счастлив. Стратегия моего бенефактора была той силой, которая позволяла мне проживать день за днем не впадая в ненависть к этому типу. Я был воином. Я знал, что жду, и знал, чего я жду. В этом – великое наслаждение воина.

Дон Хуан добавил, что, в соответствии со стратегическим планом бенефактора, он должен был систематически изводить управляющего, пользуясь как прикрытием кем-либо более могущественным, чем тот. Так *видящие* времен Конкисты использовали в качестве прикрытия католическую церковь. Обычный священник в те времена иногда оказывался могущественнее дворянина.

Дону Хуану прикрытием служила дама, взявшая его на работу. Каждый раз, когда он ее видел, он падал перед нею на колени и начинал твердить, что она – святая. Он попросил у нее ладанку с изображением ее святого покровителя, чтобы молить небо о ее здоровье и благополучии.

– И она дала ее мне, – продолжал дон Хуан, – что окончательно выбило управляющего из состояния равновесия. А когда по вечерам я убедил слуг молиться со мною, его едва не хватил удар. Я думаю, именно в тот момент он принял *решение* прикончить меня. Позволить мне продолжать в том же духе он не мог.

В качестве контрмеры я организовал всех слуг в доме на поочередное всенощное бдение. Хозяйка решила, что во мне есть задатки исключительно набожного человека.

Сам же я с этого дня перестал спать крепко и больше не ложился в свою кровать. Каждую ночь я забирался на крышу. Оттуда мне было видно, как дважды управляющий повсюду искал меня среди ночи. И глаза его при этом были глазами убийцы.

Каждый день он заставлял меня чистить стойла жеребцов в надежде, что в конце концов один из них зашибет меня насмерть. Но я соорудил щит из толстых досок, за которым прятался во время работы, отгораживая один из углов стойла. Тот тип об этом не знал, потому что не выносил лошадей, что было, кстати, еще одной его слабостью. Как оказалось впоследствии, именно это слабое место стало для него смертельным.

Дон Хуан объяснил, что чувство времени – это способность точно вычислить момент, в который все, что до этого сдерживалось, должно быть отпущено. Контроль, дисциплина и выдержка подобны плотине, за которой все накапливается. Чувство времени – шлюз в этой плотине.

Управляющий знал лишь насилие, посредством которого он и терроризировал всех. Когда же он не мог его применить, он становился почти беспомощным. Дон Хуан знал, что управляющий не отважится убить его прямо перед домом, поэтому однажды он публично оскорбил управляющего в присутствии множества людей и на глазах у хозяйки. Дон Хуан назвал его трусом, который до смерти боится жены хозяина.

Это было частью стратегического плана, разработанного бенефактором: выждать и, воспользовавшись подходящим моментом, поменяться с мелким тираном ролями. Неожидаанное всегда происходит именно так. Нижайший и покорнейший из рабов внезапно поднимает тирана на смех, издевается над ним, выставляет его идиотом в глазах тех, чье мнение для тирана имеет решающее значение. И затем ускользает, не давая тирану возможности отомстить.

– В следующее мгновение этот тип буквально сошел с ума от бешенства, – продолжал дон Хуан, – однако я уже покорно ползал на коленях перед хозяйкой.

Далее дон Хуан рассказал, что, когда хозяйка ушла в дом, управляющий с приятелями позвали его на задний двор, якобы для того, чтобы дать какую-то работу. Управляющий был очень бледен, он буквально побелел от злости. По его тону дон Хуан сразу же догадался, что тот собирается делать на самом деле. Дон Хуан сделал вид, что идет, но вместо того, чтобы отправиться на задний двор, неожиданно побежал к конюшне. Дон Хуан рассчитывал, что лошади поднимут неимоверный шум, и хозяева выйдут из дома посмотреть в чем дело. Он знал также, что управляющий не дерзнет его застрелить. Это произвело бы слишком много шума, а страх управляющего потерять работу был сильнее всех прочих побуждений. И еще дон Хуан был уверен – этот тип не войдет к лошадям, по крайней мере, пока окончательно не потеряет голову от ярости.

– Я заскочил в стойло к самому дикому из жеребцов, – продолжал свой рассказ дон Хуан, – а мелкий тиран, совершенно ослепленный бешенством, выхватил нож и прыгнул вслед за мной. Я мгновенно спрятался за своими досками. Жеребцу достаточно было лишь раз его лягнуть, чтобы навсегда положить конец этой истории.

– Шесть месяцев я провел в том доме, и в течение всего этого времени я непрерывно отрабатывал четыре атрибута образа жизни воина. И благодаря им добился успеха. Я ни разу не пожалел себя и ни разу не раскис от бессилия. Я был радостен и спокоен. Мои контроль и дисциплина были совершенны как никогда прежде, и я на непосредственном опыте постиг, что безупречный воин может извлечь из выдержки и чувства времени. И я ни разу не пожелал смерти этого человека.

– Бенефактор объяснил мне кое-что весьма интересное. Выдержка означает сдерживание с помощью духа того, в неизбежном приходе чего воин полностью отдает себе отчет. Но это не значит, что воин ходит вокруг да около, строя козни с целью кому-то навредить или свести с кем-нибудь счеты. Выдержка есть нечто независимое. В случае, когда воин обладает в полной мере контролем, дисциплиной и чувством времени, выдержка гарантирует – то, что грядет, неизбежно найдет того, кто этого заслуживает.

– А случается ли так, что в схватке побеждает мелкий тиран? – спросил я.

– Разумеется. Было время – в начале испанского завоевания – когда воинов выбивали как мух. Ряды их тогда сильно сократились. Ведь мелкие тираны в те времена могли убить кого угодно просто от нечего делать, по прихоти. Под действием такого прессинга *видящие* достигали грандиозных состояний. Чтобы найти новые пути, выжившим тогда *видящим* приходилось в предельном напряжении то и дело превосходить самих себя.

– Новые *видящие* использовали мелких тиранов, – продолжал дон Хуан, пристально глядя на меня, – не только для того, чтобы избавиться от чувства собственной важности, но также и для того, чтобы осуществить сложный маневр по устранению себя из этого мира. В чем он заключается, ты постепенно поймешь по мере того, как мы будем изучать искусство осознания.

Я объяснил дону Хуану, что меня интересовало, может ли в наше время мелкий тиран из разряда тех, кого он назвал «крошечными тиранишками», одержать победу над воином.

– Сколько угодно, – ответил он. – Последствия, конечно, сегодня не столь серьезны, как в те далекие времена. Очевидно, что в наше время у воина всегда имеется шанс восстановить силы и начать сначала. Но есть и другая сторона этой проблемы. Поражение, нанесенное крошечным тиранишкой, не смертельно, но опустошительно. И в переносном смысле уровень смертности воинов почти такой же, как и прежде. Я хочу сказать вот что: воинов, поддавшихся мелочным тиранчикам, уничтожает чувство поражения и ощущение их собственной никчемности. И я рассматриваю это как высокий уровень смертности.

– Но как оценить – кто потерпел поражение, а кто – нет?

– Победен любой, кто пополняет ряды мелких тиранов.

Действовать в гневе, без контроля и дисциплины, не имея выдержки – вот что значит потерпеть поражение.

– Что происходит после того, как воин потерпел поражение?

– Он либо пересматривает свои позиции и производит перегруппировку сил, либо прекращает поход за знанием и, пополнив собою ряды мелких тиранов, остается там на всю жизнь.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

3. Эманизии Орла

На следующий день мы с доном Хуаном отправились пройтись по дороге, ведущей в Оахаку. Было два часа пополудни, и дорога была пустынна.

Мы неторопливо прогуливались, когда дон Хуан неожиданно заговорил. Он сказал, что разговор о мелких тиранах был не более чем введением к теме осознания. Я заметил, что этот разговор, тем не менее, заставил меня совершенно по-новому взглянуть на вещи. Дон Хуан попросил объяснить подробнее, что я имею в виду. Я ответил, что это связано с нашим давним спором по поводу индейцев яки. Тогда, несколько лет назад, в ходе объяснения учения для правой стороны, он пытался рассказать мне о тех преимуществах, которое давало индейцам яки положение угнетенных. Я страстно спорил в тот раз, утверждая, что, живя в столь ужасающих условиях, они не могли иметь никаких преимуществ. Я говорил ему, что мне непонятно, как его – индейца яки – совсем не трогает столь вопиющая несправедливость.

Он внимательно слушал. Потом, когда я был уверен, что он собирается отстаивать свою точку зрения, он вдруг согласился. Он сказал что условия, в которых живут индейцы яки, действительно катастрофичны. Но тут же добавил, что бесполезно особо выделять условия жизни индейцев яки, поскольку человек вообще живет в ужасающих условиях.

– Так что не стоит жалеть бедненьких индейцев яки, – сказал он. – Пожалей тогда уж все человечество. А что касается индейцев яки, то им в известном смысле даже повезло. Их угнетают, и благодаря этому некоторые из них имеют возможность в конце концов оказаться победителями. А угнетатели – мелкие тираны, пожирающие их свободу – те не имеют, к дьяволу, ни единого шанса.

Я немедленно разразился потоком политических лозунгов. Я вообще не понял его точку зрения. Он еще раз попытался объяснить мне понятие мелкого тирана, но тогда эта идея как-то

прошла мимо моего понимания. И только теперь все стало на свои места.

– Ничто еще не стало на свои места, – сказал дон Хуан, смеясь над тем, что я ему рассказал. – Ибо завтра, вернувшись в нормальное состояние осознания, ты даже и не вспомнишь о том, что сейчас осознал.

Я был глубоко подавлен. Я знал, что он прав.

– С тобой произойдет то, что в свое время произошло со мной, – продолжал дон Хуан. – Мой бенефактор – нагваль Хулиан – заставил меня осознать то, что ты осознал относительно мелких тиранов, когда я находился в состоянии повышенного осознания. И в итоге, когда в повседневной жизни отношение мое ко всему начало изменяться, я не отдавал себе отчета, почему это происходит.

Меня всю жизнь кто-нибудь угнетал, поэтому я был воистину зол на своих угнетателей. Можешь себе представить мое удивление, когда я вдруг обнаружил, что ищу компании мелких тиранов. Я думал, что потерял рассудок.

Мы подошли к месту, где сбоку от дороги были большие валуны, наполовину засыпанные давним оползнем. Дон Хуан направился к ним и опустился на плоский камень. Мне он сделал знак сесть напротив. Затем без дальнейших предисловий он приступил к объяснению искусства овладения осознанием.

Он объяснил, что существует ряд истин, касающихся осознания, открытых *видящими* – как древними, так и новыми. Для облегчения усвоения эти истины были сформулированы в определенной последовательности.

Овладение искусством осознания состоит в усвоении всей этой последовательности. Первая из истин заключается в том, что в мире нет отдельных объектов, которые существуют сами по себе, хотя мы, сообразно своему опыту, воспринимаем наш мир как мир предметов и явлений. На самом же деле мир отдельных объектов и явлений не существует. Есть лишь единая вселенная, образованная эманациями Орла.

Однако прежде чем рассказать мне об эманациях Орла, дон Хуан счел необходимым остановиться на понятиях известного, неизвестного и непознаваемого. Он сказал, что основная часть истин об осознании была открыта *видящими* древности. Однако последовательность, в которой они располагаются, разработали

новые *видящие*. Ибо вне данной последовательности эти истины почти непостижимы.

Дон Хуан сказал, что древние *видящие* не пытались найти тот порядок, в котором должны располагаться истины об осознании. Это стало одной из их величайших ошибок, имевшей роковые последствия. Заключались эти последствия в том, что древние *видящие* решили: неизвестное и непознаваемое суть одно и то же. Исправить эту ошибку удалось только новым *видящим*. Они нашли границы и дали определения. Неизвестным они назвали то, что скрыто от человека неким подобием занавеса из ткани бытия, имеющей ужасающую фактуру, однако находящееся, тем не менее, в пределах досягаемости. В некоторый момент времени неизвестное становится известным. Непознаваемое же суть нечто неопишное и не поддающееся ни осмыслению, ни осознанию. Непознаваемое никогда не перейдет в разряд известного, но тем не менее оно всегда где-то рядом, оно захватывает и восхищает нас своим великолепием, и в то же время грандиозность и безграничность его приводят нас в смертельный ужас. – Но как новые *видящие* отличают одно от другого? – поинтересовался я.

– Есть правило, – сказал дон Хуан. – Очень простое правило. Перед лицом неизвестного человек отважен. Неизвестное обладает свойством давать нам надежду и ощущение счастья. Человек чувствует себя сильным, дерзким и бодрым. И даже беспокойство, при этом возникающее, действует благотворно. Новые *видящие увидели*: неизвестное раскрывает все лучшие стороны человеческой природы.

Но когда принимаемое за неизвестное оказывается непознаваемым, результаты бывают катастрофическими. *Видящий* чувствует, что истощен и вконец запутан. Им овладевает глубочайшая подавленность. Тело теряет тонус, ясность и уравновешенность улетучиваются. Ведь непознаваемое не дает энергии. Оно находится вне пределов досягаемости человеческого существа, в области, вторгаться в которую не следует ни бездумно, ни даже с величайшей осмотрительностью. Новые *видящие* поняли, что даже за намек на контакт с непознаваемым приходится платить поистине непомерную цену.

Дон Хуан объяснил, что новым *видящим* пришлось продираться сквозь почти непреодолимые дебри старой традиции. В начале

нового цикла никто из них не знал, какие из превеликого множества традиционных магических практик были правильными, а какие – нет. Было вполне очевидно, что с древними *видящими* случилось что-то не то, но что именно – этого новые *видящие* не знали. Поэтому за отправную точку они взяли следующую установку: ошибочным было все, что делали их предшественники. Древние *видящие* были мастерами по части заблуждений и безосновательных догадок. Прежде всего они вообразили, что их мастерство в *видении* дает им гарантию безопасности. Они решили, что они неприкосновенны. И они думали так до тех пор, пока завоеватели не сокрушили их, предав большинство из них жуткой мучительной смерти. У древних *видящих* не было никакой защиты, кроме полной убежденности в своей неуязвимости. Новые *видящие* не стали тратить время попусту на попытки разобраться, в чем ошибка. Вместо этого они взялись за исследование неизвестного, чтобы определить, в чем различие между неизвестным и непознаваемым.

– Как они исследовали неизвестное, дон Хуан?

– Посредством контролируемого использования *видения*, – ответил он.

Я сказал, что спрашиваю о том, в чем заключается исследование неизвестного.

– Исследование неизвестного заключается в том, чтобы сделать его доступным нашему восприятию. Постоянная практика *видения* позволила новым *видящим* обнаружить, что неизвестное и известное в принципе составляют одно целое, поскольку и то и другое лежат в пределах возможного для человеческого восприятия. В некоторый момент *видящий* может покинуть сферу известного и войти в неизвестное.

То же, что находится за пределами потенциальных возможностей нашего восприятия, суть непознаваемое. И способность отличать его от неизвестного имеет критическое значение. Если *видящий* путает их, то, столкнувшись с непознаваемым, он оказывается в крайне незавидном положении.

Древние *видящие* – когда это с ними произошло, – решили, что что-то не так в их практике. На самом же деле они просто столкнулись с вещами, лежащими вне пределов человеческого постижения.

Однако это им и в голову не приходило, что с их стороны оказалось чудовищной ошибкой, за которую они дорого заплатили.

– А после того, как различие между неизвестным и непознаваемым было осознано, – что произошло тогда? – поинтересовался я.

– Начался новый цикл, – ответил дон Хуан. – Это различие и есть то, что разделяет древний и новый циклы. Ведь именно его понимание и лежит в основе всех достижений новых *видящих*.

Далее дон Хуан рассказал о том, что *видение* явилось критическим элементом как в разрушении мира древних *видящих*, так и в формировании нового подхода. Именно посредством *видения* новые *видящие* открыли некоторые неопровержимые факты, из которых последовал целый ряд выводов, совершивших революцию во взглядах *видящих* на природу человека и мира. Благодаря этим выводам появилась возможность для начала нового цикла, и были эти выводы именно теми истинами об осознании, которые излагал мне дон Хуан.

Он предложил прогуляться к центру города и побродить по площади. По пути речь зашла о технике и приборах для точных измерений. Дон Хуан заметил, что приборы являются всего лишь продолжениями наших органов чувств. Я же придерживался мнения, согласно которому некоторые приборы нельзя отнести к данной категории, поскольку они выполняют функции, на которые мы не способны по чисто физиологическим причинам.

– Наши органы чувств способны на все, – заверил меня дон Хуан.

– Хорошо, вот тебе пример: приборы, способные принимать радиосигналы, приходящие из открытого космоса, – заявил я. – А наши органы чувств этого делать не могут.

– А я на этот счет несколько иного мнения, – не согласился дон Хуан. – Я полагаю, что наши органы чувств способны воспринимать все, что нас окружает.

– Ладно, тогда как насчет ультразвука? – не унимался я. – У нас нет органических чувств для его восприятия.

– *Видящие* убеждены – мы имеем понятие лишь о крошечной частичке самих себя, – ответил он.

На некоторое время дон Хуан погрузился в размышление, словно пытаясь решить, что сказать дальше. Потом он с улыбкой заговорил:

– Как я уже сказал, первая из истин об осознании состоит в следующем: окружающий мир в действительности совсем иной, нежели мы его себе представляем. Мы полагаем, что имеем дело с миром объектов, однако он таковым не является.

Дон Хуан замолчал, как бы оценивая впечатление, которое произвели на меня его слова. Я сказал, что согласен с ним, поскольку любой объект можно рассматривать как поле энергии. Дон Хуан заметил, что с моей стороны это лишь чисто интеллектуальное приближение к истине. Однако сформулировать нечто на основании голых рассуждений – вовсе не значит удостовериться в этом на практике. Его абсолютно не интересует мое согласие или несогласие. Ему нужно, чтобы я попытался постичь внутреннюю сущность этой истины.

– Ты не способен воочию убедиться в том, что все объекты этого мира – лишь поля энергии, – пояснил он. – Как и любой обычный человек. Если бы ты умел их *видеть*, ты был бы *видящим*, и в этом случае ты сам мог бы объяснить все, что касается осознания. Понимаешь, что я имею в виду?

Затем он сказал, что умозаключения, полученные на чисто интеллектуальной основе, мало что способны изменить в нашей жизни. Отсюда – масса примеров, когда люди, имея по какому-либо поводу совершенно четкие убеждения, действуют диаметрально противоположным образом, в качестве оправдания ссылаясь единственно на то, что человеку свойственно ошибаться.

– Итак, первая истина: мир таков, каким он выглядит, но в то же время он таковым не является, – продолжал дон Хуан. – Он не настолько плотен и реален, как мы привыкли считать, основываясь на своем восприятии, по в то же время он не является и миражом. Мир не иллюзорен, как иногда утверждают, он вполне реален. Но в то же время он и нереален. Обрати на это особое внимание. Тут недостаточно просто принять к сведению, тут необходимо понимание. Мы воспринимаем нечто. Это – точно установленный факт. Но то, что именно мы воспринимаем, не относится к числу фактов, столь же однозначно установленных. Ибо мы обучаемся тому, что и как воспринимать.

Имеется нечто, воздействующее на наши органы чувств. Это – та часть, которая реальна. Нереальная же часть суть то, что нам говорят об этом нечто наши органы чувств. Рассмотрим, к примеру, гору. Наши органы чувств говорят нам, что она – объект. Она имеет размер, цвет, форму. Мы даже подразделяем горы на вполне определенные категории. И здесь все верно, за исключением одной детали. Нам никогда не приходит в голову, что роль наших органов чувств весьма поверхностна. Способ,

которым они воспринимают, обусловлен особым свойством нашего осознания. Именно это свойство заставляет их работать так, а не иначе.

Я начал было снова соглашаться с ним, но вовсе не потому, что мне этого хотелось, поскольку я не совсем ясно понимал, что он имеет в виду. Это скорее была реакция на ситуацию. Я ощущал некую угрозу. Дон Хуан заставил меня замолчать.

– Термин «мир», – продолжал он, – я использую, чтобы обозначить все то, что нас окружает. У меня, разумеется, есть более удачный термин, но для тебя он будет совершенно непостижим. *Видящие* утверждают, что мир объектов существует лишь постольку, поскольку наше осознание делает его таковым. В реальности же есть лишь эманации Орла – текущие, вечно меняющиеся, и в то же время неизменные, вечные.

Я собрался было спросить, что это такое – эманации Орла. Но дон Хуан жестом остановил меня. Он объяснил, что одним из наиболее драматических откровений, оставленных нам в наследство древними *видящими*, было их открытие причины бытия всех существ, обладающих способностью воспринимать. Все они существуют для того, чтобы накапливать осознание. Это открытие дон Хуан назвал колоссальным.

Полушутя он спросил, могу ли я лучше ответить на вопрос о смысле жизни, вечно не дающий человеку покоя. Я немедленно занял оборонительную позицию и принялся спорить. Я сказал, что сам по себе этот вопрос лишен смысла, поскольку логический ответ на него невозможен. И вообще, говоря об этом, мы неизбежно придем к обсуждению религиозных доктрин, и сам вопрос, таким образом, неизбежно сведется к вопросу о вере. Но дон Хуан сказал:

– Древние *видящие* не только рассуждали о вере. Конечно, они были не столь практичны, как новые *видящие*, но их практичности все же хватало на то, чтобы знать, что именно они *видели*. Я же своим вопросом, который привел тебя в такое смущение, пытался подчеркнуть лишь одно: наше рациональное мышление в одиночку не способно справиться с ответом на вопрос о смысле нашего существования. Каждая попытка неизменно сводится к вопросу о вере. Древние *видящие* пошли по иному пути. И им удалось отыскать ответ, который не связан с одной только верой.

Дон Хуан сказал, что древние *видящие* смогли *увидеть*

неописуемую силу, являющуюся источником бытия всех существ, хотя для этого им и приходилось подвергать себя невероятным опасностям. Эту силу древние *видящие* называли Орлом, поскольку те немногие взгляды мельком, которые позволили им *увидеть* эту силу, создали у них впечатление, что она напоминает нечто похожее на бесконечно огромного черно-белого орла. Они *увидели*, что именно Орел наделяет осознанием. Он создает живые существа таким образом, чтобы они в процессе жизни могли обогащать осознание, полученное от него вместе с жизнью. И еще они *увидели*, что именно Орел пожирает обогащенное осознание, отбирая его у существ в момент их смерти.

– И потому, когда древние *видящие* утверждали, что смысл жизни состоит в накоплении и развитии осознания, – продолжал дон Хуан, – речь шла не о вере и не о логическом умозаключении. Они это *увидели*.

Они *увидели*, как осознание живых существ отлетает в момент смерти и, подобно светящимся клубкам ваты, поднимается прямо к клюву Орла и им поглощается. И потому для древних *видящих* был очевиден факт: смысл жизни всех существ – в обогащении осознания, которым питается Орел.

Дону Хуану потребовалось ненадолго отправиться куда-то по делам, поэтому он на время прервал свои объяснения. Нестор отвез его в Оахаку. Провожая их, я вспомнил, что в начале нашего с доном Хуаном знакомства я воспринимал его заявления насчет поездок по делам как своего рода эвфемизмы. Я думал, что стоит за этим нечто совсем другое. Но постепенно до меня дошло – его слова на самом деле соответствуют реальному положению вещей. У него действительно были какие-то дела в разных местах.

Каждый раз перед такой поездкой дон Хуан надевал костюм-тройку – а их у него было довольно много – и становился похожим на кого угодно, но только не на знакомого мне старика-индейца. Как-то раз я даже высказался насчет совершенства этих его перевоплощений.

– Нагваль должен обладать гибкостью, достаточной для того, чтобы уметь становиться кем угодно, – объяснил мне тогда дон Хуан. – Быть Нагвалем, кроме всего прочего, значит не иметь слабых мест, которые необходимо защищать. Запомни это хорошенько – нам еще не раз предстоит к этому вернуться.

И мы возвращались к этому моменту снова и снова. И

действительно создавалось впечатление, что у дон Хуана нет слабых мест, нуждающихся в защите. Но в этот раз, пока он был в Оахаке, у меня все же возникла тень сомнения. Неожиданно меня осенило: у Нагваля есть нечто, подлежащее защите. Это нечто – описание Орла. Мне казалось, что оно действительно требует защиты, причем защиты весьма пристрастной.

Я пытался заговаривать об этом с *видящими* из отряда дон Хуана, но они уклонялись от ответа, заявляя, что я нахожусь под карантином, поэтому подобного рода беседы со мной запрещены до тех пор, пока дон Хуан не закончит свое объяснение.

Поэтому едва дон Хуан вернулся и мы с ним присели, чтобы поговорить, я спросил его об этом.

– Истины, о которых я тебе рассказываю, вовсе не являются чем-то, что необходимо защищать, тем более – защищать с пристрастием, – ответил он. – И если ты полагаешь, что я пытаюсь их отстаивать, ты заблуждаешься. Эти истины были сформулированы и сведены воедино для того, чтобы облегчить воину путь к просветлению, а вовсе не затем, чтобы служить некими сентиментальными откровениями личной веры. И когда я говорил о том, что нагвалю нечего защищать, я, кроме всего прочего, имел в виду также и то, что нагваль лишен каких бы то ни было пристрастий и привязанностей.

Я сказал дону Хуану, что, похоже, не следую его учению, поскольку буквально одержим описанием Орла и его действий. Я снова и снова говорил о том, насколько устрещающее впечатление производит на меня эта идея.

– Это не идея, – поправил меня дон Хуан. – Это – факт. И факт, если хочешь знать, дьявольски жуткий. Видишь ли, новые *видящие* не занимались игрой в идеи.

– Хорошо, но тогда какого рода силой является Орел? – спросил я.

– Пожалуй, я не знаю, как ответить на этот вопрос. Для *видящих* Орел настолько же реален, насколько реальны для тебя гравитация и время. И настолько же абстрактен и непостижим.

– Минуточку, дон Хуан! Гравитация и время – понятия действительно абстрактные, но ведь они соответствуют реальным явлениям, поддающимся изучению. Есть целые области науки, им посвященные.

– Орел и его эманации точно так же поддаются изучению, – возразил дон Хуан. – И область, к которой относится знание новых

видящих, как раз этому и посвящена.

Тогда я попросил объяснить, что такое эманации Орла.

Дон Хуан сказал, что эманации Орла – это неизменная вещь-в-себе, они пронизывают все сущее, как познаваемое, так и непознаваемое.

– Нет никакой возможности описать словами, что в действительности представляют собой эманации Орла, – пояснил он. – *Видящий* должен увидеть их сам.

– А ты их *видел*, дон Хуан?

– Разумеется, но тем не менее, я не сумею рассказать тебе, что это такое. Просто присутствие чего-то, как бы масса какого-то качества или состояния, давление, которое ослепляет. Можно лишь мельком взглянуть на них, впрочем, как и на самого Орла.

– То есть ты мог бы сказать, что Орел является источником эманаций? Так, дон Хуан?

– Орел, вне всякого сомнения, является источником своих эманаций. Это очевидно, и говорить тут не о чем.

– Нет, я имею в виду – в смысле визуального восприятия.

– Орел не имеет никакого отношения к визуальному восприятию.

Видящий воспринимает Орла всем своим телом, всем своим существом. В каждом из нас присутствует нечто, способное заставить нас воспринимать всем телом. *Видящие* объясняют процесс *видения* Орла очень просто. Человек составлен эманациями Орла. Поэтому для восприятия Орла он должен обратиться к самому себе, к своим собственным составляющим.

Вот тут и возникают сложности, связанные с осознанием: оно запутывается. И в критический момент, когда эманации внутри и эманации вовне должны просто обнаружить взаимное соответствие, осознание вмешивается и принимается за построение интерпретаций. В результате возникает видение Орла и его эманаций. Но в действительности ни Орла, ни его эманаций не существует. Уяснить же истинную сущность того, что существует на самом деле, не в состоянии ни одно живое существо.

Я поинтересовался, почему источник эманаций называли Орлом.

Потому ли, что орлам вообще люди склонны приписывать важные свойства?

– Просто в данном случае нечто непознаваемое смутно напоминает образ из сферы известного. И в результате орлам стали приписывать свойства, которыми они никогда не обладали. Но

подобные вещи происходят всегда, когда впечатлительные люди берутся за то, что требует абсолютной уравниженности. Ведь среди *видящих* встречаются самые разные типы.

– То есть ты хочешь сказать, что существуют различные типы *видящих*?

– Нет. Я хочу сказать, что существует масса сентиментальных глупцов, которые становятся *видящими*. Ведь *видящие* – человеческие существа, не лишенные множества слабостей. Нет, не так. Человеческие существа, нелишенные множества слабостей, способны стать *видящими*. Это подобно тому, как иногда жалкие людишки становятся отличными учеными.

Такие *видящие* забывают о том удивительном чуде, каковым является мир. И когда жалкий человек становится *видящим*, сам факт его способности *видеть* полностью захватывает его. Он воображает себя гением, считая, что все остальное не имеет значения. Чтобы прорваться сквозь почти непреодолимую расхлябанность обычного человеческого состояния, *видящий* должен обладать абсолютной безупречностью. И сама по себе способность *видеть* имеет значение лишь постольку поскольку. Гораздо важнее другое – что именно *видящий* делает с тем, что он *видит*.

– Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

– А ты посмотри, что с нами сотворили некоторые из *видящих*. Ведь мы накрепко приклеены к навязанному нам образу Орла, пожирающего нас в миг нашей смерти.

Потом он сказал, что в таком варианте *описания* налицо некоторая ущербность и что лично ему не нравится идея относительно чего-то нас пожирающего. С его точки зрения точнее было бы говорить о некой силе, притягивающей осознание существ подобно тому, как магнит притягивает опилки. В момент смерти под действием этой грандиозной силы происходит дезинтеграция всего нашего существа.

И вообще нелепо представлять такое явление в виде пожирающего нечто Орла, поскольку неопишуемое таинственное действо превращается тем самым в тривиальное принятие пищи.

– Тогда я – очень-очень обычный человек, – заявил я. – Потому что описание пожирающего нас Орла произвело на меня потрясающее впечатление.

– Не спеши. Действительное впечатление можно будет оценить

лишь тогда, когда ты сам все это *увидишь*, – сказал дон Хуан. – Но не следует упускать из виду: наши недостатки и недоработки никуда не исчезают. Они остаются с нами даже после того как мы станем *видящими*. И ты, когда *увидишь* эту силу, возможно, примешь версию тех слабых *видящих*, которые назвали ее Орлом. По крайней мере, так в свое время поступил я. Но ты можешь и не согласиться с ними, попытавшись противостоять склонности описывать непостижимое с помощью тривиальных человеческих образов. Возможно, тебе удастся подобрать другое, новое название, и оно окажется более точным.

– *Видящие*, способные *видеть* эманации Орла, часто называют их «командами», – сказал дон Хуан. – Я, в общем-то, не возражаю против такого названия, но сам привык к названию «эманации». Это явилось следствием реакции на то предпочтение, которое мой бенефактор отдавал термину «команды». Я думаю, этот термин в большей степени соответствовал его сильному и жесткому характеру, чем моему. Мне хотелось чего-нибудь менее персонифицированного. По-моему, «команды» звучит как-то более по-человечески, хотя такой термин действительно соответствует сути явления, ибо это именно команды.

Дон Хуан сказал, что *видеть* эманации Орла – значит стремиться к катастрофе. Новые *видящие* очень скоро обнаружили, с какими огромнейшими трудностями это связано. И только после массы трагических неудач, постигших многих из них при исследовании неизвестного и попытках отделить его от непознаваемого, им удалось, наконец, понять что все в мире образовано эманациями Орла. Лишь малая часть этих эманаций находится в пределах досягаемости человеческого осознания. И лишь незначительная доля этой малой части доступна восприятию обычного человека в его повседневной жизни. Эта крохотная частичка эманаций Орла и есть известное. Та малая часть, которая в принципе доступна человеческому осознанию, – это неизвестное. Все же остальное – таинственное и неизмеримо огромное – это непознаваемое.

В продолжение разговора дон Хуан сообщил мне, что новые *видящие*, имея ориентацию прагматическую, мгновенно обнаружили, что эманации обладают силой тотального диктата. Все без исключения существа вынуждены задействовать эманации Орла, даже не отдавая себе отчета в том, что это такое. Организм любого существа устроен таким образом, что захватывает

определенную полосу эманаций, причем каждый вид задействует при этом эманации свойственного ему определенного диапазона. Эманации же в свою очередь оказывают на организмы огромное давление. Это давление и является тем фактором, посредством которого существо воспринимает соответствующую его диапазону картину мира.

– В нашем варианте – я говорю о человеческих существах – мы интерпретируем воспринимаемые нами эманации как объективную реальность, – продолжал дон Хуан. – Однако человек способен воспринимать настолько мизерную часть эманаций Орла, что просто нелепо и смешно придавать сколько-нибудь серьезное значение нашему восприятию. И в то же время мы воспринимаем нечто, что невозможно игнорировать. Для того, чтобы все это выяснить, новым *видящим* пришлось пройти суровый путь, полный смертельных опасностей.

Дон Хуан сидел на своем обычном месте в большой комнате. Раньше здесь не было мебели, и все садились на циновки, расстеленные прямо на полу. Но Кэрл – женщина-нагваль – достала очень удобные кресла для тех случаев, когда мы с ней по очереди читали дону Хуану стихи испаноязычных поэтов.

Едва я опустился в кресло, дон Хуан заговорил:

– Я хочу, чтобы ты четко отдавал себе отчет в том, чем именно мы сейчас занимаемся. Мы говорим об искусстве осознания. И те истины, о которых идет речь, суть принципы этого искусства.

Дон Хуан добавил, что в процессе изложения учения для правой стороны он демонстрировал эти принципы мне – находившемуся в обычном состоянии сознания – с помощью своего друга-*видящего* Хенаро. Причем Хенаро обходился с моим осознанием со всем юмором и непочтительностью, которые свойственны новым *видящим*.

– Вообще-то, именно Хенаро должен был бы рассказывать тебе об Орле, – сказал дон Хуан. – Но его версия слишком уж легкомысленна. Он считает, что *видящие*, назвавшие эту силу Орлом, либо были потрясающими тупицами, либо сыграли грандиозную шутку. Ведь орлы не только откладывают яйца, из них выходит также и еще кое-что...

Дон Хуан расхохотался, объяснив, что комментарии Хенаро по данному вопросу представляются ему настолько удачными, что удержаться от смеха нет никакой возможности. И еще он сказал,

что, если бы первичное описание Орла пришлось делать новым *видящим*, оно безусловно было бы наполовину издевательским. Я сказал, что на каком-то уровне воспринимаю Орла как поэтический образ, и в таком качестве он меня воодушевляет, однако на некотором уровне он приводит меня в ужас, поскольку воспринимается совершенно буквально.

– Страх – одна из величайших сил в жизни воина; своего рода шпоры, не дающие расслабиться, – объяснил дон Хуан.

Затем он напомнил мне, что описание Орла – наследие *видящих* древности. Новые *видящие* не утруждали себя составлением описаний, проведением параллелей и поиском каких бы то ни было сравнений и соответствий. Они стремились добраться непосредственно до истока всего сущего и предпринимали попытку за попыткой, последовательно подвергая себя совершенно невообразимым опасностям. И они *увидели* эманации Орла. Но вносить какие-либо изменения в описание Орла не стали. Ибо новые *видящие* чувствовали, что каждая попытка *увидеть* Орла требует слишком большого расхода энергии. Они считали, что *видящие* древности уже заплатили достаточно высокую цену за те мимолетные взгляды, которые им удалось бросить на Орла.

– Но каким образом древние *видящие* пришли к тому, что занялись составлением описания Орла? – поинтересовался я.

– Для обучения им нужен был некоторый минимальный набор основных понятий о непознаваемом, – ответил дон Хуан. – Они решили эту проблему, создав общее примерное описание силы, которая правит всем. Но они не описали эманации, поскольку последние вообще не поддаются описанию языком сравнений. Возможно, иногда у кого-нибудь из *видящих* возникает потребность как-то объяснить или описать отдельные эманации, но такие случаи всегда останутся делом сугубо личным. Короче, удачного варианта описания эманаций, подобного описанию Орла, не существует.

– Похоже, новые *видящие* весьма склонны к абстракциям, – прокомментировал я. – Совсем как современные философы.

– Ничего подобного. Новые *видящие* – народ жутко практичный, – возразил дон Хуан. – Смотри: они не стали даже пытаться состряпать какую-нибудь рациональную теорию.

Абстрактными мыслителями, как объяснил далее дон Хуан, были как раз древние *видящие*. Они соорудили воистину исполинские

нагромождения абстрактных трактовок, вполне соответствовавших их собственному духу и духу того времени. И совсем так же, как современные философы, древние *видящие* совершенно не были в состоянии хоть как-то управлять каскадами ситуаций, в которые попадали сами. Новые же *видящие* занялись лишь практической стороной дела, научившись *видеть* поток эманаций, а также то, как человек и другие существа используют их для создания воспринимаемого ими мира.

– И как же их использует человек, дон Хуан?

– До идиотизма просто. Для *видящего* все люди – светящиеся существа. Светимость наша составлена эманациями Орла, заключенными в яйцеобразный кокон. И та мизерная часть всех эманаций, которая находится внутри кокона, и есть то, что делает нас людьми. Воспринимать же – значит устанавливать соответствие между эманациями внутри нашего кокона и эманациями вне его.

Видящий, к примеру, может *увидеть* эманации внутри любого живого существа и сказать, с какими из внешних эманаций они могут прийти в соответствие.

Я спросил, похожи ли эманации на лучи света.

– Нет. Ни капельки. Так было бы чересчур просто. Они не похожи ни на что, их невозможно описать. И в то же время лично я сказал бы, что они напоминают светящиеся нити. Непостижимо же в них то, что эти нити обладают самоосознанием. Нормальный разум обычного человека справиться с этим не в состоянии. Я не сумею объяснить тебе, что имеется в виду под самоосознанием эманаций. Поскольку я сам не знаю того, о чем говорю. Все, что лично мне известно, – и лишь об этом я могу тебе рассказать, – это то, что нити эманаций осознают себя, они пульсируют собственной жизнью, и их такое множество, что числа теряют всякий смысл. И каждая из них – сама вечность.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

4. Светимость осознания

Мы с доном Хуаном и доном Хенаро сидели за столом в доме дона Хенаро. Мы только что вернулись с окрестных гор, где собирали растения. Неожиданно дон Хуан сдвинул уровень моего осознания. Дон Хенаро, посмеиваясь, разглядывал меня. Он отметил, что две стороны моего осознания выглядят с его точки зрения довольно занятно. Вот наглядный пример: мое к нему отношение. Для правой стороны моего осознания он – уважаемый и внушающий страх маг дон Хенаро, человек, чьи непостижимые действия восхищают меня и в то же время наполняют совершенно диким ужасом. Для левой же стороны моего осознания – он просто Хенаро, а иногда – даже Хенарито, безо всяких донов – мягкий и добрый *видящий*. И все, что он делает, так понятно и так соответствует тому, что делаю или пытаюсь сделать я сам.

Я согласился с ним, добавив, что человеком, одно только присутствие которого заставляет меня дрожать подобно осиновому листу, для левой стороны моего осознания является Сильвио Мануэль – самый таинственный из *видящих* команды дона Хуана. И еще я сказал, что сам дон Хуан, как истинный нагваль, для меня стоит вне каких бы то ни было условностей, и я одинаково восхищаюсь и уважаю его, независимо от того, в каком состоянии осознания нахожусь.

– Но и боишься тоже, а? – спросил Хенаро дрожащим голосом.

– И еще как боится, – фальцетом вставил дон Хуан. Все рассмеялись. Однако дон Хуан и Хенаро хохотали как-то очень уж самозабвенно. Я мгновенно заподозрил неладное. Было похоже на то, что они знают кое-что, о чем не договаривают.

Дон Хуан же видел меня насквозь. Он объяснил, что на промежуточной стадии, прежде чем окончательно перейти в состояние левостороннего осознания, человек становится способным на огромнейшую концентрацию, но в то же время подвержен любому влиянию. И в данный момент я попал под влияние подозрительности.

– Между прочим, Ла Горда все время находится в таком

состоянии, – сказал дон Хуан. – Поэтому она – изумительный ученик и вместе с тем – просто потрясающая зануда. Она не может не цепляться за все, что встречается на ее пути. В том числе, конечно, и за вещи весьма полезные. Например – за высшую степень концентрации.

Далее дон Хуан объяснил, что новые *видящие* обнаружили: переходный период является тем временем, в течение которого процесс обучения становится наиболее эффективным, а само обучение – самым глубоким. Но это также тот период, когда воин должен постоянно находиться под присмотром учителя, получая все необходимые объяснения. Иначе у него возникнут проблемы с самооценкой. Если он вовремя не получит соответствующих объяснений, то, окончательно перейдя в состояние левостороннего осознания, он станет великим магом, но никчемным *видящим*.

Именно это произошло в свое время с древними толтеками.

В частности, жертвами соблазнов левостороннего осознания легко становятся женщины-воины. Они настолько подвижны, что могут сдвигаться влево практически без усилий. И зачастую это происходит слишком быстро, чтобы пойти на пользу.

Мы долго молчали. Хенаро заснул. А дон Хуан снова заговорил.

Он сказал, что новым *видящим* пришлось разработать определенный набор терминов, без чего невозможно, было сформулировать объяснение второй истины, касающейся осознания. Бенефактор дона Хуана внес изменения, приспособив терминологию к своему подходу.

Дон Хуан сделал то же самое. Он счел, что не имеет значения, какой терминологией пользоваться, если истины проверяются с помощью *видения*.

Мне было любопытно, какие именно термины изменил дон Хуан, однако я не знал, как сформулировать вопрос. Дон Хуан, видимо, истолковал мою заминку как признак сомнения в его праве и способности изменять терминологию, и пояснил, что если за предлагаемым термином стоит только рациональный рассудок, то термин этот может соответствовать лишь рутинным соглашениям обычной жизни. Если же термин предложен *видящим*, он никогда не будет просто фигуральной словесной формулой, поскольку за ним стоит непосредственное *видение* внутренней сути вещей. В свою терминологию *видящий* вкладывает все, чего ему удалось достичь.

Я поинтересовался, почему он внес изменения в терминологию. – Поиск новых, лучших способов объяснения – долг нагваля, – ответил дон Хуан. – Ведь время вносит свои изменения во все. Поэтому каждый новый нагваль должен вводить новые слова и новые понятия, чтобы описывать то, что *видит*.

– Ты имеешь в виду, что новые понятия нагваль черпает из мира обычной жизни? – спросил я.

– Нет. Я имею в виду, что нагваль по-новому говорит о *видении*. Тебе, например, как новому нагвалю, предстоит говорить о том, что восприятие расширяется осознанием. Ты будешь говорить о том же самом, о чем говорил, скажем, мой бенефактор. Но совсем иначе, чем это делал он.

– Чем, по словам новых *видящих*, является восприятие, дон Хуан?

– Они говорят, что восприятие – это настройка. Восприятие имеет место при условии, когда эманации внутри кокона настроены на соответствующие им внешние эманации. Настройка – вот то, что позволяет любому живому существу культивировать его осознание. Это утверждение *видящих* основано на том, что они *видят* любое живое существо в его истинном облике – в виде пузыря белесого цвета.

Я спросил, как именно осуществляется настройка и в чем заключается соответствие внутренних эманаций внешним.

– Внешние и внутренние эманации, – ответил дон Хуан, – суть одни и те же потоки световых волокон. А живые существа – крохотные пузырьки, ими образованные, крохотные точки света, прикрепленные к этим бесконечным струящимся нитям.

Потом дон Хуан объяснил, что светимость живых существ образована лишь ограниченным набором эманаций Орла – незначительной частью бесконечно разнообразного их множества.

Эманации, образующие существо, заключены внутри его кокона. Когда *видящий видит* процесс восприятия, он наблюдает, как светимость эманаций Орла, находящихся вне кокона, заставляет внутренние эманации светиться ярче. Внешняя светимость как бы притягивает внутреннюю, захватывает и, скажем так, фиксирует ее. Фиксированная же таким образом светимость и есть, по сути, осознание данного конкретного существа.

Кроме того, *видящий видит* давление, оказываемое внешними эманациями на определенную часть эманаций внутренних. Силой давления определяется степень осознанности существа.

Я не совсем понял и попросил уточнить, каким образом внешние эманации оказывают давление на внутренние.

– Видишь ли, – сказал дон Хуан, – эманации Орла суть нечто большее, чем просто потоки световых волокон. Каждое из этих волокон является источником энергии неограниченной мощности. Поток энергии, понимаешь? Теперь представь себе: эманации вне кокона и эманации внутри него – одни и те же. Они образуют непрерывный поток энергии. Однако кокон как бы разделяет его, поверхность кокона изолирует внутреннюю часть волокон потока от внешней и тем самым формирует направленное давление.

– Я уже говорил тебе как-то о том, что древние *видящие* были непревзойденными мастерами по части управления осознанием. А теперь я могу добавить: суть их мастерства состояла в умении манипулировать структурой человеческого кокона. Я также говорил тебе ранее, что они раскрыли тайну осознания. Они *увидели* и поняли, что осознание есть определенного рода свечение в коконе живого существа. Они называли это свечение «свечением осознания», что вполне соответствует сущности явления.

Потом дон Хуан объяснил, что древние *видящие увидели* осознание человека. Это – особая область светимости янтарного цвета, отличающаяся от остальных волокон кокона повышенной яркостью. Эта область занимает узкую вертикальную полосу, протянувшуюся по правой стороне поверхности кокона сверху донизу. Древние *видящие* овладели искусством смещать эту полосу светимости, заставляя ее расширяться, захватывая новые участки поверхности кокона, а также погружаться внутрь. Умолкнув, дон Хуан взглянул на Хенаро. Тот по-прежнему спал сном праведника.

– Хенаро плевать хотел на объяснения, – сказал дон Хуан. – Действие – его стихия. Мой бенефактор постоянно загонял его в угол, ставя перед ним совершенно неразрешимые задачи. Поэтому Хенаро пришлось сразу же прочно закрепиться в левой стороне осознания. У него не было выбора, не было никакой возможности пробовать и размышлять.

– Так лучше, дон Хуан?

– Кому как. Для него подобный путь явился совершенным. Тебя и меня такой подход вряд ли устроит. Ведь мы оба так или иначе призваны иметь дело с объяснениями. Хенаро и мой бенефактор больше похожи на древних *видящих*, чем на новых: со свечением

осознания они могут делать все что захотят, поскольку обладают над ним совершенным контролем.

Дон Хуан поднялся с циновки, на которой мы сидели, и потянулся, выпрямив руки и ноги. Я настаивал на продолжении разговора. Он с улыбкой сказал, что мне нужно отдохнуть, поскольку высокая степень сосредоточения меня несколько утомила.

В дверь постучали. Я проснулся. Было темно. Какое-то мгновение я не мог сообразить, где я и что со мной происходит. Ощущение было таким, словно какая-то часть моего существа затерялась где-то очень-очень далеко. Эта часть вроде бы продолжала спать, хотя я уже полностью проснулся. Сквозь окно в дом проникал свет луны, поэтому мне было видно все, что происходит вокруг. Я увидел, как дон Хенаро поднялся и пошел к двери. Я понял, что нахожусь в его доме. Дон Хуан по-прежнему спал на циновке, расстеленной на полу. У меня было явственное ощущение, что все мы втроем заснули сразу же после того, как, смертельно устав, вернулись с прогулки по горам.

Дон Хенаро зажег керосиновую лампу. Я поплелся за ним в кухню. Кто-то принес ему кастрюлю жаркого и стопку лепешек.

Я спросил:

– Кто это принес? У тебя что, есть женщина, которая готовит? В кухню вошел дон Хуан. Они оба смотрели на меня и улыбались. Эти улыбки почему-то наполняли меня ужасом. Я уже совсем было принялся орать от страха, когда дон Хуан ударил меня по спине. Войдя в состояние повышенного осознания, я понял, что за время сна или в момент пробуждения мое сознание вернулось в обычное состояние.

Чувство, охватившее меня, когда я вернулся в состояние повышенного осознания, было смесью облегчения, злости и потрясающе пронзительной печали. Я снова стал самим собой, и это явилось источником облегчения. Во всяком случае, с некоторых пор я начал относиться к подобным непостижимым состояниям сознания как к проявлениям моей истинной сущности. Единственная причина такого отношения была очень проста: находясь в этих состояниях, я ощущал полноту и целостность своего существа. Я не чувствовал, что во мне чего-то не хватает. Злость и печаль были реакцией на бессилие, ибо именно в таких состояниях я более чем когда-либо осознавал ограниченность своих возможностей.

Я попросил дон Хуана объяснить, за счет чего происходит так, что в состоянии повышенного осознания я могу взглянуть назад и вспомнить все, отдавая себе отчет в каждом из действий, совершенных ранее в любом из состояний сознания. Я даже вспоминаю собственную неспособность вспомнить. Но едва лишь мое сознание возвращается в обычное нормальное состояние, как я тут же теряю нить и не могу вспомнить абсолютно ничего из того, что происходило, когда я был в состоянии повышенного осознания. Я не смог бы вспомнить, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

– Стоп, не торопись! – прервал меня дон Хуан. – Пока что ты еще ничего даже не начинал вспоминать. Повышенное осознание – всего лишь промежуточное состояние. А вот за ним – превеликое множество того, о чем ты действительно не сможешь вспомнить. Даже под угрозой смерти.

Он был прав. Я понятия не имел, о чем идет речь, и принялся упрашивать его объяснить.

– Объяснения будут, – сказал он. – Однако не сразу. Медленно, но в конце концов мы к ним придем. Медленно – потому что я в точности похож на тебя. Мне нравится понимать. В этом смысле я – полная противоположность своему бенефактору. Он не был склонен объяснять. Для него существовало только действие. Он имел обыкновение просто сталкивать нас с неразрешимыми задачами, предоставляя возможность выпутываться самостоятельно. Некоторые из нас так и не смогли их решить и закончили в том же месте, где начали – масса действия и никакого реального знания.

– Та информация, о которой ты говоришь, спрятана где-то в глубине моего сознания? – спросил я.

– Нет. Это было бы чересчур просто, – ответил дон Хуан. – Одним лишь разделением человеческого существа на тело и сознание тут не обойдешься. Действия *видящих* намного сложнее. Ты забыл то, что делал или наблюдал, поскольку когда это происходило, ты *видел*. Вот в чем причина.

Я попросил его раскрыть смысл того, что он только что сказал.

Дон Хуан принялся терпеливо объяснять. Когда происходило то, что я забыл, осознание мое было значительно усилено по сравнению с его обычным повседневным уровнем. Это значит, что для восприятия были задействованы новые, обычно не

используемые части всего моего существа.

– И то, что ты забыл, спрятано именно в этих частях всего твоего существа, – сказал он. – Как раз в использовании этих зон и состоит *видение*.

– Я запутался еще больше, дон Хуан.

– Это не твоя вина. *Видеть* – значит обнажить внутреннюю сущность всего, созерцать неизвестное и бросить взгляд на непознаваемое. Поэтому *видение* – вещь весьма неутешительная. Обычно созерцание всей непостижимой сложности бытия приводит *видящего* в полную растерянность. Особенно же удручающе выглядит то, насколько ограниченность нашего обычного состояния сознания искажает и даже уродует истинную картину мира.

Тут дон Хуан в очередной раз напомнил мне, что мое сосредоточение должно быть абсолютно полным, поскольку понимание имеет критическое значение, и что превыше всего новые *видящие* ценят глубокое осознание, не окрашенное никакими эмоциями.

– Вот, к примеру, – продолжал он, – в тот день, когда ты понял насчет своего и Ла Горды чувства собственной важности, помнишь? На самом же деле ты ничего не понял. Это был всего лишь эмоциональный взрыв, и только. Я утверждаю это с такой уверенностью потому, что уже в следующий день ты вновь оседлал своего любимого конька – чувство собственной важности. Как будто до тебя вообще ничего не дошло.

С древними *видящими* произошло в точности то же самое. Они легко шли на поводу у эмоциональных реакций. Когда же дело доходило до понимания того, что они *видели*, они оказывались бессильны. Понимание требует трезвой уравновешенности, а не эмоциональности. Так что берегись того, кто готов рыдать от избытка чувств, когда ему кажется, что он осознал нечто важное. Его осознание – пустышка, ибо на самом деле он не понимает ровным счетом ничего.

– Путь знания таит в себе немыслимые опасности для того, кто пытается следовать по нему, не вооружившись трезвым пониманием, – продолжал дон Хуан. – Я выстраиваю теорию осознания, располагая истины в определенном порядке – так, чтобы они могли послужить тебе картой, в правильности которой тебе предстоит убедиться на собственном опыте с помощью

видения. Но не зрения. Глаза здесь ни при чем.

Последовала долгая пауза. Он внимательно смотрел на меня, определенно ожидая вопроса.

– Все делают эту ошибку. Все думают, что *видение* связано с глазами, – произнес он. – Однако не следует удивляться тому, что, после стольких лет, ты так и не понял – *видение* не имеет отношение к функции глаз. Это – нормально, такой ошибки не избегает практически никто.

– Так что же такое *видение*? – спросил я.

Дон Хуан ответил, что *видение* – это настройка. Я напомнил ему: не так давно он утверждал, что настройкой является восприятие. Он объяснил, что настройка тех эманаций, которые используются в повседневной жизни, дает восприятие обычного мира, *видение* же обусловлено настройкой тех эманаций, которые обычно не задействованы. Таким образом, *видение*, будучи результатом нетривиальной настройки, вряд ли может быть истолковано только как особый тип функционирования зрительного анализатора. По словам дона Хуана, я *видел* бесчисленное множество раз, однако мне ни разу не пришло в голову абстрагироваться от собственно зрения. Меня все время вводил в заблуждение сам термин «*видение*», а также описание этого явления.

– Когда *видящий видит*, то нечто как бы объясняет ему все, что происходит по мере того, как в зону настройки попадают все новые и новые эманации, – продолжал дон Хуан. – Он слышит голос, говорящий ему на ухо что есть что. Если голоса нет, то происходящее с *видящим* не является *видением*.

После непродолжительной паузы дон Хуан снова заговорил о голосе *видения*. Он отметил, что полагать, будто *видение* есть слышание – тоже ошибка, поскольку в действительности *видение* – нечто неизмеримо большее. Однако *видящие* выбрали звук в качестве критерия, позволяющего определить – имеет место новая настройка или нет.

Голос *видения* дон Хуан назвал вещью наиболее загадочной и необъяснимой.

– Лично я пришел к выводу, – говорил он, – что голос *видения* присущ только человеку. Только человек пользуется речью. Может быть, в этом дело. Древние *видящие* считали, что голос этот принадлежит некоторому сверхмогущественному существу, связанному с человечеством сокровенными и очень тесными

узами. Они считали, что это существо – защитник человека. Для новых *видящих* голос *видения* – нечто совершенно непостижимое. Новые *видящие* говорят, что это свечение осознания и играет на эманациях Орла, как арфист играет на арфе.

Дать более подробные объяснения по данному вопросу дон Хуан наотрез отказался. Отказ свой он аргументировал тем, что по мере изложения им теории мне все станет ясно.

Пока дон Хуан говорил, сосредоточение мое было настолько полным, что я даже не заметил, как мы сели за стол. Я не помнил, кто что делал и только когда дон Хуан замолчал, заметил, что его тарелка жаркого уже почти пуста.

Хенаро смотрел на меня с лучезарной улыбкой. Моя тарелка стояла передо мной. И она тоже была пуста. И только остатки жаркого в ней говорили о том, что я, похоже, только что закончил есть.

Но я не помнил, как ел. Однако я не помнил и того, как подошел к столу и сел.

– Ну как жаркое? Понравилось? – спросил у меня Хенаро, глядя куда-то вдаль.

Я ответил, что понравилось. Мне не хотелось показывать, что у меня проблемы с памятью.

– А как по мне – слишком уж много перца, – сказал Хенаро. – А ты обычно не ешь острого, вот я и забеспокоился, как бы чего не вышло. Напрасно ты две порции умял. Похоже, степень твоего свинства чуточку возрастает, когда ты находишься в состоянии повышенного осознания, а?

Я признал, что он вероятно прав. Он налил мне большущую кружку воды и велел запить жаркое, чтобы не так пекло в горле. Я с жадностью влил в себя всю воду, после чего они оба взвыли от хохота.

И тут я вдруг осознал, что происходит. Это не была догадка, но какое-то буквально физическое ощущение. Нечто прямо перед моими глазами с чем-то совпало, и совпадение это словно ударило меня вспышкой желтоватого света. Я знал, что Хенаро шутит. Я не ел вовсе. Я был настолько погружен в объяснения дон Хуана, что забыл обо всем на свете. А из тарелки, стоявшей передо мной, ел Хенаро.

После ужина дон Хуан продолжил рассказ о свечении осознания. Хенаро сидел рядом со мной и слушал с таким видом, словно все

это было для него полным откровением.

Дон Хуан сказал, что эманации, находящиеся вне коконов живых существ, называют большими эманациями. Давление, которое они оказывают на кокон, одинаково для всех живых существ. Но результаты этого давления различны, поскольку реакция коконов на него бесконечно разнообразна. Однако в определенных пределах можно говорить о некоторой однородности реакций.

– И теперь, – продолжал дон Хуан, – когда *видящий видит*, как давление больших эманаций обрушивается на вечно движущиеся текучие эманации внутри кокона и заставляет их остановиться, замереть, он знает: это момент фиксации светящегося существа осознанием.

– Само по себе выражение «большие эманации обрушиваются на эманации внутри кокона, заставляя их замереть» не означает ничего, кроме того что *видящий видит* нечто неопишемое, смысл чего он знает без тени сомнения. Это значит, что голос *видения* сообщил *видящему*; эманации внутри кокона замерли в полной неподвижности в результате совпадения с некоторыми из внешних эманаций.

Естественно, *видящие* считают, что осознание всегда приходит извне и что истинная тайна – не внутри нас. Итак, в соответствии с природой вещей, большие эманации фиксируют эманации внутри кокона. И фокус истинного осознания состоит в том, чтобы позволить фиксирующим эманациям слиться с теми, которые находятся внутри нас. И если нам удастся сделать так, чтобы это произошло, мы становимся такими, каковы мы в действительности – текучими, неизменно движущимися, вечными.

Дон Хуан замолчал. Его глаза ярко сияли. Казалось, они смотрят на меня откуда-то с огромной глубины. У меня было такое ощущение, что каждый из его глаз – отдельная, совершенно независимая точка света. Мгновение он боролся с невидимой силой, с огнем, возникшим изнутри, чтобы его поглотить. Потом все прошло, и он снова заговорил:

– Степень осознания каждого конкретного существа зависит от того, насколько оно способно позволить давлению больших эманаций вести его.

Последовала долгая-долгая пауза. Потом дон Хуан продолжил. Он объяснил, что *видящие увидели*: с момента зачатия осознание существа увеличивается и обогащается процессом жизни. И еще

они увидели, что осознание, например, насекомого и осознание человека растут поразительно различными способами. Но с одинаковой неуклонностью.

— Осознание развивается начиная с момента зачатия или с момента рождения? — попросил уточнить я.

— Осознание начинает развиваться с момента зачатия, — подчеркнул дон Хуан. — Я всегда тебе говорил: сексуальная энергия имеет огромное значение, ею необходимо управлять и пользоваться с огромной осторожностью. Но ты каждый раз пропускал мои слова мимо ушей. Ты думал, что речь идет о нравственности. Я же всегда говорил об этом только с точки зрения экономии и перераспределения энергии.

Дон Хуан взглянул на Хенаро. Хенаро одобрительно кивнул. Дон Хуан сказал:

— Сейчас Хенаро поведает тебе, что говорил об экономии половой энергии наш бенефактор — нагваль Хулиан.

— А нагваль Хулиан, — начал Хенаро, — говорил, что заниматься сексом или не заниматься — вопрос наличия энергии. Сам он с сексом проблем не имел никогда: у него ее была прорва. Но мне он с первого же взгляда сказал, что мой член предназначен только для того, чтобы писать. Потому что у меня не хватало энергии на секс. Бенефактор сказал, что мои родители были ужасно утомлены, когда делали меня, и им было скучно. Он назвал меня результатом исключительно тоскливого совокупления — «конда абуррида». Таким я и родился — скучным и утомленным. Нагваль Хулиан вообще не рекомендовал людям моего типа заниматься сексом. Тем самым мы можем сэкономить то небольшое количество энергии, которым обладаем.

То же самое он сказал Сильвио Мануэлю и Эмилито.

Относительно остальных учеников он *видел* — у них достаточно энергии. Они не были зачаты в тоскливом совокуплении. Им он сказал, что они могут делать со своей половой энергией все, что хотят, но просил не забывать о самоконтроле и понимать: согласно установке, данной Орлом, роль секса — наделять новые существа светом осознания. Мы сказали, что нам все понятно.

И вот однажды, без каких бы то ни было предупреждений, с помощью своего бенефактора нагваля Элиаса, он приподнял занавес другого мира и, нисколько не колеблясь, затолкал нас всех туда, в тот мир. И все мы там едва не погибли. Кроме Сильвио

Мануэля.

У нас не хватило энергии на то, чтобы выстоять в столкновении с другим миром. Никто из нас, за исключением Сильвио Мануэля, не последовал совету нагваля.

Я обратился к дону Хуану:

– Что такое занавес другого мира?

– То, что сказал Хенаро, – занавес. Но ты уходишь от темы. Ты всегда уклоняешься от темы. Мы говорим о команде Орла относительно секса. Это ведь его установка: половая энергия предназначена для создания жизни. Посредством этой энергии Орел наделяет новые существа осознанием. Поэтому, когда живые существа совокупляются, эманации внутри их коконов делают все возможное для того, чтобы наделить осознанием новое существо, которое они создают.

Во время полового акта эманации, заключенные в коконе каждого из партнеров, приходят в необычайное возбуждение, кульминацией которого становится слияние двух частей светимости осознания – по одной от каждого партнера – которые отделяются от их коконов.

– Половой акт – всегда зарождение нового осознания. Даже когда оно в итоге не формируется, – продолжал дон Хуан. – Эманации внутри коконов человеческих существ понятия не имеют о сексе ради развлечения.

Приподнявшись со стула, Хенаро наклонился ко мне через стол и, покачивая для убедительности головой, тихо произнес:

– Нагваль изрек истину. Они в самом деле не имеют понятия. – Он подмигнул.

Дон Хуан, едва сдерживая смех, добавил, что люди обычно действуют не считаясь с тайной бытия и полагая, что такой возвышенный акт, как наделение жизнью и осознанием сводится к чисто физическому влечению, которым можно пользоваться по своему усмотрению. И в этом – их ошибка.

Хенаро принялся непристойно крутить тазом, изображая похоть. Дон Хуан сказал, что именно об этом идет речь. Хенаро выразил ему признательность за столь высокую оценку его единственного вклада в объяснение осознания.

После чего оба они разразились совершенно идиотским хохотом, сказав, что если бы я знал, с каким серьезным видом говорил об осознании их бенефактор, я непременно хохотал бы вместе с ними.

Я глубокомысленно поинтересовался, что все это значит для обычного человека в его повседневной жизни.

– Что именно? То, что делает Хенаро? – с напускной серьезностью спросил дон Хуан.

Их веселье всегда было заразительным. Успокаивались они довольно долго. Уровень их энергии был настолько высок, что рядом с ними я выглядел старым и дряхлым.

– Я не знаю, я правда не знаю, – ответил, наконец, дон Хуан. – Я только знаю, что это значит для воина. Воин знает: единственная энергия, которой мы реально обладаем, – это сексуальная энергия, которая наделяет жизнью. Воин всегда помнит об этом и потому постоянно отдает себе отчет в степени своей ответственности.

И если воин намерен накопить достаточно энергии для того, чтобы научиться *видеть*, он должен стать скрягой в отношении к своей половой энергии. В этом и заключается урок, данный нам нагвалем Хулианом. Он толкнул нас в неизвестное и мы почти погибли там.

И, поскольку каждый из нас хотел *видеть*, мы, разумеется, стали воздерживаться от растраниживания своей светимости осознания.

Я уже не раз слышал от него подобные сентенции. И каждый раз принимался с ним спорить. Каждый раз я чувствовал, что должен возразить, приводил соображения против того, что считал пуританским отношением к сексу.

И в этот раз я тоже принялся возражать. Они оба хохотали до слез.

– Ну, хорошо, но что делать с естественной чувственностью человека? – поинтересовался я.

– Да ничего не делать, – ответил он. – С человеческой чувственностью все в порядке. Проблема не в ней, а в человеческом невежестве и нежелании людей считаться со своей собственной магической природой. Попусту растрачивать животворную силу половой энергии – ошибка. Но ошибка также – не знать, что, имея детей, человек истощает свою светимость осознания.

– Откуда *видящие* знают, что наличие детей истощает светимость осознания? – спросил я.

– Они *видят*, как светимость родителей уменьшается по мере роста светимости детей. На светящихся коконах родителей появляются большие темные пятна – как раз в тех местах, откуда была взята светимость. Где-то в среднем сечении кокона. Иногда эти пятна даже можно *видеть* как бы наложенными

непосредственно на тело человека.

Я поинтересовался, можно ли сделать что-нибудь, чтобы люди стали более гармонично относиться к светимости осознания.

– Нет, – ответил дон Хуан. – По крайней мере, *видящие* не могут сделать ничего. Цель *видящих* – свобода. Они стремятся стать ни к чему не привязанными созерцателями, неспособными выносить суждения. Иначе им пришлось бы взять на себя ответственность за открытие нового, более гармоничного цикла бытия. А этого не может сделать никто. Новый цикл, если ему суждено начаться, должен прийти сам по себе.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

5. Первое внимание

На следующий день мы позавтракали на рассвете. Затем дон Хуан сдвинул мой уровень осознания.

– Давай сегодня отправимся в изначальное место, – сказал дон Хуан, обращаясь к Хенаро.

– Пожалуй... – несколько колеблясь проговорил тот, а потом, взглянув на меня, добавил – тихо, как бы не желая, чтобы я слышал: – Думаешь, он потянет? Что-то я сомневаюсь...

Всего за несколько секунд мой страх и подозрительность выросли до невероятных размеров. Сердце заколотилось, меня прошиб пот. Дон Хуан подошел ко мне и, почти не скрывая своего веселья, заверил, что Хенаро просто потешается надо мной, – мы только прогуляемся туда, где тысячелетия назад жили самые первые *видящие*.

Пока дон Хуан говорил, я мельком взглянул на Хенаро. Тот медленно качал головой из стороны в сторону. Движение было совсем незаметным. Хенаро словно давал мне понять, что дон Хуан говорит неправду. Я едва не обезумел, находясь на грани истерики, и очнулся только когда Хенаро захохотал.

Я был ошеломлен тем, с какой легкостью менялись мои эмоциональные состояния – от практически неуправляемого взрыва до полного спада.

Втроем мы вышли из дома Хенаро. Было раннее утро. Вскоре мы углубились в выветренные холмы, расстилавшиеся вокруг дома. Там мы остановились и сели на огромном плоском камне посреди свежевспаханного и, судя по всему, засеянного склона.

– Вот оно – изначальное место, – сказал мне дон Хуан. – В процессе объяснения нам предстоит прийти сюда еще раз.

– Ночью здесь случаются очень странные вещи, – сообщил Хенаро. – Нагваль Хулиан, по сути, поймал здесь союзника. Вернее, союзник...

Дон Хуан довольно явственно шевельнул бровями. Не договорив, Хенаро умолк и улыбнулся мне:

– Рановато для страшных историй. Подождем до темноты.

Он встал и принялся красться на носках вокруг камня, выгнув назад спину.

— Что он говорил о том, как ваш бенефактор поймал здесь союзника? — обратился я к дону Хуану.

Тот не ответил, глядя на ужимки Хенаро. Дон Хуан был от них в экстазе.

Через некоторое время он, наконец, проговорил, все еще не сводя глаз с Хенаро:

— Хенаро имел в виду довольно сложный метод использования осознания.

Хенаро тем временем полностью обошел вокруг камня и вернулся на свое место. Тяжело дыша, он сел на камень. Он почти задышался. Дон Хуан, похоже, был просто в восторге от того, что только что проделал Хенаро. У меня же в очередной раз возникло ощущение, что они надо мной потешаются, замышляя нечто, о чем я не имею ни малейшего понятия:

Вдруг дон Хуан вновь принялся рассказывать. Звук его голоса меня успокоил. Он сказал, что в результате огромнейших усилий *видящие* пришли к следующему заключению: полностью развитое процессом жизни сознание взрослого человеческого существа называть осознанием некорректно, поскольку в результате определенных преобразований оно превращается в нечто гораздо более сложное, более мощное и более дееспособное. Это нечто *видящие* назвали вниманием.

— Откуда *видящие* узнали, что осознание человека растет и трансформируется? — спросил я.

Он ответил, что на каждом этапе развития человеческого существа некоторая полоса эманаций внутри кокона становится ярче. По мере накопления человеческим существом опыта эта полоса постепенно начинает излучать свет. В некоторых случаях свечение данной полосы эманаций становится настолько ярким, что она сливается с внешними эманациями. Наблюдая такое усиление свечения, *видящие* были вынуждены предположить: осознание — это как бы сырье, продуктом переработки и развития которого является внимание.

— Как *видящие* описывают внимание?

— Они говорят, что внимание суть упорядоченное и усиленное процессом жизни осознание, — ответил он.

Он добавил, что определения таят в себе определенную опасность:

делая вещи более понятными, они их упрощают. В данном случае, давая определение вниманию, мы рискуем превратить чудесное магическое преобразование в нечто бытовое и невыразительное. Внимание – величайшее и, по сути, единственное достижение человека. Исходное осознание животного уровня трансформируется до состояния, охватывающего всю гамму человеческих проявлений. А *видящие* совершенствуют его еще больше – до тех пор, пока оно не охватит объем человеческих возможностей.

Я поинтересовался, существуют ли с точки зрения *видящих* какие-либо принципиальные различия между проявлениями и возможностями.

Дон Хуан объяснил, что под проявлениями понимается то, что мы способны выбирать как личности. Этим термином обозначается все, относящееся к уровню обычной жизни, то есть – к диапазону известного. И благодаря этому проявления ограничены как количественно, так и качественно. Человеческие же возможности принадлежат сфере неизвестного. Они относятся не к тому, что мы можем выбрать, а к тому, чего мы способны достичь. Примером человеческого проявления может служить наш выбор, сообразно которому мы считаем человеческое тело материальным объектом, подобным множеству прочих материальных объектов. А пример одной из человеческих возможностей – достижение *видящих*, благодаря которому они воспринимают человека как яйцеобразное светящееся существо. Тело как материальный объект относится к сфере известного. Воспринимая тело как светящееся яйцо, мы имеем дело со сферой неизвестного. Человеческие возможности, таким образом, поистине неисчерпаемы.

– *Видящие* считают, что существуют три типа внимания, – продолжал дон Хуан. – Ты понимаешь, конечно, что речь идет только о человеческих существах, а не о живых существах вообще. Но это не просто типы внимания. Это, скорее, три уровня достижения, три уровня развития. Их называют первым, вторым и третьим вниманием. И каждое из них являет собою совершенно независимую самодостаточную область.

Первое внимание человека – это животное осознание, которое в процессе накопления жизненного опыта развилось в замысловатое многоплановое и исключительно хрупкое образование, функция которого – иметь дело со всем, что существует в нашем обычном

мире повседневной жизни. Иначе говоря, все, о чем можно думать, относится к сфере функционирования первого внимания.

Первое внимание суть то, что мы являем собою в качестве обычных людей. И, по причине столь абсолютной власти над нашими жизнями, первое внимание оказывается наиболее важным приобретением обычного человека. В сущности, первое внимание, пожалуй, даже единственное, чем мы реально обладаем.

Учитывая действительную значимость первого внимания, *видящие* взялись за тщательное его исследование посредством *видения*.

Находки, сделанные ими в этой области, сформировали все их мировоззрение, как и мировоззрение их последователей. Хотя последователи в большинстве своем не понимали, что именно *видели* те *видящие* на самом деле.

Проникновенным голосом дон Хуан сообщил мне, что выводы, сделанные новыми *видящими* на основании тщательных исследований, не имели практически ничего общего с рассудком и соображениями рационального порядка. Ведь исследовать первое внимание и формулировать соответствующие объяснения может только тот, кто его *видит*. Разумеется, это доступно только *видящему*. А вот изучать то, каким *видящий видит* первое внимание, довольно важно. Это дает первому вниманию ученика уникальную возможность – понять принципы и механизмы своего собственного функционирования.

– Так вот, *видящий видит* первое внимание как светимость осознания, развитую до состояния сверхинтенсивного излучения, – продолжал дон Хуан. – Но эта часть светимости зафиксирована, так сказать, на поверхности кокона. Это светимость, покрывающая зону известного.

А теперь поговорим о втором внимании, которое является более сложным и специфическим состоянием светимости осознания. Второе внимание относится к сфере неизвестного. Оно начинает работать, когда задействуются эманации внутри человеческого кокона, которые обычно не используются.

Я назвал второе внимание специфическим состоянием по следующей причине: чтобы задействовать эти неиспользованные эманации, необходима необычная, тщательно разработанная и спланированная тактика, требующая исключительной дисциплины и высшей степени сосредоточения.

Дон Хуан напомнил мне, как когда-то, обучая меня искусству

сновидения, он уже рассказывал о сосредоточении, необходимом для осознания того, что видишь сон. Так вот, это сосредоточение – предшественник второго внимания. Форма, в которой пребывает сознание при таком сосредоточении, принципиально отличается от формы, необходимой для того, чтобы иметь дело с миром обычной жизни.

Еще дон Хуан сказал, что второе внимание также называют левосторонним осознанием и что это – огромнейшая область. Фактически эта область кажется беспредельной, настолько она огромна.

– И просто так я не полезу туда ни за что на свете, – продолжал дон Хуан. – Это – трясина, настолько сложная и причудливая, что трезвые и уравновешенные *видящие* входят в нее только при строго определенных условиях.

Вся сложность состоит в том, что забраться во второе внимание просто, а противиться его зову практически невозможно. Овладев осознанием, древние *видящие* использовали свое мастерство для того, чтобы расширить свое свечение осознания до непостижимых пределов. Заставляя вспыхивать эманации внутри своих коконов по одной полосе за раз, они стремились зажечь их все. И им это удалось, но, как это ни странно, умение зажигать полосы по одной стало тем фактором, из-за которого они увязли в трясине второго внимания.

Новые *видящие* исправили их ошибку. Они довели мастерство управления осознанием до его естественного завершения. Они научились одним ударом выводить свечение осознания за пределы кокона.

Третье внимание достигается, когда свечение осознания превращается в огонь изнутри – свечение, которое зажигает не по одной полосе за раз, а одновременно все эманации Орла внутри кокона человека.

Дон Хуан сказал, что испытывает благоговение перед непреклонным устремлением новых *видящих* к достижению третьего внимания в течение жизни, пока они обладают личностным самоосознанием.

Он не счел нужным останавливаться на тех редких случаях, когда люди и другие живые существа случайно входят в неизвестное и непознаваемое, не отдавая себе в этом отчета. Дон Хуан сказал, что каждый такой случай – это дар Орла. Впрочем, для новых

видящих вход в третье внимание – тоже дар, но значение этого дара несколько иное. Он скорее является наградой за достижение. И еще дон Хуан сказал, что в момент смерти все человеческие существа входят в непознаваемое, и некоторые из них достигают третьего внимания, но всегда лишь на непродолжительное время и только для того, чтобы очистить пищу для Орла.

– Высшее свершение человеческого существа, – закончил дон Хуан, – достичь этого уровня, сохранив жизненную силу и не сделавшись бестелесным осознанием, которое, подобно мерцающей искорке, взлетает прямо к клюву Орла, чтобы быть им поглощенным.

Пока дон Хуан рассказывал, я не замечал ничего вокруг. Теперь обнаружилось, что Хенаро исчез, видимо, встал и куда-то ушел, а сам я склонился к камню, и дон Хуан, сидя рядом на корточках, мягко толкает меня за плечи вниз. Поддавшись, я лег на камень и закрыл глаза. С запада дул нежный ветерок.

– Только не засни, – произнес дон Хуан. – Ты ни в коем случае никогда не должен спать на этом камне.

Я сел. Внимательно на меня глядя, дон Хуан добавил:

– Просто расслабься. Пусть внутренний диалог замрет.

С абсолютно полным сосредоточением я следил за его словами.

Вдруг что-то словно ударило меня изнутри. Это был испуг. Сперва я даже не знал, в чем дело. Я решил, что испытываю очередной приступ неверия. Но потом, как молния, меня пронзило: да ведь уже вечер! По моим ощущениям мы разговаривали на камне не больше часа. А прошел целый день!

Я вскочил. Я полностью отдавал себе отчет в чудовищности несоответствия, но что именно со мною происходит, тем не менее, понять не мог. Я только испытывал странное ощущение – тело жаждет убежать прочь. Дон Хуан прыгнул, обхватив меня, и мы вместе с ним скатились на мягкую землю. Дон Хуан держал меня крепко, я чувствовал себя зажатым в стальных тисках. Мне и в голову никогда не приходило, что он настолько силен.

Меня всего трясло, как в припадке эпилепсии. Руки метались вокруг, описывая самые невероятные траектории. И в то же время существовала некая отрешенная часть меня, которая даже с некоторым интересом созерцала, как вибрирует, извивается и подпрыгивает тело.

Наконец, спазмы прошли, и дон Хуан меня отпустил. Он тяжело

дышал от напряжения. Он сказал, что теперь нам будет лучше взобраться обратно на камень и там посидеть, пока я окончательно не приду в себя.

Я не смог устоять перед соблазном задать свой обычный вопрос: что со мной произошло? Он объяснил, что, во время его рассказа я перешел определенную грань и неожиданно вошел очень глубоко в левостороннее осознание. Дон Хуан и Хенаро последовали туда за мной. А потом я точно так же внезапно оттуда вышел.

— Я как раз вовремя тебя поймал, — сообщил мне дон Хуан. — Иначе тебя вынесло бы прямехонько в твое нормальное состояние.

Я совершенно запутался. Он объяснил, что все мы втроем играли осознанием. В какой-то момент я, должно быть, испугался, и ускользнул от них.

— Хенаро — мастер осознания, — продолжал дон Хуан. — Сильвио Мануэль — мастер *воли*. В свое время их обоих безжалостно толкнули в неизвестное. Наш бенефактор поступил с ними точно так же, как с ним самим поступил его бенефактор. В некотором отношении Хенаро и Сильвио Мануэль очень похожи на древних *видящих*. Они знают, что они могут сделать, но их мало интересует то, как они это делают. Сегодня Хенаро воспользовался случаем, чтобы сдвинуть твою зону свечения осознания. В результате все мы вместе оказались в каких-то таинственных закоулках неизвестного.

Я умолял его рассказать, что происходило с нами в неизвестном. Вдруг у самого своего уха я услышал:

— Ты должен сам это вспомнить.

Я был абсолютно уверен, что слышу голос *видения*, и потому совсем не испугался. Я даже не поддался побуждению оглянуться.

— Я — голос *видения*, и я говорю тебе, что ты — болван, — раздался тот же голос.

Затем послышался смешок.

Я обернулся. Позади меня сидел Хенаро. Я был настолько удивлен, что хохотал, наверное, даже несколько истеричнее, чем они.

— Ну что ж, темнеет, — сказал мне Хенаро. — Как я тебе уже обещал сегодня, нам предстоит нечто! На этом самом месте.

Тут в разговор вмешался дон Хуан:

— А может быть, хватит на сегодня? А то ведь наш дурачок может помереть со страху.

– Не-е, он – в порядке, – возразил Хенаро, потрепав меня по плечу.
– Ты бы все-таки у него самого спросил, – настаивал дон Хуан. – Он ведь и вправду такой дурачок, что может помереть со страху. Он сам тебе об этом скажет.

– Что, действительно? – подняв брови, обратился ко мне Хенаро. – Ты на самом деле такой дурачок?

Я промолчал. И от этого они в буквальном смысле покатались со смеху. Хенаро даже скатился на землю. Дон Хуан легко спрыгнул с камня и помог ему подняться на ноги. После этого Хенаро сказал дону Хуану, имея в виду меня:

– Попался! Он ведь никогда не скажет, что он – дурачок. Он для этого чересчур важен. А потом произойдет нечто такое, отчего его будет трясти. Он даже в штаны может наложить со страху. А все потому, что не признался, что он – дурачок.

Наблюдая за тем, как они смеются, я пришел к убеждению, что так радостно хохотать способны только индейцы. Но тут же я пришел к убеждению, что они злобствуют, и это видно невооруженным глазом. Ведь издевались они над не-индейцем.

Дон Хуан мгновенно уловил мои чувства и сказал:

– Не позволяй своему чувству собственной важности разрастаться до невероятных размеров. Ни с какой точки зрения ты не являешься чем-то особенным. Так же, как и любой из нас, независимо от того, индеец он или нет. Нагваль Хулиан и его бенефактор добавили к своей жизни не один год удовольствия, потешаясь над нами.

Хенаро живо вскарабкался на камень и, подойдя ко мне, заявил:

– На твоём месте я бы не знал, куда себя деть от смущения. Я бы очень расстроился. Я бы даже разревелся! Да ты поплачь, поплачь! Пореви хорошенько, сразу полегчает.

К своему несказанному удивлению, я начал тихонько всхлипывать. А потом так разозлился, что взревел от ярости. И только после этого почувствовал облегчение.

Дон Хуан мягко похлопал меня по спине. Он сказал, что обычно гнев действует очень отрезвляюще. Иногда так действует страх, иногда – юмор. Но я, в силу своей насильственной натуры, реагирую только на гнев.

Он добавил, что внезапные сдвиги в светимости осознания очень нас ослабляют. Они пытались меня поддержать, заставить стать сильнее. И Хенаро в этом явно преуспел, когда ему удалось

привести меня в ярость.

К тому времени уже наступили сумерки. Вдруг Хенаро указал на какое-то мелькание прямо в воздухе, на уровне глаз. В сумеречном свете это было похоже на большую бабочку, которая кружилась вокруг места, где мы сидели.

– Не иди на поводу у своей впечатлительности, – предостерег меня дон Хуан. – Не нужно ничего желать и ни к чему стремиться. Просто пусть Хенаро тебя ведет. И не отводи взгляда от этого пятна.

Мелькающая точка определенно была бабочкой. Я ясно различал все ее детали. Я следил за ее извилистым усталым полетом, пока не начал *видеть* каждую частичку пыльцы на ее крылышках.

Я был полностью поглощен созерцанием, когда что-то вдруг вывело меня из этого состояния. Прямо за спиной я ощутил мощный взрыв беззвучного шума, если так можно выразиться.

Обернувшись, я заметил целую группу людей, стоявших в ряд на другом, несколько более высоком, чем тот, где мы сидели, конце камня. Я подумал, что это – люди, живущие по соседству. Видимо, они заподозрили неладное, наблюдая, как мы целый день здесь болтаемся, и взобрались на камень, чтобы с нами разобраться. То, что их намерения по отношению к нам далеко не добрые, я узнал откуда-то в то же мгновение.

Дон Хуан и Хенаро соскользнули с камня, велев поторопиться и мне. Мы тотчас же двинулись прочь. Весь путь до дома Хенаро мы проделали, ни разу не оглянувшись, чтобы посмотреть, преследуют ли нас те люди. Ни Хенаро, ни дон Хуан не произнесли ни единого слова. Один раз дон Хуан даже свирепо шикнул на меня, приложив к губам палец. Когда мы подошли к дому Хенаро, дон Хуан втянул меня внутрь. А Хенаро, не останавливаясь, проследовал мимо дома и куда-то ушел.

Когда мы с доном Хуаном оказались в безопасности внутри дома и он зажег керосиновую лампу, я поинтересовался:

– Что это были за люди, дон Хуан?

– Это были не люди, – ответил он.

– Да ладно тебе, дон Хуан, не надо напускать мистический туман. Это были люди, я видел их своими глазами.

– Ну разумеется, ты видел их своими глазами, – парировал он. – Однако это ни о чем не говорит. Твои глаза тебя подвели. Это были не люди, и шли они за тобой. Хенаро пришлось их отвлечь.

– Так кто же это был, если не люди?

– О, а вот в этом скрыта тайна. Тайна осознания, которую невозможно раскрыть рациональным путем, просто о ней рассказав. Она относится к тем тайнам, которые можно лишь созерцать.

– Хорошо, тогда сделай так, чтобы я тоже стал свидетелем этой тайны, – не отставал я.

– Но ты уже им стал! Дважды за сегодняшний день. Просто сейчас ты этого не помнишь. Однако вспомнишь, когда зажжешь те эманации, которые светились, когда ты созерцал тайну осознания, о которой идет речь. А пока давай-ка вернемся к разговору об осознании вообще.

Дон Хуан еще раз повторил, что осознание начинается с постоянного давления больших эманаций извне на эманации, заключенные внутри кокона. За счет этого давления останавливается движение эманаций внутри кокона, которое суть движение к смерти, ибо направлено на разрушение кокона. Такая остановка является первым действием осознания.

– Все живые существа стремятся к смерти. Это – истина, в которой *видящий* не может не отдавать себе отчета, – продолжал дон Хуан.

– Осознание же останавливает смерть.

Новых *видящих* привел в глубокое замешательство тот факт, что осознание препятствует смерти и в то же время является ее причиной, будучи пищей Орла. Это невозможно объяснить, поскольку не может быть рационального способа понять бытие.

Видящим не оставалось другого выхода, кроме как принять то, что их знание основано на взаимопротиворечащих предпосылках.

Я спросил:

– Но почему они разработали систему, содержащую внутренние противоречия?

– Ничего они не разрабатывали, – ответил он. – *Видящие* открыли непреложные истины, они *увидели* их такими, какие они есть. Вот и все.

– Вот например: *видящий* должен быть методичным, рациональным существом, образцом трезвой уравновешенности; и в то же время он должен всячески избегать этих качеств, чтобы быть абсолютно свободным и открытым по отношению к чудесным тайнам бытия.

Приведенный доном Хуаном пример несколько сбил меня с толку.

Но не совсем. Я понял, что имелось в виду. Ведь он все время пытался развить во мне максимум рационализма. И только лишь для того, чтобы разрушить его до основания и потребовать полного отсутствия сколько-нибудь рационального подхода.

– Только предельная, высочайшая уравновешенность может стать мостом между взаимоисключающими противоречиями, – сказал дон Хуан.

– Скажи, дон Хуан, а как по-твоему, искусство может быть таким мостом? – поинтересовался я.

– Мостом между противоречиями ты можешь назвать все что угодно – искусство, страсть, уравновешенность, любовь и даже доброту.

Потом дон Хуан рассказал, что в процессе изучения первого внимания новые *видящие* обнаружили: все органические существа, кроме человека, успокаивают возбужденные эманации внутри своих коконов. За счет этого внутренние эманации получают возможность настроиться на соответствующие им внешние. Чего не происходит в случае человеческих существ, поскольку первое внимание последних принимается за инвентаризацию эманаций Орла, имеющихся внутри кокона.

Я спросил:

– Что такое инвентаризация, дон Хуан?

– Человеческие существа отмечают те эманации, которые есть внутри их коконов, – ответил он. – Ни одно другое создание этим не занимается. В миг фиксации внутренних эманаций большими эманациями первое внимание начинает за собой наблюдать. И отмечать все, что с ним происходит. Во всяком случае, оно пытается это сделать доступными ему способами. Этот процесс *видящие* и называют составлением инвентарного списка.

Я не хочу сказать, что таков добровольный выбор человека, или что человек может отказаться от инвентаризации. Составление инвентарного списка – это команда, которую дает Орел. Не подчиниться ей нельзя, но вот то, как именно подчиниться – совсем другое дело. Тут уже можно выбирать.

Дон Хуан сказал, что, хотя ему не нравится называть эманации командами, они, по сути, являются таковыми – командами, послушаться которых не дано никому. Однако в подчинении командам заключен способ неподчинения им.

– В случае с инвентаризацией первого внимания, – продолжал дон

Хуан, — *видящий* не может не подчиниться. И он подчиняется. Однако как только инвентарный перечень составлен, *видящий* выбрасывает его. Ведь Орел не заставляет нас делать из инвентарного перечня культ. Он дает лишь команду на составление этого перечня, не более.

Я задал вопрос:

— Каким образом *видящий видит*, что человек осуществляет инвентаризацию?

— Внутренние эманации человеческого кокона успокаиваются не для того, чтобы прийти в соответствие с внешними, — последовал ответ. — Это становится очевидным после того, как *увидишь*, что делают другие существа. Успокоившись, они практически сливаются с большими эманациями и текут вместе с ними. Вот, например, скарабей — жук-навозник. Свет его эманаций иногда распространяется, захватывая огромные пространства.

Человек же, успокоив эманации внутри своего кокона, начинает их со всех сторон обдумывать, анализировать и ими любоваться. Тем самым эманации замыкаются сами на себя.

Дон Хуан сказал, что, осуществляя инвентаризацию, люди доводят выполнение соответствующей команды до логического завершения. Все же остальное ими игнорируется. А когда человек достаточно глубоко увяз в инвентаризации, ситуация может развиваться по двум направлениям. В первом случае человек полностью игнорирует импульсы больших эманаций, во втором — использует их весьма специфически.

Игнорируя эти импульсы, человек после составления инвентарного перечня приходит к уникальному состоянию, которое называется рассудочностью. А использование всех импульсов специфическим образом — это самопоглощенность.

Для *видящего* человеческая рассудочность имеет вид необыкновенно однородного тусклого свечения, которое если и реагирует на постоянное давление больших эманаций, то делает это крайне слабо и крайне редко. Свечение рассудочности делает оболочку яйцеобразного кокона более плотной, но в то же время и более ломкой.

Дон Хуан отметил, что по идее человеческая рассудочность должна была бы встречаться в изобилии, однако на самом деле это — чрезвычайно редкое явление. Подавляющее большинство человеческих существ склоняется к самопоглощенности.

Разумеется, осознание всех живых существ в известной степени замкнуто на себя. Иначе взаимодействие между ними было бы невозможным. Но такой глубочайшей степени самопоглощенности первого внимания, какая присутствует у человека, не достигает ни одно другое существо. В противоположность рассудочному человеку, напроць игнорирующему импульсы больших эманаций, индивид самопоглощенный схватывает каждый импульс и преобразует его в усилие, взбалтывающее эманации внутри кокона. Наблюдая все это, *видящие* пришли к одному весьма практическому выводу. Они *увидели*, что рассудочные люди должны жить дольше, чем самопоглощенные. Игнорируя импульсы больших эманаций, первые усиливают естественное возбуждение внутренних эманаций. А самопоглощенные индивиды, наоборот, сокращают свою жизнь, используя импульсы внешних эманаций для создания дополнительного возбуждения внутри.

Я поинтересовался:

– Что *видит видящий*, созерцая самопоглощенного человека?

– Прерывистые вспышки белого света, сопровождающиеся длинными периодами потускнения, – ответил дон Хуан.

Потом он замолчал. У меня больше не было вопросов. А может, я слишком устал, чтобы спрашивать о чем бы то ни было. Громкий удар, похожий на взрыв, заставил меня подскочить от неожиданности. Входная дверь распахнулась. Вошел Хенаро и, тяжело дыша, рухнул на циновку. Он весь был мокрым от пота.

– Я рассказывал о первом внимании, – сообщил ему дон Хуан.

– Первое внимание работает только с известным, – сказал Хенаро.

– Когда имеешь дело с неизвестным, оно не стоит и ломаного гроша.

– Ну, это не совсем верно, – возразил дон Хуан. – Первое внимание очень хорошо работает и с неизвестным. Оно блокирует неизвестное, оно отрицает его настолько яростно, что неизвестное для первого внимания попросту перестает существовать.

– Инвентаризация делает нас неуязвимыми. Вот почему она возникла и имеет первостепенное значение.

– О чем это вы? – обратился я к дону Хуану.

Тот не ответил. Он смотрел на Хенаро, словно ждал ответа.

– Но если я открою дверь? – спросил Хенаро. – Сможет ли первое внимание справиться с тем, что войдет?

– Твое и мое – не сможет, – сказал дон Хуан. – А его, – он указал на меня, – сможет. Давай попробуем.

– Но он же в состоянии повышенного осознания. Как насчет этого? – спросил Хенаро.

– Это ничего не меняет, – сказал дон Хуан.

Хенаро поднялся, подошел к входной двери и настежь распахнул ее, мгновенно отскочив в сторону. Порыв холодного ветра ворвался в дом. Дон Хуан подошел ко мне и встал рядом. Хенаро сделал то же самое. Они пристально меня разглядывали.

Я хотел закрыть дверь. Я чувствовал некоторое неудобство от холода. Но едва я двинулся к двери, как дон Хуан и Хенаро прыгнули вперед и загородили меня от нее.

– Ты что-нибудь замечаешь в комнате? – спросил Хенаро, обращаясь ко мне.

– Ничего, – совершенно искренне ответил я. Кроме холодного ветра, который врывался сквозь дверной проем, замечать было нечего.

– Странные существа вошли, когда я открыл дверь, – сказал он. – Неужели ты ничего не заметил?

По его голосу я понял, что на этот раз он не шутит.

Втроем, они – по бокам, я – посредине, мы вышли из дома. Дон Хуан прихватил с собой керосиновую лампу, а Хенаро запер дверь. Через дверцу для пассажира мы сели в машину, причем меня они втиснули первым. А потом мы отправились в соседний городок, где находился дом дона Хуана.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

6. Неорганические существа

На следующий день я неоднократно просил дона Хуана объяснить, почему мы так внезапно покинули дом Хенаро. Но он наотрез отказался даже упоминать о том, что произошло. От Хенаро я тоже ничего не добился. В ответ на все мои вопросы он лишь подмигивал с дурацкой ухмылкой.

Во второй половине дня дон Хуан появился во внутреннем дворе своего дома. Я в это время находился там, беседуя с его учениками. Как по команде, все они поднялись и вышли.

Дон Хуан взял меня под руку, и мы двинулись вдоль галереи. Он молчал, и некоторое время мы просто прохаживались вокруг двора, как будто гуляли по городской площади.

Дон Хуан остановился и повернулся ко мне. Потом он обошел меня, рассматривая с головы до ног. Я знал, что он *видит* меня. Меня охватила странная усталость, какое-то чувство лени. Я не испытывал его до тех пор, пока глаза дона Хуана не пробежали вдоль моего тела. Неожиданно он заговорил:

– Ни я, ни Хенаро не хотели говорить о том, что случилось ночью, вот по какой причине: когда ты был в неизвестном, ты очень сильно испугался. Хенаро толкнул тебя туда, и там с тобой что-то происходило.

– Что именно, дон Хуан?

– Объяснить тебе это сейчас по-прежнему сложно, если вообще возможно, – сказал он. – Для того, чтобы идти в неизвестное и отдавать себе отчет в том, что там происходит, тебе не хватает свободной энергии. Выстраивая истины об осознании в определенном порядке, *видящие увидели*, что первое внимание потребляет все свечение осознания, которым обладает человеческое существо. Свободной энергии при этом практически не остается. Вот в чем твоя нынешняя проблема. Рано или поздно каждому воину предстоит проникнуть в неизвестное. Поэтому новые *видящие* рекомендуют экономить энергию. Но откуда ее взять, если вся она задействована? Новые *видящие* говорят: свободную энергию можно добыть, искореняя привычки, которые

не являются необходимостью.

Дон Хуан остановился и спросил, есть ли у меня вопросы. Я поинтересовался, что происходит со светимостью осознания при искоренении ненужных привычек.

Он ответил, что осознание в этом случае выходит из состояния замкнутости на самом себе, обретая свободу для концентрации на чем-нибудь другом.

– Неизвестное неизменно присутствует здесь и сейчас, – продолжал дон Хуан, – однако оно находится за пределами возможностей нашего нормального осознания. Для обычного человека неизвестное является как бы ненужной, лишней частью его осознания. А становится оно таковым потому, что обычный человек не обладает количеством свободной энергии, достаточным для того, чтобы отследить и ухватить эту часть самого себя. Ты идешь по пути воина уже достаточно долго. И способен ухватить неизвестное. На это у тебя свободной энергии хватает. Но для того, чтобы понять неизвестное или хотя бы запомнить, ее у тебя явно недостаточно.

Затем дон Хуан объяснил, что там, на плоском камне, я погрузился в неизвестное на очень большую глубину. Но пошел на поводу у свойственной моему характеру склонности все преувеличивать и поддался чувству неопишуемого страха. А это был наихудший из всех возможных вариантов поведения в данной ситуации. Когда же, совершенно ошалев, я выскочил из левостороннего сознания, за мной, к сожалению, тянулся хвост из превеликого множества странных вещей.

Я сказал дону Хуану, что он увиливает, и что ему следует прямо сказать мне, какие именно странные вещи я оттуда выволок.

Дон Хуан снова взял меня под руку, и мы двинулись дальше. Он сказал:

– Рассказывая об осознании, я хочу, чтобы все с самого начала было расставлено по своим местам. Поэтому давай-ка немного поговорим о древних *видящих*. Как я уже отмечал, Хенаро очень похож на них.

И дон Хуан повел меня в большую комнату. Там мы сели, и он продолжил:

– Знания, накопленные за века древними *видящими*, приводили новых *видящих* в ужас. Это и понятно: ведь новые *видящие* понимали, что это знание ведет только к разрушению. И в то же

время они были буквально очарованы им, в особенности – его практической стороной.

– Откуда новым *видящим* известны практики древних? – поинтересовался я.

– Новые *видящие* – прямые наследники древних толтеков. Изучая то, что те оставили им в наследство, они все больше узнают о древних практиках. Вряд ли кто-то из новых *видящих* ими пользуется, но как составная часть знания эти практики все равно существуют.

– Что это за практики, дон Хуан?

– Очень странные непонятные формулы и заклинания – многословные магические процедуры, посредством которых можно управлять некоторой исключительно таинственной силой. Таковой, по крайней мере, эта сила была для древних толтеков. Причем они старались всячески замаскировать ее, сделав еще более ужасающей, чем она есть на самом деле.

Я спросил:

– И что же это за таинственная сила?

– Это – сила, присутствующая во всем сущем, – ответил он. – Древние *видящие* никогда не предпринимали попыток раскрыть тайну силы, благодаря которой были созданы их секретные практики. Они просто принимали ее как нечто священное. Однако новые *видящие* занялись ею вплотную. Они назвали эту силу *волей* – *волей* эманаций Орла, или *намерением*.

Потом дон Хуан рассказал, что свое тайное знание древние толтеки поделили на пять разделов, каждый из которых объединял две категории: земля и области тьмы, огонь и вода, верх и низ, громкое и безмолвное, движущееся и покоящееся. Вполне возможно, что существовали тысячи разнообразных приемов, с течением времени становившихся все более и более сложными.

– Тайное знание земли, – продолжал дон Хуан, – касалось всего, что на ней находится. Это были определенные наборы движений, слов и снадобий, которые применялись для того, чтобы манипулировать людьми, животными, насекомыми, деревьями, мелкими растениями, камнями, почвой.

Практики, принадлежащие к категории тайного знания земли, сделали древних *видящих* совершенно жуткими существами.

Тайное знание свое они применяли либо для покорения, либо для разрушения чего-нибудь из существующего на земле.

Дополнением тайного знания земли являлось тайное знание областей тьмы. В эту категорию входили самые опасные практики, имеющие дело с неорганическими формами жизни, то есть с существами, населяющими землю параллельно с органическими. Древние *видящие* обнаружили, что органическая жизнь является не единственной формой жизни, присутствующей на земле. Это стало, вне всякого сомнения, одним из наиболее ценных открытий. В особенности для самих древних *видящих*.

Я не совсем понял то, что он сказал, и попросил разъяснить.

– Органические существа – не единственные создания, обладающие жизнью, – сказал дон Хуан и сделал паузу, как бы давая мне возможность осмыслить это утверждение.

Я принялся спорить. Я выдал длинную тираду по поводу определения жизни и того, что считать живым. Я долго говорил о функции воспроизводства, метаболизме, росте, то есть о процессах, отличающих живые организмы от неживых предметов.

– Ты отталкиваешься от органики, – сказал дон Хуан. – Но это – лишь один из примеров. Не стоит обобщать, опираясь только на одну категорию признаков.

– Но как же иначе? – спросил я.

– Для *видящих* быть живым – значит осознавать, – ответил он. –

Для обычного человека осознавать – значит быть организмом.

Видящие имеют несколько иную точку зрения. Для них осознавать – значит иметь некую форму, как бы оболочку, в которой заключены эманации, образующие осознание.

Эманации органических существ заключены в кокон. Однако имеются иные категории существ, оболочки которых не похожи на коконы. Однако внутри этих оболочек содержатся эманации, образующие осознание. Кроме того, такие существа обладают целым рядом свойственных жизни характеристик, отличных от репродуктивной функции и метаболизма.

– Каких характеристик, дон Хуан?

– Таких, как эмоциональная зависимость, печаль, радость, гнев и так далее, и тому подобное. Да, и я забыл самую прекрасную из них – любовь. Таковую любовь, которую человек не может себе даже представить.

– Ты это серьезно, дон Хуан?

– Вполне, – невозмутимо ответил он и рассмеялся. – Если в качестве ключа воспользоваться тем, что *видят видящие*, жизнь

предстанет воистину в необычном свете.

– Но если эти существа действительно живые, то почему они не дадут знать о себе людям? – спросил я.

– Они делают это. Все время. Они дают о себе знать не только *видящим*, но и обычным людям. Беда в том, что вся наличная энергия полностью потребляется первым вниманием.

Инвентаризация не только поглощает ее без остатка, но также уплотняет кокон, делая его негибким. В такой ситуации взаимодействие невозможно.

И дон Хуан напомнил мне те случаи, когда я непосредственно сталкивался с неорганическими существами. За время моего ученичества их накопилось бесчисленное множество. Я возразил, что практически каждому из этих примеров я нашел объяснение. Я даже сформулировал гипотезу, согласно которой его учение вынуждало ученика принять примитивную интерпретацию мира, для чего и использовались галлюциногенные растения. Я сказал дону Хуану, что, никогда прямо не формулируя определение этой интерпретации как примитивной, в терминах антропологии я назвал ее «более подходящей для социума охотников и собирателей».

Дон Хуан хохотал, пока не начал задыхаться.

– Честное слово, я даже не знаю, когда ты хуже – в нормальном состоянии или в состоянии повышенного осознания, – произнес он наконец. – В нормальном состоянии ты не так подозрителен, но зато до тошноты рационален. Я думаю, больше всего ты мне нравишься, когда находишься глубоко в дебрях левой стороны. Несмотря даже на то, что ты жутко боишься всего, что там есть. Как, например, вчера.

Прежде, чем я смог что-либо сказать, дон Хуан заявил, что противопоставляет действия древних *видящих* достижениям новых, чтобы осветить разные стороны подхода и тем самым дать мне более полное представление о тех странных вещах, с которыми я столкнулся.

Затем он вернулся к практикам древних *видящих*. Еще одно великое открытие, сделанное ими, касалось следующего раздела их тайного знания – огня и воды. Они обнаружили, что пламя обладает весьма интересным свойством – оно может телесно переносить человека. Так же, как и вода.

Дон Хуан назвал это открытие блестящим. Я заявил, что, согласно

фундаментальным законам физики, такое невозможно. Он попросил меня не делать никаких выводов, а сначала выслушать все до конца. И еще он отметил, что мне надо бы следить за своим чрезмерным рационализмом, поскольку он постоянно действует на состояние повышенного осознания. Не в смысле всевозможных реакций на внешние воздействия, но в смысле постоянных уступок склонностям своего характера.

Затем дон Хуан рассказал, что древние толтеки определенно были *видящими*. Но они не понимали того, что *видели*. Они просто пользовались своими находками, не особенно заботясь о том, чтобы соотнести их с более общей картиной. В случае с категориями огня и воды они разделили огонь на тепло и пламя, а воду – на влажность и текучесть. Соотнеся тепло с влажностью, они назвали их малыми свойствами. А пламя и текучесть древние *видящие* считали высшими, магическими свойствами, используя их для телесного перехода в область неорганической жизни. И как в трясине безнадежно увязли где-то в промежутке между знанием этого типа жизни и своими практиками огня и воды.

Новые *видящие* согласны с тем, что открытие неорганических живых существ действительно является необычайно важным, однако совсем не в том смысле, в каком считали его важным древние *видящие*. Оказавшись один на один с другим типом жизни, древние *видящие* обрели иллюзорное ощущение собственной неуязвимости, ставшее для них роковым.

Я захотел, чтобы дон Хуан в подробностях описал мне практики огня и воды. Он сказал, что знание древних *видящих* было настолько же замысловатым, насколько бесполезным, поэтому он намерен ограничиться только его обзором.

Затем он коротко остановился на практиках верха и низа. Тайное знание верха касалось ветра, дождя, молнии в небе, грома, дневного света и солнца. Тайное знание низа касалось тумана, подземных вод, болот, ударов молнии, землетрясений, ночи, лунного света и луны.

К категориям тайного знания громкого и безмолвного относились манипуляции звуком и тишиной. Практики движущегося и покоящегося были связаны с мистическими аспектами движения и неподвижности.

Я спросил, не может ли дон Хуан привести пример какой-нибудь из упомянутых практик. Он сказал, что за годы нашего общения

демонстрировал мне их десятки раз. Я настаивал, утверждая, что все, сделанное им до сих пор, мне удавалось объяснить рационально.

Он не ответил. Казалось, он либо ужасно сердится на меня за мои вопросы, либо серьезно задумался, подыскивая подходящий пример. Через некоторое время он улыбнулся и сказал, что видит очень удачный пример.

– Прием, который я имею в виду, нужно практиковать в мелководном потоке, – сообщил он. – Недалеко от дома Хенаро есть как раз такой, как нужно.

– Что я должен сделать?

– Достань зеркало средних размеров.

Эта его просьба меня удивила. Я заметил, что древние толтеки вряд ли знали о зеркалах.

– Они не знали, – улыбнулся дон Хуан. – Это дополнение к технике, введенное моим бенефактором. Древнему *видящему* нужна была просто какая-нибудь отражающая поверхность. Затем дон Хуан рассказал, что практический прием, о котором идет речь, заключается в погружении на дно мелководного потока какой-нибудь яркой поверхности. Это может быть поверхность любого плоского предмета, способная хотя бы в некоторой степени отражать изображения.

– Я хочу, чтобы ты вставил зеркало средних размеров в прочную раму из листового металла, – объяснил дон Хуан. – Рама должна быть водонепроницаемой. Поэтому тебе придется залить ее смолой. И ты должен изготовить ее собственными руками. Когда приготовишь зеркало, мы продолжим.

– А что будет, дон Хуан?

– Не будь таким нетерпеливым. Ты же просил привести пример практики древних толтеков. Я тоже как-то обратился к своему бенефактору с такой просьбой. Думаю, каждый просит об этом в определенный момент обучения. Мой бенефактор рассказывал, что он также когда-то просил привести пример. И его бенефактор – нагваль Элиас – привел ему такой пример. Он, в свою очередь, привел пример мне. Теперь я собираюсь привести пример тебе. Когда бенефактор показал мне в качестве примера одну из практик, я не знал, как это делается. Теперь я знаю. Когда-нибудь и ты узнаешь, как работает этот прием. Ты поймешь, что за всем этим стоит.

Я решил, что дон Хуан хочет, чтобы я вернулся в Лос-Анжелес и там соорудил раму. Я заметил, что не смогу вспомнить его задания, если не останусь в состоянии повышенного осознания. – В твоём замечании – две неувязки, – сказал дон Хуан. – Первая: ты не можешь оставаться в состоянии повышенного осознания. Находясь в нём, ты не способен функционировать адекватно, если только я, или Хенаро, или кто-то другой из воинов команды нагвалы не будет тебя ежеминутно опекать, как это делаю я в настоящее время. И вторая неувязка: Мексика-то ведь не Луна. И тут тоже есть магазины скобяных товаров. Так что мы вполне можем съездить в Оахаку и купить все необходимое.

На следующий день мы отправились в город и приобрели все, что требовалось для изготовления рамы. За мизерную плату я собственноручно собрал ее в слесарной мастерской. Даже не взглянув на нее, дон Хуан велел мне положить раму в багажник. Вечером мы выехали и добрались до дома Хенаро на следующий день рано утром. Я поискал Хенаро. Его нигде не было. Казалось, дом пуст.

– Зачем Хенаро нужен этот дом? – поинтересовался я. – Ведь он живет у тебя, верно?

Дон Хуан не ответил. Как-то странно взглянув на меня, он пошел зажечь керосиновую лампу. Я остался один в темной комнате. Я чувствовал огромную усталость. Мне казалось, что это – результат долгой изнурительной поездки по горным дорогам. Захотелось прилечь. В темноте мне не было видно, куда Хенаро сложил циновки. Я споткнулся о них. Они лежали стопкой. И тут я вдруг обнаружил, что знаю, зачем Хенаро нужен этот дом. Хенаро опекал трех учеников-мужчин: Паблито, Нестора и Бениньо. В этом доме они жили, когда находились в состоянии нормального осознания.

Я почувствовал легкость: усталость как рукой сняло. Дон Хуан принес лампу. Я возбужденно рассказал ему о своем озарении. Но он сказал, что это не имеет значения, потому что скоро я все забуду.

Он попросил показать зеркало. Ему понравилось – конструкция была легкой и в то же время прочной. Он обратил внимание на то, что алюминиевую раму для зеркала размером восемнадцать на четырнадцать дюймов я прикрепил к металлическому листу, служившему основой, стальными винтами.

– Рама моего зеркала была деревянной, – сказал дон Хуан. – Эта выглядит лучше. Моя была неуклюжей и слишком непрочной.

– А теперь я расскажу, что нам предстоит сделать, – продолжил он, закончив осматривать зеркало. – Или, наверное, лучше было бы сказать: что нам предстоит попытаться сделать. Вдвоем с тобой мы должны будем положить зеркало на поверхность воды в ручье неподалеку от дома. Ручей достаточно широк и глубина в нем достаточно невелика – как раз то, что нам необходимо.

Идея состоит в следующем: позволить течению воды давить на нас и унести нас прочь.

Прежде, чем я успел сделать по этому поводу замечание или задать вопрос, он напомнил мне, как в прошлом я уже использовал похожий ручей и добился поразительных успехов в работе с восприятием. Дон Хуан имел в виду пост-эффекты приема галлюциногенных растений. Я испытывал их несколько раз, лежа в воде оросительной канавы дома дон Хуана в Северной Мексике.

– Ты придержи свои вопросы до того, как я объясню тебе, что *видящие* знали об осознании, – велел он. – Тогда все, что мы делаем, предстанет перед тобой в совершенно ином свете. Но сперва вернёмся к нашей задаче.

Мы подошли к ручью. Дон Хуан выбрал место с плоскими камнями и сказал, что глубина в этом месте вполне соответствует нашим целям.

– Что должно произойти? – спросил я, охваченный возбуждением. – Не знаю. Я знаю только, что мы попытаемся сделать. Мы будем держать зеркало очень осторожно, но очень крепко. И аккуратно положим его на поверхность воды. А потом позволим ему погрузиться под воду. После этого мы будем удерживать зеркало на дне. Я пощупал дно. Между камнями есть промежутки, в которые поместятся пальцы. Так что мы сможем держать зеркало как следует.

Дон Хуан велел мне сесть на корточки на плоском камне, торчавшем из воды посередине спокойного ручья, и держать зеркало обеими руками за одну сторону, взявшись почти у самых его углов. Сам он опустился на корточки напротив меня, держа зеркало точно так же, как я. Погрузив руки в воду почти по локоть, мы опустили зеркало на дно.

Дон Хуан приказал избавиться от мыслей и созерцать поверхность зеркала. Снова и снова он повторял, что весь фокус в том, чтобы не

думать вообще. Слабое течение слегка искажало отражения наших лиц. После нескольких минут устойчивого созерцания зеркала мне показалось, что изображения наших лиц постепенно сделались яснее. А само зеркало увеличилось в размерах и занимало по меньшей мере примерно квадратный ярд. Течение как бы остановилось, а зеркало стало видно так четко, как будто оно лежало на самой поверхности воды. Еще более странное впечатление производила необычайная четкость наших отражений. Изображение моего лица было словно увеличенным, причем не в размерах, а по степени фокусировки. Я даже видел поры на коже лба.

Дон Хуан шепотом велел не сосредотачивать взгляд на его или моих глазах, а позволить ему свободно блуждать, не цепляясь ни за какие детали наших отражений.

– Смотри пристально, но не фиксируй взгляд! – снова и снова настойчиво шептал он.

Я сделал то, что он велел, не переставая думать о кажущейся противоречивости этого указания. И в этот момент что-то изнутри меня оказалось как бы пойманным в зеркале, и то, что выглядело противоречивым, обрело смысл.

«Оказывается, можно смотреть пристально, но не фиксировать взгляд!» – подумал я. И в миг, когда была сформулирована эта мысль, возле наших с доном Хуаном голов появилась еще одна. Эта голова была в нижней части зеркала слева от меня.

Я задрожал всем телом. Дон Хуан шепнул мне, чтобы я успокоился и не выказывал ни страха, ни удивления. Потом он снова велел мне смотреть пристально, но без фиксации созерцая прищельца. Я не задохнулся и не выпустил из рук зеркало, но чего мне это стоило! Тело тряслось от макушки до пят. Дон Хуан снова зашептал, веля мне взять себя в руки. Он несколько раз слегка толкнул меня плечом.

Я медленно приходил в себя, обретая контроль над своим страхом. Я глядел на третью голову, и постепенно до меня дошло – голова не – человеческая. Это не была также и голова животного. И вообще это была не голова. Это была некая форма, лишенная внутренней подвижности. Когда мысль об этом пришла мне в голову, я вдруг мгновенно осознал, что думаю вовсе не я. Более того, осознание этого не было мыслью. На мгновение я пришел в неописуемое замешательство, а потом мне стало ясно нечто

непостижимое. Мысли были голосом, звучавшим у меня в ушах!

– Я *вижу*! – заорал я по-английски, не издав при этом ни звука.

– Да, ты *видишь*, – произнес голос по-испански.

Я почувствовал, что охвачен силой, которая сильнее меня. Мне не было больно ни физически, ни духовно. Я знал без тени сомнения – ведь так сказал голос, – что мне не удастся нарушить хватку этой силы ни волевым, ни физическим усилием. Я знал, что умираю. Я автоматически поднял глаза, чтобы посмотреть на дона Хуана, и в миг, когда взгляды наши встретились, сила отпустила меня. Я был свободен. Дон Хуан улыбался мне так, словно знал в точности, через что мне пришлось пройти.

Я осознал, что стою. Дон Хуан держал зеркало за край, повернув его так, чтобы стекала вода.

В молчании мы вернулись в дом.

– Древние толтеки были буквально околдованы своими находками, – сказал дон Хуан.

– Я их прекрасно понимаю, – отозвался я.

– Я тоже, – согласился дон Хуан.

Охватившая меня сила была настолько мощной, что на несколько часов лишила меня способности разговаривать и даже мыслить. Я был словно заморожен полнейшим отсутствием возможности совершать волевые усилия. Я уже начал оттаивать, но очень медленно и понемногу.

– Без каких бы то ни было целенаправленных действий с нашей стороны, – продолжил дон Хуан, – данный прием древних толтеков разделился для тебя на две части. С помощью первой ты в достаточной степени познакомился с тем, что при этом происходит. А с помощью второй мы попробуем добиться того, к чему собственно стремились древние толтеки.

Я спросил:

– Но что происходило на самом деле, дон Хуан?

– Существует два варианта объяснения. Сначала я изложу тебе версию древних *видящих*. Они полагали, что отражающая поверхность, будучи погруженной в воду, увеличивает силу воды. Они имели обыкновение созерцать водные объекты. Отражающая поверхность служила им средством ускорения процесса. Древние *видящие* считали, что наши глаза являются ключом для входа в неизвестное. Созерцая воду, они позволяли глазам открыть путь. Затем дон Хуан рассказал, что древние *видящие* заметили:

влажность воды только увлажняет и пропитывает, а вот текучесть – перемещает. Тогда они предположили, что текучесть воды есть устремление к поиску иных уровней бытия, лежащих ниже того, в котором пребываем мы. Согласно их верованиям, вода дана нам не только затем, чтобы поддерживать жизнь, но также и в качестве связующего звена, тропы, ведущей к нижележащим уровням.

– А там много уровней бытия? – спросил я.

– Древние *видящие* насчитали семь, – ответил дон Хуан.

– А тебе эти уровни известны, дон Хуан?

– Я – *видящий* нового цикла и, следовательно, смотрю на все это несколько иначе, – сказал он. – Я просто стараюсь показать тебе, что делали древние *видящие*, и рассказать, во что они верили.

Мои взгляды отличаются от взглядов древних *видящих*. Но это вовсе не значит, что их практики были ущербными.

Неправильными были интерпретации, однако истины, в которые верили древние *видящие*, имели для них вполне практическое значение. В случае, например, с практиками воды древние толтеки были убеждены, что текучесть воды способна телесно трансформировать человека нашего уровня на любой из семи нижележащих, а также переносить сущность человека в пределах нашего уровня в любом направлении вдоль потока воды.

Соответственно, они пользовались текущей водой для перемещения в нашем уровне, а водами глубоких озер и водных источников для погружения в глубины.

Прием, который я тебе показываю, преследует двойственную цель.

Во-первых, древние *видящие* применяли его, чтобы с помощью текучести воды перенестись на первый из нижележащих уровней.

Во-вторых, он позволял толтекам лицом к лицу встретиться с живыми существами, на этом уровне обитающими. Помнишь ту форму, которая появилась в нашем зеркале? Похожую на голову? Это и было одно из этих существ. Оно приходило на нас взглянуть.

– Получается, они реально существуют! – воскликнул я.

– Ну разумеется, – подтвердил дон Хуан.

Он сказал, что древние *видящие* совершили роковую ошибку, настойчиво стараясь не отходить от своих магических процедур.

Однако это не снимает ценности сделанных ими находок. Так, например, они обнаружили, что самый верный способ встретиться с одним из существ нижних уровней заключается в использовании водного объема. Причем величина этого объема значения не имеет

– и океан, и небольшой пруд одинаково хороши и служат одной и той же цели. Дон Хуан выбрал мелкий ручей только потому, что не любил ходить мокрым. Тот же результат мы могли получить, воспользовавшись озером или большой рекой.

– Представители иного типа жизни приходят на зов человека, чтобы выяснить, в чем дело, – продолжил дон Хуан. – Прием толтеков подобен стуку в дверь, за которой эти существа обитают. Древние *видящие* говорили, что светлая поверхность на дне служит и приманкой, и окном. Люди и существа нижнего уровня встречаются, подходя к этому окну.

– Не это ли произошло со мной вчера? – поинтересовался я.

– Древний *видящий* сказал бы, что вчера ты был втянут силой воды и силой первого уровня. И, кроме того, попал под магнетическое влияние существа, глядевшего на тебя через окно.

– Но в ушах моих звучал голос, и он говорил, что я умираю, – сказал я.

– Голос был прав. Ты умирал, и ты наверняка умер бы, если бы меня не было рядом. В этом – опасность толтекских практик. Они исключительно эффективны, но в большинстве случаев смертельны.

Я сказал, что, хотя мне и стыдно в этом признаться, я был в ужасе. Я *видел* эту штуку в зеркале и я ощущал охватившую меня силу, и это явно было чересчур...

– Мне бы, конечно, не хотелось заставлять тебя тревожиться, однако пока еще с тобой ничего не произошло, – сказал дон Хуан.

– И если дело пойдет так же, как было в моем случае, тебе следует подготовиться к самому жестокому шоку в твоей жизни. И лучше тебе перетрусить сейчас, чем умереть от испуга завтра.

В уме у меня крутилось Множество вопросов. Но выговорить хотя бы один из них я не сумел – настолько жуткий страх охватил меня. В горле стоял такой огромный ком, что я не мог сглотнуть слюну. Дон Хуан хохотал до тех пор, пока не закашлялся. Лицо его побагровело. Наконец, ко мне вернулся дар речи. Я начал задавать вопросы, ответами на которые были новые приступы смеха вперемешку с кашлем.

Наконец, дон Хуан произнес:

– Ты представить себе не можешь, насколько все это мне смешно. Я смеюсь вовсе не над тобой, а над ситуацией. В свое время бенефактор заставил меня через все это пройти. И, глядя на

проявления твоих эмоций, я не могу не узнавать самого себя. Я пожаловался на тошноту. Дон Хуан успокоил меня, сказав, что это – нормально. В данном случае испуг – вещь совершенно естественная. Пытаться же контролировать страх – неправильно и бессмысленно. Древние *видящие* пытались подавлять страх даже тогда, когда пугались до безумия. На этом они и попались. Они не желали отказываться ни от своих поисков, ни от удобных конструкций. Вместо этого они контролировали страх.

– А что мы будем делать с зеркалом дальше? – спросил я.

– Воспользуемся им, чтобы организовать твою встречу с тем существом, которое ты созерцал вчера. Лицом к лицу.

– Что же происходит при такой встрече?

– Просто одна форма жизни – человеческая – встречается с другой. В нашем случае древний *видящий* сказал бы, что ты встретился с существом первого уровня текучести воды.

Как объяснил далее дон Хуан, древние *видящие* полагали, что семь нижележащих уровней – это уровни текучести воды. Поэтому источники имели для них огромное значение. Ведь толтеки думали, что в источнике имеет место обратная текучесть, направленная из глубины к поверхности, и существа нижележащих уровней – то есть иные формы жизни – пользуются ею, чтобы подниматься в наш план бытия, разглядывать нас и за нами наблюдать.

– И в этом смысле древние *видящие* не ошибались, – продолжал дон Хуан. – Более того, они попали прямо в точку. Существа, которых новые *видящие* называют союзниками, действительно появляются возле водных источников.

– А то создание в зеркале было союзником? – поинтересовался я.

– Разумеется. Но не таким, какой может быть использован. Традиция использования союзников – я уже рассказывал тебе о ней – берет начало непосредственно от древних *видящих*. С помощью союзников толтеки совершали чудеса, но все это оказывалось бессильным перед лицом реального врага – человека.

– Поскольку эти существа – союзники, они, должно быть, очень опасны, – предположил я.

– Настолько же, насколько опасны мы – люди. Не более и не менее.

– Они способны нас убивать?

– Непосредственно – нет. Но до смерти испугать – безусловно. Они могут пересекать границу самостоятельно. А могут просто

подойти к окну. Как ты, наверное, уже понимаешь, древние толтеки тоже не останавливались перед окном, находя странные способы проникновения за него, вниз.

Вторая стадия практики была очень похожа на первую. Все шло по той же самой схеме, правда, на то, чтобы расслабиться и прекратить внутренний диалог, мне потребовалось примерно вдвое больше времени, чем в первый раз. Когда это было сделано, отражения наших с доном Хуаном лиц мгновенно прояснились. Примерно час я созерцал зеркало, блуждая взглядом от его отражения к своему и обратно. Я был готов к тому, что союзник может появиться в любой миг, но ничего не происходило. У меня уже болела шея и ныла спина, ноги онемели. Я хотел было опуститься на камень коленями, чтобы несколько уменьшить боль в пояснице. Но дон Хуан прошептал, что в миг, когда появится союзник, ощущение дискомфорта улетучится.

И он оказался абсолютно прав. Шок, который я испытал, увидев появившуюся у края зеркала округлую форму, моментально избавил меня от неудобств.

– Что делать дальше? – шепотом спросил я.

– Расслабься и ни на чем не фокусируй взгляд, – ответил дон Хуан.

– Наблюдай за всем, что появляется в зеркале. Созерцай без фиксации.

Я подчинился. Я бегло взглядывал на все, что виднелось в зеркале. В ушах раздавался специфический звон. Дон Хуан сказал, что, если я почувствую необычную силу, которая начнет меня охватывать, я должен вращать глазами по часовой стрелке, но ни в коем случае мне не следует поднимать глаза и смотреть на него. Через мгновение я обнаружил, что отражение в зеркале состоит уже не только из наших с доном Хуаном голов и округлой формы. Поверхность зеркала потемнела и покрылась яркими пятнами фиолетового света. Они увеличивались. Там были также пятна сверкающей черноты. Потом все это превратилось в картинку, похожую на плоское изображение облачного неба в лунную ночь. Вдруг все детали изображения стали резкими, картина пришла в движение. Теперь это была трехмерная перспектива глубины, от которой захватывало дух.

Я осознал, что нет никакой возможности противостоять немислимой притягательности этого зрелища. Оно начало всасывать меня.

Дон Хуан яростно зашептал, приказывая мне вращать глазами, чтобы не погибнуть. Я подчинился, и тут же почувствовал облегчение. Я снова различал наши отражения и союзника. Потом союзник исчез и снова появился на другом краю зеркала.

Дон Хуан приказал держать зеркало изо всех сил, сохранять спокойствие и не делать резких движений.

– Что сейчас будет? – прошептал я.

– Союзник попытается выйти, – был ответ.

Стоило ему это произнести, как я тут же почувствовал мощный рывок. Что-то дергало меня за руки. Рывок был из-под зеркала. Словно некая всасывающая сила создавала равномерное давление по всей поверхности рамы.

– Держи зеркало крепко, но смотри, не разбей, – велел дон Хуан. Сопровитляйся всасывающей силе. Не позволяй союзнику затянуть зеркало слишком глубоко.

Сила, которая тянула нас вниз, была огромна. Я чувствовал, что пальцы мои либо вот-вот оторвутся, либо их размажет по камням. В какой-то момент мы оба потеряли равновесие, и нам пришлось сойти с камней прямо в воду. Ручей был очень мелким, но вокруг рамы зеркала творилось такое и сила ударов союзника была столь пугающей, что у меня возникло ощущение, будто мы боремся со стихией посреди огромной реки. Вода вокруг наших ног бешено бурлила. Однако изображения в зеркале оставались четкими и неискаженными.

– Смотри! – воскликнул дон Хуан. – Идет!

Биения сменились мощными толчками снизу. Что-то ухватило за край зеркала. Не за внешний край – за него держались мы, – а изнутри стекла. Как будто поверхность стекла в самом деле была открытым окном, и что-то или кто-то пытался выкарабкаться сквозь него.

Мы отчаянно сражались. Мы толкали зеркало вниз, когда сила выжимала его наверх, мы тянули на себя, когда оно вжималось в дно. Согнувшись, мы топтались вокруг него, медленно удаляясь от исходной точки вниз по течению. Глубина увеличивалась, на дне появились скользкие камни.

– Теперь давай вытащим зеркало из воды и вытряхнем союзника, – предложил дон Хуан хриплым голосом.

Тем временем биения и громкий плеск не прекращались. Со стороны это выглядело так, словно мы голыми руками поймали

огромную рыбину и она яростно бьется.

Тут мне пришло в голову, что зеркало, по сути, – это люк. А странная штукавина внутри пытается выбраться сквозь него наружу. Всем своим огромным весом она навалилась на край люка, отодвинув в сторону наши с дном Хуаном отражения. Она была весьма внушительных размеров, и наших отражений не стало видно вообще. Я различал только некую массу, пытавшуюся протиснуться сквозь люк наружу.

Зеркало теперь уже не лежало на дне. Мои пальцы не были прижаты к камням. Нашими усилиями с одной стороны и рывками союзника с другой зеркало удерживалось примерно посередине между дном и поверхностью воды. Дон Хуан сказал, что сейчас он отпустит зеркало и быстро просунет под него вытянутые руки, и что я должен сделать то же самое и за его руки ухватиться. Тем самым мы увеличим рычаг и сможем приподнять зеркало на предплечьях. Когда дон Хуан отпустил зеркало, оно наклонилось в его сторону. Я быстро просунул под зеркало свои руки, чтобы там схватить руки дона Хуана, но под зеркалом не оказалось ничего. Я на секунду замешкался, и этого было достаточно, чтобы зеркало вырвалось у меня из рук.

– Держи его! Держи! – завопил дон Хуан.

Я поймал зеркало за миг до того, как оно опустилось на камни. Я поднял зеркало, вытащив его из воды, но сделал это недостаточно быстро. Вода была похожа на клей. Вместе с зеркалом я вытащил кусок какой-то резиноподобной массы. Эта масса просто выдернула зеркало у меня из рук и уволокла обратно в воду.

С чрезвычайной ловкостью дон Хуан поймал зеркало и за край без видимых усилий поднял его из воды.

Никогда в жизни я не испытывал подобных приступов меланхолии. Это была какая-то безосновательная печаль, мне казалось, она связана с памятью о глубинах, которые я *видел* сквозь зеркало. Бесконечная ностальгия по этим глубинам смешивалась в моей печали с абсолютным страхом перед холодом беспредельного одиночества, которым оттуда веяло и от которого в жилах застывала кровь.

Дон Хуан заметил, что для воина совершенно естественно испытывать печаль без каких бы то ни было явных причин.

Видящие говорят, что светящееся яйцо как поле энергии начинает чувствовать окончательность своего предназначения, едва лишь

нарушены границы известного. Одного краткого взгляда на вечность за пределами кокона достаточно для разрушения того чувства внутренней благоустроенности, которое дает нам инвентаризация. В результате возникает меланхолия, настолько сильная, что может даже привести к смерти.

Дон Хуан объяснил, что лучшим средством для избавления от меланхолии является смех. И он в шутиливом тоне прокомментировал поведение моего первого внимания, сказав, что оно из всех сил старается восстановить привычный порядок вещей, нарушенный моим контактом с союзником. Поскольку восстановить порядок рациональными способами не удастся никак, первое внимание сосредотачивает свою силу на чувстве печали.

Я сказал дону Хуану, что моя меланхолия вызвана вполне реальным фактом. Можно сколько угодно идти у нее на поводу, смеяться над ней, впадать в уныние, но все это не будет иметь ничего общего с тем чувством одиночества, которое возникает при воспоминании о немыслимых глубинах.

— Наконец-то! Кое-что начинает до тебя доходить, — отозвался он.

— Ты прав. Нет более глубокого одиночества, чем одиночество вечности. И нет ничего более уютного и удобного для нас, чем быть человеческими существами. Вот тебе еще одно противоречие: как, оставаясь человеком, радостно и целеустремленно погрузиться в одиночество вечности? Когда тебе удастся решить эту головоломку, ты будешь готов к решающему путешествию.

И тут мне вдруг с полной определенностью стала ясна причина моей печали. Это было ощущение, которое приходило вновь и вновь, исчезая бесследно и не оставляя даже воспоминания о себе. Я понял, что так будет всегда — это будет уходить и я буду забывать об этом до тех пор, пока вновь не вспомню о ничтожности человека в сравнении с необъятностью той вещи-в-себе, отражение которой я *видел* в зеркале.

— Воистину, человеческие существа ничтожны, дон Хуан, — произнес я.

— Я совершенно точно знаю, о чем ты думаешь, — сказал он. — Совершенно верно, мы — ничтожны. Однако именно в этом и состоит наш решающий вызов. Мы — ничтожества — действительно способны встретиться лицом к лицу с одиночеством вечности.

Он резко сменил тему, прервав меня на полуслове и не дав задать следующий вопрос. Речь пошла о нашем поединке с союзником. Дон Хуан сказал, что, во-первых, борьба с союзником была нешуточной. Конечно, вопрос жизни и смерти в ней не решался, но и развлечением она тоже не была.

– Мой выбор пришелся на этот прием, – продолжал он, – потому что мой бенефактор показывал мне именно его. Когда я обратился к нему с просьбой продемонстрировать какую-нибудь практику из арсенала древних *видящих*, он чуть не лопнул от смеха: моя просьба напомнила ему его собственный опыт. Ведь его бенефактор нагваль Элиас в свое время продемонстрировал ему ту же самую практику, причем сделал это весьма жестко.

Дон Хуан сказав что рама, которую изготовил он для своего зеркала, была деревянной. Поэтому следовало бы попросить меня соорудить свою тоже из дерева. Но ему хотелось посмотреть, что получится, если рама окажется прочнее, чем была его рама или рама, сделанная его бенефактором. И та, и другая сломались, и в обоих случаях союзнику удавалось выбраться наружу.

Дон Хуан рассказал, что во время его поединка с союзником тому удалось оторвать раму от зеркала. Они с бенефактором остались стоять с деревянными обломками в руках, а союзник уволок зеркало на дно и выбрался из него наружу.

Бенефактор дона Хуана знал, чего следует ожидать. Пока союзник остается отражением в зеркале, он не выглядит по-настоящему страшным, поскольку *виден* только как форма, некая неопределенная масса. Но стоит союзнику выбраться наружу, как с ним возникают сложности. Во-первых, вид у него действительно устрашающий, а во-вторых, он ужасно надоедлив. Дело в том, что союзникам, покинувшим свой уровень, очень трудно вернуться обратно. Кстати, так же обстоит дело с людьми. Вероятность того, что *видящий*, отправившись на тот уровень, где обитают союзники, никогда больше здесь не объявится, обычно очень велика.

– Союзник разбил мое зеркало, – рассказал дон Хуан. – И окна, сквозь которое он мог бы вернуться на свой уровень, не стало. Поэтому он увязался за мной. Перекаtywаясь по земле, он по-настоящему за мной погнался. Дико вопя от ужаса, я ринулся прочь. Я на четвереньках вскарабкался на скалы, как одержимый носился вверх-вниз по склонам холмов. Союзник не отставал, держась в нескольких дюймах позади меня.

Бенефактор дон Хуана бежал за ним, но, будучи уже очень старым, не мог долго выдерживать такой темп. Однако он догадался крикнуть дону Хуану, чтобы тот бежал взад-вперед а он тем временем будет принимать необходимые для избавления от союзника меры. Он кричал, что сейчас разведет костер, дон Хуан же должен бегать по кругу. И бенефактор взялся за дело. Дон Хуан, сходя с ума от страха, носился вокруг холма, а бенефактор собирал хворост.

Дон Хуан признался, что, когда он бежал по кругу, в уме его шевельнулась мысль насчет того, что бенефактор попросту развлекается, наслаждаясь всей этой историей. Ведь дону Хуану было известно: его бенефактор – воин, способный извлечь удовольствие из любой немыслимой ситуации. Чем плоха та, в которой они оказались? Был момент, когда дон Хуан так разозлился на бенефактора, что союзник прекратил преследование. Дон Хуан даже остановился и прямо обвинил бенефактора в злобных намерениях. Тот ничего не ответил, но с выражением дикого ужаса на лице взглянул мимо дон Хуана на союзника, маячившего над ними. Дон Хуан тут же забыл о своем праведном гневе и опять принялся накручивать круги.

– Мой бенефактор был поистине дьявольским стариканом, – со смехом продолжал дон Хуан. – Он научился смеяться внутри. По лицу его ничего нельзя было заметить. Он мог притворяться, что плачет или злится, а на самом деле – смеялся. И в тот день, пока союзник продолжал гонять меня по кругу, бенефактор стоял и произносил речь, в которой опровергал выдвинутое мною обвинение. Он говорил долго, но я, пробегая мимо, слышал лишь обрывки фраз. Покончив с этой речью, бенефактор завел еще один длинный разговор о том, как много хвороста ему предстоит собрать, ведь союзник большой, а огонь по величине должен быть таким же, как сам союзник, иначе ничего не получится.

– Только благодаря безумному ужасу мог я продолжать свой бег. В конце концов бенефактор, должно быть, понял, что я вот-вот упаду и умру от переутомления. Тогда он развел костер, за пламенем которого спрятал меня от союзника.

Всю ночь они просидели у костра. Худшими были минуты, когда бенефактор уходил за хворостом, и дон Хуан оставался в одиночестве. Ему было так страшно, что он поклялся Господу оставить путь знания и сделаться фермером.

– Поутру, когда последние капли энергии покинули меня, союзнику удалось толкнуть меня в костер, и я получил сильные ожоги, – добавил дон Хуан.

– А что случилось с союзником? – спросил я.

– Бенефактор никогда мне об этом не рассказывал, – ответил он. – Но у меня такое чувство, что тот по-прежнему бесцельно слоняется где-то, пытаясь отыскать дорогу обратно.

– А как насчет твоей клятвы Господу?

– Бенефактор сказал, что по этому поводу я могу не волноваться. Обещание было хорошим, но я тогда еще не знал, что выслушивать подобные обещания некому, потому как Бога-то нет. Есть только эманации Орла, а им давать обещания невозможно.

– Ну, а если бы союзник тебя поймал, что тогда?

– Возможно, я бы умер от испуга, – ответил дон Хуан. – Если бы я знал, что происходит после того, как тебя поймают союзники, я позволил бы ему меня поймать. Ведь я тогда был безрассуден. Когда союзник тебя ловит, ты либо умираешь от разрыва сердца, либо вступаешь с ним в борьбу. В последнем случае, пометавшись немного в притворной свирепости, союзник быстро теряет всю свою энергию. Союзник ничего не может с нами сделать. Так же, впрочем, как и мы – с ним. Ведь нас разделяет пропасть.

Древние *видящие* считали, что в момент, когда энергия союзника истощается, он отдает свою сил/человеку. Тоже мне, сила! У древних *видящих* союзники буквально из ушей лезли, но сила их не стоила ничего.

Дон Хуан объяснил, что и в этом случае новым *видящим* пришлось вносить ясность. Они обнаружили, что в зачет идет только одно – безупречность, то есть количество свободной энергии.

Действительно известны случаи, когда союзники спасали *видящих*. Но дело здесь вовсе не в защитной силе союзников. Просто люди, благодаря своей безупречности, могли воспользоваться энергией, принадлежащей иным формам жизни.

Кроме того, новым *видящим* удалось внести ясность в самый важный момент из всего, что касается союзников. Они определили, чем отличаются пригодные для использования союзники от непригодных. Союзники, которых невозможно использовать, а таких – несметные множества, это те, чьи внутренние эманации не соответствуют никаким из внутренних эманаций человека. Их эманации отличаются от наших настолько сильно, что делают этих

союзников совершенно бесполезными. Но есть и другие союзники, отдельные внутренние эманации которых соответствуют некоторым из наших. Правда, встречаются такие союзники чрезвычайно редко.

— Как человек может использовать союзников этого типа? — спросил я.

— Пожалуй, слово «использовать» здесь не совсем подходит, — ответил дон Хуан. — Я бы сказал, что между человеком и союзником происходит честный обмен энергией.

— Каким образом?

— Энергия передается по совпадающим эманациям, — объяснил дон Хуан. — Ты, конечно, понимаешь, что эманации человека, соответствующие эманациям союзника, находятся в левосторонней части осознания, которую обычный человек никогда не использует. Поэтому в рациональном мире правостороннего осознания места союзникам не находится.

Дон Хуан сказал, что совпадающие эманации дают основу для контакта между человеком и союзником. По мере углубления знакомства связь становится более тесной. И обе формы жизни уже могут извлечь из этого пользу. *Видящего* обычно интересует эфирное качество союзника, которое делает последнего замечательным разведчиком и охранником. Союзника же интересует более мощное энергетическое поле человека, с помощью которого союзник иногда может материализоваться. Опытные *видящие* манипулируют общими эманациями до тех пор, пока не добиваются полной фокусировки. И тогда происходит обмен. Древние *видящие* не понимали сути этого процесса и разработали сложные приемы созерцания, предназначенные для погружения в глубины; которые я *видел* в зеркале.

— В своих погружениях древние *видящие* пользовались одним весьма замысловатым приспособлением, — продолжал дон Хуан, — веревкой особого плетения, которой они обвязывались вокруг талии. Мягкий утолщенный конец веревки пропитывали каучуком и придавали ему такую форму, чтобы он плотно вставлялся в пупок наподобие пробки. При каждом погружении *видящий* прибегал к услугам одного или нескольких ассистентов, задачей которых было держать веревку, пока *видящий* странствовал в своем созерцании. Естественно, непосредственное созерцание глубокого чистого пруда или озера — вещь намного более

ошеломляющая и опасная, чем то, что мы делали с зеркалом. – Они что, действительно погружались телесно? – спросил я. – Человек способен на удивительнейшие действия, – заверил меня дон Хуан. – Особенно тот, который умеет управлять осознанием. И хотя древние *видящие* и избрали неверный путь, в своих путешествиях в глубины они встречали дивные чудеса. Такая вещь, как встреча с союзником, была для них делом совершенно обычным.

Конечно, теперь ты уже понимаешь, что глубины – выражение фигуральное. Никаких глубин в действительности не существует. Есть только управление осознанием. Однако этого древние *видящие* так и не поняли.

Я сообщил дону Хуану, что на основании его рассказа о встрече с союзником и моего собственного субъективного впечатления от ощущения силы быющего в воде союзника пришел к выводу, что союзники весьма агрессивны.

– Нет, на самом деле они не агрессивны, – сказал он. – И дело здесь не в том, что у них для агрессивности не хватает энергии, а скорее в том, что их энергия – несколько иного типа. Союзники больше похожи на электрический ток. А существа органические – на тепловые волны.

– Тогда почему же союзник так долго за тобой гонялся, дон Хуан? – В этом нет никакой загадки. Союзников привлекают эманации. И больше всего им нравится животный страх. Когда существо его испытывает, выделяется энергия наиболее подходящего союзникам типа. Внутренние эманации союзников подпитываются энергией животного страха. Поскольку мой страх не ослабевал, союзник повсюду следовал за ним. Вернее, союзник поймался на мой страх и не мог оторваться.

Затем дон Хуан рассказал, что отношение союзников к животному страху было открыто древними *видящими*. Этот тип страха нравится союзникам больше всего на свете, и древние *видящие* доходили даже до таких крайностей: они специально насмерть пугали людей, чтобы подкормить своих союзников. Древние *видящие* были убеждены в том, что союзники испытывают вполне человеческие чувства. Однако новые *видящие* увидели, что это не так. Союзников привлекает только энергия, высвобождаемая эмоциями. И не важно, будет ли это любовь, ненависть или печаль – все работает одинаково эффективно.

Дон Хуан добавил, что, почувствуя он любовь по отношению к тому союзнику, тот все равно последовал бы за ним. Правда, характер преследования был бы несколько иным. Я поинтересовался, прекратил бы союзник погоню, если бы дону Хуану удалось обрести контроль над своим страхом. Дон Хуан ответил, что в контроле над страхом заключался прием, которым пользовались древние *видящие*. Они настолько им овладели, что даже научились произвольно генерировать страх. Чтобы постоянно держать своих союзников на привязи, они ловили их на свой собственный страх и постоянно подпитывали, выдавая его порциями.

– Древние *видящие* были ужасными людьми, – продолжал дон Хуан. – Впрочем, прошедшее время здесь неуместно. Они ужасны и по сей день. Они одержимы властью, они жаждут владеть и повелевать всем и всеми.

– Даже сейчас, дон Хуан? – спросил я, пытаясь заставить его продолжить рассказ.

Но он сменил тему, сказав, что я упустил потрясающую возможность – быть напуганным сверх всякой меры. То, что я залил щели между рамой и поверхностью зеркала смолой, несомненно не позволило воде затечь под зеркало. И это сыграло решающую роль: союзнику не удалось разбить зеркало.

– Очень плохо, – сказал дон Хуан. – Может быть, он бы тебе даже понравился. Кстати, во второй раз приходил не тот, который был в первый. Второй идеально тебе подходил.

– А у тебя самого есть собственные союзники, дон Хуан?

– Ты ведь знаешь. У меня есть союзники моего бенефактора.

Правда, я не могу сказать, что отношусь к ним так же, как относился он. Он был тихим, но очень страстным человеком и с готовностью отдавал все, чем обладал, включая собственную энергию. Он любил своих союзников и без особых проблем позволял им пользоваться его энергией для того, чтобы материализоваться. Один из них даже мог принимать уродливую человекообразную форму.

Потом дон Хуан сказал, что, не испытывая особого пристрастия к союзникам, он никогда не давал мне по-настоящему почувствовать, что они из себя представляют. Зато ему самому бенефактор в полном объеме продемонстрировал их возможности за то время, пока лечил его рану. Началось все с мысли о том, что

его благодетель – человек со странностями. Едва избежав когтей мелкого тирана, дон Хуан, как ему показалось, угодил в другую ловушку. Он решил несколько дней выждать, пока силы вернуться к нему, а затем сбежать, когда старика не будет дома. Но старик, видно, прочел его мысли, и в один прекрасный день в очень доверительном тоне шепотом сказал дону Хуану, что тот должен поправиться как можно скорее, чтобы они вдвоем смогли ускользнуть от страшного человека, который терроризировал старика. Затем, дрожа от страха и бессилия, старик распахнул дверь, и в комнату ввалился чудовищный человек с рыбьим лицом. Выглядело это так, словно он все время стоял за дверью и подслушивал. Наружности он был неописуемо жуткой – серо-зеленый, с одним-единственным огромным немигающим глазом, а размером – с дверной проем. Дон Хуан признался, что от удивления и ужаса напился в тот день до бесчувствия, а на то, чтобы окончательно избавиться от этого наваждения, ему потребовалось несколько лет.

– А как твои союзники, дон Хуан? Они тебе полезны?

– Трудно сказать. В каком-то смысле я даже люблю союзников, которых передал мне бенефактор. Они способны на невероятную привязанность. Но я не могу постичь их. Бенефактор отдал мне их в качестве компании на тот случай, если я вдруг одиноко затеряюсь где-то в этой безбрежности среди эманаций Орла.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

7. Точка сборки

После моей схватки с союзником дон Хуан на несколько месяцев прервал объяснение искусства овладения осознанием. Однако наступил день, когда он снова к нему вернулся. Толчком к этому послужило одно весьма странное событие.

Дон Хуан находился в своем доме в Северной Мексике. Был вечер. Я только что приехал. Дон Хуан тут же перевел меня в состояние повышенного осознания. И я мгновенно вспомнил, что в Сонору дон Хуан возвращается каждый раз, когда ему требуется восстановить силы. Когда-то он объяснял мне, что на нагвале лежит громаднейшая ответственность, поэтому у каждого нагваля должно быть особое место в физическом мире – место уединения, где определенным образом концентрируются и сливаются потоки энергии. Для дон Хуана таким местом была Сонорская пустыня. Войдя в состояние повышенного осознания, я заметил еще одного человека. Тот прятался в полумраке внутри дома. Я спросил дон Хуана, здесь ли Хенаро. Дон Хуан ответил, что он один, а тот, кого я заметил в доме – не человек, а один из его союзников, который сторожит дом.

Затем дон Хуан сделал довольно странное движение. Лицо его исказила гримаса то ли удивления, то ли испуга. И в тот же миг на пороге комнаты, в которой мы сидели, возникла жуткая человеческая фигура. Появление этого необычного человека напугало меня до такой степени, что у меня закружилась голова. И прежде, чем я успел оправиться от потрясения, человек бросился ко мне и с леденящей кровью свирепостью схватил за руки. Меня встряхнуло, словно по телу пробежал электрический разряд. Я онемел от неодолимого ужаса. Дон Хуан улыбался. Я мычал и стонал, пытаясь выдавить из себя крик о помощи. Меня трясло все сильнее.

Станный человек еще больше сжал мои руки и попытался свалить меня на пол. Дон Хуан очень спокойно велел мне собраться и не бороться со страхом, а следовать в его потоке.

– Бойся, не приходя в ужас, – сказал он.

После этого дон Хуан подошел ко мне вплотную и, не вмешиваясь в борьбу, прошептал прямо мне в ухо, что я должен максимально сосредоточиться на срединной точке тела.

Когда-то, за несколько лет до этого, я по настоянию дон Хуана тщательно, с точностью до миллиметра, обмерил свое тело и абсолютно точно определил местоположение его срединной точки как по длине, так и по ширине. Каждый раз он говорил, что эта точка – истинный центр всей энергии каждого из нас.

Как только я сосредоточился на этой точке, человек меня отпустил. Тут до меня вдруг дошло, что это нечто, которое я принимал за человека, – не человек вовсе, а только человекообразная форма. В тот момент, когда я перестал видеть в этой форме человека, союзник превратился в бесформенный ком мутноватого света. Он двинулся прочь. Я последовал за ним. Какая-то мощная сила заставляла меня идти вслед за этим мутноватым светом.

Остановил меня дон Хуан. Он аккуратно вывел меня на крыльцо и там усадил на ящик, которым пользовался вместо табуретки.

Происшествие взволновало меня, но еще больше я был взволнован тем, насколько быстро и окончательно растаял сковывавший меня страх.

Я сообщил об этом дону Хуану. Дон Хуан сказал, что в столь неуловимом изменении состояния нет ничего странного. Страх не может существовать после того, как свечение осознания переходит в своем движении по кокону человека определенный порог.

И дон Хуан начал свой рассказ. Сначала он кратко напомнил мне истины, о которых рассказывал ранее. Не существует никакого мира материальных объектов, но лишь вселенная энергетических полей, которые *видящие* называют эманациями Орла.

Человеческие существа образованы эманациями Орла и являются, по сути, светящимися пузырями энергии. Каждый из нас покрыт энергетической оболочкой, имеющей форму кокона. Внутри кокона заключена небольшая часть эманаций, составляющих вселенную. Осознание возникает вследствие постоянного давления эманаций, находящихся вне кокона и именуемых большими, на эманации, находящиеся внутри кокона. Восприятие является следствием осознания и возникает, когда внутренние эманации настраиваются на соответствующие им большие.

– Следующая истина состоит в том, – продолжил дон Хуан, – что

восприятие возможно благодаря точке сборки – особому образованию, функция которого заключается в подборе внутренних и внешних эманаций, подлежащих настройке. Конкретный вариант настройки, который мы воспринимаем как мир, является результатом того, в каком месте кокона находится точка сборки в данный момент.

Дон Хуан повторил это несколько раз, чтобы дать мне время разобраться. Потом он заметил, что для проработки истин об осознании мне требуется энергия.

– Я уже отмечал, – продолжил он, – что, имея дело с мелкими тиранами, *видящий* учится выполнять некоторый очень сложный маневр. Так вот, маневр этот заключается в перемещении точки сборки.

Сегодня ты смог воспринять союзника. Это значит, что тебе удалось сдвинуть точку сборки с ее обычного места. Другими словами, твое свечение осознания перешло определенный порог, и заодно стерло страх. И смогло это все произойти только потому, что у тебя оказалось достаточно свободной энергии.

Ночью, после возвращения с прогулки по окружавшим дом горам, во время которой дон Хуан работал с моим правосторонним осознанием, он снова перевел меня в состояние повышенного осознания и продолжил свой рассказ. Он сказал, что, прежде чем начать разговор о природе точки сборки, необходимо остановиться на первом внимании.

Занимаясь исследованием не замеченных древними нюансов функционирования первого внимания и пытаюсь объяснить их другим, новые *видящие* разработали порядок, в котором следует располагать истины об осознании. Дон Хуана заверил меня, что далеко не каждый *видящий* склонен к объяснениям. Например, его бенефактор, нагваль Хулиан, вообще не уделял внимания такой мелочи, как объяснения. Но дону Хуану повезло – он был знаком с бенефактором своего бенефактора, нагвалем Элиасом. А тот считал объяснения довольно важной частью процесса обучения. В итоге к пониманию и проработке истин об осознании дон Хуан пришел в результате синтеза обстоятельных объяснений нагваля Элиаса, обрывочных сведений, которые давал ему нагваль Хулиан, и собственного *видения*.

Затем дон Хуан объяснил, что сфокусировать воспринимаемый нами обычный мир первое внимание может лишь выделив и

усилив определенные эманации, выбранные из узкой полосы эманаций, в которой находится человеческое осознание. Не задействованные при этом эманации никуда не исчезают. Они остаются в пределах нашей досягаемости, но как бы дремлют. Поэтому мы так ничего и не узнаем о них до конца жизни.

Выделенные и усиленные эманации *видящие* называют правосторонним или нормальным осознанием, тоналем, этим миром, известным, первым вниманием. Обычный человек называет это реальностью, рациональностью, здравым смыслом. Выделенные эманации составляют значительную часть полосы человеческого осознания, но лишь малую толику всего спектра эманаций, присутствующих внутри кокона человека.

Незадействованные эманации, относящиеся к человеческой полосе, – это что-то вроде преддверия к неизвестному. Собственно же неизвестное составлено множеством эманаций, которые к человеческой полосе не относятся и выделению никогда не подвергаются. Их *видящие* называют левосторонним осознанием, нагвалем, другим миром, неизвестным, вторым вниманием.

– Процесс выделения и усиления определенных эманаций был открыт древними *видящими*, – продолжал дон Хуан. – И они же стали его использовать. Они поняли, что нагваль – мужчина или женщина – обладая дополнительной силой, способен сдвигать выделяющий фактор с обычных эманаций на соседние с ними. Это действие известно как удар нагваля.

Дон Хуан рассказал, что древние *видящие* применяли этот сдвиг на практике для того, чтобы держать в повиновении своих учеников.

С помощью удара нагваля толтеки изменяли состояние осознания учеников, делая его исключительно ярким и впечатляющим.

Осознание ученика при этом повышалось, но сам человек становился покорным до беспомощности. Находясь в таком состоянии, ученики осваивали порочные техники, превращавшие их в зловещих типов – точное подобие учителей.

Новые *видящие* тоже пользуются ударом нагваля. Но не для достижения низменных целей, а для того, чтобы вести учеников к познанию человеческих возможностей.

Дон Хуан объяснил, что удар нагваля следует наносить точно по точке сборки, положение которой у разных людей слегка различается. Кроме того, удар должен наноситься нагвалем-*видящим*. В этом смысле одинаково бесполезно обладать силой

нагваля, но не *видеть*, и *видеть*, но не обладать силой нагваля. И в том, и в другом случае результатом будет самый обыкновенный удар. Простой *видящий* может колотить точно по нужному месту до бесконечности, но сдвинуть уровень осознания ему не удастся. А нагваль, который не *видит*, не сможет попасть туда, куда нужно. Древние *видящие* также обнаружили, что точка сборки находится не в физическом теле, а в светящейся оболочке, в самом коконе. Нагваль определяет ее положение по особенно яркой светимости и не бьет по ней, а скорее ее толкает. От толчка в поверхности кокона образуется впадина. При этом ученик испытывает такое ощущение, словно ударом по правой лопатке у него из легких напрочь вышибли весь воздух.

– Впадины бывают разных типов, да? – поинтересовался я.

– Только двух, – ответил дон Хуан. – Это – вогнутость и щель. Вогнутость – временное образование, соответственно, она дает временный сдвиг уровня осознания. Трещина же – очень глубокое и устойчивое образование, изменяющее форму кокона и вызывающее устойчивый сдвиг.

Обычно отвердевший от самопоглощенности кокон вообще не поддается удару нагваля. Однако в некоторых случаях человеческий кокон очень податлив, и даже наименьшее усилие образует в нем чашеобразную впадину. Размер впадины может колебаться от крохотного уплощения поверхности до углубления, занимающего треть всего объема кокона. Может также образоваться и щель, которая пересекает весь кокон поперек или вдоль. Вид она имеет такой, словно кокон как бы свернулся внутрь себя.

Некоторые светящиеся оболочки после удара практически мгновенно приобретают исходную форму. На других впадина может сохраняться в течение нескольких часов или даже дней. Но все равно они сами по себе возвращаются в исходное состояние. Есть и такие, на которых деформация фиксируется. Для приведения их в исходное состояние требуется еще один удар нагваля – по краю углубления. И лишь очень и очень немногие коконы никогда ни при каких обстоятельствах не приобретают снова форму светящегося яйца, каких бы ударов нагваля по ним не наносили. После первого удара они изменяют форму раз и навсегда.

Далее дон Хуан рассказал, что углубление на коконе действует на

первое внимание, смещая свечение осознания. Впадина давит на эманации внутри светящейся оболочки. *Видящий* может *видеть*, как выделяющий фактор первого внимания сдвигается под действием силы этого давления. Эманации Орла внутри кокона смещаются, вследствие чего свечение осознания переходит на не задействованные прежде эманации, принадлежащие областям, в обычном состоянии первому вниманию недоступным.

Я спросил, видно ли свечение осознания только на поверхности кокона. Дон Хуан ответил не сразу. Казалось, он погрузился в размышление. Прежде, чем он дал ответ, прошло, наверное, минут десять. Он сказал, что обычно свечение сознательности *видно* на поверхности коконов живых существ. Однако после того, как человек развивает внимание, светимость его осознания приобретает глубину. Другими словами, свечение осознания как бы передается довольно большому количеству эманаций внутри кокона.

– Манипулируя осознанием, древние *видящие* знали, что делают, – продолжал дон Хуан. – Они отдавали себе отчет в том, что, создавая в поверхности кокона углубление, можно заставить свечение осознания, уже достигшее некоторых эманаций внутри кокона, распространиться на соседние эманации.

– Ты говоришь так, словно речь идет о физических телах, – сказал я. – Но как может образоваться впадина в чем-то, что является просто светимостью?

– Дело в том, что неким немислимым образом одна светимость создает впадину в другой, – ответил он. – Ты не можешь отрешиться от рассудочной инвентаризации. Но рассудок не способен рассматривать человека как энергию. Рассудок имеет дело с инструментами, создающими энергию. Однако никогда всерьез не задумывается над тем, что мы – нечто большее, чем инструменты.

Мы – организмы, производящие энергию. Мы – пузыри энергии. Разве есть что-то противоестественное в том, что один пузырь энергии делает впадину в другом?

Свечение, образованное в осознании вогнутостью кокона, можно с полным правом назвать временно повышенным вниманием. Ведь эманации, которые оно выделяет и усиливает, расположены настолько близко к повседневно используемым эманациям, что само по себе внимание изменяется в минимальной степени. В то

же время наблюдается значительное усиление способности понимать и сосредотачиваться, равно как, впрочем, и способности забывать. Я бы даже сказал, что способность забывать усиливается заметнее всех прочих. *Видящие* очень точно знали, как можно использовать такое изменение качества внимания. Они *видели*, что после удара нагваля резко увеличивается яркость только тех эманаций, которые расположены в непосредственной близости от задействованных в повседневной жизни. Более удаленные остаются нетронутыми. Это означает, что, находясь в состоянии повышенного осознания, человеческое существо способно действовать так же, как действует в повседневной жизни. Однако состояние это длится лишь до тех пор, пока на коконе сохраняется впадина. Стоит ей выправиться, как весь почерпнутый опыт мгновенно забывается. Отсюда – необходимость наличия нагваля, женщины или мужчины.

– Но почему получается так, что человек все забывает? – спросил я.
– Потому что эманации, дающие особую четкость восприятия и ясность сознания, остаются выделенными и усиленными только пока воин пребывает в состоянии повышенного осознания, – ответил дон Хуан. – А без их усиления любые ощущения, которые испытал воин, и любые картины, которые он созерцал, тают без следа.

Поэтому одна из задач, которую новые *видящие* ставят перед своими учениками – вспомнить. Для этого ученик должен самостоятельно добиться выделения и усиления соответствующих эманаций – тех, которые были задействованы в состоянии повышенного осознания.

Дон Хуан напомнил, как Хенаро неоднократно советовал мне научиться писать не карандашом, а кончиком пальца, чтобы не скапливались груды записок. Дон Хуан объяснил, что в действительности Хенаро имел в виду, что мне следует фиксировать все наши беседы и мои впечатления в памяти, пользуясь для этого не задействованными ранее эманациями. А потом когда-нибудь вспомнить, самостоятельно эти эманации усилив.

Затем дон Хуан рассказал мне, что состояние повышенной осознания *видно* не только как углубление свечения внутрь яйцеобразного человеческого кокона. Поверхностная светимость тоже усиливается. Хотя, конечно, с яркостью свечения,

образованного полным осознанием, это усиление ни в какое сравнение не идет. В случае полного осознания вспыхивает сразу все светящееся яйцо целиком. Этот взрыв света обладает такой силой, что оболочка яйца рассеивается, и внутренние эманации распространяются. Они простираются за любые мыслимые пределы, охватывая обширные пространства.

– Но это происходит в каких-то особых случаях, да, дон Хуан?

– Конечно. Это может произойти только с *видящим*. Никакой другой человек, да и вообще никакое другое живое существо никогда так не вспыхнет. Зато *видящий*, целенаправленно достигший состояния абсолютной осознания – зрелище, в высшей степени достойное созерцания. В момент достижения он сгорает в огне, возникающем изнутри. Да, изнутри приходит огонь и пожирает его. И тогда *видящий*, достигший полного осознания, сливается с большими эманациями и скрывается в вечности. Мы провели в Соноре еще несколько дней, после чего я отвез дона Хуана в южную часть Мексики, где обычно жил он и воины его команды.

Следующий после нашего приезда день выдался жарким и душным. Я чувствовал лень и какое-то раздражение. Несколько послеполуденных часов были самым неприятным временем в этом городке – он весь словно замирал, разморенный зноем. Мы с доном Хуаном сидели в удобных креслах в большой комнате. Я сказал, что жизнь в мексиканской провинции не производит на меня благоприятного впечатления. Безмолвие этого городка казалось мне гнетущим и где-то даже зловещим. Единственным звуком, который я здесь слышал, были далекие вопли детей. Причем я никогда не мог определить – играют они или орут от боли.

– Находясь в этом городке, ты всегда пребываешь в состоянии повышенного осознания, – объяснил дон Хуан. – А это – совсем другое дело. Но в любом случае тебе необходимо привыкнуть к жизни в подобного типа городишке. Когда-нибудь тебе придется в таком поселиться.

– Но почему мне придется поселиться в подобном городке, дон Хуан?

– Я уже говорил: новые *видящие* стремятся к свободе. А свобода подразумевает множество весьма опустошающих вещей. И среди них – постоянный поиск перемен. Ты склонен жить так, как

живешь. Ты стимулируешь рассудок, снова и снова просматривая свой инвентаризационный перечень и сравнивая его с перечнями своих друзей и знакомых. Эти манипуляции оставляют тебе крайне мало времени на исследование самого себя и своей судьбы. Но когда-нибудь тебе придется все это бросить. Точно так же, как, если бы всем, что тебе известно, был только лишь мертвый покой этого городка, тебе пришлось бы отправиться на поиски другой стороны медали.

– Так ты этим здесь занимаешься, дон Хуан?

– В нашем случае дело обстоит несколько иначе. Ведь мы уже находимся в конце пути. Мы более не ищем ничего. И то, что мы делаем здесь, есть нечто, постижимое лишь для воина. Ничем не занимаясь, мы просто переходим из одного дня в другой. Мы ждем. Я никогда не устану это повторять: мы знаем, что мы ждем, и мы знаем, чего мы ждем. Свобода – вот то, чего мы ждем!

– А теперь, когда ты все знаешь, – с ухмылкой добавил он, – давайте вернемся к разговору об осознании.

Обычно когда мы беседовали в большой комнате, нас никто не прерывал, и дон Хуан сам решал, когда закончить разговор. Но в этот раз в дверь вежливо постучали. Вошел Хенаро. Он сел в кресло. Я не виделся с ним с того самого дня, когда мы в спешке покинули его дом. На радостях я обнял его.

– Хенаро намерен кое о чем тебе рассказать, – сообщил дон Хуан.

– Я уже говорил тебе, он – мастер осознания. А сейчас я могу тебе объяснить, что это значит. Хенаро умеет сдвигать точку сборки вглубь светящегося яйца после того, как она была выбита со своего исходного места ударом нагваля.

– Он уже множество раз сдвигал твою точку сборки после того, как ты входил в состояние повышенного осознания. А в тот день – когда мы были на плоском камне – он заставил ее уйти чрезвычайно глубоко в левостороннюю часть светимости осознания. Настолько глубоко, что это было по-настоящему опасно.

Дон Хуан замолчал, как бы собираясь передать эстафету Хенаро. Кивком головы он дал ему сигнал начинать. Хенаро встал и подошел ко мне вплотную.

– Пламя – очень важная штука, – мягко произнес он, – Помнишь, когда-то я заставлял тебя смотреть на отражение солнца в куске кварца, когда мы сидели на том большом плоском камне?

Я вспомнил. В тот день, едва дон Хуан закончил говорить, Хенаро указал мне на преломленный свет, проходивший сквозь гладко отполированный кристалл кварца, который он вытащил из кармана и положил на плоскую поверхность камня. Все мое внимание было мгновенно приковано к сверканию кристалла. Затем я вдруг обнаружил, что лежу, распластавшись на камне, а дон Хуан стоит надо мною с выражением озабоченности на лице.

Я начал было рассказывать Хенаро о том, что вспомнил, но он меня перебил. Наклонившись к самому моему уху, он указал на два бензиновых фонаря, находившихся в комнате.

– Смотри на пламя, – велел он. – В нем нет тепла. Это – чистое пламя. Чистое пламя способно унести тебя в глубины неизвестного. Пока он говорил, я начал ощущать странное давление. Это была физическая тяжесть. В ушах звенело. Глаза слезились до такой степени, что я едва различал очертания мебели в комнате.

Казалось, что фокусировка зрения полностью нарушена. И, хотя глаза мои оставались открытыми, я не видел ничего, кроме яркого света бензиновых фонарей. Меня окружала тьма.

Фосфоресцирующие полосы изумрудно-зеленого цвета слегка освещали темную, похожую на движущиеся облака массу пространства. Потом зрение вернулось ко мне так же неожиданно, как перед этим пропало.

Я не мог понять, где я. Я парил подобно воздушному шару. Я был в полном одиночестве. Меня обуял дикий ужас, и рассудок мой тут же кинулся конструировать объяснение, которое в тот момент имело бы для меня смысл: с помощью света бензиновых ламп Хенаро меня загипнотизировал. Объяснение почти удовлетворило меня. Я спокойно парил, стараясь не волноваться. Я решил, что беспокойства можно избежать, сосредоточившись на стадиях, через которые я буду проходить в процессе пробуждения к нормальному состоянию.

Первое, что я заметил – я не был самими собой. Я не мог по-настоящему на что-либо смотреть, потому что смотреть было нечем. Я попытался обследовать собственное тело. И ничего не обнаружил. Я словно смотрел куда-то вниз, в бесконечное пространство. Но я осознавал. Я воспринимал величественные облака переливающегося лучистого света и массы черноты. И то, и другое пребывало в непрерывном движении. Я ясно видел как янтарная рябь накатывается на меня подобно гигантской

медленной волне океанского прибоя. Я знал, что подобен бую, парящему в пространстве, и что эта волна захватит меня и унесет. Я принял ее как неизбежность. Но прежде, чем волна ударила меня, произошло нечто совершенно неожиданное. Подул ветер, который отнес меня в сторону с ее пути. Сила ветра несла меня с огромной скоростью. Я промчался сквозь исполинский тоннель яркого многоцветного света. Взор мой помутился, после чего я ощутил, что просыпаюсь от гипнотического сна, навеянного Хенаро. В следующее мгновение я обнаружил, что снова нахожусь в комнате вместе с доном Хуаном и Хенаро.

Я проспал почти весь следующий день. Вечером мы с доном Хуаном снова сели, чтобы поговорить. Хенаро и до этого находился возле меня, но комментировать вчерашнее наотрез отказывался.

– Вчера вечером Хенаро снова сдвинул твою точку сборки, – сказал дон Хуан. – Но, похоже, толчок оказался чересчур сильным. Я воодушевленно принялся рассказывать дону Хуану содержание своих видений. Он слушал с улыбкой. Ему явно было неинтересно. – Твоя точка сборки сдвинулась со своего исходного положения, – продолжил он. – Поэтому ты начал воспринимать эманации, которые обычному восприятию недоступны. Звучит, вроде бы, совсем невыразительно, верно? И в то же время это – выдающееся достижение, к постижению которого стремятся новые *видящие*.

Он объяснил, что человеческие существа выбирают для восприятия все время одни и те же эманации по двум причинам. Первая и главная состоит в том, что нас научили – эти эманации доступны восприятию. Ну, а вторая такова: наши точки сборки отбирают и подготавливают к восприятию именно эти эманации.

– Каждое живое существо имеет точку сборки, которая отбирает эманации, подлежащие выделению и усилению, – продолжал дон Хуан. – *Видящий* может *увидеть*, одинаковой картиной мира пользуются существа или нет, *увидев*, какие эманации отобраны их точками сборки – одни и те же или различные.

– Одним из важнейших прорывов, осуществленных новыми *видящими*, было открытие того факта, что местоположение точки сборки на коконе не является постоянной характеристикой, но определяется привычкой. Этим объясняется то огромное значение, которое новые *видящие* придают новым непривычным действиям и практикам. Они отчаянно стараются выработать новые привычки,

освоить новые способы действия.

– Удар Нагваля очень важен. Он сдвигает точку сборки с места. Он изменяет ее положение. Иногда он даже формирует на поверхности кокона устойчивую щель. Тогда точка сборки полностью смещается и качество осознания изменяется до неузнаваемости. Но гораздо важнее правильно понимать истины об осознании, ибо тогда становится ясно: точку сборки можно перемещать изнутри. К сожалению, человеческие существа всегда проигрывают из-за недостатка настойчивости. Они просто не знают своих возможностей.

– А как осуществляется сдвиг изнутри? – спросил я.

– Новые *видящие* утверждают, что технически это осуществляется посредством процесса осознания, – ответил он. – Прежде всего, человек должен осознать тот факт, что воспринимаемый нами мир является результатом определенного положения точки сборки на коконе. После того, как понимание этого достигнуто, точка сборки может быть смещена волевым усилием в результате приобретения новых привычек.

Я не совсем понял, что имеется в виду под новыми привычками и попросил объяснить.

– Сообразно команде Орла, точка сборки человека располагается на коконе в пределах определенной области, – сказал дон Хуан. – Но точное ее местоположение определяется привычками, то есть постоянно повторяющимися действиями. Сперва мы узнаем, что она может находиться в каком-то конкретном месте, а затем сами приказываем ей там быть. Наша команда становится командой Орла, требующей, чтобы точка сборки находилась именно в данном месте. Обрати внимание: наша команда становится командой Орла. Древние *видящие* дорого заплатили за эту находку. И мы к ней еще вернемся.

– Древние *видящие* сосредоточили свои усилия исключительно на разработке тысяч сложнейших магических техник. Но они так никогда и не поняли, что все их замысловатые приемы, такие же причудливые, как и они сами, были не более чем средствами сдвинуть точку сборки с места и заставить ее перемещаться.

Я попросил объяснить подробнее.

– Я уже говорил когда-то: магия – это тупик, – сказал он. – Я имел в виду то, что магические практики лишены собственной ценности. Они имеют косвенное значение, поскольку их реальная

функция – сдвигать точку сборки посредством выведения ее из-под контроля первого внимания.

– Новые *видящие* определили истинную роль магических приемов, и решили напрямую заняться процессом перемещения точки сборки, отказавшись от всей этой чепухи – ритуалов, заклинаний и прочего. Хотя в жизни каждого воина бывает время, когда ритуалы и заклинания действительно необходимы. Лично я посвятил тебя во все типы магических процедур. Но только для того, чтобы отвлечь твоё первое внимание от самопоглощенности, сила которой намертво фиксировала твою точку сборки.

– Навязчивая вовлеченность первого внимания в самопоглощенность или рассудочность является очень мощной фиксирующей силой. Ритуальное поведение, повторяясь изо дня в день, заставляет первое внимание высвободить часть энергии, занятой созерцанием инвентаризационного перечня. В результате жесткость фиксации точки сборки несколько уменьшается.

– Что происходит с человеком, чья точка сборки утратила жесткость? – спросил я.

– Если он – не воин, он думает, что теряет рассудок, – с улыбкой ответил он. – Тебе ведь тоже одно время казалось, что ты сходишь с ума. Если же человек этот – воин, он знает наверняка, что сошел с ума. И терпеливо ждет. Видишь ли, если человек здоров и находится в здравом уме, то значит его точка сборки неподвижно фиксирована. Когда она сдвигается, наступает сумасшествие в самом буквальном смысле.

– Воин, чья точка сборки сдвинулась, имеет возможность выбрать один вариант из двух: либо он признает, что болен, и начинает вести себя, как сумасшедший, эмоционально реагируя на странные миры, которые воспринимает в результате сдвига: либо он бесстрастно и отрешенно ждет, зная, что рано или поздно точка сборки обязательно вернется на место.

– А если не вернется? – поинтересовался я.

– Тогда все кончено. Такой человек пропал, – ответил дон Хуан. – Он или – неизлечимый душевнобольной, чья точка сборки никогда не сможет собрать обычный мир, или – непревзойденный *видящий*, отправившийся в путь к неизвестному.

– А в чем между ними разница?

– В энергии! В безупречности! Безупречные воины никогда не становятся душевнобольными. Они пребывают в состоянии

постоянной отрешенности. Я не раз говорил тебе: безупречный *видящий* может *увидеть* устрашающие миры, а в следующее мгновение – как ни в чем не бывало шутить и смеяться с друзьями и незнакомыми людьми.

Тогда я сказал дону Хуану то, что говорил уже много раз.

Разрушительные ощущения, которые я испытывал после приема галлюциногенных растений, не раз заставляли меня думать, что я серьезно болен. Полная потеря координации во времени и пространстве, болезненные нарушения умственного сосредоточения, галлюцинации и видения странных мест и людей, которые воспринимались как совершенно реальные. Тогда я не мог избавиться от мысли, что теряю рассудок.

– По всем обычным понятиям ты его действительно терял, – пояснил дон Хуан. – Но с точки зрения *видящих* даже если ты его теряешь, ты теряешь не так уж много. Потому что рассудок по их представлениям – не более, чем самосозерцание инвентарного списка человека. Потеря самосозерцания без разрушения основ в действительности открывает возможность жить более полной и сильной жизнью, чем та, которой мы живем, пока самосозерцание инвентарного перечня довлеет над нами.

– Твое слабое место – склонность к эмоциональным реакциям. Они не дают тебе возможности понять, что необычность испытываемых тобой ощущений определяется глубиной, на которую погружается точка сборки внутрь человеческой полосы эманаций.

Я сказал, что не понимаю того, что он объясняет, поскольку образование, которое он называет человеческой полосой эманаций, пока что остается для меня непостижимым. Я представлял себе его как полосу на поверхности шара.

Дон Хуан объяснил, что меня вводит в заблуждение термин «полоса», и что он попытается проиллюстрировать мне, что имеется в виду. Форма святимости человека похожа на головку твердого сыра с вплавленным в нее диском из сыра более темного цвета. Дон Хуан взглянул на меня и усмехнулся. Ему было известно, что я не люблю сыр.

На небольшой доске он нарисовал схему. Он изобразил яйцеобразную форму и разделил ее вдоль на четыре части, сказав, что намерен сразу же стереть разделительные линии, поскольку нарисовал их только для того, чтобы показать мне, в каком месте

кокона расположена полоса. Затем он нарисовал широкую полосу, расположенную между первой и второй частями, и стер разделительные линии. Он еще раз сказал, что полоса похожа на диск чеддера внутри головки твердого сыра.

– Теперь представь себе, что твердый сыр – прозрачен, и ты получишь точную копию человеческого кокона, – подвел он итог.

– Диск чеддера проходит насквозь через всю головку сыра – от передней поверхности до задней.

– Точка сборки расположена высоко, примерно на уровне в три четверти высоты кокона, на его поверхности. Когда нагваль надавливает на эту точку интенсивной светимости, она углубляется в диск чеддера. Состояние повышенной осознанности наступает, когда яркое свечение точки сборки заставляет светиться эманации, дремлющие внутри диска чеддера. Когда *видишь*, как свечение точки сборки уходит внутрь диска, кажется, что точка сборки сдвигается влево по поверхности кокона.

Дон Хуан повторил свой пример три или четыре раза, но я все равно не понял, и ему пришлось продолжить объяснение. Он сказал, что впечатление, будто точка сборки движется влево, возникает вследствие прозрачности кокона, однако на самом деле она движется внутрь, к центру светящегося яйца, в толще человеческой полосы.

Я отметил, что он говорит так, словно для того, чтобы *видеть* движение точки сборки, *видящие* пользуются глазами.

– Человек не относится к непознаваемому, – объяснил он. – И светимость человека можно *видеть* почти так, как если бы использовались только глаза.

– Древние *видящие видели* движение точки сборки, но им никогда не приходило в голову, что это движение направлено вглубь. Идя на поводу у той картинки, которую *видели*, они ввели термин «сдвиг влево». Новые *видящие* оставили этот термин в употреблении, хотя им и известно, что он не совсем соответствует истинному положению вещей.

– За время нашего с тобой общения я сдвигал твою точку сборки бесчисленное количество раз. Кстати, и в данный момент она сдвинута. Поскольку это всегда – сдвиг вглубь, ты не утрачиваешь личностного самоосознания, хотя при этом и задействуются не используемые в обычном состоянии эманации.

– После того, как нагваль сталкивает точку сборки с ее места, она

останавливается где-то в пределах человеческой полосы, причем не важно, где именно, поскольку в любом случае там лежит нетронутое пространство.

– Новые *видящие* разработали для проверки своих учеников превосходный тест. Ученик должен отследить путь, который его точка сборки проделала под воздействием удара нагваля. Когда ему это удастся, говорят, что он обрел полноту или достиг целостности.

– Новые *видящие* утверждают, что по мере роста человека, сфокусировавшись на человеческой полосе эманаций и выбрав некоторые из них в качестве объектов усиления, свечение осознания попадает в замкнутый круг. Чем сильнее выделяются определенные эманации, тем более жесткой становится фиксация точки сборки. Это эквивалентно тому, что наша команда становится командой Орла. Само собой разумеется, к тому моменту, когда наше осознание развивается в первое внимание, команда эта становится предельно жесткой и однозначной. И разорвать порочный круг невыносимо трудно. И победа в этом случае – воистину величайшее достижение.

– Первое внимание воспринимает эманации блоками или пучками. Организация такого восприятия тоже является функцией точки сборки. Примером пучка эманаций, которые выделяются и усиливаются в виде единого блока, может служить человеческое тело в том виде, как мы его обычно воспринимаем. Остальные же части нашего существа – светящегося кокона – никогда не выделяются и не усиливаются. Они обречены на забвение. Ведь функция точки сборки – заставить нас не только воспринимать определенные пучки эманаций, но и игнорировать все прочие. Я настоятельно потребовал подробнее остановиться на блочной организации восприятия. Дон Хуан объяснил, что точка сборки излучает свечение, которое группирует внутренние эманации в пучки, которые затем настраиваются на соответствующие им большие эманации, тоже собранные в пучки. Формирование пучков происходит даже тогда, когда *видящий* имеет дело с никогда не использовавшимися эманациями. Как только эманации выделены и усилены, вступают в действие законы блочного восприятия, свойственного первому вниманию.

– Одним из величайших моментов в развитии традиции новых *видящих*, – продолжал дон Хуан, – был момент, когда они

обнаружили: неизвестное суть всего лишь эманации, которые игнорирует первое внимание. Их – множество, они составляют огромную область, однако, заметить, область, в которой возможна организация блоков. А непознаваемое – это область воистину бесконечная, и организовать в ней какие-либо блоки наша точка сборки не в состоянии.

– Точка сборки подобна светящемуся магниту: перемещаясь в пределах человеческой полосы, она притягивает эманации и группирует их. Открытие, сделанное новыми *видящими*, было действительно великим, ведь неизвестное теперь предстало в совершенно новом свете. Новые *видящие* заметили, что некоторые из навязчивых видений древних толтеков – видений, постичь которые было практически невозможно – совпадали со смещением точки сборки в зону человеческой полосы, диаметрально противоположную тому месту, где точка сборки находится в нормальном состоянии. Это были видения темной стороны человека.

Я спросил:

– Почему ты называешь это темной стороной?

– Потому что она мрачна и связана с дурными предзнаменованиями. Это – не просто неизвестное, это – то, что совершенно ни к чему знать.

– А как насчет эманаций, которые находятся внутри кокона, однако лежат вне человеческой полосы? Их можно воспринять?

– Можно. Но то, как это происходит, описанию не поддается. Ведь они относятся не к человеческому неизвестному, как, скажем, незадействованные эманации человеческой полосы, а к почти неизмеримо огромной области неизвестного, где не просматривается ни одной человеческой черты. Эта область настолько ошеломляюще обширна, что описать ее вряд ли смог бы даже самый великий из *видящих*.

Тогда я в очередной раз выдвинул тезис, что тайна явно находится внутри нас.

– Тайна – вне нас, – сказал он. – Внутри – только эманации, которые стараются разрушить кокон. И этот факт сбивает нас с толку, независимо от того, воины мы или обычные люди. И только новые *видящие* могут в этом разобраться. Они стремятся *видеть*. И, перемещая точку сборки, приходят к пониманию того, что тайна заключена в восприятии. Причем не столько в том, что

именно мы воспринимаем, сколько в том, что заставляет нас воспринимать.

– Я уже говорил тебе: наши органы чувств способны воспринять все, что угодно. Так считают *видящие*. Они верят в это, ибо *видят* – то, что воспринимают органы чувств, определяется только положением точки сборки.

– И если точка сборки выстраивает эманации внутри кокона в положении, отличном от нормального, человеческие органы чувств начинают воспринимать мир самым непостижимым образом.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

8. Положение точки сборки

В следующий раз дон Хуан возобновил рассказ об овладении осознанием, когда мы находились в его доме в Южной Мексике. Фактически дом принадлежал всем членам команды нагваля. Но официальным его владельцем считался Сильвио Мануэль. Поэтому все обычно говорили об этом доме как о доме Сильвио Мануэля, хотя я по какой-то непонятной причине привык называть его домом дона Хуана.

Дон Хуан, Хенаро и я вернулись в дом после поездки в горы. В тот день нам пришлось долго ехать по горной дороге, поэтому по возвращении мы сначала отдохнули, так что обед получился поздним. После обеда я спросил у дона Хуана, что это за любопытная уловка – называть дом домом Сильвио Мануэля. Дон Хуан заверил меня, что никакой уловки тут нет. Просто, называя его домом Сильвио Мануэля даже в мыслях наедине с самим собой, каждый из членов команды нагваля отрабатывает элемент искусства *сталкинга*. Любое другое отношение к дому было бы равносильно отрицанию связи с командой нагваля.

Я сказал, что он напрасно не сказал мне об этом раньше. Ведь мне вовсе не хотелось своими привычками вносить диссонанс в сложившиеся отношения.

– Ты можешь по этому поводу не волноваться, – с улыбкой сказал дон Хуан. – Ты вправе называть этот дом как тебе заблагорассудится. Ты – нагваль, а нагваль обладает авторитетом. Женщина – нагваль, к примеру, называет его домом теней.

Потом наш разговор прервался, и я не видел дона Хуана до тех пор, пока через пару часов он не послал кого-то позвать меня во внутренний дворик.

Они с Хенаро прогуливались в дальнем конце галереи. Я видел, как движутся их руки. Было похоже, что они беседуют, подкрепляя слова интенсивной жестикуляцией.

Стоял ясный солнечный день. Косые лучи послеполуденного солнца падали прямо на цветочные горшки, свисавшие с карниза крыши. Тени от них ложились на северную и восточную стены

внутреннего двора. Резкий оранжево-желтый солнечный свет, массивные черные тени горшков и тонкие изящные кружева теней хрупких цветущих растений... Эта картина завораживала и ошеломляла. Кто-то, обладавший исключительным чувством гармонии и порядка, очень точно подобрал места для растений, чтобы получить столь потрясающий эффект.

Словно прочтя мои мысли, дон Хуан сообщил:

– Это сделала женщина-нагваль. Днем, когда солнце начинает опускаться, она созерцает тени.

Я представил себе, как она смотрит на послеполуденные тени. Этот образ мгновенно опустошил меня. Яркий оранжево-желтый свет этого часа, покой городка и привязанность, которую я питал к женщине-нагвалю, в один миг сплывали во мне, вызвав ощущение всего одиночества бесконечного пути воина.

Когда-то дон Хуан рассказывал мне о конечной цели этого пути. Он говорил, что новые *видящие* – воины абсолютной свободы и что единственное, чего они ищут – это окончательное освобождение, которое приходит, когда они достигают состояния полноты осознания. И теперь, глядя на причудливые тени на стене, я вдруг с пронзительной ясностью осознал, что имела в виду женщина-нагваль, когда говорила, что только чтение стихов вслух приносит облегчение ее духу.

Я помнил, как за день до этого она что-то читала мне вслух, там же, во внутреннем дворике, но тогда я не совсем понял, чем вызвана настойчиво-отрешенная страсть, звучавшая в ее голосе. Она читала стихотворение Хуана Рамона Хименеса, вобравшее в себя, по ее ощущению, все бесконечное одиночество воина – человека, жизнь которого посвящена достижению абсолютной свободы:

Колокол и птица нарушали безмолвие

И больше никто...

Они словно вели беседу

С солнцем, что склонялось, к закату.

Безмолвие цвета золота

В неподвижном кристалле вечера.

Прохладные ветви деревьев

В потоке блуждающей чистоты.

И по ту сторону всего – прозрачность реки.

Скользя по жемчужинам, река вымывает их и воды свои несет в

Беспредельность.

Дон Хуан и Хенаро подошли ко мне, разглядывая меня с выражением неподдельного удивления.

– Послушай, дон Хуан, что же мы все-таки делаем в действительности? – спросил я. – Может быть, воины просто готовятся к смерти?

– Ни в коем случае, – ответил он, потрепав меня по плечу. – Воины готовятся к обретению полноты осознания. Абсолютное осознание достижимо только после того, как уничтожено чувство собственной важности. Лишь став ничем, воин становится всем. Мы немного помолчали. Потом дон Хуан спросил, не мучит ли меня чувство жалости к самому себе. Я не смог ответить однозначно.

– Но ведь ты не жалеешь, что находишься здесь? – спросил дон Хуан с едва заметной улыбкой.

– Нет конечно, – заверил его Хенаро. Потом он вроде бы на минуту усомнился в справедливости своих слов. Он почесал в затылке и, приподняв брови, взглянул на меня. – А может, жалеешь? А?

– Нет, конечно, – на этот раз сказал дон Хуан, обращаясь к Хенаро. Потом он повторил все жесты Хенаро – почесал затылок, выгнул брови, взглянул на меня – и спросил. – А может, жалеешь? А?

– Да нет же! – воскликнул Хенаро, и оба они покатались со смеху. Когда они успокоились, дон Хуан объяснил, что чувство собственной важности является той силой, которая мотивирует любые приступы меланхолии. И добавил, что воин имеет право на состояния глубочайшей печали, но печаль эта дается ему лишь для того, чтобы заставить его смеяться.

– А сейчас Хенаро покажет тебе кое-что. Поверь, это намного занятнее, чем вся жалость к самому себе, на которую ты способен, – продолжил дон Хуан. – Это связано с положением точки сборки. Хенаро тут же начал ходить вокруг по галерее, выгнув спину и поднимая колени к груди.

– Ходить таким образом его научил нагваль Хулиан, – шепотом объяснил дон Хуан. – Это называется походкой силы. Хенаро знает несколько типов походки силы. Следи за ним неотрывно. Движения, которые совершал Хенаро, воистину обладали гипнотической силой. Я обнаружил, что следую за его движениями, сначала – глазами, а потом – и ногами. Я копировал

его походку. Обойдя дворик вокруг, мы остановились. Пока мы шли, я заметил, что каждый шаг приносит мне ощущение все возрастающей ясности и прозрачности. Когда же мы остановились, я почувствовал, что все мое существо словно пробудилось. Я слышал каждый звук, я улавливал любое малейшее изменение освещенности, меня охватила навязчивая жажда действия. Я ощущал всплеск чрезвычайной агрессивности, мышечной силы и дерзости. И в то же мгновение я увидел расстилавшуюся передо мной обширную плоскую равнину. Прямо за моей спиной возвышался лес – огромная зеленая стена гигантских деревьев. В лесу царила тьма. Желтую равнину заливал яркий солнечный свет.

Я дышал глубоко и непривычно быстро, но чувствовал, что это – нормально. Однако именно ритм дыхания заставлял меня приплясывать на месте. Мне хотелось сорваться в галоп, вернее, этого хотелось моему телу, но в тот миг, когда я ринулся вперед, что-то остановило меня.

Рядом были дон Хуан и Хенаро. Мы с Хенаро шли по галерее. Хенаро был справа от меня. Он навалился на меня плечом. Я ощутил вес его тела. Он мягко толкал меня влево. Мы повернули под прямым углом и двинулись к восточной стене дворика. На мгновение у меня возникло странное ощущение: мне показалось, что сейчас мы пройдем сквозь стену. Я даже приготовился к столкновению с ней, но мы резко остановились, почти в нее упершись.

Я стоял лицом прямо к стене. Они оба тщательно меня осматривали. Я знал, что их интересует: они хотели удостовериться в том, что я сдвинул свою точку сборки. Я знал также, что сдвинул ее, поскольку настроение мое изменилось. Они тоже явно об этом знали. Аккуратно взяв под руки, они молча повели меня в другой конец галереи к темному узкому коридору, соединявшему внутренний дворик с остальными частями дома. Там мы остановились. Дон Хуан и Хенаро отошли от меня на несколько футов.

Они оставили меня стоять лицом в сторону дома, внутри которого царил густой полумрак. Я смотрел внутрь пустой темной комнаты. Я ощутил физическую усталость. Я чувствовал вялость и безразличие и в то же время – недюжинную духовную силу. И понял: что-то мною утрачено. В теле моем не было силы, я едва

держался на ногах. В конце концов нога не выдержали, я опустился и сел, а потом улегся на бок. Я лежал там, охваченный всепоглощающими мыслями о Господе и добре.

Потом я вдруг оказался в церкви, перед главным алтарем. Золоченые барельефы сияли в свете тысяч свечей. Я увидел темные мужские и женские фигуры. На гигантских носилках они несли исполинское распятие. Отойдя с их пути, я вышел из храма. Я увидел множество людей, море свечей. Все они двигались по направлению ко мне. Я ощутил потрясающий подъем. Я ринулся к ним. Мною двигала бесконечная всеохватывающая любовь. Я жаждал быть с ними, молиться вместе с ними Господу, мне оставалось пробежать всего несколько футов, и я бы слился с массой людей. Но тут что-то смахнуло меня прочь.

В следующее мгновения я снова был с доном Хуаном и Хенаро. Втроем мы лениво брели по внутреннему дворику.

На следующий день во время обеда дон Хуан объяснил, что Хенаро с помощью походки силы сдвинул мою точку сборки. Удалось это ему потому, что я находился в состоянии внутреннего безмолвия. Дон Хуан напомнил мне, что ключевым моментом всего, что делают *видящие*, является остановка внутреннего диалога. Он говорил мне об этом множество раз с самого начала нашего общения. И он несколько раз повторил, что именно внутренний диалог фиксирует точку сборки в ее исходном положении.

— Стоит достичь безмолвия — и все становится возможным, — заявил он.

Я сказал ему, что вполне отдаю себе отчет в том, что мне в общем-то удалось прекратить внутренние разговоры с самим собой. Но я понятия не имел, каким образом это произошло. Если бы у меня спросили, за счет каких действий я этого добился, я бы затруднился ответить.

— Объяснение — сама простота, — сказал дон Хуан. — Это было изъяслением твоей *воли*. Тем самым ты сформировал новое *намерение*, новую команду. Ну, а потом твоя команда сделалась командой Орла.

— Это — самая необычайная из находок новых *видящих*. Наши команды могут становиться командами Орла. Внутренний диалог останавливается за счет того же, за счет чего начинается: за счет действия *воли*. Ведь начать внутренний разговор с самими собой

мы вынуждены под давлением тех, кто нас учит. Когда они учат нас, они задействуют сроду *волю*. И мы задействуем свою в процессе обучения. Просто ни они, ни мы не отдаем себе в этом отчета. Обучаясь говорить с самими собой, мы обучаемся управлять *волей*. Это наша *воля* – разговаривать с самими собой. И, чтобы прекратить внутренние разговоры, нам следует воспользоваться тем же самым способом: приложить к этому *волю*, выработать соответствующее намерение.

Несколько минут мы молчали. Потом я спросил, кого он имел в виду, говоря об учителях, которые научили нас вести внутренний диалог.

– Я говорил о том, что происходит с человеческим существом в младенчестве, – ответил дон Хуан. – В это время все, кто его окружает, учат его вести непрекращающийся диалог о нем. Постепенно диалог этот уходит внутрь и превращается в фактор, фиксирующий точку сборки в изначальном положении.

– По утверждению *видящих*, каждый ребенок окружен сотнями учителей, которые учат его, в каком точно месте следует зафиксировать точку сборки.

– Ведь поначалу точка сборки ребенка не фиксирована. Эманации внутри его кокона перемешаны и находятся в суматошном движении. Точка сборки при этом гуляет по всей человеческой полосе. Поэтому ребенок может с необычайной силой сфокусировать внимание на эманациях, которые в дальнейшем будут начисто изъяты из употребления и напрочь забыты. Но ребенок растет. Его окружают взрослые человеческие существа. Они имеют над ребенком значительную власть. Посредством усложнения внутреннего диалога, они делают фиксацию точки сборки ребенка все более и более жесткой. Внутренний диалог – это процесс, все время поддерживающий положение точки сборки. Ведь ее позиция – вещь произвольная и нуждающаяся в постоянном укреплении.

– Дело в том, что очень многие дети *видят*. Но большинство из тех, которые *видят*, считаются детьми с отклонениями от нормы. И окружающие прилагают все возможные усилия к тому, чтобы сделать фиксацию их точек сборки более жесткой.

– А можно ли помочь ребенку сохранить подвижность точки сборки? – спросил я.

– Только если он живет среди новых *видящих*, – сказал дон Хуан. –

Иначе он попадет в ту же ловушку, что и древние толтеки, и запутается в закоулках безмолвной стороны человека. А это, поверь мне, намного хуже, чем угодить в тиски рассудочности. Затем дон Хуан выразил восхищение человеческой способностью вносить упорядоченность в хаос эманаций Орла. Он сказал, что считает любого человека выдающимся мастером магии, искусство которого состоит в умении сохранять непоколебимую фиксацию точки сборки.

– Сила больших эманаций, – продолжал дон Хуан, – заставляет нашу точку сборки отбирать определенные эманации и соединять их в пучки для настройки и восприятия. Это – команда Орла. Однако то, какое значение мы придаем тому, что воспринимаем – это наша команда, наше магическое искусство.

– В свете того, что я тебе объяснил, чем-то исключительно сложным и в то же время до смешного простым оказывается то, что делал с тобой Хенаро вчера. Сложным – поскольку от всех потребовалась огромная дисциплина: внутренний диалог должен был быть прекращен, состояние повышенного осознания – достигнуто, точка сборки – уведена прочь со своего места. Однако подоплека всех этих сложнейших процедур проста. Новые *видящие* говорят: поскольку точное положение точки сборки является произвольной позицией, выбранной для нас нашими предками, ее можно сдвигать относительно легко; когда же точка сборки сдвинута, она изменяет настройку эманаций, формируя тем самым новое восприятие.

– Растения силы я давал тебе для того, чтобы заставить твою точку сборки двигаться. Они могут оказывать такое воздействие. Но точно так же могут действовать голод, усталость, болезнь и прочие подобные вещи. Обычный человек считает, что результаты сдвига проявляются только на ментальном плане, и в этом – его ошибка. Как ты мог убедиться, дело обстоит совсем иначе.

Затем дон Хуан рассказал, что в прошлом моя точка сборки сдвигалась множество раз – так же, как она сдвинулась вчера – и что в большинстве случаев миры, которые она собирала, были настолько близки к обычному миру нашей повседневности, что фактически являлись мирами-призраками. И он подчеркнул, что видения такого типа новыми *видящими* автоматически отбрасываются.

– Подобного рода видения – продукт человеческой

инвентаризации, – продолжал дон Хуан. – Они не имеют никакой ценности для воина, стремящегося к абсолютной свободе, поскольку формируются за счет поперечного сдвига точки сборки. Дон Хуан замолчал и взглянул на меня. Я знал, что под «поперечным сдвигом» он понимает перемещение точки сборки не вглубь человеческой полосы, а поперек – от края к краю. Я спросил, правильно ли я понял.

– Именно это я имел в виду, – подтвердил он. – По обоим краям человеческой полосы находятся странные скопления мусора – невообразимые кучи человеческого хлама. Этакий склад зловещих патологий. Для древних *видящих* он имел огромную ценность, но не для нас.

– Угодить в него – проще простого. Вчера мы с Хенаро хотели ускоренными темпами привести тебе пример такого поперечного сдвига. Поэтому мы вели твою точку сборки. Но в принципе любой человек может попасть в этот хламник, просто остановив внутренний диалог. Если сдвиг минимален, результатом является то, что называют игрой воображения. Если же сдвиг существенен, возникает то, что известно как галлюцинации.

Я попросил объяснить, как осуществляется процесс ведения точки сборки. Он сказал, что при наличии внутреннего, безмолвия фактором, который захватывает точку сборки, является не столько вид походки силы, сколько ее звук. Ритм мягких шагов мгновенно притягивает силу настройки внутренних эманаций, которая высвободилась благодаря внутреннему безмолвию.

– Эта сила тут же цепляется за края полосы, – продолжал дон Хуан. – На правом краю мы обнаруживаем бесконечные видения физической активности, насилия, убийств, чувственных проявлений. На левом краю – духовность, религиозность, все, что связано с Богом. Мы с Хенаро провели твою точку сборки от края до края, чтобы дать тебе представление обо всей куче человеческого хлама в целом.

Как бы для закрепления, дон Хуан еще раз напомнил мне о том, что одним из самых таинственных аспектов знания *видящих* являются невероятные эффекты внутреннего безмолвия. Когда оно установлено, пути, приковывающие точку сборки к определенному месту, начинают рваться, и она получает свободу движения.

Обычно она движется влево. Это направление – наиболее

естественное направление сдвига. Однако некоторые *видящие* могут смещать точку сборки вниз от того места, где она обычно расположена. Новые *видящие* так и называли такое перемещение точки сборки – «сдвиг вниз».

– Иногда *видящим* приходится страдать от случайных сдвигов вниз, – продолжал дон Хуан. – Точка сборки не остается в нижнем положении надолго. К счастью, поскольку внизу – место зверя. Так что сдвиг вниз идет вразрез с нашими интересами, хотя это и самое простое, чего можно добиться.

– В своем подходе древние *видящие* допустили множество ошибок. И одной из наиболее прискорбных стал сдвиг в неизмеримо огромную область, расположенную ниже исходной позиции точки сборки. Благодаря такой практике древние *видящие* стали мастерами по части принятия форм животных. В качестве точек отсчета они выбирали различных животных, называя их своим нагвалем. Толтеки верили, что, сдвигая точку сборки в определенные положения, они приобретают свойства избранных ими животных – их силу, мудрость, коварство, ловкость или свирепость.

– Даже в среде современных *видящих* встречается довольно много страшных примеров подобного рода практик. Относительная легкость, с которой точка сборки сдвигается в нижние позиции, делает их весьма заманчивыми, особенно для тех *видящих*, кто от природы склонен к сдвигу в этом направлении. Поэтому долг нагваля – проверять своих воинов.

Затем дон Хуан рассказал мне, что проверял меня на сдвиг вниз, когда я находился под воздействием растения силы. Он пел мою точку до тех пор, пока я не смог выделить воронью полосу эманаций, в результате чего превратился в ворону.

Тогда я задал дону Хуану вопрос, который задавал уже не один десяток раз. Я хотел знать, превращался я в ворону физически или только мыслил, как ворона, и испытывал свойственные вороне ощущения. Дон Хуан объяснил, что сдвиг точки сборки в нижележащие области всегда вызывает полную трансформацию. И добавил:

– Если в своем движении вниз точка сборки переходит некий критический порог, мир исчезает, перестает быть тем, чем он является для нас на человеческом уровне.

Дон Хуан признал, что моя трансформация тогда была ужасающей

по всем параметрам. Реакция же моя на тот опыт показала ему, что я не склонен к сдвигам в этом направлении. Если бы дело обстояло иначе, мне пришлось бы приложить огромнейшие усилия и затратить массу энергии для преодоления стремления остаться внизу, где многие *видящие* чувствуют себя наиболее уютно.

Далее дон Хуан рассказал, что нечаянные сдвиги вниз периодически случаются с каждым *видящим*. Однако по мере того, как точка сборки смещается все дальше и дальше влево, сдвиги эти происходят все реже. Каждый раз, когда происходит такой непредвиденный сдвиг, сила *видящего* значительно уменьшается. Так что это – недостаток, на исправление которого требуются время и значительные усилия.

– Эти промашки делают *видящих* мрачными и ограниченными, – продолжал он, – а в определенных случаях – исключительно рациональными.

Я спросил:

– А как *видящему* избежать подобных сдвигов вниз?

– Все зависит от самого воина, – ответил он. – Некоторые от природы склонны идти на поводу у своих причуд – вот, например, ты. Обычно это тяжелый случай. Таким, как ты, я бы порекомендовал контролировать себя все время – двадцать четыре часа в сутки. Дисциплинированные мужчины и женщины в меньшей степени подвержены риску свалиться вниз. Им достаточно контролировать себя двадцать три часа в сутки. Он лучисто взглянул на меня и засмеялся.

– *Женщины-видящие* чаще испытывают сдвиги вниз, чем мужчины, – продолжал дон Хуан. – Но зато им ничего не стоит выбраться оттуда. Мужчины же задерживаются там надолго, что очень опасно.

Он также сказал, что *видящие-женщины* обладают поразительной способностью удерживать свои точки сборки в любых местах нижней области. Мужчины так не могут. Мужчины уравновешены и целеустремленны, однако им не хватает талантливости. По этой причине в команде нагваля должно быть восемь женщин. Они дают импульс, необходимый для того, чтобы пересечь неизмеримые пространства неизвестного. Вместе с естественными способностями, а может, вследствие их, женщины обладают исключительно яростной силой. Поэтому они могут воспроизвести животную форму с яркостью, легкостью и непревзойденной

дикостью.

– Когда ты тебе на ум приходят мысли о пугающих вещах, – продолжал дон Хуан, – о чем-то рыщущем во тьме, чему нет имени, ты, сам того не зная, думаешь о женщине-*видящей*, которая сдвинула свою точку сборки вниз и удерживает ее там – в каком-то месте этой безмерной области. Ибо именно там лежит зона истинного ужаса. И поэтому, если когда-нибудь тебе встретится женщина-*видящая*, избравшая ошибочный путь – беги от нее что есть духу без оглядки!

Я спросил, могут ли другие организмы сдвигать свои точки сборки.

– Их точки сборки могут сдвигаться, – ответил он, – однако в случае других организмов это действие не может быть преднамеренным.

– А точки сборки других организмов располагаются в определенных местах тоже в результате тренировки?

– Любой новорожденный организм так или иначе подвергается тренировке, – ответил дон Хуан. – Мы можем не понимать, каким именно образом их тренируют – в конце концов, мы не понимаем даже того, как тренируют нас самих – но *видящие видят*: новорожденные приучаются делать то же, что делают все особи их вида. В точности то же самое происходит и с детьми людей.

Сначала *видящие видят*, как их точки сборки перемещаются по самым разнообразным траекториям, а потом *видят*, что присутствие взрослых фиксирует точку сборки каждого ребенка в определенном месте. Это одинаково для всех организмов.

Дон Хуан, казалось, на мгновение задумался, а потом добавил, что существует, пожалуй, уникальный эффект, свойственный только точке сборки человека. Он указал на дерево за окном и сказал:

– Когда мы – серьезные взрослые человеческие существа, смотрим на дерево, наши точки сборки производят настройку бесчисленного количества эманаций, и в результате происходит чудо. Наши точки сборки заставляют нас воспринять блок эманаций, который мы называем деревом.

И он объяснил, что точка сборки человека не только обеспечивает настройку эманаций, необходимую для собственно восприятия, но также убирает определенные эманации из зоны настройки с целью получения большей четкости восприятия. Это похоже на снятие сливок – замысловатый, чисто человеческий прием, не имеющий параллелей.

Новые *видящие* обнаружили, что только человеческое существо способно составлять блоки из блоков эманаций. Говоря о снятии сливок, дон Хуан воспользовался испанским словом «деснате», которым обозначается собирание самых вкусных сливок с кипяченого молока после того, как оно остынет. Нечто подобное происходит в случае человеческого восприятия. Точка сборки отбирает некоторую часть уже отобранных для настройки эманаций и формирует из них более рафинированную конструкцию.

– Сливки, которые собирает человек, – продолжал дон Хуан, – более реальны, чем то, что воспринимают другие существа. Это – ловушка, в которую мы попадаем. То, что мы воспринимаем, выглядит таким реальным! И мы забываем – все это мы построили сами, скомандовав точке сборки занять то место, в котором она находится. Мы забываем – все это реально лишь постольку, поскольку мы дали команду: воспринимать как реальное! Мы обладаем властью снимать сливки с настройки, но не способны защитить самих себя от собственных команд. Это необходимо как следует усвоить. Давая свободу способности снимать сливки – а именно так мы и поступаем – мы совершаем ошибку. И платим за нее так же дорого, как древние *видящие* платили за те ошибки, которые совершали они.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

9. Сдвиг вниз

Дон Хуан и Хенаро отправились в путешествие по Северной Мексике. Такое путешествие они ежегодно предпринимали для того, чтобы собрать лекарственные растения в Сонорской пустыне. Один из *видящих* команды нагваля – Висенте Медрано, специалист по растениям – готовил из них лекарства.

Я присоединился к дону Хуану и Хенаро в Соноре, уже в самом конце путешествия – как раз вовремя для того, чтобы отвезти их домой, на юг.

За день до того, как мы отправились в путь, дон Хуан неожиданно продолжил рассказ об овладении осознанием. Мы как раз отдыхали в тени высоких кустов в предгорьях. Был вечер, уже почти совсем стемнело. У каждого из нас было по холщовому мешку, заполненному растениями. Едва мы положили мешки, как Хенаро тут же улегся на землю и заснул, положив под голову сложенную куртку.

Дон Хуан говорил тихо, как бы боясь разбудить Хенаро. Он сообщил мне, что уже рассказал о большинстве истин, касающихся осознания и что осталась только одна, о которой мы не говорили.

Дон Хуан заверил меня, что эта последняя истина была самым выдающимся открытием древних *видящих*, хотя сами они так об этом и не узнали. Прошли века, прежде чем новые *видящие* установили, насколько огромно ее значение.

– Итак, человек имеет точку сборки, – продолжил дон Хуан, – и эта точка сборки определенным образом выстраивает эманации, подлежащие восприятию. Об этом мы с тобой говорили. Шла речь также и о том, что точка эта сдвигается из своего фиксированного положения. А теперь – последняя истина: преодолевая в своем перемещении определенный предел, точка сборки способна собирать миры, совершенно отличные от того, который нам известен.

Все так же шепотом он сказал, что определенные местности не только способствуют подобного рода случайным перемещениям точки сборки, но также и определяют направление сдвига.

Сонорская пустыня, к примеру, помогает точке сборки сдвигаться вниз от ее исходного положения – в позицию зверя.

– Поэтому, – продолжал он, – в Соноре так много настоящих магов. И в особенности – магов-женщин. С одной – Ла Каталиной – ты уже знаком. Когда-то я втянул вас с ней в поединок. Я хотел заставить твою точку сборки сдвинуться, и Ла Каталина своими магическими штучками вышибла ее из нормального положения. И дон Хуан объяснил, что вся та жуть, которую я пережил, сражаясь с Ла Каталиной, была предварительно ими двумя спланирована.

– Как ты смотришь на то, чтобы пригласить ее сюда? – громко спросил Хенаро и сел.

Неожиданность вопроса и тон его голоса мгновенно привели меня в ужас.

Дон Хуан рассмеялся, взял меня за руки и слегка встряхнул. Он сказал, что причин для беспокойства нет. Ла Каталина приходится нам чем-то вроде двоюродной сестры или тетушки, ибо является частью нашего мира. Хотя и не вполне следует в русле нашего поиска. У нее гораздо больше общего с древними *видящими*.

Хенаро улыбнулся и подмигнул мне:

– Я, конечно, понимаю – она тебя здорово возбуждает. Она сама мне призналась: с каждым вашим столкновением ты все сильнее ее пугался и все больше хотел.

Дон Хуан и Хенаро хохотали почти до истерики. Я вынужден был признать, что каким-то образом Ла Каталина, действительно, всегда производя на меня пугающее впечатление, тем не менее, привлекала меня как женщина. Наибольшее же впечатление на меня производила та потрясающая энергия, которая буквально сочилась сквозь все поры ее кожи.

– Да, – заметил дон Хуан, – она накопила такое количество энергии, что способна сдвигать твою точку сборки в глубины левой стороны даже когда ты не находишься в состоянии повышенного осознания.

Дон Хуан сказал, что Ла Каталина связана с нами очень тесно, поскольку принадлежала к команде нагваля Хулиана. Он объяснил, что обычно нагваль и все члены его команды покидают мир одновременно, однако в некоторых случаях они делают это постепенно, небольшими группами. Именно так обстояло дело с командой нагваля Хулиана. Несмотря на то, что сам он покинул

мир почти сорок лет назад, Ла Каталина все еще была здесь. Дон Хуан и раньше рассказывал мне о команде нагваля Хулиана. Теперь он еще раз напомнил, что она состояла из трех весьма непримечательных мужчин и восьми великолепных женщин. Дон Хуан всегда считал, что такая несообразность была причиной того, что членам команды нагваля Хулиана приходилось покидать мир по очереди.

Ла Каталина была прикреплена к одной из великолепных женщин-*видящих* из команды нагваля Хулиана, и от нее научилась необычайным способам сдвигать точку сборки в нижележащую область. Та *видящая* должна была покинуть мир одной из последних. Она прожила исключительно долгую жизнь. А поскольку и она, и Ла Каталина были родом из Соноры, то в ее пожилые годы обе они возвратились в пустыню и жили там вместе до тех пор, пока *видящая* не покинула мир. За те годы, которые они провели вместе. Ла Каталина стала ее самой преданной помощницей и ученицей – ученицей, которая жаждала освоить весьма экстравагантные методы смещения точки сборки, известные древним *видящим*.

Я спросил у дона Хуана, в значительной ли степени знания Ла Каталины отличаются от его собственных.

– Мы в точности одинаковы, – ответил он. – Она несколько больше похожа на Сильвио Мануэля или Хенаро. По сути она – их женский вариант. Но, разумеется, будучи женщиной, она неизмеримо более агрессивна и опасна, чем они оба.

Хенаро подтвердил это кивком головы.

– Неизмеримо более, – произнес он и снова подмигнул.

– Она связана с твоей командой? – спросил я у дона Хуана.

– Я же сказал: она приходится нам как бы двоюродной сестрой или теткой, – ответил он. – Я имею в виду то, что она относится к более старшему поколению *видящих*, хотя по годам она и моложе нас всех. Ла Каталина – последняя из той группы. И с нами она контактирует довольно редко. В общем-то, мы ей не очень нравимся. Мы слишком жесткие для нее. Она привыкла к обращению нагваля Хулиана. И поиску свободы она предпочитает фантастические приключения в неизвестном.

– А какая разница? – поинтересовался я.

– А вот в этом нам и предстоит не спеша и тщательно разобраться в ходе последней части моего рассказа об истинах, касающихся

осознания, – ответил дон Хуан. – Сейчас тебе важно знать одно: в левосторонней части своего осознания ты ревностно хранишь странные тайны; в этом вы с Ла Каталиной похожи друг на друга.

– Я снова заявил, что дело не в том, что мне нравится сама Ла Каталина, а скорее в том, что меня восхищает ее огромная сила.

Дон Хуан и Хенаро расхохотались и потрепали меня по плечам, словно они знали что-то, о чем я не догадывался.

– Зато ты ей нравишься, потому что она знает, на кого ты похож, – сказал Хенаро и причмокнул губами. – Она очень хорошо знала нагваля Хулиана.

Они оба бросили на меня долгий взгляд от чего я почувствовал раздражение.

– На что ты намекаешь? – резко спросил я у Хенаро. Он ухмыльнулся и смешно повел бровями вверх – вниз. Но промолчал. Молчание прервал дон Хуан: – Есть некоторые странные моменты, в которых вы с нагвалем Хулианом очень похожи. Хенаро пытается вычислить, отдаешь ли ты себе в этом отчет.

Я спросил у них, каким это, интересно, образом, я могу отдавать себе отчет в чем-то настолько неопределенном.

– А вот Ла Каталина считает, что можешь. И отдаешь, – заявил Хенаро. – Она утверждает это, потому что знала нагваля Хулиана лучше, чем любой из нас.

Я заметил, что мне не верится в то, что она знала нагваля Хулиана, поскольку он ушел из мира почти сорок лет назад.

– Но и Ла Каталина не вчера родилась, – сказал Хенаро. – Она просто выглядит молодо, но это – часть ее знания. Ты видел ее только тогда, когда она выглядит молодой. Если бы ты встретил ее в образе старухи, ты бы испугался до умопомрачения.

– То, что делает Ла Каталина, может быть объяснено с точки зрения владения тремя искусствами, – вмешался дон Хуан, – искусством осознания, искусством *сталкинга* и искусством *намерения*.

– Но сегодня мы рассмотрим то, что она делает, только в свете последней истины об осознании, которая гласит: сдвинувшись с исходного места, точка сборки может собирать миры, отличные от нашего.

Дон Хуан знаком велел мне встать. Поднялся на ноги и Хенаро. Я автоматически схватил мешок с растениями. Хенаро с улыбкой

остановил меня как раз перед тем, как я забросил мешок на плечо: – Оставь мешок в покое. Нам предстоит прогуляться на холм и встретиться с Ла Каталиной.

– А где она?

– Там, наверху, – сказал Хенаро, указывая на вершину невысокого холма. – Если ты сведешь глаза и будешь смотреть туда внимательно, ты *увидишь* ее – очень темное пятно на фоне зеленой растительности.

Я напряг зрение, пытаюсь высмотреть пятно, но ничего не заметил.

– Слушай, а почему бы тебе и правда туда не сходить? – предложил дон Хуан.

У меня закружилась голова и немного затошнило. Движением руки дон Хуан предложил мне отправиться наверх, но я не отваживался сдвинуться с места. В конце концов, Хенаро взял меня под руку и вдвоем с ним мы начали взбираться на холм. Когда мы добрались до вершины, я обнаружил, что дон Хуан идет вслед за нами. Все мы втроем достигли вершины одновременно. Дон Хуан очень спокойно подошел к Хенаро. Он спросил, помнит ли тот, как нагваль Хулиан много раз был готов задушить их насмерть за то, что они шли на поводу у своего страха.

Хенаро повернулся ко мне и сообщил, что нагваль Хулиан был безжалостным учителем. Он и его учитель нагваль Элиас, который тогда еще находился в этом мире, имели обыкновение сдвигать точку сборки ученика за критическую черту, предоставляя его затем самому себе.

– Я как-то уже говорил тебе: нагваль Хулиан рекомендовал нам не растрачивать сексуальную энергию, – продолжал Хенаро. – Он имел в виду то, что энергия необходима для смещения точки сборки. Если у человека ее нет, то удар нагваля – это не удар свободы, а удар смерти.

– При недостатке энергии, – сказал дон Хуан, – разрушается сила настройки. Не обладая достаточной энергией, невозможно выдержать давление эманаций, выстроенных в порядке, который никогда не используется в обычных обстоятельствах.

Хенаро сказал, что в том, как учил нагваль Хулиан, всегда присутствовало вдохновение. Каждый раз он находил способ совместить обучение с развлечением для себя. Одним из его любимых приемов был неожиданный удар нагваля. Застав кого-либо из учеников врасплох, в нормальном состоянии осознания, он

сдвигал его точку сборки. Одного-двух раз обычно оказывалось достаточно. После этого, если нагвалю Хулиану требовалась вся полнота внимания ученика, ему нужно было лишь пригрозить неожиданным ударом нагваля.

– Да, нагваль Хулиан был человеком воистину незабвенным, – сказал дон Хуан. – У него был дар обращения с людьми. Он мог сделать какую-нибудь гадость, и в его исполнении она выглядела просто великолепно. Если бы так поступил кто-то другой, это было бы грубо и бессердечно.

– А вот нагваль Элиас таким даром не обладал. Зато он был воистину великим, великим учителем.

– Нагваль Элиас был очень похож на нагваля Хуана Матуса, – вставил Хенаро. – Они прекрасно находили общий язык. И нагваль Элиас научил его всему, ни разу не повысив голоса и не сыграв ни одной злой шутки.

– Нагваль же Хулиан был совсем другим, – продолжал Хенаро, подружески меня толкнув. – Я бы сказал, что в левосторонней части своего осознания он ревностно хранил странные тайны. Совсем, как ты. Ты согласен? – спросил он, обращаясь к дону Хуану. Тот не ответил, но утвердительно покачал головой. Казалось, он старается одержать смех.

– Он был игрив от природы, – произнес дон Хуан, и оба они расхохотались.

Они явно намекали на что-то. Я почувствовал угрозу. Как ни в чем не бывало дон Хуан сообщил мне, что они намекают на весьма эксцентричные магические приемы, которые освоил нагваль Хулиан за свою жизнь. А Хенаро добавил, что, кроме, нагваля Элиаса, у нагваля Хулиана был еще один совершенно уникальный учитель – учитель, который любил его безмерно и обучил неизвестным и архисложным способам сдвига точки сборки. В результате поведение нагваля Хулиана всегда было исключительно эксцентричным. Я спросил:

– Что это был за учитель, дон Хуан?

Дон Хуан и Хенаро переглянулись и по-детски захихикали.

– Вопрос серьезный, – ответил дон Хуан. – Я могу сказать лишь одно: это был учитель, изменивший направление нашей линии. Он обучил нас множеству вещей – хороших и плохих – но наихудшим из всего, чему он нас научил, были практики древних *видящих*. И некоторые из нас на этом попались. В том числе – нагваль Хулиан

и Ла Каталина. И мы можем лишь надеяться, что ты не последуешь за ними.

Я немедленно принялся возражать. Дон Хуан меня перебил, сказав, что я сам не знаю, против чего возражаю.

Пока дон Хуан говорил, я ужасно разозлился и на него, и на Хенаро. Ни с того, ни с сего я пришел в бешенство и принялся что было мочи на них орать. Несообразность моей собственной реакции испугала меня. Будто бы я был вовсе не я. Я замолчал и с мольбой о помощи во взгляде посмотрел на них.

Хенаро стоял, положив руки дону Хуану на плечи, словно нуждаясь в поддержке. Оба они сотрясались в приступе совершенно неуправляемого хохота.

Я вдруг пришел в состояние такой подавленности, сто почти расплакался. Дон Хуан приблизился ко мне и, как бы подбадривая меня, положил руку на мое плечо. Он сказал, что Сонорская пустыня по причинам, для него непостижимым, способствует проявлению воинственности в человеке, да и в любом другом существе.

– Люди скажут, что причиной тому является излишняя сухость здешнего воздуха, – продолжал он. – Или излишняя жара. *Видящий* сказал бы, что здесь имеет место специфическое слияние эманаций Орла, способствующее, как я уже говорил, сдвигу точки сборки вниз.

– Но как бы там ни было, воин приходит в мир для того, чтобы учиться и в результате тренировки стать отрешенным наблюдателем, постичь тайну нашего бытия и насладиться торжеством знания нашей истинной природы. В этом – высшая цель новых *видящих*. И не каждому из воинов дано ее достичь. Мы считаем, что нагваль Хулиан до нее не добрался. Он попал в ловушку. И Ла Каталина – тоже.

Затем дон Хуан сказал, что несравненным нагвалем способен стать лишь тот, кто любит свободу и обладает величайшей отрешенностью. Путь воина являет собою противоположность образу жизни современного человека, и в этом – главная опасность этого пути. Современный человек покинул пределы неизвестного и таинственного, утвердившись в функциональном. Повернувшись спиной к миру предчувствия и торжества достижения, он с головой погрузился в мир тоскливой повседневности.

– И шанс вернуться в мир тайны, – продолжал дон Хуан, – иногда

становится слишком тяжелым испытанием для воина. И воин не выдерживает. Я бы сказал так: он попадает в ловушку захватывающих приключений в неизвестном. И забывает о поиске свободы, забывает о том, что должен быть отрешенным наблюдателем. Воин тонет в неизвестном. Воин становится жертвой любви к неизвестному.

– И вы полагаете, что я принадлежу к числу таких воинов, дон Хуан?

– Мы не полагаем, мы знаем наверняка, – ответил Хенаро. – И Ла Каталина знает об этом лучше, чем кто-либо другой.

– Откуда, интересно, она может об этом знать? – настаивал я.

– Да просто она – такая же, как ты, – ответил Хенаро, смешно выговаривая слова.

Я уже совсем было вступил в жаркий спор, когда дон Хуан перебил меня:

– Ты совершенно напрасно так напрягаешься. Ты таков, каков ты есть. Кому-то сражаться за свободу легче, кому-то – тяжелее. И ты принадлежишь ко второй категории.

– Чтобы стать отрешенным наблюдателем, необходимо прежде всего понять вот что: каким бы ни был наблюдаемый нами мир и чем бы мы сами в нем не являлись, все это – лишь результат фиксации в определенном месте сдвинутой туда точки сборки.

– Новые *видящие* говорят: когда нас учат разговаривать с самими собой, нас учат становиться скучными, чтобы зафиксировать точки сборки в каком-то одном месте.

Хенаро хлопнул в ладоши, издал пронзительный свист, имитируя свисток футбольного тренера и завопил:

– Так, смещаем точку сборки! Ну, ну! Давай, давай, смещай! Мы все еще смеялись, когда кусты справа от меня вдруг зашевелились. Дон Хуан и Хенаро немедленно сели на землю, подогнув под себя левую ногу. Согнутую в колене правую каждый из них поставил перед собой наподобие щита. Знаком дон Хуан приказал мне сделать то же самое. Приподняв брови, он изобразил на лице смирение.

– У магов – свои причуды, – шепотом сказал он. – При сдвиге точки сборки вниз зрение мага ухудшается. И если он заметит тебя стоящим, он непременно нападет.

– Однажды нагваль Хулиан два дня продержал меня в позе воина, – тоже шепотом сообщил Хенаро. – Мне даже мочиться пришлось,

не вставая.

– И еще – какать, – добавил дон Хуан.

– Точно, – подтвердил Хенаро, а затем, как бы вспомнив что-то, шепотом поинтересовался, – Надеюсь, ты сегодня уже какал?

Потому что, если у тебя в кишках что-то есть, ты наложишь в штаны, как только покажется Ла Каталина. Если, конечно, я не научу тебя, как их снимать. Чтобы покакать в позе воина, тебе придется снять штаны.

И он принялся показывать мне, как снимаются брюки в этой позе. Он подошел к этому процессу с исключительной серьезностью и ответственностью. Все мое внимание было полностью сосредоточено на его движениях. И только сняв штаны, я обнаружил, что дон Хуан буквально захлебывается от хохота. Я понял, что Хенаро в очередной раз надо мной подшутил, и собрался было подняться на ноги и надеть штаны. Однако дон Хуан остановил меня. Он так хохотал, что едва мог говорить. Он сказал, что в шутке Хенаро – только доля шутки и что Ла Каталина действительно находится за кустами.

Меня проняло: несмотря на смех, в тоне его звучала настойчивость. Я застыл на месте. А мгновение спустя я уже совершенно забыл о штанах – в такую панику меня вогнал раздавшийся в кустах шорох. Я взглянул на Хенаро. Он уже снова был в штанах. Пожав плечами, Хенаро прошептал:

– Прости. Я не успел показать тебе, как надевать их, не вставая.

У меня не было времени ни на то, чтобы разозлиться на них, ни на то, чтобы присоединиться к их веселью, потому что неожиданно кусты раздвинулись прямо передо мной, и из них вышло нечто чудовищное. Даже страх мой прошел – до того диковинным было это создание. Яне боялся, я был просто очарован. То, что я видел перед собой, было чем угодно, но только не человеческим существом. Оно даже отдаленно не напоминало человека. Это было больше похоже на рептилию. Или на громоздкое гротескное насекомое. Или на мохнатую, до предела омерзительной наружности птицу. Ее темное тело было покрыто грубой рыжеватой шерстью. Я не видел ног – только огромную уродливую голову. Вместо ноздрей по бокам плоского носа зияли две большущие дыры. У этой твари было что-то наподобие зубатого клюва. И глаза – настолько же прекрасные, насколько гротескной была вся эта штука. Глаза были подобны двум

гипнотическим озерам непостижимой чистоты. В них светилось знание. Эти глаза не были человеческими, равно как и птичьими. Я вообще никогда не видел таких глаз.

Шелестя кустами, чудище прошло слева от меня. Когда я, следя за его движением, повернул голову, то заметил, что дон Хуан и Хенаро очарованы его присутствием в той же степени, что и я. Мне пришло в голову, что они, видимо, тоже никогда не видели ничего подобного:

В следующее мгновение создание полностью исчезло из виду. Но спустя миг послышалось рычание и его очертания снова замаячили перед нами.

Я был очарован и в то же время обеспокоен тем, что ни капельки не боюсь этого чудища. Было такое ощущение, что в панику перед этим впадал вовсе не я, а кто-то совсем другой.

В какой-то момент я почувствовал, что начинаю вставать. Ноги распрямились против моей воли, и я обнаружил, что стою, повернувшись к чудовищу лицом. Я смутно ощущал что снимаю куртку, рубашку, ботинки. Я разделся догола. Мышцы ног сократились с огромной силой. С непостижимой ловкостью я подпрыгнул, и в следующее мгновение мы с чудовищем уже неслись к массе растительности невыразимо зеленого цвета, маячившей в отдалении.

Сначала чудовище несло впереди меня, извиваясь наподобие змеи. Но затем мне удалось его догнать. Когда мы поравнялись, я вдруг осознал нечто, что уже было мне известно – на самом деле чудовище было Ла Каталиной. Вдруг рядом со мной оказалась Ла Каталина в человеческом облике. Мы скользили без малейшего усилия. Мы словно застыли неподвижно в позах стремительного движения, а пейзаж несся назад, создавая впечатление огромного ускорения.

Движение наше прекратилось так же внезапно, как началось. Мы были одни в совершенно ином мире. Там не было ни одной узнаваемой черты. Интенсивное сияние и жар шли от того, что казалось землей – землей, покрытой гигантскими камнями. По крайней мере, это было похоже на камни. Они имели цвет песчаника, но были невесомы; они напоминали куски губки. Я мог расшвыривать их, лишь слегка к ним прикасаясь.

Я настолько увлекся своей силой, что забыл обо всем остальном. Каким-то образом я определил, что куски этого вроде бы

невесомого материала на самом деле мне сопротивляются. И то, что мне удавалось с легкостью их расшвыривать, было следствием моей немыслимой силы.

Я попытался хватать их руками, и понял, что тело мое изменилось. Ла Каталина смотрела на меня. Она снова была гротескным созданием. Таким же созданием был теперь и я сам. Я не видел себя, но знал наверняка, что мы абсолютно одинаковы.

Неописуемая радость охватила меня, бывшая как бы силой, пришедшей извне. Мы с Ла Каталиной скакали, кружились и играли до тех пор, пока у меня не осталось ни мыслей, ни чувств, ни каких бы то ни было следов человеческого самоосознания. Но в то же время я определенно осознавал. Мое самоосознание было неким смутным знанием, порождавшим уверенность в себе, безграничной верой, физической уверенностью в собственном существовании, причем не в смысле человеческого личностного самоощущения, но в смысле присутствия, бывшего всем сущим. Затем как-то разом все вновь пришло в человеческий фокус. Ла Каталина держала меня за руку. Мы шли по пустыне среди сухих кустарников. Я немедленно ощутил болезненные прикосновения острых камней и комков глины к ступням моих босых ног.

Мы пришли на свободное от растительности место. Там были дон Хуан и Хенаро. Я сел на землю и оделся.

Мой опыт с Ла Каталиной несколько задержал наше возвращение в Южную Мексику. Каким-то неописуемым образом он выбил меня из колеи. Находясь в нормальном состоянии осознания, я как бы растворялся. Я словно потерял точку отсчета. Я совсем пал духом и даже пожаловался дону Хуану на то, что мне не хочется больше жить.

Мы сидели под рамадой дома дона Хуана. Машина моя была нагружена мешками, и мы были готовы отправиться в путь, но чувство отчаяния овладело мной, я заплакал. Дон Хуан и Хенаро хохотали до слез. Чем большим было мое отчаяние, тем сильнее они веселились. Наконец, дон Хуан сдвинул меня в состояние повышенного осознания и объяснил, что их смех вовсе не был выражением злорадства с их стороны или проявлением какого-то странного чувства юмора. Они смеялись от переполнявшей их радости за меня, потому что видели, что мне удалось продвинуться далеко вперед по пути знания.

– Я скажу тебе, что говорил нам нагваль Хулиан, когда мы

добирались до того места, где ты находишься сейчас, — — сказал дон Хуан. — И ты поймешь, что ты — не один. То, что происходит с тобой, случается с каждым, кто накопил достаточно энергии и смог заглянуть в неизвестное.

Нагваль Хулиан говорил им, что они изгнаны из дома, в котором провели всю свою жизнь. Результатом накопления энергии явилось разрушение гнезда — такого уютного, но сковывающего и скучного — в мире обычной жизни. И подавленность их, по словам нагваля Хулиана, была не печалью потерявших старый дом, но печалью обреченных на поиски нового.

— Новый дом, — продолжал дон Хуан, — не столь уютен. Однако в нем гораздо больше простора.

— Ты заметил, что изгнан, и осознание этого обрело форму глубокой подавленности, потери желания жить. То же самое было и с нами. Поэтому, когда ты сказал что не хочешь жить, мы не могли удержаться от смеха.

— Что же будет со мной дальше? — спросил я.

— Как говорят в народе, тебе следует сменить седло, — ответил дон Хуан.

Оба они снова впали в эйфорию. Почему-то они исторически смеялись после каждого из своих замечаний.

— Все очень просто, — сказал дон Хуан. — Вследствие изменения уровня твоей энергии твоя точка сборки окажется на новом месте. А диалог воинов, который ты каждый раз с нами ведешь, зафиксирует и укрепит новую позицию.

Придав своему лицу выражение предельной серьезности, Хенаро раскатистым голосом спросил:

— Ходил ли ты сегодня по большой нужде?

Он кивнул головой, как бы понукая меня ответить.

— Да? Или нет? — не унимался он. — Давай-ка займемся этим, а заодно поговорим, как воин с воином.

Когда они отсмеялись, Хенаро сказал, что мне следует знать об одном недостатке нового состояния. Дело в том, что время от времени точка сборки возвращается в исходное положение. Он рассказал, что в его случае, нормальное положение точки сборки заставляло его воспринимать всех людей в угрожающем и часто даже ужасающем свете. К своему большому удивлению в один прекрасный день он обнаружил, что изменился. Он был гораздо бесстрашнее, чем раньше, и вполне успешно справлялся с

ситуациями, которые прежде повергли бы его в хаос и страх.

– Я обнаружил, что занимаюсь любовью, – продолжал Хенаро, подмигнув мне. – А ведь обычно я до смерти боялся женщин. И тут в один прекрасный день я вдруг обнаруживаю себя в постели исключительно яростной женщины. Это было настолько на меня не похоже, что, когда я понял, что происходит, со мной чуть не сделался сердечный приступ. Удар вернул мою точку сборки в ее убогое исходное положение, и мне пришлось бежать из того дома. Дрожал я при этом, как перепуганный кролик.

– Так что следи внимательно, чтобы твоя точка сборки не съехала обратно, – добавил Хенаро, и они оба снова расхохотались.

Потом дон Хуан объяснил:

– Позиция точки сборки на человеческом коконе сохраняется за счет внутреннего диалога. Поэтому позиция эта в лучшем случае – не слишком прочная. Теперь понятно, почему многие мужчины и женщины так легко сходят с ума, в особенности те, чей внутренний диалог постоянно вертится вокруг одних и тех же вещей, в результате чего он тосклив и не обладает глубиной.

– Новые *видящие* говорят, что наибольшей гибкостью и устойчивостью обладают те человеческие существа, чей внутренний диалог более текуч и разнообразен.

– Позиция точки сборки воина неизмеримо более прочна, поскольку, начав сдвигаться в коконе, точка сборки создает в светимости углубление, в котором с этого момента и пребывает.

– Именно по этой причине нельзя сказать, что воин теряет рассудок. Если он что-то и теряет, то только свое углубление.

Последнее утверждение показалось дону Хуану и Хенаро настолько веселым, что они хохотали до упаду.

Я попросил дона Хуана объяснить, что происходило во время моего опыта с Ла Каталиной. И они снова буквально взвыли от хохота. Наконец, дон Хуан сказал:

– Женщины определенно эксцентричнее мужчин. Между ног у них есть одно дополнительное отверстие, поэтому они часто подвергаются воздействию странных и очень мощных сил, которые сквозь это отверстие ими овладевают. Лично я только так могу понять их причуды.

Он замолчал. Немного выждав, я спросил, что он имеет в виду.

– Ла Каталина появилась перед нами в виде гигантского червяка, – ответил он.

Выражение, с которым дон Хуан это произнес, и взрыв смеха, которым отреагировал на его фразу Хенаро, развеселили меня. Я хохотал почти до тошноты.

Дон Хуан сказал, что Ла Каталина обладает исключительным мастерством и в области зверя может делать все, что угодно. И ее беспрецедентное выступление было продиктовано влечением, которое она ко мне испытывала. Конечным результатом всего этого стало то, что ей удалось увести с собой мою точку сборки. – А чем вы там занимались в образе червей? – спросил Хенаро и хлопнул меня по спине.

Казалось, дон Хуан вот-вот задохнется от смеха.

– Я же говорю – женщины эксцентричнее мужчин, – произнес он наконец.

– Я с тобой не согласен, – заявил Хенаро. – Нагваль Хулиан не имел дополнительного отверстия между ног. А странностей у него было не меньше, чем у Ла Каталины. Я думаю, этому фокусу с червяком она научилась у него. Он проделывал с ней подобные вещи.

Дон Хуан подпрыгивал, как ребенок, который старается не обмочить штанишки.

Когда ему удалось, наконец, успокоиться, он рассказал, что нагваль Хулиан мастерски владел искусством создавать и использовать самые причудливые ситуации. Еще он сказал, что Ла Каталина продемонстрировала мне великолепный пример сдвига вниз. Сначала она предоставила мне возможность увидеть ее в принятой ею форме необычного существа, а потом помогла сдвинуть мою точку сборки в положение, которое позволило ей принять эту чудовищную форму.

– Второй учитель нагваля Хулиана, – продолжал дон Хуан, – научил его, как добираться до определенных точек обширной нижележащей области. Никто из нас не мог следовать за ним в эти точки, но все члены его команды – могли. В особенности – Ла Каталина и та женщина-видящая, которая ее учила.

Затем дон Хуан сказал, что результатом сдвига вниз является не восприятие другого мира, а измененное восприятие нашего обычного мира. Он виден несколько в иной перспективе. Чтобы *увидеть* другой мир, необходимо воспринять другую большую полосу эманаций Орла.

На этом он закончил свои объяснения, сказав, что у нас нет

времени на то, чтобы разобраться в вопросе о больших полосах эманаций. Нам пора было выезжать. Я хотел остаться еще ненадолго, чтобы продолжить разговор, но он сказал, что беседа на эту тему займет много времени, и мне нужны будут свежие силы для сохранения должной степени сосредоточенности.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

10. Большие полосы эманаций

Через несколько дней дон Хуан продолжил объяснение. Мы находились в его доме в Южной Мексике. Он привел меня в большую комнату. Был ранний вечер. В комнате царил полумрак. Я хотел зажечь бензиновые лампы, но дон Хуан не позволил. Он сказал, что я должен позволить звуку его голоса сдвинуть мою точку сборки туда, где свечение ее захватит эманации полной концентрации и абсолютной памяти.

Затем он сообщил мне, что нам предстоит разговор о больших полосах эманаций. Он назвал их еще одним ключевым открытием древних *видящих*, которое те, вследствие ошибочности их подхода, предали забвению. И только новым *видящим* удалось его восстановить.

– Эманации Орла всегда собраны в пучки, – говорил дон Хуан. – Древние *видящие* называли эти пучки большими полосами эманаций. На самом деле они не очень-то похожи на полосы, однако название это за ними так и закрепилось.

Например, существует неизмеримо огромный пучок, образующий органические существа. Эманации органической полосы обладают особым качеством. Я бы сказал, что они – пушистые. Он прозрачны и светятся собственным светом, в них есть некая специфическая энергия. Они осознают и активно движутся. Вот почему все органические существа наполнены особенной сжигающей энергией. Другие эманации – темнее и не так пушисты. В некоторых вообще нет света и они непрозрачны по качеству.

– Ты имеешь в виду, дон Хуан, что внутри коконов всех органических существ – одни и те же эманации? – спросил я.

– Нет. Этого я в виду не имею. На самом деле все не так просто, хотя все органические существа и относятся к одной и той же полосе. Представь себе широчайшую полосу светящихся волокон – бесконечных светящихся нитей. Органические существа – пузыри, возникающие вокруг отдельных групп этих волокон. Теперь представь, что в пределах этой полосы органической жизни

некоторые пузыри формируются вокруг волокон, проходящих в середине полосы. Другие пузыри формируются ближе к краям. Полоса эта достаточно широка для того, чтобы совершенно свободно вместить в себя все виды органических существ. При таком размещении в тех пузырях, которые расположены по краям полосы, нет эманаций, проходящих вдоль ее середины. Эти эманации есть только в пузырях, расположенных в центре полосы. Однако в последних отсутствуют эманации, принадлежащие краям полосы.

– Как ты теперь понимаешь, эманации всех органических существ относятся к одной и той же полосе, однако *видящие видят*: в пределах этой полосы встречаются самые разнообразные существа.

– А много ли существует больших полос? – спросил я.

– Им нет числа, их столько, сколько может вместить в себя бесконечность, – ответил он. – Однако на земле, как обнаружили *видящие*, их насчитывается сорок восемь.

– Что это значит дон Хуан?

– Для *видящего* это значит, что на земле присутствует сорок восемь типов организации, сорок восемь блоков или структур. Одной из этих структур является органическая жизнь.

– Получается, есть сорок семь типов неорганической жизни?

– Нет, вовсе нет. Древние *видящие* насчитали семь полос, производящих неорганические пузыри осознания. Иначе говоря, существует сорок полос, формирующих пузыри, не обладающие осознанием. Эти полосы генерируют только организацию.

– Ты представь себе, что большие полосы – как деревья. Все они дают плоды, то есть на всех образуются некие резервуары, содержащие в себе эманации. Но съедобны плоды лишь восьми из деревьев. Эти плоды – пузыри осознания. Плоды семи из деревьев – сухие и неприятные на вкус, хотя в принципе их можно есть. И только на одном из деревьев произрастают по-настоящему сочные и питательные фрукты.

Дон Хуан засмеялся и сказал, что в своей аналогии он принял точку зрения Орла, для которого органические пузыри осознания являются самыми лакомыми кусками.

– Чем обусловлено то, что именно эти восемь полос формируют осознание? – спросил я.

– Орел порождает осознание посредством своих эманаций, – ответил дон Хуан.

Его ответ заставил меня вступить в спор. Я сказал, что «Орел порождает осознание посредством своих эманаций» звучит так же, как «Бог порождает жизнь посредством своей любви». Типичное для человека религиозное утверждение; однако сказать так – значит ничего не сказать.

– В основе этих двух утверждений лежат две различные точки зрения, – сказал дон Хуан. – Хотя я думаю, что оба они – об одном. Разница – в том, что *видящий видит*, как Орел порождает осознание посредством своих эманаций, а человек религиозный не *видит*, как Бог порождает жизнь посредством своей любви.

И он рассказал, что Орел порождает осознание с помощью трех гигантских пучков эманаций, проходящих сквозь восемь больших полос. Пучки эти обладают особым свойством: они позволяют *видящему* воспринимать оттенки. Один пучок производит ощущение бежево-розового цвета, похожего на цвет света уличных фонарей.

Цвет второго пучка – персиковый. Он подобен цвету желтых неоновых ламп. Третий пучок – янтарного цвета, подобного цвету чистого меда.

– Таким образом, когда *видящий видит*, как Орел порождает осознание, он *видит* цвет, – продолжал дон Хуан. – Люди религиозные не *видят* Господней любви. А если бы *видели*, то знали бы – она либо розовая, либо персикового цвета, либо цвета янтаря.

– Человек, например, относится к янтарному пучку. Впрочем, к этому пучку относятся и другие существа.

Меня заинтересовало, какие еще существа относятся к тому же пучку, что и человек.

– Подобные детали тебе придется выяснять самостоятельно с помощью собственного *видения*, – сказал дон Хуан. – Если я тебе об этом расскажу, ты просто сделаешь это одним из пунктов очередного инвентарного списка, что вряд ли будет иметь смысл. Я скажу тебе лишь одно: это будет самое захватывающее занятие твоей жизни.

– А розовый и персиковый пучки встречаются в людях? – спросил я.

– Нет, никогда. Эти пучки принадлежат другим живым существам. Я был готов задать следующий вопрос, но он остановил меня резким движением руки. Потом он погрузился в размышление.

Довольно долго мы сидели в молчании.

– Я уже говорил тебе, что светимость осознания человека имеет цвета, – наконец произнес он. – Но я не сказал тебе тогда, поскольку мы еще до этого не дошли, что речь идет не о цветах, а об оттенках янтарного цвета.

– В пределах янтарного пучка осознания присутствует бесконечное множество слабых оттенков, которые соответствуют различиям в качестве осознания. Самые распространенные из них – розовато-янтарный и зеленовато-янтарный. Довольно часто встречается голубовато-янтарный. А вот чистый янтарный цвет – огромная редкость.

– Чем определяется оттенок янтарного цвета в каждом конкретном случае?

– *Видящие* говорят, что оттенок определяется количеством сэкономленной и накопленной энергии. Несчетное множество воинов начинало с обычного розовато-янтарного, придя в итоге к чистейшему янтарному цвету. Хенаро и Сильвио Мануэль – пример таких превращений.

– Какие формы жизни относятся к розовому и к персиковому пучкам? – спросил я.

– Три пучка со всеми их оттенками перекрещиваются с восемью полосами, – ответил он. – В пределах органической полосы розовый пучок принадлежит преимущественно растениям, персиковый – насекомым, а янтарный – человеку и другим животным.

– Подобная ситуация наблюдается и в неорганических полосах. Три пучка осознания в пределах каждой из семи полос формируют каждый свои специфические типы существ.

Я попросил подробнее остановиться на том, какие существуют типы неорганических существ.

– И это тоже тебе предстоит *увидеть* самостоятельно, – сказал он.

– Семь полос и то, что в них сформируется, человеческий рассудок постичь не в силах. Но все это доступно человеческому *видению*.

Я сказал, что его объяснение больших полос не вполне укладывается у меня в голове, поскольку то, как он их описал, порождает в моем воображении образы независимых пучков нитей или даже плоских полос, похожих на ленты конвейеров.

Дон Хуан объяснил, что большие полосы никогда не бывают плоскими, либо круглыми. Эманации в них собраны вместе

некоторым совершенно неопишным образом. И дон Хуан привел аналогию: пучок сена, подброшенный в воздух чьей-то рукой. Так что о каком-либо упорядоченном расположении в них эманаций говорить не приходится. И такие термины, как края и середина, в общем-то не соответствуют истинной картине. Однако они необходимы для того, чтобы что-то понять.

Затем дон Хуан рассказал, что внутри оболочек неорганических существ, формируемых семью другими полосами осознания, отсутствует движение. Они выглядят как бесформенные сосуды, обладающие очень слабой светимостью. Их оболочки совершенно не похожи на коконы органических существ. Они не обладают упругостью, качеством наполненности, благодаря которому органические существа напоминают шары, буквально распираемые изнутри энергией.

И единственное сходство между неорганическими и органическими существами заключается в том, что и в тех и в других присутствуют либо розовые, либо персиковые, либо янтарные эманации, порождающие осознание.

— Благодаря этим эманациям, — продолжал дон Хуан, — существа восьми полос при определенных обстоятельствах могут вступать в исключительно интересное общение.

— Обычно инициаторами таких контактов выступают органические существа, обладающие более мощными полями энергии. Однако тонкие и очень сложные нюансы общения, которое за этим следует — удел существ неорганических. Как только барьер разрушен, неорганическое существо изменяется, становясь тем, что *видящие* называют союзником. Начиная с этого мгновения неорганическое становится предельно предупредительным в отношении тончайших движений мысли, изменений настроения, опасений и страхов своего *видящего*.

— Древних *видящих* такая преданность союзников попросту обворожила, — продолжал он. — Рассказывают, они могли заставить своих союзников делать все, что угодно. Это стало из причин уверенности толтеков в своей неуязвимости. Они остались в дураках благодаря своему же чувству собственной важности. Союзник обладает силой только в случае, когда *видящий*, который его *видит*, — образец безупречности. А древние таковыми отнюдь не являлись.

Я поинтересовался:

– А неорганических существ так же много, как и живых организмов?

Дон Хуан ответил, что среди неорганических существ нет такого разнообразия, каким отличаются органические, однако это компенсируется числом полос неорганического осознания. Кроме того, различия между неорганическими формами намного более существенны, чем различия между организмами. Ведь последние принадлежат одной-единственной полосе, в то время как неорганические существа формируются семью.

– Ну, и наконец, – продолжил дон Хуан, – неорганические существа живут неизмеримо дольше, чем организмы. По причинам, которых мы коснемся позже, именно этот факт подсказал древним *видящим* идею сосредоточить свое *видение* на союзниках.

Он сказал, что древние *видящие* пришли также к пониманию и того, что высокий уровень энергии, которым организмы обладают и благодаря которому достигают высокой степени развития, делает их такими лакомыми кусочками для Орла. Толтеки считали, что склонность к обжорству заставляет Орла производить как можно больше организмов.

Затем дон Хуан рассказал, что остальные сорок полос формируют не осознание, а неживые энергетические структуры. Древние *видящие* почему-то решили назвать их сосудами в отличие от коконов и резервуаров, под которыми понимаются поля энергетического осознания, обладающие независимой светимостью. Сосуды – жесткие емкости. Они содержат в себе эманации, но полями энергетического осознания не являются. Их светимость обусловлена только энергией заключенных внутри них эманаций.

– Тебе следует усвоить: все, что есть на земле, обязательно в чем-либо содержится, – говорил дон Хуан. – И все, доступное нашему восприятию, всегда составлено из частей коконов или сосудов, наполненных эманациями. Резервуары неорганических существ мы, как правило, не воспринимаем вообще.

Дон Хуан взглянул на меня, ожидая подтверждения того, что мне все ясно. Поняв, что ничего не дождется, он продолжил объяснение:

– Мир в целом образован сорока восемью полосами. Мир, который наша точка сборки предлагает нашему нормальному восприятию,

составлен двумя полосами. Одна из них – органическая полоса, вторая – полоса, обладающая структурой, но не имеющая осознания. Остальные сорок шесть больших полос не относятся к миру, который мы воспринимаем, находясь в нормальном своем состоянии.

Дон Хуан опять замолчал в ожидании вопросов. Их у меня не было. – Существуют и другие законченные миры, которые могут быть собраны нашей точкой сборки, – продолжил он. – Древние *видящие* насчитали семь таких миров – по одному на каждую полосу осознания. От себя могу добавить: два из них, не считая обычного мира повседневной жизни, воспринимаются довольно легко. С остальными пятью дело обстоит несколько иначе.

На следующий раз, едва мы присели, чтобы поговорить, дон Хуан сразу же обратился к моему опыту с Ла Каталиной. Он сказал, что сдвиг точки сборки вниз от ее обычной позиции дает очень детальное, но весьма зауженное восприятие обычного, известного нам мира. Однако образ этот настолько детализирован, что нам кажется, будто это – совершенно другой мир. Гипнотический образ этого мира ужасно притягателен, особенно для тех *видящих*, чей дух жаждет приключений и в то же время склонен к некоторой праздности и лени.

– Эффект изменения перспективы весьма приятен, – продолжал дон Хуан. – Минимум усилий, а результат – просто поразительный. Если *видящим* движет стремление поскорее чего-нибудь добиться, лучшего маневра, чем сдвиг вниз, не придумаешь. Единственная проблема состоит в том, что в этих положениях точки сборки *видящего* может настичь смерть. Часто это происходит даже быстрее, чем в человеческом положении, и смерть оказывается гораздо более грубой и жестокой.

– Нагваль Хулиан считал, что нижние положения точки сборки очень хороши для игр и развлечений. Но не более. Истинные же смены воспринимаемых миров происходят, когда точка сборки уходит вглубь человеческой полосы, и достигает определенного критического порога, начиная с которого она может задействовать другую большую полосу.

– Как она это делает? – спросил я.

Дон Хуан пожал плечами:

– Все дело в энергии. Сила настройки цепляет другую полосу только в том случае, если *видящий* обладает достаточной энергией.

Нормальный энергетический потенциал обычного человека позволяет его точке сборки использовать только одну большую полосу эманаций. И как следствие – мы воспринимаем тот мир, который нам известен. Если же мы обладаем избыточной энергией, мы способны приложить силу настройки к другим большим полосам и, следовательно, воспринять другие миры.

Затем дон Хуан резко сменил тему и заговорил о растениях:

– Это может показаться тебе несообразным, однако деревья гораздо человеку гораздо ближе, чем, скажем, муравьи. Я уже говорил тебе: между деревьями и людьми могут устанавливаться очень тесные взаимоотношения. Это происходит потому, что у них есть общие эманации.

– У деревьев большие коконы? – спросил я.

– Кокон исполинского дерева ненамного больше его самого. Но что интересно: есть крохотные растения, коконы которых по высоте примерно равны человеческим, а по ширине – в три раза больше. Эти растения – растения силы. У них больше всего общих с людьми эманаций. Не эманаций осознания, правда, а эманаций вообще.

– Есть еще один уникальный момент в том, что касается растений: их светимость имеет различные оттенки. В общем они светятся розоватым светом, поскольку их осознание – розовое. Ядовитые растения – желто-розовые, целебные – розовые с ярко-фиолетовым отливом. И только растения силы обладают бело – розовым свечением. У некоторых оно несколько темновато, а некоторые буквально сверкают.

– Но истинное различие между растениями и другими органическими существами заключается в расположении точки сборки. У растений она находится в нижней части кокона. А у всех остальных органических существ – в верхней.

– А у неорганических? Где у них находится точка сборки? – спросил я.

– У некоторых – в нижней части их резервуаров, – ответил дон Хуан. – Эти – совершенно чужды человеку, но сродни растениям. У других – где-либо в верхней части резервуара. Эти – ближе человеку и другим органическим существам.

– Древние толтеки были убеждены, что растения находятся в очень тесном общении с неорганическими существами. Они считали, что, чем ниже располагается точка сборки растения, тем ему легче

преодолеть барьер восприятия. У очень больших деревьев и самых крохотных травок точки сборки расположены в самом низу.

Поэтому огромное количество магических техник древних *видящих* – это средства подчинения осознания деревьев и трав.

Толтеки использовали их в качестве проводников при погружении в то, что они называли глубинными уровнями областей тьмы.

– Ты, конечно, понимаешь, что они только думали, что погружаются в глубины. На самом же деле они смещали свои точки сборки, и те собирали иные воспринимаемые миры, используя семь других больших полос.

– Толтеки выжимали из своего осознания все, что могли. Они собирали миры, пользуясь даже теми пятью полосами, добраться до которых *видящий* может, лишь претерпев опаснейшие трансформации.

– Ну и как, удавалось им собрать те миры? – поинтересовался я.

– Удавалось, – ответил дон Хуан. – В своих заблуждениях они зашли так далеко, что уверовали – необходимо разрушить все барьеры восприятия, и игра стоит свеч, даже если для этого *видящему* придется самому превратиться в дерево.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

11. СТАЛКИНГ, НАМЕРЕНИЕ и ПОЗИЦИЯ СНОВИДЕНИЯ

На следующий день, едва наступили сумерки, дон Хуан вошел в комнату, где мы разговаривали с Хенаро. Дон Хуан взял меня за руку и провел через весь дом во внутренний дворик. Было уже довольно темно. Мы двинулись вдоль по галерее, окружавшей дворик.

Дон Хуан сказал, что хочет еще раз предупредить меня: следуя по пути знания, можно с легкостью заблудиться в странных и мрачных дебрях. Поэтому *видящие* вступают в битву с могучими врагами, способными лишить их сил, разрушив цель и замутив ясность *намерения*. Врагов этих порождает сам путь воина, если по нему следуют, не избавившись от таких неотъемлемых свойств мира повседневности, как склонность к праздности, лени и стремлению ублажать чувство собственной важности.

Из-за праздности, лени и чувства собственной важности древние *видящие* допустили настолько серьезные и неисправимые ошибки, что новым *видящим* не оставалось ничего другого, как только с презрением отвергнуть свои собственные корни.

– Новых *видящих* интересовало главное, – продолжал дон Хуан, – практические методики сдвига точки сборки. А поскольку у них таковых не было, они для начала весьма заинтересовались исследованием светимости осознания с помощью *видения*. В результате им удалось разработать три метода, ставших краеугольными камнями всей их практики.

– Благодаря эти трем методам новые *видящие* совершили нечто необычайное. Ввиду его исключительной трудности это достижение можно назвать подвигом. Они научились целенаправленно сдвигать точку сборки с ее обычного места. Правда, древние *видящие* в свое время тоже этого добились, однако с помощью идиосинкразических манипуляций, которые иногда приводили к совершенно непредвиденным патологическим результатам.

– Новые *видящие* увидели в свечении осознания то, что позволило

им выработать последовательность, в которой они разместили истины об осознании, открытые древними. Это известно как искусство овладения осознанием. Его новые *видящие* разделили на три группы практик – три метода. Первый из них – искусство *сталкинга*, второй – искусство овладения *намерением* и третий – искусство *сновидения*. С первых же дней нашего знакомства я обучал тебя всем трем методам.

– Согласно рекомендациям новых *видящих*, обучение искусству овладения осознанием должно быть двойственным. Обучение правосторонней части осознания преследует две цели: обучение образу жизни воина и нарушение фиксации точки сборки в ее исходной позиции. Учение для левой стороны дается ученику, когда он находится в состоянии повышенного осознания. Целей, которые оно преследует, – тоже две: сдвинуть точку сборки в максимально возможное для данного ученика количество позиций и последовательно изложить довольно большой объем сопутствующей информации.

Дон Хуан остановился и пристально на меня взглянул. А затем, после несколько напряженной паузы, повел речь о *сталкинге*. По его словам, начало этого искусства было весьма скромным и чуть ли не случайным. Просто новые *видящие* заметили, что, когда воин ведет себя непривычным для него образом, внутри его кокона начинают светиться не задействованные до этого эманации. А точка сборки при этом смещается – мягко, гармонично, почти незаметно.

Это наблюдение заставило новых *видящих* взяться за практику систематического контроля своего поведения. Назвали ее искусством *сталкинга*. Дон Хуан отметил, что, при всей своей спорности это название все же весьма адекватно, поскольку *сталкинг* заключается в особом рода поведении по отношению к людям. Можно сказать, что *сталкинг* – это практика внутренней, никак не проявляющейся в поведении скрытности.

Вооруженные этим методом новые *видящие* придали своему взаимодействию с известным уравновешенность. И это принесло плоды. Посредством продолжительной непрерывной практики *сталкинга* они заставляли свою точку сборки неуклонно перемещаться.

– *Сталкинг* – одно из двух величайших достижений новых *видящих*, – продолжал дон Хуан. – Они решили, что современный

нагваль должен обучаться *сталкингу*, только находясь в состоянии повышенного осознания, когда точка сборки сдвинута уже достаточно глубоко влево. Дело в том, что принципы этого искусства нагваль должен изучать, будучи свободным от груза человеческого инвентарного перечня. Ведь так или иначе нагваль – лидер группы. Чтобы успешно вести своих воинов, он должен действовать быстро, без предварительных раздумий.

– Другие воины могут обучаться *сталкингу*, находясь в нормальном состоянии, хотя все-таки желательно учить их этому, сдвинув в состояние повышенного осознания. Причем не столько ввиду ценности самого повышенного осознания, сколько из-за того, что это придает *сталкингу* таинственность, которой в нем в общем-то нет. Ведь *сталкинг* на самом деле – всего-навсего умение обращаться с людьми.

– Теперь тебе должно быть понятно, почему новые *видящие* так высоко ценят взаимодействие с мелкими тиранами. Мелкие тираны вынуждают их использовать принципы *сталкинга* и тем самым сдвигать точку сборки.

Я спросил:

– А древние *видящие*? Что они знали о *сталкинге*?

– Ничего. *Сталкинг* – достояние новых *видящих*, – с улыбкой ответил дон Хуан. – Древние были настолько погружены в созерцание своей силы, что даже не отдавали себе отчета в существовании других людей. До тех пор, пока те не выводили их на корню. Впрочем, все это тебе уже известно.

Далее дон Хуан рассказал, что искусство *сталкинга* и овладение *намерением* – два шедевра новых *видящих*, знаменующие собою приход *видящих* современных. Новые *видящие* старательно исследовали любую возможность добиться преимущества над угнетателями. Они знали, что предшественники их творили необычайные вещи, манипулируя таинственной силой, описать которую они не умели и потому называли просто силой. Новым *видящим* об этой силе было мало что известно. Поэтому им пришлось последовательно исследовать ее с помощью *видения*. Однако усилия их были достойно вознаграждены, когда им удалось, наконец, установить, что сила эта суть энергия взаимной настройки эманаций.

Начали новые *видящие* с того, что *увидели* – объем свечения осознания и его интенсивность увеличиваются по мере настройки

эманаций внутри кокона на соответствие большим эманациям. Этим своим наблюдением они воспользовались точно так же, как *сталкингом*: оно стало для них своеобразным трамплином, оттолкнувшись от которого, они разработали сложный комплекс приемов управления настройкой эманаций.

Сначала они говорили об этих приемах просто как об искусстве настройки. Но потом поняли, что дело здесь в чем-то большем, чем только настройка, а именно – в некой энергии, которая возникает при настройке. Энергию эту они назвали *волей*.

Воля стала вторым базовым элементом системы. Новые *видящие* понимают под ней некий слепой безличный никогда непрерывающийся поток энергии, который определяет наше поведение, заставляя действовать так, а не иначе. Именно *воля* обуславливает характер нашего восприятия мира обычной жизни и посредством силы этого восприятия косвенно определяет обычное положение точки сборки.

Исследуя процесс восприятия мира обычной жизни, новые *видящие* увидели, как работает *воля*. Они увидели, что для придания восприятию качества непрерывности происходит постоянное возобновление настройки. Чтобы составить живой мир, настройка все время должна быть свежей и яркой. Для постоянного поддержания этих ее качеств поток энергии, возникающий в процессе этой самой настройки, автоматически направляется на усиление отдельных избранных ее элементов.

Это наблюдение стало еще одним трамплином, оттолкнувшись от которого, новые *видящие* разработали третий базовый элемент системы. Его называли *намерением*, понимая под этим целенаправленное управление *волей* – энергией соответствия.

– Сообразно плану нагваля Хулиана, – объяснил дон Хуан, – Сильвио Мануэль, Хенаро и Висенте занимались изучением этих трех аспектов знания *видящих*. Хенаро стал мастером управления осознанием, Висенте – мастером *сталкинга*, а Сильвио Мануэль – мастером *намерения*.

– Мы с тобой в настоящее время завершаем изучение осознания. Именно поэтому тебе помогает Хенаро.

Уже довольно долго дон Хуан беседовал с ученицами. Женщины слушали очень серьезно. Судя по выражению глубокой сосредоточенности на их лицах, я решил, что дон Хуан дает им подробнейшие инструкции, касающиеся каких-то очень сложных

практических приемов.

Меня на это собрание не пустили, но из кухни мне было видно, как они беседуют в большой комнате дома Хенаро. Наконец они закончили.

Все поднялись, но перед тем, как уйти, вместе с доном Хуаном зашли на кухню. Дон Хуан сел напротив меня, а женщины расположились вокруг. Все они были необычно дружелюбны и разговорчивы. Я узнал, что они намерены присоединиться к ученикам-мужчинам, которые куда-то ушли с Хенаро за несколько часов до этого. Тот собирался показать им всем свое *тело сновидения*.

Едва женщины вышли, дон Хуан совершенно неожиданно вновь принялся рассказывать. Он сказал, что с течением времени практики новых *видящих* приобретали все более и более законченные формы, и *видящие* обнаружили, что в большинстве жизненных ситуаций сдвиг точки сборки, обусловленный практикой *сталкинга*, весьма незначителен. Для достижения максимального эффекта, *сталкинг* необходимо практиковать в условиях, близких к идеальным. А для этого требуется по-настоящему могущественный мелкий тиран. Отыскивать же такие условия становилось все труднее и труднее. В конце концов найти подходящую ситуацию или ее спровоцировать стало невообразимо сложно.

Тогда новые *видящие* решили, что необходимо искать другие способы сдвига точки сборки. А для этого нужно было *увидеть* эманации Орла. Когда же новые *видящие* попытались это осуществить, они столкнулись с исключительно серьезной проблемой. Оказалось, что *увидеть* эманации Орла, не подвергаясь смертельному риску, нет никакой возможности. И в то же время *увидеть* их было жизненно необходимо. И тогда для защиты от смертельных ударов эманаций Орла они использовали в качестве щита такой прием древних толтеков, как *сновидение*. А сделав это, обнаружили, что *сновидение* само по себе является эффективнейшим способом сдвига точки сборки.

— Одно из самых строгих правил новых *видящих* гласит, — продолжал дон Хуан, — «воин должен обучаться *сновидению*, пребывая в нормальном состоянии осознания». Следуя этому правилу, я начал обучать тебя *сновидению* с первых же дней нашего общения.

Я спросил:

– Откуда взялось это правило и чем обусловлена его строгость?

– Дело в том, что *сновидение* – вещь исключительно опасная, а *сновидящий* весьма уязвим, – ответил дон Хуан. – Опасность *сновидения* – в его немыслимой силе, а уязвим *сновидящий* потому, что *сновидение* отдает его на произвол непостижимой силы настройки.

– Новые *видящие* обнаружили, что, будучи в нормальном состоянии осознания, мы обладаем множеством защитных механизмов, предохраняющих нас от разрушения силой незадействованных эманаций, подвергающихся настройке в процессе *сновидения*.

– Так же, как и *сталкинг*, *сновидение* началось с довольно незамысловатой находки. Древние *видящие* определили, что во сне точка сборки совершенно естественным образом несколько смещается влево. Спящий человек расслабляется, фиксация точки сборки нарушается и самые разные типы незадействованных эманаций начинают светиться.

– Толтеки сразу же заинтересовались этим открытием и начали работать с естественным сдвигом. В конце концов они научились его контролировать. Искусство контроля естественного сдвига они назвали искусством *сновидения* или искусством управления *телом сновидения*.

Знания древних *видящих* о *сновидении* были настолько обширны, что описать их вряд ли возможно. Однако новым *видящим* из всего этого пригодилась лишь весьма незначительная часть. Поэтому, когда пришло время восстанавливать традиции, новые *видящие* взяли на вооружение только самые главные принципы *сновидения*. Эти принципы они использовали для смещения точки сборки, а также для того, чтобы *увидеть* эманации Орла.

Под *сновидением* *видящие* – и древние, и новые – понимали практику контроля естественного сдвига, которому точка сборки подвергается во сне. Дон Хуан подчеркнул, что контроль естественного сдвига ни в коем случае не предполагает каких-либо попыток этим сдвигом управлять. Речь идет только о фиксации точки сборки в том положении, которого она достигла, естественным образом перемещаясь во сне. Это – самый сложный маневр, осуществление которого потребовало от древних *видящих* чудовищных усилий и немыслимой степени концентрации.

Дон Хуан объяснил, – что *сновидящий* должен уметь добиваться очень тонкого равновесия. Ведь нельзя ни вмешиваться в сны, ни управлять ими посредством сознательного усилия *сновидящего*. И в то же время сдвиг точки сборки должен происходить в соответствии с его командами. Разрешить это противоречие рационально – невозможно. Зато можно практически.

На основании наблюдения *сновидящих*, древние *видящие* пришли к заключению: сны должны следовать по своему естественному руслу. Толтеки *увидели* – одни сны сдвигают точку сборки *сновидящего* довольно глубоко влево, другие – не так глубоко. Разумеется, они задались вопросом: а что первично? Содержание сна заставляет точку сборки смещаться, то, что человек видит во сне, определяется сдвигом точки сборки вследствие использования незадействованных эманаций?

Довольно скоро они определили: первичное значение имеет сдвиг точки сборки влево – им определяется характер *сновидений*. Чем сдвиг глубже, тем более фантастические и живые картины человек видит во сне. Отсюда неизбежно последовали попытки древних *видящих* управлять снами с целью добиться максимально возможной глубины сдвига точки сборки влево. Немного поэкспериментировав, толтеки обнаружили, что любая попытка сознательного или даже наполовину сознательного управления сном немедленно возвращает точку сборки в ее обычное положение. Поскольку же их интересовало обратное, они пришли к неизбежному выводу: вмешательство в сон является помехой естественному сдвигу точки сборки.

Это легло в основу совершенно поразительных знаний о *сновидении*, накопленных впоследствии древними *видящими*, – знаний, оказавших огромное влияние на все, чего новые *видящие* стремились достичь с помощью *сновидения*, однако в своем исходном виде практически бесполезных.

Дон Хуан объяснил, что, хотя я до сих пор и считал *сновидение* искусством управления снами, оно таковым на самом деле не являлось. Несмотря на то, что каждое из упражнений, которые он предлагал мне отрабатывать – например, находить во сне мои руки – целью своей имело, казалось бы, именно обучение управлению снами. В действительности цель всех этих упражнений – фиксация точки сборки в том месте, куда она сдвинулась во время сна естественным образом. Это как раз тот момент, в котором

сновидящий должен добиться тончайшего равновесия. Управлять можно только фиксацией точки сборки. *Сновидящий* подобен рыболову, вооруженному самозакидывающейся удочкой: единственное, что он может сделать, – это удерживать грузило там, где оно затонуло.

– Каким бы ни было место, в котором точка сборки оказывается во время сна, оно называется *позицией сновидения*, – продолжал дон Хуан. – Древние *видящие* достигли такого мастерства в сохранении позиции *сновидения*, что могли удерживать точку сборки в этом месте даже проснувшись.

Подобное состояние древние *видящие* называли *телом сновидения*. Они добились столь исключительной степени контроля над ним, что могли формировать новое временное тело каждый раз, когда просыпались в новой позиции *сновидения*.

– Должен тебе сказать – *сновидение* обладает одним ужасным недостатком. Оно является достоянием древних *видящих* и запятнано их настроениями. Я вел тебя сквозь него с предельной осторожностью, но гарантий все же нет никаких.

– Гарантий чего, дон Хуан?

– Того, что ты не угодишь в какую-нибудь из потрясающих ловушек, которыми изобилует *сновидение*. Дело в том, что на самом деле нет никакой возможности как-то направить сдвиг точки сборки в *сновидении*. Ибо определяется он единственным фактором – внутренней силой или слабостью *сновидящего*. И здесь мы сталкиваемся с первой ловушкой.

Поначалу новые *видящие* вообще сомневались в том, что *сновидение* может быть взято ими на вооружение. Они полагали, что оно не только не развивает силу воина, но более того – ослабляет его, делает капризным и склонным к одержимости. Все древние *видящие* отличались этими качествами. Но ничего, что заменило бы *сновидение*, новым *видящим* найти не удалось. Тогда они разработали весьма сложную многоэлементную систему поведения, которая была призвана компенсировать отрицательное воздействие *сновидения*. Эта система получила название пути или тропы воина.

Эта система позволила новым *видящим* обрести внутреннюю силу, необходимую для того, чтобы направлять сдвиг точки сборки во сне. Причем сила эта не являлась только лишь убежденностью. Никто не обладал убежденностью, которая могла бы превзойти

убежденность древних *видящих*. А ведь они были слабы, и сердцевина у них была напрочь гнилая. Внутренняя сила суть чувство равновесия, ощущение почти полного безразличия и легкости, но прежде всего – естественная и глубокая склонность к исследованию и пониманию. Такую совокупность черт характера новые *видящие* называли уравновешенностью.

Новые *видящие* убеждены в том, что безупречный образ жизни сам по себе неизбежно порождает чувство уравновешенности, которое, в свою очередь, приводит к смещению точки сборки.

Я уже говорил: новые *видящие* верили в то, что точка сборки может быть сдвинута изнутри. Но на этом они не остановились.

Они пришли к мнению, что безупречного воина вовсе не обязательно должен кто-либо вести. Только за счет экономии энергии он способен самостоятельно достичь всего, чего достигают *видящие*. Все, что ему требуется – это минимум везения. Просто он должен откуда-нибудь узнать о возможностях человека, открытых *видящими*.

Я сказал, что мы опять вернулись к исходной точке, с которой начинали, когда я был в нормальном состоянии осознания. Я был по-прежнему убежден в том, что безупречность или экономия энергии – расплывчатые понятия, интерпретировать которые каждый может так, как ему заблагорассудится.

Я собрался было сказать еще что-то в подтверждение своей точки зрения, но тут странное чувство охватило меня. Я физически ощутил, что как бы прорываюсь сквозь что-то. И затем я отбросил прочь все свои доводы. Без тени сомнения я знал – дон Хуан прав. Мне нужна только безупречность, энергия. А начинается все с какого-нибудь одного действия, которое должно быть целенаправленным, точным и осуществляемым с непреклонностью. Повторяя такое действие достаточно долго, человек обретает нестигаемое *намерение*. А нестигаемое *намерение* может быть приложено к чему угодно. И, как только оно достигну – путь свободен. Каждый шаг повлечет за собой следующий и так будет продолжаться до тех пор, пока весь потенциал воина не будет полностью реализован.

Когда я рассказал дону Хуану о том, что только что понял, тот удовлетворенно рассмеялся и сказал, что это – действительно посланный свыше пример той самой силы, о которой идет речь. И он объяснил, что моя точка сборки сдвинулась, а сила

уравновешенности переместила ее в положение, давшее мне понимание. Будь движущей силой этого прихотливость и капризность, точка сборки сдвинулась бы туда, где находится непомерное чувство собственной важности, как случалось уже не один раз.

– Теперь поговорим о *теле сновидения*, – продолжил дон Хуан. – На его изучении и использовании древние *видящие* сосредоточили все свои усилия. И научились применять его как тело более практичное. Иными словами, они воссоздавали себя во все более и более странных образах.

Всем *видящим* известно: множество древних магов так и не возвратились, однажды проснувшись в полюбившейся им *позиции сновидения*. Вполне вероятно, что они погибли в своих немислимых мирах. А может, они живут по сей день в какой-то невероятной искаженной форме или каким-нибудь совершенно фантастическим образом.

Дон Хуан остановился, взглянул на меня и расхохотался:

– Ты умираешь от любопытства – хочешь узнать, что древние *видящие* делали с помощью *тела сновидения*. Ведь так?

И он кивнул, как бы подзадоривая меня задать вопрос.

– Хенаро – великий мастер осознания. Это – бесспорно. И он множество раз показывал тебе свое *тело сновидения*, когда ты был в состоянии нормального осознания. Этими демонстрациями он стремился сдвинуть твою точку сборки, причем не из состояния повышенного осознания, а из ее обычного положения.

Затем, словно раскрывая некий секрет, дон Хуан поведал мне, что Хенаро ждет нас на поле недалеко от дома, чтобы показать мне свое *тело сновидения*. Снова и снова дон Хуан твердил, что в настоящий момент я нахожусь в состоянии осознания, идеально подходящем для того, чтобы понять, чем на самом деле является *тело сновидения*. Затем он заставил меня встать, и через большую комнату мы направились к входной двери. Я готов был уже отворить дверь, когда вдруг заметил, что на стопке циновок, которыми ученики пользовались вместо кроватей, кто-то лежит. Я решил, что, видимо, кто-то из учеников вернулся в дом, пока мы с доном Хуаном беседовали на кухне.

Я подошел к лежащему человеку и вдруг понял, что это – Хенаро. Он спокойно спал лежа на животе и мирно похрапывал.

– Разбуди его, – велел дон Хуан. – Нам пора идти. Должно быть,

он устал чертовски.

Я слегка встряхнул Хенаро. Он медленно перевернулся, издав при этом звук, словно при пробуждении от очень глубокого сна. Он вытянул руки, а потом открыл глаза. Я невольно вскрикнул и отпрянул. Глаза Хенаро вовсе не были глазами человека. Это были две точки яркого янтарного света. Испуг мой был настолько силен, что закружилась голова. Похлопав по спине, дон Хуан привел меня в чувство.

Хенаро встал и улыбнулся. Черты лица его выглядели застывшими. Двигался он так, словно как следует выпил или нездоров. Пройдя мимо меня, он направился прямо к стене. Столкновение казалось неизбежным, я вздрогнул, но Хенаро прошел сквозь стену, словно ее вообще не существовало. Потом он снова появился в комнате, войдя сквозь кухонную дверь. А потом я с ужасом увидел, как он пошел по стенам, причем тело его при этом было параллельно полу, и по потолку – ногами вверх.

Пытаясь уследить за ним, я свалился на спину. Из этого положения я больше не видел Хенаро. Вместо него по потолку надо мной и по стенам двигалось световое пятно. Оно бродило по всей комнате, словно кто-то водил по потолку и стенам лучом гигантского фонарика. В конце концов луч света выключился. Пятно исчезло из виду, пройдя в очередной раз сквозь стену.

Дон Хуан отметил, что мой животный страх, как обычно, перешел все границы. Следовало, все-таки, как-то постараться его контролировать. Но в общем и целом я вел себя хорошо. *Я видел тело сновидения* Хенаро таким, каково оно в действительности – как световой сгусток.

Я спросил, откуда он знает, что мне это удалось. Он ответил, что *видел*, как моя точка сборки сначала сдвинулась в направлении своего нормального положения – чтобы компенсировать испуг – а потом ушла влево, причем очень глубоко, в место, где нет сомнений.

– В этом положении точки сборки человек может *видеть* только одно – сгустки энергии, – продолжал он. – Но от позиции повышенного осознания до этого места в глубине левой стороны – рукой подать. Вот сдвинуть точку сборки в место, где нет сомнений, из ее нормального положения – это действительно достижение.

Он добавил, что встреча с *телом сновидения* Хенаро в поле

недалеко от дома не отменяется. Нам еще предстоит это сделать, когда я буду в нормальном состоянии осознания.

Когда мы вернулись в дом Сильвио Мануэля, дон Хуан сказал, что мастерство, с которым Хенаро владеет своим *телом сновидения* – ничто в сравнении с тем, на что были способны древние *видящие*. – Скоро сам *увидишь*, – пообещал он тоном, не предвещавшим ничего хорошего, и рассмеялся.

С возрастающим чувством страха я принялся его расспрашивать, но это только вызвало новый приступ смеха. Наконец, он перестал смеяться и сообщил, что собирается рассказать мне о том, каким образом древние *видящие* пришли к формированию *тела сновидения*, и что они с ним делали.

– Древние *видящие* стремились получить совершенно точную копию тела, – продолжил он. – И это им почти удалось.

Единственным, что они так и не удалось воспроизвести, были глаза. Вместо глаз у *тела сновидения* было просто свечение осознания. Когда раньше Хенаро показывал тебе свое тело осознания, ты об этом не догадывался.

Новых *видящих* воссоздание точной копии тела интересует мало. Фактически, копирование тела их не интересует вообще. Однако название «*тело сновидения*» они сохранили. Так они называют чувство, сгусток энергии, который сдвигом точки сборки может быть направлен в любое место этого мира или в любое место какого угодно из семи миров, доступных человеку.

Затем дон Хуан в общих чертах описал методику достижения *тела сновидения*. Все начинается с исходного действия, которое, будучи повторяемым с непреклонностью, порождает несгибаемое *намерение*. *Несгибаемое намерение* приводит к внутреннему безмолвию, а то, в свою очередь, генерирует внутреннюю силу, необходимую для сдвига точки сборки в нужные позиции во время сна.

Эту последовательность дон Хуан назвал фундаментом. Когда работа над фундаментом завершена, наступает очередь контроля. Его развивают посредством систематического сохранения позиции *сновидения*. Для этого используется практика упорного удержания картины сна. Благодаря настойчивой практике появляется способность свободно сохранять новые позиции *сновидения*, пользуясь для этого новыми снами. И дело здесь не столько в том, что по мере практики более совершенным становится контроль,

сколько в том, что каждая тренировка в контроле увеличивает внутреннюю силу. А чем больше внутренняя сила, тем в более подходящие для развития уравновешенности позиции *сновидения* сдвигается точка сборки. Другими словами, сны сами по себе становятся все более управляемыми и даже упорядоченными.

– Развитие *сновидящих* – косвенное, – продолжал дон Хуан. – Именно поэтому *видящие* считают, что *сновидение* мы можем практиковать самостоятельно. В *сновидении* используется естественный, органичный сдвиг точки сборки, поэтому мы не нуждаемся ни в чьей помощи. Однако мы нуждаемся в уравновешенности, причем очень сильно. Дать же ее нам либо помочь нам ее обрести не может никто, кроме нас самих. Без уравновешенности точка сборки перемещается хаотично, что соответствует хаосу, царящему в наших обычных снах. Таким образом, в конечном счете *тело сновидения* достигается безупречностью нашей обычной жизни. Когда достигнута уравновешенность и *позиции сновидения* становятся все более и более устойчивыми, можно сделать следующий шаг: пробудиться в любой из *позиций сновидения*. Звучит просто, однако в действительности речь идет о действии исключительно сложном – настолько сложном, что для его выполнения требуется задействовать не только уравновешенность, но также и все атрибуты пути воина, и в особенности – *намерение*.

Я спросил, как *намерение* помогает воину пробудиться в позиции *сновидения*. Он ответил, что *намерение*, будучи сложнейшим средством управления силой настройки, за счет уравновешенности *сновидящего* сохраняет настройку тех эманаций, которые начали светиться вследствие сдвига точки сборки.

Дон Хуан сказал, что в искусстве *сновидения* есть еще одна грозная ловушка – сама сила *тела сновидения*. Например, *телу сновидения* очень легко периодически подолгу созерцать эманации Орла. Однако в итоге оно так же легко может оказаться полностью ими поглощенным. *Видящие*, созерцавшие эманации Орла без помощи *тела сновидения*, умирали. А те, кто созерцал их в *теле сновидения*, сгорали в огне изнутри. Новые *видящие* решили эту проблему с помощью группового *видения*: пока один созерцал, остальные находились рядом, готовые прервать его *видение*.

– Как осуществляется групповое *видение*? – спросил я.

– Посредством совместного *сновидения*, – объяснил он. – Как ты

сам знаешь, несколько *видящих* могут одновременно возбудить одни и те же незадействованные эманации. В этом нет ничего нереального. Правда, каких-то специальных методов или известных алгоритмов, позволяющих это осуществить, нет. Это просто случается.

Он добавил, что при *совместном сновидении* что-то вдруг начинает нас вести, и мы вдруг обнаруживаем, что видим ту же картину, что и остальные *сновидящие*. А происходит вот что: наше человеческое состояние заставляет нас автоматически сфокусировать свечение осознания на тех эманациях, которые используют другие находящиеся рядом человеческие существа. Мы согласуем положение своей точки сборки с тем положением, которое она занимает у них. В правосторонней части своего осознания мы делаем это каждый день, когда воспринимаем наш обычный мир. В *совместном сновидении* мы делаем то же самое, но только в левосторонней части осознания.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

12. Нагваль Хулиан

В доме царило странное оживление. Все *видящие* команды дона Хуана пребывали в возбужденном состоянии, граничившем с рассеянностью. Такого я здесь еще ни разу не видел. Их и без того высокий энергетический уровень, казалось, сделался выше. Мне стало несколько не по себе. Я спросил дона Хуана, в чем дело. Он пригласил меня пройти во внутренний дворик. Некоторое время мы прогуливались молча. Потом он сказал, что их время близится, и скоро они уйдут. И он должен постараться успеть закончить свои объяснения до этого.

– Откуда вы знаете, что близится время вашего ухода? – спросил я.

– Это – внутреннее знание, – ответил он. – Когда-нибудь оно придет и к тебе. Видишь ли, нагваль Хулиан заставлял мою точку сборки сдвигаться бесчисленное множество раз. Точно так же, как я заставлял твою. А затем он оставил мне задание: восстановить настройку всех тех эманаций, которые он помогал мне настроить, сдвигая мою точку сборки. Такое задание рано или поздно получает каждый нагваль. Во всяком случае, процесс восстановления настройки подсказывает путь к осуществлению такого специфического маневра, как воспламенение всех эманаций внутри кокона. Я почти достиг этого. Я приближаюсь к своему пику. А поскольку я – нагваль, то, как только все эманации внутри моего кокона воспламятся, все мы исчезнем в одно мгновение. Я ощутил, что должен был бы опечалиться и всплакнуть, однако что-то во мне возрадовалось известию о грядущем освобождении нагваля Хуана Матуса. Я подпрыгнул наместо и завопил от восторга. Я знал – когда-нибудь, достигнув иного состояния осознания, я буду плакать от печали. Но в тот день я был полон счастья и оптимизма.

Я поведал дону Хуану о своих чувствах. Он засмеялся и потрепал меня по спине.

– Вспомни мои слова, – сказал он, – об эмоциональном понимании. Не следует не него опираться. Пусть сначала сдвинется твоя точка сборки. Понимание придет позже – годы спустя.

Мы прошли в большую комнату и присели, чтобы побеседовать. Какое-то мгновение дон Хуан колебался. Он выглянул в окно. С того места, где стояло мое кресло, был виден внутренний дворик. Было пасмурно. Время недавно перевалило за полдень. Собирался дождь. Мне нравились пасмурные дни. А дону Хуану – нет. Он немного поерзал в кресле, усаживаясь поудобнее.

Начал он свой рассказ с того, что объяснил, почему столь тяжело вспомнить все происходившее с человеком, в состоянии повышенного осознания. После нарушения фиксации в ее нормальном положении, точка сборки может сдвинуться в бесконечное множество самых разнообразных позиций. С другой стороны, в состоянии нормального осознания точка сборки всегда находится в одном и том же обычном месте, поэтому вспоминается все легко и связность воспоминаний не нарушается.

Дон Хуан сказал, что сочувствует мне. И я должен принять то, что вспомнить будет очень сложно. И следует отдавать себе отчет в том, что мне, возможно, так никогда и не удастся восстановить настройку всех тех эманаций, которые он помогал мне настраивать. И задание мое останется невыполненным. Такое вполне возможно.

– Подумай об этом, – с улыбкой произнес он. – Ведь может статься, ты никогда не сможешь вспомнить даже этой нашей с тобой беседы, хотя в данный момент все выглядит так естественно, обычно и основательно. Вот – истинная тайна осознания. Она переполняет нас. Эта тайна сочится сквозь все наши поры, мы буквально насквозь пропитаны тьмой и чем-то еще – невыразимым и необъяснимым. И относиться к самим себе по-иному – безумие. Поэтому не следует стараться закрывать глаза на тайну внутри себя, пытаясь втиснуть ее в рамки здравого смысла или чувствуя к себе жалость. Человеческая глупость – вот что следует изживать в себе. И делать это посредством понимания. И главное – никогда не следует извиняться ни за то, ни за другое. Ибо и глупость, и тайна суть вещи необходимые. Один из великих приемов, практикуемых *сталкерами* – противопоставление друг другу скрытой в каждом из нас тайны и нашей глупости.

Он объяснил, что практики, составляющие искусство *сталкинга*, вряд ли могут вызвать восхищение, более того, они, по сути, откровенно предосудительны. Зная это, новые *видящие* пришли к заключению, что обсуждение либо практика принципов *сталкинга*

в нормальном состоянии осознания не совпадает ни с чьими интересами.

Я обратил внимание на явное противоречие: он говорил, что воин не может адекватно действовать в мире, находясь в состоянии повышенного осознания, и он же говорил, что *сталкинг* – всего-навсего умение особым образом обращаться с людьми.

– Говоря о том, что *сталкингу* не учат в нормальном состоянии осознания, я имел в виду обучение нагваля, – объяснил он, – *сталкинг* преследует двоякую цель. Во-первых – добиться максимально устойчивого и безопасного сдвига точки сборки, а это наилучшим образом достигается именно посредством *сталкинга*. А во-вторых – внедрить принципы *сталкинга* на очень глубокий уровень, позволяющий обойти ограничения человеческого инвентарного перечня, а также естественную реакцию отрицания либо осуждения того, что может показаться неприемлемым с точки зрения здравого смысла.

Я сказал дону Хуану, что весьма сомневаюсь в своей способности выносить суждения по поводу подобных вещей или отрицать их. Он рассмеялся и заметил, что вряд ли я стану исключением иотреагирую иначе, чем все остальные, когда услышу о деяниях великого мастера *сталкинга*, каковым являлся бенефактор дона Хуана нагваль Хулиан.

– Я вовсе не преувеличиваю, говоря, что нагваль Хулиан был самым выдающимся из всех известных мне мастеров *сталкинга*, – продолжал дон Хуан. – Ты уже слышал о его мастерстве *сталкера* от многих, но я еще ни разу тебе не рассказывал о том, что он сделал со мной.

Я хотел было сказать, что никогда ни от кого ничего не слышал о мастерстве нагваля Хулиан, но, прежде, чем я успел это сделать, меня охватило странное чувство неуверенности. Дон Хуан, казалось, мгновенно узнал, что я испытываю. Он удовлетворенно усмехнулся.

– Ты не можешь вспомнить, потому что *воля* пока что находится вне пределов твоей досягаемости, – объяснил он. – Тебе необходимо вести безупречную жизнь и накопить большое количество избыточной энергии. Тогда, возможно, тебе удастся высвободить эти воспоминания. Я же собираюсь рассказать тебе о том, как нагваль Хулиан поступил со мной, когда мы с ним встретились. Если ты осудишь его и найдешь его поведение

предсудительным сейчас, когда находишься в состоянии повышенного осознания, можешь себе представить, насколько отвратительным типом он бы тебе показался в твоём нормальном состоянии.

Я возразил, заявив, что он, вероятно, готовит какой-нибудь розыгрыш. Он заверил меня, что не собирается никого разыгрывать, а намерен только своим рассказом проиллюстрировать образ действия *сталкеров*, а также причины, побуждающие их вести себя так, а не иначе.

– Нагваль Хулиан был последним из *сталкеров* старого времени, – продолжал дон Хуан. – Он был *сталкером* не по необходимости, а по призванию.

Дон Хуан объяснил, что новые *видящие увидели*: человеческие существа делятся на две группы. Одну составляют те, кому есть дело до других, вторую – те, кому нет дела ни до кого. Разумеется, речь идет о крайних проявлениях, между которыми имеется бесконечное множество промежуточных состояний. Нагваль Хулиан принадлежал к категории тех, кому другие безразличны. Себя же дон Хуан отнес к противоположной категории.

– Но разве не ты рассказывал мне о великодушии нагваля Хулиана, о том, что он готов был снять с себя последнюю рубашку и отдать ее тебе? – спросил я.

– А он и был готов, – ответил дон Хуан. – Более того, он был не только великодушен, но и бесконечно очарователен и обаятелен. Он всегда глубоко и искренне интересовался делами всех, кто его окружал. Его всегда отличали доброта и открытость, все, что имел он был готов в любой момент отдать всякому, кто в этом нуждался или просто ему нравился. И его любили все, кто имел с ним дело, поскольку, будучи мастером *сталкинга*, он умел дать людям почувствовать его действительное к ним отношение: что он не даст и ломаного гроша ни за одного из них.

Я промолчал, но дон Хуан знал, что я ощущаю недоверие и даже некоторое раздражение по поводу того, что он рассказал. Он усмехнулся и покачал головой:

– Таков *сталкинг*. Видишь, рассказ о нагвале Хулиане еще даже не начался, а ты уже раздражен.

Я попытался объяснить свои ощущения. Он расхохотался.

– Нагвалю Хулиану было наплевать на всех без исключения, – продолжил он. – И именно поэтому он мог оказывать людям

реальную помощь. И он ее оказывал, он отдавал им последнее, что у него было. Потому, что ему было на них наплевать.

– Уж не хочешь ли ты сказать, дон Хуан, что своим ближним помогают только те, кому на них в высшей степени начхать?

– Так говорят *сталкеры*, – ответил он с лучезарной улыбкой. –

Нагваль Хулиан, например, был фантастической силы целителем. Он помог многим тысячам своих ближних, но никогда не говорил, что делает это. Все считали целителем одну из женщин-*видящих* его команды.

– А если бы его ближние не были ему безразличны, он потребовал бы признания. Те, кому есть дело до других, заботятся и о себе, и требуют признания везде, где можно.

Дон Хуан сказал, что, принадлежа к категории тех, кому ближние не безразличны, сам он никогда никому не помогал. Он чувствовал неловкость от великодушия. Он даже представить себе не мог, что его могут любить так, как любили нагваль Хулиан. И уж наверняка ему показалось бы глупостью отдать кому-нибудь последнюю рубашку.

– Меня настолько сильно беспокоит судьба моих ближних, – продолжал дон Хуан, – что я и пальцем не пошевелю ни ради одного из них. Я просто не буду знать, что делать. И меня всегда будет грызть мысль, что своими подарками я навязываю им свою волю.

– Конечно, путь воина помог мне избавиться от связанных с этим проблем. Любой воин может с успехом обращаться с людьми таким же образом, как это делал нагваль Хулиан. Но для этого сперва нужно сдвинуть точку сборки в положение, в котором не имеет значения – нравится он людям, не нравится или им нет до него дела. Но это – совсем другое.

Дон Хуан сказал, что, познакомившись впервые с принципами *сталкинга*, он пришел в крайнее недоумения. Нагваль Элиас, который был очень похож на дон Хуана, объяснил ему, что *сталкеры*, подобные нагвалю Хулиану – естественные лидеры среди людей. Они могут помочь людям в чем угодно.

– Нагваль Элиас говорил, что такой воин может помочь человеку исцелиться, – продолжал дон Хуан, – и может помочь ему заболеть. Может помочь найти счастье и может помочь найти горе. Я предложил нагвалю Элиасу вместо слов «помочь человеку» употребить выражение «повлиять на человека». Он сказал, что

такой воин не просто влияет на людей, но очень активно их подталкивает.

Дон Хуан усмехнулся и пристально на меня взглянул. В его глазах светились лукавые искорки.

– Странно, не правда ли? – сказал он. – Интересно как *сталкеры* толкуют то, что *видят* в людях, а?

И дон Хуан начал свой рассказ о нагвале Хулиане. Он сказал, что тот много лет провел в ожидании ученика-нагваля. На дону Хуана он наткнулся, когда однажды возвращался домой после короткого визита к знакомым, жившим в соседней деревне. Идя по дороге, он как раз размышлял об ученике-нагвале. Вдруг раздался громкий выстрел, и нагваль Хулиан увидел, как люди разбегаются во все стороны. Вместе со всеми он забежал в придорожные кусты и вышел оттуда только тогда, когда увидел группу людей, собравшихся на дороге вокруг раненого человека, который лежал на земле.

Раненым, разумеется, оказался дон Хуан, в которого выстрелил управляющий-тиран. Нагваль Хулиан мгновенно *увидел*, что дон Хуан – тот особый человек, чей кокон разделен на четыре части, а не на две, и понял, что ранен тот очень тяжело. Нельзя было терять ни минуты: желание нагваля Хулиана исполнилось, и он должен был действовать, пока никто не сообразил, что происходит. Он схватился за голову и запричитал:

– О-о-о! Они убили моего сына!

Обычно он путешествовал вместе с одной из женщин-*видящих* из своей команды, крепко сбитой индеанкой. На людях она, как правило, играла роль его злой и вредной жены. Нагваль Хулиан подал ей знак, и она тоже принялась с подвыванием рыдать о бедном их сыне, в беспамятстве истекавшем кровью. Нагваль Хулиан попросил собравшихся зевак не вызывать полицию, а вместо этого помочь ему перенести сына домой, в городок, который находился на некотором расстоянии от того места. Он пообещал четырем сильным парням, что заплатит им, если они отнесут туда его сына.

Парни принесли дону Хуана в дом нагваля Хулиана. Нагваль расплатился с ними очень щедро. Те были настолько тронуты горем этих людей, плакавших всю дорогу до дома, что даже отказались принять деньги. Однако нагваль Хулиан настоял на своем, сказав, что, если они возьмут деньги, это принесет удачу

его сыну.

В течение нескольких дней дон Хуан не знал, что и думать об этих добрых людях, которые взяли его в свой дом. Нагваль Хулиан разыгрывал перед ним почти выжившего из ума старика. Старик не был индейцем, но был женат на молодой раздражительной толстой индеанке, которая физически была настолько же сильна, насколько по характеру – сварлива. Дон Хуан подумал, что она, очевидно, – целитель, судя по тому, как умело она пользовала его рану, а также по огромному количеству лекарственных растений, сложенных в комнате, где он лежал.

Старик во всем подчинялся женщине. Она заставляла его ежедневно обрабатывать дону Хуана. Они постелили дону Хуану на толстой циновке, и старику приходилось туго каждый раз, когда он вынужден был опускаться на колени возле раненого. Дон Хуан с трудом сдерживал смех, наблюдая за тем, как немощный старец прикладывает все усилия, на какие способен, для того, чтобы согнуть ноги в коленях. Промывая рану, старик все время что-то бормотал, глядя прямо перед собой совершенно отсутствующим взглядом, руки его при этом дрожали, а все тело тряслось от макушки до пят.

Опустившись на колени, он уже не мог подняться самостоятельно. Хриплыми воплями он звал жену, едва сдерживая гнев. Та входила в комнату, и начиналась жуткая свара. Зачастую женщина уходила, так и оставив старика стоять на коленях, и ему приходилось подниматься самостоятельно.

Дон Хуан заверил меня, что никогда и ни к кому он не чувствовал такого сострадания, как к бедному старику. Много раз он пытался подняться и помочь тому, но едва мог шевелиться сам. Однажды старик потратил почти полчаса на то, чтобы доползти до двери и там, цепляясь за нее, с трудом встать. При этом он не переставая кричал и ругался.

Он объяснил дону Хуану, что причинами его слабого здоровья являются преклонный возраст, плохо сросшиеся переломы и ревматизм. Подняв к небу глаза, старик признался дону Хуану, что чувствует себя самым несчастным человеком на земле: пришел к целительнице за помощью, а закончил тем, что женился на ней и превратился в раба.

– Я спросил старика, почему он не уходит от нее, – продолжал дон Хуан. – Глаза старика расширились от ужаса. Шикнув на меня,

чтобы я замолчал, он поперхнулся собственной слюной, а затем, буквально окаменев, грохнулся во весь рост рядом с моей постелью, пытаясь заставить меня закрыть рот. С диким выражением глаз он не останавливаясь твердил: «Ты сам не знаешь, что говоришь, ты сам не знаешь что говоришь. Никто не в силах отсюда убежать.»

— И я ему поверил. Я был убежден, что он более несчастен и жалок, чем я когда-либо был в своей жизни. И с каждым днем я чувствовал себя в этом доме все более и более неловко. Кормили меня прекрасно, женщины постоянно не было дома — она ходила по больным — так что почти все время я проводил наедине со стариком. Мы много беседовали о моей жизни. Мне нравилось с ним разговаривать. Я сказал ему, что заплатить за его доброту не смогу, так как не располагаю деньгами, но что сделаю все возможное чтобы ему помочь. На это он ответил, что помочь ему невозможно, что он готов умереть, но если я действительно говорю искренне, то он хотел бы, чтобы после его смерти и женился на его жене. И тут я понял, что старик рехнулся. И еще я понял, что нужно бежать, и чем раньше, тем лучше.

Дон Хуан рассказал, что, когда достаточно окреп, чтобы ходить без посторонней помощи, бенефактор самым жутким образом продемонстрировал ему свои способности *сталкера*. Без какой-либо подготовки или предупреждения, он столкнул дона Хуана нос к носу с неорганическим существом. Почувствовав, что дон Хуан собирается сбежать, он воспользовался возможностью напугать его своим союзником, который мог становиться похожим на чудовищной наружности человека.

— Увидев этого союзника, я едва не сошел с ума, — продолжал дон Хуан. — Я не мог поверить своим глазам, но чудовище стояло передо мной. А немощный старик стоял рядом и хныкал, моля чудовище о пощаде. Видишь ли, мой бенефактор был похож на древних *видящих* — он умел выдавать свой страх порциями, а союзник на это соответственно реагировал. Но я-то этого не знал. Я только видел собственными глазами, что к нам приближается совершенно ужасающее создание, готовое нас растерзать.

— В мгновение, когда союзник, шипя подобно змее, ринулся на нас, я рухнул без чувств. Когда я пришел в себя, старик сказал, что ему удалось с чудовищем договориться.

Он объяснил, что чудовищный человек согласился оставить их

обоих в живых при условии, что дон Хуан станет ему служить. Предчувствуя недоброе, дон Хуан спросил, в чем будет заключаться служба. Старик ответил, что это будет практически рабство, но напомнил, что жизнь дон Хуана почти закончилась несколько дней назад, когда в него стреляли. И если бы они с женой его не подобрали и не остановили кровотечение, он бы непременно скончался. Так что торговаться все равно не имеет смысла, ибо торговать нечем и не на что. Чудовищному человеку все это было известно, поэтому он мог диктовать условия. Старик сказал дону Хуану, что раздумывать нечего – надо соглашаться. Чудовищный человек стоит за дверью и все слушает. И если дон Хуан откажется, он ворвется в комнату и прикончит их на месте. И этим все закончится.

У меня хватило выдержки еще на то, чтобы спросить у старика, который весь дрожал, как осиновый лист, каким образом чудовищный человек собирается нас убивать, – продолжал дон Хуан. – Старик ответил, что монстр планирует переломать все наши кости, начиная со ступней. При этом мы будем дико кричать и корчиться в невыразимых муках. А смерть наступит не ранее, чем через пять дней.

И я мгновенно согласился на любые условия. Со слезами на глазах он поздравил меня и сказал, что уговор, который он заключил с монстром, на самом деле не так уж плох. Мы должны были превратиться не столько в рабов, сколько в пленников чудовищного человека. Кормить нас будут как минимум дважды в день, и, сохранив себе жизнь, мы сможем заняться поисками пути к освобождению. Мы сможем строить планы, придумывать различные уловки и бороться за то, чтобы вырваться из этого ада. Дон Хуан улыбнулся, а затем разразился хохотом. Он заранее знал, как я отнесусь к нагвалю Хулиану.

– Я же говорил тебе, что ты расстроишься, – сказал он.

– Я, правда, не понимаю, дон Хуан, – сказал я, – какой был смысл во всем этом крайне сложном маскараде?

– Все очень просто, – по-прежнему улыбаясь, ответил он. – Это – другой метод обучения, причем очень хороший. От учителя он требует громаднейшего воображения и не меньшей степени контроля. Мой метод обучения гораздо ближе к тому, что называешь обучением ты. Он требует огромного количества слов. Я – специалист наивысшего класса по части растолковывания.

Нагваль Хулиан был мастером высшего класса по части *сталкинга*. Дон Хуан сказал, что *видящие* используют два метода обучения, и что он знаком с обоими. Первый метод заключается в предварительном объяснении всего, что будет с человеком происходить. Лично дон Хуан отдает предпочтение именно этому методу, поскольку он является системой, которая предполагает свободу выбора и понимание. Метод его бенефактора, наоборот, был более принудительным и не давал возможности ни выбирать, ни понимать. Но его огромное преимущество – в том, что он заставляет воина непосредственно переживать концепции *видящих* без каких бы то ни было промежуточных объяснений.

Как объяснил далее дон Хуан, все, что проделывал с ним его бенефактор, было шедевром стратегии. Каждое свое слово и действие нагваль Хулиан тщательно подбирал таким образом, чтобы добиться вполне определенного эффекта. Он был необычайно искусен в создании наиболее подходящего контекста, в котором слова и действия не могли не оказать необходимого воздействия.

– В этом заключается метод *сталкеров*, – объяснил дон Хуан. – Он развивает не понимание, а полное осознание. Вот, например: мне потребовалось много времени – вся жизнь – на то, чтобы понять, что проделал нагваль Хулиан, когда столкнул меня нос к носу с союзником. Хотя осознал я все без каких бы то ни было объяснений в тот самый миг, когда это произошло. Хенаро, скажем, вообще не понимает своих манипуляций – об этом речь у нас с тобой уже шла – но он осознает все, что делает, с предельной остротой и ясностью. Если точка сборки была сдвинута со своего обычного места методом подробного объяснения – как, например, происходит с тобой – то все время сохраняется необходимость во внешней помощи не только для осуществления реального перемещения точки сборки, но и для объяснения происходящего. Если же точка сборки была сдвинута с помощью метода *сталкеров*, как было со мной и с Хенаро, то необходимость сохраняется только в начальном каталитическом действии, которое выдернуло бы точку сборки из нормального положения.

Дон Хуан сказал, что, когда нагваль Хулиан столкнул его с чудовищного вида союзником, его точка сборки начала сдвигаться от страха. Испуг такой степени интенсивности в сочетании с еще не совсем восстановившимся после ранения здоровьем оказался

идеальным средством для смещения точки сборки. Для компенсации вредного воздействия страха требовалось несколько смягчить ситуацию, но при этом не свести на нет результат. Объяснение свело бы эффект страха к минимуму, и результат был бы поставлен под сомнение. А нагваль Хулиан хотел быть уверенным в том, что сможет воспользоваться каталитическим эффектом испуга столько раз, сколько потребуется. И в то же время ему нужна была гарантия того, что он сможет смягчить разрушительное воздействие испуга. Потому он и устроил весь этот маскарад. Чем более подробными и драматическими были его рассказы, тем большим смягчающим эффектом они обладали. Он как бы оказался в одной лодке с доном Хуаном, и тому не было так страшно, как было бы, если бы он знал, что одинок.

– Благодаря своему драматическому таланту, – продолжал дон Хуан, – бенефактор умудрился сдвинуть мою точку сборки достаточно далеко для того, чтобы сразу же воспитать во мне два основных качества воина: непреклонное усилие и негибкое намерение. Я знал, что стать когда-нибудь свободным я смогу, только настойчиво и систематически работая в сотрудничестве с немощным старцем, нуждавшемся, как я полагал, в моей помощи не меньше, чем я нуждался в его. Я знал без тени сомнения, что больше всего на свете хочу именно этого.

В следующий раз мне удалось поговорить с доном Хуаном только через два дня. Было раннее утро, мы прогуливались с ним по главной площади Оахаки. Дети шли в школу, люди направлялись в церковь, кое-кто сидел на скамейках, а водители такси ожидали туристов возле городского отеля.

– Само собой разумеется, самым сложным делом на пути воина является сдвиг точки сборки, – сказал дон Хуан. – Когда она начала перемещаться, заканчивается собственно поиск воина. С этого момента характер пути изменяется, он становится поиском *видящего*.

Он еще раз повторил, что сдвиг точки сборки – главная и единственная задача пути воина. Древние *видящие* этого абсолютно не понимали. Они считали, что смещение точки сборки – своего рода стрелка, определявшая их положение на шкале достоинства. Им никогда даже в голову не приходило, что все воспринимаемое ими определяется именно этим смещением.

– Метод *сталкеров*, – продолжал дон Хуан, – когда его применяет

такой мастер, как нагваль Хулиан, позволяет достичь просто потрясающих сдвигов точки сборки. Изменения, при этом возникающие, весьма устойчивы. Видишь ли, когда наставник-*сталкер* становится надеждой ученика и его опорой, он добивается полной готовности к сотрудничеству и полного вовлеченности своего подопечного в действие. Полная готовность к сотрудничеству и полная вовлеченность в действие – важнейшие результаты применения метода *сталкеров*, и нагваль Хулиан был непревзойденным мастером по части их достижения.

Дон Хуан сказал, что нет никакой возможности описать то удивление и замешательство, которое он испытывал, все больше и больше узнавая богатство и сложность личности нагваля Хулиана и его жизни. Имея дело с запуганным, хилым и вроде бы совершенно беспомощным стариком, дон Хуан чувствовал себя довольно уверенно. Но однажды, вскоре после того, как они заключили свой договор с чудовищным человеком, его уверенность была рассеяна в прах: нагваль Хулиан в очередной раз жестко продемонстрировал ему свое мастерство *сталкера*.

К тому времени дон Хуан был уже вполне здоров, но нагваль Хулиан по-прежнему спал с ним в одной комнате и продолжал за ним ухаживать. Как-то, проснувшись утром, нагваль Хулиан объявил, что их тюремщик на пару дней уехал, а это значит, что можно на время перестать притворяться стариком. Он признался дону Хуану, что делал это все время для того, чтобы одурачить чудовище.

Не давая дону Хуану опомниться, он с невероятной ловкостью вскочил со своей циновки, наклонился, засунул голову в ведро с водой и некоторое время ее там подержал. Когда он выпрямился, волосы его были черны как смоль, седина вся смылась, и перед доном Хуаном предстал человек лет тридцати пяти-сорока. Он играл мускулами, глубоко дышал и потягивался всем телом, словно очень долго просидел в тесной клетке.

– Когда я увидел нагваля Хулиана в образе молодого человека, я решил, что передо мною – сам дьявол, – продолжал дон Хуан. – Я закрыл глаза, решив, что конец мой близок. Нагваль Хулиан хохотал до слез.

Затем нагваль Хулиан привел дону Хуана в чувство, заставив его несколько раз сдвинуться из правой стороны осознания в левую и обратно.

– Два дня молодой человек буквально носился по дому, – продолжал дон Хуан. – Он рассказывал мне истории из своей жизни и шутил, заставляя меня то и дело кататься по полу от хохота. Но еще более поразительные изменения произошли с его женой. Она сделалась стройной и по-настоящему красивой. Мне казалось, что это – совершенно другая женщина. Я с восторгом говорил о том, насколько неузнаваемо она изменилась и какой красавицей выглядит теперь. Молодой человек сказал, что, когда их тюремщик уезжает, она действительно становится совсем другой женщиной.

Дон Хуан засмеялся и сказал, что слова его дьявольского бенефактора были истинной правдой. Поскольку женщина и в самом деле была совсем другой *видящей* из команды нагваля. Дон Хуан спросил у молодого человека, зачем они притворяются. Молодой человек взглянул на дону Хуана, глаза его наполнились слезами, и он сказал, что тайны мира воистину непостижимы. Он и его молодая жена попали в сети некой необъяснимой силы и вынуждены прибегать к притворству, чтобы защититься. А, поскольку тюремщик их все время подсматривает сквозь щели в двери, ему приходится сохранять образ немощного старца все время. Он просил дону Хуана простить его за вынужденный обман. Дон Хуан поинтересовался, кем является этот страшный человек чудовищной наружности. Глубоко вздохнув, молодой человек ответил, что не имеет об этом ни малейшего понятия. Он сказал, что, хотя сам и является человеком образованным – известным театральным актером из Мехико-Сити, найти какие-либо объяснения происходящему он не в силах. Он знает только то, что прибыл сюда для лечения туберкулеза, которым страдал уже много лет. Когда родственники привезли его к целительнице, он уже почти умирал. Она помогла ему поправиться, и он безумно влюбился в красивую молодую индеанку, а затем и женился на ней. Он собирался увезти ее в столицу, где они смогли бы разбогатеть благодаря ее искусству целителя.

Прежде, чем они отправились в Мехико, она предупредила его, что им придется изменить внешность, чтобы ускользнуть от одного мага. Как она объяснила, мать ее тоже была целительницей, и обучал ее как раз этот мастер магии. А потом он потребовал, чтобы ее дочь осталась с ним на всю жизнь. Молодой человек сказал, что не стал тогда расспрашивать жену о ее взаимоотношениях с магом.

Ее освобождение было единственным его стремлением, поэтому он замаскировался под старика, а ее замаскировал под толстую. Но история их не окончилась счастливо. Их поймал жуткий человек и заточил в неволю. Они не отважились снять маскировку в присутствии того ужасающего чудовища, и при нем всегда делали вид, — что ненавидят друг друга. На самом же деле они друг в друге души не чают и живут исключительно ради тех немногих дней, когда он уезжает.

Дон Хуан рассказал, как молодой человек обнял его за плечи и сообщил, что единственное безопасное место в доме — комната, в которой спит дон Хуан. И он попросил дону Хуана выйти и постоять немного на страже, пока они с женой будут заниматься любовью.

— Весь дом сотряслся от их страсти, — рассказывал дон Хуан. — А я тем временем сидел снаружи чувствуя неловкость оттого, что все слышу, и в смертельном страхе ожидая, что чудовище с минуты на минуту возвратится чудовище. И, будь уверен, в конце концов я услышал его шаги у входной двери. Я принялся колотить в дверь комнаты. Они не отвечали. Я вошел. Молодая женщина спала там в обнаженном виде, молодого же человека нигде не было видно. Никогда в жизни я не видел такую красивую женщину обнаженной. И я все еще был очень слаб. И я слышал, как гремит чем-то за дверью чудовищный человек. Стеснение мое и страх были столь велики, что я упал в обморок.

Рассказ о нагвале Хулиане привел меня в состояние крайнего раздражения. Я заявил дону Хуану, что не понимаю, в чем ценность мастерства нагваля Хулиана в области *сталкинга*. Дон Хуан слушал, не перебивая. А я все нес и нес какую-то околесицу. Когда мы, наконец, присели на скамейку, я чувствовал страшную усталость. И на вопрос дона Хуана, чем же все-таки меня так расстроил рассказ о методе нагваля Хулиана, я не смог ответить ни слова.

— Я не могу отделаться от ощущения, что он был просто злостным насмешником, — произнес я наконец.

— Злостный насмешник своими выходками ничему целенаправленно не учит, — возразил дон Хуан. — А нагваль Хулиан разыгрывал драмы — магические драмы, которые требовали сдвигов точки сборки.

— А мне он кажется матерым эгоистом, — настаивал я.

– Ты пытаешься выносить суждения, – сказал дон Хуан. – Потому он и кажется тебе таковым. Ты – моралист. Я и сам через все это прошел. И, ели ты испытываешь такие чувства, только услышав о делах нагваля Хулиана, то можешь себе представить, что испытывал я, живя в его доме годами. Сначала я осуждал его, потом боялся, и наконец – завидовал ему. И еще я любил его, но зависть моя превосходила мою любовь. Я завидовал его легкости, его таинственной способности по желанию становиться то молодым, то старым, я завидовал его потрясающему чутью и, прежде всего – его умению влиять на любого, с кем он имел дело. Я чуть на стену не лез от зависти, когда слышал, как он втягивает людей в интереснейшие беседы. У него всегда было что сказать. А у меня – не было. И я ощущал себя тупым и никому не нужным. Откровения дона Хуана слегка привели меня в себя. Мне захотелось, чтобы он сменил тему, мне не нравился его рассказ о том, что он был таким же, как я. Ведь я привык думать о нем, как о ком-то несравненном. Он явно почувствовал, что со мной происходит, и рассмеялся, потрепав меня по спине.

– Я рассказываю тебе о своей зависти, – продолжил он, – для того, чтобы ты понял важнейшую вещь: все наше поведение и все наши ощущения диктуются только позицией точки сборки. И моим большим недостатком в то время, о котором я тебе рассказываю, было непонимание этого принципа. Я не прошел закалку, я был неопытен. Я жил чувством собственной важности, как живешь сейчас ты, потому что в соответствующем ему месте располагалась моя точка сборки. Видишь ли, я не знал еще тогда, что точка сборки смещается приобретением новых привычек, что она сдвигается усилием *воли*. А когда мне удалось сместить точку сборки, я вдруг обнаружил: с несравненными воинами вроде моего бенефактора и его команды можно иметь дело, только не обладая чувством собственной важности. Только этим достигается беспристрастное к ним отношение. Понимание бывает двух видов. Первый – просто болтовня, вспышки эмоций и ничего более. Второй – результат сдвига точки сборки. Этот вид понимания совмещается не с эмоциональными выбросами, но с действием. Эмоциональное осознание приходит годы спустя, когда воин закрепил новую позицию точки сборки многократным ее использованием. Нагваль Хулиан неустанно вел нас к такого рода смещению. Он добился от нас полной готовности к

сотрудничеству и полной вовлеченности в те драмы, которые разыгрывал, и которые были ярче самой жизни. Например, разыграв драму молодого человека, его жены и их тюремщика, он полностью овладел моим нераздельным вниманием и сочувствием. Для меня вся эта история со стариком, который оказался молодым, выглядела очень убедительно. Я видел чудовище собственными глазами, а это значило, что он мог рассчитывать на мое безусловное полное участие.

Дон Хуан сказал, что нагваль Хулиан был магом и волшебником, способным управлять *волей* с виртуозностью, непостижимой с точки зрения обычного человека. В его драмах принимали участие волшебные персонажи, вызванные к жизни силой *намерения*. Таким персонажем было, например, неорганическое существо, способное принимать гротескную человеческую форму. Сила нагваля Хулиана была настолько безупречна, – продолжал дон Хуан, – что он мог заставить чью угодно точку сборки сдвинуться и настроить эманации, необходимые для восприятия любых задуманных нагвалем Хулианом элементов картины мира.

Благодаря этому он мог, например, выглядеть слишком молодым и слишком старым для своего возраста, в зависимости от того, какие цели преследовал. И все, кто знал нагваля Хулиана, могли сказать о его возрасте лишь одно: неопределенный. В течение тридцати двух лет нашего с ним знакомства он то выглядел совсем молодым, как ты сейчас, то становился стариком, настолько немощным, что едва мог ходить.

Дон Хуан сказал, что под воздействием бенефактора его точка сборки начала смещаться – очень незаметно, однако основательно. Однажды, например, дон Хуан ни с того, ни с сего вдруг осознал, в нем присутствует страх. И страх этот, с одной стороны, не имеет для него никакого смысла, а с другой стороны – является самым главным, что у него есть.

– Я боялся, что, из-за своей глупости я не смогу достичь свободы и повторю жизненный путь своего отца, – объяснил дон Хуан. – Нет, не думай, в жизни моего отца не было ничего особенно плохого. Он жил и умер не лучше и не хуже, чем живет и умирает большинство людей. Важно другое: моя точка сборки сдвинулась, и в один прекрасный день я вдруг понял, что жизнь моего отца и его смерть ничего равным счетом не дали. Ни ему, ни кому бы то ни было другому.

– Бенефактор говорил мне, что жизнь моих родителей нужна была только для того, чтобы родился я. Так же, как жизнь их родителей нужна была для того, чтобы родились они. Воин относится к жизни иначе. За счет сдвига точки сборки он отдает себе отчет в том, какой невероятно огромной ценой оплачена его жизнь. Этот сдвиг рождает в осознании воина почтение и трепет, которого никогда не испытывали его родители ни перед жизнью вообще, ни перед собственной жизнью в частности. Нагваль Хулиан не только добивался фантастических успехов в смещении точек сборки своих учеников, но также получал от этого неслыханное удовольствие. И.

конечно, работая со мной, он развлекался постоянно. Позже, когда через несколько лет на горизонте начали появляться другие *видящие* моей будущей команды, я и сам каждый раз предвкушал занятные ситуации, которые он для каждого из них придумывал.

– Когда нагваль Хулиан покинул мир, восторг ушел вместе с ним, чтобы никогда не вернуться. Иногда нас развлекает Хенаро и даже временами приводит в восторг, но это – не то. Никто не может занять место нагваля Хулиана. Его драмы всегда превосходили все, что может встретиться в жизни. Уверяю тебя, мы все даже понятия не имели, что такое истинное наслаждение до тех пор, пока не увидели, что делает он сам, когда некоторые из его драм выходят ему боком.

И дон Хуан поднялся со своей любимой скамейки и сказал: – Если когда-нибудь ты обнаружишь, что зашел в тупик и не можешь выполнить свою задачу, тебе должно хватить энергии хотя бы на то, чтобы сдвинуть свою точку сборки и найти вот эту скамейку. Ты придешь сюда и присядешь ненадолго, освободившись от мыслей и желаний. И тогда, где бы я ни был, я попытаюсь прийти сюда и взять тебя с собой. Обещаю тебе, что попытаюсь это сделать.

А затем он рассмеялся, словно обещал нечто практически невыполнимое и потому неправдоподобное.

– Мне следовало произнести эти слова вечером, когда солнце уже готово коснуться горизонта, – сказал он, все еще смеясь. – Но только не утром. Утро – время, полное оптимизма. И подобные слова теряют свое значение.

13. Толчок земли

– Давай-ка прогуляемся в сторону Оахаки, – предложил дон Хуан.

– Там где-то у дороги нас должен ожидать Хенаро. Его предложение застало меня врасплох. Весь день я ждал, что он продолжит свои объяснения. Выйдя из дома, мы долго неспешно шли по городу в сторону немощенной дороги и молчали.

Неожиданно дон Хуан заговорил:

– Все время я рассказывал тебе о великих открытиях, сделанных *видящими* древности. Так вот, подобно тому, как они обнаружили, что органическая жизнь – не единственная присутствующая на земле форма жизни, они выяснили и то, что сама по себе земля тоже является живым существом.

Прежде, чем продолжить, он с улыбкой выждал немного, как бы предлагая мне высказаться по поводу его заявления. Я не нашел, что сказать. Тогда он продолжил:

– Древние *видящие* увидели, что у земли есть кокон. Они увидели – существует шар, внутри которого находится земля. Этот шар – светящийся кокон, заключающий в себе эманации Орла. Таким образом, земля – гигантское живое существо, подверженное действию всех тех же самых законов, действию которых подвержены и мы.

– Как только древние толтеки об этом узнали, они сразу же принялись за поиски путей практического применения нового знания. В результате возникла одна из самых развитых категорий их магических практик – практики земли. Толтеки считали землю первоначальным источником всего, что мы собою являем.

– И в этом они не ошибались. Земля – действительно первичный источник всего.

Больше он не сказал ничего до тех пор, пока, пройдя вдоль дороги примерно милю, мы не встретили Хенаро. Он ждал нас, сидя на придорожном камне.

Очень тепло Хенаро приветствовал меня и сказал, что нам предстоит взобраться на вершину одного из скалистых холмов, покрытых чахлой растительностью.

– Мы – все втроем – сядем, прислонившись спиной к камню, – объяснил дон Хуан, – и будем созерцать солнечный свет, отраженный от восточных гор. А когда солнце опустится – за горы на западе, земля, возможно, позволит тебе *увидеть* настройку.

Поднявшись на скалу, мы сели, прислонившись спинами к камню. Дон Хуан велел мне занять место между ним и Хенаро.

Я спросил у дона Хуана, что он собирается делать. Его загадочные фразы, перемежавшиеся длительным молчанием, производили весьма многозначительное впечатление. Я чувствовал себя весьма и весьма не в своей тарелке.

Дон Хуан не ответил. Он продолжал, словно я не произнес не слова:

– Тот факт, что восприятие сути настройка, был открыт древними *видящими*.

Очень досадно, что их заблуждения опять не дали им возможности понять, что они совершили.

Он указал на горный хребет к востоку от городка.

– На этих горах достаточно блеска, чтобы подтолкнуть твою точку сборки. Магический ключ, который открывает двери Земли, – это внутренняя тишина и любая сверкающая вещь.

– Что я должен делать?

– Просто отсеки внутренний диалог, – ответил дон Хуан.

Меня охватили чувства тревоги и сомнения, смогу ли я сделать это, но потом я просто расслабился. Я осмотрелся. Мы находились достаточно высоко. Вся длинная узкая долина лежала перед нами как на ладони. Солнце еще освещало косыми лучами подножия гор на востоке, по другую сторону долины. Выветренные склоны казались охряно-оранжевыми, а голубоватые пики вдали приобрели пурпурный оттенок.

– Ты ведь отдаешь себе отчет в том, что уже делал это прежде? – шепотом спросил у меня дон Хуан.

Я ответил, что не отдаю себе отчета ни в чем.

– Мы уже сидели здесь не один раз, – настаивал он, – но это не важно. В счет идет только этот раз. Сегодня Хенаро поможет тебе найти ключ, которым отпирается все. Пока что ты не сможешь им воспользоваться. Но ты будешь знать, что он такое и где его искать. За то, чтобы это узнать, *видящие* платят непомерную цену. И сам ты все эти годы выплачивал свой долг.

Он объяснил, что ключом ко всему называет непосредственное

знание того, что земля – живое существо, и, будучи таковым, способна дать воину мощнейший толчок. Этот толчок суть импульс, исходящий из осознания самой земли в тот момент, когда эманации внутри кокона воина настраиваются на соответствующие им эманации внутри кокона земли. Поскольку и земля, и человек являются живыми существами, их эманации совпадают, вернее, у земли есть все эманации, присутствующие в человеке и все эманации, присутствующие во всех живых существах, как органических, так и неорганических. В момент, когда происходит взаимная настройка эманаций живого существа и земли, существо воспринимает свой мир. При этом настройка используется в ограниченной мере. Воин может использовать настройку как для того, чтобы воспринимать подобно всем другим существам, либо для того, чтобы получить толчок, позволяющий ему проникнуть в невообразимые миры.

– Я долго ждал от тебя вопроса – одного-единственного имеющего значение вопроса, который ты в принципе можешь сейчас задать, – продолжал дон Хуан. – Однако ты так его и не задал. Вместо этого ты зацепился за выяснение того, где же находится тайна бытия – вне нас или внутри. Впрочем, это уже не очень далеко от того, что я имею в виду.

– В действительности неизвестное не лежит внутри кокона человека – там, где находятся эманации, не задействованные осознанием – и в то же время, образно говоря, оно скрыто именно там. Это – момент, который остался тебе непонятен. Когда я рассказывал тебе о семи мирах, которые ты можешь собрать помимо известного мира обычной жизни, ты думал, что речь идет о вещах сугубо внутреннего характера. Все дело в твоей жесткой привязанности к убеждению, что все действия и явления, через которые ты проходишь под нашим руководством – только игра твоего и нашего воображения. Поэтому-то тебе никогда не приходила в голову мысль задать мне вопрос: а существует ли неизвестное вообще? Годами я множество раз, указывая рукой на окружающий мир, говорил тебе: там – неизвестное. Но ты никогда не улавливал связи.

Хенаро засмеялся, потом закашлялся, встал на ноги и произнес, обращаясь к дону Хуану:

– Он ее так и не уловил.

Я признался в том, что, если какая-то связь и существует, то я ее не

вижу.

Дон Хуан снова и снова твердил, что та часть эманаций, которая заключена внутри человеческого кокона, находится там только для того, чтобы обеспечить осознание. Само же осознание суть соответствие некоторой части внутренних эманации какой-то части эманаций внешних, то есть больших. Большими они называются, потому что они неизмеримо огромны, и сказать: непознаваемое находится вне кокона человека – то же самое, что сказать: непознаваемое – внутри кокона земли. Однако внутри ее кокона присутствует также и неизвестное. Неизвестное же внутри человеческого кокона суть эманации, не тронутые осознанием. Когда свечение осознания их затрагивает, они становятся активными и настраиваются на соответствующие им большие эманации. Как только это происходит, неизвестное делается объектом восприятия и превращается в известное.

– Я слишком туп, дон Хуан. Ты бы разбил свое объяснение на части. Может, по кусочкам тебе удалось бы получше его для меня разжевать.

– Сейчас Хенаро тебе все разжует, – пообещал дон Хуан.

Хенаро принялся ходить походкой силы, той самой, которую он использовал тогда на вспаханном поле возле своего дома, когда ходил вокруг большого плоского камня. В тот раз дон Хуан увлеченно следил за его движениями. На этот раз он прошептал мне на ухо, что следует постараться услышать движения Хенаро, обращая особое внимание на звук, который сопровождает подъем бедер, когда они при каждом шаге касаются грудной клетки. Взгляд мой следовал за каждым движением Хенаро. Через несколько секунд я ощутил, что его ноги поймали какую-то часть меня. Движение его бедер не отпускало меня. Появилось такое ощущение, будто я иду вместе с ним. Я даже запыхался. Потом я осознал, что уже вовсе не сижу на прежнем месте, а действительно иду вслед за Хенаро.

Дона Хуана я не видел. Хенаро все тем же странным образом шел впереди меня. Мы шли уже много часов подряд. От усталости у меня разболелась голова и неожиданно меня стошнило. Хенаро остановился, потом подошел ко мне и встал рядом. Все вокруг нас было залито ярким сиянием, свет которого отражался в чертах лица Хенаро. Глаза его светились. Вдруг в ушах моих зазвучал голос:

– Не смотри на Хенаро! Взгляни вокруг!

Я подчинился. Я подумал, что попал в ад! Шок от того, что я увидел, был настолько силен, что я вскричал, ужаснувшись. Но не издал при этом ни звука. То, что я видел вокруг, как нельзя лучше соответствовало картине ада, запечатленной в моем сознании католическим воспитанием. Я видел красноватый мир, жаркий и гнетущий, темный, испещренный пустотами, в мире этом не было неба и отсутствовал какой бы то ни было свет, кроме зловещих отражений красноватых огней, метавшихся вокруг с немыслимой быстротой.

Хенаро двинулся дальше, и что-то потянуло меня за ним. Сила, заставлявшая меня двигаться вслед за Хенаро, не давала также и взглянуть вокруг. Все мое осознание было намертво приклеено к движениям Хенаро.

Я увидел, как Хенаро рухнул на землю, словно окончательно обессилев. В миг, когда он всем телом коснулся земли и вытянулся, чтобы отдохнуть, что-то во мне обрело свободу, и я снова смог оглядеться. Дон Хуан с любопытством меня разглядывал. Я стоял прямо перед ним. Мы находились в том самом месте, где сидели с самого начала – на широком уступе невысокой скалистой горы. Хенаро сопел и отдувался, как, впрочем, и я. Весь я был покрыт потом. С волос капало. Одежда тоже вся промокла, как будто меня выкупали в речке.

– Господи, да что же это такое!? – воскликнул я с выражением абсолютной серьезности и крайней озабоченности.

Вопрос мой прозвучал настолько глупо, что дон Хуан и Хенаро засмеялись.

– Мы пытаемся сделать так, чтобы ты понял, что такое настройка, – ответил Хенаро.

До Хуан аккуратно помог мне сесть. Сам он опустился на землю рядом со мной и спросил:

– Ты помнишь, что происходило?

Я ответил, что помню. Он потребовал, чтобы я в точности описал все, что *видел*. Требование это шло вразрез с тем, что он говорил раньше, а именно – с тем, что значение имеет только смещение точки сборки, но никак не содержание тех или иных конкретных видений.

Дон Хуан объяснил, что Хенаро уже не единожды пытался помочь мне подобным же образом, но в прошлые разы я не мог вспомнить

ничего вообще. Сегодня Хенаро еще раз попытался увести мою точку сборки и заставить ее собрать мир в другой большой полосе эманаций.

Последовала долгая пауза. Я был оглушен и поражен, однако осознание мое было как никогда острым. Мне показалось, что я наконец-то понял, чем является настройка. Что-то внутри меня, задействованное мною неизвестно каким образом, наполняло меня уверенностью, что мне удалось постичь великую истину.

– Похоже, ты начинаешь ускоряться, – сказал мне дон Хуан. –

Ладно, идем домой. Для одного дня достаточно.

– Ну что ты! – возразил Хенаро. – Он сильнее быка. Нужно его еще немного подтолкнуть.

– Нет! – отрезал дон Хуан. – Нужно беречь его силы. У него их не так уж много.

Хенаро настаивал на том, чтобы мы остались. Он взглянул на меня и подмигнул. А потом, указывая на цепь гор на востоке, сказал:

– Смотри – солнце прошло совсем немного. А ведь ты брел по аду много часов. Тебя это не впечатляет?

– Не пугай его без необходимости! – почти яростно запротестовал дон Хуан.

Тут-то я и увидел все их маневры. Голос *видения* сказал мне, что дон Хуан и Хенаро – два великолепных *сталкера*, которые со мной играют. Именно дон Хуан всегда толкал меня за пределы моих возможностей. Однако роль погоняющего он предоставлял играть Хенаро. И в тот день, в доме Хенаро, когда я достиг опасной стадии истерического страха, и Хенаро спрашивал у дон Хуана, стоит ли толкать меня дальше, а дон Хуан уверял меня, что Хенаро надо мной потешается, Хенаро действительно за меня волновался. То, что я *увидел*, настолько потрясло меня, что я рассмеялся. И дон Хуан, и Хенаро взглянули на меня с удивлением. Потом дон Хуан, похоже, мгновенно понял, что происходит у меня в уме. Он сказал об этом Хенаро, и оба они засмеялись, совсем как дети.

– Растешь! – сказал мне дон Хуан. – Все в свое время: ты не слишком глуп, но и не блистаешь. Совсем, как я. Правда, заблуждения твои от моих отличаются. В этом ты больше похож на нагваля Хулиана. За исключением того, что тот был просто великолепен.

Дон Хуан встал и потянулся, бросив на меня самый пронзительный и яростный взгляд, какой я видел в своей жизни. Я тоже поднялся.

– Никто не должен знать о том, что в действительности делает нагваль, – сказал он, обращаясь ко мне. – Нагваль приходит и уходит, не оставляя следов. Именно эта свобода делает его нагвалем.

Мгновенно сверкнув, глаза его подернулись дымкой мягкости, доброты и человечности, снова став глазами дона Хуана.

Я почти потерял равновесие, едва не падая в обморок. Хенаро подскочил ко мне и помог мне сесть. Оба они сели по бокам.

– Ты поймаешь толчок земли, – прошептал мне в одно ухо дон Хуан.

– Думай о глазах нагваля, – шепнул в другое Хенаро. – Толчок земли придет в тот самый миг, когда ты увидишь сверкание на вершине вон той горы, – сказал дон Хуан и указал на самый высокий пик восточного хребта.

– Ты больше никогда не увидишь глаза нагваля, – шепнул Хенаро.

– Отправляйся с толчком туда, куда он тебя унесет, – сказал дон Хуан.

– Если ты будешь думать о глазах нагваля, ты осознаешь, что медаль имеет две стороны, – прошептал Хенаро.

Я хотел подумать о том, что оба они говорили, но мысли мне не подчинялись. Что-то давило на меня. Я чувствовал, что сжимаюсь. Я ощутил приступ тошноты. Я видел, как вечерние тени быстро поднимаются по склонам гор на востоке. Я чувствовал, что словно бегу за теньями.

– Ну – вперед! – сказал Хенаро мне на ухо.

– Следи за большим пиком, смотри на сверкание, – сказал с другой стороны дон Хуан.

Там, куда указывал дон Хуан, на вершине самого высокого пика восточного хребта действительно появилась сверкающая точка. Я смотрел, как она отражает последние лучи заходящего солнца. Под ложечкой образовалась пустота, словно я несся вниз по американской горке.

Затем я скорее почувствовал, чем услышал гул далекого землетрясения. Он неожиданно охватил меня. Сейсмические волны были настолько огромны и производили такой грохот, что утратили для меня всякое значение. Сам же я был никчемным микробом, которого все это крутило и вертело.

Постепенно свистопляска замедлилась. Последовал еще один мощный толчок, после чего наступила остановка. Я попытался

осмотреться. У меня не было точки опоры, и не было начала отсчета. Я словно рос из чего-то, подобно дереву. Надо мной был белый сияющий непостижимых размеров купол. Его существование вдохновило меня. Я полетел к нему, вернее, был выброшен, как снаряд. Я испытывал ощущение комфорта, ухоженности, безопасности. Чем ближе я поднимался к куполу, тем чувства эти становились более интенсивными. Наконец, они переполнили меня, и я утратил всякое самоощущение. Следующим, что я помню, было ощущение парения. Я покачивался в воздухе, словно падающий лист. Я чувствовал, что бесконечно устал. Неведомая засасывающая сила куда-то тянула меня. Пройдя сквозь темную дыру, я оказался рядом с доном Хуаном и Хенаро.

На следующий день мы с доном Хуаном и Хенаро отправились в Оахаку. Вечером, когда дон Хуан и я прогуливались по главной площади, он неожиданно завел разговор о том, что мы проделали в предыдущий день. Дон Хуан поинтересовался, понял ли я, что он имел в виду, говоря о колоссальной находке древних *видящих*.

Я ответил, что понимаю, но облечь это понимание в слова не умею.

— А как ты думаешь, ради чего мы поднимались вчера на вершину той горы? Что ты должен был там найти? Самое главное?

— Настройку, — произнес голос у самого моего уха в то же мгновение, когда слово это сорвалось и с моих уст.

Я рефлекторно обернулся и нос к носу столкнулся с Хенаро, который шел за мной след в след. Быстрота, с которой я обернулся, была для него неожиданностью. Он усмехнулся, а затем обнял меня.

Мы присели на скамейку. Дон Хуан сказал, что сказать о том толчке, который я получил вчера от земли, ему в общем-то почти нечего. В подобных случаях воин всегда остается один на один с самим собой. Истинное же понимание приходит гораздо позже, спустя годы борьбы.

Я сказал дону Хуану, что сложности, связанные с пониманием, в моем случае значительно увеличиваются еще и из-за того, что они с Хенаро делают всю работу. Я же все время остаюсь лишь пассивным объектом, способным лишь реагировать на их действия. Ведь я никогда не знаю ни того, каким должно быть адекватное действие с моей стороны, ни даже того, с какого конца к нему подступить.

– Все совершенно верно, – согласился дон Хуан. – Но ведь никто не сказал, что ты должен это знать. Ты останешься здесь, один, и тебе придется пересмотреть и реорганизовать в самом себе все, что мы сейчас с тобой продельываем. Перед такой задачей рано или поздно оказывается каждый нагваль. Нагваль Хулиан сделал то же самое со мной. По гораздо безжалостнее, чем мы поступаем с тобой. Он знал, что делает, поскольку был блестящим нагвалем. Ведь чтобы реорганизовать все, оставленное ему нагвалем Элиасом, самому ему потребовалось всего несколько лет. Он практически не тратил времени на многие вещи, которые у тебя или у меня заняли бы всю жизнь. Разница в том, что нагвалю Хулиану требовался лишь незначительный намек – а дальше за дело бралось его осознание, которое и открывало единственную имеющуюся дверь.

– Что ты имеешь в виду, говоря о единственной двери, дон Хуан?

– Я имею в виду, что, стоит точке сборки преодолеть некий критический порог, и результат оказывается одним и тем же для любого человека. Приемы, ее сдвигающие могут быть бесконечно разнообразными. Но результат всегда один и тот же: точка сборки собирает другие миры с помощью толчка земли.

– А толчок земли одинаков для всех?

– Совершенно верно. Проблема обычного человека – внутренний диалог. Толчок земли может быть использован только по достижении состояния абсолютного внутреннего безмолвия. Это – бесспорная истина, и ты в ней удовлетворишься непременно, когда однажды самостоятельно попытаешься воспользоваться толчком земли.

– Но я бы не советовал тебе пытаться, – искренне сказал Хенаро. – На то, чтобы стать безупречным воином, уходят годы. Сейчас ты не готов к тому, чтобы выдержать толчок земли. Тебе необходимо сильно измениться к лучшему.

– Скорость этого толчка растворит в тебе все, чем ты являешься, – сказал дон Хуан. – Под ее воздействием мы превращаемся в ничто. Скорость и личностное самоосознание не могут сосуществовать. Вчера на вершине мы с Хенаро поддерживали тебя. Мы служили как бы якорями. Иначе ты бы не вернулся. Ты уподобился бы тем людям, которые намеренно ушли в неизвестное, воспользовавшись толчком земли. Они и по сей день рыщут где-то там, в этой непостижимой бесконечности.

Я хотел, чтобы дон Хуан подробнее остановился на этом, но он отказался, резко сменив тему.

– Есть одно, чего ты пока что не понял относительно земли как живого существа, – сказал он. – И Хенаро, этот ужасный Хенаро, намерен подгонять тебя до тех пор, пока ты не поймешь.

Оба они рассмеялись. Хенаро игриво толкнул меня, подмигнул и произнес:

– Я воистину ужасен.

– Хенаро – надсмотрщик, – продолжал дон Хуан, – ужасный, злобный и безжалостный. Ему наплевать на твои страхи, и погоняет он тебя безо всякой пощады. Если бы не я...

И он с идеальной точностью изобразил доброго, заботливого старого джентльмена. Он даже вздохнул, потупив взгляд. А затем они оба разразились громоподобным хохотом.

Когда они утихомирились, дон Хуан сказал, что Хенаро хотел бы показать мне то, чего я еще не понял: именно высшее осознание земли позволяет нам переходить в параллельные большие полосы эманаций.

– Мы – живые существа, – объяснил он, – и мы воспринимаем. А воспринимаем мы потому, что некоторые эманации внутри наших человеческих коконов настраиваются на соответствующие им внешние эманации. Таким образом, настройка – потайной ход, а толчок земли – ключ от его двери. Хенаро хочет показать тебе момент настройки. Смотри на него! Хенаро встал и поклонился, как фокусник в цирке.

Потом он показал, что ни в рукавах, ни в штанинах ничего не прячет. Он даже снял туфли и потряс их, показывая, что в них тоже нет ничего.

Дон Хуан самозабвенно хохотал. Хенаро поднял и опустил руки. Это движение мгновенно остановило меня. Я ощутил, что мы все втроем вдруг встали и пошли с площади, причем они шли по обе стороны от меня.

Продолжая идти, я обнаружил, что утратил периферийное зрение. Я не различал ни домов, ни улиц. Я не видел также ни гор, ни растительности. В какой-то момент я осознал, что потерял из виду дона Хуана и Хенаро. Вместо них рядом со мной покачивались два светящихся пучка чего-то.

Меня мгновенно охватила паника, с которой я тут же справился. Появилось хорошо знакомое, но в то же время весьма необычное

ощущение, что я есть я и в то же время я не есть я. Я осознавал окружающее с помощью какой-то незнакомой и одновременно хорошо известной мне способности. Я воспринимал сразу весь мир. Я *видел* всем своим существом: все то, что в нормальном состоянии осознания я называл бы своим телом, было способно воспринимать. Оно словно превратилось в один гигантский глаз, который видел все. Первое, что я обнаружил сразу же после того, как *увидел* два сгустка света, был острый фиолетово-пурпурный мир, составленный чем-то похожим на цветные панели и навесы. Плоские, экраноподобные панели неправильных концентрических окружностей заполняли все вокруг.

Я ощутил огромное давление, сжимавшее меня со всех сторон, а затем услышал голос. Я *видел*. Голос объяснил, что давление обусловлено тем, что я двигаюсь. Я двигался вместе с доном Хуаном и Хенаро. Я ощутил слабый толчок, словно прорвался бумажный барьер. Я оказался в светящемся мире. Свет исходил отовсюду, но не слепил. Это было похоже на то, как светит солнце, готовое вот-вот пробиться сквозь толщу полупрозрачных облаков. Я смотрел вниз на источник света. Было очень красиво. Земли не было – только белые пушистые облака и свет. И мы шли по этим облакам.

Затем я снова оказался у чего-то в плену. Я двигался с той же скоростью, что и сгустки света по обе стороны от меня.

Постепенно они утратили светимость, потом помутнели и, наконец, превратились в дону Хуана и Хенаро. Мы шли по пустынной боковой улочке прочь от главной площади. Потом мы вернулись на площадь.

– Только что Хенаро помог тебе настроить твои эманации на соответствие большим эманациям, принадлежащим другой полосе, – объяснил мне дон Хуан. – Настройка должна быть действием очень мягким и незаметным. Никаких полетов, никакого шума и суеты.

Он сказал, что уравновешенность, необходимая для того, чтобы точка сборки смогла собрать другие миры, не может быть достигнута экспромтом. Прежде, чем воину удастся безнаказанно сломать барьер восприятия, его уравновешенность должна созреть и сделаться самостоятельной силой.

Мы подходили к площади. Хенаро по-прежнему молчал. Он словно погрузился в размышление. Перед тем, как мы вышли на

центральную площадь, дон Хуан сказал, что Хенаро хотел показать мне еще одну вещь: точка сборки – это все, и мир, который она собирает, настолько реален, что не оставляет места ни для чего кроме реальности.

– Хенаро заставит свою точку сборки собрать иной мир исключительно ради тебя, – продолжал дон Хуан. – И ты поймешь, что, как только он начнет воспринимать другой мир, сила его восприятия не оставит места ни для чего другого.

Хенаро пошел впереди нас. Дон Хуан велел мне, следя за Хенаро, вращать глазами в направлении против часовой стрелки, чтобы не быть не втянутым вслед за ним. Я подчинился. Хенаро шел футах в пяти-шести перед нами. Вдруг его форма начала растворяться, и в считанные мгновения он исчез.

Мне пришли на память виденные когда-то научно-фантастические фильмы, и я подумал: не отдаем ли мы себе подсознательный отчет в своих возможностях?

– В настоящий момент Хенаро отделен от нас силой восприятия, – спокойно проговорил дон Хуан. – Когда точка сборки собирает какой-нибудь мир, этот мир завершен. Это и есть то чудо, на которое натолкнулись в свое время древние *видящие*. Но они так и не поняли, что это такое: осознание земли дает нам толчок, позволяющий осуществить настройку на соответствие эманациям других больших полос, и сила новой настройки заставляет этот мир растаять.

– Каждый раз, когда древние *видящие* достигали новой настройки, они думали, что погружаются в глубины или воспаряют в небесную высь. Они так и не узнали, что мир исчезает, как дым, развеянный дуновением ветра, когда новая полная настройка заставляет нас воспринимать другой завершенный мир.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

14. Накатывающаяся сила

Дон Хуан собирался начать объяснять овладение осознанием, но передумал и встал. Мы сидели в большой комнате, соблюдая молчание.

– Я хочу, чтобы ты попытался *увидеть* эманации Орла, – сказал он.

– Для этого ты должен сдвинуть свою точку сборки, пока не *увидишь* кокон человека.

Мы вышли из парка, направились в центр города и сели на пустую скамейку в парке напротив церкви. День клонился к вечеру. Было солнечно и тепло, но ветрено. Вокруг мельтешило множество людей.

Он опять повторил, как если бы хотел, чтобы я обязательно это усвоил, что соответствие – уникальная сила, поскольку она либо помогает точке сборки двигаться, либо фиксирует ее в обычном положении. Тот аспект соответствия, сказал он, который удерживает точку сборки неподвижной, называется *долей*, а аспект, сдвигающий ее – *намерением*. Он наметил, что одна из самых захватывающих тайн – это то, что *воля*, безличная сила соответствия, превращается в *намерение* – личную силу, которая находится в распоряжении каждого индивидуума.

– Наиболее странной частью этой тайны, – сказал он, – является то, что превращение это очень легко осуществить, но гораздо труднее убедить себя в том, что это возможно. Именно здесь и находится наш предохранитель. Мы должны быть убеждены, однако никто из нас этого не хочет.

Он сказал, что я нахожусь в своем самом остром состоянии осознания, и что я могу своим *намерением* заставить точку сборки сдвинуться глубже влево, в позицию *сновидения*. Он сказал, что воины никогда не должны пытаться *видеть* без помощи *сновидения*. Я возразил, что никогда не отличался способностью засыпать на публике. Он уточнил свое заявление, сказав, что сдвинуть точку сборки с ее нормального положения и удержать ее в новом месте и значит спать; при некотором опыте *видящие* способны находиться в состоянии сна и в то же время вести себя

так, как будто с ними ничего не происходит.

Помолчав секунду, он добавил, что для того, чтобы увидеть кокон человека, необходимо смотреть на людей сзади, когда они удаляются. Бесполезно смотреть на них лицом к лицу, поскольку передняя сторона яйцевидного кокона человека имеет защитный экран, который *видящие* называют фронтальной пластиной. Он представляет собой почти непроницаемый прочнейший щит, который всю нашу жизнь защищает нас от натиска некоторой силы, порождаемой самими эманациями.

Дон Хуан также сказал, что не следует удивляться, если я почувствую, что тело мое одеревенело, как будто его заморозили. Кроме того, большое значение будет иметь быстрота реакции, потому что я буду ощущать себя подобно человеку, смотрящему на улицу сквозь окно, и люди будут проходить мимо окна моего *видения* очень быстро. Затем дон Хуан велел мне расслабить все мышцы, выключить внутренний диалог, и отпустить точку сборки, позволив ей сместиться под воздействием внутреннего молчания. Он велел мне мягко, но уверенно похлопать себя по правой стороне туловища между тазом и ребрами.

Я сделал это трижды и глубоко уснул. Тело мое дремало, но я полностью осознавал все, что происходило вокруг. Я слышал, как дон Хуан ко мне обращается и мог следить за всеми его словами так, словно находился во вполне бодрствующем состоянии. И в то же время не мог пошевелить ни одной частью тела.

Дон Хуан сказал, что к окну моего видения приближается человек и что мне нужно попытаться этого человека *увидеть*. Я безуспешно попытался повернуть голову, а потом возникло нечто светящееся яйцеобразной формы. Оно было великолепно! Я был в восторге от этого зрелища, но оно исчезло прежде, чем я смог оправиться от удивления. Покачиваясь вверх-вниз оно уплыло. Все произошло настолько неожиданно и быстро, что я расстроился и почувствовал, что нетерпение охватывает меня. Возникло ощущение, что я начинаю пробуждаться. Дон Хуан снова заговорил и велел мне расслабиться. Он сказал, что у меня нет ни права, ни времени проявлять нетерпение. Вдруг появилось и уплыло прочь еще одно светящееся яйцо. Оно казалось сделанным из белой флуоресцирующей косматой шерсти.

Дон Хуан сказал, что, если я захочу, то смогу глазами замедлить все, на чем будет сфокусирован взгляд. Потом предупредил, что

идет еще один человек. В этот момент я осознал, что слышу два голоса. Тот, который я только что слышал, за минуту до этого увещевал меня проявит терпение. Это был голос дон Хуана. А тот голос, который учил меня использовать взгляд для замедления движения, был голосом видения.

В тот день я *увидел* десять светящихся существ в замедленном движении. Голос *видения* вел меня. Благодаря ему я смог разглядеть в светимости осознания все то, о чем рассказывал мне ранее дон Хуан. На правой стороне яйцеобразных светящихся существ я *увидел* вертикальную полосу яркого янтарного свечения. Она занимала примерно одну десятую всего объема кокона. Голос объяснил, что это – человеческая полоса осознания. Потом голос обратил мое внимание на точку, сиявшую особенно ярко. Она располагалась на коконах высоко, почти на самой верхушке. Голос объяснил, что эта точка и есть точка сборки.

Каждое светящееся создание, когда я смотрел на него в профиль по отношению к человеческому телу внутри кокона, напоминало гигантский волчок, поставленный на ребро, или почти круглый горшок, накрытый крышкой и опрокинутый на бок. Та его часть, которая напоминала крышку, была фронтальной пластиной. Она занимала примерно одну пятую всей толщины кокона.

Я мог бы еще долго сидеть и разглядывать светящиеся существа, но дон Хуан сказал, что теперь пора попробовать созерцать людей спереди, лицом к лицу, не прекращая созерцание до тех пор, пока не удастся разрушить барьер и *увидеть* эманации.

Я последовал его указанию. И почти мгновенно *увидел* ярчайшую сеть живых волокон света, они непреодолимо приковывали к себе мое внимание. Зрелище было настолько ослепительным, что я тут же потерял равновесие и свалился на бок, прямо на бетонную дорожку. Лежа там, я *увидел*, как множатся всепобеждающие волокна света. Потом произошел взрыв и из прежних волокон вырвались мириады новых. Однако несмотря на то, что волокна захватывали все пространство и все в пространстве подчинялось их силе, они не нарушали моего обычного зрения. В церковь шли люди. Множество людей. Я больше не *видел* их. Несколько мужчин и женщин находились совсем рядом со скамейкой. Я хотел было сфокусировать глаза на этих людях, но вместо этого вдруг заметил, как начало разбухать одно из волокон. Оно превратилось в нечто, похожее на огненный шар около семи футов в диаметре.

Шар покатился ко мне. Первым моим импульсом было – откатиться в сторону с его пути. Но прежде, чем я успел пошевелиться, шар накатился на меня. Я ощутил удар, словно кто-то несильно попал мне кулаком под ложечку. Мгновение спустя меня ударил еще один шар, на этот раз удар был гораздо ощутимее. А потом дон Хуан дал мне хорошую оплеуху. Я непроизвольно вскочил и тут же светящиеся волокна и накатывающиеся на меня шары исчезли из моего поля зрения. Дон Хуан сказал, что я успешно выдержал первую короткую встречу с эманациями Орла, однако пара толчков опрокидывателя опасно приоткрыла мой просвет. Он добавил, что шары, которые ударялись в меня, называются накатывающей силой или опрокидывателем.

Мы находились в его доме. Я не помнил как и когда мы туда вернулись. Несколько часов я провел как бы в полусне. Дон Хуан с помощью других *видящих* своей группы все время поили меня водой. Кроме того, они периодически ненадолго окунали меня в ванну с ледяной водой.

– Те волокна, которые я *видел*, были эманациями Орла? – спросил я у дона Хуана.

– Да. Но ты по-настоящему не *видел* их, – ответил он. – Как только ты начал *видеть*, опрокидыватель тебя остановил. Если бы это продолжалось еще мгновения, он бы тебя взорвал.

– Что такое опрокидыватель?

– Опрокидыватель есть сила, исходящая из эманаций Орла, – ответил он. – Сила, которая, ни на мгновение не останавливаясь, накатывается на нас в течение всей нашей жизни. Когда ее *видишь*, она смертельна. Но в нашей обычной жизни мы ее не замечаем, поскольку обладаем защитными экранами. У нас есть всепоглощающие интересы, занимающие все наше осознание. Мы все время беспокоимся о своем положении, о то, чем владеем. Тем не менее, эти щиты не избавляют нас от ударов опрокидывателя. Они просто не дают нам *увидеть* его непосредственно, предохраняя тем самым от поражения страхом, возникающим при виде огненных шаров, которые непрестанно ударяют нас. Экраны – большая помощь для нас, но и большая помеха. Они успокаивают нас и в то же время обманывают, сообщая нам ложное ощущение защищенности.

Дон Хуан предупредил меня, что в когда-нибудь в моей жизни

неизбежно настанет миг, когда я, утратив щиты, буду открыт непрерывному воздействию опрокидывателя. Он сказал, что такую стадию непременно проходит любой воин. Она называется потерей человеческой формы.

Я попросил его объяснить так, чтобы я раз и навсегда усвоил, что такое человеческая форма, и что значит ее утратить.

Дон Хуан ответил, что *видящие* называют человеческой формой неодолимую силу настройки эманаций, зажженных свечением осознания в том месте, где располагается точка сборки человека в нормальном состоянии. Это сила, благодаря которой мы являемся человеческими личностями. Таким образом, быть человеческой личностью – значит быть вынужденным подчиняться этой силе настройки, а следовательно, быть жестко привязанным в своих действиях к тому месту, откуда она исходит.

Благодаря практике воина его точка сборки в определенный момент начинает сдвигаться влево. Этот сдвиг устойчив, он приводит к необычному чувству отстраненности, или контроля или даже самоотрешенности. Смещение точки сборки влечет за собой перенастройку эманаций. Новая настройка становится началом целой серии еще более значительных сдвигов.

Первоначальный же сдвиг *видящие* очень точно называли потерей человеческой формы, поскольку он знаменует собой начало неумолимого движения точки сборки прочь от ее исходной позиции, в результате чего необратимо утрачивается наша привязанность к силе, делающей нас человеческими личностями. Затем он попросил меня во всех подробностях описать то, что я запомнил об огненных шарах. Я сказал, что *видел* шары лишь мельком, и вряд ли смогу подробно их описать.

Дон Хуан отметил, что *видение* – просто иносказательное описание сдвига точки сборки. Поэтому, сдвинув ее еще немного левее, я смог бы добиться более четкого восприятия огненных шаров.

Полученную в результате картину можно было бы интерпретировать как то, что мне удалось их запомнить.

Я попытался получить более четкую картину, но из этого ничего не вышло. Тогда я описал то, что помнил.

Он внимательно слушал, а потом попросил вспомнить, были это шары или огненные кольца. Я сказал, что не помню.

Дон Хуан объяснил, что значение этих огненных шаров для человеческих существ огромно, ибо они являются проявлением

силы, имеющей самое непосредственное отношение ко всем деталям жизни и смерти. Саму эту силу *видящие* называют накатывающейся силой.

Я попросил разъяснить, что понимается под всеми деталями жизни и смерти.

– Накатывающаяся сила является средством, с помощью которого Орел раздает в пользование жизнь и осознание, – объяснил он. – Но эта же сила – то, с помощью чего он, так сказать, взимает плату. Накатывающаяся сила заставляет все живые существа умирать. То, что ты сегодня *видел*, древние *видящие* назвали опрокидывателем.

– *Видящие* описывают опрокидыватель как бесконечную последовательность радужных колец или огненных шаров, непрерывно накатывающихся на живые существа. Светящееся органическое существо грудью встречает накатывающуюся силу, пока не приходит день, когда оно уже не может с нею совладать. Тогда существо разрушается. Древние *видящие* были просто околдованы, когда *увидели*, как опрокидыватель сталкивает умирающее существо прямо к клюву Орла, и там оно поглощается. Именно поэтому древние называли эту силу опрокидывателем.

– Ты сказал, что зрелище это околдовывает. А тебе самому приходилось *видеть*, как сила опрокидывает человеческое существо?

– Конечно, приходилось, – ответил дон Хуан, а потом добавил, – Да ты и сам это *видел* совсем недавно. В Мехико Сити.

Виду полной несуразности его утверждения я вынужден был заявить, что на этот раз он ошибается. Он засмеялся и напомнил мне случай, когда мы с ним сидели на скамейке в парке Аламеда в Мехико Сити и видели, как умер человек. Дон Хуан сказал, что это событие запечатлелось не только в моей обычной памяти, но и в эманациях левой стороны.

По мере того, как дон Хуан говорил, я почувствовал, что во мне что-то постепенно проясняется. И я смог с необычной ясностью восстановить образ всей той сцены в парке. На траве лежал человек. Сдерживая зевак, над ним стояли трое полицейских. Я ясно помнил, как дон Хуан хлопнул меня по спине, чтобы сдвинуть уровень осознания. И я *увидел*. Но видение мое не было совершенным; я не мог избавиться от восприятия обычного мира. Мне удалось добиться лишь того, что я *видел* волокна совершенно

дивных цветов, наложенные на здания, на транспорт и на все, что было вокруг. Волокна были нисходящими нитями цветного света. Они обладали внутренней жизнью, сияли и излучали энергию. Взглянув на умирающего, я увидел то, о чем говорил дон Хуан. На чем бы я ни фокусировал взгляд, я *видел* катающееся повсюду нечто, напоминающее огненные кольца или радужные шары перекати-поля. Кольца накатывались на людей, на дону Хуана, на меня. Я ощущал их удары в области солнечного сплетения, меня начало подташнивать.

Дон Хуан велел сосредоточиться на умирающем. Я *увидел*, как тот в какой-то момент свернулся, как сворачивается мокрица, когда до нее дотрагиваются. Ослепительно сияющие кольца отталкивали его прочь, словно устрняя со своего величественного, вечно неизменного пути.

Ощущение мне не понравилось. Огненные кольца не испугали меня. В них не было ничего устрашающего или зловещего. И я не чувствовал себя ни подавленным, ни мрачным. Кольца, скорее, вызывали у меня тошноту. Я чувствовал их у себя под ложечкой. Отвращение – вот что я тогда чувствовал.

Воспоминание снова пробудило во мне чувство общего дискомфорта, которое я ощущал в тот раз. Когда меня начало тошнить, дон Хуан расхохотался и смеялся до тех пор, пока не начал задыхаться.

– Однако ты склонен преувеличивать, – сказал он. –

Накатывающаяся сила не настолько плохая вещь. Более того, она – прекрасная вещь. Новые *видящие* советуют открыться ей. Древние *видящие* тоже открывались ей, но из соображений, которые диктовались чувство собственной важности и одержимостью.

– А новые *видящие* подружились с ней. Они вполне освоились с этой силой, обращаясь с ней без малейшего чувства собственной важности. Последствия этого просто поразительны.

– Для того, чтобы открыться накатывающейся силе требуется только сдвинуть точку сборки. Если силу эту *видеть* намеренно, опасность минимальна. Зато исключительно опасна ситуация, когда точка сборки сдвигается случайно, например, вследствие физической усталости, эмоционального истощения, болезни или просто небольшого эмоционального либо физического кризиса, такого, как испуг или алкогольное опьянение.

– При непреднамеренном смещении точки сборки

накатывающаяся сила раскалывает кокон. Я много раз говорил о просвете, который имеется у человека ниже пупка. Находится этот просвет не на самом теле, а в коконе на уровне чуть ниже пупка. Этот просвет, скорее, является впадиной, чем-то вроде естественной деформации гладкого во всех остальных частях кокона. Именно сюда нацелены удары опрокидывателя, именно здесь и трескается кокон.

– Если сдвиг точки сборки незначителен, кокон восстанавливается очень быстро. Человек при этом испытывает то, что когда-нибудь случалось с каждым: видит цветные пятна неправильных очертаний, которые остаются перед глазами, даже если их закрыть.

– Если же сдвиг значителен, заметно большей будет и трещина. Поэтому на самовосстановление кокону потребуется больше времени. Такое происходит с воином, использующим растения силы для целенаправленного сдвига точки сборки, а также с людьми, которые принимают наркотики и тем самым сдвигают точку сборки неосознанно. В этом случае человек чувствует онемение и холод. Ему сложно говорить и даже думать, ощущение такое, словно внутри все замерзло.

– При катастрофически значительных сдвигах точки сборки вследствие, например, травмы или смертельного заболевания накатывающаяся сила раскалывает кокон по всей его длине, кокон рушится и сворачивается, а человек умирает.

– Может ли такая трещина образоваться вследствие преднамеренного сдвига точки сборки? – спросил я.

– Иногда, – ответил дон Хуан. – Ведь в действительности мы – очень хрупкие создания. По мере того, как опрокидыватель снова и снова ударяет нас, смерть входит сквозь наш просвет.

Накатывающаяся сила и есть смерть. Как только она находит слабинку в просвете светящегося существа, она автоматически раскалывает кокон, открывая просвет и разрушая существо.

– Просвет есть у любого живого существа? – спросил я.

– Конечно, – ответил он. – Тот, у кого не было бы просвета, никогда бы не умер. Однако по форме и размерам просветы бывают разные. Человеческий просвет – чашеобразное углублением размером с кулак, форма очень хрупкая и крайне уязвимая. Просветы других органических существ похожи на человеческий. Некоторые несколько устойчивее нашего, некоторые – еще слабее. Но действительно сильно отличаются от

нашего только просветы неорганических существ. Они больше похожи на нить, тонкий волосок светимости. Соответственно, органические существа живут бесконечно дольше, чем мы.

– Том, как долго живут эти существа, есть что-то навязчиво привлекательное. И древние *видящие* пошли на поводу у этой привлекательности.

– Она и та же сила может производить два диаметрально противоположных эффекта. Древние *видящие* стали пленниками накатывающейся силы, новые *видящие* за свои труды получили вознаграждение в виде дара свободы. Овладев *намерением*, новые *видящие* освоились с накатывающейся силой. В некоторый момент они раскрывают свои коконы, впуская силу внутрь. И, вместо того, чтобы свернуть кокон, как испуганную мокрицу, сила заполняет его изнутри. Конечным результатом становится полная и мгновенная дезинтеграция.

Я задал дону Хуану массу вопросов по поводу сохранения самоосознания светящегося существа, поглощенного внутренним огнем. Он не ответил. Он не ответил. Он только усмехнулся, пожал плечами и продолжил свой рассказ:

– Одержимость древних *видящих* опрокидывателем не позволила им заметить вторую сторону этой силы. Новые *видящие*, тщательно следуя своему правилу полного отрицания традиции, ударились в другую крайность. Сначала они вообще не склонны были фокусировать свое *видение* на опрокидывателе, утверждая, что сперва необходимо понять силу больших эманаций в ее дающем жизнь и развивающем осознание аспекте.

– Они поняли, что неизмеримо легче разрушить что-либо, чем построить и поддерживать. Опрокинуть жизнь и укатить ее прочь – ничто в сравнении с задачей порождения жизни и ее поддержания. Конечно, новые *видящие* тоже несколько заблуждались, но впоследствии им удалось исправить ошибку.

– В чем именно он заблуждались, дон Хуан? – спросил я.

– Выделять что-либо для изолированного *видения* – это ошибка. В самом начале новые *видящие* действовали в направлении, полностью противоположном направлению деятельности их предшественников. Они с той же полнотой сосредоточили внимание на другой стороне опрокидывателя. И с ними произошло нечто настолько же, если не более ужасное, чем то, что случилось с древними. Они умирали глупой смертью, совсем как обычные

люди. Ведь у них не было ни таинственности и злобности древних *видящих*, ни стремления к свободе, отличающего *видящих* современных.

– Первые из новых *видящих* готовы были служить всем подряд. *Видение* свое они направили только на дающую жизнь сторону эманаций и потому любовь и доброта переполняли их. Но это не спасло их от ударов опрокидывателя. Они оказались такими же уязвимыми, как и древние *видящие* со всеми их гнусными фокусами.

– Современные новые *видящие* считают, что оказаться ни с чем после жизни, наполненной дисциплиной и тяжким трудом, ничуть не лучше, чем остаться беспомощным после бесцельно и бестолково прожитой жизни обычного человека. И то, и другое с точки зрения современных *видящих* – неприемлемо.

– После того, как новые *видящие* пересмотрели свою традицию, они поняли, что знание древних, касавшееся накатывающейся силы, было полным. В какой-то момент древние *видящие* пришли к заключению, что существует два аспекта накатывающейся силы. Опрокидывающий ее аспект соотносится исключительно с разрушением и смертью. Но есть еще кольцевой аспект – то, что поддерживает жизнь и осознание. Однако древние выбрали путь взаимодействия только с опрокидывающим аспектом.

– С помощью группового созерцания новым *видящим* удалось *увидеть* разделение двух аспектов накатывающейся силы. Они *увидели*, что это – две силы, которые слиты, но не являются одним и тем же. Кольцевая сила приходит к нам чуть-чуть раньше опрокидывающей, но они настолько близки, что кажутся одним.

– Кольцевой силу называли потому, что она приходит в виде колец, нитеобразных радужных петель – очень тонких и деликатных. И точно так же, как опрокидывающая сила, сила кольцевая ударяет каждое живое существо непрерывно, однако совсем с другой целью. Цель ее ударов – дать силу, направить, заставить осознавать, то есть – дать жизнь.

– Новые *видящие* обнаружили, что равновесие двух сил в каждом живом существе – вещь очень тонкая. С если в какой-то момент индивид чувствует, что опрокидывающая сила бьет мощнее, чем кольцевая, значит, равновесия нарушено. В этом случае опрокидыватель будет бить и бить, все сильнее и настойчивее, пока не пробьет брешь в просвете живого существа и не заставит

это существо умереть.

– Из того, что ты назвал огненными шарами, исходят радужные обручи, точно соответствующие по своим размерам живым существам, независимо от того, будут это люди, деревья, микробы или союзники.

– А что, эти обручи бывают разных размеров? – спросил я.

– Не нужно воспринимать все настолько буквально, – сказал дон Хуан. – Собственно говоря, никаких колец нет. Существует только кольцевая сила, которая вызывает у *видящего*, который *сновидит* ее, ощущение колец. И разных размеров тоже нет. Сила одна, она неделима и приходится впору всем живым существам – органическим и неорганическим.

– А почему древние *видящие* сосредоточили усилия только на опрокидывающем аспекте? – спросил я.

– Потому что были уверены в том, что от умения *видеть* этот аспект зависит их жизнь. Они были убеждены: *видение* даст им ответы на вечные вопросы. Они полагали, что, раскрыв тайну накатывающейся силы, станут неуязвимыми и бессмертными. Печально, но, как бы там ни было, они действительно раскрыли тайну, однако это не сделало их ни неуязвимыми, ни, тем более, бессмертными.

– Новые *видящие* все изменили, осознав, что, пока у человека есть кокон, путь к бессмертию отрезан.

– Древние *видящие*, видимо, так и не осознали того, что человеческий кокон – это сосуд, и он не может выдерживать натиск накатывающейся силы вечно. И, несмотря на все накопленные ими знания, в конечном счете они оказались не в лучшем, а, пожалуй, в гораздо худшем положении, чем обычные люди.

– В каком смысле их положение было худшим, чем положение обычных людей? – спросил я.

– Колоссальные знания, которыми они обладали, заставили их считать, что выбор их непогрешим, – ответил дон Хуан. – Поэтому они решили жить во что бы то ни стало.

Дон Хуан взглянул на меня и улыбнулся. Было очевидно, что этой театральной паузой он хочет мне что-то сказать. Но что именно – я не улавливал.

– Они выбрали жизнь, – повторил он. – Подобно тому, как они решили стать деревьями, чтобы собирать миры в почти

недостижимых больших полосах.

– Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

– Я имею в виду то, что они воспользовались накатывающейся силой для того, чтобы сдвинуть свои точки сборки в невообразимые *позиции сновидения*, вместо того, чтобы позволить ей откатить их к клюву Орла ему на съедение.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

15. Бросить вызов смерти

К дому Хенаро я подъехал около двух часов пополудни. Мы немного поговорили с доном Хуаном, а потом он сдвинул меня в состояние повышенного осознания.

– Ну вот, снова мы собрались втроем, совсем как в тот день, когда ходили на плоский камень, – сказал дон Хуан. – И сегодня ночью мы сходим в те места еще раз.

– Теперь ты обладаешь знаниями, достаточными для того, чтобы прийти к очень серьезным выводам относительно того места и его воздействия не осознание.

– А что в том месте особенного, дон Хуан?

– Сегодня тебе предстоит узнать некоторые жуткие и отвратительные факты, собранные древними *видящими* и касающиеся накатывающейся силы. Ты увидишь, о чем шла речь, когда я говорил, что древние *видящие* выбрали жизнь любой ценой. Дон Хуан повернулся и толкнул Хенаро, который начинал уже клевать носом:

– Как по-твоему, древние *видящие* были ужасными людьми?

– Вне всякого сомнения, – очень четко проговорил Хенаро, а потом как бы поддавшись усталости, снова заметно клюнул носом. Через мгновение он уже спал сном праведника, свесив голову на грудь. Он захрапел.

Я чуть громко не рассмеялся, но тут заметил, что Хенаро внимательно на меня смотрит. Он словно спал с открытыми глазами.

– Они были настолько ужасны, что умудрились бросить вызов самой смерти, – добавил Хенаро в паузе между двумя руладами храпа.

– Тебе не любопытно, каким образом эти отвратительные типы бросили вызов смерти? – спросил у меня дон Хуан.

Похоже было, что он хочет, чтобы я попросил его привести пример, подтверждающий их отвратительность. Он замолчал и взглянул не меня с выражением, которое я воспринял как ожидание.

– Ты ждешь, что я попрошу тебя привести пример, да? – спросил я.
– О-о! Это – великое мгновение! – сказал он, похлопав меня по спине и засмеявшись. – Мой бенефактор добился того, что в этот момент я уже ерзал на стуле: я попросил его привести пример, и он его привел. Теперь я собираюсь, в свою очередь, привести пример тебе. Независимо от того, попросишь ты меня об этом или нет. Я до того испугался, что в животе у меня все сжалось, и сдавленным голосом спросил:

– Что ты собираешься делать?

Дону Хуану потребовалось довольно много времени на то, чтобы справиться с приступом хохота. Несколько раз он пытался заговорить, но каждая попытка неизменно вызывала взрыв кашляющего смеха.

– Как сказал Хенаро, древние *видящие* были людьми ужасными, – произнес он наконец, потирая глаза. – Они любой ценой старались избежать одного – смерти. Они не хотели умирать. Ты можешь сказать, что обычный человек тоже не хочет умирать. Однако по сравнению с обычными людьми древние *видящие* обладали одним существенным преимуществом: они обладали способностью к концентрации и дисциплиной, достаточными для того, чтобы генерировать *намерение*. И они вознамерились отвести от себя смерть.

Он замолчал и взглянул на меня, приподняв брови. Он сказал, что я, похоже, не в форме, поскольку не задаю своих обычных вопросов. Я заметил, что мне понятно: он подводит меня к вопросу относительно того, удалось ли древним *видящим* осуществить их намерение и избавиться от смерти. Но ведь он сам уже говорил мне, что знание опрокидывателя не спасло их от смерти.

– Они осуществили свое намерение. Им удалось отвести от себя смерть, – произнес дон Хуан, тщательно выговаривая каждое слово. – Но все же они должны были умереть.

– Как им удалось *намерением* отвести от себя смерть? – спросил я.

– Они наблюдали за своими союзниками, – ответил он, – и, *увидев*, что те являются живыми существами, обладающими гораздо более высокой сопротивляемостью воздействию накатывающейся силы, перестроили себя по образу и подобию союзников.

– Древние *видящие* поняли, что чашеобразным просветом обладают только органические существа. Его размер, форма и хрупкость обеспечивают идеальные условия для того, чтобы удары

опрокидывающей силы с легкостью раскалывали и разрушали светящуюся оболочку. Союзники, просвет которых является, по сути, тоненькой линией, подставляют ударам опрокидывателя настолько малую площадь, что оказываются практически бессмертными. Их коконы способны выдерживать натиск опрокидывающей силы неограниченно долго, так как линейная конфигурация просвета создает крайне неподходящие условия для успешного воздействия опрокидывателя.

– Древние *видящие* разработали чрезвычайно специфические приемы закрывания просвета. Ведь в принципе они были правы – линейный просвет значительно устойчивее просвета чашеобразного.

– Существуют ли эти приемы в настоящее время, дон Хуан? – спросил я.

– Приемы – не существуют, – ответил он. – А вот некоторые из *видящих*, которые их практиковали, существуют и поныне.

По какой-то непонятной причине слова его вызвали у меня приступ смертельного ужаса. Дыхание неуправляемо участилось.

– Они ведь живы до сих пор, верно, Хенаро? – спросил дон Хуан.

– Вне всякого сомнения, – пробормотал тот откуда-то из глубин своего сна.

Я спросил у дон Хуана, не знает ли он, почему я так испугался.

Он ответил: – Ты помнишь тот случай, когда Хенаро открыл дверь, и мы спрашивали тебя, не видишь ли ты, какие странные существа вошли в эту комнату? Так вот, в тот день твоя точка сборки сдвинулась очень глубоко влево и собрала пугающий мир. И я еще тогда тебе говорил: ты не помнишь, как отправился прямиком в тот далекий мир и перепугался там так, что чуть не уписался.

Дон Хуан повернулся к Хенаро. Тот мирно храпел, вытянув ноги.

Дон Хуан спросил:

– Хенаро, правда ведь он чуть не уписался?

– Чуть не уписался вне всякого сомнения, – пробормотал Хенаро, и дон Хуан рассмеялся.

– Я хочу, чтобы ты знал: мы не виним тебя в том, что ты испугался, – продолжил дон Хуан. – Нам и самим некоторые действия древних *видящих* внушают отвращение. И я уверен, что к настоящему моменту ты уже понял; из произошедшего той ночью ты не помнишь того, что *видел* древних *видящих*, которые живы до сих пор.

Я хотел было возразить, что вовсе ничего такого я не понял, но не смог выговорить ни слова. И прежде, чем мне это удалось, я вынужден был несколько раз прочистить глотку. Я давился, а Хенаро встал и, мягко похлопывая меня по спине, сказал:

– У тебя в глотке застряла лягушка.

Я поблагодарил его высоким писклявым голосом.

– Нет, пожалуй там – цыпленок, – констатировал он, а затем снова сел и заснул.

Дон Хуан сказал, что новые *видящие* восстали против всех изошренных практик древних толтеков, объявив их не только бесполезными, но и вредными для всего нашего бытия. Они даже пошли еще дальше – запретили обучать новых воинов этим практикам. В течение многих поколений толтекские методы не применялись.

И только в начале восемнадцатого века нагваль Себастьян – представитель прямой линии нагвалей дона Хуана – вновь открыл существование этих практик.

– Каким образом он их открыл? – спросил я.

– Он был великим *сталкером* и, благодаря своей безупречности, получил возможность познать чудеса.

И дон Хуан рассказал, что однажды, собираясь приступить к выполнению своих ежедневных обязанностей – а он был дяконом в соборе того города, где жил – он встретил перед дверью собора индейца средних лет. Тот как бы в некотором замешательстве стоял перед дверью церкви.

Нагваль Себастьян подошел к этому человеку и спросил, не нуждается ли тот в помощи.

– Мне нужна энергия – немного энергии для того, чтобы закрыть свой просвет, – громко и четко проговорил человек. – Не поделишься ли ты со мной своей энергией?

Как гласит предание, нагваль Себастьян был совершенно огорошен. Он понятия не имел, о чем идет речь. Он сказал индейцу, что мог бы отвести его к приходскому священнику.

Человек с нетерпением и яростью обвинил Себастьяна в том, что тот тянет время.

– Мне нужна твоя энергия потому, что ты – нагваль, – сказал он. – Идем, но тихо.

Нагваль Себастьян не устоял перед магнетической силой незнакомца и ушел за ним в горы. Когда через много дней он

вернулся, то не только по-новому относился к древним *видящим*, но и в совершенстве знал их техники. Тайнственный незнакомец оказался одним из последних выживших толтеков.

Нагваль Себастьян узнал о древних *видящих* массу дивных вещей. Он одним из первых на практике понял, насколько уродливым и ошибочным был их путь. До об этом было известно только понаслышке.

– Однажды бенефактор и нагваль Элиас привели мне пример того, как заблуждались древние толтеки, – продолжал дон Хуан. – Фактически, они продемонстрировали это нам с Хенаро, так что будет даже лучше, если мы продемонстрируем тебе этот пример вдвоем.

Я хотел поговорить, чтобы выиграть время: мне необходимо было успокоиться и все обдумать. Но прежде, чем я успел произнести хотя бы слово, дон Хуан и Хенаро практически вытащили меня из дома и повели в сторону выветренных холмов, где мы уже бывали раньше.

Остановились мы у подножия большого голого холма. Дон Хуан указал на далекие горы на юге и сказал, что между тем местом, где мы находимся, и похожей на разинутый рот естественной выемкой в одной из тех гор расположено по меньшей мере семь мест, в которых древние *видящие* сфокусировали силу своего осознания.

Дон Хуан сказал, что эти *видящие* не только обладали потрясающими знаниями и отвагой, но им также сопутствовал необычайный успех. Он добавил, что их бенефактор показывал ему и Хенаро место, где древние *видящие*, побуждаемые любовью к жизни, заживо погребли себя и *намерением* фактически отвели от себя накатывающуюся силу.

– В тех местах нет ничего, что привлекало бы взгляд, – продолжал дон Хуан. – Древние *видящие* старались не оставлять следов. Просто обыкновенный пейзаж. Чтобы найти эти места, необходимо *видеть*.

Дон Хуан сказал, что ему не хочется идти к тем из этих мест, которые расположены далеко, поэтому он покажет мне самое ближнее из них. Я потребовал, чтобы он объяснил, чего мы добиваемся. Он ответил, что мы собираемся *увидеть* погребенных толтеков, и что до тех пор, пока не стемнеет, нам следует укрыться в кустах. И он указал на какие-то заросли, которые находились от нас примерно в полумиле вверх по пологому склону.

Мы направились к этим кустам, сели там на землю и устроились поудобнее. И дон Хуан очень тихим голосом начал рассказ о том, что древние *видящие* погребали себя для того, чтобы подпитаться энергией земли. Промежутки времени, которые они проводили в погребенном состоянии, были разными – в зависимости от преследуемых целей. Чем более трудная задача стояла перед *видящим*, тем большим был период его самозахоронения.

Дон Хуан встал и жестом героя мелодрамы указал на место в нескольких метрах от нас:

– Здесь погребены два толтека. Они похоронили себя около двух тысяч лет тому назад, чтобы ускользнуть от смерти. Но они не бежали от нее, а бросили ей вызов.

Дон Хуан попросил Хенаро показать мне точное место, где лежат толтеки. Я оглянулся на Хенаро и обнаружил, что он сидит рядом и опять спит. Но, моему величайшему изумлению, он тут же подпрыгнул, по-собачьи залаял и на четвереньках побежал к тому месту, на которое указывал дон Хуан. Там он обежал круг, в совершенстве имитируя повадки небольшой собачки.

Мне его представление показалось забавным. Дон Хуан от смеха едва не упал.

– Хенаро продемонстрировал тебе нечто исключительное, – сказал он после того, как Хенаро вернулся нам и в очередной раз уснул. – Он показал тебе кое-что, касающееся точки сборки и *сновидения*. Сейчас он *сновидит*, но действовать может так, как действовал бы, находясь в полностью бодрствующем состоянии. Он слышит все, что ты говоришь и фактически способен даже на большее, чем в состоянии бодрствования.

Дон Хуан ненадолго замолчал, как бы прикидывая, что сказать дальше. Хенаро ритмично похрапывал.

Дон Хуан отметил, что, несмотря на очевидные для него недостатки в действиях древних *видящих*, он никогда не устанет восхищаться их достижениями. Он сказал, что им удалось в совершенстве постичь землю. Они не только открыли и научились использовать толчок земли, но также обнаружили, что, когда при самопогребении точка сборки настраивает обычно недоступные эманации. И эта настройка каким-то образом задействует странную и необъяснимую способность земли отклонять непрерывные удары накатывающейся силы. На основании этого открытия они разработали совершенно поразительные

сложнейшие приемы самопогребения на чрезвычайно длительные периоды времени без какого-либо вреда для себя. Ведя битву со смертью, они научились продлевать периоды самозахоронения на тысячелетия.

День был пасмурным, и ночь спустилась быстро. Почти сразу все погрузилось во тьму. Дон Хуан встал и повел меня и спящего Хенаро к огромному плоскому овальному камню, на который я обратил внимание еще в самом начале, едва мы пришли на это место. Камень этот был очень похож на тот, к которому мы ходили в прошлый раз, но несколько превосходил его по размерам. Мне почему-то подумалось, что этот камень, несмотря на его громадность, положен кем-то сюда специально.

– Это – другое место, – сообщил мне дон Хуан. – Этот громадный камень сюда положили в качестве ловушки, чтобы привлекать людей. Скоро ты узнаешь, почему.

Я ощутил, как по телу моему пробежала дрожь. Мне казалось, что я вот-вот упаду в обморок. Я хотел сообщить дону Хуану о неадекватности моей реакции, но он продолжал говорить хриплым шепотом. Он сказал, что Хенаро сейчас *сновидит* и потому свою точку сборки в степени, достаточной для того, чтобы добраться до тех эманаций, которые заставят пробудиться все, что есть вокруг этого камня. Мне дон Хуан посоветовал сдвинуть свою точку сборки вслед за точкой сборки Хенаро. Он сказал, что мне это по силам. Нужно только генерировать в себе *несгибаемое намерение* сдвинуть ее, а затем позволить контексту ситуаций диктовать ей направление смещения.

Немного подумав, дон Хуан шепотом добавил, что беспокоиться по поводу технических аспектов ни к чему, ибо подавляющая часть необычных вещей, происходящих с *видящими*, впрочем, как и с обычными людьми, происходит сама собой, при вмешательстве только лишь *намерения*.

Еще немного помолчав, он сказал, что опасность для меня будет заключаться в неизбежной попытке погребенных *видящих* запугать меня насмерть. Он настаивал на том, чтобы я сохранял спокойствие и не поддавался страху, а просто следовал за Хенаро. Я отчаянно боролся с тошнотой. Дон Хуан похлопал меня по спине и сказал, что у меня богатый опыт по части изображения из себя ни к чему не причастного прохожего. И он заверил меня, что я не пытаюсь сознательно помешать своей точке сборки сдвинуться.

Это просто автоматическая реакция любого нормального человека. – Случится нечто, что перепугает тебя до смерти, – шептал дон Хуан, – но ты не сдавайся. Если ты сдашься, ты умрешь, и эти древние стервятнику попируют твоей энергией на славу.

– Уйдем отсюда, – взмолился я. – Мне, честное слово, плевать на любые примеры отвратительности древних *видящих*.

– Поздно, – произнес Хенаро, который, полностью проснувшись, стоял рядом со мной. – Даже если сейчас мы попытаемся отсюда ускользнуть, двое *видящих* и их союзники достанут тебя и сразят где-нибудь в другом месте. Они уже окружили нас. Сейчас на тебе сфокусировано не меньше шестнадцати осознаний.

Я хотел развернуться и бежать, куда глаза глядят, но дон Хуан схватил меня за локоть и указал в небо. Я заметил, как разительно изменилось освещение: тьма, бывшая черной как смоль, сменилась приятными предрассветными сумерками. Я быстро сориентировался по странам света. На востоке небо было определено более светлым.

Вокруг головы моей возникло странное давление. В ушах зазвенело. Мне было холодно, и в то же время я чувствовал жар. Я никогда до этого не был так напуган, но не это досаждало мне больше всего, а навязчивое ощущение поражения и то, что я чувствовал себя трусом. Меня тошнило, и вообще мне было отвратительно не по себе.

Дон Хуан начал шептать мне в самое ухо. Он сказал, что нужно быть в полной готовности, поскольку все мы втроем в любой миг можем подвергнуться нападению древних *видящих*.

Быстро, словно что-то подгоняло его, Хенаро шепнул мне:

– Если хочешь, можешь за меня держаться.

Мгновение я колебался. Мне не хотелось показывать дону Хуану, что я до такой степени напуган.

– А вот и они! – громко прошептал дон Хуан. Мир мгновенно перевернулся для меня вверх ногами, когда я вдруг ощутил, как что-то схватило меня за левую лодыжку. Смертный холод пронзил все мое тело. Я знал, что вступил в железный капкан, поставленный, должно быть, на медведя. Все это молнией пронеслось в моем уме прежде, чем я издал пронзительный крик – такой же дикий, как мой испуг.

Дон Хуан и Хенаро громко расхохотались. Они стояли по бокам от меня, не дальше, чем в трех футах. Но я был в таком ужасе, что до

этого момента их не замечал.

Я услышал, как дон Хуан вполголоса приказал:

– Пой! Пой, иначе умрешь!

Я попытался высвободить ногу. И почувствовал пронзительную боль, словно в кожу мою впились множество игл. Дон Хуан снова и снова требовал, чтобы я пел. Они с Хенаро затянули популярную песенку. Хенаро произносил слова, глядя на меня с расстояния не более двух дюймов. Они пели фальшиво и хрипло, полностью выбиваясь из дыхания и настолько выше нормального диапазона своих голосов, что я не выдержал и рассмеялся.

– Пой, иначе ты погибнешь, – сказал мне дон Хуан.

– Давайте устроим трио, – предложил Хенаро. – Споем болеро.

Я присоединился к их фальшивому дуэту. Получилось не менее фальшивое трио. Довольно долго, мы как пьяные, распевали на пределе своих голосов. Я чувствовал, что железная хватка на моей ноге понемногу начинает ослабевать, но взглянуть вниз не отваживался. В конце концов я решился. И обнаружил, что никакого капкана там нет. В меня впилось нечто темное, по форме напоминающее голову!

Только благодаря чудовищному усилию мне удалось не упасть в обморок. Меня тошнило. Автоматически я попытался было наклониться, чтобы вырвать, но кто-то с нечеловеческой силой схватил меня за локти и за шею, не давая пошевелиться. Меня вырвало, и все потекло вниз прямо по одежде.

Меня охватило такое отвращение, что я снова начал терять сознание. Дон Хуан плеснул на меня водой из тыквенной фляжки, которую всегда носил с собой, когда мы ходили в горы. Холодная вода потекла под воротник. Это восстановило мое физическое равновесие, но на силе, которая держала меня за локти и за шею, это никак не отразилось.

– Похоже, ты в своем страхе зашел чересчур далеко, – громко сказал дон Хуан таким тоном, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся, и у меня тут же возникло ощущение упорядоченности.

– Споем-ка еще раз, – добавил он. – Давайте споем что-нибудь содержательное – болеро меня что-то больше не привлекает.

Мысленно я поблагодарил его за уравниловку и благородство. Когда же они запели песню «Ла Валентина», я был настолько растроган, что заплакал.

*Говорят, что старость бросает меня
в объятия злой судьбы.*

Но неважно, даже если там будет сам черт.

Умереть я сумею, ведь я знаю, как умирать.

Валентина, Валентина.

я в пыли пред тобой распростерт.

И если завтра мне смерть суждено.

почему не сегодня – раз и навсегда?

Все мое существо словно пронзил шок невыносимой переоценки ценностей. Никогда еще песня не имела для меня такого огромного значения. Услышав, как они распевают слова, которые я всегда считал сентиментальной дешевкой, я вдруг подумал, что постиг дух воина. Дон Хуан намертво вбил в меня формулу: воин всегда живет бок о бок со смертью. Воин знает, что смерть – всегда рядом, и из этого знания черпает мужество для встречи с чем угодно. Смерть – худшее из всего, что может с нами случиться. Но поскольку смерть – наша судьба, и она неизбежна, мы – свободны. Тому, кто все потерял, нечего бояться.

Я подошел к дону Хуану и Хенаро и обнял их, чтобы выразить бесконечную благодарность и восхищение.

А затем я осознал, что ничто не держит меня более. Не говоря ни слова, дон Хуан взял меня за руку, подвел к плоскому камню и усадил на него.

– Представление начинается! – весело воскликнул Хенаро, усаживаясь поудобнее. – За входной билет ты уже заплатил. Билет у тебя – на всю грудь.

Он взглянул на меня, и оба они расхохотались.

– Не садись ко мне слишком близко, – попросил Хенаро. – Не люблю блевотины. Но не стоит садиться и слишком далеко: фокусы древних *видящих* еще не исчерпаны.

Я придвинулся к ним настолько близко, насколько позволяли приличия. В течение какого-то мгновения я чувствовал обеспокоенность своим состоянием, но потом все мои неприятные ощущения сразу отошли на задний план: я заметил, что к нам приближаются какие-то люди. Я не мог рассмотреть их фигуры, но различал контуры группы людей, приближавшихся к нам в полумраке. У них не было ни фонариков, ни ламп, хотя в такой час они бы им не помешали. Деталь эта почему-то меня обеспокоила. Мне не хотелось на ней сосредотачиваться, поэту я намеренно

принялся размышлять в рациональном, ключе. Я прикину, что своим громким пением мы, должно быть, привлекли их внимание, и они идут, чтобы выяснить, в чем дело. Дон Хуан хлопнул меня по плечу. Движением подбородка он указал на мужчин, шедших впереди группы:

– Вон те четверо – древние *видящие*. Остальные – их союзники.

Прежде, чем я успел заметить, что это, вероятнее всего – местные крестьяне, за спиной моей раздался свистящий звук. Ужасно встревожившись, я мгновенно оглянулся. Движение мое было таким быстрым, что предупреждение дон Хуана запоздало.

Я услышал, как он кричит:

– Не оглядывайся!

Но эти слова уже могли быть лишь фоновым звуком: они ничего для меня не значили. Оглянувшись, я увидел, что три чудовищно уродливых человека взобрались на камень за моей спиной. Они крались ко мне, разинув рты в кошмарных гримасах и вытянув руки, чтобы меня схватить.

Я хотел заорать во всю глотку, но вместо этого у меня вырвался лишь сдавленное клокотание, словно что-то перехватило мне горло. Увернувшись от них, я автоматически скатился на землю. Как только я встал, дон Хуан прыгнул ко мне, и в то же мгновение толпа, возглавляемая теми, на кого указывал дон Хуан, налетела на меня. Они были похожи на стервятников, они даже попискивали как летучие мыши или крысы. В ужасе я завопил. Теперь это мне удалось – крик получился дикий и пронзительный.

С ловкостью спортсмена в пике формы дон Хуан выхватил меня из их лап и утащил на камень. Суровым голосом он велел не оглядываться, как бы страшно не было. Он объяснил, что союзники не могут меня столкнуть, но испугать так, что я снова свалюсь на землю – вполне способны. А вот на земле союзники могут удерживать кого угодно. Если бы мне пришлось упасть на землю в месте погребения древних *видящих*, я оказался бы в полной их власти. Они разорвали бы меня на части, пока союзники удерживали бы меня. Дон Хуан добавил, что не рассказал мне всего этого раньше, так как надеялся, что в силу обстоятельств я буду вынужден *увидеть* все это и понять самостоятельно. Его решение едва не стоило мне жизни.

Я ощущал присутствие уродливых людей совсем рядом за своей спиной, и это было невыносимо. Дон Хуан приказал мне сохранять

спокойствие и сосредоточить внимание на четырех мужчинах, возглавлявших толпу из десяти-двенадцати человек. В мгновение, когда я сфокусировал на них взгляд, они все, как по команде ринулись к краю плоского камня. Остановившись там, они по-змеиному зашипели. Они ходили взад-вперед. Движения их казались согласованными. Все это выглядело настолько единообразным и упорядоченным, что производило впечатление какого-то механизма. Словно они следовали некой непрерывно повторявшейся схеме, рассчитанной на то, чтобы меня загипнотизировать.

– Не пялься на них так, дорогой, – сказал Хенаро таким тоном, словно обращался к ребенку.

Я захохотал, и смех мой был настолько же истерическим, насколько и страх. Я хохотал так, что эхо гуляло по окрестным холмам.

Люди сразу же остановились. Казалось, они в замешательстве. Я различал, как головы их покачиваются вверх-вниз, словно они разговаривают, что-то обсуждая между собой. Потом один из них вскочил на камень.

– Берегись! Этот – *видящий*! – крикнул Хенаро.

– Что нам теперь делать?! – закричал я.

– Можем спеть еще, – будничным голосом произнес дон Хуан. Страх мой достиг апогея. Я принялся подпрыгивать на месте и рычать, как зверь. Человек спрыгнул на землю.

– Ну ладно, не обращай внимания на этих шутов, – сказал дон Хуан. – Давай лучше побеседуем как обычно.

Он сказал, что пришли мы сюда ради достижения мною просветления, а я не оправдываю их надежд. Мне следует перестроиться. Во-первых, следует осознать, что моя точка сборки сдвинулась и теперь заставляет светиться довольно мрачные эманации. Переносить же чувства, свойственные моему нормальному состоянию осознания, в мир, который я собрал, просто нелепо, поскольку страх может доминировать только среди эманаций обычной жизни.

Я сказал, что, если моя точка сборки сдвинулась как он говорит, то у меня для него есть новость. Мой страх стал бесконечно сильнее и опустошительнее, чем все, когда-либо испытанное мною в обычной жизни.

– Ошибаешься, – сказал дон Хуан. – Твое первое внимание – в

недоумении и не желает отказываться от контроля, вот и все. У меня такое чувство, что ты можешь спокойно подойти к этим созданиям, и они ничего не смогут с тобой сделать.

Я твердил в ответ, что еще не дошел до той кондиции, в которой стал бы таким нелепым способом искушать судьбу.

Дон Хуан смеялся – смеялся надо мной. Он сказал, что рано или поздно мне придется избавиться от своего сумасшествия и что перехватить инициативу и встретиться с этими *видящими* лицом к лицу – вещь гораздо менее нелепая, чем исходное согласие с самой идеей того, что я вообще их вижу. С его точки зрения сумасшествием было бы встретиться с людьми, погребенными две тысячи лет назад и все еще живыми, и не думать при этом, что это – предел нелепости.

Я очень ясно слышал все, что он говорил, но практически не обращал на его слова никакого внимания. Я был в ужасе от людей, которые окружали камень. Похоже было, что они готовятся к прыжку на нас. Фактически их интересовал именно я. Они были сосредоточены на мне. Моя правая рука начала вздрагивать, словно меня поразило какое-то нервно-мышечное заболевание. Тут я вдруг понял, что освещенность неба изменилась еще больше. Уже почти рассвело, но я только сейчас это заметил. А потом случилось нечто странное. Какой-то неконтролируемый порыв заставил меня вскочить и ринуться к группе людей.

В тот миг я ощущал два диаметрально противоположных чувства по отношению к одному и тому же. Жуткий ужас был меньшим из них. Преобладало же полное безразличие. Мне было абсолютно все равно.

Когда я добежал до них, я понял: дон Хуан был прав. На самом деле они не были людьми. Из них только четверо в какой-то степени напоминали людей, но людьми все-таки не являлись. Я *видел* перед собой некие странные создания с огромными желтыми глазами. Остальные же были просто формами, которыми управляли те четверо.

Я смотрел на этих четверых и меня охватила невыразимая печаль. Я попытался до них дотронуться, но не смог их отыскать. Они были развеяны чем-то, похожим на ветер.

Я оглянулся, ища дона Хуана и Хенаро. Их не было. Вокруг снова стояла непроглядная темень. Я звал их по именам. Несколько минут я слонялся во тьме, пока неожиданно не подошел дон Хуан.

Хенаро я не видел.

– Пойдем домой, – сказал дон Хуан. – Путь неблизкий. Дон Хуан отметил, что на месте погребения древних *видящих* я вел себя очень хорошо, особенно во второй части поединка с ними. Он сказал, что сдвиг точки сборки сопровождается изменением освещенности. Днем становится очень темно, ночью же тьма превращается в сумерки. Дон Хуан добавил также, что мне дважды удалось сдвинуть точку сборки самостоятельно с помощью одного лишь животного страха. Не понравилось ему только одно – я потакал своему животному страху. Особенно ни к чему это было после того, как я осознал, что воину нечего бояться.

– Откуда ты знаешь, что я это осознал? – спросил я.

– Ты был свободен. Стоит исчезнуть страху, как все, что связывало нас тут же растворяется, – объяснил он. – Союзник цеплялся за твою ногу только потому, что его привлекал твой животный дикий животный ужас.

Я сказал, что не смог воплотить в жизнь то, что понял и очень об этом сожалею.

– Это не должно тебя беспокоить, – засмеялся он. – Ты же знаешь: таких моментов понимания – хоть пруд пруди. Но в жизни воина они ничего не стоят, поскольку результаты их ликвидируются при каждом новом сдвиге точки сборки.

Просто мы с Хенаро хотели заставить тебя сдвинуться очень глубоко. И Хенаро в этот раз был нужен лишь для того, чтобы выманить древних *видящих*. Он уже как-то проделал нечто подобное, и ты сдвинулся так глубоко влево, что вспомнить тебе это удастся не скоро. В тот раз ты испугался не меньше, чем сегодня, но твое упрямое первое внимание не дало тебе тогда воспринять *видящих* и их союзников, которые следовали за тобой и вошли в эту комнату.

– Объясни мне, что произошло на месте погребения древних *видящих*?

– Союзники вышли, чтобы тебя *увидеть*, – ответил он. – Их энергетический уровень очень низок, поэтому они нуждаются в помощи людей. Те четверо *видящих* собрали вокруг себя двенадцать союзников.

– Сельская местность в Мексике, а также некоторые города опасны. То, что произошло с тобой, может случиться с любым мужчиной и любой женщиной. Наткнувшись на такой могильник,

человек даже может увидеть *видящих* и их союзников. Если, конечно, он достаточно податлив для того, чтобы позволить своему страху сдвинуть точку сборки. Но одно можно сказать наверняка: человек может умереть от страха.

– Ты что, действительно веришь, что эти толтекские *видящие* до сих пор остаются живыми? – спросил я.

Он с недоверием покачал головой:

– Настало время слегка пододвинуть твою точку сборки. Я не могу с тобой беседовать, когда ты находишься в стадии полного идиота. И он трижды шлепнул меня ладонью – прямо по правому выступу таза, по срединной точке спины чуть ниже лопаток и по верхней части правой грудной мышцы.

В ушах незамедлительно послышался звон. Из правой ноздри выбежала струйка крови. Внутри меня словно что-то откупорилось. Как будто вновь потек некий заблокированный поток энергии.

– Чего от нас хотели те *видящие* и их союзники? – спросил я.

– Да ничего, – ответил он. – Это мы от них чего-то хотели.

Конечно, когда ты приходил, чтобы *увидеть* их в первый раз, они обратили внимание на твоё поле энергии. Ну, а во второй раз, обнаружив, что ты вернулся, они решили ею поживиться.

– Эти *видящие*, как ты утверждаешь, – живые, – сказал я. – Но ты имеешь в виду, что они живые в том же смысле, в каком живыми являются союзники, так что ли?

– Совершенно верно, – подтвердил он. – Они никак не могут быть живыми в том смысле, в каком живыми являемся мы с тобой. Это было бы уже слишком.

И он объяснил, что древние *видящие* были настолько озабочены проблемой смерти, что не пренебрегали даже самыми причудливыми возможностями. Те из них, кто взял за образец союзников, вне всякого сомнения жаждали обрести пристанище на небесах. И они нашли своё пристанище. Им стала фиксированная позиция точки сборки в одной из полос неорганического осознания. Там *видящие* почувствовали себя в относительной безопасности. Ведь от обычного мира их отделял практически непреодолимый барьер – барьер восприятия, сформированный смещением точки сборки.

– Когда *видящие* увидели, что ты умеешь сдвигать точку сборки, они побежали от тебя, как черт от ладана, – сказал он и рассмеялся.

– Ты хочешь сказать, что я собрал один из семи неорганических миров? – спросил я.

– В этот раз – нет, – ответил он. – Но ты сделал это в прошлый раз, когда *видящие* и их союзники за тобой погнались. В тот день ты проделал весь путь, отделяющий нас от их мира. Но проблема в том, что ты любишь действовать глупо и поэтому ничего не можешь вспомнить.

– Я уверен, что именно присутствие нагваля иногда заставляет людей действовать тупо. Пока нагваль Хулиан находился здесь, я был гораздо тупее, чем сейчас. И я уверен – когда меня здесь не станет, тебе удастся вспомнить все.

Дон Хуан объяснил, что считал необходимым показать мне тех, кто бросил вызов смерти. Поэтому они с Хенаро вызвали их на грань нашего мира. Сдвиг, который я осуществил вначале, был очень глубоким, но боковым, что позволило мне воспринять бросивших вызов смерти в человеческом образе. Но в конце концов мне удалось добиться правильного сдвига, и я *увидел* их самих и их союзников такими, каковы они в действительности есть. Ранним утром следующего дня дон Хуан позвал меня в большую комнату дома Сильвио Мануэля, чтобы поговорить о событиях предшествовавшей ночи. Я чувствовал себя страшно уставшим, хотелось отдохнуть и поспать, но дон Хуан сказал, что время поджидает. Он начал говорить, как только мы вошли в комнату. Он сказал, что древние *видящие* научились использовать накатывающуюся силу и перемещаться с ее помощью. Вместо того, чтобы поддаться натиску опрокидывателя и позволить ему расколоть их коконы, они катились вместе с ним, предоставляя ему возможность сдвигать их точки сборки до пределов человеческих возможностей.

Дон Хуан выразил искреннее восхищение таким достижением. Он признал, что толчка, подобного толчку опрокидывателя, точке сборки не может дать ничто.

Я спросил о различии между толчком земли и толчком опрокидывателя. Он объяснил, что толчок земли суть сила настройки исключительно янтарных эманаций. Такой толчок повышает осознание до немыслимой степени. С точки зрения новых *видящих* такая трансформация суть взрыв неограниченного осознания, которую они называли полной свободой.

Он сказал, что толчок опрокидывателя, в отличие от толчка земли

– сила смерти. Под воздействием опрокидывателя точка сборки перемещается в новые – непредсказуемые – позиции. Таким образом, древние *видящие* в своих странствиях всегда были одинокими путниками, хотя все предприятия их всегда были совместными. Если же случалось так, что в одном и том же путешествии принимали участие несколько *видящих*, то это означало только борьбу за главенство и считалось нежелательным поворотом событий.

Я признался дону Хуану, что, чем бы древние *видящие* ни занимались, занятия их производят на меня гораздо более жуткое впечатление, чем самые мрачные триллеры. Он раскатисто захохотал. Было похоже, что он происходящее доставляет ему массу удовольствия.

– Тебе все же придется согласиться, как бы ни было противно, что эти черти обладали огромной смелостью, – продолжил он. – Мне и самому они никогда не нравились, как ты знаешь, но не восхищаться ими я, тем не менее, не могу. Их любовь к жизни для меня поистине непостижима.

Я спросил:

– Но разве это можно назвать любовью к жизни, дон Хуан? Это что-то тошнотворное.

– Но что, кроме любви к жизни, способно толкнуть человека на такие крайности? – ответил он вопросом на вопрос. – Они до такой степени были влюблены в жизнь, что ни за что не желали с ней расставаться. Так я это *вижу*. Мой бенефактор *видел* чуть-чуть иначе. Он считал, что они боялись умереть, так как любили жизнь и *видели* чудеса, а вовсе не из-за того, что были мелкими алчными чудовищами. Нет. Они заблудились. Никто никогда не бросал им вызов, и они испортились, как маленькие избалованные дети. Но отвага их была безупречна, и таким же безупречным было их мужество.

– Вот ты, например, отправился бы в неизвестное, побуждаемый только алчностью? Да ни за что. Алчность работает только в мире обычной жизни. Но чтобы в ледящем душу одиночестве пуститься в странствие по немыслимым пространствам иных миров, требуется нечто повнушительнее алчности. Любовь. Нужна любовь к жизни, к авантюре, к тайне. Нужно обладать неиссякаемой любознательностью и огромной смелостью. Поэтому не говори, что тебе противно, ибо это – чушь. Это

попросту неприлично!

В глазах дон Хуана мерцали искорки сдерживаемого смеха. Он ставил меня на место, но сам смеялся над этим.

Примерно на час дон Хуан оставил меня в комнате одного. Мне хотелось разобраться в мыслях и ощущениях. Но я не знал, как это сделать. Я знал наверное, что моя точка сборки находится в положении, в котором роль рассудка не является доминирующей. И в то же время интересовали меня вопросы вполне рассудочные. Дон Хуан сказал, что с точки зрения практики мы входим в состояние сна, как только сдвигается точка сборки. Меня интересовал, например, вопрос, выглядел ли я спящим для стороннего наблюдателя, как Хенаро выглядел для меня. Как только вернулся дон Хуан, я спросил его об этом.

– Ты спишь самым натуральным образом, хотя и не ложишься, – ответил он. – Если бы сейчас тебя увидел человек, находящийся в нормальном состоянии осознания, он решил бы, что ты слегка не в себе, а может быть даже – что ты пьян.

И он объяснил, что во время обычного сна точка сборки сдвигается вдоль одного из краев человеческой полосы. Такие сдвиги всегда сопряжены с дремотным состоянием. А в процессе практики точка сборки сдвигается вдоль среднего сечения человеческой полосы. Поэтому дремотного состояния не возникает, хотя *сновидящий* по-настоящему спит.

– Как раз на этой развилке и разошлись новые и древние *видящие* в своем походе за силой, – продолжал он. – Древних *видящих* интересовала копия тела, физически более сильная, чем само тело. Поэтому они использовали сдвиг вдоль правого края человеческой полосы. Чем глубже они уходили в этом направлении, тем более причудливым становилось их *тело сновидения*. Вчера ты сам имел возможность увидеть чудовищный результат глубокого сдвига вдоль правого края.

– Новые *видящие* поступили совсем иначе. Они старались удержать точку сборки посередине человеческой полосы. При поверхностном сдвиге такого рода – например, при сдвиге в состояние повышенного осознания – *сновидящий* практически ничем не отличается от любого другого человека на улице, разве что немного в большей степени подвержен воздействию эмоций, таких как, скажем, сомнение и страх. Но стоит смещению точки сборки преодолеть определенный предел – и *сновидящий*, сдвиг

точки сборки которого осуществляется в среднем сечении, превращается в сгусток света. Такой сгусток света и есть *тело сновидения* новых *видящих*.

Он сказал также, что такое безличное *тело сновидения* в большей степени способствует пониманию и исследованию, являющихся основой всего, что делают новые *видящие*. В значительной степени очеловеченное *тело сновидения* древних *видящих* заставляло их искать такие же личностные, очеловеченные ответы.

Неожиданно дон Хуан запнулся, как бы подыскивая слова.

– Есть еще один бросивший вызов смерти, – отрывисто произнес он. – Он совершенно непохож на тех четырех, которых ты *видел*. Его невозможно отличить от любого обычного человека с улицы. То, чего он достиг – уникально. Он научился открывать и закрывать свой просвет по собственному желанию.

Дон Хуан почти нервно перебирал пальцами.

– Этот бросивший вызов смерти – тот древний *видящий*, с которым в 1723 году познакомился нагваль Себастьян, – продолжал он. – День их встречи мы считаем днем начала нашей линии, днем второго начала. Бросивший вызов смерти живет на земле уже сотни лет. Он вносил изменения в жизнь каждого из нагвалей, с которыми встречался. Некоторых из них изменения коснулись в большей степени, некоторых – в меньшей. А встречался он со всеми нагвалями нашей линии, жившими после 1723 года.

Дон Хуан пристально посмотрел на меня. Я почувствовал странное неудобство. Я решил, что неловкость вызвана возникшей передо мной дилеммой: я очень сильно сомневался в правдивости этого предания, и в то же время по какой-то необъяснимой причине твердо верил, что все это – правда. Я сказал о своем затруднении дону Хуану.

– Вопрос рационального недоверия – не только твоя проблема, – заметил он. – Мой бенефактор тоже поначалу бился над этим вопросом. Конечно, потом он все вспомнил, но на это ему потребовалось довольно много времени. Когда я с ним познакомился, он уже восстановил все в памяти, поэтому стать свидетелем его сомнений мне не довелось. Я только слышал о них.

– Но вот что непостижимо: те, кто ни разу не видели того человека, с гораздо большей легкостью верили в то, что он – один из древних *видящих*. Мой бенефактор утверждал, что шок, который он испытал при встрече с таким существом слепил в одну

кучу некоторое количество разнородных эманаций. Отсюда и колебания, поскольку на то, чтобы эманации разделились, потребовалось время. Твоя точка сборки будет смещаться. Когда-нибудь настанет миг – она осветит определенные эманации, и доказательства реального существования этого человека встанут перед тобой с ошеломляющей очевидностью.

Я снова почувствовал необходимость поговорить о моем ощущении раздвоения.

– Мы отклоняемся от темы, – сказал он. – Может показаться, что я пытаюсь убедить тебя в существовании этого человека. Я же хотел сказать только то, что этот древний *видящий* знает, как управлять накатывающейся силой. А веришь ты в то, что он существует или нет – не так уж важно. Однажды ты узнаешь, что ему действительно удалось закрыть просвет. Это станет для тебя очевидным фактом. Ту энергию, которую он заимствует у нагваля каждого поколения, он пользуется исключительно для того, чтобы закрыть просвет.

– Но как ему это удается? – спросил я.

– Выяснить это невозможно, – ответил он. – Я разговаривал об этом с двумя другими нагвалями, встречавшимися с ним лицом к лицу – нагвалем Хулианом и нагвалем Элиасом. Ни один из них не знал. Тот человек никогда не раскрывал секрет того, как он закрывает просвет. Причем через некоторое время просвет, видимо, начинает снова приоткрываться. Нагваль Себастьян рассказывал, что, когда он познакомился с этим древним *видящим*, тот был очень стар и слаб, он почти умирал. А когда с ним встретился мой бенефактор, тот уже скакал с живостью и энергией полного сил молодого человека.

Дон Хуан рассказал, что нагваль Себастьян прозвал этого безымянного человека «жильцом» поскольку они заключили с ним соглашение: тот получал энергию, так сказать, «жилье», платя за это услугами и знаниями.

– Кто-нибудь пострадал при этом обмене? – поинтересовался я.

– Ни одному из нагвалей обмен энергией с этим человеком вреда не причинил, – ответил дон Хуан. – Толтек обязался брать только немного свободной энергии в обмен на дары, на сверхъестественные способности. Нагваль Хулиан, например, получил от него походку силы. С ее помощью он мог задействовать или гасить определенные эманации в своем коконе,

делаясь по своей воле то молодым, то старым.

Дон Хуан объяснил, что бросившие вызов смерти дошли до того, что перевели в пассивное состояние все эманации внутри своих коконов, кроме эманаций, соответствующих эманациям союзников. Таким образом они в некотором роде имитируют союзников.

— Каждый из тех бросивших вызов смерти, с которыми мы столкнулись возле плоского камня, — сказал дон Хуан, — смог очень точно сместить свою точку сборки в место, где она задействовала эманации, которые соответствуют эманациям союзников. Благодаря этому *видящие* могут с союзниками взаимодействовать. Однако вернуть точку сборки в обычное положение и взаимодействовать с людьми они не в состоянии. А жилец может сдвигать свою точку сборки в положение, где она собирает обычный мир, так, словно ничего и не произошло.

Дон Хуан также сказал, что его бенефактор был убежден — и сам он с этим целиком и полностью согласен — в том, что для заимствования энергии старый маг сдвигает точку сборки нагваля в зону эманаций союзника внутри кокона нагваля. Резкая настройка ранее никогда не использовавшихся эманаций генерирует мощный выброс энергии, которым и пользуется маг. Дон Хуан сказал, что энергия, заключенная в дремлющих внутри нас эманациях, — огромна, и ее там неизмеримое количество.

Очень приблизительно оценить объем этой силы Можно, опираясь на тот факт, что вся энергия, которая обеспечивает восприятие нами обычного мира и все наше с ним взаимодействие, генерируется настройкой не более чем одной десятой всего объема эманаций, заключенных в коконе.

— В момент смерти вся энергия разом высвобождается, — продолжал дон Хуан. — В этот миг невыносимая сила переполняет все живое существо. Это — не накачивающаяся сила, расколовшая кокон, поскольку последняя никогда не проникает внутрь кокона, она только заставляет его разрушиться. Сила, которой наполняется живое существо, генерируется мгновенной настройкой сразу всех эманаций, сохранявших пассивность в течение целой жизни. И у этой гигантской силы нет выхода, она может только вырваться наружу через просвет.

— Старый маг научился сдерживать эту энергию. Он настраивает пассивные эманации внутри кокона нагваля в очень узком участке

их спектра, а затем стравливает выброс ограниченной, но, тем не менее, гигантской силы.

– Как он это делает? И как энергия нагваля попадает в его тело? – спросил я. – Что ты думаешь по этому поводу?

– Он надкалывает просвет нагваля, – ответил дон Хуан. – Сдвигает его точку сборки, пока просвет не приоткроется. Через это отверстие энергия свеженастроенных эманаций стравливается, и он втягивает ее сквозь свой просвет.

– Зачем он все это делает? – спросил я.

– Я думаю, что он попал в замкнутый круг и не может его разорвать, – ответил дон Хуан. – Мы заключили с ним соглашение. Он делает все возможное, чтобы его выполнять. Мы – тоже. Мы не можем его осуждать, хотя и знаем, что его путь к свободе не ведет. И он об этом знает, но знает он также и то, что остановить все это он не в силах. Он попался в ловушку им же самим созданной ситуации. И единственное, что он в силах сделать – на сколько возможно продлить свое союзникоподобное существование.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

16. Человеческая матрица

Сразу после завтрака мы с доном Хуаном сели поговорить. Начал он без предисловий и заявил, что мы приблизились к концу объяснения искусства овладения осознанием. Он сказал, что мы самым подробным образом обсудили все истины об осознании, открытые древними *видящими*, и подчеркнул, что теперь мне известен порядок, в котором новые *видящие* их расположили. В последней части своего объяснения он детально описал две силы, помогающие точке сборки сдвинуться – толчок земли и накатывающуюся силу. Кроме того, он объяснил мне три метода, разработанные новыми *видящими* – *сталкинг*, *намерение* и *сновидение* – а также рассказал, как практика этих методов воздействует на поведение точки сборки.

– Теперь, – продолжил он, – чтобы объяснение искусства овладения осознанием можно было считать законченным, тебе осталось проделать лишь одно: самостоятельно преодолеть барьер восприятия. Ты должен сам, без чьей-либо помощи, сдвинуть свою точку сборки добиться настройки в другой большой полосе эманаций.

– Если ты не сможешь этого совершить, то все, о чем мы говорили и что делали, окажется пустой болтовней, просто словами. А слова ничего не стоят.

Он объяснил, что, когда точка сборки уходит из своего обычного положения и достигает определенной глубины, она проходит некий барьер, который на мгновение лишает ее способности настраивать эманации. Мы ощущаем это как мгновение пустоты восприятия. Древние *видящие* называли это мгновение стеной тумана: в момент нарушения настройки эманаций появляется восприятие полосы тумана.

Дон Хуан сказал, что к решению задачи преодоления барьера восприятия можно подходить тремя способами. Можно рассматривать его как некий абстрактно преодолеваемый абстрактный барьер. Можно преодолевать его как бы прорывая всем телом некоторый экран из плотной бумаги. А можно *увидеть*

его как стену тумана.

Разумеется, в течение моего ученичества дон Хуан много раз подводил меня к *видению* барьера восприятия. Поначалу мне нравился образ стены тумана. Дон Хуан предупредил меня, что древние *видящие* тоже предпочитали *видеть* барьер именно таким образом. Он объяснил, что так гораздо легче и удобнее, однако при этом существует опасность превращения вещей непостижимых в нечто мрачное и злое. Поэтому он советовал мне не вносить непостижимое в инвентарный список первого внимания, а оставить непостижимым.

Некоторое время мне по-прежнему было удобно *видеть*, барьер как стену тумана, однако потом я согласился с доном Хуаном, что лучше воспринимать переходный момент как некую непостижимую абстракцию. Но тогда мне так не удалось нарушить фиксацию осознания. Каждый раз, оказываясь в положении, близком к преодолению барьера, я видел стену тумана.

Как-то по случаю я пожаловался дону Хуану и Хенаро, что никак не могу справиться со стеной тумана, хотя и очень хочу *увидеть* барьер в каком-нибудь ином виде. Дон Хуан заметил тогда, что в этом нет ничего удивительного, ибо я мрачен и тосклив, и мы с ним в этом разительно отличаемся друг от друга. Он – весел и практичен и не творит себе кумира из человеческого инвентарного перечня. А я не желаю вышвырнуть в окошко свой инвентарный список и потому тяжел, злое и непрактичен. Столь резкая критика ошеломила меня, я пришел в состояние подавленности и печали. Дон Хуан и Хенаро хохотали до слез.

А Хенаро еще добавил, что я мстителен и склонен к полноте. Они хохотали так, что в конце концов я не устоял и к ним присоединился.

В тот раз дон Хуан рассказал мне о том, что тренировка в собирании других миров позволяет точке сборки накапливать опыт перемещений. Однако меня всегда интересовал вопрос: где взять силу первичного толчка, который выбил бы точку сборки из ее исходного положения. Когда раньше я спрашивал об этом у дон Хуана, он обычно отвечал, что все определяется универсальной силой настройки, поэтому *намерение* суть то, что заставляет перемещаться точку сборки.

Теперь я в очередной раз задал ему тот же вопрос. Он ответил: – Сейчас ты уже сам в состоянии ответить на свой вопрос.

Начальный импульс точке сборки сообщается за счет искусства владения осознанием. В конечном счете, от нас – человеческих существ – зависит не так уж много. Ведь мы, по сути, – всего лишь зафиксированная в определенной позиции точка сборки. Наш внутренний диалог – наш инвентарный перечень – наш враг и в то же время – наш Друг. Проведи инвентаризацию, а потом выбрось на мусорник составленный перечень. Новые *видящие* относятся к инвентаризации очень серьезно и составляют свои перечни с чрезвычайной тщательностью. Для того, чтобы затем над этими списками посмеяться. Если нет инвентарного перечня, точка сборки обретает свободу.

Дон Хуан напомнил мне о том, как много времени мы с ним в прошлом посвятили обсуждению одного из самых стойких пунктов человеческого инвентарного перечня – идее Бога.

– Этот пункт, – говорил он, – подобен прочнейшему клею, фиксирующему точку сборки в ее исходном положении. И если ты намерен собрать другой истинный мир, пользуясь другой большой полосой эманаций, тебе необходимо принять меры для полного высвобождения точки сборки.

– Весьма радикальный способ избавиться от клея – *увидеть* человеческую матрицу. И сегодня тебе предстоит проделать это самостоятельно.

– Что такое человеческая матрица, дон Хуан?

– С моей помощью ты *видел* ее множество раз, – ответил он. – Так что тебе известно, что это такое.

Я хотел сказать, что не знаю, о чем идет речь, но воздержался.

Если он утверждал, что я ее *видел*, то, вероятнее всего, так оно и было, хотя я не имел об этом ни малейшего понятия.

Он знал, о чем я думаю. Он понимающе улыбнулся и медленно покачал головой.

– Человеческая матрица – это гигантский блок эманаций в большой полосе неорганической жизни, – сказал он. – Его называют человеческой матрицей, потому что он является структурой, встречающейся только внутри человеческого кокона.

– Человеческая матрица – та часть эманаций Орла, которую *видящий* может видеть непосредственно, не подвергаясь при этом никакой опасности.

Последовала долгая пауза, после которой он вновь заговорил:

– Преодоление барьера восприятия – последняя из задач овладения

искусством осознания. Чтобы сдвинуть точку сборки в соответствующую позицию, тебе необходимо собрать большое количество энергии. Так что – вперед, вспоминай то, что ты не раз уже совершал!

Я безуспешно пытался вспомнить, что же такое человеческая матрица. Бездна этой затеи ужасно меня расстроила, а потом и разозлила. Я пришел в ярость, я был зол на себя, на дону Хуана, на все вообще.

На дону Хуана ярость моя не произвела никакого впечатления. Он спокойно объяснил, что точка сборки колеблется: подчиниться команде или нет. Отсюда и ярость, которая является вполне естественной реакцией.

– Прежде, чем ты сможешь практически применить принцип «твоя команда есть команда Орла», пройдет немало времени, – сказал он.

– Ведь в этом принципе – сущность тайны *намерения*. А пока что сформируй команду не раздражаться даже в наихудшие из моментов сомнения. Твоя команда будет услышана и исполнена как команда Орла, хотя процесс этот и будет идти медленно.

– Между обычной позицией точки сборки и местом, где нет сомнений, – а оно почти совпадает с местоположением барьера восприятия – имеется неизмеримо обширная область. В этой области воин подвержен склонности совершать самые разнообразные неверные действия. Поэтому ты должен быть настороже и не терять уверенности, потому что неизбежно наступит момент, когда тебя охватит чувство поражения.

– Новые *видящие* советуют поступать очень просто, столкнувшись в пути с чувствами нетерпения, отчаяния, гнева или печали. Они говорят, что нужно вращать глазами. В любом направлении. Лично я предпочитаю по часовой стрелке.

– Такое движение глаз моментально сдвигает точку сборки. И в тот же миг приходит облегчение. Этот способ может временно использоваться, пока не достигнуто совершенство во владении *намерением*.

Я пожаловался, что у нас было слишком мало времени на то, чтобы подробнее поговорить о *намерении*.

– Когда-нибудь все вернется, – заверил он меня. – Ты вспомнишь одно – оно потянет за собой другое. Одно ключевое слово – и все это вывалится из тебя, как из переполненного шкафа, дверца которого не выдержала.

И дон Хуан вернулся к разговору о человеческой матрице. Он сказал, что увидеть ее самостоятельно, без посторонней помощи, — исключительно важный шаг, поскольку прежде, чем человек достигнет свободы, ему необходимо избавиться от некоторых идей. *Видящий*, который вступает в неизвестное с тем, чтобы *увидеть* непознаваемое, должен находиться в состоянии абсолютной безупречности.

Дон Хуан подмигнул и сказал, что находиться в состоянии абсолютной безупречности — значит быть свободным от рациональных допущений и рациональных страхов. И добавил, что мои рациональные допущения и страхи в данный момент не дают мне осуществить настройку эманаций, необходимых для того, чтобы вспомнить, как я *видел* человеческую матрицу. Дон Хуан потребовал, чтобы я расслабился и сдвинул точку сборки вращением глаз. Он снова и снова повторял, что очень важно вспомнить человеческую матрицу до того, как я в очередной раз ее *увиджу*. И, поскольку у него нет времени, я не имею возможности делать все со своей обычной медлительностью.

Я принялся вращать глазами в соответствии сего указанием.

Практически немедленно я забыл обо всех своих неудобствах, а потом вдруг вспышкой молнии ум мой пронзило воспоминание. Я вспомнил, что действительно *видел* человеческую матрицу. Это произошло несколькими годами ранее. Событие было для меня весьма знаменательным еще и потому, что в тот день дон Хуан высказал самые святотатственные с точки зрения моего католического воспитания утверждения, какие мне когда-либо доводилось слышать.

Началось все с обычного разговора во время прогулки по предгорьям в Сонорской пустыне. Дон Хуан объяснял, что происходит со мной в процессе обучения. Мы остановились, чтобы отдохнуть и присели на какие-то большие валуны. Дон Хуан продолжал говорить о методике обучения. Это подтолкнуло меня в сотый раз поведать ему о том, что я при этом чувствую. Было вполне очевидно: рассказы о моем отношении к его методике дону Хуану уже давно надоели. Он сдвинул уровень своего осознания и сказал, что если я *увиджу* человеческую матрицу, то, может быть, сразу пойму все, что он делает, и это сэкономит нам годы усердного труда.

И он подробно описал, что представляет собой человеческая

матрица. Причем рассказывал он о ней не в терминах эманаций Орла, а как о некоторой энергетической структуре, которая служит для формирования качеств человеческого существа в аморфном сгустке биологического материала. По крайней мере, так я тогда понял. Особенно после того, как он наглядно продемонстрировал мне это с помощью механической аналогии. Он сказал, что это похоже на гигантский штамп, который без конца штампует человеческие существа, как будто некий гигантский конвейер доставляет к нему заготовки и уносит готовые экземпляры. Как бы изображая ладонями пуансон и матрицу этого гигантского штампа, дон Хуан крепко сжал из, а затем вновь разжал, чтобы выпустить свежештампованного индивида.

Он объяснил также, что каждому биологическому виду соответствует своя матрица, поэтому каждый индивид, принадлежащий к некоторому виду, обладает свойствами, для данного вида характерными.

И дон Хуан приступил к рассказу о человеческой матрице. Рассказ этот очень сильно выбил меня из колеи. Дон Хуан сказал, что у древних *видящих* и мистиков нашего мира была одна общая черта – и тем, и другим удалось *увидеть* человеческую матрицу, но ни те, ни другие не поняли, что это такое. Веками мистики потчевали нас душещипательными отчетами о своем духовном опыте. Но отчеты эти, при всей их красоте, содержали в себе грубейшую и совершенно безнадежную ошибку – их составители верили во всемогущество человеческой матрицы. Они думали, что это и есть всесведущий творец. Примерно так же интерпретировали человеческую матрицу и древние *видящие*. Они считали, что это – добрый дух, защитник человека.

И только у новых *видящих* хватило уравниловки на то, чтобы, *увидев* человеческую матрицу, трезво понять, что это такое. Они смогли осознать: человеческая матрица не есть творец, но просто структура, составленная всеми мыслимыми и немыслимыми атрибутами и характеристиками человека – всеми, какие только могут в принципе существовать. Матрица – наш Бог, поскольку все, что мы собой представляем, ею отштамповано, но вовсе не потому, что она творит нас из ничего по своему образу и подобию. И когда мы преклоняем колени перед человеческой матрицей, мы совершаем поступок, от которого весьма заметно несет высокомерием и антропоцентризмом.

Я ужасно разволновался, слушая объяснение дон Хуана. Я никогда не считал себя особо благочестивым католиком, однако его Богохульные интерпретации меня шокировали. Из вежливости я слушал, не прерывая, но в первой же подходящей паузе намеревался сменить тему. Но он продолжал безостановочно и безжалостно бить в одну и ту же точку. В конце концов я не выдержал и перебил его, заявив, что считаю существование Бога реальностью.

Он сказал, мое мнение – вопрос веры и как таковое является косвенным убеждением, а потому ровным счетом ничего не значит. – Твоя, как, впрочем, и чья угодно, вера в существование Бога основана на том, что кто-то кому-то когда-то сказал, а не на твоём непосредственном *видении*, – продолжал он. – Но если бы ты даже мог *видеть*, ты все равно неизбежно допустил бы ту же ошибку, что и мистики. Каждый, кто *видит* человеческую матрицу, автоматически принимает ее за Бога.

Дон Хуан назвал мистический опыт случайным *видением*, одиночным попаданием, которое само по себе не имеет никакой ценности, поскольку является результатом случайного сдвига точки сборки. Он заявил, что выносить верные суждения по данному вопросу могут только новые *видящие*, поскольку они искоренили случайное *видение*, заменив его способностью *видеть* человеческую матрицу в любой необходимый момент.

И они *увидели*, что то, что мы называем Богом, есть статический прототип человеческого образа, не имеющий никакой силы, поскольку человеческая матрица ни при каких обстоятельствах не может ни помочь нам в наших действиях, ни наказать нас за несправедные дела, ни воздать нам за дела праведные. Мы – отпечаток матрицы, продукт штамповки. То, что понимается под человеческой матрицей, в точности соответствует своему названию – это образец, форма для заливки, группирующая определенную связку волоконобразных элементов, которую мы именуем человеком.

Все, что он говорил, причиняло мне самые настоящие страдания, однако его, похоже, мало трогала глубина моих переживаний. Он продолжал методически меня доставать. Он сказал, что случайные *видящие* совершили непростительное преступление, заставив людей вкладывать невосполнимую энергию в сосредоточение на том, что никак не может никому помочь. Чем больше он говорил,

тем сильнее я раздражался. Когда я дошел до такой стадии раздражения, что готов был начать на него кричать, он сдвинул меня и состояние еще более повышенного осознания, ударив по правой стороне туловища между тазом и ребрами. Этот удар отправил меня парить в радужном свете, в лучезарном источнике мира и дивной благодати. Этот свет был небом, оазисом в окружавшей меня черноте.

Субъективно я ощущал, что время остановилось. Я *видел* этот свет неизмеримо долго. Описать словами все великолепие того, что я созерцал, не было никакой возможности, но понять, что именно делает это столь прекрасным, я тоже не мог. Затем я подумал, что ощущение красоты порождается чувством гармонии, мира, покоя и столь долгожданной безопасности. Дышать было так легко, я вдыхал и выдыхал, пребывая в состоянии абсолютного покоя. Какое дивное изобилие! Без тени сомнения я знал – это есть Бог, источник всего сущего, и я встретился с Ним лицом к лицу. И я знал – Он любит меня. Бог суть любовь и всепрощение – это я тоже знал. Свет омывал меня, я был очищен и спасен. Я не был властен над собой, я рыдал. В основном о себе. Этот свет и – я. Боже, как недостоин и мерзок я!

Вдруг в ушах моих зазвучал голос дона Хуана. Он велел мне идти дальше, подняться над матрицей. Он говорил, что матрица – всего лишь ступень, передышка, которая дает временное пристанище, сообщая мир и безмятежность тому, кто отправляется в неизвестное. Но она бесплодна и статична. Она есть одновременно плоское отражение образа в зеркале и само зеркало. Плоское отражение суть образ человека.

Я страстно отверг сказанное доном Хуаном. Я восстал против его Богохульных и святотатственных речей. Мне хотелось послать его подальше, но я не мог преодолеть связывающую силу своего *видения*. Я был ею пойман. Дон Хуан, казалось, в точности знал все, что я думаю.

– Ты не можешь послать нагваля, – сказал он у меня в ушах. – Ибо нагваль дает тебе *видение*. Это – искусство нагваля, его сила. Нагваль – тот, кто ведет.

И тут я кое-что понял относительно этого голоса. Он не был голосом дона Хуана, хотя весьма на него походил. И, кроме того, голос был прав. Инициатором моего *видения* действительно был нагваль Хуан Матус. Именно его искусство и сила заставили меня

увидеть Бога. Он сказал, что это – не Бог, а шаблон человека. И я знал, что он прав. Но я не мог с этим согласиться, причем не из упрямства или от злости, но просто потому, что мною всецело владело чувство преданности и любви к Божеству, бывшему передо мной.

Со всей страстностью, на какую я только был способен, всматривался в этот свет. Он как бы сконденсировался, обретая форму, и я *увидел* очертания человека. Сияющего человека, от которого исходило благословение, любовь, понимание, искренность и истина. Человека, воплощавшего в себе всю сумму добра.

Страсть, которая охватила меня, когда я *увидел* этого человека, превосходила все, когда-либо мною испытанное. Я рухнул на колени. Я жаждал поклоняться воплощенному Богу, но тут вмешался дон Хуан. Он ударил меня по верхней части грудной клетки слева, возле лопатки, и я тут же потерял Бога из виду. Я остался, охваченный мучительным чувством – некой смесью сожаления, воодушевления, уверенности и сомнений. Дон Хуан меня высмеял. Он сказал, что я набожен и легкомысленен, что из меня мог бы получиться дивный священник, а теперь к тому же и пророк – лидер религиозной конфессии, *видевший* Бога. И он язвительно посоветовал мне взяться за проповедничество и описывать всем то, что я *видел*.

А потом он с небрежным видом, но как бы заинтересованно произнес, наполовину в вопросительном, наполовину – в утвердительном тоне:

– А мужчина? Ты ведь не можешь забыть, что Бог – мужчина.

Огромность чего-то неопределенного начала вырисовываться передо мной по мере того, как я обретал состояние полной ясности.

– Удобно-то как, а? – с улыбкой добавил в тот раз дон Хуан. – Бог – мужского пола. Облегчение какое!

Теперь же, рассказав дону Хуану обо всем, что я вспомнил, я задал ему вопрос по поводу одной вещи, которая поразила меня, показавшись исключительно странной. Чтобы *увидеть* человеческую матрицу, я должен был пройти через сдвиг точки сборки. Это очевидно. Воспоминание о том переживании было настолько ярким, что я ощутил бессмысленность всего. Ведь, вспоминая сейчас, я испытывал те же самые чувства. Ничто не изменилось. Я спросил у дон Хуана, как могло получиться, что,

так полно все уяснив, я умудрился настолько основательно все позабыть. У меня складывалось впечатление, что все происходившее и происходящее не имеет никакого значения, и мне каждый раз приходится начинать с одного и того же места. И прошлые мои успехи ни на что не влияют.

— Это только эмоциональное впечатление, — объяснил он. — Просто заблуждение. Все, что ты делал несколько лет назад, прочно зафиксировано где-то в незадействованных эманациях. Например, тот день, когда я заставил тебя *увидеть* человеческую матрицу. Ведь я тогда и сам заблуждался. Я думал, стоит тебе ее *увидеть* — и ты тут же все поймешь. С моей стороны налицо было полное непонимание.

Дон Хуан сказал, что до него всегда все доходило очень медленно. По крайней мере, так считал он сам. Но проверить это он не мог, так как сравнивать было не с чем. Когда же появился я, и он выступил в совершенно новой для него роли учителя, он обнаружил, что ускорить процесс понимания в принципе невозможно. И одного лишь освобождения точки сборки тут явно недостаточно. А он рассчитывал, что этого хватит. Вскоре, однако, он осознал следующее: во время сна любой человек претерпевает естественный сдвиг точки сборки, причем зачастую весьма и весьма значительный, поэтому в бодрствующем состоянии мы мастерски справляемся с индуцированными сдвигами, тут же их компенсируя. Благо, опыта пробуждения из состояния сна нам не занимать — нам ежедневно приходится восстанавливать равновесие, как ни в чем не бывало продолжая свою повседневную деятельность.

Дон Хуан отметил, что ценность заключений, к которым пришли новые *видящие*, не становится очевидной до тех пор, пока человек не начинает работать с точкой сборки кого-нибудь другого. Новые *видящие* утверждают, что в этом отношении имеют значение только усилия, направленные на фиксацию точки сборки в новой позиции. Они считают, что эта часть процесса обучения — единственное, о чем стоит говорить. И им известно, что осуществляется она медленно, понемножку, со скоростью улитки. Затем дон Хуан сказал, что в начале моего обучения он пользовался растениями силы, поскольку так рекомендуют поступать новые *видящие*. Опираясь на опыт своего *видения* они знают, что растения силы очень сильно раскачивают точку сборки,

«страхивая» ее с обычного места. В принципе воздействие растений силы на положение точки сборки очень похоже на воздействие сна. Но растения силы индуцируют более глубокие и всепоглощающие сдвиги, чем сон. Дезориентирующее влияние такого сдвига используется затем учителем для закрепления в уме ученика понимания того факта, что восприятие мира никогда не может быть окончательным и однозначным.

Тут я вспомнил, что за все годы обучения *видел* человеческую матрицу еще пять раз. И с каждым последующим разом реакция моя на нее становилась все менее и менее бурной. Но справиться с тем фактом, что я *вижу* Бога мужского пола, мне не удавалось. В конце концов то, что я *видел*, перестало быть для меня Богом, и стало человеческой матрицей. Не потому, что об этом твердил дон Хуан, а потому, что Бог мужского пола стал нелепостью, не выдерживавшей никакой критики. И я понял тогда все, что говорил по поводу человеческой матрицы дон Хуан. Он ни в малейшей степени не Богохульствовал, и утверждения его не являлись святотатством, ведь они никак не были связаны с контекстом повседневности. Дон Хуан был прав, говоря, что преимущество новых *видящих* состоит в их способности *видеть* человеческую матрицу по собственному желанию и сколь угодно часто. Но для меня гораздо большее значение имела их уравновешенность, которая позволила трезво подойти к исследованию того, что они *видели*.

Я поинтересовался, почему человеческая матрица в моем восприятии всегда оказывается структурой человека мужского пола. Дон Хуан объяснил. Дело в том, что, когда я *видел* человеческую матрицу, моя точка сборки еще не была прочно зафиксирована на новом месте и смещалась поперек человеческой полосы в сторону исходной позиции. Так же, как в случае с *видением* барьера восприятия в образе стены тумана. Этот поперечный сдвиг был обусловлен практически неизбежным желанием или потребностью представить непостижимое в каких-нибудь более-менее знакомых терминах: барьер – стена, матрица мужчины – непременно мужчина. Дон Хуан полагал, что, будь я женщиной, человеческая матрица, которую я видел, вероятнее всего, была бы структурой человеческого существа женского пола. Затем дон Хуан встал и сказал, что пришло время вернуться и пройти по городу, поскольку человеческую матрицу я должен

увидеть, находясь среди людей. В молчании мы дошли до площади, но прежде, чем мы на нее вышли, я ощутил неудержимый всплеск энергии и ринулся вдоль по улице к окраине городка. Я вышел на мост. Человеческая матрица словно специально меня там дожидалась. Я *увидел* ее – дивный теплый янтарный свет.

Я упал на колени, но это не было продиктовано набожностью, а явилось физической реакцией на чувство благоговения. Зрелище человеческой матрицы было в этот раз еще более удивительным чем когда-либо прежде. Я почувствовал, как сильно я изменился с того времени, когда видел ее впервые. В этом чувстве не было ни высокомерия, ни самолюбования, просто все, что я *видел* и узнал за прошедшие годы, позволило мне гораздо лучше и глубже постичь возникшее перед моими глазами чудо.

Сначала человеческая матрица была наложена на мост. Потом я немного изменил фокусировку и *увидел*, что человеческая матрица простирается вверх и вниз в бесконечность, а мост – крохотный узор, полупрозрачный набросок, нарисованный на бесконечности. Такими же были и микроскопические фигурки прохожих, с нескрываемым любопытством меня разглядывавших. Но я был недосыгаем для них, хотя именно в этот миг открытость и уязвимость мои достигли максимума. Человеческая матрица была бессильна защитить меня или пощадить, но все равно я любил ее страстно, и страсть моя не знала границ.

Я подумал, что теперь понимаю слова дон Хуана, неоднократно от него слышанные: реальная привязанность не может основываться на взаимной выгоде. Я бы с радостью навек остался слугой человеческой матрицы, и не за то, что она мне что-то дает – ведь дать она ничего не может – а просто из-за чувства, которое я к ней испытывал.

Я ощутил, как что-то потянуло меня прочь. Прежде, чем исчезнуть, я закричал, что-то обещая человеческой матрице, но закончить не успел – мощная сила подхватила меня и одула прочь. Я стоял на коленях посреди моста, а собравшиеся вокруг крестьяне надо мной смеялись.

Подожел дон Хуан, помог мне встать и отвел домой.

Человеческую матрицу можно *видеть* в двух различных образах, – начал он, – как только мы сели, – в образе человека и в образе света. Все зависит от сдвига точки сборки. При поперечном сдвиге

ты *видишь* образ человека, при сдвиге в среднем сечении человеческой полосы матрица – это свет. Сегодня ты сдвинул точку сборки в среднем сечении. Только это имеет значение.

– Позиция, в которой человек *видит* человеческую матрицу, очень близка к позиции *тело сновидения* и барьера восприятия. Именно по этой причине новые *видящие* настаивают на необходимости *увидеть* и понять человеческую матрицу.

– А ты уверен в том, что понял, чем в действительности является человеческая матрица? – спросил он с улыбкой.

– Уверяю тебя, дон Хуан – я полностью отдаю себе отчет в том, что такое человеческая матрица? – сказал я.

– Но, подходя к мосту, я слышал, как ты кричал матрице какую-то чушь, – заметил он с язвительнейшей улыбкой.

Я сказал, что чувствовал себя бесполезным слугой, который поклоняется бесполезному господину, и все же искренняя привязанность заставила меня пообещать неумирающую любовь. Дон Хуан нашел это весьма занятным и смеялся до тех пор, пока совсем едва не задохнулся.

– Бесполезное обещание, данное бесполезным слугой бесполезному господину, – прокомментировал он и снова захлебнулся смехом.

Отстаивать свою позицию мне не хотелось. То, что я чувствовал по отношению к человеческой матрице, было с моей стороны даром, взамен за который я даже не думал что-либо получить. И бесполезность данного обещания не имела ровным счетом никакого значения.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

17. Путешествие в теле СНОВИДЕНИЯ

Дон Хуан сказав что мы с ним едем в Оахаку в последний раз. С предельной ясностью он дал мне понять, что после этого мы никогда уже не встретимся с ним там.

– Может быть, чувства мои еще вернуться в эти места, но сам я, полностью – никогда, – сказал он.

Несколько часов мы с доном Хуаном бродили по городу, он разглядывал такие обыденные и тривиальные вещи, как блеклость стен, далекие очертания гор, узор трещин на асфальте, лица прохожих. Потом мы вышли на площадь и сели на его любимую скамейку. На ней никто не сидел, впрочем, как и всегда, когда дон Хуан этого хотел.

Во время этой длительной прогулки по городу я изо всех сил старался напустить на себя настроение печали и тоски, но у меня ничего не вышло. В предстоящем уходе дон Хуана было что-то праздничное. Он объяснил, что это – предчувствие неукротимой энергии абсолютной свободы.

– Свобода подобна заразной болезни, – сказал дон Хуан. – Она передается, а носитель ее – безупречный нагваль. Люди могут этого не оценить – ведь они не желают освобождения. Свобода страшит. Запомни это. Но не нас. Почти всю жизнь я готовился к этому моменту. То же будет и с тобой.

И он несколько раз повторил, что на той ступени, которой я достиг, никакие рациональные соображения не должны вмешиваться в мои действия. Он сказал, что *тело сновидения* и барьер восприятия суть позиции точки сборки. Знание этого имеет примерно такое же жизненно важное значение для *видящих*, какое для современного человека имеет умение читать и писать. И то, и другое достигается многолетней практикой.

– Очень важно для тебя прямо сейчас вспомнить тот раз, когда твоя точка сборки достигла определенной позиции, благодаря чему ты смог сформировать *тело сновидения*, – сказал дон Хуан как-то по особенному настоятельно.

Потом он улыбнулся и объяснил, что времени осталось очень и

очень мало. Вспоминание моего главного путешествия в *теле сновидения* должно сдвинуть мою точку сборки в позицию преодоления барьера восприятия. Там может быть собран другой мир.

– *Тело сновидения* называют по-разному, – продолжил дон Хуан после длительной паузы. – Лично мне больше всего нравится название «другой». Этот термин принадлежит древним *видящим*, как и их настрой. Настрой их меня не трогает, а вот что касается термина – тут я вынужден признать – он мне нравится. Другой. Что-то таинственное и запретное. Как и от самих древних *видящих*, от него веет тьмой и тенями. Толтеки говорили, что другой всегда приходит, окутанный ветром.

В течение всех лет обучения дон Хуан и *видящие* его команды пытались заставить меня осознать, что человек может одновременно находиться в двух разных местах, что мы можем испытывать нечто вроде раздвоения восприятия.

По мере того, как дон Хуан говорил, я начал припоминать нечто столь основательно забытое, что сначала возникло впечатление, будто я только лишь слышал об этом. Постепенно, шаг за шагом, я осознал, что вспоминаю свой собственный опыт.

Я находился в двух разных местах. Это произошло однажды ночью в горах Северной Мексики. Весь день мы с доном Хуаном собирали растения. Когда мы остановились на ночлег, я буквально валился с ног от усталости. Как вдруг с порывом ветра из темноты прямо передо мной возник дон Хенаро, чуть до смерти меня не перепугав.

Сперва я заподозрил неладное. Я решил, что дон Хенаро все время прятался в кустах, ожидая, пока стемнеет, чтобы столь пугающим образом появиться из ниоткуда. Но, глядя на то, как он скачет вокруг, я заметил, что этой ночью он какой-то уж очень странный: Было в нем что-то не то, вполне осязаемое и реальное, но мне оно никак не давалось.

Он шутил и плясал вокруг, производя действия, которые рассудок мой отказывался принимать. Дон Хуан хохотал как идиот по поводу моего крайнего замешательства. В подходящий с его точки зрения момент он сдвинул уровень моего осознания и в течение некоторого времени я *видел* дона Хуана и дон Хенаро как сгустки света. Хенаро не был тем доном Хенаро из плоти и крови, с которым я общался, находясь в состоянии нормального осознания.

Передо мной было его *тело сновидения*. Я знал это наверняка, так как видел его как светящийся шар, парящий в пространстве. Он не касался земли, как дон Хуан, а как бы готовился к полету, зависнув в воздухе на высоте полуметра от земли. Создавалось впечатление, что он вот-вот умчится прочь.

Я все более подробно вспоминал события той ночи. Вдруг я понял, что тогда произошло еще кое-что существенное – откуда-то автоматически возникло знание, что для того, чтобы добиться сдвига точки сборки, мне следует вращать глазами. Своим *намерением* я мог настроить эманации, позволяющие *видеть* Хенаро как сгусток света, а мог настроить другие и *видеть* его как нечто потустороннее, неизвестное, странное.

Глаза странного Хенаро зловеще светились, подобно глазам зверя, рыщущего во тьме. Но они все же оставались при этом глазами. Я не выделил их как точки янтарного света.

В ту ночь дон Хуан сказал, что Хенаро собирается помочь моей точке сборки сдвинуться очень глубоко, поэтому мне следует имитировать его движения и вообще повторять все, что он делает. Хенаро отставил зад, а потом с силой двинул тазом вперед. Жест, по моему мнению, получился весьма непристойный.словно танцуя, Хенаро повторял его снова и снова.

Дон Хуан подтолкнул меня, побуждая следовать примеру Хенаро. Я подчинился, и вот уже мы вдвоем носились вокруг, выполняя этот гротескный жест. Через некоторое время у меня возникло ощущение, что тело мое выполняет его самостоятельно, без участия того, что кажется мне моим истинным «я». Постепенно разделение между моим телом и моим истинным «я» становилось все более и более ярко выраженным. В конце концов я обнаружил, что смотрю со стороны на дурацкую сцену, в которой два мужика делают Друг перед другом похотливые жесты.

Я увлеченно наблюдал за происходящим и вдруг понял, что один из тех двоих – я. И тут же что-то потянуло меня, и я вновь оказался тем самым собой, который синхронно с Хенаро двигал взад-вперед тазом. Почти сразу же я заметил, что еще один человек стоит рядом с доном Хуаном и за нами наблюдает. Его обдувал ветер, я видел, как шевелятся волосы на его голове. Он был обнажен и казался смущенным. Ветер скапливался вокруг него, словно его защищая или наоборот, пытаясь унести его прочь.

То, что этот другой человек – тоже я, дошло до меня не сразу.

Когда же это, наконец, произошло, я испытал самый сильный в своей жизни шок. Неуловимая физическая сила разделила меня, словно я состоял из волокон. Я снова смотрел на себя. Тот я, на которого я смотрел, скакал вместе с Хенаро и бросал изумленные взгляды на того я, который наблюдал. И в то же время я смотрел на голого человека, который был я и в изумлении разглядывал меня, занятого выполнением непристойных движений синхронно с Хенаро. Шок был настолько силен, что я сбился с ритма движений и упал.

Что было дальше, я не помнил. Потом дон Хуан помог мне подняться. Хенаро и другой я – голый – уже куда-то исчезли. Я помнил также, что в ту ночь дон Хуан отказался обсуждать происшедшее. Он не объяснил ничего, только сказал, что Хенаро – большой мастер по части формирования своего дубля или другого, и что в состоянии нормального осознания я много раз подолгу имел дело с дублем Хенаро, ничего при этом не замечая. После того, как я рассказал дону Хуану обо всем, что вспомнил, он сказал:

– В ту ночь, как и сотни раз до того, Хенаро сдвинул твою точку сборки очень глубоко влево. Сделал он это с такой силой, что перетянул точку сборки в положение, где формируется *тело сновидения*. И ты увидел собственное *тело сновидения*, которое за тобой наблюдало. Всего этого Хенаро добился с помощью своего танца.

Я попросил объяснить, каким образом непристойное движение Хенаро могло произвести столь поразительный эффект.

– Ты стеснителен, – последовал ответ. – Хенаро воспользовался твоими отвращением и смущением, немедленно возникшими, как только тебя заставили делать непристойные жесты. Хенаро находился в своем *теле сновидения* и мог *видеть* эманации Орла. Пользуясь этим преимуществом, он с легкостью заставил твою точку сборки сдвинуться.

– Но то, что Хенаро заставил тебя сделать в ту ночь – ерунда. Он сдвигал твою точку сборки, заставляя ее формировать *тело сновидения* множество раз, однако я хочу, чтобы ты вспомнил не это.

– Мне нужно, чтобы ты настроил соответствующие эманации и вспомнил тот единственный раз, когда ты действительно проснулся в *теле сновидения*.

Словно что-то взорвалось внутри меня – таким мощным был прилив энергии, который я ощутил, едва лишь он произнес последние слова. Я знал, что он имел в виду, я почти вспомнил. Правда, восстановить в памяти все событие целиком мне не удавалось. Я отчетливо помнил только его фрагмент.

Как-то утром мы с доном Хуаном и доном Хенаро сидели на этой же самой скамейке. Я находился в нормальном состоянии осознания. Вдруг дон Хенаро совершенно неожиданно заявил, что собирается сделать так, что его тело покинет эту скамейку, не отрываясь от нее. Заявление это совершенно не касалось темы, которую мы в тот момент обсуждали. Я привык к упорядоченным объяснениям и действиям дон Хуана и потому повернулся к нему в ожидании подсказки. Но дон Хуан невозмутимо смотрел прямо перед собой, словно ни меня, ни дон Хенаро не существовало вообще.

Дон Хенаро подтолкнул меня, привлекая внимание, а сразу вслед за этим я увидел нечто потрясшее меня до глубины души: на другой стороне площади стоял Хенаро. Я действительно *видел* его там. Он манил меня к себе. Но я также видел дон Хенаро – он сидел рядом на скамейке и смотрел прямо перед собой, так же, как дон Хуан.

Я хотел что-то сказать по поводу своего полнейшего недоумения, однако обнаружилось, что я онемел. Некая сила сковала меня и не позволяла говорить. Я снова взглянул на Хенаро, стоявшего на той стороне площади за сквером. Он по-прежнему находился там и призывно мне кивнул.

Эмоциональный срыв приближался с каждой секундой. Начало подташнивать, и зрение мое стало туннельным: я смотрел сквозь туннель, который вел прямо к Хенаро на ту сторону площади. А затем огромное любопытство, а может быть, огромный страх – в тот момент они казались одним и тем же чувством – потянул меня туда, где он стоял. Пролетев по воздуху, я оказался рядом с ним. Хенаро заставил меня обернуться и указал на троих, сидевших на скамейке в неподвижных позах, словно время для них остановилось.

Я ощутил ужасающее неудобство, внутренний зуд, словно все мои органы горели в огне, и снова оказался на скамейке. Однако Хенаро там не было. Он помахал мне на прощание с другой стороны площади и скрылся в толпе людей, спешивших на базар.

Дон Хуан очень оживился. Он неотрывно смотрел на меня. Он встал и начал вокруг меня рассказывать. Потом он снова сел и заговорил со мной, но сохранять при этом невозмутимость ему не удавалось.

Я понял, в чем дело. Я вошел в состояние повышенного осознания без помощи дона Хуана. Хенаро удалось заставить мою точку сборки самостоятельно сдвинуться.

Я невольно рассмеялся, увидев, с какой торжественностью дон Хуан засунул мой блокнот к себе в карман. Он сказал, что намерен воспользоваться моим состоянием повышенного осознания для того, чтобы продемонстрировать мне, что нет конца тайне, имя которой – человек, равно как и тайне, имя которой – мир.

Я полностью сосредоточился на его словах. Однако дон Хуан сказал нечто совершенно мне непонятное. Я попросил повторить. Он заговорил очень тихо. Я решил, что он понизил голос, дабы не быть услышанным посторонними. Я внимательно вслушивался в его слова, но все равно не мог понять ни одного из них. Либо он говорил на каком-то непонятном мне языке, либо просто нес околесицу. Однако странным во всем этом было то, что нечто полностью приковало к себе мое внимание – то ли ритм его голоса, то ли мои отчаянные попытки понять. Я чувствовал, что ум мой не такой, как обычно, хотя в чем именно заключается различие, вычислить не мог. Я напряженно думал, пытаюсь сообразить, что происходит.

Дон Хуан очень тихо говорил мне на ухо:

– Ты вошел в состояние повышенного осознания сам, без моей помощи. Это означает, что твоя точка сборки очень подвижна и податлива. И ты можешь заставить ее уйти еще глубже влево. Для этого ты должен расслабиться и впасть в полудремотное состояние прямо здесь, на этой скамейке. Тебе нечего бояться, потому что я рядом. Расслабься, отпусти точку сборки, пусть она смещается. Я мгновенно ощутил тяжесть глубокого сна. В какой-то момент я осознал, что вижу сон. Там был дом, который я уже когда-то видел. Я приближался к нему, словно идя вдоль по улице. Там были и другие дома, но обратить на них внимание я не мог. Мое осознание было зафиксировано чем-то только на том доме, который я видел. Это был большой оштукатуренный современный дом. Перед домом была лужайка.

Когда я приблизился к дому, у меня возникло ощущение, что он

хорошо мне знаком, потому что я видел его в снах не один раз. Посыпанная гравием дорожка вела к парадной двери. Дверь оказалась открытой, и я вошел. Я попал в темный холл. Справа была большая жилая комната с темно-красным диваном и креслами в углу.

Зрение мое явно имело туннельный характер: я мог видеть только то, что находилось прямо перед моими глазами.

Возле дивана стояла молодая женщина, похоже было, что она встала при моем появлении. Стройная и высокая, она была одета в отлично сшитый шикарный зеленый костюм. На вид ей было где-то под тридцать. У нее были каштановые волосы, горящие черные глаза, в которых, казалось, светилась улыбка, и прямой точеный нос изумительной формы. Кожа у нее была белая, но покрытая темным загаром. Красота этой женщины поразила меня. Похоже было, что она американка. Она кивнула мне с улыбкой и протянула руки ладонями вниз, как бы для того, чтобы помочь мне подняться. Исключительно неуклюжим движением я ухватился за ее руки. Я испугался и хотел отпрянуть, но она держала меня – крепко, но в то же время так нежно. Она заговорила со мной по-испански с легким акцентом. Она просила меня расслабиться, сосредоточить внимание на ее лице и следить за движениями ее губ. Я хотел спросить ее, кто она, но не мог выговорить ни слова.

Затем в ушах моих зазвучал голос дон Хуана. Он сказал:

– Ага, вот ты где, – как будто он только что меня отыскал.

Я сидел рядом с ним на парковой скамейке. Но я также слышал и голос молодой женщины. Она сказала:

– Иди сюда, посиди со мной.

Я выполнил ее просьбу, и началось совершенно невероятное смещение точек зрения. Я по очереди находился то рядом с доном Хуаном, то рядом с нею. И его, и ее я видел совершенно отчетливо, совсем как наяву.

Дон Хуан спросил, нравится ли она мне, нахожу ли я ее привлекательной и успокаивает ли меня ее присутствие. Я не мог говорить, но каким-то образом мне удалось поведать ему свои ощущения. Она нравилась мне бесконечно. Без какой-либо очевидной связи или причины я подумал, что он, должно быть – образец доброты и ее участие в том, что дон Хуан проделывает со мной, совершенно необходимо.

Дон Хуан снова заговорил. Он сказал, что, если она действительно

так мне нравится, я должен проснуться в ее доме. Меня приведет туда чувство тепла и привязанности к ней. Я ощутил прилив веселья и безрассудства. Всепоглощающее возбуждение заструилось сквозь мое тело. Оно словно дезинтегрировало меня, но мне было все равно. И я радостно ринулся в черноту – черноту чернее черного, неописуемую словами – а затем обнаружил, что сижу на диване рядом с молодой женщиной в ее доме.

Когда первый приступ животной паники прошел, я почувствовал, что в каком-то смысле не являюсь полным. Чего-то во мне не хватало. Но угрозы я не чувствовал. В уме промелькнула мысль о том, что все это – сон, который я вижу, заснув на скамейке в сквере на главной площади Оахаки рядом с доном Хуаном, где я на самом деле нахожусь и где через некоторое время и проснусь. Молодая женщина помогла мне подняться и отвела в ванную комнату. Ванна была наполнена водой. Тут я обнаружил, что на мне нет одежды – я был совершенно гол. Она осторожно помогла мне забраться в ванну и стояла рядом, поддерживая голову, пока я там плавал.

Через некоторое время она помогла мне выбраться из ванны. Я был слаб и чувствовал себя разбитым. Я лег на диван в жилой комнате. Женщина подошла ко мне. Она была совсем близко, мне было слышно, как бьется ее сердце, как кровь течет в ее теле. Глаза ее излучали нечто, бывшее не светом и не теплом, но чем-то странно промежуточным, сочетавшим в себе свойства того и другого. Я знал, что *вижу* жизненную силу, исходящую от ее тела сквозь глаза. Все ее тело было как топка – оно светилось.

Все мое существо пронзила странная дрожь, словно нервы мои были обнажены, и кто-то дергал за них. Ощущение было подобно агонии. Потом я то ли упал в обморок, то ли уснул.

Проснулся я оттого, что кто-то прикладывал смоченное водой полотенце к моему лицу, затылку и шее. Я лежал на кровати.

Молодая женщина сидела в изголовье, рядом стоял столик, на нем – миска с водой. В ногах кровати стоял дон Хуан с моей одеждой, перекинутой через руку.

Я полностью проснулся и сел. Я был накрыт одеялом.

– Ну что, путешественник? – с улыбкой спросил дон Хуан. – Теперь ты уже собрался воедино?

Это было все, что я помнил. Рассказывая этот эпизод дону Хуану, я вспомнил еще один фрагмент. Дон Хуан смеялся надо мной и

дразнил по поводу того, что обнаружил меня голым в постели незнакомой женщины. Меня это тогда жутко разозлило. Я оделся и в ярости ринулся прочь из дома.

Дон Хуан догнал меня на лужайке перед домом. Совершенно серьезно он заявил, что я снова стал отвратительно тупым самым собой, что своим смущением я собрал себя воедино, и это говорит ему, что моему чувству собственной важности по-прежнему нет предела. Однако вслед за этим он примирительным тоном добавил, что сейчас все это не имеет значения, поскольку мне удалось главное – сдвинуть точку сборки очень глубоко влево и перенестись благодаря этому на огромное расстояние. И это – поистине замечательно.

Он продолжал говорить о чудесах и тайнах, но мне было не до него – я попал под перекрестный огонь испуга и чувства собственной важности. Я почти дымился. Ведь я был уверен, что дон Хуан загипнотизировал меня там, на скамейке, а затем переправил в дом этой женщины, и что вдвоем они проделали со мной что-то ужасное.

И тут мою ярость как отрезало. На улице было нечто ужасающее, нечто повергшее меня в состояние сильнейшего шока. Гнев мой мгновенно испарился. Но прежде, чем я успел разобраться в своих мыслях, дон Хуан ударил меня по спине, и от всего, что произошло, не осталось и следа. Я оказался в состоянии своей обычной повседневной глупости. Разинув рот, я радостно внимал дону Хуану, беспокоясь о том, нравлюсь я ему или нет.

О втором фрагменте я тоже рассказал дону Хуану. И, рассказывая, понял, что он не только сдвигал меня в состояние повышенного осознания, но иногда и возвращал в нормальное состояние. Это позволяло ему справиться с моими эмоциональными вспышками. – Забвение – вот единственное, что способно успокоить того, кто путешествует в неизвестном, – прокомментировал он. – Какое это облегчение – снова оказаться в обычном мире!

– В тот день ты совершил нечто грандиозное. Я мог тогда принять единственное трезвое решение: вообще не дать тебе на этом сосредоточиться. И, как только ты по-настоящему запаниковал, я сдвинул тебя в нормальное состояние осознания. Я сдвинул твою точку сборки туда, где нет сомнений. Для воина существует две позиции точки сборки, в которых нет места сомнениям. В одной из них сомнений нет потому, что ты знаешь все. В другой – позиции

нормального осознания – сомнений нет потому, что ты не знаешь ничего.

– Тогда тебе еще слишком рано было знать о том, что случилось на самом деле. Но сейчас, я думаю, время пришло. Глядя на ту улицу ты почти догадался, где находилось твоё *тело сновидения*, и куда ты в результате попал. В тот день ты преодолел огромное расстояние.

Дон Хуан разглядывал меня. В глазах его я видел некую смесь ликования и печали. Я изо всех сил старался не утратить контроль над странным возбуждением, неожиданно меня охватившим. Я ощущал, что нечто невероятно важное для меня затеряно где-то в глубинах моей памяти или, как сформулировал бы дон Хуан, в некоторых незадействованных эманациях, которые однажды подвергались настройке.

Моя борьба за сохранение спокойствия оказалась ошибкой. Колени мои неожиданно задрожали, вдоль середины тела пробежал нервный спазм. Я что-то бубнил, будучи не в состоянии выдать из себя вопрос. И только после того, как я с трудом сглотнул ком и несколько раз глубоко вздохнул, мне удалось восстановить спокойствие.

– Когда мы с тобой пришли сюда сегодня и сели на эту скамейку, я сказал, что рациональные соображения не должны вмешиваться в действия *видящего*, – жестко продолжил дон Хуан. – Я знал, что восстановить все, что было тобой проделано, ты сможешь только тогда, когда откажешься от своего рационализма. Но тебе придется сделать это на том уровне осознания, на котором ты находишься сейчас.

– Рациональность мышления – не более чем состояние настройки, всего лишь результат того, что точка сборки находится в определенном положении. Ты должен это понять, находясь именно в состоянии наибольшей уязвимости. А в данный момент ты как раз в таком состоянии и находишься. В состоянии, при котором не может быть сомнений, понимание подобных вещей лишено смысла, поскольку в том положении точки сборки понимание вещей подобного рода – дело вполне обычное. Настолько же бесполезно их понимание и в состоянии нормального осознания, ибо там оно ограничивается лишь эмоциональными выбросами и сохраняется лишь покуда присутствует соответствующее эмоциональное состояние.

– Я сказал, что в тот день ты преодолел огромное расстояние, – очень спокойно произнес он. – Я говорю так, потому что знаю наверное. Ведь я там был, помнишь?

Я весь вспотел от нервозности и беспокойства.

– Ты преодолел это расстояние потому, что проснулся в удаленной позиции *сновидения* – продолжал он. – Перетянув тебя через площадь с этой самой скамейки, Хенаро проложил путь, по которому твоя точка сборки смогла сдвинуться из позиции нормального осознания в позицию, где появляется *тело сновидения*. И в мгновение ока твое *тело сновидения* преодолело невероятное расстояние. Но важно не это. Собственно тайна заключена в самой *позиции сновидения*. Ее сила достаточна для того, чтобы перетягивать всего тебя из одного места в другое, в самые разные концы этого мира или за его пределы. Древние *видящие* широко этим пользовались. Они исчезали из этого мира, потому что просыпались в *позиции сновидения*, расположенной за пределами известного. Твоя *позиция сновидения* в тот день была в этом мире, однако далеко отсюда, от Оахаки.

– Но каким образом происходит такое путешествие? – спросил я.

– Это узнать невозможно, – ответил он. – Сильная эмоция, *несгибаемое намерение* или чрезвычайный интерес выполняют роль проводника, затем точка сборки прочно фиксируется в позиции *сновидения* и пребывает там достаточно долго для того, чтобы перетянуть туда все эманации, имеющиеся внутри кокона. Дон Хуан сказал, что за все годы нашего с ним сотрудничества заставлял меня *видеть* неисчислимое множество раз, как из нормального состояния осознания, так и из состояния повышенного осознания. Я *видел* превеликое множество самых разных вещей, которые теперь начинают складываться для меня в более-менее связную картину. Связь эта не логическая и не рациональная, но тем не менее она довольно странным образом проясняет все, что я проделал, все, что было проделано со мной и все, что я *видел* за годы, проведенные с доном Хуаном. И теперь мне осталось уяснить себе лишь одно. Я должен прийти к вплетенному в общую картину, но совершенно иррациональному осознанию следующего факта: все что мы научились воспринимать, неразрывно связано с позицией, в которой находится точка сборки. Стоит точке сборки уйти из определенного положения – и мир тут же прекращает быть таким,

каким он был для нас.

Дон Хуан заявил, что если точка сборки смещается за среднюю линию кокона, весь известный нам мир в одно мгновение исчезает из виду, словно его стерли – ибо устойчивость и материальность, столь свойственные ему в нашем восприятии суть не более, чем сила настройки. Определенные эманации, привычно настроенные жесткой фиксацией точки сборки в одном и том же определенном месте – вот что такое наш мир.

– Устойчивость мира не есть мираж, – продолжал он. – Мираж есть фиксация точки сборки в определенном месте. Сдвигая точку сборки, *видящий* встречается не с иллюзией, но с другим миром. И этот другой мир столь же реален, сколь реален тот, который мы созерцаем сейчас. Однако новая фиксация точки сборки, породившая этот новый мир, – такая же иллюзия, как и прежняя ее фиксация.

– Вот, скажем, ты – сейчас ты находишься в состоянии повышенного осознания. И все, что ты способен в этом состоянии сделать – отнюдь не иллюзия, но вещи, такие же реальные, как мир, с которым ты встретишься завтра в своей обычной жизни. Однако мир, который ты видишь перед собой сейчас, завтра существовать не будет. Он существует лишь тогда, когда твоя точка сборки занимает вполне определенную позицию – ту, в которой она находится в настоящий момент.

– Задача, с которой встречается воин после того, как его тренировка окончена суть интеграция. Воинов, особенно мужчин-нагвалей, в процессе тренировки заставляют сдвигать точку сборки в максимально возможное количество позиций. В твоем случае это количество огромно, их не счесть. И все их тебе придется когда-нибудь интегрировать в единое связное целое.

– Например, сдвинув точку сборки в некоторое особое положение, ты вспомнишь, кем была та женщина, – добавил он со странной улыбкой. – Твоя точка сборки бывала в этой позиции сотни раз. И включить ее в целостную картину тебе будет проще простого.

И тут я начал припоминать, словно память моя зависела от того, что он предложит вспомнить. Смутные образы, неясные ощущения: чувство безграничной привязанности, которое как бы привлекало меня, дивная сладость, разлитая в воздухе, словно кто-то подошел сзади и брызнул на меня духами... Я даже оглянулся. А потом вспомнил. Это была Кэрл – женщина-нагваль! Ведь я

только позавчера с ней встречался. Как я мог о ней забыть? Следующие мгновения невозможно было описать – мне показалось, что вихрь чувств всего моего психологического репертуара пронесся в моем уме. Я спрашивал себя: разве возможно, чтобы я тогда проснулся в ее доме в Туксоне, штат Аризона – за две тысячи миль от Оахаки? И неужели моменты повышенного осознания настолько изолированы Друг от друга, что один из них невозможно вспомнить, переживая другой? Дон Хуан подошел ко мне и положил руку мне на плечо. Он сказал, что ему в точности известны мои чувства. Его бенефактор заставил его пройти через точно такие же переживания. И так же, как он сейчас пытается успокоить меня, его бенефактор пытался успокоить его самого – словами. Он отдал тогда должное попытке своего бенефактора, но усомнился – и сомневается до сих пор – в том, что возможно успокоить того, кто осознал путешествие в *теле сновидения*.

Теперь я больше не сомневался. Что-то во мне действительно преодолело расстояние между мексиканским городом Оахакой и американским Туксоном в штате Аризона. Я ощутил странное облегчение, словно сбросил, наконец, с себя груз некой вины. За годы, проведенные с доном Хуаном, в памяти моей накопилось изрядное количество разрывов. Один из них был связан с нашим пребыванием в Туксоне в тот день. Я помню, что не никак не мог вспомнить, когда и как попал в Туксон. Однако я не обратил на это внимания. Я решил, что пробел является результатом моей работы с доном Хуаном. Он всегда очень осторожно обращался с моими рациональными подозрениями и старался не провоцировать их, когда я находился в состоянии повышенного осознания. Там же, где они были неизбежны, он коротко объяснял неувязки во времени и пространстве природой того, что мы делаем, и свойством этого рода практики нарушать память.

Я сказал дону Хуану, что в тот день оба мы оказались в одном и том же месте, и спросил, означает ли это, что два или несколько человек могут проснуться в одной и той же позиции *сновидения*. – Ну конечно, – сказал он. – Именно таким образом древние толтекские маги пачками отправлялись в неизвестное. Узнать, каким образом кто-то за кем-то следует, нет никакой возможности. Это происходит и все. Это делает *тело сновидения*. Его заставляет присутствие другого *сновидящего*. В тот день ты потянул меня за

собой. И я последовал, потому что хотел быть с тобой рядом. У меня было столько вопросов к нему, но все они казались лишними.

— Как получилось, что я не мог вспомнить женщину-нагваля? — пробормотал я, и ужасная тревога и тоска охватили меня. Я пытался больше не чувствовать печали, но она вдруг пронзила меня, словно боль.

— А ты и не помнишь ее, — сказал он. — Ты вспоминаешь о ней только тогда, когда смещается твоя точка сборки. Она для тебя — как фантом. И ты для нее — тоже. Только один раз ты встречался с ней, находясь в нормальном состоянии осознания. А она в своем нормальном состоянии вообще ни разу тебя не видела. Ты для нее — такой же образ, как она — для тебя. С той лишь разницей, что ты можешь однажды проснуться и все интегрировать, а она — не может. У тебя есть для этого достаточно времени, у нее же его нет совсем. На пребывание здесь ей отведено совсем мало времени.

Мне захотелось восстать против столь чудовищной несправедливости. В уме я подготовил целый поток возражений, но так ничего и не сказал. Дон Хуан лучезарно улыбался. В глазах его светилось веселье и озорство. Я почувствовал — он ждет моих слов и знает, что я собираюсь сказать. И это ощущение меня остановило. Вернее, я ничего не сказал, потому что моя точка сборки опять сместилась. И я знал, что не стоит жалеть женщину-нагваля из-за того, что у нее нет времени, как и мне не стоит радоваться тому, что у меня оно есть.

Дон Хуан видел меня насквозь. Он потребовал, чтобы я закончил разбираться со своим пониманием и сформулировал причину, по которой не стоит ни чувствовать жалость, ни радоваться. На миг я ощутил, что знаю. Но потом утратил нить.

— Подъем, который ты испытываешь оттого, что время есть, равен подъему, который испытываешь оттого, что его нет, — сказал он. — Ибо это — равно.

— Печаль не есть сожаление, — сказал я. — А я чувствую такую глубочайшую печаль.

— Кому какое дело до твоей печали? — сказал он. — Думай о тайне, ибо только это имеет значение. Мы суть живые существа, и смерть — наш удел, а осознание свое мы обязаны сдать туда, откуда оно получено. Но если нам удастся хоть чуть-чуть все это изменить, то какие тайны, должно быть, нас ожидают! Какие тайны!

18. Преодоление барьера восприятия

Вечером, по-прежнему в Оахаке, мы с доном Хуаном неспешно прогуливались по площади. Подходя к его любимой скамейке, мы увидели, как люди, на ней сидевшие, поднялись и ушли. Мы поспешили к ней, чтобы успеть занять освободившееся место.

– Ну что ж, – произнес дон Хуан, когда мы сели, – вот мы и подошли к концу моего объяснения. Сегодня ты самостоятельно соберешь другой мир, и навсегда отметишь все сомнения.

– Ты должен безошибочно отдавать себе отчет в том, что тебе предстоит сделать. Сегодня, используя преимущества состояния повышенного осознания, ты должен заставить свою точку сборки перемещаться. И в одно мгновение ты настроишь эманации другого мира.

– А через несколько дней все мы – ты, Хенаро и я – встретимся на вершине горы. И там ты должен будешь сделать то же самое, однако там у тебя не будет никаких преимуществ, ибо на вершине ты будешь находиться в нормальном состоянии осознания. И сделать это тебе необходимо будет в мгновение ока. Если не получится – ты умрешь смертью обычного человека, который сорвался с обрыва.

Он намекал на действие, которым должно было завершиться обучение правосторонней части моего осознания – прыжок с вершины в пропасть.

Дон Хуан заявил, что тренировка воина заканчивается, когда воину удастся без посторонней помощи преодолеть барьер восприятия из состояния нормального осознания. Нагваль подводит воина к порогу, но успех зависит от самого воина. Нагваль просто испытывает его, постоянно предоставляя ему возможности самостоятельно за себя постоять.

– Единственная сила, которая способна временно устранить настройку – это настройка, – продолжал он. – Тебе нужно будет устранить настройку, диктующую восприятие обычного мира повседневности. Вознамерившись изменить позицию своей точки сборки и *вознамерившись* удержать ее в новой позиции достаточно

долго, ты соберешь другой мир и тем самым ускользнешь из этого. – Древние *видящие*, бросившие вызов смерти, по сей день избегают ее именно таким образом – *намерением* сдвинув свои точки сборки и зафиксировав их в позициях, переносящих *видящих* в какой-либо из семи других миров.

– Что произойдет, если мне удастся собрать другой мир? – спросил я.

– Ты отправишься туда, – был ответ. – Как отправился туда Хенаро с этого самого места в тот вечер, когда он показывал тебе тайну настройки. Помнишь?

– Но куда я попаду, дон Хуан?

– В другой мир, разумеется. Куда же еще?

– А окружающие люди, и дома, и горы, и все остальное?

– От всего этого тебя будет отделять тот самый барьер, который ты преодолеешь – барьер восприятия. И точно так же, как захоронившие себя *видящие*, ты уйдешь из этого мира. Тебя здесь не будет.

Услышав это утверждение, я ощутил, как внутри меня разворачивается настоящее сражение. Какая-то часть меня протестовала и кричала, что позиция дона Хуана не выдерживает никакой критики, другая же часть знала, что он безусловно прав. Я спросил, что произойдет, если я сдвину свою точку сборки в Лос-Анжелесе – прямо на улице, среди людей и транспорта.

– Лос-Анжелес растает, как дым, – очень серьезно ответил он. – Но ты останешься.

– В этом и заключается тайна, которую я пытался тебе объяснить. Ты не раз испытывал это на себе, однако так и не понял. А сегодня – поймешь.

Он сказал, что пока еще я не сумею воспользоваться для сдвига точки сборки толчком земли. Пусковым моментом станет настоятельная потребность в осуществлении сдвига.

Дон Хуан взглянул на небо. Он вытянул вверх руки, словно слишком долго просидел неподвижно и теперь хотел сбросить физическую закрепощенность. Потом он приказал мне выключить внутренний диалог и погрузиться в безмолвие. Потом он встал и пошел прочь с площади, знаком велел мне следовать за ним. Мы вошли в пустынную боковую улочку. Я узнал ее – это была та самая улица, на которой Хенаро демонстрировал мне настройку. Едва я это вспомнил, как тут же обнаружил, что шагаю рядом с

доном Хуаном по пустынной равнине с желтыми дюнами из чего-то похожего не серу. Место это к тому времени уже было мне хорошо знакомо.

Я вспомнил, что дон Хуан заставлял меня воспринимать этот мир много-много раз. И еще я вспомнил, что за пустынными дюнами есть еще один мир, сияющий дивным, ровным, чистым, белым светом.

Когда в этот раз мы с доном Хуаном вошли в белый мир, я ощутил, что свет, исходивший отовсюду, не прибавляет сил, но успокаивает настолько, что производит впечатление священного. Священный свет омывал меня, и тут вполне рациональная мысль пришла мне в голову. Я подумал, что мистики и святые, должно быть, совершали это путешествие точки сборки. В человеческой матрице они видели Бога, в серных дюнах – ад, а в дивном прозрачно-белом свете они видели райское сияние небес.

Рациональная мысль немедленно сгорела под натиском того, что я воспринимал. Мое осознание было привлечено огромным количеством фигур мужчин, женщин, детей всех возрастов и других непостижимых образов. Все это ослепительно сияло лучистой белизной.

Я *увидел* дона Хуана. Он шагал рядом. Он смотрел не на явившиеся нам образы, а на меня. В следующее мгновение я *увидел* его иначе – теперь это был шар светимости, качавшийся вверх-вниз в фуге от меня. Неожиданно шар резко приблизился, и я *увидел* то, что было внутри.

Специально для меня дон Хуан принялся манипулировать своим свечением осознания. Оно неожиданно выхватило четыре или пять нитеподобных волокон на левой стороне его светимости и там зафиксировалось. Мое внимание было полностью сосредоточено на этих ярких волокнах. Что-то медленно втянуло меня в некоторое подобие трубы, и я *увидел* союзников – три темные, длинные, прямые фигуры, дрожащие подобно листьям на ветру. Я *видел* их на почти светящемся розовом фоне. В мгновение, когда я сфокусировал на них свой взгляд, они приблизились ко мне. Они не скользили и не летели, но подтягивались на каких-то волокнах белизны, исходивших из меня. Белизна не была ни светом, ни свечением, она походила на толстые линии, нарисованные меловым порошком. Они рассеялись быстро, но не достаточно: прежде, чем это произошло, союзники уже на меня напали.

Они теснили меня со всех сторон. Я почувствовал раздражение. Союзники немедленно, словно по внушению, от меня отодвинулись. Мне стало их жаль. И тут же они вернулись. Они подошли совсем близко и стали об меня тереться. И я *увидел* то, что уже *видел* в зеркале, погруженном в ручей. Союзники не обладали внутренней светимостью. В них не было также внутренней подвижности. В них не было жизни. Но тем не менее, было очевидно, что они живые. Странные гротескные фигуры, напоминавшие застегнутые на «молнию» спальные мешки. Посередине каждого из них проходила тонкая линия, похожая на шов.

Они не были мне приятны. Я ощущал их полную чужеродность. Это порождало чувство неудобства, какое-то нетерпение. Я *видел*, что союзники движутся, словно подпрыгивая вверх-вниз, и внутри них что-то слабо-слабо светится. Интенсивность свечения становилась все большей, пока наконец, по крайней мере у одного, из них, свечение не стало достаточно ярким.

В мгновение, когда я это *увидел*, я обнаружил, что нахожусь в черном мире. Он не был темен как ночь, скорее просто все, что меня окружало, было черным, как смоль. Я взглянул на небо, но нигде не было видно света. Небо тоже было черным и буквально сплошь усеянным линиями и неправильными кольцами черноты разной плотности. Оно было похоже на черную древесину с рельефно выделенной фактурой.

Я посмотрел вниз, на землю. Она была пушистой. Казалось, она образована хлопьями агар-агара. Они не были матовыми, но они и не блестели. Это было нечто среднее. Такого я никогда в жизни не видел: черный агар-агар.

Затем я услышал голос *видения*. Он сказал, что моя точка сборки собрала целостный мир в другой большой полосе – черный мир. Я старался впитывать каждое услышанное слово. Но для этого мне пришлось разделить сосредоточение. Голос замолчал, фокусировка зрения восстановилась. Мы с доном Хуаном стояли на улице в нескольких кварталах от площади.

Я мгновенно почувствовал, что времени на отдых у меня нет, и бессмысленно идти на поводу у желания впасть в состояние шока. Собравшись с силами, я спросил у дона Хуана, удалось ли мне выполнить то, что он задумывал.

– Ты выполнил все в точности так, как от тебя требовалось, –

заверил он. – Давай вернемся на площадь, я хочу пройтись по ней еще раз – последний раз в этом мире.

Я не хотел думать об уходе дона Хуана, поэтому спросил его о черном мире. Мне смутно припоминалось, что когда-то я его уже видел.

– Это – мир, который собирается проще всего, – ответил он. – И из всего, что ты только что пережил, внимания заслуживает только он. Сборка черного мира – единственная полноценная настройка эманаций другой большой полосы, которой тебе когда-либо удавалось добиться. Все остальное – поперечный сдвиг в человеческой полосе, не выходящий за пределы одной и той же большой полосы – той, которой принадлежит и полоса человека. Стена тумана, желтые дюны, мир белых призраков – все это результаты поперечного смещения точки сборки, обусловленные настройкой, которую она осуществляет на своем пути к критической позиции.

Пока мы шли к площади, дон Хуан объяснил мне, что одним из странных свойств черного мира является отсутствие в нем эманаций, отвечающих за время в нашем мире. Вместо них там имеются другие эманации, дающие другой результат. Попав в черный мир, *видящий* может чувствовать, что прошла вечность, но в нашем мире за это время проходит лишь мгновение.

– Черный мир – ужасен, потому что тело в нем стареет, – убежденно добавил он.

Я попросил разъяснить. Он замедлил шаги и взглянул на меня. Он напомнил мне, как Хенаро, со свойственной ему прямоотой уже пытался как-то обратить на это мое внимание, когда говорил, что мы брели по аду целую вечность, хотя и минуты не прошло в том мире, который мы знаем.

Дон Хуан заметил, что в молодости он был какое-то время содержим черным миром. И однажды в присутствии своего бенефактора поинтересовался, что будет, если он отправится в черный мир и некоторое время там побудет. Но его бенефактор не был склонен к объяснениям. Он просто отправил дона Хуана в черный мир, предоставив тому самостоятельно выяснять, что из этого получится.

– Сила нагваля Хулиана была столь огромна, что мне понадобилось несколько дней на то, чтобы оттуда выбраться, – продолжал дон Хуан.

– Ты имеешь в виду, что на возвращение точки сборки в нормальное положение у тебя ушло несколько дней? – переспросил я.

– Да, именно это я и имею в виду, – подтвердил он. И он рассказал, что за несколько дней блуждания в черном мире он постарел по крайней мере лет на десять, если не больше. Эманации внутри его кокона почувствовали напряжение нескольких лет одинокой борьбы.

С Сильвио Мануэлем все было совсем по-другому. Его нагваль Хулиан тоже швырнул в неизвестное, но Сильвио Мануэль собрал другой мир в одной из других больших полос. В том мире тоже не было времени, но он действовал на *видящего* совершенно противоположным образом. Сильвио Мануэль отсутствовал целых семь лет, хотя ему показалось, что он провел в том мире всего мгновение.

– Сборка других миров – вопрос не только практики, но также *намерения*, – продолжил дон Хуан. – И это не просто упражнение по выскакиванию из других миров, как на резинке. *Видящий* должен обладать отвагой. Преодолев барьер восприятия, ты вовсе не обязан возвращаться в то самое место этого мира, откуда уходил. Понимаешь?

Смысл его слов начинал медленно до меня доходить. У меня возникло почти непреодолимое желание посмеяться над столь абсурдной идеей, но идея вдруг стала превращаться в уверенность, однако прежде, чем я успел вспомнить что-то еще, дон Хуан заговорил, не дав мне до этого чего-то добрать.

Он сказал, что при сборке других миров воин подвергается опасности, которая заключается в их притягательности. Они притягательны не в меньшей степени, чем наш мир. После того, как точка сборки высвободилась из фиксированного положения, она может быть зафиксирована силой настройки в других положениях. Такова сила настройки. Поэтому воин рискует застрять в немыслимом одиночестве.

Рациональная часть меня отметила, что, пребывая в черном мире, я *видел* дона Хуана рядом с собой как шар светимости.

Следовательно, есть возможность находиться в том мире не в одиночестве.

– Возможность есть, но только в том случае, если те, с кем ты намерен туда отправиться, сдвинут свои точки сборки

одновременно с тобой, – сказал по этому поводу дон Хуан. – Я сдвинул свою, чтобы отравиться туда вместе с тобой, иначе ты оказался бы там один в обществе союзников.

Мы остановились. Дон Хуан сказал, что мне пора.

– Я хочу, чтобы ты миновал все поперечные сдвиги, – объяснил он, – и отправился прямо в следующий целостный мир – в черный мир. Через пару дней тебе предстоит проделать это самостоятельно. И тогда у тебя не будет времени на мелочи – если ты не сделаешь этого, ты умрешь.

И он объяснил, что преодоление барьера восприятия является кульминацией всего того, что делают *видящие*. С момента преодоления барьера человек и его судьба приобретают для воина совсем другое значение. Ввиду трансцендентального значения преодоления этого барьера, *видящие* используют акт его преодоления в качестве финального теста. Воин должен прыгнуть в пропасть с обрыва, находясь в состоянии нормального осознания. Если ему не удастся стереть мир повседневности и собрать другой мир до того, как он достигнет дна, он погибнет.

– Ты должен заставить этот мир исчезнуть, – продолжал дон Хуан, – но при этом в каком-то смысле остаться самим собой. Это и есть последний бастион осознания, на который рассчитывают новые *видящие*. Они знают, что, когда пламя осознания сожжет их, они сохраняют самоосознание, в определенном смысле оставаясь самими собой.

Он улыбнулся и указал на улицу, которая была видна с того места, где мы стояли – ту самую улицу, где Хенаро показывал мне тайны настройки.

– Эта улица, как и любая другая, ведет в вечность, – сказал он. – Нужно только идти по ней в абсолютном безмолвии. Время! Теперь иди! Иди!

Он повернулся и зашагал от меня. Хенаро ждал его на углу. Хенаро помахал мне рукой и жестом велел идти. Дон Хуан удалялся, не оглядываясь. Хенаро пошел рядом с ним. Я двинулся было за ними. Но я знал, что поступаю неверно. И я пошел в обратную сторону по темной пустынной унылой улице. Я не поддался ни чувству поражения, ни ощущению беспомощности. Я шел, погрузившись в безмолвие. Точка сборки начала смещаться с бешеной скоростью. Я *увидел* троих союзников. Они словно широко улыбались своими линиями, протянувшимися поперек коконов. Мне было все равно, ничто не имело значения. И тогда сила, подобная ветру, унесла прочь этот мир.

ЭПИЛОГ

Спустя пару дней вся команда Нагваля и все ученики собрались на плоской вершине горы, о которой говорил мне дон Хуан.

Дон Хуан сказал, что все со всеми уже попрощались и что мы находимся в состоянии осознания, не допускающем никаких сантиментов. Для нас существует только действие, ибо теперь мы – воины в состоянии тотальной войны.

Все, кроме дона Хуана, Хенаро, Паблито, Нестора и меня отошли немного в сторону от вершины, чтобы дать возможность Паблито, Нестору и мне остаться наедине с самими собой и вернуться в состояние нормального осознания.

Но перед тем, как мы сделали это, дон Хуан взял нас за руки и обошел вместе с нами плоскую вершину.

– Через минуту вам предстоит собственным *намерением* сдвинуть свои точки сборки, – сказал он. – И никто не поможет вам. Теперь вы одни. И вы должны помнить: *намерение* начинается с команды. Древние *видящие* говорили: если уж воин собирается вести внутренний диалог, – это должен быть правильный диалог. Для древних *видящих* это означало, что диалог должен быть о магии и об усилении самопоглощенности. Для новых *видящих* это означает не диалог вообще, но отрешенное управление *намерением* посредством уравновешенных и трезвых команд.

Дон Хуан несколько раз повторил, что управление *намерением* начинается с команды, данной самому себе. Затем команда повторяется до тех пор, пока не становится командой Орла. И в тот миг, когда воин достигает внутреннего безмолвия, его точка *сборки* сдвигается.

– Сам факт возможности осуществления такого маневра, – сказал дон Хуан, – имеет чрезвычайно большое значение как для древних *видящих*, так и для новых, но по диаметрально противоположным причинам. Знание его позволяло древним *видящим* сдвигать свои точки сборки в невообразимые позиции *сновидения* в неизмеримом неизвестном. Для новых *видящих* знание этого факта означает отказ от того, чтобы стать пищей. Оно позволяет им ускользнуть

от Орла, сдвинув точку сборки в *позицию сновидения*, называемую «абсолютной свободой».

– Древние *видящие* обнаружили возможность сдвинуть точку сборки на границу известного и удерживать ее там в состоянии сверхповышенного осознания. Из этой позиции они увидели, что можно медленно и неуклонно сдвигать точку сборки дальше – в другие позиции за границей известного. Такой сдвиг был великим достижением, исполненным отваги, но начисто лишенным уравнищенности, ибо они никогда не смогли, а может быть, не захотели вернуть точку сборки обратно.

Искатель приключений, поставленный перед выбором – умереть здесь, в обычном мире или умереть в одном из других неизведанных миров – неизбежно предпочтет второе. Новые *видящие* осознали, что выбор их предшественников заключался только в изменении места смерти. И они поняли тщетность всего этого: тщетность борьбы за власть над своими ближними, тщетность собирания других миров, и, прежде всего, – тщетность чувства собственной важности.

Одним из самых удачных решений, принятых новыми *видящими*, было решение никогда не допускать устойчивых смещений точки сборки в какие бы то ни было положения, отличные от позиции повышенного осознания. Из этой позиции им фактически удалось разрешить дилемму тщетности. Они обнаружили, что дело не в том, чтобы выбрать другой мир, в котором можно было бы умереть, а в том, чтобы выбрать полное осознание, полную свободу.

Дон Хуан отметил, что, избрав абсолютную свободу, новые *видящие* непреднамеренно продолжили традицию своих предшественников, бросивших вызов смерти. Однако их вызов стал квинтэссенцией вызова вообще, брошенного смерти.

Новые *видящие* обнаружили, что, если сначала сдвинуть точку сборки к границам неизвестного, а затем вернуть на границу известного, то потом, мгновенно высвобождаясь, она подобно молнии проносится поперек всего кокона человека, настраивая сразу все внутренние эманации.

– Новые *видящие* за счет силы настройки сгорают, – продолжал дон Хуан, – *воли*, которую они безупречной жизнью превратили в силу *намерения*. *Намерение* суть настройка всех янтарных эманаций осознания, поэтому правильно будет назвать полную

свободу полным осознанием.

– Именно это все вы собираетесь сделать, дон Хуан? – спросил я.

– Вероятнее всего мы это сделаем, если у нас окажется достаточно энергии, – ответил он. – Свобода – дар Орла человеку. К сожалению, очень немногие из людей понимают, что для того, чтобы принять этот бесценный дар, нам необходимо лишь обладать достаточным количеством энергии.

А если это все, что нам необходимо, то мы должны всеми способами экономить и накапливать энергию.

Потом дон Хуан позволил нам вернуться в состояние нормального осознания. На закате Паблито, Нестор и я прыгнули в пропасть. Дон Хуан и все члены его отряда сгорели в огне изнутри. Они ушли в полное осознание, ибо обладали количеством энергии, достаточным для того, чтобы принять умопомрачительный дар свободы.

Паблито, Нестор и я не погибли на дне той пропасти, как не погибли там и другие ученики, прыгнувшие с вершины до нас. Ибо никто из нас не достиг дна. Под воздействием такого значительного и непостижимого поступка, как прыжок навстречу смерти, все мы сдвинули свои точки сборки и собрали другие миры.

Теперь мы знаем, что мы оставлены здесь для того, чтобы вспомнить состояние повышенного осознания и восстановить полноту своей сущности. Знаем мы также и то, что, чем больше мы будем вспоминать, тем более сильным будет становиться наше вдохновение и наше устремление, и тем более глубокие сомнения и возрастающее смятение будут охватывать нас.

Итак, мы оставлены испытывать танталовы муки, стремясь к ответам на самые главные вопросы о природе и судьбе человека, до тех пор, пока у нас не будет энергии, достаточной не только для того чтобы проверить все, чему учил нас дон Хуан, но и для того, чтобы самим принять дар Орла.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Книга восьмая

Сила безмолвия

- [ВВЕДЕНИЕ](#)
- [1. ПРОЯВЛЕНИЯ ДУХА](#)
 - [Первое абстрактное ядро](#)
 - [Безупречность нагваля Элиаса](#)
- [2. ТОЛЧОК ДУХА](#)
 - [Абстрактное](#)
 - [Последнее обольщение нагваля Хулиана](#)
- [3. УЛОВКА ДУХА](#)
 - [Очищение связующего звена с ДУХОМ](#)
 - [Четыре настроения СТАЛКИНГА](#)
- [4. НИСХОЖДЕНИЕ ДУХА](#)
 - [Видение ДУХА](#)
 - [Скачок мысли](#)
 - [Перемещение точки сборки](#)
 - [МЕСТО БЕЗ ЖАЛОСТИ](#)
- [5. ТРЕБОВАНИЯ НАМЕРЕНИЯ](#)
 - [Разбивание зеркала саморефлексии](#)
 - [Билет в безупречность](#)
- [6. УПРАВЛЕНИЕ НАМЕРЕНИЕМ](#)
 - [Третья точка](#)
 - [Два односторонних моста](#)
 - [Намерение и внешность](#)

ВВЕДЕНИЕ

В разное время по моей просьбе дон Хуан пытался дать название своему знанию. Он полагал, что наиболее подходящим названием было бы «нагвализм», но этот термин является слишком непонятным. Назвать его просто «знание» – означало бы не отразить его сути, а назвать его колдовством было бы унижительно. «Овладение намерением» – слишком абстрактно, а «поиск полной свободы» – слишком длинно и метафорично. В конце концов, он, не сумев найти более подходящего названия, согласился называть его «магией», хотя признавал, что и этот термин недостаточно точен. На протяжении лет нашего знакомства он уже давал мне несколько определений магии, но всегда подчеркивал при этом, что они меняются по мере накопления знания. Приближаясь к концу своего ученичества, я почувствовал, что теперь смогу понять более четкое определение, поэтому снова обратился к дону Хуану.

– С точки зрения среднего человека, – сказал дон Хуан, – магия – это чепуха или зловещая тайна, выходящая за пределы его понимания. И в этом он прав – не потому, что это действительно так, но потому, что среднему человеку не хватает энергии, чтобы иметь дело с магией. Немного помолчав, он продолжал.

– Человеческие существа рождены с ограниченным количеством энергии, которая, начиная с момента рождения, непрерывно разворачивается таким образом, что может быть использована модальностью времени наиболее выгодным образом.

– Что ты имеешь в виду, говоря о модальности времени? – спросил я.

– Модальность времени – это определенный узел энергетических полей, находящихся в зоне восприятия, – ответил он. – Я считаю, что восприятие человека на протяжении веков изменяется.

Определенному времени соответствует определенная форма, определенный узел из бесчисленного количества энергетических полей. И овладение модальностью времени – этими несколькими избранными полями – отнимает всю имеющуюся у нас энергию, не

оставляя нам возможности использовать какие-нибудь другие энергетические поля.

Едва заметным движением бровей он предложил мне подумать над всем этим.

– Именно это я имею в виду, когда говорю, что среднему человеку недостает энергии для занятий магией, – продолжал он, – Если он использует лишь имеющуюся у него энергию, он не сможет постичь миры, которые воспринимают маги. Чтобы воспринимать их, магам необходимо использовать обычно не употребляемый пучок энергии. Естественно, что обычный человек для восприятия мира магов и понимания их восприятий должен использовать тот же пучок, которым пользовались они. Однако для него это невозможно, так как вся его энергия уже задействована.

Он остановился на минутку, как бы подыскивая нужные слова.

– Подумай об этом так: все это время ты учился не магии, но скорее – умению сохранять энергию. И эта энергия даст тебе возможность овладеть некоторыми из энергетических полей, недоступных для тебя сейчас. Вот что такое магия: умение использовать энергетические поля, которые не участвуют в восприятии известного нам повседневного мира. Магия – это состояние осознания. Магия – это способность воспринимать нечто, недоступное обычному восприятию.

Все, через что я тебя провел, – продолжал дон Хуан, – все, что я показывал тебе, все это было лишь средством убедить тебя, что в мире есть нечто большее, чем мы можем видеть. Незачем кому-то учить нас магии, потому что в действительности нет ничего такого, чему нужно было бы учиться. Нам нужен лишь учитель, который смог бы убедить нас, какая огромная сила имеется на кончиках наших пальцев. Какой странный парадокс! Каждый воин на пути знания в то или иное время думает, что изучает магию; но все, что он делает при этом – это позволяет убедить себя в наличии силы, скрытой в самом его существе, и в том, что он может овладеть ею.

– И это все что ты делаешь, дон Хуан, – убеждаешь меня?

– Именно так. Я пытаюсь убедить, тебя, что ты можешь овладеть этой силой. В свое время я прошел через то же самое. И меня так же нелегко было убедить, как тебя сейчас.

– Но после того как мы овладеем ею, что именно мы делаем с ней, дон Хуан?

– Ничего. Как только мы овладеваем ею, она сама начнет приводить в действие энергетические поля, которые доступны нам, но не находятся в нашем распоряжении. Это, как я сказал, и есть магия. В этом случае мы начинаем *видеть*, то есть – воспринимать нечто иное, но не как воображаемое, а как реальное и конкретное. И тогда мы начинаем *знать* без каких бы то ни было слов. А вот что делает каждый из нас со своим возросшим восприятием, зависит от его темперамента.

На следующий раз он дал мне объяснение другого рода. Мы обсуждали совершенно постороннюю тему, и вдруг он резко сменил предмет беседы и начал рассказывать мне что-то смешное. Потом он засмеялся и очень мягко хлопнул меня по спине между лопатками, как если бы стеснялся своей вольности по отношению ко мне. Заметив мою нервозность, он усмехнулся.

– Ты пуглив, – сказал он, поддразнивая меня, и шлепнул по спине гораздо сильнее.

В ушах у меня зазвенело. На какой-то миг у меня перехватило дыхание. Мне показалось, что он повредил мне легкие. Каждый вдох был для меня настоящей мукой. Но, отдышавшись и откашлявшись, я почувствовал, что нос у меня открылся, и что я могу дышать глубоко и спокойно. Мне стало настолько хорошо, что я даже не разозлился на дона Хуана, удар которого был таким сильным и неожиданным.

Затем дон Хуан начал свое очень примечательное объяснение. Ясно и кратко он дал мне еще одно, более точное определение магии.

Я вошел в удивительное состояние осознания! Мой ум был настолько ясным, что я был в состоянии понимать и усваивать все, что говорил дон Хуан. Он сказал, что во вселенной существует неизмеримая, неопиcуемая сила, которую маги называют *намерением*, и что абсолютно все, что существует во вселенной, соединено с *намерением* связующим звеном. Маги – или воины, как он их называл – занимались попытками понять и использовать связующее звено. Особенно они заботились об очищении его от парализующего влияния каждодневных забот обычной жизни. Магия на этом уровне может быть определена как процесс очистки своего связующего звена с *намерением*. Дон Хуан подчеркнул, что обучить этой «очистительной процедуре», равно как и понять ее, – невероятно сложно. Поэтому маги разделили свои инструкции на

два класса. Первый – это инструкции для обычного состояния осознания, в котором процесс очистки осуществляется в замаскированном виде. Второй – это инструкции для состояний повышенного осознания, в одном из которых я как раз сейчас пребывал и в которых маги ползают знания прямо от *намерения*, минуя отвлекающее вмешательство разговорного языка.

Дон Хуан объяснил, что благодаря использованию повышенного осознания, за тысячи лет тяжелой борьбы маги обрели способность особого проникновения в суть *намерения* и что они передавали эти сокровища прямого знания от поколения к поколению до настоящего времени. Он сказал, что задачей магии является сделать это кажущееся непостижимым знание понятным с точки зрения осознания повседневной жизни.

Затем он объяснил роль руководителя в жизни магов. Он сказал, что такой руководитель, называется «нагваль», и что Нагваль – это мужчина или женщина с экстраординарной энергией; это учитель, обладающий трезвостью, стойкостью и стабильностью. Такого человека *видящие видят* как светящуюся сферу, имеющую четыре отделения, как если бы четыре светящихся шара сжали вместе.

Благодаря такой необычайной энергии Нагвали являются посредниками. Их энергия позволяет им получать мир, гармонию, знание и смех прямо из источника, из *намерения*, и передавать их своим товарищам. Нагвали способны предоставляя, то, что маги называют «минимальным шансом»: осознание человеком связи с *намерением*. Я сказал ему, что мой ум способен понять все, что он говорит мне, и что лишь один момент в его объяснениях до сих пор остался неясным: зачем нужны два вида обучения. Я мог легко понять все, что он говорил о своем мире, хотя он утверждал, что процесс понимания очень труден.

– Тебе может понадобится целая жизнь, чтобы вспомнить те озарения, которые были у тебя сегодня, – сказал он, – потому что большинство из них есть безмолвное знание. Через несколько секунд ты все это забудешь. Это – одна из непостижимых загадок осознания.

Затем дон Хуан сместил уровень моего осознания, нанеся мне удар сбоку по левой стороне груди.

Внезапно я утратил необыкновенную ясность ума, и даже не помнил, что имел ее только что...

Дон Хуан сам поставил мне задачу делать записи о предпосылках

магии. Однажды, еще на ранней стадии моего ученичества, он как бы невзначай предложил мне написать книгу, чтобы как-то использовать те записи, которые я постоянно делал. Их у меня накопились целые горы, и я никак не мог решить, что с ними делать.

Я возразил, что это предложение абсурдно, поскольку я не писатель.

– Конечно, ты не писатель, – ответил он, – поэтому тебе придется использовать магию. Во-первых, тебе необходимо визуализировать свой опыт, чтобы он живо предстал перед тобой, а затем ты должен увидеть» текст в своих *сновидениях*. Таким образом, записи должны быть для тебя не литературным упражнением, а скорее упражнением в магии.

Вот так и получилось, что в контексте обучения я писал о предпосылках магии одновременно с объяснениями дона Хуана. В его схеме обучения, разработанной еще магами древности, было две категории инструкций. Одна называлась «обучение для правой стороны» и осуществлялась в обычном состоянии осознания. Вторая – «обучение для левой стороны» – осуществлялась только в состоянии повышенного осознания.

Эти два вида обучения позволяли учителям ввести своих учеников в три области специального знания: овладение осознанием, искусство *сталкинга* и овладение *намерением*.

Эти три области специального знания являются тремя проблемами, с которыми маг сталкивается в своих поисках знания.

Овладение осознанием – это проблема разума; маги испытывают замешательство, когда познают непостижимую тайну и размах осознания и восприятия.

Искусство *сталкинга* – это проблема сердца; маги заходят в тупик, начиная осознавать две вещи. Первая заключается в том, что мир предстает перед нами нерушимо объективным и реальным в силу особенностей нашего осознания и восприятия, и вторая – если задействуются иные особенности восприятия, то представления о мире, которые казались такими объективными и реальными, – изменяются.

Овладение *намерением* – это проблема духа, или парадокс *абстрактного* – мысли и действия магов выходят за пределы нашего человеческого осознания.

Инструкции дона Хуана в отношении искусства *сталкинга* и

овладения *намерением* взаимосвязаны с его инструкциями об овладении осознанием – краеугольным камнем его учения, состоящего из следующих основных предпосылок:

1. Вселенная является бесконечным скоплением энергетических полей, похожих на нити света.
2. Эти энергетические поля, называемые эманациями Орла, излучаются из источника непостижимых размеров, метафорически называемого Орлом.
3. Человеческие существа также состоят из несчетного количества таких же нитеподобных энергетических полей. Эти эманации Орла образуют замкнутые скопления, которые проявляются как шары света размером с человеческое тело с руками, выступающими по бокам, и подобные гигантским светящимся яйцам.
4. Только небольшая группа энергетических полей внутри этого светящегося шара освещена точкой интенсивной яркости, расположенной на поверхности шара.
5. Восприятие имеет место, когда энергетические поля из этой небольшой группы, непосредственно окружающие точку яркого сияния, распространяют свой свет и освещают идентичные энергетические поля вне шара. Поскольку воспринимаются только те поля, которые озарены точкой яркого сияния, эта точка называется «точкой, где собирается восприятие», или просто «точкой сборки» (Assemble point).
6. Точка сборки может быть сдвинута со своего положения на поверхности светящегося шара в другие места на поверхности или внутри шара. Поскольку свечение точки сборки может озарить все энергетические поля, с которыми она приходит в контакт, она немедленно высвечивает новые энергетические поля, делая их воспринимаемыми. Это восприятие известно как *видение*.
7. Когда точка сборки смещается, становится возможным восприятие совершенно иного мира – такого же объективного и реального, как и тот, который мы воспринимаем обычно. Маги отправляются в этот другой мир, чтобы получать силу, энергию, решение общих и частных проблем, или для встречи лицом к лицу с невообразимым.

8. *Намерение* – это проникающая сила, которая дает нам возможность восприятия. Мы осознаем не благодаря восприятию, – скорее мы воспринимаем в результате давления и вмешательства *намерения*.
9. Целью магов является достижение полного осознания для того, чтобы овладеть всеми возможностями, доступными человеку. Это состояние осознания предполагает даже совершенно иной способ ухода из жизни.

Частью обучения овладению осознанием является практическое знание. На этом практическом уровне дон Хуан обучал меня и других действиям, необходимым для сдвига точки сборки. Древние *маги-видящие* открыли две большие системы для достижения этого: *сновидение* как контроль и способ использования снов, и *сталкинг* – контроль поведения. Сдвиг точки сборки – это валяное действие, которому должен научиться каждый маг. Некоторые из них, Нагвали, должны научиться выполнять его еще и для других. Они способны выводить точку сборки из ее обычного положения, нанося непосредственно по ней сильный удар. Этот удар, который ощущается как шлепок по правой лопатке, – хотя непосредственно тела никогда не касаются, – приводит к состоянию повышенного осознания. *Согласно* традиции, дон Хуан излагал ученику наиболее важную и драматическую часть своего учения исключительно в таких его состояниях повышенного осознания. Эта часть содержала инструкции для «левой стороны». В связи с необычным качеством этих состояний дон Хуан требовал, чтобы я ни с кем не обсуждал их до тех пор, пока мы с ним полностью не закончим обучение по схеме магов. Принять такое требование были нетрудно. В этих уникальных состояниях мои возможности к пониманию инструкций невероятно возрастали, но в то же время способность описывать или даже запоминать их исчезала совсем. Находясь в таких состояниях, я мог действовать четко и уверенно, но не был способен ничего о них вспомнить, когда возвращался к нормальному осознанию.

Мне потребовались годы, чтобы обрести возможность совершить критический перевод опыта своего повышенного осознания в область обычной памяти. Мой разум и здравый смысл задержали наступление этого момента, потому что они лицом к лицу

столкнулись с абсурдной, непостижимой реальностью повышенного осознания и прямого знания. В течение ряда лет следствием этого было нарушение системы моих знаний, что вынуждало меня избегать данной темы, не думая о ней. Все, что я написал о своем ученичестве в магии до сих пор, является изложением того, как дон Хуан обучал меня овладению осознанием. Однако до сих пор я еще не описывал искусство *сталкинга* и овладение *намерением*.

Дон Хуан учил меня их принципам и применению с помощью двух своих сотрудников: мага по имени Висенте Медрано и еще одного мага, которого звали Сильвио Мануэль. К сожалению, практически все, чему я у них научился, до сих пор остается неясным для меня, скрытым в том, что дон Хуан называл «лабиринтом повышенного осознания». Вплоть до самого последнего времени совершенно невозможным для меня было писать или даже думать последовательно об искусстве *сталкинга* или овладении *намерением*. Моей ошибкой было то, что я рассматривал их как предметы, доступные для нормальной памяти или воспоминания. Таковыми они и являются, но в то же время это не так. Чтобы разрешить это противоречие, я не обсуждал эти темы прямо – что было практически невозможно, но косвенно я уже касался их, – я имею в виду заключительную часть учения дона Хуана – рассказы о магах прошлого. Он рассказывал эти истории, чтобы прояснить смысл того, что он называл «абстрактными ядрами» своих уроков. Однако я был не в состоянии уловить суть этих *абстрактных ядер*, несмотря на его исчерпывающие объяснения. Теперь-то я знаю, что эти объяснения предназначались скорее для того, чтобы сделать мой ум более открытым, чем для действительно рационального объяснения чего бы то ни было. Его манера говорить, заставляла меня много лет подряд думать, что его объяснения касательно «абстрактных ядер» были сродни академическим рассуждениям; и все, что я был способен делать при таких обстоятельствах – это принимать его объяснения как данность. Они стали частью моего молчаливого приятия его учения, но оценить их полностью я не мог, что существенно влияло на понимание этих историй.

Дон Хуан описал три серии, в каждой из которых было по шесть *абстрактных ядер*, расположенных по принципу возрастания трудности. В данной книге я рассматриваю первую серию, которая

состоит из следующих принципов: 1. Проявления *духа*; 2. Толчок *духа*; 3. Уловки *духа*; 4. Нисхождение *духа*; 5. Требования *намерения*; 6. Управление *намерением*.

[**НАЗАД**](#) | [**INDEX**](#) | [**ВПЕРЕД**](#)

1. ПРОЯВЛЕНИЯ ДУХА

Первое абстрактное ядро

Всякий раз, когда предоставлялся случай, дон Хуан рассказывал мне короткие истории о магах его партии и особенно о своем учителе, нагвале Хулиане. Это не были истории в обычном смысле, а скорее описание поведения магов и особенностей их личности. Каждый из этих рассказов был рассчитан на то, чтобы пролить свет на какую-либо конкретную проблему моего ученичества.

Я слышал те же истории от других пятнадцати членов группы магов дона Хуана, но никто из них не мог дать мне ясное представление о людях, которых они описывали. Мне не удавалось убедить дона Хуана подробно описать этих магов, поэтому я почти примирился с тем, что мне никогда не узнать о них достаточно глубоко.

Однажды в полдень в горах южной Мексики дон Хуан, очередной раз объясняя сложности овладения осознанием, вдруг сделал заявление, которое совершенно поставило меня в тупик.

— Мне кажется, настало время поговорить о магах нашего прошлого, — сказал он.

Дон Хуан объяснил, что мне необходимо начать делать выводы, основанные на систематическом взгляде на прошлое, выводы как о мире повседневной жизни, так и о мире магии.

— Маги имеют жизненно важную связь со своим прошлым, — сказал он. — Но я не имею в виду их личное прошлое. Для магов их прошлое заключается в делах, которые совершали другие маги, и сейчас мы собираемся заняться анализом именно такого прошлого. Обычный человек тоже занят анализом прошлого, но он делает это из личных соображений. Маги в таком случае заняты совершенно противоположным — они обращаются к своему прошлому, чтобы получить точку отсчета.

— Но разве не это делает каждый из нас? Именно за ней мы и

обращаемся к прошлому.

– Нет! – ответил он с ударением, – Средний человек соизмеряет себя с прошлым, своим личным прошлым или Прошлыми знаниями своего времени для того, чтобы найти оправдания своему поведению в настоящем или будущем. Или для того, чтобы найти для себя модель. Только маги в своем прошлом действительно ищут точку отсчета.

– Может быть, дон Хуан, я лучше пойму все это, если ты расскажешь мне, что подразумевают маги под «точкой отсчета»?

– Для магов установить точку отсчета означает получить возможность изучения *намерения*, – ответил он. – Это и есть главная тема и цель нашей последней инструкции. И ничто не сможет помочь магу так хорошо увидеть *намерение*, как рассмотрение историй других магов, боровшихся за понимание этой же силы.

Он объяснил, что, исследуя свое прошлое, маги его линии тщательно просматривали основной *абстрактный* порядок своего учения.

– В магии имеется двадцать одно *абстрактное ядро*, – Продолжал дон Хуан, – и существует множество основанных на этом магических историй о Нагвалях нашей линии, боровшихся за понимание *духа*. Настало время познакомить тебя с *абстрактными ядрами* и историями магов.

Я ждал, что дон Хуан начнет рассказывать мне эти истории, но он сменил тему и вернулся к объяснению овладения осознанием.

– погоди, – запротестовал я, – как насчет магических историй? Разве ты не собирался их рассказывать?

– Конечно, собирался, – сказал он. – Однако это не те истории, которые можно рассказывать как сказки. При их помощи ты должен обдумать свой путь, а затем оживить их.

Последовала долгая пауза. Я не решался настаивать, чтобы он рассказал мне эти истории, так как боялся совершить нечто такое, в чем сам потом стану раскаиваться. Но мое любопытство было сильнее здравого смысла.

– Ну начинай их наконец, – пробурчал я.

Дон Хуан, очевидно уловив ход моих мыслей, ехидно усмехнулся. Он встал и жестом велел мне следовать за собой. До сих пор мы сидели на сухих камнях на дне оврага. Был полдень, но небо было темным и облачным. Низкие, почти черные дождевые облака

плыли над вершинами гор к востоку. По сравнению с ними на юге небо казалось ясным из-за высоких облаков. Ранее прошел сильный дождь, но потом он как будто спрятался в укромное место, оставив после себя только изморось.

Было холодно, и я, казалось, должен был продрогнуть до костей. Но мне было тепло. Сжимая в руках кусочек скальной породы, который дал мне дон Хуан, я помнил, что это ощущение тепла при почти нулевой температуре хорошо мне знакомо, и все же оно снова и снова изумляло. Как только я начинал мерзнуть, дон Хуан давал мне поддержать ветку, камень, или клал пучок листьев мне под рубашку над грудью, и этого было достаточно, чтобы температура моего тела повысилась. Я пытался самостоятельно добиться такого же эффекта, но неудачно. Он объяснил, что меня согревают не эти манипуляции, а его внутреннее безмолвие, и что ветки, камни или листья – это лишь способ поймать мое внимание и сохранить, его в фокусе.

Мы быстро поднялись по крутому западному склону горы и достигли скального выступа на самой вершине, которая находилась у подножия еще более высокой горной цепи. С выступа я мог видеть, как туман начинал надвигаться на южный край раскинувшейся под нами долины. Низкие клочковатые облака, сползая с черно-зеленых горных вершин на западе, казалось, вплотную придвинулись к нам. После дождя под темным облачным небом долина и горы на востоке и на юге были покрыты мантией зеленовато-черной тишины.

– Это идеальное место для беседы, – сказал дон Хуан, сядя на каменный пол укромной мелкой пещеры.

Пещерка идеально подходила для того, чтобы мы могли сидеть там бок о бок. Наши головы почти касались свода, а спины удобно опирались о вогнутую поверхность каменной стены. Было так, словно пещеру намеренно вытесали, чтобы в ней уместились два человека нашей комплекции.

Я заметил еще одну странную особенность пещеры: когда я стоял на выступе, я мог видеть всю долину и линии гор к востоку и к югу, но когда я садился, то оказывался как бы затиснутым в скалах. При этом выступ находился на уровне пола пещеры и был плоским.

Я уже собирался указать дону Хуану на этот странный эффект, однако он меня опередил.

– Эта пещера сделана людьми. Выступ имеет некоторый уклон, но на глаз этого определить нельзя.

– Кто сделал эту пещеру, дон Хуан?

– Маги древности. Возможно, тысячи лет назад. И одной из особенностей этой пещеры является то, что животные, насекомые и даже люди никогда не навещают сюда. Видимо, маги древности наделили ее враждебной энергией, которая заставляет все живые существа испытывать неудобство, находясь в ней. Странно, но я непонятным образом чувствовал себя здесь счастливым и защищенным. Чувство физического удовольствия буквально заставляло трепетать мое тело. У меня было приятное, совершенно восхитительное ощущение в районе желудка. Это ощущение напоминало легкую щекодку.

– Я не чувствую никакого неудобства, – заметил я.

– Я тоже, – согласился он. – Это означает только то, что мы с тобой не слишком далеки по характеру от тех магов прошлого. Я боялся развивать эту тему, поэтому подождал, пока он заговорит снова.

– Первая магическая история, которую я хочу рассказать тебе, называется «проявления духа», – начал дон Хуан. – Но пусть это название тебя не смущает. Проявления духа – это всего лишь первое *абстрактное ядро*, вокруг которого строится первая магическая история. Это первое *абстрактное ядро* само по себе является историей. В ней говорится, что давным-давно был человек, обычный человек без особых свойств. Как и всякий иной, он был проводником духа. И благодаря этому, как и любой другой, он был частью духа, частью *абстрактного*. Но он не знал этого. Повседневные дела так занимали его, что у него не было ни времени, ни желания серьезно подумать о таких вещах. Дух безуспешно пытался проявить свою связь с ним. С помощью внутреннего голоса дух раскрывал свои секреты, но человек не был способен понять эти откровения. Естественно, он слышал внутренний голос, но он был уверен, что это его собственные чувства и мысли. Чтобы вытянуть человека из его дремотного состояния, дух дал ему три знака, три последовательных проявления. Дух физически пересек путь человека самым очевидным образом. Но человек, кроме себя самого, ничего вокруг не замечал.

Дон Хуан остановился и взглянул на меня, как он делал, когда

ждал моих замечаний или вопросов. Мне нечего было сказать. Я не понимал, к чему он ведет.

Только что я рассказал тебе первое *абстрактное ядро*, – продолжал он. – Могу еще добавить, что по причине полного нежелания этого человека понимать, *дух* вынужден был применить уловку, и уловка стала сущностью пути магов. Но это уже другая история.

Дон Хуан объяснил, что маги понимали это *абстрактное ядро* как схему событий, или неоднократно повторяющуюся модель, которая проявлялась всякий раз, когда *намерение* указывало на что-то значительное. Таким образом, *абстрактные ядра* являются схемами полной цепи событий. Он заверил меня, что каждая деталь каждого *абстрактного ядра* при помощи не поддающихся пониманию средств вновь и вновь повторялась каждому Нагвалю-ученику. Далее он заверил меня, что он помог *намерению* вовлечь меня во все *абстрактные ядра* магии тем же способом, что и его бенефактор, нагваль Хулиан, и все Нагвали до него вовлекали своих учеников. Процесс, в котором каждый Нагваль-ученик встречает *абстрактные ядра*, создает серии историй, сотканных вокруг этих *ядер* и включающих особенности личности и обстоятельств каждого ученика.

Дон Хуан сказал, что у меня, например, тоже есть своя история о проявлении *духа*, у него – своя, у его бенефактора была своя собственная, как и у Нагваля, предшествовавшего ему, и так далее, и тому подобное.

Ничего не поняв, я спросил, какова же моя история о проявлении *духа*.

– Если среди воинов и есть человек, знающий все свои истории, то это ты, – ответил он. – Ведь ты все эти годы записывал их. Но ты не заметил *абстрактных ядер*, так как ты – практичный человек. Ты все делаешь лишь с целью усиления собственной практичности. И хотя ты записывал свои истории бесчисленное количество раз, ты не понимал, что в них есть *абстрактное ядро*. Поэтому все, что пытаюсь показать тебе и что нередко кажется тебе моей причудой, – это обучение магии нерадивого и порой просто глупого ученика. До тех пор, пока ты будешь, так смотреть на вещи, *абстрактные ядра* будут ускользать, от тебя.

– Ты прости меня, дон Хуан, – сказал я, – но твои утверждения весьма противоречивы. Что ты имеешь в виду?

– Я пытаюсь познакомить тебя с магическими историями, – ответил он. – Я никогда не говорил с тобой на эту тему специально, потому что по традиции это остается скрытым. Это – последняя хитрость *духа*. Говорят, что когда ученик начинает понимать *абстрактные ядра*, он как бы кладет последний камень, который венчает и скрепляет пирамиду.

Темнело, и казалось, что надвигаются дождь. Я забеспокоился, что когда пойдет дождь, и если ветер будет дуть с востока, то мы промокнем в этой пещере. Я был уверен, что дон Хуан понимает это, но он, казалось, игнорировал это обстоятельство.

– Дождя не будет до завтрашнего утра, – сказал он. То, что я услышал ответ на свои мысли, заставило меня непроизвольно подскочить, и я ударился головой о потолок. Раздался глухой стук, и это было еще хуже того, что при этом я ушибся. Дон Хуан покатился со смеху. Тотчас ушибленное место заболело, и я стал массировать его.

– Твое общество доставляет мне столько же удовольствия, сколько мое, должно быть, в свое время доставляло моему бенефактору, – сказал он и снова засмеялся.

Несколько минут мы молчали. Тишина вдруг показалась мне зловещей. Мне почудилось, что я слышу шорох нависших облаков, спускающихся к нам с более высоких гор. Потом я понял, что это тихонько подул ветер. С моего места в пещере он казался похожим на шепот человеческих голосов.

– Я имел невероятно счастливую возможность быть учеником двух Нагвалей, – сказал дон Хуан и нарушил гипнотическое воздействие, оказываемое на меня в этот момент ветром. – Одним из них, разумеется, был мой бенефактор, нагваль Хулиан, а другим был его бенефактор – нагваль Элиас. Мой случай уникален.

– Почему уникален? – спросил я.

– Потому что из поколения в поколение Нагвали начинали собирать учеников лишь через годы после того, как их собственные учителя покидали мир, – ответил он, – Исключением был мой бенефактор. Я стал учеником нагваля Хулиана за восемь лет до того, как его бенефактор покинул мир. Эти восемь лет были для меня как дар. Это была самая большая удача, какую только можно было вообразить, так как у меня была прекрасная возможность учиться у двух противоположных по характеру людей. Было так, как если бы тебя воспитывал сильный отец и еще

более сильный дед, которые не сходятся во взглядах между собой. В этом споре всегда побеждал дед, поэтому я, собственно говоря, скорее продукт обучения нагваля Элиаса. Я ближе к нему не только по темпераменту, но даже и по виду. Однако большая часть работы по превращению меня из жалкого существа в безупречного воина была проделана моим бенефактором, нагвалем Хулианом.

– Опиши мне физический облик нагваля Хулиана, – попросил я.

– Знаешь, мне до сего дня трудно представить его, – сказал дон Хуан. – Я знаю, это прозвучит нелепо, но в зависимости от необходимости или обстоятельств он мог быть молодым или старым, привлекательным или невзрачным, истощенным и ослабевшим или сильным и мужественным, толстым или худым, или средней комплекции, среднего роста или коротышкой.

– Ты имеешь в виду, что он был артистом и играл разные роли с помощью ухищрений?

– Нет, никаких ухищрений он не использовал, и был он не просто актером. Он был, конечно, своего рода великим артистом, но дело совсем не в этом. Суть в том, что он наделен был даром трансформации и мог становиться диаметрально противоположными личностями. Актерский талант давал ему возможность изображать все мельчайшие детали поведения, что каждый его образ делало реальным. Можно сказать, что он так же непринужденно менял личность, как ты каждый раз непринужденно меняешь одежду.

Я нетерпеливо попросил дона Хуана рассказать мне о превращениях его бенефактора побольше. Он сказал, что кто-то научил нагваля Хулиана подобным превращениям, но продолжать рассказ об этом далее – означало бы перейти на другие истории.

– Как выглядел нагваль Хулиан, когда он ни в кого не превращался? – спросил я.

– Могу сказать только, что перед тем, как он стал Нагвалем, он был очень худым и мускулистым, – сказал дон Хуан. – У него были черные волосы, густые и вьющиеся, длинный красивый нос, крепкие большие белые зубы, овальное лицо, мощный подбородок и лучистые темно-карие глаза. Ростом он был около пяти футов восьми дюймов. Он не был ни индейцем ни даже смуглым мексиканцем, но не был и англосаксом. Фактически, он ни на кого не был похож, особенно в последние годы, когда цвет его кожи постоянно изменялся от очень темной до очень светлой, и опять до

темной. Когда я встретил его впервые, он был смуглым стариком, затем со временем стал светлокожим молодым человеком, возможно, лишь на несколько лет старше меня. Мне же тогда было двадцать.

Но если изумляли перемены его внешности, – продолжал дон Хуан, – то изменения его настроения и поведения, сопровождавшие их, изумляли еще больше. Например, когда он был толстым молодым человеком, он был веселым и чувствительным. Когда он превращался в худого старика, он становился мелочным и мстительным. Будучи старым толстяком, он воплощался в слабоумного.

– Был ли он когда-нибудь самим собой? – спросил я.

– Да, был, но совсем по-другому, чем я – собой, – ответил он, – Поскольку меня не интересуют превращения, я всегда один и тот же. Но он совсем не был похож на меня.

Дон Хуан посмотрел на меня, как бы оценивая мою внутреннюю силу. Он улыбнулся и, покачив головой из стороны в сторону, разразился утробным смехом.

– Что тебя так рассмешило, дон Хуан? – спросил я.

– Дело в том, что ты все еще слишком скован и дотошен, чтобы в полной мере оценить природу превращений моего бенефактора и весь их размах, – сказал он, – Мне остается только надеяться, что когда я тебе об этом рассказываю, тебя не охватывает патологический страх.

По какой-то причине я внезапно почувствовал себя очень неуютно и пожелал сменить тему разговора.

– Почему Нагваля называют «бенефактор», а не просто «учитель»? – нервно спросил я.

– Называя Нагваля бенефактором, ученики выражают свое к нему уважение, – сказал дон Хуан. – Нагваль вызывает у своих учеников непреодолимое чувство благодарности. В конце концов, он формирует их и проводит сквозь невообразимые области. Я заметил, что учить – это, по-моему, величайшее и самое альтруистическое действие, которое один человек может совершить для другого.

– Для тебя обучение – это разговоры о моделях поведения, – сказал он. – Для мага обучение – это то, что делает Нагваль для своих учеников. Ради них он имеет дело с главной силой во вселенной – *намерением*, силой, которая изменяет или перетасовывает вещи,

или оставляет их такими, как они есть. Нагваль определяет, а затем направляет то влияние, которое эта сила может оказать на его учеников. Если бы Нагваль не направлял *намерение*, они не испытывали бы ни благоговейного страха, ни изумления. И его ученики, вместо того, чтобы отправиться в магическое путешествие к открытию, всего лишь обучались бы ремеслу исцелителя, колдуна, шарлатана или кого-нибудь еще.

– Ты можешь объяснить мне «намерение»? – спросил я.

– Единственный способ узнать *намерение* – это узнать его непосредственно через живую связь, которая существует между *намерением* и всеми чувствующими существами, – ответил он, – Маги называют *намерение* неопишущим, *духом*, абстрактным, нагвалем. Я предпочел бы называть его нагвалем, но тогда это название совпало бы с именем лидера, бенефактора, который тоже зовется Нагвалем. Поэтому я остановил свой выбор на названии «*дух*», «*намерение*», «*абстрактное*».

Внезапно дон Хуан прервал разговор и посоветовал мне помолчать и подумать над тем, что он только что сказал. Тем временем сильно стемнело. Тишина была такой глубокой, что вместо того, чтобы успокаивать, она возбуждала, и я не мог упорядочить мысли. Я пытался сфокусировать внимание на истории, которую он мне рассказал, но вместо этого думал о чем угодно ином, пока в конце концов не заснул.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Безупречность нагваля Элиаса

Не знаю, сколько времени я проспал в этой пещере. Голос дона Хуана заставил меня вздрогнуть, и я проснулся. Он говорил, что первая магическая история, касающаяся проявления *духа*, является рассказом о взаимоотношении между *намерением* и Нагвалем. О том, как *дух* привлекает Нагваля, будущего ученика, и о том, как Нагваль должен оценивать его уловки, решая, принять их или отвергнуть.

В пещере было очень темно, маленькое пространство ощущалось весьма ограниченным. В обычном состоянии его размеры вызвали бы у меня приступ клаустрофобии, но сейчас пещера действовала успокаивающе, рассеивала чувство раздражения и досады. И еще, что-то в ее конфигурации поглощало эхо голоса дона Хуана.

Дон Хуан объяснил, что каждое действие, совершаемое магами, особенно Нагвалями, направлено или на усиление звена, связующего их с *намерением*, или является реакцией, вызванной самим звеном. Поэтому маги, а особенно Нагвали, должны всегда быть бдительны к проявлениям *духа*. Такие проявления назывались жестами *духа*, или просто указаниями и знаками.

Он повторил историю, которую я уже слышал от него, – рассказ о его встрече со своим бенефактором, нагвалем Хулианом.

Двое проходивцев соблазнило дона Хуана пойти работать на отдаленную гасиенду. Один из них, надсмотрщик гасиенды, подчинил себе дона Хуана и фактически сделал его рабом.

Будучи в отчаянном положении и не имея другого выхода, дон Хуан бежал. Разъяренный надсмотрщик погнался за ним, и, поймав его на сельской дороге, выстрелил дону Хуану в грудь и бросил его умирать. Дон Хуан лежал без сознания на дороге, истекая кровью, когда мимо проходил нагваль Хулиан. Используя свой дар целителя, он остановил кровотечение, забрал еще находившегося без сознания дона Хуана домой и вылечил его.

Нагваль Хулиан получил относительно дона Хуана такие указания *духа*, как, во-первых, маленький смерч, который поднял конус пыли на дороге в паре ярдов от лежащего дона Хуана. Вторым

знаком была мысль, пришедшая Нагвалю в голову за минуту перед тем, как он услышал выстрел из винтовки в нескольких ярдах от себя: «Настало время найти ученика-Нагваля». Несколькими секундами позже дух дал ему третий знак: когда он побежал, чтобы спрятаться, то столкнулся с убийцей и обратил его в бегство, таким образом помешав ему выстрелить в дона Хуана вторично.

Неожиданное столкновение с кем-либо – грубая ошибка, которую ни маги, ни тем более Нагвали, не должны допускать никогда.

Нагваль Хулиан немедленно оценил удобный случай. Когда он увидел дона Хуана, то понял причину такого проявления *духа*; это был «двойной» человек, идеальный кандидат в ученики-Нагвали.

Это вызвало у меня придирчивый рациональный интерес. Я захотел узнать, могут ли маги ошибочно интерпретировать знаки. Дон Хуан ответил, что хотя мой вопрос звучит совершенно законно, он все же неуместен, как и большинство моих вопросов, потому что я задаю их, основываясь на своем опыте повседневной жизни. Поэтому они всегда касаются испытанных процедур, предписанных шагов и детальных правил, но ничего общего не имеют с предпосылками магии. Он ответил, что недостатком моих рассуждений является то, что я никогда не связываю свой опыт с миром магов.

Я возразил, что лишь очень небольшое из моего опыта в мире магов имеет непрерывность, и поэтому я не могу воспользоваться этим опытом в своей повседневной жизни. Лишь очень немного раз, и то только тогда, когда я был в состоянии глубокого повышенного осознания, я вспоминал все. На обычно достигаемом мною уровне повышенного осознания единственным опытом, в котором имелаась непрерывность между прошлым и настоящим, было мое знакомство с ним.

Он резко ответил, что я вполне способен понять объяснения магов, поскольку уже испытал предпосылки магии в обычном состоянии осознания. Более мягким тоном он добавил, что повышенное осознание не открывает всего до тех пор, пока все здание магического знания не будет выстроено целиком.

Затем он ответил на мой вопрос о том, ошибаются ли маги в толковании знаков. Он объяснил, что когда маг истолковывает знак, он знает его точное значение, не имея ни малейшего понятия о том, откуда приходит это знание. Это одно из самых непостижимых следствий связующего звена с *намерением*. Маги

имеют возможность получать знания непосредственно.

Надежность этих знаний зависит от прочности и четкости их связующего звена.

Он сказал, что чувство, которое называют «интуиция» – это активизация нашей связи с *намерением*. И поскольку маги целенаправленно стремятся к пониманию и усилению этой связи, то можно сказать, что они интуитивно постигают все безошибочно и точно. Истолкование знаков – обычное дело для магов. Ошибки случаются лишь в случае вмешательства личных чувств, затуманивающих связь мага с *намерением*. В других случаях их непосредственное знание функционально и безошибочно.

Некоторое время мы молчали.

Внезапно он сказал:

– Я хочу рассказать тебе историю о нагвале Элиасе и проявлении *духа*. *Дух* дает знать о себе магу на каждом повороте, и особенно сильно это касается Нагвалей. Но это еще не все. На самом деле *дух* открывает себя с одинаковой интенсивностью и постоянством любому человеку, но на взаимодействие с ним настроены только маги.

Дон Хуан рассказал, как однажды нагваль Элиас ехал на своей лошади в город и решил сократить путь, направив лошадь через кукурузное поле. Внезапно его лошадь шарахнулась, испуганная низко и быстро промелькнувшим соколом. Сокол пролетел всего лишь в нескольких дюймах от соломенной шляпы Нагваля. Тот немедленно спешился и стал озиаться вокруг. Между высокими кукурузными стеблями он увидел странного молодого человека. Этот человек был одет в дорогой темный костюм и поэтому казался здесь совершенно чужим. Нагвалю Элиасу был привычен вид крестьян или землевладельцев, но он никогда не видел элегантно одетого горожанина, с явным пренебрежением к своему дорожному костюму и обуви идущего по полям.

Нагваль стреножил лошадь и пошел в сторону молодого человека. В полете сокола, как и в одежде *мужчины*, он узнал явные проявления *духа*, пренебречь которыми было невозможно. Он подошел совсем близко к молодому человеку и тут увидел, что тот преследовал юную крестьяночку, которая бежала несколькими ярдами впереди него, увертываясь и смеясь. Было совершенно ясно, что эти двое прыгающих по кукурузному полю людей никак не могли принадлежать друг другу.

Нагваль подумал, что мужчина мог быть сыном землевладельца, а женщина – служанкой в доме. Ему стало неловко наблюдать за ними и он собирался повернуться и уйти, но тут через поле снова пронесся сокол и на этот раз коснулся головы молодого человека. Птица спугнула парочку, они остановились и посмотрели вверх, пытаясь угадать, когда сокол пролетит еще раз. Нагваль отметил, что мужчина красив и что глаза у него быстрые и беспокойные. Потом парочке надоело наблюдать за соколом и они вернулись к своей игре. Мужчина поймал женщину, обнял и мягко уложил на землю. Нагваль предполагал, что они займутся любовью, но вместо этого тот снял свою одежду и стал дефилировать перед женщиной в обнаженном виде.

Она не закрыла глаза от смущения, не вскрикнула от стыда или страха. Загипнотизированная чарами обнаженного мужчины она только хихикала, а он прыгал вокруг нее, как сатир, делая непристойные жесты и смеясь. В конце концов явно побежденная этим зрелищем, она издала дикий крик, вскочила и бросилась в объятия молодого человека.

Нагваль Элиас признавался дону Хуану, что указания *духа* в такой ситуации совершенно сбивали с толку. Было очевидно, что этот человек – сумасшедший. В противном случае, зная, как крестьяне оберегают своих женщин, он не мог бы решиться соблазнить юную крестьянку среди бела дня в нескольких ярдах от дороги, да еще и обнаженным.

Дон Хуан рассмеялся и сказал мне, что в те дни снять одежду и вступить в сексуальные отношения среди бела дня в таком месте мог только сумасшедший или человек, отмеченный *духом*. Он добавил, что хоть это и не является чем-то необычным в наше время, но тогда – около ста лет назад, люди были несравненно более сдержанными.

Все это с первого взгляда убедило нагваля Элиаса, что молодой человек был одновременно и сумасшедшим и отмеченным *духом*. Он беспокоился, что случись здесь крестьяне, они в бешенстве линчуют парня на месте. Но никого не было. Нагваля казалось, что время как бы остановилось.

Когда молодой человек закончил заниматься любовью, он оделся, достал носовой платок и тщательно смахнул пыль со своей обуви. Все время давая девушке какие-то нелепые обещания, он направился своим путем. Нагваль Элиас последовал за ним.

Он следил за ним несколько дней и узнал, кто он такой. Его звали Хулиан, и был он актером.

Впоследствии Нагваль видел его на сцене достаточно часто и понял, что актер явно отмечен харизматическим даром. Публика, особенно женщины, любили его, и он без стеснения использовал свой дар для соблазнения женщин. Следуя за ним, Нагваль не раз был свидетелем того, как актер использовал свою технику обольщения. Оставаясь наедине со своими обожательницами, он демонстрировал себя обнаженным и ждал, пока ошеломленная этим женщина не сдавалась сама. Его техника была чрезвычайно эффективной. Нагваль должен был признать, что актер преуспевал во всем, кроме одной весьма существенной вещи: он был смертельно болен. Нагваль *видел* черную тень смерти, которая повсюду следовала за ним.

Дон Хуан еще раз повторил мне то, что объяснял несколько лет назад: наша смерть – это темное пятно чуть позади левого плеча. Маги знают, когда человек близок к смерти, потому что могут видеть похожее на движущуюся тень темное пятно, такое же по форме и размеру, как человек, которому оно принадлежит. Осознание неотвратимого присутствия смерти смутило Нагваля. Он удивлялся, как *дух* мог отметить столь больную личность. Его учили, что обычно нужно предпочитать естественный порядок событий. Кроме того, Нагваль сомневался, что у него хватит сил и способностей исцелить этого юношу или оказать сопротивление черной тени его смерти. Он сомневался даже в том, сможет ли понять, зачем *дух* вовлек его в столь очевидно бессмысленную ситуацию.

Нагвалю ничего не оставалось, как следовать за актером и ждать возможности поглубже разобраться в происходящем.

Дон Хуан объяснил, что первой реакцией Нагваля при непосредственном столкновении с проявлениями *духа* является стремление *видеть* всех вовлеченных в ситуацию людей. Нагваль Элиас с момента встречи с этим человеком тщательно заботился о том, чтобы *видеть* его. *Видел* он также и крестьянку, которая также была частью поданного *духом* знака. Но *увидеть* что-нибудь такое, что, по его мнению, гарантировало бы проявление *духа*, ему не удавалось.

Однако в процессе наблюдения очередного соблазнения способность Нагваля *видеть* обрела новую глубину. На этот раз

поклонницей актера была дочь богатого землевладельца, и с самого начала она полностью контролировала ситуацию. Нагваль узнал об их свидании, подслушав, как она сама предлагала актеру встретиться на следующий день. Нагваль спрятался напротив ее дома и на рассвете увидел, как юная женщина вышла из дома и, вместо того, чтобы отправиться к ранней мессе, пошла на встречу с актером. Актер ждал ее, и она уговорила его последовать за ней в открытое поле. Он явно колебался, но она высмеяла его и не позволила уклониться от свидания.

Пока Нагваль наблюдал, как они потихоньку уходили, у него появилась абсолютная уверенность в том, что в этот день непременно должно случиться нечто такое, чего никто из участников не ожидал. Он *увидел*, что черная тень актера выросла почти в два раза выше него самого. Заметив жесткий таинственный взгляд молодой женщины, Нагваль сделал вывод, что и она на интуитивном уровне чувствует черную тень смерти. Актер казался погруженным в себя. Он не смеялся как обычно.

Они прошли некоторое расстояние. В какой-то момент они заметили, что Нагваль следует за ними, но он немедленно притворился работающим на земле местным крестьянином. Парочка успокоилась, и это позволило Нагвалю подойти поближе. Затем наступила минута, когда актер сбросил одежду и показал себя девушке. Однако вместо того, чтобы лишиться чувств и упасть в его объятия, как другие покоренные им девушки, она вдруг начала бить его. Она безжалостно пинала его ногами и наступала на босые пальцы его ног, заставив его кричать от боли. Нагваль знал, что этот мужчина не станет бить молодую женщину или даже угрожать ей. Он не поднял на нее и пальца. Дралась только она одна. Он лишь пытался парировать ее удары и настойчиво, но без энтузиазма пытался соблазнить ее, показывая ей свои гениталии.

Нагваль был возмущен и восхищен одновременно. Он понимал, что актер был безнадежным распутником, но так же хорошо он понимал, что в этом человеке было нечто уникальное, хотя и отвратительное. Все это мешало Нагвалю увидеть, что связующее звено этого человека с *духом* было необыкновенно четким. В конце концов атака закончилась. Женщина перестала бить актера. Но вдруг, вместо того чтобы убежать, она сдалась, легла и сказала, что актер может делать с ней свое дело.

Нагваль заметил, что мужчина так выдохся, что почти терял сознание. Однако, несмотря на совершенно изнуренное состояние, он решился и завершил соблазнение.

Нагваль засмеялся и подумал о бесполезности огромной жизненной силы и решительности актера, как вдруг женщина закричала, а актер начал задыхаться.

Нагваль увидел, как черная тень поразила актера. Это выглядело подобно кинжалу, попавшему острием точно в просвет.

В этом месте дон Хуан отвлекся, чтобы уточнить то, что он уже объяснял прежде: он описал просвет, щель в нашей светящейся оболочке на высоте пупка, куда непрерывно ударяет сила смерти. Теперь дон Хуан объяснил, как смерть ударяет здоровое существо: она делает это мягко, подобно легкому тычку кулаком. Но когда существо умирает, смерть бьет кинжалоподобным ударом.

Таким образом нагваль Элиас знал без малейшего сомнения, что актер был так же хорош, как и мертв, и эта смерть автоматически завершает его собственный интерес к предначертаниям *духа*.

Предначертаний больше не оставалось: смерть уравнивала все.

Он поднялся из своего укрытия и собирался уйти, но что-то заставило его помедлить – и это было спокойствие молодой женщины. Она беспечно надевала какую-то снятую прежде одежду, нестройно насвистывая, как будто ничего не случилось.

И тогда Нагваль *увидел*, что тело мужчины, поддавшись смерти, сбросило защитный покров и обнаружило свою истинную природу. Это был двойной человек с огромными ресурсами, способный создавать экран для защиты или маскировки – прирожденный маг и идеальный кандидат в Нагвали-ученики, – если бы только не был кандидатом для черной тени смерти.

Это зрелище было для Нагваля совершенной неожиданностью. Теперь предначертания *духа* стали полностью ясными, но он все еще не мог понять, как такой никуда не годный человек мог вписаться в магическую схему.

Тем временем женщина встала и пошла прочь, даже не взглянув на мужчину, чье тело корчилось в предсмертных судорогах.

Тогда Нагваль *увидел* ее свечение и осознал, что ее крайняя агрессивность была вызвана громадным потоком чрезмерной неконтролируемой энергии. Он убедился, что если она не направит эту энергию на разумные цели, та возьмет над ней верх, и невозможно описать, сколько бед это ей принесет.

Когда Нагваль увидел, как беспечно она уходит, он понял, что дух дал ему еще одно проявление. Ему понадобилось все его спокойствие и хладнокровие. Предстояло действовать так, как если бы ему нечего было терять, и решительно вмешаться. В истинных традициях Нагвалей он решил бороться за невозможное, имея в свидетелях лишь дух.

Дон Хуан отметил, что в таких ситуациях проверяется, является ли Нагваль истинным или фальшивым. Нагваль принимает решение. Затем он уже не думает о последствиях, а просто действует или нет. Обычный человек постоянно помнит о возможных последствиях, и это парализует его волю. Приняв свое решение, нагваль Элиас спокойно направился к умирающему и вначале сделал то, что подсказало ему тело, а не разум – ударил по точке сборки мужчины и сместил его в состояние повышенного осознания. Он беспрестанно бил его снова и снова, пока наконец точка сборки не пришла в движение. Используя силу самой смерти, удары Нагваля заставили точку сборки переместиться в такое положение, где смерть уже не имела значения, – и тогда он перестал умирать.

К тому моменту, когда актер начал дышать, Нагваль стал осознавать степень своей ответственности. Если человек сможет парировать силу своей смерти, ему необходимо будет оставаться в глубоком состоянии повышенного осознания пока смерть не будет окончательно отражена. Прогрессирующее ухудшение его физического состояния означало, что его нельзя сдвинуть с места, иначе он немедленно умрет. Нагваль сделал единственную возможную в этих обстоятельствах вещь: он построил вокруг его тела хижину. Затем в течение трех месяцев он нянчился с полностью неподвижным человеком.

Тут меня охватили рациональные сомнения, и вместо того, чтобы продолжать слушать рассказ дона Хуана, я захотел узнать, как нагваль Элиас смог построить хижину на чужой земле. Я знал страсть сельских жителей к земле и сопутствующее ей чувство к своей земельной собственности.

Дон Хуан заметил, что и его в свое время это очень заинтересовало. И нагваль Элиас объяснил, что возможным сделал это сам дух. Так бывает со всем, что предпринимает Нагваль, при условии, что он следует предначертаниям духа.

Первое, что сделал нагваль Элиас, когда актер снова начал дышать

– это побежал следом за молодой женщиной. Она была важной частью проявления *духа*. Он настиг ее не очень далеко от места, где лежал еле живой актер. Вместо того, чтобы говорить ей о бедственном положении мужчины и пытаться убедить ее помочь ему, он снова принял на себя полную ответственность за свои действия и прыгнул на нее, как лев, нанеся ей мощный удар по точке сборки. Они оба, и она и актер, были способны устоять перед ударами жизни или смерти. Ее точка сборки сместилась, но, сдвинувшись с места, начала беспорядочно перемещаться.

Нагваль, отнес девушку туда, где лежал молодой актер. Затем он потратил целый день, пытаясь спасти ее от потери рассудка, а мужчину – от потери жизни.

Когда он вполне удостоверился в некоторой степени контроля над событиями, то пошел к отцу девушки и сказал, что в его дочь, попала молния, в результате чего она на время сошла с ума. Он привел отца к месту, где она лежала, и сказал, что неизвестный молодой человек принял полный заряд молнии на свое тело и спас девушку от неминуемой смерти, но сам пострадал до такой степени, что его нельзя сдвигать с места.

Благодарный отец помог Нагвалю построить хижину для человека, который спас его дочь. И за три месяца Нагваль совершил невозможное. Он исцелил молодого человека.

Когда пришло время уходить, чувство ответственности Нагваля и его долг потребовали предупредить молодую женщину о ее чрезмерной энергии и о вредных последствиях этого для ее жизни и благополучия. Он предложил ей присоединиться к миру магов, так как только это может стать защитой против ее саморазрушающей силы.

Женщина не отвечала, и Нагваль вынужден был сказать ей то, что каждый Нагваль говорит своим будущим ученикам во все времена: маги говорят о магии как о волшебной таинственной птице, которая на мгновение останавливает свой полет, чтобы дать человеку надежду и цель; что маги живут под крылом этой птицы, которую они называют птицей мудрости, птицей свободы; что они питают ее своей преданностью и безупречностью. Он рассказал ей, что маги знают: полет птицы свободы – это всегда прямая линия, у нее нет возможности сделать круг, нет возможности поворачивать назад и возвращаться; и что птица свободы может сделать только две вещи: взять магов с собой или оставить их позади.

Поговорить об этом и с молодым актером нагваль Элиас не смог: тот все еще был очень болен. У молодого человека не было большого выбора. Нагваля, только сказал ему, что если он хочет вылечиться, то должен безоговорочно следовать за ним. Актер принял условия немедленно.

В день, когда нагваля. Элиас и актер собирались отправиться домой, молодая женщина молча ждала на окраине городка. Казалось, она просто вышла проводить их. Нагваль прошел, не глядя на нее, но актер, которого несли на носилках, сделал попытку попрощаться. Она засмеялась и, не говоря ни слова, присоединилась к партии Нагваля. У нее не было ни сомнений, ни проблем насчет того, что она все оставляет позади. Она превосходно понимала, что у нее не будет другого шанса, что птица свободы или уносит магов с собой, или оставляет их позади. Дон Хуан заметил, что в этом не было ничего удивительного. Сила личности Нагваля была столь сокрушающей, что он был практически неотразим. Нагваль Элиас имел глубокое влияние на этих двух людей. На протяжении трех месяцев он ежедневно взаимодействовал с ними и приучил их к своей последовательности, беспристрастности, объективности. Они были очарованы его спокойствием и, превыше всего, его полной самоотдачей. Посредством своих действий и своего примера нагваль Элиас дал им устойчивый взгляд на мир магов как на защищающий и поддерживающий, хотя и крайне требовательный. Это был мир, в котором допускалось очень немного ошибок. Затем дон Хуан напомнил мне о том, что я слышал от него уже много раз, но о чем постоянно ухитрялся не думать. Он сказал, что я не должен забывать даже на мгновение, что птица свободы не особенно жалуется на нерешительность, и если она улетает, то не возвращается никогда.

Вызвавший озноб резонанс его голоса немедленно взорвал царившую лишь мгновение назад вокруг нас мирную темноту. Но дон Хуан восстановил эту мирную темноту так же быстро, как и вызвал чувство тревоги. Он легонько ткнул меня кулаком в плечо.

– Та женщина была так могущественна, что могла заставить танцевать под свою дудку кого угодно, – сказал он. – Ее звали Талиа.

2. ТОЛЧОК ДУХА

Абстрактное

Ранним утром мы вернулись в дом дона Хуана. Нам пришлось долго спускаться с горы, потому что я боялся в темноте оступиться в пропасть, и дон Хуан должен был то и дело останавливаться, чтобы восстановить сбитое от смеха надо мной дыхание.

Я смертельно устал, но уснуть не мог. Перед полуднем начался дождь. Звуки сильного ливня, барабанившего по черепичной крыше, вместо того, чтобы заставить меня почувствовать сонливость, окончательно прогнали даже следы сна.

Я встал и вышел поискать дона Хуана. Он дремал, сидя в кресле. Когда я подошел, он полностью проснулся. Я поздоровался.

– Похоже, у тебя нет проблем с бессонницей, – отметил я.

– Когда ты испуган или расстроен, не пытайся уснуть лежа, – сказал он, не глядя на меня. – Спи сидя в мягком кресле, как это делаю я.

Однажды он посоветовал, чтобы я, если хочу дать своему телу здоровый отдых, долго дремал, лежа на животе, повернув лицо влево и подняв ноги на спинку кровати. Чтобы не замерзнуть, по его сонету, нужно было положить мягкую подушку на плечи, но не на шею, а также надеть, теплые носки или просто не снимать» туфли.

Впервые услышав этот совет я подумал, что он шутит, но позже понял, что это не так. Сон в таком положении помогал мне отдохнуть исключительно хорошо. Когда я поделился с ним удивительными результатами, он посоветовал, чтобы я всегда точно следовал его указаниям, не забываясь о том, верю я ему или нет.

Я сказал дону Хуану, что он мог бы еще прошлой ночью сказать мне о сне в сидячем положении. Я объяснил, что кроме крайней усталости причиной моей бессонницы была странная озабоченность по поводу того, что он рассказал мне в пещере

магов.

– Ты это брось! – воскликнул он. – Ты видел и слышал бесконечно более беспокоящие вещи, не лишаясь при этом сна. Тебя беспокоит что-то другое.

Вначале я подумал, что он имеет в виду мою неискренность при рассказе о своей озабоченности. Я хотел было объясниться, но он продолжал говорить, пропустив мимо ушей мои слова.

– Ты безапелляционно заявил прошлой ночью, что в пещере ты чувствуешь себя хорошо. Но это явно не так. Прошлой ночью я не стал больше говорить о пещере, чтобы понаблюдать за твоей реакцией.

Дон Хуан объяснил, что пещера была сделана магами древности, чтобы служить катализатором. Ее форма была тщательно продумана так, чтобы вместить двух людей как два энергетических поля. Согласно теории магов, природа скалы и способ, которым была высечена пещера, позволяли двум телам, двум светящимся шарам, переплетать свои энергии.

– Я специально взял тебя в эту пещеру, – продолжал он, – не потому, что мне нравится это место, – нет, оно мне не нравится, – но потому, что она создана как инструмент, чтобы толкнуть ученика глубоко в повышенное осознание. Маги древности не предавались размышлениям. Они склонялись к действию.

– Ты всегда говорил, что твой бенефактор был такого же типа, – сказал я.

– Я преувеличивал, – ответил он. – Это примерно то же самое, как когда я говорю тебе, что ты – дурак. Мой бенефактор был современным Нагвалем, нанятым поисками свободы, но он всегда предпочитал действия вместо размышлений. Ты – современный Нагваль, занятый таким же поиском, но ты сильно тяготеешь к заблуждениям разума.

Его сравнение явно показалось ему чрезвычайно забавным; в пустой комнате зазвучало эхо его хохота.

Когда я попытался вновь заговорить о пещере, он сделал вид, что не слышит меня. По блеску его глаз и по тому, как он улыбался, я знал, что он притворяется.

– Прошлой ночью я намеренно сообщил тебе первое *абстрактное ядро*, – сказал он, – с надеждой, что, размышляя над тем, что я делал с тобой все эти годы, ты получишь представление и о других *ядрах*. Ты пробыл со мной долгое время, так что знаешь меня

очень хорошо. Каждую минуту нашего общения я пытался согласовывать свои действия и мысли с моделями *абстрактных ядер*.

История нагваля Элиаса – другое дело. Хотя она кажется рассказом о человеке, на самом деле она является рассказом о *намерении*, которое воздвигает перед нами здания и приглашает войти в них. Это способ понимания магами того, что происходит вокруг них;

Дон Хуан напомнил мне, что я всегда упорно старался найти основополагающий порядок во всем, что он говорил мне. Я подумал, что он критикует меня за мою попытку превратить все, чему он учил меня, в проблему социальной науки. Я начал было оправдываться, что мои взгляды изменились под его влиянием. Он остановил меня и улыбнулся.

– Ты действительно не очень понятлив, – сказал он и вздохнул. – Я хотел бы, чтобы ты понял основополагающий порядок того, чему я учу тебя. Мои возражения направлены против *твоего* понимания природы этого порядка. Тебе кажется, что это какие-то тайные процедуры или скрытая последовательность. Для меня же это означает две вещи: здание, которое *намерение* возводит в мгновение ока и помещает перед нами, приглашая войти, и знаки, которые оно дает нам, чтобы, находясь там, мы не заблудились. Ты мог бы заметить, что история нагваля Элиаса – это более чем просто перечисление последовательных деталей, из которых состоит событие, – сказал он. – За всем этим стоит здание *намерения*. И рассказ был предназначен дать тебе представление о том, что являли собою Нагвали прошлого. Ты должен узнать, как они действовали с целью согласовать свои мысли и действия с величественными сооружениями, которые возводит *намерение*. Последовало длительное молчание. Мне нечего было сказать. Чтобы не дать угаснуть беседе, я сказал первое, что пришло мне в голову. Я сказал, что по услышанным мною историям о нагвале Элиасе у меня сложилось о нем очень благоприятное впечатление. Мне нравился нагваль Элиас, но что касается нагваля Хулиана, то по непонятным причинам все, что говорил о нем дон Хуан, ужасно меня беспокоило.

Одно упоминание об этом дискомфорте привело дона Хуана в восторг. Он вынужден был встать со стула, чтобы не задохнуться от смеха. Положив мне руки на плечи он сказал, что мы обычно

или любим, или ненавидим тех, кто является отражением нас самих.

И опять глупая застенчивость удержала меня от вопроса о том, что он имеет в виду. Дон Хуан снова засмеялся, явно понимая мое настроение. Наконец он заметил, что нагваль Хулиан был похож на ребенка, чья собранность и выдержка всегда приходят извне. Если отбросить его практику как ученика магии, то у него совсем не было никакой внутренней дисциплины.

Я почувствовал иррациональное желание защищаться. Я сказал дону Хуану, что моя дисциплина пришла как раз изнутри.

— Конечно, — сказал он покровительственно. — Не можешь же ты надеяться быть в точности похожим на него.

И он снова рассмеялся.

Иногда дон Хуан настолько выводил меня из себя, что я был готов заорать на него. Правда, такое настроение никого не было продолжительным. И теперь оно рассеялось так быстро, что мною тут же овладела другая мысль. Я спросил дону Хуана, возможно ли, чтобы я входил в повышенное осознание, не сознавая этого? Или, может быть, я оставался там в течение нескольких дней?

— На этой стадии тыходишь в повышенное осознание целиком самостоятельно, — сказал он, — Повышенное осознание — тайна только для нашего разума. На практике оно очень просто. Мы сами усложняем это, как и многое другое, стараясь сделать понятной окружающую нас беспредельность.

Он заметил, что вместо бесполезного спора о своей персоне я должен думать о данном мне *абстрактном ядре*.

Я сказал ему, что думал об этом все утро и пришел к выводу, что метафорической темой истории были проявления *духа*. Только вот я не разобрался, где было то *абстрактное ядро*, о котором он говорил. Должно быть, это было нечто невыразимое.

— Я повторяю, — сказал он *тоном* школьного учителя, муштрующего своих учеников, — проявления *духа* — это название первого *абстрактного ядра* в магических историях. То, что маги считают *абстрактным ядром*, явно ускользает от тебя в данный момент. Эту ускользающую от тебя деталь маги называют зданием *намерения*, или безмолвным голосом *духа*, или скрытым порядком *абстрактного*.

Я сказал, что понимаю «скрытое» как нечто утаенное, как в «скрытом мотиве». Он ответил, что в данном случае «скрытое»

значит больше: оно означает знание без слов вне нашего непосредственного понимания и, в особенности, – моего. Он допустил, что знание, на которое он ссылается, недостижимо для меня лишь, на данный момент, но не выше моих предельных возможностей понимания.

– Если *абстрактные ядра* выше моего понимания, тогда какой смысл говорить о них? – спросил я.

– Правило гласит, что *абстрактные ядра* и магические истории должны быть рассказаны тебе именно на этом этапе, – сказал он. – И однажды скрытый порядок *абстрактного*, который есть знание без слов, или здание *намерения*, заложенное в эти истории, раскроют тебе сами эти истории. Я все еще не понимал.

– Скрытый порядок *абстрактного* – это не просто порядок, в котором были преподнесены тебе *абстрактные ядро*, – объяснил он, – и не то, что в них есть общего, и даже не соединяющая их ткань. Это есть непосредственное знание без вмешательства языка. Он молча рассматривал меня с головы до ног с явной целью *видеть* меня.

– Да, это пока еще не очевидно для тебя, – заявил он и жестом выразил свое нетерпение, как если бы я досаждал ему своей медлительностью.

Я встревожился. Обычно дон Хуан не был склонен к демонстрации психологического неудовольствия.

– Это не имеет отношения к тебе или твоим действиям, – сказал он, когда я спросил о причине его неудовольствия и разочарования, – Это была мысль, которая пришла мне в голову, когда я видел тебя. В твоём светящемся существе есть такая черта, за которую дорого заплатили бы маги древности.

– Скажи мне, что это, – потребовал я.

– Я напому тебе об этом как-нибудь в другой раз, – сказал он. – Давай продолжим об элементе, который стимулирует нас – об *абстрактном*. Это элемент, без которого не может быть ни пути воина, ни даже самого воина в поиске знания.

Он сказал, что испытываемые мною трудности не являются для него новостью. Через те же мучения в процессе понимания скрытого порядка *абстрактного* прошел и он сам. Если бы не помощь нагваля Элиаса, он закончил бы тем же, что и его бенефактор – только действия и очень мало понимания.

– Как выглядел нагваль Элиас? – спросил я, чтобы сменить тему.

– Он совсем не был похож на своего ученика, – сказал дон Хуан. – Он был индеец, очень темный и массивный, с резкими чертами, орлиным носом, маленькими черными глазами, густыми черными волосами совершенно без седины. Он был ниже ростом, чем нагваль Хулиан, с большими руками и ногами. Он был очень скромный и очень мудрый, но в нем не было огня. По сравнению с моим бенефактором он казался тусклым. Всегда весь в себе, обдумывающий тот или иной вопрос. Нагваль Хулиан имел обыкновение шутить, что его учитель давал мудрость тоннами. За спиной он обычно называл его «нагваль Тоннаж».

– Я не видел смысла в его шутках, – продолжал дон Хуан. – Для меня нагваль Элиас был подобен дуновению свежего ветра. Он обычно объяснял мне все с невероятным терпением. Очень похоже на то, как я объясняю тебе, но, возможно, чуть больше чего-то еще. Я бы назвал это не состраданием, но скорее сочувствием. Воины не способны чувствовать сострадание, потому что они не испытывают жалости к самим себе. Без движущей силы самосожаления сострадание бессмысленно.

– Не хочешь ли ты сказать, дон Хуан, что воин всегда сам по себе?

– В известном смысле да. Для воина все начинается и заканчивается собой. Однако контакт с *абстрактным* приводит его к преодолению чувства собственной важности. Затем его «я» становится абстрактным и неличным.

Нагваль Элиас считал, что наши жизни и личности весьма похожи, – продолжал дон Хуан. – Из-за этого он чувствовал себя обязанным помогать мне. Я не замечаю такого сходства с тобой, поэтому, думаю, я отношусь к тебе во многом так же, как относился ко мне нагваль Хулиан.

Дон Хуан сказал, что нагваль Элиас взял его под свое крыло с того самого дня, как он появился в доме своего бенефактора. Нагваль Элиас стал объяснять ему все, что происходило во время его ученичества, даже если дон Хуан не мог понять его объяснений. Его стремление помогать дону Хуану было таким сильным, что он практически сделал его своим пленником. Таким образом он защищал его от резких яростных атак нагваля Хулиана.

– Вначале я имел обыкновение оставаться в доме нагваля Элиаса все время, – продолжал дон Хуан. – И мне это нравилось. В доме своего бенефактора я постоянно был настороже, был бдительным, боясь того, что он может выкинуть со мной в следующий момент.

Но в доме нагваля Элиаса я чувствовал себя уверенно и легко. Мой бенефактор безжалостно давил на меня, и я не мог понять, почему он так сильно меня угнетает. Я думал, что этот человек просто сумасшедший.

Дон Хуан сказал, что нагваль Элиас был индейцем из штата Оахака и что его учитель, нагваль по имени Розендо, был родом из тех же мест. Дон Хуан описал нагваля Элиаса как очень консервативного человека, оберегающего свое одиночество. И тем не менее он был знаменитым исцелителем и магом не только в Оахаке, но и во всей Южной Мексике. Несмотря на свою известность, он жил в полной изоляции на противоположном конце страны, в Северной Мексике.

Дон Хуан замолчал. Подняв брови, он вопрошающе уставился на меня. Но все, что я хотел от него, – это чтобы он продолжал свой рассказ.

– Каждый раз, когда я хочу, чтобы ты задал вопрос, ты его не задаешь, – сказал он. – Надеюсь, ты слышал мои слова? Нагваль Элиас был знаменитым магом, который ежедневно имел дело с людьми в Южной Мексике и в то же время жил отшельником на Севере страны. Разве это не возбудило твое любопытство?

Я почувствовал себя ужасно глупо, так как во время его рассказа у меня мелькнула мысль, что этому человеку, должно быть, было очень нелегко совершать регулярные поездки туда и обратно.

Дон Хуан смеялся надо мной, но поскольку он обратил мое внимание на этот вопрос, я спросил, как мог нагваль Элиас быть в двух местах одновременно.

– *Сновидение* – вот реактивный самолет мага, – сказал он. – Нагваль Элиас был сновидцем, как мой бенефактор был *сталкером*. Он мог создавать и посылать то, что маги называют телом сновидения или Другим, и находиться одновременно в двух разных местах. С помощью своего *тела сновидения* он мог выполнять свои обязанности мага, в то время как его настоящее «я» оставалось в уединении.

Я заметил, что со мной происходит что-то странное: я с легкостью принимал то, что нагваль Элиас мог посылать свой осязаемый трехмерный образ, но хоть убей не понимал объяснений насчет абстрактных ядер.

Дон Хуан ответил, что я смог принять идею о двойной жизни нагваля Элиаса, поскольку дух как раз производил последние

корректировки в моей способности к осознанию. Я тут же начал бурно протестовать по поводу таинственности его заявления.

– Ну что же тут таинственного? – воскликнул он. – Это сообщение о факте. Ты мог бы сказать, что этот факт является недоступным в данный момент, но момент изменится.

Не дав мне возможности ответить, он снова начал говорить о нагвале Элиасе. Он сказал, что у нагваля Элиаса был пытливый ум и очень умелые руки. Во время своих путешествий в качестве *сновидящего* он видел множество предметов, которые потом копировал в дереве и железе. Дон Хуан уверял меня, что некоторые изделия отличались завораживающей, изысканной красоты.

– А что служило ему оригиналами? – спросил я.

– Не существует способа узнать это, – сказал дон Хуан, – Ты должен принять во внимание, что поскольку нагваль Элиас был индейцем, он пускался в своих *сновидениях* в странствия тем же способом, что и дикий зверь, рыскающий в поисках пищи. Зверь никогда не обнаружит своего присутствия, если кто-то есть поблизости. Он нападает лишь в случае, когда ему никто не мешает. Нагваль Элиас как одинокий *сновидящий* посещал, так сказать, свалку бесконечности, когда поблизости никого не было, а затем копировал все, что видел, не зная при этом ни предназначения этих вещей, ни источника их происхождения. И снова я понимал его, не испытывая никаких трудностей. Смысл сказанного нисколько не казался мне абсурдом. Я уже собирался сказать ему об этом, но он остановил меня движением бровей и продолжил свой рассказ о нагвале Элиасе.

– Посещать его было для меня огромным удовольствием, – сказал он, – но в то же время источником странного чувства вины.

Обычно я смертельно скучал у него, и не потому, что нагваль Элиас был занудой – просто нагваль Хулиан не имел себе равных и портил кого угодно на всю жизнь.

– Но мне казалось, что ты чувствовал себя в доме нагваля Элиаса уверенно и легко, – сказал я.

– Да, это так, но это и было источником моей вины и моих воображаемых проблем. Как и ты, я любил мучить самого себя. Думаю, вначале я нашел покой в обществе нагваля Элиаса, но позже, когда я лучше понял нагваля Хулиана, то пошел его путем. Он рассказал мне, что вперед домом нагваля Элиаса была открытая

веранда, где у него размещались кузница и столярная мастерская. Этот дом из необожженного кирпича под черепичной крышей представлял собой огромную комнату с земляным полом, где он жил с пятью женщинами-*видящими*, которые, по сути, были его женами. Кроме них, были еще четверо мужчин-магов, тоже *видящих*, которые жили в маленьких домиках вокруг дома Нагваля. Все они были индейцами из разных частей страны, переехавшими в Северную Мексику.

– Нагваль Элиас с большим уважением относился к сексуальной энергии, – сказал дон Хуан. – Он полагал, что если она нам дана, мы должны использовать ее для *сновидения* и что *сновидение* утрачено человечеством из-за его способности нарушить шаткое умственное равновесие впечатлительных людей.

Я учил тебя *сновидению* так же, как он учил меня, – продолжал дон Хуан. – Он учил меня, что когда мы спим, точка сборки смещается очень мягко и естественно. Умственное равновесие является ничем иным как фиксацией точки сборки в привычном для нас месте. Во сне эта точка сдвигается, и если *сновидение* используется для контроля этого естественного сдвига и наша сексуальная энергия задействована в *сновидении*, то когда эту энергию растрачивают на секс вместо *сновидения*, – результат подчас оказывается катастрофическим. В этом случае точка сборки у *сновидящих* сдвигается в неправильное положение и они лишаются рассудка.

– Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан? – спросил я, чувствуя, что *сновидение* не является основной темой нашего разговора.

– Ты – *сновидящий*, – сказал он. – Если ты не будешь осторожен со своей сексуальной энергией, то можешь подвергнуть себя опасности неправильных сдвигов точки сборки. Минуту назад ты был озадачен своими реакциями. Это значит, что твоя точка сборки двигается не совсем правильно, поскольку твоя сексуальная энергия несбалансирована.

Я сказал что-то глупое и неуместное о сексуальной жизни взрослых мужчин.

– Наша сексуальная энергия – вот что управляет *сновидением*, – повторил он. – Нагваль Элиас учил меня, – а я учил тебя, – что ты используешь свою сексуальную энергию или для занятий любовью, или для *сновидения*. Третьего не дано. Причина, по которой я заговорил об этом, заключается в том, что твои трудности в понимании нашей последней темы – *абстрактного* –

связаны с серьезными проблемами со сдвигом точки сборки. Так же было и со мной, – продолжал он. – Только когда моя сексуальная энергия освободилась от пут мира, все стало на свои места. Для *сновидящих* это является правилом. У *сталкеров* все наоборот. Мой бенефактор был, как ты бы выразился, распущенным в сексуальном отношении – и как обычный человек, и как Нагваль.

Дон Хуан был близок к тому, чтобы открыть мне деяния своего бенефактора, но потом, очевидно, передумал. Он потрянул головой и сказал, что я слишком негибок для таких откровений. Я не настаивал.

Он сказал, что нагваль Элиас имел такой уровень внутреннего покоя, который *сновидящие* приобретают лишь пройдя через невообразимые битвы с самими собой. Он использовал эту собранность для того, чтобы полностью погрузиться в задачу отвечать на вопросы дона Хуана.

– Нагваль Элиас объяснил, что для меня препятствием в понимании *духа* было то же самое, что и для него, – продолжал дон Хуан. – Он полагал, что существуют два разных вопроса. Первый – потребность в непрямом понимании того, что такое *дух*, второй – непосредственное понимание *духа*. Когда поймешь, что такое *дух*, второй вопрос разрешится сам собой, и наоборот. Если *дух* будет говорить с тобой при помощи безмолвной речи, ты наверняка немедленно узнаешь, что такое *дух*.

Он сказал, что нагваль Элиас видел причину трудностей в нашем нежелании принять идею существования знания без слов, которые должны объяснить его.

– Но у меня не возникает трудностей в понимании этого, – сказал я. – Принятие этого утверждения не такая уж легкая штука, какой, по твоим словам, она является для тебя, – сказал дон Хуан. – Нагваль Элиас обычно говорил мне, что все человечество отошло от *абстрактного*, хотя когда-то мы, должно быть, были очень близки к нему. Оно безусловно было той силой, которая поддерживала нас. Потом произошло нечто, что отвратило нас от *абстрактного*. Теперь мы не можем вернуться к нему назад. Обычно он говорил мне, что ученику требуются годы, чтобы получить возможность вернуться к *абстрактному*, то есть понять, что знание и язык могут существовать независимо друг от друга. Дон Хуан повторил, что сутью нашего затруднения в том, чтобы вернуться назад к

абстрактному, является наш отказ принять возможность знания без слов или даже мыслей.

Я уже было собрался возразить, что он говорит бессмыслицу, как внезапно с удивительной силой ощутил, что я что-то упустил и что его точка зрения представляет для меня чрезвычайную важность. Он действительно пытался сообщить мне нечто такое, чего я или не мог уловить, или что вообще невозможно было до конца выразить словами.

– Знание и язык существуют отдельно, – повторил он мягко.

И я уже почти был готов сказать: «Я знаю это», словно действительно знал, но вдруг остановился.

– Я уже говорил тебе, что не существует способа говорить о *духе*, – продолжал дон Хуан, – потому что *дух* можно только испытать.

Маги пытаются объяснить это обстоятельство когда говорят, что *дух* не является чем-то таким, что можно увидеть или почувствовать. Но существует нечто, что всегда неясно вырисовывается перед нами. Иногда оно приходит к некоторым из нас. Но в большинстве случаев оно кажется нейтральным.

Я молчал, и он продолжал объяснять. Он сказал, что *дух* во многих отношениях подобен дикому зверю. Он держится на расстоянии от нас до тех пор, пока что-то не выманит его. Именно тогда *дух* проявляется.

Я возразил, что если *дух* не является сущностью или присутствием и не имеет сути, то как кто-то может выманить его?

– Твоя проблема заключается в том, – сказал он, – что ты полагаешься только на свое собственное понимание *абстрактного*. Например, внутренняя сущность человека или фундаментальный принцип являются для тебя абстрактным. Или, возможно, нечто менее смутное: характер, воля, мужество, достоинство, честность. Конечно, *дух* можно описать с помощью любого из этих понятий. Но вот что и есть самое непонятное – *дух* есть одновременно и все перечисленное и ничто из них.

Он добавил, что то, что я считал абстракциями – это или противоположность всех реальных вещей, которые я могу себе представить, или вещи, в моем понимании не имеющие конкретного существования.

– Тогда как для мага *абстрактное* есть нечто, не имеющее параллели в условиях существования человека, – сказал он.

– Но это одно и то же, – закричал я. – Неужели ты не видишь, что

мы говорим об одних и тех же вещах?

– Нет, – настаивал он. – Для мага дух есть *абстрактное* просто потому, что он знает его без слов или даже мыслей. Он есть *абстрактное*, потому что маг не может себе даже представить, что такое дух. Тем не менее не имея ни малейшего шанса или желания, понять дух, маг оперирует им. Он узнает его, подзывает его, знакомится с ним и выражает его своими действиями.

Я безнадежно качнул головой, не в силах понять, в чем тут разница.

– Причиной твоего непонимания является то, что я употребил термин «абстрактное», чтобы описать дух, – сказал он. – Для тебя *абстрактное* – всего лишь слово, описывающее состояние интуиции. Примером является слово «дух», которое не описывает разум или прагматический опыт и которое, конечно, служит тебе только для того, чтобы просто разбудить фантазию.

Я разозлился на дона Хуана. Я назвал его упрямым, и он начал смеяться надо мной. Он посоветовал мне подумать над утверждениями о том, что знать можно независимо от языка, не беспокоясь о понимании, и тогда, возможно, что-то прояснится.

– Подумай вот над чем, – сказал он. – Сама по себе встреча со мной не имела для тебя значения. В тот день, когда я тебя встретил, ты встретился с *абстрактным*. Но поскольку ты не мог говорить о нем, ты его не заметил. Маги встречают *абстрактное*, не думая о нем, не ведая его и не чувствуя его присутствия.

Я промолчал, поскольку мне не доставляло удовольствия спорить с ним. Временами мне казалось, что он умышленно сбивает меня с толку. Но дон Хуан был чрезвычайно доволен собой.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Последнее обошщение нагваля Хулиана

В патио дома дона Хуана было так же прохладно и тихо, как под сводами монастыря. Там росло несколько больших фруктовых деревьев, посаженных очень близко друг от друга, видимо, затем, чтобы регулировать температуру и поглощать шум. Когда я впервые вошел в его дом, то, помнится, попытался критиковать нелогичность расположения деревьев. Будь моя воля, сказал я тогда, я отвел бы больше места для каждого из них. Но дон Хуан ответил, что эти деревья являются не его собственностью, но свободными и независимыми деревьями-воинами, которые присоединились к его партии воинов, и что мои замечания, верные относительно обычных деревьев, в данном случае неуместны. Его ответ показался мне метафорическим. Тогда я еще не знал, что все, о чем говорит дон Хуан, имеет буквальный смысл. Сейчас мы с доном Хуаном сидели в плетеных креслах и смотрели на фруктовые деревья. Они были увешаны плодами. Я заметил, что это не только красивое зрелище, но еще и очень интригующее, поскольку для фруктов был не сезон.

– Я могу рассказать тебе об этом интересную историю, – ответил он, – Как ты знаешь, эти деревья являются членами моего отряда. Сейчас они плодоносят, потому что здесь, под ними, все члены моего отряда говорили и выражали свои чувства по поводу определенного путешествия, которое нам вскоре предстоит. И деревья знают, что когда мы отправимся в свое грядущее путешествие, они будут нас сопровождать.

Я с недоумением посмотрел на него.

– Я не могу оставить их, – объяснил он. – Они тоже воины. Они бросили свой жребий и выбрали отряд Нагваля. И они знают, как я к ним отношусь. У деревьев точка сборки расположена очень низко на их огромном светящемся шаре, и это позволяет им узнавать о чувствах, испытываемых нами при обсуждении грядущего путешествия.

Я продолжал молчать, так как боялся и не хотел подробно останавливаться на этом вопросе. Дон Хуан заговорил и рассеял

мое настроение.

– Второе *абстрактное ядро* в историях магов называется «Толчок духа», – сказал он. – Первое ядро – «Проявления духа» – есть здание, которое *намерение* возводит перед магом, а затем приглашает его туда войти. Это здание *намерения* маг *видит*. Толчок *духа* является таким же зданием, которое видит начинающий, которого приглашают – или скорее принуждают – войти.

Это второе *абстрактное ядро* может быть отдельной историей. В ней говорится, что после того, как *дух* проявился человеку, о котором мы с тобой говорили, и не получил никакого ответа, он подстроил ему ловушку. Это была последняя его уловка, и не потому, что человек этот был особенный, а потому, что непостижимая цепь событий *духа* сделала его пригодным в тот момент, когда *дух* толкнул дверь. Ясно, что все, открываемое *духом* этому человеку, не имело для него смысла. Действительно, все это шло вразрез со всем, что человек знал и чем он был. И человек, конечно же, самым недвусмысленным образом отказался иметь какое бы то ни было дело с *духом*. Он не собирался поддаваться на весь этот вздор. Он знал лучше. В результате все зашло в тупик.

Могу сказать, что это идиотская история, – продолжал он, – И еще скажу, что она успокоит тех, кто испытывает неудобство из-за безмолвия *абстрактного*.

Он бросил на меня пристальный взгляд и улыбнулся.

– Ты любишь слова, – сказал он обвиняюще. – Сама идея безмолвного знания пугает тебя. Но истории, независимо от того, насколько они глупы, нравятся тебе и вселяют чувство безопасности.

Затем он напомнил мне, что только что я прослушал подробный рассказ о том, как *дух* первый раз постучал в его дверь. Вначале я даже не сообразил, о чем он говорит.

– Это не просто мой бенефактор нашел меня, умирающего от пулевого ранения, – объяснил он. – *Дух* также нашел меня и постучался в тот день в мою дверь. Мой бенефактор понял, что его задачей было служить проводником для *духа*. Без вмешательства *духа* встреча с моим бенефактором не значила бы ничего.

Он сказал, что Нагваль становится проводником только после того, как *дух* проявит свою склонность быть использованным

посредством какого угодно способа: от едва уловимого намека до прямого приказа. Таким образом Нагваль не может выбирать себе учеников по собственному желанию или расчету. Но если однажды склонность *духа* открывается посредством знаков, Нагваль без особых усилий способен удовлетворить его.

– После целой жизни практики, – продолжал он, – маги, а в особенности Нагвали, знают, получили ли они от *духа* приглашение войти в здание, открывающееся перед ними. Они уже научились подчинять *намерению* свои связующие звенья. Поэтому они всегда предупреждены, всегда знают, что припас для них *дух*. Дон Хуан сказал, что прогресс на пути магов обычно является стремительным процессом, цель которого – привести в порядок это связующее звено. У обычного человека связующее звено с *намерением* практически мертво, и маги начинают с такого звена, которое является совершенно бесполезным из-за своей неспособности действовать самостоятельно.

Он подчеркнул, что для того, чтобы оживить это звено, магу необходима непоколебимая, неистовая целеустремленность – особое состояние ума, называемое неsgiбаемым *намерением*. Принять то, что Нагваль является единственным существом, способным наделить неsgiбаемым *намерением* – это самое трудное в ученичестве магов.

Я возразил, что не заметил этой трудности.

– Ученик – это тот, кто стремится к очищению и оживлению своего связующего звена с *духом*, – объяснил он, – Когда звено оживлено, он уже не ученик, но до тех пор он, чтобы продолжать идти, нуждается в непоколебимой целеустремленности, которой, конечно, у него просто нет. Поэтому он позволяет Нагвалю придать ему целеустремленность, но чтобы сделать это, он должен отказаться от своей индивидуальности. А это очень непросто. Он напомнил мне то, что повторял неоднократно: добровольцев не принимают в мир магии, потому что у них уже есть собственные цели, которые делают невероятно трудным отказ от своей индивидуальности. Если мир магии требует представлений и действий, идущих вразрез с целью добровольца, то он просто отказывается изменяться.

– Оживление связующего звена ученика является самой ответственной и самой интригующей деятельностью учителя, – продолжал дон Хуан, – и немалой морочкой для него. Конечно, в

зависимости от личности ученика предназначения *духа* или невероятно просты, или представляют собой самый сложный лабиринт.

Дон Хуан заверил меня, что даже если я сам думаю иначе, но мое ученичество не было для него таким обременительным, каким для его бенефактора было его собственное. Он заметил, что у меня недостаточно самодисциплины, но это еще хорошо, потому что сам он в свое время не имел вообще никакой. А его бенефактор – и того меньше.

– Проявления *духа* бывают очень разными, – продолжал он. – В некоторых случаях они едва заметны; в моем же – они были приказами. Меня подстрелили. У меня была пробита грудь и я истекал кровью. Моему бенефактору необходимо было действовать быстро и уверенно – так же, как в свое время действовал его бенефактор. Маги знают, что чем труднее был приказ, тем труднее впоследствии оказывается ученик.

Дон Хуан объяснил, что одним из наиболее замечательных следствий его связи с двумя Нагвалями было то, что он мог слышать одни и те же истории с двух противоположных точек зрения. Например, история о нагвале Элиасе и проявлениях *духа* с позиций ученика была рассказом о тяжелом толчке *духа* в дверь его бенефактора.

– Все, что связано с моим бенефактором, было очень трудным, – сказал он и засмеялся. – Когда ему было двадцать четыре года, *дух* не то чтобы постучался к нему в дверь, он чуть ли не обрушил ее. Он сказал, что история фактически началась на много лет раньше, когда его бенефактор еще был привлекательным юношей из хорошей семьи в Мехико. Он был богат, образован, обворожителен и был харизматически сильной личностью. Женщины влюблялись в него с первого взгляда. Но уже тогда он был недисциплинированным, индугирующим, ленивым во всем, что не приносило ему немедленного удовлетворения.

Дон Хуан сказал, что с таким характером и воспитанием, – а он был единственным сыном богатой вдовы, которая вместе со своими четырьмя сестрами души в нем не чаяла, – он и не мог быть иным. Он мог позволить себе любую непристойность, какая только приходила ему в голову. Даже среди своих не менее распущенных приятелей он выглядел моральным уродом, живущим лишь для того, чтобы творить всякие мерзости.

В конце концов все эти излишества ослабили его физически, и он смертельно заболел туберкулезом – бичом того времени. Но эта болезнь не только не обуздала его, но еще больше усилила его похотливость. И поскольку самоконтроля у него не было ни на йоту, он ударился в полнейший разврат, из-за чего здоровье его ухудшалось до тех пор, пока не осталось никакой надежды. Выражение «беда одна не приходит» в то время было весьма справедливо в отношении бенефактора дона Хуана. Здоровье его было подорвано, а его мать, которая была его единственной опорой и хоть как-то его сдерживала, умерла. Она оставила ему значительное наследство, благодаря которому он мог бы прожить безбедно всю свою жизнь, но, не имея никакой внутренней дисциплины, он спустил его за несколько месяцев до последнего цента. Не имея ни профессии, ни какого-либо занятия, ему оставалось только попрошайничать, чтобы как-то прожить. Вскоре из-за отсутствия денег у него не осталось друзей, и даже женщины, любившие его когда-то, отвернулись от него. Впервые в жизни он столкнулся с суровой реальностью. Принимая во внимание состояние его здоровья, это должно было стать его концом. Но он не пал духом. Он решил зарабатывать себе на жизнь. Однако его привычки не изменились, что и вынудило его искать работу в единственном месте, где ему было хорошо – в театре. Это было обусловлено тем, что он был прирожденным актером и к тому же большую часть своей сознательной жизни провел в обществе актрис. Он присоединился к театральной труппе в провинции, подальше от привычного круга своих друзей и знакомых, и стал очень неплохим актером – чахоточным героем религиозных и поучительных пьес.

Дон Хуан отметил странную иронию, всегда сопутствовавшую судьбе его бенефактора. В жизни он был последним негодяем, умиравшим в результате своих беспутных походов, а на сцене играл роли святых и мистиков. Он даже играл Иисуса в пасхальной пьесе о Страстях Господних. Его здоровья хватило лишь на одно театральное турне по северным штатам, а потом в городе Дуранго произошли два события; его жизнь подошла к концу и в его дверь постучался дух.

И смерть, и толчок духа случились в один и тот же момент – в кустарнике среди бела дня. Смерть настигла его во время соблазнения молодой женщины. Он уже давно был чрезвычайно

слаб, а в тот день силы его истощились полностью.

Жизнерадостная, сильная и увлеченная до безумия молодая женщина, пообещав любовные утехы, увлекла его в укромное место в миле от города. Там она сильно избила его. В конце концов женщина покорилась, но он был совершенно измотан и кашлял так сильно, что едва мог дышать.

Во время своего последнего взрыва страсти он почувствовал острейшую боль в плече. Его грудь словно рвали на части, и из-за приступа кашля он начал задыхаться. Однако страсть к наслаждениям и гордость заставляли его продолжать, пока смерть не пришла к нему в виде кровоизлияния. Вот тогда-то дух и вступил в свои права в лице пришедшего к нему на помощь индейца. Актер еще раньше заметил, что этот индеец повсюду следует за ними, но поглощенный процедурой обольщения, не придал этому значения.

Он видел девушку как во сне. Она не пришла в ужас и сохранила самообладание. Спокойно и тщательно одевшись, она исчезла с быстротой кролика, преследуемого охотничьими псами.

А еще он видел индейца, бросившегося к нему и попытавшегося его усадить. Он слышал, как тот бормотал что-то идиотское, призывал дух и произносил непонятные слова на непонятном языке. Затем индеец начал действовать очень быстро. Став позади него, он с силой ударил его по спине.

Умиравший вполне резонно заключил, что индеец пытался или удалить сгусток крови, или убить его.

По мере того, как индеец повторял и повторял свои удары по его спине, умирающий все больше убеждался, что индеец был или любовником, или мужем женщины и хотел его убить. Но заметив невероятно сияющие глаза этого индейца он понял, что ошибся. Он понял, что индеец попросту сумасшедший и не имеет никакого отношения к женщине. Из последних сил напрягая свой ум, он сосредоточил внимание на бормотании этого человека. Тот говорил, что сила человека безгранична, что смерть существует лишь потому, что мы *намерены* умереть с момента нашего рождения, что *намерение* смерти можно остановить путем изменения позиции точки сборки.

Услышав все это, он понял, что индеец совсем сумасшедший. Ситуация была настолько театральной – умереть от руки безумного индейца, бормочущего что-то несусветное, что он

решил оставаться актером в плохой пьесе до конца и пообещал себе умереть не от кровоизлияния и не от ударов, а от смеха. И он смеялся до тех пор, пока не умер.

Дон Хуан заметил, что его бенефактор, конечно, не мог принять индейца всерьез. Никто не принял бы всерьез такую личность, а тем более – будущий ученик, от которого и не ожидается, что он добровольно примет задачу магии.

Затем дон Хуан сказал, что он дал мне различные версии того, из чего состоит задача магии. Он сказал, что будет не слишком самонадеянным с его стороны раскрыть, что с точки зрения *духа* задача состоит в очищении нашего с ним связующего звена. Таким образом, представшее перед нами здание *намерения* является чистилищем, внутри которого мы обнаруживаем не столько процедуры очистки связующего звена, сколько безмолвное знание, которое и делает возможным очистительный процесс. Без этого безмолвного знания не смог бы протекать ни один процесс, и все, что мы имеем, было бы лишь неопределенным чувством потребности в чем-то неясном.

Он объяснил, что вызываемые магами в результате безмолвного знания события так просты и в то же время так абстрактны, что маги уже давно решили говорить о них, употребляя только символические термины. Примерами этого являются проявления и толчок *духа*.

Затем дон Хуан в качестве примера сообщил, что описание того, что происходит во время встречи Нагваля и будущего ученика с точки зрения магии, было бы совершенно непонятным. Было бы бессмысленно объяснять, что Нагваль, используя опыт всей своей жизни, фокусирует нечто такое, чего мы не можем представить, – свое второе внимание – повышенное осознание, развитое в результате магической практики, на своей невидимой связи с чем-то неопределимо абстрактным.

Он заметил, что каждый из нас отделен от безмолвного знания естественными, специфическими для каждой личности барьерами и что моим самым непреодолимым барьером является склонность маскировать свое самодовольство под маской независимости.

Я вызывающе потребовал, чтобы он привел конкретный пример, и напомнил, как однажды он предупреждал меня, что одной из хитростей ведения спора является общая критика, не подкрепленная конкретными примерами.

Дон Хуан взглянул на меня с лучезарной улыбкой.

– В прошлом я частенько давал тебе растения силы, – сказал он. – Сначала ты впал в крайность, убеждая себя в том, что все увиденное тобой – просто галлюцинации. Потом ты начал считать все это специальными обучающими галлюцинациями. Помнишь, я высмеивал тебя, когда ты упорно называл это поучительным галлюцинативным опытом.

Он сказал, что моя потребность в утверждении своей иллюзорной независимости поставила меня в положение, из которого я не мог воспринимать его объяснения происходящего. А ведь эти объяснения касались именно того, что я и так уже знал без слов. Я знал, что он использовал растения силы, хотя их возможности и весьма ограничены, для того, чтобы заставить меня войти в частичные или временные состояния повышенного осознания путем сдвига моей точки сборки с ее обычного положения.

– Ты использовал свой барьер независимости, чтобы преодолеть это препятствие, – продолжал он. – Тот же самый барьер продолжает работать и по сей день, поэтому ты все еще сохраняешь чувство неопределенного страдания, хотя и не столь выраженное. Сейчас вопрос вот в чем: как тебе удастся строить свои заключения таким образом, чтобы даже твой нынешний опыт смог уложиться в твою схему самодовольства?

Я признался, что единственным способом поддержки моей независимости был полный отказ думать об этом опыте.

Дон Хуан так хохотал, что чуть не свалился со своего плетеного стула. Он встал и принялся расхаживать, чтобы восстановить дыхание. Затем он успокоился и снова сел, откинувшись на спинку и скрестив ноги.

Он сказал, что мы как обычные люди не знаем и никогда не узнаем, что есть нечто чрезвычайно реальное и функциональное – наше связующее звено с *намерением*, которое вызывает у нас наследственную озабоченность своей судьбой. Он утверждал, что на протяжении всей своей активной жизни у нас никогда не появляется шанс пойти дальше простой озабоченности, потому что с незапамятных времен нас усыпляет колыбельная песня повседневных маленьких дел и забот. И лишь когда наша жизнь почти уже на исходе, наша наследственная озабоченность судьбой начинает принимать иной характер. Она пытается дать нам возможность видеть сквозь туман повседневных дел. К

сожалению, такое пробуждение всегда приходит одновременно с потерей энергии, вызванной старением, когда у нас уже не остается сил, чтобы превратить свою озабоченность, в практическое и позитивное открытие. В итоге остается лишь неопределенная щемящая боль: то ли стремление к чему-то неопишуемому, то ли просто гнев, вызванный утратой.

– Я по многим причинам люблю стихи, – сказал он. – Одна из них в том, что они улавливают настроение воинов и объясняют то, что вряд ли можно было бы объяснить иначе.

Он допускал, что поэты остро осознают наше связующее звено с духом, но делают это интуитивно, тогда как маги выбирают этот путь намеренно и прагматично.

– У поэтов нет знания о духе из первых рук, – продолжал он. – Вот почему их стихи не могут по-настоящему попасть в яблочко понимания подлинных жестов духа. Правда, иногда они попадают очень близко к цели.

Он взял одну из привезенных мною книг, лежавших рядом на стуле – сборник стихов Хуана Рамона Хименеса. Открыв заложенную страницу, он вручил мне книгу и подал знак читать.

Я ли это хожу

По комнате сегодня ночью

Или это бродяга

Забравшийся ко мне в сад

Вместе с темнотой?

Я смотрю вокруг

И нахожу что все

То же и совершенно другое...

Было ли окно открыто?

Удастся ли мне уснуть?

Исчезла нежная зелень сада...

Небо было чистым и голубым...

А теперь облака

И поднялся ветер

И сад угрюмый и темный.

Я думал что волосы мои черны

И белеет моя одежда...

Но бела моя голова

И в черное я одет...

Разве это моя походка?

*Этот голос что звучит во мне
Разве ток он звучал?
Не понимаю я ли это
Или я это тот бродяга
Забравшийся на исходе ночи
В мой сад?
Я смотрю вокруг...
Вот облака и поднялся ветер...
И сад угрюмый и темный...
Встаю и иду...
Может я уже сплю?
На висках седина... И все
То же и совершенно другое...*

Я вновь перечитал стихотворение и уловил переданное поэтом чувство бессилия и замешательства. Я спросил дона Хуана, почувствовал ли он то же самое.

– Я думаю, поэт ощущает груз старости и тревогу, вызванную этим ощущением, – сказал дон Хуан. – Но это лишь одна сторона медали. Меня гораздо больше интересует другая ее сторона, заключающаяся в том, что поэт, не сдвигая точку сборки, интуитивно знает, что на карту поставлено нечто необыкновенное. Интуитивно он знает с большой уверенностью, что есть какой-то внушающий благоговение своей простотой невыразимый фактор и что именно он определяет нашу судьбу.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

3. УЛОВКА ДУХА

Очищение связующего звена с ДУХОМ

Солнце еще не поднялось над восточными вершинами, но уже было жарко. Как только мы достигли первого пологого спуска в нескольких милях от окраины города, дон Хуан прервал прогулку и свернул в сторону от мощеного шоссе. Он опустился на землю у одной из громадных каменных глыб, которые когда-то во время прокладки дороги били вырваны динамитом из горного склона. Дон Хуан сделал мне знак сесть рядом. Здесь мы обычно останавливались побеседовать или отдохнуть на пути к близлежащим горам. Дон Хуан заметил, что это наше путешествие будет долгим и что мы, вероятно, проведем в горах несколько дней. – Поговорим теперь о третьем *абстрактном ядре*, – сказал дон Хуан, – Оно называется уловкой *духа*, или уловкой *абстрактного*, или *выслеживанием* самого себя, или очищением связующего звена.

Я был удивлен таким обилием определений, но ничего не сказал. Я ждал, когда дон Хуан продолжит свои объяснения.

– И снова, как и в случае с первым и вторым *абстрактными ядрами*, – продолжал он, – третье ядро может быть изложено в виде истории. История гласит, что, постучав однажды в дверь дома того человека, о котором мы с тобой говорили, и убедившись, что ответа не будет, *дух* прибегнул к единственному способу, который оставался в его распоряжении – уловке. Ведь и предыдущие трудности *дух* преодолел с помощью уловок. Было очевидно, что если он хочет подействовать на этого человека, он должен чем-то склонить его на свою сторону. И тогда *дух* начал посвящать этого человека в тайны магии. Обучение магии стало тем, чем оно и является – искусством уловок и хитростей.

История гласит, что *дух* склонил на свою сторону человека, заставив его перемещаться вперед и назад между различными уровнями осознания, чтобы показать ему, как сохранять энергию,

необходимую для укрепления его связующего звена.

Дон Хуан сказал мне, что если мы свяжем эту историю с темой сегодняшнего нашего разговора, то будем иметь пример Нагваля, живого проводника *духа*, который повторяет структуру этого *абстрактного ядра* и прибегает в целях обучения к хитростям и уловкам.

Внезапно он поднялся и пошел по направлению к горному склону.

Я последовал за ним, и мы бок о бок начали наш подъем.

Когда мы достигли вершины высокой горы, было уже далеко за полдень. Даже на такой высоте было очень жарко. Весь день мы тли по почти незаметной тропе. Наконец, мы достигли небольшого плато, которое в древности служило наблюдательным постом, доминирующим над севером и западом.

Здесь мы сели, и дон Хуан возобновил наш разговор по поводу магических историй. Он сказал, что теперь я знаю историю о том, как *намерение* проявилось нагвалю Элиасу, и историю о том, как *дух* постучался в дверь нагваля Хулиана. Я знаю, как встретился с *духом* он, и конечно же не мог забыть, как встретился с ним я сам.

Все эти истории, провозгласил он, имеют одну структуру; отличаются лишь действующие лица. Каждая история является абстрактной трагикомедией с единственным *абстрактным* актером – *намерением*, двумя актерами-людьми – Нагвалем и его учеником. *Абстрактное ядро* является сценарием.

Мне показалось, что я наконец понял, что он имеет в виду, но мне не удалось даже себе полностью объяснить, что же именно я понял. Не мог я объяснить этого и дону Хуану. Когда же я попытался передать свои мысли в словах, то обнаружил, что несу нечто совершенно невразумительное.

Дон Хуан, казалось, понимал состояние моего ума. Он посоветовал мне расслабиться и слушать, дальше. Он сказал, что его следующая история касается процедуры посвящения ученика в мир *духа*, процесса, который маги называют уловкой *духа* или очищением связующего звена с *намерением*.

– Я уже рассказал тебе историю о том, как нагваль Хулиан взял меня, раненого, в свой дом и лечил до тех пор, пока я не выздоровел, – продолжал дон Хуан. – Но я не говорил тебе, как он прочистил мое связующее звено, как он учил меня *сталкингу* – искусству отслеживать самого себя.

Первое, что делает Нагваль со своим будущим учеником, – это

завлекает его хитростью. То есть, он сообщает толчок его связующему эвену с *духом*. Есть два способа сделать это. Первый – посредством почти нормальных методов, как это делал я с тобой, а другой – путем применения настоящей магии, как это сделал со мной мой бенефактор.

Дон Хуан снова рассказал мне историю о том, как его бенефактор убедил людей, собравшихся на дороге, что этот раненый юноша – его сын. Затем он заплатил некоторым из них, чтобы они перенесли дона Хуана, который все это время был без сознания и потерял много крови, в его дом. Через несколько дней дон Хуан пришел в себя и увидел доброго старика и его толстую жену, которые лечили его раны.

Старик сказал, что его зовут Белисарио и что его жена является исцелительницей, так что они обязательно вылечат его рану.

Дон Хуан сказал им, что у него нет денег, и тогда Белисарио предложил ему как-нибудь решить вопрос об оплате, когда он выздоровеет.

Дон Хуан сказал, что он был очень смущен, и это было чем-то новым для него. Ведь в то время он был просто мускулистым, безрассудным двадцатилетним индейцем, у которого не было ни ума, ни образования, но зато имелся ужасный характер. Он и понятия не имел о благодарности. Он полагал, что это были очень славные люди, но собирался дожидаться, когда его рана заживет, и ночью сбежать.

Когда он выздоровел и уже был готов к побегу, старый Белисарио отвел его в комнату и дрожащим голосом сообщил, что дом, где они находятся, принадлежит чудовищному человеку, который держит его с женой в своей власти. Он попросил дону Хуана помочь ему и его жене обрести свободу, избавиться от их тюремщика и мучителя. Прежде чем дон Хуан успел что-либо ответить, чудовищный человек с рыбьим лицом, в точности похожий на персонаж из страшной сказки, ворвался в комнату, словно подслушивал все это время за дверью. Он был зеленовато-серого цвета, величиной с дверь и с единственным немигающим глазом посреди лба. Он со змеиным шипением двинулся к дону Хуану, готовый разорвать его на части, и испугал его настолько, что тот упал в обморок.

– Способ, которым он дал толчок моему связующему звену с *духом*, был мастерским, – со смехом сказал дон Хуан. – Мой

бенефактор перед появлением монстра, естественно, сместил меня в состояние повышенного осознания, потому что тот, кого я *видел* как чудовищного человека, на самом деле был вызываемым магами неорганическим существом – бесформенным энергетическим полем.

Дон Хуан сказал, что он знал массу случаев, когда его бенефактор с дьявольским коварством создавал смешные, сбивающие с толку ситуации для всех своих учеников, особенно для самого дона Хуана, серьезность и жесткость которого делали из него отличную мишень для поучительных шуток его бенефактора. Он добавил, что эти шутки, несомненно, чрезвычайно забавляли нагваля Хулиана.

– Если ты думаешь, что я иногда насмехаюсь над тобой, – что, конечно, иногда случается, – то это не идет ни в какое сравнение с шуточками моего бенефактора, – продолжал дон Хуан. – Этот дьявол выучился плакать, чтобы скрывать свой смех. Ты даже не можешь себе представить, как он, бывало, плакал, когда я только начал у него учиться.

Продолжая свой рассказ, дон Хуан заявил, что его жизнь никогда уже не была прежней после потрясения, вызванного видением этого чудовищного человека. Его бенефактор позаботился об этом. Дон Хуан пояснил, что когда Нагваль применяет уловку к своему будущему ученику, особенно ученику-Нагвалю, он должен получить его согласие. Это согласие бывает двух видов. Либо будущий ученик настолько дисциплинирован и подготовлен, что необходимо только его решение присоединиться к Нагвалю, как это сделала однажды молодая Талиа; или он не обладает достаточной дисциплиной, и в таком случае Нагвалю приходится тратить много времени и труда, чтобы убедить своего ученика. Что касается дона Хуана, бывшего в то время просто диким молодым крестьянином без единой мысли в голове, то процесс его колебаний принимал подчас причудливые формы.

Вскоре после первого толчка его бенефактор дал ему второй, продемонстрировав дону Хуану свою способность перевоплощаться. Однажды он превратился в молодого человека. В то время дон Хуан не был способен представить себе это иначе, чем пример совершенного актерского мастерства.

– Но как ему удавалось совершать эти перевоплощения? – спросил я.

– Он был не только магом, но и артистом, – ответил дон Хуан, – При помощи своей магии он осуществлял эти превращения, сдвигая свою точку сборки в положение, соответствующее образу, к которому он стремился. В его исполнении искусство трансформации было доведено до совершенства.

– Я не вполне понимаю, о чем ты говоришь, – сказал я. Дон Хуан сказал, что стержнем всего, чем человек является или что он делает, является его восприятие и что оно обусловлено положением точки сборки. Поэтому если точка сборки изменит свое положение, соответственно изменится и восприятие мира. Маг, который точно знает, куда поместить свою точку сборки, может становиться всем, чем пожелает.

– Контроль нагваля Хулиана над сдвигом своей точки сборки был настолько совершенным, что он мог достигать тончайших трансформаций, – продолжал дон Хуан. – Например, когда маг становится вороной, – это несомненно большое достижение. Но это влечет за собой сильный и дальний сдвиг точки сборки. Однако перемещение ее в положение, соответствующее толстому человеку или старику требует незначительного сдвига, но зато тончайшего знания человеческой природы.

– Я предпочитаю избегать думать или говорить о таких вещах как о фактах, – сказал я.

Дон Хуан расхохотался, словно я сказал очень забавную вещь.

– Какой смысл был в перевоплощениях твоего бенефактора? – спросил я, – Или он просто развлекался подобным образом?

– Не будь идиотом. Воин никогда ничего не делает для забавы, – заметил он. – Его перевоплощения были стратегическими. Они диктовались необходимостью, как и его перевоплощения из старика в юношу. Хотя это и было забавно, но дело совсем в другом.

Я напомнил, что раньше уже спрашивал о том, как его бенефактор научился таким перевоплощениям. В тот раз он ответил мне, что у его бенефактора был учитель, но не сказал кто.

– Его обучил тот очень таинственный маг, который опекает нас, – кратко ответил дон Хуан.

– Что это за таинственный маг? – спросил я.

– Бросивший вызов смерти, – сказал он и посмотрел на меня в ожидании вопроса.

Для всех магов партии дона Хуана «бросивший вызов смерти» был

очень живой фигурой. Они утверждали, что бросивший вызов смерти был магом древности, которому удалось дожить до сегодняшнего дня благодаря тому, что он манипулировал своей точкой сборки и заставлял ее сдвигаться в определенных направлениях и в определенные участки своего общего энергетического поля. Такой маневр позволял ему сохранить осознание и жизненную силу.

Дон Хуан рассказал мне о соглашении, которое было заключено между «бросившим вызов смерти» и *видящими* его линии несколько столетий назад. Он оказывал им различные услуги в обмен на витальную энергию. В соответствии с этим соглашением они считали его своим опекуном и называли «тенант». Дон Хуан объяснил, что маги древности были замечательными знатоками в умении перемещать точку сборки. Занимаясь этим, они открыли потрясающие вещи о восприятии, но они же убедились, насколько легко это может перейти в отклонение от правильного пути. Случай с «бросившим вызов смерти» был для дона Хуана классическим примером такого заблуждения.

При каждом удобном случае дон Хуан любил повторять, что если точка сборки сдвигалась кем-либо, кто не только *видел*, но еще и имел достаточно энергии для того, чтобы привести ее в движение, то она могла скользить внутри светящегося кокона в то положение, куда ее направляли. Ее свечения было достаточно, чтобы воспламенить нитевидные энергетические поля при соприкосновении с ними. Результирующее восприятие мира оказывалось таким же полным, как обычное восприятие повседневной жизни, но отличным от него. Поэтому при перемещении точки сборки решающее значение имеет трезвость. Продолжая свою историю, дон Хуан сказал, что он довольно быстро оправился от первоначального замешательства и стал думать, что старик, который спас ему жизнь, на самом деле был молодым человеком, который лишь маскировался под старика. Но однажды молодой человек опять стал неотличим от старого Белисарио, которого встретил дон Хуан вначале. Он и женщина, которая, как думал дон Хуан, была его женой, упаковали дорожные сумки, и тут словно ниоткуда возникли двое улыбающихся мужчин с упряжкой мулов.

Дон Хуан смеялся, наслаждаясь этой историей. Он сказал, что пока погонщики нагружали мулов, Белисарио отвел его в сторону и

сообщил, что они с женой вновь вынуждены маскироваться. Он опять был в роли старого человека, а его прекрасная жена – в роли толстой сварливой индейки.

– Я был так молод и глуп, что верил только очевидному, – продолжал дон Хуан. – А несколько дней спустя я снова стал свидетелем его невероятного превращения из немощного старика лет семидесяти или больше в молодого энергичного мужчину лет двадцати пяти, и поэтому поверил его рассказу о том, что он лишь притворялся старым. Его жена тоже превратилась из сердитой толстой индейки в стройную молодую женщину. Женщина, конечно же, не превращалась тем же способом, что и мой бенефактор. Он просто подменил ее. Конечно, я мог бы все это заметить тогда же, но мудрость всегда приходит к нам болезненно и понемногу.

Дон Хуан сказал, что старик уверил его, что его рана уже зажила, хотя сам он еще чувствовал себя не вполне здоровым. Затем он обнял дону Хуана и искренним прерывающимся голосом прошептал: «Ты так понравился чудовищу, что оно освободило меня и мою жену из плена и берет тебя в качестве своего единственного слуги».

– Я бы посмеялся над ним, – сказал дон Хуан, – если бы тут же из комнаты чудовища не раздались глубокое звериное рычание и пугающий грохот.

Глаза дона Хуана сияли от удовольствия. Я хотел остаться серьезным, но тоже не смог сдержать смех.

Белисарио, понимая испуг дона Хуана, многословно извинился за неожиданный поворот судьбы, который освободил его и поработил дону Хуана. Он с отвращением щелкал языком и проклинал монстра. Со слезами на глазах он стал перечислять все обязанности, которые монстр возлагал на своего слугу. Когда же дон Хуан начал протестовать, он по секрету сообщил ему, что убежать отсюда нельзя, потому что чудовище обладает непревзойденными познаниями в колдовстве.

Дон Хуан спросил у Белисарио совета, нельзя ли предпринять хоть что-нибудь. И Белисарио пустился в пространные объяснения относительно плана действий, который был бы пригоден в том случае, если бы речь шла об обычном человеческом существе. В человеческой ситуации мы можем составлять планы и делать прогнозы, и если удача будет на нашей стороне, да плюс еще

изобретательность и знание ситуации, то мы можем добиться успеха. Но перед лицом неизвестного, каковым является ситуация дона Хуана, единственный шанс на выживание – это молча согласиться и понять.

Белисарио чуть слышно прошептал дону Хуану, что для уверенности в том, что чудовище больше не будет преследовать его, он собирается уехать в штат Дуранго изучать магию. Он спросил дона Хуана, не хочет ли и он присоединиться к ним. И дон Хуан, совершенно перепуганный этим предложением, сказал, что не хочет иметь ничего общего с ведьмами и колдунами.

Дон Хуан расхохотался и сказал, что даже воспоминание о том, как его бенефактор должен был наслаждаться этим розыгрышем, доставляет ему удовольствие.

Особенно когда он сам, вне себя от страха и возмущения сходу отбросил любезное предложение заниматься магией, заявив: «Я индеец. Я с детства ненавижу и боюсь колдунов».

Белисарио обменялся со своей женой взглядами, и его тело затряслось. Дон Хуан понял, что он тихо плачет – очевидно, от боли, которую причинил ему его отказ. Его жена утешала его пока он, казалось, не успокоился.

Когда Белисарио и его жена собрались уходить, он обернулся и дал дону Хуану еще один совет. Он сказал, что монстр ненавидит женщин, и поэтому дону Хуану следует позаботиться о том, чтобы заменить себя другим мужчиной, потому что пройдет несколько лет, пока чудовище позволит ему хотя бы выходить из дома.

Монстр любит добиваться от своих рабов преданности, или, по крайней мере, покорности.

Это было выше сил дона Хуана. Он пал духом, заплакал и сказал Белисарио, что никто не может сделать его рабом. Он всегда может покончить с собой. Старик был очень, тронут отчаянием дона Хуана, и признался ему, что у него была такая же мысль, но увы, монстр оказался способным читать его мысли и мешал ему покончить с собой каждый раз, когда он пытался сделать это.

И Белисарио снова предложил дону Хуану ехать с ним в Дуранго учиться магии. Он сказал, что это было бы единственно возможным спасением. Дон Хуан ответил, что для него принять такое решение – это то же, что попасть из огня да в полымя.

Белисарио начал громко плакать и обнял дона Хуана. Он проклинал тот час, когда спас жизнь другого человека и клялся,

что он и не думал, что они поменяются местами. Он высморкался и, глядя на дона Хуана горящими глазами, сказал: «Маскировка – это единственная возможность выжить. Если ты не будешь вести себя должным образом, чудище может похитить твою душу и превратить тебя в идиота, у которого будут твои черты – и ничего больше. Очень плохо, если я не успею научить тебя, как надо действовать». Затем он зарыдал еще сильнее.

Дон Хуан, задыхаясь от слез, просил его научить, как он может замаскировать себя, Белисарио раскрыл ему секрет, что у монстра ужасно плохое зрение, и рекомендовал дону Хуану поэкспериментировать с различными вариантами переодеваний, которые подскажет ему фантазия. В конце концов, ведь у него впереди годы для того, чтобы испробовать различные варианты маскировки. Он обнял дона Хуана у двери, плача навзрыд. Его жена застенчиво коснулась руки дона Хуана. А затем они ушли. – Никогда в своей жизни, ни до, ни после этого, я не испытывал такого ужаса и отчаяния, – сказал дон Хуан. – Чудовище со страшным шумом передвигало в доме какие-то вещи, как будто нетерпеливо ждало меня. Я сел около двери и завыл, как больная собака. Затем от невыносимого страха у меня началась рвота. Несколько часов дон Хуан просидел, не в силах шевельнуться. Он не осмеливался ни уйти, ни войти внутрь. Не будет преувеличением сказать, что он был на волосок от смерти, когда вдруг увидел на другой стороне улицы Белисарио, размахивающего руками в неистовой попытке привлечь его внимание. То, что он увидел его снова, принесло дону Хуану мгновенное облегчение. Белисарио сидел на корточках у тротуара и наблюдал за домом. Он сделал знак дону Хуану оставаться на месте.

Через мучительно долгий промежуток времени Белисарио прополз несколько шагов на четвереньках по направлению к дону Хуану, затем снова сел на корточки и застыл в полной неподвижности. Переползая таким образом, он перемещался до тех пор, пока не оказался около дона Хуана. Это заняло у него несколько часов. Много людей прошло мимо, но ни один, судя по всему, не обратил внимания ни на отчаявшегося дона Хуана, ни на маневры старика. Когда двое прохожих поравнялись с ним, Белисарио прошептал, что не чувствует себя вправе бросить дона Хуана, как привязанную к столбу собаку. Его жена пыталась возражать, но он

вернулся к попытке спасти его. В конце концов, ведь именно благодаря дону Хуану он обрел свободу.

Шепотом, но с повелительной интонацией он спросил дона Хуана, готов ли он и хочет ли сделать что-нибудь для своего спасения. И дон Хуан уверил его, что он согласен на все что угодно. С огромными предосторожностями Белисарио передал дону Хуану узел с одеждой. Затем он изложил свой план. Дон Хуан должен пойти в часть дома, расположенную как можно дальше от комнаты монстра, и не спеша переодеться, не пропустив ни единой детали, начиная от шляпы и кончая ботинками. Затем он должен развесить свою одежду на деревянной раме, искусно и быстро придав ей очертания человеческой фигуры, пока он будет еще внутри дома. Следующим шагом было использовать единственную маскировку, которая сможет ввести в заблуждение чудовище: одежду из узелка. Дон Хуан бросился в дом и сделал все так, как сказал Белисарио. Он соорудил подобие деревянного пугала из жердей, которые нашел за домом, снял свою одежду и развесил на нем. Но когда он развязал мешок, то был удивлен как никогда в жизни: в мешке была женская одежда!

– Я чувствовал себя глупым и растерянным, – продолжал дон Хуан, – и хотел было уже переодеться в свою прежнюю одежду, но в этот момент услышал нечеловеческое рычание этого монстра. Мне пришлось преодолеть свое предубеждение против женщин, ведь я всегда считал, что единственным их предназначением было заботиться о мужчинах. Надеть на себя женскую одежду было для меня равносильно превращению в женщину. Но мой страх перед этим чудовищем был так велик, что я зажмурил глаза и напялил на себя это проклятое платье.

Я посмотрел на дона Хуана, представляя его себе в женской одежде. Этот образ показался мне настолько нелепым, что я против своего желания покотился со смеху.

Дон Хуан сказал, что когда старый Белисарио, ожидавший его на другой стороне улицы, увидел переодетого дона Хуана, он начал неудержимо плакать. Все еще в слезах он повел дона Хуана к окраине города, где их уже ожидали его жена и два погонщика. Один из них дерзко спросил Белисарио, не украл ли он эту странную девушку, чтобы продать ее в публичный дом. Старик заплакал так сильно, что, казалось, сейчас он лишится чувств. Молодые погонщики не знали что и делать, но его жена, вместо

того, чтобы посочувствовать, неудержимо расхохоталась. Тогда дон Хуан так и не понял, почему.

С наступлением темноты они тронулись в путь. Они выбирали малолюдные тропинки и двигались все время на север. Белисарио был немногословен. Казалось, он был испуган и ждал неприятностей. Его жена все время была недовольна им и жаловалась, что они загубят свой последний шанс, если будут и дальше везти с собой дона Хуана. Белисарио приказал ей больше не упоминать об этом из страха, что погонщики могут догадаться, что дон Хуан – переодетый мужчина. Дон Хуан не знал, как вести себя, чтобы убедительно походить на женщину, и Белисарио предупредил его, чтобы он поступал как женщина, которая немного не в себе.

Через несколько дней страх дона Хуана почти совсем исчез. Фактически он стал таким самоуверенным, что не мог даже вспомнить, как сильно был испуган. Если бы не его одежда, он, наверное, предположил бы, что все происшедшее было дурным сном.

Однако на нем была женская одежда, и это обстоятельство сильно меняло дело. Жена Белисарио с искренней серьезностью обучала дона Хуана каждому аспекту женского поведения. Он помогал ей готовить, стирал белье, колол дрова. Белисарио побрил ему голову и наложил на нее сильно пахнущую мазь, а погонщикам сказал, что у девушки были вши. Дон Хуан сказал, что так как в то время он был безусым юношей, то ему на самом деле не так уж трудно было выглядеть, как женщина. Но он испытывал отвращение к самому себе, ко всем этим людям и прежде всего – к своей судьбе. В конце концов носить женское платье и делать женскую работу стало для него невыносимым.

И однажды он решил, что с него достаточно. Погонщики были последней каплей. Они ожидали и требовали, чтобы эта странная девушка прислуживала им, так сказать, во всех отношениях. Дон Хуан сказал, что ему все время приходилось быть настороже, потому что они не давали ему прохода.

Я почувствовал, что должен задать один вопрос.

– Были ли погонщики заодно с твоим бенефактором? – спросил.

– Нет, – ответил он и раскатисто захохотал. – Они были всего-навсего двумя славными людьми, которые на время попали под его влияние. Он нанял их мулов для перевозки лечебных трав и сказал,

что щедро заплатит им, если они помогут ему похитить молодую девушку.

Масштабы предприятия нагваля Хулиана поражали мое воображение. Я представил себе дона Хуана, ограждающего себя от сексуальных притязаний погонщиков мулов, и скорчился от смеха.

Дон Хуан продолжал свое повествование. Он безапелляционно заявил старику, что дальше маскарад продолжать невозможно, потому что погонщики пристают к нему с сексуальными предложениями. Белисарио невозмутимо посоветовал ему быть снисходительным, потому что мужчины есть мужчины, и неудержимо заплакал, совершенно сбив с толку дона Хуана, который вдруг обнаружил себя яростно защищающим женщин. Он так страстно отстаивал положение женщин, что даже сам испугался. Потом он сказал Белисарио, что оказался в еще худшем положении, чем был бы, если бы остался рабом чудовища.

Смятение дона Хуана возросло, когда старик безутешно зарыдал и бессвязно забормотал, что жизнь прекрасна, и что ничтожная цена, которую нужно заплатить за нее, всего лишь шутка по сравнению с тем, что чудовище похитит душу дона Хуана и даже не позволит ему убить, себя. «Флиртуй с погонщиками, – посоветовал он дону Хуану умоляюще, – Они простые крестьяне. Они просто хотят поиграть, а ты оттолкни их, если они начнут тискать тебя. Разрешим им прикасаться к твоей ноге. Почему это так беспокоит тебя?» И он опять зарыдал. Дон Хуан спросил его, почему он так плачет. «Потому что ты заслуживаешь лучшей участи, чем эта» – отвечал старик и трясся всем телом, судорожно рыдая.

Дон Хуан поблагодарил старика за доброе отношение и за все, что тот для него сделал. Он сказал Белисарио, что сейчас чувствует себя в безопасности и хочет уйти.

«Искусство *сталкинга* требует обучения мельчайшим деталям твоей маскировки», сказал Белисарио, не обращая никакого внимания на только что сказанное. «И обучиться им следует так хорошо, чтобы никто не мог догадаться, что ты маскируешься. Для этого тебе необходимо быть безжалостным, искусным, терпеливым и мягким».

Дон Хуан совершенно не понимал, о чем говорит Белисарио. Но он не стал вникать, а попросил дать ему какую-нибудь мужскую одежду. Белисарио отнесся к этому с пониманием. Он дал дону

Хуану кое-какую старую одежду и немного денег. Он обещал дону Хуану, что тот всегда сможет найти здесь одежду для маскировки, если в этом будет нужда, и еще раз решительно посоветовал ему ехать с ним в Дуранго, чтобы обучаться магии и навсегда освободиться от чудища.

Дон Хуан отказался и поблагодарил его. Тогда Белисарио попрощался с ним и несколько раз сильно хлопнул его по спине. Дон Хуан переоделся и спросил Белисарио, в какую сторону ему идти. Тот ответил, что если дон Хуан направится на север, то рано или поздно достигнет ближайшего города. Но не исключено, – сказал он, что пути их пересекутся снова, поскольку все они стремятся в одном и том же направлении – прочь от чудища. Дон Хуан, наконец-то освободившись, пустился в путь так быстро, как только мог. Он прошел четыре или пять миль, прежде чем увидел следы присутствия людей. Он знал, что город находится поблизости, и подумал о том, что он, возможно, устроится там на работу, прежде чем решит, что ему делать дальше. Он присел отдохнуть, предчувствуя обычные трудности, ожидающие странника, появляющегося в маленьком провинциальном городке, и вдруг краем глаза уловил какое-то движение в кустах у дороги. Он почувствовал, что на него кто-то смотрит. Он так перепугался, что вскочил и бросился бежать в сторону города. В это время чудовище бросилось на него, пытаясь схватить за горло. Оно промахнулось лишь на дюйм. Дон Хуан завопил, как никогда прежде, но сохранил достаточно самообладания, чтобы повернуться и побежать назад в том направлении, откуда он пришел.

Все время, пока дон Хуан бежал, спасая свою жизнь, чудовище преследовало его, с треском продираясь через кусты в нескольких шагах от него. Дон Хуан сказал, что это был самый страшный звук, который ему когда-нибудь доводилось слышать. Наконец он увидел упряжку мулов, медленно тащившихся вдалеке, и громко закричал, взывая о помощи.

Белисарио увидел дону Хуана и кинулся к нему с выражением нескрываемого ужаса на лице. Он швырнул ему узел с женской одеждой и закричал; «Беги как женщина, глупец!»

Дон Хуан признался, что понятия не имеет, как ему тогда хватило присутствия духа, чтобы побежать как женщина, но он сделал это. Чудовище перестало гнаться за ним. Белисарио приказал ему

быстро переодеться, пока он держал монстра на расстоянии. Дон Хуан присоединился к Белисарио и улыбающимся погонщикам, ни на кого не глядя. Они повернули обратно и выбрали другую дорогу. Затем Белисарио дал ему очередной урок. Он сообщил дону Хуану, что индейские женщины очень практичны и обращают внимание сразу на суть вещей, но они также и очень застенчивы, и когда их окликают, они обычно проявляют физические признаки испуга: у них бегают глаза, они сжимают губы и раздувают ноздри. Одновременно они застывают на месте и застенчиво смеются.

Он заставлял дона Хуана упражняться в искусстве женского поведения в каждом городе, через который они проезжали. И дон Хуан чистосердечно верил, что тот обучает его актерскому мастерству: но Белисарио утверждал, что обучает его искусству *сталкинга*. Он сказал дону Хуану, что *сталкинг* является искусством, применимым к чему бы то ни было, и выделил четыре ступени обучения ему: безжалостность, искусность, терпение и мягкость.

Я почувствовал потребность еще раз прервать его рассказ.

– Но разве *сталкингу* обучают не в состоянии глубокого повышенного осознания? – спросил я.

– Конечно, – ответил он, усмехнувшись. – Но тебе следовало бы понять, что для некоторых мужчин ношение женской одежды является вратами к повышенному осознанию. Такие способы хотя и очень трудны для исполнения, фактически являются даже более эффективными, чем сдвиг точки сборки.

Дон Хуан сказал, что его бенефактор ежедневно инструктировал его в отношении четырех настроений *сталкинга* и добивался, чтобы дон Хуан ясно понял, что безжалостность не должна быть жестокостью, ловкость – коварством, терпение – безразличием и мягкость – глупостью.

Он учил его, что эти четыре ступени необходимо практиковать и совершенствовать до тех пор, пока они не станут совершенно отточенными и незаметными. Он считал, что женщины являются природными *сталкерами*. Его убеждение в этом было так велико, что он утверждал: мужчина может по-настоящему изучить искусство *сталкинга* только в женском обликии.

– Мы с ним заходили на рынок в каждом городе, через который нам случалось проезжать, и там с кем-нибудь торговались, –

продолжал дон Хуан. – Мой бенефактор стоял рядом, наблюдая за мной. «Будь безжалостным, но обаятельным, – повторял он. – Будь хитрым, но деликатным. Будь терпеливым, но активным. Будь мягким, но смертельно опасным. На это способна только женщина. Если бы так мог действовать мужчина, он был бы безупречен. И как бы для того, чтобы гарантировать продолжение маскарада дона Хуана, время от времени появлялся чудовищный человек. Дон Хуан заметил, что он постоянно рыскает в окрестностях. Особенно часто он видел его, когда Белисарио делал ему энергичный массаж спины якобы для того, чтобы облегчить острую невралгическую боль в шее. Дон Хуан засмеялся и сказал, что таким образом его переводили в состояние повышенного осознания.

– Нам понадобился месяц, чтобы добраться до Дуранго, – сказал дон Хуан, – За этот месяц я получил общее представление о четырех настроениях *сталкинга*. В сущности, это не так уж сильно изменило меня, но зато дало возможность получить представление о том, что значит быть женщиной.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Четыре настроения СТАЛКИНГА

Дон Хуан сказал, что я должен оставаться на древнем наблюдательном посту и использовать толчок земли, чтобы сместить точку сборки и вспомнить другие состояния повышенного осознания, в которых он обучал меня *сталкингу*.

– На протяжении последних нескольких дней я много раз упоминал о четырех настроениях *сталкинга* – сказал он. – Я говорил о безжалостности, ловкости, терпении и мягкости в надежде, что ты сможешь вспомнить о них все, чему я тебя учил. Было бы замечательно, если бы ты смог использовать эти четыре настроения для тотального *вспоминания*.

Он выдержал паузу, которая показалась мне слишком долгой. Затем он сделал заявление, которое, казалось, не должно было удивить меня – и тем не менее сильно удивило. Он сказал, что обучал меня четырем настроениям *сталкинга* в северной Мексике с помощью Висенте Медрано и Сильвио Мануэля. Он не продолжал дальше, давая мне время осмыслить это. Я силился вспомнить, но потом махнул рукой и хотел было уже громогласно заявить, что не способен вспомнить того, что никогда не происходило.

Но пока я всячески отрицал все это. Мне начали приходить в голову тревожные мысли. Я ведь знал, что дон Хуан сказал это не для того, чтобы досадить мне. Как уже бывало прежде, когда он просил меня вспомнить события, связанные с повышенным осознанием, мною овладело чувство, что эти события не являлись продолжением ситуаций, через которые я проходил под его руководством. Эти события не были связаны между собой в линейной последовательности, подобно событиям моей повседневной жизни. Весьма возможно, что он был прав. По словам дона Хуана, у меня не было оснований быть уверенным в чем бы то ни было.

Я пытался выразить свои сомнения, но он отказался слушать и велел мне *вспоминать*. К этому времени совсем стемнело. Стало ветрено, но я не чувствовал холода. Дон Хуан передал мне

плоский камень, чтобы я положил его себе на грудь. Мое осознание было обострено и восприимчиво ко всему вокруг. Я почувствовал внезапную тягу, которая не была ни внешней, ни внутренней – скорее это было ощущение непрерывного тянущего усилия в неопределенной части меня. Внезапно с ослепительной ясностью я начал вспоминать встречу, которая произошла годы назад. Я вспомнил события и людей так ярко, что это испугало меня до озноба. Я рассказал все это дону Хуану, но он не проявил интереса и только призвал меня не поддаваться умственному или физическому страху.

Мое воспоминание было таким реальным, как если бы я вновь пережил этот эпизод. Дон Хуан сохранял спокойствие. Он даже не смотрел в мою сторону. Я чувствовал оцепенение. Оно проходило медленно.

Я только мог повторить то же, что всегда говорил дону Хуану, когда вспоминал событие, не включенное в линейную последовательность.

– Как это может быть, дон Хуан? Как я мог забыть все это? И он вновь подтверждал, что так же бывало и с ним. – Механизм такого рода воспоминания не имеет ничего общего с нормальной памятью, – сказал дон Хуан, – Он связан с перемещением точки сборки.

Он заявил, что хотя я обладаю полным знанием о том, что такое *намерение*, однако еще не могу распоряжаться этим знанием. Знать, что такое *намерение*, – означает, что обладающий этим знанием в любое время может объяснить свое знание или воспользоваться им. Нагваль в силу своего положения обязан распоряжаться своим знанием именно таким образом.

– Что ты *вспомнил*? – спросил он меня.

– Тот первый случай, когда ты рассказывал мне о четырех настроениях *сталкинга*, – сказал я.

Какой-то необъяснимый в понятиях моего обычного восприятия мира процесс освободил воспоминания, которых за минуту до того не существовало. И я вспомнил последовательность событий, которые произошли много лет назад.

Когда я уезжал из дома дона Хуана в Соноре, он попросил меня встретиться с ним на следующий день около полудня на границе США в Ногалесе, штат Аризона, на автобусной остановке Грейхаунд.

Я приехал на час раньше, но он уже стоял у двери. Я приветствовал его. Не отвечая, он поспешно оттолкнул меня в сторону и прошептал, чтобы я вытащил руки из карманов. Я был ошарашен. Не дав мне опомниться, он сказал, что у меня расстегнулась ширинка, постыдно демонстрируя мое сексуальное возбуждение.

Скорость, с которой я бросился застегиваться, была феноменальной. К тому времени когда я понял, что это была всего лишь грубая шутка, мы уже были на улице. Дон Хуан смеялся, довольно ощутимо похлопывая меня по спине, словно он был в восторге от своей шутки. Внезапно я обнаружил себя в состоянии повышенного осознания.

Мы зашли в кафе и сели. Мой ум был настолько ясным, что мне хотелось смотреть на все, *видеть* суть вещей.

– Не растрачивай энергию, – велел дон Хуан строгим голосом, – Я привел тебя сюда, чтобы выяснить, сможешь ли ты есть, когда твоя точка сборки сдвинута. Не пытайся сделать больше чем это. Но вдруг за столик напротив меня сел какой-то человек, и все мое внимание оказалось прикованным к нему.

– Повращай глазами, – велел дон Хуан. – Не смотри на этого человека.

Но перестать смотреть на него было выше моих сил. Я почувствовал, что требования дона Хуана меня раздражают.

– Что ты *видишь*? – услышал я вопрос дона Хуана. Я *видел* светящийся кокон, являющий собой прозрачные крылья, которые были обернуты поверх собственно кокона. Крылья развернулись, затрепетали на мгновение, отслоились, упали, на их месте появились новые крылья и весь процесс повторился снова.

Дон Хуан развернул меня вместе со стулом лицом к стене.

– Это растрата, – сказал он после того, как я рассказал ему о том, что *видел*. – Ты исчерпал почти всю свою энергию. Сдерживай себя. Воину необходим фокус. На кой черт ему крылья на светящемся коконе?

Он сказал, что повышенное осознание похоже на трамплин. Из него можно совершить, прыжок в бесконечность. Он подчеркивал снова и снова, что когда точка сборки оказывается смещенной, она затем либо возвращается в положение, очень близкое к прежнему, либо продолжает двигаться в бесконечность.

– Люди и не подозревают о странной силе, которую несут в себе, –

продолжал он. – Вот сейчас, например, у тебя есть способ достичь бесконечности. Если ты будешь дальше так же бестолково вести себя, то можешь сдвинуть свою точку сборки в такое положение, откуда нет возврата.

Я понял опасность, о которой он говорил, или вернее, физически ощутил, что стою на краю пропасти, и еще один шаг – и я неминуемо свалюсь в нее.

– Твоя точка сборки сдвинулась в повышенное осознание, – продолжал он, – потому что я одолжил тебе свою энергию.

Мы молча ели простую пищу. Дон Хуан запретил мне пить чай или кофе.

– Когда ты пользуешься моей энергией, – сказал он, – ты не находишься в своем собственном времени. Ты находишься в моем. А я пью воду.

Когда мы вышли и направились к моей машине, меня слегка качало, и я и едва не потерял равновесие. Это ощущение было похоже на то, когда впервые надеваешь очки и пытаешься в них ходить.

– Возьми себя в руки, – сказал дон Хуан улыбаясь. – Там, куда мы идем, тебе придется действовать исключительно точно.

Он сказал, чтобы я ехал через границу в соседний с Ногалесом город в Мексике. Во время езды он все время давал мне указания: какую улицу выбирать, когда делать правый, а когда левый поворот и с какой скоростью ехать.

– Я знаю эту местность, – сказал я довольно раздраженно. Скажи мне, где ты хочешь выйти, и я высажу тебя там. Как водитель такси.

– О'кей, – сказал он, – Высади меня, пожалуйста, на Хранимой-Небесами-Авеню, 1573.

Я не знал такой улицы, если только она вообще существовала. Я подозревал, что он только что придумал это название, чтобы сбить меня с толку, и промолчал. Его улыбающиеся глаза насмешливо блестели.

– Самовлюбленность – настоящий тиран, – сказал он. – Мы должны трудиться не жалея сил, чтобы развенчать ее.

Он продолжал указывать мне дорогу и наконец попросил меня остановиться у одноэтажного светло-бежевого дома, причем, по возможности подъехать поближе.

В этом доме было что-то, немедленно привлекавшее мой взгляд: его окружал толстый слой гравия цвета охры. Массивная входная

дверь, поднимающиеся окна и отделка дома тоже были цвета охры, как и гравий. Все видимые окна были закрыты венецианскими шторами. Судя по всему, это был обычный пригородный дом, принадлежащий представителю среднего класса.

Мы вышли из машины. Дон Хуан пошел вперед. Он не постучал и не открыл дверь ключом, но мне показалось, что когда мы подошли к дому, дверь сама по себе бесшумно открылась, повернувшись на хорошо смазанных петлях.

Дон Хуан быстро вошел, не приглашая меня. Я сам последовал за ним. Мне было любопытно узнать, кто же открыл нам дверь изнутри, но там никого не было.

Интерьер дома был успокаивающим. Не было ни картин на ровных, абсолютно чистых стенах, ни люстры, ни книжных полок. Золотисто-желтый кирпичный пол составлял приятный контраст с белыми стенами. Мы находились в небольшом тесном холле, который переходил в просторную гостиную с высокими потолками и кирпичным камином. Половина комнаты была полностью пустой, но в другой части комнаты, ближе к камину, полукругом расположилась дорогая мебель: две большие бежевые кушетки в центре, а по бокам два кресла, обтянутые тканью того же цвета. Посередине стоял тяжелый круглый дубовый кофейный стол. Судя по увиденному мною в этом доме, живущие здесь люди должны быть зажиточными, но бережливymi. Они, очевидно, любили посидеть у огня.

В креслах сидели двое мужчин лет пятидесяти-шестидесяти. Когда мы вошли, они поднялись из кресел. Один из них был индеец, другой – латиноамериканец. Дон Хуан представил вначале индейца, который находился ближе ко мне.

– Это Сильвио Мануэль, – сказал мне дон Хуан. – Он – самый могущественный и опасный маг моего отряда, и к тому же самый таинственный.

Черты Сильвио Мануэля были как будто с фресок майя. – У него был бледный, почти желтоватый цвет лица. Я подумал, что он похож на китайца. Глаза его были раскосыми, но без монголоидных складок. Они были большие, черные и сияющие. Он был безбородый, с черными как смоль волосами, в которых кое-где проблескивала седина. У него были высокие скулы и полные губы. Ростом он был приблизительно пяти футов и семи дюймов. Он был худощавый, жилистый. Одет он был в желтую спортивную

рубашку, коричневые брюки и тонкий пиджак бежевого цвета. Судя по одежде и манере держаться, он скорее был похож на мексиканца.

Я улыбнулся и протянул Сильвио Мануэлю руку. Но он не принял ее, а лишь небрежно кивнул.

– А это Висенте Медрано, – сказал дон Хуан, поворачиваясь к другому мужчине. – Он самый знающий и старейший среди моих товарищей. Он самый старший не по возрасту, а потому, что он был самым первым учеником нашего бенефактора.

Висенте кивнул так же небрежно, как и Сильвио Мануэль, и так же не сказал ни слова.

Он был немного выше Сильвио Мануэля, но такой же худощавый. Кожа на его лице была белой и нежной, он носил тщательно подстриженные усы и бороду. Черты его лица были очень мягкими: прекрасной формы тонкий нос, маленький рот с тонкими губами. Густые темные брови составляли контраст с седеющими шевелюрой и бородой. У него были карие сияющие глаза, смеющиеся, несмотря на хмурое выражение лица.

На нем был консервативный льняной зеленоватый костюм и спортивная рубашка с открытым воротом. Он был или мексиканец, или американец. Я подумал что он, должно быть, и является хозяином дома.

В отличие от них, дон Хуан выглядел как индеец-пеон. Его соломенная шляпа, стоптанные башмаки, старые брюки цвета хаки и шотландская рубашка были такими, как у какого-нибудь садовника или чернорабочего.

При наблюдении за ними у меня появилось ощущение, что дон Хуан маскировался. У меня возник образ из военной тематики, как если бы дон Хуан был старшим офицером, который руководил тайной операцией, офицером, который, как ни старался, не мог скрыть властного выражения своих глаз.

А еще мне показалось, что все они были примерно одного возраста. Хотя дон Хуан казался гораздо старше остальных, но при этом был бесконечно более крепким.

– Я думаю, вы уже знаете, что Карлос indulgiрует больше чем кто бы то ни было, – сказал им дон Хуан с самым серьезным видом. – Он любит это даже больше, чем наш бенефактор. Я уверяю вас, что если и существует человек, который относится к indulgiрованию серьезно, – так это он.

Я засмеялся, но только я один. Эти двое мужчин наблюдали за мной со странным блеском в глазах.

– Безусловно, вы составите незабываемое трио, – сказал дон Хуан.

– Самый старший и самый знающий, самый опасный и самый могущественный, и чемпион по индульгированию.

Они и тут не засмеялись и внимательно изучали меня, пока я не почувствовал себя неловко. Тогда Висенте нарушил молчание.

– Не пойму, зачем ты притащил его в дом, – сказал он сухим и резким тоном. – Он нам ни к чему. Отведи его на задний двор.

– И привяжи его там, – добавил Сильвио Мануэль. Дон Хуан повернулся ко мне. «Пойдем», – сказал он мягким тоном и указал быстрым движением головы в сторону задней части дома. Мне стало совершенно ясно, что я не понравился этим двум людям. Я чувствовал себя сердитым и обиженным, но эти чувства в какой-то мере рассеивались состоянием повышенного осознания. Мы вышли на задний двор. Дон Хуан небрежно подобрал ремennую веревку и обвязал ею мою шею с непостижимой быстротой. Его движения были такими стремительными и неожиданными, что прежде чем я успел осознать происходящее, как уже был привязан за шею, как собака, к одной из двух шлакоблочных колонн, поддерживающих тяжелый навес над террасой.

Дон Хуан покачал головой из стороны в сторону жестом неудовольствия или недоверия и отправился обратно в дом, и тогда я пронзительно завопил, чтобы он развязал меня. Веревка была настолько затянута вокруг шеи, что это не давало мне возможности кричать так сильно, как мне хотелось.

Я никак не мог поверить, что такое могло случиться. Сдерживая раздражение, я попытался развязать узел на шее. Но он был настолько тугим, что, казалось, ремешки склеились. Я едва не сорвал ногти, пытаясь освободиться.

В порыве неконтролируемого гнева я зарычал от бессилия, как зверь. Потом я схватил веревку, обмотал ее вокруг руки и, упершись ногой в столб, дернул. Но кожа ремня была слишком прочной для силы моих мускулов. Я был унижен и напуган. Страх отрезвил меня. Я понял, что был обманут фальшивой аурой рассудительности дона Хуана.

Я оценил ситуацию настолько объективно, насколько мог, и не увидел иного пути освободиться от веревки, как только перетереть ее. Начав неистово тереть веревку об острый край колонны, я

подумал, что если успею разорвать ее прежде, чем любой из этих людей вернется сюда, у меня будет шанс добежать до машины и уехать, чтобы никогда больше не возвращаться.

Я пыхтел и обливался потом, перетирая веревку, до тех пор, пока не оказался близок к цели. Тогда я уперся одной ногой в столб, снова обмотал веревку вокруг руки и отчаянно дернул. Она оборвалась, после чего я бросился обратно в дом.

Врываясь в открытую дверь, я споткнулся о порог. Дон Хуан, Висенте и Сильвио Мануэль стояли посреди комнаты, аплодируя. – Какое драматическое возвращение, – сказал Висенте, помогая мне встать. – Ты одурачил меня. Я не думал, что ты способен на такие вспышки.

Дон Хуан подошел ко мне и развязал узел, освободив мою шею от обрывка веревки.

Я дрожал от страха, напряжения и гнева. Срывающимся голосом я спросил дона Хуана, зачем ему понадобилось мучить меня подобным образом. Все трое засмеялись, и смех этот ни в коем случае не был угрожающим.

– Мы хотели испытать тебя и выяснить, человеком какого типа ты являешься, – сказал дон Хуан.

Он подвел меня к кушетке и вежливо предложил сесть. Висенте и Сильвио Мануэль сидели в креслах, дон Хуан сел напротив меня на другую кушетку.

Я нервно посмеивался, но меня больше не тревожили ни мое положение, ни друзья дона Хуана. Все трое с искренним любопытством рассматривали меня, Висенте никак не мог перестать улыбаться, хотя изо всех сил старался казаться серьезным. Сильвио Мануэль смотрел на меня и ритмично покачивал головой. Его глаза были несфокусированы, но направлены в мою сторону.

– Мы привязали тебя, – продолжал дон Хуан, – потому что хотели узнать, являешься ли ты мягким, безжалостным, терпеливым или ловким. Выяснилось, что ты не обладаешь ни одним из этих качеств. Скорее всего, ты чудовищно потекаешь себе, как я и говорил. Если бы ты не индугировал в своем гневе, ты бы, конечно, заметил, что устрашающий с виду узел, на который была завязана веревка, на самом деле был довольно безобидным. Развязать его было очень просто, Висенте придумал этот узел, чтобы дурачить своих друзей.

– Ты дергал веревку яростно. Ты в самом деле не мягкий, – сказал Сильвио Мануэль.

На мгновение наступила пауза, а потом они рассмеялись.

– Ты не был ни безжалостным, ни ловким, – продолжал дон Хуан.

– А если бы был, ты мог бы легко развязать узел и убежать, прихватив с собой дорогую кожаную веревку. Не проявил ты и терпения. В противном случае ты бы хныкал и вопил до тех пор, пока бы не увидел, что в двух шагах от тебя на земле лежат ножницы, с помощью которых ты в два счета перерезал бы веревку, избавив себя от истерики и ненужных усилий.

Тебя не нужно учить, как быть необузданным и бестолковым. Ты уже такой. Но ты можешь научиться быть безжалостным, терпеливым, ловким и мягким.

Дон Хуан объяснил мне, что безжалостность, ловкость, терпение и мягкость составляют суть *сталкинга*. Они являются основой, которая со всеми своими ответвлениями должна быть изучена шаг за шагом во всех тонкостях.

Все это явно предназначалось для меня, но говоря, он смотрел на Висенте и Сильвио Мануэля, которые слушали с большим вниманием и время от времени кивали головами в знак согласия. Он еще раз подчеркнул, что обучение *сталкингу* является одной из самых сложных ступеней ученичества магов. И он настаивал, что независимо от их конкретных действий по обучению меня *сталкингу* и от того, что я понимал их превратно, их действия были продиктованы безупречностью.

– Будь уверен, мы знаем, что делаем. Наш бенефактор, нагваль Хулиан, позаботился об этом, – сказал дон Хуан, и все трое так раскатисто захохотали, что я почувствовал себя крайне неудобно. Я не знал что и подумать.

Дон Хуан повторил, что очень важно помнить, что хотя со стороны поведение магов и может показаться враждебным, но на самом деле оно всего лишь всегда безупречно.

– Какое значение имеет эта разница, если ты являешься объектом издевательств? – спросил я.

– Злонамеренные действия совершаются людьми ради личной выгоды, – сказал он. – Другое дело – маги. Хотя их действия и преследуют скрытую цель, но она не имеет ничего общего с личной выгодой. То, что они получают удовольствие от своих действий, не может рассматриваться как выгода. Скорее это

свойство их характера. Обычный человек действует только тогда, когда есть возможность извлечь для себя какую-то пользу. Воины говорят, что они действуют не ради выгоды, но ради *духа*.

Я задумался над этим. Действовать не ради выгоды было для меня чем-то совершенно непонятным. Я был воспитан так, чтобы чувствовать себя вправе ожидать какую-либо награду за все, что я делаю.

Дон Хуан, очевидно, истолковал мое молчание и замешательство как скептицизм. Он засмеялся и посмотрел на своих компаньонов. – Возьми, к примеру, нас, – продолжал он, – Ты считаешь, что вносишь что-то в эту ситуацию, и в конечном счете хочешь извлечь пользу из нее. Если ты рассердишься на нас или если мы тебя разочаруем, ты вполне можешь прибегнуть к злонамеренным действиям, чтобы свести с нами счеты. В противоположность тебе у нас и в мыслях не было действовать ради личной выгоды. Наши действия продиктованы безупречностью – мы не можем разозлиться или разочароваться в тебе.

Дон Хуан улыбнулся и сказал мне, что с момента нашей встречи на автобусной станции все, что он сделал для меня, было продиктовано безупречностью. Он объяснил, что ему нужно было убрать мою защиту, чтобы помочь мне войти в состояние повышенного осознания. Именно поэтому он и сказал мне, что мои брюки расстегнуты.

– Это был способ выбить тебя из колеи, – сказал он с усмешкой, – Мы – грубые индейцы, и потому все наши шутки несколько примитивны. Чем изощреннее воин, тем сложнее и тоньше его шутки. Но я считаю, что мы получили огромное удовольствие от нашей грубой шутки, когда привязали тебя за шею, как собаку. Все трое усмехнулись, а потом тихонько рассмеялись, как если бы в доме был еще кто-то, кого они не хотели беспокоить.

Очень тихим голосом дон Хуан сказал, что, поскольку я нахожусь в состоянии повышенного осознания, я могу лучше понять то, что он намеревается рассказать мне о двух искусствах – *сталкинге* и *намерении*. Он назвал их вершиной достижения магов, как старых, так и новых, – именно тем, с чем они, как и тысячи лет назад, имеют дело сегодня. Он заявил, что *сталкинг* является началом и что прежде, чем воины могут что-нибудь предпринять на своем пути, им необходимо научиться *выслеживать*, затем они должны овладеть *намерением*, и только после этого они смогут сдвигать

точку сборки по своей воле.

Я точно знал, о чем он говорит. Откуда-то я знал, что движение точки сборки может быть выполнено. Но слов, чтобы сказать им о моем знании, у меня не было. Несколько раз я пытался найти слова для такого объяснения. Они смеялись над моими неудачами и советовали мне пытаться снова.

— Как бы ты посмотрел на то, если бы за тебя все это произнес я? — спросил дон Хуан. — Пожалуй, я мог бы найти точные слова, которые ты никак не можешь вспомнить.

По его вопросительному взгляду я решил, что он серьезно спрашивает моего позволения. Ситуация показалась мне настолько нелепой, что я рассмеялся. Дон Хуан, проявляя завидное терпение, повторил свой вопрос, и я снова рассмеялся. Их удивление и озабоченность показали мне, что моя реакция была им непонятна. Дон Хуан поднялся и заметил, что я слишком устал и что мне пора возвращаться в мир повседневных дел.

— Ну пожалуйста, подожди, — взмолился я. — Со мной все в порядке. Просто мне показалось забавным, что тебе понадобилось спрашивать у меня разрешения.

— Я должен спросить твоего разрешения, — сказал дон Хуан, — потому что ты единственный, кто может позволить словам, заключенным внутри тебя, выйти наружу. Думаю, я все же переоценил твою способность к пониманию. Слова есть нечто исключительно могущественное и важное, и они являются магическим достоянием того, кому они принадлежат. У магов есть правило большого пальца: они говорят, что чем глубже сдвигается точка сборки, тем сильнее ощущение, что обладаешь знанием и не имеешь слов для его объяснения. Иногда точка сборки и у обычных людей может по неизвестной причине прийти в движение, чего они и сами не осознают, разве что вдруг становятся косноязычными, смущенными и рассеянными.

Тут вмешался Висенте и предложил, чтобы я остался с ними еще на некоторое время. Дон Хуан согласился и повернулся лицом ко мне.

— Самым первым принципом *сталкинга* является то, что воин *выслеживает* самого себя, сказал он. — Он *выслеживает* самого себя безжалостно, хитро, терпеливо и мягко.

Я хотел было засмеяться, но он опередил меня и очень кратко определил *сталкинг* как искусство использования неожиданного

поведения с особой целью. Он сказал, что нормальное человеческое поведение в мире повседневной жизни является рутинным. Любое нестандартное поведение, разрушающее рутину, оказывает необычное воздействие на все наше существо. Маг стремится именно к такому необычному эффекту, поскольку воздействие такого эффекта является кумулятивным.

Он объяснил, что древние *видящие* благодаря своему *видению* первыми заметили, что необычное поведение вызывает колебания точки сборки. Вскоре они обнаружили, что если систематически практиковать и разумно направлять такое поведение, то в конечном счете это вызывает сдвиг точки сборки.

– Но главной проблемой магов-*видящих*, – продолжал дон Хуан, – было изобретение системы поведения, не допускавшей мелочности и капризов, но сочетающей высокие моральные качества и чувство красоты, которое отличает *видящих* от простых колдунов.

Дон Хуан прервал свою речь и все трое посмотрели на меня, как бы стараясь отыскать следы усталости в моих глазах или теле.

– Всякий, кто добьется успеха в сдвиге своей точки сборки в новое положение, является магом, – продолжал дон Хуан. – Находясь в этом новом положении, он может воздействовать на других людей дурно или хорошо. Поэтому магом можно быть и на уровне уличного сапожника или булочника. Притязания магов-*видящих* должны идти дальше этой стадии. А чтобы достичь этого, необходимо сочетать нравственность и красоту.

Он сказал, что для магов *сталкинг* является основой, на которой зиждется все, что они делают.

– Некоторые маги критикуют слово «*сталкинг*», – продолжал он, но это название было принято именно потому, что оно подразумевает скрытное поведение.

Его называют также «искусством уловок», однако и этот термин в равной мере неудачен. Мы сами, в силу своего невоинственного характера, называем его искусством контролируемой глупости. Ты можешь называть его как угодно. Мы же, однако, будем придерживаться термина «*сталкинг*», потому что легче сказать «*сталкер*», чем, как имел обыкновение говорить мой бенефактор, «*тот, кто практикует контролируемую глупость*».

При упоминании об их бенефакторе все трое засмеялись как дети. Я понимал его превосходно. У меня не возникало ни вопросов, ни сомнений. Но при всем этом у меня было чувство, что я должен

как за якорь держаться за каждое слово дон Хуана. В противном случае мои мысли обгоняли бы его. Я заметил, что мои глаза фиксировались на движении его губ, а уши – на звучании его слов. Но как только я это заметил, то не смог больше следить за его словами. Моя концентрация исчезла. Дон Хуан продолжал говорить, но я уже не слушал его. Меня захватила идея о непостижимой возможности постоянно жить в состоянии повышенного осознания. Я спрашивал себя, насколько велика была бы практическая ценность такого состояния. Позволило бы это лучше ориентироваться в ситуациях? Быть подвижнее, чем обычный человек, или, возможно, умнее?

Дон Хуан внезапно остановился и спросил меня, о чем я думаю. – О, ты слишком практичен, – прокомментировал он мои откровения. – А я-то надеялся, что в состоянии повышенного осознания твой темперамент станет более артистичным, более мистическим.

Дон Хуан повернулся к Висенте и попросил его ответить на мой вопрос. Висенте откашлялся и вытер ладони о свою одежду. Он производил впечатление человека, испытывающего страх перед аудиторией. Мне стало жаль его. Мои мысли путались. И когда я слушал его, запинаящегося от волнения, в моем воображении возник образ, – впечатление, которое всегда вызывала у меня отцовская робость, его страх перед людьми. Но прежде чем я успел представить себе этот образ, глаза Висенте вспыхнули каким-то странным внутренним светом. Его лицо приняло комически-серьезное выражение и он обратился ко мне с речью в авторитетной и профессиональной манере.

– Отвечаю на твой вопрос, – сказал он. – Нет никакой практической ценности в состоянии повышенного осознания, иначе весь род людской был бы там. Однако он от этого застрахован, потому что туда очень трудно попасть. И все же всегда имеется слабая возможность и для обычного человека войти в такое состояние. Но если ему это и удастся, то результатом является замешательство, иногда необратимое.

Все трое разразились смехом.

– Маги говорят, что повышенное осознание является вратами *намерения*, – сказал дон Хуан, – и пользуются им соответственно. Подумай об этом.

Я разглядывал каждого из них в отдельности, открыв рот, и

чувствовал, что если я держу его открытым, то это загадочным образом помогает пониманию. Я закрыл глаза и ко мне пришел ответ. Я чувствовал его. Это не было мыслями. Но как я ни пытался, я не мог выразить словами свое понимание.

– Так, так, – сказал дон Хуан. – Ты получил еще один магический ответ исключительно изнутри самого себя, но у тебя все еще недостаточно энергии, чтобы осмыслить его и превратить в слова. Ощущение, которое я испытал, было больше чем невозможность выразить словами свое понимание. Это было похоже на переживание заново чего-то давно позабытого – не знать, что я чувствую, потому что я еще не умею говорить вообще и поэтому не знаю способа выразить свои чувства в словах.

– Мышление и попытка точно выразить, свои мысли требуют невообразимого количества энергии, – сказал дон Хуан, разрушив мои ощущения.

Он вывел меня из такой глубочайшей погруженности в себя, что я забыл, с чего все началось. Я ошеломленно уставился на дон Хуана и признался, что не имею ни малейшего понятия о том, что они или я говорили или делали за минуту до этого. Я помнил инцидент с кожаным ремнем и то, что дон Хуан потом говорил мне, но чувство, владевшее мною несколько секунд назад, я вспомнить не мог.

– Ты идешь по ложному пути, – сказал дон Хуан. Ты пытаешься вспомнить мысли так, как делаешь это обычно, но здесь иная ситуация. Секунду назад у тебя было всепоглощающее чувство, что ты знаешь нечто совершенно особое. Подобное чувство нельзя восстановить, полагаясь на память. Ты должен *вспомнить* благодаря *намерению* вернуть его.

Он обернулся к Сильвио Мануэлю, который сидел, развалившись в кресле и вытянув ноги под кофейным столиком. Сильвио Мануэль пристально посмотрел на меня. Его черные глаза были похожи на два кусочка блестящего обсидиана. Не пошевелившись, он издал пронзительный крик, похожий на птичий.

– *Намерение!* – завопил он. – *Намерение!! Намерение!!!*

С каждым возгласом его голос становился все более и более нечеловеческим и пронзительным. Волосы у меня на затылке встали дыбом. По коже побежали мурашки. Однако мой ум вместо того, чтобы сосредоточиться на страхе, который я, несомненно, испытывал, направился напрямую на *вспоминание* пережитого

чувства. Но прежде чем я смог вспомнить его полностью, оно расширилось и превратилось в нечто иное. И тогда я понял не только то, почему повышенное осознание является вратами *намерения*, но также и то, что такое само *намерение*. Кроме того я понял, что это знание не может быть выражено в словах и что оно доступно для всех. Его можно ощутить, использовать, но не выразить. В него можно войти путем изменения уровня осознания, – поэтому повышенное осознание является входом. Но даже вход невозможно объяснить. Его можно только использовать. В этот день ко мне без какой-либо подсказки пришел еще один проблеск знания: естественное знание *намерения* доступно каждому, но управление им принадлежит лишь тем, кто исследовал его.

К этому моменту я уже страшно устал, что, несомненно, и послужило причиной влияния католического воспитания на мои последующие реакции. На какое-то мгновение я поверил, что *намерение* – это Бог.

Я сказал об этом дону Хуану, Висенте и Сильвио Мануэлю. Они засмеялись. Все тем же тоном профессионального оратора Висенте сказал, что *намерение* не может быть Богом, потому что оно является силой, которую нельзя описать и тем более представить. – Не будь таким самоуверенным, – жестко сказал дон Хуан. – Не пытайся спекулировать на основе своего первого и пока единственного опыта. Подожди, пока не овладеешь своим знанием, а потом и решай, что есть что.

Воспоминание о четырех настроениях *сталкинга* обессилило меня настолько, что в результате мною овладела глубочайшая апатия. В этот момент меня не смогла бы взволновать даже гибель, грозящая мне или дону Хуану. Мне было все равно, оставаться на древнем наблюдательном посту или в крошечной тьме возвращаться назад. Дон Хуан безошибочно понял мое настроение. Он, как слепого, подвел меня за руку к массивной скале и помог сесть, прислонившись к ней спиной. Он посоветовал, чтобы при помощи естественного сна я вернулся в нормальное состояние осознания.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

4. НИСХОЖДЕНИЕ ДУХА

Видение ДУХА

Сразу после позднего завтрака еще за столом дон Хуан объявил, что нам предстоит провести ночь в пещере магов, и что мы должны отправиться в путь. Он сказал, что для меня крайне необходимо посидеть там снова в полной темноте, чтобы дать возможность скальным образованиям и *намерению* магов сдвинуть мою точку сборки.

Я хотел было встать со стула, но он остановил меня и сказал, что есть еще кое-что, что он хотел бы объяснить мне. Он потянулся, положил ноги на стул и откинулся назад в удобной расслабленной позе.

— Чем более детально я *вижу* тебя, тем больше замечаю, как вы похожи с моим бенефактором.

Для меня это звучало столь угрожающе, что я прервал его, сказав, что не могу представить, что за сходство он имеет в виду. Но если какое-то и было, что маловероятно, то я буду очень рад, если он расскажет мне о нем, давая тем самым возможность что-то исправить или изменить. Дон Хуан смеялся, пока по его щекам не потекли слезы.

— Одно из сходств состоит в том, что пока ты действуешь, ты действуешь очень хорошо, — сказал он, — но когда ты думаешь, тебя всегда заносит. Мой бенефактор был точно таким же. Он думал не слишком хорошо.

Я чуть не бросился защищаться и хотел сказать, что не вижу ничего неправильного в том, как я думаю, но туг вдруг заметил озорной блеск в его глазах и запнулся на полуслове. Дона Хуана рассмешила такая перемена во мне, но в его смехе чувствовалось удивление. Он явно ожидал противоположной реакции.

— Я имел в виду, например, то, что у тебя только тогда есть проблема с пониманием *духа*, когда ты думаешь о нем, — начал он с улыбкой упрека. — Но когда ты действуешь, *дух* легко

открывается тебе. Мой бенефактор был таким же.

– Прежде чем мы отправимся к пещере, я расскажу тебе историю о моем бенефакторе и о четвертом *абстрактном ядре*. Маги полагают, что любой из нас может уйти от *духа* вплоть до самого момента его нисхождения, но не после.

Дон Хуан специально остановился, чтобы подчеркнуть движением бровей значительность того, что он говорит.

– Четвертое *абстрактное ядро* – это полный удар нисхождения (обрушивания) *духа*, – продолжал он. Четвертое *абстрактное ядро* – это акт раскрытия. *Дух* раскрывается нам. Маги описывают это так, как если бы *дух* находился в засаде, а затем обрушивался на нас, как на свою добычу. Маги говорят, что нисхождение *духа* всегда незаметно. Оно случается когда кажется, что вообще ничего не случилось.

Я начал сильно нервничать, почувствовав по тону дона Хуана, что он собирается в подходящий момент чем-то ошеломить меня.

Он спросил, помню ли я момент, когда *дух* обрушился на меня, закрепив устойчивость моего соединения с *абстрактным*.

Я не имел ни малейшего представления, о чем он говорит.

– Существует некий порог, однажды переступив который – отступить уже невозможно, – сказал он. – Обычно с момента толчка *духа* проходят годы, прежде чем ученик достигает этого порога. Однако иногда его достигают почти немедленно. Случай с моим бенефактором – пример этого.

Дон Хуан добавил, что каждому магу следует хорошо запомнить прохождение этого порога, чтобы это служило ему напоминанием о новых возможностях его восприятия. Он объяснил, что такого порога может достичь не только ученик магии и что единственное различие между обычным человеком и магом в этом случае заключается лишь в том, на чем каждый из них акцентирует внимание. Маг придает особое значение прохождению порога и использует память об этом как о точке отсчета. Обычный человек не пересекает порог и делает все возможное, чтобы забыть о нем. Я не мог согласиться с его точкой зрения, что надо пересечь только один порог.

Дон Хуан с ужасом возвел очи к небесам и тряхнул головой в шутливом жесте отчаяния. Я продолжал настаивать на своем, не то чтобы не соглашаясь с ним, просто пытаюсь уяснить все это для себя. Однако возникший было интерес быстро угас. Я вдруг

почувствовал, будто мчусь через какой-то туннель.

– Маги говорят, что время четвертого *абстрактного ядра* приходит тогда, когда дух разрывает цепи нашей саморефлексии, – сказал он. – Разрыв наших цепей – это чудесно, но и очень нежелательно, потому что никто на самом деле не хочет быть свободным.

Ощущение, похожее на скольжение через туннель владело мной еще мгновение, а затем все прояснилось. И тогда я начал смеяться. Станные проблески понимания, заключенные внутри меня, вырвались наружу в виде смеха.

Дон Хуан, казалось, читал мои мысли, как книгу.

– Что за странное чувство – понимать, что все, что мы думаем, все, что мы говорим, зависит от положения точки сборки, – заметил он. И это было именно то, о чем я только что подумал и над чем смеялся.

– Я знаю, что твоя точка сборки в данный момент сместилась, – продолжал он, – и ты понял секрет наших цепей. Они держат нас в заточении, и приковывая к нашей такой удобной саморефлексии, они защищают нас от яростной атаки неведомого.

Для меня наступило одно из тех необычных мгновений, когда представления о мире магов становятся кристально ясными.

– Как только наши цепи разорваны – мы больше не ограничены интересами повседневного мира, – продолжал он, – и хотя мы по-прежнему остаемся в этом мире, но больше не принадлежим ему. Для того, чтобы быть его частью, мы должны разделять интересы людей, чего без цепей мы делать уже не можем.

Дон Хуан рассказал, что нагваль Элиас однажды объяснил ему, что обычных людей отличает то, что все мы разделяем владение неким метафорическим кинжалом: заботами нашей саморефлексии. Этим кинжалом мы рассекаем себя и истекаем кровью. И наши цепи саморефлексии дают нам чувство, что мы истекаем кровью вместе, что все мы имеем нечто чудесное – нашу человеческую природу. Но если взглядеться повнимательнее, то окажется, что мы истекаем кровью в одиночестве, что мы ничем не владеем совместно и все, что мы делаем – это тешимся своими иллюзорными рефлексиями, являющимися нашим же творением.

Маги больше не пребывают в мире обыденных дел, – продолжал дон Хуан, – поскольку уже не являются жертвами саморефлексии. Затем дон Хуан начал рассказывать историю о своем бенефакторе

и нисхождении *духа*. Он сказал, что эта история началась сразу после того, как *дух* постучался в дверь к молодому актеру. Я перебил дона Хуана, спросив его, почему он постоянно употребляет термин «молодой человек» или «молодой актер», упоминая о нагвале Хулиане.

– В то время, когда произошла эта история, он не был Нагвалем, – ответил дон Хуан, – он был просто молодым актером. В своем рассказе я не могу называть его даже просто «Хулиан», потому что для меня он всегда был «нагваль Хулиан». Перед именем Нагваля мы всегда добавляем слово «нагваль» в знак уважения к его безупречной жизни.

Дон Хуан продолжал свою историю. Он сказал, что нагваль Элиас остановил смерть молодого актера, переведя его в повышенное осознание, в результате чего после долгих часов борьбы тот снова пришел в сознание. Нагваль Элиас не назвал своего имени, а представился ему как профессиональный исцелитель, ставший случайным свидетелем разыгравшейся трагедии, в которой чуть не погибли двое. Он указал на расprostертую на земле молодую женщину, Талию. Молодой человек был удивлен, увидев ее лежащей без сознания возле него, ведь он помнил ее убегающей. Слова старого исцелителя, что, Бог, несомненно, наказал Талию за ее грехи, поразив ее молнией и лишив разума, испугали его, но не на столько, чтобы он не заинтересовался некоторой странностью. – Но откуда взяться молнии, если даже дождь не идет? – спросил молодой актер едва слышным голосом. Он был явно поражен, когда старый индеец ответил, что Господа не спрашивают о его путях.

И снова я прервал дона Хуана. Мне было любопытно узнать, в действительности ли молодая женщина потеряла рассудок. Он напомнил мне, что нагваль Элиас нанес сокрушительный удар по ее точке сборки. Она не потеряла рассудка, но в результате удара вошла в состояние повышенного осознания и тут же вышла из него, что создало серьезную угрозу ее здоровью. С огромным трудом нагваль Элиас помог ей стабилизировать ее точку сборки, и она уже постоянно находилась в состоянии повышенного осознания.

Дон Хуан заметил, что женщины вообще способны проделывать потрясающую вещь: они могут сохранять новое положение точки сборки постоянно. А Талиа была несравненна. Как только ее цепи

разорвались, она сразу все поняла и приняла планы Нагваля. Дон Хуан рассказал, что нагваль Элиас, который был не только превосходным *сновидящим*, но и превосходным *сталкером*, видел, что молодой актер хотя и был испорченным и тщеславным, – но черствым и бездушным он казался лишь на первый взгляд. Нагваль знал, что если он напомнит ему о Боге, грехе и возмездии, религиозное чувство актера разрушит его цинизм. Услышав о наказании Божьем, актер помрачнел. Он начал говорить о раскаянии, но Нагваль прервал его, безжалостно подчеркнув, что когда смерть так близка, чувство вины больше не имеет значения. Молодой актер слушал очень внимательно, но хотя ему и было ужасно плохо, он не верил, что стоит на пороге смерти. Он думал, что его слабость и обморок вызваны потерей крови.

Как бы читая мысли юноши, нагваль Элиас объяснил ему, что оптимизм сейчас неуместен, поскольку кровотечение могло бы стать роковым, если бы не его вмешательство как исцелителя. – Когда я ударил тебя по спине, я поставил пробку на пути покидавшей тебя жизненной силы, – сказал Нагваль скептически настроенному молодому актеру. – Без этого неизбежный процесс твоего умирания продолжался бы. Если ты мне не веришь, я докажу тебе это, убрав пробку другим ударом.

Сказав это, нагваль Элиас ударил молодого актера по правой стороне его грудной клетки. У того мгновенно начались рвота и удушье, изо рта его хлынула кровь, поскольку он безудержно кашлял. Следующий удар по спине остановил болезненную агонию и рвоту. Однако он так испугался, что потерял сознание. – Я могу задержать на некоторое время твою смерть, – сказал Нагваль, когда актер пришел в сознание. – Как долго я смогу делать это, зависит от того, насколько охотно ты будешь выполнять мои указания.

Нагваль сказал, что первым его требованием к молодому актеру было сохранение полной неподвижности и молчания. Если он не хочет, чтобы «пробка» вышла, – добавил Нагваль, – он должен вести себя так, как если бы он полностью потерял способность двигаться и говорить. Одного резкого движения или произнесенного слова достаточно, чтобы снова вызвать умирание. Молодой актер не привык выполнять чьи-либо требования и тем более следовать советам. Он пришел в ярость. Когда он попытался протестовать, снова вернулась страшная боль и конвульсии.

– Если прекратишь сопротивляться, я исцелю тебя, – сказал Нагваль, – Но если будешь вести себя как жалкий идиот, а ты и есть такой, то ты умрешь.

Актер, гордый молодой человек, оцепенел от оскорбления. Никто и никогда не называл его жалким идиотом. Он хотел было разъяриться, но боль была такой жестокой, что он не смог отреагировать на оскорбление.

– Если ты хочешь, чтобы я облегчил твою боль, ты должен слушаться меня беспрекословно, – сказал Нагваль с ужасающей холодностью, – Ответь мне кивком. Но если тебе вздумается вести себя подобно слабоумному, каким ты и являешься, я немедленно уберу пробку и брошу тебя умирать.

Собрав последние силы, актер кивнул в знак согласия. Нагваль шлепнул его по спине и его боль исчезла. Но вместе со жгучей болью исчезло еще кое-что: спала пелена с его разума. И тогда молодой актер узнал все, ничего при этом не понимая. Нагваль снова представился ему, сказав, что его зовут Элиас, и что он – Нагваль, и актер знал, что все это значит.

Затем нагваль Элиас обратил его внимание на лежавшую почти без сознания Талию. Он приложил губы к ее левому уху и прошептал слова, заставившие ее беспорядочно двигавшуюся точку сборки остановиться. Он успокоил ее страх, шепотом рассказывая ей истории о магах, которым пришлось испытать то же, что сейчас испытывала она. Когда она совершенно успокоилась, он представился как нагваль Элиас, маг, а затем попытался проделать с ней наиболее трудную в магии вещь – смещение точки сборки за пределы известного нам мира.

Дон Хуан заметил, что опытные маги способны выходить за пределы известного нам мира, чего не могут делать те, у кого такого опыта нет. Нагваль Элиас всегда утверждал, что обычно он и не пытался совершать такие подвиги, но в тот день его побудило действовать нечто отличное от его воли и его знаний. И прием сработал. Талиа побывала за пределами известного нам мира и вернулась назад невредимой.

Затем у нагваля Элиаса было еще одно озарение. Он сел между двумя распростертыми на земле молодыми людьми – обнаженный актер был прикрыт лишь курткой нагваля Элиаса для верховой езды – и проанализировал сложившуюся ситуацию. Он сказал им, что они оба в силу обстоятельств попали в ловушку самого духа.

Он, Нагваль, является активной частью этой ловушки, поскольку, встретившись с ними в данных обстоятельствах, он обязан был стать их временным покровителем и использовать свои познания в магии, чтобы помочь им. Его долгом как временного покровителя является предупредить их о том, что они близки к достижению единственного в своем роде порога и что им следует, – как каждому в отдельности, так и вместе, – подойти к этому порогу, войдя в настроение отрешенности, но без безрассудства, настроение осторожности, но без индальгирования. Он не хотел больше ничего говорить, боясь смутить их или повлиять на их выбор. Он чувствовал, что если им предстоит пересечь этот порог, с его стороны потребуется лишь совсем небольшая помощь. Затем Нагваль оставил их одних в этом уединенном месте и пошел в город, чтобы достать для них лекарственных трав, циновки и одеяла. Он сделал это для того, чтобы они достигли и пересекли этот порог в одиночестве.

В течение долгого времени молодые люди лежали рядом друг с другом, погруженные в свои мысли. Благодаря тому, что их точки сборки были смещены, они могли думать гораздо глубже чем обычно, но это также означало, что они беспокоились, колебались и боялись настолько же сильней.

Поскольку Талиа могла говорить и была немного сильнее, она прервала их молчание и спросила молодого актера, не страшно ли ему. Он утвердительно кивнул. Она испытывала к нему огромное чувство сострадания, поэтому сняла шаль и накинула ему на плечи, а затем взяла его за руку.

Молодой человек не смел сказать, что он чувствует. Слишком велик и стоек был его страх, что боль вернется к нему, если он заговорит. Он хотел извиниться перед ней, сказать, что очень сожалеет о причиненной ей боли и что его близкая смерть не имеет никакого значения, поскольку он определенно знает, что не проживет и дня.

Талиа думала о том же. Она сказала, что очень сожалеет о том, что избила его до полусмерти. Она испытывала теперь умиротворение – чувство, которое было прежде неведомо ей, раздираемой своей огромной энергией. Она сказала ему, что ее смерть тоже очень близка и что она будет рада, если все кончится в этот день.

Молодой актер, услышав свои собственные мысли из уст Талии, задрожал. Прилив энергии заставил его сесть. Он не чувствовал

боли и не кашлял. Он жадно вдыхал воздух, почти забыв о том, что было раньше. Он взял девушку за руку и они начали беззвучно разговаривать.

Дон Хуан сказал, что это было мгновение, когда на них низошел дух. Они видели. Они были глубоко верующими католиками, и то, что они видели, было видением небес, где все было живым и озаренным светом. Они *видели* мир чудесных, видений.

Когда вернулся Нагваль, он нашел их опустошенными, но невредимыми, Талиа была без сознания, а молодой человек не потерял сознания лишь благодаря невероятным усилиям. Он все пытался что-то прошептать Нагвалю на ухо.

– Мы видели Небеса, – прошептал он, и слезы покатались по его щекам.

– Вы видели гораздо больше, – возразил нагваль Элиас, – вы *видели дух*.

Дон Хуан сказал, что поскольку обрушивание духа всегда скрыто, Талиа и молодой актер, естественно, не могли удержать свое видение. Они скоро забыли его, как забыл бы и любой другой на их месте. Уникальность их опыта состояла в том, что без всякой подготовки и без осознания происходящего они вместе *сновидели* и вместе *видели дух*. Легкость, с которой они достигли этого, была просто невероятной.

– Эти двое были действительно самыми замечательными существами, которых я когда-либо встречал, – добавил дон Хуан. Естественно, мне захотелось узнать о них побольше. Но дон Хуан не стал потворствовать моему желанию. Он сказал, что все тогда происходившее касается его бенефактора и четвертого *абстрактного ядра*.

Казалось, он вспомнил нечто такое, о чем не рассказывал мне, и безудержно расхохотался. Затем он хлопнул меня по спине и сказал, что настало время посетить пещеру.

Когда мы достигли скального выступа, было почти темно. Дон Хуан поспешно сел в той же позе, что и в первый раз. Он сидел справа, касаясь меня плечом. Мне показалось, что он тут же погрузился в состояние глубокого расслабления, что побудило и меня к полной неподвижности и молчанию. Я не слышал даже его дыхания. Как только я закрыл глаза, он слегка подтолкнул меня локтем, предупреждая, чтобы я держал их открытыми.

Когда стало совсем темно, глаза мои стали болеть и чесаться от

нестерпимой усталости. В конце концов я перестал сопротивляться и провалился в самый глубокий и беспробудный сон в своей жизни. И все же это был не совсем сон. Я мог чувствовать вокруг себя густую черноту. У меня было совершенно явственное ощущение, что я пробираюсь сквозь эту черноту. Внезапно она стала красноватой, потом оранжевой, затем ослепительно белой, как очень резкий неоновый свет. Постепенно мое зрение сфокусировалось и я увидел, что сижу в той же позе рядом с доном Хуаном, только уже не в пещере. Мы были на вершине горы и смотрели вниз на изумительно красивые равнины и горы вдаль. Эта прекрасная прерия была омыта сиянием, которое струилось от самой земли, как лучи света. Куда бы я ни глянул, я видел знакомые очертания: скалы, холмы, реки, леса, каньоны, увеличенные и преображенные своими великолепными переливами, своим внутренним свечением. Свечение, которое было так приятно моим глазам, исходило также и из меня самого.

– Твоя точка сборки сдвинулась, – как бы сказал мне дон Хуан. Не было слышно ни звука, тем не менее я знал: только что он говорил со мной. Я попытался рационально объяснить самому себе, что я, без сомнения, услышал бы его даже если бы он говорил в безвоздушном пространстве. Все это, наверное, потому, что происшедшее со мной как-то временно изменило мои уши.

– С твоими ушами все в порядке. Просто мы находимся в иной области осознания, – снова как бы сказал мне дон Хуан.

Я не мог говорить. Я был в оцепенении глубокого сна, которое не позволяло мне произносить слова, хотя моя alertность была как никогда высокой.

– Что происходит? – подумал я.

– Пещера заставила твою точку сборки двигаться, – подумал дон Хуан, и я услышал его мысли, как если бы они были моими собственными словами, произнесенными моим голосом.

Я ощутил приказ, который не был выражен даже мысленно. Что-то заставило меня снова посмотреть на прерию.

По мере того, как я смотрел на это чудесное зрелище, из каждого предмета в этой прерии начали исходить нити света. Вначале это было похоже на взрыв бесконечного числа коротких световых волокон. Затем волокна превратились в длинные нитеподобные пряди света, связанные вместе вибрирующие лучи, уходящие в бесконечность. Я на самом деле не мог бы найти иной смысл того,

что я видел, или описать это иначе чем назвав нитями вибрирующего света. Нити не были перемешанными или спутанными. Хотя они исходили и продолжали исходить во всех направлениях, каждая была сама по себе, хотя все они оставались неразрывно связанными вместе.

– Ты *видишь* эманации Орла и силу, которая одновременно и разъединяет и связывает их воедино, – подумал дон Хуан. В мгновение, когда я уловил его мысль, нити света, казалось, унесли всю мою энергию. Меня охватила усталость. Видение мое исчезло и я погрузился в темноту.

Когда я снова пришел в себя, вокруг меня было что-то очень знакомое, хотя я и не мог сказать, что именно. Я решил, что вернулся в нормальное состояние осознания. Дон Хуан спал рядом со мной, наши плечи соприкасались.

Затем я понял, что мы находимся в такой крошечной темноте, что я не мог видеть даже своих собственных рук. Поразмыслив, я решил, что это, должно быть, туман окутал выступ и вход в пещеру. А может быть, это были низкие клочковатые облака, которые подобно бесшумным лавинам опускались каждую дождливую ночь с более высоких гор. Однако несмотря на полную темноту я каким-то образом увидел, что дон Хуан открыл глаза сразу же после того, как я пришел в себя, хотя он и не смотрел на меня. Внезапно я понял, что вижу его не вследствие падения света на мою сетчатку. Скорее это было телесное ощущение.

Я был так поглощен наблюдением за доном Хуаном без помощи глаз, что не обратил внимания на то, что он заговорил со мной. В конце концов он перестал говорить и повернул ко мне лицо, словно желая посмотреть мне в глаза.

Он пару раз кашлянул, прочищая горло, и снова заговорил очень тихим голосом. Он сказал, что его бенефактор имел обыкновение приходить в эту пещеру как с ним, так и с другими учениками, но чаще с ним одним. В этой пещере его бенефактор *видел* ту же прерию, которую только что *видели* мы, и это видение побудило его описать дух как поток вещей. Дон Хуан повторил, что его бенефактор не был хорошим мыслителем. Если бы он был им, то сразу понял бы, что то, что он *видел* и описал как поток вещей, было *намерением*, силой, которая пронизывает все. Дон Хуан добавил, что если его бенефактор даже и понимал природу своего *видения*, он никогда не говорил об этом. Но сам он считает, что его

бенефактор этого никогда не знал. Он считал, что *видит* поток вещей, и это было действительно так, но не в том смысле, который он имел в виду.

Дон Хуан говорил об этом так выразительно, что я хотел спросить, в чем же различие, но не смог произнести ни слова. Мое горло было как будто замороженным. Так мы сидели там в полной тишине и неподвижности несколько часов, однако я не чувствовал никакого неудобства. В мышцах не чувствовалось усталости, ноги не затекли, спина не болела.

Когда он снова заговорил, я даже не заметил перемены и с легкостью переключился на слушание его голоса. Это был мелодичный и ритмичный звук, как бы возникший из окружающей меня полной темноты.

Он сказал, что в этот самый момент я не нахожусь ни в нормальном, ни в повышенном состоянии осознания. Я как бы погружен в состояние временного затишья, во мрак или отсутствие всякого восприятия. Моя точка сборки сместилась с того места, откуда воспринимается повседневный мир, но продвинулась не настолько, чтобы достичь и полностью засветить новую связку энергетических полей. Собственно говоря, я застрял между двумя возможностями восприятия. Это промежуточное положение, это затишье восприятия было достигнуто благодаря влиянию пещеры, вызванному *намерением* магов, которые высекли ее в скале.

Дон Хуан попросил меня сконцентрировать все свое внимание на том, что он будет говорить дальше. Он сказал, что маги тысячи лет назад при помощи *видения* осознали, что Земля – это чувствующее существо, и ее осознание может действовать на осознание людей.

Они попытались найти способ использовать влияние Земли на человеческое осознание и обнаружили, что самым эффективным местом для этого являются некоторые пещеры. Дон Хуан сказал, что поиск таких пещер стал едва ли не единственным занятием этих магов, и благодаря их усилиям была обнаружена возможность использования пещер различной конфигурации в различных целях. Он добавил, что единственно важным для нас результатом этой работы стала именно эта пещера и ее свойство сдвигать точку сборки до достижения ею временного затишья восприятия.

Пока дон Хуан говорил, я не мог отделаться от неуютного чувства какого-то прояснения в моем уме. Что-то втягивало мое осознание в длинный узкий канал. Все поверхностные, случайные мысли и

чувства моего нормального осознания были вытеснены.

Дон Хуан вполне осознавал, что со мной происходит. Я слышал, как он тихонько посмеивался от удовольствия. Он сказал, что сейчас нам будет гораздо легче разговаривать и в нашей беседе будет больше глубины.

В этот момент я вспомнил массу вещей, которые он объяснял мне раньше. Например, я знал, что *сновижу*. Я действительно крепко спал, однако полностью осознавал себя с помощью своего второго внимания, которое являлось альтернативным моему обычному вниманию. Моя уверенность в том, что я сплю, основывалась на телесных ощущениях и на чисто рациональных выводах, опирающихся на сделанные раньше заявления дона Хуана. Я только что *видел* эманации Орла, а дон Хуан говорил, что маги не могут смотреть на эманации Орла способом, иным чем *сновидение*. Следовательно, я находился в *сновидении*.

Дон Хуан объяснял, что вселенная состоит из энергетических полей, не поддающихся описанию или изучению. Он говорил, что они похожи на нити обычного света; Отличие же состоит в том, что даже свет кажется безжизненным по сравнению с эманациями Орла, которые распространяют вокруг себя осознание. Вплоть до этой ночи я никогда не был способен видеть их достаточно долго, и они действительно состояли из света, который был живым. Дон Хуан еще раньше говорил мне, что мое знание и контроль *намерения* недостаточны для того, чтобы противостоять напору такого зрелища. Он объяснял, что обычное восприятие имеет место тогда, когда *намерение*, являющееся чистой энергией, воспламеняет часть светящихся волокон внутри нашего кокона и одновременно озаряет длинные пучки таких же светящихся волокон, которые тянутся из нашего кокона в бесконечность. Необычное же восприятие, – *видение* – проявляется, когда силой *намерения* наполняется энергией и зажигается уже другой пучок энергетических полей. Еще он сказал, что когда внутри светящегося кокона воспламеняется критическое количество энергетических полей, маг способен *видеть* сами энергетические поля.

В другой раз дон Хуан рассказал о рациональном мышлении древних магов. По его словам, благодаря своему *видению* они поняли, что осознание происходит тогда, когда энергетические поля внутри нашего светящегося кокона *приходят* в

соответствие с такими же энергетическими полями снаружи. И они решили, что именно это *соответствие* и есть источник осознания.

Однако после тщательного рассмотрения стало очевидным: то, что они называли «приведением в соответствие эманациям Орла», не могло полностью объяснить того, что они *видели*. Они заметили, что энергией наполняется только небольшая часть всего количества светящихся пучков внутри кокона, тогда как остальные остаются неизменными. *Видение* наполнения энергией этих нескольких нитей привело к ложному открытию. Нити не нуждаются в *приведении в соответствие*, чтобы воспламеняться, потому что внутри нашего кокона они те же, что и снаружи. То, что наполняет их энергией, является на самом деле независимой силой. Они чувствовали, что не могут продолжать, называть ее осознанием, как они это делали раньше, поскольку осознание – это свечение воспламененных энергетических полей. Поэтому сила, которая зажигает поля, была названа «волей».

Дон Хуан сказал, что когда их видение начало становиться все более точным и эффективным, они поняли, что *воля* – это сила, которая удерживает эманации Орла разделенными и порождает не только наше осознание, но и все остальное во вселенной. Они видели, что эта сила обладает полным сознанием и что она берет начало от тех самых полей энергии, которые образуют вселенную. Тогда они решили, что *намерение* – более подходящее название для нее, чем *воля*. Однако много веков спустя и это название было признано неудовлетворительным, поскольку оно не отражало ни огромной важности этой силы, ни ее живой связи со всем во вселенной.

Дон Хуан утверждал, что нашим огромным общим недостатком является то, что мы, проживая жизнь, совершенно игнорируем эту связь. Наши житейские дела, наши нескончаемые интересы, надежды, заботы, разочарования и страхи берут верх, и в потоке обыденной жизни мы и не подозреваем, что связаны с чем-то еще. Дон Хуан выразил свое убеждение в том, что христианские идеи об изгнании из райского сада представляются ему аллегорией утраты нашего безмолвного знания, нашего знания *намерения*.

Следовательно, магия – это возвращение к началу, возвращение в рай.

Мы продолжали сидеть в пещере в полном молчании, вероятно, в

течение нескольких часов, а может быть всего лишь несколько мгновений. Внезапно дон Хуан начал говорить, и неожиданный звук его голоса ошеломил меня. Я не уловил смысла его слов. Я прочистил горло, чтобы попросить его повторить сказанное, и это действие полностью вывело меня из созерцательного состояния. Я быстро понял, что темнота вокруг больше не была непроницаемой. Теперь я мог говорить. Я почувствовал, что вернулся в состояние обычного осознания.

Спокойным голосом дон Хуан сказал мне, что впервые в жизни я *видел дух*, – силу, которая поддерживает вселенную. Он подчеркнул, что *намерение* не является чем-то таким, что можно использовать, чем можно распоряжаться или каким-то образом управлять. И, тем не менее, можно использовать его, распоряжаться и управлять им по своему желанию. Это противоречие, по его словам, и является сутью магии. Непонимание этого принесло многим поколениям магов невообразимые страдания и горе. Современные Нагвали, стремясь избежать непомерно высокой платы страданием, разработали особую систему поведения, называемую путем воина, или безупречным образом действия, благодаря которой маги получают подготовку, развивая такие качества, как трезвость и внимательность.

Дон Хуан объяснил, что некогда, в далеком прошлом, маги проявляли интерес к общему связующему звену, посредством которого *намерение* связано со всем. Фокусируя второе внимание на этом звене, они обрели не только непосредственное знание, но и возможность его использования для совершения поразительных поступков. Однако они не приобрели трезвости ума, необходимой для полного управления всей этой силой.

И вот, размышляя над этим, маги решили фокусировать свое второе внимание на связующем звене только тех существ, которые наделены осознанием. Это включает весь ряд органических существ, а также еще один ряд, в который маги объединили так называемых Неорганических существ, или союзников. Союзники, как свидетельствуют маги, являются существами, наделенными осознанием, но не жизнью в том смысле, в котором мы понимаем жизнь.

Но и это решение было неудачным, поскольку не прибавило им мудрости. Продолжая сужать круг поисков, маги сфокусировали

свое внимание исключительно на звене, которое связывает с *намерением* только человеческие существа. Конечный результат не намного превзошел прежний. Наконец маги произвели окончательное сужение и решили, что каждый маг должен иметь дело только со своей связью, но и это решение оказалось таким же неэффективным.

Дон Хуан сказал, что хотя различие между этими четырьмя областями интереса и значительно, но все же ни одна из них не давала удовлетворительных результатов. Поэтому в конце концов маги остановились на том, что их собственное связующее звено с *намерением* должно освободить их посредством зажигания огня изнутри.

Он заявил, что все современные маги должны постоянно бороться, за достижение смолкания ума (внутренней тишины). Нагваль должен бороться особенно настойчиво, потому что он обладает большей силой, большей властью над энергетическими полями, которые определяют восприятие. Он в большей степени подготовлен и поэтому лучше знаком со сложностями безмолвного знания, которое является ничем иным, как непосредственным контактом с *намерением*.

Практикуемая таким образом магия становится попыткой восстановить наше знание *намерения* и снова обрести способность использовать его, не поддаваясь ему. И *абстрактные ядра* магических историй отражают оттенки постижения ступеней нашего осознания *намерения*.

Я понимал объяснения дона Хуана с совершенной ясностью. Но чем больше я понимал, чем яснее становились его утверждения, тем острее становилось мое чувство потери и подавленности. В какой-то момент я искренне решил покончить с собой прямо сейчас. Я чувствовал себя обреченным. Чуть не плача, я сказал дону Хуану, что ему не стоит продолжать объяснения, поскольку я знаю, что сейчас утрачу ясность мышления и что когда я вернусь в состояние обычного осознания, я не буду помнить ничего из того, что только что *видел* или слышал. Мое мирское осознание навяжет мне свою укоренившуюся привычку повторяться и свою разумную, предсказуемую логику. Вот почему я чувствую себя обреченным. Я сказал ему, что ужасно обижен на свою судьбу. Дон Хуан заметил, что даже в состоянии повышенного осознания я умудряюсь повторяться и время от времени навязываю ему

надоедливое описание своих приступов ощущения бесполезности. Он сказал, что если мне суждено погибнуть, то это должно случиться в борьбе, а не в сожалениях или чувстве жалости к себе. И не имеет значения, какой будет наша собственная судьба, пока мы лицом к лицу встречаем ее с предельной отрешенностью. Его слова отозвались во мне чувством блаженства и счастья. Слезы текли по моим щекам, и я снова и снова повторял, что согласен с ним. Счастье было таким огромным, что я испугался, как бы моя нервная система не вышла из-под контроля. Я постарался напрячь все свои силы и прекратит, это, и вскоре почувствовал отрезвляющее действие своих умственных усилий. Но, по мере того как я приходил в себя, ясность мышления начала рассеиваться. Я молча боролся, пытаюсь стать и менее здравомыслящим, и менее нервным. Дон Хуан не проронил ни звука, предоставив меня самому себе.

К тому времени, как я восстановил равновесие, почти рассвело. Дон Хуан встал, вытянул руки над головой и напряг мышцы. Его суставы при этом похрустывали. Он помог мне встать и заметил, что прошедшая ночь дала мне большое просветление: я испытал, что представляет собой *дух*, и смог собрать в себе достаточно сил и совершить нечто такое, что внешне проявилось как успокоение нервозности, а на более глубоком уровне было очень успешным сдвигом моей точки сборки собственными усилиями. Затем он дал мне понять, что пора отправляться в обратный путь.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Скачок мысли

Мы добрались до его дома около семи утра, как раз к завтраку. Я был голоден, но не устал. Мы покинули пещеру и на рассвете спустились вниз в долину. Дон Хуан, вместо того, чтобы идти напрямик, выбрал окольный путь, который проходил вдоль реки. Он объяснил, что нам нужно немного проветрить мозги, прежде чем идти домой.

Я ответил, что с его стороны было очень любезно сказать «нам», поскольку на самом деле только мне требовалось сделать это. Но он возразил, что действует не по доброте душевной, а исходя из системы практики воина. Воин, сказал он, всегда настороже, чтобы не попасть в ловушку негибкого человеческого поведения. Воин всегда магичен и безжалостен, это скиталец с самыми утонченными вкусами и манерами, чья задача – все больше оттачивать свои острые края, маскируя их при этом так, чтобы никто не мог заподозрить его в безжалостности.

После завтрака я хотел было немного поспать, но дон Хуан сказал, что мне нельзя терять времени. По его словам, я очень скоро должен был потерять ту небольшую ясность, которая у меня еще оставалась, и что если я пойду спать, то совершенно утрачу ее.

– Не нужно быть гением, чтобы понять, что говорить о *намерении* трудно, – сказал он, быстро рассматривая меня при этом с головы до ног, – Но сказать так – значит не сказать ничего. Вот почему вместо этого маги предпочитают магические истории. И они надеются, что однажды слушающий их поймет *абстрактные ядро* этих историй.

Я понимал, о чем он говорит, но по-прежнему не представлял себе, что такое *абстрактное ядро* или что оно должно значить для меня. Я пытался размышлять над этим, но мысли мне не повиновались. В уме быстро мелькали образы, не давая мне времени подумать о них. Я не мог замедлить их бег хотя бы до такой степени, чтобы можно было их распознать. В конце концов я рассердился и стукнул кулаком по столу.

Дон Хуан, хохоча, затрясся всем телом.

– Делай то, что ты делал прошлой ночью, – посоветовал он подмигивая. – Замедлись.

Мое раздражение сделало меня очень агрессивным. Я тут же выдвинул какие-то бессмысленные доводы, затем осознал свою ошибку и извинился за несдержанность.

– Не извиняйся, – сказал он. – Должен отметить, что понимание, которое придет после, сейчас для тебя попросту невозможно. В данный момент *абстрактные ядра* магических историй ни о чем тебе не говорят. Позже, я имею в виду – спустя годы – они обретут для тебя совершенно ясный смысл.

Я попросил дона Хуана не оставлять меня в неведении и все же обсудить *абстрактные ядра*. Мне было совершенно не понятно, чего он хотел от меня в связи с этими *ядрами*. Я убеждал его, что мое теперешнее состояние повышенного осознания могло бы очень помочь мне понять его объяснения. Я умолял его поторопиться, поскольку не мог ручаться за продолжительность такого состояния. Я сказал ему, что скоро вернусь в свое обычное осознание и стану еще большим идиотом, чем я есть сейчас. Это было сказано полшутя. По его смеху я понял, что он так и воспринял мои слова, но я был глубоко впечатлен ими. Меня охватило чувство сильной печали.

Дон Хуан мягко взял меня за руку и подтолкнул к уютному глубокому креслу, а сам сел напротив. Он пристально посмотрел мне в глаза, и мгновение спустя я был уже не в состоянии выносить силу его взгляда.

– Маги постоянно *выслеживают* самих себя, – сказал он доверительно, как бы пытаясь успокоить меня звуком своего голоса.

Я хотел сказать, что моя нервозность уже прошла и что причиной ее было, наверное, недосыпание, но он не позволил мне и рта раскрыть.

Он заявил, что уже обучил меня всему, что надо знать о *сталкинге*, но я еще не могу извлечь этого знания из глубин повышенного осознания, где я его запрятал. Я сказал ему, что у меня постоянно присутствует какое-то навязчивое ощущение ускользающей тайны. Я чувствовал нечто, запертое внутри меня, нечто, заставляющее меня пинать двери, стучать по столу, нечто, что было источником моих фрустраций и делало меня раздражительным.

– Ощущение, о котором ты говоришь, испытывает каждое

человеческое существо, – сказал он. – Это напоминание о существовании нашей связи с *намерением*. У магов такое чувство особенно пронзительно именно потому, что их цель заключается в повышении чувствительности связующего звена до такой степени, что они смогут управлять им посредством своей воли. Когда давление связующего звена становится чрезмерным, маги ослабляют его, *выслеживая* самих себя.

– Я все еще не очень-то понимаю, что ты подразумеваешь под *сталкингом*, – сказал я, – но мне кажется, что на каком-то определенном уровне я точно знаю, что ты имеешь в виду.

– В таком случае, я попытаюсь помочь тебе прояснить то, что ты знаешь, – сказал он. – *Сталкинг* – это процедура, очень простая. *Сталкинг* – это особое поведение, которое основано на определенных принципах. Это скрытное, незаметное, вводящее в заблуждение поведение, предназначенное для того, чтобы дать толчок. Когда ты *выслеживаешь* себя, то даешь самому себе толчок, действуя безжалостно и искусно.

Он объяснил, что когда осознание мага начинает увязать под тяжестью поступающих впечатлений, как это бывало со мной, то лучшим, или, пожалуй, единственным средством против этого является использование идеи смерти для того, чтобы сообщить толчок *сталкингу*.

– Идея смерти является колоссально важной в жизни магов, – продолжал дон Хуан. – Я привел тебе неисчислимые аргументы относительно смерти, чтобы убедить тебя в том, что знание о постоянно угрожающем нам неизбежном конце и является тем, что дает нам трезвость. Самой дорогостоящей ошибкой обычных людей является потакание ощущению, что мы бессмертны, как будто если мы не будем размышлять о собственной смерти, то сможем избежать ее.

– Ты должен согласиться, дон Хуан, что не думая о смерти, мы охраняем себя от переживаний по этому поводу.

– Да, именно с этой целью мы и не думаем о ней, – согласился дон Хуан. – Но эта цель не является стоящей даже для обычных людей, а уж для магов она попросту пародийна. Без ясного взгляда на смерть нет ни порядка, ни трезвости ума, ни красоты. Маги борются за достижение этого очень важного понимания, чтобы на возможно более глубоком уровне облегчить постижение следующей истины: у них нет ни малейшей уверенности, что их

жизнь продлится дольше этого мгновения. Такое понимание дает магам мужество быть терпеливыми, и все же совершать действия, быть уступчивыми, не будучи глупыми.

Дон Хуан пристально посмотрел на меня Он улыбнулся и тряхнул головой.

– Да, – продолжал он, – мысль о смерти – это единственное, что может придать магу мужество. Странно, правда? Она дает магу мужество быть искусным без сомнения, но самое главное – она дает ему мужество быть безжалостным без чувства собственной важности.

Он снова улыбнулся и слегка подтолкнул меня локтем. Я сказал ему, что мысль о собственной смерти ужасает меня и что я постоянно думаю о ней, но это все равно не дает мне мужества и не побуждает к действию. Я только становлюсь циничным и впадаю в глубокую меланхолию.

– Твоя проблема очень проста, – сказал он. – Тобой слишком легко овладевают чувства Я уже говорил тебе, что маги *выслеживают* самих себя, чтобы побороть власть, своих навязчивых идей. Имеется много способов *сталкинга* самого себя. Если ты не хочешь использовать идею смерти, используй для *сталкинга* самого себя стихи, которые ты мне читаешь.

– Извини, не понял.

– Я уже говорил тебе, что по многим причинам люблю поэзию, – сказал он. – С ее помощью я занимаюсь выслеживанием самого себя. Это сообщает мне толчок. Я слушаю, как ты читаешь, и останавливаю свой внутренний диалог, позволяя установиться моей внутренней тишине. Затем сочетание стихотворения и внутренней тишины сообщает мне толчок.

Он объяснил, что поэты неосознанно тяготеют к миру магии. Поскольку они не являются магами на пути к знанию, притяжение – это все, что у них есть.

– Посмотрим, сможешь ли ты ощутить, то, о чем я тебе говорил, – сказал он, вручая мне книжку стихов Хосе Горостизы.

Я открыл ее на том месте, где была закладка, и он указал мне свое любимое стихотворение.

... Это беспрестанное неотвратимое умирание.

Эта живая смерть

Которая убивает Тебя, о Боже.

В Твоих совершенных творениях.

*В розах, кристаллах.
В неукротимых звездах.
И в сгорающем теле.
Что полыхает, подобно костру.
Зажженному песней;
В мечте, красоте, поражающей глаз.
...И Ты, ты сам
Возможно, умер миллионы вечностей тому назад.
А мы и не знаем об этом.
Мы – Твои останки, частицы, золи.
Не знаем о том.
Что Ты, подобно
Звезде, прячущейся за своим светом.
Доходящим до нас
Пустым светом без звезды.
Скрываешь Свою бесконечную катастрофу.*

– Слушая эти слова, – сказал дон Хуан, когда я закончил читать, – я чувствую, что этот человек *видит суть* вещей, и я могу *видеть* вместе с ним. Меня не интересует, о чем эти стихи. Меня волнует только чувство, которое поэт желает передать. Я проникаюсь этим его желанием, и вместе с ним – красотой. Воистину чудо, что он, подобно настоящему воину, щедро отдает свое чувство тем, кто его воспринимает, – своим читателям, ничего не требуя взамен, оставляя себе только свое стремление к чему-то. Этот толчок, это потрясение красотой и есть *сталкинг*.

Я был очень тронут. Объяснение дона Хуана задело какую-то невидимую струну моей души.

– Не хочешь ли ты сказать, дон Хуан, что смерть, является нашим единственным настоящим врагом? – спросил я, немного помолчав.

– Нет, – сказал он убежденно. – Смерть не является врагом, хотя и кажется им. Смерть не разрушает нас, хотя мы и думаем, что это так.

– Но если она не является нашим разрушителем, тогда что же она такое? – спросил я.

– Маги говорят, что смерть является единственным стоящим противником, который у нас есть, – ответил он. – Смерть – это вызов для нас. Мы все рождены, чтобы принять этот вызов, – и обычные люди, и маги. Маги знают об этом, обычные люди – нет.

– Лично я думаю, дон Хуан, что жизнь, а не смерть является

ВЫЗОВОМ.

– Жизнь – это процесс, посредством которого смерть бросает нам вызов, – сказал он. – Смерть является действующей силой, жизнь – это арена действия. И всякий раз на этой арене только двое противников – сам человек и его смерть.

– Я предпочел бы думать, дон Хуан, что именно мы, человеческие существа, являемся теми, кто бросает вызов, – сказал я.

– Вовсе нет, – возразил дон Хуан – Мы пассивны. Подумай об этом. Мы действуем только тогда, когда чувствуем давление смерти. Смерть задает темп для наших поступков и чувств и неумолимо подталкивает нас до тех пор, пока не разрушит нас и не выиграет этот поединок, или же пока мы не совершим невозможное и не победим смерть.

Маги побеждают смерть, и смерть признает поражение, позволяя магам стать свободными и навсегда избежать нового вызова.

– Значит ли это, что маги становятся бессмертными?

– Нет. Не значит, – ответил он. – Смерть перестает бросать им вызов, и это все.

– Но что это означает, дон Хуан? – спросил я.

– Это значит, что мысль совершает скачок в непостижимое.

– Что такое «скачок мысли в непостижимое»? – спросил я, стараясь, чтобы в моем голосе не прозвучали воинственные нотки.

– Наша с тобой постоянная проблема в том, что мы никак не можем прийти к общему для нас обоим смыслу некоторых определений.

– Сейчас ты не искренен, – прервал меня дон Хуан. – Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Требуя рациональных объяснений скачка мысли в непостижимое, ты ломаешь комедию. Ты точно знаешь, что это такое.

– Нет, не знаю, – сказал я.

И вдруг я понял, что знаю, или, вернее, интуитивно постиг то, что он имел в виду. Какая-то часть меня смогла преодолеть мою рациональность, понять и объяснить скачок мысли в непостижимое за пределами уровня метафоры. Плохо было то, что эта часть меня не была достаточно сильной, чтобы выйти на поверхность по желанию.

Я попытался объяснить все это дону Хуану, а он смеялся и говорил, что мое осознание похоже на йо-йо. Иногда оно поднимается вверх, и тогда я четко владею собой. Когда же оно

опускается, то я становлюсь рациональным идиотом. Но чаще всего оно колеблется на бесполезной середине, где я – «ни рыба, ни птица».

– Скачок мысли в непостижимое, – объяснил он со вздохом покорности судьбе, – есть нисхождение *духа*. Это акт ломки барьеров нашего восприятия. Это момент, когда человеческое восприятие достигает предела. Чтобы определить пределы нашего восприятия, маги практикуют искусство засылания разведчиков, первопроходцев. Вот еще одна причина моей любви к стихам. Я воспринимаю их как таких лазутчиков. Но, как я уже говорил тебе, поэты не знают так точно, как маги, чего могут достичь их первопроходцы.

Ранним вечером дон Хуан сказал, что нам предстоит обсудить много вещей, и спросил, не хочу ли я пойти на прогулку. Я был настроен как-то по-особому. Ранее я обнаружил в себе странное чувство отчужденности, которое пришло и ушло. Сначала я подумал, что мысли затуманивает физическое утомление, но мысли мои были кристально ясными. Поэтому я стал понимать, что эта странная отрешенность – результат моего перехода в повышенное осознание.

Мы вышли из дома и стали прогуливаться по городской площади. Я поспешил спросить дона Хуана о моей отрешенности, прежде чем он успел заговорить о чем-нибудь другом. Он объяснил это переключением энергии.

Когда высвобождается энергия, которая обычно используется для удерживания точки сборки в фиксированном положении, она автоматически фокусируется на связующем звене. Он заверил меня, что нет никакой особой техники или приемов, при помощи которых маг заранее мог научиться перемещать энергию с одного места на другое. Скорее дело здесь в мгновенном смещении, которое происходит после достижения определенной степени опытности.

Я спросил его, что это за степень опытности.

– Чистое понимание, – ответил он. – Для того, чтобы добиться такого мгновенного смещения энергии, требуется четкая связь с *намерением*, а для того, чтобы установить эту четкую связь, необходимо только иметь *намерение* сделать это, используя чистое понимание.

Естественно, я попросил объяснить, что такое это чистое

понимание. Он рассмеялся и присел на скамью.

– Я собираюсь рассказать тебе нечто существенное касательно магов и магических действий, – начал он. – Кое-что о скачке мысли в непостижимое.

Он сказал, что некоторые маги были рассказчиками историй. Эти истории были не только разведкой для определения пределов восприятия – это был их путь к совершенству, силе, духу. На секунду он замолчал, очевидно, подыскивая подходящий пример, затем напомнил, что у индейцев яки существует свод исторических событий, который называется «памятные даты».

Я знал, что эти «памятные даты» были устными рассказами об их истории как народа, ведущего войну против захватчиков своей родины – сначала испанцев, потом мексиканцев. Дон Хуан, будучи индейцем яки, с чувством заявил, что эти памятные даты были перечнем их поражений и рассеяния.

– Итак, – обратился он ко мне, – что ты, как человек ученый, мог бы сказать об изложении магом-рассказчиком историй, основанных на памятных датах? Скажем, истории о Калисто Муни, концовку которой он изменяет, и вместо того, чтобы расписывать, как Калисто Муни был схвачен и четвертован испанскими палачами, что соответствует действительности, он изображает Калисто Муни победоносным повстанцем, которому сопутствует успех в освобождении своего народа?

Я знал историю Калисто Муни. Он был индейцем из племени яки, который, согласно «памятным датам», много лет плывал на пиратском корабле в Карибском море, чтобы изучить искусство военной стратегии. Затем он вернулся к себе на родину в Сонору и поднял восстание против испанцев, провозгласив войну за независимость, но потерпел поражение, попал в плен и был казнен. Дон Хуан попросил меня высказать свои соображения по поводу этой истории.

– Конечно, – начал я, – можно предположить, что изменение имевших место событий так, как ты это описал, является психологическим приемом, как-то продиктованным пристрастием мага-рассказчика. Возможно также, это было его личным, именно ему присущим способом смягчения разочарования.

Я добавил, что мог бы даже назвать такого мага-рассказчика патриотом, потому что для него было немыслимо смириться с горечью поражения.

Дон Хуан чуть не задохнулся от смеха.

– Но дело не в одном-единственном маге-рассказчике, – сказал он,

– Они все так поступают.

– Тогда это является социально оправданным приемом, призванным выразить желаемое представление всего общества об этом событии, – возразил я. – Общепринятым способом коллективного сбрасывания психологического стресса.

– Твои доводы разумны и убедительны, – сказал он, – но, поскольку твой *дух* мертв, – ты не способен увидеть, изъян в своих рассуждениях.

Он посмотрел на меня, как бы подталкивая к пониманию того, что он говорит. Я не мог ничего сказать по этому поводу, а если бы и сказал, то это только отразило бы мое раздражение.

– Рассказчик-маг, который изменил окончание реального сюжета, – сказал он, – делал это по указанию и при содействии *духа*.

Поскольку он может манипулировать своей неуловимой связью с *намерением*, он действительно может изменять события.

Рассказчик-маг, демонстрируя свое *намерение*, снимает свою шляпу, бросает ее на землю и поворачивает на 360 градусов против часовой стрелки. При содействии *духа* что простое действие погружает его непосредственно в *дух*. Он позволил своей мысли совершить скачок в *непостижимое*.

Дон Хуан поднял руку над головой и быстро указал на небо над горизонтом.

– Поскольку его чистое понимание является лазутчиком, исследующим эту безбрежность вне нас, – продолжал он, – рассказчик-маг знает без тени сомнения, что где-то в этой бесконечности в данный момент обрушивается *дух*. Калисто Муни является победителем. Он освободил свой народ. Его цель превзошла его личность.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Перемещение точки сборки

Через пару дней мы с доном Хуаном отправились в горы. Где-то на полпути к предгорьям мы сели отдохнуть. Днем раньше дон Хуан решил найти подходящее место для объяснения некоторых сложных аспектов искусства овладения осознанием. Обычно он предпочитал идти к ближайшей горной гряде на западе. Однако на этот раз он избрал восточные вершины. Они были намного более высокими и находились дальше. Мне они казались более зловещими, темными и более массивными. Но я не мог сказать точно, было ли это личное впечатление или мне каким-то образом передалось восприятие гор доном Хуаном.

Я открыл свой рюкзак. Его собрали для меня женщины *видящие* из группы дона Хуана, и я обнаружил, что они положили туда сыр. У меня возникло легкое чувство досады, поскольку хотя я и любил сыр, сейчас мне его совсем не хотелось. Но невозможно было отказаться от него, раз уж он там был.

Дон Хуан указал на это как на мою слабость и стал насмехаться надо мной. Вначале это привело меня в замешательство, но затем я решил, что если уж у меня нет сыра, – я не могу его и потерять. Дело в том, что неутомимые шутники из отряда дона Хуана всегда клали мне в рюкзак большой кусок сыра, который я, конечно же, всегда съедал.

– Прикончи его в один присест, – посоветовал мне дон Хуан с коварным блеском в глазах, – и тебе не нужно будет больше о нем беспокоиться.

Наверное, под влиянием его слов у меня возникло сильное желание проглотить сразу весь кусок. Дон Хуан смеялся так сильно, что я заподозрил его соучастие в направленных против меня происках членов его группы.

Уже более серьезным тоном он предложил заночевать здесь, в предгорьях, а затем через день-два добраться до самых высоких вершин. Я согласился.

Дон Хуан осторожно спросил меня, не вспомнил ли я еще что-нибудь относительно четырех настроений *сталкинга*. Я признался,

что пробовал делать это, но меня подводит моя память.

– Помнишь ли ты, что я говорил тебе о природе безжалостности? – спросил он, – Безжалостности как противоположности жалости к самому себе?

Я не мог вспомнить. Дон Хуан, казалось, обдумывал свои дальнейшие слова. Затем он остановился. Уголки его губ изогнулись в гримасе притворного бессилия. Он пожал плечами, встал и быстро пошел к находившемуся чуть поодаль небольшому плоскому участку на вершине холма.

– Все маги безжалостны, – сказал он, когда мы расположились на этой площадке, – но ты знаешь это. Мы обстоятельно обсудили эту тему.

После долгого молчания он сказал, что мы должны продолжить обсуждение *абстрактных ядер* магических историй. Но он предполагает говорить о них все меньше и меньше, потому что приближается время, когда мне придется открыть их самому и позволить им обнаружить свое значение.

– Как я уже говорил тебе, – сказал он, – четвертое абстрактное *ядро* магических историй называется нисхождением *духа*, или перемещением точки сборки благодаря *намерению*. История гласит, что для того, чтобы тайны магии открылись человеку, о котором мы говорим, *духу* необходимо обрушиться на него.

Дух выбирает момент, когда человек расслаблен, незащищен, и совершенно безжалостно обнаруживает свое присутствие, сдвигая точку сборки человека в определенное положение. Это место с тех пор называется магами «*местом без жалости*». Таким образом безжалостность стала первым принципом магии.

Первый принцип не следует смешивать с первым результатом магического ученичества, которым является перемещение между обычным и повышенным осознанием.

– Не понимаю, что ты хочешь этим сказать, – пожаловался я.

– Я хочу сказать, что, по всей видимости, сдвиг точки сборки является первым событием, которое реально происходит с учеником магии, – ответил он, – так что для ученика вполне естественно считать, что именно это и является первым принципом магии. Но это не так. Безжалостность – вот первый принцип магии. Но мы уже обсуждали это раньше. Сейчас я только пытаюсь помочь тебе вспомнить.

Я мог бы честно сказать, что не имею понятия, о чем идет речь, но

меня не покидало странное ощущение, что я знаю это.

– Постарайся вызвать *вспоминание* того, как я впервые стал учить тебя безжалостности, – потребовал он. *Вспоминание* связано с перемещением точки сборки.

Он подождал минуту, чтобы посмотреть, выполню ли я его инструкции. Поскольку было очевидно, что я ничего не могу вспомнить, он продолжил свои объяснения. Он сказал, что для осуществления такого таинственного акта, как сдвиг в повышенное осознание, необходимо присутствие *духа*.

Я заметил, что на этот раз либо его заявления слишком непонятны, либо я слишком туп, поскольку абсолютно не могу уследить за ходом его мысли. Он твердо ответил, что мое замешательство не имеет значения, и что по-настоящему важна только одна вещь – мое понимание того, что даже простой контакт с *духом* может вызвать движение точки сборки.

– Я уже говорил тебе, что Нагваль является проводником *духа*, – продолжал он, – поскольку он на протяжении всей жизни безупречно устанавливает свое связующее звено с *намерением*, и, поскольку он обладает большей энергией, чем обычный человек, он может позволить *духу* проявляться через него. Итак, первое, что испытывает ученик магии – это сдвиг его уровня осознания, сдвиг, вызванный простым присутствием Нагваля. И я хочу, чтобы ты понял, что в действительности для сдвига точки сборки не существует какой-то особой процедуры. Ученика касается *дух*, и его точка сборки сдвигается, только и всего.

Я сказал ему, что его утверждение приводит меня в замешательство, поскольку противоречит с таким трудом добытой мною на собственном опыте истине: переход в повышенное осознание осуществляется при помощи искусного, хотя и необъяснимого приема дона Хуана, благодаря которому он манипулирует моим восприятием. На протяжении лет, в течение которых мы были связаны, он время от времени переводил меня в состояние повышенного осознания простым ударом по спине. Я сказал ему об этом противоречии.

Он ответил, что шлепок по спине был скорее уловкой для отвлечения моего внимания и устранения сомнений из моего ума, чем настоящим приемом для манипулирования моим восприятием. Он назвал это простым трюком, соответствующим его сдержанному характеру. Ничуть, не шутя, он добавил, что на мое

счастье он человек простой и не склонен к диким выходкам, иначе вместо простых уловок мне пришлось бы пройти через устрашающие ритуалы, прежде чем он смог бы изгнать все сомнения из моего ума и позволить духу переместить мою точку сборки.

– Все, что мы должны сделать, чтобы позволить магии овладеть нами – это изгнать из нашего ума сомнения, – сказал он. – Как только сомнения изгнаны, – все что угодно становится возможным. Он напомнил мне одно событие, свидетелем которому я стал несколько лет назад в Мехико, событие, казавшееся мне непостижимым до тех пор, пока он не объяснил его, используя парадигму магии.

То, свидетелем чего я стал, было хирургической операцией, выполненной одним знаменитым исцелителем, использовавшим психофизические приемы. Пациентом был мой друг, исцелителем – женщина, которая его оперировала, войдя в чрезвычайно драматический транс.

Я мог наблюдать, как, используя кухонный нож, она вскрыла ему полость живота в области пупка, отделила его больную печень, промыла ее в ковше со спиртом, вложила обратно и закрывала бескровный разрез простым надавливанием рук.

В полутемной комнате находилось еще несколько человек, ставших свидетелями этой операции. Некоторые, подобно мне казались заинтересованными наблюдателями. Остальные были помощниками исцелительницы.

После операции я немного поговорил с наблюдателями. Все они подтвердили, что видели то же, что и я. Когда позже я разговаривал с моим другом, который и был пациентом исцелительницы, – он сказал, что на протяжении операции он испытывал тупую постоянную боль а животе и ощущение жжения в правом боку.

Я передал все это дону Хуану и даже позволил себе циничное объяснение. Я сказал ему, что полумрак в комнате, по моему мнению, создавал все условия для проявления ловкости рук, с помощью которой можно было создать иллюзию извлечения внутренних органов из брюшной полости с последующей промывкой их в спирте. Эмоциональный шок, вызванный драматическим трансом исцелительницы, который я тоже считал не более чем трюком, – помогал создавать атмосферу чуть ли не

религиозного таинства.

Дон Хуан немедленно ответил, что это было циничное мнение, а не циничное объяснение, потому что я никак не объяснил тот факт, что мой друг действительно выздоровел. Затем дон Хуан предложил иную точку зрения, которая основывалась на знании магов. Он объяснил, что все происходившее было основано на том замечательном факте, что исцелительница обладала способностью сдвигать точку сборки строго определенного количества людей, присутствовавших на сеансе. Единственная хитрость, если только можно назвать это хитростью, заключалась в том, что число людей, находившихся в комнате, не могло превышать то, которым она могла управлять.

Ее драматический транс и сопровождавший его театральный эффект, по его мнению, были или хорошо продуманным приемом, используемым исцелительницей для захвата внимания всех присутствующих, или неосознанным приемом, продиктованным самим *духом*. В любом случае они были самым подходящим средством для создания единства мысли, необходимого исцелительнице для изгнания сомнений из умов присутствующих и перевода их в повышенное осознание.

Когда она разрезала тело кухонным ножом и извлекала печень, это не было, как подчеркнул дон Хуан, ловкостью рук. Все это действительно происходило, но только в состоянии повышенного осознания, и находилось вне сферы повседневного здравого смысла.

Я спросил у дона Хуана, как исцелительница могла сместить точки сборки присутствовавших людей, не касаясь их. Он ответил, что сила исцелительницы, являющаяся природным даром или изумительным достижением, послужила проводником *духа*.

— Именно *дух*, — сказал он, — а не исцелительница, был тем, что сдвигало точку сборки.

— Тогда я объяснил тебе, хотя ты и не понял ни слова — продолжал дон Хуан, что искусство и сила исцелителя заключается в том, чтобы устранить всякое сомнение из умов присутствующих на сеансе. Сделав это, она дала возможность *духу* переместить их точки сборки. Когда же эти точки смещаются, все становится возможным. Присутствующие попадают в ту область, где чудеса являются чем-то обычным.

Он многозначительно заявил, что та исцелительница безусловно

была также и магом и что если я постараюсь вспомнить операцию, то пойму, что она была безжалостна по отношению ко всем присутствующим, особенно – к больному.

Я повторил ему все, что смог припомнить об операции.

Расположение и цвет стен квартиры исцелительницы, то, как драматически изменился тембр ее голоса, ставшего, когда она вошла в транс, дребезжащим, режущим ухо мужским голосом. Этот голос объявил, что дух воина древних доколумбовых времен овладел телом исцелительницы. Как только прозвучало это заявление, поведение исцелительницы драматически изменилось. Она стала одержимой. Она была очевидно и абсолютно спокойна и приступила к операции с полной уверенностью и твердостью.

– Я предпочитаю слово «безжалостность» словам «уверенность» и «твердость», – заявил дон Хуан, а затем продолжал: – Эта исцелительница должна была быть безжалостной, чтобы создать надлежащую обстановку для вмешательства духа.

Он утверждал, что такие труднообъяснимые случаи, как эта операция, на самом деле очень просты. Понимание их усложнено из-за нашей приверженности к думанию. Если мы не думаем, все становится на свои места.

– Но это настоящий абсурд, дон Хуан, – скачал я, искренне уверенный в своей правоте.

Я напомнил ему, что он требовал от своих учеников серьезных размышлений и даже критиковал своего собственного учителя за то, что тот не был хорошим мыслителем.

– Конечно, я настаиваю, чтобы каждый вокруг меня мыслил ясно, – сказал он. – И я объясняю каждому, кто захочет слушать, что единственный способ мыслить четко, – это не думать вообще. Я был убежден, что тебе понятно это магическое противоречие.

Я решительно восстал против неясности этого утверждения. Он смеялся и подшучивал над тем, что я вынужден защищаться. Затем он снова объяснил, что для мага существует два способа думания. Первый – это обыденный способ, который управляется обычным положением его точки сборки. Это беспорядочное мышление, которое совершенно не отвечает его потребностям и порождает в его голове изрядный сумбур. Второй – точное мышление. Оно функционально, экономно и очень редко оставляет что-либо невыясненным. Дон Хуан заметил, что для преобладания этого способа мышления необходим сдвиг точки сборки, или, по

крайней мере, объединенный способ мышления должен прекратиться, чтобы дать возможность переместиться точке сборки. Таково кажущееся противоречие, которое на самом деле не является противоречием вообще.

– Мне хотелось бы, чтобы ты вспомнил кое-что, сделанное тобой в прошлом – сказал он. – Я хочу, чтобы ты вспомнил особое движение своей точки сборки. Для этого ты должен перестать думать так, как думаешь обычно. Тогда возьмет верх второй способ мышления, который я называю ясным и четким, и заставит тебя *вспоминать*.

– Но как я могу перестать думать? – спросил я, хотя отлично знал, что он скажет в ответ.

– При помощи *намерения* сдвинуть свою точку сборки, – сказал он. – А *намерение* привлекается глазами.

Я сказал дону Хуану, что мой разум колеблется между моментами колоссальной прозрачности, когда все кажется предельно ясным, – и погружениями в глубокую умственную усталость, когда я вообще не понимаю, о чем он говорит. Он попытался ободрить меня и объяснил, что такая нестабильность вызвана легкими флуктуациями моей точки сборки, которая до сих пор еще не стабилизировалась в положении, достигнутом ею несколько лет назад. Колебания эти вызваны остаточным чувством жалости к самому себе.

– Что это за новое положение, дон Хуан? – спросил я.

– Несколько лет назад, – и это как раз и есть то, что я хотел заставить тебя вспомнить, – твоя точка сборки достигла *места без жалости*, – ответил он.

– Прошу прощения?..

– *Место без жалости* – это положение безжалостности, – объяснил он. – Но ты знаешь все то. Однако пока ты не вспомнишь всего сам, давай скажем, что безжалостность, будучи особым положением точки сборки, проявляется у магов через глаза. Они становятся как бы покрытыми тонкой мерцающей пленкой. У магов лучистые глаза. Чем больше они сияют, тем более безжалостным является маг. Сейчас, например, у тебя глаза тусклые.

Он объяснил, что когда точка сборки сдвинется к *месту без жалости*, глаза начинают излучать свет. Чем прочнее фиксируется точка сборки в этом новом положении, тем лучистее становятся

глаза.

– Попробуй вспомнить то, что ты уже знаешь об этом, – настаивал он.

На мгновение он замолчал, а потом заговорил, не глядя на меня.

– *Вспоминание* не имеет ничего общего с воспоминанием, – продолжал он, – Воспоминание связано с обыденным способом мышления, тогда как *вспоминание* зависит от движения точки сборки.

Ключом к движению точки сборки является перепросмотр собственной жизни, к которому прибегают маги. Маги начинают свой перепросмотр с думания, с воспоминаний о наиболее важных событиях своей жизни. От простого думания они затем переходят к реальному пребыванию в месте события. Когда это им удастся, они с успехом сдвигают свою точку сборки именно в то положение, в котором она находилась, когда происходило это событие. Полное воспроизведение события с помощью сдвига точки сборки известно как *вспоминание* магов.

Он взглянул на меня, словно желая убедиться в том, что я слушаю.

– Наша точка сборки постоянно смещается, – объяснил он. Но это незначительное смещение. Маги полагают, что для того, чтобы заставить свою точку сборки сместиться в нужное место, они должны использовать *намерение*. А поскольку невозможно узнать, что такое *намерение*, то маги притягивают его с помощью своих глаз.

– Право, все это для меня совершенно непостижимо, – сказал я.

Дон Хуан положил руки под голову и растянулся на земле. Я последовал его примеру. Долгое время мы не разговаривали. Ветер гнал по небу облака. От их движения у меня слегка закружилась голова. Затем головокружение внезапно сменилось знакомым ощущением страдания.

Каждый раз при встречах с доном Хуаном я испытывал, особенно в минуты отдыха и молчания, переполняющее чувство отчаяния, стремление к чему-то такому, чего я не мог выразить словами.

Когда я был один или с другими людьми, такое чувство никогда не охватывало меня. Как объяснил дон Хуан, то, что я ощущал и истолковывал как стремление, было в действительности вызвано внезапным движением моей точки сборки.

Когда дон Хуан заговорил снова, звук его голоса заставил меня вздрогнуть. Я сел.

– Ты должен *вспомнить*, когда твои глаза впервые засияли, – сказал он, – Как раз тогда твоя точка сборки впервые достигла *места без жалости*. Безжалостность овладела тобой.

Безжалостность делает глаза магов лучистыми, и это сияние притягивает *намерение*. Каждому положению, в которое сдвигается их точка сборки, соответствует особый блеск их глаз. Поскольку глаза обладают собственной памятью, маги способны вызвать *вспоминание* любого места, воспроизводя соответствующий каждому из этих мест блеск глаз.

Он объяснил, что маги придают так много значения лучистости своих глаз и своему взгляду потому, что глаза непосредственно связаны с *намерением*. Эта на первый взгляд противоречивая истина заключается в том, что глаза имеют лишь поверхностное отношение к миру повседневной жизни. В глубинном плане глаза связаны с *абстрактным*.

Я не мог представить себе, как глаза могут хранить информацию такого рода, и сказал ему об этом.

Дон Хуан ответил, что человеческие возможности настолько безграничны и таинственны, что маги, вместо того, чтобы размышлять об этом, предпочитают использовать их без надежды понять, что они собой представляют.

Я спросил его, влияет ли *намерение* на глаза обычных людей.

– Конечно! – воскликнул он, – И ты знаешь об этом, но только на таком глубинном уровне, что это уже *безмолвное знание*. У тебя нет достаточной энергии, чтобы объяснить это даже самому себе. Обычный человек знает о своих глазах то же самое, но у него еще меньше энергии, чем у тебя. Единственное преимущество магов над обычным человеком заключается в том, что они накапливают свою энергию. Это обеспечивает более точное и четкое связующее звено с *намерением*, и, естественно, означает также, что они могут вспоминать по своей воле, используя сияние своих глаз для сдвига точки сборки.

Дон Хуан прервал свою речь и стал пристально смотреть на меня. Я отчетливо чувствовал, что его глаза направляли, подталкивали, тащили нечто неопределенное внутри меня. Я не мог оторваться от его взгляда. Его концентрация была такой интенсивной, что это и в самом деле вызывало во мне чисто физическое ощущение – казалось, что я находился в печке. И вот совершенно неожиданно мой взгляд оказался обращенным внутрь. Это было похоже на

пробывание в рассеянном мечтательном состоянии, но к этому примешивалось странное чувство интенсивного осознания самого себя и отсутствия мыслей. В полном сознании я смотрел внутрь, туда, где ничего не было.

Гигантским усилием воли я вывел себя из этого состояния и вскочил.

– Что ты делал со мной, дон Хуан?

– Иногда ты бываешь абсолютно несносен, – сказал он. –

Непозволительная расточительность. Твоя точка сборки только что была в положении, наиболее благоприятном для *вспоминания* всего, что пожелаешь, а ты что сделал? Ты все испортил, спросив меня, что я с тобой сделал.

Немного помолчав, он улыбнулся, увидев, что я снова сел.

– Но занудство является твоим величайшим достоинством, – заметил он. – Так на что же мне жаловаться?

Мы оба громко расхохотались. Это была шутка в его духе.

Несколько лет назад я был очень тронут и смущен огромным желанием дона Хуана помочь мне. Я никак не мог понять, почему он проявил в отношении меня столько доброты. Было очевидно, что он не нуждается во мне ни в каком смысле. Он явно не был во мне заинтересован. На горьком жизненном опыте я понял, что ничто не делается просто так. Я терялся в догадках относительно того, зачем же все-таки я ему нужен, и это ужасно беспокоило меня.

Однажды я весьма цинично напрямик спросил дона Хуана, какая ему польза от нашего знакомства, добавив при этом, что теряюсь в догадках на этот счет.

– Ты все равно не поймешь, – ответил он.

Его ответ вызвал у меня раздражение. Я с вызовом сказал ему, что не считаю себя глупцом, и он может хотя бы попытаться объяснить мне это.

– Хорошо, я скажу, но даже если ты поймешь, тебе это вовсе не понравится, – сказал он с улыбкой, с которой всегда поддевал меня, – Как видишь, я стараюсь щадить твое самолюбие.

Я был задет и потребовал, чтобы он сказал, что имеет в виду.

– Ты уверен, что хочешь услышать правду? – спросил он, зная, что я никогда не скажу «нет», даже если от этого будет зависеть моя жизнь.

– Конечно хочу, даже если ты просто дразнишь меня, – ответил я.

Он стал смеяться, словно это была хорошая шутка, и, чем больше он смеялся, тем сильнее становилось мое раздражение.

— Не вижу ничего смешного, — сказал я.

— Никогда не стоит докапываться до лежащей в основе правды, — сказал он. — Эта правда подобна краеугольному камню, глыбе, на которой покоится целая куча разных вещей. Если мы начнем пристально рассматривать эту глыбу, результат может оказаться малоутешительным. Я предпочитаю этого не делать.

Он снова рассмеялся. Его глаза, светившиеся озорством, казалось, подталкивали меня к дальнейшим расспросам. И я снова стал настаивать на том, чтобы он мне все рассказал. Я старался говорить спокойно, но настойчиво.

— Хорошо, я скажу, если ты так хочешь, — проговорил он со вздохом человека, который уступает неразумной просьбе. — Во-первых, я хотел бы сказать, что все, что я делаю для тебя — это не из корысти. Ты не должен платить за это. Как ты знаешь, я был безупречен в отношении тебя. Ты знаешь также, что эта моя безупречность не есть капиталовложение. Я не прошу тебя ухаживать за мной, когда я стану слабым и не смогу обходиться без посторонней помощи. Но в то же время я действительно получаю нечто бесценное от нашей с тобой связи — своего рода вознаграждение за безупречное обращение с этой глыбой, лежащей в основании. А получаю я за это именно то, что тебе, возможно, не понравится или будет трудно понять.

Он умолк и пристально посмотрел на меня с дьявольским блеском в глазах.

— Так расскажи об этом, дон Хуан, — воскликнул я; его тактика промедления все больше раздражала меня.

— Я хочу, чтобы ты имел в виду, что я говорю только потому, что ты настаиваешь на этом, — сказал он, продолжая улыбаться.

Он снова помолчал. К тому времени я совсем рассердился на него.

— Если ты судишь обо мне по тому, как я обращаюсь с тобой, — сказал он, — ты должен признать, что я был образцом терпения и постоянства. Но ты не знаешь, что для того, чтобы добиться этого, я должен был бороться за безупречность так, как никогда прежде. Для того, чтобы общаться с тобой, я должен был ежедневно перебарывать себя и сдерживаться, что было для меня невероятно мучительным.

Дон Хуан был прав. Сказанное им не понравилось мне. Я пытался

не подавать виду, изображая саркастическую гримасу.

– Я не так плох, дон Хуан, – сказал я, – К моему удивлению, мой голос прозвучал весьма ненатурально.

– О да, конечно же ты люк плох, – сказал он с серьезно. – Ты мелочен, мнителен, расточителен, назойлив, нетерпелив, тщеславен. Кроме того, ты угрюм, тяжеловесен и неблагодарен. Твоя способность к индугльгированию безгранична, но хуже всего то, что у тебя слишком преувеличенное представление о себе, чтобы ты мог избавиться от всего этого.

Я могу сказать также, что меня начинает тошнить от одного твоего присутствия.

Я хотел было рассердиться, начать протестовать, кричать, что он не имеет права так говорить обо мне, но не мог произнести ни слова. Я был раздавлен. Я онемел.

Выражение моего лица после того, как я выслушал всю правду, было, наверное, таким нелепым, что вызвало у дона Хуана бурю смеха. Казалось, он сейчас задохнется.

– Я предупреждал, что тебе это не понравится или ты не поймешь, – сказал он. – Побудительные мотивы действий воинов очень просты, но тонкость, с которой они действуют, должна быть непревзойденной. Воин получает редчайшую возможность, истинный шанс быть безупречным вопреки обуревающим его чувствам. Ты дал мне такой уникальный шанс.

Действуя свободно и безупречно, я омолаживаюсь и обновляю свое удивление миром. Это я у тебя в долгу.

Он смотрел на меня, и его глаза сияли, но без всякого лукавства. Дон Хуан начал объяснять, что он делал.

– Я – Нагваль. Я сдвигаю точку сборки сиянием своих глаз, – сказал он как само собой разумеющееся. – Глаза Нагваля могут делать это. Это не трудно. В конце концов, глаза всех живых существ могут сдвигать чью-то еще точку сборки, особенно если их глаза сфокусированы на *намерении*. Однако обычно глаза людей сфокусированы на окружающем мире, на поисках пищи... на поисках красоты...

Он слегка толкнул меня локтем.

– На поисках любви, – добавил он и расхохотался.

Дон Хуан постоянно дразнил меня по поводу моих «поисков любви». Он никогда не забывал наивный ответ, который я когда-то дал на его вопрос о том, чего я ищу в жизни. Он подводил меня к

признанию, что у меня нет ясной цели. И когда я сказал, что ищу любовь, он взвыл от смеха.

– Хороший охотник гипнотизирует жертву глазами, – продолжал он. – Взглядом он действительно сдвигает точку сборки жертвы, и все же его глаза направлены на мир только в поисках пищи.

Я спросил его, могут ли маги гипнотизировать людей своим пристальным взглядом. Он сказал, посмеиваясь, что меня на самом деле интересует, могу ли я гипнотизировать взглядом женщин, несмотря на тот факт, что мои глаза сфокусированы на мире в поисках любви. Уже серьезно он добавил, что предохранительным клапаном для магов является то, что к тому времени, когда их глаза действительно сфокусируются на *намерении*, они больше не заинтересованы в гипнотизировании кого бы то ни было.

– Но для того, чтобы Маги могли использовать сияние своих глаз для перемещения своей собственной или чьей-либо еще точки сборки, – продолжал он, – им необходимо быть безжалостными. То есть, им должно быть известно особое положение точки сборки, называемое *местом без жалости*. И особенно это касается Нагвалей.

Он сказал, что каждый Нагваль развивает тип безжалостности, специфический для него одного. В качестве примера он взял меня и сказал, что из-за моей нестабильной природной конфигурации я кажусь *видящим* светящейся сферой, состоящей не из четырех шаров, сжатых в один, – что является обычным для структуры Нагвалей, – но сферой, состоящей только из трех сжатых шаров. Такая конфигурация заставляет меня автоматически скрывать свою безжалостность под маской индугирования и расхлябанности.

– Нагвали часто вводят в заблуждение, – продолжал дон Хуан. Они всегда создают впечатление чего-то, чем на самом деле не являются. И они делают это с таким совершенством, что все, включая тех, кто хорошо их знает, попадают на их удочку.

– Я действительно не понимаю, как ты можешь говорить, что я притворяюсь, – возразил я.

– Ты выдаешь себя за слабого и индугирующего человека, – сказал он. – Ты производишь впечатление великодушного человека, сострадающего другим. И все убеждены в твоей искренности. Они могут поклясться, что ты именно таков.

– Но я и правда такой!

Дон Хуан согнулся от хохота.

Характер нашей беседы начинал мне не нравиться. Я хотел внести максимальную ясность. Я неистово доказывал, что был искренен во всех своих проявлениях, и требовал привести пример, подтверждающий противоположное. Он сказал, что я постоянно обращался с людьми с неуместным великодушием, создавая у них ложное впечатление о себе как о непринужденном открытом человеке. Я тут же возразил, что открытость – это важная черта моего характера. Он засмеялся и заявил, что если бы это было правдой, то зачем мне тогда так необходимо, чтобы люди, с которыми я общаюсь, в конце концов осознавали, что я их обманываю, хотя я не говорю им об этом ни слова.

Доказательством этого служит то, что когда они оказывались не в состоянии понять, что я лгу, и принимали мою псевдослабость за чистую монету, я демонстрировал им ту самую холодную безжалостность, которую я пытался скрывать.

Его слова привели меня в отчаяние, я не мог согласиться с ними. Я продолжал молчать. Я не хотел показать, что уязвлен. Пока я раздумывал, как мне реагировать, он поднялся и пошел прочь. Я остановил его, схватив за рукав. Это произвольное движение испугало меня самого и рассмешило его. Он снова сел и с любопытством посмотрел на меня.

– Я не хотел показаться грубым, – сказал я, – но я должен узнать об этом больше. Все это огорчает меня.

– Заставь свою точку сборки двигаться, – приказал он. – Раньше мы уже обсуждали безжалостность. *Вспомни* о ней.

Он посмотрел на меня с искренней надеждой, хотя, должно быть, и видел, что я ничего не могу вспомнить. Поэтому он продолжал говорить о способах проявления безжалостности Нагвалей. Он сказал, что его собственный метод заключается в том, что он провоцирует людей на проявления агрессии и протеста, скрывающихся за мнимым пониманием и рассудительностью.

– Но как насчет всех тех объяснений, которые ты мне давал? – спросил я. – Разве они не являются следствием подлинной рассудительности и желания помочь мне?

– Нет, – отвечал он, – Они есть следствие моей безжалостности. Я с жаром возразил, что мое собственное желание понять было искренним. Он похлопал меня по плечу и объяснил, что мое желание понять действительно является искренним, но мое

великодушные – нет. Он сказал, что Нагвали скрывают свою безжалостность автоматически, даже против своей воли. Когда я слушал его объяснения, у меня возникло странное подспудное ощущение, что когда-то мы уже подробно обсуждали идею безжалостности.

– Я не являюсь рациональным человеком, продолжал он, глядя мне в глаза, – но только кажусь таким, поскольку в совершенстве умею притворяться. То, что тебе кажется рассудительностью, на самом деле есть отсутствие жалости, потому что именно этим и является безжалостность – отсутствием всякой жалости. Ты же, скрывая отсутствие жалости под маской великодушия, кажешься непринужденным и открытым. Но на самом деле ты настолько же великодушен, как я рассудителен. Мы оба – притворщики. Мы довели до совершенства искусство скрывания того, что мы не чувствуем жалости.

Он сказал, что полное отсутствие жалости у его бенефактора скрывалось за личиной беспечного шутника, неистребимым желанием которого было подшучивать над каждым, с кем он сталкивался.

– Маской моего бенефактора был счастливый невозмутимый человек, которого ничто в этом мире не заботит, – продолжал дон Хуан. – Но на самом деле, подобно всем Нагвалям, он был холоден, как арктический ветер.

– Но ведь ты же не холодный, дон Хуан, – сказал я искренне.

– Я несомненно холодный, – сказал он. – И то, что ты воспринимаешь это как душевное тепло, лишь доказывает эффективность моей маски.

Он продолжал объяснять, что маска нагваля Элиаса выражалась в сводящей с ума дотошности и аккуратности, которая создавала ложное впечатление собранности и основательности.

Он начал описывать поведение нагваля Элиаса. Говоря, он продолжал наблюдать за мной. И, наверное, из-за его пристального взгляда я не мог сосредоточиться на том, что он мне говорил. Я с огромным трудом заставил себя собраться с мыслями. Еще минуту он наблюдал за мной, а затем продолжил свои объяснения относительно безжалостности, но я уже больше не нуждался в них. Я сказал ему, что я вспомнил то, что он хотел: момент, когда мои глаза впервые засияли. В самом начале своего ученичества я добился, причем совершенно самостоятельно, смещения уровня моего осознания. Моя точка сборки достигла положения, называемого *местом без жалости*.

МЕСТО БЕЗ ЖАЛОСТИ

Дон Хуан говорил мне, что нет нужды разговаривать о деталях моего восприятия. Во всяком случае, сейчас, потому что разговор об этом – лишь вспомогательное средство для *вспоминания*. Если точка сборки однажды сдвинется, событие полностью восстановится в памяти. Он добавил, что лучшая помощь для полного *вспоминания* – прогулка. Поэтому мы встали и пошли не спеша в полном молчании по горной тропинке, пока я не вспомнил все.

На окраине местечка Гуаймас в северной Мексике, расположенного на пути из Ногалеса, штат Аризона, мне вдруг стало ясно, что с доном Хуаном творится что-то неладное. Уже около часа он был необычайно молчалив и печален, но я не обращал на это внимания, пока его тело не начала сводить судорога. При этом его подбородок так бился о грудь, словно шейные мускулы не могли больше выдерживать тяжести головы. – Тебя укачало в дороге, дон Хуан? – встревожившись, спросил я. Он не ответил. Он тяжело дышал. В течение первых нескольких часов нашей поездки с ним все было в порядке. Мы без конца говорили о самых разных вещах. Когда мы остановились в городе Санта Ана чтобы заправиться, он даже отжался несколько раз от крыши машины, разминая затекшую спину. – Что с тобой не так, дон Хуан? – спросил я. Я ощутил в животе спазмы беспокойства. Не поднимая свесившейся на грудь головы, он пробормотал, что хочет посетить один определенный ресторан. И едва слышным дрожащим голосом сообщил, как туда добраться. Я припарковал машину на соседней улице за квартал от ресторана. Когда я открыл дверцу машины со своей стороны, он схватил меня за руку железной хваткой. С превеликим трудом он с моей помощью выбрался из машины через водительское сидение. Ступив на тротуар, он ухватился за мои плечи обеими руками, чтобы выпрямиться. В зловещем молчании мы спустились по улице к ветхому строению, в котором находился ресторан.

Дон Хуан повис на моей руке всем телом. Его дыхание было таким учащенным, и его была такая сильная дрожь, что я не на шутку забеспокоился. Я остуился и вынужден был схватиться за стену, чтобы не свалиться вместе с доном Хуаном на тротуар. От волнения я совсем потерял голову. Заглянув в его глаза, я увидел, что они совершенно тусклые и лишены своего обычного блеска. Мы кое-как вошли в ресторан и услужливый официант подскочил к нам, чтобы помочь дону Хуану, как если бы был предупрежден о том, что с ним происходит.

– Как вы себя чувствуете сегодня? – пронзительно завопил он на ухо дону Хуану.

Он буквально донес дону Хуана от двери к столику, усадил его, а затем исчез.

– Он тебя знает, дон Хуан? – спросил я, когда мы сели. Не глядя на меня, он пробормотал что-то невразумительное. Я встал и прошел на кухню в поисках этого официанта.

– Знаете ли вы старика, который пришел сюда со мной? – спросил я, когда наконец нашел его.

– Конечно знаю, – сказал он с видом человека, у которого хватит терпения ответить только на один вопрос. – Это старик, у которого бывают приступы.

После этого заявления все стало на свои места. Я знал теперь, что в дороге с ним случился небольшой приступ. Конечно, я никак не мог его предотвратить, но все же чувствовал себя беспомощным и обеспокоенным. Предчувствие того, что самое худшее еще впереди, вызвало у меня неприятное чувство в животе.

Я вернулся к столу молча сел. Внезапно появился все тот же официант с двумя мисками креветок и двумя тарелками супа из морской черепахи. Мне пришло в голову, что, наверное, в этом ресторане подают только креветок и черепаховый суп, или что дон Хуан всегда заказывает именно эти блюда, когда бывает здесь.

Официант так громко заговорил с доном Хуаном, что перекрыл шум, создаваемый находившимися в ресторане посетителями.

– Надеюсь, вам понравится наша еда! – завопил он. – Если я вам понадобится, поднимите только руку, и я тут же окажусь рядом.

Дон Хуан кивнул в знак согласия и официант ушел, сочувственно похлопав дону Хуана по спине.

Дон Хуан жадно ел, время от времени чему-то улыбаясь. Я был настолько встревожен, что одна лишь мысль о еде вызывала у меня

отвращение. Но после определенного момента с ростом беспокойства у меня стало расти и чувство голода. Я попробовал пищу и нашел, что она невероятно вкусна.

Поев, я почувствовал себя немного лучше, хотя все оставалось по-прежнему и беспокойство мое не уменьшилось.

Когда дон Хуан наелся, он поднял руку над головой. В ту же минуту подскочил официант и вручил мне счет.

Я рассчитался с ним, и он помог дону Хуану встать. Поддерживая под руку, он вывел его из ресторана. Официант даже помог ему выйти на улицу и сердечно распрощался с ним.

С таким же трудом, как и в первый раз, мы вышли к машине. Дон Хуан всей тяжестью своего тела навалился на мою руку, едва дыша и останавливаясь через каждый шаг, чтобы перевести дух. Официант стоял в дверях, словно желая убедиться в том, что я смогу поддержать дона Хуана.

Ему понадобилось минуты две-три, чтобы забраться в машину.

– Скажи мне, что я могу для тебя сделать, дон Хуан? – спросил я умоляюще.

– Разверни машину, – приказал он дрожащим, едва слышным голосом. – Я хочу поехать на другой конец города в лавку. Они там тоже меня знают. Они мои друзья.

Я сказал, что не знаю, где находится лавка, о которой он говорит.

Он что-то неразборчиво забормотал, выражая гнев, и топнул об пол машины обеими ногами. Губы его недовольно надулись, и немного слюны скатилось на его рубаху. Затем он, казалось, испытал мгновенное просветление. Я ужасно нервничал, глядя на его усилия привести в порядок свои мысли. В конце концов ему все-таки удалось рассказать мне, как добраться до лавки.

Я был до предела встревожен, боясь, что приступ дона Хуана имел последствия более серьезные, чем я думал. Мне захотелось избавиться от него, сплавить родственникам или друзьям, но я никого из них не знал. Я вообще не знал, что делать. Повернув в обратную сторону, я поехал к лавке, которая, по его словам, находилась на другом конце города.

Я подумывал, не вернуться ли мне в ресторан и не расспросить ли официанта о родственниках дона Хуана. Хотелось верить, что кто-нибудь в лавке знает его. Чем больше я думал о положении, в которое попал, тем больше жалости испытывал к самому себе. Дон Хуан закончился. Я испытывал ужасающее чувство потери и

обреченности. Я явно терял его, но мое чувство утраты скоро перешло в досаду от того, что мне приходится возиться с ним в таком его немощем состоянии.

Я кружил по городу около часа, разыскивая эту лавку и никак не мог найти ее. Дон Хуан признался, что он мог ошибаться и что лавка, возможно, находится в другом городе. К тому времени я совершенно выбился из сил и не представлял, что делать дальше. В нормальном состоянии осознания я всегда испытывал странное чувство, что я знаю о доне Хуане больше, чем мой разум. Сейчас, под влиянием его умственного расстройства, я был уверен, хотя и не знал почему, что где-то в Мексике его друзья ожидают его, хотя где именно, я понятия не имел.

Я измучился не только физически. К моему состоянию примешивалось беспокойство и чувство вины. Меня терзала мысль о том, что я связан по рукам и ногам немощим стариком, который наверняка смертельно болен. И я чувствовал свою вину в том, что испытываю к нему неприязнь.

Я остановил машину на побережье. Понадобилось около десяти минут, чтобы вывести дону Хуана из машины. Мы направились в сторону океана, но когда подошли ближе, дон Хуан отпрянул, как мул, и заявил, что дальше не пойдет. Он пробормотал, что вода бухты Гуаймас пугает его.

Он повернул назад и повел меня на главную площадь – пыльную «плаза», где не было даже скамеек. Дон Хуан сел на обочину. Проехала машина для уборки улиц, вращая свои стальные щетки, которые совершенно не смачивались водой. Она подняла облако пыли, и я закашлялся.

Я был настолько расстроен возникшей ситуацией, что у меня мелькнула мысль оставить его сидящим здесь. Но я тут же устыдился этой мысли и похлопал дону Хуана по спине.

– Пожалуйста, постарайся вспомнить, куда я должен тебя отвезти, – сказал я мягко. – Ты хочешь, чтобы я тебя повез?

– Я хочу, чтобы ты пошел к черту! – ответил он хриплым, резким голосом.

Видя, как дон Хуан разговаривает со мной, я начал подозревать, что с ним приключился не удар, а какая-то другая болезнь.

Очевидно, она повлияла на его мозг, в результате чего он стал безумным и агрессивным. Внезапно он встал и пошел прочь от меня. Я обратил внимание на то, каким немощим он стал. Он

постарел в течение нескольких часов. Исчезла его природная энергия. Теперь это был ужасно старый, слабый человек.

Я бросился подать ему руку. Волна сильной жалости захлестнула меня. Это себя я видел старым, слабым, едва способным ходить, и это было нестерпимо. Слезы навернулись у меня на глаза, правда, не от жалости к дону Хуану, а от жалости к самому себе. Я сжал его руку и дал ему молчаливое обещание, что буду заботиться о нем, несмотря ни на что.

Я совсем ушел в жалость к самому себе, как вдруг ощутил сильную пощечину. Прежде чем я опомнился, дон Хуан ударил меня снова, на этот раз по затылку. Он стоял передо мной, дрожа от ярости. Его рот был полуоткрыт и непроизвольно дергался.

– Кто ты? – заорал он каким-то неестественным голосом. Он обратился к куче зевак, которые немедленно начали собираться вокруг нас.

– Я не знаю, кто этот человек, – сказал он им. – Помогите мне. Я одинокий старый индеец. Он – иностранец, и хочет убить меня. Они всегда поступают так с беспомощными старыми людьми: убивают их, чтобы развлечься.

Разделся ропот неодобрения. Многие молодые рослые люди смотрели на меня угрожающе.

– Что ты делаешь, дон Хуан? – громко спросил я его. Я хотел убедить толпу, что я был с ним.

– Я не знаю тебя! – закричал дон Хуан. – Оставь меня в покое! Он повернулся к толпе и попросил присутствующих помочь ему. Он хотел, чтобы они задержали меня до прихода полиции.

– Держите его! – требовал он. Кто-нибудь, позовите, пожалуйста, полицию! Они знают, что делать с этим человеком.

Я имел представление о мексиканской тюрьме. Никто не будет знать, где я. Мысль о том, что пройдут месяцы, пока кто-нибудь заметит мое отсутствие, заставила меня действовать с невероятным проворством. Я отшвырнул первого же молодого парня, приблизившегося ко мне, а затем бросился бежать, охваченный паникой. Я знал, что этим спасаю свою жизнь.

Несколько молодых людей бросились за мной. Пока я мчался по направлению к главной улице, я сообразил, что в таком маленьком городке, как Гуаймас, патрульные полицейские передвигаются пешком. Никого из них не было поблизости. Боясь встречи с ними, я заскочил в первый же магазинчик, попавшийся на моем пути.

Я сделал вид, что старательно выбираю покупку. Молодые люди, преследовавшие меня, с шумом пробежали мимо. У меня быстро возник план: купить как можно больше вещей.

Я рассчитывал, что люди в магазине примут меня за туриста. Затем я попрошу кого-нибудь помочь мне поднести пакеты к моей машине.

Некоторое время я выбирал то, что мне было нужно. В магазине я нанял юношу, чтобы он помог мне нести пакеты. Но когда я приблизился к своей машине, то увидел стоящего возле нее дона Хуана, вокруг которого по-прежнему толпился народ. Он разговаривал с полицейским, который что-то записывал. Все было бесполезно. Мой план провалился. Путь к машине был отрезан. Я велел молодому человеку оставить пакеты на тротуаре, сказав ему, что скоро должен подъехать мой друг и доставить меня в отель. Он ушел, а я остался, прячась за грудой пакетов, которыми я прикрывал свое лицо, стараясь не попадаться на глаза дону Хуану и окружавшей его толпе.

Я видел, как полисмен изучал мою калифорнийскую лицензию. Теперь я был совершенно уверен в том, что погиб.

Обвинение сумасшедшего старика было слишком серьезным. А тот факт, что я сбежал, только усилит мою вину в глазах полисмента. Кроме того, мне страшно не хотелось вступать в объяснения с полицейским, который наверняка проигнорирует правду, только бы арестовать иностранца.

Я стоял у входа в магазин около часа. Полисмен ушел, но толпа вокруг дона Хуана осталась, а он кричал и возбужденно размахивал руками. Я был слишком далеко, чтобы расслышать слова. Но я мог представить их смысл по его отрывистым, возбужденным выкрикам.

У меня возникла отчаянная необходимость в новом плане. Можно было поселиться в гостинице и пожить там пару дней, прежде чем рискнуть добраться до машины. Я хотел было вернуться в магазин и вызвать такси. Я никогда не пользовался такси в Гуаймасае и даже не знал, существует ли оно здесь вообще. Но мой план тут же рухнул при мысли о том, что полиции уже все известно обо мне, и если они приняли всерьез слова дона Хуана, то обязательно проверят отели. Возможно, полисмен отошел от дона Хуана именно для этого.

Я сообразил, что есть еще одна возможность – добраться до

автобусной станции и сесть на автобус, идущий в любой пограничный город. Или сесть хотя бы на какой-нибудь автобус, идущий из Гуаймаса в любом направлении. Однако и от этой идеи пришлось немедленно отказаться. Я был уверен, что дон Хуан сообщил полисмену мое имя, и тот наверняка уже предупредил автобусные компании.

Мой разум захлестнула слепая паника. Я сделал несколько коротких вдохов, чтобы успокоить нервы.

Тут я заметил, что толпа вокруг дона Хуана стала рассасываться. Вернулся полисмен со своим напарником, и оба они не спеша пошли в конец улицы. В этот момент я внезапно ощутил не поддающееся контролю побуждение. Это было так, как если бы мое тело устранило связь с умом. Я направился к своему автомобилю, прихватив с собой все пакеты. Не испытывая ни малейшего страха или заботы, я открыл багажник, положил в него все пакеты, затем отворил дверцу машины. Дон Хуан стоял рядом на тротуаре, уставившись на меня отсутствующим взглядом. Я посмотрел на него с совершенно не свойственной мне холодностью. Никогда в жизни я не испытывал подобного чувства. Это не было ни ненавистью, ни гневом. Он даже не раздражал меня. То, что я чувствовал, вовсе не походило ни на смирение, ни на терпимость. И это определенно не было добротой. Скорее это было холодное безразличие, ужасающее отсутствие жалости. В этот момент меня меньше всего заботило происходившее с доном Хуаном или со мной.

Дон Хуан встряхнулся верхней частью тела, как собака, выходящая из воды. И тут, словно все это было лишь дурным сном, он снова стал тем человеком, которого я знал. Он быстро вывернул свою куртку наружу подкладкой. Это была двухсторонняя куртка, бежевая с одной стороны и черная с другой. Сейчас он был одет в черную куртку. Он достал из машины свою соломенную шляпу и тщательно причесал волосы. Затем вытащил воротник рубашки поверх воротника куртки, вмиг сделавшись моложе на много лет. Не говоря ни слова, он помог мне перенести в машину оставшиеся пакеты. Привлеченные шумом открывающихся и закрывающихся дверей автомобиля, двое полицейских бегом вернулись к нам, свистя в свои свистки. Дон Хуан проворно бросился им навстречу. Он внимательно выслушал их и заверил, что им не о чем беспокоиться. Он объяснил, что,

должно быть, они встретились с его отцом, старым немощным индейцем, у которого не все в порядке с головой. Разговаривая с ними, он открывал и закрывал дверцы автомобиля, как бы проверяя замки. Еще он перенес пакеты из багажника на заднее сидение. Его подвижность и юношеская сила совершенно не походили на движения старика, каким он был несколько минут назад. Я знал, что он ведет себя так в расчете на полисмена, который видел его раньше. На месте этого полисмена я бы ни на минуту не усомнился, что передо мной сын старого безумного индейца.

Дон Хуан указал название ресторана, где знают его отца, и затем бесстыдно дал им взятку.

От меня не требовалось объяснять что-либо полисменам. Было что-то, что делало меня твердым, холодным, знающим, молчаливым. Не говоря ни слова, мы сели в машину. Полицейские так меня ни о чем и не спросили. Казалось, они настолько устали, что и не пытались сделать это. Мы уехали.

– Что это ты выкинул там, дон Хуан? – спросил я, и холодность моего тона удивила меня самого.

– Это был первый урок безжалостности, – сказал он. Он заметил, что по пути в Гуаймас он предупреждал меня о предстоящем уроке безжалостности.

Я признался, что не обратил на это внимания, подумав, что мы просто беседуем, чтобы нарушить монотонность езды.

– Я никогда не беседую просто так, – сказал он строго. Тебе давно уже пора знать об этом. Сегодня днем я намеренно создал соответствующую ситуацию, благодаря которой твоя точка сборки сдвинулась в такое место, где исчезает жалость. Это место известно как *место без жалости*.

Перед каждым магом стоит задача, – продолжал он, – достичь *места без жалости* с минимальной помощью. Нагваль лишь создает нужную ситуацию, ученик же сам приводит свою точку сборки в движение.

Сегодня ты сделал именно это. Я помогал тебе, возможно, немного переигрывая, сдвинув свою собственную точку сборки в такое положение, которое сделало меня немощным стариком, чьи действия невозможно предсказать. Я не просто притворялся старым и немощным, я *был* старым.

Озорной блеск в его глазах свидетельствовал о том, что он

наслаждается моментом.

– Не было особой нужды в том, что я делал, – продолжал он. – Я мог заставить твою точку сборки сдвинуться, не применяя столь жесткой тактики, но я ничего не мог с собой поделать. Зная, что такой возможности больше не будет, я хотел выяснить, смогу ли я хотя бы отчасти действовать так, как мой бенефактор. Поверь мне, я удивил себя не меньше, чем тебя.

Я почувствовал невероятное облегчение. У меня не было затруднений в восприятии того, что он говорил. Не возникало также никаких вопросов, поскольку я понимал все, не нуждаясь в объяснениях.

Затем он сказал нечто такое, что я уже знал, но не мог выразить словесно, поскольку не был способен найти подходящих для описания слов. Он сказал, что все, что делают маги, является следствием движения их точки сборки. И что такие сдвиги зависят от количества энергии, имеющейся в их распоряжении.

Я сказал дону Хуану, что знаю все это, и даже больше. На это он ответил, что внутри каждого человеческого существа есть гигантское темное озеро безмолвного знания, о существовании которого каждый из нас знает интуитивно. Он сказал, что мое интуитивное знание развито немного лучше, чем у среднего человека, поскольку я следую по пути воина. Еще он добавил, что маги являются единственными существами на Земле, кто сознательно выходит за пределы интуитивного уровня, подготавливая себя к осуществлению двух трансцендентальных задач: во-первых, понять, что существует точка сборки, во-вторых, заставить, эту точку сборки двигаться.

Он еще и еще раз подчеркнул, что самые изощренные знания, которыми владеют маги, являются потенциальным достоянием всех нас как воспринимающих существ, – даже знание о том, что содержание восприятия зависит от положения точки сборки.

В этом месте его объяснений мне стало чрезвычайно трудно сосредоточиться на том, что он говорит, и не потому, что я отвлекся или устал, но из-за того, что мой разум невольно начал играть в игру предугадывания его слов. Похоже, какая-то неведомая часть внутри меня безуспешно пыталась найти соответствующие слова для выражения мыслей. По мере того, как дон Хуан говорил, я начал чувствовать, что могу предугадывать, какие именно мои безмолвные мысли он сейчас выскажет. Меня

поражало понимание того, что его выбор слов был всегда точнее, чем мог бы быть мой собственный. Но предвидение его слов, к сожалению, уменьшало мою концентрацию.

Я резко свернул на обочину дороги. В этот момент у меня впервые в жизни возникло ясное понимание собственной раздвоенности.

Внутри меня существовали две совершенно обособленные части. Одна *была* чрезвычайно старой, спокойной и равнодушной. Она была тяжелой, темной и связанной со всем остальным. Это была та часть меня, которая ни о чем не беспокоилась, поскольку ко всему относилась одинаково. Она всем наслаждалась, ничего не ожидая. Другая часть была светлой, новой, легкой, подвижной. Она была нервной и быстрой. Она беспокоилась о себе, потому что была неустойчивой и не наслаждалась ничем просто потому, что не имела способности связать себя с чем бы то ни было. Она была одинокой, поверхностной и уязвимой. Это была та часть меня, из которой я смотрел на мир.

Я сознательно осмотрелся из этой части. Повсюду я видел обширные фермерские поля; и эта ненадежная, легкая, беспокойная часть меня металась между гордостью индустриальной мощью человека и печалью при взгляде на величественную древнюю пустыню Сонора, превращенную в аккуратный пейзаж со вспаханнами полями и окультуренными растениями.

Старой темной и тяжелой части меня не было до этого никакого дела. И две части вступили в спор друг с другом. Воздушная часть меня хотела, чтобы тяжелая приняла на себя ответственность, а тяжелая желала, чтобы другая часть меня прекратила терзаться и наслаждалась.

– Почему ты остановился? – спросил дон Хуан.

Его голос вызвал реакцию, но было бы не совсем верно сказать, что то, что прореагировало, было мною. Звук его голоса, казалось, заставил затвердеть воздушную часть меня, после чего я стал таким как всегда.

Я рассказал дону Хуану о понимании, которое возникло у меня относительно моей раздвоенности. Когда он начал объяснять ее с точки зрения положения точки сборки, я утратил свое отвердение. Мягкая часть вновь приобрела это свое качество, как и в первый раз, когда я впервые заметил свою раздвоенность, и я снова начал понимать объяснения дона Хуана.

Он сказал, что когда точка сборки двигается и достигает *места без жалости*, позиция рационализма и здравого смысла становится шаткой. Ощущение, что я имею более старую, темную и безмолвную сторону, было точкой зрения, предшествующей разуму.

– Я точно знаю, о чем ты говоришь, – сказал я ему. – Я знаю многое, но не могу выразить словами свое знание. Я не знаю, с чего начать.

– Однажды я уже упоминал об этом, – сказал он. – То, что происходит с тобой, и то, что ты называешь раздвоенностью, является взглядом из нового положения твоей точки сборки. С этого положения ты можешь чувствовать более старую сторону человека, а то, что знает более старая часть человека, называется безмолвным знанием. Это и есть знание, которое ты еще не можешь выразить словами.

– Но почему? – спросил я.

– Для того, чтобы его выразить, тебе необходимо иметь и использовать гораздо больше энергии, – ответил он. – Сейчас у тебя нет такой энергии. Безмолвное знание – это нечто такое, что есть у каждого из нас, – продолжал он. – Это нечто такое, что в совершенстве всем владеет и в совершенстве все знает. Но оно не может думать и поэтому не может и говорить о том, что знает. Маги полагают, что когда человек начинает осознавать свое безмолвное знание и хочет осмыслить то, что он знает, – он утрачивает это знание. Безмолвное знание, которое ты не можешь выразить словами, является, конечно, *намерением, духом, абстрактным*. Ошибка человека заключается в том, что он стремится познать его непосредственно, так же, как он познает мир повседневной жизни. Но чем больше он стремится к этому, тем более эфемерным оно становится.

– Не мог бы ты объяснить это более простыми словами, дон Хуан? – спросил я.

– Это значит, что ради мира разума человек отказывается от безмолвного знания, – ответил он. – Чем крепче он держится за мир разума, тем более эфемерным оказывается *намерение*.

Я завел машину и мы молча поехали дальше. Дон Хуан не пытался указывать мне направление или подсказывать, как управлять машиной, что он часто делал, чтобы задеть мое чувство собственной важности. Я не особенно задумывался над тем, куда

еду. Однако что-то во мне знало, куда надо ехать. Я дал возможность проявиться именно этой своей части.

Поздним вечером мы прибыли к большому дому магов партии дона Хуана, расположенному в сельской местности штата Синалоа на северо-западе Мексики. Путешествие, казалось, совсем не заняло времени. Я не помнил подробностей нашей поездки. Я знал лишь то, что по пути мы не разговаривали.

Дом казался пустым. Не было никаких признаков того, что в нем есть люди. Тем не менее, я знал, что друзья дона Хуана находятся в этом доме. Хотя я никого не видел, но чувствовал их присутствие. Дон Хуан зажег несколько керосиновых ламп, и мы с ним сели за массивный стол. Казалось, дон Хуан собирается поесть. Пока я раздумывал о том, что мне сказать или сделать, бесшумно вошла женщина и поставила на стол тарелку с едой. Я не ожидал ее появления, и когда она вышла из темноты на свет, как бы материализовавшись из ничего, я невольно открыл рот от изумления.

– Не пугайся, это я, Кармела, – сказала она и исчезла снова, растворившись во тьме.

Я чуть было не завопил от ужаса. Дон Хуан так смеялся, что я подумал: все в доме слышат его. Я уже было решил, что они сейчас придут, но никто не появился.

Я попытался есть, но мне не хотелось. Тогда я начал думать о женщине. Я ее не знал. Возможно, я бы узнал ее, но мне никак не удавалось извлечь воспоминание о ней из тумана, обволакивавшего мои мысли. Я силился прояснить свой ум, но почувствовал, что на это потребуется слишком много энергии, и сдался.

Почти тотчас после того, как я перестал думать о ней, я начал испытывать странное цепенящее беспокойство. Сперва я подумал, что меня угнетали темнота, массивный дом и тишина в нем и за его пределами. Но затем моя угнетенность возросла до невероятных размеров, особенно после того, как я услышал слабый лай собаки вдали. В какой-то момент я подумал, что мое тело вот-вот разорвется на части. Дон Хуан немедленно вмешался. Он подскочил ко мне и хлопнул меня по спине так, что во мне что-то щелкнуло. Этот удар по спине принес мне немедленное облегчение.

Когда я успокоился, то понял, что вместе с беспокойством, которое

чуть было не поглотило меня, я утратил ясное ощущение знания обо всем на свете. Я больше не мог предвидеть, как дон Хуан выразит то, что я знал сам.

После этого дон Хуан приступил к своему самому необычному объяснению. Вначале он сказал, что источником беспокойства, которое овладело мной со скоростью степного пожара, было внезапное движение моей точки сборки, вызванное неожиданным появлением Кармелы, а также моей неизбежной попыткой сдвинуть свою точку сборки туда, где я был бы способен полностью узнать ее.

Он посоветовал мне свыкнуться с мыслью о том, что время от времени у меня будут возникать такого рода приступы тревоги, поскольку моя точка сборки все еще сохраняет подвижность.

– Любое движение точки сборки подобно умиранию, – сказал он. – Все в нас рассоединяется, а затем вновь присоединяется к источнику еще большей силы. Такое увеличение энергии воспринимается как убийственная тревога.

– Что мне делать, когда это случается? – спросил я.

Ничего, – ответил он, – просто ждать. Вспышка энергии пройдет, опасно лишь не знать, что с тобой происходит. Когда ты знаешь, реальной опасности нет.

Затем он заговорил о древнем человеке. Он сказал, что древний человек самым непосредственным и наилучшим образом знал, что делать и как делать, что-либо. Но, выполняя все действия так хорошо, он начал развивать эгоизм, из-за чего у него возникла уверенность в том, что он может предвидеть и заранее намечать действия, которые он привык выполнять. Вот так появилось представление об индивидуальном «я», которое начало диктовать человеку характер и диапазон его действий. По мере того, как ощущение индивидуального «я» усиливалось, человек постепенно утрачивал естественную связь с безмолвным знанием.

Современный человек, пожиная плоды этого процесса, в конечном счете обнаруживает, что безвозвратно утратил связь с источником всего сущего и что ему под силу лишь насильственные и циничные действия, порожденные отчаянием и ведущие к саморазрушению.

Дон Хуан утверждал, что причиной человеческого цинизма и отчаяния является та небольшая частица безмолвного знания, которая у него еще осталась, и, во-первых, дает человеку возможность интуитивно почувствовать, свою связь с источником

всего сущего, во-вторых, понимание того, что без этой связи у него нет надежды на покой, удовлетворение, завершенность.

Мне показалось, что в словах дона Хуана есть противоречие. Я напомнил, как однажды он говорил мне, что битва является естественным состоянием для воина и что покой для него противоестественен.

– Правильно, – согласился он. – Но битва для воина не означает совершение поступков, которыми движет индивидуальная или коллективная глупость, или бессмысленное насилие. Битва для воина – это тотальная борьба против индивидуального «я», которое лишает человека его силы.

Затем дон Хуан сказал, что настало время продолжить беседы о безжалостности – самой главной предпосылке магии. Он сообщил об открытии магами того, что любой сдвиг точки сборки означает отход от чрезмерной озабоченности своей индивидуальностью, которая является отличительным признаком современного человека. Еще он сказал, что, как полагают маги, именно позиция точки является причиной убийственной эгоистичности современного человека, совершенно поглощенного своим образом себя.

Потеряв надежду когда-нибудь вернуться к источнику всего, человек искал утешение в своей личности. Занимаясь этим, он преуспел в закреплении своей точки сборки в строго определенном положении, увековечив тем самым свой образ себя. Итак, с уверенностью можно сказать, что любое перемещение точки сборки из ее привычного положения в той или иной степени приводит человека к избавлению от саморефлексии и сопутствующего ей чувства собственной важности.

Дон Хуан описал чувство собственной важности как силу, порождаемую человеческим образом самого себя. Он повторял, что это именно та сила, которая удерживает точку сборки в ее нынешнем положении. По этой причине главной задачей на пути воина является уничтожение чувства собственной важности. Все, что делают маги, направлено на достижение этой цели.

Он объяснил, что маги разоблачили чувство собственной важности и установили, что оно есть жалость к себе, маскирующаяся под нечто иное.

– Это звучит неправдоподобно, но это на самом деле так, – сказал он. – Жалость к себе – это реальный враг и источник

человеческого страдания. Без некоторого количества жалости к себе человек был бы не в состоянии быть таким важным для себя, каков он есть. Но когда включается чувство собственной важности, оно начинает набирать свою собственную силу, и именно эта, на первый взгляд независимая, природа чувства собственной важности придает ему мнимую ценность.

Это его объяснение, которое было бы непонятным для меня при обычных условиях, показалось мне вполне убедительным. Но поскольку мне все еще была присуща некоторая двойственность, оно показалось немного упрощенным. Казалось, дон Хуан преследует в своих мыслях и словах определенную цель. И этой целью был я в моем обычном состоянии осознания.

Продолжая свои объяснения, дон Хуан сказал, что маги абсолютно уверены в том, что, сдвигая точку сборки с ее обычного положения, мы достигаем состояния, которое можно назвать только безжалостностью. Благодаря своим практическим действиям маги знают, что как только их точка сборки сдвигается, – разрушается их чувство собственной важности. Лишившись привычного положения точки сборки, их образ себя больше не поддерживается. А без сильного сосредоточения на образе самих себя они теряют чувство жалости к себе, а с ним и чувство собственной важности. Таким образом, маги правы, говоря, что чувство собственной важности – это просто скрытая жалость к себе.

Затем он шаг за шагом начал анализировать то, что произошло со мной днем. По его словам, Нагваль в роли лидера и учителя должен действовать в такой же степени эффективно, как и безупречно. Поскольку у него нет возможности рационально обдумать свои действия, он всецело полагается на *дух*, который направляет эти действия. В качестве примера он привел сегодняшний случай, когда, по его словам, он не знал, как действовать до тех пор, пока *дух* не подал ему знак ранним утром во время завтрака в Ногалесе. Он заставил меня *вспомнить* это событие и попросил рассказать ему все, что я смогу припомнить. Я *вспомнил*, что во время завтрака дон Хуан смутил меня тем, что явно надо мной потешался.

– Думай об официантке, – подталкивал меня дон Хуан.

– Я помню лишь, что она была ужасно грубой.

– Но что она делала? – настаивал он. – Что она делала, пока ждала

нашего заказа?

Немного подумав, я вспомнил, что это была молодая суровая женщина, которая швырнула нам меню и продолжала стоять рядом, почти касаясь меня и ясно давая понять, чтобы я поторопился с заказом.

Нетерпеливо притоптывая носком своей большой ступни, она подколола свои длинные черные волосы высоко на затылке. Перемена была разительной. Она стала выглядеть более привлекательной, более женственной. Меня буквально очаровала такая метаморфоза ее внешности. Из-за этого я даже простил ей ее дурные манеры.

– Это был знак, – сказал дон Хуан. – Суровость и превращение были указаниями *духа*.

Он сказал, что в тот день его первое действие в качестве Нагваля было направлено на то, чтобы поставить меня в известность о своих замыслах. В конце концов он очень прозрачно, хотя и не без подвоха, намекнул, что собирается дать мне урок безжалостности. – Ну как, вспомнил? – спросил он. – Я разговаривал с официанткой и с пожилой дамой за соседним столиком.

Подталкиваемый его вопросами, я вспомнил, что дон Хуан буквально флиртовал со старой дамой и дурно воспитанной официанткой. Пока я ел, он без конца разговаривал с ними. Он рассказывал им идиотские смешные истории о взяточничестве и продажности правительства и анекдоты о крестьянах в городе. Затем он спросил официантку, не американка ли она. Она отрицала это и смеялась над его вопросом. Дон Хуан сказал, что это хорошо, потому что я – мексиканец, который ищет любовь. И я могу начать искать ее хоть сейчас, вот только доем этот отличный завтрак. Женщины засмеялись. Я подумал, что они смеются, видя мое смущение. Дон Хуан сказал им, что, говоря серьезно, я приехал в Мексику, чтобы найти жену. Он спросил, не знают ли они какую-нибудь честную, скромную женщину, которая хотела бы выйти замуж и не была бы слишком требовательна к мужской красоте. Он сослался на себя как на мое доверенное лицо.

Женщины засмеялись еще громче, я же был очень раздосадован. Дон Хуан обернулся к официантке и спросил ее, не выйдет ли она за меня. Она ответила, что помолвлена. Мне показалась, что она приняла слова дона Хуана всерьез.

– Почему вы не позволите ему говорить самому? – спросила дона

Хуана старая дама.

– Потому что он говорит запинаясь, – ответил он. – Он ужасно заикается.

Официантка сказала, что я говорил совершенно нормально, когда заказывал еду.

– О! Вы так наблюдательны, – сказал дон Хуан. – Он может говорить как все, только когда он заказывает еду. Я повторяю ему снова и снова, что если он хочет научиться разговаривать нормально, он должен быть безжалостен. Я привез его сюда, чтобы дать ему несколько уроков безжалостности.

– Бедняжка, – сказала старая леди.

– Да, но нам пора уходить, если мы хотим еще сегодня найти для него любовь, – вставая, сказал дон Хуан.

– Это вы серьезно насчет брачного дела? – спросила молодая официантка у дон Хуана.

– Будьте уверены, – ответил он. – Я собираюсь помочь ему найти то, в чем он нуждается, чтобы он мог пересечь границу и попасть в *место без жалости*.

Я подумал, что дон Хуан то ли брак, то ли США называет «*местом без жалости*». Я засмеялся над этой метафорой, и вдруг стал так ужасно заикаться, что напугал женщин до полусмерти, а у дон Хуана вызвал совершенно истерический смех.

– Мне тогда было совершенно необходимо сообщить тебе цель моих дальнейших действий, – сказал дон Хуан, продолжая свои объяснения. – Я сделал это, но ты, как это и должно было случиться, полностью пропустил мои слова мимо ушей.

По его словам, с момента, когда дух проявит себя, каждый шаг будет легко доведен до своего логического завершения. Моя точка сборки достигла *места без жалости*, когда под влиянием превращения дон Хуана она была вынуждена покинуть свое привычное положение саморефлексии.

– Находясь в положении саморефлексии, – продолжал дон Хуан, – точка сборки собирает мир ложного сострадания, который на поверку оказывается миром жестокости и эгоцентризма. В этом мире единственно реальными чувствами оказываются лишь те, которые каждому из нас удобно испытывать в данный момент. Для магов безжалостность – это не жестокость. Безжалостность – это противоположность жалости к самому себе и чувству собственной важности. Безжалостность – это трезвость.

5. ТРЕБОВАНИЯ НАМЕРЕНИЯ

Разбивание зеркала саморефлексии

Мы провели ночь на том месте, где я занимался *вспоминанием* происходившего со мной в Гуаймасае. Поскольку моя точка сборки была все еще податливой, дон Хуан ночью помогал мне достичь новых ее положений, которые затем уходили вглубь моего сознания и совершенно забывались.

На следующий день я был не в состоянии вспомнить ничего из случившегося и воспринятого. Тем не менее я остро ощущал, что приобрел какой-то странный опыт. Дон Хуан подтвердил, что моя точка сборки сместилась глубже, чем он ожидал. Однако он отказался хотя бы намекнуть на то, что же именно я сделал. Он лишь сказал по этому поводу, что рано или поздно я *вспомню* все. В полдень мы продолжили подниматься в горы. Мы шли молча, не останавливаясь почти до самого вечера. Во время неспешного подъема на пологий скальный уступ дон Хуан неожиданно заговорил. Я не понял ни слова. Он повторял это до тех пор, пока я не сообразил, что мы остановимся на широком плато, видимом с того места, где мы находились сейчас. Еще он сказал, что там за валунами и густым кустарником можно укрыться от ветра.

— Скажи, можешь ли ты определить место на этом плато, которое наилучшим образом подошло бы нам для ночевки? — спросил он. Еще раньше, во время подъема, я заметил почти незаметный выступ. Он казался темным пятном на склоне горы. Я обнаружил его, быстро скользнув взглядом по этому месту. Теперь, когда дон Хуан спрашивал о моем мнении, мне удалось определить пятно еще более темное, почти черное, на южной стороне уступа. Этот казавшийся мрачным уступ и почти черное пятно на нем не вызывали ни малейшего чувства страха или беспокойства. Мне нравился уступ, а его черное пятно нравилось еще больше.

— То пятно очень темное, но оно мне нравится, — сказал я, когда мы достигли края скалы.

Дон Хуан согласился с тем, что на этом месте будет лучше всего провести ночь. Он сказал, что тут имеется особый уровень энергии, и что ему тоже нравится эта приятная темнота. Мы направились к скальным выступам. Дон Хуан определил нужное место по валунам, и мы сели, прислонившись к ним спиной.

Я сказал, что, с одной стороны, выбрать именно это место было просто моей удачной догадкой, но с другой, — я не могу не учитывать тот факт, что воспринял его глазами.

— Я бы не сказал, что ты воспринял его исключительно глазами, — сказал дон Хуан. Все было немного сложнее.

— Что ты имеешь в виду, дон Хуан? — спросил я.

— Я хотел сказать, что у тебя есть способности, о которых ты до сих пор не догадываешься, — ответил он, — Поскольку ты весьма беспечен, ты можешь думать обо всем, что ты замечаешь, как об обычном чувственном восприятии.

Он сказал, что если я сомневаюсь в этом, то могу вновь спуститься к подножью горы и убедиться в справедливости его слов. Он предупредил, что я не смогу заметить темный выступ, просто глядя на него.

Я всячески заверил его, что ни в коем случае не сомневаюсь, поскольку не собираюсь вновь спускаться с горы.

Однако, он настаивал на спуске. Я думал, что он делает это просто чтобы подразнить меня. Меня это раздражало, ведь, по моему мнению, сейчас он должен был быть серьезным. Он так смеялся, что даже закашлялся.

Он отметил, что все животные могут выделить в местах своего обитания территории с особыми уровнями энергии. Большинство животных боятся этих мест и избегают их. Исключением являются горный лев и койот, которые ложатся там и даже спят, не обращая внимания на последствия. Но только маги намеренно ищут такие места из-за их особой эффективности.

Я спросил его, что это за эффекты. Он сказал, что они проявляются в виде толчков укрепляющей энергии, и заметил, что такие места могут находить и люди, живущие в естественной среде, хотя они и не догадываются об их существовании и оказываемом ими действии.

— Как же они узнают, что нашли такие места? — спросил я.

— Они никогда и не узнают, — ответил дон Хуан. — Маги, наблюдая

за людьми, идущими по горным тропам, замечают, что когда те устают, они располагаются на отдых именно в местах, которые имеют положительный уровень энергии. С другой стороны, проходя по территории с вредоносным потоком энергии, они становятся нервными и прибавляют шаг. Если спросить их об этом, они ответят, что хотят быстрее пройти данный участок, потому что чувствуют прилив энергии. Однако все наоборот – единственное место, придающее им энергию, есть то, где они чувствуют усталость.

Он сказал, что маги могут находить такие места, воспринимая всем своим телом небольшие всплески волн энергии там, где они находятся. Возросшая энергия магов, полученная за счет исчезновения чувства собственной важности, позволяет их чувствам расширить свой диапазон восприятия.

– Я постоянно стараюсь показать тебе, что единственно правильными действиями как для магов, так и для обычных людей являются те, что направлены на сопротивление вовлечению нас в наш образ себя, – продолжал дон Хуан. – Цель Нагваль в отношении его учеников – это разбить зеркало их саморефлексии. Он добавил, что каждый ученик – это особый случай, и что Нагваль предоставляет духу позаботиться о деталях.

– Каждый из нас в равной степени подвержен своей саморефлексии, – продолжал он. – Это проявляется в виде потребностей. Например, до того, как я стал на путь знания, моя жизнь была бесконечной чередой потребностей. И даже годы спустя после того, как нагваль Хулиан взял меня под свое крыло, я все еще испытывал множество потребностей, может быть, даже в большей степени, чем раньше. Однако существуют и маги, и обычные люди, которые не нуждаются ни в чем. Они получают умиротворение, гармонию, смех, знание непосредственно от духа. Такие люди не нуждаются в посредниках. Другое дело – ты и я. Я – твой посредник, моим был нагваль Хулиан. Посредники, кроме того, что предоставляют минимальный шанс – осознание *намерения*, еще и помогают разбить зеркало саморефлексии. Единственной конкретной помощью, которую ты когда-либо получал от меня, является разрушение твоей саморефлексии. Если бы это было не так, ты попросту терял бы время. Это единственная реальная помощь, которую я тебе оказывал.

– Но ты научил меня, дон Хуан, большему, чем кто бы то ни было

за всю мою жизнь, — запротестовал я.

— Я учил тебя разным вещам только для того, чтобы завладеть твоим вниманием, — сказал он. — Хотя ты и уверен, что это обучение было важной частью моих инструкций, однако ты заблуждаешься. От инструкций немного пользы. Маги утверждают, что значение имеет лишь сдвиг точки сборки и что такой сдвиг, как тебе известно, зависит от возрастания энергии, а не от инструкций.

Затем он сделал странное заявление. Он сказал, что любое человеческое существо, соблюдающее особую, весьма простую последовательность действий, может научиться сдвигать свою точку сборки.

Я заметил, что он противоречит самому себе. Последовательность действий для меня и означала выполнение инструкций. Она заключалась в выполнении тех или иных процедур.

— В мире магов ты найдешь сплошные противоречия в терминах, — ответил он, — На практике же никаких противоречий нет. Та последовательность действий, о которой я говорю, приходит из способности осознавать ее. Для этого необходим Нагваль. Вот почему я сказал, что Нагваль только предоставляет минимальный шанс. Но этот минимальный шанс не является инструкцией такого, например, типа, как та, что нужна тебе, чтобы научиться управлять машиной. Минимальный шанс заключается в осознании духа.

Он объяснил, что та особая последовательность, которую он имел в виду, является осознанием чувства собственной важности как силы, фиксирующей точку сборки в одном положении. Когда чувство собственной важности уменьшается, то больше не расходуется энергия, которая обычно тратится на его поддержку. Накопленная таким образом энергия затем служит своего рода трамплином для отправления точки сборки в невообразимое путешествие автоматически и непреднамеренно.

Такой сдвиг точки сборки уже сам по себе означает отход от саморефлексии, а это в свою очередь обеспечивает четкое связующее звено с *духом*. Он добавил, что в конце концов именно саморефлексия когда-то и разъединила человека с *духом*.

— Как я уже говорил тебе, — продолжал дон Хуан, — магия — это путешествие для возвращения. Мы, одержав победу, возвращаемся к *духу*, спускаясь при этом в ад. И из ада мы приносим трофеи. Одним из таких трофеев является понимание.

Я сказал ему, что упомянутая им последовательность кажется очень легкой и очень простой, когда он говорит о ней, но когда я попытался воспользоваться ею на практике, то она оказалась прямой противоположностью простоте и легкости.

— Наши трудности на этом простом пути — сказал он, — вызваны нежеланием большинства из нас принять тот факт, что на самом деле требуется так мало, чтобы идти по нему. Мы ожидаем инструкций, обучения, проводников, учителей, и когда нам говорят, что никто из них нам не нужен, мы не верим этому. Мы становимся нервными, затем теряем веру и под конец сердимся и разочаровываемся. Реальная же помощь, которая нам действительно нужна, заключается не в методах, а в правильном указании. Если кто-нибудь дает нам возможность осознать, что необходимо освободиться от чувства собственной важности, — это и есть реальная помощь.

Маги говорят что мы не нуждаемся ни в чьих убеждениях в том, что мир бесконечно сложнее, чем наши самые необузданные фантазии. Так почему же мы так зависимы? Почему мы так страстно желаем найти тебе проводника, когда все можно сделать самому? Вот ведь вопрос, а?

Дон Хуан не сказал больше ничего. Очевидно, он хотел, чтобы я подумал над этим, но меня занимало другое. Мое *вспоминание* подорвало определенные устои, которые я считал незыблемыми, и я отчаянно нуждался в том, чтобы он дал мне другие устои. Я нарушил затянувшееся молчание и выразил свою озабоченность. Я сказал ему, что уже смирился с тем, что вполне возможно забыть от начала до конца все, происходящее со мной в состоянии повышенного осознания. До сего дня я хорошо помнил хотя бы все то, что я совершил под его руководством в состоянии обычного осознания. Однако завтрак с доном Хуаном в Ногалесе не существовал для меня до тех пор, пока я не вспомнил его. А это событие должно было иметь место в обычном мире.

— Ты не принимаешь в расчет кое-что весьма важное, — сказал он. — Присутствия Нагваля достаточно, чтобы сместилась точка сборки. Я уже не раз шутил над твоей убежденностью в необходимости удара Нагваля. Удар по спине между лопаток, производимый мною, — это лишь способ отвлечь внимание. Он служит для того, чтобы устранить твои сомнения. Маги используют физический контакт, чтобы дать толчок телу. Он не дает ученику, которым

манипулируют, ничего, кроме уверенности.

– Но кто же тогда сдвигает точку сборки, дон Хуан? – спросил я.

– Это делает дух, – ответил он тоном человека, готового потерять терпение.

Казалось, он сдержался и, улыбаясь, покачал головой из стороны в сторону, выражая этим жестом свое бессилие.

– Мне трудно принять это, – сказал я. – Мой ум руководствуется принципом причин и следствий.

Он разразился своим необъяснимым смехом, – необъяснимым, конечно, с моей точки зрения. Наверное, я выглядел раздраженным. Он положил руку мне на плечо.

– Время от времени я смеюсь так потому, что ты сумасшедший, – сказал он. – Ответ на все, о чем ты меня спрашиваешь, находится прямо у тебя перед глазами. Однако ты не видишь его. Я думаю, сумасшествие – твой бич.

Его глаза были такими лучистыми, такими озорными, что я и сам рассмеялся.

– Я продолжаю настаивать на том, что в магии не существует процедур, – продолжал он. – Нет никаких методов и ступеней.

Единственное, что имеет значение – это сдвиг точки сборки. И ни одна процедура не может привести к этому. Это следствие, которое проявляется само по себе.

Он подтолкнул меня, как бы выпрямляя мне плечи, а затем стал пристально смотреть мне в глаза. Мое внимание немедленно сконцентрировалось на его словах.

– Посмотрим, как ты все это себе представляешь, – сказал он. – Только что я объяснил, что сдвиг точки сборки происходит сам по себе. Но я сказал также и то, что присутствие Нагваля вызывает сдвиг точки сборки его ученика, и что способ, с помощью которого он маскирует свою безжалостность, – или способствует, или препятствует этому сдвигу. Как бы ты разрешил это противоречие? Я признался, что как раз собирался спросить его об этом противоречии, поскольку осознал его существование. Но я бы и думать не посмел о том, чтобы разрешить его. Я же не практикующий маг.

– Но кто же ты тогда? – спросил он.

– Я студент, изучающий антропологию, который старается разобраться, чем занимаются маги, – сказал я.

Такое заявление не совсем соответствовало истине, но не было и

ложью. Дон Хуан смеялся безудержно. – Слишком поздно ты спохватился, – сказал он. – Твоя точка сборки уже сместилась. Именно такой сдвиг и делает человека магом. Он заявил, что кажущееся противоречие на самом деле является двумя сторонами одной медали. Нагваль вызывает сдвиг точки сборки тем, что помогает разрушить зеркало саморефлексии.

Но это все, что может сделать нагваль. Реальным сдвигом занимается *дух, абстрактное*. Нечто такое, чего нельзя увидеть – или почувствовать, чего, казалось бы, нет, но что существует реально. По этой причине маги утверждают, что точка сборки смещается сама собой. Но они также говорят, что ее сдвигает Нагваль. Нагваль, будучи проводником *абстрактного*, имеет возможность выражать его посредством своих действий.

Я вопросительно взглянул на дона Хуана.

– Нагваль смещает точку сборки, и все же не он сам делает это, – сказал дон Хуан. – Возможно, тебе будет понятнее, если я скажу, что *дух* проявляется в соответствии с безупречностью Нагваля. *Дух* может смещать точку сборки в результате простого присутствия безупречного Нагваля.

Он сказал, что ему хотелось бы прояснить все это, поскольку в случае неправильного понимания у Нагваля возрастает чувство собственной важности, которое в конечном счете приводит его к разрушению.

Переведя разговор на другую тему, он сказал, что, поскольку *дух* не имеет осязаемой сущности, маги имеют дело скорее с особыми конкретными примерами и обстоятельствами, во время которых они могут разбить зеркало саморефлексии.

Дон Хуан заметил, что в связи с этим важно понять практическое значение различных способов, посредством которых Нагваль маскирует свою безжалостность. Он сказал, что, например, моя маска великодушия пригодна, чтобы иметь дело с людьми на поверхностном уровне, но бесполезна как способ разрушения их саморефлексии, поскольку вынуждает меня требовать от них почти невозможных решений. Я требую от них прыжка в мир магии без какой-либо подготовленности.

– К такому решению, как этот прыжок, необходимо подготовиться, – продолжал он, – А для того, чтобы подготовиться к нему, подойдет любая маскировка Нагвалем своей безжалостности, кроме маски великодушия.

Наверное потому, что мне отчаянно хотелось верить в реальность своего великодушия, его замечания относительно моего поведения вновь пробудили во мне огромное чувство вины. Он заверил меня, что незачем чего-то стыдиться, и что единственным нежелательным последствием моего ложного великодушия является отсутствие положительного эффекта.

Хотя в этом отношении, но его словам, я и походил во многом на его бенефактора, моя маска великодушия была слишком грубой и явной, и не годилась для меня как будущего учителя. С другой стороны, маска рассудительности, как у него самого, является очень эффективной для создания атмосферы, благоприятной для смещения точки сборки. Его ученики всецело верили в его псевдорассудительность. Фактически, они были так воодушевлены ею, что дону Хуану легко удавалось оказывать на них нужное влияние и заставлять напрягать все силы.

– Случившееся с тобой в Гуаймаса является примером того, как замаскированная безжалостность Нагваля разбивает зеркало саморефлексии, – продолжал он. – Моя маска сразила тебя. Ты, как и все вокруг меня, верил в мою рассудительность. И конечно превыше всего ты ожидал, что я непрерывно сохраняю эту свою разумность.

Когда же я начал не просто изображать поведение дряхлого немощного старика, но стал таковым, ты изо всех сил старался восстановить мою непрерывность и свою саморефлексию. И ты сказал себе, что меня, наверное, хватил удар.

В конце концов, когда уже невозможно стало верить в непрерывность моей разумности, твое зеркало начало разрушаться. С этого момента смещение твоей точки сборки стало лишь делом времени. Единственное, что еще оставалось под вопросом, – достигнет ли она *места без жалости*.

По-видимому, дону Хуану показалось, что я скептически отнесся к его словам, поэтому он объяснил, что мир нашей саморефлексии или нашего разума очень хрупок и держится лишь на нескольких ключевых идеях, которые образуют его основополагающий порядок. Когда такие идеи рушатся, этот основополагающий порядок перестает действовать.

– Что это за ключевые идеи, дон Хуан? – спросил я.

– В данном случае, как и в примере с аудиторией исцелительницы, о которой мы говорили, ключевой идеей является непрерывность,

– ответил он.

– Что такое непрерывность? – спросил я.

– Это идея о том, что мы являемся затвердевшей глыбой, – сказал он, – В нашем сознании мир держится на том, что мы уверены в своей неизменности. Мы еще можем согласиться с тем, что наше поведение можно как-то изменить, что могут изменяться наши реакции и мнения, но идея изменения внешности или идея возможности быть кем-то другим не является частью основополагающего порядка нашей саморефлексии. Как только маг прерывает этот порядок, мир разума останавливается. Я хотел спросить у него, достаточно ли прервать индивидуальную непрерывность, чтобы вызвать сдвиг точки сборки. Казалось, он предвидел мой вопрос. Он сказал, что такой перерыв является просто ослаблением сопротивления. Сдвигу точки сборки на самом деле помогает безжалостность Нагваля.

Затем он сравнил действия, совершенные тем вечером в Гуаймасе, с действиями исцелительницы, о которой мы говорили раньше. Он сказал, что эта исцелительница разбивала зеркало саморефлексии людей, присутствовавших на ее сеансе, с помощью серии действий, которые не имели эквивалентов в ее повседневной жизни – драматическая одержимость *духом*, изменения голоса, разрезание тела пациента так, чтобы были видны внутренности. Как только непрерывность идеи людей о самих себе была разорвана, их точки сборки готовы были сместиться.

Дон Хуан напомнил мне, что когда-то он познакомил меня с понятием остановки мира. Он сказал, что остановка мира является такой же необходимостью для мага, как для меня – чтение и письмо. Она заключается в том, что в ткань повседневного поведения привносится какой-то диссонирующий элемент с целью всколыхнуть обычно монотонное течение событий повседневной жизни – событий, разложенных нашим разумом по полочкам нашего сознания.

Диссонирующий элемент назывался «неделанием», или противоположностью «деланию». «Делание» – это все, что является частью целого, в котором мы отдаем себе отчет.

«Неделание», в свою очередь, есть элемент, не принадлежащий к этому строго очерченному целому.

– Маги, будучи *сталкерами*, в совершенстве понимают человеческое поведение, – сказал, он, – Они понимают, например,

что человеческие существа являются плодом инвентаризационного списка. Знание того или иного списка делает человека учеником или мастером в своей области.

Маги знают о том, что если инвентаризационный список среднего человека разрушается, такой человек или расширяет его, или же рушится его собственный мир саморефлексии. Обычный человек стремится включить в свой список новые темы, если они не противоречат основополагающему порядку этой описи. Однако если темы противоречат друг другу, разум человека рушится.

Инвентаризационная опись – это разум. И маги принимают это во внимание, когда пытаются разбить зеркало саморефлексии.

Он объяснил, что в тот день он тщательно отобрал средства для разрушения моей непрерывности. Он постепенно преобразился в по-настоящему немощного старика, а затем, с целью усиления моей непрерывности, взял меня с собой в ресторан, где все знали его таким стариком.

Я прервал его. До меня дошло противоречие, которого я не замечал раньше. Тогда он говорил, что причиной его превращения было желание почувствовать, каково быть стариком. Это был благоприятный и неповторимый случай. Я понял это так, что никогда раньше он стариком не был. Однако в ресторане все знали дона Хуана как немощного старика, которого не раз хватал удар. – Безжалостность Нагваля имеет много аспектов, – сказал он. – Это что-то вроде инструмента, который приспособливают для различных целей. Безжалостность – это состояние бытия. Это определенный уровень *намерения*, которого достигает Нагваль. Нагваль использует его, чтобы вызвать смещение собственной точки сборки или точки сборки учеников, а также в целях *сталкинга*. В тот день я вначале действовал как *сталкер*, притворившись стариком, а под конец я действительно превратился в немощного старика. Моя безжалостность, контролируемая глазами, вызвала сдвиг моей точки сборки. Хотя я и до этого не раз бывал в ресторане как больной старик, я действовал как *сталкер*, всего лишь разыгрывая роль старика. Но никогда раньше моя точка сборки не смещалась так далеко в область старости и помешательства.

Он добавил, что, поскольку он *намеревался* быть старым, глаза его потеряли блеск, что я и заметил немедленно. Беспокойство отразилось на моем лице. То, что глаза его перестали излучать

свет, было следствием использования их для намеренного перемещения в состояние старика. Как только точка сборки дона Хуана достигла необходимого положения, он смог перевоплотиться и во внешности, и в поведении, и в ощущениях. Я попросил его рассказать подробнее об идее использования глаз для манипуляции *намерением*; у меня было смутное чувство, что все это мне знакомо, но даже мысленно я не мог оформить свое знание в слова.

— Все, что можно сказать по этому поводу, сводится к тому, что *намерением* управляют глаза, — сказал он. — Я знаю, что это так и есть. Однако, как и ты, я не могу точно выразить свое знание. Маги разрешают это противоречие, принимая нечто совершенно очевидное: человеческие существа бесконечно более сложны и загадочны, чем наши самые необузданные фантазии.

Я настаивал на том, что он до сих пор не прояснил сути дела.

— Я могу сказать лишь одно — это делают глазами, — сказал он сухо.

— Не знаю как, но глаза делают это. Они притягивают *намерение* чем-то неопределимым, чем-то, что содержится в их сиянии. Маги говорят, что *намерение* проходит через глаза, а не через разум.

Дон Хуан отказался прибавить к сказанному еще что-нибудь и вернулся к объяснению моего *вспоминания*. Он сказал, что раз его точка сборки достигла особого положения истинной старости, все мои сомнения должны были полностью исчезнуть. Но поскольку я очень гордился своей сверхрациональностью, я немедленно попытался объяснить его перевоплощение.

— Я неоднократно повторял, что слишком большая рациональность является помехой, — сказал он. — Человеческие существа обладают очень глубоким чувством магии. Мы сами являемся частью тайны. Рациональность есть лишь наружный тонкий слой. Если мы удалим этот слой, то под ним обнаружим мага. Однако некоторые из нас с большим трудом могут проникнуть под поверхностный слой — другие же делают это с большой легкостью. Ты и я очень похожи в этом отношении — оба мы должны были трудиться до кровавого пота, прежде чем избавиться от саморефлексии.

Я объяснил ему, что для меня держаться за свою рациональность — вопрос жизни и смерти. Важность этого для меня только возросла, когда я стал постигать мир магии.

Дон Хуан заметил, что тогда, в Гуаймасае, моя рациональность стала для него исключительным испытанием. С самого начала дон

Хуан должен был пустить в ход все известные ему средства, чтобы подорвать ее. С этой целью он начал сильно давить ладонями на мои плечи и почти пригнул меня к земле тяжестью своего тела. Этот грубый физический маневр послужил первым толчком для моего тела. В сочетании со страхом, вызванным отсутствием непрерывности, такой прием пробил стену моей рациональности. – Но только нарушить рациональность было недостаточно, – продолжал дон Хуан. – Мне было известно, что для того, чтобы твоя точка сборки достигла *места без жалости*, я должен был полностью прервать твою непрерывность. Все это произошло, когда я по-настоящему стал стариком и заставил тебя бегать по городу, а под конец разозлился и ударил тебя.

Ты был шокирован, однако находился на пути к мгновенному возвращению в нормальное состояние, и тогда я нанес последний удар по твоему зеркалу саморефлексии. Я завопил, что ты убийца. Я не ожидал, что ты убежишь, забыв о твоей склонности к вспышкам ярости.

Он сказал, что, несмотря на то, что я очень быстро пришел в себя, моя точка сборки достигла *места без жалости*. Это случилось в момент, когда я разозлился на дону Хуана за его маразматическое поведение. Или, возможно, все произошло наоборот: я разозлился потому, что моя точка сборки достигла *места без жалости*.

Однако это не важно. Важно то, что моя точка сборки сместилась в нужное положение.

Как только она там оказалась, мое поведение заметно изменилось. Я стал холоден и расчетлив, и больше не заботился о своей безопасности.

Я спросил у дона Хуана, *видел* ли он все это. Я не помнил, чтобы я рассказывал ему об этом. Он ответил, что узнать о моих чувствах помогло ему воспоминание о своем собственном когда-то пережитом опыте.

Затем он отметил, что моя точка сборки начала фиксироваться в новом положении тогда, когда он вновь стал самим собой. Но к тому времени моя уверенность в его обычной непрерывности была настолько поколеблена, что больше не служила связующей силой. С этого момента новое положение моей точки сборки позволило мне выстроить новый тип непрерывности, характеризующийся странной отрешенной твердостью – той твердостью, которая стала с тех пор нормой моего поведения.

– Непрерывность столь важна в нашей жизни, – продолжал он, – – что если она нарушается, то тут же немедленно восстанавливается. Для магов, однако, при достижении точкой сборки *места без жалости* непрерывность никогда не становится прежней.

Поскольку по природе ты медлителен, ты до сих пор не заметил, что с того дня в Гуаймаса ты стал, помимо всего прочего, способен воспринимать любое нарушение непрерывности в ее истинном проявлении – после символической борьбы твоего разума, конечно. Его глаза сияли и смеялись.

– Именно тогда ты и проявил свою замаскированную безжалостность, – продолжал он, – Тогда твоя маска, конечно же, не была столь совершенной, как сейчас, но то, что ты получил тогда, было зачатками твоей маски великодушия.

Я попытался протестовать. Мне не понравилась идея замаскированной безжалостности, в каком бы виде он не преподносил ее.

Он настоятельно посоветовал вспомнить тот момент, когда я обрел эту маску.

– Когда ты почувствовал, что тебя снова охватывает холодная ярость, – продолжал он, – ты должен был замаскировать ее. Ты не шутил с этим, как бывало делал со мной мой бенефактор. Ты не пытался судить о ней разумно, как когда-то делал это я. И ты не притворяешься, что заинтригован ею, как нагваль Элиас в свое время. Что же сделал ты? Ты спокойно пошел к своей машине и отдал половину свертков парню, помогавшему тебе их нести. До сего момента я не помнил, чтобы кто-то помогал мне нести свертки. Я сказал дону Хуану, что я видел огоньки, мелькавшие перед моими глазами, и думал, что видел их потому, что находился из-за холодной ярости почти на грани обморока.

– Ты не был на грани обморока, – ответил дон Хуан. – Ты был на грани самостоятельного вхождения в состояние *сновидения и видения духа*, так же, как Талиа и мой бенефактор.

Я сказал дону Хуану, что отнюдь не великодушие заставило меня отдать свертки, а лишь холодная ярость. Я должен был сделать что-нибудь, чтобы успокоиться, и первое, что попало мне под руку, были свертки.

– Но именно об этом я тебе и говорю. Твое великодушие не есть нечто подлинное, – сказал он и рассмеялся.

Билет в безупречность

Пока дон Хуан говорил о том, как разбить зеркало саморефлексии, совсем стемнело. Я сказал ему, что чудовищно устал и предложил прервать наше путешествие и вернуться домой. Однако он настаивал на продолжении пути, заметив, что необходимо использовать каждую минуту наших с ним встреч, чтобы рассмотреть истории магов или *вспоминать* происходившие у меня сдвиги точки сборки.

Я был не в духе и пожаловался на то, что сильная усталость может породить во мне чувство неуверенности и неопределенности.

– Твоя неуверенность вполне понятна, – сказал дон Хуан как нечто само собой разумеющееся. – В конце концов ты имеешь дело с новым видом непрерывности. Нужно время, чтобы привыкнуть к ней. Воины проводят годы в таком состоянии, когда они уже не обычные люди, но еще и не маги.

– Что с ними происходит потом? – спросил я. – Они выбирают что-то одно?

– Нет. Они не имеют выбора, – ответил он. – Все они в конце концов осознают, что стали магами. Трудность заключается в том, что зеркало саморефлексии чрезвычайно могущественно, и его можно одолеть только после беспощадной битвы.

Он замолчал и, казалось, ушел в свои мысли. Тело его напряглось, как это бывало не раз, когда, по моим наблюдениям, он погружался в своего рода глубокую задумчивость, которую он сам характеризовал, как сдвиг точки сборки, делающий возможным *вспоминание*.

– Я хочу рассказать тебе историю о билете мага в безупречность, – вдруг сказал он после почти получасового молчания, – Сейчас ты услышишь историю моей смерти. И он стал описывать события, происходившие после его прибытия в Дуранго, когда он все еще был переодетой женщиной и около месяца скитался по центральной Мексике. Он сказал, что старый Белисарио доставил его прямиком на гасиенду, чтобы спрятать от чудовищного человека, преследовавшего его.

Сразу по прибытии дон Хуан – довольно смело, если принять во внимание его замкнутый нрав – представился всем, кто жил в доме. Среди его обитателей было семь красивых женщин и странный необщительный мужчина, не проронивший ни слова. Дон Хуан восхитил прелестных женщин своим рассказом о чудовищном человеке, преследовавшем его. Больше всего им понравилась его маскировка, которую он до сих пор носил, а также история, связанная с ней. Они без устали слушали рассказ о подробностях путешествия дона Хуана и наперебой советовали, как усовершенствовать знания, полученные им за время путешествия. Дона Хуана удивляли их непостижимые для него уравновешенность и уверенность.

Семеро женщин были утонченными особами, и ему было хорошо с ними. Он полюбил их и доверял им. Они обращались с доном Хуаном с уважением и учтивостью. Однако что-то в их глазах говорило ему о том, что под внешним очарованием таится ужасающая холодность, невыносимая для него отчужденность.

Однажды дону Хуану пришла в голову мысль о том, что, поскольку эти женщины так раскованы и не обращают внимания на формальности, все они, должно быть, легкого поведения. Однако он быстро понял, что это не так.

Однажды он остался один и пошел бродить по округе. Его поразили размеры особняка и прилегавших земель. Никогда ничего подобного он не видел. Это был старый дом колониальных времен, обнесенный высокой стеной. Внутренние балконы были уставлены цветочными горшками, а в патио росли громадные фруктовые деревья. Их тень вызывала ощущение тишины, уединения и умиротворения.

Комнаты в доме были просторные. На первом этаже вокруг внутренних двориков были открытые переходы. На верхнем этаже располагались загадочные спальни, куда дону Хуану входить не разрешалось.

Впоследствии он был немало удивлен возникшим у женщин глубоким интересом к его благополучию. Они делали для него все. Казалось, они ловили каждое его слово. Никогда раньше к нему не относились так хорошо. Но и такого одиночества он никогда раньше не ощущал. Дон Хуан постоянно находился в обществе красивых странных женщин и все же был так одинок, как никогда прежде. Он полагал, что это чувство одиночества проистекало от

неумения предсказывать поведение женщин или понимать их истинные чувства. Он знал о них лишь то, что они ему сами о себе говорили.

Через несколько дней после прибытия дон Хуана женщина, казавшаяся лидером, принесла ему совершенно новую мужскую одежду и сказала, что больше не надо носить женское платье в качестве маскировки, поскольку чудовищный человек, кем бы он ни был, сейчас куда-то исчез. И еще ему позволили гулять там, где он захочет.

Дон Хуан попросил встречи с Белисарио, которого он не видел со дня своего прибытия. Женщина сказала, что Белисарио уехал.

Перед отъездом он сказал, что дон Хуан может оставаться в доме сколько захочет, но только до тех пор, пока не минует опасность.

Дон Хуан признался, что ему грозит смертельная опасность. На гасиенде он часто видел чудовище, рыскающее по окрестным полям. Женщина не поверила ему и напрямик сказала, что он плохой актер, и нечего притворяться, иначе его поставят на место. Она заявила дону Хуану, что их дом не для бездельников. Здесь все – серьезные люди, очень много работают и не могут позволить себе держать нахлебника.

Такие слова оскорбили дон Хуана. Он вылетел из дома и тут же наткнулся на чудовище, скрывавшееся в декоративном кустарнике у стены. Его гнев сменился на страх. Он снова вбежал в дом и стал просить женщину, чтобы ему позволили остаться. Он обещал бесплатно батрачить, лишь бы его не прогоняли.

Она согласилась, но дону Хуану предстояло принять два условия: не задавать вопросов и беспрекословно выполнять все, что прикажут. Она предупредила, что если он нарушит эти условия, его пребывание в доме будет под вопросом.

– Я с трудом подчинился, – продолжал дон Хуан. – Мне не хотелось принимать ее условия, однако я знал, что чудовище бродит поблизости. В доме я был в безопасности. Я знал, что ужасный человек всегда останавливался у невидимой черты, окружавшей дом примерно радиусом сто ярдов. Внутри нее я чувствовал себя в безопасности. Насколько я мог заметить, что-то удерживало чудовище на расстоянии, и это меня вполне удовлетворяло. И еще я заметил, что если рядом был кто-то из людей, живших в этом доме, монстр не показывался.

Через несколько недель, ничего не изменивших в ситуации, вновь

появился молодой человек, который, как считал дон Хуан, жил в доме чудовищного человека под видом старого Белисарио. Он сказал дону Хуану, что только что прибыл, что его зовут Хулиан и он владеец гасиенды.

Дон Хуан, естественно, спросил, почему тот больше не маскируется. Молодой человек взглянул ему прямо в глаза и без колебаний заявил, что не знает ни о какой маскировке.

— Как ты смеешь находиться в моем доме и нести такую чепуху? — закричал он на дону Хуана. — За кого ты меня принимаешь?

— Но ведь ты — Белисарио, правда? — настаивал дон Хуан.

— Нет, — ответил молодой человек. — Белисарио — старик, а меня зовут Хулиан, и я молод. Разве ты не видишь?

Сбитый с толку, дон Хуан сказал, что он не вполне уверен, было ли это маскировкой, и только тут сообразил, насколько абсурдна его догадка. Если старик не был замаскированным юношей, то оставалось лишь перевоплощение, а это было еще большим абсурдом.

Дон Хуан в замешательстве спросил о чудовище. И молодой человек ответил, что не имеет понятия ни о каком чудовище. Он допускал, что дону Хуана что-то испугало, иначе бы старый Белисарио не предоставил ему убежища. Но какими бы ни были причины, заставлявшие дону Хуана прятаться, его это не интересовало.

Дона Хуана задел холодный тон, которым говорил с ним хозяин, и его манеры. Рискуя навлечь на себя его гнев, дон Хуан все же напомнил ему, что они уже однажды встречались, на что хозяин ответил, что несмотря на то, что они никогда не виделись, он все же, считается с желанием Белисарио, которому многим обязан. Еще молодой человек сказал, что не только является единственным владельцем дома, но и несет ответственность за каждого его обитателя, включая и дону Хуана, который, раз уж прячется здесь, тоже находится под его покровительством. Но если дон Хуан со всем этим не согласен, он вправе уйти и сам противостоять монстру, которого, правда, никто, кроме него, не видел.

Прежде чем решиться на такие условия, дон Хуан счел разумным спросить, что означает быть под покровительством хозяина дома. Молодой человек повел дону Хуана в ту часть особняка, где еще продолжалось строительство, и сказал, что она символизирует его

собственную жизнь и поступки. Строительство не завершено, оно ведется, и есть все основания полагать, что его никогда не завершат.

— Ты являешься одним из элементов того незавершенного здания, — сказал он дону Хуану. — Скажем, ты — балка, которая будет поддерживать крышу. Но до тех пор, пока мы не положим ее на место, а затем не накроем крышей, неизвестно, выдержит ли она. Главный плотник говорит, что выдержит. Вот я и являюсь главным плотником.

Такое метафорическое сравнение ничего для дона Хуана не прояснило, и он ожидал, что ему прикажут заниматься какими-либо работами.

Молодой человек попытался зайти с другой стороны.

— Я Нагваль, — пояснил он, — я несущ освобождение. Я являюсь лидером людей, живущих в этом доме. Ты тоже находишься здесь, и поэтому являешься его частью, хочешь ты этого или нет.

Дон Хуан ошеломленно смотрел на него, не в силах проговорить ни слова.

— Я — нагваль Хулиан, — сказал его хозяин, улыбаясь. — Без моего вмешательства не существует пути к свободе.

Дон Хуан все еще не понимал. Однако он начал беспокоиться о своей безопасности ввиду явного безумия этого человека. Он был так поглощен своим внезапным открытием, что даже не поинтересовался значением слова «нагваль». Он знал, что нагвалями называют колдунов, однако не был в состоянии постичь весь смысл слов нагваля Хулиана. Возможно, он в глубине души все прекрасно понял, но сознание не принимало подобных вещей. Какое-то время молодой человек пристально смотрел на него, а затем сказал, что в данный момент задачей дона Хуана будет помощь и услужение ему лично. За это платить не будут, но предоставят отличную комнату и стол. Время от времени ему будут предлагать еще кое-какую мелкую работу, которая потребует особого внимания. Его обязанностью будет как работать самому, так и наблюдать, как это делают другие. За эти особые услуги ему выплатят небольшую сумму денег, которая будет находиться под контролем у одного из обитателей имения. Если когда-нибудь дон Хуан захочет покинуть дом, он сможет получить немного наличными в качестве пособия.

Молодой человек подчеркнул, что дон Хуан не должен считать

себя пленником, но если он останется, то обязан будет работать. Еще более важной, чем работа, вещью были три требования. Он должен изучать все, чему его будут учить женщины. Его взаимоотношения с обитателями поместья должны быть образцовыми; это значило постоянный контроль за своим поведением и отношением к ним ежеминутно в течение всего дня. Обращаясь к молодому человеку, дон Хуан должен называть его Нагвалем. А если будет говорить о нем – нагвалем Хулианом. Дон Хуан подчинился с неохотой. И хотя он тотчас погрузился в привычную грубость, работу свою он освоил довольно быстро. Он так и не понял требования изменить отношение к окружающим и манеру поведения. И хотя ему некого и не за что было упрекнуть, он искренне верил, что его обманывают и эксплуатируют. Когда угрюмость дона Хуана достигла предела, он замкнулся в себе и почти перестал общаться с кем бы то ни было. И тогда нагваль Хулиан собрал всех обитателей особняка и объявил, что хоть он и нуждается в помощнике, все же будет ждать их решения. И если им не нравится угрюмость и необщительность его нового слуги, пусть скажут об этом. Если большинство не одобрит поведения дона Хуана, ему придется убраться восвояси и самому разбираться с ожидавшим его снаружи не то чудищем, не то собственной выдумкой. Затем нагваль Хулиан вывел их на лужайку перед домом и потребовал, чтобы дон Хуан показал всем чудовищного человека. Дон Хуан показал в том направлении, где, по его мнению, тот находился, но никто ничего не заметил. Дон Хуан в отчаянии подбегал то к одному, то к другому из присутствующих, уверяя, что чудовище рядом, умоляя помочь ему, но все они оставались безучастными к его мольбам и называли его сумасшедшим. Вот тогда нагваль Хулиан и сказал, что необходимо сообща решить дальнейшую судьбу дона Хуана. Бывший среди них нелюдимый мужчина отказался от голосования. Он пожал плечами и пошел прочь. Все женщины высказались против дальнейшего пребывания дона Хуана в их доме. Они мотивировали это тем, что он слишком мрачен и имеет скверный характер. Однако в процессе жарких споров нагваль Хулиан полностью изменил свое отношение к дону Хуану и стал его защищать. Он говорил, что женщины несправедливы к бедному юноше, и что тот, возможно, еще не совсем помешался и, может быть, даже видит своего

монстра на самом деле. Еще он сказал, что, наверное, его угрюмость является порождением беспокойства и страха. В результате страсти накалились, и через минуту женщины уже вовсю кричали на самого Нагваля.

Дон Хуан хотя и слышал этот спор, мало интересовался им. Он знал, что его хотят выгнать, и что чудовищный человек наверняка захватит его и превратит в раба. Чувствуя свое полное бессилие, он начал плакать.

Его отчаяние и слезы как-то повлияли на рассерженных женщин. Их лидер предложила следующее: предоставить дону Хуану испытательный срок в три недели, в течение которых его характер и поведение будут ежедневно оцениваться всеми женщинами. Она предупредила дона Хуана, что если за это время на него поступит хоть одна жалоба, – его вышвырнут вон.

Дон Хуан рассказал, как затем нагваль Хулиан с отеческой заботой отвел его в сторону и вновь начал запугивать. Шепотом он сообщил, что знает не только о существовании монстра, но и о том, что он бродит по округе. Однако, связанный каким-то условием, разглашать которое он не смеет, он не может говорить о монстре женщинам. Он настойчиво просил дона Хуана не быть мрачным и притвориться, будто его дурное настроение переменилось на противоположное.

– Делай вид, что ты доволен и счастлив, – сказал он дону Хуану, – Если ты не последуешь моему совету, женщины прогонят тебя. Одно лишь это может образумить тебя. Используй свой страх как реальную движущую силу. Это все, что у тебя есть.

Всекие колебания или задние мысли, имевшиеся у дона Хуана, немедленно улетучились при виде чудовища, которое нетерпеливо поджидало его у невидимой черты. Казалось, оно понимало, насколько шатким было его положение. Чудовище выглядело зверски голодным и, видимо, предвкушало скорый пир.

Нагваль Хулиан еще раз припугнул своего подопечного.

– На твоём месте, – сказал он, – я вел бы себя так, как хотят эти женщины. Я вел бы себя как ангел. Это спасло бы меня от адского зверя.

– Значит, ты и вправду видел его? – спросил дон Хуан.

– Конечно, – ответил Нагваль. – И еще я знаю, что если ты уйдешь или женщины выгонят тебя, чудовище схватит тебя и превратит в своего раба. Это уж наверняка изменит твой характер. Говорят, что

такое чудовище способно причинить своей жертве невообразимые страдания.

Теперь дон Хуан знал, что его может спасти лишь примерное поведение. Страх стать добычей чудовищного человека был поистине мощным психологическим стимулом.

Дон Хуан рассказал, что в силу некоторых особенностей своего характера он был груб лишь с женщинами и никогда не позволял себе вольностей в присутствии нагваля Хулиана. По неизвестной причине дон Хуан понимал, что Нагваль не был тем человеком, на которого можно было бы сознательно или бессознательно повлиять.

Другой обитатель поместья, нелюдимый мужчина, не обращал никакого внимания на дону Хуана. После нескольких встреч у дона Хуана сложилось определенное впечатление о нем как о человеке, которого незачем принимать в расчет, человеке слабом, праздном и подчиненном этим красивым женщинам. Позднее, когда он лучше смог узнать характер Нагваля, он понял, что этот человек просто был в тени, заслоненный блеском других.

Со временем дон Хуан разобрался, кто был среди них лидером и имел власть. К своему удивлению и даже восхищению он понял, что здесь ни один человек не стоит выше другого и не считается лучше. Некоторые выполняли такие функции, на которые другие были неспособны, однако это не было поводом для их возвышения. Просто все они были разными. Однако последнее слово в любом деле оставалось за нагвалем Хулианом, и ему доставляло явное удовольствие выражать свою волю в виде поистине дьявольских шуток, которые он мог разыгрывать буквально с каждым.

Была среди них также одна загадочная женщина по имени Талиа, Женщина-Нагваль. Никто не говорил дону Хуану о том, кто она такая или что это означает, однако вскоре ему стало ясно, что среди семи женщин Талиа играет особую роль. Они так много говорили о ней, что любопытство дона Хуана возросло до невероятных размеров. Он без конца задавал ей множество вопросов, и тогда женщина-лидер решила научить его читать и писать, чтобы дон Хуан мог полнее использовать свои дедуктивные способности. Она сказала, что лучше научиться записывать, чем полагаться на свою память. Таким образом он сможет накопить огромное количество сведений о Талии,

сведений, которые ему следует перечитывать и изучать до тех пор, пока не прояснится истина.

Предвидя в характере дон Хуана дух противоречия, она заявила, что хотя это и кажется абсурдным, но познание того, кем Талиа является на самом деле, есть наиболее трудная и почетная из всех задач.

Это, – сказала она, – еще и забавно. Более серьезным тоном она добавила, что дону Хуану совершенно необходимо изучить основы счетоводства, чтобы помогать Нагвалю в управлении поместьем.

Не откладывая в долгий ящик, она начала давать ежедневные уроки, и менее чем через год дон Хуан достиг немалых успехов, научившись читать, писать и вести бухгалтерские книги.

Все происходило настолько постепенно, что дон Хуан и не заметил, как изменился. Самая непостижимая перемена заключалась в том, что в его характере появилась такая замечательная черта, как отрешенность. Будучи очень занятым, он сохранил впечатление, что в доме ничего не происходит, – просто потому, что он был не в состоянии разобраться в обитателях поместья. Все они являлись зеркалами, не дававшими отражения. – Этот дом служил мне убежищем в течение почти трех лет, – продолжал дон Хуан, – За это время со мной приключилось немало вещей, но я не считал их такими уж важными. Или, по крайней мере, предпочитал считать их неважными. Я был уверен в том, что все эти годы я лишь прятался, дрожа от страха, и работал, как мул. Дон Хуан засмеялся и сказал, что по настоянию нагваля Хулиана он согласился изучать магию и таким образом смог освободиться от всепоглощающего страха, возникавшего при виде чудовища. Но при всем том, что нагваль Хулиан многое рассказывал ему, он, казалось, больше склонен был подшучивать над доном Хуаном. Поэтому дон Хуан искренне верил, что не учился ничему, хоть в какой-то степени относящемуся к магии, поскольку, очевидно, в доме никто и не занимался ею.

Однажды, однако, он поймал себя на том, что, сам того не желая, целенаправленно идет в сторону той невидимой линии, которая не допускала монстра ближе. Как и всегда, этот чудовищный человек наблюдал за домом, но на этот раз вместо того, чтобы ретироваться в дом в поисках убежища, дон Хуан продолжал идти. Невероятный прилив энергии заставлял его двигаться вперед, не заботясь о своей безопасности.

Чувство полной отрешенности позволило ему встретиться с чудовищем, терроризировавшим его много лет, лицом к лицу. Он думал, что эта тварь сейчас бросится на него и схватит за горло, но такая мысль больше не приводила его в ужас. Секунду он смотрел на чудовищного человека с расстояния в несколько дюймов, а затем пересек линию. Но чудовище не напало на дон Хуана, чего он раньше больше всего боялся, — оно превратилось в пятно с неясными очертаниями, в едва различимое облачко белесого тумана.

Дон Хуан подошел к нему, и сгусток тумана как бы в страхе отступил назад. Дон Хуан преследовал его в поле до тех пор, пока не понял, что от чудовища не осталось и следа. Тогда он осознал, что монстра никогда и не существовало. Однако дон Хуан не мог объяснить, что же тогда так пугало его. Смутная догадка подсказала ему, что хотя он и знал об истинной природе чудовища, что-то мешало ему думать об этом. Внезапно дон Хуан сообразил, что этот мошенник нагваль Хулиан наверняка знал правду о происходящем, а такого рода трюки спускать не полагается. Прежде чем пойти к нему за объяснениями, дон Хуан впервые позволил себе прогуляться по поместью без чьего-либо сопровождения. До сих пор это было невозможно. Каждый раз, когда ему нужно было пересечь невидимую линию, с ним был кто-нибудь из обитателей поместья, что очень сковывало его передвижения. Дважды или трижды дон Хуан пытался нарушить это правило, но скоро понял, что рискует попасть монстру в лапы. Полный странной энергии, дон Хуан вошел в дом, но не для того, чтобы отпраздновать свою новую победу и мощь, а чтобы собрать всех обитателей поместья и потребовать у них объяснений их бесстыдной лжи. Он обвинил их в том, что его заставляли работать как невольника, играя на чувстве страха перед несуществующим чудовищем. Женщины смеялись так, как будто он рассказал им очень смешной анекдот. Только нагваль Хулиан, казалось, осознавал свою вину, особенно тогда, когда дон Хуан срывающимся от негодования голосом говорил о трех годах непрерывного страха. Нагваль Хулиан опечалился и открыто зарыдал, когда дон Хуан потребовал извинений за то, что его так бесстыдно эксплуатировали.

— Но ведь мы говорили тебе, что чудовища не существует, — сказала одна из женщин.

Дон Хуан свирепо взглянул на нагваля Хулиана, который стоял, кротко потупив глаза.

– Вот он знал, что чудовище существовало, – завопил дон Хуан, гневно показывая пальцем на Нагваля.

Но он тут же понял, что говорит вздор, поскольку сначала нагваль Хулиан убеждал его в том, что монстра не существовало.

– Чудовища никогда не существовало, – уточнил дон Хуан, дрожа от ярости. – Это был один из его трюков.

Нагваль Хулиан, непрестанно рыдая, стал извиняться перед доном Хуаном, а женщины в это время покатывались со смеху. Дон Хуан еще никогда не видел, чтобы они так хохотали.

– С самого начала ты знал, что нет никакого чудовища, – набросился он на нагваля Хулиана, который, стоя с низко опущенной головой и глазами, полными слез, признал свою вину.

– Я действительно обманывал тебя, – промямлил он, – никакого чудовища не было. То, что ты видел как монстра, было просто сгустком энергии. Твой страх придал ему вид ужасного чудовища.

– Ты сказал, что это чудовище собиралось сожрать меня. Как ты мог так бесстыдно лгать? – заорал на него дон Хуан.

Потом дон Хуан завопил, что больше не желает слушать эти глупости. Он потребовал, чтобы его право на уход было немедленно подтверждено.

– Можешь уходить, когда захочешь, – коротко сказал нагваль Хулиан.

– Ты имеешь в виду, что я могу уйти хоть сейчас? – спросил дон Хуан.

– Ты этого хочешь? – спросил Нагваль.

– Конечно, я хочу покинуть это проклятое место и проклятую компанию лгунов, живущих здесь, – рявкнул дон Хуан. Нагваль Хулиан распорядился, чтобы дону Хуану сполна заплатили за его службу, а затем с сияющими глазами пожелал ему удачи, процветания и мудрости.

Женщины не захотели прощаться с ним. Они смотрели на дону Хуана до тех пор, пока он не опустил голову под сиянием их глаз. Дон Хуан положил деньги в карман и вышел даже не оглянувшись, радуясь окончанию этого тяжелого испытания. Внешний мир, казалось, несет столько нового. Он так стремился к нему. Находясь в этом доме, он был оторван от повседневной жизни. Он был так молод, силен. В его кармане лежали деньги, его обурежала жажда

жизни.

Он покинул обитателей дома, не поблагодарив их. Его гнев, сдерживаемый все это время страхом, вырвался наружу. Он уже почти любил их всех, и вот теперь он чувствовал, что его предали. Ему хотелось уйти как можно дальше от этих мест.

В городе дон Хуан столкнулся с первой не слишком приятной неожиданностью. Путешествия были очень трудными и очень дорогостоящими. Он понял, что если бы он захотел покинуть город, то не знал бы, куда направиться, и что ему придется присоединиться к каким-нибудь погонщикам мулов, которые согласятся взять его с собой. Через несколько дней он отправился в путь с одним имеющим очень хорошую репутацию погонщиком до порта Масатлан.

– Хотя мне было в то время только двадцать три года, – сказал дон Хуан, – мне казалось, что прожита целая жизнь. Единственное, чего я тогда еще не испытал, был секс. Нагваль Хулиан говорил мне, что отсутствие близости с женщинами дало мне силу и стойкость, и что у него оставалось слишком мало времени сделать для меня еще кое-что, прежде чем мир поймает меня в свои ловушки.

– Что он имел в виду, дон Хуан? – спросил я.

– Он имел в виду мое полнейшее незнание того ада, в который я так рвался, – ответил дон Хуан, – и то, что у него оставалось совсем немного времени, чтобы создать мои баррикады, моих безмолвных защитников.

– Что такое безмолвный защитник, дон Хуан?

– Это хранитель жизни, – ответил он. – Безмолвный защитник – это сгусток необъяснимой энергии, которая приходит к воину, когда больше уже не срабатывает ничто.

Мой бенефактор знал, как сложится моя дальнейшая жизнь, когда я больше не буду находиться под его влиянием. Поэтому он стремился показать мне как можно больше магических возможностей выбора. Такие возможности выбора магов и должны были стать моими безмолвными защитниками.

– Что такое возможности выбора магов? – спросил я.

– Положение точки сборки, – ответил он, – вернее, бесчисленное количество положений, которых может достигнуть точка сборки. В каждом случае мелкого или глубокого сдвига маг может укрепить свою новую непрерывность.

Дон Хуан повторил, что все, испытанное им вместе с его бенефактором или под его руководством, было следствием легкого или значительного сдвига его точки сборки. Бенефактор заставлял его испытывать бесчисленное количество возможностей выбора мага, намного больше, чем это обычно необходимо. Он знал, что судьба ведет дона Хуана к тому, чтобы объяснять, кто такие маги и что они делают.

– Эффект таких сдвигов точки сборки накапливается, – продолжал он, – независимо от того, понимаешь ты это или нет. В конечном счете это накопление стало работать на меня.

Очень скоро после начала совместной работы с Нагвалем моя точка сборки сдвинулась так глубоко, что я начал *видеть*. Я *видел* энергетическое поле как монстра. Но точка сборки продолжала двигаться до тех пор, пока я не увидел чудовище тем, чем оно было на самом деле – энергетическим полем. Я преуспел в искусстве *видения* – и сам не знал об этом. Я думал, что ничего не делаю и ничему не учусь. Я был невероятно глуп.

– Ты был слишком молод, дон Хуан, – сказал я. – Ты и не мог действовать по-другому.

Он засмеялся. Вначале он как будто хотел что-то ответить, но затем передумал. Пожав плечами, он продолжал свой рассказ. Дон Хуан сказал, что когда он добрался до Масатлана, он практически уже овладел профессией сезонного погонщика мулов. Ему предложили постоянно работать в качестве сопровождающего каравана. Он был очень доволен этим предложением. Ему нравилось путешествовать, между Дуранго и Масатланом. Однако оставались две вещи, не дававшие ему покоя: во-первых, у него до сих пор не было женщины, во-вторых, его одолевало сильное и необъяснимое желание идти на север. Почему, он и сам не знал. Ему просто казалось, что где-то на севере что-то ждет его. Это чувство настолько овладело им, что в конце концов он вынужден был отказаться от предложенной постоянной работы ради того, чтобы отправиться на север.

Его огромная сила и новая необъяснимая искусность дали ему возможность находить *работу* даже там, где, казалось, найти ее было вообще невозможно, и средства к существованию у него были на протяжении всего его пути на север до штата Синалоа. И там это путешествие закончилось. Он встретил молодую вдову, которая, как и он сам, была из индейского племени яки, и

покойному мужу которой он когда-то задолжал.

Он решил возместить свой долг, помогая вдове и ее детям, и сам не заметил, как принял на себя роль мужа и отца.

Его новые обязанности превратились для него в изрядную обузу. Он лишился возможности свободного передвижения и даже отказался от желания путешествовать дальше на север. Все это, однако, компенсировалось глубоким чувством привязанности к женщине и ее детям.

— В то время мною иногда овладевало огромное счастье быть отцом и мужем, — сказал дон Хуан, — но именно в эти моменты я замечал, что все складывается как-то ужасно неправильно. Я понял, что утрачиваю чувство отрешенности, приобретенное за время пребывания в доме нагваля Хулиана. Сейчас я стоял на одной ступени с людьми, которые меня окружали.

Дон Хуан сказал, что потребовалось около года жестокой «сошлифовки», чтобы он утратил все те новые черты характера, которые приобрел в доме Нагваля. Началось это с глубокого, но какого-то отчужденного чувства привязанности к женщине и ее детям. Такая отрешенная привязанность позволила ему играть роль мужа и отца весьма искусно и непринужденно. Но время шло, отрешенная привязанность сменилась отчаянной страстью, повлекшей за собой утрату эффективности.

Ушло его чувство отрешенности, которое и было тем, что давало ему силу любить. Без такой отрешенности им овладели только земные желания, отчаяние, безнадежность — все то, что так характерно для мира повседневной жизни. Ушла также и его предприимчивость. За годы, проведенные в доме Нагваля, он приобрел динамизм, сослуживший ему хорошую службу, когда он решил стать самостоятельным.

Но более всего его теперь беспокоило то, что он потерял свою физическую энергию. Ничем особым не болея, он однажды оказался полностью парализованным. Боли он не чувствовал. Паники не было. Казалось, его тело поняло, что мир и покой, в которых он так нуждался, могут быть обретены лишь тогда, когда оно прекратит всякое движение.

Беспомощный, лежа в постели, он мог лишь только думать. Он вскоре понял свою ошибку. Она была в том, что у него не было абстрактной цели. Он понял, что люди в доме Нагваля были необычными, потому что их абстрактной целью был поиск

свободы. Не понимая, что такое свобода, он все же понял, что это нечто противоположное его конкретным желаниям.

Отсутствие абстрактной цели сделало его таким слабым и неэффективным, что он теперь уже был неспособен спасти свою приемную семью от ужасной нищеты. Вместо этого семья тащила его назад, к прозябанию, отчаянию и печали, которые сам он познал еще до встречи с Нагвалем.

Оглядываясь на свою жизнь, дон Хуан понял, что он не бедствовал и не имел конкретных желаний лишь тогда, когда был с Нагвалем. Нищета стала его уделом, когда им вновь завладели все его конкретные желания.

Впервые с тех пор, как в него много лет назад стреляли и он был ранен, дон Хуан полностью осознал, что нагваль Хулиан был действительно Нагвалем, лидером и его бенефактором. Он понял, что имел в виду его бенефактор, когда говорил, что нет свободы без вмешательства Нагваля. У него не оставалось никаких сомнений относительно того, что его бенефактор и все обитатели его дома были настоящими магами. Но дон Хуан с болезненной ясностью осознал, что он упустил свой шанс стать одним из них. Когда бремя физической беспомощности стало невыносимым, паралич прошел также загадочно, как и начался. Однажды он просто поднялся с постели и стал работать. Но счастья от этого не прибавилось. Он едва мог сводить концы с концами.

Прошел еще год. Дон Хуан ни в чем не преуспел, кроме одной вещи, удавшейся ему сверх всяких ожиданий: он сделал полный *перепросмотр* своей жизни. Он понял тогда, почему любит и не может бросить этих детей и почему не может остаться с ними, а также почему не в состоянии поступить ни так, ни иначе.

Дон Хуан понял, что находится в совершенно безвыходном положении, и что умереть как воин было единственным действием, достойным того, чему он научился в доме своего бенефактора. Теперь каждую ночь после целого дня непосильной и бессмысленной работы он терпеливо ждал, когда же наступит смерть.

Он был так уверен в своем конце, что его жена и ее дети из чувства солидарности ждали прихода смерти вместе с ним. Все четверо в полной неподвижности сидели много ночей подряд и в ожидании смерти пересматривали свою жизнь.

Дон Хуан склонил их к этому при помощи тех же слов, которые в

свое время использовал его бенефактор.

– Не желай ее, – говорил тот. – Просто жди, когда она придет. Не пытайся представить себе, что такое смерть. Просто будь там, где ее поток может захватить тебя.

Часы, проведенные в спокойствии, укрепляли их духовно, но истощенные тела говорили о проигранной битве.

Тем не менее однажды дон Хуан почувствовал, что счастье наконец улыбнулось ему. Он нашел себе временную работу в бригаде поденщиков, нанимавшихся на период жатвы убирать урожай. Но у *духа* были относительно него другие планы. Через пару дней после начала работы кто-то украл его шляпу. Купить себе новую он не мог, но шляпа была ему необходима, так как работать приходилось под палящим солнцем.

Чтобы как-то защититься от зноя, он прикрыл голову то ли какой-то тряпкой, то ли пучком соломы. Его товарищи начали смеяться над ним и язвить по этому поводу. Он не обращал на них внимания. По сравнению с жизнью трех человек, которые полностью зависели от него, его внешний вид не имел для него никакого значения. Но работавшие рядом люди не унимались. Они улюлюкали и смеялись до тех пор, пока их бригадир, боясь беспорядков, не поджег сооружение на голове дона Хуана.

Холодная ярость пересилила его трезвость и осторожность. Он знал, что реагировать, так – глупо, но моральное право было на его стороне. Он издал пронзительный вопль и бросился на одного из обидчиков, поднял его на плечи, собираясь сломать ему хребет. Вдруг он подумал о голодных детях, о том, как они терпеливо сидели возле него ночи напролет в ожидании смерти. Он опустил мужчину на землю и пошел прочь.

Он присел на краю поля, где они работали, и все накопившееся в нем за долгое время отчаяние вырвалось наружу. Это была тихая ярость, но обращена она была не на тех, кто его оскорбил, а на самого себя. Он неистовствовал до тех пор, пока весь его гнев не прошел.

– Я сидел там на виду у этих людей и плакал, – продолжал дон Хуан. – Они смотрели на меня как на сумасшедшего. А я таким и был. Но я не обращал на них никакого внимания. Мне было не до того.

Их начальник пожалел меня и подошел, чтобы как-то утешить. Он думал, что я плачу от жалости к себе. Ему и в голову не могло

прийти, что я плачу о *духе*.

Дон Хуан сказал, что когда его гнев прошел, к нему явился безмолвный защитник. Это было необъяснимым наплывом энергии, породившим в нем отчетливое ощущение приближающейся смерти. Он знал, что у него уже никогда не будет возможности увидеть свою приемную семью. Он громко попросил у них прощения за то, что не имел ни мужества, ни мудрости, необходимых для избавления их от ада на Земле. Работники продолжали смеяться и издеваться над доном Хуаном. Он едва ли слышал их.

Слезы катились по его щекам, когда он обратился к *духу* и поблагодарил его за то, что он привел его на путь Нагваля и дал ему незаслуженную возможность стать свободным. Он слышал вопли ничего не понимавших людей. Они ругались и оскорбляли его. И они имели на это право – ведь он побывал в преддверии вечности и не осознал этого.

– Я понял, насколько прав оказался мой бенефактор, – сказал дон Хуан. – Моя глупость и была тем чудовищем, которое уже пожрало меня. В тот момент, когда я подумал об этом, я уже знал, что все, что бы я ни сказал или ни сделал, было бессмысленно. Я упустил свой шанс и теперь стал посмешищем для людей. *Духу* теперь нет никакого дела до моего отчаяния. Нас слишком много – людей со своим ничтожно маленьким личным адом, порожденным нашей глупостью, чтобы *дух* обращал внимание на каждого.

Я опустил на колени и обратился на юго-восток. Я снова поблагодарил своего бенефактора и сказал *духу*, что мне стыдно. Так стыдно... И на последнем издыхании я простился с миром, который был бы прекрасен, если бы у меня хватило мудрости. Внезапно огромная волна нахлынула на меня. Вначале я ее почувствовал. Затем услышал, как она движется, и наконец увидел ее приближение с юго-востока напрямик через поля. Она захлестнула меня и накрыла своей темнотой. И свет моей жизни ушел. Мой ад кончился. Наконец я умер! Наконец я был свободен! Рассказ дон Хуана ошеломил меня. Но он игнорировал все мои попытки поговорить об этом. Он сказал, что как-нибудь в другой раз и в другом месте мы еще обсудим эту историю. Затем дон Хуан потребовал, чтобы я занялся тем, для чего мы пришли сюда – совершенствованием овладения осознанием.

Пару дней спустя, когда мы возвращались с гор, он неожиданно

снова заговорил о своей истории. Мы как раз присели отдохнуть. Я никак не мог отдышаться, в то время как дыхание дон Хуана было совершенно ровным.

– Битва магов за свою уверенность – наиболее драматичная из всех битв, – сказал дон Хуан. – Она причиняет страдания и требует немало сил. Великое множество раз она стоила магам жизни. Он объяснил, что для того, чтобы маг был полностью уверен в своих действиях или в своем положении в мире магов, а также чтобы он был способен разумно использовать свою новую непрерывность – он должен вначале разрушить непрерывность своей старой жизни. Только потом его действия смогут приобрести необходимую уверенность, которая укрепит и уравновесит зыбкость и нестабильность его новой непрерывности.

– *Видящие* маги нового времени называют этот процесс нейтрализации «билетом в безупречность», или символической, но окончательной смертью – сказал дон Хуан. – На этом поле в штате Синалоа я получил свой билет в безупречность. Там я умер. Зыбкость моей новой непрерывности стоила мне жизни.

– Скажи, дон Хуан, ты действительно умер тогда, или только потерял сознание? – спросил я, стараясь не выглядеть циничным.

– На том поле я действительно умер, – ответил он, – Я понял, что мое осознание покинуло меня и движется к Орлу. Но, поскольку я произвел *перепросмотр* всей моей жизни, Орел не поглотил мое осознание. Он отверг меня. Тело мое лежало бездыханным в поле, поэтому Орел не позволил мне обрести свободу в полной мере. Он как бы приказал мне возвращаться и начать все сначала.

Я поднялся на вершину кромешной тьмы и спустился снова к свету Земли. И тут я обнаружил *себя* в неглубокой могиле на краю поля, засыпанной камнями и комьями земли.

Дон Хуан сказал, что теперь он уже знал, что ему делать.

Выбравшись из могилы, он поправил ее, как если бы тело до сих пор оставалось там, и пошел прочь. Он чувствовал себя сильным и уверенным. Он знал, что ему необходимо вернуться в дом бенефактора. Но прежде чем отправиться в обратный путь, он хотел повидаться со своей семьей и объяснить им, что он стал магом и не может оставаться с ними. Он хотел объяснить им, что его падение было следствием незнания того, что маги никогда не смогут построить мост для соединения с людьми мира. Но если люди захотят сделать это – именно им придется выстроить такой

мост, который связал бы их с магами:

– Я пошел домой, – продолжал дон Хуан, но дом мой был пуст.

Обескураженные соседи сказали мне, что рабочие пришли с поля и сообщили о моей смерти, после чего моя жена и дети покинули эти места.

– Как долго ты был мертв, дон Хуан?

– По-видимому, целый день.

На губах дон Хуана играла улыбка. Казалось, его глаза были уделаны из блестящего обсидиана. Он наблюдал за моей реакцией, ожидая комментариев.

– Что стало с твоей семьей, дон Хуан?

– Ну-ну... Вопрос чувствительного человека. А я-то думал, что ты собираешься спросить меня о моей смерти!

Я признался, что именно это я и собирался сделать, но знал, что он *видит* мой вопрос, который я как раз формулировал в уме.

Поэтому я наперекор спросил совсем о другом. Я не собирался шутить, но он засмеялся.

– Моя семья исчезла в тот же день, – сказал дон Хуан. – Моя жена осталась в живых. Так оно и должно было быть при тех условиях, в которых мы жили. Поскольку я ожидал прихода смерти, она поняла, что я получил все, что хотел. Незачем было оставаться там, поэтому они ушли.

Я потерял детей и успокаивал себя лишь одной мыслью: быть с ними – не моя судьба. Между прочим, маги имеют одну замечательную способность – они живут исключительно в сумерках чувств, которые наиболее точно можно описать словами «и все же...». Когда мир рушится вокруг них, маги признают, что ситуация ужасна, и затем немедленно отступают в сумерки этого «и все же...».

С величайшей целеустремленностью, особенно старший мальчик, они пересмотрели свою жизнь со мной. Только *дух* мог определить исход такой привязанности.

Дон Хуан напомнил, что он когда-то учил меня тому, что делают воины в таких ситуациях. Воин делает все от него зависящее, а затем без угрызений совести или сожалений расслабляется и позволяет *духу* решить исход дела.

– Каким было решение *духа*, дон Хуан? – спросил я. Он не ответил, посмотрев на меня долгим, внимательным взглядом. Я знал, что он полностью понимает, почему я спрашиваю об этом. Я испытывал

похожую привязанность и похожую потерю.

– Решение *духа* представляет собой еще одно *основное ядро*, – сказал он. – Вокруг него и построены истории магов. Мы еще поговорим об этом особом решении, когда перейдем к обсуждению этого *абстрактного ядра*. А сейчас можешь задавать свой вопрос о моей смерти.

– Если все решили, что ты умер, то почему похоронили тебя в неглубокой могиле? – спросил я. – Почему они не вырыли настоящую могилу и не похоронили как следует?

– Это больше похоже на тебя, – скачал он, смеясь, – Я сам задавал себе тот же вопрос и понял, что все эти рабочие с фермы были набожными людьми. Я был христианином, а христиан так не хоронят. Их не оставляют, как дохлых собак. Я думаю, они ожидали, что придет моя семья, заберет тело и похоронит надлежащим образом. Но моя семья не пришла никогда.

– Искал ли ты их, дон Хуан?

– Нет. Маги никогда никого не ищут, – ответил он, – А я был магом. Я заплатил жизнью за то, что не знал, что являюсь магом и что маги никогда ни с кем не сближаются.

Начиная с того дня я принимаю лишь общество и заботу воинов, таких же мертвых, как и я.

Дон Хуан сказал, что он вернулся в дом своего бенефактора, где все сразу поняли то, что ему открылось, и обращались с ним так, словно он никогда их не покидал.

По этому поводу нагваль Хулиан сказал, что, поскольку характер дона Хуана имел некоторые особенности, ему пришлось очень долго ждать смерти.

– Мой бенефактор объяснил мне тогда, что билетом мага к свободе является его смерть, – продолжал дон Хуан. – Еще он сказал, что сам он заплатил за этот билет к свободе так же, как все обитатели поместья, и что теперь мы все равны, будучи мертвыми.

– Я тоже мертв, дон Хуан? – спросил я.

– И ты тоже, – сказал он. – Однако большой трюк магов состоит в том, что они осознают, что мертвы. Их билет в безупречность должен быть обернут в осознание. Маги говорят, что в такой оболочке их билет сохраняется в первозданном виде.

Вот уже шестьдесят лет я поддерживаю свой в этом первозданном состоянии.

6. УПРАВЛЕНИЕ НАМЕРЕНИЕМ

Третья точка

Дон Хуан часто брал с собой меня и других учеников в небольшие путешествия по местности, расположенной западнее его дома. В этот раз мы вышли на рассвете и только под вечер решили возвращаться. Я старался держаться поближе к дону Хуану. Это всегда успокаивало меня, девало возможность немного расслабиться, чего нельзя было сказать о соседстве его взбалмошных учеников, которые производили на меня прямо противоположное действие: я очень уставал от них.

Спустившись с гор, мы с доном Хуаном сделали привал перед тем, как выйти на равнину. Чувство глубокой печали было таким сильным и охватило меня так внезапно, что я не смог идти дальше. Я сел, затем, следуя совету дона Хуана, лег на живот на вершине большого круглого валуна.

Другие его ученики подняли меня на смех и пошли дальше своей дорогой. Я слышал их смех и выкрики, пока они не затихли вдали. Дон Хуан велел мне расслабиться и позволить своей точке сборки, которая так внезапно сдвинулась, перейти в новое положение.

– Не волнуйся, – посоветовал он. – Сейчас ты ощутишь нечто похожее на рывок или хлопок по спине, как если бы кто-нибудь коснулся тебя. После этого тебе сразу же станет лучше.

Неподвижно лежа на валуне и ожидая хлопка по спине, я так и не почувствовал его, поскольку мною внезапно овладело *вспоминание* такой глубины и силы, какой я никогда не испытывал прежде.

Однако я был уверен, что ожидаемое ощущение пришло, поскольку от моей печали не осталось и следа.

Я быстро описал дону Хуану то, что *вспомнил*.

Он посоветовал полежать теперь на спине и сместить свою точку сборки назад точно в то место, где она была во время

вспоминаемого мною события.

– Постарайся вспомнить каждую деталь, – предупредил он меня. Это случилось много лет назад. Мы с доном Хуаном в то время находились в штате Чиуауа на севере Мексики, в высокогорной пустыне. Я часто отправлялся с ним туда, поскольку в этом районе росло много лекарственных трав, которые он собирал. С антропологической точки зрения местность тоже представляла для меня огромный интерес. Не так давно археологи нашли здесь, как они предполагали, следы большого доисторического поселения. Предположительно это было торговое поселение, возникшее рядом с крупным трактом и ставшее центром торговли, связавшим американский Юго-Запад с югом Мексики и Центральной Америкой.

Я несколько раз побывал в этой высокогорной пустыне, все больше убеждаясь, что археолог правы в том, что это действительно был настоящий тракт. Конечно же, я прочитал дону Хуану лекцию о влиянии тракта на распределение зон цивилизации на Североамериканском континенте. Тогда я был очень заинтересован в том, чтобы *объяснить* магию, распространенную среди индейцев американского Юго-Запада, Мексики и Центральной Америки, как систему верований, распространявшуюся по торговым путям и служившую основой для создания на некоем абстрактном уровне своего рода доколумбова пан-индеанизма.

Дон Хуан, естественно, неудержимо смеялся всякий раз, когда я излагал ему свои теории.

Событие, которое я вспомнил, началось примерно в полдень. Собрав два мешочка каких-то очень редких лекарственных трав, мы присели отдохнуть на вершине огромных валунов. Затем, прежде чем отправиться назад к моей машине, мы, по настоянию дона Хуана, заговорили об искусстве *сталкинга*. По его словам, это место великолепно подходило для объяснения тайн *сталкинга*, но понять их можно было лишь в состоянии повышенного осознания.

Я попросил, чтобы он, прежде чем что-то делать со мной, объяснил мне, что такое повышенное осознание.

Дон Хуан с невероятным терпением стал рассказывать о состоянии повышенного осознания в терминах движения точки сборки. По мере того как он говорил, я начал понимать ненужность своей

просьбы. Я и сам знал все то, о чем он мог мне сообщить. Я заметил, что на самом деле не нуждаюсь ни в каких объяснениях. Он сказал, что объяснения не пропадают, поскольку они запечатлеваются в сознании и рано или поздно могут быть использованы на нашем пути к достижению безмолвного знания. Когда я попросил его рассказать о безмолвном знании более подробно, он тут же ответил, что безмолвное знание является генеральным положением точки сборки, и что много веков назад такое положение было нормальным для человека, но по причинам, не поддающимся выяснению, точка сборки человека сместилась из этого положения и перешла в новое, называемое «разум».

Дон Хуан отметил, что не всякое человеческое существо является представителем этой новой позиции. Точка сборки большинства из нас не находится в точности на месте локализации разума, но в непосредственной близости от него.

То же самое можно сказать и о месте безмолвного знания: точка сборки не всякого человеческого существа находилась в этом положении.

Еще он добавил, что *«место без жалости»*, еще одно из положений точки сборки, является непосредственным предшественником безмолвного знания, а положение точки сборки, называемое «местом озабоченности» – предшественником разума.

Эти загадочные замечания не показались мне трудными для понимания. Для меня они были само собой разумеющимися. Я понимал все сказанное, ожидая при этом, когда же он наконец ударит меня между лопатками, чтобы ввести в состояние повышенного осознания. Но удара так и не последовало, а я продолжал понимать сказанное им, даже не осознавая факта своего понимания. Ощущение легкости, того, что это само собой разумеется, присущее моему нормальному осознанию, не исчезло, поэтому у меня не возникало никакого недоумения по поводу такой способности к пониманию.

Дон Хуан внимательно посмотрел на меня и затем порекомендовал мне лечь лицом вниз на круглом валуне, по-лягушачьи растопырив руки и ноги.

Я лежал так около десяти минут, полностью расслабившись, почти засыпая, пока не был выведен из этого состояния мягким, продолжительным, шипящим рычанием. Я вскинул голову,

посмотрел, и волосы у меня встали дыбом. Гигантский темный ягуар сидел на валуне едва ли не в десяти футах от меня, как раз над тем местом, где расположился дон Хуан. Ягуар, обнажив клыки, свирепо смотрел на меня. Казалось, он сейчас прыгнет. – Не двигайся! – негромко приказал дон Хуан. – И не смотри ему в глаза. Уставься на его нос и не моргай. От этого взгляда зависит твоя жизнь.

Я сделал то, что он велел. Так мы с ягуаром некоторое время смотрели друг на друга, пока дон Хуан не нарушил этого противостояния, набросив, как фрисби, свою шляпу на голову ягуару. Ягуар отпрыгнул, пытаясь от нее освободиться, и тут дон Хуан свистнул громко, протяжно и пронзительно. После этого он издал оглушительный визг и хлопнул пару раз в ладоши. Это прозвучало как приглушенные выстрелы.

Знаком дон Хуан велел мне спуститься с валуна и присоединиться к нему. Вдвоем мы вопили и хлопали в ладоши до тех пор, пока не решили, что прогнали ягуара прочь.

Мое тело тряслось, но это был не испуг. Я сказал дону Хуану, что самым страшным теперь мне кажется не рычание огромной кошки и не ее взгляд, но ощущение, что ягуар наблюдал за мной задолго до того, как я услышал его и поднял голову.

Дон Хуан ни слова не сказал о происшедшем. Он глубоко погрузился в свои мысли. Когда я попытался спросить его, не почувствовал ли он приближение ягуара раньше меня, он властным жестом велел мне молчать. Он производил впечатление человека, который не совсем здоров или даже растерян.

Помолчав еще немного, дон Хуан знаком показал, что необходимо продолжить путь. Он шел впереди. Мы очень быстро пробирались сквозь кустарник в направлении, ведущем от скал.

Через полчаса такого продвижения мы вышли на поляну посреди зарослей чаппарала и остановились, чтобы передохнуть. Мы не проронили ни слова, хотя мне очень хотелось узнать, мнение дона Хуана обо всем этом.

– Почему мы идем в этом направлении? – спросил я. – Не лучше ли выбраться отсюда, и поскорее?

– Нет! – сказал он с ударением. – Не лучше. Этот зверь – самец. Он голоден и идет за нами.

– Но в таком случае тем более важно поскорее выбраться отсюда, – настаивал я.

– Это не так легко сделать, – сказал он, – Ягуар не обременяет себя разумностью. Он будет точно знать, что делать, чтобы заполучить нас. И с такой же уверенностью, с какой я сейчас говорю с тобой, он прочтет наши мысли.

– Ты хочешь сказать, что ягуар может читать мысли? – спросил я.

– Это не метафора, – ответил он. – Я имею в виду то, что говорю. Большие животные, вроде этого ягуара, обладают способностью читать мысли. Я не имею в виду догадки. Я хочу сказать, что они знают все напрямую.

– Что же нам делать? – спросил я, не на шутку встревожившись.

– Мы должны стать менее рациональными и попытаться выиграть битву, не позволяя ягуару читать наши мысли.

– Как же нам поможет уменьшение рациональности? – спросил я.

– Разум выбирает то, что выглядит наиболее здравым для ума, – сказал он. – Например, только что твой разум подсказал тебе, что нужно бежать из всех сил по прямой линии. Но твой разум не учел одного обстоятельства. Нам придется пробежать около шести миль, прежде чем мы окажемся в безопасности в твоей машине. Ягуар обгонит нас с легкостью. Он спрячется впереди на пути нашего бегства и будет ждать в наиболее подходящем для прыжка месте.

Гораздо лучшим, хотя и менее рациональным выбором является зигзаг. – Откуда ты знаешь, что это лучше, дон Хуан? – спросил я.

– Я знаю это, потому что у меня очень четкая связь с духом, – ответил он. – Другими словами, моя точка сборки расположена в месте безмолвного знания. Оттуда я могу ясно видеть, что ягуар голоден, но он не из тех, кто обычно нападает на людей. К тому же он сбит с толку нашими действиями. Если мы начнем двигаться зигзагом, ягуар должен будет попытаться предусмотреть наши дальнейшие действия.

– Есть ли еще какой-либо выбор, кроме зигзага? – спросил я.

– Есть только рациональные варианты, – ответил он. – Но у нас нет необходимых средств для рациональных вариантов. Например, мы можем вернуться в горы, но тогда нам нужны ружья.

Мы должны следовать вариантам ягуара. Эти варианты диктуются безмолвным знанием. Мы должны делать то, что говорит нам безмолвное знание, какими бы неразумными не показались нам его советы.

Он начал зигзагообразное движение. Я старался держаться

поближе, однако был не слишком уверен, что такой бег спасет нас. Моей запоздалой реакцией была паника. Меня преследовала мысль о темном, неясно маячившем силуэте огромной кошки.

Пустынный чаппараль состоял из высоких и густых кустов, росших на расстоянии четырех-пяти футов друг от друга. Редкие дожди в высокогорной пустыне не позволяли расти широколиственным растениям. По этой же причине отсутствовал густой подлесок. И все-таки зрительно чаппараль воспринимался как буйные и непроходимые заросли.

Дон Хуан двигался с необычайной легкостью, и поспевать за ним мне было совсем не просто. Он посоветовал, чтобы я следил за тем, чтобы ступать бесшумно, поскольку звук ломающихся веток невольно выдает нас и потому смертельно опасен.

Я попытался идти след в след за доном Хуаном, чтобы не ломать сухие ветки. Петляя, мы прошли около сотни ярдов, прежде чем я заметил огромный темный силуэт ягуара не более чем в тридцати футах позади себя.

Я закричал во весь голос. Не останавливаясь, дон Хуан быстро обернулся и успел заметить огромную кошку. Он опять пронзительно засвистел и захлопал в ладоши, имитируя звук приглушенного выстрела.

Очень тихим голосом он сказал мне, что кошки не любят карабкаться вверх, поэтому сейчас мы как можно быстрее пересечем глубокий овраг в нескольких ярдах справа от меня.

Он подал мне знак и мы рванулись через кусты так быстро, как могли. Мы спустились по склону на дно оврага и стали поспешно карабкаться вверх по противоположной стороне. Оттуда нам очень ясно было видно дно и склон оврага, а также местность вокруг нас. Дон Хуан прошептал, что ягуар идет по нашему запаху, поэтому, если повезет, мы увидим, как он бежит вниз на дно оврага по нашим следам.

Пристально глядя вниз, мы ожидали появления зверя. Но его не было видно. Я начал думать, что ягуар ушел, когда услышал леденящее душу рычание огромной кошки в чаппарале позади нас. Я похолодел при мысли о том, что дон Хуан оказался прав. Чтобы попасть туда, где он сейчас находился, ягуар должен был знать наши мысли и, опередив нас, пересечь овраг.

Не проронив ни звука, дон Хуан с невероятной скоростью побежал вперед. Я устремился за ним, и мы зигзагом бежали еще некоторое

время. Я задыхался, когда мы наконец остановились, чтобы передохнуть.

Страх перед идущим по пятам ягуаром не мешал мне восхищаться великолепной физической сноровкой дон Хуана. Он бежал, как юноша. Я стал было рассказывать ему, что он напомнил мне одного человека, запомнившегося мне с детства из-за глубокого впечатления, которое он произвел на меня своим бегом. Дон Хуан подал мне знак замолчать. Он внимательно прислушивался, и я последовал его примеру.

Я услышал мягкий хруст в кустарнике прямо перед нами. Затем на мгновение темный силуэт ягуара показался на фоне чаппаралья примерно в пятидесяти ярдах от нас.

Дон Хуан пожал плечами и указал в сторону зверя.

– Похоже, мы не сможем отделаться от него, – сказал он тоном человека, смирившегося со своей судьбой, – Давай пойдем не спеша, как если бы мы совершали приятную прогулку по парку и ты рассказывал бы мне историю о своем детстве. Сейчас для этого самое подходящее время и место. Нас преследует голодный ягуар, а ты делишься со мной своими воспоминаниями о прошлом; великолепное неделание, когда за тобой по пятам идет ягуар.

Он громко рассмеялся, когда я сообщил ему, что потерял всякий интерес к рассказыванию историй.

– Ты хочешь наказать меня сейчас за то, что я не захотел слушать тебя раньше, да? – спросил он.

Я, конечно же, тут же стал защищаться. Я сказал, что его обвинения совершенно абсурдны, что я вообще не помню, о чем говорил.

– Если маг свободен от чувства собственной важности, то он не придает значения тому, что потерял нить своего рассказа, – сказал дон Хуан с коварным блеском в глазах, – Поскольку у тебя не осталось чувства собственной важности, ты должен сейчас рассказывать свою историю. Поведай ее духу, ягуару и мне, как если бы ты вовсе не забывал, о чем идет речь.

Мне хотелось сказать ему, что я не расположен выполнять его просьбу, поскольку мой рассказ слишком глуп, а окружающая нас обстановка слишком необычна. О таких вещах следует рассказывать в более подходящем месте и в другое время, как он сам это делал обычно. Но прежде чем я собрался открыть рот, дон Хуан ответил мне.

– Мы оба, ягуар и я, умеем читать мысли, – сказал он с улыбкой, – Если я выбираю подходящее время и место для своих магических историй, то лишь потому, что использую их в целях обучения и хочу извлечь из них максимальную пользу.

Он подал мне знак идти дальше. Мы спокойно двинулись вперед, идя рядом. Я сказал, что восхищен его бегом и выносливостью и что в моем восхищении есть небольшая доля чувства собственной важности, поскольку я считал себя самого хорошим бегуном.

Затем я рассказал ему один эпизод из своего детства, который припомнился мне, когда я увидел, как хорошо он бежит.

Я рассказал ему о том, как мальчишкой играл в футбол и как замечательно хорошо бежал в то время. Будучи проворным и быстрым, я чувствовал свою безнаказанность в любых проделках, поскольку мог убежать от любой погони, особенно от старых полицейских, патрулировавших улицы моего города. Если я разбивал уличный фонарь или совершал еще что-нибудь в том же роде, мне достаточно было лишь вовремя сбежать, и я был в безопасности.

Но однажды случилось нечто для меня совершенно неожиданное. Старых полицейских заменили новыми, имевшими военную выучку. Расплата наступила в тот момент, когда я разбил витрину аптеки и побежал прочь, совершенно уверенный в своей безнаказанности. Молодой полицейский бросился за мной в погоню. Я бежал как никогда прежде, но это меня не спасло. Молодой офицер был первоклассным форвардом полицейской футбольной команды и оказался более выносливым и быстрым, чем десятилетний мальчишка. Он поймал меня и на протяжении всего обратного пути к разбитой витрине подгонял ногой, как футбольный мяч. Он очень артистично перечислял названия всех видов ударов, которые производил, как если бы это была тренировка на футбольном поле, где я выступал в роли мяча. Бил он совсем не больно, лишь беззлобно припугнул; при этом мое сильное унижение было ослаблено восхищением десятилетнего мальчишки его удалью и способностями футболиста.

Я сказал дону Хуану, что нередко испытывал то же самое и по отношению к нему. Вот и сейчас он смог обогнать меня, несмотря на разницу в возрасте и мои давние способности к бегу.

Еще я сказал, что многие годы видел себя первоклассным бегуном во снах, где молодой полицейский не мог догнать меня.

– Твоя история куда важнее, чем я ожидал, – прокомментировал дон Хуан, – Я-то думал, что это будет рассказ о том, как тебя нашла твоя мама.

То, с каким видом он говорил все это, делало его слова очень смешными. В них была явная издевка. Он добавил, что в некоторых случаях, *дух*, а не наш разум, решает, какие истории нам следует рассказывать. И сейчас все было именно так. *Дух* вызвал в моем уме эту историю, поскольку история эта, несомненно, поддерживала во мне стойкое чувство собственной важности. Он сказал, что уголек гнева и унижения тлел в моей душе годами, и что ощущение подавленности и поражения все еще очень сильно.

– Эта твоя история и ее нынешний контекст могли бы стать настоящим праздником для какого-нибудь психолога, – продолжал он. – В твоём сознании я, должно быть, ассоциируюсь с тем молодым полицейским, который подорвал в тебе чувство своей непобедимости.

Теперь, когда он отметил это, я согласился, что он точно сформулировал мое ощущение, хотя я не осознавал его, а тем более не пытался выразить в словах.

Дальше мы пошли молча. Меня настолько потрясла его аналогия, что я совершенно забыл о выслеживавшем нас ягуаре, как вдруг грозное рычание вернуло меня к нашей ситуации.

Дон Хуан велел мне раскачать одну из длинных низко растущих веток кустарника и надломить ее. Несколько веток было достаточно, чтобы получилась длинная метла. Он сделал то же самое. Убегая, мы использовали их, чтобы поднять облако пыли, поддевая и разбрасывая сухой песок.

– Это должно обеспокоить ягуара, – сказал он, когда мы остановились, чтобы перевести дыхание. – У нас осталось всего несколько часов дневного времени. Ночью ягуар непобедим, поэтому нам лучше бежать в сторону тех скал.

Он указал на скальные выступы примерно в полумиле к югу от нас.

– Нам следует двигаться на восток, – возразил я. – Те горы от нас слишком далеко на юг. Если мы направимся к ним, то никогда не доберемся до моей машины.

– Нет способа добраться сегодня до твоей машины, – сказал он спокойно. – Возможно, и завтра тоже. Кто сказал, что мы вообще когда-нибудь вернемся к ней?

Вначале я ощутил приступ страха, но затем мною вдруг овладело удивительное чувство покоя. Я сказал дону Хуану, что если смерть собирается захватить меня в этом пустынном чаппарале, то, надеюсь, это будет не слишком больно.

– Не беспокойся, – ответил он, – Смерть причиняет боль лишь тогда, когда это случается в постели, из-за болезни. Борясь за свою жизнь, ты не чувствуешь боли. Если ты что-нибудь и почувствуешь, – так это ликование.

Он сказал, что одним из самых драматических отличий магов от обычных людей является то, каким образом к ним приходит смерть. Только по отношению к магам-воинам она добра и нежна. Они могут быть смертельно ранены и все же не чувствовать боли. И еще невероятнее то, что смерть ждет мага так долго, сколько ему это нужно.

– Самое большое отличие обычного человека от мага состоит в том, что маг управляет своей смертью собственной скоростью, – продолжал дон Хуан. – Что касается данного случая, то сейчас ягуар меня не съест. Скорее он съест тебя, потому что ты не обладаешь необходимой скоростью, чтобы удержать свою смерть. Он начал разъяснять тонкости идеи о скорости и смерти. Он сказал, что в повседневном мире наше слово или наши решения можно очень легко изменить. Неизменна в нашем мире лишь смерть. С другой стороны, в мире магов обычную смерть можно отменить, но не слово магов. В мире магов нельзя изменить или пересмотреть решения. Однажды принятые, они остаются в силе навсегда.

Я сказал ему, что его утверждения, какими бы впечатляющими они ни были, не могут убедить меня в том, что можно отсрочить смерть. И он еще раз объяснил мне все то, о чем говорил до сих пор. Он сказал, что для *видящего* человеческие существа представляют собой продолговатое или сферическое скопление бесчисленных неподвижных, но вибрирующих полей энергии, и что только маги в состоянии вызывать в этих сферах неподвижной светимости особое движение. В долю секунды они могут сместить свою точку сборки в любое место этого светящегося скопления. Это смещение и скорость, с которой оно происходит, приводят к моментальному сдвигу в область восприятия совершенно иного мира. Кроме того, они могут перемещать свою точку сборки без остановки вдоль всех полей светящейся энергии. Сила,

порождаемая таким движением, столь велика, что мгновенно уничтожает всю их светящуюся массу.

Он сказал, что если бы в данный момент на нас обрушился камнепад, то он сумел бы предотвратить обычный эффект смерти от несчастного случая. Используя скорость движения своей точки сборки, он заставил бы себя переместиться в другие миры или сгореть изнутри в доли секунды. Я же, с другой стороны, умер бы обычной смертью, раздавленный обломками скал, поскольку моей точке сборки не хватит скорости, чтобы вытащить меня.

Я заметил, что мне кажется, что маги просто изобрели иной способ умирания, и это не значит, что они могут отменить смерть. Он ответил, что все, о чем он до сих пор говорил, можно назвать управлением магами своей смертью. Они умирают лишь тогда, когда должны умереть.

Хотя я не сомневался в том, что он говорит правду, я продолжал задавать вопросы, как в какой-то игре. Но когда он говорил, в моем уме как на экране формировались смутные воспоминания и мысли о других воспринимаемых мирах.

Я сказал Дону Хуану о своих странных мыслях. Он рассмеялся и посоветовал не забывать о ягуаре, который был настолько реален, насколько реальным может быть только подлинное проявление *духа*.

От мысли о том, как реален зверь, меня бросило в дрожь.

– Не лучше ли нам сменить направление вместо того, чтобы идти прямо к тем холмам? – спросил я.

Я подумал, что мы можем опять сбить ягуара с толку таким внезапным поворотом.

– Слишком поздно менять направление, – сказал дон Хуан, – Ягуар уже знает, что у нас нет другого пути, как только идти к холмам.

– Не может быть, дон Хуан! – воскликнул я.

– Почему? – спросил он.

Я сказал, что хотя и допускаю способность дикого зверя быть на прыжок впереди нас, но все же не могу согласиться с тем, что ягуар настолько умен, что предвидит все, что мы захотим предпринять.

– Твое заблуждение состоит в том, что о способностях ягуара ты думаешь как о понимании или предвидении, – сказал он, – Ягуар не думает. Он просто знает.

Дон Хуан сказал, что трюк с метлами и пылью направлен на то,

чтобы создать у ягуара впечатление чего-то такого, что мы не можем использовать. Поднимая пыль, мы не обнаруживали при этом никакого определенного чувства, хотя от этого и зависела наша жизнь.

– Я и в самом деле не понимаю, что ты имеешь в виду, – пожаловался я. Начало сказываться постоянное напряжение.

Концентрация всех моих сил была слишком длительной.

Дон Хуан пояснил, что чувства людей чем-то похожи на горячие или холодные потоки воздуха и легко воспринимаются зверем. Мы были отправителями, а ягуар – получателем. Какие бы чувства ни владели нами, они найдут свой путь к ягуару. Или, иначе говоря, ягуар узнает обо всех чувствах, которые для нас имеют свою историю использования. Но вот когда мы поднимаем пыль, мы делаем свое ощущение настолько необычным, что в восприятии зверя это порождает вакуум.

– Безмолвное знание подсказывает мне еще один прием: подбрасывание вверх комьев земли, – сказал дон Хуан.

Некоторое время он смотрел на меня, как бы ожидая моей реакции.

– Сейчас мы пойдем очень спокойно, – сказал он, – Приготовься подбрасывать землю ногами, как великан десяти футов ростом.

Очевидно, на моем лице появилось довольно глупое выражение.

Дон Хуан затрясся от смеха.

– Поднимай ногами облака пыли, – приказал он мне, – Чувствуй себя огромным и тяжелым.

Я попытался – и немедленно ощутил свою громадность.

Шутливым тоном я заметил, что сила его внушения невероятна. Я действительно почувствовал, что стал гигантским и свирепым. Он заверил меня, что ощущение размера ни в коем случае не является следствием его внушения, но результатом смещения моей точки сборки.

Он сказал, что люди древности стали легендарными благодаря безмолвному знанию о той силе, которую можно получить, сдвигая точку сборки. Маги возродили эту древнюю силу, хотя и в более умеренном масштабе. При помощи сдвига точки сборки они могли манипулировать, своими чувствами и изменять вещи. Я изменяю вещи, почувствовав себя большим и страшным. Чувства, направленные таким образом, называются *намерением*.

– Твоя точка сборки уже немного сдвинулась, – продолжал он. – Сейчас ты находишься в таком положении, что можешь или

утратить свое достижение, или же заставить свою точку сборки сдвинуться еще дальше.

Он сказал, что, вероятно, любой человек, живущий в обычных условиях, однажды или несколько раз получает возможность вырваться из оков обусловленности. При этом он подчеркнул, что имел в виду не социальные условия, но те условности, которые сковывают наше восприятие. Мгновенного чувства приподнятости было бы достаточно, чтобы сместить точку сборки и разбить наши цепи. То же касается и мгновения страха, гнева, плохого самочувствия или горя. Но чаще всего, получая шанс сместить нашу точку сборки, мы пугаемся. Обычно вступают в игру наши академические, религиозные, социальные устои. Они подсказывают, что безопаснее вернуться в толпу, в привычное стадо, вернуть нашу точку сборки в обычное положение «нормальной» жизни.

Еще он сказал, что все известные мне мистики и духовные учителя действовали по тому же принципу: их точка сборки смещалась благодаря дисциплине, аскетизму – или даже случайно – в определенное место, после чего они возвращались в нормальное состояние, сохраняя полученный опыт на всю жизнь.

– Ты можешь быть весьма благочестивым, хорошим парнем, – продолжал он, – и забыть при этом о начальном движении твоей точки сборки. Или сумеешь вытолкнуть себя за пределы своего разума. Ты, кстати, все еще находишься в этих пределах.

Я знал все, о чем он говорил, но при этом ощущал странные колебания, делавшие меня нерешительным.

Дон Хуан развивал свою мысль далее. Он сказал, что средний человек, не в силах накопить энергию, превышающую ту, что находится за пределами повседневной жизни, называет область восприятия необычной реальности магией, волшебством или происками дьявола, отшатывается от нее и не утруждает себя дальнейшими исследованиями.

– Но ты уже не можешь так поступать, – продолжал дон Хуан. – Ты не религиозен и при этом слишком любопытен, чтобы так просто отказаться от приобретенного опыта. Единственное, что могло бы остановить тебя – это трусость. Воспринимай все тем, чем оно является на самом деле: *абстрактным, духом, нагвалем*. Не существует ни колдовства, ни зла, ни дьявола. Все это только восприятие.

Я понимал его. Но я не мог точно сказать, каких действий он от меня ждал.

Я взглянул на дона Хуана, стараясь отыскать нужные слова. Казалось, я вошел в состояние, необыкновенно обострившее мои умственные способности, и я старался не пропустить ни единого слова.

— Стань огромным! — приказал он мне с улыбкой. — Выйди из разума! И тут я точно понял, что он имеет в виду. Я действительно знал, что могу сделать ощущение своей величины и свирепости настолько интенсивным, что и в самом деле стану гигантом, возвышающимся над кустарником и обзирающим все вокруг нас. Я попытался высказать свои мысли, но быстро прекратил это. Я понял, что дон Хуан знает все, что я думаю, и очевидно гораздо, гораздо больше.

Вдруг со мной произошло нечто необычное. Всякие размышления прекратились. Я буквально ощутил, как темное покрывало опустилось на меня и поглотило все мысли. И я позволил уйти моей разумности с отрешенностью человека, которого ничто в мире не тревожит. Я был убежден, что если захочу сбросить темное покрывало, то все, что нужно будет для этого сделать — просто представить, что разрываешь его.

Войдя в такое состояние, я почувствовал, что меня что-то гонит вперед, и я начал двигаться. Нечто заставляло мое тело перемещаться с одного места на другое. Я больше не чувствовал никакой усталости. Скорость и легкость, с которой я мог двигаться, приводили меня в восторг.

Мое состояние нельзя было назвать ни ходьбой, ни полетом.

Скорее меня как бы переносили с невероятной скоростью.

Движения тела только тогда становились резкими и неуклюжими, когда я пытался их осмыслить. Наслаждаясь ими и не размышляя, я погрузился в уникальное состояние такого физического счастья, какое до сих пор было мне совершенно незнакомо. Если у меня в жизни и были такие моменты, то они были столь кратковременны, что не оставили следа в моей памяти. Однако испытал этот экстаз, я как бы начал смутно припоминать, что однажды когда-то уже пережил его, но затем все забыл.

Восторг от движения сквозь чаппараль был таким огромным, что все остальное просто не имело значения. Реальной была лишь эта огромная радость и последовавшее за ней прекращение движения,

когда я вдруг обнаружил, что смотрю на чаппараль.

Но еще более невероятным было телесное ощущение что я возвышаюсь над кустарником, возникшее у меня с того момента, как я начал двигаться.

Но вот я отчетливо увидел прямо перед собой ягуара. Он изо всех сил убегал прочь. Я почувствовал, как он старается не наступать на колючки кактусов. Несмотря на скорость, он ступал на землю очень осторожно.

Мне вдруг ужасно захотелось погнаться за ягуаром и напугать его до такой степени, чтобы он, забыв осторожность, покалечился колючками. Но тут мысль о том, как опасен может быть ягуар если поранится, пронзила мой затихший ум. Эта мысль подействовала так, как если бы кто-то разбудил меня.

Когда я наконец понял, что мой мыслительный процесс восстановился, то обнаружил, что нахожусь у подножия невысоких скал. Оглядевшись, я в нескольких футах от себя увидел дона Хуана. Он выглядел измученным, был бледен и тяжело дышал.

– Что случилось, дон Хуан? – спросил я, прочистив свое пересохшее горло.

– Это ты расскажи мне, что случилось, – сказал он задыхаясь. Я рассказал ему о своих ощущениях. Вдруг я понял, что прекрасно вижу вершину горы, находившуюся непосредственно в поле моего зрения. Это были последние минуты дня, и это означало, что я бежал или шел более двух часов.

Я попросил дона Хуана объяснить такое несоответствие во времени. Он сказал, что моя точка сборки сместилась дальше *места без жалости* и достигла места безмолвного знания, однако мне все еще не хватает энергии, чтобы сместить ее самостоятельно. Сделать это самостоятельно я смог бы только имея достаточно энергии для ее перемещения между безмолвным знанием и разумом по своей воле.

Еще он добавил, что если маг обладает необходимой энергией – или даже если ее не совсем достаточно, но речь идет о жизни и смерти – то он может перемещаться туда и обратно между разумом и безмолвным знанием.

Его заключение относительно меня сводилось к следующему: поскольку наше с ним положение было весьма серьезным, я дал возможность духу сместить свою точку сборки, в результате чего

вошел в безмолвное знание. Диапазон моего восприятия естественно расширился, что вызвало ощущение высоты, парения над кустарником.

В то время в силу своего академического образования я был весьма озабочен подтверждением путем консенсуса. Я задал ему один из обычных для меня вопросов.

– Если бы кто-нибудь с факультета антропологии UCLA наблюдал за мной, увидел бы он меня в облике гиганта, несущегося сквозь чаппараль?

– Понятия не имею, – ответил дон Хуан. – Выяснить это можно, если сместить точку сборки во время твоего пребывания на факультете антропологии.

– Я пытался, – сказал я, – но ничего не вышло. Мне нужно, чтобы ты был поблизости, – только тогда может происходить что-то в этом роде.

– Значит, это не было для тебя вопросом жизни и смерти, – ответил он. – Если бы это было именно так, ты смог бы сместить свою точку сборки самостоятельно.

– Но другие люди смогли бы увидеть то, что вижу я при смещении моей точки сборки? – настаивал я.

– Нет, поскольку их точка сборки не находилась бы в том же положении, что и твоя, – ответил он.

– Но тогда, дон Хуан, может быть, и ягуар мне только привиделся? – спросил я. – Все это происходило только в моем сознании?

– Это не совсем так, – сказал он. – Эта огромная кошка реальна.

Ты преодолел расстояние во много миль, и даже не устал. Если ты не веришь, посмотри на свои туфли; они сплошь в колючках кактусов. Так что ты действительно двигался, возвышаясь над кустарником. Но в то же время ничего такого не происходило. Все зависит от положения точки сборки наблюдателя: находится ли она в месте разума или в месте безмолвного знания.

Во время его объяснений я понимал все, что он говорит, но по собственной воле не смог бы повторить ни одной фразы. Я даже не смог определить, что именно я знаю, и почему это так важно для меня.

Рычание ягуара вернуло меня к реальности непосредственной угрозы. Я заметил темный силуэт ягуара, когда он взбирался на скальный выступ в тридцати ярдах справа от нас.

– Что будем делать, дон Хуан? – спросил я, зная, что он тоже

заметил зверя.

– Продолжим взбираться на самый верх и будем искать там укрытие, – сказал он спокойно.

Затем он с таким видом, как будто ничто в мире его не беспокоило, добавил, что я потерял драгоценное время, indulgiруя в своем удовольствии от парения над кустарником. При этом вместо того, чтобы направиться к тем скалам, на которые он указывал, я двигался в восточном направлении к гораздо более отдаленной и высокой горной гряде.

– Мы должны добраться до того откоса раньше ягуара, иначе нам не спастись, – сказал он, указывая на почти отвесный склон у самой вершины горы.

Я посмотрел вправо и увидел, что ягуар перепрыгивает с уступа на уступ. Он уже почти преодолел расстояние, необходимое ему, чтобы отрезать нас от цели.

– Идем же, дон Хуан! – завопил я, сильно нервничая. Дон Хуан улыбнулся. Казалось, ему доставляют удовольствие мой страх и нетерпение. Мы старались двигаться как можно быстрее и карабкались, не останавливаясь. Я старался не обращать внимания на темную гибкую тень, видневшуюся время от времени чуть впереди нас и всегда справа.

Мы все трое одновременно достигли основания крутого откоса.

Ягуар находился примерно в двадцати ярдах справа. Он подпрыгнул и попытался взобраться по склону скалы, но не смог. Склон был слишком крут.

Дон Хуан закричал, что я не должен терять времени, разглядывая ягуара, ведь отказавшись от подъема, он сейчас же нападет на нас. Не успел дон Хуан договорить, как зверь прыгнул.

Времени для дальнейших предупреждений не оставалось. Я мгновенно вскарабкался по почти отвесной скале следом за доном Хуаном. Душераздирающий вой разочарованного зверя раздался как раз под моей правой пяткой. Страх оказался замечательной движущей силой: я взобрался по скользкому склону так, словно умел летать.

Я достиг вершины раньше дона Хуана, который еле сдерживал смех. Оказавшись в безопасности на вершине скалы, я смог подумать над происшедшим. Дон Хуан не хотел ничего обсуждать. Он заявил, что на этом этапе моего развития любое смещение точки сборки все еще остается для меня загадкой. Все, чего я, по

его словам, хотел в начале своего ученичества – это, скорее, желание сохранить свои достижения, чем по-настоящему разобраться в них, и что начиная с какого-то момента все это обретет для меня определенный смысл.

Я возразил, что и теперь для меня все это имеет смысл, но он настаивал, что перед тем как говорить, что знание обрело для меня смысл, я должен научиться объяснять его самому себе. Он подчеркнул, что для того, чтобы движение точки сборки имело смысл для меня, мне понадобится энергия для флуктуаций от места разума до места безмолвного знания. Он на минуту остановился, окидывая взглядом все мое тело, улыбнулся и заговорил снова.

– Сегодня ты достиг места безмолвного знания, – заключил он. Он объяснил, что сегодня моя точка сборки сместилась сама по себе, без его вмешательства. Я вызвал этот сдвиг с помощью *намерения*, манипулируя чувством своей огромности, в результате чего моя точка сборки достигла места безмолвного знания.

Мне было очень любопытно слушать, как дон Хуан объясняет мой опыт. Он сказал, что говорить о впечатлении, вынесенном из места безмолвного знания, можно лишь в терминах «здесь и здесь». Он пояснил, что когда я говорил ему о своих ощущениях парения над пустынным чаппаралем, я должен был добавить об одновременном *видении* поверхности пустыни и верхушек кустарника. Другими словами, одновременно я находился там, где я был сам, и там, где был ягуар. Таким образом я и мог видеть, как осторожно он ступает, стараясь не поранить лапы колючками кактусов. Иными словами, вместо того, чтобы воспринимать все как обычно, – здесь и там, – я воспринимал «здесь и здесь».

Его объяснения испугали меня. Он был прав. Я не признался ни ему, ни даже самому себе в том, что находился в двух местах одновременно. Я не осмелился бы даже думать в таких терминах, если бы не его разъяснения.

Он повторил, что мне требуется больше опыта и энергии, чтобы все обрело смысл. Я был слишком неопытен и все еще нуждался в постоянном присмотре. К примеру, пока я парил над кустарником, ему пришлось быстро смещать свою точку сборки из места разума в место безмолвного знания и обратно, чтобы держать меня под контролем. Это очень его истощило.

– Скажи мне одну вещь, – обратился я к дону Хуану, желая

проверить его рассудительность. – Этот ягуар кажется более странным, чем ты хочешь признать, не так ли? Ягуары ведь не являются частью фауны этих мест. Пумы, но не ягуары. Как бы ты мог объяснить это?

Перед тем, как ответить, он наморщил лоб. Вдруг он стал очень серьезным.

– Я думаю, что именно этот ягуар подтверждает твои антропологические теории, – провозгласил он торжественно. – Очевидно, ягуар следовал по тому самому знаменитому торговому пути, соединяющему Чиуауа с Центральной Америкой. Дон Хуан так захохотал, что его смех эхом прокатился в горах. Это эхо встревожило меня не меньше, чем ягуар. Даже не само эхо, но факт, что я никогда не слышал эхо ночью. Оно всегда ассоциировалось у меня со светом дня.

Мне потребовалось несколько часов, чтобы вспомнить все обстоятельства своей встречи с ягуаром. Все это время дон Хуан не разговаривал со мной. Он прислонился к скале и дремал, сидя в таком положении. Спустя некоторое время я перестал обращать на него внимание и наконец уснул сам.

Проснулся я от боли в скуле. Я спал, прислонившись одной щекой к скале. Открыв глаза, я попытался соскользнуть с валуна, на котором лежал, но потерял равновесие и с шумом плюхнулся на ягодицы. Дон Хуан появился из-за кустов как раз вовремя, чтобы успеть посмеяться надо мной.

Начинало темнеть, и я вслух высказал свои опасения насчет того, успеем ли мы добраться до долины, прежде чем наступит ночь. Дон Хуан пожал плечами. Казалось, это его не заботило. Он сел рядом со мной.

Я спросил, хочет ли он услышать более подробный рассказ о том, что я *вспомнил*. Он жестом показал мне, что все в порядке, однако вопросов задавать не стал. Я подумал, что он предоставляет мне возможность самому начать говорить, поэтому стал рассказывать ему о трех вещах из моего *вспоминания*, которые показались мне наиболее важными. Во-первых, то, что он говорил о безмолвном знании; во-вторых: я сместил свою точку сборки с помощью *намерения*, и еще – то, что я вошел в состояние повышенного осознания, не получив удар между лопаток.

– Сдвиг тобой собственной точки сборки с помощью *намерения* – твое самое большое достижение, – сказал дон Хуан, – но

достижение – это нечто личное. Оно необходимо, но не является чем-то важным. Оно не является той целью, к которой стремятся маги.

Я полагал, что знаю, чего он хочет. Я сказал ему, что не совсем забыл происходившее со мной. В нормальном состоянии моего осознания остался горный лев – понятие о ягуаре не укладывалось в моей голове, – который преследовал нас в горах, да еще слова дон Хуана о том, что нападение гигантской кошки, возможно, каким-то образом обидело меня. Я стал уверять, что абсурдно говорить о чувстве обиды. На это он ответил, что я, должно быть, испытывал то же самое, когда меня донимали мои товарищи. В этом случае мне следует либо защищаться, либо уйти прочь, но только не чувствовать себя морально уязвленным.

– Это не та цель, о которой я сейчас говорю, – продолжал он с улыбкой. – Понятие об *абстрактном*, о *духе* – вот единственная цель, которая важна. Представление о личном «я» не имеет ни малейшей ценности. Ты все еще ставишь на первое место твои собственные чувства. Всякий раз, когда появлялась такая возможность, я заставлял тебя осознавать необходимость *абстрагирования*. Ты всегда полагал, что я имею в виду абстрактное мышление. Нет. *Абстрагироваться* – значит сделать себя доступным духу путем его осознания.

Он сказал, что одной из самых драматических черт человеческой природы является ужасная связь между глупостью и саморефлексией.

Именно глупость заставляет нас отвергать все, что не согласуется с нашими рефлексивными ожиданиями. Например, являясь обычными людьми, мы не в состоянии оценить наиболее важный аспект знания, доступного человеческим существам: наличие точки сборки и ее способность сдвигаться.

– Человеку рациональному кажется немыслимым, что должна существовать невидимая точка, в которой собирается восприятие, – продолжал он. – Еще более немыслимым кажется то, что эта точка находится не в мозге, – это он еще мог бы смутно себе представить, если бы принял идею ее существования.

Дон Хуан добавил, что непоколебимое стремление рационального человека твердо придерживался образа себя – это способ надежно застраховать свое дремучее невежество. Он, например, игнорирует тот факт, что магия – это не заклинания, не магические формулы,

не фокус-покус, но свобода восприятия не только повседневного мира, но и любого другого, доступного человеческому существу.

– Вот где глупость обычного человека наиболее опасна, – продолжал он, – Он боится магии. Он дрожит при мысли о необходимости свободы. А ведь она рядом, можно коснуться пальцем. Она называется третьей точкой. И до нее можно дотянуться так же просто, как сместить точку сборки.

– Но ведь ты сам говорил мне, что сдвиг точки сборки настолько сложен, что является настоящим подвигом, – возразил я.

– Так оно и есть, – заверил он. – Вот еще одно магическое противоречие; это невероятно трудно, но все же является самой простой вещью в мире. Я уже говорил тебе, что сильное нервное возбуждение может сместить точку сборки. Голод или страх, любовь или ненависть сделают то же самое, что и мистицизм или *несгибаемое намерение*, которое и является для магов наиболее предпочтительным методом.

Я снова попросил его объяснить значение термина *несгибаемое намерение*. Он сказал, что это своего рода непоколебимая направленность ума; абсолютно четко очерченная цель, не нарушаемая никакими противоречивыми интересами или желаниями. *Несгибаемое намерение* также является силой, возникающей, когда точка сборки удерживается в необычном положении.

Затем дон Хуан указал на очень важное различие, которое ускользало от меня все эти годы, – между движением и смещением точки сборки. Движение, по его словам, является глубоким изменением ее положения, настолько глубоким, что точка сборки может достичь даже других пучков энергии, находящихся в пределах светящейся массы наших энергетических полей. Каждая полоса энергии представляет собой совершенно иной для восприятия мир. С другой стороны, смещение – это незначительный сдвиг в пределах той полосы энергетических полей, которая воспринимается нами как мир повседневной жизни. Он продолжал, что маги рассматривают *несгибаемое намерение* как катализатор принятия решений, не подлежащих изменению, и, с другой стороны, – их неизменные решения являются катализатором, приводящим точку сборки в движение к новым положениям. Эти новые положения в свою очередь порождают *несгибаемое намерение*.

Должно быть, я выглядел ошарашенным. Дон Хуан рассмеялся и сказал, что попытка понять до конца метафорические описания магов разумом так же бессмысленна, как попытка понять разумом безмолвное знание. Еще, добавил он, проблема со словами заключается в том, что любая попытка прояснить с их помощью объяснение магов только запутывает суть дела.

И все же я настаивал на том, чтобы он попытался объяснить это любым доступным ему образом. Я утверждал, что все, что он может сказать, например, о третьей точке, лишь прояснит суть дела, так как мое нынешнее представление о ней все еще очень меня смущает.

– Мир повседневной жизни состоит из двух точек отсчета, – сказал он. – У нас, например, есть «здесь и там», «внутри и снаружи», «добро и зло», «верх и низ» и т.д. Итак, наше восприятие жизни по существу является двумерным. Ничто из того, что мы воспринимаем или делаем, не имеет глубины.

Я запротестовал, говоря, что он смешивает уровни. Я сказал ему, что могу принять его определение восприятия как способности живых существ постигать своими органами чувств энергетические поля, выбираемые их точкой сборки – весьма необычное с точки зрения моего академического образования определение, но в данный момент оно казалось мне достаточно убедительным. Однако я не мог представить себе, что может означать «глубина» применительно к нашим действиям. Я считал, что он, вероятно, говорит об интерпретациях – обработке наших основных восприятий.

– Маги воспринимают свои действия с глубиной, – сказал он. – Их действия являются для них трехмерными. Они обладают третьей точкой отсчета.

– Как может существовать третья точка отсчета? – спросил я удивленно.

– Наши точки отсчета основаны преимущественно на нашем чувственном восприятии, – сказал он. – Наши органы чувств воспринимают и различают, что находится рядом с нами, а что нет. Используя это основное различие, мы и выводим остальное.

Для того, чтобы достичь третьей точки, мы должны воспринимать два места одновременно.

Мое *вспоминание* привело меня в странное настроение – как если бы то, что я пережил тогда, произошло несколько минут назад. И я

вдруг осознал кое-что из полностью упущенного раньше. Под руководством дона Хуана я уже дважды пережил это двойственное восприятие, но теперь впервые мог сформулировать это таким образом.

Размышляя над тем, что я *вспомнил*, я понял к тому же, что мой чувственный опыт был более сложным, чем мне вначале показалось. В то время, когда я парил над кустарником, я осознал – без слов или даже мыслей – что пребывание в двух Местах одновременно, или пребывание «здесь и здесь», как называл это дон Хуан, – переключило мое восприятие непосредственно и полностью на оба места сразу. Но я также осознал и то, что моему двойному восприятию недоставало полной ясности обычного восприятия.

Дон Хуан пояснил, что обычное восприятие имеет ось, «Здесь и там» являются периметрами этой оси, и мы пристрастны к ясности «здесь». Он сказал, что в обычном восприятии только «здесь» воспринимается полностью, мгновенно и непосредственно. Его двойственный аспект, «там», не обладает непосредственностью. Он может быть объектом предположений, умозаключений, ожиданий, но не может восприниматься непосредственно всеми чувствами. Когда же мы воспринимаем два места одновременно, исчезает полная ясность, но зато достигается непосредственное восприятие «там».

– Но тогда, дон Хуан, я был прав, описывая свое восприятие как важную составляющую часть моего опыта, – сказал я.

– Нет, не был, – ответил он. – То, что ты пережил, было живым для тебя, потому что открыло путь к безмолвному знанию, но действительно важной вещью был только ягуар. Этот ягуар был настоящим проявлением духа.

Эта большая кошка появилась незамеченной из ниоткуда, и она могла прикончить нас обоих. Это так же верно, как то, что я с тобой говорю. Ягуар был выражением магии. Без него ты не получил бы ни душевного подъема, ни урока, ни понимания.

– Но это был реальный ягуар? – спросил я.

– Можешь не сомневаться – он был абсолютно реален! Дон Хуан заметил, что для обычного человека эта большая кошка могла бы показаться просто ужасающей неожиданностью. Обычный человек вряд ли мог бы объяснить разумно, что делал ягуар в Чиуауа, так далеко от тропических джунглей. Но маг, обладающий связующим

звеном с *намерением*, рассматривает этого ягуара как средство для восприятия – не как странный случай, но как источник благоговейного страха.

Мне хотелось задать еще несколько вопросов, но прежде чем я смог их сформулировать, как уже знал ответы. Я стал прослеживать направление моих вопросов и ответов до тех пор, пока в конце концов не понял, что мне мало «безмолвно знать» ответы: чтобы обрести какую-либо ценность для меня, ответы должны быть вербализованы.

Я задал первый же пришедший мне в голову вопрос. Я попросил дона Хуана объяснить то, что казалось мне очередным противоречием. Он утверждал, что только *дух* мог сдвинуть точку сборки. Но затем он сказал, что мою точку сборки сдвинули чувства, превратившиеся в *намерение*.

– Только маги могут превращать свои чувства в *намерение*, – сказал он. – *А намерение* – это *дух*, вот и получается, что именно *дух* сдвигает точку сборки магов.

Могут ввести в заблуждение мои слова, – продолжал он, – что только маги знают о *духе*, и что *намерение* является исключительным достоянием магов. Это не совсем верно, но практически дело обстоит именно так. Суть на самом деле в том, что маги лучше сознают свою связь с *духом*, чем обычный человек, и стремятся управлять им. Вот и все. Я уже говорил тебе, что связующее звено с *намерением* – это универсальная особенность, свойственная всему сущему.

Затем два или три раза дон Хуан, казалось, порывался что-то добавить. Он колебался, как бы подбирая слова. Наконец он сказал, что пребывание в двух местах сразу было для магов признаком, отмечающим тот момент, когда точка сборки достигает места безмолвного знания. Расщепленное восприятие, достигнутое собственными усилиями, называется свободным движением точки сборки.

Он заверил меня, что каждый Нагваль последовательно делает все что в его силах, чтобы стимулировать, свободное движение точки сборки своего ученика. Это решительное усилие загадочно называется «достижением третьей точки».

– Наиболее трудным аспектом знания Нагваля, – продолжал дон Хуан, – и, конечно, наиболее важной частью его задачи является достижение этой третьей точки. Нагваль вырабатывает *намерение*

такого свободного движения, а *дух* доставляет ему средства для осуществления этого. Я никогда не имел *намерения* ни к чему такому, пока не появился ты. Поэтому я никогда в полной мере не был способен оценить гигантские усилия моего бенефактора, когда он *намеревался* ради меня.

Сложности, которые возникают у Нагваля, который намерен осуществить это свободное движение точки сборки своих учеников, не сравнить с трудностями, с которыми сталкиваются ученики, пытаясь понять, что делает Нагваль. Посмотри на путь твоей собственной борьбы! То же самое происходило и со мной. В большинстве случаев я считал, что уловки *духа* были просто уловками нагваля Хулиана.

Позднее я понял, что обязан ему своей жизнью и благополучием, – продолжал дон Хуан. – Теперь я знаю, что обязан ему бесконечно большим. Поскольку я не имею возможности выразить это, я предпочитаю говорить, что он прибегнул к хитрости, чтобы привести меня к обладанию третьей точкой отсчета.

Третья точка отсчета – это свобода восприятия, это *намерение*; это акт выхода за наши ограничения и прикосновение к непостижимому.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Два односторонних моста

Мы с доном Хуаном сидели за столом на его кухне. Было раннее утро. Мы только что вернулись с гор, где провели ночь после моего *вспоминания* об опыте с ягуаром. *Вспоминание* о моем расщепленном восприятии привело меня в состояние эйфории, чем, как обычно, воспользовался дон Хуан, чтобы погрузить меня в более чувственные переживания, которые сейчас я был совершенно неспособен вспомнить. Тем не менее, моя эйфория не исчезла.

– Открытие возможности находиться в двух местах одновременно поражает наш ум, – сказал он. – Поскольку наш разум рационален, а рациональность – это наша саморефлексия, – все, что находится за пределами саморефлексии, – или привлекает, или пугает нас, в зависимости от того, какими людьми мы являемся.

Он пристально посмотрел на меня и улыбнулся, как будто только что открыл во мне что-то новое для себя.

– Или это и пугает, и привлекает нас в равной степени, что, кажется, и происходит в случае с нами обоими.

Я сказал ему, что дело не в том, что меня пугало или привлекало мое переживание, но в том, что я был поражен непостижимой возможностью раздвоенного восприятия.

– Я не хочу сказать, что не верю в то, что был в двух местах одновременно, – сказал я. – Я не отрицаю свой опыт, и все же думаю, что я был настолько напуган этим, что мой разум отказался воспринять это как факт.

– Мы с тобой – люди такого типа, которые оказываются захваченными вещами, подобными этой, а затем забывают обо всем, что было, – заметил он и улыбнулся. – Мы с тобой очень похожи.

Я сказал ему, что среди его учеников я был единственным, кто научился не принимать всерьез его заявления о равенстве между нами. Я заметил, что наблюдал за его действиями и слышал, как он каждому из учеников говорил самым искренним тоном; «Мы с тобой такие дураки. Мы так похожи!» И я снова и снова ужасался,

когда видел, что они верят ему.

– Ты не похож ни на кого из нас, дон Хуан, – сказал я. – Ты зеркало, которое не отражает наших образов. Ты уже за пределами нашей досягаемости.

– То, что ты замечаешь – это результат борьбы длиной в жизнь. Тот, кого ты видишь – маг, который в конце концов научился следовать предназначениям *духа*, вот и все.

Я множеством способов описывал тебе различные ступени, через которые проходит воин на своем пути к знанию, – продолжал он. – С точки зрения своей связи с *намерением* воин проходит через четыре ступени. Первая – это когда его связующее звено с *намерением* является ненадежным и ржавым. Вторая – это когда он преуспевает в его очищении. Третья – когда он учится манипулировать им. И наконец четвертая – когда он учится следовать предназначениям *абстрактного*.

Дон Хуан настаивал, что его достижение не сделало его внутренне другим. Это только дало ему большие возможности. Так что он не был неискренен, когда говорил мне и другим ученикам, что мы похожи.

– Я прекрасно понимаю, через что ты вынужден проходить сейчас, – продолжал он, – Когда я смеюсь над тобой, – на самом деле я смеюсь над воспоминаниями о себе в твоём положении. Я слишком держался за мир повседневной жизни. Я держался за него зубами и ногтями. Все говорило о том, что я должен оставить его, но я не мог. И, подобно тебе, я безоговорочно доверял разуму, хотя не было никакого смысла поступать так, – я больше не являлся обычным человеком.

Моя проблема тогда – это твоя проблема сегодня. Инерция повседневного мира затягивала меня, и я продолжал действовать как обычный человек. Я отчаянно держался за свои непрочные рациональные структуры. Разве ты не делаешь то же самое?

– Я не держусь ни за какие структуры – это они держат меня, – сказал я, заставив его рассмеяться.

Я сказал, что прекрасно его понимаю, но дело не в этом, потому что я все равно не способен вести себя как маг, как бы я ни пытался.

Он объяснил, что мои неудобства в мире магов происходят от недостаточного знакомства с ним. В этом мире я должен ко всему относиться по-новому, что бесконечно трудно, потому что он

имеет мало общего с непрерывностью моей повседневной жизни. Он описал специфическую проблему магов как раздвоенность. Во-первых, невозможно восстановить разрушенную однажды непрерывность. Во-вторых, невозможно использовать непрерывность, продиктованную новым положением их точки сборки. Эта новая непрерывность всегда слишком туманна, слишком зыбка и не придает магам той уверенности, которая позволила бы им действовать так, как если бы они были в мире повседневной жизни.

– И как маги решают эту проблему? – спросил я.

– Никто ничего не решает, – ответил он, – *дух* или решает это за нас, или нет. Если да, то маг обнаруживает себя действующим в магическом мире, сам не зная как. Вот почему я всегда настаивал, что безупречность – это единственное, что идет в счет. Маг живет безупречной жизнью – и это, кажется, привлекает решение.

Почему? Никто не знает.

Дон Хуан минуту помолчал. И потом, как если бы я попросил его, вдруг прокомментировал мысль, которая как раз пришла мне в голову. Я в этот момент подумал, что безупречность всегда ассоциировалась у меня с религиозной моралью.

– Безупречность, как я уже говорил тебе много раз, это не мораль, – сказал он. – Она только напоминает мораль. Безупречность – это только наилучшее использование нашего уровня энергии.

Естественно, это требует и бережливости, и благоразумия, и простоты, и моральной чистоты; но прежде всего это подразумевает отсутствие саморефлексии. И хотя это напоминает выдержку из монастырского устава, но это не так.

Маги говорят, что для того, чтобы управлять *духом*, – а под этим они подразумевают управление движением точки сборки, – необходима энергия. Единственная вещь, которая сберегает для нас энергию – это наша безупречность.

Дон Хуан заметил, что вовсе не обязательно изучать магию, чтобы сдвигать точку сборки. Иногда вследствие драматических обстоятельств, таких как война, лишения, стрессы, усталость, горе, беспомощность – точка сборки человека подвергается глубоким сдвигам.

– Если бы человек, который находится в подобных обстоятельствах, был способен воспринять идеологию магов, – сказал дон Хуан, – то он был бы способен без проблем довести до

предела этот естественный сдвиг. И люди могли бы искать и находить необыкновенные вещи, вместо того, чтобы делать то, что люди обычно делают в подобных обстоятельствах – жаждать поскорее вернуться в обычное состояние.

Когда движение точки сборки доведено до предела, – продолжал он, – как обычный человек, так и ученик магии становятся магами, потому что благодаря предельному усилению этого движения непрерывность разрушается так, что восстановить ее уже нельзя.

– Как можно до предела усилить это движение? – спросил я.

– Благодаря устранению саморефлексии, – ответил он. – Движение точки сборки или разрушение непрерывности не является реальной трудностью. Реальной трудностью является накопление энергии. Если у кого-то есть энергия, и если его точка сборки сдвинулась, он открывает для себя поистине непостижимые вещи. Дон Хуан объяснил, что все трудности для человека состоят в том, что интуитивно он осознает свои скрытые ресурсы, но не отваживается воспользоваться ими. Вот почему маги говорят, что человек находится в положении, среднем между глупостью и невежеством. Он сказал, что люди сейчас более чем когда бы то ни было нуждаются в обучении новым идеям, которые касались бы их внутреннего мира, – идеям магов, – а не в социальных идеях, ставящих человека перед лицом неизвестного, перед лицом его личной смерти. Сейчас более чем когда бы то ни было мы нуждаемся в том, чтобы обучиться тайнам точки сборки.

Затем, без всякого вступления или перехода, дон Хуан начал рассказывать мне очередную магическую историю. Он сказал, что в течение целого года он был единственным молодым человеком в доме нагваля Хулиана. Он был полностью поглощен собой и не обратил внимания, что в начале следующего года его бенефактор привел трех юношей и четырех молодых женщин, которые поселились в его доме. Насколько дону Хуану было известно, эти семеро прибывали по одному в течение двух или трех месяцев и были просто слугами и не более того. Один из молодых людей был даже приставлен к нему помощником.

Дон Хуан был убежден, что Нагваль завлекал их и льстил им, чтобы заставить их работать на него бесплатно. И он мог бы пожалеть их, если бы не их слепое доверие к нагвалю Хулиану и не их болезненная привязанность ко всем и вся в доме.

Он чувствовал, что они были рождены рабами и что ему нечего

было им сказать. Хотя он и был вынужден поддерживать с ними хорошие отношения и давать им советы, но делал это не потому, что хотел, а потому, что Нагваль требовал этого как части его работы. Когда они искали его советов, то его приводила в ужас острота и драматичность их жизненных сюжетов.

Он втайне поздравил себя с лучшей участью, чем у них. Он искренне считал, что был более ловким, чем все они, вместе взятые. Он гордился тем, что в отличие от них, он мог насквозь видеть маневры Нагваля, хотя и не претендовал на то, чтобы понимать их. И он смеялся над их неуклюжими попытками быть полезными. Он считал их раболепными и говорил им в лицо, что их безжалостно эксплуатирует профессиональный тиран.

Но больше всего его бесило, что четыре молодые женщины до такой степени находились под влиянием нагваля Хулиана, что готовы были делать все, чтобы понравиться ему. Дон Хуан находил утешение в работе, или часами напролет читал книги, которые были в доме нагваля Хулиана. Чтение стало его страстью. Когда он читал, все знали, что его нельзя беспокоить никому кроме Нагваля, который явно получал удовольствие, донимая его. Он всегда хотел, чтобы дон Хуан подружился с молодыми людьми и женщинами. Он постоянно говорил, что все они, включая дону Хуана, были его учениками магии. Дон Хуан был убежден, что нагваль Хулиан ничего не знал о магии, и посмеивался над ним, слушая его без всякой веры.

Нагваля Хулиана не волновало неверие дона Хуана. Он просто действовал так, как если бы дон Хуан верил ему, и собирал всех учеников вместе, чтобы давать им инструкции. Периодически он брал их с собой на продолжавшиеся всю ночь экскурсии в близлежащие горы. В большинстве случаев он оставлял их одних странствовать в этих суровых горах с доном Хуаном во главе. Логическим обоснованием таких путешествий служило то, что в уединении, в дикой местности они смогут найти *дух*. Но этого никогда не случалось. По крайней мере до дона Хуана это совершенно не доходило. Однако нагваль Хулиан так упорно настаивал на важности *духа*, что дон Хуан загорелся желанием узнать, что же это такое.

Во время одной из таких ночных экскурсий нагваль Хулиан потребовал, чтобы дон Хуан искал *дух*, даже если он и не понимает, что это такое.

– Конечно же, он подразумевал единственную вещь, которую только и может иметь в виду Нагваль: движение точки сборки, – сказал дон Хуан, – Но он выразил это в такой форме, которая, как он полагал, будет иметь для меня смысл: искать дух.

Я подумал, что он говорит чепуху. К тому времени у меня уже сформировались свои собственные взгляды и убеждения, и я был уверен, что дух является тем, что было известно как характер, воля, мужество, решительность. И я считал, что мне ничего не нужно искать. Все это у меня уже было.

Нагваль Хулиан настаивал, что дух невыразим, что его невозможно чувствовать, а тем более говорить о нем. Можно только вызвать его с помощью признания его существования, говорил он. Моя реакция была такой же, как твоя: никто не может вызвать то, чего не существует.

Дон Хуан сказал мне, что он был так рассержен на нагваля Хулиана, что Нагваль в конце концов пообещал ему в присутствии всех домочадцев, что он одним махом намерен не только продемонстрировать ему то, что дух существует, но и то, как идентифицировать его. Он пообещал также устроить большую вечеринку и даже пригласить соседей, чтобы отпраздновать урок дона Хуана.

Дон Хуан напомнил, что в те дни, еще до Мексиканской революции, Нагваль и семь женщин его группы вели себя как богатые владельцы большой гасиенды. Это ни у кого не вызывало сомнений, особенно относительно нагваля Хулиана, богатого и щедрого землевладельца, который отказался от церковной карьеры, чтобы заботиться о семи своих незамужних сестрах.

Однажды в дождливый сезон нагваль Хулиан заметил, что как только дождь прекратится, он устроит вечеринку, которую обещал дону Хуану. И в воскресенье вечером он взял своих домочадцев на берег реки, которая сильно разлилась после долгих ливней, Нагваль Хулиан ехал верхом на лошади, в то время как дон Хуан почтительно следовал сзади, что было принято у них на тот случай, если бы они встретили кого-нибудь из соседей: насколько знали соседи, дон Хуан был личным слугой помещика.

Нагваль выбрал для пикника место на высокой площадке над рекой. Женщины приготовили еду и питье. Нагваль даже пригласил группу музыкантов из города. Это была большая вечеринка, в которой принимали участие рабочие с гасиенды,

соседи и даже случайные прохожие, которые слонялись вокруг, привлеченные весельем.

Каждый ел и пил вволю. Нагваль танцевал со всеми женщинами, пел, читал стихи. Он рассказывал анекдоты и с помощью кое-кого из женщин инсценировал эти шутки, чем привел всех в полный восторг.

Выбрав подходящий момент, нагваль Хулиан спросил, не желает ли кто-нибудь, особенно ученики, принять участие в уроке дона Хуана. Но все отказались: они хорошо знали жесткую тактику нагваля. Тогда он спросил дона Хуана, уверен ли тот, что по-прежнему хочет узнать, что такое *дух*.

Дон Хуан не мог сказать «нет». Он просто не мог повернуть обратно. Он ответил, что готов как всегда. Нагваль подвел его к краю бушующей реки и поставил на колени. Затем он начал читать длинное заклинание, в котором взывал к силе ветра и гор и просил силу реки помочь дону Хуану.

Его многозначительное заклинание было выражено так непочтительно, что все засмеялись. Когда он закончил, он попросил дона Хуана встать перед ним с закрытыми глазами. Потом он взял ученика на руки как ребенка и швырнул его в бушующий поток, закричав: «Не ненавижь реку, ради Бога!» Рассказ об этом инциденте вызвал у дона Хуана приступ хохота. Возможно, в других обстоятельствах я тоже нашел бы это забавным. Однако сейчас эта история ужаснула меня.

– Ты бы видел лица этих людей, – продолжал дон Хуан. – Я мельком отметил их испуг, когда летел по воздуху в реку. Никто не мог предвидеть, что этот дьявольский Нагваль способен сделать подобную вещь.

Дон Хуан подумал, что пришел конец его жизни. Он был никудышным пловцом и, погружаясь на дно реки, поносил себя на чем свет стоит за то, что позволил всему этому случиться. Он был до такой степени зол, что даже не успел испугаться. Он смог только подумать, что не намерен погибать в этой ужасной реке от рук этого ужасного человека.

Его ноги коснулись дна, и это привело его в чувство. Река была неглубокой, но разлившаяся вода сильно расширила ее. Течение было сильным и тащило его, пока он барахтался по-собачьи, пытаясь не позволить бурлящей воде захлестнуть его.

Течением его отнесло на значительное расстояние. И пока его

несло и он пытался сделать все, чтобы не погибнуть, он вошел в странное состояние ума. Он понял свою ошибку. Он был очень раздражительным человеком, и постоянно сдерживаемое раздражение делало его злобным и агрессивным по отношению ко всем окружающим. Но он не мог ненавидеть реку или драться с нею, или быть нетерпеливым с ней, или мучить ее – как это он делал с каждым в своей жизни.

Все, что он мог сделать с рекой – это следовать ее течению. Дон Хуан утверждал, что это простое понимание и вынужденное согласие с этим, так сказать, склонило чашу весов, и он испытал свободное движение точки сборки. Внезапно, совершенно не понимая, что происходит, дон Хуан, вместо того, чтобы барахтаться в бурлящей воде, ощутил себя бегущим вдоль берега. Он бежал так стремительно, что не было времени думать.

Страшная сила увлекала его, и он мчался сквозь кусты и поваленные деревья, как если бы их здесь не было.

Довольно долго он бежал в этом отчаянном темпе, пока наконец не отважился бросить взгляд на красноватую пенящуюся воду. И он увидел там самого себя, которого грубо швыряло течением. Ничто в его опыте не подготовило его для восприятия такого момента. Он знал тогда, не прибегая к мыслительному процессу, что был в двух местах одновременно. И в одном из них, в стремнине реки, он был беспомощен.

Всю свою энергию он направил на то, чтобы попытаться спасти себя. Ни о чем не раздумывая, он стал вытаскивать самого себя из реки. Это потребовало от него всех сил, каждый дюйм давался с трудом. У него было такое чувство, что он вытаскивает бревно. Он двигался так медленно, что, казалось, прошла вечность, прежде чем он преодолел несколько ярдов.

Напряжение оказалось для него чрезмерным. И внезапно, – он больше не бежал – он падал в глубокий колодец. Очутившись в воде, он вскрикнул от холода. И вот он снова был в реке, и его снова несло по течению. Он до того перепугался, обнаружив себя вновь в бушующей реке, что изо всех сил пожелал очутиться целым и невредимым на берегу. И немедленно оказался там, несясь с головокружительной скоростью параллельно реке, но на некотором отдалении от нее.

На бегу он смотрел на бурлящую воду и видел там себя, барахтающегося изо всех сил, чтобы удержаться на поверхности.

Он хотел закричать, приказать самому себе плыть под углом, забирая к берегу, но у него не было голоса.

Его сострадание к той части себя было всепоглощающим. И это послужило как бы мостом между двумя Хуанами Матусами. Он тут же вернулся в воду и поплыл под углом по направлению к берегу.

Невероятного ощущения раздвоенности между двумя местами оказалось достаточно, чтобы полностью избавиться от страха. Он больше не заботился о своей судьбе. Он свободно выбирал между плаванием в реке и бегом по берегу. Но в любом случае он последовательно двигался влево – либо стремился прочь от реки, либо греб к левому берегу.

Он выбрался на левый берег реки милях в пяти ниже по течению. Ему пришлось ждать здесь, скрываясь в кустах, больше недели. Он ждал, пока спадет вода, чтобы перейти реку вброд, и еще ждал, пока снова придет в себя после пережитого потрясения.

Дон Хуан сказал, что с ним произошло следующее: сильная эмоция страха перед гибелью привела к сдвигу точки сборки непосредственно в место безмолвного знания. Поскольку он в свое время не обращал ни малейшего внимания на слова нагваля Хулиана о точке сборки, он совершенно не понимал, что с ним происходит. Его пугала мысль, что он, возможно, больше никогда не станет нормальным человеком. Но когда он исследовал свое двойное восприятие, то обнаружил его практическую сторону и нашел, что она ему нравится. Он был двойным в течение нескольких дней. Он мог быть тем или иным по своему выбору. Или же он мог быть обоими одновременно. Когда он был обоими, вещи становились неопределенными и ни одна ипостась не была способна действовать, так что этот вариант он отверг. Но возможность быть тем или иным открывала перед ним непостижимые возможности.

Пока он восстанавливал силы в кустах, он установил, что одна из его ипостасей была более гибкой, чем другая, и могла преодолевать расстояния в мгновение ока и находить пищу или лучшее убежище. И вот однажды это существо вернулось в дом нагваля Хулиана, чтобы посмотреть, оплакивают ли его там.

Он услышал, как молодые люди печалятся о нем, и это было для него приятным сюрпризом. Он стал жадно наблюдать за ними, поскольку ему страшно нравилось убеждаться, что они думают о

нем. Но тут нагваль Хулиан обнаружил его и положил всему этому конец.

Впервые он по-настоящему испугался Нагваля. Дон Хуан услышал, что Нагваль приказывает ему прекратить это безобразие. Он появился внезапно как черный колоколообразный предмет огромной массы и силы. Он схватил дона Хуана. Дон Хуан не знал, каким образом Нагваль схватил его, однако это причинило ему боль в каком-то более глубоком смысле. Это была острая нервная боль, которую он ощутил в животе и в районе солнечного сплетения.

– Я тут же вновь оказался на берегу реки, – сказал дон Хуан, смеясь. – Я поднялся, перешел вброд недавно обмелевшую реку и направился домой.

Помедлив, он спросил меня, что я думаю об этой истории. И я ответил, что она ужаснула меня.

– Ведь ты мог бы погибнуть в этой реке, – сказал я, чуть не крича.

– Что за отвратительную шутку с тобой сыграли! Этот нагваль Хулиан, должно быть, просто безумец!

– Подожди минутку, – запротестовал дон Хуан. – Нагваль Хулиан был коварным, но отнюдь не безумным. И он делал то, что должен был делать как Нагваль и учитель. Это верно, что я мог погибнуть. Но все мы должны быть способны на такой риск. Тебя самого мог растерзать ягуар, или ты мог бы умереть от любой из тех вещей, которые я с тобой проделывал. Нагваль Хулиан был властным и уверенным – и прямо брался за дело. С ним не было никакого хождения вокруг да около, никаких лишних слов.

Я настаивал, что все это, может быть, и было ценным как урок, но мне методы нагваля Хулиана по-прежнему кажутся странными и чрезмерными. Я уверял дона Хуана, что все, что я слышал о нагвале Хулиане, до такой степени возмутительно, что у меня сложилось о нем самое негативное представление.

– Я думаю, ты боишься, что на днях я собираюсь бросить тебя в реку или заставить тебя носить женское платье, – сказал он и рассмеялся. – Вот почему ты не одобряешь методы нагваля Хулиана.

Я признал, что он прав, и он смеясь заверил меня, что у него нет намерения подражать методам нагваля Хулиана, потому что у него они не сработают. Он, по его словам, является таким же безжалостным, но не таким практичным, как нагваль Хулиан.

– В то время, – продолжал дон Хуан, – я не мог оценить его искусство, и, конечно же, мне совсем не нравилось то, что он сделал со мной. Но теперь, всякий раз, когда я думаю об этом, я восхищаюсь им все больше – каким великолепным и прямым путем он поместил меня в положение безмолвного знания.

Дон Хуан сказал, что чудовищность его переживания заставила его совершенно забыть о монстре. Он без сопровождающих дошел до дверей дома нагваля Хулиана, но затем передумал и отправился к нагвалю Элиасу в поисках утешения и совета. И нагваль Элиас объяснил ему глубокую подоплеку действий нагваля Хулиана. Нагваль Элиас с трудом сдержал возбуждение, когда услышал историю дона Хуана. Он горячо объяснил дону Хуану, что его бенефактор был великолепным *сталкером*, действующим практически. Его бесконечные поиски всегда были направлены на прагматические цели и решения. Его поведение в тот день на реке было шедевром *сталкинга*. Он манипулировал всеми и всех поразил. Казалось, даже сама река была под его контролем.

Нагваль Элиас решительно настаивал, что в то время как дон Хуана несло по течению и он боролся за свою жизнь, река помогла ему понять, что такое *дух*. И благодаря этому дон Хуан получил возможность войти прямо в безмолвное знание.

Дон Хуан сказал, что поскольку он был еще неоперившимся юнцом, он слушал нагваля Элиаса не понимая ни слова, но был искренне восхищен и впечатлен глубиной Нагваля.

Во-первых, нагваль Элиас объяснил дону Хуану, что для *сталкеров* чрезвычайно важны звучание и смысл слов. Слова используются ими как ключ ко всему, что скрыто. Поэтому *сталкеры* нуждаются в том. Чтобы сформулировать цель, прежде чем пытаться достичь ее. Они вначале никогда не раскрывают свою истинную цель. Им необходима пелена из слов, чтобы тщательно скрыть главный удар.

Нагваль Элиас назвал это действие пробуждением *намерения*. Он объяснил дону Хуану, что нагваль Хулиан пробудил *намерение*, эмоционально заявив перед лицом всех своих домочадцев, что собирается сходу показать дону Хуану, что такое *дух* и как его определить. Это было совершенно бессмысленно, потому что нагваль Хулиан знал, что нет способа идентифицировать *дух*. В действительности же он пытался сделать следующее: поместить дон Хуана в место безмолвного знания.

Сделав это заявление, скрывавшее его истинную цель, нагваль. Хулиан собрал так много людей, как только мог, делая их таким образом своими сознательными и бессознательными помощниками. Все они знали о провозглашенной им цели, но никто из них не знал, что у него на уме на самом деле.

Нагваль Элиас надеялся, что его объяснение сможет вытряхнуть дона Хуана из его невозможного состояния полной недисциплинированности и безразличия, но в этом он сильно заблуждался. И все же Нагваль терпеливо объяснил ему, что в то время, когда он боролся с течением, он достиг третьей точки. Старый Нагваль объяснил, что положение безмолвного знания называется третьей точкой, поскольку для того, чтобы достичь его, нужно пройти вторую точку – *место без жалости*.

Он сказал, что точка сборки дона Хуана приобрела достаточную подвижность, чтобы он смог стать двойным, и это позволило ему пребывать в месте разума и в месте безмолвного знания или альтернативно, или одновременно.

Нагваль сказал дону Хуану, что это было потрясающее достижение. Он даже по-отечески обнял дона Хуана и не переставал говорить о том, как дон Хуан вопреки тому, что он ничего не знал – или, может быть, именно потому, что он ничего не знал, – смог переводить всю свою энергию из одного места в другое. Для Нагваля это означало, что точка сборки дона Хуана обладала максимально благоприятной естественной подвижностью.

Он сказал дону Хуану, что каждое человеческое существо обладает способностью к такой подвижности. Большинство из нас, однако, утрачивает ее, так как мы никогда ее не используем, за редким исключением, – например, в борьбе за спасение собственной жизни.

Дон Хуан слушал, замороженный звуками голоса старого Нагваля. Когда он был внимателен, он мог уследить за всем, что говорил этот человек, чего никогда не наблюдалось при его общении с нагвалем Хулианом.

Старый Нагваль продолжал объяснять, что человечество в целом находится в первой точке, точке разума, но что не у каждого человеческого существа точка сборки находится точно в положении разума. Те, кто пребывают точно в этом месте, являются истинными лидерами человечества, хотя во все времена многие из этих гениев развития разума оставались человечеству

неизвестными.

Нагваль сказал, что было другое время, когда человечество находилось на третьей точке, которая тогда, конечно, еще была первой точкой. Но потом человечество перешло в место разума. Когда безмолвное знание было первой точкой, преобладало такое же положение вещей. Точка сборки не каждого человеческого существа была непосредственно в этой позиции. Вот почему истинные лидеры человечества всегда были теми редчайшими человеческими существами, чьим точкам сборки случалось находиться в точном положении либо разума, либо безмолвного знания. Остальное человечество, сказал дону Хуану старый Нагваль, было только публикой, аудиторией. В наши дни они являются поклонниками разума.

В прошлом они были поклонниками безмолвного знания. Они были теми, кто восхищался и слагал оды героям в любом из положений.

Нагваль настаивал, что человечество провело большую часть своей истории в положении безмолвного знания и что этим объясняется наше великое и страстное желание достичь его вновь.

Дон Хуан спросил старого Нагваля, что именно делал с ним нагваль Хулиан. Его вопрос прозвучал более зрело и более разумно, чем он имел в виду на самом деле. Нагваль Элиас ответил ему в терминах, в то время для дона Хуана абсолютно непонятных. Он сказал, что нагваль Хулиан подготавливал дона Хуана, переманивая его точку сборки в положение разума, так как он мог быть скорее мыслителем, чем частью неразумной и эмоционально переменчивой публики, которая любит упорядоченные создания разума. В то же время Нагваль готовил дона Хуана к тому, чтобы он мог стать истинным *абстрактным* магом вместо того, чтобы быть только частицей тупой и невежественной аудитории поклонников неизвестного.

Нагваль Элиас заверил дона Хуана, что только те человеческие существа, которые являются образцами разума, могут легко сдвигать свою точку сборки и быть образцами безмолвного знания. Он сказал, что только те, кто пребывает точно в одном из этих положений, могут ясно видеть другое положение, и что именно таким и был путь, приведший к эпохе разума. Положение разума было ясно видно из положения безмолвного знания.

Старый Нагваль сказал дону Хуану, что односторонний мост от

безмолвного знания к разуму называется «озабоченностью». Это озабоченность, которую истинные люди безмолвного знания ощущали относительно источника всего, что они знали. А второй односторонний мост, от разума к безмолвному знанию, называется «чистым пониманием». Это понимание, которое говорит человеку разума, что разум – лишь один-единственный островок в бесконечном архипелаге.

Нагваль добавил, что человеческое существо, в распоряжении которого находятся оба эти моста, является магом, имеющим прямой контакт с *духом*, жизненной силой, которая делает возможными оба положения. Он указал дону Хуану, что все, что нагваль Хулиан сделал в тот день на реке, было настоящим шоу, но не для человеческой аудитории, а для *духа* – силы, которая за ним наблюдала. Он непринужденно скакал, резвился и развлекал всех, особенно силу, к которой он и обращался.

Дон Хуан сказал, что нагваль Элиас заверил его, что *дух* прислушивается только тогда, когда тот, кто к нему обращается, говорит жестами. Эти жесты не означают знаки или телодвижения – это действия истиной непринужденности, действия •величественности, юмора. В качестве жестов *духа* маги проявляют все лучшее в себе и молча предлагают это *абстрактному*.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Намерение и внешность

Дон Хуан планировал еще одно путешествие в горы до моего отъезда домой, но мы так его и не совершили. Вместо этого он попросил отвезти его в город. Ему нужно было встретиться там с какими-то людьми.

По пути он говорил о чем угодно, только не о *намерении*. Это была желанная передышка.

В полдень, когда он закончил свои дела, мы присели на его любимую скамейку на «плаза». Площадь была пустынной. Я чувствовал себя усталым и сонным. Но потом я и сам не заметил, как совершенно неожиданно для себя оживился. Мысли стали кристально ясными.

Дон Хуан моментально заметил эту перемену. Мое замешательство рассмешило его. Он прочел мои мысли, – а может, это были его мысли, и я прочел их.

– Если думать о жизни в терминах часов, а не лет, то она покажется невероятно длинной, – сказал он. – Даже если думать о ней в терминах дней, – жизнь покажется бесконечной.

Это было именно то, о чем я как раз подумал.

Он сказал, что жизнь магов измеряется в часах и что маг может за один час прожить столько, что по интенсивности это вполне может сравниться с целой жизнью обычного человека. Такая интенсивность становится важным преимуществом, когда приводит к накапливанию информации за счет движения точки сборки.

Я потребовал более детальных объяснений. Довольно давно он рекомендовал мне, поскольку было неудобно делать заметки во время бесед, чтобы я сохранял всю полученную мной информацию о мире магов не на бумаге и не в памяти, но при помощи сдвига моей точки сборки.

– Даже самый незначительный сдвиг точки сборки всего на мгновение создает совершенно изолированные островки восприятия, – сказал дон Хуан. – Информация может накапливаться в форме опыта полного осознания.

– Но как может информация накапливаться в чем-то столь неопределенном?

– Ум – это тоже что-то неопределенное, но ты все же доверяешь ему просто потому, что больше знаком с ним, – возразил он. – Движение точки сборки тебе знакомо гораздо меньше, хотя это почти то же самое.

– Я имею в виду – каким образом накапливается информация? – не отступал я.

– Информация накапливается в самом опыте, – объяснил он. – Позже, когда маг сдвигает свою точку сборки именно в то место, где она была в то время, он полностью восстанавливает в памяти накопленный опыт. Это *вспоминание* магов является способом восстановления всей информации, накопленной при перемещении точки сборки.

Непосредственным результатом движения точки сборки, – продолжал он, – является интенсивность. Например, данный момент ты проживаешь интенсивнее, чем обычно, поэтому, собственно говоря, ты и накапливаешь интенсивность. Когда-нибудь ты восстановишь в памяти этот момент, сместив свою точку сборки в то же место, где она находится сейчас. Таким образом маги и накапливают информацию.

Я сказал дону Хуану, что интенсивное *вспоминание*, которое пришло ко мне несколько дней назад, не было результатом каких-либо сознательных умственных усилий.

– Как можно сознательно управлять *вспоминанием*? – спросил я.

– Интенсивность, являясь одним из аспектов *намерения*, естественным образом связана с сиянием глаз магов, – объяснил он. – Для того, чтобы *вспомнить* изолированные островки восприятия, магам нужно лишь *намеренно* вызвать то особое сияние их глаз, которое ассоциируется с тем местом, в которое они хотят попасть. Но я уже объяснял тебе это.

Должно быть, вид у меня был довольно растерянный. Дон Хуан с серьезным выражением лица рассматривал меня. Дважды или трижды я открывал рот, чтобы задать ему вопрос, но никак не мог сформулировать свои мысли.

– Благодаря более высоким, чем у обычных людей, интенсивности и скорости, – сказал дон Хуан, – за несколько часов маг может прожить эквивалент обычной человеческой жизни. Его точка сборки, сдвигаясь в новые положения, вбирает больше энергии,

чем обычно. Такой дополнительный поток энергии и называется интенсивностью.

Я необыкновенно ясно понимал то, о чем он говорил, и моя рациональность пошатнулась под ударом огромного замешательства.

Дон Хуан пристально посмотрел на меня и предупредил, чтобы я остерегался реакции, которая нередко причиняет магам страдание, – разрушительного желания последовательно и логично объяснить магический опыт.

– Магический опыт настолько необычен, – продолжал дон Хуан, – что маги считают его интеллектуальным упражнением и используют для *выслеживания* самих себя. И все-таки их козырной картой как *сталкеров* является то, что они очень остро осознают себя воспринимающими существами, и то, что восприятие имеет намного больше возможностей, чем это может представить себе наш разум.

Единственное, что я мог сказать в ответ, – это лишь выразить свое понимание невероятных возможностей человеческого осознания.

– Для того, чтобы защитить себя от этой необъятности, – сказал дон Хуан, – маги вырабатывают в себе совершенное сочетание безжалостности, ловкости, терпения и мягкости. Эти четыре основы *сталкинга* неразрывно связаны друг с другом. Маги культивируют их, *намереваясь* получить их. Эти основы, естественно, являются положениями точки сборки.

Он продолжал, что любое действие, совершаемое любым магом, неизбежно управляется этими четырьмя принципами. Иными словами, любое действие каждого мага имеет заранее обдуманый замысел и исполнение и синтезирует в себе четыре основы *сталкинга*.

– Маги используют эти четыре настроения *сталкинга* как руководство к действию, – продолжал он. – Они представляют собой четыре различных состояния ума, четыре различных вида интенсивности, которыми маги могут пользоваться для того, чтобы заставить свою точку сборки сдвигаться в определенное положение.

Казалось, им внезапно овладело раздражение. Я спросил, не надоели ли ему мои настойчивые расспросы.

– Я сейчас думаю о том, как наша рациональность заводит нас в тупик, – продолжал он. – Мы склонны размышлять, задавать

вопросы, выяснять. Но нет никакой возможности делать это относительно магии. Магия является актом достижения места безмолвного знания. А безмолвное знание невозможно охватить умом. Его можно только пережить.

Он улыбался. Глаза его сияли, как два пятна света. Он сказал, что маги, пытаясь защититься от всепоглощающего воздействия безмолвного знания, развили искусство *сталкинга*. *Сталкинг* сдвигает точку сборки медленно, непостоянно, таким образом давая магу время и возможность поддерживать самого себя.

– В искусстве *сталкинга*, – продолжал дон Хуан, – есть особая техника, которую очень широко используют маги – это контролируемая глупость. По мнению магов, контролируемая глупость – единственное средство, которое позволяет им иметь дело с самими собой в состоянии повышенного осознания и восприятия, а также – со всеми людьми и всем на свете в повседневной жизни.

Дон Хуан объяснил, что контролируемая глупость есть искусство контролируемой иллюзии или искусство создания видимости полной увлеченности в данный момент каким-либо действием, – притворство столь совершенное, что его невозможно отличить от реальности. Он сказал, что контролируемая глупость – это не прямой обман, но сложный, артистический способ отстранения от всего, и в то же время сохранения себя неотъемлемой частью всего.

– Контролируемая глупость – это искусство, – продолжал дон Хуан, – Своеобразное искусство, обучиться которому очень нелегко. Многие маги не желают изучать его, и не потому, что оно в основе своей порочно, но потому, что для его практики требуется слишком много усилий.

Дон Хуан признал, что сам он добросовестно практиковал контролируемую глупость, хотя это и не доставляло ему особого удовольствия, – возможно потому, что его бенефактор был ее адептом. А может быть, потому, что особенности его характера, – в сущности, по его словам, мелочного и неискреннего, – не обеспечивали гибкости, необходимой для практики контролируемой глупости.

Я удивлено посмотрел на него. Он умолк и уставился на меня своими озорными глазами.

– К тому времени, когда мы приходим к магии, наш характер уже сформировался, – сказал он, и пожал плечами, изображая

беспомощность, – Поэтому нам остается лишь практиковать контролируемую глупость и смеяться над собой.

В порыве чувств я начал уверять дона Хуана, что мне он ни в коем случае не кажется мелочным или неискренним.

– Но это главные черты моего характера, – настаивал он. Но я отказывался согласиться с этим.

– *Сталкеры*, практикующие контролируемую глупость, полагают, что все многообразие человеческих личностей можно разделить на три категории, – сказал он и улыбнулся, как бывало всякий раз, когда он собирался сообщить мне что-то новое.

– Но это же абсурд, – возразил я. – Поведение человека слишком сложно, чтобы его можно было так просто свести всего лишь к трем категориям.

– *Сталкеры* говорят, что мы не настолько сложны, как мы порой о самих себе думаем, – ответил он. – Они говорят, что каждый из нас принадлежит к одной из трех групп.

Если бы я находился в обычном состоянии осознания, я принял бы его слова за шутку. Но сейчас, когда мой ум был в высшей степени ясным, а мысли – острыми, я чувствовал, насколько он серьезен.

– Ты это серьезно? – спросил я как можно более вежливо.

– Совершенно серьезно, – ответил он и рассмеялся. Этот смех немного снял мое напряжение. Дальнейшие его объяснения касались классификационной системы *сталкеров*. По его словам, люди, относящиеся к первой группе, являются идеальными секретарями, помощниками, компаньонами. Их личность отличается большой подвижностью, но такая подвижность неплодотворна. Однако они внимательны, заботливы, в высшей степени привязаны к дому, в меру сообразительны, имеют чувство юмора и приятные манеры, милы, деликатны. Иными словами, лучше людей и не сыщешь. Однако у них имеется один огромный недостаток – они не могут действовать самостоятельно. Им всегда требуется некто, кто бы руководил ими. Под чьим-то руководством, – каким бы жестким и противоречивым ни было это управление, – они изумительны, лишившись его – погибают. Люди, относящиеся ко второй группе, наоборот – совершенно неприятны. Они мелочны, мстительны, завистливы, ревнивы, эгоистичны. Они говорят исключительно о самих себе и требуют, чтобы окружающие разделяли их взгляды. Они всегда захватывают инициативу, даже если это и не приносит им

спокойствия. Им совершенно не по себе в любой ситуации, поэтому они никогда не расслабляются. Они ненадежны и никогда ничем не бывают довольны. И чем ненадежнее они, тем более опасными становятся. Их роковым недостатком является то, что ради лидерства они могут даже совершить убийство.

К третьей категории относятся люди, которые не приятны, но и не отвратительны. Они никому не подчиняются, равно как и не стараются произвести впечатление. Они, скорее всего, безразличны. У них сильно развито самомнение, исключительно на почве мечтательности и размышления о собственных желаниях. В чем они действительно могут преуспеть – так это в ожидании грядущих событий. Они ждут, когда их откроют и завоюют и с необыкновенной легкостью питают иллюзии относительно того, что впереди их ждет множество свершений, которые они обещают претворить в жизнь. Но они не действуют, поскольку на самом деле не располагают необходимыми средствами.

Дон Хуан сказал, что себя он относит ко второй группе. После чего он предложил мне отнести самого себя к какой-нибудь из названных групп, чем невероятно меня смутил. Он смеялся так сильно, что почти катался по земле.

Затем он снова велел мне отнести себя к одной из групп, и тогда я нехотя предположил, что являюсь комбинацией всех трех.

– Не надо подсовывать мне эту комбинационную чепуху, – сказал он все еще смеясь. – Мы простые существа, и каждый из нас относится к одной из трех групп. Я полагаю, что ты относишься ко второй. *Сталкеры* называют ее представителей «пердунами».

Я было начал протестовать, что предложенная им классификация унижительна, но решил воздержаться от длинной тирады. Я лишь заметил, что если сказанное о трех типах личности истинно, то каждый из нас пожизненно привязан к определенному типу, не имея возможности ни измениться, ни освободиться.

Он признал, что дело именно так и обстоит. Несмотря на это, один шанс на освобождение все-таки остается. Данным давно маги установили, что все мы можем относиться к одной из этих групп лишь вследствие существования нашей саморефлексии.

– Наша беда в том, что мы принимаем себя всерьез, – сказал он. – К какой из трех групп относится наш образ себя, имеет значение лишь вследствие нашего чувства собственной важности. Если мы избавляемся от этого чувства, нам больше нет дела до того, к какой

группе мы принадлежим.

Я всегда буду оставаться пердуном, – продолжал он, трясясь от смеха, – и ты тоже. Но сейчас я – пердун, который не принимает себя всерьез, чего нельзя сказать о тебе.

Я был возмущен. Мне хотелось спорить, но для этого потребовалось бы слишком много энергии.

Эхо его смеха, прокатившееся по пустынной площади, показалось мне каким-то сверхъестественным.

Он сменил тему разговора и быстро перечислил *основные ядра*, о которых мы уже говорили: проявления *духа*, толчок *духа*, уловки *духа*, нисхождение *духа*, требования *намерения*, управление *намерением*. Он вновь назвал их все, как бы давая мне возможность твердо их запомнить. Затем он кратко повторил все, что говорил мне ранее относительно *ядер*. Похоже, он хотел намеренно вложить в меня все эти сведения, пользуясь интенсивностью момента.

Я заметил, что *основные ядра* все еще остаются для меня тайной. Я остро чувствовал свою неспособность понять их. Казалось, он вот-вот сменит тему нашего разговора, а я об этом все еще не имел никакого понятия.

Я настаивал на дополнительных вопросах относительно *абстрактных ядер*. Казалось, он обдумывал – сказанное мной, а потом спокойно кивнул головой, – Эта тема была очень трудной и для меня, – сказал он. – Я, как и ты, задавал много вопросов. Но я, вероятно, был чуть-чуть эгоистичней, чем ты. И я очень злился. Вопросы я мог задавать только сварливым тоном. Да и ты задаешь их довольно воинственно. В конце концов ты и я в равной степени несны, но только по разным причинам.

Относительно *основных ядер* дон Хуан добавил, прежде чем сменить тему разговора, всего лишь одну вещь, – что обнаруживают себя они невероятно медленно – то неустойчиво проявляясь, то отступая.

– Я могу без конца повторять, что тот, чья точка сборки сдвинулась, – начал он, – может двигать ее дальше. Учитель нужен нам лишь по одной причине – он должен безжалостно побуждать нас к действию. В противном случае мы обязательно остановимся, чтобы поздравить самих себя с тем, что продвинулись так далеко. По его словам, мы оба являем собой пример отвратительной тенденции выходить из себя. К счастью, его бенефактор, будучи

непревзойденным *сталкером*, совершенно не щадил его. Дон Хуан рассказывал, как во время ночных путешествий по пустыне нагваль Хулиан основательно просветил его относительно природы чувства собственной важности и движения точки сборки. По словам нагваля Хулиана, чувство собственной важности – это чудовище о трех тысячах голов. Противостоять ему и победить его можно лишь в трех случаях. Во-первых, если отсечь все головы последовательно; во-вторых, – достичь того загадочного состояния, которое называется *местом без жалости*, постепенно разрушающего чувство собственной важности; и в-третьих – если за мгновенное истребление трехтысячеголового чудовища заплатить своей собственной символической смертью.

Нагваль Хулиан советовал избрать третий путь. При этом он сказал дону Хуану, что тот может считать себя счастливым, если ему будет предоставлена возможность выбора, потому что обычно только *дух* определяет путь, по которому должен следовать маг, и долг мага – следовать ему.

Дон Хуан сказал, что учил меня так же, как в свое время его учил бенефактор – отсекал все три тысячи голов чувства собственной важности одну за другой, однако результаты оказались весьма различными. Тогда как я поддавался учению очень хорошо – он не поддавался ему вообще.

– Со мной был особый случай, – продолжал он. – С той самой минуты, как мой бенефактор *увидел* меня, лежащего на дороге с пробитой пулей грудью, он знал, что я – новый Нагваль. Он и вел себя соответственно, сдвинув мою точку сборки после того как здоровье мое немного улучшилось. Вот почему я так легко мог *видеть* поле энергии в виде чудовищного человека. Однако этот прием вместо предполагаемой помощи стал помехой дальнейшему движению моей точки сборки. И в то время, когда точки сборки других учеников постепенно сжигались, моя оставалась неподвижной на уровне способности видеть монстра.

– Но почему твой бенефактор не объяснил тебе причину происходящего? – спросил я, озадаченный этими излишними сложностями.

– Мой бенефактор не верил в то, что можно получить знание даром, – сказал дон Хуан. – По его мнению, знание, сообщаемое таким образом, является не столь эффективным. Им невозможно воспользоваться в случае необходимости. С другой стороны, для

знания, полученного на практике, всегда найдется способ словесного выражения.

Дон Хуан сказал, что его метод обучения отличается от метода обучения его бенефактора тем, что сам он верит в необходимость свободы выбора, чего тот совершенно не допускал.

– Не пытался ли нагваль Элиас, учитель твоего бенефактора, рассказывать тебе о том, что происходило на самом деле? – настаивал я.

– Он попытался, – вздохнув, сказал дон Хуан, – но я был тогда просто невыносим. Я считал, что знаю все. Поэтому то, что говорили мне они оба, я попросту пропускал мимо ушей.

В поисках выхода из создавшегося положения нагваль Хулиан решил вынудить дон Хуана сместить свою точку сборки, но уже таким образом, чтобы тот сделал это самостоятельно.

Я прервал его, спросив, когда это произошло: до или после случая на реке. Рассказы дон Хуана, к сожалению, не следовали так нравившемуся мне хронологическому порядку.

– Это случилось через несколько месяцев, – ответил он. – Но не думаешь ли ты, что из-за того, что у меня тогда произошло расщепление восприятия, я действительно изменился, стал мудрее или уравновешеннее? Ничего подобного.

Можешь судить по себе. Я не только раз за разом прерывал твою непрерывность, но и раздробил ее на мелкие кусочки. Но посмотри на себя: ты все еще действуешь так, как если бы был невредим. И это – высшее достижение магии, *намерения*.

То же самое было и со мной. Полученный опыт лишь на какое-то время мог всколыхнуть меня, но затем я все забывал, и разорванные концы соединялись вновь так, словно ничего не произошло. Вот потому-то мой бенефактор и был уверен в том, что по-настоящему измениться мы можем лишь в том случае, если умрем.

Возвращаясь к своей истории, дон Хуан сказал, что Нагваль решил при помощи Тулио, самого нелюдимого обитателя поместья, нанести еще один сокрушительный удар по его психологической непрерывности.

По его словам, все ученики, в том числе и он сам, никогда не находились в полном согласии по поводу чего бы то ни было. В одном лишь их мнения совпадали: маленький, щуплый Тулио презирал их общество. Они ненавидели Тулио, так как он или

избегал их, или относился к ним с таким пренебрежением, словно все они были кучей грязи. Они уверяли себя, что Тулио не разговаривает с ними потому, что ему нечего сказать, и что главной чертой его характера за этой высокомерной отчужденностью является неуверенность в себе.

Несмотря на такую репутацию среди учеников, Тулио имел большое влияние на обитателей поместья. Особенно – на нагвалья Хулиана, который души в нем не чаял.

Однажды утром нагвалья. Хулиан отослал всех учеников на целый день с каким-то поручением в город. Единственным, кто остался в доме кроме старых обитателей поместья, был дон Хуан.

Около полудня нагваль Хулиан приступил к изучению своих бухгалтерских книг, чем он занимался ежедневно. В процессе работы он время от времени обращался к дону Хуану за помощью в своих подсчетах.

Дон Хуан начал просматривать счета и вскоре обнаружил, что для дальнейшей работы необходимо получить какую-то информацию от бывшего в курсе всех дел поместья Тулио, который забыл сделать какую-то запись. Нагваль Хулиан ужасно рассердился, узнав об оплошности Тулио, чему дон Хуан втайне обрадовался. Нагваль нетерпеливо приказал дону Хуану найти Тулио, который присматривал за работниками в поле, и немедленно привести его. Дон Хуан, предвкушая, как он досадит Тулио, пробежал по полю около полумили в сопровождении одного из батраков, который, как обычно, охранял его от монстра. Он нашел Тулио, наблюдавшего за работниками по своему обычаю с некоторого расстояния. Дон Хуан заметил, что Тулио с явным отвращением избегает людей и предпочитает наблюдать за ними издалека.

Грубым и подчеркнуто повелительным тоном дон Хуан потребовал, чтобы Тулио отправился с ним в дом, поскольку он нужен Нагвалю. Еле слышным голосом Тулио ответил, что сейчас он очень занят, но через час освободится и сможет прийти.

Однако дон Хуан настаивал, зная, что Тулио не собирается с ним спорить и просто забудет о нем, как только отвернется. Поэтому он был обескуражен, когда Тулио вдруг стал выкрикивать непристойности в его адрес. Это было настолько непохоже на Тулио, что батраки даже перестали работать, в недоумении поглядывая друг на друга. Дон Хуан был уверен, что они никогда не слышали, чтобы Тулио повышал голос, и тем более не слышали

его грубой брани. Он сам был настолько удивлен, что стал нервно посмеиваться. Это буквально разъярило Тулио, который даже швырнул в донна Хуана камнем. Тот увернулся.

Дон Хуан со своим телохранителем немедленно бросились домой. У входной двери они налетели на Тулио, тихо беседовавшего и смеявшегося над чем-то с несколькими женщинами. Тот отвернулся, сделав вид, что как обычно не замечает донна Хуана. Дон Хуан стал гневно отчитывать его за то, что тот уклоняется от немедленного выполнения приказа Нагваля. Тулио и женщины смотрели на донна Хуана как на идиота.

Однако с Тулио в этот день явно творилось что-то неладное. Вдруг он заорал, чтобы дон Хуан закрыл свой проклятый рот, занимался своей собственной проклятой работой и вообще убирался ко всем чертям. Он во всеуслышание обвинил донна Хуана в попытке выставить его в неприглядном свете перед нагвалем Хулианом. Женщины разинули рты от изумления, с неодобрением поглядывая на донна Хуана. Они стали успокаивать Тулио, а дон Хуан приказал ему идти в кабинет Нагваля разбираться в счетах. Тулио послал его к черту.

Донна Хуана трясло от гнева. Простая задача спросить Тулио о счетах обратилась в кошмар. Он пытался успокоиться. Женщины пристально рассматривали его, что опять привело его в ярость. Ничего не говоря, он поспешил в кабинет Нагваля, Тулио вновь заговорил с женщинами, продолжая тихо посмеиваться, как бы радуясь удачному розыгрышу.

Дон Хуан был страшно удивлен, когда, войдя в кабинет, застал там Тулио, сидевшего за столом Нагваля и поглощенного счетами. Дону Хуану невероятным усилием воли удалось сдержать свой гнев. Он улыбнулся Тулио. У него больше не было к нему претензий. Вдруг он понял, что нагваль Хулиан использовал Тулио, чтобы испытать его и проверить, не выйдет ли он из себя. Однако в этом удовольствии он ему откажет.

Не отрываясь от своих подсчетов, Тулио сказал, что если дон Хуан ищет Нагваля, он может найти его в другом конце дома.

Дон Хуан побежал туда, и действительно обнаружил Нагваля, медленно прогуливавшегося с Тулио по внутреннему дворику. Казалось, Нагваль был совершенно поглощен беседой с Тулио. Тулио мягко подтолкнул Нагваля и тихим голосом сообщил ему, что пришел помощник.

Нагваль бесстрастно объяснил дону Хуану все о счетах, над которыми они работали. Объяснение было длинным и обстоятельным. Затем он сказал, что дону Хуану остается лишь принести бухгалтерскую книгу, чтобы они могли сделать запись и Тулио расписался бы в ней.

Дон Хуан не понимал, что происходит. Обстоятельное объяснение и бесстрастный тон нагваля Хулиана говорили о будничности происходящего. Тулио нетерпеливо приказал дону Хуану поскорее принести книгу, так как он торопится. Его ждут в другом месте.

С этого момента дон Хуан начал чувствовать, что из него делают клоуна. Он знал, что Нагваль явно что-то задумал: его глаза странно блестели – это всегда было для дона Хуана признаком его очередной дьявольской шутки. Кроме того, Тулио за этот день произнес больше слов, чем за предыдущие два года пребывания дона Хуана в этом доме.

Не говоря ни слова, дон Хуан вернулся в кабинет. Как он и ожидал, Тулио уже был там. В ожидании дона Хуана он сидел на краю скамьи и нетерпеливо притоптывал массивным каблуком ботинка. Вручив дону Хуану книгу счетов, за которой тот пришел, Тулио приказал ему убираться.

Несмотря на то, что дон Хуан уже был готов к такому приему, он удивился. Он уставился на этого человека, который вдруг рассердился и стал ругаться. Дон Хуан с трудом подавил приступ гнева, продолжая внушать себе, что это всего лишь испытание его характера. Перед ним живо предстала картина изгнания из дома как провалившегося испытание.

Совершенно сбитый с толку, дон Хуан однако не утратил способности изумляться скорости, с которой Тулио успевал везде оказаться на прыжок раньше него.

Дон Хуан предвидел, конечно, что Тулио окажется рядом с Нагвалем, когда он принесет книгу счетов. И все же, увидев, что Тулио снова опередил его, он, хотя и не удивился, но отнесся к его появлению недоверчиво. Ведь только что он промчался сквозь дом кратчайшим путем, и Тулио никак не мог бежать быстрее. К тому же в этом случае Тулио пришлось бы бежать рядом с доном Хуаном.

Нагваль Хулиан принял бухгалтерскую книгу из рук дона Хуана с безразличным видом. Он что-то в ней записал, а Тулио расписался. Затем они снова заговорили о счетах, не обращая на дона Хуана

никакого внимания, а тот стал пристально рассматривать Тулио. Дон Хуан пытался понять, что же за испытание они для него придумали. Наверное, думал он, проверяется его способность к выдержке. В конце концов, в этом доме она всегда была предметом недовольства.

Нагваль отпустил дона Хуана, сказав, что хочет обсудить дела наедине с Тулио. Дон Хуан тут же бросился искать женщин, желая узнать их мнение по поводу этих странных событий. Однако сделав несколько шагов, он наткнулся на двух из них в сопровождении Тулио. Все трое оживленно беседовали. Дон Хуан заметил их раньше, чем они его, и бросился назад к Нагвалю.

Тулио был на прежнем месте и разговаривал с Нагвалем. Невероятная мысль закралась в голову дона Хуана. Он бросился в кабинет – Тулио был там, погруженный в свои счета, и даже не поднял голову при появлении дона Хуана. Тот спросил, что все это значит. Тулио на этот раз был таким как обычно и не удостоил дона Хуана ни ответом, ни даже взглядом.

И тут его пронзила еще одна невероятная мысль. Он побежал в конюшню, оседлал двух лошадей и попросил человека, бывшего этим утром его телохранителем, сопровождать его снова. Они прискакали туда, где не так давно видели Тулио, и застали его на прежнем месте. Он не стал говорить с доном Хуаном, только пожал плечами и отвернулся, когда тот обратился к нему с вопросом.

Тогда дон Хуан и его телохранитель поскакали назад, в поместье. Дон Хуан быстро спешился и, оставив лошадей под присмотром этого человека, ворвался в дом. Тулио завтракал в обществе женщин. Он также беседовал с Нагвалем и работал над своими книгами.

У дона Хуана подкосились ноги. Его прошиб холодный пот страха. Он знал, что Нагваль испытывает его при помощи одной из своих ужасных шуток. Обдумав свое положение, он решил, что действовать можно в трех направлениях. Во-первых, сделать вид, что не происходит ничего из ряда вон выходящего, во-вторых, попытаться самому понять смысл испытания: и третьим вариантом, – поскольку Нагваль всегда внушал ему, что он может объяснить все, что дон Хуан захочет спросить, – было обратиться к нему самому за разъяснениями.

Дон Хуан решил спросить. Он пошел к Нагвалю и попросил его

объяснить, что с ним происходит. На этот раз Нагваль был один и все еще работал над своими счетами. Он отложил их в сторону и улыбнулся дону Хуану. По его словам, неделание, которому он обучал дона Хуана, могло бы стать средством для отсечения трех тысяч голов чувства собственной важности, но в отношении дона Хуана такие средства оказались совершенно неэффективными. Поэтому он применил второй метод разрушения чувства собственной важности, предполагавший введение дона Хуана в такое состояние, которое называется *местом без жалости*. Дон Хуан был убежден, что нагваль Хулиан совсем рехнулся. Слушая его рассказ о неделании или о чудище с тремя тысячами голов и *местах без жалости*, дон Хуан почти проникся жалостью к нему самому.

Нагваль Хулиан очень спокойно попросил дона Хуана сходить в сарай, находившийся под навесом во дворе, и привести Тулио. Дон Хуан вздохнул, едва удержавшись, чтобы не рассмеяться. Действия Нагваля были слишком очевидны. Дон Хуан знал, что Нагваль хочет с помощью Тулио продолжить испытание. Тут дон Хуан прервал свой рассказ и спросил меня, что я думаю о поведении Тулио. Я ответил, что, исходя из своих знаний о мире Нагваля, я считаю Тулио магом, который, весьма искусно сдвигая свою точку сборки, создавал у дона Хуана впечатление о своем пребывании сразу в четырех местах одновременно.

– Ну и как ты думаешь, что я обнаружил в сарае? – спросил дон Хуан, широко улыбаясь.

– Очевидно, там был Тулио или не было никого, – ответил я.

– Но если бы случилось одно из двух, то моя непрерывность не пострадала бы, – сказал дон Хуан.

Я попытался представить самое невероятное и сказал, что возможно, в сарае было тело *сновидения* Тулио, напомнив при этом дону Хуану, что он и сам делал нечто подобное со мной при помощи одного из членов его партии магов. Дон Хуан решительно отверг мое предположение.

– То, что я обнаружил, было шуткой, не укладывающейся в рамки реальности, и все же это не было чем-то странным, противоречащим законам мира, в котором мы живем. Как по-твоему, что это было?

Я сказал, что терпеть не могу, когда он говорит загадками.

Принимая во внимание все те странные вещи, которые он когда-то

продельывал со мной, я мог бы ожидать еще больших странностей, но, поскольку это было не по правилам, я отказался гадать.

– Когда я вошел в сарай, я полагал, что Тулио прячется где-то поблизости, – сказал дон Хуан. – Я был уверен, что следующим этапом испытания станет бешеная игра в прятки. Тулио собирался свести меня с ума, скрываясь в этом сарае.

Но ничего похожего на то, к чему я мысленно приготовился, не произошло. Я вошел в сарай и увидел там сразу четверых Тулио.

– Что значит «четверых Тулио?» – спросил я.

– В сарае было четверо мужчин, и все они были Тулио. Можешь представить себе мое изумление. Все они сидели в одинаковых позах со скрещенными шагами, плотно прижавшись друг к другу. Они ожидали меня. Я взглянул на них и с диким воплем выскочил из сарая.

Мой бенефактор повалил меня на землю у самой двери. И тогда, уже по-настоящему испуганный, я увидел, как четверо Тулио вышли из сарая и направились ко мне. Я вопил и вопил, пока все четверо щипали меня своими твердыми пальцами, словно стая огромных птиц. Я вопил до тех пор, пока не почувствовал, как что-то во мне поддалось, и я вошел в состояние предельного безразличия.

Никогда раньше в своей жизни я не ощущал ничего более необычного. Сбросив с себя всех Тулио, я встал. Они продолжали щекотать меня. Не обращая на них внимания, я повернулся прямо к Нагвалю и попросил его объяснить мне, кто были эти четверо мужчин.

По словам нагваля Хулиана, они были образцовыми *сталкерами*. Нагваль Элиас, их учитель, придумал для них имена. В качестве упражнения в контролируемой глупости он взял испанские числительные уно, дос, трес, кватро (один, два, три, четыре), прибавил к каждому из них имя Тулио и получил следующие имена: Тулиуно, Тулиодо, Тулитре и Тулкуатро.

Нагваль Хулиан представил всех по очереди дону Хуану. Четверо мужчин стояли, выстроившись, в ряд. Дон Хуан посмотрел каждому из них в лицо, поздоровался кивком головы, и те тоже кивнули ему. Нагваль сказал, что все четверо являются до такой степени талантливыми *сталкерами*, – дон Хуан имел возможность убедиться в этом, – что просто не существует слов для похвал. Они были такими великолепными *сталкерами*, что практически для

всех существовали как один человек. И хотя люди виделись и общались с ними ежедневно – никто, кроме членов партии Нагваля, не знал, что существуют четверо Тулио.

Дон Хуан с абсолютной ясностью понимал все, что говорил нагваль Хулиан об этих мужчинах. Такая необычайная ясность восприятия давала ему возможность понять, что он достиг *места без жалости*. И так же совершенно самостоятельно он понял, что *место без жалости* является положением точки сборки, где исчезает жалость к самому себе. Однако дон Хуан также знал, что его проницательность и мудрость были в высшей степени мимолетными. Его точка сборки неизбежно должна была вернуться в исходное положение.

Когда нагваль Хулиан спросил дона Хуана, нег ли у него каких-либо вопросов, тот понял, что ему скорее следует уделить гораздо больше внимания объяснениям Нагваля, чем выдвигать свои собственные предположения.

Дон Хуан хотел знать, каким образом все четверо Тулио создавали впечатление, что существовал только один человек. Он был страшно заинтересован, поскольку понял, что на самом деле они не являются точной копией друг друга. Правда, они носили одинаковую одежду, были примерно одного и того же возраста, телосложения и роста. На этом их сходство заканчивалось. И все же, даже при ближайшем рассмотрении он мог бы поклясться, что существует только один Тулио.

Нагваль Хулиан объяснил, что глаз человека привык фокусироваться на самых заметных деталях чего бы то ни было и что об этих деталях мы знаем заранее. Поэтому искусство *сталкеров* заключается в создании впечатления посредством выбранных ими деталей, которые, как они знают, обязательно привлекут внимание наблюдателя. Искусно усиливая определенные впечатления, *сталкеры* могут создать у наблюдателя абсолютную убежденность в том, что видят его глаза. Нагваль Хулиан рассказал о том, как развлекло и рассмешило женщин его отряда прибытие в поместье дона Хуана, переодетого женщиной. Но бывший с ними мужчина, оказавшийся Тулитре, тут же создал у дона Хуана впечатление относительно Тулио. Он слегка повернул голову, чтобы скрыть свое лицо, презрительно пожал плечами, желая показать, что все это ему надоело, и пошел прочь. По дороге он тихонько смеялся, но так, чтобы этого никто

не видел. Женщины постарались закрепить это первое впечатление соответствующим поведением, сделав вид, что их раздражает этот необщительный человек.

С этого момента каждый из четверых Тулио, оказываясь рядом с доном Хуаном, усиливал создавшееся впечатление и развивал его до тех пор, пока глаз дона Хуана не привык различать только то, что ему предлагалось.

Затем в разговор вступил Тулиуно. Он сказал, что им потребовалось около трех месяцев очень осторожных и последовательных действий с целью заставить дона Хуана не замечать ничего, кроме того, что он ожидал увидеть. Спустя три месяца слепота дона Хуана стала столь очевидной, что четверо Тулио перестали соблюдать осторожность. В доме они вели себя как обычно. Они даже перестали носить одинаковую одежду, и все же дон Хуан не замечал разницы.

Когда в доме появились новые ученики, четверым Тулио пришлось начинать все сначала. На этот раз задача была потруднее, поскольку учеников было много и все они были наблюдательными. Дон Хуан спросил у Тулиуно о внешности Тулио. В ответ Тулиуно сказал, что, как считает нагваль Элиас, внешность является сущностью контролируемой глупости, поэтому *сталкеры* создают ее своим *намерением*, а не с помощью каких-либо ухищрений. Ухищрения придают внешности неестественность, и глаз сразу замечает обман. Таким образом, внешность, вызванная *намерением*, – это просто упражнение для *сталкеров*.

Следующим заговорил Тулитре. Он сказал, что внешность спрашивается у *духа*. О внешности спрашивают, ее интенсивно призывают, ее никогда не создают рациональным путем. О внешности Тулио нужно было узнать у *духа*. И чтобы ускорить это, нагваль Элиас поместил всех четверых в крохотную уединенную комнатку-кладовку, где *дух* говорил с ними. *Дух* сказал, что прежде всего им необходимо *намереваться* достичь однородности.

Через четыре недели полной изоляции они обрели такую однородность. По словам нагваля Элиаса, *намерение* слило их воедино, и они приобрели уверенность в том, что индивидуальные особенности каждого останутся незамеченными. Теперь им оставалось испросить именно такую внешность, которую будут воспринимать посторонние наблюдатели. Им пришлось немало

потрудиться, чтобы усовершенствовать ее. Под руководством своего учителя они сконцентрировали внимание на каждой детали, которая помогла бы сделать ее еще совершеннее.

Четверо Тулио продемонстрировали дону Хуану все наиболее характерные черты Тулио – преувеличенные жесты презрения и надменности; резкий поворот головы вправо, изображавший гнев; поворот всем корпусом таким образом, чтобы левым плечом закрыть часть лица; резкий взмах рукой над глазами, будто бы для того, чтобы, откинуть волосы со лба, а также походка подвижного, но нетерпеливого человека, который слишком нервничает, чтобы решить, какой путь ему лучше выбрать.

По словам дона Хуана, все эти особенности поведения, а также десятки других, создали незабываемый характер Тулио.

Фактически он был настолько незабываем, что для того, чтобы воскресить его в памяти дона Хуана и других учеников, любому из Тулио достаточно было всего лишь намекнуть на какую-либо деталь, и дон Хуан с другими учениками тут же дорисовывали остальное сами.

Дон Хуан сказал, что в результате столь последовательного поведения Тулио стал для него и других учеников в высшей степени отвратительным человеком. Однако если бы они поглубже заглянули в себя, то поняли бы, что Тулио сам навязал им такое представление о себе. На самом деле он был легким, загадочным и производил, сознательно или бессознательно, впечатление, что он подобен тени.

Дон Хуан спросил у Тулиуно, как они призывали *намерение*.

Тулиуно объяснил, что *сталкеры* призывают *намерение* громким голосом. Обычно это происходило в маленькой, темной, уединенной комнатке. На черный стол ставилась свеча так, чтобы пламя находилось буквально в нескольких дюймах от глаз, затем медленно произносилось слово «намерение», ясно и вдумчиво.

Оно произносилось столько раз, сколько, как чувствовал каждый, это было необходимо. Интенсивность звука поднималась и падала без какой-либо мысли на этот счет.

Тулиуно подчеркнул, что неотъемлемой частью вызова *намерения* была полная концентрация на том, чего *намеревались*. В данном случае, например, они концентрировались на своей однородности и на внешности Тулио. Однако после того, как *намерение* слило их воедино, им потребовалось еще около двух лет, чтобы убедиться в

том, что их однородность и внешность Тулио кажется правдоподобной для глаз наблюдателей.

Я спросил дона Хуана, что он думает об их методе вызова *намерения*. Он сказал, что его бенефактор, как и нагваль Элиас, были в большей степени приверженцами ритуальных действий чем он сам, поэтому им нравилось использовать для этой цели свечи, темные комнаты и черные столы.

Я как бы невзначай заметил, что испытываю непреодолимую тягу к ритуальным обрядам. Ритуал казался мне главным действием, способствовавшим концентрации внимания. Дон Хуан воспринял мои слова очень серьезно. Он сказал, что *видел* мое тело как энергетическое поле, в котором имелось яркое пятно, находившееся справа в нижней части светящегося кокона.

Насколько ему известно, такой особенностью обладали все маги древности и жадно искали ее у других. Наличие яркой светимости, как они полагали, свидетельствует об энергетичности и склонности к истощению. Темным магам тех времен доставляло удовольствие овладевать этой чертой и связывать ее с темной стороной человеческого существа.

— Но тогда выходит, что злая сторона у человека все-таки есть, — сказал я торжествуя, — а ты всегда отрицал это. Ты всегда говорил, что зла не существует, что существует лишь сила.

Я был сам удивлен своей вспышкой. Мгновенно дало знать о себе мое католическое воспитание: в моем воображении возник Властелин Тьмы, более величественный, чем сама жизнь.

Дон Хуан смеялся до тех пор, пока не закашлялся.

— У нас действительно есть темная сторона, — сказал он наконец, — Мы убиваем не задумываясь, так ведь? Мы сжигаем людей во имя Бога. Мы истребляем самих себя, мы уничтожаем жизнь на этой планете, мы губим Землю. Затем мы переодеваемся в рясы и Бог разговаривает с каждым из нас. Что же он говорит нам? Он говорит: будьте хорошими мальчиками, а не то я накажу вас. Бог угрожает нам уже много столетий подряд. Однако это ничего не меняет. И не потому, что мы злы, а потому, что мы тупы. Да, у человека есть темная сторона, и ее называют глупостью.

Я не проронил ни слова, но внутренне я аплодировал дону Хуану, с восхищением отметив его искусство спорить. Уже в который раз он достойно парировал мои возражения.

Немного помолчав, дон Хуан объяснил, что по той же причине, по

которой ритуальное действие заставляет обычных людей возводить огромные церкви, являющиеся памятниками чувству собственной важности, – ритуал так же заставляет магов строить здания истощения и одержимости. Вот почему обязанностью каждого нагваля является управление осознанием таким образом, чтобы оно устремилось непосредственно к *абстрактному*, свободе от долгов и обязанностей.

– Что ты имеешь в виду, дон Хуан, под «долгами и обязанностями»?

– С помощью ритуала овладеть нашим вниманием намного легче, чем с помощью других методов, – сказал он, – Однако слишком дорого приходится платить за это. Этой высокой ценой является энергетическое истощение, а истощение может стать тягчайшими долгами и обязанностями нашего осознания.

Дон Хуан сказал, что сознание человека напоминает огромный заколдованный дом. Осознание повседневной жизни как бы пожизненно запечатано в одной из комнат этого дома. Мы входим в эту комнату через магические врага – рождение. Таким же образом мы выходим через другие магические врата – смерть. Однако маги смогли найти еще один выход и выбраться из этой запечатанной комнаты, оставшись в живых. Это явилось их величайшим достижением. Но вершиной их достижений было то, что, вырвавшись из этой запечатанной комнаты, они выбрали свободу. Они решили совсем покинуть этот огромный дом, вместо того, чтобы затеряться в его бесчисленных комнатах.

Истощение является антитезой приливу энергии, в котором осознание нуждается для обретения свободы. Истощение заставляет магов потерять путь, и тогда они начинают блуждать по запутанным и темным лабиринтам неизвестного.

Я спросил у дон Хуана, было ли истощение у четверки Тулио.

– Странность нельзя считать истощением, – ответил он, – Тулио были исполнителями, нанятыми самим *духом*.

– Какой смысл нагвалю Элиасу было обучать четверых Тулио именно так, а не иначе? – спросил я.

Дон Хуан уставился на меня, а затем громко рассмеялся. В этот момент над площадью зажглись вечерние огни. Он встал со своей любимой скамейки и погладил ее ладонью, словно она и впрямь была его любимым животным.

– Свобода, – сказал он. – Он хотел, чтобы они были свободны от

условностей восприятия. Поэтому он учил их быть артистами, мастерами своего дела. *Сталкинг* – это искусство. Поскольку маг не является ни покровителем искусства, ни его продавцом, – единственно важной вещью для него является сам процесс исполнения.

Мы стояли у скамьи, глядя на прогуливавшуюся по площади вечернюю публику. Рассказ дон Хуана о четверых Тулио погрузил меня в какое-то ощущение предчувствия. Дон Хуан посоветовал мне возвращаться домой. Длительная автомобильная поездка в Лос-Анжелес, по его словам, даст возможность моей точке сборки окрепнуть после всех сдвигов, которым она подверглась за последние несколько дней.

– Общество Нагваля очень утомительно, – продолжал он. – Это вызывает странную усталость, оно даже может быть опасным. Я начал уверять его, что совершенно не чувствую усталости и что общение с ним уж никак не может повредить мне. Фактически, его общество действовало на меня как наркотик – я не мог жить без него. Эти слова могли показаться лестью, но на самом деле я действительно имел в виду то, что сказал.

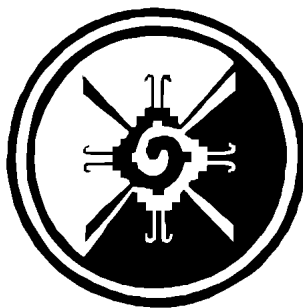
Мы три или четыре раза прошли по площади в абсолютном молчании.

- Езжай домой и подумай об *основных ядрах* магических историй, – сказал дон Хуан с ноткой завершенности в голосе. – Или, скорее, не стоит думать о них, но постарайся сдвинуть свою точку сборки в сторону безмолвного знания. Перемещение точки сборки – это все, но оно ничего не значит, если не является трезвым и контролируемым действием. Итак, закрой дверь саморефлексии. Будь безупречен, и у тебя будет достаточно энергии, чтобы достичь места безмолвного знания.

Книга девятая

Искусство сновидения

- [ОТ АВТОРА](#)
- [• 1 • МАГИ ДРЕВНОСТИ \(вместо введения\)](#)
- [• 2 • ПЕРВЫЕ ВРАТА СНОВИДЕНИЯ](#)
- [• 3 • ВТОРЫЕ ВРАТА СНОВИДЕНИЯ](#)
- [• 4 • ФИКСАЦИЯ ТОЧКИ СБОРКИ](#)
- [• 5 • МИР НЕОРГАНИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ](#)
- [• 6 • МИР ТЕНЕЙ](#)
- [• 7 • ГОЛУБОЙ ЛАЗУТЧИК](#)
- [• 8 • ТРЕТЬИ ВРАТА СНОВИДЕНИЯ](#)
- [• 9 • НОВАЯ ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ](#)
- [• 10 • СТАЛКИНГ СТАЛКЕРОВ](#)
- [• 11 • АРЕНДАТОР](#)
- [• 12 • ЖЕНЩИНА В ЦЕРКВИ](#)
- [• 13 • ПОЛЕТ НА КРЫЛЬЯХ НАМЕРЕНИЯ](#)

Шесть лет Карлос Кастанеда молчал. И вот он возвращается. Его новая книга – книга-прорыв, книга-откровение. В ней – полное учение дона Хуана о методе открытия мира *духи* при помощи силы снов, превращенных в осознанно контролируемые и управляемые *сновидения*.

Благодаря настойчивой учебе и практике мы можем научиться изменять состояние своего сознания и посещать удивительные миры, сосуществующие с нашим миром. Антрополог Карлос Кастанеда – один из величайших путешественников и исследователей этих вселенных *духа*. Миллионы читателей совершили удивительные странствия души, к которым он пригласил их своими книгами об учении великого мага дона Хуана. Теперь, после шести лет учебы и медитации, Кастанеда написал наиболее выдающуюся из своих книг – «Искусство сновидения». В ней в полной мере описано, как тот, кто вовлечен в духовный поиск, может пользоваться «четвертыми вратами сновидения» как входом в другие миры и выходом из них. Читая книгу «Искусство сновидения», вы, как в свое время – Кастанеда, узнаете, почему поиск путей в иные реальности, проходящие сквозь контроль осознанных снов, является основой искусства великих магов; каким образом замечательным, а иногда и опасным древним существам удастся жить среди нас сейчас, как метод практики, которому учил Карлоса дон Хуан, позволяет двум и более ученикам исследовать одно и то же *сновидение* и совместно в нем действовать. Приключения, в которые будет вовлечена ваша психика, – это нечто, чего вы не испытывали никогда. Последние открытия Кастанеды так же информативны и жутковато волнующи, как и все, о чем он писал раньше. Однако больше всего вас захватит сама история жизни этого замечательного человека и его путешествие в *духе*, путешествие, которое могло быть совершено только благодаря учению дона Хуана, описанному Карлосом Кастанедой в его книгах.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

ОТ АВТОРА

В течение последних двадцати лет я написал серию книг о своем обучении у дона Хуана Матуса – мага из мексиканского племени индейцев яки. В своих книгах я рассказывал о том, как он обучал меня магии, но магии не в обычном понимании, – то есть не в смысле владения сверхъестественными силами либо использования колдовских манипуляций, ритуалов и заклинаний для получения волшебных эффектов. С точки зрения дона Хуана, магия – это способ реализации некоторых теоретических и практических предпосылок, касающихся природы восприятия и его роли в формировании окружающей нас вселенной. Следуя пожеланиям дона Хуана, я воздержался от употребления слова «шаманизм» в качестве названия того рода знания, которому он учил меня, поскольку шаманизм – категория скорее антропологическая. Во всех своих книгах я употреблял то слово, которым пользовался сам дон Хуан – «магия». Однако, несколько разобравшись в том, чему же меня учили, я пришел к заключению, что название «магия» вносит дополнительную неясность в этот и без того не слишком ясный феномен.

Работы по антропологии описывают шаманизм как систему верований, присущую некоторым туземным народам северной Азии, а также некоторым индейским племенам Северной Америки. Согласно шаманистским трактовкам, наш мир пронизан невидимым миром духовных сил предков. Силы эти бывают как добрыми, так и злыми. Тот, кто владеет шаманскими практиками, способен вызывать их и ими управлять, являясь промежуточным звеном между нашей обычной реальностью и сферой сверхъестественных сил.

Дон Хуан действительно был связующим звеном между реальностью мира повседневности и невидимым миром, который он называл не сферой сверхъестественного, а сферой *второго внимания*. Его задача как учителя заключалась в том, чтобы сделать ее доступной моему восприятию. В предыдущей своей работе я описал методы обучения, которыми он для этого

пользовался, а также те приемы магического искусства, которые он заставлял меня практиковать. Самым важным из них было особое искусство видеть сны – искусство контролируемого *сновидения*.

Дон Хуан утверждал, что мир, который мы считаем единственным и неизбежно абсолютным, является лишь одним из множества параллельно существующих миров, организованных наподобие того, как располагаются слои в луковице. Он уверял, что все эти сферы иного бытия так же реальны, уникальны и абсолютны, как и наш мир. И мы обладаем способностью в определенной степени внедряться в них, хотя энергетически ограничены возможностью воспринимать только наш мир.

Дон Хуан объяснил мне, что одного желания недостаточно для того, чтобы научиться воспринимать другие миры, – необходимо накопить энергию, достаточную для того, чтобы их «ухватить».

Другие миры существуют постоянно и независимо от нашего осознания, но их недоступность нашему восприятию является целиком и полностью следствием нашей энергетической обусловленности. Другими словами, исключительно благодаря этой обусловленности мы вынуждены согласиться с тем, что мир нашей повседневности есть единственно возможный мир.

Дон Хуан считал, что наша энергетическая обусловленность вполне поправима. Он утверждал, что в древние времена маги разработали систему практических методов, призванных изменить энергетическую обусловленность способностей нашего восприятия. Этот набор практических методов получил название *искусства сновидения*.

Теперь, по прошествии времени оглядываясь назад, я понимаю, что точнее всего дон Хуан охарактеризовал *искусство сновидения*, назвав его «вратами в бесконечность». Тогда же я заявил, что эта метафора ни о чем мне не говорит.

– Хорошо, не будем пользоваться метафорами, – уступил он. – Скажем так, *искусство сновидения* есть практический путь, посредством которого маги используют обычные сны.

– Как могут быть использованы обычные сны? – поинтересовался я.

– Слова, – сказал он. – Вечно они вводят нас в заблуждение. Когда мой учитель пытался объяснить мне, что такое *искусство сновидения*, он назвал его магическим способом желать миру

спокойной ночи. Конечно, он просто старался подогнать свое описание под характер моей ментальности. То же самое делаю я в твоём случае.

По какому-то другому поводу дон Хуан сказал мне:

– *Сновидение* должно быть испытано, иначе просто невозможно понять – что же это такое. Простое наблюдение снов не есть *сновидение*. Полет мысли, представление желаемого и любое действие по созданию картин в воображении – тоже не то. *Сновидение* раскрывает перед нами возможность восприятия других миров. Мы можем описывать эти миры, но не способны описать то, что позволяет нам их воспринимать. И в то же время нам дано ощутить, каким образом *сновидение* открывает перед нами вход в иные сферы бытия. Я бы сказал, что *сновидение* – это ощущение, процесс, протекающий в теле, и осознание, возникающее в уме.

В ходе общего обучения дон Хуан подробнейшим образом объяснял мне принципы, теоретическое обоснование и практические приемы *искусства сновидения*. Инструкции его разделялись на две части. Первая из них касалась собственно методик практики *сновидения*, вторую составляли абстрактные объяснения этих методик. Метод обучения, которым пользовался дон Хуан, был своего рода игрой, построенной на взаимодействии моего чисто интеллектуального любопытства и моего желания удовлетворить это любопытство практически. Вначале дон Хуан заинтересовал меня изложением абстрактных принципов *сновидения*, а потом вводил в курс практической стороны, давая мне тем самым возможность удовлетворить свой интерес самым непосредственным образом.

Я уже описывал все это – настолько подробно, насколько мог. Описывал я также и ту особую магическую среду, в которую дон Хуан вводил меня, чтобы обучать своему искусству. Мое функционирование в этой среде представляло для меня особый интерес, поскольку оно полностью принадлежало к сфере *второго внимания*. Именно во *втором внимании* я взаимодействовал с десятью женщинами и пятью мужчинами – членами отряда дона Хуана, а также с его учениками, среди которых было четверо молодых людей и четыре молодые женщины.

Дон Хуан набрал учеников сразу же после того, как я вошел в его мир. Мне он со всей определенностью дал понять, что они

образуют традиционную магическую группу, воспроизводящую структуру его собственной партии магов, и что мне предстоит их возглавить. Однако в ходе работы со мной он понял, что я не совсем таков, каким он меня представлял изначально. Отличие он объяснил в терминах энергетической конфигурации, которую могут видеть только маги. Моя энергетическая сфера имела не четыре сектора, как сфера самого дона Хуана, а только три. Он ошибался, полагая, что сможет исправить этот дефект. Из-за такой энергетической конфигурации я совершенно не годился на роль лидера восьми набранных доном Хуаном учеников. Причем не годился настолько, что, не видя иного выхода, дон Хуан вынужден был набрать новую группу людей, в большей степени соответствовавших моей энергетической структуре.

Обо всех происходивших тогда событиях я уже писал, и достаточно подробно. Но я ни разу не упомянул о второй группе учеников. Дон Хуан строжайше запрещал мне делать это. Он утверждал, что они находятся всецело в моем поле. А согласно договору, заключенному между нами еще в самом начале, мне разрешалось писать только о том, что относилось к полю дона Хуана.

Вторая группа учеников, вернее учениц, бывшая исключительно компактной, состояла всего из трех членов: *видящей* Флоринды Грау, *сталкера* Тайши Абеляр и женщины-нагваля Кэрол Тиггс. Мы взаимодействовали друг с другом исключительно во *втором внимании*. В мире повседневной жизни мы не имели друг о друге даже смутного представления. Что же касается отношений каждого из нас с доном Хуаном, то здесь все было совершенно ясно: он вкладывал одинаково огромные силы в обучение и тренировку каждого из нас. Тем не менее, ближе к концу, когда время дона Хуана было почти исчерпано, психологическое давление, вызванное его предстоящим уходом, начало разрушать бывшие до тех пор незыблемыми границы сферы *второго внимания*. В результате наше взаимодействие стало выплескиваться в мир повседневности. И мы впервые, как нам казалось, – встретились.

В состоянии обычного осознания ни один из нас не знал о нашем глубоком и напряженном взаимодействии в сфере *второго внимания*. Поскольку все мы в той или иной степени были людьми рационального склада ума, мы были более чем в шоке, выяснив,

что уже встречались прежде. В интеллектуальном плане этот факт был и, конечно же, остается, непостижимым для нас, хотя мы знали с полной определенностью, что все это ни в коей мере не выходит за пределы нашего практического опыта. Таким образом, мы были оставлены здесь наедине с тревожным знанием о том, что наша психика суть вещь неизмеримо более сложная, чем твердит нам наш повседневный рассудок или результаты академических научных исследований.

Однажды, когда дон Хуан еще был с нами, мы все одновременно попросили его внести ясность и объяснить нам, что с нами происходит. Он сказал, что возможны два варианта объяснения. Первый позволяет несколько поддержать нашу пошатнувшуюся рассудочность. Согласно этому варианту *второе внимание* – это состояние осознания, так же однозначно относящееся к области иллюзий, как и парящие в небесах слоны. Поэтому все, что мы, как нам казалось, испытывали в этом состоянии, было не более чем результатом гипнотической суггестии. Второй вариант – то, как это понимается магами, – строится на рассмотрении энергетической конфигурации осознания.

Однако в ходе выполнения данных мне заданий по практике *искусства сновидения*, барьер *второго внимания* оставался для меня неизменным. Каждый раз, входя в состояние *сновидения*, я вступал и в сферу *второго внимания*. Но когда я просыпался, – это вовсе не обязательно означало, что я из нее вышел. Поэтому в течение многих лет мне удавалось вспомнить лишь крупницы опыта, обретенного мною в процессе *сновидения*. Основная же часть того, что я делал, была мне энергетически недоступна. На то, чтобы накопить количество энергии, достаточное для реорганизации содержимого моего ума и восстановление линейной последовательности событий, мне понадобилось пятнадцать лет – с 1973 по 1988 – непрерывной, напряженнейшей работы. В конце концов я вспомнил. Выстроенные в ряд события дополняли друг друга, и мне наконец удалось заполнить места в памяти, казавшиеся поначалу пробелами. Таким образом я восстановил внутренний порядок и полную последовательность уроков дон Хуана, касавшихся практики *искусства сновидения*. Прежде такое восстановление всей полноты этой последовательности было для меня принципиально неосуществимо вследствие того, что дон Хуан постоянно заставлял состояние моего осознания колебаться

между сферами повседневности и *второго внимания*.

Данная книга является результатом выполненной мною реорганизации осознания.

Теперь я подошел к заключительной части моей вводной статьи, а именно – к причинам, побудившим меня вновь взяться за перо и написать эту книгу. Обладая практически полной информацией, содержавшейся в учении дона Хуана об *искусстве сновидения*, мне бы хотелось в будущих своих работах коснуться нынешнего положения и интересов четырех его последних учеников – Флоринды Грау, Тайши Абеляр, Кэрол Тиггс и меня самого. Но прежде чем взяться за рассказ о результатах нашего обучения под руководством дона Хуана и того влияния, которое он на нас оказал, я считаю необходимым изложить в свете своих новых знаний те разделы учения дона Хуана об *искусстве сновидения*, доступа к которым я ранее не имел.

Решающий же аргумент в пользу написания данной работы был сформулирован женщиной-нагваль Кэрол Тиггс. Она считает, что рассказывая о мире, оставленном нам в наследство доном Хуаном, мы наилучшим образом выражаем свою благодарность ему и преданность как учеников.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

• 1 •

МАГИ ДРЕВНОСТИ (вместо введения)

Дон Хуан неоднократно повторял, что все, чему он меня учит, является плодом обработки определенными людьми того, что они видели и визуализировали. Людей этих он называл магами древности, ясно давая понять, что между ними и магами современности существуют принципиальные различия. К категории магов древности дон Хуан относил людей, живших на территории Мексики за тысячи лет до Конкисты – испанского завоевания. На основании своих величайших достижений они создали магические структуры, отличавшиеся практичностью и конкретностью применения. Дон Хуан говорил, что эти люди были блестящими практиками, но вот мудрости им не хватало. В противоположность древним, маги современности, по словам дона Хуана, отличаются трезвостью ума и способностью упрощать и совершенствовать магическую практику в тех случаях, когда это, по их мнению, необходимо.

Как объяснил мне дон Хуан, магические предпосылки, из которых развилось искусство *сновидения*, были разработаны древними магами на основе того, что они *увидели* естественным образом. Ключевое значение этих предпосылок с точки зрения объяснения и понимания *сновидения* заставляет меня рассмотреть их еще раз. Поэтому, в силу необходимости, основная часть данной книги посвящена пересмотру и углублению понимания информации, уже излагавшейся мною в предыдущих моих работах.

В одном из наших разговоров дон Хуан заявил, что для оценки реального положения *сновидящих* и *искусства сновидения*, необходимо отдавать себе отчет в том, почему современные маги прилагают максимум усилий для перевода магии от конкретности к *абстрактному*.

– Что ты подразумеваешь под конкретностью, дон Хуан? – спросил я.

– Практическую часть магии, – ответил он. – Навязчивую

фиксацию ума на практических методах и приемах, позволяющих влиять на других людей, что, впрочем, не всегда удается.

– А о чем ты говоришь, когда ведешь речь об «абстрактном»?

– О поиске свободы – не ограниченной привязанностями и наваждениями свободы восприятия во всем доступном человеческому существу диапазоне. Я говорю, что маги современности стремятся к *абстрактному* потому, что они стремятся к освобождению. Конкретные достижения их не интересуют. Ибо у них, в отличие от магов древности, нет никаких социальных функций. Ты никогда не встретишь современного мага в роли официального ясновидца или придворного чародея.

– То есть ты хочешь сказать, дон Хуан, что для современных магов прошлое не имеет никакого значения?

– Ну как же не имеет? Безусловно, имеет. У прошлого есть некий оттенок, который нам совсем не нравится. Лично для меня это – темнота и истощение разума. Мне нравится беспредельность мысли. Однако, независимо от того, что мне нравится, а что – нет, я должен отдать должное магам древности. Ибо они первыми обнаружили все то, что мы знаем и используем сегодня.

Дон Хуан объяснил, что важнейшим из достижений древних магов было обнаруженное ими умение воспринимать энергетическую сущность предметов, существ и явлений. Это глубинное прозрение имело столь существенное значение, что превратилось в основную предпосылку всего магического искусства. В наше время, подчиняя всю жизнь дисциплине и постоянно тренируясь, маги целенаправленно обретают способность воспринимать сущность вещей. Способность эту они называют *видением*.

– Какое значение для меня могла бы иметь возможность воспринимать энергетическую сущность вещей? – как-то спросил я дона Хуана.

– Это значит, что ты смог бы непосредственно воспринимать энергию, – ответил он. – Отбросив ту часть восприятия, которая связана с социальными интерпретациями, ты сможешь воспринимать внутреннюю сущность чего угодно. Все, что мы воспринимаем, есть энергия. Но, поскольку мы не способны воспринимать ее непосредственно, без интерпретаций, мы обрабатываем результаты восприятия, подгоняя их под определенный шаблон. Этот шаблон и есть социально значимая часть восприятия, которую надлежит выделить и изолировать.

– Почему я должен ее изолировать?

– Затем, что она целенаправленно уменьшает объем потенциально возможного восприятия, заставляя нас быть уверенными в том, что реально существующее ограничено шаблоном, под который мы подгоняем свое восприятие. Я убежден, что для выживания человечества людям необходимо срочно изменить саму социальную основу своего восприятия.

– А какова социальная основа восприятия, дон Хуан?

– Физическая определенность, уверенность в том, что мир состоит из отдельных конкретных объектов. Я называю это социальной основой потому, что каждый человек прилагает серьезнейшие усилия, яростно пытаясь удержать свое восприятие мира в общепринятом русле.

– А как же тогда следует воспринимать мир?

– Все есть энергия. Вся Вселенная – это энергия. Должна измениться социальная основа нашего восприятия, само качество физической определенности должно стать иным. Нам следует обрести уверенность – именно физическую уверенность – в том, что не существует ничего, кроме энергии. Необходимо совершить усилие, достаточно мощное для того, чтобы изменить русло восприятия, заставив нас воспринимать энергию как энергию. Тогда обе возможности выбора будут в кончиках наших пальцев.

– Но возможно ли воспитать людей таким образом? – спросил я.

Дон Хуан ответил, что это возможно. Именно этим он и занимается со мной и другими учениками. Он обучал нас новому способу восприятия, для чего, во-первых, заставлял нас осознать, что мы обрабатываем результаты нашего восприятия, подгоняя их под определенный шаблон, и, во-вторых, усердно подталкивая нас к непосредственному восприятию энергии. Он заверил меня, что этот метод в значительной степени подобен тому, который используется для обучения нас восприятию мира повседневности. Дон Хуан полагал, что западня социального шаблона, в которую поймано наше восприятие, теряет силу и прекращает работать, стоит только нам осознать природу принятого нами шаблона, унаследованного от предков без малейших попыток критически его исследовать.

– Неважно, положительным или отрицательным было значение восприятия Вселенной как мира конкретных твердых объектов, но нашим предкам этот режим восприятия был жизненно необходим,

– сказал он. – В течение множества веков мы воспринимали мир именно таким, и теперь в результате вынуждены верить, что именно таковым он и является, – миром, состоящим из обособленных конкретных предметов.

– Я не могу представить себе мир другим, дон Хуан, – пожаловался я. – Для меня он, вне всякого сомнения, – мир конкретных твердых объектов. Тем более, что доказать это ничего не стоит – достаточно один раз врезаться лбом в какой-нибудь их них.

– Ну разумеется, мир вполне предметен. Мы против этого и не возражаем.

– О чем же тогда ты говоришь?

– О том, что в первую очередь мир является миром энергии, и лишь потом – миром объектов. Однако, если мы не начнем с предпосылки, гласящей, что мир – это энергия, мы никогда не обречем способности непосредственного восприятия энергии. Нас неизменно будет останавливать отмеченная только что тобою физическая очевидность «твердости» составляющих мир объектов. Аргументы эти были для меня загадочными. В то время мой разум просто отказывался принимать к рассмотрению какие бы то ни было пути понимания мира, кроме традиционно привычного. Утверждения дона Хуана и установки, которые он пытался развить, выглядели в моих глазах неким подобием диковинных теорем, которые я не мог ни принять ни отвергнуть.

– Наш способ восприятия – это способ, свойственный хищнику, – однажды сказал мне дон Хуан. – Очень эффективный метод оценки и классификации добычи и степени опасности. Но это – не единственный доступный нам способ воспринимать. Существует другой тип восприятия, с которым я и пытаюсь тебя познакомить – восприятие сущности всего: непосредственное восприятие энергии. Восприятие сути всего заставит нас совершенно по-новому понять, классифицировать и описать мир. И это новое описание будет гораздо более захватывающим, чем привычное нам нынешнее, а его язык – несравнимо изощреннее и богаче.

Тот более изощренный и богатый язык, о котором шла речь, был языком магических истин, унаследованным доном Хуаном от его предшественников. Термины и понятия, присущие этому языку, не имеют под собой никакого рационального обоснования и никак не соотносятся с привычными фактами мира нашей повседневности,

но являются самодостаточными истинами, совершенно очевидными для магов, способных непосредственно воспринимать энергию и *видеть* внутреннюю суть всего.

Самым значительным магическим действием для этих магов является непосредственное восприятие сущности вселенной. Дон Хуан считал, что наилучшим образом ее описали те маги древности, которые первыми ее *увидели*. Они говорили, что сущность вселенной напоминает светящиеся нити, протянувшиеся во всех мыслимых и немыслимых направлениях из бесконечности в бесконечность – светящиеся волокна, обладающие собственным непостижимым для человеческого ума самосознанием.

После того, как древние видящие *увидели* сущность вселенной, они научились *видеть* энергетическую сущность человеческих существ. Дон Хуан говорил, что они описали человеческие существа как яркие образования, формой напоминавшие гигантские яйца. Эти образования называли светящимися коконами. – Когда маг *видит* человеческое существо, – продолжал дон Хуан, – он видит громадное светящееся образование, которое при перемещении оставляет глубокую борозду в энергетическом поле Земли. Оно как бы плывет, волоча за собой наподобие хвоста вспахивающий землю стержневидный корень.

Дон Хуан полагал, что наша энергетическая форма изменяется с течением времени. Он говорил, что любой *видящий*, в том числе и он сам, гораздо чаще *видит* людей не в форме яиц, а в форме шаров, а иногда – даже в форме чего-то прямоугольного, подобного надгробной плите. Но иногда, по неизвестным для магов причинам, им попадают люди, чью форму они *видят* как яйцо. Дон Хуан предполагал, что люди, обладающие в наше время яйцеобразной формой, больше соответствуют по своей структуре людям древности.

В ходе изложения своего учения дон Хуан неоднократно повторял и разъяснял то, что он считал решающей находкой, сделанной магами древности. Он называл это критической характеристикой человеческого существа как светящегося шара, и описывал в виде круглого пятна особо интенсивной светимости размером с теннисный мячик, постоянно располагающегося внутри светящегося шара вровень с его поверхностью на расстоянии двух футов позади правой лопаточной кости тела человека.

Поскольку поначалу у меня были проблемы с визуализацией всего

этого, дон Хуан объяснил, что светящийся шар гораздо больше человеческого тела, и что пятно интенсивной светимости является частью этого энергетического шара. Располагается это пятно на уровне лопаток на расстоянии вытянутой руки от спины человека. Дон Хуан сообщил мне, что, *увидев*, как работает это пятно, древние маги называли его «точкой сборки».

– И как же работает *точка сборки*? – поинтересовался я.

– Она обуславливает наше восприятие, – ответил дон Хуан. – Древние маги *видели*, что именно там, в этой точке, собирается восприятие человеческих существ. *Увидев*, что подобным пятном светимости повышенной интенсивности обладает любое живое существо, древние маги пришли к заключению, что вообще любое восприятие, каким бы оно ни было, формируется как раз в этом месте.

– Что именно из того, что *видели* маги древности, привело их к заключению, что восприятие имеет место в точке сборки? – спросил я.

Он ответил, что, во-первых, они *увидели*, что непосредственно через точку сборки проходят лишь очень немногие из миллионов светящихся нитей вселенной. Это и не удивительно, ведь размер точки сборки относительно мал по сравнению с целым.

Во-вторых, они *увидели*, что точка сборки всегда окружена дополнительным сиянием сферической формы, немного больше нее по величине. Этим сиянием значительно усиливается свечение нитей, непосредственно проходящих через него.

И, наконец, они *увидели* еще две вещи. Первое – точки сборки человеческих существ могут изменять свое положение. И второе – при нахождении точки сборки в привычном положении восприятие и осознание человека производили впечатление нормальных, судя по нормальному поведению субъектов, за которыми проводились наблюдения. При смещении же точки сборки и окружающего ее сияния с привычного места, поведение наблюдаемых субъектов становилось странно необычным, что казалось доказательством наличия изменений в их осознании, равно как и некоторой трансформации их способа восприятия. Вывод, который древние маги сделали на основании этих наблюдений, был следующим: чем больше сдвигается точка сборки из своего обычного положения, тем более странным становится поведение индивида, что, очевидно, следует из

необычности осознания и восприятия.

– Обрати внимание, – предупредил меня дон Хуан, – когда я говорю о *видении*, то всегда пользуюсь фразами типа «похоже на то, что», «кажется». Дело в том, что результаты *видения* настолько уникальны и специфичны, что говорить о них можно только сопоставляя их с чем-то уже нам известным.

Он сказал, что наиболее подходящим примером сложности описания *увиденного* может служить то, как маги говорят о точке сборки и окружающем ее сиянии. Их описывают как зоны светимости повышенной яркости, хотя яркость тут не при чем, ведь *видение* осуществляется не при помощи глаз. Однако, чтобы как-то подчеркнуть отличие этих образований от всего *остального*, говорят, что точка сборки есть световое пятно, окруженное чем-то вроде гало, неким сиянием. Как подчеркнул дон Хуан, мы настолько скованы привычкой к преимущественно визуальному «восприятию хищника», что вынуждены интерпретировать все в терминах нормального визуального восприятия, свойственного хищнику, который смотрит глазами. Дон Хуан рассказал, что, после того, как древние маги *увидели* точку сборки с окружающим ее сиянием и составили представление об их вероятной функции, они приступили к разработке объяснения. Они предположили, что, фокусируя сферическое сияние на энергетических нитях вселенной, непосредственно сквозь это сияние проходящих, точка сборки человеческих существ автоматически без какого бы то ни было предварительного осознанного намерения собирает эти нити или волокна, формируя из них устойчивую картину воспринимаемого мира.

– Но каким образом волокна, о которых ты говоришь, могут быть собраны в устойчивую картину воспринимаемого мира? – спросил я.

– Этого не может знать никто, – ответил дон Хуан. – Маги *видят* движение энергии. Но *видеть* ее движение недостаточно, чтобы сказать, как и почему это происходит.

Дон Хуан утверждал, что, после того, как они *увидели* миллионы сознательных энергетических волокон, проходящих через точку сборки, древние маги сформулировали постулат, гласивший: проходя сквозь точку сборки, волокна собираются в пучок под действием окружающего точку сборки сияния. *Увидев*, насколько

сильно меркнет это сияние у людей, находящихся без сознания или при смерти, и как оно полностью исчезает у мертвецов, древние маги пришли к убеждению, что это сияние и есть свечение осознания.

– Имеется ли точка сборки у трупа? – поинтересовался я.

Дон Хуан ответил, что у мертвого существа точка сборки бесследно исчезает, поскольку именно она вместе с окружающим ее сиянием является основным признаком жизни и наличия осознания. На основании своих наблюдений маги древности пришли к неизбежному выводу: осознание и восприятие неразрывно связаны друг с другом, с точкой сборки и окружающим ее сиянием.

– Не может быть так, что древние маги ошиблись, когда пытались разобраться в том, что *видели*? – спросил я.

– Я не могу объяснить тебе, почему, но маг никоим образом не может ошибиться, интерпретируя то, что *видит*, – ответил дон Хуан гоним, не допускающим возражений. – Выводы, к которым древние маги пришли в свое время, могут оказаться неправильными сейчас, но лишь потому, что они давали свои интерпретации, будучи наивными и не имея подготовки, соответствующей нынешнему уровню понимания. Чтобы избежать подобных ошибок, маг, если он намерен заниматься интерпретациями, должен постоянно оттачивать свой ум.

Затем дон Хуан несколько смягчился и отметил, что, безусловно, гораздо менее опасно для мага оставаться на уровне простого описания *увиденного*, но побуждение обобщать, интерпретировать, делать выводы и объяснять – пусть хотя бы самому себе – чересчур сильно, чтобы ему можно было противиться.

Воздействие смещения точки сборки на энергетическую конфигурацию существ стало еще одним объектом, который маги древних времен принялись изучать с помощью *видения*. Дон Хуан объяснил, что при смещении точки сборки в новое положение в этом месте формируется новый конгломерат светящихся энергетических волокон. Увидев это, маги древности пришли к выводу, согласно которому восприятие автоматически собирается там, где находится точка сборки, поскольку она всегда окружена свечением осознания. Однако вследствие того, что сборка осуществляется на новом месте и задействует новые волокна, собранный мир не может не отличаться от привычного нам

повседневного мира.

Дон Хуан объяснил, что древние маги различали два типа смещения точки сборки. Первый тип – смещение в любое положение по поверхности светящегося шара или внутрь него. Такое смещение получило название *сдвига* точки сборки. Второй тип – смещение точки сборки наружу, за пределы светящегося шара. Это было названо *движением*, точки сборки. Маги древних времен обнаружили, что различием между *сдвигом* и *движением* определяется природа восприятия, формирующегося в результате смещения.

Поскольку *сдвиг* точки сборки является ее смещением в пределах светящегося шара, миры, воспринимаемые вследствие этого, какими бы странно причудливыми они не казались, принадлежат к человеческой сфере. Человеческая сфера составлена энергетическими волокнами, проходящими сквозь светящийся шар. В противоположность *сдвигу*, *движение* точки сборки является смещением ее в положение вне светящегося шара, в результате чего задействуются волокна, не относящиеся к сфере человеческого. Восприятие этих волокон вызывает к жизни немыслимые, непостижимые миры, в которых нет никаких следов чего бы то ни было, свойственного человеку.

В то время проблема получения подтверждений имела для моего разума огромное значение. Поэтому как-то по случаю я заявил: – Ты меня прости, дон Хуан, однако все, связанное с точкой сборки, кажется мне настолько «притянутым за уши», настолько неприемлемым, что я просто не знаю, что мне делать с этим и что об этом думать.

– Сделать ты можешь только одно – *увидеть* точку сборки! – парировал он мою тираду. – *Видеть* не так уж сложно. Основная сложность состоит в том, чтобы пробить стену, которая сдерживает нас и не дает сдвинуться с места. Эта стена существует в уме каждого из нас. А чтобы ее разрушить, все что нам необходимо – это энергия. Как только мы накапливаем достаточное количество энергии, *видение* приходит само по себе. Просто случается так, что мы начинаем *видеть*. Весь фокус в том, чтобы выбраться из крепости удовлетворенности собой и ложного чувства безопасности.

– Дон Хуан, я вполне отдаю себе отчет в том, какой огромный объем знаний необходим для того, чтобы *видеть*. Это – не просто

вопрос наличия энергии.

– Это *есть* вопрос наличия энергии. Самое сложное – убедить себя в том, что это возможно. А для этого необходимо верить нагвалю. Магия тем и чудесна, что каждый маг должен доказать все самому себе на собственном опыте. И я рассказал тебе о принципах магического искусства отнюдь не с надеждой на то, что ты все это запомнишь. Я рассчитываю на практическое применение тобой этих принципов.

Говоря о необходимости верить нагвалю, дон Хуан, несомненно, был прав. На начальных стадиях моей тринадцатилетней работы с ним мне труднее всего было принять его мир и его как личность. Ибо это предполагало безраздельную веру и безоговорочное принятие его как нагваля.

Роль дона Хуана в магическом мире в полной мере описывалась его статусом среди таких же магов, как он. Они звали его *нагвалем*. Мне в свое время объяснили, что этим понятием обозначается человек – мужчина или женщина – обладающий энергетической конфигурацией особого типа, которую *видящий* воспринимает как двойной светящийся шар. *Видящие* считают, что когда такой человек вступает в магический мир, его избыточная энергия превращается в мерило силы и способности к лидерству. *Нагваль*, таким образом, является естественным лидером, его призвание – возглавить группу магов.

Поначалу мысль о таком доверии к дону Хуану выводила меня из равновесия, будучи противоестественной. Когда я сообщил ему об этом, он успокоил меня, сказав, что для него проблема доверия к учителю стояла не менее остро.

– Как-то я сказал своему учителю в точности то же самое, что ты мне, – сказал дон Хуан. – Он ответил, что без веры в нагваля не может быть избавления от всего того, чем захлавлена наша жизнь, и потому не может быть освобождения. Без сомнения, он был прав. Я еще раз выразил свое принципиальное несогласие. Я рассказал ему, что меня воспитывали в гнетущей обстановке религиозного фанатизма, и что это очень плохо на мне отразилось. Его же утверждение, равно как и утверждения его учителя, напоминали мне о догматах смирения и покорности, которыми я был сыт по горло с детства.

– Твои слова о нагвале звучат как догмат символа веры, – сказал я ему.

– Ты можешь верить во что угодно, – возразил он. – Но факт остается фактом: нет игры без нагваля. Я это знаю и я это говорю, так же, как и все нагвали до меня. Но как и я, они говорили это вовсе не из чувства собственной важности. И когда говорится, что без нагваля не может быть пути, подразумевается лишь одно: нагваль – человек особый, потому что он лучше кого бы то ни было способен отражать *абстрактное, дух*. Но и только. Все мы связаны с *духом* напрямую, и лишь опосредованно с человеком, который приносит нам послание *духа*.

Я научился безоговорочно доверять дону Хуану как нагвалю. Как он говорил, это принесло мне чувство огромного облегчения и способность принять все то, чему он меня учил.

При изложении своего учения дон Хуан уделял особое внимание всему, связанному с точкой сборки. Однажды я спросил у него, имеет ли точка сборки какое-либо отношение к физическому телу.

– К тому, что мы обычно воспринимаем в качестве человеческого тела, точка сборки отношения не имеет, – ответил он. – Точка сборки является частью светящегося яйца – нашей энергетической сущности.

– За счет чего она смещается? – спросил я.

– За счет воздействия потоков энергии. Их генерируют энергетические всплески внутри или вне нашей энергетической формы. Как правило, формирование потоков непредсказуемо и происходит по случайным законам. Однако маги не только предвидят характер и поведение энергетических потоков, но и подчиняют их своему *намерению*.

– А ты сам ощущаешь эти потоки?

– Их ощущает каждый маг. Их чувствует и любое человеческое существо, но обычные люди слишком заняты своими повседневными делами, чтобы обращать внимание на подобные ощущения.

– На что похоже ощущение энергетического потока?

– Легкий дискомфорт, мимолетная печаль, которая немедленно сменяется эйфорией. Поскольку ни печаль, ни эйфория не имеют объяснимой причины, мы обычно не склонны относиться к ним как к достоверному признаку того, что на нас накатывается неизвестное. Мы списываем это на счет необъяснимых и в общем-то не очень здоровых колебаний настроения.

– Что происходит, когда точка сборки сдвигается за пределы

энергетической формы? Она зависит снаружи? Или как-то прикрепляется к светящемуся шару?

– Она вытягивает контур светящегося шара вовне, не разрывая его энергетических границ.

Дон Хуан объяснил, что конечным результатом движения точки сборки является полное изменение энергетической формы человеческого существа. Вместо того, чтобы оставаться яйцом или шаром, она трансформируется в нечто, напоминающее по виду курительную трубку. Конец мундштука – это точка сборки, чашка – то, что осталось от светящегося шара. Если точка сборки продолжает движение, то в конце концов наступает момент, когда светящийся шар превращается в тонкую полоску энергии.

Далее дон Хуан объяснил, что трансформация энергетической формы – это достижение, на которое были способны только маги древности. Я поинтересовался, оставались ли эти люди по-прежнему людьми после того, как их энергетическая форма изменялась.

– Конечно же, они по-прежнему оставались людьми, – ответил дон Хуан. – Но я думаю, ты хотел бы знать, оставались ли они людьми здравого смысла, которым можно было бы доверять. На этот вопрос я бы ответил: нет, не совсем.

– Чем они отличались?

– Своими побуждениями. Нормальные человеческие цели, склонности и мотивы ровным счетом ничего для них не значили. Кроме того, их внешность тоже определенным образом изменялась.

– Ты имеешь в виду, что они переставали быть похожими на людей?

– Об этих магах очень сложно сказать что-либо наврное.

Выглядели они, безусловно, как люди. На кого еще они могли быть похожи? Но в то же время они отличались от того обычного человеческого образа, который ты или я себе представляем. Но если бы ты попросил меня описать, чем именно они отличались, я не смог бы этого сделать, и ходил бы кругами как собака, которая пытается ухватить себя за хвост.

– Тебе самому приходилось с кем-нибудь из них встречаться, дон Хуан?

– Да, с одним приходилось.

– Как он выглядел?

– На первый взгляд – как обычный человек. Необычным было его

поведение.

– Что именно в нем было необычным?

– Могу только сказать, что его поведение было совершенно невообразимым, но не в смысле манеры себя вести. Чтобы оценить это, нужно увидеть самому.

– И что, все те маги были похожи на того, которого ты встречал?

– Нет, конечно. Я не знаю, какими были другие. Разве что по магическим историям, передающимся из поколения в поколение. А в этих историях они предстают в очень причудливом виде.

– Чудовищном?

– Да нет. Говорят, что они были даже привлекательны, хотя иногда и страшноваты. Они больше были похожи на неких неведомых существ. Все мы – светящиеся шары, и это делает человечество однородным. А те маги не были более шарами, но стали полосами энергии. Они пытались сворачиваться в кольца, но это им не вполне удавалось.

– И что же с ними в конце концов случилось, дон Хуан? Они вымерли?

– В магических историях говорится, что поскольку им удалось растянуть свою энергетическую форму, продолжительность существования их сознания также растянулась. Так что они живы, и по сей день находятся в сознании. Даже ходят рассказы о том, как они периодически объявляются на земле среди людей.

– А сам ты что об этом думаешь, дон Хуан?

– Для меня это чересчур эксцентрично. Меня интересует свобода. Свобода раствориться в бесконечности, сохранив осознание. С моей точки зрения эти древние маги были существами экстравагантными, одержимыми и капризными. Они попались на удочку своих же собственных манипуляций.

Но ты не позволяй моему личному мнению сбить тебя с толку. Ибо нет ничего, равного достижениям магов древних времен. По крайней мере, они доказали, что потенциальные возможности человека более чем достойны серьезного отношения.

Еще одной темой объяснений дон Хуана была необходимость энергетической однородности и внутренней связи для

адекватности восприятия. Он утверждал, что человечество воспринимает известный нам мир в том виде, в котором мы его воспринимаем, только благодаря тому, что все мы обладаем одинаковыми характеристиками энергетической однородности и

внутренней связи. Мы автоматически обретаем соответствующие энергетические характеристики в процессе воспитания и относимся к ним как к чему-то само собой разумеющемуся. И мы не отдаем себе отчета в их жизненно важном значении до тех пор, пока не сталкиваемся с возможностью восприятия миров, отличных от того, который нам известен. Но когда это происходит, мы со всей очевидностью осознаем, что для адекватности и полноты восприятия новой реальности нам требуются новые характеристики энергетической однородности и внутренней связи. Я спросил, что такое однородность и внутренняя связь. Он ответил, что под однородностью понимается однородность формы – все человеческие существа на земле обладают формой шара или яйца. А тот факт, что человеческая форма сохраняет компоновку шара или яйца, говорит о наличии у человеческого энергетического поля определенной внутренней связи. Примером формирования нового типа энергетической однородности и внутренней связи может служить трансформация энергетической формы древних магов. Новые характеристики однородности обусловили их превращение в полосу: все они как один сделались полосами. А новые характеристики внутренней связи позволяют им сохранять новую форму, оставаясь полосами. Сочетание же новых характеристик однородности и внутренней связи на уровне энергетической полосы позволяют древним магам воспринимать новый непрерывный мир.

– Каким образом приобретаются соответствующие характеристики однородности и внутренней связи? – спросил я.

– Ключом является положение точки сборки, вернее, ее фиксация, – ответил дон Хуан.

++*+ В тот раз он не захотел вдаваться в детали. Поэтому я спросил, могут ли древние маги восстановить себя в форме яйца. Дон Хуан ответил, что был момент, когда они могли это сделать, но не захотели. А затем линейная внутренняя связь закрепилась, и возвращение стало невозможным. Но дон Хуан полагал, что окончательная кристаллизация линейной структуры внутренней связи и невозможность возвращения были обусловлены их выбором, продиктованным жадностью. Дело в том, что объем восприятия и возможностей этих магов был в астрономическое число раз более обширным, чем объем восприятия любого обычного мага, не говоря уже об обычном человеке.

Дон Хуан объяснил, что для существа шарообразной энергетической формы сферой человеческого является весь объем в пределах границы шара, сквозь который проходят энергетические волокна. В нормальном состоянии мы воспринимаем не всю сферу человеческого, но, наверное, не более одной тысячной ее общего объема. С учетом этого факта очевидным становится невероятный масштаб достижения древних магов, умудрившихся растянуть себя в полосу, захватывающую в тысячи раз больше волокон, чем шар, и при этом научившихся воспринимать все проходящие сквозь них волокна.

По настоянию дона Хуана я изо всех сил старался понять новую для меня модель энергетической конфигурации. Он толковывал мне ее снова и снова, и наконец я кое-как справился с идеей энергетических волокон, существующих внутри и вне светящегося шара. Но как только я начинал представлять себе множество светящихся шаров, модель мгновенно разваливалась в моем уме. Я рассуждал так: те волокна, которые являются внешними для одного светящегося шара, частично окажутся внутренними для другого шара, смежного с первым. Получалось, что при достаточно большом количестве шаров внешних волокон вообще не может быть, ибо все они окажутся внутри соприкасающихся друг с другом шаров.

Понимания всего этого не является упражнением для разума, – сказал дон Хуан, внимательно выслушав мои доводы. – Вряд ли я смогу объяснить, что именно имеют в виду маги, говоря о волокнах внутри и вне человеческой формы. Когда *видящий видит* человеческую форму, он *видит* один-единственный шар энергии. Твое представление относительно множества шаров продиктовано привычкой воспринимать людей как толпу. Но в энергетической вселенной толп не существует. Там есть только отдельные индивидуумы, одинокие, окруженные безграничностью. Ты должен увидеть все это сам.

Я возразил, что с его стороны ни к чему говорить мне о самостоятельном *видении*, поскольку он знает, что я на это не способен. В ответ он предложил мне одолжить у него немного энергии и воспользоваться ею для того, чтобы *увидеть*.

– Как я могу сделать это – одолжить у тебя энергию?

– Очень просто. Я могу заставить твою точку сборки сдвинуться в новое положение, более подходящее для непосредственного

восприятия энергии.

Это был первый на моей памяти случай, когда он намеренно заговорил о том, что все время делал: вводил меня в некоторое непостижимое состояние осознания, которое он называл вторым вниманием, и которое бросало вызов всем моим понятиям о мире и о самом себе. Итак, чтобы заставить мою точку сборки сдвинуться в более подходящее для непосредственного восприятия энергии положение, дон Хуан хлопнул меня по спине между лопаток с такой силой, что у меня перехватило дыхание. Мне показалось, что я либо провалился в обморок, либо заснул. Вдруг я обнаружил, что смотрю или что мне снится, будто я смотрю на что-то в буквальном смысле неопишемое. Это нечто распространялось во все стороны бесконечно. Оно было образовано чем-то, что напоминало световые струны, но не было похоже ни на что, когда-либо мною виденное или даже воображаемое.

Когда я вновь обрел дыхание, а может быть – проснулся, дон Хуан, выжидательно посмотрев на меня, спросил:

– Что ты *видел*?

Я совершенно искренне ответил:

– Твой удар заставил меня увидеть звезды.

Услышав это, дон Хуан согнулся пополам от хохота.

Потом он отметил, что я просто еще не готов справиться с восприятием необычных вещей.

– Я заставил твою точку сборки сдвинуться, – продолжал дон Хуан, – и в течение мгновения ты созерцал в *сновидении* энергетические волокна вселенной. Но тебе пока что не хватает то ли дисциплины, то ли энергии на реорганизацию характеристик однородности и внутренней связи. Древние маги были непревзойденными мастерами такой реорганизации. Именно за счет этого им удавалось *увидеть* все, что только вообще способен *увидеть* человек.

– Что значит «реорганизовать характеристики однородности и внутренней связи»?

– Это значит – войти в состояние *второго внимания*, удерживая точку сборки в новом положении и не давая ей сдвинуться в исходное.

Затем дон Хуан остановился на традиционном определении *второго внимания*. Он сказал, что *вторым вниманием* древние маги называли результат фиксации точки сборки в новом

положении. Они рассматривали *второе внимание* как полноценную сферу деятельности, подобную обычному повседневному вниманию. Дон Хуан подчеркнул, что маги действительно обладают двумя полноценными *сферами* деятельности. Одна из них – небольшая – называется *первым вниманием*, осознанием мира повседневности, или фиксацией точки сборки в привычном положении. Вторая сфера деятельности гораздо больше первой. Это – *второе внимание*, осознание иных миров, или фиксация точки сборки в огромном множестве всех возможных положений.

Применяя то, что он называют магическим маневром, дон Хуан помогал мне переживать совершенно невероятные состояния. Маневр заключался в том, что он либо слегка похлопывал, либо сильно ударял меня по спине на уровне лопаток. Как он объяснял, удары смещали мою точку сборки. Для меня такие смещения означали переход осознания в беспокоящее состояние ни с чем не сравнимой ясности – состояние сверхсознания, продолжавшееся недолго, но позволявшее мне постигать все что угодно с минимальными усилиями и минимальной подготовкой.

Восприятие мое в этом состоянии по большей части напоминало странные сны, необыкновенно интенсивные по сравнению с нормальным состоянием осознания.

Дон Хуан оправдывал неизбежность такого маневра тем, что основные понятия и базовые процедуры маг может изложить своему ученику только когда тот находится в нормальном состоянии сознания, но для того, чтобы ученик усвоил подробные абстрактные объяснения, маг вынужден переводить его в состояние *второго внимания*.

Обычно ученик совершенно не помнит объяснений, полученный им во *втором внимании*. Но они тем не менее накапливаются где-то в его памяти и там хранятся в неизменном виде. Маги научились использовать это кажущееся странным свойство памяти, превратив процесс восстановления в сознательной памяти того, что происходило с ними во *втором внимании*, в одну из самых сложных и трудновыполнимых традиционных задач магии. Это кажущееся странным свойство памяти, а также трудновыполнимость задачи *вспоминания* маги объясняют следующим образом. Каждый раз, когда человек входит во *второе внимание*, его точка сборки оказывается в новом положении, до

этого ей не знакомом. *Вспомнить* – значит повторно сдвинуть точку сборки в то место, где она была во время пребывания человека во *втором внимании*. Дон Хуан заверил меня, что маги могут не только абсолютно полностью восстановить все содержимое памяти, но также оживить любое переживание, когда-либо испытанное ими во втором внимании. Для этого они намеренно сдвигают точку сборки в нужные положения. И еще дон Хуан говорил, что на выполнение задачи восстановления содержимого памяти у магов уходит вся жизнь.

Когда я находился во *втором внимании*, дон Хуан давал мне подробнейшие объяснения относительно искусства магии. Он знал, что точность и корректность этих объяснений останутся со мной, вероятнее всего, в нетронutom виде, на всю мою жизнь.

По поводу вероятности их сохранения дон Хуан говорил:

– Восприятие человека, находящегося во *втором внимании*, подобно восприятию ребенка. Поэтому то, что мы узнаем, остается с нами на всю жизнь. «Привычка – вторая натура» – как мы говорим о чем-то, усвоенном в раннем возрасте.

С позиций своего нынешнего знания я понимаю, что дон Хуан заставлял меня входить в состояние *второго внимания* так часто, как только мог, и на возможно более продолжительное время для того, чтобы подольше поддержать мою точку сборки в возможно большем количестве разных положений и научить меня адекватному восприятию при сдвинутой точке сборки. Другими словами, его целью было заставить меня реорганизовать свою однородность и внутреннюю связь.

Бесчисленное количество раз я воспринимал все так же точно и ясно, как я воспринимаю мир повседневности в обычном состоянии осознания. Проблемой для меня было возведение моста между моими действиями во *втором внимании* и моим обычным осознанием. Чтобы понять, что же такое есть *второе внимание*, мне понадобилось потратить массу времени и сил. И не столько вследствие сложности и замысловатости *второго внимания*, которые сами по себе весьма усложняли ситуацию, сколько потому, что мне было до невозможности трудно вспомнить не только то, как я входил в состояние второго внимания, но даже то, что такое состояние вообще существует.

Еще одним прорывом, который, по утверждению древних магов, имел фундаментальное значение и о котором дон Хуан

рассказывал мне самым подробным образом, было сделанное древними магами открытие того, что точка сборки очень легко смещается во время сна. Это открытие повлекло за собой еще одно: сны обусловлены смещением точки сборки. Маги древних времен *увидели* – чем значительнее сдвиг, тем более необычные сны видит человек, и наоборот, чем более необычные сны видит человек, тем значительнее сдвиг точки сборки. Дон Хуан рассказал, что эти наблюдения привели к разработке древними магами весьма экстравагантных приемов смещения точки сборки, таких как употребление внутрь растений, вызывающих изменение состояния сознания, а также использование с этой целью состояний голода, крайней усталости и стрессовых ситуаций. Особое же внимание они уделили разработке практики управления снами. Тем самым, вероятно, даже не подозревая об этом, они создали метод, получивший впоследствии название практики *сновидения*.

Однажды дон Хуан сформулировал наиболее адекватное с точки зрения магического искусства определение *сновидения*. Это произошло во время нашей с ним прогулки по главной площади в городе Оахака.

– Маги рассматривают *сновидение* как исключительно сложное искусство, – сказал дон Хуан, – искусство *намеренного* смещения точки сборки из ее привычного положения с целью расширения диапазона восприятия и углубления его интенсивности.

И он рассказал, что в основу своего искусства *сновидения* древние маги-*видящие* положили пять особенностей энергетического потока человеческих существ.

Во-первых, древние маги *увидели*, что те энергетические волокна, которые проходят непосредственно сквозь точку сборки, могут быть собраны в адекватное восприятие.

Во-вторых, они *увидели*, что если точка сборки смещается в новое положение, то, независимо от того, насколько мало ее смещение, сквозь нее начинают проходить новые, ранее не задействованные волокна. Тем самым изменяется осознание, и новые, ранее не задействованные поля энергии собираются в устойчивое связанное восприятие.

В-третьих, они *увидели*, что, когда человек видит обычные сны, точка сборки легко смещается в новые положения вдоль поверхности светящегося яйца и внутри него.

В-четвертых, они *увидели*, что можно заставить точку сборки сместиться в положения, находящиеся вне светящегося яйца – в большой внешней вселенной.

И в-пятых, они *увидели*, что посредством соответствующей дисциплины во время обычного сна и созерцания обычных сновидений можно выработать и систематически практиковать целенаправленное смещение точки сборки.

[**НАЗАД**](#) | [**INDEX**](#) | [**ВПЕРЕД**](#)

• 2 •

ПЕРВЫЕ ВРАТА СНОВИДЕНИЯ

Прежде чем приступить к своему первому уроку по *искусству сновидения*, дон Хуан остановился на том, как, постепенно прогрессируя, развивается способность человека управлять *вторым вниманием*. Сначала человек просто испытывает любопытство, не особенно веря в то, что овладение *вторым вниманием* является для него реальной возможностью. Затем *второе внимание* превращается в нечто, порождающее ощущение, – теперь уже человек начинает его чувствовать. И в конце концов оно развивается в новое состояние бытия, практическую реальность. *Второе внимание* становится выдающейся силой, нашим пропуском в удивительные миры, образы которых до этого не могли явиться нам даже в наших самых необузданных фантазиях.

Существует два способа изложения магического искусства. Первый – с помощью метафоричных описаний мира магических измерений. Второй – с помощью абстрактной терминологии, свойственной теории и практике магии. Я всегда предпочитал второй способ, хотя обычно рациональный ум человека Запада вряд ли сможет удовлетвориться любым из этих двух способов. Дон Хуан объяснил мне что скрывалось за его метафорическим описанием развития способности управления *вторым вниманием*. Являясь результатом смещения точки сборки, *второе внимание* не может развиваться естественным образом, само по себе. Оно формируется под действием *намерения*. Таким образом, сначала человек должен генерировать *намерение* развить *второе внимание*. При этом *второе внимание* остается не более чем идеей. Но в конце концов человек вырабатывает *намерение* сохранять *второе внимание* как устойчивое контролируемое смещение точки сборки. – Итак, мы начнем с первого шага к овладению силой, – сказал дон Хуан, приступая к изложению *искусства сновидения*. – Я намерен обучить тебя практике настройки *сновидения*. – Что такое настройка *сновидения*?

Настроить *сновидение* – значит обрести практическую способность точно управлять общим ходом развития ситуации в *сновидении*. Например, тебе снится, что ты – в учебном классе. В данном случае настройка *сновидения* будет заключаться в том, что ты не дашь ситуации, развивающейся во сне, переметнуться в другое место. Ты не перепрыгнешь из класса в горы. Другими словами, ты контролируешь вид класса и не позволяешь ему исчезнуть до тех пор, пока сам того не захочешь.

– Но разве такое возможно?

Вполне. Этот тип контроля ничем не отличается от контроля, которым мы обладаем в любой ситуации нашей повседневной жизни. Маги привыкают к этому и пользуются контролем *сновидения*, когда им это необходимо. Для того, чтобы выработать привычку контролировать сны, тебе необходимо начать с чего-нибудь очень простого. Сегодня ночью ты должен будешь смотреть во сне на свои руки.

Когда я находился в нормальном состоянии осознания, мы почти никогда не касались этой темы. Однако, вспоминая то, что происходило со мной, когда я находился во *втором внимании*, я обнаружил, что мы возвращались к теме настройки *сновидения* и обсуждали ее гораздо подробнее. Я, например, высказал дону Хуану все, что думал по поводу абсурдности данного мне задания. В ответ на это дон Хуан предложил мне относиться к заданию как к занятому приключению – своего рода забаве, – а не как к чему-то серьезному и утомительному.

– Всю свою серьезность ты можешь вкладывать в наши беседы о *сновидении*, – продолжал дон Хуан. – Объяснения всегда требуют глубокого осмысления. Ты можешь быть тяжелым и мрачным – это нормально. Но, созерцая сны, будь легче перышка. Безусловно, практика *сновидения* требует целостности и серьезного отношения, но качество серьезности здесь несколько иное – это серьезность беззаботного смеха, каким смеется человек, которому не о чем беспокоиться в этом мире. Только при выполнении этого условия искусство видеть сны превращает их в *сновидения*.

Дон Хуан уверял, что руки он выбрал произвольно. Объектом для фиксации взгляда во сне могли бы быть не руки, а что угодно другое, все равно прием бы работал. Смысл задачи заключается не в том, чтобы отыскать в увиденном сне определенный предмет, а в том, чтобы задействовать свое *внимание сновидения*.

Дон Хуан описал внимание *сновидения* как контроль, который человек обретает над сном, фиксируя точку сборки в любом новом положении, где она оказывается, вследствие ее смещения во сне. Более обобщенно он назвал *внимание сновидения* непостижимой гранью осознания, которая всегда существует сама по себе, ожидая момента, когда мы соблазним ее целью. Внимание *сновидения* – это скрытая потенциальная возможность, инструмент, который каждый из нас хранит в резерве. Однако возможности применить этот инструмент в повседневной жизни нам, как правило, так никогда и не предоставляется.

Первые мои попытки взглянуть во сне на свои руки окончились полным провалом. После нескольких месяцев безуспешных усилий я прекратил это занятие и в очередной раз пожаловался дону Хуану на абсурдность поставленной им передо мной задачи.

– Существует семь *врат*, – сказал мне в ответ дон Хуан. – *Сновидящий* должен открыть их – все семь, по очереди. Сейчас ты стоишь перед *первыми вратами*. И, если ты намерен овладеть *искусством сновидения*, тебе предстоит их открыть.

– Почему ты раньше ничего мне об этом не говорил?

– Было бессмысленно рассказывать тебе о *вратах сновидения* прежде, чем ты уткнешься лбом в первые из них. Теперь ты знаешь: они реально существуют и они являются препятствиями, которые необходимо преодолеть.

Дон Хуан объяснил, что в энергетическом потоке вселенной имеются входы и выходы, и что в конкретном случае *сновидения* входов – семь. *Сновидящий* воспринимает их как препятствия, которые и были названы магами *семью вратами сновидения*.

– *Первые врата* – это особый порог. Преодолевается он посредством осознания особого ощущения, возникающего перед тем, как человек проваливается в глубокий сон, – говорил дон Хуан. – Это ощущение сродни чувству приятной тяжести, которая не дает нам открыть глаза. Мы достигаем *врат* в то самое мгновение, когда осознаем, что засыпаем, паря во тьме и ощущении тяжести.

– Но как я могу осознать, что засыпаю? Существуют ли какие-либо специальные приемы?

– Нет. Никаких специальных приемов. Просто *намерение* осознать, что засыпаешь.

– Но откуда мне взять такое намерение?

– *Намерение* – это вещь, о которой очень сложно сказать что-нибудь вразумительное. Если я или кто бы то ни было попытается объяснить, что такое *намерение*, – его слова будут напоминать идиотический бред. Сейчас я попробую сформулировать. Маг формирует *намерение* совершить то, что он намерен совершить, просто за счет того, что он *намеревается* это совершить.

– Но это же ничего не значащая бессмыслица, дон Хуан.

– А ты отнесись к ней повнимательнее. Ведь когда-нибудь тебе самому придется все это объяснять. Мое утверждение кажется тебе бессмысленным потому, что ты не рассматриваешь его в соответствующем контексте. Как любой рационально мыслящий человек, ты относишь понимание исключительно к сфере рассудочного здравого смысла, то есть – к сфере ума.

Но в моем утверждении речь идет о *намерении*. Поэтому с точки зрения мага понимание этой формулировки относится к сфере функций энергетического тела. Маги считают, что если у человека возникает *намерение* понять эту формулировку, его энергетическое тело понимает ее совсем иначе, чем это мог бы сделать его ум.

Весь фокус в том, чтобы добраться до энергетического тела. А для этого нужна энергия.

– В каких терминах понимает такую формулировку энергетическое тело, дон Хуан?

– Как ощущение, чувство в теле, которое очень тяжело описать.

Чтобы узнать, о чем я говорю, тебе необходимо самому это почувствовать.

Я хотел, чтобы он объяснил точнее, но дон Хуан хлопнул меня по спине, переводя тем самым во *второе внимание*. В то время эта его манипуляция еще оставалась для меня тайной. Я мог бы поклясться, что своим прикосновением он меня загипнотизировал.

Я думал, что он мгновенно усыпил меня, и это во сне я вижу себя рядом с ним – мы идем по какой-то широкой обсаженной деревьями улице совершенно незнакомого города. Сон был настолько ярким, а мое осознание происходящего – настолько четким, что я немедленно попытался сориентироваться, читая вывески и рассматривая людей. Говорили вокруг определенно не по-английски и не по-испански, но город был западным. Люди на улицах были похожи на жителей Северной Европы. Я подумал, что, вероятно, это – литовцы, и принялся изучать надписи на домах и дорожные знаки.

Дон Хуан слегка подтолкнул меня и сказал:

– Брось, ты не определишь, где мы, поскольку это невозможно.

Просто я одолжил тебе немного своей энергии, чтобы ты смог добрать до своего энергетического тела, и это позволило тебе перейти в другой мир. Однако ненадолго, так что постарайся мудро использовать это время.

– Постарайся все рассмотреть, но не слишком открыто – так, чтобы никто тебя не заметил.

В молчании мы прошли один квартал. Это оказало на меня потрясающее воздействие. По мере того, как мы шли, внутри моего тела нарастало ощущение тревоги. Умом я испытывал любопытство, но тело мое было обеспокоено. С пронзительной ясностью я осознал, что нахожусь не в своем мире. Когда мы дошли до перекрестка и остановились, прежде чем перейти улицу, я обратил внимание на аккуратно подстриженные деревья с жесткими скрученными листьями. Вокруг ствола каждого дерева был широкий немощенный квадрат для полива. И ни на одном из этих квадратов я не увидел мусора или травы, столь обычных для городских клумб. Только угольно-черная рыхлая почва.

В тот миг, когда я, прежде чем ступить на мостовую и перейти улицу, взглянул на бордюр тротуара, я вдруг заметил, что на улицах нет машин. Тогда я сделал отчаянную попытку разглядеть людей, во множестве мельтешивших вокруг нас, рассчитывая увидеть что-нибудь, что хоть как-то объяснит мне природу охватившей меня тревоги. Как только я начинал смотреть на кого-либо, тот смотрел на меня в ответ. Мгновенно вокруг нас образовалось кольцо жестких голубых и карих глаз.

Словно молния, меня пронзила, догадка: это вовсе не сон, это – реальность, не имеющая отношения к тому, что я привык считать реальным. Я повернулся к дону Хуану. Я почти понял, что странного было в этих людях, но тут необычный сухой ветер ударил мне в лицо, проникая внутрь и задувая в глаза, уши, рот, нос, затуманив мое зрение и заставив меня забыть то, что я собирался сказать дону Хуану. Мгновение спустя я был там, откуда начиналось это путешествие – в доме дона Хуана. Я лежал на соломенной циновке, свернувшись калачиком.

– Я одолжил тебе немного своей энергии, и ты достиг твоего энергетического тела, – сообщил мне дон Хуан таким тоном, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся.

Я слышал его слова, но сам я был нем. Необычный зуд в солнечном сплетении делал дыхание поверхностным и болезненным. Я знал, что был где-то на грани некоторого трансцендентального открытия о *сновидении* и людях, которых видел, но сосредоточиться на том, что я знал, мне не удавалось. – Где мы были, дон Хуан? Это был сон? Или гипнотическое состояние?

– Это был не сон, – ответил он. – Это было *сновидение*. Я помог тебе достичь *второго внимания*, чтобы ты понял – *намерение* – объект, относящийся не к сфере рассудка, но к сфере энергетического тела.

На нынешнем этапе ты не можешь постигнуть всей важности того, о чем идет речь. Не только потому, что не обладаешь достаточным количеством энергии, но и ввиду того, что тебе незнакомо *намерение*. Ты никогда раньше не *намеревался* что-либо совершить или добыть. Если бы ты знал, что это такое, твое энергетическое тело мгновенно постигло бы, что единственный путь формирования *намерения* заключается в том, чтобы сосредоточить свое *намерение* на том, что ты *намереваешься* совершить или получить. В этот раз я сосредоточил его за тебя на достижении твоего энергетического тела.

– Цель *сновидения* – формирование *намерения* добраться до энергетического тела? – вдруг спросил я, побуждаемый каким-то странным импульсом.

– Да, конечно, можно сказать и так, – согласился дон Хуан. – В данной конкретной ситуации, поскольку мы ведем речь о *первых вратах сновидения*, целью *сновидения* является формирование *намерения* заставить энергетическое тело осознать, что ты засыпаешь. Заставить нужно не себя, а свое энергетическое тело. Причем скорее не заставить, а просто позволить ему осознать, что ты засыпаешь. Ибо *намерение* – это желание, в котором отсутствует желание, действие, в котором отсутствует деяние. *Намереваться* – значит, хотеть, не желая, делать, не делая.

– Прими вызов *намерения*, – продолжал дон Хуан. – Молча, с полной определенностью и без единой мысли, убеди себя в том, что ты достиг своего энергетического тела, что ты – *сновидящий*. Сделав это, ты автоматически научишься осознавать момент засыпания.

– Но как я могу убедить себя в том, что я – *сновидящий*, если мне

доподлинно известно, что я таковым не являюсь?

– Когда ты слышишь о том, что должен себя в чем-то убедить, ты автоматически становишься более рациональным. Как можешь ты убедить себя в том, что ты – *сновидящий*, если тебе доподлинно известно, что ты таковым не являешься? Все дело в *намерении*. Ты убеждаешь себя в том, что ты – *сновидящий*, хотя никогда ранее *сновидение* не практиковал, и ты становишься в этом убежденным – и то, и другое суть одно и то же *намерение*.

– То есть мне следует сказать самому себе, что я – *сновидящий*, а затем приложить максимум усилий к тому, чтобы в это поверить? Ты это имеешь в виду?

– Нет. *Намерение* – это гораздо проще, и в то же время – бесконечно сложнее. Для его формирования требуются воображение, дисциплина и устремленность. В данном случае *вознамериться* означает обрести непреложное внутреннее знание того, что ты – *сновидящий*. Это должно быть знание, принадлежащее телу. Каждой его клеткой ты должен чувствовать, что ты – *сновидящий*.

Затем дон Хуан шутливым тоном добавил, что не обладает достаточным количеством энергии для еще одного одолжения, поэтому мне придется добираться до моего энергетического тела самостоятельно, ибо другого выхода у меня нет. Формирование *намерения* достичь первых *врат сновидения* является одним из средств достижения *второго внимания* и энергетического тела. Такое открытие в свое время сделали маги древности.

Сообщив мне об этом, дон Хуан буквально вытолкнул меня из своего дома, велел не показываться до тех пор, пока я с помощью *намерения* не доберусь до *первых врат сновидения*.

Я вернулся домой и в течение нескольких месяцев каждый вечер, укладываясь спать, отчаянно «намереваются» осознать миг засыпания и во сне увидеть собственные руки. Что же касается второй части задачи – убедить себя в том, что я – *сновидящий*, достигший своего энергетического тела – то ее выполнение представлялось мне абсолютно невозможным.

Но как-то, когда я прилег отдохнуть днем, я увидел сон, в котором смотрел на свои руки. Этот случай оказался уникальным, сон больше не повторялся. Неделя проходила за неделей, но мне по-прежнему не удавалось ни осознать момент засыпания, ни найти во сне свои руки. Однако я начал замечать, что в моих снах

присутствует некое смутное чувство. Словно я должен был что-то сделать, но никак не мог вспомнить, что именно.

Когда я рассказал дону Хуану о своих тщетных попытках прорваться сквозь *первые врата сновидения*, он дал мне некоторые указания:

– Когда *сновидящему* предлагают найти во сне определенный объект, это – уловка. Истинная же цель состоит в осознании момента засыпания. А это, как ни странно, достигается не посредством установки на осознание момента засыпания, но посредством установки на устойчивую фиксацию во сне какого-либо конкретного образа.

Дон Хуан рассказал, что *сновидящий* бросает короткие целенаправленные взгляды на все, что присутствует в *сновидении*. А тот объект, на котором устойчиво сфокусировано его внимание, является лишь своего рода точкой отсчета. С нее *сновидящий* переводит взгляд, чтобы посмотреть на другие объекты, присутствующие в содержимом сна, как можно чаще возвращаясь обратно – к точке отсчета.

Ценой невероятных усилий мне действительно удалось найти во сне руки. Но руки эти не были моими. Они только казались моими, на самом же деле эти руки мне не принадлежали, они все время изменялись, временами приобретая поистине кошмарные формы. Тем временем все остальное содержимое моих снов было на диво устойчивым. Мне почти удавалось сохранять образ любого объекта, на котором я сосредоточивал внимание.

Так продолжалось несколько месяцев. Потом вдруг однажды качество моего *сновидения* как бы само собой резко изменилось. Я ничего специально для этого не делал. Просто каждый вечер я ложился спать, твердо *намереваясь* не упустить момент засыпания и отыскать во сне свои руки.

В тот раз мне снилось, что я приехал в свой родной город. Не то чтобы город, который мне снился, был в точности похож на мой родной, но каким-то образом у меня возникло убеждение, что это и есть то самое место, где я родился. Началось все как обычный, хотя и очень яркий, сон. Потом освещенность во сне изменилась. Образы сделались более четкими. Улица, по которой я шел, стала выглядеть заметно реальнее, чем за миг до этого. Заболели ноги. Я почувствовал, что предметы до абсурда по-настоящему тверды. Когда я, скажем, ударился о дверь, я не только ощутил боль в

ушибленном колене, но и пришел в ярость от собственной неуклюжести.

Я совершенно реально бродил по городу до полного изнеможения. Я видел все так же четко, как видел бы, если бы по-настоящему приехал в этот город и как турист бродил по улицам. Не было никакой разницы между этой прогулкой по городу во сне и любой из реальных прогулок, которые мне доводилось предпринимать в городах, где я бывал впервые.

– Мне думается, ты зашел чересчур далеко, – сказал дон Хуан, выслушав мой отчет. – Ведь от тебя требовалось лишь осознать миг засыпания. Ты обрушил стену вместо того, чтобы только прихлопнуть сидевшего на ней комара.

– Ты имеешь в виду, что все это было неправильно?

– Нет. Но ты явно пытаешься сделать нечто, что уже когда-то тебе удавалось. Когда я заставил твою точку сборки сдвинуться, и мы с тобой оказались в том странном городе, ты не спал. Ты видел сон, но ты не спал. Это было *сновидение*. Я имею в виду, что твоя точка сборки сдвинулась в новое положение не за счет нормального сна. Я заставил ее сдвинуться.

И теперь ты определенно можешь достичь того же самого ее положения посредством *сновидения*, но сейчас я бы не советовал тебе это делать.

– Это опасно?

– И еще как! *Сновидение* требует исключительной трезвости.

Нельзя допускать ни одного неверного движения. *Сновидение* есть процесс пробуждения, обретения контроля. *Внимание сновидения* нуждается в систематической тренировке, ибо оно есть дверь в сферу *второго внимания*.

– Какая разница между *вниманием сновидения* и *вторым вниманием*?

– *Второе внимание* подобно океану, а *внимание сновидения* – впадающей в него реке. *Второе внимание* – это состояние осознания полноценных миров, таких же полноценных, как наш. А *внимание сновидения* – это состояние осознания отдельных объектов, присутствующих в *сновидении*.

Дон Хуан особо подчеркнул, что *внимание сновидения* – ключ к любому движению в мире магов. Среди множества вещей, присутствующих в наших снах, имеются объекты, которые являются результатами энергетического вмешательства. Они

внедрены в наши сны извне посторонними силами. В умении находить и отслеживать их и состоит искусство магии.

Дон Хуан настолько явно выделил эти несколько фраз, что я попросил его объяснить еще раз. Некоторое время он колебался, потом ответил.

– Сны – это если не дверь, то, определенно, лазейка в другие миры, – начал он. – Будучи таковыми, сны подобны улице с двусторонним движением. Через эту лазейку наше осознание пробирается в иные сферы бытия. А оттуда в наши сны пробираются *лазутчики*.

– Что такое *лазутчики*?

– Заряды энергии, которые вливаются в наши нормальные сны, смешиваясь с имеющимися там объектами. Всплески посторонней энергии – они поступают в наши сны, а мы интерпретируем их то ли как что-то известное нам, то ли – как неизвестное.

– Ты уж меня прости, дон Хуан, но как-то не доходит до меня твое объяснение.

– Не доходит, потому что ты настойчиво продолжаешь думать о *снах* известным тебе образом – как о том, что происходит с нами, когда мы спим. Я же настойчиво предлагаю тебе иную версию: сны – лазейка в иные сферы восприятия. Через нее просачиваются потоки неведомой энергии. И тогда мозг, или ум, или что-то еще – то, что эти потоки энергии воспринимает – трансформирует их, превращая в части содержимого *сновидений*.

Дон Хуан немного помолчал, очевидно, чтобы дать моему уму время справиться с тем, что рассказал.

– Маги осознают эти потоки посторонней энергии, – продолжил он. – Заметив их, маги стараются изолировать их от нормального хода *сновидений*.

– Почему маги изолируют их, дон Хуан?

– Потому что эти потоки приходят из иных реальностей. И если мы отследим их до самого их истока, они послужат нам проводниками в пространства, наполненные такими тайнами, что даже магов бьет дрожь при одном упоминании об этой возможности.

– Каким образом маги изолируют их от нормального течения своих *сновидений*?

– При помощи тренировки и контроля *внимания сновидения*. В кокой-то момент *внимание сновидения* обнаруживает эти потоки

энергии в ситуациях *сновидения*. Тогда весь сон тает, остается только чужеродная энергия.

Дальше обсуждать эту тему дон Хуан отказался. Он вернулся к тому, что так или иначе, но ему приходится рассматривать мой сон как первую настоящую попытку практики *сновидения*. А это означает, что мне удалось добраться до *первых врат сновидения*. Как-то однажды дон Хуан вдруг неожиданно вернулся к прерванному разговору. Он сказал:

– Сейчас я еще раз расскажу тебе, что следует делать во сне, чтобы пройти сквозь *первые врата сновидения*. Сфокусируй взгляд на чем-нибудь, что ты выберешь в качестве точки отсчета. Затем переводи взгляд на другие объекты, мгновение смотри на них, сразу же возвращаясь к точке отсчета. Помни: если ты бросаешь лишь короткие взгляды, образы не сдвигаются.

– Что это значит – пройти сквозь *первые врата сновидения*?

– Мы достигаем *первых врат*, когда осознаем мгновение засыпания либо когда видим фантастически реальный сон. После того, как мы их достигли, нам необходимо пройти сквозь них, обретя способность сохранять образ любого объекта, присутствующего в содержимом наших снов.

– Мне почти удается устойчиво созерцать объекты в моих снах, но они слишком быстро рассеиваются, – сказал я.

– Именно об этом я и говорю. Прием использование точки отсчета был разработан магами с целью компенсации такого качества *сновидений*, как мимолетность. Каждый раз, когда ты выделяешь точку отсчета и бросаешь на нее взгляд, ты испытываешь прилив энергии. Поэтому для начала не пытайся взглянуть на большое количество объектов. Четырех будет достаточно. Потом постепенно ты будешь расширять диапазон, пока не научишься разглядывать все, что захочешь. Но всегда, как только образы начинают сдвигаться и ты чувствуешь, что утрачиваешь контроль, немедленно возвращаясь к точке отсчета и начинай сначала.

– Ты действительно веришь в то, что я в самом деле достиг *первых врат сновидения*, дон Хуан?

– Да. И это очень много значит. По мере того, как ты будешь продвигаться дальше, ты увидишь, насколько легко тебе будет даваться практика *сновидения*.

Я думал, что дон Хуан либо преувеличивает, либо хочет меня приободрить. Но он сказал, что говорит совершенно честно.

– Самым поразительным явлением из всего, что происходит со *сновидящим*, оказывается то, что по достижении *первых врат сновидения*, они достигают также и энергетического тела.

– Что такое энергетическое тело?

– Двойник физического тела. Призрачная форма, составленная чистой энергией.

– Но разве физическое тело не состоит из энергий?

– Состоит. Различие в том, что энергетическое тело – это только форма, не имеющая массы. Являясь чистой энергией, оно способно совершать действия, выходящие за пределы возможностей физического тела.

– Например, дон Хуан?

– Например, в мгновение ока перемещаться в любой конец вселенной. *Сновидение* есть искусство закалки энергетического тела, искусство придания ему гибкости и координации посредством постепенной тренировки.

Практикуя *сновидение*, мы уплотняем энергетическое тело, пока оно не становится воспринимающей единицей. Восприятие, которым обладает энергетическое тело, – независимо, хотя и подвержено влиянию со стороны нашего обычного повседневного восприятия. Энергетическое тело воспринимает в своей собственной отдельной сфере.

– Что это за сфера, дон Хуан?

– Энергия. Энергетическое тело воспринимает энергию как собственно энергию. В процессе *сновидения* оно может обращаться с энергией тремя различными способами: воспринимать потоки энергии, использовать энергию в качестве толкателя, чтобы, подобно ракете, перелететь в какие-нибудь совершенно неожиданные пространства, или воспринимать так, как мы обычно воспринимаем мир.

– Что значит воспринимать потоки энергии?

– Это значит *видеть*. Энергетическое тело *видит* энергию, непосредственно воспринимая ее то ли как свет, то ли как своего рода вибрирующий поток, то ли как неоднородность пространства. Или же оно прямо чувствует ее как встряску или некое ощущение, которое может быть даже болью.

– А тот другой способ, о котором ты говорил, дон Хуан?

Использование энергии в качестве толкателя?

– Энергия – сфера существования и восприятия энергетического

тела. Поэтому для него не составляет труда пользоваться существующими во вселенной энергетическими потоками для перемещения. Все, что для этого требуется – выделить эти потоки и идти с ними.

Дон Хуан замолчал в нерешительности, словно собирался что-то добавить, но не был уверен в том, что это стоит делать. Он улыбнулся и продолжил объяснение в тот самый момент, когда я начал было задавать следующий вопрос.

– Я уже говорил, что в своих *сновидениях* маги выделяют *лазутчиков* из иных сфер бытия, – сказал он. – Этим занимается энергетическое тело – оно и узнает чуждую энергию, и захватывает ее. Однако крайне нежелательно, чтобы *сновидящий* чрезмерно этим увлекался, поскольку ловля *лазутчиков* превращается в страсть, на поводу у которой он идет. Я не хотел тебе об этом рассказывать из-за той легкости, с какой человек может угодить во власть этой охотничьей страсти.

Затем дон Хуан быстро сменил тему разговора и тщательно описал мне целый блок практических приемов. Я обнаружил, что на каком-то уровне они были для меня непостижимы, однако на другом казались вполне логичными и понятными. Он еще раз повторил, что *намеренно* контролируемое достижение первых *врат сновидения* есть путь к энергетическому телу. Но сохранение этого достижения зависит только от количества энергии. Маги получают необходимую для этого энергию, разумно перераспределяя ту имеющуюся у них энергию, которая используется ими для восприятия нашего мира повседневности. Когда я потребовал, чтобы дон Хуан выразился яснее, он добавил, что каждый человек обладает определенным количеством изначальной энергии. Это количество – вся энергия, которая у нас есть. И всю ее мы используем для того, чтобы воспринимать столь поглощающий нас обычный мир и справляться с возникающими в нем проблемами.

Несколько раз он с нажимом повторил, что больше нам взять энергию неоткуда, поскольку вся имеющаяся у нас энергия уже задействована, ни капли ее не остается на экстраординарное восприятие, каковым, в частности, является *сновидение*.

– И что же нам остается? – спросил я.

– Нам остается лишь одно – стать скрягами в отношении энергии, добывая ее любыми доступными способами везде, где только

возможно.

Затем дон Хуан рассказал о том, что у магов есть особый метод добычи энергии. Они разумно перераспределяют свою энергию, сокращая ее расход за счет устранения из своей жизни всего, что считают лишним. Этот метод получил название «пути мага». Как сформулировал дон Хуан, сущность пути мага заключается в определенном подходе к последовательному выбору способа поведения в отношении жизненных ситуации, с которыми маг сталкивается в этом мире. То, что выбирает маг, всегда разумнее того, чему нас учили в этом мире родители, учителя, старшие друзья. Выбор мага призван исправить наш образ жизни, изменяя основу нашего отношения к самой жизни.

– О каком отношении ты говоришь? – спросил я.

– Существует два основных варианта отношения к жизни, – ответил он. – Первый – покориться ей, либо приспособиваясь к ее требованиям, либо с ними сражаясь. Второй – формирование своей жизненной ситуации сообразно своим собственным планам.

– И мы действительно можем формировать свою жизненную ситуацию, дон Хуан?

– Человек способен формировать свою жизненную ситуацию в соответствии со своими установками, – настаивал дон Хуан. – *Сновидящие* делают это. Это звучит дико? Вовсе нет, особенно если учесть, как мало мы о себе знаем.

Он сказал, что, будучи учителем, заинтересован в том, чтобы я как следует уяснил себе, что такое жизнь и что значит жить, то есть каково различие между феноменом жизни как следствием действия биологических сил, и процессом жизни как деятельностью, направленной на познание.

– Говоря о формировании жизненной ситуации, – продолжал дон Хуан, – маги имеют в виду формирование осознания процесса жизни. За счет формирования этого осознания мы можем обрести энергию, достаточную для формирования последствий каждого сделанного нами выбора и всего хода нашей жизни.

Заканчивая наш разговор о *сновидении*, дон Хуан посоветовал мне не просто подумать о том, что он мне рассказал, но постараться посредством многократного повторения воплотить его концепции в жизнь, выработав новый, более корректный и энергетически целесообразный образ жизни. Он утверждал, что все новое в нашей жизни, в частности, концепции магов, которым он меня

обучал, должно повторяться до полного нашего изнеможения, и только тогда мы ему открываемся. Он также отметил, что именно за счет повторения наши предшественники по социуму приучают нас к принятому в этом мире образу восприятия.

По мере того, как я продолжал практиковать начальные шаги *искусства сновидения*, мне удалось добиться полноценного осознания момента засыпания. Кроме того, я научился останавливаться в *сновидении*, чтобы целенаправленно изучить любой объект, присутствующий в сюжете сна. То, что я испытывал, казалось мне по меньшей мере чудом.

Дон Хуан утверждал, что по мере того, как сны делаются все более подконтрольными нам, совершенствуется и наше умение контролировать *внимание сновидения*. Он был прав, говоря, что *внимание сновидения* вступает в действие, когда его призывают, когда перед ним ставят задачу. Происходит это не как процесс в обычном понимании. Занимающей какое-то время системы операций либо последовательности функциональных действий, приводящих к некоторому результату, при этом нет. Просто случается пробуждение. Нечто, до тех пор дремавшее, начинает действовать.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

ВТОРЫЕ ВРАТА СНОВИДЕНИЯ

В ходе практики *сновидения* я обнаружил, что для обучения этому искусству учителю необходимо сформировать подход, основанный на дидактическом синтезе. В этом случае он сможет добиться выявления и усиления тех сторон учения, для которых это является необходимым. Чего добивался дон Хуан, давая мне первое задание? По сути, он хотел заставить меня упражнять *внимание сновидения* посредством фокусировки на объектах, присутствующих в *сновидении*. В качестве стрелки-указателя, выводящего на этот эффект, дон Хуан использовал идею осознания момента засыпания. Его заявление, будто изучение присутствующих во сне объектов есть единственный путь к осознанию момента засыпания, было не более чем уловкой. Едва взявшись за практическую отработку искусства *сновидения*, я понял, что тренировка *внимания сновидения* является весьма существенной вещью. Однако с точки зрения ума тренировка осознания на уровне *сновидения* кажется чем-то невозможным. Дон Хуан объяснял, что основой такой тренировки является настойчивость. Рано или поздно, – говорил он, – под воздействием этой настойчивости защитные барьеры ума разрушаются, и на сцену выходит *внимание сновидения*.

По мере практики сосредоточения и удержания *внимания сновидения* на объектах *сновидения*, я начал чувствовать какую-то очень необычную уверенность в себе. Она была настолько странной, что я обратился к дону Хуану за разъяснением.

– Ощущение уверенности в себе дает тебе именно вхождение в сферу *второго внимания*, – пояснил он. – Теперь от тебя требуется еще более трезвый подход. Будь очень осмотрителен, продвигайся медленно, но неуклонно, и ни в коем случае не разговаривай об этом. Просто действуй!

Я сообщил ему, что в своей практике я уже добился того, о чем он мне говорил. Действительно, когда я бросал на объекты *сновидения* короткие взгляды, их образы не рассеивались. Я сказал,

что сложнее всего преодолеть изначальный барьер, не позволяющий вывести *сновидение* в сферу нашего сознательного внимания. Я спросил его мнения, потому что сам искренне полагал, что барьер этот – чисто психологического свойства, – результат нашей социальной обусловленности, вследствие которой мы не склонны придавать снам особого значения.

– Этот барьер – не только результат обусловленности, – ответил он. – Это – *первые врата сновидения*. Теперь, когда ты их преодолел, тебе кажется странным, что раньше тебе не удавалось по своей воле останавливаться, обращая внимание на какой-либо объект *сновидения*. Но не спеши считать это достижением. *Первые врата сновидения* являются естественным препятствием и преодолеваются автоматически просто за счет увеличения уровня энергии.

Затем дон Хуан настоял на том, что мы станем говорить о *сновидении* только в тех случаях, когда я буду находиться во *втором внимании* или когда он сам сочтет нужным. Он просил меня во что бы то ни стало продолжать практику, обещая со своей стороны ни во что не вмешиваться.

Постепенно осваиваясь с настройкой *сновидения*, я начал опять и опять испытывать ощущения, которые почему-то считал очень важными. Это было ощущение, словно я скатываюсь в канаву. Оно приходило точно в момент засыпания. Дон Хуан не вмешивался; он ни разу не сказал, что эти ощущения бессмысленны и позволил мне записывать все, что я считал нужным. Сегодня я отдаю себе отчет, насколько нелепо выглядел тогда в глазах дона Хуана. Если бы сегодня мне довелось обучать кого-нибудь практике *сновидения*, я, безусловно, немедленно пресек бы подобное поведение ученика. Дон Хуан же просто потешался надо мной и дразнил, называя скрытым эгоманьяком, который заявляет о том, что борется с чувством собственной важности, а сам потихоньку дотошно ведет сверх-личный дневник с надписью «Мои Сны» на обложке.

При каждом удобном случае дон Хуан подчеркивал, что энергия, необходимая для освобождения *внимания сновидения* появляется вследствие перераспределения той энергии, которая уже есть в нашем распоряжении. Он был абсолютно прав. Высвобождение *внимания сновидения* является естественным следствием корректировки образа жизни. Поскольку нет никакого внешнего

источника энергии, к которому мы могли бы подключиться, то для получения толчка нам остается лишь тем или иным способом перераспределять ту энергию, которой мы реально располагаем. Дон Хуан настаивал, что именно путь мага является наилучшей «смазкой» для приведения в действие механизма перераспределения энергии, и в этом смысле наиболее важным, наиболее эффективным достижением на пути мага является *потеря чувства собственной важности*. Дон Хуан был убежден, что это абсолютно необходимо для достижения успеха в любом действии мага, и настаивал, чтобы ученики уделяли особое внимание выполнению этого требования, утверждая, что чувство собственной важности является не только главнейшим и опаснейшим врагом мага, но и роковым барьером для всего человечества.

Дон Хуан считал, именно на удовлетворение чувства собственной важности уходит подавляющая часть нашей энергии. С особой очевидностью это проявляется в нашей постоянной обеспокоенности тем, как нас воспримут, как нам себя подать, какое впечатление мы производим. Нас всегда чрезвычайно сильно волнует, понравимся ли мы окружающим, признают ли нас и будут ли нами восхищаться. Если бы нам удалось хотя бы частично избавиться от чувства собственной важности, с нами произошли бы два необычайных события. Первое – высвободилась бы энергия, которой питается наша иллюзия собственного величия. Второе – появилась бы свободная энергия, достаточная для проникновения в сферу *второго внимания*, что позволило бы нам хотя бы мельком взглянуть на истинное величие вселенной. Чтобы научиться устойчиво фокусировать *внимание сновидения* на интересовавших меня объектах, мне понадобилось два года. Зато я настолько освоился, что чувствовал себя так, словно всю жизнь только этим и занимался. Самым невероятным было то, что я не мог даже представить себе, что когда-то этого не умел. Однако я помнил, насколько сложно мне было когда-то думать об этом даже как о потенциальной возможности. Однажды мне пришло в голову, что способность исследовать происходящее в *сновидениях* является нашей врожденной способностью, как, скажем, способность ходить. Человек от природы – двуногое существо, но какие усилия нам приходится прилагать, чтобы научиться ходить!

Новая способность рассматривать объекты снов «короткими взглядами» сопровождалась постоянными напоминаниями самому себе о том, чтобы это делать. Я, в общем, знал о своей склонности к брюзжанию, но во сне эта склонность усиливалась до такой степени, что в конце концов я начал злиться на самого себя и даже задался вопросом: не является ли это чьим-то посторонним влиянием? Временами я даже подумывал, что схожу с ума.

– Я без конца болтаю сам с собой во сне, напоминая себе о том, что нужно рассматривать объекты, – пожаловался я дону Хуану. В целом я старался придерживаться нашего соглашения обсуждать искусство *сновидения* только по его инициативе. Однако данный случай показался мне слишком серьезным.

– А это случайно не звучит так, будто говоришь не ты, а кто-то другой? – спросил дон Хуан.

– Подумать только – именно так! Это действительно звучит так, словно говорю не я.

– Тогда это – не ты. Но время для объяснения этого явления еще не пришло. Предположим, в этом мире мы не одни, что *сновидящему* доступны другие миры – полноценные целостные миры. Из этих полноценных целостных миров к нам являются энергетические сущности. В следующий раз, когда опять услышишь, как ты ворчишь на себя во сне, по-настоящему разозлишься и в приказном тоне рявкни: «Прекратить!»

Я столкнулся с новым для себя вызовом: необходимостью вовремя вспомнить о том, что следует выкрикнуть эту команду. И наверное потому, что уж слишком меня все это раздражало, я смог-таки вспомнить и рявкнул во сне: «Прекратить!» Ворчание тут же прекратилось и больше никогда не повторялось.

– Это происходит с каждым *сновидящим*? – спросил я у дона Хуана, когда мы встретились в очередной раз.

– С некоторыми, – безразличным тоном ответил он.

Я начал было пространно рассказывать о том, как все это было странно, но дон Хуан оборвал мою тираду, сказав:

– Теперь ты готов приблизиться ко *вторым вратам сновидения*.

Я тут же ухватился за возможность получить ответы на вопросы, теснившиеся в моем уме, поскольку задать их раньше не предоставлялось случая. Особенно меня интересовало то, что я пережил, когда он впервые заставил себя войти в состояние *сновидения*. Я сказал дону Хуану, что прекрасно помню все

объекты, которые мне удалось созерцать в моих собственных снах, но что мне не приходилось испытывать ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего то наше *сновидение* по яркости и насыщенности деталями.

– Чем больше я об этом думаю, – сказал я, – тем больше это меня интригует. Когда я разглядывал людей, бывших в том *сновидении*, меня охватил незабываемый страх. Было до такой степени жутко, что кровь буквально застыла в жилах. Что это было за чувство, дон Хуан?

– По-моему, твое энергетическое тело попало на удочку неведомой энергии того места. Поэтому, поскольку ты впервые столкнулся с чужеродной энергией, то возникшее у тебя чувство испуга и протеста было вполне естественным.

– Ты склонен вести себя подобно магам древних времен, – продолжал он. – Как только тебе предоставляется случай, ты отпускаешь свою точку сборки. В тот раз она сдвинулась на довольно значительное расстояние. В результате ты, как в свое время древние маги, отправился куда-то далеко за пределы известного нам мира. Путешествие столь же реальное, как и опасное.

Я пропустил его замечание мимо ушей, не вникая в его значение, поскольку меня интересовало другое. Я спросил:

– Тот город, вероятно, находился на другой планете?

– Ты пытаешься объяснить *сновидение*, опираясь на то, что знаешь, или полагаешь, что знаешь, – ответил он. – Единственное, что я могу тебе сказать, – это то, что город, в котором ты побывал, не находится в нашем мире.

– А где же он тогда находится?

– Вне этого мира, разумеется. Послушай, ведь ты не такой уж тупица. Ты все заметил с самого начала. И делаешь вид, что не понимаешь, только потому, что не можешь себе представить, чтобы что-то не принадлежало к этому миру.

– Хорошо, а вне этого мира – это где, дон Хуан?

– Можешь мне поверить, это «вне этого мира» является самой замысловатой вещью во всем магическом искусстве. Ты, например, полагаешь, что я видел тогда то же самое, что и ты. Ведь ты ни разу не спросил меня, что я видел. Но на самом деле ты, и только ты видел и тот город, и людей в нем. Я же ничего подобного не видел. Я *видел* энергию. Так что в данном

конкретном случае лично для тебя одного «вне этого мира» означало «в том городе».

– Но тогда, дон Хуан, тот город не был реальностью. Он существовал только для меня и только в моем уме.

– Нет. Не в этом дело. Теперь ты пытаешься свести нечто поистине трансцендентное к вещам самым обыкновенным. Но это невозможно. Путешествие было реальностью. Ты видел город. Я *видел* энергию. Ни ты, ни я не были правы. И ни ты, ни я не ошибались.

– Твои слова относительно реальности подобных вещей приводят меня в полную растерянность. Ведь ты только что говорил о том, что то место было реальным. Но, если это так, то как у нас с тобой могли возникнуть два различных варианта его образа?

– Очень просто. Наши версии различны, потому что на тот момент мы с тобой обладали различными характеристиками однородности и внутренней связи. А ведь я уже тебе говорил о том, что эти характеристики и есть ключи к восприятию.

– Как ты думаешь, мне удастся еще раз побывать в том самом конкретном городе?

– Меня привел туда ты. Так что я не знаю. Вернее, знаю, но объяснить не могу. Вернее, могу, но не хочу. Тебе просто следует выждать и самостоятельно выяснить, в чем тут дело.

Дон Хуан решительно прервал разговор на эту тему.

– Давай-ка вернемся к основной теме, – предложил он. – Вторые врата *сновидения* достигаются тогда, когда ты «просыпаешься» из одного сна в *другом сне*. Ты можешь иметь столько параллельных *сновидений*, сколько захочешь. Или столько, сколько сможешь.

Главное – в одинаковой степени все их контролировать и «проснуться» в одном из них, а не в нашем мире известного.

Меня охватила паника.

– Уж не хотел ли ты сказать, что я никогда не проснусь в этом мире? – спросил я.

– Нет, этого я не говорил. Но раз уж ты затронул эту тему, я вынужден сказать тебе, что такое тоже возможно. Маги древности имели обыкновение так поступать. Они никогда не просыпались в этом мире известного. Так поступили и некоторые из магов моей линии. Конечно, это можно сделать, но я бы не советовал. Я хочу, чтобы по окончании практики *сновидения* ты проснулся самым обычным и естественным образом. Но вот во время практики тебе

должно присниться, что ты проснулся в *другом сне*.

Невольно у меня вырвался тот же вопрос, который я задавал ему, когда он впервые рассказывал о *настройке сновидения*. Я услышал собственный голос, вопрошающий:

– Но разве такое возможно?

Дон Хуан явно заметил, что я не в себе, и со смехом ответил так же, как и в тот раз:

– Разумеется, это возможно. Все дело в самоконтроле, и он ничем принципиально не отличается от самоконтроля, которым мы пользуемся в повседневной жизни.

Я наконец справился со своим замешательством и приготовился задать следующий вопрос, но дон Хуан опередил меня, заговорив о *гранях вторых врат сновидения*. Его объяснения ввергли меня в еще более глубокое замешательство.

– Существует одна проблема, связанная со вторыми *вратами сновидения*, – сказал он. – И она может быть очень и очень серьезной. Все зависит от особенностей характера. И если нам присуща тенденция идти на поводу у нашей склонности цепляться за вещи и привязываться к ситуациям, – у нас могут возникнуть серьезные затруднения.

– Каким образом, дон Хуан?

– А ты подумай. Ведь тебе уже приходилось, исследуя содержимое снов, испытывать необычный манящий интерес, странное удовольствие. Теперь представь себе: ты переходишь от одного *сновидения* к другому, все разглядываешь, исследуешь каждую деталь. Нетрудно понять, что таким образом можно забраться в смертельные глубины, откуда нет выхода. Особенно если человеку свойственно индуглирование.

– Неужели тело или мозг естественным образом не среагируют и не пресекут это?

– Пресекут, если это естественный, то есть нормальный сон. Но в нашем случае о нормальном сне речь не идет. Мы говорим о *сновидении*. А *сновидящий*, преодолевший *первые врата сновидения*, достиг осознания энергетического тела. И именно энергетическое тело проходит сквозь *вторые врата сновидения*, перескакивая из одного сна в другой.

– Что же из всего этого следует, дон Хуан?

– То, что после преодоления *вторых врат сновидения* тебе следует сформировать *намерение* обрести еще более жесткий и трезвый

контроль над *вниманием сновидения*, потому что оно – единственный предохранительный клапан для *сновидящего*.

– Что такое предохранительный клапан?

– Тебе еще предстоит обнаружить, что истинной целью *сновидения* является совершенствование энергетического тела. А совершенное энергетическое тело обладает, кроме всего прочего, настолько четким контролем над *вниманием сновидения*, что может остановиться по знаку последнего там, где это необходимо. Это и есть тот предохранительный клапан, который имеется в распоряжении *сновидящих*. И не важно, насколько глубоко погрузился *сновидящий* и в какой степени он indulgiрует в данный конкретный момент, *внимание сновидения* должно выбросить его на поверхность, как только в этом возникает необходимость.

Итак, я вновь взялся за практику *сновидения*, отправившись на поиск теперь уже непонятно чего. На этот раз цель просматривалась гораздо менее ясно, чем прежде, а трудности еще более возросли. Точно так же, как и в случае с первым заданием, я никак не мог решить, что же мне делать. В сознание мое закралось довольно обескураживающее подозрение относительно того, что на этот раз вся моя практика вряд ли сможет чем-нибудь мне помочь. После бесчисленных неудач я возвратился к исходной точке, просто продолжив практику фиксации *внимания сновидения* на каждом из объектов, присутствовавших в моих *снах*. Я согласился с тем, что чего-то мне не хватает, и это, похоже, дало мне некий толчок. С возросшим мастерством я мог теперь удерживать образ любого объекта *сновидения*.

Год прошел без каких бы то ни было перемен. Потом вдруг, в один день что-то изменилось. Я видел сон. В нем я разглядывал окно, пытаясь выяснить, удастся ли мне рассмотреть расстилавшийся за стенами комнаты пейзаж. Вдруг какая-то похожая на ветер сила, которую я ощущал как звон в ушах, вытянула меня сквозь окно наружу. Причем за мгновение до этого мое *внимание сновидения* было привлечено какой-то странной конструкцией, маячившей в отдалении. Она была похожа на трактор. В следующее мгновение я осознал, что стою рядом с ним и внимательно его изучаю.

Я совершенно четко осознавал, что это – *сновидение*. Я осмотрелся, чтобы выяснить, не вывалился ли я из окна, на которое смотрел. Судя по окружавшему меня пейзажу, я находился

где-то на ферме в сельской местности. В пределах видимости не было никаких зданий. Я хотел было как следует это осмыслить, однако все мое внимание было привлечено огромным количеством сельскохозяйственной техники, находившейся вокруг. Похоже было, что вся техника брошена. Я разглядывал сенокосилки, тракторы, зерноуборочные комбайны, дисковые плуги, молотилки. Их было так много, что я забыл о сне, с которого все началось. Потом я решил сориентироваться, осмотрев тот пейзаж, который окружают меня в данный момент. На некотором расстоянии виднелось нечто, похожее на огромный рекламный щит, подобный тем, что во множестве расставлены вдоль всех дорог Америки. Вокруг него виднелись телеграфные столбы.

Стоило мне сосредоточить внимание на рекламном щите, как я в то же мгновение обнаружил, что стою рядом с ним. Стальная конструкция внушала страх. В ней была угроза. На самом щите было изображено здание. Я прочел текст – это была реклама мотеля. Со странной определенностью я был уверен, что нахожусь либо в Орегоне, либо в северной Калифорнии.

Я продолжал рассматривать пейзаж этого сна. Где-то очень далеко виднелись горы, а несколько ближе – зеленые округлые холмы. По холмам были разбросаны группы деревьев. Я решил, что это – калифорнийские дубы. Я захотел, чтобы зеленые холмы притянули меня к себе, но вместо этого был притянут далекими горами. Я был убежден, что это – Сьерра.

Там, в горах, меня покинула вся энергия, которой я обладал в *сновидении*. Но прежде чем это произошло, меня последовательно притягивали к себе все детали картины, на которые я обращал внимание. Сон перестал быть сном. Я воистину находился в горах Сьерры, по крайней мере об этом говорило мне мое восприятие. Словно сквозь фотообъектив с электронным увеличителем, я вглядывался в расщелины, валуны, деревья, пещеры. По отвесным склонам я поднимался к вершинам гор, и все это продолжалось до тех пор, пока я полностью не обессилел, утратив способность сосредоточивать *внимание сновидения* на чем бы то ни было. Я почувствовал, что теряю контроль. В конце концов я обнаружил, что больше нет никакого пейзажа, но только лишь непроглядная тьма.

– Ну что же, ты добрался до *вторых врат сновидения*, – сообщил мне дон Хуан, когда я рассказал ему об этом *сновидении*. – Теперь

тебе предстоит сквозь них пройти. Преодоление *вторых врат сновидения* – это очень серьезно. Для этого необходимо усилие, необходима строжайшая дисциплина.

Я не был уверен в том, что справился с поставленной задачей, поскольку в *другом сне* по-настоящему не просыпался. Я задал дону Хуану вопрос по поводу этой неувязки.

– Это моя ошибка, – ответил он. – Я говорил тебе, что необходимо проснуться в *другом сне*, но имелось в виду несколько иное: нужно последовательно и точно менять сны. Именно это ты и совершил.

– Подбираясь к *первым вратам*, ты потратил массу времени впустую, разглядывая исключительно собственные руки. На этот раз ты направился прямо к цели, не особо утруждая себя выполнением данной тебе инструкции проснуться в *другом сновидении*.

Затем дон Хуан сказал, что существует два корректных способа преодоления *вторых врат сновидения*. Первый – проснуться в *другом сне*, то есть увидеть во сне, что видишь сон и во сне же увидеть, что проснулся. Второй – использовать объекты *сновидения* для переключения на *другой сон*, как сделал это я. Как обычно, дон Хуан в очередной раз предоставил мне возможность практиковаться без какого бы то ни было вмешательства с его стороны. Я же занялся отработкой обоих описанных им способов. Либо мне снилось, что у меня был сон, в котором мне снилось, что я проснулся, либо, как будто глядя сквозь объектив электронного фотоувеличителя, я переходил от чего-нибудь, непосредственно доступного моему *вниманию сновидения*, к чему-либо не столь доступному. Иногда я применял второй способ в слегка измененном варианте: я вглядывался в какой-нибудь из объектов *сновидения* до тех пор, пока он не начинал изменять форму, втягивая меня тем самым сквозь звенящий вихрь в другой сон. Однако мне никогда не удавалось предугадать заранее, каким из трех способов я воспользуюсь в данном конкретном *сновидении*. Заканчивались же мои тренировки по отработке искусства *сновидения* либо тем, что я «выскакивал» из *внимания сновидения* и просыпался, либо тем, что я проваливался в темный, глубокий беспробудный сон. Все шло гладко. Единственное, что меня беспокоило, – это все чаще повторявшееся ощущение некоторой помехи, что-то вроде приступов страха или дискомфорта. Я полагал, что это

обусловлено либо моим отвратительным питанием, либо тем, что как раз в то время дон Хуан часто давал мне галлюциногенные растения, что тоже входило в программу моих занятий. Однако в конце концов приступы сделались настолько явными, что я вынужден был обратиться к дону Хуану за советом.

– Ты прикоснулся к самой опасной грани магического знания, настоящему кошмару, истинному страху, – начал он. – Я обязан прямо сказать тебе об этом, не церемонясь с твоим любимым рационализмом. С этой гранью неизбежно сталкивается каждый маг. Боюсь, что если бы я тебя не предупредил, то на этом этапе ты вполне мог бы сорваться и запаниковать, считая, что где-то допущена ошибка.

Дон Хуан очень серьезно объяснил мне, что жизнь и сознание как энергетические категории не являются исключительным свойством живых организмов. Маги *увидели*, что существует два типа сознательных существ, скитающихся по этой земле – органические существа и существа неорганические. Сравнивая их друг с другом, маги увидели, что и те, и другие являются сгустками свечения, сквозь которые во всех мыслимых направлениях струятся миллионы энергетических волокон вселенной. Отличаются они друг от друга формой и яркостью. Неорганические существа имеют вытянутые формы, похожие на свечи, и светятся тусклым светом. Органические же существа более округлы и обладают гораздо более ярким свечением. Еще одно существенное различие между ними, которое *увидели* маги, состоит в том, что жизнь и сознание органических существ быстротечны, поскольку существа эти вынуждены жить в постоянной спешке. Неорганические существа живут неизмеримо дольше, потому что сознание их исполнено бесконечного покоя и глубины.

– Без особых сложностей маги могут взаимодействовать с неорганическими существами, – продолжал дон Хуан, – потому что последние обладают сознанием – главной характеристикой, необходимой для взаимодействия.

– Но они действительно существуют? – спросил я. – Так же реально, как ты и я?

– Конечно, существуют, – ответил он. – Можешь мне поверить, маги – создания исключительно разумные. Ни при каких условиях они не стали бы заигрывать с предрассудками, принимая их

впоследствии за реальность.

– Почему ты говоришь, что эти существа – живые?

– С точки зрения мага обладать жизнью значит – обладать сознанием. То есть иметь точку сборки с окружающим ее свечением сознания. Именно это указывает магу на то, что существо, с которым он имеет дело, не важно – органическое оно или неорганическое, вполне обладает способностью к осознанию. Маги рассматривают наличие восприятия как необходимое условие жизни.

– Тогда неорганические существа также должны умирать. Это верно, дон Хуан?

– Естественно. Они утрачивают свое осознание точно так же, как и мы. Просто продолжительность существования их сознания поистине умопомрачительная.

– Неорганические существа сами являются магам?

– В их случае очень трудно сказать, что есть что. Скажем так: мы приманиваем их или, вернее, вынуждаем их с нами взаимодействовать.

Мгновение дон Хуан буквально сверлил меня взглядом.

– До тебя это совершенно не доходит, – уверенно заключил он.

– Я почти не в состоянии думать об этом с точки зрения здравого смысла, – сказал я.

– А я тебя предупреждал, что твоему рассудку предстоит серьезное испытание. В этом случае целесообразно оставить все как есть и предоставить событиям возможность идти своим чередом. Я имею в виду – позволить неорганическим существам прийти к тебе.

– Ты это серьезно, дон Хуан?

– Абсолютно серьезно. Сложность взаимодействия с неорганическими существами, заключается в том, что их сознание действует чрезвычайно медленно по сравнению с нашим. И на то, чтобы они признали мага, уходят годы. Потому рекомендуется запастись терпением и ждать. Рано или поздно они покажутся. Но не так, как показались бы ты или я. Они дают о себе знать весьма специфическим способом.

– Как маги их приманивают? Существует какой-то ритуал?

– Ну, уж во всяком случае, маги не выходят на середину дороги и не вызывают к ним оттуда дрожащим голосом, когда бьет полночь, если под ритуалом ты понимаешь что-то в этом роде.

– А что же они делают?

– Они приманивают их посредством *сновидения*. Я же сказал, что это нечто большее, чем просто приманивание. Посредством практики *сновидения* маги вынуждают их к взаимодействию.

– Каким образом маги их вынуждают?

– *Сновидение* означает удерживание точки сборки там, куда она сдвинулась во сне. Образующийся вследствие этого энергетический потенциал привлекает внимание неорганических существ. Как наживка привлекает рыб. И они идут на эту наживку. Достигая и преодолевая *первые и вторые врата сновидения*, маги забрасывают наживку для неорганических существ и тем самым вынуждают их явиться.

Преодолев *первые и вторые врата сновидения*, ты довел до их сведения свое приглашение. Теперь жди, пока они подадут тебе знак.

– Каким может быть этот знак, дон Хуан?

– Вполне возможно, что кто-то из них явится тебе, хотя для этого еще слишком рано. По-моему, знаком будет просто некоторое постороннее вмешательство в твоё *сновидение*. Я полагаю, что приступы страха, которые в последние дни ты испытываешь в *сновидениях*, обусловлены не нарушением пищеварения, но импульсами энергии, которые посылают тебе неорганические существа.

– И что мне теперь делать?

– Обмануть собственные ожидания.

Я не мог понять, что он имеет в виду. Дон Хуан подробно объяснил. Чего мы ожидаем, вступая во взаимодействие с людьми или другими органическими существами? Немедленной реакции на свой запрос. Однако неорганические существа отделены от нас самым труднопреодолимым барьером – другими скоростями движения энергии. Поэтому мгновенной реакции быть не может, и маг должен обмануть свои ожидания, продолжая действовать в режиме запроса столько времени, сколько потребуется на то, чтобы его запрос был принят.

– Ты хочешь сказать, дон Хуан, что запрос и практика искусства *сновидения* в данном случае одно и то же?

– Да. Но для того, чтобы получить совершенный результат, тебе следует добавить к своей практике *намерение* добраться до неорганических существ. Послать им чувство силы и уверенности, чувство могущества и отрешенности. И любой ценой избежать

того, чтобы их достигло твое чувство страха или подавленности. Они достаточно мрачны сами по себе. Добавлять к их мрачности свою тебе по меньшей мере не обязательно.

– Мне не совсем ясно, дон Хуан, каким образом они являются *сновидящим*. Что это за особый способ, которым они дают о себе знать?

– Случается, что они материализуются в этом мире – прямо перед нами. Хотя большую часть времени они невидимы, а присутствие их проявляется в виде особого ощущения в теле человека, своего рода встряски или дрожи, которая пробивает человека до мозга костей.

– А в *сновидении*, дон Хуан?

– В *сновидении* все наоборот. Временами мы ощущаем их так, как ощущал ты – как приступы страха. В большинстве случаев они материализуются, возникая прямо перед нами. Поскольку поначалу у нас нет опыта обращения с ними, они могут внушить нам безмерный страх. И это по-настоящему опасно для нас. По каналу страха они способны проследовать за человеком в мир повседневности. Результаты этого могут быть поистине катастрофическими.

– В каком смысле, дон Хуан?

– В его жизни может прочно укорениться страх. Совладать с этим страхом способен только воистину великий одинокий воин. Неорганические существа могут быть истинными паразитами – хуже чумы. Нагоняя на человека страх, они вполне способны свести его с ума.

– А что делают с неорганическими существами маги?

– Сливаются с ними. Превращают их в своих союзников. Образуют сообщества. Иногда их контракты выливаются в необычайную дружбу. Я называю такие отношения сотрудничеством без границ. Главнейшую роль в них играет восприятие. Ведь мы – существа общественные и неизбежно ищем компании других сознаний.

Секрет успешного налаживания контактов с неорганическими существами заключается в том, что их не нужно бояться. Причем послание, которое человек им посылает, должно быть исполнено силы и отрешенности. В нем должно быть закодировано: «Я вас не боюсь. Приходите повидаться. Если явитесь – буду рад вас видеть. Если не захотите прийти – мне будет вас не хватать». Когда

неорганические существа получают такое послание, их охватывает настолько неудержимое любопытство, что они непременно приходят.

— Но для чего им приходиться ко мне, или с какой стати я должен стремиться к встрече с ними?

— *Сновидящие* ищут в своих *сновидениях* контактов с другими существами. Нравится нам это или нет — не имеет значения. Может быть, это тебя шокирует, но *сновидящие* автоматически стремятся отыскать группы существ, с которыми у них может установиться связь, своего рода узы. *Сновидящие* поистине жаждут их отыскать.

— Это кажется мне очень странным, дон Хуан. Зачем *сновидящие* это делают?

— Неорганические существа — нечто новое для нас. А для них новинкой становятся те из нас, кто переходит через границу их сферы бытия. Благодаря своему великолепному сознанию, неорганические существа обладают для *сновидящего* огромной притягательной силой и могут переносить его в неописуемые миры. Запомни это хорошенько, и никогда об этом не забывай.

— Этим пользовались маги древних времен — именно им обязан своим происхождением термин «союзники». Союзники этих магов научили их смещать точку сборки за пределы светящегося яйца — в нечеловеческую вселенную. Таким образом, когда маг использует их в качестве транспортного средства, они переносят его в миры, находящиеся за пределами сферы человеческого.

Я слушал его, и меня одолевали странные страхи и дурные предчувствия. Дон Хуан мгновенно понял, в чем дело.

— Ты религиозен до предела, — рассмеялся он. — И в настоящий момент почувствовал на своем затылке дыхание дьявола. А ты подумай об этом иначе. Мы верим, что может быть воспринято то-то и то-то. А *сновидение* — это восприятие того, что выходит за пределы возможного.

Во время бодрствования меня беспокоила возможность реального существования неорганических существ. Но когда я спал, мое сознательное беспокойство особой силы не имело. Приступы физического страха продолжались, но за ними неизменно приходило странное спокойствие. Оно овладевало мной и позволяло мне продолжать, словно и не было никакого страха. Тогда мне казалось, что каждый прорыв в моем *сновидении* случался внезапно, без предупреждения. Появление в моих снах

неорганических существ не явилось исключением. Это случилось, когда мне снился цирк из моего детства. Окружающая обстановка напоминала пейзаж маленького городка в горах Аризоны. Я принялся рассматривать людей, испытывая никогда не покидавшую меня смутную надежду снова увидеть тех людей, которых я видел, когда дон Хуан впервые заставил меня войти в сферу *второго внимания*.

Наблюдая за ними, я ощутил всплеск нервозности – толчок под ложечкой, похожий на удар в солнечное сплетение. Толчок несколько меня отвлек, и я потерял из виду людей, цирк и городок в горах Аризоны. Вместо всего этого передо мной стояли две фигуры совершенно жуткой наружности. Они были тощие – не шире фута в плечах – и длинные – футов около семи. Они угрожающе нависали надо мной, как два гигантских земляных червя.

Я знал, что это *сон*, но я также знал и то, что я *вижу*. О *видении* мы с доном Хуаном беседовали, когда я был как в нормальном состоянии, так и в состоянии *второго внимания*. И, хотя я не мог тогда испытать это на собственном опыте, мне казалось, что понял идею непосредственного восприятия энергии. И в том сне, глядя на эти странные призраки, я понял, что *вижу* энергетическую сущность чего-то невероятного.

Я был очень спокоен. Я не двигался. Самым замечательным для меня было то, что они не рассеялись и не трансформировались во что-нибудь другое, оставаясь зримыми существами, по форме напоминавшими свечи. В них было нечто, заставлявшее меня удерживать восприятие их формы. Я знал это, поскольку что-то говорило мне, что, если я не буду двигаться, они тоже останутся на месте.

В определенный момент все закончилось. Я проснулся от испуга и немедленно попал в осаду множества страхов. Мною овладела глубокая обеспокоенность – нечто подобное физическому страданию, какая-то печаль, не имеющая под собой оснований.

С тех пор две странные фигуры являлись мне каждый раз, когда я практиковал *сновидение*. Со временем получилось так, словно вся моя *сновидческая* практика только затем и была нужна, чтобы я с ними встретился. Они никогда не пытались ни приблизиться ко мне, ни вступить в какое бы то ни было взаимодействие. Они просто недвижимо стояли передо мной все время, пока длился мой

сон. Я не только ни разу не сделал усилия изменить свои сны, более того, – даже забыл, ради чего, собственно, практикую *сновидение*.

К тому времени, когда я, наконец, рассказал дону Хуану о том, что со мной происходит, я уже несколько месяцев созерцал только эти две фигуры.

– Ты застрял на очень опасном перекрестке, – сказал дон Хуан. – Будет неправильно, если ты их прогонишь. Однако позволить им остаться – тоже ошибка. В настоящее время их присутствие – помеха в твоей практике *сновидения*.

– Что же мне делать, дон Хуан?

– Встретиться с ними прямо сейчас, в нашем мире, и сказать им, чтобы они приходили позже, когда в твоём *сновидении* будет больше силы.

– Но как с ними встретиться?

– Это непросто, но возможно. Нужно только, чтобы кишка у тебя была не слишком тонка. Но она у тебя не тонка, будь спокоен.

И, не ожидая, пока я начну уверять его, что как раз кишка-то у меня и тонка, да к тому же весьма, он потащил меня куда-то в холмы. Жил он тогда на севере Мексики и предварительно позаботился о том, чтобы у меня сложилось впечатление о нем как об одиноком колдуне, всеми позабытом и выпавшем из потока человеческой жизни старце. Правда, меня слегка настораживала его внезапно проявляющаяся поистине безмерная интеллигентность. Поэтому я был склонен мириться с некоторыми его проявлениями, так как был наполовину уверен в том, что это просто его причуды.

Его любимым коньком была особая хитрость, которую маги отработывали на протяжении многих столетий. Он добивался того, чтобы в нормальном своем состоянии я понял все, что только был способен понять. В то же время, вводя меня в состояние *второго внимания*, он добивался того, что я либо понимал, либо по крайней мере увлеченно внимал всему, чему он меня учил. Таким образом он как бы разделял меня на две части. Пребывая в обычном состоянии, я не мог сообразить, почему или каким образом получается так, что я склонен принимать его эксцентричные выходки всерьез. Когда же я находился в состоянии *второго внимания*, все это имело для меня вполне определенный смысл. Дон Хуан утверждал, что *второе внимание* в принципе доступно

любому из нас, но, старательно цепляясь за спасительную соломинку своего рационализма, мы – одни более яростно, другие менее – отпихиваем от себя *второе внимание*, не подпуская его ближе, чем на расстояние вытянутой руки. Идея дон Хуана состояла в том, что *сновидение* устраняет барьеры, которыми мы ограждаем себя от *второго внимания*, тем самым себя изолируя. В тот день, когда он повел меня в холмы Соноранской пустыни на встречу с неорганическими существами, я находился в обычном состоянии осознания. Однако откуда-то мне все же было известно, что предстоит совершить нечто, и это нечто определенно окажется чем-то невероятным.

В пустыне прошел небольшой дождик. Рыжая почва еще не просохла и прилипала к резиновым подошвам моих ботинок. Чтобы избавиться от тяжелых комков, мне то и дело приходилось наступать на камни. Мы шли на восток, поднимаясь к холмам. Когда мы добрались до глубокой лощины между двумя холмами, дон Хуан остановился.

– Ну вот, это, пожалуй, идеальное место для того, чтобы вызвать твоих друзей, – сказал он.

– Моих друзей? Почему ты их так называешь?

– Они сами тебя выбрали. Когда они так поступают, это означает, что они ищут контакта. Я же говорил тебе, что между ними и магами образуются узы дружбы. Похоже, именно с такой ситуацией мы столкнулись в твоем случае. И от тебя даже не требуется функционировать в режиме запроса.

– А в чем, собственно, заключается такого рода дружба, дон Хуан?

– Во взаимном обмене энергией. Неорганические существа вкладывают в нее свой высокий уровень сознания, а маги – свое повышенное осознание и свою высокую энергию. Если результат оказывается положительным – происходит паритетный обмен. Но он может быть и отрицательным, тогда возникает взаимная зависимость.

Древние маги, как правило, любили своих союзников. Фактически, они любили своих союзников больше, чем своих ближних. И я усматриваю в этом огромную опасность.

– Ладно, что ты советуешь мне предпринять, дон Хуан?

– Вызывай их. Потом прикинешь их размеры и сам решишь, что делать дальше.

– Что делать, чтобы их вызвать?

– Воспроизведи в уме тот их облик, в котором они являлись тебе в *сновидении*, и зафиксируй его. Причина, по которой они старались, чтобы ты насытился их присутствием в *сновидениях* – в том, что они хотели оставить в твоём уме память об их формах. А сейчас пришло время этим воспользоваться.

Дон Хуан жестко приказал мне закрыть глаза и не открывать их. Затем подвел к каким-то камням и усадил на них. Они были твердыми, холодными и лежали под углом, так что трудно было удерживать равновесие.

– Сиди здесь и визуализируй их формы до тех пор, пока они не сделаются в точности такими, какими были во *сне*, – сказал дон Хуан мне на ухо. – Дашь мне знать, когда они будут в фокусе. Очень быстро и почти без усилий мне удалось воспроизвести в уме образ их формы, такой же, как тот, что я видел во *сне*. То, что мне удалось это сделать, ничуть меня не удивило. Поразило меня совсем другое. Несмотря на то, что я отчаянно пытался подать дону Хуану знак, что уже представил их себе, мне не удавалось ни открыть глаза, ни выдать из себя хотя бы слово. Я определенно не спал. И все слышал.

Я слышал, как дон Хуан произнес:

– Теперь можешь открыть глаза.

Я открыл их без труда. Я сидел, скрестив ноги, на каких-то камнях. Это были не те камни, на которые дон Хуан усадил меня вначале. Сам он находился где-то позади и чуть справа от меня. Я попытался обернуться, чтобы на него взглянуть, но он не позволил, задержав мою голову в прямом положении. А потом я увидел две темные фигуры, похожие на два тонких древесных ствола. Они были прямо передо мной.

Раскрыв от удивления рот, я уставился на них. Они были совсем не такими высокими, как во сне. Они сжались до половины своих исходных размеров. Вместо двух форм тусклой светимости передо мной были две плотные, темные, почти черные, угрожающие палки.

– Встань и схвати одного из них, – велел мне дон Хуан, – и не отпускай, как бы тебя ни трясло.

Мне явно не хотелось проделывать что-либо в этом роде, но некое неведомое побуждение заставило меня встать против моей воли. В тот же миг я ясно осознал: закончится тем, что я выполню все, хотя сознательного намерения подчиняться приказу дон Хуана я

не испытывал.

Я механически приблизился к двум фигурам. Сердце едва не выскакивало из грудной клетки. Я схватил того, который был справа. То, что я почувствовал, напоминало электрический разряд, который едва не заставил меня отпустить темную фигуру.

Тут до меня донесся голос дона Хуана, словно он кричал откуда-то издалека:

– Если ты бросишь его, тебе конец!

Я продолжал держать фигуру. Она изгибалась и тряслась, но не так, как массивное животное, а как нечто пушистое, легкое и словно наэлектризованное. Мы возились на песчаном дне лощины и катались по нему довольно долго. Один за другим меня пронизывали тошнотворные импульсы электрического тока. Я подумал, что это воспринимается столь мерзким из-за того, что отличается от той энергии, с которой мне приходилось иметь дело в мире повседневности. Когда «это» било меня током, я дергался, орал и рычал, как зверь. Не от боли, а от какой-то странной злости. Наконец, оно замерло подо мной – неподвижное, почти твердое. Инертное. Я спросил у дона Хуана, не умерло ли оно, но голоса своего не услышал.

– Ни в коем случае, – со смехом сказал кто-то; этот кто-то не был доном Хуаном. – Просто ты исчерпал заряд его энергии. Но не вставай еще. Полежи немного.

Я вопросительно взглянул на дона Хуана. Он изучал меня с огромным любопытством. Потом помог мне подняться. Темная фигура осталась лежать на земле. Я хотел спросить дона Хуана, все ли с этой фигурой в порядке. И снова не сумел выговорить ни слова. И тут я совершил нечто необычайное. Я согласился с тем, что все это – реально. До этого момента в уме оставалось что-то, оберегавшее мой рационализм, считая происходящее сном, навеванным манипуляциями дона Хуана.

Я подошел к распростертой на земле фигуре и попытался ее поднять. Это мне не удалось – ее невозможно было обхватить, поскольку она не имела массы. Я был сбит с толку. Тот же голос, не принадлежавший дону Хуану, велел мне лечь сверху на неорганическое существо. Я так и поступил, а когда поднялся на ноги, оно поднялось вместе со мной, словно прилипшая к моему телу тень. Потом оно мягко отделилось от меня и исчезло, оставив мне какое-то исключительно приятное ощущение полноты.

На то, чтобы полностью восстановить контроль над собой, мне потребовалось более суток. Большую часть времени я проспал. Время от времени дон Хуан проверял мое состояние, задавая один и тот же вопрос:

– Энергия неорганического существа была похожа на огонь или на воду?

Глотка моя была словно обожжена. Потому я не мог ответить ему, что импульсы энергии, которые я ощущал, напоминали струи наэлектризованной воды. Я не имею понятия о том, что такое струи наэлектризованной воды, поскольку никогда в жизни ничего подобного не ощущал. Я вообще не уверен, что такое явление можно воспроизвести или почувствовать. Но именно такой образ всплывал в моем уме каждый раз, когда дон Хуан задавал мне свой ключевой вопрос.

Когда я, наконец, понял, что полностью пришел в себя, дон Хуан спал. Зная, что вопрос его имеет очень большое значение, я разбудил его и все ему рассказал.

– Среди неорганических существ у тебя не будет друзей, которые бы тебе помогали. С ними у тебя может возникнуть только раздражающая связь по типу обременительной взаимозависимости, – заключил он. – Будь чрезвычайно осторожен. Водяные неорганические существа наиболее склонны к излишествам. Древние маги считали, что они сильнее любят, лучше притворяются и даже, возможно, обладают эмоциями. В противоположность неорганическим существам огненного свойства, которых древние маги считали серьезными, более сдержанными, но также и более напыщенными.

– А какое все это имеет значение для меня, дон Хуан?

– Слишком большое, чтобы говорить об этом сейчас. Советую тебе преодолеть все страхи, которые присутствуют в твоих снах и в твоей жизни. Тогда ты сможешь сохранить собственное единство. Неорганическое существо, которое ты лишил энергии, а затем снова зарядил, было вне себя от этого приключения. И явится, чтобы его повторить.

– Но почему ты меня не остановил, дон Хуан?

– Ты не дал мне времени это сделать. Кроме того, ты вообще даже не слышал, как я кричал, чтобы ты оставил его на земле.

– Нужно было подробно проинструктировать меня заранее, как ты обычно это делаешь, относительно всех возможных вариантов

развития событий.

– Я не мог предвидеть всех возможных вариантов. Я вообще почти новичок в том, что касается неорганических существ. В свое время я отказался от этой части знания магов на том основании, что она слишком обременительна и зыбка. Я не хочу зависеть ни от каких сущностей, будь они органическими или неорганическими.

На этом наш разговор закончился. Очевидно, мне следовало бы беспокоиться, поскольку реакция его на происшедшее определенно была отрицательной. Но я не беспокоился. Я почему-то был уверен, что все сделал правильно.

В дальнейшем неорганические существа в мою практику *сновидения* никогда не вмешивались.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

ФИКСАЦИЯ ТОЧКИ СБОРКИ

С тех пор, как мы с доном Хуаном условились о том, чтобы обсуждать мою практику *сновидения* только тогда, когда он сочтет это необходимым, я редко начинал говорить о ней сам и никогда не задавал лишних вопросов. Поэтому я всегда с особой готовностью слушал его, когда он затрагивал эту тему. Его объяснения и рекомендации относительно *сновидений* неизбежно касались и других аспектов его учения.

Однажды, когда я был у него дома и мы разговаривали о каком-то отвлеченном предмете, дон Хуан без всякого предисловия сказал, что посредством установления контактов с неорганическими объектами в *сновидении* старые маги в совершенстве овладели искусством перемещения точки сборки – предметом весьма непростым и опасным.

Я сразу же воспользовался возможностью попросить дона Хуана приблизительно сказать, когда жили старые маги. И раньше при разных обстоятельствах я задавал тот же вопрос, но никогда не получал на него удовлетворительного ответа. Но поскольку на сей раз он сам затронул эту тему, я был уверен, что он удовлетворит мое любопытство.

– Это довольно запутанный вопрос, – сказал он.

Он произнес эти слова таким тоном, что у меня возникла уверенность в его нежелании рассматривать этот вопрос. Я был очень удивлен, когда он продолжил.

– Он будет таким же испытанием для твоего здравого смысла, как и все связанное с неорганическими существами. Кстати, что ты сейчас о них думаешь?

– Я отложил в сторону свои мнения о них, – сказал я. – Теперь я не могу придерживаться ни одной конкретной точки зрения.

Мой ответ вызвал у него восхищение. Он засмеялся и заговорил о своем страхе и отвращении к неорганическим существам.

– Я никогда не испытывал к ним пристрастия, – сказал он. –

Конечно, главной причиной этого был мой страх перед ними. В

свое время я не смог от него отделаться, а затем он стал постоянным.

– Ты и сейчас их боишься, дон Хуан?

– Сейчас я ощущаю скорее отвращение, чем страх. Я не хочу иметь с ними ничего общего.

– Существует ли какая-нибудь определенная причина для этого отвращения?

– Лучшая причина в мире – мы с ними воплощаем полные противоположности. Они любят властвовать, – я люблю свободу. Они стремятся купить, я же не продаю.

Я почувствовал необъяснимое волнение и резко заявил ему, что эта тема кажется настолько далекой от моих проблем, что я не воспринимаю ее всерьез.

Некоторое время он пристально смотрел на меня, улыбаясь, а затем сказал:

– Лучшее, что можно делать с неорганическими существами, – это как раз то, что делаешь ты: отрицать их существование, но регулярно посещать их, придерживаясь мысли, что ты находишься во сне, где, по твоему мнению, все возможно. Таким образом ты как бы ничем не рискуешь.

Я ощутил непонятное мне чувство вины, причину которой не мог объяснить. Я вынужден был спросить:

– Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

– Твои встречи с неорганическими существами, – сухо ответил он.

– Ты надо мной смеешься? Какие встречи?

– Я не хотел поднимать этот вопрос, но мне кажется, что пришло время сказать тебе кое-что о том ворчливом голосе, который ты слышишь в *сновидении*, и который напоминает тебе о необходимости концентрации внимания на всем наблюдаемом тобой. Так вот, – это голос неорганического существа.

Я подумал, что дон Хуан совершенно непоследователен. Меня это настолько рассердило, что я даже громко возмутился в его адрес. В ответ он рассмеялся и попросил меня рассказать о необычных происшествиях, случающихся в моей практике *сновидения*. Эта просьба меня удивила. Я никогда никому не упоминал о том, что довольно часто выпадал из состояния *сновидения*, увлеченный каким-нибудь определенным предметом. При этом вместо того, чтобы изменить что-то во сне, как следовало поступить в этом случае, я обнаруживал, что изменял весь настрой сна и находил

себя в совершенно незнакомом измерении. Я парил в нем под воздействием какой-то невидимой силы, которая все время кружила меня. Я всегда выходил из таких *сновидений*, продолжая кружиться, и долго поднимался и опускался, пока не просыпался полностью.

– Это были твои встречи лицом к лицу с друзьями из неорганического мира, – сказал дон Хуан.

Я не мог с ним спорить, но не хотел и соглашаться. Я продолжал молчать. Я забыл свой вопрос о магах прошлого, но дон Хуан снова поднял эту тему.

– Я думаю, что старые маги существовали около десяти тысяч лет назад, – сказал он, улыбаясь и наблюдая за моей реакцией.

Я уверенно заявил, что эти данные неправильны, основывая свой ответ на последних результатах археологических исследований о миграции азиатских кочевых племен на американский континент. Все это происходило не десять тысяч лет назад, а намного позже.

– У тебя свои представления, у меня – свои, – сказал он. – Я знаю, что древние маги жили в течение четырех тысячелетий, с пятого по первое тысячелетие до нашей эры. Три тысячи лет тому назад они исчезли. С тех пор маги постоянно систематизируют и по-новому интерпретируют их наследие.

– Как ты можешь быть столь уверенным в этих сроках? – спросил я.

– А как ты можешь быть столь уверенным в своих? – возразил он. Я сказал ему, что у археологов есть проверенные методы для датирования событий прошлого. Он вновь возразил, что маги пользуются своими проверенными методами.

– Я не хочу противоречить тебе и не пытаюсь тебя переспорить, – продолжал он, – но может случиться так, что очень скоро ты сам сможешь спросить об этом у того, кто знает наверное.

– Никто не может знать это наверное, дон Хуан.

– Это еще одна из тех вещей, в которые невозможно поверить, но на самом деле существует тот, кто может все это подтвердить. Когда-нибудь ты встретишься с этим человеком.

– Ты, должно быть, шутишь дон Хуан. Кто может подтвердить, что произошло семь тысяч лет назад?

– Все очень просто. Это один из старых магов, о которых мы только что говорили. Тот, с которым я встречался. Он и поведал мне все о старых магах. Я надеюсь, что ты запомнишь все, что я

собираюсь рассказать тебе об этом удивительном человеке. Он является для нас источником информации и авторитетом во многих отношениях. Именно с ним тебе следует встретиться. Я сказал дону Хуану, что я внимаю каждому произносимому им слову, хотя и не могу понять, как в действительности может происходить то, о чем он говорит. Он обвинял меня в том, что я над ним насмехаюсь и не верю ни одному его слову о старых магах. Я согласился, что в обычном состоянии сознания я не поверил бы в эти его непостижимые истории. Но я – не смог поверить этому и во *втором внимании*, хотя в нем я должен был бы отнестись к ним совсем по-иному.

– Эта история становится непостижимой только в том случае, если ты начинаешь над этим размышлять, – отметил он. – Если же ты не полагаешься на свой здравый смысл, для понимания такого рассказа необходимо лишь нужное количество определенной энергии.

– Почему ты говоришь, дон Хуан, что я встречу с одним из старых магов?

– Потому что так будет. Очень важно, чтобы вы однажды встретились. А сейчас позволь мне рассказать тебе еще одну необычную историю об одном из нагвалей моей линии – нагвале Себастьяне.

Дон Хуан рассказал мне, что нагваль Себастьян был сторожем при церкви в южной Мексике примерно в начале восемнадцатого века. В своем рассказе дон Хуан обратил внимание на то, что современные маги и маги прошлого ищут и находят пристанище в таких общественных организациях как Христианская Церковь. По его мнению, благодаря своей высокой организованности маги легко становятся исполнительными служащими, и поэтому таких людей с готовностью принимают на ответственную работу в различные учреждения. Дон Хуан утверждал, что до тех пор, пока никто не знает об их сопричастности магии, отсутствие у магов идеологических симпатий помогает им зарекомендовать себя идеальными работниками.

Дон Хуан продолжал свой рассказ. Он сказал, что однажды, когда Себастьян выполнял свои обязанности церковного сторожа, в церковь вошел странный человек – старый индеец, выглядевший совсем больным. Ослабевшим голосом он сказал Себастьяну, что ему нужна помощь. Нагваль решил, что индеец хочет увидеться с

приходским священником, но мужчина обратился к нагвалю, и казалось, что ему с трудом дается каждое слово. Резко и прямо он сказал ему, что он знает, что Себастьян – не просто маг, но и нагваль.

Себастьян, крайне встревоженный таким поворотом событий, отвел индейца в сторону и потребовал извинений. Тот ответил, что он здесь не для того, чтобы извиняться, но пришел к нему за особого рода помощью. По словам индейца, ему было необходимо получить от нагваля энергию для поддержания своей жизни, которая, как он заверил Себастьяна, длилась тысячи лет, но именно в то время чуть было не угасла.

Себастьян был очень рациональным человеком, и, не желая верить в такую бессмыслицу, настоятельно посоветовал индейцу прекратить дурачиться. Старик рассердился и пригрозил Себастьяну выдать его вместе с учениками церковным властям, если он не согласится выполнить его просьбу.

Дон Хуан напомнил мне, что в те времена церковные власти часто жестоко расправлялись с языческими культами, сохранившимися среди индейцев Нового Света. Такую угрозу нельзя было не принять всерьез; и нагваль, и его последователи действительно оказались в смертельной опасности. Себастьян спросил индейца, как тот может получить от него энергию. Тот человек объяснил, что вследствие своей магической практики нагвали приобретают особую энергию, которую накапливают в своем теле, и что он может безболезненно для Себастьяна взять часть ее из энергетического центра, находящегося в области пупка. В свою очередь, Себастьян, оставшись невредимым, не только получит за это возможность продолжать свою магическую деятельность, но приобретет также дар силы.

Необходимость выполнить требование старого индейца не слишком привлекала нагваля, но тот не отступал, и Себастьяну пришлось в конце концов удовлетворить его просьбу.

Дон Хуан заверил меня, что старый индеец нисколько не преувеличивал своих притязаний. Оказалось, что он является одним из магов древности, одним из тех, кто известен как *бросивший вызов смерти*. По всей видимости, он прожил вплоть до того времени, используя только ему известные методы воздействия на свою точку сборки.

Дон Хуан сказал, что происшедшее тогда послужило основой для

заключения соглашения, к которому присоединились все шесть нагвалей после Себастьяна. *Бросивший вызов смерти* сдержал свое слово; в обмен на энергию, взятую от всех этих людей, он вознаградил каждого *даром силы*. Себастьян вынужден был принять такой дар, и сделал это вопреки своей воле; он был поставлен в такое положение, где у него не было выбора. Однако все последующие нагвали после Себастьяна с готовностью и гордостью принимали этот дар.

Дон Хуан завершил свою историю, сказав, что позже *бросивший вызов смерти* стал известен как *арендатор*. И на протяжении более чем двух столетий нагвали линии дона Хуана соблюдали условия этого соглашения, вступая в отношения обмена энергией, что привело к некоторым изменениям в некоторых деталях и конечной цели их учения.

Дон Хуан не потрудился объяснить, что же было дальше в этой истории, но у меня осталось странное ощущение ее подлинности, которое взволновало меня больше, чем я мог когда-либо вообразить.

– Как ему удалось прожить так долго? – спросил я.

– Этого никто не знает, – ответил дон Хуан. – Все, что мы знаем о нем с тех пор, – это то, что он сам нам рассказывал. Именно *бросившего вызов смерти* я и расспросил о старых магах, и он сказал мне, что наиболее плодотворный период их деятельности был три тысячи лет назад.

– Откуда ты знаешь, что он говорил правду? – спросил я.

Дон Хуан покачал головой как-то удивленно, почти с отвращением.

– После того, как столкнешься лицом к лицу с непостижимым, неизвестным тебе, где-то там, – сказал он, показывая вокруг себя, – перестаешь носиться с мелочной ложью. Мелочная ложь – это удел тех, кто никогда не заглянул в потустороннее, которое ожидает нас.

– Что ждет нас там, дон Хуан?

Кажущийся безобидным, его ответ привел меня в такой ужас, которого не вызвало бы во мне даже описание самой страшной вещи.

– Нечто абсолютно безличностное, – сказал он.

Он, должно быть, заметил, что страх разрывает меня на части, и изменил мой уровень осознания так, чтобы мой испуг прошел.

Несколько месяцев спустя в моих *сновидениях* произошла странная

перемена. В своих *снах* я начал получать ответы на вопросы, которые я собирался задать дону Хуану. Но наиболее странным было то, что это стало происходить со мной и в часы бодрствования. Однажды, когда я сидел за столом на работе, я получил ответ на мысленный вопрос о реальности неорганических существ. Я видел неорганические существа в *сновидении* так много раз, что уже начал думать о них как о реальности. Я вспомнил, что даже прикасался к одному из них, находясь в необычном состоянии сознания в пустыне Соноран. Периодически в своих *снах* я протаскивал в миры, которые едва ли могли быть порождением моего воображения. Я хотел наилучшим образом кратко сформулировать этот вопрос для дона Хуана. Для себя я сформулировал его так: если согласиться с тем, что неорганические существа точно так же реальны, как и люди, то где они могут существовать в материальной структуре вселенной? Сформулировав для себя этот вопрос, я услышал странный смех. Такой же смех я слышал в тот день, когда столкнулся с неорганическим существом. Вполне человеческий голос сказал мне:

— Их мир существует в некотором особенном положении точки сборки, — сказал он. — Так же, как твой мир существует в обычном положении точки сборки.

Меньше всего на свете мне хотелось начинать разговор с бестелесным голосом, поэтому я вскочил на ноги и начал бегать по дому в поисках того, кто мог бы произнести эти слова. Я решил, что начинаю сходить с ума. Ко всем моим волнениям не хватало только этого.

Голос был столь ясным и внушительным, что не только озадачил, но и испугал меня. Я с трепетом ожидал дальнейших появлений этого голоса, но этого не происходило. При первой же представившейся возможности я обратился с вопросом к дону Хуану.

Мои недоразумения не произвели на него никакого впечатления.

— Ты должен понять раз и навсегда, что такие вещи обычны в жизни мага, — сказал он. — Ты не сходишь с ума; ты просто слышишь голос *эмиссара в сновидении*. Пройдя через первые и вторые *врата сновидения*, *сновидящий* достигает такого энергетического уровня, когда у него начинаются видения или когда он слышит голоса. Фактически, это не много голосов, а

только один. Маги называют его *голосом эмиссара в сновидении*.

– Что такое «эмиссар в сновидении»?

– Чужая энергия, сконцентрированная в небольшой области пространства. Чужая энергия, претендующая на то, чтобы помогать *сновидящим* своими рассказами. Для *эмиссара в сновидении* характерно, что он может сказать лишь то, что маги уже знают или должны знать, если считают себя магами.

– Утверждение, что это чужая энергия, сосредоточенная в небольшой области пространства, совершенно ничего мне не говорит, дон Хуан. Какого рода эта энергия – дружелюбная, враждебная, положительная, отрицательная, – какая?

– Она в точности такая, как я сказал, – чужая. Безличностная сила, которую мы воспринимаем как личность потому, что она разговаривает с нами. Некоторые маги поклоняются ей. Они даже могут *видеть* ее. Или подобно тебе, они попросту слышат ее как мужской или женский голос. Этот голос может объяснять им суть происходящего, и они чаще всего воспринимают сказанное им как полезный совет.

– Почему некоторые из нас воспринимают его как голос?

– Мы видим или слышим его, потому что мы удерживаем наши точки сборки в некотором новом положении; чем устойчивее это положение, тем стабильнее наше ощущение *эмиссара*.

Остерегайся! Ты можешь увидеть и почувствовать его даже как обнаженную женщину.

Дон Хуан рассмеялся над своим собственным замечанием, но я был слишком испуган, чтобы веселиться.

– Способна ли эта сила материализоваться? – спросил я.

– Конечно, – ответил он. – Все зависит от того, где находится точка сборки. Но в любом случае, если ты можешь оставаться достаточно непривязанным к нему, ничего плохого произойти не может. *Эмиссар* останется таким же, каким он был, – безликим голосом, который воздействует на нас вследствие того, что точка сборки находится в определенном месте.

– Его советы безопасны и благоразумны?

– Его слова нельзя считать советами. Он лишь говорит нам, что есть что, а мы сами уже делаем из этого выводы.

Затем я рассказал дону Хуану о том, что голос поведал мне.

– Это в точности соответствует тому, что я тебе только что говорил, – заметил дон Хуан. – Эмиссар не сказал тебе ничего

нового. Его утверждения были правильными, но тебе только казалось, что он открывает для тебя что-то новое. *Эмиссар* просто повторял тебе то, что ты уже знаешь.

– Боюсь, что я не знаю всего того, что он говорил, дон Хуан.

– Да нет же, знаешь. Ты уже сейчас знаешь бесконечно больше о тайне вселенной, чем предполагает твой здравый смысл. Это наша человеческая слабость – знать о тайне вселенной больше, чем мы подозреваем.

Меня обрадовало то, что я сам, без всякой помощи со стороны дона Хуана, имел возможность убедиться в истинности этих слов. Мне хотелось узнать больше об *эмиссаре*. Я начал расспрашивать дона Хуана, слышал ли он когда-нибудь голос *эмиссара*.

Он перебил меня и, широко улыбнувшись, сказал:

– Да, конечно. *Эмиссар* говорит и со мной. В юности я обычно видел его в обликий монаха в черной рясе. Этот болтливый монах каждый раз пугал меня до смерти. Позже, когда я научился преодолевать страх, он превратился в бестелесный голос, который говорит мне обо всем и по сей день.

– О чем он говорит, дон Хуан?

– Обо всем, что составляет суть моего *намерения*, но все еще не продумано мной до конца. Например, подробности, касающиеся поведения моих учеников. Что они делают, когда меня нет поблизости. В частности, он говорит мне и о тебе. *Эмиссар* рассказывает мне обо всем, что ты делаешь.

После этого мне сразу же стало неинтересно разговаривать об этом дальше. Я отчаянно пытался придумать какой-нибудь вопрос на другую тему, в то время как дон Хуан хохотал во все горло.

– Является ли *эмиссар в сновидении* неорганическим существом? – спросил я.

– Лучше будет сказать, что *эмиссар в сновидении* – это сила, которая приходит к нам из мира неорганических существ. По этой причине *сновидящие* всегда сталкиваются с нею.

– Ты имеешь в виду, дон Хуан, что каждый *сновидящий* слышит или видит *эмиссара*?

– Слышит *эмиссара* каждый, но лишь немногие видят или ощущают его.

– Ты можешь это как-нибудь объяснить?

– Нет. Кроме того, меня на самом деле не волнует *эмиссар*.

Однажды мне пришлось сделать выбор, уделять ли внимание

неорганическим существам и тем самым идти по следам старых магов – или отказаться от этого. Мой учитель, нагваль Хулиан, помог мне решиться на этот отказ. И я никогда не пожалел о своем решении.

– Как ты считаешь, мне тоже следует отказаться от неорганических существ, дон Хуан?

Он не ответил мне; вместо этого он объяснил, что мир неорганических существ всегда продолжает обучать нас. Вероятно, это так потому, что неорганические существа обладают более глубоким сознанием, чем наше, и испытывают потребность опекать нас.

– Я не вижу никакого смысла в том, чтобы становиться их учеником, – добавил он. – За это приходится платить слишком дорого.

– Как именно?

– Нашими жизнями, энергией, преданностью им. Другими словами, нашей свободой.

– А чему они учат?

– Всему, что характерно для их мира. Точно так же мы бы учили их, если бы могли это делать, – тому, что имеет отношение к нашему миру. Их метод, однако, заключается в том, чтобы рассматривать наше эго в качестве показателя того, в чем мы нуждаемся, и в соответствии с этим обучать нас. Крайне опасное занятие!

– Я не понимаю, почему это должно быть опасным.

– Если кто-то выяснит запросы твоего эго со всеми его страхами, жадностью, завистью и прочим, и станет обучать тебя тому, как удовлетворить все твои ужасные притязания, – как ты думаешь, каков будет результат?

У меня больше не было возражений. Мне показалось, что я отлично понял причины его неприятия неорганических существ.

– У магов прошлого возникли неприятности потому, что хотя они и достигли великолепных успехов в изучении магии, но при этом они руководствовались низменными эгоистическими побуждениями, – продолжал дон Хуан. – Неорганические существа стали их наставниками, и с помощью изощренных средств они обучили старых магов множеству чудес. Следуя примеру своих наставников, старые маги начали шаг за шагом овладевать их искусством, повторяя их действия, но не изменяя

своей эгоистической ориентации.

– Существуют ли такие взаимоотношения с неорганическими существами в наше время?

– Я не могу дать тебе точный ответ. Скажу лишь, что не могу представить себя в подобных взаимоотношениях с ними. Такие пристрастия ограничивает нашу свободу, потому что поглощают нашу энергию. Для того, чтобы по-настоящему следовать примеру своих наставников, старые маги были вынуждены жить в мире неорганических существ. Для того, чтобы совершить столь продолжительное путешествие в их мир, требуется колоссальный объем энергии.

– Ты хочешь сказать, дон Хуан, что маги древности могли существовать в тех мирах так, как мы существуем здесь?

– Не совсем так, но, несомненно, они как-то жили там: они сохраняли при этом свое самосознание, свою индивидуальность.

Эмиссар в сновидении становился самым необходимым существом для этих магов. Если маг желает жить в мире неорганических существ, то лучшим гидом для него является *эмиссар*, он обо всем рассказывает, любит обучать и вести за собой.

– Ты бывал когда-нибудь в мире неорганических существ, дон Хуан?

– Бесчисленное количество раз. Так же, как и ты. Но сейчас нет смысла говорить об этом. Ты еще не овладел достаточно хорошо своим *вниманием сновидения*. Мы поговорим об этом мире как-нибудь в другой раз.

– Мне кажется, дон Хуан, что ты либо не одобряешь, либо не любишь *эмиссара*?

– Я и не одобряю, и не люблю его. Он проповедует другую систему ценностей – ту, которая соответствует духу старых магов. Кроме того, его поучения и рекомендации в нашем мире бессмысленны. И за эту бессмыслицу *эмиссар* требует от нас огромнейших затрат энергии. Когда-нибудь и ты согласишься со мной. Вот увидишь.

Дон Хуан произнес эти слова таким тоном, что я уловил в них скрытую убежденность в моем несогласии с ним в отношении *эмиссара*. Я уже был готов спросить его о своей догадке, как вдруг в своих ушах услышал голос *эмиссара*.

– Он действительно думает так, – сказал голос. – Я нравлюсь тебе, потому что ты не находишь ничего плохого в том, чтобы

исследовать все возможности. Ты хочешь знаний; знания — это сила. Ты ведь не хочешь осмотрительно прятаться за традиции и убеждения твоего обычного мира?

Эмиссар сказал обо всем этом по-английски с ясно различимым калифорнийским выговором. Затем он перешел на испанский. Я заметил незначительный аргентинский акцент. Я никогда раньше не слышал, чтобы *эмиссар* говорил так. Это восхитило меня.

Эмиссар рассказал о совершенствовании в познании; о том, сколь многого я уже достиг с тех пор, как появился на свет; о моей любви к приключениям и пристрастию ко всему новому, к открывающимся горизонтам. Голос обратился ко мне даже по-португальски, произнося слова с интонацией, характерной для пампасов Южной Америки.

Когда я услышал весь этот поток лести, изливающейся на меня, я не только испугался, но меня к тому же затошнило от лицемерия *эмиссара*. Я сразу же сказал дону Хуану, что вынужден прекратить свою практику *сновидения*. Он взглянул на меня с нескрываемым удивлением. Но когда я повторил ему все, что слышал, он одобрил мое решение, хотя я и почувствовал, что он делает это только для того, чтобы успокоить меня.

Спустя несколько недель я пришел к выводу, что принял это решение сгоряча и необдуманно. Я вновь вернулся к практике *сновидения*. Я был уверен, что дон Хуан знает о том, что я возобновил занятия.

Во время одного из моих визитов к нему он довольно неожиданно заговорил о *сновидении*.

— Если ты не привык рассматривать *сновидения* в качестве подлинной сферы исследований, то отсюда не следует, что они не являются такой сферой, — начал он. — Сны анализируют в поисках смысла, их считают плохими предзнаменованиями, но никто не видит, что события, происходящие в них, так же реальны, как и наш обыденный мир.

— Насколько я могу судить, только маги прошлого считали *сновидение* реальным, — продолжал дон Хуан, — но в конце концов они исказили его суть. Они стали ненасытными, накапливая новые знания, и когда дело дошло до выбора правильного пути, они свернули не в ту сторону. Они смешали все в одну кучу, без разбора устанавливая точку сборки в тысячи возможных положений.

Дон Хуан выразил сожаление в связи с тем, что из всех великолепных вещей, которым научились старые маги, перемещая точку сборки в тысячи разных мест, остались только искусство *сновидения* и искусство *сталкинга*.

Он повторил снова, что искусство *сновидения* означает умение управлять смещением точки сборки. Затем он определил искусство *сталкинга* как умение фиксировать точку сборки в том месте, куда ее необходимо сместить.

– Фиксировать точку сборки на новом месте означает достигать состояния гармонии, – сказал он. – Сейчас ты как раз над этим и работаешь в своей практике *сновидения*.

– А я думал, что совершенствую энергетическое тело, – сказал я, сильно удивившись его словам.

– Ты работаешь над этим и еще многим другим, но прежде всего, ты овладеваешь умением достигать гармонии. Ты учишься этому в *сновидении*, когда тебе необходимо фиксировать точку сборки после ее перемещения. Внимание *сновидения*, энергетическое тело, *второе внимание*, отношения с неорганическими существами, *эмиссар в сновидениях* – все это сопутствует обретению гармонии; другими словами, все это получается вследствие сдвига точки сборки в некоторые определенные положения в *сновидении*.

– Какие это положения, дон Хуан?

– Любые позиции, в которых точка сборки оказывается во время *сновидения*.

– А как мы фиксируем ее в этих точках?

– Продлевая присутствие объектов в *сновидении* или же преднамеренно изменяя эти объекты. Занимаясь практикой *сновидения*, ты фактически учишься достигать гармонии; другими словами, ты получаешь навыки сохранять энергию в той новой форме, которую она принимает вследствие фиксации точки сборки в определенном месте в каждом конкретном *сновидении*.

– Умею ли я сохранять энергию в новой форме?

– Еще не очень хорошо, и не потому что ты не можешь этого делать, а потому, что ты *сдвигаешь* точку сборки, а не плавно *двигаешь* ее. Последовательность сдвигов приводит к появлению незначительных, почти незаметных изменений в том, что ты *видишь*. Вся трудность при этом состоит в том, что изменений так много и они настолько малы, что способность непрерывно находится в состоянии гармонии свидетельствует о большом

успехе.

– Как определить, находимся ли мы в состоянии гармонии?

– По ясности восприятия. Чем отчетливее то, что мы наблюдаем в *сновидении*, тем гармоничнее наше состояние.

Он сказал мне, что пришло время практически использовать то, чему я научился в *сновидении*. Не давая мне времени задать очередной вопрос, он приказал мне сконцентрировать внимание на листе растущего невдалеке мескитового дерева. И к тому же сделать это так, будто бы я нахожусь в *сновидении*

– Ты хочешь, чтобы я просто смотрел на это дерево?

– Я не хочу, чтобы ты просто смотрел; я хочу, чтобы ты сделал нечто особенное с его листвой, – сказал он. – Помни, что если в *сновидении* ты можешь удерживать в поле зрения объект, ты тем самым фактически удерживаешь точку сборки в определенном положении. А сейчас пристально смотри на эти листья, будто ты в *сновидении*, но с одним хотя и небольшим, но очень существенным отличием: удерживай свое *внимание сновидения* на листьях мескитового дерева, находящегося в обыденном мире.

Моя нервозность не давала мне возможности следовать ходу его мысли. Он терпеливо объяснил, что глядя на листву, я осуществляю незначительное перемещение точки сборки. Затем, собирая воедино свое *внимание сновидения* путем *пристального всматривания* в отдельные листики, я в действительности фиксирую точку сборки в этом едва смещенном положении. Тем самым гармоничность, достигнутая в этом состоянии, позволит мне воспринимать в терминах *второго внимания*. Посмеиваясь, он добавил, что это на редкость просто.

Дон Хуан был прав. Мне потребовалось лишь остановить взгляд на отдельных листках дерева, удержать его там, и я мгновенно ощутил себя в вихре, подобном тем, в которые я попадал в *сновидении*. Листва мескитового дерева стала целой вселенной чувственных данных. Было *похоже* на то, что она поглотила меня, но я ощущал ее не только с помощью зрения; я прикасался к листкам и ясно осязал их. Я мог чувствовать их запах. Мое *внимание сновидения* было не просто визуальным, как в обычном *сновидении*, но объединяло все органы чувств.

То, что началось с *пристального созерцания* листвы мескитового дерева, теперь переросло в *сновидение*. Я был убежден, что воспринимаю дерево во *сне*, как это случалось со мной множество

раз. Естественно, я поступил с этим *деревом во сне* точно так же, как всегда поступал в *сновидений*; я переходил от детали к детали, увлекаемый силой завихрения, которая уносила меня к той части дерева, куда я направлял свое *внимание сновидения*, охватывающее все органы чувств.

В ходе этого видения или *сновидения* я столкнулся с сомнениями, порожденными моей обычной рациональностью. Я начал спрашивать себя, не взобрался ли я и в самом деле, замечтавшись, на дерево и не ощущаю ли в действительности обычные листья, не зная о том, что окружен со всех сторон настоящей листвой. Или может быть, я уснул, убаюканный шелестом листьев на ветру, и вижу сон? Но, как всегда в *сновидении*, мне не хватило энергии для того, чтобы долго об этом размышлять. Мои мысли были мимолетны. Они длились мгновение, а затем сила непосредственного восприятия всецело заглушила их.

От какого-то движения вокруг меня все вздрогнуло, и я буквально вынырнул из облака листьев, будто дерево перестало оказывать на меня свое притягивающее воздействие. Я видел со своей высоты великолепную панораму вплоть до самого горизонта. Темные горы и зеленая растительность окружали меня. Еще один энергетический всплеск из глубины встряхнул меня. Я понял, что уже нахожусь совсем не там, где было мескитовое дерево.

Исполинские деревья возвышались вокруг. Они были выше, чем пихты в штатах Орегон или Вашингтон. Я никогда не видел такого леса. Эта панорама так резко контрастировала с безводной соноранской пустыней, что у меня не осталось сомнений, что я в *сновидении*.

Я удерживал этот необычный пейзаж, боясь отпустить его, зная, что это в действительности сон, который исчезнет, как только я выскользну из *внимания сновидения*. Но образы оставались даже тогда, когда мне показалось, что я вышел из *внимания сновидения*. Ужасная мысль пронеслась у меня в уме: а что, если это и не сон, и не обычный мир?

Испугавшись так, как может быть напугано только животное, я устремился опять в заросли листьев, из которых вынырнул. Под воздействием порыва вовнутрь я пошел сквозь листву дерева, огибая толстые ветки. Затем я вновь вынырнул из дерева и в один миг очутился рядом с доном Хуаном у двери его дома в пустыне Соноран.

Я сразу понял, что снова нахожусь в состоянии, в котором могу нормально мыслить, но не могу разговаривать. Дон Хуан сказал, чтобы я не волновался. Он сказал, что наш дар речи подвержен очень сильным влияниям, и что периоды немоты – довольно распространенное явление среди магов, которые отваживаются заглядывать за пределы обычного восприятия.

В глубине души я чувствовал, что дон Хуан проникся жалостью ко мне и решил меня приободрить. Но голос *эмиссара*, который я ясно услышал в этот момент, произнес, что через несколько часов отдыха ко мне вернется не только дар речи, но и хорошее самочувствие.

Выспавшись, я по просьбе дона Хуана дал ему подробное описание всего *увиденного* и пережитого мной. Он предупредил меня, что понимание моих переживаний невозможно на основе рациональных представлений. И дело вовсе не в том, что мой интеллект в каком-то смысле неполноценен, а в том, что это было происшествие, которое разум не может постичь просто по своей природе.

Я, естественно, возразил, что нет ничего непостижимого для разума. Положение вещей может быть неясным, но рано или поздно мыслящий разум прольет свет на все. И я действительно верил в это.

Дон Хуан с большим терпением объяснил, что мыслящий разум – всего лишь один из аспектов положения точки сборки; поэтому знание о том, что происходит в мире, здравомыслие, уверенность в себе – все эти предметы нашей гордости и предполагаемые мерила нашего здравомыслия – являются лишь следствием расположения точки сборки в ее обычном месте. Чем более жестко она там фиксирована, тем более мы самоуверенны, тем сильнее мы чувствуем, что знаем мир и способны предвидеть будущее. Он добавил, что *сновидение* дает нам гибкость, необходимую для того, чтобы войти в другие миры, разрушая нашу убежденность в знании этого мира. Он назвал *сновидения* путешествием в невообразимые измерения, когда, после того, как мы постигаем все доступное человеческому восприятию, наша точка сборки выскальзывает за пределы человеческого и достигает непостижимого.

– Мы снова вернулись к самому важному аспекту мира магов, – продолжают он, – положению точки сборки. Оно является

одновременно проклятием старых магов и источником постоянных неприятностей человечества.

– Почему ты так говоришь, дон Хуан?

– Потому что все человечество и маги древности пали жертвой положения точки сборки. Человечество не знает, что точка сборки существует, и поэтому принимает последствия ее обычного расположения как нечто окончательное и неоспоримое. Что же касается старых магов, то они пострадали потому, что хотя и знали все о точке сборки, но не смогли правильно воспользоваться ее возможностями.

Ты должен избежать этих двух ловушек, – продолжал он. – Было бы очень плохо, если бы ты уподобился человечеству в своем неведении относительно точки сборки. Но будет еще хуже, если ты станешь так же рационально, как старые маги, использовать точку сборки для достижения личных целей.

– Я все еще не понимаю, о чем ты говоришь. Какое это имеет отношение к тому, что я пережил вчера?

– Вчера ты посетил другой мир. Но если ты спросишь меня, где он находится, и я *скажу* тебе, что он – в положении точки сборки, ты снова ничего не поймешь.

По словам дона Хуана, мне грозила одна из двух роковых возможностей. Первая состояла в том, что я последую по пути человечества и столкнусь с дилеммой, когда мой опыт скажет мне, что есть иные миры, а мой разум будет утверждать, что они не существуют и не могут существовать. Вторая – в том, что я уподоблюсь старым магам, сразу же согласившись с реальностью иных миров, и начну использовать положение точки сборки, порождающее эти миры, для корыстных целей. В результате возникнет проблема, связанная с уходом в иные уровни реальности в погоне за могуществом и богатством.

Мне нечего было сказать в ответ на его слова, но через некоторое время я понял, что я не должен непременно стать жертвой этих роковых возможностей, потому что в принципе я полностью согласен с точкой зрения самого дона Хуана, – хотя, естественно, я не мог тогда полностью представлять, с чем соглашаюсь. Согласие с ним скорее выражалось в каком-то давно забытом чувстве уверенности, которое я потерял и теперь начинал медленно обретать снова.

Возврат к моей практике *сновидения* устранил это беспокойство,

но создал новое. Например, в связи с тем, что я каждый день слышал голос *эмиссара*, он перестал звучать для меня раздражающе или странно. Он стал обычным явлением. Я допустил так много ошибок под влиянием его слов, что почти понял, почему дон Хуан отказывался относиться к ним серьезно. Психоаналитику потребовался бы не один день, чтоб проинтерпретировать высказывания *эмиссара* в соответствии со всеми возможными перипетиями моих межличностных отношений. Дон Хуан придерживался по этому поводу непреклонного мнения: *эмиссар* – это безличностная, устойчивая сила из мира неорганических существ. Каждый *сновидящий* сталкивается с ней при более или менее схожих обстоятельствах, но если он решает воспользоваться его советами, то является безнадёжным дураком. Я со всей определенностью и был таковым. Я никоим образом не мог оставаться равнодушным, сталкиваясь с таким необычным явлением: голос, ясно и последовательно излагающий мне на трех языках тайные сведения обо всем, на чем останавливалось мое внимание. Единственным, но не очень существенным его недостатком для меня было то, что он говорил не всегда вовремя. *Эмиссар* нередко рассказывал мне о людях и событиях, когда я уже полностью забывал о том, что они меня раньше интересовали. Я спросил у дон Хуана об этом, и в ответ он сказал, что это как-то связано с жесткостью положения моей точки сборки. Он объяснил, что меня воспитывали пожилые люди, и поэтому я унаследовал многие стороны их мировоззрения. В частности, я подвержен опасной тенденции считать себя праведным. Он сказал, что когда он давал мне принимать галлюциногенные растения, то руководствовался прежде всего необходимостью расшатать мою точку сборки и сделать ее подвижной хотя бы в минимальной степени.

– Если ты не сделаешь ее чуточку подвижнее, – продолжал он, – ты либо станешь еще более высокого мнения о себе, либо превратишься в неуравновешенного мага. Я говорю это тебе не для того, чтобы очернить старых магов, а для того, чтобы оградить тебя от их ошибок. Рано или поздно твоя точка сборки станет более подвижной, но все же не настолько, чтобы ты не рисковал стать либо тщеславным, либо неуравновешенным.

– Как мне избежать всего этого, дон Хуан?

– Существует только один путь. Маги называют его глубинным

пониманием. Я называю его романом между человеком и знанием. Для магов он является движущей силой в познании, исследовании, удивительных открытиях.

Дон Хуан сменил тему разговора и продолжил объяснение фиксации точки сборки. Он сказал, что при *видении*, точки сборки у детей, которая постоянно перемещается как бы под воздействием небольших встряхиваний, легко переходя из одного положения в другое, – старые маги пришли к выводу, что обычное место точки сборки не присуще ей от природы, а вырабатывается как привычка. *Видя* также, что точка сборки фиксирована на одном месте только у взрослых, они заключили, что с каждым конкретным ее положением некоторым особым образом связан определенный тип восприятия. Вследствие длительной привычки этот тип восприятия становится системой интерпретации чувственных данных.

Дон Хуан указал, что поскольку мы вовлечены в эту систему, будучи воспитанными в соответствии с ней, мы продолжаем с самого рождения приспосабливаться к требованиям системы интерпретаций, – системы, которая вводит нас в жизнь. Поэтому старые маги были совершенно правы в том, что верили в возможность отказа от нее и непосредственного восприятия энергии, в результате чего человек становится магом.

Как бы удивляясь, дон Хуан отметил, что так называемое величайшее достижение нашего общественного воспитания состоит в том, чтобы замкнуть точку сборки в ее обычном положении. Ведь после того как она замирает в этом положении, наше восприятие может легко описывать и объяснять то, что мы ощущаем. Другими словами, с этого момента нас можно легко заставить воспринимать лишь то, что предполагает система, а не то, что мы ощущаем в действительности. Он заверил меня, что восприятие людей однотипно по всему миру, потому что точки сборки у всех представителей человечества фиксированы одинаково.

Он продолжил рассказывать, отметив, что маги сами убедились во всем этом, когда *видели* смещение точки сборки за определенную грань, приводившее к постижению новых вселенских волокон энергии. При этом то, что было окончательной реальностью на предыдущих этапах, утрачивало смысл. Непосредственной причиной этой бессмыслицы является восприятие органами чувств

новых данных, приводящее к тому, что наша система интерпретации оказывается непригодной для объяснения того, что мы ощущаем.

– Восприятие без системы интерпретации, конечно же, хаотично, – продолжал дон Хуан. – Но удивительно, что когда мы считаем, что полностью утратили ориентиры, наша старая система оживает вновь. Она приходит нам на помощь и превращает наши бессистемные ощущения в тщательно упорядоченный новый мир. Это случилось с тобой, когда ты смотрел на листья мескитового дерева.

– Что на самом деле тогда случилось со мной, дон Хуан?

– В течение некоторого времени твое восприятие было хаотичным. Ты видел все сразу, и твоя система интерпретации мира не работала. Затем хаос упорядочился, и ты предстал перед новым миром.

– Мы снова, дон Хуан, вернулись туда, где были раньше. Существует ли тот мир, или он просто-напросто создан моим умом?

– Мы опять вернулись туда же, и ответ остался тем же. Он существует в том определенном положении твоей точки сборки. Для того, чтобы воспринимать его, тебе нужна была гармония с ним, то есть тебе следовало удерживать точку сборки фиксированной в том положении, что ты и делал. В результате ты в течение некоторого времени ясно видел этот новый для тебя мир.

– Могли бы другие воспринимать тот же самый мир?

– Если бы у них было то же положение точки сборки и та же степень гармонии, – они бы могли. Маги прошлого называли эти действия по согласованию положения точки сборки и достижению гармонии с миром, лежащим за пределами обычного, *сталкингом восприятия*.

– Искусство *сталкинга*, – продолжал он, – как мы уже говорили, означает фиксацию точки сборки. Старые маги открыли посредством своей практики, что как бы ни было важно уметь перемещать точку сборки, еще важнее быть способным фиксировать ее в новом состоянии, каково бы оно ни было. Он объяснил, что если точку сборки не удастся зафиксировать, нет никакой возможности воспринимать гармонично. В таком случае мы будем воспринимать калейдоскопическую картину несвязанных друг с другом образов. Вот потому маги прошлого

уделяли *сталкингу* столько же внимания, сколько и *сновидению*. Одно искусство не может существовать без другого, особенно в отношении тех действий, которые совершали старые маги.

– Какие это были действия, дон Хуан?

– Старые маги называли их *тонкостями второго внимания* или же великим приключением в неизвестном.

Дон Хуан сказал, что эти действия основываются на смещении точки сборки. Старые маги не просто умели смещать точку сборки в тысячи различных положений на поверхности или внутри своих энергетических тел, но они еще и научились фиксировать свои точки сборки в этих положениях, и, таким образом, поддерживать гармонию неограниченно долгое время.

– Зачем все это было нужно, дон Хуан?

– Мы не можем сказать, к чему они стремились, но можем говорить о том, чего они достигли.

Он объяснил, что старые маги умели достигать такой совершенной гармонии, которая делала возможным восприятие всего и физическое превращение во все, что соответствовало конкретному положению их точек сборки. Они могли стать кем угодно или чем угодно из длинного списка, который, по его словам, представлял собой детальное описание восприятия мира различными сущностями, например, ягуаром, птицей, насекомым и так далее.

– Мне очень трудно поверить, что эти превращения возможны, – сказал я.

Он сказал, что точки сборки старых магов обладали великолепной подвижностью. Им нужно было лишь слегка сместить их в соответствии с малейшей особенностью ощущения в *сновидении*, и сразу же с помощью *сталкинга восприятия* они достигали нужной гармонии с окружающим миром, становясь животным, другим человеком, птицей или вообще чем угодно.

– А разве душевнобольные не делают то же самое? Разве они не создают сами собственную реальность? – спросил я.

– Нет, это не одно и то же. Сумасшедшие воображают себе реальность вообще без всякой заранее поставленной цели. Они рождают хаос из хаоса. Маги, в отличие от них, упорядочивают хаос. Их постоянная глобальная цель состоит в том, чтобы освободить свое восприятие. Маги не выдумывают сами воспринимаемый ими мир. Они прямо ощущают энергию, а затем обнаруживают, что воспринимают некоторый неизвестный новый

мир, что он так же реален, как реально все, что мы знаем. Затем дон Хуан дал мне новое объяснение происшедшего со мной, когда я смотрел на мескитовое дерево. Он сказал, что я вначале ощущал энергию дерева. На субъективном уровне я верил, что сплю, потому что использовал для ощущения энергии технику *сновидения*. Он отметил, что использование этой техники в мире обыденной жизни было одним из наиболее эффективных средств, использовавшихся старыми магами. Это давало возможность ощущать энергию точно так же, как и во сне, а не всецело хаотично. Затем наступал момент, когда что-то изменяло восприятие, и маг находил себя стоящим лицом к лицу с новым миром – в точности как это случилось со мной.

Я сказал ему об одной мысли, которую я едва осмеливался произнести: панорама, увиденная мной, была и не сном, и не обычным миром.

– Да, она не была ни тем, ни другим, – сказал он. – Я напоминаю тебе это снова и снова, а ты думаешь, что я просто говорю одно и то же. Я знаю, как трудно уму допустить реальность существования безумных возможностей. Но новые миры существуют! Они охватывают друг друга, образуя в целом нечто похожее на луковицу. Тот мир, в котором мы живем, – это лишь один слой луковицы.

– Ты хочешь сказать, дон Хуан, что цель твоего учения в том, чтобы подготовить меня к посещению этих миров?

– Нет. Я хочу сказать совсем другое. Мы отправляемся в другие миры только в качестве упражнения. Такие путешествия были уделом бывших магов. Мы занимаемся *сновидением*, как и маги древности, но в то же время мы исходим из совершенно иных принципов. Старые маги предпочитали *сдвиг* точки сборки, поэтому они всегда чувствовали себя в более или менее известном, предсказуемом положении. Мы же отдаем предпочтение *движению* точки сборки. Старые маги искали неизвестное для людей. Мы ищем сверхчеловеческое неизвестное.

– Я еще не добрался до него, не правда ли?

– Нет. Ты только начинаешь. Вначале каждый должен пройти по стопам старых магов. Ведь в конце концов это они изобрели *сновидение*.

– Когда я, в таком случае, начну изучать *сновидение* новых магов?

– Тебе еще предстоит многое сделать. Возможно, на это уйдут

годы. Кроме всего прочего, я должен быть с тобой очень осторожным. По характеру ты определенно похож на магов прошлого. Я предупреждал тебя об этом, но ты всегда умудряешься пренебрегать моими советами. Иногда мне даже казалось, что какая-то чужая энергия выступает в качестве твоего советника, но сейчас я отбросил эту идею. Ты – искренний человек.

– Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

– Ты нечаянно совершил два поступка, которые меня чертовски взволновали. В первом же *сновидении* ты путешествовал в энергетическом теле за пределами этого мира. И прогуливался там! А затем ты посетил в энергетическом теле еще одно место за пределами этого мира, но об этом ты не помнишь в своем обычном состоянии сознания.

– Почему это беспокоит тебя, дон Хуан?

– *Сновидение* слишком легко для тебя. И в этом твое проклятие, если мы не уделим этому вопросу надлежащего внимания.

Сновидение выводит к *неизвестному для людей*. Как я говорил тебе, современные маги стремятся постичь *сверхчеловеческое неизвестное*.

– Чем может быть это сверхчеловеческое неизвестное?

– Свободой от всего человеческого. Это – невообразимые миры, выходящие за пределы человеческих возможностей достижения, которые тем не менее каким-то образом доступны нам. Туда направляются современные маги. Их устремления лежат далеко вне интересов людей; за пределами этих интересов лежат всеобъемлющие миры, среди которых есть далеко не только сферы обитания птиц и животных, хотя и они неизвестны человеку. То, о чем я говорю, представляет собой миры, подобные нашему. Целые вселенные с бесконечными пространствами.

– Где находятся все эти миры, дон Хуан? В различных положениях точки сборки?

– Правильно. В различных положениях точки сборки, но эти положения доступны для магов вследствие *движения* точки сборки, а не ее *сдвига*. Путешествия в такие миры могут совершить в *сновидении* только сегодняшние маги. Маги древности были далеки от них, потому что такие путешествия требуют от магов великой непривязанности и полного отказа от чувства собственной важности в любом его проявлении. Старые маги не могли пожертвовать всем этим. Для магов, практикующих *сновидение* в

наши дни, это *сновидение* является свободой достичь миров, не укладывающихся ни в какое воображение.

– Но зачем их достигать?

– Ты уже спрашивал меня сегодня об этом. Ты рассуждаешь, как настоящий купец. «Это опасно? – спрашиваешь ты. – На сколько процентов увеличиться сумма моего вклада? Будет ли так лучше для меня? » На эти вопросы невозможно ответить. Ум купца настроен на подсчет прибылей. Но свобода не может основываться на вкладах и доходах от них. Свобода – это приключение, которому нет конца, в котором мы рискуем жизнью и даже большим, чем жизнь, во имя нескольких мгновений чего-то превыше слов, мыслей и чувств.

– Я спрашивал, имея в виду другое, дон Хуан. Я хотел узнать, что может вынудить такого никудышного бездельника как я, достичь этого всего?

– Поиск свободы – это единственная побуждающая сила, которую я знаю. Это свобода улететь внезапно в бесконечность, которая где-то там. Это свобода умереть, исчезнуть навсегда. Это свобода быть подобным пламени свечи, которая остается неугасимой в мире, озаряемом светом миллиардов великолепных звезд, остается неугасимой потому, что никогда не считает себя чем-то большим, чем есть на самом деле, – всего лишь свечой.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

МИР НЕОРГАНИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ

Верный своему согласию ждать, пока дон Хуан сам решит продолжить свои объяснения *сновидения*, я обращался к нему за советом только в случае крайней необходимости. Однако он, как правило, производил впечатление человека, который не просто не желает обсуждать *сновидение*, но еще и раздражен моим отношением к этому предмету. По моему мнению, подтверждением его недовольства мной было то, что всегда, когда мы начинали обсуждать мою практику *сновидения*, он преднамеренно преуменьшал важность достигнутого мной. В то время самой важной чертой моей практики стали постоянные свидетельства в пользу существования живых неорганических существ. После того, как я встретился с ними в своих *сновидениях*, и особенно после столкновения с ними в пустынных окрестностях дома дона Хуана, у меня были веские основания считать их существование подлинным фактом. Но все эти случаи возымели на меня обратное действие. Я упрямо и яростно отрицал возможность их существования.

Затем мое настроение изменилось и я решил провести объективное исследование вопроса, связанного с ними. Метод исследования предполагал, что я прежде всего буду вести регулярные записи того, что случается в моих занятиях *сновидением*, а затем используя эти записи в качестве достаточного основания для вывода, подтвердилось ли на практике то, что я предполагал о неорганических существах. Фактически, я исписал сотни страниц скрупулезными, но бессмысленными описаниями, в то время как достаточные свидетельства в пользу их существования были получены мной почти в самом начале моих изысканий.

Нескольких занятий оказалось достаточно, чтобы выяснить, что как бы случайная рекомендация дона Хуана – прекратить рассуждать и предоставить неорганическим существам возможность приблизиться ко мне – была в действительности тем самым способом, который использовали маги прошлого для того,

чтобы привлекать их. Предоставив мне возможность убедиться в этом на собственном опыте, дон Хуан просто-напросто следовал своему методу обучения магии. Он снова и снова повторял, что очень трудно заставить наше *эго* покинуть оборонительные рубежи. Этого возможно достичь только с помощью практики. Одной из сильнейших оборонительных линий *эго* является не что иное, как наша рациональность. И она не только является одним из самых стойких барьеров на пути к обладанию магическими умениями и теорией, но еще и наиболее опасным по своим проявлениями. Дон Хуан верил, что существование неорганических существ является фактом, способным сильно поколебать нашу рациональность.

В своей практике *сновидения* я придерживался установленного распорядка, от которого не отклонялся ни на один день. Вначале моей целью было наблюдение всех доступных объектов в моих *снах*, а затем – изменение снов. Я наблюдал день ото дня целые вселенные различных деталей предметов. Как-то раз я заметил, что мое *внимание сновидения* начало убывать, и мои занятия заканчивались либо тем, что я засыпал и видел обычные сны, в которых я вообще не был способен управлять вниманием, либо тем, что я просыпался и не мог больше заснуть вообще.

Однако время от времени в моих *сновидениях* появлялся поток чужеродной энергии, как определял его дон Хуан, называя его также *лазутчиком*. Его предостережение относительно *лазутчиков* помогло мне быть бдительным и правильно использовать свое *внимание сновидения*. Первый раз я столкнулся с чужеродной энергией, когда мне снилось, как я делал покупки в универмаге. Я переходил от прилавка к прилавку, разыскивая антикварные предметы. В конце концов я нашел то, что искал. Несоответствие между универмагом и поиском произведений древнего искусства было столь очевидным, что я тихонько посмеивался, но как только я нашел одно такое произведение, я сразу же забыл об этой нелепости. Этот предмет представлял собой рукоятку трости.

Продавец сказал мне, что она была изготовлена из иридия, который он назвал одним из самых твердых веществ в мире.

Рукоятка была украшена резьбой с изображением головы и плеч обезьяны. Но мне показалось, что она сделана из нефрита.

Продавец был очень возмущен, когда я намекнул, что это скорее всего нефрит, и, чтобы продемонстрировать свою правоту, он изо

всей силы бросил предмет на цементный пол. Он не разбился, но стал подскакивать, как мяч, а затем уплыл прочь, вращаясь, как фрисби. Я последовал за ним. Он скрылся за деревьями. Я побежал, чтобы найти его и обнаружил его увязшим в земле. Он превратился в необычайно прекрасную надлежащей длины трость темно-зеленого цвета с переходом в черный.

Я захотел взять ее себе. Я ухватился за нее и начал с силой отрывать от земли, пока кто-нибудь не появился поблизости. Но как я ни стараюсь, я не мог сдвинуть ее с места. Я боялся, что сломаю ее, если буду пытаться вырвать из земли, расшатывая из стороны в сторону. Поэтому я начал раскапывать землю вокруг нее голыми руками. По мере того, как я продолжал копать, она таяла на глазах, пока на ее месте не осталась только лужица зеленой воды. Я уставился взглядом в воду; внезапно мне показалось, что она взорвалась. Она превратилась в белый пузырь, который затем исчез. Мой сон продолжался дальше с новыми образами и деталями, которые ничем не выделялись, хотя и были совершенно отчетливы.

Когда я рассказал дону Хуану об этом *сновидении*, он сказал:

– Ты встретился с *лазутчиком*. *Лазутчики* часто встречаются и в обычных снах. Странно, но сны *сновидящих* характеризуются отсутствием *лазутчиков*. Когда они появляются, их легко обнаружить по сопутствующей им необычности и несоразмерности.

– О какой несоразмерности ты говоришь, дон Хуан?

– Их присутствие окружено нелепостями.

– Во сне многое нелепо.

– Только в обычных снах вещи бессмысленны. Я бы сказал, что это происходит именно так вследствие большого количества *лазутчиков*, присутствующих в них. Их много потому, что обычные люди склонны сильнее ограждать себя от неизвестного.

– Ты знаешь, почему это так, дон Хуан?

– По-моему, все определяется балансом сил.

Среднестатистический человек вынужден воздвигать необычайно прочные барьеры, чтобы защитить себя от натиска враждебных влияний. Например, такие барьеры, как беспокойство о себе. Но чем крепче препятствие, тем мощнее нападение.

В отличие от них, *сновидящие* воздвигают меньше барьеров и поэтому привлекают меньше *лазутчиков* в свои сны. В *снах*

сновидящих бессмысленные вещи отсутствуют, возможно, для того, чтобы *сновидящие* легко обнаруживали присутствие *лазутчиков*.

Дон Хуан посоветовал мне быть очень внимательным и замечать все доступные наблюдению детали моих снов. Он даже заставил меня повторить вслух эти свои слова.

– Ты сбиваешь меня с толку, – сказал я. – Ты то не хочешь ничего слышать о моем *сновидении*, то хочешь. Есть ли какая-то систематичность в твоих отказах и согласиях?

– Конечно же, за всем этим стоит некоторая система, – сказал он. – Быть может, ты когда-нибудь будешь поступать так же с другим *сновидящим*. Одни вопросы имеют ключевое значение, потому что связаны с *духом*. Другие – совершенно не имеют значения по причине нашего индуглирования.

Первый *лазутчик*, которого ты обнаружил, теперь будет присутствовать всегда в любой форме, даже в виде иридия. Кстати, что такое иридий?

– Точно не знаю, – искренне сказал я.

– Вот тебе и на! А что ты скажешь, если окажется, что это одно из самых прочных веществ в мире?

Глаза дона Хуана сияли от восторга, пока я нервно хихикал от абсурдности его последней реплики, которая, как я узнал впоследствии, в действительности была истиной.

Начиная с этого времени я стал замечать присутствие несуразных предметов в своих *сновидениях*. Стоило мне допустить верность слов дона Хуана, определяющих суть чужеродной энергии во *сне*, и я вскоре полностью согласился с тем, что нелепые вещи в моих *сновидениях* являются на самом деле пришельцами из других миров. После того, как я обнаруживал их, мое *внимание* *сновидения* всегда полностью сосредоточивалось на них, чего не происходило ни в каких других условиях.

Еще я заметил, что каждый раз, когда чужеродная энергия проникала в мои *сны*, мое *внимание* в них вынуждено было усиленно работать, чтобы превратить ее в какой-нибудь знакомый объект. Препятствие, с которым сталкивалось мое *внимание* в этом случае, состояло в его неспособности полностью совершить такое преобразование: в итоге я получал какой-то диковинный *объект*, почти мне незнакомый. Впоследствии чужеродная энергия довольно быстро исчезала; нестандартный предмет пропадал,

превращаясь в пузырь света, который вскоре поглощался другими деталями моего сна.

Когда я попросил дона Хуана прокомментировать то, что происходит в моем *сновидений*, он сказал:

– В настоящее время *лазутчики* в твоих снах являются шпионами, присылаемыми из неорганического мира. Они очень недолговечны, что означает их неспособность долго оставаться во сне.

– Почему ты говоришь, что они – шпионы, дон Хуан?

– Они приходят в поисках возможности поглощать сознание других существ. У них есть собственное сознание и цель, хотя она недоступна постижению нашим разумом. По типу их сознания и замыслов их, вероятно, можно сравнить с деревьями. Внутренние устремления деревьев и неорганических существ непонятны нам, потому что они намного более медленны, чем наши.

– Почему ты так считаешь, дон Хуан?

– И деревья, и неорганические существа живут дольше, чем мы. Они созданы, чтобы пребывать неизменными. Они неподвижны, но в то же время они заставляют все двигаться вокруг себя.

– Ты хочешь сказать, дон Хуан, что неорганические существа являются такими же почти неизменными сущностями, как и деревья?

– Именно так. То, что ты видишь в *сновидении* в виде светлых и темных полых трубочек, является их проекцией. То, что ты слышишь во сне как голос *эмиссара*, – тоже их порождение. Равно как и их *лазутчики*.

По какой-то непонятной мне глубинной причине я был подавлен этими словами. Внезапно меня охватило беспокойство. Я спросил дона Хуана, являются ли и деревья подобными проекциями.

– Являются, – сказал он. – Более того, эти проекции более враждебны к нам, чем их аналоги из неорганического мира.

Сновидящий никогда не вступает в контакт с деревьями, если только он не находится в теплых приятельских отношениях с другими мирами, что является очень трудно достижимым состоянием. У нас нет друзей на этой Земле, ты ведь знаешь. – Он грустно улыбнулся и добавил. – Ни для кого не секрет, почему это так.

– Возможно, это не секрет для тебя, дон Хуан, но, со всей определенностью, это тайна для меня.

– Наши действия разрушительны. Мы настроили все живые существа против себя на этой Земле. Вот почему у нас нет друзей. Я чувствовал себя так неловко, что хотел вовсе прекратить беседу. Внутреннее побуждение вынудило меня вернуться к обсуждению неорганических существ.

– Что, по твоему мнению, мне следует делать, чтобы последовать за *лазутчиками*? – спросил я.

– А зачем, собственно, тебе нужно следовать за ними?

– Я занимаюсь научными исследованиями неорганических существ.

– Ты подшучиваешь надо мной, не так ли? Я думал, что ты непоколебим в своем отрицании их существования.

Его издевательский голос и раскаты смеха ясно показали мне его отношение к моему научному исследованию.

– Я теперь придерживаюсь другого мнения, дон Хуан. Теперь я хочу изучить все эти сущности.

– Помни, что мир неорганических существ был сферой деятельности магов прошлого. Чтобы пробраться туда, они тщательно концентрировали свое *внимание в сновидении* на наблюдаемых объектах, таким образом они были способны обнаруживать *лазутчиков*. И когда *лазутчики* оказывались в центре их *внимания*, они выкрикивали вслух *намерение* следовать за ними. Как только маги древности заявляли об этом своем *намерении*, они уходили, увлекаемые чужеродной энергией.

– Так ли все просто, дон Хуан?

Он не ответил. Он только засмеялся, глядя на меня, как бы приглашая меня сделать то, о чем он рассказал.

Работая дома, я устал искать истинный смысл слов дона Хуана. Я упрямо не желал следовать тому, что он мог бы назвать рабочим методом. После того, как я отбросил и идеи, и терпение, я однажды потерял бдительность. В тот раз я видел во сне рыбу, озадачившую меня тем, что она внезапно выскочила из озера, возле которого я прогуливался. Она забилась у моих ног, затем полетела, как птица, и села на ветку, по прежнему оставаясь рыбой. Картина была такой непривычной, что мое *внимание сновидения* оживилось. Я сразу же понял, что это *лазутчик*.

Секундой позже, когда рыба-птица превратилась в точку света, я крикнул о своем *намерении* последовать за ней и отправился в иной мир точно так, как говорил об этом дон Хуан.

Я, как легкое насекомое, пролетел сквозь нечто, казавшееся темным тоннелем. Ощущение тоннеля внезапно прекратилось. Было так, как будто я был выдут из трубы и по инерции шлепнулся на огромную глыбу какого-то вещества; я почти касался ее. Я не видел ей конца во всех направлениях, доступных моему зрению. Все это так сильно напоминало мне научно-фантастические фильмы, что я был полностью уверен, что эта панорама возникла в моем спящем сознании. А почему бы и нет? Я считал, что происходящее со мной всего лишь сон.

Я решил рассмотреть все детали этого сна. То, что я мог видеть, представляло собой подобие исполинской губки. Оно было пористым и покрытым углублениями. Я не мог прикоснуться к нему, но оно выглядело твердым и волокнистым. Оно было темно-коричневого цвета. Затем у меня проскользнуло сомнение в том, что все это немое нагромождение мне просто снится. То, что я видел, не изменяло своих очертаний. Оно не двигалось. При пристальном всматривании у меня создалось впечатление чего-то реального, но полностью неподвижного; это все где-то находилось и так приковывало к себе мое внимание, что я не мог оторваться для осмотра других объектов, включая себя. Какая-то удивительная сила, с которой я никогда раньше не сталкивался в *сновидении*, парализовала меня.

Затем я явственно ощутил, что масса высвободила мое внимание; и теперь все мое сознание сосредоточилось на *лазутчике*, который привел меня сюда. Он выглядел как светлячок в темноте, кружась надо мной и вокруг меня. В этом мире *лазутчик* был пузырьком чистой энергии. Я мог *видеть* кипение его энергии. Казалось, он знает обо мне. Внезапно он приблизился ко мне, а затем притянул и оттолкнул меня. Я не чувствовал его прикосновения, но знал, что он касается меня. Это ощущение было изумительным и новым для меня; будто какая-то часть меня, не присутствующая там, была возбуждена этим прикосновением; волны энергии проходили по ней одна за другой.

Начиная с этого момента все в моем сне начало становиться все более реальным. Мне с трудом удавалось помнить, что я нахожусь в *сновидении*. К этому затруднению примешивалось чувство уверенности в том, что, касаясь меня, *лазутчик* осуществляет энергетический контакт со мной. В тот момент, когда казалось, что он притягивает или отпихивает меня, я знал, чего он от меня хочет.

Сначала он втолкнул меня в большое углубление в глыбе вещества, перед которой я находился. Как только я оказался там, я заметил, что внутренняя поверхность была так же равномерно пористой, как и внешняя, но выглядела не так грубо, будто ее неровности были отшлифованы. То, что я рассматривал снаружи, имело структуру, напоминающую что-то похожее на увеличенное изображение пчелиного улья. Во всех направлениях расходились бесчисленные тоннели всевозможных очертаний. Некоторые из них вели вверх, другие – вниз; были также идущие налево и направо; они образовывали всевозможные углы друг с другом, направляясь один выше, другой ниже, будучи наклоненными более или менее покато.

Свет был очень тусклым, но все было отчетливо видно. Тоннели выглядели оживленными и сознательными; они «кипели». Я пристально взглянул на них и с удивлением понял, что *вижу* их. Это были энергетические волокна. Как только я это постиг, голос *эмиссара из сновидения* зазвучал в моих ушах так громко, что я не мог разобрать ничего из сказанного.

– Говори тише, – завопил я нетерпеливо, замечая, что во время произнесения мною слов тоннели исчезают из виду, а я погружаюсь в вакуум, где могу только слышать.

Эмиссар понизил голос и сказал:

– Ты находишься внутри неорганического существа. Выбери себе любой из тоннелей, и ты сможешь жить в нем вечно. – Голос смолк на мгновение, а затем прибавил: – Разумеется, если ты хочешь этого.

Я не мог заставить себя вымолвить хоть несколько слов. Я боялся, что любое мое утверждение может быть понято в смысле, противоположном тому, который я в него вкладываю.

– В этом для тебя есть бесчисленные преимущества, – продолжал голос *эмиссара*. – Ты можешь жить в любых тоннелях, какие пожелаешь. И в каждом ты сможешь узнать что-то новое. Маги прошлого жили там и научились многим удивительным вещам. Не пользуясь никакими органами чувств, я ощутил, что *лазутчик* подталкивает меня сзади. Казалось, он хочет, чтобы я двигался вперед. Я направился в тоннель, находящийся рядом справа от меня. Как только я очутился в нем, я как-то осознал, что не иду по нему; я кружился в нем, летел. Я был пузырьком энергии, подобно самому *лазутчику*.

Голос *эмиссара* снова зазвучал в моих ушах:

– Да, ты – всего лишь пузырек энергии, – произнес он.

И хотя я сам знал это, я почувствовал громадное облегчение.

– Ты паришь *внутри* одного из неорганических существ, – продолжал он. – *Лазутчик* хочет, чтобы ты двигался в этом мире именно таким образом. Когда он прикоснулся к тебе, он изменил тебя навсегда. Теперь ты, по сути, один из нас. Если желаешь остаться здесь, просто вырази свое *намерение*.

Эмиссар прекратил говорить, и вид тоннеля снова предстал предо мной. Но когда он заговорил снова, что-то изменилось; я не терял из виду этого мира и все же мог одновременно слышать голос *эмиссара*.

– Древние маги научились всему, что они знали о *сновидении*, пребывая здесь среди нас, – сказал он.

Я собирался спросить, научились ли они этому всему просто живя внутри этих тоннелей, но прежде чем я произнес свой вопрос, *эмиссар* ответил мне.

– Да, они узнали все, просто пребывая подолгу внутри неорганических существ, – сказал он. – Чтобы жить внутри них, магам прошлого требовалось всего лишь сказать о том, что они желают этого. Точно так же, как для того, чтобы попасть сюда, тебе требовалось только громко и отчетливо выразить вслух свое *намерение*.

Лазутчик толкнул меня вновь, давая понять, что я могу продолжить движение. Я засомневался, и тогда он сделал что-то эквивалентное такому силовому воздействию, от которого я полетел по бесконечным тоннелям, как пуля. В конце концов я остановился, потому что остановился *лазутчик*. На какое-то мгновение мы зависли; затем мы провалились в вертикальный тоннель. Но я не почувствовал, что направление движения существенно изменилось. Что касается моих ощущений, то я по-прежнему чувствовал, что двигаюсь вдоль поверхности.

Мы меняли направление движения множество раз, но в каждом случае мои ощущения были похожими. Я начал было уже формулировать мысль о своей неспособности чувствовать, куда я двигаюсь, вверх или вниз, когда вдруг зазвучал голос *эмиссара*.

– Мне кажется, что тебе будет приятнее медленно ползти, а не лететь, – сказал он. – Можешь также попробовать перемещаться, как паук или муха, прямо, вверх или вниз, или вверх ногами.

Внезапно я приземлился. Было похоже на то, что из невесомой пылинки я вдруг превратился во что-то тяжелое, тем самым ощутив почву под собой. Я не мог больше видеть стен тоннелей, но *эмиссар* был здесь же и в более удобном положении, перемещаясь рядом со мной.

– В этом мире тебе не обязательно все время быть связанным тяготением, – сказал он.

Конечно, я и сам мог это понять.

– Тебе здесь также не нужно и дышать, – продолжал его голос. – И только для своего удобства ты продолжаешь пользоваться зрением, по привычке делая это так же, как в твоём мире.

Казалось, что *эмиссар* решал, продолжать ли ему говорить дальше. Он прокашлялся в точности как человек, собирающийся начать говорить, и произнес:

– Зрение – главный источник информации; поэтому *сновидящий* всегда говорит о своих ощущениях во сне, пользуясь терминами зрения.

Лазутчик втолкнул меня в тоннель направо. Он был несколько темнее других. Вопреки моему здравому смыслу, он показался мне более уютным, чем другие, более мирным и более знакомым. Мой ум пронзила мысль о том, что я был подобен этому тоннелю, или он – мне.

– Вы уже встречались раньше, – произнес голос *эмиссара*.

– Что это значит? – сказал я.

Я понял его слова, но не знал, что он имеет в виду.

– Вы когда-то боролись друг с другом и поэтому сейчас каждый из вас содержит энергию другого.

Я подумал, что в голосе *эмиссара* слышится злая нотка или даже сарказм.

– Нет, это не сарказм, – сказал *эмиссар*. – Я рад, что у тебя есть среди нас сородичи.

– Что ты подразумеваешь под сородичами? – спросил я.

– Обмен энергией означает родство, – ответил он. – Энергия подобна крови.

Я потерял дар речи. Я ясно ощутил, как во мне шевельнулся страх.

– Страх – это нечто, несвойственное этому миру, – сказал *эмиссар*.

Из всего, что он сказал, только это было не совсем точным.

На этом мое *сновидение* закончилось. Я был так ошарашен яркостью увиденного, поразительной ясностью и

последовательностью сказанного *эмиссаром*, что не мог дожидаться момента, чтобы рассказать обо всем дону Хуану. Меня удивило и насторожило то, что он не захотел слушать меня. Он так ничего и не сказал, но я догадывался, что он считал все случившееся моим собственным индальгированием.

— Почему ты так ведешь себя со мной? — спросил я. — Ты чем-то недоволен?

— Нет, я всем доволен, — сказал он. — Дело в том, что я не могу говорить об этой стороне твоего *сновидения*. Это исключительно твое личное дело. Я сказал тебе, что неорганические существа реальны. Теперь ты сам обнаруживаешь, насколько они реальны. Но то, что ты извлечешь из этого открытия, — это уже твое дело, твое личное дело. Когда-нибудь ты поймешь, почему я оставался в стороне.

— Но неужели ты не можешь ничего сказать мне об этом *сне*? — настаивал я.

— Я могу сказать только, что это было не *сновидение*. Это было путешествие в неизведанное. Добавлю к тому же, что это было необходимое путешествие, — но сугубо личное.

Затем он сменил тему разговора и принялся объяснять другие аспекты своего учения.

Начиная с этого дня, несмотря на мой страх и нежелание дона Хуана дать мне совет, я стал в своих *сновидениях* регулярно посещать тот губчатый мир. Я вскоре обнаружил, что чем больше возрастает моя способность замечать детали предметов в *сновидении*, тем искуснее я становлюсь в выявлении *лазутчиков*. Когда я узнавал *лазутчиков* по их чужеродной энергии, они еще некоторое время оставались в моем поле зрения. Если же я пытался превращать *лазутчиков* в отчасти знакомые мне объекты, они оставались далее дольше обычного, беспорядочно меняя форму. А когда я следовал за ними, громко провозглашая вслух свое *намерение* попасть в их мир, *лазутчики* полностью переводили мое *внимание сновидения* на мир, лежащий за пределами моего обычного воображения.

Дон Хуан сказал, что неорганические существа всегда испытывают потребность обучать. Но он не упомянул при этом, что они обучают *сновидению*. Он сообщил, что *эмиссар в сновидении*, будучи обычным голосом, является идеальным мостиком между тем миром и нашим. Я обнаружил, что *эмиссар* представляет собой

зачастую не просто голос наставника, но еще и голос умелого торгового агента. Он объяснял мне снова и снова, в нужном месте и в соответствующее время, преимущества своего мира. Кроме этого, он также преподавал мне неоценимые уроки *сновидения*. Слушая его объяснения, я понял, почему маги прошлого отдавали предпочтение практическим занятиям.

– Чтобы в совершенстве овладеть *сновидением*, тебе прежде всего следует прекратить внутренний диалог, – сказал мне однажды *эмиссар*. – Для того, чтобы достичь успеха в прекращении диалога, держи между пальцами несколько кристаллов кварца длиной два или три дюйма или несколько тонких отшлифованных речных камушков. Согни чуть-чуть пальцы и зажми кристаллы или гальку между ними.

Эмиссар сообщил, что металлические предметы, если они соответствуют размеру и ширине пальцев, оказывают тот же эффект. Метод состоит в том, чтобы удерживать как минимум по три тонких вещи между пальцами каждой из рук, сжимая их почти до боли в кистях. Это давление необычно действует на внутренний диалог, успокаивая его. *Эмиссар* отдавал предпочтение кристаллам кварца; он сказал, что результат в этом случае будет наиболее эффективным, хотя для этой практики подходит все что угодно.

– Если ты засыпаешь в состоянии полного спокойствия, это гарантирует тебе идеальное вхождение в *сновидение*, – сказал однажды голос *эмиссара*, – это способствует также развитию *внимания в сновидении*.

– *Сновидящий*, должен носить золотое кольцо, – сказал мне *эмиссар* в другой раз. – Лучше, чтобы оно было чуточку тесным для пальца.

Объяснение *эмиссара* в связи с этим сводилось к тому, что кольцо служит в качестве моста для возвращения обратно на поверхность обычного мира из *сновидения* или погружения из состояния нормального сознания в мир неорганических существ.

– Как работает этот мост? – спросил я, не понимая, что подразумевает аналогия с мостом, которой воспользовался *эмиссар*.

– Мост получается там, где палец соприкасается с кольцом, – сказал *эмиссар*. – Если *сновидящий* приходит в мой мир, имея на пальце кольцо, оно привлекает и сохраняет энергию моего мира; в случае необходимости кольцо отдает ее в палец пришедшего, и эта

энергия возвращает *сновидящего* обратно в его мир.

Давление, производимое кольцом на палец, хорошо служит также для гарантии того, что *сновидящий* вернется в свой мир. Благодаря этому давлению он постоянно ощущает знакомое прикосновение к пальцу.

В ходе одного из последующих занятий *эмиссар* сообщил, что наша кожа является органом, идеально подходящим для передачи энергетических волн обычного мира в мир неорганических существ, и наоборот. Он посоветовал мне следить за тем, чтобы моя кожа была прохладной, чистой и не жирной. Он также порекомендовал *сновидящим* носить тугий пояс, повязку на голове или ожерелье, чтобы создать давление в точках кожи, служащих центрами обмена энергией. Эмиссар также объяснил, что в обычном состоянии кожа автоматически предотвращает выход энергии из тела, и что если мы хотим не только сохранять энергию, но и переводить ее из одного мира в другой, мы должны громко выразить в *сновидении* соответствующее *намерение*.

Однажды *эмиссар* сделал мне настоящий подарок. Он сказал, что для обеспечения живости, и точности работы *внимания сновидения* нам следует черпать его из области, которая находится у нас во рту непосредственно за нёбом. В этом месте у всех людей располагается огромный резервуар внимания. *Эмиссар* специально порекомендовал научиться прижимать в *сновидении* кончик языка к нёбу. Он сказал, что это более сложная задача, чем нахождение рук во сне. Но решив эту задачу, *сновидящий* достигает удивительных результатов в смысле контроля *внимания сновидения*.

Я получил целые горы инструкций по поводу всех возможных аспектов моих занятий. Эти инструкции я бы очень скоро забыл, если бы *эмиссар* не продолжал регулярно повторять их мне. Я спросил у дона Хуана, как мне быть с тем, что я забываю.

Его замечание было кратким, как я и ожидал.

– Сосредоточься только на том, что *эмиссар* говорит тебе о *сновидении*, – сказал он.

Все, о чем неустанно повторял голос *эмиссара*, я схватывал с неизменным интересом и рвением. Но, верный рекомендации дона Хуана, я следовал указаниям *эмиссара* только в отношении *сновидения*, лично проверяя практическую ценность его инструкций. Наиболее важной информацией для меня оказалось

то, что он сказал о *внимании сновидения*, источником которого является нёбо. Мне потребовалось приложить много усилий, чтобы начать чувствовать в состоянии *сновидения* кончик языка, прижимающийся к нёбу. Как только я научился этому, мое *внимание сновидения* зажило своей собственной жизнью я стало, может быть, лучше, чем мое обычное внимание в нашем мире. Мне потребовалось не так уж много времени, чтобы понять, как глубоко маги прошлого были связаны с неорганическими существами. Объяснения и предостережения дон Хуана об опасности такой связи стали для меня более насущными, чем когда-либо раньше. Я пытался сделать все от меня зависящее, чтобы соответствовать его стандартам самооценки, не поддаваясь их влиянию. Поэтому голос *эмиссара* и все, что он говорил, представляли для меня постоянный вызов. Мне следовало любыми средствами не поддаваться искушению со стороны *эмиссара*, когда он обещал мне всевозможные знания. Мне приходилось противостоять ему в одиночку, поскольку дон Хуан по-прежнему отказывался выслушать меня.

— Ты должен хотя бы намекнуть о том, что мне делать, — настаивал я однажды, будучи достаточно прямолинейным, чтобы заговорить об этом.

— Я не могу, — сказал он с оттенком категоричности, — и не спрашивай меня снова. Ведь я сказал тебе, что в этом случае *сновидящий* должен все решать сам.

— Но ведь ты даже не подозреваешь, что я собираюсь спросить.

— О, я знаю. Ты хочешь, чтобы я сказал тебе, что ты поступаешь правильно, когда торчишь в одном из тех тоннелей только затем, чтобы узнавать новое от *эмиссара*.

Я признал, что именно это и было моим затруднением. И если он не мог мне помочь решить его, то я хотел по крайней мере узнать, что означала возможность жить внутри тех тоннелей.

— Я сам прошел через всю эту суету, — продолжал дон Хуан, — и никто не мог помочь мне, потому что здесь все определяется исключительно личным непреклонным решением, решением, которое ты принимаешь, если высказываешь *намерение* остаться жить в том мире. Чтобы хитростью вынудить тебя заявить об этом *намерении*, неорганические существа потекают твоим самым тайным желаниям.

— Они ведут себя как дьяволы, дон Хуан.

– Ты можешь говорить все что угодно. Но это не то, о чем ты в действительности думаешь. Для тебя дьяволом является соблазн сдаться, особенно когда они сулят тебе такие награды. По-моему, дьявольская природа мира неорганических существ проявляется в том, что он является единственным прибежищем для *сновидящих* во всей этой враждебной вселенной.

– Действительно ли он является небесами для *сновидящих*, дон Хуан?

– Определенно, для некоторых из них это так. Но не для меня. Мне не нужна поддержка и защита. Я знаю, кто я. Я одинок во враждебной вселенной, но я научился произносить «Да будет так!» Это был конец нашего обмена мнениями. Он не сказал того, что я желал услышать, но я не знал, что одно лишь стремление постичь секрет жизни в тоннеле уже почти означает выбор в пользу жизни там. Но я не был заинтересован в этом. Я сразу принял решение продолжать свою практику *сновидения* безо всяких дальнейших осложнений. Я тут же сказал об этом дону Хуану.

– Не говори этого, – посоветовал он мне. – Пойми только, что если ты решишь остаться там, это твое решение будет последним. Ты никогда не вернешься оттуда.

Сейчас уже невозможно объективно судить о том, что было со мной, когда я несчетное число раз *сновидел* тот мир. Я могу сказать, что он представлялся мне миром настолько реальным, насколько может быть таковым *сновидение*. Я также могу сказать, что он казался не менее настоящим, чем наш привычный обыденный мир. Посещая в *сновидении* тот мир, я осознал то, что дон Хуан говорил мне много раз: под влиянием занятий *сновидением* реальность сильно видоизменяется. Я столкнулся с двумя возможностями, с которыми, по словам дона Хуана, встречаются все *сновидящие*: либо мы осторожно перестраиваемся, либо мы сразу полностью отбрасываем нашу систему интерпретации чувственных данных.

По словам дона Хуана, изменение системы интерпретации означает *намерение* ее постепенно перестроить. Это значит, что человек целенаправленно и тщательно расширяет свои возможности. Живя в соответствии с учением магов, *сновидящие* освобождают и запасают энергию, необходимую для прекращения рациональных рассуждений, и тем самым содействуют предполагаемому изменению. Он объяснил, что если мы делаем

выбор в пользу перенастройки нашей системы интерпретации мира, окружающая нас реальность становится подвижной и рамки того, что мы считаем реальным, расширяются, не подвергая нас опасности потерять ощущение целостности мира. Поэтому *сновидение* фактически является дверью в другие аспекты того, чем на самом деле является реальность.

Если же мы выбираем второй путь, путь отбрасывания системы интерпретации, – масштабы того, что можно воспринимать без возможности объяснить, невероятно возрастают. Расширение сферы ощущений в этом случае так велико, что те несколько оставшихся средств интерпретации неспособны вместить всего разнообразия мира. При этом нас охватывает чувство потрясающей реальности того, что казалось нереальным, и полной нереальности того, что всегда казалось реальным, но в действительности не являлось таковым.

Для меня единственной приемлемой возможностью была реконструкция и расширение интерпретационной системы. Посещая в *сновидении* мир неорганических существ, я столкнулся с нарастающим чувством естественности этого мира для меня. Это началось с моего умения обнаруживать *лазутчиков*, продолжалось, когда я слушал объяснения *эмиссара в сновидении*, и закончилось моим путешествием по тоннелям. Я летал в них, не ощущая практически ничего, но в то же время осознавал пространство и время, хотя и не в смысле, доступном нашей рациональности в обычных условиях. Однако особенности тоннелей, связанные с количеством и качеством деталей в каждом из них, а также существенные различия в расстоянии между ними и в их параметрах были столь заметны для меня, что, посещая их, я чувствовал себя проводящим объективные исследования. Перенастройка моей системы интерпретации больше всего сказалась в отношении моего знания о мире неорганических существ. В их мире, который был реален для меня, я чувствовал себя пузырьком энергии. Поэтому я мог со свистом носиться в тоннелях, как бы летая со скоростью света, или ползать по их стенам, как насекомое. Когда я летел, голос сообщал мне не бессистемную, но вполне последовательную информацию о деталях стен, на которых я останавливал свое внимание. Эти детали представляли собой изоощренные выпуклости, напоминающие шрифт для слепых. Когда же я ползал по стенкам,

я мог видеть те же самые их особенности с большей ясностью и слышать тот же голос, на этот раз объясняющий мне все более подробно.

Неизбежным последствием этого для меня было развитие у меня чувства двойственности моего положения. С одной стороны я знал, что *сновижу*; с другой – я чувствовал, что совершаю такое же полезное путешествие, как и всякое другое, не менее реальное путешествие в нашем обычном мире. Эта неподдельная двойственность моего положения была следствием того, о чем говорил дон Хуан: существование неорганических существ является сильным ударом по нашему здравому смыслу.

Только после того, как я перестал постоянно рационализировать, я получил некоторое облегчение. Раньше я находился в затруднительном положении в связи с тем, что одновременно серьезно верил в возможность подтвердить существование неорганических существ и в то же время был убежден, что это – всего лишь сон. Затем в какой-то момент, когда напряжение, связанное с моим двойственным положением, чуть было не погубило меня, в моем отношении к проблеме безо всякого вмешательства сознания произошло резкое изменение.

Дон Хуан подтвердил, что мой энергетический уровень, постоянно возрастая, однажды достиг порогового значения, позволив мне больше не принимать во внимание мнения и предрассудки о природе человека, реальности и наших ощущений. С этого дня я восхищаюсь знаниями, независимо от их логичности и практической значимости, а также, что важнее всего, независимо от моих личных предпочтений.

Когда мое научное исследование неорганических существ утратило для меня интерес новизны, дон Хуан сам поднял вопрос о моих путешествиях в состоянии *сновидения*. Он сказал:

– Я не думаю, что ты осознаешь, как часто ты встречаешься с неорганическими существами.

Он был прав. Я никогда не затруднял себя размышлениями на эту тему. Я признался в том, что это весьма странная оплошность.

– Это не оплошность, – сказал он. – Этот мир по своей природе способствует распространению скрытности. Неорганические существа окутывают себя тайной, тьмой. Подумай об их мире: он остается неподвижным, постоянно притягивая нас к себе, как свет или огонь привлекает мошкар.

Есть нечто, о чем *эмиссар* до сих пор не решился тебе сказать: неорганические существа охотятся за нашим сознанием или сознанием любых других существ, которые попадают в их сети. Они дают нам знания, но дорогой ценой, ценой наших жизней.

– Ты хочешь сказать, дон Хуан, что неорганические существа подобны рыбакам?

– Именно так. Когда-нибудь *эмиссар* покажет тебе людей или некоторых иных существ, которые увязли в их мире.

Мне следовало бы испугаться или испытать чувство отвращения. Сообщение дона Хуана глубоко задело меня, но моей реакцией было скорее нескрываемое любопытство. Я еле сдерживался от нетерпения.

– Неживые существа не могут никого заставить остаться у себя, – продолжал дон Хуан. – Жизнь в их мире – добровольное дело. Но они способны обратить в рабство каждого из нас, потворствуя нашим желаниям, балуя и развлекая нас. Опасайся осознания, которое неподвижно. Такое осознание притягивает к себе все движущееся и достигает этого, как я тебе уже говорил, создавая проекции, иногда самые фантазмагорические проекции.

Я попросил дона Хуана объяснить, что значит выражение «фантазмагорические проекции». Он сказал, что неорганические существа используют в качестве приманки глубинные чувства *сновидящих* и безжалостно играют на них. Они создают привидения, чтобы завлечь либо напугать *сновидящих*. Он напомнил мне, что я уже сражался с одним из таких призраков. Он объяснил, что неорганические существа – искусные иллюзионисты, которые любят проецировать себя, как слайды на экран.

– Бывшие маги пострадали вследствие того, что безрассудно доверяли этим проекциям, – продолжал он. – Маги прошлого верили, что их союзники могущественны. Они упустили из виду факт, что те представляют собой лишь разреженную энергию, проецируемую сквозь миры, как кинофильм вселенских масштабов.

– Ты противоречишь себе, дон Хуан. Ты сам говорил, что неорганические существа реальны. Сейчас ты говоришь, что это обычные картинки.

– Я тогда имел в виду, что в нашем мире неорганические существа подобны подвижным картинкам, спроецированным на экран; и я могу еще добавить, что они напоминают перемещающиеся образы,

создаваемые разреженной энергией, освещающей границу раздела двух миров.

– А как на счет неорганических существ в их собственном мире? Там они тоже напоминают подвижные картинки?

– Ни в коем случае. Тот мир так же реален, как и наш. Маги прошлого описывали мир неорганических существ как пузырь с углублениями и порами, плавающий в некотором темном пространстве. Они изображали неорганические существа в виде пустотелых палочек, связанных вместе, как клетки наших тел. Маги, жившие когда-то, называли это громадное хитросплетение *лабиринтом светотени*.

– Правда, что каждый *сновидящий* видит тот мир точно таким же?

– Конечно. Каждый *сновидящий* видит его таким, как он есть. Ты думаешь, что ты в этом смысле особенный?

Я признался, что какое-то свойство их мира постоянно дает мне ощущение, что я особенный. Это очень приятное и яркое ощущение собственной исключительности не было создано ни голосом *эmissара в сновидении*, ни чем-либо другим, о чем я мог сознательно подумать.

– Это как раз то, что сразило магов прошлого, – сказал дон Хуан. – Неорганические существа поступили с ними так же, как они сейчас поступают с тобой; они создали у магов ощущение того, что те – единственные в своем роде; к этому следует прибавить еще более пагубное чувство: иллюзию обладания силой. Сила и уникальность – несокрушимые развращающие факторы. Остерегайся!

– Как тебе самому удалось избежать этой опасности, дон Хуан?

– Я посетил этот мир несколько раз, после чего я ни разу туда не возвращался.

Дон Хуан объяснил, что по мнению магов, вселенная населена хищниками, и маги, как никто другой, должны принимать это во внимание во всех своих обычных магических действиях. Его идея состояла в том, что сознанию присуще свойство непрерывного роста, и единственная возможность для этого открывается в борьбе за жизнь и противостоянии смерти.

– Сознание магов, когда они практикуют *сновидение*, растет, – продолжал он. – И по мере его возрастания что-то внешнее по отношению к нему признает и замечает этот рост и стремится овладеть им. Неорганические существа стремятся к этому обладанию новым повышенным уровнем сознания. *Сновидящие*

должны всегда быть на чеку. Они легко могут стать жертвой в тот момент, когда идут на риск, путешествуя по вселенной хищников.

– Что бы ты мне посоветовал в качестве самозащиты, дон Хуан?

– Будь бдительным каждую минуту! Не давай возможности никому и ничему принимать решения за тебя. Посещай мир неорганических существ только тогда, когда ты сам этого хочешь.

– Честно говоря, дон Хуан, я не знаю, как мне быть. После того как я встретился с *лазутчиком*, во мне появилась громадная тяга бывать там. И я ничего не могу с собой поделать.

– Перестань! Ты думаешь я так легко тебе поверю? Конечно же, ты можешь прекратить это. Ты просто не пытаешься, только и всего.

Я настойчиво утверждал, что не могу прекратить. Он не стал больше об этом говорить со мной, и я был благодарен ему за это.

Беспокоящее чувство вины стало терзать меня. По какой-то непонятной причине мысль о том, чтобы волевым усилием прекратить привязанность к *лазутчикам*, никогда не приходила мне в голову.

Как обычно, дон Хуан был прав. Я обнаружил, что могу изменять ход своего *сновидения*, *намереваясь* идти по намеченному пути.

Ведь это я своим *намерением* позволял *лазутчикам* переводить себя в их мир. Вполне возможно, что если бы я сознательно сформулировал *намерение* сделать обратное, мое *сновидение* продолжалось бы в ином направлении.

С дальнейшей практикой моя способность управлять *намерением* при путешествии в мир неорганических существ чрезвычайно развилась. Возрастание способности управлять *намерением* положительно отразилось на контроле моего *внимания сновидения*.

Этот дополнительный контроль прибавил мне уверенности в себе.

Я чувствовал, что могу путешествовать безнаказанно, потому что мог прекратить путешествие в любой момент, когда этого захочу.

– Твоя уверенность меня очень пугает, – сказал дон Хуан, когда я по его просьбе сообщил ему о своих новых достижениях в контроле своего *внимания сновидения*.

– Почему она тебя пугает? – спросил я.

Я был абсолютно уверен в практической важности того, что открыл.

– Потому что это уверенность глупца, – сказал он. – Я собираюсь рассказать тебе одну уместную в данном случае историю о магах. Я не был свидетелем этих событий сам, но учитель моего учителя,

нагваль Элиас, видел это все своими глазами.

Дон Хуан сказал, что нагваль Элиас и любовь всей его жизни, женщина-маг по имени Амалия, в свои молодые годы однажды затерялись в мире неорганических существ.

Я никогда не слышал, чтобы дон Хуан рассказывал о том, что у мага может быть любовь на всю жизнь. Его слова удивили меня. Я спросил его, в чем здесь дело.

— В этом нет противоречия. Я просто все это время воздерживался от рассказов о любви магов, — сказал он. — Ты был так пресыщен любовью в течение всей твоей жизни, что я хотел дать тебе передышку.

— Итак, слушай. Нагваль Элиас и любовь всей его жизни, ведьма Амалия, заблудились в мире неорганических существ, — продолжал дон Хуан. — Они были там не в *сновидении*, а вместе со своими физическими телами.

— Как это случилось, дон Хуан?

— Их учитель, нагваль Розендо, был очень близок по темпераменту и методам обучения к магам прошлого. Он собирался помочь Элиасу и Амалии в их занятиях, но вместо этого вытолкнул их за некоторую смертельно опасную грань. Нагваль Розендо не собирался переводить их туда. Он хотел только переместить своих двух учеников во *второе внимание*, но вместо этого в результате получил их исчезновение.

Дон Хуан сказал, что не собирается углубляться в детали этой длинной и запутанной истории. Он собирался только рассказать мне, как они затерялись в том мире. Он заявил, что просчет нагваля Розендо состоял в его предположении, что неорганические существа нисколько не интересуются женщинами. Его точка зрения была правильной и основывалась на знании магов о том, что вселенная по своей природе соответствует преимущественно женскому началу, и что мужское начало, проистекающее из женского, имеется в незначительном количестве и поэтому является объектом зависти.

Дон Хуан отклонился от темы и объяснил, что, вероятно, неоправданное господство мужчин на нашей планете связано как-то с этой нехваткой мужского начала. Я хотел, чтобы он развил свою точку зрения дальше, но он продолжал рассказывать начатую историю. Он сказал, что нагваль Розендо планировал дать Элиасу и Амалии наставления только в отношении *второго внимания*. Для

этой цели он употребил стандартный прием магов прошлого. Он, находясь в *сновидении*, воспользовался *лазутчиком*, приказывая ему перевести своих учеников во *второе внимание* с помощью сдвига их точек сборки в соответствующие положения.

Теоретически, сильный *лазутчик* мог переместить их точки сборки в нужное положение безо всякого труда. Но нагваль Розендо не принял в расчет хитрости неорганических существ. *Лазутчик* действительно изменил положение точек сборки учеников, но он поместил их точки в положение, откуда они могли быть легко перенесены в телесном облике в мир неорганических существ.

– Разве возможно перемещение в физическом теле? – спросил я.

– Возможно, – подтвердил он. – Мы представляем собой энергию, которая принимает соответствующую форму и находится в нужном месте благодаря фиксации точки сборки в некотором определенном месте. Если это ее положение изменяется, то и форма, и местонахождение энергии изменяются соответственно. Для этого неорганическим существам нужно лишь поместить нашу точку сборки в необходимое место, и мы сразу превращаемся в пулю, ботинок, шляпу или все что угодно.

– Это может случиться с каждым из нас, дон Хуан?

– Вполне. Особенно если вся суммарная полнота нашей энергии оказывается как раз подходящей. Очевидно, объединенная энергия Элиаса и Амалии была как раз тем, что неорганические существа не могли не заметить. Нельзя доверять этим существам. У них собственный ритм жизни, далекий от человеческого.

Я спросил у дон Хуана, что именно нагваль Розендо предпринял, чтобы забросить своих учеников в тот мир. Я знал, что с моей стороны глупо об этом спрашивать, потому что дон Хуан не обратит внимания на мой вопрос. К моему искреннему удивлению, он начал отвечать мне.

– Последовательность действий ужасно проста, – сказал он. – Он поместил своих учеников в небольшое закрытое место, во что-то типа стенового шкафа. Затем он вошел в *сновидение*, вызвал *лазутчика* из мира неорганических существ, выражая намерение встретиться с ним, а потом выразил *намерение*, предлагая *лазутчику* своих учеников.

– Естественно, что *лазутчик* принял этот дар и забрал их с собой в тот момент, когда они были беззащитными, занимаясь любовью в шкафу. Когда нагваль открыл шкаф, их там уже не было.

Дон Хуан объяснил, что традиция дарить своих учеников неорганическим существам была как раз тем, что частенько делали маги прошлого. Нагваль Розендо не собирался делать этого, но потерял бдительность вследствие своей необоснованной уверенности в том, что неорганические существа подвластны ему.

– Магические действия очень опасны, – продолжал дон Хуан. – Умоляю тебя, будь очень внимательным. Не попадай под влияние своей идиотской самоуверенности.

– А что случилось потом с нагвалем Элиасом и Амалией? – спросил я.

– Нагвалю Розендо пришлось в телесном облике отправиться в тот мир и найти их, – ответил он.

– И он их нашел?

– Да, нашел, затратив огромные усилия. Однако он так и не смог полностью вернуть их оттуда. Поэтому эти двое молодых людей всегда оставались наполовину пленниками того мира.

– Ты знал их лично, дон Хуан?

– Конечно же, я знал их, и уверяю тебя, они были очень странными людьми.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

МИР ТЕНЕЙ

Ты должен быть очень внимателен, поскольку легко можешь стать добычей неорганических существ, – совершенно неожиданно сказал мне дон Хуан, хотя только что мы говорили о чем-то совершенно не имеющем отношения к *сновидению*.

Его утверждение застало меня врасплох. Как всегда, я попытался защититься:

– Тебе не нужно меня предупреждать. Я очень осторожен, – уверял я его.

– Неорганические существа – любители интриг, – сказал он. – Я чувствую это и не могу успокоить себя тем, что они ставят ловушки только на начинающего *сновидящего*, и таким образом *сновидящие*, у которых уже нет желаний, всегда эффективно защищены.

Тон его голоса был так настойчив, что я сразу же принялся заверять его в том, что не собираюсь попадать ни в какую ловушку.

– Ты должен серьезно относиться к тому, что неорганические существа имеют в своем распоряжении изумительные средства, – продолжал он. – Их осознание великолепно. По сравнению с ними мы дети – дети с большим количеством энергии, которой они домогаются.

Я хотел сказать ему, что на абстрактном уровне я понимаю его мысль и его обеспокоенность, но в настоящее время и в конкретной ситуации я не вижу причин для беспокойства, поскольку вполне контролирую свою практику *сновидения*.

Прежде чем дон Хуан снова заговорил, прошло несколько минут тягостного молчания. Внезапно изменив тему разговора, он сказал, что хочет обратить мое внимание на очень важный аспект его наставлений в связи со *сновидениями* по вопросу, на который я до сих пор не обращал внимания.

– Ты уже понял, что *врата сновидения* представляют собой особые препятствия, – сказал он, – но ты не понял до сих пор одной вещи: что бы ни бралось в качестве упражнения для достижения и

пересечения *врат* – это все не то, что помогает преодолеть эти *врата* на самом деле.

– Я этого вообще не понимаю, дон Хуан.

– Я не имею в виду, что неверно утверждать, например, что *вторые врата* достигаются и пересекаются после того, как *сновидящий* научился просыпаться в *другом сне*, или когда *сновидящий* научился изменять *сновидение*, не просыпаясь в обычном мире.

– Почему это так, дон Хуан?

– Поскольку *вторые врата сновидения* достигаются и пересекаются, только когда *сновидящий* научится находить и использовать энергию иного типа – энергию *лазутчиков*.

– Почему же тогда вообще дается идея изменения *сновидений*?

– Пробуждение в *другом сновидении* или изменение *сновидений* является упражнением, которое завещали нам древние маги, чтобы тренировать способность *сновидящего* обнаруживать и использовать *лазутчиков*.

Дон Хуан утверждал, что использование *лазутчика* является высшим достижением и что когда *сновидящий* приобретет способность выполнять это, *вторые врата* распаиваются, и вселенная, которая существует за ними, становится для них доступной. Он подчеркивал, что эта вселенная существует здесь всегда, но мы не можем войти в нее, поскольку нам недостает энергии и отваги и что, по существу, *вторые врата сновидения* – это врата в мир неорганических существ, а *сновидения* – это ключ, открывающий эти *врата*.

– Может ли *сновидящий* обнаружить *лазутчика* непосредственно, не прибегая к упражнению изменения *сновидений*? – спросил я.

– Нет, ни в коем случае, – ответил он. – Это упражнение очень важно. Вопрос здесь только в том, является ли такое упражнение единственным в своем роде. Или *сновидящий* может использовать и другие упражнения?

Дон Хуан лукаво посмотрел на меня. Судя по его виду, он словно ждал, что я сам отвечу на этот вопрос.

– Очень трудно предложить упражнение настолько же полное, как то, которое завещали древние маги, – сказал я с неопровержимой уверенностью, сам не зная, откуда она могла возникнуть.

Дон Хуан согласился, что я абсолютно прав и сказал, что древние маги завещали нам множество прекрасных упражнений для того,

чтобы пройти через *врата сновидений* в особые миры, существовавшие за каждым из таких *врат*. Он повторил, что *сновидения* являются изобретением древних магов, и практиковать их нужно по их собственным правилам. Он описал правило для *вторых врат* в терминах последовательности из трех шагов: первый – используя практику изменения *сновидений*, *сновидящие* открывают для себя *лазутчиков*, второй – следуя за ними, они попадают в другую подлинную вселенную; и третий – с помощью собственных действий *сновидящие* сами выясняют законы и правила, управляющие этой вселенной.

Дон Хуан сказал, что в своей работе с неорганическими существами я следовал этому правилу настолько хорошо, что он опасается разрушительных последствий. Он подумал, что неизбежной реакцией части неорганических существ может стать попытка удержать меня в их мире.

– Не думаешь ли ты, что это слишком сильное преувеличение, дон Хуан? – спросил я.

Мне не верилось, что описанная им ситуация может стать настолько мрачной.

– Я совсем не преувеличиваю, – ответил он сухим серьезным тоном. – Ты увидишь сам. Неорганические существа никому не позволят пройти без настоящего сражения.

– Но что дает тебе основания считать, что я им нужен?

– Они уже показали тебе слишком многое. Неужели ты считаешь, что они идут на все это просто забавы ради?

Дон Хуан сам рассмеялся этому замечанию. Мне оно не показалось забавным. Непонятно откуда взявшийся страх заставил меня спросить его о том, считает ли он, что я должен на время прервать или даже вовсе прекратить свою практику *сновидений*.

– Ты должен продолжать свое *сновидение* до тех пор, пока не войдешь во вселенную за *вторыми вратами*, – ответил он. – Я имею в виду, что только ты сам можешь либо принять, либо отвергнуть соблазны неорганических существ. Вот почему я остаюсь в стороне и могу разве что с трудом прокомментировать твои упражнения в *сновидении*.

Я признался ему, что нахожусь в полном недоумении и не могу понять, почему он настолько щедр в объяснении одних аспектов своего знания и настолько скарден в освещении других, особенно если это касается *сновидения*.

– Я вынужден учить тебя *сновидению*, – ответил он, – только потому, что это модель, которую предложили древние маги. Путь *сновидения* полон ловушек, и попадать в них или избегать их – это личное и индивидуальное дело каждого *сновидящего*. И я могу добавить, что это – моя последняя задача.

– Являются ли эти ловушки результатом возможности поддаться искушению лести или обещаниям силы? – спросил я.

– Не только искушению всем этим, но также и всему, что предлагают неорганические существа. До определенного момента для магов нет способа принять то, что они предлагают.

– И что это за момент, дон Хуан?

– Этот момент зависит от личности каждого из нас. Проблема для всех нас заключается в том, чтобы взять от этого мира только то, что действительно необходимо, – и ничего более. Знать, что же является необходимым – это искусство магов, но взять только то, что необходимо – это их высочайшее достижение. Непонимание этого простого правила и есть самый неизбежный путь попадания в ловушку.

– Что происходит если попадаешь в такую ловушку, дон Хуан?

– Если попадешь, то заплатишь определенную цену, и эта цена зависит от обстоятельств и глубины твоего падения. Но в действительности невозможно говорить о случайностях подобного рода, поскольку мы не сталкиваемся с проблемой наказания. Здесь ставятся на карту потоки энергии, создающие последствия более ужасные, чем смерть. Все, что встречается на пути мага, является вопросом жизни или смерти, но на пути *сновидения* это усиливается в сотни раз.

Я снова уверил дона Хуана, что всегда выполняю *сновидение* с величайшей осторожностью, и что я в высшей степени дисциплинирован и сознателен.

– Я знаю, что это так, – ответил он. – Но я хочу, чтобы ты был еще более дисциплинированным и выполнял все, что связано со *сновидением*, чрезвычайно деликатно. Прежде всего, будь бдителен. Я не могу предвидеть, откуда произойдет нападение.

– *Видишь* ли ты как *видящий* нависшую надо мной опасность, дон Хуан?

– Я *видел* нависшую над тобой угрозу с того дня, когда ты гулял по таинственному городу. И в первый раз я помог тебе, когда окружил твое энергетическое тело.

– Но знаешь ли ты конкретно, что мне нужно делать и чего мне следует избегать?

– Нет, я не знаю этого. Я только знаю, что мир за *вторыми вратами* очень близок к твоему собственному, и твой собственный мир – чрезвычайно хитрый и бессердечный. Поэтому они не слишком отличаются.

Я продолжал расспрашивать его о том, что еще он может сказать мне обо всем этом. Но он утверждал, что как маг чувствует состояние общей опасности, однако не может сказать ничего конкретного.

– Мир неорганических существ всегда готов поразить – продолжал он. – Но таков и твой мир. Вот почему ты должен войти в их сферу точно так, как если бы ты подвергся опасности в зоне военного конфликта.

– Означает ли это, дон Хуан, что *сновидящие* всегда должны бояться этого мира?

– Нет, я не говорил этого. Как только *сновидящий* проходит через *вторые врата*, или если он отказывается рассматривать их как жизненный выбор, – больше не возникает никаких проблем.

Дон Хуан настаивал, что только в этом случае *сновидящие* вольны продолжать. Я не уверен, что понял то, о чем он говорил; он пояснил, что мир за *вторыми вратами* настолько мощный и агрессивный, что служит как бы естественным экраном или тестовой территорией, где *сновидящие* проверяют свою слабость. Если они выдерживают эти тесты, они могут перейти к следующим *вратам*; если нет – они навсегда остаются пойманными в этом мире.

Я буквально задыхался от тревоги, но, несмотря на мои уговоры, он больше ничего не добавил. Вернувшись домой, я продолжал свои путешествия в мир неорганических существ, соблюдая величайшие предосторожности. Такая осторожность, видимо, еще больше увеличила мое ощущение наслаждения этими путешествиями. Я достиг точки, когда простого созерцания мира неорганических существ было достаточно для того, чтобы создать экзальтацию, которую невозможно описать. Я боялся, что рано или поздно мой восторг закончится, но этого не происходило. Иногда что-то неожиданно делало его еще более интенсивным.

Однажды *лазутчик* провел меня через бесчисленное количество туннелей, как если бы он что-то искал, или как если бы собирался

вытащить мою энергию и исчерпать меня. К тому моменту, когда это наконец окончилось, я чувствовал себя так, словно пробежал марафон. Я ощутил себя словно на краю этого мира. Уже больше не было туннелей. Меня окружала только пустота. Затем что-то осветило пространство прямо передо мной. Свет шел от непрямого источника. Это был приглушенный рассеянный свет, окрашивающий все вокруг в серый или коричневый цвет. Когда я стал воспринимать этот свет, я начал смутно различать какие-то темные движущиеся формы. В конце концов мне показалось, что фокусирование моего *внимания сновидения* на этих движущихся фигурах делает их более вещественными. Я заметил, что их было три разновидности: некоторые из них были круглыми, подобными шарам; другие напоминали колокола; еще одни были похожи на гигантское волнообразное пламя свечи. Все они в своем основании были круглыми и одного размера. Я решил, что диаметр основания составлял от трех до четырех футов. Их там были сотни, даже тысячи.

Я знал, что у меня было странное сложное видение, хотя эти формы для меня были настолько реальны, что меня начало слегка тошнить. У меня возникло вызывающее тошноту ощущение пребывания над гнездом гигантских круглых коричневых и сероватых жуков. Я ощущал себя в безопасности, так как парил над ними. Однако я отбросил все эти соображения в тот момент, когда осознал, что полным идиотизмом было бы ощущать себя в безопасности или чувствовать себя неловко, как если бы это была ситуация из реальной жизни. Но чем дольше я наблюдал то, как эти жукоподобные формы извиваются, тем сильнее меня стала беспокоить мысль, что они вот-вот коснутся меня.

– Мы – подвижные элементы нашего мира, – неожиданно произнес голос *эмиссара*. – Не бойся! Мы представляем собой энергию, и будь уверен, что мы не собираемся касаться тебя. Это было бы совершенно невозможно. Нас разделяют реальные границы.

После долгой паузы голос добавил:

– Мы хотим, чтобы ты присоединился к нам. Спустись к нам. И вообще, чувствуй себя удобно. Ты не чувствовал себя неловко с *лазутчиками*, не чувствуй и со мной. *Лазутчики* и я подобны друг другу. Я имею форму колокола, а *лазутчики* подобны пламени свечи.

Это последнее утверждение определенно было намеком на

разновидности моего энергетического тела. После того как я услышал это, моя тошнота и страх исчезли. Я спустился на их уровень, и шары, колокола и языки пламени окружили меня. Они подошли ко мне настолько близко, что если бы у меня было физическое тело, то коснулись бы меня. Вместо этого мы проходили друг через друга, как окруженные границами клубы воздуха.

В этот момент у меня возникло невероятное ощущение. Хотя у моего энергетического тела, казалось, не было никаких особых реакций на происходящее, я ощутил и отметил очень необычное ощущение щекотки в какой-то неопределенной части себя; сквозь меня, как бы вовсе меня не затрагивая, проходили какие-то мягкие воздушные сущности. Это ощущение было неясным и быстротечным и у меня не было времени полностью осознать его. Вместо того, чтобы сфокусировать на этом свое *внимание сновидения*, я позволил себе полностью погрузиться в наблюдение больших пузырей энергии.

Мне казалось что между мной и теневыми сущностями было некоторое сходство – хотя бы в том, что касалось нашего размера на этом уровне. Возможно, это было так потому, что я судил о них по размерам моего энергетического тела, и эта соразмерность позволяла мне чувствовать себя с ними почти уютно. Пытаясь потом проанализировать свои воспоминания, я пришел к выводу, что не запомнил их вообще. Они были безличны, холодны, бесстрастны и в этом чрезвычайно подобны мне самому. На мгновение я забеспокоился, как могло случиться так, что моя неприязнь к ним длилась не более минуты и резко сменилась полным приятием. Может быть, это было естественным следствием процесса *сновидения* или результатом особого энергетического влияния, оказываемого на меня этими сущностями.

– Они очень приятные, – сказал я *эмиссару*, и в тот самый момент меня охватила волна глубокого ощущения дружбы или даже влечения к ним.

Не успел я признаться в этом самому себе, как темные тени засеменили прочь подобно толстым морским свинкам, оставив меня в полутьме.

– Ты направил в их сторону слишком много чувства и испугнул их,
– сказал голос *эмиссара*. – Чувство слишком тяжело как для них,

так и для меня.

Эмиссар как-то робко засмеялся.

Здесь мой *сон* прекратился. После пробуждения моей первой реакцией было собрать чемоданы и отправиться в Мексику для встречи с доном Хуаном. Однако неожиданное течение моей личной жизни сделало эту поездку невозможной, несмотря на мои неистовые приготовления к отъезду. Кроме того, тревога, которая возникла в результате такой задержки, прервала мою практику *сновидения*. Я не прилагал усилий для их прекращения; невольно я столько внимания уделил конкретно этому *сновидению*, что просто знал, что если я не смогу добраться до дона Хуана, то нет смысла продолжать эту практику.

Перерыв, который длился свыше полугода, только увеличил мою зачарованность волшебством случившегося тогда. Мне и в голову не приходило, что только мои собственные чувства заставили меня прекратить эту практику. Мне хотелось бы знать, будет ли достаточно просто желания ее возобновить. Но как только я сформулировал для себя мысль о возобновлении *сновидений*, как моя практика продолжилась, словно никогда не прерывалась.

Лазутчик подобрал меня в том же месте, где мы расстались, и доставил прямо к тому видению, где я был во время моей последней встречи.

– Это мир теней, – сказал голос *эмиссара*, как только я прибыл. – Но хотя мы и тени, мы все-таки излучаем свет. Мы не только подвижны, мы еще и являемся светом в туннелях. Мы представляем собой еще одну из существующих здесь разновидностей неорганических существ. Здесь есть три их разновидности: одни подобны неподвижному туннелю, другие подобны подвижной тени. Мы – подвижные тени. Туннели дают нам свою энергию, а мы выполняем их распоряжения.

Эмиссар прекратил говорить. Я почувствовал, что самое время спросить о третьей разновидности неорганических существ. Я также почувствовал, что если я не спрошу, *эмиссар* сам этого мне не скажет.

– Каков третий вид неорганических существ? – спросил я.

Эмиссар кашлянул и хихикнул. Мне показалось, что это звучало так, как будто ему доставило немалое удовольствие то, что я наконец задал этот вопрос.

– О, это самая таинственная разновидность – сказал он. – Она

открывается нашим посетителям только в том случае, если они решат остаться с нами.

– Почему? – спросил я.

– Для того, чтобы увидеть их, требуется большее количество энергии, – ответил *эмиссар*. – И предоставить эту энергию должны мы.

Я знал, что *эмиссар* говорил мне правду. Я также знал, что надо мной нависла угроза огромной опасности. Мной овладело беспредельное любопытство. Я захотел увидеть эту третью разновидность.

Эмиссар, видимо, осознавал мое настроение. – Ты бы хотел увидеть их? – спросил он неожиданно.

– Непременно, – ответил я.

– Все, что тебе нужно сделать – это громко сказать о том, что ты хочешь остаться с нами, – произнес он бесстрастно.

– Но если я скажу это, я должен буду остаться, ведь так? – спросил я.

– Естественно, – произнес *эмиссар* тоном предельной убежденности. – В этом мире все, что ты произнесешь вслух, становится реальностью.

Я не смог удержаться, чтобы не подумать, что если бы *эмиссар* захотел хитростью заставить меня остаться, то для этого ему нужно было бы просто солгать. И я не смог бы отличить лжи от правды.

– Я не смогу тебе солгать, поскольку ложь не существует, – сказал *эмиссар*, вторгаясь в мои мысли. – Я могу говорить тебе только о том, что существует. В моем мире существует только *намерение*, *ложь* не содержит *намерения*, поэтому она не существует.

Я хотел возразить, что даже за ложью существует *намерение*, но еще до того, как я вслух выразил мое возражение, *эмиссар* сказал, что за ложью есть *намерение*, но то *намерение* не есть *намерение*.

Я не смог удержать мое внимание *сновидения* на возражении *эмиссара*. Оно направилось к теневым существам. Внезапно я заметил что они похожи на стадо странных доверчивых животных. Голос *эмиссара* предупредил меня о том, чтобы я держал свои эмоции под контролем, поскольку внезапные порывы чувств могут рассеять их, словно стаю птиц.

– Что же мне нужно делать? – спросил я.

– Спустиись на нашу сторону и попытайся тянуть или толкать нас, –

наставлял меня голос *эмиссара*. – Чем быстрее ты научишься это делать, тем быстрее ты сможешь двигать вещи в твоём собственном мире, просто смотря на них.

Мой практичный ум мгновенно отреагировал на это. Я сразу очутился среди них, отчаянно пытаюсь толкать или тащить их. В конце концов я совершенно исчерпал свою энергию. Затем у меня возникло ощущение, что я пытаюсь делать что-то подобное попытке поднять самого себя за волосы.

У меня возникло ещё одно впечатление, – чем больше я напрягался, тем больше теней появлялось. Это было похоже на то, как если бы они появлялись из всех углов, чтобы наблюдать за мной или питаться мной. В тот момент, когда я это подумал, они, эти тени, мгновенно разбежались.

– Мы не питаемся тобой, – сказал *эмиссар*. – Мы все приходим, чтобы погреться в твоей энергии. Это очень напоминает то, что ты делаешь с солнечным светом в холодный день.

Эмиссар призвал меня открыться им, не концентрируясь на своих подозрениях. Я услышал этот голос и, по мере того, как я слышал то, что он говорит, я понимал, что я слышу, ощущаю, и думаю точно так же, как делаю это в своей повседневной жизни. Я стал медленно поворачиваться кругом. Соизмерив ясность своего восприятия, я пришел к выводу, что нахожусь в реальном мире. Голос *эмиссара* продолжал звучать в моих ушах. Он говорил, что для меня единственным различием между восприятием моего мира и восприятием их мира является то, что восприятие их мира начиналось и заканчивалось в мгновение ока. Восприятие моего повседневного мира было иным, – поскольку мое осознание фиксировано на нем вместе с осознанием огромного числа существ, мне подобных, и все мы вместе удерживаем свой мой мир на месте с помощью своего *намерения*. *Эмиссар* добавил, что и для неорганических существ восприятие моего мира точно так же начинается и заканчивается в мгновение ока, но восприятие своего мира для них точно так же, как и моего – для меня, удерживается на месте громадным числом их *намерений*.

В это мгновение та сцена начала растворяться. Все это напоминало погружение в глубину, а пробуждение из этого мира было подобно выныриванию на поверхность.

На следующей сессии *эмиссар* начал свой диалог со мной, повторив, что между подвижными тенями и стабильными

туннелями существует полностью скоординированные и согласованные взаимоотношения. Он закончил свое высказывание словами:

– Мы не можем существовать друг без друга.

– Я понимаю твоё объяснение, – ответил я.

В его голосе появился оттенок недоверия, когда он возразил, что, возможно, я не в состоянии понять, что означает такая связь, которая является чем-то неизмеримо большим, чем зависимость. Я собрался попросить *эмиссара* объяснить, что он имеет в виду, но в следующее мгновение оказался внутри того, что я мог бы определить как саму ткань туннеля. Я увидел забавно соединенные, напоминающие железы выпуклости, которые излучали тусклый свет. У меня возникла мысль, что эти выпуклости производят на меня такое же впечатление, как выпуклый алфавит Брайля для слепых. Считая их шариками энергии от трех до четырех футов в диаметре, я начал удивляться действительным размерам этих туннелей.

– Размеры здесь не похожи на размеры в твоём мире, – сказал *эмиссар*. – Энергия этого мира представляет собой другой тип энергии; её особенности не совпадают с особенностями энергии твоего мира, хотя этот мир столь же реален.

Эмиссар принялся объяснять мне, что он уже рассказывал мне все это о теневых сущностях, когда описывал и объяснял выпуклости на стенах туннеля. Я ответил ему, что я слышал эти объяснения, но не обратил на них внимания, поскольку считал, что они непосредственно не относятся к *сновидениям*.

– Все здесь, в этом мире, непосредственно относится к *сновидениям*, – сказал *эмиссар*.

Я захотел поразмыслить о причине моего непонимания, но мой ум вдруг опустел. Мое *внимание сновидения* померкло. Мне стало трудно фокусировать его на мире вокруг себя. Я сконцентрировался на пробуждении. Но *эмиссар* снова стал говорить, и звук его голоса поддержал меня. Мое *внимание сновидения* значительно оживилось.

– *Сновидение* – это колесница, которая доставляет *сновидящих* в этот мир, – сказал *эмиссар*, – и каждый маг знает о *сновидениях*, поскольку этому научили его мы. Наш мир связан с вашим дверью, которая называется *сновидением*. Мы знаем, как проходить через эту дверь, но люди не знают. Они должны учиться этому.

Голос *эмиссара* начал объяснять мне то, о чем уже говорил раньше. – Выпуклости стенок туннелей представляют собой теневые существа, – сказал он. – И я – один из них. Мы движемся внутри туннелей по их стенкам, заряжая себя энергией этих туннелей, которая и является нашей энергией.

Мой ум пронзила мысль: «Я действительно не мог и представить себе отношения того типа, свидетелем которых я стал».

– Если бы ты остался с нами, то непременно бы научился ощущать то, что означает быть так взаимосвязанными, как взаимосвязаны мы, – сказал *эмиссар*.

Казалось, *эмиссар* ждет моего ответа. У меня возникло ощущение, что он только и ждал, чтобы я сказал о своем решении остаться.

– Сколько теневых существ в каждом туннеле? – спросил я, пытаюсь сменить тему, и сразу же пожалел об этом, потому что *эмиссар* начал подробно описывать мне количество и функции теневых существ в каждом туннеле. Он сказал, что в каждом туннеле имеется определенное число взаимосвязанных существ, относящихся только к нему, каждая из которых выполняет конкретные функции, относящиеся к потребностям и желаниям родственных им туннелей.

Мне не хотелось, чтобы *эмиссар* стал вдаваться в подробности. Я осознал, что чем меньше я знаю о туннелях и теневых существах, тем лучше для меня. В тот миг, когда я сформулировал эту мысль, *эмиссар* остановился, и мое тело энергии резко дернулось, как будто потянули за кабель. В следующий момент я полностью проснулся в своей кровати.

С тех пор у меня больше не было страхов, которые могли бы прерывать мою практику *сновидения*. Мною стала овладевать другая идея – идея о том, что я обнаружил источник неповторимого удовольствия. Каждый день я едва дожидался того момента, когда начинал *сновидение* и *лазутчик* доставлял меня в мир теней. Дополнительная прелесть была еще и в том, что мои видения мира теней стали еще более похожими на жизнь, чем это было раньше. Если судить с точки зрения стандартов обычных мыслей, обычных визуальных и слуховых ощущений, привычных реакций моего тела, то, пока продолжались мои переживания, все это было настолько же реально, как любая ситуация в обычном мире.

Никогда у меня не было таких переживаний, в которых

единственным отличием между моими видениями и моим повседневным миром была скорость, с которой заканчивались мои видения. В один миг я оказывался в странном, но реальном мире; в следующее мгновение – в своей постели.

Страстно желая, чтобы дон Хуан дал свои комментарии и пояснения, я продолжал слоняться по Лос-Анжелесу. Чем больше я думал о своей ситуации, тем большей была моя тревога; я даже начал ощущать, что в мире неорганических существ на меня с колоссальной скоростью надвигалось нечто угрожающее.

По мере того, как росла моя тревога, мое тело оказывалось в состоянии глубочайшего страха, хотя ум мой экстатически созерцал мир теней. И что совсем плохо, голос *эмиссара сновидений* стал присутствовать в моем повседневном сознании.

Однажды, во время моих университетских занятий, я услышал, как голос говорил, что любая попытка с моей стороны прекратить мои практики *сновидений* нанесла бы вред моим глобальным целям. Он утверждал, что воины не уклоняются от проблем, что у меня нет разумного основания прекращать свою практику. Я согласился с *эмиссаром*. У меня самого не было намерения ничего прекращать, и голос только подтверждал это мое ощущение.

В это время изменился не только *эмиссар*, но и новый *лазутчик* появился на сцене. Однажды, не успев я начать изучать особенности объектов моего *сновидения*, передо мной буквально выскочил *лазутчик* и агрессивно завладел моим *вниманием сновидения*. Примечательной особенностью этого *лазутчика* было то, что ему не пришлось проходить через энергетические метаморфозы; с самого начала он выглядел как пузырь энергии. В мгновение ока *лазутчик* перенес меня, не дожидаясь выражения моего *намерения* сделать это, в совершенно другую часть мира неорганических существ – в мир саблезубых тигров.

В моих ранних работах я уже описывал проблески этих видений. Я сказал «проблески», поскольку у меня не было достаточно энергии, чтобы передать воспринятые мной миры способом, понятным для моего рационально мыслящего ума.

Мои ночные видения саблезубых тигров продолжались регулярно в течение длительного времени, до тех пор, пока этот агрессивный *лазутчик* вновь не дожидаясь моего согласия перенес меня в туннели.

Я услышал голос *эмиссара*. Он сразу обрушил на меня самую

длинную и мучительную тираду из тех, что я слышал до сих пор. Он говорил мне о необыкновенных преимуществах мира неорганических существ. Он говорил о получении знания, которое перевернет мой ум, и о том, что это достигается только простым действием – согласием остаться в этих удивительных туннелях. Он говорил о неопишуемой подвижности, о бесконечном времени для познания сути вещей и более всего о возможности быть объектом внимания космических слуг, которые будут исполнять мой малейший каприз.

– Сознательные существа из самых невероятно удаленных концов вселенной высказывают желание остаться с нами. Им нравится быть у нас, – сказал *эмиссар*, завершая свою беседу. – Фактически, до сих пор никто не пожелал уйти.

В этот момент у меня возникла мысль: служение мне полностью чуждо моему темпераменту. Я никогда не одобрял ни слуг, ни тех, кому они служат.

Лазутчик подхватил меня и понес по множеству туннелей. Мы остановились в туннеле, который каким-то образом казался больше остальных. Мое *внимание сновидения* было приковано к размеру и расположению туннеля, оно оставалось как бы приклеенным там, и я не мог оглянуться. Мое *внимание сновидения* было сконцентрировано на капле энергии, немного большей, чем теневые существа. Она была голубой, словно синева в центре пламени свечи. Я знал, что эта конфигурация энергии не была тенью существа и что ее не было здесь раньше.

Ощущая его, я забыл о себе. *Лазутчик* дал мне знак уходить, но что-то сделало меня невосприимчивым к его сигналам. Я, ощущая некоторую тревогу, все же остался там где был. Однако знаки *лазутчика* нарушили мою концентрацию, и я потерял из виду эту голубую форму.

Неожиданно колоссальная сила заставила меня вращаться вокруг своей оси и перенесла меня прямо к голубому свечению. По мере того, как я смотрел на него, оно обретало очертания человека – очень маленького, тонкого, хрупкого, почти прозрачного. Я отчаянно пытался определить, мужчина это или женщина, но как я ни старался, мне это не удалось.

Мои попытки спросить об этом *эмиссара* также не имели успеха. Он улетел внезапно, оставив меня подвешенным в этом туннеле лицом к лицу с незнакомым человеком. Я попытался поговорить с

этим человеком, так, как я разговаривал с *эссаром*, но не получил ответа. Я ощутил волну разочарования оттого, что не смог разрушить разделяющий нас барьер. Затем меня охватил страх остаться наедине с кем-то, кто мог оказаться врагом.

В присутствии незнакомца у меня возникло множество реакций. Я даже ощутил восторг оттого, что я знал, что *лазутчик* показал мне, наконец, еще одно человеческое существо, которое было поймано в этом мире. Я только испытал огорчение оттого, что мы не можем общаться, поскольку, видимо, этот незнакомец был одним из магов древности и принадлежал другой эпохе.

Чем больше становился мой восторг и любопытство, тем тяжелее я становился, вплоть до того момента, когда я стал очень тяжелым и не очутился вновь в своем теле в парке возле калифорнийского университета. Я стоял на траве прямо среди людей, играющих в гольф.

Одновременно со мной с той же самой скоростью передо мной так же начал материализоваться человек. Мы на момент взглянули друг другу в глаза. Это была девочка, возможно, шести или семи лет. Я подумал, что знаю ее. При виде ее мой восторг и любопытство настолько возросли, что повернули процесс вспять. Я потерял вес настолько быстро, что в следующий миг превратился в каплю энергии в мире неорганических существ.

Лазутчик вернулся ко мне и вытолкнул меня прочь.

Я проснулся, содрогнувшись от страха. В процессе выплывания на поверхность повседневного мира что-то заставляло информацию ускользать. Мой ум неистово пытался собрать воедино все, что знал, или казалось, что знал. Я провел более сорока восьми часов в попытках ухватить скрытое ощущение или скрытое знание, прикоснуться к которому мне удалось. Единственным достижением было ощущение силы – я предполагал, что оно пришло извне; это ощущение силы говорило мне о том, чтобы я больше не доверял тому, что происходит со мной в *сновидениях*. Спустя несколько дней смутная и таинственная уверенность начала овладевать мною. Эта уверенность возрастала постепенно до тех пор, пока не осталось никаких сомнений в ее подлинности: я был уверен в том, что голубая капля энергии была пленником в мире неорганических существ.

Более чем когда-либо я стал нуждаться в совете дона Хуана. Я знал, что это сведет на нет годы моей работы, но я не мог

справиться с этим; я бросил все свои дела и выехал в Мексику.

– Чего ты на самом деле хочешь? – спросил меня дон Хуан, чтобы остановить мой истерический лепет.

Я не мог объяснить ему, чего я хотел, поскольку сам не знал этого.

– У тебя, должно быть, очень серьезные проблемы, если ты так примчался, – сказал дон Хуан задумчиво.

– Да, это так, несмотря на то, что я даже не могу сформулировать, что же в действительности представляет собой моя проблема, – сказал я.

Он попросил меня описать мою практику *сновидения* со всеми относящимися к ней деталями. Я рассказал ему о своем видении маленькой девочки и о том, как это отразилось на моем эмоциональном состоянии. Он неожиданно посоветовал мне проигнорировать это событие и рассматривать его как прямую попытку со стороны неорганических существ потворствовать моим фантазиям. Он заметил, что, если *сновидение* чрезмерно акцентировано, то оно становится тем, чем было для древних магов – источником неисчерпаемого *индугирования*.

По некоторой необъяснимой причине я не хотел рассказывать дону Хуану о мире теневых существ. Но когда он отверг мое видение маленькой девочки, я был вынужден описать ему мои визиты в этот мир. Долгое время он молчал, словно был ошеломлен.

Когда он наконец заговорил, то сказал:

– Ты намного более одинок, чем я думал, поскольку я вообще не могу обсуждать твою практику *сновидений*. Ты находишься в ситуации древних магов. Все, что я могу сделать, – это снова повторить тебе, что ты должен упражняться, собрав всю свою осторожность.

– Почему ты говоришь, что я нахожусь в ситуации древних магов?

– Я повторяю тебе снова, что твое настроение опасно напоминает настроение древних магов. Они были очень способными существами; их ошибкой было то, что они чувствовали себя в мире неорганических существ, как рыба в воде. Ты с ними в одной лодке. Ты знаешь об этом мире то, что никто из нас не может даже вообразить. Лично я никогда не слышал о мире теней, как и нагваль Хулиан или нагваль Элиас, несмотря на то, что он долго пробыл в мире неорганических существ.

– Что меняется, когда ты узнаешь о мире теней?

– Очень многое. *Сновидящий* принимается там только в случае,

если неорганические существа уверены в том, что он собирается остаться в этом мире. Мы знаем об этом из рассказов древних магов.

– Я уверяю тебя, дон Хуан, что у меня не было никакого намерения остаться там. Ты говоришь так, словно я был почти готов попасть в ловушку обещаний силы или обещаний прислуживания. Меня не интересует ни то, ни другое.

– На этом уровне это не так просто. Ты пересек ту грань, до которой можно было просто взять и вернуться. Кроме того, ты имел несчастье быть избранным неорганическим существом воды. Помнишь, как они тебе досаждали когда-то? Они иждивенцы и собственники и, если уж кого-нибудь поймают на крючок, то никогда не выпустят.

– Но что это означает в моем случае, дон Хуан?

– Это означает действительно серьезную проблему. Конкретное неорганическое существо, которое направляет все это шоу, – это то, которое ты схватил в тот памятный день. С годами оно постепенно познакомилось с тобой. Оно знает тебя очень близко. Я искренне признался дону Хуану, что сама идея о том, что некое неорганическое существо знает меня очень близко, вызывает у меня боль в желудке.

– Когда *сновидящие* осознают, что эти неорганические существа не нравятся им, – сказал он, – обычно это случается слишком поздно, поскольку к тому времени эти неорганические существа уже положили их себе в мешок.

В глубине души я почувствовал, что он говорит обо всем этом абстрактно, об опасностях, которые могут существовать теоретически, но не на практике. Я был тайно уверен в том, что никакой опасности просто не существует.

– Я не собираюсь позволять неорганическим существам подобраться ко мне каким бы то ни было образом, если это то, о чем ты думаешь, – сказал я.

– Я думаю, что они собираются провести тебя, – ответил он. – Подобно тому, как они провели нагваля Розендо. Они собираются схватить тебя – и ты не то что не заметишь ловушки, ты даже не заподозришь ее. Они искусны в подобных манипуляциях. Вот теперь они даже изобрели маленькую девочку.

– Но я думаю, что маленькая девочка несомненно существует, – настаивал я.

– Нет никакой маленькой девочки, – оборвал он меня. – Эта голубая капля энергии – просто иной *лазутчик*. Это исследователь, схваченный в мире неорганических существ. Я уже говорил тебе, что неорганические существа подобны рыбаку, они привлекают и хватают осознание.

Дон Хуан сказал, что он не сомневается в том, что эта голубая капля энергии из измерения, совершенно отличного от нашего, и представляет собой *лазутчика*, который был скручен и схвачен, подобно мухе в паутине.

Мне не понравилась эта аналогия. Она беспокоила меня, вызывая физический дискомфорт. Я упомянул об этом дону Хуану, но он сказал мне, что моя забота об этом *лазутчике-пленнике* почти доводит его до отчаяния.

– Почему это тревожит тебя? – спросил я.

– В том запутанном мире что-то назревает, – сказал он. – И я не могу сформулировать, что именно.

Пока я оставался в окружении дона Хуана и его компаньонов, я вообще не мог *сновидеть* в мире неорганических существ.

Обычной моей практикой здесь было фокусировать свое *внимание сновидения*, на предметах моего сна и менять *сновидения*. Чтобы отвлечь меня от моих забот, дон Хуан предложил мне *пристально созерцать* облака и удаленные горные вершины. В результате возникло непосредственное ощущение того, что я нахожусь на одном уровне с облаками и что я действительно попал на эти отдаленные вершины.

– Я очень рад, но вместе с тем мне очень тревожно, – сказал дон Хуан, комментируя мои усилия. Тебя научили чудесами, а ты даже не знаешь этого. И я не вижу, что ты вообще учился у меня.

– Ты говоришь о неорганических существах, да?

– Да, о неорганических существах. Я советую тебе не заниматься *пристальным созерцанием* чего-либо; пристальное всматривание является техникой древних магов для того, чтобы просто *пристально созерцая* цель своего пристрастия, в мгновение ока переносить свои тела энергий. Эта очень впечатляющая техника совершенно бесполезна для современных магов. Она не позволяет увеличить нашу трезвость или нашу способность искать свободу. Все, что она делает – это только возвращает и приковывает нас к конкретности, самому нежелательному состоянию.

Дон Хуан добавил, что если бы я не держал себя под контролем, со

временем я бы слил *второе внимание* свниманием моей повседневной жизни и тогда стал бы просто невыносимым. Он сказал, что существует опасная трещина между моей подвижностью во *втором внимании* и моей настойчиво культивируемой неподвижности в своем сознании в обычном мире. Он заметил, что трещина между ними была настолько велика, что в моем дневном состоянии я был почти идиотом, а во *втором внимании* – лунатиком.

Перед тем, как отправиться домой, я самовольно решил обсудить мои *сновидения* мира теней с Кэрл Тиггс, хотя дон Хуан советовал мне не обсуждать этого ни с кем. Мне больше всего хотелось поговорить именно с ней, она была самой интересной и самой понятной для меня личностью, поскольку представляла собой мою полную противоположность. Дон Хуан явно был раздосадован тем, что я рассказал ей о своих проблемах. Я чувствовал себя хуже чем когда-либо. Мной овладела жалость к себе и я начал сетовать, что вечно поступаю не так, как надо. – Ты еще ничего не сделал, – оборвал меня дон Хуан, – но этого достаточно.

Как он был прав! В моем следующем *сновидении*, которое произошло дома, разверзлась преисподняя. Я достиг мира теней, как я делал огромное количество раз: единственным отличием было присутствие голубой формы энергии. Она находилась среди других теневых существ. Я почувствовал, что, возможно, этот пузырь энергии был здесь и раньше, но я не замечал его. Как только я отметил это, мое *внимание сновидения* неотрывно привязалось к этому пузырю энергии. В считанные секунды я очутился рядом с ним. Как обычно, другие тени также подошли ко мне, но я не обратил на них никакого внимания.

Внезапно эта голубая круглая форма превратилась в маленькую девочку, которую я уже видел. Она вытянула свою тонкую нежную длинную шею в мою сторону и сказала едва слышным шепотом: «Помоги мне!». Либо она действительно это сказала, либо я вообразил, что она это сказала. Результат был тем же: я стоял, застыв, наэлектризованный искренним участием. Я ощутил холод. Но это ощущение шло не изнутри моей массы энергии. Я ощутил холод где-то в другой части меня. Впервые я полностью осознал, что то, что я переживаю, совсем не похоже на обычные ощущения, идущие от органов чувств. Я мог ощущать мир теней, испытывая

все то, что обычно считал переживанием: я мог думать, оценивать, принимать решения, я обладал психологической непрерывностью; иными словами, я был самым собой. Отсутствовала только одна моя часть – осязающая. У меня не было ощущений тела. Все впечатления поступали через зрение и слух. Мой разум затем столкнулся со странной проблемой: видение и слышание было не физической реальностью, а качествами возникающих видений. – Ты на самом деле видишь и слышишь, – произнес, вторгаясь в мои мысли, голос *эмиссара*. – В этом и состоит прелесть этого места. Ты можешь ощущать все это через видение и слышание, не используя дыхание. Подумай об этом! Тебе не нужно дышать! Ты можешь попасть в любое место этого мира и не дышать.

Сквозь меня пробежала волнующая рябь эмоций, и снова это ощущение не принадлежало миру теней. Она чувствовалась где-то в другом месте. Меня очень взволновало очевидное, хотя и смутное понимание того, что между мной, тем кто переживает, и источником энергии, источником чувственных ощущений, расположенных где-то в другом месте, есть тесная связь. Мне пришло в голову, что это другое место – мое физическое тело, которое спит на кровати.

Как только возникла эта мысль, теневые существа разбежались, и в моем поле зрения осталась только маленькая девочка. Я смотрел на нее и очень скоро убедился в том, что я знаю ее. Создавалось впечатление, что она шатается, словно близка к обмороку. Меня охватила бесконечная волна сочувствия.

Я попытался заговорить с ней, но не смог произнести ни звука. Мне стало ясно, что все мои диалоги с *эмиссаром* вызывались и осуществлялись за счет энергии *эмиссара*. Оставшись в одиночестве, я оказался беспомощным. Затем я попытался направить свои мысли на девочку. Это было бесполезно. Нас разделяла энергетическая преграда, и пробить ее я не мог.

Эта маленькая девочка, по-видимому, поняла мое отчаяние и сама стала общаться со мной, пользуясь непосредственно мыслями. В сущности, она рассказала мне то же самое, что уже говорил дон Хуан: она была *лазутчиком*, которого поймали в паутину этого мира. Затем она добавила, что приняла форму маленькой девочки, поскольку эта форма была знакома и мне, и ей, и что она так же нуждалась в моей помощи, как и я – в ее. Она передала мне все это в одной энергетической группе чувств, которая достигла меня

подобно словам. У меня не возникло трудностей с пониманием, хотя такое случилось со мной впервые.

Я не знал, что мне делать. Я попытался передать ощущение моего бессилия. Видимо, она мгновенно меня поняла. Она молча умоляла меня своим горящим взглядом. Ее улыбка словно давала мне понять, что именно мне она оставила возможность освободить ее от сковывавших ее пут. Когда я мысленно возразил, что у меня нет никакой возможности для этого, она произвела на меня впечатление истеричного ребенка в муках отчаяния.

Я неистово пытался поговорить с ней. Маленькая девочка действительно плакала, как может плакать только ребенок в ее возрасте, испытывая отчаяние и страх. Я не мог остановить ее слез. Я попытался погладить ее по голове, но безрезультатно. Моя масса энергии проходила через нее. У меня возникла мысль поднять ее и забрать с собой.

Я предпринял множество попыток сделать это, пока совсем не выбился из сил. Я остановился, чтобы обдумать свои дальнейшие действия. Я испугался, что мое *внимание сновидений* уменьшится, и тогда я потеряю ее из виду. Я понимал, что неорганические существа могут больше не захотеть снова доставить меня именно в эту область данного мира. Мне показалось, что это мой последний визит к ним – визит, который подводит итог.

И тут я сделал нечто немыслимое. Перед тем, как мое *внимание сновидения* исчерпалось, я громко закричал о своем *намерении* слить свою энергию с энергией этого пленного *лазутчика* и освободить его.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

ГОЛУБОЙ ЛАЗУТЧИК

Мне приснился совершенно бессмысленный сон. Рядом со мной была Кэрол Тиггс. Она говорила со мной, хотя я не понимал о чем. Во сне также присутствовали дон Хуан и все члены его группы магов. Казалось, что они пытаются вытащить меня из туманного желтоватого мира.

После длительных попыток, во время которых я неоднократно терял их из виду и находил вновь, им удалось извлечь меня из этого места. Поскольку я не мог понять смысла всех этих стараний, я к концу концов пришел к выводу, что это не *сновидение*, а обычный бессвязный сон.

Я был потрясен, когда проснулся и обнаружил себя в постели в доме дона Хуана. Я не мог даже пошевелинуться. У меня совсем не было энергии. Я не знал, что и думать, хотя сразу же ощутил серьезность своего положения. У меня возникло смутное ощущение, что я потерял всю мою энергию потому, что сильно устал в своем *сновидении*.

Соратники дона Хуана, видимо, были очень взволнованы тем, что произошло со мной. Они продолжали по очереди входить в мою комнату. Каждый оставался до того момента, пока не появлялся кто-то другой. У меня создалось впечатление, что они заходят по очереди, чтобы непрерывно присматривать за мной. Я был слишком слаб для того, чтобы просить их объяснить свое поведение.

В последующие дни я стал чувствовать себя лучше, к они наконец начали говорить со мной о моем *сновидении*. Сначала я не понимал, что же им от меня нужно. Но потом, по их вопросам, я вдруг понял, что они были чрезвычайно обеспокоены моей ситуацией с теневыми существами. Каждый из них выглядел испуганным и говорил со мной почти об одном и том же. Они настаивали на том, что никогда не бывали в мире теней. Некоторые из них даже утверждали, что не знали о его существовании. Их утверждения и действия увеличили мое

ощущение замешательства и страха.

Каждый из них задавал одни и те же вопросы: «Кто тебя доставил в тот мир?» Или «откуда у тебя вообще могла появиться мысль о том, что можно попасть туда?». Когда я сказал им, что туда меня доставил *лазутчик*, они не могли в это поверить. Очевидно, они предположили, что я бывал там, но по причине отсутствия собственного опыта в этом они не могли понять того, что я им говорил. Тем не менее они хотели знать все, что я мог рассказать им о теневых существах и их мире. Все они, исключая дона Хуана, сидели возле моей постели, жадно хватая каждое сказанное мной слово. Но всякий раз, когда я спрашивал их о моем положении, они, точно так же как и теневые существа, уходили от ответа. Еще одна непонятная реакция, которой прежде я никогда в них не замечал, – это то, что они тщательно избегали любого физического контакта со мной. Они держались на расстоянии, будто я был болен чумой. Их реакция настолько меня беспокоила, что я был вынужден спросить их. Они стали отрицать это. Они, кажется, обиделись и принялись настойчиво доказывать мне, что я не прав. Я от души смеялся над возникшей напряженной ситуацией. Всякий раз, когда они пытались обнять меня, их тела как бы цепенели.

Флоринда Грау, одна из ближайших к дону Хуану его сторонниц, была единственным из членов его группы, которая уделяла мне много физического внимания и пыталась объяснить то, что со мной происходит. Она рассказала мне, что я лишился энергии в мире неорганических существ, и сейчас ее восстанавливаю, и что мой новый энергетический заряд слегка беспокоит большинство из них.

Каждый вечер Флоринда укладывала меня в постель, как если бы я был инвалидом. Она даже рассказывала мне детские сказки, отчего все остальные покатывались со смеху. Но, несмотря на то, что она потешалась надо мной, я оценил ее заботу, которая казалась мне искренней.

Я уже писал о Флоринде раньше, в связи со своей встречей с ней. Она была самой прекрасной женщиной, которую я до сих пор встречал. Как-то я сказал ей, что она могла бы быть прекрасной фотомodelью для журнала мод.

– Журнала 1910 года, – возразила она.

Флоринда, хотя и была немолода, не выглядела старой. Она

казалась молодой и волнующей. Когда я спросил дона Хуана о ее необычайной моложавости, он ответил, что магия поддерживает ее в высоком жизненном тонусе. Энергия магов, заметил он, проявляется в данном случае как молодость и энергия.

Удовлетворив свое первое любопытство о мире теней, компаньоны дона Хуана прекратили постоянно заходить в мою комнату и поддерживали общение со мной на уровне шаблонных вопросов о моем здоровье. Всякий раз, когда я пытался встать, тот, кто находился рядом со мной, нежно укладывал меня обратно в постель. Я не нуждался в их уходе, но, видимо, я нуждался в них самих; я все еще был слаб. Я смирился с этим. Но что действительно похоронным звоном сопровождало каждую мою мысль – никто из них не мог объяснить мне, что я делаю в Мексике, если я лег в постель в Лос-Анжелесе. Я неоднократно спрашивал их об этом. Каждый из них отвечал мне одно и то же: – Спроси нагваля. Только он может тебе это объяснить.

Наконец Флоринда нарушила молчание.

– Тебя заманили в ловушку. Именно это то с тобой и произошло, – сказала она.

– Где именно я угодил в ловушку?

– Конечно, в мире неорганических существ. Именно с этим миром ты годами имел дело. Разве не так?

– Конечно, Флоринда. Но ты можешь рассказать мне, какого рода была эта ловушка?

– Нет, не могу. Все, что я могу сказать тебе, так это то, что ты потерял там всю свою энергию. Но ты отлично сражался.

– А почему я болен, Флоринда?

– У тебя нет какой-то определенной болезни; ты энергетически поражен. Положение было критическим, но сейчас ты только энергетически поражен.

– Как это все произошло?

– Ты вступил в смертельную схватку с неорганическими существами и проиграл.

– Но я не могу вспомнить никакой борьбы, Флоринда.

– Помнишь ты или нет, не имеет значения. Ты боролся и тебя победили. У тебя не было никакого шанса победить этих искусных манипуляторов.

– Я сражался с неорганическими существами?

– Да. Ты вступил с ними в смертельную схватку. Я на самом деле

не знаю, как ты пережил этот их смертельный удар.

Она отказалась рассказывать мне что-нибудь еще и намекнула, что скоро меня навестит нагваль.

На следующий день появился дон Хуан. Манера его поведения была веселой и обнадеживающей. Он шутя сообщил мне, что я должен буду заплатить ему за визит, потому что он явился ко мне с визитом как энергетический врач. Он изучил меня, *пристально созерцая* с головы до ног.

– Ты уже почти здоров, – заключил он.

– Что со мной произошло? – спросил я.

– Ты попал в поставленную на тебя неорганическими существами ловушку, – ответил он.

– Как я оказался здесь?

– Именно это, кстати, и является величайшей тайной, – ответил он, весело улыбаясь, очевидно, пытаясь легко отнестись к серьезному делу. – Неорганические существа схватили тебя полностью.

Сначала они забрали в свой мир твое энергетическое тело, когда ты следовал за одним из *лазутчиков*, а затем – и твое физическое тело.

Друзья дона Хуана, видимо, были шокированы этим. Один из них спросил его, могут ли неорганические существа похитить любого. Дон Хуан ответил, что, конечно, могут. Он напомнил, что нагваля Элиаса тоже забирали в ту вселенную, хотя он определенно не хотел туда идти.

Все присутствующие согласно кивали. Дон Хуан продолжал говорить с ними, упоминая обо мне в третьем лице. Он сказал, что объединенное сознание группы неорганических существ сначала съело мое тело энергии, вызвав с моей стороны эмоциональный взрыв: необходимо было освободить голубого *лазутчика*. Затем объединенное сознание той же группы неорганических существ втянуло мою инертную физическую массу в свой мир. Дон Хуан добавил, что без энергетического тела человек представляет собой всего лишь кусок органической материи, которой могло бы легко управлять другое сознание.

– Неорганические существа склеиваются друг с другом, подобно клеткам тела, – продолжал дон Хуан. – Когда они сливают свое сознание воедино, они непобедимы. Им ничего не стоит выдернуть нас из нашей повседневности и забросить в свой мир. Особенно, если мы делаем себя доступными и заметными, как это сделал он.

Было слышно только громкое дыхание присутствующих. Все соратники дона Хуана были по-настоящему напуганы и обеспокоены.

Я хотел было начать жаловаться и обвинять дона Хуана в том, что он не остановил меня, но тут же вспомнил как он неоднократно пытался предостеречь меня, не допустить всего этого, но все было напрасно. Дон Хуан, определенно знал о том, что происходило в моем уме. Его улыбка свидетельствовала об этом.

— Причина, по которой ты заболел, — наконец обращаясь ко мне, сказал он, — заключается в том, что неорганические существа забрали всю твою энергию и дали тебе свою. Этого было бы достаточно, чтобы убить любого. Но, как у нагваля, у тебя есть дополнительная энергия; поэтому ты с трудом, но все же выжил. Я сказал дону Хуану, что помню мельчайшие подробности совершенно необычного сна, в котором я находился в мире желтого тумана. Он, Кэрл Тиггс и его друзья вытаскивали меня из него.

— Мир неорганических существ обычному глазу кажется миром желтого тумана, — сказал он. — Когда ты подумал, что у тебя был необычный сон, в это время ты действительно впервые смотрел своими физическими глазами на мир неорганических существ. И, насколько бы странным это тебе ни показалось, для нас это тоже было впервые. Мы знали о мире тумана только из рассказов магов, а не из собственного опыта.

Ничто из того, о чем он говорил мне, не имело для меня смысла. Дон Хуан уверил меня, что из-за недостатка моей энергии более полное объяснение для меня было бы невозможным. Я должен удовлетвориться тем, что он рассказал мне, и тем, насколько я понял это сейчас.

— Я вообще ничего не понял, — настаивал я.

— Тогда ты вообще ничего не потерял, — ответил он. — Когда ты окрепнешь, то сам ответишь на все свои вопросы.

Я признался дону Хуану, что у меня бывают приступы жара.

Неожиданно моя температура возрастает, и когда я ощущаю жар и пот, у меня возникают необычные, но тревожащие меня проблески понимания собственного положения.

Дон Хуан внимательно осмотрел все мое тело своим пронизывающим взглядом. Он говорил, что я нахожусь в состоянии энергетического *шока*. Меня временно поразила потеря

энергии, и то, что кажется мне приступами жара, по существу, представляет собой порывы энергии, во время которых я на мгновение восстанавливаю контроль над своим энергетическим телом и понимаю, что произошло со мной на самом деле.

– Напрягись и расскажи мне сам, что произошло с тобой в мире неорганических существ, – приказал он мне.

Я рассказал ему, что время от времени у меня появлялось ясное ощущение того, что он и его друзья входили в этот мир своими физическими телами и вырывали меня из объятий неорганических существ.

– Верно, – воскликнул он. – Ты все делаешь отлично. Сейчас преврати это ощущение в видение того, что произошло.

Как я ни пытался, мне этого сделать не удалось. Эта неудача заставила меня ощутить необычную усталость, которая, как казалось, высушивала внутренности моего тела. Прежде чем дон Хуан вышел из комнаты, я сказал ему о том, что меня одолевает беспокойство.

– Это ничего не значит, – ответил он безучастно. – Восстанови свою энергию и не беспокойся о пустяках.

Прошло больше двух недель, прежде чем мне удалось постепенно восстановить свою энергию. Но я продолжал обо всем беспокоиться. В основном я беспокоился потому, что не мог себя понять, особенно о периодах какого-то холода во мне, которых я раньше не замечал, – определенная индифферентность, отчужденность, которую я считал результатом недостатка энергии, продолжалась до тех пор, пока я не восстановил ее. Затем я осознал, что это стало новой чертой моего существа, чертой, которая постоянно выводила меня из себя. Я хотел привыкнуть к этим ощущениям постоянно вызывая их, и я ждал минуты, когда они опять появятся в моем уме.

Еще одной новой особенностью моего существа стало охватывающее меня время от времени странное влечение. Меня влекло к кому-то, кого я не знал; это было настолько поглощающее и подавляющее ощущение, что когда оно возникало, я, чтобы как-то облегчить его, был вынужден непрерывно ходить по комнате. Это влечение оставалось до тех пор, пока я не стал пользоваться новым качеством в моей жизни: жестким контролем над самим собой, настолько новым и мощным, что это только добавляло масла в огонь моего беспокойства.

К концу четвертой недели все почувствовали, что я совсем поправился. Внезапно они полностью прекратили свои посещения. Большую часть времени я проводил во сне, в одиночестве. Тот отдых и расслабление, которые я получил, были настолько полными, что моя энергия значительно увеличилась. Я даже стал заниматься зарядкой.

Однажды, около полудня, после легкого завтрака, я вернулся в свою комнату подремать. Перед тем, как я погрузился в глубокий сон, я долго ворочался в кровати, пытаюсь найти удобное положение. Вдруг странное давление в висках заставило меня открыть глаза. В ногах моей кровати стояла та самая маленькая девочка из мира неорганических существ. Она смотрела на меня своими холодными, как сталь, голубыми глазами.

Я подскочил на кровати и вскрикнул так громко, что до того, как я прекратил кричать, в комнату вбежали трое соратников дона Хуана. Они были ошеломлены. Они с ужасом наблюдали, как маленькая девочка подошла ко мне и остановилась у границ свечения моего физического тела. Казалось, что мы смотрели друг на друга целую вечность. Она что-то сказала мне, но я сразу не понял ничего, а в следующий момент мне все стало совершенно ясно. Она сказала, что для того, чтобы я мог понять, о чем она говорит, мне следует перенести свое сознание из моего физического тела в мое тело энергии.

В этот миг в комнату вошел дон Хуан. Маленькая девочка и дон Хуан посмотрели друг на друга. Не проронив ни слова, дон Хуан вышел из комнаты. Маленькая девочка с шелестом выскользнула следом за ним.

Суматоху, которую вызвала эта сцена у соратников дона Хуана, невозможно описать. Они потеряли все свое самообладание. Очевидно, все они видели, как за нагвалем из комнаты вышла маленькая девочка.

Сам я, видимо, был на грани взрыва. Я почувствовал, что почти теряю сознание и вынужден был сесть. Я испытал присутствие этой маленькой девочки как удар в солнечное сплетение. Она была поразительно похожа на моего отца. Меня захлестнули волны сентиментальности. Я стал с болезненным интересом докапываться до смысла всего этого.

Когда дон Хуан вернулся в комнату, я немного овладел собой. Ожидание того, что же он скажет о маленькой девочке,

перехватило мне дыхание. Все были так же возбуждены, как и я. Они обратились к дону Хуану одновременно и весело рассмеялись, когда осознали это. Главное, что всех нас интересовало, – была возможность выяснить, было ли нечто общее в том, как воспринял каждый из нас внешний вид *лазутчика*. Все сошлись на том, что это была девочка шести-семи лет, очень худая, с прекрасными по-детски угловатыми чертами. Все согласились, что у нее были синевато-стальные глаза, которые излучали невысказанные эмоции; ее глаза, как они утверждали, выражали благодарность и верность.

Я мог подтвердить любую деталь того, о чем они говорили. Ее глаза были настолько яркими и наполненными энергией, что в действительности вызвали у меня некоторое ощущение боли. Я ощутил тяжесть ее взгляда на своей груди.

Серьезный вопрос, который задавали соратники дона Хуана и повторял я, касался смысла этого события. Все сошлись на том, что этот *лазутчик* был частью чужой энергии, которая просочилась сквозь грань, разделяющую *второе внимание* и внимание повседневного мира. Они утверждали, что хотя они не были в *сновидении*, все же все они *видели* чужую энергию, которая была спроецирована в фигуру ребенка; этот ребенок существовал. Они утверждали, что могут быть сотни, даже тысячи случаев, когда чужая энергия проскальзывает незамеченной через естественные барьеры в наш обычный человеческий мир, но что в истории их традиции ни разу не упоминалось о событиях подобной природы. Что их больше всего беспокоило, – так это то, что о подобном не упоминалось в магических историях.

– Неужели нечто подобное произошло в истории человечества впервые? – спросил дон Хуана один из них.

– Я думаю, что это происходит постоянно, – ответил он. – Но это никогда не происходило так открыто, так явно.

– Чем это может обернуться для нас? – спросил кто-то из них дон Хуана.

– Для нас – ничего, но для него – все, – сказал он и указал на меня. Наступила напряженная тишина. Некоторое время дон Хуан шагал взад-вперед по комнате. Затем он остановился передо мной и уставился на меня. По его виду можно было сказать, что он не может найти слов для выражения того, что он только что понял.

– Я даже не могу представить себе масштаба того, что ты сделал, –

наконец сказал мне с недоумением в голосе дон Хуан. – Ты угодил в ловушку, но это была не такая ловушка, о которой я тебя предупреждал. Твоя ловушка была такой, что в нее мог попасться только ты, и она была еще более смертельно хитрой, чем я мог себе представить. Я опасался, что ты можешь стать жертвой лести и прислуживания тебе. Но я не мог учесть, что существа мира теней поставят ловушку, которая использует присущее тебе отвращение к любым ограничениям.

Как-то дон Хуан сравнивал свою и мою реакции на то, что больше всего стесняет нас в мире магов. Он говорил, и из его уст это прозвучало как жалоба, что хотя он желал этого и неоднократно пытался, но так никогда и не смог возбуждать в людях такое чувство любви, которое возбуждал в других его учитель, нагваль Хулиан.

– Для меня важнее всего было понять и признать, – чего я от тебя совсем не скрываю, – одно: я не обладаю от природы даром вызывать слепую и безоглядную любовь. Ну что ж!

– Присущей тебе основной особенностью характера такого рода является то, – продолжал он, – что ты не можешь вынести любого рода ограничения, и для того, чтобы их разрушить, ты готов отдать свою жизнь.

Я искренне возразил ему, что он преувеличивает. Мое понимание было еще не столь ясным.

– Не беспокойся, – сказал он смеясь, – магия – это действие. Когда наступит время, ты найдешь место своим склонностям точно так же, как я научился актуализировать свои. Мои заключаются в том, что я принимаю свою судьбу, но не пассивно, как идиот, а активно, как воин. Твои – в том, чтобы вырваться из любых ограничений, не будучи при этом ни капризным, ни слишком прагматичным.

Дон Хуан пояснил, что когда я слил свою энергию с *лазутчиком*, я поистине перестал существовать. Моя физическая сторона была перенесена в мир неорганических существ и, если бы не этот *лазутчик*, который провел дона Хуана и его соратников туда, где я находился, я бы умер или остался в этом мире потерянным навсегда.

– Почему же *лазутчик* провел вас туда, где я находился? – спросил я.

– *Лазутчик* – это живое существо из другого измерения, – сказал он. – Этой маленькой девочке, как она мне рассказала, была

необходима энергия, чтобы разрушить барьер, который заточил ее в мире неорганических существ, и для этого ей пришлось воспользоваться твоей энергией. Теперь пришло время ей помогать тебе. Ее привело ко мне что-то вроде чувства благодарности. Когда я увидел ее, я мгновенно понял, что ты для нее сделал.

– Что ты сделал потом, дон Хуан?

– Я собрал всех, кого мог найти, особенно Кэрол Тиггс. и все мы бросились в мир неорганических существ.

– Почему именно Кэрол Тиггс?

– Во-первых, потому что у нее есть безграничная энергия, а, во-вторых, потому, что она должна была познакомиться с этим *лазутчиком*. Из этого опыта каждый из нас получил нечто неоценимое. Ты и Кэрол Тиггс получили *лазутчика*. Другие же использовали это как возможность собрать воедино наши физические тела, и соединив их с нашими энергетическими телами, стать на некоторое время целиком энергией.

– Как все вы смогли это сделать, дон Хуан?

– Мы синхронно сместили наши точки сборки. Все определило наше безупречное *намерение* спасти тебя. Этот *лазутчик* в мгновение ока доставил нас туда, где ты лежал полумертвый. И Кэрол вытащила тебя оттуда.

Его объяснение не имело для меня никакого смысла. Дон Хуан засмеялся, когда я попытался все это осознать.

– Как ты можешь понять это, если у тебя нет энергии даже для того, чтобы встать с кровати? – возразил он.

Я согласился с ним, что определенно я знаю бесконечно больше, чем могу допустить разумом, но что-то не в порядке с моей памятью.

– Недостаток энергии – вот что это за непорядок, – сказал он. – Когда у тебя достаточно энергии, твоя память работает прекрасно.

– Считаешь ли ты, что я смогу вспомнить все, если захочу, дон Хуан?

– Не совсем. Ты можешь захотеть все что угодно, но если твой уровень энергии не соответствует важности того, что ты знаешь, тогда ты можешь сказать своему знанию «до свидания» – оно никогда не станет для тебя доступным.

– Но, что же мне тогда делать, дон Хуан?

– Энергия стремится накапливаться; если ты безупречно следуешь

пути воина, наступит момент, когда твоя память раскроется. Я признался ему, что пока слушал его рассказ, у меня возникло странное ощущение индугирования на жалости к себе, но что ничего страшного со мной не произошло.

– Ты не только индугировал, – ответил он. – Ты действительно был энергетически мертв в течение четырех недель. Сейчас ты просто ошеломлен. Именно твое возбуждение и нехватка энергии и прячут от тебя твое собственное знание. Ты, конечно же, знаешь намного больше нас об этом мире неорганических существ. Этот мир особенно интересовал древних магов. Все мы говорили тебе, что мы знали об этом мире только из рассказов древних магов. Я должен признаться, что тот факт, что ты сам стал героем одной из наших магических историй, является для меня более чем странным. Я снова повторил, что я не могу поверить в то, что я смог сделать нечто, чего не может он. Но я не могу поверить и в то, что он просто разыгрывает меня.

– Я не лъщу и не разыгрываю тебя, – сказал он с некоторым раздражением. – Я сообщаю тебе магический факт. То, что ты знаешь об этом мире больше, чем каждый из нас, не должно служить причиной для того, чтобы чувствовать себя польщенным. В этом знании нет никакого преимущества: на самом деле, несмотря на то, что ты это знаешь, ты не смог уберечь себя. Мы спасли тебя, потому что смогли найти тебя. Но если бы не помощь этого *лазутчика*, не было бы смысла даже пытаться искать тебя. Ты бы настолько безнадежно затерялся в этом мире, что я содрогаюсь от одной мысли об этом.

Со своей точки зрения, я совсем не находил ничего странного в том, что и дон Хуан, и его соратники и ученики были действительно взволнованы. Единственной, кто остался спокойным, была Кэрл Тиггс. Она словно полностью приняла свою роль. Я и она были одно целое.

– Ты действительно освободил *лазутчика*, – продолжал дон Хуан, – но отдал свою жизнь. Или, что еще хуже, ты отдал свою свободу. Неорганические существа позволили *лазутчику* уйти в обмен на тебя.

– Я едва могу поверить в это, дон Хуан. Понимаешь, это не потому, что я сомневаюсь в твоих словах, но ты описал такой хитрый маневр, что я просто ошеломлен.

– Ты не считай его хитрым и поймешь его суть. Неорганические

существа всегда ищут осознания и энергии; если ты им даешь в руки и то и другое, что, по-твоему, они станут делать? Посылать тебе воздушные поцелуи с другой стороны улицы?

Я знал, что дон Хуан прав. Однако я не смог удержать эту уверенность слишком долго; ясность начала ускользать от меня. Соратники дона Хуана продолжали задавать ему вопросы. Они хотели узнать, думал ли он о том, что делать с лазутчиком дальше. – Да, думал. Это самая серьезная проблема, которую должен решить этот нагваль, – сказал он, указывая на меня. – Он и Кэрл Тиггс были единственными, кто мог освободить *лазутчика*. И *лазутчик* тоже знал об этом.

Естественно, что я задал ему единственный возможный вопрос:

– Как я смог освободить его?

– Вместо того, чтобы сказать тебе, как, – я предложу тебе куда более точный путь выяснить это, – произнес дон Хуан, широко улыбаясь. – Спроси *эмиссара*. Ты же знаешь, неорганические существа не лгут.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

ТРЕТЬИ ВРАТА СНОВИДЕНИЯ

Ты достигаешь *третьих врат сновидения*, когда обнаруживаешь себя во сне смотрящим на другого спящего человека. И когда этот другой человек оказывается тобой, – сказал дон Хуан.

Мой энергетический уровень в это время был так высок, что я приступил к выполнению этого третьего задания сразу же, хотя дон Хуан не сообщил мне о нем никакой дополнительной информации.

Первым, что я обнаружил в своей практике *сновидения*, было то, что прилив энергии внезапно смещал фокус моего внимания в *сновидении*. Теперь мое внимание сосредоточивалось на том, чтобы я мог осознать себя во сне и увидеть себя спящим: путешествия в царство неорганических существ больше не были моей целью.

Вскоре после этого я обнаружил себя во сне смотрящим на себя спящего. Я сразу же сообщил об этом дону Хуану. Это случилось как раз тогда, когда я ночевал в его доме.

– Для каждой *врат сновидения* существует два этапа прохождения через них, – сказал он. Первый, как ты уже знаешь, состоит в том, чтобы подойти к ним; второй – пересечь их. Если ты видишь во сне, что спишь, – тыходишь к *вратам*. Второй этап состоит в том, чтобы после того, как ты увидел себя спящим, начать двигаться.

– У *третьих врат сновидения*, – продолжал он, – ты начинаешь преднамеренно сливать в одно целое реальность сна и реальность обыденного мира. Это задача, которую маги называют завершением энергетического тела. Слияние двух реальностей должно быть настолько полным, что тебе нужно быть более внимательным, чем когда-либо. Исследуй все, что встречаешь у *третьих врат* очень тщательно и с интересом.

Я пожаловался, что его рекомендации слишком загадочны и кажутся мне бессмысленными.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь «очень тщательно и с

интересом», – спросил я.

– У *третьих врат* мы склонны терять себя в деталях, – ответил он.

– Рассматривать вещи с большой тщательностью и интересом означает противостоять почти непреодолимому стремлению углубиться в детали. Эта задача, которую я назвал *третьими вратами*, состоит в том, чтобы увидеть энергетическое тело. *Сновидящий* начинает работать с энергетическим телом, выполняя задания *первых* и *вторых врат*. Когда он достигает *третьих врат*, его энергетическое тело готово к отделению, или, возможно, лучше будет сказать, что оно готово к тому, чтобы действовать. К несчастью, это также означает, что оно готово очароваться деталями.

– Что значит «очароваться деталями»?

– Энергетическое тело напоминает ребенка, который всю свою жизнь был взаперти. Когда он оказывается на свободе, он впитывает в себя все что находит. Я хочу сказать, что это может быть все что угодно. Каждая незначительная, мельчайшая деталь, полностью поглощает внимание энергетического тела.

За этими словами последовала неловкая тишина. Я не знал, что сказать. Я понял его прекрасно, но мне просто никогда не доводилось пережить на опыте ничего такого, что могло бы дать мне представление о его словах.

– Наиболее упрямая деталь становится целым миром для энергетического тела, – объяснил дон Хуан. – Чтобы управлять энергетическим телом, *сновидящие* должны прилагать потрясающие усилия. Я знаю, что когда я советую тебе обращаться с вещами тщательно и с интересом, – это звучит нескладно. Но это лучший способ описать то, что ты должен делать. У *третьих врат* *сновидящие* должны избегать непреодолимого стремления погружаться в любую деталь. Они достигают этого, постоянно проявляя такой интерес ко всему и такое настойчивое желание погрузиться во все, что ни одна конкретная вещь не может приковать их к себе.

Дон Хуан прибавил также, что рекомендации, которые, по его словам, абсурдны для ума, на самом деле предназначаются моему энергетическому телу. Он подчеркивал снова и снова, что это тело должно объединить все свои энергетические ресурсы, чтобы получить возможность действовать.

– Но разве мое энергетическое тело не действует все это время? –

спросил я.

– Частично оно работает. Ведь будь это не так, ты бы не смог путешествовать в царство неорганических существ, – ответил он. – Теперь же все твое энергетическое тело должно сосредоточиться на выполнении задания *третьих врат*, и чтобы облегчить эту задачу для энергетического тела, ты должен сдерживать свою рациональность.

– Боюсь, что ты не за того меня принимаешь, – сказал я. – Во мне осталось очень мало рационального после всех тех событий, которые я пережил благодаря тебе.

– Не возражай. У *третьих врат* рациональность ответственна за то, что наши тела стремятся попасть под влияние поверхностных деталей. И чтобы преодолеть это стремление, у *третьих врат* мы нуждаемся в нерациональном и очень подвижном внимании и отказе от рационального.

Утверждение дона Хуана, что каждые *врата* – это препятствие, не могло не быть абсолютно истинным. Я работал над задачей *третьих врат сновидения* более напряженно, чем над двумя предыдущими вместе взятыми. Дон Хуан оказывал на меня огромное давление. Кроме того, в моей жизни изменилось кое-что еще: у меня появилось необычайное чувство страха. Всю свою жизнь я постоянно боялся той или иной вещи, иногда даже очень сильно, но я никогда не ощущал ничего, подобного тому страху, который сопровождал меня после моего столкновения с неорганическими существами. Однако вся гамма этих переживаний была непостижима для моей обычной памяти. Только в присутствии дона Хуана эти воспоминания были мне доступны.

Однажды, когда мы находились в национальном Музее антропологии и истории Мехико-сити, я спросил его об этой странной ситуации. Задать такой вопрос именно в этот момент меня побудила странным образом появившаяся способность вспомнить все, что случилось со мной в ходе моего общения с доном Хуаном. Эта способность так расковывала, вдохновляла и окрыляла меня, что я почти танцевал на ходу.

– Просто происходит то, что присутствие нагваля вызывает смещение точки сборки, – сказал он.

Затем он повел меня в один из выставочных залов музея и сказал, что мой вопрос очень кстати в связи с тем, что он собирался мне

рассказать.

– Я *намеревался* объяснить тебе, что положение точки сборки дает возможность попасть в хранилище, где маги содержат свою информацию, – сказал он. – Я был в восторге, когда твое энергетическое тело почувствовало мое *намерение*, и ты спросил меня об этом. Энергетическое тело знает очень многое. Давай я покажу тебе, сколько всего оно знает.

Он приказал мне погрузиться в абсолютное молчание. Он напомнил мне, что я уже находился в особом состоянии восприятия, потому что моя точка сборки сместилась в его присутствии. Он заверил меня, что, погружаясь в абсолютное молчание, я дам возможность скульптурам в зале показать мне невообразимые вещи. Он прибавил, очевидно для того, чтобы смутить меня еще больше, что некоторые из археологических находок были способны своим присутствием вызывать смещение точки сборки. Если же я достигну состояния полной тишины, я буду действительно способен видеть сцены из жизни людей, которые создали эти вещи.

Затем он начал самую странную экскурсию по музею, которую я когда-либо совершал. Он ходил по залу и объяснял удивительные особенности каждого из больших экспонатов. Он утверждал, что каждый предмет в зале, найденный археологами, был записью, преднамеренно оставленной людьми древности, записью, которую дон Хуан, будучи магом, читал мне, словно книгу.

– Каждый экспонат здесь предназначен для того, *чтобы* смещать точку сборки, – продолжал он. – Останови свой пристальный взгляд на любом из них, успокой свой ум и посмотри, может сдвинуться твоя точка сборки или нет.

– Как мне узнать, что она сместилась?

– Тогда ты сможешь видеть и ощущать то, что лежит за пределами обычного восприятия.

Всматриваясь в скульптуры, я видел и слышал вещи, которые я бы никогда не мог объяснить. В прошлом я, изучая эти экспонаты с точки зрения антропологии, всегда имел в виду описания ученых, специалистов в этой области. Их описания использования многих предметов, основанное на знании современного человека о мире, в первый раз поразили меня своей полной условностью, чтобы не сказать, глупостью. То, что дон Хуан сказал об этих предметах, и то, что я слышал и видел сам, рассматривая их, менее всего

напоминало мне все то, что я когда-либо о них читал.

Мое смущение было столь сильным, что я счел необходимым извиниться перед доном Хуаном за то, что считал своей внушаемостью. Но он не засмеялся и не стал меня вышучивать. Он терпеливо объяснил, что маги могли оставлять точные сведения о своих открытиях, связывая их с определенным положением точки сборки. Он настаивал потом, что когда речь идет о возможности добраться до сущности записанного, мы должны использовать нашу способность проникаться симпатией и давать простор фантазии, чтобы выйти за пределы обычной страницы в само переживание. Однако в мире магов нет записей на страницах, поэтому вся информация, которая может быть не прочитана, но пережита снова, хранится в положении точки сборки.

Чтобы проиллюстрировать свои слова, дон Хуан заговорил об учении магов о *втором внимании*. Он сказал, что это учение дается ученику, когда его точка сборки находится в некотором необычном состоянии. Таким образом положение точки сборки определяет сведения, полученные в ходе урока. Для того, чтобы еще раз пережить урок, ученик должен вернуть точку сборки в положение, в котором она была, когда он его получал. Дон Хуан заключил свою речь, повторив, что способность возвращать точку сборки во все те положения, которые она занимала во время уроков, является большим достижением.

Почти целый год дон Хуан ничего не спрашивал у меня о третьем задании по *сновидению*. Затем однажды, совершенно неожиданно для меня, он захотел, чтобы я описал ему все тонкости моей практики *сновидения*.

Первое, о чем я упомянул, была навязчивая повторяемость. На протяжении месяцев мне снилось, что я пристально разглядываю себя, спящего на своей кровати. Особенно странной была регулярность этих снов: они случались каждые четыре дня, как по часам. На протяжении других трех дней мои сны были такими же, как раньше: я изучал всевозможные предметы, переходил из одного сна в другой, и иногда, увлекаемый губительным любопытством, я следовал за *лазутчиками* чужих энергий, хотя я и чувствовал себя в связи с этим очень виноватым. Я думал, что это подобно тайному пристрастию к наркотикам. Реальность того мира была для меня неотразимой.

Втайне я чувствовал, что у меня есть некоторые оправдания, и я

могу не нести никакой ответственности за происходящее, потому что дон Хуан сам предложил мне спросить *эмиссара* в *сновидении*, что делать, чтобы освободить *голубого лазутчика*, пойманного среди нас. Он имел в виду, что мне следовало поставить этот вопрос в своей собственной практике. Я понял его утверждение так, что я должен спросить об этом у *эмиссара* во время пребывания в его мире. Вопрос, который я хотел задать *эмиссару*, состоял в том, не заманивают ли неорганические существа меня в ловушку. *Эмиссар* не только подтвердил, что все сказанное доном Хуаном истинно, но и объяснил мне, как Кэрол Тиггс и я должны поступить, чтобы освободить *лазутчика*.

– Повторяемости твоих снов следовало ожидать, – заметил дон Хуан, выслушав меня.

– Почему ты предвидел нечто подобное, дон Хуан?

– Потому что знаю твои отношения с неорганическими существами.

– Я с ними покончил раз и навсегда, дон Хуан, – соврал я в надежде, что он больше не будет развивать эту тему.

– Ты пытаешься убедить меня в этом, не так ли? Не нужно этого делать; я знаю, что происходит на самом деле. Поверь мне, стоит тебе один раз начать заигрывать с ними, и ты у них на крючке. Они всегда будут преследовать тебя. Или, что еще хуже, преследовать их всегда будешь ты сам.

Он уставился на меня, и мое чувство вины, должно быть, было таким очевидным, что это заставило его рассмеяться.

– Единственно возможное объяснение такой повторяемости состоит в том, что неорганические существа заманивают тебя снова, – сказал дон Хуан серьезным тоном.

Я поспешил сменить тему и сказал ему, что еще одной особенностью моей практики *сновидения*, которую следует упомянуть, была моя реакция на видение себя, спящего глубоким сном. Это зрелище всегда до того пугало меня, что я оказывался не в состоянии сдвинуться с места, как приклеенный, пока сон не менялся, или же страх поражал меня так сильно, что я просыпался с громким криком. Я дошел до того, что боялся засыпать в те дни, когда знал, что должен увидеть этот сон.

– Ты все еще не готов для слияния реальности *сновидения* и реальности обыденного мира, – заключил он. – Ты должен перепросматривать свою жизнь дальше.

– Но я уже сделал весь возможный перепросмотр, – запротестовал я. – Я занимался этим несколько лет. Не осталось ничего, чего бы я не мог вспомнить из своей жизни.

– Должно быть, осталось еще много чего, – сказал он непреклонно, – иначе ты не просыпался бы с криком.

Мне не понравилась идея о том, чтобы продолжать перепросмотр снова. Я завершил его и верил, что сделал его так хорошо, что не должен был возвращаться к этому снова.

– Перепросмотр наших жизней никогда не должен заканчиваться, независимо от того, как бы хорошо он ни был осуществлен один раз, – сказал дон Хуан. – Причина, по которой обычные люди не могут управлять своей волей в *сновидениях*, состоит в том, что они никогда не совершали перепросмотр своей жизни, и их сны по этой причине переполнены очень интенсивными эмоциями, такими как воспоминания, надежды, страхи и так далее и тому подобное.

Мои же благодаря перепросмотру относительно свободны от тяжелых и сковывающих эмоций. И если что-то преграждает им путь, как сейчас в твоём случае, значит, в них есть еще что-то не вполне прояснившееся.

– Перепросмотр – это такое кропотливое дело, дон Хуан. Может, вместо этого нам заняться чем-нибудь другим?

– Нет. Другие занятия не нужны. Перепросмотр и *сновидение* идут рука об руку. Перепросматривая наши жизни, мы становимся все более и более парящими.

Дон Хуан дал мне ясные и детальные указания о перепросмотре, состоявшие в том, чтобы еще раз проживать всю совокупность жизненного опыта, вспоминая всевозможные детали прошлых переживаний. Он видел в перепросмотре надежный способ для перемещения и переосмысления энергии.

– Перепросмотр высвобождает заключенную в нас энергию, без которой подлинное *сновидение* невозможно, – утверждал он.

Несколько лет назад дон Хуан велел мне составить список всех людей, которых я когда-либо встречал вплоть до настоящего времени. Он помог упорядочить этот список, используя разделение по сферам деятельности, таким как различные должности, которые я занимал, различные учебные курсы, которые я посещал. Затем он предложил мне пройти от первого человека в этом списке до последнего, не пропуская никого, переживая заново каждую

встречу с ними.

Он объяснил, что при перепросмотре событие реконструируется фрагмент за фрагментом, начиная с припоминания внешних деталей, затем переходя к личности того, с кем я имел дело, и заканчивая обращением к себе, исследованием своих чувств.

Дон Хуан учил меня сочетать *вспоминание* с естественным ритмичным дыханием. Глубокий выдох следует делать в такт с медленным мягким движением головы справа налево; глубокий вдох делается при движении головы в обратную сторону – слева направо. Он называл этот процесс покачивания головой из стороны в сторону «обмахивание события веером». Ум исследует событие от начала до конца, в то время как тело «обмахивает» снова и снова все, на чем сосредоточивается ум.

Дон Хуан сказал, что маги прошлого, открывшие перепросмотр, рассматривали дыхание как магическое, жизненно важное действие и использовали его соответственно этому – как магическое средство. Выдох используется для выброса отрицательной энергии, оставшейся в них как результат события, перепросмотр которого осуществляется, а вдох – для возврата энергии, которую они потеряли в ходе взаимодействия.

Вследствие своего академического образования я рассматривал перепросмотр как процесс анализа своей жизни. Дон Хуан настаивал, что это нечто большее, чем интеллектуальный психоанализ. Он определил перепросмотр как уловку, используемую магом для вызова пусть незначительного, но зато постоянного сдвига точки сборки. Он сказал, что точка сборки под влиянием просмотра прошлых событий и переживаний движется туда-сюда между ее теперешним положением и положением, которое она занимала тогда, когда имел место интегрируемый опыт.

Дон Хуан сказал, что использование перепросмотра магами прошлого объясняется их убежденностью в том, что во вселенной существует неподдающаяся восприятию могущественная сила, наделяющая все существа осознанием и жизнью. Под воздействием той же силы существа погибают, тем самым возвращая ей заимствованное ранее осознание, усиленное и обогащенное их жизненными переживаниями. Дон Хуан сказал, объясняя точку зрения магов прошлого, – они верили, что поскольку эта сила заинтересована именно в наших переживаниях,

то очень важно насытить ее копиями нашего жизненного опыта, получаемыми в ходе перепросмотра. Удовлетворившись тем, что она ищет, эта сила затем освобождает магов, давая им возможность развивать свои чувства и тем самым достигать самых удаленных частей времени и пространства.

Когда я вновь начал заниматься перепросмотром, то с большим удивлением обнаружил, что моя практика *сновидения* при этом автоматически приостановилась вопреки моему желанию. Я спросил у дон Хуана, что это значит.

– Это просто. *Сновидение* требует задействования всей доступной энергии, – ответил он. – И поэтому, глубоко погружаясь в собственную жизнь, мы лишаемся возможности практиковать *сновидение*. Нам не хватает энергии.

– Но ведь я и раньше глубоко погружался в перепросмотр, – сказал я. – Тем не менее мои занятия никогда не прерывались.

– Дело в том, должно быть, что всякий раз, когда ты думал, что погружаешься, ты на самом деле был только эгоистически встревожен, – сказал он, смеясь. – Для мага быть погруженным означает, что задействованы все источники энергии. Сейчас же впервые случилось так, что ты начал использовать полностью все свои энергетические ресурсы. Раньше, даже занимаясь перепросмотром, ты не был поглощен этим до конца.

На этот раз дон Хуан предложил мне новую методику для перепросмотра. Мне предстояло разгадать нечто вроде головоломки, составляя второстепенные с виду события моей жизни так, чтобы из мелких разрозненных кусочков получилась цельная картина.

– Но у меня не получится, – запротестовал я.

– Нет, получится, – заверил он меня. – Путаница возникнет только тогда, если ты предоставишь своей мелочности подбирать события для перепросмотра. Предоставь решать это духу. Будь спокоен и начинай работать с тем, на что тебе указывает дух.

Результаты такого метода перепросмотра поразили меня во многих отношениях. Удивительным было то, как я, успокоив ум, следовал затем совершенно независимой от моей воли силе, которая внезапно погружала меня в чрезвычайно детальные воспоминания какого-то незначительного события из моей жизни. Но еще удивительнее, что в итоге я получил довольно-таки упорядоченную конфигурацию событий. То, что по моему мнению

должно было быть хаотичным, оказалось чрезвычайно содержательным.

Я спросил дона Хуана, почему он ни разу не предложил мне этот метод прежде. Он ответил, что существует два основных уровня перепросмотра; первый из них характеризуется формальностью и жесткостью, второй – подвижностью внимания.

У меня не было даже отдаленного представления о том, насколько теперешний перепросмотр будет для меня отличаться от предыдущих опытов. Способность концентрироваться, выработанная благодаря практике *сновидения*, позволила мне проникнуть в свою жизнь так глубоко, что никогда ранее я и представить не мог ничего подобного. Мне потребовалось больше года, чтобы просмотреть и пережить еще раз все, связанное с моей предыдущей жизнью. В итоге я вынужден был согласиться с доном Хуаном: в ранее недоступных глубинах моего ума были сокрыты залежи эмоций, заряженных отрицательной энергией. В результате второго периода перепросмотра я обрел новое для меня, более спокойное отношение к жизни. И стоило только вернуться к практике *сновидения*, как в тот же день мне приснилось, что я видел себя спящим. Я повернулся и смело вышел из комнаты, с трудом спустившись по пролету лестницы на улицу.

Я был воодушевлен тем, что сделал, и поспешил сообщить об этом дону Хуану. К моему величайшему разочарованию, он сказал, что этот сон не относится к моей практике *сновидения*. Он утверждал, что я не вышел на улицу в своем энергетическом теле, потому что если бы это было так, то у меня не было бы ощущения того, как я спускался по лестнице.

– О каком ощущении ты говоришь, дон Хуан? – спросил я с неподдельным любопытством.

– Ты должен найти для себя какой-нибудь надежный признак, по которому ты мог бы узнавать, действительно ли ты видишь свое тело спящим на кровати, – сказал он вместо ответа на мой вопрос.

– Помни, ты должен находиться в своей настоящей комнате и видеть свое настоящее тело. Если это не так, то ты просто видишь обычный сон. В этом ты можешь убедиться, наблюдая в нем детали, которых нет в обычной жизни, или изменяя его по своему усмотрению.

Я настаивал на том, чтобы он рассказал мне больше о том

надежном признаке, который он упомянул, но он перебил меня.

– Найди возможность подтвердить факт, состоящий в том, что ты смотришь на себя, – сказал он.

– Можешь ли ты подсказать мне, что могло бы быть таким надежным признаком? – настаивал я.

– Используй свои собственные представления. Мы подходим к концу нашего общения. Очень скоро ты останешься один.

Затем он сменил тему разговора, а я продолжал ясно ощущать чувство собственной неполноценности. Я был не в состоянии понять, что он имел в виду, когда говорил о надежном признаке, и не знал, что мне предстояло делать.

В следующий раз, когда я во сне увидел себя спящим, вместо того, чтобы покинуть комнату и спускаться по лестнице или проснуться с криком, я долгое время оставался неотрывно привязанным к тому месту, откуда я смотрел. Без волнения и отчаяния я наблюдал детали своего сна. Тут я заметил, что я спал в постели, одетый в белую футболку, которая была разорвана на плече. Я попытался подойти ближе и рассмотреть прореху, но движение было для меня невозможным. Фактически я представлял собой воплощенный вес. Не зная, что делать дальше, я сразу же сильно смутился. Я попытался изменить сон, но какая-то незнакомая сила продолжала удерживать меня всматривающимся в свое спящее тело.

Будучи полностью вовлеченным в свое смятение, я услышал, как *эмиссар из сновидения* сказал, что неспособность контролировать свои движения пугает меня потому, что мне придется и дальше заниматься перепросмотром. Голос *эмиссара* и то, что он сказал, совсем не удивили меня. Я никогда еще так живо и так ужасно не переживал свою неспособность двигаться. Однако я не сдался этому страху. Я исследовал его и понял, что это был не психологический страх, а физическое ощущение беспомощности, отчаяния и раздражения. Меня больше всего беспокоило то, что я был неспособен двинуться с места. Мое раздражение возрастало по мере того, как я убеждался, что нечто внутри грубо держало меня. Усилия, которые я прилагал, чтобы пошевелить руками или ногами, были такими громадными и решительными, что я вдруг действительно увидел, что одна из моих ног на кровати дернулась, как при ударе.

После этого мое сознание оказалось втянутым в мое вялое спящее тело, и я проснулся так внезапно, что прошло более получаса,

прежде чем я успокоился. Мое сердце билось совершенно беспорядочно. Меня трясло, и отдельные мышцы ног неконтролируемо сокращались. Я ощущал такое сильное переохлаждение тела, что мне потребовались одеяла и грелки, чтобы согреться.

Естественно, я незамедлительно отправился в Мексику, чтобы спросить у дона Хуана совета по поводу чувства паралича, и в связи с тем, что я в действительности был одет тогда в белую футболку, то есть я на самом деле видел себя спящим. Кроме этого, я очень боялся переохлаждения.

Он не был настроен обсуждать мое состояние. Все, что мне удалось выдать из него, было одно едкое замечание.

– Ты все драматизируешь, – сказал он монотонно. – Хотя конечно же, ты видел себя спящим. Твое затруднение в том, что ты разнервничался, ведь до этого твое энергетическое тело никогда не было цельным при полном сознании. Если когда-нибудь ты снова будешь нервничать и мерзнуть, сиди себе и не дергайся. Это восстановит температуру твоего тела в один миг и без всякой суеты.

Я чувствовал себя слегка обиженным его грубостью. Однако совет оказался эффективным. В следующий раз, когда я испугался, я расслабился и вернулся в нормальное состояние через несколько минут, делая то, что он сказал. Поступая таким образом, я обнаружил, что если я не волнуюсь и контролирую свое раздражение, паника не охватывает меня. Контроль над собой не помог мне двигаться, но он определенно дал мне глубокое чувство спокойствия и безмятежности.

После нескольких месяцев тщетных попыток начать передвигаться, я обратился к дону Хуану снова, и даже не столько за советом, сколько потому, что я собирался признать свое поражение. Я столкнулся с непреодолимым препятствием и знал с неоспоримой ясностью, что потерпел неудачу.

– *Сновидящий* должен обладать хорошим воображением, – сказал дон Хуан с ехидной усмешкой. – А твое воображение никуда не годится. Я не советовал тебе использовать свое воображение для того, чтобы перемещать свое энергетическое тело, потому что хотел выяснить, сможешь ли ты справиться с этой задачей сам. Ты не смог, и твои друзья тоже не помогли тебе.

Раньше я всегда чувствовал побуждение злобно огрызаться, когда

он обвинял меня в недостатке воображения. Я считал, что обладаю хорошей фантазией, но общение с доном Хуаном как учителем заставило меня, к своему разочарованию, признать обратное. Поскольку я не собирался больше тратить энергию на бесполезное отстаивание своей точки зрения, я спросил его:

– О какой задаче ты говоришь, дон Хуан?

– Задача о том, как с одной стороны невозможно, а с другой – как это легко, – двигать энергетическое тело. Ты пытаешься делать это так, будто находишься в обыденном мире. Мы тратим так много времени и усилий, чтобы научиться ходить, что верим в необходимость так же постепенно обучать умению ходить наше энергетическое тело. Но нет причин, по которым это следовало бы делать так, кроме той, что такое передвижение – самое понятное для нашего ума.

Я удивлялся простоте решения. Я мгновенно понял, что дон Хуан был прав. До этого я ошибался потому, что привязался к одному уровню понимания. Он сказал мне, что как только я достигну *третьих врат сновидения*, я должен буду двигаться в пространстве, и это движение я понимал как ходьбу. Я сказал ему, что понял его точку зрения.

– Это не моя точка зрения, – сказал он отрывисто. – Это точка зрения магов. Маги утверждают, что у *третьих ворот* все энергетическое тело может двигаться так, как движется энергия: быстро и прямо. Твое энергетическое тело знает, как ему двигаться. Оно может двигаться так, как оно перемещается в мире неорганических существ.

– Отсюда мы переходим к следующему вопросу, – прибавил дон Хуан задумчиво. – Почему твои друзья среди неорганических существ не помогли тебе?

– Почему ты называешь их моими друзьями, дон Хуан?

– Они подобны распространенному типу друзей, которые фактически не заботятся о нас и не любят нас, но в то же время не предпринимают и ничего плохого. Эти друзья просто ждут, когда мы повернемся к ним спиной, чтобы они могли ударить нас оттуда. Я понял его до конца и согласился на все сто процентов.

– Что заставляет меня идти к ним? Это губительное пристрастие? – спросил я его скорее риторически.

– У тебя нет никакого губительного пристрастия, – сказал он. – Все, что у тебя есть, – это неспособность понять, что ты находился

на самом пороге смерти. Поскольку ты не ощущаешь физической боли, ты не можешь убедить себя, что ты был в смертельной опасности. Его слова были здравыми, за исключением того, что я в действительности все же верил в то, что мой глубокий непонятный страх преследует меня в жизни с тех пор, как я столкнулся с неорганическими существами. Дон Хуан слушал молча, пока я рассказывал ему о своем состоянии. Я не мог ни отбросить, ни объяснить себе мое стремление посещать мир неорганических существ, невзирая на все то, что я о нем знал.

– Мне свойственна склонность к безумию, – сказал я. – Ведь то, что я делаю, – бессмысленно.

– В действительности это имеет смысл. Неорганические существа по-прежнему водят тебя за собой, как рыбу, попавшую на крючок, – сказал он. – Они время от времени подбрасывают тебе дешевую приманку, чтобы ты следовал за ними. Но они не обучают тебя тому, как двигаться в энергетическом теле.

– Почему ты думаешь, что не обучают?

– Потому что если твое энергетическое тело научится двигаться независимо от них, ты будешь далеко за пределами их досягаемости. Преждевременным было бы с их стороны считать, что ты свободен от них. Ты относительно свободен, но все же еще не полностью. Они продолжают управлять твоим осознанием. Я почувствовал холодок у себя на спине. Он задел мое больное место.

– Скажи мне, что делать, дон Хуан, и я сделаю это, – сказал я.

– Будь безупречным. Я говорил тебе это уже двадцать раз. Быть безупречным – означает раз и навсегда выяснить для себя, чего ты хочешь в жизни, и тем самым поддержать свою решимость достигнуть этого. А потом делать все от тебя зависящее и даже больше для того, чтобы воплотить в жизнь свое стремление. Если ты не решился ни на что, ты просто-напросто в суматохе играешь с жизнью в рулетку.

Дон Хуан завершил наш разговор, призвав меня хорошенько обдумать то, что он сказал.

При первой же возможности я испытал указания дона Хуана относительно того, как двигаться в энергетическом теле. Когда я снова оказался в состоянии увидеть себя спящим, вместо того, чтобы подойти к телу, я просто переместился ближе к кровати. Мгновенно я оказался так близко, что едва не касался своего тела.

Я видел свое лицо. Я даже видел все поры на своей коже. Я не могу сказать, что мне понравилось то, что я видел. Мое видение собственного тела было слишком подробным, чтобы представлять эстетический интерес. Затем что-то, напоминающее ветер, ворвалось в комнату и полностью перемещало предметы, устранив все из поля зрения.

В своих предыдущих снах я полностью утвердился во мнении, что энергетическое тело движется только скользя или паря. Я обсудил это с доном Хуаном. Он, казалось, был необычайно удовлетворен тем, чего я достиг, что очень удивило меня. Я привык к его прохладной реакции на все, чего я добивался в своей практике *сновидения*.

– Твое энергетическое тело привыкло двигаться только если что-нибудь тянет его, – сказал он. – Неорганические существа таскали твоё тело туда-сюда, и до этого времени ты никогда не двигался сам, по своей воле. Кажется, ты не очень многого достиг, если движешься так, как это у тебя получается. Однако я хочу сказать тебе, что я серьезно рассматриваю возможность прекращения твоих занятий. Я уверен, что в течение некоторого времени ты не сможешь научиться самостоятельному перемещению.

– Ты рассматриваешь возможность прекращения моей практики *сновидения* потому, что я работаю слишком медленно?

– Ты не работаешь медленно. Маг никогда не перестает обучаться владеть своим энергетическим телом. Я собираюсь прекратить твою практику потому, что у меня мало времени. Есть другие задачи, более важные, чем *сновидение*, на решение которых ты должен использовать свою энергию.

– Теперь, когда я уже научился двигаться по своей воле в энергетическом теле, что еще я должен делать, дон Хуан?

– Продолжай двигаться. Перемещение в энергетическом теле открыло для тебя новую область, новое поле для необычайных исследований.

Он настаивал на том, чтобы я изобрел еще один способ убедиться в истинности своих *снов*; это требование не казалось теперь таким странным, как тогда, когда он говорил об этом в первый раз.

– Как ты знаешь, следовать за *лазутчиком* – это на самом деле задача *вторых врат сновидения*, – объяснял он. – Это очень серьезное занятие, но не настолько серьезное, как развитие энергетического тела и перемещение в нем. Поэтому ты должен

научиться определять, что ты видишь себя спящим. Твои новые необычайные исследования всецело зависят от твоей способности на самом деле видеть себя спящим.

После длительных размышлений и сомнений я поверил в то, что придумал хороший способ. Идея этого надежного средства узнать, сплю я или нет, пришла ко мне, когда я вспомнил свою разорванную футболку. Я начал с предположения, что если я действительно вижу себя спящим, то я должен заметить, что на мне та же одежда, в которой я уснул, одежда, которую я решил полностью менять каждые четыре дня. Я был уверен, что у меня не возникнет трудностей с тем, чтобы помнить во сне, во что я был одет, когда ложился в постель; навыки, которые я приобрел в процессе своей практики, убеждали меня, что я способен сохранять в уме такие вещи и вспоминать их во сне.

Я приложил все усилия, чтобы следовать этому способу проверки, но результаты оказались не столь удачными, как я предполагал. Мне не хватало контроля над своим *вниманием в сновидении* и я не мог достаточно ясно помнить детали моей ночной одежды. И все же что-то другое несомненно работало: каким-то образом я всегда знал, был ли мой сон обычным сном, или нет. Уникальной особенностью этих *снов*, которые не были просто обычными снами, было то, что мое сознание наблюдало мое тело, которое спало на кровати.

Примечательной чертой этих снов была моя комната. Она никогда не была похожа на мою комнату в обычном мире, но напоминала огромный пустой зал с кроватью в одном углу. Я, как правило, парил на некотором расстоянии сбоку от кровати, где лежало мое тело. В тот момент, когда я приближался к нему, сила, напоминавшая ветер, постоянно заставляла меня зависать над ним, как колибри. Иногда комната исчезала; пропадая по частям до тех пор, пока не оставалось только мое тело и кровать. Иногда я переживал полную потерю способности прилагать волевые усилия. Тогда казалось, что мое *внимание в сновидении* работает независимо от меня. Оно либо оказывалось полностью поглощенным первой попавшейся вещью в комнате, либо было не в состоянии решить, что делать. В последнем случае я ощущал, что беспомощно плаваю, переходя вниманием от вещи к вещи. Голос *эмиссара в сновидении* объяснил мне однажды, что все элементы *снов*, которые не являются обычными снами, на самом

деле были энергетическими образованиями, отличными от известных нам в привычном мире. Голос *эмиссара* указал, например, что стены были жидкими. Затем он предложил мне проскочить сквозь одну из них.

Не раздумывая дважды, я нырнул в стену, как будто я ныряю в большое озеро. Мне не показалось, что стена напоминает воду, и то, что я чувствовал, не соответствовало также физическому ощущению, которое переживает тело, погружаясь в воду. Это скорее напоминало знание о том, что я ныряю, и видимость прохождения сквозь жидкую среду. Я входил головой вперед во что-то, что расступалось передо мной, как вода по мере того, как я продолжал двигаться вглубь.

Ощущение, что я ныряю головой вперед, было таким реальным, что я начал гадать, как глубоко или как далеко я могу нырнуть. С моей точки зрения, я проживал там целую вечность. Я видел облака и скалоподобные образования материи, разбросанные в толще водянистой субстанции. Там попадались сияющие геометрические объекты, напоминающие кристаллы, и шарики ярчайших оттенков всех цветов, которые я когда-либо видел. Были также зоны ослепительного света и области крошечной тьмы. Все проходило мимо меня, медленно или на большой скорости. Мне казалось, что я вижу космос. В тот момент, когда я подумал об этом, моя скорость возросла так сильно, что все слилось, я внезапно я обнаружил, что проснулся и лежу, упираясь носом в стену своей комнаты.

Какой-то скрытый страх вынудил меня проконсультироваться с доном Хуаном. Он слушал меня, цепляясь к каждому слову.

– Теперь ты должен сделать какой-то решительный маневр, – сказал он. – *Эмиссар в сновидении*, не должен вмешиваться в твою практику. Или, лучше сказать, что ты не должен ни при каких условиях позволять ему делать это.

– Как мне остановить его?

– Сделай простой, но крутой маневр. Войдя в *сновидение*, громко заяви, что ты не желаешь больше иметь *эмиссара в сновидении*.

– Значит ли это, дон Хуан, что я никогда больше не увижу его снова?

– Конечно. Ты избавишься от него навсегда.

– Но целесообразно ли избавляться от него навсегда?

– Со всей определенностью говорю, что сейчас это целесообразно.

Этими словами дон Хуан вселил в меня очень болезненное сомнение. Я не хотел прекращать свои отношения с *эмиссаром*, но в то же время мне хотелось следовать совету дона Хуана. Он заметил мои колебания.

– Я знаю, что это очень сложная задача, – согласился он, – Но если ты не сделаешь этого, неорганические существа будут всегда держать тебя на поводу. Если хочешь избежать этого, – сделай то, что я сказал, и сделай это сразу же.

Когда в течение своего следующего занятия *сновидением* я приготовился выразить свое намерение, голос *эмиссара* прервал меня. Он сказал:

– Если ты воздержишься от своего требования, я обещаю тебе никогда не вмешиваться в твою практику *сновидения* и разговаривать с тобой только тогда, когда ты будешь обращаться ко мне с вопросами.

Я сразу же принял это предложение и искренне чувствовал, что это хороший договор. Я даже почувствовал облегчение оттого, что все обернулось таким образом. Однако я боялся, что дону Хуану это не понравится.

– Это был хороший маневр, – заметил он и засмеялся. – Ты был искренним; ты действительно собирался выразить свое требование. Быть искренним – вот все, что от тебя требовалось. По существу, у тебя не было никакой необходимости устранять *эмиссара*. От тебя требовалось только пожелать поставить его на место, чтобы он предложил удобный для тебя выход из сложившейся ситуации. Я уверен, что *эмиссар* не будет больше соваться не в свое дело.

Он был прав. Я продолжал свою практику *сновидения* без вмешательства со стороны *эмиссара*. Замечательным следствием этого было то, что я начал видеть сны, в которых комната, в которой я спал, была такой, как в обычном мире, с одним лишь отличием: во сне комната была всегда так перекошена, так искажена, что выглядела как огромное полотно кубиста; тупые и острые углы заменяли обычные прямые там, где пересекались стены, потолок и пол. В моей кривобокой комнате каждая реальная деталь интерьера превращалась в удивительно абсурдную и нелепую благодаря косым лучам острых и тупых углов; например, изошренный узор линий на паркете, выцветшие пятна на покрашенной стене или отпечатки грязных пальцев на краю двери.

В этих *сновидениях* я неизбежно терялся в водянистых вселенных, состоящих из предметов, искаженных кривизной. Во всей моей практике *сновидения* я постоянно погружался в детали предметов, потому что их изобилие в моей комнате было неопишным, а их притяжение таким сильным, что я не мог устоять.

При первой же возможности я посетил дон Хуана, расспрашивая его о своем состоянии.

– Я не могу преодолеть своей комнаты, – сказал я ему после длительного описания своей практики *сновидения*.

– Откуда ты взял, что ты должен преодолевать ее? – спросил он, ухмыльнувшись.

– Я чувствую, что я должен выйти за пределы комнаты, дон Хуан.

– Но ты уже движешься за пределами комнаты. Возможно, тебе следует спросить себя, не запутался ли ты снова в интерпретациях.

Что, по твоему мнению, означает движение в этом случае?

Я сказал ему, что сон о том, как я вышел из своей комнаты на улицу, не дает мне покоя ни на миг, и я ощущаю сильную необходимость сделать это снова.

– Но ведь ты делаешь более значительные вещи, чем это, – запротестовал он. – Ты посещаешь невероятные миры. Чего еще ты хочешь?

Я пытался объяснить ему, что прямо-таки физически страдаю от побуждения вырваться из ловушки многочисленных деталей. Меня больше всего расстраивало мое неумение освободиться от того, что овладевало моим вниманием. Ощущение почти полной неспособности проявлять волю в *сновидении* было для меня результатом всех моих стараний.

Последовала продолжительная тишина. Я хотел больше услышать о ловушке погружения в детали. В конце концов он все же предупредил меня об опасности, связанной с этой ловушкой.

– У тебя неплохо получается, – сказал он в заключение. Ведь у *сновидящих* много времени уходит на то, чтобы усовершенствовать свое энергетическое тело. В случае с тобой под угрозой находится именно это – совершенствование твоего энергетического тела.

Дон Хуан объяснил причину, по которой мое энергетическое тело было вынуждено детально изучать подробности и оказывалось безнадежно запутанным в них. Это происходило из-за неопытности, несовершенства энергетического тела. Он сказал,

что маг зачастую проводит целую жизнь, предоставляя возможность своему энергетическому телу впитать все доступное, и тем самым укрепляет его.

– До тех пор, пока энергетическое тело не достигнет полного развития и зрелости, оно поглощено собой, – продолжал дон Хуан.

– Оно не может освободиться от навязчивого стремления проникнуть во все. И если ты примешь это во внимание вместо того, чтобы воевать с ним, ты сможешь протянуть ему руку помощи.

– Как мне сделать это, дон Хуан?

– Управляя его поведением или, иными словами, пользуясь *сталкингом*.

Он объяснил, что все связанное с энергетическим телом, зависит от положения точки сборки, а *сновидение* подразумевает не что иное, как ее смещение. Поэтому *сталкинг* означает способность заставить точку сборки находиться именно в том положении, где энергетическое тело может быть укреплено и доведено до совершенства.

Дон Хуан считал, что маги считают оптимальным такое положение точки сборки, при котором энергетическое тело может двигаться независимо. Следующий шаг состоит в *сталкинге* энергетического тела, то есть в фиксировании его в этом положении с целью сделать его совершенным. Он объяснил, что по сути этот процесс очень прост. Нужно использовать свое *намерение* для *сталкинга* энергетического тела.

Он замолчал, и мы выжидающе посмотрели друг на друга. Я ожидал, что он скажет больше, а он ожидал, что я подтвержу, что понял его слова. Но я не понимал.

– Дай возможность своему энергетическому телу достичь оптимального положения в *сновидении*, – объяснил он. – Затем используй *намерение* своего энергетического тела оставаться в том же положении, – это и будет твой *сталкинг*.

Он сделал паузу, глазами побуждая меня внимательно рассмотреть свое утверждение.

– *Намерение* – это тайна, но ты уже знаешь это, – сказал он. – При помощи *намерения* маг смещает свою точку сборки, фиксирует ее он также с помощью *намерения*. *Намерение* постигают, используя его.

У меня снова появились неизбежные в этой ситуации нелепые

сомнения относительно своей способности быть магом. Но в то же время я был совершенно уверен, что каким-то образом мне удастся направить свое *намерение* на фиксацию точки сборки в нужном месте. В прошлом я совершал всевозможные удачные трюки с *намерением*, не имея понятия, как мне это удавалось. Сам дон Хуан удивлялся моей способности или моему везению, и я был уверен, что так случится и на этот раз. Но я грубо ошибался. Что бы я ни делал и как долго я ни ждал, мне никак не удавалось фиксировать точку сборки хоть где-нибудь, не говоря уже о нужном месте.

После месяцев упорных, но неудачных попыток я сдался.

– Знаешь, я на самом деле верил, что смогу сделать это, – сказал я дону Хуану сразу же, как только вошел в его дом. – Боюсь, я сейчас страдаю от своей самовлюбленности более, чем когда-либо.

– На самом деле это не так, – сказал он с улыбкой. – Случилось так, что ты снова запутался в своем обычном неправильном понимании терминов. Ты стремишься найти нужное место так, будто ищешь потерянные ключи от машины. Затем ты хочешь привязать к нему свою точку сборки так, как завязывают шнуры. Идеальное место для точки сборки, а также для ее фиксации – это метафоры. Реальность не имеет ничего общего со словами, которые ассоциируются у тебя с этими обозначениями.

Затем он попросил меня рассказать ему о том, что случилось со мной в последний раз, когда я практиковал *сновидение*. Я сразу же упомянул, что моя склонность быть поглощаемым деталями предметов существенно уменьшилась. Я сказал, что это, возможно, произошло потому, что я был вынужден постоянно перемещаться во сне. Таким образом, *движение* не давало мне возможности остановиться для того, чтобы погрузиться в предметы, которые я рассматривал. Когда же я останавливался, то мог наблюдать процесс своего поглощения деталями. Я пришел к выводу, что неодушевленная материя в действительности обладает парализующей силой, которую я *видел* как луч тусклого света, приковывающий мое внимание. Например, много раз было так, что небольшая царапина на стене или узор древесных волокон на паркетном полу в моей комнате излучал поток света, который завладевал мной. С того момента, как мое *внимание в сновидении* сосредоточивалось на этом свете, все *сновидение* начинало вращаться вокруг одной этой незначительной детали. Я видел, как

ее размер увеличивался едва ли не до космических масштабов. Такое рассматривание обычно продолжалось, пока я не просыпался, оказавшись, как правило прижатым носом к стене или к деревянному полу. Мои наблюдения показывали, что, во-первых, я наблюдал детали из реального мира, и, во-вторых, казалось, что я созерцал их, находясь во сне.

Дон Хуан улыбнулся и сказал:

– Ты понял это все потому, что формирование твоего энергетического тела закончилось тогда, когда ты начал двигаться сам. Я не говорил тебе об этом прямо, но намекал на это. Я хотел увидеть, сможешь ли ты обнаружить это сам, что ты, конечно же, и сделал.

Я не имел представления, что он имеет в виду. Дон Хуан сверлил меня взглядом, как обычно, критически изучая то одну, то другую часть моего тела.

– Что именно я обнаружил сам, дон Хуан? – вынужден был спросить я.

– Ты обнаружил, что формирование твоего энергетического тела закончилось, – ответил он.

– Я не обнаруживал ничего подобного, уверяю тебя.

– Нет, ты сделал это. Это началось раньше, когда ты не мог подыскать способа установить реальность своих слов, но затем что-то в тебе начало работать, показывая тебе, обычный это сон или нет. Это что-то и было твоим энергетическим телом. Сейчас ты отчаиваешься, что не можешь найти идеального места для фиксации своей точки сборки. Но я говорю тебе, что ты уже нашел его. Доказательством может служить тот факт, что, двигаясь везде, твое энергетическое тело прекращает попадать под влияние деталей.

Я был ошарашен. Я не мог даже задать ни одного из своих жалких вопросов.

– За этим последует то, что называют жемчужиной магов, – продолжал дон Хуан. – Ты будешь практиковать *видение энергии в сновидении*. Ты справился с заданием *третьих ворот сновидения*: научиться свободно перемещать энергетическое тело. Теперь ты будешь работать над настоящей задачей: *видением энергии* спомощью своего энергетического тела.

– Ты уже *видел* энергию раньше, – говорил он, – на самом деле, много раз. Но каждый раз до сих пор твое *видение* было

случайным. Теперь ты будешь заниматься этим целенаправленно. – Из повседневного опыта *сновидящие* знают, – продолжал он, – что если энергетическое тело сформировано, человек видит энергию каждый раз, когда он рассматривает какой-нибудь предмет реального мира. Если же он *видит* энергию предмета во *сне*, – он тем самым может узнать, что находится в реальном мире, каким бы искаженным ни казался мир для его *внимания в сновидении*. Если же он не может *видеть* энергию предметов, – это обычный сон, а не реальный мир.

– Что такое реальный мир, дон Хуан?

– Это мир, порождающий энергию; он представляет собой противоположность призрачного мира иллюзии, где ничто не порождает энергию, как бывает в большинстве наших снов, заполненных вещами без энергетического потенциала.

Затем дон Хуан дал мне еще одно определение: *сновидение* – это процесс, в котором *сновидящий* обнаруживает определенные свидетельства существования вещей, рождающих энергию.

Должно быть, он заметил мое замешательство. Он засмеялся и дал мне еще одно, еще более витиеватое определение: *сновидение* – это процесс, с помощью которого мы *намереваемся* найти адекватное положение точки сборки, дающее нам возможность замечать в состоянии *сновидения* предметы, порождающие энергию.

Он объяснил, что энергетическое тело способно также *увидеть* энергию, существенно отличную от энергии нашего обычного мира. Так происходит в случае предметов, наблюдаемых в мире неорганических существ, где энергетическое тело замечает шипящую энергию. Он добавил, что в нашем мире ничто не шипит; здесь все мерцает.

– Начиная с этого времени, – сказал он, – задачей твоей практики *сновидения* будет определение того, принадлежат ли предметы, на которых сконцентрировано твое *внимание в сновидении*, к *порождающим энергию*, к *обычным иллюзорным видениям* или *порождающим отрицательную энергию*.

Дон Хуан сказал, что надеялся, что я сам предложу идею *видения* энергии как способа определить, наблюдаю ли я в обычном или в необычном сне свое настоящее тело. Он посмеялся над моими изощренными попытками определять это, надевая каждые четыре дня другую ночную одежду. Он сказал, что у меня с самого начала была под рукой вся информация, необходимая для того, чтобы

справиться с задачей *третьих врат сновидения* и предложить правильный способ определения своего местонахождения. Но моя склонность находить все окольным путем вынудила меня искать сложные решения там, где все просто и непосредственно ясно для мага.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

НОВАЯ ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дон Хуан сказал мне, что для того, чтобы *видеть* в *сновидении*, я должен не только *намереваться видеть*, но и выражать мое *намерение* в словах громким голосом. По причине, которую он отказался объяснить, он настаивал на том, что мы должны высказать свое *намерение* громко и отчетливо. Он признал, что существуют и другие пути достигнуть того же результата, но при этом заметил, что выразить свое *намерение* вслух – это простейший и самый прямой способ.

Я впервые выразил словами свое *намерение видеть*, когда посетил в *сновидении* рынок вблизи церкви. Там было такое обилие всевозможных вещей, что я никак не мог решить, на какую из них обратить свое внимание. Огромная, бросающаяся в глаза ваза в углу невольно определила мой выбор. Я пристально взглянул на нее, выражая вслух свое *намерение видеть*. Ваза оставалась в поле зрения еще один миг, а затем превратилась в нечто иное.

В этом *сновидении* я рассмотрел множество всевозможных предметов. Каждый раз после того, как я выражал вслух свое *намерение видеть*, выбранный мною для созерцания предмет исчезал или превращался в еще что-нибудь. Такие вещи уже не раз происходили в моей практике *сновидения* и раньше. В конце концов мое внимание в этом *сновидении* истощилось, и я проснулся, чувствуя себя ужасно раздраженным, почти сердитым. На протяжении нескольких месяцев я внимательно рассматривал в своих *сновидениях* сотни предметов, сознательно декларируя свое *намерение видеть*, – но ничего не происходило. Когда мне надоело ждать результата, я обратился с вопросом к дону Хуану.

– Прояви терпение. Ты обучаешься удивительным вещам, – заметил он. – Ты учишься *намереваться видеть* в *сновидении*. Придет время, когда тебе уже больше не нужно будет выражать вслух свое *намерение*; достаточно будет лишь молча пожелать этого.

– Мне кажется, я должен понять смысл того, что я делаю, – сказал

я. – Ведь когда я выкрикиваю свое *намерение видеть*, ничего не происходит. Что это значит?

– Это значит, что твои сны до сих пор были обычными снами; в них ты встречался с иллюзорными проекциями, образами, которые существуют только в твоём *внимании сновидения*.

Он хотел точно знать, что происходило с объектами, на которых я фиксировал взгляд. Я сказал, что они исчезали, изменяли очертания или даже порождали завихрения, которые в конце концов разрушали мое *сновидение*.

– Но я уже сталкивался раньше с чем-то подобным в своей практике *сновидения*, – сказал я. – Единственное заметное отличие теперь в том, что я учусь вопить во сне во весь голос.

Мои последние слова вызвали у дона Хуана настоящий припадок утробного смеха, который привел меня в замешательство. Я не мог понять, что такого смешного сказал и почему он так среагировал на это.

– Когда-нибудь ты оценишь, как это все забавно, – сказал он в ответ на мой молчаливый протест. – А пока не сдавайся и не падай духом. Продолжай свои попытки. Рано или поздно ты добьешься своего.

Как всегда, он был прав. Через несколько месяцев я сорвал-таки банк. Мне приснился самый необычный сон. Начался он с появления *лазутчика* из мира неорганических существ. *Лазутчики*, так же, как *эmissары* из *сновидений*, в течение последнего времени как-то странно исчезли из моих снов. Я не скучал по ним и не анализировал причин их исчезновения. На самом деле мне это было уже совершенно не нужно, и я даже забыл спросить дона Хуана об их отсутствии.

В этом сне *лазутчик* был вначале огромным желтым топазом, который я нашел за задней стенкой выдвижного ящика стола. В тот момент, когда я выразил свое *намерение видеть*, топаз превратился в пузырек шипящей энергии. Я испугался, что буду вынужден последовать за ним, и поэтому перевел взгляд с *лазутчика* на аквариум с тропическими рыбками. Я выразил *намерение видеть* и был сильно удивлен. Аквариум излучал слабое зеленоватое сияние, а затем превратился в большой сюрреалистический портрет женщины в драгоценных украшениях. Портрет светился тем же самым зеленоватым свечением, которое излучал аквариум.

Пока я наблюдал это сияние, ход *сна* изменился. Я шел по улице города, который казался мне знакомым. Это мог быть Таксон. Я разглядывал витрину магазина женской одежды и громко заявил о своем *намерении видеть*. Сразу же засиял черный манекен, выставленный на видном месте. Затем я начал всматриваться в служащую магазина, которая как раз появилась в окне, собираясь переоформлять витрину. Она посмотрела на меня. Выразив вслух свое *намерение*, я увидел, как она сияет. Я был так изумлен, что боялся, как бы какая-то деталь ее восхитительного сияния не увлекла и не поглотила меня, но женщина вернулась в помещение до того, как все мое внимание успело сосредоточиться на ней. Конечно же, у меня возникло *намерение* последовать за ней; однако, мое внимание в *сновидении* оказалось пойманным движущимся сиянием. Сияние было направлено в мою сторону откровенно враждебно. Оно было исполнено отвращения и злобы. Я отскочил назад. Сияние перестало на меня действовать; темнота поглотила меня, и я проснулся.

Образы были настолько яркими, что я не сомневался, что *видел* энергию. Это *сновидение* было одной из тех подобных *сновидению* ситуаций, о которых дон Хуан сказал, что в них происходит генерирование энергии. Мысль о том, что события сна могут происходить в нашей привычной реальности обыденного мира, заинтриговала меня не менее, чем образы из мира неорганических существ.

— На этот раз ты не только видел энергию, но и пересек опасную грань, — сказал дон Хуан, выслушав мой рассказ.

Он повторил, что задача *третьих врат сновидения* состоит в том, чтобы сделать возможным независимое движение энергетического тела. По его словам, в своем последнем эксперименте я случайно переступил в своих упражнениях за грань дозволенного, и вошел в другой мир.

— Твое энергетическое тело двигалось, — сказал он. — Оно путешествовало само по себе. Ты пока не в состоянии контролировать такие путешествия, и поэтому кто-то напал на тебя.

— Как ты думаешь, что это было, дон Хуан?

— Это была вселенная хищников. Ты мог столкнуться с одной из тысяч не слишком приятных вещей, существующих там.

— Как ты думаешь, почему на меня напали?

— А почему на тебя нападали неорганические существа? Потому

что ты подставлялся.

– Так просто, дон Хуан?

– Конечно. Представь, что какой-нибудь диковинный паук вдруг упал бы на стол, за которым ты пишешь. Испугавшись, ты, возможно, раздавил бы его, но вряд ли стал бы им восторгаться или его рассматривать.

Растерявшись, я подыскивал слова, желая спросить его, где происходили события из моего сна и что за энергию я в нем *видел*. В то же время я и сам чувствовал, что в такой постановке эти вопросы бессмысленны. Дон Хуан, казалось, прекрасно меня понимал.

– Ты хочешь знать, где было сконцентрировано твое внимание в *сновидении*, не так ли? – спросил он, широко улыбаясь.

Это как раз соответствовало тому, как я хотел бы сформулировать свой вопрос. Я считал, что в рассматриваемом *сновидении* я должен был *видеть* какой-то настоящий предмет. Точно так было тогда, когда я видел в *сновидении* мельчайшие детали пола, стен или двери в свою комнату, детали, существование которых впоследствии было подтверждено мной, когда я бодрствовал.

Дон Хуан сказал, что в некоторых отдельных *сновидениях*, подобных этому, наше внимание фокусируется на обычном мире и постоянно перемещается от одного реального объекта к другому.

Это движение возможно благодаря соответствующему этому *сновидению* положению точки сборки. Находясь в этом положении, точка сборки делает внимание таким подвижным, что оно может в один миг переметнуться на невероятные расстояния. Когда это происходит, возникает переживание такого быстрого, такого мимолетного типа, что оно напоминает обычный сон.

Дон Хуан объяснял, что в своем *сновидении* я видел настоящую вазу, а затем мое внимание переместилось на огромное расстояние, чтобы *видеть* сюрреалистическое изображение женщины с драгоценностями. Если не считать *видения* мною энергии, то все, что я наблюдал в этом *сновидении* в итоге было очень похоже на обычный сон, в котором рассматриваемые предметы быстро превращаются друг в друга.

– Я знаю, как это неприятно, – продолжал он, очевидно заметив мою растерянность. – По какой-то причине, относящейся к устройству нашего ума, *видение* энергии в *сновидениях* чревато такими неожиданностями, которых человек не может и

представить.

Я отметил, что и раньше *видел* энергию в *сновидении*, но это никогда не воздействовало на меня так.

– Теперь формирование твоего энергетического тела завершено, и оно работает, – сказал он. – Поэтому твое *видение* энергии в *сновидении* означает, что ты путешествуешь по реальному миру, пока твое тело погружено в сон. Вот в чем важность этих твоих приключений. Все это было реальным. Ты столкнулся с вещами, порождавшими энергию, которая чуть было не погубила тебя.

– Было ли это столь серьезно, дон Хуан?

– Клянусь! Существо, нападавшее на тебя, было создано из чистого сознания и было таким же смертельно опасным, каким может быть любое другое живое существо. Ты *видел* его энергию. Уверен, что теперь ты понял, что если мы не *видим*, в *сновидении*, то нет никакой возможности отличить реальный энергообразующий мир от иллюзорного видения. Поэтому, даже несмотря на то, что ты победил неорганические существа и по-настоящему *видел лазутчиков* и туннели, твое энергетическое тело не знало наверное, были ли они реальными, то есть – генерирующими энергию. Ты был, возможно, уверен в этом на девяносто девять, но не на сто процентов.

Дон Хуан настаивал, чтобы я рассказывал ему о своих последних путешествиях. Но по какой-то необъяснимой причине я уклонялся от этой темы. То, что он сам говорил об этом, оказывало на меня мгновенное и странное воздействие. Я обнаружил, что неизменно сталкиваюсь лицом к лицу с глубоким, непонятным страхом; он был темным и навязчивым, неотступно преследуя меня, заставляя меня ежиться.

– Очевидно, ты перешел в другую плоскость, – сказал дон Хуан, закончив реплику, которой я не уделил внимания.

– В какую плоскость, дон Хуан?

– Мир похож на луковицу своими многими уровнями. Тот мир, который мы знаем – это лишь один из многих. Иногда мы пересекаем границы и выходим в другие плоскости, другие миры, очень похожие на наш, но не совпадающие с ним. И ты случайно сам вошел в один такой мир.

– Как оказался возможным переход, о котором ты говоришь, дон Хуан?

– Это бессмысленный вопрос, потому что на него нельзя ответить.

С точки зрения магов вселенная составлена из уровней, которые энергетическое тело может пересекать. Знаешь ли ты, где маги прошлого живут по сей день? На другом уровне, на другом слое луковицы.

– Для меня идея настоящего полезного путешествия, предпринимаемого в *сновидении*, кажется слишком сложной для понимания. С ней трудно согласиться, дон Хуан.

– Мы уже обсуждали этот вопрос до изнеможения. Я был убежден, что ты понял, что путешествие энергетического тела определяется исключительно положением точки сборки.

– Ты говорил мне это. Я пережевывал эту идею множество раз, но все же утверждение о том, что путешествие означает сдвиг точки сборки, ни о чем мне не говорит.

– Твои затруднения – в твоём скептицизме. Я был точно таким, как ты. Наш скептицизм не позволяет нам глубоко изменить понимание мира. И еще он вынуждает нас считать, что мы всегда правы.

Я прекрасно понимал то, о чем он говорит, но напомнил ему о том, что постоянно борюсь с этой своей чертой.

– Предлагаю тебе выполнять одно бессмысленное действие, которое поможет событиям принять другой оборот, – сказал он. – Постоянно повторяй про себя, что суть магии – в тайне точки сборки. Если ты достаточно долго будешь это повторять про себя, какая-то незримая сила возьмет верх и вызовет в тебе нужные изменения.

Дон Хуан никак не показал, что его слова являются шуткой. Я знал, что каждое сказанное им слово имеет какой-то важный смысл. Больше всего меня беспокоило его настойчивое требование, чтобы я постоянно повторял про себя эту формулу. Я поймал себя на мысли, что все это просто глупо.

– Измени свое скептическое отношение к этому, – перебил он мои сомнения. – Повторяй эти слова самым добросовестным образом.

– Тайна точки сборки – это главное в магии, – продолжал он, не глядя на меня. – Или так – вся магия основана на манипулировании точкой сборки. Ты все это знаешь, но ты должен повторить это.

Слушая его замечания, мне на миг показалось, что я вот-вот умру. Невероятное чувство непритворного уныния обрушилось на мои плечи и заставило меня закричать от боли. Мой желудок и

диафрагма, казалось, подтянулись вверх, заполняя мою грудную клетку. Это ощущение было таким интенсивным, что мой уровень осознания изменился и я вошел в свое обычное состояние. Все, о чем мы говорили, стало туманной мыслью о том, что могло случиться, но не случилось в действительности, и о чем я знал благодаря своему тусклому мышлению в обычном состоянии осознания.

В следующий раз, когда мы с доном Хуаном говорили о *сновидениях*, мы обсуждали причины, по которым я не мог продолжать свою практику *сновидения* уже на протяжении нескольких месяцев. Дон Хуан предупредил меня, что для объяснения моего положения ему придется пойти окольным путем. Он прежде всего указал на то, что между мыслями и действиями людей древности с одной стороны, и современных людей – с другой, существует громадное различие. Затем он отметил, что люди былых времен обладали очень реалистичным восприятием и осознанием мира. Потому что их видение проистекало из их наблюдений окружающей вселенной. Современные люди, в отличие от них, обладают до абсурдности нереалистичным восприятием и осознанием, потому что их взгляды основываются на их наблюдении общественных закономерностей и претворении их в жизнь.

– Зачем ты говоришь мне это? – спросил я.

– Потому что ты – современный человек, сталкивающийся с мировоззрением и наблюдениями людей древности, – ответил он. – И они тебе совершенно не знакомы. Теперь, больше чем когда-либо, тебе нужно быть собранным и настойчивым. Я пытаюсь построить прочный мост, по которому ты мог бы идти от взгляда людей древности до взглядов современного человека.

Он отметил, что я не знаком со всеми важными открытиями людей древности, кроме одного, которое дошло до наших дней. Речь шла об идее продажи своей души дьяволу в обмен на бессмертие. Он признался, что эта идея звучит для него как эхо отношений между магами прошлого и неорганическими существами. Он напомнил мне, как *эmissар в сновидении* пытался вынудить меня остаться в его мире, предлагая мне за это возможность сохранить индивидуальность и самосознание на почти бесконечное время.

– Как ты знаешь, уступка обольщению неорганических существ – это не просто идея; это – реальность, – продолжал дон Хуан. – А

ты еще не понял до конца, чем чревата эта реальность. *Сновидение* тоже реально; это состояние порождения энергии. Когда ты слышишь мои слова, ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду, но ты еще не осознал всей важности этого.

Дон Хуан сказал, что моя рациональность знала, что именно сулит ей мое постижение ее враждебной сущности, и поэтому в нашем последнем разговоре она вынудила мое восприятие перейти на более низкий уровень. Я закончил тот разговор, очутившись в обычном состоянии сознания, так и не разобравшись в тонкостях своего сна. Моя рациональность продолжала защищаться, отрицательно сказываясь на моей практике *сновидения*.

– Уверяю тебя, что полностью осознаю, в каких ситуациях генерируется энергия, – сказал я.

– А я уверяю тебя, что не осознаешь, – возразил он. – Если бы это было не так, ты бы относился к *сновидению* с большим вниманием и ответственностью. Но так как ты уверен, что ты всего лишь спишь, – ты делаешь выбор вслепую. Твои ошибочные суждения говорят тебе, что независимо от происшедшего в *сновидении* сон когда-нибудь закончится и ты проснешься.

Он был прав. Несмотря на все то, что я наблюдал в ходе своей практики *сновидения*, я все еще придерживался так или иначе общепринятого мнения о том, что все это сон.

– Я рассказывал тебе о взглядах людей прошлого и современных людей, – продолжал дон Хуан, – потому что твое представление является представлением современного человека, рассматривающего непонятные идеи так, будто они являются бессмысленной фантазией.

– Если бы я не начал этот разговор, ты бы так и рассматривал *сновидение* как некую абстрактную идею. Конечно же, я уверен, что ты относишься к нему серьезно, но ты не полностью веришь в реальность *сновидения*.

– Я понимаю, о чем ты говоришь, дон Хуан, но не понимаю, зачем.

– Я говорю все это потому, что ты сейчас впервые оказываешься в состоянии понять, что *сновидение* – это ситуации, в которых возможно порождение энергии. В первый раз ты можешь сейчас понять, что обычные сны – это медленно действующее средство, чтобы переместить точку сборки в положение, создающее условия для производства энергии, которую мы называем *сновидением*.

Он предупредил меня, что поскольку *сновидящие* соприкасаются и

входят в реальные миры, где возможны любые неожиданности, они должны постоянно находиться в состоянии непрерывного внимания и крайней осторожности; любая неосторожность, связанная с риском, может оказаться для *сновидящего* более чем ужасной.

Я начал в этот момент снова ощущать движение грудной клетки, точно такое же, как в тот день, когда мой уровень осознания самопроизвольно изменился. Дон Хуан сильно встряхнул меня за руку.

— Рассматривай *сновидение* как очень опасное занятие! — приказал он мне. — Начинай прямо с этого дня! Без всяких туманных оговорок.

Тон его голоса был таким настойчивым, что все то непонятное, что только что происходило со мной, тут же прекратилось.

— Что это со мной, дон Хуан? — спросил я.

— А с тобой то, что ты можешь смещать свою точку сборки быстро и легко, — сказал он. — Но эта легкость приводит к тому, что смещение оказывается неустойчивым. Научись контролировать эту свою способность. И не позволяй себе ни малейшего отклонения. Я бы мог легко начать спор, что я не знаю, о чем он говорит, но на этот раз мне показалось, что я понял. Я также понял, что мне нужно только несколько секунд, чтобы сконцентрировать свою энергию и изменить свое отношение к его словам, что я и сделал. На этом тогда наше общение и закончилось. Я уехал домой и в течение почти года добросовестно и регулярно повторял то, что дон Хуан просил меня произносить. Результат моих молитвоподобных вызваний был невероятен. Я был твердо убежден, что оно имело такое же влияние на мое восприятие, какое физические упражнения оказывают на мышцы тела. Моя точка сборки стала более подвижной, а это означало, что *видение* энергии в *сновидении* стало главной целью моей практики. Мое умение *намереваться видеть* возрастало пропорционально моим усилиям. Настало время, когда я стал способен, не произнося ни слова, только *намереваться видеть* и сразу же достигать того же результата, что и в случае высказывании моего *намерения* вслух. Дон Хуан поздравил меня с этим достижением. Естественно, я счел, что он надо мной насмехается. Но он подтвердил, что действительно считает мои занятия успешными. Все же он попросил меня продолжать «выкрикивать намерение», по крайней

мере, тогда, когда я сомневался. Его требование не оказалось для меня неожиданным. И поэтому я вопил в своих снах во весь голос каждый раз, когда мне это казалось необходимым.

Я открыл, что энергия нашего мира мерцает. Она поблескивает. Не только живые существа, но и все вообще в нашем мире тускло светится своим собственным внутренним светом. Дон Хуан объяснил, что энергия нашего мира образует слои мерцающих цветов. Верхний слой – белесый; следующий за ним – зеленовато-желтый, а следующий дальше – янтарный.

Я обнаружил все эти оттенки, или, лучше было сказать, что я видел их мерцание, когда предметы, встречаемые мной в состоянии *сновидения*, меняли свои очертания. Однако белое сияние было всегда самым доступным при видении предмета, порождающего энергию.

– Неужели всего цветов только три? – спросил я дона Хуана.

– Их бесконечное число, – ответил он, – но для целей твоего начального состояния вполне достаточно этих трех. Позже ты сможешь получить их в любом наборе и выделить десятки оттенков, если захочешь этим заниматься.

– Белый слой имеет цвет, свойственный нынешнему положению точки сборки человечества, – продолжал дон Хуан. – Будем говорить, что это современный цвет. Многие считают, что все совершенное человеком в наши дни отмечено этим беловатым сиянием. В одно время положение точки сборки человечества привело к тому, что господствующая энергия в мире была зеленовато-желтая; а еще раньше она была янтарно-желтая. Цвет энергии магов – тоже янтарно-желтый, что означает их энергетическую связь с людьми, жившими в далеком прошлом.

– Думаешь ли ты, дон Хуан, что современный белый цвет энергии когда-нибудь изменится?

– Если человечество окажется способным эволюционировать. Великая задача магов состоит в том, чтобы распространить идею, согласно которой для эволюции человечества вначале необходимо освободить свое осознание от привязанности к общественным условиям. Как только осознание освобождается, *намерение* направляет его по новому пути развития.

– Ты думаешь, что магам удастся справиться с этой задачей?

– Им уже удалось. Они сами – живой пример этому. А убедить других в важности и необходимости эволюционирования – это

другое дело.

Другим типом энергии, который я обнаружил в нашем мире, была энергия *лазутчиков*. Это была отрицательная энергия, которую дон Хуан назвал шипящей. Я встречал десятки объектов в своих снах, которые, после того, как я видел их, превращались в шарики энергии, пенившиеся и, казалось, пузырящиеся вследствие каких-то внутренних тепловых процессов.

— Запомни, что не каждый *лазутчик*, которого ты встретишь, принадлежит миру неорганических существ, — заметил дон Хуан. — Каждый *лазутчик*, которого до сих пор ты обнаруживал, за исключением *голубого лазутчика*, принадлежал этому миру. Но так получилось потому, что неорганические существа охотились за тобой. Они управляли происходящим с тобой. Теперь ты независим. Некоторые из *лазутчиков*, которых ты встретишь, не будут принадлежать миру неорганических существ, они будут из других, более отдаленных уровней восприятия.

— А эти *лазутчики* осознают себя? — спросил я.

— Конечно же, — ответил он.

— Тогда почему же они не вступают с нами в контакт, когда мы бодрствуем?

— Они-то вступают, но беда в том, что наше сознание так сильно занято, что у нас нет времени замечать их. Однако во сне наше внимание с его привычной узкой избирательностью раскрывается, и мы видим сны. Во сне мы можем общаться с существами из других миров.

— Можно ли как-нибудь узнать, приходят ли *лазутчики* из уровней, существующих помимо мира неорганических существ?

— Чем сильнее «шипит» их энергия, тем из более удаленных мест они приходят. Это звучит упрощенно, но ты должен дать возможность своему энергетическому телу сказать тебе, что есть что. Уверяю тебя, оно будет чувствовать тончайшее различие и делать безошибочные выводы при столкновении с враждебной энергией.

И снова он был прав. Мое энергетическое тело без труда различало два общих типа отрицательной энергии. Первый был присущ *лазутчикам* из мира неорганических существ. Их энергия слегка шипела. Шипение было беззвучным, но оно имело все видимые признаки выделения пузырьков газа из воды, которая начинает кипеть.

Энергия второго общего типа *лазутчиков* создала у меня впечатление наличия более значительного могущества. Эти *лазутчики*, казалось, вот-вот воспламенятся. Они вибрировали изнутри так, будто бы были заполнены газом, находящимся под давлением.

Мои столкновения с враждебной энергией всегда были непродолжительными, потому что я всегда придерживался рекомендаций дон Хуана. Он сказал, что если при встрече с враждебной энергией не знаешь точно, что делать, или что ты можешь получить от нее, довольствуйся быстрым взглядом. Что-нибудь помимо такого взгляда так же опасно и безумно, как игра с гремучей змеей.

– Почему это опасно, дон Хуан? – спросил я.

– *Лазутчики* всегда очень агрессивны и крайне дерзки, – сказал он.

– Они вынуждены быть такими, чтобы добиваться цели в своих исследованиях. Сосредоточивать внимание на них равносильно подстреканию их к тому, чтобы они заинтересовались тобой.

Стоит им сконцентрировать внимание на себе, и ты будешь вынужден вступить с ними в контакт, а это, конечно же, опасно.

Ты, например, можешь оказаться в конце концов в мире, вернуться из которого ты будешь не в состоянии, потому что тебе не хватит энергетических ресурсов.

Дон Хуан объяснил, что существует много больше типов *лазутчиков*, чем те два, которые я перечислил. На моем теперешнем уровне энергии я могу встретиться только с тремя из них. Он сказал, что тех двух, которых я описал, заметить легче всего. Их вид в наших снах так бросается в глаза, что, по его словам, они сразу же привлекают наше *внимание сновидения*. Он представил третий тип *лазутчиков* как самый опасный в смысле агрессивности и могущества, потому что они имеют очень обманчивую наружность.

– Одна из самых странных вещей, которые обнаруживают *сновидящие* и которую ты сам скоро обнаружишь, – продолжал дон Хуан, – это третий тип *лазутчиков*. Пока ты встречал только представителей первых двух типов, но это потому, что ты не смотрел, куда следует.

– А куда следует смотреть, дон Хуан?

– Ты снова попался на удочку слов; на этот раз тебя поймало слово «объекты», которое ты воспринимаешь только в значении «вещи,

предметы». Так вот, самые свирепые *лазутчики* прячутся в наших снах под масками людей. Меня ожидал большой сюрприз, когда я в своем *сновидении* сфокусировался на образе своей матери. После того, как я проявил свое *намерение видеть*, она превратилась в зловещий пузырь клокочущей энергии.

Дон Хуан сделал паузу, чтобы я прочувствовал его слова. Я чувствовал себя глупо в связи с тем, что меня встревожила возможность обнаружить в *сновидении лазутчика*, скрывающегося за образом моей матери.

— Противно то, что они обычно связаны с образами наших родителей и близких друзей, — продолжал он. — Возможно, именно поэтому мы зачастую чувствуем беспокойство, когда они нам снятся. — Его улыбка дала мне понять, что его веселит мое смятение. Среди *сновидящих* есть правило считать, что третий тип *лазутчиков* встречается им всегда, когда они чувствуют тревогу в связи с появлениями родственников или друзей в снах. Можно только посоветовать избегать этих образов в *сновидении*. Они — истинный яд.

— А где по отношению к другим *лазутчикам* находится *голубой лазутчик*? — спросил я.

— Голубая энергия не шипит, — ответил он. — Она подобна нашей; она мерцает, но скорее напоминает собой голубой цвет, а не белый. Голубая энергия не существует в естественном виде в нашем мире. А это подводит нас к тому, о чем мы еще никогда не разговаривали. Какого цвета были *лазутчики*, которых ты видел до сих пор?

До того момента, когда он спросил об этом, я никогда не думал на эту тему. Я сказал дону Хуану, что *лазутчики*, которых я видел, были либо розовыми, либо красноватыми. А он сказал, что смертельно опасные *лазутчики* третьего типа были ярко-оранжевыми.

Я обнаружил, что третий тип *лазутчиков* чрезвычайно страшен. Каждый раз, когда я встречался с одним из них, я находил их скрывающимися за образом моих родителей, чаще всего матери. *Видение* этого образа всегда напоминало мне о том пузыре энергии, который напал на меня в том моем *сновидении*, в котором я впервые целенаправленно *видел*. Каждый раз, когда я сталкивался с ним, враждебная разведывающая энергия, казалось, вот-вот буквально набросится на меня. Мое энергетическое тело

обычно реагировало на нее ужасом еще до того, как я *видел ее*. Во время нашего следующего обсуждения *сновидения* я спросил у дона Хуана о нынешнем полном отсутствии неорганических существ в моей практике *сновидения*.

– Почему они больше не показываются? – спросил я.

– Они появляются только в начале, – объяснил он. – После того, как их *лазутчики* проводят нас в их мир, у неорганических существ нет больше необходимости появляться здесь. Если мы хотим видеть неорганические существа, *лазутчик* сопровождает нас туда. Ведь никто, я подчеркиваю – никто не может сам путешествовать в их мир.

– А почему это так, дон Хуан?

– Их мир плотно закрыт. Никто не может войти туда или выйти оттуда без их разрешения. Единственное, что ты можешь сделать сам, когда ты находишься в их мире, это, конечно, заявить о своем намерении остаться там. Произнести *намерение* вслух означает возбудить движение потоков энергии, которое уже нельзя повернуть вспять. В былые времена слова были фактором, действующим с невероятной силой. Теперь это не так. Но в мире неорганических существ они все еще не потеряли силу.

Дон Хуан засмеялся и сказал, что ему не следует говорить ничего о мире неорганических существ, потому что я на самом деле знаю о нем больше, чем он и все его друзья, вместе взятые.

– Существует еще одна связанная с их миром тема, которую мы еще не обсуждали, – сказал он.

Он промолчал довольно долго, будто бы подыскивая подходящие слова.

– В конечном счете, – начал он, – моя антипатия к действию магов прошлого глубоко личная. Как нагваль я презираю то, что они делают. Они трусливо искали прибежища в мире неорганических существ. Они считали, что во вселенной, населенной хищниками, которые только и ждут, чтобы разорвать нас на куски, единственное спокойное пристанище для нас – это их мир.

– Почему они верили в это? – спросил я.

– Потому что это правда, – сказал он. – Поскольку неорганические существа не могут лгать, партия товаров, предлагаемых *эмиссарами сновидения*, полностью соответствует рекламе. Их мир может дать нам укрытие и продлить наше осознание почти навечно.

– Товар *эмиссаров*, будь он самым прекрасным, мне совсем не нравится, – сказал я.

– Значит ли это, что ты выберешь путь, где тебя могут разорвать на куски? – спросил он с ноткой недоумения в голосе.

Я заверил дона Хуана, что не хочу пребывать в мире неорганических существ, несмотря на все его преимущества. Мои слова, казалось, бесконечно обрадовали его.

– Теперь ты готов для того, чтобы услышать об одном очень важном свойстве этого мира. Это самые страшные сведения из тех которые я тебе могу сообщить, – сказал он и попытался улыбнуться. Но это у него получилось не очень удачно.

Дон Хуан пристально посмотрел мне в глаза. Я думаю, что он искал в них проблеск согласия или понимания. Некоторое время он молчал.

– Энергия, необходимая для перемещения точки сборки мага, находится в мире неорганических существ, – сказал он, будто желая поскорее отделаться от этого.

Мое сердце чуть не остановилось. Я почувствовал головокружение и был вынужден топтать ногами по земле, чтобы не потерять сознание.

– Это истина, – продолжал дон Хуан, – и наследие, доставшееся нам от магов прошлого. Сделав это открытие, они сковали наши возможности. По этой причине я не уважаю их. Я терпеть не могу черпать энергию из одного источника. Лично я отказываюсь это делать. И я пытался отвести тебя от него тоже, но безуспешно, потому что тебя притягивает к этому миру, будто магнитом.

Я понял дона Хуана лучше, чем сам ожидал до этого. Путешествие в мир неорганических существ всегда значило для меня повышение уровня отрицательной энергии. Я считал так задолго до того, как дон Хуан сообщил мне об этом.

– Что мы можем с этим поделать? – спросил я.

– Мы не можем общаться с ними, – ответил он, – и в то же время мы не можем полностью избегать их. Мое решение состоит в том, чтобы брать у них энергию, но не поддаваться их влиянию. Это называется *окончательным stalkingом*. Этого достигают, проявляя несгибаемое намерение существовать свободно, несмотря на то, что ни один маг не знает, что такое в действительности свобода.

– Ты можешь мне объяснить, дон Хуан, почему маги вынуждены

черпать энергию из мира неорганических существ.

– Другой жизненно необходимой энергии для магов не существует. Для того, чтобы перемещать точку сборки так, как это делают они, магам необходим колоссальный объем энергии.

Я напомнил ему о его собственных словах: для практики *сновидения* необходимо переупорядочение энергии.

– Это верно, – ответил он. – Чтобы начать такую практику, маги должны пересмотреть свои ценности и высвободить задействованную энергию. Но эта переоценка эффективна только постольку, поскольку она помогает собрать нужное количество энергии, чтобы приступить к *сновидению*. Умение проникать в другие миры, *видеть* энергию, формировать энергетическое тело и еще многое – это совсем другое дело. Для всех этих дел магам необходимо большое количество темной враждебной энергии.

– Но как они получают ее из мира неорганических существ?

– Просто погружаясь в этот мир. Все маги нашей линии должны были делать это. Однако ни один из них не был настолько глупым, чтобы заниматься тем, чем занимаешься ты. И это потому, что никто из них не имеет твоих вредных наклонностей.

Дон Хуан отправил меня домой обдумать все то, что он открыл мне. У меня возникло очень много вопросов, но он не захотел выслушать ни один из них.

– На все возникающие у тебя вопросы ты можешь ответить сам, – сказал он и помахал мне на прощанье рукой.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

СТАЛКИНГ СТАЛКЕРОВ

Вернувшись домой, я не смог получить ответ ни на один из своих вопросов. Фактически, я даже не мог сформулировать их. Вероятно, это случилось потому, что граница *второго внимания* у меня стала размываться: это началось еще тогда, когда я встретил Флоринду Грау и Кэрол Тиггс в мире обыденной жизни. Больше всего мое настроение страдало от замешательства в связи с тем, что я совсем не знал их до этой нашей встречи, и в то же время я чувствовал себя знакомым с ними так близко, что, казалось, отдал бы жизнь за них при малейшей необходимости. Я встретился с Тайшей Абеляр несколькими годами ранее. Тогда я еще только начинал привыкать к этому странному ощущению давней близости с незнакомым человеком при нашей первой встрече, не имея ни малейшего представления, почему это так. Появление еще двух таких же странных людей в моей жизни окончательно выбило меня из колеи. Я заболел от перенапряжения и усталости и был вынужден искать помощи у дона Хуана. Я отправился в город на юге Мексики, где он жил в это время со своими друзьями. Дон Хуан и его сотоварищи-маги просто лопались от смеха при одном лишь упоминании о моих проблемах. Дон Хуан объяснил мне, что в действительности они смеялись не надо мной, а над собой. Затруднения, с которыми я сталкивался в ходе своих исследований, напоминали им о тех проблемах, которые точно так же когда-то смущали и их, когда разрушалась граница их *второго внимания*, как это происходило теперь со мной.

— Их осознание, подобно твоему, не было подготовлено для этого, — сказал он.

— Каждый маг проходит через такую агонию, — продолжал дон Хуан. — Осознание — это бесконечная область исследований для мага и обычного человека. Для того, чтобы повысить уровень осознания, мы должны идти на любой риск, все средства хороши для этого. Однако знай, что осознание может быть повышено только у того, кто обладает спокойным умом.

Затем дон Хуан повторил еще раз, что его время пребывания в этом мире подходит к концу и что я должен мудро использовать свои возможности, чтобы охватить как можно больше неизученного материала, прежде чем он уйдет. Такие слова обычно повергали меня в состояние крайней депрессии. Но чем ближе было время его ухода, тем более уверенно я справлялся с этим чувством. Я больше не падал духом, но все еще по-прежнему боялся.

После этого он не сказал больше ничего. На следующий день по его просьбе я поехал с ним на своей машине в Мехико-сити. Мы прибыли туда после полудня и направились прямо в гостиницу «Дель Прадо» в районе Пасео Аламеда. Он обычно останавливался здесь всякий раз, когда бывал в Мехико. В этот день у дон Хуана на четыре часа была назначена встреча с юристом. Поскольку у нас еще была уйма времени, мы отправились пообедать в знаменитый ресторан «Такуба» в центре деловой части города. Этот ресторан славился тем, что там можно было заказать самые изысканные блюда.

Дон Хуан не был голоден. Он взял себе только две небольшие порции сладкого тамале*, в то время как я устроил себе пышное пиршество. Он посмеялся надо мной и молча выражал сочувствие по поводу моего здорового аппетита.

– Я собираюсь предложить тебе выполнить одно задание, – сказал он отрывистым тоном, когда мы закончили обедать. – Это последняя часть задачи *третьих врат сновидения*. Она представляет собой *сталкинг сталкеров*, самый загадочный прием магии. Использовать *сталкинг сталкеров* – означает преднамеренно черпать энергию из мира неорганических существ для того, чтобы совершать магические действия.

– Какие магические действия, дон Хуан?

– Путешествия, использующие осознание как средство передвижения, – объяснил он. – В мире повседневной жизни мы используем воду как часть окружающей среды, пригодную для перемещения по ней. Вообрази, что осознание тоже может быть средством, с помощью которого можно путешествовать.

Посредством осознания к нам приходят *лазутчики* со всех концов вселенной; подобно им, маги, в свою очередь, посредством осознания достигают самых удаленных концов вселенной.

Среди всего, о чем рассказывал мне дон Хуан в ходе наших бесед,

были идеи, которые привлекали мое неподдельное внимание без всяких уловок с его стороны. Это была одна из таких идей.

– Идея о том, что осознание – часть окружающего физического мира, действительно революционна, – сказал я с благоговейным ужасом.

– Я не сказал, что осознание – составная часть физического мира, – поправил он меня. – Это часть энергетического мира. Ты должен понимать это различие. Для *видящего* мага осознание выглядит как свечение. Они могут согласовывать свое энергетическое тело с этим свечением и перемещаться с его помощью.

– В чем различие между физической и энергетической составными частями? – спросил я.

– Различие между ними в том, что физическая часть – это часть общепринятой системы описания мира, в то время как об энергетической этого сказать нельзя. Но энергетические сущности, такие как сознание, тоже существуют в нашей вселенной. Мы как обычные люди замечаем только физический мир, потому что нас приучают к этому. Маги замечают еще и энергетический мир все по той же причине: их приучают к этому.

Дон Хуан объяснил, что использование осознания как энергетического элемента нашего окружающего мира, – это суть магии. С точки зрения практики магии последовательность действий мага очерчивается так. Первое: освобождение существующей в нас энергии в ходе безупречного следования пути мага. Второе: использование этой энергии для развития энергетического тела с помощью *сновидения*. И третье: применение осознания как части окружающего мира для вхождения в энергетическом теле в другие миры совместно со всеми нашими физическими проявлениями.

– Существует два типа энергетических путешествий в иные миры, – продолжал он. – Первый – когда сознание независимо от желания мага подхватывает энергетическое тело и доставляет его куда-нибудь. Другой имеет место, когда маг сам в полной ясности ума решает воспользоваться посредством осознания, чтобы осуществить путешествие. Ты уже знаком с первым типом передвижения. Чтобы овладеть вторым, требуется большая настойчивость.

После продолжительного молчания дон Хуан отметил, что в жизни магов существуют вещи, требующие умелого обращения, и что

использование осознания как энергетического элемента, доступного энергическому телу, является наиболее важной, практичной и опасной из этих вещей.

Мне нечего было сказать. Я внезапно почувствовал себя сидящим как на иголках и растерянно цепляющимся за его слова.

– Ты сам не обладаешь достаточным количеством энергии, чтобы выполнить эту последнюю часть задачи *третьих врат сновидения*, – продолжал он, – но вместе с Кэрол Тиггс вы определенно сможете сделать то, что я имею в виду.

Он сделал паузу, специально подталкивая меня своим молчанием к тому, чтобы я спросил, что же он имеет в виду. Я так и сделал. Но его смех только усилил мое мрачное настроение.

– Я хочу, чтобы вы вдвоем разрушили границы обычного мира и, воспользовавшись осознанием как энергетическим элементом вошли в другой, – сказал он. – Эти разрушение и выход равносильны *сталкингу сталкеров*. Использование осознания как части окружающего мира позволяет обойти стороной влияние неорганических существ, но подразумевает применение их энергии. Он не хотел больше ничего сообщать мне, чтобы, как он сказал, не оказывать на меня влияния. Он верил, что чем меньше я знаю о том, что меня ожидает, тем лучше у меня получится. Я не соглашался, но он заверил меня, что на худой конец мое энергетическое тело вполне способно само позаботиться о себе.

Из ресторана мы отправились в контору юриста. Дон Хуан быстро разделался со своими делами, и через несколько минут мы уже катили в такси по пути в аэропорт. Дон Хуан сообщил мне, что Кэрол Тиггс прибывает рейсом из Лос-Анжелеса и что она приезжает в Мехико Сити исключительно с целью выполнить совместно со мной эту последнюю часть задания по *сновидению*.

– Долина, в которой раскинулся город Мехико, – прекрасное место для магических подвигов, один из которых ты собираешься совершить, – посмеивался он.

– Ты мне все еще не рассказал, что конкретно мне следует делать, – сказал я.

Он не ответил мне. Он больше не разговаривал, но когда мы ожидали посадки самолета, он объяснил, что именно мне предстоит проделать. Я должен буду прийти в номер Кэрол в гостинице «Реджис», которая находилась на той же улице, что и наша, напротив. Затем, войдя в состояние полного внутреннего

спокойствия вместе с ней проскользнуть в *сновидение*, выразив *намерение* направиться в мир неорганических существ.

Я прервал его, чтобы напомнить, что всегда, прежде чем я мог произнести вслух свое *намерение* войти в их мир, мне приходилось поджидать *лазутчика*, который мог бы указать мне путь.

Дон Хуан захихикал и сказал.

– Ты еще никогда не *сновидел* с Кэрл Тиггс. Ты увидишь, как это здорово. Женщинам-магам не нужно никаких помощников. Они просто уходят в этот мир тогда, когда хотят этого; есть *лазутчик*, который постоянно ждет их.

Я не мог заставить себя поверить, что женщина-маг способна сделать то, что он сказал. Мне казалось, что я обладаю некоторыми познаниями в обращении с миром неорганических существ. Когда я упомянул ему о том, что пронеслось у меня в уме, он ответил, что у меня нет вообще никакого опыта относительно того, что касается возможностей женщин-магов.

– Почему, как ты думаешь, мне понадобилась помощь Кэрл, чтобы вытянуть твое тело из их мира? – спросил он. – Ты думаешь, это потому, что она красива?

– А почему же тогда, дон Хуан?

– Потому что я не мог справиться с этим сам; а для нее это было сущей чепухой. В их мире она проявляет особую ловкость.

– Она – исключение в этом смысле, дон Хуан?

– Женщины вообще от природы наделены способностью искусно взаимодействовать с их миром; женщины-маги, конечно же, превосходят в этом всех остальных. Кэрл Тиггс в этом отношении лучше всех, кого я знаю, потому что как нагваль она наделена великолепной энергией.

Я подумал, что поймал дона Хуана на серьезном противоречии. Он говорил мне раньше, что неорганические существа вообще не проявляют интереса к женщинам. Теперь он утверждал обратное.

– Нет. Я не противоречу себе, – заметил он, когда я высказал ему свои мысли. – Я говорил тебе, что неорганические существа не преследуют женщин; они гонятся только за мужчинами. Но я говорил тебе также, что неорганические существа воплощают женское начало, и что вся вселенная воплощает это начало во многих отношениях. Из этого делай свои собственные выводы.

Поскольку я никаким образом не мог сделать выводы, дон Хуан объяснил мне, что женщины-маги приходят в мир неорганических

существ и уходят из него когда желают, потому что они, согласно нашей теории, обладают повышенным осознанием и олицетворяют женское начало.

– Ты знаешь об этом наверное? – спросил я.

– Женщины из моей группы никогда не занимались этим, – признался он, – но не потому, что они не могли, а потому, что я отговаривал их. Женщины из твоей группы, с другой стороны, делали это так же часто, как меняли юбки.

Я почувствовал зияющую пустоту в животе. Я действительно ничего не знал о женщинах из своей группы. Дон Хуан утешил меня словами о том, что обстоятельства моей жизни так же сильно отличались от обстоятельств его жизни, как и моя роль нагвалы от его роли. Он уверил меня, что я бы не стал разубеждать женщин из своей группы, даже если бы это вдруг пришло мне в голову.

Пока мы ехали в такси по дороге в гостиницу, где Кэрол собиралась остановиться, она развлекала нас, подражая людям, которых мы знали. Я попытался быть серьезным и спросил ее о нашем предстоящем задании. Она пробормотала какие-то извинения по поводу того, что не способна ответить мне с надлежащей серьезностью. Дон Хуан громко хохотал, когда она изобразила торжественное звучание моего голоса.

Устроив Кэрол в гостиницу, мы вдвоем блуждали по центральной части города, заглядывая в букинистические магазины. Мы легко поужинали в санборновском* ресторане в «Доме под черепицей». Около десяти вечера мы вернулись в гостиницу «Реджис». Мы направились прямо к лифту. Мой страх обострил мою способность воспринимать детали интерьера. Здание гостиницы было старым и внушительным. Мебель в холле, очевидно, была новой лет сто назад. И все же вокруг нас везде было что-то, напоминающее о бывшей помпезности, которая определенно была привлекательной. Теперь я без труда понимал, почему Кэрол так любила эту гостиницу.

Прежде чем мы вошли в лифт, мое беспокойство достигло таких масштабов, что я вынужден был обратиться к дону Хуану за последними инструкциями.

– Скажи мне еще раз, что мы должны сделать, – попросил я.

Дон Хуан усадил нас на огромные старинные грязные стулья в фойе и терпеливо объяснил нам, что, как только мы попадем в мир неорганических существ, мы должны выразить *намерение* передать

управление сознанием нашим энергетическим телам. Он посоветовал нам с Кэрол высказать свое *намерение* совместно, хотя это было не столь важно. Действительно важным, по его словам, было только наше *намерение* полностью передать осознание обыденного мира на попечение энергетического тела.

– Как мы можем осуществить эту передачу осознания? – спросил я.

– Передача сознания – это дело только правильного выражения своего *намерения* и обладания необходимым энергетическим потенциалом, – сказал он. – Кэрол уже знает это все. Она уже делала это раньше. Она уже посещала в физическом теле мир неорганических существ, когда вытаскивала тебя оттуда. Помнишь? Ее энергия справится с этим трюком. Это склонит чашу весов.

– Что значит «склонит чашу весов»? Я чувствую себя, как в преисподней, дон Хуан.

Дон Хуан объяснил, что выражение «склонить чашу весов» означает в магии добавить весь свой физический вес к энергетическому телу. Он сказал, что при использовании сознания в качестве средства перемещения в другой мир решающую роль играет не применение какого-то метода, а совокупность *намерения* и достаточного запаса энергии. Если объем энергии Кэрол прибавить к моему, получится одна целостная сущность, объединяющая нас обоих, достаточно мощная, чтобы поднять наши физические тела и соединить их с нашими энергетическими телами для осуществления перехода в другой мир.

– Что конкретно мы должны делать для того, чтобы оказаться в этом другом мире? – спросила Кэрол.

Ее вопрос напугал меня чуть ли не до смерти; ведь я считал, что она в курсе всего происходящего.

– Весь ваш физический вес должен быть перенесен на энергетическое тело, – ответил дон Хуан, глядя ей в глаза. – Трудность этого маневра в том, чтобы обучить энергетическое тело вести себя соответствующим образом. Но вы оба уже сделали это. Плохое умение обращаться с энергетическим телом – единственная причина, по которой вы можете потерпеть неудачу, выполняя этот изящный прием окончательного *сталкинга*. Иногда обычный человек случайно умудряется сделать это и оказывается в другом мире. Но это обычно сразу же интерпретируют как сумасшествие или галлюцинации.

Я бы отдал все что угодно, лишь бы дон Хуан продолжал рассказывать. Но, несмотря на мой протест и рациональное стремление узнать больше, он посадил нас в лифт и мы поднялись на третий этаж, где находился номер Кэрол. Глубоко в душе я, однако, сознавал, что мое беспокойство было вызвано не тем, что я стремился больше узнать, – на самой глубине притаился мой страх. Почему-то этот магический прием пугал меня больше, чем все то, что я выполнял по сей день.

Последними напутственными словами дона Хуана были:

– Забудьте о себе, и вы ничего не будете бояться, – его широкая улыбка и кивок были приглашением обдумать это утверждение.

Кэрол засмеялась и начала передразнивать голос дона Хуана, изображая, как он давал нам свои подробные указания. То, как она шепелявила, придавало особый шарм словами дона Хуана. Иногда я находил ее шепелявый голос восхитительным. Но чаще всего я не мог его выносить. К счастью, в эту ночь я едва ли способен был слышать, как она шепелявит.

Мы вошли в ее комнату и устроились на край кровати. Моей последней сознательной мыслью была мысль о том, что эта кровать является реликвией начала века. Прежде чем я успел произнести хотя бы слово, я обнаружил себя лежащим на каком-то диковинном ложе. Кэрол была рядом со мной. Мы привстали одновременно. Мы были раздеты и укрыты тонкими одеялами.

– Что все это значит? – спросила она дрожащим голосом.

– Ты не спишь? – ответил я неуместным вопросом.

– Конечно же, не сплю, – сказала она с ноткой нетерпеливости.

– Ты помнишь, где мы были? – спросил я.

Затем последовала продолжительная тишина. Очевидно, она пыталась привести в порядок свои мысли.

– Я думаю, что я реальна, а ты нет, – сказала она в конце концов. –

Я знаю, где я только что была. А ты хочешь обмануть меня.

Я думал о ней точно так же. Она знала, где мы были, и собиралась проверить или разыграть меня. Дон Хуан говорил мне, что нас с ней одолевают демоны замкнутости и недоверия. И сейчас, очевидно, я имел хорошую возможность убедиться в этом.

– Я отказываюсь плясать под твою дудку, – сказала она, ядовито взглянув на меня. – Это я тебе говорю, кто бы ты ни был.

Она взяла одно из одеял, которыми мы были укрыты, и завернулась в него.

– Я собираюсь еще некоторое время полежать здесь, а потом отправиться туда, откуда я приехала, – сказала она, изображая решительность. – А вы с нагвалем играйте сами в эти свои игры. – Прекрати болтать чепуху, – сказал я властно. – Мы в ином мире. Она не обратила никакого внимания на мои слова и повернулась спиной ко мне, как недовольный разбалованный ребенок. Я не хотел тратить свое *внимание сновидения* на тщетные попытки доказать реальность происходящего. Я начал изучать окружающее. Помещение было освещено только светом луны за окном, которое было как раз напротив нас. Мы были в небольшой комнатке, на высокой кровати. Я заметил, что кровать была довольно примитивной. Четыре толстых столбика были врыты в землю, а сама основа кровати была решеткой из длинных палок, прикрепленных к этим столбикам. Сверху на ней лежал толстый, но довольно твердый матрас. Не было ни постели, ни подушек. Мешки из грубой ткани, заполненные чем-то непонятным, были свалены в кучи возле стен. Два мешка у самой кровати, положенные друг на друга, служили подставкой, чтобы взбираться на нее. Рассматривая стены в поисках выключателя, я обнаружил, что наша высокая кровать находилась в углу у стены. У нашего изголовья была стена; я находился на внешнем краю кровати, в то время как Кэрол лежала возле другой стены. Когда я сел на край кровати, я заметил, что она была более чем на три фута поднята над поверхностью земли.

Вдруг Кэрол привстала и произнесла, ужасно шепелявя:

– Это отвратительно! Нагваль ведь не говорил мне, что я окажусь в таком положении.

– И я не знал, что все будет так, – сказал я.

Я хотел сказать что-то еще и завязать разговор, но мое беспокойство достигло невероятных масштабов.

– А ты заткнись, – перебила она меня резким, исполненным злобы голосом. – Ты не существуешь. Ты – призрак. Исчезни! Исчезни! Ее шепелявый голос показался мне забавным, и это отвлекло меня от моего неотступного страха. Я встряхнул ее за плечи. Она вскрикнула, но не столько от боли, сколько от удивления и раздражения.

– Я – не призрак, – сказал я. – Мы путешествуем, объединив нашу энергию.

Кэрол Тиггс славилась среди нас своей способностью быстро

привыкать к любой ситуации. Уже через несколько мгновений она уверовала в реальность нашего положения и начала искать в полутьме свою одежду. Я восхищался тем, что она не боится. Она увлеклась поисками, размышляя вслух о том, где она могла оставить свою одежду, если бы ложилась в постель в этой комнате. – Ты видишь где-нибудь стул? – спросила она.

Я туманно различал нагромождение из трех мешков, которое могло бы служить в качестве стола или высокой скамьи. Она спрыгнула с кровати, подошла к ней и обнаружила там нашу одежду, аккуратно сложенную так, как она обычно это делала. Она подала мне мою; одежда была в самом деле моей, но не той, в которой я был тогда, когда находился в номере Кэрол в гостинице «Реджис».

– Это не моя одежда, – прошепелявила она. – А может быть, и моя. Как странно!

Мы оделись молча. Я хотел сказать ей, что вот-вот начну беспокоиться. Я также хотел высказаться о том, как быстро мы переместились в этот мир, но, когда я начал одеваться, то обнаружил, что мои мысли о нашем путешествии стали очень туманными. Я едва ли мог помнить, где мы были до того, как проснулись в этой комнате. Было так, будто комната в гостинице приснилась мне. Я делал всевозможные попытки вспоминать, преодолевая туман, который начал окутывать меня. Мне удалось разогнать дымку в памяти, но это истощило всю мою энергию. Мои старания привели к тому, что я стал задыхаться и покрылся испариной.

– Что-то чуть-чуть было не одолело меня, – сказала Кэрол. Я взглянул на нее. У нее на теле, так же как и у меня, выступил пот.

– Оно тебя тоже едва не одолело. Что ты думаешь об этом?

– Все зависит от положения точки сборки, – сказал я с абсолютной уверенностью.

Она согласилась со мной.

– Это неорганические существа одерживают верх над нами, – сказала она, дрожа. – Нагваль предупреждал, что это будет ужасно, но я никогда не могла подумать, что это будет так ужасно.

Я полностью согласился с ней; мы попали в отвратительную переделку, но я не мог понять, откуда взялся весь ужас нашей ситуации. Ни я, ни Кэрол не были уже новичками; мы наблюдали и участвовали во множестве экспериментов, среди которых были

совершенно невыносимые. Но в этой нашей комнате, где мы находились в *сновидении*, было что-то невероятно страшное для меня.

– Мы в *сновидении*, не так ли? – спросила Кэрол.

Я подтвердил это как нечто несомненное, хотя я бы отдал все, чтобы здесь оказался дон Хуан, чтобы убедить в этом меня самого.

– Почему я так испугалась? – спросила она меня так, будто я мог ей это рационально объяснить.

Прежде, чем я смог подумать об этом, она сама ответила на свой вопрос. Она сказала, что в действительности ее испугала невозможность ощущать что-либо еще, кроме доступного органам чувств. Так бывает, когда точка сборки не может переместиться из положения, в котором она находится в этот момент. Она напомнила мне, что дон Хуан говорил нам о власти над нами обыденного мира в результате того, что точка сборки неподвижно пребывает в ее обычном месте. Именно эта неподвижность точки сборки делает наше ощущение мира настолько самодостаточным и тягостным, что мы не можем выйти за его пределы. Кэрол также напомнила мне еще об одной вещи, о которой ей говорил нагваль: если мы хотим преодолеть эту самодовлеющую силу, мы должны рассеять туман, то есть сместить точку сборки с помощью *намерения* изменить ее местоположение.

Раньше я никогда не понимал, что дон Хуан имел в виду, произнося эти слова. Но я постиг смысл этого, поскольку должен был перевести свою точку сборки в другое положение, чтобы рассеять туман мира, в котором мы находились и который уже начал было поглощать меня.

Кэрол и я, не говоря друг другу ни слова больше, подошли к окну и выглянули. Мы были в сельской местности. Лунный свет озарял какие-то низкие темные очертания жилых сооружений. Судя по всему, мы были в подсобном помещении или кладовой большого сельского дома.

– Ты помнишь, как мы здесь ложились в кровать? – спросила Кэрол.

– Я почти помню это, – сказал я, имея в виду именно это.

Я объяснил ей, как вынужден был прилагать усилия, чтобы сохранить в уме образ ее гостиничного номера.

– Мне пришлось делать то же самое, – сказала она испуганным шепотом. – Я знаю, что если мы, оказавшись здесь, потеряем

память, — нам конец.

Затем она спросила меня, хочу ли я выйти из этого сарая и посмотреть, что снаружи. Я отказался. Мое предчувствие чего-то плохого было таким сильным, что я был не в состоянии произнести ни слова. Я только покачал головой в ответ.

— Ты во многом прав, когда не хочешь выходить отсюда, — сказала она. — Я предчувствую, что если мы выйдем из этой лачуги, мы никогда не вернемся назад.

Я хотел было открыть дверь и только выглянуть наружу, но она остановила меня.

— Не делай этого, — сказала она. — Ты можешь впустить сюда что-то снаружи.

В это время перед моим мысленным взором прошел образ ветхой клетки, в которой мы с Кэрол находились. Все что угодно — например, открытая дверь, — могло нарушить неустойчивое равновесие этой клетки. В тот момент, когда я подумал об этом, у нас одновременно появилось одно и то же стремление. Мы так быстро сняли с себя одежду, как будто от этого зависела наша жизнь; затем мы запрыгнули на высокую кровать, не пользуясь для этого двумя мешками, стоящими там в качестве лестницы. Но в следующее мгновение мы были вынуждены спрыгнуть обратно вниз.

Было очевидно, что мы с Кэрол одновременно поняли одно и то же. Она подтвердила мою догадку, когда сказала:

— Если мы используем что-нибудь принадлежащее этому миру, мы только ослабляем себя. Когда я стою здесь раздетой, вдали от кровати и вдали от окна, я без затруднений вспоминаю о том, откуда пришла. Но если я лежу на кровати, надеваю на себя эту одежду или выглядываю в окно, я ощущаю на себе воздействие этого мира.

Мы долго стояли в центре комнаты, прижавшись друг к другу. Зловещее подозрение начало терзать мой ум.

— Как мы будем возвращаться в наш мир? — спросил я в надежде, что она знает.

— Возврат в наш мир произойдет сам по себе, если мы не затеряемся в местном тумане, — сказала она с чувством несокрушимой убежденности, которое всегда было ей свойственно. И она была права. Через некоторое время мы с Кэрол проснулись одновременно в ее постели в номере гостиницы «Реджис». Было

так очевидно, что мы снова находимся в нашем обычном мире, что мы не задавали вопросов и не сомневались в этом. Солнечный свет был ослепительным.

– Как мы вернулись оттуда? – спросила Кэрол. – Или, лучше сказать, когда мы вернулись?

Я не знал, что ответить или что подумать. Я не был способен размышлять и ничего не мог с собой поделать.

– Ты думаешь, мы только что вернулись? – настаивала Кэрол. – Или, возможно, мы проспали здесь всю ночь. Смотри! На мне ничего нет. Когда мы разделись?

– Мы разделись в том мире, – сказал я и сам удивился, услышав свой голос.

Мой ответ, казалось, озадачил Кэрол. Она непонимающе посмотрела на меня, а затем на свое обнаженное тело.

Мы неподвижно сидели долгое время. Нам обоим казалось, что мы совершенно не способны сделать над собой усилие. Но затем внезапно нас одновременно посетила одна мысль. Мы мгновенно оделись, выскочили из комнаты, преодолели два пролета лестницы по пути к выходу, пересекли улицу и ворвались в гостиничный номер дона Хуана.

Нечленораздельно, задыхаясь и давая выход своим эмоциям, мы по очереди рассказывали ему о происшедшем.

Он подтвердил наши подозрения.

– То, что вы сделали, было едва ли не самой опасной вещью, которую можно себе вообразить, – сказал он.

Он обратился к Кэрол и сказал ей, что наши старания увенчались одновременно полной удачей и абсолютным поражением. Мы сумели передать сознание обыденного мира энергетическому телу, тем самым путешествуя со своим физическим телом, но нам не удалось избежать влияния неорганических существ. Он сказал, что *сновидящие* обычно переживают процесс перехода как последовательность медленных превращений, и что им приходится при этом несколько раз высказывать свое *намерение*

воспользоваться осознанием как средством передвижения. В нашем случае обошлось без всех этих промежуточных шагов. Из-за вмешательства неорганических существ мы оба были с невероятной скоростью заброшены в некоторый враждебный мир. – Ваше путешествие стало возможным не вследствие вашей объединенной энергии, – продолжал он. – Что-то другое забросило

вас в иной мир. Оно даже подобрало для вас соответствующую одежду.

– Ты хочешь сказать, нагваль, что и одежда, и кровать, и комната встретились на нашем пути только потому, что мы попали под влияние неорганических существ? – спросила Кэрол.

– Еще бы! – ответил он. – Как правило *сновидящие* просто путешествуют. Но ваше путешествие оказалось не таким, вы оказались рядом со сценой, на которой состоялось представление, бывшее когда-то проклятием для магов пошлого. С ними происходило в точности то, что случилось теперь с вами.

Неорганические существа завлекали их в миры, из которых маги не смогли вернуться. Мне следовало бы предвидеть это, но я даже не догадывался, что неорганические существа могут проявить свою сущность, устраивая вам такую ловушку.

– Ты хочешь сказать, что они хотели заставить нас навсегда остаться там? – спросила Кэрол.

– Если бы вы вышли из той лачуги, вы до сих пор безнадежно скитались бы в том мире, – сказал дон Хуан.

По его словам, вследствие того, что мы перенеслись в другой мир вместе с физическими телами, фиксация наших точек сборки на том положении, в которое ее установили неорганические существа, была такой прочной, что это создало нечто типа тумана, сделавшего недоступным память о мире, из которого мы пришли. Он прибавил, что обычным следствием такой неподвижности является невозможность возврата точки сборки в ее исходное положение, что и происходило с магами прошлого.

– Задумайтесь над этим, – призвал он нас. – Возможно, именно это происходит со всеми нами в этом нашем обыденном мире. Мы пребываем здесь, и фиксация нашей точки сборки так прочна, что мы забыли, откуда мы пришли и в чем состояла цель нашего прибытия сюда.

Дон Хуан не хотел больше говорить о нашем путешествии. Я чувствовал, что он не хочет нагонять на нас лишний страх и беспокойство. Он пошел с нами позавтракать, хотя было уже далеко за полдень. Когда мы подходили к ресторану, находившемуся за несколько кварталов от гостиниц по авеню Франциско Мадеро, было уже шесть вечера. Мы с Кэрол проспали около восемнадцати часов, – если то, что с нами происходило, можно было назвать сном.

Только дон Хуан был голоден. Кэрол с оттенком раздражения отметила, что он ест, как свинья. Почти все, сидевшие за соседними столиками, оглянулись, когда услышали смех дона Хуана.

Ночь была теплой. Звезды переполняли небо. Мы сидели на скамейке в Пасео Аламеда. Дул мягкий ласковый ветерок.

– Есть один вопрос, не дающий мне покоя, – сказала Кэрол дону Хуану. – Мы ведь на самом деле занимались не тем, что использовали осознание как средство совершить путешествие, правда?

– Это правда, – сказал дон Хуан и глубоко вздохнул. – Задача состояла в том, чтобы увильнуть от неорганических существ и не попасть к ним во власть.

– А что нам делать теперь? – спросила она.

– Вам следует временно отложить занятия *сталкингом сталкеров*, пока вы не окрепнете, – сказал он. – А может быть и так, что вам никогда не удастся постичь это искусство. В конце концов, это не имеет значения: если не подходит одно, подойдет другое. Магия – это бесконечное дерзание.

Он объяснил нам снова, будто пытаясь запечатлеть свои слова в нашем уме, что для использования осознания как части окружающего мира *сновидящие* прежде всего должны путешествовать в мир неорганических существ. Затем им следует использовать эти путешествия как трамплин для накопления нужного количества этой действительно темной энергии. После чего им следует проявить *намерение* достичь других миров с помощью осознания.

– Неудача вашего путешествия объясняется тем, что у вас не было шансов использовать для перемещения осознание, – продолжал он.

– Не успели вы оказаться в мире неорганических существ, как вас сразу же перебросило в иной мир.

– Что бы ты нам порекомендовал делать теперь? – спросила Кэрол.

– Я бы посоветовал вам видеться как можно реже, – сказал он. – Я уверен, что неорганические существа не преминут опять поймать вас, особенно если вы будете объединять вашу энергию.

Поэтому, начиная с этого времени мы с Кэрол Тиггс преднамеренно держались подальше друг от друга. Возможность того, что мы снова нечаянно влипнем в похожее путешествие, была слишком реальной и опасной для нас. Дон Хуан поддерживал

нашу решимость не встречаться, повторяя снова и снова, что наша объединенная энергия вполне может снова подтолкнуть неорганические существа к тому, чтобы завлечь нас в ловушку. Дон Хуан снова включил в мою практику *сновидения видение* энергии в сноподобных состояниях, которые порождают ее. Через некоторое время я научился *видеть* все, что появлялось передо мной. Продолжая заниматься дальше, я достиг совершенно удивительного состояния: я не мог разумно описать то, что я *видал*. Мои ощущения говорили мне, что я достиг таких уровней восприятия, для выражения которых у меня не было слов. Дон Хуан объяснил, что мои непонятные и неопишуемые *видения* свидетельствуют об использовании осознания моим энергетическим телом. Однако, это было использование его не в качестве средства перемещения, для чего у меня не хватало энергии, но для восприятия энергетических полей неживой материи или живых существ.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

АРЕНДАТОР

Практика *сновидений* в том виде, который был привычен для меня, закончилась. Когда я в следующий раз встретился с доном Хуаном, он поручил руководство надо мной двум членам своей партии: Флоринде и Зулейке. Они являлись его ближайшими соратниками. Их инструкции касались не только врат *сновидения*, но были посвящены и различным путям использования энергетического тела, но все это не имело для меня особой важности, так как наше общение было достаточно непродолжительным. У меня создалось впечатление, что они скорее были заинтересованы в том, чтобы прокзаменовать меня, чем в обучении чему-либо.

– Не осталось больше ничего, чему я мог бы научить тебя о *сновидениях*, – сказал дон Хуан, отвечая на мой вопрос о положении дел.

– Мое время на этой земле закончилось. Но остается Флоринда. Она теперь единственная, кто будет направлять не только тебя, но и всех остальных моих учеников.

– Будем ли мы с ней продолжать мою практику *сновидения*?

– Этого не знаю ни я, ни она. Все зависит от *духа*. Реального игрока. Мы не играем сами по себе. Мы просто пешки в его руках. Следуя предначертаниям *духа*, я должен сказать тебе, что представляют из себя четвертые врата *сновидения*, хотя направлять тебя я больше не смогу.

– Я не понимаю, какой тогда смысл разжигать мой интерес?

– *Дух* не оставляет решать это ни тебе, ни мне. Я должен описать тебе четвертые врата *сновидения*, нравится мне это или нет.

Дон Хуан объяснил, что в четвертых вратах *сновидения* тело энергии путешествует в особые конкретные места, и что существуют три пути использования четвертых врат: первый – путешествовать в определенные места этого мира, второй – путешествовать в определенные места за пределами этого мира, и третий – путешествовать в те места, которые существуют только в *намерении* других. Он отметил, что последний путь наиболее

трудный и опасный из всех и, более того, является склонностью древних магов.

– И что же, по-твоему, мне делать с этим знанием? – спросил я.

– В данный момент – ничего. Просто отложи его, пока не понадобится.

– Ты хочешь сказать, что я смогу пересечь четвертые врата *сновидения* самостоятельно, без всякой помощи?

– Сможешь ты это сделать или нет – зависит от *духа*.

Он резко оборвал тему, и в результате у меня отнюдь не создалось впечатления, что я смогу достичь и пересечь четвертые врата самостоятельно.

Затем дон Хуан назначил мне последнюю встречу, для того, чтобы, как он сказал, устроить мне магические проводы: заключительный пункт в моей практике *сновидения*. Он сказал, что мы встретимся с ним в небольшом городке в Южной Мексике, где жил он и члены его партии магов.

Я прибыл туда после полудня. Мы с доном Хуаном сидели в патио его дома на каких-то неудобных плетеных стульях, покрытых толстыми подушками. Дон Хуан посмеивался и подмигивал мне. Стулья были подарком одного из женских воинов его партии, и мы просто должны были сидеть так, словно нас ничто не беспокоит, особенно его. Стулья были куплены в Фениксе, штат Аризона, и с большими сложностями переправлены в Мексику.

Дон Хуан попросил прочесть ему стихотворение Дилана Томаса, которое, по его словам, в данный момент больше всего подходило к моему состоянию:

Я стремился уйти

От лжи, подобной шипенью змеи

И непрерывный плач старого ужаса

Становящийся день ото дня все невыносимее

Стекает через холм в пучину моря...

Я стремился уйти, но я боюсь;

Немного жизни, еще неистраченной, может взорваться

В границах старой лжи, горящей на земле.

И, потрескивая в воздухе, оставить меня полуослепшим.

Дон Хуан встал и сказал, что он собирается прогуляться по площади в центре города. Он предложил мне присоединиться к нему. Я тут же решил, что стихотворение как-то ухудшило его настроение, и ему необходимо развеять его.

Мы дошли до площади, не говоря друг другу ни слова. Несколько раз мы обошли ее, все еще продолжая молчать. Возле магазинов на улицах, обращенных в сторону восточной и северной сторон парка, околачивалось несколько прохожих. Все улицы, окружавшие парк, были вымощены кое-как. Они были застроены массивными, одноэтажными кирпичными домами с черепичными кровлями, белыми стенами и окрашенными в синий или коричневый цвет дверями. На боковой улочке в квартале от площади угрожающе вздымались над крышей единственной в городе гостиницы высокие стены громадной колониальной церкви, похожей на марокканскую мечеть.

На южной стороне располагались два ресторана, которые существовали бок о бок, необъяснимым образом процветая в таком соседстве, хотя в них готовили практически одни и те же блюда и по одинаковым ценам.

Я наконец нарушил молчание, спросив дона Хуана, не находит ли он странным, что оба ресторана были практически одинаковыми.

– В этом городе возможно все, – ответил дон Хуан.

Что-то в его голосе вызвало у меня ощущение сильного дискомфорта.

– Почему ты так нервничаешь? – спросил он с серьезным выражением лица. – Ты знаешь что-нибудь, о чем не говоришь мне?

– Почему я нервничаю? Смешно. Я всегда нервничаю рядом с тобой, дон Хуан. Иногда сильнее, чем другие.

Казалось, он прилагал значительные усилия, чтобы не рассмеяться.

– Нагвали не самые дружественные существа на земле, – сказал он извиняющимся тоном. – Я научился этому весьма нелегким образом в борьбе со своим учителем, ужасающим нагвалем Хулианом. Казалось, от одного его присутствия для меня мерк дневной свет. Иногда он, бывало, фокусировался на мне, и мне тогда казалось, что моя жизнь висит на волоске.

– Ты, дон Хуан, несомненно оказываешь на меня такое же воздействие.

Он открыто рассмеялся.

– Нет, нет. Ты явно преувеличиваешь. Да по сравнению с ним я просто ангел.

– Может быть, по сравнению с ним ты и ангел, только вот у меня нет возможности сравнивать.

Он рассмеялся, а потом опять стал серьезным.

– Сам не знаю почему, но мне явно страшно, – объяснил я.

– Ты чувствуешь, что у тебя есть причина для страха? – спросил он и остановился, чтобы рассмотреть меня.

Тон его голоса и то, как он поднял брови, создавали впечатление, будто он подозревает, что я о чем-то умалчиваю. Очевидно было, что он искал случая разоблачить меня.

– Твоя настойчивость меня удивляет, – сказал я. – Мне кажется, что ты, а не я, и есть тот, кто что-то прячет в своем рукаве.

– Кое-что в моем рукаве имеется, – согласился он и усмехнулся. – Но не в этом дело. Дело в том, что в этом городе есть нечто, что ждет тебя. И ты не до конца знаешь, что это, или ты знаешь, что это, но не осмеливаешься сказать мне, или ты вообще ничего об этом не знаешь.

– Что же меня здесь ждет?

Вместо ответа дон Хуан возобновил прогулку, и мы продолжали ходить вокруг площади в полном молчании. Мы несколько раз обошли площадь, выискивая, где бы сесть. Вскоре несколько молодых женщин встали со скамьи и ушли.

– Годами я рассказывал тебе о заблуждениях магов древней Мексики, – сказал дон Хуан, усевшись на скамью и жестом предлагая мне сесть рядом.

С горячностью человека, который рассказывает об этом впервые, он опять повторил мне то, о чем говорил много раз: что те маги, направляемые исключительно эгоистическими интересами, все свои усилия сосредоточили на совершенствовании методов, которые уводили все дальше и дальше от состояния трезвости и ментального равновесия, что они в конце концов были уничтожены, когда сложные конструкции их убеждений и методов стали настолько громоздкими, что они были просто не способны поддерживать их дальше.

Конечно, маги древности жили и множились в этих местах, – сказал он, наблюдая за моей реакцией. – Здесь, в этом городе. Этот город на самом деле был построен на развалинах одного из их городов. Здесь, именно в этом месте маги древности и совершали все свои деяния.

– Ты это знаешь наверняка, дон Хуан?

– Очень скоро ты будешь знать это так же точно. Мое возросшее беспокойство заставило меня делать то, чего я не выносил: начать

фокусироваться на себе. Дон Хуан, видя мое раздражение, подлил масла в огонь.

– Очень скоро мы узнаем, кто тебе больше нравится: древние маги или современные.

– Что за удовольствие тебе пугать меня этими странными и зловещими разговорами, – запротестовал я.

Общение с доном Хуаном в течение тринадцати лет, помимо всего прочего, приучило меня рассматривать панику как фактор, обычно сопутствующий скорому возникновению какой-то очень важной ситуации.

Дон Хуан, казалось, колеблется. Я заметил, что он украдкой бросает взгляды на церковь. Он даже казался рассеянным. Когда я заговорил с ним, он, казалось, не услышал моих слов. Я повторил свой вопрос.

– Ты ждешь кого-нибудь?

– Да, сказал он. – Можешь не сомневаться, жду. Ты поймал меня на сканировании окружающего пространства моим энергетическим телом.

– И что ты почувствовал, дон Хуан?

– Мое энергетическое тело чувствует, что все на своих местах.

Пьеса начинается вечером. Ты – главный герой. Я характерный актер с маленькой незначительной ролью. Мой выход – в первом акте.

– Что ты имеешь в виду?

Он не ответил мне, улыбнувшись с видом человека, который знает, но не говорит.

– Я готовлю почву, – сказал он, – так сказать, разогревая тебя, втолковывая идею о том, что современные маги извлекли серьезный урок. Они поняли, что только в случае, если они будут полностью отрешенными, они могут получить энергию и стать свободными. Это особый вид отрешенности, который рождается не из страха или праздности, но из уверенности.

Дон Хуан умолк и встал, вытянув руки перед собой в стороны, а затем за спину.

– Сделай то же самое, – посоветовал он мне. – Это снимает скованность, а тебе нужно быть очень собранным перед лицом того, что предстоит тебе вечером.

Он широко улыбнулся.

– Этим вечером к тебе придет или полная отрешенность или

абсолютное индальгирование. Это тот выбор, который должен сделать каждый нагваль моей линии.

Он опять сел и сделал глубокий вдох. То, что он сказал, похоже, забрало всю его энергию.

– Я думаю, что способен понять отрешенность и индальгирование,

– продолжал он, – потому что знал двух нагвалей: моего бенефактора, нагваля Хулиана, и его учителя, нагваля Элиаса. Я видел различие между ними. Нагваль Элиас был отрешенным до такой степени, что мог отказаться от дара силы. Нагваль Хулиан тоже был отрешенным, но не настолько, чтобы отказаться от такого дара.

– Судя по тому, что ты говоришь, – заметил я, – я мог бы сказать, что сегодня вечером ты готовишь меня к какому-то испытанию.

Это правда?

– У меня нет власти подвергать тебя испытаниям какого бы то ни было рода, но у *духа* она есть.

Он сказал это с усмешкой, а затем добавил:

– Я просто его проводник.

– Что *дух* собирается сделать для меня, дон Хуан?

– Я могу только сказать, что сегодня вечером ты получишь урок в *сновидении* так, как это бывало обычно, но это будет урок не от меня. Кое-кто другой собирается быть твоим учителем и гидом этим вечером.

– И кто же это?

– Тот, кто может оказаться для тебя полной неожиданностью, – или не будет неожиданностью вовсе.

– Какого типа урок *сновидения* я получу?

– Это урок о четвертых вратах *сновидения*. И он состоит из двух частей. Первую я тебе вскоре объясню. Вторую часть объяснить тебе не сможет никто, потому что это нечто, касающееся только тебя лично. Все нагвали моей линии получали такой урок из двух частей. Но все они были разные: они всегда в точности соответствуют особенностям личности каждого нагваля.

– Твое объяснение совершенно не помогает мне, дон Хуан. Я только еще больше нервничаю.

Мы долго молчали. Я был испуган, не мог успокоиться и не знал, что сказать, чтобы это не выглядело жалко.

– Как ты уже знаешь, способность современных нагвалей непосредственно ощущать энергию – это дело личного достоинства,

– сказал дон Хуан. – Мы управляем точкой сборки посредством самодисциплины. Для древних магов перемещение точки сборки было следствием подчинения другим – их учителям, которые осуществляли эти перемещения темными способами и представляли их своим ученикам как дары силы.

– Что-то сделать для нас может только тот, кто обладает большей, чем у нас, энергией, – продолжал он. – Например, нагваль Хулиан мог превращать меня по своему желанию в кого угодно: от дьявола до святого. Но он был безупречным нагвалем и позволял мне быть собой. Древние маги не были безупречными, и посредством непрерывных усилий достигали контроля над другими, создавая ситуации, полные ужаса и мрака, которые передавались от учителя к ученику.

Он поднялся и внимательно осмотрелся по сторонам.

– Как видишь, этот город невелик, – продолжал он, – но для воинов моей линии он имеет неповторимое очарование. Здесь находится источник того, что мы есть, и источник того, чем мы не хотим быть.

Мое время заканчивается и я должен передать тебе определенные мысли, рассказать тебе определенные истории, привести тебя в контакт с определенными сущностями, так же, как это делал со мной мой бенефактор.

Дон Хуан сказал, что, как мне это уже хорошо известно – все, чем он является и все, что он знает, – наследие его учителя, нагваля Хулиана. В свою очередь, тот унаследовал все от своего учителя, нагваля Элиаса. Нагваль Элиас – от нагваля Розендо; тот – от нагваля Лухана, нагваль Лухан – от нагваля Сантистебана, нагваль Сантистебан – от нагваля Себастьяна.

Он повторил мне очень официальным тоном то, что объяснял уже не раз: что перед нагвалем Себастьяном было еще восемь нагвалей, но те были совсем другими. Они по-другому относились к магии, иначе понимали ее, хотя оставались при этом в русле все той же магической линии.

– Ты должен вспомнить теперь и повторить мне все, что я говорил тебе о нагвале Себастьяне, – потребовал он.

Его просьба показалась мне странной, но я повторил все то, о чем не раз слышал от него самого или членов его отряда о нагвале Себастьяне и мифологическом маге древности, бросившем вызов смерти, известного всем им как «арендатор».

– Ты знаешь, что «бросивший вызов смерти» каждое поколение делает нам дары силы, – сказал дон Хуан, – и именно особая природа этих даров силы стала тем фактором, который изменил само направление нашей линии.

Он объяснил, что *арендатор*, будучи магом старой школы, обучился у своих учителей всем сложностям перемещения своей точки сборки. Так как тысячи лет странной жизни и осознания – это время, достаточное для совершенствования чего угодно, – теперь он знает, как достичь и удержать сотни, если не тысячи, позиций точки сборки.

Его дары одновременно являются как планом для перемещения точки сборки в особые места, так и руководством по удержанию ее в избранных позициях, достигая таким образом состояния соответствия.

Это был пик артистичности дона Хуана. Я никогда не видел его более драматичным. Если бы я не знал его столь хорошо, я бы поклялся, что, судя по интонациям его голоса, он охвачен глубоким страхом или беспокойством. Его жесты могли бы создать у меня впечатление, что он актер, с совершенством изображающий нервозность и озабоченность.

Дон Хуан внимательно посмотрел на меня и, словно делая тайное признание, сообщил мне, что, к примеру, нагваль Лухан получил от *арендатора* в дар не менее пятидесяти позиций. Он ритмически покачивал головой, как бы молча призывая меня обратить внимание на то, что он только что сказал. Я молчал.

– Пятьдесят позиций! – воскликнул он драматически. – Даже дара в виде одной или, самое большее, двух позиций точки сборки было бы более чем достаточно.

Он пожал плечами как бы в замешательстве.

– Мне рассказывали, что *арендатор* чрезвычайно любил нагваля Лухана, – продолжал он. Они были связаны такой тесной дружбой, что стали практически неразделимы. Мне говорили, что нагваль Лухан и *арендатор* часто заходили в церковь, особенно во время утренних богослужений.

– Прямо здесь, в этом городе? – потрясенно спросил я.

– Именно здесь, – ответил он. – Возможно, более ста лет назад они садились именно на это место, разве что на другую скамью.

– Нагваль Лухан и *арендатор* в самом деле гуляли по этой площади? – снова спросил я, не в силах преодолеть свое изумление.

– Конечно! – воскликнул он. – Я взял тебя с собой сегодня вечером, потому что стихотворение, которое ты мне читал, натолкнуло меня на мысль, что пришло время для твоей встречи с *арендатором*.

Паника охватила меня как степной пожар. Я стал задыхаться.

– Мы обсудили странные достижения древних магов, – продолжал дон Хуан. – Но всегда тяжело воспринимать объяснения, не имея собственного знания. Я могу повторять тебе снова и снова до самого судного дня то, что является абсолютно ясным для меня, но остается недоступным для твоего понимания или веры, потому что у тебя нет практического знания об этом.

Он поднялся и оглядел меня с головы до ног.

– Пойдем в церковь, – сказал он. – *Арендатор* любит церковь и ее окрестности. Я уверен, что сейчас самое время пойти туда.

За время нашего знакомства с доном Хуаном так страшно мне было всего несколько раз. Я оцепенел. Когда я все-таки встал, все мое тело дрожало. Живот стянуло в узел. Однако я молча пошел за ним в сторону церкви; колени дрожали и ноги буквально подгибались на каждом шагу. К тому времени, когда мы прошли квартал от площади и подошли к сломленным из известняка ступеням, ведущим в церковь, я был близок к обмороку. Для поддержки дон Хуан был вынужден обхватить меня за плечи.

– *Арендатор* здесь, – сказал он так просто, как будто сообщал о старом друге.

Я посмотрел в том направлении, куда он указал, и увидел группу из пяти женщин и трех мужчин в дальнем конце галереи. На первый брошенный мною быстрый и панический взгляд, в тех людях не было ничего необычного. Я даже не мог сказать, заходили они в церковь или выходили из нее. Однако я заметил, что они не составляют единой группы. Они оказались там вместе случайно.

К тому моменту, как мы с доном Хуаном подошли к маленькой двери, врезанной в массивные деревянные ворота церкви, три женщины вошли в церковь. Трое мужчин и две другие женщины уходили. Я в замешательстве посмотрел на дону Хуана, ожидая указаний.

Движением подбородка он обратил мое внимание на чашу со святой водой.

– Мы должны соблюдать обычаи и перекреститься, – прошептал

он.

– Где *арендатор*? – тоже шепотом спросил я.

Дон Хуан погрузил кончики пальцев в воду и перекрестился.

Повелительным жестом подбородка он заставил меня сделать то же самое.

– Был ли *арендатор* одним из троих мужчин, которые вышли? – прошептал я ему на ухо.

– Нет, – шепнул он в ответ. – *Арендатор* – одна из трех женщин, которые остались. Она там, сзади.

В этот момент женщина в заднем ряду повернула ко мне голову, улыбнулась и кивнула.

Одним прыжком я оказался у двери и выбежал наружу. Дон Хуан выбежал вслед за мной. Он догнал меня с невероятной ловкостью и схватил за руку.

– Куда это ты собрался? – спросил он.

Все его лицо и тело сотрясались от смеха.

Он крепко держал меня за руку, пока я жадно глотал воздух и самым настоящим образом задыхался. Приступы смеха накатывали на него, как океанские волны. Я рванулся в сторону и бросился в сторону площади. Он последовал за мной.

– Я никогда не подумал бы, что это до такой степени выведет тебя из себя, – сказал он, сотрясаясь от нового приступа смеха.

– Почему ты не говорил мне, что *арендатор* – женщина?

– Тот маг – это *бросивший вызов смерти*, – сказал он торжественно. – Для мага, столь опытного в перемещениях точки сборки, быть мужчиной или женщиной – дело выбора или удобства. Это та первая часть урока *сновидения*, о которой я тебе говорил, и *бросивший вызов смерти* и есть тот таинственный посетитель, который собирается провести тебя через него.

От смеха он закашлялся и схватился за бока. Я оцепенел. Затем меня охватил приступ ярости. Это было не бешенство по отношению к дону Хуану, к себе или к кому-либо – мою грудь переполнила какая-то холодная подступившая к горлу ярость, готовая взорвать меня.

– Давай вернемся в церковь, – закричал я, не узнавая своего голоса.

– Сейчас, сейчас, – сказал он тихо. – Не спеши бросаться в огонь.

Подумай. Взвесь. Определись. Успокойся, остынь. Никогда в жизни тебе еще не приходилось проходить такое испытание.

Сейчас тебе нужно спокойствие.

– Я не могу сказать тебе, что делать, – продолжал он. – Как всякий нагваль, я поверну тебя лицом к твоей задаче, предварительно рассказав тебе косвенным образом кое-что имеющее отношение к предстоящему делу. Это еще один прием нагвалей: говорить обо всем, ничего не говоря или спрашивать, не спрашивая.

Я хотел побыстрее покончить с этим, но дон Хуан сказал, что небольшая пауза придаст мне уверенности в себе. У меня подгибались колени. Дон Хуан заботливо усадил меня на обочину и сел рядом со мной.

– Первая часть урока *сновидения* сводится к вопросу о том, что быть мужчиной или женщиной не означает окончательности этого состояния, а является результатом особого расположения точки сборки, – сказал он. – Это происходит в результате напряжения воли и тренировок. Поскольку эта тема была близка сердцам древних магов, – только они одни могут пролить свет на это. Возможно потому, что мне ничего иного не оставалось делать, я стал возражать дону Хуану.

– Я не могу согласиться с этим и поверить тому, о чем ты говоришь, – сказал я, почувствовав, как жар приливает к лицу.

– Но ты видел женщину, – возразил дон Хуан. – Ты считаешь, что это только фокус?

– Я не знаю, как мне к этому отнестись.

– Это существо в церкви, – реальная женщина, – убедительно произнес он. – Почему это так тебя волнует? Тот факт, что она родилась мужчиной, лишь подтверждает силу колдовских деяний старых магов. Это не должно удивлять тебя. Ведь ты сам являешься ярким примером олицетворения всех принципов магии. Мое нутро было готово разорваться от напряжения. Дон Хуан с упреком заметил, что я люблю спорить. С едва сдерживаемым нетерпением, но с особым пафосом я объяснял ему биологические основы различия мужского и женского организмов.

– Я все это понимаю, – сказал он. – И в этом ты прав. Но твоя ошибка в том, что ты пытаешься сделать свои оценки универсальными.

– То, о чем мы говорим, – это основополагающие принципы, – закричал я. – И они соответствуют человеку здесь или в любом другом месте во вселенной.

– Правильно. Правильно, – сказал он спокойным голосом. – Все, что ты говоришь, верно лишь тогда, когда твоя точка сборки

остаётся в обычной позиции. Но в тот момент, когда она смещается в пределах определенных границ, и наш обычный мир больше не существует, — ни один из принципов, которые ты отстаиваешь, не имеет того значения, о котором ты говоришь. Твоя ошибка заключается в том, что ты забываешь: *бросивший вызов смерти* переступает эти пределы тысячи и тысячи раз. Не надо быть гением, чтобы понять, что *арендатор* не связан больше теми силами, которыми пока еще связан ты.

Я объяснил ему, что мое недоверие, если это можно назвать недоверием, относится не к нему лично, но вызвано тем, что практическая сторона магии, о которой мы говорим, до сего времени выглядела для меня настолько отвлеченной, что я никогда не рассматривал ее как реальную возможность. Я повторил, что на своем собственном опыте я действительно убедился, что именно в *сновидении* возможно все. Я напомнил, что сам же он и культивировал во мне подобную идею наряду с требованием остановки внутреннего диалога. Но то, что он рассказывал об *арендаторе*, не укладывалось в привычные рамки. Это было бы нормальным для *тела сновидения*, но не должно было иметь никакого отношения к действиям в обычном мире. Я дал ему понять, что подобная версия была для меня противоестественной и потому неприемлемой.

— Откуда такая реакция непримиримости? — спросил он, улыбаясь. Его вопрос застал меня врасплох. Я был в растерянности.

— Я думаю, что это претит моей сущности, — предположил я. И именно это я и имел в виду. Мысль о том, что женщина в церкви была мужчиной, вызывала во мне отвращение.

В моей голове вертелась мысль: возможно, *арендатор* — просто травести. Я серьезно спросил об этом дона Хуана. Он так рассмеялся, что, казалось, не сможет остановиться.

— Такая возможность слишком земная, — сказал он. — Может быть, твои прежние друзья могли делать такое. Твои теперешние друзья более изобретательны и менее склонны к мастурбации. Я повторяю — это существо в церкви — женщина. Это «она». И у нее есть все органы и атрибуты женщины.

Он ехидно улыбнулся. — Тебя всегда привлекали женщины, не так ли? Похоже, что эта ситуация — для тебя, как по заказу.

Его радость была столь по-детски откровенной, что заразила и меня. Мы рассмеялись вместе. Он — неудержимо, я — понимающе.

Затем я принял решение. Я встал и громко заявил, что у меня нет желания иметь дело с *арендатором* ни в каком состоянии. Я решил пренебречь всем этим и вернуться в дом дона Хуана, а затем – к себе домой.

Дон Хуан сказал, что он ничего не имеет против моего решения, и мы направились назад к его дому. Мои мысли бешено скакали. Правильно ли я поступаю? Убегаю ли я от страха? Конечно, я сразу расценил свое решение как правильное и неизбежное. В конце концов, убеждал я себя, меня не интересуют приобретения, а дары *арендатора* напоминали приобретение собственности. Было много вопросов, которые я мог бы задать *бросившему вызов смерти*.

Мое сердце стало биться так сильно, что я почувствовал его пульсацию в желудке. Внезапно это биение сменилось голосом *эmissара*. Он нарушил свое обещание не вмешиваться и сказал, что невероятная сила учащает биение моего сердца, чтобы заставить меня вернуться в церковь. Идти в дом дона Хуана означало – идти к смерти.

Я остановился и быстро сообщил дону Хуану слова *эmissара*:

– Это правда?

– Боюсь, что да, – застенчиво согласился он.

– Почему ты сам не сказал мне, дон Хуан? Ты хотел, чтобы я умер, потому что считал меня трусом? – спросил я, приходя в ярость.

– Так ты не умрешь. Твоя телесная энергия имеет бесконечные ресурсы. И мне никогда не приходило в голову, что ты трус. Я уважаю твои решения, и меня совершенно не интересует, что движет их принятием.

Ты в конце пути, так же, как и я. Так будь настоящим нагвалем. Не стыдись самого себя. Я думаю, что если бы ты был трусом, ты бы умер от страха много лет назад. Но если ты боишься встретиться с *бросившим вызов смерти*, тебе лучше умереть, чем встретиться с ним. В этом нет стыда.

– Давай вернемся назад в церковь, – сказал я как можно спокойнее.

– Сейчас мы приближаемся к самому главному! – воскликнул дон Хуан. – Но сначала давай вернемся в парк, присядем на скамью и тщательно продумаем варианты твоих действий. Мы можем выиграть время; к тому же не стоит слишком спешить к тому, что находится рядом.

Мы вернулись в парк, тут же нашли незанятую скамью и сели.

– Ты должен понять, что только ты сам можешь принять решение, встречаться или не встречаться с *арендатором*, принять или отвергнуть его дар силы, – сказал дон Хуан. – Но твоё решение должно быть высказано *женщине в церкви* наедине; иначе оно не будет иметь силы.

Дон Хуан сказал, что дары *арендатора* необычайны, но плата за них огромна. И сам он не одобряет ни дары, ни цену.

– Перед тем, как ты примешь настоящее решение, – продолжал дон Хуан, – ты должен знать все детали наших действий с этим магом.

– Лучше бы мне больше об этом не слышать, дон Хуан, – взмолился я.

– Ты обязан знать, – сказал он. – Как же иначе ты примешь решение?

– Не кажется ли тебе, что чем меньше я буду знать об *арендаторе*, тем будет лучше для меня?

– Нет. Не дело прятать голову под крыло, чтобы не видеть опасности. Это момент правды. Все, что ты сделал и испытал в мире магов, привело тебя к нему. Я не хотел этого говорить, потому что знал, – тебе скажет об этом твоя телесная энергия; но нет пути избежать того, что предназначено. Даже через смерть. Ты понял? – Он потряс меня за плечо. – Ты понял? – повторил он. Я понял так хорошо, что попросил его, если это возможно, помочь мне сменить уровень осознания, чтобы уменьшить мой страх и дискомфорт. Я чуть не подпрыгнул, когда он взорвался своим «нет».

– Ты должен встретить *бросившего вызов смерти* хладнокровно и как нечто давно ожидаемое, – продолжал он. – Ты можешь сделать это только по собственному убеждению.

Дон Хуан стал спокойно повторять мне все, что уже рассказал о *бросившем вызов смерти*. По мере того как он говорил, я понял, что мое замешательство отчасти является результатом его манеры использовать слова. Он переводил «бросивший вызов смерти» на испанский как *el desafiante de la muerte*, и «арендатор» как *el inquilino*, причем оба автоматически указывали на то, что речь идет о женщине. Но описывая взаимоотношения между *арендатором* и нагвалями своей линии, дон Хуан продолжал путать мужской и женский род в испанском языке, вызывая у меня чувство замешательства.

Он сказал, что, как предполагается, *арендатор* будет

расплачиваться за энергию, которую он забирает у нагвалей нашей линии, но чем бы он ни заплатил, – это будет связывать магов на поколения. После того, как со всех этих нагвалей взята плата энергией, *женщина в церкви* обучает их, как в точности расположить их точку сборки в определенных особых положениях, которые *она* выбирает сама. Другими словами, *она* связывает каждого из этих людей с даром силы, представляющим собой предварительно выбранную особую позицию точки сборки и всего, что ей сопутствует.

– Что ты имеешь в виду под «тем, что ей сопутствует», дон Хуан?

– Я имею в виду негативные результаты этих даров. *Женщина в церкви* индугирует в высшей степени. В этой женщине нет сдержанности и умеренности. Например, она обучала нагваля Хулиана, как расположить свою точку сборки в таком положении, как у нее – женщины. Эти уроки для моего бенефактора, который был неисправимым сластолюбцем, стали чем-то вроде вина для пьяницы.

– Но разве для каждого из нас не является правилом нести ответственность за то, что мы делаем?

– Да, конечно. Однако это совсем не так просто. И умышленно увеличивать эти сложности, как делает эта женщина, – значит только создавать ненужное давление.

– Почему ты думаешь, что *женщина в церкви* делает это умышленно?

– Так она поступала с каждым из нагвалей моей линии. Если мы посмотрим на себя честно и беспристрастно, нам придется согласиться с тем, что *бросивший вызов смерти* своими дарами превратил нас в линию очень индугирующих и зависимых магов. Меня начали раздражать постоянные несоответствия в его речи при использовании мужского и женского рода.

– Ты должен говорить об этом маге или как о мужчине, или как о женщине, но не как об обоих сразу, – резко сказал я. – Я не столь пластичен, и твое произвольное использование грамматического рода вызывает у меня нарастающее чувство дискомфорта.

– Мне самому не по себе, – признался он. – Но что поделать, если *бросивший вызов смерти* действительно является и тем и другим – и женщиной, и мужчиной. Я никогда не мог по-настоящему привыкнуть к этому. Я уверен, что и ты должен чувствовать себя так же, ведь ты уже видел его как мужчину.

Дон Хуан напомнил мне о том, как однажды, много лет назад, он взял меня на встречу с *бросившим вызов смерти*, и я увидел мужчину – странного индейца, не молодого и не старого, очень хрупкого телосложения. Больше всего мне запомнился его странный акцент и одна необычная метафора, которую он использовал, описывая вещи.

Он говорил: «*mis ojos se pasearon*» – «мои глаза идут вперед».

Например, он говорил: «Мои глаза идут вперед на шлемы испанских завоевателей».

Воспоминание об этом было столь мимолетным, что мне всегда казалось, что встреча продолжалась лишь несколько минут. Но позднее дон Хуан сказал мне что я пробыл с *бросившим вызов смерти* целый день.

– Я предполагал, что тогда, много лет назад, ты сам назначил встречу с *бросившим вызов смерти*, – продолжал дон Хуан, – поэтому и пытался выведать у тебя, знаешь ли ты о том, что происходило.

– Ты был обо мне слишком высокого мнения, дон Хуан. От такого предположения рехнуться можно. Как тебе могла прийти в голову такая идея?

– Мне показалось, что *бросившему вызов смерти* ты понравился. А это значит, что уже тогда он мог наделить тебя даром силы, хотя ты этого и не помнишь. Либо он мог назначить тебе встречу, приняв облик женщины. Я даже подозревал, что она дала тебе точные инструкции.

Дон Хуан заметил, что *бросивший вызов смерти*, определенно являясь существом ритуальных привычек, неизменно встречал нагвалей нашей линии сначала в облике мужчины, как это случилось с нагвалем Себастьяном, а впоследствии – в облике женщины.

– Почему ты называешь дары *бросившего вызов смерти* дарами силы? И в чем тут тайна? – спросил я. – Ведь ты и сам можешь перемещать свою точку сборки куда угодно, разве не так?

– Это дары силы, потому что они являются продуктом особого знания магов древности, – сказал он. – Это тайна, потому что никто на этой земле, кроме *бросившего вызов смерти*, не может явить нам пример таких знаний. Я, конечно, могу расположить свою точку сборки там, где хочу, внутри или за пределами энергетической формы человека. Но чего я не могу, и что

подвластно лишь *бросившему вызов смерти*, – это знать, что нужно делать с моим энергетическим телом в каждом из этих положений с тем, чтобы достигнуть полного восприятия, полного единства.

Затем он объяснил, что современные маги не знают особенностей многих тысяч возможных позиций точки сборки.

– О каких особенностях ты говоришь? – спросил я.

– Особые способы обращения с энергетическим телом, направленные на достижение прочной фиксации отдельных позиций точки сборки, – ответил он.

Он привел в пример себя. Он сказал, что дар силы, полученный им от *бросившего вызов смерти*, заключался в знании позиции точки сборки вороны и способах манипуляции своим энергетическим телом для достижения полного восприятия себя вороной. Дон Хуан объяснил, что полное восприятие и полное отождествление – это то, чего старые маги добивались любой ценой, и что в случае с его собственным даром силы полное восприятие пришло к нему в результате постепенного процесса обучения, шаг за шагом, как учатся работать на очень сложной машине.

В дальнейшем дон Хуан объяснил, что большинство сдвигов точки сборки, осуществляемые современными магами, – это незначительные сдвиги в пределах тонкого пучка светящихся энергетических волокон внутри светящегося яйца; пучка, называемого «человеческой полосой», или просто человеческим аспектом энергии вселенной. За пределами этого пучка, но все еще в пределах светящегося яйца, располагается сфера глубоких сдвигов. Когда точка сборки смещается в любое место этой сферы, восприятие для нас все еще возможно, но для абсолютного постижения требуется крайне детальные процедуры.

– Неорганические существа попросту надували вас с Кэрол Тиггс в вашем последнем путешествии, якобы помогая вам при попытке достигнуть абсолютного слияния, – сказал дон Хуан. – Они сместили ваши точки сборки в максимально отдаленное место, помогая вам воспринимать так, словно вы находитесь в своем повседневном мире. Это почти невозможная вещь. Для такого восприятия магу требуются или практические знания, или могущественные друзья.

Твои друзья в конце концов предали бы вас с Кэрол, и вам пришлось бы учиться практическим способам борьбы за

выживание в этом мире. В результате вы оба до краев бы наполнились прагматизмом, уподобившись в этом наиболее знающим магам древности.

– Каждый глубокий сдвиг точки сборки требует особой проработки, – продолжал он, – которую современные маги могли бы изучить, если бы знали как фиксировать точку сборки на довольно длительное время при любом таком сдвиге. Только маги древности обладали необходимыми для этого особыми знаниями. Дон Хуан продолжал объяснять, что знание особых действий, необходимых для таких сдвигов, не были доступны восьми нагвалям нашей линии, предшествовавшим нагвалю Себастьяну. Затем *арендатор* продемонстрировал нагвалю Себастьяну возможность достигнуть полного восприятия в десяти новых позициях точки сборки.

Нагваль Сантистебан получил семь, нагваль Лухан – пятьдесят, нагваль Розендо – шесть, нагваль Элиас – четыре, нагваль Хулиан – шестнадцать. Сам он получил две. Всего это составило девяносто особых позиций точки сборки, известных его линии.

Он сказал, что на вопрос, считает ли он это преимуществом, он ответил бы «нет», потому что под тяжестью этих даров наша линия явно сместилась в сторону настроения древних магов.

– Сейчас твоя очередь встретиться с *арендатором*, – продолжал он. – Возможно, что дары, которые он тебе даст, станут последней каплей, после чего наша линия окончательно погрузится во мрак, поглотивший магов древности.

– Это ужасно болезненно, – сказал я.

– Я тебе искренне сочувствую, – серьезно ответил он. – Знаю, что тебя не успокоит, если я скажу тебе, что это самое серьезное испытание для современного нагваля. Встреча с таким древним и таинственным существом как *арендатор* вызывает не столько страх, сколько отвращение. Так, по крайней мере, было со мной, и это факт.

– Почему я должен пойти на это, дон Хуан?

– Потому что, сам того не зная, ты уже принял вызов *бросившего вызов смерти*. За время твоего ученичества я подготовил тебя к этой встрече незаметно для тебя самого, точно так же, как это проделал со мной мой учитель.

– Я прошел через такой же ужас, только, пожалуй, в чуть более грубой форме, – сказал он, посмеиваясь. – Нагваль Хулиан был

мастер на жестокие шутки. Он сказал мне, что одна очень красивая и пылкая вдова влюблена в меня до безумия. Нагваль часто брал меня с собой в церковь, и я видел там женщину, подолгу смотревшую на меня. Она показалась мне красивой. Я был молодым невежей, и когда нагваль сказал, что она любит меня, я в это поверил. Меня ожидало сильное разочарование.

Я с трудом удержался от смеха при жесте дона Хуана, означавшем потерю им невинности. Затем меня поразила мысль о том, что положение, в котором он оказался, было совсем не смешным, – оно было просто страшным.

– Ты уверен, дон Хуан, что эта женщина была *арендатором*? – спросил я, все еще надеясь, что это ошибка или плохая шутка.

– Я совершенно уверен, – сказал он. – Кроме того, даже если бы тогда я и был таким тупым, чтобы забыть *арендатора*, мое *видение* не может меня подвести.

– Имеешь ли ты в виду, дон Хуан, что *арендатор* обладает иным типом энергии?

– Нет, не иным типом энергии, но, без сомнения, другими признаками энергии, что отличает его от нормального человека.

– Ты абсолютно уверен, что та женщина – *арендатор*? – настаивал я, почувствовав внезапный прилив отвращения и страха.

– Эта женщина была *арендатор*! – воскликнул дон Хуан тоном, не терпящим возражения.

Некоторое время мы сидели молча. Я ожидал следующего прилива неопишуемой паники.

– Я уже сказал тебе, что быть натуральным мужчиной или натуральной женщиной является вопросом положения точки сборки, – сказал дон Хуан. – Но, естественно, я имел в виду того, кто родился или мужчиной или женщиной. Для *видящего* самая яркая часть точки сборки обращена наружу, если это женщина, и вовнутрь, – если это мужчина. Точки сборки *арендатора* первоначально была обращена вовнутрь, но он менял ее положение, и вращая ее, превратил свою яйцеобразную энергетическую оболочку в подобие спиралевидной раковины.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

ЖЕНЩИНА В ЦЕРКВИ

Мы сидели в молчании. Мои вопросы иссякли, а дон Хуан, казалось, сказал мне все, что считал нужным сказать. Было никак не больше семи вечера, но площадь была против обыкновения пустынной. Вечер был теплым. По вечерам в этом городе люди обычно сновали по площади до десяти и даже одиннадцати часов. Я воспользовался моментом затишья, чтобы осмыслить то, что со мной произошло. Мое время с доном Хуаном подходило к концу. Он и его партия были близки к осуществлению магической мечты – оставить этот мир и войти в непостижимые пространства. Основываясь на своих ограниченных достижениях в области *сновидения*, я верил, что их притязания были не иллюзорными, а напротив – исключительно трезвыми, хотя и противоречащими разуму. Они стремились постичь непознаваемое, и они сделали это. Дон Хуан был прав, когда говорил, что *сновидящий*, вызывая систематическое перемещение своей точки сборки, раскрепощает восприятие, расширяя диапазон и масштабы того, что может быть воспринято. Для магов его партии *сновидение* не только открывало врата в любые воспринимаемые миры, но и готовило их ко вхождению в эти миры в полном осознании. *Сновидение* для них было чем-то невыразимым, беспрецедентным, чем-то таким, на что можно было лишь намекнуть, как это сделал, например, дон Хуан, когда назвал его вратами к свету и темноте во вселенной. Им осталось сделать только одно – свести меня с *бросившим вызов смерти*. Я сожалел о том, что дон Хуан не позволил мне записывать, чтобы я мог лучше подготовиться. Но он был нагвалем, который в деле любой важности полагался на экспромт или вдохновение, почти ни о чем не предупреждая заранее. На мгновение я почувствовал себя хорошо, сидя с доном Хуаном в этом парке и ожидая дальнейшего развития событий. Но затем моя эмоциональная стабильность стала улетучиваться, и я в мановение ока оказался на грани темного отчаяния. Меня захватили мелочные соображения относительно своей безопасности, своих целей, своих

надежд в этом мире, своих проблем и тревог. Однако поразмыслив, я вынужден был признать, что единственное истинное беспокойство, которое у меня оставалось – это беспокойство о моих трех соратниках по миру дона Хуана. Но даже это реально не волновало меня. Дон Хуан научил их быть такими воинами, которые всегда знали, что делают, и, что самое главное, он научил их всегда знать, что делать с тем, что они знают.

Имея все возможные земные причины, чтоб испытывать муки, беспокоившие меня с давних пор, все, с чем я остаюсь, было беспокойством за себя самого. И я без тени стыда предавался ему. Одно последнее индальгирование на дорожку: страх умереть от руки *бросившего вызов смерти*. Мне стало страшно до спазмов в желудке. Я пытался извиняться, но Дон Хуан рассмеялся.

– Ты не уникален в своем страхе, – сказал он. – Когда я встретил *бросившего вызов смерти*, я наложил в штаны. Поверь мне.

Я долго ожидал в молчании, это были тяжкие минуты.

– Ты готов? – спросил он.

Я сказал – да!

Вставая, он добавил: – Тогда идем, посмотрим, как ты сможешь выйти на линию огня.

Он направился назад в церковь. Все, что я могу вспомнить до сегодняшнего дня, – это то, как он тащил меня весь этот путь. Я не помню, как мы дошли до церкви, как вошли в нее. Дальше мне запомнилось, как я опустился на колени на длинную потертую деревянную скамью рядом с женщиной, которую заметил раньше. Она улыбалась мне. В отчаянии я оглянулся, пытаюсь найти дона Хуана, но его нигде не было. Я бы заметался, как летучая мышь, вырвавшаяся из мрака, если бы женщина не удержала меня, схватив за руку.

– Ты что, боишься меня, маленькую? – спросила меня женщина по-английски.

Я стоял, словно приклеенный к тому месту, где преклонил колени. Ее голос – вот что мгновенно приковало мое внимание. Я не могу описать, что было в этом резком звуке, проникнувшем в самые потаенные уголки моей памяти. Мне показалось, что я знал этот голос всегда.

Я остался стоять неподвижно, загипнотизированный этим звуком. Она спросила меня по-английски еще о чем-то, но я не мог понять, о чем она говорила. Она опустилась на колени справа от меня.

– Я понимаю, что такое настоящий страх. Я живу с ним. Я только собрался заговорить с ней, когда услышал голос *эмиссара* у своего уха.

– Это голос Хермелинды, твоей кормилицы, – сказал он. Единственное, что я знал о Хермелинде, – это история, рассказанная мне о том, как она была насмерть сбита грузовиком. Этот женский голос, вызывавший к таким глубинам памяти, потряс меня. Я испытал мгновенное мучительное волнение.

– Я – твоя кормилица! – негромко воскликнула женщина. – Как необыкновенно! Хочешь молочка? – Смех сотрясал ее тело. Я приложил сверхусилие, чтобы остаться спокойным, хотя чувствовал, что земля уходит из-под моих ног и в следующее мгновение я потеряю сознание.

– Не обращай внимания на мои шутки, – сказала женщина низким голосом. – По правде говоря, ты мне очень нравишься. Ты переполнен энергией. Похоже, мы с тобой поладим. Прямо перед нами опустились на колени два старика. Один из них неожиданно обернулся, странно посмотрев на нас. Она не обратила на него никакого внимания, продолжая шептать мне на ухо.

– Разреши мне держать тебя за руку, – попросила она. Однако ее просьба звучала как приказ. Я подчинился и оставил свою руку в ее, не в силах ответить нет.

– Спасибо за твое доверие и веру в меня, – прошептала она. Звук ее голоса вверг меня в безумие. Его резкость была так необычна, так абсолютно женственна. Ни при каких обстоятельствах не смог бы я спутать его с мужским голосом, пытающимся звучать по-женски. Это был резкий голос, но не хриплый или грубый. Он более походил на хруст гравия под босыми ступнями.

Я приложил неимоверное усилие, чтобы разорвать невидимую пелену энергии, которая, казалось, окутала меня. Кажется, это мне удалось. Я встал, собираясь уходить, и я бы сделал это, но женщина тоже поднялась и прошептала мне на ухо:

– Не убегай. Мне надо так много сказать тебе.

Я автоматически сел, остановленный любопытством. Странно, но мое волнение внезапно исчезло, – пропал и мой страх. У меня даже хватило смелости спросить.

– Ты действительно женщина?

Она тихо усмехнулась, словно молодая девушка. Затем она

заговорила.

– Если ты опасаясь, что я превращусь в грозного мужчину, который в состоянии причинить тебе вред, то глубоко ошибаешься, – сказала она еще более гипнотическим, странным голосом. – Ты мой благодетель. Я твоя слуга, и я была слугой всем твоим предшественникам.

Сконцентрировав всю свою энергию, я высказал ей свои мысли.

– Пожалуйста, бери мою энергию, – сказал я. – Это мой дар тебе.

Но я не хочу от тебя никакого дара силы. Я так решил.

– Я не могу взять твою энергию даром, – прошептала она. – Я плачу за то, что получаю. Это сделка. Глупо отдавать свою энергию даром.

– Я был глупцом всю мою жизнь. Поверь мне, – сказал я. – Я, конечно, могу позволить себе сделать тебе такой подарок. У меня нет с этим проблем. Тебе нужна энергия – бери ее. Но я не нуждаюсь в излишествах. У меня ничего нет, и мне это нравится.

– Возможно, – сказала она задумчиво.

Агрессивным тоном я спросил, что, собственно, «возможно» – возможно взять мою энергию, или возможно ее недоверие к тому, что у «меня ничего нет, и мне это нравится».

Она довольно ухмыльнулась и сказала, что она, возможно, возьмет мою энергию, раз я столь великодушно ее предлагаю, но она должна будет расплатиться. Она должна мне отплатить чем-то равноценным.

Слушая ее, я понял, что она говорит по-испански с очень сильным и странным акцентом. Никогда в своей жизни я не слышал, чтобы кто-либо так говорил. В каждом слове она добавляла лишнюю фонему в середине слога.

– У тебя очень необычный акцент, – сказал я. – Откуда он?

– Почти из загробного мира, – сказала она и вздохнула.

Между нами установился контакт. Я понял, почему она вздохнула.

Она была ближе всего к вечности, в то время как я был чем-то временным. Это было моим преимуществом. *Бросившая вызов смерти* загнала себя в угол, а я был свободен.

Я внимательно рассматривал ее. Казалось, что ей где-то между тридцатью пятью и сорока годами. Это была смуглая женщина, настоящая индеанка, довольно крепкая, но не толстая. Я мог видеть гладкую кожу ее рук, молодые и упругие мускулы. В ней было около пяти футов и шести или семи дюймов роста. Она была

одета в длинное платье и черную шаль. Она стояла на коленях, и я мог видеть ее гладкие пятки и часть ее сильных икр. Ее талия была тонкой. У нее были большие груди, которые она не могла или, возможно, не хотела скрывать под своей шалью. Ее блестящие черные волосы были заплетены в косы. Она не была красавицей, но не была и простушкой. Ее черты ни в коей мере не были выдающимися. Я ощущал, что ничто в ней не может привлечь внимания, кроме ее глаз, обычно опущенных, прикрытых веками. Ее глаза были прекрасны, ясны и спокойны. Кроме дона Хуана, я ни у кого не видел столь сияющих и живых глаз.

От ее глаз мне стало совершенно спокойно. Такие глаза не могут быть злыми. Я ощутил прилив доверия и оптимизма и почувствовал, что я как бы знаю ее всю жизнь. Но я так же хорошо осознавал и другое – свою эмоциональную нестабильность. Это всегда беспокоило меня в мире дона Хуана, заставляя постоянно быть в подвешенном состоянии. У меня были моменты абсолютного доверия, интуитивно сопровождаемые лишь ничтожными сомнениями и недоверием. Эта ситуация не выглядела иначе. В мой подозрительный ум внезапно пришла мысль, предупреждающая меня: я попал под влияние женских чар. – Вы начали изучать испанский недавно, не так ли? – сказал я, чтобы отделаться от своих мыслей, боясь, что она их прочтет. – Только вчера, – отпарировала она и рассмеялась хрустальным смехом, показывая маленькие, невероятно белые зубы, сверкающие как жемчуг.

Люди повернулись и посмотрели на нас. Я опустил голову ниже, словно углубясь в молитву. Женщина придвинулась ко мне ближе. – Есть ли здесь место, где мы могли бы поговорить? – спросил я. – Мы разговариваем здесь, – ответила она. – Здесь я говорила со всеми нагвалями твоей линии. Если говорить шепотом, никто не услышит нашего разговора.

Я сгорал от нетерпения, желая спросить о ее возрасте. Но меня отрезвило одно мое воспоминание. Я вспомнил одного своего приятеля, который на протяжении многих лет устраивал всяческие западни, чтобы вынудить меня открыть свой возраст. Я ненавидел этот его мелочный интерес, а сейчас я сам был на грани такого же поведения. Я тотчас же отбросил эту мысль.

Я хотел ей сказать об этом, чтобы просто поддержать разговор. Казалось, что она знает, какие мысли приходят мне в голову. Она

по-дружески жала мне руку, словно затем, чтобы сказать, что найди мысли совпадают.

– Можешь ли ты вместо подарка дать мне какое-нибудь напутствие? – спросил я ее.

Она отрицательно покачала головой.

– Нет, – прошептала она. – Мы совершенно разные. Даже более разные, чем мне представлялось возможным.

Она поднялась и соскользнула со скамьи. Ловко преклонила колени, став лицом к главному алтарю. Перекрестилась и дала знак следовать за ней к большому боковому алтарю слева от нас.

Мы стали на колени перед большим Распятием. До того, как я успел что-либо сказать, она произнесла:

– Я живу очень долгое время. Причиной моей долгой жизни является мое умение контролировать сдвиги и перемещение моей точки сборки. Вместе с тем я не остаюсь слишком подолгу здесь, в вашем мире. Я должна сохранять энергию, которую я получаю от нагвалей вашего рода.

– Прикована ли ты только к этому месту, находясь в этом мире?

– Нет. Я хожу везде, где хочу.

– Ты всегда женщина?

– Я была женщиной дольше, чем мужчиной. Мне это определенно больше нравится. Я почти забыла, как быть мужчиной. Я полностью женщина!

Она взяла мою руку и заставила прикоснуться к ее промежности. Мое сердце колотилось у меня в горле. Она действительно была женщиной.

– Я не могу просто взять твою энергию, – сказала она, меняя тему.

– Мы должны заключить соглашение другого рода.

На меня накатила еще одна волна бесконечного благоразумия. Я хотел спросить ее, где она жила, когда бывала в этом мире.

Оказалось, что у меня не было необходимости произносить свой вопрос вслух, чтобы получить ответ.

– Ты гораздо-гораздо моложе меня, – сказала она. Но и тебе уже теперь очень непросто сообщать людям, где ты живешь. И даже если ты приводишь их в дом, за который платишь и который является твоей собственностью, – он не является тем местом, где ты живешь.

– Есть так много вещей, о которых я хотел бы спросить тебя, но мне в голову приходят лишь бестолковые мысли, – сказал я.

– Тебе не нужно о чем-либо спрашивать меня, продолжала она. – Ты уже знаешь все, что знаю я. Тебе требуется лишь толчок, чтобы вызвать свои знания. Я дам тебе такой толчок.

Мне не только приходили в голову бестолковые мысли, но и весь я находился в состоянии такой внушаемости, что не успела она закончить говорить, что я знаю то, что знает она, как я ощутил, что я действительно знаю все, и мне не нужно больше задавать какие-либо вопросы. Смеясь, я сказал ей о своей доверчивости.

– Ты не доверчив, – авторитетно заверила она меня. – Ты знаешь все, потому что сейчас ты полностью во *втором внимании*.

Оглядишься вокруг!

На какой-то миг я не мог сфокусировать свое зрение. Это было так, словно в мои глаза попала вода. Когда я присмотрелся, я понял, что произошло нечто зловещее. Церковь была другой, более темной, угрожающей, гнетущей. Я поднялся и ступил пару шагов к нефу. В глаза бросились скамьи; они были сделаны не из досок, а из тонких перекрученных бревен. Это были самодельные скамьи, установленные внутри величественного каменного строения.

Другим стал также и свет в церкви. Он был желтоватым, и его тусклое свечение отбрасывало столь черные тени, каких мне не приходилось видеть никогда в жизни. Он исходил от свечей, горевших на многих алтарях. Я ощущал, как гармонично сочетается пламя свечей с массивными каменными стенами и росписями колониальной церкви.

Женщина смотрела на меня; сияние ее глаз было просто невероятным. Я знал, что я в *сновидении*, и она руководит моим *сновидением*. Но я не боялся ни ее, ни *сновидения*.

Я отошел от бокового алтаря и вновь посмотрел на неф церкви. Там на коленях стояли люди и молились. Их было много, необычно маленьких, темных и мускулистых. Я видел их склоненные перед главным алтарем головы. Один из них, стоявший ближе ко мне, смотрел на меня с явным неодобрением. Я с изумлением рассматривал людей и все вокруг. Станным образом я не слышал никакого шума. Люди двигались беззвучно.

– Я ничего не слышу, – сказал я женщине и мой голос отозвался гулким эхом, словно церковь была пустой раковиной.

Люди рядом обернулись, посмотрели на меня. Женщина потянула меня назад в темноту бокового алтаря.

– Ты будешь слышать, если перестанешь слушать своими ушами, –

сказала она. — Слушай своим *вниманием сновидения*.

Оказалось, что мне требуются лишь ее нашептывания. Внезапно на меня нахлынул гул голосов толпы молящихся. Я был охвачен им мгновенно. Это был самый необыкновенный звук, который я когда-либо слышал. Пораженный, я хотел сообщить об этом женщине, но ее не было рядом со мной. Я искал ее взглядом. Она почти дошла до дверей. Там она обернулась, чтобы подать мне знак следовать за ней. Я догнал ее в галерее. Улицы больше не были освещены. Единственным освещением был лунный свет. Фасад церкви также стал другим; он был недостроен. Повсюду лежали квадратные блоки известняка. Вокруг церкви не было больше никаких других строений. В лунном свете эта картина выглядела жутко.

— Куда мы идем? — спросил я ее.

— Никуда, — ответила она. — Мы просто вышли на простор и безлюдье. Здесь мы можем говорить вдоволь.

Она заставила меня сесть на полуобработанный кусок известняка.

— Во *втором внимании* есть неисчерпаемые сокровища, которые нужно только раскрыть, — начала она. — Самым важным является то, какую начальную позицию примет *сновидящий*. Именно в этом заключается секрет древних магов, которые были древними уже в мое время. Подумай об этом.

Она под села ко мне так близко, что я чувствовал жар ее тела. Она положила руку на мои плечи и прижала меня к своей груди. От ее тела исходил особый аромат; он напоминал мне запах дерева и шалфея. Это происходило не потому, что она пользовалась духами; казалось, что все ее существо издает благоухание соснового леса. И жар ее тела тоже не был таким, как у меня или у кого-либо мне известного. Ее жар был ментолово-прохладным, сдержанным. Мне пришло в голову, что этот жар не ослабевает, но и не усиливается.

Она начала шептать мне в левое ухо. Она сказала, что дары, данные ею нагвалям моей линии, связаны с тем, что древние маги обычно называли «сдвоенными позициями». Это, так сказать, начальная позиция, в которой спящий располагает свое физическое тело для *сновидений*, отражается в позиции, в которой он располагает в *сновидении* свое энергетическое тело для того, чтобы зафиксировать свою точку сборки в любом избираемом им месте.

— Две позиции составляют целое, — говорила она, — и магам

древности пришлось потратить тысячи лет, чтобы найти наилучший способ взаимоотношений между любыми двумя позициями. У современных *видящих*, – продолжала она с усмешкой, – никогда не будет времени и условий, чтобы проделать всю эту работу, и мужчинам и женщинам из твоей линии на самом деле повезло в том, что у них есть я, сделавшая им такие подарки. Ее смех зазвучал особенно хрустально.

Я не совсем понял ее объяснения сдвоенных позиций. Я без церемоний заявил ей, что не хочу испытывать все это сам, мне достаточно знать о таких вещах как об интеллектуальной возможности.

– Что именно ты хочешь знать? – спросила она мягко.

– Объясни мне, что ты имеешь в виду под сдвоенными позициями, или начальной позицией, которую должен принять *сновидящий* в своем сновидении.

– Как ты укладываешься для *сновидений*? – спросила она.

– По-разному. У меня нет определенной позы. Дон Хуан никогда не акцентировал на этом моего внимания.

– Это сделаю я, – сказала она и встала.

Она изменила позицию. Сев справа от меня, она зашептала мне в другое ухо, что в соответствии с тем, что знает она, поза для *сновидения* имеет первостепенное значение. Она предложила проверить это на очень утонченных, но простых упражнениях.

– Начни *сновидеть*, расположившись на правом боку, чуть согнув ноги в коленях, – сказала она. – Правило заключается в том, чтобы сохранить эту позицию и заснуть в ней. Затем в *сновидении* упражнение заключается в том, чтобы видеть во сне, что ты ложишься именно в этом положении и снова засыпаешь.

– Что это дает? – спросил я.

– Это делает точку сборки неподвижной, я имею в виду, – действительно неподвижной, – в каком бы положении она не была в момент *второго засыпания*.

– И что будет в результате этого упражнения?

– *Полное восприятие*. Я уверена, твои учителя уже говорили тебе, что мои подарки – это подарки *полного восприятия*.

– Да. Но я думаю, что мне не совсем ясно, что означает *полное восприятие*, – соврал я.

Она не обратила на мои слова никакого внимания и продолжала рассказывать мне о четырех вариантах упражнения, когда

погружение в сон происходит на правом боку, на левом, на спине и на животе. Затем о том, что в *сновидении* упражнение выполняется, чтобы приснилось *второе засыпание* в том же положении, в котором начался сон. Она обещала мне необычайные результаты, которые, по ее словам, невозможно предсказать.

Она внезапно изменила тему и спросила меня:

– Какой ты подарок хочешь для себя лично?

– Мне не надо никакого подарка. Я уже говорил тебе это.

– Я настаиваю. Я должна предложить тебе подарок, и ты должен принять его. Таково наше соглашение.

– Наше соглашение состоит в том, что мы даем тебе энергию. Так бери ее у меня. Это мой подарок тебе.

Женщина, казалось, была ошеломлена. Я настаивал, говоря ей, что все будет в порядке, если она возьмет мою энергию. Я даже сказал ей, что она мне необыкновенно нравится. Я не кривил душой. В женщине было нечто очень грустное и вместе с тем очень трогательное.

– Давай пойдем назад в церковь, – тихо произнесла она.

– Если ты действительно хочешь сделать мне подарок, – сказал я, – возьми меня на прогулку по этому городу при лунном свете.

Она кивнула в знак согласия.

– При условии, что ты не произнесешь ни слова, – сказала она.

– Почему? – спросил я, хотя уже знал ответ.

– Потому что мы *видим сон*, – сказала она. – Я возьму тебя глубоко в свое *сновидение*.

Она объяснила, что пока мы остаемся в церкви, у меня достаточно времени подумать и поговорить, но за пределами церкви ситуация совсем другая.

– Почему так? – дерзко спросил я.

Самым серьезным тоном, который не только сделал ее мрачнее, но и вселил в меня ужас, женщина сказала:

– Потому что за ее пределами ничего нет. Это *сон*. Ты находишься у *четвертых врат сновидения*, видя во сне мой *сон*.

Она сказала мне, что ее искусство заключается в способности направлять свое *намерение*, и все, что я вижу вокруг, происходит по ее *воле*. Она сказала шепотом, что церковь и город были результатом ее воображения; они существовали не существуя. Она добавила, глядя мне в глаза, что это одна из тайн *намерения во втором внимании* двойной позиции *сновидения*. Это может быть

сделано, но не может быть объяснено и постигнуто.

Она сказала мне, что она происходит из линии магов, которые знали, как действовать во *втором внимании*, направляя свое *намерение*. Ее рассказ повествовал о том, что маги из ее линии владели искусством направлять свои мысли в *сновидении* с целью воспроизвести завершенную и правдивую картину объекта, структуры, точки, фрагмента ситуации по своему выбору.

Она рассказывала, что магии ее линии обычно начинали с того, что пристально рассматривали простой объект и запоминали каждую его деталь. Они могли затем закрыть глаза и представить объект, корректировать это визуальное представление, сравнивая с самим объектом, до тех пор, пока не видели его с закрытыми глазами полностью завершенным.

Следующим пунктом в их развивающейся схеме было *сновидение* с объектом и создание в *сновидении* полной материализации объекта с точки зрения их собственного ощущения.

– Этот акт, – сказала женщина, – называется первым шагом к *абсолютному восприятию*.

От простых объектов эти маги переходили к более сложным конструкциям. Конечной целью для всех них являлось визуальное представление в *сновидении* всего мира, и воссоздания таким образом абсолютно вероятной реальности, в которой они могли бы существовать.

– Когда кто-либо из магов моей линии приобретал способность делать это, – продолжала женщина, – он запросто мог забирать кого-либо в свое *намерение*, в свое *сновидение*. Это именно то, что я сейчас проделала с тобой, и то, что я делала со всеми нагвалями твоей линии.

Женщина захихикала.

– Ты лучше поверь в это, – сказала она так, словно я не верил. –

Целые народы исчезли в таких *сновидениях*. Вот почему я сказала тебе, что эта церковь и этот город являются одной из тайн *намерения*, сконцентрированного во *втором внимании*.

– Ты сказала, что целые народы исчезли таким образом. Как это было возможно? – спросил я.

– Они создали визуальный образ, а затем воссоздали такую ситуацию в *сновидении*, – ответила она. – Ты никогда не создавал подобных визуальных образов чего-либо, поэтому тебе очень опасно входить в мое *сновидение*.

Затем она предупредила меня, что пойти через *четвертые врата* и продвигаться по местам, которые существуют лишь в чем-то воображении – весьма рискованно, так как каждый момент такого сна должен быть абсолютно личным моментом.

– Ты все еще хочешь идти? – спросила она.

Я сказал, что да. Потом она еще кое-что рассказала мне о сдвоенных позициях. Суть ее объяснения сводилась к тому, что, к примеру, я *сноввижу* мой родной город, и мое *сновидение* началось, когда я лежал на правом боку и видел сон, что я заснул. *Второе сновидение* не должно быть обязательно сном о моем родном городе, но быть наиболее конкретным сном, какой только можно вообразить.

Она была уверена, что в своей практике *сновидения* я получал бесчисленное множество конкретных деталей, но заверяла меня, что каждая из них скорее всего была случайностью. Потому что единственным способом полностью контролировать сны является использование техники сдвоенных позиций.

– И не спрашивай меня, почему, – добавила она. – Это просто происходит. Как и все остальное.

Она заставила меня встать и снова предостерегла меня, чтобы я не разговаривал и не отставал от нее. Она нежно взяла меня за руку так, словно я – ребенок, и повела к скоплению домов, казавшихся темными силуэтами. Мы шли по булыжной мостовой. Массивные речные камни были вбиты остриями в землю. Казалось, что рабочие нарочно оставили все неровности поверхности, и не пытались ее выровнять.

Дома представляли собою большие побеленные одноэтажные грязные строения с черепичными крышами. Внутри бесцельно бродили люди. Тени внутри домов вызывали у меня такое впечатление, словно любопытные, но напуганные соседи шушукаются за дверьми. Я видел также невысокие холмы вокруг города.

В отличие от происходившего со мной в моих *сновидениях*, мои ментальные процессы оставались ясными. На мои мысли не влиял ход событий в *сновидении*. Мой разум подсказывал мне, что я находился в *приснившейся* версии города, в котором жил дон Хуан, но в другое время. Мое любопытство разгорелось. Я находился вместе с *бросившей вызов смерти* в ее *сновидении*. Но был ли это сон? Сама она говорила, что это был сон. Я хотел *видеть* все, быть

сверхбдительным. Я хотел проверить все, *видя* энергию. Я чувствовал себя смущенным, но женщина еще крепче сжала мне руку, так, словно подавала мне знак, что согласна со мной. Все еще чувствуя себя до абсурда робко, я машинально громко заявил о своем *намерении видеть*. В практике моего *сновидения* я использовал фразу «*я хочу видеть энергию*». Иногда я должен был говорить ее вновь и вновь до тех пор, пока не получал результат. На сей раз, как только я по своему обыкновению начал повторять это в городе *сновидения* этой женщины, она начала смеяться. Ее смех был похож на смех дон Хуана: глубокий непринужденный смех.

– Что тебя так развеселило? – спросил я, несколько обескураженный ее смехом.

– Хуан Матус не любит древних магов вообще и меня в особенности, сказала женщина в перерыве между приступами смеха. – Все, что мы должны сделать для того, чтобы *видеть в наших снах*, – показать своим маленьким пальцем на то, что мы хотим *увидеть*. Заставить тебя кричать в моем *сне* – это его способ направить мне свое послание. Ты должен признать, что он действительно умен.

Она на мгновение остановилась, затем продолжила с оттенком откровения:

– Ты вопишь, как дурной осел во время случки.

Чувство юмора магов привело меня в крайнее замешательство.

Она смеялась так, что, казалось, уже не в состоянии была продолжать прогулку. Я чувствовал себя в глупом положении. Когда она успокоилась и к ней вернулось самообладание, она вежливо сказала мне, что я могу указать на все, что я хочу *видеть* в ее *сновидении*, включая ее саму.

Я указал мизинцем левой руки на дом. В этом доме не было энергии. Этот дом был как любой другой фрагмент в обычном сне. Я указывал на все остальное вокруг меня, результат был тот же.

– Укажи на меня, – предложила она. – Ты должен получить подтверждение, что именно этим методом *сновидящие* достигают *видения*.

И она была абсолютно права. Это был способ. В тот момент, когда я указал своим пальцем на нее, она стала сгустком энергии. Могу добавить, очень своеобразным сгустком. Ее энергетическая форма точно соответствовала тому, какой описывал ее дон Хуан; она

выглядела как огромная морская раковина, закручивающаяся вовнутрь вдоль раскола, идущего по всей ее длине.

– Я единственное существо, генерирующее энергию в этом *сне*, – сказала она. – Так что самым правильным для тебя будет просто за всем наблюдать.

В этот момент я впервые был поражен глубиной шутки дона Хуана. Он ухитрился сделать так, чтобы я выучился кричать в своем сне для того, чтобы я сумел крикнуть в плену *сновидения*, принадлежавшего *брошившей вызов смерти*. Это показалось мне настолько смешным, что я буквально задохнулся в приступе смеха.

– Давай продолжим нашу прогулку, – мягко произнесла женщина, когда я перестал смеяться.

Там были лишь две улицы, которые пересекались; в каждой – по три квартала домов. Мы прошлись по всей длине обеих улиц. И не раз, а четырежды. Я смотрел на все и своим *слухом сновидения* внимал каждому шуму. Шумов было мало, только где-то далеко лаяли собаки или шепотом разговаривали люди, когда мы проходили мимо.

Собачий лай вызвал во мне незнакомое и сильное чувство. Я должен был остановиться. Я облегченно вздохнул, прислонившись плечами к стене. Прикосновение к стене было шокирующим, не потому что стена была необычная, а потому, что то, к чему я прикоснулся, было настоящей твердой стеной, как любая другая стена, до которой я когда-либо дотрагивался. Я почувствовал это своей свободной рукой. Я провел пальцами по ее грубой поверхности. Это действительно была стена.

Ее ошеломляющая реальность немедленно заставила меня забыть об этом необычном ощущении, и ко мне вернулся интерес к продолжению наблюдения. В особенности я искал те черты, которые соотносились бы с городом моего дня. Тем не менее, как я ни пытался, соответствий не находилось. В этом городе тоже была площадь, но она находилась перед церковью. На площадь выходила галерея.

В лунном свете холмы вокруг города были ясно видны и почти узнаваемы. Я пытался сориентироваться, наблюдая за Луной и звездами так, словно я находился в реальной повседневной жизни. Месяц был на ущербе, вероятно, был первый день после полнолуния. Он находился высоко над горизонтом. Должно быть, было между восемью и девятью часами вечера. Я видел Орион

справа от Луны; две главные звезды – Бетельгейзе и Ригель – находились на одном уровне с Луной. Я определил начало декабря. Мое время было – май. В мае Орион нигде в это время суток не виден. Я смотрел на Луну очень долго. Ничего не изменилось. Это была Луна, насколько я мог судить. Несоответствие во времени очень меня взволновало.

Обследовав горизонт на юге, я подумал, что смогу различить колоколообразную вершину, которую было видно из внутреннего двора дон Хуана. Затем я пытался определить, где может быть его дом. На мгновение мне показалось, что я нашел. Я так увлекся, что отпустил руку женщины. Тут же меня охватило невероятное волнение. Я знал, что должен возвращаться в церковь, потому что если я этого не сделаю, мне грозит смерть. Я повернулся и бросился к церкви. Женщина быстро схватила мою руку и последовала за мной.

Пока мы быстрым шагом приближались к церкви, я понял, что в этом *сновидении* мы находились в той части города, которая была позади церкви. Если бы я принял это во внимание, возможно, я бы смог сориентироваться. Но у меня уже не хватало *внимания сновидения*. Я сосредоточил его остаток целиком на деталях архитектуры и орнамента задней части церкви. Я никогда не видел эту часть строения в мире обыденной жизни и подумал, что если я зафиксирую в своей памяти ее детали, то смогу сравнить их с деталями реальной церкви.

Этот план экспромтом возник в моей голове. Но что-то внутри меня презирало эти мои попытки все обосновать. На протяжении моего ученичества меня постоянно беспокоила потребность объективности, которая заставляла меня проверять и перепроверять все, что касалось мира дон Хуана. Это была не то чтобы возведенная в ранг закона необходимость, но скорее потребность использовать стремление к объективности как опору в моменты наиболее сильных противоречий в познании. Когда появлялось время, чтобы проверить то, что я намечал, – я никогда не доводил этого до конца.

В церкви мы с женщиной опустились на колени перед небольшим алтарем на левой стороне, там, где мы были раньше. И в следующее мгновение я поднялся в хорошо освещенной церкви моего дня.

Женщина перекрестилась и встала. Я машинально проделал то же.

Она взяла меня за руку и пошла к двери.

– Подожди, подожди, – сказал я, удивившись, что могу говорить. Я не мог четко сформулировать свои мысли, но хотел задать ей непростой вопрос. Я хотел спросить, каким образом кто-либо может обладать энергией в такой степени, чтобы создать визуальный образ каждой детали целого города.

Улыбаясь, женщина ответила на мой невысказанный вопрос. Она сказала, что у нее очень хорошо получается воспроизведение визуального образа, потому что после того, как она занималась этим на протяжении всей своей обычной жизни, у нее было еще много-много жизней, чтобы совершенствоваться.

Она добавила, что город, в котором я побывал, и церковь, в которой мы говорили, были примерами ее недавних опытов в создании зрительных образов. Церковь была той самой церковью, где был пономарем Себастьян. Она поставила перед собой задачу запомнить мельчайшие детали каждого угла этой церкви и этого города – просто для тренировки, безо всякой на то жизненной необходимости.

Она завершила свою речь последней, самой беспокоящей мыслью:

– Поскольку ты кое-что знаешь об этом городе, – хотя ты никогда не пытался создать его мысленный образ, – сказала она, – сейчас ты помогаешь мне создать его. Держу пари, ты не согласишься мне, если я скажу, что этот город, на который ты смотришь сейчас, не существует в реальности, вне моего и твоего воображения.

Она пристально посмотрела на меня и рассмеялась над охватившей меня паникой, настолько сильной, что я едва смог осознать, о чем она говорит.

– Мы все еще в *сновидении*? – спросил я изумленно.

– Да, – ответила она. Но этот *сон* более реален, чем другие, потому что мне помогаешь ты. Невозможно это объяснить, можно только констатировать, что это происходит. Как и все остальное.

Она широким жестом обвела город вокруг нас.

– Нет способа объяснить, как это происходит, но это происходит.

Помни всегда то, что я сказала тебе: это тайна направленного *намерения во втором внимании*.

Она нежно привлекла меня к себе.

– Давай выйдем на площадь этого сна, – сказала она. – Но мне, наверное, следует немного переодеться, и ты почувствуешь себя свободнее.

Я смотрел непонимающим взглядом, наблюдая, как она искусно меняет свой внешний вид. Она производила простые земные действия. Она сняла длинную юбку, под ней оказалась еще одна современного покроя. Затем она свернула в узел косу и сменила обувь, надев туфли на каблучках, которые носила с собой в маленьком узелке. Она перевернула двустороннюю черную шаль на бежевую сторону. Теперь она выглядела как типичная мексиканка из средних слоев, приехавшая в этот город.

Она взяла мою руку с женской уверенностью и направилась на площадь.

– Что случилось с твоим языком? – сказала она по-английски. – Его съела кошка?

Я был полностью поглощен невыносимой вероятностью того, что я все еще в *сновидении*. Более того, я начинал понимать, что если бы это было правдой, я рисковал никогда не проснуться.

Бесстрастным тоном, которого я за собой и не подозревал, я сказал:

– До этого момента я не замечал, что ты уже говорила со мной по-английски. Где ты выучила его?

– В том мире. Я говорю на многих языках.

Она остановилась и внимательно посмотрела на меня.

– У меня было много времени, чтобы выучить их. Поскольку мы собираемся проводить вместе много времени, я как-нибудь обучу тебя своему собственному языку.

Она усмехнулась, не обращая внимания на мой расстроенный вид. Я застыл на месте.

– Мы собираемся провести вместе много времени? – спросил я, выдавая свои чувства.

– Конечно, – ответила она веселым тоном. – Ты так великодушно собирался отдать мне даром свою энергию. Ты же сам сказал это, не так ли?

Я был сражен.

– В чем же дело? – спросила женщина, снова переходя на испанский. – Не говори мне, что ты сожалеешь о своем обещании. Мы маги. Слишком поздно менять свое решение. Ты не боишься, правда?

Я был более чем напуган, но если бы я задался вопросом, что именно ужасало меня, то не нашел бы ответа. Я наверняка не боялся быть рядом с *брошившей вызов смерти в другом сне*, потерять свое осознание или даже жизнь. Боялся ли я дьявола? –

спрашивал я себя. Но эта мысль не выдерживала критики. В результате всех этих лет жизни мага я без тени сомнения был уверен в том, что во вселенной существует только энергия; дьявол – это только результат человеческого воображения, находящегося во власти точки сборки в ее обычной позиции. Логически рассуждая, мне нечего было бояться. Я знал это, но знал также и то, что моей истинной слабостью был недостаток гибкости в моменты фиксации точки сборки в любой новой позиции. Контакт с *бросившей вызов смерти* в невероятной степени сместил мою точку сборки, и у меня не хватало смелости сохранять ее положение. Результатом этого явилось неопределенное, но потрясшее меня ощущение ужаса, что я не смогу проснуться. – Нет проблем, – сказал я. – Давай продолжим нашу прогулку во сне.

Она взяла меня под руку и мы молча вошли в парк. Это молчание не было вынужденным. Но мои мысли вертелись по кругу. Как странно, думал я: только мгновение назад я шел с доном Хуаном от парка к церкви в состоянии самого ужасающего естественного страха. Сейчас я иду назад из церкви в парк с объектом моего страха и мне еще более страшно, чем когда-либо, и страх этот еще сильнее и беспощаднее.

Чтобы отогнать от себя свое беспокойство, я начал оглядываться вокруг. Если бы это было *сновидением*, – во что мне так хотелось верить, – то была бы возможность доказать или опровергнуть это. Я указывал пальцем на все. Тщетно. Я даже прихватил пару человек, которых, как оказалось, я сильно напугал. Я ощущал их целиком. Они были столь же реальны, как все, что я считаю реальным, только не излучали энергию. Ничто в этом городе не излучало энергии. Все казалось реальным и нормальным, хотя это было *сновидение*.

Я обернулся к женщине, прижимавшейся к моей руке, и спросил ее об этом.

– Мы *стим*, – сказала она своим резким голосом и засмеялась.

– Но как могут люди и вещи вокруг нас быть столь реальными, трехмерными?

– Тайна *направленного намерения во втором внимании!* – воскликнула она с благоговением. – Эти люди там столь реальны, что у них даже есть мысли.

Это было последним ударом. Я не хотел больше ни о чем

спрашивать. Я хотел предаться этому *сновидению*. Сильный удар по моей руке заставил меня на мгновение очнуться. Мы дошли до площади. Женщина остановилась и заставила меня сесть на скамью. Когда я садился, я не чувствовал под собой скамьи. Меня закружило. Я почувствовал, что поднимаюсь вверх. Промелькнул парк, словно я бросил на него взгляд сверху.

– Вот оно! – закричал я.

Мне казалось, что я умираю. Вращение подъема превратилось во вращение падения в темноту.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

ПОЛЕТ НА КРЫЛЬЯХ НАМЕРЕНИЯ

Сделай усилие, нагваль, – заставлял меня женский голос. – Не проваливайся. Поверхность, поверхность. Используй технику своего *сновидения*.

Мой разум начал работать. Я подумал, что это был голос англоязычного человека, и еще подумал, что если бы я использовал технику своего *сновидения*, мне необходимо было бы найти точку отсчета, чтобы сконцентрировать свою энергию.

– Открой глаза, – сказал голос. – Открывай их немедленно.

Уцепись за любую вещь, которую ты сразу же увидишь.

Я сделал огромное усилие и открыл глаза. Я увидел деревья и голубое небо. Был день! Надо мной склонилось расплывчатое пятно лица. Но я не мог сфокусировать свой взгляд. Мне показалось, что на меня смотрела *женщина из церкви*.

– Используй мое лицо, – сказал голос.

Это был знакомый голос, но я не мог идентифицировать его.

– Пусть мое лицо будет для тебя отправной точкой, затем посмотри на все остальное, – продолжал голос.

Мой слух и мое зрение были абсолютно ясными. Я всмотрелся в лицо женщины, затем в деревья в парке, в железную скамейку, в людей, которые проходили мимо, и снова в ее лицо.

Несмотря на то, что ее лицо все время менялось, я продолжал всматриваться в него. Я начал пробовать уменьшать до минимума контроль над собой. Но когда моя возможность воспринимать действительность улучшилась, я осознал, что на скамейке сидела женщина, держа мою голову у себя на коленях. И это была не *женщина в церкви*, это была Кэрол Тиггс!

– Что ты здесь делаешь? – выдохнул я.

Мой испуг и удивление были такими сильными, что я попытался вскочить и убежать, но тело совершенно не подчинялось приказам мозга. Последовали жуткие минуты, когда я отчаянно, но бесполезно пытался встать. Мир вокруг меня был настолько ясным, что мне трудно было поверить, что я все еще в *сновидении*,

тем не менее ослабленный контроль над способностью двигаться заставил меня заподозрить, что это действительно было *сновидение*. Кроме того, появление Кэрол было слишком неожиданным, оно никак не вытекало из логики предшествующих событий.

Я осторожно попытался заставить себя встать, как я это делал во сне сотни раз, но ничего не получилось. Сейчас от меня как никогда требовался объективный подход к происходящему. Одним глазом, насколько позволяло поле зрения, я начал тщательно осматривать все вокруг. Я повторил то же самое другим глазом. Затем я сопоставил образы, увиденные каждым глазом, чтобы получить подтверждение, что я действительно нахожусь в реальности повседневной жизни.

Затем я стал изучать Кэрол. И в этот момент я заметил, что могу двигать руками. Парализована была только нижняя часть моего тела. Я дотронулся до лица и рук Кэрол; я обнял ее. Это было настоящее тело, и я поверил, что это действительно была Кэрол Тиггс. Мое облегчение было невероятным, потому что на мгновение у меня появилось жуткое подозрение, что это была *бросившая вызов смерти* маскирующаяся под образ Кэрол.

Кэрол очень заботливо помогла мне сесть на скамейке. Я лежал на спине – одна половина на скамейке, другая – на земле. Затем я заметил, что что-то было не в порядке. На мне были поношенные голубые джинсы и старые коричневые кожаные ботинки. На мне была также джинсовая курточка и рубашка из грубой ткани.

– Подожди минутку, – сказал я Кэрол. – Посмотри на меня! Разве это моя одежда? Разве это я?

Кэрол засмеялась и тряхнула меня за плечи. Она всегда так делала, чтобы показать свое дружеское расположение, и становилась при этом похожей на мальчишку.

– Я смотрю на твою распрекрасную физиономию, – сказала она своим забавным сильным фальцетом. – О Господи, кто же еще это может быть?

– Какого черта я одет в эти Левисы и ботинки? – настаивал я. – У меня таких нет.

– Это моя одежда, – сказала она. – Я нашла тебя обнаженным!

– Где? Когда?

– Около церкви, примерно час назад. Я пришла сюда на площадь искать тебя. У меня с собой была эта одежда, как раз к месту.

Я сказал ей, что я ужасно смущен тем, что разгуливал без одежды.
– Странно, но вокруг никого не было, – заверила она меня, но я почувствовал, что она сказала это только чтобы подбодрить меня. Это подтверждала и ее лукавая улыбка.

– Должно быть, всю прошлую ночь, а может и дольше, я общался с *брошившей вызов смерти*, – сказал я. – Какой сегодня день?

– Не волнуйся о датах, – сказала она, смеясь. – Когда ты сосредоточишься, ты сам посчитаешь дни.

– Не шути со мной, Кэрол Тиггс. Какой сегодня день? – Мой голос звучал грубо и, казалось, принадлежал кому-то другому.

– Сегодня день после большого праздника, – сказала она и дружески похлопала меня по плечу. – Мы все искали тебя со вчерашней ночи.

– Но что я здесь делаю?

– Я перенесла тебя через площадь в гостиницу. Я не могла нести тебя к дому нагваля; несколько минут назад ты выбежал из комнаты, и вот здесь мы снова встретились.

– Но почему ты не попросила помощи у нагваля?

– Потому что это касается только меня и тебя. Мы вдвоем должны разрешить эту проблему.

Это заставило меня закрыть рот. Она поставила меня на место. Я задал ей еще один вопрос.

– Что я сказал, когда ты нашла меня?

– Ты сказал, что ты так глубоко и так надолго погружался во *второе внимание*, что еще не пришел в себя. Все, что ты хотел, – это спать.

– Когда я потерял контроль над своими движениями?

– Только минуту назад. Ты обрешь его. Ты сам знаешь, что это совершенно нормально. Когда тыходишь во *второе внимание* и получаешь значительный заряд энергии, то теряешь контроль над речью или движениями.

– А когда ты перестала шепелявить, Кэрол?

Я застал ее врасплох. Она уставилась на меня и рассмеялась.

– Я долго работала над этим, – заверила она меня. – Я понимала, что это может вызывать сильное раздражение, – слышать, как шепелявит взрослая женщина. Кроме того, ты это просто терпеть не мог.

Согласиться с тем, что мне не нравилась ее шепелявая речь, было нетрудно. И дон Хуан, и я пытались вылечить ее, но пришли к

выводу, что она вовсе не была заинтересована в излечении. Ее шепелявость привлекала к ней внимание других, и дон Хуан считал, что ей это нравится и она не собирается от него избавляться. Мне было очень странно и приятно слышать, что она не шепелявит. Это доказывало, что она способна радикально измениться. В этом ни дон Хуан, ни я никогда не были уверены.

– Что еще говорил нагваль, когда он послал тебя за мной? – спросил я.

– Он сказал, что у тебя была схватка с *бросившим вызов смерти*. Доверительным тоном я поведал Кэрол, что *бросившим вызов смерти* была женщина. Она небрежно заметила, что знала об этом.

– Как ты можешь знать об этом? – закричал я. – Никто никогда не знал об этом, кроме дон Хуана. Он сказал об этом тебе сам?

– Конечно, – ответила она, не обращая внимания на мой крик. – Ты упустил из виду, что я тоже встретила *женщину в церкви*. Я встретила ее еще до того, как с ней встретился ты. В церкви мы довольно долго и дружелюбно беседовали с ней.

Я поверил, что Кэрол говорила мне правду. Ее описание было очень похоже на то, как это сделал бы дон Хуан. Он, по всей вероятности, мог послать Кэрол как разведчика, чтобы выяснить что и как.

– Когда ты видела *брошившую вызов смерти*? – спросил я.

– Пару недель назад, – ответила она многозначительным тоном. – Это не было для меня большим событием. У меня не было энергии, чтобы дать ей, а может, не было того достаточного количества энергии, которое этой женщине была необходимо.

– Тогда зачем ты виделась с ней? Неужели встреча с женщиной-нагвалем тоже является соглашением между *брошившей вызов смерти* и магами?

– Я виделась с ней, потому что нагваль сказал, что ты и я взаимозаменяемы, – и только по этой причине. Наши энергетические тела много раз сливались. Разве ты не помнишь? Мы с этой женщиной разговаривали о том, с какой легкостью мы сливаемся. Я была с ней три или четыре часа, пока не пришел нагваль и не забрал меня.

– Ты все время была в церкви? – спросил я, потому что мне с трудом верилось, что они стояли там на коленях в течение трех или четырех часов, говоря только о слиянии наших энергетических тел.

– Она взяла меня в другой аспект своей сущности, – заключила Кэрол после минутного раздумья. – Она позволила мне *увидеть*, как она избегает своих захватчиков.

Затем Кэрол рассказала самую интригующую историю. Она сказала, что, судя по тому, что показала ей *женщина в церкви*, каждый древний маг неизбежно становился жертвой неорганических существ. Неорганические существа, захватив их, передавали им силу, чтобы они могли быть посредниками между нашим миром и их реальностью, которую люди называют адом. *Бросивший вызов смерти* был, как и остальные, с неизбежностью захвачен в сети неорганических существ. Кэрол утверждала, что ему, по всей вероятности, пришлось провести тысячи лет в плену, пока не появилась возможность трансформировать себя в женщину. Он четко увидел, что покинуть этот мир можно только таким способом. Неорганические существа рассматривают женское начало как вечное. Они верят, что женское начало настолько гибкое и многообразное, что женские особи не попадают в ловушки и их трудно взять в плен. Трансформация мага была такой полной и такой детальной, что он был извергнут из реальности неорганических существ.

– Она говорила тебе, что неорганические существа все еще преследуют ее? – спросил я.

– Безусловно, они следят за ней, – заверила меня Кэрол. – Женщина сказала мне, что она должна охранять себя от преследователей каждую минуту своей жизни.

– Что они могут ей сделать?

– Я думаю, что они могут понять, что она была мужчиной и снова взять ее в плен. Мне кажется, что ее страх бесконечно превосходит любой страх, который мы способны вообразить.

Кэрол сказала мне, что *женщина в церкви* была в курсе моего столкновения с неорганическими существами, знала она также и о *голубом лазутчике*.

– Она знает о тебе и обо мне все, – продолжала Кэрол. – И не потому, что я ей что-то рассказала, а потому, что она – часть нашей жизни, нашего происхождения. Она говорила, что всегда следила за всеми нами, особенно за тобой и мной.

Кэрол привела мне примеры тех ситуаций из нашей совместной работы, о которых знала *женщина в церкви*. Пока она говорила, я стал ощущать безумную ностальгию по человеку, который был

передо мной – по Кэрол Тиггс. Я отчаянно захотел обнять ее. Я потянулся к ней, но потерял равновесие и упал со скамейки. Кэрол помогла мне встать с тротуара и тщательно осмотрела мои ноги, глаза, шею, спину. Она сказала, что во мне еще чувствуются остатки энергетического заряда. Она положила мою голову себе на грудь и качала меня, как маленького ребенка.

Немного спустя я почувствовал себя лучше и даже стал понемногу обретать контроль над движениями.

– Как тебе нравится моя одежда? – неожиданно спросила Кэрол. – Одет ли я как надо? Я тебе нравлюсь?

Кэрол всегда одевалась исключительно хорошо. Что в ней действительно было, – так это безупречный вкус в одежде. И действительно, все время, что я ее знаю, дон Хуан и все остальные постоянно шутили, что ее единственным достоинством было умение покупать красивую одежду и носить ее со вкусом и грацией.

Я нашел ее вопрос очень странным и спросил:

– Почему ты так волнуешься о своей внешности? Это никогда не волновало тебя раньше. Ты что, хочешь поразить кого-нибудь?

– Конечно, я хочу поразить тебя, – сказала она.

– Но сейчас не время, – запротестовал я. – Сейчас имеет значение не твоя внешность, а *бросившая вызов смерти*.

– Ты удивишься, насколько важна моя внешность, – засмеялась она. – Моя внешность – вопрос жизни и смерти для нас обоих.

– О чем ты говоришь? Все это напоминает то, как нагваль устраивал мне встречу с *брошившей вызов смерти*. Я чуть не свихнулся от его загадочных намеков.

– Оказались ли его загадочные намеки уместными? – спросила Кэрол очень серьезно.

– В известной степени – да, – согласился я.

– То же и моя внешность. Скажи мне, как ты меня находишь?

Привлекательной, непривлекательной, средней, отвратительной?

Я подумал немного и сделал определенные выводы. Я находил, что она очень привлекательная. Мне это казалось очень странным.

Я никогда сознательно не думал о ее внешности.

– Я нахожу, что ты чертовски хороша, – сказал я. – На самом деле, ты ошеломительно хороша.

– Тогда это, должно быть, правильно выбранная внешность, – вздохнула она.

Я старался понять, что она хотела этим сказать, но она заговорила снова.

Как ты провел время с *бросившей вызов смерти*? – спросила она. Я подробно рассказал ей о моей встрече, особенно о *первом сновидении*. Я сказал о своем впечатлении, что *бросившая вызов смерти* показала мне этот самый город, но в другом времени – в прошлом.

– Но это невозможно, – сказала она. – Во вселенной нет ни прошлого, ни будущего. Есть только настоящее мгновение.

– Я знаю, что это было прошлое, – сказал я. – Это была та же церковь, но другой город.

– Подумай немного, – настаивала она. – Во вселенной есть только энергия. А у энергии есть только здесь и сейчас, бесконечное и всегда присутствующее здесь-и-сейчас.

– Тогда что же случилось со мной, как ты думаешь, Кэрол?

– С помощью *бросившей вызов смерти* ты пересек *четвертые врата сновидения*, – сказала она. – *Женщина в церкви* взяла тебя в свой сон, в свое намерение. Она взяла тебя в то, как она видит этот город. Вероятно, она визуализировала его в прошлом, и эта визуализация осталась невредимой. Как и ее визуализация современного города.

После продолжительного молчания, когда я не мог произнести ни слова, она задала мне еще один вопрос:

– Что еще делала с тобой та женщина?

Я рассказал Кэрол *второе сновидение*. *Сновидение* о городе каков он есть сейчас.

– Ну вот, – сказала она. – Женщина взяла тебя не только в свое прошлое *намерение*, но и помогла тебе пройти через *четвертые врата*, заставляя твое энергетическое тело пропутешествовать в другое место, которое существует сегодня, но в ее *намерении*.

Кэрол сделала паузу и затем спросила меня, объяснила ли мне *женщина в церкви*, как *намереваться* во *второе внимание*.

Я помню, что она говорила об этом, но не объясняла, что значит на самом деле *намерение* ко *второму вниманию*. Кэрол обратилась к концепции, о которой никогда не упоминал Дон Хуан.

– Откуда у тебя эти новые идеи? – спросил я, откровенно любуясь ею.

Уклончивым тоном Кэрол заверила меня, что многое об этих странных запутанных вещах объяснила ей *женщина в церкви*.

– Сейчас мы погружены во *второе внимание*, – продолжала она. – *Женщина в церкви* ввела нас в *сновидение*, тебя – здесь, а меня – в Таксоне. А затем мы снова заснули в нашем *сне*. Но ты не помнишь этой части, а я помню. Секрет *сдвоенной позиции*. Вспомни, что сказала тебе женщина; *второй сон* начинается во *втором внимании* – это единственный путь переступить *четвертые врата сновидения*.

После длинной паузы, во время которой я не смог сказать ни слова, она произнесла:

– Я думаю, что *женщина в церкви* в действительности сделала тебе подарок, хотя ты и не хотел его получать. Ее подарком было то, что она присоединила свою энергию к нашей, чтобы передвигаться туда и назад в здесь-и-сейчас энергии вселенной.

Это очень взволновало меня. Слова Кэрол были точными и мне нечего было возразить. Она дала определение чему-то, что я считал невозможным определить, хотя я и не знал, что же именно она определила. Если бы я мог двигаться, я бы вскочил и обнял ее. Она улыбалась своей прекрасной улыбкой, в то время как я судорожно продолжал размышлять над смыслом ее слов. Я еще раз отметил, что Дон Хуан никогда не говорил мне ничего подобного.

– Возможно он не знает, – сказала Кэрол примирительно, ничуть не обижаясь на дона Хуана.

Я не стал с ней спорить. Какое-то время я оставался в неподвижности, глубоко погружившись в свои мысли. Затем мысли и слова посыпались из меня, как при извержении вулкана. Люди шли по площади, кое-кто даже остановился посмотреть. Должно быть, мы представляли собой то еще зрелище: Кэрол Тиггс целовала и ласкала мое лицо, в то время как я еще и еще разглагольствовал о ясности ее ума и о моей встрече с *бросившей вызов смерти*.

Когда я смог идти, она проводила меня через площадь в единственную в городе гостиницу. Она убедила меня, что у меня еще недостаточно энергии, чтобы идти в дом к Дон Хуану, но что все там знают, где мы находимся.

– Как они могли узнать, где мы? – спросил я.

– Нагваль – старый хитрый маг, – ответила она, смеясь. – Это он сказал мне, что если я найду тебя энергетически ослабленным, то мне следует отвести тебя в гостиницу, а не рисковать, таща на буксире через весь город.

Ее слова и особенно ее улыбка заставили меня почувствовать такое облегчение, что дальше я продолжают идти в блаженном состоянии. Мы обошли угол и прошли полквартиры вниз по улице ко входу в гостиницу, который был расположен как раз напротив церкви. Мы прошли через фойе, поднялись по цементным ступенькам на второй этаж прямо в номер. В столь неприветливых гостиничных номерах мне раньше бывать не приходилось. Кэрл сказала, что я уже был здесь; тем не менее у меня не было никаких воспоминаний ни о гостинице, ни о номере. Хотя я настолько устал, что просто не был способен думать об этом. Я просто упал на кровать вниз лицом. Единственное, чего я хотел, – это спать, хотя и был очень взвинчен. Было так много несвязанных концов, хотя внешне все выглядело достаточно упорядоченным. Вдруг я почувствовал внезапный прилив нервного возбуждения и сил. – Я никогда не говорил тебе, что не принял подарок *брошившей вызов смерти*, – сказал я, повернувшись к Кэрл. – Откуда ты знаешь, что я не принял его?

– Но ты сказал мне об этом сам, – запротестовала она, садясь рядом со мной. – Ты так гордился этим. Это было первое, что ты сказал мне, когда я тебя нашла.

Как ни странно, это был единственный ответ, который не удовлетворил меня. То, о чем она сообщила, не выглядело как мое утверждение.

– Я думаю, что ты неправильно меня поняла, – сказал я. – Я просто не хотел принимать ничего, что отклонило бы меня от моей цели.

– Ты хочешь сказать, что не чувствуешь гордости за свой отказ?

– Нет. Я ничего не чувствую. Я не способен больше что-либо чувствовать, кроме страха.

Я вытянул ноги и положил голову на подушку. Я почувствовал, что если бы я закрыл глаза или прекратил говорить, я бы тут же заснул. Я рассказал Кэрл, как я спорил с доном Хуаном в начале моего знакомства с ним, о его убедительных мотивах следовать по пути воина. Он говорил, что страх поддерживает его, чтобы идти прямо и что больше всего он боится утратить *нагваль*, *абстрактное*, *дух*.

– По сравнению с утратой *нагваля* смерть – это ничто, – говорил он с искренней страстью в голосе. – Мой страх потерять *нагваль* – это единственная реальная вещь, которая у меня есть, потому что без этого я буду хуже, чем мертвец.

Я рассказал Кэрол, как я тут же возразил дону Хуану, горло заявив, что поскольку мне неизвестен страх, то если бы мне пришлось выбирать такой путь, – силой, подвигающей меня на это, для меня была бы любовь.

Дон Хуан заявил, что когда приходит критический момент, то единственным стоящим состоянием для воина является страх.

Втайне я возмущался узостью его взглядов.

– Колесо сделало полный оборот, – сказал я Кэрол. – Посмотри на меня сейчас. Я могу поклясться тебе, что единственное, что заставляет меня держаться, – это страх утратить *нагваль*.

Кэрол как-то странно взглянула на меня. Такого взгляда я у нее раньше не замечал.

– Я позволю себе не согласиться, – сказала она мягко. – Страх ничего не значит по сравнению с любовью. Страх заставляет двигаться как попало, любовь заставляет двигаться разумно.

– Что ты говоришь, Кэрол Тиггс? Разве маги сейчас любят?

Она не ответила. Она легла рядом со мной и положила голову ко мне на плечо. Мы оставались там, в этой странной неприветливой комнате долгое время в полной тишине.

– Я чувствую, что чувствуешь ты, – вдруг сказала Кэрол. – Теперь постарайся почувствовать, что чувствую я. Ты можешь это. Но давай сделаем это во тьме. Кэрол протянула вверх руку и щелкнула выключателем над кроватью. Одним движением я сел прямо. Толчок страха пронзил меня как удар электрическим током. Как только Кэрол выключила свет, в комнате наступила ночь. С огромным беспокойством я спросил ее об этом.

– Ты еще не в себе, – сказала она подбадривающе. – У тебя был грандиозных размеров припадок. Войдя так глубоко во *второе внимание*, ты как бы немного не в порядке. Конечно сейчас день, но твои глаза не могут еще привыкнуть к тусклому свету в номере. Более или менее убежденный, я снова лег. Кэрол продолжала говорить, но я не слушал. Я чувствовал простыни. Это были настоящие простыни. Я пробежался руками по кровати. Это была кровать! Я наклонился и дотронулся пальцами до холодного пола. Я встал с кровати и проверил каждый уголок в номере и ванной. Все было обычным, естественным. Я сказал Кэрол, что когда она выключила свет, у меня появилась абсолютная уверенность, что я сплю.

– Сделай перерыв, – сказала она. – Прекрати этот бред, иди в

кровать и отдохни.

Я открыл занавеси на окне и посмотрел на улицу. Был день, но когда я закрыл их, в номере была ночь. Кэрол умоляла меня лечь в постель. Она боялась, что я убегу на улицу, как сделал это раньше. В этом она была права. Я вернулся в постель, не заметив, что ни одной секунды я не потратил на то, чтобы указать на что-нибудь мизинцем. Как будто бы это стерлось из моей памяти.

Темнота в номере этой гостиницы была необычной. Она навевала на меня чувство мира и гармонии. Она также принесла мне чувство глубокой грусти, тоски по человеческому теплу, по обществу. Я чувствовал себя более чем разбитым. Ничего подобного со мной никогда не было. Я лежал в постели, пытаюсь вспомнить, была ли эта тоска чем-то таким, что я уже знал. Нет. Тоска, с которой я был знаком, была не по человеческому обществу; тогда это было чем-то абстрактным, скорее что-то вроде грусти о том, что я не сделал чего-то неопределенного.

— Я распадаюсь на части, — сказал я Кэрол. — Я сейчас расплачусь по людям.

Я думал, что она посчитает мое заявление сметным. Я и представил его как шутку. Но она ничего не сказала; казалось она согласилась со мной. Она вздохнула. Мое состояние было невероятно нестабильным, я полностью отдался эмоциям. Я повернулся к ней в темноте и прошептал что-то такое, что в обычное время было бы для меня совершенным вздором.

— Я обожаю тебя, — сказал я.

Такие разговоры среди магов дона Хуана были немыслимы. Кэрол Тиггс была женщиной-нагвалем. Между нами двумя не было необходимости проявлять любовь. На самом деле мы даже не знали, что чувствуем друг к другу. Дон Хуан учил нас, что у магов не было необходимости и времени для таких чувств.

Кэрол улыбнулась мне и обняла. И я настолько переполнился любовью к ней, что даже заплакал.

— Твое энергетическое тело движется вперед на светящихся энергетических волокнах вселенной, — прошептала она мне на ухо.

— Нас несет подарок *намерения бросившего вызов смерти*.

У меня было достаточно энергии, чтобы понять, о чем она говорит. Я даже спросил ее, понимает ли она сама, что все это значит. Она успокоила меня и прошептала на ухо:

— Я понимаю: подарок *бросившего вызов смерти* для тебя был

крыльями намерения. И с ними ты и я с невидим себя в другом времени. Во времени, которое еще придет.

Я оттолкнул ее и сел. То, как она произносила такие сложные магические понятия, выбивало меня из колеи. Ей не было дано серьезно воспринимать схематическое мышление. Мы всегда шутили между собой, что она не обладала философским умом.

– Что с тобой? – спросил я. – Ты – новое открытие для меня – Кэрол – маг-философ. Ты говоришь как дон Хуан.

– Еще нет, – она рассмеялась. – Но это приближается. Оно катится, и когда наконец оно достанет меня, для меня самым легким в мире будет стать магом-философом. Ты увидишь. И никто не сможет объяснить этого, это просто произойдет.

В моем мозге зазвонил будильник.

– Ты не Кэрол! – закричал я. – Ты *брошившая вызов смерти*, замаскированная под Кэрол. Я знал это!

Ничуть не взволнованная моим обвинением, Кэрол засмеялась.

– Не носи чепухи, – сказала она. – Ты собираешься пропустить урок. Я знала, что рано или поздно ты поддашься своему индугированию. Поверь мне, я Кэрол. Но мы делаем то, чем не занимались раньше: мы *собираем намерение во втором внимании*, как делали маги древности.

Она не вполне убедила меня, но у меня не было больше энергии, чтобы отстаивать свои доводы, потому что я начал погружаться во что-то вроде водоворота своего *сновидения*. Я едва слышал голос Кэрол, который шептал мне на ухо:

– Мы *сновидим* нас самих. *Сновидь* мне свое намерение!

Намеревай меня в будущее! Сконцентрируй *намерение* меня в будущее!

С огромным усилием я сформулировал выплывшую из глубины мысль:

– Останься здесь со мной навсегда, – произнесенное мною звучало, как замедленная запись на пластинке. Она ответила что-то непонятное. Я хотел засмеяться, но меня закружил вихрь.

Когда я проснулся, в гостиничном номере никого не было. Я не представлял, как долго я спал. Я совершенно растерялся, не найдя Кэрол рядом с собой. Быстро одевшись, я спустился в фойе поискать ее. Кроме того, я хотел развеять странную дремоту, которая все еще владела мной.

За столом управляющий сказал мне, что американка, которая сняла

номер, ушла минуту назад. Я выбежал на улицу в надежде догнать ее, но ее нигде не было видно. Был полдень; на безоблачном небе светило солнце. Было жарко.

Я пошел в церковь. Мое удивление было искренним, но притупленным, когда я обнаружил, что видел эти архитектурные детали в *сновидении*. Без особого интереса я сам сыграл роль своего собственного адвоката дьявола и развеял сомнения.

Возможно мы с доном Хуаном и осматривали заднюю часть церкви снаружи, но я не помнил этого. Я подумал, что это не имеет значения. Мои веские доказательства не имели для меня никакого значения – я слишком хотел спать.

Оттуда я медленно отправился к дому дона Хуана, продолжая искать Кэрол. Я был уверен, что найду ее там, что она меня ждет. Дон Хуан принял меня так, как будто я вернулся из лап смерти. Он и его компаньоны были в сильном возбуждении, с любопытством меня осматривая.

– Где ты был? – требовательно спросил дон Хуан.

Я не мог понять причины всей этой суеты. Я сказал ему, что провел ночь с Кэрол в гостинице у площади, потому что у меня не было энергии вернуться из церкви к нему домой, – но ведь они и сами об этом знали.

– Мы ничего об этом не знали, – сказал он.

– Разве Кэрол не сказала вам, что была со мной? – спросил я с тупым подозрением, и если бы я не был таким уставшим, то меня бы охватила тревога.

Никто не ответил. Они смотрели друг на друга. Я повернулся к дону Хуану и сказал, что я думал, что это он послал Кэрол найти меня. Дон Хуан ходил взад-вперед по комнате, не говоря ни слова.

– Кэрол Тиггс вообще с нами не было, – сказал он. – А тебя не было девять дней.

Только моя усталость спасла меня от шока при подобном заявлении. Тон его голоса и уверенность, которую продемонстрировали другие, доказывали, что все это серьезно. Но я был настолько ошеломлен, что ничего не мог сказать.

Дон Хуан попросил меня рассказать им подробно, что произошло между мной и *брошившей вызов смерти*. Я был удивлен, что так много помнил и смог рассказать, несмотря на усталость.

Напряжение было снято, когда я рассказал, как сильно смеялась женщина над моим бессмысленным криком в ее *сновидении*, о

моем намерении *видеть*.

– Способ указывать мизинцем работает даже лучше, – сказал я дону Хуану без всякой попытки обвинения.

Дон Хуан спросил, была ли у женщины еще какая-нибудь реакция на мой бессмысленный крик, кроме смеха. Я не помнил ничего, кроме ее веселья и ее слов о том, как он ее не любит.

– Нельзя сказать, что я не любил ее, – запротестовал Дон Хуан. – Я просто не люблю методы принуждения старых магов.

Обращаясь ко всем, я сказал, что лично мне очень нравится эта женщина, безмерно и без предубеждений. И что я люблю Кэрол Тиггс так, как не любил никого и никогда.

Казалось они не одобрили того, что я говорил. Они смотрели друг на друга, как будто я вдруг сошел с ума. Я хотел говорить еще. Но дон Хуан, как мне показалось, чтобы я больше не наговорил глупостей, выставил меня из дома и отправил обратно в гостиницу. Он пошел вместе со мной.

В гостинице был тот же управляющий, с которым я говорил раньше. Он выслушал наше описание Кэрол Тиггс, но с абсолютной уверенностью отрицал, что когда-либо видел ее или меня раньше. Он даже позвал горничных; они подтвердили его слова.

– Что все это может значить? – спросил Дон Хуан вслух.

Казалось, что его вопрос был обращен к себе самому. Он тихонько вывел меня из гостиницы.

– Пойдем из этого запутанного места, сказал он.

Когда мы вышли на улицу, он велел мне не оборачиваться и не смотреть на гостиницу или церковь через дорогу, а идти с опущенной головой. Я посмотрел на свои ботинки и понял, что на мне уже была не одежда Кэрол, а моя собственная. Но как бы я ни старался, я не мог вспомнить, когда я переоделся. Я вычислил, что это, должно быть, было, когда я проснулся в гостинице. Очевидно, тогда я надел свою собственную одежду, хотя ничего не помнил об этом.

К тому времени мы дошли до площади. До того, как мы перешли ее, чтобы направиться домой к дону Хуану, я рассказал ему про свою одежду. Он ритмично покачивал головой, внимательно слушая каждое слово. Он сел на скамейку и полным уверенности голосом сказал, что с этого момента я должен забыть, что было во *втором внимании* между женщиной в церкви и моим

энергетическим телом. Мое общение с Кэрол Тиггс в гостинице было чем-то вроде айсберга.

– Невозможно представить, что ты был во *втором внимании* девять дней, – продолжал дон Хуан. – Девять дней – это секунда для *бросившего вызов смерти*, но вечность для нас.

Прежде чем я смог что-то возразить, или объяснить или сказать что-нибудь, он остановил меня.

– Если ты до сих пор не можешь *вспомнить* всего, чему я тебя обучал во *втором внимании*, – подумай, насколько труднее должно быть *вспоминание* того, чему учил тебя *бросивший вызов смерти*. Я только учил тебя менять уровни осознания; *бросивший вызов смерти* заставлял тебя менять вселенные.

Я чувствовал себя разбитым. Дон Хуан и два его компаньона заставляли меня сделать невероятное усилие, чтобы вспомнить, когда я переоделся. Я не смог. Моя голова была пуста: ни чувств, ни воспоминаний. Каким-то образом я не был полностью с ними. Нервное напряжение дон Хуана и двух его компаньонов достигло максимума. Я никогда не видел его настолько обеспокоенным. Он всегда подшучивал как будто хотел, чтобы я не воспринимал его слишком всерьез. Но это был не тот случай.

Я снова попытался собраться с мыслями, чтобы пролить свет на все это; и опять мне это не удалось, но я не чувствовал поражения; меня охватила волна оптимизма. Я почувствовал, что все идет так, как должно быть.

Дон Хуан утверждал, что он ничего не знал о моих *сновидениях с женщиной в церкви*. Сон в гостинице, в городе, сон с Кэрол Тиггс были для него лихими проделками *сновидений* старых магов, которые только засоряют воображение людей.

Дон Хуан развел руками и наконец улыбнулся, как обычно.

– Мы можем только сделать вывод, что *женщина в церкви* показала тебе, как это делать, – сказал он медленно, с расстановкой.

– Для тебя это будет серьезной задачей – найти смысл в бессмысленном действии. Это было мастерское передвижение по шахматной доске, выполненное *бросившим вызов смерти* в образе *женщины в церкви*. Она использовала твое и Кэрол энергетические тела, чтобы подняться, освободиться от своих мертвых якорей. Она поймала тебя на твоём предложении отдать ей свободную энергию.

То, что он говорил, не имело для меня никакого смысла, но это

много значило для двух его компаньонов. Они пришли в сильное возбуждение. Обращаясь к ним, дон Хуан объяснял, что *бросивший вызов смерти и женщина в церкви* были разным проявлением одной и той же энергии; *женщина в церкви* была более сильной и сложной из двоих. Используя энергетическое тело Кэрол Тиггс и проделки старых магов, она создала Кэрол Тиггс в гостинице. Дон Хуан добавил, что Кэрол и женщина могли прийти во время встречи к некоему энергетическому соглашению. Казалось, что какая-то мысль вдруг осенила дона Хуана. Он неуверенно взглянул на своих двух компаньонов. Их глаза бегали, они смотрели друг на друга. Я уверен, что они не искали соглашения, они просто сразу что-то вместе поняли.

– Все наши размышления бесполезны, – сказал тихо дон Хуан ровным голосом. – Я уверен, что нет больше Кэрол Тиггс. Нет никакой *женщины в церкви*; обе слились и улетели на *крыльях намерения*, я уверен, – в будущее.

Причина, почему Кэрол Тиггс из гостиницы так волновалась о своей внешности, заключается в том, что она была *женщиной из церкви*, заставляя тебя думать, что она Кэрол Тиггс другого плана, более сильная. Разве ты не помнишь, что она говорила? – «*Сновидь* свое *намерение* на меня. *Намеревай* меня в будущее».

– Что это значит, дон Хуан? – спросил я.

– Это значит, что *бросивший вызов смерти* видел свой путь вовне. Она поймала тебя на прогулке. Твоя судьба – ее судьба.

– Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

– Я имею в виду, что если ты обретишь свободу, она тоже обретет ее.

– Как она сделает это?

– Через Кэрол Тиггс. Но не волнуйся о Кэрол.

Он сказал это до того, как я смог выразить свое понимание.

– Она способна и на тот маневр, и на многое другое.

Слишком много всего на меня свалилось. Я ощущал этот ужасный вес. В момент некоторого облегчения я спросил дона Хуана, что из всего этого выйдет.

Он не ответил. Он осмотрел на меня с ног до головы. Затем он медленно сказал:

– Подарок *бросившего вызов смерти* состоит из безграничных возможностей *сновидения*. Одно из них было твоим *сном* о Кэрол Тиггс в другом времени, в другом мире; в мире более просторном,

безграничном: в мире, где невозможное становится реальным. Дело в том, что ты не просто сможешь пользоваться этими возможностями, но и в один прекрасный день сможешь понять их. Мы встали и пошли к его дому. В моей голове безумным хороводом кружились мысли. Это были даже не мысли, а образы, смесь воспоминаний о *женщине в церкви*, и Кэрол Тиггс, разговаривающей со мной в сонной темноте гостиничного номера. Пару раз я почти смог сконцентрировать эти образы в чувства моего теперешнего «я», как обычно, но сдался; для такого задания у меня не было энергии.

Перед тем, как мы вошли в дом, дон Хуан остановился и повернулся ко мне. Он снова тщательно осмотрел меня, как будто искал какие-то знаки на моем теле. Затем я почувствовал себя обязанным направить его прямо к главному: я был уверен что он смертельно ошибается.

– В гостинице я был с настоящей Кэрол Тиггс, – сказал я. – В какой-то момент мне самому показалось, что это был *бросивший вызов смерти*, но после внимательного осмотра я отверг это подозрение. Это была Кэрол. Каким-то непонятным, странным образом она была в гостинице, как, впрочем, и я сам.

– Конечно это была Кэрол. – согласился дон Хуан. – Но не та Кэрол, которую мы знаем. Это была Кэрол *сновидения*. Я говорил тебе – Кэрол, сделанная из чистого *намерения*. Ты помог *женщине в церкви* осуществить это *сновидение*. Ее мастерство заключалось в том, чтобы сделать этот *сон* в высшей степени реальным: искусство старых магов, самая опасная вещь. Я говорил тебе, что ты получишь в *сновидении* королевский урок, не так ли?

– Как ты думаешь, что случилось с Кэрол Тиггс? – спросил я.

– Кэрол Тиггс ушла, – ответил он. – Но однажды ты найдешь новую Кэрол Тиггс, ту, из *сновидения* в гостинице.

– Что ты имеешь в виду, говоря, что она ушла?

– Она ушла из мира, – ответил он.

Я ощутил чудовищный спазм в солнечном сплетении. Я просыпался. Мое осознание постепенно возвращалось ко мне, но у меня еще не было полного контроля над ним. Тем не менее, оно начало пробиваться сквозь пелену *сновидения*; это была смесь незнания того, что происходит, и телесного ощущения, что что-то несоизмеримое находится сразу за углом.

Должно быть, мое лицо выражало недоверие, потому что дон Хуан

добавил повелительным тоном:

– Это *сновидение*. Ты должен знать, что это последнее перемещение.

– Но куда же она ушла, как ты думаешь, дон Хуан?

- Туда же, куда ушли древние маги. Я сказал тебе, что подарок *бросившего вызов смерти* заключался в безграничных возможностях *сновидения*. Ты не хотел ничего конкретного, поэтому *женщина в церкви* дала тебе абстрактный подарок: возможность летать на *крыльях намерения*.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Книга десятая

АКТИВНАЯ СТОРОНА БЕСКОНЕЧНОСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

- - Синтаксис
 - Синтаксис иного типа
- Введение
- Часть первая Трепет в воздухе
 - – 1 – Путешествие силы
 - – 2 – Намерение бесконечности
 - – 3 – КЕМ ЖЕ НА САМОМ ДЕЛЕ БЫЛ ДОН ХУАН?
- Часть вторая Конец эпохи
 - – 4 – ЗАБОТЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
 - – 5 – ПОЗИЦИЯ, НА КОТОРОЙ Я НЕ МОГ БОЛЬШЕ ОСТАВАТЬСЯ
 - – 6 – НЕИЗБЕЖНАЯ ВСТРЕЧА
 - – 7 – ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ
 - – 8 – ИЗМЕРЕНИЕ ПОСТИЖЕНИЯ
 - – 9 – СКАЗАТЬ «СПАСИБО»
- Часть третья ЗА ПРЕДЕЛАМИ СИНТАКСИСА
 - – 10 – ПРОВОДНИК
 - – 11 – ИГРА ЭНЕРГИИ НА ГОРИЗОНТЕ
 - – 12 – ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ТЕМНОМУ МОРЮ ОСОЗНАНИЯ
 - – 13 – НЕОРГАНИЧЕСКОЕ ОСОЗНАНИЕ
 - – 14 – ЧИСТЫЙ ВЗГЛЯД
 - – 15 – ЧЕРНЫЕ ТЕНИ
- Часть четвертая НАЧАЛО ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ
 - – 16 – ПРЫЖОК В БЕЗДНУ
 - – 17 – ВОЗВРАЩЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Синтаксис

Человек всмотрелся в свои уравнения и заявил, что Вселенная имела начало. В начале был взрыв, – сказал он, – Назовем его «Большой Взрыв», так и родилась Вселенная. И она расширяется, – сказал человек. Он даже вычислил продолжительность ее жизни: десять миллиардов обращений Земли вокруг Солнца. И весь мир был счастлив; все решили, что его вычисления – это и есть наука. Никому не пришло в голову, что, предположив, что Вселенная имела начало, этот человек просто следовал синтаксису своего языка; синтаксису, который требует начал, вроде рождения, развития, вроде созревания, и завершений, вроде смерти. Только так строятся высказывания. Вселенная когда-то началась, а теперь она стареет, – заверил нас тот человек. И она умрет, как умирает все, и как он сам умер, после того, как подтвердил математически синтаксис своего родного языка.

Синтаксис иного типа

Действительно ли Вселенная имела начало?

Верна ли теория Большого Взрыва?

Это – не вопросы (несмотря на вопросительный знак).

Является ли синтаксис, который требует начал, развитий и концов для построения высказываний, единственным существующим синтаксисом?

Вот это – настоящий вопрос.

Есть другие синтаксисы.

Есть такой, например, который требует, чтобы различные варианты интенсивности принимались как факт.

В этом синтаксисе ничто не начинается и ничто не кончается; рождение – это не четко выделенное событие, а лишь особый тип интенсивности, как и созревание, и смерть.

Человек этого синтаксиса, просматривая свои уравнения, обнаруживает, что он вычислил достаточно много вариантов интенсивности, чтобы авторитетно заявить: *Вселенная никогда не начиналась, и никогда не закончится, но она прошла, и проходит сейчас, и еще пройдет через бесконечные колебания интенсивности.*

Этот человек вполне мог бы заключить, что сама Вселенная является колесницей интенсивности и на ней можно мчаться сквозь бесконечные перемены.

Он бы мог прийти к этому выводу, и ко многим другим, пожалуй, даже не осознавая, что он лишь подтверждает синтаксис *своего* родного языка.

Введение

Эта книга представляет собой своего рода коллекцию памятных событий моей жизни. Я начал собирать ее, следуя совету дона Хуана Матуса, шамана родом из индейского племени яки. Он был моим учителем и в течение тринадцати лет пытаются сделать доступным для меня мир знания шаманов, которые жили в Мексике в древние времена. Дон Хуан предложил мне собирать коллекцию интересных случаев, и предложил как бы мимоходом, словно эта мысль только что пришла ему в голову. Но таков уж был его стиль обучения. Он предпочитал скрывать важность некоторых своих маневров, маскируя их под вполне безобидные мирские действия. Я думаю, что он защищал меня от жгучей боли окончательности, представляя все это как нормальные явления повседневной жизни.

Со временем дон Хуан открыл мне, что шаманы древней Мексики считали такое соби́рание памятных событий отличным способом активизации сгустков утерянной энергии, существующих в нашем «я». Он объяснил, что такие сгустки состоят из энергии, которая рождается в самом теле, а затем вытесняется, выталкивается со своего места обстоятельствами нашей повседневной жизни и становится недоступной. Так что соби́рание памятных событий было для дона Хуана и шаманов его линии средством повторного задействования этой неиспользуемой энергии.

Необходимой предпосылкой такого соби́рания является акт добросовестного и искреннего сведения воедино всех связанных с событием эмоций и постижений. Ничто не должно быть упущено. Как сказал дон Хуан, шаманы его линии были убеждены, что соби́рание памятных событий помогает выполнить эмоциональную и энергетическую настройку, необходимую для сознательного путешествия в неведомое.

Дон Хуан описал конечную цель своего шаманского знания как подготовку к *окончательному путешествию*, тому путешествию, которое каждому человеку приходится предпринимать в конце своей жизни. Он сказал, что благодаря дисциплине и решимости

шаманы были способны сохранять свое индивидуальное осознание и помнить о своей цели даже после смерти. Для них то, что современный человек называет «жизнь после смерти», было не туманным бестелесным состоянием, а очень конкретным миром, до краев наполненным практической деятельностью иного порядка, чем практическая деятельность повседневной жизни, но тоже весьма практической и функциональной. Дон Хуан считал, что собирание памятных событий своей жизни было для шаманов подготовкой к вхождению в тот конкретный мир, который они называли *активной стороной бесконечности*.

Однажды утром мы с доном Хуаном беседовали под его рамадой. Рамада – это что-то вроде веранды, хрупкое сооружение из бамбука с редким навесом из прутьев, который дает тень, но не защищает от дождя. Под навесом было несколько небольших крепких посылочных ящиков, которые служили сиденьями. Надписи на ящиках поблекли и скорее походили на узорные украшения, чем на адреса и названия почтовых организаций. На одном из таких ящиков я и сидел, прислонившись спиной к фасаду дома. Дон Хуан сидел на другом ящике, привалившись к подпорному шесту рамады. Я приехал на своей машине всего несколько минут назад. Целый день просидел за рулем – в такую жаркую, влажную погоду! Я потел, нервничал и ерзал. Дон Хуан начал разговор, как только я удобно устроился на ящике. Широко улыбаясь, он заметил, что люди, страдающие избыточным весом, просто не знают, как надо бороться с ожирением. Что-то в изгибе его губ подсказало мне, что это не просто шутка о тяготах дальних поездок на автомобиле. Камешек был явно в мой огород: под видом шутки дон Хуан самым что ни на есть открытым текстом заявил мне, что я растолстел.

Я так занервничал, что непроизвольно дернулся на своем ящике и сильно ударился спиной о тонкую стену дома. Этот удар потряс дом до самого фундамента. Дон Хуан вопросительно посмотрел на меня, но, вместо того чтобы спросить, все ли со мной в порядке, он заверил меня, что я не сломал его дом. Затем он стал пространно объяснять, что этот дом – лишь его временное обиталище, а вообще-то он живет в другом месте. Когда я спросил его, где же он на самом деле живет, он долго смотрел на меня. Его взгляд не был враждебным, но, как мне показалось, давал понять, что я совершил бестактность. Я не понял, в чем тут дело, и решил было повторить

свой вопрос, но дон Хуан остановил меня.

– Здесь такие вопросы не задают, – сказал он жестко. – Спрашивай что хочешь о процедурах или идеях. Когда я буду готов сообщить тебе, где я живу (если вообще буду), я тебе скажу, не дожидаясь твоих вопросов.

Я почувствовал себя отвергнутым и невольно покраснел. Было очень обидно. Неудержимый хохот дон Хуана только подлил масла в огонь. Он не просто отказался ответить на мой вопрос; он меня оскорбил, а теперь еще и смеялся надо мной!

– Я живу здесь временно, – продолжал между тем дон Хуан, не обращая внимания на мое окончательно испорченное настроение, – потому что это магический центр. Фактически, я живу здесь ради тебя.

Заявление было обескураживающим. Я не мог этому поверить. Может, он так говорит просто для того, чтобы загладить обиду?

– Ты действительно живешь здесь ради меня? – спросил я наконец, не в силах сдержать любопытство.

– Да, – сказал он спокойно. – Я должен воспитывать тебя. Ты – такой же, как я. Сейчас я повторю тебе то, что уже говорил раньше: задача каждого нагвала в каждом поколении магов заключается в том, чтобы найти нового мужчину или женщину, которые, как и он сам, имели бы двойную энергетическую структуру. Я увидел такую структуру у тебя на автобусной станции в Ногалесе. Когда я *вижу* твою энергию, я *вижу* два наложенных друг на друга светящихся шара – один сверху, а другой снизу. Это и есть то качество, которое связывает меня с тобой. Я не могу отвергнуть тебя, как и ты не можешь отвергнуть меня.

Его слова подействовали на меня самым странным образом. Если только что я злился, то теперь мне хотелось плакать.

Дон Хуан продолжил, сказав, что он хотел начать мое продвижение по *пути воинов*, как это называют маги, при поддержке силы того места, где он жил. Место это – центр очень сильных эмоций и реакций. Здесь тысячелетиями жили воины, пропитав саму землю своей озабоченностью битвой.

В то время дон Хуан жил в северо-мексиканском штате Сонора, примерно в ста милях к югу от города Гуаймаса, куда я всегда ездил, чтобы повстречаться с ним, когда этого требовала моя исследовательская работа.

– Неужели мне нужно вступать в битву, дон Хуан? – спросил я, не на шутку встревоженный его заявлением, что однажды и мне потребуется озабоченность битвой. Я уже научился принимать все, что он говорит, с предельной серьезностью.

– Можешь в этом не сомневаться, – ответил он с улыбкой. – Когда ты впитаешь в себя все, что можно впитать в этом месте, я смогу уйти.

У меня не было никаких оснований сомневаться в его словах, но я как-то не мог себе представить, чтобы дон Хуан куда-то ушел из этих мест. Он был неотъемлемой частью всего того, что его окружало. Но дом его и впрямь выглядел временным жилищем. Это была лачуга, типичная для земледельцев-яки: фактически, просто обмазанный глиной плетень с плоской соломенной крышей. В доме была одна большая комната – столовая, она же и спальня, – и пристройка-кухня без крыши.

– Очень трудно иметь дело с людьми, имеющими лишний вес, – сказал дон Хуан.

Мне это показалось не слишком уместным. Но дон Хуан просто вернулся к той теме, с которой я его сбил, толкнув спиной стену его хижины.

– Минуту назад ты ударил мой дом, как стенобитный шар, – сказал он, медленно покачивая головой из стороны в сторону. – Какой удар! Удар, достойный такого упитанного человека.

Меня задело, что он говорит обо мне так, словно на мне можно уже поставить крест. Я немедленно занял оборонительную позицию. Дон Хуан, ухмыляясь, выслушал мои бессвязные объяснения о том, что для такой костной структуры у меня совершенно нормальный вес.

– Да конечно, конечно, – согласился он примирительно. – У тебя большие кости. Ты, наверное, с легкостью мог бы носить на себе еще тридцать фунтов веса, и никто, я тебя уверяю, не заметил бы этого. Я бы, например, не заметил.

Но его ехидная усмешка ясно давала понять, что он продолжает издеваться надо мной. Затем он спросил, как мое здоровье вообще, и я начал рассказывать о своем здоровье, отчаянно пытаюсь предотвратить любые дальнейшие комментарии по поводу моего веса. Но дон Хуан сам сменил тему.

– А как поживают твои странности и причуды? – спросил он вдруг со смертельной серьезностью.

Чувствуя себя последним идиотом, я ответил, что они поживают хорошо. «Странностями и причудами» он именовал мой интерес к собирательству. В то время я как раз с новым пылом предавался своей старой страсти – коллекционированию всего, что только можно коллекционировать. Я собирал журналы, марки, пластинки, реликвии Второй мировой войны – штыки, каски, флаги и тому подобное.

– Насчет моих причуд, дон Хуан, могу тебе сказать только одно: я пытаюсь распродать свои коллекции, – сказал я с видом мученика, которого заставляют сделать что-то совершенно невыносимое.

– Быть коллекционером – не такая уж плохая идея, – ответил дон Хуан с таким видом, словно действительно так считал. – Все дело в том, что именно коллекционировать. Ты собираешь всякий мусор, никому не нужные предметы, которые поработают тебя так же сильно, как и твоя любимая собака. Ты не можешь просто так взять и уехать по своим нуждам, если у тебя есть собака, за которой ты должен ухаживать, или коллекции, о которых ты будешь постоянно беспокоиться.

– Я на самом деле ищу покупателей, дон Хуан, честное слово, – запротестовал я.

– Нет-нет, не думай, что я тебя в чем-то обвиняю, – ответил он. – Наоборот, мне нравится твой дух коллекционера. Мне просто не нравятся твои коллекции, вот и все. Я бы предложил тебе коллекционировать кое-что действительно стоящее.

Дон Хуан сделал долгую паузу. Казалось, он то ли ищет нужные слова, то ли драматически разыгрывает хорошо скрываемое сомнение. Он взглянул на меня глубоким, пронзительным взглядом.

– Каждый воин действительно должен собирать особый альбом, – заговорил он наконец, – альбом, раскрывающий личность воина; альбом, который фиксирует обстоятельства его жизни.

– Почему ты называешь это коллекцией дон Хуан? – заспорил я. – И этот альбом, зачем он?

– Это именно коллекция, – отрезал дон Хуан. – И больше всего это похоже на альбом с фотографиями, сделанными с памяти, фотографиями *вспоминания* памятных событий.

– Эти «памятные события» памятны в каком-то особом смысле? – спросил я.

– Они памятны, потому что обладают особым значением в твоей

жизни, – сказал дон Хуан. – Я предлагаю тебе собрать такой альбом, поместив в него полный отчет о различных событиях, которые имели особое значение в твоей жизни.

– Каждое событие в моей жизни имело для меня особое значение, дон Хуан! – заявил я убежденно и тут же почувствовал неловкость от того, как высокопарно это прозвучало.

– Не каждое, – ответил он, улыбаясь и явно наслаждаясь моей реакцией. – Далеко не все события в твоей жизни имели для тебя такое уж большое значение. Было несколько таких, которые, мне кажется, изменили кое-что для тебя, осветили твой путь. Обычно события, которые изменяют наш путь, являются одновременно и безличными, и глубоко личными.

– Я не стараюсь казаться сложнее, чем я есть, дон Хуан, но, поверь мне, все, что со мной происходило, соответствует этим параметрам, – сказал я, зная, что лгу.

Сразу же после того, как я сделал это заявление, мне захотелось извиниться, но дон Хуан просто не обратил на него никакого внимания.

– Не относись к этому альбому как к мешанине из банальных переживаний твоей жизни, – продолжал он как ни в чем небывало. Я глубоко вздохнул, закрыл глаза и попытаются успокоиться. Снова и снова я сталкивался с одной и той же неразрешимой проблемой: мне совершенно не нравились эти мои визиты к дону Хуану. В его присутствии я чувствовал себя в опасности. Он постоянно придирался ко мне и не оставлял мне никакой возможности показать мои сильные стороны. Мне надоело терять лицо каждый раз, как я открываю рот; мне надоело чувствовать себя дураком.

Но где-то внутри меня прозвучал и другой голос, донесшийся из самых глубин, далекий, почти неслышный. В пылу своего внутреннего диалога я; услышал, как кто-то сказал, что мне уже слишком поздно поворачивать назад. Это был не мой голос и не мои мысли; кто-то неведомый говорил, что я зашел слишком далеко в мир дона Хуана и теперь нуждаюсь в доне Хуане больше, чем в воздухе.

– Говори что хочешь, – казалось, шептал мне этот голос, – но, будь ты таким эгоистичным, ты бы так сильно не расстраивался.

– Это голос твоего другого сознания, – произнес дон Хуан, словно читая мои мысли.

Мое тело непроизвольно подпрыгнуло. Мой страх был: так велик, что на глаза навернулись слезы. Я, как на исповеди, рассказал дону Хуану о том, что меня беспокоило.

– Твой конфликт вполне естествен, – сказал он, – и поверь мне, я не стараюсь его обострить. Мне это не свойственно. Но я могу рассказать тебе несколько историй о том, как мой учитель, нагваль Хулиан, проделывал это со мной. Я ненавидел его всем своим существом. Я был очень молод, и я видел, как его обожали женщины. Они просто преклонялись перед ним, а когда я пытался просто поздороваться с ними, они набрасывались на меня, как львицы, готовые загрызть. Меня они смертельно ненавидели, а его – любили.

Каково, по-твоему, было мне?

– И как ты справился с этим конфликтом, дон Хуан? – спросил я с неподдельным интересом.

– Ни с чем я не справлялся, – заявил он. – Этот конфликт был результатом сражения между двумя моими сознаниями. У каждого из нас, людей, есть два сознания. Одно полностью наше и похоже на тихий голос, который всегда несет в себе мир, порядок, смысл. Другое сознание – это нечто *встроенное извне*. Оно приносит нам конфликты, внутренние споры, сомнения, чувство безнадежности. Я был так поглощен своими ментальными процессами, что совершенно не уловил сказанного доном Хуаном. Я мог бы воспроизвести его слова, но они не имели для меня никакого смысла. Дон Хуан спокойно, глядя мне прямо в глаза, повторил все то, что он только что сказал. И снова я не смог понять смысла его слов. Мое внимание не фокусировалось.

– Не пойму, в чем тут дело, дон Хуан, но я не могу сосредоточиться на том, что ты мне говоришь, – признался я.

– А я очень хорошо понимаю, почему ты не можешь, – сказал он, широко улыбаясь. – Поймешь и ты когда-нибудь, сразу же, как только разберешься: любишь ты меня или нет. В тот самый день, когда ты перестанешь быть центром мира – я-я. Ну а пока что давай отложим вопрос о наших двух сознаниях и вернемся к идее твоего альбома памятных событий. Я должен добавить, что составление такого альбома – это упражнение на дисциплину и беспристрастность. Можешь также считать его актом битвы. Предсказание дона Хуана – о том, что конфликт моей любви и нелюбви к нему закончится, как только я откажусь от своего

эгоцентризма, – для меня ничего не решайте. Собственно, оно лишь еще больше расстроило и разозлило меня. И когда дон Хуан сказал об альбоме как об акте битвы, я набросился на него со всей яростью.

– Уже саму идею коллекции событий трудно понять, – заявил я протестующим тоном, – а то, что ты называешь ее «альбомом», который к тому же является «актом битвы», – для меня это уже слишком. Это слишком неясно. Эти метафоры настолько неясные, что теряют всякий смысл.

– Странно! По мне, так как раз наоборот, – спокойно ответил дон Хуан. – Для меня в том, что такой альбом является актом битвы, содержится бездна смысла. Я бы не хотел, чтобы мой альбом памятных событий был чем-нибудь другим, кроме акта битвы. Я хотел продолжать спорить дальше, собираясь объяснить ему, что понимаю идею альбома памятных событий. Я возражал лишь против того, что дон Хуан так запутанно ее излагает. В то время я считал себя сторонником ясности и функциональности в использовании языка.

Дон Хуан воздержался от комментариев по поводу моего воинственного настроения. Он лишь покивал головой, как бы полностью соглашаясь со мной. И тут произошло что-то непонятное. Не то у меня совершенно иссякла энергия, не то, наоборот, гигантская волна энергии подхватила меня. Совершенно неожиданно, помимо воли я осознал бессмысленность этой перебранки и мне стало стыдно.

– Почему я так себя веду? – честно спросил я дону Хуана. Моему смущению не было предела. Я был так потрясен только что пережитым, что у меня вдруг потекли слезы.

– Не беспокойся о глупых мелочах, – сказал дон Хуан успокаивающе. – Все мы такие, и мужчины, и женщины.

– Ты имеешь в виду, дон Хуан, что мы по природе мелочны и противоречивы?

– Нет, мы не мелочны и не противоречивы, – ответил он. – Наша мелочность и противоречивость – это, скорее, результат трансцендентального конфликта, под влиянием которого мы все находимся. Но только маги болезненно и безнадежно осознают его. Это конфликт двух сознаний.

Дон Хуан сверлил меня взглядом; его глаза были как два черных уголька.

– Ты все время говоришь мне об этих двух сознаниях, – сказал я, – но мой мозг не фиксирует то, что ты говоришь. Почему?

– В свое время ты поймешь, почему, – ответил он. – А пока что достаточно будет, если я еще раз повторю тебе то, что я говорил о двух сознаниях. Одно из них – наше истинное сознание, продукт всего нашего жизненного опыта; то сознание, которое редко говорит, потому что оно побеждено и подавлено до полного затемнения. Другое сознание, которое мы используем ежедневно во всем, что мы делаем, встроено в нас извне.

– По-моему, сама концепция сознания как «чужеродного устройства» настолько дикая, что мой ум отказывается принимать ее всерьез, – сказал я и почувствовал, что совершил настоящее открытие.

Дон Хуан не отреагировал на мои слова. Он продолжал объяснять свою идею двух сознаний.

– Чтобы разрешить конфликт двух сознаний, нужно *намереваться* сделать это, – сказал он. – Маги призывают *намерение*, произнося слово «намерение» вслух, громко и ясно. *Намерение* – это одна из сил, существующих во Вселенной. Когда маги призывают *намерение*, оно приходит к ним и прокладывает путь для достижения цели. Это значит, что маги всегда выполняют то, что они решают сделать.

– Ты имеешь в виду, дон Хуан, что маги получают все, что хотят, даже если это нечто мелкое, обычное и произвольное? – спросил я.

– Нет, я не это имею в виду. *Намерение*, конечно, можно призывать для чего угодно, – ответил он, – но маги выяснили дорогой ценой, что *намерение* приходит к ним лишь для чего-то абстрактного. Это «предохранительный клапан магов»; иначе они были бы просто невыносимы. В твоём случае призывать *намерение*, чтобы разрешить конфликт твоих двух сознаний или чтобы услышать голос твоего истинного сознания, – это отнюдь не мелкое, произвольное или обычное дело. Наоборот, это высокая и абстрактная задача, и она жизненно важна для тебя!

Дон Хуан сделал небольшую паузу и снова заговорил об альбоме.

– Мой собственный альбом, будучи актом битвы, требовал сверхсерьезного подхода к отбору материала, – сказал он. – И сейчас он представляет собой полное собрание незабываемых моментов моей жизни и всего того, что подводило меня к ним. Я сосредоточил в своем альбоме все, что было и будет иметь для

меня значение. Я считаю, что альбом война должен быть максимально конкретным и ошеломляюще точным.

Я пока не улавливал, чего хочет от меня дон Хуан, но слова его стал понимать очень хорошо. Он посоветовал, чтобы я сел в одиночестве и позволил мыслям и воспоминаниям свободно приходить ко мне. Мне нужно было попытаться позволить голосу из глубины говорить со мной и подсказать мне, что именно нужно выбрать. После этого я должен был уйти в дом и лечь на кровать. Мое ложе в доме дона Хуана было сделано из деревянных ящиков, а матрасом служило несколько дюжин пустых джутовых мешков. Хотя все мое тело болело с непривычки после сна на такой постели, на самом деле она была очень удобной.

Я решил следовать рекомендациям дона Хуана как можно более добросовестно и начал думать о прошлом, припоминая события, которые оставили след в моей жизни. Вскоре я понял, как глупо было заявлять, что все события моей жизни были в равной степени важными. Пытаясь заставить себя вспоминать, я обнаружил, что не знаю даже, с чего начать. Через мое сознание текли бесконечные несвязные мысли и воспоминания о разных случавшихся со мной событиях, но я никак не мог решить, насколько они для меня важны. Создавалось даже впечатление, что вообще все было не слишком важным. Похоже было на то, что я прошел сквозь жизнь, как труп, — ходячий и говорящий, но абсолютно ничего не чувствующий. К тому же мне было все труднее концентрироваться на предмете своих размышлений, а потому я вскоре оставил все это и заснул.

— Что-нибудь получилось? — спросил меня дон Хуан, когда я проснулся через несколько часов.

После сна и отдыха мне не стало легче. Я по-прежнему был раздражен и злобно огрызнулся:

— Ничего!

— Ты слышал этот голос из глубины?

— Кажется, да, — соврал я.

— И что он тебе сказал? — спросил он очень серьезным тоном.

— Я не могу думать об этом, дон Хуан, — выдавил я из себя.

— Ага, ты уже вернулся в свое обычное осознание, — заметил он и сильно похлопал меня по спине. — Твое повседневное сознание снова победило. Давай расслабим его, поговорив о твоей коллекции памятных событий. Я должен, сказать тебе, что отбор

событий для альбома – дело непростое. Вот почему я говорю, что этот альбом – акт битвы. Тебе придется десять раз переделать себя, чтобы узнать, что именно выбирать.

И тут, пусть только на секунду, я вдруг ясно понял, что у меня действительно два сознания; но эта мысль была очень тонкой и сразу же исчезла. Осталось лишь ощущение моей неспособности выполнить требования дон Хуана. Но вместо того чтобы снисходительно принять свою несостоятельность, я позволил ей испугать меня. Главным устремлением моей жизни в то время было всегда являться в хорошем свете. Потерпеть неудачу, проиграть – для меня это было нестерпимо. Не зная, как справиться с той задачей, которую ставил передо мной дон Хуан, я сделал то, что только и умел делать хорошо: разозлился.

– Мне надо еще многое обдумать относительно этого, дон Хуан, – сказал я. – Моему уму нужно дать какое-то время, чтобы он свыкся с этой идеей.

– Конечно, конечно, – успокоил меня дон Хуан. – Можешь ждать хоть всю жизнь, но все-таки поторопись.

В тот раз на эту тему больше ничего не было сказано. Вернувшись домой, я совершенно забыл обо всем этом. И вдруг однажды, сидя на какой-то лекции, я услышал внутренний властный приказ: искать памятные события в своей жизни. «Услышал» – не совсем подходящее слово; это скорее было похоже на удар тока или нервный спазм, который потряс все мое тело – от макушки до пят. Я честно взялся за дело. Мне потребовалось несколько месяцев, чтобы переверорозить все переживания моей жизни, которые, по моему мнению, были важными. Но, осмотрев свою коллекцию, я понял, что имел дело лишь с идеями, не имевшими абсолютно никакой реальной значимости. Вспомненные мною события были не более чем абстрактными точками во времени. У меня возникло чрезвычайно неприятное ощущение, что я пришел в мир только для того, чтобы действовать, не позволяя себе останавливаться и хоть что-то чувствовать.

Одним из забытых событий, которые я обязательно хотел вспомнить, был день моего зачисления в аспирантуру Калифорнийского Университета Лос-Анджелеса (UCLA). Но, как ни старался, я не мог вспомнить, что я делал в тот день. С ним не было связано ничего интересного, ничего особенного – вообще ничего, кроме моей идеи, что этот день должен быть памятным.

Поступив в аспирантуру, я должен был радоваться и гордиться, но этого не было!

Другим экспонатом моей коллекции был тот день, когда я чуть не обвенчался с Кэй Кондор. Вообще-то у нее была другая фамилия, но она изменила ее на Кондор, потому что хотела стать актрисой. Ее козырной картой было внешнее сходство с Кэрол Ломбард. Тот день был памятным в моем сознании не столько из-за происходивших событий, сколько потому, что она была красива и хотела выйти за меня замуж. Она была на голову выше меня, что делало ее еще интереснее в моих глазах.

Меня волновала мысль о венчании в церкви с высокой женщиной. Я взял напрокат серый смокинг. Брюки были широковаты для моего роста. Не то чтобы висели колоколами, но были широковаты, и это очень меня беспокоило. Кроме брюк, меня раздражало то, что рукава розовой рубашки, которую я купил специально для этого случая, были на три дюйма длиннее, чем следовало; мне пришлось воспользоваться резиновыми лентами, чтобы подтянуть их повыше. А так вообще все шло прекрасно – до того момента, когда гости и я узнали, что Кэй Кондор передумала и не собирается приходить на свадьбу.

Будучи очень порядочной молодой леди, она прислала мне через мотокурьера записку с извинениями. В записке написала, что, не приемля развода, она не может связать свою судьбу с человеком, который не разделяет ее взглядов на жизнь. Она напомнила мне, что я всегда хихикал, произнося фамилию – Кондор, а это было знаком полного неуважения к ее личности. Она обсудила эту проблему со своей матерью. Обе они очень любят меня, но не настолько, чтобы ввести в свою семью. Заканчивалась записка тем, что мы должны набраться смелости и мудрости и расстаться навсегда.

Состояние моего ума можно было охарактеризовать как «полное оцепенение». Пытаясь вспомнить тот день, я не мог понять, то ли я испытывал чудовищное унижение, оказавшись дурак дураком перед толпой людей в своем взятом напрокат сером смокинге и слишком широких брюках, то ли был сокрушен тем, что Кэй Кондор не выходит за меня замуж.

Это были единственные два события, которые я мог четко выделить. Примеры довольно жалкие, но, покопавшись, мне удалось найти в них философский смысл. Кажется, я был

человеком, который проходит сквозь жизнь без единого подлинного чувства, подходя ко всему лишь с интеллектуальной меркой. Подражая стилю дона Хуана, я придумал себе такое определение: человек, который изо всех сил старается жить «как положено».

Я был уверен, например, что день моего поступления в аспирантуру UCLA должай быть памятным днем. Поскольку памятным он не был, я постлался искусственно наделить его значимостью, которой на самом деле не ощущают. То же можно сказать и о том дне, когда я чуть не женился на Кэй Кондор. По идее, это должно было стать для меня опустошительным переживанием, но не стало. В момент *вспоминания* этого события я понял, что в нем ничего нет, и сразу же начал усердно воссоздавать то, что я должен был чувствовать.

Приехав к дому дона Хуана, я представил ему свои два примера памятных событий.

– Это все чепуха, – заявил дон Хуан. – Никуда не годится. Такие истории связаны исключительно с тобой как с личностью, которая думает, чувствует, плачет или вообще ничего не ощущает.

Памятные же события из альбома мага – это события, которые могут выдержать испытание временем, потому что они не имеют ничего общего с человеком, хотя человек и находится в самой их гуще. Он всегда будет в гуще событий, всю свою жизнь, а возможно и потом, но не совсем лично.

Его слова привели меня в полное уныние. В то время я искренне считал дона Хуана вредным старикашкой, который получает особое удовольствие от того, что выставляет меня полным дураком. Он напоминал мне преподавателя скульптуры из художественной школы, которую я когда-то посещал. Этот мастер обязательно подвергают критике все, что делали ученики, и во всех их работах находил изъяны. Затем он требовал, чтобы работы были исправлены соответственно его указаниям. Ученики отходили и делали вид, что подправляют что-то в своих скульптурах. Я вспоминал, каким самодовольством сиял мастер, когда, осматривая якобы переделанные работы, он приговаривал: – Ну вот, теперь совсем другое дело!

– Не унывай, – сказал дон Хуан, прерывая мои воспоминания. – В свое время я тоже через это прошел. Многие годы я не просто не знал, что выбрать, но думал, что у меня просто нет переживаний,

из которых можно выбирать. Мне казалось, что со мной вообще никогда ничего не происходило. Конечно же, все со мной происходило, но, пока я старался защищать идею самого себя, у меня не было ни времени, ни желания что-то замечать.

– Ты можешь конкретно сказать мне, дон Хуан, чем плохи мои истории? Я знаю, что они – ничто, но остальная моя жизнь точно такая же.

– Я повторю тебе еще раз, – сказал он. – Истории из альбома воина – не личные. Твоя история о том дне, когда тебя приняли в аспирантуру, – это не что иное, как предположение, что ты центр мира. Ты чувствуешь, ты не чувствуешь. Ты понимаешь, что я имею в виду? Вся эта история – это ты сам!

– Но может ли быть иначе, дон Хуан? – спросил я.

– В другой истории ты уже почти прикоснулся к тому, о чем я говорил, но снова превратил это в нечто в высшей степени личное. Я знаю, что ты мог бы добавить еще больше деталей, но все эти детали были бы просто продолжением твоей личности.

– Я на самом деле не могу понять, о чем ты, дон Хуан, – возразил я. – Любая история, увиденная глазами очевидца, по определению должна быть личной.

– Да-да, конечно, – сказал он с улыбкой, как всегда, наслаждаясь моим смущением. – Но тогда это история не для альбома воина, а для какой-то другой цели. Памятные события, которые мы ищем, несут на себе темную печать безличностности. Они пропитаны ею. Я не знаю, как еще объяснить это.

В этот момент меня как будто озарило, и я понял, что он имел в виду под «темной печатью безличностности». Мне показалось, что он имел в виду нечто зловещее. Зловещее значение для меня имела тьма. Я тут же рассказал дону Хуану историю из моего детства. Один из моих старших кузенов был интерном в медицинской школе. Однажды он привел меня в морг, убедив предварительно, что молодому человеку совершенно необходимо видеть мертвецов; это зрелище очень поучительно, ибо демонстрирует бренность жизни. Он снова и снова приставал ко мне, уговаривая сходить в морг. Чем больше он рассказывал о том, какими незначительными становимся мы после смерти, тем более возрастало мое любопытство. Мне еще никогда не приходилось видеть труп. В конце концов любопытство победило, и я пошел с ним.

Он показал мне разные трупы, и ему удалось испугать меня до бесчувствия. Мне показалось, что в трупах нет ничего поучительного или просветляющего. Но они действительно были самыми пугающими вещами, которые я когда-либо видел. Брат все время поглядывал на часы, словно кого-то ждал. Он явно хотел продержать меня в морге дольше, чем позволяли мои силы. Будучи по натуре честолюбивым, я был уверен, что он испытывает мою выдержку, мое мужество. Стиснув зубы, я поклялся себе терпеть до самого конца.

Но такой конец мне не снился и в кошмарном сне. На моих глазах один труп, накрытый простыней, вдруг пошевелился на мраморном столе, как будто собирался встать. Он издал мощный рыгающий звук, который прожег меня насквозь и останется в моей памяти до конца жизни. Позже двоюродный брат, ученый-медик, объяснил мне, что это был труп человека, умершего от туберкулеза. У таких трупов все легкие изъедены бациллами, и остаются огромные дыры, заполненные воздухом. Когда температура воздуха изменяется, это иногда заставляет тело изгибаться, словно оно пытается встать, что и произошло в данном случае.

— Нет, это еще не то, — сказал дон Хуан, качая головой из стороны в сторону. — Это просто история о твоём страхе. Я бы и сам испугался до смерти, но такой испуг никому не освещает путь. Впрочем, мне было бы интересно узнать, что случилось с тобой дальше.

— Я заорал как резаный, — сказал я, — а мой брат назвал меня трусом и сопляком, который от страха чуть не обделался. Я явно зацепил какой-то темный слой своей жизни. Следующий случай, который я вспомнил, был связан с шестнадцатилетним парнем из нашей школы, который страдал каким-то расстройством желез и имел гигантский рост. Но его сердце не успевало расти вместе с остальным телом, и однажды он умер от сердечного приступа. Из какого-то нездорового юношеского любопытства мы с одним товарищем пошли посмотреть, как его будут укладывать в гроб. Похоронных дел мастер, который, пожалуй, был еще более патологичен, чем мы, впустил нас в свою каморку и продемонстрировал свой шедевр. Он уместил огромного парня, рост которого превышал семь футов и семь дюймов, в гроб для обычного человека, отпилив ему ноги! Мастер показал нам, как он

пристроил ноги в гробу – мертвый юноша обнимал их руками, словно трофеи.

Ужас, который я тогда испытал, был по силе сравним с тем, что я испытал в детстве при посещении морга, но этот новый страх был не физической реакцией, а психологическим переворотом.

– Это уже ближе, – сказал дон Хуан, – но и эта история еще слишком личная. Она отвратительна. Меня от нее тошнит, но в ней чувствуется большой потенциал.

Мы с доном Хуаном посмеялись над тем, какой ужас содержится в ситуациях повседневной жизни. К этому времени я уже окончательно погрузился в самые мрачные воспоминания и рассказал дону Хуану о моем лучшем друге Рое Голдписсе. Вообще-то у него была польская фамилия, но друзья дали ему прозвище Голдписс, потому что, чего бы он ни коснулся, все превращалось в золото; он был прирожденным бизнесменом. Но талант к бизнесу превратил его в сверхамбициозного человека. Он хотел стать первым богачом мира. Оказалось же, что конкуренция на этом поприсе слишком жесткая. Голдписс жаловался, что, делая свой бизнес в одиночку; он не мог тягаться с лидером некоей исламской секты, которому каждый год жертвовали столько золота, сколько он сам весил. Перед взвешиванием этот лидер секты старался съесть и выпить столько, сколько позволял его желудок.

Итак, мой друг Рой немного опустил планку и решил стать самым богатым человеком в Соединенных Штатах. Но и на этом уровне конкуренция была просто бешеная. Он спустился еще ниже: уж в Калифорнии-то он сможет быть самым богатым человеком. Однако и тут он опоздал. И он отказался от мысли, что со своей сетью киосков, торгующих пиццей и мороженым, он сможет соперничать с уважаемыми семьями, которые владеют Калифорнией. Он настроился на то, чтобы быть первым воротилой в Вудланд-Хиллз, его родном пригороде Лос-Анджелеса. Но, к несчастью для него, на одной с ним улице жил мистер Марш, владевший фабриками по производству лучших в Америке матрасов, невообразимый богач. Разочарованию Роя не было пределов. Он так страдал, что в конце концов испортил себе здоровье. В один прекрасный день он умер от аневризмы мозга. Его смерть стала причиной моего третьего визита в покойницкую. Жена Роя попросила меня, как его лучшего друга, позаботиться о

том, чтобы труп был должным образом обряжен. Я отправился в погребальную контору, а там секретарь провел меня во внутреннее помещение. Когда я вошел, мастер как раз хлопотал вокруг своего высокого мраморного стола. Он с силой толкал двумя пальцами вверх уголки уже застывшего рта покойника. Когда наконец на мертвом лице Роя появилась гротескная улыбка, мастер повернулся ко мне и сказал подобострастно:

– Надеюсь, вы будете довольны, сэр.

Жена Роя – мы уже никогда не узнаем, любила она его или нет, – решила похоронить его со всей пышностью, какой он заслуживал. Она заказала очень дорогой гроб, похожий на телефонную будку; фасон она позаимствовала из кинофильма. Роя должны были похоронить в сидячем положении, как будто он ведет деловые переговоры по телефону.

Я не остался на похороны. Уехал с очень тяжелым чувством, смесью бессилия и злости – такой злости, которую не изольешь ни на кого.

– Да, сегодня ты действительно мрачен как никогда, – заметил дон Хуан, смеясь, – но несмотря на это, – а может, и благодаря этому, – ты почти у цели. Уже подошел вплотную.

Я всегда удивлялся тому, как менялось мое настроение при каждой встрече с доном Хуаном. Приезжал я расстроенный, брюзжащий и мнительный. Но через некоторое время мое настроение чудесным образом менялось, я становился все более экспансивным, а затем вдруг успокаивался – таким спокойным я никогда не бывал в повседневной жизни. Мое новое настроение отражалось и в моей речи. Обычно я говорил как глубоко неудовлетворенный человек, еле сдерживающийся, чтобы не начать жаловаться вслух, но жалобным был уже сам голос.

– А ты можешь привести мне пример памятного события из своего альбома, дон Хуан? – спросил я в привычном тоне скрытой жалобы. – Если бы я знал, что тебе нужно, мне было бы легче. Пока что я просто блуждаю в потемках.

– Не объясняй слишком много, – сказал дон Хуан, сурово взглянув на меня. – Маги говорят, что в каждом объяснении скрывается извинение. Поэтому, когда ты объясняешь, почему ты не можешь делать то или другое, на самом деле ты извиняешься за свои недостатки, надеясь, что слушающие тебя будут добры и простят их.

Когда на меня нападают, мой любимый защитный маневр – демонстративно не слушать нападающих. У дона Хуана, однако, была отвратительная способность захватывать все мое внимание без остатка. Нападая на меня, он всегда умудрялся заставить меня слушать каждое его слово. Вот и сейчас пришлось выслушать все, что он сказал обо мне. Хотя его слова не доставили мне ни малейшего удовольствия, это была голая правда.

Я избегал его глаз. Как обычно, я чувствовал себя под угрозой, но на этот раз угроза была особенной. Она не беспокоила меня так, как беспокоила бы в повседневной жизни или сразу после моего приезда в дом дона Хуана.

После долгого молчания дон Хуан снова заговорил.

– Я не буду приводить тебе пример памятного события из моего альбома, – сказал он. – Я сделаю лучше: назову тебе памятное событие из твоей собственной жизни; оно наверняка подойдет для твоей коллекции. Или, скажем так, на твоём месте я бы обязательно поместил его в свою коллекцию памятных событий.

Я подумал, что дон Хуан шутит, и глупо засмеялся.

– Тут не над чем смеяться, – отрезал он. – Я говорю серьезно.

Когда-то ты рассказал мне историю, которая попадает в самую точку.

– Что это за история, дон Хуан?

– О фигурах перед зеркалом, – сказал он. – Расскажи-ка мне ее еще раз. Но Расскажи со всеми подробностями, какие сможешь вспомнить.

Я начал кратко пересказывать эту старую историю. Дон Хуан остановил меня и потребовал тщательного, подробного изложения с самого начала. Я попробовал еще раз, но мое исполнение не устраивало его.

– Давай прогуляемся, – предложил он. – Когда идешь, можно быть гораздо точнее, чем когда сидишь. Это весьма неглупая идея – прохаживаться туда-сюда, когда что-то рассказываешь.

Мы сидели, как и всегда днем, под его рамадой. У меня уже сложилась привычка сидеть на определенном месте, прислонившись спиной к стене. Дон Хуан сидел под рамадой каждый раз на другом месте.

Мы вышли на прогулку в худшее время дня: в полдень. Дон Хуан снабдил меня старой соломенной шляпой, как всегда, когда мы выходили на солнцепек. Долгое время мы шли в полном молчании.

Я из всех сил старался вспомнить все подробности своей истории. Было уже около трех часов, когда мы сели в тени кустов, и я наконец рассказал дону Хуану всю историю.

Когда я много лет назад изучал скульптуру в школе изящных искусств в Италии, у меня был друг-шотландец, который учился на искусствоведа. Самой характерной его чертой было потрясающее самомнение; он считал себя самым одаренным, сильным, неутомимым ученым и художником, ну просто деятелем эпохи Возрождения. Одаренным он действительно был, но творческая мощь как-то совершенно не вязалась с его костлявой, сухой, серьезной фигурой. Он был усердным почитателем английского философа Бертрانا Рассела и мечтал применить принципы логического позитивизма в искусствоведении. Его воображаемая неутомимость была, пожалуй, его самой нелепой фантазией, ибо на самом деле он обожал тянуть резину; работа для него была каторгой.

Фактически, он был великим специалистом не по искусствоведению, а по проституткам из местных борделей, которых он знал множество. О своих похождениях он давал мне яркие и подробные отчеты – по его словам, чтобы держать меня в курсе чудесных событий, происходящих в мире его специальности. Поэтому я не удивился, когда однажды он ввалился в мою комнату крайне возбужденный, запыхавшийся и сказал мне, что с ним произошло нечто чрезвычайное и он хотел бы поделиться со мной. – Слушай, старина, ты должен сам это увидеть! – заявил он возбужденно, с оксфордским акцентом, который у него всегда проявлялся при общении со мной. Он нервно зашагал по комнате. – Это трудно описать, но я знаю: это нечто такое, что ты сможешь оценить. Нечто такое, что ты запомнишь надолго. Я хочу преподнести тебе замечательный подарок на всю жизнь. Понимаешь?

Я понимал, что он был истеричным шотландцем. Я всегда посмеивался над ним и следил за его приключениями. И ни разу не пожалел об этом.

– Успокойся, успокойся, Эдди, – сказал я. – Что ты хочешь мне рассказать?

Он сообщил, что только что был в борделе и познакомился там с невероятной женщиной, умеющей делать невообразимую штуку, которую она называет «фигурами перед зеркалом». Он снова и

снова убеждал меня, что я просто обязан пережить это невероятное событие на собственном опыте.

– Слушай, не думай о деньгах! – сказал он, зная, что денег у меня нет. – Все уже оплачено. Все, что от тебя требуется, – это пойти со мной. Мадам Людмила покажет тебе свои фигуры перед зеркалом. Это просто ураган!

В припадке безудержного восторга Эдди залился смехом, обнажив свои плохие зубы, которые он обычно прятал, когда растягивал губы в улыбке.

– Слушай, это фантастично!

Мое любопытство разгоралось с каждой минутой. Я был готов принять участие в его новом развлечении. Вскоре Эдди уже вез меня в своей машине к окраине города. Он остановился перед пыльным, неухоженным, облупленным зданием. Когда-то, похоже, это был отель, а затем его переделали в многоквартирный дом. По всему фасаду тянулись ряды грязных балконов, уставленных цветочными горшками и обвешенных сохнувшими коврами. У подъезда стояли двое темных, подозрительного вида типов, обменявшихся с Эдди бурными приветствиями. У них были черные бегающие глаза и туфли с острыми носками – как мне показалось, чересчур тесные. Одеты они были в блестящие голубые костюмы, тоже слишком тесные для их мясистых тел. Один из этих людей открыл перед Эдди дверь. На меня они даже и не взглянули.

Мы поднялись на два пролета по обветшавшей лестнице, которая когда-то была роскошной. Эдди уверенно шел по пустому гостиничному коридору с дверьми на обе стороны. Все двери были окрашены в одинаковый темный, оливково-зеленый цвет. На каждой двери был латунный номер, потемневший от времени и почти неразличимый на крашеном дереве.

Наконец Эдди остановился перед одной из дверей. Я запомнил номер: 112. Эдди несколько раз постучал. Дверь открылась, и круглая, низкорослая крашеная блондинка молча, жестом пригласила нас зайти. На ней был красный шелковый халат с какими-то разлетающимися перьями на рукавах и шлепанцы с меховыми помпонами. Когда мы вошли в маленькую прихожую и дверь была закрыта, женщина поздоровалась с Эдди по-английски, с сильным акцентом.

– Привет, Эдди. Привел друга, э?

Эдди пожал ей руку, а затем галантно поцеловал ее. Он держал себя так, словно был совершенно спокоен, но по некоторым его бессознательным жестам я заметил, что он нервничает.

– Как дела сегодня, мадам Людмила? – спросил он, стараясь говорить как американец.

Я так и не понял, почему Эдди всегда изображал из себя американца в домах терпимости. Подозреваю, это из-за того, что американцев считают богачами, а Эдди стремился утвердиться в этой среде.

Он повернулся ко мне и произнес с нарочитым американским акцентом:

– Оставляю тебя в хороших руках, малыш.

Это прозвучало так высокопарно и странно для моего слуха, что я громко рассмеялся. Мадам Людмила на мой взрыв веселья никак не отреагировала. Эдди еще раз поцеловал руку мадам Людмиле и вышел.

– Ховоришь английски, мой мальчик? – закричала мадам, словно подозревала во мне глухого. – Ты похож на египтянина, или нет, на турка.

Я заверил мадам Людмилу, что я ни то, ни другое и что я говорю по-английски. Тогда она спросила, нравятся ли мне фигуры перед зеркалом. Я не знал, что сказать, и лишь кивнул головой.

– Я даю тебе хорошее шоу, – пообещала она. – Фигуры перед зеркалом – это только начало. Когда ты станешь горячий и готовый, скажи мне остановиться.

Из маленькой прихожей мы прошли в темную комнату. Окна были плотно завешены. На стенах было несколько светильников с тусклыми лампочками. Лампочки имели форму трубок и торчали из стен под прямым углом. В комнате было много разных предметов: какие-то ящики от комода, старинные столики и стулья, письменный стол у стены, заваленный бумагой, карандашами, линейками и, по меньшей мере, дюжиной разных ножниц. Мадам Людмила заставила меня сесть на старый мягкий стул.

– Кровать в другой комнате, дорогой, – сказала она, указывая куда-то в другой конец комнаты. – А здесь моя *антизала*. Здесь я даю шоу, чтобы ты стал горячий и готовый.

Она сбросила с себя красный халат, стряхнула с ног тапочки и распахнула створки двух высоких трюмо, стоявших рядом у стены.

Образовалась большая зеркальная поверхность.

– А теперь музыка, мой мальчик, – сказала мадам Людмила и завела допотопную виктролу, которая, однако, сияла как новенькая. Заиграла пластинка. Мелодия была какая-то разухабистая, напоминавшая цирковой марш.

– А теперь шоу, – и она начала кружиться под аккомпанемент цирковой музыки. Кожа у мадам Людмилы была очень плотная и чрезвычайно белая, хотя она была уже немолода. Должно быть, ей было под пятьдесят. Ее живот уже чуть обвис, как и объемистые груди. У нее был небольшой нос и ярко накрашенные красные губы. Она употребляла густую черную тушь для ресниц. В общем, это был хрестоматийный образец стареющей проститутки. Но было в ней и что-то детское, по-девичьи непосредственное, трогательное.

– А теперь – фигуры перед зеркалом, – объявила мадам Людмила. Музыка продолжала греметь.

– Нога, нога, нога, – говорила она, выбрасывая ноги вперед и вверх – сначала одну, потом другую, в такт музыке. Правую руку она положила на макушку, словно маленькая девочка, которая не уверена, что сможет выполнить сложное движение.

– Поворот, поворот, поворот, – пропела она, вращаясь как волчок.
– Зад, зад, зад, – сказала она, показывая мне свою голую заднюю часть, как это делают в канкане.

Эту последовательность она повторяла снова и снова, пока музыка не начала затихать. Пружина виктролы разматывалась. У меня появилось ощущение, что мадам Людмила уходит куда-то вдаль, становясь все меньше, по мере того, как музыка становится тише. Какое-то отчаяние и одиночество – я и не знал, что такие чувства живут во мне – вырвалось из самых глубин моего существа на поверхность и заставило меня вскочить и выбежать из комнаты. Как безумный, я скатился вниз по лестнице и вылетел из дома на улицу.

Эдди стоял у подъезда, беседуя с двумя мужчинами в блестящих голубых костюмах. Увидев, как я выбежал, он начал надрывно хохотать.

– Ну как, круто? – спросил он, по-прежнему стараясь говорить как американец. – «Фигуры перед зеркалом – это только начало». Какой класс! Какой класс!

Рассказывая эту историю дону Хуану в первый раз, я упомянул о

том, что на меня произвели очень глубокое впечатление цирковая мелодия и старая проститутка, неуклюже кружащаяся под эту музыку. И еще мне было очень неприятно осознать, насколько бездушен мой друг.

Когда я закончил рассказывать этот случай во второй раз – в этих соноранских предгорьях, – я весь дрожал. На меня загадочным образом воздействовало нечто совершенно неопределенное.

– Эта история, – сказал дон Хуан, – должна войти в твой альбом памятных событий. Твой друг, сам того не подозревая, дал тебе, как он правильно заметил, нечто такое, что останется с тобой на всю жизнь.

– Для меня это просто грустная история, дон Хуан, но это и все, – заявил я.

– Она действительно грустна, как и другие твои истории, – ответил дон Хуан, – но она совсем другая, она может быть памятной для тебя, потому что она затрагивает каждого из нас, людей, а не только тебя, в отличие от других твоих сказок. Видишь ли, как и мадам Людмила, мы все – старые и молодые – делаем свои «фигуры перед зеркалом», в том или ином виде. Вспомни все, что ты знаешь о людях. Подумай о людях на этой Земле, и ты поймешь без тени сомнения, что не важно, кто они или что бы они ни думали о себе, чем бы ни занимались, результат их действий всегда один и тот же: бессмысленные фигуры перед зеркалом.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Часть первая

Трепет в воздухе

- [– 1 – Путешествие силы](#)
- [– 2 – Намерение бесконечности](#)
- [– 3 – КЕМ ЖЕ НА САМОМ ДЕЛЕ БЫЛ ДОН ХУАН?](#)

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Путешествие силы

Когда я познакомился с доном Хуаном, я был очень прилежным студентом-антропологом и хотел начать свою антропологическую карьеру, опубликовав как можно больше материалов. Мне обязательно нужно было вскарабкаться вверх по академической лестнице, а для этого, по моим расчетам, не могло быть лучшего старта, чем собирание данных по использованию лекарственных растений индейцами юго-запада США.

Сначала я попросил одного профессора антропологии, работавшего в этой области, чтобы он что-нибудь посоветовал мне по поводу моего проекта. Он был выдающимся этнологом и опубликовал в конце тридцатых и начале сороковых годов много работ об индейцах Калифорнии и Соноры (Мексика). Он терпеливо выслушал мой план. Идея заключалась в том, чтобы написать статью, озаглавить ее «Этноботанические данные» и опубликовать в одном журнале, посвященном исключительно антропологическим проблемам юго-запада Соединенных Штатов. Я предполагал собрать лекарственные растения, привезти их образцы в Ботанический сад Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе, где точно определяют их виды, а затем описать, как и для чего индейцы Юго-запада употребляют их. Я уже представлял себе тысячи гербарных листов. В туманном будущем вырисовывалось даже издание небольшой энциклопедии по данной теме.

Профессор снисходительно улыбнулся:

– Не хотелось бы охлаждать ваш энтузиазм, – сказал он усталым голосом, – но я не могу не отозваться о вашем усердии в негативном смысле. Усердие в антропологии приветствуется, но оно должно быть направлено в нужное русло. Мы все еще переживаем золотой век антропологии. Я имел счастье учиться у Альфреда Крёбера и Роберта Лоуи, двух столпов общественных наук. Я не посрамил их доверия. Я по-прежнему считаю

антропологию фундаментальной дисциплиной. Все остальные дисциплины должны ответвляться от антропологии. Вся область истории, например, должна называться «исторической антропологией», а область философии – «философской антропологией». Человек должен быть мерой всего. Поэтому антропология, наука о человеке, должна быть ядром любой другой дисциплины. Когда-нибудь так и будет.

Я смотрел на него в полном изумлении. Это был, насколько я его знал, тихий, добродушный, старый профессор, который недавно перенес инфаркт. Кажется, я затронул в нем больную струну. – Не думаете ли вы, что вам следует уделять больше внимания теоретическим занятиям? – продолжал он между тем. – Вместо того чтобы заниматься полевой работой, не лучше ли было бы вам всерьез позаниматься лингвистикой? У нас на кафедре работает один из наиболее выдающихся лингвистов мира! На вашем месте я бы сидел у его ног и ловил бы каждое слово, исходящее из его уст. Кроме того, у нас есть выдающийся авторитет в области сравнительного религиоведения. Есть самые компетентные антропологи, которые создали труды о системах родства в культурах всего мира – с точки зрения лингвистики и с точки зрения познания. Вам надо иметь солидную теоретическую подготовку. Думать, что вы можете заниматься полевой работой уже сейчас, – это непростительное легкомыслие. Погрузитесь в книги, молодой человек. Вот вам мой совет.

Я упрямо отправился со своим предложением к другому профессору, более молодому. Но и он мне не помог, а открыто высмеял меня. Он сказал, что статья, которую я задумал, – это комикс о Микки Маусе. Даже с натяжкой нельзя считать это антропологией.

– Сегодня антропологи, – сказал он «профессорским» тоном, – озабочены более злободневными проблемами. Представители медицинских и фармацевтических наук уже произвели бесчисленные исследования всех существующих лекарственных растений мира. Здесь уже обглоданы все кости. Предлагаемое вами собрание данных было бы уместно в начале девятнадцатого века. Но с тех пор прошло почти двести лет. Знаете ли, существует такая вещь, как прогресс.

Затем он дал мне определение и истолкование прогресса и его совершенствования как двух философских категорий, которые, по

его мнению, более всего применимы к антропологии.

– Антропология – это единственная наука, – продолжал он, – которая четко обосновывает концепцию совершенствования и прогресса. Слава богу, что в тумане цинизма нашего времени все еще светит луч надежды. Только антропология может продемонстрировать действительное развитие культуры и общественной организации. Только антропологи могут доказать человечеству без тени сомнения наличие прогресса в человеческом знании. Культура развивается, и только антропологи могут продемонстрировать образцы обществ, соответствующих определенным звеньям в цепи прогресса и совершенствования. Вот что такое антропология! Не какая-то там ваша жалкая полевая работа, которая и не полевая работа вовсе, а просто мастурбация. Это был сокрушительный удар. Хватаясь за последнюю соломинку, я поехал в Аризону, чтобы поговорить с антропологами, которые проводили там настоящую полевую работу. К тому времени я уже был готов к тому, чтобы отказаться от своей идеи. Я понял, что пытались мне внушить эти два профессора. И я был с ними полностью согласен! Мое стремление заниматься полевой работой было, конечно, просто ребяческим. И все-таки как хорошо было бы размять ноги в поле! Нельзя же заниматься наукой только в библиотеке.

В Аризоне я встретился с очень опытным антропологом, который много писал об аризонских и сонорских индейцах яки. Он был крайне любезен. Не останавливал меня и не давал советов. Он только заметил, что индейские общины Юго-запада живут очень замкнуто и что иностранцам, особенно латинского происхождения, эти индейцы не доверяют, а то и питают к ним откровенную вражду.

Его более молодой коллега был общительнее. Он сказал, что мне стоило бы сначала почитать книги о травах. Он был экспертом как раз в этой области и считал, что все, что можно знать о лекарственных растениях Юго-запада, уже обсуждено и разложено по полочкам в различных публикациях. Он даже заявил, что любой современный индейский травник черпает свои знания как раз из этих публикаций, а не из индейской традиции. Закончил он утверждением, что если до сих пор и сохранились какие-то традиционные целительские практики, то индейцы ни за что не передадут их чужаку.

– Займись лучше чем-то стоящим, – посоветовал он мне. – Обрати внимание на городскую антропологию. Много денег выделяется, например, на изучение алкоголизма среди индейцев в больших городах. И это то, чем любой антрополог может заниматься без особых трудностей. Пойди и напейся в баре с местными индейцами. Затем проведи статистический анализ всего того, что ты о них узнаешь. Преврати все в цифры. Городская антропология – это реальная наука.

Мне ничего не оставалось, как только прислушаться к советам опытных ученых. Я уже решил было лететь назад в Лос-Анджелес, но тут еще один мой друг-антрополог известил меня, что собирается проехать по Аризоне и Нью-Мексико, посетить все места, где он проводил раньше работу, и восстановить отношения с людьми, которые были когда-то его антропологическими информаторами.

– Я буду рад, если ты поедешь со мной, – сказал он. – Работать я не собираюсь. Просто хочу повидаться с ними, выпить со всеми по рюмке, потрепаться. Я им накупил подарков – одеял, выпивки, курток, разной амуниции для ружей двадцать второго калибра. Загрузил машину всяким добром. Обычно, когда я хочу встретиться с ними, я езжу один, но при этом всегда рискую заснуть за рулем. Ты мог бы составить мне компанию, не давал бы мне пить лишнего, а если я все-таки переберу, мог бы и посидеть немного за рулем, а?

Я так упал духом, что отклонил его предложение.

– Мне очень жаль, Билл, – сказал я. – Эта поездка мне не поможет. Я больше не вижу смысла в этой идее полевой работы.

– Не сдавайся без борьбы, – сказал Билл отечески заботливым тоном. – Ты должен весь выложиться в борьбе, а если не получится, тогда что ж, можно и отказаться, но не раньше.

Поехали со мной, и ты увидишь, как тебе понравится Юго-запад.

Он положил руку мне на плечо. Я невольно отметил, как тяжела его рука. Билл всегда был высокий и сильный, но в последние годы в его теле появилась странная жесткость. Он утратил свое всегдашнее мальчишество. Его круглое лицо больше не лучилось молодостью, как раньше. Теперь это было озабоченное лицо. Я думал, что он беспокоится по поводу своего облысения, но иногда мне казалось, что тут кроется нечто большее.

Итак, он стал тяжелее. Не то чтобы он потолстел: его тело стало

более тяжелым в каком-то необъяснимом смысле. Я замечал это по тому, как он стал ходить, садиться и вставать. Казалось, что Билл в любом действии каждой своей клеточкой упорно борется с гравитацией.

Кончилось тем, что, несмотря на свои расстроенные чувства, я отправился вместе с ним. Мы объехали все места в Аризоне и Нью-Мексико, где жили индейцы. Одним из результатов этого путешествия стало то, что я обнаружил в личности моего друга-антрополога два различных аспекта. Он объяснил мне, что как профессиональный ученый он почти не имел собственных мнений и всегда придерживался генеральной линии антропологической науки. Но как частному лицу полевая работа давала ему богатые и интересные переживания, о которых он никому не рассказывал.

Эти переживания не втискивались в господствующие идеи антропологии, так как их невозможно было классифицировать.

Во время нашего путешествия он неизменно выпивал со своими экс-информаторами, после чего полностью расслаблялся. Тогда я садился за руль, а он сидел рядом и потягивал прямо из бутылки 30-летний «Баллантайн». В такие-то минуты Билл иногда был не прочь поговорить о своих неклассифицируемых переживаниях.

— Я никогда не верил в духов, — отрывисто произнес он однажды. — Никогда не интересовался привидениями и призраками, голосами в темноте и всяким таким. У меня было очень прагматичное, серьезное мировоззрение. Моим компасом всегда была наука. Но потом, когда я работают в поле, в меня стала проникать всякая чертовщина. Например, однажды ночью я отправился с несколькими индейцами на поиск видения. Они собирались по-настоящему инициировать меня посредством болезненной церемонии протыкания грудных мышц. Они готовили в лесу парную. Я настраивал себя на то, чтобы вытерпеть боль. Чтобы придать себе силы, я пару раз хлебнул. И вдруг человек, который должен был «ходатайствовать» за меня перед выполняющими ритуал, закричал в ужасе, указывая на темную, зловещую фигуру, которая шла прямо к нам.

Когда эта фигура приблизилась ко мне, я увидел, что передо мной старый индеец, одетый самым диким образом. У него были шаманские регалии. Увидев этого старого шамана, человек, который меня опекал в ту ночь, упал от страха в обморок. Старик подошел ко мне вплотную и уперся мне пальцем в грудь. А палец

был – одна кожа и кости. Старик бормотал мне что-то непонятное. К этому моменту все остальные уже увидели старика и молча бросились ко мне. Старик повернулся и взглянул на них, и все они застыли на месте. Он сверлил их взглядом пару секунд. Голос у него был просто незабываемый. Словно он говорил через трубу или у него было во рту какое-то другое приспособление, извлекавшее звуки из самого его нутра. Клянусь, я видел, что этот человек говорит внутри тела, а его рот просто транслирует слова, как какой-то механизм. Так вот, пронзил он их взглядом и пошел дальше, мимо меня, мимо них, и исчез, растворился в темноте. Билл рассказал, что церемония инициации так и не состоялась. Все индейцы, в том числе и шаманы, ответственные за ритуал, так дрожали от страха, что чуть не выпрыгивали из ботинок. Немного придя в себя, они разбежались кто куда.

– Люди, которые были друзьями многие годы, – продолжал он, – больше никогда не разговаривали друг с другом. Они заявили, что видели привидение в образе невероятно старого шамана и что, если бы они разговаривали об этом друг с другом, это принесло бы им несчастье. Даже просто смотреть друг на друга было опасно. Большинство из них потом уехало из тех мест.

– Почему они считали, что разговаривать друг с другом или смотреть друг на друга – к несчастью? – спросил я Билла.

– Таковы их верования, – ответил он. – Привидения такого рода обращаются к каждому из присутствующих индивидуально. Для индейцев получить такое видение – это значит определить свою судьбу на всю жизнь.

– И что же привидение сказало им индивидуально? – спросил я.

– Вот этого я не знаю, – ответил Билл. – Они ведь и мне никогда ничего не говорили. Когда я спрашивал их, они все входили в состояние глубокого оцепенения. Ничего не видели, ничего не слышали. Уже через несколько лет после этого события тот человек, который потерял сознание, клялся мне, что обморок был притворный. Он просто до смерти боялся взглянуть в лицо тому старику. А то, что старик имел сказать каждому из них, все они понимали не на словесном, а на каком-то другом уровне.

То, что привидение сказало Биллу, насколько он понял, имело отношение к его здоровью и его будущему.

– То есть? – спросил я.

– Дела мои не очень хороши, – признался он. – Мое тело чувствует

себя неважно.

– Но ты хоть знаешь, в чем тут дело?

– Ну да, – сказал он безразличным тоном, – врачи мне все объяснили. Но я не собираюсь беспокоиться и даже думать об этом. Откровения Билла оставили во мне тяжелый осадок. С этой стороны я его совершенно не знал. Я всегда считал, что он – весельчак, рубаха-парень. Никогда бы не подумал, что у него есть уязвимые места. И такой Билл мне не нравился. Но было уже слишком поздно отступать. Наше путешествие продолжалось. В другой раз он доверительно сообщил мне, что шаманы Юго-запада умеют превращаться в различных существ и что деление шаманов на «медведей», «горных львов» и т. п. следует понимать не в символическом или метафорическом смысле, а в самом что ни на есть буквальном.

– Не знаю, поверишь ли ты, – заявил он самым почтительным тоном, но есть шаманы, которые на самом деле становятся медведями, горными львами или орлами. Я не преувеличиваю и ничего не придумываю, когда говорю, что однажды я сам видел превращение шамана, который называл себя «Речной Человек», «Речной Шаман» или «Пришедший с Реки, Возвращающийся к Реке». С ним я был в горах в штате Нью-Мексико. Я возил его на машине; он мне доверял. Этот шаман искал свой исток – так он говорил. Один раз мы с ним шли по берегу реки, как вдруг он стал каким-то очень возбужденным. Он велел мне скорей убежать с берега к высоким скалам, спрятаться там, накрыть голову и плечи одеялом и выглядывать в щелочку, чтобы не пропустить то, что он сейчас будет делать.

– Что же он собирался делать? – спросил я, не в силах сдержать нетерпение.

– Я не знал, – сказал Билл. – Мне оставалось только догадываться. Я и представить себе не мог, что он собирался делать. Он просто зашел в воду, во всей одежде. Когда вода дошла ему до икр – это была широкая, но мелкая горная речка, – шаман просто исчез, растворился. Но прежде чем войти в воду, он шепнул мне на ухо, что я должен пройти вниз по течению и подождать его. Он указал мне точное место, где ждать. Я нашел это место и увидел, как шаман вышел из воды. Хотя глупо говорить, что он «вышел из воды». Я видел, как шаман превратился в воду, а затем воссоздал себя из воды. Ты можешь в это поверить?

Я не мог ничего сказать по поводу этой истории. Поверить в нее было невозможно, но и не верить я тоже не мог. Билл был слишком серьезным человеком. Напрашивалось единственное разумное объяснение: в этом путешествии он пил с каждым днем все больше. В багажнике у Билла был ящик с двадцатью четырьмя бутылками шотландского виски – для него одного. Он пил как лошадь.

– Я всегда был равнодушен к эзотерическим превращениям шаманов, – объявил он мне в другой день. – Не скажу, что я могу объяснить эти превращения или хотя бы верю в то, что они на самом деле происходят, но в качестве интеллектуального упражнения очень интересно подумать о том, что превращение в змей и горных львов не так трудно, как то, что делал водяной шаман. В такие моменты я задействую свой разум таким образом, что перестаю быть антропологом и начинаю реагировать на то, что чую нутром. А нутром я чую, что эти шаманы определенно делают что-то такое, что невозможно научно зафиксировать и вообще обсуждать, если ты в здравом уме.

Например, есть облачные шаманы, которые превращаются в облака, в туман. Я никогда этого не видел, но я знал одного облачного шамана. Я не видел, чтобы он исчезал или превращался в туман на моих глазах, как тот, другой шаман превратился в воду. Но однажды я погнался за облачным шаманом, и он просто исчез – в таком месте, где спрятаться просто негде. Хотя я не видел, как он превратился в облако, но он исчез! Я не могу объяснить, куда он девался. Там, где он пропал, не было ни скал, ни растительности. Я был там через полминуты после него, но шамана уже не было.

Я гнался за этим человеком, чтобы получить информацию, – продолжал Билл. – Но он не хотел уделить мне время. Он был очень дружелюбен, но и только.

Билл рассказал мне еще массу других историй – о соперничестве и политических группировках индейцев в разных резервациях, о кровной мести, вражде, дружбе и т. д. и т. п. – все это не интересовало меня ни в малейшей степени. А вот истории о превращениях шаманов и привидениях давали мне серьезную эмоциональную встряску. Они меня одновременно и привлекали, и пугали. Но почему они меня привлекают или пугают, я не мог понять, как ни пытался. Могу только сказать, что эти шаманские истории задевали меня на каком-то неизвестном, телесном уровне,

я бы даже сказал, на уровне внутренностей.

Еще во время этой поездки я понял, что индейские сообщества Юго-запада – это действительно сообщества закрытые. И я в конце концов согласился с тем, что мне действительно нужно было пройти основательную теоретическую подготовку, что разумнее было бы заняться полевой антропологической работой в такой сфере, с которой я знаком или в которой имеется некоторая конкуренция.

Когда наша поездка закончилась, Билл отвез меня на автобусную станцию в Ногалес, штат Аризона. Оттуда мне предстояло вернуться в Лос-Анджелес. Пока мы сидели в зале ожидания, Билл по-отечески поучал меня, напоминая, что неудачи в антропологической полевой работе неизбежны, но они являются признаками приближения к цели или моего созревания как ученого. И вдруг он наклонился ко мне и движением подбородка указал на противоположный конец зала.

– Кажется, вон тот старик, который сидит на скамейке в углу, – это и есть тот человек, о котором я тебе рассказывал, – прошептал он мне на ухо. – Я не совсем уверен, потому что я видел его перед собой, лицом к лицу, только один раз.

– Который человек? Что ты мне о нем рассказывал? – спросил я.

– Когда мы говорили о шаманах и шаманских превращениях, я рассказал тебе, как однажды я встретил облачного шамана.

– Да-да, я помню, – сказал я. – Это и есть облачный шаман?

– Нет, – сказал Билл, – но мне кажется, что это товарищ или учитель облачного шамана. Я их обоих видел вместе много раз – правда, издалека и много лет назад.

Я вспомнил, что Билл мельком упоминал, причем не в связи с облачным шаманом, о существовании некоего таинственного старика, бывшего шамана; этот старый мизантроп из индейцев юма одно время был ужасным колдуном. Об отношениях этого старика с облачным шаманом мой друг никогда ничего не рассказывал, но, очевидно, это был настолько важный пункт для Билла, что он был уверен – я тоже об этом знаю.

Странное беспокойство неожиданно овладело мной и заставило вскочить со скамьи. Как будто влекомый чужой волей, я подошел к старику и сразу же начал длинную тираду о том, как я много знаю о лекарственных растениях и о шаманизме индейцев равнин и их сибирских предков. Мимоходом я упомянул, что наслышан о

старике как о шамане. В заключение я заверил старика, что для него было бы крайне полезно побеседовать со мной обстоятельно. – Во всяком случае, – сказал я нетерпеливо, – мы могли бы обменяться историями. Вы расскажете мне свои, а я вам – мои. Все это время старик не поднимал на меня глаз. И тут вдруг поднял. «Я Хуан Матус», – сказал он, глядя мне прямо в глаза. Моя тирада ни в коем случае не должна была прекращаться, но по какой-то непонятной причине я вдруг почувствовал, что мне больше нечего сказать. Хотелось только назвать свое имя. Но старик поднял руку на уровень моих губ, как бы заставляя меня молчать.

В этот момент подъехал автобус. Старик проворчал, что это тот автобус, на котором он должен ехать; затем он дружелюбно пригласил меня заглянуть как-нибудь к нему, чтобы мы могли поговорить в непринужденной обстановке и обменяться историями. Говоря это, он иронично усмехнулся уголком рта. С невероятной для человека его возраста ловкостью – ему было, как я прикинул, за восемьдесят – он в несколько прыжков покрыл пятидесятиардовое расстояние между скамьей, где он сидел, и дверью автобуса. Автобус словно остановился специально для того, чтобы подобрать этого старика, – как только он запрыгнул, дверь закрылась и машина тронулась.

Старик уехал, а я вернулся к скамейке, где сидел Билл.

– Что он сказал, что он сказал? – спрашивал он возбужденно.

– Чтобы я заглянул к нему домой, – ответил я. – И даже сказал, что мы там сможем поговорить.

– Он пригласил тебя к себе домой? Что же ты ему такого сказал? – приставал Билл.

Я похвастался Биллу, что во мне погиб торговый агент, и рассказал, как я пообещал старику поделиться с ним своей богатой информацией о лекарственных растениях.

Билл явно не поверил ни одному моему слову. Он обвинил меня в том, что я что-то утаиваю от него.

– Я знаю, что за люди здесь живут, – заявил он воинственно, – а этот старик – особенно странный тип. Он не разговаривает ни с кем, в том числе и с индейцами. С какой бы стати ему разговаривать с тобой, чужаком? Был бы ты хоть умный!

Было очевидно, что мой друг рассердился на меня, хотя я и не мог понять за что. Я не смел попросить у него объяснений. У меня

возникло впечатление, что он ревнует меня к этому старику. Возможно, я добился успеха там, где он в свое время потерпел поражение. Как бы то ни было, мой случайный успех ничего не значил для меня. Если не считать кратких замечаний Билла, я не имел ни малейшего понятия о том, как трудно было сойтись с этим стариком. Да и ничего особо примечательного в нашем разговоре я в то время не обнаружил. И меня удивляло, что Билл так расстраивается по этому поводу.

– А ты знаешь, где он живет? – спросил я его.

– Не имею ни малейшего понятия, – ответил он сухо. – Местные люди говорили, что он не живет вообще нигде, просто появляется неожиданно то здесь, то там, но все это, конечно, чушь собачья. Наверное, живет в какой-нибудь развалюхе в мексиканском Ногалесе.

– Чем же он такой важный? – спросил я.

Задав этот вопрос, я смог набраться храбрости и добавить:

– По-моему, ты расстроен из-за того, что он разговаривал со мной. Почему?

Билл с безразличным видом признал, что он был раздосадован, потому что, по его сведениям, даже пытаться заговорить с этим человеком было бесполезно.

– Этот старик – редкий грубиян, – добавил Билл. – В лучшем случае, ты к нему обращаешься, а он на тебя только смотрит и слова не скажет. А в другой раз и взглядом не удостоит; просто не обращает на тебя внимания, словно ты пустое место. Я единственный раз попытался заговорить с ним, и он меня очень грубо оборвал. Знаешь, что он мне сказал? «На твоём месте я бы не тратил энергию на открывание рта. Береги её. Она тебе нужна». Не был бы он такой старой галошей, я бы врезал ему по носу.

Я заметил, что называть этого человека «стариком» было бы не совсем корректно. На самом деле он не выглядел таким уж старым, хотя лет ему, безусловно, было много. Он невероятно подвижен и крепок. Про себя же я подумал, что Билл оказался бы в жалком положении, если бы вздумал врезать такому «старик» по носу. Старый индеец был силен. Можно даже сказать, он внушал страх. Но этого я вслух не сказал. Билл продолжал разглагольствовать о том, как ненавистен ему этот гадкий старикашка и что бы он со старикашкой сделал, если бы тот не был таким тщедушным.

– Как ты думаешь, кто бы мог мне подсказать его адрес? – спросил

я.

– Возможно, кое-кто в Юме, – ответил он, понемногу успокаиваясь. – Может быть, те люди, с которыми я тебя познакомил в начале нашей поездки. Ты ничего не потеряешь, если порасспросишь их. Можешь сказать, что это я тебя к ним направил.

Итак, мои планы изменились. Вместо того чтобы вернуться в Лос-Анджелес, я отправился в Юму, штат Аризона. Встретился с людьми, с которыми меня познакомил Билл. Они не знали, где живет тот старый индеец, но их отзывы о нем еще больше возбудили мое любопытство. Мне сказали, что он не из Юмы, а из мексиканского штата Сонора и что в молодости он был внушающим ужас магом, творил заклинания и налагал чары на людей, но, постарев, превратился в отшельника-аскета. Хотя он был индейцем яки, одно время его видели с группой мексиканцев, которые, судя по всему, хорошо разбирались в колдовстве. Все информаторы Билла утверждали, что уже много лет никто из той компании в окрестностях Юмы не появлялся.

Один из информаторов добавил, что этот старик был сверстником его дедушки. Но дедушка был уже дряхл и прикован к постели, а маг с годами, казалось, лишь набирался сил. Этот же рассказчик порекомендовал мне обратиться к неким людям в Эрмосильо, столице Соноры, которые могли знать старика и рассказать мне о нем больше. Перспектива поездки еще и в Мексику меня не очень-то радовала. Сонора находилась слишком далеко от сферы моих интересов. Кроме того, я рассудил, что лучше все-таки и впрямь заняться городской антропологией, и вернулся в Лос-Анджелес. Перед отъездом в Калифорнию я, правда, прочесал окрестности Юмы, повсюду расспрашивая о старике. Но больше никто не знал о нем ничего.

В автобусе на пути в Лос-Анджелес мной владели смешанные ощущения. С одной стороны, я чувствовал себя полностью излечившимся от всяких помрачений, связанных с полевой работой и стариком-индейцем. С другой стороны, меня мучила странная ностальгия. Такого со мной раньше никогда не бывало. Новизна ощущения поразила меня до глубины души. Это была смесь беспокойства и тоски, как будто мне не хватало чего-то крайне важного. По мере того как я приближался к Лос-Анджелесу, все, что воздействовало на меня в Юме, постепенно начало уходить на задний план. Но от этого моя тоска лишь усиливалась.

Намерение бесконечности

Я хотел бы, чтобы ты не спеша обдумал каждую подробность того, что случилось между тобой и теми двумя людьми, Хорхе Кампосом и Лукасом Коронадо, которые на самом деле привели тебя ко мне, – сказал дон Хуан. – Потом расскажи мне все, что вспомнишь.

Его просьба оказалась для меня очень сложной, и все же мне даже понравилось вспоминать то, что рассказывали эти двое. Дон Хуан хотел услышать все подробности, и это заставило меня предельно напрягать свою память.

История, которую заставил меня вспомнить дон Хуан, началась в городке Гуаймас мексиканского штата Сонора. В Юме, штат Аризона, мне дали имена и адреса тех людей, которые, как мне сказали, могут пролить свет на загадку старика, встреченного на автобусной остановке. Но люди, которых я навестил, не только не знали никакого старого шамана, но и вообще сомневались, что такой человек существует. Впрочем, все они рассказывали множество жутких историй о шаманах из племени яки и воинственном духе всех представителей этого племени. Однако они намекнули, что, возможно, я смогу найти кое-кого, кто укажет мне верное направление, в Викаме – железнодорожном поселке между городами Гуаймас и Сьюдад-Обрегон.

– Можете ли вы порекомендовать конкретного человека? – спросил я.

– Лучше всего будет поговорить с инспектором государственного банка, – предположил один из моих собеседников. – В этом банке много инспекторов. Им известно все о местных индейцах, так как банк является государственным учреждением, скупающим их урожаи, а каждый индеец яки – фермер: он владеет участком земли и может считать его своей собственностью, пока обрабатывает его.

– Вы знакомы с каким-нибудь инспектором? – спросил я.

Все переглянулись и посмотрели на меня с извиняющимися

улыбками. Они не знали ни одного инспектора, но настоятельно советовали мне найти любого из них и рассказать ему о своей проблеме.

Мои попытки познакомиться с инспекторами государственного банка на станции Викам обернулись полной неудачей. Я встретился с тремя из них, но, как только рассказывал, чего от них хочу, они начинали смотреть на меня с нескрываемой подозрительностью. Они немедленно решали, что я – шпион янки, подосланный для того, чтобы затеять какие-то неприятности. Хотя инспекторы не могли точно определить, какие именно, но высказывали самые дикие предположения – от политической пропаганды до промышленного шпионажа. Все вокруг без всяких на то оснований верили, что в недрах земель племени яки есть залежи меди и янки пытаются завладеть ими.

После провала всех моих попыток я вернулся в Гуаймас и остановился в гостинице неподалеку от одного знаменитого ресторана, куда ходил трижды в день. Кухня там была великолепной. Мне она так понравилась, что я остался в Гуаймас еще на неделю. Фактически, я чуть ли не жил в этом ресторане и благодаря этому хорошо познакомился с его владельцем, сеньором Рейесом.

Однажды во время обеда мистер Рейес подвел к моему столику какого-то человека, которого представил как Хорхе Кампоса, чистокровного индейца яки и предпринимателя; в молодости он жил в Аризоне, прекрасно говорил по-английски и был американцем больше, чем любой другой американец. Мистер Рейес восхвалял его как настоящий образец того, как упорный труд и настойчивость способны превратить человека в исключительную личность.

Мистер Рейес оставил нас наедине, а Хорхе Кампос присел за столик и немедленно перешел к делу. Он старался вести себя скромно и отрицал похвалы, только что прозвучавшие в его адрес, но было совершенно ясно, что на самом деле он чрезвычайно польщен словами мистера Рейеса. С первого взгляда у меня возникло четкое впечатление, что Хорхе Кампос относится к тем предпринимателям, каких можно встретить в баре или на оживленном углу главной улицы – они продают идеи или просто пытаются найти хитроумный способ избавить людей от их сбережений.

У мистера Кампоса была очень приятная внешность – около шести футов ростом, стройный, с импозантным брюшком, выдающим любителя крепких напитков. У него было очень смуглое лицо с легким налетом бледности. На нем были дорогие джинсы и лакированные ковбойские ботинки с острыми носками и угловатыми задниками, словно ему часто приходилось упираться в землю, чтобы остановить пойманного петлей лассо бычка. Помимо этого, на нем была безупречно выглаженная серая рубашка из шотландки; из правого кармана выглядывал пластиковый чехол с целым набором ручек. Мне доводилось видеть такие карманные чехлы у конторских служащих, не желавших испачкать чернилами карманы своих рубашек. Наряд Кампоса довершали довольно дорогая на вид, отделанная бахромой красновато-коричневая замшевая куртка и высокая шляпа техасского ковбоя. Его круглое лицо было бесстрастным. Морщин на нем не было, хотя на вид Кампосу было уже за пятьдесят. По какой-то неясной причине я решил, что этот человек опасен.

– Очень приятно познакомиться с вами, мистер Кампос, – сказал я, протягивая ему руку.

– Давай покончим с формальностями, – ответил он, энергично пожимая мою руку. – Мне нравится держаться с молодыми людьми на равных, несмотря на разницу в возрасте. Зови меня просто Хорхе.

Он на мгновение умолк – без сомнения, для того, чтобы понаблюдать за моей реакцией. Я не знал, что ответить. Мне совершенно не хотелось шутить с ним, но в то же время я не мог воспринимать его всерьез.

– Любопытно, что привело тебя в Гуаймас? – непринужденно продолжал он. – На туриста ты не похож, дай глубоководная морская рыбалка вряд ли тебя привлекает.

– Я изучаю антропологию, – ответил я, – и пытаюсь сойтись с местными индейцами, чтобы провести полевые исследования.

– А я деловой человек, – откликнулся он. – Мой бизнес заключается в снабжении информацией, в посредничестве. У тебя есть потребность, у меня – товар. Но я беру плату за свои услуги и при этом гарантирую качество. Если ты останешься недоволен, платить не придется.

– Если ваш бизнес заключается в продаже информации, – сказал я,

– то я с удовольствием заплачу, какую бы цену вы ни назначили.
– Ага! – воскликнул он. – Тебе явно нужен проводник – кое-кто более образованный, чем обычный здешний индеец яки, кто познакомил бы тебя с окрестностями. Получил дотацию на исследования у правительства Соединенных Штатов или у какой-то крупной организации?

– Да, – солгал я. – Дотацию выделил Эзотерический Фонд Лос-Анджелеса.

Как только я произнес это, в его глазах промелькнул жадный блеск.

– Ага! – снова воскликнул он. – Это крупная организация?

– Довольно большая, – подтвердил я.

– Господи! Что, правда? – переспросил он, будто мои слова были тем объяснением, которое он желал услышать.

– Могу ли я спросить, если, конечно, ты не против, – насколько велика эта дотация? Сколько они тебе дали?

– Несколько тысяч долларов для предварительных полевых изысканий, – опять соврал я, чтобы увидеть, как он отреагирует.

– Ага! Я люблю откровенных людей, – сказал он, смакуя каждое свое слово. – Я думаю, мы с тобой достигнем взаимопонимания. Я предлагаю тебе услуги в качестве проводника и готов послужить тем ключом, что отворит перед тобой множество тайных дверей племени яки. Как ты мог заметить по моему внешнему виду, я обладаю определенным вкусом и средствами.

– О да, у вас явно хороший вкус, – подтвердил я.

– Я имею в виду, – продолжал он, – что за небольшое вознаграждение, которое ты сочтешь вполне разумным, я приведу тебя к нужным людям – к людям, которым ты сможешь задать любые вопросы. За незначительную дополнительную плату я слово в слово переведу для тебя их ответы на испанский или английский. Еще я говорю на французском и немецком, но что-то подсказывает мне, что эти языки тебя не интересуют.

– Вы правы. Вы совершенно правы, – сказал я. – Эти языки меня совершенно не интересуют. Сколько же вы хотите в качестве вознаграждения?

Он вынул из внутреннего кармана обтянутый кожей блокнот, помахал им перед моим носом, нацарапал в нем какие-то беглые пометки, снова махнул им, закрывая, и изящным и быстрым движением сунул в карман. Я был уверен, что он хотел продемонстрировать мне, насколько ловко и споро управляется с

вычислениями.

– Так! Мое вознаграждение! Я возьму с тебя пятьдесят долларов в день, не считая транспортных расходов и питания. Это значит, что, когда будешь кушать ты, кушать буду и я. Что скажешь?

В этот момент он подался ко мне и почти шепотом сообщил, что нам следует перейти на английский, потому что он не хочет, чтобы окружающие узнали о характере нашей сделки. После этого он начал говорить со мной на каком-то языке, но это был вовсе не английский. Я совершенно растерялся и не знал, как мне реагировать. От вида человека, несущего какую-то тарабарщину с совершенно естественным выражением лица, я нервно задрожал. Но он вел себя совершенно спокойно, сопровождая слова оживленными жестами и указывая то на одно, то на другое, будто объяснял мне что-то. Мне показалось, что это не был какой-то из перечисленных им языков; возможно, он говорил на языке яки. Когда мимо нашего стола проходили люди, я кивал головой и произносил: «Да, да, конечно». Один раз я сказал: «Вы не могли бы повторить еще раз?» – это прозвучало так смешно, что я расхохотался до рези в животе. Он тоже от души рассмеялся, словно я рассказал невероятную шутку.

Должно быть, он заметил, что я совершенно сбит с толку, так как, прежде чем я успел сказать ему, что ничего не понимаю, он вновь перешел на испанский.

– Не хотелось бы утомлять тебя своими глупыми наблюдениями, – сказал он, – но, если я стану твоим проводником, – а мне кажется, я им стану, – нам придется проводить за разговорами долгие часы. Только что я проверял тебя, пытаюсь определить, хороший ли ты собеседник. Раз мне суждено продолжительное время быть рядом с тобой, пока ты ведешь машину, я хочу убедиться, что ты умеешь слушать и поддерживать беседу. Рад сообщить, что ты искусен и в том, и в другом.

Он поднялся, пожал мне руку и ушел. Словно по сигналу, к столику подошел владелец ресторана; он улыбался и покачивал головой из стороны в сторону, как медвежонок.

– Он замечательный парень, правда? – поинтересовался мистер Рейес.

Мне не хотелось добавлять что бы то ни было к этому заявлению, так что мистер Рейес по собственной воле поведал мне, что в данный момент Хорхе Кампос выступает в роли посредника в

одной чрезвычайно деликатной и выгодной сделке. Он добавил, что некие горнодобывающие компании Соединенных Штатов заинтересованы в разработке залежей железа и меди в землях индейцев яки и на этом Хорхе Кампос собирается заработать около пяти миллионов долларов. Теперь я наверняка знал, что Хорхе Кампос – мошенник: в земле, которой владели индейцы яки, не было ни железа, ни меди. Будь там полезные ископаемые, частные предприятия давным-давно вытеснили бы индейцев с этой земли и поселили бы где-то в другом месте.

– Он действительно замечательный, – сказал я. – Самый удивительный человек из всех, кого я встречал. Как я могу снова найти его?

– Не беспокойтесь об этом, – заверил меня мистер Рейес. – Хорхе уже расспросил меня о вас. Он наблюдал за вами с того самого момента, когда вы здесь появились. Думаю, сегодня вечером или завтра он сам постучит в вашу дверь.

Мистер Рейес был прав. Пару часов спустя, когда я прилег вздремнуть после обеда, меня разбудили. Я собирался покинуть Гуаймас ранним вечером и за ночь добраться до Калифорнии. Разбудил меня Хорхе Кампос. Я объяснил ему, что уезжаю, но вернусь сюда примерно через месяц.

– Ага! Но ты должен остаться, ведь я согласился стать твоим проводником, – сказал он.

– Мне очень жаль, но с этим придется подождать. Сейчас у меня очень мало времени, – ответил я.

Я знал, что Хорхе Кампос – плут, и все же решил рассказать ему, что у меня уже есть источник информации, пожелавший поработать на меня, и что я познакомился с ним в Аризоне. Я описал ему старика и сказал, что его зовут Хуан Матус, а другие люди говорили о нем как о шамане. Хорхе Кампос широко улыбнулся в ответ. Я спросил, знаком ли он с этим стариком.

– О да, я его знаю, – весело подтвердил он. – Можно даже сказать, что мы хорошие приятели. – Не дожидаясь приглашения, Хорхе Кампос вошел в комнату и присел за столик возле балкона.

– Он живет где-то рядом? – спросил я.

– Конечно, – уверенно сказал Хорхе.

– Вы можете проводить меня к нему?

– Почему бы и нет, – ответил он. – Мне понадобится пара дней, чтобы навести кое-какие справки – просто убедиться, что сейчас

он здесь. Потом мы сможем навестить его.

Я понимал, что он лжет, и все же мне хотелось в это поверить. Я даже подумал, что мое первоначальное недоверие было совершенно необоснованным: в этот миг он, казалось, был вполне искренним.

— Однако, — продолжал он, — я запрошу с тебя плату за то, что приведу к этому человеку. Мой гонорар составит двести долларов. Эта сумма превышала все, что было в моем распоряжении. Я вежливо отказался и заявил, что у меня нет таких денег.

— Мне не хотелось бы выглядеть торгашом, — сказал он, расплываясь в обаятельной улыбке, — но скажи тогда, сколько ты можешь себе позволить? Учти, что мне придется потратиться на взятки. Индейцы яки очень замкнуты, но определенные способы всегда существуют. Любые двери открываются одним золотым ключиком — деньгами.

Несмотря на все мои дурные предчувствия, я был убежден в том, что Хорхе Кампос вхож не только в мир индейцев яки, но и в дом того старика, что так меня заинтриговал. Мне не хотелось торговаться, и я испытал легкий стыд, предложив ему лежащие в моем кармане пятьдесят долларов.

— Я уже собирался уезжать, — сказал я, будто извиняясь, — так что с деньгами у меня туговато. Осталось только пятьдесят долларов. Хорхе Кампос вытянул длинные ноги под столом, скрестил руки за головой и сдвинул шляпу на лоб.

— Я возьму эти пятьдесят долларов и твои часы, — без тени смущения заявил он. — Но за эту плату я отведу тебя только к младшему шаману. Не волнуйся! — предупредил он, словно я уже начал протестовать. — По этой лестнице следует подниматься осторожно — с нижней ступеньки до самого этого человека, который, смею тебя заверить, занимает чрезвычайно высокое положение.

— Когда же встретимся с этим младшим шаманом? — спросил я, протягивая ему деньги и часы.

— Прямо сейчас! — воскликнул он, выпрямился и нетерпеливо схватил часы и деньги. — Пойдем! Не будем терять ни минуты!

Мы уселись в машину, и он сообщил, что мы едем в город Потам — один из старинных центров племени яки на берегу реки Яки. Пока мы ехали, он рассказал, что познакомит меня с Лукасом Коронадо — человеком, известным своим колдовским искусством,

шаманистскими трансами и великолепными масками, которые он делает для праздников яки на Великий Пост.

Затем разговор перешел на тему о старике, и слова Хорхе полностью противоречили всему, что говорили о нем другие. Хотя его описывали как отшельника и шамана в отставке, Хорхе Кампос изобразил старика самым выдающимся целителем и колдуном в этом районе – человеком, слава которого превратила его в совершенно недостижимую личность. Хорхе сделал театральную паузу, а потом нанес свой последний удар: он сказал, что непринужденный разговор со стариком – тот вид беседы, к которому стремятся все антропологи, – обойдется мне по меньшей мере в две тысячи долларов.

Я собирался было возмутиться таким резким скачком цены, но Хорхе опередил меня:

– За двести долларов я мог бы просто провести тебя к нему, – сказал он. – Но из них у меня осталось бы не больше тридцати долларов – все остальное ушло бы на взятки. Однако продолжительный разговор с ним стоит намного дороже. Подумай сам: у него куча телохранителей, людей, что его оберегают. Мне нужно уговорить их и дать что-то каждому.

– В конце концов, – закончил он, – я могу представить тебе полный отчет с квитанциями и всем прочим, что нужно для твоей налоговой декларации. Тогда ты поймешь, что мои комиссионные за организацию всего дела совершенно незначительны.

Я испытал прилив восхищения этим человеком. Он предусмотрел смотрел все, даже квитанции о налогах с дохода. Какое-то время он молчал, будто подсчитывал свою незначительную прибыль.

Мне тоже нечего было сказать: я сам занялся подсчетами, пытаюсь придумать способ найти две тысячи долларов. Я даже подумал о том, чтобы действительно подать просьбу о дотации.

– Вы уверены, что старик захочет говорить со мной? – спросил я.

– Разумеется, – заверил Хорхе. – Он не только поговорит с тобой, но и покажет какое-нибудь колдовство, если, конечно, ты ему заплатишь. И вы сможете договориться о том, сколько ты будешь платить за дальнейшие уроки. – Хорхе Кампос опять ненадолго умолк, пристально глядя мне в глаза. – Так что, сможешь заплатить две тысячи? – спросил он таким нарочито равнодушным тоном, что я вновь мгновенно осознал, что он мошенник.

– О да, это вполне приемлемая сумма, – успокаивающе соврал я.

Он не мог скрыть своего ликования.

– Молодец! Молодец! – одобрительно воскликнул он. – Вот и договорились!

Я попытался задать ему еще несколько общих вопросов о старике, но он бесцеремонно прервал меня:

– Спросишь у самого старика. Он будет в твоём полном распоряжении, – с улыбкой пообещал Хорхе.

Он принялся рассказывать мне о своей жизни в Соединенных Штатах и деловой карьере. Поскольку я уже отнес его к категории жуликов, не знающих ни единого английского слова, он вдруг перешел на английский, что привело меня в полное замешательство.

– Так вы *говорите* по-английски! – воскликнул я, даже не пытаясь скрыть свое изумление.

– Ну разумеется, мой мальчик, – ответил он с техасским акцентом, которому подражал на протяжении всего нашего разговора. – Я ведь говорил, что хотел испытать тебя, проверить, насколько ты находчивый. И следует признать, что ты весьма сообразителен. Он великолепно говорил на английском и принялся развлекать меня всякими шутками и историями. Мне показалось, что мы добрались до Потама почти мгновенно. Мы подъехали к дому на окраине города и вышли из машины. Хорхе шел впереди, громко выкрикивая имя Лукаса Корона-до.

Откуда-то из глубины дома раздался голос:

– Сюда.

В задней комнате лачуги, прямо на расстеленной на полу козьей шкуре сидел человек. Держа в руках резец и деревянный молоток, он возился с куском дерева, зажав его голыми ступнями.

Удерживая его на месте ногами, человек управлял им, словно огромным вращающимся колесом гончара. Ступни ловко вращали дерево, а руки тем временем обтачивали его резцом. Я никогда в жизни не видел ничего подобного. Он делал маску, выдалбливая в ней углубления искривленным резцом. Непринужденность, с какой он удерживал деревяшку ногами и поворачивал ее, была совершенно замечательной.

Человек был очень худым: вытянутое лицо с резкими чертами, высокие скулы и темная, почти медного цвета кожа. Кожа на лице и шее была так натянута, что казалось, вот-вот лопнет. Он носил тонкие обвисшие усы, которые придавали его угловатому лицу

зловещее выражение. У него был орлиный нос с очень тонкой переносицей и свирепые черные глаза. Совершенно черные брови выглядели так, будто были нарисованы карандашом, – как и блестящие черные волосы, зачесанные назад. Мне никогда еще не доводилось видеть такого неприятного лица. При взгляде на него в голову приходил образ итальянского отравителя эпохи Медичи. После внимательного изучения лица Лукаса Коронадо я решил, что самыми подходящими для него будут слова «свирепый» и «угрюмый».

Я заметил, что ноги у него были такими длинными, что, хотя он сидел на полу и сжимал ногами кусок дерева, колени доходили до самых плеч. Когда мы подошли ближе, он прервал работу и поднялся. Лукас был худым как вешалка и еще выше ростом, чем Хорхе Кампос. Он тут же надел свои *гуарачес* – как мне показалось, в знак уважения к нам.

– Входите, входите, – без улыбки сказал он. У меня возникло странное ощущение, что Лукас Коронадо вообще не умеет улыбаться. – Что стало причиной такого приятного визита? – спросил он у Хорхе Кампоса.

– Я привел этого молодого человека. Он хочет задать пару вопросов о твоём искусстве, – покровительственным тоном сообщил Хорхе Кампос. – Я поклялся, что ты ответишь на его вопросы совершенно правдиво.

– Ну конечно, конечно, – заверил Лукас Коронадо, окинув меня с ног до головы равнодушным взглядом.

Он перешел на другой язык – я решил, что это язык племени яки. Лукас и Хорхе погрузились в оживленный разговор, и говорили так довольно долго. При этом оба вели себя так, словно я вообще не существовал.

– Есть одна проблема, – наконец сказал мне Хорхе Кампос. – Лукас только что сообщил мне, что сейчас у него очень напряженное время, так как приближаются праздники. Поэтому сегодня он не сможет ответить на все твои вопросы, но обязательно сделает это в другой раз.

– Да, да, конечно, – подтвердил Лукас Коронадо на испанском. – В другой раз – обязательно. В другой раз.

– Нам придется уйти, – сказал Хорхе Кампос, – но я непременно приведу тебя к нему позже.

Когда мы уходили, я почувствовал желание высказать Лукасу

Коронадо свое восхищение его изумительным мастерством одновременной работы руками и ногами. Он взглянул на меня так, будто я сумасшедший, а глаза его расширились от удивления. – Ты что, никогда не видел, как делают маску? – процедил он сквозь сжатые зубы. – Ты откуда свалился? С Марса?

Я почувствовал себя идиотом и попытался объяснить, что для меня этот способ является совершенно новым. Мне показалось, что сейчас он ударит меня по голове. Хорхе Кампос на английском сказал мне, что своим замечанием я очень обидел Лукаса Коронадо. Он воспринял мою похвалу как скрытую попытку посмеяться над его бедностью. Для него мои слова стали ироничным указанием на то, каким нищим и беспомощным он стал.

– Все совсем наоборот! – заявил я. – Я считаю, что он великолепен. – Не вздумай говорить ему что-то подобное, – резко возразил Хорхе Кампос. – Эти люди привыкли воспринимать и высказывать оскорбления в самой тонкой форме. Он считает очень странным, что ты пренебрежительно отзываешься о нем, хотя совсем его не знаешь, и к тому же смеешься над тем, что он не может позволить себе купить верстак для работы с деревом.

Я был совершенно растерян. Мне меньше всего хотелось портить отношения со своим единственным возможным выходом на старика. Судя по всему, Хорхе Кампос прекрасно понимал мою досаду.

– Купи у него какую-нибудь маску, – посоветовал он.

Я ответил ему, что денег у меня едва хватит на то, чтобы заправить машину и купить еду, и что я собираюсь добраться до Лос-Анджелеса одним махом, без остановок.

– Тогда дай ему свою кожаную куртку, – как нечто само собой разумеющееся сказал Хорхе, хотя и произнес это доверительным, значительным тоном. – Иначе ты разозлишь его и тогда запомнишься ему только нанесенным оскорблением. Не стоит говорить ему, что его маски хороши. Просто купи одну.

Когда я сказал Лукасу Коронадо, что хочу обменять свою кожаную куртку на одну из его масок, он удовлетворенно осклабился, взял куртку и тут же надел ее. Он пошел к дому, но, прежде чем войти, сделал какое-то странное круговое движение, опустился на колени перед чем-то вроде алтаря. Он двигал руками, словно вытягивал их, а потом потер ладонями края куртки.

Он вошел в дом, вынес оттуда обернутый газетами сверток и передал его мне. Я хотел задать ему несколько вопросов, но он извинился и сказал, что у него много работы, однако добавил, что если я захочу, то могу вернуться в другой раз.

На обратном пути в Гуаймас Хорхе Кампос попросил меня развернуть сверток. Он хотел убедиться, что Лукас Коронадо не обманул меня. Мне не хотелось проверять, что в свертке, – я был целиком занят мыслью о том, чтобы вернуться к Лукасу в одиночестве и поговорить с ним. Я пребывал в приподнятом настроении.

– Я должен увидеть, что он тебе дал, – настаивал Хорхе Кампос. – Пожалуйста, останови машину. Не существует таких причин или обстоятельств, что позволили бы мне подвергать своих клиентов опасности. Ты заплатил мне за определенные услуги. Этот человек – искусный шаман, и потому он очень опасен. Так как ты оскорбил его, он мог дать тебе заколдованный сверток. В этом случае нам придется быстро закопать его прямо здесь.

Я испытал прилив тошноты и остановил машину. С предельной осторожностью я вынул сверток, но Хорхе Кампос выхватил его из моих рук и развернул. В нем лежали три великолепные традиционные маски племени яки. Хорхе Кампос обыденным, ничуть не заинтересованным тоном заметил, что было бы вполне естественно, если бы я подарил ему одну из них. Я рассудил, что мне следует поддерживать с ним хорошие отношения, пока он не отвел меня к старику, и потому с готовностью вручил ему одну маску.

– Если ты позволишь мне выбрать, я бы предпочел вот эту, – показал он.

Я позволил. Маски ничего для меня не значили, ведь моя цель заключалась в другом. Я бы отдал ему и две оставшиеся, но мне хотелось показать их своим друзьям-антропологам.

– В этих масках нет ничего необычного, – объявил Хорхе Кампос.

– Такие можно купить в любой лавке в городе. Они продаются для туристов.

Я видел маски племени яки в городских магазинах. По сравнению с этими они были грубыми поделками. К тому же, Хорхе Кампос действительно выбрал самую лучшую.

Я оставил его в городе и направился в Лос-Анджелес. Прежде чем попрощаться, он напомнил мне, что я фактически уже должен ему

две тысячи долларов, так как он собирается немедленно начать раздавать взятки и готовить мою встречу с той большой шишкой.

– Так что, ты точно сможешь привезти две тысячи в следующий раз, когда приедешь? – нагло спросил он.

Его вопрос поставил меня в ужасное положение. Я был уверен, что он потеряет интерес ко мне, как только я честно признаюсь ему, что сомневаюсь в этом. И я был убежден, что, несмотря на его очевидную жадность, он все же сможет стать моим проводником.

– Я изо всех сил постараюсь найти деньги, – уклончиво ответил я.

– Тебе нужно сделать кое-что большее, – резко, почти зло возразил он. – Я собираюсь тратить собственные деньги, устраивая эту встречу и должен получить от тебя какие-нибудь гарантии. Мне известно, что ты очень серьезный молодой человек. Сколько стоит твоя машина? Может быть, тебе уже выдали уведомление об увольнении?

Я сказал ему, сколько стоит моя машина, и отверг предположение об увольнении, но он удовлетворился лишь после того, как я дал ему слово, что в следующий раз привезу с собой всю сумму наличными.

Пять месяцев спустя я вернулся в Гуаймас, чтобы повидаться с Хорхе Кампосом. В то время две тысячи были значительной суммой, особенно для студента. Я решил, что, если он согласится на выплаты по частям, я с удовольствием уплачу ему ту сумму, о какой мы договорились.

Я не смог найти Хорхе Кампоса. Я обращался к владельцу ресторана, но он был озадачен отсутствием Хорхе не меньше меня. – Он просто исчез, – сказал мистер Рейес. – Я думаю, вернулся в Аризону или в Техас, туда, где у него дела.

Я воспользовался этим случаем и в одиночестве отправился к Лукасу Коронадо. Но, подъехав к его дому около полудня, я не застал и его. Я обращался с вопросами о том, где он может быть, к его соседям, но те воинственно рассматривали меня и не удостоили даже словом. Я уехал, но вновь вернулся к его дому к вечеру, впрочем, без особых надежд. На самом деле я уже собирался домой, в Лос-Анджелес. К моему удивлению, Лукас Коронадо не только оказался дома, но и вел себя очень дружелюбно. Он откровенно одобрил то, что я приехал без «этой занозы в заднице» Хорхе Кампоса и пожаловался, что Хорхе Кампос, которого он называл изменником племени яки, получает

удовольствие, когда использует своих соплеменников.

Я вручил Лукасу Коронадо подарки, привезенные специально для него, и купил у него три маски, посох с изысканной резьбой и пару постукивающих краг, сделанных из коконов каких-то пустынных насекомых, – индейцы яки используют эти краги в своих традиционных танцах. Затем я пригласил его поужинать в Гуаймас. Я виделся с ним ежедневно в течение тех пяти дней, что провел в этом районе, и он обеспечил меня нескончаемым потоком информации о племени яки, их истории и общественной организации, а также о значении и характере их праздников. Эти полевые исследования доставляли мне такое удовольствие, что мне даже не хотелось спрашивать, известно ли ему что-то о старом шамане. Преодолевая эту неохоту, я все же спросил Лукаса Коронадо, знаком ли он с тем стариком, который, по уверениям Хорхе Кампоса, был выдающимся шаманом. Казалось, мой вопрос поставил Лукаса в тупик. Он заверил меня, что, насколько ему известно, в этой части страны никогда не существовало подобного человека, а Хорхе Кампос – просто мошенник, пытавшийся выманить у меня деньги.

То, что Лукас Коронадо отрицает существование этого старика, стало для меня неожиданным и жестоким ударом. В этот миг я с полной очевидностью понял, что полевые изыскания меня ничуть не заботят. Единственным, что меня волновало, были поиски этого старика. Я понял, что встреча со старым шаманом действительно была неким переломным моментом, никак не связанным с моими желаниями, стремлениями и даже соображениями как антрополога. Теперь мне еще сильнее хотелось узнать, кем, черт возьми, был тот старик. Совершенно не владея собой, я начал громко вопить от досады и топтать ногами по полу. Лукас Коронадо был совершенно изумлен моим поведением. Он удивленно уставился на меня, а затем рассмеялся. Я не имел никакого представления о том, над чем он смеется, и извинился за свою вспышку гнева и огорчения, хотя не мог объяснить ему причины своей подавленности. Судя по всему, Лукас Коронадо понял мое затруднительное положение. – В этих местах такое случается, – сказал он.

Я не понимал, что он имеет в виду, но не хотел просить объяснений. Я был смертельно напуган той легкостью, с какой он отнесся к этому оскорблению. Характерной чертой индейцев яки является их обидчивость. Кажется, что они всегда так и

выискивают обиду, которая оказалась настолько тонкой, что ее не заметили.

– В окрестных горах обитают магические существа, – продолжал он, – и они способны влиять на людей. Они заставляют людей сходить с ума. Под их влиянием люди начинают шуметь и нести всякую чушь, но, когда наконец утихают от истощения, никак не могут взять в толк, почему они вели себя так.

– Думаете, со мной произошло что-то подобное? – спросил я.

– Наверняка, – с полной убежденностью ответил он. – Я уже подозревал в тебе предрасположенность сходить с ума по пустячному поводу, но ты всегда был сдержан. Сегодня ты не был сдержан. Ты разъярился из-за чепухи.

– Это не чепуха, – возразил я. – До сих пор я не понимал этого, но основной побудительной причиной всех моих поисков был этот старик.

Лукас Коронадо помолчал, словно погрузился в глубокие раздумья, а затем принялся ходить взад-вперед.

– Может быть, вы знаете похожего старика не из этих мест? – спросил я.

Он не понял моего вопроса. Мне пришлось объяснить, что, возможно, тот старый индеец похож на Хорхе Кампоса – то есть это индеец яки, который не живет на землях своего племени. Лукас Коронадо объяснил, что фамилия Матус вполне обычна для этих мест, но он не знает ни одного Матуса по имени Хуан. Затем его будто осенило, и он заявил, что, раз этот человек стар, у него может быть и другое имя и что он мог представиться вымышленным, а не настоящим именем.

– Единственный известный мне старик – отец Игнасио Флореса, – продолжал он. – Он время от времени навещает сына, но приезжает из Мехико. Подумать только, он – отец Игнасио, но ведь он не такой старый. И все же он старый, потому что Игнасио старый. Хотя его отец выглядит моложе.

Он от всей души рассмеялся. Очевидно, он никогда раньше не задумывался о моложавом виде того старика. Лукас продолжал качать головой, словно не веря в свое открытие. Я, напротив, испытал новый прилив надежды.

– Это он! – завопил я, сам не понимая, почему так уверен в этом. Лукас Коронадо не знал, где именно живет Игнасио Флорес, но оказался настолько любезен, что поехал вместе со мной в

ближайший городок племени яки и все выяснил.

Игнасио Флорес оказался крупным и дородным мужчиной, возраст которого давно перевалил за шестьдесят. Лукас Коронадо предупредил меня, что в молодости этот здоровяк был солдатом и до сих пор сохранил повадки военного. У Игнасио Флореса были огромные усы – в сочетании с его свирепым взглядом он показался мне настоящим олицетворением жестокого вояки. Кожа у него была смуглая, а волосы, несмотря на возраст, – блестящими и черными. Сильный и резкий голос, казалось, был предназначен только для того, чтобы отдавать приказы. Я предположил, что он был кавалеристом – он ходил так, словно на ногах у него по-прежнему болтались шпоры, и по какой-то странной, непостижимой причине я даже слышал звон шпор, наблюдая за его шагами.

Лукас Коронадо представил меня и сказал, что я приехал из Аризоны, чтобы повидаться с его отцом, с которым познакомился в Ногалесе. Казалось, Игнасио Флорес совсем не удивился. – О да, – ответил он. – Мой отец много путешествует. – Без каких-либо дальнейших вступлений он сразу рассказал нам, где мы можем найти его отца. Сам он с нами не пошел – думаю, из вежливости. Он извинился и вошел в дом строевым шагом, словно участвовал в параде.

Я настроился отправиться к дому старика вместе с Лукасом Коронадо, но он вежливо отклонил мое предложение и попросил отвезти его домой.

– Я надеюсь, ты нашел того, кого искал, и считаю, что тебе следует пойти к нему одному, – сказал он.

Я был восхищен тем, насколько деликатны эти индейцы яки, хотя это не мешает им быть такими свирепыми. Мне рассказывали, что яки – дикари, не испытывающие ни малейших колебаний при необходимости убивать, однако, что касается моих личных наблюдений, их самыми примечательными чертами были вежливость и рассудительность.

Я подъехал к дому отца Игнасио Флореса и действительно нашел там того человека, которого искал.

– Интересно, почему Хорхе Кампос солгал, сказав, что знаком с тобой? – задумался я в конце своего рассказа.

– Он не лгал тебе, – ответил дон Хуан с уверенностью человека, который смотрит на поведение таких, как Хорхе Кампос, сквозь

пальцы. – Он даже не пытался представить в ложном свете самого себя. Он рассматривал тебя как легкую добычу и хотел перехитрить. Впрочем, ему не удалось осуществить этот план, так как бесконечность оказалась сильнее. Тебе известно, что он исчез вскоре после того, как повстречался с тобой, и его никогда больше не видели?

– Во всей этой истории наиболее важной фигурой был для тебя именно Хорхе Кампос, – продолжал он. – В определенном отношении он является копией тебя самого. В том, что произошло между вами, ты можешь увидеть кальку твоей собственной жизни. – Почему? Я ведь не мошенник! – возразил я.

Он рассмеялся, будто знал нечто, неизвестное мне. В следующее мгновение, насколько я помню, я оказался в разгаре внутреннего конфликта. С одной стороны я горячо и пространно принялся объяснять самому себе подлинные мотивы своих действий, представлений и ожиданий. С другой – какая-то странная мысль заставила меня с той же силой, с какой я оправдывал себя, ясно увидеть, что при определенном стечении обстоятельств я мог бы стать точно таким же, как Хорхе Кампос. Вначале я счел эту мысль недопустимой и направил всю свою энергию на то, чтобы опровергнуть ее, но где-то в глубине души мне совсем не хотелось оправдываться в том, что я могу быть похожим на Хорхе Кампоса – я знал, что это правда.

Когда я поделился своей проблемой с доном Хуаном, он так расхохотался, что несколько раз закашлялся.

– На твоём месте, – заметил он, все еще смеясь, – я бы прислушался к своему внутреннему голосу. Остается понять, что изменилось бы, окажись ты таким же, как Хорхе Кампос, то есть мошенником? Он был дешевым мошенником, а ты более искусный. В этом вся разница между вами.

Так действует *пересказ*. Вот почему маги его используют. Он заставляет тебя понять в себе то, о существовании чего ты даже не подозревал.

Мне захотелось немедленно уйти, но дон Хуан ясно понимал, что я чувствую.

– Не слушай тот поверхностный голос, что заставляет тебя злиться, – требовательно сказал он. – Вслушайся в глубинный голос, который будет направлять тебя, начиная с этого момента, – тот голос, что смеется. Вслушайся в него! И смейся вместе с ним.

Смейся! Смейся!

Его слова действовали на меня, как гипнотическое внушение.

Против своей воли, я начал смеяться. Мне никогда еще не было так весело. Я чувствовал себя свободным, сбросившим маску.

– Пересказывай самому себе историю Хорхе Кампоса – снова и снова, – сказал дон Хуан. – Ты найдешь в ней бесконечное изобилие информации. Каждая подробность – часть карты.

Природа бесконечности заключается в том, чтобы помещать карты-проекции прямо перед нами, как только мы пересекаем определенный порог.

Затем он очень долго смотрел на меня: не просто скользил взглядом, а *пристально созерцал* меня. Наконец он произнес:

– Хорхе Кампос никак не мог избежать одного – необходимости свести тебя с тем другим человеком, Лукасом Коронадо, который значит для тебя не меньше, чем сам Хорхе Кампос, а, может быть, даже больше.

Пересказывая историю этих двоих, я осознал, что провел с Лукасом Коронадо гораздо больше времени, чем с Хорхе Кампосом, и все же наше общение было не таким насыщенным, так как перемежалось продолжительными периодами молчания. По своему характеру Лукас Коронадо был неразговорчивым человеком, и, по какой-то странной причине, когда он умолкал, ему удавалось увлекать меня за собой в то же состояние.

– Лукас Коронадо – обратная сторона твоей карты, – сказал дон Хуан. – Разве ты не находишь странным, что он скульптор, как и ты, что он – сверхчувствительный художник, который, как и ты в свое время, пытался найти покровителя своего искусства? Он искал покровителя так же страстно, как ты искал женщину – ту любительницу искусства, что могла бы способствовать твоему творчеству.

Я вступил в новую пугающую борьбу с самим собой. На этот раз в сражение вступили моя полная убежденность в том, что, хотя я никогда не рассказывал ему об этом периоде своей жизни, все именно так и было, – и то, что я не могу найти ни одного объяснения тому, откуда он узнал об этом. Мне опять захотелось немедленно уйти, но это побуждение вновь было подавлено исходящим из глубины голосом. Не пытаясь уговорить самого себя, я от всей души рассмеялся. Какой-то части меня, пребывающей на глубочайшем уровне, было совершенно все

равно, откуда дон Хуан знает об этом. То, в какой деликатной и непринужденной форме он показал, что ему об этом известно, было совершенно очаровательным зрелищем и никак не влияло на злость и желание уйти, исходившие из моей поверхностной части. – Очень хорошо, – сказал дон Хуан, энергично похлопывая меня по плечу, – очень хорошо.

В этот миг он казался печальным, словно увидел нечто, недоступное взору обычного человека.

– Хорхе Кампос и Лукас Коронадо представляют собой два конца одной оси, – сказал он. – Эта ось – ты сам. Безжалостный и наглый торгаш, заботящийся только о себе, – с одной стороны, и сверхчувствительный, измученный, слабый и уязвимый художник – с другой. Это и могло бы стать картой твоей жизни, если бы не появление еще одной возможности: той, что открылась, когда ты пересек порог бесконечности. Ты искал меня – и ты нашел меня. Так ты пересек этот порог. *Намерение бесконечности* приказало мне найти кого-то вроде тебя. Я нашел тебя – и так я тоже пересек этот порог.

На этом наш разговор закончился. Дон Хуан погрузился в один из свойственных ему периодов полного безмолвия. Он заговорил только в конце дня, когда мы вернулись домой и присели под рамадой, наслаждаясь прохладой после долгой прогулки.

– В твоём *пересказывании* того, что произошло между тобой, Хорхе Кампосом и Лукасом Коронадо, я (надеюсь, ты тоже) обнаружил один очень тревожный момент, – начал дон Хуан. – Я считаю, что это – знак. Он указывает на окончание эпохи; это означает, что ничто уже не может оставаться прежним. Тебя привели ко мне весьма непрочные связи. Ни одна из них не могла существовать сама по себе. Именно это я извлек из твоего *пересказа*.

Я вспомнил, как однажды дон Хуан сообщил мне, что Лукас Коронадо смертельно болен. Его медленно пожирала какая-то неизлечимая болезнь.

– Через своего сына Игнасио я передал ему, что он должен сделать, чтобы выздороветь, – сказал тогда дон Хуан, – но он счел это чушью и даже не захотел выслушать Игнасио. И в этом виноват не Лукас. Весь род человеческий ничего не желает слушать. Люди слушают только то, что хотят услышать.

Я вспомнил, что тогда приставал к дону Хуану с просьбами

рассказать, что можно передать Лукасу Коронадо, чтобы помочь ему ослабить физическую боль и душевные страдания. Дон Хуан не только изложил мне, что следует сказать Лукасу, но и продолжал утверждать, что он может легко выздороветь. И все же, когда я пришел к Лукасу Коронадо с советом дона Хуана, тот посмотрел на меня так, будто я сошел с ума. Затем он начал разыгрывать замечательный – но, будь я индейцем яки, совершенно оскорбительный – образ человека, который до смерти устал от всяких непрошенных и надоедливых советчиков. Я решил, что на такую утонченность способен только индеец яки.

– Это мне не поможет, – вызывающе заявил он в конце, раздраженный отсутствием у меня какой-либо чувствительности. – Да это и неважно. Все мы когда-нибудь умрем. Но неужели ты осмелился подумать, будто я потерял всякую надежду? Я собираюсь занять денег у государственного банка. Я возьму их в залог будущего урожая, и тогда мне хватит денег, чтобы купить кое-что, что непременно меня вылечит. Это называется «Ви-та-ми-нол».

– Что такое «Витаминол»? – спросил я.

– Его рекламировали по радио, – с детским простодушием сообщил он. – Это средство лечит все. Его рекомендуют тем, кому не каждый день доводится есть мясо, рыбу или птицу. Его рекомендуют таким, как я, у кого душа в теле едва держится. В своем стремлении помочь Лукасу я тут же совершил крупнейшую ошибку, какую только можно допустить в обществе таких чрезмерно чувствительных созданий, как индейцы яки, – я предложил ему деньги на покупку «Витаминола». Признаком того, насколько глубоко я его ранил, стал его холодный пристальный взгляд. Моя тупость была непростительной. Лукас Коронадо очень мягко ответил, что сам в состоянии купить себе «Витаминол». Я вернулся к дому дона Хуана. Мне хотелось плакать. Меня подвело мое же рвение.

– Не растрачивай энергию на беспокойство о подобных вещах, – спокойно посоветовал дон Хуан. – Лукас Коронадо замкнулся в порочном круге. И ты тоже. Все мы. У него есть «Витаминол», который, по его мнению, является лекарством от всех болезней и решает все проблемы человека. Сейчас он не может купить его, но страстно надеется, что когда-нибудь сможет.

Дон Хуан уставился на меня своим пронзительным взглядом.

– Я ведь говорил тебе, что действия Лукаса Коронадо – карта твоей жизни, – сказал он. – Поверь мне, это так. Лукас Коронадо обратил твое внимание на «Витаминол» и сделал это так мощно и болезненно, что причинил тебе страдания и заставил разрыдаться. Дон Хуан замолчал. Это была продолжительная и действенная пауза.

– И не говори мне, что не понимаешь, что я имею в виду, – добавил он. – Так или иначе, у каждого из нас есть свой «Витаминол».

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

КЕМ ЖЕ НА САМОМ ДЕЛЕ БЫЛ ДОН ХУАН?

Та часть моего отчета о встрече с доном Хуаном, которую он не захотел выслушивать, касалась моих чувств и впечатлений в тот судьбоносный день, когда я вошел в его дом; она связана с противоречивым столкновением между моими ожиданиями и реальной ситуацией, а также с ощущениями, возникшими у меня под влиянием самых экстравагантных идей, какие мне только доводилось слышать.

– Это скорее исповедь, чем описание событий, – сказал мне дон Хуан, когда я попытался рассказать ему об этом.

– Ты совершенно ошибаешься, дон Хуан, – начал я, но остановился.

Что-то такое в том, как он посмотрел на меня, заставило меня понять, что он прав. Что бы я ни собирался сказать, это стало бы лишь пустыми словами, болтовней. Однако то, что произошло во время нашей первой настоящей встречи, имело для меня невероятную важность и являлось событием первостепенной значимости.

Во время первой встречи с доном Хуаном на автобусной остановке в Ногалесе, штат Аризона, со мной произошло нечто необычное, хотя моя озабоченность тем, как лучше преподнести себя, искажила восприятие этого события. Мне хотелось произвести впечатление на дону Хуана, и в попытках добиться этого я сосредоточил все свое внимание на том, чтобы, так сказать, показать товар лицом. Осознание странных ощущений, о которых я говорю, начало проявляться лишь несколько месяцев спустя.

Однажды, без всяких на то оснований, без моего желания и какого-либо напряжения, я с необычайной ясностью вспомнил то, что полностью ускользнуло от моего внимания в момент знакомства с доном Хуаном. Когда дон Хуан воспрепятствовал моей попытке назвать свое имя, он посмотрел мне прямо в глаза, и этот взгляд вызвал у меня онемение. Я мог бы рассказать ему о себе

бесконечно больше, я мог бы часами расхваливать свои знания и достоинства, но его взгляд словно отключил меня.

В свете этого нового понимания я опять и опять обдумывал все, что случилось со мной во время той встречи, и неизбежно приходил к выводу, что испытал временную остановку какого-то таинственного потока, поддерживающего мою жизнь, – потока, который никогда прежде не останавливался, по крайней мере так, как это заставил меня ощутить дон Хуан. Когда я пытался описать кому-либо из своих друзей свои физические ощущения в тот момент, все мое тело покрывалось странной испариной – как в тот раз, когда дон Хуан смотрел на меня этим особым взглядом. Тогда я не просто не мог вымолвить ни единого слова – у меня вообще не возникало никаких мыслей.

В течение определенного времени после этого я часто размышлял о физическом ощущении этой временной остановки, но не мог найти ей рационального объяснения. Сначала я убеждал себя в том, что дон Хуан, должно быть, загипнотизировал меня, но затем память подсказала мне, что он не отдавал никаких гипнотических приказов и не делал каких-либо жестов, которые могли бы поглотить все мое внимание. Фактически, он просто взглянул на меня. Этот взгляд был таким... насыщенным, что мне показалось, будто он смотрел на меня очень долго. Он овладел моим существом и вызвал некое смятение, проникшее на глубочайший физический уровень.

Когда, наконец, дон Хуан вновь оказался прямо передо мной, я прежде всего заметил, что он выглядит совсем не таким, каким я воображал его во время своих поисков. У меня сложился определенный образ того человека, которого я встретил на автобусной остановке, и я ежедневно оттачивал его, считая при этом, что вспоминаю о нем все больше подробностей. В моих мыслях он был старым, хотя очень сильным и подвижным человеком, и все же в нем была какая-то хрупкость. Мне казалось, что у него короткие седые волосы и очень смуглая кожа.

Стоявший передо мной сейчас человек был мускулистым и решительным. Он двигался с проворством, но без суеты. Шаг его был твердым и в то же время легким. В нем чувствовалась жизненная сила и воля. Составленный мной портрет совершенно расходился с реальностью. Волосы оказались довольно длинными и не такими седыми, как я воображал; кожа была не такой уж

смуглой. Я мог бы поклясться, что черты его лица походят на птичьи, как это бывает в старости, однако в этом я тоже ошибся: его лицо было довольно полным, почти круглым. Самой же примечательной чертой стоящего передо мной человека были его темные глаза, сияющие особым, пляшущим огнем.

Кое-что в моей прежней оценке его внешности оказалось полностью упущено: у него было телосложение атлета: широкие плечи, плоский живот, ноги твердо стоят на земле. Не было ни слабости в коленях, ни дрожания рук, хотя я воображал, что при первой встрече мне удалось заметить легкий трепет головы и ладоней, словно он нервничал и пошатывался. Кроме того, я представлял, что его рост составляет пять футов шесть дюймов – это оказалось дюйма на три меньше реального.

Казалось, дон Хуан совсем не удивился, увидев меня. Я хотел рассказать ему, как трудно мне было его найти. Я надеялся, что он поблагодарит меня за эти титанические усилия, но он просто насмешливо улыбнулся.

– Важны не твои усилия, – сказал он. – Важно то, что ты нашел мой дом. Присаживайся, присаживайся. – Он указал на один из деревянных ящиков под рамадой и похлопал меня по спине, но это не было дружеским похлопыванием.

Я ощутил это как шлепок по спине, хотя на самом деле дон Хуан даже не притронулся ко мне. Этот кажущийся шлепок вызвал у меня странное неустойчивое ощущение, проявившееся очень явно, но исчезнувшее, прежде чем я смог понять, что произошло. После этого меня охватило необычайное спокойствие. Я чувствовал себя очень непринужденно. Разум был кристально чист. У меня не было ни ожиданий, ни желаний. Привычная нервозность и потливость рук – спутники всей моей жизни, – внезапно исчезли.

– Теперь ты *поймешь* все, что я собираюсь сказать тебе, – сказал дон Хуан, глядя мне в глаза так, как делал это на автобусной остановке.

В обычном состоянии я счел бы такое заявление ничего не значащим, почти риторическим, но, когда он произнес эти слова, я был готов непрерывно и совершенно искренне заверять его, что действительно пойму все, что он скажет. Он вновь с невероятной энергией посмотрел мне в глаза.

– Я – Хуан Матус, – сказал он, усаживаясь лицом ко мне на другой ящик в нескольких футах от меня. – Это мое имя, и я произношу

его, потому что с его помощью я устанавливаю тот мост, по которому ты сможешь перейти ко мне.

Прежде чем продолжить, он какое-то мгновение всматривался в меня.

– Я – маг, – сказал он. – Я отношусь к линии магов, существующей уже двадцать семь поколений. Я – *нагваль* своего поколения.

Он объяснил мне, что таких, как он, предводителей партии магов называют «*нагвалями*» это общее понятие, применимое к любому магу, обладающему определенными особенностями энергетической структуры, отличающими его от других магов любого поколения. Это не означает ни превосходства, ни неполноценности – отличие сводится к способности нести ответственность.

– Только нагваль, – сказал он, – обладает энергетической способностью нести ответственность за судьбу своих групп. Каждая его группа знает и принимает это. Нагвалем может быть и мужчина, и женщина. Во времена тех магов, которые были основателями моей линии, нагвалями, как правило, были женщины. Их естественный прагматизм – результат того, что они женщины, – завел мою линию в ловушку практичности, из которой она едва выскользнула.

Затем верх взяли мужчины, и они завели мою линию в ловушку слабоумия, из которой мы выбираемся сейчас.

– Со времен нагваля Лухана, который жил около двухсот лет назад, – продолжал он, – возникла объединенная связь усилий мужчин и женщин. Нагваль-мужчина приносит *трезвость*, а нагваль-женщина – новшества.

В этот момент я хотел спросить его, существует ли в его жизни нагваль-женщина, но глубина сосредоточенности помешала мне сформулировать этот вопрос. Дон Хуан сам выразил его словами.

– Есть ли в моей жизни нагваль-женщина? – спросил он. – Нет, ни одной. Я – одинокий маг, хотя у меня есть моя группа. В данный момент все они далеко отсюда.

В моем разуме с неудержимой силой всплыла одна мысль. В этот миг я вспомнил, как некоторые люди в Юме говорили, что видели дона Хуана с группой мексиканцев, которые выглядели весьма искушенными в магических действиях.

– Быть магом, – продолжал дон Хуан, – не означает заниматься колдовством, воздействовать на людей или насылать на них

демонов. Это означает достижение того уровня осознания, который делает доступным непостижимое. Понятие «*магия*» не вполне точно отражает то, чем занимаются маги, – как, впрочем, и понятие «*шаманизм*». Действия магов связаны исключительно с миром *абстрактного*, безличного. Маги сражаются за достижение цели, не имеющей ничего общего с желаниями обычного человека. Маг стремится достичь бесконечности, и при этом быть в полном осознании.

Дон Хуан отметил, что задача магов заключается в том, чтобы столкнуться лицом к лицу с бесконечностью, и что они ежедневно погружаются в нее, как рыбак отправляется в море. Эта задача настолько трудна, что воины должны объявить свои имена, прежде чем рискнут проникнуть в бесконечность. Он напомнил мне, что в Ногалесе он объявлял свое имя перед каждой своей фразой. Так он утверждал свою индивидуальность перед лицом бесконечности. Я понимал его слова с невероятной ясностью. Мне не нужно было просить у него разъяснений. Такая острота моего мышления должна была ошеломить меня, но этого не происходило. Я знал, что мой разум всегда был таким кристально чистым и просто разыгрывал тупицу ради кого-то другого.

– Хотя ты сам не догадывался об этом, – продолжил дон Хуан, – я отправил тебя в традиционный поиск. Ты – тот человек, которого я искал. Мои поиски закончились, когда я нашел тебя, а твои – теперь, когда ты нашел меня.

Дон Хуан объяснил мне, что, как нагваль своего поколения, он искал человека, обладающего особой энергетической структурой и способного обеспечить продолжение его линии. Он сказал, что в определенный момент каждый нагваль всех двадцати семи поколений приступал к самому серьезному испытанию для его нервов – к поискам преемника.

Глядя мне прямо в глаза, он заявил, что человеческие существа становятся магами благодаря способности непосредственно воспринимать текущую во Вселенной энергию и что когда маги смотрят так на человека, они *видят* светящийся шар, светящуюся фигуру в форме яйца. Он утверждал, что человеческие существа не просто способны непосредственно *видеть* текущую во Вселенной энергию – на самом деле они всегда *видят* ее, но умышленно не осознают это *видение*.

Вслед за этим он описал самое важное для магов отличие –

разницу между общим состоянием сознания и особым состоянием преднамеренного осознания чего-либо. Он сказал, что все люди обладают общим осознанием, которое позволяет им непосредственно *видеть* энергию, но маги являются единственными человеческими существами, способными по собственной воле осознать это непосредственное *видение* энергии. Затем он определил *осознание* как энергию, а энергию – как непрерывный поток, светящиеся колебания, которые никогда не пребывают в покое и неизменно двигаются по собственной воле. Он утверждал, что при *видении* человеческого существа оно воспринимается как скопление энергетических полей, удерживаемых вместе самой загадочной силой во Вселенной – это связующая, склеивающая, вибрирующая сила, делающая энергетические поля единой структурой. Затем он объяснил, что нагваль является особым магом каждого поколения, которого другие маги *видят* не как один светящийся шар, а как две сливающиеся сферы светимости, расположенные одна над другой. – Такое свойство удвоенности, – продолжал он, – позволяет нагвалю совершать действия, достаточно затруднительные для обычного мага. К примеру, нагваль является знатоком той силы, что делает нас единой структурой. Нагваль способен на мгновение остановиться, на какую-то долю секунды полностью перенести свое внимание на эту силу и заставить другого человека онеметь. Я сделал это с тобой на автобусной остановке, потому что хотел, чтобы ты прорвал свою плотину «я, я, я, я, я...». Я хотел, чтобы ты нашел меня и прервал эту чушь.

– Маги моей линии придерживались того мнения, – продолжал дон Хуан, – что присутствия удвоенного существа, нагваля, вполне достаточно, чтобы прояснить для нас все. Однако странность заключается в том, что присутствие нагваля проясняет трудности весьма замаскированным образом. Со мной это случилось, когда я встретился с нагвалем Хулианом, своим учителем. Его присутствие долгие годы приводило меня в замешательство, потому что каждый раз, оказываясь рядом с ним, я мыслил совершенно ясно, но, как только он уходил, я становился таким же идиотом, как всегда.

– Я был удостоен одной редкостной привилегии, – сказал дон Хуан. – На самом деле, я имел дело с двумя нагвалями. По просьбе нагваля Элиаса, учителя нагваля Хулиана, я в течение шести лет

жил рядом с ним. Можно сказать, что именно нагваль Элиас вырастил меня. Это была редкая привилегия. Я мог со стороны увидеть, чем в действительности является нагваль. Нагваль Элиас и нагваль Хулиан обладали совершенно различными характерами. Нагваль

Элиас был более спокойным, погруженным во тьму своего безмолвия. Нагваль Хулиан был хвастливым любителем поговорить. Казалось, он живет лишь для того, чтобы покорять женщин. Женщин в его жизни было больше, чем можно себе представить. И все же оба нагваля были поразительно похожи друг на друга, так как у обоих не было ничего внутри. Они были пусты. Нагваль Элиас представлял собой набор удивительных, притягательных рассказов о неведомых местах. Нагваль Хулиан был набором историй, которые расшевелили бы любого и заставили бы его корчиться от смеха. Но когда бы я ни попытался выявить в них человека, реального человека – выявить его так, как я мог бы указать на человека в своем отце, во всех остальных, кого я знал, – я не мог обнаружить ничего. Вместо реального человека в них была только пачка историй о неизвестных людях. У обоих этих нагвалей были свои склонности, однако конечный результат всегда оказывался одним и тем же: пустота, – пустота, в которой отражался не мир, а бесконечность.

Дон Хуан принялся объяснять, что, начиная с того момента, когда человек пересекает особый порог бесконечности – по собственной воле или непреднамеренно, как это случилось со мной, – все, что происходит с ним, уже не относится исключительно к его собственному миру, но связано с царством бесконечности. – Встретившись в Аризоне, мы оба пересекли особый порог, – продолжил он. – Этот порог отмечался не одним из нас, а самой *бесконечностью*. *Бесконечность* – это все, что нас окружает. – Он произнес это и широко развел руки, словно охватывая все вокруг. – Маги моей линии называют это *бесконечностью*, *духом*, *темным морем осознания* и говорят, что это нечто, что существует где-то там и управляет нашими жизнями.

Я совершенно точно понимал все, что он говорил, но одновременно никак не мог взять в толк, что за чертовщину он несет. Я спросил, было ли пересечение порога случайным событием, вызванным непредсказуемыми обстоятельствами, волей случая. Он ответил, что и его, и мои шаги направлялись

бесконечностью, а те обстоятельства, которые казались случайными, на самом деле подчинялись *активной стороне бесконечности*. Он назвал ее *намерением*.

– То, что свело нас вместе, – продолжал он, – было *намерением бесконечности*. Невозможно объяснить, что такое *намерение бесконечности*, и все же оно здесь, такое же осязаемое, как ты и я. Маги говорят, что это *дрожание воздуха*. Преимущество магов заключается в том, что им известно о существовании *дрожания воздуха* и они уступают ему без каких-либо колебаний. Для магов оно является чем-то не допускающим ни обдумывания, ни удивления, ни предположений. Они знают, что у них есть единственная возможность – слиться с *намерением бесконечности*. И они просто делают это.

Ничто не могло быть для меня более ясным, чем эти слова. Что касалось меня самого, то истинность его слов была совершенно не требующей доказательств, и мне просто в голову не приходило размышлять о том, как такие бессмысленные утверждения могут звучать настолько рационально. Я понимал, что все, сказанное доном Хуаном, – не просто банальные истины; я мог подтвердить это самым своим существом. Я знал все то, о чем он говорил. У меня возникло ощущение, что я уже переживал каждую подробность того, что он описывал.

На этом все закончилось. Казалось, что-то во мне обмякло. Именно в этот миг мне в голову пришла мысль о том, что я теряю рассудок. Я был ослеплен этими дикими заявлениями и потерял какое-либо чувство объективности. Из-за этого я в спешке покинул дом дон Хуана, до глубины души испуганный неким незримым врагом. Дон Хуан проводил меня до машины. Он прекрасно понимал, что со мной творится.

– Не волнуйся, – сказал он, опуская руку мне на плечо. – Ты не сходишь с ума. То, что ты чувствовал, – просто легкий толчок *бесконечности*.

Со временем я смог найти подтверждения того, что дон Хуан рассказывал о своих учителях. Сам дон Хуан Матус был именно таким, какими он описывал их обоих. Я могу позволить себе утверждать даже нечто большее: он был каким-то невероятным слиянием их обоих – чрезвычайно спокойным и погруженным в себя, но, с другой стороны, очень открытым и веселым. Самым точным из прозвучавших в тот день описаний того, что

представляет собой нагваль, были его утверждения, что нагваль пуст и эта пустота отражает не мир, а *бесконечность*.

В отношении дона Хуана Матуса нельзя придумать более справедливых слов. Его пустота отражала *бесконечность*. Я никогда не видел его неистовым и не слышал от него каких-либо утверждений в отношении самого себя. В нем не было ни малейшей склонности обижаться или сожалеть о чем-либо. Его пустота была пустотой *воина-странника*, доведенной до такого уровня, что он ничто не считал само собой разумеющимся. Это был *воин-странник*, который ничто не недооценивает и не переоценивает. Это был спокойный, дисциплинированный боец, обладающий настолько идеальным изяществом, что ни один человек, как бы внимательно он ни приглядывался, не смог бы обнаружить тот шов, где сходились воедино все запутанные черты дона Хуана.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Часть вторая

Конец эпохи

- [– 4 – ЗАБОТЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ](#)
- [– 5 – ПОЗИЦИЯ, НА КОТОРОЙ Я НЕ МОГ БОЛЬШЕ ОСТАВАТЬСЯ](#)
- [– 6 – НЕИЗБЕЖНАЯ ВСТРЕЧА](#)
- [– 7 – ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ](#)
- [– 8 – ИЗМЕРЕНИЕ ПОСТИЖЕНИЯ](#)
- [– 9 – СКАЗАТЬ «СПАСИБО»](#)

– 4 –

ЗАБОТЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Я приехал в Сонору, чтобы повидать дона Хуана. Я должен был обсудить с ним самое серьезное событие моей жизни. Добравшись до его дома, я едва поздоровался, уселся и приготовился излить свое беспокойство.

– Спокойней, спокойней, – сказал дон Хуан. – Не из-за чего так волноваться.

– Что со мной происходит, дон Хуан? – спросил я. Вопрос был риторический, но дон Хуан ответил.

– Это действие *бесконечности*, – сказал он. – В тот день, когда ты встретил меня, что-то произошло с твоим способом восприятия. Твое ощущение нервозности – следствие подспудного осознания того, что твоё время истекло. Ты уже знаешь это, но еще не осознаешь. Ты ощущаешь нехватку времени, и от этого ты нетерпелив. Я это знаю, ибо это происходило когда-то и со мной, и со всеми магами моей линии. В определенное время приходила к концу целая эпоха в моей жизни, и в их жизнях тоже. Теперь твоя очередь. Просто твоё время истекло.

Затем он потребовал полного отчета обо всем, что со мной произошло. Он сказал, что это должен быть полный отчет, не

упускающий ни малейших подробностей. Беглое описание его не устраивало. Он хотел, чтобы я огласил полный список того, что меня беспокоило.

– Давай поговорим об этом, как говорят в твоём мире, «официально», – сказал он. – Давай войдем в сферу *формального разговора*.

Дон Хуан объяснил, что шаманы древней Мексики выработали идею *формального разговора* в отличие от *неформального*, и оба вида разговора использовали как средство обучения и воспитания учеников. *Формальные разговоры* были периодическими обобщениями всего, чему шаманы обучали своих учеников, и всего, что они говорили им. *Неформальные разговоры* были ежедневными беседами, в ходе которых подробно обсуждались конкретные вопросы без привязки к чему-то другому.

– Маги ничего не держат при себе, – продолжал дон Хуан. – Маневр магов заключается в том, чтобы таким образом делать себя пустыми. Это ведет их к сдаче крепости своего «я».

Я начал свой рассказ дону Хуану с объяснения того, что обстоятельства моей жизни никогда не позволяли мне заниматься интроспекцией, то есть вглядываться внутрь себя. Сколько себя помню, моя повседневная жизнь всегда была до краев полна прагматических проблем, которые требовали немедленного решения. Помню, мой любимый дядюшка рассказал мне, как ему было не по себе, когда он выяснил, что я никогда не получал подарков на Рождество или день рождения. Я стал жить в семье моего отца незадолго до того, как дядя завел этот разговор. Он посочувствовал мне и даже извинился за такую несправедливость по отношению ко мне, хотя он-то здесь был совершенно ни при чем.

«Это ужасно, мой мальчик, – сказал он, содрогаясь от избытка чувств. – Знай, что я буду на сто процентов на твоей стороне, когда наступит момент воздаяния за все обиды».

Он настаивал, чтобы я все простил тем людям, которые плохо обращаются со мной. У меня сложилось впечатление, что дядя хотел настроить меня против отца. Он затронул эту тему специально, чтобы я обвинил отца в бездушности и невнимательности. Но он не заметил, что я вовсе не чувствовал себя обиженным. Чтобы сделать то, чего он хотел от меня, я должен был быть интроспективным и чувствовать направленные

на меня психологические шипы. Я пообещал дяде, что подумаю обо всем этом, но как-нибудь потом, потому что в тот самый момент моя подружка, ожидавшая меня в гостиной, подавала мне отчаянные знаки, чтобы я поторопился.

Мне так никогда и не пришлось подумать об этом, но дядя, должно быть, поговорил с отцом, потому что вскоре я получил от того подарок – аккуратный сверток, перевязанный лентами и с вложенной под ленту маленькой карточкой, на которой было написано одно слово: «Извини». Сгорая от любопытства, я снял обертку. В коробке была замечательная игрушка – заводной пароходик с трубой, который можно запускать в ванне во время купания. Отец совершенно упустил из виду, что мне исполнилось пятнадцать лет и я был уже во всех отношениях мужчиной.

Поскольку, даже став взрослым, я все еще был неспособен к серьезной интроспекции, однажды меня застигло врасплох странное болезненное эмоциональное возбуждение, которое со временем усиливалось. Я пытался не обращать на это чувство внимания, относя его к естественным телесным и умственным процессам, которые начинаются периодически, без какой-либо видимой причины – Возможно, они имеют биохимическую природу. Лучше было об этом не думать. Но возбуждение усиливалось и заставляло меня предположить, что в моей жизни наступило время резких перемен. Что-то во мне требовало перестройки всего моего жизненного уклада. Это стремление к полной перестройке было мне уже знакомо. В прошлом ко мне уже приходило это чувство, но уже очень долгое время оно дремало где-то внутри.

Я был фанатиком антропологии, и эта преданность была так сильна, что отказ от карьеры антрополога никогда не входил в мои планы радикальных перемен. Вот и теперь мне не могло прийти в голову совсем бросить университет. Но я подумал, что хорошо было бы сменить университет и поехать куда-нибудь в другое место, подальше от Лос-Анджелеса.

Прежде чем решиться на перемены такого масштаба, я решил сделать, так сказать, пробную попытку. Я записался на все лето на университетские курсы в другом городе. Самым важным для меня был курс антропологии, который читал один выдающийся специалист по индейцам региона, в который входили Анды. Я считал, что если я сосредоточусь на теме, которая меня

эмоционально привлекает, то смогу серьезнее заниматься полевой работой, когда придет время. Кроме того, я полагал, что мое знание Южной Америки поможет мне быть принятым в любом тамошнем индейском сообществе.

Записавшись на курсы, я одновременно получил работу. Мне предстояло быть ассистентом-исследователем при психиатре, старшем брате одного из моих друзей. Он хотел провести анализ кассет с записями опросов молодых мужчин и женщин, у которых были проблемы, связанные с учебной перегрузкой, неудовлетворенными ожиданиями, непониманием в семье, любовными неудачами и т. п. По истечении пятилетнего срока хранения такие кассеты подлежат уничтожению, но перед этим каждой записи присваивается случайный номер, а затем психиатр и его ассистент, пользуясь таблицей случайных чисел, прослушивают отдельные записи и выбирают интересные фрагменты, которые можно анализировать.

В первый день занятий в новом университете профессор антропологии рассказывал о своих академических заслугах; он поразил студентов масштабом своих знаний и количеством публикаций. Это был высокий, стройный мужчина лет сорока пяти, с живыми голубыми глазами. Глаза поразили меня в его внешности больше всего: за толстыми стеклами очков они выглядели огромными. Когда профессор поворачивал голову, казалось, что его глаза вращаются во взаимно противоположных направлениях. Я знал, что такое невозможно, но этот оптический обман производил неприятное ощущение. Для антрополога профессор был очень хорошо одет. (В те времена антропологи славились своей невнимательностью к одежде. Профессоров археологии студенты, например, высмеивали как людей, с головой погрузившихся в радиоуглеродную датировку, но забывших о необходимости хотя бы иногда погружаться в ванну.)

Так или иначе, в этом профессоре интереснее всего была не его внешность, не его эрудиция, но его манера говорить. Он произносил каждое слово очень четко, а некоторые слова выделял, растягивая. Иногда, увлекаясь, он придавал своей речи совсем уж странные интонации. Некоторые фразы он произносил как англичанин, а другие – как проповедник-ривайвелист.

Он понравился мне с самого начала, несмотря на излишнюю помпезность. Его чувство собственной важности было так

огромно, что воспринималось как должное уже через пять минут после начала лекции. Профессор обрушивал на нас шквалы информации, не забывая время от времени похвалить себя. Его власть над аудиторией была потрясающей. Студенты все поголовно обожали этого необыкновенного человека. Я решил, что перевод в университет в другом городе будет для меня абсолютно позитивным событием. Мне нравилось мое новое окружение.

На работе я так увлекся записями на пленках, что начал прослушивать не фрагменты, а целые кассеты. Поначалу мне безмерно нравилось то, что в каждой записанной беседе я как бы слышал свой собственный голос. Но проходили недели, я прослушивал все новые пленки, и постепенно мой восторг превратился в ужас. Каждая произнесенная фраза, в том числе и вопросы психоаналитика, была моей собственной! Все эти люди словно говорили из самых глубин моего существа. Отвращение, которое я испытал, было для меня чем-то новым. Я и не думал, что могу повторяться до бесконечности в каждом человеке, голос которого я слышал на пленке. Это был колоссальный удар по моему чувству собственной неповторимости и индивидуальности, развивавшемуся во мне с самого рождения.

И я начал довольно отвратительный процесс самовосстановления. Это была самая смешная бессознательная попытка интроспекции: я постарался выкарабкаться из неудобного положения, без конца разговаривая сам с собой. Я раскопал в своем сознании все мыслимые рациональные доводы, которые поддерживали мое чувство собственной уникальности, и стал перечислять их сам себе вслух. Началось нечто совершенно невообразимое для меня: я часто просыпался от того, что разговаривал сам с собою во сне. Эти монологи, насколько я мог заметить, тоже касались моей значимости и непохожести на других.

Затем последовал еще один сокрушительный удар. Среди ночи меня разбудил настойчивый стук в дверь. Стучали не робко и не вежливо – такой стук мои друзья называли «гестаповским». Дверь едва не срывалась с петель. Я выскочил из постели и открыл глазок. В дверь ломился мой босс-психиатр. То, что я был другом его младшего брата, весьма способствовало нашему сближению. Он без колебаний принял меня в свои друзья, и теперь стоял у моей двери. Я включил свет и открыл дверь.

– Заходи, пожалуйста, – сказал я. – Что случилось?

Было три часа ночи; по его мертвенной бледности и запавшим глазам я понял, что он глубоко расстроен. Он вошел и сел. Его краса и гордость, длинная черная грива волос, рассыпалась по лицу. Он и не подумал зачесать волосы назад, как всегда делал. Я очень любил своего начальника, он казался мне более взрослым вариантом моего лос-анджелесского друга – с такими же тяжелыми черными бровями, пронзительными карими глазами, квадратной челюстью и толстыми губами. Его верхняя губа, когда он улыбался, каким-то необычным образом изгибалась и казалась двойной. Он любил поговорить о форме своего носа, которую определял как «дерзкую» и «энергичную». Он был, пожалуй, чрезмерно самоуверен и невероятно мнителен. Но он утверждал, что в его профессии эти качества являются козырными картами. – Что случилось? – повторил он насмешливо, хотя его двойная верхняя губа подрагивала. – Можно сказать, что сегодня ночью со мной случилось все сразу!

Он сидел на стуле и выглядел совершенно растерянным. Казалось, ему не хватало слов. Он встал, подошел к кушетке и рухнул на нее.

– Мало того, что я несу ответственность за своих пациентов, – начал он, – а также за свой исследовательский грант, за жену и детей, так теперь еще одно чертово бремя прибавилось ко всему этому. И что меня бесит – так это то, что я сам виноват! Какой я дурак, что доверился этой глупой п...!

– Я тебе вот что скажу, Карлос, – продолжил он, переведя дух, – нет ничего более ужасного, отвратительного и тошнотворного, чем женская бесчувственность. Я не женоненавистник, ты это знаешь! Но вот сейчас мне кажется, что каждая отдельная п... – это всего лишь п...! Двуличная и мерзкая!

Я не знал, что говорить. Моему боссу сейчас не требовалось ни согласия, ни возражений. Да я и не посмел бы возражать ему. Для этого я был слишком уставшим. Я хотел снова заснуть, но он продолжал говорить, словно от этого разговора зависела вся его жизнь.

– Ты ведь знаешь Терезу Мэннинг, а? – спросил он напористо, с обвинительной интонацией.

На миг мне показалось, что он подозревает меня в каких-то шашнях с его молодой красивой студенткой-секретаршей. Не давая мне ответить, он продолжал свой монолог.

– Тереза Мэннинг – сучка. Она стерва! Глупая, неотесанная

женщина, которая в жизни только и знает, что бегать за каждым, кто хоть немного известен и выделяется из толпы. Я-то думал, что она умная и чувствительная. Я думал, что в ней что-то есть: какое-то понимание, какое-то чувство, что-то сокровенное. Не знаю, у меня о ней сложилось именно такое мнение, а на самом деле она просто развратная девка, и, я мог бы добавить, неизлечимо тупая. Я слушал его, и картина начала проясняться. Очевидно, психиатр только что пережил какое-то нехорошее приключение со своей секретаршей.

– С того самого дня, как она пришла работать со мной, – сказал он, – я знал, что привлекаю ее сексуально, но она ни разу не сказала об этом. Одни намеки и взгляды. А, черт! Сегодня днем мне, наконец, надоело ходить вокруг да около, и я перешел прямо к делу. Подхожу к ее столу и говорю: «Я знаю, чего ты хочешь, а ты знаешь, чего я хочу».

Он очень подробно рассказал, с каким напором он назначил ей свидание в его квартире в полдвенадцатого ночи и как он объяснил ей, что он не меняет свой распорядок дня ни для кого: до часу ночи работает, читает, пьет вино, а потом идет в спальню. Он снимал себе квартиру рядом с университетом, хотя в пригороде у него был дом, где он жил с женой и детьми.

– Я был уверен, что она придет и у нас получится что-то стоящее, – вздохнул он. Теперь у него был голос человека, который рассказывает об интимном. – Я даже дал ей ключ от моей квартиры, – сказал он скорбно.

– И она пришла очень пунктуально, ровно в 11:30, – продолжил он. – Открыла дверь своим ключом и проскользнула в спальню, как тень. Это меня ужасно возбудило. Я знал, что с ней хлопот не будет. Она знала свою роль. Может, она там спала в постели. А может, смотрела телевизор. Я снова занялся работой, и мне было все равно, какого черта она там делает. Я знал, что она у меня в мешке.

– Но в тот момент, когда я вошел в спальню, – сказал он напряженным, как от сильного оскорбления, голосом, – Тереза набросилась на меня, как животное, и схватила меня за член. Я нес бутылку и два бокала, так она даже не дала мне поставить их куда-нибудь. У меня еще хватило соображения и ловкости поставить мои хрустальные бокалы прямо на пол так, чтобы они не разбились. Ну, а бутылка улетела через всю комнату, когда Тереза

схватила меня за яйца, как будто они сделаны из камня. Я чуть ее не ударил. Я буквально закричал от боли, а ей хоть бы что. Она только безумно хихикала – решила, что это я демонстрирую свою сексуальность. Так она и сказала, наверное чтобы подбодрить меня. Тряся головой в еле сдерживаемом гневе, мой босс сказал, что эта женщина так безудержно хотела и была настолько эгоистична, что абсолютно не принимала во внимание психологию мужчины.

Мужчине нужна минутка покоя, ему нужно чувствовать себя легко, ему нужна дружественная атмосфера. Но вместо того чтобы проявить ум и понимание, которых требовала ее роль, Тереза Мэннинг вытащила его половой орган из штанов с ловкостью женщины, продельвающей эту операцию в сотый раз.

– В результате всего этого дерьма, – сказал он, – моя чувственность в ужасе спряталась. Я был эмоционально кастрирован. Мое тело моментально почувствовало отвращение к этой женщине. Но моя похоть не дала мне сразу же вышвырнуть ее на улицу.

Он решил, чтобы не ударить в грязь лицом – а это было уже неминуемо, – совершить с ней оральный секс и заставить ее все-таки получить оргазм, но его тело так упорно отвергало эту женщину, что он не смог сделать даже этого.

– Она уже казалась мне не красивой, – сказал он, – а вульгарной. Когда она одета, одежда скрывает ее выпирающие ляжки. Она выглядит нормально. Но в голом виде она просто комок выпирающего белого мяса! Ее изящество, когда она одета, – фальшивое. Его не существует.

Я и представить себе не мог, что наш психиатр может изливать из себя столько яда. Он трясся от гнева. Он отчаянно хотел выглядеть спокойным и курил одну сигарету за другой.

Он сказал, что оральный секс получился даже еще более отвратительным. Его чуть не стошнило, и вдруг развратная женщина пнула его в живот, столкнула его с его собственной постели на пол и обозвала импотентом и педиком.

Когда психиатр дошел до этого момента в своем рассказе, его глаза загорелись ненавистью. Губы дрожали. Он был бледен.

– Мне нужно воспользоваться твоей ванной, – сказал он. – Я хочу принять душ. Я весь провонял этим дерьмом.

Он чуть не плакал, и я бы отдал все на свете, чтобы оказаться где-нибудь в другом месте, подальше отсюда. То ли из-за усталости, то

ли из-за интонаций его голоса, то ли из-за идиотизма ситуации, мне вдруг показалось, что я слушаю не психиатра, а записанный на пленке голос одного из пациентов, жалующегося на мелкие неурядицы, которые превратились в гигантские проблемы из-за того, что о них слишком много говорили и думали. Моя попытка закончилась лишь около девяти часов утра. Мне пора было идти на занятия, а психиатру – на работу.

Итак, я пришел на лекции невыспавшийся, раздраженный и злой. Все казалось бессмысленным. И тут-то произошло событие, которое подвело черту под моей попыткой осуществить радикальные перемены в жизни. Моя воля тут была ни при чем; все было словно заранее запланировано и точно выполнено какой-то неизвестной умелой рукой.

Профессор антропологии читает лекцию об индейцах высоких плато Боливии и Перу, точнее – о племени аймара. Он выговаривал это слово как «эй-ме-ра», да еще и растягивал гласные с таким видом, словно это и есть самое что ни на есть правильное произношение. Он сказал, что приготовление алкогольного напитка из перебродившей кукурузы (который вообще-то называется *чича*, но профессор говорил «чаи-ча») было обязанностью жриц, которых индейцы аймара почитали как полубожеств. Он заявил – с таким видом, словно оглашал великую истину, – что эти женщины готовят кукурузную массу, готовую к брожению, пережевывая и сплевывая вареные зерна. Таким образом в кукурузу добавляется фермент, содержащийся в человеческой слюне. При упоминании человеческой слюны всех студентов передернуло.

Профессор, казалось, был доволен собой сверх всякой меры. Он заливисто смеялся, как избалованный ребенок. Продолжая рассказ, он поведал нам, что эти женщины – настоящие мастера по части «жевания чаичи». Он посмотрел на первые ряды аудитории, где в основном сидели молодые студентки, и нанес свой решающий удар.

– Мне оказали честь, п-р-р-ригласив, – сказал он с какой-то псевдоиностранным интонацией, – переспать с одной из жевальщиц чаичи. Искусство жевания чаичи требует развития мощных мышц горла и щек. И эти женщины могут творить настоящие чудеса.

Он обвел взглядом притихшую аудиторию и сделал длинную

паузу, прерывавшуюся лишь его хихиканьем.

– Я думаю, вы понимаете, что я имею в виду, – произнес он наконец и разразился истерическим хохотом.

От профессорского намека аудитория просто сошла с ума. Лекция прервалась по меньшей мере на пять минут – хохот, шквал вопросов, от ответов на которые профессор уклонился, и снова глупое хихиканье.

Кассеты, рассказ психиатра, а теперь еще и «жевательницы чаичи» – с меня было довольно! В мгновение ока я рассчитался с работой, выписался из университета, вскочил в машину и уехал в Лос-Анджелес.

– Эти случаи с психиатром и профессором антропологии, – сказал я дону Хуану, – ввели меня в незнакомое эмоциональное состояние. Я могу назвать его только интроспекцией. Я непрерывно разговариваю сам с собой.

– Твое расстройство очень простое, – ответил дон Хуан, трясаясь от смеха.

Он явно радовался тому состоянию, в котором я оказался. Этой радости я не разделял, поскольку не видел в ситуации ничего особенно веселого.

– Твой мир приходит к концу, – сказал он. – Для тебя это конец эпохи. Неужели ты думаешь, что мир, который ты знал всю свою жизнь, покинет тебя мирно, без эксцессов? Нет уж! Он еще напоследок поизвивается вокруг тебя и пару раз ударит тебя хвостом.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

ПОЗИЦИЯ, НА КОТОРОЙ Я НЕ МОГ БОЛЬШЕ ОСТАВАТЬСЯ

Лос-Анджелес всегда был для меня домом. Я выбрал этот город отнюдь не случайно и чувствовал себя в нем так, словно здесь родился. Возможно, то, что я жил тут, означало даже нечто большее. Моя эмоциональная привязанность к Лос-Анджелесу всегда была абсолютной. Моя любовь к нему всегда была столь полной, что мне не требовалось выражать ее вслух. Мне никогда не нужно было пересматривать это чувство или освежать его, никогда.

Моей лос-анджелесской семьей были мои друзья. Они были моим миром, а это значило, что я принимал их полностью, точно так же, как я принимал и город. Один мой друг как-то заявил, полушутя, что мы ненавидим друг друга от всего сердца. Конечно, они могут позволить себе такие чувства; ведь у каждого из них есть родители, жены или мужья, и потому их эмоции распределяются иным образом. У меня же в Лос-Анджелесе нет никого – только мои друзья.

По какой-то причине они избрали меня своим личным духовником. Каждый из них изливал мне свои проблемы и трудности. Мои друзья были столь близки мне, что я никогда не мог мириться с их бедами и несчастьями. Я был способен часами говорить с ними о таких вещах, которые привели бы меня в ужас, услышь я их у психиатра или на его аудиокассетах.

Более того, я никогда прежде не осознавал, насколько каждый из моих друзей поразительно схож с психиатром или профессором антропологии. Я не видел, насколько они внутренне напряжены. Каждый из них почти не расставался с сигаретой – точь-в-точь, как и мой психиатр. Я не замечал этого, так как постоянно дымил сам и пребывал в столь же напряженном состоянии, что и остальные. Их аффективная речь также не резала мой слух, хотя, казалось, эту манеру говорить трудно было не заметить. Они

всегда произносили слова с подчеркнуто-гнусавым западно-американским акцентом, и делали это сознательно. И точно так же я никогда не обращал внимания на их прозрачные намеки на их собственную бесчувственность во всех сферах, кроме чисто интеллектуальной.

Настоящий конфликт с самим собой у меня возник, когда я столкнулся с дилеммой моего друга Пита. Он как-то пришел ко мне совершенно избитый. Его рот распух, а под подбитым левым глазом явственно проступал синяк. Прежде чем я успел спросить, что с ним произошло, он выпалил, что его жена. Патриция, отправилась на собрание брокеров по недвижимости, чтобы обсудить там вопросы, связанные с работой, и с ней там случилось нечто страшное. Судя по виду Пита, можно было предположить, что произошел несчастный случай и Патриция искалечена или даже убита.

– Как она, в порядке? – спросил я, волнуясь по-настоящему.

– Конечно, в порядке, – пролаял в ответ мой друг, – эта шлюха и сука! А со шлюхами и суками ничего не происходит, кроме того, что их трахают. И им это *нравится!*

Пит был взбешен. Он дрожал, казалось, он вот-вот забьется в конвульсиях. Его непокорные темные волосы торчали во все стороны. Обычно он аккуратно причесывал и приминал каждую вьющуюся прядь. Сейчас он выглядел диким, как тасманийский дьявол.

– Все шло нормально до сегодняшнего дня, – продолжал мой друг.

– Это случилось сегодня утром, когда я вышел из душа, а она шлепнула меня полотенцем по голой заднице. Я сразу же понял, что она по уши в дерьме, что трахается с кем-то другим.

Меня смутила его логика. Я стал расспрашивать его подробнее, пытаюсь выяснить, каким образом шлепок полотенцем мог явиться откровением в вопросах определенного рода.

– О, конечно, это не было бы откровением для кретина! – ответил он с нескрываемым ядом. – Но я знаю Патрицию! И еще в четверг, перед этим злополучным собранием, она не могла бы хлопнуть меня полотенцем. Чтобы ты знал, она *никогда* не способна была хлопнуть меня полотенцем за все годы нашего брака! Кто-то научил ее этим штучкам, когда они оба были голыми! Итак, я схватил ее за глотку и вытряс из нее правду: да, она трахается со своим шефом!

Пит рассказал, как отправился в офис, чтобы поговорить по душам с шефом своей жены, но его перехватили телохранители и вышвырнули обратно на автостоянку. Он хотел разбить все окна в офисе и стал бросать камнями в телохранителей, но те пригрозили ему, что если он будет продолжать в том же духе, то отправится в тюрьму, или еще хуже – получит пулю в голову.

– Так это они так тебя отделали? – спросил я своего друга.

– Нет, – ответил тот мрачно. – Я отправился в магазин, торгующий запчастями от подержанных автомобилей, и врезал первому продавцу, который подошел, чтобы помочь мне. Тот был поражен, но не рассердился. Он сказал: «Успокойтесь, сэр, успокойтесь. В этой комнате обычно заключаются сделки». Когда я снова дал ему в зубы, он возмутился. Он был здоровым парнем – врезал мне в челюсть и под глаз, и я отрубился. Когда я пришел в чувства, – продолжал Пит, – то увидел, что лежу на кушетке в их офисе. Я услышал сирену скорой. Понял, что это за мной. Выскочил оттуда и побежал к тебе.

Больше не в силах сдерживаться, он разрыдался. Он был совершенно больным. Он был не в себе. Я позвонил его жене, и не прошло и десяти минут, как та появилась у меня в квартире. Она встала возле него на колени и, склонив над ним лицо, стала клясться, что всегда любила только его и что все, что она сделала, было с ее стороны чистейшим идиотизмом, а их с Питом любовь – вопрос жизни и смерти. Все остальные для нее ничего не значили. Она даже не помнит их. Оба они излили свою душу в плаче и, безусловно, простили друг другу все. Патриция была в темных очках, чтобы скрыть синяк под правым глазом, куда попал Питов кулак. Пит был левшой. Оба совершенно не замечали моего присутствия. И когда они уходили, то даже не знали, что я находился там. Они просто ушли, тесно прижавшись друг к другу. Казалось, что моя жизнь продолжала идти как обычно. Мои друзья вели себя со мной так же, как всегда. Мы как обычно ходили на вечеринки, посещали кинотеатры или просто валялись дурака, а иногда заглядывали в рестораны, предлагающие посетителю съесть «сколько угодно чего угодно по цене одного блюда». Однако, несмотря на всю эту кажущуюся нормальность существования, в мою жизнь, казалось, вторгся странный новый фактор. Поскольку я привык наблюдать за собой, мне вдруг показалось, что я стал исключительно узколобым. Я стал осуждать

своих друзей точно так же, как осудил психиатра и профессора антропологии. И кто я такой, в конце-то концов, чтобы выступать в роли чьего-то судьи?

Я стал страдать от невероятного чувства вины. Судить своих друзей – это было что-то новенькое среди моих качеств. Но самым страшным для меня, пожалуй, было то, что я не только осуждал друзей, но и находил их проблемы и беды потрясающе банальными. Я был все тем же человеком. Они были теми же друзьями. Раньше я сотни раз высушивал их жалобы и рассказы о различных происшествиях и не испытывал при этом ничего иного, кроме полного отождествления с их неприятностями. Ужас, который я испытал теперь, открыв в себе это новое свойство, потряс меня.

Трудно найти лучшее описание моего тогдашнего положения, чем слова поговорки: «Беда не приходит одна». Полный крах обычного образа моей жизни наступил, когда мой друг Родриго Каммингс пришел ко мне с просьбой проводить его до аэропорта Бербэнк, откуда он собираются вылететь в Нью-Йорк. Это был драматический и отчаянный шаг с его стороны. Он считают, что главное проклятие его жизни – застрять в Лос-Анджелесе навсегда. Остальные друзья обожали шутить по этому поводу. Не раз он пытался добраться до Нью-Йорка на машине, и каждый раз она ломалась по дороге. Однажды ему удалось добраться даже до Солт-Лейк-Сити, и тут его машина заглохла. Нужно было менять мотор полностью. Он должен был выбросить его там. Обычно же его машины разваливались в пригородах Лос-Анджелеса.

– Что приключается с твоими машинами, Родриго? – как-то спросил я его, движимый искренним любопытством. – Не знаю, – отвечал он слегка виноватым голосом. А затем, с интонациями, достойными профессора-антрополога, входящего в роль проповедника-ривайвелиста, он продолжал:

– Возможно, когда я выезжаю на дорогу, начинаю газовать на полную мощность, почувствовав себя свободным. Обычно я открываю все окна. Я хочу, чтобы ветер дул мне в лицо. Я чувствую, словно отправился на поиск чего-то нового.

Для меня не было секретом, что все его машины были полной рухлядью, не рассчитанной на скоростную езду, и он попросту сжигал их моторы.

Из Солт-Лейк-Сити Родриго возвратился в Лос-Анджелес на

попутках. Конечно же, он мог бы с тем же успехом добраться автостопом и до Нью-Йорка, но это никогда не приходило ему в голову. Думаю, что Родриго был сражен той же болезнью, что и я, – бессознательной страстью к Лос-Анджелесу. Но ни в коем случае не хотел в этом сознаться.

Как-то раз, когда его очередная машина была, казалось, в отличном состоянии и могла выдержать сколь угодно длительное путешествие, сам Родриго оказался не в состоянии покинуть Лос-Анджелес. Он доехал до Сан-Бернадино, где зашел в кинотеатр, чтобы посмотреть фильм *«Десять заповедей»*. Этот фильм (по известным только Родриго причинам), вызвал в нем нестерпимую ностальгию по Лос-Анджелесу. Он пришел ко мне и плакал, говоря о том, как этот чертов город – Лос-Анджелес – окружил его стеной, через которую ему не перебраться. Его жена была крайне обрадована этим возвращением, но еще больше радовалась его подруга Мелисса, хотя она не могла не испытывать и огорчения при мысли о том, что ей придется возвращать словари, которые Родриго дал ей перед отъездом.

Его последняя попытка отправиться в Нью-Йорк на самолете казалась еще более драматичной, так как он занял денег у своих друзей, чтобы купить билет. Он сказал, что таким образом он должен обязательно добраться до Нью-Йорка, так как не собирается возвращать долги.

Я поставил его чемоданы в багажник своей машины и повез его в аэропорт Бербэнк. Он сказал, что самолет улетает только в семь часов. До вечера было еще далеко, и у нас оставалась уйма времени. Так что мы пошли посмотреть фильм. К тому же он хотел бросить прощальный взгляд на Голливудский бульвар – центр, вокруг которого вращались наши жизни.

Итак, мы отправились в «Техниколор и Синерама» на просмотр эпической киноленты. Это был восхитительный фильм, и взгляд Родриго, казалось, не мог оторваться от экрана. Когда мы вышли из кинозала, уже темнело, и я отправился в аэропорт в самый час пик. Он потребовал, чтобы мы выехали на окружную трассу, а не ползли по фривею, который был страшно забит машинами. Когда мы наконец добрались до чертова аэропорта, самолет уже выруливал на взлетную полосу. Это было последней каплей.

Покорный и раздавленный Родриго протянул свой билет кассиру, чтобы получить деньги обратно. Его имя и адрес были записаны, и

Родриго взял чек, по которому должен был получить через шесть или двенадцать недель свои деньги, когда те придут из Теннесси, где располагалось главное агентство авиалиний.

Мы подъехали к зданию, где находились наши квартиры. На сей раз Родриго не попрощался ни с кем, боясь позора. Итак, никто даже не заподозрил, что он только что предпринял очередную попытку покинуть город. Единственный просчет, который допустил мой друг, – была продажа машины. Он попросил отвезти его к родительскому дому, чтобы получить у отца деньги, затраченные на билет. Насколько я помнил, отец Родриго всегда вытягивал своего сына из любой беды. Его лозунг звучал так: «Не страшись ничего, Родриго-старший всегда рядом!» Когда он услышал о просьбе сына дать ему денег в долг, чтобы возвратить другие долги, лицо старого джентльмена приняло печальное выражение. В ту пору он сам переживал финансовые затруднения. Положив руку на плечо сына он произнес:

– Я не могу помочь тебе в этот раз, мой мальчик. Тебе есть чего страшиться, так как Родриго-старшего больше нет рядом.

Я изо всех сил стремился войти в положение своего друга, пережить его драхму так же остро, как всегда, но не мог. Я только фокусировался на заявлении отца. Оно казалось столь окончательным, что это встряхнуло меня.

Я жадно стал искать общества дона Хуана. Я оставил все лос-анджелесские дела недоделанными и отправился в Сонору. Я рассказал ему о странном настроении, которое посещает меня в обществе друзей. Всхлипывая от угрызений совести, я поведал ему, что начал судить их.

– Не изводи себя из-за ерунды, – спокойно сказал мне дон Хуан. – Ты уже, наверное, и сам догадался, что целая эпоха твоей жизни подходит к концу. Но эпоха никогда реально не закончится, пока не умрет король.

– Что ты подразумеваешь под этим, дон Хуан?

– Ты и есть король, и ты очень похож на своих друзей. И эта истина заставляет тебя дрожать как лист. Все, что тебе остается сделать, – это принять все так, как есть, – чего ты, конечно, сделать не можешь. Но ты еще можешь сделать другое – повторять самому себе: «Я не такой, я не такой». И я обещаю тебе, что, продолжая говорить себе, что ты не такой, в один прекрасный момент ты осознаешь, что ты точно такой же.

НЕИЗБЕЖНАЯ ВСТРЕЧА

Одна мысль не отпускала меня ни на минуту: я должен был дать ответ на очень важное письмо и сделать это любой ценой. Но свершиться этому мешала смесь обычной моей лени и желания к удовольствиям. Мой друг-антрополог, благодаря которому я встретился с доном Хуаном, пару месяцев назад написал мне письмо. Он интересовался моими успехами в изучении антропологии и настойчиво приглашал меня к себе. Я сочинил три длинных письма. Перечитывая, я находил их столь банальными и подбострастными, что тут же рвал их. Я не мог выразить в них глубину своей благодарности, глубину своих добрых чувств к нему. Я объяснял себе отсрочку с ответом своим искренним намерением встретиться с ним и рассказать обо всем, что произошло в моей жизни в связи с доном Хуаном Матусом. Но я не спешил совершить свое неизбежное путешествие, так как толком не знал, чем я, собственно, занимаюсь с доном Хуаном. В один прекрасный день я хотел продемонстрировать моему другу настоящие результаты. Пока что я располагал только некоторыми смутными набросками возможностей, которые никак не могли сойти за плоды, собранные на антропологическом поле деятельности, – по крайней мере, не в глазах моего требовательного друга.

И вот на какой-то вечеринке я узнал, что он умер. Это известие спровоцировало во мне одну из тех опасных безмолвных депрессий, столь знакомых мне по прошлым временам. Я не мог выразить своих чувств, так как то, что я чувствовал, еще полностью не оформилось в моем сознании. Это было смесью подавленности, отчаяния и отвращения к самому себе за то, что я не ответил на его письмо, за то, что я не приехал увидеться с ним. Вскоре после этого я отправился с визитом к дону Хуану. Подойдя к его дому, я уселся на один из ящиков на крыльце и попытался подыскать слова, которые бы не звучали банально и могли

выразить то отчаяние, которое я испытываю из-за смерти своего друга. Каким-то непостижимым образом дон Хуан знал о причинах моих душевных мук, которые и привели меня к нему.

— Да, — сухо сказал дон Хуан, — я знаю, что твой друг, антрополог, направивший тебя ко мне, скончался. По некоторой причине я знаю точное время его смерти. Я *видел* ее.

Его сухое заявление потрясло меня до глубины души.

— Я давно видел ее приближение. Я даже говорил тебе об этом, но ты пренебрег моими словами. Я уверен, что ты даже не помнишь их.

Я помнил каждое слово, произнесенное им, но в то время я не понимал значения этих слов. Дон Хуан заявил, что некое событие, тесно связанное с нашим знакомством (но не часть его), явилось причиной, по которой он *видел* моего друга-антрополога как человека, стоящего на пороге смерти.

— Я *видел* смерть как внешнюю силу, уже открывающую твоего друга, — сказал он мне. — У каждого из нас есть энергетическая щель, энергетическая трещина ниже пупка. Эта трещина, которую маги называют *просвет*, закрыта, когда человек находится в расцвете сил.

— И каково значение всего этого, дон Хуан? — спросил я механически.

— Значение смертельное, — ответил он. — Дух подал мне знак, что нечто подходит к концу. Я решил, что моя жизнь подходит к концу, и принял эту весть со всей благодарностью, на которую был способен. Только позже, гораздо позже до меня дошло, что это не моя жизнь подходит к концу, но вся моя *линия*.

Я не понимал, о чем он говорит. Как же я мог воспринять это всерьез? Насколько я мог судить, это не слишком отличалось от всего того, из чего тогда состояла моя жизнь, — от болтовни.

— Твой друг сам рассказывал тебе, и довольно многословно, о том, что умирает, — сказал дон Хуан. — И ты сознавал то, что он говорил, так же, как сознаешь то, что я говорил тебе, но в обоих случаях ты предпочел не придавать этому значения.

Мне нечего было ответить. Я был раздавлен его словами. Мне хотелось вдавиться в ящик, на котором я сидел, исчезнуть, провалиться сквозь землю.

— Но не твоя вина, что ты не придавал этому значения. Это все молодость, — продолжал он. — Тебе еще надлежит так много

сделать, столько людей окружает тебя; Ты не *алертен*. Ты никогда не учился быть настороже.

Пытаясь защитить свою последнюю крепость – веру в собственную наблюдательность, я указал дону Хуану на то, что попадал в смертельно опасные ситуации, где требовалось проявить смекалку и бдительность. Беда была не в том, что мне недоставало внимания, а в том, что я был недостаточно ориентирован, чтобы составить верный список приоритетов. Вот почему все для меня было в равной степени как важным, так и не важным.

– Быть *алертным* – не значит быть наблюдательным, – сказал дон Хуан. – Для магов проявлять *алертность* означает постоянно осознавать ткань обыденного мира, которая кажется непригодной для взаимодействия в настоящий момент. Путешествуя со своим другом перед тем, как познакомиться со мной, ты обращал внимание только на явные детали. Ты не придавал значения тому, как смерть поглощала его, и все же что-то в тебе знало об этом. Я стал протестовать, утверждая, что все это неправда. – Не пытайся спрятаться за банальностями, – сказал он осуждающе. – Встань. Если ты хоть мгновение сможешь быть со мной, прими ответственность за то, что ты знаешь. Не старайся затеряться в чужеродной ткани окружающего мира; чужеродной тому, что происходит сейчас. Не будь ты столь поглощен собственной персоной и своими проблемами, ты бы знал, что это его последнее путешествие. Ты бы заметил, что он закрывает свои счета, встречается с людьми, которые помогали ему, и прощается с ними. – Твой друг-антрополог говорил однажды со мной, – продолжал дон Хуан. – Я помнил его настолько отчетливо, что ничуть не был удивлен, когда он привез тебя на эту автостанцию. Я не мог помочь ему при нашем разговоре. Он не был тем человеком, которого я искал. Но я желал ему добра от всей своей магической пустоты, из всего своего магического безмолвия. Поэтому я знал, что во время своего последнего путешествия он говорит «прощай» всем тем, кто что-то значил в его жизни.

Я признавал, что дон Хуан полностью прав. Было множество деталей, которые я замечал, но которым не придавал тогда должного значения; взять хотя бы тот экстаз, в который приходил мой друг, любуясь окружающими нас видами. Он останавливал машину, чтобы часами наблюдать за горами или руслом реки, или пустыней. Я отмахивался от этого, как от идиотской

сентиментальности мужчины средних лет. Я даже делал тонкие намеки на то, что он, пожалуй, слишком много выпил. Он отвечал мне, что в минуты отчаяния выпивка приносит человеку мгновения мира и покоя, мгновения достаточно долгие, чтобы тот успел насладиться чем-то неповторимым.

— Это было путешествие, предназначенное только для его глаз, — сказал дон Хуан. — Маги предпринимают подобные путешествия, в которых значение имеет только то, что могут впитать в себя их глаза. Твой друг освобождал себя от всего лишнего.

Я признался дону Хуану, что не обращал внимания на то, что он говорил о моем умирающем друге, так как на некоем неведомом мне самому уровне я знал, что это правда.

— Маги никогда не говорят впустую, — сказал он. — Я подбираю слова исключительно тщательно, когда говорю с тобой или с кем-либо еще. Разница между тобой и мною состоит в том, что у меня нет времени, и я должен поступать соответственно. Ты же, наоборот, уверен, что располагаешь всем временем этого мира, и тоже действуешь соответственно. Конечным результатом нашего поведения является то, что я взвешиваю все то, что собираюсь сказать, а ты нет.

Я признал его правоту, но тут же стал убеждать его, что все сказанное им ни в коей мере не облегчает моей печали и не рассеивает смятения. Затем я безотчетно высказался о каждом нюансе моих смешанных чувств. Я заявил, что не ищу совета. Я хочу получить магические предписания о том, как избавиться от душевных мук. Я был уверен в том, что действительно заинтересован в получении от него некоего естественного успокоительного, органического снотворного, и высказался по этому поводу. Дон Хуан покачал в замешательстве головой.

— Ты хочешь слишком многого, — ответил он. — Следующее, что ты попросишь, — это будет некое магическое снадобье, способное удалить все, что раздражает тебя, без всяких усилий с твоей стороны, если не считать тех усилий, которые ты затратишь на то, чтобы проглотить эти пилюли. Чем хуже вкус, тем сильнее эффект, — вот девиз европейцев. Ты хочешь результатов: одна порция зелья — и ты исцелен.

— Маги смотрят на вещи по-иному, — продолжал дон Хуан. — Поскольку они не располагают свободным временем, то полностью отдают себя тому, с чем встречаются. Причина твоего

смятения состоит в недостатке серьезности. Тебе не хватило серьезности, чтобы поблагодарить как следует твоего друга. Это случалось с каждым из нас. Мы никогда не выражаем того, что чувствуем. А когда хотим выразить, оказывается, что слишком поздно, так как момент упущен. Ты должен был поблагодарить его как следует еще в Аризоне. Он позаботился о том, чтобы прихватить тебя с собой, и понимал ты это или нет, но на автостоянке ты получил от него все, что мог. Но в тот момент, когда ты должен был поблагодарить его, ты злился – ты судил его, он был неприятен тебе. А затем ты откладываешь встречу с ним. На самом деле ты откладывал выражение благодарности. Ты застрял на месте. Ты никогда не был бы способен возвратить ему долг. Я осознал все величие его слов. Никогда я не мог увидеть свои поступки в подобном свете. По правде говоря, я никогда никого не благодарил. Дон Хуан загонял шип мне в сердце все глубже. – Твой друг знал, что умирает, – продолжал он. – Он написал тебе свое последнее письмо, чтобы узнать о твоих успехах. Возможно, он этого не знал, как не знал и ты, но его последняя мысль была о тебе.

Тяжесть этих слов была слишком велика для моих плеч, и я опустился на землю. Я почувствовал, что должен лечь. Кружилась голова. Возможно, все дело было в окружающем меня пейзаже. Я сделал ужасную ошибку, прибыв к дону Хуану в предвечерний час. Предзакатное солнце казалось невыносимо золотым, и блики на голых скалах, которые возвышались на востоке от дома дона Хуана, были золотыми и пурпурными. На небе не было ни облачка. Казалось, что все вокруг застыло. Это было так, как будто весь мир пытался спрятаться, но его присутствие было всеподавляющим. Покой сонорской пустыни был подобен кинжалу. Меня пробрало до мозга костей. Я хотел убраться отсюда – сесть в машину и умчаться. Я хотел оказаться в городе, затеряться в шуме.

– Ты ощутил вкус *бесконечности*, – торжественно, словно приговор, произнес дон Хуан. – Я знаю это, так как и сам был на твоём месте. Ты хочешь удрать, чтобы погрузиться во что-то человеческое, теплое, противоречивое, глупое, кто его знает, какое еще?.. Ты хочешь забыть о смерти друга. Но *бесконечность* не позволит тебе сделать это, – его голос вдруг стал бархатным. – Она ухватила тебя безжалостной рукой.

– Что я могу сделать сейчас, дон Хуан? – спросил я.

– Единственное, что тебе остается, – это сохранить живую память о своем друге. Хранить ее до конца своей жизни, а может быть и дольше. Маги выражают таким образом благодарность, которую уже не могут высказать вслух. Возможно, ты думаешь, что это глупо, но это лучшее, что могут сделать маги.

Безусловно, только моя собственная грусть заставила меня на минуту поверить в то, что неунывающий дон Хуан был столь же печальным, как и я. Я немедленно отбросил эту мысль. Такое было невозможно.

– Печаль для магов не является чем-то личным, – заявил дон Хуан, вновь вторгаясь в мои мысли. – Это не совсем печаль, это энергетическая волна, приходящая из глубин космоса. Она достигает магов, когда они восприимчивы, когда они, как радары, способны ловить радиосигналы.

Маги древности, которые дали нам полную формулу магии, верили, что во Вселенной существует печаль, подобная силе, свету, *намерению*, и что эта вечная сила воздействует на магов с особой остротой, так как у них уже нет защитных щитов. Они не могут укрыться за спинами своих друзей или уйти с головой в занятия. Они не могут прятаться за любовью или ненавистью, за счастьем или несчастьем. Они не могут укрыться ни за чем.

– Маги отличаются тем, – продолжал дон Хуан, – что печаль для них абстрактна. Она не приходит от тайных желаний или нехватки чего-то или от чувства собственной важности. Это не исходит от *меня*, это исходит из *бесконечности*. Грусть, которую ты испытываешь из-за того, что не поблагодарил своего друга, пришла оттуда.

– Мой учитель, нагваль Хулиан, – продолжал он, – был невероятным актером. Собственно говоря, он профессионально играл в театре. У него была одна любимая история, которую он рассказывал на своих спектаклях. Когда он рассказывал ее, я, как правило, испытывал при этом приступы страшной боли. Он объяснял, что это история о воинах, которые, получив все, что хотели, испытывали укол вселенской грусти. Я всегда считал, что он рассказывает все это лично для меня.

Затем дон Хуан воспроизвел слова своего учителя, добавив, что эта история о человеке, страдающем от глубочайшей меланхолии. Этот человек ходил по лучшим врачам того времени, и ни один из

них не смог помочь ему. Наконец он явился в приемную главного доктора – целителя души. Этот доктор предположил, что, возможно, его пациент сможет найти утешение, душевный покой и исцеление от меланхолии в любви. Человек возразил, что любовь никогда не составляла для него проблемы и что он любил так, как, очевидно, не любил никто в мире. Тогда доктор предложил ему отправиться в путешествие, чтобы взглянуть на разные уголки мира. Печальный пациент ответил, что может сказать без преувеличения, что уже посетил все уголки мира. Врач порекомендовал завести хобби: заняться искусством, спортом и тому подобными вещами. На каждый совет пациент отвечал, как и прежде: он уже прошел через все это и не испытал облегчения. У врача возникло подозрение, что, возможно, тот страдает не чем иным, как патологической лживостью.

Он не мог успеть испытать все то, о чем говорил. Но доктор был хорошим целителем, и его наконец-то осенило.

«Ах, – воскликнул он, – у меня есть прекрасный рецепт для вас, сэр. Вы должны посетить последнее выступление величайшего из комедиантов наших дней. Оно вам доставит такое удовольствие, что вы совершенно забудете о своей меланхолии. Вы должны явиться на представление Великого Гаррика!»

Дон Хуан сказал, что тот человек взглянул на доктора с самым печальным видом, который только можно вообразить, и произнес: «Доктор, если это ваш последний совет, я пропал. Я и есть Великий Гаррик».

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ

А он Хуан определял *внутреннее безмолвие* как особое состояние изгнания мыслей, при котором человек может функционировать на ином уровне сознания, чем обычно. Он подчеркивал, что *внутреннее безмолвие* наступает при прекращении *внутреннего диалога* – вечного спутника мыслей, и потому является состоянием глубокой тишины.

– Маги древности, – говорил дон Хуан, – назвали это *внутренним безмолвием*, так как в этом состоянии восприятие не зависит от чувств. Во время *внутреннего безмолвия* вступает в силу иная способность человека, та способность, которая делает его магическим существом, способность, ограничиваемая не самим человеком, а неким чужеродным влиянием.

– А что это за чужеродное влияние, которое ограничивает наши магические способности? – спросил я.

– Это предмет нашей будущей беседы, – ответил дон Хуан, – а не тема настоящей дискуссии, хотя это на самом деле самый серьезный аспект магии шаманов древней Мексики.

– *Внутреннее безмолвие*, – продолжал он, – это основа всей магии. Иными словами, все, что мы делаем, ведет нас к этой основе. Она же, как и все остальное в магии, не раскрывает себя, пока нечто гигантское не встряхнет нас.

Дон Хуан рассказал, что маги древней Мексики изобретали всевозможные способы встряхнуть себя или других практикующих магов до основания, чтобы достичь тайного состояния *внутреннего безмолвия*. Они додумались до самых невообразимых действий, которые, казалось бы, совершенно не могли быть связаны с достижением *внутреннего безмолвия*, таких, скажем, как прыжки в водопад или ночи, проведенные на ветвях деревьев вниз головой. Однако это были ключевые приемы достижения такого состояния.

Следуя логике магов древней Мексики, дон Хуан категорически

заявлял, что *внутреннее безмолвие* возрастает и накапливается. В моем случае он пытался направить меня на создание ядра *внутреннего безмолвия* в самом себе, а затем понемногу наращивать его при каждом удобном случае. Он объяснил, что маги древней Мексики обнаружили, что каждый человек имеет свой собственный порог *внутреннего безмолвия* с точки зрения времени. Иными словами, *внутреннее безмолвие* должно сохраняться в каждом из нас определенное время, прежде чем сработает.

– А что маги древности считали знаком того, что *внутреннее безмолвие* начало работать, дон Хуан? спросил я.

– *Внутреннее безмолвие* начинает работать с того момента, как ты начинаешь развивать его в себе, – ответил дон Хуан. – То, к чему стремились маги древности, было финалом, драматическим концом и результатом достижения этого индивидуального порога *безмолвия*. Некоторым особо одаренным магам необходимо всего лишь несколько минут *безмолвия* для достижения вожаемой цели. Иным же, менее талантливым, требуется гораздо больший период тишины, чтобы прийти к желанному результату. Желаемый результат – это то, что маги называли *остановкой мира*, – момент, когда все вокруг перестает быть тем, чем было всегда.

– Это момент, когда маг возвращается к подлинной природе человека, – продолжал дон Хуан. – Маги древности также называли это *абсолютной свободой*. Это момент, когда человек-раб становится свободным существом, способным на такие чудеса восприятия, которые бросают вызов нашему обычному воображению.

Дон Хуан уверил меня, что *внутреннее безмолвие* является тем путем, который ведет к истинному отказу от суждений; к тому мгновению, когда наши чувства прекращают интерпретировать чувственные данные, излучаемые всей Вселенной; к моменту, когда постижение перестает быть силой, которая приходит к определению природы мироздания через повторение и использование.

Магам необходим *переломный момент* для того, чтобы *внутреннее безмолвие* заработало, – сказал дон Хуан. – *Переломный момент* подобен раствору, который каменщик кладет между рядами кирпичей. Лишь тогда отдельные кирпичи превращаются в структуру, когда раствор твердеет.

С самого начала нашего знакомства дон Хуан не переставал вбивать мне в голову мысль о значении *внутреннего безмолвия*. Я старался изо всех сил следовать его советам накапливать *внутреннее безмолвие* самым искренним образом каждое мгновение. У меня не было ни возможностей измерить свои приобретения, ни средств, чтобы судить о том, достиг я наконец или нет своего порога. Я просто упрямо нацелился на то, чтобы развивать в себе такое состояние. И не только затем, чтобы сделать приятное дону Хуану, но и потому, что считал это делом чести. Однажды мы с доном Хуаном беседовали, лениво прохаживаясь по главной площади Эрмосильо. Было около полудня. По небу плыли тучи. Жара была сухой и действительно очень приятной. Повсюду сновали толпы людей. Площадь окружали ряды магазинов. Я не раз бывал в Эрмосильо, но никогда не обращал внимания на магазины. Я знал, что они там есть, но никогда не думал об этом сознательно. Я не смог бы нарисовать карту площади, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Сегодня же, прогуливаясь с доном Хуаном, я старался точно определить местонахождение магазинов. Я пытался найти что-то, способное послужить мне как мнемонический инструмент, нечто способное пробудить мои воспоминания в дальнейшем.

— Как я уже говорил тебе, — раздался голос дона Хуана, выбивший меня из колеи этих мыслей, — каждый маг, которого я знал, будь то мужчина или женщина, рано или поздно достигал *переломного момента* своей жизни.

— Ты подразумеваешь, что с ними случался психический срыв или что-то в этом роде? — спросил я.

— Нет, нет, — ответил он, смеясь. — Психические срывы — удел личностей, которые индугируют на самих себе. Маги — не личности. В данный момент я подразумеваю под этим то, что непрерывность их жизней должна быть разбита во имя обретения *внутреннего безмолвия*, которое станет активной частью их структур.

— Это очень, очень важно, — продолжал дон Хуан, — чтобы ты сам умышленно достиг этого *переломного момента* или создал его искусственным и разумным путем.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил я, заинтригованный его причудливой логикой.

— Твой *переломный момент* означает конец той жизни, которую ты

знаешь. Ты выполнил все, о чем я говорил тебе, прилежно и точно. Если ты и талантлив, то сумел скрыть это. Возможно, это твой стиль. Ты не медлителен, но действуешь так, как медлительные люди. Ты очень уверен в себе, но ведешь себя, словно ты беззащитен. Ты не робок, но производишь впечатление, будто боишься людей. Все то, что ты делаешь, указывает только на одно – ты должен все это разбить. Безжалостно.

– Но каким образом, дон Хуан? Что ты имеешь в виду? – спросил я взволнованно.

– Я думаю, что все сводится к одному поступку, – ответил он. – Ты должен покинуть своих друзей. Ты должен распрощаться с ними по-хорошему. Ты не сможешь продолжать идти путем воина, неся за плечами свою личную историю. И если ты не покончишь с прежним образом жизни, то не сможешь следовать моим наставлениям.

– Минутку, минутку, минутку, дон Хуан, – сказал я. – Мне нужно прийти в себя. Ты требуешь от меня слишком многого. По правде говоря, я не уверен, что смогу все это сделать. Мои друзья – это моя семья. Моя точка отсчета.

– Точно, точно, – заметил он, – твоя точка отсчета. Именно поэтому с ними следует расстаться. У магов только одна точка отсчета – *бесконечность*.

– Но как я могу это сделать? – спросил я жалобно.

Его требование выводило меня из равновесия.

– Ты можешь просто уйти, – сказал он равнодушно. – Уйти любым возможным путем.

– Но куда я пойду? – спросил я.

– Я бы посоветовал тебе снять номер в одной из тех жалких гостиниц, которые тебе хорошо известны, – ответил он. – Чем безобразнее заведение – тем лучше. Если в комнате постелен ковер болотного цвета, на окнах висят шторы болотного цвета, а стены оклеены такими же обоями, тогда эта гостиница может сравниться с той, которую я показал тебе как-то в Лос-Анджелесе.

Я издал нервный смешок, вспоминая нашу поездку с доном Хуаном по промышленным районам Лос-Анджелеса, где можно было найти только склады и обветшалые гостиницы для проезжающих. Одна из гостиниц особо привлекла внимание дона Хуана благодаря помпезному названию – «Эдуард Седьмой». Мы остановились напротив, чтобы лучше рассмотреть ее.

– Вот эта гостиница, – произнес дон Хуан, указывая на здание, – представляется мне подлинным олицетворением жизни среднего человека на Земле. Если ты удачлив или безжалостен, то снимешь здесь комнату с окном, выходящим на улицу, чтобы наблюдать из окна за нескончаемым шествием человеческих бед. Если ты не столь удачлив или не столь безжалостен, то снимешь себе внутреннюю комнату, с окном, глядящим на глухую стену соседнего дома. Подумай о том, что это значит – провести всю жизнь, разрываясь между двумя такими видами. Завидуя виду на улицу, если живешь во внутренней комнате, и завидуя виду на стену, если поселился в наружной и устал смотреть на мир. Метафора дона Хуана вызвала во мне бесконечное беспокойство, так как я принял ее близко к сердцу.

Сейчас же, столкнувшись с возможностью поселиться в гостинице, сравнимой с «Эдуардом Седьмым» я не знал что и сказать, куда отправиться.

– Что ты предлагаешь мне там делать, дон Хуан? – спросил я.

– Магу нужно такое место, чтобы умереть, – сказал он, глядя на меня и не мигая. – Ты никогда не был один в своей жизни. Сейчас пришло время сделать это. Ты будешь оставаться в этой комнате, пока не умрешь.

Подобный совет испугал меня, но и вызвал приступ смеха.

– Не могу сказать, что собираюсь так поступить, дон Хуан, – сказал я. – Но каков критерий того, что я мертв? Если ты действительно не хочешь моей физической смерти.

– Нет, – ответил тот. – Я не хочу, чтобы твое тело умерло физически. Я хочу, чтобы умерла твоя личность. Это две совершенно разные вещи. По существу, твоя личность имеет очень мало общего с твоим телом. Твоя личность – это твой разум, и поверь мне, что твой разум не является твоим.

– Что это за ерунда, дон Хуан, что мой ум не мой? – услышал я свой собственный голос, в котором появилась нервная гнусавость.

– Я расскажу тебе как-нибудь об этом предмете, но не тогда, когда ты еще думаешь о своих друзьях.

– Критерий, по которому можно определить, что маг мертв, – продолжал дон Хуан, – определяется тем, что ему становится безразлично, находится он в обществе или один. Твоя личность умрет в тот день, когда ты перестанешь жаждать компании своих

друзей и прикрываться своими друзьями как щитом. Что скажешь на это? Согласен сыграть?

– Я не способен на это, дон Хуан, – ответил я. – Бесполезно пытаться лгать тебе. Я не смогу покинуть своих друзей.

– Это совершенно нормально, – сказал он невозмутимо.

Казалось, что мое заявление совершенно не подействовало на него.

– Я не смогу больше продолжать наши беседы, но позволь мне сказать, что за время, которое мы провели вместе, ты научился многому. Ты научился тем вещам, которые сделают тебя очень сильным, – не важно, вернешься ты назад или уйдешь прочь.

Он похлопал меня по спине и попрощался со мной. Он развернулся и просто исчез среди людей, наполнявших площадь, словно растворился среди них. На какое-то мгновение у меня возникло странное чувство, что люди на площади были просто занавесом, который дон Хуан раздвинул и за которым скрылся. Конец наступил, как наступает все в мире дона Хуана – быстро и непредсказуемо. Внезапно это достигло меня. Я стал корчиться от муки, даже не представляя, как это произошло.

Это должно было сокрушить меня. И все же я устоял. Я не знаю, каким образом пришло облегчение. Я дивился той легкости, с которой все подходило к концу. Дон Хуан был поистине элегантным существом. Не было ни упреков, ни злости. Я сел в свою машину и помчался прочь, счастливый, как жаворонок. Я ликовал. Как все необычайно быстро закончилось, думал я, как безболезненно.

Мое путешествие в Лос-Анджелес прошло без приключений.

Оказавшись в привычной среде, я заметил, что обрел огромное количество энергии при последнем общении с доном Хуаном. Я действительно был очень счастлив, очень свободен, и я продолжал вести то, что считал нормальным существованием, но только с новым жаром. Все мои огорчения, связанные с друзьями, все мои открытия на их счет, все то, что я высказал по этому поводу дону Хуану, было забыто начисто. Казалось, что кто-то стер всю память из моего мозга. Я пару раз даже изумился той легкости, с которой забыл о том, что считал столь значительным, и забыл так основательно.

Все происходило так, как я этого ожидал. Возникло только одно несоответствие в аккуратной парадигме моей новой старой жизни: я четко помнил о том, как дон Хуан говорил мне, что мой уход из

мира магов будет чисто академическим и что я скоро вернусь назад. Я помнил и записал каждое слово из нашей беседы.

Согласно моей нормальной линейной памяти и логике, дон Хуан никогда не делал подобных заявлений. Как я мог помнить вещи, которые никогда не происходили? Я думал усиленно и безрезультатно. Мои псевдовоспоминания были достаточно странными, чтобы задумываться о них, но все же я решил, что в них нет смысла. Насколько я понимал, я покинул мир дона Хуана. Следуя совету дона Хуана, относящегося к поведению с друзьями, которые в любом случае относились ко мне хорошо, я пришел к потрясающему выводу: благодарить и чтить своих друзей, пока для этого еще остается время. Однако в этом плане у меня вызывал сомнение Родриго Каммингс. По крайней мере, один случай с Родриго Каммингсом переворачивал всю мою парадигму нового отношения к друзьям вверх тормашками и приводил ее к полному крушению.

Мое отношение к Родриго радикально изменилось после того, как я бросил тягаться с ним. Я обнаружил, что для меня не составляло абсолютно никакого труда проецировать себя целиком на любые поступки Родриго. В действительности, я был абсолютно схож с ним, но осознал это только тогда, когда прекратил соревноваться с ним. Тогда правда предстала предо мной с одурачивающей отчетливостью. Одним из главных желаний Родриго было закончить колледж. Каждый семестр он регистрировался в школе и брал такое количество курсов, какое только позволяли правила. Затем в течение семестра он бросал курсы один за другим. Иногда он сразу бросал занятия. Иной раз он цеплялся за один курс, чтобы довести дело до неизбежного горького конца.

Во время последнего семестра он ухватился за курс по социологии, так как любил этот предмет. Наступало время последнего экзамена. Он сказал мне, что у него еще есть три недели для зубрежки, чтобы прочесть учебник по этому курсу. Он считал, что три недели – срок более чем достаточный, чтобы прочесть шесть сотен страниц. Он считал себя своего рода скоростным читателем, способным запомнить огромный процент информации благодаря почти стопроцентной фотографической памяти.

Он считал, что у него еще уйма времени перед экзаменами, и потому попросил меня помочь ему переоборудовать свою машину, чтобы ему было проще обходиться с бумагой. Он хотел снять

правую дверцу, чтобы выбрасывать бумажки правой рукой через это отверстие, а не так, как обычно, – левой рукой через люк в крыше. Я заметил ему, что он был левшой, на что тот резко возразил, что отличное владение обеими руками входит в огромный спектр его прочих способностей, чего никто из его друзей не удосужился заметить. В чем он был совершенно прав – я никогда не замечал этого. Когда я помог ему снять дверь, он решил еще сорвать с крыши внутреннюю обивку, которая страшно изнашивалась. Он объявил, что техническое состояние его машины не оставляет желать лучшего и что скоро он отправится на ней в Мексику, в Тихуану (которую называл «ТJ»), чтобы поставить там новую обивку за пару баксов.

– Мы должны будем извлечь максимальную пользу из этой поездки, – заявил он вдохновенно.

Он даже стал перечислять друзей, которых решил взять с собой.

– Ты обязательно отправишься в tJ чтобы порыться среди старых книг. Ты ведь всегда был придурком. Остальные ребята завалят в бордель. Я знаю парочку таких местечек.

Нам потребовалась неделя для того, чтобы сорвать подкладку и обработать наждаком металлическую поверхность. У Родриго для подготовки осталось еще две недели, но и это показалось ему слишком длинным периодом. Тогда он уговорил меня помочь ему красить квартиру. Нам потребовалась неделя, чтобы покрасить стены и отциклевать дубовый пол. Он не хотел красить поверх обоев в одной из комнат и для этого одолжил специальный аппарат для отклейки обоев с использованием струи пара. Естественно, ни Родриго, ни я не знали, как обращаться с этой машиной, и мы здорово напортачили. Мы пришли к тому, что решили воспользоваться «Топпингом» – специальной смесью гипса и других материалов для очень ровной штукатурки стен.

После завершения всех этих дел у Родриго оставалось только два дня, чтобы затолкать в свою башку шестьсот страниц текста. Он отправился в марафон по круглосуточному чтению, поддерживая себя амфетамином. Родриго все же удалось отправиться в колледж в день экзаменов, сесть за парту и взять в руки экзаменационный листок.

Но вот чего ему не удалось сделать – так это не заснуть на экзамене. Его тело качнулось вперед, и голова упала на парту с оглушительным стуком. Пришлось на время прервать экзамен.

Профессор социологии впал в *истерику вместе* со студентами, сидящими рядом. Тело Родриго было твердым и холодным, как лед. Весь класс заподозрил самое страшное. Решили, что он умер от сердечного приступа. Вызвали санитаров, которые вынесли Родриго. После беглого осмотра медики объявили, что он забылся глубоким сном, и отвезли его в больницу, где тот отсыпался, пока из организма не вышел весь амфетамин.

Моя проекция на Родриго Каммингса была настолько абсолютной, что даже пугала меня. Я был в точности похож на него. Я ничего не мог сделать с этим. Решившись на отчаянный поступок (который я считал самоубийственным нигилизмом), я снял комнату в обшарпанной голливудской гостинице.

Ковры были зелеными с ужасными пятнами от незатушенных сигарет. Безусловно, их не раз спасали от пожара. В комнате висели зеленые портьеры, а стены были болотно-зеленого цвета. Мигающая неоновая вывеска гостиницы светила в окно всю ночь. Я закончил тем, что в точности последовал совету дон Хуана, но пришел к этому окольным путем. Я делал это не для того, чтобы выполнить его требования, у меня также не было намерения сгладить наши с ним разногласия. Я пробыл в этой гостинице несколько месяцев, пока моя личность, как и предполагал дон Хуан, не умерла, и мне действительно стало безразлично, нахожусь я в компании или остаюсь один.

Оставив гостиницу, я поселился один, выбрав жилище поближе к колледжу, и завел очень прибыльное дело с одной партнершей. Все, казалось, шло прекрасно, пока однажды меня не стукнуло, словно кулаком по голове, осознание того, что я собираюсь провести остаток своих дней, беспокоясь о бизнесе, или теряясь перед призрачным выбором карьеры академика или бизнесмена, или мучаясь из-за фобий и обманов моей партнерши. Настоящее отчаяние пронзило меня до глубины души. Впервые в своей жизни, несмотря на все, что я делал и видел раньше, я ощутил, что у меня нет никакого выхода. Я чувствовал себя совершенно потерянным. Я всерьез начал задумываться о самом практическом и безболезненном способе ухода из жизни.

Однажды утром я проснулся от громкого стука в дверь. Я был уверен, что это пришла хозяйка квартиры и что если я не встану и не открою дверь, то та войдет сама, воспользовавшись запасным ключом. Я распахнул дверь. Передо мной стоял дон Хуан. Я

настолько изумился, что потерял дар речи. Я блеял и заикался, не в силах произнести ни слова. Мне хотелось поцеловать его руку, стать перед ним на колени.

Дон Хуан вошел и непринужденно уселся на край моей кровати.

– Я приехал в Лос-Анджелес, – сказал он, – специально, чтобы повидаться с тобой.

Я хотел пригласить его позавтракать, но дон Хуан ответил, что у него есть и другие дела и что на разговоры со мной у него остается не больше минуты. Я торопливо рассказал ему о своей жизни в гостинице. Его присутствие настолько сбивало меня с толку, что я ни на секунду не задумался о том, чтобы спросить, как ему удалось обнаружить меня. Я только рассказывал дону Хуану о том, как сильно я жалел обо всем, что сказал ему в Эрмосильо.

– Тебе не за что извиняться, – поспешил тот успокоить меня. – Каждый из нас когда-то поступил именно так. Однажды я убежал от мира магов сам и чуть не умер, прежде чем осознал собственную глупость. Главная задача – достичь *переломного момента* любым путем. Именно это ты и сделал. *Внутреннее безмолвие* стало для тебя реальностью. Вот почему я стою перед тобой и говорю с тобой сейчас. Понимаешь ли ты, о чем идет речь? Мне казалось, что я понял, что он имел в виду. Я думаю, что дон Хуан интуитивно узнал или прочел, как он читал многое прямо из воздуха, о том, что я стою на грани безумия, и пришел выручить меня.

– Ты не можешь терять времени, – сказал он. – Ты должен избавиться от своего предприятия в течение часа, так как час – это самое большее, что я могу позволить себе. Я не могу ждать дольше, и не потому, что не хочу ждать. Просто *бесконечность* безжалостно давит на меня. Скажем так, *бесконечность* дает тебе час, чтобы покончить со всем этим. Поскольку для *бесконечности* единственное предприятие, достойное воина, – это свобода. Любое иное предприятие – фальшивка. Можешь ли ты за час разделаться со всем этим?

Мне не нужно было убеждать его в том, что могу. Я знал, что должен сделать это. Дон Хуан сказал мне, что коль скоро я преуспею в том, чтобы отделаться от всего этого за час, он будет ждать меня на базаре в мексиканском городе. Озабоченный тем, как поскорее распорядиться своим делом, я прозевал эти слова. И когда он повторил их снова, я решил, что дон Хуан шутит.

– Как я смогу добраться до этого города, дон Хуан? Ты хочешь, чтобы я приехал на машине? Прилетел на самолете? – спросил я.
– Вначале закрой бизнес, – приказал он. – Затем придет и решение. Но помни, я буду ждать тебя не дольше часа.

Он вышел из квартиры, и я стал лихорадочно отделяться от всего, что имел. Конечно, на это ушло больше часа, но я ни разу не вспомнил об этом сроке. Роспуск предприятия шел полным ходом, и меня несло по инерции. Только когда я покончил с делом, меня осенило, что я безнадежно промахнулся. Истинная дилемма предстала передо мной в полный рост. Я остался без своего дела и не имел никакой возможности добраться до дона Хуана.

Я побрел к кровати и стал искать единственного утешения, которое только мог вообразить: тишину и покой. Чтобы облегчить приход *внутреннего безмолвия*, я воспользовался приемом, которому научил меня дон Хуан: сел на край кровати, согнув ноги в коленях так, чтобы ступни соприкасались, а руки, охватив щиколотки, помогали им соединиться. Он когда-то дал мне толстый колышек, который я всегда держал под рукой, куда бы ни шел. Колышек был длиной в четырнадцать дюймов, и это позволяло мне, установив его между ног, поддерживать вес своей головы, упершись лбом в подушечку, приделанную к его концу. Каждый раз, заняв это положение, я моментально засыпал мертвым сном.

Очевидно, я и в этот раз заснул с обычной легкостью, так как мне приснился мексиканский город, в котором дон Хуан обещал ожидать меня. Меня всегда интриговал этот город. Базар открывался раз в неделю, и крестьяне, жившие неподалеку, привозили туда свои продукты на продажу. Но что больше всего меня завораживало в этом городе, – так это мощеная дорога, ведущая к нему. Она переваливала через крутой холм у самого въезда в город. Я не раз сидел на скамейке возле прилавка, за которым торговали сыром, и смотрел на холм. Я видел людей, приближающихся к городу, погоняющих везущих поклажу ослов. Но вначале я видел их головы. По мере их приближения я мог видеть, как по частям появлялись их туловища, пока они не поднимались на самую вершину и я мог рассмотреть их от макушки до пят. Мне всегда казалось, что они появляются из-под земли, – вырастают медленно или стремительно, в зависимости от скорости их приближения. В моем сне дон Хуан ожидал меня

возле прилавка с сыром. Я подошел к нему.

– Ты сделал это из своего *внутреннего безмолвия*, – сказал он, похлопывая меня по спине. – Ты достиг своего *переломного момента*. На какое-то мгновение я потерял веру, но решил повременить, зная, что ты сделаешь это.

В этом сне мы отправились на прогулку, и я чувствовал себя счастливее, чем когда-либо. Сновидение было столь живым, что у меня не осталось сомнений в том, что я смог решить проблему, даже если решение пришло в фантастическом сне.

Дон Хуан расхохотался, встряхивая головой. Он, безусловно, читая мои мысли.

– Ты сейчас находишься не в простом сне, – сказал он, – но кто я такой, чтобы говорить тебе об этом? Ты когда-нибудь сам узнаешь о том, что во *внутреннем безмолвии* не бывает снов, так как сам решишь знать это.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

ИЗМЕРЕНИЕ ПОСТИЖЕНИЯ

Слова *конец эпохи* для дона Хуана были не просто метафорой. Скорее, это было точным описанием того процесса, через который проходят шаманы при разрушении известной им структуры мира, необходимом для того, чтобы начать по-иному понимать окружающий мир. Дон Хуан Матус, как учитель, начал с первых минут нашего знакомства объяснять мне *постижимый мир* шаманов древней Мексики. Термин *постижение* казался тогда мне исключительно спорным. Я понимал его как процесс, с помощью которого мы познаем окружающий мир. Определенные вещи попадают в сферу этого процесса и легко познаются нами. Иные вещи не попадают в эту сферу и потому считаются аномальными: то есть вещами, которые невозможно понять адекватно.

Дон Хуан настаивал с самого начала нашего знакомства на том, что мир магов древней Мексики отличается от нашего не какими-то внешними деталями, а глубокими расхождениями в способах постижения. Он придерживался той мысли, что в нашем мире наш процесс постижения требует интерпретации чувственных данных. Он говорил, что Вселенная состоит из бесчисленных энергетических полей, которые существуют в ней в виде светящихся нитей. Эти светящиеся нити воздействуют на человека как на организм. Реакция организма – обратить эти энергетические поля в чувственные данные. Затем эти чувственные данные интерпретируются, и интерпретация становится *системой постижения*. Мое понимание *постижения* заставило меня увериться в том, что это универсальный процесс, точно так же, как и язык является универсальным процессом. В каждом языке существует свой особый синтаксис, точно так же существует особая организация каждой из систем интерпретации мира.

Утверждение дона Хуана о том, что шаманы древней Мексики обладали совершенно особой *системой постижения*, казалось мне равносильным заявлению о том, что у них был особый способ

общения, не имеющий ничего общего с языком. Я же отчаянно хотел от него услышать то, что их иная *когнитивная система* являлась эквивалентом языка, отличного от нашего. Но все же это был язык, а не что-либо иное. *Конец эпохи* в устах дона Хуана означает то, что структуры чужого *постижения* начинают вступать в силу. Структуры же моего нормального постижения (не важно, сколь приятны и лестны они были для меня) начинали растворяться. Торжественный момент в жизни человека! Очевидно, моя академическая жизнь была моей самой взлелеянной структурой. Все, что представляло угрозу для нее, угрожало и самому нутру моего существа. Особенно опасными были завуалированные, незаметные атаки. Это случилось с профессором, на которого я целиком и полностью полагался, – с Профессором Лорком.

Я записался на курс по «когнитивной психологии», который вел Профессор Лорк, так как его рекомендовали мне как самого блестящего специалиста в этой области. Профессор Лорк был довольно красив. Его светлые волосы были аккуратно зачесаны набок. Его лоб был гладким, без единой морщинки и, казалось, должен был принадлежать человеку, никогда ни о чем не беспокоившемуся в своей жизни. Его костюмы отличались необыкновенно хорошим покроем. Обычно он не носил галстука – черта, придававшая ему нечто мальчишеское. Он надевал галстук, только когда встречался с важными людьми.

Во время первого, хорошо запомнившегося занятия у Профессора Лорка я нервничал и находился в замешательстве, наблюдая за тем, как тот вышагивал вперед-назад несколько минут, показавшихся мне вечностью. Профессор Лорк непрерывно двигал вверх и вниз своими стиснутыми губами, чем необычайно усугублял напряженную атмосферу, сгустившуюся в закупоренной комнате, набитой людьми. Внезапно он прекратил шагать. Он остановился в центре комнаты, за несколько шагов от того места, где сидел я, и, постукивая по кафедре аккуратно свернутой газетой, начал говорить.

– Никогда не будет известно... – начал он.

Все сидящие в комнате озабоченно спешили записать его слова.

– Никогда не будет известно, – повторил он, – что чувствует жаба, сидящая на дне пруда и толкующая жабий мир, который ее окружает.

Его голос обладал огромной силой и убежденностью.

– Итак, что вы думаете по этому поводу?

Он помахал газетой у себя над головой.

Он начал читать перед классом газетную статью, в которой описывалась работа биолога. Ученого цитировали, когда тот описывал чувства лягушек, наблюдающих за роящимися над их головами насекомыми.

– Эта статья демонстрирует небрежность репортера, который, безусловно, исказил слова ученого, – заявил Профессор Лорк с авторитетом полного профессора. – Ученый, каким бы невежественным он ни был, никогда не позволит себе антропоморфизировать результаты исследования, если он, конечно, не совершеннейший кретин.

После этого вступления он прочитал блистательнейшую лекцию об индивидуальных особенностях нашей *системы познания*, или *когнитивной системы* любого организма. Он обрушил на меня в своей вступительной лекции ливень идей и сделал их исключительно понятными и готовыми к применению. Самой свежей идеей для меня было то, что каждый субъект любого вида, обитающего в этом мире, интерпретирует окружающую действительность, пользуясь данными, полученными специализированными органами чувств. Он заявил, что человеческие существа не могут даже вообразить, что значит находиться в мире, где царствует эхолокация, в мире летучих мышей, где всякая постижимая точка отсчета не может быть даже осознана человеческим мозгом. Он разъяснил, что с этой точки зрения не может существовать двух одинаковых *когнитивных систем* среди различных видов.

Когда я покинул аудиторию после полуторачасовой лекции, я чувствовал себя покоренным блистательным интеллектом Профессора Лорка. С этих пор я стал его горячим поклонником. Его лекции казались мне более чем стимулирующими и заставляющими мыслить. Это были единственные лекции, которые я всегда с нетерпением ждал. Вся его эксцентричность не значила для меня ровным счетом ничего в сравнении с его совершенством как преподавателя и мыслителя-новатора в сфере психологии. Прежде чем посещать занятия Профессора Лорка, я проработал с Хуаном Матусом на протяжении двух лет. Мой неизменный стереотип поведения с ним заключался в том, что я обязательно

рассказывал ему обо всем, что произошло со мной в обыденном мире. При первой возможности я открыл ему, что я испытываю к Профессору Лорку. Я превозносил Профессора Лорка до небес и даже открыто заявил дону Хуану, что считаю Профессора Лорка примером для подражания. Казалось, что мое искреннее восхищение впечатлило дона Хуана, однако он произнес странное предупреждение.

– Не восхищайся людьми издалека, – сказал он. – Это самый верный способ создания мифа. Подойди к своему профессору поближе, поговори с ним, узнай, что он за человек. Проверь его. Если поведение профессора – не что иное, как результат убежденности в том, что он является существом, собирающимся умереть, тогда все, что бы он ни делал (не важно, насколько странным бы это ни казалось), должно быть предумышленным и окончательным. Если же это окажется всего лишь словами, то твой профессор со всей его философией яйца выеденного не стоит. Я был оскорблен до глубины души тем, что я счел нечуткостью дона Хуана. Я решил, что он слегка ревнует меня к Профессору Лорку. Сформулировав в уме эту мысль, я почувствовал облегчение; я понял все.

– Скажи мне, дон Хуан, – попытался я закончить нашу беседу в иной тональности, – что это за существо, собирающееся умереть? Я слышал, как ты говорил об этом множество раз, но ты так и не разъяснил мне свою мысль.

– Человеческие существа – это существа, собирающиеся умереть, – сказал он. – Маги твердо придерживаются той точки зрения, что единственный способ ухватиться за ткань нашего мира и за то, что мы делаем в нем, – это полностью принять тот факт, что мы существа, которые находятся на пути к смерти. Без приятия этого обязательного условия наши жизни, поступки, да и сам мир, в котором мы живем, – все это будет безнадежным делом.

– Но разве простое приятие этого имеет столь большое значение? – сказал я тоном, в котором сквозил псевдопротест.

– Можешь поклясться в этом жизнью! – улыбнулся дон Хуан. – Однако фокус не в простом приятии этого условия. Мы должны воплотить это приятие и так прожить всю свою жизнь. Маги всех времен говорили, что мысль о смерти является самой отрезвляющей мыслью в мире. Извечная беда с нами, человеческими существами, состоит в том, что, даже не заявляя об

этом, мы верим, что вошли в царство бессмертия. Вести себя так, словно мы вовсе не собираемся умирать, – ребячья дерзость. Но самым вредоносным является то, что приходит с этим чувством бессмертия, – кажущаяся способность поглотить всю непостижимую Вселенную своим разумом.

Невыносимое противостояние двух идей держало меня мертвой хваткой: мудрость дона Хуана и знание Профессора Лорка. Обе идеи были трудными для постижения, всеобъемлющими и привлекательными. Мне ничего не оставалось делать, как плыть по течению, куда бы оно ни несло меня.

Я последовал последнему совету дона Хуана сблизиться с Профессором Лорком. Целый семестр я пытался подойти к нему, поговорить с ним. Я благоговейно являлся в его кабинет, когда он там должен был находиться, но у него никогда не было для меня времени. Но хотя я и не мог поговорить с ним, мое восхищение перед ним не уменьшалось. Я даже смирился с тем, что он, возможно, никогда не побеседует со мной. Но это не имело для меня никакого значения. Важно было только то, что я мог почерпнуть из его невероятных лекций.

Я отчитывался перед доном Хуаном обо всех моих интеллектуальных находках. Я прочел множество материалов по постижению. Дон Хуан настаивал упорно, как никогда, на том, чтобы я вступил в контакт с виновником моей интеллектуальной революции.

– Необходимо, чтобы ты поговорил с ним, – произнес он с настойчивой ноткой в голосе. – Маги никогда не восхищаются людьми в вакууме. Они говорят с ними, они узнают их. Они создают точки отсчета. Они сравнивают. А ты делаешь это немного по-детски. Ты восхищаешься на расстоянии. Это очень напоминает то, то происходит с мужчиной, который боится женщин. В конечном счете его гонимые преодолевают все остальное и заставляют мужчину поклоняться первой встречной особе женского пола, сказавшей ему «привет».

Я приложил двойное усилие, чтобы сблизиться с Профессором Лорком, но тот казался неприступной крепостью. Когда я поделился с доном Хуаном своими трудностями, он объяснил мне, что маги рассматривают любой вид человеческих взаимодействий как поле боя, не важно, насколько те поверхностны или незначительны. На этом поле боя маги применяют свою лучшую

магию, свои основные усилия. Он заверил меня, что для того, чтобы чувствовать себя свободно в подобной ситуации, необходимо встретиться с нашими противниками в открытую (а это никогда не было моей сильной стороной). Он выразил свое отвращение к робким душам, которые боятся взаимодействия до такой степени, что, даже когда им приходится вступить в общение, они просто догадываются или вычисляют, что происходит, но так и не способны к активному постижению происходящего. Они вступают во взаимодействие, так и не став его частью.

– Всегда смотри на человека, который соревнуется с тобой в перетягивании каната, – продолжал он. – Не стоит просто тянуть канат на себя, взгляни ему в глаза. Тогда ты узнаешь, что он просто человек, как и ты сам. Не важно, что он говорит, не важно, что он делает, у него трясутся поджилки, точь-в-точь, как и у тебя. Такой взгляд делает противника беспомощным, хоть на мгновение. Тогда и дерни свой конец посильнее.

Однажды удача улыбнулась мне – я загнал Профессора Лорка в угол в холле рядом с его кабинетом.

– Профессор Лорк, – сказал я, – не найдется ли у вас свободной минутки, чтобы я мог побеседовать с вами?

– А кто ты, к черту, такой? – спросил он самым естественным тоном.

Так, словно я был его лучшим другом, которого профессор спросил о его самочувствии.

Профессор Лорк был груб, как бывает грубым любой из нас, но его слова не оказали на меня такого эффекта. Он улыбался мне своими плотно сжатыми губами, словно предлагал мне уйти или сказать что-нибудь стоящее.

– Я студент антропологии, Профессор Лорк, – отвечал я, – и та практическая деятельность, в которую я оказался вовлечен, позволяет мне изучать *когнитивную систему* магов.

Профессор Лорк смотрел на меня с подозрением и раздражением. Его глаза казались двумя синими точками, исполненными злобы. Он пригладил рукой волосы, словно те падали ему на лицо.

– Я работал с настоящим магом в Мексике, – продолжал я, стараясь добиться его ответа. – Он настоящий маг, уверяю вас.

Мне потребовалось больше года для того, чтобы расположить его к себе. И тогда он снизошел к разговору со мной.

Лицо Профессора Лорка расслабилось; он раскрыл рот и, взмахнув деликатнейшим образом рукой перед своими глазами (словно раскатывал тесто для пиццы), заговорил со мной. Я не мог не заметить его золотых эмалевых запонок, которые идеально подходили к его зеленоватому пиджаку.

– И что же ты хочешь от меня? – спросил он.

– Я хочу, чтобы вы выслушали меня, – отвечал я. – Возможно, то, что я делаю, сможет заинтересовать вас.

Он пожал плечами с видом человека, неохотно покорившегося неизбежному, открыл дверь своего кабинета и пригласил меня войти. Я знал, что не могу терять времени. Я рассказал ему о своей практической работе и о том, что меня обучили процедурам, не имеющим ничего общего с тем, что можно обнаружить в антропологической литературе по шаманизму.

Несколько секунд он производил движения губами, не произнося ни слова. Когда он заговорил, то указал, что типичным недостатком всех антропологов является то, что они никогда не уделяют достаточно времени для полного постижения всех нюансов *когнитивной системы* изучаемых ими людей. Он определил *постижение* как систему интерпретаций, которая, благодаря ее применению, дает возможность индивидам утилизировать с величайшим мастерством все нюансы значений, которые создают интересующую нас социальную среду.

Слова Профессора Лорка пролили свет на весь объем моих практических работ. Не освоив всех нюансов *когнитивной системы* шаманов древней Мексики, с моей стороны было бы несерьезно формулировать любую идею об этом мире. Если бы Профессор Лорк не сказал мне больше ни слова, того, что он только что изрек, хватило бы мне с лихвой. Но затем еще последовала очаровательная дискуссия о *постижении*.

– Ваша проблема, – начал Профессор Лорк, – состоит в том, что *когнитивная система* обыденного мира, с которым мы все знакомы практически с самого своего рождения, не является аналогичной *когнитивной системе* мира магов.

Это заявление вызвало во мне состояние эйфории. Я поблагодарил Профессора Лорка самым сердечным образом и заверил его, что в моем случае остается придерживаться только одного образа действий, а именно: следовать его идеям везде и во всем.

– То, что я сказал тебе, конечно, всего лишь общие сведения, –

сказал он мне, провожая из своего кабинета. – Всякому читающему человеку известно то, о чем я говорил тебе.

Мы расстались почти друзьями. Мой рассказ о моем успешном сближении с Профессором Лорком вызвал у дона Хуана несколько странную реакцию. Казалось, что с одной стороны дон Хуан пришел в приподнятое настроение, но с другой – он был заметно озабочен.

– У меня такое чувство, что твой профессор не тот, за кого себя выдает, – сказал он. – Это, конечно, с точки зрения магов.

Пожалуй, с твоей стороны было бы мудрым покончить со всем этим сейчас, пока все это не зашло слишком далеко. Одно из высших искусств магии – знание того момента, когда нужно остановиться. Мне кажется, что ты уже получил от профессора все, что он мог тебе дать.

Я немедленно стал горой на защиту Профессора Лорка. Дон Хуан успокоил меня. Он сказал мне, что вовсе не был намерен судить или критиковать кого-либо, но, насколько ему известно, лишь немногие знают, когда следует расстаться с кем-то, а тех, кто знают, как использовать свое знание, еще меньше.

Несмотря на предостережение дона Хуана, я не покончил с этим, наоборот, я стал преданным учеником Профессора Лорка, его последователем, почитателем. Казалось, что тот проникся искренним интересом к моей работе, хотя и приходил в полнейшее расстройство, столкнувшись с моей неспособностью и нежеланием формулировать отточенные концепции о *когнитивной системе* мира магов.

В один прекрасный день Профессор Лорк сформулировал концепцию об *ученом-госте иного когнитивного мира*. Он объявил, что желает продемонстрировать широту кругозора и, как ученый-социолог, поиграть с возможностями различных *когнитивных систем*. Он представил себе настоящее научное исследование, при котором протоколы будут собираться и анализироваться. Психологические тесты будут составлены и предложены известным мне шаманам, чтобы, скажем, измерять их способность фокусировать постижение на двух различных аспектах поведения.

Он думал, что тест начнется с простого эксперимента, во время которого шаманы будут пытаться понять и запомнить написанный текст, который они будут читать во время игры в покер. Тесты

будут постепенно усложняться, чтобы измерить, скажем, их способность фокусировать постижение на сложных вещах, которые им говорят во время сна, и так далее. Профессор Лорк хотел, чтобы был проведен лингвистический анализ шаманской манеры произносить слова. Он хотел произвести замеры их реакций с точки зрения скорости и точности, а также иных особенностей, которые станут во главу угла по мере развития проекта.

Дон Хуан чуть не лопнул со смеху, когда я рассказал ему о предложении Профессора Лорка произвести замеры шаманского постижения.

– Меня действительно покорила твой профессор, – сказал он. – Но ты не мог говорить серьезно об этой идее «измерения нашего постижения». Чего мог добиться профессор, измерив наши реакции? Он пришел бы к выводу, что все мы форменные болваны, так как на деле мы такие и есть. Мы не можем быть ни более умными, ни более быстрыми, чем обычные люди. Однако не его вина в том, что он считает, что может проводить замеры постижения во всех мирах. Это твоя вина, так как ты не смог донести до ума своего профессора то, что когда маги говорят о *мире постижения* шаманов древней Мексики, то подразумевают вещи, которые не имеют аналогов в обыденной жизни.

К примеру, непосредственное восприятие потока энергии, проходящего сквозь Вселенную, – вот элемент постижения, согласно которому живут шаманы. Они *видят*, как течет энергия, и следуют за потоком. Если этот поток наталкивается на преграду, они уходят прочь и занимаются совершенно иными делами.

Шаманы *видят* линии Вселенной. Их искусство, или их работа, состоит в том, чтобы избрать линию, которая заведет их способность к восприятию в безымянные области. Можно сказать, что шаманы мгновенно реагируют на эти линии Вселенной. Они *видят* человеческие существа как шары энергии, и они ищут в них их энергетические потоки. Конечно же, они мгновенно реагируют на это. Такова часть их постижения.

Я сказал дону Хуану, что не могу говорить об этом с Профессором Лорком, так как не делал ничего из того, что он только что описал. Мое постижение осталось прежним.

– А! – воскликнул он. – Просто у тебя не было времени на то, чтобы воплотить элементы постижения шаманского мира.

Я покидал дом дона Хуана, совершенно запутавшись в мыслях. Какой-то голос внутри меня требовал, чтобы я завершил все свои изыскания с Профессором Лорком. Я понял, насколько прав был дон Хуан, когда он однажды заявил, что все практические исследования, которыми занимаются ученые, ведут к созданию все более и более сложных машин. Это не те исследования, которые изменяют ход жизни человека изнутри. Они никак не связаны с тем, чтобы человек мог достичь просторов Вселенной самостоятельно. Созданные или только создаваемые ошеломительные аппараты имели культурологическое значение. Даже их создатели не наслаждались ими непосредственно. Единственной наградой для них были деньги.

Разъяснив все это, дон Хуан добился того, что мой разум стал работать в более критическом ключе. Я даже стал сомневаться в идеях Профессора Лорка – такого я никогда прежде себе не позволял. Тем временем Профессор Лорк не уставал изрекать потрясающие истины о постижении. Каждая новая декларация была все суровее и потому проникала все глубже в суть предмета. К концу второго семестра моих занятий у Профессора Лорка я достиг мертвой точки. Я не видел никакой возможности примирить две линии мышления – дона Хуана и Профессора Лорка. Это были два параллельных пути. Я понимал побуждение Профессора Лорка провести качественную и количественную оценку постижения. Кибернетика в то время уже замаячила на горизонте, и практические аспекты изучения постижения становились реальностью. Но таков был мир дона Хуана – его невозможно было измерить лабораторными методами. Мне посчастливилось стать свидетелем этого мира, наблюдая за действиями дона Хуана. Но я еще не испытал этого на собственном опыте. Я чувствовал, что это и есть тот недостаток, который не позволяет мне связать два эти мира.

Я рассказал о своих соображениях дону Хуану во время одного из моих визитов. Тот возразил, что мое определение этого недостатка как фактора, не дающего возможность перебросить мост, является неточным. С его точки зрения, недочет выходил далеко за рамки индивидуальных возможностей человека.

– Очевидно, ты можешь припомнить, что является нашим величайшим недостатком как обычных человеческих существ? – спросил он.

Я не мог вспомнить ничего определенного. Он перечислял такое количество недостатков, мешающих нам как обычным человеческим существам, что мой ум работает на огромных оборотах без всякого толка, пытаюсь найти ответ.

– Ты хочешь услышать что-то определенное, – сказал я. – А я ничего не могу придумать.

– Величайший недостаток, о котором я говорю, – сказал он, – это нечто такое, о чем ты должен помнить каждую секунду своего существования. Для меня это вопрос вопросов, и я буду повторять тебе об этом, пока не прожужжу все уши.

Прошло несколько мучительно долгих секунд, и я окончательно сдался.

– Мы – существа, направляющиеся к смерти, – сказал он. – Мы не бессмертны. Но мы ведем себя так, как если бы были таковыми. Это недостаток, унижающий нас как личности, и когда-нибудь он унизит нас как вид.

Дон Хуан заявил, что преимущество магов перед обычными человеческими существами заключается в том, что маги знают, что они существа, находящиеся на пути к смерти. И они не позволяют увлечь себя в сторону от этого знания. Он подчеркнул, что необходимо применить огромное усилие, чтобы обрести и поддерживать это знание с абсолютной ясностью.

– Почему же нам так трудно принять такую ясную мысль? – спросил я, смущенный осознанием нашей противоречивости.

– Собственно говоря, это не человеческий недостаток, – сказал он примирительно. – Как-нибудь я расскажу тебе о тех силах, которые заставляют человека вести себя как осел.

Больше мне нечего было сказать. Воцарилась зловещая тишина. Я даже не хотел узнать о тех силах, на которые намекнул дон Хуан.

– Для меня не составляет труда оценить твоего профессора на расстоянии, – продолжал дон Хуан. – Он бессмертный ученый. Он не собирается умереть никогда. И когда дело дойдет до похоронных хлопот, я уверен, что окажется, что он уже предпринял все необходимые шаги. У него есть участок на кладбище, где его закопают, и он приобрел надежный страховой полис, благодаря которому его семья не будет бедствовать после его смерти. Обзаведясь этими двумя документами, он считает, что может больше не думать о смерти. Он думает только о своей работе.

– Профессор Лорк силен в разговорах, так как он научился точно подбирать слова, – продолжал дон Хуан. – Но он не подготовился к тому, чтобы его воспринимали всерьез как человека, собирающегося умереть. Будучи бессмертным, он не знает, как это сделать. Не имеет никакого значения, насколько сложны машины, создаваемые учеными. Эти машины ничем не смогут помочь при неизбежной встрече – встрече с *бесконечностью*.

Нагваль Хулиан рассказывал мне о победоносных полководцах древнего Рима. Когда они возвращались домой с победой, в их честь устраивались громадные парады. Демонстрируя захваченные сокровища и обращенных в рабов покоренных людей, триумфаторы въезжали в Рим на боевых колесницах. Рядом с победителем всегда ехал раб, чьей обязанностью было шептать на ухо хозяину, что все победы и слава преходящи.

– И если мы хоть в чем-то являемся победителями, – продолжал говорить дон Хуан, – нам не нужен человек, шепчущий на ухо о том, что все победы лишь временны. И все же у магов есть преимущество, некто постоянно шепчет им на ухо о том, что все бременно. И этот некто – смерть, непогрешимых советчик, который никогда не солжет нам.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

СКАЗАТЬ «СПАСИБО»

Воины-путешественники не оставляют ни одного долга неоплаченным, – сказал дон Хуан.

– О чем ты говоришь, дон Хуан? – спросил я.

– Тебе пора рассчитаться с определенными обязательствами, которые ты принял на себя в течение своей жизни, – сказал он. –

Помни, это не значит, что ты когда-нибудь полностью

расплатишься, но ты должен сделать жест. Ты должен заплатить символически, чтобы расплатиться, чтобы ублажить

бесконечность. Ты рассказал мне о двух твоих подругах, которые столько для тебя значили: Патриции Тернер и Сандре Фланеган.

Тебе пора отправиться на их поиски и сделать каждой из них подарок, на который ты потратишь все, что имеешь. Тебе нужно сделать два подарка, которые оставят тебя без гроша. Это жест.

– Я не знаю, где они, дон Хуан, – сказал я, почти протестуя.

– Найти их – испытание для тебя. В их поиске не останавливайся ни перед чем. То, что ты намереваешься сделать, очень просто, и все же почти невозможно. Ты хочешь пересечь порог личных обязательств и одним ударом стать свободным, чтобы идти дальше. Если ты не сможешь пересечь этот порог, то не будет никакого смысла в попытках продолжать что-то делать со мной.

– Но откуда у тебя взялась сама идея этого задания для меня? – спросил я. – Ты решил это сам, потому что считаешь, что это нужно?

– Я ничего не решал сам, – сказал он сухо. – Я получил это задание из самой *бесконечности*. Мне нелегко говорить все это тебе. Если ты думаешь, что мне ужасно нравятся твои трудности, то ты ошибаешься. Успех твоей миссии значит больше для меня, чем для тебя. Если ты потерпишь поражение, ты мало что потеряешь. Что? Твои визиты ко мне. Большое дело. Но я потеряю тебя, и для меня это значит потерять или непрерывность моей линии, или возможность того, что ты закроешь ее золотым ключом. Дон Хуан перестал говорить. Он всегда знал, когда мой ум

начинало лихорадить от мыслей.

– Я столько раз говорил тебе, что *воины-путешественники* – прагматики, – продолжал он. – Они не погружены в сентиментальность, ностальгию или меланхолию. Для *воинов-путешественников* есть только борьба, и борьба бесконечная. Если ты думаешь, что пришел сюда за покоем или что это затишье в твоей жизни, то ты ошибаешься. Это задание по выплате твоих долгов не вызвано ни одним из чувств, которые тебе известны. Оно вызвано чистейшей сентиментальностью; сентиментальностью *воина-путешественника*, который собирается нырнуть в *бесконечность*, и, перед тем как это сделать, он оборачивается, чтобы сказать «спасибо» тем, кто был к нему благосклонен.

– Ты должен отнестись к этому заданию со всей серьезностью, – продолжал он. – Это твоя последняя остановка, прежде чем *бесконечность* поглотит тебя. На самом деле, если *воин-путешественник* не находится в прекрасном состоянии, *бесконечность* и близко к нему не подойдет. Поэтому не жалей себя; не жалей никаких усилий. Добивайся этого *безжалостно*, но мягко, до самого конца.

С теми двумя людьми, которых дон Хуан назвал моими подругами, так много значившими для меня, я познакомился в колледже. Я жил в помещении над гаражом дома, принадлежащего родителям Патриции Тернер. В обмен на проживание и питание я чистил бассейн, сгребал листья, выкидывал мусор и готовил завтрак для Патриции и для себя. К тому же я был домашним мастером на все руки и семейным шофером; я возил миссис Тернер за покупками, и я покупал ликер для мистера Тернера, который мне нужно было тайком проносить в дом, а потом в его кабинет.

Он руководил страховым агентством и был пьяницей-одиночкой. Он пообещал своей семье, что больше никогда не притронется к бутылке, после нескольких серьезных семейных ссор из-за того, что он слишком много пил. Мне он сказал по секрету, что пьет теперь гораздо меньше, но иногда ему нужен глоточек. Его кабинет был, конечно, закрыт для всех, кроме меня. Считалось, что я захожу туда, чтобы сделать уборку, но на самом деле я прятал его бутылки в балку, которая вроде бы поддерживала арку на потолке кабинета, но на самом деле была полая. Мне нужно было

тайком проносить туда бутылки, а пустые тайком выносить и по дешевке сбывать на рынке.

Основными предметами Патриции в колледже были драма и музыка, и она была великолепной певицей. Она мечтала петь в бродвейских мюзиклах. Не нужно и говорить, что я по уши влюбился в Патрицию Тернер. Она была очень стройной и спортивной; брюнетка, с угловатыми чертами лица, и на голову выше, чем я, – мое основное условие для того, чтобы сходиться с ума по женщине.

По-видимому, я удовлетворял какую-то ее глубокую потребность, потребность кого-то воспитывать, особенно после того, как она поняла, что ее папочка безгранично мне доверяет. Она стала моей маленькой мамочкой. Я и рта не мог раскрыть без ее согласия. Она следила за мной как ястреб. Она даже писала курсовые работы за меня, читала учебники и делала их краткий обзор. И мне нравилось это, не потому, что я хотел, чтобы меня воспитывали; мне кажется, что эта потребность никогда не входила в мое сознание. Я наслаждался тем, что *она* делала это. Я наслаждался ее обществом. Она едва ли не каждый день водила меня в кино. У нее были пропуска во все большие кинотеатры Лос-Анджелеса, которые ее отец получил благодаря каким-то киномагнатам. Мистер Тернер никогда не использовал их сам; он считал ниже своего достоинства выставлять напоказ пропуска в кино. Билетеры всегда заставляли владельцев таких пропусков подписывать квитанции. Патриция без малейших колебаний подписывала что угодно, но иногда самые неприятные билетеры хотели, чтобы подписался мистер Тернер, а когда я отправлялся к мистеру Тернеру и делал это, им не хватало одной только подписи мистера Тернера. Они требовали водительские права. Один из них, развязный парень, отпустил шутку, которая рассмешила его, и меня тоже, но вызвала у Патриции приступ ярости.

– Мне кажется, вы мистер Терднер, – сказал он, с самой противной улыбкой, которую только можно вообразить, – а не мистер Тернер. Я мог бы пропустить мимо ушей это замечание, но затем он нас глубоко унизил, отказавшись пропустить на фильм *«Возвращение Геркулеса»* со Стивом Ривзом в главной роли.

Обычно мы ходили повсюду с лучшей подругой Патриции, Сандрой Фланеган, которая жила в соседнем доме со своими родителями. Сандра была полной противоположностью Патриции.

Она была такой же высокой, но ее лицо было округлым, с розовыми щеками и чувственным ртом; она была здоровее быка. Она ничуть не интересовалась пением. Она интересовалась только чувственными удовольствиями тела. Она могла есть и пить что угодно, и переваривать это, и к тому же – то, из-за чего я окончательно влюбился в нее, – отполировав свою тарелку, она ухитрялась делать то же самое и с моей, чего я никогда не мог сделать за всю свою жизнь как разборчивый едок. Она тоже была очень спортивной, но в грубом, здоровом смысле. Она могла ударить кулаком, как мужчина, и пнуть ногой, как мул.

Из внимания к Патриции я делал такую же работу по дому для родителей Сандры, как и для родителей Патриции: чистил бассейн, сгребал листья с газона, выносил мешки с мусором и сжигал бумаги и горючий мусор. Это было то время в Лос-Анджелесе, когда из-за частных мусоросжигателей увеличилось загрязнение воздуха.

Может быть, из-за того, что эти молодые женщины были рядом, или из-за их непринужденности, но в конце концов я без ума влюбился в них обеих.

Я обратился за советом к очень странному молодому человеку, который был моим другом: Николасу ван Хутену. У него были две подружки, и он жил с ними обеими, казалось, в состоянии совершенного блаженства. Он начал с того, что дал мне, по его словам, самый простой совет: как вести себя в кино с двумя подружками. Он сказал, что каждый раз, когда он ходил в кино с двумя своими подружками, он всегда сосредоточивал все свое внимание на той, которая сидела слева. Вскоре две девушки шли в уборную, и когда они возвращались, он просил их поменяться местами. Анна садилась там, где сидела Бетти, и ни одна из них не была обижена. Он заверил меня, что это первый шаг в продолжительном процессе привыкания девушек к принятию ситуации трио как само собой разумеющейся; Николас был довольно старомодным и использовал избитое французское выражение: *menage a trois*.

Я последовал его совету и пошел в кино немых фильмов на Фэрфакс-авеню в Лос-Анджелесе с Патрицией и Сэнди. Я посадил Патрицию слева от себя, и одарил ее всем своим вниманием. Они пошли в уборную, и я попросил их поменяться местами, когда они вернулись. Потом я начал делать то, что посоветовал Николас ван

Хутен, но Патриция не собиралась мириться с такими шутками. Она встала и вышла из кино, оскорбленная, униженная и в дикой ярости. Я хотел побежать за ней и извиниться, но Сандра остановила меня.

– Пусть идет, – сказала она с ядовитой улыбкой. – Она уже большая девочка. У нее достаточно денег, чтобы взять такси и добраться до дома.

Я поддался ей и остался в кино, целуя Сандру довольно нервно и с чувством вины. Посреди страстного поцелуя я почувствовал, что кто-то тянет меня назад за волосы. Это была Патриция. Наш ряд сидений был незакреплен и наклонился назад. Спортивная Патриция успела выпрыгнуть перед тем, как наши сиденья с грохотом свалились на ряд сидений за нами. Я услышал испуганные крики двух зрителей, которые сидели в конце ряда возле прохода.

Подсказка Николаса ван Хутена оказалась никуда не годной. Патриция, Сандра и я возвратились домой в полном молчании. Мы уладили наш конфликт под кучу нелепых обещаний, слез, по полной программе. Результатом наших трехсторонних отношений было то, что в конце концов мы довели себя до предела. Мы не были готовы к такой задаче. Мы не знали, как решить проблемы привязанности, морали, долга и норм общества. Я не мог оставить ни одну из них ради второй, а они не могли оставить меня. Однажды, в пиковой точке огромной внутренней бури, из чистого отчаяния все мы трое сбежали в разных направлениях, чтобы больше никогда не встречаться.

Я чувствовал себя опустошенным. Что бы я ни делал, это не могло стереть их след в моей жизни. Я уехал из Лос-Анджелеса и занялся бесконечными делами, пытаясь утихомирить свою тоску. Ничуть не преувеличивая, я могу искренне сказать, что я попал в муки ада; мне казалось, что я никогда из них не выберусь. Если бы не влияние дона Хуана на меня и мою жизнь, я бы никогда не вынес моих личных демонов. Я сказал дону Хуану, что я знаю, что, даже если какие-то мои поступки неправильны, я не имею права вовлекать таких чудесных людей в такие подлые, глупые авантюры, к которым я совершенно не готов.

– Неправильным было то, – сказал дон Хуан, – что вы трое были законченными эгоманьяками. Ваша собственная важность почти уничтожила вас. Когда нет собственной важности, есть только

чувства.

– Окажи мне услугу, – продолжал он, – и выполни простое и недвусмысленное упражнение, которое может значить для тебя все: удали из своей памяти об этих двух девушках все свои высказывания самому себе, например: «Она сказала мне это или то, и она закричала, и вторая закричала, и, БОЖЕ МОЙ!...», а останься на уровне своих чувств. Если бы ты не был настолько важным для себя, то что бы осталось как несократимый остаток?

– Моя чистая любовь к ним, – сказал я, почти задыхаясь.

– А она сейчас меньше, чем была тогда? – спросил дон Хуан.

– Нет, не меньше, дон Хуан, – сказал я честно, и почувствовал ту же боль страдания, которая преследовала меня годами.

– В этот раз обними их из своей тишины, – сказал он. – Не будь постной задницей. Обними их полностью в последний раз. Но *намеревайся*, чтобы это был вообще последний раз. *Намеревайся* так из своей темноты. Если ты чего-то стоишь, – продолжал он, – то, когда ты сделаешь им свой подарок, ты дважды подытожишь всю свою жизнь. Такие поступки и делают воинов парящими, почти воздушными.

Следуя указаниям дон Хуана, я отнесся к этой задаче со всем сердцем. Я понял, что если не выйду победителем, то проиграет не только дон Хуан. Я тоже что-то потеряю, и то, что я могу потерять, было настолько же важно для меня, как то, что дон Хуан описал как важное для себя. Я мог потерять свой шанс встретиться с *бесконечностью* и осознать ее.

Воспоминание о Патриции Тернер и Сандре Фланеган привело меня в ужасное настроение. Опустошающее чувство непоправимой потери, которое преследовало меня все эти годы, оставалось таким же ярким. Когда дон Хуан обострил это чувство, я знал точно, что есть определенные вещи, которые могут оставаться с нами – как сказал дон Хуан – на всю жизнь, и, возможно, еще дольше. Мне нужно было найти Патрицию Тернер и Сандру Фланеган.

Последний совет дон Хуана был в том, что, если я их все же найду, мне нельзя с ними оставаться. У меня есть время только на то, чтобы поблагодарить, обнять каждую из них со всей моей любовью, без злых голосов обвинения, жалости к себе или эгоизма. Я приступил к колоссальной задаче – выяснить, что с ними и где они. Я начал с поиска людей, которые знали их родителей. Их родители выехали из Лос-Анджелеса, и никто не мог подсказать

мне, где их можно найти. Не было никого, с кем бы можно было поговорить. Я подумал о том, чтобы поместить объявление в газете. Но потом я подумал, что, наверное, они уехали из Калифорнии. В конце концов мне пришлось нанять частного детектива. С помощью своих связей с государственными архивами и всем прочим он нашел их за пару недель.

Они жили в Нью-Йорке, невдалеке друг от друга, и их дружба оставалась такой же крепкой, как и раньше. Я поехал в Нью-Йорк и сначала занялся Патрицией Тернер. Она не смогла добиться славы на Бродвее, к которой стремилась, но она участвовала в постановках. Я не хотел узнавать, кем она работает – исполнителем или руководителем. Я пришел к ней в ее офис. Она не сказала мне, кем она работает. Она была шокирована, увидев меня. Мы просто сидели вместе, взявшись за руки, и плакали. Я тоже не сказал ей, чем я занимаюсь. Я сказал, что приехал встретиться с ней, потому что я хочу сделать ей подарок, выразив свою благодарность, и что я отправляюсь в путешествие, из которого не намерен возвращаться.

– Зачем такие зловещие слова? – спросила она, явно искренне встревожившись. – Что ты планируешь делать? Ты болен? Ты не выглядишь больным.

– Я сказал это метафорически, – заверил я ее. – Я возвращаюсь в Южную Америку и собираюсь искать там свою судьбу.

Конкуренция жесткая, и обстоятельства очень суровые, вот и все. Чтобы достичь успеха, мне нужно будет отдать этому все, что у меня есть.

Она вроде бы успокоилась и обняла меня. Она выглядела так же, только гораздо больше, гораздо мощнее, гораздо взрослее, очень изящная. Я поцеловал ее руки, и ошеломляющая любовь охватила меня. Дон Хуан был прав. Когда исчезли упрёки и обвинения, у меня остались только чувства.

– Я хочу сделать тебе подарок. Патриция Тернер, – сказал я. – Попроси меня о чем угодно, и если мне это по карману, я куплю это для тебя.

– Ты что, вдруг разбогател? – засмеялась она. – Что в тебе замечательно, так это то, что у тебя никогда ничего не было и не будет. Мы с Сандрой говорим о тебе, почти каждый день. Мы воображаем, что ты паркуешь машины, живешь за счет женщин, и так далее, и тому подобное. Извини, мы с трудом держимся на

плаву, но мы все так же любим тебя.

Я настоял, чтобы она сказала мне, чего она хочет. Она начала одновременно плакать и смеяться.

– Ты мне купишь норковую шубу? – спросила она меня между всхлипываниями.

Я взъерошил ее волосы и сказал, что куплю.

– Если она тебе не понравится, отнесешь ее обратно в магазин и получишь деньги, – сказал я.

Она засмеялась и стукнула меня так, как раньше. Ей нужно было возвращаться к работе, и мы расстались, после того как я пообещал, что приду еще, чтобы встретиться с ней, но если не вернусь, прошу ее понять, что моя жизнь швыряет меня во все стороны, но я сохранию в себе память о ней на всю оставшуюся жизнь, и может быть, даже дольше.

Я действительно вернулся, но только чтобы увидеть издалека, как ей доставили норковую шубу. Я услышал, как она визжит от восторга. Эта часть моего задания была закончена. Я уехал, но я не стал воздушным, как говорил дон Хуан. Я раскрыл старую рану, и она начала кровоточить. Это был скорее не дождь снаружи, а тонкий туман, который, казалось, пронизывал меня до мозга костей.

Потом я поехал к Сандре Фланеган. Она жила в одном из пригородов Нью-Йорка, в который можно доехать на электричке. Я постучал к ней в дверь. Сандра открыла ее и посмотрела на меня, как на привидение. Она сильно побледнела. Она была еще красивей, чем раньше, возможно из-за того, что она поправилась и выглядела большой как дом.

– Как, ты, ты, ты! – сказала она, запинаясь, не в состоянии выговорить мое имя.

Она зарыдала, и некоторое время казалась возмущенной и укоряющей. Я не дал ей возможности продолжать это. Мое молчание было полным. В конце концов это подействовало на нее. Она впустила меня, и мы присели в ее комнате.

– Что ты здесь делаешь? – сказала она намного спокойнее. – Тебе нельзя здесь оставаться! Я замужем! У меня трое детей! И я очень счастлива в моем браке.

Быстро выстреливая свои слова, как пулемет, она рассказала мне, что ее муж очень надежный, без особого воображения, но хороший человек, что он не чувственный, и ей приходилось быть очень

осторожной, потому что он очень легко уставал, когда они занимались любовью, и иногда он не мог идти на работу, и легко заболел, но она смогла родить троих прекрасных детей, и после ее третьего ребенка ее муж, которого, кажется, звали Герберт, просто перестал это делать. Он больше не мог, но для нее это было неважно.

Я постарался успокоить ее, заверяя ее снова и снова, что я приехал к ней только на минутку, что не в моих намерениях менять ее жизнь или как-то ее беспокоить. Я рассказал ей, как тяжело было ее найти.

– Я пришел сюда, чтобы попрощаться с тобой, – сказал я, – и сказать тебе, что ты самая большая любовь в моей жизни. Я хочу сделать тебе символический подарок в знак моей признательности и вечной любви.

Она была глубоко растрогана. Она открыто улыбнулась так, как раньше. Из-за щели между зубами она была похожей на ребенка. Я сказал ей, что она прекрасна как никогда, и это было правдой для меня.

Она засмеялась и сказала, что она собирается сесть на строгую диету и что, если бы она знала, что я к ней приеду, она бы уже давно начала диету. Но она начнет сейчас, и в следующий раз я увижу ее такой же худой, как всегда. Она вспомнила об ужасе нашей жизни вместе и как сильно влюблена она была. Она даже думала о самоубийстве, хотя и была набожной католичкой, но нашла в своих детях нужное ей утешение, и все, что мы сделали, было проделками молодости, которые нельзя будет стереть, и их нужно просто забыть.

Когда я спросил ее, какой подарок я могу ей сделать как символ моей благодарности и любви к ней, она засмеялась и сказала точно то же, что и Патриция Тернер: что у меня нет даже ночного горшка, и не будет, потому что так я устроен. Я настоял, чтобы она что-то назвала.

– Ты можешь купить мне микроавтобус, в который поместятся все мои дети? – сказала она, смеясь. – Я хочу «Понтиак» или «Олдсмобиль», со всеми этими приспособлениями.

Она сказала это, зная в глубине сердца, что я никак не могу сделать ей такой подарок. Но я сделал.

На следующий день я повел машину торгового агента, следуя за ним, когда он доставил ей микроавтобус, и из припаркованной

машины, где я прятался, я услышал ее удивление; но, в согласии с ее чувственной природой, ее удивление было нерадостным. Это была реакция тела, всхлипывания с болью, замешательство. Она заплакала, но я знал, что она плачет не потому, что получила подарок. Это была тоска, которая отзывалась во мне. Я обвис на сиденье машины.

Когда я ехал на поезде в Нью-Йорк и летел в Лос-Анджелес, постоянно присутствовало ощущение, что моя жизнь уходит; она вытекала из меня, как песок из пригоршни. Я не чувствовал себя освобожденным или изменившимся, сказав «спасибо» и «до свидания». Совсем наоборот, я глубже, чем когда-либо, почувствовал груз этой странной любви. Мне хотелось рыдать. Снова и снова в моем уме прокручивались названия, которые мой друг Родриго Каммингс придумал для книг, которые так и не были никогда написаны. Он специализировался на придумывании названий. Его самым любимым было *«Мы все умрем в Голливуде»*; еще одним – *«Мы никогда не изменимся»*, а моим любимым, которое я купил за десять долларов, было *«Из жизни и грехов Родриго Каммингса»*. Все эти названия проигрывались в моем уме. Я был Родриго Каммингсом, я застрял во времени и пространстве, и я любил больше жизни двух женщин, и это никогда не изменится. И, как и все мои друзья, я умру в Голливуде. Я рассказал все это дону Хуану в моем отчете о том, что я считал моим ложным успехом. Он безжалостно отбросил все это. Он сказал, что мои чувства были всего лишь результатом индугирования и жалости к себе, а чтобы сказать «до свидания» и «спасибо», действительно имея это в виду, и подтвердить это, магам нужно переделать себя.

– Сейчас же преодолей свою жалость к себе, – потребовал он. – Преодолей идею, что тебе причинили боль, – и что у тебя будет как несократимый остаток?

Моим несократимым остатком было чувство, что я сделал свой окончательный подарок им обоим. Не в духе возобновления чего-то или причинения кому-то вреда, а в истинном духе того, на что дон Хуан старался мне указать, – в духе *воина-путешественника*, чье единственное достоинство, как он сказал, в том, чтобы поддерживать память обо всем, что на него повлияло, чей единственный способ сказать «спасибо» и «до свидания» с помощью магического действия – хранить в своем безмолвии все, что любил.

Часть третья

ЗА ПРЕДЕЛАМИ СИНТАКСИСА

- [– 10 – ПРОВОДНИК](#)
- [– 11 – ИГРА ЭНЕРГИИ НА ГОРИЗОНТЕ](#)
- [– 12 – ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ТЕМНОМУ МОРЮ ОСОЗНАНИЯ](#)
- [– 13 – НЕОРГАНИЧЕСКОЕ ОСОЗНАНИЕ](#)
- [– 14 – ЧИСТЫЙ ВЗГЛЯД](#)
- [– 15 – ЧЕРНЫЕ ТЕНИ](#)

– 10 –

ПРОВОДНИК

Я был в доме дона Хуана в Соноре и крепко спал на своей кровати, когда дон Хуан разбудил меня. Я практически всю ночь оставался на ногах, обдумывая концепции, которые он мне объяснил.

– Ты достаточно отдохнул, – сказал он, твердо, почти грубо встряхивая меня за плечи. – Не indulgiруй в своей усталости. Твоя усталость – это больше чем усталость, это желание, чтобы тебя не беспокоили. Что-то в тебе возмущается тем, что тебя беспокоят. Но тебе крайне важно раздражать эту твою часть, пока она не сломается. Давай пойдем прогуляемся.

Дон Хуан был прав. Какая-то моя часть чрезвычайно возмущалась, когда ее беспокоили. Я несколько дней хотел спать и не думать больше о магических концепциях дона Хуана. Совершенно против своей воли я поднялся и пошел за ним. Дон Хуан приготовил еду, которую я жадно съел, как будто несколько дней не ел, а потом мы вышли из дома и направились на восток, к горам. Я был настолько сонным, что не замечал, что сейчас раннее утро, пока не увидел солнца, которое взошло как раз над восточной горной цепью. Я хотел сказать дону Хуану, что я проспал всю ночь без движения, но он заставил меня замолчать. Он сказал, что мы идем в экспедицию в горы на поиски каких-то растений.

– Дон Хуан, что ты собираешься делать с растениями, которые соберешь? – спросил я его, как только мы отправились в путь.

– Они не для меня, – сказал он с улыбкой. – Они для моего друга, ботаника и аптекаря. Он делает из них настойки.

– Он что, яки, дон Хуан? Он живет здесь в Соноре? – спросил я.

– Нет, он не яки, и не живет здесь, в Соноре. Ты когда-нибудь с ним встретишься.

– Дон Хуан, он что, маг?

– Да, он маг, – сухо ответил он.

Я спросил его, можно ли взять несколько растений, чтобы определить их в Ботаническом саду Калифорнийского университета.

– Конечно, конечно! – сказал он.

В прошлом я обнаружил, что каждый раз, когда он говорит «конечно», он не собирается этого делать. Очевидно, он и не собирался давать мне образцы для определения. Мне стал очень любопытен его друг-маг, и я попросил больше рассказать о нем; может быть, описать его, сказать, где он живет и как дон Хуан с ним познакомился.

– Тпру, тпру, тпру! – сказал дон Хуан, как будто я был лошадьёю. – Хватит, хватит! Ты кто? Профессор Лорк? Ты хочешь изучить его когнитивную систему?

Мы углубились в бесплодные предгорья. Дон Хуан шел без остановок несколько часов. Я подумал, что заданием этого дня будет просто ходить. В конце концов он остановился и сел на затененной стороне предгорий.

– Тебе пора начать один из самых больших магических проектов, – сказал дон Хуан.

– О каком магическом проекте ты говоришь, дон Хуан? – спросил я.

– Он называется *перепросмотром*, – древние маги называли его *пересказыванием событий своей жизни*, и для них это началось как простая техника, вспомогательное средство для вспоминания того, что они делали и говорили своим ученикам. Для их учеников эта техника имела ту же ценность: она позволяла им вспоминать, что их учителя сказали и сделали. Потребовались ужасные социальные потрясения, например несколько раз быть завоеванными и побежденными, прежде чем маги древности поняли, что их техника имеет куда более далеко идущие

последствия.

– Дон Хуан, ты говоришь о завоевании испанцами? – спросил я.

– Нет, – сказал он. – Это было только завершающей нотой. Были и другие потрясения до этого, более разрушительные. Когда испанцы сюда добрались, магов древности уже не было. Их ученики, пережившие другие потрясения, были к тому времени очень осмотрительными. Они знали, как о себе позаботиться. Именно это новое поколение магов переименовало технику магов древности и назвало ее *перепросмотром*.

– Время необыкновенно дорого стоит, – продолжал он. – Вообще для магов время материально. Для меня вызов в том, что за очень сжатое время я должен впихнуть в тебя все, что известно о магии как абстрактном занятии, но, чтобы это сделать, мне нужно построить в тебе необходимое для этого пространство.

– Какое пространство? О чем ты говоришь, дон Хуан?

– Маги исходят из того, что, для того чтобы внести что-то, должно быть пространство, куда это вносить, – сказал он. – Если ты наполнен до краев предметами повседневной жизни, то нет места ни для чего нового. Это пространство нужно построить. Ты понимаешь, что я имею в виду? Маги древности считали, что *перепросмотр* своей жизни создает это пространство. Он действительно делает это и, конечно, еще очень многое.

– Маги выполняют *перепросмотр* очень формальным способом, – продолжал он. – Он состоит в составлении списка всех людей, которых они встречали, от настоящего времени до самого начала их жизни. Когда у них есть этот список, они берут первого человека в нем и вспоминают все, что могут, об этом человеке. И я имею в виду все, каждую деталь. Лучше *перепросматривать* от настоящего к прошлому, потому что воспоминания настоящего свежи, и таким образом заостряется способность *вспоминать*.

Практикующие занимаются тем, что *вспоминают* и дышат. Они медленно и осознанно вдыхают, помахивая головой как веером справа налево, едва заметным поворотом, и аналогично выдыхают. Он сказал, что вдохи и выдохи должны быть естественными; если они слишком быстрые, можно войти в режим того, что он назвал *утомляющим дыханием*: дыханием, после которого нужно нормально дышать, чтобы успокоить мускулы.

– И что ты предлагаешь мне делать со всем этим, дон Хуан? – спросил я.

– Начни сегодня составлять свой список, – сказал он. – Раздели его по годам, по профессиям, составь его в любом порядке, но сделай его последовательным, начиная с самого недавнего человека, и закончи мамой и папой. А затем вспомни все о них. Хватит разговоров. По мере практики ты поймешь, что ты делаешь. В мой следующий визит в дом дона Хуана я сказал ему, что я добросовестно занимаюсь прохождением через события моей жизни и что мне очень трудно придерживаться такой жесткой формы и идти по *списку* людей по очереди. Как правило, мой *перепросмотр* швырял меня во все стороны. Я позволял событиям определять направление моего *вспоминания*. Я по своей воле стал придерживаться широких отрезков времени. Например, я начал с людей с факультета антропологии, но позволил своим воспоминаниям перенести меня куда угодно во времени, из настоящего до того дня, когда я начал учиться в Калифорнийском университете.

Я рассказал дону Хуану, что обнаружил странную вещь, которую совершенно забыл, – что мне и в голову не приходило подумать об UCLA, пока однажды соседка моей подруги по колледжу не приехала в Лос-Анджелес и мы не встретили ее в аэропорту. Она собиралась изучать музыковедение в UCLA. Ее самолет прибыл после обеда, и она попросила меня, чтобы я отвез ее в университет, чтобы взглянуть на то место, где она собирается провести следующие четыре года своей жизни. Я знал, где университет, потому что я столько раз проезжал мимо его ворот на бульваре Сансет по дороге на пляж. Но я никогда не был в университетском городке.

Это было во время каникул между семестрами. Несколько человек, которых мы расспрашивали, направили нас на музыкальный факультет. Университет был безлюден, но я субъективно наблюдал настолько необыкновенные вещи, которых никогда прежде не видел. Это был праздник для моих глаз. Казалось, что здания живут какой-то собственной энергией. Предполагаемое беглое знакомство с музыкальным факультетом превратилось в огромное турне по всей территории университета. Я влюбился в Калифорнийской университет. Я сказал дону Хуану, что единственной вещью, омрачавшей мой восторг, было раздражение моей подруги из-за того, что я настоял на том, чтобы обойти всю огромную территорию университета.

– Какого черта ты здесь ищешь? – закричала она, возражая мне. – Как будто ты никогда в жизни не видел университетов! Когда увидел один, увидел их все. Мне кажется, ты просто стараешься впечатлить мою подружку своей чувствительностью!

Я не старался, и горячо сказал им, что искренне впечатлен красотой окружающей обстановки. Я чувствовал столько надежды в этих зданиях, столько обещаний, и все же я не мог выразить своего субъективного состояния.

– Я училась почти всю жизнь, – сказала моя подруга сквозь зубы, – и меня тошнит от этого, я устала. Никто здесь ни черта не найдет! Здесь только пустая болтовня, и они даже не готовят человека справляться со своими обязанностями в жизни.

Когда я сказал, что хотел бы здесь учиться, она еще больше разъярилась.

– Иди работать! – закричала она. – Пойди и справься с жизнью с восьми до пяти, и брось эту чушь! Это и есть жизнь: работа с восьми до пяти, сорок часов в неделю! Посмотришь, что это тебе даст! Взгляни на меня – теперь я суперобразована, но я не подхожу для работы.

Я знал только то, что никогда не видел настолько прекрасного места. Тогда я пообещал себе, что во что бы то ни стало пойду учиться в UCLA. Мое желание имело прямое отношение ко мне самому, но все же оно было продиктовано не потребностью в самом удовольствии. Оно было скорее из области благоговения. Я сказал дону Хуану, что раздражение моей подружки настолько покорило меня, что заставило взглянуть на нее по-другому, и, насколько я помню, это был первый раз, когда чьи-то слова вызвали во мне такую глубокую реакцию. Я увидел в моей подружке черты характера, которых раньше не замечал, черты, которые меня до смерти напугали.

– Наверное, я составил о ней ужасное мнение, – сказал я дону Хуану. – После нашего визита в университет мы отделились друг от друга. Как будто Калифорнийский университет вошел между нами как клин. Я знаю, что глупо так думать.

– Это не глупо, – сказал дон Хуан. – Это совершенно обоснованная реакция. Я уверен, что, когда ты ходил по университетскому городку, ты встретился с *намерением*. Ты *намеревался* там быть, и тебе нужно было отбросить все, что мешало этому.

– Но не перебарщивай в этом, – продолжал он. – Прикосновение

воинов-путешественников очень легкое, хотя и совершенствуется. Рука *воина-путешественника* из тяжелых железных тисков превращается в руку привидения, руку из осенних паутинок. *Воины-путешественники* не оставляют никаких отметок и следов. В этом – вызов для *воинов-путешественников*.

Слова дона Хуана погрузили меня в глубокое и мрачное состояние самообвинения, так как я из своего небольшого *пересказа* узнал, что у меня очень тяжелая хватка, я навязчив и деспотичен. Я сказал дону Хуану о своих размышлениях.

– Сила *перепросмотра*, – сказал дон Хуан, – в том, что он расшевеливает весь мусор жизни человека и выносит его на поверхность.

Затем дон Хуан описал тонкости *осознания* и *восприятия*, которые являются основой *перепросмотра*. Вначале он сказал, что сейчас познакомит меня с системой концепций, которые я ни в коем случае не должен считать теориями магов, потому что эта система выработана шаманами древней Мексики как результат непосредственного *видения* энергии, протекающей во Вселенной.

Он предупредил меня, что познакомит меня с частями этой системы, не делая ни малейшей попытки классифицировать или ранжировать их по какому-то заранее установленному стандарту.

– Меня не интересуют классификации, – продолжал он. – Ты всю жизнь все классифицировал. Теперь тебе придется избегать классификаций. Недавно, когда я спросил тебя, что ты знаешь о тучах, ты рассказал мне названия всех туч и процент влажности, ожидаемый от каждой из них. Ты был настоящим метеорологом. Но когда я спросил, знаешь ли ты, что ты лично можешь сделать с этими тучами, ты не имел не малейшего представления, о чем я говорю.

– У классификаций есть свой собственный мир, – продолжал он. – Когда начинаешь классифицировать что-то, классификация оживает и управляет тобой. Но так как классификации не были созданы как дающие энергию вещи, они всегда остаются мертвыми бревнами. Это не деревья; это просто бревна.

Он объяснил, что маги древней Мексики *увидели*, что вся Вселенная состоит из энергетических полей в форме светящихся нитей. В какую бы сторону они ни *смотрели*, они *видели* мириады этих нитей. Они также *увидели*, что эти энергетические поля структурируются в потоки светящихся волокон; потоки, которые

являются постоянными, вечными силами Вселенной, и что эти маги называли поток или струю нитей, относящуюся к *перепросмотру, темным морем осознания, или Орлом.*

Он сказал, что еще эти маги выяснили, что каждое живое существо во Вселенной прикреплено к *темному морю осознания* круглым световым пятном, которое было заметно, когда эти существа воспринимались как энергия. Дон Хуан сказал, что в этом световом пятне, которое маги древней Мексики называли *точкой сборки*, собирается восприятие с помощью загадочного аспекта *темного моря осознания.*

Дон Хуан заявил, что в *точке сборки* человека сходятся и проходят через нее мириады энергетических полей со всей Вселенной в форме светящихся нитей. Эти энергетические поля преобразуются в сенсорные данные, а сенсорные данные затем интерпретируются и воспринимаются как известный нам мир. Кроме того, дон Хуан объяснил, что именно *темное море осознания* превращает светящиеся нити в воспринимаемую информацию. Маги *видят* это превращение и называют его *свечением осознания* – это сияние, которое распространяется как гало вокруг *точки сборки*. Тут он предупредил меня, что сейчас скажет то, что, по мнению магов, важнее всего для понимания масштабов *перепросмотра.*

Необычным образом подчеркивая свои слова, он сказал, что то, что мы называем *чувствами* организмов, – не что иное, как разные степени осознания. Он настоял на том, что если мы согласны, что наши чувства – это *темное море осознания*, то нам нужно признать, что интерпретация, которую чувства создают из сенсорных данных, – тоже *темное море осознания.* Он подробно объяснил, что то, как мы встречаемся с окружающим миром, – результат человеческой системы интерпретаций, которой оснащен каждый человек. Он также сказал, что каждому живому организму нужно иметь систему интерпретаций, которая позволяет ему функционировать в окружающей обстановке.

– Маги, которые появились после апокалипсических потрясений, о которых я тебе рассказывал, – продолжал он, – *увидели*, что в момент смерти *темное море осознания*, так сказать, всасывает через *точку сборки* осознание живых существ. Они также увидели, что *темное море осознания* на мгновение, так сказать, колеблется, когда встречается с магами, которые выполнили *пересказ* своей жизни. Не зная об этом, некоторые сделали это настолько тщательно, что

море осознания взяло их осознание в форме их жизненных переживаний, но не коснулось их жизненной силы. Маги обнаружили колоссальную истину о силах Вселенной: *темному морю осознания* нужны только наши жизненные переживания, а не наша жизненная сила.

Для меня было непостижимо, из чего исходит дон Хуан в своих разъяснениях. Или, наверное, точнее будет сказать, что я смутно и вместе с тем глубоко знал, насколько практично то, из чего он исходит в своих объяснениях.

— Маги считают, — продолжал дон Хуан, — что по мере того, как мы *перепросматриваем* свою жизнь, весь мусор, как я уже говорил, выходит на поверхность. Мы осознаем свои противоречия, свои повторения, но что-то в нас оказывает огромное сопротивление *перепросмотру*. Маги говорят, что дорога свободна только после колоссального потрясения; после появления на экране воспоминания о событии, которое сотрясает наши основы с ужасающей отчетливостью деталей. Это событие поистине тащит нас к тому самому моменту, когда мы его пережили. Маги называют это событие *проводником*, потому что после него каждое событие, к которому мы прикасаемся, *переживается заново*, а не просто вспоминается.

— Ходьба всегда погружает в воспоминания, — продолжал дон Хуан. — Маги древней Мексики считали, что мы храним все, что пережили, в виде ощущений с задней стороны ног. Они считали задние стороны ног складом личной истории человека. Так что давай сейчас пройдемся по холмам.

Мы ходили, пока не стало почти темно.

— Я думаю, что достаточно долго заставлял тебя ходить, — сказал дон Хуан, когда мы вернулись в дом, — чтобы ты был готов начать этот маневр магов по обнаружению *проводника*: события в твоей жизни, которое ты вспомнишь с такой отчетливостью, что оно послужит прожектором для освещения всего остального в твоём *перепросмотре* с такой же или сравнимой отчетливостью. Сделай то, что маги называют *перепросмотром частей головоломки*. Что-то приведет тебя к воспоминанию события, которое послужит тебе *проводником*.

Он оставил меня одного, дав одно последнее предупреждение.

— Попади точно в цель, — сказал он. — Сделай все, что в твоих силах. Какое-то мгновение я был очень спокоен — наверное, из-за тишины

вокруг меня. Затем я испытал вибрацию, нечто вроде толчка в груди. Мне было трудно дышать, но вдруг в моей груди раскрылось что-то, позволившее мне глубоко вдохнуть, и вся панорама забытого события из моего детства ворвалась в мою память, как будто ее держали взаперти и вдруг освободили. Я был в кабинете моего дедушки, где у него стоял бильярдный стол, и мы с ним играли в бильярд. Мне было тогда почти девять лет. Мой дедушка был очень искусным игроком, и из-за своей увлеченности научил меня всем известным ему комбинациям, пока я не овладел ими настолько, что стал для него серьезным соперником. Мы проводили бесконечные часы, играя в бильярд. Я достиг такого мастерства, что однажды даже выиграл у него. С этого дня он больше не смог выигрывать. Много раз я специально проигрывал, просто из хорошего отношения к нему, но он знал это и страшно злился на меня. Однажды он так расстроился, что ударил меня кием по макушке.

К досаде и восторгу моего дедушки, к девяти годам я мог делать карамболь за карамболом, не останавливаясь. Играя со мной, он настолько расстраивался и раздражался, что однажды бросил свой кий и сказал, чтобы я играл сам. Благодаря своей увлекающейся природе я смог соревноваться сам с собой и прорабатывать одну и ту же комбинацию снова и снова, пока не овладевал ею в совершенстве.

Однажды человек, прославившийся в городе своими подвигами в азартных играх, владелец бильярдного дома, пришел в гости к моему дедушке. Они разговаривали и играли в бильярд, когда я нечаянно вошел в комнату. Я хотел сразу же выйти, но мой дедушка схватил меня и втолкнул в комнату.

– Это мой внук, – сказал он этому человеку.

– Очень рад с тобой познакомиться, – сказал этот человек. Он сурово посмотрел на меня и протянул свою руку, которая была по размеру как голова обычного человека.

Я был в ужасе. Шумный взрыв смеха сообщил мне о том, что он знает о моем замешательстве. Он сказал мне, что его зовут Фалело Кирога, и я пробормотал свое имя.

Он был очень высок и необыкновенно хорошо одет. Он носил двубортный голубой в тонкую полоску костюм с красиво суженными книзу брюками. Наверное, ему тогда было больше пятидесяти, но он был подтянутым и поддерживал форму, кроме

легкой выпуклости посередине. Он не был толстым; казалось, он культивирует внешний вид человека, который сыт и ни в чем не нуждается. Большинство людей в моем родном городе были изможденными. Они тяжело трудились, чтобы заработать себе на жизнь, и у них не было времени на радости жизни. Фалело Кирога выглядел их полной противоположностью. Все его манеры были манерами человека, у которого есть время только на радости жизни.

Он был приятным на вид. Его лицо было ласковым, хорошо выбритым, с добрыми голубыми глазами. У него была важность и самоуверенность доктора. Люди в моем городе говорили, что он умеет делать так, чтобы любой с ним чувствовал себя свободно, и что ему нужно было стать священником, юристом, врачом, но не профессиональным игроком. Еще они говорили, что на азартных играх он заработал больше, чем заработали своим трудом все врачи и юристы в городе, вместе взятые.

У него были черные, аккуратно причесанные волосы. Было заметно, что они сильно редеют. Он пытался скрывать отступающую назад линию волос, зачесывая волосы на лоб. У него была квадратная челюсть и совершенно обворожительная улыбка. У него были большие белые зубы, о которых он хорошо заботился, кое-что новенькое в районе, где у всех были плохие зубы. Двумя другими замечательными чертами Фалело Кироги были для меня его огромные ноги и его черные лакированные туфли ручной работы. Я был восхищен тем, что его туфли совсем не скрипят, когда он ходит туда-сюда по комнате. Я привык слышать приближение моего дедушки по скрипу подметок.

– Мой внук прекрасно играет в бильярд, – небрежно сказал мой дедушка Фалело Кироге. – Почему бы мне не отдать ему кий, и пусть он сыграет с тобой, а я посмотрю.

– Этот ребенок играет в бильярд? – со смехом спросил моего дедушку этот большой человек.

– О, да, – заверил его мой дедушка. – Конечно, не так хорошо, как ты, Фалело. Почему бы тебе не испытать его? А чтобы это было для тебя интересно и чтобы ты не просто покровительствовал моему внуку, давай поставим на кон немного денег. Что ты скажешь, если мы поставим вот столько?

Он положил толстую пачку скомканных банкнот на стол и улыбнулся Фалело Кироге, покачивая головой из стороны в

сторону, как бы бросая вызов этому большому человеку принять ставку.

– Боже, так много, а? – сказал Фалело Кирога, вопрошающе глядя на меня.

Потом он открыл свой бумажник и вынул несколько аккуратно сложенных банкнот. Это была для меня еще одна удивительная деталь. Мой дедушка привык держать деньги совершенно скомканными во всех своих карманах. Когда ему нужно было за что-то заплатить, ему приходилось распрямлять банкноты, чтобы их сосчитать.

Фалело Кирога не сказал этого, но я знал, что он чувствует себя как грабитель с большой дороги. Он улыбнулся моему дедушке и, очевидно из уважения к нему, положил свои деньги на стол. Мой дедушка, играя роль арбитра, подготовил игру на определенное количество карамблей и подбросил монетку, кто начнет первым. Выпало Фалело Кироге.

– Ты играй в полную силу, не стесняйся, – подстрекал его мой дед.

– Не испытывай никаких угрызений на счет того, чтобы уничтожить этого прохвоста и выиграть мои деньги!

Фалело Кирога, следуя совету моего дедушки, играл так хорошо, как мог, но в какой-то момент он на волосок пропустил один карамбль. Я взял кий. Я думал, что упаду в обморок, но видя ликование моего деда – он подпрыгивал вверх и вниз, – я успокоился, и кроме того, меня раздражало то, как Фалело Кирога чуть не лопнул от смеха, когда увидел, как я держу кий. Я не мог наклониться над столом, как обычно играют в бильярд, из-за своего роста. Но мой дедушка с кропотливым терпением и решимостью научил меня другому способу игры. Отведя руку далеко назад, я держал кий почти над плечами, сбоку.

– А что он делает, когда ему нужно достать до середины стола? – спросил Фалело Кирога, смеясь.

– Он опирается на край стола, – как не в чем не бывало сказал мой дед. – Ты знаешь, это разрешается.

Мой дедушка подошел ко мне и сквозь зубы прошептал, что, если я буду вежливым и проиграю, он сломает все кии об мою голову. Я знал, что он не собирается этого делать; он просто таким способом выражал свою уверенность во мне.

Я легко выиграл. Мой дедушка неописуемо радовался, и как ни странно, Фалело Кирога тоже. Он смеялся, обходя бильярдный

стол, хлопая по его краям. Мой дедушка превозносил меня до небес. Он по секрету назвал Кирогэ мой лучший счет и пошутил, что я достиг успехов, потому что он нашел способ заинтересовать меня в тренировке: кофе с датскими пирожными.

– Не может быть, не может быть! – все время повторял Кирога. Он попрощался; мой дедушка взял поставленные деньги, и этот случай был забыт.

Мой дед пообещал взять меня в ресторан и купить мне лучшие блюда в городе, но так и не сделал этого. Он был очень скупой; он был известным расточителем только с женщинами.

Через два дня двое огромных людей от Фалело Кироги подошли ко мне, когда я вышел из школы.

– Фалело Кирога хочет тебя видеть, – сказал один из них гортанным голосом. – Он хочет, чтобы ты пришел к нему и выпил с ним кофе с датскими пирожными.

Если бы он не сказал о кофе и датских пирожных, я бы, наверное, убежал от них. Я вспомнил тогда, что мой дедушка сказал Фалело Кирогэ, что я душу продам за кофе и датские пирожные. Я с радостью пошел с ними. Но я не мог идти так же быстро, как они, поэтому один из них, которого звали Гильермо Фалькон, поднял меня и усадил на свою огромную руку. Он засмеялся сквозь кривые зубы.

– Ты лучше наслаждайся поездкой, малыш, – сказал он. Его дыхание было ужасным. – Тебя когда-нибудь кто-то носил? Судя по тому, как ты дергаешься, никогда! – Он нелепо захихикал. К счастью, дом Фалело Кироги был не особенно далеко от школы. Мистер Фалькон посадил меня на кресло в офисе. Фалело Кирога сидел там за огромным столом. Он встал и пожал мне руку. Он сразу же заказал мне кофе и восхитительные пирожные, а потом мы сели вдвоем, как друзья, болтая о птицеводческой ферме моего дедушки. Он спросил меня, хочу ли я еще пирожных, и я сказал, что не против. Он засмеялся и сам принес мне целый поднос невероятно вкусных пирожных из соседней комнаты.

После того как я по-настоящему объелся, он вежливо попросил меня подумать над тем, чтобы приходить в его билльярдную в ранние ночные часы, чтобы сыграть парочку дружественных игр с несколькими людьми по его выбору. Он между делом упомянул, что будут замешаны большие суммы денег. Он открыто выразил свое доверие моему мастерству и добавил, что он будет мне

платить, за мое время и мои усилия, процент от выигранных денег. Потом он сказал, что знает склад ума моей семьи; для них было бы предосудительно, если бы он давал мне деньги, даже если это плата. Так что он пообещал класть эти деньги в банк на специальный счет для меня, или, еще практичнее, он может рассчитываться за любые мои покупки в магазинах города или еду, которую я буду есть в любом ресторане города.

Я не верил ни одному слову из того, что он говорил. Я знал, что Фалело Кирога проходимец, рэкетир. Но мне понравилась идея играть в бильярд с незнакомыми мне людьми, и я заключил с ним сделку.

– А ты будешь угощать меня кофе и датскими пирожными, как сегодня? – сказал я.

– Конечно, мой мальчик, – ответил он. – Если ты будешь приходить играть для меня, я куплю тебе пекарню! Я заставлю пекаря печь их только для тебя. Поверь мне.

Я предупредил Фалело Кирогу, что единственное препятствие в том, что я не могу выходить из своего дома; у меня было слишком много тетушек, которые следили за мной, как ястребы, и, кроме того, моя спальня была на втором этаже.

– Нет проблем, – заверил меня Фалело Кирога. – Ты довольно маленький. Мистер Фалькон поймает тебя, если ты прыгнешь из окна в его руки. Он большой как дом! Я советую тебе сегодня рано лечь спать. Мистер Фалькон разбудит тебя, свистя и бросая камешки в твоё окно. Но тебе нужно быть начеку! Он нетерпеливый человек.

Я пошел домой в необыкновенном возбуждении. Я не мог заснуть. Я совсем не спал, когда услышал, как мистер Фалькон свистит и кидает камешки в стекла окна. Я открыл окно. Мистер Фалькон был прямо подо мной, на улице.

– Прыгай мне на руки, малыш, – сказал он мне приглушенным голосом, который он пытался превратить в громкий шепот. – Если ты не будешь целиться в мои руки, я уроню тебя и ты убьешься. Помни это. Не заставляй меня бегать вокруг. Просто целйся в мои руки. Прыгай! Прыгай!

Я прыгнул, и он поймал меня с такой легкостью, как будто ловил тюк шерсти. Он поставил меня на землю и сказал, чтобы я бежал. Он сказал, что я – пробужденный от глубокого сна ребенок и что ему нужно заставить меня бежать, чтобы я полностью проснулся к

тому времени, когда доберусь до бильярдной.

В эту ночь я играл с двумя мужчинами и выиграл обе партии. У меня было невообразимо вкусное кофе и пирожные. Лично я был на седьмом небе. Около семи часов утра я вернулся домой. Никто не заметил моего отсутствия. Пора было идти в школу. Для практических целей все было нормально, кроме того, что я так устал, что у меня весь день смыкались веки.

С этого дня Фалело Кирога два или три раза в неделю посылал за мной мистера Фалькона, и я выигрывал каждую партию, которую он предлагал мне играть. И, верный своему обещанию, он платил за все, что я покупал, особенно за еду в выбранном мной китайском ресторане, куда я ходил каждый день. Иногда я даже приглашал своих друзей, которых я смертельно пугал, выбегая из ресторана с криками, когда официант приносил счет. Они были поражены тем, что их никогда не забирали в полицию за то, что они едят и не платят за это.

Для меня самым трудным испытанием было то, что мне неожиданно пришлось столкнуться с надеждами и ожиданиями всех тех людей, которые держали на меня пари. Но испытание испытаний произошло тогда, когда знаменитый игрок из соседнего города бросил вызов Фалело Кироге и подкрепил свой вызов огромной ставкой. Ночь игры не предвещала ничего хорошего. Мой дедушка заболел и не мог заснуть. Вся семья волновалась. Кажется, никто не лег спать, Я сомневался в том, что мне представится возможность тайком выбраться из спальни, но свист мистера Фалькона и удары камешков по стеклу моего окна были такими настойчивыми, что я рискнул и прыгнул из окна на руки мистера Фалькона.

Казалось, все мужчины города собрались в бильярдной.

Страдальческие лица молчаливо умоляли меня не проиграть.

Некоторые из мужчин откровенно заверили меня, что они поставили на кон свои дома и все свое имущество. Один человек полушутя сказал, что он поставил на кон свою жену; если я не выиграю, то этой ночью он станет рогоносцем или убийцей. Он не уточнил, кого он собирается убить, свою жену, чтобы не стать рогоносцем, или меня за проигранную партию.

Фалело Кирога прохаживался взад-вперед. Он нанял массажиста, чтобы массировать меня. Он хотел, чтобы я был расслаблен.

Массажист положил мне горячие полотенца на руки и запястья и

холодные полотенца на лоб. Он надел мне на ноги туфли, удобнее и мягче которых я никогда не носил. У них были твердые военные каблуки и супинаторы. Фалело Кирога даже снабдил меня беретом, чтобы волосы не падали мне на лицо, и широкими брюками с поясом.

Половина народа вокруг бильярдного стола были незнакомыми людьми из другого города. Они глядели на меня. У меня появилось чувство, что они желают мне смерти.

Фалело Кирога подкинул монетку, чтобы решить, кто будет первым. Мой соперник был бразильско-китайского происхождения, молодой, круглолицый, очень нарядный и самоуверенный. Он начал первым и сделал поразительное количество карамблей. Я знал по цвету лица Фалело Кироги, что сейчас его хватит удар, как и других людей, которые поставили на меня все, что имели.

Я прекрасно играл в эту ночь, и когда я приблизился к количеству карамблей моего соперника, нервозность тех, кто поставил на меня, дошла до максимума. Фалело Кирога был самым истеричным из них. Он орал на всех и требовал, чтобы кто-то открыл окна, потому что из-за сигаретного дыма я не могу дышать. Он хотел, чтобы массажист размял мои руки и плечи. В конце концов мне пришлось их остановить, и в большой спешке я сделал восемь карамблей, которые были нужны мне для победы. Эйфория тех, кто поставил на меня, была неопишуемой. Я не обращал внимания на все это, потому что было уже утро и им нужно было срочно отвести меня домой.

В тот день я был до предела измучен. Фалело Кирога очень любезно не посылал за мной никого целую неделю. Но однажды после обеда мистер Фалькон забрал меня после школы и отвел в бильярдную. Фалело Кирога был крайне серьезен. Он даже не предложил мне кофе или датские трубочки. Он выставил всех из своего кабинета и сразу приступил к делу. Он придвинул свой стул ближе ко мне.

— Я положил в банк много денег для тебя, — сказал он очень торжественно. — Я придерживаюсь своих обещаний тебе. Я даю тебе честное слово, что я всегда буду присматривать за тобой. Знай это! Ну, а если ты сделаешь то, что я тебе сейчас скажу, ты заработаешь столько денег, что тебе не нужно будет работать и дня в своей жизни. Я хочу, чтобы ты проиграл свою следующую игру

на один карамболь. Я знаю, что ты можешь это сделать. Но я хочу, чтобы ты ошибся только на волосок. Чем драматичнее, тем лучше. Я был ошарашен. Все это было непостижимо для меня. Фалело Кирога повторил свое требование и, кроме того, объяснил, что он собирается анонимно поставить все, что имеет, против меня и что в этом суть нашей новой сделки.

– Мистер Фалькон охранял тебя много месяцев, – сказал он. – Должен только сказать тебе, что мистер Фалькон использует всю свою силу, чтобы защищать тебя, но он может сделать и прямо противоположное с той же силой.

Угроза Фалело Кироги была более чем очевидной. Наверное, он увидел в моем лице тот ужас, который я чувствовал, потому что он расслабился и засмеялся.

– Да ты не беспокойся об этом, – сказал он, успокаивая меня. – Ведь мы братья.

Впервые в своей жизни я попал в безвыходное положение. Я хотел изо всех сил убежать от Фалело Кироги из-за того страха, который он во мне вызвал. Но в то же время и с такой же силой я хотел остаться; я хотел свободно покупать в любом магазине все, что я хочу, и, самое главное, свободно обедать в любом ресторане по моему выбору, не платя за это. Но мне так и не пришлось выбирать что-то одно.

Неожиданно, по крайней мере для меня, мой дедушка решил переехать в другое место, очень далеко. Он как будто знал, что происходит, и отправил меня раньше всех остальных. Вряд ли он действительно знал, что происходит. По-видимому, отправить меня было одной из его обычных интуитивных реакций.

Возвращение дона Хуана выдернуло меня из *вспоминания*. Я потерял счет времени. Я должен был проголодаться, но совсем не хотел есть. Я был наполнен нервной энергией. Дон Хуан зажег керосиновую лампу и повесил ее на гвоздь на стене. Ее тусклый свет отбрасывал странные, танцующие по комнате тени. Некоторое время мои глаза привыкали к полутьме. Потом я впал в состояние глубокой печали. Какое-то необычно отрешенное чувство, широко простирающаяся тоска, возникло из этой полутьмы или, может быть, из ощущения, что я пойман в ловушку. Я так устал, что хотел уйти, и в то же время и с той же силой я хотел остаться. Голос дона Хуана дал мне чувство некоторого контроля. По-видимому, он знал причину и глубину моего смятения и говорил

соответствующим голосом. Его жесткость помогла мне обрести контроль над тем, что легко могло стать истерической реакцией на усталость и умственное возбуждение.

– *Пересказывание событий* – магическая процедура, – сказал он. – Это не просто рассказывание историй. Это *видение* структуры, лежащей в основе событий. Вот почему *пересказывание* настолько важно и обширно.

По просьбе дона Хуана я рассказал ему событие, которое вспомнил.

– Как кстати, – сказал он и кашлянул от удовольствия.

– Могу только заметить, что *воины-путешественники* катятся под действием ударов. Они идут туда, куда их ведет этот импульс.

Сила *воинов-путешественников* в том, чтобы быть бдительными, получать максимальный эффект от минимального импульса. И прежде всего их сила состоит в невмешательстве. У событий есть своя сила и тяготение, а путешественники – это просто путешественники. Все вокруг них предназначено только для их глаз. Таким способом путешественники строят смысл каждой ситуации, даже не спрашивая, произошла она так или иначе.

– Сегодня ты вспомнил событие, которое подытоживает всю твою жизнь, – продолжал он. – Ты всегда встречаешься с такой же ситуацией, как та, в которой ты так и не принял решения. Тебе так и не пришлось выбрать, принять бесчестную сделку Фалело Кироги или отказаться от нее.

– *Бесконечность* всегда ставит нас в это ужасное положение, когда нужно выбирать, – говорил он. – Мы хотим *бесконечности*, но в то же время мы хотим сбежать от нее. Ты хочешь послать меня подальше, но в то же время тебе неудержимо хочется остаться. Тебе было бы бесконечно легче просто неудержимо хотеть остаться.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

ИГРА ЭНЕРГИИ НА ГОРИЗОНТЕ

Отчетливость *проводника* дала новый импульс моему *перепросмотру*. Старое настроение сменилось новым. С этого момента я начал вспоминать события моей жизни с безумной ясностью. Словно внутри меня был построен барьер, из-за которого я жестко держался за убогие и нечеткие воспоминания, и *проводник* разбил его вдребезги. До этого события моя память была для меня расплывчатым способом извлечения информации о тех вещах, которые произошли и которые я чаще всего хотел забыть. По существу, мне было совершенно неинтересно вспоминать что-либо из моей жизни. Поэтому я, по правде говоря, не видел ни малейшего смысла в этом бесполезном занятии *перепросмотром*, которое дон Хуан мне практически навязал. Для меня это было каторгой, которая сразу же меня утомляла и только подчеркивала мою неспособность концентрироваться.

Тем не менее я послушно составил списки людей и приступил к беспорядочным попыткам будто бы вспоминать свое общение с ними. Недостаток ясности при сосредоточении на них не останавливал меня. Я выполнял то, что считал своей обязанностью, независимо от того, что я на самом деле чувствовал. По мере практики ясность воспоминания улучшилась, как я думал, удивительно. Я мог, так сказать, спускаться в отдельные события с достаточной восприимчивостью, которая была пугающей и вместе с тем стоящей. Но после того, как дон Хуан познакомил меня с идеей *привратника*, сила моего воспоминания стала такой, которую я не мог даже назвать.

Следование по моему списку людей сделало *перепросмотр* очень формальным и трудновыполнимым, как этого и хотел дон Хуан. Но время от времени что-то во мне вырывалось на свободу, что-то, заставляющее меня сосредоточиваться на событиях, не относящихся к моему списку. Событиях, ясность которых была настолько безумной, что я был пойман и погружен в них, возможно, даже глубже, чем когда прожил эти события. Каждый

раз, когда я таким способом *перепросматривал*, я делал это с оттенком отрешенности, благодаря которой я видел те вещи, на которые я не обращал внимания, когда на самом деле мучился от них.

Первый случай, когда *вспоминание* события потрясло меня до основания, произошел после того, как я прочитал лекцию в колледже в Орегоне. Студенты, ответственные за организацию лекции, повезли меня и моего коллегу-антрополога в какой-то дом, чтобы переночевать там. Я собирался поехать в мотель, но они настояли на том, чтобы отвезти нас в дом ради нашего же удобства. Они сказали, что это за городом и нет никакого шума: самое тихое место в мире, никаких телефонов, никакого вмешательства извне. Я, как дурак, которым я и был, согласился поехать с ними. Дон Хуан не только предупреждал меня, чтобы я всегда был одинокой птицей, он потребовал, чтобы я соблюдал эту его рекомендацию, что я в основном и делал, но были случаи, когда во мне брало верх стадное существо.

Эти студенты-опекуны привезли нас в дом, довольно далеко от Портленда, дом профессора, который был в годичном отпуске. Они очень быстро включили освещение дома, который был расположен на холме с прожекторами со всех сторон. С включенными прожекторами, дом, наверное, было видно за пять миль.

После этого студенты-опекуны как можно быстрее уехали, и это меня удивило, потому что я думал, что они останутся поговорить. Дом был деревянным, в форме буквы А, небольшой, но очень хорошо построенный. В нем была огромная гостиная, а над ней – антресоли со спальней. Прямо вверху, в верхней точке треугольника, на странном вращающемся шарнире висело сделанное в натуральную величину распятие. Прожектора на стене были сфокусированы на распятии. Это было очень впечатляющее зрелище, особенно когда распятие вращалось, скрипя, как будто шарнир не был смазан.

Еще одним зрелищем была ванная комната. В ней были зеркальные плитки на потолке, стенах и полу, и она освещалась красноватым светом. Нельзя было войти в ванную, не увидев себя со всех мыслимых сторон. Мне понравились все эти особенности дома, который показался мне великолепным.

Но когда пришло время ложиться спать, я столкнулся с серьезной

проблемой, потому что в доме была только одна узкая, жесткая, очень монашеская кровать и мой друг-антрополог был близок к пневмонии, хрипя и выплевывая слизь каждый раз, когда он кашлял. Он сразу пошел к кровати и отключился. Я искал место для сна и не мог ничего найти. Этот дом был лишен удобств. Кроме того, было холодно. Студенты-опекуны включили освещение, но не включили отопление. Я искал обогреватель. Мои поиски ни к чему не привели, как и поиски выключателя прожекторов и, кстати, всех ламп в доме. На стенах были выключатели, но они, по-видимому, не действовали из-за какого-то главного выключателя. Освещение было включено, и я никак не мог его выключить.

Я смог найти только одно место для сна – тонкое покрывало, и нашел только одну вещь, чтобы прикрыться, – дубленую шкуру огромного французского пуделя. Очевидно, он был любимцем в доме и его шкуру сохранили; у него были блестящие глаза из черного мрамора и открытый рот со свисающим языком. Я положил голову шкуры пуделя по направлению к моим коленям. Однако мне пришлось прикрыться дубленным задним местом, которое было на моей шее. Кроме того, сохраненная голова шкуры была твердым предметом между моими коленями и очень мешала! Если бы было темно, то было бы еще ничего. Я собрал несколько полотенец и использовал их как подушку. Я использовал сколько мог полотенец, чтобы как можно лучше покрыть шкуру французского пуделя. Я не мог спать всю ночь.

И вот тогда, когда я лежал там, молча проклиная себя за такую глупость и невыполнение рекомендации дона Хуана, у меня было первое за всю жизнь безумно отчетливое *вспоминание*. Событие, которое дон Хуан называл *привратником*, я вспомнил с такой же ясностью, но я всегда был склонен не обращать особого внимания на то, что происходило со мной, когда я был с доном Хуаном, потому что в его присутствии все было возможно. Но в этот раз я был один.

За много лет до того, как я встретил дона Хуана, я работал, рисуя вывески на домах. Моего босса звали Луиджи Пальма. Однажды Луиджи получил контракт нарисовать вывеску на задней стене старого здания, рекламирующую продажу и прокат свадебных платьев и смокингов. Владелец магазина в здании хотел привлечь внимание возможных клиентов большой рекламой. Луиджи

должен был рисовать жениха и невесту, а я – надписи. Мы забрались на плоскую крышу тринадцатизэтажного здания и установили подмости.

Я очень боялся, хотя у меня не было явных причин для страха. Я нарисовал десятки вывесок на высоких зданиях. Луиджи думал, что я начинаю бояться высоты, но мой страх скоро пройдет. Когда пришло время начинать работу, он опустил подмости с крыши на несколько футов и прыгнул на их плоские доски. Он пошел на одну сторону, а я стоял на другой, чтобы никак не мешать ему. Художником был он.

Луиджи принялся за работу. Когда он наносил краски, его движения были настолько размашистыми и возбужденными, что подмости качались взад-вперед. У меня закружилась голова. Я хотел вернуться обратно на плоскую крышу, под тем предлогом, что мне нужно больше красок и других принадлежностей для рисования. Я схватился за край стены, которая окаймляла плоскую крышу, и попытался подтянуться, но носки моих ног застряли в досках подмостей. Я попытался притянуть мои ноги и подмости к стене; чем сильнее я тянул, тем дальше я отталкивал их от стены. Вместо того чтобы помочь мне освободить ноги, Луиджи сел и обвязался веревками, которыми подмости крепились к плоской крыше. Он перекрестился и посмотрел на меня в ужасе. Из сидячего положения он встал на колени и, тихо всхлипывая, стал читать «Отче наш».

Я не на жизнь, а на смерть держался за край стены; отчаянную силу стойко держаться давала мне уверенность в том, что, если я буду держать ситуацию под контролем, я смогу удерживать подмости, чтобы они не отходили еще дальше. Я не собирался отпускать руки и падать с тринадцатого этажа навстречу своей смерти. Луиджи, как неисправимый начальник до самого конца, закричал в потоке слез, что я должен молиться. Он поклялся, что мы оба упадем и разобьемся насмерть и что мы по крайней мере можем молиться за спасение наших душ. На мгновение я задумаются, практично ли молиться. Я предпочел звать на помощь. Наверное, люди в здании слышали мои вопли и послали за пожарниками. Мне искренне казалось, что прошло только две или три секунды после того, как я начал орать, когда пожарники пришли на крышу, схватили Луиджи и меня и закрепили подмости. На самом деле, я висел на стене здания по крайней мере двадцать

минут. Когда пожарники в конце концов втянули меня на крышу, я утратил всякий контроль. Я срыгнул на твердый пол крыши, меня выворачивало наизнанку от страха и гнусного запаха расплавленной смолы. Был очень жаркий день; смола на щелях неровных кровельных листов плавилась от жары. Это испытание было настолько ужасающим и тяжелым, что я не хотел его помнить, и в конце концов у меня началась галлюцинация, что пожарники внесли меня в теплую желтую комнату; они положили меня в чрезвычайно удобную кровать, и я спокойно заснул, в безопасности, надев свою пижаму, которую мне сняли с вешалки. Мое второе *вспоминание* было еще одним взрывом ни с чем не сравнимой силы. У меня была приятная беседа с несколькими друзьями, когда без всяких видимых причин, которыми я мог бы это объяснить, я вдруг затаил дыхание под влиянием мысли, воспоминания, которое вначале было туманным, а затем стало всепоглощающим переживанием. Его сила была настолько большой, что мне пришлось извиниться и на минутку отойти в угол. Мои друзья, по-видимому, поняли мою реакцию; они разошлись без слов. Я вспоминал происшествие, которое случилось в последнем классе средней школы.

Мы с моим лучшим другом ходили в школу мимо большого особняка с черным кованым железным забором, по меньшей мере семи футов высотой и с заостренными зубцами по верху. За забором был широкий, хорошо ухоженный зеленый газон и огромная свирепая немецкая овчарка. Каждый день мы дразнили эту собаку и позволяли ей кидаться на нас. Она физически останавливалась перед забором из кованого железа, но казалось, что ее ярость доходит до нас. Для моего друга было удовольствием каждый день вступать с собакой в соревнование между сознанием и материей. Он становился за несколько дюймов от морды собаки, которая высывалась между железными прутами по меньшей мере на шесть дюймов, и скалил зубы, точно так же, как собака. – Сдавайся, сдавайся! – кричал мой друг каждый раз. – Подчинись! Подчинись! Я сильнее тебя!

Его ежедневные проявления силы сознания, которые длились по меньшей мере пять минут, никогда не влияли на собаку, разве что приводили ее в еще большую ярость. Мой друг уверял меня каждый день, в виде части своего ритуала, что собака либо подчинится ему, либо умрет перед нами от сердечного приступа,

вызванного яростью. Его убежденность была настолько глубокой, что я считал, что однажды собака упадет замертво.

Как-то утром, когда мы подошли, собаки не было. Мы немного подождали, но собака не показывалась; потом мы увидели ее на другой стороне широкого газона. Она, по-видимому, была там чем-то занята, так что мы начали медленно уходить. Уголкем глаза я заметил, что собака на полной скорости несется к нам. Когда она была где-то на шесть или семь футов от забора, она сделала гигантский прыжок через него. Я был уверен, что она сейчас распорет себе живот об зубцы. Она чуть-чуть не задела их и упала на улицу, как мешок картошки.

Я тогда подумал, что она мертва; но она была только оглушена. Вдруг она поднялась и, вместо того чтобы гнаться за тем, кто приводил ее в ярость, побежала за мной. Я прыгнул на крышу машины, но машина была для собаки пустяком. Она прыгнула и оказалась почти на мне. Я слез вниз и забрался на первое дерево поблизости, тонкое маленькое дерево, которое еле выдерживало мой вес. Я был уверен, что оно сломается посередине, отправив меня прямо в пасть собаке, чтобы она загрызла меня до смерти. На дереве я был почти вне ее досягаемости. Но собака снова прыгнула и щелкнула зубами, поймав меня за зад штанов и порвав их. Ее зубы даже зацепили мои ягодицы. Как только я оказался в безопасности на верхушке дерева, собака ушла. Она просто побежала по улице, возможно в поисках моего друга.

В школьном медпункте медсестра сказала, что мне нужно попросить у владельца собаки справку о прививке от бешенства. – Тебе нужно выяснить это, – сказала она строго. – Может быть, ты уже заразился бешенством. Если владелец откажется показать тебе справку о прививке, ты вправе вызвать полицию.

Я поговорил со сторожем особняка, в котором жила собака. Он обвинил меня в том, что я выманил на улицу самую ценную собаку хозяина, животное с родословной.

– Ты гляди, парень! – сказал он зло. – Собака потерялась. Владелец отправит тебя в тюрьму, если ты еще будешь нас беспокоить.

– Но у меня может быть бешенство, – сказал я искренне испуганным тоном.

– Мне до одного места, хоть бубонная чума, – рявкнул он. – Убирайся!

– Я вызову полицию, – сказал я.

– Вызывай кого хочешь, – сказал он в ответ. – Если вызовешь полицию, мы натравим их на тебя. В этом доме у нас достаточно связей для этого!

Я поверил ему, и поэтому соврал медсестре, что собаку не смогли найти и у нее нет владельца.

– О Боже! – воскликнула она. – Тогда готовься к худшему. Может быть, мне придется послать тебя к доктору. – Она дала мне длинный список симптомов, за которыми я должен следить или ждать, пока они не проявятся. Она сказала, что уколы от бешенства очень болезненные и их нужно делать подкожно в область живота.

– Я худшему врагу не пожелаю такого лечения, – сказала она, ввергая меня в страшный кошмар.

После этого началась моя первая настоящая депрессия. Я просто лежал в своей кровати, чувствуя каждый из симптомов, перечисленных медсестрой. В конце концов я пошел в школьный медпункт и умолял медсестру сделать мне уколы от бешенства, как бы больно это ни было. Я закатил огромную сцену. Я впал в истерику. У меня не было никакого бешенства, но я полностью перестал владеть собой.

Я рассказал дону Хуану об этих двух моих *вспоминаниях* во всех деталях, ничего не пропуская. Он не делал никаких замечаний. Он кивал головой вверх и вниз.

– В обоих *вспоминаниях*, дон Хуан, – сказал я, сам чувствуя крайнюю необходимость слышать свой голос, – я впал в обычную истерику. Мое тело дрожало. Меня тошнило. Я не хочу говорить, что я *как будто* был в этих переживаниях, потому что это неправда. Я *был* в самих переживаниях оба раза. И когда я больше не мог их выносить, я прыгал в мою жизнь сейчас. Для меня это был прыжок в будущее. Я обладал способностью перемещения во времени. Мой прыжок в прошлое не был внезапным; событие разворачивалось постепенно, как разворачиваются воспоминания. А вот в конце я внезапно прыгнул в будущее: свою жизнь сейчас.

– Что-то в тебе явно начало рушиться, – сказал дон Хуан в конце концов. – Оно рушилось все время, но очень быстро восстанавливалось каждый раз, когда его опоры выходили из строя. Я чувствую, что оно сейчас полностью рушится.

После еще одной долгой паузы дон Хуан объяснил, что маги древней Мексики считали, что, как он мне уже говорил, у нас есть

два ума и только один из них действительно наш. Слова дона Хуана я всегда понимал так, что в уме есть две части и одна из них всегда молчит, потому что другая часть силой запрещает ей самовыражаться. Я воспринимал все, что говорил дон Хуан, как метафору для объяснения, возможно, заметного доминирования левого полушария мозга над правым, или чего-то в таком духе.

– В *перепросмотре* есть тайная возможность выбора, – сказал дон Хуан. – Точно так же, как я говорил тебе, что тайная возможность выбора есть в смерти, возможность, которую находят только маги. В случае смерти тайная возможность в том, что люди могут сохранить свою жизненную силу и отказаться только от своего осознания, результата своей жизни. В случае *перепросмотра* тайная возможность выбора, которую нашли только маги, в том, чтобы предпочесть развивать свой истинный ум.

– Тревожные воспоминания, которые ты воспроизвел в памяти, – продолжал он, – могли появиться только из твоего истинного ума. Другой ум, который у нас всех одинаков, – это, я сказал бы, дешевая модель: экономная мощность, подходящий для всех размер. Но эту тему мы обсудим позже. Сейчас мы рискуем приходом разрушительной силы. Силы, которая разрушит не тебя, – я имею в виду другое. Она разрушит то, что маги называют *чужеродным устройством*, которое есть в тебе и во всех остальных людях. Именно воздействие этой силы, которая нисходит на тебя, разрушая *чужеродное устройство*, вытаскивает магов из их синтаксиса.

Я внимательно слушал дона Хуана, но не сказал бы, что понял его слова. По какой-то странной причине, которая мне была настолько же неведома, как и причина моих ярких воспоминаний, я не мог задать ему ни одного вопроса.

– Я знаю, как тебе трудно, – вдруг сказал дон Хуан, – справиться с этой гранью твоей жизни. Каждый известный мне маг прошел через это. Мужчины, проходя через это, страдают бесконечно больше, чем женщины. Я полагаю, что в этом положение женщины – быть более долговечной. Маги древней Мексики, действуя как группа, старались, как могли, смягчить удар этой разрушительной силы. В наши дни у нас нет возможностей действовать как группа, так что мы должны встречаться с этим в одиночестве. Мы должны напрячь все силы, чтобы в одиночестве встретить силу, которая вынесет нас из языка, потому что

невозможно адекватно описать то, что происходит.

Дон Хуан был прав в том, что я не смогу подобрать объяснений или описать воздействие, оказанное на меня этими воспоминаниями. Дон Хуан сказал мне, что маги встречаются с неизвестным в самых повседневных происшествиях. Когда они сталкиваются с ним и не могут интерпретировать то, что воспринимают, им приходится полагаться на руководство внешнего источника. Дон Хуан назвал этот источник *бесконечностью*, или *голосом духа*, и сказал, что, если маги не пытаются быть рациональными в том, что нельзя объяснить рационально, *дух* безошибочно говорит им, что есть что.

Благодаря дону Хуану я принял идею, что *бесконечность* – это сила, которая обладает голосом и осознает себя. Тем самым он подготовил меня быть всегда готовым услышать этот голос и действовать эффективно, но без предубеждений, ни о чем не судя заранее. Я нетерпеливо ждал, когда *голос духа* объяснит мне смысл моих *вспоминаний*, но ничего не происходило.

Однажды я был в книжном магазине, когда одна девушка узнала меня и подошла поговорить со мной. Она была высокая и стройная, с неуверенным голосом маленькой девочки. Я старался вести себя так, чтобы она чувствовала себя свободнее, но вдруг ощутил мгновенное энергетическое изменение. Во мне включился сигнал тревоги, и, как уже бывало раньше, совершенно помимо моей воли, я *вспомнил* еще одно совершенно забытое событие из моей жизни. На меня нахлынуло воспоминание о доме бабушки. Это была настоящая лавина, сильная до ужаса, и мне опять пришлось отойти в угол. Мое тело тряслось, как будто я простудился.

Мне было, наверное, восемь лет. Мой дедушка разговаривал со мной. Сначала он сказал мне, что его наивысший долг – направить меня по правильному пути. У меня было два двоюродных брата моего возраста: Альфредо и Луис. Мой дедушка безжалостно потребовал от меня признать, что Альфредо очень красив. В моем видении я слышал скрипучий, приглашенный голос деда.

– Альфредо не нужно никаких знакомств, – сказал он мне по этому поводу. – Ему нужно только присутствовать, и двери раскроются для него настезь, потому что все исповедуют культ красоты. Всем нравятся красивые люди. Они завидуют им, но явно стремятся

быть с ними. Поверь мне. Я ведь тоже красив, правда? Я искренне согласился с моим дедушкой. Он был действительно очень красивым мужчиной, тонкой кости, со смеющимися голубыми глазами и изящным точеным лицом с прекрасными скулами. Все в его лице казалось в полной гармонии – его нос, его рот, его глаза, его острый подбородок. У него на ушах росли светлые волосы, из-за чего он был похож на эльфа. Он знал все о себе и максимально использовал свои качества. Женщины обожали его, во-первых, как он говорил, за его красоту, а во-вторых, потому что он не представлял для них никакой угрозы. Он, конечно, пользовался всеми преимуществами этого.

– Альфредо – победитель, – продолжал мой дедушка, – Ему никогда не придется приходить без приглашения, потому что он всегда будет первым в списке гостей. Ты когда-нибудь замечал, как люди останавливаются на улице, чтобы посмотреть на него, и как они хотят прикоснуться к нему? Он настолько прекрасен, что я боюсь, он окажется задницей, но это другая тема. Скажем, он будет самой приятной задницей, которую только можно встретить. Мой дедушка противопоставил Альфредо моего двоюродного брата Луиса. Он сказал, что Луис простодушный, немного глупый, но у него золотое сердце. А затем он внес в эту картину меня.

– Если продолжить дальше наше объяснение, – продолжал он, – то тебе придется честно признать, что Альфредо красивый, а Луис добрый. Теперь возьмем тебя; ты не красив и не добр. Ты настоящий сукин сын. Никто не будет приглашать тебя в гости. Тебе придется привыкнуть к мысли, что если ты собираешься быть на вечеринке, то тебе придется приходить туда без приглашения. Двери никогда не будут для тебя открыты так, как они будут открыты для Альфредо за красоту и для Луиса за доброту, так что тебе придется влезать через окно.

Его анализ своих трех внуков был настолько точным, что я заплакал из-за неотвратимости того, что он сказал. Чем больше я плакал, тем счастливее он становился. Он закончил свои доводы абсолютно уничтожающей рекомендацией.

– Незачем расстраиваться, – сказал он, – потому что нет ничего более захватывающего, чем забираться через окно. Для этого нужно быть сообразительным и активным. Тебе нужно за всем следить и быть готовым к бесконечным оскорблениям.

– Если тебе приходится забираться через окно, – продолжал он, –

то это потому, что ты явно не в списке гостей; следовательно, твое присутствие совершенно нежелательно и тебе придется лезть из кожи вон, чтобы остаться. Единственный известный мне способ — это захватить контроль над всеми. Кричи! Требуй! Советуй! Пусть они почувствуют, что ты главный! Как можно тебя выкинуть, если ты главный?

Воспоминание об этой сцене вызвало у меня глубокое потрясение. Я похоронил это происшествие так глубоко, что полностью забыл его. Запомнил я навсегда лишь его совет всегда быть главным, который он, наверное, повторял мне снова и снова много лет. У меня не было ни малейшей возможности исследовать это событие или поймать над ним, потому что еще одно забытое воспоминание всплыло на поверхность с такой же силой. В нем я был вместе с девушкой, с которой был обручен. В то время мы оба копили деньги на свадьбу и собственный дом. Я услышал, как я требую, чтобы у нас был общий счет в банке; я не был согласен ни на какие другие варианты. Я почувствовал настоятельную потребность прочитать ей лекцию о бережливости. Я услышал, как советую ей, где она должна покупать себе одежду и какой должна быть максимально допустимая цена.

Затем я увидел, как я даю уроки вождения ее младшей сестре и как я по-настоящему взбесился, когда она сказала, что собирается уехать из дома родителей. Заставляя ее отказаться от этого, я стал угрожать ей, что прекращу мои уроки. Она заплакала, признавшись мне, что у нее роман с боссом. Я выпрыгнул из машины и стал колотить по дверце ногами.

Но это было еще не все. Я услышал, как говорю отцу моей невесты, чтобы он не переезжал в Орегон, как он планировал. Я кричал во весь голос, что это глупый поступок. Я действительно считал, что мои доводы против этого неопровержимы. Я представил ему цифры сметы, в которой дотошно подсчитал его убытки. Когда он не стал обращать на меня никакого внимания, я хлопнул дверью и ушел, трясаясь от ярости. Моя невеста сидела в гостинной и играла на гитаре. Я выхватил гитару у нее из рук и закричал, что, вместо того чтобы играть на гитаре, она обнимает ее, как будто это больше чем предмет.

Мое желание навязывать свою волю распространялось на все на свете. Я не делал ни для кого исключения; кто бы ни был рядом со мной, он был здесь для того, чтобы я владел им и лепил из него что

хочу.

Мне уже не нужно было думать о значении моих ярких видений. Меня охватила какая-то абсолютная уверенность, как будто придя извне. Она сказала мне, что мое слабое место в том, что мне всегда нужно быть в директорском кресле. Моим глубоко укоренившимся убеждением было то, что мне не просто нужно быть главным, но к тому же еще и контролировать любую ситуацию. Мое воспитание укрепило это стремление, которое, наверное, было в самом начале эпизодическим, но в зрелом возрасте превратилось в глубокую необходимость.

Я без малейших сомнений осознавал, что в действие вступила *бесконечность*. Дон Хуан изобразил ее как сознательную силу, которая намеренно вмешивается в жизнь магов. И теперь она вмешивалась в мою жизнь. Я знал, что с помощью ярких воспоминаний этих забытых переживаний *бесконечность* указывает мне на силу и глубину моего стремления к контролю и таким образом готовит меня к чему-то трансцендентальному для меня самого. Я знал с пугающей уверенностью, что скоро что-то отнимет у меня любую возможность контролировать и что мне больше всего нужна *трезвость, гибкость и отрешенность*, чтобы встретиться с тем, приближение чего я предчувствовал.

Естественно, я рассказал все это дону Хуану, описав во всех подробностях свои домыслы и озарения о возможном значении моих воспоминаний.

Дон Хуан добродушно рассмеялся.

– Все это психологические преувеличения с твоей стороны. Ты принимаешь желаемое за действительное, – сказал он. – Ты, как обычно, ищешь объяснений с линейной причиной и следствием. Твои воспоминания становятся все более яркими, все более безумными для тебя, потому что, как я уже говорил, ты начал необратимый процесс. Всплывает твой истинный ум, просыпаясь от пожизненной летаргии.

– *Бесконечность* заявляет на тебя права, – продолжал он. – Какие бы средства она ни использовала, чтобы указать это тебе, у тебя не должно быть никаких других обоснований, никаких других причин, никаких других ценностей, кроме этой. Но ты должен подготовиться к нападениям *бесконечности*. Ты должен быть в состоянии постоянной собранности для удара огромной мощности. Это те здравомыслие и трезвость, с которыми маги встречают

бесконечность.

Слова дона Хуана оставили у меня неприятный привкус во рту. Я действительно чувствовал приближающуюся ко мне атаку и боялся ее. Поскольку я всю жизнь прятался за какой-то чрезмерной активностью, я и теперь с годовой погрузился в работу. Я читал лекции на занятиях, которые вели мои друзья в разных школах в Южной Калифорнии. Я много писал. Могу сказать без преувеличения, что я выкинул десятки рукописей в мусорное ведро, потому что они не соответствовали обязательным требованиям, которые дон Хуан описал мне как знак того, что что-то подходит для *бесконечности*.

Он сказал, что все мои действия должны быть актом магии. Актом, свободным от вторгающихся ожиданий, опасений неудачи, надежд на успех. Свободными от культа я. Все, что я делаю, должно было быть импровизацией; магическим делом, в котором я свободно открываюсь импульсам бесконечного.

Однажды вечером я сидел за письменным столом, готовясь к ежедневной работе над рукописями. На мгновение закружилась голова. Я поймал, что мне стало дурно, потому что я слишком быстро поднялся с коврика, на котором делаю упражнения. Мое зрение затуманилось. Перед глазами поплыли желтые пятна. Я думал, что сейчас упаду в обморок. Приступ слабости становился все тяжелее. Передо мной было огромное красное пятно. Я начал глубоко дышать, пытаюсь успокоить возбуждение, которое вызывало это зрительное искажение. Я стал необыкновенно спокоен, настолько, что заметил, что окружен непроницаемой темнотой. В уме проскочила мысль, что я потерял сознание. Но я мог ощущать свой стул, стол; я мог чувствовать все вокруг себя из окружающей меня темноты.

Дон Хуан говорил, что маги его линии считают одним из самых желанных результатов *внутреннего безмолвия* определенную игру энергии, которой всегда предшествует сильная эмоция. Он считал, что мои *вспоминания* были способом предельно возбудить меня, чтобы я пережил эту игру. Такая игра проявляется в оттенках, которые проецируются на любые сцены в мире повседневной жизни, будь то гора, небо, стена или просто ладони. Он объяснил, что эта игра оттенков начинается с появления бледного сиреневого мазка на горизонте. Со временем этот сиреневый мазок начинает расширяться, пока не охватывает весь видимый горизонт, как

надвигающиеся грозовые тучи.

Он заверил меня, что потом показывается красное пятно своеобразного ярко-гранатового цвета, как бы прорывающееся сквозь сиреневые облака. Он сказал, что по мере того, как маги становятся более дисциплинированными и опытными, гранатовое пятно расширяется и в конце концов взрывается в виде мыслей или видений или, в случае грамотного человека, в написанные слова; маги либо наблюдают видения, порожденные энергией, либо слышат мысли, произносимые как слова, либо читают написанные слова.

В этот вечер за моим столом я не видел никаких сиреневых мазков и никаких надвигающихся туч. Я был уверен, что у меня нет той дисциплины, которая требуется магам для такой игры энергии, но передо мной было огромное гранатово-красное пятно. Это огромное пятно без всяких вступлений взорвалось в виде разрозненных слов, которые я читал, как будто с листа бумаги, выдвигающегося из печатной машинки. Слова двигались передо мной с такой огромной скоростью, что было невозможно успеть хоть что-то понять. Затем я услышал голос, что-то описывающий мне. И опять же, скорость голоса не подходила для моих ушей. Слова были искажены, и было невозможно услышать хоть что-нибудь осмысленное.

Словно этого было недостаточно, я начал видеть живые сцены, похожие на сцены в снах после тяжелой еды. Они были гротескными, темными, зловещими. Я начал кружиться, и кружился, пока меня не затошнило. Все событие на этом закончилось. Я чувствовал воздействие того, что произошло со мной, в каждой мышце своего тела. Я был истощен. Это бурное вмешательство разозлило и расстроило меня.

Я поспешил в дом дон Хуана, чтобы рассказать ему об этом случае. Я чувствовал, что мне как никогда нужна помощь.

— Ни в магах, ни в магии нет ни капли мягкости, — заметил дон Хуан, выслушав мой рассказ. — *Бесконечность* впервые напала на тебя таким способом. Это была молниеносная атака. Это было полное овладение твоими способностями. Что касается скорости твоих видений, тебе самому нужно будет научиться ее регулировать. Для некоторых магов это задача на всю жизнь. Но с этого момента энергия будет казаться тебе проецируемой на движущийся экран.

– Понимаешь ли ты то, что проецируется, – продолжал он, – это другой вопрос. Чтобы давать точную интерпретацию, тебе нужен опыт. Мой совет тебе: не смущаться и начать сейчас. Читай энергию на стене! Всплывает твой настоящий ум, и он не имеет никакого отношения к уму, который является *чужеродным устройством*. Пусть твой настоящий ум регулирует скорость.

Будь безмолвен и не беспокойся, что бы ни происходило.

– Но, дон Хуан, возможно ли все это? Действительно можно читать энергию, как будто это текст? – спросил я, ошеломленный этой идеей.

– Конечно, это возможно! – сказал он в ответ. – В твоем случае это не только возможно, это уже происходит с тобой.

– Но зачем читать энергию, как будто это текст? – настаивал я, но это был риторический вопрос.

– Это притворство с твоей стороны, – сказал он. – Если ты читаешь текст, ты можешь повторить его дословно. Но если бы ты попробовал быть не *читателем бесконечности*, а *зрителем бесконечности*, оказалось бы, что ты не можешь описать увиденное, и в итоге ты лепетал бы бессмыслицу, не умея передать словами то, что наблюдал. Точно так же, если бы ты попробовал услышать энергию. Это, конечно, твоя специфика. В любом случае, выбор делает *бесконечность*. *Воин-путешественник* просто молча соглашается с этим выбором.

– Но прежде всего, – добавил он после обдуманной паузы, – не теряйся из-за того, что не можешь описать это событие. Оно за пределами синтаксиса нашего языка.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ТЕМНОМУ МОРЮ ОСОЗНАНИЯ

Теперь мы можем поговорить о *внутреннем безмолвии* немного яснее, – сказал дон Хуан.

Его высказывание настолько не относилось к предыдущей теме разговора, что удивило меня. После полудня он несколько часов рассказывал мне о злоключениях, которые испытали индейцы яки после больших войн двадцатых годов, когда правительство Мексики депортировало их из родных мест в штате Сонора в северной Мексике для работы на плантациях сахарного тростника в центральной и южной Мексике. Дон Хуан рассказал мне несколько потрясающих, горьких историй о яки, о политических интригах и предательстве, о лишениях и человеческих страданиях. У меня было чувство, что дон Хуан готовит меня к чему-то, потому что он знал, что меня хлебом не корми, только дай послушать такие рассказы. В то время у меня было обостренное чувство социальной справедливости и честной игры.

– Окружающие тебя обстоятельства могут позволить тебе приобрести больше энергии, – продолжал он. – Ты начал *перепросмотр* всей своей жизни; ты впервые посмотрел на своих друзей так, как будто они находятся на витрине; ты абсолютно самостоятельно, своими собственными усилиями пришел к своему *переломному моменту*; ты прекратил свой бизнес; и главное, ты скопил достаточно *внутреннего безмолвия*. Благодаря всему этому ты смог совершить путешествие по *темному морю осознания*.

– Встреча со мной в том выбранном нами городе была таким путешествием, – продолжал он. – Я знаю, что у тебя почти всплыл на поверхность решающий вопрос и что на мгновение ты задал его себе: действительно ли я приходил к тебе домой. Мой приход к тебе не был для тебя сном. Я был реален, ты согласен?

– Ты был так же реален, как и все остальное, – сказал я.

Я почти забыл об этих событиях, но я помнил, что мне показалось

странным, как он мог найти мою квартиру. Я отбросил свое удивление, просто предположив, что он разузнал у кого-то мой новый адрес. Хотя, задумайся я об этом поглубже, я не смог бы назвать никого, кто знал бы тогда, где я живу.

– Давай проясним этот момент, – сказал он в ответ. – На моем языке, языке магов древней Мексики, я был таким реальным, каким только мог быть, и в таком виде я действительно пришел к тебе из *моего внутреннего безмолвия*, чтобы сообщить тебе о требовании *бесконечности* и предупредить тебя, что у тебя осталось мало времени. И ты, в свою очередь, из своего *внутреннего молчания* действительно отправился в этот выбранный нами город, чтобы сказать мне, что ты сумел выполнить требование *бесконечности*.

На твоём языке, языке обычного человека, я в обоих случаях был сном-фантазией. У тебя был сон-фантазия, что я приехал к тебе, не зная адреса, а затем у тебя был сон-фантазия, что ты приехал, чтобы встретиться со мной. Что касается меня как мага, то, что ты считаешь своим сном-фантазией о встрече со мной в том городе, было настолько же реально, как наш с тобой разговор сегодня.

Я признался дону Хуану, что я никак не мог приспособить эти события к образу мышления человека Запада. Я сказал, что думать о них в терминах снов-фантазий означает создавать ложную категорию, которая не выдерживает критики, и что единственным сколько-нибудь приемлемым объяснением является другой аспект его знаний: *сновидение*.

– Нет, это не *сновидение*, – подчеркнул он. – Это что-то более непосредственное и более загадочное. Кстати, у меня для тебя сегодня есть новое определение *сновидения*, более соответствующее твоему состоянию. *Сновидение* – это действие изменения точки прикрепления к *темному морю осознания*. Если так его рассматривать, это очень простое понятие и очень простой маневр. Тебе нужно все, что у тебя есть, чтобы осознать это, но это вполне осуществимо и не окружено мистическим туманом.

– Название *сновидение* всегда выводило меня из себя, – продолжал он, – потому что оно ослабляет очень мощное действие. Из-за этого названия оно кажется чем-то случайным; оно в каком-то смысле становится фантазией, которым оно никак не является. Я пытался изменить это название, но оно слишком глубоко укоренилось. Может быть, когда-нибудь ты сможешь изменить

его, хотя, как и со всем остальным в магии, боюсь, что, когда ты это действительно сделаешь, тебе будет уже до лампочки, как что бы то ни было называется.

Все то время, что я его знал, дон Хуан очень подробно объяснял, что *сновидение* – это искусство, открытое магами древней Мексики, с помощью которого обычные сны преобразуются в настоящие *врата в иные миры восприятия*. Он приближал всеми возможными способами приход того, что он называл *вниманием сновидения*, то есть способности уделять особый вид внимания или обращать особый вид осознания на элементы обычного сна.

Я старательно следовал всем его рекомендациям и достиг успеха в том, чтобы приказывать своему осознанию оставаться фиксированным на элементах сна. Дон Хуан советовал мне не стараться специально увидеть желаемый сон, а фиксировать свое внимание на составных частях любого обычного сна.

Затем дон Хуан энергетически показал мне то, что маги древней Мексики считали источником *сновидения*: сдвиг *мочки сборки*. Он сказал, что *точка сборки* очень естественно смещается во время сна, но *увидеть* это смещение нелегко, потому что для этого требуется агрессивное настроение, которое было пристрастием магов древней Мексики. Эти маги, как сказал дон Хуан, открыли все основы своей магии с помощью этого настроения.

– Это очень хищническое настроение, – продолжал дон Хуан. – Совсем нетрудно войти в него, потому что человек по природе хищник. Ты можешь *увидеть*, агрессивно, любого в этой маленькой деревне или кого-то далеко отсюда, когда он спит; для этой цели подойдет любой. Тебе важно прийти к чувству полного безразличия. Ты ищешь что-то, и ты отправился на его поиски. Ты отправишься на поиски человека, находя, как хищный зверь из породы кошачьих, кого-то, на кого можно напасть.

Дон Хуан сказал мне, смеясь над моим огорчением, что трудный момент в этой технике – такое настроение и что мне нельзя быть пассивным во время *видения*, потому что это зрелище предназначено не для наблюдения, а для действия по отношению к нему. Возможно, повлияла сила внушения, но в тот день, когда он рассказал мне все это, я чувствовал себя поразительно агрессивно. Каждый мускул моего тела был переполнен энергией, и в моей практике *сновидения* я действительно отправился на поиски кого-то. Меня не интересовало, кем этот кто-то может быть. Мне нужен

был кто-то спящий, и какая-то сила, о которой я знал, не совсем сознавая ее, направила меня к обнаружению этого кого-то.

Я так и не узнал, кто это был, но когда я *увидел* этого человека, я чувствовал присутствие дона Хуана. Это было странное ощущение – знать, что кто-то рядом со мной, с помощью неопределенного чувства близости, которое возникало на каком-то уровне осознания, не знакомом ни по каким моим действиям в прошлом. Я мог только сосредоточить свое внимание на неподвижном человеке. Я знал, что он мужчина, но не знал, откуда я это знаю. Я знал, что он спит, потому что шар энергии, которым обычно является человек, был немного сплюснен; он был растянут горизонтально.

И тогда я увидел *точку сборки* не в таком положении, как обычно. Она была смещена направо и немного вниз от того места, где должна была быть. Я вычислил, что, если *точка сборки* обычно находится прямо за лопатками, в этом случае она переместилась в область ребер. Еще я заметил, что она была неустойчивой. Она беспорядочно колебалась, а затем вдруг вернулась в свое нормальное положение. У меня было отчетливое чувство, что, очевидно, мое присутствие и присутствие дона Хуана разбудило этого человека. Я сразу же после этого *увидел* массу неясных образов, а затем проснулся в том месте, откуда отправился.

И еще дон Хуан обычно говорил мне, что маги разделены на две группы: одна из групп – *сновидящие* а другая – *сталкеры*.

Сновидящие – это те, кто умеет с легкостью смещать *точку сборки*. *Сталкеры* – это те, кто способен удерживать *точку сборки* фиксированной в этом новом положении. *Сновидящие* и *сталкеры* дополняют друг друга и работают в парах, влияя друг на друга своими природными предрасположенностями.

Дон Хуан заверил меня, что смещение и закрепление *точки сборки* можно выполнять по своей воле с помощью железной дисциплины магов. Он говорил, что маги его линии считают, что есть по крайней мере шестьсот точек в светящемся коконе, которым мы являемся и при сознательном смещении *точки сборки* любая из них может дать нам целый мир. Это значит, что, если наша *точка сборки* смещена в любую из этих точек и остается фиксированной в ней, мы воспринимаем такой же реальный мир, как и мир повседневной жизни, но отличающийся от него.

Кроме того, дон Хуан объяснил, что искусство магии состоит в

том, чтобы манипулировать *точкой сборки* и по своей воле заставлять ее менять положение на светящихся сферах, которыми являются люди. Результатом этой манипуляции является сдвиг *точки контакта с темным морем осознания*, из-за чего одновременно с этим другой пучок мириад энергетических полей в форме светящихся нитей сосредоточивается в *точке сборки*. В результате того, что в *точке сборки* собираются новые энергетические поля, приходит в действие *осознание* иного типа, чем то, которое необходимо для восприятия мира повседневной жизни. Оно превращает новые энергетические поля в сенсорные данные, которые интерпретируются и воспринимаются как другой мир, потому что энергетические поля, порождающие его, отличаются от привычных.

Он сказал, что точным определением магии как практики было бы сказать, что магия – это манипуляция *точкой сборки* с целью изменения ее фокальной точки контакта с *темным морем осознания*, тем самым давая возможность восприятия других миров.

Дон Хуан сказал, что искусство *сталкеров* выходит на сцену после того, как *точка сборки* смещена. Сохранение фиксации *точки сборки* в ее новом положении обеспечивает магам абсолютно полное восприятие того нового мира, в который они входят, точно так же, как мы воспринимаем мир повседневных дел. Для магов линии дона Хуана мир повседневной жизни – это всего лишь одна складка всего мира, состоящего по крайней мере из шестисот таких складок.

Дон Хуан вернулся к обсуждаемой теме: о моих путешествиях по *темному морю осознания* и сказал, что то, что я сделал исходя из своего *внутреннего безмолвия*, очень похоже на то, что делается в *сновидении*. Но при путешествии по *темному морю осознания* нет никаких помех, вызванных сном, и нет никакой необходимости контролировать свое внимание, как во время сна. Путешествие по *темному морю осознания* вызывает мгновенный отклик. В нем есть определенное всепоглощающее ощущение *здесь и сейчас*. Дон Хуан посетовал на то, что некоторые придурковатые маги называли этот акт непосредственного достижения *моря осознания* «сновидением в бодрствовании», делая термин *сновидение* еще более нелепым.

– Когда ты думал, что у тебя сон-фантазия о путешествии в этот

выбранный нами город, – продолжал он, – ты на самом деле переместил свою *точку сборки* прямо в определенное место *темного моря осознания*, которое позволяет совершить такое путешествие. Затем *темное море сознания* обеспечило тебя всем необходимым для продолжения этого путешествия. Никак невозможно по своей воле выбрать это место. Маги говорят, что его безошибочно выбирает *внутреннее безмолвие*. Просто, правда? Он объяснил мне тонкости выбора. Он сказал, что для *воинов-путешественников* этот выбор, фактически, не действие по выбору чего-то, а скорее действие по изысканному безмолвному согласию с просьбами *бесконечности*.

– Выбирает *бесконечность*, – сказал он. – Искусство *воина-путешественника* в том, чтобы обладать способностью двигаться по малейшему намеку; искусство безмолвно соглашаться с каждой командой *бесконечности*. Для этого *воину-путешественнику* нужна отвага, сила и, прежде всего, трезвость. Все эти три качества, вместе взятые, дают в результате изысканность в действиях!

После минутной паузы я вернулся к теме, которая больше всего меня интриговала.

– Но, дон Хуан, трудно поверить, что я действительно отправился в этот город телом и душой, – сказал я.

– В это трудно поверить, но это можно проверить, – сказал он. – Вселенная безгранична, и возможности игры во всей Вселенной в целом действительно ни с чем не сравнимы. Так что не попадайся на аксиому «Верю только в то, что вижу», потому что это самая дурацкая позиция, какую только можно занять.

Доводы дона Хуана были кристально ясны. Они имели смысл, но я не знал, где они имели этот смысл, – явно не в моем повседневном мире повседневных дел. Тогда дон Хуан, вызвав во мне большую тревогу, заверил меня, что для магов есть только один способ справляться со всей этой информацией: испытать ее на собственном опыте, потому что ум не способен воспринять все это.

– Что ты предлагаешь мне делать, дон Хуан? – спросил я.

– Ты должен намеренно совершить путешествие по *темному морю осознания*, – ответил он, – но так и не узнаешь, как это делается.

Скажем, это делает *внутреннее безмолвие*, следуя необъяснимыми путями, путями, которые невозможно понять, можно только практиковать.

Дон Хуан попросил меня сесть на кровати и принять позу, которая способствует *внутреннему безмолвию*. Я обычно мгновенно засыпал всякий раз, как принимал эту позу. Но когда я был с доном Хуаном, из-за его присутствия я не мог заснуть; вместо этого я входил в настоящее состояние полной тишины. В этот раз, после секундной тишины, я обнаружил, что иду. Дон Хуан во время ходьбы направлял меня за руку.

Мы уже не были в его доме; мы шли по городу индейцев яки, в котором я никогда до этого не был. Я знал о существовании этого города; я много раз был рядом с ним, но мне приходилось разворачиваться обратно из-за полнейшей враждебности людей, которые жили вокруг него. В этот город чужаку было почти невозможно войти. Единственными не-яки, которые имели свободный доступ в этот город, были инспектора из Федерального Банка, потому что банк покупал урожай у фермеров-яки. Бесконечные переговоры с фермерами-яки крутились вокруг получения от банка авансов наличными на основании близких к домыслам предположений о будущем урожае.

Я сразу же узнал город по описаниям людей, которые там побывали. Как будто для того, чтобы удивить меня еще больше, дон Хуан прошептал мне на ухо, что мы находимся в этом самом городе индейцев яки. Я хотел спросить его, как мы сюда попали, но не смог произнести ни слова. Там было много индейца, которые о чем-то спорили; по-видимому, многие выходили из себя от гнева. Я не понимал ни слова из того, что они говорили, но как только у меня родилась мысль, что я не понимаю, что-то прояснилось. Было очень похоже на то, как если бы в сцене появилось больше света. Все стало очень рельефным и четким, и я понял, о чем говорят эти люди, хотя и не знал, как; я не говорил на их языке, Слова были явно понятны мне, не по отдельности, а группами, как будто мой ум мог воспринимать целые структуры мыслей.

Признаться, я получил невиданный шок – не столько из-за того, что понимал, о чем они говорят, но из-за содержания их разговоров. Эти люди были действительно воинственными. Это были совсем не люди Запада. Их слова были словами вражды, войны, стратегии. Они измеряли свою силу, свои ударные ресурсы и жалели о том, что у них не хватает сил осуществить свои удары. Я отметил в своем теле боль их бессилия. У них были только палки и камни против вооружения высокой технологии. Они печалились

о том, что у них нет лидеров. Больше всего на свете они желали появления какого-то обладающего притягательной энергией лидера, который вдохнул бы в них силы.

Затем я услышал циничный голос; один из них высказал мысль, которая, по-видимому, подавила всех без исключения, включая меня, потому что я был как бы их неотъемлемой частью. Он сказал, что они побеждены безнадежно, потому что, если сейчас у кого-то из них появится притягательная сила для того, чтобы подняться и сплотить их, его предадут из-за чувства зависти, ревности и обиды.

Я хотел рассказать дону Хуану о том, что со мной происходило, но не мог сказать ни единого слова. Только дон Хуан мог говорить. – Яки не уникальны в своей мелочности, – сказал он мне на ухо. – Это то состояние, в котором пойманы люди; состояние, которое даже не человеческое, а навязано извне.

Я почувствовал, как мой рот непроизвольно открывается и закрывается в отчаянной попытке задать вопрос, который я не мог даже сформулировать. Мой ум был пустым, лишенным мыслей. Мы с доном Хуаном были в кругу людей, но, кажется, никто из них нас не замечал. Я не заметил никаких движений, реакций или взглядов украдкой, которые бы показали, что они о нас знают. В следующее мгновение я оказался в мексиканском городе, построенном вокруг железнодорожной станции, который находился приблизительно в полутора милях на восток от того места, где жил дон Хуан. Мы с доном Хуаном находились посреди улицы рядом с государственным банком. Сразу после этого я увидел одно из самых странных зрелищ, которые мне вообще приходилось наблюдать в мире дона Хуана. Я *видел* энергию как потоки во Вселенной, но я не *видел* людей как сферические или продолговатые шары энергии. Одно мгновение люди вокруг меня были нормальными людьми повседневной жизни, а в следующее они стали некими странными существами. Шар энергии, которым является человек, был как бы прозрачным; это было подобно гало вокруг похожей на насекомое сердцевины. Эта сердцевина имела не форму примата. Не было никаких частей скелета, так что я не *видел* людей как бы рентгеновским зрением, проходящим до костей. В сердцевине были скорее геометрические формы, созданные, по-видимому, из жесткой вибрации материи. Эта сердцевина была похожа на буквы алфавита – прописное Т было,

по-видимому, главной строительной опорой. Перед Т было подвешено толстое перевернутое L; греческая буква дельта, которая доходила почти до земли, была расположена ниже вертикальной черты Т и, очевидно, служила опорой всей этой структуры. Сверху на букве Т я увидел что-то вроде веревки диаметром около дюйма; она проходила через верхушку светящейся сферы, как будто то, что я *видел*, было на самом деле гигантской бусиной, подвешенной за верхнюю часть, как драгоценный камень.

Когда-то дон Хуан познакомил меня с метафорой, описывающей энергетическое единство нитей людей. Он сказал, что маги древней Мексики описали эти нити как занавес, сделанный из бусин, нанизанных на нить. Я понял это буквально, как будто нить проходит через многочисленные энергетические поля, которыми мы являемся, с головы до пяток. Прикрепляющая нить, которую я *видел*, делала круглую форму энергетических полей людей скорее похожей на брелок. Но я не *видел*, чтобы хоть какие-то существа были подвешены на одной нити. Все без исключения существа, которых я *видел*, были в форме геометрических фигур с какой-то нитью в верхней части сферического гало. Эти нити мне очень напомнили разрозненные, похожие на червей формы, которые некоторые из нас видят через полуприкрытые веки под солнечным светом.

Мы с доном Хуаном прошли по городу из одного конца в другой, и я *увидел* буквально десятки существ геометрической формы. Моя способность *видеть* их была крайне неустойчива. Я на мгновение *видел* их, а затем терял их из виду и сталкивался с обычными людьми.

Вскоре я страшно устал и мог видеть только обычных людей. Дон Хуан сказал, что пора возвращаться домой, и опять что-то во мне потеряло мое обычное чувство непрерывности. Я оказался в доме дона Хуана, не имея ни малейшего понятия о том, как я пересек расстояние от города до дома. Я лежал в своей кровати и отчаянно пытался вспомнить, вернуть мое воспоминание, обыскать глубины самого себя в поисках ключа к тому, как я попал в город яки и в город возле железнодорожной станции. Я не верил, что это были сны-фантазии, потому что сцены были настолько детальными, что могли быть только реальностью, и все же они никак не могли быть реальностью.

– Ты теряешь свое время, – сказал дон Хуан, смеясь. – Я обещаю тебе, что ты никогда не узнаешь, как мы попали из дома в город яки, и из города индейцев-яки на железнодорожную станцию, и от станции – домой. Произошел разрыв в непрерывности времени. Вот что делает *внутреннее безмолвие*.

Он терпеливо объяснил мне, что прерывание потока непрерывности, благодаря которому мир для нас понятен, – это магия. Он заметил, что я в этот день пропутешествовал по *темному морю осознания* и что я *видел* людей такими, каковы они есть, занятыми человеческими делами. А затем я видел нить энергии, которая связывает определенные линии человеческих существ.

Дон Хуан повторял мне снова и снова, что я был свидетелем чего-то конкретного и необъяснимого – я понимал то, что говорят люди, не зная их языка, и я *видел* нить энергии, которая соединяет людей с некоторыми другими существами, – и что я выбрал эти аспекты с помощью *намеревания* этого. Он подчеркнул, что сделанное мной *намеревание* было не сознательным и не произвольным, что *намеревался* я на глубоком уровне и *намерение* было продиктовано необходимостью. Мне нужно было познакомиться с некоторыми из возможностей путешествия по *темному морю осознания*, и мое *внутреннее безмолвие* направило *намерение* – извечную силу Вселенной – к удовлетворению этой потребности.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

НЕОРГАНИЧЕСКОЕ ОСОЗНАНИЕ

В определенный момент моего ученичества дон Хуан раскрыл мне всю сложность его жизненной ситуации. Он заявил, вызвав у меня досаду и уныние, что он живет в хибарке в штате Сонора в Мексике потому, что эта хибарка отображала мое состояние осознания. Я не очень-то поверил, что он действительно считает меня настолько ограниченным, точно так же не верил я и в то, что у него есть другие места для жительства, как он утверждал. Оказалось, что он был прав и в том, и в другом. Мое состояние осознания было очень ограниченным, а у него действительно были другие места, где он мог жить, бесконечно комфортабельнее, чем хибарка, в которой я впервые его нашел. И он был не одиноким магом, каковым я его считал, а лидером группы пятнадцати других *воинов-путешественников*: десяти женщин и пяти мужчин. Мое удивление было огромным, когда он привез меня в свой дом в центральной Мексике, где он жил со своими магическими компаньонами.

– Ты жил в Соноре только из-за меня, дон Хуан? – спросил я его, не в силах нести эту ответственность, которая наполняла меня чувством вины, раскаяния и ничтожности.

– Ну, на самом деле я там не жил, – сказал он, смеясь, – я только встречал тебя там.

– Но как... но как же так, дон Хуан, ты ведь никогда не знал, когда я приеду к тебе, – сказал я. – Я никак не мог предупреждать тебя об этом!

– Ну, если ты точно помнишь, – сказал он, – множество раз ты меня не находил. Тебе приходилось терпеливо сидеть и ждать меня, иногда несколько дней.

– Ты летал отсюда в Гуаймас, дон Хуан? – искренне спросил я. Я думаю, что быстрее всего было лететь на самолете.

– Нет, я не летал в Гуаймас, – сказал он с широкой улыбкой. – Я летал прямо к хибарке, в которой ты ждал.

Я знал, что он специально говорит мне то, что мой линейный ум не может ни понять, ни принять, – то, что бесконечно сбивало меня с толку. В те дни я был на таком уровне осознания, что постоянно задавал себе роковой вопрос: «А что, если все, что говорит дон Хуан, – правда?»

Я не хотел больше задавать ему никаких вопросов, потому что безнадежно заблудился, пытаюсь навести мост между нашими двумя путями мышления и действия.

В новой обстановке дон Хуан начал старательно инструктировать меня по более сложной грани его знаний, грани, которая требовала всего моего внимания, грани, в которой просто воздерживаться от оценок было недостаточно. В этот раз мне пришлось погрузиться в глубины его знаний. Мне пришлось перестать быть объективным, и в то же время мне пришлось воздерживаться от субъективности. Однажды я помогал дону Хуану заострить несколько бамбуковых кольев на заднем дворе его дома. Он попросил меня надеть какие-то рабочие перчатки, потому что щепки бамбука очень острые и легко вызывают инфекцию. Он научил меня, как использовать нож, чтобы зачищать бамбук. Я углубился в эту работу. Когда дон Хуан заговорил со мной, мне пришлось перестать работать, чтобы уделять ему все свое внимание. Он сказал мне, что я достаточно много сделал и что нам нужно зайти в дом.

Он попросил меня сесть в очень удобном кресле в его просторной, почти пустой гостиной. Он дал мне орехи, сушеные абрикосы и ломтики сыра, аккуратно разложенные на тарелке. Я возразил, что хочу закончить зачищать бамбук. Я не хотел есть. Но он не обращал на меня внимания. Он посоветовал мне есть понемногу, медленно и внимательно, потому что мне понадобится достаточное количество пищи, чтобы быть alertным и внимательным к тому, что он мне будет говорить.

– Ты уже знаешь, – начал он, – что во Вселенной существует извечная сила, которую маги древней Мексики называли *темным морем осознания*. Когда они были на максимуме своих способностей восприятия, они *увидели* то, из-за чего у них душа ушла в подштанники, если они носили подштанники. Они *увидели*, что *темное море осознания* отвечает не только за осознание организмов, но и за осознание сущностей, у которых нет организма. – Что это такое, дон Хуан, что за существа без организма, обладающие осознанием? – спросил я удивленно, потому что он

раньше никогда не упоминал ни о чем подобном.

– Древние шаманы обнаружили, что вся Вселенная состоит из двух сил-близнецов, – начал он, – сил, которые противоположны и дополняют друг друга. Наш мир неизбежно имеет двойника. Его противоположный и взаимодополняющий мир населен существами, которые обладают осознанием, но не имеют организмов. Поэтому древние шаманы называли их *неорганическими существами*.

– А где находится этот мир, дон Хуан? – спросил я, бессознательно жуя кусочек сушеного абрикоса.

– Здесь, где мы с тобой сидим, – ответил он как ни в чем не бывало, но сразу же засмеялся над моей нервозностью. – Я сказал тебе, что это наш мир-близнец, так что он тесно связан с нами. Маги древней Мексики не думали так, как ты, в терминах пространства и времени. Они думали исключительно в терминах осознания. Два типа осознания сосуществуют вместе, никогда не сталкиваясь друг с другом, потому что каждый из типов совершенно отличается от другого. Древние шаманы встретились с этой проблемой сосуществования, не касаясь понятий времени и пространства. Они сделали вывод, что уровни осознания *органических существ* и *неорганических существ* настолько разные, что они могут сосуществовать с минимальным взаимным вмешательством.

– А мы можем воспринимать эти *неорганические существа*, дон Хуан? – спросил я.

– Конечно, можем, – ответил он. – Маги делают это по своей воле. Обычные люди тоже делают это, но они не понимают, что они это делают, потому что не сознают существования мира-двойника.

Когда они думают о мире-двойнике, они начинают заниматься разнообразной умственной мастурбацией, но им никогда не приходило в голову, что источник их фантазий находится в подсознательном знании, которое есть у всех нас: мы не одни.

Слова дона Хуана захватили мое внимание. Вдруг я стал ненасытно голодным. Под ложечкой появилась какая-то пустота. Я мог только как можно внимательнее слушать и есть.

– Когда ты обращаешься с вещами в терминах времени и пространства, – продолжал он, – то трудность в том, что ты замечаешь только то, что оказалось в имеющемся у тебя пространстве и времени, которые очень ограничены. С другой

стороны, у магов есть огромное поле, на котором они могут увидеть, не оказалось ли там что-то постороннее. Масса существ со всей Вселенной, существ, имеющих осознание, но не имеющих тела, оказываются в поле осознания нашего мира или в поле осознания мира-двойника, а обычный человек совершенно не замечает этого. Сущности, которые приземляются на наше поле осознания или поле осознания близнеца нашего мира, принадлежат другим мирам, которые существуют помимо нашего мира и его близнеца. Вселенная в целом переполнена мирами осознания, *органическими и неорганическими*.

Дон Хуан продолжил говорить, что эти маги знали, когда *неорганическое сознание* из других миров, кроме нашего мира-близнеца, приземляется на их поле осознания. Он сказал, что, как и любой человек на Земле, эти шаманы делали бесконечные классификации разных типов этой энергии, обладающей осознанием. Они называли их общим термином *неорганические существа*.

— А эти *неорганические существа* живы так, как живы мы? — спросил я.

— Если ты считаешь, что быть живым означает осознавать, то они действительно живы, — сказал он. — Я думаю, было бы точнее сказать, что если жизнь можно измерить по интенсивности, остроте, продолжительности этого осознания, то я могу искренне сказать, что они живее, чем мы с тобой.

— А эти *неорганические существа* умирают, дон Хуан? — спросил я. Дон Хуан прокашлялся, прежде чем ответить.

— Если ты называешь смертью прекращение осознавания, — то да, они умирают. Их осознание заканчивается. Их смерть довольно похожа на смерть человека — и в то же время непохожа, потому что в смерти человека есть скрытая возможность выбора. Это как пункт юридического документа, пункт, написанный крошечными буквами, которые еле видно. Нужно использовать лупу, чтобы прочесть его, и все же это самый важный пункт документа.

— Какая скрытая возможность, дон Хуан?

— Скрытая возможность выбора в смерти открыта только для магов. Насколько я знаю, только они прочитали эти мелкие буквы. Для них эта возможность уместна и практична. Для обычных людей смерть означает прекращение их осознания, конец их организмов. Для *неорганических существ* смерть означает то же

самое: конец их осознания. В обоих случаях воздействие смерти – это втягивание в *темное море осознания*. Их отдельное осознание, несущее жизненный опыт, прорывает свои границы, и осознание как энергия выливается в *темное море осознания*.

– Дон Хуан, а что это за скрытая возможность выбора в смерти, которую находят только маги?

– Для мага смерть – это объединяющий фактор. Вместо того чтобы раздроблять организм, как это обычно происходит, смерть объединяет его.

– Как может смерть что-то объединить? – возразил я.

– Для мага смерть, – сказал он, – кладет конец преобладанию отдельных настроений в теле. Маги древности считали, что именно преобладание различных частей тела руководит настроениями и действиями всего тела; части, которые перестали нормально действовать, тянут остальные части тела к хаосу, – например, когда человек заболевает от того, что съел какую-то дрянь. В этом случае настроение живота влияет на все остальное. Смерть ликвидирует преобладание этих отдельных частей. Она объединяет их осознание в одну единицу.

– Ты имеешь в виду, что после смерти маги продолжают осознавать? – спросил я.

– Для магов смерть – это акт объединения, который задействует каждую частичку их энергии. Ты думаешь о смерти как о трупe перед собой: тело с признаками разложения. Для магов, когда происходит объединение, нет никакого трупа. Нет никакого разложения. Их тела во всей полноте превращаются в энергию, энергию, обладающую осознанием, которое не раздроблено. Границы, установленные организмом, которые смерть разрушает, в случае магов продолжают действовать, хотя они уже не видны невооруженным глазом.

– Я знаю, что тебе не терпится спросить меня, – продолжал он с широкой улыбкой, – является ли то, что я описываю, душой, которая идет в ад или в рай. Нет, это не душа. Когда маги находят эту скрытую возможность выбора в смерти, с ними происходит вот что: они превращаются в *неорганические существа*, очень своеобразные, высокоскоростные *неорганические существа*, способные на колоссальные маневры восприятия. Тогда маги начинают то, что шаманы древней Мексики называли их *окончательным путешествием*. Областью их действий становится

бесконечность.

– Дон Хуан, ты имеешь в виду, что они становятся вечными?

– Моя *трезвость* как мага говорит мне, – сказал он, – что их осознание прекратится, так же как прекращается осознание *неорганических, существ*, но я никогда не *видел*, чтобы это происходило. Маги древности считали, что осознание *неорганического существа* такого типа продолжается, пока жива Земля. Земля – это их матрица. Пока она существует, их осознание продолжается. Для меня это совершенно разумное утверждение. Последовательность и упорядоченность объяснений дона Хуана показались мне превосходными. Мне было абсолютно нечего добавить. Он оставил у меня чувство тайны и неудовлетворенных невысказанных ожиданий.

Во время моего следующего визита к дону Хуану я начал свой разговор с того, что нетерпеливо задал ему вопрос, который уже давно меня преследовал.

– Дон Хуан, возможно ли, что привидения и призраки действительно существуют?

– Что бы ты ни называл призраком или привидением, – сказал он, – при внимательном изучении магом сводится к одному вопросу – возможно, что какие-то из этих призрачных привидений могут быть конгломератом энергетических полей, обладающим осознанием, который мы превращаем в известные нам вещи. Если это так, то привидения обладают энергией. Маги называют их *генерирующими энергию конфигурациями*. Или, если они не излучают никакой энергии, в этом случае они являются фантасмагорическими созданиями, обычно созданными очень сильным человеком – сильным в смысле осознания.

– Меня глубоко заинтриговала одна история, – продолжал дон Хуан, – история, которую ты рассказал мне однажды о своей тетушке. Ты ее помнишь?

Я когда-то рассказал дону Хуану, что, когда мне было четырнадцать лет, я переехал жить в дом сестры моего отца. Она жила в гигантском доме, в котором было три внутренних двора с жилыми помещениями между ними – спальнями, гостиными и т. д. Первый внутренний дворик был вымощен булыжником. Мне рассказали, что это был колониальный дом, к которому подъезжали кареты. Второй дворик был прекрасным садом с зигзагами кирпичных дорожек в мавританском стиле,

заполненным фруктовыми деревьями. Третий внутренний дворик был занят цветочными горшками, подвешенными на выступах крыши, птицами в клетках, в центре его располагался фонтан в колониальном стиле, из которого била вода, и с большим участком, отгороженным проволочным заборчиком, специально для призовых бойцовых петухов – пристрастия моей тетушки. Моя тетя отвела мне целые апартаменты прямо перед фруктовым садом. Я думал, что проведу там всю жизнь. Я мог есть сколько угодно фруктов. Кроме меня, никто из домашних не прикасался к фруктам с этих деревьев, и мне так и не сказали почему. В доме жила моя тетя, высокая круглолицая полная леди лет за пятьдесят, очень жизнерадостная, прекрасный рассказчик, со множеством чудачеств, которые она скрывала за напускной формальностью и внешним видом набожной католички. Был еще дворецкий, высокий, импозантный мужчина лет за сорок, который был старшим сержантом в армии и которого сманили со службы на лучше оплачиваемую должность дворецкого, телохранителя и мастера на все руки в доме тетушки. Его жена, красивая молодая женщина, была компаньонкой моей тети, кухаркой и наперсницей. У этой пары еще была дочь, пухленькая маленькая девочка, которая выглядела точно как моя тетя. Их сходство было настолько сильным, что моя тетя удочерила ее юридически. Эти четверо были самыми тихими людьми, которых я встречал. Они жили очень спокойной жизнью, прерывавшейся только чудачествами моей тети, которая вдруг решала отправиться в путешествие или купить новых многообещающих бойцовых петухов и натаскать их и действительно устроить серьезные соревнования, в которых держались пари на огромные суммы. Она ухаживала за своими бойцовыми петухами с нежной заботой, иногда целыми днями. Она носила толстые кожаные перчатки и жесткие кожаные краги, чтобы боевые петухи не били ее шпорами. Я провел два великолепных месяца, живя в доме моей тети. Она учила меня музыке в послеобеденное время и рассказывала мне бесконечные истории о предках моей семьи. Мое положение было для меня идеальным, потому что я часто уходил гулять с моими друзьями и мне не нужно было никому отчитываться, когда я возвращался. Иногда я по несколько часов не засыпал, лежа на кровати. Я держал окно открытым, чтобы запах цветов апельсина наполнял мою комнату. Каждый раз, когда я лежал так без сна, я

слышал, как кто-то шагает по коридору, который проходил по всей длине имения с северной стороны, объединяя все внутренние дворики дома. В нем были красивые арки и выложенный плиткой пол. Четыре лампочки минимального напряжения тускло освещали этот коридор, – лампочки, которые включались в шесть часов каждый вечер и выключались в шесть утра.

Я спросил мою тетю, ходит ли ее дворецкий по ночам и останавливается ли он около моего окна, потому что кто бы это ни ходил, он всегда останавливался около моего окна, разворачивался и шел обратно к главному входу в дом.

– Не беспокойся из-за чепухи, дорогой, – сказала моя тетя с улыбкой. – Это, наверное, мой дворецкий делает обход. Большая важность! Ты что, испугался?

– Нет, я не испугался, – сказал я, – мне просто любопытно, потому что твой дворецкий каждую ночь подходит к моей комнате.

Иногда его шаги будят меня.

Она отбросила мой вопрос как несущественный, сказав, что дворецкий был военным и что он привык делать обход как часовой. Я принял ее объяснение.

Однажды я сказал дворецкому, что его шаги слишком громкие и не мог бы он делать свой обход мимо моего окна чуть осторожнее, чтобы я мог спать.

– Не знаю, о чем ты говоришь! – сказал он хриплым голосом.

– Моя тетя сказала мне, что ты делаешь обход ночью, – сказал я.

– Я никогда такого не делаю! – сказал он, его глаза горели раздражением.

– А кто тогда ходит мимо моего окна?

– Никто не ходит мимо твоего окна. Тебе это кажется. Просто снова засыпай. Не надо лишней суматохи. Я говорю тебе это для твоей же пользы.

В те годы для меня не было ничего хуже, чем когда кто-то говорил, что он делает что-то для моей же пользы. В эту ночь, как только я услышал шаги, я вышел из своей спальни и встал за стеной, которая вела к входу в мои апартаменты. Когда я вычислил, что тот, кто идет, находится около второй лампочки, я просто высунул голову, чтобы выглянуть в коридор. Шаги вдруг прекратились, но никого не было видно. Тускло освещенный коридор был пуст. Если бы кто-то шел, у него не было бы времени спрятаться, потому что прятаться было некуда. Были только голые стены.

Я был в таком ужасе, что разбудил весь дом пронзительным криком. Моя тетя и дворецкий старались меня успокоить, говоря мне, что все это мне померещилось, но я был настолько возбужден, что в конце концов они оба робко признались, что что-то им неизвестное ходит по дому каждую ночь.

Дон Хуан сказал, что почти наверняка это моя тетя ходила ночью; то есть какой-то аспект ее осознания, над которым она не имела никакого волевого контроля. Он считал, что это явление следовало чувству игривости и тайны, которое она культивировала. Дон Хуан был уверен, что, вполне возможно, моя тетя на подсознательном уровне не только создавала все эти звуки, но была способна и на гораздо более сложные манипуляции осознанием. Еще дон Хуан сказал, что, если быть честным, нужно признать возможность, что эти шаги были продуктом *неорганического осознания*.

Дон Хуан сказал, что *неорганические существа*, населяющие наш сдвоенный мир, считаются магами его линии нашими родственниками. Эти шаманы считали, что бесполезно завязывать дружбу с членами семьи, потому что на такую дружбу всегда накладываются непомерные требования. Он сказал, что *неорганические существа* этого типа, которые приходится нам двоюродными братьями, беспрестанно общаются с нами, но их общение с нами находится не на уровне нашего осознания.

Другими словами, мы все знаем о них подсознательно, а они все знают о нас сознательно.

– Энергия наших двоюродных братьев – обуза! – продолжал дон Хуан. – Они настолько же испорчены, как и мы. *Органические* и *неорганические существа* наших спаренных миров – это, скажем, дети двух сестер, которые живут по соседству. Они совершенно одинаковы, хотя и выглядят по-разному. Они не могут помочь нам, и мы не можем помочь им. Возможно, мы могли бы объединиться и создать потрясающую семейную корпорацию, но этого не произошло. Обе ветви семьи очень раздражительны и обижаются из-за пустяков, – обычные отношения между раздражительными двоюродными братьями. Маги древней Мексики считали, – что загвоздка в том, что и люди, и *неорганические существа* из сдвоенных миров – порядочные эгоманьяки.

По словам дона Хуана, маги древней Мексики выделили еще один класс *неорганических существ* – *лазутчиков*, или *исследователей*, и имели под этим в виду *неорганические существа*, которые

пришли из глубин Вселенной и которые обладают бесконечно более острым и быстрым осознанием, чем люди. Дон Хуан сказал, что маги древности много поколений совершенствовали свои классификационные схемы, и по их выводам определенные типы *неорганических существ* из категории *лазутчиков*, или *исследователей*, похожи на человека своей жизнерадостностью.

Они могут создавать каналы связи или устанавливать симбиотические отношения с человеком. Маги древности называли такие *неорганические существа союзниками*.

Дон Хуан объяснил, что главной ошибкой этих шаманов по отношению к этому типу *неорганических существ* было придавать человеческие характеристики этой безличной энергии и считать, что они могут ее обуздать. Они считали эти блоки энергии своими помощниками и опирались на них, не понимая, что как чистая энергия эти существа не способны предпринимать какие бы то ни было усилия.

– Я рассказал тебе все, что нужно знать о *неорганических существах*, – вдруг сказал дон Хуан. – Единственный способ, которым ты можешь проверить это, – непосредственный опыт. Я не спросил, что он предлагает мне сделать. Из-за глубокого страха мое тело сотрясилось нервными спазмами, которые взрывались, как извержение вулкана, из моего солнечного сплетения и распространялись вниз до кончиков пальцев на ногах и вверх до верхней части туловища.

– Сегодня мы отправимся на поиски *неорганических существ*, – объявил он.

Дон Хуан велел мне сесть на моей кровати и снова принять положение, которое способствует *внутреннему безмолвию*. Я выполнил его приказ с необыкновенной легкостью. Обычно я бы делал это неохотно, возможно не выражая этого открыто, но обычно я все же чувствовал какой-то протест. У меня промелькнула смутная мысль, что к тому времени, когда я сел, я уже находился в состоянии *внутреннего безмолвия*. Мои мысли были уже нечеткими. Я почувствовал себя в окружающей меня непроницаемой темноте, которая вызвала у меня чувство, как будто я засыпаю. Мое тело было совершенно неподвижно, либо потому, что у меня не было намерения подавать ему какие-то команды двигаться, либо потому, что я просто не мог их сформулировать.

Через мгновение я обнаружил себя с доном Хуаном идущими по пустыне Сонора. Я узнал обстановку; я был здесь с ним столько раз, что запомнил каждую деталь. Был конец дня, и свет заходящего солнца вызвал у меня настроение отчаяния. Я автоматически шел, осознавая в своем теле ощущения, не сопровождаемые мыслями. Я не описывал себе свое состояние. Я хотел сказать это дону Хуану, но желание сообщить ему о моих телесных ощущениях мгновенно исчезло.

Дон Хуан очень медленно, низким, серьезным голосом сказал, что высохшее русло реки, по которому мы идем, прекрасно подходит для намеченного нами дела и что я должен сесть на небольшой валун, один, а сам он пошел и сел на другой валун, на расстоянии около пятидесяти футов. Я не спрашивал дон Хуана, как обычно, что мне нужно делать. Я знал, что мне нужно делать. Затем я услышал шорох шагов людей, идущих через кусты, изредка разбросанные вокруг. В этом районе не хватало влажности для обильного роста небольших растений. Росло лишь несколько крупных кустов на расстоянии около десяти-пятнадцати футов друг от друга.

Я увидел, что приближаются два человека. Они выглядели как местные жители, может быть, индейцы яки из одного из их близлежащих городов. Они подошли и встали около меня. Один из них беззаботно спросил, как у меня дела. Я хотел улыбнуться ему, засмеяться, но не мог. Мое лицо было крайне жестким. И все же я был полон энтузиазма. Я хотел подпрыгнуть вверх-вниз, но не мог. Я сказал ему, что у меня все хорошо. Потом я спросил его, кто они. Я сказал им, что я их не знаю, но все же я чувствовал необыкновенно близкое знакомство с ними. Один из них сказал как ни в чем не бывало, что они – мои *союзники*.

Я уставился на них, пытаюсь запомнить их черты, но их черты менялись. Казалось, что они меняют форму в соответствии с настроением моего взгляда. Не было никаких мыслей. Все направлялось интуитивными ощущениями. Я смотрел на них так долго, что их черты полностью стерлись, и в конце концов передо мной оказались два сверкающих светящихся шара, которые вибрировали. У этих светящихся шаров не было границ. Повидимому, они сохраняли форму за счет внутренних связей. Иногда они становились плоскими и широкими. Потом они снова становились более вертикальными, высотой с человека.

Вдруг я почувствовал, что рука дона Хуана хватает меня за правую руку и оттягивает от валуна. Он сказал, что нам пора идти. В следующее мгновение я опять был в его доме, в центральной Мексике, озадаченный как никогда.

– Сегодня ты нашел *неорганическое осознание*, а затем ты увидел его, каким оно есть на самом деле, – сказал он. – Энергия – это несократимый остаток всего. Что касается нас, прямо *видеть* энергию – предел достижений для человека. Возможно, есть и другие вещи кроме этого, но они нам недоступны.

Дон Хуан говорил все это снова и снова, и каждый раз, когда он это говорил, его слова как бы делали меня все более и более твердым.

Я рассказал дону Хуану все, что наблюдал, все, что слышал. Дон Хуан объяснил мне, что я в этот день достиг успеха в преобразовании человекоподобной формы *неорганических существ* в их суть: безличную энергию, осознающую себя.

– Ты должен понять, – сказал он, – что именно наше познание, суть нашей системы интерпретаций сокращает наши ресурсы.

Именно система интерпретаций говорит нам о параметрах наших возможностей, и так как мы всю жизнь использовали эту систему интерпретаций, мы никак не можем отважиться поступить вопреки ее авторитету.

– Энергия этих *неорганических существ* толкает нас, – продолжал дон Хуан, – и мы интерпретируем этот толчок, как можем, в зависимости от настроения. Для мага самая трезвая вещь, которую он может сделать, – это перевести эти сущности на абстрактный уровень. Чем меньше интерпретаций делают маги, тем им лучше.

– С этого момента, – продолжал он, – каждый раз, когда ты встречаешься со странным зрелищем или призраком, сохраняй самообладание и пристально и непреклонно смотри на него. Если это *неорганическое существо*, твоя интерпретация его опадет как сухие листья. Если ничего не происходит, это просто пустяковая ошибка твоего ума, который все равно не твой ум.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

ЧИСТЫЙ ВЗГЛЯД

Впервые в жизни я почувствовал себя в полном замешательстве относительно того, как вести себя в мире. Но мир вокруг меня не изменился. Изъян явно был во мне. Влияние дона Хуана и вся связанная с его практиками деятельность, в которую он настолько глубоко меня вовлек: нашептывали свое и вызывали во мне растущую неспособность иметь дело с себе подобными. Вникнув в суть своих затруднений, я понял, что моей ошибкой было стремление мерить всех и вся по мерке дона Хуана.

Дон Хуан был с моей точки зрения тем, кто проживает свою жизнь во всех смыслах этого слова профессионально, то есть придавая значение каждому своему поступку, даже самому несущественному. Меня же окружали люди, уверенные в своем бессмертии, противоречившие себе на каждом шагу; существа, которые никогда не могли бы отчитаться за свои действия. Это было нечестной игрой; карты были подтасованы не в пользу людей, с которыми я сталкиваюсь. Я привык к неизменности линии поведения дона Хуана, к полному отсутствию у него чувства собственной важности, к глубочайшей проницательности его разума, а из знакомых мне людей мало кто даже признавал, что существует другой тип поведения, воспитывающий эти качества. Большинство из них знали лишь тип поведения, связанный с саморефлексией, которая делает человека слабым и извращенным. В результате для моих академических занятий наступили тяжелые времена – я стал пренебрегать ими, отчаянно пытаюсь найти рациональное оправдание своим усилиям на этом поприще. Единственное, что пришло мне на помощь и помогло найти в этом отношении опору – весьма, впрочем, шаткую, – был некогда данный доном Хуаном совет, что *воины-путешественники* должны любить знание в любой его форме.

Он определил понятие *воины-путешественники*, объяснив, что оно относится к магам, которые, будучи воинами, путешествовали по *темному морю осознания*. Он добавил, что люди есть

путешественники по *темному миру осознания*, а этот мир – не что иное, как промежуточный пункт на их пути, но по независящим от них причинам, о которых он не считал нужным тогда говорить, они прервали свое путешествие. Он сказал, что люди были захвачены своего рода вихрем – круговым течением, которое давало им ощущение движения, в то время как они были, в сущности, неподвижны. Он считал, что единственными, кто смог противостоять захватившей людей таинственной силе, были маги, которые с помощью своего искусства освободились от ее власти и продолжили *путешествие осознания*.

Окончательному расстройству моей академической жизни способствовало и то, что я утратил всякий интерес к антропологическим вопросам, переставшим для меня что-либо значить. Не то чтобы они были недостаточно привлекательны, скорее, дело было в том, что здесь приходилось по большей части манипулировать словами и понятиями, как в юридических документах, когда требуется получить некий результат для установления прецедента. Это оправдывают тем, что так устроено человеческое познание и усилия каждого индивидуума представляют собой кирпичик в стене этого здания. В качестве примера приводят правовую систему, по которой мы живем и значение которой для нас трудно переоценить. Однако мои тогдашние романтические представления не позволяли мне выступать по отношению к антропологии в роли судьи. Я был целиком и полностью убежден, что антропология должна быть образцом всех человеческих устремлений, иначе говоря, мерилom человека.

Дон Хуан, совершеннейший прагматик, истинный *воин-путешественник по непознанному*, считал, что я чересчур щепетилен. Он говорил, что не имеет значения, что предложенные мне антропологические темы требуют манипулирования словами и понятиями; важно тренировать свою дисциплинированность. – Совершенно безразлично, – сказал он мне однажды, – насколько ты хороший читатель и как много прекрасных книг ты можешь прочесть. Важно, что ты достаточно дисциплинирован, чтобы читать то, чего тебе читать не хочется. Трудности овладения искусством мага состоят в том, от чего ты отказываешься, а не в том, что приемлешь.

Я решил на время отвлечься от науки и поработать в

оформительском отделе компании, изготавливавшей переводные картинки. Эта работа поглотила меня целиком. Я поставил себе задачу выполнять предлагаемые мне задания настолько качественно и быстро, насколько это было в моих силах.

Подготовка виниловых листов с картинками к шелкотрафаретной печати была стандартной процедурой, не допускавшей никаких новшеств, и производительность работника определялась точностью и быстротой ее выполнения. Я стал трудоголиком и был чрезвычайно доволен собой.

С начальником оформительского отдела мы стали закадычными друзьями. Он фактически взял меня под свое крыло. Звали его Эрнест Липтон. Я безмерно восхищался им и уважал его. Он был прекрасным художником и великолепным мастером своего дела. Недостатком его была мягкость – невероятная деликатность к окружающим, граничившая с покорностью.

К примеру, однажды мы выезжали с автостоянки возле ресторана, в котором обедали. Он очень вежливо подождал, пока выедет с места парковки автомобиль, стоявший перед ним. Его водитель, очевидно, не видел нас и стал на приличной скорости сдавать назад. Эрнест Липтон мог просто посигналить, чтобы обратить его внимание на то, куда он едет. Вместо этого он с идиотской улыбкой наблюдал, как этот малый врезался в его машину. Затем он повернулся ко мне и стал извиняться.

– Ну, я, конечно, мог посигналить, но это так чертовски громко, что я постеснялся.

Парень, врезавшийся в машину Эрнеста, был в ярости, и его пришлось успокаивать.

– Не волнуйтесь, – сказал Эрнест, – ваша машина не пострадала. К тому же вы только разбили мне фары, а я все равно собирался их менять.

В другой раз мы оживленно беседовали в том же ресторане с приглашенными Эрнестом на ланч японцами – клиентами компании. Подошел официант и убрал несколько салатниц, расчищая на узком столе место для огромных горячих тарелок с главным блюдом. Одному из клиентов-японцев понадобилось больше пространства. Он толкнул свою тарелку вперед; она толкнула тарелку Эрнеста, и та заскользила по столу. И снова Эрнест мог предупредить его, но не сделал этого. Он сидел, улыбаясь, до тех пор, пока тарелка не упала ему на колени.

В другой раз я пришел к нему домой, чтобы помочь ему установить над внутренним двориком несколько жердей, по которым он решил пустить виноградные лозы, чтобы те давали тень и плодоносили. Мы сколотили жерди в огромную решетку, после чего подняли один ее край и привинтили к поперечинам. Эрнест был высоким и очень сильным мужчиной и с помощью бруса поднял другой край, чтобы я вставил болты в уже засверленные в поперечинах отверстия. Но не успел я вставить болты, как в двери настойчиво постучали, и Эрнест попросил меня взглянуть, кто там, а он пока подержит решетку.

В дверях стояла его жена с покупками в руках. Она завела со мной длинную беседу, и я позабыл об Эрнесте. Я даже помог ей занести покупки. Раскладывая пучки сельдерея, я вспомнил, что мой друг все еще держит решетку, и, зная его, не усомнился в том, что он стоит где стоял, ожидая от остальных такой же деликатности, какой обладал он сам. Я отчаянно бросился на задний двор и увидел его лежащим на земле. Он упал от изнеможения, не в силах больше держать тяжелую деревянную решетку. Выглядел он как тряпичная кукла. Чтобы поднять решетку, нам пришлось позвонить его друзьям и позвать их на помощь – у него уже не было на это сил. Ему пришлось лечь в постель – он был уверен, что заработал грыжу.

Классической же была история, произошедшая с Эрнестом Липтоном, когда он выбрался с друзьями на уик-энд в горы Сан-Бернардино. Они остановились в горах на ночевку. Пока все спали, Эрнест Липтон отправился в кусты и, будучи весьма деликатным человеком, отошел на некоторое расстояние от лагеря, чтобы никого не побеспокоить. Поскользнувшись в темноте, он покатился по горному склону. Потом он сказал друзьям, что сознавал тот факт, что катится к своей, смерти, на дно долины. К своему счастью, он ухватился кончиками пальцев за выступ; он провисел так несколько часов, пытаясь в темноте найти какую-нибудь опору для ног, так как руки его были готовы разжаться, – он намеревался держаться до самой смерти. Вытянув ноги, насколько было возможно, он нащупал на скале небольшие выступы, благодаря которым смог удержаться. Он стоял неподвижно, подобно изготавливаемым им переводным картинкам, до тех пор, пока не рассвело настолько, что он увидел, что находится всего на фут от земли.

– Эрнест, но ты же мог позвать на помощь! – удивились друзья.
– Ну, я не думал, что от этого будет какая-нибудь польза, – ответил он. – Кто мог услышать меня? Я был уверен, что скатился вниз по меньшей мере на милю. К тому же все спали.

И окончательно я был сражен, когда Эрнест Липтон, тративший ежедневно два часа на поездки из своего дома в магазин и обратно, решил купить экономичный автомобиль – «фольксваген-жук» – и начал измерять, сколько миль он проделывает на галлоне бензина. Я был чрезвычайно удивлен, когда однажды утром он заявил, что достиг результата в 125 миль на галлоне. Будучи в высшей степени точным человеком, он несколько смягчил свое утверждение, сказав, что по большей части ездил не в городе, а по шоссе, хотя и в часы пик, вследствие чего ему приходилось довольно часто разгоняться и тормозить. Неделью спустя он сказал, что достиг отметки в 250 миль на галлоне.

Так продолжалось до тех пор, пока он не достиг невероятной цифры: 645 миль на галлоне. Друзья говорили ему, что он должен внести это достижение в реестры фирмы «Фольксваген». Эрнест радовался как ребенок и, торжествуя, вопрошал, как же ему в таком случае нужно будет поступить, достигнув тысячемильного рубежа. Друзья отвечали, что ему можно будет претендовать на звание чудотворца.

Эта идиллия продолжалась до тех пор, пока он не поймал одного из своих друзей на том, что тот в течение нескольких месяцев проделывал с ним простую шутку. Каждое утро он доливал в бензобак Эрнеста три-четыре стакана бензина, так что счетчик никогда не оказывался на нуле.

Эрнест Липтон был близок к тому, чтобы рассердиться. Его раздраженная реплика звучала так: «И что же, по-вашему, это смешно?»

Я уже несколько недель знал, что его друзья проделывают эту шутку, но не мог позволить себе вмешаться, полагая, что это не мое дело. Люди, подшучивавшие над Эрнестом, были его старыми друзьями, я же стал им совсем недавно. Когда же я увидел, насколько он обижен и раздосадован и в то же время совершенно не способен рассердиться, я ощутил прилив чувства вины и беспокойства. Я вновь столкнулся со своим старым врагом: презирая Эрнеста Липтона, я в то же время безмерно любил его. Он был беспомощен.

Все дело было в том, что Эрнест Липтон был похож на моего отца. Толстые стекла его очков, спадающие пряди волос, седеющая щетина, которую он вряд ли когда брил, напоминали черты моего отца. У него был тот же прямой, заостренный нос и острый подбородок. Но больше всего, настолько, что это уже становилось небезопасным, делала Эрнеста Липтона похожим в моих глазах на отца его неспособность рассердиться и надавать шутникам по физиономии.

Я вспомнил, как отец без ума влюбился в сестру одного из своих лучших друзей. Однажды я увидел ее в курортном городке об руку с молодым человеком. С ней в роли дуэньи была ее мать. Девушка, казалось, сияла от счастья. Молодые люди смотрели друг на друга с восторгом. Насколько я мог судить, это было высшим проявлением юной любви. Увидевшись с отцом, я рассказал ему, смакуя подробности со всем злорадством десятилетнего мальчишки, о том, что у его пассии есть самый настоящий поклонник. Он был захвачен врасплох и не поверил мне.

— А ты сказал ей хоть что-нибудь? — дерзко спросил я его. — Знает ли она, что ты в нее влюблен?

— Не будь дураком, несносный ты мальчишка! — огрызнулся он. — Мне нет нужды говорить женщине ничего подобного!

Он глядел на меня обиженно, как избалованный ребенок, губы его гневно дрожали.

— Она моя! Она должна знать, что она моя женщина, и я не должен ей ничего об этом говорить!

Он заявил это с уверенностью ребенка, которому все в жизни доставалось даром и ему не приходилось за это бороться.

Я же продолжал гнуть свое.

— Ну, — сказал я, — я думаю, что она хотела, чтобы кто-нибудь сказал ей об этом, и кое-кто тебя в этом обошел.

Я приготовился отскочить от него и убежать, так как думал, что он в ярости бросится на меня, но вместо этого он расплакался.

Всхлипывая, он спросил меня, что коль скоро я уж такой способный, не соглашусь ли я шпионить за девушкой и рассказывать ему, как разворачиваются события.

Я всем своим существом презирал отца, и в то же время я любил его с ни с чем не сравнимой грустью. Я проклинал себя за то, что навлек на него такой позор.

Эрнест Липтон так сильно напомнил мне моего отца, что я бросил

работу под предлогом, что мне нужно возвращаться в университет. Мне не хотелось усугублять и без того тяжелый груз, который я взвалил себе на плечи. Я так и не смог простить себе то, что причинил отцу такую боль, как и не смог простить ему его трусость.

Я вернулся в университет и взялся за титанический труд по возвращению к занятиям антропологией. Это возвращение весьма затруднялось тем, что если и существовал такой человек, с которым, благодаря его удивительному характеру, его дерзкой пытливости и стремлению расширять свои познания без суеты и отстаивания недоказуемых положений, мне работалось легко и с удовольствием, то человек этот был не с нашего факультета: он был археологом. Именно его влиянием объясняется то, что я стал интересоваться в первую очередь полевой работой. Возможно, именно потому, что он отправлялся в поле затем, чтобы в буквальном смысле выкапывать сведения, его практичность была для меня кладезем рассудительности. Он и никто другой придал мне смелости в том, чтобы отдаться полевой работе, ведь терять мне было нечего.

— Утрать все — и ты достигнешь всего, — сказал он мне однажды. Это был разумнейший совет из всех, которые мне когда-либо случалось слышать в ученом мире. Если бы я последовал совету дона Хуана и боролся со своей одержимостью саморефлексией, мне просто было бы нечего терять, в то время как достичь я мог бы всего. Но такая карта мне в то время как-то не выпадала.

Когда я рассказал дону Хуану о трудностях, с которыми я столкнулся в поисках подходящего профессора, я счел, что он был ко мне несправедлив. Он обозвал меня «мелким пшиком», и даже хуже того. Он сказал мне то, что я и сам уже знал: что не будь я столь возбужден, я смог бы успешно сотрудничать с кем угодно, будь то в науке или в бизнесе.

— *Воины-путешественники* не жалуются, — продолжал дон Хуан. — Они принимают любое испытание со стороны *бесконечности*.

Испытание есть испытание. Оно безлично. Его нельзя принимать как проклятие или милость. *Воин-путешественник* или принимает вызов и выигрывает, или гибнет. Лучше победить — так побеждай! Я ответил, что ему, или кому-то еще, легко так говорить, а вот выполнить это — совсем другое дело, что мои проблемы неразрешимы, поскольку происходят от неспособности

окружающих меня людей быть последовательными.

– Дело не в окружающих тебя людях, – сказал он. – Они ничего не могут с собой поделать. Это твоя оплошность, так как ты можешь помочь себе, но вместо этого склонен судить их, будучи в высшей степени самоуверенным. Судить может любой дурак. Судя их, ты можешь лишь взять от них худшее. Мы, люди, все являемся пленниками, и именно эта несвобода заставляет нас поступать столь жалким образом. Твоя задача в том, чтобы воспринимать людей такими, каковы они есть! Оставь людей в покое.

– Ты абсолютно не прав на этот раз, дон Хуан, – сказал я. – Поверь, мне совершенно ни к чему ни судить их, ни каким-либо образом обманывать себя с их помощью.

– Ты ведь понимаешь, что я имею в виду, – упорствовал он. – Если ты не осознаешь свое желание судить их, – продолжал, он, – то ты еще хуже, чем я думал. Так бывает со *всеми воинами-путешественниками*, когда они только начинают путешествие, – они становятся дерзкими и отбиваются от рук.

Я согласился с доном Хуаном в том, что мое недовольство было в высшей степени мелочным. Я прекрасно знал об этом. Я сказал дону Хуану, что столкнулся с повседневностью, с той повседневностью, что обладает ужасным свойством сводить на нет всю мою решительность, и что я постеснялся рассказывать ему об эпизодах, которые произвели на меня тягостное впечатление.

– Давай-давай, – убеждал он меня. – Выкладывай! Не держи от меня никаких секретов. Я – как труба. Все, что бы ты ни сказал, уйдет в *бесконечность*.

– Все, что у меня есть, это мелочные жалобы, – сказал я. – Я в точности такой же, как те люди, которых я знаю. Ни один разговор с ними не обходится без откровенных или же скрытых жалоб.

Я рассказал дону Хуану о том, как в самых простых разговорах мои друзья умудряются ненавязчиво перейти к бесконечному потоку жалоб – как, например, в таком диалоге:

– Как дела, Джим?

– О, прекрасно, Кэл, просто великолепно.

За этим следует тягостное молчание. Я вынужден спросить:

– Что, Джим, что-нибудь не так?

– Да нет, все чудесно. У меня были некоторые нелады с Мэлом, но ты же знаешь Мэла – эгоист и ничтожество. Но ведь друзей следует принимать такими, каковы они есть, не так ли? Он,

конечно, мог бы быть чуть более деликатным. Да какое там! Он – это он и есть. Как ни крути, он всегда перекладывает все на других. Он вел себя так, еще когда нам было по двенадцать лет, так что я действительно сам виноват. Какого черта я должен его терпеть?

– Да, Джим, ты прав, у Мэла действительно очень тяжелый характер!

– Ну, если уж на то пошло, Кэл, то ты ничем не лучше Мэла. На тебя никогда нельзя положиться.

И так далее.

Другой классический диалог звучал так:

– Как дела, Алекс? Как тебе семейная жизнь?

– О, замечательно. Прежде всего, теперь я регулярно питаюсь, ем домашнюю пищу, но вот беда – начал поправляться. Мне нечем заняться, как только смотреть телевизор. Раньше я проводил время с ребятами, но теперь не могу. Тереза мне не позволяет.

Разумеется, я мог бы послать ее ко всем чертям, но мне не хочется ее обижать. У меня все есть, но я чувствую себя несчастным.

Перед тем как жениться, Алекс был самым жалким из нашей компании. Его любимой шуткой было каждый раз говорить пришедшим к нему друзьям: «Ну-ка, бегом ко мне в машину, я хочу представить вас своей сучке».

Он млел от удовольствия, наблюдая крушение наших надежд, когда мы видели, что у него в машине находится именно самка собаки. Он представлял свою «сучку» всем друзьям. Мы поистине были в шоке, когда он женился-таки на Терезе – бегунье на длинные дистанции. Они познакомились на марафоне, когда Алекс потерял сознание. Дело происходило в горах, и Тереза должна была привести его в чувство во что бы то ни стало, поэтому она помочилась ему в лицо. После этого Алекс был в ее власти. Она пометила свою территорию. Друзья Алекса называли его «пленным ее мочой». Они считали, что она была настоящей сучкой, превратившей странноватого Алекса в жирного пса. Мы с доном Хуаном немного посмеялись. Затем он посмотрел на меня с серьезным выражением лица.

– Таковы превратности обыденной жизни, – сказал дон Хуан. – Ты выигрываешь, проигрываешь и не знаешь, когда выиграешь, а когда проиграешь. Это цена, которую платит тот, кто живет под властью саморефлексии. Мне нечего сказать тебе, да и ты ничего

не можешь сказать себе. Я лишь могу посоветовать тебе не чувствовать себя виноватым в том, что ты оказался такой задницей, а стремиться положить конец владычеству саморефлексии. Возвращайся в университет и больше не бросай его.

Мой интерес к продолжению занятий наукой в значительной степени угас. Я стал жить на автопилоте. Я чувствовал себя подавленным. Вместе с тем я заметил, что рассудок мой не был перегружен. Я ничего не рассчитывал, не ставил себе никаких целей и не лелеял никаких надежд. Мои мысли не были навязчивыми, чего нельзя было сказать о чувствах. Я пытался осмыслить это противоречие между спокойствием рассудка и запутанными чувствами. Именно в таком состоянии отсутствующего разума и переполненности чувствами я проходил однажды мимо Хэйнес-холла, где находился антропологический факультет, направляясь в кафетерий на ланч.

Вдруг я почувствовал странный толчок. Я решил, что близок к обмороку, и присел на кирпичную ступеньку. Я увидел перед глазами желтые пятна. Ощущение было такое, будто я вращаюсь. Я был уверен, что меня сейчас вырвет. В глазах поплыло, я не мог рассмотреть окружающие меня предметы. Ощущение физического дискомфорта было столь полным и сильным, что не оставляло места мыслям. Меня лишь охватили страх и беспокойство, смешанные с восторгом, и странное предчувствие того, что я нахожусь на пороге великого события. Это были ощущения, в которых мысли не принимали участия. В этот момент я уже не знал, сижу я или стою. Меня окружила тьма, такая непроглядная, какую только можно себе представить, и тогда я *увидел* энергию, ее течение во Вселенной.

Я *увидел* череду светящихся сфер, двигавшихся навстречу мне и от меня. Я *увидел* их одновременно, так, как дон Хуан всегда рассказывал мне об этом *видении*. Я знал, что они были разными людьми, поскольку их размеры были различны. Я всмотрелся в детали их строения. Яркие и округлые, они состояли из нитей, которые, казалось, были склеены друг с другом. Среди нитей были как тонкие, так и толстые. У каждой из этих светящихся фигур было что-то вроде густой шевелюры. Они напоминали не то каких-то странных светящихся мохнатых животных, не то огромных круглых насекомых, покрытых светящейся шерстью.

Больше всего меня поразило то, что я вдруг осознал, что *видел* этих мохнатых насекомых всю свою жизнь. Каждый из тех случаев, когда дон Хуан тщательно делал так, что я *видел* их, казался мне в этот момент чем-то вроде движения кружным путем. Я припомнил все случаи, когда он помогал мне *увидеть* людей в виде светящихся сфер, я ни один из них не шел ни в какое сравнение с тем *видением*, которое стало доступным мне теперь. У меня не было ни тени сомнения в том, что я воспринимал энергию так, как она течет во Вселенной, всю свою жизнь, самостоятельно, без чьей-либо помощи.

Это осознание ошеломило меня. Я почувствовал себя в высшей степени уязвимым и непрочным. Мне захотелось отгородиться, найти какое-нибудь убежище. Все было так, как в том сне, который, наверное, большинство из нас когда-нибудь видели, когда человек оказывается голым и не знает, что ему делать. Я чувствовал себя больше чем голым; я был незащищенным, слабым и боялся вернуться в свое обычное состояние. Неуловимым образом я ощутил, что лежу, и приготовился к тому, чтобы прийти в себя. Я представил себе, что вот-вот обнаружу, что лежу на выложенной кирпичом аллее и бьюсь в судорогах, окруженный толпой наблюдающих за мной людей.

Ощущение того что я лежу, становилось все более четким. Я почувствовал, что могу двигать глазами. Сквозь опущенные веки я мог видеть свет, но глаза открыть боялся. Странно, но я не слышал никого из тех людей, которые, как мне казалось, столпились вокруг меня. Я вообще не слышал никакого шума. Наконец я рискнул открыть глаза. Я лежал в своей постели, в своей служебной квартире на углу улицы Уилшир и бульвара Уэствуд. Обнаружив это, я буквально забился в истерику. Но по непонятной мне причине я практически мгновенно успокоился. Истерика сменилась ощущением телесного безразличия и даже удовлетворенности, чем-то вроде того, что чувствуешь после сытного обеда. Но я не мог успокоить свой ум. Осознание того, что я непосредственно воспринимал энергию всю свою жизнь, невообразимо ошеломяло меня. Как же могло произойти, что это от меня ускользало? Что мешало мне открыть для себя эту грань моего бытия? Дон Хуан говорил, что каждый человек *обладает способностью непосредственно видеть* энергию. Но он не говорил, что каждый человек постоянно *видит* энергию, но не

знает об этом.

Я спросил об этом у своего друга-психиатра. Он не смог как-либо прояснить мои затруднения и счел, что моя реакция была результатом усталости и перевозбуждения. Он дал мне успокоительного и посоветовал отдохнуть.

Я не рискнул никому рассказать о том, что очнулся в своей постели, не будучи в состоянии объяснить, как я туда попал. Тем более оправданным было мое желание поскорее встретиться с доном Хуаном. Я спешно полетел в Мехико, нанял автомобиль и поехал к нему.

– Ты проделывал это и раньше! – смеясь, сказал дон Хуан, когда я рассказал ему о своем умопомрачительном опыте. – С тобой произошли только две новые вещи. Во-первых, в этот раз ты воспринимал энергию целиком самостоятельно. Ты осуществил *остановку мира* и в результате понял, что всегда *видел* энергию так, как она течет во Вселенной. Как это делает каждый человек, не отдавая себе в этом отчета. Во-вторых, ты совершенно самостоятельно путешествовал из своего *внутреннего безмолвия*. Ты и сам знаешь, мне нет нужды говорить тебе, что когда человек покидает *внутреннее безмолвие*, с ним может случиться все что угодно. В этот раз страх и уязвимость позволили тебе добраться до своей постели, которая находится не так уж далеко от университетского городка. Если ты перестанешь indulgirь в своём удивлении, то поймешь, что в том, что ты сделал, для *путешествующего воина* нет совершенно ничего необычного. Но важнее всего в этом вовсе не то, что ты знаешь, что всегда воспринимал энергию непосредственно, и не твое путешествие из *внутреннего безмолвия*, а следующие два момента. Во-первых, ты испытал то, что маги древней Мексики называли *чистым взглядом* или *потерей человеческой формы*. При этом ограниченность человека исчезает, как если бы она была клочком тумана, стелющегося над головой, тумана, который постепенно рассеивается. Но ты ни в коем случае не должен считать это свершившимся фактом. Мир магов не является неизменным, подобно привычному нам миру, где тебе говорят, что, однажды достигнув цели, ты навсегда останешься победителем. В мире магов достижение любой цели означает лишь то, что ты обрел наиболее эффективные средства для продолжения борьбы, которая, кстати говоря, никогда не закончится.

Второй момент заключается в том, что ты затронул самую головоломную для человеческой души проблему. Ты сам сформулировал ее, когда спрашивал себя: «Как же могло произойти, что от меня ускользнуло то, что я всю жизнь воспринимал энергию непосредственно? Что мешало мне открыть для себя эту грань моего бытия?»

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

ЧЕРНЫЕ ТЕНИ

Посидеть с доном Хуаном в полном молчании было для меня одним из самых замечательных переживаний из всего, что я знал. Мы удобно расположились в мягких креслах на задворках его дома в горах Центральной Мексики. Вечерело. Дул мягкий ветерок. Солнце опустилось за дом позади нас. Его угасающий свет создавал среди росших на заднем дворе больших деревьев причудливую игру зеленоватых теней. Деревья окружали дом дон Хуана, закрывая собою вид на город, где он жил. Это всегда порождало у меня ощущение того, что я нахожусь посреди дикой природы, отличной от безводной пустыни Соноры, но так или иначе дикой.

– Сегодня мы обсудим важнейший вопрос магии, – внезапно сказал дон Хуан, – и начнем с разговора об *энергетическом теле*. Он рассказывал мне об *энергетическом теле* бесчисленное количество раз, говоря, что оно представляет собой конгломерат энергетических полей, зеркальное отражение того конгломерата энергетических полей, которые составляют физическое тело, *видимое* как поток энергии во Вселенной.

Он говорил, что оно меньше, компактнее и выглядит более плотным, чем светящаяся сфера физического тела.

Дон Хуан объяснял, что тело и *энергетическое тело* – это два конгломерата энергетических полей, сжатых воедино некой необычной связующей силой. Он всячески подчеркивал, что сила, объединяющая эти сгустки энергетических полей, является, согласно открытиям магов древней Мексики, самой загадочной силой во Вселенной. Его собственное мнение заключалось в том, что она является самой сущностью всего космоса, суммой всего, что в нем есть.

Он утверждал, что физическое и *энергетическое* тела являются единственными взаимодополняющими энергетическими конфигурациями в сфере человеческого бытия. Таким образом, он

не признавал никакого другого дуализма, кроме того, что имеет место между этими двумя. Противоречия между телом и разумом, духовным и физическим он полагал лишь игрой воображения, не имеющей под собой никакого энергетического основания.

Дон Хуан говорил, что с помощью дисциплины каждый может сблизить *энергетическое тело* с физическим. Их отдаленность, вообще говоря, является ненормальным положением вещей. Коль скоро *энергетическое тело* пребывает в каких-то рамках, которые для каждого из нас индивидуальны, то любой человек с помощью дисциплины может превратить его в точную копию своего физического тела, то есть в трехмерную, плотную структуру. Отсюда проистекает идея магов о *другом*, или *двойнике*. Кроме того, с помощью такого же процесса дисциплинирования любой человек способен превратить свое трехмерное, плотное физическое тело в точную копию своего *энергетического тела* – то есть в эфирный заряд энергии, невидимый человеческому глазу, как и любая энергия.

Когда дон Хуан рассказал мне все это, первой моей реакцией было спросить, не говорит ли он о некоем фантастическом предположении. Он ответил, что в рассказах о магах нет ничего фантастического. Маги были практичными людьми, и все, о чем они говорили, было вполне здравым и реалистическим. По словам дона Хуану выходило, что кажущаяся невероятность того, что делали маги, объясняется тем, что они исходили из иной *системы познания*.

В день, когда мы сидели на задворках его дома в Центральной Мексике, дон Хуан сказал, что *энергетическое тело* имеет ключевое значение для всего происходящего в моей жизни. Он *видел*, что мое *энергетическое тело* вместо того, чтобы, как это обычно бывает, отдаляться от меня, с огромной скоростью приближается ко мне. По его словам, это было *энергетическим фактом*.

– Что же означает то, что оно ко мне приближается, дон Хуан? – спросил я.

– Это значит, что некая сила собирается вышибить из тебя дух, – улыбаясь, ответил он. – Могучая власть собирается войти в твою жизнь, и это не твоя власть. Это власть *энергетического тела*.

– Ты имеешь в виду, дон Хуан, что мною будет управлять некая внешняя сила?

– Существует множество внешних сил, управляющих тобой в этот самый миг, – ответил дон Хуан. – Власть, о которой я говорю, это нечто, невыразимое языком. Это одновременно и твоя власть, и не твоя. Ее нельзя классифицировать, но, несомненно, можно испытать. И прежде всего, ею, несомненно, можно управлять. Запомни: весьма полезно управлять ею, но, опять-таки, полезно не тебе, а твоему *энергетическому телу*. Но *энергетическое тело* – это ты, так что, пытаясь описать это, тут можно продолжать до бесконечности, подобно собаке, кусающей себя за хвост. Язык непригоден для этого. Все это выходит за пределы его возможностей.

Быстро стемнело, и листва деревьев, которая еще недавно становилась все более зеленой, казалась теперь густо-черной. Дон Хуан сказал, что если я пристально всмотрюсь в ее черноту, но не фокусируясь, а особым образом посмотрев уголками глаз, то увижу быструю тень, пересекающую поле моего зрения.

– Теперь подходящее время суток, чтобы сделать то, о чем я тебя прошу, – сказал он. – Для этого требуется на одно мгновение напрячь внимание. Не прекращай, пока не заметишь эту быструю черную тень.

Я увидел-таки некую странную черную тень, которая легла на листву деревьев. Это была то ли одна тень, двигавшаяся туда-сюда, то ли множество быстрых теней, двигавшихся то слева направо, то справа налево, то вертикально вверх. Они напоминали мне необыкновенных толстых черных рыб, как будто в воздухе летала гигантская рыба-меч. Зрелище захватило меня. В конце концов оно меня испугало. Стемнело настолько, что листва перестала быть различима, но быстрые черные тени я все еще мог видеть.

– Что это, дон Хуан? – спросил я. – Я вижу быстрые черные тени, заполнившие все вокруг.

– А это Вселенная во всей ее красе, – ответил он, – несоизмеримая, нелинейная, невыразимая словами реальность синтаксиса. Маги древней Мексики были первыми, кто увидел эти быстрые тени, так что они всюду преследовали их. Они видели их так, как их видишь ты, и они *видели* их как потоки энергии во Вселенной. И они обнаружили нечто необычное.

Он замолчал и посмотрел на меня. Его паузы всегда были исключительно своевременны. Он всегда умолкал, когда у меня с

языка был готов сорваться вопрос.

– Что же они обнаружили, дон Хуан? – спросил я.

– Они обнаружили, что у нас есть компаньон по жизни, – сказал он, чеканя слова. – У нас есть хищник, вышедший из глубин космоса и захвативший власть над нашими жизнями. Люди – его пленники. Этот хищник – наш господин и хозяин. Он сделал нас покорными и беспомощными. Если мы бунтуем, он подавляет наш бунт. Если мы пытаемся действовать независимо, он приказывает нам не делать этого.

Вокруг нас была непроглядная тьма, и это, казалось, обуздывало мою реакцию. Будь сейчас день, я смеялся бы от всего сердца, в темноте же я был совершенно подавлен.

– Вокруг нас черным-черно, – сказал дон Хуан, – но если ты взглянешь уголком глаза, то все равно увидишь, как быстрые тени несутся вокруг тебя.

Он был прав. Я все еще мог их видеть. Их пляска вызывала у меня головокружение. Дон Хуан включил свет, и это, казалось, обратило их в бегство.

– Ты благодаря лишь собственным усилиям достиг того, что шаманы древней Мексики называли «вопросом вопросов», – сказал он. – Я окольными путями подводил тебя к тому, что нечто держит нас в плену. Разумеется, мы пленники! Для магов древней Мексики это было *энергетическим фактом*.

– Почему же этот хищник «захватил власть», как ты об этом говоришь, дон Хуан? – спросил я. – Этому должно быть логическое объяснение.

– Этому есть объяснение, – ответил дон Хуан, – и самое простое. Они взяли верх, потому что мы для них пища, и они безжалостно подавляют нас, поддерживая свое существование. Ну, вроде того, как мы разводим цыплят в курятнике, они разводят людей в «человечниках». Таким образом, они всегда имеют пищу.

Я почувствовал, что моя голова болтается из стороны в сторону. Я не мог выразить свое недовольство и огорчение, но дрожь моего тела выдавала их. Я трясся с головы до пят безо всяких стараний со своей стороны.

– Нет, нет, нет, – услышал я свой голос. – Это бессмыслица, дон Хуан. То, что ты говоришь, – это нечто ужасное. Это просто не может быть правдой, ни для магов, ни для обычных людей, ни для кого.

– Почему? – тихо спросил дон Хуан. – Почему? Потому, что это приводит тебя в бешенство?

– Да, это приводит меня в бешенство, – отрезал я. – Это ужасно!

– Ну, – сказал он, – ты еще не слышал всего. Подожди немного, посмотрим, каково тебе будет. Я собираюсь ошеломить тебя.

Иначе говоря, я собираюсь подвергнуть твой рассудок массивной атаке, и ты не сможешь встать и уйти, потому что ты пойман. Не потому, что я держу тебя в плену, а потому, что нечто в твоей воле препятствует твоему уходу, в то время как другая часть тебя собирается прийти в настоящее неистовство. Так что возьми себя в руки!

Во мне было нечто, что, как я чувствовал, жаждало сурового обращения. Он был прав. Я не покинул бы его дом ни за что на свете. Но все же мне совсем не была по вкусу та чушь, которую он нес.

– Я хочу воззвать к твоему аналитическому уму, – сказал дон Хуан. – Задумайся на мгновение и скажи, как ты можешь объяснить противоречие между образованностью инженера и глупостью его убеждений и противоречивостью его поведения. Маги верят, что нашу систему убеждений, наши представления о добре и зле, нравы нашего общества дали нам хищники. Именно они породили наши надежды, ожидания и мечты по поводу успехов и неудач. Им мы обязаны алчностью и трусостью. Именно хищники сделали нас самодовольными, косными и эгоцентричными.

– Но как же они сделали это, дон Хуан? – спросил я, несколько раздраженный его словами. – Они что, нашептали нам все это во сне?

– Нет конечно, что за глупости! – с улыбкой сказал дон Хуан. – Они действовали куда более эффективно и организованно. Чтобы держать нас в кротости и покорности, они прибегли к изумительному маневру – разумеется, изумительному с точки зрения воина-стратега. С точки же зрения того, против кого он направлен, этот маневр ужасен. Они дали нам свой разум! Ты слышишь? Хищники дали нам свой разум, ставший нашим разумом. Разум хищника изощрен, противоречив, замкнут и переполнен страхом того, что в любую минуту может быть раскрыт.

– Я знаю, что несмотря на то, что ты никогда не голодал, –

продолжал он, – ты беспокоишься о хлебе насущном. Это не что иное, как страх хищника, который боится, что его трюк в любое мгновение может быть раскрыт и еда может исчезнуть. Через посредство разума, который в конечном счете является их разумом, они вносят в жизнь человека то, что удобно хищникам. И таким образом они в какой-то мере обеспечивают свою безопасность и смягчают свои страхи.

– Не то чтобы я не мог принять все это за чистую монету, дон Хуан, – сказал я. – Все может быть, но в этом есть нечто настолько гнусное, что не может не вызывать во мне отвращения. Оно побуждает меня возражать. Если правда то, что они пожирают нас, то как они это делают?

Лицо дона Хуана озарилось широкой улыбкой. Он был доволен как ребенок. Он объяснил, что маги *видят* человеческих детей как причудливые светящиеся шары энергии, целиком покрытые сияющей оболочкой, чем-то вроде пластикового покрытия, плотно облегающего их энергетический кокон. Он сказал, что хищники поедают именно эту *сверкающую оболочку осознания* и что, когда человек достигает зрелости, от нее остается лишь узкая каемка от земли до кончиков пальцев ног. Эта каемка позволяет людям продолжать жить, но не более того.

Будто сквозь сон до меня доносились слова дона Хуана Матуса о том, что, насколько ему известно, только люди обладают такой *сверкающей оболочкой осознания* вне светящегося кокона.

Поэтому они становятся легкой добычей для осознания иного порядка, в частности – для мрачного осознания хищника.

Затем он сделал наиболее обескураживающее заявление из всех сделанных им до сих пор. Он сказал, что эта узкая каемка осознания является эпицентром саморефлексии, от которой человек совершенно неизлечим. Играя на нашей саморефлексии, являющейся единственным доступным нам видом осознания, хищники провоцируют вспышки осознания, после чего пожирают уже их, безжалостно и жадно. Они подбрасывают нам бессмысленные проблемы, стимулирующие эти вспышки осознания, и таким образом оставляют нас в живых, чтобы иметь возможность питаться энергетическими вспышками наших мнимых неурядиц.

Очевидно, в словах дона Хуана было что-то столь опустошительное, что в этот момент меня в буквальном смысле

стошнило.

Выдержав паузу, достаточную для того чтобы прийти в себя, я спросил дон Хуана:

– Но почему же маги древней Мексики, да и все сегодняшние маги, хотя и *видят* хищников, никак с ними не борются?

– Ни ты, ни я не можем ничего с ними поделать, – сказал дон Хуан упавшим голосом. – Все, что мы можем сделать, это дисциплинировать себя настолько, чтобы они нас не трогали. Но как ты предложишь своим собратям пройти через все связанные с этим трудности? Да они посмеются над тобой, а наиболее агрессивные выплут тебе по первое число. И не потому, что они не поверят тебе. В глубинах каждого человека кроется наследственное, подспудное знание о существовании хищников. Мой аналитический ум напоминал йо-йо, чертика на резинке. Он то покидал меня, то возвращался, то покидал опять и снова возвращался. Все, что говорил дон Хуан, было нелепым, невероятным. И в то же время это было вполне разумным и таким простым. Это объясняло все противоречия, приходившие мне в голову. Но как можно было относиться ко всему этому серьезно? Дон Хуан толкал меня под лавину, которая грозила навсегда сбросить меня в пропасть.

Меня захлестнула очередная волна ощущения угрозы. Она не исходила от меня, а составляла со мной одно целое. Дон Хуан проделывал со мной нечто таинственным образом хорошее и в то же время пугающе плохое. Я ощущал это как попытку обрезать приклеенную ко мне тонкую пленку. Его немигающие глаза смотрели на меня, не отрываясь. Наконец он отвел их и заговорил, не глядя больше в мою сторону.

– Как только сомнения овладеют тобой до опасного предела, – сказал он, – сделай с этим что-нибудь осмысленное. Выключи свет. Проникни во тьму; рассмотри все, что сможешь увидеть. Он встал, чтобы выключить свет. Я остановил его.

– Нет, нет, дон Хуан, – сказал я, – не выключай свет. Со мной все в порядке.

Меня обуяло совершенно необычное для меня чувство – страх темноты. Одна мысль о ней стискивала мне горло, Я определенно знал о чем-то подспудно, но я ни за что на свете не коснулся бы этого знания и не извлек бы его наружу.

– Ты видел быстрые тени на фоне деревьев, – сказал дон Хуан,

развернувшись в кресле. — Это прекрасно. Я хотел бы, чтобы ты увидел их в этой комнате. Ты ничего не *видишь*. Ты лишь улавливаешь мечущиеся картинки. Для этого у тебя хватит энергии.

Я страшился того, что дон Хуан может встать и выключить свет, и он так и сделал. Две секунды спустя я расхохотался. Я не только уловил эти мечущиеся картинки, но и услышал, как они жужжат мне на ухо. Дон Хуан рассмеялся вместе со мной и включил свет. — Что за темпераментный парень! — воскликнул он. — С одной стороны, ни во что не верящий, а с другой — совершеннейший прагматик. Тебе следовало бы разобраться с этой твоей внутренней борьбой. Не то ты надуешься, как большая жаба, и лопнешь.

Дон Хуан продолжал уязвлять меня все глубже и глубже.

— Маги древней Мексики, — говорил он, — *видели* хищника. Они называли его *летуном*, потому что он носится в воздухе. Это не просто забавное зрелище. Это большая тень, мечущаяся в воздухе непроницаемо черная тень. Затем она плашмя опускается на землю. Маги древней Мексики сели в лужу насчет того, откуда она взялась на Земле. Они полагали, что человек должен быть целостным существом, обладать глубокой проницательностью, творить чудеса осознания, что сегодня звучит всего лишь как красивая легенда. Но все это, по-видимому, ушло, и мы имеем теперь трезвомыслящего человека.

Мне захотелось рассердиться, назвать его параноиком, но мое здравомыслие, всегда готовое взять на себя управление, вдруг куда-то исчезло. Что-то во мне мешало задать себе мой любимый вопрос: а что, если все это правда? В ту ночь, когда он говорил мне это, я нутром чуял, что все, что он говорит, — правда, и в то же время с такой же силой чувствовал, что все им сказанное — сама абсурдность.

— Что ты говоришь, дон Хуан? — еле смог спросить я.

Мне стиснуло гортань, и я с трудом мог дышать.

— Я говорю, что то, что выступает против нас, — не простой хищник. Он весьма ловок и изощрен. Он методично делает нас никчемными. Человек, которому предназначено быть магическим существом, уже не является таковым. Теперь он простой кусок мяса. Заурядный, косный и глупый, он не мечтает больше ни о чем, кроме куска мяса.

Слова дона Хуана вызывали странную телесную реакцию,

напоминавшую тошноту. Меня словно бы вновь потянуло на рвоту. Но тошнота эта исходила из самых глубин моего естества, чуть ли не из мозга костей. Я скорчился в судороге. Дон Хуан решительно встряхнул меня за плечи. Я почувствовал, как моя голова болтается из стороны в сторону. Это сразу успокоило меня. Я более или менее обрел над собой контроль.

– Этот хищник, – сказал дон Хуан, – который, разумеется, является *неорганическим существом*, в отличие от других *неорганических существ*, невидим для нас целиком. Я думаю, что будучи детьми, мы все-таки видим его, но он кажется нам столь пугающим, что мы предпочитаем о нем не думать. Дети, конечно, могут сосредоточить на нем свое внимание, но окружающие убеждают их не делать этого.

– Все, что остается людям, – это *дисциплина*, – продолжал он. – Лишь дисциплина способна отпугнуть его. Но под дисциплиной я не подразумеваю суровый распорядок дня. Я не имею в виду, что нужно ежедневно вставать в полшестого и до посинения обливаться холодной водой. **Маги понимают под дисциплиной способность спокойно противостоять неблагоприятным обстоятельствам, не входящим в наши расчеты.** Для них дисциплина – это искусство, искусство неуклонно противостоять *бесконечности*, не потому, что ты силен и несгибаем, а потому, что исполнен благоговения.

– И каким же образом дисциплина магов может отпугнуть его? – спросил я.

– Маги говорят, что дисциплина делает *сверкающую оболочку осознания* невкусной для *летуна*, – сказал дон Хуан, внимательно всматриваясь в мое лицо, как будто стараясь разглядеть в нем какие-либо признаки недоверия. – В результате хищники оказываются сбиты с толку. Несъедобность *сверкающей оболочки осознания*, как мне кажется, оказывается выше их понимания. После этого им не остается ничего, как только оставить свое гнусное занятие.

– Когда же хищники на какое-то время перестают поедать нашу *сверкающую оболочку осознания*, – продолжал он, – она начинает расти. Говоря упрощенно, маги отпугивают хищников на время, достаточное для того, чтобы их *сверкающая оболочка осознания* выросла выше уровня пальцев ног. Когда это происходит, она возвращается к своему естественному размеру. Маги древней

Мексика говорили, что *сверкающая оболочка осознания* подобна дереву. Если ее не подрезать, она вырастает до своих естественных размеров. Когда же осознание поднимается выше пальцев ног, все чудеса восприятия становятся чем-то само собой разумеющимся.

– Величайшим трюком этих древних магов, – продолжал дон Хуан, – было обременение *разума летуна* дисциплиной. Они обнаружили, что если нагрузить его *внутренним безмолвием*, то *чужеродное устройство* улетучивается, благодаря чему тот, кто практикует это, полностью убеждается в инородности разума, которая, разумеется, возвращается, но уже не такая сильная, после чего устранение *разума летуна* становится привычным делом. Так происходит до тех пор, пока однажды он не улетучивается навсегда. О, это поистине печальный день! С этого дня тебе приходится полагаться лишь на свои приборы, стрелки которых оказываются практически на нуле. Никто не подскажет тебе, что делать. Чужеродного разума, диктующего столь привычные тебе глупости, больше нет.

– Мой учитель, нагваль Хулиан, предупреждал всех своих учеников, – продолжал дон Хуан, – что это самый тяжелый день в жизни мага, ведь тогда наш реальный разум, вся совокупность нашего опыта, тяготеющая над нами всю жизнь, становится робкой, неверной и зыбкой. Мне кажется, настоящее сражение начинается для мага именно в этот момент. Все, что было прежде, было лишь подготовкой.

Меня охватило неподдельное волнение. Я хотел узнать об этом больше, но что-то во мне настойчиво требовало, чтобы я остановился. Оно наводило на мысли о неприятных последствиях и расплате; это было что-то вроде Божьего гнева, обрушившегося на меня за то, что я вмешиваюсь в нечто, сокрытое самим Богом. Я сделал титаническое усилие, чтобы позволить своему любопытству взять верх.

– Ч-ч-что ты подразумеваешь под «нагрузкой *разума летуна*»? – услышал я свой голос.

– Дисциплина чрезвычайно нагружает чужеродный разум, – ответил он. – Таким образом, с помощью своей дисциплины маги подавляют *чужеродное устройство*.

Утверждения дона Хуана сбили меня с толку. Я решил, что он либо явно ненормален, либо говорит нечто столь душераздирающее, что у меня внутри все похолодело. Вместе с

тем я заметил, насколько быстро я вновь обрел способность отвергать все им сказанное. После мгновенного замешательства я рассмеялся, как будто дон Хуан рассказал мне анекдот. Я даже слышал свой голос, говоривший: «Дон Хуан, дон Хуан, ты неисправим!»

Дон Хуан, казалось, понимал все, что со мной происходит. Он качал головой и возводил очи горе в шутливом жесте отчаяния. – Я настолько неисправим, – сказал он, – что собираюсь нанести по *разуму летуна*, который ты в себе носишь, еще один удар. Я хочу открыть тебе одну из самых необычных тайн магии. Я расскажу тебе об открытии, на проверку которого магам потребовались тысячелетия.

Он взглянул на меня и ухмыльнулся.

– *Разум, летуна* улетучивается навсегда, – сказал он, – когда магу удастся подчинить себе вибрирующую силу, удерживающую нас в виде конгломерата энергетических полей. Если маг достаточно долго будет сдерживать это давление, *разум летуна* будет побежден. И это как раз то, что ты собираешься сделать – обуздать энергию, удерживающую тебя как целое.

Я отреагировал на это в высшей степени необъяснимым образом. Что-то во мне буквально вздрогнуло, как будто получив удар. Меня охватил необъяснимый страх, который я тут же связал со своим религиозным воспитанием.

Дон Хуан смерил меня взглядом.

– Ты испугался Божьего гнева, не так ли? – спросил он. – Успокойся. Это не твой страх; это страх *летуна*, ведь он знает, что ты поступишь в точности так, как я тебе говорю.

Его слова отнюдь не успокоили меня. Я почувствовал себя хуже. Судорога буквально корежила меня, и я ничего не мог с ней поделать.

– Не волнуйся, – мягко сказал дон Хуан. – Я точно знаю, что эти приступы пройдут очень быстро. *Разум летуна* не столь силен. Как и предсказывал дон Хуан, через какое-то мгновение все закончилось. Сказать, в который уже раз, что я был сбит с толку, значило бы не сказать ничего. Со мной впервые, будь то в связи с доном Хуаном или нет, было так, что я буквально не мог понять, где верх, а где низ. Я хотел встать с кресла и пройтись, но был насмерть перепуган. Меня переполняли разумные суждения и одновременно детские страхи. Меня прошиб холодный пот, и я

глубоко задышал. Откуда-то всплыла душераздирающая картина: мечущиеся черные тени, заполонившие все вокруг меня.

Я закрыл глаза и опустил голову на подлокотник кресла.

– Не знаю, что и делать, дон Хуан, – сказал я. – Ты сегодня просто разбил меня наголову.

– Тебя терзает внутренняя борьба, – сказал дон Хуан. – В глубине души ты согласен, что не в силах спорить с тем, что неотъемлемая часть тебя, твоя *сверкающая оболочка осознания*, готова служить непостижимым источником питания столь же непостижимым существам. Другая же часть тебя всеми силами восстает против этого.

– Подход магов, – продолжал он, – коренным образом отличается тем, что они не чтут договоренности, в достижении которой не принимали участия. Никто никогда не спрашивал меня, согласен ли я с тем, что меня будут пожирать существа с иным осознанием. Родители просто ввели меня в этот мир в качестве пищи, такой же, как они сами, вот и все.

Дон Хуан встал с кресла и потянулся.

– Мы сидим здесь уже четыре часа. Пора в дом. Я собираюсь поесть. Не присоединишься ли ты ко мне?

Я отказался. В желудке у меня klokотало.

– Думаю, что тебе лучше было бы лечь спать, – сказал он. – Моя атака истощила тебя.

Меня не пришлось долго упрашивать. Я рухнул в кровать и уснул как мертвый.

Когда я спустя какое-то время вернулся домой, идея *летунов* стала одной из наиболее навязчивых в моей жизни. Я пришел к пониманию того, что дон Хуан был совершенно прав насчет них. Как я ни пытался, я не мог опровергнуть его логику. Чем больше я об этом думал и чем больше разговаривал с окружавшими меня людьми и наблюдал за ними, тем более крепло во мне убеждение, что есть нечто, делающее нас неспособными ни на какую деятельность, ни на какую мысль, в центре которой не находилось бы наше «я». Меня, да и всех, кого я знал и с кем разговаривал, заботило только оно. Не будучи в состоянии как-либо объяснить такое единообразие, я уверился, что ход мыслей дона Хуана наилучшим образом соответствовал происходящему.

Я углубился в литературу о мифах и легендах. Это занятие породило во мне никогда прежде не испытанное ощущение:

каждая из прочитанных мною книг была интерпретацией мифов и легенд. В каждой из них обнаруживалось присутствие одного и того же склада ума. Книги отличались стилистикой, но скрытая за словами тенденция была в точности одной и той же; при том даже, что темой этих книг были столь отвлеченные вещи, как мифы и легенды, авторы всегда ухитрялись вставить словечко о себе. Эта характерная для всех книг тенденция не объяснялась сходством их тематики; это было услужение самому себе. Прежде у меня никогда не было такого ощущения.

Я приписал свою реакцию влиянию дон Хуана. Передо мной неизбежно возникал вопрос: то ли это он так на меня повлиял, то ли действительно всеми нашими поступками управляет некий инородный разум. И вновь я невольно стал склоняться к тому, чтобы отвергнуть эту мысль, и болезненно заметался, то соглашаясь с ней, то опять отвергая. Что-то во мне знало, что все, о чем говорил дон Хуан, было *энергетическим фактом*, но в то же время что-то не менее значительное было убеждено, что все это чушь. Результатом этой моей внутренней борьбы стало дурное предчувствие – ощущение того, что на меня надвигается некая опасность.

Я предпринял обширное антропологическое исследование вопроса о *летунах* в других культурах, но нигде не нашел ничего подобного. Дон Хуан представлялся мне единственным источником информации по этому поводу. Когда я вновь встретился с ним, то тут же перевел беседу на *летунов*.

– Я изо всех сил пытался быть рассудительным в этом вопросе, – сказал я, – но у меня ничего не вышло. Время от времени я чувствую, что полностью согласен с тобой насчет этих – хищников.

– Сконцентрируй свое внимание на тех мечущихся тенях, что ты видел, – улыбаясь, сказал дон Хуан.

Я сказал дону Хуану, что эти мечущиеся тени собираются положить конец моей рациональной жизни. Я видел их повсюду. С тех пор как я покинул этот дом, я не мог уснуть в темноте. Свет совершенно не мешал мне спать, но, как только я щелкал выключателем, все вокруг меня начинало прыгать. Я никогда не видел устойчивых фигур и очертаний – одни лишь мечущиеся черные тени.

– *Разум хищника* еще не покинул тебя, – сказал дон Хуан. – Но он был серьезно уязвлен. Всеми своими силами он стремится

восстановить с тобой прежние взаимоотношения. Но что-то в тебе разъединилось навсегда. *Летун* знает об этом. И настоящая опасность заключается в том, что *разум летуна* может взять верх, измотав тебя и заставив отступить, играя на противоречии между тем, что говорит он, и тем, что говорю я.

– Видишь ли, у *разума летуна* нет соперников, – продолжал дон Хуан. – Когда он утверждает что-либо, то соглашается с собственным утверждением и заставляет тебя поверить, что ты сделал что-то не так. *Разум летуна* скажет, что все, что говорит тебе Хуан Матус, – полная чепуха, затем тот же разум согласится со своим собственным утверждением: «Да, конечно, это чепуха», – скажешь ты. Вот так они нас и побеждают.

Мне захотелось, чтобы дон Хуан продолжил. Но он лишь сказал: – Несмотря на то что атака завершилась еще в твой предыдущий приезд, ты только и можешь говорить, что о *летунах*. Настало время для маневра несколько иного рода.

Этой ночью мне не спалось. Неглубокий сон овладел мною лишь под утро, когда дон Хуан вытащил меня из постели и повел на прогулку в горы. Ландшафт той местности, где он жил, сильно отличался от пустыни Соноры, но он велел мне не увлекаться сравнениями, ведь после того, как пройдешь четверть мили, все места в мире становятся совершенно одинаковыми.

– Осмотр достопримечательностей – удел автомобилистов, – сказал он. – Они несутся с бешеной скоростью безо всяких усилий со своей стороны. Это занятие не для пешеходов. Так, когда ты едешь на автомобиле, ты можешь увидеть огромную гору, вид которой поразит тебя своим великолепием. Тот же вид уже не поразит тебя точно так же, если ты будешь идти пешком; он поразит тебя совсем по-другому, особенно если тебе придется на нее карабкаться или обходить ее.

Утро было очень жарким. Мы шли вдоль пересохшего русла реки. Единственное, что было общим у этой местности с Сонорой, были тучи насекомых. Комары и мухи напоминали пикирующие бомбардировщики, целившие мне в ноздри, уши и глаза. Дон Хуан посоветовал мне не обращать на их гул внимания.

– Не пытайся от них отмахнуться, – твердо произнес он. – *Вознамерь* их прочь. Установи вокруг себя энергетический барьер. Будь безмолвным, и этот барьер воздвигнется из твоего безмолвия. Никто не знает, как это получается. Это одна из тех вещей,

которые древние маги называли *энергетическими фактами*.

Останови свой внутренний диалог – вот все, что требуется.

– Я хочу предложить тебе одну необычную идею, – продолжал дон Хуан, шагая впереди меня.

Мне пришлось подналечь, чтобы приблизиться к нему настолько, чтобы не пропустить ничего из его слов.

– Должен подчеркнуть, что идея эта настолько необычна, что вызовет у тебя резкий отпор, – сказал он. – Заранее предупреждаю, что тебе будет нелегко принять ее. Но ее необычность не должна тебя отпугнуть. Ты ведь занимаешься общественными науками, так что обладаешь пытливым разумом, не так ли?

Дон Хуан откровенно насмеялся надо мной. Я знал об этом, но это меня не беспокоило. Он шел настолько быстро, что мне приходилось лезть из кожи вон, чтобы поспевать за ним, и его сарказм отскакивал от меня и, вместо того чтобы злить, только смешил. Мое внимание было безраздельно сосредоточено на его словах, и насекомые перестали докучать мне, то ли потому, что я *вознамерил* вокруг себя энергетический барьер, то ли потому, что я был настолько поглощен тем, что говорил дон Хуан, что не обращал на их гул никакого внимания.

– Необычная идея, – проговорил он с расстановкой, оценивая производимый его словами эффект, – состоит в том, что каждый человек на этой Земле обладает, по-видимому, одними и теми же реакциями, теми же мыслями, теми же чувствами. По всей вероятности, все люди более или менее одинаково откликаются на одинаковые раздражители. Язык, на котором они говорят, несколько вуалирует это, но, приоткрыв эту вуаль, мы обнаружим, что всех людей на Земле беспокоят одни и те же проблемы. Мне бы хотелось, чтобы ты заинтересовался этим, разумеется, как ученый и сказал, можешь ли ты найти формальное объяснение такому единообразию.

Дон Хуан собрал небольшую коллекцию растений. Некоторые из них было трудно рассмотреть; они скорее относились ко мхам или лишайникам. Я молча раскрыл перед ним его сумку. Набрав достаточно растений, он повернул к дому и зашагал так быстро, как только мог. Он сказал, что торопится разобрать их и развесить должным образом, прежде чем они засохнут.

Я глубоко задумался над задачей, которую он мне обрисовал. Начал я с того, что попытался извлечь из своей памяти какие-

нибудь статьи по этому вопросу. Я решил, что возьмусь за такое исследование и прежде всего перечитаю все доступные мне работы по «национальному характеру». Тема пробудила во мне энтузиазм, и мне захотелось тут же отправиться домой, чтобы погрузиться в нее, но по дороге к своему дому дон Хуан присел на высокий выступ и обвел взглядом долину. Какое-то время он не произносил ни слова. Не похоже было, чтобы он запыхался, и я не мог понять, с чего бы вдруг ему вздумалось сделать эту остановку.

— Главная задача для тебя сегодня, — внезапно проговорил он тоном, не предвещавшим ничего хорошего, — это одна из наиболее таинственных в магии вещей, нечто недоступное для объяснений, невыразимое словами. Сегодня мы отправились на прогулку, мы беседовали, потому что тайны магии следует обходить в повседневной жизни молчанием. Они должны истекать из ничего и вновь возвращаться в ничто. В этом искусство *воина-путешественника* — проходить сквозь игольное ушко незамеченным. Так что хорошенько обопрись об эту скалу; я буду рядом на случай, если ты упадешь в обморок.

— Что ты собираешься делать, дон Хуан? — спросил я со столь явной тревогой, что заметил это и понизил голос.

— Я хочу, чтобы ты скрестил ноги и вошел во *внутреннее безмолвие*, — сказал он. — Предположим, ты решил выяснить, какие статьи ты можешь привести в доказательство или же в опровержение того, чем я просил тебя заняться в твоей научной среде. Войди во *внутреннее безмолвие*, но не засыпай. Это не путешествие по *темному морю осознания*. Это *видение из внутреннего безмолвия*.

Мне было довольно трудно войти во *внутреннее безмолвие*, не уснув. Желание уснуть было почти неодолимым. Все же я совладал с ним и обнаружил, что всматриваюсь в дно долины из окружающей меня непроглядной тьмы. И тут я *увидел* нечто, от чего меня пробрал холод до мозга костей. Я *увидел* огромную тень, футов, наверное, пятнадцати в поперечнике, которая металась в воздухе и с глухим стуком падала на землю. Стуки этот я не слышал, а ощутил своим телом.

— Они действительно тяжелые, — проговорил дон Хуан мне на ухо. Он держал меня за левую руку так крепко, как только мог. Я *увидел* что-то, напоминавшее грязную тень, которая ерзала по земле, затем совершала очередной гигантский прыжок, футов,

наверное, на пятьдесят, после чего опускалась на землю все с тем же зловещим глухим стуком. Я старался не ослабить своей сосредоточенности. Мною овладел страх, не поддающийся никакому рациональному описанию. Взгляд мой был прикован к прыгающей по дну долины тени. Затем я услышал в высшей степени своеобразное гудение – смесь хлопанья крыльев со свистом плохо настроенного радиоприемника. Последовавший же за этим стук был чем-то незабываемым. Он потряс нас с доном Хуаном до глубины души – гигантская грязно-черная тень приземлилась у наших ног.

– Не бойся, – властно проговорил дон Хуан. – Сохраняй свое *внутреннее безмолвие*, и она исчезнет.

Меня трясло с головы до пят. Я твердо знал, что, если не сохраню свое *внутреннее безмолвие*, грязная тень накроет меня подобно одеялу и задушит. Не рассеивая тьмы вокруг себя, я издал вопль во всю мощь своего голоса. Никогда я не чувствовал себя таким разозленным и в высшей степени расстроенным. Грязная тень совершила очередной прыжок, прямиком на дно долины. Я продолжал вопить, дрыгая ногами. Мне хотелось отшвырнуть от себя все, что могло прийти и проглотить меня, чем бы оно ни было. Я был столь взвинчен, что потерял счет времени. Вероятно, я потерял сознание.

Придя в себя, я обнаружил, что лежу в своей постели в доме дона Хуана. На моем лбу лежало полотенце, смоченное ледяной водой. Меня лихорадило. Одна из женщин-магов из группы дона Хуана растерла мне спину, грудь и лоб спиртовым настоем, но это не принесло мне облегчения. Огонь, который жег меня, исходил изнутри. Его порождали гнев и бессилие.

Дон Хуан смеялся так, как будто на свете не было ничего смешнее того, что со мной произошло. Взрываю его смеха, казалось, не будет конца.

– Никогда бы не подумал, что ты примешь *видение летуна* так близко к сердцу, – сказал он.

Он взял меня за руку и повел на задний двор, где полностью одетым, в обуви, с часами на руке и прочим окунул в огромную лохань с водой.

– Часы, мои часы! – вскричал я.

Дон Хуан зашелся смехом.

– Тебе не следовало надевать часы, отправляясь ко мне, – сказал

он. – Теперь им крышка!

Я снял часы и положил их на край лохани. Я знал, что они водонепроницаемы и с ними ничего не могло случиться. Купание очень помогло мне. Когда дон Хуан вытащил меня из ледяной воды, я уже немного овладел собой.

– Совершенно нелепое зрелище! – твердил я, не в силах сказать ничего более.

Хищник, которого описывал мне дон Хуан, отнюдь не был добродушным существом. Он был чрезвычайно тяжелым, огромным и равнодушным. Я ощутил его презрение к нам. Несомненно, он сокрушил нас много веков назад, сделав, как и говорил дон Хуан, слабыми, уязвимыми и покорными. Я снял с себя мокрую одежду, завернулся в пончо, присел на кровать и буквально разревелся, но мне было жаль не себя. У меня были моя ярость, мое *несгибаемое намерение*, которые не позволят им пожирать меня. Я плакал о своих братьях, особенно о своем отце. До этого мгновения я никогда не отдавал себе отчета в том, что до такой степени люблю его.

– Ему никогда не везло, – услышал я свой голос, вновь и вновь твердящий эту фразу, как будто повторяя чьи-то слова. Мой бедный отец, самое мягкое существо, которое я когда-либо знал, такой нежный, такой добрый и такой беспомощный.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Часть четвертая

НАЧАЛО ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

- [– 16 – ПРЫЖОК В БЕЗДНУ](#)
- [– 17 – ВОЗВРАЩЕНИЕ](#)

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

ПРЫЖОК В БЕЗДНУ

На плато вела только одна тропа. Когда мы взобрались на него, я увидел, что оно не столь обширно, как представлялось снизу. Растительность на плато не отличалась от той, что была у его подножия: поникший зеленый древовидный кустарник.

Поначалу я не разглядел пропасти. Лишь когда дон Хуан подвел меня к ней, я увидел, что плато заканчивалось обрывом. Плато было круглым; с восточной и южной сторон склоны его были изъедены выветриванием, с севера же и запада оно казалось обрезанным ножом. Стоя на краю обрыва, я мог видеть дно ущелья, лежавшее примерно в шестистах футах подо мной. Оно было покрыто все тем же древовидным кустарником.

Я обошел плато и обнаружил, что оно не было в прямом смысле плато, а просто плоской вершиной внушительных размеров горы. Частокол более низких гор к северу и югу от вершины явственно указывал на то, что они были частью гигантского каньона, прорезанного миллионы лет назад не существующей более рекой. Гребни каньона были изъедены эрозией. Кое-где они были сглажены слоем почвы. Она не добралась лишь до того места, где я стоял.

– Это твердая порода, – сказал дон Хуан, будто прочитав мои мысли. Он указал подбородком в сторону дна ущелья. – Все, что упадет с этого гребня, разлетится там внизу на кусочки.

Это были первые слова, которыми мы обменялись с доном Хуаном в этот день, стоя на вершине. Перед тем как отправиться туда, он сказал мне, что его время на этой Земле подошло к концу. Он отправляется в свое *окончательное путешествие*. Его заявление потрясло меня. Я в буквальном смысле опустил руки и впал в то блаженное состояние фрагментированности, которое, вероятно, испытывает человек, когда сходит с ума. Лишь некая сердцевина меня сохраняла свою целостность – то, что было во мне от ребенка. Все прочее было смутным и неопределенным. Я столь долго был фрагментирован, что единственным выходом для меня

было вновь разъединиться.

Наиболее же специфическое взаимодействие уровней моего осознания произошло позже. Дон Хуан, его сподвижник дон Хенаро, двое его учеников, Паблито и Нестор, и я взобрались на это плато. Паблито, Нестор и я пришли сюда затем, чтобы выполнить свое последнее задание в роли учеников – прыгнуть в пропасть. Это было в высшей степени таинственным делом, о котором дон Хуан рассказывал мне на самых разных уровнях моего осознания, но которое, тем не менее, до этого дня оставалось для меня загадкой.

Дон Хуан пошутил, что мне следовало бы достать свой блокнот и приняться описывать наше последнее совместное времяпровождение. Он легонько ткнул меня под ребра и, сдерживая смех, уверил, что именно так будет лучше всего, поскольку свой *путь воина-путешественника* я начал как раз с заметок.

Дон Хенаро сказал, что до нас на этой же плоской вершине горы стояли другие *воины-путешественники*, собираясь отправиться в путешествие в *неизвестное*. Дон Хуан повернулся ко мне и мягким голосом сказал, что скоро я войду в *бесконечность* при помощи своей личной силы и что они с доном Хенаро здесь лишь затем, чтобы со мной попрощаться. Дон Хенаро вмешался опять и сказал, что я тоже здесь для того, чтоб попрощаться с ними.

– Когда ты войдешь в *бесконечность*, – сказал дон Хуан, – мы уже не сможем вернуть тебя обратно. От тебя потребуются решимость.

Лишь ты сможешь решить, возвращаться или нет. Должен также предупредить тебя, что немногие из *воинов-путешественников* оставались в этой жизни после такой встречи с *бесконечностью*.

Бесконечность невероятно привлекательна. *Воин-путешественник* обнаруживает, что возвращение в мир беспорядка, принуждения, шума и боли не слишком его прельщает. Ты должен знать, что твое решение остаться или вернуться – это не предмет разумного выбора, а предмет *намеревания*.

– Если ты решишь не возвращаться, – продолжал он, – то исчезнешь, как будто земля поглотила тебя. Но решившись на обратный путь, ты должен затянуть свой ремень и подождать, как подобает истинному *воину-путешественнику*, пока твое задание не подойдет к концу, будь это успех или неудача.

Что-то стало неувлочно меняться. В моей памяти начали

всплывать лица людей, но я не был уверен, что когда-либо встречают их; в мозгу нарастало болезненное ощущение. Голос дона Хуана перестал быть слышен. Меня потянуло к этим людям, относительно которых я искренне сомневался, что когда-либо их знал. Я вдруг ощутил совершенно невыносимую привязанность к ним, кто бы они ни были. Чувства, которые я к ним испытывал, были неизъяснимы, и все же я не мог сказать, кто они. Я лишь ощущал их присутствие, как будто прожил прежде еще одну жизнь или же сочувствовал им во сне. Я почувствовал, что их очертания сместились; сначала они стали высокими, затем совсем маленькими. Сущность же их, та самая сущность, что порождала мок невыносимую к ним привязанность, осталась прежней.

Дон Хуан подошел ко мне сбоку и сказал:

– Мы договорились, что ты сохранишь осознание обычного мира.
– Его голос был резким и властным. – Сегодня ты отправляешься выполнять конкретное задание, – продолжал он, – последнее звено длинной цепи; и ты должен подойти к нему в высшей степени рассудительно.

Я никогда не слышал, чтобы дон Хуан разговаривал со мной таким тоном. В этот момент он был совсем другим человеком, и все же совершенно привычным для меня. Я кротко подчинился ему и вернулся к осознанию мира повседневной жизни, однако не отдал себе в этом отчета. В тот день мне казалось, что я уступил дону Хуану из страха и почтения.

Затем дон Хуан обратился ко мне в привычном тоне. Его слова также были вполне привычными. Он сказал, что сущность *воина-путешественника* – это смирение и действенность, что он должен действовать, не ожидая ничего в награду, и противостоять всему, что встает на его пути.

К этому моменту уровень моего осознания вновь сдвинулся. Разум мой сосредоточился на мыслях о страдании. Я понял, что заключил с некими людьми договор умереть вместе с ними, хотя и не знал, кто они. Без тени сомнения я чувствовал, что было бы неправильно умереть в одиночку. Страдание мое стало невыносимым.

Дон Хуан обратился ко мне.

– Мы одни, – сказал он. – Таково наше положение. Но умереть одному не значит умереть в одиночестве.

Я сделал несколько больших глотков воздуха, чтобы снять

напряжение. По мере того как я вздыхал полной грудью, рассудок мой прояснялся.

– Величайшая проблема для нас, мужчин, – это наша нестойкость. Когда наше осознание начинает расти, оно вырастает, подобно стволу, прямо из центра нашей светящейся сущности, снизу вверх. Этот ствол должен вырасти до значительной высоты, прежде чем мы сможем на него опереться. В этот период твоей жизни мага ты легко можешь утратить власть над своим новым осознанием. И тогда ты забудешь все, что делал и *видел* на пути *воина-путешественника*, потому что твой разум вернется к повседневному осознанию. Я уже объяснял тебе, что каждый маг-мужчина, находясь на новых уровнях осознания, должен использовать все то, что делал и *видел* на пути *воина-путешественника*. Проблема каждого мага-мужчины в том, что он легко все забывает, поскольку его осознание утрачивает свой новый уровень.

– Я прекрасно понимаю все, что ты говоришь, дон Хуан, – сказал я. – Пожалуй, впервые я полностью осознал, почему все забываю и почему потом все вспоминаю. Я всегда был уверен, что мои сдвиги обусловлены болезненными личными обстоятельствами; теперь я знаю, отчего происходят эти изменения, но не могу выразить свое знание словами.

– Не беспокойся о словах, – сказал дон Хуан. – Ты найдешь их в свое время. Сегодня ты должен действовать на основании своего *внутреннего безмолвия*, того, что ты знаешь, не зная. Ты прекрасно знаешь, что ты должен делать, но это знание еще не вполне оформилось в твои мысли.

Все, чем я обладал на уровне конкретных мыслей, было смутным ощущением знания о чем-то, что не было частью моего рассудка. Вместе с тем, у меня было совершенно четкое ощущение того, что я сделал огромный шаг вниз; во мне, казалось, что-то упало. Я почти физически ощутил удар. Я знал, что в этот миг перешел на новый уровень осознания.

Затем дон Хуан сказал мне, что *воин-путешественник* обязательно должен попрощаться со всеми людьми, которые остаются у него за спиной. Он должен произнести слова прощания громко и четко, так, чтобы его голос и чувства навсегда запечатлелись в этих горах. Я долго колебался, но не из-за застенчивости, а потому, что не знал, кого именно мне следует благодарить. Я полностью проникся

концепцией магов, что *воин-путешественник* не может никому ничего быть должен.

Дон Хуан вбил в меня аксиому магов: «*Воины-путешественники* непринужденно, щедро и с необычайной легкостью воздают за любое оказанное им расположение, за любую услугу. Таким образом они снимают с себя ношу невыполненного долга».

Я воздал, или же все еще воздавал, всем, кто почтил меня своей заботой или участием. Я *перепросмотрел* всю свою жизнь настолько подробно, что не обошел вниманием даже мельчайшие ее эпизоды. Я был совершенно уверен тогда, что никому ничего не задолжал. Своими уверенностью и сомнениями я поделился с доном Хуаном.

Дон Хуан сказал, что я действительно тщательно *перепросмотрел* свою жизнь, но добавил, что я далек от того, чтобы быть свободным от долгов.

– А как насчет твоих призраков? – продолжал он. – Тех, с кем ты уже не можешь соприкоснуться?

Он знал, о чем говорит. Во время своего *перепросмотра* я пересказал ему каждый эпизод своей жизни. Из всего того, о чем я ему поведал, он выделил три случая в качестве образцов задолженности, которую я приобрел в весьма раннем возрасте, и добавил к этому мою задолженность перед человеком, благодаря которому я с ним встретился. Я горячо поблагодарил своего друга и почувствовал, что моя благодарность была каким-то образом принята. Три же первых случая остались на моей совести.

Один из них был связан с человеком, которого я знал, будучи совсем ребенком. Его звали Леандро Акоста. Он был заклятым врагом моего деда, его настоящей напастью. Дед постоянно обвинял этого человека в том, что тот крал цыплят из его курятника. Акоста не был бродягой, просто не имел определенных, постоянных занятий. Он был своего рода перекасти-полем, хватался за разную работу, был подсобным рабочим, знахарем, охотником, поставщиком трав и насекомых для местных лекарей, а также всякого рода живности для чучельников и торговцев.

Люди считали, что он гребет деньги лопатой, но не может ни сберечь их, ни толково ими распорядиться. И друзья его, и недруги в один голос твердили, что он мог бы преуспевать на зависть всей округе, если бы занялся тем, в чем разбирался лучше всего, – сбором трав и охотой, но что он страдает странной душевной

болезнью, делающей его беспокойным и неспособным остановиться на каком-нибудь занятии на сколь-нибудь продолжительное время.

Однажды, прогуливаясь на окраине фермы своего деда, я заметил, что за мной кто-то наблюдает из кустов на краю леса. Это был Акоста. Он сидел на корточках в самой гуще кустарника и, если бы не мои зоркие глаза восьмилетнего мальчишки, был бы совершенно незаметен.

Не удивительно, что дед думает, что он приходит воровать цыплят, подумал я. Я был уверен, что никто, кроме меня, не смог бы его разглядеть; благодаря своей неподвижности он был прекрасно замаскирован. Я скорее почувствовал различие между кустарником и его силуэтом, чем увидел его. Я приблизился к нему. То, что люди или яростно его ненавидели, или же горячо любили, весьма меня интриговало.

– Что вы здесь делаете, сеньор Акоста? – бесстрашно спросил я.

– Я справляю большую нужду, одновременно разглядывая ферму твоего деда, – ответил он, – так что лучше отвали, пока я не встал, если не любишь нюхать дерьмо.

Я немного отошел. Мне было любопытно, действительно ли он занимался тем, о чем говорил. Я убедился, что он говорил правду. Он встал, и я решил, что он выйдет из кустов и направится в сторону владений моего деда, чтобы выйти на дорогу, но я ошибся. Он двинулся вглубь зарослей.

– Эй, сеньор Акоста! – закричал я. – Можно мне с вами?

Я заметил, что он остановился; кусты были столь густыми, что это вновь получилось у меня скорее благодаря чувству, чем зрению.

– Конечно, можно, если ты найдешь лазейку в кустарнике, – ответил он.

Это не составило мне труда. Давным-давно я отметил вход в кустарник большим камнем. Методом бесконечных проб и ошибок я обнаружил там узкий лаз, который через три-четыре ярда становился настоящей тропой, по которой я мог двигаться в полный рост.

Сеньор Акоста подошел ко мне и сказал:

– Bravo, малыш, молодчина! Хорошо, идем со мной, если тебе так хочется.

Так началась наша дружба с Леандро Акостой. Каждый день мы совершали охотничьи вылазки. Из-за того, что я пропадал из дому

неизвестно куда с рассвета до заката, близость наша стала столь очевидной, что в конце концов дед сурово отчитал меня.

– Тебе следовало бы быть более разборчивым в знакомствах, – сказал он, – если ты не хочешь закончить тем же, что и он. Я не потерплю, чтобы этот человек как-либо влиял на тебя. Ты легко можешь стать таким же беспутным непоседой. Обещаю тебе, что, если ты не положишь этому конец, я сделаю это сам. Я пожалею властям, что он ворует моих цыплят. Ты ведь прекрасно знаешь, что это его рук дело.

Я попытался убедить деда в полной абсурдности его обвинений. Акосте не было нужды воровать цыплят – ведь у него был его огромный лес, где он мог добыть все, что хотел. Но мои доводы еще больше разозлили деда. Я понял, что ему была втайне ненавистна свобода Акосты, и благодаря этому пониманию последний превратился для меня из милого охотника в высшее проявление чего-то запретного и в то же время желанного.

Я попытался сделать наши встречи с Акостой не столь частыми, но соблазн был слишком велик. Однажды Акоста и трое его друзей предложили мне сделать то, что ни разу ему не удавалось, – поймать живым и невредимым грифа. Он объяснил, что тело грифов нашей местности – огромных птиц, размах крыльев которых составлял пять-шесть футов, – содержит семь различных типов мяса, каждый из которых применяется для тех или иных лечебных целей. Он сказал, что желательно, чтобы тело грифа не было повреждено. Его нужно поймать не силой, а хитростью.

Подстрелить-то его легко, но в этом случае мясо утратит свои лечебные свойства. Так что вся штука в том, чтобы поймать его живьем, а вот это не удавалось ему ни разу. Однако, сказал он, с моей помощью и с помощью трех его друзей он с этим справится. Он заверил меня, что это естественный вывод, к которому он пришел после того, как раз сто наблюдал за поведением грифов. – Для этого нам понадобится дохлый осел, – с энтузиазмом провозгласил он, – осел у нас есть.

Он посмотрел на меня, ожидая вопроса о том, что же мы станем делать с дохлым ослом. Но так как вопрос не прозвучал, он продолжил;

– Мы удалим у него внутренности и вставим несколько палочек, чтобы туша сохраняла форму.

– У грифов всем управляет вожак; он крупней и умней остальных,

– продолжал он. – Никто не может сравниться с ним в остроте зрения. Это и делает его вожаком. Именно он обнаружит дохлого осла и подлетит к нему. Он сядет с подветренной стороны, чтобы обнюхать его и убедиться, что он действительно издох. Кишки и прочие внутренности, которые мы извлечем из туши осла, мы сложим возле его задней части. Это будет похоже на следы трапезы дикого кота. Затем гриф не торопясь приблизится к ослу. Спешить ему некуда. Он станет прыгать вокруг туши и наконец опустится на ее круп и начнет ее раскачивать. Не воткни мы в землю четыре палочки, он мог бы ее перевернуть. На какое-то время он замрет, сидя на ослином крупе; это будет сигналом остальным грифам опуститься поблизости. И лишь когда рядом с вожаком окажутся три или четыре других грифа, он примется за дело.

– А какова же моя роль во всем этом, господин Акоста? – спросил я.

– Ты спрячешься внутри туши, – сказал он с невозмутимым видом.

– Не бойся, я дам тебе пару специальных кожаных перчаток, и ты будешь сидеть там и ждать, пока гриф-вожак разорвет своим мощным клювом задний проход осла и просунет туда голову, чтобы начать есть. Тогда ты крепкохватишь его за шею обеими руками.

– Я и трое моих друзей спрячемся верхом в глубоком овраге, – продолжал он. – Я буду следить за всем в бинокль. Когда я увижу, что ты схватил грифа за шею, мы прискачем во весь опор, бросимся на птицу сверху и поймем его.

– А осилите ли вы грифа, сеньор Акоста? – спросил я. Не то чтобы я сомневался в нем, просто хотел быть уверен.

– Конечно! – сказал он со всей возможной уверенностью. – Мы все наденем перчатки и кожаные гамаши. У грифов очень сильные когти. Они могут переломить голень, как хворостинку.

У меня не было выхода. Меня охватило сильнейшее возбуждение. Мое восхищение Леандро Акостой не знало в этот момент границ. В моих глазах он был настоящим охотником – находчивым, хитрым и знающим.

– Прекрасно, давайте так и сделаем! – сказал я.

– Вот это как раз тот парень, который мне нужен! – сказал Акоста.

– Я верил в тебя!

Он приладил позади своего седла толстое одеяло, и один из его

друзей легко поднял меня и посадил на лошадь.

– Держись за седло, – сказал Акоста, – и одновременно придерживай одеяло.

Мы поскакали плавным галопом. Спустя примерно час мы оказались на какой-то сухой и безлюдной равнине. Остановились мы под навесом, напоминавшим палатку продавца на рынке. Его плоский верх служил защитой от солнца. Под навесом лежалдохлый бурый осел. Не похоже было, что он умер от старости – выглядел он совсем молодым.

Ни Акоста, ни его друзья не сказали мне, убили ли они осла или нашли издохшим. Я ждал, что они прольют на это свет, но спрашивать не собирался. Совершая необходимые приготовления, Акоста объяснил, что навес нужен потому, что грифы всегда начеку, и хотя они кружат высоко и сами не видны, несомненно, они могут следить за всем происходящим.

– Эти твари способны только видеть, – сказал Акоста. – Их уши никуда не годятся, да и нюх у них не так хорош, как зрение. Мы должны заделать в туше каждую дырку. Я не хочу, чтобы ты выглядывал откуда-нибудь, потому что они увидят твой глаз и ни за что не приземлятся. Они не должны ничего видеть.

Они установили внутри ослиной туши несколько палочек крест-накрест, оставив достаточное пространство, чтобы я мог забраться внутрь. В какой-то момент я решился задать вопрос, мучивший меня все это время.

– Скажите, сеньор Акоста, ведь этот осел издох от болезни, не так ли? Как вы думаете, я не могу ею заразиться? Акоста закатил глаза.

– Ну-ну, не говори глупостей. Ослиные болезни людям не передаются. Давай займемся делом и не будем забивать себе голову всякой ерундой. Будь я поменьше ростом, я сам влез бы в брюхо этого осла. Знаешь ли ты, что такое поймать жожака грифов? Я поверил ему. Что-то в нем располагало меня к ни с чем не сравнимому доверию. Я не собирался праздновать труса и пропустить величайшее в своей жизни приключение.

Страшней всего было в тот момент, когда Акоста запихнул меня внутрь ослиной туши. Затем они натянули шкуру на каркас и стали зашивать ее. Все же они оставили снизу, у земли, довольно большое отверстие, чтобы мне было чем дышать. Ужас обуял меня, когда шкура наконец сомкнулась надо мной, подобно захлопнувшейся крышке гроба. Я тяжело задышал, думая лишь о

том, как здорово будет схватить грифа-вожака за шею.

Акоста дал мне последние наставления. Он сказал, что избавит меня от лишних волнений, дав знать свистом, похожим на птичий, когда гриф-вожак закружит поблизости и станет садиться. Затем я услышал, как они снимают навес; также до меня донесся удаляющийся стук копыт их лошадей. Хорошо, что они не оставили в шкуре ни одной дырочки, не то я обязательно выглянул бы. Искушение взглянуть на происходящее было почти неодолимым.

Прошло много времени; я сидел, ни о чем не думая. Вдруг я услышал свист Акосты и решил, что гриф кружит вокруг меня. Я совершенно в этом уверился, когда услышал хлопанье мощных крыльев, после чего ослиная туша вдруг закачалась так, будто на нее наехал грузовик, по крайней мере так мне показалось. Затем я почувствовал, что гриф сел на тушу и замер. Я мог ощущать его вес. Послышалось хлопанье других крыльев, и вдалеке раздался свист Акосты. Тогда я приготовился к неизбежному. Ослиная туша затряслась, и что-то стало разрывать шкуру.

Вдруг внутри туши влезла огромная безобразная голова с красным гребнем и чудовищным клювом; широко раскрытый глаз пронзил меня своим взглядом. Я закричал от страха и схватился обеими руками за шею. Мне показалось, что гриф на миг оцепенел, поскольку никак не отреагировал, что дало мне возможность крепче обхватить его шею. Затем же последовала настоящая карусель. Гриф пришел в себя и потянул с такой силой, что чуть не размазал меня по ослиной шкуре. В следующее мгновение я оказался наполовину снаружи, изо всех сил держась за птичью шею.

Я услышал вдали стук копыт лошади Акосты. До меня донесся его крик:

– Отпусти его, отпусти, он собирается улететь вместе с тобой!

Гриф действительно собирался или улететь со мной, или же оторвать меня от себя когтями. Добраться до меня ему мешало то, что его голова была частично погружена вовнутрь туши. Его когти скользили по выпущенным ослиным кишкам и ни разу толком меня не коснулись. Также меня спасло то, что гриф изо всех сил старался освободить шею от моей хватки и не мог выставить когти достаточно вперед, чтобы по-настоящему нанести мне вред. В следующее мгновение Акоста рухнул на грифа, как раз в тот

момент, когда кожаные перчатки слетели с моих рук.

Акоста был вне себя от радости.

– Получилось, получилось, малыш! – воскликнул он. – В следующий раз мы вобьем в землю палки подлиннее, чтобы гриф не смог их вырвать, и привяжем тебя ко всему сооружению.

Мы были дружны с Акостой довольно долгое время, пока я не помог ему поймать грифа. После этого же мой интерес к нему угас столь же таинственным образом, как и появился, и мне ни разу не представился случай поблагодарить его за все, чему он меня научил.

Дон Хуан сказал, что он научил меня охотничьему терпению в лучшее для таких уроков время, и прежде всего, научил находить в уединении то спокойствие, которое необходимо охотнику.

– Ты не должен путать одиночество и уединение, – сразу пояснил дон Хуан. – Одиночество для меня понятие психологическое, душевное, уединенность же – физическое. Первое отупляет, второе успокаивает.

За все это, сказал дон Хуан, я навсегда останусь в долгу перед сеньором Акостой, понимаю ли я долги так, как ее понимают *воины-путешественники*, или нет.

Вторым же человеком, перед которым я, по мнению дона Хуана, был в долгу, был десятилетний мальчик, с которым мы вместе росли. Его звали Армандо Велец. Подобно своему имени, он был чрезвычайно серьезным, чопорным, таким себе юным стариком. Я очень любил его за решительный и вместе с тем чрезвычайно дружелюбный характер. Он был из тех, кого не так-то просто было запугать. Драку он мог затеять в любой момент, но вовсе не был забиякой.

Мы любили ходить с ним на рыбалку. Ловили мы обитавших под камнями очень маленьких рыбок, которых нужно было доставать оттуда руками. Мы раскладывали пойманных рыбок сушиться на солнце и поедали их сырыми, иногда занимаясь этим целый день. Мне также нравилось, что он был очень изобретательным, умным и одинаково хорошо владел обеими руками. Левой рукой он мог бросить камень дальше, чем правой. Мы постоянно в чем-нибудь состязались, и, к моему величайшему огорчению, он всегда выигрывал. Он как бы извинялся передо мной за это, говоря:

– Если я поддамся и дам тебе выиграть, ты возненавидишь меня. Это оскорбит твое мужское достоинство. Так что старайся!

Из-за его чопорности мы называли его «Сеньор Велец», но по обычаю той части Южной Америки, откуда я родом, сокращали «сеньор» до «шо».

Однажды Шо Велец предложил мне нечто довольно необычное. Начал он, естественно, с подначки.

– Ставлю что угодно, – сказал он, – что я знаю такую вещь, на которую ты не отважишься.

– О чем это ты, Шо Велец?

– Ты не отважишься сплавиться по реке на плоту.

– С чего бы это? Я сплавлялся по ней в половодье. Через восемь дней меня прибило к острову, и мне сплавляли еду.

Это была правда. Моим еще одним лучшим другом был мальчик по прозвищу Сумасшедший Пастух. Как-то нас в половодье прибило к острову, с которого мы никак не могли выбраться. Жители нашего городка думали, что прибывающая вода зальет остров и мы оба утонем. Они сплавляли по реке корзины с едой в надежде, что их вынесет на остров, как оно и вышло. Благодаря этому мы дожили до того момента, когда вода спала настолько, что они смогли подплыть к нам на плоту и перевезти нас на берег.

– Нет, я имею в виду другое, – сказал Шо Велец своим тоном эрудита. – Речь идет о том, чтобы сплавиться по подземной реке. Он обратил мое внимание на то, что на большом участке своего течения наша река протекает под горой. Этот подземный участок всегда чрезвычайно привлекал меня. Местом, где река исчезала под землей, была зловещего вида пещера значительных размеров, всегда изобиловавшая летучими мышами и пропахшая аммиаком. Из-за сернистых испарений, жара и зловония местные дети считали ее входом в преисподнюю.

– Можешь ставить хоть свою чертову голову, Шо Велец, что я никогда в жизни и близко не подойду к этой реке! – вскричал я. – Проживи я хоть десять жизней! Надо быть совсем идиотом, чтобы сделать что-то подобное.

Серьезное лицо Шо Велеца сделалось еще более торжественным.

– О, – сказал он, – тогда мне придется сделать это одному. Мне показалось на минуту, что я смогу подбить тебя на это. Я был не прав. Признаю свою ошибку.

– Эй, Шо Велец, что с тобой? Какого черта ты полезешь в это пекло?

– Я должен, – сказал он своим хриплым мальчишеским голосом. –

Видишь ли, мой отец такой же чокнутый, как и ты, за тем исключением, что он отец и муж. Шесть человек зависят от него. В противном случае он был бы сумасшедшим, как козел. Две моих сестры, два моих брата, моя мать и я зависим от него. Он для нас все.

Я не знал, кем был отец Шо Велеца. Я даже ни разу его не видел. Я не знал, чем он зарабатывает на жизнь. Шо Велец рассказал, что он был бизнесменом и все, чем он владел, так сказать, умещалось на столе.

– Мой отец построил плот и хочет плыть, – продолжал Шо Велец.

– Он хочет предпринять эту экспедицию. Мать говорит, что он перебесится, но я в это не верю. Я видел в его глазах твой сумасшедший взгляд. На днях он отправится, и я уверен, что он погибнет. Так что я собираюсь взять его плот и сплавиться по этой реке сам. Я знаю, что погибну, но мой отец останется жив.

Меня как будто пронзило электрическим током в шею, и я услышал свой голос, произносящий в таком возбуждении, какое только можно себе представить: «Я согласен, Шо Велец, я согласен! Да, да, это будет здорово! Я плыву с тобой!»

Шо Велец ухмыльнулся. Ухмылка эта показалась мне счастливой улыбкой по поводу того, что он будет не один, а не того, что ему удалось меня соблазнить. Это чувство он продемонстрировал последовавшей за этим фразой.

– Я уверен, что, если ты будешь со мной, я останусь жив.

Я не беспокоился о том, останется в живых Шо Велец или нет.

Меня подгоняла его смелость. Я знал, что Шо Велеца хватит на то, чтобы осуществить задуманное. Они с Сумасшедшим Пастухом были единственными отчаянными мальчишками в городе. Они обладали тем качеством, которое я считал чем-то немыслимым и неповторимым, – отвагой. Никто другой в нашем городе не мог похвастаться ничем подобным. Я испытал их всех. По моему мнению, все они были вялыми, включая и человека, которого я любил всю свою жизнь, – моего деда. Уже в десятилетнем возрасте у меня не было ни тени сомнения на этот счет. Смелость Шо Велеца ошеломила меня. Мне захотелось быть с ним до конца.

Мы договорились встретиться на рассвете, что и проделали, и понесли легкий плот отца Шо Велеца за три или четыре мили от города, к пещере в зеленых холмах, где река уходила под землю. От запаха помета летучих мышей не было спасения. Мы

взобрались на плот и оттолкнулись от берега. Плот был оборудован сигнальными фонарями, которые нам пришлось тут же включить. Под толщей горы было темным-темно, влажно и жарко. Река была достаточно глубокой для плота и довольно быстрой, так что грести нам не приходилось.

Сигнальные огни создавали причудливые тени. Шо Велец шепнул мне на ухо, что лучше вообще не смотреть вокруг, потому что обстановка была более чем пугающей. Он был прав; она была тошнотворной, угнетающей. Огни вспугивали летучих мышей, и они летали, беспорядочно хлопая вокруг нас крыльями. Когда же мы углубились в пещеру, исчезли даже они, остался лишь затхлый воздух, такой густой, что им было трудно дышать. Спустя какое-то время – как мне показалось, через несколько часов – нас вынесло во что-то вроде озера, довольно глубокого и почти неподвижного.

Ситуация выглядела так, как будто русло было перегорожено.

– Мы застряли, – вновь прошептал мне на ухо Шо Велец. – Плот не пройдет здесь, и назад мы вернуться не можем.

Течение в реке было настолько быстрым, что нельзя было и думать о том, чтобы пуститься в обратный путь. Мы решили поискать выход наружу. Я увидел, что если встать на доски плота, то можно достать до потолка пещеры, что означало, что вода дальше доставала до самого ее потолка. У входа пещера была сводчатой, около пятидесяти футов высотой. Напрашивался единственно возможный вывод, что мы находились в верхней части озера, глубина которого составляла около пятидесяти футов.

Мы привязали плот к скале и нырнули, пытаясь уловить какое-нибудь движение воды. На поверхности было влажно и жарко, в нескольких же футах ниже было очень холодно. Мое тело ощутило перемену температуры, и я испытал страх, удивительный животный страх, какого никогда не испытывал. Я вынырнул. Шо Велец, должно быть, испытывал то же самое, потому что мы столкнулись с ним на поверхности.

– Думаю, что мы близки к смерти, – мрачно сказал он.

Я не разделял ни его мрачности, ни желания умереть и отчаянно искал выход. Глыбы, образовавшие затор, должны были быть принесены течением. Я обнаружил отверстие, достаточное для того, чтобы мое мальчишеское тело могло в него протиснуться. Заставив Шо Велеца нырнуть, я показал отверстие ему. Плот ни за что не смог бы в него пройти. Мы забрали с плота одежду, связали

ее в тугой узел и, нырнув, вновь нащупали отверстие и протиснулись в него.

Мы оказались в крутом желобе, вроде тех водяных горок, что бывают в парках аттракционов. Лишайник и мох, покрывавшие его дно, позволили нам довольно долго скользить по нему без особого вреда. Затем мы попали в огромный сводчатый зал, где вода вновь текла и была по пояс глубиной. Мы увидели дневной свет у выхода из пещеры и побрели наружу. Глубина была недостаточной для того, чтобы плыть; сплавиться по-собачьи тоже было нельзя из-за слабого течения. Не сказав ни слова, мы расстелили свою одежду и положили ее сушиться на солнце, после чего направили свои стопы в сторону города. Шо Велец был почти безутешен из-за потери отцовского плота.

– Мой отец погиб бы там, – признал он наконец. – Он ни за что бы не протиснулся в то отверстие, в которое пролезли мы. Он слишком велик для этого. Мой отец толстяк, – сказал он, – но, может, у него могло бы хватить сил на то, чтобы вернуться вброд. Я усомнился в этом. Насколько я помнил, из-за большой крутизны русла течение было удивительно быстрым. Все же я согласился, что взрослый человек, подгоняемый отчаянием, смог бы в конце концов выбраться наружу с помощью веревок и титанических усилий.

Мы так и не разрешили вопрос, погиб бы отец Шо Велеца в пещере или нет, но меня это не беспокоило. Меня беспокоило то, что впервые в жизни я ощутил жгучую зависть. Шо Велец был единственным человеком, которому я когда-либо завидовал. У него было за что умереть, и он доказал мне, что способен на это; у меня не было ничего подобного, и я не доказал себе равным счетом ничего.

В каком-то смысле, я отдал Шо Велецу первенство. Его торжество было полным. Я склонил перед ним голову. Ему теперь принадлежал город, люди, и он был, как мне казалось, лучшим среди них. Когда мы расставались в этот день, я произнес банальную и вместе с тем глубокую истину:

– Будь их королем, Шо Велец. Ты – лучший.

Я никогда больше с ним не разговаривал. Я осознанно прекратил нашу дружбу. Я почувствовал, что лишь таким образом могу показать, насколько глубокое впечатление он на меня произвел. Дон Хуан считал, что я в неоплатном долгу перед Шо Велецом,

что он был единственным, кто научил меня: *чтобы человек понял, что ему есть для чего жить, у него должно быть то, за что стоит умереть.*

— Если тебе не за что умирать, — как-то сказал мне дон Хуан, — как ты можешь утверждать, что тебе есть для чего жить? Две эти вещи идут рука об руку, и смерть — главная в этой паре.

Третьим человеком, которому я, по мнению дон Хуана, был в высшей степени обязан, была моя бабка по матери. В своей слепой привязанности к деду, мужчине, я забыл о действительной опоре этого дома, своей весьма эксцентричной бабушке.

За много лет до того, как я попал в этот дом, она спасла от линчевания местного индейца. Его обвинили в колдовстве. Некие разгневанные молодые люди уже готовы были вздернуть его на ветке дерева, росшего на территории владений моей бабки. Она подоспела в разгар линчевания и остановила его. Все линчеватели были, по-моему, ее крестниками, так что не дерзнули ей возражать. Она опустила несчастного на землю и забрала в дом, чтобы выходить. Веревка успела оставить на его шее глубокий след. Он поправился, но так и не оставил моей бабки. Он заявил, что его жизнь кончилась в день линчевания, новая же жизнь не принадлежит ему; она принадлежит ей. Будучи человеком слова, он посвятил свою жизнь служению моей бабке. Он был ее слугой, дворецким и советником. Мои тетки говорили, что именно он посоветовал бабке усыновить новорожденного сироту; они же жестоко негодовали по этому поводу.

Когда я появился в доме своих деда и бабки, ее приемному сыну было уже под сорок. Она отправила его учиться во Францию. Однажды утром возле дома совершенно неожиданно остановилось такси, из которого вышел в высшей степени элегантно одетый крепко сложенный мужчина. Водитель занес его чемоданы во внутренний дворик. Мужчина щедро расплатился с ним. С первого же взгляда я заметил, что внешность мужчины была весьма примечательной. У него были длинные вьющиеся волосы и длинные ресницы. Он был чрезвычайно привлекателен, вовсе не будучи красив. Лучшей его чертой была лучезарная, открытая улыбка, которую он тут же обратил ко мне.

— Могу ли я поинтересоваться вашим именем, молодой человек? — спросил он таким приятным, хорошо поставленным голосом, какой мне вряд ли доводилось когда-либо слышать.

То, что он назвал меня «молодым человеком», мгновению подкупило меня.

– Мое имя Карлос Арана, сударь, – ответил я. – Могу ли я в свою очередь поинтересоваться вашим?

Он изобразил на лице удивление, широко раскрыл глаза и отскочил в сторону, как будто на него кто-то напал. Затем он шумно расхохотался. На его смех из внутреннего дворика своим оплотом, своей опорой, своим вторым «я». Наконец он произнес слова, которые в высшей степени взволновали меня.

– Не будь у меня моей матери, – сказал он, – я не жил бы.

Я понял тогда, насколько глубоко он был привязан к моей бабушке. Мне вдруг живо вспомнились все те леденящие душу истории об испорченном ребенке Антуане, которые рассказывали мне мои тетки. Бабушка действительно донельзя избаловала его. Однако им, казалось, было хорошо вместе. Я видел, как они сидели часами, она держала его голову на коленях, как будто он все еще был ребенком. Я не видел, чтобы моя бабушка общалась с кем-либо так долго.

Настал день, дней Антуан вдруг стал много писать. Он принялся за постановку пьесы в местном театре, пьесы, автором которой был он сам. Когда представление состоялось, оно имело шумный успех. Местные газеты печатали его стихи. Было похоже на то, что он попал в полосу вдохновения. Но спустя всего несколько месяцев этому пришел конец. Редактор местной газеты публично обвинил его в плагиате и опубликовал статью в подтверждение вины Антуана.

Моя бабушка, естественно, не хотела и слышать о недостойном поведении своего сына. Она объясняла происходящее проявлением глубокой зависти. Все жители этого города завидовали элегантности ее сына, его блеску. Они завидовали его темпераменту и уму. Бесспорно, он был воплощением элегантности и хороших манер. Но он определенно был плагиатором, в этом не было никакого сомнения.

Антуан никогда ни перед кем не объяснялся в своем поведении. Я слишком любил его, чтобы спрашивать об этом. У меня просто не доставало смелости. Мне кажется, у него были на то свои причины. Но что-то, казалось, прорвалось; с того момента мы жили, если можно так выразиться, галопом. День ото дня в доме происходили столь разительные перемены, что я уже привык чего-

то ждать, то ли хорошего, то ли плохого. Однажды вечером моя бабушка внезапно вошла в комнату Антуана. В ее взгляде была такая суровость, какой я никогда за ней не замечал. Когда она говорила, губы ее дрожали.

– Случилось нечто ужасное, Антуан, – начала она. Антуан остановил ее. Он попросил ее дать ему возможность объясниться. Она резко оборвала его.

– Нет, Антуан, нет, – сказала она твердо. – Это не связано с тобой. Это касается лишь меня. В это столь трудное для тебя время случилось нечто более важное. Антуан, сынок, мое время кончилось.

– Я хочу, чтобы ты понял, что это неизбежно, – продолжала она. – Я должна уйти, а ты должен остаться. Ты – итог всего, что я сделала в этой жизни. Хороший ли, плохой, Антуан, ты – вся моя суть. Дай этому возможность показать себя. Как бы то ни было, мы в конце концов будем вместе. А ты действуй, Антуан, действуй. Делай как знаешь, неважно что, делай, пока можешь.

Я увидел, как Антуана мучительно передернуло. Он весь сжался, все мышцы его тела, куда-то ушла вся его сила. Его проблемы были рекой, теперь же его, по-видимому, вынесло в океан.

– Обещай мне, что не умрешь, пока не придет твой срок! – прокричала она ему.

Антуан кивнул.

На следующий день бабушка по совету своего советника-мага продала все свои земли, бывшие весьма обширными, и передала деньги своему сыну Антуану. Последовавшим за этим утром я стал свидетелем сцены, удивительней которой я не наблюдал за все десять лет своей жизни: Антуан прощался со своей матерью. Сцена была нереальной, как кинофильм, нереальной в том смысле, что казалась придуманной, написанной неким писателем и поставленной неким режиссером.

В роли декораций выступал внутренний дворик дедовского дома. Главным героем был Антуан, его мать играла ведущую женскую роль. В этот день Антуан уезжал. Он направлялся в порт, где собирался успеть на итальянский лайнер и отправиться в увеселительный трансатлантический круиз в Европу. Он был, как всегда, элегантен. У дома его ожидало такси, водитель которого беспокойно сигналил.

Я был свидетелем последнего лихорадочного вечера Антуана,

когда он отчаянно пытался сочинить стихотворение, посвященное своей матери.

– Чепуха, – сказал он мне. – Все, что я пишу, – чепуха. Я ничто. Я уверил его – хотя кто я был такой, чтобы уверять его в этом, – что все, что он пишет, великолепно. В какой-то момент меня понесло, и я перешел границы, которых никогда прежде не переходил.

– Перестань, Антуан, – закричал я. – Я куда большее ничтожество! У тебя есть мать, у меня же нет ничего. Все, что ты пишешь, прекрасно!

Очень вежливо он попросил меня покинуть его комнату. Я выставил его глупцом, советующимся с никчемным мальчишкой, и горько сожалел о взрыве своих чувств. Мне хотелось, чтобы он остался моим другом.

На Антуане было его элегантное пальто, наброшенное на правое плечо. Одет он был в красивейший зеленый костюм английского кашемира.

Тут заговорила моя бабушка.

– Тебе нужно торопиться, дорогой, – сказала она. – Время дорого. Тебе пора. Если ты не уедешь, эти люди убьют тебя ради денег. Она имела в виду своих дочерей и их мужей, пришедших в ярость, обнаружив, что мать практически лишила их наследства, а этот отвратительный Антуан, их заклятый враг, собирается уехать со всем, что по праву им принадлежало.

– Прости, что я заставляю тебя пройти через все это, – извиняющимся тоном проговорила бабушка, – но, как тебе известно, время не считается с нашими желаниями.

Антуан заговорил своим чеканным, хорошо поставленным голосом. Больше чем когда-либо он был похож на актера.

– Одну минуту, мама, – сказал он. – Я хочу прочесть кое-что, написанное для тебя.

Это было благодарственное стихотворение. Закончив чтение, он умолк. Воздух, казалось, дрожал от переполненности чувствами.

– Это было прекрасно, Антуан, – вздохнула бабушка. – Ты выразил все, что хотел сказать. Все, что я хотела услышать.

На какое-то мгновение она приумолкла. Затем ее губы расплылись в тонкой улыбке.

– Это плагиат, Антуан? – спросила она.

Улыбка, которой Антуан ответил матери, была столь же

лучезарной.

– Разумеется, мама, – ответил он. – Разумеется.

Они обнялись, плача. Гудение рожка такси, казалось, стало еще более нетерпеливым. Антуан взглянул на меня, прячущегося под лестницей. Он легонько кивнул мне, как бы говоря: «До свидания. Будь внимателен». Затем он развернулся и, не взглянув более на мать, побежал к двери. Ему было тридцать семь, но выглядел он на все шестьдесят, казалось, он несет на своих плечах огромную тяжесть. Не дойдя до двери, он остановился, услышав голос матери, в последний раз напутствовавшей его.

– Не оглядывайся, Антуан, – сказала она. – Никогда не оглядывайся. Будь счастлив и действуй. Действуй! В этом все дело. Действуй!

Та сцена наполнила меня странной грустью, неушедшей и по сей день, – в высшей степени неизъяснимой меланхолией, которую дон Хуан объяснил тем, что я в первый раз узнал тогда, что наше время когда-нибудь закончится.

На следующий день моя бабушка отправилась со своим советником, слугой и камердинером в путешествие к таинственному месту, называвшемуся Рондонией, где ее советник-маг собирался найти для нее лекарство. Бабушка была неизлечимо больна, а я даже не знал об этом. Она так и не вернулась, и дон Хуан объяснил, что продажа всего своего имущества и передача денег Антуану была величайшим магическим актом, предпринятым ее советником, чтобы избавить ее от забот о членах своей семьи. Они были так разозлены на мать за ее поступок, что их не заботило, вернется она или нет. У меня было чувство, что они даже понимали, что больше не увидят ее.

Стоя на этой плоской горной вершине, я *вспомнил* три этих случая своей жизни так, как будто они произошли всего мгновение тому назад. Поблагодарив этих троих, я вернул их на эту вершину. Когда я закончил кричать, мое одиночество стало невыносимым. Я заплакал.

Дон Хуан терпеливо объяснил мне, что одиночество неприемлемо для воина. Он сказал, что *воины-путешественники* могут положиться на то, на что обращают всю свою любовь, всю свою заботу, – на эту чудесную Землю, нашу мать, являющуюся основой, эпицентром всего того, что мы собой представляем, и всех наших дел, той самой сущностью, к которой все мы

возвращаемся, той самой, что позволяет *воинам-путешественникам* отправиться в свое *окончательное путешествие*.

Затем дон Хенаро стал совершать акт магического *намерения* в поддержку моего предприятия. Он выполнил серию удивительных движений, лежа на животе. Он превратился в светящуюся каплю, которая, казалось, плыла по земле, как по воде. Дон Хуан сказал, что таким образом дон Хенаро обнимает огромную Землю и что, несмотря на разницу в размерах. Земля ощутила его объятия. Действия дон Хенаро и объяснения дон Хуана способствовали тому, что на смену моему одиночеству пришла огромная радость. – Я не могу смириться с мыслью о твоём уходе, дон Хуан, – услышал я свой голос.

Звук моего голоса и сказанные мной слова привели меня в замешательство. Ещё большее огорчение я почувствовал, когда начал непроизвольно всхлипывать, побуждаемый жалостью к самому себе.

– Что со мной, дон Хуан? – пробормотал я. – Я никогда не знал такого состояния.

– С тобой происходит то, что твоё осознание вновь достигло пальцев твоих ног, – ответил он, смеясь.

Я совершенно утратил контроль над собой и полностью отдался чувствам подавленности и отчаяния.

– Я хочу остаться один, – пронзительно вскрикнул я. – Что со мной происходит? Во что я превращаюсь?

– Пусть все идет своим чередом, – мягко сказал дон Хуан. – Чтобы покинуть этот мир и предстать перед неведомым, мне понадобится вся моя сила, все мое терпение, вся моя удача. Но прежде всего мне будет нужна вся стальная выдержка *воина-путешественника*. Чтобы остаться и продолжить путь, как подобает *воину-путешественнику*, тебе понадобится все то же, что и мне. Путь, в который мы отправляемся, нелегок, но остаться ничуть не легче. Чувства захлестнули меня, и я поцеловал ему руку.

– Ну-ну-ну! – сказал он. – Ты еще башмаки мне почисть!

Охватившая меня мука из жалости к себе превратилась в чувство ни с чем не сравнимой утраты.

– Ты уходишь! – пробормотал я. – Боже мой! Навсегда уходишь! В этот момент дон Хуан проделал со мной то, что постоянно проделывал, начиная с первого дня нашего знакомства. Он надул

щеки, как будто задержав дыхание после глубокого вдоха, хлопнул меня по спине левой рукой и сказал:

– Встань на цыпочки! Поднимись!

В следующее мгновение я вновь обрел над собой полный контроль. Я понял, чего от меня ждут. Я больше не колебался и перестал беспокоиться о себе. Меня не заботило, что произойдет со мной после того, как дон Хуан покинет меня. Я знал, что его уход неизбежен. Он посмотрел на меня, и его глаза сказали мне все. – Мы больше никогда не будем вместе, – мягко сказал он. – Тебе больше не нужна моя помощь, да я и не хочу тебе ее предлагать, поскольку ты достоин того, чтобы называться *воином-путешественником*, и ты плюнешь мне в глаза, если я предложу ее тебе. С определенного момента единственной отрадой для *воина-путешественника* становится его уединенность. Точно так же я не хотел бы, чтобы ты пытался помочь мне. Раз уж я должен уйти, я ухожу. Не думай обо мне, ведь я не буду думать о тебе. Если ты настоящий *воин-путешественник*, будь безупречен! Заботься о своем мире. Почитай его, защищай его даже ценой собственной жизни!

Он двинулся прочь от меня. Этот момент был выше жалости к себе, слез, счастья. Он кивнул головой, то ли прощаясь, то ли давая знать, что понимает мои чувства.

– Забудь о себе, и ты не будешь бояться ничего, на каком бы уровне осознания ты ни оказался, – сказал он.

В порыве легкомыслия ему захотелось поддразнивать меня до самого конца. Он делал это в последний раз в этом мире. Он протянул ко мне ладони и растопырил пальцы, как ребенок. Затем он вновь сжал их.

– Чао! – сказал он.

Я знал, что выражать печаль и сожалеть о чем-либо было бессмысленно, но мне было нелегко стоять просто так, когда дону Хуану пришло время уходить. Мы оба были вовлечены в необратимый энергетический процесс, который никто из нас не в силах был остановить. С другой стороны, мне хотелось присоединиться к дону Хуану, идти с ним куда угодно.

Мое сознание прочертила мысль, что, если я умру, он возьмет меня к себе.

Затем я *увидел*, как дон Хуан Матус, Нагваль, уводит за собой пятнадцать других *видящих*, своих компаньонов, своих

подопечных, своих друзей, и они исчезают в дымке с северной стороны горы. Я *видел*, как каждый из них превращается в светящуюся сферу и они все вместе возносятся над горой и плывут над ней, подобно призрачным огням. Как и предсказывал дон Хуан, они сделали круг над горой, в последний раз обхватив эту удивительную землю доступным лишь им взглядом. Затем они исчезли.

Я знал, что мне следует делать. Мое время кончилось. Со всех ног я бросился к обрыву и прыгнул в пропасть. На мгновение мое лицо обдало ветром, после чего милосердная тьма поглотила меня, подобно величавой подземной реке.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я смутно ощутил громкий звук мотора; казалось, газовали на месте. Я подумал, что служители загоняют машину на стоянку, расположенную позади дома, где у меня была служебная квартира. Шум стал таким громким, что в конце концов заставил меня проснуться. Я выругал про себя парней, решивших припарковаться как раз под окнами моей спальни. Мне было жарко, я вспотел и чувствовал себя вымотанным. Я сел на краю кровати и, ощутив сильнейшую судорогу в икрах, тут же их растер. Судорога была очень сильной, и я испугался, что у меня будут огромные синяки. Как автомат, я двинулся в ванную поискать какую-нибудь мазь. Я не мог идти, у меня кружилась голова. Я упал, чего со мной никогда прежде не случалось. Когда я немного пришел в себя, то почувствовал, что синяки на икрах совершенно перестали меня волновать. Я всегда был почти что ипохондриком. Необычная боль в икрах, вроде той, что я чувствовал сейчас, легко могла ввергнуть меня в душевное расстройство.

Я подошел к окну, чтобы закрыть его, хотя больше не слышал шума. Я увидел, что окно было заперто и снаружи было темно. Была ночь! В комнате было душно. Я отворил окна, не понимая, зачем закрыл их. Ночной воздух был прохладным и свежим. Автостоянка была пуста. Мне пришло в голову, что шум мог быть вызван автомобилем, газовавшим на аллее, отделявшей ее от моего дома. Я перестал ломать себе над этим голову и пошел досыпать. Я лег поперек кровати, свесив ноги на пол. Мне хотелось уснуть в таком положении, чтобы восстановить кровообращение в болевших икрах, но не был уверен, лучше опустить их или же приподнять, положив на подушку.

Когда я собрался устроиться поудобнее и снова уснуть, мое сознание пронзила мысль, заставившая меня непроизвольно вскочить. Я же прыгнул в пропасть в Мексике! Следующая мысль была похожа на развитие логической цепочки: коль скоро я сознательно прыгнул в пропасть, чтобы умереть, я должен быть

теперь призраком. Как странно, подумал я, что мне довелось после смерти вернуться в облике привидения в свою служебную квартиру на углу улицы Уилшир и бульвара Уэствуд в Лос-Анджелесе. Неудивительно, что мои ощущения были совсем другими. Но если я призрак, думал я, то почему ощущаю дуновение свежего воздуха и боль в икрах?

Я потрогал простыни на своей кровати. Они показались мне совершенно реальными. То же было и с ее металлической сеткой. Я прошел в ванную и посмотрел на себя в зеркало. Взглянув на меня, можно было легко решить, что я призрак. Выглядел я ужасно. Глаза мои запали, под ними проступали огромные черные круги. Я был то ли иссушен, то ли мертв. Инстинктивно я стал пить воду прямо из-под крана. Я вполне мог ее глотать. Я делал глоток за глотком, как будто не пил несколько дней. Я почувствовал, что глубоко дышу. Я был жив! Ей-богу, я был жив! У меня не осталось ни тени сомнения на этот счет, но это почему-то не улучшило моего настроения. Неожиданная мысль молнией вспыхнула в моем уме: я умер и вновь воскрес. Я отнесся к ней равнодушно – она ничего для меня не значила. Отчетливость этой мысли казалась полужнакомой. Это была псевдопамять, не имевшая ничего общего с ситуациями, в которых моя жизнь подвергалась опасности. Скорее, это было подспудное знание о чем-то таком, что никогда не происходило и не имело оснований приходить мне в голову.

У меня не было сомнений насчет того, что я прыгнул в пропасть в Мексике. Сейчас же я находился в своей квартире в Лос-Анджелесе, более чем за три тысячи миль от этого места, и ничего не помнил о своем возвращении. Действуя автоматически, я налил воды в ванну и уселся в нее. Теплоты воды я не почувствовал; я продрог до костей. Дон Хуан учил меня, что в кризисные моменты вроде этого нужно использовать в качестве очистительного фактора проточную воду. Вспомнив об этом, я забрался под душ. Больше часа я лил на себя теплую воду.

Мне захотелось спокойно и рассудительно разобраться в том, что со мной произошло, но мне это не удалось. Мысли, казалось, улетучились из моего сознания. Думать я не мог, но был переполнен ощущениями, непостижимым образом возникавшими в моем теле. Я мог лишь чувствовать их приливы и пропускать их сквозь себя. Единственное осознанное действие, на которое я

оказался способен, – это одеться и выйти на улицу. Я отправился позавтракать – на это я был способен в любое время дня и ночи – в ресторан Шипа на улице Уилшир, расположенный через дом от меня.

Я так часто ходил от своего дома к Шипу, что мне на этом пути был знаком каждый шаг. В этот раз тот же путь был для меня совершенно внове. Я не ощущал своих шагов. Как будто мои ноги были окутаны ватой, или же тротуар был застелен ковром. Я почти скользил. Внезапно я очутился у дверей ресторана, сделав, как мне показалось, всего два или три шага. Я знал, что смогу поглотить пищу, так как смог пить воду в квартире. Я также знал, что смогу разговаривать, поскольку, моясь под душем, прочистил горло и чертыхался все то время, пока на меня лилась вода. Я как обычно вошел в ресторан и сел у стойки. Ко мне подошла знакомая официантка.

– Ты неважно выглядишь сегодня, дорогой, – сказала она. – Ты часом не подхватил грипп?

– Нет, – ответил я, стараясь придать голосу бодрость. – Я слишком много работал. Я не спал круглые сутки, писал статью для студентов. Кстати, какой сегодня день?

Она посмотрела на часы и сообщила мне дату, объяснив, что это специальные часы с календарем, подарок дочери. Она также сказала мне время – было четверть четвертого утра.

Я заказал бифштекс и яичницу, жареный картофель и хлеб с маслом. Когда официантка отправилась выполнять заказ, на меня нахлынула новая волна страха: а не привиделось ли мне, что я прыгнул в пропасть в Мексике в сумерках минувшего дня? Но пусть даже прыжок был галлюцинацией, как смог я вернуться в Лос-Анджелес из такой дали всего за десять часов? Я что, проспал эти десять часов? Или же в течение этого времени я летел, скользил, плыл – или что-нибудь еще – в Лос-Анджелес? О путешествии обычными средствами от места, где я прыгнул в пропасть, до Лос-Анджелеса не могло быть и речи, так как только на то, чтобы добраться оттуда до Мехико, ушло бы два дня. Еще одна странная мысль посетила меня. Она обладала той же ясностью, что и подсознательная уверенность в том, что я умер и воскрес, и была столь же мне чуждой: *моя целостность теперь необратимо утрачена*. Я действительно умер, тем или иным образом, на дне этого ущелья. У меня не укладывалось в голове,

что я жив и завтракаю у Шипа. Мне не под силу было мысленно вернуться в свое прошлое и проследить непрерывную последовательность событий так, как ее обычно прослеживает человек, вглядываясь в свое прошлое.

Единственное объяснение, пришедшее мне в голову, состояло в том, что я последовал указаниям дона Хуана; я сдвинул свою *точку сборки* в положение, предотвратившее мою смерть, и вернулся в Лос-Анджелес из своего *внутреннего безмолвия*. Ничего другого я придумать не смог. Впервые в жизни такой ход мыслей оказался для меня целиком приемлемым и совершенно удовлетворительным. Он ничего не объяснял, но определенно указывал на сознательную процедуру, испробованную мной прежде в менее критических обстоятельствах, и эта, казалось бы, нелепая мысль совершенно успокоила все мое существо.

В моем уме появилось несколько очень ясных мыслей. Они удивительным образом проясняли запутанные вопросы. Первая из них была связана с тем, что тревожило меня все это время. Дон Хуан сказал, что это вполне характерно для магов-мужчин – неспособность запомнить события, происшедшие в состоянии *повышенного осознания*.

Дон Хуан описывал состояние *повышенного осознания* как кратковременное смещение *точки сборки*, которое он всякий раз вызывал у меня, сильно ударяя меня по спине. Этим смещением он помогал мне охватить энергетические поля, обычно находившиеся на периферии моего осознания. Иными словами, энергетические поля, обычно находившиеся на краю моей *точки сборки*, на время этого смещения оказывались в ее центре. Такого рода смещение имело для меня два последствия – чрезвычайное обострение мыслей и восприятия и неспособность вспомнить, вернувшись к нормальному осознанию, что же происходило, пока я был в таком измененном состоянии.

Мои взаимоотношения с другими учениками дона Хуана являли собой пример обоих этих последствий. У меня были спутники, товарищи по *окончательному путешествию*. Я взаимодействовал с ними только в состоянии *повышенного осознания*. Четкость и границы нашего взаимодействия были потрясающи.

Расплачиваться же за это приходилось тем, что в повседневной жизни от них оставались лишь болезненные псевдовоспоминания, приводившие меня в отчаяние и вызывавшие беспокойные

ожидания неизвестно чего. Можно сказать, что в обычной жизни я жил в постоянном ожидании кого-то, кто должен был внезапно возникнуть передо мной, то ли появившись из административного здания, то ли наскочив на меня из-за угла. Куда бы я ни направлялся, мой взор поневоле рыскал повсюду в поисках несуществующих людей, которые, однако, существовали как никто другой.

Пока я сидел в то утро у Шипа, все, что происходило со мной в состоянии *повышенного осознания* за все годы, проведенные с доном Хуаном, вплоть до мельчайших деталей вновь превратилось в непрерывное воспоминание. Дон Хуан жаловался, что мужчина-маг, являющийся нагвалем, из-за размеров своей энергетической массы волей-неволей оказывается разделен на части. Он говорил, что каждый такой фрагмент занимал особую часть общего поля восприятия, и события, которые он переживал в каждом таком фрагменте, должны были однажды воссоединиться в цельную, осознанную картину всего, что происходило в течение его жизни. Глядя мне в глаза, он сказал, что для этого объединения требуются годы, и ему известны случаи, когда нагвали так и не достигали полного сознательного охвата своей деятельности и жили разделенными.

То, что я пережил в это утро у Шипа, превосходило все, что могло привидеться мне в самых буйных фантазиях. Дон Хуан время от времени говорил мне, что мир магов не является неизменным, где каждое слово окончательно и бесповоротно, а представляет собой мир непрекращающихся колебаний, где ничто не должно приниматься как данность. Прыжок в пропасть настолько изменил мою познавательную способность, что я смог допускать возможности, казавшиеся прежде удивительными и неопикуемыми. Но все, что я мог сказать об объединении своих познающих фрагментов, было лишь приближением к реальности. В то роковое утро у Шипа я пережил нечто бесконечно более мощное, чем в день, когда впервые *увидел* течение энергии во Вселенной, в день, который закончился для меня тем, что я перенесся из университетского городка в свою постель без того, чтобы добираться домой так, как того требовала моя познавательная система, чтобы все событие представлялось реальным. У Шипа я воссоединил все фрагменты своей сущности. В каждом из них я действовал в высшей степени уверенно и последовательно и все же

не имел ни малейшего представления о том, как мне это удавалось. Это была, по существу, гигантская головоломка, и установка на место каждого ее кусочка производила невыразимый эффект. Я сидел у стойки ресторана Шипа, исходил потом, безрезультатно раздумывал и настойчиво задавал себе вопросы, на которые не существовало ответов. Как все это было возможно? Как я мог быть разделен таким образом? Кто мы на самом деле? Вне сомнения, мы не те, кем большинство из нас себя считает. Я – по крайней мере, некая сердцевина меня – обладал воспоминаниями о событиях, никогда не происходивших. Я не мог даже плакать.

– Маг плачет, когда он фрагментирован, – как-то сказал мне дон Хуан. – В целостном состоянии его охватывает такая дрожь, что может даже убить его.

Меня охватила именно такая дрожь! Я сомневался, что когда-либо встречу со своими спутниками. Мне казалось, что все они остались с доном Хуаном. Я был один. Мне хотелось думать об этом, оплакивать эту утрату, погрузиться в облегчающую душу печаль, как я всегда поступал. Но я не мог. Мне нечего было оплакивать, не о чем печалиться. Ничто не имело значения. Все мы были *воинами-путешественниками*, и всех нас поглотила *бесконечность*.

Все это время я внимательно прислушивался к тому, что дон Хуан говорил о *воинах-путешественниках*. Мне чрезвычайно нравилась эта метафора, и я соглашался с ней, но лишь на чисто эмоциональном уровне. Но я никогда не понимал, что он на самом деле подразумевает под ней, несмотря на то, что он множество раз объяснял мне ее смысл. В ту ночь, у стойки ресторана Шипа, я понял, о чем говорил дон Хуан. Я был *воином-путешественником*. Лишь *энергетические факты* были важны для меня. Все остальное было приправой к ним, не имевшей никакого значения.

Когда я сидел в эту ночь в ожидании заказа, в моем мозгу вспыхнула еще одна отчетливая мысль. Я ощутил, как на меня накатывается волна сопереживания, волна солидарности с предпосылками учения дона Хуана. Я наконец достиг его цели: я был заодно с ним так, как никогда прежде. Дело ни в коем случае не было в том, что я чуть ли не воевал с доном Хуаном и его представлениями, которые были революционными для меня, поскольку не удовлетворяли мое линейное мышление западного человека. Скорее, причиной было то, что последовательность, с

которой дон Хуан излагал свое учение, всегда пугала меня до полусмерти. Его подготовленность представлялась мне догматизмом. Именно это впечатление заставляло меня искать объяснений и выполнять все так, как будто я был закосневшим верующим.

Да, я прыгнул в пропасть, сказал я себе, и не погиб, потому что, прежде чем достигнуть дна ущелья, я позволил *темному морю осознания* поглотить себя. Я подчинился ему без страха и сожаления. И это *темное море* снабдило меня всем необходимым для того, чтобы не умереть, а очутиться в своей постели в Лос-Анджелесе. Еще два дня назад такое объяснение ничего бы не значило для меня. В три часа ночи в ресторане Шипа оно было для меня всем.

Я стукнул рукой по столу так, как будто был в комнате один. Люди смотрели на меня и понимающе улыбались. Я не обращал на них внимания. Мое сознание мучилось неразрешимой дилеммой: я был жив, несмотря на то что десять часов назад прыгнул в пропасть, чтобы погибнуть. Я знал, что такого рода дилемму ни за что не разрешить. Мое обычное сознание требовало линейного объяснения, линейные же объяснения были невозможны. Проблема была в нарушении непрерывности. Дон Хуан говорил, что это нарушение магическое. Я знал это теперь со всей возможной определенностью. Как прав был дон Хуан, когда говорил, что для того, чтобы остаться, мне понадобятся вся моя сила, все мое терпение и, прежде всего, стальная выдержка *воина-путешественника*.

Мне хотелось думать о доне Хуане, но я не смог. Кроме того, я совсем не беспокоился о доне Хуане. Казалось, между нами был гигантский барьер. Я был совершенно уверен в тот момент, что чуждая мне мысль, подбиравшаяся ко мне с самого момента моего пробуждения, была правильной: я был чем-то другим. Перемена произошла со мной в момент прыжка. В противном случае я наслаждался бы мыслями о доне Хуане, тосковал бы о нем. Я ощутил бы даже что-то вроде негодования из-за того, что он не взял меня с собой. Это было бы моим нормальным «я». Мысль эта крепла, пока не заполонила собой всю мою сущность. После этого от моего прежнего «я» не осталось и следа.

Мною овладело новое настроение. Я был один! Дон Хуан оставил меня внутри сна как своего агента. Я почувствовал, как мое тело

начинает утрачивать свою жесткость; оно постепенно становилось гибким, и наконец я смог дышать глубоко и свободно. Я громко рассмеялся. Меня не заботило, что люди пялятся на меня, уже не улыбаясь. Я был один и ничего не мог с этим поделать!

Я физически ощутил, как вхожу в коридор, коридор, обладавший собственной силой. Этим коридором был дон Хуан, неслышный и необъятный. В этот раз я впервые почувствовал, что в доне Хуане не было ничего физического. Для сентиментальности и страстей не оставалось места. Я никоим образом не мог ощутить его отсутствия, так как он был здесь, он был обезличенным чувством, вовлекшим меня внутрь себя.

Коридор оказался для меня испытанием. Я почувствовал воодушевление, легкость. Да, я мог двигаться по нему, один или в компании, пожалуй, вечно. И это не было для меня ни обязанностью, ни развлечением. Это было чем-то большим, чем *окончательное путешествие*: неизбежный удел *воина-путешественника*, это было началом новой эры. Мне нужно было бы разрыдаться от осознания того, что я нашел этот коридор, но этого не произошло. Я стоял перед лицом *вечности*, находясь в ресторане Шипа! Как необычно! Я ощутил холодок в спине и услышал голос дон Хуана, который говорил, что Вселенная поистине непостижима.

В этот момент задняя дверь ресторана, ведущая к автостоянке, открылась, и вошел странный тип: мужчина, пожалуй, немного старше сорока, растрепанный и изнуренный, но с довольно приятными чертами. Я уже много лет подряд встречал его бродящим вокруг лос-анджелесского университета среди толпящихся студентов. Кто-то сказал мне, что он находится на амбулаторном лечении в расположенном неподалеку Госпитале Ветеранов. Он казался слегка не в себе. Время от времени я видел его у Шипа, съездившимся всегда у одного и того же края стойки с чашкой кофе. Я также видел, как он ждет снаружи, заглядывая в окно, когда освободится его любимое место.

Войдя в ресторан, он сел на свое обычное место и взглянул на меня. Наши взгляды встретились. Вслед за этим он испустил ужасный вопль, от которого меня и всех присутствующих пробрало холодом до костей. Все смотрели на меня, широко раскрыв глаза, некоторые застыли с непережеванной пищей во рту. Очевидно, они подумали, что это кричал я. Я дал им повод так

думать, стукнув по стойке и затем громко расхохотавшись. Мужчина вскочил со своего сиденья и бросился вон из ресторана, оборачиваясь в мою сторону и возбужденно жестикулируя над головой.

Поддавшись инстинктивному побуждению, я побежал за ним. Я хотел узнать у него, что такого он увидел во мне, что заставило его закричать. Я догнал его на автостоянке и попросил объяснить, почему он кричал. Он закрыл глаза и вновь закричал, еще громче. Он напоминал ребенка, напуганного ночным кошмаром, кричащего во всю мощь своих легких. Я оставил его и вернулся в ресторан.

– Что с тобой случилось, дорогой? – спросила официантка, озабоченно глядя на меня. – Я подумала, не сбежал ли ты от меня.

– Я только вышел повидать друга, – сказал я.

Официантка посмотрела на меня, изобразив на лице досаду и удивление.

– Этот парень твой друг? – спросила она.

– Единственный в мире, – ответил я, и это была правда, если мне позволительно называть другом того, кто видит сквозь скрывающую вас личину и знает, откуда вы явились на самом деле.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#)

Оглавление

<u>Шаманы Древней Мексики: их мысли о жизни, смерти и Вселенной.....</u>	<u>2</u>
<u>Введение.....</u>	<u>3</u>
<u>Важнейшие понятия из «Учения Дона Хуана».....</u>	<u>7</u>
<u>Комментарии.....</u>	<u>9</u>
<u>Важнейшие понятия из «Отдельной Реальности »</u>	<u>11</u>
<u>Комментарии.....</u>	<u>16</u>
<u>Важнейшие понятия из «Путешествия в Икстлан».....</u>	<u>19</u>
<u>Комментарии.....</u>	<u>23</u>
<u>Важнейшие понятия из «Сказок о Силе».....</u>	<u>25</u>
<u>Комментарии.....</u>	<u>30</u>
<u>Важнейшие понятия из «Ворого Кольца Силы».....</u>	<u>32</u>
<u>Комментарии.....</u>	<u>34</u>
<u>Важнейшие понятия из «Дара Орла».....</u>	<u>36</u>
<u>Комментарии.....</u>	<u>40</u>
<u>Важнейшие понятия из «Огня Изнутри».....</u>	<u>43</u>
<u>Комментарии.....</u>	<u>46</u>
<u>Важнейшие понятия из «Силы Безмолвия».....</u>	<u>48</u>
<u>Комментарии.....</u>	<u>52</u>

Шаманы Древней Мексики: их мысли о жизни, смерти и Вселенной

«Скоро Бесконечность поглотит меня, и я хочу подготовиться к этому...»

Итак, «Колесо времени», очевидно, итоговая книга Карлоса Кастанеды. Может быть, он все же напишет что-нибудь еще, но эта книга все равно будет итоговой. Так она задумана. И пусть концентрированная мудрость дона Хуана поможет вам на вашем пути. Эта книга пропитана Силой.

Колесо времени

Доктор антропологии Карлос Кастанеда был учеником дона Хуана Матуса, индейского шамана из Мексики. Новая книга Карлоса Кастанеды «Колесо времени» представляет собой собрание главнейших афоризмов и высказываний из восьми его прежних книг, описывающих классическую подготовку инициации шамана, которую он проходил под руководством дона Хуана Матуса в течение тринадцати лет.

Дону Хуану Матусу удалось ввести Карлоса Кастанеду в мир шаманов Древней Мексики — основателей его линии шаманов. Он утверждал, что мир шаманов подчиняется иной когнитивной системе, отличающейся от той системы познания, которая господствует в повседневном мире. Судя по тому, что узнал в процессе своего обучения Карлос Кастанеда, мир шаманов Древней Мексики действительно подчиняется системе познания, совершенно отличной от нашей собственной.

Просматривая цитаты из «Колеса времени», Карлос Кастанеда осознавал, что в методе преподавания дона Хуана Матуса не было ничего случайного, хотя в то время его указания казались Карлосу Кастанеде импровизированными. Однако это обучение проводилось в соответствии со скрытыми побудительными причинами, определяемыми той традицией, что была приведена в действие мексиканскими шаманами много тысячелетий назад.

Опираясь на один из принципов системы познания мира шаманов, шаманы называли бы ту структуру, которая просматривается в размещении афоризмов в этой книге, колесом времени — для тех людей такая концепция была не умоглядной и не теоретической, а столь же прагматичной, какими были они сами. Время является для шаманов совершенно понятной формой упорядоченности энергии, которую человек может почти непосредственно осязать и приводить в движение. Благодаря развиваемой в течение всей жизни невероятной силе сосредоточения эти шаманы действительно были способны осязать колесо времени и перемещать его настолько сильно, что цель вызванного ими смещения, какой бы она ни была, можно ощутить даже в наши дни.

Приведенный здесь набор избранных изречений был выбран из первых восьми книг о мире шаманов Древней Мексики. Эти важнейшие принципы извлекались непосредственно из тех пояснений, которые я, как антрополог, получал от своего учителя и наставника дона Хуана Матуса, индейца из племени яки и мексиканского шамана*. Он относил себя к линии шаманов, возникновение которой уходит в прошлое к тем шаманам, что жили в Мексике в давние времена.

** Понятия «шаман» и «шаманизм» К. К. стал впервые использовать в «Активной стороне бесконечности» вместо никогда не удовлетворяющего его определения знания дона Хуана понятием «магия». Сибирское слово «шаман» стало очень популярным на Западе в последние годы благодаря книгам Элиаде, Харнена, Минделла, Стивенсов и др. авторов. — Прим. ред.*

Дон Хуан Матус ввел меня в этот мир — который, разумеется, был миром шаманов древности — самым действенным из доступных ему способов. Таким образом, ключевую позицию в моем обучении занимал сам дон Хуан. Он знал о существовании иной реальности — о мире, не являющемся ни иллюзией, ни плодом буйного воображения, поскольку для дона Хуана и его спутников-шаманов (их было пятнадцать) мир шаманов древности был настолько же реальным и прагматичным, насколько это вообще возможно.

Работа над данной книгой началась с очень простой попытки выбрать из традиции этих шаманов краткие концепции, афоризмы и мысли, которые могли бы стать интересным материалом для чтения и размышления. Однако в процессе работы произошло непредвиденное изменение этой цели: я осознал, что сами эти высказывания насыщены невероятной Силой. Они таили в себе скрытый ход мыслей, которого я прежде не замечал, и очерчивали то направление, в котором пояснения дона Хуана вели меня в течение тех тринадцати лет, когда я был его учеником.

Эти цитаты лучше любых общих теоретических рассуждений раскрывают непредсказуемый и негибкий образ действий, которому следовал дон Хуан, чтобы поддержать и ускорить мое погружение в его мир. Я не подвергаю сомнению тот факт, что поскольку дон Хуан следовал такой линии действий, то она в точности совпадает с тем подходом, с помощью которого его собственный учитель ввел в мир шаманов самого дона Хуана.

Образ действий дона Хуана Матуса заключался в намеренных попытках ввести меня в то, что он называл иной системой познания. Под системой познания он понимал стандартное определение познания: «процессы, несущие ответственность за осознанность в повседневной жизни и включающие в себя память, личный опыт, восприятие и искусное использование какого-либо синтаксиса». Дон Хуан утверждал, что система познания шаманов Древней Мексики действительно отличалась от системы познания обычного человека.

В соответствии со всеми присущими мне, как человеку, изучающему общественные науки, логичностью и здравомыслием, мне пришлось отвергнуть его утверждение. Время от времени я настойчиво заявлял дону Хуану, что все его утверждения нелепы. Мне они казались, в лучшем случае, интеллектуальными заблуждениями.

Чтобы рассеять мое доверие к обычной системе познания, позволяющей нам постигать окружающий мир, потребовалось тринадцать лет тяжелого труда с его и моей стороны. Эта перемена вызвала у меня весьма странное состояние; состояние кажущегося недоверия к прежде безоговорочному согласию с познавательными процессами повседневного мира.

После тринадцати лет тяжелых столкновений я против своей воли осознал, что дон Хуан Матус действительно исходил из совершенно другой точки зрения. Это означает, что

шаманы Древней Мексики на самом деле опирались на совершенно иную систему познания. Признание этого опустошило меня до глубины души. Я чувствовал себя предателем. Мне казалось, будто я высказываю самую ужасающую ересь.

Почувствовав, что ему удалось сломить мое яростное сопротивление, дон Хуан вогнал свою точку зрения в самые глубины моего существа, и в отношении мира шаманов мне пришлось безоговорочно признать, что шаманы-практики оценивали мир с такой точки зрения, которую невозможно было описать с помощью привычных нам концепций. К примеру, они воспринимали энергию так, как она течет во Вселенной, — энергию, свободную от ограничений влияния общества и синтаксиса; чистую, вибрирующую энергию. Они называли это актом видения.

Основная цель дона Хуана заключалась в том, чтобы помочь мне воспринять энергию так, как она течет во Вселенной. В мире шаманов такое восприятие энергии является первым обязательным шагом к еще более захватывающей и свободной точке зрения иной системы познания. Чтобы добиться от меня реакции видения, дон Хуан воспользовался другими, чуждыми элементами познания. Один из важнейших таких элементов он называл перепросмотром; этот метод представляет собой систематическое тщательное изучение собственной жизни, фрагмент за фрагментом, которое проводится не с позиции оценивания или поиска ошибок, а с точки зрения попытки постичь свою жизнь и изменить ее ход. Дон Хуан утверждал, что, как только практикующий начнет взирать на свою жизнь в той отстраненной манере, какой требует перепросмотр, он уже не сможет вернуться к прежнему образу жизни.

Видеть энергию так, как она течет во Вселенной, означало, по словам дона Хуана, способность видеть человеческие существа в облике светящегося яйца, или светящегося шара энергии, и различать в этом светящемся шаре энергии определенные черты, свойственные всем людям в целом — например, точку повышенной яркости в достаточно ярком светящемся энергетическом коконе. Шаманы утверждали, что именно в этой точке повышенной яркости, которую они называли точкой сборки, и собирается восприятие. Логическое развитие этой мысли означает, что в этой точке повышенной яркости вырабатывается наша система познания мира. Каким бы странным это ни казалось, дон Хуан Матус был прав в том смысле, что именно так все и происходит.

Таким образом, процесс восприятия шаманов существенно отличался от восприятия обычного человека. Шаманы утверждали, что прямое восприятие энергии привело их к тому, что они называли энергетическими фактами. Под энергетическими фактами они понимали вызываемое непосредственным видением энергии зрелище, которое приводит к окончательным и несократимым выводам — эти выводы не подчиняются логическим соображениям или попыткам согласовать их с привычной нам системой интерпретации.

Дон Хуан говорил, что для шаманов его линии энергетическим фактом было то, что окружающий нас мир определяется процессами познания и эти процессы не являются неизменными — они не есть нечто непреложное. Эти процессы зависят от подготовки, они связаны с практичностью и пользой. Эта мысль получает свое развитие в другом энергетическом факте: процессы привычного нам познания представляют собой только следствия воспитания — и ничего больше.

Дон Хуан Матус без тени сомнения знал, что его рассказы о системе познания шаманов Древней Мексики — именно то, что происходит в действительности. Помимо прочего, дон Хуан был нагвалем; для шаманов-практиков это понятие означает естественного лидера — человека, способного наблюдать энергетические факты без вреда для самого себя. Таким образом, он был наделен умением успешно проводить своих собратьев по таким путям мышления и восприятия, какие просто не поддаются описанию.

Принимая во внимание все факты системы познания, о которых рассказал мне дон Хуан, я пришел к выводу о том, что важнейшим элементом такого мира является идея намерения — сам дон Хуан придерживался того же мнения. Для шаманов Древней

Мексиканское намерение представляло собой некую силу, которую они могли визуализировать, когда видели энергию так, как она течет во Вселенной. Они называли это всепроникающей силой, вовлеченной в любой аспект времени и пространства. Это та движущая сила, что кроется за всем сущим. Невообразимо важным открытием тех шаманов стало то, что это намерение — чистая абстракция — тесно связано с человеком. Человек всегда мог манипулировать намерением. Шаманы Древней Мексики осознали, что единственный способ повлиять на эту силу связан с безупречным поведением. Только самый дисциплинированный практик способен совершить этот подвиг.

Другим невероятно важным элементом этой странной системы познания шаманов было понимание и использование концепций времени и пространства. Для них время и пространство были совсем не теми явлениями, которые являются частью нашей жизни всего лишь потому, что они представляют собой неотъемлемую часть привычной нам системы познания. Стандартное определение времени для обычного человека звучит так: «непространственный континуум, в котором события происходят в несомненно необратимой последовательности и развиваются от прошлого — через настоящее — к будущему». Пространство определяется как «бесконечная протяженность трехмерного поля, в котором существуют звезды и галактики; Вселенная».

Для шаманов Древней Мексики время представляло нечто схожее с мыслью — это мысль, возникающая в мышлении чего-то такого, что непостижимо в своем величии. Логическим доказательством для них служило то, что сам человек, будучи частью этой мысли, протекающей в мышлении неких непостижимых для его разума сил, удерживает в себе небольшой процент этой мысли — и при определенных обстоятельствах выдающейся дисциплины этот процент можно вернуть назад.

Пространство было для этих шаманов абстрактным миром деятельности. Они называли его бесконечностью и ссылались на него как на общий итог всех усилий живых существ. Для них пространство было чем-то более доступным, почти приземленным. Судя по всему, они извлекли из абстрактного определения пространства большую практическую пользу. Согласно тем версиям, о которых говорил дон Хуан, шаманы Древней Мексики, в отличие от нас, никогда не считали время и пространство туманными абстракциями. Для них и время, и пространство — несмотря на непостижимость их определений — были неотъемлемой частью человека.

У этих шаманов был еще один элемент познания под названием колесо времени. Они объясняли понятие колеса времени, рассказывая, что время похоже на туннель бесконечной длины и ширины — туннель с зеркальными бороздками. Каждая бороздка бесконечна; бесконечно и их число. Сила жизни принудительно заставила живые существа всматриваться в одну бороздку. Всматриваться только в одну бороздку означает оказаться пойманным в ее ловушку, жить этой бороздой.

Окончательная цель воина заключается в том, чтобы посредством акта глубокой дисциплины сфокусировать свое непоколебимое внимание на колесе времени и заставить его повернуться. Те воины, которые добились успеха в повороте колеса времени, могут увидеть любую бороздку и извлечь из нее все, что угодно. Свобода от зачаровывающей силы взгляда в одну бороздку означает, что воины могут смотреть в любом направлении и видеть, как время отступает от них или приближается.

С такой точки зрения, колесо времени оказывает непреодолимое влияние, простирающееся на всю протяженность жизни воина и за ее пределы — как в случае собранных в этой книге выражений. Они выглядят сплетенными в кольцо, живущее своей жизнью. Согласно объяснению в системе познания шаманов, это кольцо и является колесом времени.

Таким образом, под влиянием колеса времени цель этой книги стала отличной от первоначального замысла. Сами изречения и только они стали господствующим фактором и вызвали у меня стремление оставаться как можно ближе к тому стилю, в каком они были

даны мне — а давались они в духе умеренности и предельной прямоты.

Я безуспешно пытался сделать еще кое-что: распределить высказывания по ряду категорий, которые облегчили бы их чтение. Однако подобная классификация изречений оказалась неприемлемой. Я не нашел подходящего способа разделения чего-то настолько неопределенного и обширного, как целостный мир познания, на какие-либо произвольные смысловые категории.

Мне оставалось просто двигаться вслед за высказываниями и позволить им самим создать набросок очертаний мыслей и ощущений шаманов Древней Мексики в отношении жизни, смерти, Вселенной и энергии. Эти мысли связаны с тем, как шаманы понимали не только саму Вселенную, но и протекающие в нашем мире процессы жизни и сосуществования. Еще более важно то, что они указывают на возможность одновременного использования двух систем познания без какого-либо ущерба для личности.

Сила зависит лишь от того, какого рода знанием владеет человек. Какой смысл в знании вещей, которые бесполезны? Они не готовят нас к неожиданной встрече с неизвестным.

Ничто не дается даром в этом мире, и приобретение знания — труднейшая из всех задач, с какими человек может столкнуться.

Человек идет к знанию так же, как он идет на войну — полностью пробужденный, полный страха, благоговения и безусловной решимости. Любое отступление от этого правила — роковая ошибка, и тот, кто ее совершит, непременно доживет до дня, когда горько пожалеет об этом.

Только выполняющий эти четыре условия — быть полностью пробужденным, полным страха, благоговения и безусловной решимости — застрахован от ошибок, за которые придется платить; лишь при этих условиях он не будет действовать наугад. Если такой человек и терпит поражение, то он проигрывает только битву, а об этом не стоит слишком сожалеть.

Слишком сильное сосредоточение на себе порождает ужасную усталость. Человек в такой позиции глух и слеп ко всему остальному. Эта странная усталость мешает ему искать и видеть чудеса, которые во множестве находились вокруг него. Поэтому кроме проблем у него ничего не остается.

Любому, кто приступает к учению, приходится выкладываться настолько, насколько он способен, и границы обучения определяются собственными возможностями ученика. Именно поэтому разговоры на тему обучения лишены всякого смысла. Страхи перед знанием — дело обычное; все мы им подвержены, и тут ничего не поделаешь. Однако каким бы устрашающим ни было учение, еще страшней представить себе человека, у которого нет знания.

Сердиться на людей означает считать их поступки чем-то важным. Настоятельно необходимо избавляться от подобного ощущения. Поступки людей не могут быть настолько важными, чтобы отвести на задний план единственную жизненно важную альтернативу: наши неизменные встречи с бесконечностью.

Любой путь — лишь один из миллиона возможных путей. Поэтому воин всегда должен помнить, что путь — это только путь; если он чувствует, что это ему не по душе, он должен оставить его любой ценой. Любой путь — это всего лишь путь, и ничто не помешает воину оставить его, если сделать это велит ему его сердце. Его решение должно быть свободно от страха и честолюбия. На любой путь нужно смотреть прямо и без колебаний. Воин испытывает его столько раз, сколько находит нужным. Затем он задает себе, и только самому себе, один вопрос: имеет ли этот путь сердце?

Все пути одинаковы: они ведут в никуда. Есть ли у этого пути сердце? Если есть, то это хороший путь; если нет, то от него никакого толку. Оба пути ведут в никуда, но у одного

есть сердце, а у другого — нет. Один путь делает путешествие по нему радостным: сколько ни странствуешь — ты и твой путь нераздельны. Другой путь заставит тебя проклинать свою жизнь. Один путь дает тебе силы, другой — уничтожает тебя.

Это мир счастья, где между вещами нет различия, потому что там некому спрашивать о различии. Но это не мир людей. Некоторые люди наивно верят, что они живут в двух мирах, что они могут выбирать между мирами, но это только их самонадеянность. Для нас существует лишь один-единственный мир. Мы — люди, и должны безропотно следовать миру людей.

У человека есть четыре врага: это страх, ясность, сила и старость. Страх, ясность и сила могут быть побеждены, но не старость. Это самый жестокий враг, которого нельзя победить, можно лишь оттянуть свое поражение.

В абстрактном характере высказываний из первой книги, «Учение дона Хуана», заключена сущность всего, что говорил дон Хуан в самом начале моего ученичества. По полному тексту книги видно, что дон Хуан очень много рассказывал о союзниках, растениях силы, Мескалито, «дымке», ветре, речных и горных духах, духе чаппаралья и так далее. Позже, когда я спросил его, почему он уделял такое внимание этим явлениям, но не обращался к ним впоследствии, он невозмутимо признался, что в начале моего обучения погрузился во весь этот псевдошаманский вздор только ради меня.

Я был ошеломлен. Меня удивило то, как он может высказывать такие утверждения, представляющие собой откровенную неправду. Однако он действительно имел в виду именно то, что сказал, а я, без сомнений, был тем самым человеком, который мог засвидетельствовать достоверность его слов и расположения духа.

— Не относись к этому так серьезно, — смеясь, сказал он. — Занятия всей этой чепухой всегда развлекали меня, а с тобой было еще веселее, так как я знал, что делаю это для твоей же пользы.

— Для моей пользы, дон Хуан? Что за ерунда?

— Да, для твоей пользы. Я обманывал тебя, удерживая твоё внимание теми предметами твоего мира, которые вызывали у тебя глубокий интерес, — и ты проглатывал все целиком: и наживку, и леску, и поплавок.

Все, что мне было нужно, — твоё безраздельное внимание. Но как я мог добиться его от такой недисциплинированной натуры? Ты сам вновь и вновь говорил мне, что приезжаешь потому, что считаешь мои рассказы об этом мире захватывающими. Однако ты не знал, как выразить, что испытываемый тобой интерес основан на том факте, что ты смутно согласен с каждым моим словом. Ты думал, что эта неясность, разумеется, и является шаманизмом, и тянулся к ней — потому и приезжал.

— Ты поступаешь так с каждым, дон Хуан?

— Не с каждым, так как ко мне приходит не каждый, и, прежде всего, меня самого интересует далеко не каждый. Меня интересовал и интересуешь ты, ты один. Мой учитель, нагваль Хулиан, обманул меня точно так же. Он воспользовался моими чувственностью и жадностью. Он обещал озолотить меня и свести меня со всеми прекрасными женщинами, которые его окружали. Он пообещал мне богатство, и я попался на удочку. Так с незапамятных времен обманывали всех шаманов моей линии. Шаманы моей линии — не учителя или гуру. Им плевать на широкое распространение своих знаний. Им нужны только преемники, а не какие-то люди, смутно заинтересованные в этих знаниях по неким интеллектуальным соображениям.

Дон Хуан был прав, когда говорил, что я полностью попался на его удочку. Я действительно полагал, что нашел шамана и превосходный источник антропологической информации. Именно в то время под покровительством и влиянием дона Хуана я списывал целые дневники и собирал старинные карты, на которых были указаны местоположения городов индейцев яки на протяжении долгих столетий, начиная с иезуитских летописей конца XVIII века. Я отметил все эти города, выявил самые незначительные изменения и ломал голову над тем, почему эти города меняли свое положение и при каждом таком смещении образуемый ими узор становился несколько иным. Псевдоразмышления о разумности и обоснованных сомнениях раздавали меня. Я собрал тысячи листов сжатых записей и предположений, извлеченных из различных книг и летописей. Я был настоящим студентом факультета антропологии. Дон Хуан раздувал мое воображение всеми доступными средствами.

— На пути воинов нет добровольцев, — сказал мне дон Хуан, делая вид, что что-то объясняет. — Человека приходится выводить на путь воина против его воли.

— Дон Хуан, что мне делать с теми тысячами записей, которые я собрал в результате

твоего обмана? — спросил я его в тот раз.

Его ответ стал для меня настоящим потрясением.

— Напиши о них книгу! — сказал он. — Я уверен, что если ты начнешь ее писать, то все равно никогда не воспользуешься своими записями. Они бесполезны — но кто я такой, чтобы говорить тебе об этом? Придумай сам. Однако не пытайся писать книгу так, как это делает писатель. Сделай это как воин, как воин-шаман.

— Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

— Не знаю. Сам разбирайся.

Он был абсолютно прав. Я так и не воспользовался теми записями. Вместо этого я неожиданно для самого себя написал книгу о непостижимых возможностях существования иной системы познания.

Важнейшие понятия из «Отдельной Реальности»

Воин знает, что он только человек. Его единственное сожаление заключается в том, что жизнь коротка и он не успеет прикоснуться ко всему, что ему нравится. Но и это для него не проблема; это просто сожаление.

Чувство собственной важности делает человека безнадежным: тяжелым, неуклюжим и пустым. Быть воином означает быть легким и текучим.

Когда видишь поля энергии, человеческие существа выглядят как световые волокна, похожие на белую паутину, очень тонкие. Они тянутся от головы к пупку, и человек похож на яйцо из текучих волокон; руки и ноги подобны светящимся протуберанцам, вырывающимся в разные стороны.

Видящие видят, что любой человек постоянно находится в контакте со всем остальным миром. Правда, связь эта осуществляется не через руки, а с помощью пучка длинных волокон, исходящих из середины живота. Этими волокнами человек соединен со всем миром, благодаря им он сохраняет равновесие, они придают ему устойчивость.

Когда воин научится видеть, он увидит, что человек — это светящееся яйцо, будь он нищий или король. А что можно изменить в светящемся яйце? Что?

Воина никогда не беспокоит его страх. Вместо этого он думает о чудесах видения полей энергии! Все остальное — пустяки, пустые украшения.

Только дырявый горшок может пытаться стать человеком знания по своей воле. Трезвомыслящего человека нужно затягивать на путь хитростью. Найдется масса людей, которые с радостью захотят учиться, но эти не в счет. Обычно они уже с трещиной. Как пересохшая бутылка из тыквы, которая с виду в порядке, но начинает течь в ту же минуту, как только в нее наливают воду и появляется давление. Через минуту ее нужно вновь наполнять водой.

Когда человек не имеет отношения к видению, вещи выглядят в основном одними и теми же в то время, когда он смотрит на мир. С другой стороны, когда он научится видеть, ничто не будет выглядеть тем же самым все то время, что он видит эту вещь, хотя она остается той же самой. С точки зрения видящего, человек выглядит как светящееся яйцо. Всякий раз, когда вы видите одного и того же человека, он выглядит как светящееся яйцо, хотя не то же самое светящееся яйцо.

Шаманы Древней Мексики называли союзниками те необъяснимые силы, которые действовали под их руководством. Они называли эти силы союзниками, поскольку считали, что могут использовать их так, как им захочется, — эти представления оказались почти

смертельными для шаманов, так как те, кого они называли союзниками, представляют собой лишённые телесной оболочки существа, населяющие Вселенную. Современные шаманы называют их неорганическими существами.

Спрашивать, в чем заключается предназначение союзников, — все равно что задавать вопрос о смысле деятельности человека в этом мире. Мы существуем, вот и все. Подобно нам, союзники тоже существуют — и, возможно, они появились здесь задолго до нас.

Быть воином — это самый эффективный способ жить. Воин сомневается и размышляет до того, как принимает решение. Но когда оно принято, он действует, не отвлекаясь на сомнения, опасения и колебания. Впереди — еще миллионы решений, каждое из которых ждет своего часа. Это — путь воина.

Когда воина начинают одолевать сомнения и страхи, он думает о своей смерти. Мысль о смерти — единственное, что способно закалить наш дух.

Смерть находится везде. Она может принять вид зажженных фар машины, которая въезжает на холм позади нас. Она может оставаться видимой некоторое время, а потом исчезнуть в темноте, как если бы она покинула нас на время, но она опять появляется на следующем холме, чтобы потом исчезнуть вновь.

Это огни на голове смерти. Она надевает их наподобие шляпы, прежде чем пуститься в галоп. Эти огни она зажгла, бросившись в погоню за нами. Смерть неуклонно преследует нас, и с каждой секундой она все ближе и ближе. Смерть никогда не останавливается. Просто иногда она гасит огни. Но это ничего не меняет...

Воин должен прежде всего знать, что его действия бесполезны, но он должен выполнять их, как если бы он не знал об этом. Это то, что шаманы называют контролируемой глупостью.

Глаза человека предназначены для выполнения двух функций: одна из них — видеть энергетические потоки Вселенной, а другая — «смотреть на вещи в этом мире». Ни одна из них не является лучше или важнее другой, но тренировать глаза только для смотрения — это постыдная и бессмысленная потеря.

Воин живет действием, а не думанием о действии или думанием о том, что он будет думать, когда закончит действовать.

Воин выбирает путь с сердцем и следует по этому пути. Когда он смотрит, он радуется и смеется; когда он видит, он знает. Он знает, что жизнь его закончится очень скоро; он знает, что он, как любой другой, не идет никуда; и он знает, что ничто не является более важным, чем что-то другое.

У воина нет ни чести, ни достоинства, ни семьи, ни имени, ни родины. Есть только жизнь, которую нужно прожить. В таких условиях контролируемая глупость —

единственное, что может связывать его с близкими.

Ничто не имеет особого значения, поэтому воин просто выбирает какой-то поступок и совершает его. Но совершает так, словно это имеет значение. Его контролируемая глупость заставляет его говорить, что его действия очень важны, и поступать соответственно. В то же время он прекрасно понимает, что все это не имеет значения. Так что, прекращая действовать, воин возвращается в состояние покоя и равновесия. Хорошим было его действие или плохим, удалось ли его завершить — до этого ему нет никакого дела.

Воин может вообще не совершать никаких поступков. Тогда он ведет себя так, словно эта пассивность реально имеет для него значение. Он прав и в этом случае, потому что и это тоже контролируемая глупость.

В жизни воина не может быть пустоты. Его жизнь заполнена до краев. Все заполнено до краев, и все равнозначно. Для него нет ни побед, ни поражений, ни пустоты. Все заполнено до краев и все равно, и его борьба стоит его усилий.

Обычный человек слишком озабочен тем, чтобы любить людей, и тем, чтобы его любили. Воин любит, и все. Он любит всех, кто ему нравится, и все, что ему по душе, но он использует свою контролируемую глупость, чтобы не беспокоиться об этом. Что полностью противоположно тому, чем занимается обычный человек. Любить людей или быть любимым ими — это еще далеко не все, что доступно человеку.

Воин принимает ответственность за все свои действия, даже за самые пустяковые. Обычный человек занят своими мыслями и никогда не принимает ответственности за то, что он делает.

Обычный человек является либо победителем, либо побежденным и, в соответствии с этим, становится преследователем или жертвой. Эти два состояния превалируют у всех, кто не видит. Видение рассеивает иллюзию победы, поражения или страдания.

Воин знает о своем ожидании и знает, чего он ждет. Когда он ждет, у него нет желаний, и поэтому, какую бы малость он ни получил, это всегда больше, чем он может взять. Если он хочет есть, то справится с этим, потому что не страдает от голода. Если он ранен, то справится с этим, потому что не страдает от боли. Быть голодным или страдать от боли означает, что человек — не воин, и сила голода или боли может разрушить его.

Самоограничение — самый худший и самый злостный вид индугирования. Поступая подобным образом, мы заставляем себя верить, что совершаем нечто значительное, чуть ли не подвиг, а в действительности только еще больше углубляемся в самолюбование, давая пишу самолюбию и чувству собственной важности.

То, что воин называет волей, есть сила внутри нас самих. Это не мысль, не предмет, не желание. Воля — это то, что заставляет воина побеждать, когда его рассудок говорит ему, что он повержен. Воля — это то, что делает его неуязвимым. Воля — это то, что позволяет шаману пройти сквозь стену, сквозь пространство, в бесконечность.

Когда человек выбирает путь воина, он становится полностью бодрствующим, в полной мере осознавая, что обычная жизнь навсегда оставлена позади. Средства обычного мира больше не являются для него щитами, и он должен выбрать новый способ жизни, если он хочет выжить.

К тому моменту, когда человек осознает устрашающую природу знания, он осознает и то, что смерть на этом пути — верный попутчик, незаменимый партнер, который всегда рядом. Смерть является главным фактором, превращающим знание в энергию, в реальную силу. Прикосновением смерти завершается все, и все, чего она коснулась, становится Силой.

Только принятие идеи смерти может дать воину отрешенность, достаточную для того, чтобы принуждать себя к чему бы то ни было, равно как и для того, чтобы ни от чего не отказываться. Он знает, что смерть следует за ним по пятам и не даст ему времени ни за что зацепиться, поэтому он пробует все, ни к чему не привязываясь.

Мы — люди, и наша судьба, наше предназначение — учиться ради открытия все новых и новых непостижимых миров. Воин, научившийся видеть, узнает, что непознанным мирам нет числа и что все они — здесь, перед нами.

«Смерть — это вращение; смерть — это сияющее облачко над горизонтом; смерть — это мой разговор с тобой; смерть — это ты и твои записи в блокноте; смерть — это ничто. Ничто! Она здесь, хотя ее нет здесь вообще».

Дух воина не привязан ни к индульгированию, ни к жалобам, как не привязан он ни к победам, ни к поражениям. Единственная привязанность воина — битва, и каждая битва, которую он ведет, — его последняя битва на этой земле. Поэтому исход ее для него практически не имеет значения. В этой последней битве воин позволяет своему духу течь свободно и ясно. И когда он ведет эту битву, он знает, что воля его безупречна. И поэтому он смеется и смеется.

Мы непрерывно разговариваем с собой о нашем мире. Фактически, мы создаем наш мир своим внутренним диалогом. Когда мы перестаем разговаривать с собой, мир становится таким, каким он должен быть. Мы обновляем его, мы наделяем его жизнью, мы поддерживаем его своим внутренним диалогом. И не только это. Мы также выбираем свои пути в соответствии с тем, что мы говорим себе. Так мы повторяем тот же самый выбор еще и еще, до тех пор, пока не умрем. Потому что мы продолжаем все тот же внутренний диалог. Воин осознает это и стремится прекратить свой внутренний диалог.

Мир — это все, что заключено здесь. Жизнь, смерть, люди и все остальное, что окружает нас. Мир необъятен и непостижим. Мы никогда не сможем понять его. Мы никогда не разгадаем его тайну. Поэтому мы должны принимать его таким, как он есть, — чудесной загадкой.

Вещи, которые делают люди, ни при каких условиях не могут быть более важными, чем мир. И, таким образом, воин относится к миру как к бесконечной тайне, а к тому, что делают люди, — как к бесконечной глупости.

В высказываниях из «Отдельной реальности» начинает с примечательной ясностью проявляться то настроение, с каким шаманы Древней Мексики относились ко всем своим усилиям, связанным с намерением. Рассказывая о древних шаманах, сам дон Хуан подчеркивал, что чрезвычайно интересным для современных практиков аспектом того мира было острое, как бритва, осознание, которое шаманы древности развили в отношении всеобщей силы под названием намерение. Они поясняли, что связь каждого из тех людей с этой силой была настолько чистой и четкой, что они могли в свое удовольствие влиять на все вокруг. Дон Хуан говорил, что намерение тех шаманов, доведенное до такой отточенной глубины, было единственной помощью, какая только существовала у современных практиков. Он выразил это обыденными словами, сказав, что если бы современные практики были честными перед самими собой, то заплатили бы любую цену за то, чтобы иметь возможность жить под зонтиком такого намерения.

Дон Хуан утверждал, что каждый, кто проявляет хотя бы легкий интерес к миру шаманов древности, незамедлительно втягивается в круг их острого, как бритва, намерения. Для дон Хуана их намерение было чем-то столь неизмеримым, что ни один из нас не способен с этим бороться. Кроме того, он рассудительно говорил, что с таким намерением не нужно бороться, так как это единственное, что следует принимать в расчет; оно было сущностью мира тех шаманов — мира, к которому современные практики стремятся больше, чем к чему-либо иному, что только можно вообразить.

Настроение высказываний из «Отдельной реальности» создано вовсе не моим собственным намерением. Это настроение проявилось независимо от моих целей и желаний. Можно сказать, что оно оказалось совершенно противоположным моим замыслам. Скрытый в тексте книги загадочный виток колеса времени внезапно пришел в движение и проявился в состоянии напряженности — того напряжения, которое определило направление моих усилий.

Если говорить о моих ощущениях в то время, когда я писал «Отдельную реальность», то я могу правдиво утверждать, что считал себя счастливым, погруженным в антропологическую полевую работу, так что мои чувства и мысли были настолько далеки от мира шаманов древности, насколько это вообще возможно. У дон Хуана было иное мнение. Будучи закаленным воином, он знал, что я едва ли смогу освободиться от магнетической тяги намерения, созданного теми шаманами. Я погружался в него независимо от своего желания и от того, верил в него или нет.

Такое положение дел вызвало у меня подсознательную тревогу. Это было не то беспокойство, какое можно было бы определить или выявить — его трудно было даже осознать. Оно пронизывало все мои поступки, не предоставляя мне никакой возможности осознанно поразмыслить о нем. Могу лишь сказать, что я был смертельно напуган, хотя не смог бы объяснить, чего именно боюсь.

Я много раз пытался проанализировать это ощущение страха, но мгновенно начинал испытывать утомление и усталость. Я сразу понимал, что мои вопросы к самому себе безосновательны и излишни, в результате чего прекращал попытки анализа. Я обратился к дону Хуану с вопросами о моем состоянии, желая получить от него совет и поддержку.

— Ты просто боишься, — сказал он. — Вот и все. Не пытайся определить загадочные причины своего страха. Загадочная причина находится прямо перед тобой, в пределах досягаемости — это намерение шаманов Древней Мексики. Ты имеешь дело с их миром, и этот мир время от времени показывает тебе свое лицо. Разумеется, тебе трудно выдержать такое зрелище. Впрочем, временами это трудно и для меня. Любому из нас тяжело его выдержать.

— Ты говоришь загадками, дон Хуан.

— Да, пока это кажется загадкой. Когда-нибудь ты все поймешь. Сейчас просто глупо

пытаться говорить об этом или что-то объяснять. Все, что я попробую объяснить тебе, будет лишено смысла. В данный момент какие-нибудь непостижимые банальности показались бы тебе бесконечно более осмысленными.

Он был совершенно прав. Причиной всех моих страхов действительно была одна банальность, которой я стыдился тогда и стыжусь сейчас, — я боялся одержимости демонами. Этот страх возник у меня еще в детстве: все необъяснимое, разумеется, становилось чем-то злым и пагубным, что стремилось погубить меня.

Чем пикантнее становились пояснения дона Хуана, связанные с миром древних шаманов, тем острее становилось мое ощущение необходимости защитить себя. Это чувство невозможно было выразить словами. Это была не просто потребность защититься; скорее, это было желание уберечь достоверность и неоспоримую ценность того мира, в котором живут человеческие существа. Единственным знакомым мне миром был мой мир. Если он подвергался опасности, у меня немедленно возникала реакция — она проявлялась в том особом страхе, который я никогда не смогу объяснить. Он был похож на тот страх, какой, должно быть, испытывает человек при попытке обьять собственную беспредельность. Это не был страх смерти или увечья — нет, нечто неизмеримо более глубокое. Он был настолько глубок, что любой шаман-практик запутался бы при любой попытке осмыслить его.

— Ты окольным путем пришел прямо к понятию воина, — сказал дон Хуан.

В то время он уделял концепции воина бесконечное внимание. Он говорил, что воин, разумеется, представляет собой нечто большее, чем просто принцип. Это образ жизни; этот образ жизни является единственным средством, сдерживающим страх, и единственным каналом, с помощью которого практик может обеспечить свободное течение своей деятельности. Без концепции воина было бы невозможно преодолеть все камни преткновения на пути знания.

Дон Хуан определял воина прежде всего как бойца. Это особое настроение, которому способствует намерение шаманов древности, и любой человек способен перейти к этому настроению.

— Намерение тех шаманов, — говорил дон Хуан, — было таким отточенным, таким мощным, что уплотняло структуру воина, хотя сам практик мог об этом даже не подозревать.

Коротко говоря, для шаманов Древней Мексики воин был настолько согласованной с протекающей вокруг него битвой, настолько бдительной боевой единицей, что в его чистейшей форме воину не нужно было ничего лишнего для того, чтобы выжить. Не было необходимости делать воину какие-либо подарки, ободрять его словами или действиями или пытаться утешать и воодушевлять его — все это уже встроено в структуру самого воина. Поскольку эта структура определялась намерением шаманов Древней Мексики, они заранее позаботились о том, чтобы в нее вошло все, что только может понадобиться. Окончательным результатом стал боец, сражающийся в одиночестве и обеспеченный в рамках его безмолвных убеждений всеми побудительными силами, необходимыми для продвижения вперед без жалоб и потребности в одобрении.

Лично мне концепция воина показалась захватывающей — и, одновременно, одной из самых пугающих, с какими я когда-либо сталкивался. Я считал, что, если приму этот принцип, то он обратит меня в слепое подчинение, не оставив ни времени, ни возможности осмотреться, возразить или выразить недовольство. Высказывание жалоб было привычкой всей моей жизни, и, честно говоря, я готов был бороться не на жизнь, а на смерть, чтобы сохранить ее. Я считал высказывание недовольства признаком чувствительного, смелого и честного человека, не испытывающего колебаний при выражении своих убеждений, симпатий и антипатий. Если всему этому предстояло превратиться в боевую единицу, то я потерял бы больше, чем мог себе позволить.

Таковыми были мои невысказанные мысли. И все же я завидовал целеустремленности,

спокойствию и безупречности воина. Одним из величайших средств, которыми воспользовались шаманы Древней Мексики для укрепления концепции воина, была идея отношения к смерти как к спутнику, наблюдающему за нашими поступками. Дон Хуан говорил, что, как только человек принимает этот принцип — пусть даже в самой мягкой форме, -- возникает мост над пропастью, разделяющей наш мир повседневных занятий, и то, что находится впереди, но не имеет названия — то, что теряется в тумане и кажется несуществующим. Это нечто настолько неясно, что его нельзя использовать как точку отсчета, и все же оно есть, оно бесспорно существует.

Дон Хуан утверждал, что единственным существом на земле, способным пересечь этот мост, является воин: безмолвный в своей борьбе; неукротимый, так как ему нечего терять; работоспособный и действенный, так как ему предстоит обрести все.

Люди, как правило, не отдают себе отчета в том, что в любой момент могут выбросить из своей жизни все что угодно. В любое время. Мгновенно.

Человек не должен беспокоиться о том, чтобы сделать фотографии или магнитофонные записи. Все это излишества спокойной жизни. Во всем, что мы делаем, по-настоящему необходимо лишь одно — «дух». Человек должен беспокоиться лишь о духе, который убывает.

Воин не нуждается в личной истории. В один прекрасный день он обнаруживает, что в ней нет никакой нужды, и просто избавляется от нее.

«Я собираюсь взять твоего отца в качестве примера, чтобы проиллюстрировать мою точку зрения на личную историю. Твой отец знает о тебе все. Поэтому ты для него — как раскрытая книга. Он знает, кто ты такой, что из себя представляешь и чего стоишь. И нет на земле силы, которая могла бы заставить его изменить свое отношение к тебе.

Естественно, такое интимное знание о тебе есть и у всех твоих друзей. У каждого, кто тебя знает, сформировался определенный образ твоей личности. И любым своим действием ты как бы подпитываешь и еще больше фиксируешь этот образ. Личная история постоянно нуждается в том, чтобы ее сохраняли и обновляли. Поэтому ты рассказываешь своим друзьям и родственникам обо всем, что делаешь. С другой стороны, для воина, у которого нет личной истории, нет необходимости в объяснениях, его действия не могут никого рассердить или разочаровать, а самое главное — он не связан ничьими мыслями и ожиданиями».

Когда отсутствует какая бы то ни было определенность, мы все время алертны, мы постоянно готовы к прыжку. Гораздо интереснее не знать, за каким кустом прячется кролик, чем вести себя так, словно тебе все давным-давно известно.

Пока человек чувствует, что наиболее важное и значительное явление в мире — это его персона, он никогда не сможет по-настоящему ощутить окружающий мир. Точно зашоренная лошадь, он не видит в нем ничего, кроме самого себя.

Смерть — наш вечный попутчик. Она всегда находится слева от нас на расстоянии вытянутой руки, и смерть — единственный мудрый советчик, который всегда есть у воина. Каждый раз, когда воин чувствует, что все складывается из рук вон плохо и он на грани полного краха, он оборачивается налево и спрашивает у своей смерти, так ли это. И его смерть отвечает, что он ошибается и что кроме ее прикосновения нет ничего, что действительно имело бы значение. Его смерть говорит: «Но я же еще не коснулась тебя!»

Если воин что-то решил, он идет до конца, но при этом он непременно принимает на себя ответственность за то, что он делает. Что именно воин делает — значения не имеет, но

он должен знать, зачем он это делает, и действовать без сомнений и сожалений.

В мире, где за каждым охотится смерть, нет времени на сожаления или сомнения. Время есть лишь на то, чтобы принимать решения. И не важно, в чем будут заключаться эти решения. Ничто не является более или менее серьезным и важным, чем что-то другое. В мире, где смерть — это охотник, нет больших или малых решений. Единственное решение заключается в том, что воин должен встретиться лицом к лицу со своей неотвратимой смертью.

Воин должен учиться быть доступным и недоступным на поворотах пути. Для воина бессмысленно непреднамеренно оказываться доступным в любое время, точно так же, как совершенно бессмысленно прятаться, когда все вокруг знают, что сейчасон прячется.

Для воина быть недоступным — значит прикасаться к окружающему его миру бережно. Съесть не пять перепелов, а одного. Не калечить растения лишь для того, чтобы сделать жаровню. Не подставляться без необходимости силе ветра. И, превыше всего, — ни в коем случае не истощать себя и других. Не пользоваться людьми, не выжимать из них все до последней капли, особенно из тех, кого любишь.

Беспокойство неизбежно делает человека доступным, он непроизвольно раскрывается. Тревога заставляет его в отчаянии цепляться за что попало, а зацепившись, он уже обязан истощить либо себя, либо то, за что зацепился. Охотник-воин, с другой стороны, знает, что в его ловушки еще не раз попадет дичь, поэтому он не беспокоится. Беспокоиться — это значит становиться доступным, неосознанно доступным.

Быть недоступным — вовсе не означает прятаться или скрываться. И не означает, что нельзя иметь дело с людьми. Охотник-воин недоступен потому, что не выжимает из своего мира все до последней капли. Он слегка касается его, оставаясь в нем ровно столько, сколько необходимо, и затем быстро уходит, неоставляя никаких следов.

Быть воином-охотником — значит не просто ставить ловушки. Охотник добывает дичь не потому, что устанавливает ловушки, и не потому, что знает распорядки своей добычи, но потому, что сам не имеет никаких распорядков. И в этом — его единственное решающее преимущество. Охотник не уподобляется тем, на кого он охотится. Они скованы жесткими распорядками, путают след по строго определенной программе, и все причуды их легко предсказуемы. Охотник жесвободен, текуч и непредсказуем.

Для обычного человека мир кажется странным своим свойством либо нагонять скуку, либо быть с ним не в ладах. Для воина мир странен, потому что он огромен, устрашающ, таинствен, непостижим. Воин должен с полной ответственностью отнестись к своему пребыванию здесь — в этом чудесном мире, сейчас — в это чудесное время.

Воин должен научиться отдавать себе отчет в каждом действии, сделать каждое

действие осознанным. Ведь мы пришли сюда ненадолго, и времени, которое нам отпущено, слишком мало, действительно слишком мало для того, чтобы прикоснуться ко всем чудесам этого странного мира.

Поступки обладают силой. Особенно когда тот, кто их совершает, знает, что это — его последняя битва. В действии с полным осознанием того, что это действие может стать для тебя последней битвой на земле, есть особое всепоглощающее счастье.

Воин должен сосредоточить внимание на связующем звене между ним и его смертью, отбросив сожаление, печаль и тревогу. Сосредоточить внимание на том факте, что у него нет времени. И действовать соответственно этому знанию. Каждое из его действий становится его последней битвой на земле. Только в этом случае каждый его поступок будет обладать силой. А иначе все, что человек делает в своей жизни, так и останется действиями глупца.

«Смерть ожидает нас, и то, что мы делаем в этот самый миг, вполне может стать нашей последней битвой на этой земле. Я называю это битвой, потому что это — борьба. Подавляющее большинство людей переходит от действия к действию без борьбы и без мыслей. Воин-охотник же, наоборот, тщательно взвешивает каждый свой поступок. И поскольку он очень близко знаком со своей смертью, он действует рассудительно, так, словно каждое его действие — последняя битва. Только дурак может не заметить, насколько воин-охотник превосходит своих ближних — обычных людей. Воин-охотник с должным уважением относится к своей последней битве. И вполне естественно, что последний поступок должен быть самым лучшим. Это доставляет ему удовольствие. И притупляет страх».

Воин — это безупречный охотник, который охотится на силу; он не опьянен и не безумен, у него нет ни времени, ни желания добиваться чего-то обманом, лгать самому себе или совершать неверные действия — ставки слишком высоки. Ставками являются его безупречная и избавленная от излишеств жизнь, которую он так долго укреплял и совершенствовал. Он не собирается отбрасывать это, совершая какие-нибудь глупые просчеты или ошибочно принимая одно за другое.

Человек, любой человек, заслуживает всего, что составляет человеческую судьбу, — радости, боли, печали и борьбы. Но природа поступков человека не имеет значения, если он действует как подобает воину.

Если дух его разрушен, ему нужно просто укрепить его — очистить и сделать совершенным. Укрепление духа — единственное, ради чего действительно стоит жить. Не действовать ради укрепления духа — значит стремиться к смерти, а стремиться к смерти — значит не стремиться ни к чему вообще, потому что к ней в лапы каждый из нас попадает независимо ни от чего. Стремление к совершенствованию духа воина — единственная задача, достойная нашего времени, достойная нас как человеческих существ.

Нет в мире ничего более трудного, чем принять настроение воина. Бесполезно пребывать в печали и ныть, чувствуя себя вправе этим заниматься, и верить, что кто-то

другой что-то делает с нами. Никто ничего не делает ни с кем, и менее всех — с воином.

Воин — прежде всего охотник. Он учитывает все. Это называется контролем. Но, закончив свои расчеты, он действует. Он отпускает поводья рассчитанного действия, и оно совершается как бы само собой. Это — отрешенность. Воин никогда не уподобляется листу, отданному на волю ветра. Никто не может сбить его с пути. Намерение воина непоколебимо, его суждения — окончательны, и никому не под силу заставить его поступать вопреки самому себе. Воин настроен на выживание, и он выживает, выбирая наиболее оптимальный образ действия.

Воин — всего лишь человек, просто человек. Ему не под силу вмешаться в предначертания смерти. Но его безупречный дух, который обрел силу, пройдя сквозь невообразимые трудности, несомненно способен на время остановить смерть. И этого времени достаточно для того, чтобы воин в последний раз насладился воспоминанием о своей силе. Можно сказать, что это — сговор, в который смерть вступает с тем, чей дух безупречен.

Воспитание не имеет никакого значения. То, что определяет наш путь, называется личной силой. Личность человека — это суммарный объем его личной силы. И только этим суммарным объемом определяется то, как он живет и как умирает.

Личная сила — это чувство. Что-то вроде ощущения удачи или счастья. Можно назвать ее настроением. Воин — это охотник за силой. На нее необходимо охотиться и накапливать ее в течение целой жизни борьбы.

Воин действует, как если бы он знал, что он делает, даже когда на самом деле он не знает ничего. Обычный человек по-разному действует в отношении того, что считает правдой, и того, что считает ложью. Воин действует безупречно в обоих случаях.

Воин не испытывает угрызений совести за что-либо содеянное, так как оценивать собственные поступки как низкие, отвратительные или дурные означает приписывать самому себе неоправданную значительность.

Весь смысл заключается в том, чему именно человек уделяет внимание. Мы либо делаем себя жалкими, либо делаем себя сильными — объем затрачиваемых усилий остается одним и тем же.

Люди говорят нам с момента нашего рождения, что мир такой-то и такой-то и все обстоит так-то и так-то. У нас нет выбора. Мы вынуждены принять, что мир именно таков, каким его нам описывают.

Искусство воина состоит в сохранении равновесия между ужасом быть человеком и чудом быть человеком.

К тому времени, когда я писал «Путешествие в Икстлан», вокруг меня воцарилась самая загадочная атмосфера. Дон Хуан Матус принял в отношении моего повседневного поведения определенные чрезвычайно прагматичные меры. Он очертил некоторые принципы деятельности и хотел, чтобы я неукоснительно следовал им. Он поставил передо мной три задачи, имеющие самое отдаленное отношение к моему миру обыденной жизни — или к какому-либо миру вообще. Он хотел, чтобы в обычной жизни я любыми доступными способами старался стирать свою личную историю. Затем он потребовал, чтобы я отбросил свои привычные действия, а в завершение сказал, что мне нужно расстаться с чувством собственной важности.

— Как мне добиться всего этого, дон Хуан? — спросил я его.

— Не представляю, — ответил он. — Никто из нас не имеет никакого представления о том, как сделать это прагматично и эффективно. И все же, начиная действовать, мы делаем это, даже не понимая, что именно нам поможет.

— Сейчас ты столкнулся с тем же затруднением, с каким в свое время встретился я сам, — продолжал он. — Уверяю тебя, что это затруднение вызвано полным отсутствием в нашей жизни представления о том, что заставляет нас меняться. Когда учитель поставил передо мной эту задачу, мне потребовалось для ее решения только одно: понимание того, что это можно сделать. Как только я понял это, у меня все получилось — сам не знаю, как именно. Я бы посоветовал тебе поступить точно так же.

Я принялся высказывать самые надуманные жалобы, ссылаясь на то, что занимаюсь изучением общественных наук и привык к обоснованным практическим указаниям, которые опираются на практические методы, а не на нечто туманное и основанное на магических приемах.

— Говори, что хочешь, — смеясь, ответил дон Хуан, — а когда твой поток жалоб иссякнет, забудь о сомнениях и делай то, о чем я тебя попросил.

Дон Хуан был прав. Все, что было необходимо мне — вернее, все, что было неявно необходимо какой-то загадочной части меня, — уловить саму идею. Тому «я», которого я знал всю свою жизнь, было нужно нечто намного большее, чем просто идея: ему требовалась подготовка, понукания и руководство. Однако успехи настолько заинтриговали меня, что выполнение задачи стирания привычных действий, потери чувства собственной важности и отказа от личной истории превратились в подлинное удовольствие.

— Ты стоишь прямо перед путем воинов, — походя сказал дон Хуан, поясняя мне эти таинственные успехи.

Он медленно и методично направлял мою осознанность ко все более сильной сосредоточенности на абстрактном уточнении той концепции воина, которую называл путем воинов. Он объяснил, что путь воинов представляет собой совокупность идей, утвержденных шаманами Древней Мексики. Они выстроили эту структуру благодаря своей способности видеть энергию так, как она течет во Вселенной. Таким образом, путь воинов представлял собой наиболее гармоничное сочетание энергетических фактов — несократимых истин, определяемых исключительно направлением течения энергии во Вселенной. Дон Хуан категорически заявлял, что в пути воинов нет ничего такого, что можно было бы оспорить или изменить. Он являлся единственной в своем роде совершенной структурой, и любой, кто следовал по этому пути, овладевал энергетическими фактами, не допускающими ни возражений, ни рассуждений в отношении их действительности и значимости.

Дон Хуан сказал, что шаманы древности называли эту структуру путем воинов, так как она охватывала все яркие возможности, с которыми воин может столкнуться на пути знания. В своих поисках таких возможностей эти шаманы были чрезвычайно внимательными и методичными. По словам дон Хуана, они действительно были

способны включить в свои абстрактные построения все, что в человеческих силах.

Дон Хуан сравнил путь воинов с величественным сооружением, любой элемент которого является опорным; единственная функция каждого элемента заключается в том, чтобы поддержать душу воина в его роли инициированного шамана и сделать его движения легкими и исполненными значения. Он недвусмысленно заявил, что путь воинов был жизненно важным построением, без которого новообращенные шаманы затерялись бы в беспредельности Вселенной.

Дон Хуан назвал путь воинов венцом славы шаманов Древней Мексики. Он считал его их важнейшим вкладом, самой сутью их трезвости.

— Неужели путь воинов так невероятно важен, дон Хуан? — однажды спросил его я.

— «Невероятно важен» — это просто слова. Путь воинов — это все. Это воплощение умственного и физического здоровья. Я не могу объяснить этого иначе. То, что шаманы Древней Мексики создали такое построение, означает для меня, что они находились на вершине своего могущества, на пике счастья, в высшей точке радости.

На том уровне прагматического согласия или отрицания, на который, как мне казалось, я опустился в то время, точное и беспристрастное приятие пути воина было для меня совершенно невозможным. Чем больше дон Хуан рассказывал о пути воинов, тем сильнее становилось мое ощущение того, что в действительности он просто пытается окончательно вывести меня из равновесия.

Таким образом, руководство дона Хуана было скрытым. Оно проявлялось в колоссальной ясности, однако, хотя я сам того не осознавал, изречениями из «Путешествия в Икстлан» дон Хуан стремительно подталкивал меня вперед, разгонял до огромной скорости, стоял у меня над душой. Время от времени я считал, что либо уже оказался на грани настоящего согласия с существованием иной системы познания, либо был настолько равнодушен к происходящему, что не заботился о том, каким именно образом это происходит.

Разумеется, я в любой миг мог уйти от всего этого, но это было бы неразумно. То ли опека дона Хуана, то ли интенсивное применение концепции воина каким-то образом укрепили меня до такой степени, что я уже не испытывал прежнего страха. Я оказался в ловушке, но на самом деле это уже не имело никакого значения. Я понимал только то, что останусь рядом с доном Хуаном.

Уверенность в себе воина и самоуверенность обычного человека — это разные вещи. Обычный человек ищет признания в глазах окружающих, называя это уверенностью в себе. Воин ищет безупречности в собственных глазах и называет это смирением. Обычный человек цепляется за окружающих, а воин рассчитывает только на себя. Разница между этими понятиями огромна. Самоуверенность означает, что ты знаешь что-то наверняка; смирение воина — это безупречность в поступках и чувствах. Обычный человек цепляется за подобного себе человека, воин цепляется за бесконечность.

Есть множество вещей, которые воин может делать в определенное время, из тех, которые несколько лет назад показались бы ему безумием. Сами по себе эти вещи не изменились, изменилось его представление о себе. Невозможное тогда стало вполне возможным сейчас.

Единственно возможный для воина курс — это действовать неуклонно, не оставляя места для отступления. Он достаточно знает о пути воина, чтобы поступать должным образом, но его старые привычки и повседневная рутина жизни могут препятствовать ему на его пути.

Если воин в чем-то добивается успеха, то этот успех должен приходить мягко, пусть даже с огромными усилиями, но без потрясений и навязчивых идей.

Именно внутренний диалог прижимает к земле людей в повседневной жизни. Мир для нас такой-то и такой-то или этакий и этакий лишь потому, что мы сами себе говорим о нем, что он такой-то и такой-то или этакий и этакий. Вход в мир шаманов открывается лишь после того, как воин научится останавливать свой внутренний диалог.

Ключом к шаманизму является изменение нашей идеи мира. Остановка внутреннего диалога — единственный путь к этому. Все остальное — просто разговоры. Все, что бы вы ни сделали, за исключением остановки внутреннего диалога, ничего не сможет изменить ни в вас самих, ни в вашей идее мира.

Главная помеха для воина — внутренний диалог: это ключ ко всему. Когда воин научится останавливать его, все становится возможным. Самые невероятные проекты становятся выполнимыми.

Воин берет свою судьбу, какой бы она ни была, и принимает ее в абсолютном смирении. Он в смирении принимает себя таким, каков он есть, но не как повод для сожаления, а как живой вызов.

Смирение воина и смирение нищего — невероятно разные вещи. Воин ни перед кем не

опускает голову, но в то же время он никому не позволяет опускать голову перед ним. Нищий, напротив, падает на колени и шляпой метет пол перед тем, кого считает выше себя. Но тут же требует, чтобыте, кто ниже его, мели пол перед ним.

Утешение, небеса, страх — все это слова, которые создают настроения, которым человек учится, даже не спрашивая об их ценности. Так черные маги завладевают его преданностью.

Окружающие нас люди являются черными магами. И тот, кто с ними, тот тоже черный маг. Задумайтесь на секунду. Можете ли вы уклониться от тропы, которую для вас проложили ваши близкие? Нет. Ваши мысли и поступки навсегда зафиксированы в их терминологии. Это рабство. Воин, с другой стороны, свободен от всего этого. Свобода стоит дорого, но цена не невозможна. Поэтому бойтесь своих тюремщиков, своих учителей. Истратьте времени и сил, боясь свободы.

Слабая сторона слов в том, что они заставляют нас чувствовать себя осведомленными, но когда мы оборачиваемся, чтобы взглянуть на мир, они всегда предают нас, и мы опять смотрим на мир как обычно, без всякого просветления. Поэтому воин предпочитает действовать, а не говорить. В результате он получает новое описание мира, в котором разговоры не столь важны, а новые поступки имеют новые отражения.

Воин рассматривает себя как бы уже мертвым, поэтому ему нечего терять. Самое худшее с ним уже случилось, поэтому он ясен и спокоен. Если судить о нем по его поступкам, то никогда нельзя заподозрить, что он замечает все.

Знание — это наиболее пугающая вещь, особенно для воина. Но если воин однажды принимает пугающую природу знания, то он отбрасывает саму возможность ужасаться. Знание для воина является чем-то таким, что приходит сразу, поглощает его и проходит.

Знание приходит, летя, как крупитцы золотой пыли, той самой пыльцы, которая покрывает крылья бабочек. Так что для воина знание похоже на ливень, на пребывание под дождем из крупитц темно-золотой пыли.

Всегда, когда прекращается внутренний диалог, мир разрушается, и на поверхность выходят незнакомые грани нас самих, как если бы до этого они содержались под усиленной охраной наших слов.

Мир неизмерим. Как и мы, как и каждое существо, которое есть в этом мире.

Воины выигрывают свои битвы не потому, что они бьются головами о стены, а потому, что берут их. Воины прыгают через стены; они не разрушают их.

Воин должен культивировать чувство, что у него есть все необходимое для этого экстравагантного путешествия, которым является его жизнь. В случае воина все, что для этого нужно, — это быть живым. Жизнь — это маленькая прогулка, которую мы предпринимаем сейчас, жизнь сама по себе достаточна, сама себя объясняет и заполняет.

Понимая это, воин живет соответственно. Поэтому можно смело сказать, что опыт всех опытов — это быть живым.

Обычный человек считает, что indulgировать в сомнениях и колебаниях — это признак чувствительности и духовности. Правда состоит в том, что обычный человек очень далек от того, чтобы быть чувствительным. Он обманывает себя не намеренно, но его маленький разум превращает себя в чудовище или святого, но на самом деле он слишком мал для такой большой формы, какую заполняет чудовище или святой.

Быть воином — это не значит просто желать им быть. Это, скорее, бесконечная битва, которая будет длиться до последнего момента. Никто не рождается воином, точно так же, как никто не рождается обычным человеком. Мы сами себя делаем тем или другим.

Воин умирает трудным способом. Его смерть должна бороться с ним. Воин не отдается смерти так просто.

x x x

Человеческие существа — это не объекты. Они — круглые, светящиеся существа, не объекты, а чистое осознание, не имеющее ни плотности, ни границ. Представление о плотном мире лишь облегчает наше путешествие на земле, это описание, созданное нами для удобства, но не более.

Наш разум заставляет нас забыть, что описание — это только описание, и, прежде чем осознать это, человеческие существа сами заключают себя в заколдованный круг, из которого они редко вырываются в течение отпущенного им времени жизни.

Люди — воспринимающие существа. Однако воспринимаемый ими мир является иллюзией — иллюзией, созданной описанием, которое им внушали с момента, когда они появились на свет.

Мы, светящиеся существа, рождаемся с двумя кольцами силы, но для создания мира используем только одно из них. Это кольцо, которое замыкается на нас в первые годы жизни, есть разум и его компаньон, речь. Именно они, столкнувшись между собой, и состряпали этот мир при помощи описания и его догматических и незыблемых правил, а теперь поддерживают его.

Секрет светящихся существ заключается в том, что у них есть кое-что такое, что почти никогда не используется, — воля. Уловка шаманов — это та же уловка обычного человека. У обоих есть описание мира. Обычный человек поддерживает свое при помощи разума, а шаман — при помощи воли. Оба описания имеют свои законы, и эти законы поддаются восприятию. Но описание шамана гласит, что воля более всеобъемлюща, чем разум.

Воин позволяет себе воспринимать и поддерживать оба описания — мира разума и мира воли. Это единственный способ использовать повседневный мир как вызов и как средство накопить достаточно личной силы для обретения целостности самого себя.

Только воин может выстоять на пути знания. Воин не жалуется и ни о чем не сожалеет. Его жизнь — бесконечный вызов, а вызовы не могут быть плохими или хорошими. Вызовы — это просто вызовы.

Основное различие между воином и обычным человеком заключается в том, что воин все принимает как вызов, тогда как обычный человек принимает все как благословение или проклятие.

Воин должен быть текучим и изменяться в гармонии с окружающим миром, будь это мир разума или мир воли. Реальная опасность для воина возникает тогда, когда выясняется, что мир — это ни то и ни другое. Считается, что единственный выход из этой критической ситуации — продолжать действовать так, как если бы ты верил. Секрет воина в том, что он верит, не веря. Разумеется, воин не может просто сказать, что он верит, и на этом успокоиться. Это было бы слишком легко. Простая вера устранила бы его от анализа ситуации. Во всех случаях, когда воин должен связать себя с верой, он делает это по собственному выбору. Воин не верит, воин должен верить.

Смерть — это необходимая добавка к «должен верить». Без осознания смерти все становится обычным, незначительным. Мир потому и является неизмеримой загадкой, что смерть постоянно выслеживает нас. Без осознания присутствия нашей смерти нет ни силы, ни тайны. Долг верить, что мир таинствен и непостижим, — это выражение самого глубокого предрасположения воина.

Сила всегда открывает воину кубический сантиметр шанса. Искусство воина состоит в том, чтобы быть непрерывно текучим, иначе он не успеет ухватиться за этот шанс.

Обычный человек привык осознавать только то, что считает важным для себя. Но настоящий воин должен осознавать все и всегда.

Целостность самого себя — очень таинственное дело. Нам нужна лишь малая часть ее для выполнения сложнейших жизненных задач. Но когда мы умираем, мы умираем целостными. Шаман задается вопросом: если мы умираем с целостностью самих себя, то почему бы тогда не жить с ней?

Для воина главнейшим правилом в жизни является выполнять свои решения столь тщательно, что ничто, случившееся в результате его действий, не может его удивить и уж тем более — истощить его силы.

Когда воин принимает решение, он должен быть готов к смерти. Если он готов умереть, то не будет никаких ловушек, никаких неприятных сюрпризов и никаких ненужных поступков. Все должно мягко укладываться на свое место, потому что он не ожидает ничего.

Воин, как учитель, прежде всего, должен обучить своего ученика одной возможности — способности действовать, не веря, не ожидая наград. Действовать только ради самого действия. Успех дела учителя зависит от того, насколько хорошо и насколько грамотно он ведет своего ученика именно в этом особом направлении.

В помощь стиранию личной истории воин, как учитель, должен обучить своего ученика трем техникам. Они заключаются в избавлении от чувства собственной важности, принятии ответственности за свои поступки и использовании смерти как советчика. Без благоприятного эффекта этих техник стирание личной истории может вызвать в ученике неустойчивость, ненужную и вредную двойственность относительно самого себя и своих поступков.

Нет никакого способа избавиться от жалости к самому себе, освободиться от нее с пользой. Она занимает определенное место и имеет определенный характер в жизни обычного человека — определенный фасад, который видно издалека. Поэтому каждый раз, когда предоставляется случай, жалость к самому себе становится активной. Такова ее история. Если человек меняет фасад жалости к самому себе, то он убирает и ее выдающееся положение. Фасады изменяют, изменяя использование элементов самого фасада. Жалость к себе полезна для того, кто ею пользуется, потому что он чувствует свою важность и считает, что заслуживает лучших условий, лучшего обращения. Она еще и потому имеет значение, что человек не хочет принимать ответственность за поступки, которые побуждают его жалеть самого себя.

Изменение фасадов жалости к себе означает только то, что воин переносит прежде важные составляющие на второй план. Жалость к самому себе по-прежнему остается чертой его характера, однако теперь она занимает место на заднем плане — подобно тому, как представления о надвигающейся смерти, о смирении воина или об ответственности за свои поступки когда-то тоже существовали на заднем плане и никак не использовались до тех пор, пока воин не стал воином.

Воин признает свою боль, но не indulgiрует в ней. Поэтому настроение воина, который входит в неизвестность, — это не печаль. Напротив, он весел, потому что он чувствует смирение перед своей удачей, уверенность в том, что его дух неуязвим, и, превыше всего, полное осознание своей эффективности. Радость воина исходит из его признания своей судьбы и его правдивой оценки того, что лежит перед ним.

«Сказки о силе» отмечают мой полный провал. В то время, когда происходили описанные в этой книге события, я страдал от тяжелого эмоционального сдвига, переломного момента воина. Дон Хуан Матус покинул этот мир, оставив в нем четырех своих учеников. Дон Хуан использовал ко всем личный подход и поставил перед каждым свою задачу. Я считал эту задачу неким плацебо, не имеющим никакого значения в сравнении с тяжестью нашей потери.

Никакие надуманные задачи не могли смягчить горечь от ощущения того, что нам никогда уже не увидать дона Хуана. Моей первой просьбой к дону Хуану, разумеется, стали слова о том, что я хотел бы отправиться вместе с ним.

— Ты еще не готов, — сказал он. — Будь реалистичен.

— Но я мог бы подготовиться в мановение ока, — заверил его я.

— Не сомневаюсь. Если ты и будешь готов, то только не для меня. Мне требуется совершенная действительность. Мне нужны безупречная воля, безупречная дисциплинированность. Этого у тебя еще нет. Они появятся, ты двнешься к ним, но сейчас их у тебя еще нет.

— Но ведь ты смог бы забрать меня с собой, дон Хуан — даже если я еще не готов и не совершенен.

— Думаю, да, но я не стану этого делать. Это оказалось бы для тебя постыдным расточительством. Поверь мне, ты потерял бы все. Не настаивай. Назойливость не относится к миру воинов.

Этого заявления было достаточно, чтобы я прекратил свои просьбы. Однако внутренне я с тоской желал уйти вместе с ним, выйти за пределы всего, что я знал и считал нормальным и реальным.

Когда наступил тот миг, когдодон Хуан окончательно покидал этот мир, он превратился в какую-то разноцветную газообразную светимость. Он стал чистой энергией, свободно текущей во Вселенной. В тот момент мое ощущение потери стало таким нестерпимым, что мне захотелось умереть. Я позабыл обо всем, что говорил дон Хуан, и без малейших колебаний решил броситься в пропасть. Я рассчитывал, что если сделаю это, то в миг смерти дон Хуан обязан будет взять меня с собой и спасти хотя бы те крохи осознания, что во мне остались.

Однако по каким-то причинам, необъяснимым как с точки зрения убеждений моей обычной системы познания, так и с позиции системы познания мира шаманов, я не погиб. Я остался один в мире повседневной жизни, а три мои когорты рассеялись по всему миру. Я стал незнакомцем для самого себя, и это сделало мое одиночество еще более горьким.

Я считал себя неким провокатором, каким-то шпионом, которого дон Хуан по неясным соображениям оставил здесь после себя. Высказывания из книги «Сказки о силе» показывают неведомое качество этого мира — не мира шаманов, а мира обыденной жизни, которая, по словам дона Хуана, так же загадочна и богата, как и все остальное. Чтобы насладиться чудесами мира повседневной жизни, нужно только одно: достаточная отрешенность. Однако еще больше отрешенности нам необходимы достаточные страсть и отрешенность.

— Чтобы этот мир, который кажется таким банальным, смог распахнуться и явить нам свои чудеса, воин должен любить его, — предупреждал меня дон Хуан.

Когда он произнес эти слова, мы находились в пустыне Соноры.

— Быть в этой дивной пустыне и смотреть на эти изрезанные пики ненастоящих гор, которые на самом деле созданы потоками лавы давно исчезнувших вулканов, — это очень тонкое ощущение, — говорил он. — Замечать, что некоторые из кусков обсидиана возникли при таких высоких температурах, что на них еще сохранились признаки их происхождения, — это славное чувство. В них полно силы. Бесцельно бродить среди этих

изрезанных вершин и находить те куски кварца, что способны ловить радиоволны, — вот что замечательно. Единственным недостатком этого величественного пейзажа является то, что переход к чудесам этого мира — к чудесам любого мира, — требует, чтобы человек был воином: молчаливым, собранным, отрешенным, закаленным под натиском непознанного. Ты еще недостаточно закален, и потому твой долг заключается в поиске полноты — только после этого ты можешь говорить о путешествии в Бесконечность.

Тридцать пять лет своей жизни я провел, добиваясь зрелости воина. В поисках этого ощущения закаленности под натиском непознанного я посетил места, не поддающиеся никаким описаниям. Я уходил туда незаметно и без приглашения, и точно так же возвращался назад. Воины действуют бесшумно и одиноко, и, когда воины уходят или возвращаются, они делают это так незаметно, что никто об этом не знает. Добиваться зрелости воина иным путем означало бы действовать напоказ, и потому это недопустимо.

Изречения из «Сказок о силе» стали для меня самым острым напоминанием о том, что намерение тех шаманов, которые жили в Мексике в древности, по-прежнему безупречно в своем проявлении. Колесо времени неуклонно движется вокруг меня, заставляя всматриваться в те бороздки, которые остаются логически связанными, хотя в их отношении любые слова бессильны.

— Достаточно сказать, — говорил однажды дон Хуан, — что беспредельность этого мира, будь то мир шаманов или обычных людей, настолько очевидна, что только заблуждение не позволяет нам этого заметить. Попытка объяснить заблуждающимся существам, что значит затеряться в бороздках колеса времени, — самое бессмысленное, что только может делать воин. Таким образом, он полностью убеждается, что эти путешествия представляют собой единственную принадлежность его состояния воина.

Важнейшие понятия из «Ворого Кольца Силы»

Человек становится мужественным, когда ему нечего терять. Мы малодушны только тогда, когда есть еще что-то, за что мы можем цепляться.

У воина нет возможности отдавать что бы то ни было на волю случая. Воин реально влияет на результаты событий силой своего осознания и своего несгибаемого намерения.

Если воин хочет отдать долг за все то добро, которое для него сделали, и у него нет возможности сделать это по отношению к конкретному человеку, который когда-то помог ему, он может сделать свой вклад в человеческий дух. Это может быть очень немного, но, сколько бы он ни вложил, этого всегда будет более чем достаточно.

После описания мира в очень прекрасной и просвещенной манере ученый в пять часов уходит домой отдыхать от своих замечательных построений.

Человеческая форма представляет собой существующий во Вселенной и связанный исключительно с человеческими существами конгломерат энергетических полей. Шаманы назвали его человеческой формой, потому что за время жизни человека эти энергетические поля искажаются и контролируются привычками и неверным использованием.

Воин знает, что измениться он не может. Но хотя ему это прекрасно известно, он все же пытается изменить себя. Это единственное преимущество, которое воин имеет перед обыкновенным человеком. Воин не испытывает разочарования, когда, пытаясь измениться, терпит неудачу.

Чтобы вспугнуть человеческую форму и стряхнуть ее, воины должны быть безупречны в своем стремлении измениться. После долгих лет безупречности наступит такой момент, когда человеческая форма уже не может выдержать ее и уходит. Это означает, что придет такой миг, когда энергетические поля, искажавшиеся в течение жизни под влиянием привычек, распрямляются. Несомненно, при таком распрямлении энергетических полей воин испытывает сильное потрясение и даже может погибнуть, однако безупречный воин непременно выживет.

Единственная свобода для воина состоит в том, что он должен быть безупречным. Безупречность является не только свободой, но и единственным способом вспугнуть человеческую форму.

Любой привычке для функционирования необходимы все ее составные части. Если некоторые части отсутствуют, привычка разрушается. Привычка нуждается во всех своих составных частях, чтобы оставаться живой.

Битва происходит именно здесь, на этой земле. Мы — человеческие существа. Кто знает, что ожидает нас и какого рода силу мы можем иметь?

Мир людей поднимается и опускается, и люди поднимаются и опускаются вместе со своим миром. Воинам незачем следовать за подъемами и спусками их ближних.

Ядром нашего существа является акт восприятия, а магической тайной нашего бытия — акт осознания. Восприятие и осознание является обособленной нерасчленимой функциональной единицей.

Мы делаем выбор только один раз. Мы выбираем быть воином или быть обычным человеком. Другого выбора просто не существует. Не на этой земле.

Путь воина приводит человека в новую жизнь, и эта новая жизнь должна быть полностью новой. Он не может вносить в эту новую жизнь свои уродливые старые пути.

Особое значение воины всегда придают первому событию из любой серии событий, так как оно является подлинным знаком. Воины рассматривают такое событие как программу или карту того, что должно произойти впоследствии.

Человеческим существам нравится, когда им говорят, что следует делать, однако еще больше им нравится сопротивляться и не делать того, о чем им говорили. Именно поэтому они прежде всего запутываются в ненависти к тому, кто им советует что-то делать.

Каждый имеет достаточно личной силы для чего угодно. В случае воина фокус состоит в том, чтобы отвернуть свою личную силу от своих слабостей и направить ее к своей цели воина.

Все могут видеть, хотя мы выбираем не помнить, что мы видим.

Прежде чем я написал «Второе кольцо силы», прошли годы. Дон Хуан давно ушел, и изречения из этой книги представляют собой воспоминания о том, что он когда-то говорил, — воспоминания, вызванные новыми обстоятельствами, новым этапом развития. В моей жизни возник еще один персонаж. Это был член когорты дона Хуана — Флоринда Матус. Все ученики дона Хуана понимали, что после ухода дона Хуана Флоринда по каким-то причинам осталась здесь, чтобы завершить последнюю часть нашей подготовки.

— Ты не достигнешь полноты, пока не научишься без уязвленности принимать распоряжения от женщины, — говорил дон Хуан. — Однако эта женщина не должна быть случайной. Она должна быть особенной, она должна обладать силой и такой безжалостностью, которая не позволит тебе стать той шишкой, которой ты видишь себя в мечтах.

Конечно, я посмеялся над этими словами. Я подумал, что он просто шутит. Однако истина заключалась в том, что он совсем не шутил. Однажды вернулись Флоринда Доннер-Грау и Тайша Абеляр, и мы отправились в Мексику. В Гвадалахаре мы вошли в универсальный магазин и нашли там Флоринду Матус, самую замечательную женщину, какую мне только доводилось видеть: очень высокая, пять футов одиннадцать дюймов ростом, худая, угловатая, спрекрасным и очень молодым, несмотря на возраст, лицом.

— Ага! Вот вы где! — воскликнула она, увидев нас. — Три мушкетера! «Пеп-бойз»: Ини, Мини и Мо! А я вас повсюду ищу!

Без лишних разговоров она взяла руководство в свои руки. Флоринда Доннер-Грау, разумеется, была вне себя от радости. Тайша Абеляр вела себя, по обыкновению, очень сдержанно, а я был обижен, почти разъярен. Я понимал, что такая расстановка не сработает. Я был готов к стычке с этой женщиной с того самого мига, когда она раскрыла свой дерзкий рот и ляпнула всю эту чушь: «"Пеп-бойз": Ини, Мини и Мо».

Однако неожиданные черты, которые были у меня в запасе, пришли мне на помощь и не позволили мне проявить гнев или раздражение, и я прекрасно сошелся с Флориндой — лучше, чем можно было мечтать. Он руководила нами железной рукой. Она стала непревзойденной царицей наших жизней. У нее были сила и отрешенность, позволявшие ей на самом тонком уровне провести работу по нашей настройке. Она не позволяла нам впадать в жалость к себе или высказывать жалобы, когда что-то было нам не по нраву. Она была совсем не похожа на дона Хуана. Ей не хватало его трезвости, однако этот недостаток уравнивался другим качеством: она была невероятно быстрой. Чтобы разобраться в любой ситуации и мгновенно начать делать то, чего от нее ожидали, ей было достаточно одного взгляда.

Одним из ее излюбленных трюков — я получал от него безграничное удовольствие — был сухой, официальный вопрос, обращенный к аудитории или к той группе людей, с которой она разговаривала: «Известно ли кому-то из присутствующих о давлении и вытеснении газов?» Она задавала этот вопрос с совершенно серьезным лицом. После того как аудитория откликалась возгласами: «Нет! Не известно!», она говорила: «Значит, я могу рассказать то, что считаю нужным?» — и она действительно делала это, то есть «высказывала» все, что считала нужным. Временами она выкидывала такие возмутительные номера, что я катался по полу от смеха.

Другим ее классическим вопросом была фраза: «Известно ли кому-то хоть что-то о сетчатой оболочке у шимпанзе? Нет?» — после этого Флоринда принималась нести всякую чушь о сетчатке шимпанзе. Это был самый счастливый и насыщенный период в моей жизни. Я был ее поклонником и преданным сторонником.

Однажды у меня появился свищ на бедренной кости — результат давнего падения в лошину с колючими кактусами, когда в мое тело впилося около семидесяти пяти иголок. Одна из них то ли не была извлечена полностью, то ли оставила в ране грязь или осколок,

что и привело годы спустя к возникновению свища.

— Пустяки, — сказал мой врач. — Это просто гнойник, и его нужно вскрыть. Очень простая операция. Чтобы вычистить его, мне понадобится всего пара минут.

Я посоветовался с Флориндой, и она сказала:

— Ты — нагваль. Ты либо выздоровеешь, либо умрешь. Никакой двусмысленности, никакой раздвоенности в поведении. Если ты, нагваль, идешь к врачу, чтобы он вскрыл тебе свищ, то, похоже, ты потерял свою силу. Нагваль умирает от свища? Какой позор!

Другие ученики дона Хуана, кроме Флоринды Доннер-Грау и Тайши Абеляр, не обращали на Флоринду никакого внимания. Она была для них пугающей фигурой. Она никогда не дала бы им той свободы, какую они считали своим правом. Она никогда не потакала их притворным играм в шаманизм и прерывала их деятельность всякий раз, когда они отклонялись от пути воинов.

Борьба между учениками описана в тексте «Второго кольца силы» более чем откровенно. Ученики дона Хуана были проигранной ставкой, переполненной вспышками самовлюбленности, во время которых каждый тянул других в своем направлении и подчеркивал собственную значимость.

Все, что происходило в нашей жизни с того момента, случалось под глубоким влиянием Флоринды Матус, хотя она никогда не выходила на первый план. Она всегда оставалась фигурой в тени — мудрой, веселой и безжалостной. Мы с Флориндой Доннер-Грау полюбили ее так, как не любили больше никого; перед своим уходом она оставила Флоринде Доннер-Грау свое имя, драгоценности и деньги, изящество и находчивость. Я чувствовал, что вряд ли когда-нибудь напишу книгу о Флоринде Матус. Единственной, кто мог бы сделать это, является Флоринда Доннер-Грау — ее подлинная наследница, дочь среди дочерей. Я был как Флоринда Матус — только фигура на заднем плане, поставленная туда доном Хуаном, чтобы разрушить одиночество воина и порадоваться моему путешествию по земле.

Искусство сновидения — это способность владеть своим обычным сном, переводя его в контролируемое состояние сознания при помощи особой формы внимания, которое называется вниманием сновидения, или вторым вниманием.

Искусство сталкинга — это совокупность приемов и установок, позволяющих находить наилучший выход из любой мыслимой ситуации.

Воинам рекомендуется не иметь никаких материальных вещей, на которых концентрировалась бы их сила, фокусироваться на духе, на действительном полете в неведомое, а не на тривиальных вещах.

Каждый, кто хочет следовать пути воина, должен освободиться от страсти владеть и цепляться за вещи.

Видение является знанием на уровне тела. Ведущая роль зрения воздействует на знание тела и создает иллюзию, что оно связано с глазами.

Потеря человеческой формы подобна спирали. Она дает воину свободу помнить себя как конгломерат полей энергии, а это, в свою очередь, делает его еще более свободным.

Воин знает, что он ждет, и он знает, чего он ждет, и, пока он ждет, он насыщает свои глаза миром. Для воина окончательное выполнение его задачи является наслаждением, радостью бесконечности.

Ход жизни воина неизменен. Вызов в том, насколько далеко уйдет он по узкой дороге, насколько безупречным он будет в пределах этих нерушимых границ...

Действия людей не влияют на воина, потому что у него больше нет никаких ожиданий. Станный покой становится руководящей силой его жизни. Он воспринял одну из концепций жизни воина — отрешенность.

Сама по себе отрешенность еще не означает мудрости, тем не менее является преимуществом, позволяя воину мгновенно переоценивать ситуацию и пересматривать свою позицию. Чтобы пользоваться этим дополнительным преимуществом адекватно и правильно, необходимо, однако, чтобы воин непрестанно сражался на протяжении всей своей жизни.

Я уже отдан силе,
что правит моей судьбой.

Я ни за что не держусь,
поэтому мне нечего защищать.
У меня нет мыслей,
поэтому я увижу.
Я ничего не боюсь,
поэтому я буду помнить себя.
Отрешенный, с легкой душой,
я проскочу мимо Орла,
чтобы стать свободным.

Намного легче двигаться в условиях максимального стресса, чем быть безупречным в обычных обстоятельствах.

Человеческие существа разделены надвое. Правая сторона, которую называют тоналъ, схватывает все, что может воспринимать интеллект. Левая сторона — нагваль — царство, черты которого неописуемы, мир, который невозможно заключить в слова. Левая часть до какой-то степени воспринимается (если это можно назвать восприятием) всем нашим телом, — отсюда его сопротивление концептуализации.

Все способности, возможности и достижения шаманизма, от самых простых до самых немислимых, заключены в самом человеческом теле.

Сила, правящая судьбой всех живых существ, называется Орлом. Не потому, что это орел или что-то еще, имеющее нечто общее с орлом либо как-то к нему относящееся, а потому, что для видящего она выглядит как неизмеримый иссиня-черный Орел, стоящий прямо, как стоят орлы, высотой уходя в бесконечность.

Орел пожирает осознание всех существ, мгновение назад живших на земле, а сейчас мертвых. Они летят к клюву Орла, как бесконечный поток мотыльков, летящих на огонь, чтобы встретить своего хозяина и причину того, что они жили. Орел разрывает эти маленькие осколки пламени, раскладывая их, как скорняк шкурки, а затем съедает, потому что осознание является пищей Орла.

Орел — сила, правящая судьбой живых существ, — видит всех этих существ сразу и совершенно одинаково. Поэтому у человека нет никакого способа разжалобить Орла, просить у него милости или надеяться на снисхождение. Человеческая часть Орла слишком мала и незначительна, чтобы затронуть целое.

Хотя Орла и не волнуют обстоятельства жизни любого живого существа, каждому из них он сделал дар.

По-своему, своими собственными средствами, каждое из них, если пожелает, имеет власть сохранить силу осознания, силу не повиноваться зову смерти и тому, чтобы быть пожранным. Каждому живому существу была дарована сила, если оно того пожелает, искать проход к свободе и пройти через него. Для того видящего, который видит этот

проход, и для тех существ, которые прошли сквозь него, совершенно очевидно, что Орел дал этот дар для того, чтобы увековечить осознание.

Проскочить к свободе не означает вечной жизни в том смысле, как обычно понимается вечность — как непрерывная бесконечная жизнь. Воин просто сохраняет осознание, обычно распадающееся в момент умирания. В момент перехода тело во всей его полноте озаряется знанием. Каждая клетка мгновенно осознает себя и целостность всего тела.

Дар Орла, свобода, — это не награда, не подарок, это шанс иметь шанс.

Воин никогда не бывает осажденным. Находиться в осаде означает, что имеешь какую-то личную собственность, которую могут подвергнуть осаде. У воина же ничего в мире нет, кроме его безупречности, а безупречности ничто угрожать не может. Однако в битве за собственную жизнь воин должен стратегически использовать все допустимые средства.

Первым принципом искусства stalking является то, что воин сам выбирает место для битвы. Воин никогда не вступает в битву, не зная окружающей обстановки.

Отбрасывать все лишнее — второй принцип искусства stalking. Воин ничего не усложняет. Он нацелен на то, чтобы быть простым.

Всю имеющуюся в его распоряжении сосредоточенность он применяет к решению вопроса о том, вступать или не вступать в битву, так как каждая битва является для него сражением за свою жизнь — это третий принцип искусства stalking. Воин должен быть готовым и испытывать желание провести свою последнюю схватку здесь и сейчас. Однако он не делает это беспорядочно.

Воин расслабляется, отходит от самого себя, ничего не боится. Только тогда силы, которые ведут человеческие существа, откроют воину дорогу и помогут ему. Только тогда. Это и есть четвертый принцип искусства stalking.

Встречаясь с неожиданным и непонятным и не зная, что с этим делать, воин на какое-то время отступает, позволяя своим мыслям бродить бесцельно. Воин занимается чем-то другим. Тут годится все что угодно. Это — пятый принцип искусства stalking.

Шестой принцип искусства stalking: воин сжимает время, даже мгновения идут в счет. В битве за собственную жизнь секунда — это вечность, которая может решить исход сражения. Воин нацелен на успех, поэтому он экономит время, не теряя ни мгновения.

Чтобы применять седьмой принцип искусства stalking, необходимо использовать все остальные принципы, — он сводит воедино предыдущие шесть: стalker никогда не

выдвигает себя на первое место. Он всегда выглядывает из-за сцены.

Применение этих принципов приводит к трем результатам. Первый — сталкер обучается никогда не принимать самого себя всерьез, уметь смеяться над собой. Если он не боится выглядеть дураком, он может одурачить кого угодно. Второй — сталкер приобретает бесконечное терпение. Он никогда не спешит и никогда не волнуется. Третий — сталкер бесконечно расширяет свои способности к импровизациям.

Сталкеры обращены лицом ко времени наступающему. Обычные люди смотрят на время, уходящее от нас. Только воины могут менять направление и поворачиваться лицом к надвигающемуся на нас времени.

У воинов только одна цель — их свобода. Умереть и быть съеденным Орлом — это не вызов. С другой стороны, проскочить мимо Орла и стать свободным — исключительная доблесть.

Когда воины говорят о времени, они не имеют в виду что-то такое, что измеряется движением часовой стрелки. Время является сущностью внимания, из времени состоят эманации Орла, и, по существу, когда входишь любой аспект «другого я», то знакомишься со временем.

Воин не может больше плакать, и единственным выражением боли является дрожь, приходящая откуда-то из самых глубин Вселенной, как если бы одна из эманаций Орла была болью, и, когда она достигает воина, дрожь воина бесконечна.

Изучение высказываний, извлеченных из «Дара Орла», вызвало у меня весьма примечательное ощущение. Я мгновенно ощутил проявившееся с невиданной силой жесткое кольцо намерения шаманов Древней Мексики. Тогда я без тени сомнений понял, что изречения из этой книги подчиняются их колесу времени. Более того, я осознал, что это относится ко всему, что я сделал в прошлом, включая создание книги «Дар Орла», и в не меньшей степени сказывается на том, что я делаю сейчас, в том числе и на создании этой книги.

Поскольку мне очень трудно описать это яснее, остается только одна возможность: принять этот факт с полным смирением. Шаманы Древней Мексики действительно разработали иную систему познания и, исходя из элементов этой системы познания, все еще способны воздействовать на меня сегодня самым благотворным и воодушевляющим образом.

Благодаря усилиям Флоринды Матус, которая вовлекла меня в изучение наиболее изощренных вариантов стандартных шаманских техник, разработанных шаманами древности, — например, перепросмотра, — мне удалось, к примеру, увидеть полученный с помощью дона Хуана опыт с такой силой, какую я никогда не мог бы даже вообразить. Книга «Дар Орла» стала результатом такого нового видения дона Хуана Матуса.

Для дона Хуана Матуса перепросмотр означал повторное переживание и полный пересмотр событий жизни во всей их целостности. Он никогда не тратил время на мелкие подробности изощренных вариантов этой древней техники. Флоринда, напротив, отличалась придирчивой дотошностью. В течение долгих месяцев она готовила меня к переходу к тем аспектам перепросмотра, которые я вплоть до настоящего времени не в состоянии описать.

— То, что ты чувствуешь, — обширность воина, — поясняла она. — Есть техники. Их очень много. Однако важнее всего тот человек, который ими пользуется, и его стремление пройти с их помощью до самого конца.

Перепросмотр личности дона Хуана в понятиях Флоринды привел к возникновению новых взглядов на дона Хуана с самыми мучительными подробностями и пониманием. Это было нечто намного более сильное, чем беседы с самим доном Хуаном. Именно прагматизм Флоринды обеспечил мне изумительные прозрения в отношении тех практических возможностей, которые ни в малейшей степени не волновали нагваля Хуана Матуса. Будучи настоящей прагматичной женщиной, Флоринда не питала в отношении самой себя ни иллюзий, ни мании величия. Она говорила, что является тем пахарем, который не может позволить себе упустить ни единого поворота на пути.

— Воин должен двигаться очень медленно, — советовала она, — и извлекать прок из всего, что встречается на пути воинов. Одним из самых примечательных достоинств является способность с непоколебимой силой сосредоточивать свое внимание на переживаемых событиях — этой способностью обладаем все мы как воины. Воины могут сосредоточивать это внимание даже на тех людях, с которыми никогда не встречались. Конечный результат такой глубокой сосредоточенности всегда оказывается одним и тем же: воину становится доступной вся полнота стилей поведения, от давно забытых до совершенно новых. Попробуй сам.

Я последовал ее совету и, разумеется, сосредоточился на доне Хуане. Я вспомнил все, что происходило в каждый миг. Я вспомнил такие подробности, каких вообще не должен был помнить. Благодаря трудам Флоринды я смог восстановить огромный пласт своего общения с доном Хуаном, а также чрезвычайно важные детали, которых прежде совершенно не замечал.

Дух изречений из «Дара Орла» стал для меня таким потрясением, благодаря им мне открылось то глубокое внимание, какое дон Хуан уделял предметам этого мира на пути

воинов, являющемся воплощением максимума человеческих возможностей. Эта движущая сила пережила его самого и не потеряла ни капли своей энергии. У меня возникло искреннее ощущение, что дон Хуан никуда не уходил, и я дошел до того, что действительно слышал, как он ходит по дому. Я обратился вопросом об этом к Флоринде.

— О, это пустяки, — сказала она. — Это означает только то, что пустота нагваля Хуана Матуса дотягивается и прикасается к тебе независимо от того, где сейчас находится его осознанность.

Ее ответ еще больше озадачил и заинтриговал меня, одновременно повергнув в еще большее уныние. Хотя Флоринда была самым близким человеком для нагваля Хуана Матуса, она выглядела совершенно не похожей на него. Единственной их общей чертой являлась пустота. Они уже не были людьми. Дон Хуан вообще не существовал как личность: вместо личности существовал набор историй, каждая из которых уместно подходила к обсуждаемой в данный момент ситуации, — набор поучительных историй и шуток, несущих на себе приметы его трезвости и умеренности.

Флоринда была такой же — одна история следовала за другой, однако ее истории были связаны с людьми. Они были похожи на высшую форму сплетен, или на слухи, поднявшиеся благодаря ее обезличенности до непостижимых высот эффективности и занимательности.

— Мне хотелось бы, чтобы ты изучил одного человека, невероятно похожего на тебя самого, — сказала она мне однажды. — Я хочу, чтобы ты перепросмотрел этого человека так, как будто знал его всю свою жизнь. Этот человек занимал выдающееся место в образовании нашей линии. Его звали Элиас — нагваль Элиас. Я называю его «нагваль, потерявший рай».

Это история о том, что нагваль Элиас был воспитан иезуитом, который научил его читать, писать и играть на клавесине. Он выучил его латинскому языку. Нагваль Элиас мог читать священное писание на латинском так же бегло, как ученый человек. Богословие являлось его предназначением, однако он был индейцем, а в те времена ни одного индейца не пустили бы за кафедру церкви. Он был слишком пугающим, слишком темнокожим — настоящим индейцем. Священники относились к высшим слоям общества, они были потомками испанцев: белыми, голубоглазыми, приятными на вид и предстательными. В сравнении с ними нагваль Элиас выглядел настоящим медведем, но он долго боролся за право стать священником, так как наставник разжигал его стремление обещанием того, что Господь позаботится о том, чтобы Элиаспосвятили в сан.

Он стал дьячком в церковном приходе своего наставника, и однажды в церковь вошла настоящая ведьма. Ее звали Амалия. Поговаривали, что она — та еще штучка. Так или иначе, все закончилось тем, что она соблазнила несчастного дьячка, который влюбился в Амалию так сильно и безнадежно, что в конце концов оказался в хижине нагваля. Со временем он стал нагвалем Элиасом — образованным, начитанным человеком, с которым следовало считаться. Казалось, звание нагваля создано именно для него. Оно обеспечивало ему ту анонимность и действенность, какую он не смог бы достичь в повседневном мире.

Он был сновидящим — и таким искусным, что в бестелесном состоянии посетил самые малоизвестные области Вселенной. Временами он даже приносил с собой предметы, приглянувшиеся ему своими очертаниями; это были совершенно непостижимые вещи. Он называл их «вымыслами». У него была целая коллекция таких предметов.

— Я хочу, чтобы ты сосредоточил свое внимание перепросмотра на этих «выдумках», — потребовала Флоринда. — Я хочу, чтобы в результате ты смог почувствовать их запахи и осязать их руками, пусть даже ты никогда не видел их и знаешь только то, что я сейчас рассказала. Добиться такой сосредоточенности означает установить некую точку отсчета, подобно тому, как при решении алгебраического уравнения результат вычисляется с помощью какой-то третьей переменной. Ты сможешь с бесконечной ясностью увидеть нагваля Хуана Матуса, используя в качестве опорной точкикого-то третьего.

Книга «Дар Орла» представляет собой глубокий обзор того, чем занимался со мной дон Хуан, пока он оставался в этом мире. Тот взгляд на дону Хуана, которого я добился благодаря своим новым умениям в перепросмотре — и использованию нагваля Элиаса в качестве опорной точки, — оказался бесконечно интенсивнее, чем любые мои представления о нем, когда он еще жил здесь. Полученным в результате перепросмотра взглядам недостает живого тепла, однако они обладают точностью и ясностью неодоушевленных предметов при пристальном наблюдении.

Без печали и тоски полнота недостижима. Без них не может быть завершенности, ибо без них не может быть ни доброты, ни уравновешенности. А мудрость без доброты и знание без уравновешенности бесполезны.

Чувство собственной важности — главнейший и самый могущественный из врагов человека. Его уязвляют и обижают действия либо посягательства со стороны ближних, и это делает его слабым. Чувство собственной важности заставляет человека всю его жизнь чувствовать себя кем-то или чем-то оскорбленным.

Тот, кто встал на путь знания, должен обладать огромным воображением. На пути знания ничто не бывает таким ясным, как нам бы того хотелось.

Если видящий способен добиться своего, имея дело с мелким тираном, то он определенно сможет без вреда для себя встретиться с неизвестным и даже выстоять в столкновении с непознаваемым.

Может показаться естественным, что воин, способный остаться самим собой в столкновении с неизвестным, гарантированно может справляться с мелкими тиранами. Но в действительности это не так. Именно из-за этой ошибки погибли многие великолепные видящие древности. Ничто так не закаляет дух воина, как необходимость иметь дело с невыносимыми людьми, обладающими реальной властью и силой. Это — совершенный вызов. Только в таких условиях воин обретает уравновешенность и ясность, без которых невозможно выдержать натиск непознаваемого.

«Неизвестное» — это то, что скрыто от человека неким подобием завесы из имеющей ужасающую фактуру ткани бытия. Однако оно находится в пределах досягаемости. В определенный момент времени неизвестное становится известным. «Непознаваемое» же — нечто, не поддающееся ни осмыслению, ни осознанию. Непознаваемое никогда не перейдет в разряд известного, но тем не менее, оно всегда где-то рядом. Оно захватывает и восхищает своим великолепием, и в то же время его грандиозность и безграничность повергает в смертельный ужас.

Мы воспринимаем. Это — точно установленный факт. Но то, что именно мы воспринимаем, не относится к числу фактов, столь же однозначно установленных. Ибо мы обучаемся тому, что и как воспринимать.

Воины утверждают, что мир объектов существует лишь постольку, поскольку таким его делает наше осознание. В реальности же есть лишь эманации Орла — текущие, вечно меняющиеся, и в то же время неизменные, вечные.

Глубочайший изъян незакаленных воинов заключается в том, то они стремятся забыть о чудесности того, что они видят. Их потрясает сам факт того, что они видят, и они начинают верить, что все дело в их собственной гениальности. Чтобы одолеть почти непобедимую вялость человеческого состояния, закаленный воин должен быть безукоризненным. То, что воины делают с тем, что видят, намного важнее самого видения.

Страх — одна из величайших сил в жизни воинов, потому что он заставляет их учиться.

Все живые существа стремятся к смерти. Это — истина, в которой воин не может не отдавать себе отчета. Осознание же останавливает смерть.

Неизвестное неизменно присутствует здесь и сейчас, однако оно находится за пределами возможностей нашего нормального осознания. Для обычного человека неизвестное является как бы ненужной, лишней частью его осознания. Таковым оно становится потому, что обычный человек не обладает количеством свободной энергии, достаточным, чтобы отследить и уловить эту часть самого себя.

Величайшим недостатком человеческих существ является невозможность отрешиться от рассудочной инвентаризации. Но разум не способен рассматривать человека как энергию. Разум имеет дело с инструментами, создающими энергию. Однако он никогда всерьез не задумывается над тем, что мы — нечто большее, чем инструменты. Мы — организмы, производящие энергию. Мы — пузыри энергии.

Воины, целенаправленно достигшие состояния абсолютного осознания, — зрелище, в высшей степени достойное созерцания. В этот момент они сгорают в огне, возникающем изнутри. Да, изнутри приходит огонь и поглощает их. И тогда воины, достигшие полного осознания, сливаются с большими эманациями Орла и скрываются в вечности.

Стоит достичь внутреннего безмолвия — и все становится возможным. Внутренний диалог останавливается за счет того же, за счет чего начинается: за счет действия воли. Ведь начать внутренний разговор с самими собой мы вынуждены под давлением тех, кто нас учит. Когда они учат нас, они задействуют свою волю без сомнений и колебаний. И мы задействуем свою в процессе обучения. Просто ни они, ни мы не отдаем себе в этом отчета. Обучаясь говорить с самими собой, мы обучаемся управлять волей. Это наша воля — разговаривать с самими собой. И, чтобы прекратить внутренние разговоры, нам следует воспользоваться тем же самым способом: приложить к этому волю без сомнений и колебаний.

Безупречность начинается с какого-нибудь простого действия, которое должно быть целенаправленным, точным и осуществляемым с непреклонностью. Повторяя такое действие достаточно долго, человек обретает нестигаемое намерение. А нестигаемое намерение может быть приложено к чему угодно. И как только оно достигнуто — путь свободен. Каждый шаг повлечет за собой следующий, и так будет до тех пор, пока весь потенциал воина не будет полностью реализован.

Истинная тайна осознания переполняет нас. Эта тайна сочится сквозь все наши поры, мы буквально насквозь пропитаны тьмой и чем-то еще — невыразимым и необъяснимым. И относиться к самим себе по-иному — безумие. Поэтому не следует стараться закрывать глаза на тайну внутри себя, пытаясь втиснуть ее в рамки здравого смысла или чувствуя к себе жалость.

Понимание бывает двух видов. Первый — просто болтовня, вспышки эмоций и ничего более. Второй — результат сдвига точки сборки. Этот вид понимания совмещается не с эмоциональными выбросами, но с действием. Эмоциональное осознание приходит годы спустя, когда воин закрепил новую позицию точки сборки многократным ее использованием.

Воин всегда живет бок о бок со смертью. Воин знает, что смерть — всегда рядом, и из этого знания черпает мужество для встречи с чем угодно. Смерть — худшее из всего, что может с нами случиться. Но поскольку смерть — наша судьба и она неизбежна, мы — свободны. Тому, кто все потерял, нечего бояться.

Воин не отправляется в неизвестное, побуждаемый алчностью. Алчность работает только в мире обычной жизни. Но чтобы в ледящем душу одиночестве пуститься в странствие по немыслимым пространствам иных миров, требуется нечто повнушительнее алчности. Любовь. Нужна любовь к жизни, к авантюре, к тайне. Нужно обладать неиссякаемой любознательностью и огромной смелостью.

Воин думает только о тайне осознания, ибо только это имеет значение. Мы — живые существа, и смерть — наш удел, а осознание свое мы обязаны сдать туда, откуда оно получено. Но если нам удастся хоть чуть-чуть все это изменить, то какие тайны, должно быть, нас ожидают! Какие тайны!

Книга «Огонь изнутри» стала еще одним окончательным следствием влияния Флоринды Матус на мою жизнь. На этот раз она предложила мне сосредоточиться на учителе дона Хуана, нагвале Хулиане. И сама Флоринда, и моя внимательная сосредоточенность на этом человеке открыли мне, что нагваль Хулиан Осорио был довольно неплохим актером, и не просто актером, а достаточно распушенным человеком, озабоченным исключительно совращением женщин — самых разных женщин, с которыми он общался во время своих театральных представлений. Он был таким беспутным, что в конце концов подорвал себе здоровье и заболел туберкулезом.

Однажды его учитель, нагваль Элиас, нашел его на каком-то открытом поле на окраине города Дуранго, когда он соблазнял дочь одного богатого землевладельца. От старания у актера началось кровотечение, которое вскоре стало таким сильным, что он оказался на грани смерти. Флоринда сказала, что нагваль Элиас видел, что он никак не может помочь актеру. Вылечить его было просто невозможно, и единственное, что мог сделать Элиас как нагваль, — остановить кровотечение. После этого он счел необходимым сделать актеру одно предложение.

— В пять утра я ухожу в горы, — сказал он. — Встретимся у выхода из города. Приходи. Если ты не придешь, то умрешь намного раньше, чем тебе кажется. Единственное спасение для тебя — пойти со мной. Я никогда не смогу вылечить тебя, но могу изменить направление твоего неуклонного движения к той бездне, что отмечает завершение жизни. Я уведу тебя очень далеко от этой бездны — либо налево, либо направо от нее. Ты будешь жить, пока не свалишься в нее. Ты никогда не выздоровеешь, но жить будешь.

Нагваль Элиас не питал особых надежд в отношении этого актера — ленивого, неопрятного, индуглирующего и, возможно, даже трусливого. Поэтому он был удивлен, когда на следующий день, в пять утра, увидел, что актер дожидается его на краю города. Он взял его с собой в горы, и со временем этот актер стал нагвалем Хулианом — туберкулезником, который так и не выздоровел, но, судя по всему, прожил целых 107 лет, прохаживаясь вдоль самого края пропасти.

— Разумеется, для тебя важнее всего наблюдать за тем, как нагваль Хулиан идет вдоль края бездны, — сказала мне однажды Флоринда. — Нагваль Хуан Матус никогда этим не интересовался. Для него все это было просто излишним. Но ты не так талантлив, как нагваль Хуан Матус. Для тебя как для воина не может быть ничего лишнего. Ты должен добиться того, чтобы мысли, чувства и представления шаманов Древней Мексики беспрепятственно достигали тебя.

Флоринда была права. У меня не было способностей нагваля Хуана Матуса. Как она и утверждала, ничто не могло оказаться для меня излишним. Я нуждался во всех вспомогательных приспособлениях, в любых тонкостях. Я не мог позволить себе упустить какую-либо точку зрения или идею шаманов Древней Мексики, какими бы далекими они мне ни казались.

Наблюдение за прогулкой нагваля Хулиана по краю бездны означало, что моя способность сосредоточивать свое воспоминание могла быть расширена до тех ощущений, которые испытывал сам нагваль Хулиан в отношении своей самой необычной борьбы за то, чтобы остаться в живых. Я был до мозга костей поражен пониманием того, что борьба этого человека была ежесекундным сражением между его ужасающими привычками к индуглированию и необычайной чувственностью, с одной стороны, и твердым желанием выжить — с другой. Его сражения были не единичными; это была непрестанная, дисциплинированная борьба за сохранение равновесия. Путь по краю бездны означал битву воина, доведенную до того уровня, когда значение имеет каждое мгновение. Единственный миг слабости мог привести к падению нагваля Хулиана в эту бездну.

Впрочем, такое напряжение слабело, если он удерживал свой взгляд, свое внимание,

свою озабоченность сосредоточенными на том, что Флоринда назвала «краем бездны». Что бы он ни видел там, оно не могло выглядеть настолько же безнадежным, как то, что происходило, когда им начинали овладевать застарелые привычки. Когда я наблюдал за нагвалем Хулианом в такие мгновения, мне казалось, что я перепросматриваю совершенно иного человека — человека более спокойного, отрешенного и собранного.

Нельзя сказать, что с течением времени воин обучается шаманизму,— скорее, с течением времени он учится сохранять энергию. Эта энергия дает ему возможность использовать энергетические поля, которые не участвуют в восприятии известного нам повседневного мира. Шаманизм — это состояние осознанности, умение использовать те энергетические поля, которые не вовлечены в восприятие знакомого нам мира повседневной жизни.

Во Вселенной существует неизмеримая, неописуемая сила, которую шаманы называют намерением, и абсолютно все, что существует во Вселенной, соединено с намерением связующим звеном. Воины пытаются понять и использовать связующее звено. Особенно они заботятся об очищении его от парализующего влияния каждодневных забот обычной жизни. Шаманизм на этом уровне может быть определен как процесс очистки нашего связующего звена с намерением.

Шаманы имеют жизненно важную связь со своим прошлым, но не с их личным прошлым. Для шаманов их прошлое заключается в делах, которые совершили другие шаманы. Обычный человек тоже занят анализом прошлого, но он делает это из личных соображений. Шаманы в таком случае заняты совершенно противоположным — они обращаются к своему прошлому, чтобы установить точку отсчета, что для них означает очистить свое связующее звено с намерением.

Обычный человек тоже исследует прошлое. Но он соизмеряет себя с прошлым, своим личным прошлым или прошлыми знаниями своего времени. Делает он это для того, чтобы найти оправдания своему поведению в настоящем или будущем. Или для того, чтобы найти для себя модель.

Дух проявляет себя воину на каждом повороте. Но это еще не вся истина. На самом деле дух открывает себя с одинаковой интенсивностью и постоянством любому человеку, но на взаимодействие с ним настроены только воины.

Воины говорят о шаманизме как о волшебной таинственной птице, которая на мгновение останавливает свой полет, чтобы дать человеку надежду и цель, воины живут под крылом этой птицы, которую они называют птицей мудрости, птицей свободы, они питают ее своей преданностью и безупречностью. Воины знают; полет птицы свободы — это всегда прямая линия, у нее нет возможности сделать круг, нет возможности поворачивать назад и возвращаться, и птица свободы может сделать только две вещи; взять воина с собой или оставить его позади.

Для воина дух есть абстрактное просто потому, что он знает его без слов или даже мыслей. Он есть абстрактное, потому что воин не может себе даже представить, что такое дух. Тем не менее, не имея ни малейшего шанса или желания понять дух, он оперирует им. Воин узнает его, подзывает его, знакомится с ним и выражает его своими действиями.

У обычного человека связующее звено с намерением практически мертво, и воины начинают с такого звена, которое является совершенно бесполезным из-за своей неспособности действовать самостоятельно. Для того чтобы оживить это звено, воину необходима непоколебимая, неистовая целеустремленность — особое состояние ума, называемое несгибаемым намерением.

Сила человека безгранична, и смерть существует лишь потому, что мы намерены умереть с момента нашего рождения. Намеревание смерти можно остановить при помощи изменения позиции точки сборки.

Искусство stalking требует обучения мельчайшим деталям маскировки. И обучиться им следует так хорошо, чтобы никто не мог догадаться, что вы маскируетесь. Для этого необходимо быть безжалостным, искусным, терпеливым и мягким. Но безжалостность не должна быть жестокостью, ловкость — коварством, терпение — равнодушием и мягкость — глупостью.

Хотя действия воинов и преследуют скрытую цель, но она не имеет ничего общего с личной выгодой. Обычный человек действует только тогда, когда есть возможность извлечь для себя какую-то пользу. Воины говорят, что они действуют не ради выгоды, но ради духа.

Древние видящие благодаря своему видению первыми заметили, что любое необычное поведение вызывает колебания точки сборки. Вскоре они обнаружили, что если систематически практиковать и разумно направлять такое поведение, то в конечном счете, это заставляет точку сборки сдвигаться.

Безмолвное знание — это не что иное, как прямой контакт с намерением.

Шаманизм — это путешествие с целью возвращения. Воин, одержав победу, возвращается к духу, спускаясь при этом в ад. И из ада он приносит трофеи. Одним из таких трофеев является понимание.

Воины, будучи stalkерами, в совершенстве понимают человеческое поведение. Они понимают, например, что человеческие существа являются плодом инвентарного списка. Знание того или иного особого инвентарного списка делает человека или подмастерьем, или экспертом в своей области.

Воины знают о том, что, если инвентарный список среднего человека начинает разрушаться, такой человек расширяет его, или же его собственный мир саморефлексии рушится. Обычно человек стремится включить в свой инвентарный список новые темы, если они не противоречат основополагающему порядку этой описи. Однако если темы

противоречат друг другу, разум человека рушится. Инвентарный список — это разум. И воины учитывают это, когда пытаются разбить зеркало саморефлексии.

Воины никогда не смогут построить мост для соединения с людьми мира. Но если люди захотят сделать это — именно им придется выстроить такой мост, который связал бы их с воинами.

Чтобы таинства шаманизма стали доступными какому-либо человеку, на такого заинтересованного человека должен обрушиться дух. Самим своим присутствием дух перемещает точку сборки человека в определенное положение. Именно это положение известно шаманам как место без жалости.

Не существует реальной процедуры, чтобы заставить точку сборки переместиться в место без жалости. Дух касается человека, и его точка сборки сдвигается. Это единственная возможность.

Все, что мы должны сделать, чтобы позволить магии овладеть нами, — это изгнать из нашего ума сомнения. Как только сомнения изгнаны, — становится возможным все что угодно.

Человеческие возможности настолько безграничны и таинственны, что воины, вместо того чтобы размышлять об этом, предпочитают использовать их без надежды понять, что они собой представляют.

Все, что делают воины, является следствием движения их точки сборки. И такие сдвиги зависят лишь от количества энергии, имеющейся в их распоряжении.

Любой сдвиг точки сборки означает отход от чрезмерной озабоченности своей индивидуальностью, которая является отличительным признаком современного человека. Шаманы полагают, что именно позиция точки сборки является причиной убийственной эгоистичности современного человека, совершенно поглощенного своим образом себя. Потеряв надежду когда-нибудь вернуться к источнику всего, человек искал утешения в своей личности. Занимаясь этим, он преуспел в закреплении своей точки сборки в строго определенном положении, увековечив тем самым образ себя. Итак, с уверенностью можно сказать, что любое перемещение точки сборки из ее привычного положения в той или иной степени приводит человека к избавлению от саморефлексии и сопутствующего ей чувства собственной важности.

Главной задачей на пути воина является уничтожение чувства собственной важности. Все, что делают воины, направлено на достижение этой цели.

Шаманы разоблачили чувство собственной важности и установили, что оно есть

жалость к себе, маскирующаяся под нечто иное.

В мире повседневной жизни человек может очень легко изменить слово или решение. Единственная неотменяемая вещь в обычном мире — это смерть. С другой стороны, в мире шаманов можно отменить обычную смерть, но не слово воинов. В мире шаманов нельзя изменить или пересмотреть решения. Однажды принятые, они остаются в силе навсегда.

Одной из самых драматических черт человеческой природы является ужасная связь между глупостью и саморефлексией. Именно глупость заставляет обычного человека отвергать все, что не согласуется с его рефлексивными ожиданиями. Например, являясь обычными людьми, мы не в состоянии оценить наиболее важный аспект знания, доступного человеческим существам: наличие точки сборки и факт, что ее можно сдвигать.

Непоколебимое стремление рационального человека твердо придерживаться образа себя — это способ надежно застраховать свое дремучее невежество. Он, например, игнорирует тот факт, что шаманизм — это не заклинания, не магические формулы, не фокус-покус, но свобода восприятия не только повседневного мира, но и любого другого, доступного человеческому существу. Вот где глупость обычного человека наиболее опасна. Он дрожит при мысли о необходимости свободы. А ведь она рядом, она в кончиках его пальцев.

Все трудности для человека состоят в том, что интуитивно он осознает свои скрытые ресурсы, но не отваживается воспользоваться ими. Вот почему воины говорят, что человек находится в положении, среднем между глупостью и невежеством. Он сказал, что люди сейчас более чем когда бы то ни было нуждаются в обучении новым идеям, которые касались бы их внутреннего мира, — идеям шаманов, а не социальным идеям, — идеям, ставящим человека перед лицом неизвестного, перед лицом его личной смерти. Сейчас более чем когда бы то ни было мы нуждаемся в том, чтобы обучиться тайнам точки сборки.

Дух прислушивается только тогда, когда тот, кто к нему обращается, говорит жестами. Эти жесты не означают знаки или телодвижения — это действия истинной непринужденности, действия величественности, юмора. В качестве жестов духа маги проявляют все лучшее в себе и молча предлагают это абстрактному.

Моя последняя книга о доне Хуане получила название «Сила безмолвия» — его выбрал мой редактор; я сам назвал бы ее «Внутреннее безмолвие». В то время, когда я работал над этой книгой, взгляды шаманов Древней Мексики стали для меня совершенно абстрактными. Флоринда из всех сил пыталась воспрепятствовать моему погружению в абстрактное. Она старалась перенести мое внимание к другим аспектам техник древних шаманов или просто отвлечь меня потрясениями, вызванными ее скандальным поведением. Однако ничто не смогло отвратить меня от этой тяги, которая казалась непреодолимой.

«Сила безмолвия» представляет собой интеллектуальный обзор мышления шаманов Древней Мексики в его наиболее абстрактной форме. Когда я в одиночестве трудился над этой книгой, меня заразили настрой этих людей и их стремление к большим познаниям, проявляющееся в некоем рациональном методе. Флоринда пояснила, что в конце концов эти шаманы стали чрезвычайно хладнокровными и отстраненными. Для них уже не существовало ничего теплого. Они были целиком погружены в свой поиск, и такая человеческая холодность была попыткой согласовать себя с холодом бесконечности. Они успешно изменили свое человеческое зрение, чтобы оно начало соответствовать прохладным глазам непознанного.

Я ощутил это на собственном опыте и отчаянно пытался изменить ход событий. До сих пор мне это не удалось. Мои мысли становились все больше похожими на мысли тех людей ко времени завершения их поиска. Это не означает, что я потерял способность смеяться. Совсем наоборот — вся моя жизнь превратилась в бесконечную радость, но одновременно стала и бесконечным, беспощадным поиском. Скоро Бесконечность поглотит меня, и я хочу подготовиться к этому. Мне не хочется, чтобы бесконечность растворила меня и обратила в ничто, так как у меня по-прежнему остались человеческие желания, теплые привязанности и любовь, какими бы туманными они ни были. Больше всего на свете мне хочется стать похожим на тех людей. Я никогда не знал их. Единственными шаманами, с которыми я был знаком, были дон Хуан и его когорта, но то, как они выражали себя, было невероятно далеким от той холодности, какую я интуитивно ощущаю в тех незнакомых мне людях.

Благодаря тому влиянию, которое оказала на мою жизнь Флоринда, я добился блестящих успехов в искусстве сосредоточивать свое непоколебимое внимание на настрое тех людей, которых никогда не знал. Я сосредоточивал внимание своего перепросмотра на настрое этих шаманов и оказался в его ловушке без какой-либо надежды когда-нибудь высвободиться из этих объятий. Флоринда не верила в то, что мое состояние уже стало необратимым. Она подшучивала надо мной и открыто смеялась над этим.

Твое состояние только кажется неизменным, — говорила она, — но это не так. Наступит такой момент, когда ты сменишь место действия. Возможно, ты отбросишь все мысли о шаманах Древней Мексики. Не исключено, что ты отбросишь мысли и взгляды в отношении даже тех шаманов, рядом с которыми ты трудился, — например, в отношении нагваля Хуана Матуса. Ты можешь отказать ему в существовании. Посмотрим. У воина нет

никаких ограничений. Его ощущение импровизации является таким острым, что он может создавать мысленные концепции из ничего, однако это не просто пустые построения, но скорее нечто действенное, прагматичное. Посмотрим. Это не значит, что ты просто забудешь об этом, просто однажды, перед тем, как ты нырнешь в бездну — если наберешься дерзости пройти по ее краю, если будешь достаточно смел, чтобы не отклониться на пути, — ты придешь к присущим воинам выводам об упорядоченности и уравниловке, бесконечно более достойным тебя, чем навязчивые идеи о шаманах Древней Мексики. Слова Флоринды стали чем-то вроде прелестного и вселяющего надежду пророчества. Возможно, она была права. И разумеется, она была права, когда утверждаема, что возможности воина неисчерпаемы. Вот только для того, чтобы я перешел к иначе упорядоченному взгляду на мир и на самого себя, к более подходящей для моего характера точке зрения, мне придется пройти по краю бездны — а я сомневаюсь в том, что у меня хватит дерзости и силы на такой подвиг.

Впрочем, кто знает?

КАРЛОС КАСТАНЕДА

• МАГИЧЕСКИЕ ПАССЫ •

Содержание

Введение

Магические пассы

Тенсегрити

Шесть серий Тенсегрити

1. Серия для подготовки к использованию намерения

Первая группа: перемешивание энергии для намерения

Вторая группа: пробуждение энергии для намерения

Третья группа: собирание энергии для намерения

Четвертая группа: вдыхание энергии намерения

2. Серия для матки

Первая группа: магические пассы, принадлежащие Тайше Абеляр

Вторая группа: магический пасс, имеющий непосредственное отношение к Флоринде Доннер-Грау

Третья группа: магические пассы, имеющие отношение исключительно к Кэрол Тиггс

Четвертая группа: магические пассы, принадлежащие Синему Разведчику (Блю Скаут)

3. Серия пяти интересов, или Вествудская серия

Первая группа: центр принятия решений

Магические пассы для центра принятия решений

Вторая группа: работа с инвентарным списком (рекапитуляция)

Магические пассы для работы с инвентарным списком

Третья группа: сновидение

Магические пассы для сновидения

Четвертая группа: внутреннее безмолвие

Магические пассы, помогающие достижению внутреннего безмолвия

4. Разделение левого и правого тела: серия для разогрева

Первая группа: пробуждение энергии в левом и правом теле

Вторая группа: смешивание энергии левого и правого тела

Третья группа: перемещение энергии левого и правого тела при помощи дыхания

Четвертая группа: предпочтения левого и правого тела

Пять магических пассов для левого тела

Три магических пасса для правого тела

5. Серия мужественности

Первая группа: магические пассы, в которых кисти рук перемещаются синхронно, но не соприкасаются

Вторая группа: магические пассы для фокусирования энергии сухожилий

Третья группа: магические пассы для усиления выносливости

6. Магические пассы, выполняемые с использованием специальных приспособлений

Первая категория

Вторая категория

Всем практикующим систему Тенсегрити — кто, сосредоточив на ней свою силу, позволил мне прикоснуться к таким способам обращения с энергией, которые никогда не были доступны ни для дона Хуана Матуса, ни для шаманов его магической линии.

ВВЕДЕНИЕ

Дон Хуан Матус, искусный маг и Нагуаль — так называют мага, если он возглавляет группу других магов, — ввел меня в мир знания шаманов, живших в древней Мексике. Дон Хуан Матус — индеец, уроженец города Юма, штат Аризона. Его отцом был индеец племени яки из штата Сонора (северо-западная Мексика), а матерью, по-видимому, индианка-юма из Аризоны. До десяти лет дон Хуан жил в Аризоне. Затем отец отвез его в Сонору, где их и застигла локальная война, которую вели против мексиканцев индейцы племени яки. Отец был убит, и дон Хуан взяли к себе родственники, жившие в южной Мексике.

Когда ему исполнилось двадцать лет, он встретился с искусным магом, Хулианом Осорио. Тот ввел дон Хуана в свою магическую линию, которая, по его словам, существовала на протяжении уже двадцати пяти поколений. Хулиан Осорио не был индейцем — его родителями были эмигранты из Европы. Дон Хуан сообщил мне, что, перед тем как стать Нагуалем, дон Хулиан Осорио был артистом. Судя по рассказам дон Хуана, это был внушительный, влиятельный и невероятно энергичный человек — увлекательный рассказчик, большой юморист и мастер пантомимы, которого все просто обожали. Во время гастрولي по провинциям артист Хулиан Осорио попал под влияние Нагуаля Элиаса Уллоа, который и передал ему знания своей магической линии.

В соответствии с традициями своей линии шаманов, дон Хуан Матус обучил своих четырех учеников — Тайшу Абеляр, Флоринду Доннер-Грау, Кэрл Тиггс и меня — некоторым движениям, особым жестам, которые он называл магическими пассами. В процессе обучения дон Хуан следовал методике, отработанной многими поколениями, за одним единственным исключением: он не стал тратить время на многочисленные, чрезвычайно сложные ритуалы, которыми традиционно сопровождалось обучение и выполнение этих магических пасса. Свое решение отступить от традиции он обосновал тем, что в наши дни ритуалы уже утратили стимулирующее значение, поскольку новые поколения практикующих больше интересуются эффективностью и функциональностью самих пасса. В то же время дон Хуан рекомендовал мне ни при каких обстоятельствах не рассказывать об этих магических пассах ни моим ученикам, ни кому-либо другому. Причины запрета он объяснил следующим образом: магические пассы подбираются для каждого человека индивидуально, и их воздействие настолько сокрушительно, что лучше всего

просто практиковать их, ни с кем не обсуждая.

Дон Хуан Матус обучил меня всему, что знали маги его линии. Он полностью передал мне свои знания, рассказав, показав и разъяснив все, до мельчайших подробностей. Таким образом, все сведения о магических пассах, изложенные в этой книге, также были получены в свое время непосредственно от дона Хуана.

Вместе с тем, магические пассы не являются изобретением какого-то конкретного человека. Они были открыты шаманами, жившими в древней Мексике, в процессе изучения ими состояния повышенного осознания. Это произошло совершенно случайно. Все началось с того, что шаманы задались очень простым вопросом: какова природа великолепного ощущения избытка жизненных сил, испытываемого ими в состоянии повышенного осознания, когда они принимают определенные позы или особым образом двигают конечностями? Это ощущение было настолько сильным, что шаманы стали настойчиво пытаться воспроизвести его, принимая такие же позы и выполняя такие же пассы в состоянии нормального осознания.

Судя по всему, в конечном итоге им удалось добиться успеха, и они стали первооткрывателями очень сложных последовательностей движений — их еще называют сериями движений, — которые, при постоянной практике, позволяли в значительной мере повысить эффективность функционирования тела и сознания. Результаты выполнения этих движений оказались поистине ошеломляющими, и сами движения стали называть магическими пассами. На протяжении многих поколений этим пасса́м обучали только учеников шамана. Обучение строилось на индивидуальной основе и сопровождалось сложными, тщательно продуманными ритуалами и тайными церемониями.

Дон Хуан Матус радикально отошел от традиционного способа преподавания магических пасса́в, что позволило ему заново переосмыслить назначение этой практики. По мнению дона Хуана, ее цель заключается не столько в повышении уровня физической и умственной сбалансированности, как считалось ранее, сколько в практической возможности перераспределять энергию. Дон Хуан утверждал, что отход от прежней традиции стал возможен благодаря влиянию двух Нагуалей, которые были его предшественниками по магической линии.

Маги линии дона Хуана считали, что каждому из нас от рождения присуще определенное количество энергии, которое абсолютно не зависит от влияния внешних сил: его нельзя ни увеличить, ни уменьшить. Они полагали, что этого количества энергии вполне достаточно для достижения цели, к которой, по их мнению, должен стремиться каждый человек на Земле, — для выхода за пределы обычного восприятия. Дон Хуан Матус был глубоко убежден, что наша неспособность совершить этот подвиг является следствием воздействия нашей культуры и социальной среды. Именно они распределяют данную нам от природы энергию и направляют ее всю, до последней частички, на воспроизведение установленных образцов поведения, создавая тем самым

барьер, который не позволяет нам преодолеть границы обычного восприятия. Как-то раз я спросил у дона Хуана:

— Но зачем же мне или кому-нибудь другому стремиться преодолеть границы обычного восприятия?

— Преодоление этих границ — задача, которую неизбежно придется решать всему человечеству, — ответил дон Хуан. — Преодолеть их означает войти в невообразимые миры, чья практическая ценность столь же велика, как и ценность мира, известного нам в повседневной жизни. Независимо от нашего согласия или несогласия с этим утверждением, мы одержимо стремимся выйти за границы обычного восприятия и терпим при этом сокрушительное поражение. Отсюда изобилие наркотиков, стимуляторов, религиозных ритуалов и церемоний, к которым вынуждены прибегать наши современники.

— А какова, по-твоему, причина столь сокрушительного поражения? — спросил я.

— Неспособность реализовать свое подсознательное желание, — объяснил дон Хуан, — является следствием того, что мы пытаемся приступить к решению стоящих перед нами задач слишком поспешно, а те средства, которые мы при этом используем, слишком примитивны. Это все равно, что пытаться свалить стену, стуча по ней собственной головой. Люди никогда не подходят к этой проблеме с точки зрения энергии. Для магов же успех определяется доступностью — или недоступностью — того количества энергии, которое необходимо для решения данной конкретной задачи.

Поскольку маги древней Мексики знали, что увеличить количество энергии, которой мы наделены от природы, невозможно, то единственным доступным для них способом было перераспределение уже имеющейся энергии.

Процесс перераспределения начинался с магических пассов и того благотворного воздействия, которое они оказывали на физическое тело.

Во время обучения дон Хуан всячески подчеркивал, что шаманы его линии всегда придавали — и продолжают придавать — огромное значение хорошей физической форме и сильному интеллекту. Подтверждением истинности его заявлений служил он сам и пятнадцать магов его группы. Все они отличались великолепной физической подготовкой и блестящим интеллектом.

Однажды я прямо спросил дона Хуана, почему маги придают такое большое значение духовному состоянию человека. Его самого я всегда считал человеком высокой духовности, поэтому его ответ оказался для меня совершенно неожиданным:

— Шаманов мало интересует духовность. Они очень практичны. Хорошо известно, что шаманы обычно производят впечатление людей неуравновешенных, или даже больных. Может быть, именно это и заставляет тебя считать их духовными людьми. Они всегда пытаются объяснить необъяснимое. В ходе бесплодных попыток дать объяснение тому, что нельзя до конца объяснить ни при каких обстоятельствах, они зачастую проявляют излишнюю настойчивость и поэтому теряют связность мысли и начинают говорить глупости.

Дон Хуан продолжал:

— Твое тело должно быть гибким, если ты хочешь достичь хорошей физической формы и психической уравновешенности. А достижение этих двух состояний жизненно важно для шаманов, ведь только так они могут обрести рассудительность и прагматизм — единственные свойства, необходимые для вхождения в другие области восприятия. Чтобы правильно ориентироваться в неизвестном, требуется смелость, а не безрассудство. Для того чтобы уравновесить безрассудство смелостью, маг должен обладать чрезвычайной трезвостью суждений, осторожностью, мастерством и находиться в великолепной физической форме.

— Но для чего нужна великолепная физическая форма, дон Хуан? — спросил я. — Разве для путешествия в неизвестное недостаточно желания или воли?

— Желай сколько угодно, пока не упишься — все равно ничего не выйдет! — бросил он довольно резко. — Подумай сам: даже просто оказаться один на один с неизвестным, не говоря уж о том, чтобы войти в него, и то требует стальных нервов, а также тела, которое могло бы послужитьместищем для таких нервов. Но какой смысл иметь стальные нервы, если не обладаешь живым умом, физической силой и соответствующей мускулатурой?

Как я понял, прекрасное физическое состояние, важность которого дон Хуан постоянно подчеркивал с самого начала нашего сотрудничества, служит первым шагом к перераспределению данной нам природой энергии. По мнению дон Хуана, такое перераспределение является важнейшим моментом в жизни каждого шамана, как, впрочем, и любого другого человека. Оно представляет собой процесс перемещения энергии, которой мы первоначально обладаем, из одного места в другое. Ранее эта энергия была рассеяна жизненно важными для нас энергетическими центрами тела — так называемыми центрами жизненности, которые с ее помощью поддерживают гармонию между живым умом и отличной физической формой.

Шаманы линии дон Хуана уделяли огромное внимание перераспределению имеющейся в их распоряжении энергии. Причем это внимание не было лишь интеллектуальным устремлением, плодом логических операций индукции или дедукции и не имело никакого отношения к умозаключениям. Оно явилось результатом их способности непосредственно воспринимать энергию — в том

виде, в каком она существует во Вселенной.

— Маги нашей линии называли способность непосредственно воспринимать энергию видением, — объяснял мне дон Хуан. — Это особое состояние повышенного осознания, в котором человеческое тело обретает способность воспринимать энергию как поток, течение, похожую на дуновение ветерка вибрацию. Способность видеть энергию так, как она течет во Вселенной, является следствием мгновенной остановки свойственной человеческим существам системы интерпретаций.

— Что представляет собой эта система интерпретаций, дон Хуан? — спросил я.

— Магам древней Мексики удалось установить, что каждая часть человеческого тела участвует в превращении потока вибраций в ту или иную форму сигналов, воспринимаемых органами чувств. Вся совокупность воздействий этих сигналов, непрерывно бомбардирующих органы чувств, преобразуется человеческими существами в систему интерпретаций, позволяющую им воспринимать обычный мир.

Маги древней Мексики, обладая железной дисциплиной, сумели заставить эту систему интерпретаций остановиться. Они назвали такую остановку видением и сделали ее краеугольным камнем своего знания. Способность непосредственно видеть энергию стала важным инструментом, который они использовали при создании собственных классификационных схем. Например, благодаря этой способности они стали рассматривать доступную для нашего восприятия Вселенную как нечто вроде луковицы, имеющей тысячи слоев: известный нам по обыденной жизни мир представляет собой, по их мнению, всего лишь один из таких слоев. Более того, они полагали, что все остальные слои не только доступны для человеческого восприятия, но и являются неотъемлемой частью естественного наследия человека.

Другим чрезвычайно ценным достижением древних магов — достижением, ставшим возможным опять же благодаря их способности непосредственно видеть энергию, — было открытие энергетического строения человека. Они видели, что человек является комбинацией энергетических полей, соединенных в светящийся энергетический шар или кокон некоей вибрирующей силой. Для магов линии дона Хуана Матуса истинный облик человека представлял собой удлиненное (яйцевидное) или округлое (сферическое) энергетическое образование, которое они называли светящимся яйцом или светящейся сферой. Древние маги считали эту светящуюся сферу нашим истинным "Я" — истинным в том смысле, что она абсолютно неизменна, если рассматривать ее с точки зрения энергии. В процессе непосредственного восприятия человека как энергетического образования становятся видны все его ресурсы — все, чем он является с точки зрения энергии.

Древние маги открыли, что на задней поверхности светящейся сферы

человека находится точка, обладающая свечением повышенной яркости. Путем непосредственного наблюдения им удалось установить, что эта точка имеет ключевое значение для процесса превращения энергии в воспринимаемые органами чувств данные и для дальнейшей их интерпретации. Маги называли ее точкой сборки — поскольку именно в ней собирается восприятие окружающего мира. Они утверждали, что эта точка расположена за спиной человека, на расстоянии вытянутой руки от лопаток. Им также удалось выяснить, что у всех представителей человеческой расы точка сборки расположена на одном и том же месте и поэтому для них характерно одинаковое видение мира.

Кроме того, древние маги сделали еще одно потрясающее открытие, имевшее огромное значение как для них, так и для всех последующих поколений магов. Они обнаружили, что единообразие присущего людям месторасположения точки сборки является следствием процесса социализации и формирования общепринятого образа жизни. Из этого они сделали вывод, что обычное положение точки сборки на самом деле произвольное и его кажущаяся окончательность и неизменность — всего лишь иллюзия. Именно эта иллюзия и порождает непоколебимую уверенность человеческих существ в том, что мир, с которым они имеют дело в повседневной жизни, это единственно реальный и всеобъемлюще завершенный мир.

— Поверь, — сказал мне однажды дон Хуан, — ощущение всеобъемлющей завершенности повседневного мира — не более, чем иллюзия, которая только кажется единственно возможной истиной, поскольку ее никогда не подвергали сомнению. Способность непосредственно видеть энергию — в том виде, в каком она существует во Вселенной, — и есть тот инструмент, использование которого позволяет усомниться в этой истине. С его помощью маги нашей линии пришли к заключению, что для человеческого восприятия доступно потрясающее множество миров. Они описывали эти миры как самодостаточные реальности, где человек может жить и умереть — точно так же, как и в привычном нам повседневном мире.

За тринадцать лет моего ученичества дон Хуан обучил меня основным приемам, которые требуются для совершения подвига видения. Я подробно описал их в своих предыдущих книгах, но ни в одной из них не касался важного ключевого момента — магических пассов. Дон Хуан обучил меня множеству пассов, но вместе с этим богатым и разнообразным знанием он оставил мне вполне определенную уверенность, что я — последнее звено в их магической цепочке, последний из Нагуалей его линии. Если исходить из этого, то передо мной автоматически вставала задача найти новые пути распространения знаний, принадлежащих магической линии дона Хуана, поскольку вопрос о преемственности поколений в рамках самой линии становился уже не актуален.

В связи с этим я должен пояснить один очень важный момент: дон Хуан Матус никогда не стремился обучать кого-либо своему знанию; единственное, что его интересовало, — продолжение магической линии, к которой он принадлежал.

Трое других его учеников, как и я, были не более чем средством, призванным обеспечить продолжение этой линии — средством, избранным, по его словам. Духом, ибо сам дон Хуан в процессе выбора никоим образом не участвовал. Поэтому он предпринимал титанические усилия, стремясь передать мне все, что ему было известно о магии, или шаманизме, а также об эволюции знания в его магической линии.

В процессе обучения он пришел к выводу, что моя энергетическая конфигурация коренным образом отличается от его собственной и что это могло означать только одно — завершение его магической линии. Я говорил ему, что категорически не согласен с его интерпретацией незримых различий, которые существовали между нами. Мне совершенно не нравилось бремя ответственности, которое налагало понимание, что я — последний в линии дон Хуана, а его доводы казались необидительными.

Вот, например, один из них:

— Маги древней Мексики были уверены, — сказал мне как-то дон Хуан, — что выбор, как его понимают люди, — это необходимое условие познаваемости человеческого мира. Но в то же время выбор представляет собой и добровольную интерпретацию чего-то, что обнаруживает наше осознание — когда оно находит смелость выйти за пределы обыденного и нарушить существующую со всеобщего молчаливого согласия добровольную интерпретацию этой части реальности в качестве "нашего мира". Человеческие существа страдают от невозможности сделать правильный выбор, потому что им кажется, будто противоборствующие внешние силы влекут их сразу во всех направлениях. Искусство магов заключается не в способности делать правильный выбор, а в том, чтобы оказаться достаточно чувствительным и вовремя согласиться с предложенным вариантом.

— Маги, которые на первый взгляд только и занимаются тем, что непрерывно принимают какие-то решения, на самом деле вообще не принимают решений, — продолжал он. — Я, например, не принимал решения выбрать в ученики именно тебя, и тем более — сделать из тебя то, чем ты стал. И поскольку я не мог по собственному желанию выбрать себе преемника, мне пришлось принять того, кого предложил мне Дух. Этим человеком оказался ты. Но твои энергетические способности позволяют тебе только завершить магическую линию, а не продолжить ее.

Дон Хуан утверждал, что завершение его магической линии не имеет никакого отношения лично к нему или его усилиям, а также к его успеху или неудаче в качестве мага, чья единственная цель — обретение тотальной свободы. Он понимал это как нечто, имеющее отношение к выбору, сделанному намного выше человеческого уровня — но не какими-то конкретными существами или сущностями, а безликими силами Вселенной.

В конце концов мне пришлось смириться с тем, что дон Хуан называл моей судьбой. И то, что я принял ее, поставило меня лицом к лицу с другой

проблемой, которую дон Хуан метафорически называл "закрывай дверь на замок, когда уходишь". Иными словами, я принял на себя ответственность за решение вопросов, связанных с судьбой переданного мне доном Хуаном знания, и за безупречность принимаемых мною решений. В первую очередь я задал себе вопрос, имевший для меня первостепенное значение: что делать с тем знанием, которое относится к магическим пассам, то есть с той гранью учения дона Хуана, которая более других насыщена прагматизмом и функциональностью? Я принял решение использовать магические пассы и обучать этому искусству каждого, кто изъявит желание.

Мое намерение приподнять завесу секретности, за которой на протяжении неопределенно долгого времени было скрыто это знание, являлось, разумеется, естественным следствием абсолютной убежденности в том, что на мне должна прерваться магическая линия дона Хуана. Почему я обязан хранить тайны, которые даже не считаю своими? Не я принимал решение держать в тайне магические пассы. Зато именно я решил покончить с таким положением дел.

С тех пор я предпринимал попытки разработать более общую форму для каждого магического пасса. В итоге был создан комплекс слегка видоизмененных форм для всех магических пассов. Я назвал новые комплексы движений Тенсегрити — термином, заимствованным из архитектуры, где он означает "способность каркасных конструкций использовать взаимодействие работающих на сжатие цельных элементов с работающими на растяжение составными элементами для того, чтобы каждый элемент действовал с максимальной эффективностью и экономичностью".

Чтобы читатель мог лучше понять, что представляли собой магические жесты шаманов, живших в Мексике в древние времена, считаю необходимым дать следующее пояснение: термин "древние времена", согласно утверждению дона Хуана, означает эпоху, начало которой отстоит от нашего времени более чем на десять тысяч лет. Эта цифра кажется совершенно невероятной, если подходить к ней с точки зрения современной научной хронологии. В свое время я пытался оспорить это утверждение дона Хуана, указывая на противоречие между приведенной им датировкой и той, которую лично я считал более близкой к реальности. Но дон Хуан был непоколебимо уверен, что жившие в Новом Свете десять тысяч лет назад люди так глубоко изучили Вселенную и проблемы восприятия, что современный человек не способен даже вообразить ничего подобного.

Несмотря на различия в наших хронологических интерпретациях, эффективность магических пассов для меня несомненна и я считаю себя обязанным подробно ознакомить читателя с этим предметом, руководствуясь методикой дона Хуана. Разумеется, использование магических пассов оказало на меня непосредственное воздействие, и это наложило серьезный отпечаток на мое к ним отношение.

Все описанное в настоящей книге представляет собой глубоко личное

отражение этого воздействия.

МАГИЧЕСКИЕ ПАССЫ

Впервые дон Хуан подробно остановился на магических пассах, когда отпуская едкие замечания по поводу моего избыточного веса.

— Ты слишком пухлый, — сказал он, оглядывая меня с головы до пят и неодобрительно покачивая головой. — Еще немного, и ты станешь просто жирным. У тебя уже появляются признаки старения. Как и у других представителей твоей расы, на шее у тебя нарастает кусок жира — совсем как у быка. Тебе самое время серьезно заняться одним из величайших открытий древних шаманов — магическими пассажами.

— Я впервые слышу о магических пассах, — запротестовал я, — по-моему, ты никогда мне о них не рассказывал. А может быть, и рассказывал, да я, наверное, отнесся к твоему рассказу легкомысленно, потому что ничего не могу вспомнить.

— Я не только рассказывал тебе о магических пассах, — сказал дон Хуан, — но ты и сам уже знаком со многими из них: я обучаю тебя им постоянно.

Утверждение, что он все время обучает меня магическим пассажам, по моему мнению, совершенно не соответствовало истинному положению дел. Я принялся неистово спорить.

— Не стоит так страстно защищать свою бесценную персону, — пошутил дон Хуан, делая бровями очень выразительный жест: насмешливый и в то же время извиняющийся. — Я всего лишь имел в виду, что ты повторяешь все, что делаю я. Все это время я показывал тебе различные магические пассы, но ты полагал, что я похрустываю суставами для собственного удовольствия. Очень удачное выражение: "похрустываю суставами"! Так мы и будем называть их в дальнейшем.

— Всего я показал тебе десять различных способов "похрустывания суставами", — продолжал он. — Каждый из них представляет собой магический пасс, который служит совершенствованию моего тела, а если ты их повторяешь, то и твоего. Без преувеличения можно сказать, что эти десять магических пассов полностью соответствуют твоим интересам — да и моим тоже. Они так же ценны для нас, как и для двадцати пяти предшествующих поколений магов.

Действительно, дон Хуан часто совершал какие-то особенные движения руками, ногами, корпусом и бедрами. Раньше я полагал, что их целью было увеличение подвижности суставов, максимальная растяжка мышц и связок. Единственным зримым результатом была последовательность хрустящих

звуков, которые, как мне казалось, дон Хуан производил, чтобы удивить меня или позабавить. Он постоянно требовал, чтобы я повторял за ним эти движения, всячески подбивая меня запомнить их и затем выполнять дома — пока я не научусь извлекать из своих суставов такие же хрустящие звуки.

Со временем я заучил все движения, но мне так и не удалось научиться похрустывать суставами, как дон Хуан. Теперь я знаю, что постигшая меня неудача на самом деле была благословенной — ибо мускулы и связки ни при каких обстоятельствах не должны напрягаться до такой степени. Скорее всего, дон Хуан обладал врожденной способностью похрустывать суставами рук и позвоночником, как некоторые от природы могут щелкать суставами пальцев.

— Как древние маги изобрели магические пассы, дон Хуан? — спросил я.

— Их никто не изобретал, — ответил он резко. — Если считать, что их кто-то изобрел, то это заставляет предполагать вмешательство разума, а разум не имеет к магическим пассам ни малейшего отношения. Их не изобрели — их открыли древние шаманы. Мне рассказывали, что все началось с ощущения необычайного прилива жизненных сил, которое шаманы испытывали в состоянии повышенного осознания. Они были настолько зачарованы этим всепоглощающим ощущением, что не жалели усилий, стремясь научиться вызывать его и в обычном, бодрствующем состоянии.

Поначалу шаманы считали, что ощущение избытка здоровья и силы создается самим повышенным осознанием. Но вскоре они выяснили, что отнюдь не все состояния повышенного осознания вызывали этот эффект. В результате более тщательного исследования вопроса стало ясно, что подобные ощущения возникают только во время совершения шаманами особых движений руками, ногами и корпусом. Оказалось, что в состоянии повышенного осознания тело шамана неосознанно двигается определенным образом и именно эти движения являются истинной причиной удивительного прилива физических и умственных сил.

Дон Хуан высказал предположение, что открытые шаманами движения представляли собой сокровенное наследие человечества, хранившееся вдали от случайных глаз и открывавшееся только тем, кто его сознательно искал. Он сравнил древних магов с ловцами жемчуга, которые ныряли в глубь океанской бездны и неожиданно обнаружили потрясающее сокровище.

Древние маги потратили массу сил, чтобы свести воедино фрагменты нескольких движений, которые им удалось запомнить. Их усилия не пропали даром — в конце концов им удалось в точности повторить эти движения. Вдохновленные успехом, они продолжили свои эксперименты и со временем сумели воссоздать сотни таких движений. Вскоре эти пассы вошли в постоянную практику, но их никогда не пытались классифицировать или расположить в сколько-нибудь осмысленном порядке. Древние маги полагали, что в состоянии повышенного осознания эти движения совершаются спонтанно, под воздействием некой силы, помимо человеческой воли

вызывающей в телах магов столь странный эффект.

Дон Хуан особо подчеркнул, что сама природа открытий, совершенных магами древности, всегда заставляла его считать их выдающимися людьми. Дело в том, что открытые ими неосознанные движения в наши дни почему-то никогда не выполнялись шаманами в состоянии повышенного осознания. Возможно, причина в том, что современные шаманы изучали эти движения еще до того, как обретали способность входить в состояние повышенного осознания, но возможно и другое — маги древности обладали большей энергетической массой.

— Что ты имеешь в виду, дон Хуан, когда говоришь об энергетической массе?
— спросил я. — Они были физически крупнее нас?

— Я полагаю, что они были крупнее нас не физически, а энергетически. Взгляду видящего они представляли в форме овалов. Маги древности называли себя светящимися яйцами. Мне ни разу в жизни не удалось увидеть светящееся яйцо — я видел только светящиеся пузыри. Можно предположить, что за прошедшие с тех пор поколения человек утратил часть своей энергетической массы.

Дон Хуан объяснил, что взгляду видящего Вселенная представляется сочетанием бесконечного множества энергетических полей. Видящий воспринимает их как протянувшиеся во всех мыслимых направлениях светящиеся волокна, которые со всех сторон касаются светящихся пузырей человека и крест-накрест оплетают их. Это дает основание предположить, что если когда-то люди имели форму светящихся яиц, то их энергетическая конфигурация была заметно больших размеров, чем светящиеся пузыри наших современников. Отсюда следует, что энергетические поля, которые некогда соприкасались с вершинами вытянутых светящихся яиц, в наше время не соприкасаются с округлыми светящимися пузырями. А это, как считал дон Хуан, свидетельствует об утрате человеком части своей энергетической массы, что в свою очередь делает невозможным повторное открытие утраченного сокровища — магических пассов. Однажды я спросил:

— Почему движения древних шаманов называли магическими пассами? Дон Хуан ответил:

— Их не просто называют магическими, они на самом деле такие и есть! Эти пассы оказывают воздействие, которое никак нельзя объяснить обычным способом. Это не просто физические упражнения и не просто специальные позы; это настоящие попытки достичь оптимального состояния бытия.

Магия этих движений заключается в малозаметных, мимолетных изменениях, которые постоянно происходят с теми, кто их практикует. Выполнение магических пассов придает физическому и умственному состоянию практикующих некие новые качества, вызывая у них что-то вроде сияния,

блеска в глазах. Эти непостижимые перемены — не что иное, как прикосновение Духа. Как будто практикующие, выполняя магические пассы, восстанавливают прерванную когда-то связь с силой — и она начинает поддерживать их и подпитывать.

Из дальнейшего объяснения я понял, что есть еще одна причина, по которой эти движения называют магическими пассами: практикующие их шаманы (точнее, их восприятие) переносятся в другие состояния бытия, где обретают особую, не поддающуюся описанию способность чувственного восприятия мира.

— Из-за этого свойства, из-за этой магии, — сказал дон Хуан, — магические пассы следует выполнять не в качестве физических упражнений, а как способ привлечения силы.

— А можно ли относиться к ним как к обычным физическим упражнениям, хотя я и понимаю, что никто никогда их таковыми не считал? — поинтересовался я.

— Выполняй их как хочешь. Магические пассы повышают осознание независимо от того, как ты к ним относишься. Но разумнее все-таки считать их тем, чем они и являются, — магическими пассами, выполнение которых позволит практикующим сбросить маску социализации.

— А что такое маска социализации?

— Иллюзия, которую мы в этом мире обретаем, защищаем и за которую готовы умереть. Та самая, что не дает нам полностью реализовать свой потенциал и заставляет считать себя бессмертными. Движения магических пассов пропитаны намерением тысяч магов. И выполнение их, пусть даже нерегулярное, приводит осознание к остановке.

— Что ты имеешь в виду, утверждая, что эти движения приводят осознание к остановке?

— Все, что мы делаем в этом мире, мы узнаем и определяем, преобразуя воспринятое в ряды подобия, в ряды вещей, ассоциированных друг с другом. Например, если я скажу тебе "вилка", это слово немедленно вызовет в твоём сознании идею ложки, ножа, скатерти, салфетки, тарелки, чашки и блюда; бокала вина, мяса в остром соусе с красным перцем и фасолью; банкета, дня рождения, праздника. Ты, несомненно, и сам можешь продолжить этот перечень, и ему не будет конца, поскольку он включает в себя все, что мы делаем. Магам, однако, кажется странным то, что они видят: все эти ряды подобия, бесконечные цепочки ассоциаций так или иначе оказываются связанными с человеческим представлением о том, что все сущее неизменно и вечно, подобно слову Господню.

— Я не понимаю, дон Хуан, зачем тебе потребовалось в этом разъяснении сослаться на слово Господне. Как оно связано с тем, о чем ты говоришь?

— Эта связь прослеживается во всем. Похоже, в нашем сознании вся Вселенная подобна слову Господню: такая же абсолютная и неизменная. Сами мы именно так себя и ведем. В глубине сознания есть какое-то контрольное устройство, которое не позволяет нам остановиться, чтобы присмотреться и убедиться, что слово Господне, в том виде, в каком мы его принимаем и в него верим, относится к мертвому миру. Живой мир, напротив, находится в постоянном изменении. Он движется, течет и все время меняет направление движения.

Самая абстрактная из причин, по которой магические пассы, магов моей линии действительно являются магическими, заключается в том, что в ходе их выполнения тела практикующих начинают понимать, что все сущее — это вовсе не неразрывная цепь связанных между собой вещей, а непрерывное изменение, вечно движущийся поток. И если все во Вселенной представляет собой поток, значит его можно остановить. Ну, например, возвести плотину и таким образом остановить его или направить в сторону.

В другой раз дон Хуан объяснил мне, какое воздействие в целом оказывало выполнение магических пассов на магов его линии, и сравнил этот эффект с тем, что происходит с практикующими в наши дни.

— Маги моей линии, — сказал он, — были безмерно потрясены, когда узнали, что выполнение магических пассов почти останавливает поток вещей, который невозможно остановить никаким иным способом. Они придумали серию метафор, позволяющих описать эту остановку. Но попытки объяснить происходящее, критически проанализировать его, не увенчались успехом и привели лишь к обратному результату. Маги погрязли в ритуалах и церемониях, превратив в спектакль само действие остановки потока вещей. Сначала им казалось, что если определенные церемонии и ритуалы будут направляться на некоторые аспекты магических пассов, то сами пассы смогут привлечь, притянуть желаемый результат. Но очень скоро сложные ритуалы и церемонии стали для магов тяжким бременем.

— Конечно, очень важно сфокусировать внимание практикующих, — добавил дон Хуан, — на определенных сторонах магических пассов. Однако делать это нужно легко, весело, без какого-либо налета тяжеловесной серьезности и мрачности. Пассы следует выполнять ради них самих, не замыкаясь на ожидании результатов.

В качестве примера дон Хуан привел одного из своих ближайших помощников, мага по имени Сильвио Мануэль. Его приверженность магическим пассам шаманов древности и получаемое от их выполнения удовольствие были столь велики, что он придал им форму движений современного танца. Дон Хуан охарактеризовал Сильвио Мануэля как великолепного акробата и танцора, чьи

танцы почти целиком состояли из магических пассов.

— Нагуаль Элиас Уллоа, — рассказывал дон Хуан, — ввел в выполнение магических пассов много нового — больше, чем любой его предшественник в нашей линии. Именно он отказался от любых ритуалов — можно сказать, выбросил их в окно — и практиковал магические пассы исключительно ради цели, для которой они предназначались в отдаленном прошлом, — для перераспределения энергии.

Нагуаль Хулиан Осорио, пришедший ему на смену, окончательно "добил" ритуал. Будучи профессиональным артистом, который одно время зарабатывал на жизнь играя в театре, он придавал огромное значение тому, что маги называют шаманским театром. Нагуаль Хулиан именовал этот театр театром бесконечности и использовал в своих "представлениях" все известные ему магические пассы. Они лежали в основе каждого движения изображаемых им персонажей. Кроме того, он превратил этот театр в новый способ обучения магическим пассам. За время, прошедшее от "артиста бесконечности" Нагуаля Хулиана до "танцора бесконечности" Сильвио Мануэля, отношение к магическим пассам изменилось, и на горизонте возникла новая эра — эра чистого, не замутненного ритуалами перераспределения энергии!

Дон Хуан объяснял идею перераспределения энергии так: если воспринимать человеческие существа как сочетания энергетических полей, то они представляют собой закупоренные энергетические образования, обладающие определенными границами, препятствующими как поступлению, так и оттоку энергии. Поэтому в плане энергии любой человек может рассчитывать лишь на то количество, что уже находится в пределах границ того энергетического образования, которым он является.

— Человек от природы склонен отталкивать энергию от своих жизненно важных энергетических центров, которые иначе называют центрами жизненности, — сказал дон Хуан. — В правой части тела эти центры расположены у самого края грудной клетки, в области печени и желчного пузыря; в левой части они тоже находятся на краю грудной клетки, в области поджелудочной железы и селезенки. Подобные центры имеются и на спине, сразу за двумя упомянутыми выше центрами — вокруг почек и непосредственно над ними, в области надпочечников. Еще один центр расположен у основания шеи, в V-образном углублении, образованном грудиной и ключицами. У женщин имеются дополнительные центры жизненности — вокруг матки и яичников.

— А как человек отталкивает энергию от своих жизненно важных центров, дон Хуан? — спросил я.

— Своими тревогами. Поддаваясь стрессам повседневной жизни. Давление

обыденных поступков взимает неизбежную дань с человеческого тела.

— И что потом происходит с этой энергией?

— Она собирается на периферии светящегося пузыря. Иногда ее скапливается так много, что она образует толстый слой, похожий на древесную кору. Магические пассы вовлекают в действие все человеческое существо — и физическое тело, и составляющие его энергетические поля. С их помощью энергия, которая накопилась в светящемся пузыре, приводится в движение и возвращается физическому телу. Еще раз повторю главное: в выполнении магических пассов участие принимает и физическое тело, то есть страдающее от рассеяния энергии физическое образование, и энергетическое тело, способное перераспределить эту рассеянную энергию.

Неразумно позволять энергии оставаться на периферии светящегося пузыря не перераспределенной; это все равно что вообще не располагать ею. Припрятать огромный излишек свободной энергии и не иметь возможности использовать ее для практических целей — ситуация поистине ужасная. Будто идешь по пустыне, умирая от жажды, и тащишь на себе целый бак воды, который не можешь открыть, потому что нет подходящих инструментов. А в этой пустыне даже камней нет, чтобы ударить по баку.

Магические пассы, как я понял из объяснений дона Хуана, заставляют энергию, образующую вокруг человека энергетический панцирь, возвратиться в жизненно важные центры, что и порождает у практикующих ощущение избытка здоровья и силы. Маги той линии, к которой принадлежал дон Хуан, когда-то давным-давно, пока они еще не погрязли в чрезмерном увлечении ритуалами и церемониями, сформулировали основные положения идеи перераспределения энергии. Они называли этот процесс сосредоточением энергии и были уверены, что заставляют свои тела совершать множество магических пассов для того, чтобы сила, которая связывает энергию наших тел в единое целое, направляя их действия, позволила тем самым добиться максимального перераспределения энергии.

— Значит, по-твоему, каждый раз, когда ты похрустываешь суставами, и каждый раз, когда я пытаюсь подражать тебе, мы перераспределяем энергию? — спросил я дона Хуана, стараясь, чтобы в моем голосе не прозвучал сарказм.

Дон Хуан воспринял мой вопрос серьезно:

— Каждый раз, выполняя какой-нибудь магический пасс, мы действительно изменяем некоторые структуры, лежащие в основе нашего бытия. Та энергия, которая обычно отталкивается нами и затвердевает на периферии, вдруг освобождается и начинает поступать в вихревые воронки центров жизненности наших тел. Только при помощи этой, вновь востребованной нами собственной энергии, мы можем возвести плотину, барьер на пути

сметающего все потока, который нельзя удержать другим способом.

Я попросил дон Хуана пояснить на примере, что означает "возведение плотины на пути сметающего все потока". Мне хотелось зрительно представить себе эту картину. Дон Хуан согласился.

— В свои годы, — начал он, — я наверняка должен страдать от высокого кровяного давления. Если бы я попал на прием к доктору, тот с первого же взгляда решил бы, что перед ним старый индеец, которому досаждают неопределенность, разочарования и плохое питание. Все перечисленное, естественно, должно было привести меня к высшей степени вероятному и вполне предсказуемому появлению гипертонии, как неизбежного следствия моего возраста.

Но на самом деле у меня нет подобных проблем, и не потому, что я крепче, чем большинство людей, не говоря уже о моих сверстниках, и, конечно же, не благодаря моим генетическим особенностям. Дело в том, что магически пассы позволили моему телу выйти за пределы тех образцов поведения, которые способствуют повышению кровяного давления. Не будет преувеличением сказать, что каждый раз, когда я, выполняя магические пассы, похрустываю суставами, я отгораживаюсь от потока ожиданий и манеры поведения, следование которым обычно и приводит в моем возрасте к гипертонии.

— Могу привести еще пример — он связан с подвижностью моих коленей, — продолжал дон Хуан. — Ты ведь не станешь отрицать, что я намного подвижнее тебя? Когда дело доходит до сгибания коленей, то я проворен как ребенок! При помощи магических пассов я поставил плотину на пути того поведения, которое заставляет колени людей, как мужчин, так и женщин, терять подвижность на старости лет.

Ничто в жизни не вызывало у меня такого раздражения, как тот неоспоримый факт, что дон Хуан Матус, по возрасту годившийся мне в дедушки, бесконечно моложе меня. По сравнению с ним, я был малоподвижен, самоуверен и многословен. Да я был просто дряхлым! Он же, напротив, был быстр, изобретателен, подвижен и находчив. Короче говоря, дон Хуан Матус обладал тем, чего не было, несмотря на молодые годы, у меня, — юностью. И он получал огромное удовольствие, при каждом удобном случае напоминая мне, что молодой возраст это еще не юность и что молодость вовсе не препятствие для дряхлости. Он советовал мне внимательно и беспристрастно понаблюдать за окружающими: я без труда найду множество подтверждений тому факту, что даже в двадцать лет люди становятся дряхлыми, бессмысленно повторяя то, что уже когда-то говорили и делали.

Один раз я не выдержал и спросил:

— Но в чем секрет твоей молодости, дон Хуан?

— Я изменил собственные представления, — ответил он, широко распахнув глаза, что, по-видимому, должно было означать замешательство. — У меня нет представлений, которые подсказывали бы мне, что настала пора стареть. Я не собираюсь выполнять соглашения, которые не заключал. Запомни хорошенько: маги не бросают слова на ветер, когда заявляют, что не намерены выполнять соглашений, которых не заключали. Одно из таких соглашений — страдать от старости.

Мы долго сидели молча. Похоже, дон Хуан давал мне время хорошенько осмыслить его слова. Моя психически цельная личность — по крайней мере, таковой я ее считал — все более раскалывалась надвое, и причиной тому стала совершенно очевидная двойственность пришедшего мне на ум ответа. На одном уровне своей личности я полностью и бескомпромиссно отвергал ту бессмыслицу, которую дон Хуан только что произнес; на другом же уровне я не мог не заметить, насколько точными были его высказывания. Дон Хуан имел солидный возраст и в то же время вовсе не был старым — он был моложе меня душой и телом, свободен от обременительных мыслей и манер. Он путешествовал по немыслимым мирам. Он был свободен, а я все еще пребывал в темнице тяжеловесного образа мыслей и поведения, не в силах избавиться от мелочных и бесплодных забот о самом себе. Тогда я впервые, с небывалой остротой почувствовал, что эти мысли, поведение и заботы в действительности не были даже моими собственными.

Однажды я спросил дону Хуана о том, что уже давно меня беспокоило. Ранее он сказал мне, что открытые магами древней Мексики магические пассы представляли собой что-то вроде сокровища, но укрытого так, чтобы люди могли найти его. Но кто же потрудился спрятать это сокровище? Единственный ответ, приходивший мне на ум, был продиктован моим католическим воспитанием. Я полагал, что оно могло быть спрятано Богом, ангелом-хранителем или Духом Святым. Дон Хуан возразил:

— Это вовсе не Дух Святой, который обладает святостью лишь для тебя, поскольку в глубине души ты остаешься католиком. И, конечно же, это не Бог — тот дарующий блага отец, каким вы понимаете Бога. И не какая-нибудь богиня — ниспосылающая пропитание мать, наблюдающая за делами людскими, как считают многие другие люди. Это скорее безликая сила, у которой припрятано множество удивительных вещей для тех, кто рискнет отправиться за ними в путешествие. Это такая же сила Вселенной, как свет или сила тяжести — она сводит воедино, склеивает. Это сила вибраций, которая соединяет в единое, четко очерченное и сплоченное целое ту комбинацию энергетических полей, которой является человек. Именно эта вибрирующая сила не позволяет энергии проникать в светящийся пузырь человека или покидать его.

Маги древней Мексики считали, что выполнение ими магических пассов было единственным фактором, подготавливавшим и направлявшим тело к тому,

чтобы оно само могло выйти за пределы обыденного бытия и убедиться в существовании силы, склеивающей энергетические поля.

Опираясь на объяснения дон Хуана, я пришел к заключению, что вибрирующая сила, которая, по его словам, склеивает наши энергетические поля, это несомненно та же сила, которая, по мнению современных астрономов, должна присутствовать в ядрах всех существующих в космосе галактик. Ученые считают, что там, в ядрах галактик, какая-то немислимо огромная сила удерживает звезды на своих местах. Эта сила, названная астрономами "черной дырой", представляет собой теоретическое построение, которое наиболее разумным способом объясняет, почему звезды не разлетаются под воздействием центробежной силы.

По словам дон Хуана, древние маги знали, что человеческие существа, если рассматривать их в качестве сочетания энергетических полей, сохраняются как единое целое не энергетической оболочкой и энергетическими связями, а некой вибрацией, которая поддерживает внутренний порядок и не дает полям рассеиваться. Древние маги, благодаря своим практикам и дисциплине, научились манипулировать этой вибрирующей силой, после того как полностью осознали ее присутствие. Их мастерство достигло таких высот, что деяния магов положили начало легендам и мифам. Сведения о тех древних событиях дошли до нас и в виде сказок. Например, в одной из историй, которые рассказывал мне дон Хуан, говорилось, что древние маги могли заставить свое физическое тело исчезнуть, просто переместив всю полноту своего осознания и намерения в эту силу — физическая масса тела как бы "растворялась".

Дон Хуан утверждал, что хотя древние маги были способны в буквальном смысле пройти через игольное ушко — конечно, если бы сочли это действительно необходимым, — они не были полностью удовлетворены результатами опытов по "растворению" собственной физической массы. Причина заключалась в следующем: после "растворения" физической массы они теряли способность действовать и могли быть только пассивными свидетелями событий. Разочарование от вынужденного бездействия превратилось для них в настоящее проклятие. Древние маги стали одержимы идеей раскрыть истинную природу вибрирующей силы. В основе этой одержимости лежала их негибкость, стремление овладеть и подчинить себе эту силу, управлять ею. Им страстно хотелось преодолеть ограничения состояния пассивного призрака, связанное с отсутствием массы, и получить возможность действовать — что, как утверждал дон Хуан, оказалось абсолютно невозможно.

Те, кто практикует магические пассы в наши дни, являются наследниками культуры магов древности. Им удалось избежать ошибок своих предшественников и понять, что к вибрирующей силе нет смысла относиться

сугубо практически. Поэтому они выбрали единственно разумную альтернативу: знать о существовании этой силы и не пытаться использовать ее — разве что испытывать удовольствие от самого знания о ее существовании.

— Современные маги, — сказал мне однажды дон Хуан, — могут использовать мощь вибрирующей склеивающей силы лишь в одном-единственном случае: когда наступает их час покинуть этот мир и они сгорают в огне изнутри. Для магов совсем несложно переместить свое полное и совершенное осознание на эту связующую силу, с намерением сгореть. И вот их нет — они ушли, исчезли, как дуновение ветерка.

ТЕНСЕГРИТИ

Тенсегрити — это современная версия магических пассов, открытых шаманами древней Мексики. Слово Тенсегрити представляется мне самым подходящим названием, поскольку является сочетанием двух терминов — *tension* (в переводе с английского: напряжение, растяжение) и *integrity* (в переводе с английского: целостность). Эти термины означают две движущие силы магических пассов. Движения, направленные на напряжение и расслабление сухожилий и мышц тела, имеют отношение к первой части термина — *tension*, а вторая часть — целостность (*integrity*) — связана с тем, что к телу начинают относиться как к здоровому, законченному и совершенному целому.

Тенсегрити обучают как системе движений, потому что лишь в таком виде огромная и таинственная область знания, к которой принадлежат магические пассы, может быть представлена современному человеку. Тенсегрити практикуют не одни лишь приверженцы мировоззрения шаманов, стремящиеся обрести весь спектр предлагаемых им возможностей (что требует от человека суровой дисциплины, огромных усилий и преодоления лишений). Поэтому основным в магических пассах следует считать их самостоятельную ценность как движений, позволяющих достичь определенных внутренних изменений.

Первым побуждением магов древней Мексики, как объяснил мне дон Хуан Матус, было использовать магические пассы для наполнения себя энергией. Каждая поза, каждое движение тела, которое им удалось вспомнить, были отнесены к той или иной группе. Они полагали, что чем длиннее группа движений, тем сильнее она насыщает энергией.

Предшественники дона Хуана по магической линии свели магические пассы в длинные группы и выполняли их в определенной последовательности. Со временем они сочли, что основанный на насыщении энергией подход к магическим пассам уже сыграл свою роль, и стали разбивать длинные группы на отдельные фрагменты, которые выполнялись как самостоятельные упражнения. Та форма магических пассов, которой дон Хуан Матус обучал четырех своих учеников — Тайшу Абеляр, Флоринду Доннер-Грау, Кэрл Тиггс

и меня, — была результатом упомянутого стремления к фрагментации длинных групп.

По мнению дон Хуана, польза от выполнения длинных групп была совершенно очевидна: такая практика заставляла начинающих шаманов использовать идеомоторную память. Этот эффект был обнаружен шаманами совершенно случайно и давал великолепный результат: он подавлял шумы сознания, или внутренний диалог.

Из объяснений дон Хуана я уже знал, что мы придаем стабильность своему восприятию мира и поддерживаем его неизменным и эффективным с помощью ведения бесконечного диалога с самим собой,

— Все человечество, — сказал мне однажды дон Хуан, — постоянно поддерживает внутренний диалог, который является ключом к фиксации точки сборки в строго определенном положении: за спиной, на расстоянии вытянутой руки от лопаток. Совершая действие, прямо противоположное внутреннему диалогу, то есть поддерживая внутреннее безмолвие, практикующие могут преодолеть фиксацию своей точки сборки и приобрести необычайную гибкость восприятия, называемую еще текучестью восприятия.

Практика Тенсегрити осуществляется в форме выполнения длинных групп. Их называют сериями — во избежание путаницы, которая обязательно возникнет, если называть их так, как дон Хуан, — просто группами. Для создания серий Тенсегрити требовалось восстановить критерии сосредоточения энергии, которые в свое время привели к возникновению длинных групп. Практикующие Тенсегрити потратили многие годы, тщательно и методично восстанавливая огромное количество ранее расчлененных групп.

Восстановление критериев сосредоточения энергии путем выполнения длинных серий позволило в конце концов добиться того, что дон Хуан считал современной целью магических пассов, — перераспределения энергии. Дон Хуан был убежден, что перераспределение энергии всегда, даже во времена древних магов, оставалось истинной целью магических пассов. Однако не исключено, что древние маги не знали о перераспределении энергии; а если и знали, то никогда не пытались осмыслить этот процесс в данных терминах. Судя по всему, то, к чему они так страстно стремились и что испытывали как ощущение избытка здоровья и цельности при выполнении магических пассов, было, в сущности, воздействием неиспользуемой энергии, которая вновь стала поступать к центрам жизненности тела.

В рамках системы Тенсегрити длинные группы были воссозданы заново. Кроме того, большое количество их фрагментов были сохранены как

самостоятельные, полностью функциональные упражнения. Они связаны воедино общей целью, например — целью работы с намерением, или с инвентарным списком, или целью поддержания внутреннего безмолвия, и так далее. Это и определило состав серий, входящих в комплекс Тенсегрити. Таким образом, удалось создать систему упражнений, в которой наилучшие результаты достигаются выполнением длинных последовательностей движений, для чего неизбежно используется идеомоторная память практикующих.

Во всех остальных отношениях методика обучения системе Тенсегрити представляет собой точное воспроизведение способов и приемов, при помощи которых дон Хуан обучал магическим пассам своих учеников. Он приводил их сознание в замешательство огромным количеством разнообразных магических пассов, множеством подробностей и разъяснений — как именно каждый пасс, даже взятый в отдельности, может стать тропой в бесконечность.

Ученики дона Хуана многие годы провели в состоянии постоянного замешательства и полной подавленности: им казалось просто нечестным внезапно, без предварительной подготовки обрушивать на них такое количество информации — все равно, что нанести удар в спину.

Однажды я спросил дона Хуана, в чем смысл такой "шоковой" методики обучения, и получил в ответ следующее объяснение:

— Обучая вас магическим пассам, — сказал он, — я использую традиционный прием магов — ставлю завесу перед вашим линейным мышлением. Заставляя вас сосредоточиться на своей идеомоторной памяти, я прокладываю вам путь к внутреннему безмолвию.

Поскольку все мы до самых краев наполнены деяниями и недеяниями, относящимися к миру повседневной жизни, для идеомоторной памяти места почти не остается. У тебя, например, как ты и сам мог заметить, места для нее вообще нет. Тебе не удастся повторить мои движения, стоя лицом ко мне, ты вынужден вставать рядом, чтобы твое тело могло, наконец, сориентироваться, где у него право, а где лево. А что будет, если тебе показать длинную последовательность движений? Для ее запоминания потребуется несколько недель многократных повторений.

Чтобы запомнить все движения, ты вынужден освободить для них место в памяти, выбросив из нее что-то другое. Вот к этому-то и стремились древние маги.

Дон Хуан убеждал своих учеников, что если они будут продолжать упорно, невзирая на замешательство, практиковать магические пассы, то рано или поздно достигнут рубежа, где перераспределенная энергия склонит чашу весов на другую сторону и они смогут управляться с магическими пассами в состоянии абсолютной ясности.

Слушая дон Хуана, я с трудом верил, что все будет так, как он говорит. Но однажды наступил момент, когда его слова полностью подтвердились: я перестал испытывать замешательство и уныние. Непонятно каким образом, магические пассы — не зря же их называли магическими — вдруг сами собой выстроились в удивительные последовательности, которые окончательно прояснили мое сознание. Дон Хуан назвал эту ясность закономерным следствием перераспределения моей энергии.

Практикующие Тенсегрити в наше время сталкиваются с теми же трудностями, которые пришлось преодолеть мне и другим ученикам дон Хуана, когда мы приступили к выполнению магических пассов. Их приводит в замешательство большое количество движений. Я всегда говорю им то, что некогда говорил мне дон Хуан: самое важное — повторять ту последовательность движений Тенсегрити, которую удастся вспомнить. Этот процесс сосредоточения, направляемый вашей собственной волей, в конце концов неизбежно приведет к тому результату, которого стремились достичь шаманы древней Мексики, — к перераспределению энергии и сопутствующим ему эффектам: прекращению внутреннего диалога, возможности обрести внутреннее безмолвие и увеличению подвижности точки сборки.

От себя добавлю, что, побудив меня сосредоточивать энергию при помощи магических пассов, дон Хуан, по моему мнению, совершил два великих подвига. Во-первых, он позволил мне обнаружить в себе целый спектр скрытых возможностей, о существовании которых я даже не подозревал — таких, например, как способность концентрировать внимание и вспоминать мельчайшие детали событий. Во-вторых, он смог мягко переломить мою одержимую приверженность прямолинейным интерпретациям.

Как-то раз я поведал ему об ощущениях, возникающих у меня при выполнении магических пассов, и попросил растолковать, что со мной происходит. Дон Хуан объяснил:

— Твой внутренний диалог сведен к абсолютному минимуму, и ты чувствуешь приближение состояния полного внутреннего безмолвия. В поле твоего восприятия начинает поступать целый поток новых сведений. Впрочем, то, что кажется новым, на самом деле всегда было с тобой, но находилось на периферии осознания — у тебя никогда не хватало энергии, чтобы целенаправленно осознать это. Когда ты избавился от внутреннего диалога, возникшую пустоту, образно выражаясь, стали заполнять другие данные, имеющиеся в распоряжении твоего осознания.

Новый поток энергии, который магические пассы привлекли к твоим жизненно важным центрам, делает точку сборки более подвижной, более текучей. Непроницаемый частокол, окружавший ее, исчезает. И с этого момента тобой больше не движут унаследованные от предков страхи, мешающие людям сделать шаг в сторону от найденных тропок. Маги говорят, что энергия делает нас свободными. И это абсолютная истина.

Идеальное состояние для практикующего Тенсегрити, при котором выполнение движений этого комплекса будет наиболее эффективным, полностью совпадает с идеальным состоянием шамана, практикующего магические пассы. И тот, и другой под влиянием выполняемых движений приходят к особому состоянию. Начиная с этого момента, практикующие Тенсегрити могут полностью самостоятельно, без чьих-либо руководящих указаний, ставить перед собой

цели и выбирать любые известные им магические пассы — в различных комбинациях, позволяющих сосредоточивать энергию для достижения этих целей. Практикующие смогут выполнять магические пассы, точно и быстро когда угодно — даже на ходу, во время приема пищи, отдыха или совместно с каким-нибудь другим занятием,— потому что у них будет хватать для этого энергии.

Для выполнения магических пассов, как показала работа по системе Тенсегрити, совершенно не обязательно иметь специально отведенное место или заранее назначенное время. Однако занятия ни в коем случае не должны проводиться в помещении, где вас могут обдуть сильные струи воздуха, или на сквозняке. Дон Хуан очень боялся воздействия воздушных струй на вспотевшее тело. Он был твердо убежден, что отнюдь не каждое перемещение воздушных масс возникает в связи с повышением или понижением температуры воздуха. Некоторые воздушные потоки, по его мнению, порождаются сочетаниями разнородных энергетических полей, целенаправленно перемещающихся в пространстве.

Подобные энергетические конфигурации обладают особым типом осознания и чрезвычайно вредоносны — в частности потому, что человеческие существа, как правило, не способны воспринимать их и бездумно открывают себя для их воздействия. Особенно сильно вредное влияние таких потоков энергии в больших городах, где им несложно замаскироваться, прикинувшись, например, струями воздуха от быстро проносящихся мимо автомобилей.

Практикуя Тенсегрити, нужно помнить следующее: поскольку цель магических пассов в целом чужда человеку западной цивилизации, то следует стараться избежать увязки практики Тенсегрити с проблемами нашей повседневной жизни. Занятия не должны сочетаться с привычными элементами быта, такими как разговор, музыка, голос диктора радио или телевидения, сообщающего последние новости, — какими бы приглушенными ни казались нам эти звуки.

Образ жизни современных горожан способствует формированию "групп по интересам", и в этих обстоятельствах хорошо зарекомендовало себя изучение и выполнение движений Тенсегрити на семинарах и практических занятиях в составе групп. Однако следует учитывать, что совместная работа в группах имеет положительные и отрицательные стороны. Она чрезвычайно полезна, потому что позволяет обеспечить синхронность движений всех присутствующих и предоставляет возможность наглядного обучения. И в то же

время очень вредна, поскольку порождает у человека надежды на помощь со стороны, а также способствует возникновению синтаксических команд и претензий, связанных с образованием и поддержанием иерархических отношений среди практикующих.

Дон Хуан утверждал, что поскольку человеческое поведение управляется с помощью речи, то люди научились реагировать на так называемые синтаксические команды. Это особые поощряющие или просительные формулы. К ним относятся, например, ответы, которые каждый человек использует сам или получает от других — фразы типа "Нет проблем", "Плевое дело", "Это меня беспокоит", "Мог бы сделать и получше", "Мне это не по силам", "Я лучше всех", "Я самый плохой", "Я это переживу", "Я справлюсь", "Все будет хорошо" и так далее. Дон Хуан говорил, что маги всегда стремились придерживаться простого и действенного правила: избегать каких-либо форм деятельности, проистекающих из этих синтаксических команд.

Судя по описаниям дона Хуана,¹ первоначально маги древней Мексики изучали и выполняли магические пассы в полном одиночестве, при удобном случае или когда того требовали обстоятельства. В такой же манере он и сам преподавал их. По его мнению, для учеников шамана сложность выполнения магических пассов всегда заключалась в необходимости мастерски выполнять движения — сознание при этом должно было оставаться сосредоточенным лишь на абстрактном стремлении достичь совершенства в выполнении каждого движения. В идеале, изучать и выполнять движения Тенсегрити следует точно так же. Однако условия современной жизни и тот факт, что целью создания этой разновидности магических пассов была их доступность для возможно большего числа людей, настоятельно требовали выработки новых подходов. Поэтому при выборе способа занятий Тенсегрити следует в первую очередь руководствоваться удобством практикующих. Упражнениями можно заниматься индивидуально, в составе группы или комбинируя оба подхода.

В моем случае идеальным оказалось выполнение движений Тенсегрити очень большими группами людей — это предоставило мне уникальную возможность наблюдать явление, которое никогда не удавалось увидеть дону Хуану Матусу и другим магам его линии, — воздействие человеческой массы. Ни он, ни двадцать шесть поколений шаманов его линии никогда не сталкивались с эффектом человеческой массы. Они практиковали магические пассы в одиночестве или группами не более пяти человек. Для них магические пассы представлялись делом сугубо личным.

Когда упражнения Тенсегрити одновременно выполняют сотни людей, поток энергии образуется вокруг них почти мгновенно. Этот поток, который легко может увидеть любой шаман, порождает у практикующих ощущение насущной потребности в том, что они делают. Он похож на вибрирующий ветер, который пронзает всех участников и дает им первооснову цели. Мне удалось увидеть сокровенное, необыкновенное зрелище: пробуждение цели, энергетической основы человека. Дон Хуан обычно называл ее нестигаемым намерением и говорил, что она является жизненно важным инструментом тех, кто совершает

путешествия в неизвестное.

Практикуя упражнения системы Тенсегрити, очень важно помнить, что благотворное влияние магических пассов проявляется само по себе. Об этом не следует забывать ни при каких обстоятельствах. Поначалу практикующим очень трудно смириться с мыслью, что Тенсегрити не является обычной системой движений, предназначенной для совершенствования физического тела. Разумеется, она развивает его — но лишь как побочное следствие более трансцендентного воздействия. Перераспределяя неиспользуемую энергию, магические пассы способствуют повышению осознания практикующих до уровня, на котором параметры обычного, традиционного восприятия сводятся к факту своего расширения. Таким образом, практикующие могут даже получить возможность войти в невообразимые миры.

— Но зачем мне входить в эти миры? — спросил я дон Хуана, когда он описал мне этот побочный эффект магических пассов.

— Потому что ты наделен осознанием; ты воспринимаешь, как и любой из нас, — ответил он. — Человеческие существа совершают путешествие осознания, которое постоянно прерывается из-за воздействия внешних сил. Поверь, мы представляем собой наделенные осознанием магические существа. Убежденность в этом — все, чем мы располагаем.

Из дальнейших объяснений дон Хуана получалось, что человеческие существа, начиная с того момента, как прервано путешествие их осознания, как бы захватываются водоворотом и вращаются на одном месте — хотя им кажется, что они находятся в непрерывном движении.

— Поверь, — продолжал дон Хуан, — все обстоит именно так, и мои слова — не пустая болтовня. Я говорю это, ибо сам смог убедиться в истинности открытия магов древней Мексики: мы, люди, — существа магические.

Мне потребовалось тридцать лет строгой дисциплины, чтобы достичь того уровня, на котором эти утверждения дон Хуана становятся полностью понятными, а их истинность — абсолютной и несомненной. Теперь я знаю, что люди — действительно наделенные осознанием существа, участвующие в определяющем их эволюцию путешествии осознания; существа, не понимающие собственной сути и до краев наполненные невыносимыми возможностями, которые никогда не используют.

ШЕСТЬ СЕРИЙ ТЕНСЕГРИТИ

В этой книге будут рассмотрены следующие серии магических пассов:

1 — Серия для подготовки к использованию намерения

2 — Серия для матки

3 — Серия пяти интересов, или Вествудская серия

4 — Разделение левого и правого тела: серия для разогрева

5 — Серия мужественности

6 — Магические пассы, выполняемые с использованием специальных приспособлений

Магические пассы, составляющие каждую из шести серий, полностью соответствуют требованиям максимальной эффективности. Иными словами, каждый пасс представляет собой точно подобранный ингредиент некой формулы и применяется так же, как длинные серии магических пассов в древние времена, когда любая из них могла вызвать максимальное высвобождение энергии с целью дальнейшего ее перераспределения.

Рис. 1

Рис. 2

Для получения максимального эффекта от выполнения магических пассов следует соблюдать несколько правил:

1. Все магические пассы можно повторять произвольное количество раз, если не указано конкретное значение. Если пассы сначала выполняются для левой стороны тела, то затем их обязательно нужно повторить и для правой стороны. Как правило, выполнение каждого магического пасса этих шести серий начинается с левой стороны.

2. Стопы ног следует располагать на ширине плеч. Это позволяет равномерно распределить вес тела. Если расставить ноги слишком широко или, наоборот, поставить их очень близко, то равновесие при выполнении некоторых движений может быть нарушено. Проще всего правильно определить оптимальное расстояние между стопами так: поставьте ноги вплотную друг к другу (Рис. 1), затем вес тела перенесите на пятки, а носки разведите в стороны — пятки остаются неподвижными. В результате стопы ног образовали

латинскую букву V (Рис. 2).

Перенесите вес тела на носки, разверните пятки в стороны на то же расстояние, на которое ранее были отведены носки (Рис. 3). Стопы оказываются параллельны друг другу, а расстояние между ними приблизительно соответствует ширине плеч. Для того чтобы добиться оптимального равновесия тела, может потребоваться дополнительная коррекция положения ног.

3. Во время выполнения магических пассов Тенсегрити колени должны оставаться слегка согнутыми — так, чтобы при взгляде вниз коленные чашечки находились на одной линии с носками (Рис. 4, 5), — за исключением случаев, оговоренных особо, когда при выполнении отдельных магических пассов колени должны быть сомкнуты. Колени следует смыкать мягко, без излишних усилий, ни в коем случае не напрягая подколенные сухожилия до боли.

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Поза с согнутыми коленями — современное дополнение к древним магическим пассам, возникшее под влиянием восточных боевых искусств. Одним из лидеров магической линии, к которой принадлежал дон Хуан, был Нагуаль Лухан, китайский моряк, чье имя приблизительно звучало как Ло Бань. Он поселился в Мексике в конце прошлого столетия. Одна из женщин-магов группы дона Хуана ездила на Восток изучать боевые искусства; кроме того, сам дон Хуан настоятельно советовал ученикам осваивать контролируемые движения путем изучения различных видов боевых искусств.

Еще один важный момент при выполнении движений

со слегка согнутыми в коленях ногами связан с ударами ногой вперед. При этом голень ни в коем случае не должна выбрасываться хлестким, неконтролируемым движением. Удар следует наносить всей ногой, сокращая мышцы бедра, что исключает возможность повреждения подколенных сухожилий.

4. Мышцы задней стороны ног должны быть напряжены (Рис. 6). Добиться этого очень непросто. Большинство людей может легко научиться напрягать мышцы передней стороны ног, но мышцы задней стороны обычно остаются расслабленными. По утверждению дона Хуана, именно в этой части тела хранится личная история человека. Чувства находят там свой приют и остаются навсегда. И все сложности, возникающие при попытке изменить наше поведение, порождаются расслабленностью мышц задней стороны ног.

5. При выполнении магических пассов руки всегда должны оставаться слегка согнутыми в локтях; их не следует полностью выпрямлять даже при имитации удара. Это позволяет предотвратить повреждение локтевых сухожилий (Рис. 7).

6. Большой палец руки всегда должен оставаться в фиксированном положении: согнутым и прижатым к ребру ладони (Рис. 8). Его ни при каких обстоятельствах не следует распрямлять и отводить в сторону или вверх. Маги линии дона Хуана считали, что большой палец играет исключительно важную роль во всем, что связано с энергией и жизнедеятельностью человека. По их мнению, у основания большого пальца располагаются точки, где может заставаться энергия. Эти точки могут даже управлять движением энергетических потоков в теле. Во избежание ненужной нагрузки на большой палец или его повреждения при выполнении резкого движения рукой, маги линии дона Хуана всегда принимали вышеописанную меру предосторожности, то есть прижимали согнутый большой палец к ребру ладони.

7. При сжатии пальцев в кулак мизинец следует несколько выдвинуть вперед. Это позволит избежать образования "угловатого" кулака (Рис. 9), в котором средний палец, безымянный и мизинец составляют что-то вроде острого угла. Маги древней Мексики считали, что кулак должен быть "квадратным" (Рис. 10), для чего безымянный палец и мизинец следует слегка выдвинуть вперед, до уровня среднего пальца.

При этом должно возникнуть напряжение в подмышечных впадинах, что способствует достижению общего благополучия и здоровья.

8. Если при выполнении упражнения необходимо раскрыть ладонь, то должны распрямляться и сама ладонь, и пальцы. Сухожилия на тыльной стороне руки сокращаются, и ладонь приобретает вид ровной, плоской поверхности (Рис. 11). Дон Хуан всегда полностью распрямлял ладонь, чтобы, по его словам, противостоять стереотипу, навязанному нам в ходе социализации: считать открытой ладонь, собранную в горсть (Рис. 12). Он говорил, что горсть — это ладонь просящего милостыню; тот же, кто выполняет магические пассы, — воин, а не нищий.

Рис. 11

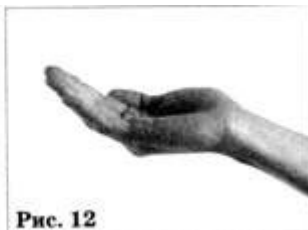

Рис. 12

9. Когда для выполнения движения требуется согнуть пальцы во втором суставе и плотно прижать к ладони, то сухожилия на тыльной стороне руки нужно максимально напрячь, особенно сухожилия большого пальца (Рис. 13). Такое напряжение создает специфическое давление на запястье и предплечье, которое маги древней Мексики считали жизненно важным для обретения и поддержания хорошего здоровья и общего благополучия.

Рис. 13

Рис. 14

10. При выполнении многих движений Тенсегрити требуется поднять вверх или опустить вниз кисти рук под прямым углом. При этом сокращаются сухожилия предплечий (Рис. 14). Это движение следует выполнять медленно и осторожно, потому что большую часть времени суставы запястья остаются малоподвижными и необходимо время, чтобы они обрели должную пластичность.

Рис. 15

Рис. 16

11. Еще одним важным моментом практики Тенсегрити является действие, называемое включением тела. В ходе него одновременно на какое-то мгновение сокращаются все мышцы тела — особенно диафрагма, мышцы в области желудка и брюшной полости, плечевого пояса, рук и ног (Рис. 15,16). По мере успешного освоения комплекса Тенсегрити практикующие смогут несколько дольше оставаться в таком напряженном состоянии. Следует отметить, что включение тела не имеет никакого отношения к поддержанию в нем постоянного напряжения, свойственного современному человеку. Когда тело человека, особенно мышцы шеи, напряжено вследствие постоянной озабоченности или переутомления, то его никак нельзя считать включенным. Точно так же, расслабление мышц или состояние покоя еще не означает, что тело выключено. Маги древней Мексики считали, что выполнение магических пассов приводит тело в состояние готовности к немедленному действию — именно это дон Хуан Матус называл включением тела. По его словам, когда мышечное напряжение включенного тела исчезает, то тело автоматически выключается.

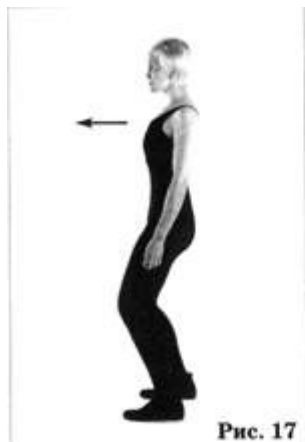

Рис. 17

Рис. 18

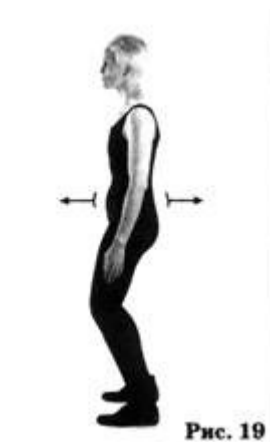

Рис. 19

12. Огромное значение маги древней Мексики придавали дыханию. Они

подразделяли его на три вида: дыхание верхней частью легких, средней частью и животом (Рис. 17, 18, 19). Дыхание путем расширения диафрагмы они называли дыханием животного и прилежно практиковали его, чтобы обрести здоровье и долголетие.

Дон Хуан Матус был уверен, что в наши дни многие проблемы со здоровьем могут быть легко преодолены с помощью глубокого дыхания.

Современный человек склонен к поверхностному дыханию, а одной из целей магов древней Мексики было натренировать при помощи магических пассов тело так, чтобы освоить глубокое дыхание.

Движения Тенсегрити, которые требуют такого дыхания, следует выполнять с замедленным вдохом и выдохом. Тогда дыхание становится более глубоким. Во всех остальных случаях дышать нужно нормально.

13. При выполнении движений Тенсегрити чрезвычайно важно понимать основополагающий принцип этого комплекса — использование расслабления и напряжения мышц отдельных частей тела для достижения мгновенного увеличения его возможностей. Именно к этому эффекту страстно стремились маги древней Мексики — они называли его использованием энергии сухожилий. Это настоящий "внутренний взрыв", который распространяется по всем мышцам, нервам и сухожилиям тела.

Принимая во внимание, что упражнения Тенсегрити представляют собой напряжение и расслабление мышц, при их выполнении следует строго придерживаться следующего правила: сила мышечного напряжения, а также продолжительность напряженного состояния при выполнении любого магического пасса определяется физическим состоянием практикующего. В начале занятий рекомендуется лишь слегка и на короткое время напрягать мышцы. По мере разогрева тела напряжение нужно наращивать, а его продолжительность увеличивать — но в любом случае следует соблюдать умеренность.

СЕРИЯ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ НАМЕРЕНИЯ

Дон Хуан Матус утверждал, что восприятие человеческих существ, как живых организмов, выполняет колоссальную работу, которая, к несчастью, порождает искаженные представления, позволяя людям воспринимать лишь фальшивый фасад происходящего. Люди используют свободно текущие во Вселенной потоки чистой энергии для преобразования в данные чувственного восприятия, которые затем интерпретируют в соответствии с той ограниченной системой интерпретаций, которую маги называют человеческой формой. Это, по сути своей, магическое действие порождает неверные представления и присущую людям убежденность, что их система интерпретации является единственно возможной.

Дон Хуан привел следующий пример: обычное дерево, в том виде, в каком оно известно людям, представляет собой скорее плод интерпретации, нежели восприятия. Человеческие существа без труда идентифицируют дерево, лишь бросив на него беглый взгляд. Но в действительности этот мимолетный взгляд не сообщает им почти никакой информации. Затем происходит то, что дон Хуан называл обращением к намерению — в данном случае к намерению дерева. Присущая человеку способность интерпретировать данные чувственного восприятия сообщает, что полученные от органов зрения сведения соответствуют явлению, которое люди называют деревом. Дон Хуан пояснил, что подобно приведенному им примеру весь мир человеческих существ образуется путем сочетания бесконечного перечня интерпретаций, где собственные органы чувств людей играют лишь незначительную роль. С притекающим из Вселенной энергетическим потоком взаимодействуют только ответственные за зрительное восприятие органы чувств — и то лишь весьма бегло.

По мнению дона Хуана, восприятие человека в основном представляет собой продукт интерпретации. Человеческие существа — это такая разновидность организмов, которой для создания собственного образа мира требуется лишь минимальное поступление реальной информации от органов чувств — они воспринимают ровно столько, чтобы хватило для запуска их системы интерпретации. Излюбленным примером дона Хуана был Белый дом — величественный и незыблемый символ, созданный нами посредством намерения. Он называл Белый дом местом силы. современного мира, центром всех устремлений, надежд, страхов и тому подобных переживаний человечества, касающихся достижения практических целей. Белый дом общепризнанно выступает как столица мировой цивилизации. Однако все эти характеристики, как считал дон Хуан, относятся не к сфере реальностей, и даже не к сфере нашего сознания, а к сфере намерения, поскольку с точки зрения поступающей от органов чувственного восприятия информации он представляет собой всего лишь здание, отнюдь не обладающее приписываемым концепции Белого дома богатством, масштабом и глубиной. Белый дом, как и все в этом мире, воспринимается нами поверхностно, да и то преимущественно органами зрения; тактильное, обонятельное, слуховое и вкусовое восприятие при этом не используется, поскольку та интерпретация, которую эти органы чувств предлагают в отношении здания Белого дома, совершенно бессмысленна.

Будучи магом, дон Хуан ставил вопрос так: где находится Белый дом? И отвечая на собственный вопрос, говорил: ни в коем случае не в сфере нашего восприятия — он находится в особой области намерения, где его лелеют, приписывая ему желаемые качества. Дон Хуан утверждал, что наша магия заключается в создании таким же способом целой Вселенной намерения.

Поскольку целью первой серии движений Тенсегрити является подготовка практикующих к использованию намерения, важно вспомнить, что под этим подразумевали маги. Для дона Хуана использование намерения было либо безмолвным действием заполнения промежутков, оставленных непосредственным чувственным восприятием, либо действием,

направленным на совершенствование восприятия наблюдаемых явлений посредством намерения добиться такой его полноты, которой не существует с точки зрения чувственного восприятия.

Действие использования намерения, направленное на достижение подобной глубины восприятия, дон Хуан называл вызыванием намерения. Судя по его рассказам о намерении, действие использования намерения происходит не в области материального — то есть оно не связано с физиологией мозга или какого-либо иного органа. Дон Хуан говорил, что намерение находится за пределами известного нам мира. Это что-то вроде сопровождающих нас энергетических волн или луча энергии.

Исходя из внешней, по отношению к человеку, природы намерения, дон Хуан рассматривал тело в двух плоскостях: как орудие познания повседневной жизни и как энергетическое образование, никак не связанное с первым.

Это энергетическое образование включает недоступные взгляду части тела, такие как внутренние органы и проходящие через них энергетические потоки. Дон Хуан утверждал, что при помощи именно этой стороны человеческого тела можно осуществлять непосредственное восприятие энергии.

Благодаря преобладающей роли зрения в обыденном восприятии окружающего мира, шаманы древней Мексики называли непосредственное восприятие энергии словом видение. Для них воспринимать энергию в том виде, как она течет во Вселенной, означало, что энергия принимала единообразные, наделенные особыми свойствами конфигурации, обладавшие неизменным постоянством, и что эти конфигурации энергии могли одинаково восприниматься любым человеком, способным видеть.

Важнейшим примером, при помощи которого дон Хуан иллюстрировал это явление, было восприятие человеческого тела, когда его видели непосредственно как энергию. Как я уже упоминал ранее, подобные дону Хуану шаманы воспринимают человеческое существо в качестве сочетания энергетических полей, создающего полное впечатление четко очерченной светящейся сферы. Если воспринимать энергию непосредственно, то, по описаниям шаманов, она представляет собой вибрацию, которая склеивается в плотные образования. Шаманы описывают Вселенную как сочетание энергетических конфигураций, предстающее перед взглядом видящего в форме жгутов или светящихся волокон, которые, не запутываясь, тянутся во всех направлениях. Если вдуматься, то в этом описании явно содержится неразрешимое противоречие: как эти волокна могут тянуться во всех направлениях и не перепутаться? Совершенно невообразимое явление для линейно мыслящего сознания!

Дон Хуан неизменно подчеркивал, что шаманы способны только описывать событие, а не толковать его смысл. И если их терминология оказывалась неадекватной или противоречивой, то только из-за ограниченности их словарного запаса. Тем не менее, по сути, описания шаманов как нельзя

более точны.

Маги древней Мексики описывали намерение как вечную силу, пропитывающую собой все мироздание, — силу вполне сознательную, способную отвечать на их призывы или команды. С помощью намерения древние маги могли использовать все возможности человеческого восприятия и получать исключительно странные, с точки зрения обычного человека, представления.

Дон Хуан называл предел человеческой способности восприятия полосой человека. Это означает, что существуют некие границы человеческих способностей, которые установлены самим организмом — своего рода барьер, возведенный суммой заложенных в него возможностей. По мнению дона Хуана, большая часть этих возможностей никогда не используется — они хранятся в неприкосновенности, благодаря предвзятым, никак не отражающим действительное положение вещей, представлениям о человеческом потенциале.

Дон Хуан утверждал, что поскольку непосредственное восприятие энергии не является произвольным, а напротив, всегда остается постоянным и неизменным, то видящие могут наблюдать энергетические образования, которые существуют сами по себе и восприятие которых не искажено воздействием интерпретаций матрицы человека. Следовательно, восприятие таких энергетических образований является ключом, который позволяет освободить находящийся под замком и обычно не используемый потенциал человека. Однако, чтобы добиться этого, следует в первую очередь научиться использовать все доступные человеку возможности восприятия.

Серия для подготовки к использованию намерения разделена на четыре группы движений. Первая называется "Перемешивание энергии для намерения", вторая — "Пробуждение энергии для намерения", третья — "Собирание энергии для намерения" и четвертая — "Вдыхание энергии намерения".

Первая группа: перемешивание энергии для намерения

Дон Хуан в мельчайших деталях описал мне каждую группу магических пассов, ставших впоследствии ядром длинных серий Тенсегрители.

Энергетическое назначение первой группы он объяснил следующим образом:

— Необходимая для работы с намерением энергия непрерывно рассеивается, покидая центры жизненности, расположенные вокруг печени, поджелудочной железы и почек. Она распределяется по периферии нашей светящейся сферы. Эту энергию следует непрерывно перемешивать и перенаправлять. Маги моей линии настоятельно рекомендовали систематическое и контролируемое перемешивание энергии с помощью

движений рук и ног. Долгие прогулки, бывшие неотъемлемым атрибутом их образа жизни, приводили к неумеренному, совершенно бесцельному перемешиванию энергии, поэтому им приходилось периодически выполнять специальные магические пассы, чтобы сбалансировать избыточный приток энергии.

В ходе дальнейших объяснений выяснилось, что этот комплекс, состоящий из пятнадцати магических пассов, считался у шаманов линии дона Хуана самым эффективным способом перемешивания энергии при помощи движений рук и ног. Каждый этап представляет собой магический пасс, обладающий свойствами контролировать степень воздействия, поэтому практикующие, если пожелают, могут выполнять эти магические пассы сотни раз подряд, не беспокоясь об избыточном перемешивании энергии, которое в другом случае могло бы привести к еще большему энергетическому опустошению центров жизненности.

1. Перемалывание энергии ступнями

При выполнении этого магического пасса руки следует держать согнутыми в локтях, кисти — направленными от тела, а ладони обращенными друг к другу. Руки движутся под воздействием импульса, поступающего от плеч и лопаток, в унисон с ногами — как при ходьбе (правая рука — одновременно с левой ногой, и наоборот), что позволяет полностью задействовать конечности и внутренние органы (Рис. 20, 21).

Сначала нужно несколько раз повернуться на носках и пятках слева направо и справа налево, чтобы обрести наилучшее равновесие. Затем вес тела следует перенести на пятки и все последующие повороты производить с упором на них: слегка приподнимать носки над полом во время поворота и опускать их при максимальном развороте стопы.

Физиологический эффект: улучшение кровообращения в ступнях, икрах и бедрах — вплоть до области паха. Шаманы на протяжении многих веков использовали этот пасс в том числе и для восстановления гибкости конечностей, которая снижается в ходе повседневной жизни.

2. Перемалывание энергии тремя скользящими движениями ступней

Стопы вращаются с упором на пятки, как и при выполнении предыдущего магического пасса. Движение выполняется следующим образом: три поворота, затем короткая пауза и еще три поворота.

Важно отметить, что при выполнении первых трех магических пассов этой серии ключом к успеху является использование рук: при поворотах они должны быстро двигаться вперед и назад. Прерывистое выполнение движений при перемалывании энергии усиливает их воздействие.

Физиологический эффект: мгновенный прилив энергии. Это может оказаться весьма полезным, если необходимо бежать, например спасаясь от опасности, или если предстоит совершить какое-либо действие, требующее быстрой мобилизации сил.

3. Перемалывание энергии скольжением ступней вбок

Рис. 22

Рис. 23

Рис. 24

Обе стопы, вращая на пятках, поверните влево; затем вес тела перенесите на носки и поверните влево пятки; после этого вес тела следует вновь перенести на пятки и носки еще раз повернуть влево (Рис. 22, 23, 24). Выполните эти же движения в обратном направлении: обе стопы, на пятках, нужно повернуть вправо; вес тела перенести на носки, а пятки повернуть вправо; затем вес тела вновь перенести на пятки и носки еще раз повернуть вправо. Физиологический эффект: улучшение кровообращения во всем теле.

4. Перемешивание энергии ударами пяток о пол

Этот магический пасс напоминает ходьбу на месте. Не отрывая носки от пола, быстро приподнимите колено левой ноги, а вес тела перенесите на правую. Руки движутся так же, как при выполнении предыдущих магических пассов (Рис. 25).

Физиологический эффект этого и следующего магического пасса весьма сходен с тем, что наблюдается при выполнении трех предыдущих: в тазовой области возникает ощущение силы и здоровья.

Рис. 25

5. Перемешивание энергии троекратным ударом пяток о пол

Этот магический пасс идентичен предыдущему, за исключением того, что движения коленями и пятками выполняются прерывисто. После трех ударов пятками о пол делается маленькая пауза, затем выполняются три очередных удара. Последовательность ударов такова: левая пятка, правая, левая — пауза — правая, левая, правая и так далее.

Первые пять магических пассов этой группы позволяют практикующим в случае необходимости быстро добиться притока энергии к области живота или паха, например — когда предстоит пробежать большое расстояние, взобраться на скалу или дерево.

6. Собираение энергии подошвами и перемещение ее вверх по внутренней стороне ног

Подошвы правой и левой ноги поочередно перемещайте вверх вдоль внутренней стороны другой ноги, почти касаясь ее. Важно делать ногой дугообразное движение, что достигается с помощью стойки со слегка согнутыми коленями (Рис. 26).

При выполнении этого магического пасса энергия для использования намерения принудительно перемещается вверх по внутренней стороне ног — шаманы считали, что там находится идеомоторная память человека. Этот магический пасс используется как вспомогательное средство для пробуждения идеомоторной памяти о движениях, либо для того, чтобы способствовать облегчению запоминания новых движений.

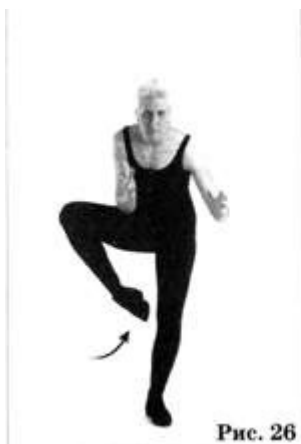

Рис. 26

Рис. 27

7. Пробуждение энергии при помощи коленей

Левую ногу согните в колене и поверните как можно дальше вправо, как будто вы наносите удар вбок; корпус и руки при этом до предела отклоняются в противоположную сторону (Рис. 27). Верните ногу в исходное положение. После этого выполните такое же движение правой ногой, а затем выполняйте его попеременно обеими ногами.

Рис. 28

8. Подъем пробужденной энергии в корпус при помощи коленей

Этот магический пасс представляет собой энергетическое продолжение предыдущего. Предельно согнутое левое колено поднимите как можно выше к корпусу. Корпус слегка наклонен вперед. В момент подъема колена носок вытянут к полу (Рис. 28). Повторите движение правой ногой, а затем выполните его попеременно обеими ногами.

Вытянутый к полу носок обеспечивает напряжение сухожилий лодыжек, которые, в свою очередь, передают импульс давления на находящиеся там микроскопические центры, аккумулирующие энергию.

Шаманы считают, что эти центры являются, возможно, самыми важными из расположенных в нижних конечностях — настолько важными, что при выполнении этого магического пасса они могут пробудить остальные энергетические центры тела. Данный пасс следует выполнять совместно с предыдущим, чтобы направить собранную при помощи коленей энергию для использования намерения вверх, к двум центрам жизненности, расположенным вокруг печени и поджелудочной железы.

9. Удары, ногами по энергии, находящейся перед телом и позади него

Выполните удар левой ногой вперед, а затем — правой ногой по дуге назад (Рис. 29, 30). После этого повторите удары в обратном порядке: удар вперед правой ногой, а затем — удар левой по дуге назад.

При выполнении этих движений руки не используются; в данном магическом пассе задействованы только нижние конечности, что способствует развитию их подвижности. Нужно стремиться как можно выше поднимать наносящую удар ногу. При ударе назад корпус следует немного наклонять вперед, что облегчит выполнение движения. Легкий наклон корпуса вперед используется как естественный способ впитывания энергии, пробужденной движениями конечностей. Этот магический пасс выполняется для того, чтобы помочь телу решить проблемы с пищеварением при смене диеты или когда нужно совершить далекое путешествие.

10. Подъем энергии от ступней

Сильно согнутую в колене левую ногу поднимите как можно выше. Корпус при этом слегка наклонен вперед и почти касается колена. Руки нужно вытянуть вниз и пальцами коснуться ступни (Рис. 31). Лучше всего, если удастся на мгновение охватить ее, но не слишком крепко. Затем ногу опустите вниз, а кисти рук сильным рывком, в котором задействуются мышцы плеч и груди, поднимите вдоль тела до уровня поджелудочной железы и селезенки (Рис. 32).

Рис. 31

Рис. 32

Повторите описанные движения правой ногой, поднимая кисти рук до уровня печени и желчного пузыря. Затем выполняйте движения попеременно обеими ногами.

Легкий наклон корпуса вперед, точно так же, как и в предыдущем магическом пассе, используется как естественный способ впитывания поступающей от ступней энергии двумя центрами жизненности, расположенными в области печени и поджелудочной железы. Этот магический пасс способствует обретению гибкости, а также решению некоторых проблем, связанных с пищеварением.

11. Опрокидывание стены энергии

Сильно согните колено левой ноги — так, чтобы ступня оказалась на высоте бедра. Сделайте ногой толчок вперед и вниз по дуге, как будто отталкивая твердый предмет (Рис. 33). Как только ступня коснется пола, поднимите правую ногу и выполните ею такое же движение. После этого еще раз выполните пасс попеременно левой и правой ногой.

Рис. 33

Рис. 34

Рис. 35

12. Переступание через энергетический барьер

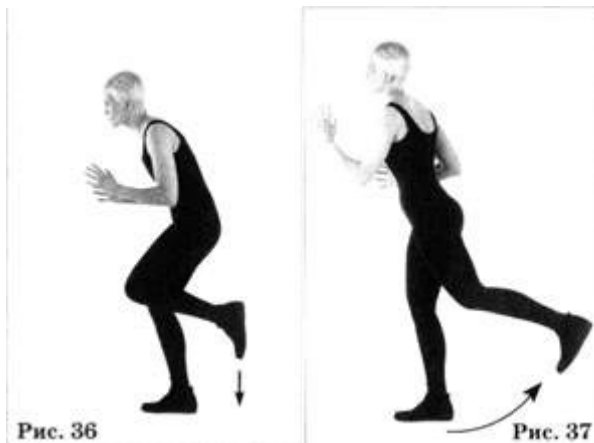
Левую ногу быстрым энергичным движением поднимите вверх, как бы переступая через препятствие, преграждающее путь. Опишите ею круг слева направо (Рис. 34). Когда ступня опустится на пол, такое же движение выполните правой ногой.

13. Удар ногой по боковым воротам

Это движение представляет собой удар-толчок, который выполняется ступнями. Левую ступню поднимите на высоту середины икры и сделайте толчок вправо, как бы нанося удар по твердому предмету. При этом ударной поверхностью становится вся ступня (Рис. 35). Верните левую ногу в исходное положение и выполните такое же движение правой ногой.

14. Разбивание комка энергии

Левую ногу сильно согните в колене и поднимите так, чтобы носок "смотрел" вниз. Колено должно быть выдвинуто вперед. Слегка ударьте носком ноги по полу, как бы разбивая комок (Рис. 36). После удара верните ногу в исходное положение и выполните такое же движение правой ногой.

15. Соскабливание энергетической грязи

Левую ногу нужно приподнять приблизительно на десять-пятнадцать сантиметров над полом, а затем резко отвести назад, как будто пытаетесь соскрести что-то с подошвы (Рис. 37). Вес тела приходится на правую ногу, корпус немного наклонен вперед, что позволяет задействовать мышцы живота. Верните левую ногу в исходное положение и выполните такое же движение правой ногой.

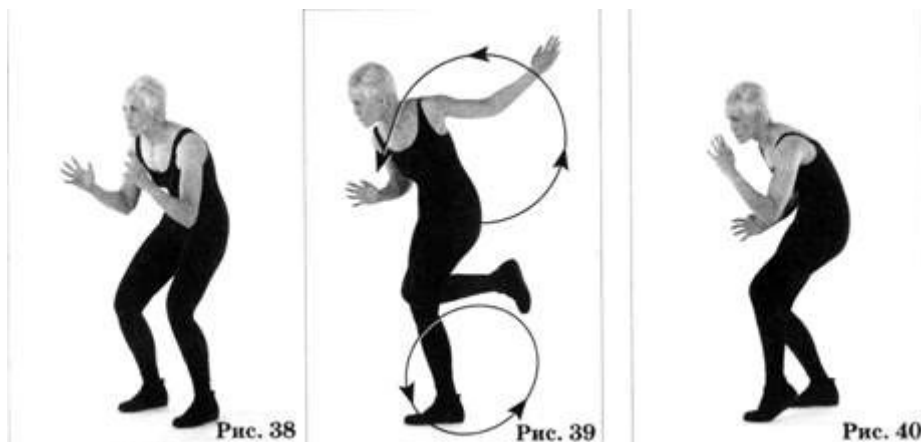
Шаманы называют пять последних магических пассов этой группы шагами в природу. Практикующие могут выполнять их во время прогулок, занятий профессиональной деятельностью, и даже сидя, за беседой с друзьями. Предназначение этих движений — собирать энергию при помощи ступней ног и использовать ее в ситуациях, требующих концентрации и хорошей памяти.

Вторая группа: пробуждение энергии для намерения

Входящие в состав второй группы десять магических пассов помогают пробудить энергию, предназначенную для использования намерения. Эта энергия сосредоточена в следующих областях: чуть ниже колен, над головой, вокруг почек, печени и поджелудочной железы, в районе солнечного сплетения и шеи. Каждый магический пасс является хорошим способом пробудить необходимую для использования намерения энергию, которая сосредоточена в перечисленных выше областях. Шаманы считали магические пассы этой группы чрезвычайно важными для повседневной жизни, ибо вся их жизнь управлялась намерением. Этот набор движений был так же важен для шаманов, как утренняя чашка кофе для современного человека. Поговорка: "Я сам не свой, пока не выпью чашечку капучино", или как говорили раньше: "Я не проснулся, пока не выпил утреннюю чашечку кофе", у них прозвучала бы так: "Я ни к чему не готов, пока не выполнил эти магические пассы".

Вторая группа этой серии начинается с действия, получившего название

16. Пробуждение энергии движениями рук и ног

После включения тела корпус остается несколько наклоненным вперед (Рис. 38). Вес тела перенесите на правую ногу, а левой опишите полную окружность в вертикальной плоскости. В нижней точке окружности носок касается пола. Левую ногу опустите на пол рядом с корпусом, касаясь пола подушечками ступни.евой рукой, синхронно с левой ногой, опишите окружность в вертикальной плоскости; при достижении ее верхней точки кисть оказывается выше макушки головы. Левую руку и ногу на мгновение задержите в положении, показанном на рис. 39, после чего опишите ими еще две окружности. Конечная фаза движения показана на рис. 40. В общей сложности движение выполняется трижды. Ритм этого магического пасса задается отсчетом: раз, короткая пауза, раз-раз, очень короткая пауза; два, короткая пауза, два-два, очень короткая пауза — и так далее. Повторите движения правой ногой и рукой. Этот магический пасс пробуждает и приводит в движение энергию в нижней части светящейся сферы. Затем движениями рук вы перемещаете ее в область, расположенную чуть выше головы.

17. Наматывание энергии на надпочечники

Согните руки в локтях под прямым углом и заведите за спину, на уровне почек и надпочечников. Сожмите пальцы в кулаки — кисти должны отстоять от корпуса на десять-пятнадцать сантиметров. Не касаясь тела, сделайте кулаками вращательное движение вниз, один кулак движется поверх другого. Пасс начинается движением левого кулака вниз; когда он достигнет нижней точки и начнет подъем, идет вниз правый кулак. Корпус при этом немного наклонен вперед (Рис. 41). Затем направление движения для обоих кулаков поменяйте на обратное, а корпус немного отклоните назад (Рис. 42). Наклон корпуса вперед и назад позволяет задействовать мышцы предплечий и плеч.

Рис. 41

Рис. 42

Этот магический пасс используется для направления энергии намерения к надпочечникам и почкам.

18. Пробуждение энергии для надпочечников

Корпус слегка наклонен вперед, колени выступают за линию носков. Кисти рук расположите так, чтобы ладони не касались колена, а пальцы охватывали коленные чашечки. Поверните левую кисть вправо вокруг коленной чашечки, при этом локоть нужно выдвинуть как можно дальше вперед, чтобы он оказался вровень с левым коленом (Рис. 43). В это время предплечье правой руки опустите на правое бедро, а кисть оставьте в исходном положении (ладонь не касается колена, пальцы охватывают коленную чашечку) и выпрямите правое колено. При этом задействуется подколенное сухожилие. Важно перемещать только колени, а не поворачивать в ту или иную сторону заднюю часть тела.

Рис. 43

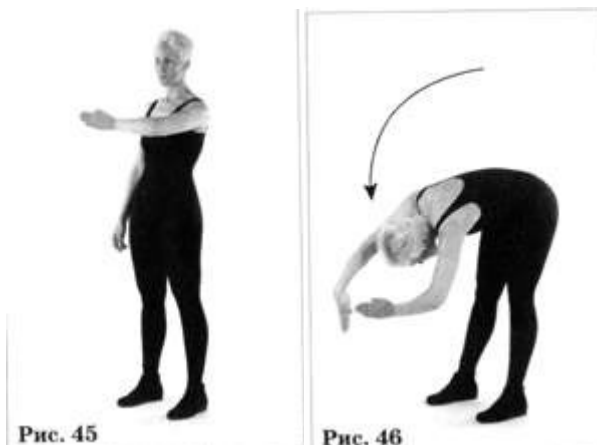

Рис. 44

Выполните описанное движение правой рукой и правой ногой (Рис. 44).

Этот магический пасс используется для пробуждения энергии намерения вокруг почек и надпочечников. Он придает практикующим Тенсегрити стойкость, смелость и ощущение уверенности в собственных силах.

19. Слияние энергии левой и правой стороны

Сделайте глубокий вдох. С началом очень медленного выдоха левое предплечье выдвиньте вперед, а локоть руки согните под прямым углом. Запястье поверните до предела — так, чтобы пальцы указывали вперед, а открытая ладонь "смотрела" вправо (Рис. 45). Не меняя положения руки, резко наклоните корпус вперед — так, чтобы выдвинутое вперед левое предплечье достигло уровня коленей. Левый локоть не должен касаться пола; удерживайте его впереди, на максимально возможном расстоянии от коленей. Продолжая медленный выдох, правой рукой опишите полный круг над головой, приблизив кисть на расстояние три-пять сантиметров к пальцам левой руки и задержав ее в таком положении. Правая ладонь обращена к телу, а пальцы направлены к полу. Лицо при этом "смотрит" вниз, шея прямая (Рис. 46). Закончите выдох и в этом же положении сделайте медленный и глубокий вдох, одновременно напрягая мышцы спины, рук и ног. Вместе с выдохом выпрямите тело, а затем выполните магический пасс еще раз, но начиная с правой руки.

Максимальное вытягивание рук вперед позволяет создать отверстие в энергетическом вихре расположенного у почек и надпочечников центра жизненности, что помогает оптимально использовать перераспределение энергии. Этот магический пасс чрезвычайно важен для перераспределения энергии в упомянутом центре, который отвечает за общую жизнеспособность и молодость тела.

20. Пронзание тела лучом энергии

Левое предплечье поместите перед корпусом на уровне пупка, правое предплечье — на том же уровне за корпусом. Кисти рук поверните так, чтобы пальцы были направлены к полу. Левая ладонь обращена вправо, правая — влево (Рис. 47). Пальцы обеих рук резко поднимите и поверните так, чтобы ладони оказались на одной линии, как бы пронзающей тело насквозь. В тот момент, когда пальцы выравниваются по этой воображаемой линии, напрягите все мышцы тела, колени согните и сделайте легкий выдох (Рис. 48). На мгновение нужно задержать кисти рук в этом положении. Затем следует расслабить мышцы, выпрямить ноги, а руками совершить вращательное движение вокруг тела, пока правая рука не окажется перед корпусом, а левая — позади него. Как и в начале этого магического пасса, пальцы направьте к полу, а затем резко поднимите и выровняйте по воображаемой линии, проходящей через тело. Сделайте легкий выдох и согните колени.

При помощи этого магического пасса в средней части тела устанавливается граница, отделяющая левостороннюю энергию от правосторонней.

21. Вращение энергии над двумя центрами жизненности

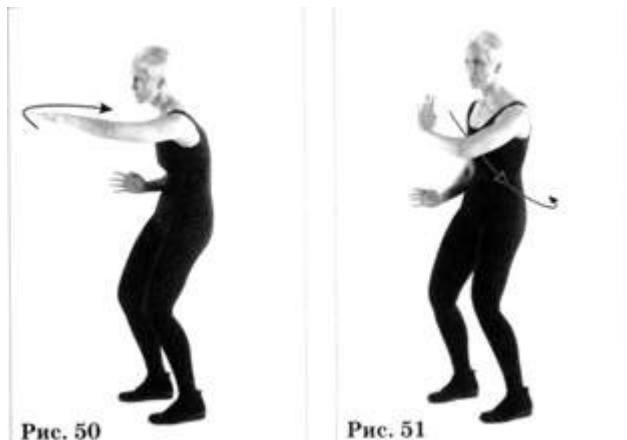
Выполнение этого магического пасса лучше всего начать из следующего исходного положения: обращенные друг к другу открытые ладони разместите на одной линии, пальцы при этом раздвинуты и как бы охватывают крышку банки, которая едва помещается в руке. Не меняя положения пальцев, правую кисть поместите перед корпусом над областью поджелудочной железы и селезенки, ладонью к телу, а кисть левой руки — позади корпуса, над областью левой почки и надпочечников, также ладонью к телу. Обе кисти резко отклоните назад, а корпус поверните

До предела влево. Колени остаются неподвижными. Начните синхронные вращательно-колебательные движения обеими кистями, поворачивая их в запястьях, как будто открываете крышки двух банок — одну на уровне поджелудочной железы и селезенки, а вторую на уровне левой почки (Рис. 49).

Измените расположение рук: левую поместите перед корпусом на уровне печени и желчного пузыря, а правую сзади, на уровне правой почки, — и повторите упражнение.

При помощи этого магического пасса пробуждается энергия над тремя центрами жизненности: печенью и желчным пузырем, поджелудочной железой и селезенкой, а также над почками и надпочечниками. Этот магический пасс необходим для тех, кто постоянно должен находиться настороже. Он облегчает достижение всеобъемлющего осознания и повышает чувствительность практикующего ко всему, что происходит вокруг.

22. Полукруг энергии

Очертите левой кистью полукруг энергии, с исходной точкой перед лицом. Руку плавно двигайте вправо, пока кисть не достигнет уровня правого плеча (Рис. 50). Затем поверните руку и очертите кистью внутренний край полукруга вплотную к левой стороне тела (Рис. 51). Когда рука окажется за корпусом (Рис. 52), снова измените направление движения и очертите кистью внешний край полукруга (Рис. 53), а затем верните руку в исходное положение. Описанный полукруг располагается в наклонной плоскости, высшая точка которой находится на уровне глаз перед телом, а низшая — на уровне несколько ниже ягодиц позади корпуса. Важно следить взглядом за движением кисти.

Рис. 52

Рис. 53

Такой же полукруг очертите правой рукой. В результате тело будет окружено двумя полукругами энергии. Этот магический пасс способствует пробуждению энергии и поможет ей соскользнуть вниз, от уровня чуть выше головы до уровня надпочечников, что позволит практикующему обрести ясность мышления и постоянную рассудительность.

Рис. 54

23. Пробуждение энергии вокруг шеи

Левую руку ладонью вверх и правую руку ладонью вниз поместите перед корпусом на уровне солнечного сплетения. Правую кисть поместите над левой — так, чтобы они почти касались друг друга. Резко согните руки в локтях. Сделайте глубокий вдох; руки немного приподнимите, одновременно разворачивая корпус насколько возможно влево. Ноги неподвижны — особенно колени, которые обязательно должны оставаться слегка согнутыми, во избежание ненужного напряжения подколенных сухожилий. Голову держите на одной линии с корпусом и плечами. Начните выдох, плавно разводя локти на максимальное расстояние; кисти должны оставаться в прежнем положении (Рис.

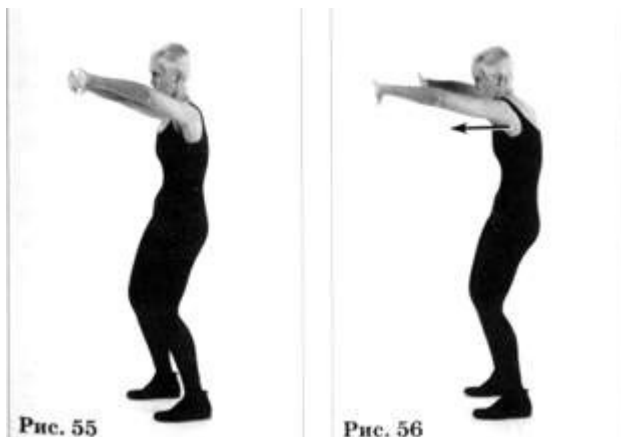
54). Сделайте вдох. Во время выдоха голову медленно поверните лицом к левому локтю, а затем обратно — к правому; до окончания выдоха голову поочередно поверните к левому и правому локтю еще два раза.

Корпус верните в исходное положение и поменяйте местами кисти. Теперь правая ладонь обращена вверх, левая — вниз и находится над правой. Сделайте вдох. Корпус поверните вправо и повторите упражнение для правой стороны.

Маги древней Мексики считали, что особый тип энергии, необходимый для использования намерения, рассеивается из центра принятия решений, расположенного в глубине V-образной впадины у основания шеи. Данный

магический пасс позволяет собрать эту энергию.

24. Растирание энергии толчками лопаток

Обе руки расположите перед лицом на уровне глаз и немного согните в локтях, чтобы они приобрели очертания лука (Рис. 55). Корпус слегка наклоните вперед, давая лопаткам возможность раздвинуться в стороны. Выдвиньте левую руку вперед, следя за тем, чтобы она оставалась слегка согнутой и напряженной (Рис. 56). Такое же движение сделайте правой рукой, одновременно возвращая левую в исходное положение. Затем нужно попеременно двигать руками вперед и назад. Руки все время должны оставаться предельно напряженными. Ладони при этом обращены наружу, а кончики пальцев направлены друг к другу. Движения рук осуществляются с помощью лопаток и мышц живота.

Шаманы считали, что энергия расположенных вокруг лопаток нервных узлов легко застывает и застаивается, что снижает активность центра принятия решений, расположенного в глубине V-образной впадины у основания шеи. Данный магический пасс позволяет пробудить энергию этих узлов.

25. Пробуждение и рассечение энергии над головой

Рис. 57

Рис. 58

Расслабленной левой рукой опишите два с половиной круга над головой (Рис. 57). Затем как бы рассеките их внешним ребром ладони и предплечьем — с силой, но очень медленно опуская руку вниз (Рис. 58). Импульс удара руки поглощается мышцами живота, которые в этот момент напряжены. Мышцы руки также напряжены, чтобы избежать повреждения связок, которые вполне возможны при хлестообразном движении руки с расслабленными мышцами. Во время удара рукой вниз сделайте легкий выдох.

Выполните описанное движение правой рукой. Энергия, которая пробуждается и расщепляется этим движением, стекает вниз по всему телу. Этот магический пасс используется практикующими, когда они переутомлены, но не имеют возможности поспать: он позволяет на время разогнать сонливость и дает ощущение притока энергии.

Третья группа: собирание энергии для намерения

Девять магических пассов этой группы применяются для подачи в три центра жизненности, расположенные вокруг печени, поджелудочной железы и почек, особой энергии, пробужденной магическими пассами предыдущей группы.

Магические пассы третьей группы должны выполняться медленно и с максимальной осторожностью. Шаманы рекомендуют выполнять их в состоянии внутреннего безмолвия и с несгибаемым намерением собрать энергию, необходимую для использования намерения.

Все магические пассы третьей группы начинаются с энергичного встряхивания кистей рук; руки при этом свободно опущены вдоль тела. Движение кистей при встряхивании — вертикальное, как будто пальцы дрожат. Такое встряхивание является средством для пробуждения энергии вокруг бедер, а также способом стимулирования микроскопических энергетических центров на тыльной стороне кистей рук и на запястьях, где нередко застаивается энергия.

26. Протягивание руки к энергии, пробужденной ниже колен

Сделайте небольшой прыжок вперед левой ногой, оттолкнувшись правой. Корпус при этом заметно наклонен вперед, а левая рука вытянута, словно вы собираетесь схватить нечто, находящееся почти на уровне пола (Рис. 59). Левую ногу верните в исходное положение, а левой ладонью проведите поглаживающим движением над расположенным справа, в области печени и желчного пузыря, жизненно важным энергетическим центром.

Выполните такое же движение правой рукой и ногой, а в конце правой ладонью проведите поглаживающим движением над энергетическим центром, расположенным слева, в области поджелудочной железы и селезенки.

27. Перемещение энергии передней стороны к надпочечникам

Встряхните кисти, одновременно выполняя глубокий вдох. Левую руку, ладонью влево, резко вытяните вперед на уровне плеч и сделайте энергичный выдох (Рис. 60). Затем начните очень медленный вдох, одновременно поворачивая запястье по кругу, как бы охватывая шар (Рис. 61). Продолжая делать вдох, по завершении полного круга запястье верните в исходное положение — ладонь обращена влево. Потом, как бы держа шар, левой рукой опишите полукруг на уровне плеч; завершите движение, когда тыльная сторона согнутого запястья окажется над левой почкой. Важно, чтобы вдох продолжался все время, пока рука перемещается назад. Во время вращательного движения левой рукой правую руку круговым движением выдвиньте вперед и коснитесь тыльной стороной согнутого запястья области,

расположенной чуть выше лобковой кости. Голову поверните влево и посмотрите назад (Рис. 62). После этого левую руку, которая по-прежнему "держит" шар, поверните ладонью к телу и "вгоните" шар в область левой почки и надпочечников. Сделайте выдох, мягко потирая ладонью эту область.

Повторите это движение еще раз, но вытягивайте правую руку и поворачивайте голову вправо.

28. Зачерпывание энергии слева и справа

Опущенные вниз руки согните в запястьях так, чтобы кисти были обращены вовнутрь, к телу. Поднимите кисти вдоль корпуса вверх, к подмышкам, одновременно делая глубокий вдох (Рис. 63). Затем руки следует резко развести в стороны, ладонями вниз, при этом с силой выдохнув воздух. Сделайте глубокий вдох, кисти соберите в горсть и сделайте запястьями вращательные движения, как бы охватывая что-то твердое (Рис. 64). Резко согнув локти, кисти рук приблизьте к плечам, продолжая делать вдох (Рис. 65). В этом движении задействованы лопатки и мышцы шеи. На короткое время задержитесь в таком положении, затем снова выбросите руки в стороны, одновременно делая резкий выдох. Обращенные вперед ладони соберите в горсть и поверните назад, как бы охватывая что-то твердое. Резко согнув локти, снова приблизьте кисти к плечам. Повторите всю последовательность движений третий раз. После этого, одновременно с выдохом, нужно осторожно потереть ладонями два центра жизненности, расположенные вокруг печени и поджелудочной железы.

29. Разбивание круга энергии

Рис. 66

Рис. 67

Опишите левой рукой круг: сначала рука движется по направлению к правому плечу (Рис. 66), затем рядом с корпусом по дуге назад (Рис. 67), потом снова вперед, пока не окажется перед лицом (Рис. 68). Повторите круговое движение правой рукой. Обеими руками поочередно очертите наклонные круги вокруг всего тела. Сделайте шаг назад и влево правой ногой, потом — шаг вправо левой ногой; в результате лицо будет обращено в направлении, противоположном исходному.

Рис. 68

Рис. 69

Согнутой левой рукой охватите левую сторону круга, как будто он представляет собой нечто твердое, и прижмите его к подмышке и груди. Затем правой рукой точно так же охватите правую сторону круга и прижмите его к правой подмышке и груди (Рис. 69). Сделайте глубокий вдох и, напрягая все тело, особенно руки, "разломайте" круг с обеих сторон. Ладонями мягко потрите расположенные в передней части тела справа и слева центры жизненности, одновременно делая выдох.

Цели применения этого магического пасса достаточно сложны для понимания, поскольку имеют отношение к ясности намерения, необходимого для принятия

решений. В основном этот магический пасс используют для перемещения энергий-решений, накапливаемой вокруг шеи.

30. Собираение энергии в передней части тела, в области, расположенной над головой

Рис. 70

Рис. 71

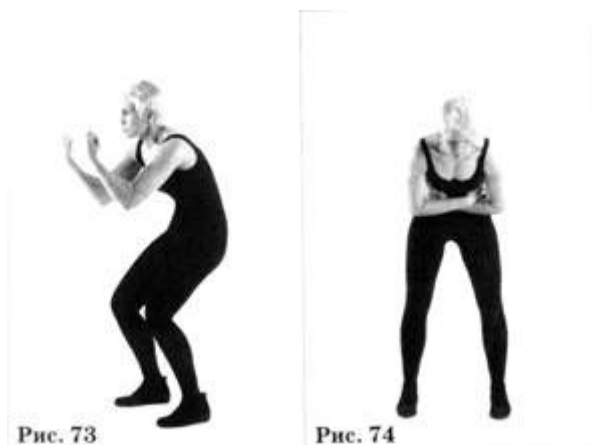

Рис. 72

Одновременно с глубоким вдохом встряхните кисти рук. Предплечья перекрестите вблизи запястий и поднимите до уровня головы. Левая рука находится позади правой; внутренние поверхности сжатых кулаков обращены к лицу. Выдвиньте руки вперед на десять-пятнадцать сантиметров, повернув кисти в запястьях так, чтобы внутренние поверхности обоих кулаков были обращены вниз (Рис. 70). Из этого положения левое плечо и лопатку выдвиньте вперед и начните выдох. Затем левое плечо отведите назад, одновременно выдвигая правое вперед. Выдох заканчивается в тот момент, когда перекрещенные руки поднимутся над головой.

Сделайте медленный, глубокий вдох и одновременно опишите скрещенными руками перед собой полный круг: руки движутся вправо, затем вниз, почти до уровня коленей; потом — влево и возвращаются в исходное положение над головой (Рис. 71). Руки с силой разведите в стороны, как показано на рис. 72, и начните медленный выдох.

Из этого положения руки отведите как можно дальше назад, описывая круг, который завершается, когда кулаки вновь окажутся на уровне глаз, внутренними поверхностями к лицу; выдох следует продолжать (Рис. 73). Руки вновь перекрестите, кулаки разожмите и ладони прижмите к телу: правую — к левой стороне, в области поджелудочной железы и селезенки, а левую — к правой стороне, в области печени и желчного пузыря. Корпус наклоните вперед под прямым углом и закончите выдох (Рис. 74).

Использование этого магического пасса имеет двоякую цель: во-первых, он пробуждает энергию вокруг лопаток, перемещает ее в область над головой и заставляет циркулировать по широкому кругу, который приблизительно совпадает с очертаниями светящейся сферы. Во-вторых, этот пасс смешивает энергию правой и левой стороны тела, помещая ее в два центра жизненности, расположенные вокруг поджелудочной железы и печени, — причем каждая рука помещает энергию в центр, находящийся на противоположной стороне.

Подобное смешивание энергии дает мощный импульс соответствующим центрам жизненности. По мере усовершенствования техники исполнения этого пасса каждый центр становится все более сильным и приобретает свойства энергетического фильтра. Впрочем, понять смысл данного утверждения может лишь тот, кто практикует этот магический пасс. Ощущение, которое сопровождает появление этого импульса, можно описать как "вдыхание насыщенного мятным ароматом воздуха".

31. Пробуждение энергии и захват ее из областей, расположенных ниже колен и над головой

Рис. 75

Рис. 76

Рис. 77

Одновременно со вдохом встряхните кисти рук. Затем обе кисти поднимите вдоль корпуса до уровня талии и держите там расслабленными. Согните колени, одновременно опуская левую руку вниз и поворачивая запястье так, чтобы открытая ладонь оказалась обращенной наружу от корпуса. Движение выполняйте с таким усилием, как будто рука погружается в ведро, наполненное жидкостью. Правую руку синхронно, с таким же усилием поднимите вверх, выше уровня головы, поворачивая запястье так, чтобы открытая ладонь оказалась обращенной наружу (Рис. 75). Когда обе руки будут полностью вытянуты, начните медленный выдох. Запястья с большим усилием поверните в горизонтальное положение, а пальцы сожмите в кулаки. Продолжая делать выдох и не разжимая кулаков, правую руку опустите, а левую поднимите до уровня талии (Рис. 76).

Подъем и опускание рук производите медленно и с большим усилием, как будто проталкивая их через вязкую жидкость. Затем ладонями слегка погладьте область печени, желчного пузыря, поджелудочной железы и селезенки. Колени выпрямите и завершите выдох (Рис. 77).

То же самое движение выполните, поменяв местами руки: правая рука опускается, а левая поднимается.

Энергию для использования намерения, которая извлекается при помощи этого магического пасса из областей, находящихся ниже колен и над головой, можно также втирать в области левой и правой почки.

32. Смешивание энергии левого и правого тела

Одновременно со вдохом встряхните кисти рук. Левую руку поднимите по диагонали вверх — до точки, расположенной перед правым плечом выше уровня головы. Затем начните делать выдох (Рис. 78). Руку сожмите в кулак, словно хватаете что-то, и рывком поднимите кисть выше уровня головы, чтобы она оказалась на одной линии с левым плечом. В этот момент выдох

завершается. Сжатой в кулак рукой одновременно с резким вдохом опишите полный круг назад (Рис. 79), который заканчивается, когда кулак оказывается на уровне глаз. Сделайте выдох, при этом кулак медленно, но с большим усилием опустите к центру жизненности, расположенному вокруг поджелудочной железы. Разожмите кулак и мягко погладьте ладонью эту область (Рис. 80).

Выполните такое же движение правой рукой, описывая круг не назад, а вперед.

Согласно представлениям шаманов древней Мексики, структура энергии двух сторон нашего тела очень различна. Энергия левой стороны волнообразная, а энергия правой стороны — кольцевая. Этот магический пасс используется для воздействия волнообразной энергией на левую сторону тела, а кольцевой — на правую сторону, чтобы усилить центры жизненности вокруг печени и поджелудочной железы путем вливания в них энергии с несколько иной структурой.

33. Захват энергии для двух центров жизненности из области, расположенной над головой

Начните медленный, глубокий вдох. Левой рукой опишите два круга вперед, начиная от уровня уха (Рис. 81), и вытяните руку над головой, как будто что-то хватая (Рис. 82). В этот момент вдох завершается. Дон Хуан советовал бросать беглый взгляд вверх, выбирая "цель", за которую предстоит ухватиться руке. Выбранную и "схваченную" цель нужно с силой сдернуть вниз и поместить над центром жизненности, расположенным вокруг поджелудочной железы и селезенки. В этот момент сделайте выдох. Повторите движение правой рукой; в этом случае энергия помещается над центром, расположенным вокруг печени и желчного пузыря.

Рис. 81

Рис. 82

Как говорят шаманы, энергия намерения стремится стекать вниз, а более разреженные ее фракции остаются в области над головой. Эта энергия и собирается при помощи данного магического пасса.

Рис. 83

34. Протягивание руки за энергией, находящейся в области над головой

Левую руку, с открытой ладонью, как будто готовясь что-то схватить, полностью вытяните вверх и одновременно подпрыгните, оттолкнувшись правой ногой. Когда тело достигнет максимальной высоты, руку согните в запястье ладонью к себе, чтобы кисть и предплечье образовали крюк (Рис. 83). Медленно и с усилием опустите "крюк" вниз, после чего левой ладонью потрите область центра жизненности, расположенного вокруг поджелудочной железы и селезенки.

В той же последовательности повторите движение правой рукой. Ладонью правой руки потрите область центра жизненности, расположенного в районе печени и желчного пузыря.

Шаманы считают, что скопившуюся на периферии светящейся сферы человека энергию можно расшевелить и собрать при помощи сильных прыжков вверх. Этот магический пасс используется для устранения проблем, связанных с длительной концентрацией на какой-то одной задаче.

Четвертая группа: вдыхание энергии намерения

Три магических пасса этой группы предназначены для пробуждения, собирания и перемещения энергии для намерения от трех центров, находящихся вокруг ступней, на лодыжках и чуть ниже коленных чашечек.

Востребованная энергия перемещается затем в области центров жизненности, находящихся вокруг почек, печени, поджелудочной железы, матки и гениталий. При выполнении этих, неразрывно связанных с дыханием пассивов рекомендуется делать медленные и глубокие вдохи и выдохи. Кроме того, у практикующего должно иметься четкое и ясное намерение при каждом глубоком вдохе получать мощную энергетическую подпитку надпочечников.

35. Вытягивание энергии из области коленных чашечек вдоль передней стороны бедер

Сделайте глубокий вдох, при этом руки должны быть свободно опущены вдоль тела, а кисти непрерывно вибрировать, как бы взбивая мыльную пену. Начните выдох, поднимая кисти рук на уровень талии, а затем с силой одновременно опустите их вдоль корпуса вниз (Рис. 84). Руки при этом слегка согнуты, а обращенные вниз ладони находятся на десять-пятнадцать сантиметров ниже желудка. Кисти рук должны быть разведены примерно на семь-десять сантиметров в стороны и образовать прямой угол — пальцы при этом прямые. Кистями рук медленно, не соприкасаясь друг с другом, опишите круг, начиная движение вовнутрь, к передней части корпуса; мышцы рук, живота и ног полностью напряжены (Рис. 85).

Опишите кистями еще один круг, делая медленный, очень глубокий выдох через сжатые зубы. Глубоко вдохните, а затем медленно выдохните воздух, описывая кистями рук перед телом еще три круга. Кисти отведите в стороны так, чтобы они оказались у передней части бедер, и начните скольжение вниз, к коленным чашечкам. Ладони при этом выпрямлены, основания ладоней движутся вдоль передней стороны бедер, а пальцы слегка приподняты. Когда основания ладоней приблизятся к коленным чашечкам, выдох завершите. Сделайте третий глубокий вдох, охватите ладонями коленные чашечки, а кончики пальцев плотно прижмите к их основанию. Голова слегка наклонена вперед, шея находится на одной линии с позвоночником (Рис. 86). Ноги выпрямите, одновременно поднимая вдоль бедер вверх кисти рук с согнутыми пальцами и делая медленный выдох. В момент завершения выдоха погладьте

ладонями соответствующие центры жизненности, расположенные вокруг поджелудочной железы и печени.

36. Вытягивание энергии из областей, расположенных сбоку от ног

Рис. 87

Сделайте глубокий вдох, при этом руки свободно опущены вдоль тела, а кисти непрерывно вибрируют. С силой опустите вниз кисти рук — точно таким же движением, которое описано в предыдущем магическом пассе. Начните выдох, описывая кистями сбоку от корпуса два маленьких круга наружу. Мышцы рук, живота и ног полностью напряжены. Локти тоже напряжены и слегка согнуты (Рис. 87).

Опишите руками еще два круга, завершите выдох и сделайте глубокий вдох. Выдыхая, опишите еще три круга наружу. После этого кисти рук расположите сбоку от бедер и, слегка приподнимая пальцы, основания ладоней скользящим движением опустите вдоль боковых поверхностей ног вниз, пока пальцы не коснутся наружных лодыжек. Лицо обращено вниз, голова и шея находятся на одной линии с корпусом (Рис. 88). Завершите выдох и сделайте глубокий вдох, при этом указательные и средние пальцы обеих рук плотно прижмите к основанию наружных лодыжек (Рис. 89). Начните медленный выдох, во время которого кисти рук, сохраняя прежнее согнутое положение пальцев, с усилием поднимите вдоль боковых поверхностей ног вверх, к бедрам.

Рис. 88

Рис. 89

Завершите выдох, одновременно поглаживая ладонями соответствующие центры жизненности, расположенные вокруг поджелудочной железы и печени.

37. Вытягивание энергии из областей, расположенных перед ногами

Рис. 90

Рис. 91

Сделайте глубокий вдох, при этом руки свободно опущены вдоль тела, а кисти непрерывно вибрируют. Опишите обеими руками круг в вертикальной плоскости. Движение начните в направлении назад, выведите руки по дуге на уровень выше головы (Рис. 90) и затем с силой опустите перед телом. Ладони обращены вниз, пальцы выпрямлены. Начните медленный выдох — при этом руками, начиная с левой, поочередно совершите три движения вперед и назад, как бы скользя по ровной поверхности. Выдох завершите, когда основания ладоней соприкоснутся с грудной клеткой (Рис. 91).

Рис. 92

Рис. 93

Сделайте глубокий вдох. Левую руку скользящим движением отведите влево, затем правую руку аналогичным движением — вправо; поочередно сделайте три таких движения. По их завершении основания ладоней оказываются вблизи грудной клетки, большие пальцы почти соприкасаются (Рис. 92). Кисти обеих рук скользящим движением опустите вдоль передней поверхности ног, пока они не достигнут области сухожилий перед лодыжками (Рис.93). В этот момент завершите выдох. Сделайте глубокий вдох, напрягая расположенные

Рис. 94

перед лодыжками сухожилия, для чего большие пальцы ног поднимите вверх, пока сухожилия не станут выпуклыми; указательный и средний пальцы рук при этом плотно прижаты к сухожилиям и вибрируют, заставляя вибрировать и сами сухожилия (Рис. 94). Кисти рук поднимите вдоль передних поверхностей ног до уровня бедер, держа пальцы в прежнем согнутом положении и продолжая медленный выдох. Завершите выдох, одновременно поглаживая ладонями соответствующие центры жизненности, расположенные вокруг печени и поджелудочной

железы.

СЕРИЯ ДЛЯ МАТКИ

По словам дона Хуана Матуса, одним из самых примечательных действий шаманов, живших на территории Мексики в древние времена, было так называемое освобождение матки, направленное на пробуждение вторичных функций этого органа. Первичной функцией матки в обычных обстоятельствах является участие в процессе биологического воспроизводства, но древние маги интересовались лишь тем, что считали ее вторичной функцией. Речь идет об эволюции. Применительно к матке эволюция означает пробуждение и полное использование ее способности участвовать в процессе получения непосредственного знания — то есть напрямую воспринимать поступающие от органов чувств данные, минуя привычный для нас процесс интерпретации.

Шаманы считают, что в тот момент, когда ученица начинает осознавать свою способность непосредственно видеть энергию, она превращается из существа, чья навязанная обществом роль заключается лишь в размножении, в существо, способное к эволюции. То обстоятельство, что непосредственное видение энергии дается женщинам легче, чем мужчинам, маги объясняют наличием у женщин матки. Они также полагают, что в обычных условиях ни мужчины, ни женщины — какими бы способностями последние ни обладали — не могут самостоятельно осознать возможность непосредственного восприятия энергии. Причем по совершенно смехотворной причине: просто рядом не оказывается никого, кто мог бы подсказать им, что они от природы наделены способностью видеть энергию.

На определенном этапе женщины-маги, вследствие наличия у них матки, настолько гибко и индивидуально реализуют свою способность непосредственно воспринимать энергию, что начинают считать эту

возможность, вообще-то относящуюся к высшим достижениям человеческого духа, чем-то обыденным. Они не в состоянии осознать исключительность такого явления. Мужчины в этом отношении действуют более осознанно. Поскольку им намного труднее непосредственно видеть энергию, они считают эту возможность огромным и очень ценным достижением. Поэтому именно маги-мужчины сделали попытку описать процесс непосредственного восприятия энергии и разработать его критерии. Вот что рассказывал об этом дон Хуан:

— То, что мы являемся существами воспринимающими, было основополагающей предпосылкой магии, открытой древними. Человеческое тело — все целиком — представляет собой инструмент восприятия. Однако большую часть информации мы получаем от органов зрения. Приоритет визуального восприятия навязывает нам определенное отношение к внешнему миру, что по мнению магов древности является наследием доисторических времен, когда человек был не более чем хищником.

Древние маги стремились — и этим они не отличаются от магов наших дней — найти такие способы восприятия, которые позволили бы им преодолеть налагаемые зрением ограничения, свойственные хищнику. Они понимали, что восприятие хищника является преимущественно визуальным и что лежащий за этими пределами мир является царством чистого восприятия, недоступным для обычного зрения.

В другой раз дон Хуан заметил, что маги древней Мексики не могли понять, почему женщины, имеющие матку — особый орган, который облегчает вхождение в область чистого восприятия, — ничуть не интересуются таким ее использованием. Природой им дана возможность овладеть бесконечно большой силой, а они совсем не стремятся получить к ней доступ. Древние маги называли это "женским парадоксом". Дон Хуан, однако, нисколько не сомневался, что подобная пассивность не является для женщин естественной — их приучило к такому поведению общество.

Магические пассы для матки предназначены для того, чтобы дать практикующим Тенсегриту женщинам хотя бы самое общее представление о возможности избавиться от пагубного влияния социализации, делающей их ко всему безразличными. Причем это представление должно выходить за рамки простого удовлетворения интеллектуального любопытства. Хочу заранее предупредить: тем, кто решил двигаться по этому пути, не следует забывать об осторожности. Дон Хуан настоятельно рекомендовал своим ученицам быть предельно внимательными при выполнении пассов этой серии, поскольку они управляют процессом пробуждения вторичных функций матки и яичников, обуславливающих непосредственное восприятие данных от органов чувств и их последующую интерпретацию.

Дон Хуан называл матку камерой восприятия. Как и другие маги его линии, он был убежден, что матка и яичники, если их не задействовать в процессе размножения, могут превратиться в инструменты восприятия и таким образом

стать эпицентром эволюции. Первым шагом к эволюции дон Хуан считал принятие тезиса, что люди являются существами воспринимающими; он постоянно твердил, что именно с этого шага и начинается движение по тропе знания.

Каждый раз, услышав это утверждение, я возражал:

— Всем известно, что мы существа воспринимающие. Кем же еще мы можем быть? И слышал в ответ:

— Так не забывай об этом! Восприятие играет в нашей обыденной жизни лишь незначительную роль, хотя главное в нас — именно то, что мы воспринимающие существа. Люди воспринимают присутствующую во Вселенной энергию и преобразуют ее в данные органов чувств. Затем эти данные интерпретируются, создавая окружающий нас мир. Вот эту интерпретацию мы и называем восприятием.

— Как ты уже знаешь, — продолжал дон Хуан, — шаманы древней Мексики были убеждены, что интерпретация происходит в области особо яркого свечения — в точке сборки. Они обнаружили ее, когда видели человеческое тело в виде комбинации энергетических полей, напоминающей светящуюся сферу. Преимуществом женщин является их способность передавать функцию интерпретации, обычно осуществляемую точкой сборки, особому женскому органу — матке. Результат такой передачи нельзя описать словами — и не потому, что это нечто запретное; просто в человеческом лексиконе нет подходящих слов.

Матка постоянно находится в состоянии хаоса, поскольку ее скрытые способности, с момента рождения и до самой смерти остающиеся без внимания, никогда не используются. Хотя способность матки к интерпретации ни при каких условиях не отключается полностью, ее эффективность, как правило, не поднимается до уровня, позволяющего женщине осознать наличие у этого органа данной функции.

Дон Хуан был уверен, что шаманы древней Мексики при помощи магических пассов до такой степени усиливали интерпретирующие способности матки у своих учениц, что те начинали осознавать скрытые возможности этого органа. Тем самым они делали первый шаг к превращению их матки из органа размножения в орудие эволюции.

В современной науке эволюция определяется как способность различных биологических видов изменяться в ходе естественного отбора и передавать закрепленную в генах информацию, воспроизводя в своем потомстве те изменения, которые произошли у родителей.

Эволюционная теория, сформулированная сто лет тому назад и в почти неизменном виде дошедшая до наших дней, утверждает, что происхождение и

существование новых видов животных и растений осуществляется путем естественного отбора, благоприятствующего выживанию тех особей, чьи отличительные черты позволяют им лучше приспособиться к окружающей среде. Согласно этой теории, в основе эволюции лежит взаимодействие трех принципов. Первый — это наследственность, та охранительная сила, которая обеспечивает сходство каждого из поколений с предыдущим и последующим. Второй принцип — изменчивость; он определяет индивидуальные различия в особях, присущие всем формам жизни. Третий принцип — борьба за существование, которая определяет, какому из изменений суждено стать преимуществом в условиях данной окружающей среды. Последний принцип и породил фразу, которая в ходу до сих пор: "Выживает наиболее приспособленный".

Теория эволюции содержит множество неясностей и оставляет немало места для сомнений. В лучшем случае, эволюция трактуется как открытый процесс, для описания которого участвующие в разработке эволюционной теории ученые создают различные классификации — ими было создано множество систематик. Но факт остается фактом: в этой теории полно дыр. То, что мы знаем об эволюции, не позволяет понять, что же она собой в действительности представляет.

Дон Хуан Матус считал, что эволюция — это результат очень глубокого намерения. А у магов признаком наличия намерения должной глубины является то, что они называют внутренним безмолвием.

— Например, — говорил он, — маги убеждены, что некоторые виды динозавров умели летать, потому что у них было такое намерение. Но почему крылья испокон веков считаются единственно возможным средством, позволяющим летать? Это очень трудно понять и еще труднее принять. Да, динозаврами было найдено именно такое решение проблемы полета, однако оно наверняка не единственное. Оно лишь кажется нам таковым, поскольку мы исходим из необходимости имитировать достижения динозавров. Сегодня для полетов мы используем самолеты — быть может потому, что со времен динозавров никто другой не имел намерения летать. Вероятно, столь широкое распространение крыльев объясняется тем, что такое решение проблемы полета было самым легким.

По мнению дона Хуана, если бы у древнего человека было намерение летать, то скорее всего нам были бы сейчас доступны другие, не обязательно связанные с крыльями, средства полета. Какие именно? Никто не может сказать. Поскольку намерение безгранично, нет никакой возможности логически вычислить или определить с помощью дедуктивного или индуктивного метода, какие возможности для полета могли бы открыться человечеству.

Магические пассы данной серии относятся к чрезвычайно сильнодействующим, и их следует практиковать умеренно. В древние времена мужчинам вообще было запрещено исполнять эти пассы, но в последнее

время появилась тенденция видеоизменять их, делая общедоступными, что и дало возможность мужчинам приобщиться к этой практике. Однако для них выполнение данных пассов по-прежнему остается делом весьма деликатным, требующим большой концентрации и соблюдения осторожности.

Практикующим Тенсегрити мужчинам, вследствие весьма мощного воздействия пассов этой серии, следует при их выполнении лишь слегка прикасаться к области гениталий, перенося активизируемую пассами энергию.

Как выяснилось, легкого прикосновения вполне достаточно, чтобы обеспечить благоприятное стимулирование организма без каких-либо вредных последствий.

Когда-то в прошлом, как объяснил мне дон Хуан, маги его линии разрешили мужчинам выполнять эти магические пассы, поскольку считали возможным пробудить при помощи активизируемой в ходе их выполнения энергии вторичную функцию мужских половых органов. Эта функция, по их представлениям, коренным образом отлична от вторичной функции матки. Мужские половые органы находятся снаружи тела и не могут участвовать в интерпретации поступающих от органов чувств данных. Отсюда маги делали вывод, что вторичная функция мужских половых органов, которую они называли эволюционной поддержкой, представляет собой что-то вроде трамплина. С его помощью мужчины приобретают "ускорение", необходимое для выполнения необычайного подвига, который маги древней Мексики называли неспигаемым намерением.

Серия магических пассов для матки разделена на четыре группы, которые соотносятся с тремя женщинами — ученицами дона Хуана Матуса: Тайшей Абеляр, Флориндой Доннер-Грау, Кэрл Тиггс, а также с Блю Скаут, "Синим разведчиком" — женщиной, родившейся в мире дона Хуана. Первая группа состоит из трех магических пассов, принадлежащих Тайше Абеляр; вторая — из одного пасса, непосредственно связанного с Флориндой Доннер-Грау; в третью входят три магических пасса, которые имеют отношение исключительно к Кэрл Тиггс; четвертая группа содержит пять магических пассов, принадлежащих Блю Скаут, "Синему разведчику". Магические пассы каждой группы лучше всего подходят определенному типу личности. В Тенсегрити все пассы представлены в таком виде, который позволяет использовать их любому, — но наиболее эффективны они для тех типов личности, к которым относятся вышеназванные женщины.

Первая группа: магические пассы, принадлежащие Тайше Абеляр

Три магических пасса этой группы предназначены для отбора энергии из шести особых областей: из левой и правой стороны передней части тела, из левой и правой стороны тела на высоте бедер, а также из областей, находящихся позади лопаток и над головой. Шаманы древней Мексики считали, что именно в этих областях накапливается особенно благоприятная для матки энергия и что движения магических пассов этой группы лучше всего

подходят для ее отбора.

1. Извлечение энергии указательным и средним пальцами из области перед телом

Рис. 95

При выполнении этого магического пасса практикующему Тенсегриту в первую очередь следует добиться напряжения сухожилий, проходящих по тыльной стороне ладони. Для этого следует максимально развести в стороны полностью выпрямленные указательный и средний пальцы. Безымянный палец и мизинец согнуты и прижаты к ладони, а сверху к ним прижат большой палец (Рис. 95).

Левую стопу выдвиньте вперед и поверните перпендикулярно правой, чтобы они образовали букву Т.левой рукой и левой ногой сделайте серию синхронных круговых движений вперед (Рис. 96). Когда нога описывает круг, сначала поднимается носок, а затем и вся ступня. После этого сделайте шаг вперед — ступня описывает окружность в вертикальной плоскости, как бы что-то перекатывая. Затем опустите ступню на пятку — корпус наклонен вперед, а пальцы ног приподняты, что вызывает напряжение в передней части левой икры.

Рис. 96

Рис. 97

Одновременно с движением ноги левой рукой опишите полный круг вперед, проводя ее над головой. Указательный и средний пальцы полностью выпрямлены, ладонь обращена вправо. Во время выполнения всего движения напряжение сухожилий в тыльной части ладони должно оставаться максимальным. В конце третьего кругового движения, синхронно описываемого рукой и ногой, левую ногу резко, с силой опустите на пол всей поверхностью подошвы и перенесите на нее вес тела. В этот момент нанесите левой рукой укол вперед — указательный и средний пальцы полностью

выпрямлены, ладонь обращена вправо. Мышцы всей левой стороны тела должны быть напряжены (Рис. 97).

Рис. 98

Сделайте левой рукой волнообразное движение, рисуя выпрямленными пальцами лежащую на боку букву S. Запястье должно быть согнуто так, чтобы в конце S-образного движения пальцы указывали вверх (Рис. 98). Далее запястье выпрямите, чтобы пальцы вновь были обращены вперед, и сделайте кистью резкое движение в горизонтальной плоскости справа налево, разрезая пальцами S-образную фигуру пополам. Запястье вновь согните, чтобы два выпрямленных пальца указывали вверх, и кистью руки быстро проведите слева направо, ладонью к лицу. Затем поверните ладонь к лицу тыльной стороной и сделайте рукой быстрое движение в обратном направлении — справа налево.

Левую руку отведите назад, на уровень груди, и двумя полностью выпрямленными пальцами сделайте пару колющих движений вперед; ладонь при этом обращена вниз. Вновь поверните кисть ладонью к лицу; рукой снова сделайте быстрое движение слева направо, а затем справа налево — точно так же, как и раньше.

Слегка отклоните корпус назад и перенесите вес тела на правую ногу. Опустите кисть руки на уровень талии, согните два пальца, образуя захват в форме крюка, и, как бы зацепив что-то впереди этим "крюком", сильно напрягите мышцы и сухожилия предплечья и кисти, словно рука с усилием тянет вверх тяжелый предмет (Рис. 99). Опустите кисть руки с согнутыми в захват пальцами к талии, после чего пальцы полностью выпрямите. Большой палец нужно прижать к боковой поверхности ладони, а остальные пальцы соединить в две группы. Первая группа состоит из указательного и среднего пальцев, вторая — из безымянного и мизинца. Сгруппированные таким образом пальцы разведите в букву V и поместите над маткой (если упражнение выполняется мужчиной, то над половыми органами), как показано на рис. 100.

Рис. 99

Рис. 100

Прыжком измените положение ног — правая стопа окажется перед левой, вновь образуя букву Т. Повторите вышеописанную последовательность движений для правой руки и правой ноги.

2. Пробуждение энергии для матки прыжком и захват этой энергии рукой

Рис. 101

Поверните правую стопу перпендикулярно к левой, образуя букву "Т". Слегка ударьте правой пяткой по полу; этот удар служит импульсом для небольшого подскока правой стопы, по завершении которого ее пальцы оказываются обращены вперед. Вслед за первым подскоком сразу же выполните подскок левой стопой и поставьте ее на пол перпендикулярно правой. В тот момент, когда вся левая ступня коснется пола, вес тела полностью перенесите на левую ногу и выполните левой рукой движение, как бы цепляя согнутой кистью что-то, находящееся прямо перед вами (Рис. 101). После этого той же рукой осторожно потрите область над левым яичником.

Удар левой пяткой служит импульсом для такой же последовательности движений, но исполняемых в зеркальном отражении. Энергия, пробужденная движением ступней при выполнении этого магического пасса, перемещается вверх, где захватывается соответствующей рукой и перемещается к области, расположенной выше матки, над правым и левым яичниками.

3. Перенос энергии к яичникам при помощи шлепков

Рис. 102

Рис. 103

Выполните левой рукой круговое движение над головой. Сначала рука движется назад — в область, расположенную позади лопаток, а затем — по кругу вперед, пока не достигнет подбородка. В конце этого движения ладонь обращена вперед. Опишите кистью еще один круг: движение выполняется вверх и вправо — пока кисть не поднимется выше головы, после чего опустите ее с правой стороны вниз до уровня талии и затем стремительно поднимите вверх, выше головы, таким образом завершая "восьмерку" (Рис. 102). Поверните ладонь вперед и с силой опустите кисть, как бы нанося шлепок в область перед левым яичником (Рис. 103). Потом осторожно проведите ладонью по этой области. Выполните такие же движения правой рукой.

Вторая группа: магический пасс, имеющий непосредственное отношение к Флоринде Доннер-Грау

Эта группа состоит всего из одного магического пасса. Его воздействие полностью соответствует характеру Флоринды Доннер-Грау. Дон Хуан Матус считал ее очень прямолинейным человеком (причем иногда ее прямота становилась просто невыносимой). Вследствие этой черты характера, деятельность Флоринды в мире магов всегда была направлена на эволюцию — иными словами, на преобразование матки из органа воспроизводства в орган осознания, при помощи которого можно воспринимать и обрабатывать данные, не являющиеся следствием работы наших обычных механизмов познания.

4. Лапы сфинкса

Рис. 104

Рис. 105

Рис. 106

Сделайте быстрый глубокий вдох. Затем с силой выдохните, одновременно выполняя сильный удар запястьями в область перед корпусом. Для этого кисти согните в запястьях и резко поверните вниз, под прямым углом к предплечьям — пальцы при этом обращены к полу. Удар наносится тыльной стороной согнутых запястий. Согните руки в локтях и с усилием поднимите кисти на уровень плеч; ладони обращены вперед и находятся на одной линии с предплечьями. Сделайте глубокий вдох. Удерживая кисти в том же положении, поверните корпус влево и нанесите обеими ладонями удар на уровень бедер — ладони при этом обращены вниз (Рис. 104). Сделайте резкий выдох, разверните корпус вперед и поднимите кисти выше уровня плеч. Глубоко вдохните и, не меняя положения рук, разверните корпус вправо. С выдохом нанесите обеими руками удар на уровень бедер, держа кисти ладонями вниз.

Отведите обе руки вправо от корпуса. Ладони слегка согните — так, чтобы они образовали пригоршни, — и поверните их влево, как будто зачерпываете ими какую-то жидкость. После этого, двигая обе руки справа налево и слева направо, опишите перед корпусом горизонтальную восьмерку. Для этого одновременно с наклоном корпуса влево сделайте быстрое движение руками в ту же сторону, после чего с наклоном корпуса вправо сделайте движение руками как можно дальше вправо, продолжая "зачерпывать жидкость" слегка согнутыми ладонями, но уже в противоположном направлении (Рис. 105).

Когда восьмерка будет очерчена, левую кисть задержите у левого бедра, продолжая правой рукой движение вправо. Предплечье поднимите вверх и опишите назад, над головой, большую петлю. Движение завершается, когда кисть снова окажется перед лицом на уровне подбородка, ладонью вверх. Продолжите движение правой рукой: проведя ее перед лицом и далее над левым плечом, опишите еще одну петлю влево. Затем проведите ее по прямой линии на уровне бедра наискосок от корпуса, "разрезая" описанную восьмерку (Рис. 106).

Верните ладонь назад к корпусу и с усилием приблизьте к правому яичнику,

как будто кисть руки это нож, который убирается в ножны.

Повторите тот же набор движений, но начальный удар наносите вправо от корпуса, чтобы заключительное движение было выполнено левой рукой.

Третья группа: магические пассы, имеющие отношение исключительно к Кэрол Тиггс

Три магических пасса этой группы предназначены для работы с энергией, непосредственно поступающей в область матки, что делает их чрезвычайно эффективными. Для того чтобы связанные с пробуждением матки ощущения не вышли из-под контроля, при выполнении этих магических пассов рекомендуется соблюдать умеренность. Таким образом можно избежать линейной интерпретации этих ощущений, которая обычно проявляется в форме предменструальных болей или тяжести в области яичников.

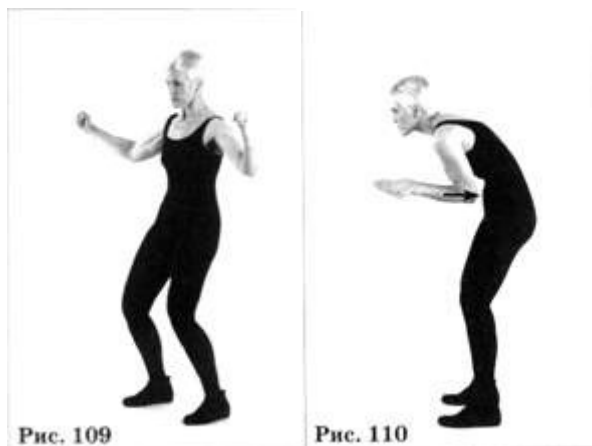
Дон Хуан Матус объяснял своим трем ученицам воздействие этих пассов так: пробужденная в результате их выполнения вторичная функция матки порождает ощущение дискомфорта, но на энергетическом уровне в этот момент происходит приток энергии, которая оставалась неиспользованной на периферии светящейся сферы, а теперь начинает поступать в вихревую воронку матки.

5. Сосредоточение энергии в области матки

Кисти обеих рук поместите в область матки и резко согните в запястьях. Ладони при этом образуют пригоршни, а пальцы направлены в сторону матки. Разведите обе кисти так, чтобы кончики пальцев были обращены друг к другу. Опишите руками широкий круг, выполняя движение сначала вверх и наружу, а затем вниз; обе кисти движутся синхронно, завершая движение над областью матки (Рис. 107). Разведите кисти на ширину тела (Рис. 108) и с силой сведите их к середине области матки, словно сдавливая плотный шар. Выполните это

движение еще раз, ближе подводя кисти к области матки, как бы стремясь раздавить этот шар. Затем мощным движением разведите кисти рук, "хватая" края раздавленного шара и "разрывая" его (Рис. 109).

Потрите ладонями область матки и яичников.

6. Пробуждение и направление энергии непосредственно в матку

Этот магический пасс начинается с выдоха. Руки при этом вытянуты перед корпусом так, чтобы тыльные стороны кистей соприкасались. Сделайте глубокий вдох, одновременно раздвигая предплечья в стороны и описывая ими полуокружности. Движение завершается, когда предплечья соприкоснутся перед телом на уровне груди, после чего слегка согнутые в локтях руки нужно вытянуть вперед, ладонями вверх. Затем корпус слегка наклоните вперед, а предплечья отведите назад — так, чтобы локти зафиксировались в области солнечного сплетения, а предплечья соприкасались боковыми сторонами (Рис. 110). Начните медленный выдох, который должен продолжаться при выполнении следующих движений:

Рис. 111

Рис. 112

- 1) тыльную сторону левого запястья поместите поверх обращенной внутрь тыльной стороны правого, в результате чего предплечья образуют косой крест, напоминающий букву X;
- 2) поверните запястья так, чтобы ладони, вращаясь вовнутрь, оказались сначала обращены к телу, а затем назад, от тела, не нарушая при этом форму образованной предплечьями крестообразной фигуры;
- 3) по завершении движения левая кисть окажется поверх правой (Рис. 111). Сожмите кулаки и энергично разведите руки в стороны (Рис. 112), а в момент окончания выдоха наложите их на области левого и правого яичника.

7. Выдавливание вредоносной энергии из яичников

Рис. 113

Рис. 114

Левую руку держите перед корпусом ладонью вверх. Локоть должен быть согнут под прямым углом и прижат к грудной клетке, указательный и средний пальцы левой руки выпрямлены, а большой палец прижимает безымянный и

мизинец к ладони. Охватите снизу пальцами правой руки выпрямленные пальцы левой и сожмите. Продольными движениями правой руки из основания выпрямленных пальцев нужно как бы что-то выдавить и затем переместить это нечто к ногтевым фалангам (Рис. 113). После этого резкими движениями кисти правой руки вниз и вправо от корпуса энергично стряхните то, что было "выдавлено". Освободите прижатые к ладони большим пальцем левой руки два других пальца — кисть должна принять форму буквы V, где

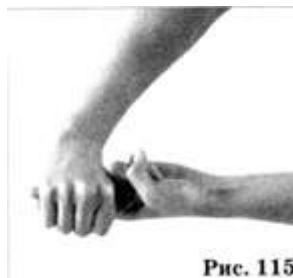

Рис. 115

один луч образуется сведенными вместе указательным и средним пальцами, а другой — безымянным и мизинцем. Проведите ладонью над областью левого яичника, слегка касаясь тела. Такие же движения выполните правой рукой. При выполнении второй части этого магического пасса корпус нужно резко наклонить вперед, левую руку свесить между ног, а локоть прижать к пупочной области. Еще раз повторите движения первой части магического пасса, но на этот раз охватив сверху два

выпрямленных пальца левой руки правой рукой (Рис. 114, 115). Выполните такую же последовательность движений для правой стороны.

Четвертая группа: магические пассы, принадлежащие Синему Разведчику (Блю Скаут)

Магические пассы этой группы представляют собой естественное завершение всей серии. Обязательным условием выполнения этих пассов является бесстрастность при их исполнении. Вдохи и выдохи должны быть быстрыми, но не глубокими — движения сопровождаются свистящим звуком вырывающегося из легких воздуха.

Ценность магических пассов Синего Разведчика заключается в способности каждого из них придать матке жесткость, которая требуется для осуществления ее вторичной функции. В случае с Синим Разведчиком это можно определить как способность быть постоянно настороже. Критическое отношение магов к нашему обыденному состоянию бытия основывается на том, что мы постоянно живем "на автопилоте": говорим не то, что собираемся сказать, и игнорируем то, чему должны уделять внимание. Другими словами, мы осознаем окружающий нас мир лишь на очень короткий промежуток времени. Большую же часть жизни мы действуем по инерции, по привычке, суть которой, в общем-то, проста — ни на что не обращать внимания. Маги древней Мексики считали, что у женщин именно матка является органом, который может решить эту, казалось бы, неразрешимую проблему — но для этого ей нужно обрести жесткость.

8. Вытягивание энергии из области перед корпусом при помощи "усиков насекомого"

Расположите кисти рук с разведенными в форме буквы V указательным и средним пальцами по обе стороны от груди. Большой палец прижимает безымянный и мизинец к ладоням, а сами ладони обращены вверх (Рис. 116). Поверните ладони вниз и быстрым движением выбросите кисти вперед, нанося выпрямленными пальцами колющий удар. Одновременно через сжатые зубы сделайте резкий выдох, сопровождая его свистящим звуком (Рис. 117). Делая глубокий вдох, верните кисти назад, к корпусу, и поместите их по обе стороны от груди. Выполните описанные движения еще раз, после чего проведите ладонями по области яичников — разведенные пальцы сложите в форме буквы V, где один луч образуется указательным и средним пальцами, а другой — безымянным и мизинцем.

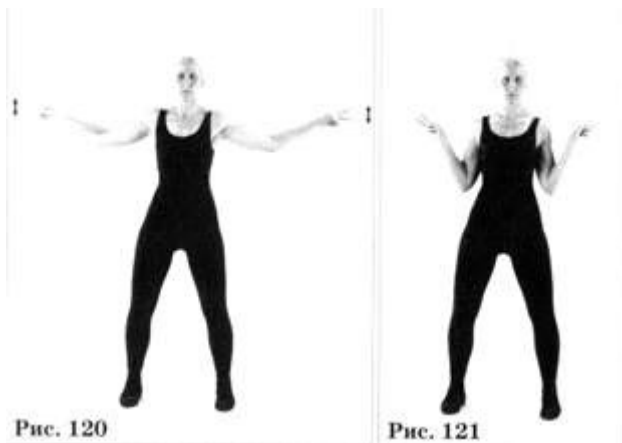
9. Вытягивание энергии из областей, расположенных под углом, и сбоку от корпуса

Повернитесь на правой ноге и выдвиньте левую стопу вперед, под углом сорок пять градусов. Таким образом правая ступня образует горизонтальную

перекладину буквы Т, а левая — вертикальную (получается, что эта буква повернута на сорок пять градусов). Сделайте несколько покачивающих движений корпусом вперед и назад. Согните левый локоть и поднимите кисть на уровень груди, ладонью вверх, — указательный и средний пальцы раздвинуты в форме буквы V, а большой палец прижимает безымянный и мизинец к ладони (Рис. 118). Одновременно с резким наклоном корпуса вперед нанесите левой рукой укол — ладонь при этом разворачивается вниз (Рис. 119). Во время выполнения этого движения со свистом выдохните воздух. Поверните кисть ладонью вверх и отведите ее назад, к груди. Затем слегка погладьте ладонью область над левым яичником — пальцы разведены в форме буквы V, где один луч образуется указательным и средним пальцами, а другой — безымянным и мизинцем. Прыжком смените положение ног — впереди, под углом сорок пять градусов по отношению к корпусу, окажется правая стопа. Выполните такую же последовательность движений правой рукой.

10. Вытягивание энергии из боковых областей стригущими движениями "усиков насекомого"

Расположите кисти ладонями вверх по обе стороны от груди — указательный и средний пальцы раздвинены в форме буквы V, а большой палец прижимает безымянный и мизинец к ладоням. Сохраняя руки на том же уровне, поверните кисти ладонями друг к другу. Сделайте выдох (воздух с шипением выходит из легких), одновременно полностью выпрямляя и разводя в стороны обе руки, ладонями вперед. Указательными и средними пальцами рук симулируйте движение лезвий ножниц (Рис. 120). Заканчивая выдох, издайте звук, похожий на свист.

Сделайте вдох, возвращая кисти к корпусу; локти согните и опустите, а направленные в стороны кисти поместите рядом с корпусом на уровне груди (Рис. 121). Затем поверните кисти так, чтобы указательные и средние пальцы

были направлены вперед. После этого сложите пальцы в виде буквы V, где один луч образуется сведенными вместе указательным и средним пальцами, а другой — безымянным и мизинцем. Сделайте выдох, сопровождающийся свистящим звуком, одновременно слегка поглаживая ладонями область над яичниками.

11. Добывание энергии поочередным сверлением кистями рук области между ступнями

Рис. 122

Рис. 123

Глубоко вдохните. Затем сделайте медленный выдох, сопровождающийся свистящим звуком, одновременно опуская левую кисть вниз и выполняя запястьем вращательное движение. Это движение напоминает вращение бурава, который ввинчивается перед телом в пол. Согните указательный и средний пальцы, придавая кисти форму крюка с двумя зубьями, и выполните захватывающее движение, цепляя этим "крюком" что-то перед корпусом между ног (Рис. 122) и с усилием перемещая это нечто вверх, на уровень бедер, — при этом делается глубокий вдох. Затем проведите кистью над головой и заведите ее за спину, поместив ладонь в области левой почки и надпочечников (Рис. 123).

Удерживая левую руку в этом положении, выполните описанную последовательность движений правой рукой. Когда правая рука окажется над правой почкой и надпочечниками, сделайте вдох. Левую кисть, проведя над головой, выведите в положение перед корпусом и погладьте ладонью область над левым яичником; пальцы при этом сложены в форме буквы V, где один луч образуется сведенными вместе указательным и средним пальцами, а другой — безымянным и мизинцем. Одновременно с перемещением кисти из-за спины в положение перед корпусом нужно сделать резкий выдох, сопровождая его свистящим звуком. Затем еще раз глубоко вдохните и описанным выше движением переместите правую кисть в область правого яичника.

12. Добывание энергии одновременным сверлением кистями рук области между ступнями

Рис. 124

Начало этого магического пасса подобно предыдущему, только руки выполняют сверлящие движения не по отдельности, а одновременно. После этого согните указательный и средний пальцы обеих рук, придавая кисти форму крюка с двумя зубьями, и одновременно зацепите этими "крюками" нечто из области перед корпусом между ног. После этого поднимите обе кисти на уровень бедер и заведите их по дуге за спину, к почкам и надпочечникам. Потрите ладонями эти места, одновременно делая глубокий вдох (Рис. 124). Во время выдоха выведите руки по дуге перед корпусом и поглажьте тело в области левого и правого яичника. Пальцы рук при этом должны быть сложены в форме буквы V, где один луч образуется указательным и средним пальцами, а другой —

безымянным пальцем и мизинцем. Как и в предыдущем пасса, перемещение кистей из-за спины в положение перед корпусом происходит одновременно с резким выдохом, который сопровождается свистящим звуком.

СЕРИЯ ПЯТИ ИНТЕРЕСОВ, ИЛИ ВЕСТВУДСКАЯ СЕРИЯ

"Серия пяти интересов" — одна из важнейших для практикующих Тенсегрити. Другое свое название — "Вествудская серия" — она получила потому, что впервые ей стали обучать в ходе семинаров, проводившихся в танцевальном зале Поули, в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса; этот зал расположен в месте, которое называется Вествуд. Данная серия была задумана как попытка слить воедино то, что дон Хуан Матус называл пятью интересами шаманов древней Мексики. Все, что они делали, было так или иначе связано с пятью сферами, представлявшими для них особый интерес: во-первых, с магическими пассами; во-вторых, с энергетическим центром человеческого тела, который называется центром принятия решений; в-третьих, с инвентарными списками, работа с которыми представляет собой средство для расширения области человеческого осознания; в-четвертых, со сновидением — настоящим искусством, позволяющим вырваться за пределы обычного восприятия; в-пятых, с внутренним безмолвием — той стадией развития человеческого восприятия, на которой магам удалось достичь всех своих побед. Эти пять интересов представляют собой комплекс, основанный на особом понимании древними магами окружающего мира.

Одним из наиболее поразительных открытий шаманов, по словам дона Хуана, стало обнаружение ими факта существования во Вселенной некой склеивающей силы, которая связывает воедино энергетические поля и превращает их сочетания в стабильные, функциональные образования. Маги

описывали ее как некую вибрацию, которая проникает в группы энергетических полей и склеивает их.

С точки зрения приведенной выше последовательности пяти интересов, магические пассы играют примерно ту же роль, что и склеивающая сила, о которой говорили шаманы. Разрабатывая эту последовательность, шаманы скопировали обнаруженную ими в процессе видения схему распределения и взаимосвязи энергии во Вселенной. Таким образом, магические пассы стали связующей силой для всех пяти интересов.

Вествудская серия в соответствии с представлениями шаманов древней Мексики разделена на четыре группы, в которых магические пассы скомпонованы по степени их важности. В первую группу входят магические пассы для центра принятия решений; во вторую — пассы для работы с инвентарными списками; в третью — для работы со сновидением, в четвертую — для достижения и поддержания внутреннего безмолвия.

Первая группа: центр принятия решений

Важнейшим делом для древних магов, а также для всех магов линии дона Хуана была работа с центром принятия решений. Они были убеждены — и эта убежденность опиралась на практические результаты предпринимаемых ими усилий, — что в человеческом теле есть точка, отвечающая за принятие решений. Она называется V-точкой и расположена в надгрудинной ямке у основания шеи, где ключицы сходятся в форме буквы V. Это место является центром, где энергия разреживается до такой степени, что становится чрезвычайно тонкой. Здесь хранится запас энергии особого типа, для которого шаманам не удалось подобрать название. Тем не менее они твердо уверены, что могут чувствовать как присутствие этой энергии, так и результаты ее воздействия. По мнению шаманов, эта особая энергия непрерывно рассеивается, выталкивается из V-центра в самом раннем периоде жизни человеческого существа и никогда не возвращается обратно. В результате человек теряет нечто чрезвычайно важное — возможно, даже более важное, чем вся энергия других центров, вместе взятых, — а именно, способность принимать решения.

Дон Хуан, выражая мнение магов своей линии, весьма категорично говорил о проблеме принятия человеком решений. На основании накопленных в течение сотен лет наблюдений шаманы пришли к выводу, что человеческие существа не способны самостоятельно принимать решения и выполнять их. По этой-то причине они и создали "общественное устройство", то есть гигантские учреждения, отвечающие за принятие решений. Люди позволяют им все решать за себя — а затем просто выполняют уже принятые от их имени решения.

Расположенная у основания шеи V-точка была для древних шаманов настолько важным местом, что они редко прикасались к ней — а если и прикасались, то в чисто ритуальных целях, и это всегда выполнялось кем-то

другим с помощью специального предмета. Как правило, для этой цели использовались отполированные кусочки жесткого дерева, шлифованные кости животных или даже людей. Шаманы обрабатывали округлые головки костей или кусочки дерева так, чтобы их форма и размеры идеально соответствовали форме и размеру V-точки. При нажиме этими предметами на V-точку создавалось равномерное давление по всей ее площади. Такие предметы также использовались, хотя и редко, для определенного вида самомассажа, который в наши дни называют точечным массажем или акупрессурой.

— Как же древним магам удалось обнаружить, что в надгрудинной ямке находится центр принятия решений? — спросил я однажды дон Хуана.

— Для каждого энергетического центра тела, — ответил он, — характерна определенная концентрация энергии. С точки зрения видящего, который пристально всматривается в такой центр, он видится своего рода вихрем, водоворотом энергии — чем-то вроде трубы, которая вращается против часовой стрелки. Показателем энергетической силы центра является скорость вращения. Если вихрь едва движется, значит центр исчерпал себя, энергетически истощился. Детально обследуя человеческое тело при помощи видения, шаманы заметили эти энергетические вихри, заинтересовались ими и составили карту их расположения.

— А много ли таких центров на теле, дон Хуан?

— Сотни, если не тысячи! Можно с уверенностью сказать, что человек представляет собой конгломерат множества вращающихся вихрей. Некоторые из них настолько малы, что похожи, скажем, на дырки от укола булавкой — но это очень важные "дырки": энергия или свободно течет через них, или задерживается ими. Есть, однако, шесть вихрей, которые так огромны, что заслуживают особого отношения. Это центры, определяющие общую жизнеспособность и энергичность человека. Энергия никогда не задерживается в них, но иногда ее поступление становится ничтожно малым и энергетический вихрь такого центра начинает вращаться очень медленно.

Дон Хуан объяснил, что главные центры жизненности располагаются в шести областях тела. Он перечислил их по степени важности, в порядке значения, которое шаманы придавали этим центрам. Первый находится в области печени и желчного пузыря; второй — в области поджелудочной железы и селезенки; третий — в области почек и надпочечников; четвертый — в надгрудинной ямке; пятый — вокруг матки, а шестой — в верхней части головы.

Пятый центр, имеющийся только у женщин, содержит особый вид энергии, которая придает магам некоторую текучесть — но это характерно лишь для немногих женщин. В основном, пятый центр служит естественным фильтром, экранирующим тело от ненужных воздействий.

Шестой центр располагается на самой макушке головы. Дон Хуан описывал его как некое энергетическое образование, которое не просто отлично от других центров — оно совершенно чуждо человеку. Это даже не аномалия, а нечто большее. Дон Хуан не захотел подробно объяснить мне это явление, сказав лишь, что видит шестой центр не в форме энергетической воронки, как все остальные центры, а как нечто вроде маятника, ритмичные перемещения которого вперед и назад немного напоминают биения сердца.

— Почему энергия этого центра так отлична от всех прочих, дон Хуан? — спросил я.

— Дело в том, что шестой энергетический центр не совсем принадлежит человеку. Видишь ли, мы, человеческие существа, живем в осаде — если можно так выразиться. Шестой центр был захвачен невидимым хищником. И единственный способ одолеть его — укреплять другие центры.

— Не кажется ли тебе, дон Хуан, эта идея немного параноидальной?

— Ну, тебе, наверное, именно так и кажется, а мне нет. Я могу видеть энергию — и вижу, что над центром, расположенным на макушке головы, она не вращается подобно энергии всех остальных центров. Она колеблется, перемещаясь взад и вперед. Это зрелище вызывает отвращение — оно совершенно чужеродное. С другой стороны, я вижу, что у мага, оказавшегося способным победить свое собственное сознание (которое маги называют чужеродной установкой), энергия в этом центре начинает двигаться так же, как и во всех остальных.

На протяжении всего моего ученичества дон Хуан неизменно отказывался говорить о таинственном шестом центре. Знакома меня с центрами жизненности человека, он довольно грубо пресек мои отчаянные попытки более подробно обсудить вопрос о шестом центре и начал говорить о четвертом — центре принятия решений.

Четвертый центр использует особый вид энергии, которая представляется видящему как нечто, похожее на воду и обладающее прозрачностью; эта энергия такая текучая, что кажется жидкой. Ее внешнее сходство с жидкостью является отражением фильтрующих свойств самого центра принятия решений, процеживающего любую поступающую в него энергию и извлекающего из нее только тот аспект, который обладает свойствами, подобными свойствам жидкости. Это свойство является общей характеристикой четвертого центра. Маги еще называют его центром влажности.

— Вращение энергии в центре принятия решений, по сравнению с другими центрами, самое медленное, — продолжал дон Хуан. — Вот почему человек редко способен принять какое-либо решение. Однако после выполнения специальных магических пассов этот центр активизируется, и человек уже

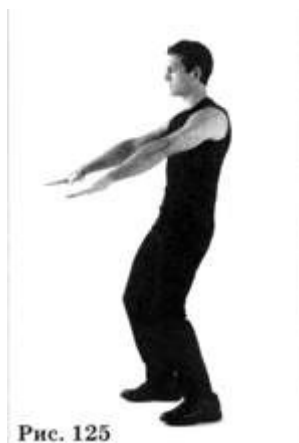
может принимать решения, соответствующие его истинным устремлениям — хотя до этого он не мог сделать в этом направлении даже первый шаг.

Дон Хуан особо подчеркнул, что шаманы древней Мексики всячески избегали касаться надгрудной ямки. Подобные манипуляции вызывали у них отвращение, граничившее со страхом. Единственным способом, которым они соглашались воздействовать на эту область, являлось выполнение определенных магических пассов, активизирующих центр принятия решений и подводящих к нему рассеянную энергию. Это позволяло преодолеть нерешительность, порождаемую естественным рассеянием энергии в ходе повседневной жизни.

По словам дона Хуана, человек, если воспринимать его как сочетание энергетических полей, представляет собой замкнутое целое, в которое нельзя впрыснуть и из которого нельзя изъять какую-либо энергию. Дефицит энергии, испытываемый нами в тот или иной период жизни, является результатом ее рассеяния из пяти огромных центров, отвечающих за нашу жизнедеятельность и энергичность. Любое ощущение притока энергии — это следствие ее перераспределения, когда она вновь возвращается в те же пять главных центров, из которых некогда была рассеяна.

Магические пассы для центра принятия решений

1. Перенос энергии к центру принятия решений колебательными движениями кистей рук и предплечий (ладони обращены вниз)

Сделайте выдох и одновременно резким мощным движением выведите руки перед корпусом — вперед и немного вниз, под углом сорок пять градусов к вертикали. Ладони при этом должны быть обращены вниз (Рис. 125).

Сделайте вдох и одновременно отведите кисти назад, к обеим сторонам грудной клетки вблизи подмышек. Плечи немного приподнимите, чтобы отведенные руки могли сохранять тот же угол наклона (Рис. 126). Повторите описанные движения, но на этот раз выводите руки вперед и вниз одновременно со вдохом, а возвращайте к подмышкам — с выдохом.

2. Перенос энергии к центру принятия решений колебательными движениями кистей рук и предплечий (ладони обращены вверх)

Этот магический пасс во всем подобен предыдущему, но при его выполнении кисти рук должны быть обращены ладонями вверх (Рис. 127). Вдохи и выдохи выполняются точно так же, как и в предыдущем пассе. Воздух выдыхается в тот момент, когда кисти рук и предплечья выводятся вперед и вниз под углом сорок пять градусов; вдох выполняется, когда руки отводятся к подмышкам.

Повторите описанные движения, но на этот раз делайте вдох одновременно с выведением кистей рук и предплечий вперед и вниз, а выдох — когда они отводятся назад.

3. Перенос энергии к центру принятия решений круговым движением кистей рук и предплечий

Начальные движения этого магического пасса выполняются точно так же, как и в первом пассе этой группы, но в тот момент, когда руки будут полностью выведены вперед и вниз, опишите предплечьями два полных круга. При этом кисти рук должны двигаться друг от друга, удаляясь вправо и влево от грудной клетки на расстояние примерно 15 сантиметров (Рис. 128). По завершении круговых движений руки отведите к грудной клетке и поместите вблизи подмышек.

Этот магический пасс состоит из двух этапов. На первом этапе, когда руки описывают круги, воздух выдыхается, а когда руки отводятся к подмышкам —

делается вдох. На втором этапе руки описывают круги одновременно с вдохом, а отводятся назад во время выдоха.

4. Перенос энергии к центру принятия решений круговым движением кистей рук и предплечий (ладони обращены вверх)

Этот магический пасс во всем подобен предыдущему, с теми же двумя этапами, отличающимися последовательностью вдохов и выдохов, но ладони должны быть обращены вверх (Рис. 129).

Рис. 129

Рис. 130

5. Перенос энергии от средней части тела к центру принятия решений

Согните руки в локтях и поднимите на уровень плеч. Пальцы не напряжены; они обращены в сторону V-точки, но не касаются ее (Рис. 130). Выполните серию легких покачиваний предплечьями справа налево и слева направо. Бедра должны оставаться неподвижными — движение выполняется за счет сокращений мышц живота, которые слегка отклоняют центральную часть тела вправо, затем влево — и снова вправо, влево и так далее.

6. Перенос энергии из области лопаток к центру принятия решений

Руки согните, как в предыдущем магическом пассе, но плечи округлите так, чтобы локти оказались сильно выдвинуты вперед. Левую кисть поместите поверх правой. Пальцы не напряжены; они обращены в сторону V-точки, но не касаются ее. Подбородок должен быть выдвинут вперед и лежать в углублении между большим и указательным пальцем левой руки (Рис. 131). Согнутые локти поочередно выдвигайте как можно дальше вперед, заставляя расходиться лопатки.

Рис. 131

Рис. 132

Рис. 133

7. Перемешивание энергии вокруг центра принятия решений при помощи сгибания запястий

Поднесите кисти к V-точке, но не прикасайтесь к ней. Кисти слегка согнуты, пальцы обращены к центру принятия решений. Начните делать плавные махи поочередно обеими руками. Движение выполняется влево и вправо, как будто вы перемешиваете жидкость или нагнетаете воздух кистями рук в область V-точки. Руки поочередно отводятся в стороны и полностью распрямляются, а затем снова возвращаются в область перед V-точкой (Рис. 132).

Левой рукой нанесите удар вперед, в область прямо перед V-точкой, одновременно резко сгибая кисть руки внутрь, — в результате ударной поверхностью становятся запястье и тыльная сторона кисти (Рис. 133). Выполните такой же удар правой рукой, а затем нанесите попеременно обеими руками серию резких ударов в область перед V-точкой.

8. Перенос энергии от двух центров жизненности на передней части тела к центру принятия решений

Рис. 134

Рис. 135

Поместите обе кисти на уровне поджелудочной железы и селезенки, в десяти-пятнадцати сантиметрах перед телом. Левая кисть повернута ладонью вверх и удерживается в десяти-пятнадцати сантиметрах ниже правой ладони, обращенной вниз. Руки согнуты в локтях под прямым углом, предплечья параллельны друг другу (Рис. 134). Опишите вокруг области поджелудочной железы и селезенки левой кистью два круга вовнутрь, диаметром около тридцати сантиметров. Как только рука опишет второй круг, нанесите удар ребром правой ладони — в точку, находящуюся на расстоянии вытянутой руки перед печенью и желчным пузырем (Рис. 135).

Выполните такие же движения для другой стороны тела. Для этого следует поменять местами кисти рук и поместить их в области печени и желчного пузыря. Затем правой кистью опишите круг, а левой нанесите удар вперед, в точку, находящуюся на расстоянии вытянутой руки перед поджелудочной железой и селезенкой.

9. Перенос энергии от коленей к центру принятия решений

Рис. 136

Рис. 137

Рис. 138

Опишите левым предплечьем немного левее V-точки два круга диаметром около тридцати сантиметров — ладонь при этом повернута вниз (Рис. 136). По завершении второго круга предплечье поднимите к плечу и нанесите на уровне V-точки резкий удар по диагонали вперед и вправо; кисть руки должна двигаться так, как будто в ней зажат хлыст (Рис. 137). Повторите описанные движения правой рукой.

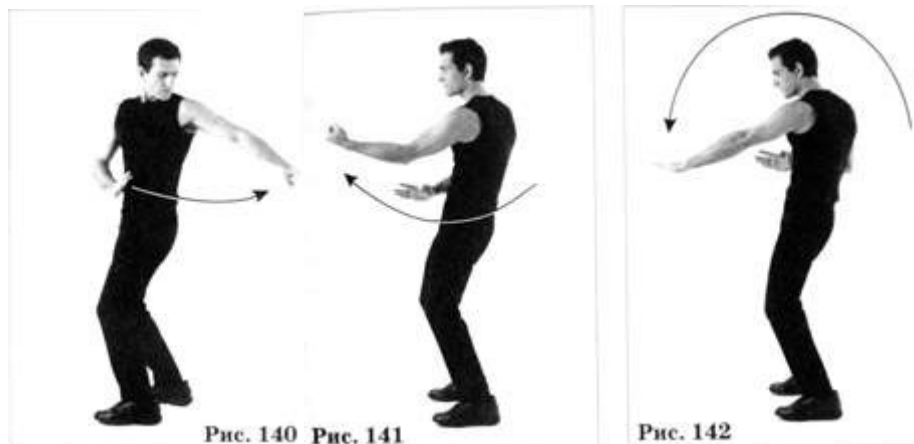
Рис. 137

Сделайте глубокий вдох и начните медленный выдох, скользящим движением опуская кисти рук к верхней части коленей; ладони обращены вверх. Сделайте еще один глубокий вдох и поднимите руки вверх, левая рука должна быть выше правой. Проведите обе руки над головой и положите пальцы на заднюю сторону шеи, правую руку поверх левой. Задержите дыхание и сделайте верхней частью корпуса три колебательных движения, подобно маятнику: сначала опускается левое плечо, затем правое и так далее (Рис. 138). После этого с выдохом верните руки к верхней части коленей — ладони обращены вверх.

Сделайте глубокий вдох, одновременно поднимая кисти от коленей на уровень V-точки — пальцы направлены к ней, но не касаются ее (Рис. 139). Затем с выдохом снова опустите кисти рук на колени. После этого сделайте завершающий глубокий вдох, поднимите кисти на уровень глаз и с выдохом опустите их вдоль тела.

По словам дон Хуана, следующие три магических пасса перемещают энергию центра принятия решений от переднего края светящейся сферы, где она копилась годами, на ее заднюю сторону, а затем оттуда — вновь к переднему краю. Двигаясь вперед и назад, эта энергия проходит через V-точку, которая действует как фильтр, пропуская соответствующий ей вид энергии и отсеивая все остальные. Дон Хуан утверждал, что из-за огромного значения происходящих в V-точке процессов, следует выполнять эти три магических пасса как можно большее количество раз.

10. Прохождение энергии через центр принятия решений от передней полусферы к задней и обратно

Сделайте глубокий вдох. Медленно выдыхая, нанесите левой рукой удар на уровне солнечного сплетения — ладонь должна быть полностью выпрямлена и обращена вверх, пальцы прижаты друг к другу. Сожмите кулак и нанесите на уровне бедер удар по дуге назад (Рис. 140). В конце дуги кулак разожмите и сделайте выдох.

Глубоко вдохните. Одновременно с началом медленного выдоха сделайте десять легких хлопков находящейся позади корпуса открытой ладонью, как бы похлопывая по твердому округлому предмету. Затем сожмите кулак и нанесите удар по дуге вперед и вверх, в область, находящуюся на расстоянии вытянутой руки от V-точки (Рис. 141). Разожмите кулак, как бы выпуская то, что в нем находилось. Опустите руку, отведите ее назад, а затем проведите по дуге над головой, нанося открытой ладонью удар по области перед V-точкой, как будто разбивая то, что было ранее выпущено из кулака. В этот момент завершите выдох (Рис. 142).

Повторите описанную последовательность движений правой рукой.

11. Передача энергии от передней полусферы к задней и обратно боковым ударом руки

Рис. 143

Рис. 144

Сделайте глубокий вдох. Медленно выдыхая, начните левой рукой движение вперед, ладонь при этом обращена вверх (Рис. 143). Быстро сожмите пальцы в кулак и, повернув тыльной стороной вверх, проведите его над плечом, нанося удар назад. Поверните кулак тыльной стороной вниз, затем разожмите и поверните кисть ладонью вниз — в этот момент выдох завершается. Снова глубоко вдохните. Затем начните медленный выдох, одновременно кистью руки, согнутой в запястье так, чтобы она образовала обращенный вниз крюк, сделайте три сгребаящих движения, как бы скатывая в шар твердое вещество (Рис. 145). Затем резким движением кисти и предплечья подбросьте этот шар вверх, на уровень головы (Рис. 144), и быстро поймите его кистью руки, вновь согнутой в запястье подобно крюку (Рис. 145). Выведите кисть перед корпусом и поместите ее на уровне правого плеча, после чего нанесите удар в область, расположенную непосредственно перед V-точкой на расстоянии вытянутой руки; используйте запястье и тыльную сторону кисти в качестве ударной поверхности (Рис. 146).

Рис. 145

Рис. 146

Выпрямите кисть, как бы отпуская то, что она держала, отведите руку вниз и назад, а затем поднимите вверх над головой, с силой нанося удар открытой

ладонью по тому, что ранее "удерживалось" рукой. Выдох завершите в тот момент, когда все тело содрогнется от нанесенного открытой ладонью сильного удара. Повторите такую же последовательность движений правой рукой.

12. Передача энергии от передней полусферы к задней и обратно тремя ударами руки

Рис. 147

Рис. 148

Рис. 149

Сделайте глубокий вдох. Медленно выдыхая, сделайте левой рукой быстрый укол вперед — ладонь должна быть открыта и повернута вверх. Сожмите пальцы в кулак и быстро отдерните руку назад. Затем нанесите удар кулаком вправо — предплечье при этом должно касаться корпуса (Рис. 147).

Еще раз отведите локоть назад, как будто нанося удар за спину. Выпрямляя руку, нанесите удар тыльной стороной кулака назад и влево. Разожмите кулак и завершите выдох (Рис. 148).

Снова глубоко вдохните, Медленно выдыхая, сделайте три сгребаящих движения кистью руки, согнутой в запястье и опущенной вниз в форме крюка. Затем сожмите пальцы, как бы захватывая твердый предмет (Рис. 149).

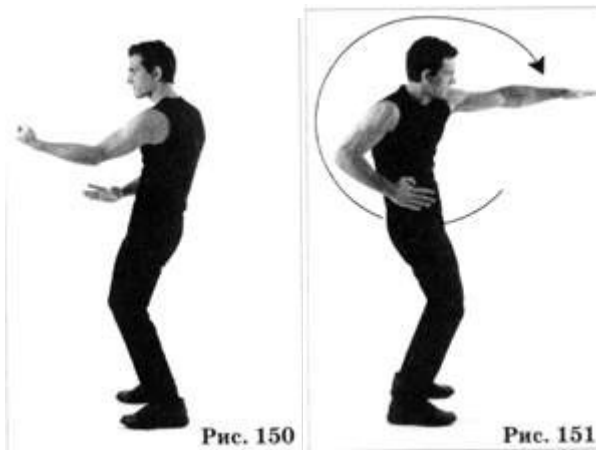

Рис. 150

Рис. 151

Нанесите боковой удар вперед, в область, расположенную на уровне центра принятия решений. Подведите кулак к правому плечу и, описывая предплечьем петлю вверх, выполните удар тыльной стороной сжатого кулака в область, находящуюся перед V-точкой на расстоянии вытянутой руки (Рис. 150). Разожмите кулак, как бы выпуская что-то наружу. Опустите руку вниз и отведите назад, за корпус, а затем проведите ее по дуге над головой и с силой нанесите удар открытой ладонью по тому, что было "выпущено". В этот момент завершите выдох (Рис. 151). Повторите описанные движения правой рукой.

Вторая группа: работа с инвентарным списком (рекапитуляция)

Техника работы с инвентарным списком, по словам дона Хуана, была открыта еще магами древней Мексики, и в дальнейшем ее использовали все практикующие шаманы. Эта техника предназначалась для того, чтобы тщательно пересмотреть и вновь пережить весь свой жизненный опыт, преследуя при этом две трансцендентные цели. Первая цель довольно абстрактна. Она состоит в следовании единому для всех закону, согласно которому осознание в момент смерти должно освободиться. Вторая цель чрезвычайно прагматична и состоит в обретении текучести восприятия.

Дон Хуан говорил, что формулирование первой цели явилось результатом непосредственных наблюдений за энергетическими потоками Вселенной с помощью видения. Маги видели, что во Вселенной существует гигантская сила, огромный конгломерат энергетических полей, который они называли Орлом, или темным морем осознания. Это та сила, которая всем живым существам, от вирусов до людей, предоставляет во временное пользование осознание: она наделяет им все новорожденные существа, а они в дальнейшем расширяют и совершенствуют его посредством накопления собственного жизненного опыта — вплоть до того момента, когда сила востребует осознание назад.

По представлениям древних магов, все живые существа умирают из-за того,

что они вынуждены возвращать ранее полученное осознание. На основании многовековых наблюдений маги пришли к выводу, что при помощи так называемого линейного способа мышления невозможно понять, почему и как человек получает в долг свое осознание и к кому оно затем возвращается. Маги древней Мексики рассматривали этот процесс как энергетический факт Вселенной, который нельзя объяснить, исходя из причинно-следственных отношений или умозрительных представлений о целесообразности.

По мнению магов линии дона Хуана, работа с инвентарным списком позволяет отдать темному морю осознания то, что ему требуется, — накопленный человеком жизненный опыт. Посредством работы с инвентарным списком можно добиться жесткого контроля над сознанием и таким образом научиться отделять свой жизненный опыт от жизненной силы. С точки зрения магов, эти две вещи отнюдь не являются неразрывно связанными — они соединены вместе только в силу сложившихся обстоятельств.

Маги линии дона Хуана утверждали, что темное море осознания не стремится отнять у человеческого существа жизнь; оно всего лишь хочет получить их жизненный опыт. Но нехватка дисциплины не позволяет людям отделить друг от друга эти две вещи, и в результате они лишаются жизненной силы — тогда как им было предназначено всего лишь передать свой жизненный опыт. Маги древней Мексики рассматривали работу с инвентарными списками как процедуру, при помощи которой они могут отдать темному морю осознания нечто равноценное своей жизни, а жизнь оставить себе. Перепросматривая происшедшие с ними на протяжении жизни события, они сумели отказаться от накопленного опыта, сохранив при этом свою жизненную силу.

Конечно, эта концепция, основанная на особом восприятии, с точки зрения линейных понятий нашего Западного мира абсолютно бессмысленна. Западная цивилизация была в контакте с шаманами Нового Света на протяжении пятисот лет, но учеными ни разу не была предпринята серьезная попытка создать философское учение на базе представлений шаманов. Например, работа с инвентарным списком наверняка будет восприниматься любым представителем Западного мира как одна из разновидностей психоанализа, определенная психологическая процедура — своего рода техника психологической самопомощи. Согласитесь, вряд ли можно придумать большее заблуждение.

Дон Хуан Матус считал, что, мысля обычными категориями, западный человек неизбежно оказывается в проигрыше. Не желая принимать всерьез основополагающие принципы магии, он упускает огромные возможности для расширения своего осознания, поскольку способ, которым он соотносит себя со Вселенной, с жизнью и осознанием — только один из множества других вариантов, имеющихся в его распоряжении.

Работая с инвентарным списком, практикующий шаман отдает непостижимой силе, темному морю осознания, то, что она ищет — свой жизненный опыт. Иными словами, это то осознание, которое шаман расширил посредством

приобретения жизненного опыта. Поскольку дон Хуан считал невозможным объяснить мне эти явления с точки зрения стандартной логики, он сказал, что магам надлежит стремиться к совершению подвига удержания своей жизненной силы, нисколько не задаваясь вопросом, как именно это делается. К сегодняшнему дню достичь этого удалось тысячам магов. Они сумели удержать свою жизненную силу после того, как отдали темному морю осознания силу своего накопленного опыта. В свете учения дона Хуана это означало, что маги не умерли в обычном смысле этого слова — им удалось превозмочь смерть, удержав свою жизненную силу. И они исчезли с лица земли, отправившись в заключительное путешествие восприятия.

Маги линии дона Хуана были убеждены, что когда человек умирает таким, особым образом, то все его существо превращается в особый вид энергии, сохраняющий отпечаток его индивидуальности. Дон Хуан пытался объяснить мне это с помощью следующей метафоры. Мы представляем собой союз многих стран: в него входят страна легкое, страна сердце, страна желудок, страна почки и так далее. Каждая страна иногда действует независимо от других, но в момент смерти все они объединяются в одно целое. Маги линии дона Хуана называли это состояние абсолютной свободой. Для мага смерть является скорее объединителем, а не разрушителем, как для обычного человека.

— Получается, что это и есть состояние бессмертия, дон Хуан? — спросил я.

— Ни коим образом, — ответил он. — Это просто вхождение в процесс эволюции при помощи единственного средства, которое человек имеет в своем распоряжении, — осознания. Маги моей линии были убеждены, что человек уже не может дальше развиваться биологически, поэтому единственным средством эволюции для него является осознание. В момент умирания маг не уничтожается смертью, а превращается в неорганическое существо — существо, которое наделено осознанием, но не имеет организма. Такое превращение и было эволюцией для магов моей линии. Это означало, что им давался во временное пользование новый, совершенно непостижимый для нас тип осознания. Оно может существовать на протяжении миллионов лет, но со временем его также предстоит вернуть тому, кто его предоставил, — темному морю осознания.

Шаманы линии дона Хуана сделали очень важное открытие: подобно всему во Вселенной, наш мир представляет собой сочетание двух противостоящих друг другу и в то же время взаимодополняющих сил. Одна сила — это известный нам мир, который маги называют миром органических существ. Другая — то, что они называли миром неорганических существ.

— Мир неорганических существ, — сказал дон Хуан, — населен сущностями, которые обладают осознанием, но не имеют организма. Как и мы, они также являются сочетанием энергетических полей. Но взгляду видящего они представляются не светящимися, как человеческие существа, а скорее светонепроницаемыми. У них не круглые, а удлиненные энергетические

конфигурации, напоминающие очертанием свечу. В этом их отличие от человека, но по сути они тоже, как и мы, представляют собой конгломераты энергетических полей, связанных воедино и имеющих четко очерченные границы. Их превращает в единое целое та же склеивающая сила, которая удерживает вместе и наши энергетические поля.

— Где же находится этот неорганический мир, дон Хуан? — спросил я.

— Это двойник нашего мира. Он занимает то же время и пространство, что и мы; но наш тип осознания так отличен от неорганического, что мы никогда не обращаем внимания на присутствие неорганических существ — хотя они-то прекрасно воспринимают присутствие человека.

— Значит, неорганические сущности — это эволюционировавшие люди?

— Вовсе нет! — воскликнул дон Хуан. — Неорганические существа того мира изначально были такими — точно так же, как мы всегда, с самого момента нашего появления, были органическими существами. Сознание неорганических существ может развиваться по тому же пути, что и наше, но у меня нет сведений из первых рук, как именно это происходит. Тем не менее, я знаю, что человек, чье осознание смогло эволюционировать, имеет облик ярко светящегося, округлого неорганического существа, не похожего ни на что другое.

Дон Хуан несколько раз образно описывал этот процесс эволюции, но его рассказы я всегда считал не более чем поэтическими метафорами. Больше всего мне понравилось выражение абсолютная свобода. Я полагал, что человек, входящий в это состояние, должен быть личностью чрезвычайно смелой и наделенной богатейшим воображением. Дон Хуан был согласен со мной. Для вхождения в состояние абсолютной свободы человек должен обратиться к возвышенной стороне своей личности, которую, по его словам, мы все имеем, но которую нам и в голову не приходит использовать.

Вторую, практическую цель работы с инвентарным списком дон Хуан называл обретением текучести. Стоящее за этим магическое объяснение имеет отношение к одному из наиболее сложных для понимания явлений — к точке сборки. Когда маги видят человека как сочетание энергетических полей, эта точка открывается их взору как пятно интенсивного свечения размером с теннисный мяч.

Маги видят, как миллиарды энергетических полей в форме светящихся волокон, тянущихся из внешней Вселенной, сходятся в точке сборки, заставляя ее ярко светиться, и проходят сквозь нее дальше. Точка сборки позволяет человеку воспринимать миллиарды энергетических волокон, превращая их в данные органов чувств. Затем она интерпретирует эти данные, "собирая" из них ту картину, которую мы, как порождения человеческой социализации и жертвы собственных представлений о

человеческом потенциале, привыкли считать миром повседневной жизни.

Работать с инвентарным списком означает заново пережить каждое, или почти каждое, событие, которое происходило в нашей жизни. С помощью силы припоминания удается сместить точку сборки в то положение, которое она занимала в момент припоминаемого события. Это действие, приводящее к временному сдвигу точки сборки в ранее занимаемую ею позицию и последующему ее возвращению обратно, позволяет практикующему шаману приобрести необходимую текучесть восприятия, которая, в свою очередь, помогает противостоять тому невероятному, с чем шаману предстоит встретиться во время путешествия в бесконечность. Применительно к Тенсегрити можно сказать так: работа с инвентарным списком придает практикующим необходимую текучесть, позволяющую противостоять тому необычному, с которым им никогда не приходилось встречаться в своей повседневной жизни.

В древности работа с инвентарным списком, как формальное упражнение, проводилась следующим образом:

практикующий припоминал каждого человека, с которым когда-либо встречался, и каждое событие, в котором принимал участие. В моем случае, типичном для современного человека, дон Хуан предложил подготовить специальное приспособление для припоминания, составив в письменном виде список всех лиц, с которыми я встречался на протяжении жизни. Причем перечислить их нужно было в обратном хронологическом порядке — начиная от настоящего времени и заканчивая самыми ранними воспоминаниями. Когда список был готов, он рассказал, как его следует использовать. Я должен взять человека, чье имя стоит первым, и восстановить в памяти последнюю встречу с ним. Это действие называется подготовкой события, предназначенного для припоминания.

Требуется подробно вспомнить все, до мельчайших подробностей; это наиболее подходящий способ отточить свою способность к припоминанию. Следует восстановить в памяти все сопутствовавшие событию физические детали — вплоть до рельефа местности, где оно происходило. После того как событие подготовлено, следует "войти" в место действия, как будто событие происходит в реальности, обращая особое внимание на мельчайшие особенности физического плана. Если, например, событие произошло в офисе, то существенно важно вспомнить все детали обстановки: на каком этаже расположен офис, как выглядели двери, стены, картины на стенах, окна, столы, предметы на столах — словом, все, на что можно было тогда бросить взгляд и впоследствии забыть.

Работа с инвентарным списком как формальная процедура должна начинаться с составления перечня хронологически более близких событий. Ведь то, что случилось недавно, можно вспомнить с большей точностью. Маги исходят из того, что человеческие существа способны воспринимать и сохранять в памяти огромное количество информации, наличие которой они

не осознают, и что именно эти подробности и есть то, за чем охотится темное море осознания.

Во время работы с событием из инвентарного списка необходимо глубоко дышать, очень медленно и плавно поворачивая голову из стороны в сторону. Начинать можно с любой стороны, левой или правой — все равно. Повороты головы выполняются столько раз, сколько потребуется, при этом в памяти восстанавливаются все сохранившиеся детали происшедшего. По словам дона Хуана, маги называли это действие вдыханием собственных эмоций, затраченных во время восстанавливаемого в памяти события, и удалением всех нежелательных настроений и ненужных ощущений, испытываемых в тот момент.

Секрет эффективной работы с инвентарным списком заключается, по мнению магов, во вдохах и выдохах. Поскольку дыхание — важнейшая функция организма, позволяющая поддерживать его жизнедеятельность, то посредством дыхания человек может направлять в темное море осознания точную копию своего опыта, накопленного на протяжении жизни. Когда я стал настаивать, чтобы дон Хуан дал этому рациональное объяснение, он заявил, что результаты работы с инвентарным списком можно только ощутить, но не объяснить. Такими действиями можно начать свой путь к освобождению, но попытки объяснить их стали бы просто растратой нашей энергии на заведомо бесполезные усилия.

При восстановлении событий в памяти список имен используется как мнемоническое приспособление, которое отправляет память в непостижимое путешествие. Маги утверждают, что воспоминания о недавних событиях подготавливают почву для воспоминаний о событиях более далеких, позволяя восстановить их так же ясно и непосредственно. Вспоминать прошлое описанным способом — это значит оживить воспоминания и почерпнуть из них чрезвычайно мощный импульс, способный пробудить и возратить обратно энергию, рассеянную когда-то нашими энергетическими центрами. Перераспределяя энергию, работа с инвентарным списком помогает магам обрести текучесть — после того, как темное море осознания получит то, что ему требуется.

На повседневном уровне работа с инвентарным списком дает практикующим возможность проследить повторяемость событий в их жизни и окончательно убедиться, что все мы отдаемся занятиям и образу жизни, которые в конце концов не имеют ни малейшего смысла, хотя на первый взгляд и могут показаться вполне разумными. Возьмем, к примеру, жизнь, посвященную уходу за женщинами. Для некоторых мужчин это способ продлить молодость, погоня за уходящим временем. Мне самому доводилось слышать от людей пожилого возраста, что единственное их стремление — найти идеального спутника жизни; им хочется лишь одного — хотя бы на короткое время, пусть даже на один год, обрести счастье в любви.

Дон Хуан обычно трактовал это стремление по-другому, что неизменно

вызывало мои горячие протесты. Проблема в том, говорил он, что в действительности никто не хочет любить кого-нибудь другого, зато каждый хочет быть любимым. Поэтому-то одержимость ухаживанием, которое само по себе является лишь мнимой ценностью, представляется нам самой естественной вещью в мире. Когда семидесятипятилетние мужчина или женщина говорят, что до сих пор ищут идеального партнера, они всего лишь заявляют о своем стремлении к идеальным, романтическим и красивым отношениям. Но если изучить эту одержимость в контексте бесконечного повторения одних и тех же событий на протяжении всей жизни, она предстанет в своем истинном свете и ее полная абсурдность будет очевидна.

В разговорах со мной дон Хуан всячески подчеркивал, что если человек намерен что-либо изменить в своем поведении, то делать это следует при помощи работы с инвентарным списком. Это единственный способ расширить свое осознание, освобождая его от негласных требований социализации, которые кажутся настолько естественными и привычными, что обычно их не только не изучают, но даже не обращают на них внимание.

По сути дела, работа с инвентарным списком продолжается на протяжении всей жизни. Требуется многие годы, чтобы полностью отработать весь список — особенно тем, кто был знаком и общался с тысячами людей. К тому же этот список постепенно увеличивается за счет припоминания событий, в которых припоминающий лично не участвовал, но оказался косвенно с ними связан и поэтому их также следует рассмотреть.

По утверждению дон Хуана, маги древней Мексики, работая с инвентарными списками, стремились отыскать в памяти все, что касается их взаимодействия с другими людьми, поскольку именно в ходе такого взаимодействия и протекает процесс социализации, преодолеть который они стремились любыми доступными средствами.

Магические пассы для работы с инвентарным списком

Работа с инвентарным списком влияет на то, что дон Хуан называл энергетическим телом. Согласно его определению, это конгломерат энергетических полей, являющийся зеркальным отражением других энергетических полей — тех, что образуют человеческое тело, если его видеть непосредственно, как энергетическое образование. У магов физическое и энергетическое тела выступают как единое целое. Магические пассы для работы с инвентарным списком приближают энергетическое тело к физическому, что очень важно для ориентации в неизвестном.

13. Выковывывание корпуса энергетического тела

Дон Хуан говорил, что корпус энергетического тела выковыывается тремя ударами, выполняемыми открытыми ладонями. Кисти рук расположите на уровне ушей, ладони должны быть обращены вперед. Из этой позиции

нанесите ладонями удар вперед, на уровень плеч, словно вы ударяете по широкому, мощным плечам хорошо развитого тела. Затем отведите кисти рук назад, в исходную позицию около ушей (ладони обращены вперед), и из этой позиции нанесите удар по средней части корпуса воображаемого тела — на уровне груди. При втором ударе кисти рук не разводите так широко, как при первом, и еще больше сблизьте их при выполнении третьего удара, который приходится по талии воображаемого корпуса, имеющего форму треугольника (Рис.152).

Рис. 152

Рис. 153

14. Похлопывание по энергетическому телу

При выполнении этого пасса левую и правую руку следует поочередно резко опускать вниз дугообразным движением, первоначально расположив кисть на уровне выше головы. При этом ладонь создает ток энергии, который очерчивает границы плеча, предплечья и кисти воображаемой руки, принадлежащей энергетическому телу. Лево́й рукой нанесите удар наискосок перед корпусом, по левой кисти руки энергетического тела (Рис. 153), после чего аналогичное движение выполните и правой рукой: она тоже наносит удар наискосок, по правой кисти руки энергетического тела.

Этот магический пасс очерчивает плечи, предплечья и, в особенности кисти рук энергетического тела.

15. Расширение энергетического тела в стороны

Рис. 154

Рис. 155

Скрестите предплечья перед корпусом в виде буквы X, чтобы запястья почти касались его. Удерживайте запястья на уровне солнечного сплетения, кисти должны быть подняты вверх под прямым углом к предплечью. Правое предплечье находится впереди левого (Рис. 154). Из этого положения медленно, с усилием, одновременно разведите обе руки в стороны (Рис. 155) — как будто они преодолевают огромное сопротивление. Когда руки разойдутся на максимальное расстояние, сведите их обратно к центру — кисти при этом должны быть расположены под прямым углом к предплечьям, что создает впечатление выталкивания обеими руками чего-то твердого из области, расположенной непосредственно перед центральной частью корпуса. Верните руки в исходное положение — предплечья скрещены, левая кисть находится ближе к корпусу. Таким образом, руки готовы к выполнению очередного движения в стороны.

В то время как физическое тело, представляя собой конгломерат энергетических полей, имеет четкие контуры, энергетическое тело несколько расплывчато. Рассеивая энергию в стороны, мы более четко обозначаем его границы.

Рис. 156

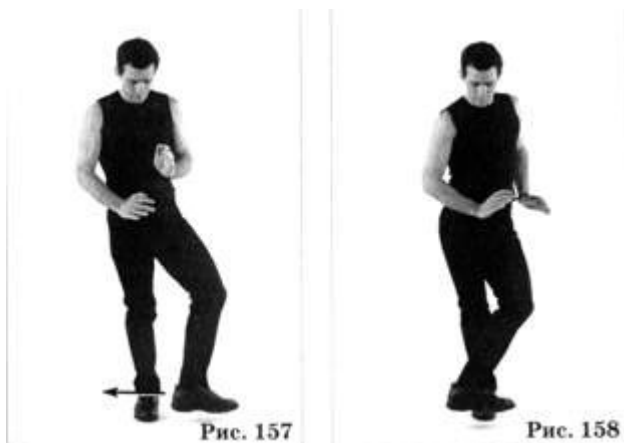
16. Создание сердцевины энергетического тела

Поднимите предплечья в вертикальное положение на уровне груди — так, чтобы руки отстояли друг от друга на ширину корпуса. Кисти плавно отведите назад, а затем с силой вытолкните вперед — предплечья при этом остаются неподвижными (Рис. 156).

Человеческое тело, будучи конгломератом энергетических полей, характеризуется не только вполне определенными границами, но и имеет ярко светящуюся сердцевину, которую шаманы называют полосой человека. Ее составляют энергетические поля, наиболее знакомые человеку. Шаманы

полагают, что в пределах светящейся сферы, которая является совокупностью энергетических возможностей человека, в то же время имеются и такие энергетические поля, о наличии которых люди даже и не подозревают. Эти поля расположены на максимальном удалении от полосы человека. Создать сердцевину энергетического тела означает укрепить его так, чтобы оно получило возможность взаимодействовать с этими, неизвестными нам энергетическими полями.

17. Выковывывание пяток и икр энергетического тела

Поднимите стопу левой ноги перед корпусом так, чтобы пятка находилась на уровне середины икры. Поверните левую стопу перпендикулярно правой (Рис. 157). Затем нанесите левой пяткой удар вправо, в область, расположенную на расстоянии пятнадцати-двадцати сантиметров от большой берцовой кости правой ноги (Рис. 158). Повторите эти движения другой ногой.

18. Выковывывание коленей энергетического тела

Рис. 159

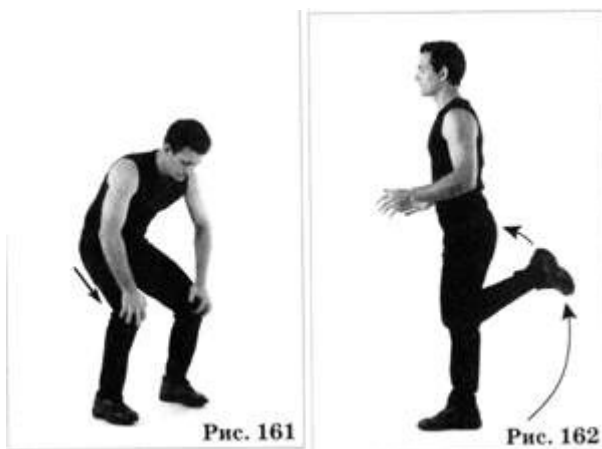
Рис. 160

Этот магический пасс состоит из двух этапов. На первом этапе согните левую ногу в колене и поднимите его на уровень бедра — а если сможете, то и выше. При этом вес тела перенесите на правую ногу, колено которой должно быть немного согнуто и выдвинуто вперед. Опишите левым коленом три круга вовнутрь, к области паха (Рис. 159), а затем сделайте такое же движение правой ногой. При выполнении второго этапа этого магического пасса следует еще раз повторить каждой ногой эти движения, но на этот раз описывая коленом круги не вовнутрь, а наружу (Рис. 160).

19. Выковывание бедер энергетического тела

Сделайте выдох, слегка наклоните корпус вперед, немного согните ноги в коленях, а кисти рук скользящим движением опустите вдоль бедер и поместите на коленные чашечки (Рис. 161). Сделайте вдох и одновременно с усилием, как будто к ним привязан тяжелый груз, отведите кисти вдоль бедер вверх, к тазобедренному суставу. Слегка согните пальцы обеих рук — так, чтобы кисти были похожи на когтистые лапы зверя. По завершении этой части магического пасса выпрямите корпус.

Потом повторите все движения еще раз, но измените режим дыхания: вдох замените выдохом, и наоборот. Делайте вдох, когда сгибаете колени и ведете кисти рук к коленным чашечкам, а выдох, когда отводите их к бедрам.

20. Пробуждение личной истории путем придания ей гибкости

Во время выполнения этого магического пасса должны напрягаться и расслабляться подколенные сухожилия, для чего обе ноги поочередно сгибайте в коленях, отводя пятки по дуге назад и слегка ударяя ими по ягодицам (Рис. 162). левой пяткой наносите удар по левой ягодице, а правой — по правой.

Шаманы придают очень большое значение напряжению мышц задней стороны бедер. Они полагают, что чем сильнее напряжены эти мышцы, тем большее количество бесполезных моделей поведения удастся определить практикующему, чтобы впоследствии иметь возможность отказаться от них.

21. Пробуждение личной истории постукиванием пятки по полу

Поставьте правую стопу перпендикулярно левой и слегка согните правую ногу в колене. Левую стопу выведите как можно дальше перед корпусом — почти вся тяжесть тела должна приходиться на правую ногу. Мышцы задней стороны правой ноги должны быть максимально напряжены и сокращены, а мышцы задней стороны левой ноги — растянуты. Пятку вытянутой левой ноги быстро приподнимайте и опускайте, постукивая ею по полу (Рис. 163). Повторите эти движения правой ногой.

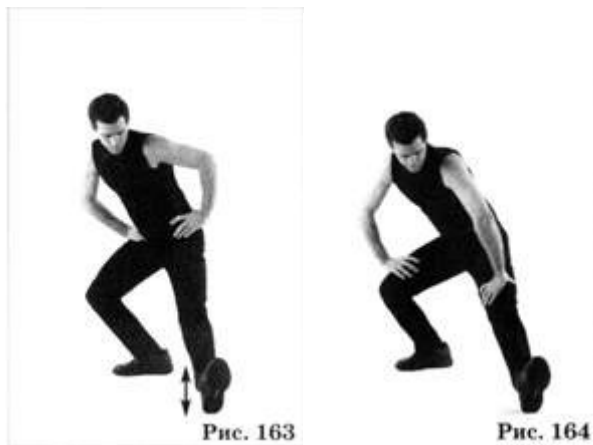

Рис. 163

Рис. 164

22. Пробуждение личной истории удерживанием. пятки прижатой к полу

Этот магический пасс выполняется так же, как и предыдущий, поочередно для обеих ног, но вместо постукивания пяткой по полу вытянутая нога удерживается неподвижно, что вызывает равномерное напряжение мышц тела (Рис. 164).

Следующие магические пассы сопровождаются глубокими вдохами и выдохами, поэтому их нужно выполнять осторожно и умеренное количество раз.

23. Крылья припоминания

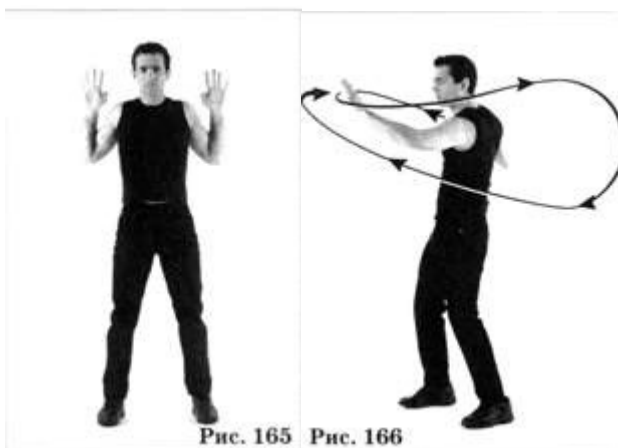

Рис. 165

Рис. 166

Одновременно с глубоким вдохом оба предплечья поднимите вверх на уровень плеч — кисти рук окажутся на уровне ушей, ладонями вперед. Предплечья должны находиться строго в вертикальном положении, на одинаковом расстоянии друг от друга и от туловища. Делая выдох, отведите

предплечья как можно дальше назад, все так же удерживая их в вертикальном положении (Рис. 165). Сделайте еще один глубокий вдох. Затем, медленно выдыхая, каждой рукой опишите полукруг, похожий очертаниями на крылья. Начните движение левой рукой: сначала выдвиньте ее насколько возможно вперед, затем, ведя в сторону и назад, опишите ею максимально широкий полукруг. Когда рука достигнет предельного положения за спиной, выведите ее перед корпусом дугообразным движением (Рис. 166), после чего верните в исходное положение сбоку от корпуса (Рис. 165).

Выполните такую же последовательность движений правой рукой, одновременно делая очень медленный выдох. По завершении этих движений напрягите мышцы живота и сделайте глубокий вдох.

24. Окно припоминания

Первая часть этого магического пасса полностью идентична первой части предыдущего. Одновременно с глубоким вдохом поднимите кисти рук на высоту ушей — ладони обращены вперед, предплечья находятся в строго вертикальном положении. Сделайте медленный выдох, одновременно отводя руки назад. Потом, медленно вдыхая, поднимите локти через стороны вверх — так, чтобы они оказались на высоте плеч. Кисти согните под прямым углом к предплечьям, чтобы пальцы были направлены вверх. Медленным движением выведите локти вперед, при этом предплечья должны скреститься перед центральной частью корпуса. Левая кисть окажется ближе к телу, а правая — дальше, поскольку левая рука находится за правой. Таким образом, кисти рук создают конфигурацию, которую дон Хуан называл "окном припоминания": отверстие перед глазами, напоминающее небольшое окно. По его словам, через это "окно" практикующий может направить свой взгляд в бесконечность (Рис. 167). Одновременно с глубоким выдохом выпрямите корпус, локти разведите в стороны, предплечья и кисти рук вытяните и удерживайте на одном уровне с локтями (Рис. 168).

25. Пять глубоких вдохов

Рис. 169

Начинается этот магический пасс так же, как и два предыдущих, но при выполнении второго вдоха руки опустите и скрестите на уровне коленей; для этого нужно слегка присесть, как бы собираясь опуститься на корточки. Кисти рук поместите на заднюю сторону коленей; правой кистью захватите подколенные сухожилия левого колена, а левой кистью, пропущенной поверх правой, захватите подколенные сухожилия правого колена. Указательный и средний пальцы охватывают внешние сухожилия, а большой палец огибает внутреннюю часть колена. Завершите выдох и сделайте глубокий вдох, одновременно надавливая на подколенные сухожилия (Рис. 169).

Таким образом сделайте пять вдохов.

Этот магический пасс заставляет спину выпрямиться — голова оказывается на одной линии с позвоночником. В такой позе вы можете делать глубокие вдохи, заполняя воздухом как верхнюю, так и нижнюю часть легких.

26. Вытягивание энергии от ступней

Рис. 170

Единственное свечение осознания, оставшееся неактивизированным в нижней части светящейся сферы человеческого существа, представляет собой кольцо на уровне пальцев ног. Данный магический пасс позволяет практикующему "взбивать" эту энергию, постукивая по энергетическому кольцу тыльной стороной пальцев, и активизировать ее с помощью дыхания.

Первая часть пасса идентична началу предыдущих трех пассаов этой серии. При выполнении второго вдоха опустите предплечья и по мере того, как будете садиться на корточки, обвивайте предплечьями ноги вокруг щиколоток. Тыльные стороны кистей рук положите поверх ступней. В этой позе выполните три глубоких вдоха и выдоха (Рис. 170). По завершении последнего выдоха выпрямитесь и сделайте глубокий вдох.

Третья группа: сновидение

Согласно определению дона Хуана Матуса, сновидение — это использование обычных снов для вхождения человеческого осознания в другие области восприятия. Он считал, что обычные сны можно использовать в качестве люка, через который восприятие будет проникать в другие энергетические области. По энергетическим характеристикам эти области совершенно отличны от мира повседневной жизни, но по сути они очень сходны с ним. В

результате такого вхождения человек начинает воспринимать иной мир, который является таким же "настоящим", как и наш, и в котором так же можно жить и умереть. Этот новый мир, несмотря на поразительные отличия, все-таки удивительно похож на привычный нам мир.

Когда я потребовал у дона Хуана разумного объяснения этого парадокса, он повторил привычное уже для меня объяснение магов: ответы на все вопросы заключаются в практике, а вовсе не в интеллектуальных рассуждениях. Мы можем говорить об этом предмете, только используя лексику своего языка. Но независимо от того, на каком языке мы говорим, его лексический потенциал автоматически устанавливает ограничения при описании каких-либо переживаний или явлений, поскольку любые слова отражают только те возможности восприятия, которые относятся к повседневному миру.

В качестве примера дон Хуан указал на существенное различие между двумя глаголами испанского языка: один, *sonar*, означает "видеть сон", а другой, *ensonar*, означает сновидеть так, как это делают маги. В английском языке нет способа ясно обозначить различие между этими двумя состояниями: нормальным сновидением, которое по-испански называется *sueno*, и более сложным состоянием, которое маги называют *ensueno*.

Искусство сновидения, по мнению дона Хуана, возникло благодаря почти случайному открытию магов древней Мексики. Когда они видели спящего человека, то замечали, что его точка сборки очень легко и естественно меняет свое местоположение, произвольно сдвигаясь из обычной позиции в любую точку на периферии светящейся сферы или внутри нее. Сопоставив то, что открылось им благодаря видению, с рассказами людей, которых они видели во время сна, маги сделали вывод: чем больше сдвигается во время сна точка сборки, тем поразительнее рассказы спящего о происходивших во сне событиях и пережитых ощущениях.

Когда маги разгадали смысл того, что им удалось увидеть, они начали неустанно изыскивать возможности для сдвига своих собственных точек сборки. Они очень быстро отказались от использования для этих целей психотропных растений, поскольку поняли, что сдвиг точки сборки, которого удавалось достичь таким способом, был неустойчивым и совершенно неуправляемым. Хотя опыты с применением психотропных растений закончились неудачей, они привели магов к открытию чрезвычайно важного явления, которое было названо ими вниманием сновидения.

Объясняя мне суть этого явления, дон Хуан обратился сначала к обыденному осознанию человеческих существ, которое он назвал вниманием, сосредоточенным на элементах мира повседневной жизни. Человеческие существа бросают лишь поверхностный взгляд на все, что их окружает, зато делают это очень часто. Беглым взглядом они не столько исследуют вещи, сколько определяют наличие этих элементов повседневного мира особым типом внимания, которое является специфическим аспектом их осознания. С точки зрения дона Хуана, такой же поверхностный, но частый взгляд можно,

так сказать, приложить и к элементам обычного сна. Он называл этот иной, специфический аспект нашего осознания вниманием сновидения, или приобретаемой практикующими способностью поддержать свое осознание зафиксированным на тех элементах, которые они видят во сне.

Развитие внимания сновидения позволило магам линии дона Хуана систематизировать свои знания о снах. Они обнаружили, что большинство их снов были навеяны образами, связанными с миром повседневной жизни. Однако встречались сны, которые не подпадали под разработанную ими классификацию. Последние представляли собой состояния повышенного осознания, в которых элементы сна были не просто образами, а некими событиями, порождавшими энергию. В этих снах шаманы могли видеть энергию в том виде, как она течет во Вселенной.

Шаманы научились фокусировать свое внимание сновидения на любом элементе снов и таким образом обнаружили, что существуют два типа снов. Сны первого типа прекрасно всем нам знакомы. Они содержат фантазмагорические элементы, которое мы можем считать порождениями нашего интеллекта, нашей души; возможно, некоторые из них как-то связаны с особенностями нашей нервной системы. Сны второго типа шаманы называют снами, порождающими энергию. По словам дона Хуана, древние маги оказывались в сновидениях, которые были не просто снами — маги действительно посещали в таком "сноподобном" состоянии реально существующие места, расположенные за пределами этого мира. Эти места находятся в других мирах, которые так же реальны, как и мир, в котором мы живем; там объекты сна порождали энергию — точно так же, как деревья, животные и даже скалы порождают энергию в нашем повседневном мире, в чем легко может убедиться любой маг, умеющий видеть.

С точки зрения шаманов, открывающиеся их взгляду видения таких мест были слишком мимолетными, слишком непостоянными, чтобы иметь хоть какое-то практическое значение. Проблема, как они считали, заключалась в том, что им не удавалось фиксировать свои точки сборки в той позиции, в которую они смещались в сновидении, в течение сколько-нибудь значительного промежутка времени. Попытки справиться с возникшими трудностями привели к созданию другого магического искусства — искусства сталкинга.

Дон Хуан как-то раз привел мне предельно ясные описания этих двух искусств. Искусство сновидения заключается в преднамеренном смещении точки сборки из ее обычной позиции, а искусство сталкинга позволяет волевым усилием удерживать ее в новой позиции.

Фиксация точки сборки в новой позиции предоставляла магам древней Мексики возможность воспринимать иные миры во всей их полноте. Судя по рассказам дона Хуана, некоторые древние маги так никогда и не вернулись из своих путешествий. Другими словами, они предпочли остаться там — где бы это "там" ни находилось.

— Когда маги древности изучали светящиеся сферы человеческих существ, — сказал мне однажды дон Хуан, — они обнаружили на них более шестисот особых точек. Перемещение точки сборки в каждую из этих позиций позволяло ей собирать новый, абсолютно реальный мир. Если бы практикующий сумел зафиксировать точку сборки в любом из этих шестисот положений, то он попал бы в удивительный, совершенно не знакомый ему мир.

— Но где находятся эти шестьсот других миров, дон Хуан? — спросил я.

— Единственно возможный ответ на твой вопрос непостижим для рассудка, — ответил он смеясь. — В этом ответе — сущность магии, и в то же время он ничего не значит для обыденного сознания. Те шестьсот миров заключены в позиции точки сборки. Для того чтобы получить этому реальное подтверждение, требуется неисчислимо количество энергии. И у нас есть такая энергия. Нам не достаёт лишь способностей или самоконтроля, чтобы использовать её.

От себя добавлю: вряд ли что-то может быть столь же бессмысленным и в то же время более истинным, чем эти утверждения.

Дон Хуан объяснял мне обычное восприятие в тех же терминах, которые всегда использовали маги его линии: в своей обычной позиции точка сборки принимает поток энергетических полей из внешней Вселенной, поступающих в виде светящихся волокон. Таких волокон — миллиарды. Поскольку позиция точки сборки остаётся неизменной, маги пришли к заключению, что в точке сборки фокусируется и проходит через неё в виде светящихся волокон один и тот же набор энергетических полей, порождая в результате восприятие того мира, который мы знаем. Отсюда следовал неизбежный вывод: если точка сборки изменит своё местоположение, то через неё должно будет проходить другое сочетание энергетических волокон, что приведёт к восприятию иного мира, который, по определению, не может быть известным нам миром повседневной жизни.

По мнению дон Хуана, то, что люди считают восприятием, является скорее интерпретацией данных, получаемых от органов чувств. С момента рождения способность к интерпретации постепенно развивается и вскоре становится завершённой системой, посредством которой мы осуществляем своё взаимодействие с этим миром — взаимодействие, основанное на потоке данных, поступающем от органов чувств.

Дон Хуан всегда подчеркивал, что точка сборки — это не только центр, где собирается восприятие, но и центр, где происходит интерпретация поступающих от органов чувств данных. Поэтому, если этот центр изменит своё положение, то ему придётся интерпретировать новый поток энергетических полей, используя почти те же термины, в которых он интерпретирует мир повседневной жизни. Результатом этого станет восприятие мира, удивительно подобного нашему — и все же совсем другого. С точки зрения энергии, как утверждал дон Хуан, тот другой мир коренным

образом отличается от нашего. А все его кажущееся сходство — не более, чем результат привычной интерпретации, осуществляемой точкой сборки.

Трудно описать словами чудесные свойства точки сборки и возможности восприятия, которые предоставляет нам сновидение. Ни в одном языке мира нельзя подобрать слова, точно передающие суть этих явлений и понятные для непосвященного слушателя. Может быть, со временем удастся создать новый, "магический" язык. Однако дон Хуан допускал, что и современный лексикон можно как-то использовать для описания свойств точки сборки и получаемого в сновидении опыта — при условии, что и то, и другое стало бы доступно каждому, а не только начинающим шаманам.

Меня чрезвычайно заинтересовало, но в то же время и безмерно озадачило одно из высказываний дон Хуана о сновидении. Он утверждал, что никакие описания и уроки не способны научить человека сновидеть. Сновидение более, чем какое-либо другое искусство, является результатом напряженных усилий со стороны практикующего. И в первую очередь эти усилия должны быть направлены на установление контакта с не поддающейся описаниям всепроницающей силой, которую маги древней Мексики называли намерением. Как только такое взаимодействие осуществлялось, это самым непостижимым образом приводило к становлению сновидения. Дон Хуан утверждал, что контакт с намерением можно наладить, если образ жизни практикующего всецело будет подчинен дисциплине.

Когда я попросил его вкратце описать мне процедуры налаживания контакта с намерением, он лишь рассмеялся в ответ.

— Рискнуть войти в мир магов, это не то же самое, что посещать курсы вождения автомобиля. Чтобы водить автомобиль, тебе требуются описания и наставления. А чтобы сновидеть, ты должен намереваться делать это.

— Но как я могу намереваться это делать? — настаивал я.

— Единственный способ намереваться состоит в том, чтобы намереваться. Одна из труднейших вещей для современного человека — смириться с отсутствием четко описанной процедуры. Современный человек погряз в описаниях, примерах, методах, регламентации действий, которые должны привести к желаемому результату. Он непрестанно ведет записи, вычерчивает графики, не может и шага ступить без "ноу-хау". Но в мире магов все процедуры и ритуалы — всего лишь красивое обрамление, призванное привлечь внимание практикующего и помочь ему сосредоточиться. Они — не более, чем приспособления, которые используются для принудительной фокусировки интереса и придания решительности. Лишь в этом их ценность.

Чрезвычайно важным для обретения способностей к сновидению дон Хуан считал скрупулезное выполнение магических пассов: лишь таким образом маги его линии могли как-то помочь смещению точки сборки. Выполнение

магических пассов придавало им устойчивость и снабжало энергией, необходимой для взывания к вниманию сновидения. Без него они не были способны сновидеть и могли в лучшем случае надеяться на "ясные сны" о фантазмагорических мирах. Быть может, им и удалось бы бросить беглый взгляд на порождающие энергию миры, но увиденное представлялось бы им полной бессмыслицей, ибо у них не было всеобъемлющей рациональной основы, с помощью которой можно правильно истолковать увиденное.

Когда маги линии дона Хуана развили свое внимание сновидения, они поняли, что постучались в двери бесконечности. Им удалось расширить параметры своего нормального восприятия, и они обнаружили, что их обычное состояние осознания стало бесконечно более разнообразным, чем раньше. Начиная с этого момента, маг действительно уже может совершать рискованные путешествия в неизвестное.

— Выражение "дойти до неба", — говорил дон Хуан, — как нельзя лучше подходило к магам древности. Они превзошли самих себя.

— И что, им действительно удалось дойти до неба, дон Хуан? — спросил я.

— На этот вопрос каждый отвечает сам. — На его лице сияла широкая улыбка. — Древние маги снабдили нас всем необходимым. И каждому предстоит решить, принять этот дар или отказаться. В сущности, любой из нас стоит в одиночестве перед бесконечностью, и каждый должен решить для себя сам, способны мы достигнуть пределов наших возможностей или нет.

Магические пассы для сновидения

27. Ослабление фиксации точки сборки

Рис. 171

Рис. 172

Слегка наклоните вперед корпус и отведите левую руку ладонью вверх в

область за лопатками. После этого опустите ее по дуге вниз и вперед в положение сбоку от корпуса и затем продолжите движение вперед и вверх, подняв руку рывком на уровень лица — ладонь должна быть обращена влево, а пальцы сведены вместе (Рис. 171, 172).

Выполните этот магический пасс поочередно каждой рукой. Колени для устойчивости и придания большей силы рывку должны быть слегка согнуты.

Рис. 173

28. Как заставить точку сборки упасть

Выпрямите спину и удерживайте ее в таком положении. Колени должны быть прямыми. Полностью выпрямленную левую руку отведите за спину — кисть должна находиться в десяти-пятнадцати сантиметрах от корпуса. Отогните кисть назад, под прямым углом к предплечью, — ладонь должна быть обращена вниз, а выпрямленные пальцы направлены назад. Вытяните правую руку вперед и зафиксируйте ее в таком положении: кисть должна быть расположена под прямым углом к предплечью, ладонью вниз, а выпрямленные пальцы направлены вперед.

Поверните голову к отведенной назад руке и на мгновение напрягите все сухожилия рук и ног (Рис. 173).

Повторите пасс с правой рукой, отведенной за спину, и левой, вытянутой вперед.

29. Извлечение энергии из области надпочечников и перемещение ее вперед, чтобы заставить точку сборки сместиться вниз

Рис. 174

Рис. 175

Левую руку поместите за спиной на уровне почек, на максимальном удалении

от тела; кисть должна быть согнута в форме когтистой лапы зверя. Медленно, с усилием проведите левой кистью через область почек справа налево, словно она проходит через вязкую жидкость. Правую руку удерживайте в обычной позиции, сбоку от бедра (Рис.174).

Поместите выпрямленную левую ладонь перед корпусом в области печени и желчного пузыря и затем передвиньте ее влево, к области поджелудочной железы и селезенки, как бы разглаживая твердую поверхность. Одновременно правой кистью, согнутой в форме когтистой лапы и расположенной за спиной, начните движение слева направо над областью почек, словно перемещая ее через что-то вязкое (Рис. 175). После этого поместите выпрямленную ладонь правой руки перед корпусом в области поджелудочной железы и селезенки и передвиньте ее в область печени и желчного пузыря, как бы разглаживая неровную поверхность. Одновременно согнутой в форме когтистой лапы левой кистью снова проведите справа налево над областью почек — так, словно она перемещается через вязкую среду. Для сохранения устойчивости и придания большей силы движениям колени должны быть слегка согнуты.

Рис. 176

30. Разворачивание энергии типа А и типа В

Согните правую руку в локте, чтобы предплечье приняло строго вертикальное положение, и поместите предплечье перед корпусом, параллельно оси симметрии тела — локоть должен находиться почти на уровне плеч, а ладонь — обращена влево. Согните левую руку в локте так, чтобы предплечье приняло горизонтальное положение, а затем выведите ее перед корпусом, расположив тыльную сторону кисти под локтем правой руки. Не фокусируясь на предплечьях, продолжайте тем не менее отслеживать их положение периферийным зрением. Правой рукой давите вниз, а левой рукой — вверх. Руки напрягаются одновременно и только на мгновение (Рис. 176).

Затем выполните описанное движение, выдвигая руки в обратном порядке и поменяв их местами.

Шаманы древней Мексики считали, что все во Вселенной представляет собой сочетание двух сил и что человеческие существа также двойственны во всех своих жизненных проявлениях. Взаимодействие этих двух сил происходит и на энергетическом уровне. Дон Хуан называл их силой А и силой В. Сила А задействована преимущественно в наших повседневных делах — ее символом является прямая вертикальная линия. Сила В остается как бы в тени; обычно она редко вступает в действие. Символически ее можно представить горизонтальной линией, которую рисуют влево от вертикальной, из точки у ее основания. Таким образом получается обращенная влево буква L.

По мнению дона Хуана, только шаманы — как мужчины, так и женщины, —

способны контролировать силу А и повернуть силу В, обычно лежащую горизонтально вниз и никак не используемую, в активное положение. Наглядно этот процесс можно представить проведением горизонтальной линии вправо от точки, расположенной в основании вертикальной линии, что дает в результате заглавную букву L. Дон Хуан говорил, что этот магический пасс лучше всего отражает как присущую человеку двойственность, так и стремление магов изменить действие воплощенных в человеке дуальных сил мироздания на противоположное.

31. Выталкивание энергетического тела вперед

Согните руки в локтях и поместите их на уровне груди — так, чтобы предплечья были параллельны полу, кисти находились одна над другой и были обращены ладонями вниз. Опишите кистями три круга, обводя одну вокруг другой по направлению вовнутрь (Рис. 177). Затем резко выбросите вперед сжатый кулак, словно нанося удар по невидимой цели, находящейся перед корпусом на расстоянии вытянутой руки (Рис. 178). Опишите кистями еще три круга и нанесите такой же удар правой рукой.

32. Метание точки сборки, как ножа, движением кисти руки над плечом

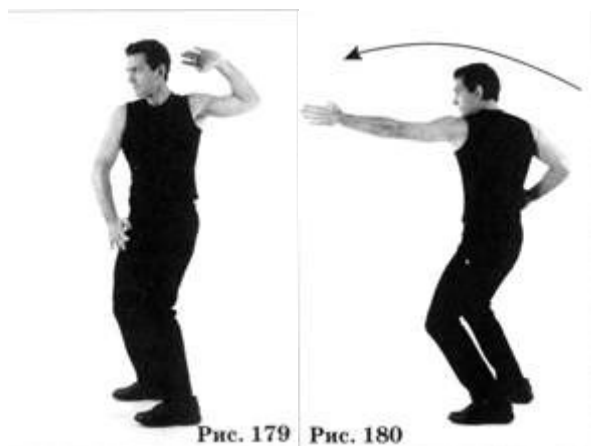

Рис. 179 Рис. 180

Заведите левую руку над головой за спину и сделайте в области лопаток хватающее движение кистью, как будто пытаетесь поймать твердый предмет (Рис. 179). Затем, проводя кисть над головой, выбросите руку вперед движением, напоминающим метание ножа (Рис. 180). Для придания "броску" стабильности колени должны быть слегка согнуты. Повторите это движение правой рукой. Этот магический пасс фактически представляет собой попытку отшвырнуть точку сборки, сместить ее из обычного положения. Практикующий "держит" точку сборки как нож. Намерение метнуть ее оказывает настолько глубокое воздействие, что она действительно смещается.

33. Метание точки сборки, как ножа, движением руки из-за спины на уровне талии

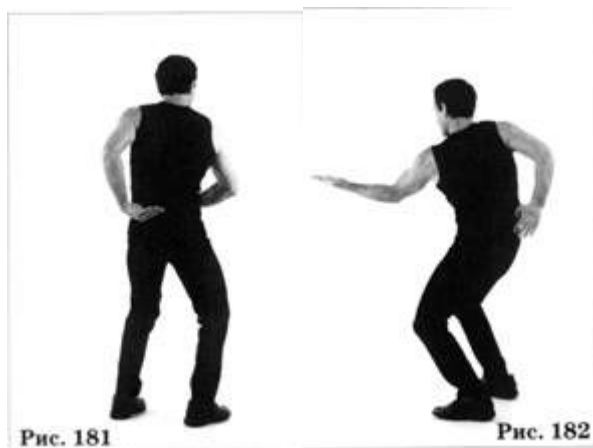

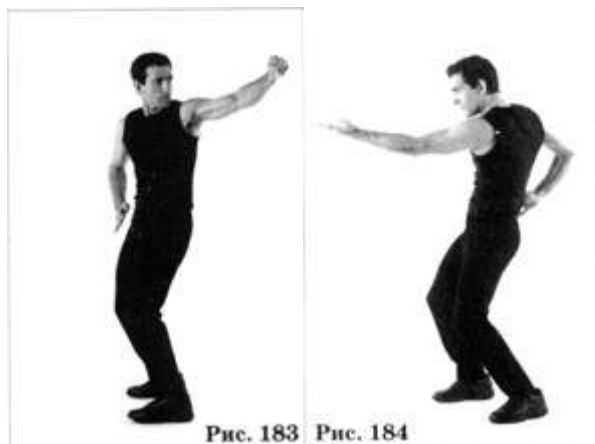
Рис. 181

Рис. 182

Удерживая колени полусогнутыми, слегка наклоните корпус вперед. Отведите левую руку назад и в сторону, к области позади лопаток. Сделайте кистью движение, имитирующее захват твердого предмета, и затем швырните этот "предмет" вперед — движение выполняется из-за спины на уровне талии. При

этом вы должны сделать резкое движение запястьем, словно действительно метая плоский диск или нож (Рис. 181, 182). Такие же движения выполните правой рукой.

34. Метание точки сборки, как диска, движением руки от плеча

До предела поверните корпус влево. Это заставит правую руку отклониться к внешней стороне левой ноги. Затем выполните вращательное движение верхней частью корпуса в противоположном направлении, что заставит левую руку отклониться к внешней стороне правой ноги. Повторите первое вращательное движение и вновь заставьте правую руку качнуться к внешней стороне левой ноги. В этот момент левую руку быстро отведите по дуге назад и "захватите" кистью твердый предмет в области позади лопаток (Рис. 183). Таким же быстрым дугообразным движением, не выпуская "захваченный" предмет, выведите левую руку вперед на уровень правого плеча. Сжатая в кулак кисть должна быть обращена ладонью вверх. Из этого положения резким движением левого запястья "швырните" предмет вперед, имитируя метание диска (Рис. 184).

Во время броска ноги держите слегка согнутыми в коленях, напрягая также и мышцы задней стороны бедер. Слегка согнутую в локте правую руку следует отвести назад, чтобы придать устойчивость телу в момент метания. В этом положении сделайте на мгновение паузу.

Выполните такие же движения другой рукой.

35. Бросание точки сборки, как мяча, движением руки над головой

Быстро заведите левую руку за спину и "схватите" кистью позади лопаток круглый твердый предмет — например, мяч (Рис. 185). Опишите рукой два широких круга над головой, как будто вращая пращу (Рис. 186), и "бросьте" мяч вперед (Рис. 187). Колени удерживайте полусогнутыми. Повторите

описанные движения правой рукой.

Четвертая группа: внутреннее безмолвие

Внутреннее безмолвие было тем состоянием, к достижению которого страстно стремились шаманы древней Мексики. Дон Хуан определил его как естественное состояние человеческого восприятия, при котором мыслительная деятельность оказывается отключенной и все человеческие способности опираются на тот уровень сознания, которому не требуется использование нашей привычной системы познания окружающего мира. Оно всегда связывалось шаманами линии дона Хуана с темнотой — возможно потому, что лишенное обычного своего спутника, внутреннего диалога, человеческое восприятие как бы падает в глубокую темную яму. При этом тело человека функционирует как обычно, а осознание чрезвычайно обостряется. Решения приходят мгновенно; кажется, что они основываются на особом виде знания, которое не нуждается в мысленном проговаривании.

В состоянии внутреннего безмолвия человеческое восприятие способно достичь неопишуемых уровней. Некоторые из них — это миры в себе, несколько не схожие с мирами, в которые можно войти с помощью сновидения. Они представляют собой неопишуемые состояния, совершенно необъяснимые в терминах тех линейных парадигм, которые обычное человеческое восприятие использует для объяснения устройства Вселенной.

В понимании дона Хуана, внутреннее безмолвие является основой для гигантского эволюционного шага: достижения безмолвного знания, того уровня человеческого осознания, при котором знание приходит мгновенно и само собой. Знание на этом уровне — это не результат протекающих в мозгу мыслительных процессов, логической индукции и дедукции; и не результат обобщений, основанных на сходстве или различиях. На уровне безмолвного знания нет ничего априорного, ничего, способного составить массив знаний — ибо все, что происходит, происходит именно сейчас. Сложнейшую информацию можно постичь без каких-либо предварительных процедур

познавания.

Дон Хуан полагал, что безмолвное знание исподволь воздействовало на древнего человека, хотя и нельзя сказать, что наши далекие предки полноценно обладали им. В то же время, это воздействие бесконечно сильнее того, что испытывает на себе современный человек, который большую часть знания приобретает в результате механического запоминания. Для магов не подлежит сомнению, что, хотя мы и утратили повышенную восприимчивость древних к такому воздействию, путь, ведущий к безмолвному знанию, всегда открыт для человека, сумевшего обрести внутреннее безмолвие.

У магов линии дона Хуана существовало жесткое правило: внутреннего безмолвия следовало добиваться путем непрерывного поддержания строгой дисциплины. Его необходимо постепенно накапливать и сохранять, частица за частицей, секунда за секундой. Другими словами, человек должен постоянно стремиться оставаться внутренне безмолвным, даже если поначалу ему удастся поддерживать это состояние лишь в течение нескольких секунд. Как утверждал дон Хуан, каждому магу известно, что, настойчиво поддерживая в себе это состояние, можно избавиться от привычки к постоянному внутреннему диалогу и со временем достичь суммарного порогового значения накопленных секунд или минут внутренней тишины. Эта цифра индивидуальна для каждого человека. Например, если порог внутреннего безмолвия для какого-нибудь индивидуума составляет десять минут, то по достижении этого значения внутреннее безмолвие приходит как бы автоматически.

Дон Хуан предупредил меня, что узнать свою пороговую величину можно только на собственном опыте. Так и случилось. Следуя указаниям дона Хуана, я настойчиво стремился хранить внутреннее безмолвие, и однажды, направляясь из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе куда-то по своим делам, неожиданно достиг этого таинственного "порога". Я понял, что мне удалось это сделать, потому что мгновенно испытал удивительное ощущение, которое ранее мне подробно описывал дон Хуан. Он называл это состояние остановкой мира. В мгновение ока мир изменился, и впервые в своей жизни я понял, что вижу энергию — так, как она течет во Вселенной. Я был ошеломлен. Мне даже пришлось сесть на кирпичные ступени лестницы какого-то здания. Рассудком я знал, что сижу на ступенях, поскольку помнил, как опускался на них. Мои же ощущения свидетельствовали, что я опираюсь на энергию. Я и сам был энергией; энергией было и все вокруг. Похоже, я сумел наконец отбросить свою систему интерпретации.

После того как мне удалось непосредственно увидеть энергию, в голову пришла ужасная мысль. Да, это был мой первый опыт видения, но мне вдруг стало ясно, что я видел энергию всегда, на протяжении всей жизни, хотя и не осознавал этого. В непосредственном видении энергии для меня явно не было ничего нового. В новинку был вопрос, внезапно возникший в моей голове и вызвавший такую ярость, что она заставила меня вынырнуть из глубин видения на поверхность мира повседневной жизни. Что именно на протяжении всей жизни мешало мне понять, что я всегда вижу энергию так, как она течет во Вселенной?

Я попросил дона Хуана растолковать мне этот, приводивший меня в бешенство, парадокс.

— Здесь существует две проблемы, — объяснил он. — Первая связана с осознанием в целом. Вторая — с рациональным сознанием, склонным все обдумывать. Каждое человеческое существо в принципе осознает, что видит энергию. Но только маги видят ее конкретно и осмысленно. Чтобы сознательно воспринимать то, что осознаешь, требуется энергия, для получения которой необходима железная дисциплина. Твое внутреннее безмолвие — творение дисциплины и энергии — навело мост над пропастью между общим осознанием и рациональным умом.

В беседах со мной дон Хуан всячески старался подчеркнуть ценность прагматического отношения к окружающему миру для ускорения прихода состояния внутреннего безмолвия. Подобный прагматизм он определял как готовность ко всяким неожиданностям и умение приспособиться к любым непредвиденным обстоятельствам, которые могут встретиться на жизненном пути. Сам он был для меня живым примером такого отношения — мне придавало уверенность уже одно его присутствие.

При каждом удобном случае дон Хуан повторял, что под влиянием внутреннего безмолвия возникает чувство сильной тревоги и единственным средством его преодоления служит прагматическое отношение к происходящему. А такое мироощущение невозможно без отличной физической формы — пластичного, проворного и сильного тела. Собственное физическое тело — это единственное существо, которое что-то значит для мага, поскольку для него тело и разум неразделимы. Конечно, речь идет об обычном физическом теле и привычном нам разуме. Стремясь обрести противовес физическому телу как единому целому, маги обратили внимание на другую энергетическую конфигурацию, которая становилась достижимой посредством внутреннего безмолвия, — энергетическое тело. Как объяснил дон Хуан, испытанные мною в момент остановки мира ощущения свидетельствовали о возрождении моего энергетического тела. Именно эта конфигурация энергии всегда была способна непосредственно видеть энергию — так, как она течет во Вселенной.

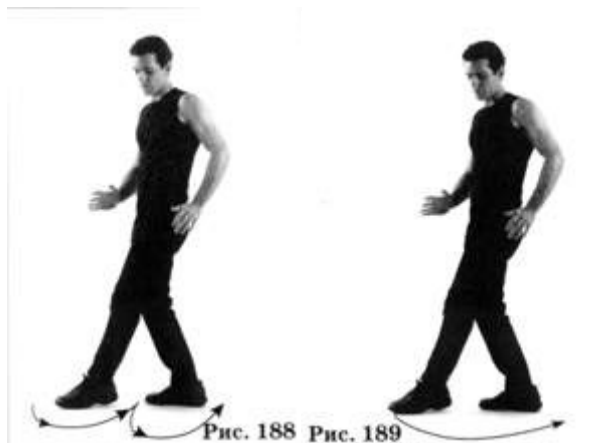
Магические пассы, помогающие достижению внутреннего безмолвия

36. Два небольших полукруга ногами

Перенесите вес тела на правую ногу. Поставьте левую стопу на расстоянии половины шага перед правой и, скользя ею по полу, опишите полукруг влево; движение завершите, когда подушечки пальцев левой стопы вплотную приблизятся к носку правой ноги, но еще не коснутся его. Из этого положения левой ступней опишите еще один полукруг назад. Скользить по полу должны только подушечки пальцев. Пятку следует слегка приподнять, что позволит

сделать движение плавным и равномерным (Рис. 188).

После этого такое же движение нужно выполнить в обратном направлении: ногой описать еще два полукруга, но начиная сзади и двигаясь вперед. Перенесите вес тела на левую ногу и выполните описанную последовательность движений правой ногой. Слегка согните колено ноги, на которую придется вес тела — это придаст вам дополнительную устойчивость.

37. Списывание большого полукруга поочередно каждой ногой

Перенесите вес тела на правую ногу. Поставьте левую стопу перед правой на расстоянии полшага и опишите на полу подушечками пальцев широкий полукруг, двигая ногу влево и назад (Рис. 189).

Затем той же ногой опишите еще один полукруг, но уже в обратном направлении. Перенесите вес тела на левую ногу и выполните такие же движения правой ногой.

38. Пугало, стоящее на ветру с опущенными руками

Разведите руки в стороны на уровне плеч — локти должны быть согнуты так, чтобы предплечья свободно свисали вниз. Удерживая руки в таком положении, легонько покачивайте предплечьями из стороны в сторону, как будто их колышет ветер. Удерживайте предплечья и кисти рук в вертикальном положении, запястья не сгибайте. Колени должны быть выпрямлены и зафиксированы неподвижно (Рис. 190).

Рис. 190

Рис. 191

Рис. 192

39. Пугало, стоящее на ветру с поднятыми руками

Как и в предыдущем магическом пассе, руки нужно развести в стороны на уровне плеч, но согнутые в локтях под прямым углом предплечья поднять вверх (Рис. 191). Удерживая плечи в том же положении, предплечьями и кистями рук покачайте вперед и вниз (Рис. 192), а затем обратно вверх (Рис. 191). Колени при этом должны быть неподвижны.

40. Толкание энергии назад вытянутой рукой

Рис. 193

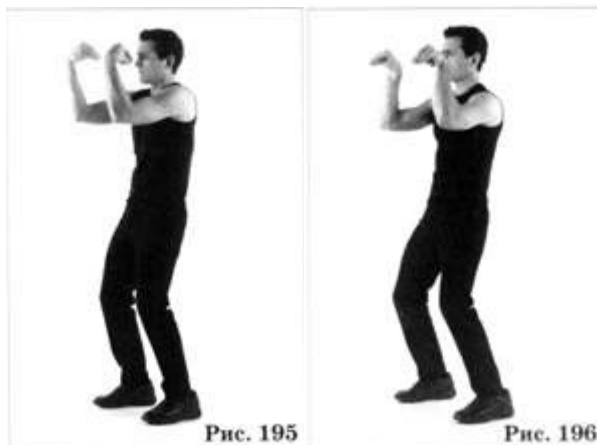

Рис. 194

Резко согните руки в локтях, предплечья плотно прижмите к бокам, как можно ближе к подмышкам. Удерживайте руки в таком положении, кисти должны быть сжаты в кулаки (Рис. 193). Сделайте выдох, одновременно полностью распрямляя руки. Предплечья вытяните вниз, отведите назад и поднимите так высоко, как только сможете. Колени должны быть зафиксированы. Корпус при отведении рук назад слегка наклоните вперед (Рис. 194). Сделайте вдох, одновременно сгибая руки в локтях и возвращая их в исходное положение.

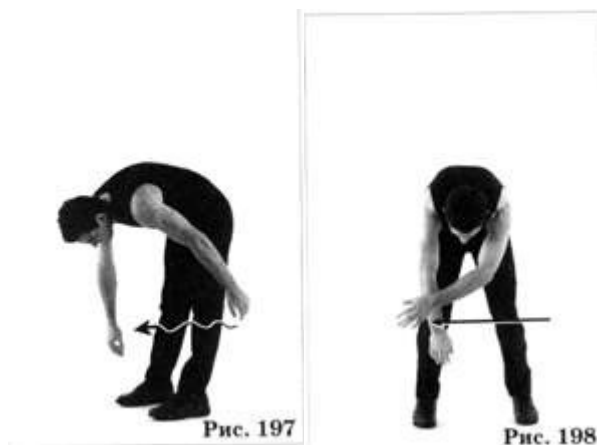
Повторите те же движения, но чередуйте вдохи и выдохи в обратном порядке: при отведении рук назад вместо выдоха делается вдох, а выдох следует за сгибанием локтей и подъемом предплечий к подмышкам.

41. Повороты кистей рук

Выведите перед корпусом согнутые в локтях руки, удерживая предплечья в вертикальном положении. Кисти обеих рук согните в запястьях наподобие головы птицы; они должны находиться на уровне глаз, пальцами к лицу. Удерживая предплечья в вертикальном положении, сделайте кистями быстрые движения вперед и назад, поворачивая их так, чтобы пальцы были направлены то к лицу (Рис. 195), то от него (Рис. 196). Колени должны быть слегка согнуты — для увеличения устойчивости тела и придания движениям дополнительной силы.

42. Перемещение энергии волнообразными движениями рук

Не сгибая коленей, наклоните корпус вперед. Обе руки свободно свисают вниз. Немного отведите назад левую руку, после чего выведите ее вперед, делая кистью три волнообразных движения, как будто она скользит по поверхности с тремя округлыми выступами (Рис. 197). В конце "волны" резко махните кистью перед корпусом по прямой линии, слева направо и справа налево (Рис. 198). Описанным выше волнообразным движением верните руку в исходное положение — в общей сложности рука должна описать контур широкой перевернутой заглавной буквы L, нижняя перекладина которой составляет по меньшей мере пятнадцать сантиметров.

Выполните такой же пасс правой рукой.

43. Т-энергия кистей рук

Выведите оба предплечья перед корпусом, на уровне солнечного сплетения, и расположите их перпендикулярно друг к другу, в форме буквы Т. Левая рука, ладонью вверх, образует горизонтальную перекладину, а правая, ладонью вниз, — вертикальную (Рис. 199). С усилием поверните одновременно оба предплечья так, чтобы левая ладонь "смотрела" вниз, а правая — вверх. Затем верните руки в исходное положение. При выполнении поворотов предплечья должны удерживаться в Т-образном положении (Рис. 200). Выполните описанные движения еще раз, но при этом правая рука должна образовывать горизонтальную перекладину буквы Т, а левая — вертикальную.

44. Нажатие на энергию большими пальцами рук

Рис. 201

Рис. 202

Согните руки в локтях под прямым углом — предплечья оказываются в горизонтальном положении, на ширине корпуса. Пальцы при этом неплотно сжаты в кулаки — большие пальцы остаются прямыми и лежат поверх указательных (Рис. 201, 202). На мгновение с силой прижмите большие пальцы к указательным, одновременно прижимая остальные пальцы к ладони. Чередование нажатия и расслабления пальцев посылает в руки импульсы давления. Для большей устойчивости тела колени должны быть слегка согнуты.

45. Вычерчивание руками острого угла, вершина которого находится между ног

Рис. 203

Рис. 204

Зафиксируйте неподвижно колени и до предела напрягите подколенные сухожилия. Наклоните корпус вперед — так, чтобы голова находилась почти на уровне коленей, а руки свисали перед корпусом. Поднимайте и опускайте руки, как показано на рис. 203 и 204. Они должны расходиться при движении вперед и вверх и сходиться при возвращении вниз и назад. Таким образом, траектории рук образуют острый угол, вершина которого расположена между

раздвинутыми ногами.

46. Вычерчивание руками острого угла, вершина которого находится перед лицом

Зафиксируйте неподвижно колени и до предела напрягите подколенные сухожилия. Наклоните корпус вперед — так, чтобы голова находилась почти на уровне коленей, а руки свободно свисали вниз. Выполните руками движения, показанные на рис. 205 и 206. Руки должны расходиться при движении вниз и назад и сходиться при движении вперед и вверх. Траектории рук при этом должны образовывать острый угол, вершина которого находится прямо перед лицом.

47. Очерчивание руками энергетического круга между ногами и перед телом

Зафиксируйте неподвижно колени и до предела напрягите подколенные

сухожилия. Наклоните корпус вперед — так, чтобы голова находилась почти на уровне коленей, а руки свободно свисали вниз. Скрестите руки в запястьях — левое предплечье должно лежать поверх правого. Скрещенные руки отведите назад, в область между ног (Рис. 207), и из этого положения опишите одновременно обеими руками перед лицом круги наружу. По завершении этих движений руки должны быть вытянуты вперед и скрещены; левое запястье лежит поверх правого (Рис. 208). Из этого положения обеими руками одновременно опишите круги вовнутрь — при этом руки возвращаются в исходное положение со скрещенными запястьями, как и в момент начала выполнения этого движения.

Затем правое запястье разместите поверх левого и все движения повторите еще раз.

Рис. 209

48. Три пальца на полу

Одновременно с глубоким вдохом поднимите руки над головой. С глубоким выдохом опустите руки до самого пола. Колени должны быть выпрямлены и зафиксированы, а подколенные сухожилия до предела напряжены. Указательным и средним пальцами каждой руки коснитесь пола в тридцати сантиметрах перед ступнями ног, а затем опустите на пол и большие пальцы (Рис. 209). Задержитесь в этом положении и сделайте глубокий вдох. Затем выпрямитесь и поднимите руки над головой. Опуская руки на уровень талии, сделайте выдох.

49. Суставы пальцев рук лежат на пальцах ног

Одновременно с глубоким вдохом поднимите руки над головой. С глубоким выдохом наклонитесь и коснитесь пола. Зафиксируйте неподвижно колени, а подколенные сухожилия до предела напрягите. Суставами пальцев рук прикоснитесь к верхней поверхности пальцев ног и завершите выдох (Рис. 210). Задержитесь в этом положении и сделайте глубокий вдох. Затем выпрямитесь и поднимите руки над головой. Опуская руки на уровень талии, сделайте выдох.

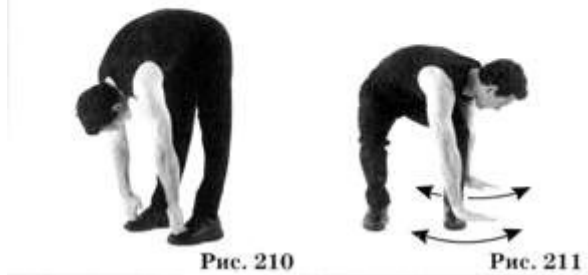

Рис. 210

Рис. 211

50. Поднимание энергии от пола с помощью дыхания

Одновременно с глубоким вдохом поднимите руки над головой. Согните колени. С выдохом поверните корпус влево и наклонитесь как можно ниже. Кисти рук, ладонями вниз, поместите по обе стороны от левой ступни — правая рука при этом должна находиться перед ступней, а левая позади нее. Затем обеими кистями выполните пять синхронных движений вперед и назад, после чего закончите выдох (Рис. 211).

Сделайте глубокий вдох, выпрямитесь и поднимите руки над головой. Корпус поверните вправо и начните выдох, наклоняясь как можно ниже. Кисти рук, ладонями вниз, разместите по обе стороны от правой ступни; выполните обеими кистями пять движений вперед и назад и закончите выдох. Сделайте еще один глубокий вдох, выпрямитесь и поднимите руки над головой. Корпус поверните вперед, опустите руки и завершите выдох.

РАЗДЕЛЕНИЕ ЛЕВОГО И ПРАВОГО ТЕЛА: СЕРИЯ ДЛЯ РАЗОГРЕВА

Давая наставления своим ученикам, дон Хуан постоянно напоминал им, что вся деятельность шаманов древней Мексики основывалась на том представлении, что человек состоит из двух взаимодействующих между собой цельных тел, одно из которых находится слева, а другое — справа. Эта схема не была просто теоретическим построением и не имела ничего общего с логическим заключением относительно возможных вариантов распределения массы в человеческом теле.

Когда дон Хуан впервые сказал мне о наличии у человека двух тел, я принялся яростно возражать, ссылаясь на теорию билатеральной (то есть двусторонней) симметрии, которую разработали современные биологи. Эта теория подразумевает наличие "наиболее общего свойства строения тела, которое позволяет разделить организм человека по центральной плоскости на две почти симметричные половины".

Дон Хуан возразил:

— Классификации древних магов были гораздо глубже, чем заключения современных ученых, поскольку опирались на непосредственное восприятие энергии. Если человеческое тело рассматривать с точки зрения энергии, то становится очевидно, что оно состоит не из двух частей, а из двух совершенно различных типов энергии. Речь идет о двух разных энергетических потоках, о двух противоположных и в то же время взаимодополняющих силах, которые сосуществуют в рамках единого целого и таким образом отражают двойственную структуру всех элементов Вселенной.

Шаманы древней Мексики считали каждый вид энергии отдельным, самостоятельным телом. Они называли их "левым" и "правым". Особое внимание шаманы уделяли левому телу, полагая, что его можно эффективнее использовать в магических целях, поскольку оно имеет более подходящую для этого энергетическую конфигурацию. Древние маги утверждали, что левый поток является более бурным и агрессивным — он распространяет вокруг волны энергии. Желая пояснить мне это явление на примере, дон Хуан сказал, что левое тело похоже на половинку солнца, со вспыхивающими на нем протуберанцами. "Протуберанцы" — это излучаемые левым телом волны энергии, которые всегда распространяются перпендикулярно породившей их сферической поверхности.

Описывая энергетический поток правого тела, дон Хуан говорил, что внешне он кажется совершенно спокойным. Энергия правого тела колышется, как вода в раскачиваемом из стороны в сторону баке. Хотя на ее поверхности не бывает больших волн, из-за покачивания она постоянно находится в движении. Где-то в глубине энергия правого тела движется по кругу, образуя водовороты, скрытые под малоподвижной поверхностью. В качестве наглядного примера дон Хуан привел очень широкую и на первый взгляд спокойную тропическую реку, на поверхности которой вода едва течет — но под этой спокойной поверхностью скрываются мощные струи и водовороты.

Возвращаясь к энергетическим потокам человеческого тела, дон Хуан пояснил, что в нашем повседневном мире они соединяются, образуя единое целое — известный нам человеческий организм. С точки зрения видящего, энергия тела имеет округлую, сферическую форму. Маги линии дона Хуана считали, что это свидетельствует о преобладании правого тела над левым.

— А что получается, если человек — левша? — спросил я однажды дона Хуана. — Может быть, левшам занятия магией даются легче?

— Почему ты так думаешь? — удивился он.

— Но ведь известно, что левая сторона у них преобладает над правой.

— В магии такое преобладание не имеет никакого значения. Да, левая

сторона у левшей доминирует — в том смысле, что левой рукой они могут работать молотком, писать, держать нож, и делают это очень хорошо. Если, к примеру, они любят притопывать ногой в такт музыке, то лучше всего у них это получится левой ногой. Другими словами, их левое тело обладает внутренним ритмом. Однако для магических целей такое преобладание левого тела над правым совершенно бессмысленно. С помощью присущего ему кругового движения энергии правое тело точно так же управляет левшами, как и правшами.

— Но быть левшой все-таки дает магу какие-нибудь преимущества, или наоборот, причиняет неудобства? — задать этот вопрос меня побудил тот негативный, даже зловещий оттенок, который во многих индоевропейских языках придается слову "левый".

— Насколько мне известно, маги-левши не имеют никаких преимуществ и не испытывают ни малейших неудобств, — сказал дон Хуан. — Распределение энергии между двумя телами нельзя мерить наличием или отсутствием привычки пользоваться правой рукой. Преобладание правого тела — энергетическое, и именно с этим столкнулись древние шаманы. Правда, они никогда не пытались найти объяснение этому факту или как-то исследовать его философский смысл. С их точки зрения, это была просто исходная точка отсчета, положение, которое нужно изменить.

— А почему они хотели его изменить, дон Хуан?

— Потому что доминирующее круговое движение энергии правого тела безумно раздражает! Конечно же, оно принимает на себя заботу обо всем, происходящем в повседневном мире — но делает это в непрерывном движении по кругу, если ты понимаешь, о чем я говорю.

— Нет, не понимаю.

— На каждую возникающую в жизни ситуацию неизменно дается один и тот же ответ, то есть жизнь идет по кругу. — Дон Хуан описал рукой маленький круг. — И так повторяется снова и снова, до бесконечности. Непрерывный круговорот правого тела затягивает энергию внутрь и заставляет ее постоянно вращаться, круг за кругом, в центростремительном вихре. В этих условиях какое-либо движение вширь просто невозможно. Ничто не может оказаться в новинку. Для всего нового тут же подбирается уже известное определение, наклеивается уже знакомый ярлык. Что за обуза!

— А как это можно изменить, дон Хуан?

— На самом деле что-либо менять слишком поздно. Ущерб уже нанесен, и от движения по кругу не избавиться. Но оно вовсе не обязательно должно быть непрерывным. Да, мы вынуждены идти по пути, который не в силах изменить,

но мы ведь можем не только идти — мы можем и бежать, и пятиться, и взбираться по ступеням; а все время просто идти, идти и идти — это очень эффективно, но совершенно бессмысленно. Влияние левого тела делает центры жизненной силы более гибкими. Если бы энергия в них смогла, пусть даже на мгновение, изменить движение по спирали на волнообразное, то в эти центры попала бы энергия другого типа и результат был бы поразительным.

Я понял, о чем он говорил — но понял неосознанно, без участия мыслительных процессов, потому что понять его слова при помощи линейного мышления было невозможно.

— Ощущение усталости от самих себя, которое иногда испытывают люди, — продолжил дон Хуан, — появляется именно вследствие преобладания правого тела. Самый простой выход из этой ситуации — постараться избавиться от скуки, как-то развлечься. Что люди с успехом и делают, изобретая все новые и новые способы убивать время — хотя именно его нам всем катастрофически не хватает. Но еще хуже то, как люди реагируют на неравномерное распределение энергии в своих телах, которое во многом определяет их склонность к насилию. По-видимому, беспомощность время от времени порождает в человеческом теле яростные потоки энергии, которые выплескиваются вовне в виде агрессивного поведения. Можно сказать, для некоторых людей насилие — это другой способ убивать время.

— Но по какой причине маги древней Мексики так и не захотели узнать, почему возникла подобная ситуация? — спросил я в изумлении.

— Они никогда не пытались выяснить это потому, — ответил дон Хуан, — что в момент, когда перед ними встал этот вопрос, они уже знали ответ.

— Получается, что они знали — почему?

— Нет, но они знали, как это случилось. Впрочем, это уже совсем другая история.

На том наш разговор и закончился. Дон Хуан в тот раз не захотел больше говорить на эту тему и оставил меня сгорать от любопытства, но в дальнейшем, на протяжении всего периода моего ученичества, он много раз растолковывал мне это кажущееся противоречие.

— Понимание — единственный путь, двигаясь по которому люди могут эволюционировать, — сказал он мне однажды. — Но что-то, находящееся вне нас, нечто, связанное с хищной природой Вселенной, лишило нас возможности эволюционировать, захватив в плен осознание. Люди стали жертвой какой-то хищной силы, которая навязала нам пассивность, эту характерную черту энергии правого тела.

Дон Хуан образно сравнил предоставленную людям возможность эволюционировать с путешествием, которое наше осознание совершает через темное море осознания — нечто, являющееся по мнению шаманов древней Мексики реальным свойством Вселенной, элементом, пропитывающим все мироздание, подобно облакам материи или свету.

Дон Хуан был убежден, что преобладание правого тела в этом несбалансированном слиянии обоих тел знаменует собой прерывание нашего путешествия осознания. То, что казалось нам естественным господством одной стороны над другой, было для магов линии дона Хуана всего лишь аномалией, которую они стремились исправить.

Для установления гармоничного разделения левого и правого тела, как считали шаманы, практикующим требуется повышать свое осознание, что в свою очередь обязательно должно подкрепляться строжайшей дисциплиной. В противном случае, достигнутое ценой огромных усилий повышение осознания превратится в навязчивую идею и может иметь весьма плачевные последствия — от расстройства психики до энергетической травмы.

Дон Хуан называл набор магических пассов, целью выполнения которого является исключительно отделение правого тела от левого, "группой для разогрева". Освоение этих движений было важнейшим этапом в обучении шаманов древней Мексики, а название группы отражало достигаемый с их помощью эффект — пассы позволяли сделать энергию правого тела несколько более активной. Дон Хуан часто отпускал шуточки относительно этого явления, утверждая, что предназначенные для активизации левого тела движения оказывают огромное давление на правое тело, привыкшее с самого рождения безраздельно править человеком, не встречая никакого сопротивления. В момент, когда правое тело неожиданно встречает сопротивление, оно просто раскаляется от гнева. Дон Хуан рекомендовал всем своим ученикам усердно практиковать "группу для разогрева", чтобы использовать вызываемую ею агрессивность для укрепления слабого левого тела.

В Тенсегрити эта группа называется серией для разогрева. Мы считаем такое название вполне подходящим для целей Тенсегрити, которые являются очень прагматическими с одной стороны и чрезвычайно абстрактными с другой. Например, когда речь идет о практическом использовании энергии для улучшения качества жизни наряду с абстрактной идеей относительно того, как можно получить доступ к этой энергии. При выполнении всех магических пассов этой серии рекомендуется настроиться на разделение левого и правого энергетического тела, а не просто механически противопоставлять левую сторону физического тела его правой стороне. Конечным результатом соблюдения этой рекомендации должна стать полная неподвижность того тела, которое не участвует в движении. При этом должны быть задействованы все его мышцы. В данном случае речь идет не о физической активности, а о специфическом воздействии сознания на мускулатуру. Перед практикующим встает нелегкая задача. Неподвижность не участвующего в выполнении движений тела должна распространиться и на голову — точнее, на

соответствующую сторону головы. Конечно, неподвижности половины лица и головы добиться гораздо труднее, нежели остального тела — но со временем, при условии постоянной практики и должного упорства, эта задача, несомненно, окажется разрешимой.

Серия для разогрева разделена на четыре группы.

Первая группа: пробуждение энергии в левом и правом теле

Первая группа включает шестнадцать магических пассов, которые пробуждают энергию левого и правого тела — по отдельности, независимо друг от друга. Каждый магический пасс выполняется попеременно левой и правой рукой, а в некоторых случаях — обеими руками одновременно. Однако руки ни в коем случае не должны выходить за разделяющую оба тела вертикальную линию.

1. Собираение энергии от левого и правого тела в шар с последующим, разбиванием, его тыльной стороной кисти руки

Опишите левой рукой перед корпусом два круга вовнутрь. Ладонь при этом направлена вправо и слегка согнута, а все мышцы руки напряжены (Рис. 212). С силой нанесите тыльной стороной кисти удар влево, как бы проламывая вершину шара, собранного перед этим круговыми движениями руки (Рис. 213).

Удар следует наносить в точку, отстоящую от тела на расстояние вытянутой руки, на высоте чуть выше уровня плеч, под углом сорок пять градусов. При нанесении удара все мышцы тела должны быть напряжены — так же, как и мышцы рук, — что позволит контролировать удар. Ударное воздействие должно ощущаться в области поджелудочной железы, селезенки, а также

левой почки и надпочечников.

Повторите описанные движения для правой стороны — их воздействие должно ощущаться в области печени, правой почки и надпочечников.

2. Собираение энергии левого и правого тела в круг, который затем пробивается кончиками пальцев

Выведите левое предплечье перед корпусом, перпендикулярно телу. Запястье должно оставаться прямым, ладонь руки — обращена вправо, пальцы направлены вперед, а большой палец зафиксирован. Как и при выполнении предыдущего магического пасса, опишите предплечьем два круга, двигая его влево и вверх, до уровня плеча, а затем вправо и вниз, к центральной части корпуса (Рис. 212). Затем быстро отведите локоть до предела назад и сделайте резкий укол вперед, пробив кончиками пальцев описанный предплечьем круг (Рис. 214). Локоть снова быстро отведите до предела назад, чтобы увеличить силу последующего удара, а затем еще раз нанесите рукой укол вперед.

Повторите описанные движения правой рукой.

3. Подъем левой и правой энергии вверх

Слегка согните ноги в коленях. Затем поднимите левое колено на уровень поджелудочной железы, вытянув стопу носком к полу. Одновременно резко согните левую руку в локте, под углом сорок пять градусов к корпусу. Локоть должен быть плотно прижат к телу. Движения ногой и рукой выполняйте синхронно (Рис. 215). Повторите те же движения правой ногой и правой рукой.

Энергия имеет тенденцию опускаться вниз, и очень важно заставить ее подняться к средней части тела. Шаманы считают, что левое тело управляется областью поджелудочной железы и селезенки, а правое —

областью печени и желчного пузыря. Поднимая энергию снизу вверх, можно насытить ею каждый из упомянутых энергетических центров.

4. Давление вверх и вниз

Поднимите левый локоть сбоку от корпуса на уровень плеча — рука согнута в локте под прямым углом, предплечье расположено вертикально, кисть сжата в кулак и до предела согнута внутрь (Рис. 216). Используя локоть в качестве точки вращения — для чего его следует удерживать неподвижно в исходном положении, — наклоните предплечье вниз, в область, расположенную перед солнечным сплетением (Рис. 217), а затем снова верните в исходное положение.

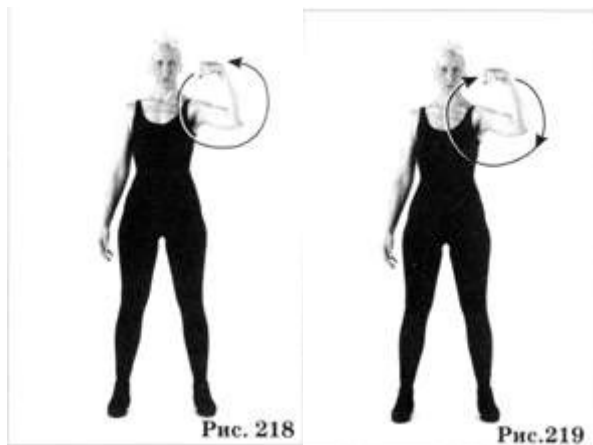
Такое же движение выполните правой рукой.

Этот магический пасс используется для пробуждения энергии, расположенной вдоль дуги между двумя точками, первая из которых находится чуть выше головы над левым плечом, а вторая — выше солнечного сплетения.

5. Поворот внутрь

Первая часть этого магического пасса в точности соответствует первой части предыдущего, но вместо наклона предплечья вниз опишите им полный круг по направлению вовнутрь, используя локоть в качестве точки вращения (плечо расположено под углом сорок пять градусов к корпусу). Высшая точка круга должна находиться над левым плечом, чуть выше уха. Запястье вращается одновременно с предплечьем (Рис. 218).

Выполните такое же движение правой рукой.

6. Поворот наружу

Этот магический пасс почти идентичен предыдущему, за исключением того, что левое предплечье описывает круг в обратном направлении — не вправо, а влево (Рис. 219). Такую траекторию движения дон Хуан называл кругом, направленным наружу, а обратную, как в предыдущем магическом пассе, — кругом, направленным внутрь.

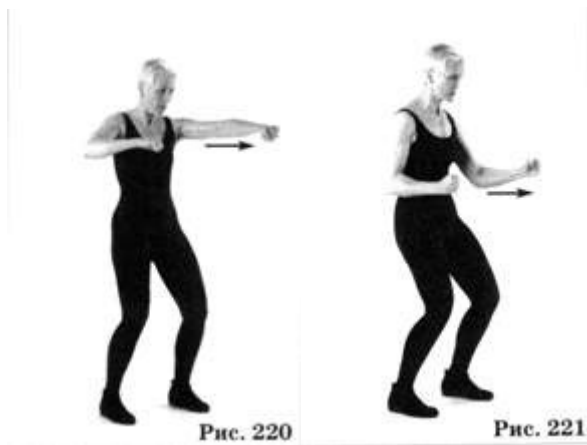
Выполните такое же движение правой рукой.

Активизируемая этим пассом энергия является частью энергетической дуги, с которой мы работали при выполнении двух предыдущих пассов. Четвертый, пятый и шестой магические пассы этой группы следует выполнять вместе, один за другим.

С помощью видения шаманы выяснили, что люди обладают огромными скрытыми запасами неиспользуемой энергии, расположенными на периферии внутренней части их светящихся сфер. Указанные магические пассы пробуждают и активизируют энергию, рассеянную двумя центрами жизненности, один из которых расположен вокруг печени, а другой — вокруг поджелудочной железы. В результате этого энергия, долгое время остававшаяся в "подвешенном" состоянии, начинает опускаться в нижнюю часть светящейся сферы.

7. Высокие удары кулаками

Выведите обе руки перед корпусом на уровне плеч: локти должны быть согнуты, кисти сжаты в кулаки, а ладони обращены вниз. Лево́й рукой нанесите короткий, без замаха, удар вперед; перед ударом локоть не следует отводить назад. Верните левую руку обратно, после чего нанесите удар правой рукой и тоже верните ее в исходное положение (Рис. 220). Удары кулаками должны наноситься при помощи мышц живота, рук и лопаток.

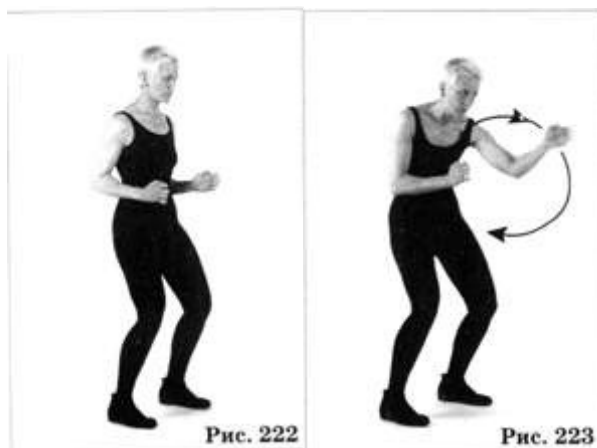

8. Низкие удары кулаками

Согните руки в локтях под прямым углом и удерживайте локти на уровне талии, на расстоянии три-пять сантиметров от тела. Кисти рук должны быть сжаты в кулаки. Левым кулаком нанесите короткий удар вперед, одновременно сокращая мышцы живота, руки и лопатки (Рис. 221). Сразу же верните предплечье в исходное положение, как будто удар вызвал противодействие, отбросившее руку назад, и выполните такой же удар правой рукой.

Как и при выполнении предыдущего пасса, удары должны наноситься без замаха, то есть локти перед ударом не нужно отводить назад; сила удара обеспечивается исключительно сокращением мышц живота, рук и лопаток.

9. Описание круга согнутыми в суставах пальцами

Расположите локти по бокам от корпуса на уровне талии — запястья должны

быть прямыми, ладони обращены друг к другу, пальцы до предела согнуты во втором суставе. Большие пальцы должны быть прижаты к верхнему ребру ладони со стороны указательного пальца (Рис. 222). Сделайте левой рукой дугообразное движение вперед и вниз: левая кисть описывает круг в вертикальной плоскости, а суставы пальцев как бы "скребут" по воображаемой поверхности, находящейся перед корпусом (Рис. 223).

Выполните такое же движение правой рукой. Для придания этому пассу силы мышцы живота должны быть до предела напряжены.

Рис. 224

10. Разравнивание энергии перед корпусом

Поднимите кисть левой руки выше уровня головы (ладонь при этом обращена вперед). Затем скользящим движением, с наклоном, как бы разглаживая воображаемую поверхность, опустите ладонь вперед и вниз на уровень поджелудочной железы и селезенки. Не останавливаясь, заведите ее назад, за спину; корпус поверните влево, чтобы полностью вытянутая рука могла пройти над головой. Потом кисть руки, ладонью к полу, с большим усилием опустите вниз, словно надавливая на некую упругую поверхность, находящуюся перед областью поджелудочной железы и селезенки (Рис. 224).

Выполните такие же движения правой рукой, но в конце надавливайте ладонью на воображаемую поверхность, расположенную перед областью печени и желчного пузыря.

11. Нанесение удара по энергии восходящим движением кулака

Рис. 225

Рис. 226

Слегка поверните корпус влево, давая возможность левой руке описать два круга назад. Круговые движения выполняйте следующим образом: ведите руку вперед, затем вверх, над головой и за спину, где ладонь слегка поверните внутрь, как бы зачерпывая что-то за спиной (Рис. 225). Выполнив рукой два оборота, нанесите кулаком удар снизу вверх в область перед лицом (Рис. 226).

В той же последовательности выполните магический пасс правой рукой.

12. Нанесение мощных ударов перед левым и правым телом

Рис. 227

Рис. 228

Слегка поверните корпус влево, чтобы левая рука могла описать полный круг.

Движение начните из исходного положения сбоку от бедра. Ведите руку сначала назад, затем над головой, вперед, и верните ее в исходное положение сбоку от бедра, слегка повернув при этом запястье, словно зачерпывая ладонью что-то вязкое (Рис. 227). Из исходного положения выполните рукой пол-оборота назад и вверх. Когда рука окажется над головой, сожмите кулак и с силой нанесите его основанием удар в точку, находящуюся впереди и чуть выше поджелудочной железы и селезенки (Рис. 228). Такие же движения выполните правой рукой.

13. Описание двух кругов энергии и разбивание их в области пупка

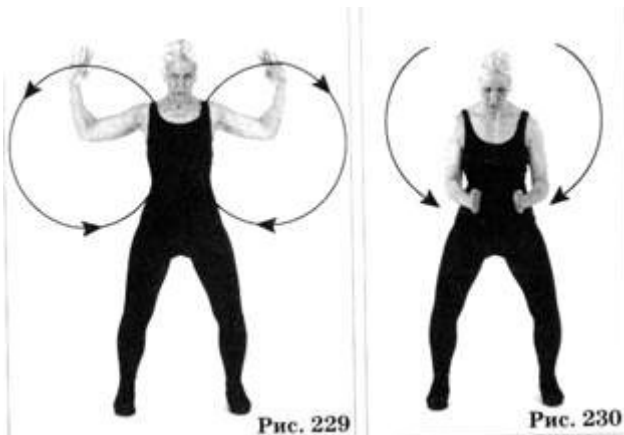

Рис. 229

Рис. 230

Поднимите одновременно обе руки вверх перед корпусом, разведите в стороны и легким скользящим взмахом опишите ими круг. Затем сделайте перед корпусом круговые движения под углом сорок пять градусов — траектория рук напоминает очертания крыльев (Рис. 229). Мощным ударом обеих рук разбейте круги у самого основания, на уровне пупка. Кисти должны быть отогнуты назад, под прямым углом к предплечьям (пальцы при этом направлены вперед). В конечной точке удара расстояние между ладонями должно составлять около пятнадцати сантиметров (Рис. 230).

14. Очерчивание двух кругов энергии движением указательных и средних пальцев

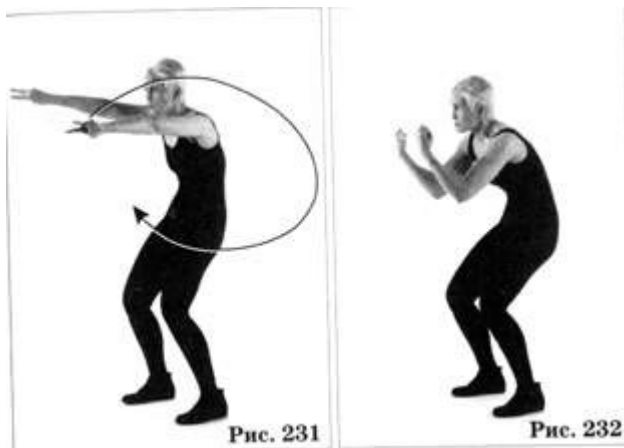

Рис. 231

Рис. 232

Разведите насколько возможно указательные и средние пальцы обеих рук, при этом большие пальцы должны прижимать безымянные и мизинцы к ладоням. Сделайте обеими руками синхронные круговые движения. Из исходного положения сбоку от корпуса руки движутся вверх, выше головы,

затем в обе стороны от корпуса и назад, под углом сорок пять градусов (Рис. 231). Когда круг будет почти завершен, сожмите пальцы в кулаки, выдвинув вторые суставы средних пальцев вперед. Нанесите удар кулаками, обращенными ладонями к телу, вперед и вверх, на уровень подбородка (Рис. 232).

15. Пробуждение энергии вокруг висков

Рис. 233

Рис. 234

Рис. 235

Медленно вдохните. Одновременно с началом выдоха поднимите руки над головой — сжатые в кулаки кисти обращены тыльной стороной к корпусу. Из этого положения тыльными сторонами кулаков нанесите удар вниз, в точку чуть выше уровня бедер (Рис. 233). Затем поднимите предплечья через стороны вверх, описывая ими полукруг. Движение завершите, когда кулаки окажутся в десяти-пятнадцати сантиметрах перед лбом и на таком же расстоянии друг от друга. Внутренние части кулаков обращены наружу (Рис. 234). Все еще продолжая выдох, приблизьте кулаки к вискам и на мгновение коснитесь их. Корпус при этом немного отклоните назад, для чего слегка согните колени — это позволит увеличить силу последующего удара. После этого нанесите мощный удар вниз и назад. Удар следует наносить одновременно обеими руками, тыльными сторонами кулаков, по обе стороны от корпуса (Рис. 235). В момент удара завершите выдох.

16. Выбрасывание маленького круга энергии из области перед корпусом

Рис. 236

Рис. 237

Из исходного положения сбоку от бедра отведите левую руку в сторону — ладонь при этом обращена к корпусу. Опишите левым предплечьем маленький круг, одновременно поворачивая кисть ладонью вниз, приближая ее к области поджелудочной железы и селезенки и далее перемещая влево, на уровень талии (Рис. 236). Резко отведите локоть назад и сожмите кулак — он должен быть направлен внутренней стороной вниз. Затем нанесите кулаком резкий удар вперед, как будто пробивая описанный рукой круг (Рис. 237). Движение следует выполнять без задержки, при сжатии кулака рука не должна останавливаться. Кульминацией этого пасса служит удар. В этот момент центр жизненности, расположенный вокруг поджелудочной железы и селезенки, получает сильный импульс.

Выполните такое же движение правой рукой — в этом случае удар придаст импульс печени и желчному пузырю.

Вторая группа: смешивание энергии левого и правого тела

Вторая группа состоит из четырнадцати магических пасса, которые смешивают энергию обоих тел в области соответствующих центров жизненности. Шаманы древней Мексики полагали, что такое перемешивание облегчает последующее разделение энергии обоих тел. Этот процесс они называли усилением центров жизненности.

17. Собираение необходимой энергии и рассеивание ненужной

Рис. 238

Рис. 239

Суть движения этого магического пасса можно описать так: вы толкаете ладонью твердый предмет в сторону и затем тянете его назад тыльной стороной кисти.

Согните левый локоть под прямым углом и поместите его рядом с корпусом, на уровне талии. В начале пасса предплечье должно приближаться к корпусу, а кисть отклоняться назад — при этом ладонь левой руки обращена вправо, а большой палец зафиксирован. Как бы преодолевая большое сопротивление, проведите руку перед корпусом вправо, насколько возможно, держа локоть согнутым под прямым углом (Рис. 238).

Когда рука достигнет крайне правого положения, ведите ее назад, с тем же усилием. Затем отведите руку как можно дальше влево; локоть при этом должен быть согнут под прямым углом, а ладонь по-прежнему обращена вправо (Рис. 239).

При выполнении описанных движений мышцы левого тела должны быть максимально напряжены. Правая рука не двигается; ее ладонь лежит на правой ноге.

Выполните такую же последовательность движений правой рукой.

18. Накопление энергии в левом и правом теле

Рис. 240

Перенесите вес тела на правую ногу. Колено немного согните — для лучшей опоры и поддержания равновесия. Левую ногу и левую руку слегка напрягите и затем одновременно проведите их перед корпусом по дуге слева направо. В конце дуги левая ступня и левая кисть должны оказаться у правого бока, а внешнее Ребро левой ступни коснуться пола. При выполнении этого движения кончики пальцев левой руки указывают вниз (Рис. 240). Верните левую ногу и левую руку в исходное положение, после чего выполните такие же движения правой ногой и правой рукой — но на этот раз по направлению влево.

19. Собираение энергии одной рукой и нанесение по ней удара другой рукой

Дон Хуан сказал, что в этом магическом пассе энергия перемешивается и собирается движением одной руки, а затем по собранной энергии наносится удар другой рукой. Удар противоположной рукой открывает доступ в тело энергии из источников, принадлежащих другому телу — чего никогда не происходит в обычных условиях.

Поднимите кисть левой руки на уровень глаз — запястье при этом должно быть слегка отклонено назад. Сохраняя наклон запястья, опишите кистью, слева направо и обратно, эллипсы шириной около пятидесяти сантиметров и длиной, приблизительно соответствующей ширине тела (Рис. 241).

Рис. 241

Рис. 242

Рис. 243

Затем кисть руки, ладонью вниз, передвиньте слева направо по горизонтали, на уровне глаз — как будто прорежете кончиками пальцев описанную ранее

фигуру (Рис. 242). Когда левая кисть достигнет уровня правого плеча, правую кисть, все это время находившуюся на уровне талии со сложенной в горсть и обращенной вверх ладонью, выбросите вперед, нанося основанием ладони удар в центр очерченного левой кистью эллипса и одновременно с этим медленно опуская левую руку (Рис. 243). В момент удара ладонь правой руки обращена вперед, а пальцы слегка согнуты, словно охватывают круглый предмет. Во избежание растяжения сухожилия локоть должен быть слегка согнут. Выполните такие же движения, начиная с правой руки.

20. Собираение энергии руками и ногами

Рис. 244

Рис. 245

Повернитесь немного вправо на подушечках пальцев правой ноги. Левую ногу выдвиньте вперед под углом сорок пять градусов, согнув колено так, чтобы корпус тоже наклонился вперед. Сделайте корпусом три покачивающих движения вперед и назад, как будто набирая силу для последующего движения. После чего левой рукой как бы зачерпните что-то снизу на уровне левого колена (Рис. 244). Корпус при этом отклоняется назад. Одновременно левую голень поднимите к паху, почти касаясь его пяткой, а левой рукой быстро проведите слева направо так, чтобы она прошла над центрами жизненности в области печени и желчного пузыря (Рис. 245).

Выполните описанную последовательность движений правой рукой и ногой, что позволит поместить собранную энергию в центр жизненности, расположенный на левой стороне, вокруг поджелудочной железы и селезенки.

21. Перемещение энергии от левого и правого плеча

Переместите левую руку из обычного положения у левого бедра к правому плечу, "захватите" там воображаемый предмет и "зажмите" его в кулак. Локоть при этом согнут под острым углом и находится на уровне плеч. Это движение следует выполнять одновременно с резким поворотом корпуса вправо. Колени должны быть слегка согнуты, что облегчит вращение корпуса в талии (Рис. 246).

С поворотом корпуса в обратную сторону нанесите удар тыльной поверхностью кулака — от правого плеча по восходящей дуге в точку, расположенную несколько выше головы (Рис. 247). В момент удара разожмите кулак, словно выпуская захваченный ранее предмет.

Такую же последовательность движений выполните правой рукой,

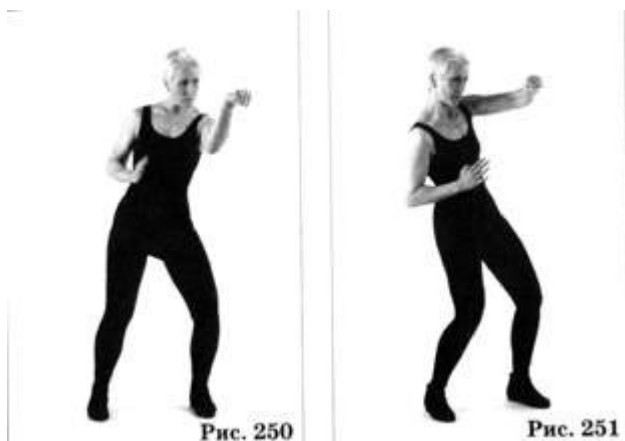
22. Собираение энергии одного тела и рассеивание ее в другом

Из исходного положения у бедра проведите левую руку по дуге перед лбом

слева направо, в крайне правое положение. Выполнению движения помогут небольшим поворотом корпуса в талии. Из крайней правой точки проведите руку по дуге над головой до уровня левого плеча и сделайте рубящее движение поперек корпуса, к правому плечу. Сожмите руку в кулак (Рис. 248) и нанесите удар в точку, находящуюся на расстоянии вытянутой руки слева от головы. Удар наносится основанием кулака — рука при этом напоминает молоток. В конце движения рука вытягивается почти полностью, но локоть остается слегка согнутым (Рис. 249). Выполните такие же движения правой рукой.

23. Нанесение ударов по энергии перед лицом

Поднимите над головой левую руку, согнутую в локте под прямым углом. Сжатый кулак при этом повернут внутренней стороной вверх. Нанесите слева удар по линии разделения левого и правого тела. Удар наносится основанием кулака, в точку, находящуюся прямо перед лицом. Корпус при этом движении слегка наклоняется влево (Рис. 250). Продолжайте двигать кулак, пока он вплотную не приблизится к правому плечу; в этот момент поверните его внутренней стороной вниз. Выполните левой рукой еще один удар, но на этот раз справа; корпус при этом слегка отклоняется вправо (Рис. 251). Повторите описанные движения правой рукой.

При помощи этого магического пасса создается емкость с нейтральной энергией, которая может быть легко усвоена как левым, так и правым телом.

24. Удар кистью руки с пальцами, согнутыми во втором суставе

Рис. 252

Рис. 253

Рис. 254

Поднимите обе руки на уровень плеч — локти должны быть согнуты под прямым углом и удерживаться в таком положении. Согните пальцы рук во втором суставе и как можно плотнее прижмите к ладони (Рис. 252, 253). Поверните корпус вправо и нанесите левой рукой удар — кисть должна пересечь линию правого плеча. В основном рука должна перемещаться за счет мощного поворота корпуса — плечевой сустав остается практически неподвижен (Рис. 254).

Выполните такое же движение правой рукой — кисть должна пересечь линию левого плеча за счет быстрого поворота корпуса влево.

25. Захват энергии в области плеч и разбивание ее в центрах жизненности

Рис. 255

Рис. 256

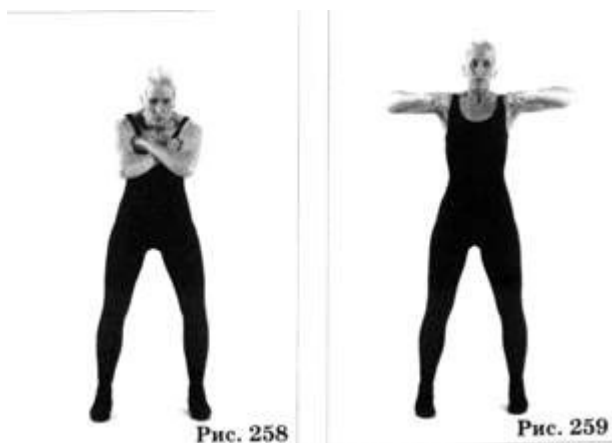

Рис. 257

Поднесите левую кисть к правому плечу, "схватите" там воображаемый предмет и "зажмите" его в кулак (Рис. 255). Предплечье должно быть согнуто под прямым углом к плечу и удерживаться в таком положении. С усилием

верните кулак в исходное положение у левого бока на уровне талии (Рис. 256). На мгновение задержите его в этом положении, как бы накапливая импульс для следующего движения, а затем нанесите быстрый удар перпендикулярно корпусу вправо, в точку около печени и желчного пузыря (кулак при этом повернут внутренней стороной к корпусу, рис. 257). Выполните такое же движение правой рукой — удар должен быть нанесен в точку около поджелудочной железы и селезенки.

26. Расталкивание локтями энергии в стороны

Поднимите согнутые в локтях руки на уровень плеч — локти выдвинуты вперед, запястья скрещены, образуя букву X, левое предплечье лежит поверх правого. Сжатые кулаки должны касаться грудных мышц рядом с подмышками (Рис. 258). Резко отведите локти в стороны и назад, как бы нанося ими удар. В результате локти окажутся на одной линии с плечами (Рис. 259). Еще раз повторите эти движения, но на этот раз в исходном положении правая рука должна лежать поверх левой.

27. Очерчивание перед корпусом двух обращенных внутрь кругов энергии и разламывание их руками

Рис. 260

Рис. 261

Глубоко вдохните и из исходного положения сбоку от бедер одновременно обеими руками опишите круги. Руки движутся по направлению к линии, разделяющей левое и правое тело. По завершении кругового движения предплечья должны перекреститься у груди. Плотно сжатые пальцы указывают вверх, большие пальцы прижаты к верхнему ребру ладони, а запястья согнуты под прямым углом. Левая рука лежит поверх правой. Плотно прижатый к ладони большой палец левой руки должен касаться грудных мышц правого тела, а прижатый к ладони большой палец правой руки — грудных мышц левого тела (Рис. 260). В этот момент завершите вдох. Сделайте быстрый выдох, с силой разведите руки в стороны и нанесите удар в область выше головы тыльными сторонами кулаков — соответственно справа и слева от головы (Рис. 261). Повторите описанные движения, но на этот раз правая рука должна находиться поверх левой.

28. Нанесение обоими кулаками ударов по энергии, находящейся перед корпусом, а также справа и слева от него

Рис. 262

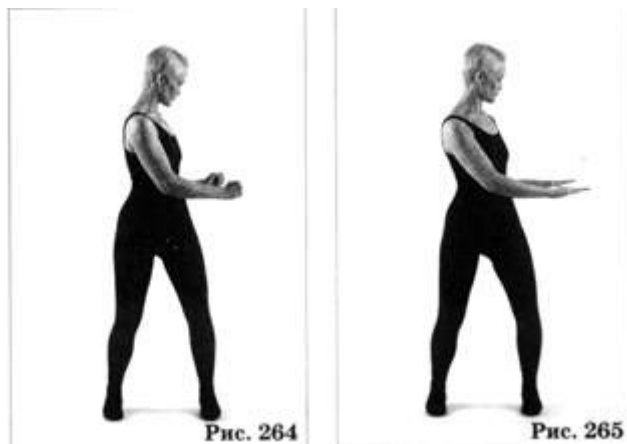

Рис. 263

Исходное положение: сжатые кулаки находятся на уровне талии и

внутренними сторонами обращены к корпусу. Поднимите кулаки на уровень глаз и с силой ударьте ими вниз, в область перед пахом. Ударной поверхностью служат основания кулаков (Рис. 262). После этого, наклоняя корпус влево, нанесите кулаками удар по восходящей дуге (Рис. 263). Верните кулаки в исходное положение и еще раз ударьте в область перед пахом — как и в начале пасса. Из этого положения, наклоняя корпус вправо, нанесите кулаками удар по восходящей дуге вправо. После этого основаниями кулаков еще раз ударьте в область перед пахом.

29. Нанесение удара кулаками по энергии перед корпусом, а также справа и слева от него

Начинается этот магический пасс так же, как и предыдущий. После описанного выше удара обеими руками в область перед пахом (Рис. 262) поднимите кулаки на уровень головы и резко поверните корпус влево. Нанесите обоими кулаками удар по точкам, расположенным перед левым бедром (Рис. 264). Снова поднимите кулаки на уровень головы, раскройте ладони и нанесите ими удар по тем же точкам (Рис. 265). Опять поднимите кисти на уровень головы, сожмите кулаки и ударьте по тем же точкам. В заключение еще раз поднимите кулаки на уровень головы, верните корпус в исходное положение, лицом вперед, и нанесите кулаками удар в область перед пахом.

Повторите описанную последовательность движений, но на этот раз выполняя резкий поворот корпуса вправо.

30. Разламывание запястьями энергии над головой, а также слева и справа от корпуса

Рис. 266

Рис. 267

Поднимите обе руки над головой — запястья соприкасаются, а ладони слегка согнуты, как будто удерживают шар (Рис. 266). Поверните корпус влево, одновременно резким движением перемещая обе руки в точку, находящуюся слева от талии — запястья по-прежнему соприкасаются, вращаясь друг относительно друга. Левая кисть поворачивается ладонью вверх, а правая — вниз (Рис. 267). Верните обе руки в точку над головой — запястья все так же соприкасаются и поворачиваются друг относительно друга.

Повторите описанную последовательность движений, но на этот раз перемещая руки к точке справа от талии. Движение завершается, когда руки возвращаются в исходное положение над головой.

Третья группа: перемещение энергии левого и правого тела при помощи дыхания

Третья группа состоит из девяти магических пассов. В качестве движущей силы используются вдохи и выдохи, при помощи которых производится дальнейшее разделение или соединение двух тел человека.

Как уже говорилось выше, маги линии дона Хуана полагали, что помещение небольшого количества энергии одного тела в какой-либо жизненный центр другого тела на мгновение создает в этом центре бурное движение. Судя по рассказам дона Хуана, маги древней Мексики считали подобное смешивание энергии чрезвычайно благоприятным, поскольку оно ломает установившееся рутинное функционирование центров жизненности. Ключом к разделению левого и правого тела служит дыхание.

Рис. 268

Рис. 269

Одновременно с началом глубокого вдоха поднимите сжатые кулаки ко лбу. Кулаки должны отстоять друг от друга на восемь-десять сантиметров и повернуты внутренними сторонами вниз. Закончите вдох (Рис. 268). Во время выдоха с силой разведите руки в стороны и поместите кулаки по бокам от головы, в одной плоскости с плечами (Рис. 269). Расслабьте руки и распрямите ладони. С глубоким вдохом скрестите руки перед головой и опишите ими два как можно более широких круга, ведя их вперед, вверх, над головой и в стороны. Закончите вдох, когда кисти окажутся на уровне талии, ладонями вверх (Рис. 270). Начните медленный выдох, одновременно поднимая предплечья вдоль грудной клетки до уровня подмышек и как бы выдавливая плечи вверх. Когда плечи приподнимутся, завершите выдох (Рис. 271).

Рис. 270

Рис. 271

Такой способ дыхания — настоящий подарок всем практикующим Тенсегрити, так как он позволяет использовать верхнюю часть легких, чего практически никогда не бывает в обычных условиях.

32. Предложение дыхания

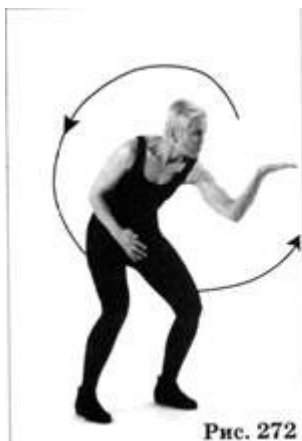

Рис. 272

Рис. 273

Одновременно с глубоким вдохом опишите левой рукой круг. Рука должна двигаться по следующей траектории: перед корпусом — над головой — назад — в исходное положение перед корпусом. В конце движения поверните корпус влево, чтобы рука могла описать полный круг, и завершите вдох. Задержите кисть на уровне подбородка, ладонью вверх — запястье согнуто под прямым углом к предплечью. Затем наклоните корпус вперед. В этой фазе движения практикующий принимает позу человека, который предлагает кому-то нечто, лежащее у него на ладони (Рис. 272). Поверните кисть ладонью вниз (ладонь согнута под прямым углом к предплечью) и начните выдох, одновременно медленно и с силой опуская руку к левому бедру (Рис. 273). Повторите описанную последовательность движений правой рукой.

33. Перемещение энергии от макушки к центрам жизненности при помощи дыхания

Рис. 274

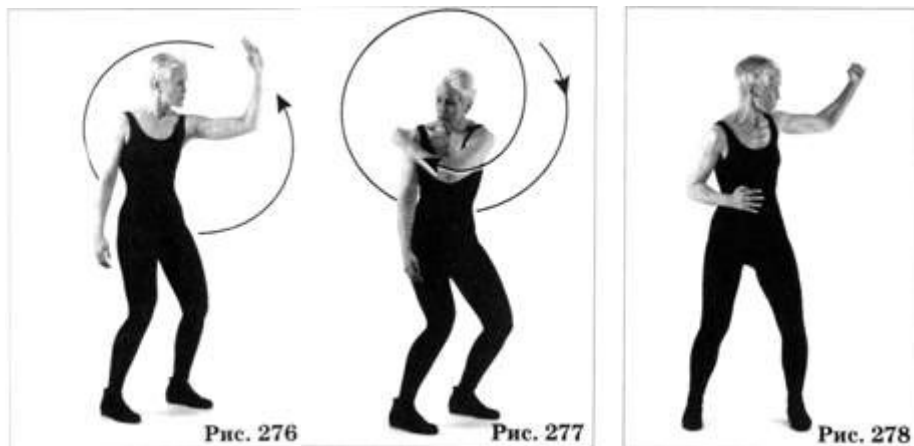

Рис. 275

В исходном положении обе кисти должны быть слегка согнуты в запястьях, а ладони собраны в горсть. Удерживая кисти рук в таком положении, проведите кончиками пальцев по передней части корпуса вверх, а затем по голове и над головой, одновременно делая глубокий вдох (Рис. 274). Когда руки будут полностью вытянуты над головой, выпрямите кисти, поверните ладони вперед и закончите вдох. Потом задержите дыхание и опустите руки вниз. Указательные пальцы обеих рук должны быть выпрямлены, а остальные пальцы, согнутые во втором суставе, прижаты к ладоням (большие пальцы прижимают к ладони согнутые средние пальцы). Когда обе руки опустятся на уровень груди, тыльные стороны кистей окажутся около подмышек.

Начните глубокий выдох, одновременно медленно выпрямляя руки и контролируемым движением, но без чрезмерного усилия, выдвигая их перед корпусом, пока локти не выпрямятся полностью. С глубоким вдохом отведите кисти рук назад, к подмышкам: ладони должны быть обращены вперед, запястья отогнуты назад, а указательные пальцы выпрямлены. Медленно выдыхая и не меняя положения пальцев, опишите руками круг: кисти ведите вверх, к точке над головой, а затем вниз. В конце круга кисти должны оказаться по обе стороны от грудной клетки (Рис. 275). Опустите руки вдоль бедер вниз и завершите выдох.

34. Раскалывание энергии дыханием

Сделайте глубокий вдох, одновременно описывая левой рукой широкий круг. Движение начинается перед корпусом, затем рука проходит над головой, движется назад, вниз и далее — по восходящей дуге. Корпус поверните влево, чтобы облегчить руке круговое движение. Вдох завершите, когда рука сделает полный оборот и остановится в точке сбоку от головы, чуть выше нее. Ладонь обращена вперед, а запястье слегка отклонено назад (Рис. 276). Начните медленный выдох, описывая рукой еще один широкий круг, но на этот раз в противоположном направлении: по нисходящей дуге назад, затем по восходящей вверх, над головой, и далее — по нисходящей дуге вперед. Когда рука опишет полный круг, продолжая делать выдох, переместите ее в точку

перед правым плечом. Ладонь должна быть повернута к телу и слегка касаться правого плеча (Рис. 277). Резко отведя руку в сторону, нанесите удар тыльной стороной кулака в точку, находящуюся на уровне головы, на расстоянии вытянутой руки от левого плеча. В этот момент завершите выдох (Рис. 278). Повторите описанную последовательность движений правой рукой.

35. Дыхание обезьяны

Слегка согните колени и медленно поднимите руки над головой — при этом наполнится воздухом верхняя часть легких. Зафиксируйте колени в таком положении и потянитесь всем телом вверх. При выполнении этого движения можете опираться на полную ступню или привстать на пальцы.

Задержав дыхание, опустите руки и, сгибая колени, слегка наклоните корпус вперед — при этом сокращается диафрагма. Когда руки окажутся на уровне талии, начните выдох. Одновременно вытяните указательные пальцы по направлению к полу — остальные пальцы согнуты и плотно прижаты к ладоням. Продолжая опускать кисти рук вниз, завершите глубокий выдох (Рис. 279). Диафрагму держите напряженной, не опуская ее вниз при выдохе.

36. Верхнее дыхание

Держите ноги прямыми. Согните руки в локтях и начните вдох, одновременно медленно поднимая плечи и описывая ими круг назад. Когда плечи опишут полный круг, завершите вдох — руки оказываются в исходном положении (Рис. 280). Начните выдох, поднимая руки на уровень плеч и одновременно вытягивая их до предела вперед, ладонями вниз.

Сделайте вдох и поверните кисти ладонями вверх. Согните локти, полностью отведите их назад, а плечи приподнимите. Вдох завершается, когда плечи окажутся до предела подняты вверх (Рис. 281).

Сделайте выдох и поверните кисти ладонями вниз. Выполните плечами и ладонями толкающее движение вниз — кисти отогните назад, насколько возможно, а прямые руки удерживайте сбоку от корпуса.

37. Боковое дыхание

Рис. 282

Рис. 283

Рис. 284

В исходном положении сбоку от корпуса сделайте вдох и одновременно переместите руки по дуге к центральной части корпуса, после чего скрестите их; ладони обращены наружу, запястья отогнуты назад так, чтобы кончики пальцев указывали вверх (Рис. 282). Продолжая вдох, с силой разведите руки в стороны. В начале ладони движутся вперед, а в конечной точке оказываются обращены наружу. Когда руки будут полностью вытянуты, завершите вдох. Корпус старайтесь держать как можно прямее (Рис. 283). С выдохом наклоните корпус вперед и согните колени. Одновременно с этим согните руки в локтях, а кисти рук с выпрямленными ладонями, пальцами вверх, приблизьте к центральной части корпуса, проведите дальше к бокам и скрестите предплечья — левая ладонь окажется с правой стороны, а правая — с левой. Левое предплечье должно быть поверх правого, мышцы центральной части корпуса напряжены (Рис. 284).

38. Дыхание бабочки

Рис. 285

Рис. 286

Согните руки в локтях и выведите их перед грудью. Левое предплечье должно лежать поверх правого, не касаясь его; запястья выпрямлены, кисти сжаты в кулаки. Согните колени и наклоните вперед корпус (Рис. 285). Одновременно с началом вдоха разведите руки в стороны и поднимите их вверх над головой. Продолжая вдох, выпрямите руки и опишите ими круг: руки движутся вперед и вниз, затем в стороны, вверх и возвращаются в исходное положение перед грудью. Задержите дыхание и, удерживая предплечья относительно друг друга в том же положении, поднимите руки над головой, одновременно выпрямляя корпус (Рис. 286). Опустите руки на уровень пупка и одновременно наклоните корпус вперед — вы окажетесь в первоначальном положении. Сохраняя наклон корпуса, начните выдох и повторите руками те же движения, какие выполнялись при вдохе. Во время выдоха диафрагму держите в напряженном состоянии.

39. Выдох через локти

Рис. 287

Рис. 288

Полностью выпрямите ноги. Одновременно с глубоким вдохом опишите руками широкие круги наружу, проводя их над головой и по бокам от корпуса.

Вдох завершите, когда согнутые в локтях руки окажутся на уровне талии — предплечья при этом вытянуты вперед, ладони выпрямлены и обращены друг к другу, а пальцы плотно сжаты.

Наклоните корпус вперед и слегка согните колени. Опустите предплечья вниз, под углом сорок пять градусов к корпусу, чтобы пальцы указывали в пол, и начните делать выдох (Рис. 287). Продолжая выдох, поднимите над головой руки, согнутые в локтях под прямым углом. Корпус выпрямите и слегка отклоните назад, одновременно чуть сильнее сгибая колени. Завершите выдох — мышцы брюшного пресса при этом должны быть максимально напряжены, а голова слегка отклонена назад (Рис. 288).

При выполнении этого пасса возникает ощущение, что воздух выдыхается через локти.

Четвертая группа: предпочтения левого и правого тела

Эта группа состоит из выполняемых последовательно пяти магических пассов для левого тела и трех магических пассов для правого. Согласно учению дон Хуана, левое тело предпочитает безмолвие, а правое — болтовню, шум, всевозможные последовательные и упорядоченные действия. Дон Хуан утверждал, что именно правое тело вынуждает нас маршировать: ему нравятся парады, оно получает огромное удовольствие от хореографии, упорядоченных рядов, например — расстановки по размеру и т.д.

Дон Хуан советовал многократно выполнять каждое движение магических пассов для правого тела, причем практикующий обязательно должен вести счет; при этом очень важно заранее решить, сколько раз вы намерены выполнить данное движение, поскольку предварительный расчет является сильной стороной правого тела. Если практикующий строго выполнит задуманное, то правое тело получит поистине неописуемое удовольствие.

В практике Тенсегрити магические пассы для обоих тел выполняются в полной тишине. Если удастся распространить тишину левого тела на правое — это действие называется насыщением, — то можно будет войти в состояние внутреннего безмолвия, которое дон Хуан назвал самым желанным для любого шамана.

Пять магических пассов для левого тела

Магические пассы для левого тела не имеют собственных названий. Шаманы древней Мексики называли их просто магическими пассами для левого тела. Поскольку эти пассы выполняются последовательно, им присвоены порядковые номера.

Первый магический пасс

состоит из пятнадцати коротких движений, требующих очень точного выполнения.

1. Отведите левую руку в сторону — приблизительно на тридцать сантиметров от ее естественного положения у бедра (Рис. 289).

2. Слегка согнув локоть, резко поверните кисть ладонью вперед (Рис. 290).

3. Поднимите предплечье на уровень пупка и сделайте им резкое движение вправо (Рис. 291).

4. Быстро поверните кисть ладонью вниз (Рис. 292).

5. Режущим движением проведите кисть справа налево — ладонь при этом должна оставаться обращенной вниз (Рис. 293).

6. Выпрямите руку, соберите ладонь в горсть и согните кисть в запястье, как

будто собираетесь ею что-то зачерпнуть. Резко поднимите запястье вверх (Рис. 294).

Рис. 295

Рис. 296

Рис. 297

7. Поднимите руку по дуге на уровень лица — к линии, находящейся перед корпусом и разделяющей оба тела. Остановите руку на расстоянии тридцати сантиметров от глаз; выпрямленная ладонь обращена влево (Рис. 295).

8. Поверните кисть ладонью вперед (Рис.296).

9. Поднимите кисть выше головы и опишите ею круг наружу, после чего снова верните ее на уровень глаз; ладонь обращена влево (Рис. 297).

10. Поверните кисть ладонью вперед (Рис.296).

Рис. 298

Рис. 299

11. Отведите кисть по дуге влево на уровень плеч; ладонь при этом обращена вниз (Рис. 298).

12. Поверните кисть ладонью вверх(Рис. 299).

Рис. 300

Рис. 301

Рис. 302

13. Сделайте кистью рубящее движение вправо, к точке перед правым плечом (Рис. 300).

14. Поверните кисть ладонью вниз(Рис. 301).

15. Быстро опустите руку вниз, в точку перед левым бедром, отстоящую от него приблизительно на тридцать сантиметров (Рис. 302).

Второй магический пасс

состоит из следующих девяти движений:

Рис. 303

Рис. 304

Рис. 305

16. Поднимите кисть руки и, приблизив ее к талии, коснитесь тазобедренного сустава (Рис. 303).

17. Отведите локоть в сторону и резко опустите предплечье вниз, одновременно поворачивая кисть ладонью влево. Ладонь при этом собрана в горсть, пальцы выпрямлены и вытянуты вперед (Рис. 304).

18. Опишите рукой полный круг, проводя ее над головой и назад. Затем верните кисть к тазобедренному суставу, ладонью вверх (Рис. 305).

19. Еще раз отведите локоть в сторону и резко поверните кисть ладонью влево (Рис. 306).

20. Опишите кистью в горизонтальной плоскости круг вовнутрь, как будто зачерпываете что-то ладонью (Рис. 307). Верните кисть к тазобедренному суставу, ладонью вверх.

21. Быстро отведите согнутый локоть влево, одновременно резко отгибая кисть назад. Слегка согнутые пальцы указывают за спину, ладонь собрана в горсть и обращена вверх (Рис. 308).

22. До предела отведите локоть назад, при этом ладонь по-прежнему собрана в горсть (Рис. 309).

23. Зафиксировав руку в этом положении, медленно сделайте кистью полный оборот — в результате ладонь снова будет повернута вверх (Рис. 310).

24. Это движение напоминает вытягивание руки из рукава. Начав движение с перемещения локтя, опишите рукой круг, ведя ее назад, вверх, вперед и вниз. Следите взглядом за движением локтя. В конце движения ладонь должна выйти на уровень нижнего края грудной клетки, а согнутый локоть — касаться ребер (Рис. 311).

Третий магический пасс

состоит из двенадцати движений:

25. Отведите левую кисть, ладонью вверх, по дуге вправо, как будто что-то разрезая кончиками пальцев. Задержите кисть на расстоянии тридцать сантиметров от правого края грудной клетки (Рис. 312).

26. Поверните кисть ладонью к полу (Рис. 313).

Рис. 314

Рис. 315

27. Отведите руку по дуге влево и до предела назад (Рис. 314).

28. Соберите ладонь в горсть, вытяните руку и поверните кисть ладонью вверх — она напоминает черпак (Рис. 315).

Рис. 316

Рис. 317

29. Проведите кисть руки по дуге вверх и вправо и поднимите над головой. Движение должно завершиться над правым плечом (Рис. 316).

30. Выпрямите кисть, а затем отклоните ее назад, под прямым углом к предплечью. После этого опустите руку вниз, на уровень талии — кисть оказывается немного правее корпуса (Рис. 317).

31. Быстро опустите ладонь вниз (Рис. 318).

32. Опишите рукой полукруг влево и назад, проводя ее спереди и сбоку от корпуса (Рис. 319).

33. Поверните кисть ладонью вверх (Рис. 320).

34. Выведите руку по дуге вперед и поместите, как и раньше, у правого бока, в тридцати сантиметрах от грудной клетки (Рис. 321).

Рис. 322

Рис. 323

35. Поверните кисть ладонью вниз (Рис. 322).

36. Широким круговым движением влево верните руку в точку за левым боком (Рис. 323).

Четвертый магический пасс

состоит из пятнадцати движений:

Рис. 324

Рис. 325

Рис. 326

37. Опишите рукой широкий круг в вертикальной плоскости. Рука должна пройти по дуге перед корпусом и далее — над головой, назад и вниз. Круг завершите в точке, отстоящей от левого бедра приблизительно на тридцать сантиметров (Рис. 324).

38. Наклоните корпус вперед, поверните голову влево, резко согните левую руку в локте и поднимите предплечье на уровень глаз — ладонь обращена наружу и как бы загораживает глаза от яркого света (Рис. 325).

39. Медленно поверните корпус и голову вправо, словно всматриваетесь в даль (Рис. 326).

40. Поверните корпус и голову влево (Рис. 325).

Рис. 327

Рис. 328

Рис. 329

41. Не меняя положения руки, быстро поверните кисть ладонью вверх и одновременно выпрямите корпус и голову — теперь вы смотрите прямо перед собой (Рис. 327).

42. Сделайте левой кистью рубящее движение перед корпусом слева направо (Рис. 328).

43. Поверните кисть ладонью вниз (Рис. 329).

Рис. 330

Рис. 331

44. Быстро отведите руку влево (Рис. 330).

45. Поверните кисть ладонью вверх (Рис. 331).

46. Еще раз выполните перед корпусом рубящее движение правой рукой. Кисть движется по дуге слева направо (Рис. 328).

47. Поверните кисть ладонью вниз(Рис. 329).

48. Быстро отведите руку влево (Рис. 330).

49. Поверните кисть ладонью вверх(Рис.331).

50. Проведите руку перед корпусом слева направо (Рис. 328).

51. Поверните кисть ладонью вниз (Рис. 329).

Пятый магический пасс

состоит из двадцати пяти движений:

52. Опишите рукой перед корпусом большой круг. Движение завершите перед правым плечом; ладонь направлена вверх(Рис.332).

53. Поднимите локоть перед корпусом на уровень плеч — кисть слегка согнута и повернута ладонью вниз. (Рис. 333).

54. Опишите левой кистью эллипс справа налево, как бы зачерпывая что-то ладонью. Когда кисть вернется в исходное положение, поверните ее ладонью вверх (Рис. 334).

55. Опустите кисть на уровень паха, пальцами к полу (Рис. 335).

56. Поверните кисть ладонью к телу (Рис. 336).

57. Отведите кисть влево, обводя спереди контуры тела. Движение завершите в точке, находящейся в десяти-пятнадцати сантиметрах от левого бедра (Рис. 337).

58. Быстрым движением поверните кисть ладонью к бедру (Рис. 338).

Рис. 339

Рис. 340

59. Поднимите голову, а следом за ней и кисть на уровень глаз, ведя руку так, как будто ваши пальцы скользят по какой-то плоской поверхности (Рис. 339).

60. Опустите кисть по наклонной прямой в точку чуть левее паха. Следите глазами за движением руки (Рис. 340).

Рис. 341

Рис. 342

61. Еще раз поднимите кисть на уровень глаз — в точку, расположенную точно на разделительной линии левого и правого тела, прямо перед глазами, на расстоянии приблизительно сорок пять сантиметров (Рис. 341).

62. Опустите кисть по наклонной прямой к точке, расположенной впереди и чуть правее паха (Рис. 342).

Рис. 343

Рис. 344

Рис. 345

63. Еще раз поднимите кисть по наклонной прямой в точку перед глазами. Следите взглядом за движением руки (Рис. 343).

64. Опустите кисть по прямой вниз — в точку, находящуюся приблизительно в тридцати сантиметрах от правого бедра (Рис. 344)

Последними семью движениями были очерчены три пика: первый — слева; второй — на границе между телами; третий — справа.

65. Поверните кисть ладонью влево (Рис. 345).

Рис. 346

Рис. 347

66. Поднимите кисть на уровень глаз по изогнутой траектории, которая должна точно вписаться между двумя ранее очерченными пиками — правым и центральным (Рис. 346).

67. Не меняя положения руки, поверните кисть ладонью вправо (Рис. 347).

Рис. 348

68. Опустите кисть на уровень паха, на разделительную линию между левым и правым телом (Рис. 348).

69. Поверните кисть ладонью влево (Рис. 349).

Рис. 349

Рис. 350

70. Поднимите кисть на уровень глаз, к точке между средним и левым пиком (Рис. 350).

71. Поверните кисть ладонью вправо (Рис. 351).

Рис. 351

Рис. 352

Рис. 353

72. Опустите руку вниз — кисть должна вернуться в исходное положение, к точке перед бедром (Рис. 352).

Пики, описанные в этих восьми движениях, слегка скруглены — в противоположность предыдущим остроугольным пикам.

73. Поверните кисть ладонью вперед (Рис. 353).

Рис. 354

Рис. 355

74. Проведите руку над головой, словно омывая правое лицо и правое тело невидимой жидкостью (Рис. 354).

75. Опустите предплечье на уровень талии (Рис. 355) и опишите локтем полукруг назад (Рис. 356).

76. Проведите кисть скользящим движением над центрами жизненности вокруг поджелудочной железы и селезенки — как будто это кинжал, который вы убираете в ножны (Рис. 357).

Рис. 356

Рис. 357

Три магических пасса для правого тела

Первый магический пасс

для правого тела состоит из пяти движений.

Рис. 358

Рис. 359

Рис. 360

1. Опишите кистью правой руки, согнутой под прямым углом к предплечью, полный круг слева направо; ладонь обращена вперед (Рис. 358). Верхняя точка круга должна находиться на уровне правого уха.

По завершении движения кисть возвращается в исходное положение — в тридцати сантиметрах перед талией.

2. Резко поднимите локоть, одновременно перемещая кисть по крутой дуге на уровень груди. Ладонь повернута к полу, пальцы сложены вместе и выпрямлены, большой палец плотно прижат к указательному и оба они почти касаются груди (Рис.359).

3. Быстро отведите предплечье от груди — так, чтобы угол между ним и плечом составил примерно сорок пять градусов (Рис. 360).

Рис. 361

Рис. 362

Рис. 363

4. Выполните кистью следующее вращательное движение: пальцы на мгновение поворачиваются вниз, к полу, а затем "выбрасываются" на уровень выше головы, словно лезвие выкидного ножа (Рис. 361).

5. Резко опустите предплечье вниз. Ребро ладони, как резак, падает по вертикали на уровень пупка (Рис. 362).

Второй магический пасе

для правого тела состоит из двенадцати движений:

Рис. 364

Рис. 365

Рис. 366

6. Из положения сбоку от талии (Рис. 363) нанесите кистью укол в точку перед корпусом, одновременно раздвигая пальцы (Рис. 364).

7. Резко согните локоть и отведите его назад, возвращая руку на уровень талии (Рис. 365).

8. Поверните кисть ладонью вверх(Рис.366).

Рис. 367

Рис. 368

Рис. 369

9. Вытяните руку вперед; ладонь открыта и повернута вверх (Рис. 367).

10. Верните руку на уровень талии — ладонь по-прежнему обращена вверх (Рис. 366).

11. Поверните кисть ладонью вниз(Рис. 368).

12. Опишите рукой полный круг — она движется назад, над головой и вперед. Круг должен завершиться шлепком ладони по воображаемой твердой поверхности перед пупком (Рис. 369).

Рис. 370

Рис. 371

13. Выполните предплечьем дугообразное движение, словно вы сгребаете

что-то в области правого тела (Рис. 370). Ладонь при этом поворачивается к корпусу.

14. Отведите руку вправо и поднимите вверх, как бы выхватывая из ножен кинжал (Рис. 371).

15. Нанесите ребром ладони, обращенной влево, рассекающий удар по диагонали — в точку, находящуюся на расстоянии примерно сорок пять сантиметров перед центральной частью корпуса (Рис. 372).

16. Поднимите выпрямленную ладонь на уровень лица. Рука должна подниматься строго по вертикали (Рис. 373).

17. Рассекающим движением опустите ладонь по диагонали в точку, расположенную на расстоянии сорок пять сантиметров от края правого тела (Рис. 374).

Третий магический пасс

для правого тела состоит из пятнадцати движений.

18. Согните правую руку и выдвиньте локоть вправо. Кисть повернута ладонью к телу и перемещается по дуге справа налево, к точке, находящейся перед солнечным сплетением (Рис. 375).

19. Используя локоть в качестве точки вращения, опишите предплечьем четверть круга вниз, одновременно поворачивая кисть руки так, чтобы ладонь "смотрела" вправо (Рис. 376).

20. Опишите рукой небольшой круг наружу по следующей траектории: вверх, вправо, вниз (Рис. 377). Затем верните кисть к талии, ладонью вверх (Рис. 378).

21. Опишите рукой из положения перед телом еще один круг: вверх, назад, вниз и вперед (Рис. 379). Кисть должна вернуться в начальную точку круга ладонью вниз.

22. Поверните кисть ладонью вверх (Рис. 380).

Рис. 381

Рис. 382

Рис. 383

23. Медленно выдвиньте кисть вперед (Рис. 381).

24. Поверните кисть ладонью влево и резко поднимите предплечье вертикально вверх, словно это лезвие ножа; ладонь должна быть выпрямлена, а большой палец — фиксировать плотно сжатые остальные пальцы (Рис.382).

25. Быстро опишите кистью маленькую дугу влево — так, чтобы ладонь повернулась вправо. Рубящим движением опустите кисть вниз, несколько левее ранее прочерченной линии, в точку на уровне пупка (Рис. 383).

Рис. 384

Рис. 385

Рис. 386

26. По-прежнему удерживая кисть ладонью вправо, поднимите ее вверх — по той же траектории, что и в предыдущем движении (Рис. 384).

Во время трех последних движений кисть руки описала вытянутый эллипс.

27. Резко опустите руку вниз, как бы отсекая треть этого вытянутого эллипса (Рис. 385).

28. Поверните кисть ладонью вправо(Рис. 386).

29. Выполните кистью сгребящее движение — как бы собирая "отрубленный" фрагмент эллипса и скатывая его в шар (Рис. 387). Затем разбейте этот шар о переднюю часть правого тела (Рис. 388).

30. Опустите руку к правому тазобедренному суставу (Рис. 389).

31. Отведите руку по дуге назад. По мере того как рука описывает полукруг, кисть поворачивается (Рис. 390) и затем останавливается за правым плечом (Рис. 391).

32. Скользящим движением проведите кисть над центрами жизненности, расположенными вокруг печени и желчного пузыря, как будто это кинжал, который вы убираете в ножны (Рис. 392, 393).

Рис. 392

Рис. 393

СЕРИЯ МУЖЕСТВЕННОСТИ

Шаманы, которые открыли и начали использовать эту серию магических пассов, назвали ее мужественностью. Дон Хуан полагал, что это было самым первым названием, когда-либо присвоенным группе магических пассов. На протяжении многих поколений эту группу практиковали только ученики мужского пола. Дискриминация в пользу шаманов-мужчин основывалась не на реальной необходимости — скорее, она обуславливалась ритуалами и изначально присущим мужчинам стремлением утвердить свое превосходство над женщинами. Однако по мере развития повышенного восприятия с последним было достаточно быстро покончено.

Традиция считать эту практику чисто "мужской" оставалась в силе еще на протяжении многих поколений, но, тем не менее, женщины втихомолку тоже ею занимались. Древние маги позволяли представительницам прекрасного пола изучать эти пассы — ведь когда в окружающем обществе так много насилия и социального беспорядка, женщины нуждаются в дополнительной силе и живучести; в те самые качества, которые, по мнению древних магов, как раз и приобретаются в результате регулярной практики пассов этой группы. Формально, женщинам разрешалось выполнять эти движения как бы в знак солидарности с мужчинами. Во времена дона Хуана грань между дозволенным мужчинам и женщинам стала еще более расплывчатой. Присущая магам прошлого одержимость секретностью и исключительностью была полностью преодолена, запрет снят, и женщины-практикующие могли выполнять эти магические пассы совершенно открыто, не прибегая к формальным уловкам вроде "солидарности".

Ценность данной группы магических пассов — самой старой из тех, которым было присвоено собственное наименование, — заключается в ее непрерывности. Все пассы можно выполнять и мужчинам, и женщинам, что позволяет целой группе шаманов двигаться синхронно. Маги линии дона Хуана никогда не использовали эту возможность, поскольку в течение многих столетий количество членов магической группы было строго

регламентировано — не более шестнадцати человек. Поэтому ни у одного мага прошлого не было возможности воочию увидеть ту громадную энергию, которую порождает выполнение магических пассов большими группами людей. Для них имело значение только то особое соглашение между несколькими посвященными, которое давало им возможность следовать своим собственным, особым предпочтениям. Это еще более усиливало их стремление к изоляции от общества.

Выполнение движений комплекса Тенсегрити на семинарах и в ходе практикумов одновременно сотнями участников дало возможность, как я уже говорил выше, ощутить энергетическое воздействие человеческой массы. Оно было двояким. Практикующие Тенсегрити не только вовлекаются в совместную деятельность, которая объединяет их энергетически, они становятся также участниками увлекательного поиска и двигаются по пути, проложенному шаманами древней Мексики в состоянии повышенного осознания — то есть устремляются к перераспределению энергии. Выполнение магических пассов в ходе семинаров по Тенсегрити производит потрясающее впечатление. Практикующие, находясь под суммарным воздействием магических пассов и человеческой массы, достигают таких энергетических состояний, о которых дон Хуан в своих наставлениях никогда не упоминал.

Этот набор движений назван мужественностью по нескольким причинам. Всем движениям присуща агрессивность; они выполняются очень резко и с большой силой, что естественно ассоциируется с принадлежностью к мужскому полу. По словам дон Хуана, пассы вызывают не только ощущение избытка жизненных сил, но и порождают особое состояние чувств, которое, на первый взгляд, можно легко принять за конфликтность и агрессивность. Однако если внимательно к нему присмотреться, то станет очевидно, что это, скорее, ощущение готовности. Оно выводит практикующих на такой уровень, на котором они способны нанести удар по неизвестному. Это ощущение так специфично, что его нельзя спутать ни с чем иным.

Другая причина, по которой маги древней Мексики называли эту группу магических пассов мужественностью, заключалась в том, что практиковавшие ее мужчины не нуждались в постоянном контроле и руководстве. Они самостоятельно превращались в людей, прямо или косвенно извлекавших пользу из любых своих поступков. В идеальном случае, энергия, порождаемая этой группой магических пассов, поступает непосредственно к центрам жизненности, как будто каждый из них подал индивидуальную заявку на получение энергии. И в первую очередь она направляется к тем центрам, которые более всего нуждаются в подпитке.

Для учеников дон Хуана Матуса освоение этого набора магических пассов стало ключевым моментом в обучении. Дон Хуан, знакомя учеников с этой серией, назвал ее "общим знаменателем", подразумевая, что каждый ученик должен выполнять эти движения очень точно, не внося в них никаких изменений. Он старался подготовить своих учеников так, чтобы они могли выдержать все трудности путешествия в неизвестное.

В Тенсегрити к названию "мужественность" было добавлено слово "серия", чтобы уравнивать эту группу магических пассов с другими сериями. Серия мужественности разделена на три группы, каждая из которых состоит из десяти магических пассов. Цель первой и второй групп — настройка энергии сухожилий. Все эти пассы непродолжительны, но требуют чрезвычайной сосредоточенности. Как и ученики древних шаманов, практикующие Тенсегрити должны стараться получить от этих коротких движений максимальный результат, высвобождая после каждого пасса определенную порцию энергии сухожилий.

Однажды я спросил дона Хуана:

— Может ли так быть, что каждый раз, высвобождая порцию энергии сухожилий, я попросту теряю ее и она уходит в окружающее пространство?

Дон Хуан ответил:

— Из тебя не может истекать никакая энергия. Та порция, которую, как тебе кажется, ты пускаешь на ветер, в действительности даже не покидает границ твоего тела — где бы они ни проходили. Ты направляешь высвобожденную энергию в то место, которое маги древней Мексики называли "кожицей" или "корой". Они считали, что с энергетической точки зрения люди подобны светящимся шарам, покрытым толстой кожицей — совсем как апельсины. У некоторых эта кожица твердая и толстая, как кора старого дерева.

Дон Хуан предупредил меня, что аналогия энергетического строения человеческих существ и апельсина не совсем корректна и может отчасти ввести в заблуждение:

наша энергетическая "кожица" или "кора" находится внутри границ — как если бы кожура апельсина находилась внутри него самого. Эта "кора" или "кожица" представляет собой поверхностные отложения энергии, которую мы ранее рассеяли из своих центров жизненности, отбрасывая ее как ненужную — что обычно происходит из-за усталости от событий повседневной жизни.

— А нанесение ударов по этой коре что-нибудь дает нам, дон Хуан? — поинтересовался я.

— Дает, и очень многое. Особенно, если практикующие направляют на это все свое намерение. Если они намереваются разрушить часть этих застывших энергетических образований посредством магических пассов, то отколовшиеся от коры частички энергии могут впитываться центрами жизненности.

Магические пассы третьей группы более продолжительны. Для выполнения этих десяти пассов практикующим требуется твердость рук, ног и других частей тела. Их целью является тренировка выносливости и стойкости.

Шаманы древней Мексики полагали, что выполнение этой длинной последовательности движений позволяет практикующим обрести внутреннюю точку опоры и стать полностью самостоятельными.

В ходе занятий практикующие Тенсегриты выяснили, что серию мужественности во избежание перенапряжения сухожилий рук и мышц спины нужно выполнять в замедленном темпе.

Первая группа: магические пассы, в которых кисти рук перемещаются синхронно, но не соприкасаются

1. Кулаки выше плеч

Прижмите сжатые кулаки к бокам — при этом они должны быть обращены внутренней стороной вверх. Поднимите согнутые под прямым углом руки вверх — предплечья расположены вертикально, а кулаки оказываются чуть выше головы. При этом движении следует напрягать не только руки, но и мышцы живота. Когда кулаки поднимутся выше головы, до предела напрягите мышцы передней части корпуса, для чего немного отклоните корпус назад и слегка согните колени (Рис. 394). После этого опустите кулаки к бедрам, одновременно немного выпрямляя руки в локтях, слегка наклоняя вперед корпус и напрягая мышцы спины и диафрагму (Рис. 395).

2. Действия кистями рук с зажатými в них режущими предметами

Рис. 396

Рис. 397

Сожмите кисти в кулаки и поместите их на уровне талии, внутренними сторонами к корпусу (Рис. 396). Нанесите обоими кулаками удар по наклонной прямой в точку, находящуюся в сорока пяти сантиметрах перед пахом.

Во время выполнения этого движения расстояние между кулаками не меняется и равно ширине корпуса (Рис. 397). После удара верните кулаки в исходное положение у нижнего края грудной клетки.

3. Полировка высокого стола ладонями рук

Согните руки в локтях и поднимите кисти к подмышкам, ладонями вниз. Резким движением отведите локти назад (Рис. 398). Затем резко выдвиньте руки вперед — они должны полностью распрямиться, как будто ладони полируют расположенную на уровне груди горизонтальную поверхность (Рис. 399). Расстояние между руками равно ширине корпуса. С усилием верните руки в исходное положение (Рис. 398).

Рис. 398

Рис. 399

Рис. 401

4. Выбивание энергии обеими кистями рук

Рис. 400

Обе руки выведите вперед и поднимите на уровень плеч, ладонями друг к другу. Кисти должны быть сжаты в кулаки: внешние поверхности третьих фаланг пальцев образуют наклонную плоскость, а большие пальцы прижаты к верхнему краю указательных пальцев (Рис. 400). Резко, с усилием, слегка наклоните кулаки вниз, сохраняя предплечья неподвижными и удерживая их на уровне плеч. Резким движением

верните кулаки в исходное положение — предплечья по-прежнему остаются неподвижными (Рис. 401).

По мнению шаманов, данный магический пасс — один из лучших способов активизации энергии сухожилий рук. Это связано с большим количеством энергетических точек, которые расположены вокруг запястий, на тыльной стороне кистей рук, на ладонях и пальцах.

5. Выбивание энергии

Этот магический пасс нужно выполнять сразу за предыдущим. Выведите обе руки перед корпусом и поднимите на уровень плеч. Кисти сожмите в кулаки, как описано в предыдущем магическом пассе (Рис. 400), но на этот раз ладони должны быть повернуты вниз. Резким движением в запястьях слегка отклоните кулаки внутрь, к корпусу. После этого, так же за счет движений в запястьях, верните их обратно и, продолжая движение, сместите наружу, чтобы большие пальцы оказались на одной линии с предплечьями (Рис. 402).

Выполнение этого магического пасса требует интенсивного использования мышц живота — именно их сокращение придает импульс движениям запястий.

Рис. 402

Рис. 403

Рис. 404

6. Вытягивание энергетического шнура

Вытяните руки перед корпусом. Кисти расположите на линии, отделяющей левое тело от правого — как будто вы держите толстый шнур, который свисает откуда-то сверху; левая кисть должна находиться над правой (Рис. 403). Сделайте обоими запястьями резкое движение, чтобы обе кисти дернулись вниз коротким, мощным рывком. После этого напрягите мышцы живота и согните колени — предплечья опустятся еще ниже (Рис. 404).

Выполните движение в противоположном направлении, резким движением запястий приподняв кисти рук и распрямив колени и корпус (Рис. 403).

7. Толкание вниз энергетического шеста

Рис. 405

Рис. 406

Поместите кисти слева от корпуса — левая должна находиться на уровне уха, на двадцать-двадцать пять сантиметров выше правой, расположенной на

уровне плеча. Держите кисти так, словно вы охватываете ими толстый шест. Левая ладонь должна быть обращена вправо, а правая — влево. Левая рука, в силу того, что находится выше правой, является ведущей — она направляет движение (Рис. 405). Напрягите мышцы живота, а также спины в области надпочечников, и мощным толчком пошлите обе кисти вниз и вправо, в сторону от правого бедра и талии — как будто вы отталкиваетесь от пола шестом (Рис. 406). Потом поменяйте кисти рук местами: правую кисть отведите к правому уху (она становится ведущей), а левую расположите ниже, на уровне плеча — как будто вы перехватили шест. Повторите описанные выше движения еще раз.

8. Поочередное разрубание энергии кистями рук

Сжатые в кулаки кисти рук поместите на уровне талии, сбоку и чуть ниже от края грудной клетки; они обращены внутренними сторонами к корпусу (Рис. 407). Нанесите левой рукой удар по диагонали вниз — в точку, расположенную в шестидесяти сантиметрах от бедра (Рис. 408). Верните руку в исходное положение (Рис. 407) и выполните такое же движение правой рукой.

9. Энергетический рубанок

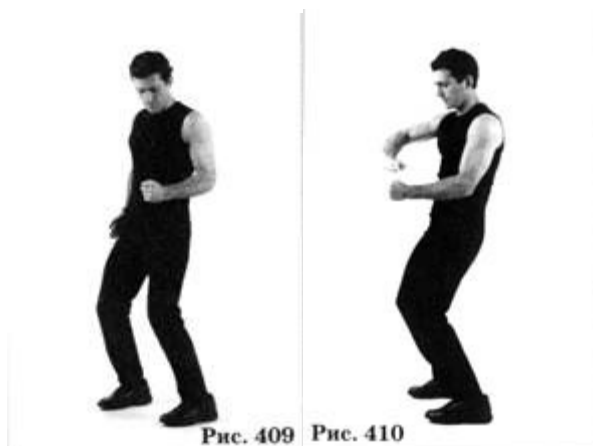

Рис. 409 Рис. 410

Поднимите левую кисть на уровень пупка и сожмите кулак; локоть согните под прямым углом и удерживайте вблизи грудной клетки (Рис. 409). Правую ладонь подведите к левому кулаку, как будто вы собираетесь хлопнуть по его верхушке, но остановите ее в двух-трех сантиметрах от кулака (Рис. 410). Затем резким движением выведите правую ладонь вперед на десять-двенадцать сантиметров, словно рассекая что-то ее ребром (Рис. 411). Отведите левый локоть до предела назад, одновременно отводя влево и правую руку: правая кисть должна следовать за левым кулаком на фиксированном расстоянии (Рис. 412).

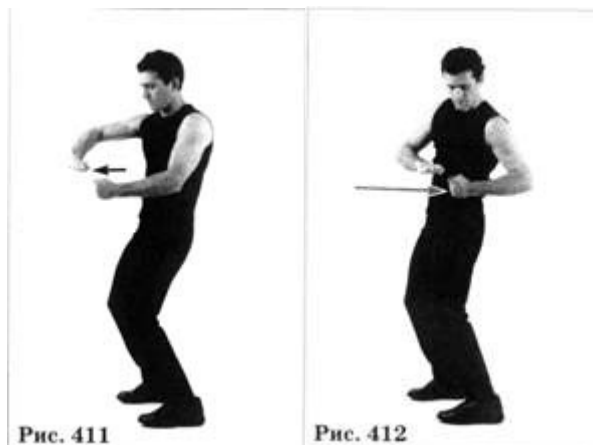

Рис. 411

Рис. 412

Затем, сохраняя прежний интервал, быстро выведите левую и правую кисти вперед — в точку, находящуюся на расстоянии сорок пять-шестьдесят сантиметров перед талией.

Выполните такие же движения правым кулаком.

10. Нанесение удара по энергии энергетическим шипом

Поднимите левую руку, согнутую в локте под прямым углом, на уровень плеч. Кисть сложите так, словно

держите рукоять кинжала; ладонь обращена вниз. Нанесите левым локтем удар по дуге назад, в точку, находящуюся на высоте плеча, позади него, под углом сорок пять градусов к плоскости тела (Рис. 413). Верните руку в исходное положение, нанося такой же удар, но в обратном направлении.

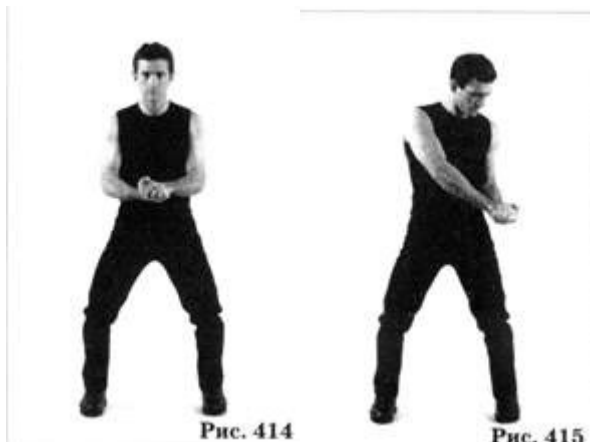
Выполните описанное движение правой рукой.

Вторая группа: магические пассы для фокусирования энергии сухожилий

11. Сцепление кистей рук

Выведите оба предплечья вперед на уровне пупка — при этом согнутые локти почти касаются грудной клетки. Сцепите кисти — левая должна лежать поверх правой, и пальцы одной руки с силой сжимать пальцы другой (Рис. 414). Напрягите мышцы рук и спины. Затем расслабьте напряженные мышцы и, не расцепляя, поверните кисти так, чтобы правая оказалась поверх левой; осью вращения при этом служит область ладони, которая находится у основания пальцев. Вновь напрягите мышцы рук и спины.

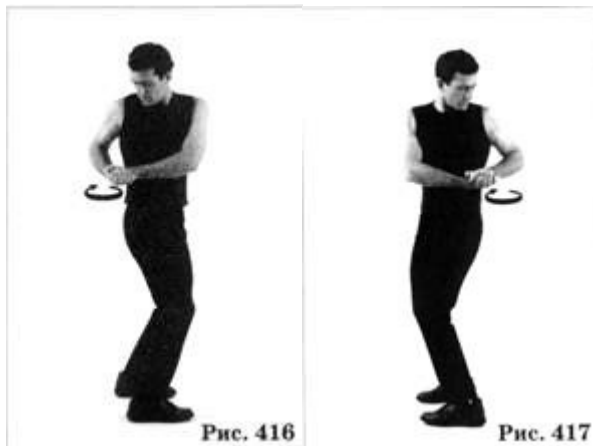
Выполните описанные движения из исходного положения, когда кисть правой руки находится поверх левой.

12. Сцепление левого и правого тела

Выведите предплечья перед корпусом на уровень пупка, как и в предыдущем пассе. Выпрямите правое предплечье и удерживайте его на одной линии с бедром; предплечье прижато к грудной клетке, но локоть от нее немного отодвинут. Левую кисть положите поверх правой и сцепите их. С силой сожмите пальцы и ладони обеих рук, одновременно напрягая мышцы рук, спины и живота. Затем расслабьте напряженные мышцы и, не расцепляя, поменяйте кисти местами, чтобы правая оказалась поверх левой; осью вращения служит область ладони у основания пальцев. Поворот следует выполнять одновременно с перемещением кистей рук поперек корпуса справа налево, после чего кисти снова с силой сожмите, а мышцы рук, спины и живота напрягите (Рис. 415). Повторите описанные движения еще раз, но в исходном положении правая кисть должна лежать поверх левой.

13. Резкий поворот двух тел

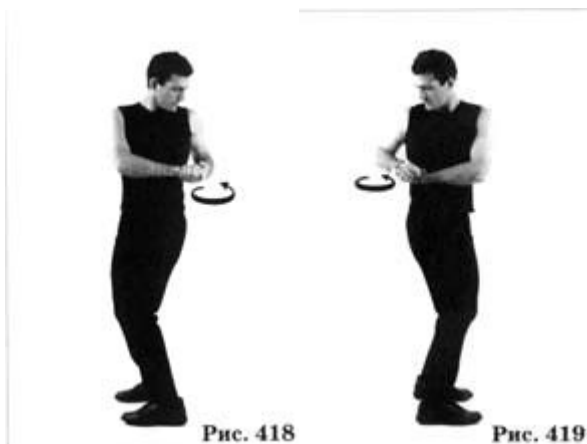
Сцепите кисти рук на уровне талии, справа от нее. Левая кисть должна находиться поверх правой. При выполнении этого магического пасса кисти рук сжимайте не так плотно, как в двух предыдущих, потому что его целью является всего лишь резкий поворот двух тел.

Опишите сцепленными кистями в горизонтальной плоскости маленький круг вправо и верните их в исходное положение. Поскольку левая рука находится сверху и является ведущей, то при описании круга она должна прилагать большие усилия, толкая обе кисти сначала вправо и далее — по кругу (Рис. 416).

Поверните корпус и отведите сцепленные кисти к левому боку. Здесь опишите ими еще один круг, также в основном за счет усилий левой руки. Находясь сверху, кисть левой руки тянет за собой правую, и они двигаются в горизонтальной плоскости назад, наружу и влево, а затем — обратно, в

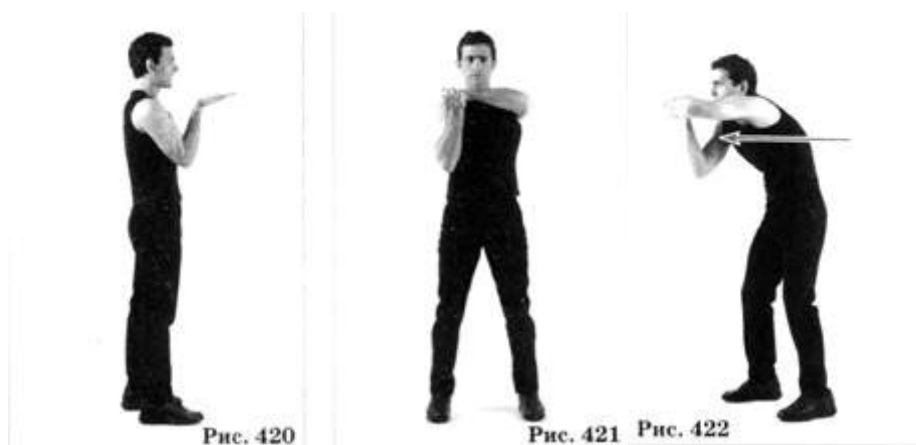
начальную точку(Рис. 417).

Повторите описанную выше последовательность движений, но ведущей рукой должна быть правая. Исходная точка — слева от корпуса на уровне талии. На этот раз прилагаемое правой рукой усилие заставляет сцепленные кисти описать круг, начинающийся с движения влево и заканчивающийся в исходной точке (Рис. 418). Поверните корпус и отведите сцепленные кисти к правому боку. Оттуда, по-прежнему используя усилие ведущей руки, опишите кистями круг по направлению назад, вправо и т. д., возвращая их в исходную точку (Рис. 419).

Во время движения сцепленных кистей по кругу обязательно нужно резко поворачивать корпус в ту же сторону. Ноги следует зафиксировать в исходном положении, не позволяя коленям для компенсации поворота корпуса сгибаться и поворачиваться.

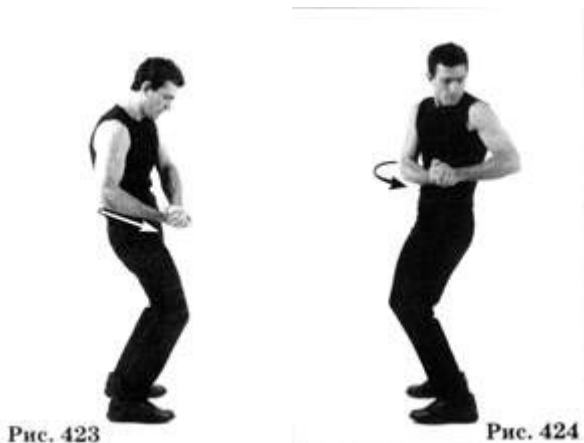
14. Толкание сцепленной энергии локтем. и предплечьем

Правое плечо плотно прижмите к груди, а локоть согните под острым углом так, чтобы предплечье расположилось вертикально. Ладонь обращена вверх — кисть отогнута под прямым углом к предплечью (Рис. 420). Выведите левое предплечье вперед, параллельно корпусу, и зафиксируйте в этом положении. С силой сцепите кисти (Рис. 421). Затем правой рукой, слегка распрямляя локоть, медленно толкните левую руку вперед. По мере выдвижения сцепленных рук вперед, левое плечо и лопатку следует также выдвинуть вперед, чтобы левый локоть был согнут под прямым углом (Рис. 422). Верните правой рукой левую кисть в исходное положение.

Отведите сцепленные кисти к левому боку и повторите вышеописанные движения из этого положения.

15. Короткий удар сцепленными кистями рук

Сцепите кисти рук у правого бока, как и в предыдущем магическом пассе. Но теперь кисти должны находиться на уровне талии, а правая рука не подталкивает медленно левую руку вперед, а наносит быстрый удар (Рис. 423). Движение должно быть мощным и выполняться за счет резкого сокращения мышц рук и спины. Сцепленные кисти рук с силой отведите влево — как будто стремясь усилить движение левого локтя, который полностью отводится назад (Рис. 424).

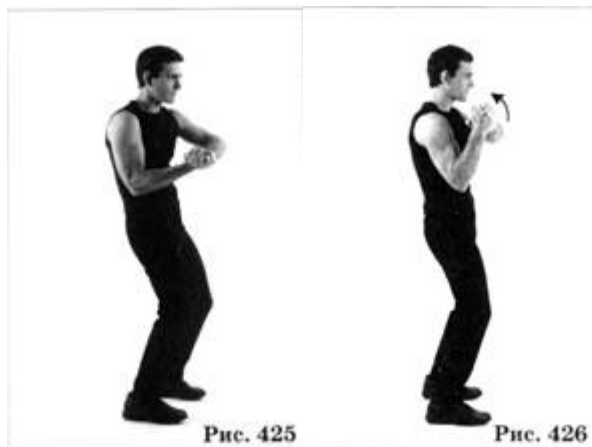
Поверните корпус, одновременно отводя сцепленные кисти вправо — как бы стремясь усилить движение правого локтя, который полностью отводится назад.

Повторите описанную последовательность движений из исходного положения рук у левого бока, при этом ведущей становится правая рука.

Важно обратить внимание на то, что при нанесении сцепленными руками удара вперед направление задает кисть, находящаяся снизу, а силу движению

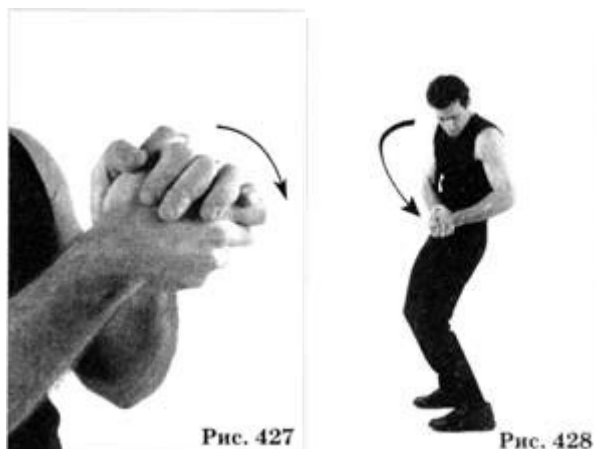
придает кисть, лежащая сверху.

16. Толкание энергии сцепленными кистями рук

Сцепите кисти рук у правого бока; правый локоть, согнутый под прямым углом, и ближайшую к нему часть предплечья поместите сбоку от грудной клетки. Левую руку также согните в локте под прямым углом и удерживайте перед левой грудной мышцей (Рис. 425). Поднимите

правой рукой левую, сгибая при этом правый локоть до угла сорок пять градусов. Потом отведите сцепленные кисти рук к правому плечу (Рис. 426).

Затем, удерживая предплечья на том же уровне, нанесите сцепленными кистями короткий удар вниз (движение выполняется только за счет поворота кистей в запястьях, рис. 427). Из этого положения отведите сцепленные кисти влево, к талии. Это движение нужно выполнять с усилием, заставляя левый локоть до предела сдвинуться назад (Рис. 428). Поворачивая кисти в

запястьях, разверните их в обратную сторону.

Выполните такие же движения для левой стороны.

17. Толкание энергии в области коленей

Сцепите кисти рук у правого бедра. Слегка измените их положение, чтобы находящаяся снизу правая кисть повернулась в запястье и приняла положение, несколько более близкое к вертикальному. Это движение должно сдерживаться сопротивлением левой кисти (Рис. 429). Резко отведите кисти обеих рук по дуге влево, обводя ими контуры коленей, и нанесите удар, сила которого должна увеличиваться за счет нисходящего движения запястий (Рис. 430).

Поменяйте кисти рук местами, повернув их без отрыва ладоней, и повторите описанные движения слева направо.

18. Перемещение вниз энергетического шипа

Сцепите кисти рук перед корпусом; большие пальцы обращены вверх, левая кисть — ведущая. Кисти расположите на расстоянии тридцать сантиметров от пупка, точно на линии, разделяющей левое и правое тело. Несильным толчком поднимите обе кисти вверх на десять-двенадцать сантиметров; это движение нужно выполнять за счет сгибания запястий, предплечья остаются неподвижными. Верните кисти рук в исходное положение таким же несильным толчком запястий (Рис. 431). При выполнении этого магического пасса задействуются глубоко лежащие мышцы живота.

Повторите описанные движения, но теперь ведущей рукой должна быть правая.

19. Кисти рук в роли топора

Сцепите кисти рук справа от корпуса и поднимите на уровень правого плеча (Рис. 432). Нанесите ими удар по диагонали, к левому бедру (Рис. 433). Выполните такие же движения слева направо.

20. Нанесение ударов по энергетическому выступу

Сцепите кисти рук справа от корпуса. Поднимите их по дуге на уровень плеч, одновременно поворачивая корпус вправо. Переместите кисти рук на линию, отделяющую правое тело от левого (движение выполняется по маленькой дуге в вертикальной плоскости перед правым плечом), и опустите их на уровень талии, как будто ударяя по расположенному там энергетическому выступу (Рис. 434).

Выполните такие же движения для левой стороны.

Третья группа: магические пассы для усиления выносливости

21. Разрезание энергии круговым движением

Рис. 435

Сцепленные кисти плотно прижмите к правому тазобедренному суставу — левая кисть лежит поверх правой. Отведите правый локоть назад, а левое предплечье удерживайте в области живота. Мощным круговым движением проведите сцепленные кисти в горизонтальной плоскости перед корпусом: руки движутся с усилием, как будто проходят через вязкое вещество. Или как будто у вас в руках находится нож, меч, или подобное режущее орудие, которое вспарывает перед корпусом что-то твердое. В этом движении участвуют все мышцы рук, живота, груди и спины. Мышцы ног должны быть напряжены — для придания телу дополнительной устойчивости. Сначала

рассекающий удар наносится справа налево, а как только руки достигнут левого бока, поменяйте их местами: правую руку поместите сверху, она станет ведущей, и нанесите еще один мощный рассекающий удар слева направо (Рис. 435).

22. Рассечение энергии ударом меча

Рис. 436

Рис. 437

Сцепите кисти рук перед правым плечом, левая кисть лежит сверху (Рис. 436). Мощным толчком запястий и предплечий выдвиньте кисти вперед и нанесите мощный удар по точке, находящейся в тридцати сантиметрах от корпуса. Из этого положения нанесите кистями на уровне плеч удар поперек корпуса влево, словно рассекая мечом что-то плотное. В этой точке, не расцепляя кисти рук, вращательным движением поменяйте их местами — правая кисть оказывается сверху и становится ведущей. Потом сцепленными кистями нанесите рассекающий удар в точку, находящуюся на расстоянии шестьдесят сантиметров от правого плеча (Рис. 437). Поменяйте исходное положение кистей на обратное и выполните такое же движение от левого плеча.

23. Рассечение энергии по диагонали

Поднимите сцепленные кисти рук вверх и вправо, на уровень правого уха. Нанесите ими удар вперед по воображаемому твердому предмету, расположенному перед корпусом (Рис. 438). Из этого положения нанесите рассекающий удар по нисходящей траектории — в точку, расположенную в тридцати сантиметрах сбоку от левого колена (Рис. 439). В этой точке поверните кисти в запястьях, чтобы правая рука оказалась сверху и стала ведущей. Если бы руки сжимали острый клинок, то при повороте кистей острие клинка также повернулось бы в Другую сторону. Нанесите рассекающий удар слева направо, обводя контуры коленей (Рис. 440). Поменяйте исходное положение кистей на обратное и повторите последовательность движений снова, начиная от левого уха.

24. Перенос энергии, от плеча к колену

Сцепите кисти рук и удерживайте их справа от корпуса на уровне талии.

Преодолевая сопротивление левой кисти, слегка поверните правую кисть в запястье, чтобы она приняла несколько более близкое к вертикальному положение. Быстро поднимите кисти чуть выше правого уха (Рис. 441) и с силой опустите их на уровень плеч. Из этого положения выполните рассекающее движение по диагонали вниз — в точку, находящуюся в тридцати сантиметрах сбоку от левого

колена. Резким поворотом запястий вниз придайте удару дополнительную силу(Рис. 442).

Поменяйте кисти рук местами (поверните их) и повторите описанную последовательность движений, но теперь в исходном положении кисти должны находиться слева от корпуса.

25. Рассечение энергии, находящейся в области коленей

Сцепите кисти рук справа от корпуса на уровне талии (Рис. 443). Нанесите ими сильный удар по вертикали вниз на уровень коленей, приэтом слегка наклоняя корпус вперед. Затем выполните рассекающий удар по дуге перед коленями, справа налево, к точке, находящейся на расстоянии десять-

Рис. 443

Рис. 444

двенадцать сантиметров от левого колена (Рис. 444). Потом с усилием отведите сцепленные кисти рук в точку, расположенную на таком же расстоянии справа от правого колена. Выполнению этих ударов помогайте очень мощными движениями запястий. Повторите описанное движение из исходного положения, когда руки находятся на уровне талии слева от корпуса. Для правильного выполнения этого магического пасса вы должны задействовать не только мышцы рук и ног, но и глубинные мышцы живота.

Рис. 445

26. Вонзание энергетического стержня в пол

Поместите сцепленные кисти рук перед животом на вертикальной линии, разделяющей оба тела, — ведущая левая кисть лежит поверх правой. Быстро поднимите сцепленные кисти над головой, движение выполняется строго по вертикальной линии (Рис. 445). Из этого положения нанесите по разделительной линии удар вниз, к исходной точке. Затем поменяйте кисти рук местами — ведущей станет правая кисть — и повторите описанные движения.

Дон Хуан называл этот магический пасс пробуждением энергии вонзанием стержня.

27. Большой удар

Поместите сцепленные кисти рук справа от корпуса, на уровне талии. Быстро поднимите их выше головы, над правым плечом (Рис. 446).

Резко отклоните назад запястья, чтобы как-то усилить следующее движение, и нанесите мощный удар по диагонали вниз, рассекая находящуюся перед корпусом энергию, словно вспарываете натянутое перед вами полотно. Удар приходится в точку, расположенную в десяти-двенадцати сантиметрах от левого колена (Рис. 447). Выполните такое же движение из исходного положения, когда сцепленные кисти рук находятся на уровне талии слева от корпуса.

Рис. 447

Рис. 446

28. Кувалда

Сцепите кисти рук и поместите их перед животом, на вертикальной линии, разделяющей левое и правое тело. Левая кисть является ведущей. На мгновение задержите кисти в этом положении, а затем поднимите их выше головы, справа от корпуса.

Рис. 448

Рис. 449

Во время этого движения на мгновение задержите кисти на уровне шеи, как будто с трудом поднимаете тяжелую кувалду. Заведите руки по дуге над головой, словно делая замах (Рис. 448), и нанесите мощный удар в точку, с которой начали движение, как будто действительно держите в руках тяжелую кувалду (Рис. 449).

Поменяйте местами кисти рук и повторите описанные движения из исходного положения, когда ведущей является правая кисть.

29. Рассечение энергии круговым движением

Сцепите кисти у правого плеча — это исходное положение (Рис. 450). Выдвиньте руки вперед, насколько позволит правая рука — но так, чтобы локоть не был полностью выпрямлен. Из этого положения сделайте сцепленными кистями мощное рассекающее

Рис. 450

Рис. 451

движение справа налево по кругу, диаметр которого приблизительно равен ширине тела. Выполняйте это движение так, как будто действительно держите какое-то режущее орудие. В начале движения левая, ведущая кисть находится поверх правой. Когда обе руки достигнут крайней левой точки круга, не расцепляя, поменяйте кисти местами, чтобы правая рука стала ведущей и оказалась поверх левой (Рис. 451), после чего завершите круговое движение.

Повторите описанную последовательность движений из исходного положения, когда сцепленные кисти находятся у левого плеча, а ведущей является правая рука.

30. Удар с возвратом

Сцепите кисти рук справа от корпуса; левая кисть — ведущая. Мощным толчком выдвиньте кисти вперед, приблизительно на шестьдесят сантиметров от груди, и нанесите ими рассекающий удар влево, как будто в них зажата рукоять меча. При этом отводите руки как можно дальше, но локти полностью не выпрямляйте (Рис. 452).

Рис. 452

Рис. 453

Поменяйте местами кисти — правая оказывается поверх левой и становится ведущей. Нанесите рассекающий удар в обратном направлении — сцепленные кисти окажутся справа, в точке, расположенной приблизительно на десять сантиметров правее исходного положения этого магического пасса (Рис. 453). Повторите описанную последовательность движений, начиная слева от корпуса — ведущей должна быть правая рука.

МАГИЧЕСКИЕ ПАССЫ, ВЫПОЛНЯЕМЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРИСПОСОБЛЕНИЙ

Я уже упоминал, что шаманы древней Мексики особо выделяли силу, которую называли энергией сухожилий. По их мнению, жизненная энергия перемещается по телу через образуемые сухожилиями особые каналы.

Я спросил дона Хуана, не имеет ли он в виду под сухожилиями ту ткань, при помощи которой мышцы крепятся к костям.

— Мне трудно объяснить, что такое энергия сухожилий, — ответил он. — Я не могу сформулировать точное определение. Я употребляю эти слова, поскольку меня учили, что эту энергию называют именно так. Но ты ведь все равно понимаешь, что такое энергия сухожилий, верно?

— В каком-то смысле, думаю, что понимаю, — согласился я. — Но меня немного смущает использование термина сухожилия применительно к областям человеческого тела, где нет никаких костей — например, когда речь идет о животе.

— Маги древности называли энергией сухожилий особый поток энергии, который перемещается по глубоко залегающим мышцам: от шеи вниз, к груди, рукам и позвоночнику. Он пронизывает верхнюю и нижнюю часть живота от нижнего края грудной клетки к паху, откуда движется к пальцам ног.

— Но разве этот поток не проходит через голову? — изумился я. Как человек западной цивилизации, я полагал, что явления такого рода обязательно должны зарождаться где-нибудь в головном мозге.

— Нет, — отрезал дон Хуан, — через голову он не проходит. Из головы исходит другой вид энергетического потока;

но сейчас речь идет не о нем. Конечно, в конце концов магам удастся вытолкнуть из энергетического центра, расположенного на макушке головы, все, что в нем находится, а затем намертво закрепить там энергию сухожилий своих тел. Но это высочайшее достижение. В обычных ситуациях — например, в твоем случае — поток энергии сухожилий начинается в шее, в том месте, где она соединяется с головой. Иногда энергия сухожилий может начинаться и от точки, находящейся чуть ниже скул — но это нередко предел. Так вот, энергия, которую я за неимением более подходящего термина называю энергией сухожилий, крайне необходима тем, кто посвятил свою жизнь путешествиям в бесконечность или хотя бы хочет научиться там путешествовать.

Далее дон Хуан поведал мне историю развития практического применения энергии сухожилий. Сначала шаманы древней Мексики придумали несколько простейших устройств, которые использовали двумя способами. Первый

способ заключался в вибрационном воздействии на определенные центры энергии сухожилий, а второй — в давлении на те же центры. Дон Хуан объяснил, что, по мнению шаманов, вибрация помогала привести в движение застоявшуюся энергию, а давление позволяло ее рассеивать.

Дон Хуан особо подчеркнул эти моменты, которые могли бы показаться современному человеку противоречивыми — нам трудно согласиться с тем, что вибрация способна приводить что-то в движение, а давление может что-то рассеивать. Дон Хуан всегда внушал своим ученикам, что объяснения, кажущиеся естественными в рамках наших познаний об окружающем мире, теряют всякий смысл, если рассматривать их с точки зрения энергетических потоков. К примеру, в повседневной жизни люди раскалывают предметы, ударяя по ним или воздействуя на них давлением, и используют вибрацию для рассеивания. Однако с энергией, которая застоялась в энергетическом центре сухожилий, дело обстоит иначе: она может обрести дополнительную текучесть, если будет подвергнута воздействию вибрации, после чего на нее следует оказать давление, чтобы она продолжала течь. Более того, дон Хуана Матуса приводила в ужас сама мысль о непосредственном нажиме на энергетические точки тела без предварительного воздействия на них вибрацией. Он утверждал, что в этом случае вязкая энергия под воздействием давления приобретет еще большую вязкость.

В первую очередь дон Хуан обучал своих учеников обращению с двумя важнейшими приспособлениями. По его словам, шаманы древности отыскивали пару округлых галек или сухих круглых плодов и использовали их для оказания давления и вибрационного воздействия. С их помощью шаманы манипулировали тем энергетическим потоком тела, который, как они считали, периодически застаивается в энергетических каналах, проходящих вдоль сухожилий. Однако круглые гальки были слишком твердыми, а сухие плоды слишком хрупкими, и шаманы стали использовать плоские, размером с ладонь, камни или куски тяжелой древесины. Лежа на спине, они помещали эти предметы в определенные точки на животе — те самые точки, через которые проходила энергия сухожилий. Первая точка находилась чуть ниже пупка, вторая — точно в районе пупка, а третья — в области солнечного сплетения. Однако и здесь возникали проблемы: камни и подобные предметы нужно было нагревать или охлаждать до температуры человеческого тела, и, кроме того, они обычно соскальзывали и смещались, поскольку были слишком твердыми.

Практикующие Тенсегрити нашли отличный эквивалент примитивным приспособлениям шаманов древней Мексики: они стали использовать пару круглых шариков и маленький, плоский, округлый кожаный грузик. Шарик был такого же размера, как и плоды, использовавшиеся древними магами, но в отличие от них — не так хрупки, поскольку сделаны из тефлоновой смеси, усиленной керамикой. Это придает шарам вес, прочность и гладкость, что делает их подходящими для целей магических пассов. Другое устройство, кожаный грузик, оказалось идеальным для устойчивого давления на центры энергии сухожилий. В отличие от камней, кожаный грузик достаточно пластичен и может принимать контуры прилегающего участка тела. Кожаная

оболочка позволяет сразу же накладывать его на тело, без предварительного нагрева или охлаждения. Но самое важное качество грузика — вес. Грузик достаточно легкий, чтобы, оказывая давление на расположенные на животе энергетические центры, не вызывать дискомфорт, и в то же время имеет достаточный вес, чтобы быть полезным при выполнении некоторых магических пассов, способствующих достижению внутреннего безмолвия. Дон Хуан говорил, что грузик, помещенный в любую из трех упомянутых выше областей, задействует все имеющиеся у человека энергетические поля, что приводит к мгновенному прекращению внутреннего диалога — а это первый шаг к внутреннему безмолвию. Современные приспособления по своей природе разделяются на две категории. В соответствии с ними пассы шестой серии также разделены на две категории.

Первая категория

Первая категория магических пассов, выполняемых с использованием специальных приспособлений, состоит из шестнадцати пассов, в которых используются тefлоновые шары. Воздействие первых восьми пассов направлено на левую руку и запястье, а остальные восемь воздействуют на точки в области печени и желчного пузыря, поджелудочной железы и селезенки, переносицы, висков и макушки головы. Маги древней Мексики считали первые восемь магических пассов первым шагом к освобождению левого тела от неоправданного доминирования правого.

Рис. 454

1. Первое движение оказывает воздействие на внешнюю сторону главного сухожилия бицепса левой руки. Приложите шар к углублению на внутренней стороне локтевого сустава (Рис. 454) и заставьте его вибрировать, перемещая вперед и назад с легким нажимом (Рис. 455).

Рис. 455

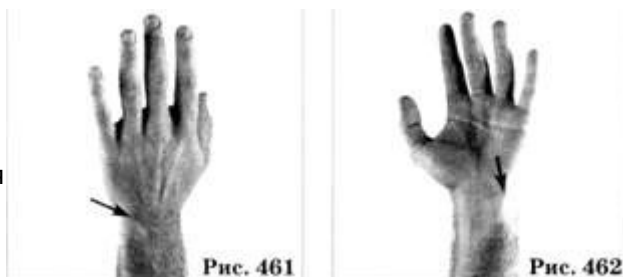
Рис. 456

2. При выполнении второго движения нужно крепко держать шар большим пальцем в слегка согнутой правой ладони (Рис. 456). Прижмите удерживаемый правой рукой шар к левому запястью, оказывая на него ощутимое, но не очень сильное давление, и слегка потрите им запястье, ведя его до точки, отстоящей от основания ладони на 10—12 см (Рис. 457). После этого поведите шаром вперед и назад по впадине, образуемой сухожилиями запястья (Рис. 458).

3. Слегка прижмите шар к точке на левом предплечье, отстоящей от запястья на ширину ладони (Рис. 459, 460).

4. Слегка надавите указательным пальцем правой руки на точку, расположенную рядом с головкой кости предплечья на левом запястье (Рис. 461).

Большой палец правой руки зафиксируйте на внутренней стороне запястья (Рис. 462) и, надавливая им, придайте кисти возвратно-поступательное движение (Рис. 463, 464).

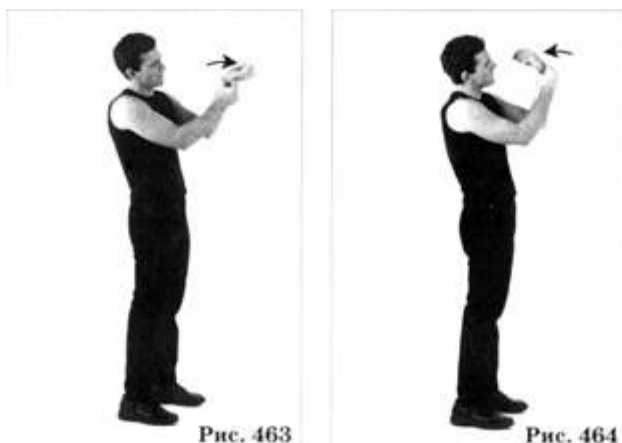

Рис. 465

Рис. 466

Рис. 467

5. Приложите шар к внутренней стороне главного сухожилия левого бицепса. Периодически слегка надавливайте на шар, заставляя его вибрировать (Рис. 465, 466).

6. Приложите шар к углублению на тыльной стороне левого локтя, находящемуся чуть левее головки кости, и заставьте его вибрировать. Ладонь должна быть согнута и обращена наружу, что позволяет максимально открыть эту область (Рис. 467). Потрите указанное место шаром.

7. Приложите шар к середине левого плеча — к углублению, где мышца соединяется с костью, и слегка надавите на него (Рис. 468, 469).

Рис. 468

Рис. 469

Рис. 470

8. Резко согните левый локоть и выдвиньте его вперед — при этом задействуется левая лопатка. Это движение рассеивает энергию сухожилий по всему левому телу (Рис. 470).

Следующие восемь магических пассив первой категории оказывают воздействие на верхнюю часть корпуса и три энергетических центра: на желчный пузырь и печень, поджелудочную железу и селезенку, а также на голову.

9. Обеими руками прижмите шары под нижним краем грудной клетки, рядом с печенью и поджелудочной железой, слегка вдавливая их вверх (Рис. 471). Заставьте шары вибрировать, по-прежнему удерживая их в этих местах.

Рис. 471

10. Правой рукой слегка прижмите шар между бровями, чуть выше лобной пазухи. Заставьте шар вибрировать (Рис. 472).

Рис. 472

11. Приложите оба шара к вискам и заставьте их вибрировать (Рис. 473).

Рис. 473

12. Правой рукой приложите шар к макушке головы и заставьте его вибрировать (Рис. 474).

13—16. Повторите описанный комплекс движений, но теперь не заставляйте шары вибрировать, а просто прижимайте их к соответствующим энергетическим центрам. Сначала оба шара нужно прижимать к бокам, чуть ниже края грудной клетки, в области печени и поджелудочной железы. Затем шар, удерживаемый левой рукой, прижмите к области выше лобной пазухи.

Потом прижмите оба шара к вискам и в заключение шар, удерживаемый левой рукой, прижмите к макушке головы.

Рис. 474

Вторая категория

Вторая категория включает магические пассы, в которых для создания постоянного давления на большие области энергии сухожилий используется кожаный грузик. Его применяют в описанных ниже магических пасссах. Положение кистей рук показано ниже. Хотя на рисунках практикующий стоит, на самом деле выполнять эти пассы следует лежа на ровной поверхности, а кожаный грузик положить на пупок или на одну из трех упомянутых выше точек на животе: ниже пупка, или выше него, или в области солнечного сплетения — как вам будет удобнее.

17. Пять точек безмолвия вокруг груди

Поместите мизинцы обеих рук на край грудной клетки, приблизительно в пяти сантиметрах от кончика грудины, и вытяните большие пальцы до предела вверх. Остальные три пальца расположите равномерно между большим пальцем и мизинцем. Затем одновременно всеми пятью пальцами обеих рук окажите вибрирующее давление на грудь (Рис. 475).

Рис. 475

18. Нажим на среднюю точку между грудной клеткой и выступом тазовой кости

Мизинцами и безымянными пальцами обеих рук зацепитесь за выступающие части таза, а большими пальцами — за нижний край грудной клетки. Слегка надавите на эти точки с обеих сторон. Указательными и средними пальцами при этом нажимайте на точки, расположенные между тазобедренными суставами и краем грудной клетки (Рис. 476).

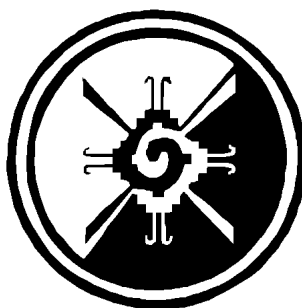
Рис. 476

[ДАЛЬШЕ](#) | [INDEX](#)

FLORINDA DONNER

ЖИЗНЬ-В-СНОВИДЕНИИ

- [Введение](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

**Author of The Witch's Dream and Shabono
BEING-IN-DREAMING
An Initiation into the Sorcerers' World
A HARPER ODYSSEY BOOK
Harper San Francisco**

**ФЛОРИНДА ДОННЕР
Автор "Сна Ведьмы" и "Шабано"
ЖИЗНЬ-В-СНОВИДЕНИИ
ПОСВЯЩЕНИЕ В МИР МАГОВ
"СОФИЯ"
КИЕВ 1994**

Флоринда Доннер. Жизнь-в-сновидении.

(Посвящение в мир магов).

Пер. с англ.— К.: “София”, Ltd., 1994.—352 с.

В новой книге Флоринды Доннер — женщины-сталкера из партии магов нагваля Карлоса Кастанеды — мы встречаемся с хорошо знакомыми нам по книгам самого Кастанеды героями — доном Хуаном, доном Хенаро, женщинами-сновидящими и *сталкерами* из партии дона Хуана и наконец — с самим Карлосом Кастанедой, показанным автором в достаточно новом и неожиданном ракурсе обожаемого учителя, безупречного воина, веселого, заботливого и любимого друга.

Преобразование обычной девушки из среднего класса в мага, обучение *сновидению*, удивительные встречи и события, описанные в “Жизни-в-сновидении”, не оставят равнодушным ни одного из тех, кто с нетерпением ждал выхода каждой новой книги Кастанеды, ибо ученица не уступает в мастерстве своему учителю. **“Это столь же захватывающее и таинственное повествование, как и его тема: традиционное обучение женщины-мага в мире дона Хуана”.**

Карлос Кастанеда

"Захватывающий рассказ женщины о постижении себя и магии в Мексике наших дней".

Оливер Стоун

"История Доннер завораживает. Это магический театр небесных актеров, танцующий фейерверк безумных ангелов, молящихся о

судьбах мира. Она предлагает нам образец прекрасного вкуса: смесь магии и женской мудрости."

Гэбриэл Росс

"Доннер бросает вызов самым убедительным социальным мифам о реальности: назначении женщины и природе сновидения."

Джудит Пинтар

Флоринда Доннер - верная соратница и товарищ Карлоса Кастанеды в его путешествиях в сновидении - представляет удивительный автобиографический отчет о своих захватывающих - иногда даже помимо ее воли - приключениях в мире "жизни-в-сновидении". Иногда завораживающая, иногда таинственная, а иногда веселая и полная юмора книга "Жизнь-в-сновидении" представляет собой незабываемое духовное приключение.

"Повествование столь же захватывающее и таинственное, как и предмет, о котором в нем идет речь: традиционная система подготовки женщин-магов в мире дона Хуана Матуса".

Карлос Кастанеда

Все права защищены. Любая перепечатка настоящего произведения без разрешения издателя является нарушением авторских прав и преследуется по закону.

© „Harper & Collins" , 1992

© Перевод. “София”, Киев, 1994

© “София”, Киев, 1994

© Художник. С. Ерко, 1994

ПЕРЕВОД:

И. Алексеевой

И. Гаврилюк

С. Кондратова

И. Патрушевой

О. и Ю. Черевко

ДАЛЬШЕ

Введение

Мой первый контакт с миром магов отнюдь не был чем-то запланированным заранее. Это было скорее случайное событие. В июле 1970 года в северной Мексике я встретила группу людей, и оказалось, что они являются строгими последователями магической традиции, возникшей еще во времена индейцев доколумбовой Мексики.

Эта первая встреча оказалась для меня воистину судьбоносной. Она ввела меня в другой мир — мир, который существует одновременно с нашим. Я провела двадцать лет своей жизни, взаимодействуя с этим миром. Здесь описано, как началось мое вовлечение в этот мир и как оно стимулировалось и направлялось магами, принявшими на себя ответственность за мое пребывание в нем.

Среди них самой яркой фигурой была женщина по имени Флоринда Матус. Она была моим учителем и советчиком. Она же оказалась человеком, который дал мне свое имя — Флоринда, как дар любви и силы.

Называть их магами — это не моя прихоть. “Brujo” или “bruja”, что значит колдун или ведьма, — это испанские слова, которыми обозначаются мужчина или женщина, занимающиеся практикой знахарства. Я всегда возмущалась особым дополнительным оттенком этих слов. Но маги сами успокоили меня, раз и навсегда объяснив, что “магия” означает нечто совершенно абстрактное: способность, которую развили некоторые люди для расширения пределов обычного восприятия. В таком случае абстрактная характеристика магии автоматически исключает какие-либо позитивные или негативные оттенки названий, используемых для обозначения людей, занимающихся практикой магии.

Расширение пределов обычного восприятия — это концепция, возникшая из веры магов в то, что наши возможности выбора ограничены в жизни вследствие того, что они определяются социальной средой. Маги уверены, что социум устанавливает для нас перечень возможностей выбора, а мы сами доверяем

сделанное: путем принятия только этих вариантов выбора мы устанавливаем предел нашим практически беспредельным возможностям.

К счастью, говорят они, это ограничение относится лишь к нашей социальной стороне и не касается другой, практически недоступной стороны, которая не находится в сфере обычного сознания. Поэтому главные усилия магов направлены на раскрытие этой стороны. Они осуществляют это путем разрушения непрочного, но все же весьма устойчивого щита человеческих представлений о том, что из себя представляют люди и чем они могут быть.

Маги считают, что в нашем мире обычных дел есть люди, которые проникают в неизвестное в поисках других видов реальности. Они утверждают, что идеальными последствиями таких проникновений должна стать способность извлекать из такого поиска энергию, необходимую для превращения и для отделения нас самих от заранее определенной реальности. Но, к сожалению, — утверждают они, — такие попытки являются ментальными усилиями. Очень тяжело измениться только под влиянием новых мыслей или новых идей.

Одной из вещей, усвоенных мною в мире магов, было то, что без ухода из мира и без причинения самим себе боли в этом процессе маги действительно решают изумительную задачу по разрушению соглашения, которым определяется реальность.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 1

После посещения обряда крещения ребенка моих друзей в Ногалесе, штат Аризона, мне захотелось пересечь границу Мексики. Когда я покидала дом моей подруги, одна ее гостья, женщина по имени Делия Флорес, попросила меня довести ее до Эрмосильо.

Это была смуглая, среднего роста и крепкого сложения женщина средних лет. Она была величественно-крупной, с прямыми черными волосами, заплетенными в толстую косу. Ее темные сверкающие глаза освещали умное, все еще слегка по-девичьи округлое лицо.

Уверенная в том, что она — мексиканка, живущая в Аризоне, я спросила ее, не нужна ли ей туристская карточка для въезда в Мексику.

— Зачем мне туристская карточка для въезда в собственную страну? — резко ответила она, расширив глаза в преувеличенном удивлении.

— Судя по вашим манерам и акценту я решила, что вы из Аризоны, — сказала я.

— Мои родители были индейцами из Оахаки, — объяснила она. — Но я — *ладина*.

— Что такое ладина?

— Ладинос — это хитрые индейцы, которые выросли в городе, — разъяснила она.

В ее голосе послышалось удивившее меня странное волнение, но она тут же добавила:

— Они приняли путь белого человека и настолько преуспели в этом, что могут превратить свой путь во что угодно.

— Тут нечем гордиться, — сказала я осуждающе. — Несомненно, это не слишком лестно для вас, миссис Флорес.

Сокрушенное выражение на ее лице сменилось широкой улыбкой.

— Возможно, ты права, но это — для настоящего индейца или настоящего белого человека, — сказала она нахально. — Сама я совершенно удовлетворена этим. — Она наклонилась ко мне и

добавила: — Зови меня Делия. Я чувствую, что мы станем большими друзьями.

Не зная что сказать, я сосредоточилась на дороге. Мы ехали в молчании до пункта проверки. Пограничник попросил меня предъявить туристскую карточку, но ничего не сказал Делии. Казалось, он не замечает ее — они не обменялись ни единым словом, ни единым взглядом. Когда я попыталась обратиться к Делии, она повелительно остановила меня предупреждающим жестом руки. После этого пограничник вопросительно посмотрел на меня. Так как я ничего не сказала, он пожал плечами и пропустил меня.

— Как так получилось, что пограничник не потребовал твоих документов? — спросила я, когда мы отъехали на небольшое расстояние.

— Он знает меня, — солгала она. И, зная, что я поняла, что она лжет, она разразилась бесстыдным хохотом. — Я думаю, что напугала его, и он не отважился обратиться ко мне, — солгала она опять. И снова засмеялась.

Я решила сменить тему разговора, лишь бы только предотвратить нагромождение ее лжи. Я начала говорить о злободневных делах, связанных с текущими событиями, но большей частью мы ехали в молчании. Это было довольно удобное и не очень натянутое молчание; оно походило на пустыню, окружающую нас, — такое же просторное, застывшее и странно успокаивающее.

— Где мне посадить вас? — спросила я, когда мы въехали в Эрмосильо.

— В деловом центре, — ответила она. — Я всегда останавливаюсь в одной и той же гостинице, когда приезжаю в город. Я хорошо знаю владельцев и уверена, что смогу договориться, чтобы ты поселилась в гостинице за ту же плату, что и я. С благодарностью я приняла ее предложение.

Гостиница была старой и запущенной. Окна комнаты, которую мне дали, выходили на пыльный внутренний дворик. Двухспальная кровать с пологом на четырех столбиках и массивный старомодный туалетный столик сокращали пространство комнаты до размеров, вызывающих мысли о клаустрофобии. В номере была маленькая ванная, но ночной горшок все-таки стоял под кроватью. Он составлял пару с фарфоровым прибором для умывания, установленным на туалетном столике.

Первая ночь была ужасной. Я спала урывками и в своих снах ощущала шорохи и тени, пересекающие стены. Призраки предметов и ужасных животных появлялись из-за мебели. Бледные и призрачные люди то и дело материализовывались из углов. На следующий день я объехала город и его окрестности, а ночью, хотя и была утомлена, пыталась бодрствовать. Когда в конце концов я заснула, в ужасном кошмаре я увидела темное амебообразное создание, крадущееся ко мне от изножья кровати. Радужные щупальца высывались из его кавернозных пор. Когда существо наклонилось надо мной, я слышала, как оно тихо вздыхало, издавая короткие скрипящие звуки, которые превращались в хрипы.

Мои вопли заглушались его радужными нитями, затягивающимися вокруг моей шеи. Создание, как я откуда-то знала, было женщиной. Когда тварь навалилась на меня сверху и стала душить, все вокруг почернело.

Этот неопределимый во времени момент между сном и бодрствованием был в конце концов прерван настойчивым стуком в мою дверь и озабоченными голосами постояльцев гостиницы, раздававшимися из холла. Я включила свет и пробормотала через дверь какие-то извинения и объяснения.

Моя кожа все еще ощущала кошмар как липкий пот, и я пошла в ванную. Когда я взглянула в зеркало, то едва сдержала крик. Красные линии, пересекающие мое горло, и равномерно распределенные красные точки, сбегające вниз по груди, выглядели как незаконченная татуировка. В безумном состоянии я упаковала свои сумки. Было три часа ночи, когда я вышла в пустынный вестибюль, чтобы заплатить по счету.

— Куда это ты собралась в такое время? — спросила меня Делия Флорес, появляясь из двери позади конторки. — Я слышала о твоём кошмаре. Ты взбудоражила всю гостиницу.

Я так обрадовалась, увидев ее, что обняла ее и зарыдала.

— Ну, ну, не плачь, — бормотала она успокаивающе, поглаживая мои волосы. — Если хочешь, можешь спать в моей комнате. А я буду охранять тебя.

— Ничто в этом мире не заставит меня остаться в этой гостинице, — сказала я. — Я возвращаюсь в Лос-Анжелес сию же секунду.

— У тебя часто бывают кошмары? — спросила она небрежно, подводя меня к потрескавшейся старой кушетке в углу.

— Время от времени. Всю жизнь я страдаю от ночных кошмаров, — ответила я. — И в каком-то смысле даже привыкла к ним. Но в эту ночь все было не так. Это был самый реальный, самый жуткий кошмар, который мне пришлось перенести.

Она бросила на меня оценивающий долгий взгляд и затем сказала, лениво растягивая слова: — Ты не хотела бы избавиться от своих кошмаров? — Когда она произносила это, то бросила полуукрадкой быстрый взгляд через свое плечо в направлении двери, как если бы кто-то мог оттуда нас подслушивать. — Я знаю кое-кого, кто действительно может помочь тебе.

— Конечно, я бы не отказалась, — прошептала я, снимая шарфик с шеи, чтобы показать ей красные отметины. Я рассказала ей в деталях о своем кошмаре. — Ты когда-нибудь видела что-нибудь подобное? — спросила я.

— Выглядит достаточно серьезно, — произнесла она, внимательно исследуя линии, проходящие поперек моей груди. — Тебе действительно не следует уезжать до тех пор, пока ты не встретишься с целительницей, о которой я говорила. Она живет приблизительно в ста милях к югу отсюда. Всего около двух часов езды.

Меня очень обрадовала возможность встретиться с целительницей. С самого рождения я пользовалась подобными услугами в Венесуэле. Как только я заболела, мои родители вызывали врача, а сразу после его ухода наша домоправительница-венесуэлка укутывала меня и вела к целителю. Когда я стала старше и не хотела больше лечиться у знахаря — никто из моих друзей не делал этого — она убеждала меня, что не будет никакого вреда от того, что будешь защищена дважды. Привычка настолько крепко укоренилась во мне, что когда я переехала в Лос-Анжелес, то, заболевая, встречалась как с врачом, так и с целителем.

— Ты думаешь, она примет меня сегодня? — спросила я. Увидев непонимание на ее лице, я напомнила, что уже воскресенье.

— Она примет тебя в любой день, — заверила меня Делия. —

Почему бы тебе просто не подождать здесь, и мы сейчас же отправимся к ней. У меня не уйдет и минуты, чтобы собрать вещи.

— С какой стати ты сворачиваешь со своего пути для того, чтобы помочь мне? — спросила я, внезапно придя в замешательство от ее предложения. — Ведь я для тебя совершенно незнакомый человек.

— Совершенно верно! — воскликнула она, подымаясь с кушетки.

Она снисходительно взглянула на меня, как будто ощущала возникшие у меня сомнения. — Что может быть лучше? — задала она риторический вопрос. — Помочь совершенно незнакомому человеку — это безрассудное действие, или акт большого самообладания. Мой случай — это последнее.

Не зная, что сказать, я не нашла ничего лучшего, как уставиться в ее глаза, которые, казалось, воспринимали мир с изумлением и любопытством. В ней было что-то странно успокаивающее. Дело было не только в том, что я доверяла ей, — мне казалось, что я знакома с ней всю жизнь. Я чувствовала существующие между нами связь и близость.

Когда я наблюдала, как она исчезла за дверью, чтобы взять свои вещи, я собралась связать и закрепить багаж в автомобиле. Мне не хотелось оказаться в затруднительном положении, проявив дерзость, что так много раз случалось прежде. Но какое-то необъяснимое любопытство удержало меня, несмотря на хорошо знакомое ноющее чувство тревоги.

Я прождала около двадцати минут, как вдруг женщина, одетая в красный брючный костюм и туфли на платформе, вышла из двери за конторкой клерка. Она задержалась под лампой. Обдуманном жестом она откинула назад свою голову так, что локоны ее белокурых волос замерцали на свету.

— Ты не узнала меня, не так ли? — Она весело улыбнулась.

— Это на самом деле ты, Делия? — воскликнула я в удивлении, с раскрытым ртом уставившись на нее.

— Ну, а как ты думала? — Все еще посмеиваясь, она шагнула со мной на тротуар по направлению к моей машине, припаркованной перед гостиницей. Она швырнула свою корзину и вещевой мешок на заднее сидение моего маленького автомобиля с откидным верхом, затем села рядом со мной и сказала:

— Целительница, к которой я везу тебя, говорит, что только очень молодой и очень старый человек могут позволить себе выглядеть вызывающе.

Прежде чем я успела напомнить ей, что к ней не относится ни то, ни другое, она призналась мне, что она значительно старше, чем кажется. Ее лицо сияло, когда она повернулась ко мне и воскликнула:

— Я напяливаю это обмундирование, потому что люблю поражать моих друзей!

Имела она в виду меня или целительницу, она не сказала. Конечно же, я была поражена. И это касалось не только ее нарядов, которые сильно отличались по стилю, — изменилась вся ее манера поведения. Не осталось и следа от надменной, настороженной женщины, которая проехала со мной от Ногалеса до Эрмосильо. — Это будет самое очаровательное путешествие, — произнесла она, — особенно если мы откинем верх. — Ее голос звучал счастливо и мечтательно. — Я обожаю путешествовать ночью в машине с откинутым верхом.

Я охотно выполнила ее пожелание. Было почти четыре часа утра, когда мы оставили позади Эрмосильо. Небо, неяркое и черное, испещренное звездами, казалось самым высоким из тех, что мне приходилось видеть. Я ехала быстро, тем не менее казалось, что мы вообще не движемся. В свете фар без конца появлялись и исчезали шишковатые силуэты кактусов и мескитовых деревьев. Казалось, что они все были одной и той же формы, одного и того же размера.

— Я упаковала с собой несколько сладких булочек и полный термос *чампуррадо*, — сказала Делия, доставая свою корзину с заднего сидения. — Утро наступит до того, как мы доберемся до дома целительницы.

Она налила мне полчашки густого горячего шоколада, приготовленного с маисовой мукой, и накормила рулетом податски, давая мне кусочек за кусочком.

— Мы проезжаем через волшебную страну, — сказала она, прихлебывая восхитительный шоколад. — Волшебную страну, населенную воюющими людьми.

— Что это за воюющие люди? — спросила я, стараясь, чтобы это не прозвучало снисходительно.

— Яки, народ Соноры, — сказала она и замолчала, вероятно оценивая мою реакцию. — Я восхищаюсь индейцами яки, потому что они постоянно воевали, — продолжала она. — Сначала испанцы, а затем мексиканцы — не далее как в 1934 году — испытали храбрость, хитрость и безжалостность воинов яки.

— Я не в восторге от войны или от воинственных людей, — сказала я. Затем, чтобы оправдать свой резкий тон, я объяснила, что происхожу из немецкой семьи, которая была разлучена войной. — У тебя другой случай, — заключила она. — У тебя не было идеалов свободы.

— Минутку! — возразила я. — Именно потому, что я поддерживаю идеалы свободы, я нахожу, что война так отвратительна.

— Мы говорим о двух различных видах войны, — настаивала она.

— Война есть война, — заметила я.

— Ваш вид войны, — продолжала она, не обращая внимания на мое замечание, — ведется между двумя братьями, которые оба являются правителями и сражаются за верховенство. — Она наклонилась ко мне и настойчивым шепотом добавила: — Тот вид войны, о котором говорю я, ведется между рабами и хозяевами, которые думают, что люди — их собственность. Заметила разницу? — Нет, — упрямо настаивала я и повторила, что война — это война, независимо от причин.

— Я не могу согласиться с тобой, — сказала она, громко вздохнув и откинувшись назад на своем сиденье. — Возможно, причина наших философских разногласий в том, что мы вышли из различных социальных реальностей.

Удивленная выбранными ею словами, я автоматически сбросила скорость. Мне не хотелось показаться грубой, но слушать ее концептуальные академические разглагольствования было настолько нелепо и неожиданно, что я ничего не могла с собой поделать и расхохоталась.

Делия не обиделась. Она с улыбкой глядела на меня, оставаясь вполне довольной собой.

— Если ты хочешь понять то, о чем я говорю, тебе нужно изменить восприятие.

Она высказала это настолько серьезно и тем не менее настолько доброжелательно, что я почувствовала себя пристыженной за свой смех.

— Ты можешь даже извиниться за то, что смеялась надо мной, — добавила она, словно прочитав мои мысли.

— Действительно, я хочу извиниться, Делия, — произнесла я, искренне осознав это. — Я ужасно сожалею о моей грубости. Я была так удивлена твоими формулировками, что просто не знала, как поступить. — Я бросила на нее быстрый взгляд и добавила сокрушенно: — Вот и рассмеялась.

— Я не имела в виду социальные оправдания твоего поведения, — сказала она, дернув от досады головой. — Я имела в виду оправдание из-за непонимания положения человека.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — сказала я с тревогой и почувствовала, как ее глаза сверлят меня насквозь.

— Как женщина, ты должна понимать это положение очень хорошо, — произнесла она. — Ты была рабыней всю жизнь.

— О чем ты говоришь, Делия? — спросила я в раздражении от ее дерзости, впрочем, сразу смягчилась, подумав, что, несомненно, бедная индейка имела невыносимого мужа-тирана. — Поверь мне, Делия, я совершенно свободна. Я делаю, что хочу.

— Ты можешь делать, что тебе нравится, но ты все равно не свободна, — настаивала она. — Ты — женщина, а это автоматически означает, что ты во власти мужчины. — Я не нахожусь ни в чьей власти, — воскликнула я. То ли мое голословное утверждение, то ли тон моего восклицания, не знаю, вызвали у Делии взрыв грубого хохота. Она смеялась надо мной так же безжалостно, как до этого я над ней.

— Кажется, ты в восторге от своего реванша, — раздраженно заметила я. — Теперь твой черед смеяться, не так ли?

— Это совсем не одно и то же, — произнесла она, внезапно став серьезной. — Ты смеялась надо мной, ощущая свое превосходство. Раб, который говорит как господин, всегда восхищается господином в этот момент.

Я попыталась прервать ее и сказать ей, что у меня и в мыслях не было думать о ней как о рабыне, а о себе как о госпоже, но она проигнорировала мои попытки. Все так же серьезно она сказала, что причина ее смеха надо мной заключалась в том, что я заплатила женской природе своей глупостью и слепотой.

— Что с тобой, Делия? — спросила я в недоумении. — Ты умышленно оскорбляешь меня.

— Конечно, — с готовностью согласилась она и захихикала, оставаясь совершенно безразличной к нарастающему во мне раздражению. Она звучно шлепнула меня по колену. — А что касается моего поведения, — продолжала она, — то оно вызвано тем, что ты даже не отдаешь себе отчета в очевидном факте: раз ты женщина, значит, ты — рабыня.

Собрав все терпение, на которое я была способна, я сказала Делии, что она не права. — В наши дни никто не является рабом. — Женщины — рабыни, — настаивала Делия. — Мужчины порабащают женщин. Мужчины затемняют рассудок женщины. Их желание поставить на женщинах клеймо, как на своей

собственности, затуманивает наш разум, — заявила она. — Этот туман висит на наших шеях как ярмо.

Мой бессмысленный взгляд вызвал у нее улыбку. Сложив на груди руки, она откинулась на сиденье. — Секс затуманивает разум женщин, — добавила она мягко, но все же настойчиво. —

Женщины так основательно заморочены, что даже не могут рассмотреть возможность того, что их низкий статус в жизни является прямым следствием сексуального воздействия на них. — Это самое нелепое из того, что я когда-нибудь слышала, — произнесла я.

Затем довольно тяжеловесно, в пространной осуждающей речи я затронула социальные, экономические и политические причины низкого статуса женщины. Довольно долго я рассказывала об изменениях, которые произошли в последние десятилетия. О том, как женщины преуспели в своей борьбе против мужского господства. Раздраженная насмешливым выражением ее лица, я не смогла удержаться от замечания, что ее предубеждение несомненно проистекает из собственного опыта, из ее собственных перспектив на будущее.

Все тело Делии сотрясилось от едва сдерживаемого хохота. Она сделала усилие, чтобы взять себя в руки и сказала:

— Реально ничего не изменилось. Женщины остаются рабами. Рабыни, которые получили образование, заняты сейчас выяснением истоков социального и политического насилия, направленного против женщин. Ни одна из рабынь, однако, не может сосредоточить внимание на корне их рабства — половом акте, — если только он не заключается в изнасиловании или не связан с другими формами физического насилия.

Слабая улыбка разомкнула ее губы, когда она сказала, что верующие мужчины, философы, а также мужчины от науки в течение веков утверждали и, конечно, продолжают утверждать, что мужчины и женщины должны следовать биологическому, Богом данному императиву, обязывающему их поступать в соответствии с их сексуальными репродуктивными возможностями.

— Мы были поставлены в условия, заставляющие верить, что секс — это хорошо для нас, — подчеркнула она.

— Эта берущая начало от рождения вера и принятие ее делают нас неспособными правильно поставить вопрос.

— И что это за вопрос? — спросила я, с трудом сдерживая смех, вызванный ее нелепыми убеждениями.

Казалось, что Делия не слышит меня. Она молчала так долго, что мне показалось, что она задремала, и поэтому я вздрогнула, когда она произнесла:

— Вопрос, который никто не отваживается задать, — это что делать нам, женщинам, чтобы занять соответствующее положение?

— В самом деле, Делия, — воскликнула я в притворном испуге.

— Затуманенность разума женщин настолько тотальна, что мы готовы касаться всех других вопросов нашего положения, за исключением того, который является причиной всего, — заявила она.

— Но Делия, мы не можем жить без секса, — засмеялась я. — Что случится с человеческим родом, если мы не...

Она прервала и мой вопрос, и мой смех повелительным жестом руки.

— В настоящее время женщины, подобные тебе, в своем рвении относительно равенства подражают мужчинам, — сказала она. — Женщины имитируют мужчин в такой доходящей до абсурда степени, что секс, которым они занимаются, не имеет никакого отношения к рождению человека. Они приравнивали свободу к сексу, даже не рассматривая, что секс дает для их физического и эмоционального здоровья. Мы подверглись настолько основательному внушению, что твердо верим: секс является для нас благом.

Она подтолкнула меня локтем, а затем, пародируя декламацию нараспев, стала импровизировать:

— Секс — благо для вас. Он доставляет удовольствие. Он необходим. Он смягчает депрессии, репрессии и фрустрации. Он исцеляет головную боль, низкое и высокое давление крови. Он заставляет исчезнуть прыщи. Он вызывает рост вашей груди и бедер. Он регулирует ваш менструальный цикл. Короче говоря, это фантастика! Это полезно для женщин. Каждый подтвердит это. Каждый порекомендует. — Она остановилась на мгновение, а затем завершила с нарочитой актерской выразительностью: — “Каждый день сношаться — к врачам не обращаться”. (В оригинале — “A fuck a day keeps the doctor away”).

Я нашла ее представление ужасно смешным, но потом внезапно отрезвела, когда вспомнила, как семья и друзья, включая нашего

семейного врача, советовали то же самое, правда, не так грубо, — в качестве средства от всех подростковых хворей, которые у меня были. Потом это превратилось в жесткое репрессивное окружение, утверждавшее, что когда я выйду замуж, у меня будут регулярные менструальные циклы. Я наберу вес. Я буду лучше спать. У меня будет мягкий характер.

— Я не вижу ничего плохого в желании секса и любви, — произнесла я, защищаясь. — Когда бы я ни занималась этим, мне всегда очень нравилось. И никто не затуманивал мой разум. Я свободна! Я выбираю, кого хочу и когда хочу. В темных глазах Делии сверкали искры веселья. — Выбор тобою партнера никоим образом не меняет того факта, что тебя трахали.

Затем с улыбкой, как бы смягчая грубость своих слов, она добавила:

— Приравнять свободу к сексу — это злая ирония. Мужчины настолько полностью, настолько тотально затуманили наш разум, что мы теперь совершенно лишены энергии и воображения, чтобы сосредоточиться на действительной причине нашего порабощения, — подчеркнула она. — Желать мужчину сексуально или влюбиться романтически — вот всего лишь два варианта выбора, предоставленного рабыням. И все, что мы говорили об этих двух вариантах, служит только оправданием для нашего соучастия и невежества.

Я была возмущена. Мне ничего не оставалось, как решить, что она — одна из представительниц угнетенных сварливых женщин-мужененавистниц.

— Почему ты так не любишь мужчин, Делия? — спросила я своим самым развязным тоном.

— У меня нет нелюбви к ним, — заверила она меня. —

Единственное, что я страстно ненавижу, — это наше нежелание испытать, насколько основательно мы подверглись внушению. На нас оказывают настолько яростное и самодовольное давление, что мы стали старательными соучастницами. А если женщина осмеливается вести себя иначе, то она подвергается гонениям и осмеянию как мужененавистница или ненормальная.

Покраснев от смущения, я тайком бросила на нее взгляд. Я решила, что она так пренебрежительно отзывается о сексе и любви прежде всего потому, что она старая. Физические желания остались для нее позади. Тихо хохотнув, Делия закинула руки за

голову. — Мои физические желания остались позади не потому, что я старая, — сообщила она, — а потому, что мне дали шанс использовать мою энергию и воображение, чтобы стать чем-то отличным от рабыни, на роль которой меня готовили.

Я почувствовала себя скорее обиженной, чем удивленной тем, что она прочитала мои мысли. Я стала защищаться, но мои слова вызывали лишь новые взрывы смеха. Перестав смеяться, она сразу же повернулась ко мне. Ее лицо напоминало суровое и серьезное лицо учительницы, распекающей ученика.

— Если ты не рабыня, тогда как же они воспитали тебя как *Hausfrau*? — спросила она. — И как случилось, что все, о чем вы все думаете, это о *heiraten*, о своем будущем *Herr Gemahl*, который будет *Dich mitnehmen*?

Она так сильно рассмешила меня своим немецким, что я вынуждена была остановить машину, чтобы не случилось аварии. Меня настолько заинтересовало, где она так хорошо выучила немецкий, что я забыла защитить себя от ее нелестных замечаний о том, что предел моих желаний в жизни — это найти мужа, который бы увлек меня. Невзирая на мои настойчивые просьбы, она пренебрежительно проигнорировала мой интерес к ее немецкому.

— У нас потом будет достаточно времени поговорить о моем немецком, — успокоила она. Затем насмешливо посмотрела на меня и добавила: — Или о твоём рабстве.

Прежде чем я успела возразить, она предложила, чтобы мы поговорили о чем-нибудь безличном.

— Например? — спросила я, снова трогая машину. Устроившись полулежа на сиденье, Делия закрыла глаза.

— Позволь я расскажу тебе кое-что о четырех наиболее известных вождях яки, — тихо проговорила она. — Я интересуюсь вождями, их успехами и неудачами.

Опередив мое ворчливое замечание о том, что я совершенно не интересуюсь военными историями, Делия сказала, что первым вождем яки, который привлек ее внимание, был Калисто Муни. Она не была прирожденным рассказчиком: ее рассказ был строг, почти академичен. Но я внимала каждому ее слову.

Калисто Муни был индейцем, который много лет плавал матросом под пиратским флагом в Карибском море. Возвратившись в родную Сонору, он возглавил вооруженное восстание против

испанцев в 1730 году. В результате предательства он был схвачен и казнен испанцами.

Затем Делия пустилась в длинное и сложное повествование о том, как в 1820-е годы, после того, как Мексика добилась независимости и мексиканское правительство пыталось разделить земли яки, движение сопротивления превратилось в широко распространившееся восстание. Человеком, который организовал вооруженные отряды индейцев яки, был Хуан Бандера, управляемый самим *духом*. Вооруженные лишь луками и стрелами, воины Бандеры сражались против мексиканских войск около десяти лет. В 1832 году Хуан Бандера был разбит и казнен. Делия рассказала, что следующим известным вождем был Хосе Мария Лейва, больше известный как Кахеме — “тот, кто не пьет”. Это был индеец яки из Эрмосильо. Он получил образование и разносторонне овладел военным искусством, сражаясь в мексиканской армии. Благодаря этому искусству он объединил все города индейцев яки. Со времени его первого восстания в 1870 году Кахеме поддерживал свою армию в активном состоянии готовности к бунту. Он был разгромлен мексиканской армией в 1887 году в Буатачиве, укрепленной горной крепости. И хотя Кахеме ухитрился бежать и скрыться в Гуаймасае, он в конце концов был выдан и казнен. Последним из великих героев яки был Хуан Мальдонадо, известный также как Тетабиате — “катящийся камень”. Он реорганизовал остатки сил яки в горах Бакатете, откуда делал жестокие и отчаянные партизанские вылазки против мексиканских войск более десяти лет подряд.

— На рубеже нынешнего века, — завершила Делия свой рассказ, — диктатор Порфирио Диас начал кампанию по истреблению яки. Индейцев расстреливали во время полевых работ. Тысячи были пойманы во время облав и морем отправлены на Юкатан для работы на плантациях генекена (бот. — генекен (*Agave fourcroydes*), а также “мексиканская пенька” (прим. ред.)), и в Оахака, для работы на полях сахарного тростника.

Я была поражена ее знаниями, но все еще не могла постичь, почему она рассказала мне все это.

— Ты похожа на школьного учителя, преподающего историю жизни индейцев яки, — сказала я восхищенно. — Кто же ты на самом деле?

Казалось, она на мгновение была ошеломлена моим вопросом,

который был чисто риторическим, но потом, быстро опомнившись, сказала:

— Я тебе сказала, кто я. Мне просто удалось много узнать. Я живу рядом с ними, знаешь ли. — Она помолчала немного, а затем кивнула, как будто пришла к какому-то выводу, и добавила: — Причина, по которой я рассказала тебе о вождях яки, в том, что именно женщины должны узнать силу и слабость вождей.

— Зачем? — спросила я в замешательстве. — Кого заботят вожди? По мне, это могут быть лишь глупые люди.

Делия почесала затылок под париком, потом дважды чихнула и сказала с нерешительной улыбкой:

— К сожалению, женщины должны восстанавливать энергию вблизи них, как бы им ни хотелось управлять самим.

— Кем они собираются управлять? — спросила я саркастически. Она изумленно взглянула на меня, затем потеряла руку совершенно девичьим, как и ее лицо, жестом.

— Это довольно трудно объяснить, — пробормотала она. Необычная мягкость прозвучала в ее голосе, отчасти нежность, отчасти нерешительность, отчасти отсутствие интереса. — Лучше не надо. Я могу потерять тебя окончательно. Все, что я могу сказать в настоящее время, это только то, что я ни школьный учитель, ни историк. Я рассказчица, и еще не дошла до самой важной части своего рассказа.

— И что это может быть? — спросила я, заинтересовавшись ее желанием сменить тему разговора.

— Все, что я так подробно рассказала тебе, является фактической информацией, — сказала она. — То, о чем я не упомянула, — это мир магии, из которого действовали вожди яки. Они считали, что действия ветра и теней, животных и растений так же важны, как и дела людей. Это та часть, которая интересует меня больше всего. — Действия ветра, теней, животных и растений? — повторила я насмешливо.

Делия кивнула, не обращая внимания на мой тон. Потом она рывком выпрямилась на сиденье, стащила белокурый парик и подставила ветру свои черные прямые волосы.

— Это горы Бакатете, — сказала она, указывая на горы слева от нас, которые едва вырисовывались на фоне предрассветного неба.

— Это сюда мы собираемся? — спросила я. — Не сейчас, — сказала она, снова соскальзывая вниз на свое сиденье. Загадочная

улыбка играла на ее губах, когда она повернулась ко мне. — Возможно, однажды у тебя будет возможность посетить эти горы, — размышляла она, закрывая глаза. — Горы Бакатете населены созданиями другого мира, другого времени.

— Созданиями другого мира, другого времени? — эхом повторила я с насмешливой серьезностью. — Кто они или что из себя представляют?

— Создания, — произнесла она рассеянно. — Создания, которые не принадлежат нашему времени, нашему миру.

— Ну-ну, Делия. Ты что, пытаешься напугать меня? — Я не могла сдержатъ улыбку, когда повернулась к ней.

Даже в темноте ее лицо сияло. Она выглядела чрезвычайно молодо, кожа без морщин мягко облегла изгибы щек, подбородка и носа.

— Нет. Я не пытаюсь напугать тебя, — сухо произнесла она, пряча за ухо прядь волос. — Я просто рассказываю тебе, каково истинное знание об этом районе.

— Интересно, и какие с виду эти создания? — добивалась я, прикусывая губу, чтобы сдержатъ хихиканье. — И приходилось ли тебе видеть их?

— Конечно, я видела их, — ответила она снисходительно. Я бы не говорила о них, если бы не видела. — Она мягко, без следа какого-либо возмущения, улыбнулась. — Они являются существами, которые населяли землю в другое время, а теперь уединились в изолированных местах.

Сначала я не смогла удержатся от громкого смеха над ее верованием. Но потом, видя, какой серьезной и какой убежденной она была, утверждая, что эти создания действительно существуют, я решила: вместо того, чтобы смеяться над ней, я должна отнестись благосклонно к ее верованиям. Кроме всего прочего, она ведь взяла меня к целительнице, и я не хотела вызывать ее протест своими рационалистическими расследованиями.

— Не являются ли эти создания призраками воинов яки, которые потеряли свои жизни в сражениях? — спросила я.

Она отрицательно покачала головой, а потом, как будто опасаясь, что кто-то может подслушать, близко наклонилась ко мне и прошептала мне в ухо:

— Эти горы населены заколдованными созданиями: говорящими птицами, поющими кустами, танцующими камнями, созданиями,

которые могут принимать любую форму по желанию.

Она откинулась на сиденье и выжидательно посмотрела на меня.

— Яки зовут эти существа *сурэм*. Они верят, что эти существа являются древними индейцами яки, которые отказались быть крещеными первыми иезуитами, прибывшими для обращения индейцев в христианство. — Она нежно похлопала по моей руке. — Остерегайся, они говорят, что *сурэм* любят блондинок. — Она восторженно хохотнула. — Быть может, это то, о чем были все твои кошмары. *Сурэм*, пытающийся украсть тебя.

— Ты ведь на самом деле не веришь в то, что сейчас говоришь, правда? — спросила я насмешливо, не в силах сдержать свою досаду.

— Нет. Я только что выдумала, что *сурэм* любят блондинок, — успокоила она. — Они совсем не любят блондинок.

И хотя я не повернулась, чтобы взглянуть на нее, я могла почувствовать ее улыбку и озорные горящие глаза. Все это мне безмерно надоело. Я решила, что она, должно быть, или очень искренняя и очень застенчивая, или, что хуже, совершенно безумная.

— Ты ведь не веришь, что создания из другого мира действительно существуют, так ведь? — раздраженно воскликнула я. Затем, боясь, что оскорбила ее, взглянула на нее, почти готовая произнести извинения. Но прежде чем я смогла что-то произнести, она ответила так же громко и таким же злобным тоном, как и я до этого.

— Конечно я верю, что они существуют. А почему они не должны существовать?

— Да их просто нет! — резко и авторитетно заявила я, впрочем быстро потом извинившись.

Я рассказала ей о моем прагматическом воспитании и о том, как мой отец учил меня осознавать, что чудовища в моих снах и товарищи по играм, которые у меня были как у всякого ребенка — конечно же, никому, кроме меня, невидимые, — не что иное, как продукт сверхактивного воображения.

— С самого раннего возраста я воспитывалась в духе объективности и всестороннего анализа, — подчеркнула я. — В моем мире существуют только факты.

— Эта проблема всегда возникает с людьми, — заметила Делия. — Они настолько рассудительны, что, слушая об этом, они сразу же

принимают меня за безумную.

— В моем мире, — продолжала я, игнорируя ее комментарий, — не существует фактов о созданиях из другого мира, но лишь спекуляции и принятие желаемого за действительное, а также, — подчеркнула я, — фантазии расстроенного ума.

Как ты можешь быть такой тупой! — выкрикнула она восхищенно в перерыве между припадками хохота, как если бы мои объяснения превзошли все ее ожидания.

— Можно ли доказать, что эти создания существуют? — с вызовом спросила я.

— В чем должно заключаться доказательство? — осведомилась она с выражением наигранной робости на лице.

— Если кто-нибудь еще сможет увидеть их, это и будет доказательством, — ответила я.

— Ты имеешь в виду, что если, например, ты сможешь увидеть их, то это будет доказательством их существования? — осведомилась она, близко придвинув свою голову к моей.

— Ну да, мы можем попробовать прямо здесь.

Вздыхнув, Делия положила голову на спинку сидения и закрыла глаза. Она долго молчала, и я была уверена, что она заснула, и поэтому вздрогнула, когда она внезапно выпрямилась и настояла на том, чтобы мы съехали на обочину дороги. Она должна сходить по нужде, пояснила Делия.

Решив воспользоваться нашей остановкой, я тоже направилась в кусты. Когда я собиралась натянуть свои джинсы, то услышала, как громкий мужской голос сказал: — Как аппетитно! — и прямо за моей спиной раздался вздох. С незастегнутыми джинсами я рванулась к тому месту, где была Делия.

— Нам лучше побыстрее убираться отсюда! — выкрикнула я. — Здесь в кустах спрятался мужчина.

— Ерунда, — отмахнулась она от моих слов. — Единственный, кто находится за кустами, это осел.

— Осел не может вздыхать как развратный мужик, — заметила я и затем повторила услышанные мною слова.

Делия осела, изнемогая от хохота, но увидев, какой несчастной я выгляжу, подняла руку в примирительном жесте.

— Ты действительно видела мужчину?

— Мне не обязательно было видеть, — парировала я. — Вполне достаточно слышать его.

Она помедлила еще мгновение и затем направилась к машине.

Перед тем, как взойти на дорожную насыпь, она внезапно остановилась и, повернувшись ко мне, прошептала:

— Произошло нечто совершенно загадочное. Я должна предупредить тебя об этом. Она повела меня за руку назад к тому месту, где я сидела на корточках. И как раз там, за кустами, я увидела ослика.

— Перед этим его здесь не было, — настаивала я. Делия, посмотрев на меня с явным удовольствием, пожала плечами и повернулась к животному. — Маленький ослик, — заворковала она детским голоском, — ты смотрел на ее задик?

Я решила, что она — чревовещатель и собирается исполнить номер — разговор животного. Однако осел лишь несколько раз громко прокричал вполне по-ослиному.

— Давай убираться отсюда, — умоляюще сказала я, потянув ее за рукав. — Где-то здесь должен быть затаившийся в кустах хозяин.

— Но у этого милого малютки нет хозяина, — она проворковала все тем же глупым детским голоском и почесало длинные мягкие уши ослика.

— У него несомненно есть хозяин, — зло выкрикнула я. — Разве ты не видишь, какой он сытый и холеный?

И охрипшим от нервозности и раздражения голосом я снова подчеркнула, как опасно для двух женщин находиться одним на пустынной дороге в Соноре.

Делия молча рассматривала меня, видимо поглощенная какими-то мыслями. Затем она кивнула, как бы в знак согласия, и жестом предложила следовать за ней. Ослик шел сзади, сразу за мной, раз за разом подталкивая меня в зад своей мордой. Пробормотав проклятие, я обернулась, но ослик исчез.

— Делия! — выкрикнула я с внезапным испугом. — Что случилось с осликом?

Испуганная моим криком стоя птиц шумно поднялась в небо.

Птицы полетали над нами, а затем скрылись на востоке в направлении первого луча утренней зари, который означал конец ночи и начало нового дня.

— Где же ослик? — спросила я, снова переходя на едва слышный шепот.

— Прямо здесь, перед тобой, — мягко ответила она, указывая на сучковатое дерево без листьев.

— Я не могу увидеть его. — Тебе нужны очки.

— С моими глазами все в порядке, — ответила я резко. — Я вижу даже восхитительные цветы на дереве.

Пораженная красотой ярких, белоснежных в утреннем сиянии соцветий, я подошла ближе.

— Что это за дерево?

— Пало Санто.

В течение секундного замешательства я подумала, что это сказал ослик, который появился из-за шелковистого серебристо-серого ствола. Я повернулась, чтобы взглянуть на Делию.

— Пало Санто! — засмеялась она.

После этого в моем мозгу мелькнула мысль, что Делия разыгрывает со мной шутку. Ослик, вероятно, принадлежит целительнице, которая наверняка живет где-то поблизости.

— Что тебя так смешит? — спросила Делия, уловив на моем лице всепонимающую самодовольную ухмылку.

— У меня начался ужасный спазм, — солгала я.

Прижав руки к животу, я присела:

— Пожалуйста, подожди меня в машине.

Как только она повернулась, чтобы идти, я сняла свой шарф и завязала его вокруг ослиной шеи. Я радовалась, предвосхищая удивление Делии, когда раскроется, что мы уже были на земле целительницы и я знала о ее шутке все это время. Однако все надежды снова увидеть ослика или мой шарф очень скоро развеялись. У нас ушло почти два часа на то, чтобы добраться до дома целительницы.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 2

Около восьми часов утра мы добрались до дома целительницы в предместье Сьюдад Обрегон. Это был массивный старый дом, с побеленными стенами и черепичной крышей, посеревшей от времени. В доме были окна со стальными рамами и арочный вход. Тяжелая дверь на улицу была широко открыта. С уверенностью человека, знакомого с порядками в доме, Делия Флорес провела меня через темный холл до конца длинного коридора в заднюю часть дома, где находилась полупустая комната с узкой кроватью, столом и несколькими стульями. Самым необычным в этой комнате было то, что в каждой из ее четырех стен было по двери. Все они были закрыты.

— Подожди здесь, — велела мне Делия, указывая подбородком в направлении кровати. — Вздремни немного, пока я буду у целительницы. Это может занять некоторое время, — добавила она, закрывая за собой дверь.

Подождав, пока ее шаги затихнут в коридоре, я стала рассматривать самую невероятную комнату для лечения, которую когда-либо мне приходилось видеть. Голые побеленные стены; светло-коричневые керамические плитки пола блестели как зеркало. В ней не было алтаря, никаких изображений или скульптур святых. Девы Марии или Иисуса, которые, как я всегда предполагала, были обычными в комнатах целителей. Я сунула свою голову в каждую из четырех дверей. Две открывались в темные коридоры; другие две вели во двор, обнесенный высоким забором.

Когда я на цыпочках шла по темному коридору к другой комнате, позади меня раздалось низкое угрожающее рычание. Я медленно обернулась. Всего лишь в двух футах от меня стояла огромная, свирепого вида черная собака. Она не бросилась на меня, но просто стояла, грозно рыча и показывая свои клыки. Стараясь не смотреть собаке в глаза, но и не теряя ее из виду, я вернулась назад в комнату для лечения.

Собака следовала за мной до самой двери. Я осторожно закрыла ее

прямо перед носом у зверюги и прислонилась к стене, ожидая, пока биение сердца придет в норму. Потом я легла на кровать и через несколько мгновений — без малейшего намерения делать это — погрузилась в глубокий сон.

Я была разбужена мягким прикосновением к плечу. Я открыла глаза и подняла взгляд на морщинистое, но здоровое лицо старой женщины.

— Ты видишь сон, — сказала она. — И я — часть твоего сна.

Я автоматически кивнула, соглашаясь. Однако я не была убеждена, что вижу сон. Женщина была чрезвычайно маленькой. Она не была карлицей или лилипуткой; скорее она была ростом с ребенка, с тощими ручками и выглядевшими слабыми, узкими плечами.

— Вы целительница? — спросила я.

— Я — Эсперанса, — ответила она. — Я та, что приносит сны.

У нее был спокойный и необычайно низкий голос. Он имел странное, экзотическое качество, как если бы испанский — на котором она говорила бегло — был языком, к которому мышцы ее верхней губы не привыкли. Постепенно звук ее голоса усиливался, пока не стал отделившейся от телесной оболочки силой, заполняющей комнату. Звук заставил меня думать о бегущей воде в глубинах пещеры.

— Она — не женщина, — пробормотала я про себя. — Она — звук темноты.

— Я сейчас буду устранять причину твоих кошмаров, — сказала она, фиксируя на мне повелительный взгляд, в то время как ее пальцы приближались к моей шее. — Я буду удалять их одну за другой, — пообещала она.

Ее руки двигались поперек моей груди как мягкая волна. Она победно улыбнулась, а затем жестом предложила мне исследовать ее открытые ладони. — Видишь? Они так легко ушли.

Она вглядывалась в меня с выражением такого достоинства и восхищения, что я не могла заставить себя сказать ей, что ничего не вижу в ее руках.

Очевидно, сеанс исцеления был закончен. Я поблагодарила ее и выпрямилась. Она покачала головой, жестом выражая упрек и мягко подтолкнула меня назад на кровать.

— Ты спишь, — напомнила она мне. — Я та, кто приносит сны, помнишь?

Мне хотелось настоять на том, что я вполне проснулась, но сумела

лишь глупо ухмыльнуться, погружаясь в приятную дремоту. Смешки и шепот теснились вокруг меня, как тени. Я силилась проснуться. Потребовались немалые усилия, чтобы открыть глаза, сесть и рассмотреть людей, собравшихся вокруг стола. Странная неясность очертаний в комнате мешала разглядеть их четко. Среди них была Делия. Я уже было собралась позвать ее, когда настойчивый хрустящий звук за моей спиной заставил меня обернуться.

Мужчина, ненадежно устроившись на высокой табуретке, шумно лушил арахис. На первый взгляд он казался молодым, но почему-то я знала, что он старый. У него было тощее тело и гладкое безбородое лицо. Его улыбка представляла собой смесь лукавства и простодушия.

— Чего-то хочешь? — спросил он.

Прежде чем я смогла выполнить такое сложное действие, как кивок, мой рот оказался широко открытым от удивления. Я была способна только таращиться на то, как он перенес свой вес на одну руку и без усилия поднял свое маленькое гибкое тело в стойку на руках. Из этого положения он бросил мне арахис; тот влетел прямо в мой разинутый рот.

Я подавилась им. Резкий удар между лопатками восстановил мое дыхание. Благодарная, я обернулась, желая узнать, кто из присутствующих здесь людей прореагировал так быстро.

— Я — Мариано Аурелиано, — сказал человек, стукнувший меня сзади.

Он пожал мне руку. Вежливый тон и обаятельная церемонность его жеста смягчали выражение свирепости его взгляда и суровость его орлиных черт. Косой разлет черных бровей делал его похожим на хищную птицу. Его белые волосы и обветренное бронзовое лицо свидетельствовали о возрасте, но мускулистое тело дышало молодой энергией.

В комнате было шесть женщин, включая Делию. Каждая из них пожала мне руку с одинаково выразительной церемонностью. Они не называли своих имен, а просто сказали, что рады встретиться со мной. Физически они не были похожи одна на другую. Тем не менее в них было какое-то поразительное сходство, смесь противоречивых качеств: молодости и старости, силы и утонченности, что более всего озадачивало меня, приученную к грубости и прямоте моей управляемой по-мужски патриархальной

немецкой семьи.

Так же, как в случае с Мариано Аурелиано и акробатом на табурете, я не смогла бы назвать возраст женщин. Они могли оказаться как на пятом, так и на седьмом десятке своей жизни. Я испытывала мимолетное беспокойство, когда женщины пристально смотрели на меня. У меня создалось отчетливое впечатление, что они могли видеть, что творилось во мне, и размышлять об увиденном. Милые, задумчивые улыбки на их лицах все же немного успокоили меня. Сильное желание разрушить тревожащее молчание любым доступным для меня способом заставило меня отвернуться от них и взглянуть в лицо человеку на табурете. Я спросила у него, не акробат ли он.

— Я — мистер Флорес, — сказал он и сделал заднее сальто с табурета, приземлившись на пол в позицию с поджатыми по-турецки ногами. — Я не акробат. Я колдун.

На его лице сияла улыбка очевидного ликования, когда он полез в карман и вытащил мой шелковый шарф, тот самый, которым я обвязала шею ослика.

— Я знаю, кто вы. Вы — ее муж! — воскликнула я, избыточно указав пальцем на Делию. — Вы, конечно, вдвоем сыграли со мной ловкую шутку.

М-р Флорес не сказал ни слова. Он только уставился на меня в вежливом молчании.

— Я не являюсь ничьим мужем, — наконец произнес он, затем, делая “колесо”, выскочил из комнаты через одну из дверей, ведущих во двор.

Поддавшись порыву, я выпрыгнула из кровати и выскочила следом за ним. Ослепленная ярким светом, я простояла во дворе несколько секунд, ошеломленная его слепящим сверканием, потом пересекла его и сбежала с обочины грязной дороги на недавно вспаханное поле, разделенное на части рядами высоких эвкалиптов. Было жарко. Солнце пламенем набросилось на меня. Пашня мерцала на жару, как шипящие гигантские змеи.

— М-р Флорес, — позвала я.

Ответа не было. Уверенная, что он скрылся за одним из деревьев, я пересекла поле.

— Следи за своими босыми ногами! — предостерег меня голос, раздавшийся сверху.

Вздрогнув, я посмотрела вверх, прямо в перевернутое лицо м-ра

Флореса. Он, свисая с ветки, качался на своих ногах.

— Это опасно и крайне глупо — бегать взад-вперед без туфель, — сурово предостерег он, раскачиваясь взад-вперед, как цирковой артист на трапеции. — Это место кишит гремучими змеями. Тебе лучше присоединиться ко мне. Тут безопасно и прохладно.

Зная, что ветки находятся слишком высоко, чтобы до них можно было добраться, я тем не менее с детской доверчивостью протянула вверх руки. Прежде чем я сообразила, что он собирается делать, мистер Флорес захватил меня за запястья и быстрым движением, с усилием не большим, чем потребовалось бы для тряпичной куклы, поднял меня на дерево. Я сидела рядом с ним, внимательно разглядывая шуршащие листья. Они мерцали в солнечных лучах, как золотые осколки.

— Ты слышишь, что говорит тебе ветер? — спросил мистер Флорес после долгого молчания. Он поворачивал голову в разные стороны, так что я полностью могла оценить *его* поразительную манеру двигать ушами.

— Самурито! — шепотом воскликнула я, когда воспоминания заполнили мой разум. Самурито, малый канюк, это было прозвище друга детства из Венесуэлы. У мистера Флореса были такие же тонкие, птичьи черты лица, черные как смоль волосы и глаза горчичного цвета. И наиболее поразительным было то, что он, как и Самурито, мог двигать ушами — по отдельности или двумя сразу.

Я рассказала м-ру Флоресу о моем друге, которого знала с детского сада. Во втором классе мы сидели за одной партой. Во время длительного полуденного перерыва вместо того, чтобы есть свои завтраки в школьном саду, мы обычно тайком убегали из школы и забирались на вершину ближайшего холма, чтобы поесть в тени самого большого — мы верили в это — дерева манго в мире. Его самые нижние ветви касались земли, а самые высокие — задевали облака. В сезон созревания мы обычно объедались плодами манго.

Вершина холма была нашим излюбленным местом до того дня, когда мы обнаружили там тело школьного сторожа, свисающее с высокой ветки. Мы не смели ни сдвинуться с места, ни заплакать. Но никто из нас не хотел потерять лицо перед другим. Мы не стали влезать на ветви в тот день, но попытались съесть наши завтраки на земле, фактически под телом умершего человека, желая узнать,

кто из нас не выдержит первым. И это была я.

— Ты когда-нибудь думала о смерти? — шепотом спросил меня Самурито.

Я взглянула вверх на висящего человека. В то же мгновение ветер зашелестел в ветвях с необычным упорством. В шелесте я ясно услышала, как умерший человек шептал мне, что смерть была успокоением. Это было настолько жутко, что я вскочила и, вопя, понеслась прочь, безразличная к тому, что Самурито мог подумать обо мне.

— Ветер заставил ветви и листья говорить с тобой, — сказал м-р Флорес, когда я закончила свой рассказ.

Его голос был мягким и низким. Золотые глаза горели лихорадочным огнем, когда он продолжил объяснять, что в момент своей смерти, в одной мгновенной вспышке, воспоминания, чувства и эмоции старого сторожа высвободились и были поглощены манговым деревом. — Ветер заставил ветви и листья говорить с тобой, — повторил мистер Флорес. — Ибо ветер — твой по праву.

Как во сне, он бросил взгляд сквозь листву, его глаза внимательно смотрели за поле, в освещенное солнцем пространство. — То, что ты женщина, дает тебе возможность повелевать ветром, — продолжал он. — Женщины не знают этого, но они могут вступить в диалог с ветром в любое время.

Я непонимающе покачала головой.

— Я понятия не имею, о чем вы говорите, — сказала я. Мой тон выдавал, как неловко я чувствую себя в этом положении. — Это как сон. И если бы он продолжался еще и еще, я бы поклялась, что это один из моих кошмаров.

Его продолжительное молчание вызвало у меня раздражение. Я почувствовала, как мое лицо покраснело от злости. Что я делаю здесь, сидя на дереве с безумным стариком? Я погрузилась в размышления. И в то же время я понимала, что, возможно, оскорбила его, поэтому решила извиниться за свою грубость.

— Я понимаю, что мои слова имеют для тебя мало смысла, — согласился он. — Это потому, что на тебе слишком толстый твердый слой. Он мешает тебе слышать, что должен сказать ветер. — Слишком толстый твердый слой? — спросила я недоуменно и подозрительно. — Вы имеете в виду, что я в грязи?

— И это тоже, — ответил он, заставив меня покраснеть. Он

заулыбался и повторил, что я обернута слишком толстым твердым слоем, и что этот слой не может быть смыт с помощью мыла и воды, независимо от того, сколько ванн я приму.

— Ты наполнена рассудочными суждениями, — пояснил он. — Они мешают тебе понять то, что я говорю, например, что ты можешь командовать ветром.

Он смотрел на меня сузившимися критическими глазами.

— Ну? — потребовал он нетерпеливо.

Прежде чем я поняла, что случилось, он ухватил меня за руки и одним быстрым, плавным движением раскачал и мягко приземлил. Мне показалось, что я видела его руки и ноги вытянувшимися, как резиновые ленты. Это был мимолетный образ, который я тут же объяснила себе как искажение восприятия, вызванное жарой. Я не стала задерживаться на нем, ибо именно в тот момент мой взор отвлекла Делия Флорес и ее друзья, расстилавшие большую полотняную скатерть под соседним деревом.

— Когда вы добрались сюда? — спросила я Делию, поставленная в тупик тем, что не сумела ни увидеть, ни услышать приближение группы людей.

— Мы собирались устроить пикник в твою честь, — сказала она.

— Потому что ты присоединилась к нам сегодня, — добавила одна из женщин.

— Как это я присоединилась к вам? — спросила я, чувствуя, что мне не по себе.

Не заметив, кто это сказал, я переводила взгляд с одной женщины на другую, ожидая, что кто-нибудь из них объяснит свои слова. Безразличные к моему все возрастающему беспокойству, женщины были заняты тем, что старались ровно расстелить полотняную скатерть. Чем дольше я наблюдала за ними, тем беспокойней становилось у меня на душе. Все вокруг было так странно для меня. Я легко могла объяснить, почему приняла приглашение Делии встретиться с целительницей, но совсем не понимала своих последующих действий. Все происходило так, как если бы кто-то еще завладел моим разумом и заставлял меня оставаться здесь, реагировать и говорить вещи, которые я не хотела бы говорить. А теперь они собираются устроить празднество в мою честь. Это, мягко говоря, обескураживало. Как бы упорно я ни размышляла об этом, все равно не могла постичь, что же я здесь делаю.

— Я, конечно же, не заслуживаю ничего такого, — пробормотала я. Мое немецкое воспитание брало верх. Люди просто забавы ради не делают что-то для других.

Только после того, как послышался безудержный смех Мариано Аурелиано, я наконец осознала, что все они уставились на меня.

— Нет причин так напряженно обдумывать, что произошло с тобой сегодня, — произнес он, мягко похлопывая меня по плечу.

— Мы устроили пикник, потому что нам нравится действовать экспромтом. А так как сегодня Эсперанса исцелила тебя, моим друзьям здесь захотелось сказать, что пикник в твою честь. — Он произнес это небрежно, почти равнодушно, как если бы речь шла о каких-то пустячных вещах. Но его глаза говорили кое-что еще. Их взгляд был жестким и серьезным, и, словно это было жизненно важно, я внимательно слушала его.

— Для моих друзей радость сказать, что пикник в твою честь, — продолжал он. — Воспринимай это точно так, как они говорят, — простодушно и безо всякой подоплеки.

Его взгляд смягчился, когда он внимательно посмотрел на женщин. Потом он повернулся ко мне и добавил:

— Я успокою тебя — пикник проводится совсем не в твою честь. И тем не менее, — размышлял он, — он и в твою честь. Это противоречие, для понимания которого тебе потребуется совсем немного времени.

— Я никого не просила что-нибудь делать для меня, — мрачно сказала я.

В моем поведении появилась чрезвычайная тяжеловесность, — это происходило всегда, когда мне что-то грозило.

— Делия привела меня сюда, и я за это благодарна. И я хотела бы заплатить за каждую оказанную мне услугу, — добавила я.

Я была уверена, что оскорбила их. Я знала, что в любую минуту мне могут предложить убраться отсюда. Это задело бы мое “я”, но это не должно было сильно волновать меня. Я была напугана и сыта ими по горло.

У меня вызвало удивление и раздражение то, что они не восприняли меня всерьез. Они смеялись надо мной. Чем злее я становилась, тем больше веселились они. Они пилились на меня своими сияющими, смеющимися глазами, как будто я была для них каким-то неизвестным организмом.

Гнев заставил меня забыть о страхе. Я набросилась на них с

бранью, обвиняя в том, что меня здесь держат за дуру. Я изобличала Делию и ее мужа — не знаю, почему я упорно объединяла их в пару, — что они сыграли со мной злую шутку. — Ты привела меня сюда, — сказала я, поворачиваясь к Делии, — теперь ты и твои друзья позволяете себе использовать меня вместо клоуна.

Чем более напыщенно я говорила, тем веселей становились их улыбки. От жалости к себе, злости и разочарования я была готова разрыдаться, когда Мариано Аурелиано подошел и встал позади меня. Он начал говорить со мной как с ребенком. Я хотела заявить ему, что сама могу позаботиться о себе, что не нуждаюсь в его симпатии и что я собираюсь домой, когда что-то в его тоне, в его глазах успокоило меня настолько сильно, что я не сомневалась в том, что он загипнотизировал меня. И тем не менее я знала, что это не так.

Непонятым и тревожащим оказалось и то, с какой внезапностью и насколько полно произошло это изменение. То, что в обычных условиях заняло бы дни, произошло в мгновение. Всю мою жизнь я предавалась размышлениям над каждым унижением или оскорблением — действительным или вымышленным, — которое я испытала. С систематической методичностью я обдумывала их до тех пор, пока к моему удовлетворению, не становилась ясной каждая деталь.

Когда я посмотрела на Мариано Аурелиано, я почувствовала в нем подобие насмешки над моей предыдущей вспышкой. Я с трудом могла вспомнить, что же вызвало гнев, доведший меня до слез.

Делия потянула меня за руку и попросила помочь другим женщинам распаковать из разнообразных корзинок, которые они принесли с собой, фарфоровые тарелки, хрустальные бокалы и богато украшенное столовое серебро. Женщины не говорили ни со мной, ни друг с другом. И только слабые вздохи удовольствия слетали с их губ, когда Мариано Аурелиано открыл сервировочные блюда. Там были тамалес, энчиладас, тушеное с перцем горячее мясо и домашние лепешки. Не пшеничные — которые были обычными в Северной Мексике и которые я не очень любила, — а маисовые лепешки.

Делия передала мне тарелку с маленькими порциями от каждого блюда. Я ела так жадно, что закончила раньше всех.

— Это самая восхитительная еда, которую я когда-нибудь

пробовала, — выплеснула я свои чувства, подождав в надежде на добавку несколько секунд.

Но никто мне ничего не предложил. Чтобы скрыть свое разочарование, я стала высказываться о красоте старинной кружевной отделки по краям скатерти, вокруг которой мы сидели. — Это моя работа, — сказала женщина, сидящая слева от Мариано Аурелиано.

Она выглядела старой, с растрепанными седыми волосами, которые скрывали ее лицо. Несмотря на жару, на ней были длинное платье, блузка и свитер.

— Это настоящие бельгийские кружева, — объяснила она мне вежливым, мечтательным голосом. Ее длинные, тонкие руки, мерцающие от украшенных драгоценными камнями колец, любовно задержались на широкой отделке. Очень подробно она рассказала мне о своем рукоделии, показывая виды петель и ниток, которые она использовала для отделки. Иногда я на мгновение улавливала выражение ее лица сквозь массу волос, но не смогла бы сказать, как она выглядела.

— Это настоящее бельгийское кружево, — повторила она. — Часть моего приданого. — Она подняла хрустальный бокал, сделала глоток воды и добавила:

— Они тоже часть моего приданого. Это — хрусталь Баккара. У меня не было сомнений, что это так. Восхитительные тарелки — каждая из них отличалась от другой — были из тончайшего фарфора. Я сомневалась, остались ли замеченными мои взгляды, бросаемые украдкой, когда женщина, сидевшая справа от Мариано Аурелиано, приободрила меня.

— Не пугайся. Возьми посмотреть, — убеждала она меня. — Ты среди друзей. — Усмехаясь, она подняла свою тарелку. — Лимож, — произнесла она, потом быстро подняла мою и отметила, что эта была марки Розенталь.

У женщины были детские, тонкие черты лица. Она была небольшого роста, с круглыми черными глазами, обрамленными густыми ресницами. У нее были черные волосы, переходящие на макушке в белые. Они были зачесаны назад и собраны в виде тугого маленького шиньона. В том, как она осаждала меня прямыми, личными вопросами, ощущалась сила, граничащая у нее с холодностью.

Я ничего не имела против ее инквизиторского тона. Я привыкла

переносить бомбардировку вопросами, которые задавали мне мой отец и братья, когда я шла на свидание или начинала какое-нибудь дело по своему усмотрению. Я возмущалась этим, но для нашего дома это были нормальные взаимоотношения. Таким образом, я никогда не училась, как нужно беседовать. Беседа для меня заключалась в парировании словесных атак и своей защите любой ценой.

Я была удивлена, что принудительный опрос, которому подвергла меня эта женщина, не заставил меня почувствовать себя обороняющейся стороной.

— Ты замужем? — спросила женщина.

— Нет, — ответила я мягко, но решительно, желая, чтобы она сменила тему.

— У тебя есть мужчина? — настаивала она.

— Нет у меня никого, — возразила я, начиная чувствовать, как во мне стала просыпаться моя старая обороняющаяся личность.

— Есть ли тип мужчины, к которому ты равнодушна? — продолжала она. — Есть ли какие-то черты личности, которые ты предпочитаешь в мужчине?

На мгновение мне показалось, что она смеется надо мной, но она, как и ее подруги, выглядела искренне заинтересованной. Их лица, выражавшие любопытство и ожидание, успокоили меня. Забыв о своем воинственном характере и том, что, возможно, эти женщины настолько стары, что годятся мне в бабушки, я говорила с ними как с подругами моего возраста, и мы обсуждали мужчин.

— Он должен быть высоким и красивым, — начала я. — У него должно быть чувство юмора. Он должен быть чувствительным, но не бессильным. Он должен быть умным, но не интеллектуалом.

Я понизила голос и доверительным тоном добавила:

— Мой отец обычно говорил, что интеллектуальные мужчины насквозь слабы и к тому же предатели, все до одного. Мне кажется, я согласна с моим отцом.

— Это все, чего бы ты хотела от мужчины? — спросила женщина.

— Нет, — поторопилась я сказать. — Прежде всего, мужчина моей мечты должен быть атлетом.

— Как твой отец, — подсказала одна из женщин.

— Естественно, — сказала я, обороняясь. — Мой отец был великим атлетом, легендарным лыжником и пловцом. — Ты ладила с ним? — спросила она.

— Прекрасно, — восторженно ответила я. — Я обожаю его. Даже обыкновенные мысли о нем вызывают у меня слезы.

— Почему же ты не с ним?

— Я слишком похожа на него, — объяснила я. — Во мне есть что-то такое, что я совсем не могу объяснить или контролировать и что гонит меня прочь.

— А что ты скажешь о своей матери?

— Моя мать. — Я вздохнула и сделала на мгновение паузу, чтобы подобрать наилучшие слова для ее описания. — Она очень сильная. Она сформировала рассудительную сторону моей души. Ту часть, которая молчалива и не нуждается в усилении.

— Ты была очень близка со своими родителями?

— В душе, — да, — ответила я тихо. — На деле же я одинока. У меня мало привязанностей.

Затем, как если бы что-то внутри меня прорвалось и вышло наружу, я раскрыла пороки своей личности, чего я не допускала даже для себя самой в наиболее интроспективные моменты.

— Я скорее использую людей, чем накормлю или обласкаю их, — сказала я, но сразу же добавила. — Но я вполне способна чувствовать любовь.

Со смесью облегчения и разочарования я переводила взгляд с одного на другого. Казалось, никто из них не придавал какого-либо значения моей исповеди. Женщины продолжали наше общение, спросив, как бы я охарактеризовала себя — как храброе существо или трусливое.

— Подтверждено, что я труслива, — заявила я. — Но, к несчастью, моя трусость никогда не останавливает меня.

— Не останавливает от чего? — допытывалась женщина, задававшая вопросы. Ее черные глаза были серьезны, а широкий разлет ее бровей, подобных линии, нарисованной кусочком угля, выражал хмурое внимание.

— От того, чтобы делать опасные вещи, — ответила я. С удовольствием отметив, что они, как оказалось, ждут каждого моего слова, я объяснила, что еще одним из моих серьезных недостатков является моя замечательная способность попадать в неприятности.

— О какой неприятности, в которую ты попала, ты можешь нам рассказать? — спросила она. Ее лицо, которое все это время оставалось мрачным, внезапно осветилось сверкающей, почти

злой улыбкой.

— А как насчет неприятности, в которую я попала сейчас? Я сказала это полушутя, но все же опасаясь, что они могут неправильно понять мое замечание. К моему удивлению и облегчению, все они засмеялись и стали выкрикивать возгласы на манер сельских жителей, которые делают так, когда что-то дерзкое или смешное поражает их.

— Как же ты оказалась в Соединенных Штатах? — задала вопрос одна из женщин, когда они все затихли. Я пожала плечами, действительно не зная, что сказать.

— Я хотела ходить здесь в школу, — наконец пробормотала я. — В Англии я была первой, но мне там не очень нравилось, за исключением возможности хорошо проводить время. Я действительно не знаю, что я хочу узнать. Думаю, что я сейчас в поиске чего-то, хотя и не знаю точно, чего.

— Это возвращает нас к моему первому вопросу, — сказала женщина. Ее тонкое, дерзкое лицо и ее темные глаза оживились и выглядели по-звериному. — Ты ищешь мужчину?

— Думаю, что да, — согласилась я, раздраженно затем добавив: — А какая женщина не делает этого? И почему вы меня спрашиваете так настойчиво об этом? Вы что-то имеете в виду? Это что, какой-то тест?

— Конечно, кое-кого мы имеем в виду, — вставила Делия Флорес. — Но это не мужчина. — Она и остальные заулыбались и стали взвизгивать от смеха с таким весельем, что я не смогла сдержаться и тоже захихикала.

— В каком-то смысле это тест, — заверила меня допытывающаяся женщина, как только все успокоились. Она помолчала мгновение, ее глаза выражали бдительность и раздумья. — Из того, что ты рассказала мне, я могу сделать вывод, что ты вполне принадлежишь к среднему классу, — продолжила она и быстрым движением широко расставила руки в жесте вынужденного принятия. — Но чем же еще может быть немецкая женщина, рожденная в Новом Свете? — Она гневно смотрела на меня и с едва скрываемой ухмылкой на губах добавила: — У людей среднего класса и мечты среднего класса.

Видя, что я на грани взрыва, Мариано Аурелиано объяснил, что она задала все эти вопросы потому, что присутствующие просто интересовались мной. Лишь очень редко у них бывают гости и

едва ли когда-нибудь были среди них молодые.

— Это не означает, что я должна выносить оскорбления, — пожаловалась я.

Не обращая внимания на мои слова, Мариано Аурелиано продолжал оправдывать женщин. Его вежливый тон и успокаивающие похлопывания по спине расплавили мой гнев точно так, как было до этого. Его улыбка была такой ангельски трогательной, что у меня ни на мгновение не возникло сомнений в его искренности, когда он начал льстить мне. Он сказал, что я являюсь одной из самых экстраординарных, самых замечательных личностей, которую они когда-либо встречали. Я была так растрогана, что предложила ему спросить о чем угодно, что он хотел бы знать обо мне.

— Ты чувствуешь себя значительной? — был его вопрос.

Я кивнула.

— Каждый из нас является очень значительным для самого себя, — заявила я. — Да, я думаю, что я значительна, не в общем смысле, а по-особенному, для себя.

И я подробно высказалась о позитивном самопонимании, самоуважении и о том, как жизненно важно укреплять наше ощущение значительности для того, чтобы быть физически здоровыми личностями.

— А что ты думаешь о женщинах? — спросил он. — Как ты думаешь, они более, или менее значительны, чем мужчины?

— Совершенно очевидно, что мужчины более значительны, — сказала я. — У женщин нет выбора. Они должны быть менее значительными для того, чтобы семейная жизнь катилась, так сказать, по гладкой дороге.

— Но правильно ли это? — настаивал Мариано Аурелиано.

— Ну, конечно, это правильно, — заявила я. — Мужчины по своей природе являются высшими существами. Именно поэтому они движут миром. Я была выращена авторитарным отцом, который, несмотря на то, что воспитывал меня так же свободно, как и моих братьев, дал мне понять, что определенные вещи не являются особенно важными для женщины. Вот почему я не знаю, чем я занимаюсь в школе или чего я хочу от жизни. — Я посмотрела на Мариано Аурелиано и беспомощным расстроенным тоном добавила:

— Я думаю, что я ищу мужчину, который был бы так же уверен в

себе, как мой отец.

— Она — простушка! — вставила реплику одна из женщин.

— Нет, нет, это не так, — успокоил всех Мариано Аурелиано. —

Она просто смущена и так же упряма, как ее отец.

— Ее немецкий отец, — подчеркнуто дополнил его м-р Флорес, выделяя слово *немецкий*. Он спустился с дерева, как листок, мягко и бесшумно, и положил себе совершенно немыслимое количество пищи.

— Как ты прав, — согласился и усмехнулся Мариано Аурелиано.

— Будучи такой же упрямой, как ее немецкий отец, она просто повторяет то, что слышала всю свою жизнь.

Гнев, нарастающий во мне и ощущаемый как некая таинственная лихорадка, был вызван не только тем, что они говорили обо мне, но и тем, что они обсуждали меня так, как будто я отсутствовала.

— Она безнадежна, — сказала другая женщина.

— Она превосходна для своей роли, — убежденно защищал меня Мариано Аурелиано.

М-р Флорес поддержал Мариано Аурелиано. И лишь одна из женщин, молчавшая до сих пор, глубоким охрипшим голосом сказала, что я прекрасно подхожу для своей роли.

Она была высокой и стройной. Ее бледное лицо, изможденное и суровое, обрамлялось заплетенными в косы белыми волосами и освещалось большими светлыми глазами. Несмотря на ее поношенную, серого цвета одежду, в ней была какая-то врожденная элегантность.

— Как вы все обращаетесь со мной? — закричала я, не в силах дальше сдерживать себя. — Вы что, не понимаете, как это оскорбительно — слушать разговоры о себе, как будто меня здесь нет?

Мариано Аурелиано остановил на мне свой разъяренный взгляд.

— Тебя здесь нет, — сказал он тоном, лишенным каких-либо эмоций. — По крайней мере, еще нет. И самое важное, что ты не идешь в счет. Ни сейчас, ни когда-либо еще.

Я чуть не упала в обморок от гнева. Никто никогда не говорил со мной так грубо и с таким безразличием к моим чувствам.

— Да плевать я на вас всех хотела, проклятые старые пердуны! — завопила я.

— Подумать только! Немецкая провинциалка! — воскликнул Мариано Аурелиано, и они все засмеялись.

Я собиралась вскочить и убежать, но Мариано Аурелиано несколько раз легонько похлопал меня по спине.

— Ну, ну, — мурлыкал он, как если бы баюкал малютку. И так же как в прошлый раз, вместо того, чтобы оскорбиться, что со мной обращаются как с ребенком, я почувствовала, как мой гнев исчез. Я ощущала счастливую легкость. Непонимающе покачивая головой, я смотрела на чих и хихикала.

— Я училась говорить по-испански на улицах Каракаса, — сказала я, — общаясь с подонками. Я умею отвратительно ругаться.

— Кажется, тебе только что понравились сладкие тамалес? — спросила Делия, закрывая глаза в знак вежливого понимания. Ее вопрос стал как бы паролем. Допрос прекратился.

— Конечно, ей понравились! — ответил за меня м-р Флорес. — Только она хочет, чтобы ей положили побольше. У нее просто ненасытный аппетит. — Он подошел, чтобы сесть рядом со мной.

— Мариано Аурелиано превзошел сам себя и приготовил настоящее чудо.

— Вы имеете в виду, что еду готовил он? — недоверчиво спросила я. — У него есть все эти женщины — и он *готовит*?

Огорчившись, что мои слова могут быть не так расценены, я поспешила оправдаться и объяснила, что меня бесконечно удивляет то, что мексиканец должен готовить, когда в доме есть женщины. В их смехе звучало понимание и того, о чем я не собиралась говорить.

— Особенно, если эти женщины его. Не это ли ты имела в виду?

— спросил м-р Флорес. Его слова сопровождались общим смехом.

— Ты совершенно права, они женщины Мариано. Или, чтобы быть точнее, Мариано принадлежит им.

Он весело хлопнул себя по колену, затем повернулся к самой высокой из женщин — той, которая высказалась лишь однажды, — и спросил:

— Почему бы тебе не рассказать ей о нас?

— Само собой разумеется, у м-ра Аурелиано не может быть так много жен, — начала оправдываться я, все еще огорченная своей оплошностью.

— Почему бы и нет? — парировала женщина, и все засмеялись опять. Это был радостный молодой смех, однако он не принес мне облегчения. — Все мы здесь связаны вместе нашей борьбой, нашей глубокой привязанностью друг к другу и осознанием того,

что друг без друга ничего не возможно, — сказала она.

— Не являетесь ли вы частью религиозной группы? — спросила я голосом, выдававшим возрастающие во мне тревожные предчувствия. — Или не принадлежите ли к одному из видов коммуны?

— Мы принадлежим *силе*, — ответила женщина. — Мои компаньоны и я являемся наследниками древней традиции. Мы — часть мифа.

Не понимая, что она говорит, я быстро взглянула на других: их взгляды были направлены на меня. Они наблюдали за мной со смешанным чувством ожидания и веселья.

Я переключила свое внимание на высокую женщину. Она тоже наблюдала за мной с тем же смущающим меня выражением. Ее глаза сияли и искрились. Она наклонила свой хрустальный бокал и изящно отпила воды.

— Мы все по существу являемся *сновидящими*, — объясняла она тихим голосом. — Мы все сейчас *сновидим*, и тот факт, что ты была приведена к нам, означает, что ты тоже *сновидишь* с нами. Она сказала это настолько спокойно, что я не осознала, что именно было сказано.

— Вы имеете в виду, что я сплю и вижу сон вместе с вами? — спросила я с насмешливой недоверчивостью и сжала губы, чтобы сдержать смех, душивший меня.

— Это не совсем то, что ты делаешь, но довольно близко, — подтвердила она.

Не обращая внимания на мое нервное хихиканье, она продолжала объяснять, что случившееся со мной больше походит на экстраординарный сон, в котором все они помогают мне *сновидением* моего сна.

— Но это же идио... — начала говорить, но она взмахом руки заставила меня замолчать.

— Мы все *сновидим* один и тот же сон, — убеждала она меня. Она, казалось, не помнила себя от радости из-за того, что я с трудом что-либо понимаю.

— А как насчет той восхитительной пищи, которую я только что съела? — спросила я, поглядывая на пятна, оставшиеся на моей блузке от капель соуса из перца. Я показала ей эти пятна. — Это не может быть сном. Я съела эту пищу! — настаивала я громким возбужденным тоном. — Да! Я сама ее съела.

Она оставалась хладнокровной и спокойной, как будто ожидала именно такого взрыва эмоций. — А как насчет того, что мистер Флорес поднял тебя на вершину эвкалипта? — спокойно спросила она.

Я собиралась ответить, что он поднял меня не на верхушку дерева, а лишь на ветку, когда она прошептала:

— Ты думала об этом?

— Нет. Я не думала, — раздраженно сказала я.

— Конечно, ты не думала, — согласилась она, понимающе кивая головой, как если бы она была осведомлена, что я постоянно помнила о том, что даже самая низкая ветка любого из окружающих нас деревьев была недоступна с земли. Тогда она объяснила, что причина, по которой я не думала об этом, заключена в том, что во сне мы не рациональны.

— В *сновидении* мы можем только действовать, — подчеркнула она.

— Подождите минутку, — прервала я ее. — Я, возможно, несколько ошеломлена, я допускаю это. В конце концов, вы и ваши друзья — самые странные люди, которых я когда-либо встречала. Но сейчас я бодрствую, как только могу.

Видя, что она смеется надо мной, я завопила:

— *Это* не сон!

Незаметным кивком головы она дала знак м-ру Флоресу, который одним быстрым движением взял меня за руку и оказался со мной на макушке ближайшего эвкалипта. Мы сидели там мгновение, и прежде чем я смогла что-нибудь сказать, он перенес меня назад на землю, на то же самое место, где я сидела раньше.

— Ты видишь, что я имела в виду? — задала вопрос высокая женщина.

— Нет, не вижу, — завопила я, считая, что у меня была галлюцинация. Страх перешел в ярость, и я выпустила поток самых отвратительных проклятий. Моя ярость поутихла, и, охваченная волной жалости к себе, я начала плакать.

— Как вы обращаетесь со мной, люди? — спрашивала я в промежутках между всхлипываниями. — Вы подложили что-то в еду? В воду?

— Мы ничего подобного не делали, — доброжелательно сказала высокая женщина. — Ты ни в чем таком не нуждается...

Я едва слышала ее. Мои слезы были как некая темная тонкая

вуаль. Они затуманивали ее лицо и делали неясными ее слова.

— Держись, — я услышала произнесенное ею слово, хотя не могла больше видеть ни ее, ни ее друзей. — Держись, не просыпайся пока.

В ее тоне было что-то столь неотразимое, что я знала: сама моя жизнь зависит от возможности увидеть ее опять. С помощью некоей неизвестной и совершенно неожиданной силы я прорвалась сквозь вуаль своих слез.

Я услышала тихий хлопающий звук, а потом увидела их. Они улыбались, а их глаза сияли так сильно, что, казалось, зрачки горят каким-то внутренним огнем. Я сперва извинилась перед женщинами, а потом перед обоими мужчинами за дурацкую вспышку. Но они будто бы и не слышали о ней. Они сказали, что я выполняла все исключительно хорошо.

— Мы являемся живыми частями мифа, — сказал Мариано Аурелиано, затем вытянул свои губы и подул в воздух. — Ветром я пригону тебя к тому, кто сейчас держит миф в своих руках. Он поможет тебе уяснить все это.

— И кто же это может быть? — дерзко спросила я.

Я собиралась спросить, не окажется ли он таким же упрямым, как мой отец, но меня отвлек Мариано Аурелиано. Он все еще дул в воздух. Его белые волосы стояли дыбом. Щеки надулись и покраснели.

Как бы в ответ на его усилия, слабое дуновение ветерка вызвало шелест эвкалиптов. Он кивнул, явно начиная осознавать мое смущение и невысказанные мысли. Он нежно повернул меня, пока я не оказалась лицом к горам Бакатете.

Бриз превратился в ветер, настолько резкий и холодный, что стало больно дышать. С невероятной гибкостью и раскованностью в движениях высокая женщина встала, схватила меня за руку и потянула за собой вдоль вспаханной борозды. Внезапно мы остановились в центре поля. Я могла бы поклясться, что своими вытянутыми руками она привлекала вихри сухих опавших листьев, вращающиеся вдалеке.

— Во сне все возможно, — прошептала она.

Смеясь, я широко раскрыла руки, чтобы привлечь ветер. Листья танцевали вокруг нас с такой силой, что все расплывалось перед глазами. Высокая женщина внезапно исчезла. Ее тело, казалось, растворялось в красноватом свете, пока совсем не исчезло из моего поля зрения. А потом чернота заполнила мою голову.

Глава 3

В то время я была абсолютно неспособна определить, происходил этот пикник на самом деле или это было только во сне. Я не могла восстановить последовательность событий с того момента, когда заснула в комнате целительницы. Следующим моим ясным воспоминанием была моя беседа с Делией у стола в той же комнате.

Привыкшая к тому, что такого рода провалы в памяти случались со мной с самого детства, я сразу не придавала большого значения всем этим несоответствиям. Ребенком, страстно желая заняться игрой, я часто полусонной вставала с постели и выскальзывала из дома через оконную решетку. Часто я окончательно просыпалась лишь на рыночной площади, играя с другими детьми, которых отправляли спать не так рано.

У меня не было ни малейшего сомнения в том, что этот пикник был в действительности, хотя я и не знала, как поместить его в последовательность временных событий. Я попыталась сосредоточиться и восстановить эти события, но меня испугала сама возможность возобновления моих детских провалов памяти. Я осторожно спросила Делию о ее друзьях, но она не захотела об этом говорить. Тогда я спросила ее о сеансе лечения, который по-прежнему считала сновидением.

— У меня был такой сложный сон о целительнице, — осторожно начала я. — Она не назвала своего имени, но убедила меня в том, что она вылечит меня от ночных кошмаров.

— Это был не сон, — сказала Делия, и в ее тоне ясно прозвучало неудовольствие.

Она посмотрела на меня так пристально, что я стала нервничать и у меня даже возникло желание уйти.

— Целительница не назвала тебе своего имени, — продолжала она.

— Но она безусловно излечила тебя от расстройств сна.

— Но это был сон, — продолжала настаивать я. — В моем сновидении целительница была размером с ребенка. Она просто не могла быть настоящей.

Делия взяла со стола стакан воды, но пить не стала. Она начала вращать его, вращала его снова и снова, но не пролила ни капли. Она смотрела на меня, ее глаза сверкали.

— Целительница передала тебе впечатление, что она маленькая, — только и всего, — сказала она, кивнув самой себе, словно эти слова только что возникли внутри нее и она сочла их убедительными. Она выпила воду небольшими глотками, издавая негромкие звуки, и ее глаза стали добрыми и задумчивыми. — Ей пришлось стать маленькой, чтобы исцелить тебя.

— Ей пришлось стать маленькой? Ты имеешь в виду, что я просто видела ее как маленькую?

Делия кивнула еще раз и, наклонившись ко мне, прошептала:

— Видишь ли, ты *сновидела*. Хотя это был не сон. Целительница на самом деле пришла и исцелила тебя, но ты находилась не там, где сейчас.

— Перестань, Делия, — возразила я. — О чем ты говоришь? Я знаю, что это был сон. Я всегда осознаю, что сплю, даже если сновидения кажутся мне совершенно реальными. Разве ты не помнишь, что именно в этом и состояла моя проблема?

— Может быть, теперь, когда она исцелила тебя, это уже не расстройство, а твой талант, — предположила Делия, улыбаясь. — Но вернемся к твоему вопросу: целительнице пришлось сделаться маленькой, подобной ребенку, потому что когда впервые начались твои кошмары, ты была еще совсем маленькая.

Ее утверждение было таким необычным, что я не смогла даже рассмеяться.

— И сейчас я уже здорова? — спросила я в шутку.

— Конечно, — уверила она меня. — В *сновидениях* исцеление происходит очень легко, почти без усилий. Но очень трудно заставить людей *сновидеть*.

— Трудно? — спросила я, и мой голос прозвучал резко, чего я сама не ожидала. — У каждого есть сновидения. Мы все должны спать, разве не так?

Делия подняла глаза к потолку, затем снова посмотрела на меня и произнесла:

— Я говорю не об этих снах. Это обычные сны. У *сновидения* есть цель; в то время как обычные сны не имеют никакой цели.

— У них есть цель! — горячо возразила я, после чего стала долго объяснять ей психологическое значение сновидений. Я начала

цитировать труды по психологии, философии и искусству. Делия ничуть не была поражена моими познаниями. Она была вполне согласна с тем, что обычные сны необходимы, чтобы поддерживать умственное здоровье, но настаивала на том, что она имеет в виду совсем другое.

— У *сновидений* есть цель; у обычных снов ее нет, — снова повторила она.

— Какова же эта цель, Делия? — спросила я, уступая.

Она отвернула свое лицо в сторону, как если бы хотела спрятать его от меня. Мгновение спустя она снова смотрела на меня. Что-то холодное и отстраненное появилось в ее глазах, и такое изменение настроения было настолько безжалостным, что я испугалась.

— *Сновидение* всегда имеет практическую цель, — провозгласила она. — Оно может служить *сновидящему* непосредственно или для каких-то более сложных целей. Тебе оно понадобилось, чтобы избавиться от расстройств сна. Ведьмам на пикнике оно позволило узнать твою сущность. Мне оно помогло спрятаться от сознания патрульного иммиграционной службы, когда тебя попросили показать твою маршрутную карту туриста.

— Пытаюсь понять, о чем ты говоришь Делия, — нерешительно произнесла я. — Означает ли это, что одни люди могут загипнотизировать других вопреки их воле?

— Называй это как хочешь, — сказала она.

В ее лице появилось спокойное безразличие, которое почему-то понравилось мне.

— Вот что ты так и не смогла понять до сих пор: ты совершенно без усилий можешь войти в то, что ты назвала гипнотическим состоянием. Я называю это “сновидением” — *сновидение*, которое не является сном, *сновидение*, в котором ты можешь сделать все, что твоя душа пожелает.

Делия почти передала мне это ощущение, но у меня не было слов, чтобы сформулировать свои мысли и чувства. Ошеломленная, я смотрела на нее. Неожиданно мне вспомнилось одно событие из моей юности. Когда меня наконец допустили к занятиям по вождению на отцовском джипе, я изрядно удивила собственную семью, продемонстрировав, что уже хорошо умею водить машину. Годами л проделывала это в своих снах. С удивившей меня уверенностью я взялась вести машину по старой дороге из Каракаса в Ла Гуэйру, портовый город. Я обдумывала, следует ли

мне рассказать об этом эпизоде Делии, но вместо этого задала ей вопрос о росте целительницы.

— Она — женщина невысокая. Хотя и не такая маленькая, какой ты ее видела. В своем целительном *сновидении* она предположила, что для твоей пользы ей надо стать маленькой, и сделала себя маленькой. В этом сущность магии. Чтобы передать впечатление о чем-то, ты должна стать этим.

— Разве она волшебница? — спросила я, ожидая ответа.

Мысль о том, что все они работают в цирке, принимая участие в каком-то магическом представлении, неоднократно приходила мне в голову. Я считала, что это объяснило бы многое относительно них.

— Нет. Не волшебница, — сказала Делия. — Она маг.

Делия посмотрела на меня так насмешливо, что мне стало стыдно за свой вопрос.

— Волшебники участвуют в своем шоу, — пояснила она, многозначительно глядя на меня. — Маги находятся в мире, не являясь частью этого мира. Долгое время она молчала, затем с ее уст сорвался вздох.

— Тебе бы хотелось сейчас увидеть Эсперансу? — спросила она.

— Да, — ответила я нетерпеливо. — Я бы очень этого хотела.

У меня закружилась голова от самой возможности того, что целительница была реальностью, а не сном. Я не очень-то доверяла Делии. Мои мысли как обезумели: неожиданно я вспомнила, что целительница в моем сновидении назвала свое имя — Эсперанса.

Я так углубилась в собственные мысли, что не заметила, как Делия заговорила.

— Извини, что ты сказала?

— Единственный способ, с помощью которого ты можешь все это осознать, — это позвать *сновидение* назад, — продолжала она.

Мягко смеясь, она повела рукой так, словно кого-то приглашала войти.

Ее слова не имели для меня никакого смысла. ? уже стала обдумывать еще одну мысль. Эсперанса была реальной. И я была уверена, что она собирается все мне объяснить. Кроме того, ее не было на пикнике; она не считала меня противной, как другие женщины. Я питала смутную надежду на то, что Эсперанса понравится мне, и это восстановило бы мое доверие. Чтобы скрыть

свои чувства от Делии, я сказала ей, что мне очень хочется увидеть целительницу.

— Мне хотелось бы поблагодарить ее и, конечно, заплатить за то, что она сделала для меня.

— Все уже оплачено, — сказала Делия.

Насмешливый блеск ее глаз ясно показывал, что она была посвящена в мои мысли.

— Что значит оплачено? — спросила я ее невольно резким тоном.

— Кто заплатил за все это?

— Это трудно объяснить. — Делия начала говорить с какой-то отстраненной мягкостью, что меня мгновенно успокоило.

— Все началось на вечеринке у твоего друга в Ногалесе. Я сразу же заметила тебя.

— В самом деле? — удивленно спросила я, страстно ожидая услышать комплименты о моем тщательно и со вкусом подобранном туалете.

Наступила неприятная тишина. Я не могла видеть глаза Делии, скрытые за полуприкрытыми веками. Было нечто совершенно спокойное, хотя и странным образом тревожащее в ее голосе, когда она заговорила о том, что всякий раз, когда я собиралась поговорить с бабушкой моего друга, я выглядела отсутствующей и рассеянной, как если бы спала.

— Отсутствующей и рассеянной — это слабо сказано, — сказала я.

— Тебе не понять, через что я прошла, как пыталась убедить эту старую леди в том, что не являюсь воплощением дьявола.

Делия, казалось, совсем не слышала меня.

— В мгновение ока я поняла, что у тебя есть огромные способности к *сновидению*, — продолжала она. — Поэтому я следовала за тобой по всему дому и смотрела, как ты действуешь. Ты совершенно не осознавала того, что делаешь и что говоришь. И хотя ты все делала отлично: говорила, и смеялась, и лгала, у тебя крыша ехала от того, что ты всем хотела нравиться.

— Ты называешь меня лгуньей? — спросила я шутя, но была не в силах скрыть свою обиду.

Я начинала сердиться. Чтобы скрыть это, я стала смотреть на стоявший на столе кувшин с водой, пока это грозное настроение не прошло.

— Я не осмелилась бы назвать тебя лгуньей, — достаточно помпезно произнесла Делия. — Я назвала тебя *сновидящей*.

В ее голосе ощущалась торжественность, но глаза светились радостью и, вместе с тем, добродушным злорадством, когда она произнесла:

— Маги, которые воспитали меня, говорили, что не имеет значения, что ты говоришь, если у тебя есть сила сказать это.

Ее голос выражал такой энтузиазм и одобрение, что я была уверена в том, что кто-то за дверью слушает наш разговор.

— И способ получить эту силу — *сновидение*. Ты не знала об этом, потому что делала это естественно, но когда ты в трудном положении, твой ум немедленно попадает в *сновидение*.

— А тебя воспитывали маги, Делия? — спросила я, чтобы сменить тему.

— Конечно, — объявила она таким тоном, словно это была самая естественная вещь в мире.

— Твои родители были магами?

— О нет, — сказала она и хихикнула. — Однажды маги нашли меня и взялись за мое воспитание.

— Сколько тебе было тогда лет? Ты была ребенком?

Делия залилась смехом так, словно этот мой вопрос был самой смешной шуткой в мире.

— Нет, я не была ребенком, — сказала она. — В ту пору, когда они нашли меня и взялись за мое воспитание, мне, возможно, было столько же лет, сколько тебе сейчас.

— Что тогда значит “они взялись за твоё воспитание”?

Делия смотрела на меня, но ее глаза меня не видели. Мне показалось, что она не слышит, или, если слышит, то не собирается отвечать. Я повторила свой вопрос. Она пожалала плечами и улыбнулась.

— Они воспитывали меня, как воспитывают ребенка, — наконец сказала она. — Не имеет значения, сколько тебе лет: в их мире ты всегда ребенок.

Неожиданно я испугалась того, что нас могут подслушать. Я посмотрела через плечо и прошептала:

— Кто эти маги, Делия?

— Очень трудный вопрос, — задумчиво сказала она. — Мне кажется, что я не в состоянии даже начать отвечать на него. Все, что я могу сказать о них, — так это то, что именно они говорили мне: для того, чтобы тебе верили, никогда не следует лгать.

— Тогда почему же человек лжет? — спросила я.

— Чтобы получить совершенное удовольствие от этого, — быстро ответила Делия.

Затем она встала со стула и направилась к двери, ведущий во двор. Но прежде чем выйти за дверь, она повернулась ко мне и с улыбкой произнесла:

— Разве тебе не знакомо высказывание — “Если ты не лжешь, чтобы тебе верили, тогда можешь говорить все что хочешь, не обращая внимания на то, что другие о тебе думают”?

— Я никогда не слышала такого высказывания.

Я подумала, что она выдумала его; эта фраза каким-то образом содержала ее отпечаток.

— Кроме того, я не понимаю смысла того, о чем ты попыталась мне сказать, — натянуто добавила я.

— Я была уверена в этом, — сказала она, смотря на меня сквозь прядь своих черных волос. Она кивком пригласила меня следовать за собой. — Пойдем и встретимся с Эсперансой.

Я вскочила и бросилась за ней, но возле двери внезапно остановилась. Мгновенно ослепленная ярким светом снаружи, я остановилась, пытаясь понять, что произошло. Казалось, с тех пор, как я бежала за м-ром Флоресом по полю, не прошло и минуты. Солнце, как и тогда, находилось в зените.

Я увидела, как мелькнула красная юбка Делии, когда она поворачивала за угол. Я бросилась за ней через каменную арку, ведущую в очаровательный патио.

В первый момент я не увидела ничего, настолько силен был контраст между ослепительным солнечным светом и глубокой тенью патио. Затаив дыхание, я остановилась, абсолютно спокойная, вдыхая в себя влажный воздух, наполненный ароматами цветущих апельсинов, жимолости и душистого горошка. Нити, казалось, спускались с небес, а душистый горошек на них казался ярким красочным гобеленом среди листвы деревьев, кустарников и папоротника.

Целительница, которую я видела раньше во сне, сидела в кресле-качалке в центре патио. Она была намного старше Делии и женщин на пикнике, хотя откуда мне это было известно, я сказать не могу. Она раскачивалась в кресле взад-вперед с видом сонной отрешенности. Я ощутила, что все мое существо охватила мучительная боль, ибо возникла иррациональная убежденность в том, что ее раскачивания все дальше и дальше удаляют ее от меня.

По мере того, как я продолжала смотреть на нее, меня стала поглощать волна страдания и непередаваемого одиночества. Я захотела пересечь дворик и коснуться, удержать ее, но что-то в темном орнаменте мощеного дворика, выложенном самым замысловатым образом, удержало меня на месте.

— Эсперанса, — наконец прошептала я таким слабым голосом, что сама себя еле услышала.

Она открыла глаза и улыбнулась, совсем не удивившись, словно уже ждала меня. Она встала и направилась ко мне. Ростом она была намного выше ребенка, почти одного со мной, — 5 футов и 2 дюйма. Она была худая и хрупкая, хотя излучала такую силу, что я почувствовала себя ничтожной и съежилась.

— Как я рада снова тебя видеть, — в ее голосе чувствовалась искренность. Она пригласила меня взять один из бамбуковых стульев и сесть рядом.

Когда я осмотрелась, то увидела много женщин, в том числе и Делию. Все они сидели на бамбуковых стульях, полускрытые кустарником и деревьями; к тому же они как-то странно смотрели на меня. Некоторые улыбались, а остальные продолжали есть темале (temale — мексиканское блюдо из рубленого мяса; красного перца и т.д., приготовленное на пару в листьях маиса (прим. перев.)), держа тарелки в руках.

В этом приглушенном зеленом свете патио, несмотря на такое мирское занятие — еду, — эти женщины казались нематериальными, воображаемыми. Хотя каждая из них была видна неестественно ярко, но вместе с тем — неотчетливо.

Казалось, что они погружены в этот зеленоватый полумрак, который был рассеян между всеми нами как прозрачный туман. В моем уме возникла мимолетная, но ужасная идея о том, что я попала в дом, населенный духами.

— Хочешь поесть? — спросила Эсперанса. — Делия приготовила очень вкусное блюдо, ты даже не можешь себе представить, какое вкусное.

— Нет, спасибо, — промямлила я голосом, показавшимся мне чужим.

Увидев ее вопрошающее лицо, я слабо добавила:

— Я не голодна.

Я так нервничала и была так возбуждена, что даже если бы умирала с голода, то не смогла бы проглотить и крошки.

Эсперанса, похоже, почувствовала мой страх. Она наклонилась ко мне и успокаивающе похлопала по руке.

— Что именно ты хотела узнать?

— Я подумала, что видела тебя во сне, — выпалила я, но, заметив смех в ее глазах, добавила:

— А сейчас я *сноввижу*?

— Да, но ты не спишь, — ответила она, медленно и четко выговаривая слова.

— Но как я могу *сновидеть* и не спать?

— Некоторым женщинам легко удается проделывать это, — продолжала она. — Они *сновидят*, но не спят. Ты — одна из них. Другие целую жизнь учатся этому.

В ее голосе я ощутила оттенок восхищения, хотя мне это не польстило. Наоборот, я еще больше заволновалась.

— Но как возможно *сновидеть* и не спать? — продолжала настаивать я.

— Если бы я объяснила тебе, как это возможно, то ты все равно бы не поняла, — произнесла она. — Прими мои слова такими, как есть, и отложи их до того, как время даст тебе свои объяснения. — И снова она похлопала меня по руке и добро улыбнулась. — В настоящий момент тебе просто нужно знать, что для тебя я — это та, кто приносит *сновидения*.

Я не считала, что этого достаточно, но не осмелилась об этом сказать. Вместо этого я спросила:

— Проснулась ли я в тот момент, когда ты исцеляла меня от кошмаров? И *сновидела* ли я тогда, когда сидела на поле вместе с Делией и другими?

Эсперанса долгое время разглядывала меня, а затем мудро кивнула, словно решила открыть мне величайшую истину.

— Ты слишком глупа, чтобы увидеть тайну того, чем мы занимаемся.

Она произнесла это так отстраненно, так неосуждающе, что во мне не возникло ни обиды, ни желания попытаться опровергнуть ее слова.

— Но ты сможешь помочь мне увидеть это, правда? — страстно попросила я.

Остальные женщины захихикали. Это скорее напоминало шепот, раздававшийся вокруг меня, приглушенный хор. Создалось впечатление, что звук исходит не от женщин, а от теней этого

патио. Это было не хихиканье, а скорее шелест, деликатное напоминание, которое заставило меня не только растерять все мои возражения, — исчезли и тревожащие меня сомнения. Теперь без тени сомнения я знала, что я бодрствовала и *сновидела* одновременно. Это было знание, которое я не могу объяснить. Это было нечто, невыразимое словами.

Однако уже спустя несколько мгновений я ощутила необходимость проанализировать свое понимание, поместить его в определенную логическую схему.

Эсперанса смотрела на меня с явным удовольствием. Затем она сказала:

— Я хочу объяснить тебе, кто мы и чем занимаемся.

Она предварила свои объяснения предостережением, предупредив меня, что в то, о чем она собирается рассказать мне, будет трудно поверить. Поэтому я должна буду остановить собственные суждения и слушать ее, не перебивая и не задавая вопросов.

— Ты способна это сделать?

— Естественно, — выпалила я в ответ.

Мгновение она молчала и глаза ее мысленно оценивали меня. Она должна была ощутить мою неуверенность и вопрос, который готов был сорваться с моих губ.

— Не то чтобы я просто не хотела отвечать на твои вопросы, — продолжала она. — Но именно сейчас ты не в состоянии понять ответ.

Я кивнула, но не в знак согласия, а испугавшись, что если я хотя бы пикну, она вообще прекратит говорить.

Голосом, скорее напоминающим нежный шепот, она поведала мне нечто невероятное и удивительное. Она сказала, что является духовным наследником магов, живших в долине Оахака за много тысяч лет до прихода испанских конкистадоров.

Долгое время Эсперанса молчала. Глаза, взгляд которых остановился на многоцветном душистом горошке, казалось, ностальгически погрузились в прошлое. — Я называю часть деятельности этих магов, имеющую к тебе отношение, *сновидением*, — продолжала она. — Этими магами были мужчины и женщины, обладавшие необычными силами *сновидения*, и они делали такое, что невозможно себе представить.

Обхватив колени руками, я слушала рассказ Эсперансы. Она была удивительной рассказчицей и обладала прекрасной мимикой. Ее

лицо менялось с каждым поворотом линии ее рассказа. Временами это было лицо молодой женщины, временами — старухи, временами — мужчины или невинного и шаловливого ребенка. Она рассказала, что много тысяч лет тому назад мужчины и женщины обладали знанием, которое позволяло им высказываться за пределы нашего обычного мира и возвращаться обратно. И потому они разделили свою жизнь на две части: день и ночь. Днем они занимались тем же, что и остальные: они были заняты обычной, необходимой повседневной работой. Однако ночью они становились *сновидящими*. Они систематически *сновидели сновидения*, что разрушило границы того, что мы считаем реальностью.

Она снова остановилась, словно давая мне возможность осознать ее слова.

— Используя в качестве покрыва темноту, — продолжала она, — они достигли невообразимого; они научились *сновидеть* во время бодрствования.

Предвидя вопрос, который я собиралась задать, Эсперанса пояснила, что *сновидеть-наяву* означает, что они погружали себя в *сновидение*, которое давало им энергию, необходимую для свершения подвигов, которые потрясали ум, поскольку в это время они были полностью сознательны и бодрствовали.

Из-за привычки к достаточно агрессивной манере общения мне не удалось развить в себе способность долго слушать собеседника.

Если у меня не было возможности вмешаться с прямыми и атакующими вопросами, то любое словесное общение, каким бы интересным оно ни казалось, было для меня бессмысленным. Не имея возможности возражать собеседнику, я становилась беспокойной. Мне до смерти хотелось прервать Эсперансу. У меня возникли вопросы, но совсем не потому, что у меня не было ответов. Не необходимость получить ответ служила основанием обуревавшего меня желания прервать рассказ Эсперансы. Мне просто хотелось уступить собственному желанию получить от нее ответную вспышку, и тогда бы я снова чувствовала себя нормально.

Как бы зная о моих ощущениях, Эсперанса на миг взглянула на меня и подала мне знак говорить. А может быть, мне показалось, что она дала мне такую команду. Я открыла рот, чтобы что-то сказать, — как обычно, все, что придет в голову, даже не связанное

с темой разговора. Но я не смогла произнести ни слова. Я старалась что-то сказать, но получались звуки, напоминающие полоскание горла водой, что привело в восторг женщин на заднем плане.

Эсперанса продолжала свой рассказ, словно и не заметив этих моих тщетных усилий. Меня безгранично удивило, что она безраздельно владела моим вниманием. Она сказала, что источник знания магов можно понять только используя легенды.

Высшая сущность из сострадания к ужасной обязанности человека — к тому, что им руководит голод и инстинкт продолжения рода, — подарила ему способность *сновидеть* и обучает тому, как использовать свои *сновидения*.

— Легенды, конечно, рассказывают об истине завуалированно, — продолжала она. — Им удалось замаскировать истину потому, что человек убежден, что это просто сказки. Легенды о людях, превратившихся в птиц или ангелов, — вот примеры такой замаскированной истины, и они могут казаться фантазиями или заблуждениями первобытного или больного разума.

Поэтому задачей магов на протяжении тысячелетий было создание новых легенд и раскрытие замаскированной истины в старых легендах.

Здесь на сцену выходят *сновидящие*. Женщинам лучше удастся *сновидеть*. У них есть способность отказаться от себя, способность позволить всему случаться.

Женщина, обучавшая меня *сновидениям*, могла удерживать двести *сновидений*.

Эсперанса внимательно посмотрела на меня, как бы оценивая мою реакцию. Я совсем остолбенела, ибо совершенно не понимала, о чем она говорит. Она объяснила, что удерживать *сновидение* означает, что человек может *сновидеть* нечто конкретное о самом себе и может войти в это *сновидение*, когда захочет. Ее наставница, как утверждала она, могла войти по желанию в двести отдельных *видений себя* самой.

— Женщины — бесподобные *сновидящие*, — уверяла меня Эсперанса. — Женщины очень практичны. Чтобы удерживать *сновидение*, нужно быть очень практичным, поскольку *сновидение* должно содержать практические аспекты снов человека. Любимым *сновидением* моей наставницы было то, в котором она *сновидела себя* как сокола. Еще одним было *сновидение* совы. Поэтому, в

зависимости от времени суток, она могли быть одним из них, и поскольку она *сновидела-наяву*, он, на самом деле полностью и была соколом или совой.

В ее голосе и ее глазах было столько искренности и убеждения, что я оказалась полностью во власти ее чар. Ни на секунду я не сомневалась в ее словах. В ту минуту ничто из того, о чем она говорила, не казалось мне необычным.

Затем она пояснила мне, что для того, чтобы достичь *сновидений* такого рода, женщина должна следовать железной дисциплине. Она наклонилась ко мне и конфиденциально, как бы не желая того, чтобы ее слышали другие, сказала:

— Железной дисциплиной я называю не тщательное соблюдение любого рода распорядка, как раз наоборот, это означает, что женщины должны разрушить любой распорядок, которого от них ожидают.

— Так они поступают в юности, — подчеркнула она. — И что самое важное — в силу своей девственности, не прибегая к силе. Часто, когда женщина уже достаточно стара, чтобы продолжать оставаться женщиной, она считает, что пришло время заняться мирскими или ино-мирскими мыслями и действиями. Как бы мало она ни хотела и насколько бы ни было малым то, во что она хотела бы поверить, ей ничего так и не удастся достичь.

Она мягко похлопала меня по животу, словно играла на барабане.

— Тайна силы женщины в ее матке.

Эсперанса утвердительно кивнула, словно на самом деле слышала тот глупый вопрос, который появился у меня в голове:

— В ее матке?

— Женщина, — продолжала она, — должна начать с того, чтобы сжечь свою матрицу. Она не может служить плодоносящей почвой, ожидающей оплодотворения мужчиной, повинувшись повелению Бога.

Она посмотрела на меня пристально, улыбнулась и спросила:

— Ты, случайно, не религиозна?

Я покачала головой. Говорить я не могла. Мое горло настолько сжалось, что я едва могла дышать. Я оцепенела от страха и удивления, но не столько от ее слов, сколько от перемен в ее лице. Спроси меня, и я не могла бы ответить, когда именно это началось, но внезапно ее лицо стало молодым и сияющим; внутри нее как бы вспыхнула внутренняя жизнь.

— Прекрасно! — воскликнула Эсперанса. — Значит, тебе не придется бороться с верованиями, — подчеркнула она. — Их победить очень трудно. Меня воспитывал правоверный католик. Я чуть не умерла, когда мне пришлось изменять свое отношение к религии.

Она вздохнула. Ее голос, некоторое время звучавший печально, снова стал нежным, когда она добавила:

— Но это несравнимо с той битвой, в которую мне пришлось вступить до того, как я стала настоящей *сновидящей*.

Тяжело дыша, я терпеливо ожидала, пока очень приятное ощущение, подобное слабому электрическому току, не разольется по всему моему телу. Я уже предвкушала рассказ об ужасном сражении с наводящими ужас созданиями. Мне едва удалось скрыть свое разочарование, когда она сказала, что ей пришлось вступить в битву с самой собой.

— Чтобы стать *сновидящей*, я должна была покорить себя (*a* также *эго* (англ. — *self*) (прим. перев.)), — пояснила Эсперанса. — Вроде пустяк, но нет ничего тяжелее этого. Мы, женщины, самые несчастные пленники своего “я”. Это “я”— наша тюрьма. Наша тюрьма создана из команд и ожиданий, которые обрушиваются на нас с самого момента рождения. Если родился первенец, и это мальчик, тогда это праздник. Но если же это девочка, тогда пожимают плечами и говорят: “Все нормально. Я все же буду любить ее и сделаю для нее все”.

Из уважения к этой старой женщине я не могла смеяться громко. Никогда я не слышала ничего подобного. Я считала себя независимой, но в свете того, что говорила Эсперанса, я была ничем не лучше остальных женщин. Вопреки своему обычному способу реагирования на такого рода идеи, я была с ней согласна. Я всегда осознавала, что предварительным условием того, что я женщина, является то, что я зависима. Мне всегда говорили, что женщине очень повезло, если ее настолько желает мужчина, что ради нее будет делать многое. Мне говорили, что для меня как для женщины унизительно самой делать что-то, что мне и так могут дать. В меня вбили, что место женщины дома, рядом с мужем и детьми.

— Как и тебя, меня воспитывал авторитарный, хотя и снисходительный отец, — продолжала Эсперанса. — Как и ты, я считала себя свободной. Для меня понять путь магов — что

свобода не означает быть самой собой — было равносильно тому, чтобы убить себя. Быть собой для меня означало утверждать себя как женщину. И осуществление этого занимало все мое время, мои усилия и энергию.

Маги, наоборот, понимали свободу как способность совершать невозможное, неожиданное — *сновидеть сновидение*, не имеющее основания, реальности в повседневной жизни. — Ее голос снова превратился в шепот, и она добавила: — Знание магов — это то, что волнующе и ново. Вообразить, что женщине нужно изменить себя и стать *сновидящей*.

Эсперанса сказала, что если бы ей не удалось победить себя, то это вернуло бы ее к жизни обычной женщины, той жизни, которую уготовили для нее родители. Жизни, состоящей из поражений и унижений. Жизни, лишенной тайны. Жизни, предопределенной привычкой и традицией.

Эсперанса ущипнула меня за руку. От боли я вскрикнула.

— Тебе следует слушать более внимательно, — заметила она.

— Да, конечно, — промямлила я виновато, поглаживая руку. Я была уверена, что никто не заметит ослабления моего интереса.

— Тебя не могут заманить или соблазнить войти в мир магов, — предупредила она меня. — Ты должна выбрать это, осознавая то, что тебя ожидает.

Перемены в собственном настроении поразили меня, ибо они были совершенно иррациональны. Мне следовало бы испугаться. Но я сохраняла спокойствие, словно это была самая естественная вещь в мире.

— Тайна женщины в ее матке, — сказала Эсперанса и снова похлопала меня по животу.

Она сказала, что женщины *сновидят* с помощью матки, или даже скорее — из матки. Сам факт, что у них есть матка, делает их совершенными *сновидящими*.

До того, как я успела додумать до конца вопрос, почему же матка так важна, Эсперанса ответила.

— Матка — это центр нашей творческой энергии, — пояснила она.

— Даже если в мире не останется ни одного мужчины, женщины смогут продолжать воспроизведение рода. Но тогда мир будут населять только женщины.

Она добавила, что женщины могут размножаться однополо, но воспроизводить только себе подобных.

Меня искренне удивил именно этот пласт информации. Я не могла удержаться и прервала Эсперансу, рассказав ей, что я читала о партеногенезе и несексуальном размножении биологических видов. Она пожала плечами и продолжила свое объяснение.

— Женщины, обладая способностью и органами для продолжения жизни, также обладают и способностью порождения *сновидений*, используя те же самые органы, — сказала она.

Увидев в моих глазах сомнение, она предупредила меня:

— Не беспокой себя сомнениями о том, как это происходит.

Объяснение очень простое, но именно поэтому его очень трудно понять. Я не могу ответить на все твои вопросы. Чисто по-женски я и действую. Я *сновижусь* и оставляю объяснение мужчинам.

Эсперанса рассказала мне, что сначала маги, о которых она мне рассказывала, передавали свои знания своим биологическим наследникам или людям, которых они сами выбирали. Но это привело к катастрофическим результатам. Вместо того, чтобы развить знание, эти новые маги, выбранные ими в качестве фаворитов, стали в говорильне возвеличивать самих себя. В конце концов, почти все они были уничтожены, и это чуть было не уничтожило их знание. Те немногие маги, которые остались, решили, что больше не следует передавать свое знание биологическим наследникам или своим избранникам. Необходимо доверять его тому, кого избрала безличная сила, которую они называли *духом*.

— И вот сейчас она привела нас к тебе, — провозгласила Эсперанса. — Маги древних времен решили, что могут быть отобраны только те, на которых было указано точно. На тебя нам было точно указано. И вот ты здесь! Ты естественный *сновидящий*. Только силы, управляющие нами, знают, куда ты отправишься отсюда. Но не ты. И, конечно, не мы. Ты можешь только уступить или отказаться.

По твердости ее голоса и невыносимому сиянию глаз было видно, что она дает свои объяснения совершенно серьезно. Именно эта серьезность не позволила мне громко рассмеяться. К тому же я очень устала.

Та концентрация ума, с которой я следила за ней, была слишком сильна. Мне захотелось спать. Она настояла на том, чтобы я вытянула ноги, легла и расслабилась. Я сделала все это настолько хорошо, что задремала.

Когда я открыла глаза, я совершенно не осознавала того, сколько времени я спала. Я попыталась удостовериться в присутствии Эсперансы или других женщин. В патио кроме меня не было никого. Но я не ощущала себя одинокой; каким-то образом их присутствие осталось в этой зелени вокруг меня, и я ощущала себя защищенной. Шелестели под дуновением ветерка листья. Я ощущала его на своих веках — теплый и нежный. Он обдувал меня и уходил, точно так же, как он проходит через пустыни, тихо и неслышно.

Я сосредоточилась на плитке и начала ходить по патио, пытаюсь понять присущий ей узор. К моему удивлению эти линии вели меня от одного бамбукового стула к другому. Я попыталась восстановить в памяти, кто на каком стуле сидел, но, как ни старалась, мне это не удалось.

Меня отвлек восхитительный запах пищи, приправленной чесноком и луком. Идя на этот запах, я попала в кухню, большую прямоугольную комнату. Она была пуста, как и патио. А украшавший стены яркий кафель напоминал узоры плитки мощеного двора. Я не стала искать, в чем это подобие, поскольку на стоявшем в центре комнаты столе обнаружила еду. Решив, что это предназначено мне, я села есть. Это было приправленное тушеное мясо, которое я уже пробовала на пикнике, только разогретое и еще более вкусное.

Когда я собирала тарелки, чтобы отнести их в мойку, под салфеткой, на которой стояла тарелка, я обнаружила записку и нарисованную от руки карту. Они были от Делии. Она предложила мне вернуться в Лос-Анжелес, заехав по пути в Тусон, где она встретится со мной в кофейне, указанной на карте. Она писала, что только там она сможет рассказать мне подробнее о себе и своих друзьях.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 4

Я отправилась обратно в Лос-Анжелес через Тусон, горя желанием узнать, что Делия может рассказать мне о своих друзьях. Когда я подъехала к кофейне, день уже клонился к вечеру. Какой-то старик указал мне свободное место на автостоянке. И только когда он открыл мне дверцу, до меня дошло, кто это такой.

— Мариано Аурелиано! — воскликнула я. — Какая неожиданность! Я так рада вас видеть. Что вы здесь делаете?

— Я ждал тебя, — сказал он. — Вот мы с моим другом и приберегли это местечко для тебя.

Краем глаза я заметила толстяка-индейца за рулем старого красного пикапа. В тот момент, когда я парковала машину, он как раз выруливал со стоянки.

— Боюсь, сама Делия не приедет, — извиняющимся тоном произнес Мариано Аурелиано. — Ей неожиданно пришлось выехать в Оахаку. — Он широко улыбнулся и добавил: — Я здесь от ее имени. Надеюсь, что смогу ее заменить.

— Вы не представляете, до чего я рада вас видеть, — искренне призналась я.

Я была убеждена, что он даже лучше, чем Делия, поможет мне разобраться во всем, что со мной произошло за последние несколько дней.

— Эсперанса объяснила мне, что когда я встретилась с вами, я впала в какой-то транс, — добавила я.

— Так и сказала? — почти рассеянно спросил он.

Его голос, манера держаться, все поведение настолько отличались от того, что осталось у меня в памяти, что я не сводила с него глаз в надежде понять, что же изменилось. Его энергичное точеное лицо утратило всю свою энергичность. Впрочем, я была в таком смятении, что тут же перестала об этом думать.

— Эсперанса оставила меня в доме одну, — продолжала я. — Она и все женщины ушли, даже не попрощавшись со мной.

Но меня это не расстроило, — торопливо добавила я. — Хотя обычно отсутствие вежливости у людей выводит меня из себя.

— В самом деле! — воскликнул он так, словно я сказала что-то весьма значительное.

Опасаясь, что мои слова о его товарищах могут его обидеть, я сразу же принялась объяснять, что вовсе не хотела сказать, что Эсперанса и остальные были со мной недружелюбны.

— Как раз наоборот, они были очень добры и любезны, — уверяла я его.

Я уже готова была открыть ему то, что рассказала мне Эсперанса, но меня остановил его твердый взгляд. Он не был ни сердитым, ни угрожающим. Это был пронзительный взгляд, пробивающий все мои оборонительные заслоны. Я не сомневалась, что сейчас он смотрит прямо в царящую в моей голове неразбериху.

Чтобы скрыть беспокойство, я отвела глаза и легким полушутливым тоном сказала ему, что на самом деле не так уж и важно, что меня оставили в доме одну.

— Меня заинтриговало то, что в этом доме я знала каждый уголок, — призналась я и выдержала паузу, желая узнать, какое впечатление произведут на него мои слова. Но он не сводил с меня глаз.

— Я зашла в ванную и поняла, что уже бывала в ней прежде, — продолжала я. — В ней не было ни одного зеркала. Я помнила эту деталь еще до того, как туда зашла. Потом я вспомнила, что во всем доме нет ни одного зеркала. Я прошла по всем комнатам, и действительно не нашла ни одного.

Видя, что он по-прежнему никак не реагирует на мои слова, я продолжала рассказывать, как, слушая радио по дороге в Тусон, узнала, что сегодня было на целые сутки позже, чем я думала.

— Должно быть, я проспала весь день, — закончила я выжидательным тоном.

— Не сказал бы, что ты спала весь день, — невозмутимо заметил Мариано Аурелиано. — Прежде чем уснуть, как бревно, ты еще довольно долго ходила по дому и разговаривала с нами.

Я расхохоталась. Мой хохот был близок к истерике, но он этого, казалось, не замечал. Он тоже рассмеялся, и мне стало чуть легче.

— Я никогда не сплю как бревно, — сочла я необходимым пояснить. — У меня очень чуткий сон.

Он помолчал, а когда наконец заговорил, его голос звучал серьезно и требовательно.

— Разве не помнишь, ты интересовалась, как это женщины

одеваются и причесываются, не глядясь в зеркало?

Я не нашлась что ответить, а он продолжал:

— Ты разве не помнишь, каким странным тебе показалось, что на стенах нет ни одной картины, ни одного...

— Не припомню, чтобы я с кем-нибудь разговаривала, — прервала я его на полуслове. Потом я настороженно взглянула на него, подумав, что, может, он только ради розыгрыша говорит, что я со всеми как-то общалась в этом доме, хотя на самом деле ничего этого не было.

— Отсутствие воспоминаний не означает, что чего-то не было, — его тон был резок.

В животе у меня что-то дрогнуло. Во мне вызывал протест не столько тон его голоса, сколько то, что он ответил на мои невысказанные мысли.

Чувство, что если я буду продолжать свой рассказ, то это как-нибудь развеет мои растущие опасения, заставило меня удариться в долгое и путаное повествование о том, что произошло. Когда я пыталась восстановить порядок событий между сеансом исцеления и моей поездкой в Тусон и обнаружила, что потеряла целые сутки, — в цепи этих событий стали появляться явные пробелы.

— Вы творите со мной что-то странное и зловещее, — закончила я, на какое-то мгновение почувствовав праведный гнев.

— Ну, это уже глупость, — произнес Мариано Аурелиано и в первый раз улыбнулся. — Если что-то кажется тебе странным и зловещим, то лишь потому, что оно для тебя ново. Ты сильная женщина. Рано или поздно ты во всем разберешься.

Меня возмутило слово “женщина”. Я бы предпочла, чтобы он сказал “девушка”. Я привыкла к тому, что у меня постоянно спрашивали документы, подтверждающие, что мне больше шестнадцати лет, и теперь внезапно почувствовала себя старухой.

— Молодость должна быть лишь в глазах того, кто смотрит, — сказал он, снова читая мои мысли. — Кто ни посмотрит на тебя — увидит твою молодость, живость; но тебе самой негоже чувствовать себя ребенком. Ты должна быть невинна, но не недоразвита.

По какой-то необъяснимой причине его слова оказались для меня последней каплей. Мне хотелось плакать, но не от обиды, а от безысходности. В полной растерянности я предложила что-нибудь перекусить.

— Я умираю от голода, — сказала я наигранно бодрым тоном.

— Нет, не умираешь, — сказал он веско. — Ты просто пытаешься сменить тему.

Захваченная врасплох его тоном и самими словами, я смятенно уставилась на него. Мое изумление быстро переросло в гнев. Я была на самом деле не только голодна, но еще и устала и вся окостенела от долгого пути за рулем машины. Мне хотелось заорать на него и выплеснуть всю свою ярость и разочарование, но его глаза пригвоздили меня к месту. Было в этих немигающих горящих глазах что-то от рептилии: на секунду мне показалось, что он может проглотить меня, как змея заглатывает загипнотизированную беззащитную птичку.

Смесь страха и ярости взвилась во мне до таких высот, что я почувствовала, как вся кровь бросилась мне в лицо. И по тому, как он с удивлением чуть приподнял брови, я поняла, что лицо у меня побагровело. С самого раннего детства я страдала страшными приступами ярости. Меня пытались как-то успокаивать, но никто не мог удержать меня от этих приступов, и я предавалась им с упоением, пока наконец не довела их до уровня припадков на всю катушку. Эти припадки никогда не были вызваны желанием получить что-то и отказом в желаемом, но всегда — оскорблениями, действительными или воображаемыми, нанесенными моей особе.

Однако обстоятельства этого момента заставили меня как-то устыдиться этой моей привычки. Я сделала огромное усилие, чтобы взять себя в руки. Это отняло у меня почти все силы, но я успокоилась.

— Ты весь день провела с нами, день, который ты сейчас не можешь вспомнить, — продолжал Мариано Аурелиано, с виду нимало не встревоженный сменами моего настроения. — Все это время ты была очень общительна и чутка. Для нас это было чрезвычайно полезно. Когда ты *сновидишь*, ты становишься намного лучше, чем ты есть, более обаятельной, более находчивой. Ты позволила нам познать себя до самых глубин.

Его слова повергли меня в смятение. Взрослея в постоянном самоутверждении, я вполне постигла науку распознавать скрытое значение слов. “Познать себя до самых глубин” — эти слова вконец меня растревожили, особенно “до самых глубин”. Это могло означать только одно, — подумала я и тут же отбросила эту

мысль как совершенно нелепую.

Я была настолько поглощена этими мыслями, что перестала прислушиваться к его словам. Он продолжал что-то объяснять о потерянном мною дне, но до меня доходили одни обрывки. Должно быть, я смотрела на него пустыми глазами, потому что внезапно он оборвал речь.

— Ты не слушаешь, — строго заметил он.

— Что вы со мной делали, пока я находилась в трансе? — выпалила я в ответ.

Это прозвучало не как вопрос, но как обвинение.

Я тут же испугалась своих слов, потому что они не были обдуманной заявкой: слова вырвались у меня просто сами по себе. Мариано Аурелиано был удивлен еще больше. Вначале широко раскрыв глаза от изумления, он затем чуть не задохнулся в приступе смеха.

— Не в наших правилах пользоваться беззащитностью маленьких девочек, — заверил он меня.

Его слова не только дышали искренностью, но, похоже, его даже оскорбило мое обвинение.

— Эсперанса рассказала тебе, кто мы такие. Мы люди очень серьезные, — подчеркнул он и тут же насмешливо добавил:

— И мы заняты делом.

— Каким таким делом? — воинственно спросила я. — Эсперанса не говорила мне, чего вы от меня хотите.

— Нет, говорила, — отрезал он с такой убежденностью, что на минуту я задумалась, не прятался ли он где-нибудь в патио, подслушивая наш разговор. С него станет.

— Эсперанса сказала, что тебе было указано на нас, — продолжал он. — И теперь нас это гонит так же, как тебя гонит страх.

— Никто и ничто меня не гонит, — выкрикнула я, совершенно забыв о том, что он так и не сказал, чего они от меня хотят.

Нимало не потревоженный вспышкой моей ярости, он сказал, что Эсперанса очень ясно дала мне понять, что с этого момента в их обязанность входит мое воспитание.

— Мое воспитание! — завопила я. — Да вы спятили! Я уже получила все воспитание, которое мне нужно!

Не обращая внимания на мою вспышку, он продолжал объяснять, что это их общая обязанность, и понимаю я это или нет, не имеет для них никакого значения.

Я усталилась на него, не в силах скрыть ужаса. Никогда прежде я не слышала, чтобы кто-нибудь высказывался с таким невозмутимым безразличием и в то же время с такой серьезностью. Стараясь не подавать виду, как я встревожена, я попыталась придать своему голосу оттенок мужества, которого у меня отнюдь не было, и спросила:

— Что вы имеете в виду, говоря, что собираетесь меня воспитывать?

— Только то, что ты слышишь, — ответил он. — Мы обязаны направлять тебя.

— Но почему? — спросила я одновременно со страхом и любопытством. — Неужели вы не видите, что я не нуждаюсь ни в каком руководстве, что я не хочу никакого...

Мои слова потонули в веселом смехе Мариано Аурелиано.

— Руководство тебе, разумеется, необходимо. Эсперанса уже показала тебе, как бессмысленна твоя жизнь.

Опережая мой следующий вопрос, он знаком заставил меня помолчать.

— Что до того, почему именно ты, а не кто-то другой, она ведь объяснила тебе, что мы предоставили *духу* решать, кого мы должны направлять. *Дух* указал нам, что это ты.

— Минуточку, мистер Аурелиано, — запротестовала я. — Я очень не хочу быть грубой или неблагодарной, но вы должны понять, что мне не нужна ничья помощь. Я не хочу, чтобы кто-либо меня направлял, даже если я и нуждаюсь в руководстве. Одна мысль об этом мне отвратительна. Вы поняли, что я имею в виду?

Достаточно ли ясно я выразилась?

— Вполне, и я понимаю, что ты имеешь в виду, — эхом отозвался он, отступая на шаг от моего указующего перста. — Но именно потому, что ты ни в чем таком не нуждаешься, ты и есть самый подходящий кандидат.

— Кандидат? — завопила я, по горло сытая его навязчивостью. Я огляделась по сторонам, опасаясь, не услышал ли меня кто-нибудь из входящих или выходящих из кофейни. — Что это такое? — продолжала орать я. — Вы и ваши приятели — это компания чокнутых. Оставьте меня в покое, слышите? Не нужны мне ни вы, ни кто бы то ни было.

К моему удивлению и мрачному удовольствию, Мариано Аурелиано, вышел, наконец, из себя и принялся меня бранить, как

это делали мой отец и братья. Он ругал меня, стараясь сдерживаться, ни разу не повысив голос. Он назвал меня избалованной дурой. А потом, словно брань в мой адрес его раззадорила, он сказал нечто совершенно непростительное. Он выкрикнул, что единственной моей заслугой было то, что я родилась блондинкой с голубыми глазами в краю, где светлые волосы и голубые глаза были предметом всеобщей зависти и поклонения.

— Тебе никогда ни за что не надо было бороться, — заявил он. — Колониальный образ мышления *cholos* в вашей стране заставил их относиться к тебе так, словно ты и в самом деле заслуживала особого отношения. Привилегия, основанная исключительно на том, что у тебя светлые волосы и голубые глаза, — это самая дурацкая привилегия на свете.

Я побелела. Я была не из тех, кто безропотно проглатывает оскорбления. Все мои годы практики крикливых скандалов и чрезвычайно живописных ругательств, которые я слышала — и запомнила — в детстве на улицах Каракаса, пришли мне на помощь. Я наговорила Мариано Аурелиано таких вещей, которые по сей день приводят меня в смущение.

Я настолько была поглощена этим занятием, что не заметила, как к нам подошел тот самый толстяк-индеец, который сидел за рулем красного пикапа. Я заметила его присутствие только когда услышала его громкий хохот. Он и Мариано Аурелиано буквально катались по земле, хватаясь за животы и истерически хохоча.

— Что тут смешного? — закричала я, оборачиваясь к толстяку-индейцу. Его я тоже обругала.

— Какая черноротая женщина, — сказал он на чистом английском.

— Будь я твоим папашей, я бы вымыл тебе рот с мылом.

— А тебя кто просил совать свой нос, ты, толстый говнюк? — В слепой ярости я врезала ему ногой по коленке.

Он взвыл от боли и обругал меня.

Я чуть было не вцепилась зубами в его руку, когда Мариано Аурелиано подхватил меня сзади и подбросил в воздух.

Время остановилось. Мое падение было таким медленным, таким неощутимым, что мне показалось, я навеки повисла в воздухе. Я не рухнула на землю, переломав кости, как ожидала, а оказалась прямо в руках толстяка-индейца. Он даже не пошатнулся, а держал меня так, словно я была не тяжелее подушки, — подушки весом в

девянсто пять фунтов. Уловив лукавый огонек в его глазах, я решила, что он снова меня подбросит. Должно быть, он почувствовал мой страх, потому что улыбнулся и осторожно поставил меня на землю.

Мой гнев иссяк вместе с последними силами, и, прислонившись к машине, я разревелась.

Мариано Аурелиано обнял меня и погладил по плечам и волосам, как это делал мой отец, когда я была ребенком. Тихим, успокаивающим голосом он принялся уверять меня, что грубая брань, которой я его осыпала, нисколько его не обидела.

Чувство вины и жалости к себе заставили меня заплакать еще сильнее.

В знак полного бессилия он покачал головой, хотя глаза его светились весельем. Потом, явно пытаясь развеселить и меня, он признался, что никак не может поверить, что мне знакома, не говоря уже о ее применении, такая грубая брань.

— Впрочем, я думаю, язык существует на то, чтобы им пользоваться, — задумчиво промолвил он, — а брань следует применять тогда, когда этого требуют обстоятельства.

Меня это не развеселило. И как только приступ жалости к себе миновал, я принялась в обычной своей манере размышлять над его утверждением, что будто бы все мои преимущества заключаются в светлых волосах и голубых глазах.

Должно быть, по моему виду Мариано Аурелиано понял, что я чувствую, потому что он начал уверять меня, что сказал это только чтобы вывести меня из равновесия, и на самом деле в этом нет ни грамма правды. Я знала, что он лжет. На мгновение я почувствовала себя оскорбленной дважды, а потом с ужасом осознала, что все мои оборонительные заслоны сломлены. Я согласилась с ним. Все, что он говорил, точно попало в цель. Одним ударом он сорвал с меня маску и, так сказать, разрушил мой щит. Ни один человек, даже мой злейший враг, не мог бы нанести мне такого прицельного разрушительного удара. И все же, что бы я ни думала о Мариано Аурелиано, — я знала, что моим врагом он не был.

От осознания всего этого у меня слегка закружилась голова. Словно некая невидимая сила крушила что-то внутри меня: это было мое представление о себе. То, что придавало мне силу, теперь опустошало меня.

Мариано Аурелиано взял меня за руку и повел к кофейне.

— Давай заключим перемирие, — сказал он добродушно. — Ты нужна мне, чтобы оказать одну услугу.

— Тебе достаточно попросить, — ответила я, стараясь попасть ему в тон.

— Перед тем, как ты сюда приехала, я зашел в эту кофейню купить сэндвич, но меня практически отказались обслужить. А когда я пожаловался, повар выставил меня за дверь.

Мариано Аурелиано удрученно взглянул на меня и добавил:

— Если ты индеец, такое иногда случается.

— Пожалуйся на повара управляющему, — воскликнула я в праведном гневе, загадочным образом начисто забыв о своем собственном смятении.

— Мне бы это никак не помогло, — доверительно сообщил Мариано Аурелиано.

Он заверил меня, что единственный способ, каким я могла ему помочь, состоял в том, чтобы я сама зашла в кофейню, села за стойку, заказала изысканное блюдо и подбросила в свою тарелку муху.

— И обвинила бы в этом повара, — закончила я за него.

Весь план выглядел настолько нелепым, что заставил меня расхохотаться. Но как только я поняла его истинную цель, я пообещала сделать то, о чем он меня просил.

— Подожди здесь, — сказал Мариано Аурелиано и вместе с толстяком-индейцем, с которым я еще не была знакома, отправился к пикапу, припаркованному на улице. Пару минут спустя они вернулись.

— Кстати, — сказал Мариано Аурелиано, — вот этого человека зовут Джон. Он индеец племени юма из Аризоны.

Я уже хотела спросить, не колдун ли он тоже, но Мариано Аурелиано опередил меня.

— Он самый младший член нашей группы, — доверительно сказал он.

Нервно хихикнув, я протянула руку и сказала “рада познакомиться”.

— Я тоже, — ответил Джон глубоким звучным голосом и тепло сжал мою ладонь в своей. — Надеюсь, больше мы с тобой драться не будем, — улыбнулся он.

Не будучи слишком высоким, он излучал живость и силу великана.

Даже его крупные белые зубы казались неразрушимыми. Джон шутя пощупал мой бицепс.

— Бьюсь об заклад, ты можешь свалить с ног мужика одним ударом, — сказал он.

Но не успела я извиниться перед ним за свои удары и ругань, как Мариано Аурелиано вложил в мою ладонь маленькую коробочку.

— Муха, — шепнул он. — Тут Джон предложил, чтобы ты надела вот это, — добавил он, извлекая из сумки черный кудрявый парик.

— Не беспокойся, он совершенно новый, — заверил он меня, натягивая его мне на голову. Затем он оглядел меня с расстояния вытянутой руки. — Неплохо, — задумчиво произнес он, удостоверившись, что длинная прядь моих светлых волос как следует упрятана под парик. — Я не хочу, чтобы тебя кто-нибудь узнал.

— Мне нет необходимости изменять внешность, — заявила я. — Можете мне поверить, у меня нет ни одного знакомого в Тусоне.

— Я повернула боковое зеркальце своей машины и взглянула на себя. — Не могу я туда войти в таком виде. Я похожа на пуделя.

Укладывая непокорные завитки, Мариано Аурелиано глядел на меня с действовавшим мне на нервы выражением веселья.

— Так вот, не забудь, что ты должна сесть за стойку и закатить жуткий скандал, когда обнаружишь муху у себя в тарелке.

— Почему?

Он посмотрел на меня, как на слабоумную.

— Ты должна привлечь внимание и унижить повара, — напомнил он.

Кофейня была битком набита людьми, сидящими за ранним ужином. Однако я довольно скоро уселась за стойку, где меня обслужила изможденная с виду, но добродушная пожилая официантка.

Повар был наполовину скрыт позади стойки с заказами. Как и двое его помощников, он походил на мексиканца или на американца мексиканского происхождения. Он с таким веселым азартом занимался своим делом, что я совсем было уверилась, что он безобиден и неспособен на какое-либо зло. Но стоило мне подумать о старике-индейце, ожидающем меня на автостоянке, и я не почувствовала за собой ни капли вины, вывернув спичечный коробок, — причем с такой ловкостью и быстротой, что даже сидевшие по обе стороны от меня мужчины ничего не заметили, —

на отлично приготовленный гамбургер, который я заказала. При виде громадного дохлого таракана на тарелке мой вопль омерзения был совершенно искренним.

— Что случилось, милая? — озабоченно спросила официантка.

— Неужели повар думает, что я стану это есть? — пожаловалась я.

Моя злость была неподдельной. И возмутил меня не повар, а Мариано Аурелиано. — Как он мог так со мной поступить? — спросила я во весь голос.

— Это какая-то ужасная случайность, — оправдывалась официантка передо мной и двумя любопытными и встревоженными посетителями по обе стороны от меня. Она показала тарелку повару.

— Поразительно! — громко и отдельно произнес повар.

Задумчиво почесывая подбородок, он принялся изучать блюдо.

Огорчения в нем не было и следа. У меня возникло смутное подозрение, что он надо мной смеется. — Надо думать, таракан либо свалился с потолка, — рассуждал он вслух, зачарованно приглядываясь к моей голове, — либо с ее парика.

И прежде чем я успела дать повару достойную отповедь и поставить его на место, он предложил мне на выбор любое блюдо из меню. — Это будет за счет заведения, — пообещал он.

Я попросила бифштекс и печеный картофель, и все это почти мгновенно оказалось передо мной. Но когда я стала поливать соусом листья салата, который я всегда ела в последнюю очередь, из-под листка вылез здоровенный паук. Я настолько опешила от такой явной провокации, что не могла даже кричать. Я подняла глаза. Повар, ослепительно улыбаясь из-за стойки с заказами, помахал мне рукой.

Мариано Аурелиано ожидал меня с нетерпением.

— Что произошло? — спросил он.

— Вы и ваш омерзительный таракан! — выпалила я и осуждающим тоном добавила: — Ничего не произошло. Повар нисколько не огорчился. Он от души повеселился, разумеется, за мой счет. Если кто-то и расстроился, то это была я.

По настоянию Мариано Аурелиано, я сделала подробный отчет о том, как все было. И чем больше я рассказывала, тем более довольным он казался. В замешательстве от такой его реакции, я яростно на него уставилась.

— Что тут смешного? — спросила я.

Он пытался сохранить серьезное выражение, но губы его подергивались. И тут его тихий сдвленный смешок взорвался громким довольным хохотом.

— Нельзя же относиться к себе так серьезно, — пожурил он меня.

— Ты замечательная *сновидящая*, но актриса из тебя никудышная.

— А я сейчас никого не играю. И там я тем более никого не играла, — взвизгнула я, защищаясь.

— Я хочу сказать, что рассчитывал на твою способность быть убедительной, — сказал он. — Ты должна была заставить повара поверить в то, чего не было. А я-то думал, что ты сможешь.

— Как вы смеете меня критиковать! — крикнула я. — По вашей милости я выставила себя полной идиоткой, и все, что вы можете мне сказать, — это что я не умею играть! — я сдернула и швырнула в него парик. — У меня уже наверняка вши завелись.

Не обратив внимания на мою вспышку, Мариано Аурелиано продолжал, что Флоринда уже говорила ему, что я неспособна на притворство. — Мы должны были в этом убедиться, чтобы поместить тебя в правильную ячейку, — добавил он ровным голосом. — Маги — это либо *сновидящие*, либо *сталкеры*.

Некоторые — одновременно и то, и другое.

— О чем это вы говорите? Что это за чушь о *сновидящих* и *сталкерах*?

— *Сновидящие* имеют дело со снами, — мягко пояснил он. — Они черпают из снов свою энергию, свою мудрость. Что до *сталкеров*, то они имеют дело с людьми, с миром будней. Свою мудрость, свою энергию они получают, контактируя со своими сородичами-людьми.

— Вы явно совершенно меня не знаете, — сказала я насмешливо.

— Я отлично контактирую с людьми.

— Нет, — возразил он. — Ты сама сказала, что не знаешь, как вести разговор. Ты хорошая лгунья, но ты лжешь только для того, чтобы получить то, что хочешь. Твое вранье слишком узко, слишком лично. А знаешь, почему? — Он умолк на мгновение словно для того, чтобы дать мне возможность ответить. Но не успела я придумать, что сказать, как он добавил: — Потому что для тебя все вещи или черные, или белые, без каких-либо промежуточных оттенков. Причем все это не с точки зрения нравственности, а с точки зрения удобства. Твоего удобства, само собой. Ты настоящий диктатор.

Мариано Аурелиано и Джон переглянулись, потом расправили плечи, щелкнули каблуками и сделали нечто совсем уж непростительное в моих глазах. Они подняли руки в фашистском приветствии и рявкнули: “Мой фюрер!”

Чем больше они смеялись, тем сильнее меня охватывала ярость. Кровь, бросившись мне в лицо, зазвенела в ушах. И на этот раз я уже не пыталась себя успокоить. Я пнула свою машину и заколотила руками по крыше.

А эти двое, вместо того, чтобы попытаться меня успокоить, как это несомненно сделали бы мои родители или друзья, просто стояли и хохотали, словно я давала самое забавное в их жизни представление.

Их равнодушие полная безучастность по отношению ко мне настолько потрясли меня, что мой гнев сам собой начал понемногу утихать. Никогда еще мною так откровенно не пренебрегали. Я растерялась. А потом я поняла, что деваться мне некуда. До этого дня мне не приходило в голову, что если очевидцы моего припадка не проявят никакой озабоченности, то я не буду знать, что делать дальше.

— По-моему, она сейчас в замешательстве, — сказал Джону Мариано Аурелиано. — Она не знает, как быть дальше. — Он приобнял толстяка-индейца за плечи и добавил тихо, но так, что я могла услышать: — Сейчас она разревется и будет биться в истерике, пока мы ее не утешим. Нет ничего зануднее капризной сучки.

Это было последней каплей. Словно раненый бык, я, наклонив голову, напала на Мариано Аурелиано.

Он был настолько застигнут врасплох моей неожиданной атакой, что чуть не потерял равновесия; этого мне хватило, чтобы успеть вцепиться зубами в его живот. Он издал вопль, в котором смешались боль и хохот.

Джон сгрел меня поперек талии и начал оттаскивать в сторону. Я не ослабляла хватки, пока у меня не сломалась коронка. Когда мне было тринадцать, два моих передних зуба были выбиты в драке между учениками-венесуэльцами и немцами в немецкой средней школе Каракаса.

Двое мужчин прямо взвыли от хохота. Джон согнулся над кузовом моего фольксвагена, держась за живот и колотя по машине рукой.

— У нее зубы выбиты, как у футболиста, — выкрикнул он,

истерически хохоча.

Мое смущение не поддавалось описанию. От раздражения и досады колени мои подогнулись, я сползла на мостовую, как тряпичная кукла, и, как ни странно, потеряла сознание.

Придя в себя, я обнаружила, что сижу в пикапе. Мариано Аурелиано гладил меня по спине. Улыбнувшись, он несколько раз провел рукой по моим волосам, а потом обнял меня.

Меня удивило полное отсутствие переживаний: я не была ни смущена, ни раздражена. Мне было легко и свободно. Это было спокойствие и безмятежность, которых я никогда прежде не знала. Впервые в жизни я поняла, что никогда не пребывала в мире ни с собой, ни с другими.

— Ты нам очень нравишься, — сказал Мариано Аурелиано. — Но тебе надо будет излечиться от своих припадков. Если ты этого не сделаешь, они убьют тебя. Сейчас это была моя вина. Я должен перед тобой извиниться. Я провоцировал тебя намеренно. Я была слишком спокойна, чтобы как-то реагировать. Я выбралась из машины, чтобы расправить ноги и руки. По икрам пробежали болезненные судороги.

Помолчав немного, я извинилась перед обоими мужчинами. Я рассказала им, что мой нрав стал хуже с тех пор, как я стала пить очень много колы.

— А ты ее больше не пей, — предложил Мариано Аурелиано. Затем он резко сменил тему и продолжал говорить так, словно ничего не произошло. Он сказал, что чрезвычайно рад тому, что я к ним присоединилась.

— Вы рады? — непонимающе спросила я. — Вы уверены, что я к вам присоединилась?

— Ты сделала это! — сказал он с особым ударением. — Когда-нибудь ты сама все поймешь. — Он указал на стаю ворон, с карканьем пролетававшую над нами. — Вороны — это хорошее предзнаменование. Видишь, как чудесно они смотрятся.словно картина на небесах. То, что мы их сейчас видим, — это обещание, что мы еще увидимся.

Я не сводила глаз с этих птиц, пока они не скрылись из виду. А когда я оглянулась на Мариано Аурелиано, его уже не было. Пикап совершенно беззвучно укатил неведомо куда.

Глава 5

Не обращая внимания на колючий кустарник, я мчалась вслед за собакой, которая с бешеной скоростью неслась через заросли полыни. Ее золотистая шерсть, то и дело мелькавшая меж диких благоухающих кустов, вскоре совсем пропала у меня из виду, и мне приходилось ориентироваться лишь на ее лай, который становился все тише и тише, замирая в отдалении.

Я с тревогой заметила, что вокруг меня сгущается туман. Он плотной стеной окружил то место, где я стояла, и в считанные секунды небо совсем пропало из виду. Послеполуденное солнце, напоминавшее тлеющий огненный шар, едва можно было различить. И величественный вид на залив Санта Моника, сейчас уже скорее воображаемый, чем видимый с горного хребта Санта Сьюзана, исчез с невероятной скоростью.

Меня не беспокоило то, что я потеряла из виду собаку. Однако я понятия не имела, как разыскать то скрытое от людских глаз место, которое мои друзья избрали для нашего пикника. Да и где проходит та тропа, по которой я ринулась вслед за собакой?

Я сделала несколько неуверенных шагов примерно в том направлении, куда убежала собака, и тут меня что-то остановило. Сквозь некоторый просвет в тумане я увидела, как сверху вдруг возникла и стала спускаться ко мне крошечная светящаяся точка. За ней последовала еще одна, и еще, — словно маленькие огоньки, нанизанные на невидимую нить. Огоньки мерцали и колебались в воздухе, а затем, как раз когда они уже должны были достичь меня, — исчезли, будто их поглотил окружающий меня туман. Поскольку они пропали передо мной всего лишь в нескольких футах, я двинулась вперед, поближе, полная желания исследовать это необычное явление. Напряженно вглядываясь в туман, я увидела темные человеческие силуэты, парящие в воздухе на высоте двух-трех футов от земли. Они перемещались так, словно ходили на цыпочках по облакам. Я сделала еще несколько нерешительных шагов и остановилась, поскольку туман сгустился и поглотил

Я стояла неподвижно, не зная, что делать, меня охватил какой-то совершенно необычный испуг. Это не был обычный знакомый испуг, — он был какой-то телесный, как будто находился у меня в животе. Должно быть, такой испуг ощущают животные. Я не знаю, как долго я там стояла. Когда туман достаточно рассеялся и я снова смогла видеть, я заметила слева от себя на расстоянии пятидесяти футов двух мужчин, которые сидели, скрестив ноги, на земле. Они негромко говорили друг с другом. Впечатление было такое, что их голоса долетали отовсюду, подхваченные напоминавшими мягкие комки хлопка клочьями тумана. Я не понимала, о чем они говорят, но почувствовала себя спокойнее, уловив несколько слов из их беседы — говорили они на испанском. — Я заблудилась! — прокричала я по-испански.

Оба медленно повернулись, на их лицах была видна нерешительность и удивление, словно их взору предстал призрак. Я поспешно оглянулась в надежде увидеть позади себя то, что вызвало у них такую необычную реакцию. Но там ничего не было. Рассмеявшись, один из мужчин поднялся, потянулся, расправляя свои конечности, пока в суставах не раздался хруст, и преодолел разделявшее нас расстояние быстрыми широкими шагами. Он был невысокого роста, молодой, крепкого сложения, с широкими плечами и крупной головой. Его темные глаза светились веселым любопытством.

Я рассказала ему, что бродила с друзьями по окрестностям и заблудилась, погнавшись за их собакой.

— Я понятия не имею, как теперь к ним вернуться, — закончила я свой рассказ.

— В этом направлении дальше идти нельзя, — предупредил он меня. — Мы стоим на краю обрыва.

Он уверенно взял меня за руку и подвел к самому краю пропасти, который был не далее чем в десяти футах от того места, где я остановилась.

— Мой друг, — продолжал он, указав на другого мужчину, который по-прежнему сидел, уставившись на меня, — как раз закончил рассказывать мне, что здесь под нами внизу находится древнее индейское кладбище, и тут возникла ты, едва не напугав нас до смерти.

Он изучающе поглядел на мое лицо, на мою длинную светлую косу и спросил:

— Ты шведка?

Все еще сбита с толку тем, что этот парень сказал о древнем кладбище, я неподвижно вглядывалась в туман. При обычных обстоятельствах я как студент-антрополог горела бы желанием разузнать поподробнее о древнем индейском кладбище. Однако в данный момент мне это было совершенно безразлично, даже если оно в этой туманной пустоте действительно скрывалось. Моя мысль вертелась вокруг одного — если бы меня не отвлекли те огоньки, то я вполне могла бы быть погребена там сама.

— Ты шведка? — переспросил парень.

— Да, — соврала я и тут же об этом пожалела, но не знала, как поправить положение, не потеряв при этом свое лицо.

— Ты великолепно говоришь по-испански, — заметил он. — У шведов необыкновенные способности к языкам.

Я почувствовала себя ужасно виноватой, однако не смогла удержаться, чтобы не добавить, что жителям Скандинавии приходится по необходимости учить разные языки, если они хотят общаться с остальным миром.

— К тому же, — созналась я, — я росла в Южной Америке.

Непонятно почему, но эта информация, кажется, сбита с толку молодого человека. Он покачал головой, словно не веря, затем надолго замолчал, погрузившись в раздумья. Затем, как будто он пришел к какому-то решению, он проворно ухватил меня за руку и повел к тому месту, где сидел его приятель.

У меня не было желания попадать в чье-либо общество. Я хотела поскорее вернуться к своим друзьям. Но рядом с этим парнем мне было так легко, что вместо того, чтобы попросить его отвести меня к тропе, я рассказала ему во всех подробностях об огоньках и человеческих силуэтах, которые я только что видела.

— Как странно, что дух уберег ее, — пробормотал сидевший мужчина, словно обращаясь к самому себе. Он нахмурился, сдвинув свои темные брови. Однако обращался он, конечно же, к своему товарищу, который буркнул что-то ему в ответ, — мне не удалось уловить, что именно. Они обменялись конспиративными взглядами, усилив тем самым мое чувство неловкости.

— Прошу прощения, — сказала я, обращаясь к сидящему, — я не поняла, что вы сказали.

Он уставился на меня мрачным, вызывающим взглядом.

— Ты была предупреждена об опасности, — ответил он низким

звучным голосом. — *Эмиссары смерти* пришли тебе на помощь. — Кто? — вопрос вырвался помимо моей воли, хотя я прекрасно поняла его слова. Я пригляделась к нему повнимательнее. На какое-то мгновение у меня возникла уверенность, что я этого человека знаю, но когда я стала всматриваться дольше, то поняла, что никогда раньше его не видела. И все же полностью отделаться от чувства, что он мне знаком, я не могла. Он был не столь молод, как его товарищ, однако старым его тоже нельзя было назвать. Он, конечно же, был индеец. У него была темно-коричневая кожа, черные волосы с синеватым отливом — прямые и толстые, словно стебли травы. Но почти знакомы мне были не только внешние его черты — он был угрюм, причем так, как только я могу быть угрюмой.

Похоже, мой изучающий взгляд заставил его почувствовать себя неловко, и он резко встал.

— Я доставлю тебя к твоим друзьям, — буркнул он. — Следуй за мной и не вздумай падать вниз. Ты упадешь мне на голову и погубишь нас обоих, — добавил он грубовато.

Прежде чем мне предоставилась возможность сказать, что я не какой-нибудь неуклюжий мешок, он уже двигался вниз по весьма крутому склону горы с противоположной от обрыва стороны.

— Вы знаете, куда идете? — прокричала я ему вдогонку. Мой голос от волнения прозвучал излишне резко.

Я не представляла себе, где мы находимся, — не могу сказать, что обычно это у меня хорошо получалось, — но я и не думала, что преследуя собаку, взобралась на холм.

Мужчина обернулся, на его лице на мгновение вспыхнула лукавая белозубая улыбка, однако глаза его не смеялись. Он взглянул на меня мрачным каменным взглядом.

— Я веду тебя к твоим друзьям, — это было все, что он сказал в ответ.

Он мне не нравился, однако я ему поверила. Он был не слишком высок — где-то пять футов десять дюймов — и не широк в кости, но фигура его своей массивностью и компактностью производила впечатление коренастого человека. В тумане он передвигался с исключительной уверенностью, легко и грациозно ступая там, где, как мне казалось, был вертикальный обрыв.

Тот, что был помоложе, спускался позади меня, помогая мне всякий раз, когда я оказывалась в затруднительном положении.

Своими заботливыми манерами он походил на старинного джентльмена. У него были сильные, красивые и невероятно мягкие при касании к ним руки. Сила его поражала. Он несколько раз с легкостью поднимал меня в воздух и проносил над своей головой. Возможно, это был не столь уж великий подвиг, учитывая мой ничтожный вес, однако, если принять во внимание то, что он стоял при этом на глинистых ступеньках и был всего лишь на два-три дюйма выше меня, то выглядело это весьма впечатляюще.

— Ты должна поблагодарить *эmissаров смерти*, — настойчиво заявил мужчина, который вел нас, как только мы добрались до ровной земли.

— Да ну? — спросила я насмешливо.

Мысль о том, что нужно говорить “спасибо” каким-то “эmissарам смерти”, показалась мне смешной.

— И что, мне теперь на колени становиться? — поинтересовалась я, не удержавшись и хихикнув.

Мужчина и не думал, что для меня это шутки. Он положил руки на пояс и посмотрел мне прямо в глаза. На его узком скуластом лице не было и тени улыбки. Что-то угрожающее было в его позе, в его раскосых темных глазах, в его мохнатых бровях, которые мостом сходились над его точеным носом. Он резко повернулся ко мне спиной, отошел и уселся на ближайший камень.

— Мы не покинем это место, пока ты не поблаговаришь *эmissаров смерти*, — заявил он.

Внезапно меня словно громом поразило — я осознала, что я одна нахожусь невесть где в тумане в компании двух странных людей, один из которых, возможно, опасен. Я поняла, что он не двинется с места, пока я не выполню его нелепое требование. К моему изумлению, вместо того, чтобы испугаться, я почувствовала, что готова рассмеяться.

Вспонимающая улыбка на лице молодого парня ясно свидетельствовала, что он знает, о чем я думаю, и это немало его забавляет.

— Пожалуй, на колени можно и не становиться, — сказал он мне, а затем, не в силах дальше сдерживать веселье, расхохотался.

Его смех звучал ясно и отрывисто, он словно камешками рассыпался повсюду вокруг меня. У него были снежно-белые, совершенно ровные, как у ребенка, зубы. Его лицо выглядело озорным и в то же время мягким.

— Достаточно просто сказать “спасибо”, — подсказал он мне. — Скажи. Что ты при этом потеряешь?

— Я чувствую себя глупо, — сказала я ему доверчиво, намеренно пытаюсь склонить его на свою сторону. — Я не стану этого делать.

— Почему? — спросил он меня без всякого осуждения. — На это уйдет какая-то секунда, к тому же, — улыбаясь, подчеркнул он, — это совершенно не больно.

Я невольно хихикнула.

— Мне жаль, но я не могу этого сделать, — повторила я. — Такая уж я есть. Всякий раз, когда кто-то настаивает, что я должна что-то сделать, я не хочу этого делать, злюсь и упираюсь.

Парень задумчиво кивнул; его глаза глядели в землю, подбородок покоился на кулаках.

— Однако факт, что нечто помогло тебе избежать увечья, а возможно, и гибели, — промолвил он после длинной паузы. — Нечто необъяснимое.

Мне пришлось согласиться с ним. Я даже призналась, что для меня все это выглядит совершенно непостижимым, и попыталась сказать что-то о явлениях, которые происходят случайно в нужное время и в нужном месте.

— Все это очень правильно, — ответил он, затем улыбнулся и весьма смело коснулся моего подбородка. — Но это ничего не объясняет в твоём случае. Ты получила дар. Называй того, кто его тебе его дал, случайностью, стечением обстоятельств, цепью событий или как угодно еще, но факт остается фактом — тебя уберегли от увечий и боли.

— Возможно, вы и правы, — согласилась я кротко. — Мне следовало бы проявить большую благодарность.

— Не проявлять большую благодарность, а чувствовать себя более гибко и раскованно, — сказал он и расхохотался.

Заметив, что я начинаю злиться, он широко развел руки, словно пытаюсь охватить окружающие нас заросли полыни.

— Мой друг считает, что виденное тобой связано с индейским кладбищем, посреди которого мы сейчас и находимся.

— Я не вижу никакого кладбища, — возразила я, защищаясь.

— Его непросто разглядеть, — объяснил он, глядя на меня прищуренным взглядом, будто у него что-то случилось со зрением.

— И не туман мешает его увидеть. Даже в ясный солнечный день здесь ничего не видно, кроме зарослей полыни. — Он стал на

колени и улыбаясь посмотрел на меня снизу вверх. — Однако опытный глаз приметит, что эти заросли имеют необычную форму. Он лег на землю плашмя, голову наклонил влево и жестами предложил мне сделать то же самое.

— Только так это можно разглядеть отчетливо, — пояснил он, когда я улеглась рядом с ним на землю. — Я бы этого ни за что не узнал, если бы не мой друг, который знает множество разных интересных и увлекательных вещей.

Поначалу я не увидела ничего; затем один за другим моему взору стали открываться камни, спрятанные в хитросплетении травяных зарослей. Они были темные и блестящие, словно их умыл туман, и выстроились в круг, больше напоминая собой некие существа, чем просто камни.

Я едва не вскрикнула, когда поняла, что круг камней представляет собой точное подобие круга человеческих фигур, которые я видела ранее в тумане.

— Теперь я и вправду напугана, — пробормотала я, тревожно поеживаясь. — Я рассказала вам, что видела человеческие силуэты, выстроившиеся в круг, — я глянула на него, чтобы посмотреть, не сквозит ли в его лице насмешка или неодобрение, а затем добавила: — Это полный абсурд, но я почти что могу поклясться, что эти камни и есть люди, которых я видела.

— Я знаю, — прошептал он так тихо, что мне пришлось придвинуться к нему поближе. — Все это очень таинственно, — продолжал он. — Мой друг, который, как ты уже, должно быть, заметила, по происхождению индеец, говорит, что на некоторых индейских кладбищах имеется ряд или круг из каменных валунов. Эти валуны — *эмиссары смерти*. — Он изучающе посмотрел на меня, словно желая убедиться, что приковал к себе все мое внимание, и уверенно добавил: — Они — это *эмиссары*, имей в виду, а не символы, изображающие эмиссаров.

Я продолжала смотреть на парня широко раскрытыми глазами, но не только потому, что не знала, какие выводы делать из его утверждений, — дело в том, что когда он говорил и улыбался, его лицо непрерывно менялось. Не то чтобы менялись черты его лица, но оно то было лицом шестилетнего ребенка, то лицом семнадцатилетнего юноши, а иногда — лицом старика.

— Это какое-то странное поверье, — продолжал он, похоже, не обратив внимания на мой пристальный взгляд. — И я не слишком-

то серьезно к нему относился, пока ты не свалилась с неба как раз в тот момент, когда мой друг рассказывал мне об *эмиссарах смерти*, — и не поведала о том, что только что видела. Если бы я был по своей природе недоверчив, — добавил он, и в его голосе вдруг появились угрожающие нотки, — я бы решил, что вы с ним сговорились.

— Я его не знаю! — бросилась я защищать себя, возмущенная одним лишь его намеком, затем тихо прошептала, так, чтобы только он один мог меня слышать: — Если честно, то от вашего друга у меня по коже мурашки бегают.

— Если бы я был по своей природе недоверчив, — повторил молодой человек, не обращая внимания на то, что я его перебила, — я решил бы, что вы с ним на самом деле пытаетесь меня напугать. Однако недоверчивость мне не свойственна. Поэтому все, что мне остается, — оставить в покое свои суждения и любопытствовать насчет тебя.

— Незачем обо мне любопытствовать, — ответила я раздраженно.

— К тому же, я все равно ничего не понимаю в той чепухе, что вы тут мелете.

Я гневно взглянула на него. Его выбор не внушал мне никакой симпатии. Теперь и от него у меня по коже побежали мурашки.

— Он говорит о благодарности *эмиссарам смерти*, — вмешался тот, что был старше. Он подошел к нам и уставился на меня сверху вниз чрезвычайно странным взглядом.

Полная страстного желания поскорее убраться с этого места и от этих двух сумасшедших, я вскочила и прокричала слова благодарности. Мой голос эхом отозвался в зарослях, словно они обратились в скалы. Я вслушивалась, пока отзвуки моего голоса совсем не затихли. А затем, словно одержимая, совершенно наперекор собственному здравому смыслу, я стала выкрикивать “спасибо” снова и снова.

— Я уверен, что *эмиссары* более чем довольны, — сказал младший из двух, легонько похлопав меня по икре.

Расхохотавшись, он перевернулся на спину. Удивительная сила была в его глазах, в очаровательной мощи его смеха. Я ни на мгновение не усомнилась, невзирая на такое веселье, что и в самом деле поблагодарила *эмиссаров смерти*. И что самое странное, я чувствовала, что нахожусь под их защитой.

— Кто вы такие? — я адресовала свой вопрос молодому парню.

Он одним быстрым плавным движением вскочил на ноги. — Я — Хосе Луис Кортес, но друзья зовут меня Джо, — представился он, приготовившись пожать мне руку. — А это мой друг — Гумерсиндо Эванс-Притчард.

Из опасения, что от такого имени я громко расхохочусь, я прикусила губу и принялась чесать воображаемый укус на колене. — Наверное, блоха, — сказала я, поглядывая то на одного из них, то на другого. Они в свою очередь уставились на меня, лишив возможности потешиться этим именем. На их лицах было такое серьезное выражение, что мой смех тут же пропал.

Гумерсиндо Эванс-Притчард взял мою руку, вяло свисавшую вдоль тела, и энергично потряс ее:

— Я рад с тобой познакомиться, — сказал он на чистейшем английском языке с первоклассным британским акцентом. — Я уж было подумал, что ты — эдакая зазнавшаяся п.... (Грубая брань. В оригинале — “sunt”. Выражение грубое, но заменить или смягчить его не удалось. Гумерсиндо этим словом изрядно шокировал Флоринду (поэтому выражение должно быть крепким), видимо, этого он и добивался (см. контекст). Так что остается надеяться на понимание и крепкие нервы читателей (прим. перев.)).

Мой рот раскрылся, а глаза вылезли из орбит. И хотя что-то во мне подметило, что его слова означали скорее комплимент, чем оскорбление, мой шок был столь силен, что я стояла, словно парализованная. Особым пуританством я не отличалась — при соответствующих обстоятельствах я могла переплюнуть кого угодно, — но в самом звучании слова *sunt* для меня было что-то столь потрясающе обидное, что оно лишило меня дара речи.

Джо пришел мне на выручку. Он извинился за своего друга, объяснив, что Гумерсиндо — непримиримый борец с общественными предрассудками. И прежде чем мне представилась возможность сказать, что по моим понятиям он явно перешел все рамки приличия, Джо добавил, что Гумерсиндо вынужден быть борцом с общественными предрассудками, и это связано с тем фактом, что он носит фамилию Эванс-Притчард.

— Это не должно никого удивлять, — заметил Джо. — Его отец был англичанином, который бросил его мать, индейскую женщину из Джелиско, еще до рождения Гумерсиндо.

— Эванс-Притчард? — повторила я, все еще защищаясь, затем повернулась к Гумерсиндо и поинтересовалась, кажется ли ему

нормальным, что Джо выдает первой встречной фамильные секреты, бросающие на него тень.

— Нет никаких бросающих тень секретов, — ответил за своего друга Джо. — И знаешь почему? — Он сковал меня взглядом своих сияющих темных глаз, которые не были ни карими, ни черными, но скорее цвета спелых вишен.

Я беспомощно покачала головой, желая сказать “нет”, мое внимание было приковано к его непреодолимому взгляду. Казалось, что один глаз смеется надо мной, другой же был чрезвычайно серьезен, в нем сквозило что-то зловещее и угрожающее.

— То, что ты называешь секретами, бросающими тень, — это для Гумерсиндо источник силы, — ответил Джо на свой собственный вопрос. — Известно ли тебе, что его отец — ныне знаменитый английский антрополог? Гумерсиндо ненавидит его лютой ненавистью.

Гумерсиндо едва заметно кивнул, словно этой ненавистью гордился.

Я едва могла поверить, что мне подвернулась такая удача. Они имели в виду никого иного как Е. Е. Эванс-Притчарда, одного из самых значительных социальных антропологов двадцатого века. И как раз в этом семестре я занималась в стенах УКЛА (в оригинале “UCLA” - University of California in the Los Angeles (прим. перев.)) изучением работ по истории социальной антропологии и биографий исследователей, внесших наиболее значительный вклад в эту область.

Вот это да! Мне пришлось сдерживать себя, чтобы не закричать во весь голос и не запрыгать от возбуждения. Появиться с таким интригующим секретом! Знаменитый антрополог соблазняет и впоследствии бросает индейскую женщину. Меня ни капли не беспокоил тот факт, что Эванс-Притчард не проводил никаких исследований на территории Мексики, — он, в основном, был известен своими работами в Африке, — поскольку я была уверена, что непременно обнаружу, что в один из его визитов в Соединенные Штаты он заезжал в Мексику. Подтверждение тому стояло прямо передо мной.

Радостно улыбаясь, я поглядывала на Гумерсиндо; мысленно я пообещала себе, что, конечно же, не стану обнародовать факты без его разрешения. Ну разве что только расскажу что-нибудь одному

из своих профессоров,— думала я. В конце концов, не каждый день попадает в руки такая информация.

В моем уме вертелись разные возможности. Это могла бы быть, скажем, небольшая лекция для нескольких избранных студентов дома у одного из профессоров. Мысленно я уже выбрала профессора. Нельзя сказать, что он мне особенно нравился, но мне импонировало то, что он старался произвести впечатление на своих студентов в какой-то немного детской манере. Время от времени мы собирались у него дома. И каждый раз, когда я там бывала, то обнаруживала на его рабочем столе как бы по ошибке забытую там записку, написанную ему знаменитым антропологом Клодом Леви-Строссом.

— Ты не сказала нам как тебя зовут, — вежливо поинтересовался Джо, мягко дергая меня за рукав.

— Кармен Гебауэр, — ответила я без колебаний, назвавшись именем одной из подруг детства.

Чтобы облегчить дискомфорт и чувство вины от того, что я вновь с такой легкостью сказала неправду, я спросила Джо, не из Аргентины ли он. Получив в ответ удивленное выражение лица, я поспешила добавить, что у него определенно аргентинская интонация в голосе.

— Даже несмотря на то, что внешность у тебя не аргентинская, — добавила я.

— Я мексиканец, — ответил он. — А судя по твоему акценту, ты выросла либо на Кубе, либо в Венесуэле.

У меня не было желания продолжать дальше эту линию разговора, и я быстро переменила тему.

— Знаешь ли ты, как мне снова выбраться на тропу? — спросила я, внезапно озабоченная тем, что мои друзья уже, пожалуй, волнуются.

— Нет, я не знаю, — признался с детской непосредственностью Джо. — Но Гумерсиндо Эванс-Притчард знает.

Гумерсиндо повел нас через густые заросли вверх по узкой тропинке на другой стороне горы. И вскоре до нас донеслись голоса моих друзей и лай их собаки.

Я почувствовала сильное облегчение и в то же время была разочарована и озадачена тем, что ни один из мужчин не попытался выяснить, как меня можно будет найти.

— Я уверен, что мы еще встретимся, — небрежно бросил Джо на

прощание.

Гумерсиндо Эванс-Притчард удивил меня тем, что галантно поцеловал мою руку. Он сделал это так естественно и грациозно, что мне даже не пришло в голову над ним посмеяться.

— Это у него в генах, — пояснил Джо. — Несмотря на то, что он лишь наполовину англичанин, его изысканность безукоризненна. Он исключительно галантен!

Не сказав больше ни слова и не оглядываясь, оба они растворились в тумане. Я очень сомневалась, что когда-нибудь снова их увижу. Переполненная чувством вины за то, что солгала по поводу своего имени, я была готова броситься им вдогонку, но в эту минуту меня едва не повалила на землю собака моих друзей, которая прыгнула на меня, пытаясь лизнуть в лицо.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 6

Онемев, я уставилась на приезжего лектора. В костюме-тройке, с коротко постриженными вьющимися волосами и гладко выбритым лицом Джо Кортес выглядел пришельцем из другого времени среди длинноволосых, бородатых, как попало одетых студентов в одной из больших аудиторий Калифорнийского Университета. Я поспешно плюхнулась на свободное место в заднем ряду набитой до отказа аудитории, место, которое заняла для меня та самая подруга, с которой мы были на прогулке в горах Санта Сьюзана.

— Кто он? — спросила я ее.

Она удивленно покачала головой, окинула меня нетерпеливым взглядом, затем на клочке бумаги написала: *Карлос Кастанеда*.

— А кто, черт возьми, такой Карлос Кастанеда? — спросила я снова и непроизвольно хихикнула.

— Я давала тебе его книгу, — прошипела она в ответ, затем добавила, что он достаточно известный антрополог, который проводил обширные исследования в Мексике.

Я уже было хотела сказать своей подруге по секрету, что приезжий лектор — это тот самый парень, которого я повстречала в горах в тот день, когда заблудилась. Однако по каким-то очень точным соображениям не сказала ничего. Этот парень был в ответе за то, что едва не погибла наша дружба, которой я невероятно дорожила. Моя подруга была непреклонна в своем мнении, что история с сыном Эванс-Притчарда — чистая выдумка. Я же настаивала на том, что тем двоим незачем было кормить меня баснями — они от этого ничего не приобретали. Я просто знала, что они чистосердечно рассказали мне всю правду. Моя подруга, разозлившись, что я им поверила, обозвала меня легковерной дурой.

Поскольку никто из нас не хотел уступать, страсти в нашем споре стали накаляться. *Ее* муж, чтобы несколько охладить наш пыл, высказал предположение, что, возможно, мне сказали правду. Раздраженная тем, что он не на ее стороне, моя подруга закричала,

чтобы он заткнулся.

По дороге домой над нами витала мрачная атмосфера, наша дружба явно дала трещину. Потребовалось две недели, чтобы загладить следы взаимной обиды. Тем временем я опробовала информацию насчет сына Эванс-Притчарда на нескольких людях, более сведущих в антропологических делах и причастных к ним ученых, чем я и моя подруга. Стоит ли говорить, что я при этом оказывалась полной идиоткой. Однако из упрямства я вцепилась в свою слепую уверенность, что лишь мне одной известно истинное положение вещей. Я была приучена смотреть на все с практической точки зрения: если кто-то лжет, то тем самым он должен приобрести что-то такое, чего иначе не получил бы. И я терялась в догадках, что же могли приобрести те двое.

На лекцию, которую читал Карлос Кастанеда, я внимания почти не обращала. Я была чересчур поглощена поисками причины, заставившей его сказать мне неправду о своем имени. Склонная выводить мотивы тех или иных людей из простых утверждений или наблюдений, я немало времени потратила, пытаюсь подыскать ключ к его мотивам. Но потом вспомнила, что я тоже назвалась при нем не своим именем. И мне никак не удавалось определить, почему я так поступила.

После длительных размышлений я решила, что обманула его, поскольку он автоматически вызвал во мне недоверие. Он был слишком самоуверен, слишком петушился, чтобы ему можно было доверять. Моя мать приучила меня не доверять латиноамериканским мужчинам, особенно если они не были несколько ниже по своему положению. Она любила повторять, что латиноамериканские мужчины — словно бойцовые петухи, их интересы сводятся к тому, чтобы драться, есть и заниматься сексом, в таком вот именно порядке. И я полагаю, что я поверила ей, даже не задумываясь.

Наконец я глянула на Карлоса Кастанеду. Мне ничего не удавалось понять в том, о чем он говорит, но я была очарована его движениями. Впечатление было такое, что он говорит всем своим телом, и его слова не столько вылетают у него изо рта, сколько выплывают из его рук, которыми он двигал с изяществом и проворностью мага.

После лекции я смело направилась к нему. Он стоял, окруженный студентами. Он был так обаятелен и открыт с женщинами, что я

автоматически стала его презирать.

— Ты соврал мне, что твое имя Джо Кортес, — сказала я по-испански и в знак обвинения направила на него палец.

Держась рукой за живот, словно он получил удар, он взирал на меня с тем самым нерешительно-удивленным выражением, которое было у него на лице, когда он впервые увидел меня в горах.

— Кроме того, ложь, что твой друг Гумерсиндо — сын Эванс-Притчарда, — добавила я, прежде чем он оправился от удивления, вызванного нашей встречей. — Не так ли?

Он сделал умоляющий жест, чтобы я больше ничего не говорила. Казалось, что он ни капли не смущен. Но в его глазах было такое простое и неподдельное любопытство, что мой праведный гнев быстро улетучился. Он мягко взял меня за запястье, словно опасаясь, что я уйду.

Когда его беседа со студентами закончилась, он молча повел меня к уединенной скамейке, которая стояла в тени огромной сосны в северной части кампуса (в США — название студенческого городка (прим. ред.)).

— Все это так странно, что я воистину теряю дар речи, — сказал он по-английски, когда мы сели. Он смотрел на меня так, словно все еще никак не мог поверить, что я сижу рядом с ним.

— Я не думал, что когда-либо снова с тобой встречусь, — продолжил он задумчиво. — После того, как мы расстались, мы с моим другом — кстати, его зовут Нестор — долго говорили о тебе и пришли к выводу, что ты была полупризраком. — Тут он внезапно перешел на испанский и сказал, что они даже вернулись на то место, где мы расстались, надеясь найти меня.

— Почему ты хотел меня найти? — спросила я по-английски, уверенная, что в ответ он скажет по-английски, что я ему понравилась.

По-испански невозможно сказать, что кто-то кому-то просто понравился. Ответ должен быть более явным и вместе с тем более точным. В испанском можно либо выразить хорошее отношение — *me caes bien*, либо изобразить всеобъемлющую страсть — *me gustas*.

Мой откровенный вопрос поверг его в долгое молчание.

Впечатление было такое, что у него внутри идет борьба — говорить или не говорить. Наконец он сказал, что наша с ним

встреча в тумане в тот день произвела в нем основательный поворот. Когда он это говорил, на его лице был написан восторг, затем он голосом, в котором звучало глубочайшее благоговение, добавил, что когда он увидел меня в лекционной аудитории, ему чуть конец не пришел.

— Почему? — спросила я.

Он задел мое самолюбие. Тотчас же я об этом пожалела, поскольку была уверена, что он собирается мне сказать, что по уши влюблен в меня. А это будет чересчур волнующее признание, и я не найдусь, что ответить.

— Это очень длинная история, — промолвил он, все еще погруженный в задумчивость. Он скривил губы, как будто говорил сам с собой, репетируя то, что собирался произнести.

Я узнала характерные признаки, когда мужчина готовится сделать выпад.

— Я не читала твоих работ, — сказала я, чтобы направить его в другое русло. — О чем они?

— Я написал пару книг о магии, — ответил он.

— О какой магии? О шаманстве, спиритуализме или о чем?

— Ты знаешь что-нибудь о магии? — спросил он с нотками ожидания в голосе.

— Конечно, знаю. Я рядом с этим росла. Я провела значительное количество времени в прибрежной части Венесуэлы — эта область славится своими магами. В детстве большую часть летних месяцев я проводила в семье ведьм.

— Ведьм?

— Да, — подтвердила я, польщенная его реакцией. — Моя нянька была ведьмой. Это была негритянка из Пуэрто Кабелло. Она заботилась обо мне, пока я не стала подростком. Мои родители работали, и когда я была ребенком, они с радостью оставляли меня на ее попечении. У нее гораздо лучше выходило присматривать за мной, чем у любого из моих родителей. Она предоставляла мне возможность делать все, что я захочу. Мои родители, естественно, позволяли ей брать меня с собой куда угодно. Во время школьных каникул мы с ней отправлялись навестить ее семью. Это была не кровная семья, это была семья ведьм. И хотя мне не разрешалось принимать участие ни в одном из их ритуалов и сеансов транса, я там немало увидела.

Он посмотрел на меня с любопытством, словно не верил своим

глазам. Затем спросил с лукавой улыбкой:

— А что говорило о том, что она — ведьма?

— Все. Она убивала цыплят и предлагала их богам в обмен на их благосклонность. Она и ее знакомые ведьмы и колдуны — мужчины и женщины — танцевали до тех пор, пока не впадали в транс. Она произносила тайные заклинания, в которых была заключена сила, способная излечить ее друзей и навредить ее врагам. Она специализировалась на приворотном зелье. Она готовила его из лекарственных трав и всех видов телесных выделений, таких как менструальная кровь, обрезки ногтей и волосы, предпочтительно волосы с лобка. Она изготавливала амулеты, приносящие удачу в азартных играх и в любовных делах.

— И твои родители все это позволяли? — спросил он с недоверием.

— Дома об этом никто не знал, кроме меня и няниных клиентов, разумеется, — объяснила я. — Она ходила по вызовам на дом, как и любой доктор. Все, что она делала дома, — это жгла свечи в туалете за унитазом, когда мне снились кошмары. Поскольку похоже было, что это мне помогает и среди кафельных плиток нечему было возгораться, моя мать открыто позволяла ей это делать.

Он внезапно вскочил и начал смеяться.

— Что здесь смешного? — спросила я, гадая, не решил ли он, что я все это выдумала. — Это правда. Я тебя уверяю.

— Ты доказываешь что-то самой себе, и поскольку ты в этом заинтересована, то как только начинаешь это утверждать, оно становится правдой, — сказал он с серьезным лицом.

— Но я сказала тебе правду, — настаивала я, уверенная, что он имеет в виду мою няню.

— Я могу видеть людей насквозь, — сказал он спокойно. — К примеру, я вижу, что ты убеждена, что я собираюсь приударить за тобой. Ты убедила себя в этом, и теперь — это правда. Вот о чем я говорю.

Я попыталась что-то сказать, но от негодования у меня перехватило дыхание. Мне захотелось убежать, но это было бы чересчур унижительно. Он слегка нахмурился, и у меня сложилось неприятное впечатление, что он знает, что я чувствую. Я дрожала от подавленной злости. Тем не менее, в отдельные моменты я ощущала необыкновенное спокойствие. Это происходило не благодаря какому-то сознательному усилию с моей стороны,

однако я отчетливо чувствовала, что что-то во мне сдвинулось. У меня появилось туманное воспоминание, что я испытывала нечто подобное раньше, но оно улетучилось столь же быстро, сколь и пришло.

— Что ты со мной делаешь? — пробормотала я.

— Просто выходит так, что я вижу людей насквозь, — сказал он голосом, полным раскаяния. — Не всегда и, разумеется, не всех, только тех, с кем я тесно связан. Я не знаю, почему я могу видеть насквозь тебя.

Искренность его была очевидна. Впечатление было такое, что он больше сбит с толку, чем я сама. Он снова сел на скамейку и придвинулся ко мне поближе. Некоторое время мы сидели в полной тишине. Было чрезвычайно приятно ощущать, что можно отбросить все усилия, направленные на поддержание разговора, и не чувствовать себя бестолковой. Я поглядела вверх, на небо; оно было безоблачно и прозрачно, словно голубой хрусталь. Несмелый ветерок пробежал по веткам сосны, и на нас легким дождем посыпались иголки. Потом ветерок окреп, превратился в ветер, и к нам от ближайшего платана полетели сухие желтые опавшие листья. Они закружились вокруг нас, издавая тихий ритмический звук. Одним резким порывом ветер подхватил листья и поднял их высоко в воздух.

— Это было замечательное проявление *духа*, — пробормотал он.

— И связано оно было с тобой. Ветер, листья, кружащиеся перед нами в воздухе. Маг, с которым я работаю, сказал бы, что это было предзнаменование. Что-то указало мне на тебя, и как раз в тот момент, когда я думал, что, пожалуй, лучше уйду. Теперь я уйти не могу.

Думая только о его последней фразе, я чувствовала себя необъяснимо счастливой. Это было не триумфальное счастье, не то ликование, которое ощущаешь, когда становишься сам себе хозяином. Это скорее было чувство глубокой благодати, которое не длится долго. Внезапно мое тяжеловесное “я” взяло верх и потребовало, чтобы я избавилась от этих мыслей и чувств. У меня не было времени тут сидеть. Я пропустила пару, не пошла вместе с моими настоящими друзьями на ланч, пропустила свое время в бассейне.

— Пожалуй, лучше будет, если я пойду, — сказала я.

Я намеревалась сказать это с чувством облегчения, но когда

произнесла эти слова, они прозвучали так, словно я об этом сожалею, что каким-то образом так и было.

Но вместо того чтобы уйти, я спросила его как можно небрежнее, всегда ли он умел видеть людей насквозь.

— Нет, не всегда. — Его добрый тон ясно показывал, что он в курсе происходящей у меня внутри сумятицы. — Старый маг, с которым я работаю, недавно меня этому научил.

— Как ты думаешь, он смог бы научить и меня?

— Да, я думаю, научил бы. — Казалось, что он поразился собственному утверждению. — Если он почувствует в тебе то, что чувствую я, он несомненно попытается.

— А ты знал что-то о магии прежде? — спросила я робко, медленно оправляясь от смятения.

— В Латинской Америке каждый думает, что он это знает, думал так и я. В этом отношении ты мне напомнила меня самого. Как и ты, я был убежден, что имею понятие о том, что такое магия. Но затем, когда я по-настоящему с ней соприкоснулся, она оказалась вовсе не такой, как я думал.

— А какой она оказалась?

— Простой. Настолько простой, что это пугает, — поведал он. — Мы боимся магии, потому что думаем, что она таит в себе зло. В этой магии, с которой встретился я, нет ни капли злого умысла, и поэтому она пугает сильнее всего.

Я прервала его и вставила, что он, должно быть, имеет в виду белую магию, в противоположность черной.

— Не мели ерунды, черт возьми! — внезапно набросился он на меня.

Я была настолько шокирована тем, что он со мной говорит в таком тоне, что судорожно ухватила ртом воздух. Я мгновенно была опять отброшена в состояние смятения. Он отодвинулся, чтобы избежать проявлений моего гнева. Он осмелился на меня кричать! Я так разозлилась, что думала, что лопну от злости. В ушах у меня шумело, перед глазамиплыли темные пятна. Я бы ударила его, если бы он так ловко не отскочил от меня на безопасное расстояние.

— Ты очень недисциплинированна, — сказал он и снова сел. — И весьма несдержанна. Твоя няня, видать, прощала тебе все грехи и цацкалась с тобой так, словно ты хрустальная.

Заметив, что я сердито нахмурилась, он продолжил и сказал, что

на самом деле закричал на меня вовсе не потому, что разозлился или не сдержался.

— Лично меня не волнует, слушаешь ты или нет, — объяснил он.

— Но это волнует кое-кого еще, ради кого я и закричал на тебя.

Того, кто за нами наблюдает.

Поначалу это сбило меня с толку, затем я почувствовала себя неловко. Я стала оглядываться по сторонам, пытаюсь выяснить, не его ли маг-учитель за нами наблюдает.

Он, не обращая на меня внимания, продолжал:

— Мой отец никогда не говорил мне, что у нас есть постоянный свидетель. А не говорил он этого, потому что сам об этом не знал. Точно так же, как и ты сама об этом не знаешь.

— Что за чушь ты тут несешь? — мой резкий злой голос отражал то, что я в данный момент ощущала. Он закричал на меня, он меня оскорбил. Меня окончательно вывело из себя то, что он продолжал говорить так, словно бы ничего не случилось. Если он думает, что я не придам значения его действиям, то его ждет сюрприз. “Это тебе даром не пройдет, — подумала я, злобно усмехнувшись в его адрес. — Только не со мной, приятель”.

— Я говорю о силе, сущности, присутствии, которая не является ни силой, ни сущностью, ни присутствием, — объяснил он с ангельской улыбкой на лице. Он, по-видимому, совершенно не обратил внимания на мое воинственное настроение. — Звучит как бессмыслица, но это не так. Я имею в виду нечто такое, о чем знают лишь маги. Они называют это *духом*. Нашим личным наблюдателем, нашим постоянным свидетелем.

Не знаю точно, какое именно слово и как привело к этому, но внезапно он приковал к себе мое внимание. Он продолжал говорить об этой силе, которая, по его словам, не была Богом или чем-то, имеющим хоть какое-то отношение к религии или морали. Это была безличная сила, энергия, которая оказывалась в нашем распоряжении, если только мы научимся обращать себя в ничто. Он даже взял меня за руку, и я этому не противилась. На самом деле, мне нравилось ощущать мягкое касание его сильной руки. Я чувствовала какое-то нездоровое очарование той странной властью, которую он надо мной имел. Я была поражена тем, что желаю сидеть с ним на этой скамейке до бесконечности и держать свою руку в его.

Он продолжал говорить, а я — прислушиваться к каждому его

слову. Однако в то же время мое извращенное любопытство жаждало узнать, когда же он схватит меня за ногу. Поскольку я знала, что моей руки ему будет недостаточно, а остановить его я никак не смогу. Или я просто не хочу ничего делать, чтобы его остановить?

Он объяснил, что был столь же неосторожным и расхлябанным, как любой другой, но ни о чем другом он понятия не имел, поскольку был в плену у *духа времени*. — Что такое *дух времени* — спросила я его грубым холодным тоном — пусть не думает, что мне нравится быть с ним.

— Маги называют его *модальностью времени*, — ответил он. — В наши дни — это заботы среднего класса. Я — представитель мужской части среднего класса, точно так же, как ты — представительница его женской части ...

— Такие классификации не представляют никакой ценности, — грубо прервала я, выдергивая у него свою руку. — Это просто обобщение.

Я посмотрела на него сердитым подозрительным взглядом. Что-то потрясающе знакомое было в его словах, но я не могла вспомнить, где я их раньше слышала и что они для меня значили. Однако у меня было чувство, что они были жизненно для меня важными, если бы только я могла вспомнить то, что знаю по этому поводу.

— Не приписывай мне этот социологический вздор, — сказал он весело. — Я так же, как и ты, прекрасно это знаю.

Внезапно на меня нахлынула волна полной безысходности, под ее воздействием я схватила его руку и укусила ее.

— Я искренне сожалею об этом, — промямлила я в тот же момент, еще прежде, чем он оправился от неожиданности. — Я не знаю, почему я это сделала. Я с детства никого не кусала.

Я, не сводя с него глаз, отодвинулась на дальний конец скамейки, готовая к его возмездию. Его не последовало.

— Ты совершенно примитивна, — это было все, что он сказал, изумленно потирая свою руку.

У меня вырвался вздох глубокого облегчения. Его власть над мной пошатнулась. И я вспомнила, что у меня еще были с ним старые счеты. Он сделал меня посмешищем среди моих друзей — студентов-антропологов.

— Давай вернемся к нашей изначальной проблеме, — начала я, стараясь пробудить в себе гнев. — Зачем ты рассказывал мне всю

эту белиберду о сыне Эванс-Притчарда? Ты ведь наверняка понимал, что я поставлю себя в идиотское положение.

Я внимательно следила за ним, поскольку была уверена, что такая конфронтация после укуса наконец лишит его самообладания или хотя бы пошатнет его. Я ожидала, что он закричит, утратит свою дерзость и самоуверенность. Но он оставался невозмутимым. Он сделал глубокий вдох, и лицо его приняло серьезное выражение.

— Я знаю, что выглядит это так, словно люди просто рассказывают басни ради собственного развлечения, — начал он легким небрежным тоном. — Однако все здесь несколько сложнее.

— Он тихо засмеялся, затем напомнил мне, что тогда он еще не знал, что я изучаю антропологию и что я поставлю себя в неловкое положение. Он на мгновение замолчал, как будто подыскивая подходящие слова, затем безнадежно пожал плечами и добавил:

— Я не могу сейчас объяснить тебе, почему я представил тебе своего друга как сына Эванс-Притчарда, для этого мне сначала пришлось бы рассказать тебе много всего о себе и моих целях. А это сейчас нереально.

— Почему нет?

— Потому что чем больше ты будешь обо мне узнавать, тем больше ты будешь привязываться, — он задумчиво посмотрел на меня, и по выражению его глаз я поняла, что он говорит искренне.

— И я имею в виду не ментальную привязанность. Я хочу сказать, что ты привяжешься ко мне лично.

От такого вопиющего проявления наглости ко мне вернулась вся моя уверенность. Я засмеялась своим испытанным саркастическим смехом и отрезала:

— Ты совершенно отвратителен. Знаю я ваше отродье. Ты — типичный пример самодовольного латиноамериканца, с которыми я воевала всю свою жизнь.

Заметив на его лице удивленное выражение, я добавила своим самым высокомерным тоном:

— Как это тебе пришло в голову, что я к тебе привяжусь?

Он не покраснел, как я ожидала. Он хлопнул себя по коленям и стал неудержимо хохотать, словно ничего смешнее в своей жизни не слышал. И к моему полнейшему изумлению, стал толкать меня в бок, как будто я была ребенком.

Опасаясь, что рассмеюсь — я боялась щекотки, — я возмущенно взвизгнула:

— Как ты смеешь ко мне прикасаться!

Я вскочила, собираясь уйти. Меня трясло. А затем я поразила себя тем, что снова села.

Видя, что он готов опять начать толкать меня в ребра, я сжала руки в кулаки и выставила их перед собой:

— Если ты еще раз меня коснешься, я разобью тебе нос, — предупредила я его.

Абсолютно не обратив внимания на мои угрозы, он откинулся на спинку скамейки, запрокинул голову и закрыл глаза. Смеялся он весело, глубоким фыркающим смехом, от которого вздрагивало все его тело.

— Ты типичная немка, которая росла в окружении мулатов, — сказал он, повернувшись в мою сторону.

— Откуда ты знаешь, что я немка? Я никогда тебе этого не говорила, — сказала я дрожащим голосом, хотя мне очень хотелось, чтобы он звучал слегка угрожающе.

— Я понял, что ты немка, еще в нашу первую встречу, — сказал он. — Ты подтвердила это, когда соврала, что ты — шведка.

Только немцы, рожденные в Новом Свете после Второй Мировой войны, могут так врать. То есть, если они живут в Соединенных Штатах, разумеется.

И хотя я не собиралась с ним соглашаться, он был прав. Я всегда ощущала, как в отношении ко мне у людей появлялась враждебность, стоило им узнать, что мои родители — немцы. В их глазах это автоматически делало нас нацистами. И даже когда я говорила, что мои родители были идеалистами, все равно ничего не менялось. Конечно, я вынуждена признать, что как и всякие добропорядочные немцы, они верили, что их нация лучше по самой своей природе, но в общем-то у них было доброе сердце, и всю свою жизнь они были вне политики.

— Все что мне остается, — это согласиться с тобой, — заметила я ядовито. — Ты увидел светлые волосы, голубые глаза, скуластое лицо, все, что по твоему мнению отличает шведов. Не слишком у тебя богатое воображение, правда? — я двинулась в наступление.

— А зачем тебе самому понадобилось врать, если только ты не бесстыдный лгун по натуре? — продолжала я, помимо своей воли повышая голос. Постучав указательным пальцем по его запястью, я добавила с издевкой:

— Джо Кортес, а?

— А твое настоящее имя — Кристина Гебауэр? — выпалил он в ответ, подражая моей одиозной интонации.

— Кармен Гебауэр! — крикнула я, задетая тем, что он неправильно запомнил имя. Затем, смущенная своей вспышкой, я принялась хаотически защищаться. Через пару минут, сообразив, что сама не знаю, что говорю, я резко остановилась и призналась, что я и вправду немка, а Кармен Гебауэр — это имя подруги детства.

— Мне это нравится, — сказал он мягко, на его губах играла сдержанная улыбка.

Имел он в виду мою ложь или мое признание, я понять не смогла. Его глаза до краев были полны добротой и лукавством. Мягким, полным задумчивости голосом он принялся рассказывать мне историю своей детской подруги Фабиолы Кунз.

Озадаченная его реакцией, я отвернулась и стала смотреть на стоящий поблизости платан и сосны позади него. Затем, желая скрыть свой интерес к его рассказу, я стала заниматься своими ногтями — поджимать обрамляющую их кожу и сдирать лак, методично и задумчиво.

История Фабиолы Кунз была столь похожа на мою собственную жизнь, что через несколько минут я забыла все свое наигранное безразличие и стала внимательно слушать. Я подозревала, что историю он выдумал, но вместе с тем должна была признать, что он выдавал подробности, которые может знать лишь дочь немцев в Новом Свете.

Фабиола якобы до смерти боялась темнокожих латиноамериканских мальчиков, однако она точно так же боялась немцев. Латиноамериканцы пугали ее своей безответственностью, немцы — своей предсказуемостью.

Мне пришлось сдерживаться, чтобы не расхохотаться, когда он описывал сцены, имевшие место в обед по воскресеньям в доме Фабиолы, когда два десятка немцев усаживались вокруг превосходно сервированного стола — там был лучший фарфор, серебро и хрусталь — и ей приходилось слушать два десятка монологов, которые играли роль беседы.

По мере того, как он продолжал выдавать специфические детали этих воскресных обедов, мне становилось все более и более не по себе: здесь был отец Фабиолы, который запрещал в доме политические споры, вместе с тем навязчиво старался их

разжигать, выискивая окольные пути, чтобы отпускать пошлые шуточки в адрес католических священников. Или вечный страх ее матери: ее изысканный фарфор попал в руки этих неуклюжих олухов.

Его слова были сигналом, на который я подсознательно отвечала. Передо мной словно кадры на экране стали разворачиваться сцены воскресных обедов из моей жизни.

Я превратилась в сплошной пучок нервов. Мне хотелось выйти из себя и побить его, если бы только я знала как. Мне хотелось ненавидеть этого человека, но я не могла. Я жаждала мести, извинений, но от него их добиться было невозможно. Я хотела иметь над ним власть. Мне хотелось, чтобы он в меня влюбился, чтобы я могла его отвергнуть.

Пристыженная своими незрелыми чувствами, я сделала огромное усилие с целью собраться. Сделав вид, что мне скучно, я наклонилась к нему и спросила:

— А почему ты соврал о своем имени?

— Я не врал, — произнес он. — Это мое имя. У меня несколько имен. У магов для разных случаев есть разные имена.

— Как удобно! — воскликнула я саркастически.

— Очень удобно, — эхом подтвердил он и едва заметно подмигнул, что еще больше вывело меня из себя.

И тут он сделал нечто совершенно странное и неожиданное. Он обнял меня. В этом объятии не было никаких сексуальных примесей. Это был простой добрый спокойный жест ребенка, который желает утешить своего друга. Его касание успокоило меня столь полно, что я начала бесконтрольно рыдать.

— Я такое дерьмо, — всхлипнула я. — Я хотела взять над тобой верх, и посмотри теперь на меня. Я в твоих объятиях.

Я уже было собиралась добавить, что пребывать в его объятиях мне нравится, как вдруг меня наполнил всплеск энергии. Словно очнувшись ото сна, я оттолкнула его.

— Оставь меня, — прошипела я и бросилась прочь.

Я слышала, как он задыхается от смеха, но это меня ничуть не беспокоило; мой всплеск внезапно рассеялся. Я остановилась, словно вкопанная, я вся дрожала, но была не в силах уйти прочь. А затем, словно меня притянуло огромной резиновой лентой, я вернулась на скамейку.

— Не расстраивайся, — сказал он добродушно.

Казалось, он точно знает, что это было такое, что притянуло меня назад к скамейке. Он похлопал меня по спине, как хлопают детей после еды.

— Не ты и не я это делаем, — пояснил он. — Нечто вне нас двоих совершает над нами действия. Это действует на меня долгое время. Я к этому уже привык. Но я не могу понять, почему это действует и на тебя. Не спрашивай меня, что это, — сказал он, предвосхищая мой вопрос. — Я не смогу тебе этого объяснить.

Я все равно не собиралась его ни о чем спрашивать. Мой ум перестал работать. У меня было совершенно такое же ощущение, как если бы я спала, и мне снилось, что я разговариваю.

Через несколько мгновений мое оцепенение прошло. Я почувствовала себя более живой и подвижной, однако не совсем так, как обычно.

— Что со мной происходит? — спросила я.

— Тебя фокусирует и на тебя давит нечто, что исходит не из тебя, — ответил он. — Нечто давит на тебя, используя меня как инструмент. Нечто налагает другие критерии на твои средне-классовые убеждения.

— Не разводи опять эти бредни насчет среднего класса, — слабо огрызнулась я.

Это выглядело скорее просьбой. Я беспомощно улыбнулась, чувствуя, что утратила всю свою обычную желчь.

— Это, между прочим, не лично мои мнения или идеи, — сказал он. — Я, как и ты, исключительно продукт идеологии среднего класса. Вообрази мой ужас, когда я лицом к лицу столкнулся с отличной и более сильной идеологией. Она разорвала меня на части.

— Что это за идеология? — спросила я кротко, мой голос прозвучал так тихо, что его едва можно было расслышать.

— Мне открыл эту идеологию один человек, — ответил он. — Или, точнее, через него говорил и действовал на меня дух. Этот человек — маг. Я писал о нем. Его имя Хуан Матус. Он тот, кто заставил меня посмотреть в лицо моему средне-классовому складу ума.

Однажды Хуан Матус задал мне важный вопрос: “Что такое, по твоему, университет?” Я, разумеется, ответил ему как ученый-социолог: “Центр высшего образования”. Он исправил меня, заявив, что университет следовало бы называть “Институт

среднего класса”, поскольку это — заведение, которое мы посещаем, чтобы совершенствовать наши средне-классовые ценности и качества. Мы, по его словам, посещаем университет, чтобы стать профессионально образованными. Идеология нашего социального класса гласит, что мы должны готовиться занять руководящие должности. Хуан Матус сказал, что мужчины ходят в *институт среднего класса*, чтобы стать инженерами, юристами, врачами и т.п., а женщины — чтобы обрести подходящего мужа, кормильца и отца для своих детей. Кто подходящий — естественно определяется ценностями среднего класса.

Я хотела возразить ему. Я хотела закричать, что я знаю людей, которые интересуются отнюдь не только карьерой или приобретением супруга, я знаю людей, для которых важны идеи и принципы, которые учатся ради получения знаний. Но я на самом деле не знала таких людей. Я ощутила ужасное давление на грудную клетку, и меня сразил приступ сухого кашля. Я стала ерзать на своем месте, но заставил меня делать это и не дал возразить ему не кашель и не физический дискомфорт. Виной всему была уверенность, что он говорит обо мне: я пошла в университет именно для того, чтобы найти подходящего мужа. Я снова встала и приготовилась уйти. Я даже уже протянула ему на прощание руку, но тут ощутила, как что-то сильно потянуло меня за спину. Усилие было столь значительно, что мне пришлось сесть, чтобы не упасть. Я знала, что он меня не касался, — я все время на него смотрела.

Воспоминания о людях, которых я не вполне помню, о снах, которые не совсем забыла, толпой ринулись в мое сознание, образуя сложный узор, в котором мне не удавалось найти свое место. Неизвестные лица, обрывки фраз, темные изображения каких-то мест, размытые образы людей моментально отбросили меня в состояние некоего своеобразного забытия. Я была уже на грани того, чтобы вспомнить что-то обо всем этом калейдоскопе картин и звуков. Но информация ускользнула, и меня охватило чувство легкости и спокойствия — такого глубокого спокойствия, что оно напрочь стерло все мои желания отстаивать свои права. Я вытянула перед собой ноги, так, словно меня ничто в мире не беспокоило, — а в этот момент это так и было — и принялась говорить. Я не могла вспомнить, чтобы когда-либо так откровенно о себе рассказывала, и не могла понять, почему я вдруг стала с ним

такой раскованной. Я рассказала ему о Венесуэле, о своих родителях, о детстве, о своей неприкаянности, о бессмысленной жизни. Я рассказывала ему о таких вещах, в которых не признавалась даже себе.

— С прошлого года я занимаюсь антропологией. И сама не знаю, зачем, — сказала я.

Я начала понемногу ощущать себя не в своей тарелке от собственных признаний. Я беспокойно задвигалась на скамейке, но не смогла удержаться и добавила:

— Две вещи, которые больше интересуют меня — это испанская и немецкая литература. А быть на факультете антропологии — противоречит всему, что я о себе знаю.

— Эта деталь меня бесконечно заинтриговала, — заметил он. — Я сейчас не могу в это вдаваться, но похоже, что я оказался здесь, чтобы ты меня нашла, или наоборот.

— Что это все значит? — спросила я, и тут же вспыхнула, сообразив, что я все интерпретирую и рассматриваю сквозь призму своей принадлежности к женскому полу.

Он, похоже, был полностью в курсе моего внутреннего состояния.

Он ухватил мою руку и прижал к своему сердцу: — *Me gustas, nibelunga!* — воскликнул он аффективно и чтобы не осталось сомнений, перевел свои слова на английский: — Я страстно влюблен в тебя, Нибелунген. — Он глянул на меня взглядом латиноамериканского любовника и громко расхохотался. — Ты была уверена, что рано или поздно я должен буду это сказать, так что с тем же успехом можно и сейчас.

Вместо того, чтобы разозлиться или быть задетой, я рассмеялась; его юмор доставил мне огромное удовольствие. Единственная Нибелунген, которую я знала, обитала в книгах моего отца по немецкой мифологии. Зигфрид и Нибелунген. Насколько я могла вспомнить, они были волшебными существами карликового роста, которые жили под землей.

— Ты что, называешь меня карликом? — спросила я в шутку.

— Боже сохрани! — запротестовал он. — Я называю тебя немецким мифическим созданием.

Вскоре после этого, словно нам было больше нечего делать, мы отправились в горы Санта Сьюзана, к тому месту, где встретились. Никто из нас не проронил ни слова, когда мы сидели на краю обрыва, окидывая взглядом индейское кладбище. Движимые чисто дружеским импульсом, мы сидели там в тишине, не замечая, как день постепенно превращается в ночь.

Глава 7

Кортес припарковал свой фургон у подножия холма. Он обошел вокруг кабины и с подлинным изяществом помог мне выйти из машины. Я почувствовала облегчение, что мы наконец сделали остановку, хотя не могла сообразить, почему. Мы были посреди неизвестно чего. Мы ехали с раннего утра. Дневная жара, ровная пустыня, безжалостное солнце и дорожная пыль обратились в неясные воспоминания по мере того, как я вдыхала холодный тяжелый ночной воздух.

Взбитый ветром воздух вертелся вокруг нас словно что-то осязаемое, живое. Луны не было. И звезды, количество и яркость которых были невероятны, казалось, лишь подчеркивали наше уединение. Под этим неуютным сиянием пустыня и холмы, что раскинулись вокруг нас, почти невидимые, были полны теней и приглушенных звуков. Я попыталась сориентироваться, посмотрев на небо, но не смогла выделить на нем ни одного созвездия.

— Мы глядим на восток, — прошептал Джо Кортес, словно я высказала свои мысли вслух, затем принялся терпеливо показывать мне главные созвездия летнего неба. Запомнить мне удалось только звезду Вега, поскольку ее название напомнило мне имя испанского писателя семнадцатого века Лопе де Вега. Мы сидели в тишине на крыше его фургона, и я мысленно перебирала события нашего путешествия.

Меньше чем двадцать четыре часа назад, когда мы перекусывали в японском ресторане в пригороде Лос-Анжелеса, он вдруг ни с того ни с сего спросил меня, не составлю ли я ему компанию в путешествии в Сонору на несколько дней.

— С удовольствием поеду, — импульсивно выпалила я. — Учебный семестр закончился. Я свободна. Когда ты собираешься выезжать?

— Сегодня вечером! — ответил он. — Фактически, как только мы закончим нашу трапезу.

Я засмеялась, будучи уверена, что его приглашение было шуткой.

— Я не могу так вот просто сорваться с места, — заметила я. Как

насчет завтра?

— Сегодня вечером, — сказал он мягко и настойчиво, затем протянул руку и очень официально пожал мою. Только когда я заметила в его глазах огоньки удовольствия и озорства, до меня дошло, что это означало не прощание, а заключение договора.

— Когда решения приняты, нужно немедленно начинать действовать в соответствии с ними, — произнес он, оставив слова висеть передо мной в воздухе. Мы оба уставились на них, словно они и в самом деле имели форму и размер.

Я кивнула, вряд ли сознавая, что принимаю решение. Поворот судьбы был здесь, вне меня, наготове, он был неизбежен. Мне не пришлось ничего предпринимать, чтобы вызвать его.

Внезапно я с поразительной живостью вспомнила свою предыдущую поездку в Сонору годом раньше. Тело содрогнулось от страха и потрясения, когда картины — никак не связанные в своей последовательности — завертелись у меня глубоко внутри. События этой странной поездки так основательно стерлись из моего сознания, что до этого момента я жила так, словно их вообще никогда не было. Однако сейчас они предстали перед моим мысленным взором так ясно, как в тот день, когда произошли. Содрогнувшись, но не от холода, а от невыразимого ужаса, я повернулась, чтобы посмотреть на Джо Кортеса и рассказать ему о своей поездке. Он неподвижно смотрел на меня со странной силой. Его глаза были словно туннели, глубокие и темные, они вобрали в себя мое смятение. Кроме того, под их воздействием картины той поездки отступили. И как только они потеряли свой заряд, в моем сознании остались лишь пустые банальные мысли. В этот момент я в своей обычной самоуверенной манере решила, что не стану ничего рассказывать Джо Кортесу, поскольку настоящее приключение само выбирает свой путь, и самые восхитительные запоминающиеся события моей жизни — это те, у которых я не становилась на пути.

— Как ты хочешь, чтобы я тебя называла? Джо Кортес или Карлос Кастанеда? — спросила я с противной женской игривостью.

Медный цвет его лица озарился улыбкой.

— Я твой детский приятель. Дай мне имя. Я зову тебя *нибелунга*. Я никак не могла выбрать подходящее имя и спросила его:

— А в твоих именах есть какой-то порядок?

— Пожалуй, — сказал он задумчиво, — Джо Кортес — это повар,

садовник, мастер на все руки; это внимательный и задумчивый человек. Карлос Кастанеда — это человек из академического мира, но я думаю, ты его еще не встречала.

Он с улыбкой неотрывно смотрел на меня. В его улыбке было что-то детское, что-то, вызывающее глубокое доверие.

Я решила, что буду звать его Джо Кортес.

Мы провели ночь — в разных комнатах — в мотеле в Юме, штат Аризона. После того, как мы выбрались из Лос-Анжелеса, я всю дорогу изводила себя беспокойством по поводу того, как мы будем спать. Временами меня одолевал страх, что он набросится на меня прежде, чем мы доберемся до мотеля. В конце концов, он был сильным молодым мужчиной, чересчур самоуверенным и агрессивным. Я бы так не беспокоилась, если бы он был американцем или европейцем. Но поскольку он был из Латинской Америки, я просто знала, что у него на уме. Принять приглашение провести с ним несколько дней означало, что я желаю разделить с ним постель.

Его задумчивость и тактичное обращение со мной на протяжении длительной поездки прекрасно вписывались в то, что я о нем думала: он готовил почву.

Мы добрались до мотеля поздней ночью. Он отправился в кабинет управляющего справиться о комнатах для нас. Я осталась в машине, мысленно разыгрывая один мрачный сценарий за другим. Я была так поглощена своими фантазиями, что не заметила, как он вернулся. Услышав, как он звенит передо мной связкой ключей, я подпрыгнула на сиденье и выронила бумажную коричневую сумку, которую держала в руках, подсознательно прижимая к груди. В ней лежали все мои принадлежности туалета, которые мы купили по дороге.

— Я снял для тебя комнату в западной части мотеля, — сказал он.

— Она вдали от трассы.

Он указал на дверь в нескольких шагах от нас и добавил:

— Сам я буду спать в этой, выходящей на улицу. Я привык спать при любом шуме, — он сам себе улыбнулся. — У них остались только две эти комнаты.

Ошарашенная, я взяла ключи из его рук. Все мои сценарии разом отпали. Теперь у меня не будет возможности его отвергнуть. Не то чтобы мне действительно этого хотелось. Но в глубине моей души раздавались голоса, жаждущие победы, не важно, сколь

незначительной.

— Не вижу, зачем нам снимать две комнаты, — сказала я с заученной небрежностью.

Дрожащими руками я подбирала с пола свои вещи и запихивала их обратно в бумажную сумку. То, что я сказала, звучало невероятно для меня самой, однако я не в силах была остановиться.

— Шум машин не даст тебе отдохнуть, а тебе нужен сон не меньше, чем мне.

В данный момент мне как-то не верилось, что кто-то может уснуть под шум, доносящийся с трассы.

Не глядя на него, я выбралась из машины, а затем услышала собственное предложение:

— Мы могли бы спать в одной комнате — в разных кроватях, я имею ввиду.

На мгновение я застыла в немом оцепенении. Никогда прежде я ничего подобного не делала, и никогда у меня не было такой шизоидной реакции. Я говорила не то, что имела в виду. Или я-таки имела в виду именно это, но сама не понимала, что делаю.

Его смех положил конец моему смятению. Он хохотал так громко, что в одной из комнат постояльцы зажгли свет и стали кричать, чтобы мы заткнулись.

— Остаться с тобой в одной комнате, чтобы ты посреди ночи мной воспользовалась, — выдавил он из себя между приступами бурного веселья. — Как раз после того, как я приму душ. Не выйдет!

Я покраснела, да так сильно, что вспыхнули уши. Мне хотелось умереть от стыда. Это не вписывалось ни в один из моих сценариев.

Я вернулась в машину и захлопнула дверь. — Отвези меня в Трейхаунд на автостанцию, — прошипела я ему с затаенной злобой. — Какого черта я поехала с тобой? Надо проверить, все ли в порядке у меня с головой!

Все еще смеясь, он открыл дверь и мягко вытащил меня наружу.

— Давай будем спать не только в одной комнате, но и в одной постели.

Он робко посмотрел на меня.

— Пожалуйста, подари мне свою любовь! — попросил он так, словно и самом деле хотел этого.

Ошеломленная, я вырвалась из его объятий и прокричала:

— Да ни за что в жизни!

— Вот, — сказал он. — Ты так свирепо меня отвергла, что я не осмеливаюсь настаивать. — Он взял мою руку и поцеловал ее. — Ты отвергла меня и поставила на место. Проблем больше нет. Ты отомстила.

Я отвернулась от него, готовая разрыдаться. Моя досада была связана не с тем, что он не желает провести 60 мной ночь, — реши он так поступить, я бы на самом деле не знала, что делать, — а с тем фактом, что он знает меня лучше, чем даже я сама. Я не поверила тому, что, как мне казалось, было лишь способом приукрасить свои достоинства. Он мог видеть меня насквозь. Внезапно это меня испугало.

Он подошел поближе и обнял меня. Это был простой добрый жест. Как и раньше, сумятица, царившая у меня внутри, полностью исчезла, словно ее никогда не было. Я тоже обняла его и сказала нечто уже совершенно невероятное:

— Это самое захватывающее приключение в моей жизни.

Мгновенно у меня возникло желание взять свои слова обратно. Эти выскочившие слова принадлежали не мне. Я даже не знала, что имела в виду. Это было отнюдь не самое захватывающее приключение в моей жизни. У меня было много увлекательных поездок. Я объехала вокруг всего света.

Мое раздражение достигло пика, когда он пожелал мне доброй ночи, при этом ловко и нежно поцеловав меня, как целуют детей, и это мне понравилось против моей воли. У меня просто не было воли. В коридоре он легонько подтолкнул меня в направлении моей комнаты.

Проклиная себя, я плюхнулась на кровать и расплакалась от бессилия, злости и жалости к себе. С момента самых ранних моих воспоминаний я всегда в своей жизни поступала как считала нужным. Находиться в состоянии смущения и не знать чего хочу — это было для меня новое чувство, причем чрезвычайно неприятное.

Я легла спать не раздеваясь и спала беспокойно, пока он рано утром не стал стучать в мою дверь, чтобы меня разбудить.

Мы ехали весь день, виляя по каким-то заброшенным дорогам. Как он мне и говорил, *Джо Кортес* оказался внимательным и заботливым человеком. На протяжении всего долгого пути он представлял собой самого доброго, заботливого и увлекательного

спутника, о каком вообще можно было мечтать. Он кормил меня едой, песнями и рассказами. У него был поразительно глубокий и в то же время чистый баритон. К тому же он знал все мои любимые песни. Старые любовные песни всех южноамериканских стран, все их национальные гимны, древние баллады и даже детские стишки. От его историй я хохотала так, что у меня заболели мышцы живота. Как рассказчик, он восхищал меня каждым поворотом своего рассказа. Он был прирожденный мим. Та невообразимая искусность, с которой он изображал любой мыслимый южноамериканский акцент, — в том числе отчетливый португальский бразильцев — это было что-то большее, чем подражание, это была магия.

— Давай, пожалуйста, слезем с крыши автомобиля, — голос Джо Кортеса ворвался в мои грезы. — В пустыне ночью становится холодно.

— Суровая тут вокруг местность, — промолвила я.

Мне хотелось, чтобы мы забрались в фургон и уехали отсюда. Мне стало не по себе, когда я увидела, как он вынимает из машины сумки. Там у него были всевозможные подарки, купленные для людей, которых мы намеревались посетить.

— Почему ты остановился здесь. Бог знает где?

— Ты задаешь глупейшие вопросы, нибелунга, — ответил он. — Я остановился здесь, потому что тут кончается наше автомобильное путешествие.

— Мы что, уже прибыли к нашей таинственной цели, о которой ты ничего не хотел рассказывать? — спросила я с сарказмом.

Единственное, что портило эту очаровательную поездку, было то, что он напрочь отказывался говорить мне, куда именно мы направляемся.

В считанные доли секунды во мне закипела такая злость, что я готова была ударить его кулаком по носу. Мысль, что моя внезапная раздражительность — просто результат долгой изматывающей поездки, принесла мне желанное облегчение.

— Я становлюсь раздражительной, но я этого не хотела, — сказала я веселым тоном, который даже мне самой показался наигранным.

В моем голосе было такое напряжение, что сразу становилось ясно, чего мне стоит держать себя в руках. То, что я так легко и быстро могу на него разгневаться, начинало меня беспокоить.

— Ты понятия не имеешь о том, что значит вести разговор, —

сказал он, широко улыбаясь. — Ты знаешь только, как добиваться своего.

— О! Я гляжу, *Джо Кортес* отбыл. Ты снова собираешься начать меня оскорблять, Карлос Кастанеда?

Он весело рассмеялся в ответ на это замечание, в котором для меня не было ничего смешного.

— Это место не “Бог знает где”, — сказал он. — Рядом находится город Аризп (*Arizpe*).

— А граница США лежит к северу, — процитировала я. — А Чихуауа — к востоку. А Лос-Анжелес находится где-то к северо-западу отсюда.

Он пренебрежительно мотнул головой и зашагал вперед. Мы молча шли через заросли кустарников, которые я скорее чувствовала, чем видела, вдоль узкой выходящей тропки. Дорожка становилась все шире по мере того, как мы приближались к огромному участку ровной земли, со всех сторон окруженному забором из невысоких мескитовых деревьев. В темноте можно было различить силуэты двух домов. В большем из них внутри горел свет. На некотором расстоянии от него стоял меньший, темный дом.

Мы подошли к большому дому. В свете, льющемся из его окон, порхали тусклые силуэты мошек.

— Должен предупредить тебя, что люди, с которыми тебе предстоит встретиться, несколько странные, — прошептал он. — Не говори ничего. Вести разговор буду я.

— Я всегда говорю, что мне нравится, — встала я на дыбы. — И не люблю, когда меня учат, как себя вести. Я не ребенок. Кроме того, я прекрасно знаю правила хорошего тона; можешь быть уверен, что тебе не придется из-за меня чувствовать себя неловко.

— Брось ты свою заносчивость, черт побери! — прошипел он сдержанным голосом.

— Не веди себя со мной так, словно я — твоя жена, Карлос Кастанеда, — крикнула я изо всех сил, произнося его фамилию так, как, по-моему, она должна была произноситься: с мягким “н”, что, я знала, ему страшно не нравилось.

Но он не разозлился. Он засмеялся, как очень часто поступал, когда я ожидала от него взрыва гнева. Этого с ним никогда не бывает, подумала я и обреченно вздохнула. У него было потрясающее самообладание. Казалось, что ничто никогда не

сможет поколебать его или вывести из себя. Даже когда он кричал, это звучало всегда как-то наигранно.

Как раз когда он уже собирался постучать, дверь отворилась. Худощавый человек предстал темной тенью на фоне светлого прямоугольника двери. Нетерпеливым жестом руки он пригласил нас войти. Мы прошли в прихожую, полную растений.словно не желая показывать свое лицо, человек пошел впереди нас и, не сказав ни слова приветствия, отворил внутреннюю дверь, в которой задребезжало стекло.

Мы последовали за ним вдоль темного коридора, пересекли внутренний дворик, где на стульчике из тростника сидел юноша. Он играл на гитаре и пел мягким, печальным голосом; увидев нас, он умолк. На мое приветствие он не ответил и принялся играть вновь, когда мы зашли за угол и пошли по еще одному, не менее темному коридору.

— Почему здесь все так невежливы? — прошептала я на ухо Джо Кортесу. — Ты уверен, что это нужный нам дом?

Он тихо засмеялся.

— Я же говорил тебе, они малость чудаковаты.

— Ты уверен, что знаешь этих людей? — настаивала я.

— Что за вопросы ты задаешь? — бросил он в ответ тихим, но угрожающим голосом. — Разумеется, я их знаю.

Мы подошли к освещенному дверному проему. Его зрачки играли отблесками света.

— Мы собираемся здесь ночевать? — спросила я озабоченно.

— Не имею ни малейшего понятия, — прошептал он мне на ухо и поцеловал в щеку. — И пожалуйста, не задавай больше вопросов. Я делаю все возможное, чтобы провернуть почти невозможный маневр.

— Что это за маневр? — прошептала я в ответ. Внезапно я поняла, и меня охватило чувство тревоги, но вместе с тем и возбуждения. Разгадка заключалась в самом слове *маневр*.

словно понимая, что я чувствую, он взял все сумки, которые нес с собой, в одну руку, а другой взял мою руку и поцеловал ее — от его касания у меня по телу пробежала приятная дрожь, — затем мы переступили порог. Мы оказались в большой, тускло освещенной и скудно обставленной жилой комнате. Я ожидала, что жилые комнаты в мексиканской провинции должны выглядеть не так. Стены и низкий потолок были совершенно белыми. Их

белизну не нарушала ни картина, ни какое-нибудь настенное украшение.

Вдоль противоположной от двери стены стоял большой диван. На нем сидели три немолодые, элегантно одетые женщины. Я не могла толком разглядеть их лица, но в этом тусклом свете они выглядели очень похожими — на самом деле, не будучи подобными друг другу — и как-то туманно знакомыми. Я была так озадачена этим, что почти не обратила внимания на двоих, сидящих в просторных креслах рядом.

Одержимая желанием добраться до трех женщин, я сделала помимо своей воли огромный шаг. Я не заметила, что пол в комнате был кирпичным и имел ступеньку. Когда я вновь обрела почву под ногами, мое внимание привлек прекрасный восточный плед, и я заметила женщину, сидящую в одном из кресел.

— Делия Флорес! — воскликнула я. — Боже мой! Я не могу в это поверить! — я коснулась ее, чтобы убедиться, что она не просто плод моего воображения. — Что происходит? — спросила я вместо того, чтобы с ней поздороваться. В ту же минуту до меня дошло, что женщины, сидящие на диване, были теми самыми женщинами, которых я встречала год назад в доме целительницы.

Я стояла, раскрыв рот, не в силах двинуться с места, мое сознание было в шоке. По их губам пробежала едва заметная улыбка и они повернули головы в сторону седовласого мужчины, сидевшего во втором кресле.

— Мариано Аурелиано...

От моего голоса остался только тихий нервный шепот. Вся энергия вытекла из меня. Я повернулась, чтобы взглянуть на Джо Кортеза, и этим же слабым голосом обвинила его в том, что он меня надул. Мне хотелось закричать на него, оскорбить его, ударить. Но во мне не осталось никаких сил даже на то, чтобы поднять руку. Мне едва хватило их на то, чтобы сообразить, что он, как и я, стоит приросший к полу, и на лице его написано, что он потрясен и сбит с толку.

Мариано Аурелиано поднялся со своего кресла и направился ко мне, протягивая руки, чтобы меня обнять.

— Я так счастлив снова тебя видеть.

Голос его был мягким, а глаза ярко светились восхищением и радостью. Он по-медвежьи обнял меня, оторвав от земли. Мое тело обмякло. Во мне не было ни сил, ни желания отвечать

взаимностью на его теплые объятия. Я не могла вымолвить ни слова. Он опустил меня на пол и направился чтобы столь же бурно и тепло приветствовать Джо Кортеза.

Делия Флорес и ее подруги подошли к тому месту, где я стояла. Они по очереди обнимали меня и шептали что-то мне на ухо. Я успокоилась от их дружеских объятий и тихого звука их голосов, но из того, что они сказали, не поняла ни слова. Мой ум был где-то не здесь, не со мной. Я могла чувствовать и слышать, но не могла понять смысл того, что чувствую и слышу.

Мариано Аурелиано бросил на меня взгляд и сказал отчетливым голосом, разогнавшим туман у меня в сознании:

— Тебя не надули. Я тебе с самого начала говорил, что отправлю тебя к нему.

— Так вы... — я встряхнула головой, не в силах закончить предложение — до меня наконец стало доходить, что Мариано Аурелиано и был тем человеком, о котором мне столько рассказывал Джо Кортес: Хуаном Матусом, магом, изменившим течение его жизни.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но закрыла его вновь. У меня было такое ощущение, что меня высвободили из собственного тела. В моем сознании не осталось больше места для удивления. И тут я увидела м-ра Флореса, вышедшего из тени. Сообразив, что он и был тем человеком, который провел нас внутрь, я просто потеряла сознание.

Придя в себя, я увидела, что лежу на диване. Я чувствовала себя превосходно отдохнувшей и не ощущала никакой тревоги. Желая узнать, как долго я была без сознания, я села и подняла руку, чтобы взглянуть на часы.

— Ты была без сознания ровно две минуты двадцать секунд, — объявил м-р Флорес, уставившись на свое запястье без часов. Он сидел на кожаном пуфике рядом с диваном. В сидячем положении он казался гораздо выше, чем был на самом деле, поскольку ноги у него были короткие, а торс длинный.

— Так скоростижно упасть в обморок, — сказал он поднимаясь и усаживаясь рядом со мной на диване. — Я искренне сожалею, что мы тебя напугали. — Его желтые янтарные глаза, искрящиеся смехом, опровергали неподдельное беспокойство в тоне его голоса. — Я приношу свои извинения, что не поздоровался с тобой у двери. — На его лице отразилась задумчивость, граничащая с

зачарованностью, он потянул меня за косу. — Благодаря тому, что твои волосы были спрятаны под шляпой и этой тяжелой кожаной курткой, я решил, что ты — мальчик.

Я встала на ноги, но мне пришлось ухватиться за диван. Меня все еще немного качало. Я неуверенно оглянулась по сторонам.

Женщин в комнате не было, не было и Джо Кортеса. Мариано Аурелиано сидел в одном из кресел, неподвижно глядя прямо перед собой. Возможно, он спал с открытыми глазами.

— Когда я в первый раз увидел, как вы держитесь за руки, — продолжал м-р Флорес, — я уже стал опасаться, что Чарли Спайдер сделался голубым. — Он сказал все это предложение по-английски. Слова он произносил очаровательно, четко и с нескрываемым наслаждением.

— Чарли Спайдер? — я засмеялась над этим именем и над его строгим английским произношением. — Кто он такой?

— Ты не знаешь? — спросил он, в его широко раскрытых глазах было искреннее удивление.

— Нет, не знаю. А я должна знать?

Он почесал затылок, озадаченный моим отрицанием, потом спросил:

— С кем вы держались за руки?

— Карлос держал меня за руку, когда мы переступили порог этой комнаты.

— Ну вот, — сказал м-р Флорес, взирая на меня так, словно я разгадала особенно трудную загадку. Затем, видя, что с моего лица все еще не сходит вопросительное выражение, добавил: — Карлос Кастанеда — он не только Джо Кортес, он еще и Чарли Спайдер.

— Чарли Спайдер (spider (англ.) — паук), — пробормотала я тихо и задумчиво. — Имя, весьма привлекающее внимание. — Из всех трех имен это, вне всякого сомнения, нравилось мне больше всего. Дело в том, что я питала к паукам исключительно теплые чувства. Они ни капли не пугали меня, даже громадные тропические пауки. В углах моей квартиры всегда были паучьи сети. Каждый раз, убирая, я не могла себя заставить разрушить эти тонкие хитросплетения.

— Почему он зовет себя Чарли Спайдер? — спросила я из любопытства.

— Разные имена для разных ситуаций, — процитировал м-р Флорес, словно это была поговорка. — Все это должен будет

объяснить тебе Мариано Аурелиано.

— А Мариано Аурелиано имеет еще и имя Хуан Матус?

М-р Флорес утвердительно кивнул.

— Совершенно верно, имеет, — сказал он, широко и весело улыбаясь. — У него тоже есть разные имена для разных ситуаций.

— А вы сами, м-р Флорес? У вас тоже есть разные имена?

— У меня единственное имя — Флорес. Хенаро Флорес. — В его голосе была игривость. Он наклонился ко мне и вкрадчиво прошептал: — Ты можешь звать меня Хенарито.

Я невольно дернула головой. В нем было что-то такое, отчего он испугал меня даже больше, чем Мариано Аурелиано. На рациональном уровне я не могла решить, что вынуждает меня так чувствовать себя. Внешне м-р Флорес выглядел гораздо более доступным, чем все остальные. Он вел себя по-детски, игриво, беззаботно. И все же я не чувствовала себя с ним легко.

— Причина того, что у меня всего лишь одно имя, — прервал мои раздумья м-р Флорес, — состоит в том, что я не нагваль.

— А кто такой нагваль?

— О, это невероятно трудно объяснить. — Он обезоруживающе улыбнулся. — Объяснить это могут только лишь Мариано Аурелиано или Исидоро Балтасар.

— А кто такой Исидоро Балтасар?

— Исидоро Балтасар — это новый нагваль.

— Не говорите мне больше ничего, пожалуйста, — сказала я раздраженно. Приложив ко лбу руку, я опять уселась на диван. — Вы меня путаете, мистер Флорес, а я все ещё чувствую слабость.

— Я посмотрела на него умоляюще и спросила: — А где Карлос?

— Чарли Спайдер плетет какой-то паучий сон.

М-р Флорес выдал свое предложение на экстравагантном по произношению английском, затем довольно расхохотался, словно смакуя особо умную шутку. Он весело посмотрел на Мариано Аурелиано — все еще неподвижно глядящего в стену — затем снова на меня, потом опять на своего друга. Он, должно быть, почувствовал, как во мне растет опасение, поскольку беспомощно пожал плечами, покорно поднял руки вверх и сказал:

— Карлос, известный также как Исидоро Балтасар, отправился навестить...

— Он уехал? — Мой вопль заставил Мариано Аурелиано повернуться и посмотреть на меня. От того, что я осталась одна с

двумя стариками, я пришла в большее смятение, чем когда узнала, что у Карлоса Кастанеды есть еще одно имя и что он — новый нагваль, что бы это ни значило.

Мариано Аурелиано поднялся со своего места, глубоко прогнулся и, протягивая свою руку, чтобы помочь мне встать, сказал:

— Что может быть более очаровательным и приятным для двух стариков, чем защищать тебя, пока ты не очнешься от своих снов? Его располагающая улыбка и учтивость былых времен были непреодолимы. Я тут же расслабилась.

— Мне тоже не приходит на ум ничего более очаровательного, — охотно согласилась я и позволила ему отвести меня по коридору в ярко освещенную столовую.

Он подвел меня к овальному столику из красного дерева в дальнем конце комнаты, галантно подал мне стул и подождал, пока я удобно усядусь. Затем заявил, что еще не поздно поужинать и что он сам сходит на кухню, принесет мне что-нибудь вкусненькое.

Мое предложение помочь ему было любезно отвергнуто.

М-р Флорес вместо того, чтобы подойти к столу, кубарем прокатился по комнате, рассчитав расстояние с такой точностью, что остановился в нескольких дюймах от стола. Широко улыбаясь, он устроился рядом со мной. На его лице не было никакого следа усилий; он даже не запыхался.

— Невзирая на то, что вы станете отрицать, что вы — акробат, мне кажется, что вы и ваши друзья составляете часть какого-то магического представления, — сказала я.

М-р Флорес вскочил со своего стула, на его лице появилось озорное выражение.

— Ты абсолютно права. Мы составляем часть какого-то магического представления! — воскликнул он и схватил один из двух глиняных кувшинов, стоявших на длинном буфете. Он налил мне чашку горячего шоколада. — Я превращаю его в блюдо, добавив в него кусочек сыра. — Он отрезал мне ломтик сыра манчего.

Вместе они были превосходны.

Мне захотелось добавки, но он мне ничего не предлагал. Я подумала, что чашки — да и то лишь наполовину полной — недостаточно. Я всегда питала пристрастие к шоколаду и могла съедать огромные его количества безо всяких болезненных последствий. Я была уверена, что если сосредоточусь на своем

желании получить еще шоколада, то он будет вынужден налить мне еще одну чашку даже без моей просьбы. В детстве мне удавалось это проделывать, когда мне чего-то до ужаса хотелось. Я с жадностью взирала, как он вынул еще две чашки и два блюда из высокого посудного шкафа. Я обратила внимание, что наряду с фарфором, хрусталем и серебром на полках стояли древние глиняные статуэтки доиспанских времен и пластиковые доисторические монстры.

— Это дом ведьм, — сказал м-р Флорес заговорщическим тоном, словно бы объясняя неуместные украшения в посудном шкафу.

— Жен Мариано Аурелиано? — спросила я отважно.

Он не ответил, а жестами предложил обернуться. Прямо за моей спиной стоял Мариано Аурелиано.

— Их самых, — весело сказал он, ставя на стол фарфоровую супницу. — Тех самых ведьм, что сотворили этот восхитительный суп из бычьего хвоста.

Серебряным черпаком он налил мне полную тарелку и порекомендовал добавить в него дольку лайма и ломтик авокадо. Я так и сделала, истребив все это несколькими глотками. Я съела еще несколько полных тарелок, пока не утолила свой голод, — если не наелась до отвала. Мы долго сидели за столом. Суп из бычьего хвоста подействовал на меня очень успокаивающе. Мне стало легко. Во мне выключилось нечто, обычно раздраженное. Все мое существо, тело и дух, заполнила благодарность, что нет нужды тратить энергию на самозащиту.

Кивая головой, словно молча подтверждая каждую из моих мыслей, Мариано Аурелиано наблюдал за мной довольным проникательным взглядом.

Я было собиралась обратиться к нему как к Хуану Матусу, но он предвосхитил мое намерение, сказав:

— Хуан Матус я для Исидоро Балтасара. Для тебя я нагваль Мариано Аурелиано.

Улыбаясь, он наклонился ко мне и заговорщическим тоном прошептал:

— Человек, который привез тебя сюда, — новый нагваль, нагваль Исидоро Балтасар. Этим именем ты должна пользоваться в разговоре с ним или о нем.

— Ты не вполне спишь, но и не вполне бодрствуешь, — продолжил объяснять Мариано Аурелиано, — поэтому ты будешь

в состоянии понимать и запоминать все, что мы тебе говорим. — Заметив, что я уже готова перебить его, он добавил сурово: — И сегодня ночью тебе не следует задавать глупых вопросов.

Не столько тон его голоса, сколько сила, ему присущая, заставили меня поежиться. Она парализовала мой язык, голова моя, однако, по своей собственной инициативе кивнула, выражая согласие.

— Ты должен испытать ее, — напомнил м-р Флорес своему другу.

Ясно различимый зловещий огонек вспыхнул в его глазах, и он добавил: — Или еще лучше, позволь мне самому ее испытать.

Мариано Аурелиано выдержал длинную паузу, взвешивая различные зловещие варианты, и критически осмотрел меня, словно моя внешность могла дать ему ключ к разгадке важного секрета.

Загипнотизированная острым, сверлящим взглядом его глаз, я только и смогла, что моргнуть.

Он задумчиво кивнул, и м-р Флорес спросил меня низким замогильным голосом:

— Ты влюблена в Исидоро Балтасара?

Пропади я пропадом, если я механическим неживым голосом не сказала “да”.

М-р Флорес придвинулся ближе, пока наши головы едва не соприкоснулись и шепотом, который дрожал от сдерживаемого смеха, спросил:

— Ты и вправду безумно-безумно влюблена в него?

Я снова сказала “да”, и оба они взорвались громким ликующим гоготом. Отзвуки их смеха, скачущие по комнате, как теннисные мячики, в конце концов прервали мое трансоподобное состояние. Я уцепилась за них и освободилась от чар.

— Что это, черт возьми, такое, — крикнула я что есть мочи.

Пораженные, они оба вскочили со своих стульев. Они посмотрели на меня, потом друг на друга и снова разразились смехом, в исступлении забыв обо всем на свете. Чем несдержаннее были мои выпады, тем сильнее становилось их веселье. В их смехе было что-то столь заразительное, что я не смогла удержаться, чтобы не расхохотаться самой.

Как только мы все утихомирились, Мариано Аурелиано и м-р Флорес забросали меня вопросами. Их особенно интересовало, когда и при каких обстоятельствах я встретилась с Исидоро Балтасаром. Каждая ничтожно малая деталь приводила их в

полный восторг. К тому времени, как я прошла по событиям в четвертый-пятый раз, мой рассказ с каждым разом становился все подробнее и обширнее, стал изобиловать такими деталями, о которых мне и не снилось, что я смогу их вспомнить.

— Исидоро Балтасар *видел* тебя и вещи в целом, — подвел итог Мариано Аурелиано, когда я в конце концов закончила свои разнообразные отчеты. — Но он *видит* еще недостаточно хорошо. Он даже не смог понять, что это я послал тебя к нему. — Он посмотрел на меня недобро и тут же поправил себя. — На самом деле не я послал к нему тебя. Это сделал *дух*. Тем не менее, *дух* избрал меня в качестве исполнителя его приказа, и я направил тебя к нему, когда ты была наиболее сильна, посреди твоего *сновидения-наяву*. — Он говорил с легкостью, почти с безразличием, и только глаза его отражали всю важность знания. — Возможно, что сила твоего *сновидения-наяву* явилась причиной того, что Исидоро Балтасар не понял, кто ты такая, хоть он и *видел*. Несмотря на то, что *дух* дал ему об этом знать сразу, при первой встрече с тобой. Появление огней в тумане было окончательным разоблачением тайны. Как глупо, что Исидоро Балтасар не видит очевидного.

Он ухмыльнулся, и я кивнула в знак согласия, сама не зная, с чем соглашаюсь.

— Это тебе демонстрация того, что нет ничего особенного в том, чтобы быть магом, — продолжал он. — Исидоро Балтасар — маг. Быть *человеком знания* значит нечто другое. На это магам порой приходится тратить целую жизнь.

— А в чем разница? — спросила я.

— Человек знания — лидер, — объяснил он низким, слегка таинственным голосом. — Магам нужны лидеры, чтобы вести нас в и сквозь неизведанное. Лидера можно узнать по его действиям. У лидеров нет этикетки с ценой, прикрепленной к голове, и это значит, что их не купишь за деньги, не подкупишь взяткой, не выманишь у них ничего лестью и не введешь их в заблуждение. Он устроился на стуле поудобнее и продолжал говорить о том, что все люди в его группе годами предпринимают усилия, чтобы выискивать и обучать лидеров, с тем, чтобы поглядеть, удовлетворит ли хоть кто-нибудь требованиям.

— И вы нашли кого-нибудь?

— Нескольких, — ответил он. — Те, кого мы нашли, могли стать

нагвалями. — Он прижал свой палец к моим губам и прибавил: — Так что нагвали — это естественные лидеры, они — люди потрясающей энергии, которые становятся магами, добавив к своему репертуару еще одну вещь: неведомое. Если эти маги преуспеют в том, чтобы стать *людьми знания*, то практически нет пределов тому, что они могут делать.

— Может ли женщина...

Он не дал мне закончить.

— Женщина, как ты однажды поймешь, способна на бесконечно более сложные вещи, чем это, — заявил он.

— Напомнил ли тебе Исидоро Балтасар кого-либо, с кем ты встречалась ранее? — вмешался м-р Флорес.

— Ну, — начала я экспансивно, — я чувствовала себя с ним вполне свободно. Так, словно знала его всю жизнь. Он напомнил мне, возможно, кого-то из моего детства, забытого друга детства, может быть.

— Итак, ты действительно не помнишь, что встречалась с ним раньше? — не унимался м-р Флорес.

— Вы имеете в виду в доме Эсперансы? — спросила я, сгорая от любопытства узнать, не видела ли я его там, а теперь просто забыла.

Он разочарованно покачал головой. Затем, очевидно, уже не заинтересованный в моем ответе, он продолжил, спрашивая, не видела ли я кого-то, кто бы махал нам рукой по пути сюда.

— Нет, — ответила я. — Я не видела никого, кто бы нам махал.

— Подумай лучше, — настаивал он.

Я рассказала им двоим, что после Юмы, вместо того, чтобы отправиться на восток, к Ногалесу, на автостраду номер 8 — наиболее логичный маршрут — Исидоро Балтасар направился на юг, в Мексику, затем на восток через Эль Гранд Дезьерто, затем на север, снова в Соединенные Штаты через Сонойту к Айо в штате Аризона, и вернулся в Мексику, в Каборку, где у нас был совершенно восхитительный ланч из говяжьего языка с соусом из зеленого перца.

— Усевшись в автомобиль с набитым животом, я едва ли смотрела в дороге по сторонам, — продолжала я. — Я знаю, что мы проезжали через Санта Ана, а затем направились на север к Кананса, а потом снова на юг. Если спросите, что это было, — я отвечу, что сушая кутерьма.

— Не сможешь ли ты вспомнить, видела ли кого-либо на дороге,
— настаивал м-р Флорес. — Кого-нибудь, кто махал бы вам рукой.
Я плотно сомкнула веки, пытаюсь представить себе того, кто махал
нам. Но впечатления от поездки состояли из рассказов, песен,
физической усталости. Но затем, когда я уже было собиралась
открыть глаза, передо мной мелькнул облик человека. Я рассказала
им, что туманно припоминаю, что это был юноша, стоявший на
окраине одного из лежавших на нашем пути городов, который, как
мне показалось, пытался поймать машину.

— Он, возможно, махал нам, — сказала я. — Но я не уверена в
этом.

Оба они хихикнули, словно дети, которые с трудом удерживаются,
чтобы не выдать тайну.

— Исидоро Балтасар не слишком-то был уверен в том, что найдет
нас, — с весельем в голосе признался Мариано Аурелиано. — Вот
почему он следовал по такому странному маршруту. Он двигался
по пути магов, по следу койота.

— Почему он не был уверен, что найдет вас?

— Я не знаю, нашел бы он нас, когда б не молодой человек,
помахавший ему, — объяснил Мариано Аурелиано. — Тот
молодой человек был связным из другого мира. То, что он помахал
рукой, означало, что все идет как надо и можно продолжать в том
же духе. Исидоро Балтасар мог достоверно узнать тогда, кто ты
есть на самом деле, но он слишком похож на тебя в том, что
крайне предусмотрителен, а когда не предусмотрителен, то крайне
опрометчив, — он на минуту умолк, дав возможность воспринять
сказанное им, и многозначительно добавил:

— Болтаться между двумя этими крайностями — верный способ
что-то упустить. Предусмотрительность ослепляет так же, как и
опрометчивость.

— Я не вижу во всем этом логики, — устало проямлила я.
Мариано Аурелиано попытался внести ясность:

— Всякий раз, когда Исидоро Балтасар приводит гостя, он должен
быть внимателен к сигналу связного перед тем, как станет
продолжать свой путь.

— Однажды он привел девушку, в которую был влюблен, —
схехидничал м-р Флорес, закрывая глаза, как бы перенося девушку
из собственной памяти. — Высокая, темноволосая девушка.
Сильная девушка. Длинноногая. Миловидная. Он изъездил весь

Калифорнийский залив, но связной так его дальше и не пропустил. — Вы хотите сказать, что он приводит своих девушек? — спросила я с болезненным любопытством. — И скольких он уже привел?

— Совсем немного, — чистосердечно признался м-р Флорес. — Он поступал так, конечно же, по собственной воле. Но твой случай — совсем другое, — подчеркнул он. — Ты — не его девушка; ты просто вернулась назад. Исидоро Балтасар едва не рехнулся, когда обнаружил, что так по-глупому не заметил знаков *духа*. Он всего лишь твой шофер. Мы ждали тебя.

— А что бы произошло, если бы связного (sentry) там не было?

— То же, что случается всегда, когда Исидоро Балтасар появляется в чьем-то сопровождении, — ответил Мариано Аурелиано. — Он не смог бы нас найти, поскольку ему не приходится выбирать — кого приводить в мир магов. — Его голос был удивительно мягким, когда он добавил: — Только те, на кого указал *дух*, смогут постучаться в наши двери, после чего они идут к нему с помощью одного из нас.

Я собиралась прервать его, но тут, вспомнив о его предостережении — не задавать дурацких вопросов, быстро зажала рукой рот.

Оценив это и усмехнувшись, Мариано Аурелиано продолжил рассказывать о том, что в моем случае в их мир меня привела Делия.

— Она, так сказать, одна из двух колонн, предвещающих наши двери. Второй является Клара. Ты скоро увидишься с ней.

Его глаза и голос были полны искреннего восторга, когда он снова заговорил:

— Делия пересекла границу затем, чтобы привести тебя домой.

Граница — реально существующий факт, но маги используют его как символ. Тебя, находящуюся по другую сторону, должны были привести сюда, на эту сторону. По ту сторону находится повседневный мир, здесь, по эту сторону, — мир магов.

— Делия незаметно вовлекла тебя, — по-настоящему профессионально. Это было безупречным маневром, который ты с течением времени будешь осознавать все лучше и лучше.

Мариано Аурелиано приподнялся из своего кресла и потянулся к буфету за фарфоровой чашей, в которой был компот. Он поставил ее передо мной.

— Давай ешь. Они бесподобны.

Восторженным взглядом я посмотрела на мягкие сушеные абрикосы, находившиеся в чаше с ручной росписью, и попробовала одну из них. Они были более чем прелестны. Я положила в рот еще три.

Мистер Флорес подмигнул мне.

— Вперед, — призвал он меня. — Уложи в рот их все, прежде чем мы унесем посуду.

Я покраснела и попыталась попросить прощения со ртом, набитым абрикосами.

— Не извиняйся! — воскликнул Мариано Аурелиано. — Будь сама собой, но сама собой с головой. Если ты желаешь прикончить абрикосы, то прикончи их, и все. Чего тебе никогда не следует делать — это расправиться с абрикосами, а потом об этом сожалеть.

— Хорошо, я их прикончу, — сказала я.

И это вызвало у них смех.

— Знаешь ли ты, что встречалась с Исидоро Балтасаром в прошлом году? — спросил мистер Флорес.

Наклонившись вместе с креслом, он держался в нем так непрочно, что я стала опасаться, как бы он не упал назад и не врезался в посудный шкаф. Вспышка озорства появилась в его глазах, когда он начал напевать себе под нос хорошо известную песню “Девушка на ранчо”. Вместо слов, которые были в ней, он вставил куплет, рассказывающий историю Исидоро Балтасара, известного повара из Тусона. Повара, который никогда не терял своего хладнокровия, даже тогда, когда его обвинили в том, что он кладет в свою стряпню дохлых тараканов.

— А! — воскликнула я. — Повар! Поваром в кофейне был Исидоро Балтасар! Но этого не может быть, — пробормотала я. — Не думаю, чтобы он... — я остановилась на полуслове.

Я продолжала смотреть на Мариано Аурелиано в надежде, что его лицо, этот орлиный нос, эти сверлящие глаза что-то мне откроют. Я непроизвольно поежилась, словно меня вдруг обдало холодом. В его холодных глазах было что-то яростное.

— Да? — подсказал он мне. — Ты не думаешь, чтобы он... — движением головы он показал, что ждет, чтобы я закончила фразу. Я собиралась сказать, весьма бессвязно, что не думаю, чтобы Исидоро Балтасар стал так бессовестно мне лгать. Однако

заставить себя сказать это я не смогла.

Взгляд Мариано Аурелиано стал еще жестче, но я была слишком выведена из равновесия, мне было чересчур обидно за себя, чтобы испугаться.

— Итак, меня все-таки обманули, — наконец выпалила я, сердито на него глядя. — Исидоро Балтасар все время знал, кто я такая. Все это игра.

— Все это игра, — легко согласился Мариано Аурелиано. — Однако удивительная игра. Единственная игра, в которую стоит играть. — Он замолчал, словно хотел дать мне время еще высказать свое недовольство. Но прежде чем я успела этим воспользоваться, он напомнил мне о парике, который он надел мне на голову. — Если ты не узнала Исидоро Балтасара, который не был переодет, то почему ты думаешь, что он узнал тебя, черноволосую, с короткой кудрявой стрижкой?

Мариано Аурелиано продолжал смотреть на меня. Его взгляд утратил свою жесткость, теперь в его глазах было грустное усталое выражение.

— Тебя не обманули. Тебя даже не соблазнили. Не то чтобы я на это не пошел, если бы счел необходимым, — заметил он светлым мягким тоном. — Я с самого начала говорил тебе, что есть что. Ты была свидетелем событий огромной важности, но все еще их не заметила. Как и большинство людей, ты связываешь магию с причудливым поведением, ритуалами, зельями, заклинаниями. Он наклонился ближе и, понизив голос буквально до шепота, добавил, что настоящая магия состоит в тонком и умелом управлении восприятием.

— Настоящая магия, — вставил м-р Флорес, — не приемлет человеческого вмешательства.

— Но м-р Аурелиано утверждал, что он отправил меня к Исидоро Балтасару, — заметила я с ребяческой несдержанностью. — Разве это не вмешательство?

— Я — нагваль, — просто сказал Мариано Аурелиано. — Я — нагваль Мариано Аурелиано, и тот факт, что я — нагваль, позволяет мне управлять восприятием.

Я выслушала его слова с особым вниманием, но у меня не было ни малейшего понятия о том, что он имеет в виду под управлением восприятием. Чисто из нервозности, я потянулась за последним сушеным абрикосом, лежавшим на тарелке.

— Ты заболеешь, — сказал м-р Флорес. — Ты такая крошечная, и у тебя такая боль в... глазах.

Мариано Аурелиано подошел и встал позади меня, затем нажал на мою спину таким образом, что я закашлялась и выплюнула последний абрикос, который был у меня во рту.

[*НАЗАД*](#) | [*INDEX*](#) | [*ВПЕРЕД*](#)

Глава 8

С этого момента последовательность событий, как я ее помню, смазывается. Я не знаю, что произошло потом. Возможно, я уснула, не отдавая себе в этом отчета, или, может быть, давление, которое Мариано Аурелиано оказал на мою спину, было столь велико, что я потеряла сознание.

Когда я пришла в чувство, я обнаружила, что лежу на циновке на полу. Я открыла глаза и мгновенно ощутила вокруг себя интенсивное сияние. Казалось, что комнату наполнял солнечный свет. Я несколько раз моргнула, проверяя, не случилось ли чего с моими глазами. Я не могла их сфокусировать.

— М-р Аурелиано! — позвала я. — Мне кажется, что с моими глазами что-то не так.

Я попыталась сесть, но не смогла.

Рядом со мной не было ни м-ра Аурелиано, ни м-ра Флореса; здесь была женщина. Она наклонилась надо мной, затмевая собой свет. Ее черные волосы, свободно разбросанные по сторонам, ниспадали на плечи, у нее было круглое лицо и импозантный бюст. Я опять попыталась приподняться и сесть. Она не прикасалась ко мне, однако я знала, что каким-то образом она меня удерживает.

— Не называй его м-ром Аурелиано, — сказала она. — И Мариано тоже. Это непочтительно с твоей стороны. Называй его нагваль, а когда говоришь о нем, говори — нагваль Мариано Аурелиано. Ему нравится его полное имя.

Ее голос звучал мелодично. Она мне понравилась.

Я чувствовала себя несмышленной собачонкой. Мне хотелось расспросить ее обо всем этом вздоре насчет непочтительности. Я слышала, как Делия и прочие женщины называли его и более нелепыми уменьшительными именами и суеились вокруг него, словно он был их любимой куклой. Он, конечно же, наслаждался каждой из подобных минут. Но я не могла вспомнить, где и когда присутствовала при этом.

— Ты понимаешь? — спросила женщина.

Я хотела было ответить “да”, но у меня пропал голос.

Безрезультатно я пыталась открыть рот и сказать хоть что-нибудь. Когда она настойчиво потребовала ответить, понимаю ли я ее, я смогла только кивнуть головой.

Женщина предложила мне руку, чтобы помочь подняться. Прежде чем она прикоснулась ко мне, я уже оторвалась от пола, словно мое желание встать заменило реальный контакт с ее рукой и привело меня в сидячее положение еще до того, как это сделала она.

В полном изумлении от происшедшего, я хотела спросить ее об этом, но мне едва удавалось вертикально держать спину. Что же касается речи, то слова попросту отказывались выходить из моего рта наружу.

Она несколько раз провела рукой по моим волосам. Ей, очевидно, было известно все о моем состоянии. Она доброжелательно улыбнулась и сказала:

— Ты *сновидишь*.

Я не услышала, как она это сказала, но поняла, что слова движутся из ее сознания прямо в мое. Она кивнула и объяснила мне, что и в самом деле я могу слышать ее мысли, а она — мои. Она убедила меня, что является чем-то вроде плода моего воображения, однако может взаимодействовать со мной и влиять на меня.

— Обрати внимание! — велела она мне. — Я не шевелю губами и по-прежнему разговариваю с тобой. Делай то же самое.

Ее губы совершенно не шевелились. Желая знать, смогу ли я уловить движения ее губ, когда она безмолвно произносит слова, я хотела прижать свои пальцы к ее рту. Выглядела она действительно миловидной, хотя и угрожающей. Она потянулась за моей рукой и коснулась ею своих улыбающихся губ. Я не почувствовала ничего.

— А как я могу разговаривать, не шевеля губами? — спросила я.

— У тебя между ног есть отверстие, — сказала она прямо в мое сознание. — Сфокусируй на нем свое внимание. И кошечка замурлычет.

Это замечание отозвалось во мне целым аккордом смеха. Я хохотала так сильно, что у меня перехватило дух и потемнело в глазах.

Она привела меня в чувство. Я находилась все на той же циновке, на полу, но лежала, облокотившись на толстую подушку. Я часто моргала глазами и дрожала, затем, сделав глубокий вдох,

посмотрела на нее. Она сидела на полу рядом со мной.

— Я не подвержена обморокам, — сказала я и удивилась тому, что могу произносить слова. Тон моего собственного голоса был таким уверенным, что я громко рассмеялась и повторила это же предложение несколько раз.

— Я знаю, знаю, — успокоила она меня. — Не волнуйся, но так или иначе, ты не совсем еще проснулась. Меня зовут Клара. Мы уже встречались в доме у Эсперансы.

Я намеревалась возразить или спросить ее, что все это значит.

Вместо этого я, ни минуты не сомневаясь, решила, что все еще вижу сон и что мы встречались в доме у Эсперансы.

В моей голове медленно стали всплывать воспоминания, туманные мысли. Образы людей, мест. Отчетливая мысль возникла в моем сознании: однажды мне снилось, что я встречала ее. Это был сон.

Однако я никогда не думала о нем в терминах реальных событий.

К моменту, когда я вышла на такое понимание, я вспомнила Клару.

— Разумеется, мы встречались, — заявила я с триумфальным видом. — Но мы встречались во сне, поэтому ты нереальна.

Сейчас я, очевидно все же сплю, и поэтому помню тебя.

Я вздохнула, довольная, что все это можно так просто объяснить, и плюхнулась на толстую подушку. Другое отчетливое воспоминание всплыло в моем мозгу. Я не могла точно указать, когда именно видела этот сон, но помнила его так же ясно, как и события, происходившие в действительности. В этом сне Делия познакомила меня с Кларой. Она охарактеризовала Клару как наиболее общительную из *женщин-сновидящих*.

— У нее и в самом деле полно обожающих ее друзей, — сообщила мне Делия.

Клара из того сна была очень высокой, сильной и довольно полной. Она наблюдала за мной с такой дотошностью, словно я была представительницей неизвестного биологического вида, наблюдала с вниманием в глазах и нервной улыбкой. И все же, несмотря на то, что она так требовательно меня изучала, она мне безмерно понравилась. У нее были задумчивые, улыбчивые зеленые глаза. Больше всего из этого рьяного наблюдения мне запомнилось то, что она смотрела на меня немигающим взглядом кошки.

— Я знаю, что это всего лишь сон, Клара, — повторила я, словно мне нужно было убедить саму себя.

— Нет. Это не просто сон, это особенный сон, — настойчиво возразила мне Клара. — Ты не права, что относишься к подобным мыслям, как к игрушкам. Мысли обладают силой, будь с ними осторожна.

— Клара, ты не настоящая, — настаивала я натянутым высоким тоном. — Ты — сон. Вот почему я не смогу тебя вспомнить после того, как проснусь.

Мое непробиваемое упорство привело к тому, что Клара стала посмеиваться.

— Ты никогда не пыталась вспомнить меня, — объяснила она наконец. — Для этого не было повода, не было причины. Мы, женщины, практичны до невозможности. Это — то ли наш большой недостаток, то ли великое благо.

Я уже собиралась было спросить, какова практическая сторона того, что я помню ее сейчас, но она предвосхитила мой вопрос.

— Поскольку я стою перед тобой, тебе приходится помнить меня. И ты помнишь. — Она наклонилась ниже и, остановив на мне свой кошащий взгляд, добавила: — И больше ты меня не забудешь.

Маги, обучавшие меня, рассказали мне, что женщине всякое новшество нужно иметь в двух ипостасях, чтобы его закрепить.

Два взгляда на что-либо, два прочтения, два испуга и т.п. Мы с тобой виделись уже дважды. И теперь я закреплена и реальна.

Чтобы доказать свою подлинность, она подтянула вверх рукава блузы и напрягла бицепсы:

— Прикоснись к ним, — предложила она мне. Хихикая, я прикоснулась. У нее и вправду были сильные, отчетливо обозначенные бицепсы. Они оказались такими же реальными, как и все вокруг. Кроме того, она коснулась моей рукой своих бедер и икр.

— Если это — особый сон, — спросила я осторожно, то что я делаю в этом сне?

— Все, что твоей душе угодно, — ответила она. — До сих пор ты справлялась с этим отлично. Однако я не могу вести тебя, поскольку не являюсь твоим учителем *сновидения* (dreaming teacher). Я — просто толстая ведьма, которая в действительности заботится о других ведьмах. Это моя напарница, Делия, вытащила тебя в мир магов, точно как повивальная бабка. Но она — не та, что нашла тебя. Нашла тебя Флоринда.

— Кто такая Флоринда? — засмеялась я произвольно. — И

когда она нашла меня?

— Флоринда — это еще одна ведьма, — сказала Клара без особого выражения и тоже расхохоталась. — Ты встречала ее. Она взяла тебя в свой сон в доме Эсперансы. Ты помнишь о пикнике?

— А-а, — вздохнула я понимающе. — Ты имеешь в виду высокую женщину с сиплым голосом? — Меня наполнило благоговение. Я всегда любовалась высокими женщинами.

— Высокая женщина с сиплым голосом, — подтвердила Клара. — Она нашла тебя пару лет назад на приеме, где ты была в сопровождении своего друга. Шикарный обед в Хьюстоне, штат Техас, в доме нефтепромышленника.

— Что ведьме делать на приеме у нефтепромышленника? — спросила я.

Затем смысл ее слов дошел до меня. Я онемела. Хотя я и не вспомнила, видела ли Флоринду, сам прием, конечно же, всплыл в моей памяти. Я приехала туда со своим другом, прилетевшем на собственном самолете из Лос-Анжелеса исключительно ради приема и собиравшемся улететь обратно на следующий день. Я была его переводчиком. На этом приеме присутствовали несколько мексиканских бизнесменов, не знавших английского.

— Боже! — воскликнула я. — Что за таинственный поворот событий!

Я подробно описала Кларе прием. Я была в Техасе впервые. Словно поклонница, увидевшая кинозвезду, я бросала на мужчин любопытные взгляды, но не потому, что они были красивы, а потому, что они выглядели так необычно в своих стетсоновских шляпах, костюмах пастельных тонов и ковбойских ботинках. Для развлечения гостей нефтепромышленник пригласил актеров. В гротоподобном здании ночного клуба, специально выстроенном для этого случая, они поставили варьете-шоу, достойное Лас Вегаса. Клуб буквально разрывался от музыки и мигания ярких огней. И еда там была превосходной.

— Но зачем Флоринде понадобилось посетить такой прием? — спросила я.

— Мир магов — самая странная вещь, которая только бывает на свете, — сказала Клара вместо ответа.

Она, словно акробат, вскочила из позиции сидя на ноги без помощи рук. Затем принялась ходить по комнате туда-сюда мимо моей циновки. Во весь рост она смотрелась внушительно —

темная юбка, хлопчатобумажный ковбойский жакет, красочно отделанный на спине вышивкой, высокие ковбойские сапоги. Австралийская шляпа, низко надвинутая на брови, словно для защиты от полуденного солнца, представляла собой последний штрих к ее эксцентричному, диковинному внешнему виду.

— Как тебе моя экипировка? — спросила она, остановившись передо мной. Ее лицо сияло.

— Великолепно, — вырвалось у меня. У нее определенно был талант и уверенность, чтобы носить какой угодно костюм. — В самом деле, что надо!

Она опустила на колени на циновку рядом со мной и заговорщицки прошептала:

— Делия ходит зеленая от зависти. Мы всегда соревнуемся в необычности своих нарядов. Они должны быть сногшибательными, но не дурацкими. — Она на мгновение замолчала, ее глаза изучающе смотрели на меня. — Ты тоже можешь посоревноваться, — предложила она. — Хочешь присоединиться к нам в нашей игре?

Я решительно кивнула, и она принялась рассказывать мне правила.

— Оригинальность, практичность, дешевизна и отсутствие собственной важности, — громко выпалила она. Затем поднялась и еще несколько раз прокружилась по комнате. Смеясь, она рухнула позади меня и сказала:

— Флоринда считает, что я должна вовлечь тебя в игру. Она говорит, что обнаружила на том приеме, что у тебя есть чутье на исключительно практичные наряды.

Она едва закончила предложение; ее обуял приступ безудержного хохота.

— Флоринда разговаривала там со мной? — спросила я и украдкой пристально посмотрела на нее, пытаясь уловить, не расскажет ли она мне то, что я упустила в своем рассказе, — информацию, которую сама бы я не сообщила.

Клара покачала головой, затем наградила меня отвлеченной улыбкой, означавшей, что дальнейшие расспросы о приеме отменяются.

— Как получилось, что Делия оказалась на крестинах в Ногалесе, штат Аризона? — спросила я, переводя разговор на события другого приема.

— Ее туда отправила Флоринда, — призналась Клара, пряча свои

растрепанные волосы под австралийскую шляпу. — Она шокировала всех посетителей приема, сообщив всем, что пришла с тобой.

— Постой-ка! — перебила я ее. — Это не сон. Что ты пытаешься со мной делать?

— Я стараюсь учить тебя, — настойчиво ответила Клара в том же неизменном беспристрастном духе. Ее голос звучал ровно, почти небрежно. Казалось, ее не интересует, какой эффект производят на меня ее слова. Внимательно, однако, за мной наблюдая, она добавила:

— Это сон, и мы, конечно же, разговариваем в твоём сне, потому что и я тоже *сновиджу* твой сон.

То, что ее замысловатых фраз оказалось достаточно, чтобы меня успокоить, как раз и доказывало, что я сплю. Мой ум успокоился, стал сонным и способным принять ситуацию как есть. Я услышала, как говорю, и голос мой вылетал, не управляемый волей:

— Флоринда никак не могла знать о моей поездке в Ногалес, — сказала я. — Я приняла приглашение своей подруги под влиянием момента.

— Я знала, что это покажется тебе невообразимым, — вздохнула Клара. Затем, глядя мне в глаза и тщательно взвешивая свои слова, она заявила: — Флоринда — твоя мать, более чем какая бы то ни было другая мать, которая у тебя была.

Я сочла ее утверждение абсурдным, однако не смогла вымолвить ни слова.

— Флоринда чувствует тебя, — продолжала Клара. С дьявольским огоньком в глазах она добавила: — Она использует устройство наведения. Ей всегда известно, где ты находишься.

— Что за устройство наведения? — спросила я, внезапно ощутив, что мой ум снова полностью владеет ситуацией. Мысль о том, что кто-то всегда знает, что я собираюсь делать, наполнила меня страхом.

— Устройством наведения являются ее чувства к тебе, — ответила Клара с очаровательной простотой и таким мягким, полным гармонии тоном, что это лишило меня всяческих опасений.

— Какие чувства ко мне, Клара?

— Кто знает, детка, — ответила она задумчиво. Она поджала под себя ноги, обхватила их руками и положила подбородок на колени.

— У меня никогда не было такой дочери.

Мое настроение резко изменилось, беспечность опять сменилась опасениями. Я принялась рационально, все тщательно обдумывая — таков был мой стиль, — выискивать тонкий подтекст в том, что сказала Клара. И как раз эти рациональные рассуждения снова разбудили мои сомнения. Не может быть, чтобы это был сон. Я не сплю. Моя сосредоточенность слишком сильна, чтобы это могло быть иначе.

Соскальзывая с подушки, подпирившей мою спину, я полуприкрыла глаза. Сквозь ресницы я продолжала следить за Кларой, желая знать, растает ли она постепенно, так же, как тают во снах люди и пейзажи. Она не исчезла. Я тотчас же опять обрела уверенность, что не сплю, и что то же самое касается Клары.

— Нет, неправда, что мы не спим, — возразила она, опять вторгаясь в мои мысли.

— Я могу разговаривать, — заявила я, обосновывая тем самым то, что нахожусь в полном сознании.

— Тоже мне, подумаешь! — хихикнула Клара. — Вот теперь я сделаю нечто, что тебя разбудит, так что ты сможешь продолжать разговор уже по-настоящему проснувшись. — Она вымолвила последнее слово с особой тщательностью, как-то чересчур его растянув.

— Погоди, погоди, Клара, — взмолилась я. — Дай мне время привыкнуть ко всему этому. — Я предпочитала относиться с недоверием к тому, что она собиралась со мной сделать.

Не реагируя на мою просьбу, Клара приподнялась и потянулась за кувшином с водой, стоявшим на низком столике рядом. Все еще хихикая, она нависла надо мной, держа кувшин над моей головой. Я попыталась откатиться в сторону, но у меня ничего не получилось. Мое тело не подчинялось мне, впечатление было такое, что оно приклеилось к циновке. Еще до того, как она в самом деле вылила на меня воду, я почувствовала на своем лице холодные легкие брызги. Скорее прохлада, а не влага, произвела на меня наиболее специфическое воздействие. Сперва она размыла маячившее надо мной лицо Клары, подобно тому, как рябь искажает поверхность воды; затем прохлада сконцентрировалась в области моего желудка и втянула меня вовнутрь, словно рукав, который выворачивают наизнанку. Моей последней мыслью было то, что я сейчас утону в кувшине с водой. Пузырьки темноты один

за другим кружились надо мной до тех пор, пока все не стало черным.

Когда я пришла в себя, то уже лежала не на циновке, а на диване в общей комнате. Две женщины, стоявшие в футе от дивана, смотрели на меня широко раскрытыми, полными любопытства глазами. Флоринда, высокая седовласая женщина с хриплым голосом, сидела рядом со мной, мурлыча себе под нос старую колыбельную — или мне так только казалось, — и с удивительной нежностью гладила меня по голове, по лицу, ласкала руки.

Эти прикосновения и звук ее голоса завладели мной. Я просто лежала там, неотрывно глядя на нее немигающим взглядом. Я была уверена, что вижу один из тех ярких снов, которые всегда начинались как обычные сны, а заканчивались кошмаром.

Флоринда разговаривала со мной. Она велела мне посмотреть ей в глаза. Ее слова летели беззвучно, словно крылья бабочки. Но все, что я видела в ее глазах, наполняло меня знакомым ощущением — жалкого, иррационального страха, который охватывал меня в ночных кошмарах. Я вскочила и бросилась прямо к двери. Это была автоматическая, животная реакция, которая всегда сопровождала мои кошмары.

— Не пугайся, моя дорогая, — сказала высокая женщина, последовав за мной. — Расслабься. Все мы здесь для того, чтобы помочь тебе. Не стоит так расстраиваться. Ты нанесешь вред своему маленькому телу, подвергая его ненужному страху.

Я остановилась у двери, но не потому, что она уговорила меня остановиться, а потому, что мне не удавалось открыть эту проклятую дверь. Я в исступлении трясла ее, дверь не поддавалась. Высокая женщина стояла позади меня. Моя дрожь усилилась. Я трясла дверь с такой силой, что мое тело болело, сердце билось так громко и так неровно, что казалось, оно выскочит наружу, разорвав грудную клетку.

— Нагваль! — воскликнула высокая женщина, поворачивая голову назад. — Ты бы сделал что-нибудь. Она сейчас умрет от страха. Я не увидела того, к кому она обращалась, но в своих неистовых попытках отыскать выход заметила дверь в другом конце комнаты. Я была уверена, что во мне еще хватит энергии, чтобы ринуться к ней, но ноги отказали мне. И, словно жизнь уже покинула мое тело, я мешком рухнула на пол. Длинные руки женщины, словно крылья орла, подхватили меня. Удерживая меня, она прижала свои

губы к моим и вдохнула в меня воздух.

Постепенно мое тело расслабилось, сердцебиение вернулось к норме. Я наполнилась странным умиротворением, которое быстро сменилось диким возбуждением. Но не страх вызвал это возбуждение, а ее дыхание. Оно было горячим, оно обжигало мне горло, легкие, желудок, пах, разливаясь по всему телу вплоть до рук и ног. И вдруг, в один момент, я поняла, что она в точности такая же, как я, только выше, такого роста, какого мне всегда хотелось быть. Меня охватила такая любовь к ней, что я сделала нечто из ряда вон выходящее — страстно поцеловала ее.

Я почувствовала, как ее губы расплылись в широкой улыбке. Затем она, запрокинув назад голову, засмеялась.

— Этот маленький несмышленыш меня поцеловал, — сказала она, поворачиваясь к остальным.

— Все это мне снится! — воскликнула я, и они залились по-детски непринужденным смехом.

Сперва я не смогла удержаться и тоже стала смеяться. Однако в отдельные моменты я была такой как обычно — смущенной своими импульсивными действиями и обозленной, что меня поймали на горячем.

Высокая женщина обняла меня.

— Я — Флоринда, — произнесла она, затем взяла меня на руки и принялась качать, словно я была младенцем. — Ты и я — одно и то же, — продолжала она. — Ты как раз такая маленькая, какой бы мне хотелось быть. Быть высокой — это большой недостаток. Даже покачать тебя никто не может. Мой рост — пять футов и десять дюймов.

— А мой — пять и два, — призналась я, и мы обе рассмеялись, поскольку понимали друг друга до тонкостей. Вообще-то мой рост слегка не дотягивал до отметки “два”, но я всегда округляла его в большую сторону. Я была уверена, что Флоринда скорее ростом пять и одиннадцать, но округляет вниз, до десяти. Я поцеловала ее в глаза и щеки. Я любила ее непостижимой для себя любовью; в этом чувстве не было места ни сомнениям, ни страхам, ни ожиданиям. Той любовью, которая бывает только во снах.

Видимо, от ощущения полного единодушия со мной, Флоринда тихо засмеялась. Неуловимый свет ее глаз, таинственная белизна волос были словно забытые воспоминания. Казалось, что я знала ее с первого дня своей жизни. Мне пришло в голову, что дети,

которые любят своих матерей, отдаются этому чувству сполна. Дочерняя любовь, дополненная восторгом по отношению к материнскому существу, должна выливаться в ощущение полной любви, такой любви, какая была у меня к этой высокой загадочной женщине.

Она опустила меня, поставив на пол. — Это Кармела, — сказала она, обращая мое внимание на красивую темноволосую и темноглазую женщину. Ее черты были тонки и изящны, а кожа обладала безупречной гладкостью. Ее спокойное лицо было кремово-бледным, как у людей, подолгу не выходящих из дому. — Я принимаю только лунные ванны, — шепнула она мне на ухо, обнимая меня. — Тебе следует поступать точно так же. Ты слишком прекрасна, чтобы подставлять себя солнцу, — этим ты разрушаешь свою кожу.

Я узнала ее по голосу больше, чем по всему остальному. Она была той самой женщиной, которая на пикнике задавала мне прямые вопросы личного характера. Я запомнила ее сидящей; она выглядела миниатюрной и хрупкой. К моему удивлению, она оказалась на три-четыре дюйма выше меня. Ее сильное мускулистое тело заставило меня почувствовать себя ничтожной по сравнению с ней.

Изящно обняв меня за плечи, Флоринда подвела меня ко второй женщине, которая стояла у дивана, когда я проснулась. Она была мускулиста и высока, но не настолько, как Флоринда. Она не была красивой в общепринятом смысле — для этого черты ее лица были слишком мужественны, — но в ней было нечто поразительное, совершенно прелестное, даже легкий пушок, расплывчатой тенью лежащий над верхней губой, обесцветить или выщипать который она, судя по всему, себя не утруждала.

Я ощущала ее громадную силу, ее возбуждение, которое она полностью держала под контролем, но которое все-таки было. — Это Зойла, — сообщила мне Флоринда.

Зойла не пошевелилась ни чтобы пожать мне руку, ни чтобы обнять меня. Кармела засмеялась и сказала за нее:

— Я так рада снова видеть тебя.

Рот Зойлы очертила очаровательнейшая из улыбок, обнажившая белоснежные, крупные, ровные зубы. Ее длинная изящная рука, мерцающая драгоценными камнями колец, погладила меня по щеке, и я отчетливо поняла, что она та, чье лицо было скрыто за

массой тонких волос. Это была женщина, украшавшая бельгийскими кружевами холщовую скатерть, за которой мы сидели во время пикника.

Три женщины окружили меня и усадили на диван.

— В первый раз мы встречались с тобой в твоём сне, — обратилась ко мне Флоринда. — Поэтому у нас реально не было времени пообщаться. Но сейчас ты не спишь, поэтому расскажи нам о себе.

Я уже было приготовилась прервать её и сказать, что сплю и что во время пикника, спала я там или нет, я уже рассказала им о себе все, что обо мне стоит знать.

— Нет, нет. Ты не права, — сказала Флоринда, так, будто я громко произнесла свои мысли вслух. — Ты сейчас полностью пробудилась. И нам хотелось бы узнать о том, что было с тобой со времени нашей последней встречи. Расскажи нам в частности об Исидоро Балтасаре.

— По-твоему, это — не сон? — спросила я нерешительно.

— Нет, это не сон, — заверила меня она. — Ты спала ещё несколько минут назад, но это другое.

— Я не вижу разницы.

— Дело в том, что ты — прекрасная *сновидящая*. Твои кошмары — реальны. Ты сама говорила об этом.

Все мое тело напряглось. И затем, словно зная, что нового приступа страха ему не вынести, оно сдалось. На миг тело отказало мне. Я повторила им все то, что до того в нескольких версиях рассказывала Мариано Аурелиано и м-ру Флоресу. На этот раз, правда, мне вспомнились такие подробности, которые все равно ускользнули от меня раньше, например, две стороны лица Исидоро Балтасара, два одновременно присутствовавших в нём настроения, которые элементарно выдавали его глаза. Левая из них была зловещей, угрожающей, правая — дружеской, открытой.

— Он — опасный человек, — заявила я, увлеченная своими наблюдениями. — Он обладает исключительной силой изменять события в желаемом для себя направлении, оставаясь при этом в тени и наблюдая за тем, как ты корчишься в судорогах.

Женщины были увлечены тем, что я говорю. Флоринда знаком попросила меня продолжать.

— Что делает людей уязвимыми по отношению к его чарам — так это его великодушие, — продолжала я. — И великодушие,

возможно, единственное качество, перед которым никто из нас не может устоять, потому что мы, независимо от своего происхождения, никому не принадлежим. — Осознав, что я говорю, я резко замолчала и ошеломленно посмотрела на женщин. — Не знаю, что это нашло на меня, — пробормотала я в попытке найти себе оправдание. — Я и вправду не знаю, почему я так сказала, поскольку никогда не думала об Исидоро Балтасаре именно так. Это говорила не я. Я даже не способна судить так о ком-либо.

— Детка, никогда не задумывайся, откуда у тебя эти мысли, — сказала Флоринда. — Очевидно, ты погрузилась прямо в источник. Каждый так поступает — погружается прямо в источник — но чтобы это осознать, нужно быть магом.

Я не понимала, что она пытается мне сказать, и еще раз призналась, что вовсе не имела намерения слишком много болтать. Хихикнув, несколько мгновений Флоринда смотрела на меня задумчивым взглядом. — Поступай так, словно ты во сне. Действуй смело и не ищи оправданий.

Я чувствовала себя тупицей, неспособной анализировать свои ощущения. Флоринда кивнула, словно подтверждая это, затем повернулась к своим компаньонкам и попросила их: — Расскажите ей о себе.

Кармела прокашлялась и, не глядя в мою сторону, начала:

— Мы втроем и еще Делия образуем группу. Мы имеем дело с обычным миром.

Я внимала каждому ее слову, но совсем не понимала их значения.

— Мы — группа магов, имеющих дело с людьми, — пояснила свои слова Кармела. — Есть еще одна группа из четырех женщин, которая с людьми вообще не имеет дела. — Она взяла мою ладонь в свои руки и внимательно посмотрела на нее, словно хотела прочесть по ней мою судьбу, затем мягко сжала ее в кулачок и прибавила: — В общем-то ты похожа на нас. Это значит, что ты можешь иметь дело с людьми. И в особенности ты похожа на Флоринду, — она снова умолкла, после чего с сонным выражением лица повторила то, что мне уже говорила Клара. — Тебя нашла Флоринда, — сказала она. — Поэтому, пока ты остаешься в мире магов, ты принадлежишь ей. Она ведет тебя и заботится о тебе. — В ее тоне была такая непоколебимая уверенность, что это меня задело.

— Я никому не принадлежу, — возмутилась я. — Ине нуждаюсь ни в чьей заботе. — Мой голос звучал напряженно, неестественно, неуверенно.

Женщины молча смотрели на меня, на их лицах были улыбки.

— Вы что, считаете, что мной нужно руководить? — спросила я вызывающе, переводя взгляд с одной женщины на другую. Их глаза были полузакрыты, их губы расплывались в тех же созерцательных улыбках. Они едва заметно кивали подбородками, и это означало, что они ждут, пока я договорю до конца все, что хочу сказать. — Я думаю, что и сама прекрасно управляюсь со своей жизнью, — закончила я почти истерически.

— Ты помнишь, что ты делала на том приеме, где я нашла тебя? — спросила меня Флоринда.

Когда я изумленно уставилась на нее, Кармела шепнула мне на ухо:

— Не волнуйся. Всегда можно найти способ объяснить что-либо.

— Ничуть не обеспокоенная, она помахала пальцем у меня перед носом. Паника подкрадывалась ко мне при одной только мысли, что они могли знать о том, что на приеме я разгуливала в обнаженном виде перед десятками людей.

Вплоть до того момента я если и не гордилась своим вызывающим поступком, то по меньшей мере оправдывала его. Мне казалось, что мое поведение на приеме явилось проявлением моей спонтанной натуры. Сначала я проделала длительную прогулку с хозяином, сидя верхом на лошади прямо в вечернем платье и без седла, чтобы доказать ему — после того как он меня раззадорил и заключил со мной пари, я не смогла устоять, — что верхом на лошади я — не хуже ковбоя. В Венесуэле у меня живет дядя, который разводит на своей ферме лошадей, и поэтому верховой езде меня стали учить как только я начала ходить. После того, как пари было выиграно, ощущая головокружение от затраченных мною усилий и алкоголя, я плюхнулась в бассейн — совсем без одежды.

— Я находилась там, рядом с бассейном, когда ты прыгнула в него нагишом, — призналась Флоринда, очевидно посвященная в мои воспоминания. — Ты задела меня своими ягодицами. Ты шокировала всех, в том числе и меня. Я ценю твою смелость. Более всего мне импонировало то, что весь путь с того края бассейна ты проделала лишь для того, чтобы зацепить меня. Я восприняла это как знак, что дух указал мне на тебя.

— Этого не может быть, — пробормотала я. — Если бы ты была на приеме, я бы тебя запомнила. Ты слишком высока и экстравагантна для того, чтобы не обратить на тебя внимание. — С моей стороны это не было комплиментом. Мне хотелось убедить себя, что все подстроено, и меня надули.

— Я приветствую тот факт, что ты лезла из кожи вон, пытаюсь выставить напоказ свои достоинства, — продолжала Флоринда. — Ты была клоуном, нетерпеливо стремившимся привлечь к себе внимание любой ценой, и особенно ты была им в ту минуту, когда запрыгнула на стол и стала танцевать, бесстыдно тряся своими ягодицами до тех пор, пока, издав дикий вопль, не вмешался хозяин.

Вместо того, чтобы вызвать во мне смущение, ее назидания наполнили меня чувством невероятной легкости и удовольствия. Я ощутила, что освободилась. Тайное стало явным. Тайное, в котором я никогда не отвела бы себе роль позера, пытающегося во что бы то ни стало привлечь к себе внимание. Новое состояние нахлынуло на меня, несомненно более открытое и менее оборонительное. Однако меня пугала мысль о том, что это настроение нельзя будет сохранить. Я знала, что любое прозрение или понимание, пришедшее ко мне во сне, никогда не оставалось со мной. Но, возможно, Флоринда была права, все это мне не снилось, и мое новое настроение могло продлиться.

По-видимому, зная об этих моих мыслях, женщины активно закивали головами. Вместо того, чтобы подбодрить меня, их согласие только оживило мою неуверенность. Как только меня охватил страх, проникнутое интуицией настроение приказало долго жить. В считанные мгновения на меня нахлынули сомнения, и мне понадобилась передышка.

— Где Делия? — спросила я.

— Она в Оахаке, — ответила Флоринда и уточнила: — Она была здесь только для того, чтобы поприветствовать тебя.

Я подумала, что, переменив тему разговора, смогу отдохнуть и восстановить силы. Теперь я столкнулась лицом к лицу с чем-то, к чему не знала как подступиться. Я не могла обвинить Флоринду прямо — как поступила бы в обычных обстоятельствах с любым другим — в том, что она говорит неправду, чтобы мной манипулировать. Я не могла сказать, что подозреваю, что они, затуманив мой рассудок, водили меня из одной комнаты в другую,

пока я была без сознания.

— Твои слова, Флоринда, и в самом деле абсурдны, — проворчала я. — Не верю, что ты ждешь, что я приму их всерьез. — Прикусив губы изнутри, я впилась в нее продолжительным и тяжелым взглядом. — Я знаю, что Делия прячется в одной из комнат. Глаза Флоринды, казалось, говорили, что ей известно о моих затруднениях.

— У тебя нет другого выхода, кроме как воспринять меня всерьез, — заявила она. Тон ее был хотя и мягким, но не допускающим возражений.

Я повернулась лицом к двум другим женщинам в надежде услышать хоть какой-нибудь ответ, который смог бы ослабить нарастающее во мне напряжение.

— Когда тебя ведет кто-то другой, то в действительности очень легко *сновидеть*. Единственный недостаток состоит в том, что этот кто-то другой должен быть нагвалем. — Я все время слышу о нагвале, — вырвалось у меня. — Кто такой нагваль?

— Нагваль — это маг, обладающий огромной силой, тот, кто способен вести других магов сквозь темноту и из темноты, — объяснила Кармела. — Но нагваль сам говорил тебе об этом недавно. Разве ты не помнишь?

Флоринда пришла мне на выручку, когда мое тело изогнулось от усиленных попыток вспомнить.

— События, в которых мы участвуем в повседневной жизни, вспоминать легко. Мы все время в этом упражняемся. Но события, переживаемые нами в *сновидении*, — другое дело. Нам нужно очень потрудиться, чтобы возвратиться к ним, просто потому, что информация о них разбросана по различным участкам тела.

— Для женщин, не обладающих твоим сомнамбулическим мозгом, — подчеркнула она, — обучение *сновидению* начинается с составления карты их тела, это — весьма кропотливое занятие, позволяющее узнать — где внутри их тел хранятся те или иные сны.

— Как ты составляешь такую карту, Флоринда? — спросила я, искренне заинтересовавшись.

— Систематическим простукиванием каждого дюйма своего тела, — ответила она. — Но больше я ничего не могу тебе сказать. Я — твоя мать, а не учитель *сновидения*. Сейчас она советует тебе взять маленький деревянный молоточек и попробовать постучать. И еще

она рекомендует постучать лишь по икрам и бедрам. Очень редко тело концентрирует эти воспоминания в области грудной клетки или живота. То, что хранится в грудной клетке, спине и животе — это воспоминания, связанные с повседневной жизнью. Но это — другой случай.

— Все, интересующее тебя, заключается в том, что *вспоминание снов* производится с помощью непосредственного надавливания на одно из мест, хранящих увиденное во сне. К примеру, если ты будешь воздействовать на влагалище, надавливая на клитор, ты вспомнишь о том, что рассказал тебе Мариано Аурелиано, — закончила она с простодушной веселостью в голосе.

Я посмотрела на нее с недоумением, затем разразилась вспышкой нервного судорожного хохота. Я не собиралась никуда надавливать.

Флоринда тоже рассмеялась, ликующе, как будто наблюдая мое замешательство с явным удовольствием.

— Если ты будешь упираться, я просто-напросто попрошу Кармелу это сделать за тебя.

Я повернулась к Кармеле. С полуулыбкой, грозившей перерасти во взрыв смеха, она заверила, что и в самом деле нажмет за меня на мое влагалище.

— В этом нет надобности! — воскликнула я в отчаянии. — Я все помню! — И, действительно, так оно и было. И не только то, о чем говорил Мариано Аурелиано, но также и другие события.

— Правда ли, что м-р Аурелиано...

— Клара просила тебя называть его “нагваль Мариано Аурелиано”, — прервала меня посреди фразы Кармела.

— Сны — это ворота в неизвестность, — сказала Флоринда, глядя меня по голове. — Нагвали руководят людьми через сны. И создание *сновидения* — искусство, которым владеют маги. Нагваль Мариано Аурелиано помогал тебе попадать в те *сновидения*, которые снились всем нам.

Я часто заморгала ресницами. Тряхнула головой, затем опрокинулась назад на подушки, лежавшие на диване, шокированная абсурдностью всего того, что я вспоминала.

Я вспомнила, что видела их во сне год назад, в Соноре. Во сне, который продолжался, как мне казалось, целую вечность. В этом сне я встретилась с Кларой, Нелидой и Хермелиндой. Другая группа, — *сновидящие*. Они рассказали мне, что их лидером была

Зулейка, но мне все еще не удавалось увидеться с ней во сне. По мере того, как воспоминания, связанные с этим сном, всплывали в моей голове, я осознала, что ни одна из этих женщин не была ни более, ни менее значительной, чем остальные. То, что одна женщина в каждой группе была лидером, было связано не с ее силой, престижем, достижениями, а с вопросами эффективности. Не знаю почему, но я была уверена, что все, что имело для них значение, — это их глубокая привязанность друг к другу.

Во время того *сновидения* каждая из женщин сообщила мне, что моим учителем сновидения является Зулейка. Это было все, что мне удалось вспомнить. Как и говорила мне Клара, мне нужно было увидеть их еще один раз — наяву или во сне, чтобы мои знания о них закрепились. Пока же они выглядели бестелесными воспоминаниями.

Я смутно слышала слова Флоринды о том, что после нескольких попыток я смогу глубже овладеть перемещениями из воспоминаний о *сновидении* в само *сновидение*, возвращаясь затем к состоянию обыкновенного пробуждения.

Я слышала, как Флоринда засмеялась, но в комнате меня больше не было. Я шла, пересекая заросли колючего кустарника. Я шла медленно по невидимой тропе; это было немного нелегко, поскольку вокруг не было ни света, ни луны, ни звезд на небе. Притягиваемая какой-то незримой силой, я шагнула в большую комнату. Внутри нее было темно, если не считать линий света, крест-накрест протянувшихся от стены к стене поверх лиц людей, сидящих двумя кругами — внутренним и внешним. Свет то ярко вспыхивал, то становился тусклым, как будто кто-то из людей в кругу игрался электрическим выключателем, то включая его, то выключая.

Я узнала Мариано Аурелиано и Исидоро Балтасара, сидящих спиной друг к другу в центре внутреннего круга. Я узнала их не столько по лицам, сколько по их энергии. Дело не в том, что их энергия была ярче или не такая, как у других, — ее просто было больше, она была массивной. Она представляла собой один великолепный, огромный источник неиссякаемой яркости.

Комната сияла белизной. В каждой вещи была живость, каждый угол и край отдавал твердостью. В комнате была такая чистота, что каждый предмет выделялся сам по себе, особенно те линии

света, что были прикреплены к людям, сидящим в кругу, или исходили от них. Все люди были связаны линиями света и выглядели так, словно были узлами гигантской паутины. Все они общались без слов, посредством света. Меня тянуло в это безмолвное электрическое поле, пока я сама не стала узлом этой светящейся паутины.

— Что сейчас будет? — спросила я, глядя вверх на Флоринду. Я лежала на диване, моя голова покоилась у нее на коленях. Она не ответила, не ответили и Кармела с Зойлой, сидевшие рядом с ней с закрытыми глазами. Я повторила свои вопрос несколько раз, но услышала лишь ровное дыхание трех женщин. Я была уверена, что они спят но тем не менее чувствовала на себе их спокойные, проникновенные взгляды. Темнота и тишина передвигались по дому словно что-то живое, неся с собой ледяной ветер и дыхание пустыни.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 9

Я, дрожа от холода, плотнее закуталась в одеяло и села. Я проснулась в чужой постели, в чужой комнате, где из мебели была только кровать и ночной столик, но все вокруг казалось смутно знакомым. Понять, почему это так, я не могла. Может, я все еще сплю, подумала я. Как мне знать, что это не сон? И я снова опустила на подушки. Я лежала, закинув руки за голову, и перебирала в уме виденные и пережитые мною причудливые события, — наполовину сны, наполовину воспоминания. Все это, конечно, началось годом раньше, когда я везла в машине Делию Флорес в дом целительницы. Она тогда заявила, что пикник, на котором я там побывала вместе со всеми, был *сновидением*. Я посмеялась над ней и отвергла ее утверждение как совершенно нелепое.

Однако она была права. Теперь-то я знала, что пикник был *сновидением*. Не моим сном, а *сновидением*, в которое я была приглашена; я была в нем гостьей-участницей. С самого начала моей ошибкой было то, что я пыталась это отрицать, отбросить как выдумку, не зная, что я понимаю под словом выдумка. В итоге мне удалось настолько основательно заблокировать в памяти это событие, что я совершенно перестала его осознавать.

Что мне надо было сделать, — так это признать, что у нас есть тропа для снов, русло, по которому текут только *сновидения*. Если бы я настроилась на то, чтобы вспомнить сон, который привиделся мне в Соноре, причем только как сон, мне удалось бы удержать в памяти все волшебство происходившего, пока мне снился этот сон. Чем больше я раздумывала над этим и над всем, что происходит со мной сейчас, тем сильнее нарастало мое беспокойство. Но что самое удивительное, я больше не испытывала страха перед всеми этими людьми, которые, что ни говори, были страшноватой компанией. Внезапно мне пришло в голову, что страха перед ними у меня нет по той причине, что я их очень хорошо знаю. И доказательством для меня было то, как они сами выразили словами поселившееся во мне странное, но уютное чувство, что я вернулась

домой.

Я отмела все эти мысли, едва успев их сформулировать, и честно задумалась, а может, я психически неуравновешенна, и они нашли способ сфокусироваться на этом и усугубить это состояние. Я подвергла основательному систематическому анализу историю моей семьи, пытаюсь припомнить все, что могла слышать о случаях психических заболеваний.

Была история с двоюродным дедом по линии матери, который с библией в руках проповедовал на улицах. Кроме того, мой прадед и дед покончили с собой соответственно в начале Первой и Второй мировых войн, когда поняли, что для них все кончено. Одна из моих бабушек пустила себе пулю в лоб, осознав, что утратила былую красоту и привлекательность.

Мне нравилось верить, что будучи истинной внучкой всех этих чокнутых, я унаследовала от них свое чувство отчужденности. Я всегда считала, что чувство отчужденности придает мне отвагу. Эти жуткие мысли пробудили во мне такую тревогу, что я выскочила из постели. Нервными рывками я высвободила тело из одеяла. К своему полному изумлению я обнаружила, что одета в тяжелую фланелевую ночную сорочку. На мне были шерстяные носки до колен, митенки и толстый свитер. — Должно быть, я заболела, — пробормотала я в замешательстве. — Как бы я иначе могла замерзнуть во всей этой одежде? — Обычно я спала нагишом независимо от климата.

Только теперь я заметила в комнате солнечный свет; он проникал сквозь толстое, наполовину матовое оконное стекло. Я не сомневалась, что меня разбудил бывший в глаза солнечный свет. И мне совершенно необходимо было найти туалет. Опасаясь, что в доме может не быть водопровода, я шагнула к открытой раздвижной двери в противоположном конце комнаты, и само собой, там находился чулан с накрытым крышкой ночным горшком.

— Черт побери! Не могу же я делать свои дела в чулане! — выкрикнула я.

Дверь открылась, и вошла Флоринда. — Все в порядке, — сказала она, обнимая меня. — Во дворе есть уборная. Чулан — это пережиток прошлого.

— Как хорошо, что уже утро, — засмеялась я. — Никто не узнает, что у меня не хватит духу пойти в уборную в темноте.

Флоринда как-то странно на меня посмотрела, потом отвела глаза и наконец прошептала:

— А с чего ты взяла, что сейчас утро?

— Совсем недавно меня разбудило солнце, — сказала я, подходя к окну. Ничего не понимая, я уставилась в царившую снаружи темноту.

Лицо Флоринды засветилось весельем. Казалось, она вполне владела собой, но потом ее плечи задрожали от смеха, и она указала на электролампу в светильнике, стоявшем за кроватью. Свет лампы я приняла за солнечный.

— А с чего ты взяла, что проснулась? — спросила она.

Обернувшись, я посмотрела на нее и сказала:

— Мне невыносимо захотелось в туалет.

Она взяла меня за руку и сказала: — Пойдем-ка, я отведу тебя в уборную, пока ты не оскандалилась.

— Я никуда не пойду, пока ты не скажешь, сплю я или бодрствую, — закричала я.

— Ну и характер! — воскликнула Флоринда, наклонив голову так, что своим лбом коснулась моего. Ее глаза расширились. — Ты *сновидишь-наяву*, — добавила она, тщательно выговаривая каждое слово.

Несмотря на нарастающую тревогу, я рассмеялась. Звук моего смеха, разносясь по комнате, словно отдаленное эхо, рассеял мои страхи. В этот момент меня больше не волновало, бодрствую я или вижу сон. Все мое внимание сосредоточилось на том, чтобы добраться до туалета.

— Где здесь уборная? — прорычала я.

— Ты сама знаешь, где она, — сказала Флоринда, сложив руки на груди. — И ты никогда не доберешься до нее вовремя, если сама не пожелаешь там оказаться. Но не вздумай притащить уборную к себе в кровать. Это называется *ленивое сновидение*, самый верный способ намочить постель. Отправляйся в уборную сама и сию же секунду.

К моему ужасу, попытавшись добраться до двери, я не смогла этого сделать. Мои ноги не хотели меня слушаться. Медленно и неуверенно, словно не в силах решить, куда им идти, они передвигались фут за футом. Не желая смириться с тем, что ноги больше мне не подчиняются, я попыталась ускорить движение, поднимая руками по очереди одну ногу за другой.

Флоринду, похоже, не интересовало, что со мной творится. А я, с глазами полными слез отчаяния и жалости к себе, стояла, приросшая к месту. Мои губы сложились в слово *помоги*, но с них не сорвался ни один звук.

— В чем дело? — спросила она, взяв меня за руку и мягко потянув вниз, на пол. Она сняла с меня толстые шерстяные носки и принялась осматривать мои ноги; теперь у нее был по-настоящему встревоженный вид. Я хотела пояснить, что не могу двигаться из-за того, что мои душевные силы на исходе. Но как я ни старалась, я не могла облечь свои мысли в слова. Изо всех сил пытаюсь выжать из себя хоть один звук, я заметила, что у меня что-то неладно со зрением: мои глаза не могли больше сфокусироваться на предметах. Лицо Флоринды оставалось смазанным и расплывчатым, как бы я ни щурила глаза и как бы близко я к нему ни придвигалась.

— Я знаю, что с тобой, — прошептала мне Флоринда на ухо. — Тебе надо пойти в уборную. Сделай это! Пожелай оказаться там! Я усердно закивала. Я знала, что действительно *сновисжу-наяву*, или, вернее, что я живу в иной реальности, которая еще не вполне мне принадлежит, но к которой я получила доступ через этих людей. Потом я почувствовала себя необъяснимо легко. И внезапно я оказалась в уборной, причем не в уборной из сна, а в самой настоящей.

Довольно долгое время я проверяла все, что меня окружало, чтобы убедиться, было ли оно реальным. Оно было.

А потом, сама не знаю как, я снова оказалась в комнате. Флоринда сказала что-то лестное о моей способности к *сновидению*. Я почти не обратила внимания на ее замечания, потому что меня отвлекла стопка одеял, сложенных у стены. Я не заметила их при пробуждении, но была уверена, что видела их прежде.

Мое непринужденное состояние быстро испарилось, когда я попыталась припомнить, где видела эти одеяла. Тревога нарастала. Я уже не знала, нахожусь ли я все еще в доме, в который приехала этим вечером с Исидоро Балтасаром, или уже в каком-то ином месте.

— Чья это комната? — спросила я. — И кто укутал меня во все эти одежды? — Мой собственный голос ужаснул меня.

Флоринда погладила меня по волосам и тихим голосом добродушно сказала, что на какое-то время это моя комната. И что

это она меня укутала, чтобы я не замерзла. Она пояснила, что пустыня обманчива, особенно по ночам.

Она смотрела на меня с загадочным выражением так, словно намекала еще на что-то. И это меня тревожило. потому что в ее словах я не находила никакой подсказки. Мои мысли блуждали без всякой цели. Ключевым словом, как я решила, была *пустыня*, Я не знала, что пристанище ведьм находилось в пустыне. Мы прибыли сюда таким кружным путем, что я не могла точно определить, где этот дом находится.

— Чей это дом, Флоринда? — спросила я.

В ней, казалось, происходила какая-то внутренняя борьба, выражение ее лица менялось несколько раз от задумчивого к встревоженному. — Ты у себя дома, — наконец сказала она глубоким от волнения голосом. Не успела я ей напомнить, что она не ответила на мой вопрос, как она жестом велела мне помолчать и показала пальцем на дверь.

Снаружи во тьме что-то прошелестело. Это мог быть ветер и листва, но я знала, что это ни то, ни другое. Это был успокаивающий, знакомый звук; он напомнил мне пикник. И особенно он воскресил в памяти слова Мариано Аурелиано: — Я пригону тебя ветром, как пригонял других, к тому единственному, кто теперь держит миф в своих руках.

Эти слова зазвенели в моих ушах; я обернулась посмотреть, не вошел ли сейчас в комнату Мариано Аурелиано, и не произносит ли он сейчас эти слова во весь голос.

Флоринда кивнула. Она прочла мои мысли. И ее не отпускавшие меня глаза заставляли меня признать, что я правильно поняла его утверждение. На пикнике я не особенно задумывалась над его словами; они звучали слишком нелепо. Теперь же мне стало так любопытно узнать, кто были эти “другие”, что я не могла позволить, чтобы эта тема угасла.

— Исидоро Балтасар говорил о каких-то людях, работающих вместе с ним, — осторожно начала я. — Он сказал, что они были доверены его попечению, и оказывать им помощь — это его священный долг. Это те люди, которых... принесло к нему ветром? — неуверенно спросила я.

Флоринда утвердительно кивнула головой, легкая улыбка искривила ее губы, словно она сочла забавным мое нежелание упоминать слова *принесло ветром*. — Это те, кого старый нагваль

пригнал ветром к новому нагвалю; все это женщины, и они похожи на тебя.

— На меня? — спросила я растерянно. Я пожалела, что в пути была настолько поглощена загадочными сменами моих настроений и чувств по отношению к Исидоро Балтасару, что не обратила особого внимания на все, что он открыл мне о своем мире.

— Чем же эти женщины на меня похожи? — спросила я и добавила: — Ты знаешь их?

— Я их видела, — уклончиво ответила она.

— И скольких женщин принесло ветром к Исидоро Балтасару? — спросила я с плохо скрытым недовольством. Все же сама мысль о них волновала и тревожила одновременно.

Флоринду явно развеселила моя реакция. — Немного. Они не имеют с тобой физического сходства, но тем не менее они на тебя похожи. Я хочу сказать, что они схожи друг с дружкой так же, как схожи со мной мои товарки-ведьмы, — пояснила Флоринда. — Разве тебя не удивило при нашей первой встрече, как сильно мы все похожи?

Приняв мой кивок, она продолжала, что такое сильное взаимное сходство ей и ее когорте, несмотря на явные физические различия, придавала непосредственная связь с миром магов. — Нас влечет друг к другу привязанность, которая для тебя пока непостижима.

— Ну да, куда мне, — поддакнула я как можно циничнее. Но потом жадное любопытство узнать о женщинах, принесенных ветром к Исидоро Балтасару, взяло во мне верх. — Когда я увижусь с ними?

— Когда ты их найдешь, — сказала Флоринда. Ее голос, хотя и негромкий, прозвучал с такой исключительной силой, что едва не оглушил меня на мгновение.

— Как я могу их найти, если я их не знаю? Это же невозможно.

— Но не для ведьмы, — заметила она небрежно. — Как я уже сказала, ты не похожа на них физически, но сияние внутри тебя столь же яркое, как сияние внутри них. Ты узнаешь их по этому сиянию. — Ее глаза пристально всматривались в меня, словно она и в самом деле видела во мне сияние. — Это сияние магов. — Ее лицо было серьезно, а голос необычно тих.

Я хотела было сказать какую-нибудь дерзость, но что-то в ее поведении меня встревожило. — А я могу видеть это сияние? — спросила я.

— Для этого нам понадобится нагваль, — сказала Флоринда и указала на нагваля Мариано Аурелиано, стоявшего в темном углу комнаты. Я совершенно не заметила его появления, но оно меня нисколько не встревожило.

Флоринда сказала ему, чего я хочу. Он жестом велел мне выйти за ним на середину комнаты. — Я покажу тебе это сияние, — сказал он, потом присел на корточки, подняв обе руки вверх, и велел мне забраться к нему на спину.

— Мы отправляемся на пороссячи бега? — я даже не пыталась скрыть разочарование. — Вы ведь собирались показать мне сияние магов.

Хоть я и хорошо запомнила его слова о том, что истинная магия не заключается в причудливых действиях, ритуалах, зельях или магических формулах, я тем не менее ожидала какого-то показа, проявления его могущества, скажем, смешивания над огнем колдовских зелий и заклинаний.

Не обращая внимания на мое разочарование, Мариано Аурелиано потребовал, чтобы я обхватила его руками за шею, — легонько, чтобы он не задохнулся.

— Вам не кажется, что я старовата для того, чтобы катать меня на закорках? — предупредила я его.

Заливистый смех поднимался в Мариано Аурелиано все выше, пока наконец не взорвался буйным весельем. Одним стремительным движением он вскочил на ноги. Подхватив руками мои колени, он переместил меня в более удобное положение и вышел в коридор, причем голова моя не ударилась о притолоку. Он шел так быстро и легко, что у меня возникло явственное ощущение, будто я плыву по длинному темному коридору. Я с любопытством оглядывалась по сторонам. Однако мы двигались слишком быстро, и я лишь мельком успевала что-либо увидеть. Все было пропитано нежным, но устойчивым запахом: ароматом цветущего апельсинового дерева и свежестью холодного воздуха. Снаружи двор был окутан туманом. Я могла видеть лишь однородные массы темных силуэтов. Клубы тумана изменяли форму каждого уголка пространства, то открывая, то снова смазывая странные очертания деревьев и камней. Мы не были в доме ведьм. Это я знала точно.

Я не слышала ничего, кроме размеренного дыхания. Я не могла сказать, было ли это дыхание нагваля Мариано Аурелиано или мое

собственное. Этот звук разносился по всему двору. Листья дрожали от него так, словно это ветер шелестел в ветвях. Дрожь проникала и в мое тело с каждым вздохом. От всего этого у меня так закружилась голова, что я покрепче обхватила руками его плечи, боясь потерять сознание. Не успела я сказать ему, что со мной творится, как туман вокруг меня сомкнулся, и я почувствовала, как растворяюсь в ничто.

— Упрись подбородком мне в темя. — Голос нагваля Мариано Аурелиано донесся словно издалека. Меня подбросило от этих слов, потому что я совсем забыла, что сижу на его спине.

— Что бы ты ни делала, непременно держись за меня, — действительно добавил он и немного подтолкнул меня вверх, так что моя голова оказалась над его головой.

— А что может случиться, если я не стану держаться? — спросила я тоном, выдававшим мою растущую настороженность. — Я ведь просто упаду на землю, верно? — Мой голос сделался ужасно скрипучим.

Мариано Аурелиано тихо рассмеялся, но ничего не ответил. Он неторопливо прохаживался по широкому двору легкими, мягкими, почти танцевальными шагами. А потом в какой-то миг у меня возникло отчетливое ощущение, что мы поднялись в воздух: мы стали невесомыми. Несколько неуловимых мгновений я чувствовала, что мы в самом деле несемся сквозь тьму, потом через тело Мариано Аурелиано я ощутила земную твердь. Я не могла точно сказать, то ли это туман поднялся, то ли мы оказались в другом дворе, но что-то изменилось. Возможно, изменился лишь воздух; он стал тяжелее, им было труднее дышать.

Луны не было, звезды были едва видны, но небо сияло так, как будто оно подсвечивалось из некоей отдаленной точки. Медленно, словно кто-то прорисовывал их в воздухе, все четче становились очертания деревьев.

Примерно через пять футов, перед особенно высоким и ветвистым деревом сапоте, Мариано Аурелиано резко остановился. У подножия дерева стояла группа людей, человек двенадцать-четырнадцать. Длинные листья, отягощенные туманом, затеняли их лица. Станный зеленый свет, исходящий от дерева, придавал каждому из них неестественную живость.

Их глаза, их носы, их губы, все их черты отсвечивали в зеленом свете, но их лиц я разглядеть не могла. Я не узнала никого из них.

Я не могла даже определить, мужчины это или женщины; это были просто люди. — Что они делают? — прошептала я на ухо Мариано Аурелиано. — Кто они?

— Держи подбородок у меня на темени, — прошипел он.

Я крепко прижалась подбородком к его голове, боясь, что если надавлю еще сильнее, то все мое лицо провалится в его череп.

В надежде узнать кого-нибудь по голосу, я поздоровалась.

Их губы раздвинулись в мимолетной улыбке. Вместо того, чтобы ответить на мое приветствие, они отвернулись. Из их среды донесся какой-то странный звук. Звук, придавший им энергию, потому что они, как и дерево, тоже начали светиться. Но не зеленым светом, а золотым сиянием, которое переливалось и мерцало, пока все они не слились в один большой золотой шар, паривший в воздухе под деревом.

Потом золотой шар распался на светящиеся пятна. Словно гигантские светляки, они появлялись и исчезали среди деревьев, рассеивая вокруг себя свет и тени.

— Запомни это сияние, — тихо проговорил Мариано Аурелиано.

Его голос эхом отозвался у меня в голове. — Это сияние... *сурэм*.

Внезапный порыв ветра разметал его слова. Этот ветер был живой; он светился на фоне темного неба. Он дул с огромной силой, издавая странный трескучий звук. Потом ветер подул мне в лицо; я не сомневалась, что он хочет меня уничтожить. Я закричала от боли, когда особенно ледяной порыв проник в мои легкие. По всему моему телу разлилась такая стужа, что я окостенела.

То ли это говорил Мариано Аурелиано, то ли ветер, я не могла разобрать. Ветер, заглушая все звуки, ревел у меня в ушах. Потом он проник в мои легкие. Он извивался там, словно живое существо, стремясь пожрать каждую клеточку моего тела. Я чувствовала, как во мне все рушится, и знала, что вот-вот умру. Но рев прекратился. Тишина упала так внезапно, что я ее услышала. И я громко рассмеялась от радости, что еще жива.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 10

Кровать была большая и уютно мягкая. Комнату наполняло золотистое сияние. Желая немного продлить это состояние полного благополучия, я прикрыла глаза и погрузилась в блаженную дремоту среди ароматных льняных простыней и чуть пахнущих лавандой наволочек.

Но стоило мне вспомнить события минувшей ночи, эти разрозненные обрывки какого-то кошмарного сна, как я ощутила напряжение каждой мышцы, каждой косточки моего тела. Не было никакой связности, никакой линейной последовательности в том, что мне довелось пережить за эти бесконечные часы. Дважды за эту ночь я просыпалась в разных постелях, в разных комнатах и даже в разных домах.

Словно живя своей собственной жизнью, все эти разрозненные образы внезапно сложились и развернулись в некий лабиринт, который неожиданно для меня стал мне вполне понятен. То есть я одновременно осознала каждое событие. Ощущение того, как эти образы разрастаются из моей черепной коробки в громадную затейливую прическу, было настолько реальным, что я выскочила из постели и бросилась через всю комнату к туалетному столику из стекла и стали. Трюмо было заклеено рисовой бумагой. Я попыталась было отскоблить уголок, но бумага держалась на стекле, словно кожа.

Вид гробня с серебряной ручкой, такой же щетки для волос, флаконов с духами и баночек с косметикой на туалетном столике подействовал на меня успокаивающе; я бы тоже расставила эти флаконы и баночки в ряд по размеру, как инструменты. Почему-то я знала, что нахожусь в комнате Флоринды, в доме ведьм; и это знание вернуло мне чувство равновесия.

Комната Флоринды была огромна; кровать и туалетный столик были в ней единственными предметами обстановки. Они стояли в противоположных углах, в некотором отдалении от стен и под углом к ним, оставляя за собой треугольное пространство.

Некоторое время я размышляла над расположением кровати и

туалетного столика, но не смогла определить, то ли такая расстановка следовала некоей эзотерической схеме, значение которой от меня ускользало, то ли это был просто эстетический каприз Флоринды.

Заинтересовавшись, куда могут вести три находящиеся в комнате двери, я попробовала открыть каждую. Первая была заперта снаружи. Вторая вела в небольшое прямоугольное патио, окруженное стенами. Какое-то время я озадаченно смотрела в небо, пока до меня наконец не дошло, что сейчас не утро, как я предположила при пробуждении, а вторая половина дня. Меня нисколько не встревожило то, что я проспала почти весь день; наоборот, я испытывала душевный подъем. Твердо веря в то, что страдаю бессонницей, я всегда безумно радовалась, когда помногу спала.

Третья дверь вела в коридор. Стремясь отыскать Исидоро Балтасара, я направилась в гостиную; она была пуста. В аккуратной и незатейливой расстановке мебели было что-то отталкивающее. Нигде не видно было следов того, что вчера вечером кто-то сидел на кушетке или в креслах. Даже подушки замерли в строю, как по стойке “смирно”.

Столовая по другую сторону коридора выглядела столь же пустынной, столь же суровой. Ни один стул не был сдвинут с места. На полированной поверхности стола красного дерева не видно было ни крошки, ни пятнышка. Нигде ни следа того, что вчера вечером я сидела за этим столом с нагвалем Мариано Аурелиано и м-ром Флоресом и ужинала. В кухне, отделенной от столовой сводчатым переходом и холлом, я нашла кувшин, до половины наполненный чампуррадо (champutrado), и накрытое блюдо тамалес. Я была слишком голодна, чтобы их разогревать. Я налила себе полную кружку густого шоколада и съела три кукурузных кекса, надорвав обертку. Начиненные кусочками ананаса, изюмом и очищенным миндалем, они были божественно вкусны.

Мне казалось совершенно немыслимым, что меня могли оставить в доме одну. И все же обволакивающая меня тишина чувствовалась постоянно. Это был не тот уютный покой, который окружает человека, когда люди намеренно соблюдают тишину, это была скорее оглушительная тишина обезлюдевшего места. Вероятность того, что меня здесь бросили одну, заставила меня поперхнуться

куском кекса.

По дороге в комнату Флоринды я останавливалась у каждой двери. — Есть кто-нибудь дома? — звала я, стуча в двери. Ответа не было. Я уже собиралась выходить, когда явственно услышала, как кто-то спросил:

— Кто там зовет?

Голос был глубокий и хриловатый, но кто это был, мужчина или женщина, я не могла сказать. Не могла я определить и направления, откуда он слышался, не говоря уже о том, из какой комнаты.

Я вернулась на несколько шагов назад и крикнула еще раз, как можно громче, есть ли кто-нибудь в доме. Дойдя до дальнего конца коридора, я постояла минуту в нерешительности перед закрытой дверью. Потом повернула ручку, тихонько приоткрыла щелку и боком скользнула внутрь.

Зажмурив глаза, я прислонилась к стене и подождала, пока утихнет колотящееся в груди сердце. Вдруг кто-нибудь застанет меня здесь, виновато подумала я. Но любопытство по мере того, как я вдыхала воздух таинственности и колдовства, наполнявший комнату, брало верх над ощущением, что я поступаю как-то нехорошо.

Тяжелые темные шторы были задернуты, и единственный свет излучал высокий торшер. Его огромный отделанный бахромой абажур отбрасывал круг желтого света на стоящий у окна шезлонг. В самом центре комнаты стояла кровать с балдахином и занавесками, похожая на трон и господствовавшая над всем пространством. Бронзовые и деревянные резные статуэтки, стоящие на четырех круглых столиках по углам комнаты, казалось, охраняли ее подобно неким небесным божествам.

Книги, газеты и журналы высокой стопкой лежали на конторке с откидной крышкой и комод. На изогнутом в форме полумесяца туалетном столике не было зеркала, а вместо щеток, гребней, флаконов с духами или косметикой на покрытой стеклом поверхности стоял набор хрупких кофейных чашечек. Нити жемчуга, золотые цепочки, кольца и броши свисали с их позолоченных краев, словно забытый кем-то клад. Два кольца я узнала; я видела их на руке Зойлы.

Осмотр кровати я оставила напоследок. Почти благоговейно, так, словно это и в самом деле был трон, я отдернула занавеску и

охнула от восторга: яркие цветные подушки на шелковом зеленом покрывале навели меня на мысль о полевых цветах на лугу.

Но пока я вот так стояла посреди комнаты, мое тело начала сотрясать невольная дрожь. Я не могла не чувствовать, что тепло, загадочность и очарование, которым лучилась эта комната, было всего лишь иллюзией.

Ощущение, что я шагнула в некий мираж, стало еще сильнее в третьей комнате. Сначала она тоже показалась теплой и уютной. Сам воздух ее был нежен и ласков. От стен, казалось, отражались отзвуки смеха. Но вся эта атмосфера тепла была лишь разреженным, мимолетным впечатлением, как и угасающий солнечный свет, который пробивался сквозь кисейные занавеси на лишенных стекол окнах.

Как и в той комнате, здесь над всем пространством господствовала кровать. Она тоже была с балдахином и множеством разноцветных подушек, разбросанных с рассеянной небрежностью.

У одной из стен стояла швейная машина; это была старая, крашеная кистью машина с ножным приводом. Рядом с ней стоял высокий книжный шкаф. Вместо книг полки были забиты рулонами отличного ситца, шелка, шерстяного габардина, аккуратно разложенными по цветам и сортам.

На низком столике у окна красовались шесть разноцветных париков, надетых на специальные болванки. Среди них был и тот светлый, в котором я видела Делию Флорес, и темный с кудряшками, который Мариано Аурелиано натянул мне на голову у кофейни в Тусоне.

Четвертая комната находилась несколько поодаль от остальных и по другую сторону холла. По сравнению с первыми двумя она казалась пустой. Последние лучи заходящего солнца, просеянные сквозь решетчатую стену, лежали на полу ковром из света и теней, колыхающимся квадратом прямоугольной мозаики.

Немногочисленные предметы обстановки были расставлены так искусно, что пространство казалось большим, чем оно было на самом деле. Вдоль стен стояли низкие застекленные книжные полки. В дальнем углу в алькове стояла узкая кровать. Низко свисающее серо-белое клетчатое одеяло гармонировало с игрой теней на полу. Элегантный секретер розового дерева и не менее изящный стул черного дерева с украшениями из золоченой бронзы не только не смягчали ощущения голой пустоты в комнате, но

даже усиливали его. Я знала, что это комната Кармелы. Я бы с удовольствием пересмотрела названия книг, стоящих за стеклами полок, но слишком велико было мое беспокойство. Я бросилась в коридор так, словно за мной кто-то гнался, и выбежала в патио. Там я села на один из плетеных стульев; я дрожала и вся покрылась потом, но руки мои похолодели, как лед. Не чувство вины бросило меня в дрожь,— я нисколько не опасалась, что меня застигнут шныряющей по комнатам,— но какое-то чужое свойство принадлежности к иному миру, которое излучали все эти прекрасно обставленные комнаты. Тишина, прилипшая к стенам, была неестественной. Это была тишина не временного отсутствия живущих здесь людей, а отсутствия чувств и переживаний, которыми обычно проникнуты обжитые пространства.

Каждый раз, когда кто-нибудь называл этих женщин колдуньями или ведьмами, я смеялась в душе; они не действовали и не выглядели так, как, по моему разумению, должны были действовать и выглядеть ведьмы, — драматически вычурно и зловеще. Но теперь я уже точно знала, что они в самом деле отличаются от иных человеческих существ. Меня пугало то, что сущность этого их отличия я не в состоянии не только понять, но даже представить.

Моим беспокойным мыслям положил конец тихий скрип. Следуя за этим жутковатым звуком, я на цыпочках двинулась по коридору от спален в другой конец дома. Скрип доносился из помещения за кухней. Я подкралась едва слышно, но звук прекратился в тот самый момент, как я приложила ухо к двери. Стоило мне отодвинуться, как звук возобновился. Озадаченная, я снова прижала ухо к двери, и скрип тотчас умолк. Я придвигалась и отодвигалась несколько раз, а скрип то начинался, то умолкал, словно целиком зависел от моих действий.

Решившись выяснить, кто же там прячется, — или еще хуже, кто задался целью напугать меня, — я взялась за дверную ручку. Дверь не открывалась, и я несколько минут провозилась с ручкой, прежде чем поняла, что дверь заперта и ключ оставлен в замке. То, что под замком в этой комнате, причем небезосновательно, могло находиться нечто опасное, пришло мне в голову лишь тогда, когда я оказалась внутри. Гнетущий полумрак цеплялся за тяжелые задернутые шторы, словно живое существо, приманивающие в эту огромную комнату тени из всего дома. Свет

потускнел; вокруг того, что выглядело как мебельная рухлядь и причудливые огромные и маленькие фигуры из дерева и металла, сгущались тени.

Тишину нарушил тот же скрипучий звук, который привел меня сюда. Тени по-кошачьи крались по комнате, будто в поисках жертвы. Оцепенев от ужаса, я следила за шторой, она пульсировала и дышала, словно чудовище из моих ночных кошмаров.

Внезапно звук и движение прекратились; неподвижная тишина оказалась еще страшнее. Только я повернулась к выходу, как тот же пульсирующий скрипучий звук раздался снова. Собравшись с духом, я пересекла комнату и отдернула штору. Обнаружив в двустворчатой стеклянной двери выбитое стекло, я громко расхохоталась. Ветер попеременно втягивал и выдувал штору сквозь эту дыру.

Слабеющий предвечерний свет, заструившийся через отдернутую штору, передвинул тени в комнате и выхватил на стене овальное зеркало, наполовину скрытое одной из странных металлических фигур. Я протиснулась между изваянием и стеной и жадно уставилась в старинное венецианское зеркало; помутневшее и потрескавшееся от старости, оно так исказило мои черты, что я опрометью бросилась вон из комнаты.

Через черный ход я вышла из дома. Широкая лужайка за домом была пустынна. Небо было еще светлое, но высокие фруктовые деревья вокруг лужайки уже сделались цвета сумерек. Над головой пролетела стая ворон; их черные хлопающие крылья гасили в небе свет, и ночь стремительно опускалась во двор.

Совершенно подавленная, я села в отчаянии на землю и разревелась. Чем сильнее я плакала, тем большее удовольствие получала от рыданий во весь голос.

Из приступа жалости к себе меня выхватил шорох грабель. Подняв глаза, я увидела тщедушного человечка, сгребавшего листья к небольшому костру у края лужайки.

— Эсперанса! — крикнула я, бросившись к ней, но резко остановилась, поняв внезапно, что это не она, а какой-то мужчина.

— Простите, — пробормотала я, оправдываясь. — Я обозналась.

— Я протянула руку и назвала себя. Я старалась не приглядываться к нему, но ничего не могла с собой поделать; у меня не было уверенности, что это не Эсперанса, переодетая

мужчиной.

Он подал мне руку, осторожно пожал мою и сказал: — Я смотритель. — Своего имени он мне не назвал.

Его ладонь в моей показалась хрупкой, как птичье крылышко. Это был худой, довольно старый человек. И лицо его тоже походило на птичье, с острыми орлиными чертами и живыми глазами. Его белые волосы, словно перья, торчали хохолками. Однако напомнили мне Эсперансу не только его хрупкая фигура и птичья внешность, но и морщинистое бесстрастное лицо, глаза, блестящие и влажные, как глаза ребенка, и зубы, мелкие, квадратные и очень белые.

— Вы знаете, где Флоринда? — спросила я. Он покачал головой, а я добавила: — Вы знаете, где все остальные?

Довольно долго он молчал, а потом так, словно я ни о чем его не спрашивала, повторил, что он смотритель. — Я за всем присматриваю.

— В самом деле? — спросила я, подозрительно его разглядывая. Он выглядел таким хрупким и тщедушным, что, похоже, не был в состоянии присматривать за чем бы то ни было, включая себя самого.

— Я за всем присматриваю, — повторил он, ласково улыбнувшись, как будто это могло развеять мои сомнения. Он собрался было еще что-то сказать, но вместо этого пожевал задумчиво нижнюю губу, повернулся и снова принялся аккуратными ловкими движениями сгребать листья в кучку.

— А где все остальные? — спросила я.

Он окинул меня рассеянным взглядом, упершись подбородком в ладонь, держащую ручку грабель. Потом оглянулся с глупой улыбкой так, словно в любой момент кто-нибудь мог материализоваться из-за фруктового дерева.

С громким вздохом нетерпения я повернулась, чтобы уйти. Он откашлялся и хриплым, дрожащим от старости голосом произнес:

— Старый нагваль взял Исидоро Балтасара с собой в горы. — Он не смотрел на меня; его глаза всматривались куда-то вдаль. — Через пару дней они вернутся.

— Дней! — возмущенно взвизгнула я. — А вы их правильно поняли? — Расстроенная тем, что оправдались мои наихудшие опасения, я могла лишь пробормотать: — Как он мог оставить

меня здесь совершенно одну?

— Они уехали вчера вечером, — сказал старик, подгребая в кучу листок, отнесенный ветром в сторону.

— Это невозможно, — решительно возразила я. — Мы только вчера вечером сюда прибыли. Поздним вечером, — подчеркнула я. С полным безразличием к моему агрессивному грубому тону, да и к самому моему присутствию, старик поджег кучку листьев, находившуюся перед ним.

— Не оставил ли Исидоро Балтасар для меня какой-нибудь весточки? — спросила я, присев рядом с ним на корточки. — Может, записку или еще что? — Внезапно мне захотелось закричать на него, но я не осмелилась, сама не знаю почему. Какое-то загадочное своеобразие внешности старика не давало мне покоя. Я не могла отделаться от мысли, что это переодетая Эсперанса.

— А Эсперанса тоже отправилась с ними в горы? — спросила я. Мой голос дрогнул, потому что внезапно меня охватило отчаянное желание расхохотаться. Он ничем не смог бы убедить меня в том, что он действительно мужчина, разве что спустив штаны и предъявив мне свои гениталии.

— Эсперанса в доме, — пробормотал он, не отводя глаз от кучки горящих листьев. — Она в доме вместе со всеми.

— Что за чушь; ее в доме нет, — грубо возразила ему я. — В доме никого нет. Я искала их полдня. Я проверила каждую комнату.

— А она в маленьком домике, — упрямо повторил старик, вглядываясь в меня так же пристально, как он глядел на горящие листья. Лукавая искра в его глазах вызвала во мне желание дать ему пинка.

— Каком маленьком ... — Мой голос угас, когда я припомнила другой дом, виденный мною в момент приезда. Сама мысль об этом месте причинила мне почти физическую боль.

— Вы могли бы мне сразу сказать, что Эсперанса находится в маленьком домике, — брюзгливо сказала я. Исподтишка я огляделась вокруг, но дома не было видно. Высокие деревья и стена за ними скрывали его из виду. — Сейчас я пойду и посмотрю, в самом ли деле Эсперанса там, где вы говорите, — сказала я, поднимаясь на ноги.

Старик тоже встал и, повернувшись к ближайшему дереву, снял висевшую на нижней ветке масляную лампу и джутовый мешок.

— Боюсь, я не смогу тебе позволить идти туда одной, — сказал он.
— Это еще почему? — уязвленно возразила я. — Возможно, вы об этом не знаете, но я здесь гостя Флоринды. И вчера вечером я побывала в маленьком домике. — Я сделала небольшую паузу, а потом веско добавила: — Я точно там была.

Он внимательно меня выслушал, но лицо его выражало сомнение.
— Туда не так просто попасть, — предупредил он меня наконец.
— Я должен приготовить для тебя *тропу*, я должен... — Тут он оборвал себя на полуслове, явно не желая чего-то говорить. Он пожал плечами и повторил, что должен приготовить для меня “тропу”.

— Что там еще готовить? — раздраженно спросила я. — Вы что, должны прорубаться через заросли чапарраля с помощью мачете?
— Я смотритель. Я готовлю *тропу*, — упрямо повторил он и присел на землю, чтобы зажечь масляную лампу. Брызнув маслом на ветру, лампа вспыхнула ровным огнем. Его черты стали почти бесплотными, лишенными морщин, словно свет лампы сгладил отметины времени. — Как только я закончу сжигать эти листья, я сам тебя туда отведу.

— Я помогу вам, — предложила я. Совершенно ясно, что выжившего из ума старика надо было как-то убажить. Я вслед за ним принялась обходить лужайку и собирать листья в кучки, которые он тут же сжигал. Как только зола остывала, он сметал ее в джутовый мешок. Мешок был окантован пластиком. Эта своеобразная деталь — пластиковая окантовка — пробудила полузабытые воспоминания детства.

Пока мы сметали кучки золы в мешок, я рассказала ему, что когда я ребенком жила в деревушке вблизи Каракаса, меня по утрам часто будил шорох грабель. Тогда я выскальзывала из постели и на цыпочках пробиралась по коридору, мимо комнат моих родителей и братьев в салон, выходящий на площадь. Стараясь не скрипеть петлями, я открывала деревянные ставни на окнах и протискивалась через кованую решетку. Старик, чьей обязанностью была уборка площади, всегда встречал меня беззубой улыбкой, и вместе мы сгребали в кучки листья, опавшие за ночь,— прочий сор убирался в мусорные ящики. Мы сжигали кучки листьев, а остывшую золу сметали в джутовый мешок с шелковой окантовкой. Он утверждал, что водяные феи, живущие в священном ручье в ближних горах, превращают эту золу в золотую

пыль.

— А вы тоже знаете о феях, которые превращают золу в золотую пыль? — спросила я, видя, как понравилась моя история зрителю.

Он не ответил, а только рассмеялся так весело и самозабвенно, что и я не смогла удержаться от смеха. Не успела я глазом моргнуть, как мы добрались до последней кучки золы у сводчатого прохода в углублении стены; узкие деревянные ворота были распахнуты настежь.

За зарослями чапарраля, почти скрытый сумерками, стоял другой дом. В окнах его не было ни огонька, и он словно уплывал от меня в даль. Задавшись вопросом, не является ли этот дом плодом моего воображения, местом, запомнившимся в *сновидении*, я все время моргала и протирала глаза. Что-то здесь не так, решила я, вспомнив, как заходила прошлым вечером в дом ведьм вместе с Исидоро Балтасаром. Меньший дом стоял тогда справа от большего. Как же тогда, спрашивала я себя, могла я видеть это место из ведьминового заднего двора? Пытаясь сориентироваться в пространстве, я перемещалась то туда, то сюда, но не смогла определить, где нахожусь. Я наткнулась на старика, сидевшего на корточках у кучки золы, и упала.

С поразительной ловкостью он поднялся и помог мне встать. — Ты вся в золе, — сказал он, отирая мне лицо завернутой манжетой своей защитной рубашки.

— Да вот же он! — закричала я. Резко очерченным силуэтом на фоне неба ускользящий от меня дом показался всего в нескольких шагах. — Вот он, — повторяла я, подпрыгивая на месте, словно таким способом могла удержать этот дом на месте и во времени. — Это настоящий дом ведьм, — добавила я, остановившись перед стариком, чтобы он смог окончательно стереть золу с моего лица. — Большой дом — это всего лишь фасад.

— Дом ведьм, — медленно сказал старик, смакуя каждое слово. Потом, отчего-то развеселившись, фыркнул. Он смел остатки золы в джутовый мешок и жестом велел мне пройти следом за ним в ворота.

По обе стороны ворот, в отдалении от стены росли два апельсиновых дерева. Прохладный ветер шелестел в цветущих ветвях, но цветы были неподвижны; они не опадали на землю. На

фоне темной листвы цветы были похожи на вырезанные из молочно-белого кварца. Два эти дерева, словно стражи, стояли на часах над узкой тропой. Тропа эта была белая и совершенно прямая, как линия, проведенная на местности под линейку. Старик передал мне масляную лампу, захватил пригоршню золы из джутового мешка и, прежде чем развеять ее над землей, несколько раз, словно взвешивая, пересыпал ее из ладони в ладонь.

— Не задавай вопросов и делай как я скажу, — сказал он. Голос его уже не был хриплым; в нем появилась живость; он зазвучал энергично и убедительно. Он слегка нагнулся и, ступая задом наперед, принялся тонкой струйкой высыпать золу из мешка прямо на узкую тропинку. — Ступай только на полоску золы, — предостерег он меня. — Иначе ты никогда не дойдешь до дома. Я закашлялась, чтобы скрыть нервный смехок. Вытянув руки вперед, я балансировала на полоске золы, как на туго натянутом канате. Каждый раз, когда мы останавливались, чтобы старик мог перевести дух, я оглядывалась на дом, из которого мы только что вышли; он, казалось, отдалялся все больше. А тот, что был перед нами, никак не становился ближе. Я пыталась убедить себя, что это всего лишь оптический обман, но во мне росла смутная уверенность, что одна я ни за что не добралась бы ни до одного из домов.

Словно почувствовав мое беспокойство, старик ободряюще похлопал меня по руке. — Вот поэтому я и готовлю *тропу*. — Он заглянул в свой мешок и добавил: — Еще совсем немного, и мы будем там. Не забывай только ступать на полоску золы. Тогда ты сможешь в любое время безопасно перемещаться и вперед, и назад. Разум подсказывал мне, что этот человек сумасшедший. Однако тело мое знало, что без него и его золы мне конец. Я настолько была поглощена стараниями удержать ступни на этой едва заметной полоске, что страшно удивилась, когда мы наконец очутились перед входной дверью.

Старик забрал у меня масляную лампу, прокашлялся и легонько постучал костяшками пальцев по резной панели. Не дожидаясь ответа, он толкнул дверь и вошел в дом.

— Не так быстро! — крикнула я, боясь, что отстану. Я прошла за ним в узкий вестибюль. Он поставил масляную лампу на низкий столик. Затем, ни слова не говоря и не оглядываясь, он открыл дверь в дальнем конце и скрылся в темноте.

Руководствуясь какими-то смутными воспоминаниями, я шагнула в тускло освещенную комнату и подошла прямо к лежащей на полу циновке. У меня не оставалось сомнений, что я уже побывала здесь прошлой ночью и спала на этой самой циновке. В чем, однако, я не была уверена, — так это каким способом я вообще там оказалась. То, как Мариано Аурелиано нес меня на спине сквозь чапарраль, было еще свежо в моей памяти. Точно так же я была уверена, что проснулась в этой комнате, — еще до того, как меня нес старый нагваль, — а рядом со мной на циновке сидела Клара. Преисполнившись уверенности, что тотчас же получу все объяснения, я уселась на циновку. Масляная лампа замигала и погасла. Я скорее почувствовала, чем увидела вокруг себя движение людей и предметов. Из всех углов до меня доносился неясный шум голосов, мимолетные звуки. Из всего этого шума я различила знакомое шуршание юбок и тихий смехок.

— Эсперанса? — прошептала я. — Боже! Я так рада тебя видеть!

— Хотя именно ее я и ожидала увидеть, я все же испытала потрясение, когда она села рядом со мной на циновку. Я робко тронула ее за руку.

— Это я, — заверила она меня.

Только услышав ее голос, я окончательно уверилась, что это в самом деле Эсперанса, а не смотритель, успевший сменить штаны и рубашку на шуршащие нижние юбки и белое платье. А когда я почувствовала успокаивающее прикосновение ее ладони на моем лице, всякие мысли о смотрителе пропали.

— Как я сюда попала? — спросила я.

— Тебя привел сюда смотритель, — рассмеялась она. — Ты разве не помнишь? — Она повернулась к низкому столику и снова зажгла лампу.

— Я говорю о вчерашней ночи, — пояснила я. — Я знаю, что была здесь. Я проснулась на этой циновке. Рядом со мной была Клара. А потом здесь была Флоринда и остальные женщины... — Мой голос замер, когда я вспомнила, что потом еще просыпалась в гостиной другого дома, а потом еще в кровати. Я тряхнула головой, словно это могло навести порядок в моих воспоминаниях. Я потерянно уставилась на Эсперансу, надеясь, что она восполнит эти пробелы. Я рассказала ей, как трудно мне было припомнить все события ночи в правильной последовательности.

— С этим у тебя не должно быть проблем, — сказала она. —

Ступи на *тропу сновидений*, ты сейчас *сновидишь-наяву*.

— Ты хочешь сказать, что вот сейчас, в эту самую минуту, я сплю?

— спросила я насмешливо. И, наклонившись к ней, добавила: — А ты тоже спишь?

— Мы не спим, — повторила она, тщательно выговаривая каждое слово. — Мы с тобой *сновидим-наяву*. — И она воздела руки в жесте безнадежности. — Я говорила тебе, что делать, в прошлом году. Помнишь?

Внезапно меня осенила спасительная мысль, словно кто-то шепнул мне ее на ухо: когда сомневаешься, раздели все на две тропы — тропу обычных, простых событий и *тропу сновидений*, ибо у каждой из них своя степень осознания. Я воспрянула духом, потому что знала, что первая тропа, которая подлежит проверке, — это *тропа сновидений*; если данная ситуация не совпадает с этой тропой, стало быть тебе это не снится.

Мой подъем быстро улетучился, когда я попыталась проверить *тропу сновидений*. У меня не было никакого представления ни о том, как это сделать, ни даже о том, что такое эта *тропа сновидений*. Хуже того, я не могла вспомнить, кто мне это сказал. — Я, — сказала Эсперанса за моей спиной. — Ты далеко зашла в мир *сновидений*. Ты почти вспомнила, что я говорила тебе в прошлом году, на другой день после пикника. Тогда я тебе сказала, что когда сомневаешься, находишься ты в *сновидении* или бодрствуешь, надо проверить *тропу*, по которой приходят сны, — то есть осознание, присущее нам в *сновидениях*, — ощупав предмет, с которым ты контактируешь. Если ты *сновидишь*, тогда твое ощущение возвращается к тебе, как эхо. Если оно не возвращается, тогда ты не *сновидишь*.

Она с улыбкой ущипнула меня за бедро и сказала: — Прodelай-ка это с циновкой, на которой ты лежишь. Почувствуй ее ягодичами; если ощущение вернется, тогда ты *сновидишь*.

К моим занемевшим ягодичам не вернулось никакое ощущение. Собственно говоря, я сама настолько занемела, что не чувствовала под собой циновки. Мне показалось, что я лежу на твердых плитах двора.

У меня было сильное желание сказать ей, что все должно быть наоборот — если ощущение вернется, то, стало быть, ты бодрствуешь, — но я вовремя сдержалась. Ибо я знала вне всякого сомнения, что ее слова о “возвращающемся к нам ощущении” не

имели никакого отношения к нашему общепринятому знанию о том, что такое ощущение. Различие между состоянием бодрствования и *сновидения-наяву* все еще ускользало от меня, и все же я была уверена, что его смысл не имел ничего общего с обычным для нас пониманием осознания.

Но в тот момент слова сорвались с моих губ совершенно бесконтрольно. — Я знаю, что я *сновиджу-наяву*, вот и все. Я чувствовала, что приближаюсь к новому, более глубокому уровню понимания, но все еще не могла постичь его. — Мне хотелось бы знать, когда это я заснула? — спросила я.

— Я уже говорила тебе, что ты не спишь. Ты *сновидишь наяву*. Я непроизвольно рассмеялась тихим нервным смешком. Она не заметила этого либо не придавала значения.

— Когда состоялся переход? — спросила я.

— Когда зритель помогал тебе пересечь чапарраль, а ты сосредоточилась на том, чтобы ступить по золе.

— Он, должно быть, меня загипнотизировал! — воскликнула я не слишком вежливым тоном. И тут я что-то бессвязно заговорила, путаясь в словах, неся бессмыслицу, пока наконец не расплакалась, обвиняя их всех.

Эсперанса наблюдала за мной молча, приподняв брови и широко раскрыв от удивления глаза.

Я тотчас устыдилась собственной вспышки, но в то же время была рада, что выговорилась, потому что на меня короткой волной накатило облегчение, как это бывает после резкого столкновения.

— Твое замешательство, — продолжила она, — происходит от твоей способности легко переходить из одной степени осознания в другую. Если бы ты, как все остальные, тяжкими усилиями достигла гладкого перехода, тогда ты бы знала, что *сновидение-наяву* — это не гипноз. — Она немного помолчала и тихо закончила: — *Сновидение-наяву* — это самое утонченное состояние, которого может достигнуть человек.

Она отвела взгляд куда-то в комнату, словно более точные объяснения мог дать ей кто-то, скрывающийся в тени. Затем она повернулась ко мне и спросила: — Ты ела что-нибудь?

Резкая смена темы застала меня врасплох, и я начала заикаться. Овладев собой, я рассказала ей, что действительно поела пирожков. — Я была так голодна, что даже не стала их разогревать; они были такие вкусные.

Лениво играя шалью, Эсперанса попросила меня подробно рассказать, что я делала после того, как проснулась в комнате Флоринды.

Как если бы мне дали напиток, заставляющий говорить правду, я выболтала гораздо больше, чем собиралась. Но Эсперанса, похоже, ничего не имела против того, что я рыскала по комнатам женщин. Не произвело на нее впечатления и то, что я знала, кому какая комната принадлежит.

Однако ее бесконечно заинтересовала моя встреча со зрителем. С улыбкой откровенного ликования на лице она слушала мой рассказ о том, как я приняла за нее этого человека. Когда же я упомянула, что в какой-то момент готова была попросить его спустить штаны, чтобы проверить его половые органы, она согнулась пополам на циновке, визжа от хохота.

Она склонилась надо мной и вызывающе прошептала на ухо: — Я развею твои опасения. — В глазах ее сверкнул озорной огонек, и она добавила: — Я покажу тебе свои.

— В этом нет нужды, Эсперанса, — пыталась я ее отговорить. — Я нисколько не сомневаюсь, что ты женщина.

— Никогда нельзя быть уверенным, кто ты на самом деле, — небрежно отмела она мои уговоры. Невзирая на мое смущение, вызванное не столько ее неминуемым обнажением, сколько мыслью о том, что мне придется смотреть на ее старое морщинистое тело, она улеглась на циновку и с большим изяществом медленно подняла юбки.

Мое любопытство взяло верх над смущением. Я уставилась на нее, раскрыв рот. Трусиков на ней не было. Не было и волос на лобке. Ее тело было невероятно юным, плоть крепкой и упругой, с тонко очерченными мускулами. Вся она была одного цвета, ровного розового с оттенком меди. На коже не было ни растяжек, ни разбухших вен: ничто не обезображивало ее гладкого живота и ног. Я протянула руку, чтобы коснуться ее, словно мне нужно было убедиться в том, что ее шелковистая гладкая кожа существует на самом деле, а она раскрыла пальцами половые губы. Я отвернулась, но не столько от смущения, сколько борясь с противоречивыми чувствами. Дело здесь было не в наготы, мужской или женской. В доме я росла довольно свободно; никто особенно не заботился, чтобы не попадаться другим на глаза нагишом. Во время учебы в школе в Англии я однажды летом

получила приглашение провести пару недель в Швеции, в доме подруги у моря. Вся семья принадлежала к колонии нудистов, и все они поклонялись солнцу каждой клеточкой своей обнаженной кожи.

Вид нагой Эсперансы был для меня чем-то совершенно иным. Меня охватило ни на что не похожее возбуждение. Женские половые органы никогда прежде не привлекали моего особого внимания. Разумеется, я тщательно изучила себя в зеркале со всех мыслимых точек. Приходилось мне видеть и порнографические фильмы, но я их не только невзлюбила, но даже сочла оскорбительными. Столь близкая нагота Эсперансы потрясла меня, потому что я всегда считала свои сексуальные реакции чем-то само собой разумеющимся. До сих пор я полагала, что коль скоро я женщина, то и возбудить меня может только мужчина.

Когда Эсперанса вдруг поднялась с циновки и сняла блузку, я громко охнула и уперлась глазами в пол, пока от моего лица и шеи не отхлынуло лихорадочное щекочущее ощущение.

— Посмотри на меня! — нетерпеливо потребовала Эсперанса. Глаза ее сверкали; щеки горели. Она была совершенно нагая. У нее было хрупкое, изящное тело, но оно казалось больше и крепче, чем в одежде. Ее груди были упруги и остры.

— Потрогай их! — скомандовала она тихо и маняще.

Ее слова эхом прокатились по комнате, как бесплотный звук, гипнотизирующий ритм, наполнивший колебаниями воздух, не звук даже, а пульсация, которую нельзя услышать, но можно только ощутить, которая становилась все мощнее и ускорялась, пока не слилась с ритмом моего сердца.

Потом все, что я услышала и почувствовала, — был смех Эсперансы.

— А может, зритель все же прячется где-нибудь здесь? — спросила я, когда оказалась в силах заговорить. Меня внезапно одолела подозрительность и чувство вины за собственную дерзость.

— Надеюсь, нет! — воскликнула она в таком замешательстве, что я засмеялась.

— Где же он? — спросила я.

Ее глаза широко раскрылись, потом она улыбнулась так, словно собиралась рассмеяться. Но она тотчас стерла с лица веселье и серьезным тоном заявила, что зритель должен быть где-то в

усадыбе и что он присматривает за обоими домами, но в любом случае ни за кем не шпионит.

— Он и в самом деле смотритель? — спросила я, стараясь, чтобы это прозвучало скептически. — Я не хочу злословить на его счет, но с виду он ни за чем не в состоянии присматривать.

Эсперанса, хихикнув, сказала, что его тщедушность обманчива. — Он на многое способен, — уверила она меня. — Ты должна держать с ним ухо остро; он любит молоденьких девушек, особенно блондинок. — Она наклонилась поближе и, словно боясь быть подслушанной, шепнула мне на ухо: — А к тебе он не приставал?

— О Боже, нет! — вступилась я за него. — Он был исключительно вежлив и очень мне помог. Это просто... — Мой голос замер до шепота, а внимание странным образом переместилось на меблировку комнаты, которую я не могла разглядеть, потому что слабо горящая масляная лампа отбрасывала на окружение больше теней, чем света.

Когда же мне наконец удалось снова сосредоточить внимание на ней, смотритель меня больше не волновал. Все, о чем я была в состоянии думать с упорством, которого не в силах была с себя стряхнуть, — это почему Исидоро Балтасар отправился в горы, не дав мне об этом знать, не оставив даже записки.

— Почему он вот так меня бросил? — спросила я, повернувшись к Эсперансе. — Он ведь сказал кому-нибудь, когда вернется. — И, увидев ее всезнающую ухмылку, я воинственно добавила: — Я уверена, ты знаешь, что тут происходит.

— Нет, не знаю, — решительно заявила она, совершенно не желая понять моего состояния. — Меня такие вещи не волнуют. И тебя тоже не должны волновать. Исидоро Балтасар уехал, и дело с концом. Он вернется через пару дней, через пару недель. Кто знает? Все зависит от того, что произойдет в горах.

— Все зависит? — взвизгнула я. Отсутствие у нее всякого сочувствия и понимания было мне отвратительно. — А как же я? — задала я вопрос. — Не могу же я сидеть здесь неделями.

— Почему бы и нет? — невинно поинтересовалась Эсперанса.

Я посмотрела на нее как на слабоумную, потом выпалила, что мне нечего надеть, что мне вообще здесь нечего делать. Список моих жалоб был бесконечен, и они лились бурным потоком, пока я не выговорила.

— Я просто должна отправиться домой, оказаться в привычной для меня обстановке, — закончила я. Почувствовав, что вот-вот разревусь, я изо всех сил постаралась сдержаться.

— В привычной? — Эсперанса медленно повторила слово, будто пробуя его на вкус. — Ты можешь уехать, когда пожелаешь. Никто не станет тебя удерживать. Тебя без особого труда можно будет доставить до границы, где ты сядешь на рейсовый автобус до Лос-Анжелеса.

Я кивнула, не решаясь что-либо сказать. Этого я тоже не хотела. Я не знала, чего хотела, но одна мысль об отъезде была для меня невыносимой. Я каким-то образом знала, что если уеду, то никогда больше не отыщу этих людей, не говоря уже об Исидоро Балтасаре в Лос-Анжелесе. И я безудержно разрыдалась. Словами я не могла бы этого выразить, но беспросветность жизни и будущего без них была для меня невыносимой.

Я не заметила, как Эсперанса вышла из комнаты, не заметила, как она вернулась. Я вообще ничего бы не заметила, если бы у меня под носом не поплыл божественный аромат горячего шоколада. — Поев, ты почувствуешь себя лучше, — заверила она меня, ставя поднос мне на колени. С неспешной ласковой улыбкой она уселась рядом со мной и призналась, что нет лучшего средства от печалей, чем шоколад.

Я была с ней совершенно согласна. Я сделала пару неуверенных глотков и съела несколько свернутых трубочкой блинчиков с маслом (tortillas). Я сказала ей, что хотя не знаю ни ее, ни кого-либо из ее друзей, я не могу себе представить, что больше никогда их не увижу. Я признала, что с ней и с ее группой я чувствовала себя так свободно и непринужденно, как никогда прежде. Это было странное чувство, объясняла я, частью физическое, частью психологическое, и совершенно не поддающееся анализу. Я могла описать его только как ощущение благополучия и уверенности, которое я наконец обрела там, где было мое настоящее место. Эсперанса точно знала то, что я пыталась выразить словами. Она сказала, что став частью мира магов даже на короткое время, человек уже не может без него обойтись. Причем главную роль, подчеркнула она, играет здесь не время, проведенное в нем, а насыщенность встреч. — А твои встречи были очень насыщенными, — сказала она.

— В самом деле? — спросила я.

Эсперанса с искренним удивлением подняла брови, затем немного театрально потеряла подбородок, словно раздумывала над проблемой, не имеющей решения. После долгого молчания она, наконец, произнесла:

— Тебе будет легче идти, как только ты осознаешь, что возврата к твоей прежней жизни больше нет.

Ее голос, хотя и тихий, прозвучал с исключительной силой. На какой-то момент ее глаза уперлись в мои, и в это мгновение я поняла, что означают ее слова.

— Ничто больше не будет для меня таким, как прежде, — тихо промолвила я.

Эсперанса кивнула.

— Ты вернешься в мир, но не в твой прежний мир и не в твою прежнюю жизнь, — сказала она, поднимаясь с циновки неожиданно величественно, как это умеют делать люди маленького роста. Она устремилась было к двери, но тут же резко остановилась. — Когда делаешь что-нибудь, не зная зачем ты это делаешь, — это безумно интересно, — сказала она обернувшись ко мне. — Но еще интереснее затевать что-нибудь, не зная, что из этого получится.

Я была категорически не согласна.

— Я должна знать, что делаю, — заявила я. — Я должна знать, к чему это меня приведет.

Она вздохнула и развела руки в комическом отчаянии. — Свобода — это жутко страшная вещь, — резко сказала она, и не успела я ей ответить, как она ласково добавила: — Свобода требует спонтанных действий. Ты не имеешь представления, что значит спонтанно чему-нибудь предаться...

— Спонтанно все, что я делаю, — перебила я. — Почему, по-твоему, я здесь очутилась? Ты думаешь, я долго раздумывала, ехать мне сюда или нет?

Она вернулась на циновку и довольно долго стояла, глядя на меня сверху вниз, прежде чем сказала: — Разумеется, ты над этим не раздумывала. Но твои спонтанные действия вызваны скорее отсутствием мысли, чем актом самозабвенного порыва. — Она топнула ногой, чтобы я снова не перебила ее. — Истинно спонтанное действие — это такое, при котором ты всецело отдаешь себя, но только после глубоких раздумий, — продолжала она. — Это действие, при котором все за и против были учтены и

впоследствии отмечены, ибо ты ничего не ждешь, ни о чем не жалеешь. Именно такими актами маги приманивают свободу.

— Я не маг, — буркнула я вполголоса, потянув за подол ее платья, чтобы она не уходила. Но она ясно дала мне понять, что не заинтересована в продолжении беседы.

Я вышла вслед за ней из дома и отправилась через лужайку по тропе, ведущей к другому дому.

Как и смотритель, она тоже велела мне ступать только по полоске золы. — Иначе, — предостерегла она, — ты провалишься в бездну.

— В бездну? — неуверенно переспросила я, оглядываясь на окружающие нас с обеих сторон густые заросли чапарраля.

Поднялся легкий ветерок. Из мрачной густоты теней слышались голоса и шепот. Я инстинктивно ухватила за юбку Эсперансы.

— Ты слышишь их? — спросила она, обернувшись ко мне.

— Кого я должна слышать? — хрипло пробормотала я.

Эсперанса придвинулась ближе и, словно боясь, что нас услышат, прошептала мне на ухо: — *Сурэмы* из иного времени; с помощью ветра они, вечно бодрствуя, бродят по пустыне.

— То есть это призраки?

— Они не призраки, — сказала она тоном, не допускающим возражений, и пошла дальше.

Я очень старалась ступать только на полоску золы и не выпускала из рук ее юбки, пока она резко не остановилась посреди патио в большом доме. Она немного поколебалась, словно не в силах решить, в какую часть дома меня отвести. Затем она отправилась плутать по различным коридорам, то и дело сворачивая, пока мы наконец не вошли в просторную комнату, которую я как-то пропустила при обследовании дома. Стены до потолка были уставлены книгами. В одном конце комнаты стоял крепкий, длинный деревянный стол; в другом ее конце висел белый, с оборками, ручной вязки гамак.

— Какая чудесная комната! — воскликнула я. — Чья она?

— Твоя, — любезно предложила Эсперанса. Она подошла к деревянному комоду у двери и открыла его. — Ночи холодные, — предупредила она, передавая мне три толстых шерстяных одеяла.

— То есть я могу здесь спать? — восхищенно спросила я. Все мое тело затрепетало от наслаждения, когда я, вымостив гамак одеялами, улеглась в него. Ребенком я часто спала в гамаке. Со вздохом удовольствия я покачалась в нем немного, потом подняла

ноги в гамак и растянулась во весь рост. — Уметь спать в гамаке — это все равно что уметь ездить на велосипеде, этому никогда не разучишься, — сказала я ей. Но меня никто не слышал. Я и не заметила, как она ушла.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 11

Я выключила свет и совершенно неподвижно лежала в гамаке, убаюканная звуками большого дома, странным поскрипыванием и журчанием воды, тонкой струйкой вытекавшей из керамического фильтра за дверью.

Внезапно, безошибочно различив звук шагов по коридору, я рывком села. Кто это может быть в такой час? На цыпочках я пересекла комнату и прижала ухо к двери. Шаги были тяжелые. По мере того, как они приближались, мое сердце колотилось все сильнее и громче. Они остановились у моей двери. Стук в дверь был резок и, хотя я его ожидала, заставил меня вздрогнуть. Свалив стул, я отскочила назад.

— Тебе привиделся кошмар? — спросила Флоринда, заходя в комнату. Она оставила дверь полуоткрытой, так что свет из коридора проникал внутрь. — Я думала, ты будешь рада услышать звук моих шагов, — сказала она с насмешливой улыбкой. — Я не хотела подкрадываться к тебе незаметно. — Она подняла стул и повесила на спинку пару штанов защитного цвета и такую же рубашку. — С наилучшими пожеланиями от зрителя. Он сказал, что ты можешь взять их себе.

— Взять себе? — повторила я, подозрительно разглядывая одежду. Она выглядела чистой и выглаженной. — А чем плохи мои джинсы?

— Во время долгой поездки за рулем в Лос-Анжелес тебе будет удобнее в этих штанах, — сказала Флоринда.

— Но я не хочу уезжать! — встревоженно крикнула я. — Я останусь здесь, пока не вернется Исидоро Балтасар.

Флоринда засмеялась, но потом, увидев, что я готова заплакать, сказала:

— Исидоро Балтасар вернулся, но ты можешь остаться еще, если хочешь.

— О нет, я не хочу! — воскликнула я. Тревога — вот все, что я чувствовала последние два дня, все остальное забылось. То же самое случилось и со всеми вопросами, которые я хотела задать

Флоринде. Единственное, о чем я могла думать, — это о возвращении Исидоро Балтасара.

— Можно ли его увидеть сейчас? — спросила я.

— Боюсь, что нет.

Я бросилась из комнаты, но Флоринда остановила меня.

С первого раза ее заявление не подействовало на меня. Я пристально смотрела на нее, не понимая, и она повторила, что нет возможности видеть нового нагваля сегодня вечером.

— Почему? — смущенно спросила я. — Уверена, что ему бы хотелось меня увидеть.

— Я тоже в этом уверена, — охотно согласилась она. — Но он крепко спит, и тебе нельзя его будить. — Отказ был настолько болезненным, что единственное, что я могла делать, это молча глядеть на нее.

Флоринда долго смотрела в пол, потом внимательно взглянула на меня. Она была печальна. На мгновение я поверила, что она смягчится и позволит мне увидеть Исидоро Балтасара. Вместо этого она повторила с резкой окончательностью:

— Боюсь, что ты не сможешь увидеть его сегодня.

Поспешно, будто боясь, что все еще возможно изменить решение, она обняла и поцеловала меня, потом вышла из комнаты.

Выключив свет в доме, она вернулась из темноты коридора, чтобы взглянуть на меня и сказать:

— А сейчас отправляйся спать.

Я провела без сна несколько часов. Ближе к рассвету я наконец встала и надела вещи, которые принесла Флоринда. Одежда пришлась впору, кроме штанов, которые я была вынуждена подвязать на талии куском веревки — у меня не было с собой ремня.

С обувью в руках я прокралась по коридору мимо комнаты смотрителя к заднему выходу. Помня о скрипящих петлях, я осторожно, без единого звука открыла дверь. Снаружи было все еще темно, хотя легкое голубое сияние уже разливалось по небу на востоке. Я побежала к арочному проходу, встроенному в стену остановившись на мгновение у двух деревьев, охранявших снаружи тропинку. Аромат цветущих апельсинов наполнял воздух. Всякие сомнения, которые могли быть у меня по поводу того, пересекать ли чапарраль, рассеялись, когда я обнаружила свежую золу, разбросанную по земле. Больше ни о чем не думая, я

помчалась к другому дому.

Дверь была приоткрыта. Я вошла не сразу. Присев под окном, я подождала каких-либо звуков. Почти сразу же раздался громкий храп. Я немного послушала и вошла внутрь. Ведомая отчетливым звуком храпа, я прошла прямо в комнату в глубине дома. В темноте я едва могла различить силуэт спящего на соломенной циновке, но уже не сомневалась, что это Исидоро Балтасар. Боясь, что он может испугаться, если его внезапно разбудить, я вернулась в переднюю комнату и села на кушетку. Я была так взволнована, что не могла спокойно сидеть и, будучи вне себя от радости, думала о том, что в любое мгновение он может проснуться.

Дважды на цыпочках я возвращалась в комнату и смотрела на него. Он повернулся во сне и больше не храпел.

Должно быть, я задремала на кушетке, когда почувствовала сквозь прерывистый сон, что кто-то стоит в комнате и, полупроснувшись, прошептала: — Я жду, когда проснется Исидоро Балтасар, — но знала, что не произвела ни звука. Я сделала сознательную попытку сесть, но шаталась от головокружения, пока не сумела сфокусировать глаза на человеке, стоящем рядом со мной. Это был Мариано Аурелиано.

— Исидоро Балтасар все еще спит? — спросила я его.

Старый нагваль долго и пристально смотрел на меня. Проверяя, не сон ли это, я смело потянулась к его руке, чтобы только прикоснуться. Она обожгла меня, как огонь.

Он поднял брови, удивляясь моим действиям.

— Ты не сможешь увидеть Исидоро Балтасара до наступления утра. — Он говорил медленно, как будто произносить слова стоило ему больших усилий.

Прежде чем я имела возможность сказать, что уже все равно утро и что я подожду Исидоро Балтасара на кушетке, я почувствовала горящую руку Мариано Аурелиано у себя на спине, выталкивающую меня к порогу.

— Возвращайся в свой гамак.

Внезапно поднялся ветер. Я обернулась, чтобы возразить, но Мариано Аурелиано уже не было. Ветер отдавался у меня в голове как низкого звучания гонг. Звук становился все тише и тише, пока не превратился в пустую вибрацию. Я раскрыла рот, чтобы продлить последнее слабеющее эхо.

Я проснулась у себя в гамаке, одетая в принесенные Флориндой

вещи. Автоматически, почти без мыслей, я вышла из дома и прошла во двор меньшего дома. Дверь была закрыта. Я несколько раз постучало, потом позвала, но никто не ответил. Я попыталась влезть в дом через окно, но окна тоже были на замке. Это так потрясло меня, что слезы навернулись на глаза. Я взбежала на холм на маленькую поляну рядом с дорогой, — единственное место, где можно запарковать машину. Фургона Исидоро Балтасара здесь не было. Я некоторое время шла вдоль грунтовой дороги, ища свежие следы колес автомобиля. Но их тоже не было. Расстроенная более чем когда бы то ни было, я вернулась в дом. Зная, что бесполезно искать женщин в их комнатах, я остановилась в центре внутреннего двора и завопила, зовя Флоринду на самых верхних нотах. Не было ни звука, кроме эха моего собственного голоса, разносившегося вокруг меня.

Бесчисленное количество раз я припоминала, что сказала Флоринда, но не могла ничего понять. Единственная вещь, в которой я могла быть уверена, — это то, что Флоринда заходила ко мне в комнату в середине ночи, чтобы принести вещи, которые сейчас на мне. Ее посещение и заявление, что Исидоро Балтасар возвратился, должно быть, вызвали у меня живые сны.

Чтобы прекратить свои спекуляции о том, почему я одна в доме — казалось, не было даже смотрителя, — я начала мыть полы. Уборка всегда оказывала на меня успокаивающий эффект. Я убрала все комнаты и кухню, когда услышала специфический звук мотора фольксвагена. Я выбежала на холм и так бурно бросилась к Исидоро Балтасару, прежде чем он выбрался из фургона, что повалила его на землю.

— Я все еще не могу ничего понять, — смеялся он, крепко обнимая меня. — Ты была единственной, о ком нагваль говорил мне так много. Знаешь ли ты, что я чуть не умер, когда они приветствовали тебя?

Он не ждал, пока я что-нибудь скажу, но снова сжал меня в объятиях и, смеясь, опустил на землю. Затем, как будто какой-то ограничивающий барьер разрушился внутри у него, он начал говорить без остановки. Он сказал, что знал обо мне уже год; нагваль говорил, что вверяет ему таинственную девушку.

Метафорически он описал ее: “двенадцать часов утра ясного дня, ни ветреного, ни тихого, ни холодного, ни теплого, что-то среднее между всем этим, руководимое лишь безумием”.

Исидоро Балтасар сознался, что был настоящим ослом, когда немедленно решил, что нагваль так представляет ему его подружку. — Что это еще за подружка? — коротко оборвала его я.

Он сделал резкое движение рукой, решительно недовольный моими словами. — Это рассказ не о фактах, — огрызнулся он. — Речь идет о представлениях. Ты можешь видеть, какой я идиот. — Его раздражение быстро сменилось чудесной улыбкой. — Представляешь, я на самом деле поверил, что сам смогу узнать, кто эта девушка. — Он остановился на мгновение, потом тихо добавил, — я даже представлял замужнюю женщину с детьми при этом поиске.

Он глубоко вздохнул, затем ухмыльнулся и сказал:

— Мораль этой истории в том, что в мире магов каждый должен свести на нет свое эго, или всем нам конец. Ведь в этом мире нет способа для таких нормальных людей, как мы, предсказывать что-либо.

Потом, заметив, что я плачу, он взял меня за плечи и, удерживая на расстоянии длины рук, тревожно и внимательно посмотрел на меня.

— Что с тобой, нибелунга?

— Ничего, на самом деле ничего, — я смеялась между всхлипами, вытирая слезы. — У меня нет абстрактного ума, который может беспокоиться о мире абстрактных историй, — добавила я таким циничным тоном, каким только могла. — Я беспокоюсь о здесь и теперь. Ты даже не представляешь, что я пережила в этом доме.

— Конечно, я очень хорошо представляю, — отпарировал он с нарочитой резкостью. — Я бываю здесь уже в течение многих лет. — Он осмотрел меня глазами инквизитора и спросил:

— Мне очень хотелось бы знать, почему ты не сказала мне, что ты уже была с ними?

— Я собиралась, но не чувствовала, что это важно, — прошептала я в смущении. Потом мой голос зазвучал решительно и спокойно, и слова произвольно потекли из моих уст. — Оказывается, встреча с ними была единственной важной вещью из всего, что я когда-либо в жизни делала.

Чтобы скрыть удивление, я немедленно начала жаловаться, что меня оставили в доме совсем одну.

— У меня не было возможности сообщить тебе, что я уйду в горы с нагвалем, — прошептал он с внезапной неудержимой улыбкой.

— Я обо всем этом уже забыла, — уверила я его. — Я говорю о сегодняшнем дне. Сегодня утром, проснувшись, я ожидала, что ты будешь здесь. Я была уверена, что ты провел ночь в маленьком доме и спал на соломенном матрасе. Когда же не смогла найти тебя, то запаниковала.

Видя его озадаченное лицо, я рассказала о полуночном визите Флоринды, о последующем сне, и о том, как, проснувшись сегодня утром, я оказалась одна в доме. Я говорила бессвязно, так как все мои мысли и слова смешались, однако не могла остановиться.

— Есть так много вещей, которые я не могу принять, — сказала я, положив конец обличительной речи. — Я даже не могу опровергнуть их.

Исидоро Балтасар не сказал ни слова. Он смотрел на меня внимательно, как будто ожидал, что я продолжу, его брови поднялись от удивления и стали похожи на арку. У него было худое и вытянутое лицо цвета дыма. От его кожи веяло странной прохладой и слабым запахом почвы, словно он провел свою жизнь под землей в пещере.

Все мои суматошные мысли исчезли, когда я посмотрела в его зловеющий левый глаз с ужасным, безжалостным взглядом. В этот момент больше не имело значения, что было истинной правдой, а что — иллюзией, сном без сна. Я беззвучно засмеялась, чувствуя себя легкой, как ветер. Потом начала ощущать невыносимую тяжесть, опускавшуюся на мои плечи. Я узнала это. Флоринда, Мариано Аурелиано, Эсперанса и смотритель — все они имели такой глаз. Предопределенный навсегда быть без чувств, без эмоций, этот глаз отражал пустоту. Как если бы сам глаз был открыт достаточно, но внутри века — как в глазу ящерицы — прикрытый слева зрачок.

Прежде чем я успела что-нибудь сказать о его глазе мага, Исидоро Балтасар закрыл оба глаза на мгновение. Когда он открыл их снова, это были совсем одинаковые, темные и сияющие от смеха глаза, а магический глаз исчез, словно иллюзия. Он обнял меня одной рукой за плечи, и мы пошли вверх на холм.

— Возьми свои вещи, — сказал он как раз перед тем, как мы подошли к дому. — Я подожду тебя в машине.

Было странным то, что он не пошел со мной, но я отчего-то не спросила почему. Только когда я собирала свои немногочисленные вещи, мне пришло на ум, что, возможно, он боялся женщин. Это

допущение заставило меня беззвучно смеяться: я внезапно *знала* с уверенностью, которая изумляла, что единственное, чего Исидоро Балтасар не боится, — это женщины.

Я все еще смеялась, когда подошла к фургону у подножия холма. Я раскрыла было рот, чтобы описать Исидоро Балтасару причину своего веселья, но вдруг странные и неистовые эмоции потоком хлынули на меня. Удар был такой силы, что я не могла говорить. То, что я чувствовала, не было сексуальным влечением, не было это и платонической привязанностью. Это не было похоже на чувство, которое я испытывала к моим родителям, братьям и друзьям. Я просто любила его любовью, не запятнанной никакими ожиданиями, сомнениями, страхами.

Как будто я сказала обо всем этом без звука, Исидоро Балтасар обнял меня так горячо, что стало трудно дышать.

Мы выехали очень медленно. Я выглянула из окна машины, надеясь заметить фигуру зрителя среди фруктовых деревьев. — Странно чувствуешь себя, когда так уезжаешь, — размышляла я, усаживаясь обратно на свое сиденье. — Конечно, Флоринда попрощалась со мной прошлой ночью. Но я бы хотела поблагодарить Эсперансу и зрителя.

Грунтовая дорога вела вокруг холма, и когда мы достигли крутого поворота, стала видна задняя часть маленького дома. Исидоро Балтасар остановил машину и выключил мотор. Он указал на хрупкого старика, сидящего на деревянном ящике перед домом. Я хотела выскочить из машины и взбежать на холм, но он вернул меня.

— Только помаши ему, — прошептал он.

Зритель поднялся с ящика. Его свободный жакет и брюки развевались на ветру, словно крылья. Он тихо засмеялся, потом наклонился назад и, слившись с порывом ветра, сделал двойное сальто назад. Мгновение он казался подвешенным высоко в воздухе. Он не приземлился на землю, но исчез, как будто бы ветер унес его прочь.

— Куда он ушел? — прошептала я в благоговении.

— На другую сторону, — Исидоро Балтасар смеялся с детским восхищением. — Это его способ сказать тебе “до свидания”.

Он сел в машину, и мы снова двинулись. Он подшучивал надо мной, поглядывал на меня время от времени и передразнивал.

— Что тебя беспокоит, нибелунга? — спросил он наконец.

— Ты знаешь кто он, разве нет? — произнесла я обвиняюще. — Он не смотритель, ведь так?

Исидоро Балтасар слегка нахмурился, затем после долгого молчания напомнил мне, что для меня нагваль Хуан Матус был Мариано Аурелиано. Он уверил меня, что должны быть очень важные причины в том, что я знаю его под этим именем.

— Я уверен, что у старика есть очень веские основания для того, чтобы не открывать тебе свое имя.

Я доказывала, что с тех пор, как я знаю, кто такой Мариано Аурелиано, я не вижу смысла в таком странном поведении старика.

— И еще, — подчеркнула я самодовольно. — Я знаю, кто такой смотритель. — Я мельком взглянула по сторонам, чтобы видеть реакцию Исидоро Балтасара. Его лицо ничего не выражало.

— Как и все люди в мире магов, смотритель — маг, — сказал он.

— Но ты не знаешь, *кто* он. — Он на мгновение повернулся ко мне, а затем опять сконцентрировался на дороге. — После всех этих лет я точно не знаю, кем любой из магов является на самом деле, в том числе нагваль Хуан Матус. Так как я с ним уже долго, то, кажется, знаю, кто он. Однако когда он оборачивается спиной, я всегда в проигрыше.

Очень увлеченно Исидоро Балтасар продолжал говорить, что в повседневной жизни наши субъективные состояния распределяются между всеми нашими друзьями. Поэтому мы всегда знаем, что наши друзья сделают в данных условиях.

— Ты ошибается, ты смертельно неправ, — закричала я. — Не знать о том, что наши друзья сделают в определенных условиях, — самое захватывающее в жизни. Это одна из многих захватывающих вещей. Не говори мне, что ты хочешь их отбросить.

— Мы не знаем, что наши друзья сделают на самом деле, — объяснял он терпеливо. — Но мы можем составить список возможностей, которые окажутся правильными. Уверяю тебя, это очень длинный список, бесконечный перечень. Мы не должны спрашивать наших друзей об их предпочтении в вопросах порядка составления этого списка. Все, что нам нужно делать, это поставить себя на их место и отмечать возможности, подходящие нам. Они будут истинны для всех, потому что мы разделяем их. Наши субъективные состояния распределяются на всех.

Он сказал, что наши субъективные знания о мире известны нам как

здоровый смысл, который может слегка отличаться от группы к группе, от культуры к культуре. Но несмотря на все эти различия, здоровый смысл достаточно однороден, чтобы оправдать заявление, что повседневный мир — мир межсубъектный.

— Маги, однако, приспособились к тому, что здоровый смысл вообще не задействуется, — отметил он. — У них есть другой вид здравого смысла, потому что у них другие субъективные состояния.

— Ты имеешь в виду, что они как существа с другой планеты? — спросила я.

Исидоро Балтасар засмеялся.

— Да, они как существа с другой планеты.

— И поэтому они так таинственны?

— Я не думаю, что таинственность — это правильный термин, — заметил он задумчиво. — Они по-другому общаются с повседневным миром. Их поведение кажется таинственным нам, потому что мы не разделяем их взглядов. А так как мы не имеем никаких стандартов, чтобы измерить, что есть повседневный мир для них, нам проще верить, что их поведение таинственно.

— Они делают то же, что и мы: они спят, они готовят пищу, они читают, — вставила я. — Хотя я никогда не могла поймать их в действии. Поверь мне, они таинственны.

Улыбаясь, он покачал головой.

— Ты видела все, что они хотели, чтобы ты видела, — настаивал он. — И хотя они ничего не скрывали от тебя, ты *не могла* видеть. Это все.

Я была близка к тому, чтобы возразить, но боялась, что это не понравится ему. Ведь не так важно, прав ли он, кроме того, я действительно не поняла, о чем он говорил, однако почувствовала, что все попытки узнать что-либо не дали мне ключа к тому, кем были эти люди или что они делали. Вздыхнув, я закрыла глаза и опустила голову на спинку сидения.

Пока мы ехали, я снова начала говорить о своем сне: насколько реальным было видеть его храпящим на соломенном матрасе. Я рассказала ему о диалоге с Мариано Аурелиано, о тепле его руки. Чем больше я говорила, тем больше убеждалась, что это был вовсе не сон. Я пришла в такое возбужденное состояние, что перестала плакать.

— Я не знаю, что они сделали со мной, — сказала я. — Я не

совсем уверена, во сне я или нет даже сейчас. Флоринда говорила мне, что я *сновиджу-наяву*.

Исидоро Балтасар кивнул, потом тихо сказал:

— Нагваль Хуан Матус называет это *состоянием повышенного осознания*.

— *Повышенного осознания*, — повторила я.

Слова легко сорвались с моего языка, несмотря на то, что они звучали совсем не так как *сновидение-наяву*. Я смутно вспомнила, что слышала их раньше. Или Флоринда, или Эсперанса пользовались этим термином, но я не могла вспомнить, в каком контексте. Слова были на грани того, чтобы подсказать мне что-то важное, но мозг уже слишком устал от безуспешных попыток перечислить, что я делала день за днем в доме магов.

Как бы я ни старалась, все равно оставались определенные эпизоды, которые невозможно было пересказать. Я нащупывала слова, которые сразу же как-то тускнели и умирали перед самыми моими глазами, так же, как и картины, полуувиденные и полувспомненные. Не то чтобы я забыла что-нибудь, но образы приходили ко мне фрагментарно, как не совсем подходящие куски головоломок. Это забывание было физическим ощущением, как будто туман застилал часть моего мозга.

— Так *сновидение-наяву* и *повышенное осознание* — это одно и то же?!

Более чем вопрос, это было заявление, смысл которого выскочил из меня. Я передвинулась на сиденье, поджимая под себя ноги, сядясь лицом к Исидоро Балтасару. Солнце подчеркивало его профиль. Черные вьющиеся волосы ниспадали с высокого лба, четкие скулы, крупный нос и подбородок, точеные губы делали его похожим на римлянина.

— Я, наверное, до сих пор в повышенном осознании, — сказала я.

— Я никогда не замечала тебя раньше.

Машина качнулась на дороге, когда Исидоро Балтасар запрокинул голову назад и засмеялся.

— Ты определенно *сновидишь-наяву*, — заявил он, хлопнув ладонями по коленям. — Разве ты не помнишь, что я маленький, смуглый, и выгляжу по-домашнему?

Я хихикнула. Не потому, что согласилась с его описанием, но потому, что это было единственное, что я вспомнила о нем: лекция, которую он давал в день, когда мы формально

познакомились. Мое веселье сразу же превратилось в страшное беспокойство. Казалось, что прошли месяцы вместо двух только дней, с тех пор, как мы приехали в дом магов.

— Время идет по-другому в мире магов, — сказал Исидоро Балтасар, как будто он говорил без звука. — И каждый ощущает его по-разному.

Потом он признался, что одним из наиболее сложных аспектов его ученичества было иметь дело с соответствием событий потоку времени. Часто все они смешивались в уме, спутывая образы, опускавшиеся вглубь, когда он пытался на них сфокусироваться.

— Только сейчас с помощью нагваля я *вспомнил* те аспекты и события обучения, которые произошли несколько лет назад, — сказал он.

— Как он помогает тебе? — спросила я. — Он тебя гипнотизирует?

— Он заставляет меня изменять уровни осознания, и когда это происходит, я не просто вспоминаю прошлые события, я заново переживаю их.

— Как он это делает? — не унималась я. — Я имею в виду заставляет тебя изменять уровни.

— До недавнего времени я полагал, что это совершалось резким хлопком по спине между лопатками, — сказал он. — Но сейчас я совершенно уверен, что просто его присутствие заставляло меня изменять уровни осознания.

— Значит, он гипнотизировал тебя, — настаивала я.

Он покачал головой и сказал:

— Маги — *мастера изменения уровней осознания*. Некоторые из них настолько сильны, что могут изменять уровни осознания у других.

Я кивнула. У меня уже имелось множество вопросов, но он жестом попросил терпения.

— Маги, — продолжал он, — заставляют *увидеть*, что природа окружающей реальности отлична от того, какой мы ее воспринимаем, вернее от того, какой нас научили ее воспринимать. На интеллектуальном уровне мы заставляем себя самих убедиться, что культура предопределяет, кто мы есть, как себя вести, что мы должны знать, что мы способны чувствовать. Но мы не желаем воплощать эту идею, приняв ее как конкретное практическое предложение. Причина в том, что мы не принимаем утверждения, что культура также предопределяет и то, что мы способны

воспринимать.

Магия позволяет нам осознать другие реальности, различные возможности, касающиеся не только окружающего нас мира, но и нас самих, в такой степени, какой мы даже не можем себе представить в самых смелых предположениях о себе самих и о нашем окружении.

Меня удивило, что я сумела принять его слова так легко, хотя и не поняла их.

— Маг не только осознает различные реальности, — продолжал он, — но и использует эти знания на практике. Маги знают — не только интеллектуально, но и практически, — что реальность, или мир как мы его знаем, заключается во взятом у каждого из нас согласии в том, каков этот мир. Согласие может быть разрушено, так как это всего лишь социальное явление. И как только оно будет разрушено, весь мир рухнет вместе с ним.

Заметив, что я не могу следовать за его мыслью, он попытался представить ее с другой стороны. Он сказал, что социальный мир ограничивает наше восприятие в пределах его пригодности вести нас через путаницу переживаний в повседневной жизни.

Социальный мир определяет, что нам воспринимать, то есть ставит рамки нашим способностям восприятия.

— Восприятие мага действует за пределами согласованных рамок, — отметил он. — Они построены и поддерживаются словами, языком, мыслями. Это и есть согласование.

— А маги не соглашаются? — спросила я на всякий случай, пытаюсь понять то, что он говорит.

— Они соглашаются, — сказал Исидоро Балтасар, радостно улыбнувшись. — Но у них совершенно иное соглашение. Маги отбрасывают обычное соглашение не только интеллектуально, но также и физически, или еще как бы там это ни называть. Маги разрушают рамки социально определенного восприятия, и чтобы понять, что они имеют в виду, надо начать с практики. Поэтому каждый должен быть предан идее, каждый должен расстаться с разумом так же, как и с телом. Это должен быть бесстрашный и сознательный выбор.

— Тело? — спросила я подозрительно, немедленно заинтересовавшись, какой вид ритуала может предполагаться. — Что они хотят от моего тела?

— Ничего, нибелунга, — засмеялся он. Потом уже серьезным

добрым тоном добавил, что ни мое тело, ни мой разум не были еще в таком состоянии, чтобы следовать трудному пути магов. Видя, что я готова запротестовать, он быстро признал, что ничего дурного не произошло ни с моим умом, ни с моим телом.

— Одну минутку! — резко прервала я.

Исидоро Балтасар проигнорировал мой порыв и продолжал, что мир магов — обманчивый мир, и что недостаточно понять его интуитивно. Каждому нужно также усвоить его интеллектуально.

— Вопреки тому, во что верят люди, — объяснял он, — маги не практикуют мрачные эзотерические ритуалы, но стоят впереди нашего времени. А суть нашего времени — это разум. В целом мы разумные люди. Маги, однако, *люди разума*, что имеет совсем другое значение. Маги романтически относятся к идеям; они развили разум до его пределов, поверив для этого, что только при полном понимании интеллект может включить в себя принципы магии без потерь со стороны его уравновешенности и целостности. Именно в этом маги решительно отличаются от нас. У нас очень мало уравновешенности и еще меньше целостности.

Он посмотрел на меня с ясной улыбкой. У меня было неприятное впечатление, что он знает точно, о чем я думаю, или даже о том, о чем я вообще не могу думать. Я поняла его слова, но их значение ускользнуло от меня. Я не знала, что сказать. Я даже не знала, о чем спросить. Впервые в жизни я чувствовала себя крайне глупо. Это состояние не заставляло чувствовать себя неадекватно, хотя я ясно понимала, что он прав. Я всегда очень поверхностно и неглубоко относилась к интеллекту. Быть романтической в идеях — это абсолютно чуждая для меня концепция.

Через несколько часов мы были на границе США в Аризоне. Было очень трудно вести машину, так как начала сказываться усталость. Я хотела поговорить, но не знала, что сказать, — даже не так: — я не могла найти слов, чтобы выразить себя. Во мне был какой-то испуг после всего, что случилось. Это было новое ощущение! Чувствуя мою неуверенность и дискомфорт, Исидоро Балтасар начал говорить. Он искренне согласился, что мир магов часто ставит его в тупик даже сейчас, после стольких лет обучения и сотрудничества с ними.

— И когда я говорю “обучение”, я действительно имею в виду *обучение*. — Он засмеялся и хлопнул по коленям, чтобы подчеркнуть свое заявление.

— Только сегодня утром я был полностью разгромлен миром магов совершенно неопишным способом.

Он говорил тоном, в котором звучало наполовину утверждение, наполовину недовольство, еще в его голосе была такая восторженная энергия, прекрасная внутренняя сила, что я почувствовала себя приподнято. Создалось впечатление, что он может делать, выносить, воспринимать все что угодно, даже не имеющее смысла. Я почувствовала в нем волю преодолеть все препятствия.

— Представь, я действительно думал, что уехал с нагвалем только на два дня. — Смеясь, он повернулся и встряхнул меня свободной рукой.

Я была так поглощена звуком и живостью его голоса, что совсем не понимала, о чем он говорит. Я попросила его повторить то, что он сказал. Он повторил, и я опять упустила, что он имел в виду.

— Я не уловила, что тебя так сильно волнует, — сказала я наконец, внезапно раздражаясь из-за своей неспособности понять то, что он пытается мне сказать. — Ты уезжал на два дня. Ну и что из этого?

— Что?! — Его громкое восклицание заставило меня подпрыгнуть на сиденье, и я ударила головой о крышу фургона.

Он посмотрел прямо мне в глаза, но не сказал ни слова. Я знала, что он не обвиняет меня, еще я чувствовала, что он пытается развлечься моей угрюмостью, моими изменениями настроения, моим отсутствием внимания. Он остановил машину у края дороги, выключил мотор, затем повернулся на своем месте лицом ко мне.

— А сейчас я хочу, чтобы ты рассказала мне все, что ты можешь, о своем опыте.

В его голосе было нервное волнение, нетерпеливость, энергия. Он уверил меня, что согласование событий не имеет значения.

Его неотразимая обаяющая улыбка так успокаивала, что я рассказала очень легко все, что помнила.

Он слушал внимательно, посмеиваясь время от времени, подгоняя меня движением подбородка всякий раз, когда я запинаясь.

— Значит, все это случилось с тобой за... — он сделал паузу, смотря на меня сияющими глазами, затем добавил: — два дня?

— Да, — сказала я твердо.

Он широким жестом провел руками по груди.

— Ну, тогда у меня для тебя есть новость, — сказал он. Веселье в

его глазах изобличало серьезность тона, придавая особое выражение его четко очерченному рту.

— Я уезжал на двенадцать дней. Но я думал, что их было только два. Я думал, что ты собираешься принять во внимание иронию этой ситуации, потому что ты лучше сохраняешь счет времени. Однако это не так. Ты совсем такая же, как и я. Мы потеряли десять дней.

— Десять дней, — пробормотала я, смутившись, потом отвернулась, чтобы посмотреть в окно.

За оставшуюся часть путешествия я не сказала ни слова. Это не значит, что я не поверила ему. Это не значит, что я не хотела говорить. Мне нечего было сказать даже когда я купила в Лос-Анжелесе “Тайме” в первом же киоске, и когда подтвердилось, что я потеряла десять дней. Но где они действительно потеряны? Я задавала себе этот вопрос и не жаждала ответа.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 12

Офис-студия Исидоро Балтасара представляла собой прямоугольную комнату, выходящую окнами на стоянку автомобилей. Еще там была маленькая кухня и розовокафельная ванная. Он привез меня туда ночью, когда мы вернулись из Соноры. Слишком измученная, чтобы обращать на что-либо внимание, я тащилась за ним два лестничных пролета, потом по устланному темным ковром коридору к квартире номер восемь. В момент, когда моя голова коснулась подушки, я уже спала, и мне снилось, что мы все еще в пути. Дело в том, что мы ехали без остановки всю дорогу от Соноры, сменяя друг друга за рулем и останавливаясь только чтобы поесть или наполнить бак горючим. Квартира была обставлена беспорядочно. Кроме двуспальной кровати там был еще раскладной журнальный столик, служивший письменным столом, складной стул и два металлических бюро, в которых он хранил свои полевые заметки. Несколько костюмов и полдюжины рубашек висели в двух больших стенных шкафах в коридоре. Остальное пространство занимали сложенные в стопки книги. Книжных шкафов вообще не было. Казалось, к книгам никогда никто не притрагивался, тем более — не читал. Шкафчики на кухне тоже были набиты книгами, и только на одной полке оставалось место для тарелки, кружки, ножа, вилки и ложки. На газовой плите стояли чайник и кастрюля.

В течение трех недель я нашла для себя новую квартиру примерно в миле от кампуса УКЛА, совсем рядом с офисом-студией Исидоро Балтасара. Однако я продолжала проводить большую часть времени у него. Он поставил вторую кровать для меня, ломберный столик и бюро — такое же как и у него — в другом конце комнаты.

Через шесть месяцев Сонора стала для меня чем-то вроде мифа. Не желая больше прятать все это в потаенные уголки памяти, я сопоставила воспоминания о двух моих поездках туда. Но как ни старалась, я не могла ничего вспомнить о потерянных одиннадцати днях: одним — при первом путешествии, десяти — при втором.

Исидоро Балтасар отказался даже упоминать о потере этих дней. Временами я была полностью согласна с ним; мне была ясна абсурдность обдумывания тех потерянных дней, потому что я просто ничего не могла вспомнить о них и была благодарна ему за то, что он не придавал значения случившемуся. Было понятно, что Исидоро Балтасар бережет меня. Но временами я без всякой причины испытывала сильнейшее негодование. Помочь мне — это его долг, повторяла я себе, так как была убеждена, что он преднамеренно что-то скрывает.

— Ты ведешь себя по-идиотски, когда твердишь одно и то же, — наконец сказал он однажды. — И вся эта суэта бессмысленна, потому что она ни к чему не приведет.

Мгновение он колебался, будто сопротивляясь голосу, готовому что-то произнести, потом пожал плечами и добавил требовательным тоном:

— Почему ты не используешь ту же энергию в более полезных целях, таких, например, как отслеживание и контроль своих плохих привычек?

Вместо того, чтобы принять такую точку зрения, я немедленно контратаковала с еще одной кипевшей во мне обидой. Я все еще не познакомилась с другими молодыми женщинами, которые были вверены Исидоро Балтасару старым нагвалем.

Он так много говорил о них, что казалось, я их уже знаю. Когда бы я ни спросила о них, он всегда отвечал очень обстоятельно. О них он говорил восторженно и с глубоким, явно неподдельным восхищением утверждал, что любой описал бы их как привлекательных, умных и совершенных женщин — у них у всех были университетские дипломы, — самоуверенных и воинственно независимых. Для него, однако, они были более чем все это; они были магическими существами, которые разделяли его судьбу. Их соединяли узы привязанности и обязательств, которые ничего общего не имели с социальным порядком. Говоря проще, они разделяли общий поиск свободы.

Однажды я даже поставила ему ультиматум:

— Ты возьмешь меня к ним или нет?

Исидоро Балтасар весело рассмеялся глубоким, сдавленным смехом.

— Я могу сказать тебе только то, что на самом деле все не так, как ты себе представляешь, — сказал он. — И нет способа сказать,

когда ты наконец встретишься с ними. Тебе нужно только ждать.

— Я уже достаточно долго жду! — закричала я и, увидев, что он никак не реагирует, добавила насмешливо:

— Если ты думаешь, что я могу найти группу женщин в Лос-Анжелесе, то ты заблуждаешься. Я даже не знаю, где начать искать.

— Ты найдешь их тем же способом, что и меня, — ответил он. — Так же, как ты нашла Мариано Аурелиано.

Я подозрительно посмотрела на него. Мне показалось, что у него были какие-то тайные умыслы.

— Я не искала тебя, — капризно заметила я. — Так же, как я не искала Мариано Аурелиано. Поверь мне, встреча с тобой и с ним — это совершенная случайность.

— Нет случайных встреч в мире магов, — проговорил он.

Я была на грани того, чтобы сказать, что не нуждаюсь в добрых советах, когда он добавил серьезным тоном: —

Ты встретишь их в свое время. Их не нужно искать.

Отвернувшись к стене, я сосчитала до десяти, потом повернулась к нему, улыбаясь, и сказала приветливо:

— Проблема в общении с тобой состоит в том, что у тебя характер типично латинского склада. Для тебя завтра всегда достаточно хорошее. Тебе не нужно, чтобы вещи были более или менее определенными. — Я повысила голос, чтобы он не прервал меня.

— Я настаиваю на встрече с твоими друзьями, чтобы все ускорить.

— Все ускорить? — повторил он, не понимая, о чем речь. — Что ускорить?

— Ты говорил мне на днях, что осталось так мало времени, — напомнила я. — Ты всегда говоришь о том, как важно для меня встретить их, а сам ведешь себя так, как будто у тебя впереди вечность.

— Я непрерывно говорю тебе это потому, что хочу, чтобы ты спешила очистить свое собственное существование, а не потому, что я хочу бессмысленных действий, выполненных так быстро, как тебе заблагорассудится, — сказал он раздраженно. — Не мое дело — представлять их тебе. Если бы это было в моей власти, я бы не сидел здесь, слушая твои глупости.

Он закрыл глаза и вздохнул с преувеличенно фальшивым смирением. Затем улыбнулся и пробормотал тихо:

— Ты слишком глупа, чтобы понять, что происходит.

— Ничего не происходит, — вспыхнула я, выведенная из себя его

оскорблением. — Я не так глупа, как ты думаешь. Я заметила атмосферу двойственности в твоих реакциях на меня. Иногда у меня создается отчетливое впечатление, что ты не знаешь, что со мной делать.

— Я знаю, конечно, что делать, — возразил он.

— Тогда почему ты всегда проявляешь нерешительность, если я что-нибудь предлагаю? — слова вырвались у меня одним аккордом.

Исидоро Балтасар внимательно посмотрел на меня. В какой-то момент я ожидала, что он набросится на меня со всеми злыми и грубыми словами, какие он только знает, и разгромит меня резкой критикой. Но его голос был на удивление вежливым, когда он сказал, что я абсолютно права в оценках.

— Я всегда жду, пока события совершат выбор за меня, — подтвердил он. — И тогда действую со всей скоростью и решительностью. Я оставлю тебя позади, если ты не будешь начеку.

— Я и так уже далеко позади, — произнесла я обиженным голосом. — С тех пор как ты не помог мне найти этих женщин, я обречена оставаться позади.

— Но это действительно не самый неотложный вопрос, — сказал он. — Ты все еще не приняла решения — вот в чем проблема. Он поднял брови, как будто ждал, что я снова вспыхну.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду. Что именно я должна решить?

— Ты не решила, присоединиться ли к миру магов. Ты стоишь на пороге, заглядываешь внутрь, наблюдая за тем, что же случится. Ты ожидаешь какой-то практической пользы, которая бы сделала этот мир заслуживающим твоего времени.

Слова протеста поднимались во мне. Но еще раньше, чем я позволила выплеснуться своему глубокому возмущению, он сказал, что у меня сложилось ошибочное впечатление, что переезд в новую квартиру и то, что я отказалась от старого образа жизни, — это на самом деле перемены.

— А что же это тогда? — саркастически спросила я.

— Ты ничего не оставила позади, кроме своих вещей, — произнес он, не обращая внимания на мой тон. — Для некоторых людей это гигантский шаг. Для тебя — это ничто. Ты не связана имуществом.

— Да, это так, — согласилась я, а потом стала настаивать, что что

бы он ни думал по этому поводу, я приняла решение вступить в мир магов уже давно. — Как ты думаешь, почему я сижу здесь, если я еще не вступила в этот мир?

— Конечно же ты вступила — телом, но не духом. Сейчас ты ждешь чего-то вроде карты, какого-то поддерживающего плана, чтобы принять окончательное решение. А пока ты будешь продолжать приспосабливаться к нему. Главная твоя проблема в том, что ты хочешь убедиться, что у мира магов есть что тебе предложить.

— А разве нет? — воскликнула я.

Исидоро Балтасар повернулся и с восторгом взглянул на меня.

— Да, у него есть нечто такое, что он может предложить. Это *свобода*. Однако нет никакой гарантии, что в достижении ее ты добьешься успеха. То же можно сказать и о любом из нас.

Я кивнула задумчиво, а потом спросила, что же нужно сделать, чтобы убедить его, что я согласна вступить в мир магов.

— Тебе не надо убеждать меня. Ты должна убедить дух. Ты должна закрыть дверь за собой.

— Какую дверь?

— Ту, которую ты все еще держишь открытой. Дверь, которая позволит выйти в случае, если тебе что-либо не понравится или не удовлетворит твои ожидания.

— Уж не считаешь ли ты, что я могу уйти?

Он посмотрел на меня с таинственным выражением, потом пожал плечами и голосом, который был ближе к шепоту, сказал:

— Это между тобой и *духом*.

— Но если ты сам веришь, что...

— Я не верю ни во что, — коротко оборвал он. — Ты пришла в этот мир тем же путем, что и любой другой. Это не есть действие какого-нибудь конкретного лица. И не будет чьим-либо действием, если ты или кто-нибудь *другой* решит покинуть его.

Я сконфуженно посмотрела на него:

— Но, конечно, ты попытаешься меня убедить... если я... — я запнулась.

Он тряхнул головой, прежде чем я закончила говорить.

— Я не стану убеждать тебя или кого-то другого. Не будет никакой силы в твоём решении, если тебя нужно поддерживать всякий раз, когда ты споткнешься или засомневаешься.

— Но кто поможет мне? — спросила я в растерянности.

— Я. Я твой слуга. — Он улыбнулся, но не цинично, а застенчиво и мило. — Но прежде всего я служу духу. Разница в том, чтобы быть не рабом, но слугой духа. Рабы не имеют выбора, у слуг он есть. Их выбор — служить безупречно.

— Моя помощь не в счет, — продолжал он. — Я не могу убедить тебя, и конечно же ты не можешь убедить меня или мир магов. Главная предпосылка этого мира: не делается ничего такого, что может быть расценено как полезное; разрешаются только стратегические действия. Именно этому учил меня нагваль Хуан Матус, и это способ, которым я живу: маг практикует то, что проповедует. И еще: ничего не делается в практических целях. Когда ты станешь понимать и практиковать все это, ты закроешь за собой дверь.

Между нами установилось долгое неподвижное молчание. Я крутилась на своей кровати. Мысли вертелись у меня в голове. Возможно, никто из магов не поверит мне, но я действительно изменилась, это изменение было почти незаметным вначале. Я обратила на него внимание, потому что оно произошло с наиболее сложной вещью, с которой сталкиваются почти все женщины: ревностью и потребностью все знать.

Мои приступы ревности были притворными, — не всегда осознанные, они были все-таки чем-то вроде позы. Что-то во мне требовало, чтобы я ревновала ко всем другим женщинам в жизни Исидоро Балтасара. Но одновременно что-то во мне остро осознавало, что жизнь нового нагваля не была жизнью обычного мужчины, не была она и жизнью мужчины, который может иметь много жен. Наши отношения, если это можно так назвать, не походили на какие бы то ни было обычные формальные отношения, и не имело значения, какую форму я пыталась им придать. Для ощущения обладания и для того, чтобы ревновать, необходимо, чтобы эти чувства выражались, и не только у тебя самого, но и у партнера. А Исидоро Балтасар вообще не проявлял стремлений, желаний, чувств и эмоций обычного мужчины.

Мое желание знать все о жизни Исидоро Балтасара было непреодолимой потребностью; меня просто терзало то, что он никогда не позволял мне действительно проникнуть в его личную жизнь. А еще, — я ничего не делала для этого. Часто я напоминала себе, что было бы очень просто последить за ним или покопаться в его бумагах, чтобы понять раз и навсегда, кто же он на самом деле.

Но я не могла. Что-то во мне знало, что я не смогу продолжать общаться с ним как раньше, если сделаю это. То, что меня останавливало, — было более чем уважение чужой собственности, это было доверие, которым он облек меня. Он предоставил мне полный доступ ко всему, что ему принадлежало, и это сделало его не только на деле, но даже в моих мыслях неприкосновенным. Я беззвучно рассмеялась. Я поняла, что это стратегическое действие воина. Исидоро Балтасар ошибся. Он принял мои врожденные привычки — замкнутость и германскую ограниченность — за недостаток воинственности. Это уже не имело значения. Я знала, что наконец начала понимать и практиковать стратегию воина, хотя бы тогда, когда он был — не обязательно в студии, но был в Лос-Анжелесе. Однако в его отсутствие я часто начинала сомневаться, и когда это происходило, я обычно приходила спать в его студию. Однажды ночью, когда я сунула свой ключ в замок, я вдруг ощутила, что чья-то рука схватила меня и втащила вовнутрь. Я завопила в ужасе.

— Что... что это... — произнесла я, заикаясь, когда рука, которая держала меня, резко отпустила. Пытаясь сохранить равновесие, я удержалась за стену. Сердце вырывалось из груди. — Флоринда! — Я ошеломленно уставилась на нее. На ней был длинный халат, собранный на талии. Ее волосы свободно ниспадали по бокам и сзади. Мне стало интересно, реальна она, или просто призрачное видение, обрамленное тусклым светом, падающим из-за плеч. Я двинулась к ней и исподтишка дотронулась до ее рукава.

— Это ты, Флоринда? Или, может быть, я *сновисжу*?

— Нет, это реальность, милая. Это действительно я.

— Как ты добралась сюда? Ты здесь одна? — Я хорошо понимала, что бесполезно спрашивать ее об этом.

— Если бы я знала, что ты придешь, я бы раньше начала уборку, — произнесла я, пытаюсь улыбнуться. Губы прилипли к зубам. — Я люблю убирать студию Исидоро Балтасара ночью. Я всегда убираю ночью.

Вместо того, чтобы что-нибудь сказать, Флоринда повернулась в профиль, так что свет бил ей в лицо. Опасная искра появилась в ее глазах. — Я говорила тебе никогда не следовать ни за кем из нас и никогда не приходите без приглашения. Ты везучая, — сказала она. — Ты должна быть счастлива, что я, а не кто-нибудь другой

втащил тебя сюда сегодня ночью.

— А кто еще мог втащить меня? — спросила я с показной храбростью, которой совершенно не ощущала.

Флоринда пристально посмотрела на меня еще мгновение, потом повернулась и, пожав плечами, сказала: — Кто-нибудь, кто бы не обратил внимания, если бы ты умерла от испуга. — Она слегка повернула голову, так что ее профиль был подчеркнут призрачным светом. Она тихо смеялась и, взмахивая рукой в воздухе, как будто вытирая произнесенные только что слова, прошла через всю комнату на маленькую кухню. Казалось, она не шла, а скользила в каком-то замысловатом танце. От этого длинные черные волосы рассыпались у нее по спине, мерцая в неопределенном свете, как серебряная завеса.

Пытаясь имитировать ее изящную походку, я последовала за ней.

— У меня есть ключ, ты знаешь, — сказала я. — Я прихожу сюда в любой день и в любое время с тех пор, как мы вернулись из Соноры. На самом деле я практически живу здесь.

— Разве Исидоро Балтасар не говорил тебе не приходить сюда, когда он в Мексике? — Флоринда говорила ровным тоном. Она не обвиняла меня, я это чувствовала.

— Может быть, он и упоминал что-нибудь в этом роде, — заметила я с показным безразличием. Видя, что она нахмурилась, я почувствовала необходимость защититься. Я сказала ей, что часто бываю здесь сама и мне кажется, что не существует особенного различия, в пяти ли милях отсюда Исидоро Балтасар или в ста. Ободряемая ее повторяющимися кивками, я сообщила по секрету, что кроме того, что выполняю здесь школьные задания, я часами разбираю книги в стопках. Я распределила их по авторам и по тематике. — Некоторые книги совсем новые, и страницы в них все еще не разрезаны, — рассказывала я. — Я отложила их.

Фактически это то, зачем я пришла сюда сегодня.

— В три часа утра? — удивилась Флоринда.

Заливаясь краской от смущения, я кивнула. — Нужно разрезать еще очень много страниц. Такую работу можно делать целую вечность, так как нужно быть очень внимательной, чтобы не повредить страницы. Однако эта работа успокаивает и помогает мне уснуть.

— Удивительно, — тихо проговорила Флоринда. Воодушевленная ее явным одобрением, я продолжала:

— Я уверена, ты можешь понять, что дает мне пребывание здесь, — сказала я. — В этой квартире я чувствую себя обособленной от моей старой жизни, от всего и всех, кроме Исидоро Балтасара и его магического мира. Даже сам воздух наполняет меня ощущением полной изолированности. — Я вздохнула длинно и громко. — Здесь я никогда не чувствую себя одиноко. Что-то в атмосфере этого дома напоминает мне дом магов. Та самая прохлада и недостаток чувств, которые тогда впервые я нашла такими тревожными, исходящими от стен. Но это именно то отсутствие тепла, та изолированность, которую я ищу и днем, и ночью. Мне кажется, именно она меня чудесно успокаивает. Она дает мне силу. — Невероятно, — прошептала Флоринда как бы в неверии и поставила чайник в раковину. Она что-то сказала, но что, я не расслышала из-за шума воды, потом поставила наполненный чайник на плиту.

— Я счастлива, что ты именно так чувствуешь себя в этом доме, — сказала она, драматически вздыхая. — Ты, должно быть, ощущаешь безопасность в этом маленьком гнезде от знания того, что у тебя есть партнер. — Она добавила самым шутливым тоном, что мне нужно делать все, чтобы Исидоро Балтасар был счастлив, включая занятия любовью, которые она описала с устрашающей прямоотой.

Я устала на нее, разинув рот, ошеломленная тем, что слышу такие вещи. С уверенностью и сноровкой того, кто хорошо знаком со странной обстановкой кухни, она достала две кружки, мой личный чайник для заварки и пакет шоколадного печенья, который я прятала в кухонном шкафчике за толстыми томами немецкого и французского словарей.

Улыбаясь, Флоринда повернулась ко мне и неожиданно спросила: — Кого ты надеялась встретить здесь сегодня?

— Не тебя! — выкрикнула я, слишком поздно понимая, что такой ответ выдает меня с головой. Я пустилась в длительные и подробные разъяснения, почему я верила, что могла найти здесь если не всех, то хотя бы одну из молодых женщин.

— Они пересекут твой путь, когда наступит время, — сказала Флоринда. — Тебе не нужно ускорять встречу с ними.

Прежде чем понять, что говорю, я обнаружила, что обвиняю ее, Мариано Аурелиано и Исидоро Балтасара в моей неосведомленности. Я сказала ей, что непрактично — скорее даже

невозможно — полагать, что мне нужно ждать, пока какие-то неизвестные женщины пересекут мой путь, и верить, что я смогу узнать их по чему-то такому непостижимому, как их внутренний свет. Как обычно, чем больше я жаловалась, тем лучше себя чувствовала.

Флоринда не обращала на меня внимания.

— Одна, две полных ложки и одна для чайника, — произнесла она нараспев с преувеличенным британским акцентом, как будто распределяла чай. Затем самым небрежным тоном она заметила, что очень своенравно и непрактично было для меня относиться к Исидоро Балтасару как к мужчине, и даже думать об этом.

— Что ты имеешь в виду, я не понимаю, — сказала я, защищаясь. Она пристально смотрела на меня, пока я не покраснела. — Ты точно знаешь, что я имею в виду, — заметила она, потом налила чай в кружки. Быстрым движением подбородка она указала, какую из двух я должна взять. С пакетом печенья в руке она села на кровать Исидоро Балтасара, ту, которая была ближе всего к кухне. Медленно, маленькими глотками она пила чай. Я села рядом с ней и делала то же.

— Ты не изменилась совсем, — внезапно сказала она.

— Об этом уже очень много раз говорил мне Исидоро Балтасар несколько дней назад, — резко ответила я. — Я же все равно знаю, что очень изменилась.

Я сказала ей, что мой мир вывернулся наизнанку после возвращения из Соноры. Очень длинно я описала ей то, как нашла новую квартиру, как переехала, оставив все, что имела. Она ничего не говорила, только кивала, но сидела тихо и была неподвижна, как статуя.

— На самом деле не очень большая заслуга то, что я отказалась от рутины или стала сдержанной, — уступила я, нервно смеясь и запинаясь из-за ее молчания. — Любой в близком контакте с Исидоро Балтасаром забудет, что существуют границы между ночью и днем, между буднями и праздниками. — Я взглянула в ее сторону, довольная своими словами. — Время только протекает и дает путь... — Пораженная странной мыслью, я не смогла закончить предложение. Никто на моей памяти никогда не говорил мне об отказе от рутины или о том, чтобы стать сдержанной. Я внимательно посмотрела на Флоринду, потом мой взгляд невольно отпрянул. Она ли это сделала? — спросила себя я. Откуда у меня

взялись эти мысли? И еще сильнее озадачивало то, что я знала смысл этих слов.

— Должно быть, это знак: что-то в тебе близко к тому, чтобы вырваться, — сказала Флоринда, как если бы она следовала за ходом моих мыслей. Она продолжала говорить, что все, что бы я ни делала так успешно в *сновидении*, не наполняло мои часы бодрствования необходимой твердостью, необходимой самодисциплиной, нужной для жизни в мире магов.

— Я никогда не делала ничего подобного в своей жизни, — сказала я. — Дай мне отдых. Для меня это все очень ново.

— Конечно, — с готовностью согласилась она. Положив голову на подушку, Флоринда закрыла глаза. Она молчала очень долго, и мне казалось, что она уснула, поэтому я вздрогнула, когда услышала:

— Настоящее изменение — это не изменение настроения или отношения, или внешности. Настоящее изменение заключается в полной трансформации себя.

Видя, что я готова возразить ей, она прижала пальцы к моим губам и прибавила:

— То изменение, о котором я говорю, не может произойти в три месяца или за год, или за десять лет. Оно требует всей жизни. — Она сказала, что чрезвычайно трудно стать чем-то другим, чем уже сформировавшийся человек.

— Мир магов — это сон, миф, но он реален, как и повседневный мир, — продолжала Флоринда. — В порядке постижения и функционирования в мире магов мы должны сбросить повседневную маску, которая надета на наши лица со дня рождения, и надеть другую маску, маску, которая позволит нам видеть себя и свое окружение таким, каким оно действительно является: захватывающие дух события, которые освещают наше мимолетное существование лишь однажды и никогда больше не повторяются.

— Ты сама должна будешь создать эту маску. — Она поудобнее устроилась на кровати и, обхватив ладонями кружку, которую я наполнила снова, делала шумные маленькие глотки.

— Как я могу сделать эту маску? — спросила я.

— *Насновидев* свое *второе я*, — пробормотала она. — И конечно же, не только приобретением нового адреса, новой одежды, новых книг. — Она посмотрела внимательно в мою сторону и

улыбнулась с издевкой. — И конечно же, не верой в то, что у тебя появился новый мужчина.

Прежде чем я смогла отвергнуть ее грубое обвинение, она сказала, что внешне я текучее существо, способное двигаться с большой скоростью. Но внутри я неподатливая и застывшая. Как и Исидоро Балтасар, она тоже напомнила о том, что для меня было ошибкой верить, что переезд в новую квартиру и обязательный отказ от всего, что я имела, был изменением.

Я наклонила голову, соглашаясь с ее критикой. У меня всегда было стремление избавиться от вещей. И, как она подчеркнула, это было, по существу, внутреннее побуждение. К огромному огорчению моих родителей, я периодически избавлялась от одежды и игрушек с самого раннего детства. Радость при виде комнаты и шкафов, аккуратно убранных и практически пустых, для меня превышала радость обладания вещами.

Иногда мое побуждение было таким всеобъемлющим, что я прореживала даже одежду моих родителей и братьев. Едва ли кто-нибудь в детстве обсуждал со мной эти вопросы, но я всегда была убеждена, что нужно избавляться от вещей, которые некоторое время не носишь. Несколько раз вся моя семья оказывалась во внезапном и полном замешательстве, когда отец ходил из комнаты в комнату, открывая шкафы и вопя в поиске нужной ему рубашки и пары брюк.

Флоринда засмеялась, затем встала и подошла к окну, выходящему на аллею. Она смотрела на черные шторы, как если бы могла видеть сквозь них. Взглянув назад через плечо, она сказала, что для женщины намного проще, чем для мужчины, разорвать связь с семьей и с прошлым.

— Женщина, — напомнила она, — обычно не в счет. Это дает женщине прекрасную возможность быть текучей. К сожалению, женщины очень редко используют это преимущество. — Она прошла по комнате, ее рука коснулась большого металлического бюро и моего столика. — Самая сложная вещь, которую нужно понять о мире магов, это то, что он предлагает полную свободу. — Она повернулась, чтобы видеть меня, и тихо добавила: — Но свобода не дается даром.

— Чего же стоит свобода?

— Свобода будет стоять тебе твоей маски, — сказала она. — Маски, ощущать которую так удобно, и ее так трудно снять не

потому, что она идет тебе так уж хорошо, но потому, что она на тебе очень долгое время. — Она перестала шагать по комнате и остановилась перед моим маленьким столом.

— Знаешь ли ты, что такое свобода? — риторически спросила она.

— Свобода — это полное отсутствие интереса к себе, — произнесла она, садясь рядом со мной на кровати. — И лучший способ перестать быть озабоченной самой собой — это заботиться о других.

— Я забочусь, — уверила я ее. — Я постоянно думаю об Исидоро Балтасаре и о его женщинах.

— Я уверена, что это так, — охотно согласилась Флоринда. Она встряхнула головой и зевнула. — Сейчас самое время для тебя начать создавать новую маску. Маску, которая не будет иметь ничьего отпечатка, кроме твоего собственного. Она должна быть высечена в одиночестве. Иначе она не подойдет тебе. Иначе всегда будут времена, когда маска будет казаться слишком тесной, слишком свободной, слишком теплой, слишком холодной... — Ее голос звучал так, как будто она продолжала перечисление самых невиданных неудобств.

Последовало длительное молчание, и тогда тем же сонным голосом она сказала:

— Выбрать мир магов — это не в смысле разговоров, как у тебя. Нужно действовать в этом мире. В твоем случае ты должна *сновидеть*. Занималась ли ты *сновидением* после возвращения? Будучи в очень мрачном настроении, я призналась, что не делала этого.

— Тогда ты еще не приняла своего решения, — строго произнесла она. — Ты не высекаешь новую маску. Ты не *сновидишь* свое *второе я*.

Маги окружают свой мир своей исключительной безупречностью.

— Ясный блеск появился в ее глазах, когда она добавила, — Маги не заинтересованы обращать кого-либо на свои пути. Среди магов нет гуру или мудрецов, — только нагвали. Они лидеры не потому, что знают больше или каким-то образом лучшие маги, но просто потому, что у них больше энергии. Я имею в виду не обязательно физическую силу, — смягчилась она, — но особую конфигурацию их сущности, которая позволяет им помогать другим изменять уровни осознания.

— Если маги не заинтересованы в обращении кого бы то ни было

на свои пути, почему тогда Исидоро Балтасар — ученик старого нагваля? — прервала я ее.

— Исидоро Балтасар вступил в мир магов тем же путем, что и ты, — сказала она. — Что бы там ни было, но он попал в ситуацию, когда Мариано Аурелиано не мог его проигнорировать. Его долгом было учить Исидоро Балтасара всему, что он знает о мире магов. — Она сообщила, что никто не искал ни Исидоро Балтасара, ни меня. Что бы ни привело нас в их мир, — это не имело ничего общего с чьим-либо действием или желанием. — Никто из нас ничего не станет делать, чтобы удерживать тебя против твоей воли в этом волшебном мире, — сказала она, улыбаясь. — И все же мы будем делать различные воображимые и невообразимые вещи, чтобы помочь тебе остаться в нем.

Флоринда отвернулась в сторону, как будто хотела спрятать от меня свое лицо. Мгновение спустя она посмотрела через плечо. Что-то холодное и беспристрастное появилось в ее глазах, и смена выражения была настолько заметной, что я испугалась.

Инстинктивно я отодвинулась от нее.

— Единственная вещь, которую я не могу и не желаю делать, так же, как и Исидоро Балтасар, это помогать тебе быть старой уродкой, алчной, во всем потакающей себе. Это было бы искажением.

Чтобы смягчить обиду, она крепко обняла меня за плечи. — Я скажу, что тебе нужно, — прошептала она, когда молчание затянулось так надолго, что казалось, она забыла, что собиралась сказать.

— Тебе нужен хороший ночной сон, — наконец пробормотала она. — Я совсем не устала, — возразила я. Я ответила автоматически и сразу ощутила, что большинство моих ответов противоречили тому, о чем шла речь. Считать себя правой было для меня вопросом принципа.

Флоринда мягко засмеялась, затем снова обняла меня. — Не будь такой немкой, — пробормотала она. — И не надейся, что все будет для тебя расшифровано понятно и точно. — Она добавила, что в мире магов нет ничего понятного и точного; наоборот, вещи раскрывают свою сущность медленно и неопределенно. — Исидоро Балтасар поможет тебе, — уверила она меня. — Но запомни: он не будет помогать тебе таким способом, какого ты от него ожидаешь.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила я, высвобождаясь из ее рук, чтобы можно было видеть ее лицо.

— Он не скажет тебе то, что ты хочешь услышать. Он не скажет тебе, как себя вести, потому что, как ты уже знаешь, не существует ни правил, ни руководств в магическом мире. — Она радостно смеялась, кажется, получая удовольствие от моего растущего разочарования. — Всегда помни, существует только импровизация, — добавила она, потом, широко зевнув, растянулась на кровати во весь рост и взяла одно из одеял, сложенных аккуратной стопкой на полу. Прежде чем укрыться, она приподнялась на локте и приблизила ко мне лицо. Что-то гипнотическое было в ее сонном голосе, когда она советовала мне всегда иметь в виду, что я следую тому же пути воина, что и Исидоро Балтасар.

Она закрыла глаза и слабым, еле слышным голосом сказала: — Никогда не теряй мысли о нем. Его действия поведут тебя так искусно, что ты даже не заметишь этого. Он несравненный и безупречный воин.

Я быстро схватила ее за руку, боясь, что она уснет прежде, чем закончит говорить.

Не открывая глаз, Флоринда сказала: - Если ты посмотришь внимательно, то увидишь, что Исидоро Балтасар не ищет любви или одобрения. Ты увидишь, что он сохраняет безмятежность в любых условиях. Он не требует ничего, и еще он желает отдать всего себя. Он жадно ищет указания *духа* в форме доброго слова, подходящего жеста, и когда он получает его, то выражает благодарность удвоением усилий.

Исидоро Балтасар не выносит приговоры. Он неистово уменьшает себя до бесконечно малого, чтобы слышать и видеть. Так он может победить и покориться своей победе, или быть побежденным и получить силу от своего поражения.

Если ты будешь внимательна, то увидишь, что Исидоро Балтасар никогда не сдается. Он может быть побежден, но он никогда не бывает разгромленным. И прежде всего — Исидоро Балтасар свободен.

Я умирала от желания прервать ее, закричать, что она уже говорила мне все это, но Флоринда уснула раньше, чем я успела спросить у нее что-то еще.

Боясь, что не найду ее утром, если вернусь к себе домой, я уселась

на другую кровать.

В голове у меня проносились странные мысли. Я расслабилась и позволила им полностью овладеть мной. Новые ощущения отличались от того, какими были обычные мысли. Я видела их, как лучи света, вспыхивающие из подсознания.

Во время одного из таких всплесков интуиции я решила почувствовать кровать, на которой сижу. И к ошеломляющему удивлению мои ягодицы ощутили, как они сами погружаются в кровать. Некоторое время я была кроватью, которая достигала моих ягодиц, касаясь их. Это ощущение доставляло мне некоторое удовольствие. Теперь я уже знала, что нахожусь в *сновидении*, и понимала с полной ясностью, что я только что ощутила то, что Эсперанса описывала как “мои ощущения выходят из меня”. Все мое существо расплылось, или, еще лучше, — оно взорвалось. Хотелось рассмеяться от чистой радости этого ощущения, но я боялась разбудить Флоринду. Я все вспомнила! Сейчас не составило бы никакого труда перечислить все, что я делала в доме магов в течение тех десяти дней. Я *сновидела*! Под бдительным присмотром Эсперансы я все дальше и дальше углублялась в свое *сновидение*, просыпаясь в доме магов, или рядом с Эсперансой, или иногда в других местах, которые я не могла рассмотреть в то мгновение.

Клара говорила, что прежде чем какой-то отдельный предмет, замеченный в *сновидении*, сможет зафиксироваться в моей памяти, мне нужно увидеть его дважды. Я видела всех женщин более двух раз; они оставили неизгладимый след в моей памяти. Сидя здесь на кровати и наблюдая, как спит Флоринда, я вспомнила других женщин из партии магов, с которыми я взаимодействовала в сноподобном состоянии в течение тех забытых дней. Я видела их так ясно, как будто они проходили передо мной, или как если бы я возвратилась телесно к тем событиям.

Больше других меня поражала Нелида, которая была так похожа на Флоринду, что вначале я приняла их за близнецов. Она не только была такой же высокой и тонкой, как Флоринда, но у нее был тот же цвет глаз, волос, та же комплекция; даже выражения у них были одинаковые. По темпераменту они тоже были похожи, только Нелида казалась более мягкой, менее воинственной. И еще, в Нелиде был особый покой и тихая сила, которые очень успокаивали.

Хермелинда могла легко сойти за младшую сестру Кармелы. Она была тонкая, небольшого роста, всего пять футов и два дюйма и имела просто исключительные манеры, а также очень следила за своим телом. Она казалась менее самоуверенной, чем Кармела. Говорила Хермелинда тихо и двигалась быстрыми рывками, которые как-то сцеплялись в грациозность, изящество. Ее компаньоны сказали мне, что осторожность и спокойствие делают ее лучшей среди других и что она не может общаться с группой или даже двумя людьми одновременно.

Клара и Делия составляли изумительную команду проказниц. На самом деле они не были такими большими, как казались. Их здоровье, их сила и энергия заставляли других думать, что они крупные и деструктивные женщины. Они играли в самые восхитительные состязательные игры, демонстрируя свое необычайно эксцентричное снаряжение при первой же возможности. Обе очень хорошо играли на гитаре и имели прекрасные голоса; они пели, стараясь превзойти друг друга не только на испанском, но и на английском, немецком, французском и итальянском. Их репертуар включал баллады, народные песни, всевозможные популярные песни, даже самые последние поп-хиты. Достаточно было только напеть или повторить вслух первую строчку почти любой песни, и сразу же Клара и Делия заканчивали ее всю. Ко всему прочему они писали стихи, тоже состязаясь, часто к определенным случаям.

Они написали стихи для меня и протолкнули под дверь, не подписав. Я должна была определить, кто именно написал стихотворение. Каждая утверждала, что если я искренна в своих чувствах к ним, люблю их, то интуитивно буду знать автора. В этом соперничестве не было перевеса, и поэтому оно было особенно трогательным. Ведь подразумевалось развлечение, а не намерение поразить друг друга. Излишне говорить, что Клара и Делия получали такое же удовольствие, как и их зрители.

Если им кто-то нравился, как это, кажется, случилось со мной, не было предела их расположению и преданности. Обе они охраняли меня с удивительным упорством, даже когда я была неправа. В их глазах я была безупречна и не могла поступить неправильно. От них я научилась тому, что такое доверие требует двойной ответственности. Неверно было бы сказать, что я боялась разочаровать их и пыталась подтвердить ожидания, однако

наиболее естественной вещью для меня в этой ситуации было верить, что я безупречна и вести себя с ними безупречным образом. Самой странной из всех женщин-магов была моя учительница *сновидения*, Зулейка, которая никогда ничему меня не учила. Она даже никогда со мной не разговаривала или, возможно, не замечала, что я существую.

Зулейка была, как и Флоринда, очень красива; возможно, не так замечательна, но она отличалась какой-то неземной красотой. Она была маленького роста, с темными глазами и крылатыми бровями, маленьким правильным носом и ртом, прекрасными вьющимися темными волосами, которые отливали серым. Это придавало ей тончайший оттенок поглощенности другими, неземными интересами.

Эта необычная, но величественная красота имела характер неослабевающего самоконтроля. Зулейка тонко ощущала комические моменты того, что она красива и привлекательна в глазах других. Научившись распознавать это и использовать как свое преимущество, она была, однако, совершенно безразлична к чему- или кому-либо.

Зулейка научилась чрево вещать, и это стало превосходным искусством. Она считала, что слова, которые произносились движениями губ, становились более запутанными, чем они были на самом деле.

Меня восхищала ее манера говорить как чрево вещательницы со стенами, столами, посудой или любым другим предметом перед ней, и я могла часами следовать за ней, что бы она ни делала. Она ходила по дому, казалось, не касаясь земли и не производя движения воздуха. Когда я спросила других магов, не иллюзия ли это, они объяснили, что Зулейка ненавидит оставлять следы.

После того как я уже повстречалась и взаимодействовала со всеми женщинами, они объяснили мне разницу между *сновидящими* и *сталкерами*. Они называли это двумя планетами. Флоринда, Кармела, Зойла и Делия были *сталкерами*: сильными существами с большим количеством физической энергии, проводниками, неистощимыми работниками, специалистами в особом состоянии осознания, которое называется *сновидение*.

Другая планета — *сновидящие* — состояла из других четырех женщин: Зулейки, Нелиды, Хермелинды и Клары. Они имели более тонкую сущность. Не то чтобы они были менее сильными

или менее энергичными; просто их энергия была менее явной. Они воплощали смысл отрешенности от этого мира, даже когда занимались самыми земными делами. Они были специалистами в другом особом состоянии осознания, которое они называли “сновидение в мирах, отличных от этого мира”. Мне сказали, что это было наиболее сложное состояние осознания, которого может достичь женщина.

Когда *сновидящие* и *сталкеры* работали вместе, *сталкеры* были защитниками, сильным наружным слоем, который охранял глубинную сущность, ядро. *Сновидящие* были этим ядром; они были как бы глубинной основой, которая спрятана за сильным внешним слоем.

В те дни в доме магов за мной следили, как будто я была их единственной и наиболее важной заботой; они ласкали и заботились обо мне, как о ребенке. Они готовили мои любимые блюда, шили самую элегантную и подходящую одежду, которая когда-либо у меня была, осыпали меня подарками, совершенно бесполезными вещами и дорогими украшениями, которые, как мне сказали, были спрятаны в ожидании дня, когда я проснусь.

В партии магов были еще две женщины. Обе были сталкерами: две толстые девушки. Марта и Тереза, которые были очень милы и имели потрясающий аппетит. Не то чтобы они обманывали кого-нибудь, но они хранили запас печенья, шоколада и разнообразных варений, спрятанный в укромном месте в кладовой. К моему большому удовольствию они с самого начала посвятили меня в свой секрет, рассказав о запасе, и подстрекали воспользоваться им, что собственно я и делала.

Марта была старшей из двух. Ей было около двадцати пяти лет, и у нее была экзотическая смесь германской и индейской крови. Цвет кожи у нее был не то чтобы белым, но бледным. Прекрасные черные волосы, мягкие и вьющиеся, обрамляли ее розовощекое полное лицо. У нее были косящие глаза чудесного зелено-голубого цвета и маленькие, тонкие уши, розовые и почти прозрачные, как у кошки.

У Марты был долгий и печальный взгляд — германский, утверждала она, — и грустная молчаливость, наследство ее индейской души. Недавно она начала брать уроки игры на скрипке, которые практиковала в любое время дня. Вместо того, чтобы кто-нибудь раздражался или злился на нее, все единодушно

соглашались, что у Марты прекрасный слух для занятий музыкой. Тереза была чуть больше пяти футов ростом, но ее объем создавал видимость того, что она куда выше. Вместо того, чтобы выглядеть мексиканкой, она была похожа на уроженку Индии. У нее была превосходная кожа богатого кофейного оттенка. Ее миндалевидные глаза, влажные и темные, казалось, были обрамлены изогнутыми плетьюми, такие тяжелые и низкие были у нее веки, придававшие внешности сонно-отстраненное впечатление. Ее доброта и мягкий характер заставляли каждого оберегать ее.

Тереза тоже имела способности к искусству. По вечерам она рисовала акварелью. С мольбертом перед собой, кистями, красками и водой она сидела часами во дворе и ждала освещения и теней, которые бы ей подошли. Потом с дзэновским контролем и быстротой она проводила по листу своей кистью.

Все, что было потеряно моей памятью, всплыло на поверхность. Я была истощена. Ритм слабого храпа Флоринды, поднимающегося и опускающегося волнами по комнате, как далекое эхо, гипнотизировал.

Проснувшись, я сразу же позвала Флоринду. Она не ответила. Кровать была пуста. На желтой простыне, опрятно подвернутой под матрас, не было никаких следов того, что кто-нибудь сидел или спал на ней. Две подушки сложены в их обычное положение — прижаты к стене, — и одеяло, которым она укрывалась, тоже сложено вместе с другими на полу.

Я напряженно осмотрела квартиру, ища доказательства того, что Флоринда действительно была здесь. И не нашла ничего, даже ни одного длинного серого волоса в ванной.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 13

Всякий раз, проснувшись окончательно, я ничего не помнила о тех потерянных днях, кроме того, что знала с абсолютной уверенностью, что они не были просто потеряны. Что-то произошло со мной за это время, что-то с очень непростым внутренним смыслом, ускользавшим от меня. Я не делала сознательных усилий, чтобы вернуть эти смутные воспоминания. Я просто знала, что они есть — наполовину скрытые, похожие на встречу с человеком, с которым ты вроде бы знаком, но чье имя никак не можешь вспомнить.

Я никогда не страдала сонливостью, но с той ночи, когда Флоринда появилась в студии Исидоро Балтасара, мне все время хотелось только спать, чтобы *сновидеть*. Я просто умирала каждый раз, когда ложилась, спала непомерно долго и даже прибавила в весе, что, к сожалению, не пошло мне на пользу. Но у меня все еще не было магических *сновидений*.

Однажды утром я вдруг проснулась от сильного шума — Исидоро Балтасар гремел посудой в мойке. Голова ныла, в глазах стояла пелена, все тело было в поту. Я была еще во власти кошмарных сновидений и каждое мгновение могла провалиться обратно.

— Это ты во всем виноват, — закричала я. — Если бы ты только помог мне, я бы не просыпала всю свою жизнь. Мне так и хотелось выругаться, выплеснуть все свое раздражение и нетерпение. Но вдруг мое сознание пронзила мысль, что я не могу этого сделать: мне просто больше не нравится ныть, как обычно.

Его лицо засияло от удовольствия, будто он прочел все мои мысли. Схватив свой стул и усевшись на него верхом, он сказал: — Ты же знаешь, что я не могу тебе помочь. Путь *сновидений* у женщин совсем другой. Я даже не представляю себе, что они делают, чтобы стать *сновидящими*.

— Вокруг тебя столько женщин, что ты должен это знать, — настаивала я. Он рассмеялся. Казалось, ничто не может лишить его доброго расположения духа.

— Я не имею ни малейшего представления о том, что с вами

происходит, — продолжал он. — Мужчины должны непрерывно сражаться, чтобы удерживать внимание в *сновидениях*. Женщины не сражаются, но они должны достичь внутренней дисциплины. С ясной улыбкой он добавил:

— Есть одна штука, которая может помочь тебе. Не принуждай себя к *сновидениям*, как ты обычно это делаешь. Позволь им самим прийти к тебе.

Я не могла вымолвить ни слова в ответ. Изумление быстро сменилось злостью. Не в силах сдерживаться, я натянула туфли и с яростью бросилась вон из комнаты, хлопнув за собой дверь. Его смех преследовал меня всю дорогу до площадки, где стояла моя машина.

Удрученная, чувствуя себя совершенно покинутой и одинокой, сожалея прежде всего о себе самой, я вела машину к берегу. Там было пустынно, шел дождь, прямой и тихий. Совсем не было ветра, и капли дождя ложились мягко и ровно. Было что-то умиротворяющее в приглушенных звуках плеска волн и дождя, падающего на воду. Я сбросила туфли, закатала брюки и бродила до тех пор, пока полностью не очистилась от тревоги и индальгирования.

Я знала, что избавилась от них, потому что сквозь шуршание и плеск волн слышала голос Флоринды:

— Ты должна бороться в одиночку.

Мне не было страшно. Я просто осознала себя в самом деле одинокой. И это принесло мне ощущение вины за то, что я собралась было сделать. Но я уже не могла ждать, и начала действовать немедленно.

Оставив записку в дверях Исидоро Балтасара — мне не хотелось, чтобы он отговаривал меня, — я отправилась к дому магов. Я вела машину всю ночь, и под утро добралась до Тусона. Сняв комнату в мотеле, я проспала большую половину дня и после обеда снова отправилась в путь, выехав на дорогу, по которой мы возвращались с Исидоро Балтасаром.

Обычно я очень плохо ориентируюсь, но маршрут уже был запечатлен где-то в глубине моего сознания. С отрешенной уверенностью я точно знала, какую дорогу выбрать, где сворачивать, и даже не заметила, как добралась до дома магов. Я не смотрела на часы, мне не хотелось терять ощущение того, что время остановилось еще когда я выехала из Тусона.

В доме не было ничего, что причиняло бы мне хоть какое-то беспокойство. Я понимала, что никто не приглашал меня сюда, но отчетливо помнила слова Нелиды о том, что она спрятала в выдвижном ящике маленькую корзинку с подарками от всех женщин и что я могу вернуться когда захочу.

— Когда бы ты ни приехала, днем или ночью, эта корзинка будет на месте, — звучали в ушах ее слова.

С уверенностью постоянного обитателя я направилась прямо в комнату, оставленную для меня Эсперансой. Белый с оборками гамак был готов, как будто меня на самом деле ожидали. Смутное беспокойство овладело мной, но я вовсе не была испугана.

Стремясь успокоиться, я опустилась в гамак и принялась раскачиваться туда-сюда.

— К черту все страхи! — воскликнула я и, как кошка, с наслаждением потянулась до хруста в суставах.

— О, ты благополучно вернулась! — раздался голос из коридора. Я еще не видела ее, но не успела вновь воцариться тишина, как я уже знала, что это Нелида. Я ждала, когда она войдет, но ее не было.

— Твоя еда на кухне, — донеслось до меня, и шаги удалились в конец коридора. Я вскочила и бросилась за ней, умоляя подождать. Но никого не было ни в холле ни в комнатах, и я продолжала свой путь на кухню. Как оказалось, никого не было во всем доме. Но я все-таки была уверена, что они были здесь. Ведь я слышала их голоса, их смех, звон посуды.

Следующие несколько дней прошли в бесконечном ожидании чего-то значительного. Я не представляла себе, что именно должно произойти, но была уверена, что это будет связано с женщинами. По какой-то непостижимой причине они не желали показываться мне на глаза. Их поразительная скрытность все время держала меня в напряжении, заставляя двигаться по коридорам бесшумно, как тень. Невзирая на всевозможные хитроумные планы, которые я строила, пытаясь застать их врасплох, мне никогда не удавалось увидеть их более чем мельком. Они проскальзывали в дом и из дома, в комнаты и из комнат, как будто между мирами, оставляя за собой лишь отзвуки голосов и смеха.

Иногда я сомневалась, есть ли здесь женщины на самом деле, и не был ли звук их шагов, шепота и смешков лишь плодом моего воображения. Но всякий раз, когда я уже была готова поверить в

то, что все это — моя фантазия, я слышала, как одна из них возится в патио. Тогда, охваченная новой страстью, ожиданием и волнением, я бежала за дом — только для того, чтобы убедиться, что меня снова перехитрили. Тогда я поверила, что женщины, будучи настоящими магами, имеют, как летучие мыши, какую-то внутреннюю систему, вроде эхолокации, которая предупреждает их о моем появлении.

Моя досада на их таинственность исчезала лишь на кухне, при виде экзотических продуктов, которые они оставляли для меня. Изысканность блюд вполне компенсировала их небольшое количество. Я все время была голодна и с большим удовольствием ела их удивительную пищу.

В один из дней, как раз перед наступлением сумерек, я услышала мужской голос, мягко зовущий меня по имени из-за дома. Я выбежала в коридор и так обрадовалась, увидев смотрителя, что чуть не запрыгала вокруг него, как собака. Не в состоянии сдержаться, я расцеловала его в обе щеки.

— Осторожно, нибелунга! — Он произнес это голосом и тоном Исидоро Балтасара. Я отпрянула, широко раскрыв глаза от удивления. Он подмигнул мне и добавил:

— Не увлекайся. То, что ты узнаешь, даст тебе преимущество передо мной.

Мгновение я не знала, как реагировать на его слова. Но когда он рассмеялся и успокаивающе похлопал меня по спине, я окончательно расслабилась.

— Как хорошо, что мы встретились, — сказал он мягко.

— Эго просто удивительно, что мы встретились, — неловко улыбнулась я и спросила его, где все остальные.

— Они вокруг, — сказал он неопределенно. — Сейчас они таинственны и недоступны, но присутствуют всегда.

И, заметив мою растерянность, добавил:

— Потерпи.

— Я знаю, что они где-то рядом, — прошептала я. — Они оставляют мне пищу.

Я оглянулась через плечо и призналась:

— Но я все время голодна, этого слишком мало.

Если верить смотрителю, это естественно для *пищи силы* — никто никогда не получает ее достаточно. Он сказал, что готовит себе сам — рис и бобы с толстыми ломтями мяса или курицей — и ест

один раз в день, но всегда в разное время.

Потом он повел меня к себе. Он жил позади кухни в большой комнате, беспорядочно загроможденной разрозненными скульптурами из дерева и железа. Воздух, наполненный тяжелым ароматом жасмина и эвкалипта, с трудом проникал сюда из-за плотно задернутых занавесок. Смотритель спал на раскладной койке, которую держал сложенной в кладовке, когда не пользовался ею, и ел за маленьким, с тонкими ножками, столиком старинной английской работы.

Он признался, что, как и таинственные женщины, не выносит распорядка. Ему было все равно — день на дворе или ночь, утро или полдень. Он подметал дворики и сгребал листья на поляне, когда чувствовал, что ему хочется это делать; были ли в это время цветы или листья на земле — не имело значения.

Следующие несколько дней я провела отвратительно, пытаюсь приспособиться к этому, казалось, беспорядочному образу жизни. Скорее вынужденно, чем из желания быть полезной, я помогала смотрителю в его работе по дому. Кроме того, я неизменно получала приглашение разделить с ним трапезу. Блюда были так же изысканны, как и его общество.

Я была уверена, что на самом деле он больше чем просто смотритель, и делала все возможное, чтобы своими расспросами заставить его врасплох. Бесполезный прием, — я никогда не получала нужных ответов.

— Откуда ты? — внезапно спросила я его за столом в один из дней. Он оторвал глаза от тарелки и с таким видом, будто ждал этого вопроса, покорно показал на горы на востоке, выглядевшие как картина за распахнутым окном.

— С гор Бакатете? — голос выдавал мое недоверие. — Но ведь ты не индеец.

— Мне кажется, только нагваль Мариано Аурелиано, Делия и Хенаро Флорес — индейцы, — заметила я смущенно. И, ободренная выражением удивления и интереса, появившимся на его лице, добавила, что, по-моему, Эсперанса вообще находится выше расовых отличий.

Перегнувшись через стол, я таинственным тоном поведала ему то, о чем уже говорила Флоринде:

— Эсперанса родилась не как человек, она была создана силами тьмы. Она — настоящий дьявол.

Откинувшись на спинку своего стула, зритель весело воскликнул:

— А что ты можешь сказать насчет Флоринды? Ты знаешь, что она француженка? Точнее, ее родители были французы. Они вышли из тех семей, что приехали в Мексику с Максимилианом и Шарлоттой.

— Она очень красива, — ответила я негромко, пытаясь вспомнить, когда именно в девятнадцатом веке Наполеон отправил в Мексику австрийского принца.

— Ты еще не видела ее совсем разодетой, — оживился зритель.

— Она — нечто особенное. Возраст не имеет для нее никакого значения.

— Кармела говорила мне, что я похожа на Флоринду, — сказала я, в порыве тщеславия выдавая желаемое за действительное.

Не в силах удержаться от смеха, зритель вскочил со стула.

— Ну и денек, — произнес он без всякого выражения, будто его нисколько не заботило, как эти слова будут восприняты.

Задетая этим равнодушным замечанием, я следила за ним с плохо скрываемым раздражением. Затем, стремясь сменить тему, спросила о нагвале Мариано Аурелиано:

— Откуда он на самом деле появился?

— Кто знает, откуда появляются нагвали? — проворчал зритель, подходя к окну.

Он долго молчал, пристально глядя на горы, видневшиеся вдали, затем снова повернулся ко мне и сказал:

— Некоторые говорят, что нагвали сами поднимаются из преисподней. Я верю этому. Другие говорят, что нагвали — совсем не люди.

Он снова замолчал, и я удивилась долгой паузе, которая опять повторилась. Словно уловив мое нетерпение, он подошел и сел рядом.

— Если хочешь знать, я думаю, что нагвали — сверхлюди. В этом кроется причина того, что они знают все о человеческой природе.

Нагваля невозможно обмануть. Они видят тебя насквозь. Они видят насквозь все что угодно. Они могут смотреть сквозь пространство на другие миры в нашем мире и за его пределами.

Я беспокойно заерзала на стуле, не зная, как остановить его. Я уже жалела о том, что начала этот разговор. У меня не осталось ни малейшего сомнения в его безумии.

— Я не безумец: — Он так неожиданно откликнулся на мои мысли, что я громко вскрикнула. — Я просто говорю то, о чем ты никогда раньше не слышала, вот и все.

Я растерянно заморгала, вынужденная защищаться. Но тревога придала мне уверенности, и я перешла в наступление:

— Почему все они скрываются от меня?

— Это очевидно, — бросил он, но, заметив, что это вовсе не очевидно для меня, продолжал: — Ты должна это знать. Все здесь, кроме меня, — одна компания. Я всего лишь смотритель и не принадлежу к таким, как они. Я лишь как смазка для этой машины. — Ты сбиваешь меня с толку еще больше — рассердилась я. Но тут меня поразила внезапная догадка. — А что это за компания, о которой ты говоришь?

— Все женщины, которых ты встретила, когда была здесь в последний раз — *сновидящие* и *сталкеры*. Они сказали мне, что ты — *сталкер*, такой же, как они.

Он налил себе стакан воды и подошел к окну. Сделав несколько маленьких глотков, он рассказал мне, что нагваль Мариано Аурелиано уже испытывал мои способности *сталкера* в Тусоне, когда послал меня в кофейню подсунуть таракана в мою тарелку. Смотритель повернулся спиной к окну, взглянул мне прямо в лицо и добавил: — Ты не справилась.

— Не хочу больше слушать этот вздор! — оборвала я его. У меня не было никакого желания слушать продолжение этой истории. На его лице появилось озорное выражение.

— Но, потерпев неудачу, ты оправдалась тем, что без всякого уважения, с пинками и бранью накинулась на нагваля Мариано Аурелиано. *Сталкеры*, — подчеркнул он, — обладают большой сноровкой в обращении с другими людьми.

Я открыла было рот, чтобы сказать, что не понимаю ни слова из того, что он говорит, но он продолжал:

— Вся беда в том, что ты — незаурядная *сновидящая*. Если бы не это, ты была бы похожа на Флоринду — не ростом и внешностью, разумеется.

Ядовито улыбаясь, я проклинала про себя старого колдуна.

— Помнишь ли ты, сколько женщин было тогда на пикнике? — вдруг спросил смотритель.

Я прикрыла глаза, чтобы лучше представить себе тот день, и отчетливо увидела шестерых женщин, сидящих на парусиновых

подстилках, расстеленных под эвкалиптами. Там были Кармела, Зойла, Делия и Флоринда, не было только Эсперансы.

— А кто эти две? — спросила я, озадаченная более, чем обычно.

— Ага — оценил он, и лучезарная улыбка появилась на его лице.

— Это были *сновидящие* из другого мира. Ты видела их отчетливо, но потом они исчезли, причем твой разум даже не заметил этого.

— Просто потому, что это было слишком необычно.

Я рассеянно закивала головой, не в силах понять, почему помню только четырех женщин, хотя на самом деле знала, что их должно быть шесть.

Видимо, мои мысли просто просачивались наружу, поскольку он тут же сказал, что вполне естественно, если мое внимание сосредоточено только на четырех из них.

— Две другие — это твой источник энергии. Они бестелесны и не принадлежат к нашему миру.

Растерянная и сбита с толку, я была способна только изумленно уставиться на него. У меня больше не было вопросов.

— С тех пор, как ты покинула *планету сновидящих*, — пояснил он,

— твои *сновидения* превратились в кошмары, и перемещения между *сновидениями* и реальностью стали нестабильны и опасны для тебя и других *сновидящих*. Впрочем, Флоринда взялась сама защищать и прикрывать тебя.

Я вскочила так стремительно, что опрокинула стул.

— Не хочу больше ничего знать! — закричала я, еле удержавшись, чтобы не сболтнуть, что было бы лучше, если б я вообще ничего не знала об этих сумасбродных путях и реальностях.

Смотритель взял меня за руку и повел наружу, через пустырь, сквозь заросли чапаррала, на задворки маленького домика.

— Мне нужно закрепить генератор, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты мне помогла.

Громко рассмеявшись, я сказала ему, что не имею ни малейшего представления о генераторах. И только когда он открыл люк в бетонной обшивке, я поняла, что электрический ток для освещения дома вырабатывается именно здесь. Я не сомневалась, что электрические лампы и приборы деревенской Мексики похожи на эти. С ними я была знакома.

С того дня я старалась задавать поменьше вопросов, чувствуя себя неподготовленной к его ответам. Наши встречи приобрели характер ритуалов, в которых я делала все возможное, чтобы быть

под стать старику в его изысканном испанском. Я часами сидела в своей комнате, перерывая всевозможные словари в поисках новых или устаревших слов, которые произвели бы на него впечатление. Однажды утром, ожидая, пока смотритель принесет завтрак, я впервые оказалась в его комнате одна. Мне попало на глаза странное старое зеркало и я принялась тщательно исследовать его мутную пятнистую поверхность.

— Это зеркало поймает тебя в ловушку, если будешь смотреться в него слишком долго, — произнес голос у меня за спиной.

Ожидая увидеть смотрителя, я обернулась, но обнаружила, что в комнате никого нет. Охваченная страстным желанием поскорее добраться до двери, я чуть не опрокинула одну из скульптур, стоявших возле меня, и машинально протянула руку, чтобы поправить ее, но не успела дотронуться, как мне почудилось, будто неопределенным круговым движением фигура отделилась от меня, а затем с поразительно человеческим вздохом заняла первоначальное положение.

— Что случилось? — спросил смотритель, входя в комнату. Он поставил большой поднос на свой шаткий столик и, глядя на мое помертвевшее от ужаса лицо, снова спросил, что же произошло.

— Иногда у меня появляется ощущение, что эти монстры живые и наблюдают за мной, — произнесла я, кивая в сторону ближайшей скульптуры. Увидев его серьезное лицо, на котором не было и тени улыбки, я поспешила заверить, что назвала их монстрами, имея в виду не уродство, а скорее их громадные размеры. Сделав несколько судорожных вдохов, я повторила, что эти скульптуры кажутся мне живыми.

Украдкой оглядевшись и понизив голос до еле слышного шепота, он произнес:

— Они живые.

Я была так поражена, что начала лепетать что-то о том, как однажды вечером впервые обнаружила его комнату, привлеченная мрачным шепотом ветра, шевелившего занавеску у разбитого окна.

— Еще тогда они показались мне монстрами, — призналась я с нервным смешком, — чужими духами, наполняющими сумеречные тени.

Пошевелив губами, смотритель пристально поглядел на меня, затем медленно обвел взглядом комнату.

— Давай-ка лучше обедать, — сказал он в конце концов, — иначе

все остынет.

Он придвинул мне стул и, когда я удобно уселась, добавил дрогнувшим голосом:

— Ты права, когда называешь их духами. Ведь они — не скульптуры, они — *измышления*. Их представил себе из образов, промелькнувших в других мирах, один великий нагваль, — пояснил он таинственным тоном.

— Мариано Аурелиано? — спросила я.

Он покачал головой и ответил:

— Нет, его звали Элиас. Он гораздо старше.

— А почему эти *измышления* стоят в твоей комнате? Разве этот великий нагваль сделал их для тебя?

— Нет, я только присматриваю за ними.

Поднявшись, он сунул руку в карман, достал аккуратно сложенный белый носовой платок и принялся смахивать пыль с ближайшей скульптуры.

— С тех пор, как я стал зрителем, следить за ними — моя обязанность. Когда-нибудь с помощью всех этих чародеев, которых ты здесь видела, я должен буду вернуть их обратно.

— А куда именно?

— В никуда, в пространство, в вакуум.

— И как ты собираешься это сделать?

— С помощью той же силы, которая доставила их сюда в первый раз. Силы *сновидения-наяву*.

— Если ты умеешь *сновидеть* так же, как все эти маги, — начала я осторожно, изо всех сил пытаясь скрыть нотки торжества в голосе, — значит, ты и сам должен быть магом!

— Да, но я не такой, как другие.

Его искреннее признание привело меня в замешательство.

— А в чем же разница?

— А, — отмахнулся он — абсолютно во всем. Но сейчас я не могу объяснить этого. Если я расскажу, ты только разозлишься, станешь еще более замкнутой. Когда-нибудь, однако, ты поймешь все сама, без посторонней помощи.

Я отчаянно пыталась спросить что-нибудь еще, но почувствовала, что все смешалось у меня в голове.

— А ты можешь сказать, откуда нагваль Элиас взял эти *измышления*?

— Он увидел их в *сновидениях* и захватил, — ответил зритель.

— Некоторые из них — только копии, которые он снял с тех, что не смог забрать с собой. Остальные — настоящие, привезены отовсюду этим великим нагвалем.

Я не верила его словам, но продолжала:

— А зачем нагваль Элиас принес их?

— Они сами его об этом попросили.

— Зачем?

Разведя руками, зритель прервал мои исследования и пригласил меня заняться обедом. Его нежелание удовлетворить мое любопытство только усилило мой интерес. Я не могла понять, почему он не хочет говорить об этих хитроумных штуках, а только уклоняется от ответов. Ведь он запросто мог все мне рассказать. Мы быстро покончили с обедом и он попросил меня достать его раскладную койку из кладовки. Зная его вкусы, я разложила ее перед занавешенной французской дверью. Удовлетворенно вздохнув, он лег, откинув голову на маленькую квадратную подушку, наполненную сушеными бобами и маисовыми зернами, которая была пришита в изголовье. Он утверждал, что она приносит сладкие сны.

— Теперь я готов немного вздремнуть, — сказал он, отпуская ремень на своих штанах.

Это был вежливый способ отделаться от меня.

Раздосадованная его отказом говорить о скульптурах, я свалила нашу посуду на поднос и вылетела из комнаты. Его храп провожал меня всю дорогу до кухни.

Из патио слышался звон гитарных струн.

Я машинально потянулась за фонариком, который держала возле гамака, и посмотрела на часы. Было немногим за полночь.

Завернувшись потуже в одеяло, я на цыпочках вышла в коридор, ведущий в патио.

Посреди двора какой-то мужчина, сидя на тростниковом стуле, играл на гитаре. Я не могла видеть его лица, но знала, что это все тот же Исидоро Балтасар, и я уже видела и слышала его, когда попала сюда впервые. Как и тогда, заметив меня, мужчина сразу перестал играть, поднялся со стула и вошел в дом.

Едва я вернулась в свою комнату, как он снова начал перебирать струны. Я уже задремала, когда услышала его чистый сильный голос. Он пел, обращаясь к ветру, маня его из глубины молчания и пустоты.

И, словно откликаясь на его печальный зов, ветер набирал силу. Он свистел в ветвях чапарраля, срывал сухие листья с деревьев и, шурша, сметал их в кучи напротив дома.

Рывком я открыла дверь в патио. Ветер заполнил комнату невыразимой печалью. В ней не было слез, но лишь меланхолия одиночества и пустоты, праха и древних теней. Ветер с легкостью кружил по комнате. Я ловила его каждым движением легких. Он оседал у меня в груди, и чем глубже я дышала, тем легче себя чувствовала.

Я вышла наружу и, пробираясь между высокими кустами, направилась за дом. Луна ярко освещала выбеленные стены домика и широкую открытую лужайку, расчищенную от леса. Опасаясь, что меня могут заметить, я перебегала от дерева к дереву и, прячась в густой, тени крон, наконец добралась до двух цветущих апельсинов за стеной, прикрывающей дорожку к домику. Из-за чапарраля ветер доносил звуки легкого смеха и неясные обрывки разговора. Собрав все свое мужество, я дерзко ринулась вдоль дорожки и очутилась перед дверью маленького темного дома. Дрожа от волнения, я пробралась к открытому окну и узнала голоса Делии и Флоринды. Но край окна был слишком высоко, и мне не было видно, что они делают.

Я ожидала услышать что-нибудь значительное, откровение, которое поразило бы мой разум, привело бы меня в восторг и помогло бы мне в том, ради чего я была здесь — победить мою неспособность к *сновидению*. Но они только сплетничали, и я настолько увлеклась их злорадными перешептываниями, что несколько раз рассмеялась вслух, забыв об осторожности.

Сначала я думала, что они болтают о ком-то постороннем, однако, прислушавшись, поняла, что речь идет о женщинах — *сновидящих* и наиболее язвительные замечания направлены против Нелиды. Они говорили, что после стольких лет она все еще неспособна уйти из объятий этого мира. Она не только полна самодовольства — они утверждали, что она целыми днями торчит перед зеркалом — но еще и похотлива. Она делает все, что в ее силах, чтобы быть сексуально привлекательной и соблазнить нагваля Мариано Аурелиано. Одна из женщин злорадно заметила, что, в конце концов, она единственная, кто может пристроить его чудовищный возбужденный член.

Затем они заговорили о Кларе. Они называли ее важной слонихой,

считающей своей обязанностью одарить каждого благодеянием. Объектом ее внимания в данный момент был нагваль Исидоро Балтасар, и она собиралась преподнести ему свое обнаженное тело. Не для того, чтобы отдаваться, а лишь только чтобы продемонстрировать: один раз утром и один раз в сумерках. Она была убеждена, что таким образом познает сексуальную удачу молодого нагваля.

Дальше речь пошла о Зулейке. Они сказали, что у нее мания считать себя святой, девой Марией. Ее так называемая духовность — не что иное, как безумие. Время от времени разум покидает ее и, когда бы ни случился такой припадок помешательства, она начинает мыть весь дом снизу доверху, даже камни в патио и на поляне.

Затем настала очередь Хермелинды. Ее изобразили как очень рассудительную, очень правильную — настоящую представительницу средних классов. Как и Нелида, она спустя столько лет не могла удержаться от стремления быть идеальной женщиной и безупречной домохозяйкой. Хотя она совсем не умела готовить и шить, занимать гостей беседой или игрой на фортепиано, она хотела, — говорили они смеясь, — чтобы ее считали образцом женственности, как Нелида хотела выглядеть капризной и озорной.

— Если хотя бы две из них объединят свои способности, — заметил чей-то голос, — то получится женщина, идеальная для своего господина: безукоризненная на кухне или в гостиной, одетая в передник или вечернее платье, и безупречная в спальне, задирающая юбку, когда бы хозяин ни захотел этого.

Когда наступила тишина, я бегом вернулась в дом, в свою комнату и бросилась в гамак. Однако, сколько ни пыталась, заснуть больше не смогла. Мне казалось, будто какая-то защитная оболочка вокруг меня разорвалась, уничтожив все наслаждение, все очарование пребывания в доме магов. Мне оставалось лишь думать о том, что вместо того, чтобы наслаждаться жизнью в Лос-Анжелесе, я проторчала здесь, в Соноре, в компании выживших из ума старух, занятых только болтовней.

Я пришла сюда за советом. Но на меня не обращали внимания, принудив к обществу дряхлого старика, которого я к тому же считала женщиной. К тому времени, когда мы со зрителем сели завтракать, я привела себя в такое состояние праведного гнева, что

не могла проглотить ни кусочка.

— Что случилось? — спросил старик, внимательно глядя на меня. Обычно он избегал смотреть прямо в глаза. — Ты не хочешь есть? Я в бешенстве подняла глаза и, отбросив все попытки удержать себя в руках, обрушила на него всю тяжесть накопившегося во мне гнева и несбывшихся надежд.

Продолжая причитать, я внезапно ощутила проблеск рассудительности и попыталась убедить себя в том, что старик ни в чем не виноват, что он не делал мне ничего плохого, и я должна быть только благодарна ему. Но меня уже невозможно было остановить. Мои мелкие обиды обрели свою собственную жизнь, а голос становился все более пронзительным по мере того, как я все больше преувеличивала и искажала события последних дней. С чувством злорадного удовлетворения я рассказала ему, как подслушивала этой ночью.

— Они ни в чем не хотят помогать мне, — самоуверенно утверждала я. — Они заняты только сплетнями и говорят ужасные вещи о женщинах-сновидицах.

— Что же такое ты услышала?

С огромным удовольствием, удивляясь своей необычной способности припомнить каждую деталь их злобных замечаний, я рассказала ему все.

— Очевидно, они говорили о тебе, — заявил он, когда я кончила говорить, — образно, разумеется.

Он подождал, пока его слова дойдут до меня, и не дожидаясь, когда я начну возражать, невинно спросил:

— А разве ты хоть немного не похожа на всех тех, о ком они говорили?

— На черта я похожа! — взорвалась я. — Мне надоел этот шизофренический бред. Я не хочу этого слышать даже от образованного человека, и меньше всего — от тебя, проклятый пеон!

От неожиданности он широко раскрыл глаза, его худощавые плечи опустились. Я не чувствовала ни малейшего сострадания к нему, мне было только жаль себя и своего времени, потраченного на то, чтобы рассказать ему все это.

Я уже была готова признать, что зря проделала этот длинный и трудный путь ночью, когда заметила его взгляд, полный такого презрения, что мне стало стыдно за свою несдержанность.

— Если ты будешь держать себя в руках, то поймешь, что маги ничего не делают только для собственного развлечения, чтобы произвести на кого-то впечатление или просто дать выход своей магической силе, — сказал он с подчеркнутым спокойствием. — Все их поступки имеют свою цель и причину.

Он внимательно посмотрел на меня с таким выражением, что мне захотелось убраться прочь.

— И перестань ходить с таким видом, будто у тебя каникулы, — отметил он. — Для магов ты — у них в плену, а не на празднике. — Что ты пытаешься объяснить мне? Говори сразу, не тани! — гневно потребовала я.

— Как можно сказать еще понятней? — обманчивая мягкость его голоса скрывала от меня истинный смысл слов. — Маги все сказали тебе прошлой ночью. В образе четырех женщин *планеты сновидящих* они показали тебе, кто ты есть на самом деле: шлюха с манией величия.

Я была настолько ошеломлена, что на мгновение застыла. Затем гнев, горячий, как лава, мгновенно заполнил все мое тело.

— Ты — жалкий ничтожный кусок дерьма! — завизжала я и двинула его ногой в пах. И еще не коснувшись его, я уже видела маленького старого ублюдка извивающимся от боли на земле. Однако мой пинок так и не достиг цели: с проворством призового борца зритель отскочил в сторону.

Продолжая широко улыбаться, он смотрел на меня, тяжело дышащую и стонущую, — жестко и холодно.

— Ты пытаешься проделать с нагвалем Исидоро Балтасаром все те штуки, о которых они говорили. Ты так воспитана. Подумай об этом вместо того, чтобы злиться.

Я хотела заговорить, но не могла произнести ни слова. Меня поразило не столько то, что он говорил, сколько его отрешенно безразличный, холодный тон. Я бы предпочла, чтобы он накричал на меня. По крайней мере, я бы знала, что мне делать: кричала бы еще громче.

Сопротивляться не имело смысла. Я убеждала себя, что он не прав, что он просто злой и дряхлый старик. Я уже не сердилась на него, но и не собиралась воспринимать всерьез.

— Я надеюсь, ты не собираешься лить слезы, — предупредил он, прежде чем я оправилась от шока.

Несмотря на свою решимость не сердиться на старого ублюдка, я

покраснела от злости.

— Конечно, нет, — бросила я и, желая достать его ногой еще раз, закричала, что он всего лишь уборщик куриного дерьма и заслужил, чтобы его поколотили за наглость; но его тяжелый безжалостный взгляд лишил меня энергии.

Все тем же учтивым невыразительным тоном он каким-то образом сумел убедить меня в том, что я должна попросить у него прощения.

— Мне очень жаль, — извинилась я искренне. — Мое плохое настроение и ужасные манеры всегда берут верх.

— Я знаю. Они предупредили меня об этом, — сказал он серьезно и добавил уже улыбаясь: — Ешь.

Весь завтрак я чувствовала себя не в своей тарелке. Я медленно жевала, незаметно наблюдая за ним, и видела, что он не злится на меня, хоть и не делает ни малейшего усилия, чтобы продемонстрировать это.

Я пыталась утешить себя этой мыслью, но не нашла в ней ничего успокаивающего. Я чувствовала, что его безразличие не было ни умышленным ни надуманным. Он не был зол на меня, просто все, что я говорила и делала, не производило на него никакого впечатления.

Я проглотила последний кусок и, удивляясь собственной уверенности, сказала первое, что пришло мне в голову:

— Ты не зритель.

Он посмотрел на меня и спросил:

— А кто, по-твоему?

Его лицо расплылось в забавной усмешке. Глядя на его улыбку, я забыла о всякой осторожности. Потрясающее безрассудство овладело мной.

— Ты — женщина, ты — Эсперанса! — выпалила я.

Облегчив душу этим признанием, я успокоилась и, громко вздохнув, добавила:

— Вот почему ты единственная, у кого есть зеркало. Тебе необходимо смотреться в него, чтобы помнить, мужчина ты или женщина.

— Должно быть, на тебя подействовал воздух Соноры. — Он задумчиво посмотрел на меня. — Известно, что разреженный воздух очень своеобразно влияет на человека.

Он потянулся к моему запястью и, крепко сжав его, добавил:

— Или, возможно, у тебя такой скверный и тяжелый характер, что ты абсолютно уверенно болтаешь все, что придет в голову.

Посмеиваясь, зритель наклонился ко мне и предложил:

— Давай ляжем вместе отдохнем. Это будет нам полезно. У нас обоих тяжелый характер.

— О, да! — воскликнула я, не зная, обидеться или рассмеяться в ответ на его предложение. — Ты хочешь, чтобы я спала с тобой?

— и добавила, что Эсперанса предупреждала меня об этом.

— Почему ты отказываешься, если считаешь меня Эсперансой? — спросил он, растирая мне затылок.

Его рука была мягкой и теплой.

— Я не отказываюсь, — слабо защищалась я, — просто я терпеть не могу спать днем и никогда не делаю этого. Мне говорили, что даже ребенком я ненавидела дневной сон.

Я говорила быстро и нервно, путая слова и повторяясь. Мне хотелось встать и уйти, но едва заметное прикосновение его руки удерживало меня на месте.

— Я знаю, что ты — Эсперанса, — настаивала я скороговоркой. —

Я узнаю ее прикосновение — оно такое же успокаивающее.

Я почувствовала, как моя голова клонится вниз, глаза сами закрываются.

— Так и есть, — согласился он мягко. — Я лучше уложу тебя, хоть ненадолго.

Приняв мое молчание за согласие, он вытянул из кладовки свою койку и два одеяла, и протянул одно мне.

Я не переставала удивляться. Не знаю почему, но я легла без возражений. Из-под полуприкрытых век я наблюдала, как он потянулся до хруста в суставах, сбросил ботинки, расстегнул ремень и наконец улегся рядом со мной. Уже под одеялом он выскользнул из своих штанов и небрежно уронил их рядом с ботинками.

Он поднял одеяло. Краснея, я уставилась на него со смешанным чувством любопытства и удивления. Его обнаженное тело было совсем не таким, каким я его представляла — гибкое, гладкое, как у Эсперансы, совсем без волос. Он был тонок, как тростник, но мускулист. И, определенно, он был мужчиной. Причем — молодым.

Не задумываясь ни на мгновение, но затаив дыхание, я робко подняла свое одеяло...

Приглушенный звук женского смеха заставил меня закрыть глаза и притвориться спящей. Но зная, что никто не собирается входить в комнату, я расслабилась.

Я положила руки за голову и меня поглотило сверхъестественное ощущение того, что зритель и этот тихий смех, доносящийся из коридора, восстановили равновесие, вернули магическую оболочку, окутывавшую меня.

Я не понимала, что со мной происходит, но чем больше расслаблялось мое тело, тем ближе я продвигалась к ответу.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 14

После возвращения из дома ведьм я совсем перестала нуждаться в каком бы то ни было участии или поддержке. Женщины-маги помогли мне обрести удивительную ясность и какую-то эмоциональную устойчивость, которой прежде у меня никогда не было. И причиной было не внезапное изменение моей личности, а то, что у моего существования появилась ясная цель. Судьба определилась: я должна бороться за освобождение своей энергии. Только и всего. Проще некуда.

Но мне не удавалось четко или хотя бы смутно вспомнить все то, что произошло за три месяца, проведенные мной в их доме. У меня ушли годы на решение этой задачи, выполнять которую я ринулась со всей своей энергией и решимостью.

Однако нагваль Исидоро Балтасар предостерег меня от ошибочности ясно очерченных целей и окрашенного эмоциями осознания. Он сказал, что они бесполезны, поскольку действительной ареной борьбы мага является повседневная жизнь, где поверхностные доводы рациональности не выдерживают давления.

Примерно то же самое говорили женщины-маги, но делали они это в более гармоничной форме. Поскольку обычно, объясняли они, сознание женщин подвергается манипуляциям, их легко склонить к соглашению, являющемуся лишь бессмысленной реакцией на давление. Но если действительно удастся убедить женщин в необходимости изменения их выбора в жизни, то битва уже наполовину выиграна. И даже если они не соглашаются, их осознание является намного более надежным, чем у мужчин. Я могла сравнивать две точки зрения. Мне казалось, что обе правильны. Время от времени под натиском обыденного мира все мои логические обоснования магии рушились, но мое первоначальное обязательство перед миром магов никогда не требовало пересмотра.

Понемногу я начала приобретать энергию, достаточную для *сновидения*. Это в конце концов дало мне возможность понять

сказанное женщинами: Исидоро Балтасар — новый нагваль. И теперь он больше не человек. Осознание этого также дало мне достаточно энергии для того, чтобы периодически возвращаться в дом ведьм.

Эта усадьба, известная как дом ведьм, принадлежала всем магам группы нагваля Мариано Аурелиано. Большой и массивный снаружи, дом был неотличим от других построек поблизости и почти незаметен, несмотря на буйно разросшуюся цветущую бугенвиллею, свисающую со стены, которая окружала участок. По словам магов, люди проходили мимо дома, не замечая его, потому что он был покрыт разреженным туманом, подобным тонкой вуали, которая видима для глаза, но не осознается умом. Однако внутри дом производил сильное и неизгладимое впечатление. Возникало ощущение, что попадаешь в другой мир. Три патио, затененные фруктовыми деревьями, создавали в темных коридорах и выходящих в них комнатах призрачное освещение. Но более всего в этом доме поражали кирпичные и кафельные полы, выложенные в виде причудливых узоров. Дом ведьм не был уютным местом, хотя в нем царила атмосфера дружелюбия. Однако никто не осмелился бы назвать его жилищем, ибо в нем чувствовалось нечто безличное и строго аскетическое. Он был местом, где старый нагваль Мариано Аурелиано и его маги постигали свои сны и реализовывали свое *намерение*. Поскольку заботы этих магов не имели отношения к повседневности, то и дом отражал их поглощенность другим миром. В его облике действительно проявлялись их индивидуальности, но не как личностей, а как магов.

В доме ведьм я общалась со всеми магами из группы нагваля Мариано Аурелиано. Они не учили меня магии или хотя бы *сновидению*. По их мнению, учиться мне было незачем. Они говорили, что моя задача состоит в *вспоминании* того, что произошло между всеми ими и мной в то первое время, когда мы были вместе, и, в особенности, я должна была помнить все то, что делали или говорили для меня Флоринда с Зулейкой.

Когда бы я ни обращалась к ним за помощью, они неизменно отказывались делать для меня что-либо. Все они были убеждены, что без необходимой мне энергии все, что они будут делать, является для них самоповторением, а на это у них нет времени. Вначале я воспринимала их отказы как невеликодушные и

невежливые. Однако спустя некоторое время я перестала донимать их вопросами и просто радовалась их присутствию и их компании. Я осознала, что они, конечно же, совершенно правы, отказываясь играть в нашу излюбленную интеллектуальную игру, суть которой в разыгрывании роли интересующегося человека, задающего так называемые душеспасительные вопросы, которые обычно не имеют для нас абсолютно никакого значения. И причина их бессмысленности заключена в отсутствии у нас энергии для того, чтобы последовать услышанному. В ответ на такие вопросы мы можем только соглашаться или не соглашаться.

Тем не менее в связи с нашим ежедневным общением я кое-что поняла в их мире. *Сновидящие* и *сталкеры* воплощали среди женщин два настолько разных способа поведения, насколько это было возможно.

Сначала я удивлялась тому, что в группу *сновидящих* — Нелида, Эрмелинда и Клара — входили самые настоящие *сталкеры*. Ибо, насколько я смогла убедиться, мое общение с ними происходило строго на повседневном земном уровне. И лишь позднее я все-таки полностью осознала, что даже просто их присутствие безо всякого нажима вызывало новую модальность моего поведения. То есть, в их присутствии я не ощущала никакой необходимости самоутверждения. Не было никаких сомнений, никаких вопросов с моей стороны, когда бы я ни находилась с ними. Они обладали удивительной способностью без всяких слов заставлять меня видеть абсурдность моего существования. И еще, я не чувствовала никакой необходимости в своей самозащите.

Возможно, именно этот недостаток убежденности и ясности, делавший меня уступчивой, позволял мне воспринимать их безо всякого сопротивления. Не потребовалось много времени, чтобы я поняла, что женщины-*сновидящие*, общаясь со мной на земном уровне, давали мне модель поведения, необходимую для переориентации моей энергии в новое русло. Они хотели, чтобы изменился сам способ, при помощи которого я сосредоточивалась на мирских делах, таких как приготовление пищи, уборка, стирка, пребывание в колледже, зарабатывание на жизнь. Эти дела, говорили они, должны выполняться при условии добрых предзнаменований; они должны быть не случайными делами, а искусными попытками, каждая из которых имеет свое значение. Прежде всего именно их общение между собой и с *женщинами*-

сталкерами заставило меня осознать, насколько особенными они были. В своей человечности, своей простоте они были лишены обычных человеческих слабостей. Всеобщее знание у них легко уживалось с индивидуальными чертами характера, такими как вспыльчивость, мрачность, грубая сила, ярость или слащавость. Находясь рядом с любым из этих магов, я испытывала совершенно особое ощущение присутствия на вечном празднике. Но это был только мираж. Они шли по бесконечной тропе войны. И врагом была идея собственной личности.

В доме ведьм я встретила также Висенте и Сильвио Мануэля, двух других магов из группы нагваля Мариано Аурелиано.

Висенте был явно испанского происхождения. Я узнала, что его родители прибыли из Каталонии. Это был худой, аристократического вида мужчина с обманчиво слабыми руками и ногами. Он любил ходить в шлепанцах и предпочитал сорочкам пижамные рубашки, одетые поверх брюк цвета хаки. Румяные щеки у него странно сочетались с общей бледностью. Красивая ухоженная борода дополняла характерным штрихом отличающую его рассеянную манеру поведения.

Он не только выглядел как ученый, но и был таковым. Книжки в комнате, где я спала, были его, или вернее, именно он собирал и читал их, занимался ими. Его эрудиция, — не было ничего такого, о чем бы он не знал — была привлекательна еще и тем, что он всегда вел себя как ученик. Я была уверена, что вряд ли это случайно, поскольку было очевидно, что он знает значительно больше, чем остальные. Именно благородство духа позволяло ему с удивительной естественностью и без каких-либо нареканий делиться своими знаниями с теми, кто знал меньше.

Кроме того, я познакомилась с Сильвио Мануэлем. Это был среднего роста, полный, смуглый и безбородый индеец. В моем представлении именно так, загадочно и зловеще, должен был выглядеть злой *брухо*. Его явная угрюмость пугала меня, а его редкие ответы безжалостно раскрывали природу того, во что я верила.

Только узнав его, я на самом деле поняла, как он веселился в душе, создавая этот образ. Он был самым открытым, а для меня еще и самым очаровательным из всех магов. Тайны и слухи были его страстью, независимо от того, какая доля правды или лжи в них содержалась. Именно в его пересказе они приобретали для меня и

для других абсурдное звучание. Он обладал также неисчерпаемым запасом шуток, по большей части неприличных. Лишь он любил смотреть телевизор и, таким образом, всегда был в курсе событий в мире. Обычно он рассказывал их с большими преувеличениями, для пикантности приправляя их изрядной долей злой иронии. Сильвио Мануэль был замечательным танцором. Его знание индейских магических танцев было просто феноменальным. Он двигался с восхитительной непринужденностью и часто просил меня потанцевать с ним. Что бы это ни было, венесуэльский ли джоропо, камбия, самба, танго, твист, рок-н-ролл или томное болеро, он все их знал.

Я также поддерживала отношения с Джоном, индейцем, с которым меня познакомил нагваль Мариано Аурелиано в Тусоне, штат Аризона. Его круглое, добродушное, общительное лицо на самом деле было лишь маской. Он оказался самым необщительным из всех магов. Выполняя различные поручения, он разъезжал по окрестностям на своем пикапе. В его обязанности входил также мелкий ремонт в самом доме и на участке.

Если я не докучала ему вопросами или разговорами, храня молчание, то он частенько брал меня с собой по своим делам и показывал мне, как приводить в порядок вещи. От него я узнала, как заменить прокладки и отрегулировать текущий кран или туалетный бачок; как починить утюг; выключатель; как заменить масло и свечи зажигания в моей машине. Под его руководством я вполне овладела навыками правильной работы с молотком, отверткой, пилой и электродрелью.

Единственное, что они отказывались делать для меня, это — отвечать на мои вопросы и просьбы, касающиеся их мира. Когда бы я ни пыталась завязать об этом разговор, они отсылали меня к нагвалю Исидоро Балтасару. Обычно их резкий отказ выражался словами: — Он — новый нагваль, и это его обязанность — иметь дело с тобой. Мы — не более, чем твои тетушки и дядюшки.

С самого начала нагваль Исидоро Балтасар был для меня больше чем тайной. Мне не ясно было, где в действительности он живет. Забывающий планы и не обращающий внимания на заведенный порядок, он появлялся в студии и исчезал из нее в любое время суток. Для него не было различия между днем и ночью. Он спал, когда чувствовал себя уставшим, другими словами, почти никогда, и ел, когда был голоден, то есть почти всегда. В промежутках

между своими шальными приходами и уходами он работал с концентрацией, которая была просто поразительной. Его способность растягивать или сжимать время для меня была непостижима. Я бывала уверена, что провела с ним часы, и даже целые сутки, а на самом деле это были лишь какие-то мгновения, которые он урвал то там, то здесь, в течение дня или ночи, занимаясь при этом всем чем угодно.

Мне всегда казалось, что я — энергичная личность. Тем не менее, я не могла тягаться с ним. Он всегда был в движении — или так это выглядело — проворный и активный, всегда готовый выполнять какие-то проекты. Его энергия была просто невероятной.

Значительно позже я полностью поняла, что источником неограниченной энергии Исидоро Балтасара было отсутствие у него интереса к своей личности. Именно его постоянная поддержка, его незаметные, но тем не менее искусные интриги помогли мне остаться на правильном пути. Его беззаботность и бесхитростная восторженность оказали на меня тонкое, но тем не менее действенное влияние, заставившее меня измениться. Я не замечала, что меня ведут по новому пути, — пути, на котором я больше не буду участвовать в играх, не буду притворяться или пользоваться женскими уловками, чтобы добиться своего.

У него не было никаких скрытых мотивов — вот в чем причина потрясающей силы его руководства. Он ни в малейшей степени не был собственником и, обучая меня, никогда не прибегал ни к обещаниям, ни к сентиментальности.

Он не подталкивал меня в каком-то конкретном направлении. То есть, не советовал мне, какой курс я должна выбрать или какие книги мне нужно читать. Все это я решала совершенно самостоятельно.

Было только одно условие, на котором он настаивал. Я должна была работать лишь на одну конкретную цель — обучающий и доставляющий наслаждение процесс мышления. Потрясающее предложение! Я никогда не рассматривала процесс мышления в таких или каких-то других понятиях. И хотя я не питала отвращения к колледжу, — конечно же, я никогда не думала об учебе как об особо приятном занятии. Это было просто то, что я должна делать, обычно второпях и с минимально возможными усилиями.

Я не могла не согласиться с тем, на что в довольно резкой форме указывали мне Флоринда и ее друзья в первое время, когда мы встретились: целью моих посещений университета было не получение знаний, а желание хорошо проводить время. Мои неплохие оценки были скорее делом случая и моего умения говорить, а не результатом занятий. У меня была прекрасная память. Я знала, как рассказывать и как убеждать других.

Когда у меня прошло первое замешательство от признания и принятия того факта, что мои интеллектуальные претензии были лишь притворством, что я не знаю, как мыслить, за исключением самого поверхностного способа, я испытала облегчение. У меня созрела готовность отдать себя под опеку магов и придерживаться плана обучения, предложенного Исидоро Балтасаром. Но к моему глубочайшему разочарованию, такой план отсутствовал.

Единственное, на чем он настаивал, *было* требование прекратить изучение и чтение на улице. Он верил, что процесс мышления носит характер личного, почти тайного ритуала и невозможен вне дома, на виду у публики. Он сравнивал процесс мышления с дрожжевым тестом. Оба могут развиваться лишь внутри помещения.

— Лучше всего о чем-либо думать, конечно же, в постели, — сказал он мне однажды. Растянувшись на своей кровати, он положил голову на несколько подушек, закинул правую ногу на левую, так что лодыжка оперлась на поднятое колено левой ноги. Я много не думала над этой нелепой позой для чтения, но пробовала ее всякий раз, когда бывала одна. С книгой, опирающейся на грудь, я обычно погружалась в глубочайший сон. Остро ощущая свою склонность к бессоннице, я больше радовалась сну, чем знаниям.

Однако временами, как раз перед моментом отключения сознания, у меня возникало ощущение, как если бы руки совершали круговые движения вокруг моей головы, очень легко надавливая на виски. Мои глаза автоматически пробегали открытую страницу, прежде чем я успевала сообразить это, и просматривали целые параграфы статей. Слова выплывали перед моими глазами до тех пор, пока целые группы их значений не озаряли мой мозг как откровение.

Стремясь воспользоваться открывшейся новой возможностью, я продвигалась вперед, как будто подстегиваемая каким-то

безжалостным надсмотрщиком. Однако бывало, что такое развитие разума и метода доводило меня до физического и умственного изнеможения. В то время я спрашивала Исидоро Балтасара об интуитивном знании, о внезапном интуитивном прозрении и понимании, о том, что маги считали необходимым развивать прежде всего.

Он всегда говорил мне о бессмысленности только интуитивного знания. Озарения интуиции нужно перевести в какую-то ясную мысль, иначе они бесполезны. Он сравнивал озарения интуиции с наблюдением за непонятным явлением. В обоих случаях исчезновение образа происходит так же быстро, как и его появление. Если не происходит постоянного усиления образа, то сомнение и забвение берут верх, ибо разум поставлен в условия испытания практикой и воспринимает лишь то, что может быть подтверждено и рассчитано.

Он объяснял, что маги — это люди знания, а не разума. По существу, они на шаг опережают интеллектуалов Запада, предполагающих, что реальность, часто отождествляемая с истиной, познаваема посредством разума. Маг утверждает, что познаваемое нами посредством разума является мыслительным процессом, но только с помощью понимания нашего тотального бытия на его наиболее тонком и сложном уровне мы сможем стереть границы, которыми разум определяет реальность.

Исидоро Балтасар объяснял мне, что маги культивируют тотальность своего бытия. Другими словами, маги совершенно не делают различия между нашей рациональной и интуитивной стороной. Они используют обе для достижения области сознания, называемой ими *безмолвное знание*, которое лежит вне языка и вне мышления.

Чтобы заглушить рациональную сторону какого-то человека, не уставал подчеркивать Исидоро Балтасар, необходимо понять его процесс мышления на самом тонком и сложном уровне. Он был убежден, что философия, начиная с классической мысли Греции, обеспечивала наилучший способ освещения этого процесса мышления. Ученые мы или нет, постоянно повторял Исидоро Балтасар, тем не менее, мы все — участники и последователи интеллектуальной традиции Запада. А это означает, что независимо от нашего уровня образования и опыта, мы являемся пленниками этой интеллектуальной традиции и способа

интерпретации того, что есть реальность.

И лишь поверхностно, заявлял Исидоро Балтасар, мы воспринимаем тот факт, что называемое нами реальностью является детерминированной в культуре конструкцией. А нам необходимо воспринять на максимально глубоком уровне, что культура является продуктом длительного, совместного, чрезвычайно избирательного, чрезвычайно развитого и, последнее, но не менее важное, — чрезвычайно принудительного процесса, который в качестве своей высшей точки имеет соглашение, отражающее нас от других возможностей.

Маги активно стремятся разоблачить тот факт, что реальность навязывается и поддерживается нашим разумом, что идеи и мысли, проистекающие из него, создают системы управления знанием, которые предписывают, как нам видеть мир и как действовать в нем. И это невероятное давление оказывается на всех нас, чтобы обеспечить нашу восприимчивость к определенным идеям.

Он подчеркивал, что маги занимаются культурно недетерминированными способами восприятия мира. Культура детерминирует наши личностные переживания и общественное соглашение, по которому наши органы чувств, способные к восприятию, навязывают нам образ воспринимаемого. Все, что находится вне этой обусловленной области восприятия, нашим рациональным умом автоматически капсулируется и отбрасывается. Маги утверждают, что восприятие происходит вне нашего тела, вне наших органов чувств. Но недостаточно просто прочесть или услышать об этом от кого-нибудь еще. Для осуществления такого восприятия его необходимо пережить. Исидоро Балтасар говорил, что маги всю свою жизнь стремятся разорвать густой туман человеческих допущений. Тем не менее, они слепо не бросаются во тьму. Маги готовят себя. Им известно, что когда бы они ни попали в неизвестное, им понадобится хорошо развитая рациональная сторона. Только при этом условии они будут способны объяснить и осмыслить то, что они смогут вынести из своих путешествий в неизвестное.

Он добавил, что я не должна постигать магию через чтение работ философов. Скорее я должна увидеть, что философия и магия являются очень сложными формами абстрактного знания. Как для мага, так и для философа истина о нашем бытии-в-мире до

некоторой степени является приоткрытой. Маг, однако, находится на шаг впереди. Он действует в соответствии с полученными им знаниями, которые по определению находятся уже вне признанных в культуре возможностей.

Исидоро Балтасар полагал, что философы являются интеллектуальными магами. Однако их исследования и стремления всегда остаются лишь ментальными попытками. Философы не могут воздействовать на мир, который они так хорошо понимают и объясняют, способом, отличающимся от культурно обусловленного. Они дополняют уже существующее ядро знания. Они истолковывают и перетолковывают имеющиеся философские тексты. Новые мысли и идеи, возникающие в результате таких интенсивных исследований, не изменяют их, исключая, быть может, психологический план. Они могут стать более добрыми, более понимающими людьми или, возможно, наоборот. Однако с философских позиций они не могут сделать ничего такого, что изменило бы их чувственное восприятие мира, ибо философы действуют в рамках социального порядка. Они поддерживают социальный порядок, даже если не согласны с ним интеллектуально. Философы — это плохие маги.

Маги также достраивают существующее ядро знания. Однако они делают это отнюдь не принятием того, что было установлено и доказано другими магами. Они должны заново доказывать самим себе, что принятое до них действительно существует, действительно поддается восприятию. Для выполнения такой грандиозной задачи маги нуждаются в огромной энергии, которую они получают в результате своего отторжения от социального порядка, происходящего без ухода из мира. Не ослабляя себя, маги разрушают соглашение, определяющее реальность.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 15

Как только мы пересекли границу Мексики, меня охватила неуверенность. Казавшийся таким замечательным повод для поездки в Мексику с Исидоро Балтасаром теперь выглядел предложением для того, чтобы он взял меня с собой. Я уже сомневалась, что смогу выполнить обещание и заниматься социологией в доме ведьм. Ведь там я снова буду делать все то, что делала во всех предыдущих случаях: подолгу спать, видеть загадочные сны и безнадежно пытаться понять, чего же хотят от меня маги.

— Сожаления? — голос Исидоро Балтасара заставил меня вздрогнуть. Он смотрел искоса и, должно быть, какое-то время уже наблюдал за мной.

— Нет, конечно, — поспешила я его заверить, промямлив что-то о жаре, и уставилась в окно, размышляя, что он имел в виду — общее мое состояние или молчаливость.

Молчала я потому, что была напугана и расстроена. По спине мурашками полз страх.

А Исидоро Балтасар пребывал в состоянии радостного возбуждения: пел, глупо шутил, читал стихи на английском, испанском и португальском. Но даже пикантные подробности сплетен о наших общих знакомых по УКЛИА не могли развеять моего уныния. Он даже не замечал, что рядом неблагодарный слушатель, и оставался в хорошем настроении, несмотря на рывканье и просьбы оставить меня в покое.

— Если бы люди посмотрели на нас, они подумали бы, что мы женаты, — заметил он между взрывами смеха.

Если бы маги посмотрели на нас, подавленно подумала я, они бы поняли, что что-то не так. Они бы поняли, что мы с Исидоро Балтасаром не равны. Я реалистка и конкретна в своих действиях и решениях. Для него же действия и решения непостоянны, каков бы ни был их результат, и их окончательность определяется тем, что он принимает на себя всю ответственность за них, независимо от того, важны они или нет.

Мы ехали на юг и не петляли, как обычно, а направлялись сразу к дому ведьм. Когда выехали из Гуаймаса, — никогда еще прежде мы не заезжали так далеко на юг по дороге к дому ведьм, — я спросила: — Куда ты меня везешь?

Он равнодушно ответил: — Мы едем дальней дорогой. Не волнуйся.

То же самое прозвучало, когда я его еще раз спросила за обедом в Навохоа.

Мы оставили Навохоа позади и поехали на юг, направляясь в Масатлан. Я не находила себе места от волнения. Около полуночи Исидоро Балтасар свернул с шоссе на узкую проселочную дорогу. Автофургон трясло, он дребезжал на ухабах и камнях, по которым мы ехали. Шоссе позади нас угадывалось только изредка, по мигающим огонькам, потом оно и вовсе исчезло, поглощенное зарослями, обрамлявшими дорогу. После утомительно долгой езды мы внезапно остановились, и он выключил свет.

— Где мы? — спросила я, оглядываясь вокруг. Сначала ничего не было видно, но когда глаза привыкли к темноте, прямо перед собой я увидела крохотные белые пятнышки. Эти звездочки, казалось, упали с неба. Меньше всего я ожидала ощутить пьянящий аромат кустов жасмина, взбирающихся на крышу и ниспадающих с рамады, и, неожиданно узнав его, я почувствовала себя так, словно лишь во сне вдыхала подобное благоуханье. Я глупо хихикнула. Все это вызвало почти детское чувство удивления и восторга. Мы были у дома Эсперансы.

— Первый раз мы приезжали сюда с Делией Флорес, — пробормотала я про себя и, тронув Исидоро Балтасара за руку, спросила: — Разве это возможно? — На мгновение я чуть не задохнулась от страха.

— Что? — переспросил он озадаченно. Он был взволнован и раздражен; его рука, обычно теплая, была холодна как лед.

— Этот дом на окраине Сьюдад Обрегона, более ста миль севернее! — вскрикнула я. — Сама ездила туда. И никогда не сворачивала с асфальта. — Осмотревшись в темноте, я вспомнила, что ездила из этого дома в Тусон, что никогда в жизни не была в Навохоа или в его окрестностях.

Исидоро Балтасар некоторое время молчал; казалось, он был занят поиском ответа. Ни один из них не удовлетворил бы меня. Пожав плечами, он повернулся ко мне лицом. В нем была какая-то сила и

некое преимущество — как в нагвале Мариано Аурелиано, — он говорил, что нет сомнений, я *сновидела-наяву*, когда мы вдвоем с Делией поехали из Эрмосильо в дом целительницы. — Предлагаю, чтобы ты воспринимала это как есть, — предостерег он. — По себе знаю, как может блуждать разум, пытаясь совместить несовместимое.

Я попыталась было протестовать, но он прервал меня, указав на приближающийся огонёк, и, выжидающе улыбнулся, будто знал, кому принадлежит эта громадная, колышущаяся на земле тень. — Это же смотритель! — пробормотала я в изумлении, как только он предстал перед нами, инстинктивно обняв и расцеловав его в обе щеки. — Никогда бы не подумала, что встречу тебя здесь, — прошептала я.

Ничего не сказав, он застенчиво улыбнулся. Обнявшись с Исидоро Балтасаром и похлопав его несколько раз по спине, как это обычно делают при встрече латиноамериканцы, он что-то шепнул ему. При всем своем старании я не расслышала ни единого слова. Он повел нас к дому.

Что-то зловещее было в массивной парадной двери. Она была закрыта. Окна с решетками также были закрыты. Ни света, ни звука за толстыми стенами. Мы обошли дом со стороны заднего двора, обнесенного высокой изгородью, и вошли в дверь, ведущую прямо в квадратную комнату.

Я почувствовала себя уверенней, узнав эти четыре двери. Это была та же комната, куда меня приводила Делия Флорес. Она была почти без мебели, какой я ее и запомнила, — в ней были только узкая кровать, стол и несколько стульев.

Смотритель поставил керосиновую лампу на стол и заставил меня сесть. Повернувшись к Исидоро Балтасару, он обнял его за плечи и они вышли в темный коридор. Неожданность их ухода ошеломила меня. Я даже не успела прийти в себя и решить, стоит ли идти за ними, как смотритель вернулся. Он дал мне одеяло, подушку, фонарик и ночной горшок.

— Лучше я выйду во двор, — сказала я, поджав губы.

Смотритель пожал плечами и задвинул ночной горшок под кровать. — Это на всякий случай, если тебе понадобится выйти ночью. — Его глаза откровенно смеялись, когда он говорил, что Эсперанса держит во дворе большого черного сторожевого пса. — Ему не нравятся посторонние, которые по ночам расхаживают по двору.

И как предупреждение, я услышала громкий лай.

— Я не посторонняя, — заметила я между прочим, стараясь не придавать значения собачьему лаю, в котором угадывалась угроза.

— Я бывала здесь и знаю эту собаку.

Смотритель удивленно поднял брови и спросил:

— И собака тебя знает?

Я выразительно посмотрела на него. Он вздохнул и потянулся за лампой на столе, направляясь к двери.

— Не уноси ее, — сказала я, быстро преградив ему дорогу. Я хотела улыбнуться, но губы мне не повиновались. — Где все? — смогла я наконец выдать из себя. — Где Эсперанса и Флоринда?

— Сейчас я один.

— А где Исидоро Балтасар? — спросила я в панике. — Он же обещал привезти меня в дом ведьм. Мне нужно писать статью. Я рассказывала смотрителю, чуть не плача, почему поехала с Исидоро Балтасаром в Мексику и как важно для меня закончить работу, но мысли и слова путались и сбивались.

Он ободряюще похлопал меня по спине, как будто успокаивал ребёнка. — Исидоро Балтасар спит. Ты же знаешь его. Стоит ему только прикоснуться к подушке, и он засыпает как убитый. — Он едва заметно улыбнулся и добавил: — Я оставлю свою дверь открытой, вдруг понадобится. Позовешь, если приснится кошмар или еще что, я сразу приду.

Не успела я ему сказать, что после того последнего кошмара в Соноре не было больше ни одного, как он исчез в темном коридоре. Лампа на столе начала шипеть и вскоре погасла. Наступила крошечная тьма. Я легла не раздеваясь и закрыла глаза. Кроме равномерного хриплого дыхания, доносившегося издалека, ничего не было слышно. Слыша это дыхание и ощущая, как тверда и узка кровать, я вскоре оставила попытки заснуть.

С фонариком в руке, крадучись, я неслышными шагами брела по коридору в надежде найти Исидоро Балтасара или смотрителя. Я тихонько стучалась в каждую дверь. Но никто не отвечал. Из комнат не доносилось ни звука. Странная, почти гнетущая тишина охватила весь дом. Прекратились даже шорохи и щебет снаружи. Как я и предполагала, меня оставили в доме одну.

Чтобы не расстраиваться из-за этого, я решила осмотреть комнаты. Это были спальни, всего восемь: одинаковые по размеру, довольно маленькие, абсолютно квадратные, в которых из мебели были

только кровать и ночной столик. Стены и два окна в каждой комнате были выкрашены в белый цвет, а полы были выложены замысловатым узором из плитки. Я открывала раздвижные двери стенных шкафов, осторожно нажимая ногой на левый нижний угол двери, зная, но не понимая, откуда мне это известно, что легкий удар или пинок в это место приводит в действие механизм, открывающий двери.

В одном из шкафов я отодвинула сложенные внизу в стопку одеяла, оказалась перед маленькой потайной дверцей и отвернула скрытую задвижку, замаскированную под стенную розетку.

Поскольку меня ничто не удивляло, я принимала свое знание об этих потайных дверях, — знание, которое мой бодрствующий разум, конечно же, не воспринимал.

Я открыла эту маленькую потайную дверцу, вползла через узкий проем, и оказалась в стеном шкафу соседней комнаты. Без особенного удивления — поскольку об этом уже знала — я обнаружила, что пролезая в эти потайные проемы, можно попасть из одной комнаты в каждую из семи других.

Когда фонарик погас, я чертыхнулась. В надежде оживить батарейки я их вынула и вставила обратно. Это было бесполезно: батарейки сели. Темнота в этих комнатах была такая, что не было видно даже собственных рук. Боясь удариться о дверь или стенку, я наощупь медленно выбиралась в коридор.

Это было так трудно сделать, что выпрямившись и прислонившись к стене, я тяжело дышала, меня трясло. Я долго простояла в коридоре, соображая, в какую же сторону идти к себе в комнату. Откуда-то издалека донеслись голоса, но нельзя было определить, из дома или снаружи. Я пошла на звук. Он привел меня в патио. Я отчетливо вспомнила зеленый, почти тропический патио позади каменной арки, заросший папоротником и густой листвой, наполненный ароматом цветущих апельсинов и вьющейся жимолости.

Но не успела я сделать и нескольких шагов, как я увидела на стене огромную тень собаки. Зверь зарычал. Свет его сверкающих глаз леденил душу.

Вместо того, чтобы поддаться страху, а, возможно, из-за него, я почувствовала: происходит что-то крайне странное. Как будто я всегда была сложена наподобие японского веера или бумажной фигурки и неожиданно развернулась. Физическое ощущение этого

было почти болезненным.

Собака в замешательстве смотрела на меня. Она начала скулить как щенок, опустила уши и свернулась клубком на земле. Я же стояла как вкопанная, но не от страха, просто не могла пошевелиться. Потом, как будто это было чем-то совершенно естественным, я снова сложилась, повернулась и ушла. На этот раз я без труда нашла свою комнату.

Проснувшись с головной болью и ощущением, что совсем не спала, которое мне, как человеку, страдающему бессонницей, было хорошо знакомо, я была разбита. Громко и тяжело вздохнув, услышала, как открылась дверь, и яркий свет ударил мне в лицо. Я осторожно попыталась перевернуться на другой бок, чтобы не свалиться с узкой кровати.

— Доброе утро, — воскликнула Эсперанса, войдя в комнату в волнах верхних и нижних юбок. — Вообще-то, добрый день, — поправились она, указывая на солнце через открытую дверь. Ее голос звучал с удивительной живостью и восхитительной силой, когда она говорила, что именно ей пришла в голову мысль забрать мои книги и бумаги из микроавтобуса до того, как уехали Исидоро Балтасар и старый нагваль.

Я резко села. Сон тут же улетучился. — Почему же нагваль Мариано Аурелиано не зашел со мной поздороваться? И почему Исидоро Балтасар не сказал мне, что уезжает? — выпалила я. — Теперь никогда не смогу закончить свою работу и поступить в аспирантуру.

Она как-то странно взглянула и сказала, что если написание моей статьи — такая уж корыстная задача, мне никогда не закончить ее. Я не успела сказать ей, что лично мне все равно, поступлю я в аспирантуру или нет, потому что она продолжала: — Ты пишешь не для того, чтобы поступить в аспирантуру. Ты пишешь просто потому, что тебе это нравится. Потому что сейчас нет ничего такого, чем бы тебе хотелось заняться.

— Да полно такого, чем бы я предпочла заняться.

— Например? — с вызовом спросила она. Немного подумав, я не смогла сказать ничего определенного и вынуждена была признаться, и не только себе, что еще ни одну работу я не писала с таким удовольствием. Впервые я начала читать и собирать материалы в самом начале семестра, а не ждала, как обычно, когда останется лишь несколько дней до сдачи рукописи. И только

мысль о том, что эта работа — пропуск в аспирантуру, портила все удовольствие.

Эсперанса, как будто снова подслушав мои мысли, сказала, что мне нужно забыть об аспирантуре и думать только о том, чтобы написать хорошую работу.

— Как только станешь частью мира магов и начнешь постигать природу *сновидений*, ты начнешь понимать, что такое магия. И это понимание освободит тебя.

Я смотрела на нее в замешательстве и не могла понять, о чем это она.

— Это освободит тебя от желания чего бы то ни было. —

Эсперанса провозгласила эту фразу так четко, как будто я туга на ухо. Она посмотрела на меня задумчиво и добавила: — Алчность — твоё второе имя, и всё же тебе ничего не нужно и ты ничего не хочешь... Её голос стал тише, когда она стала раскладывать на столе мои книги, записи и стопки каталожных карточек. С сияющим лицом она повернулась ко мне, держа в руках несколько карандашей. — Я подточила их для тебя бритвой и подточу снова, когда они затупятся. — Она положила карандаши рядом с блокнотом и широко развела руки в стороны, как бы пытаясь охватить всю комнату. — Прекрасное место для работы. Здесь тебя никто не потревожит.

— Я в этом уверена.

Видя, что она собирается уходить, я поинтересовалась, где спал Исидоро Балтасар этой ночью.

— На своей соломенной циновке, где же ещё? — засмеявшись, она подхватила все свои юбки и вышла во двор. Я провожала её глазами, пока она не скрылась за каменной аркой. Глаза заболели от яркого света.

Немного спустя в одну из тех дверей, что выходили в коридор, громко постучали.

— Ты одета? — спросил смотритель, открывая дверь ещё до того, как я успела сказать да. — Пища твоим мозгам, — объявил он, ставя на стол бамбуковый поднос. Он налил мне прозрачного мясного бульона и заставил съесть мачаку по-сонорански. — Сам приготовил, — заметил он.

Смесь из взбитых яиц, нарезанного мяса, лука и красного жгучего перца была просто восхитительной. — Когда ты закончишь, я свожу тебя в кино.

— Когда я поем? — взволнованно спросила я, запихнув в рот тортилью.

— Когда закончишь писать, — пояснил он.

После того, как я разделалась с едой, он сказал, что мне нужно познакомиться с собакой.

— Иначе ты не сможешь никуда выйти. Даже просто в туалет.

Я хотела сказать, что, в общем-то, уже видела собаку и выходила ночью из дома, но он быстрым движением головы позвал меня за собой во двор. Большая черная собака, свернувшись, лежала в тени высокой изгороди, сплетенной из тростника. Смотритель присел на корточки рядом с псом и почесал его за ушами. Наклонившись еще ниже, он шепнул что-то зверю на ухо.

Неожиданно смотритель встал. Испугавшись, я отпрянула назад и приземлилась на мягкое место. Собака заскулила, а смотритель одним невероятным прыжком перепрыгнул через высокую изгородь. Я вскочила на ноги и собралась было бежать, но собака вытянула свои передние лапы и положила их мне на ноги. Сквозь туфли чувствовалась их тяжесть. Собака посмотрела на меня и разинула свою пасть, широко зевнув. Язык и челюсти у нее были иссиня-черными.

— Это признак превосходной родословной.

Я так испугалась, услышав голос смотрителя за спиной, что повернулась кругом, снова потеряла равновесие и свалилась на собаку. Сначала я не осмеливалась пошевелиться, а потом медленно повернула голову. На меня уставились ее янтарные глаза. Собака обнажила зубы, но не с рычанием, а с самой дружелюбной собачьей улыбкой.

— Вы стали друзьями, — произнес смотритель, помогая мне подняться. — Теперь тебе пора начать писать свою работу.

Я горела желанием выполнить свою задачу. Я писала долгие часы, как-то не замечая времени. Не то чтобы я была настолько поглощена своей работой, что потеряла счет времени. Скорее время, казалось, трансформировалось в пространство. То есть я начала ощущать время как промежутки — промежутки между появлениями Эсперансы.

Каждый день где-то в середине утра, когда я завтракала — тем, что было оставлено на кухне, — неожиданно появлялась она, казалось, бесшумно материализуясь из вечной голубоватой дымки, которая висела в кухне, точно облако. Она неизменно расчесывала мои

волосы грубой деревянной расческой, не произнося ни слова. Я тоже молчала.

Во второй половине дня я снова встречала ее. Так же бесшумно она возникала во дворе под аркой, сидя в своем кресле-качалке. Часами она смотрела в пространство, как будто видела что-то за пределами человеческого зрения. В это время между нами не было никакого контакта, кроме кивка головы или улыбки. Тем не менее я знала, что нахожусь под защитой ее молчания.

Собака всегда была рядом со мной, как будто смотритель приказал ей это. Она сопровождала меня днем и ночью, даже в туалет.

Особенно я ждала наших прогулок в конце дня, когда мы вдвоем с собакой мчались через поля к деревьям, разделяющим земельные участки. Там мы обычно сидели в тени, глядя в пространство, как Эсперанса. Иногда мне казалось, что можно протянуть руку и потрогать горы, поднимающиеся вдалеке. Я слушала, как ветерок шелестит ветвями и ждала, когда желтый свет заходящего солнца превратит листочки в золотые колокольчики; ждала, когда листья станут синими и, наконец, черными. Тогда мы с собакой мчались назад к дому, чтобы не слышать тихого голоса ветра, рассказывающего об одиночестве этой сухой земли.

На четвертый день я проснулась от испуга. Из-за двери, ведущей во двор, послышался голос. — Пора вставать, лентяйка. — В голосе смотрителя было вялое безразличие.

— Почему ты не заходишь? Где ты все это время пропадал? — Ответа не последовало. Я села, укутавшись в одеяло, в ожидании, что он появится, слишком напряженная и сонная, чтобы самой выйти и посмотреть, что это он прячется. Через некоторое время я поднялась и вышла во двор. Никого. Чтобы окончательно проснуться, я вылила несколько черпаков холодной воды себе на голову.

Мой завтрак этим утром был иным: Эсперанса не появилась.

Приступив к работе, я поняла, что и собака исчезла. Я равнодушно листала книги. Для работы не было ни сил, ни желания. Я подолгу просто сидела за столом, уставясь через дверь на далекие горы.

Прозрачная послепопуденная тишина время от времени нарушалась негромким кудахтаньем кур, ищущих в земле зерна, да звонким стрекотанием цикад, звеневшем в синем безоблачном небе, как будто все еще был полдень.

Я почти задремала, как вдруг услышала во дворе какой-то шум. Я

быстро подняла глаза. Смотритель и собака лежали бок о бок на соломенной циновке в тени ограды. Что-то необычное было в том, как они лежали, растянувшись на циновке. Они были настолько неподвижны, что казались мертвыми.

Охваченная беспокойством и любопытством, я на цыпочках подошла к ним. Смотритель заметил мое присутствие раньше собаки. Он нарочито широко открыл глаза, затем одним движением быстро сел, скрестив ноги, и спросил: — Соскучилась? — Конечно! — воскликнула я, нервно засмеявшись. С его стороны это был странный вопрос. — Почему ты не зашел ко мне утром? — Поглядев на его ничего не выражающее лицо, я добавила: — Где ты пропадал три дня?

Вместо ответа он строго спросил:

— Как продвигается работа?

Я была настолько ошарашена его прямоотой, что не знала, что и сказать: то ли надо было ответить, что это не его дело, то ли стоило признаться, что я застряла.

— Не ищи объяснений. Просто скажи мне честно. Скажи, что тебе нужна моя компетентная оценка статьи.

Боясь рассмеяться, я присела рядом с собакой и почесала ее за ушами.

— Ну? Не можешь признаться, что без меня ты беспомощна? — настаивал смотритель.

Не зная его настроения, я подумала, что лучше не буду с ним спорить, и сказала, что за весь день не написала ни строчки, а ждала его, зная, что только он может меня спасти. Я заверила его, что не мои профессора, а он должен решать мою судьбу, как аспиранта.

Смотритель просиял улыбкой и попросил принести ему мою рукопись.

— Она на английском, — специально сказала я. — Ты не сможешь прочесть ее.

Уверенность в том, что я не настолько плохо воспитана, помешала мне сказать, что он все равно бы ничего не понял, даже если бы она была на испанском.

Он настаивал на своем. Я принесла работу. Он разложил листы вокруг себя, некоторые на циновке, некоторые на пыльной земле, потом достал из кармана рубашки очки в металлической оправе и надел их.

— Очень важно выглядеть ученым, — прошептал он, наклонившись к собаке. Пес поднял одно ухо, потом глухо заворчал, как бы соглашаясь с ним. Собака поменяла позу, и смотритель жестом велел мне сесть между ними.

Сосредоточенно изучая отдельные листы на земле, он напоминал начитанную строгую сову. Он неодобрительно цокал языком, почесывал затылок, складывал и перекладывал листы, как бы пытаясь отыскать связь, ускользающую от него.

От сидения в одном положении у меня заболели шея и плечи. Вздыхая от нетерпения, я прислонилась к изгороди и закрыла глаза. Несмотря на возрастающее раздражение, должно быть, я задремала, потому что вдруг испугалась внезапного навязчивого звона. Я открыла глаза. Рядом, лицом ко мне, сидела высокая, роскошно одетая красивая женщина. Она что-то сказала, но я не расслышала. Звон в моих ушах усилился.

Эта женщина наклонилась ко мне и громким чистым голосом спросила: — Ты что же, не хочешь поздороваться со мной?

— Нелида! Когда ты пришла? Я просто пыталась избавиться от звона в ушах.

Она кивнула и, подтянув под себя длинные красивые ноги, обняла руками колени. — Приятно тебя видеть, — мечтательно произнесла она.

Хмуря брови, смотритель что-то бормотал про себя, изучая лежащие перед ним страницы. Через некоторое время он произнес: — Твои каракули не только трудно разобрать, в них и смысла мало. Прищурившись, Нелида осуждающе посмотрела на меня, словно призывая возразить.

Я заерзала, чтобы подняться, желая уйти от этого нервирующего меня пристального и изучающего взгляда. Но она наклонилась и неожиданно схватила меня за руку, будто взяла ее в тиски.

Смотритель начал читать вслух раздражающе медленно. То, что он читал, казалось знакомым, но я не могла определить, действительно ли он воспроизводит текст, так как не могла сосредоточиться. Кроме того, меня выводила из себя та показушная манера, с какой он кромсал предложения, фразы и изредка даже слова.

— И наконец, — заявил он, заканчивая чтение последней страницы, — это просто плохо написанная работа. — Он сложил эти разрозненные листы в стопку и облокотился на изгородь, не

спеша согнув колени в то самое положение, которому меня научил Исидоро Балтасар — согнув правую ногу так, чтобы ее щиколотка лежала на левом бедре — и закрыл глаза. Он молчал так долго, что я подумала, что он уснул, и даже вздрогнула, когда медленно и размеренно он начал говорить об антропологии, истории и философии. Его мысли, казалось, облекались в форму, слова были ясными и точными. Он говорил просто, было легко следить за ходом его речи и легко ее понимать.

Я внимательно слушала и в то же время не могла отделаться от вопросов. Как он может столько знать о западноевропейских интеллектуальных течениях? Где он учился? Кто же он на самом деле?

Как только он закончил говорить, я сразу же попросила:

— Не мог бы ты все повторить сначала? Я бы хотела кое-что записать.

— Все, о чем я говорил, есть в твоей работе, — заверил меня смотритель. — Все это похоронено под множеством сносков, цитат и сырых идей. — Он наклонился, почти прислонив голову к моей. — Недостаточно цитировать работы, пытаюсь придать правдивость тому, что написано тобой.

Ошеломленная, я тупо смотрела на него. — Помоги мне, пожалуйста, написать статью.

— Нет, этого я сделать не могу, — произнес он с мрачным блеском в глазах. — Это ты должна сделать самостоятельно.

— Но я же не могу, — запротестовала я. — Ты же только что показал, как плохо написана моя работа. Поверь, это лучшее, на что я способна.

— Нет! — уверенно возразил он, посмотрев на меня в изумлении, к которому примешивалось дружеское участие. — Я уверен, твои профессора примут работу, как только она будет отпечатана. Но не я. В ней нет ничего оригинального.

Я была слишком ошеломлена, чтобы расстраиваться.

— Ты только другими словами пересказываешь то, что прочитала, — продолжал смотритель. — А я требую, чтобы ты больше полагалась на свое собственное мнение, даже если оно противоречит тому, чего от тебя ждут.

— Но это ведь только реферат, — защищалась я. — Знаю, он еще сырой, но мне нужно, чтобы и профессора были довольны.

Согласна я или нет со всем этим — к делу не относится. Мне

нужно, чтобы меня приняли в аспирантуру, а это отчасти зависит от того, довольны ли будут профессора.

— Если ты хочешь черпать силу из мира магов, ты больше не можешь работать, имея это в голове. Скрытые цели неприемлемы в нашем магическом мире. Если хочешь стать аспирантом, значит должна вести себя как воин, а не как женщина, которую научили всем угождать. Даже когда тебе смертельно плохо, ты все равно стараешься угодить. А когда ты пинешь, тебя ведь этому не учили, значит, ты можешь принять настроение воина.

— Что ты называешь настроением воина? Мне что же, с профессорами воевать?

— Не с профессорами, а с собой. За каждый миллиметр. И делать это настолько искусно и умно, чтобы никто и не догадывался о твоей борьбе.

Я не совсем поняла, что он имеет в виду, да и не хотела понимать. Воспользовавшись паузой, я спросила, откуда он знает столько об антропологии, истории и философии.

Улыбнувшись, он покачал головой.

— А ты что, не заметила? — и сам ответил на вопрос. — Я собрал эти мысли из ниоткуда. Я просто разбросал свои энергетические волокна и подцепил их, как рыбак ловит рыбу, из необъятного океана мыслей и идей. — И он развел руками, обнимая все пространство вокруг себя.

— Исидоро Балтасар говорил мне: для того, чтобы собирать мысли, нужно уметь распознать, какие именно могут быть полезны. Поэтому ты, должно быть, изучал историю, философию и антропологию.

— Может, когда-то и изучал, — неопределенно произнес он, в задумчивости почесывая затылок. — Наверное.

— Просто должен был, — назидательно произнесла я, будто совершила открытие.

Глубоко вздохнув, он снова откинулся на изгородь и закрыл глаза.

— И почему ты хочешь всегда быть права? — спросила Нелида. Это прозвучало так неожиданно, что я уставилась на нее, открыв рот. В уголках ее губ притаилась озорная затаенная улыбка. Она показала мне на мой открытый рот. Меня так поглотила речь зрителя о реферате, что я напрочь забыла о присутствии Нелиды, хотя она и сидела напротив меня. Или не сидела? Мысль о том, что она могла незаметно уйти и вернуться, меня испугала.

— Не думай об этом, — тихо сказала Нелида, словно я кричала от страха. — Мы обычно приходим и уходим так, что нас никто не замечает.

Ее тон сглаживал леденящее впечатление от ее слов. Переводя взгляд с одного из них на другого, я думала, действительно ли они незаметно исчезнут прямо у меня на глазах. Потянувшись как кошка, я легла на соломенную циновку на спину, медленно подвинув ногу к подолу платья Нелиды, опускавшемуся до земли, а моя рука двинулась к одежде зрителя. Он, должно быть, почувствовал, что его тронули за рукав, потому что резко сел и уставился на меня. Я закрыла глаза, но продолжала смотреть на них сквозь ресницы. Они сидели, не шелохнувшись. В их прямых позах не было ни следа усталости, а у меня слипались глаза. Налетел прохладный ветерок, наполненный ароматом эвкалипта. Вереницы разноцветных облаков бежали по небу. Глубокое и прозрачное, оно медленно растворялось и таяло так незаметно, что невозможно было различить, где облака и где небо, где день и где ночь.

Положив ногу на кайму платья Нелиды и вцепившись в рукав зрителя, точно от этого зависела жизнь, я уснула. Показалось, что прошло лишь мгновение, как чья-то рука прикоснулась к лицу. — Флоринда? — прошептала я, инстинктивно чувствуя, что рядом сидит другая женщина. Она говорила что-то очень тихо. Было ощущение, что она говорила уже давно, и я проснулась, чтобы это услышать.

Я попыталась сесть. Легким, но твердым прикосновением к плечу она остановила меня. Маленький огонек мерцал где-то в темноте, проливая бледный дрожащий свет на ее лицо. Это делало ее похожей на привидение. Казалось, она увеличивается в размерах, приближаясь ко мне. Ее глаза казались больше от этого приводящего в замешательство взгляда. Ее словно подведенные черным брови хмурились.

— Нелида! — вздохнула я с облегчением.

Едва улыбнувшись, она кивнула. Я хотела спросить ее о зрителе и о реферате, но она приложила свои пальцы к моим губам и продолжала что-то нашептывать. Звуки становились тише и тише. Казалось, они доносятся издалека, и наконец они исчезли совсем.

Нелида встала и жестом пригласила сделать то же самое. Я встала

и увидела, что мы не во дворе, а в одной из спален, выходящих в коридор.

— А где же моя работа? — спросила я, беспокоясь, что ветер мог расшвырять страницы по двору. Мысль о том, что мне придется начинать все с самого начала, привела меня в трепет.

Нелида по-королевски кивнула, чтобы я следовала за ней. Она была гораздо выше меня и очень походила на Флоринду. Если бы не ее хрупкость, я бы ни за что не смогла их различать. Сейчас она казалась незавершенной копией Флоринды — такой, скорее всего, та была в юности. В Нелиде было что-то воздушное, хрупкое, обаятельное. Мы часто шутили с Исидоро Балтасаром, что будь я мужчиной я, потеряла бы из-за нее голову. Он остроумно замечал, — в шутку, конечно, — что потому-то она со мной почти не разговаривает.

Мы направились к моей комнате. Рядом с собой я слышала шаги. Это не Нелида, подумала я, потому что она шла так тихо, что, казалось, не касалась земли. Нелепая идея, что слышны мои собственные шаги, заставила меня идти на цыпочках, как кошка. Тем не менее я продолжала слышать шаги. Чьи-то ноги двигались как мои, тихим эхом отдаваясь на плиточном полу. Я несколько раз оборачивалась, но, конечно же, никто не шел за мной. В надежде развеять страх я громко хихикнула.

Нелида внезапно повернулась. Я думала, она одернет меня, но она тоже начала смеяться. Она обняла меня за плечи. Ее прикосновение было не слишком теплым или нежным. Но мне было все равно. Она мне нравилась, а ее прикосновение успокаивало меня. Продолжая смеяться, в окружении звуков шагов, мы вошли ко мне в комнату.

Стены странно светились, как будто через все четыре двери в комнату сочился туман, ее невозможно было рассмотреть. Туман изменил форму комнаты, придав ей странные очертания. Как я ни моргала и ни прищуривалась, я разглядела только стол, за которым писала последние три дня. Я подошла ближе. К своей радости, я увидела бумаги, сложенные в аккуратную стопку. Рядом лежали все мои карандаши: они были хорошо наточены.

— Нелида! — взволнованно воскликнула я, поворачиваясь. Но ее уже не было. Туман сгустился. Он плотнее окутывал меня с каждым вздохом. Он проникал в меня, наполняя глубоким, волнующим чувством легкости и ясности. Направляемая из

невидимого источника, я села за стол и разложила перед собой страницы. Прямо перед глазами возникла вся структура реферата, наложенная на мои первые наброски, точно двойная экспозиция на фотопленке.

В восхищении я увлеклась искусным развитием темы. Как будто подчиняясь невидимой руке того, кто писал и думал, абзацы начали менять свои места, выстраиваясь в новом порядке. Все это было так прекрасно и просто, что от радости я засмеялась.

— Запиши это.

Слова прозвучали в комнате тихим эхом. Я с любопытством оглянулась, но никого не увидела. Созная, что то, что я переживала в эти минуты, определенно не было обыкновенным сном, я схватила бумагу, карандаш и с бешеной скоростью начала писать. Удивительно легко и ясно возникали идеи. Они пульсировали в висках и в теле, словно звуковые волны.

Одновременно с этим я слышала и видела слова. Но то, что было передо мной, различали не слух и не зрение. Это были какие-то нити внутри меня, которые вытягивались и всасывали слова, светящиеся передо мной, как какой-нибудь бесшумный пылесос всасывает пылинки.

Через некоторое время то, что наложилось на мои бумаги, стало расплываться. Строчки исчезали одна за другой. Я отчаянно хваталась за эту превосходную структуру, зная, что все это исчезнет безо всякого следа. Останется только память моего осознания этой величественной ясности. Но исчезнет и это, словно пламя погасшей свечи. Колечко тумана, тонкое, как нить, задержалось в комнате и превратилось в мелкую рябь. Гнетущая темнота окружила меня. Я была настолько опустошена, что теряла сознание.

— Ложись!

Я даже не пыталась поднять глаза, зная, что все равно никого не увижу. Невероятным усилием встав со стула и шатаясь, я направилась к кровати.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 16

Мгновенье я просто лежала в кровати, смутно припоминая свой невероятный, поразительный сон, столь непохожий на все остальные. Однако впервые я сознавала все, что сделала.

— Нелида? — прошептала я, когда тихое хрипловатое бормотание, доносившееся из другого конца комнаты, вторглось в мои грезы. Едва успев сесть, я тут же плюхнулась назад, потому что комната начала вращаться вокруг меня. Подождав немного, я снова попробовала подняться, встала, сделала несколько нерешительных шагов, но упала на пол и головой ударилась о стену.

— Дерьмо! — воскликнула я, когда комната снова завертелась. — Падаю в обморок.

— Не преувеличивай, — сказала Флоринда и улыбнулась, увидев мое смущенное лицо. Она потрогала сначала мой лоб, потом шею, как будто проверяла, нет ли у меня температуры. — Ты не падаешь в обморок. Тебе просто нужно восполнить энергию.

— Где Нелида?

— А разве меня ты не рада видеть? — Она взяла меня под руку и помогла вернуться в кровать. — Ты падаешь от голода.

— Вовсе нет, — возразила я скорее по привычке. Хотя я и не чувствовала голода, но понимала, что головокружение от него. Весь день я ничего не ела, если не считать завтрака.

— Мы и удивлялись, ведь тебе приготовили такое вкусное тушеное мясо, — словно читая мысли, сказала Флоринда.

— Когда ты приехала сюда? Я все время звала тебя мысленно. Закрыв глаза, Флоринда мурлыкнула, будто это помогало ей вспоминать. — Мы здесь уже несколько дней, — сказала она наконец.

— Не может быть! — Я была настолько поражена, что просто потеряла дар речи, однако быстро оправилась. — Почему же ты не дала знать, что ты здесь? — Я не была задета, но расстроилась, что не заметила ее присутствия. — И как же я не почувствовала? — пробормотала я про себя.

В глазах Флоринды мелькнуло любопытство. Казалось, она была

удивлена моим огорчением. — Если бы мы дали тебе знать, ты бы не смогла сосредоточиться на своей работе, — справедливо заметила она. — Ты же прекрасно знаешь: вместо того, чтобы писать, ты бы попала в зависимость от наших приходов и уходов. Ты бы всю энергию потратила на то, чтобы узнать, чем мы занимаемся, так ведь? — Ее голос был низким и хриплым, а странный взволнованный свет в ее глазах делал их еще более сверкающими, чем всегда. — Мы намеренно поступили так, чтобы ты могла работать не отвлекаясь.

Потом она рассказала мне, что зритель только тогда помог мне с выполнением работы, когда был доволен тем, что я уже сделала. Она утверждала, что в *сновидении* он обнаружил присущую моей работе логику.

— И я увидела присущую моей работе логику. И тоже во *сновидении*, — сказала я самодовольно.

Флоринда с готовностью согласилась. — Конечно же. Мы втянули тебя в *сновидение*, чтобы ты закончила работу.

— Вы втянули меня в *сновидение*? — переспросила я. Было что-то ужасно обыкновенное в этой ее фразе, но в тоже время настораживающее. У меня появилось странное чувство, что наконец-то я приблизилась к пониманию *сновидения-наяву*, но почему-то до конца этого не осознавала. Стараясь разобраться во всем, я рассказала Флоринде все по порядку, начиная с того момента, как увидела зрителя с собакой во дворе.

Мой рассказ был бессвязным, потому что я сама не знала, что было наяву, а что в *сновидении*. Особенно удивляло то, что я помнила четкий план своей работы, наложенный на первоначальные записи. — Моя сосредоточенность была настолько обостренной, что это не могло быть в *сновидении*.

— Это как раз и есть *сновидение-наяву*, — прервала мой рассказ Флоринда. — Поэтому ты так хорошо это помнишь. — Она напоминала нетерпеливого учителя, объясняющего простую, но фундаментальную истину отстающему ученику. — Я ведь говорила тебе, что *сновидение-наяву* не имеет ничего общего с обыкновенным засыпанием и сном.

— Я писала, — изрекла я так, как будто этот факт мог опровергнуть ее слова. Она кивнула, а я спросила, останутся ли записи того, что я видела в *сновидении-наяву*, в моем блокноте.

— Разумеется, ты их посмотришь, но сначала тебе придется

поест. — Она поднялась и, подав руку, помогла мне встать. Она заправила рубашку мне в джинсы, стряхнула соломинки со свитера и, немного отстранясь, оценивающе посмотрела на меня.

Недовольная моим видом, она стала наспех приводить в порядок мои волосы, расправляя непослушные пряди.

— Ты выглядишь ужасно, волосы торчат во все стороны.

— Обычно я залезаю под горячий душ, когда просыпаюсь.

Я последовала за ней в коридор и, поскольку она направлялась к кухне, сказала, что сначала мне нужно выйти во двор.

— Я иду с тобой. — Видя, что мне это не по душе, она добавила, что только проследит, чтобы у меня не закружилась голова и я не провалилась в выгребную яму.

Вообще-то я была рада, что опиралась на ее руку: когда мы вышли во двор, я чуть не упала. И не слабость была тому виной, а шок — день заканчивался.

— Что такое? Ты падаешь?

Я показала на небо, где догорал последний солнечный луч.

— Не может быть, уже конец дня!

Мой голос почти пропал, трудно было смириться с мыслью, что прошли целые сутки, разум не постигал этого. Сбивало с толку, что невозможно было воспринимать время как обычно.

Слова Флоринды прозвучали ответом на мои мысли:

— Маги прерывают течение времени. Время в обычном понимании не существует, если *сновидишь* как маг. Маги по желанию растягивают или сжимают время, для них оно не является материей, состоящей из дней, часов и минут, это совсем иная материя.

Она говорила спокойным ровным тоном:

— Во время *сновидения наяву* наши способности к восприятию повышены. Однако с восприятием времени происходит нечто совсем другое. Оно не усиливается, а полностью блокируется.

К этому она добавила, что время всегда является фактором сознания, то есть чувство времени является психологическим состоянием, которое мы автоматически переводим в физические измерения. Это настолько глубоко заложено в нас, что мы слышим идущие в нас часы, подсознательно фиксирующие время, даже когда этого не осознаем.

— Во время *сновидения наяву* эта способность исчезает. Вместо нее возникает совершением новая незнакомая структура, которую

нельзя понять или объяснить, как это обычно делается в отношении времени.

Пытаясь ухватить главное в ее разъяснениях, я сказала: — Тогда все, что я смогу постичь разумом о *сновидении-наяву*, — это то, что время либо растягивается, либо сжимается.

— Ты поймешь намного больше этого, — уверила она. — Когда ты станешь знатоком, по определению Мариано Аурелиано, *повышенного осознания*, ты будешь осознавать все, что тебе захочется, потому что маги не вовлечены в измерение времени. Она вовлечены в его использование, растягивая или сжимая его по своему усмотрению.

— Ты сказала, что вы помогли мне попасть в *сновидение*. Тогда кто-то из вас должен знать, сколько все это длилось.

Флоринда сказала, что она с компаньонами постоянно находится в состоянии *сновидения наяву*, что втянули меня в него совместными усилиями и что они никогда не следят за ходом времени.

— Ты имеешь в виду, что я и сейчас *сновижусь-наяву*? — спросила я, зная ее ответ заранее. — Если так, то что же я такое сделала, чтобы войти в это состояние?

— Любое самое простое воображаемое действие. Ты не позволила себе быть самой собой. Это тот самый ключ, который открывает двери. Мы тебе много и по-разному говорили, что магия — это вовсе не то, что ты о ней думаешь. Сказать, что не позволять своему “я” быть обычным “я” является самым сложным секретом в магии, — это может звучать как идиотизм, однако это так. Это ключ к силе и поэтому — самое трудное из того, что делает маг. Однако это не настолько сложно или невозможно, чтобы не понять. Разум не боится таких вещей, и по этой причине никто даже не подозревает, насколько это важно и насколько серьезно. Судя по результату твоего последнего *сновидения-наяву*, я могу сказать, что ты накопила достаточно энергии, не позволив себе быть самой собой.

Она потрепала меня по плечу и развернулась, шепнув: — Увидимся на кухне.

Дверь была распахнута, но оттуда не доносилось ни звука.

— Флоринда? — шепотом позвала я.

Ответом был приглушенный смех, но никого нельзя было разглядеть. Когда глаза привыкли к полумраку, я увидела сидящих за столом Флоринду и Нелиду. При слабом освещении их лица

были удивительно ясными. Одинаковые волосы, глаза, нос и губы излучали мерцающий свет, точно он исходил изнутри них. Вид этих абсолютно одинаковых существ вызывал непонятный суеверный страх.

— Вы обе настолько красивы, что даже жутко, — сказала я, подходя ближе. Две женщины взглянули друг на друга, как будто оценивая сказанное мной, потом рассмеялись тревожащим смехом. Станный холодок пробежал по спине. Не успела я даже сказать что-нибудь по поводу этого необычного смеха, как он прекратился. Нелида указала мне на кресло рядом с ней.

Я глубоко вздохнула и, усаживаясь, сказала себе, что нужно оставаться спокойной. В Нелиде чувствовались напряженность и решительность, которые лишали меня мужества. Она налила мне тарелку густого супа из супницы, стоявшей посреди стола.

— Я хочу, чтобы ты все это съела, — произнесла она, подвигая ко мне масло и корзиночку с теплыми тортильями.

Я умирала от голода и набросилась на еду так, как будто сто лет ничего не ела. Было очень вкусно. Я съела все, что было в супнице и проглотила намазанные маслом лепешки с тремя чашками горячего шоколада.

Насытившись, я откинулась в кресле. Дверь во двор была широко распахнута и прохладный ветер играл теньями в комнате. Казалось, полумрак повис навсегда. Небо все так же было расчерчено тяжелыми грядами облаков: пунцовых, темно-синих, фиолетовых и золотых. Воздух же был настолько прозрачен, что, казалось, приближал дальние холмы. Словно приводимая в движение какой-то внутренней силой, ночь, казалось, вырастала из земли.

Пульсирующие и грациозные тени, отбрасываемые шевелящимися на ветру фруктовыми деревьями, гнали тьму в небо.

Тут в комнату ворвалась Эсперанса и поставила на стол лампу.

Она, не мигая, пристально посмотрела на меня, как будто ей было трудно сконцентрироваться. Было такое впечатление, что, поглощенная какой-то тайной из другого мира, она еще не до конца здесь. Потом глаза ее понемногу стали теплеть и она улыбнулась, словно вдруг поняла, что вернулась откуда-то издалека.

— Моя рукопись! — воскликнула я, увидев у нее подмышкой разрозненные листы и блокнот.

Широко улыбнувшись, Эсперанса передала мне мои записи. Я

нетерпеливо просмотрела страницы и громко засмеялась от радости, когда увидела точные и детальные инструкции в блокноте — наполовину на испанском, наполовину на английском, — как мне продолжать работу над рефератом. Почерк был, безусловно, мой.

— Все здесь, — возбужденно произнесла я. — Точно так, как я видела в *сновидении*.

Мысль о том, что я могла бы проскочить в аспирантуру, не работая так усердно, омрачила всю мою радость. —

Невозможно сократить написание хорошего реферата. Даже с помощью магии. Ты должна знать, что не читая, не делая выписок, не переписывая написанное, ты бы никогда не смогла узнать структуру и порядок написания твоей работы в *сновидении*.

Я молча кивнула. Эсперанса произнесла это так убедительно, что я даже не знала, что сказать.

— А зритель? — спросила я, наконец. — Он был в молодости профессором?

Нелида и Флоринда повернулись к Эсперансе, как будто ответ должен был прозвучать от нее.

— Я и не знаю, — уклончиво произнесла она. — А разве он не говорил, что он маг, влюбленный в идеи? — Она помолчала немного и продолжила осторожно: — Когда он не заботится о нашем магическом мире, как положено зрителю, — он читает. — Помимо книг, — пояснила Нелида, — он читает невообразимое количество научных изданий. Он знает несколько языков и в курсе всех последних новинок. Делия и Клара — его помощницы. Он научил их английскому и немецкому.

— Библиотека в доме принадлежит ему?

— Она общая, — ответила Нелида. — Однако я уверена, что только он, не считая Висенте, прочитал все книги до единой. — Заметив недоверчивое выражение моего лица, она посоветовала не заблуждаться насчет внешнего вида людей в мире магов. — Чтобы получить знания, маги работают в два раза напряженнее, чем обычные люди. Маги должны разбираться и в повседневном мире, и в магическом. Для достижения этого они должны быть высокообразованными и опытными, и умственно, и физически. — Прищурившись и изучающе она посмотрела на меня и слегка усмехнулась.

— Ты писала реферат три дня. Ты хорошо потрудились, правда? —

Она подождала, пока я утвердительно кивну, и добавила, что *сновидя-наяву*, я работала еще напряженнее, чем в бодрствовании. — Вовсе нет, — поспешила я возразить. — Это было совсем просто и легко. — Я объяснила ей, что просто *увидела* новый вариант реферата, наложенный на черновик, а потом всего-навсего переписала *увиденное*.

— Но для этого тебе понадобились все силы, — настаивала Нелида. — *Сновидя-наяву*, ты всю свою энергию направила на достижение одной цели. Все твои интересы и усилия сосредоточились на завершении работы. В этот момент ничто другое для тебя не имело значения. Тебе не мешали никакие другие мысли.

— Смотритель *сновидел-наяву*, когда просматривал мою работу? Я *видела* то же, что и он?

Нелида встала и медленно подошла к двери. Она долго всматривалась в темноту, потом вернулась к столу, шепнула что-то Эсперансе и снова села.

Эсперанса едва усмехнулась и сказала, что смотритель *видел* не то, что увидела и записала я. — И это вполне естественно, потому что его знания гораздо обширнее твоих.

Эсперанса пристально смотрела на меня своими пронизательными темными глазами, которые каким-то странным образом лишали ее лицо жизненности.

— Руководствуясь его предложениями и в соответствии с твоими собственными способностями, ты *увидела*, как должна выглядеть работа. И записала это.

— *Сновидя-наяву*, мы получаем доступ к скрытым источникам, которые обычно не используем, — сказала Нелида и пояснила, что *увидев* реферат, я вспомнила те путеводные нити, которые дал мне смотритель.

Заметив недоверие на моем лице, она повторила то, что сказал смотритель о моей работе: — Слишком много сносков, слишком много цитат и плохо развитые идеи. — В ее глазах светились сочувствие и смех. — Поскольку ты *сновидела*, и на самом деле не настолько глупа, какой притворяешься, — продолжала она, — то ты сразу увидела все те соединения и связи, которые не замечала в своем материале до этого.

Нелида наклонилась ко мне в ожидании моей реакции. На ее губах играла улыбка.

— Пришло время узнать, что позволило тебе *увидеть* лучший вариант реферата. — Эсперанса выпрямилась и подмигнула, как бы подчеркивая, что сейчас откроет самый главный секрет. — Если мы *сновидим наяву*, то получаем доступ к прямому *знанию*. Она долго и пристально смотрела на меня, и я увидела разочарование в ее глазах.

— Да не будь такой глупой! — нетерпеливо рявкнула на меня Нелида. — Из *сновидения-наяву* ты должна была понять, что обладаешь, как и все женщины, уникальной способностью получать знания напрямую.

Эсперанса успокаивающе подняла руку и спросила: — Ты знала, что одно из основных различий между мужчиной и женщиной состоит в том, как они подходят к знанию?

Я понятия не имела, что это значит. Она медленно и осторожно выдернула чистый лист из моего блокнота и нарисовала две фигурки людей с конусами на голове. Одна фигурка с конусом означала мужчину, другая, на голове которой был перевернутый конус, — женщину.

— Мужчины овладевают знанием постепенно, — объясняла она, задержав карандаш на фигуре с конусом. — Мужчины тянутся вверх; они взбираются вверх к знанию. Маги говорят, мужчины тяготеют к *духу*, они стремятся к знаниям. Этот процесс имеет конусообразную форму и имеет предел, выше которого нельзя попасть. — Она вернулась к конусу на голове первой фигуры. — Как ты видишь, мужчины могут достичь определенной высоты. Их путь к знанию сужается: до верхнего кончика конуса.

Она внимательно посмотрела на меня. — Обрати внимание, — предупредила она меня, переводя карандаш на ту фигуру, у которой на голове был перевернутый конус. — Как видишь, этот конус перевернут, открыт, как воронка. Женщины способны открывать себя прямо навстречу источнику, или наоборот, источник достигает их напрямую через широкое основание конуса. Маги говорят, что связь женщин со знанием огромна. С другой стороны, связь мужчин со знанием сильно ограничена.

— Мужчины близки к конкретному, — продолжала она. — и нацелены на *абстрактное*. Женщины же близки к *абстрактному*, но все же не отказывают себе и в конкретном.

— Почему же женщины, будучи настолько открытыми к знанию или к *абстрактному*, считаются по положению низшими? —

перебила ее я.

Эсперанса посмотрела на меня с удивлением и восторгом. Она резко поднялась, потянулась, словно кошка, так, что все косточки хрустнули, и снова села.

— То, что женщин считают ниже по уровню, или, в лучшем случае, что женские особенности считаются дополнением к мужским, зависит от того способа, каким мужчины и женщины достигают знания, — объясняла она. — Вообще-то, женщины больше заинтересованы в том, чтобы владеть собой, а не другими, а мужчины хотят именно власти.

— Даже среди магов, — небрежно бросила Нелида, и все женщины рассмеялись.

Эсперанса продолжала, сказав, что первоначально женщинам незачем было использовать свои возможности для широкой и прямой связи с *духом*. Им ни к чему было говорить или философствовать об этой естественной своей способности, потому что им достаточно было задействовать ее и просто знать, что они обладают ею.

— Именно неспособность мужчин прямо связывать себя с *духом* вынудила их говорить о процессе достижения знания, — подчеркнула она. — Они не прекращают говорить об этом. И именно настойчивость в том, чтобы узнать, каким образом они стремятся к *духу*, упорство в анализе этого процесса, дали им уверенность, что рационализм является типично мужским качеством.

Эсперанса объяснила, что такое понимание разума придумано исключительно мужчинами и именно это позволило мужчинам приуменьшить женские способности и достоинства. И что гораздо хуже, это позволило мужчинам исключить женские особенности из формулировки идеалов разума.

— Однако теперь, конечно, женщины верят в то, что и было определено для них, — подчеркнула она. — Женщины были воспитаны в вере, что только мужчины могут быть рациональны и логически последовательны. Теперь мужчины имеют незаслуженное наследство, которое автоматически делает их выше, независимо от их подготовки или способностей.

— А как женщины потеряли свою прямую связь со знанием? — спросила я.

— Женщины не теряли своей связи, — поправила меня Эсперанса.

— Женщины и сейчас обладают прямой связью с *духом*. Они только забыли, как ею пользоваться, или, скорее, они скопировали у мужчин условия ее отсутствия. Тысячи лет мужчины боролись за уверенность, что женщины забыли эту связь. Вспомни, например. Святую Инквизицию. Это была систематическая чистка, уничтожение на корню веры в то, что женщины прямо связаны с *духом*. Любая организованная религия представляет собой не что иное, как удавшуюся попытку поставить женщин на более низкий уровень. Религии ссылаются на Божий закон, который гласит, что женщина стоит ниже.

Я устала на нее в изумлении, удивляясь про себя, как она может так по-научному излагать свои мысли.

— Потребность мужчин господствовать над другими и отсутствие у женщин интереса к выражению или формулированию того, что они знают, и каким образом узнали, является самым гнусным сплавом,— продолжала Эсперанса. — Это вынуждает женщин с самого рождения признавать, что их предназначение — домашний очаг, любовь, семья, рождение детей и самопожертвование. Женщины были исключены из основных форм абстрактного мышления и приучены к зависимости. Их так тщательно воспитывали в вере, что мужчины должны за них думать, что женщины в конце концов перестали мыслить.

— Женщины вполне способны мыслить, — перебила я ее.

— Женщины способны сформулировать, чему они научились, — поправила меня Эсперанса. — А они научились тому, что определили мужчины. Мужчины определили саму природу знания и исключили из нее все, что имеет отношение к женскому. А если оставили что-то, то в негативном свете. И женщины это приняли.

— Ты отстала от жизни, — небрежно заметила я. — Сейчас женщины могут делать все, что угодно, к чему их влечет сердце. Они имеют открытый доступ к учебным центрам и почти к любой работе, которую выполняют мужчины.

— Однако все это бессмысленно, поскольку у них нет системы поддержки, фундамента, — настаивала Эсперанса. — И что хорошего в том, что они имеют доступ ко всему, что имеют мужчины, если их продолжают считать существами низшего порядка, которые должны принимать мужские отношения и правила поведения для того, чтобы добиться успеха? Те, кто действительно добиваются успеха, являются совершенными

перевертышами. И они тоже свысока смотрят на женщин. По мнению мужчин, материнская утроба женщин ограничивает их умственно и физически. В этом причина того, что женщинам, хотя они и имеют доступ к знанию, не позволяли помогать в определении того, чем является данное знание.

— Взгляни на философов, например, — предложила Эсперанса. — Чистые мыслители. Некоторые из них недоброжелательно относятся к женщинам. Другие более умны и охотно признают, что женщины могут быть такими же способными, как и мужчины, если бы не тот факт, что женщины не интересуются мыслительными процессами. А если интересуются, то им не следует делать этого. Потому что женщине больше идет, чтобы она следовала своей природе: была бы образованной, но зависела от мужчины.

Все это Эсперанса высказала с непререкаемой категоричностью. Тем не менее через несколько мгновений меня охватили сомнения.

— Если знание является ничем иным, как мужским созданием, тогда почему ты настаиваешь, чтобы я шла учиться?

— Потому что ты ведьма и как ведьма должна знать, с чем тебе придется иметь дело и как ты будешь это делать, — ответила она.

— Прежде чем ты от чего-то отказываешься, нужно понять, почему ты это делаешь.

Понимаешь, дело в том, что в наше время знание выведено из достижений только на пути разума. Но у женщин иной путь, никогда даже не принимающийся во внимание. Этот путь может дополнить знание, но это должен быть такой вклад, который ничего общего не имеет с путем разума.

— С чем же тогда оно имеет дело? — поинтересовалась я.

— Это тебе решать, когда ты освоишь инструменты мышления и осознания.

Я окончательно запуталась.

— Маги предлагают, чтобы мужчины не обладали исключительным правом на разум. Сейчас кажется, что они его имеют, потому что почва, на которой они могут применять разум, — это почва, где преобладает мужское начало. Давай попробуем применить разум к той почве, где преобладает женское начало. Это, естественно, тот перевернутый конус, который я тебе рисовала. Связь женщин с самим *духом*.

Она склонила голову набок, раздумывая, как лучше выразить свою

мысль. — Эту связь нужно рассматривать с другой стороны разума. Это та сторона, которая никогда раньше не использовалась — женская сторона разума.

— Что означает женская сторона разума, Эсперанса?

— Очень многое. *Сновидение*, конечно, тоже. — Она вопросительно взглянула на меня, но я молчала.

Ее глубокий смех удивил меня.

— Я знаю, чего ты ждешь от магов. Ты хочешь ритуальных обрядов, заклинаний. Станных мистических культов. Хочешь петь. Хочешь быть наедине с природой. Хочешь общаться с водяными духами. Ты хочешь язычества. Какой-то романтический взгляд на то, что делают маги. Очень по-германски.

— Для прыжка в неведомое тебе нужны мужество и разум, — продолжала она. — Только имея их, ты сможешь показать себе и другим те сокровища, которые сможешь найти.

Она наклонилась ко мне, как бы открывая какую-то тайну. Потом почесала затылок и чихнула пять раз, как это делал смотритель. — Тебе нужно воздействовать на свою магическую сторону, — сказала она.

— А это что?

— Матка.

Как если бы ее не интересовала моя реакция, она произнесла это так отчужденно и спокойно, что я почти и не расслышала. Вдруг осознав абсурдность ее слов, я выпрямилась и посмотрела на остальных.

— Матка! — повторила Эсперанса. — Матка — это сугубо женский орган. Это она дает женщинам дополнительное преимущество, ту дополнительную силу, которая направляет их энергию.

Она объяснила, что мужчины, стремясь к господству, добились успеха, уменьшая таинственную силу женщины, превращая ее матку в чисто биологический орган, единственной функцией которого является воспроизводство, вынашивание мужского семени.

Как бы подчиняясь намеку. Нелида встала, обошла вокруг стола и встала позади меня. — Ты помнишь легенду о Благовещенье? — прошептала она мне на ухо.

Хихикнув, я повернулась к ней.

— Нет.

Тем же доверительным шепотом она стала рассказывать мне, что в иудейско-христианской традиции только мужчины слышат голос Бога. Женщины лишены этой привилегии, за исключением Девы Марии.

Нелида сказала, что ангел, шепчущий Марии, это, конечно, естественно. А неестественно то, что ангел должен был ей только сказать, что Она родит Сына Божьего. Матка получила не знание, а только обещание семени Божьего. Бог-мужчина, который, в свою очередь, породил другого Бога-мужчину.

Я хотела подумать, порассуждать над всем этим, но мой разум был в тупике. — А мужчины-маги? — спросило я. — У них же нет матки, но у них есть прямая связь с *духом*.

Эсперанса посмотрела на меня с нескрываемым удовольствием, потом посмотрела назад через плечо, как будто боялась, что кто-то подслушает, и прошептала:

— Маги способны сливаться с *намерением*, с *духом*, потому что они отказываются от того, что четко определяет их мужественность. И они больше не мужчины.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 17

Нагваль Исидоро Балтасар мерил шагами комнату совсем не так, как он делал это обычно, расхаживая по своей прямоугольной студии. Раньше его шаги действовали на меня успокаивающе. Теперь, напротив, они беспокоили меня, и в этом чувствовалась какая-то угроза. Мне пришел в голову образ тигра, рыщущего в зарослях, — не того, который готов внезапно броситься на свою жертву, а такого, который чувствует какую-то опасность. Я отвлеклась от своей рукописи и уже хотела спросить, что произошло, когда он сказал:

— Мы едем в Мексику.

Он это произнес так, что я рассмеялась. Мрачность и серьезность его тона спровоцировали мой шуточный вопрос:

— Ты на мне женишься там?

Зло взглянув на меня, он резко остановился и рывкнул: — Это не шутка. Это серьезно. — Затем вдруг улыбнулся и покачал головой.

— Что это я? — произнес он, сделав забавный беспомощный жест.

— Рассердился на тебя, как будто у меня есть на это время. Позор!

Нагваль Хуан Матус предупреждал, что мы связаны до конца.

Он крепко обнял меня, как будто я долго отсутствовала и только что вернулась.

— Не очень-то мне хочется ехать с тобой в Мексику.

— Отставить разговоры. Больше нет времени. — Он сказал это, как военный, отдающий приказы. А мне было весело и нельзя было удержаться, чтобы не съязвить:

— Яволь, майн группенфюрер!

Он расслабился и рассмеялся.

Мы ехали по Аризоне, и на меня вдруг нахлынуло странное новое чувство, какого я еще никогда не испытывала: в нем была абсолютная уверенность. Физически я ощутила такой утробный холод, от которого тело покрылось гусиной кожей. Что-то было не так.

— У меня был приступ интуиции. Что-то плохо! — сказала я, повышая голос против собственного желания.

Исидоро Балтасар кивнул и сказал сухим тоном:

— Маги уходят.

— Когда? — невольно вскрикнула я.

— Может, завтра или послезавтра. Или через месяц. Но уход неминуем.

С облегчением вздохнув, я откинулась на спинку сиденья и сознательно расслабилась.

— Они говорят, что собираются уходить, еще с того дня, как я их встретила, а уже больше трех лет прошло, — пробормотала я про себя, но лучше от этого мне не стало.

Исидоро Балтасар повернулся и посмотрел на меня. На лице была маска полного презрения. Было видно, что он пытается скрыть свое недовольство. Улыбнувшись, он хлопнул меня по колену и тихо сказал:

— В мире магов мы не можем привязываться к фактам. Если маги говорят что-то так долго, что это начинает раздражать, — значит, они готовят тебя к этому. Не смешивай их магические пути со своими дурацкими путями. — И тут же осадил меня своими строгим взглядом не улыбающихся глаз.

Я молча кивнула. Его слова не рассердили меня. Я была слишком напугана и сидела тихо.

Дорога отняла немного времени, а может быть, мне так показалось. Мы по очереди спали и вели машину и к полудню следующего дня были у дома ведьм. Как только затих мотор, мы оба выпрыгнули из машины и, хлопнув дверьми, побежали в дом.

— В чем дело? — спросил смотритель. Он стоял у парадной двери, явно озадаченный нашим внезапным и шумным прибытием. — Вы что, воюете или гоняетесь друг за другом? — Он посмотрел сначала на Исидоро Балтасара, потом на меня. — Ого, как разогнались!

— Когда? Когда вы уходите? — Повторяла я механически, не в состоянии больше сдерживать свои растущие беспокойство и страх.

Смеясь, смотритель ободряюще похлопал меня по спине, и произнес: — Я нигде не собираюсь. От меня так просто не отделаешься. — Его слова прозвучали достаточно искренне, но не рассеяли мою тревогу.

Я изучающе смотрела в его лицо, в глаза, пытаюсь определить, не обманывает ли он, но видела в них только доброту и искренность.

Осознав, что Исидоро Балтасар ушел, я снова напряглась. Он исчез бесшумно и быстро, словно тень.

Почувствовав мое волнение, смотритель указал на дом. Оттуда послышался протестующий голос Исидоро Балтасара, а потом его смех.

— Все здесь? — спросила я, обходя смотрителя.

— Они дома, но туда тебе нельзя. Тебя не ждали и попросили меня поговорить с тобой. — Он широко раскинул руки, преграждая мне путь и не слыша моих возражений, потом взял меня за руку и увел от двери. — Пойдем во двор и соберем немного листьев, — предложил он, — сожжем их, а пепел оставим водяным феям.

Может, они превратят его в золото.

Собирая листья в кучи, мы не разговаривали, и физическая работа, скрежет грабель по земле успокоили меня.

Мы долго собирали и сжигали листья. Неожиданно я почувствовала, что во дворе появился кто-то еще. Я обернулась и увидела Флоринду. Сидя на скамейке под деревом сапоге в белых брюках и в белом жакете, она была похожа на привидение. Ее лицо затеняла широкополая соломенная шляпа, а в руке был кружевной веер. Она казалась неземным существом и выглядела такой отчужденной, что я просто застыла на месте, абсолютно замороженная. Я сделала к ней несколько шагов, но она никак не прореагировала на мое присутствие, и я остановилась. Не страх быть отверженной, а скорее какое-то неписаное, но подсознательно признаваемое правило удерживало меня от того, чтобы привлечь ее внимание.

Когда к ней присоединился смотритель, я взяла грабли, прислоненные к дереву, и медленно приблизилась. Рассеянно улыбаясь, смотритель взглянул на меня, поглощенный речью Флоринды. Они говорили на незнакомом мне языке, но я слушала как зачарованная. Не знаю почему — то ли из-за языка, то ли из-за привязанности к старику, — но ее хрипловатый голос звучал ласково, необычно и особенно нежно.

Внезапно она поднялась со скамейки и зигзагами, словно в ней развернулась какая-то скрытая пружина, пошла через расчищенный двор, задерживаясь на мгновение, словно колибри, у каждого дерева, прикасаясь то там, то тут к листу или цветку. Я подняла руку, чтобы привлечь ее внимание, но меня отвлекла ярко-голубая бабочка, отбрасывавшая в воздухе голубые тени. Она

подлетела ко мне и опустилась на руку. Широкие трепещущие крылья раскрылись, и их густая тень упала мне на пальцы. Она потеряла лапками головку, и, несколько раз сложив и расправив крылышки, снова взлетела, оставив на моем среднем пальце кольцо в форме треугольной бабочки.

В уверенности, что это оптический обман, я несколько раз тряхнула кистью. — Фокус, да? — спросила я зрителя срывающимся голосом. — Оптический обман?

Зритель покачал головой, и его лицо сморщила самая лучезарная из всех улыбок. — Красивое кольцо, — промолвил он, беря меня за руку. — Великолепный подарок.

— Подарок, — повторила я. На мгновение меня озарила догадка, которая быстро исчезла, оставив меня в полнейшей растерянности.

— Кто надел мне кольцо? — спросила я, рассматривая эту драгоценную вещь. Усики и продолговатое тельце, разделяющее треугольник, были выполнены из филигранного белого золота и усеяны крохотными бриллиантами.

— Ты не замечала его раньше? — спросил зритель.

— Раньше? — переспросила я, сбитая с толку. — Когда раньше?

— С тех пор, как его подарила тебе Флоринда.

— Но когда? Я не помню, чтобы Флоринда подарила мне это кольцо. Почему же я его не замечала?

Зритель пожал плечами, не в состоянии объяснить мою забывчивость, и отметил, что оно мне как раз впору. Казалось, он хотел сказать что-то еще, но передумал и предложил вернуться к сбору листьев.

— Не могу, — сказала я. — Мне нужно поговорить с Флориндой.

— Нужно? — Он задумался, как будто услышал что-то нелепое или необдуманное, но не стал меня разубеждать и показал на тропинку, ведущую к холмам. — Она пошла прогуляться.

— Я ее догоню. — Вдалеке виднелась белая фигура, мелькающая среди высокого чапарраля.

— Она далеко, — предупредил зритель.

— Ничего. — И я побежала за Флориндой, перейдя на шаг, когда увидела ее. У нее была превосходная походка: она шла энергично, по-спортивному, не напрягаясь и не сутулясь. Услышав мои шаги, она резко остановилась, обернулась и протянула руки, приветствуя меня.

— Здравствуй, дорогая! — сказала она, пристально посмотрев на

меня. Ее хрипловатый голос был воздушным, чистым и очень ласковым.

Горя нетерпением узнать о кольце, я толком с ней даже не поздоровалась. Запавшаяся, я спросила, не она ли дала кольцо. — Оно теперь мое?

— Да, — ответила она. — Теперь твое. — В ее тоне было что-то такое... какая-то уверенность, которая одновременно возбуждала и ужасала меня. Но мне и в голову не пришло отказаться от этого, несомненно, дорогого подарка.

— Кольцо имеет волшебную силу? — спросила я, подняв руку на свет, чтобы каждый камешек заискрился ослепительным сиянием.

— Нет, — засмеялась она. — Оно не имеет никакой силы вообще. Хотя это и особенное кольцо. Не из-за своей ценности и не потому, что принадлежало мне. Просто сделавший его человек был необыкновенным нагвалем.

— Он был ювелир? — поинтересовалась я. — Это тот же, чьи странного вида поделки стоят у зрителя?

— Тот же, — ответила она. — Хотя он и не был ювелиром. Как не был и скульптором. Он смеялся даже при мысли, что его могут посчитать художником. Но увидев его работы, любой сразу понимал, что только художник способен делать такие вещи, какие делал он.

Флоринда отошла от меня на несколько шагов и вгляделась в холмы, как бы в поиске воспоминаний. Потом она снова повернулась ко мне и едва слышным шепотом сказала:

— Что бы этот нагваль ни делал, будь то кольцо, кирпичная стена, плитка для пола, таинственные изобретения или обыкновенная картонная коробка, — эта вещь неизменно становилась изысканной, не только с точки зрения превосходного исполнения, но и потому, что в ней была какая-то недосказанность.

— Если такой необыкновенный человек сделал это кольцо, тогда оно должно обладать какой-то силой, — настаивала я на своем.

— Само по себе кольцо не имеет силы, независимо от того, кто его сделал, — уверяла меня Флоринда. — Сила была в его создании. Нагваль, сделавший это кольцо, настолько слился с тем, что маги называют *намерением*, что смог создать эту прекрасную вещь, не будучи ювелиром. Это кольцо стало актом чистого *намерения*.

Боясь показаться глупой, я не осмелилась признать, что не имею ни малейшего представления, что она подразумевала под

намерением. Поэтому я спросила, что побудило ее сделать мне такой чудесный подарок. — Не думаю, что я его заслужила, — заключила я.

— Ты будешь использовать кольцо, чтобы нацеливать себя на *намерение*, — сказала она. Едва заметная улыбка пробежала по ее лицу, когда она добавила: — Ты ведь, конечно, уже знаешь о нацеливании на *намерение*.

— Не знаю я ничего подобного, — пробормотала я и призналась, что действительно ничего не знаю о *намерении*.

— Ты можешь и не знать, что означает это слово, — небрежно сказала она, — но интуитивно чувствуешь как высвобождать эту силу. — Она ближе наклонила ко мне голову и прошептала, что я всегда использовала *намерение*, чтобы вернуться от *сновидения* к действительности и чтобы вызывать *сновидения-наяву*. Она с надеждой посмотрела на меня, безусловно ожидая, что я сделаю запрашиваемые выводы. Заметив непонимание на моем лице, она добавила: — И поделки в комнате зрителя, и это кольцо были сделаны в *сновидении*.

— Все равно не понимаю, — жалобно вздохнула я.

— Эти поделки пугают тебя, — сказала она спокойно. — А кольцо тебе нравится. Поскольку и то, и другое — *сновидение*, они могут меняться местами...

— Не пугай меня, Флоринда. Что ты имеешь в виду?

— Это, дорогая, мир *сновидений*. Мы учим тебя, как самой вызывать их. — Ее темные сияющие глаза быстро посмотрели в мои, потом она добавила: — В данный момент все маги из окружения нагваля Мариано Аурелиано помогают тебе войти в этот мир и оставаться там сейчас.

— Это другой мир? Или это я другая?

— Ты та же, но в другом мире. — Она помолчала немного и предположила, что у меня больше энергии, чем раньше. — Эта энергия из твоих хранилищ и данная тебе в долг каждым из нас. Аналогия была ясна. Но я никак не могла понять, что она подразумевала под другим миром.

— Оглянись вокруг! — воскликнула она, широко разведя руки. — Ведь это не мир повседневной жизни. — Она долгое время молчала, потом тихим и почти нежным шепотом добавила: — Может ли бабочка превратиться в кольцо в мире повседневных забот? В мире, который был надежно и строго построен на тех

ролях, которые отведены каждому из нас?

Я не ответила и посмотрела по сторонам — на деревья, кустарники, далекие горы. Что она имела в виду под другим миром — все еще не доходило до меня. Наконец мне пришло в голову, что различие должно быть чисто субъективным.

— Да нет же, — настаивала Флоринда, прочитав мои мысли. — Это *сновидение* мага. Ты попала в него, потому что у тебя есть энергия.

Она беспомощно посмотрела на меня и сказала: — На самом деле нет способа научить женщин *сновидеть*. Можно лишь поддержать их, помогая осознавать бесконечный потенциал, заложенный в устройстве их организма.

— Поскольку *сновидение* для женщины является вопросом обладания собственной энергией, главное — убедить ее, что необходимо преобразовать свою глубокую социализацию, чтобы получать эту энергию. Использование этой энергии является автоматическим; женщины начинают *сновидеть сновидения* магов, как только получают эту энергию.

Доверительно делясь своим опытом, она говорила, что серьезной трудностью в *сновидениях* магов является то, что женщинам нужно иметь мужество начинать все сначала. Большинство женщин — Флоринда и себя причисляла к ним — предпочитают свои безопасные кандалы давлению нового.

— *Сновидение* только для мужественных женщин, — шепнула она мне на ухо. А потом громко рассмеялась и сказала: — Или же для тех, у кого нет другого выбора, потому что они в невыносимых условиях, — а к таким, даже не подозревая об этом, относится большинство.

Ее хриплый смех произвел на меня странное впечатление. Я внезапно будто проснулась после долгого сна и вспомнила что-то очень важное, о чем забыла на время сна.

— Исидоро Балтасар сказал о вашем неминуемом уходе. Когда вы уходите?

— Я пока никуда не уйду. — Ее голос был тверд, но в нем слышалась глубокая печаль. — Твой учитель *сновидений* и я остаемся. Остальные уходят.

Я не совсем поняла, что она имеет в виду, но скрыла свое замешательство шуткой: — Мой учитель *сновидений* Зулейка за три года не сказала мне ни слова. Она даже ни разу не говорила со

мной. Только ты и Эсперанса на самом деле руководили мной и учили меня.

Смех Флоринды зазвучал так весело, что от души отлегло, хотя я и чувствовала себя озадаченной.

— Объясни, Флоринда, когда ты подарила мне это кольцо? Как получилось, что, собирая листья со зрителем, я получила его? Флоринда с видимым удовольствием сообщила, что самым простым объяснением будет, что сбор листьев является одним из способов попасть в *сновидение* мага, если достаточно энергии, чтобы переступить этот порог. Она взяла меня за руку и добавила: — Я дала тебе кольцо, когда ты переступала этот порог; поэтому твой разум не запомнил этого. А когда ты уже попала в *сновидение*, ты обнаружила на пальце кольцо.

Я с любопытством взглянула на нее. Что-то неуловимое было в ее словах, что-то смутное и неопределенное.

— Пойдем домой, — предложила она, — и переступи порог снова. Может, теперь ты почувствуешь этот момент.

Мы медленно возвращались, приближаясь к дому с тыльной стороны. Я шла на несколько шагов впереди Флоринды, чтобы быть абсолютно во всем уверенной, и всматривалась в деревья, крышу, стены, стараясь заметить перемену или еще что-нибудь, что дало бы мне ключ к этому переходу.

Но я ничего не заметила. Смотрителя уже не было. Я обернулась к Флоринде, чтобы сказать, что полностью пропустила переход, но и ее нигде не было. Она ушла и оставила меня совсем одну.

Я вошла в дом. Как обычно, он был пуст. Чувство одиночества уже не пугало меня, уже не вызывало ощущения, что меня все бросили. Не задумываясь, я пошла на кухню и съела оставленные в корзинке тамалес с курицей, а потом легла в гамак, чтобы привести свои мысли в порядок.

Проснувшись, я обнаружила, что лежу на койке в маленькой темной комнате. Беспомощно оглянувшись в поисках какого-нибудь намека на то, что происходит, я быстро села, когда увидела большие шевелящиеся тени, притаившиеся у двери. Горя нетерпением узнать, открыта ли дверь, в комнате ли эти тени, я пошарила рукой под кроватью, ища ночной горшок, — почему-то я знала, что он там, — и запустила им в эти тени. Горшок громко загремел за дверью.

Тени исчезли. Подумав, что все это мне почудилось, я вышла из

комнаты и нерешительно посмотрела на высокую месkitовую изгородь вокруг дворика. И тут я быстро сообразила, что нахожусь за маленьким домом. Все это пронеслось в моей голове, пока я искала горшок, докатившийся до самой изгороди. Наклонившись за ним, я увидела, как сквозь изгородь протискивается койот. Инстинктивно я швырнула в него горшок, но он ударился о камень. Не обращая внимания на громкий стук и на мое присутствие, койот пересекал двор. Он несколько раз нахально поворачивал голову, поглядывая на меня. Его мех блестел, словно серебро, а пышный хвост волочился по камням наподобие волшебного веера. Каждый камень, который он задевал, оживал. Камни вскакивали, у них светились глаза и беззвучно шевелились губы.

Я завизжала; ужасающе быстро камни двинулись ко мне.

Я мгновенно поняла, что сплю. — Это один из моих обычных кошмаров, — пробормотала я про себя. — С монстрами, страхом и тому подобным.

Убежденная, что осознание этого само по себе нейтрализует воздействие кошмара, я готова была сдаться и пережить весь его ужас. Тут я услышала, как кто-то сказал: — Попробуй путь *сновидения*.

Я обернулась. Под рамадой стояла Эсперанса, взяась с огнем на поднятой платформе, сделанной из тростника и обмазанной толстым слоем глины. Она казалась незнакомой и далекой в бросающем отблески живом свете пламени, как будто ее отделяло от меня расстояние, ничего общего не имеющее с пространством. — Не бойся, — приказала она. Затем чуть слышно пробормотала: — Мы все видим сны друг друга, но сейчас ты не *сновидишь*. — Должно быть мое лицо выражало сомнение. — Поверь мне, ты не *сновидишь*, — заверила она меня.

Я чуть-чуть приблизилась к ней. Не только ее голос показался незнакомым, она сама была какой-то другой. С того места, где я стояла раньше, она казалась Эсперансой, но чем-то была похожа на Зулейку. Я подошла к ней совсем близко. Это была Зулейка! Молодая, сильная и очень красивая. Ей не могло быть больше сорока. Овальное лицо обрамляли кудрявые, начинающие сесть черные волосы. Гладкое и бледное лицо освещалось влажными, широко поставленными черными глазами. Ее взгляд был обращен в себя, загадочный и ясный. Тонкая верхняя губа

свидетельствовала о строгости, а нижняя, полная и чувственная, выдавала доброту, почти страстность.

Околдованная переменой в ней, я уставилась на нее, как зачарованная. Точно, *сновижу*, подумала я.

Ее чистый смех заставил меня осознать, что она прочла мои мысли. Она взяла меня за руку и сказала ласково: — Ты не сновидишь, моя дорогая. Это действительно я, твой учитель *сновидений*. Я Зулейка. Эсперанса — это мое второе я. Маги называют это *телом сновидения*.

Сердце так прыгнуло, что в груди стало больно. От волнения и восхищения я чуть не задохнулась. Я безуспешно попыталась освободить свою руку: она держала ее слишком крепко. Я сильно зажмурилась. Больше всего мне хотелось, чтобы, когда я их открою, ее здесь не оказалось. Но она, конечно, осталась на месте, с лучезарной улыбкой на губах. Я снова закрыла глаза, потом попрыгала и топнула в неистовстве ногой. Свободной рукой я несколько раз ударила себя по щеке, пока та не покраснела от боли. Все напрасно: я не просыпалась. Сколько бы я ни закрывала глаза, она была тут.

— Довольно, по-моему, — засмеялась она, и я попросила ее стукнуть меня.

Она с готовностью сделала это, два раза сильно ударив меня по предплечьям длинной твердой тростью.

— Бесполезно, дорогая, — проговорила она медленно, словно устав, и, глубоко вздохнув, отпустила мою руку. Потом снова заговорила: — Это не сон. И я Зулейка. Когда я *сновижу*, то я Эсперанса или еще кто-нибудь. Но сейчас я не собираюсь этим заниматься.

Мне хотелось хоть что-то сказать, но я не могла. Язык присох к нёбу, и я смогла только взвизгнуть по-собачьи, стараясь расслабиться, и дышала, как меня учили на занятиях по йоге. Она тихонько засмеялась, скорее всего, над моими усилиями. Смех прозвучал утешительно и успокоил меня: в нем было так много тепла, такого полного доверия, что тело моментально расслабилось.

— Ты — *сталкер*, — продолжала она, — и поэтому принадлежишь Флоринде. — В голосе ее не было ни утверждения, ни отрицания. — Но ты еще и сомнамбула и по природе своей — *сновидящая*. Благодаря этим способностям ты принадлежишь и мне.

С одной стороны, я хотела громко рассмеяться и сказать ей, что она сходит с ума. С другой же - я полностью была с ней согласна. — И каким же именем теперь тебя называть? решительно спросила я.

— Каким именем? — переспросила она, смотря на меня, как будто это было само собой разумеющимся. — Я Зулейка. Что это, потвоему? Игра? Мы здесь не в игры играем.

Опешив, я пробормотала про себя: — Я и не думаю, что это игра. — Когда я *сновижу*, я — Эсперанса, — продолжала она довольно резко. Лицо ее было одновременно суровым и просветленным, безжалостно открытым. — Если не *сновижу*, — я Зулейка. Но кем бы я ни была — Зулейкой, Эсперансой или кем-то еще, — тебя это не должно волновать. Я остаюсь твоим учителем *сновидения*.

Я могла только по-идиотски кивнуть. Даже если бы мне и нужно было что-то сказать, я бы не смогла. От страха меня прошиб холодный липкий пот. В животе у меня бурлило и мочевого пузырь готов был вот-вот лопнуть. Я хотела в туалет, освободиться от всего этого.

Терпеть не было больше сил. Или я опозорюсь на этом месте, или добегу до туалета во дворе. У меня хватило духу, чтобы сделать последнее.

Зулейка засмеялась, как девчонка; пока я бежала, я все слышала ее смех.

Когда я вернулась во двор, она усадила меня рядом с собой на ближнюю скамейку. Я по инерции подчинилась ей и нетерпеливо села, нервно сплетя руки на сомкнутых коленях.

Ее глаза явно светились суровостью и добротой. В голове мелькнуло, как будто я уже это знала, что ее безжалостность была ничем иным, как внутренней дисциплиной. Твердое самообладание пронизывало все ее существо трогательной недосказанностью и таинственностью. Это была таинственность чего-то загадочного, непознанного. Именно поэтому куда бы она ни шла, я всюду следовала за ней, как щенок.

— У тебя было сегодня два перехода, — объяснила Зулейка. — Первый — из обычного состояния бодрствования в *сновидение*, а второй — назад. Первый был плавным и незаметным, а второй — похож на кошмар. Так бывает обычно. Каждый из нас переживает эти переходы подобным образом.

Я попыталась выдавить из себя улыбку. — Но я так и не знаю, как

это случилось. Я не осознала ни одного. Со мной просто что-то происходило и я вдруг попадала в *сновидение*, не зная, как это случалось.

Ее глаза загорелись. — Обычно это делается так: видят сон, заснув в гамаке или еще в чем-нибудь, висящем на балке крыши или под деревом. В подвешенном состоянии мы не касаемся земли. Земля препятствует нам, помни это. В таком подвешенном состоянии новичок в *сновидении* может осознать, как энергия переходит из состояния бодрствования в сон и из *сновидения-во-сне* в *сновидение-наяву*.

Как тебе уже говорила Флоринда, все связано с энергией. В момент ее появления ты и переходишь.

Теперь проблема будет заключаться в том, сможешь ли ты накопить достаточно энергии, потому что маги не смогут больше давать ее тебе. — Зулейка нарочито высоко подняла брови и добавила. — Посмотрим. Я постараюсь напомнить это тебе, когда мы окажемся в одном *сновидении*. — Заметив тревогу на моем лице, она рассмеялась с детской непосредственностью.

— Как мы попадаем к друг другу в *сновидение*? —

поинтересовалась я, глядя в ее удивительные глаза. Они были темные и сияющие, с льющимися из зрачков потоками света.

Вместо ответа Зулейка подбросила в огонь несколько веток. Угли вспыхнули, рассыпались, и свет стал ярче. Мгновенье она стояла неподвижно, уставясь в огонь, словно вбирая в себя его свет.

Потом резко повернулась и, мельком взглянув на меня, присела, обхватив ноги сильными мускулистыми руками. Глядя в темноту и прислушиваясь к треску огня, она покачивалась из стороны в сторону.

— Как мы попадаем к друг другу в *сновидение*? — повторила я.

Зулейка перестала раскачиваться. Она покачала головой, подняла глаза, вздрогнув, как будто очнулась.

— Сейчас я не могу тебе этого объяснить, — заявила она. —

Сновидение непостижимо. Нужно это прочувствовать, а не обсуждать. Как и в повседневной жизни: прежде чем что-то объяснять и анализировать, нужно это испытать. — Она говорила медленно и осторожно, подчеркивая, как это важно. — К тому же, иногда объяснения преждевременны. Сейчас как раз такой случай. Настанет время, когда тебе все это будет ясно, — пообещала Зулейка, увидев мое разочарование.

Быстрым легким движением она поднялась на ноги и продолжала смотреть в огонь, ее глаза как будто насыщались огнем. Ее тень от огня на стене и потолке рамады выросла до огромных размеров. Едва кивнув, она повернулась и, плавно взмахнув своей длинной юбкой, исчезла внутри дома.

Мои ноги словно вросли в землю, и я не могла шевельнуться. Я едва дышала, а стук ее сандалий все удалялся. — Не оставляй меня здесь! — завопила я в панике. — Мне нужно кое-что узнать.

Зулейка мгновенно появилась в дверях. — Что тебе нужно узнать? — спросила она отчужденным, почти рассеянным тоном.

— Прости, — пролепетала я, глядя в ее сияющие глаза и изучая ее, почти загипнотизированная. — Я не хотела кричать, но испугалась, что ты ушла в одну из комнат, — извиняющимся тоном добавила я и посмотрела на нее умоляюще, в надежде, что она мне хоть что-нибудь объяснит.

Она не ответила и снова спросила, что мне нужно узнать.

— Поговоришь со мной, когда снова встретимся? — выпалила я первое, что пришло мне в голову, опасаясь, что она уйдет, если я замолчу.

— Когда мы снова встретимся, это будет не тот мир, каким он был раньше. Кто знает, что мы там будем делать?

Я настаивала: — Но совсем недавно ты сама сказала, что ты мой учитель *сновидения*. Не оставляй меня в темноте. Объясни. Я больше не могу выносить это мученье. Я разбита.

— Да, ты, конечно, разбита, — признала она небрежно — Но только потому, что ты не позволяешь себе идти старым путем. Ты хорошая *сновидящая*. Мозги сомнамбулы имеют внушительный потенциал. То есть... если воспитаешь характер.

Я едва расслышала, что она сказала. Я пыталась собраться с мыслями, но не могла. Образы событий, вспоминаемых смутно, последовательно пронеслись в моей голове с невероятной скоростью. Их порядок и природа не повиновались моей воле. Эти образы превращались в ощущения, которые, несмотря на свою точность, не могли быть определены ни словами, ни мыслями. На лице Зулейки появилась широкая улыбка: она, очевидно, знала, что я испытываю.

— Из-за этого мы все помогали нагвалю Мариано Аурелиано втолкнуть тебя во *второе внимание*, — произнесла она медленно и спокойно. — В нем мы находим плавность и непрерывность, как и

в повседневной жизни. В обоих случаях практическая сторона преобладает. Мы действуем плодотворно и там, и здесь. Но единственное, чего мы не можем сделать во *втором внимании*, — так это разложить то, что мы испытываем, на составные части, чтобы разобраться в этом, чувствовать себя безопасно, понимать это.

Пока она говорила, я думала про себя: — Теряет время, рассказывая мне все это. Она что, не понимает, что я слишком глупа для ее разъяснений? — Но она продолжала говорить, широко улыбаясь, вероятно, сознавая, что для меня признание своей глупости, означает то, что я каким-то образом изменилась; иначе я никогда не признала бы такую точку зрения, даже для себя лично.

— Во *втором внимании*, — продолжала она, — или, как я предпочитаю называть его, — в *сновидении-наяву* — нужно верить, что *сновидение* — это такая же реальность, как повседневный мир. Другими словами, нужно признавать это безоговорочно. Для магов устремления в этом мире или в другом управляются безупречными законами, а за этими безупречными законами лежит молчаливое признание. И молчаливое признание не является принятием. Молчаливое признание включает в себя некий активный элемент: оно включает в себя действие. — Ее голос звучал очень мягко, а когда она остановилась, в глазах был какой-то лихорадочный блеск. — В тот момент, когда начинаешь *сновидеть-наяву*, открывается мир увлекательных неизведанных возможностей. Мир, в котором самые смелые представления становятся реальностью. В котором ждешь неожиданного. Это время, когда начинается настоящее приключение человека. Мир становится миром неограниченных возможностей и чудес.

Зулейка долго молчала; казалось, она раздумывает, что бы еще сказать. — С помощью нагваля Мариано Аурелиано ты видела однажды даже сияние *сурэма*, — начала она, и ее тихий задумчивый голос стал еще тише. — Магические создания, которые существуют лишь в индейских легендах. *Сурэм* — это существа, которых маги могут видеть только во время *сновидения-наяву* на самом глубоком уровне. Это существа из другого мира; они светятся, как фосфоресцирующие земные существа. Она пожелала мне спокойной ночи, повернулась и исчезла в доме. Секунду я стояла онемев, потом стремительно бросилась за ней.

Едва достигнув порога, я услышала за спиной голос Флоринды:
— Не догоняй ее!

Присутствие Флоринды оказалось настолько неожиданным, что мне пришлось прислониться к стене и подождать, пока сердце не станет биться нормально. — Составь мне компанию, — сказала Флоринда. Она сидела на скамейке, подбрасывая ветки в огонь. Неуловимый свет в ее глазах, призрачная белизна ее волос скорее вспоминались, чем виделись. Я растянулась на скамейке рядом с ней и, как будто это было чем-то совершенно естественным, положила голову ей на колени.

— Никогда не догоняй Зулейку или кого-либо из нас в подобных случаях, — сказала Флоринда, расчесывая мои волосы пальцами. — Как ты знаешь теперь, Зулейка не та, кем кажется. Она всегда больше, нечто большее. Никогда не пытайся определить ее, потому что когда ты думаешь, что все возможности исчерпаны, она поставит тебя в тупик, оказавшись еще больше, чем ты могла представить себе в самых необузданных фантазиях.

— Я знаю, — вздохнула я удовлетворенно. Я почувствовала, как уходит напряжение. Я чувствовала, как оно покидает мое тело. — Зулейка — это некий *сурэм* с гор Бакатете, — сказала я в абсолютной уверенности. — Я всегда знала об этих созданиях. — Видя удивление на лице Флоринды, я продолжала отважно. — Зулейка — не земное существо. Она — создание. Она сама — магия.

— Нет, — категорически возразила мне Флоринда. — Зулейка — земное существо. А вот Эсперанса нет. — Улыбнувшись мне, она добавила: — Это должно быть достойной загадкой для тебя.

— Кажется, я поняла, — пробормотала я, —ноя такая невосприимчивая и не могу сформулировать, что я поняла.

— У тебя хорошо получается, — тихо усмехнулась она. — Будучи такой невосприимчивой, какой ты бываешь обычно, тебе нужно подождать, пока ты действительно, на самом деле, на 100 процентов проснешься, чтобы понять. Весь фокус в том, чтобы остаться в *повышенном осознании*. Когда мы в повышенном осознании, нет ничего невозможного для понимания. — Чувствуя, что я готова прервать ее, она закрыла мне рот рукой и добавила: — Не думай сейчас об этом. Всегда помни, что ты обладаешь силой воздействия, даже в состоянии *повышенного осознания*, а твоё мышление несовершенно.

Я услышала, что кто-то движется в тени за кустами. — Кто там? — спросила я, привстав. Я оглянулась, но никого не увидела. Женский смех эхом отозвался во дворе. — Ты их не видишь, — сонно сказала Флоринда. — А почему они от меня прячутся? Флоринда улыбнулась: — Они не прячутся от тебя. Просто ты не можешь видеть их без помощи нагваля Мариано Аурелиано. Я не знала, что ответить на это. На каком-то уровне это было абсолютно понятно, но я покачала головой. — Ты можешь помочь мне увидеть их? Флоринда кивнула. — Но твои глаза устали; они устали от того, что слишком много видят. Тебе нужно поспать. Я специально широко открыла глаза, боясь пропустить того, кто выйдет из кустов в момент, когда ослабнет мое внимание. Я пристально глядела на листья и тени, уже не отличая их друг от друга, пока не заснула крепко, без сновидений.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 18

Смотритель дремал на своей любимой скамейке в тени сапотового дерева. Это было все, что он делал последние два дня. Он больше не подметал дворики и не сгребал листья, а просто сидел часами на скамейке, подремывая или глядя вдаль, как будто у него было тайное знание о чем-то, что мог видеть лишь он один.

В доме все изменилось. Я бесконечно задавалась вопросом, не напрасно ли приехала сюда, и чувствовала себя как обычно виновато и настороженно. Единственное, что я делала — это непрерывно спала. А когда просыпалась, то, бесцельно слоняясь по дому, с беспокойством осознавала, что ничто не осталось прежним. Казалось, что-то очень важное для меня исчезло из дома. Протяжные и громкие вздохи смотрителя вторглись в мои мысли. Не в состоянии сдерживать тревогу дольше, я оттолкнула книгу в сторону, поднялась на ноги и преодолела короткое расстояние между нами.

— Почему ты сегодня не собираешь и не сжигаешь листья? — спросила я.

Вздрыгнув, он поднял голову, но не ответил. На нем были очки, сквозь темные стекла которых я не могла видеть выражения его глаз. Я не знала, остаться, или уйти, или дожждаться ответа. Боясь, что он может уснуть снова, я спросила громко и нетерпеливо:

— Есть ли какая-нибудь особая причина того, что ты больше не собираешь и не сжигаешь листья?

Он отделался от моего вопроса своим собственным:

— А ты видела, чтобы хоть один лист упал за последние два дня? Когда он приподнял очки, его глаза, казалось, просверлили меня насквозь.

— Нет, — сказала я.

Серьезность тона и манера поведения скорее, чем его заявление, которое я нашла нелепым, заставили меня удержаться от ответа. Кивком головы он предложил мне сесть рядом с ним на скамейку и, пододвинувшись вплотную, прошептал мне на ухо:

— Эти деревья точно знают, когда позволять листьям опадать.

Он осмотрел все вокруг себя, как будто боялся, что нас могут подслушать, а затем добавил таким же доверительным шепотом:

— А сейчас деревья знают, что их листьям не нужно падать.

— Листья увядают и падают независимо от чего бы то ни было, — важно произнесла я. — Это закон природы.

— Эти деревья крайне капризны, — упорно настаивал он. — У них есть собственный разум. Они не подвластны законам природы.

— Что же заставляет деревья не сбрасывать листья? — спросила я, пытаясь сохранить серьезное выражение.

— Хороший вопрос, — размышлял он, задумчиво потирая подбородок. — Боюсь, что я еще не знаю ответа. Деревья не сказали мне. — Он глупо улыбнулся и добавил: — Я уже говорил тебе, что это не обыкновенные деревья.

Прежде чем я успела возразить, он спросил:

— Ты уже приготовила себе завтрак?

Я чрезвычайно удивилась такой внезапной смене предмета разговора.

— Да, — согласилась я, потом запнулась на минуту. Мной овладело почти дерзкое настроение. — Вообще-то я не так уж и забочусь о пище. Мне нравится есть одно и то же и утром, и вечером. Я жила бы на шоколаде и орехах, если бы от этого не появлялись прыщи.

Забыв об осторожности, я по своему обыкновению начала жаловаться. Я сказала смотрителю, что очень хотела бы поговорить с женщинами. — Для меня чрезвычайно важно, чтобы они объяснили, что со мной происходит. Тревога — вот все, что занимает меня в последнее время. — Я почувствовала себя более спокойно после того, как сказала все, что хотела. — Правда, что они ушли навсегда? — спросила я.

— Да, навсегда, — ответил смотритель. И увидев недоумение, написанное на моей физиономии, добавил: — Но ведь ты знала об этом, правда? Ты уже разговаривала со мной, не так ли?

Прежде чем я могла оправиться от шока, он спросил меня искренним, но приводящим в замешательство тоном, — Почему же это так шокировало тебя? — Он на минуту остановился, как бы давая мне время подумать, потом сам ответил на свой вопрос. — О, я знаю! Ты бесишься, потому что они взяли с собой Исидоро Балтасара. — Он похлопывал меня по спине, как бы подчеркивая каждое слово. По его глазам было видно, что ему все равно, как я

отреагирую: яростью или слезами.

Знание, что встречи не будет, дало мне непостижимое чувство самообладания.

— Я не знала этого, — пробормотала я. — Клянусь, я на самом деле ничего не знала. — Я смотрела на него в немом отчаянии и ощущала, как кровь отливает от моего лица. Колени болели. В груди было так тяжело, что я едва могла дышать. В полуобморочном состоянии я обеими руками ухватила за скамейку.

Голос зрителя был слышен как очень далекий звук. — Никто не знает, вернется ли он. Даже я. — Наклонившись ко мне, он добавил, — Мое личное мнение: он ушел с ними на время, но он вернется; если не прямо сейчас, то через несколько дней. Это мое мнение.

Я искала его глаза, — проверить, не смеется ли он надо мной.

Его неунывающее лицо излучало искренность и доброжелательность. Глаза были по-детски бесхитростны.

— Но когда он вернется, он уже больше не будет Исидоро Балтасаром, — предупредил меня зритель. — Тот Исидоро Балтасар, которого ты знала, я думаю, уже ушел. И как ты думаешь, что во всем этом самое грустное? — Он остановился, а потом сам ответил на свой вопрос. — Ты приняла его как дар и даже не поблагодарила за все его внимание, помощь и любовь к тебе. Наша самая большая трагедия в том, что мы шуты, не замечающие ничего, кроме нашего шутства.

Я была слишком опустошена, чтобы произнести хоть слово.

Внезапно зритель поднялся на ноги. Не говоря ни слова, как будто его очень стесняло мое общество, он пошел вдоль тропинки, ведущей к другому дому.

— Не оставляй меня здесь совсем одну, — закричала я ему вслед. Он повернулся, посмотрел на меня, а потом рассмеялся. Это был громкий, радостный смех, эхо от которого разносилось вокруг по кустам чапарраля. Он еще раз посмотрел на меня, а потом исчез, как будто кусты чапарраля поглотили его.

Будучи не в состоянии следовать за ним, я все еще ждала, что он вернется или внезапно появится передо мной, испугав до полусмерти. Я все еще оставалась в напряжении, которое ощущалось скорее телом, чем умом.

Как это всегда случалось, я не слышала, когда подошла Эсперанса,

но ощутила ее присутствие. Я обернулась и обнаружила, что она сидит на скамейке под сапотовым деревом. Я пришла в восторг уже только от того, что вижу ее.

— Я думала, что никогда больше тебя не увижу, — вздохнула я. — Я почти смирилась с этим, думая, что ты тоже ушла.

— Бог милостив! — произнесла она в странном оцепенении.

— Ты действительно Зулейка? — воскликнула я.

— Не совсем, — возразила она. — Я Эсперанса. Чем ты занимаешься? Валяешь дурака, разрешая вопросы, на которые никто не в состоянии ответить?

Никогда в жизни я не была так близка к нервному расстройству, как в этот момент. Я чувствовала, что разум не в состоянии перенести обрушившееся на него давление и могла просто не выдержать боли и смятения.

— Соберись, девочка, — строго сказала Эсперанса. — Худшее еще не пришло. Но мы больше не можем оберегать тебя. Сейчас ты близка к помешательству, но маги не могут остановить это давление. Сегодня ты сама приняла вызов и либо будешь жить, либо умрешь. В данном случае я говорю не метафорически.

Я едва могла говорить из-за слез.

— Я никогда не увижу Исидоро Балтасара? — спросила я.

— Я не буду врать, чтобы пощадить твои чувства. Нет, он никогда не возвратится. Исидоро Балтасар — только мгновение в магии.

Сон, который ушел после того, как был увиден. Исидоро Балтасар, как сон, уже ушел.

Легкая, почти задумчивая улыбка тронула ее губы. — Чего я еще не знаю, — продолжала она, — так это ушел ли тот человек, новый нагваль, навсегда. Ты понимаешь, конечно, что даже если он вернется, то он уже не будет Исидоро Балтасаром. Он будет чем-то таким, чего ты не встречала до сих пор.

— Он будет неизвестен мне? — спросила я, не осознавая до конца, хочу ли я это знать.

— Не знаю, дитя мое, — сказала она неопределенно и безразлично.

— Просто не знаю. Я сама в *сновидении*. То же и с новым нагвалем. *Сновидящие*, такие как мы, непостоянны, и именно эта непостоянность позволяет нам существовать. С нами ничего не происходит, кроме *сновидений*.

Ослепленная слезами, я просто не видела ее.

— Чтобы облегчить боль, проникни глубже в себя, — тихо сказала

она. — Сядь, подожми колени, охвати лодыжки скрещенными руками, правую лодыжку — левой рукой. Положи голову на колени и дай печали уйти.

Дай земле смягчить твою боль. Позволь целебным силам земли войти в тебя.

Я села на землю так, как советовала Эсперанса. Спустя мгновение моя печаль исчезла. Глубокое телесное ощущение комфорта сменило муку. Я утратила ощущение себя в каком-либо ином контексте, чем здесь и теперь. При отсутствии субъективной памяти у меня не было и боли.

Эсперанса указала мне место на скамейке рядом с собой. Как только я села, она взяла мою руку в свои и некоторое время терла ее, слегка массируя, а потом сказала, что у меня слишком мясистая рука, для такой костлявой девицы. Потом она повернула мою руку ладонью вверх и внимательно ее рассматривала. Не сказав ни слова, она бережно сложила мою руку в кулак.

Мы долго сидели молча. Было далеко за полдень; стояла тишина, которую нарушал лишь шелест листвы, колеблемой бризом.

Я подняла взгляд на Эсперансу, и внезапно совершенно сверхъестественная уверенность осенила меня: я знала, что мы уже говорили подробно и о моем приезде в дом ведьм и об уходе магов. — Что со мной, Эсперанса? — спросила я. — *Я сновиджу?*

— Ну... — начала она медленно. В ее глазах засиял огонек, как будто она предлагала мне проверить, в *сновидений* ли я. — Сядь на землю и проверь.

Я так и сделала. Единственное, что я чувствовала, — это прохладу камня, на котором сидела. Никакое ощущение не было послано мне в ответ. — Я не *сновиджу*, — заявила я. — Но почему тогда я чувствую, что мы уже обо всем говорили? — Я внимательно посмотрела на нее, надеясь найти ответ в выражении ее лица. — Я вижу тебя в первый раз со дня моего приезда, но чувствую, что мы бывали вместе каждый день, — пробормотала я больше для себя, а не для того, чтобы меня услышали. — Уже прошло семь дней. — Значительно больше. Но тебе нужно решить эту задачу самостоятельно с минимальной помощью, — сказала Эсперанса.

Я кивнула, соглашаясь. Было так много всего, о чем хотелось спросить, но я знала, что говорить бесполезно. Не имея понятия, каким образом, но я знала, что все мои вопросы уже предусмотрены. Меня переполняли ответы.

Эсперанса задумчиво смотрела на меня, как будто сомневаясь в моем понимании. Потом очень медленно, внимательно произнося слова, она сказала:

— Я хочу, чтобы ты знала, что состояние осознания, которое ты здесь получаешь, только временное, каким бы глубоким и постоянным оно тебе ни казалось. Ты очень скоро вернешься к своим пустякам. Это наша женская судьба, и это особенно трудно.

— Я думаю ты не права, — запротестовала я. — Ты совсем не знаешь меня.

— Именно потому, что я знаю тебя, я все это говорю. — Она остановилась на минуту, и когда заговорила снова, ее голос был строгим и серьезным. — Женщина очень скрытна. Запомни: воспитанная, чтобы вечно быть слугой, она чрезвычайно изворотлива и умна. — Бурный, звонкий хохот Эсперансы предупредил любое желание протестовать.

— Лучшее, что ты можешь сделать, — это не говорить ничего, — заявила она. Взяв меня за руку, она помогла мне подняться и предложила пойти в маленький дом для очень длинного и важного разговора.

Мы не вошли вовнутрь, а сели на скамейке перед главным входом. Молча мы просидели около часа. Потом Эсперанса повернулась ко мне; казалось, она совсем не видела меня. Мне даже стало интересно: может быть, она забыла, что я пришла с ней и сижу рядом. Не осознавая моего присутствия, она встала и отошла на пару шагов от меня, внимательно посмотрела на другой дом, скрытый деревьями. Прошло еще некоторое время, прежде чем она произнесла:

— Я ухожу далеко.

У меня появилось странное болезненное ощущение в желудке, но я так и не смогла понять его причины: был ли это страх, надежда или волнение. Я знала, что она имеет в виду расстояние не в смысле миль, а говорит о других мирах.

— Меня не заботит, как далеко мы пойдем, — сказала я. Это были просто слова, далекие от того, что я чувствовала на самом деле. Я отчаянно желала знать, но не отваживалась спросить, что случится в конце нашего путешествия.

Эсперанса раскрыла руки так широко, как будто хотела обнять садящееся солнце. На западе небо было огненно-красным; далекие горы — темно-пурпурными. Легкий бриз прочесывал деревья;

листья мелькали и шуршали.

Час молчания истек, но все оставалось на своих местах.

Наступление сумерек сделало неподвижным все вокруг нас. Звуки и движения прекратились. Очертания кустов, деревьев и холмов вокруг выделялись так четко, что казались выгравированными на небе.

Когда тени уже сползли на нас и охватили потемневшее небо, я пододвинулась ближе к Эсперансе. Вид замершего за деревьями дома с его огнями, мелькающими, как светляки в темноте, разбудил какие-то очень глубокие чувства внутри меня. В тот момент они не соответствовали ни одному из возможных ощущений, но были похожи на смутную грусть, ностальгическую память, теряющуюся в детстве.

Должно быть, меня полностью поглотили грезы; внезапно я обнаружила, что иду рядом с Эсперансой. Усталость и прежняя тревога полностью исчезли. Переполненная огромным количеством энергии, я шла в каком-то экстазе, молчаливо счастливая, а ноги не просто по моему желанию, но сами двигались вперед.

Дорога, по которой мы шли, внезапно оборвалась. Земля поднялась и деревья вытянулись над нами. То тут, то там были разбросаны гигантские валуны. Откуда-то издалека доносился звук текущей воды, похожий на тихое успокаивающее пение. Почувствовав внезапную усталость, я оперлась на один из валунов. Мне захотелось, чтобы наше путешествие тут и закончилось.

— Мы еще не достигли цели! — крикнула Эсперанса. Она уже прошла полпути вверх по скалам и двигалась с проворством горной козы. Она не ждала меня и даже не оборачивалась назад, чтобы посмотреть, иду ли я за ней. Короткий отдых отнял у меня последние силы. Судорожно глотая воздух, я быстро прошла по камням и стала карабкаться вверх.

На половине подъема тропа продолжалась среди огромных каменных глыб. Сухие и ломкие растения приятно похрустывали на темной в свете раннего вечера тропе. Воздух тоже изменился; он стал влажным и дышать было легко. Эсперанса безошибочно двигалась по узкому проходу, наполненному тенями, шелестом и безмолвием. Она узнавала каждый таинственный ночной звук и могла определить каждый из этих криков, зовов и свистов.

Путь закончился у нескольких ступеней, вырубленных в скале.

Ступени вели на холм, где было разбросано множество камней.

— Возьми один, — предложила она, — и положи в карман.

Истертые, как гладкие булыжники мостовой, камни вначале казались совершенно одинаковыми. Но внимательно рассмотрев, я заметила, что все они разные. Некоторые из них были такими гладкими и сияющими, что казались отполированными на станке. Потребовалось некоторое время, чтобы найти один, который бы мне понравился больше других. Это был тяжелый камень, который легко ложился в мою ладонь. Он отсвечивал коричневым, пересеченным множеством полупрозрачных молочных жил, и имел клинообразную форму.

Я уронила камень, испуганная непонятным шумом.

— Кто-то идет за нами, — прошептала я.

— За нами никто не идет! — объявила Эсперанса. В ее взгляде было что-то среднее между удовольствием и скептицизмом. Видя, что я отскочила назад и спряталась за деревом, она тихо засмеялась и сказала, что вероятно это был настоящий лягушачий прыжок.

Я хотела было сказать ей, что лягушки не прыгают в темноте, но не была уверена, что это так. Меня удивило, что я не сказала это сразу же и с абсолютной уверенностью, что соответствовало моей привычке. — Со мной что-то не так, Эсперанса, — сказала я с тревогой в голосе. — Я — это не я.

— С тобой все в порядке, моя дорогая, — рассеянно заверила она.

— На самом деле именно сейчас ты больше являешься собой, чем когда-либо.

— Я так странно себя чувствую... — мой голос иссяк. Я начала видеть картины всего, что случилось со мной с того самого времени, когда я приехала в дом ведьм.

— Очень трудно учить такой неконкретной вещи как *сновидение*, — сказала Эсперанса. — Особенно женщин. Мы слишком скромны и умны. Кроме того, мы были рабами всю нашу жизнь; мы знаем, как точно манипулировать окружающим миром, когда не хотим нарушить что-нибудь из того, что мы с таким трудом приобрели: нашу независимость.

— Ты считаешь, что у мужчин по-другому?

— Нет, так же, но они более открыты. Женщина сражается тайком. Ее любимый метод борьбы — маневр раба: казаться безумной. Она слушает, не уделяя внимания, она смотрит, не видя. — Она

добавила, что инструктировать женщин — достижение, заслуживающее награды.

— Нам нравится открытость твоей борьбы, — продолжала она. — Это настоящая надежда для тебя. Больше всего мы опасаемся со всем согласных женщин, которые не думают о будущем и выполняют все, о чем их попросят, а потом возвращаются и обвиняют тебя, как только устанут или им станет скучно от всей этой новизны.

— Мне кажется, я начинаю понимать, — задумчиво и неуверенно проговорила я.

— Конечно ты начала понимать! — ее утверждение было настолько комически торжественным, что я начала смеяться. — Ты даже начала понимать, что такое *намерение*.

— Ты считаешь, что я начинаю становиться магом? — спросила я. Все мое тело дрожало, как будто я старалась подавить приступ хохота.

— С самого дня приезда ты все время то входила в состояние *сновидения*, то выходила из него, — объясняла Эсперанса. — Поэтому ты так часто засыпала. — На ее улыбающемся лице не было не то что издевательства, но даже следов снисходительности. Некоторое время мы шли молча, а потом она объяснила, что различие мага и обычного человека в том, что первый может входить в состояние повышенного осознания по желанию. Она часто слегка дергала меня за руку, будто подчеркивая каждое слово своего утверждения, а потом доверительным тоном добавила: — Ты постоянно *сновидишь* потому, что мы создали что-то вроде защитного кокона вокруг тебя с первой ночи, когда ты приехала, чтобы помочь тебе привести в порядок свою энергию. Потом она призналась, что с момента, когда они впервые встретили меня, они дали мне прозвище *Фосфорите*, маленький огонек. — Ты сгораешь слишком быстро и бесполезно. — Она жестом попросила меня сохранять покой и добавила, что я совсем не знала тогда, как сфокусировать свою энергию. — Основным следствием этого было то, что ты постоянно поддерживала образ себя. — Она снова знаком попросила меня помолчать и сказала, что то, о чем мы думаем как об индивидуальности, на самом деле только идея. Она заявила, что весь объем нашей энергии расходуется в зависимости от этой идеи.

Эсперанса слегка подняла брови и на ее лице появилось

выражение некоторой торжественности. — Достичь состояния отрешенности, когда личность — только идея, которую можно изменить по желанию, это действительно магическое действие, самое трудное из всех, — сказала она. — Когда идея личности отступает, у магов появляется энергия, чтобы нацелиться на *намерение* и стать большим, чем то, что мы считаем нормальным человеком.

Женщины, оттого что у них есть матка, во время сна могут фокусировать свое внимание на чем-либо за пределами их снов с большой легкостью, — говорила она. — Именно это ты и делала, даже ничего об этом не зная. Объект, на котором фокусируется внимание, становится мостом, соединяющим тебя с *намерением*. — Какой же объект я использовала? — спросила я.

У нее в глазах промелькнула внезапная вспышка раздражения. Затем она сказала, что обычно это было окно, или свет, или даже кровать. — Ты так хорошо это делаешь, что предмет становится твоей второй сущностью, — заверила она меня. — Поэтому у тебя часто бывают ночные кошмары. Обо всем этом мы говорили с тобой, когда ты была глубоко в состоянии повышенного осознания, и тогда ты поняла, что как только перестанешь фокусировать внимание на предметах перед тем как уснуть — тебе перестанут сниться дурные сны.

— Так это ты исцелила меня? — спросила я.

Конечно же, моей самой первой реакцией было возразить ей. Однако спустя мгновение я уже не могла с ней не согласиться. После встречи с ними в Соноре я совершенно освободилась от ночных кошмаров.

— Ты никогда полностью от них не освободишься, пока будешь оставаться собой, — произнесла она. — Тебе безусловно следует использовать свои способности к *сновидению* осмотрительно и разумно. Поэтому ты здесь. И первый урок — это то, что женщина должна через матку сфокусировать свое внимание на предмете. Не на чем-либо из самого сна, но на каком-то независимом предмете из мира, предшествующего сну.

Сам по себе объект не важен, — заговорила она быстрее. — Что действительно важно, — это тонкий акт фокусирования внимания на нем по желанию перед сном и во время дальнейшего *сновидения*. — Она предупредила меня, что хотя все звучит достаточно просто, это на самом деле труднопреодолимая задача,

выполнение которой может отнять годы. — Вот что обычно случается: что-то побуждает спящего на мгновение сфокусировать свое внимание на постороннем объекте, — сказала она.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что надо использовать матку? — спросила я. — И как это делается?

— Ты женщина, — мягко сказала Эсперанса. — Ты знаешь, как ощущать при помощи своей матки.

Мне снова хотелось возразить, объяснить, что я ничего подобного не знаю. Но прежде чем я успела что-нибудь сказать, она продолжала говорить, что у женщины ощущения возникают в матке.

— У мужчин, — заявила она, — чувства появляются в мозге. — Она ткнула мне в живот и добавила: — Подумай об этом.

Женщина безжалостна ко всему, кроме своего потомства, потому что ее чувства рождаются в матке.

Чтобы сфокусировать свое внимание на матке, возьми предмет и положи его на живот, или потрись о него гениталиями. — Она вызывающе засмеялась над моим испуганным взглядом, а потом между приступами смеха пожурела меня. — Я не имела в виду ничего дурного, и это на самом деле не так уж грубо. Я могла бы сказать, что тебе следует смазать предмет своими соками, но я ведь не сделала этого.

— Однажды у тебя установится глубокая близость с предметом, — снова продолжала она серьезным тоном, — и он всегда будет служить тебе в качестве моста.

Мы шли в напряженной тишине. Казалось, Эсперанса глубоко задумалась. Мне очень хотелось сказать что-нибудь, хотя я знала, что говорить ничего не нужно. Когда она наконец заговорила, ее голос был твердым, требовательным. — У тебя больше нет времени, чтобы *его* просто так тратить, — сказала она. — Очень часто в нашей глупости мы упускаем множество вещей. Маги знают это лучше, чем кто-либо другой. Но они также знают, что нет второго шанса. Тебе нужно научиться контролю и дисциплине, потому что у тебя больше нет возможности делать ошибки.

— Ты ведь тоже ошибаешься. Ты даже не знала, что Исидоро Балтасар ушел.

Легкая преграда, которая сдерживала лавину чувств, рухнула.

Память восстановилась, и тоска снова овладела мной. Она навалилась настолько интенсивно, что я даже не заметила, как села

и начала погружаться в землю, как будто она была сделана из губки. Наконец земля поглотила меня. Состояния удушья или клаустрофобии не было, потому что ощущение, что я сижу на поверхности земли, сосуществовало с осознанием, что земля меня поглотила. Такое двойственное чувство заставило меня завопить: — *Я сновиджу!* — Громкий крик что-то взорвал внутри меня; и сразу же новая чехарда различных воспоминаний хлынула на поверхность. Я знала, что со мной не так: я раздражалась и у меня было недостаточно энергии для *сновидения*. Каждую ночь со дня моего приезда я видела один и тот же сон, который забывала, просыпаясь, и не помнила до настоящего момента. Мне снилось, что все женщины-маги приходили в мою комнату и обучали меня в области разумных объяснений магов. Они говорили мне снова и снова, что *сновидение* — это вторая функция матки, первая — воспроизведение и все, что с ним связано. Они говорили, что *сновидение* — естественная функция женщины, чистое следствие особенности ее энергетики. Имея достаточно энергии, тело женщины само по себе разбудит вторую функцию матки, и женщина будет видеть непостижимые сны.

Эта требуемая энергия, однако, как помощь для слаборазвитой страны, — она никогда не придет. Что-то в общем устройстве наших общественных структур препятствует ее освобождению и тому, чтобы женщины могли *сновидеть*.

Если бы эта энергия освободилась, говорили мне женщины-маги, было бы очень легко опрокинуть цивилизованный порядок вещей. Но самая большая трагедия женщин в том, что их социальное сознание полностью доминирует над индивидуальным. Женщины боятся быть разными и не хотят отойти слишком далеко от комфорта известного. Социальное давление не позволяет им отклоняться и оказывается всепоглощающим, и вместо того, чтобы измениться, они молча соглашались с тем, что предписано: женщина существует, чтобы служить мужчине. Поэтому они никогда не видят магических снов, хотя имеют естественную предрасположенность к этому.

Жизнь женщины в обществе, ее социальное положение лишило ее всяких шансов. Даже если женщина имеет отношение к религии или науке, это все равно не лишает ее того же отпечатка: ее основная функция — деторождение; и даже если она достигла высокой степени в области политического, социального или

экономического равенства с мужчиной, это в конечном счете не имеет значения.

Женщины говорили мне все это каждую ночь. Чем больше я вспоминала и понимала их слова, тем сильнее становилась печаль. Мое горе было теперь не просто моим личным, но и нашим общим, сумасшедшая гонка жизни в обществе заманила всех нас в ловушку социального порядка, — так мы оказались прикованы к нашей собственной ограниченности. Даже если мы когда-нибудь получаем свободу, то это только временное короткое прозрение между погружениями — по собственному желанию или насильно — обратно во тьму.

— Прекрати заниматься этой сентиментальной чепухой, — услышала я. Это был мужской голос. Я оглянулась и увидела, как смотритель, наклонившись, всматривается в меня.

— Как ты сюда забрался? — я растерялась и была слегка взволнована. — Ты что, шел за нами? — Это был не просто вопрос, это было обвинение.

— Да, я всегда по возможности слеую за тобой, — он хитро посмотрел на меня.

Я заглядывала ему в лицо, не веря, потому что знала, что он любит подшучивать надо мной. Меня не раздражал и не пугал мерцающий свет его глаз.

— А где Эсперанса? — спросила я. Ее нигде не было видно. — Где она... — нервно заикалась я, не в состоянии выговорить слова.

— Она вокруг, — сказал он, улыбаясь. — Не бойся. Я тоже твой учитель. И ты в надежных руках.

Я нерешительно дала ему руку. Не прилагая никаких усилий, он вытащил меня на плоский валун, огромный с виду, овальной формы, обточенный водой. Наверное, он долгое время пролежал в ручье, звук которого доносился откуда-то из темноты.

— А сейчас снимай одежду, — сказал он. — Самое время для твоего космического купания!

— Что снимать? — Конечно же, он шутил, и я засмеялась.

Но он говорил серьезно. Он слегка ударил меня рукой, точно так, как это делала Эсперанса, и снова предложил мне раздеться.

Прежде чем я поняла, что он делает, он уже развязал шнурки на моих кроссовках. — У нас не так много времени, — предупредил он, потом настоял, чтобы я продолжала раздеваться. Взгляд, которым он рассматривал меня, был холодным и клинически

безличным. Если бы я могла стать жабой, как говорила Эсперанса, и ускользнуть от него.

Дурацкая идея, что мне надо идти в темную, холодную воду, без сомнения, переполненную всякими отвратительными тварями, ужаснула меня. Желая положить конец этой нелепой ситуации, я прыгнула с камня и вошла по щиколотку в воду. — Я ничего не чувствую! — завопила я, в ужасе вылетая обратно. — Что происходит? Это же не вода!

— Не будь ребенком, — прикрикнул на меня смотритель. — Конечно, это вода. Но ты не чувствуешь ее. Вот и все.

Я хотела было выругаться, но вовремя взяла себя в руки. Страх прошел.

— Почему я не чувствую воду? — спросила я, упорно пытаюсь выиграть время, хотя и знала, что это бесполезное занятие. Но я не сомневалась, что сразу же скончаюсь в воде, буду чувствовать ее или нет. Однако у меня не возникло желания быть безрассудной. — Это безводная вода, что-то вроде очищающего раствора? — спросила я.

После долгой паузы, перебрав все угрожающие возможности, он сказал, что я могу называть ее очищающей жидкостью. — Однако я должен предупредить тебя, что это не ритуальный способ очищения, — подчеркнул он. — Очищение должно прийти изнутри. Это частная и одинокая битва.

— Тогда почему ты хочешь, чтобы я вошла в эту воду? Она кажется слизистой, даже если я не чувствую ее, — сказала я со всей силой, которую могла вложить в голос.

Его губы дернулись, как будто он собирался рассмеяться, но, по видимому вынужденный уступить, он снова сделал серьезное лицо и сказал: — Я собираюсь прыгнуть в воду вместе с тобой. — И без всяких дальнейших колебаний он полностью разделся.

Он стоял передо мной в каких-нибудь пяти футах, совершенно голый. В этом странном свете — казалось был и не день, и не ночь — я могла видеть с совершенной ясностью каждый дюйм его тела. Он не делал робких попыток прикрыть свою наготу. Напротив, он, казалось, более чем гордился своими мужскими достоинствами и демонстрировал их передо мной с вызывающим нахальством.

— Поспеш и снимай свою одежду, — подгонял он меня. — У нас не так много времени.

— Я не собираюсь раздеваться. Это безумие! — протестовала я.

— Но ты это сделаешь. Это решение ты примешь всем своим существом. — Он говорил без горячности, без злости, со спокойной настойчивостью. — Сегодня в этом странном мире ты узнаешь, что существует только один способ вести себя: поведение мага. — Он смотрел на меня с любопытной смесью сострадания и радости.

С ухмылкой, которая, по-видимому, означала, что он убеждал меня бесполезно, зритель сказал, что прыжок в бассейн будет встряской для меня. Он что-то изменит внутри меня. — Эта перемена поможет тебе в будущем понять, кто мы и что мы делаем. Мимолетная улыбка просияла у него на лице, когда он поспешил заметить, что прыжок в воду не даст мне дополнительной энергии для *сновидения*. Он предупредил меня, что процесс сохранения и накопления энергии займет очень много времени и что я могу вообще никогда не добиться успеха. — В мире магов нет никаких гарантий, — сказал он. Потом продолжил, что прыжок в бассейн может увести мое внимание прочь от повседневных забот, — забот, которые постоянно преследуют женщину моего возраста и моего времени.

— Это священный бассейн? — спросила я.

Его брови взметнулись в явном удивлении. — Это магический бассейн, — объяснил он, твердо взглянув на меня. Он, должно быть, заметил, что я уже приняла решение и расстегнул ремешок часов у меня на руке. — Этот бассейн ни божественный, ни дьявольский. — Он пожал своими худыми плечами и надел мои часы себе на руку. — А сейчас посмотри на свои часы, — приказал он. — Они у тебя уже много лет. Ощути их на моей руке. — Он хихикнул, как будто собирался что-то сказать, но передумал. — Ну ладно, давай снимай одежду.

— Может быть, я войду в воду в одежде, — пробормотала я. Хотя я не стыдилась, но как-то не могла согласиться с мыслью стоять перед ним голой.

Он заметил, что мне понадобится сухая одежда, когда я выйду из воды. — Я не хочу, чтобы ты схватила воспаление легких. —

Озорная улыбка промелькнула в его глазах. — Это самая настоящая вода, хотя ты ее и не чувствуешь, — сказал он.

Неохотно я сняла джинсы и футболку.

— И трусы тоже, — сказал он.

Я шла вокруг поросшего травой края бассейна, проверяя, нужно ли

мне сразу прыгнуть в воду, или я могу заходить в нее постепенно, сначала черпая руками и поливая себе ноги, руки, живот и наконец голову, как это делала одна старая женщина в Венесуэле, прежде чем войти в море.

— Я войду здесь! — закричала я, но вместо того, чтобы нырнуть, я обернулась посмотреть на зрителя.

Меня испугала его неподвижность. Казалось, он превратился в камень, с таким оцепеневшим и напряженным выражением он сидел на валуне. Только в глазах и оставалась жизнь; они сияли совершенно неотразимо, как будто бы источник света находился внутри, за глазами. Меня скорее поразило, чем опечалило, когда я увидела слезы, стекающие по его щекам. Не зная почему, я тоже начала тихо плакать. Слезы у зрителя катились вниз и, как я догадалась, падали на мои часы на его руке. Я ощутила жуткое давление его убежденности, внезапно страх и нерешительность покинули меня. Я бросилась в бассейн.

Вода оказалась не противной, но нежной как шелк и зеленой. Мне совсем не было холодно. Как и утверждал зритель, я не чувствовала воду. Фактически я ничего не чувствовала; было так, как будто я, освобожденная от телесной оболочки, осознавала себя плавающей в центре бассейна с водой, в которой я ощущала жидкость, но не влажность. Я обратила внимание на свет, льющийся из глубины. Я подпрыгнула, как рыба, и, получив толчок, нырнула к источнику света.

Я вынырнула, чтобы набрать воздух. — Насколько глубок этот бассейн?

— Он достигает центра земли. — Голос Эсперансы был ясным и громким; в нем было столько уверенности, что, будучи собой, я сразу же захотела возразить ей. Но в воздухе было что-то тяжелое, что остановило меня, — какая-то неестественная неподвижность, напряжение, которые внезапно лопнули с громким хлопком, звук которого шелестом распространился вокруг нас. Какой-то предостерегающий шепот, стремительный и злобный, возвестил о чем-то странном.

На том самом месте, где стоял зритель, была Эсперанса; она была тоже совершенно голая.

— А где зритель? — закричала я искаженным от паники голосом.

— Я зритель, — сказала она.

Убежденная, что эти двое сыграли со мной какую-то ужасающую шутку, я одним мощным гребком подплыла к валуну, на котором стояла Эсперанса. — Что происходит? — Я хотела во всем разобраться, но мой голос скорее был похож на шепот, так как было тяжело дышать.

Жестом подозвав меня, она подошла ко мне тем бесплотным, раскованным движением, которое было присуще только ей, вытянула шею, чтобы посмотреть на меня, потом остановилась совсем близко и показала мне мои часы у себя на руке.

— Я смотритель, — повторила она. Я автоматически кивнула. Но тут как раз передо мной вместо Эсперансы опять оказался смотритель, голый как и прежде, указывающий на мои часы. Я не смотрела на часы; все мое внимание сфокусировалось на его половых органах.

Я дотронулась до них, чтобы проверить, не гермафродит ли он. Это было не так. Моя рука все еще касалась его, когда я скорее почувствовала, чем увидела, что его плоть свернулась, и я касаюсь влагиалища женщины. Я раздвинула его, чтобы проверить, не спрятан ли внутри пенис.

— Эсперанса... — Мой голос замер, как будто что-то сдавило мне горло. Я сразу же почувствовала воду, как будто кто-то толкнул меня в глубину бассейна. Мне было холодно. Это было не физическое ощущение холода, но осознание отсутствия тепла, света, звука; отсутствие любых человеческих ощущений в мире, где существовал бассейн.

Меня разбудил звук громкого храпа; рядом со мной на соломенном матрасе, расстеленном на земле, спала Зулейка. Она была как и всегда красивой, молодой и сильной, и еще ранимой — в отличие от других женщин-магов, — несмотря на гармонию и силу, которую она распространяла вокруг себя.

Я долго рассматривала ее, потом села, и все события прошедшей ночи хлынули в мой мозг. Я хотела встряхнуть ее, чтобы она проснулась, и потребовать объяснения того, что же случилось, когда заметила, что мы не рядом с бассейном среди холмов, а на том самом месте, где сидели прежде, перед дверью реального дома ведьм.

Решив, что все это был сон, я легко дотронулась до ее плеча.

— Ты наконец проснулась, — сонно пробормотала она. — Что произошло? — спросила я. — Ты должна мне все рассказать.

— Все? — повторила она, шумно зевая.

— Все, что случилось возле бассейна, — нетерпеливо проговорила я.

Она снова зевнула, потом засмеялась. Рассматривая мои часы у себя на руке, она сказала, что что-то во мне изменилось значительно больше, чем она предвидела. — У мира магов есть естественный барьер, который охраняет неокрепшие души, — объяснила она. — Магу требуется непревзойденная сила, чтобы манипулировать этим миром. Понимаешь, он населен монстрами, летающими драконами и демоническими существами, которые, конечно же, являются ничем иным, как безличной энергией. Мы, ведомые нашими страхами, превращаем эту безличную энергию в адские создания.

— А как с Эсперансой и зрителем? — прервала я ее. — Я *сновидела*, что они оба — это ты.

— Ты права, — сказала она, как будто это была самая естественная вещь в мире. — Я уже говорила тебе. Ты погрузилась глубже, чем я предполагала, и вошла в то состояние, которое мы называем *сновидение в мирах, отличных от нашего*.

Мы с тобой *сновидели* в другом мире. Поэтому ты не чувствовала воду. Это тот самый мир, откуда нагваль Элиас приносил свои изобретения. В том мире я могу быть и мужчиной и женщиной. И точно так же, как нагваль Элиас приносил свои изобретения в этот мир, я приношу либо Эсперансу, либо зрителя. Или что угодно другое, чем может явиться моя безличная энергия.

Я не могла выразить мысли и чувства словами. Потрясающее желание убежать мгновенно охватило меня, но я не могла даже двинуться. Контроль над действиями тела больше не подчинялся моей воле. Пытаясь встать, я повалилась на землю.

Зулейка осталась неподвижной, даже не обратив внимания на мое состояние. Она продолжала говорить, как будто не видела, что я валяюсь на земле, а мои колени вывернуты, как у тряпичной куклы. — Ты отличная *сновидящая*. Но все равно ты будешь видеть монстров всю свою жизнь. Сейчас самое время достичь такого уровня энергии, чтобы *сновидеть*, как это делают маги, и видеть безличную энергию.

Я хотела возразить ей, сказав, что не было ничего безличного в моем сне об Эсперансе и зрителе, что на самом деле они не были монстрами или ночными кошмарами, но я не могла говорить.

— Сегодня твои часы вывели тебя из самого глубокого *сновидения*, которое когда-нибудь у тебя было, — продолжала Зулейка, не обращая внимания на звуки, вырывающиеся из моего горла. — У тебя даже есть камень, чтобы доказать это.

Она подошла туда, где я лежала, разинув рот и смотря на нее. Она проверила мой карман и оказалась права. Там действительно был камень, который я подобрала из кучи камней в *сновидении*.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Глава 19

Меня разбудил громкий дребезжащий звук. Я села в гамаке и, всматриваясь в темноту, обнаружила, что деревянные панели, прикрывающие окна, опущены. Холодный пронизывающий ветер со свистом кружил вокруг меня. Сухие листья с шелестом носились по патио за окном; шуршание усилилось, а потом внезапно превратилось в нежный свистящий звук. В комнату проникал тусклый свет и рассеянной дымкой стелился вдоль голых стен.

— Нагваль! — крикнула я. Как будто вызванный моим заклинанием, Исидоро Балтасар мгновение стоял в футе от моего гамака. Образ был почти реальный, хотя в нем оставалось что-то неопределенное, как в отражении на воде. Я прочистила горло, собираясь заговорить, но лишь слабый крик сорвался с моих губ, когда образ начал растворяться в тумане. Потом туман зашевелился внезапно и неудержимо, как ветер за окном. Слишком возбужденная, чтобы спать, я сидела, завернувшись в одеяло, и размышляла, правильно ли я поступила, приехав в дом магов, чтобы найти нагваля Исидоро Балтасара. Я не представляла себе, куда еще можно поехать. После трех месяцев ожидания беспокойство стало настолько сильным, что я вынуждена была действовать. Однажды утром, семь дней тому назад, я, не останавливаясь, приехала в дом магов. И тогда у меня не возникло вопроса о том, правильно ли я поступаю — даже когда я перелезла через забор за домом и проникла в дом через незапертое окно. Однако после семи дней ожидания уверенности у меня поубавилось.

Я выпрыгнула из гамака на плиточный пол, больно ударившись голыми пятками. Потом встряхнулась, зная, что это всегда позволяло мне рассеять неуверенность. В это время я обычно не работала, и поэтому опять улеглась в гамак.

Одним из самых важных моментов, которые я усвоила за три года в мире магов, было то, что решения мага окончательны. Моим решением было жить и умереть в этом мире. Именно сейчас самое

время доказать это.

Странно звучащий неземной смех вывел меня из задумчивости.

Внушая мне суеверный страх, он разнесся по всему дому, а затем снова стало тихо. Я напряженно ждала, но не было никаких других звуков, кроме шуршания сухих листьев, гоняемых ветром по патио. Этот звук походил на слабый скребущий шепот.

Но странный звук не только убаюкал меня, но и погрузил в тот же сон, который я сновидела в течение последних семи ночей.

Я стою в Соноранской пустыне. Полдень. Солнце — серебряный диск, сверкающий настолько, что его почти не видно, — остановилось в зените. Вокруг ни звука, ни движения. Высокие кактусы сагварос, протягивающие свои колючие руки к неподвижному небу, стоят как постовые, охраняя безмолвие и неподвижность.

Ветер, казалось, последовавший за мной сквозь сон, подул с исключительной силой. Он со свистом пронесся между ветвями мескитовых деревьев и раскачивал их с безумной силой. Столбы красной пыли поднимались и кружили вокруг меня. Стая ворон рассыпалась точками по небу, а потом, похожая на части черного покрывала, тихо опустилась на землю в отдалении.

Ветер утих так же внезапно, как и начался. Я повернула в сторону далеких холмов. Казалось, я часами шла, прежде чем увидела огромную темную тень на земле. Я подняла голову. В воздухе на распростертых крыльях неподвижно висела гигантская птица; она была как будто прикована к небу. Только когда я снова посмотрела на ее темную тень на земле, я поняла, что птица движется. Медленно и непостижимо ее тень скользила впереди меня.

Руководимая необъяснимым побуждением, я попыталась оставаться захваченной тенью. Несмотря на то, что я бежала очень быстро, тень все быстрее и быстрее уходила от меня. В изнеможении я споткнулась о свою собственную ногу и плашмя упала на землю.

Когда я встала, чтобы отряхнуть одежду, то заметила, что птица сидит на валуне рядом. Голова ее слегка повернута ко мне, будто маня. Я осторожно приблизилась. Птица была громадной и рыжевато-коричневой, перья у нее сверкали, как огненная медь. Взгляд янтарного цвета глаз был тяжелым и неумолимым, словно сама смерть.

Я отступила назад, когда птица раскрыла свои широкие крылья и взлетела. Она поднималась и поднималась, пока не превратилась в точку на небе. Ее тень на земле протянулась в бесконечность прямой темной линией и слила воедино пустыню и небо.

Я пропела заклинание, уверенная, что догоню птицу, если вызову ветер. Но в моей песне не было силы. Голос разлетелся на тысячи шепотков, которые быстро растворились в тишине. Пустыня вновь приобрела свой сверхъестественный покой. А потом начала крошиться по краям, и постепенно все вокруг меня исчезло...

Постепенно я начала ощущать свое тело, и то, что я лежу в гамаке. Сквозь легкий туман я разглядывала стены комнаты, закрытые стеллажами, полными книг. Потом, когда я полностью проснулась, осознание потрясло меня, как это случалось всякий раз в течение прошедшей недели. Это был не простой сон, и я знала его смысл. Нагваль Мариано Аурелиано поведал мне однажды, что маги, когда говорят друг с другом, рассказывают притчу, что магия — это птица; они называют ее птицей свободы. Они говорят, что птица свободы летает лишь по прямой и никогда не возвращается дважды. Они считали также, что нагваль приманивает птицу свободы. Именно он увлекает ее и заставляет распространить свою тень на путь воина. Без тени нет направления.

Смысл моего сна в том, что я потеряла птицу свободы. Я утратила нагваля и с ним все надежды и цели. И самая большая тяжесть на душе была от того, что птица свободы улетела так скоро, даже не оставив мне времени поблагодарить всех должным образом, не оставив времени выразить мое бесконечное восхищение.

Я убедила всех магов, что никогда не приму их мир или их личности как само собой разумеющееся, но на самом деле я приняла, особенно Исидоро Балтасара. Мне казалось, что он собирается быть со мной вечно. Внезапно они ушли, все вместе, как порывы ветра, как падающие звезды. И они взяли с собой Исидоро Балтасара.

Я просидела до конца недели у себя в комнате, задавая себе один и тот же вопрос: возможно ли, что все они исчезли? Бессмысленный и излишний вопрос, показавший, что то, что я испытала и чему была свидетелем в их мире, не изменило меня. Все это раскрывало мою истинную природу: мягкую и сомневающуюся. Что касается магов, то они говорили мне, что их окончательная цель сгореть в *огне изнутри*, исчезнуть, быть поглощенными силой осознания.

Старый нагваль и его партия магов были готовы к этому, но я ничего не знала. Они готовили себя практически всю жизнь к окончательному дерзкому шагу: *сновидеть*, что они ускользнули от смерти — такой, как мы себе ее представляем, — и проскользнуть в неизвестное, повышая без потерь общий уровень их энергии.

Более всего я расстраивалась, когда вспоминала, как мое обычное второе “я” проявлялось, когда я меньше всего этого ожидала. Не то, чтобы я не верила их колоссальным сверхчеловеческим целям и устремлениям. Скорее я, трактуя их для себя, объединяла и подчиняла повседневному миру здравого смысла — возможно не полностью, но так, чтобы представления о них мирно сосуществовали у меня рядом с обычными для меня представлениями об окружающем мире.

Маги действительно пытались подготовить меня для того, чтобы я могла стать свидетелем их окончательного путешествия; то, что они однажды исчезнут, я тоже вполне могла себе представить. Но ничто не в состоянии было подготовить меня к последующим боли и отчаянию. Меня захлестывали волны печали, из которой, как я знала, не выберусь уже никогда. В этом заключалась моя участь. Ощувив, что у меня есть все шансы еще глубже погрузиться в отчаяние, если я еще хоть на мгновение останусь в гамаке, я поднялась и приготовила себе завтрак — подогрела вчерашние остатки ужина: тортильи, рис и фасоль. Это была моя обычная пища в течение последних семи дней, исключая обед, к которому я добавляла банку норвежских сардин, купленных в бакалейном магазине в ближайшем городе (я скупил все имеющиеся в наличии консервы). Фасоль тоже была консервированной.

Я вымыла посуду и протерла полы. Затем с веником в руке я прошла по комнатам в поисках какой-нибудь вновь появившейся грязи или паутины в забытом углу. С самого приезда я ничего другого не делала, кроме того, что вылизывала полы, мыла окна и стены, подметала коридоры и патио. Уборка всегда отвлекала меня от проблем, всегда успокаивала. Но не сейчас. Несмотря на то, что я энергично принялась за уборку, у меня никак не получалось отвлечься от боли и ноющей внутренней пустоты.

Резкий шелест листьев прервал мое занятие. Я вышла из дома. Порывы ветра проносились сквозь ветви деревьев. Его сила испугала меня. Я уже хотела закрыть окна, когда ветер внезапно

успокоился. Глубокое уныние стелилось по двору, охватывало кусты и деревья, цветы и грядки овощей. Даже светло-лиловая выющаяся по стене бугенвиллея была охвачена печалью.

Я прошлась вокруг фонтана колониального стиля, построенного в центре двора, и встала коленями на широкий каменный выступ. Ни о чем не думая, я вытащила листья и мусор, упавшие в воду.

Потом поднялась и искала свое отражение в гладкой поверхности воды. Рядом с моим лицом появилось очень красивое, застывшее и худое лицо Флоринды.

Ошеломленная, я смотрела на отражение, загнипнотизированная ее огромными, темными, искрящимися глазами, которые ярко контрастировали с заплетенными в косу белыми волосами. Она медленно улыбнулась. Я улыбнулась в ответ.

— Я не слышала, как ты подошла, — прошептала я, боясь, что ее образ может исчезнуть, боясь, что это только сон.

Она опустила свою руку мне на плечи, потом села рядом со мной на каменном выступе. — Я собираюсь пробыть с тобой очень недолго, — сказала она. — Хотя я еще вернусь.

Я обернулась и выплеснула всю боль и отчаяние, которые накопились во мне.

Флоринда пристально смотрела на меня. Ее лицо выражало неизмеримую печаль. Внезапные слезы появились у нее на глазах, — слезы, которые ушли так же быстро, как и появились.

— Скажи мне, где Исидоро Балтасар? — спросила я.

Отвернув лицо, я дала волю едва сдерживаемым слезам. Плакать меня заставляли не жалость к себе и даже не печаль, но глубокое ощущение неудачи, вины и потери, овладевшие мной. Флоринда давно предупреждала меня о таких чувствах.

— Слезы бессмысленны для мага, — сказала она глубоким хриплым голосом. — Когда ты вступила в мир магов, ты должна была понять, что предначертания судьбы, — все равно какие, — это просто вызов, который маг должен принять, несмотря на обиды, возмущение и жалость к самому себе. — Она остановилась на минуту, а потом уже в своей привычной неумолимой манере повторила все, что говорила мне раньше:

— Исидоро Балтасар больше не человек, он нагваль. Он может присоединиться к старому нагвалю, в этом случае он никогда не вернется. Но все может быть и иначе.

— Но почему он... — У меня пропал голос, прежде чем я успела

задать вопрос.

— В данный момент я действительно не знаю, — сказала Флоринда, поднимая руку, чтобы предвосхитить мой протест. — Это вызов для тебя — подняться надо всем этим. И, как ты знаешь, по поводу вызова не обижаются и его не обсуждают. К нему относятся активно. Маги или побеждают, принимая вызов, или проигрывают. И действительно не имеет значения, что это за вызов, пока они хозяева ситуации.

— Как ты можешь требовать от меня владеть ситуацией, если печаль убивает меня? Исидоро Балтасар ушел навсегда, — возмущенно произнесла я, раздраженная прозаичностью ее отношения и чувств.

— Почему ты не обращаешь внимания на мой совет и не ведешь себя безупречно, несмотря на твои чувства, — строго отпарировала она. Ее настроение изменялось так же быстро, как и прелестная улыбка.

— Как я могу сделать это? Я знаю, что если нагваль ушел, то игра окончена.

— Тебе не нужен нагваль, чтобы быть безупречным магом, — заметила она. — Твоя безупречность должна привести тебя к нему, даже если он уже покинул мир. Жить безупречно, невзирая на обстоятельства, — вот твой вызов. И то, увидишь ли ты Исидоро Балтасара завтра, или через год, или в конце твоей жизни не должно иметь для тебя никакого значения.

Флоринда повернулась ко мне спиной и долго молчала. Когда она снова повернулась ко мне, у нее было спокойное и странно мягкое лицо, похожее на маску, как будто она делала большие усилия, чтобы контролировать свои эмоции. В ее глазах было столько печали, что я сразу же забыла свою боль.

— Вот что я расскажу тебе, молодая женщина, — сказала она необычно резким голосом, который как будто обозначал выход всей ее боли в глаза. — Я не ушла с нагвалем Мариано Аурелиано и его партией. Зулейка тоже. А знаешь ли ты, почему?

Онемев от ожидания и страха, я смотрела на нее, раскрыв рот. — Нет, Флоринда, не знаю, — проговорила я наконец.

— Мы здесь, потому что не принадлежим к той партии магов, — сказала она теперь уже низким и спокойным голосом. — Мы принадлежим, но не на самом деле. Наши чувства с другим нагвалем, с нагвалем Хулианом, нашим учителем. Нагваль

Мариано Аурелиано — наш предводитель, а нагваль Исидоро Балтасар — наш ученик.

— Как и ты, мы остались позади. Ты, — потому что не была готова идти с ними; мы, — потому что нам нужно больше энергии, чтобы совершить более мощный прыжок и присоединиться к другой группе воинов, более старой группе. Группе нагваля Хулиана. Я могла ощущать одиночество и тоску Флоринды как легкую дымку, застилавшую все вокруг. Я едва смела дышать, боясь, как бы она не прекратила говорить.

Очень подробно она рассказала мне о нагвале Хулиане, прославившемся во многих отношениях. Ее описание было сжатым, но таким живым, что я могла видеть нагваля прямо перед глазами: самое необыкновенное существо, какое когда-нибудь существовало. Веселый, остроумный и сообразительный; неисправимый озорник. Сказочник, маг, который управлял восприятием, как пекарь тестом, замешанным по определенному порядку или особому рецепту, никогда не теряя видения ситуации. Флоринда убедила меня, что быть с нагвалем Хулианом — это нечто незабываемое. Она призналась, что любила его помимо слов, помимо чувств. Точно так же и Зулейка.

Флоринда долго молчала, а ее взгляд был прикован к далеким горам, как будто привлеченный силой их остроконечных вершин. Когда она заговорила снова, ее голос был еле слышным шепотом: — Мир магов — мир одиночества, но любовь в нем вечна. Как моя любовь к нагвалю Хулиану. Мы входим в магический мир полностью, и в счет идут только наши действия, наши чувства, наша безупречность. — Она кивала, как бы подчеркивая слова. — У меня больше нет чувств. Но как бы ни сложились обстоятельства, я пойду за нагвалем Хулианом. Все, что со мной осталось — это мое желание, мое чувство долга, моя цель.

— Возможно, мы с тобой в одной лодке. — Она сказала это так ровно, что прошло некоторое время, прежде чем я поняла, что она имела в виду.

Я смотрела на нее и как всегда была ослеплена ее великолепной красотой и молодостью, которые годы оставили совершенно нетронутыми.

— Не я, Флоринда, — выговорила я наконец. — У тебя был нагваль Исидоро Балтасар, и я, и все другие ученики, о которых я слышала. У меня нет ничего. У меня нет даже моего старого мира.

— Во мне не было жалости к себе, только опустошительное знание, что моя жизнь, как я ее представляла себе до настоящего времени, закончилась.

— Нагваль Исидоро Балтасар мой по праву моей силы. Я буду послушно ждать еще некоторое время, но если он больше не в этом мире, я тоже не здесь. Я знаю, что делать! — Я умолкла, когда поняла, что Флоринда больше не слушает меня. Она была занята рассматриванием маленького ворона, прохаживавшегося рядом с нами вдоль края фонтана.

— Это Дионисий, — сказала я, ища в кармане кусочки тортильи. У меня ничего с собой не было. Я посмотрела в удивительно чистое небо. Меня вновь поглотила печаль, и я не заметила, что было уже далеко за полдень, время, когда маленький ворон обычно приходит за пищей.

— Этот парень совершенно расстроен. — Флоринда смеялась над обиженным покаркиванием и потом, посмотрев мне в глаза, сказала: — Вы с вороном очень похожи. Вы очень легко расстраиваетесь, и вы оба очень громко сообщаете об этом. Я едва сдержалась, чтобы не выпалить, что то же самое можно сказать и о ней. Флоринда хихикнула, как будто знала о том, какие усилия я предпринимаю, чтобы не разрыдаться.

Ворон уселся на мою пустую руку и смотрел на меня боком своим сияющим хрустальным глазом. Птица раскрыла крылья, но не улетела; ее черные перья отливали синевой под солнечными лучами.

Я спокойно сказала Флоринде, что давление, оказываемое на меня миром магов, было невыносимым.

— Нонсенс! — проворчала она, как будто говорила с избалованным ребенком. — Смотри, мы испугнули Дионисия. — Она восхищенно следила, как ворон описывал круги над нашими головами, потом опять внимательно посмотрела на меня.

Я отвернула лицо, не понимая, что побудило меня так поступить. В сияющем взгляде темных глаз Флоринды не было ничего недоброго. Глаза были спокойны и абсолютно безразличны, когда она сказала:

— Если ты не сможешь достичь Исидоро Балтасара, тогда я и другие маги, учившие тебя, ошиблись, выбрав тебя. Мы бы ошиблись, вызвав тебя. Но это окончательная потеря не для нас, это полный крах для тебя. — Видя, что я вновь готова зарыдать,

она бросила мне вызов: — Где твоя безупречная цель? Что произошло со всем, чему ты научилась с нами?

— Что все это значит, если я не смогу последовать за Исидоро Балтасаром? — сквозь слезы спросила я.

— Как ты собираешься продолжать жить в мире магов, если не сделаешь усилия найти его? — резко спросила она.

— Сейчас мне очень нужна доброта, — пробормотала я, закрывая глаза, чтобы не полились слезы. — Мне нужна мама. Если бы только я могла пойти к ней.

Я удивилась собственным словам, но мне действительно хотелось этого. Не имея сил дольше сдерживаться, я разревелась.

Флоринда тихо смеялась. Но она не издевалась надо мной; в ее смехе были и доброта, и симпатия. — Твоя мама очень далеко, — сказала она тихо, глядя печально и отстраненно, — и ты никогда не найдешь ее снова. — Ее голос превратился в тихий шепот, когда она продолжала говорить, что жизнь мага создает непреодолимый барьер вокруг нас. Маги, напомнила она, не могут найти утешение в симпатиях других или в жалости к самим себе.

— Ты думаешь, что все, что меня мучит, вызвано жалостью к себе, да?

— Нет. Не только жалостью, но и впечатлительностью тоже. — Она положила руки мне на плечи и обняла меня, как будто я была маленьким ребенком. — Большинство женщин болезненно впечатлительны, ты ведь знаешь, — пробормотала она. — Ты и я среди них.

Я не согласилась с ней, но у меня не было сил возражать. Я была слишком счастлива в ее объятиях. Вместо печали у меня на лице появилась улыбка. Флоринда, как и все остальные женщины в мире магов, нуждались в легком выражении своих материнских чувств. И хотя мне нравилось целовать и обнимать людей, которых я любила, я не выносила оставаться в чьих-либо руках дольше чем на мгновение. Объятие Флоринды было теплым и успокаивающим, как у матери, но это было все, что я могла надеяться получить. Затем она ушла в дом.

Внезапно я начала просыпаться. Какое-то время я просто лежала там — на земле в футе от фонтана — пытаюсь вспомнить что-то из того, что Флоринда говорила мне, прежде чем я уснула под рассеянным солнечным светом. Очевидно, я проспала несколько часов. И хотя небо все еще было светлым, вечерние тени уже

украдкой проникали во двор.

Я собиралась было пойти поискать Флоринду в доме, когда неземного звучания смех эхом разнесся по двору; это был тот самый смех, который я слышала ночью.

Я подождала, прислушиваясь. Вокруг была неподвижная тишина. Не было ни звука, ни шелеста, ни движения. Но как это уже случалось раньше, я ощутила позади бесшумные шаги, легкие, как тени.

Я огляделась вокруг. В дальнем углу двора, почти укрытом цветущей бугенвиллеей, я увидела фигуру женщины, сидящей на деревянной скамье. Она сидела, повернувшись ко мне спиной, но я мгновенно узнала ее.

— Зулейка? — неуверенно прошептала я, боясь, что звук моего голоса может испугать ее.

— Как я рада видеть тебя снова, — сказала она, взглядом приглашая меня сесть рядом с ней.

Ее глубокий, ясный голос свободно вибрировал в воздухе пустыни, и казалось, исходил не из ее тела, но откуда-то издалека. Мне захотелось обнять ее, но я знала, что делать этого не стоит.

Зулейка не выносила прикосновений, поэтому я просто села рядом и сказала ей, что тоже очень рада нашей встрече. К моему глубокому удивлению, она сжала мою руку в своих маленьких нежных руках. Ее бледное модно-розовое красивое лицо выглядело полностью отрешенным. Вся жизнь сконцентрировалась в необыкновенных глазах: ни черных, ни коричневых, но что-то среднее между этим, странно яркое. Она остановила на мне продолжительный взгляд.

— Когда ты пришла сюда? — спросила я.

— Только что, — ответила она, и ее губы сложились в ангельскую улыбку.

— Как ты сюда добралась? Флоринда пришла с тобой?

— Ты ведь знаешь, — сказала она неопределенно, — женщины-маги приходят и уходят незамеченными. Никто не обращает внимания на женщину, особенно если она стара. Зато красивая молодая женщина, с другой стороны, привлекает всеобщее внимание. Поэтому женщинам-магам нужно преодолевать свою привлекательность. Но если они обыкновенные и выглядят по-домашнему, то им нечего бояться.

Внезапный удар в плечо, нанесенный Зулейкой, подбросил меня.

Она снова сжала мою руку, чтобы развеять мои сомнения, а потом посмотрела спокойно и строго и сказала: — Чтобы оставаться в мире магов, нужно прекрасно *сновидеть*. — Она осмотрелась. Почти полная Луна поднималась из-за гор в отдалении. — Большинство людей не имеют достаточно ни разума, ни силы духа для *сновидений*. Мир у них скучный и без конца повторяющийся, и они беспомощны что-либо изменить. И знаешь почему? — спросила она, останавливая на мне острый взгляд. — Потому что если ты не сражаешься, чтобы избежать этого, мир действительно становится для тебя скучным и повторяющимся. Большинство людей настолько увлечены собой, что сходят с ума на этой почве. И у таких идиотов больше нет стремления преодолеть повторяемость и скуку повседневной жизни.

Зулейка встала со скамьи и надела сандалии. Она повязала шаль вокруг талии так, чтобы ее длинная юбка не волочилась по земле, и вышла на середину патио. Я знала, что она собирается делать, даже прежде чем она начала. Она собиралась кружиться. Она собиралась танцевать, чтобы собрать космическую энергию. Женщины-маги верят, что движением тела они могут получить космическую энергию, необходимую для *сновидения*.

Едва заметным движением подбородка она пригласила меня следовать за ней, повторяя ее движения. Она плавно двигалась по темно-коричневым мексиканским плиткам и по коричневым кирпичам, которые были выложены по древней толтекской модели самим Исидоро Балтасаром. Их магический узор объединял поколения магов и *сновидящих* всех времен сплетениями тайн и проявлений энергии — узор, в который он вложил себя, свои внешние черты и внутренний мир, со всей своей силой, *намерением*, существованием в мифе и *сновидением-навеу*.

Зулейка двигалась с уверенностью и ловкостью молодой танцовщицы. Она выполняла простые движения, хотя они требовали такой большой скорости, координации и концентрации, что я очень быстро обессилела. Со сверхъестественной ловкостью и быстротой она неслась прочь от меня, описывая круги. На мгновение она остановилась в нерешительности в тени деревьев, — наверное, чтобы удостовериться, что я следую за ней. Потом она повернула в сторону арочного прохода, встроенного в стену, окружающую территорию дома. Она задержалась на секунду возле двух цитрусовых деревьев, растущих снаружи у стены, которые

стояли как пара часовых в начале пути, ведущего через чапарраль к маленькому дому.

Боясь потерять ее из виду, я бросилась вдогонку по узкой темной тропе. Потом нетерпеливо и с любопытством я следовала за ней уже внутри дома по пути в заднюю комнату. Вместо того, чтобы включить свет, Зулейка потянулась за масляной лампой, висящей на одной из балок, и зажгла ее. Лампа освещала колеблющимся светом все вокруг нас, оставляя углы комнаты в тени. Стоя на коленях возле единственного, что было в комнате из мебели — деревянного ящика у окна, — она вытащила циновку и одеяло. — Ложись на живот, — сказала она тихо, расстелив циновку на полу.

Глубоко вздохнув, я отдалась приятному чувству беспомощности, как только легла на циновку лицом вниз. Чувство мира и комфорта наполнило мое тело. Я ощущала ее руки у себя на спине; она не делала массаж, но просто легко похлопывала.

Несмотря на то, что я часто бывала в маленьком доме, я до сих пор не знала, сколько в нем комнат и как он обставлен. Флоринда сказала мне однажды, что этот дом — центр их приключений.

Именно здесь старый нагваль и его маги сплетают свою магическую паутину. Как и паучья паутина, невидимая и упругая, она, как установлено магами, переносит их в неизвестное, во тьму и свет.

Флоринда говорила также, что этот дом — символ. Маги ее группы не обязательно должны быть в доме или поблизости от него, когда они погружаются в неизвестное через *сновидение*. Куда бы они не отправились, они сохраняют ощущение, настроение этого дома в сердцах. И эти чувства и настроения, чем бы они ни являлись для каждого из них, дают им силу смотреть на повседневный мир с удовольствием и наслаждением.

Резкий хлопок по плечу испугал меня. — Перевернись на спину, — приказала Зулейка.

Я так и сделала.

Ее лицо, когда она наклонила его надо мной, излучало энергию и устремленность. — Мифы — это сны выдающихся *сновидящих*, — сказала она. — Тебе понадобится очень много мужества и концентрации, чтобы понять все это. И кроме того тебе понадобится масса воображения. Ты живешь в мифе, мифе, который был создан вокруг тебя, чтобы сохранить тебя

невердимой.

Она говорила полным почтения тоном. — Ты не сможешь воспринимать этот миф, если тебе неостанет безупречности. Если так случится, миф просто покинет тебя.

Я раскрыла рот, чтобы сказать, что все понимаю, но тут же заметила холод у нее в глазах. Она была здесь не затем, чтобы вступать со мной в диалог.

Повторяющийся звук трения ветвей о стену снаружи утих и превратился в пульсацию в воздухе, которую я скорее чувствовала, чем слышала. Я уже почти засыпала, когда Зулейка сказала, что мне нужно следовать приказам из сна, который повторяется день за днем.

— Откуда ты знаешь, что мне снится такой сон? — встревоженно спросила я, пытаюсь сесть.

— Разве ты не знаешь, что мы разделяем сны друг друга? — прошептала она, укладывая меня обратно на матрас. — Я одна из тех, кто приносит тебе сны.

— Это был всего лишь сон, Зулейка. — Мой голос дрожал, так как я преодолевала отчаянное желание заплакать. Я знала, что это был не просто сон, но мне так хотелось, чтобы она солгала. Тряхнув головой, она посмотрела на меня.

— Нет. Это не просто сон, — спокойно сказала она. — Это магический сон, *видение*.

— Что мне нужно делать?

— Разве сон не указал тебе? — спросила она вызывающим тоном.

— Или Флоринда? — Она смотрела на меня с непостижимым выражением лица. Потом улыбнулась по-детски ясной улыбкой. — Ты должна понять, что не можешь бегать за Исидоро Балтасаром. Он больше не в нашем мире. Ты больше ничего не можешь дать ему или сделать для него. Ты не сможешь присоединиться к нагвалю как личность. Если ты и совершишь это, то только как мифическое существо.

Ее голос был тихим, но твердым, когда она повторила, что я жила в мифе. — Мир магов — мифический мир, отделенный от повседневного мистическим барьером, сотканным из *сновидения* и обязательств.

Только при поддержке и содействии своих *сновидящих* нагваль может привести их в другие жизнеспособные миры, из которых он может привлечь птицу свободы. — Ее слова постепенно затихли в

теньях комнаты, когда она добавила, что поддержка, в которой нуждается Исидоро Балтасар, это энергия *сновидения*, а не человеческие чувства и действия.

После длительного молчания она снова заговорила. — Ты была свидетелем, как старый нагваль, так же, как и Исидоро Балтасар, самым своим присутствием влиял на окружающих, будь это его товарищи-маги или просто посторонние люди, заставляя их осознавать, что мир — это чудо, в котором ничего нельзя считать доказанным ни при каких условиях.

Я согласно кивнула.

Я потратила много времени, пытаюсь понять, как нагвали могут самым своим присутствием делать мир другим. После внимательного продумывания всего, сравнения своего мнения с другими и после бесконечного самонаблюдения я заключила, что их влияние является следствием отречения от мирских забот. В нашем повседневном мире тоже можно найти примеры мужчин и женщин, оставивших позади мирские заботы. Мы называем их мистиками, святыми, религиозными людьми. Но нагвали не мистики, не святые и, конечно же, не религиозные люди. Нагвали мирские люди без частицы мирских интересов.

На подсознательном уровне это противоречие оказывает на людей наиболее потрясающий эффект. Ум людей, находящихся вокруг нагваля, не в состоянии понять, что на него воздействует, но они чувствуют это влияние своим телом как странное беспокойство, толчок к раскрепощению или как чувство неадекватности, как будто что-то трансцендентальное существует где-то, но они не могут понять где.

Но врожденная способность нагвалей воздействовать на других зависит не только от их отказа от мирских забот или от силы их личности, но также от их безупречного поведения. Нагвали безупречны в своих действиях и чувствах, несмотря на ловушки — в нашем мире и в иных мирах, — попадающиеся на их бесконечном пути. Это не значит, что нагваль следует заранее предписанной модели правил и указаний, чтобы вести себя безупречно, или наоборот. Но с другой стороны, они используют все свое воображение, чтобы адаптироваться и освоиться со всем, что происходит, делая свои действия текучими.

Что касается действий, нагвали, в отличие от средних людей, не ищут одобрения, уважения, похвалы или любого другого вида

признания от кого бы то ни было, включая своих товарищей-магов. Все они требуют от себя безупречности, чистоты, целостности. Именно это делает компанию нагваля столь притягательной. Люди попадают в зависимость от его свободы так же, как другие от наркотиков. Для нагваля мир всегда совершенно новый. В его компании каждый начинает смотреть на мир так, как никогда не умел раньше.

— Это потому, что нагвали разбили зеркало саморефлексии, — сказала Зулейка, как будто следовала за потоком моих мыслей. — Нагвали способны видеть себя в зеркале тумана, которое отражает только неизвестное. В этом зеркале больше не отражается наша нормальная человеческая природа, выражающаяся в повторяемости, — перед глазами простирается бесконечность. Маги верят, что когда лицо саморефлексии и лицо бесконечности сливаются, нагваль полностью готов разрушить границы реальности и исчезнуть, как будто он не был сотворен из твердого вещества. Исидоро Балтасар был готов уже давно.

— Он не может оставить меня позади! — закричала я. — Это было бы слишком несправедливо.

— Полный идиотизм размышлять по этому поводу в терминах справедливости и несправедливости, — сказала Зулейка. — В магическом мире есть только энергия. Разве каждый из нас не учил тебя этому?

— Меня очень многому учили, — мрачно признала я. И через несколько минут, надувшись, пробормотала:

— Но сейчас все это ничего не стоит.

— Все, чему мы тебя учили, именно сейчас является самым важным, — возразила она. — Разве ты не знаешь того, что в мрачные минуты войны объединяют свою энергию, чтобы сохранить ее. Воины не поддаются отчаянию.

— Но что из того, что я выучила или испытала, может смягчить мою печаль и отчаяние? — тихо проговорила я. — Я даже пыталась напевать духовные гимны, которым выучилась от моей няни. Флоринда смеялась надо мной. Она решила, что я полная дура.

— Флоринда права, — произнесла Зулейка. — В нашем магическом мире нечего делать с мольбами и заклинаниями, с ритуалами и причудливым поведением. Наш чудесный мир, который есть сон, существует благодаря сконцентрированному

намерению всех тех, кто живет в нем. Он целостен во всякий момент благодаря упорной воле магов. Точно так же повседневный мир держится на упорном желании всех и каждого.

Внезапно она остановилась и, казалось, загнала себя в угол мыслью, которую ей не хотелось высказывать. Потом, улыбнувшись и сделав смешной беспомощный жест, она добавила: — *Сновидеть* наш сон — это значит быть мертвым.

Ты имеешь в виду, что я должна умереть прямо здесь и сейчас? — произнесла я голосом, который становился похожим на хрип. — Ты знаешь, что я готова к этому в любой момент.

Лицо Зулейки ожило, она улыбнулась, как будто я сказала ей самую лучшую из шуток. Видя, что я настолько серьезна, насколько это возможно, она поспешила объяснить: — Нет, нет. Умереть — значит отказаться от своих привязанностей, отпустить все, что у тебя есть, все, чем ты являешься.

— Но в этом нет ничего нового, — сказала я. — Я сделала это тогда, когда вступила в твой мир.

— Очевидно, ты этого не сделала. Иначе ты бы не оказалась в таком положении. Если бы ты умерла так, как этого требуют маги, ты бы не ощущала сейчас боль.

— А что бы тогда я ощущала?

— Долг! Цель!

— Моя боль лишает меня возможности воспринимать цель, — закричала я. — Это отдельно. Независимо. Я жива и чувствую печаль и любовь. Как я могу избежать этого?

— Ты не пытаешься избежать, — объяснила Зулейка, — но нужно просто преодолеть это. Если у воина ничего нет, он ничего не чувствует.

— Что же это за пустой мир? — вызывающе спросила я.

— Пуст именно мир индугирования, потому что индугирование исключает все, кроме индугирования. — Она внимательно и нетерпеливо смотрела на меня, как будто ждала, чтобы я согласилась с ее утверждением. — Да, это односторонний мир. Скучный и повторяющийся. Для мага противоядием к индугированию является действие. И он не только так думает, но и делает это.

Как будто холодный осколок вырвался из моей спины. Я снова и снова смотрела на великолепный диск Луны, сияющий сквозь окно. — Я действительно не понимаю, о чем ты говоришь, Зулейка.

— Ты очень хорошо меня понимаешь, — напомнила она. — Твой сон начался, когда ты встретила меня. Сейчас самое время для другого сна. Но сейчас сон мертв. Твоей ошибкой было *сновидеть*, оставаясь живой.

— Что ты имеешь в виду? — беспокойно спросила я. — Не мучай меня загадками. Ты сама говорила мне, что только мужчины валяют дурака с загадками. Ты то же самое делаешь со мной сейчас.

Смех Зулейки эхом разносился от стены к стене. Он был похож на шелест листьев, гонимых ветром. — *Сновидеть*, оставаясь живой, — значит иметь надежду. Это означает, что ты цепляешься за свой сон, как за жизнь. *Сновидеть*, будучи мертвым, означает *сновидение без надежды*. Тогда *сновидишь* без привязанности к своим снам.

Я лишь кивала, с недоверием относясь к тому, что могу наговорить в ответ.

Флоринда говорила мне, что свобода — это полное отсутствие забот о чем бы то ни было, отсутствие стремлений, даже когда заключенный в нас объем энергии освобожден. Она говорила, что эта энергия освобождается, только если мы исключим все возвышающие концепции, которые у нас есть о себе, о нашей важности, важности, которую, как мы чувствуем, нельзя ни вышучивать, ни нарушать.

Голос Зулейки был ясным, но казалось, приходил издалека, когда она добавила:

— Цена свободы очень высока. Свобода может быть достигнута лишь *сновидением без надежды*, желанием отказаться от всего, даже от *сновидения*.

— Для некоторых из нас *сновидение без надежды*, борьба без видимой цели — это единственный путь быть подхваченными птицей свободы.

[НАЗАД](#) | [INDEX](#) | [ВПЕРЕД](#)

Флоринда Доннер.

Сон ведьмы.

Оглавление

Предисловие.....	2	15.....	65
Примечания автора.....	3	16.....	66
Часть первая.....	4	17.....	68
 1.....	4	18.....	76
 2.....	6	Часть пятая.....	78
 3.....	9	19.....	78
 4.....	13	20.....	91
 5.....	18	Часть шестая.....	93
 6.....	21	21.....	93
 7.....	32	22.....	98
Часть вторая.....	34	23.....	107
 8.....	34	Часть седьмая.....	109
 9.....	36	24.....	109
 10.....	46	25.....	114
Часть третья.....	48	26.....	123
 11.....	48	Часть восьмая.....	125
 12.....	53	27.....	125
 13.....	62	28.....	137
Часть четвертая.....	64	Эпилог.....	142
 14.....	64		

Предисловие.

Труд Флоринды Доннер имеет для меня особое значение. Он, фактически, находится в согласии с моей собственной работой, но в то же время несколько отходит от нее. Флоринда Доннер — мой соратник. Мы оба вовлечены в одно и то же занятие; мы оба принадлежим миру дона Хуана Матуса. Отличие происходит из-за того, что она женщина. В мире дона Хуана мужчины и женщины идут в одном направлении, одним и тем же путем воина, но по противоположным краям дороги. Поэтому взгляды на одни и те же явления получены с этих двух позиций и разнятся в деталях, но не в целом.

Такая близость к Флоринде Доннер при любых других обстоятельствах могла бы неизбежно породить скорее чувство верности, чем безжалостной проверки. Но по предпосылкам пути воина, которому мы оба следуем, верность выражается только в требовании чего-то лучшего для себя. Для нас лучшее означает полную проверку всего того, что мы делаем.

Следуя учению дона Хуана, я предпринял безжалостную проверку работы Флоринды Доннер. И нашел, что для меня здесь имеется три различных уровня, три четкие сферы ее оценки.

Во-первых — это богатые подробности ее описания и повествования.

По-моему, эти детали этнографичны. Мелочи повседневной жизни, заурядные для культурного окружения описанных персонажей, представляют собой нечто совершенно нам неизвестное.

Во-вторых — все сделано очень изящно. Я рискну сказать, что этнограф должен быть еще и писателем. Для того, чтобы ввести нас в этнографическое описание мира, этнограф должен быть более чем ученым-обществоведом, он должен быть художником.

Третьим является честность, простота и прямолинейность работы. И здесь я, без сомнения, очень требователен. Флоринда Доннер и я сформированы одними и теми же силами; поэтому ее труд подчинен общей модели устремления к совершенству. Дон Хуан учил, что наш труд должен быть полным отражением нашей жизни.

Я не в силах выразить чувство восхищения и уважения воина к Флоринде Доннер, той, кто в одиночестве, имея мизерный шанс, сохранила свое душевное равновесие и осталась верным последователем пути воина и учения дона Хуана.

Карлос Кастанеда.

Примечания автора.

В предиспанские времена штат Миранда на северо-востоке Венесуэлы был населен индейскими племенами карибов и кинарикотов. В колониальную эпоху здесь появились две другие расовые и культурные группы: испанские колонизаторы и африканские рабы, которых испанцы принуждали работать на своих плантациях и рудниках.

Потомки индейцев, испанцев и африканцев образовали смешанное население, которое в настоящее время населяет мелкие деревушки, селения и города, разбросанные в прибрежной и материковой зоне.

Некоторые города штата Миранда известны своими травниками и знахарями, многие из которых были спиритами, медиумами и магами.

В середине семидесятых годов я приехала в Миранду. Будучи в то время студентом-антропологом и интересуясь знахарством, я работала с женщиной-знахаркой. Учитывая ее просьбу остаться неизвестной, я назову ее Мерседес Перальтой, а ее город — Курминой.

С разрешения знахарки, так четко и точно, как только могла, я записывала в свой полевой блокнот все, что касалось моих отношений с ней, начиная с момента моего прихода в ее дом. Мною записаны несколько историй, рассказанных некоторыми из ее пациентов. Поэтому настоящая работа состоит из частей моего полевого блокнота и рассказов этих пациентов, причем материал подбирала лично Мерседес Перальта. Части, взятые из дневника, написаны от первого лица. Рассказы пациентов приведены в третьем лице.

Единственной вольностью в обращении с материалом является изменение имен и личных дат персонажей рассказов.

Часть первая.

1.

Все началось для меня с трансцендентального события; события, которое определило ход моей жизни. Я встретила с нагвалем. Он был индейцем из Северной Мексики.

Словарь испанской королевской академии определяет термин "нагваль", как испанскую адаптацию слова "нахуталь", которое означает колдуна или мага на языке аборигенов Южной Мексики.

До сих пор в современной Мексике существуют традиционные истории о нагвале, человеке древних времен, обладающие необычайными силами, способном выполнять действия, которые не поддаются воображению. Однако, в настоящее время и в городе, и на селе, нагваль считается чистой легендой.

Впечатление такое, что они живут в народных сказаниях, в мире фантазии и слухов.

Тем не менее, нагваль, которого я встретила, был реальным. В нем не было ничего иллюзорного. Когда я спросила его о хорошо известной уникальности, которая делала его нагвалем, он предъявил по видимости простую, и все же совершенно сложную идею, в стиле объяснения того, что он делал, и того, кем он был. Он рассказал мне, что нагвальство начинается с двух несомненных фактов: факта того, что люди являются необычными существами, живущими в необычайном мире; и факта того, что ни при каких обстоятельствах ни человек, ни мир не могут считаться доказанными и определенными.

Он сказал, что из этих простых предпосылок вырастает простой вывод: нагвальство срывает одну маску и немедленно надевает другую. Нагвали срывают маску, которая позволяет нам видеть себя и мир, в котором мы живем, как нечто обычное, неприхотливое, предсказуемое и повторяющееся; они надевают вторую маску, ту, которая поможет нам увидеть себя — и наше окружение — как потрясающие события, которые расцветают только на краткий миг и никогда не будут повторены вновь.

После встречи с этим незабываемым нагвалем у меня был момент нерешительности и колебаний, исключительно благодаря страху, который я почувствовала при пересмотре подобного впечатляющего примера. Я хотела убежать от нагваля и его предметов поиска, но не смогла сделать это.

Немного позже я сделала решительный шаг и присоединилась к нему и его партии.

Но это не рассказ о нагвале, хотя его идеями и влиянием отмечено все, что я делала. Не мое дело писать или даже упоминать о нем. Есть другие в его группе, кто делает это.

Когда я присоединилась к нему, он устроил мне в Мексике встречу с необычайной и поразительной женщиной — возможно, она была самой осведомленной и влиятельной женщиной в его группе. Ее звали Флоринда Матус. Несмотря на ее одежду скучно-однообразного цвета, она имела врожденное изящество высокой и тонкой женщины. Ее немного бледное лицо, худощавое и строгое, было увенчано косой светлых волос и

привлекало большими светящимися глазами. Ее хриплый голос и радостный смех успокоили мой необоснованный страх перед ней.

Нагваль оставил меня на ее попечение. Я сразу же спросила Флоринду, была ли она сама тоже нагвалем. Как-то загадочно улыбаясь, она уточнила определение этого слова: "Быть колдуном, магом или ведьмой не означает быть нагвалем. Но любой из них может стать им, если он или она примут ответственность и поведут группу мужчин или женщин, вовлеченных в определенный поиск знаний".

Когда я спросила ее, что представляет собой этот поиск, она ответила, что этим мужчинам или женщинам надо найти вторую маску, которая помогла бы им увидеть себя и мир такими, какими мы действительно являемся — потрясающими событиями.

Но здесь не будет рассказа о Флоринде, несмотря на то, что эта женщина наставляла меня в каждом действии, которое я выполняла. Это скорее рассказ об одной из многих вещей, которые она заставила меня делать.

— Для женщины поиск знания в самом деле очень любопытная вещь, — сказала мне однажды Флоринда, — мы проходим здесь через странную уловку.

— Почему это так, Флоринда?

— Потому что женщина в действительности этого не хотят.

— Я хочу.

— Ты говоришь, что хочешь. В действительности ты не хочешь этого.

— Я здесь, с тобой. Разве это не говорит о моем желании?

— Нет. Случилось так, что ты понравилась нагвалю. Его индивидуальность одолела тебя. Я сама такая же. Я была ошеломлена предшествующим нагвалем. Он был самым неотразимым магом.

— Я допускаю, что ты права, но лишь отчасти. Я хочу участвовать в поиске нагваля.

— Я не сомневаюсь в этом. Но этого недостаточно. Женщинам необходимы некоторые особенные уловки, чтобы добраться до сути самих себя.

— Какие уловки? О какой сути самой себя ты говоришь, Флоринда?

— Если внутри вас есть что-то, о чем вы не знаете, например, скрытые резервы, неожиданная наглость и коварство, или благородство души в минуты горя и боли, это должно выйти, когда мы сталкиваемся с неизвестным, оставаясь одинокими, без друзей, без привычных групп, без поддержки. Если при таких обстоятельствах из вас ничего не вышло, значит, у вас ничего и нет. И прежде, чем сказать, что ты действительно жаждешь поисков нагваля, определи для себя, имеется ли что-нибудь внутри тебя. Я требую, чтобы ты сделала это.

— Я не думаю, что получу какую-то пользу, проверяя себя.

— Тогда вот мой вопрос: можешь ли ты жить без знания того, имеется или нет что-либо скрытое внутри тебя?

— Но что, если я одна из тех, у кого ничего нет?

— Если это так, тогда я задам тебе свой второй вопрос. Можешь ли ты продолжать жить в мире, избранном тобой, если ты не имеешь ничего внутри себя?

— Почему же, конечно, я могу продолжать быть здесь. Я уже присоединилась к тебе.

— Нет, ты только думаешь, что избрала мой мир. Избрание мира нагваля — это не просто тема для разговора, как у тебя. Ты должна доказать это.

— Как, по-твоему, я могу это сделать?

— Я дам тебе намек. Ты не последуешь ему, но если все же захочешь, поезжай одна туда, где ты родилась. Ничто не может быть лучше и легче, чем это. Иди и возьми свой шанс, каким бы он ни был.

— Но твой совет непрактичен. У меня нет добрых чувств к этому месту.

Я не смогу оставаться там в хорошем состоянии.

— Тем лучше; шансы будут против тебя. Именно поэтому я и выбрала твою родину. Женщине не нравится быть слишком обеспокоенной; если она заботится о вещах, она связана. Докажи мне, что ты не поступишь таким образом.

— Посоветуй мне, что я должна делать в этом месте?

— Будь собой. Делай свою работу. Ты говорила, что ты хочешь стать антропологом. Будь им. Что может быть проще?

2.

Несколько лет спустя, следуя советам Флоринды, я наконец вернулась в Венесуэлу — туда, где родилась. На первый взгляд я собирала антропологические данные о знахарской практике. В действительности я исполняла здесь, по наставлению Флоринды, необходимые уловки, чтобы обнаружить, обладаю ли я скрытыми резервами, без которых невозможно оставаться в мире нагваля.

Согласие на то, что моя поездка будет предприниматься в одиночестве, было вытянуто из меня почти силой. Строго и решительно Флоринда заметила, что ни при каких обстоятельствах я не должна советоваться с кем-либо во время поездки. Зная, что я учусь в колледже, она порекомендовала мне не пользоваться привилегиями академической жизни. Я не могла просить о стипендии, имея научного руководителя, не могла даже просить помощи у родных и близких. Я должна была позволить обстоятельствам диктовать путь следования, и приняв только его, я бросилась в это с неистовством женщины на пути нагваля.

Я договорилась поехать в Венесуэлу с неофициальным визитом. Мне можно было видиться с родственниками. Я думала и собирала сведения о любой возможности для будущего исследования в культурной антропологии. Флоринда хвалила меня за быстроту и тщательность, хотя мне кажется, она забавлялась со мной. Хвалить меня было не за что. Я напомнила ей, что меня волнует отсутствие ее инструкций. Снова и снова я просила ее более детально раскрыть мою роль в Венесуэле. Чем ближе подходила дата моего отъезда, тем больше я беспокоилась об исходе всего этого. Я настаивала, правда, не в очень ясных выражениях, на необходимости более определенных инструкций.

Мы сидели в плетеных креслах, удобно подбитых мягкими подушками, в тени фруктовых деревьев, растущих в ее огромном дворе. В своем длинном кисейном платье, в своей широкополой шляпке, обмахиваясь разрисованным веером, она выглядела человеком другой эпохи.

— Забудь об определенной информации, — сказала она нетерпеливо, — она не принесет тебе никакой пользы.

— Она обязательно даст мне массу полезного, — настаивала я, — я действительно не понимаю, почему ты не сделаешь этого для меня, Флоринда.

— Вيني в этом тот факт, что я нахожусь в мире нагваля; тот факт, что я женщина, и что я принадлежу другому настроению.

— Настроению? Что ты подразумеваешь под настроением?

Она посмотрела на меня далеким беспристрастным взглядом.

— Хотела бы я, чтобы ты слышала свои слова. Какое настроение? — передразнила она меня. Ее лицо выразило презрение, — видишь ли, аккуратная расстановка мыслей и дел не для меня. Для меня порядок отличается от аккуратной расстановки вещей. Я не проклинаю глупость и не имею терпение.

Это является настроением.

— Это звучит ужасно, Флоринда. Я была уверена, что в мире нагваля люди стоят выше мелочности и не ведут себя нетерпеливо.

— Быть в мире нагваля значит ничего не делать со своим настроением, — сказала она, сделав смешной, безнадежный жест, — ты же видишь, я безупречно нетерпима.

— Мне действительно хочется знать, что означает быть безупречно нетерпимой.

— Это означает, например, что я полностью сознаю, как ты надоела мне со своей глупой настойчивостью, выпрашивая подробные инструкции. Моя нетерпимость говорит мне, что я должна остановить тебя. Но моя безупречность заключается в том, чтобы заставить тебя замолчать немедленно.

Все это выльется в следующее, — продолжала она, — если ты, несмотря на мое предупреждение, будешь упорствовать в просьбе о подробностях, что вызвано только твоей дурной привычкой иметь все разжеванным, я ударю тебя, чтобы ты остановилась. Но я никогда не буду сердита или обижена на тебя.

Несмотря на ее серьезный тон, я засмеялась.

— Ты действительно будешь меня бить, Флоринда? Хорошо, лупи меня, если тебе это нужно, — добавила я, рассматривая ее решительное лицо, — но мне надо знать, что я буду делать в Венесуэле. Я схожу с ума от волнения.

— Все верно! Если ты настаиваешь на знании деталей, которые я считаю важными, я расскажу тебе. Я надеюсь, ты понимаешь, что мы разделены бездной, и через эту бездну нельзя перебросить мост с помощью болтовни.

Мужчины могут строить мосты из своих слов, а женщины не могут. Сейчас ты подражаешь мужчинам. Женщины делают мост из своих поступков. Ты знаешь, что мы даем рождение. Мы создаем людей. Я настаиваю на твоём отъезде для того, чтобы ты в одиночестве определила, что является твоими сильными сторонами, а что — слабостями.

— Я понимаю, о чем ты говоришь, Флоринда, но прими во внимание мое положение.

Флоринда смягчилась, отбросив резкий ответ, уже готовый сорваться с ее губ.

— Все верно, все верно, — сказала она устало, жестом приказав мне поставить свой стул рядом с ней, — я дам тебе подробные детали того, что я считаю важным для твоей поездки. К счастью для тебя, это не будет подробной инструкцией, за которой ты гоняешься. Ты хочешь, чтобы я точно расписала тебе, что делать в будущей ситуации и когда это делать. То, о чем ты просишь, совершенно глупо. Как я могу дать тебе инструкции о том, чего еще не существует? Лучше я дам тебе взамен инструкции, как привести в порядок свои мысли, чувства и реакции. Используя их, ты справишься с любой возможностью, которая может представиться.

— Ты это серьезно, Флоринда? — спросила я недоверчиво.

— Я смертельно серьезна, — уверила она меня. Наклоняясь вперед на своем стуле, она продолжала говорить, сопровождая все улыбкой и смехом, — первым подробным пунктом считается проведение инвентаризации самой себя.

Видишь ли, в мире нагваля мы должны отвечать за свои поступки.

Она начала напоминать мне то, что знала о пути воина. За то время, что я была с ней, говорила она, я прошла обширную практику в тяжелой психологии мира нагваля. Поэтому любые детальные инструкции, которые она могла мне сейчас преподнести, фактически были подробным напоминанием о пути воина.

— На пути воина женщина не чувствует себя важной, — продолжала она, словно декламируя что-то заученное наизусть, — так как важность смягчает неистовство. На пути воина женщины свирепы. Они остаются неистово беспристрастными при любых условиях. Они не требуют ничего, но готовы дать себе все, что угодно. Они неистово ищут сигнал из души вещей в виде доброго слова, уместного жеста; и когда они находят его, то выражают свою благодарность, удваивая свое неистовство.

На пути воина женщины не рассуждают. Они неистово ступают для того, чтобы слушать и наблюдать, поэтому они могут покорять и быть покорными своим победителям, или быть побежденными возвеличены поражением.

На пути воина женщины не сдаются. Они могут быть побеждены тысячи раз, но они никогда не сдаются. И превыше всего, на пути воина женщины свободны.

Не смея перебивать ее, я продолжала очарованно смотреть на Флоринду, хотя и не совсем понимала то, о чем она говорит. Я почувствовала острое отчаяние, когда она остановилась, будто ей нечего было больше мне сказать.

Совершенно не желая того, я бесконтрольно расплакалась. Я знала, что то, о чем она говорит, не поможет мне решить свои проблемы.

Она позволила мне поплакать немного, а затем рассмеялась.

— Ты на самом деле плачешь! — недоверчиво воскликнула она.

— Ты самая бессердечная и бесчувственная из всех, кого я встречала, — сказала я сквозь рыдания, — ты готова отправить меня бог знает куда, и даже не говоришь, что мне там делать.

— Но я уже сделала это, — сказала она, спокойно улыбаясь.

— То, что ты сказала, не имеет значения в реальной жизненной ситуации, — сердито возразила я, — а сама ты выглядишь, как диктатор, который выкрикивает с трибуны лозунги.

Флоринда весело смотрела на меня.

— Ты будешь удивлена, как много пользы можно извлечь из этих глупых лозунгов, — сказала она, — но сейчас давай придем к соглашению. Я никуда не гоню тебя. Ты женщина на пути воина, ты вольна делать все, что пожелаешь, и ты знаешь это. Ты еще не поняла, что мир нагваля повсюду. Я не учитель для тебя; я не наставник для тебя; я за тебя не отвечаю. Только ты за себя в ответе. Самой трудной вещью, которую следует понять о мире нагваля, является то, что он предлагает полную свободу. Но свобода не освобождает.

Я взяла тебя под свое крылышко из-за того, что у тебя есть естественная способность видеть все так, как оно есть, ты можешь убрать себя из ситуации и увидеть в этом нечто удивительное. Это дар; ты была рождена такой. Для обычных людей требуются годы, чтобы убрать себя из своих затруднений с самим собой и обрести способность видеть в этом нечто удивительное.

Не считаясь с ее похвалой, я продолжала беспокоиться. В конце концов она успокоила меня, пообещав, что перед моим отъездом даст мне подробную информацию, какую я только пожелаю.

Я ждала ее в зале ожидания аэропорта, но Флоринда не пришла.

Удрученная и переполненная жалостью к себе, я дала волю своему отчаянию и разочарованию. Под любопытными взорами прохожих я села и заплакала. Я не чувствовала себя такой одинокой никогда раньше. Все, о чем я могла думать тогда, так это только о том, что никто не пришел проводить меня, никто не помог мне нести мои чемоданы. Я всегда пользовалась услугами родственников и друзей, провожавших меня.

Флоринда предупреждала меня, что любой, кто выбрал мир нагваля, должен быть готов к неистовому одиночеству. Она ясно выразилась, что для нее одиночество означает не уединенность, а физическое состояние уединенности.

3.

Я никогда себе не представляла, какой защищенной была моя жизнь. В комнате отеля в Каркасе, одна и без каких-нибудь идей о том, что делать, я только сейчас испытала одиночество, о котором говорила Флоринда.

Единственное, что я могла еще делать — это сидеть в кровати и смотреть телевизор. Я не желала касаться своих чемоданов и даже подумывала улететь обратно в Лос-Анджелес. Моих родителей в это время в Венесуэле не было, а с братьями я не смогла созвониться.

Только после огромного усилия я начала распаковывать свои вещи. И вдруг нашла записку, написанную Флориндой; она была аккуратно спрятана внутри пары сложенных брюк. Я жадно прочла ее.

"Не беспокойся о мелочах. Если имеешь убеждение, то мелочи склонны подчиняться обстоятельствам. Твоим планом может быть следующее. Выбери что-нибудь и назови это началом. Затем иди и стань лицом к началу. Встав лицом к лицу с началом, позволь ему сделать с собой все, что угодно. Я надеюсь, что твои убеждения не позволят тебе выбрать начало с причудами.

Смотри на вещи реально и скромно. Начни это сейчас!

Для начала можешь делать все, что хочешь".

Обретя решительность Флоринды, я взяла телефон и набрала номер моей старой подруги. У меня не было уверенности, что она еще живет в Каркасе.

Вежливая дама, ответившая мне, дала несколько других номеров, так как моя знакомая недолго жила по этому адресу. Я начала звонить всем, кого знала, мне нельзя было останавливаться. Начало овладело мной. В конце концов я нашла супружескую пару, которую знала с детства. Это были друзья моих родителей. Они захотели увидеть меня немедленно. Собираясь на свадьбу, они настояли на том, чтобы я присоединилась к ним. Они уверяли меня, что все будет хорошо.

На свадьбе я встретила бывшего священника-иезуита, который был антропологом-любителем. Мы проговорили с ним много часов подряд. Я рассказала ему о своем интересе к антропологическим изысканиям. Как будто ожидая от меня этого, он начал

излагать спорные мнения о народных целителях, раскрывая социальную роль, которую они играли в своем окружении.

Я не упоминала целителей или целительство вообще, как возможное направление моих изысканий, хотя они и стояли для меня на первом плане.

Вместо чувства радости, что он, казалось бы, следует моим сокровенным желаниям, я начала опасаться, что стою на грани срыва. Когда же он сказал, что мне не следует посещать городок Сортес, хотя его и принято считать центром спиритизма в западной Венесуэле, я почувствовала, что он мне надоел до чертиков. Он, казалось, предвосхищал каждый мой шаг. Это был именно тот городок, куда я собиралась съездить, если не случится чего-нибудь еще.

Я вполне оправдала себя и уже собиралась покинуть священника, когда он довольно крикливым тоном сказал, что мне нужно серьезно подумать о поездке в Курмину, в северную Венесуэлу, где я могла бы найти феноменальную удачу, так как город был новым и истинным центром спиритизма и знахарства.

— Я не понимаю, как и откуда, но я знаю, что ты до смерти хочешь встретиться с ведьмами Курмины, — сказал он сухим деловым тоном.

Он взял кусок бумаги и начертил карту области. Затем отметил точные расстояния в километрах от Каркаса до разных мест, где, как он говорил, жили спириты, маги, ведьмы и знахари. Он уделил особое внимание имени Мерседес Перальты. Совершенно бессознательно он выделил его, сначала окружив его, а затем начертив вокруг него жирной линией квадрат.

— Она спиритуалистка, ведьма и знахарка, — сказал он, улыбаясь мне, — ты, наверное, захочешь повидать ее?

Я знала, о ком он говорит. Под руководством Флоринды я встречалась и сотрудничала со спиритами, магами, ведьмами и знахарями Северной Мексики и среди латинского населения южной калифорнии. С самого начала Флоринда дала мне их классификацию. Спириты являются практиками, которые умоляют души святых или чертей заступиться за них, а в некоторых случаях — за их пациентов. Их функция заключается в том, чтобы войти в контакт с духами и истолковать их советы. Советы даются посредством встреч, на которые вызывают духов. Маги и ведьмы являются практиками, которые влияют на своих пациентов непосредственно. С помощью знания оккультных наук они прикладывают неизвестные и непредсказуемые элементы к двум типам людей, которые приходят посмотреть на них. Это пациенты, ищущие помощи, и клиенты, жаждущие взглянуть на магические дела. Целители являются практиками, которые стремятся исключительно к восстановлению здоровья и благополучия.

Флоринда подстраховалась, она включила в эту классификацию все возможные классификации этих трех.

В шутливой форме, но со всей серьезностью, она утверждала, что в вопросе восстановления здоровья я предрасположена верить, что не западные методы менее эффективны, чем медицина запада. Она пояснила, что я ошибаюсь, не понимая, что лечение зависит от практикующего, а не от знания тела. Она утверждала, что не западных методов лечения, как отдельной вещи, нет, поскольку лечение, в отличие от медицины, не является оформленной дисциплиной. Флоринда шутила надо мной, высмеивая мой предрассудок верить в то, что если пациент вылечился с помощью лекарственных растений, массажа или магических заклинаний, то либо болезнь была психосоматической, либо лечение было результатом везения, счастливой случайности, к которой сам практик не имеет никакого отношения.

Флоринда была убеждена, что человек, который удачно восстанавливает здоровье, будь он доктор или народный целитель, является тем, кто может изменять фундаментальные ощущения тела о себе и своих связях с миром — то есть тот, кто предоставляет свой ум и тело новым возможностям, при помощи которых могут быть сломаны привычные формы шаблонов, которым тело и ум приучены подчиняться.

Флоринда долго смеялась, когда я выразила искреннее удивление, выслушав подобные мысли, бывшие в то время для меня революционными. Она сказала мне, что все, о чем она говорит, происходит от знания, которое она делит со своими спутниками в мире нагваля.

Следуя инструкциям, данным Флориндой в записке, я позволила ситуации вести меня; я дала ей развиваться с минимальным вмешательством с моей стороны. Я чувствовала, что должна переехать в Курмину и увидеть женщину, о которой говорил бывший священник-иезуит.

Когда я впервые приехала в дом Мерседес Перальты, мне пришлось немного подождать в затемненном коридоре, прежде чем я услышала голос, звавший меня из-за портьеры, служившей дверью. Я поднялась по двум ступенькам, ведущим в большую, слабо освещенную комнату, где чувствовался запах сигар и нашатыря. Несколько свечей, горевших на массивном алтаре у дальней стены, освещали статуэтки и картины святых, расставленные вокруг облаченной в голубую мантию девы из Коромото. Это была прекрасно вырезанная статуя с красными смеющимися губами, румяными щеками и глазами, которые, казалось, пристально смотрели на меня снисходительным и всепрощающим взором.

Я чуть-чуть прошла. В углу, почти скрытая между алтарем и высоким прямоугольным столом, сидела Мерседес Перальта. Она казалась спящей, ее голова откинулась на спинку стула, глаза были закрыты. Она выглядела очень старой. Я никогда не видела такого лица. Даже в своей спокойной неподвижности оно выдавало пугающую силу. Отблеск свечей скорее смягчал, чем подчеркивал решительность, отпечатанную в сети морщин.

Она медленно открыла глаза — они были огромными, миндальной формы.

Белки ее глаз незаметно меняли свой цвет. Сначала ее глаза были почти пустыми, затем они ожили и пристально посмотрели на меня с тревожной прямоотой ребенка. Прошло несколько секунд и постепенно под ее пристальным взглядом, который не был ни враждебным, ни дружелюбным, я начала чувствовать себя неудобно.

— Добрый день, донья Мерседес, — приветствовала я ее прежде, чем окончательно потерять всю свою храбрость и убежать из дома, — мое имя Флоринда Доннер, и я буду очень прямолинейной, чтобы не занимать твое ценное время.

Она несколько раз мигнула, подстраивая свои глаза, чтобы продолжать смотреть на меня.

— Я приехала в Венесуэлу изучать методы лечения, — продолжала я, приобретая уверенность, — я учусь в университете в соединенных штатах, но мне по-настоящему нравится быть знахаркой. Я могу платить тебе, если ты примешь меня, как ученицу. Но даже если ты не примешь меня в ученицы, я могу заплатить тебе за любую информацию, которую ты мне сможешь дать.

Старая женщина не сказала ни слова. Она жестом пригласила меня сесть на табурет, затем поднялась и посмотрела на металлический предмет, лежавший на столе. На ее лице было комическое выражение, когда она вновь посмотрела на меня.

— Что это за аппарат? — спросила я отважно.

— Это морской компас, — небрежно сказала она, — он говорит мне всякого рода вещи.

Она подняла его и положила на самую верхнюю полку стеклянного буфета, который стоял у противоположной стены. По-видимому, ее осенила забавная мысль и она начала смеяться.

— Да, я дам тебе любого рода информацию о знахарстве, но не потому, что ты просишь меня об этом, а потому, что тебе повезло. Я уже знаю это наверняка. Чего я не знаю, так это сильна ли ты.

Старая женщина на миг замолчала, а затем вновь заговорила громким шепотом, совершенно не глядя на меня; ее внимание привлекло что-то, находящееся внутри стеклянного буфета.

— Удача и сила — вот все, на что можно полагаться, — сказала она, — я поняла, что ты везучая, той ночью, когда видела тебя на площади, ты еще смотрела на меня.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — сказала я.

Мерседес Перальта повернулась лицом ко мне и вдруг захохотала так странно, что я определенно начала думать о ее безумии. Она раскрыла свой рот так широко, что я увидела несколько коренных зубов, которые у нее еще остались. Затем она резко остановилась, села на свой стул и начала настаивать на том, что видела меня ровно две недели назад поздно ночью на рыночной площади. Она объяснила мне, что была с другом, который вез ее домой из прибрежного поселка со спиритического сеанса. Хотя ее друг и был озадачен, увидев меня одну поздно ночью, она сама ничуть не удивилась.

— Ты мгновенно напомнила мне кое-кого, — сказала она, — это было после полуночи. Ты улыбалась мне.

Я не могла припомнить то, о чем она говорила или то, что я была одна на площади в столь поздний час. Но это могло быть; она видела меня в ту ночь, когда я приехала из Каркаса. Я напрасно ожидала целую неделю, что кончится дождь, и в конце концов рискнула выехать из Каркаса в Курмину.

Мне было прекрасно известно, что здесь бывают частые оползни, так что вместо обычных двух часов пути поездка заняла все четыре. В то время, когда я приехала, весь город спал, я же занялась поисками общежития вблизи от рыночной площади, которое мне порекомендовал бывший священник.

Она поразила меня своим упорством в том, что якобы знала, что я приехала ради нее, с целью увидеться с ней. Тогда я рассказала ей о бывшем священнике, и о том, что он говорил мне на свадьбе в Каркасе.

— Он прямо-таки настаивал, чтобы я повидалась с тобой, — сказала я, — он говорил, что твоими предками были маги и знахари, знаменитые в колониальные времена, и что они даже преследовались святой инквизицией.

Проблеск удивления мелькнул в ее глазах.

— Ты знаешь, что в те дни обвиненных ведьм пытались отправить из Картагена в Колумбию? — спросила она и тут же продолжала: — Венесуэла не была такой важной страной, чтобы иметь свой инквизиторский трибунал, — она сделала паузу и, глядя мне прямо в глаза, спросила: — где ты первоначально планировала изучать знахарские методы?

— В штате Яраку, — неопределенно сказала я.

— Сортес? — спросила она, — мария Лионза?

Я кивнула головой. Сортес был тем городом, где сосредоточился культ Марии Лионзы. Говорили, что рожденная от индейской принцессы и испанского конкистадора, Мария Лионза имела сверхъестественные силы. Сегодня в Венесуэле ее почитают тысячи людей, как самую святую и чудесную женщину.

— Но я приняла совет бывшего священника и приехала в Курмину, — сказала я, — потом переговорила с двумя знахарками, и обе они сошлись на том, что ты самая знающая, и только ты можешь объяснить мне тайны знахарства.

Я рассказала ей о методах, которым хотела следовать при обучении: я хотела непосредственно наблюдать и участвовать в каких-либо знахарских сессиях, при этом по возможности, записывая их на магнитофон, и, что важнее всего, беседовать с пациентами, за которыми наблюдала.

Старая женщина кивала мне, время от времени хихикая. К моему величайшему удивлению, она полностью согласилась на предложенные мной условия. Она с гордостью сообщила мне, что несколько лет тому назад с ней беседовал психолог Каркасского университета, который даже прогостил в ее доме целую неделю.

— Думаю, что тебе будет выгодней переехать сюда и жить со мной, — предложила она, — комнат в этом доме достаточно.

Я приняла ее приглашение, но сказала, что рассчитываю остаться здесь по крайней мере на полгода. Она была невозмутима. По ее словам, я могла оставаться с ней годы.

— Я рада тебе, Музия, — прибавила она мягко.

Я улыбнулась. Хотя я родилась и выросла в Венесуэле, всю жизнь меня называли Музия. Это обычно пренебрежительный термин, но в зависимости от тона, в котором он произносится, его можно понимать, как ласковое выражение, относящееся к любому, кто является белокурым и голубоглазым.

4.

Напуганная слабым шорохом юбки, прошелестевшей позади меня, я раскрыла свои глаза и уставилась на свечу, горящую на алтаре в полутьме комнаты. Пламя мигнуло и испустило тонкую черную нить дыма. На стене выступила тень женщины с палкой в руке. Тень, казалось, была окружена частоколом мужских и женских голов, которые с закрытыми глазами сидели рядом со мной на старых деревянных стульях, расставленных по кругу. Я едва смогла подавить нервное хихиканье, поняв, что это Мерседес Перальта, которая вкладывает в рот каждого из нас большие самодельные сигары. Затем, сняв с алтаря свечу, она дала каждому прикурить от нее, и, наконец, переставила свой стул в центр круга. Глубоким монотонным голосом она начала петь непонятные, часто повторяющиеся заклинания.

Сдержав приступ кашля, я попыталась синхронизировать мое курение с быстрыми затяжками людей вокруг меня. Сквозь проступившие слезы я следила за их серьезными, окаменевшими лицами, которые с каждой затяжкой становились все живее и живее, пока не начали казаться растворяющимися в сгустившемся дыме. Подобно бестелесному объекту, рука Мерседес Перальты материализовалась из этого парообразного тумана. Щелкнув пальцами, она несколько раз начертила в воздухе воображаемые линии, соединяющие четыре главные точки (стороны света).

Подражая другим, я начала раскачивать свою голову вперед и назад в ритме со щелчками ее пальцев и ее низкоголосых заклинаний. Игнорируя растущую тошноту, я

заставила себя держать глаза так, чтобы не фокусироваться на отдельных деталях того, что происходило вокруг меня. Это было первый раз, когда мне разрешили присутствовать на встрече спиритов.

Донья Мерседес служила медиумом и связным духов.

Ее собственное определение спиритов мало чем отличалось от объяснения Флоринды, за исключением того, что она признавала еще один независимый класс: медиумов. Она определяла медиумов, как проводящих посредников, служащих каналом, с помощью которого духи выражают себя. Она пояснила, что медиумы независимы потому, что они не принадлежат ни к одной из трех категорий. Но они могли быть всеми четырьмя категориями в одном.

— В комнате находится сила, которая мешает мне, — внезапно прервал заклинания донья Мерседес мужской голос.

Тление сигар наполнило дымный мрак глазами обвиняемых, резко оборвалось групповое бормотание.

— Я вижу ее, — сказала она, вскакивая со своего стула. Она переходила от человека к человеку, делая на мгновение паузу около каждого.

Я вскрикнула от боли, когда почувствовала нечто, резко уколотившее мое плечо.

— Иди за мной, — шепнула она мне на ухо, — ты не в трансе.

Боясь, что я буду сопротивляться, она твердо взяла меня за руку и отвела к портьере, которая служила дверью.

— Но ты сама просила меня прийти, — сказала я ей прежде, чем она вытолкнула меня из комнаты, — я никому не помешаю, если тихо посижу в углу.

— Ты помешаешь духам, — прошептала она и бесшумно задернула занавес.

Я пошла на кухню в заднюю часть дома, где обычно работала по ночам, диктуя на магнитофон и komponуя свои понемногу растущие полевые заметки. Я начала записывать все то, что произошло на встрече. Попытка вспомнить все детали события или все слова беседы всегда была лучшей мерой борьбы с одиночеством, которое постоянно накатывало на меня.

Я работала до тех пор, пока не почувствовала себя сонной, мои глаза устали — света явно не хватало. Я собрала магнитофонные ленты и бумаги и пошла в свою комнату, расположенную в другом конце дома. На миг я остановилась на внутреннем патио. Мое внимание привлекли переменчивые пятна лунного света. Слабый ветерок будоражил ветви виноградных лоз, их зубчатые тени рисовали живописные кружевные узоры на кирпичной кладке внутреннего двора.

Прежде, чем увидеть женщину, я почувствовала ее присутствие. Она сидела на земле, почти скрытая большими терракотовыми горшками, раскиданными по всему патио. Пушистая копна волос венчала ее голову белым нимбом, но ее темное лицо оставалось неясным и смешанным с тенями вокруг нее.

Я никогда раньше не видела ее в доме. Мой первоначальный испуг рассеялся, когда я подумала, что это наверняка одна из подруг доньи Мерседес, а, возможно, и ее пациентка, или даже родственница Канделярии, которая ожидает ее возвращения со спиритического сеанса.

— Простите меня, — сказала я, — я здесь новенькая. Я работаю с доньей Мерседес.

Женщина кивнула мне. Казалось, она знала, о чем я говорю. Но она не проронила ни слова. Одержимая необъяснимой тревогой, я попыталась справиться с

истерическим испугом. Я заставила себя повторять, что нет причин для паники в том, что старая женщина сидела на корточках в патио.

— Вы здесь на сеансе? — спросила я неуверенным голосом.

Женщина утвердительно кивнула головой.

— Я тоже была там, — сказала я, — но донья Мерседес прогнала меня.

Я вдруг почувствовала облегчение и захотела посмеяться над ситуацией.

— Ты боишься меня? — внезапно спросила старая женщина. Ее голос был резким, скрипучим и все же молодым.

Я засмеялась. Мне хотелось легкомысленно соврать ей, но что-то сдерживало меня. Я услышала свой голос, который говорил о том, как я была напугана ею.

— Пойдем со мной, — по-деловому приказала мне женщина.

Моей первой реакцией было последовать за ней, но вместо этого я услышала, что говорю то, о чем говорить не собиралась: — Я закончила свою работу. Если ты хочешь поговорить со мной, делай это здесь и сейчас.

— Я приказываю тебе, иди за мной! — закричала она.

Вся энергия моего тела, казалось, тотчас же вытекла из меня. Однако я заявила: — Почему ты не прикажешь себе оставаться здесь?

Я не могла поверить, что сказала именно так. Я была готова извиниться, когда странный запас энергии влился в мое тело и я почувствовала себя почти под контролем.

— Поступай, как знаешь, — сказала женщина и встала, выпрямившись. Ее рост был невообразимым. Она росла и росла, пока ее колени не оказались на уровне моих глаз.

В этот миг я почувствовала, что моя энергия оставляет меня, и я испустила серию диких пронзительных воплей.

Канделярия бегом спешила ко мне. Прежде чем я успела вдохнуть воздух и закричать снова, она проскочила расстояние между комнатой, где проходила встреча спиритов, и патио.

— Уже все в порядке, — повторяла она ласковым голосом, но я не могла остановить судорог, сотрясавших мое тело. А затем, нежелая того, я расплакалась.

— Я не должна была оставлять тебя наедине, — сказала она извиняющимся тоном, — но кто бы подумал, что Музия сможет увидеть ее?

Прежде, чем другие участники встречи вышли посмотреть, что случилось, Канделярия увела меня на кухню. Она помогла мне сесть и дала стакан рома.

Я пила и рассказывала ей о том, что произошло в патио. В тот момент, когда я закончила и ром, и свой отчет, я почувствовала себя сонной, отвлеченной, но вовсе не пьяной.

— Оставь нас одних, Канделярия, — сказала донья Мерседес, входя в мою комнату. Канделярия уложила меня в постель, застелив кровать и для себя, чтобы быть здесь, когда я проснусь.

— Я не знаю, что говорить об этом, — начала донья Мерседес после долгого молчания, — но ты — медиум. Я знала это с самого начала, — ее лихорадочные глаза, казалось, были подвешены в прозрачной субстанции, она внимательно изучала мое лицо.

— Единственный смысл того, что они позволили тебе присутствовать на сеансе, заключается в том, что ты везучая. Медиумы везучие.

Несмотря на свои опасения, я рассмеялась.

— Это не смешно, — сказала она предостерегающе, — это очень серьезно.

В патио ты вызвала дух без чьей-либо помощи. И самый значительный дух, душа одного из моих предков пришла к тебе. Она приходит очень редко, но если приходит, это исполнено глубоким смыслом.

— Она — призрак? — спросила я наивно.

— Конечно, она была призраком, — убежденно сказала она, — мы понимаем вещи так, как тому научены. И здесь нет отклонения от правил. Мое убеждение таково, что ты видела самого устрашающего духа, и что живой медиум может общаться с душой мертвого медиума.

— Почему этот дух пришел ко мне? — спросила я.

— Не знаю. Однажды она пришла ко мне, чтобы предупредить меня, — ответила она, — но я не последовала ее совету, — ее глаза потеплели, а голос смягчился, когда она произнесла: — первое, что я сказала тебе, когда ты приехала, было то, что тебе повезло. Я тоже была везучей, пока кое-кто не погубил мое счастье. Ты напоминаешь мне этого человека. Он был блондин, как и ты. Его звали Федерико, и он тоже был везучим, но не имел никакой силы. Дух посоветовал мне оставить его одного. Я не сделала так и поплатилась за это.

Не зная, как отвести внезапный поворот событий или печаль, нашедшую на нее, я положила руку на ее плечо.

— У него не было никаких сил, — повторила она, — дух знал это.

Хотя Мерседес Перальта всегда была готова обсуждать все, что угодно, лишь бы это не относилось к ее практике, она довольно настойчиво уклонялась от моих расспросов о ее прошлом. Однажды, и я не знаю, застала ли я ее врасплох или это было преднамеренное движение в ее игре, она открыла, что много лет назад пережила огромную потерю.

Прежде, чем я смогла решить, действительно ли она поощряет меня задать несколько личных вопросов, она поднесла мою руку к своему лицу и прижала ее к щеке.

— Почувствуй этот рубец, — прошептала она.

— Что с тобой случилось? — спросила я, проведя пальцами по неровному шраму, проходящему по ее щеке и шее. Пока я не касалась его, шрам был неотличим от морщин. Ее темная кожа была так хрупка и я боялась, что она может развалиться в моей руке. Таинственная вибрация исходила из всего ее тела. Я не могла отвести своего взгляда от ее глаз.

— Мы не будем говорить о том, что ты видела в патио, — твердо сказала она, — вещи, подобные этой, относятся только к миру медиумов, а ты не должна обсуждать этот мир ни с кем. Я могу, конечно, посоветовать тебе не пугаться этого духа, но не надо глупо манить ее к себе.

Она помогла мне подняться с постели и повела на то самое место, где я увидела женщину. Когда я остановилась и начала рассматривать темноту вокруг нас, я осознала, что не имею понятия, спала ли я несколько часов или всю ночь и день.

Донья Мерседес, казалось, поняла мое смущение.

— Сейчас четыре часа утра, — сказала она, — ты спала почти пять часов.

Она присела там, где была женщина. Я тоже устроилась на корточках рядом с ней, между пучками жасмина, развешенными на деревянной решетке, своеобразной пахучей занавеси.

— Мне и в голову не приходило, что ты не знаешь, как курить, — сказала она и засмеялась своим сухим скрипучим смехом. Она сунула руку во внутренний карман юбки, вытащила оттуда сигару и прикурила ее.

— На встрече спиритов мы курили такие же сигары. Спириты знают, что запах табака убажает духов, — после небольшой паузы она вложила зажженную сигару в мои губы. — попробуй покурить, — приказала она.

Я затаилась, глубоко вдохнув в себя. Крепкий дым вызвал кашель.

— Не затягивайся, — сказала она с нетерпением, — дай я покажу, как надо, — она достала сигару и запыхтела ею, вдыхая и выдыхая, постепенно укорачивая затяжки, — не надо курить легкими, кури своей головой, — объяснила она, — таким способом медиум вызывает духов. С сегодняшнего дня ты будешь вызывать духов на этом месте. И не рассказывай никому, пока сама не сможешь проводить встречи спиритов.

— Но я не хочу вызывать духов, — весело запротестовала я, — я хотела лишь присутствовать на одной из встреч и наблюдать за ее ходом.

Она посмотрела на меня с угрожающей решительностью.

— Ты медиум, а медиумы на встречах не наблюдают.

— Какой смысл во встречах? — спросила я, меняя тему.

— Смысл в том, чтобы задавать вопросы духам, — немедленно отозвалась она, — некоторые духи дают прекрасные советы. Другие бывают очень злобными, — она тихо засмеялась с легкой злостью, — какой появится дух, зависит от состояния жизни медиума.

— И тогда медиумы оказываются во власти духов? — спросила я.

Она надолго замолчала, глядя на меня. Ее лицо не выдавало никаких чувств. Затем вызывающим тоном она сказала: — Их нет, если ты сильна.

Она продолжала пристально смотреть на меня лютым взглядом, затем закрыла глаза. Когда она открыла их снова, они были лишены какого-либо выражения.

— Помоги мне пройти в мою комнату, — прошептала она. Опираясь на мою голову, она выпрямилась. Ее рука скользнула ниже моего плеча, по рукаву, твердые пальцы обвились вокруг моего запястья, словно обугленные корни.

Мы молча пробрели по темному коридору, где деревянные скамьи и стулья, покрытые козлиными шкурами, выстроились у стены. Она переступила порог своей спальни. Прежде, чем закрыть дверь, она еще раз напомнила мне, что медиумы не должны рассказывать о своем мире.

— В тот миг, когда я увидела тебя на площади, я поняла, что ты медиум и что ты придешь повидаться со мной, — заявила она. Улыбка, смысл которой я не поняла, искажала ее лицо, — ты пришла, чтобы принести мне что-то из моего прошлого.

— Что?

— Я не вполне уверена. Воспоминания, наверное, — сказала она неопределенно, — или, возможно, ты возвратишь мне мое старое везение, — она провела рукой по моей щеке и тихо закрыла дверь.

Убаюкиваемая мягким ветерком и смехом детей, резвящихся на улице, я продремала весь день в гамаке, натянутом между двух деревьев. Я даже перестала ощущать аромат стирального порошка, смешанного с едким запахом креозола, которым Канделярия натирала каждый день полы, не считаясь с тем, грязные они или нет.

Я ожидала почти до шести часов. Затем, как просила Мерседес Перальта, я подошла к ее спальне и постучала. Никто не отвечал. Я тихо вошла в комнату. Обычно в это время она заканчивала прием пациентов, которые приходили к ней лечиться. Она никогда не принимала более двух посетителей в день. В свои плохие дни, которые были довольно часто, она вообще никого не принимала. На этот раз я хотела прокатить ее на своем джипе и прогуляться с ней по окрестным холмам.

— Это ты, Музия? — спросила донья Мерседес, вытягиваясь в своем низко подвешенном гамаке, закрепленном на металлических кольцах, вбитых в стены.

Я поздоровалась с ней и села на вторую кровать у окна. Она никогда не спала на ней. По ее словам, из этой кровати, несмотря на ее большие размеры, кто-то совершил фатальное падение. Ожидая, пока она встанет, я осматривала эту странно обставленную комнату, которая никогда не приводила меня в восторг. Вещи здесь были расставлены, по-видимому, с целеустремленным несоответствием. Два ночных столика у изголовья и основания кровати были завалены свечами и статуэтками святых и служили алтарями. Низкий деревянный платяной шкаф был выкрашен в голубой и розовый цвета. Он загораживал дверь, которая выходила на улицу. Я удивилась, что одежда доньи Мерседес — она никогда не носила ничего, кроме черного — висела повсюду, на крючках, на стене, за дверью, у изголовья и в ногах железной кровати, и даже на веревках, поддерживающих гамак. Хрустальная люстра, которая не работала, ненадежно болталась под потолком, сплетенным из тростника. Люстра была серой от пыли, и пауки оплели паутиной ее граненые призмы. На дверях висел отрывной календарь.

Скрестив пальцы на копне седых волос, Мерседес Перальта глубоко вздохнула и, спустив с гамака ноги, направила ими матерчатые сандалии. Она секунду посидела, затем подошла к высокому и узкому окну, выходящему на улицу, и открыла деревянную ставню. Она часто заморгала, пока ее глаза не приспособились к вечерним лучам, освещавшим ее комнату. Она внимательно посмотрела на небо, словно ожидая от заходящего солнца какое-то послание.

— Мы пойдем на прогулку? — спросила я.

Она медленно обернулась.

— На прогулку? — переспросила она, удивленно вскинув брови, — как мы можем идти гулять, когда меня ожидает какой-то человек.

Я раскрыла рот, уже готовясь сообщить ей, что к нам никто не приходил, но насмешливое выражение в ее усталых глазах вынудило меня замолчать. Она взяла меня за руку и мы вышли из комнаты.

На деревянной скамье у входа в комнату, где Мерседес Перальта лечила людей, приходящих за помощью, прижав подбородок к груди, дремал слабый и старый на вид мужчина. Почувствовав наше присутствие, он выпрямился.

— Я плохо себя чувствую, — сказал он слабым невыразительным голосом, взяв в руки свою соломенную шляпу и трость, лежащую рядом.

— Октавио Канту, — сказала Мерседес Перальта, предварительно пожав ему руку. Она подвела его к двум ступенькам в комнату. Я следовала за ними по пятам. Он обернулся и посмотрел на меня вопросительным взглядом.

— Она помогает мне, — сказала она, — но если ты не хочешь, чтобы она была с нами, она уйдет.

Он остановился на мгновение, нервно постукивая ногой. Его рот дважды кривился в улыбке.

— Если она будет помогать тебе, — прошептал он с трогательной беспомощностью — я полагаю, что все будет хорошо.

Быстрым движением своей головы Мерседес Перальта указала мне на мой табурет у алтаря, затем помогла старику сесть на стул прямо перед высоким прямоугольным столом. Она присела справа от него, лицом к нему.

— Где же он может быть? — несколько раз пробормотала она, перебирая груды банок, свечей и сигар, сухих корней и обрезков ткани, разбросанных на столе. Она вздохнула с облегчением, найдя свой морской компас, который тотчас положила перед Октавио Канту. Ее взгляд пристально изучал круглую металлическую коробочку.

— Взгляни на это! — воскликнула она, подзывая меня подойти поближе.

Это был тот самый компас, на который она смотрела в первый день моего прихода. Стрелка, еле различимая сквозь матовое, сильно поцарапанное стекло, энергично двигалась взад и вперед, как бы одушевляемая какой-то невидимой силой, исходящей от Октавио Канту.

Мерседес Перальта использовала компас, как диагностический прибор только тогда, когда считала, что человек страдает скорее от душевного недуга, чем от естественной болезни. До сих пор я не могла определить, каким критерием пользуется она для различения этих двух видов болезней. По ее словам, душевный недуг мог проявить себя в форме ряда неудач или холода во всем теле, который в зависимости от обстоятельств мог определяться и как естественное заболевание.

Ожидая найти какое-то механическое приспособление, активизирующее стрелку, я на всякий случай изучила компас. И поскольку там ничего подобного не оказалось, я приняла ее объяснение за бесспорную истину: когда человек уравновешен, т.е. когда тело, ум и душа находятся в гармонии, стрелка не двигается вообще. Доказывая свое мнение, она поочередно ложила компас напротив себя, Канделярии и меня. К моему великому изумлению стрелка двигалась только тогда, когда компас был положен передо мной.

Октавио Канту, вытянув свою шею, близоруко щурился на инструмент

— Я болен? — тихо спросил он, взглянув на донью Мерседес.

— Это твоя душа, — прошептала она, — твоя душа в великом смятении.

Она положила компас в стеклянный буфет, затем встала рядом со стариком и опустила обе руки ему на голову. Она оставалась в таком положении довольно долго, затем быстрыми, уверенными движениями провела пальцами по его плечам и рукам, быстро встала напротив него, ее руки счищали что-то вниз с его груди, ног, ступней. Она читала молитву, которая частично была церковным напевом, а частично заклинанием. По ее словам, любой хороший целитель знает, что католицизм и спиритуализм дополняют друг друга. Она поочередно массирувала его спину и грудь в течение получаса.

Давая минутный отдых уставшим рукам, она периодически встряхивала их энергично позади его спины. Она называла это сбрасыванием накопленной отрицательной энергии.

Отмечая конец первой части своего лечения, она топнула три раза о пол правой ногой. Октавио Канту непроизвольно вздрогнул. Она держала его голову сзади, сдавливая ладонями его виски, пока его дыхание не стало медленным и трудным. Бормоча молитву, она двинулась к алтарю, зажгла свечу, а затем и сигару, которую начала курить быстрыми ритмичными затяжками.

— Я должен рассказать это сейчас, — сказал старик, нарушая дымное безмолвие.

Напуганная его голосом, она начала кашлять до тех пор, пока слезы не покатились по ее щекам. Я забеспокоилась — не подавилась ли она дымом.

Октавио Канту, не обращая внимания на ее кашель, продолжал говорить: — Я рассказывал тебе уже много раз, что трезвый я или пьяный, мне снится один и тот же сон. Я нахожусь в своей лачуге. Она пустая. Я чувствую сквозняк и вижу тени, снующие повсюду. Но при этом нет более собак, лающих на пустоту и на тени. Я просыпаюсь от ужасного давления, словно кто-то уселся на мою грудь; а когда я открываю глаза, я вижу желтые зрачки собаки. Они открываются все шире и шире, пока не поглощают меня...

Его голос угас. Задохнувшись, он блуждал взглядом по комнате.

Казалось, что ему не совсем понятно, где он находится.

Мерседес Перальта бросила окурков на пол. Схватив сзади его стул, она быстро крутнула его так, что он оказался лицом к алтарю. Медленными гипнотическими движениями она начала массировать область вокруг его глаз.

Я, должно быть, задремала, так как обнаружила себя в одиночестве в пустой комнате. Я быстро огляделась. Свеча на алтаре почти сгорела. Вправо надо мной в углу, ближе к потолку, сидел мотылек величиной с небольшую птицу. У него были большие черные круги на крыльях, они пристально смотрели на меня любопытным взором.

Внезапный шорох заставил меня обернуться. У алтаря на своем стуле сидела Мерседес Перальта. Я приглушенно вскрикнула. Ее не было здесь минутой раньше, я могла присягнуть в этом.

— Я не знала, что ты здесь, — сказала я, — посмотри на этого большого мотылька над моей головой.

Я поискала глазами насекомое, но оно улетело.

В том, как она смотрела на меня, было нечто такое, что заставило меня содрогнуться.

— Я устала сидеть и заснула, — объяснила я, — и даже не узнала, что было с Октавио Канту.

— Он иногда приходит повидаться со мной, — сказала она, — я нужна ему, как спиритуалист и лекарь. Я облегчаю бремя, взваленное на его душу.

— Она повернулась к алтарю и зажгла три свечи. В мерцающем блеске ее глаз был цвет крыльев мотылька, — иди-ка ты лучше спать, — предложила она.

Когда я проснулась снова, я быстро оделась и выбежала в темный коридор. Вспомнив о скрипучих петлях, я аккуратно открыла дверь в комнату Мерседес Перальты и на цыпочках подошла к гамаку.

— Ты не спишь? — прошептала я, отводя марлю противомоскитной сетки, — ты все еще хочешь идти на прогулку?

Ее глаза медленно открылись, но она еще не проснулась и продолжала безмятежно всматриваться вперед.

— Я пойду, — наконец сказала она хрипло, полностью отбросив сетку.

Прочистив горло и сплюнув в ведро на полу, она как бы наперекор себе прошептала: — я рада, что ты вспомнила о нашей прогулке.

Закрыв глаза и сложив руки, она помолилась деве и святым на небесах, индивидуально поблагодарив каждого из них за руководство в помощи тем людям, которых она лечила, а затем попросила у них прощения.

— Почему ты просишь прощения? — спросила я сразу же, как только она закончила свою длинную молитву.

— Взгляни на линии моих ладоней, — сказала она, положив свои руки мне на колени.

Указательным пальцем я очертила ясно выраженные "у" и "м", которые, казалось, были отштампованы на ее руках: "у" — на левой ладони, "м" — на правой.

— "У" означает вида, жизнь. "М" означает муэртэ, смерть, — объяснила она, произнося слова с преднамеренной выразительностью, — я была рождена с силой лечить и причинять вред.

Она подняла руки с колен и помахала в воздухе, будто собираясь стереть слова, которые произнесла. Она оглядела комнату, затем осторожно опустила свои худые ноги и сунула их в сапожки с дырами для пальцев. Ее глаза мерцали забавой, когда она расправляла черную блузу, и юбку, в которой спала.

Держась за мою руку, она вывела меня из комнаты.

— Разреши мне показать тебе кое-что, прежде чем мы отправимся на прогулку, — сказала она, направляясь в рабочую комнату. Она повернулась к массивному алтарю, который был целиком сделан из расплавленного воска. Все началось с одной свечи, объяснила она, ее пра-пра-бабушки, которая тоже была знахаркой.

Она нежно провела рукой по блестящей, почти прозрачной поверхности.

— Найди черный воск среди этих разноцветных полос, — подгоняла она меня, — это знаки того, что ведьмы жгли черные свечи, используя для вреда свою силу.

Бесчисленные полоски черного воска сбегали в цветастую кайму.

— Те, что поближе к верхней части — мои, — сказала она. Ее глаза блеснули странной свирепостью, когда она добавила: — истинная целительница является еще и ведьмой.

Проблеск улыбки мелькнул на ее губах, затем она продолжала рассказывать о том, что имя ее хорошо известно не только по всей области, но и людям, приходящим из Каркаса, Маракайбы, Мерида и Кумана. У ней ходят слухи за границей: в Тринидаде, Кубе, Колумбии, Бразилии и Гаити. У нее собраны фотографии, свидетельствующие, что среди этих людей были главы государств, послы и даже епископы.

Она загадочно взглянула на меня, а затем пожала плечами.

— Моя удача и моя сила были одно время бесподобными, — сказала она, — я растранижила и то и другое, и сейчас могу только лечить, — ее усмешка усилилась, а глаза загадочно заблестели, — как продвигается твой труд? — спросила она с невинным любопытством ребенка. Но прежде, чем я отважилась на внезапную перемену темы, она продолжила: — сколько бы целителей и пациентов ты ни опросила, ты никогда не будешь изучать этот путь.

Настоящая целительница должна быть сначала медиумом и спиритом, а затем ведьмой.

Ее ослепительная улыбка расцвела на ее лице.

— Не расстраивайся слишком, если в один из этих дней я сожгу твои исписанные блокноты, — сказала она небрежно, — со всей этой чепухой ты тратишь зря время.

Я забеспокоилась. Мне не очень понравилась перспектива увидеть свой труд горящим в пламени.

— Ты знаешь, что действительно достойно интереса? — спросила она и тут же ответила на свой вопрос, — результаты, которые идут дальше поверхностных аспектов лечения. Вещи, которые нельзя объяснить, но можно испытать. Здесь достаточно людей, изучавших знахарство. Они думали, что, наблюдая и записывая, можно понять то, чем занимаются медиумы, ведьмы и целители. Поскольку их невозможно разубедить, чаще бывает легче оставить их в покое — пусть делают, что хотят.

Но этого нельзя допустить в твоем случае, — продолжала она, — я не могу позволить тебе впустую тратить время. Вместо того, чтобы изучать знахарство, ты должна практиковать вызовы духа моего предка по ночам в патио этого дома. Не делай записей об этом, духи ценят время, затраченное на другое. Ты же видела. Заключать сделку с духами — значит закапывать себя под землю.

Воспоминания о женщине, которую я видела в патио, ужасно взволновали меня. Мне захотелось бросить все мои поиски, забыть о планах Флоринды и бежать отсюда, сломя голову.

Внезапно донья Мерседес рассмеялась; этот ясный взрыв смеха рассеял мои страхи.

— Музия, видела бы ты свое лицо, — сказала она, — ты была почти в обмороке. Среди прочего, ты еще и трусишка.

Несмотря на ее насмешливый тон, в ее улыбке чувствовалась симпатия и ласка.

— Я не могу принуждать тебя. Поэтому я дам тебе что-то такое, что понравится тебе — нечто более ценное, чем твои исследовательские планы.

Присмотрись к жизни некоторых людей, на которых я укажу тебе. Я сделаю так, что они будут рассказывать тебе. Рассказы о судьбе. Рассказы об удаче. Рассказы о любви, — она придвинула свое лицо поближе ко мне и мягким шепотом добавила: — рассказы о силе и рассказы о слабости. Это будет дар тебе, данный, чтобы умиловить тебя, — она взяла мою руку и вывела меня из комнаты, — идем на нашу прогулку.

Наши шаги гулко отозвались эхом на тихой, пустынной улице с высокими бетонными тротуарами. Проходя мимо сонных домов, Мерседес Перальта заметила, что во времена, когда она была юной знахаркой, ее дом — самый большой на улице — уединенно стоял на окраине.

— Но сейчас, — сказала она, очертив широким жестом руки полукруг, — кажется, я живу в центре города.

Мы свернули на центральную улицу и дошли до рыночной площади, там присели на скамью лицом к статуе боливара на коне. По одну сторону площади высилось здание муниципалитета, на другой стороне стояла церковь с колокольной. Большую часть старых домов снесли, заменив их современными строениями. Однако там, где старые здания еще уцелели, с их коваными чугунными решетками, с красной черепицей на крышах, серых от времени, с широкими карнизами, которые позволяли дождевой воде свободно стекать подальше от ярко окрашенных стен, — они придавали центру города своеобразный колониальный шарм.

— Этот город здорово изменился с тех пор, как на башне ратуши починили часы, — задумчиво сказала она.

Она объяснила, что давным-давно, как бы в отместку за приход прогресса, башенные часы вдруг остановились на двенадцатичасовой отметке.

Местный фармацевт, увидев это, починил их и, словно по мановению волшебной палочки, улицы уставили фонарными столбами, а на площади устроили фонтаны, чтобы газоны оставались зелеными круглый год. Раньше каждый знал, что было событие, повсеместно изменившее индустриальные центры.

Она на секунду остановилась, переводя дыхание, затем указала на застроенные лачугами холмы, окружавшие город.

— Вот так хижины переселенцев создавали город, — добавила она.

Мы встали и пошли в конец центральной улицы, туда, где начинались холмы. Лачуги, сделанные из гофрированных металлических листов, упаковочных ящиков и листьев картона, едва держались на крутых склонах.

Владельцы хибарок, выходящих поближе к городским улицам, нахально крали электричество от фонарных столбов. Изолированные провода были примитивно замаскированы цветными лентами. Мы свернули с улицы в переулок и наконец пошли узкой тропинкой, извилисто ведущей к одинокому холму, на который переселенцы еще не претендовали.

В воздухе, все еще сыром от ночной росы, пахло диким розмарином. Мы взобрались почти на вершину холма, к одиноко растущему дереву, и там уселись на сырую землю, покрытую мелкими молодыми маргаритками.

— Ты слышишь море? — спросила Мерседес Перальта.

Легкий ветерок резвился в кудлатой кроне дерева, разбрасывая россыпь мелких золотых цветов. Они, словно бабочки, кружась, опускались на ее волосы и плечи. Ее лицо было залито безмятежным спокойствием. Она слегка раскрыла рот, обнажив несколько зубов, желтых от табака и возраста.

— Ты слышишь море? — повторила она, скосив на меня сонные, слегка затуманенные глаза.

Я сказала ей, что море слишком далеко, за горами.

— Я знаю, что море далеко, — тихо сказала она, — но в этот ранний час, когда город еще спит, я всегда слышу шум волн, гонимых ветром, — закрыв свои глаза, она прислонилась к стволу дерева.

Утреннюю тишину развеял рев грузовика, мчащегося вниз по узкой улочке. Я не поняла, был ли это португальский пекарь, доставлявший свои свежеевыпеченные булочки, или полиция, подбиравшая последних пьяниц.

— Посмотри, кто это, — подбодрила она меня.

Я спустилась на несколько шагов вниз по тропинке и увидела старика, выходящего из зеленого грузовика, который остановился у подножия холма.

Его пиджак свободно болтался на сутулых плечах, а голову скрывала соломенная шляпа. Почувствовав, что на него смотрят, он поднял глаза и помахал своей тросточкой, приветствуя меня. Я помахала ему в ответ.

— Это старик, которого ты лечила прошлой ночью, — сказала я ей.

— Вот же везет! — прошептала она, — позови его. Скажи ему, чтобы он шел сюда. Скажи ему, что я хочу его видеть. Мой дар тебе начинается.

Я сбегала вниз, туда, где остановился его грузовик, и попросила старика подняться вместе со мной на холм. Он без слов последовал за мной.

— Сегодня собак не было, — сказал он Мерседес Перальте вместо приветствия и сел рядом с ней.

— Я открою тебе тайну, Музия, — сказала она, жестом пригласив меня сесть напротив, — я — медиум, ведьма и целитель. Из этой троицы мне по нраву второе, так как ведьма имеет особый способ понимания таинств судьбы.

Почему так случается, что некоторые люди становятся богатыми, удачливыми и счастливыми, когда другие находят только трудности и боль? Что бы ни означали эти вещи — это не то, что ты называешь судьбой; она — нечто большее, более таинственное, чем это. И только ведьмы знают о ней.

Ее черты лица на секунду напряглись с выражением, которое я не уловила, так как она повернулась к Октавио Канту.

— Некоторые люди говорят, что мы рождаемся с нашей судьбой. Другие утверждают, что мы создаем нашу судьбу своими поступками. Ведьмы говорят, что ни то, ни другое не верно, и что нечто большее настигает нас, подобно бульдожьей хватке. Тайна будет здесь, если мы захотим быть схваченными. Но ее здесь не будет, если мы этого не захотим.

Ее взгляд ласкал восточное небо, где над далекими горами поднималось солнце. Минуту спустя она вновь повернулась к старику. Ее глаза, казалось, поглотили сияние солнца и блестели, горя огнем.

— Октавио Канту будет приходиться к нам лечиться, — сказала она, — может быть мало-помалу он расскажет тебе свой рассказ. Рассказ о том, как случай связывает жизни, о том, что только ведьмы знают, как закрепить их в один узел.

Октавио Канту кивнул в знак согласия. Робкая улыбка расплзлась по его губам. Редкая бородка на его подбородке была такой же седой, как и волосы, торчащие из-под соломенной шляпы.

Октавио Канту приходил в дом доньи Мерседес восемь раз. По-видимому, она периодически лечила его с того времени, когда он был еще молодым.

Вдобавок к своей старости и дряхлости, он был к тому же алкоголиком.

Однако, донья Мерседес подчеркивала, что все его болезни были душевными.

Он нуждался в заклинаниях, а не в медицине.

Сперва он неохотно беседовал со мной, но затем, возможно, почувствовав себя более уверенно, начал раскрываться. Мы часами обсуждали его жизнь. В начале каждой беседы он, казалось, был подавлен отчаянием, одиночеством и подозрительностью. Он допытывался, зачем я интересуюсь его жизнью. Но надо отметить, что он всегда сдерживал себя и, восстановив свой апломб, остаток беседы —

час или целый день — рассказывал о себе искренне и раскованно, словно о совершенно другом человеке.

Октавио откинул в сторону кусок картона и пробрался через небольшое двероподобное отверстие внутрь лачуги. Здесь света почти не было, а едкий дым огня в каменном очаге вышибал из глаз слезы. Октавио сильно зажмурился и побрел в темноте на ощупь. Споткнувшись о какие-то жестянки, он сильно ударился головой о деревянный ящик.

— Будь проклято это вонючее место, — выругался он на одном дыхании.

Октавио присел на миг на утрамбованный земляной пол и потер ногу. В дальнем углу этой жалкой хибары он увидел старика, спавшего на потрепанном заднем сидении, снятом с автомашины. Медленно, обходя ящики, веревки, тряпье и коробки, разбросанные на земле, он побрел туда, где лежал старик.

Октавио чиркнул спичкой. При тусклом свете спящий мужчина выглядел мертвым. При вдохе и выдохе его грудь двигалась так слабо, что казалось, будто он вообще не дышит. Выпирающие скулы буквально торчали на его черном истощенном лице. Его рваные грязные брюки были подвернуты до икр, а рубашка цвета хаки, с длинными рукавами, плотно облегла его морщинистую шею.

— Виктор Джулио! — воскликнул Октавио, энергично встряхивая старика.

— Проснись!

Сморщенные веки Виктора Джулио с трепетом открылись на миг, оголив бесцветные белки его глаз.

— Проснись! — заорал Октавио в полном отчаянии. Он схватил узкополую соломенную шляпу, лежавшую на земле, и с силой надел ее на растрепанные седые волосы старика.

— Что ты за дьявол? — заворчал Виктор Джулио, — чего тебе надо?

— Это я, Октавио Канту. Я назначен мэром твоим помощником, — объяснил он с важным видом.

— Помощником? — старик, шатаясь, поднялся на ноги, — мне не нужен помощник, — он напялил свои потрепанные, не зашнурованные ботинки и начал бродить кругами по темной комнате, пока, наконец, не нашел бензиновый фонарь. Он зажег его, затем потер глаза и часто заморгал, внимательно рассматривая молодого человека.

Октавио Канту был среднего роста, с сильными бицепсами, выпиравшими сквозь расстегнутый выцветший синий жакет. Его брюки, которые казались слишком велики ему, мешковато обвисали на его новые лакированные туфли.

Виктор Джулио тихо засмеялся, спросив, не думает ли Октавио обворовать его.

— Так ты, значит, новый человек, — сказал он скрипучим голосом, пытаясь определить цвет глаз Октавио, затемненных красной бейсбольной кепочкой. Это были летающие глаза цвета влажной земли. Виктор Джулио определенно заподозрил в чем-то молодого человека.

— Я никогда не видел тебя здесь прежде, — сказал он, — откуда ты взялся.

— Из Парагваны, — резко ответил Октавио, — здесь я временно. Я встречал тебя несколько раз на площади.

— Из Парагваны, — сонно повторил старик, — я видел песчаные дюны Парагваны, — он встряхнул головой и резким голосом осведомился: — что ты намерен делать в

этом богом забытом месте? Разве ты не знаешь, что у этой дыры нет будущего? Ты просто прикинь, куда переселяется молодежь.

— Все меняется, — заявил Октавио, усердно уклоняясь от разговора о себе, — этот городок вырастет. Иностранцы скупают здесь кофейные плантации и поля сахарного тростника. Они построят здесь заводы и фабрики. Народ валом повалит в этот город. Люди придут сюда, чтобы разбогатеть.

Виктор Джулио скорчился от смеха, — заводы не для таких, как мы. Если ты застрянешь здесь слишком надолго, то кончишь подобно мне, — он положил руку на плечо Октавио, — я знаю, почему ты забрался так далеко от Парагваны. Ты бежишь от чего-то? — спросил он, пристально разглядывая беспокойные глаза молодого человека.

— А что, если так? — неловко уклонился Октавио. Он знал, что не скажет ему ничего. Никто не знал о нем в этом городе. Но что-то в глазах старика тревожило его, — дома у меня было несколько неприятностей, — пробормотал он уклончиво.

Виктор Джулио прошел шаркающей походкой к отверстию в хижине, снял джутовый мешок, висевший на ржавом гвозде, и вытянул оттуда бутылку дешевого рома. Его руки, переплетенные вздутыми венами, непроизвольно тряслись, когда он отвинчивал крышку бутылки. Не обращая внимания на то, что янтарная жидкость струится вниз по его тощей бороде, он несколько раз глотнул.

— Нам надо многое сделать, — сказал Октавио, — лучше собирайся и пойдем.

Я был молод, как и ты, когда другой мэр назначил меня помощником к одному старику, — вспомнил Виктор Джулио, — ах, как я был силен и усерден в труде. Но взгляни на меня сейчас. Даже ром уже не может согреть мое горло, — опустившись на землю, Виктор Джулио искал свою походную трость, — эта палка принадлежала тому старику. Он дал мне ее перед своей смертью, — он протянул Октавио темную, прекрасно отполированную трость, — она сделана из твердого дерева, растущего в джунглях амазонки. Ее даже нельзя сломать.

Октавио мельком взглянул на трость, а затем спросил с нетерпением: — что толку в этой болтовне? Или нам больше нечем заняться?

Старик усмехнулся, — мясо замочено уже вчера. Сейчас оно должно быть готово. Оно на улице, позади лачуги, в стальном баке.

— Покажи мне, что надо делать с мясом? — попросил Октавио.

Виктор Джулио засмеялся. У него не было передних зубов, а оставшиеся желтые коренные зубы выглядели, словно два столбика в дыре его рта, — здесь и в самом деле нечего показывать, — сказал он сквозь взвизгивающий хохот, — я просто захожу к фармацевту, когда надо приготовить мясо. Он поливает мясо чем-то похожим на маринад. Фактически, — объяснял он, — ничего сложного в этом нет, — его рот расплылся в широкой ухмылке, — я всегда беру мясо из скотобойни, которая нравится мэру, — он сделал долгий глоток из бутылки, — ром помогает мне войти в норму, — он почесал свой подбородок, — собаки настигнут меня в один из этих дней, — прошептал он со вздохом и вручил полупустую бутылку Октавио, — ты лучше хлебни немного.

— Нет, спасибо, — вежливо отозвался Октавио, — я не могу пить на пустой желудок.

Виктор Джулио раскрыл свой рот, готовясь сказать что-то. Но вместо этого он поднял дорожную трость и джутовый мешок, пригласив Октавио следовать за ним. Увлеченный чем-то, он на миг остановился и взглянул на небо. Оно было ни темным, ни светлым, но каким-то необычно и угнетающе серым, что бывает иногда перед рассветом. Вдали он услышал лай собаки, — мясо здесь, — сказал он, указывая подбородком на стальной

бак, стоящий на деревянном обручке. Он передал Октавио свернутую веревку, — если ты подвяжешь на спину этот бак, тебе будет легче нести его.

Октавио со знанием дела обвязал веревку вокруг стального бака, поднял его на спину и, скрестив веревки на своей груди, прочно завязал не ниже пупка, — это все, что нужно? — спросил он, уклоняясь от взгляда старика.

— У меня в мешке есть еще несколько запасных веревок и канистра с керосином, — объяснил Виктор Джулио, снова отхлебнув глоток рома и небрежно засунув бутылку в карман. След в след они зашагали сухим оврагом, который рассекал заросли тростника. Кругом стояла тишина, нарушаемая лишь трелями сверчков и ласковым ветерком, снующим между кинжальных отростков тростника. Виктор Джулио беспокойно вздохнул. У него болела грудь. Он чувствовал себя усталым. Ему хотелось лечь на твердую землю здесь, лежать... Его взгляд часто возвращался к лачуге, которая становилась все меньше и меньше.

Предчувствие охватило его. Конец был близок. Он уже давно знал, что слишком стар и слаб для той работы, которую должен выполнять. Это был только вопрос времени, поэтому они прислали нового человека.

— Виктор Джулио, идем, — нетерпеливо закричал Октавио, — уже поздно.

Город тихо спал. Лишь несколько старых женщин толпилось у церкви.

Покрыв свои головы черными платками, они прошли мимо двух мужчин, не отвечавших на их приветствия. На узких бетонных тротуарах, пытаясь найти защиту у безмолвных домов, перед закрытыми дверьми, свернувшись, лежали костлявые и ужасные на вид собаки.

По команде Виктора Джулио Октавио опускал стальной бак на землю и открывал тугую крышку. Пользуясь длинными деревянными щипцами, которые он вытащил из своего мешка, старик выбирал из бака большой кусок мяса и кидал его собаке. Таким образом он и Октавио медленно пересекали весь город, подкармливая каждую бездомную собаку, мимо которой они проходили. С жадностью, виляя хвостами, животные пожирали смертельную еду.

— Сожрут тебя в аду эти собаки, — закричала толстая старуха, закрывая за собой большую деревянную дверь старой католической церкви по другую сторону площади.

— Совсем спятила, — заорал в ответ Виктор Джулио, вытирая свой нос рукавом рубашки, — я думаю, из тебя мы в будущем приготовим хороший корм для собачек.

— Я насчитал семнадцать, — пожаловался Октавио, распрямляя заболевшую спину, — судьба дохлых псов оттягивает мои плечи.

— Что ж, взвалим на них еще одну, — сказал Виктор Джулио. Зловещая улыбка скривила его лицо, — здесь есть еще одна собака, которой не суждено найти смерть на улице.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Октавио и развернул вокруг головы свою красную бейсбольную кепку, озадаченно вглядываясь в его лицо.

Глаза Виктора Джулио сузились, его зрачки блестели злыми огоньками.

Его худое старое тело дрожало от ожидания, — я сильно нервничаю. Сейчас я убью черного Германа, пастушью собаку лавочника Лебанесы.

— Ты не сделаешь этого, — запротестовал Октавио, — это не бродячая собака. Она не больна. Ее хорошо кормят. Мэр говорил только о бездомных и больных собаках.

Виктор Джулио громко выругался и зло посмотрел на своего помощника.

Он не сомневался, что это был его последний шанс воспользоваться ядом.

Если не Октавио, так кто-то другой будет ведать уничтожением собак к концу текущего сезона. Он понимал, почему молодой человек не хочет причинять кому-то неприятности, но это же не его забота. Он жаждал смерти собаки Лебанесы с тех пор, как она покусала его. Это был последний шанс.

— Этого пса обучили для травли, — сказал Виктор Джулио, — каждый раз, вырвавшись, он кусает кого-то. Он искусал меня несколько месяцев тому назад, — старик оголил свою израненную ногу, — посмотри на шрам! — сердито ворчал он, растирая лиловое узловатое место на своей икре, — лебанеса даже не побеспокоился отвести меня к доктору. Не знаю, кто из них бешеный, собака или ее хозяин.

— Все равно ты не убьешь собаку, — настаивал Октавио, — этот пес не уличный. У него есть владелец, — он умоляюще посмотрел на старика, — ты только наприсишься на неприятность.

— Кого это волнует? — воинственно огрызнулся Виктор Джулио, — я ненавижу это животное, и у меня не будет другой возможности убить его, — он бросил свой мешок на плечо, — пошли, идем же.

Октавио неохотно последовал за стариком. По узкому переулку они вышли на окраину города и остановились перед большим зеленым домом.

— Собака должна быть за домом, — сказал Виктор Джулио, — посмотрим.

Они пошли вдоль кирпичной стены, окружавшей задний двор. Но собаки здесь не было.

— Давай оставим это, — зашептал Октавио, — я уверен, что собака спит внутри дома.

— Она должна выйти, — сказал Виктор Джулио и заколотил тростью по стене.

Громкий лай расколол утреннюю тишину. Старик возбужденно подпрыгнул, размахивая тростью в воздухе, — дай мне остатки мяса, — потребовал он.

Октавио снял веревку со своей груди и неохотно опустил стальной бак на землю. Старик вытащил деревянными щипцами последние куски мяса и бросил их через забор.

— Ты только послушай, как эта скотина глотает отраву, — весело болтал Виктор Джулио, — эта злобная тварь так же голодна, как и остальные.

— Пойдем быстрее отсюда, — зашептал Октавио, закидывая бак на спину.

— Не спеши, — рассмеялся старик. Чувство восторга охватило его, когда он нашел, на что встать.

— Идем, — настаивал Октавио, — нас могут заметить.

— Не смогут, — спокойно заверил Виктор Джулио, поднимаясь на шаткий деревянный ящик, приставленный к стене. Встав на цыпочки, он рассматривал беснующуюся собаку. Яростно лая и не жалея своего горла, животное разбрызгивало пену и кровь, пытаясь вырваться на свободу. Вот уже ноги перестали сгибаться. Пес свалился набок. Сильные судороги скрутили его тело.

Виктор Джулио задрожал, — как он тяжело умирал, — шептал он, спрыгнув с ящика. Он не чувствовал никакого удовольствия от того, что отравил собаку Лебанесы. Все эти годы, уничтожая собак, он всегда избегал смотреть на то, как они умирают. Он никогда

не получал удовольствия, убивая бродячих дворняжек города. Это была только его работа, единственно доступная для него.

Смутный страх закрался в сердце Виктора Джулио. Он посмотрел на пустынную дорогу вниз. Затем, подогнув большой палец на левой руке, он положил между ним и запястьем свою трость. Держа руку вытянутой, он начал вращать трость взад и вперед так быстро, что казалось, будто трость подвесили в воздухе.

— Что это за фокус? — спросил Октавио, увлеченно наблюдая за ним.

— Это не фокус. Это искусство. Это единственное, что я делаю хорошо, — печально пояснил Виктор Джулио, — по утрам и после обеда я развлекаю маленьких детей на площади. Некоторые дети даже дружат со мной, — он передал трость Октавио, — попробуй. Посмотрим, сможешь ли повторить это.

Виктор Джулио вздохнул над неуклюжими попытками Октавио удержать трость так, как полагалось, — это требует долгих лет практики, — сказал старик, — надо развивать свой большой палец, оттягивая его назад, пока он не коснется запястья. И ты должен двигать рукой очень быстро, чтобы трость не имела времени упасть на землю.

Октавио вернул ему трость, — давай лучше поймем этих собак! — воскликнул он, удивленный внезапным появлением утреннего зарева и красочных пятен, возникших на восточном небе.

— Виктор Джулио, подожди меня, — закричал позади них ребенок.

Босая, с черными спутанными волосами, завязанными на затылке, шестилетняя девочка быстро догоняла мужчин, — посмотри, какую игрушку подарила мне тетя, — сказала она, позволив старику посмотреть на щенка, отцом которого был только что отравленный Герман, — я назвала ее бабочкой.

Она очень похожа на бабочку, правда?

Виктор Джулио сел на бордюр. Маленькая девочка устроилась рядом с ним и положила ему на колени прелестного пухлого щенка. В смятении он пробежал пальцами вдоль черной и бледно-желтой шкурки.

— Покажи бабочке, как ты заставляешь танцевать свою палку, — попросила девочка.

Виктор Джулио опустил собаку и вытащил из кармана бутылку рома. Не переводя дыхания, он полностью осушил ее и бросил обратно в мешок. Старик с тоской оглядел радостное лицо ребенка. Скоро она вырастет, подумал он.

Она не долго будет сидеть с ним под деревьями на площади и помогать ему наполнять мусорные баки тряпьем и хламом, веря в то, что ночью все это превратится в золото. Он задумался, будет ли она тоже кричать на него и издеваться над ним, как это делает большинство повзрослевших детей. Он сильно зажмурился, — пусть смотрит, если только палочка захочет танцевать, — прошептал он и встал, растирая свои скрипучие колени.

Словно околдованные, Октавио и ребенок усталились на трость.

Казалось, она танцевала сама по себе, оживляемая не только быстрым и изящным движением рук Виктора Джулио, но также и ритмичным топотом его ног, его хриплым и все же мелодичным голосом, которым он пел детские стишки.

Октавио опустил бак и сел на него, восхищаясь мастерством старика.

Виктор Джулио остановился на полуслове. Его трость упала на землю. С удивлением и ужасом он смотрел на щенка, лакавшего сок отравленного мяса, который тихо сочился из бака.

Девочка подняла трость и подала ее Виктору Джулио, — я никогда не видела, чтобы ты ронял ее, — заметила она с беспокойством, — палочка устала?

Виктор Джулио положил дрожащую руку на ее головку и нежно погладил ее челку, — я возьму бабочку на прогулку, — сказал он, — а ты возвращайся в кровать, пока твоя мама не нашла тебя здесь. Встретимся попозже на площади. Мы снова будем вместе собирать будущие слитки золота, — он поднял пухлого щенка на руки и сделал знак Октавио следовать за ним по улице.

Бродячие собаки уже не лежали перед закрытыми дверьми, но раскинув свои негнущиеся лапы, они валялись посреди пыльных переулков и их остекленевшие глаза пристально и тупо смотрели в пространство. По одной Октавио связывал их веревкой, которую Виктор Джулио вытаскил из своего мешка.

Бабочка, все ее тело конвульсивно тряслось, извергала струйку крови на брюки старика. Он с отчаянием встряхнул ее головку, — что я скажу малышке? — прошептал он, связывая отравленного щенка с другими животными.

Они сделали два обхода, а затем утащили мертвых собак за окраину города, за дом Лебанесы, за пустые поля, вниз по сухому ущелью. Виктор Джулио прикрыл их грудой сухих веток, полил кучу керосином и поджег.

Собаки горели медленно, наполняя воздух запахом паленого мяса и шерсти.

Едва переводя дух, с легкими, забитыми копотью и дымом, двое мужчин выбрались из ущелья. Не в силах дальше продолжать путь, они рухнули под тень цветущей красным цветом акации.

Старик растянулся на твердой земле, еще прохладной после ночи. Его руки тряслись. Он закрыл глаза и попробовал успокоить свое дыхание в надежде, что это развеет боль, стеснившую его грудь. Он мечтал о сне; о сне, в котором теряешь себя.

— Пожалуй, я уйду, — сказал Октавио спустя некоторое время, — буду делать какую-нибудь другую работу.

— Останься со мной, — попросил старик, — мне надо рассказать ребенку о собаке, — он сел и умоляюще взглянул на Октавио, — ты можешь помочь мне.

Дети очень рано начинают бояться меня. Она одна из немногих, кто дружит со мной.

Ужасная пустота в голосе Виктора Джулио напугала Октавио. Он прислонился к стволу дерева и закрыл свои глаза. Он не мог больше видеть этот страх и отчаяние, отпечатанные на лице старика.

— Пойдем со мной на площадь. Пусть каждый узнает, что ты новый человек, — умоляюще просил Виктор Джулио.

— Я не останусь в этом городе, — грубо отрезал Октавио, — мне не нравится эта работа. Мне не нравится убивать собак.

— Вопрос не в том — нравится или не нравится, — заметил Виктор Джулио, — это вопрос судьбы, — он грустно улыбнулся, его взгляд скользнул в направлении города, — кто знает, может ты останешься здесь навеки, — прошептал он, снова закрыв свои глаза.

Тишину нарушил гул сердитых голосов. Внизу по дороге двигалась группа мальчишек под предводительством старшего сына Лебанесы. Они остановились в нескольких шагах от двух мужчин.

— Ты убил мою собаку, — зашипел сын Лебанесы и плюнул дюймом дальше ноги Виктора Джулио.

Опираясь на трость, старик поднялся на ноги.

— Почему ты так думаешь обо мне? — спросил он, пытаясь выиграть время. Его руки дрожали. Он нашарил в мешке бутылку рома и остолбенел от того, что она была пуста, не в силах вспомнить, когда же выпита последняя капля.

— Ты убил собаку, — повторял мальчик нараспев, — ты убил собаку, — проклиная и толкая его, мальчишки пытались вырвать его трость и джутовый мешок.

Виктор Джулио отступил назад. Размахивая своей тростью, он вслепую колотил насмешливых юнцов, — оставьте меня в покое! — закричал он дрожащими губами.

На мгновение напуганные его яростью, юноши притихли. Вдруг, словно только что заметив, что Виктор Джулио не один, они повернулись к Октавио.

— Кто ты? — кричал один из мальчишек, переводя взгляд от одного мужчины к другому, возможно оценивая результаты их обоюдного сговора, — ты со стариком? Ты его помощник?

Октавио не ответил. Взмахнув веревкой над своей головой, он защелкал ею перед собой, как хлыстом. Смеясь и вскрикивая, ребята пытались уклониться от прицельных ударов. Но когда некоторым из них веревка обожгла не только икры и бедра, но плечи и руки, они отступили назад. Они ринулись за Виктором Джулио, который тем временем убежал к ущелью, где еще догорали собаки.

Старик оглянулся. От ужаса у него расширились зрачки, мальчишки были почти за его спиной. Они не казались ему людьми; они напоминали ему свору лающих псов. Он попробовал бежать быстрее, но жгучая боль в груди тормозила движения.

Мальчишки, поднимая гальку, бросали ее в него, просто подшучивая над ним. Но когда сын Лебанесы потянулся за большим камнем, остальные ребята постарались превзойти друг друга — в ход пошли большие осколки породы.

Один из них попал Виктору Джулио в голову. Он зашатался. Глаза его ничего не видели, земля уплывала из-под ног. Старикпокачнулся и свалился с обрыва.

Ветер донес из ущелья сдавленный крик. Запыхавшись, с лицами в полоску от пыли и пота, мальчишки стояли, глядя друг на друга. Затем, словно по какому-то сигналу, они бросились в разные стороны.

Октавио сбежал вниз по крутому склону и опустился на колени перед неподвижным телом Виктора Джулио. Он сильно встряхнул его. Старик открыл глаза. Дыхание слабеющими вспышками выходило из него. Голос был слабым, приглушенным звуком, — я знал, что конец близок, но думал, что это конец моей работы. Мне и в голову не приходило, что все закончится таким образом, — его зрачки блеснули странно яркими красками. Он пристально взглянул в глаза своего помощника. Жизнь ушла.

Октавио безумно встряхнул его, — иисус! Он мертв! — Октавио перекрестился и поднял свое вспотевшее лицо к небу. Несмотря на ослепительное сияние солнца, бледная луна была отчетливо различима. Он хотел помолиться, но не мог вспомнить ни одной молитвы. Единственный образ засел в его мысли — множество собак преследовало старика по полям.

Октавио почувствовал в своих руках нарастающий холод, его тело начала бить дрожь. Можно снова убежать в другой город, подумал он. Но тогда они заподозрят его в убийстве Виктора Джулио. Лучше оставаться некоторое время в городе, пока все не прояснится, решил он.

Октавио наблюдал за мертвецом. Затем, поддавшись порыву, он поднял трость Виктора Джулио, лежавшую рядом. Он погладил ее и потер прекрасно вырезанный

набалдашник о свою левую щеку. Он почувствовал, что она всегда принадлежала ему. Стало интересно, сможет ли он когда-нибудь воспроизвести танец трости.

7.

Октавио Канту закончил свой последний сеанс лечения. Он взял свою шляпу и встал со стула. Я заметила, как сильно годы сдавили ему грудь и ослабили мышцы его рук. Облинявший пиджак и брюки на нем были на несколько размеров больше. Карман на правой стороне резко выпирал от большой бутылки рома.

— Вот так всегда, когда она заканчивает мое лечение, сон куда-то прячется, — прошептал он мне, продолжая смотреть своими ввалившимися бесцветными глазами на Мерседес Перальту, — сегодня я заболтался с тобой.

Никак не могу понять, почему ты так интересуешься мной.

Широкая улыбка разгладила его лицо, когда он поместил свою походную трость между большим пальцем и запястьем. Его рука замелькала взад и вперед с таким поразительным мастерством, что трость, казалось, подвесили в воздухе. Ни слова не говоря, он вышел из комнаты.

— Донья Мерседес, — тихо вскрикнула я, поворачиваясь к ней, — ты не спишь?

Мерседес Перальта кивнула, — я бодрствую. Я всегда бодрствую, даже когда сплю, — мягко сказала она, — это способ, которым я пытаюсь сдерживать свои прыжки вперед себя.

Я сказала ей, что с тех пор, как я начала беседовать с Октавио Канту, меня постоянно мучают изводящие вопросы. Мог ли Октавио Канту как-то уклониться и не вставать на место Виктора Джулио? И почему он в такой полной мере повторяет жизнь Виктора Джулио?

— Это неопровержимые вопросы, — ответила донья Мерседес, — но лучше пойдем на кухню и спросим об этом Канделарию. У нее побольше ума, чем у нас обоих вместе. Я слишком стара, чтобы быть умной, а ты слишком образована.

С сияющей улыбкой она взяла меня за руку, и мы пошли на кухню.

Канделария, занятая тем, что скребла днища медных тарелок и горшков, не слышала и не видела нашего прихода. Когда донья Мерседес подтолкнула ее, она издала пронзительный и испуганный вопль.

Канделария была высокой, с покатыми плечами и широкими бедрами. Я не могла определить ее возраст. Она иногда выглядела на тридцать, а иногда на пятьдесят. Ее загорелое лицо было покрыто крошечными веснушками, расположенными так равномерно, что они казались нарисованными. Она выкрасила свои темные выющиеся волосы в морковно-красный цвет и одела платье, сделанное из броско разрисованного ситца.

— Как? Что тебе надо в моей кухне? — спросила она с притворным раздражением.

— Музия одержима мыслями об Октавио Канту, — объяснила донья Мерседес.

— Бог мой! — вскричала Канделария. Когда она посмотрела на меня, ее лицо выражало искреннее потрясение, — но почему о нем? — спросила она.

Озадаченная ее обвиняющим тоном, я повторила вопросы, которые только что задала донья Мерседес.

Канделярия засмеялась, — а я уж было забеспокоилась, — сказала она донья Мерседес, — музики такие странные. Я вспомнила ту Музию из Финляндии, которая пила стакан мочи после обеда для того, чтобы сбросить вес. А женщина, которая приехала из Норвегии, чтобы ловить рыбу в Карибском море?

Как я знаю, она так ничего и не поймала. Из-за нее перессорился весь экипаж судна. Тоже мне, взяли в море на свою голову.

Весело смеясь, обе женщины присели, — никто не знает, что у Музий в голове, — продолжала Канделярия, — они способны на все, — она вновь захохотала, еще громче, чем прежде, а затем опять принялась скрести свои горшки.

— По-видимому, Канделярию очень мало заинтересовали твои вопросы, — сказала донья Мерседес, — я лично думаю, что Октавио Канту не мог избежать того, чтобы стать на место Виктора Джулио. У него было очень мало силы; вот почему он был схвачен тем, что таинственнее всего, о чем ты можешь сказать: это что-то более таинственное, чем судьба. Ведьмы называют это тенью ведьмы.

— Октавио Канту был очень молод и крепок, — внезапно заговорила Канделярия, — но он слишком долго просидел в тени Виктора Джулио.

— О чем она говорит? — спросила я донью Мерседес.

— Когда люди угасают, особенно в момент их смерти, они связывают это таинственное нечто с другими людьми. Образуется непрерывная цепь, — объясняла донья Мерседес, — вот почему дети похожи на своих родителей. И те, кто присматривают за старыми людьми, следуют по пятам за своими подопечными.

Канделярия заговорила снова, — октавио Канту слишком долго просидел в тени Виктора Джулио. И тень истощила его силы. Виктор Джулио был слаб, но, окрашенная им, его тень была очень сильной.

— Ты называешь тенью душу? — спросила я Канделярию.

— Нет, тень — это то, что имеют все люди, нечто более сильное, чем их души, — ответила она. По-видимому, мои вопросы ей надоели.

— Вот так, Музия, — сказала донья Мерседес, — октавио Канту слишком долго сидел на звене цепи — точке, где судьба связывает жизни вместе. У него не было сил уйти от этого. И, как сказала Канделярия, тень Виктора Джулио истощила его силы. Поэтому каждый из нас имеет тень, сильную или слабую. Мы можем передать эту тень тому, кого любили, тому, кого ненавидели, или тому, кто просто оказался под рукой. Если мы не отдаем ее никому, она расползается вокруг после нашей смерти до тех пор, пока не исчезнет.

Я смотрела на нее, ничего не понимая. Она засмеялась и сказала: — я говорила тебе, что мне нравится быть ведьмой. Мне нравится способ, которым ведьмы объясняют события, даже сознавая то, что им трудно понять его.

Октавио нуждается во мне. Я облегчаю его бремя с помощью своих заклинаний. Он чувствует, что без моего вмешательства он повторит жизнь Виктора Джулио точь-в-точь.

Часть вторая.

8.

Я ожидала громких стуков и скрипов, которые оглашали по утрам весь дом каждый четверг, когда Канделярия начинала переставлять тяжелую мебель в гостиной. Шума не было и, подумав, уж не снится ли мне это во сне, я пошла по темному коридору в ее комнату.

Лучи солнечного света проникали сквозь щели в деревянных ставнях, открывающих два окна на улицу. Обеденный стол с шестью стульями, черный диван, обитое кресло, зеркальный кофейный столик и даже вставленные в рамы эстампы пасторальных ландшафтов и сцен корриды — все было на тех местах, куда их расставила Канделярия в прошлый четверг.

Я вышла во двор, где за кустами заметила Канделярию. Ее жесткие, курчавые, выращенные в красный цвет волосы были причесаны и украшены красивыми гребнями. Мерцающие зеленые кольца болтались в мочках ушей. Губы и ногти отливали глянцем и соответствовали цвету ее яркого ситцевого платья. Глаза почти скрывали веки. Это придавало ей мечтательный вид, который, однако, расходился с ее угловатыми чертами и решительными, почти резкими манерами.

— Зачем ты так рано поднялась, Музия? — спросила Канделярия.

Поднявшись, она поправила свою широкую юбку и низкий лиф, который открывал ее пышную грудь.

— Я не услышала, как ты двигаешь мебель, — сказала я, — может, ты забыла?

Не ответив, она заторопилась на кухню; ее свободные сандалии засверкали пятками, словно она бежала стометровку, — я сегодня ни с чем не справляюсь, — заявила она, остановившись на миг, чтобы всунуть ногу в свалившуюся сандалию.

— Я уверена, ты успеешь сделать все, — сказала я, — хочешь, я помогу тебе? — я разожгла дрова в печи и села за стол, посмотрев на часы, — всего семь тридцать, — отметила я, — ты отстаешь всего на полчаса.

В отличие от доньи Мерседес, которая была совершенно безразлична к любому распорядку, Канделярия делила свой день на дела, точно выверенные по времени. Для того, чтобы завтракать в одиночестве, она садилась за стол ровно в семь. В восьмом часу она натирала полы и вытирала пыль с мебели.

Ее высокий рост позволял ей, вытянув руки, доставать паутину в углах и пыль на притолоке. К одиннадцати часам у нас на плите уже кипел горшок с супом.

Как только это было выполнено, она начинала ухаживать за своими цветами. Поливая их, она начинала обходить патио, а затем двор, одаривая любовной заботой каждое растение. Ровно в два часа она принималась за стирку, даже если стирать надо было только одно полотенце. Погладив белье, она читала иллюстрированные романы. Вечером вырезала картинки из журналов и наклеивала их в фотоальбомы.

— Прошлой ночью здесь был крестный отец Элио, — прошептала она, — донья Мерседес и я проговорили с ним до рассвета, — она потянулась за ступкой и начала мешать белое тесто для маисовых лепешек, которые мы обычно ели за завтраком, — ему, наверное, лет восемьдесят. Он все еще не может прийти в себя после смерти Элио. Лукас Нунец обвиняет себя в смерти юноши.

— Кто такой Элио? — спросила я.

— Сын доньи Мерседес, — ответила тихо Канделярия, делая из теста круглые лепешки, — ему было всего восемнадцать, когда он трагически скончался. Это было давно, — она зачесала прядь волос за ухо, а затем добавила: — лучше не говори ей, что я рассказала тебе, что у нее был сын.

Она положила лепешки на жаровню и повернулась ко мне с дьявольской улыбкой на устах, — ты не веришь мне, а? — спросила она и тут же удержала меня от ответа, — сейчас я сосредоточусь на кофе. Ты же знаешь, как злится донья Мерседес, если он недостаточно крепок и сладок.

Я подозрительно посмотрела на Канделярию. У нее была привычка рассказывать мне необычайные истории о целителях, к примеру про то, как донья Мерседес была схвачена десантом нацистов во время второй мировой войны и находилась в плену на подводной лодке, — она лжет, — однажды сообщила мне по секрету донья Мерседес, — и даже, говоря тебе правду, она так ее преувеличивает, что та становится ничем не лучше лжи.

Канделярия, совершенно не заботясь о моих подозрениях, вытерла лицо передником, который она обвязала вокруг шеи. Затем быстрым и резким движением она повернулась и выбежала из кухни, — следи за лепешками, — крикнула она из коридора, — я сегодня ни с чем не могу справиться.

Несмотря на шум передвигаемой мебели, который в этот четверг был громче, чем обычно, так как Канделярия спешила, Мерседес Перальта проснулась только в полдень.

Она нерешительно остановилась у дверей своей комнаты и прищурила глаза от яркого света. Постояв секунду, опираясь о косяк двери, она рискнула выйти в коридор.

Я бросилась к ней, взяла ее за руку, отвела на кухню. Ее глаза покраснели, она нахмурила брови и печально поджала свой рот. Меня заинтересовало, спит ли она ночами. Всегда могло оказаться, что Канделярия говорит правду.

По-видимому чем-то озабоченная, она критически осмотрела тарелку с лепешками и, не взяв ни одной, отломив два банана от грозди, висевшей на одном из стропил. Очистив их и насадив на щепку, она элегантно их съела.

— Канделярия хочет, чтобы ты повидала ее родителей, — сказала она, деликатно вытирая уголки рта, — они живут на холме, недалеко от плотины.

Прежде чем я успела сказать, что буду от этого в восторге, в кухню ворвалась Канделярия, — ты полюбишь мою маму, — убедительно заявила она, — она такая же маленькая и худая, как ты, и ест тоже целый день.

Я как-то не представляла себе, что у Канделярии есть мать. С восхитительными улыбками обе женщины слушали мои разъяснения о том, что я думаю об этом. Я уверяла их, что причисляю некоторых людей, так сказать, к "безматеринскому" типу, причем с этим никак не связан ни возраст, ни их взгляды, но какое-то неуловимое качество, которое я не могла вполне объяснить.

Больше всего Мерседес Перальта была восхищена пояснением того, что оно не может создать какого-либо чувства. Она задумчиво смаковала кофе, затем посмотрела на меня.

— Может ты думаешь, что я родила себя сама? — спросила она. Донья закрыла свои глаза и сморщила рот, затем задвигала губами, как если бы сосала грудь, — или ты считаешь, что я вылупилась из яйца?

Она взглянула на Канделярию и серьезным тоном произнесла: — Музия совершенно права. Она хотела сказать, что ведьмы очень мало привязаны к своим родителям и детям. Однако они любят их со всей своей силой, когда стоят лицом к лицу с ними, и никогда, если те повернулись к ним спиной.

Мне стало интересно, боится ли Канделярия того, что я вспомню об Элио. Она отошла за спину доньи Мерседес и делала мне оттуда отчаянные жесты хранить молчание.

Донья Мерседес, будто прочитав наши мысли, посмотрела сначала на меня, а затем на Канделярию. Вдохнув, она обхватила руками свою кружку и выпила остатки кофе.

— Элио было всего несколько дней, когда его мать, моя сестра, умерла, — сказала она, посмотрев на меня, — я обожала его. Я любила его, как будто он был моим собственным ребенком, — она слабо улыбнулась и после короткой паузы продолжила свой рассказ об Элио. Она сказала, что никто не мог бы назвать его красивым. У него был широкий чувственный рот, плоский нос с большими ноздрями и дикие курчавые волосы. Но то, что делало его неотразимым одинаково и в юные годы, и с возрастом, так это его огромные черные и блестящие глаза, которые сияли от счастья и полного благополучия.

Донья Мерседес долго рассказывала об эксцентричных наклонностях Элио.

Хотя он и стал целителем подобно ей самой, он редко тратил время на мысли о лечении. Он был слишком занят встречами и проводами любви. В течение дня он беседовал с молодыми женщинами и девушками, которые приходили повидаться с ним. Вечером, с гитарой в руках, он пел серенады своим покровительницам. Еле живой, он возвращался домой только на рассвете.

Правда, бывали случаи, когда ему не везло в его любовных затеях. Тогда он приходил рано и развлекал ее остроумным пересказом своих неудач и успехов.

Я с нездоровым любопытством стала ожидать рассказа о его трагической смерти. И почувствовала разочарование, когда она взглянула на Канделярию и прошептала: — иди и принеси мой жакет. Ветер дует как раз с тех холмов, где живут твои родичи, — она встала и, опираясь на мою руку, прошла во двор, — сегодня Канделярия удивлена тобой, — по секрету сообщила она мне.

— У нее полным-полно восхитительных причуд. Если бы ты знала хотя бы половину из них, ты, вероятно, упала бы в обморок от потрясения, — донья Мерседес засмеялась легко, как ребенок, скрывающий чей-то секрет.

9.

Смех, хриплые голоса и звуки музыки из игрового автомата вырывались из небольших ресторанов и баров, которые в ряд выстроились на улице, ведущей из Курмины. За заправочной станцией на обочинах дороги появились крупные деревья. Переплетая свои ветви в форме арок, они создавали неестественную картину, возможную, казалось бы, только во сне.

Мы проезжали мимо одиноких лачуг, сделанных из тростника и обмазанных илом. Все они имели узкую дверь, несколько окон и соломенную крышу.

Некоторые из них были побелены, другие сохраняли грязно-песочный цвет. Под крышами, в непригодных более горшках и консервных банках, висели цветы, большей частью герань. Величавые деревья, пылающие золотым и кроваво-красным цветением,

затемняли тщательно убранные дворы, где женщины стирали белье в пластмассовых тазах или развешивали его на кустах для просушки. Некоторые приветствовали нас улыбками, другие — еле заметным кивком головы. Дважды мы останавливались у придорожных лотков, где дети продавали фрукты и овощи со своих огородов.

Канделярия, усевшись на заднем сидении моего джипа, указывала мне направление. Мы проехали скопление хижин на окраине небольшого городка и через минуту очутились в полосе тумана. Он был так плотен, что я едва могла видеть конец капота машины.

— О, господи, — начала молиться Канделярия, — спустись и помоги нам выбраться из этого дьявольского тумана. Прошу тебя, Святая Мария, мать божья, приди и защити нас. Блаженный святой Антоний, милосердная святая Тереза, божественный дух святой, поспешите к нам на помощь.

— Лучше брось это, Канделярия, — вмешалась донья Мерседес, — что, если святые на самом деле услышат тебя и ответят на твою мольбу? Как мы разместим их всех в этой машине?

Канделярия рассмеялась и тут же запела песню. Снова и снова она повторяла несколько первых фраз арии из итальянской оперы.

— Тебе нравится? — спросила она меня, поймав в зеркале заднего обзора мой удивленный взгляд, — этому меня научил мой отец. Он итальянец. Ему нравится опера, и он учил меня ариям Верди, Пуччини и прочих.

Я взглянула на донью Мерседес, ища подтверждения, но она спала, откинувшись на сидении.

— Это правда, — настаивала Канделярия, затем она пропела еще несколько строк из другой оперы.

— Как, ты их знаешь? — спросила она после того, как я правильно угадала названия опер, отрывки из которых она напевала, — твой папа тоже был итальянцем?

— Нет, — засмеялась я, — он немец. На самом деле я ничего не смыслю в опере, — призналась я, — единственно, что в меня пытались вдолбить — это то, что Бетховен почти полубог. Каждое воскресенье, покуда я жила дома, мой отец играл симфонии Бетховена.

Туман поднялся так же быстро, как и появился, открывая цепь за цепью голубоватые горные пики. Казалось, что они протянулись в бесконечность, поперек пустоты воздуха и света. Следуя указаниям Канделярии, я свернула на узкую грунтовую дорогу, ширины которой едва хватило для моего джипа.

— Это здесь, — взволнованно закричала она, указывая на двухэтажный дом в конце улочки. Побеленные стены пожелтели от времени, а красная черепица посерела и обросла мхом. Я остановилась, и мы вышли из машины.

В окне второго этажа показался старик, одетый в потертую майку. Он махнул нам рукой, затем исчез, и его громкий возбужденный голос зазвенел в тишине дома: — Рорэма! Ведьмы прикатили!

Едва мы дошли до парадной двери, как маленькая морщинистая женщина выбежала приветствовать нас. Улыбаясь, она обняла Канделярию, а затем и донью Мерседес.

— Это моя мать, — гордо сказала Канделярия, — ее зовут Рорэма.

После некоторых колебаний Рорэма обняла и меня. Она была одета в длинное черное платье. Удивительны были ее черные густые волосы и блестящие глаза птицы.

Она провела нас через темный вестибюль, где неяркий огонек освещал образ святого Иосифа, и, сияя от удовольствия, пригласила следовать за собой на широкую галерею, окружавшую внутреннее патио.

Лимонные деревья бросали приятную тень в открытую гостиную и просторную кухню.

Мерседес Перальта шепнула что-то Рорэме и пошла по коридору в заднюю часть дома.

На миг я нерешительно остановилась, затем вместе с Канделярией и ее матерью поднялась по каменной лестнице на второй этаж, пройдя ряд спален, выходящих на широкий балкон, который протянулся на всю длину патио.

— Сколько у вас еще детей? — спросила я, когда мы прошли пятую дверь.

— У меня есть только Канделярия, — жесткие морщинки на лице Рорэмы стали еще резче, когда она улыбнулась: — но внучка из Каркаса часто приезжает сюда провести свой отпуск.

Ошеломленная, я повернулась к Канделярии и посмотрела в ее черные внимательные глаза, в которых едва различались озорные огоньки, — я не знала, что у тебя есть ребенок, — сказала я, заинтригованная мыслью, знает ли об этом донья Мерседес. И все же было какое-то разочарование.

— Как же я могу иметь ребенка? — возмущенно сказала Канделярия, — я девушка.

Я расхохоталась. Ее заявление означало, что она не только незамужняя, но и девственна до сих пор. Надменное выражение на ее лице не оставляло сомнения, что она очень гордится этим фактом.

Канделярия перегнулась через перила, затем повернулась и взглянула на меня, — я никогда не говорила тебе, что у меня есть брат. Вернее, он мне брат лишь наполовину. Он намного старше меня и родился в Италии. Как и мой отец, он приехал в Венесуэлу в поисках счастья. Сейчас он богат и владеет строительной компанией.

Рорэма утвердительно кивнула головой, — у ее полубрата восемь детей.

Они любят проводить лето здесь, с нами, — добавила она.

Внезапно сменив настроение, Канделярия рассмеялась и нежно обняла свою мать, — вообрази! — воскликнула она, — музия не могла представить себе, что у меня есть мать, — с проказливой улыбкой она добавила: — и что еще хуже — она не верит, что у меня есть итальянский папа!

Немедленно одна из дверей спальных комнат открылась и старый мужчина, которого я видела в окне, вышел на балкон. Довольно низкорослый, с резкими угловатыми чертами, он сильно походил на Канделярию. Старик, видно, одевался в спешке. Его рубашка была застегнута косо, кожаный ремень выскочил из петли, а шнурки на ботинках были развязаны. Он обнял Канделярию.

— Гвидо Микони, — представился он и извинился, что не встретил нас у двери, — малышкой Канделярия была такой же симпатичной, как и Рорэма, — сказал он, удерживая свою дочь в жарких объятиях, — но повзрослев, она стала точной копией меня.

Очевидно разделяя какую-то общую шутку, они весело захохотали. Сделав утвердительный кивок, Рорэма взглянула на мужа и дочь с восхищением. Она взяла меня под руку и повела на первый этаж, — пойдем, присоединимся к донье Мерседес, — продолжала она.

Громадный двор был обнесен колючей изгородью. В самом дальнем конце стояла открытая хибара с соломенной крышей. В гамаке, привязанном к поперечным балкам хибары, сидела Мерседес Перальта. Она с наслаждением пробовала самодельный сыр Рорэмы.

Гвидо Микони нерешительно встал перед доньей Мерседес; казалось, он не знал, пожать ли ей руку или обнять ее. Она улыбнулась ему, и он заключил ее в объятия.

Мы все расположились вокруг гамака, а Рорэма села рядом с Мерседес Перальтой. Она задавала ей вопросы обо мне, а донья Мерседес отвечала на них так, как будто меня здесь не было вообще.

Некоторое время я слушала их беседу, но вскоре жара, неподвижность воздуха, голоса женщин и Гвидо Микони перемешались, я слабо хихикнула и опустилась на землю. Должно быть, меня одолел сон. Спустя некоторое время донья Мерседес разбудила меня и отослала к Канделярии, помогать ей готовить обед. Я и не заметила, что Канделярия и ее отец уже покинули нас.

В глубине дома, с одной из спален, густой спокойный голос шептал заклинания. Испугавшись, что Канделярия развлекает отца моими магнитофонными записями целительных сессий, я заторопилась на верхний этаж. В прошлый раз, прослушивая записи, она полностью стерла целую кассету, нажав нету кнопку.

Я резко остановилась у полуоткрытой двери. Затаив дыхание, я следила за тем, как Канделярия массирует своему отцу спину и плечи, тихо напевая заклинания. И что-то было в этом — сосредоточенные и, тем не менее, красивые движения рук — что напоминало мне Мерседес Перальту. Мне стало ясно, что Канделярия тоже была целительницей.

Вскоре, окончив массаж, она повернулась ко мне. Забавные искорки горели в ее глазах, — донья Мерседес уже рассказала тебе обо мне? — интонации ее голоса были до странности нежными, я никогда прежде не слышала такого от нее, — она говорит, что я родилась ведьмой.

В моем мозгу закружилось такое множество вопросов, что я просто не знала, с чего начать.

Канделярия, поняв мое замешательство, пожала плечами, не зная, чем мне помочь.

— Пойдем готовить обед, — предложил Гвидо Микони, спускаясь по ступенькам.

Мы с Канделярией последовали за ним. Внезапно он повернулся ко мне лицом, — мерседес Перальта права, — сказал он, затем склонил голову и пристально осмотрел пятнистую тень от агавы, отброшенную солнцем на кирпичи патио. Некоторое время он стоял, встряхивая головой, словно не знал, что ему говорить и делать дальше.

Он вновь взглянул на меня, и слабо улыбнувшись, начал расхаживать по патио, его руки слегка задевали цветы и листву, его взгляд был рассеян.

— Это необычная история, — обратился он ко мне взволнованным голосом, в котором явно чувствовался его итальянский акцент, — канделярия говорит, что донья Мерседес хочет, чтобы я рассказал ее тебе. Ты же знаешь, что тебе здесь рады. Я надеюсь, ты будешь приезжать к нам почаще и мы сможем беседовать друг с другом.

Я была в полном недоумении. Надеясь получить какое-нибудь объяснение, я взглянула на Канделярию.

— Мне кажется, я знаю, что хочет сделать с тобой донья Мерседес, — сказала Канделярия, — взяв мою руку, она повела меня на кухню, — ее судьба похожа на твою,

но она не может передать тебе свою тень, так как она предназначена для одного человека и будет отдана мне.

— О чем ты говоришь? — спросила я.

— Я ведьма, — ответила она, — и я иду по стопам доньи Мерседес. Лишь следуя по стопам духовного наставника-целителя, ты сможешь стать целительницей сама. Это — то, что называют соединением, звеном. Донья Мерседес уже говорила тебе, что ведьмы называют это тенью.

— Тени истинны для всех, — продолжала она, — и здесь бывает только один наследник, кто получает реальное знание. Виктор Джулио имел реальное знание об умерщвлении собак и невольно передал его по цепочке Октавио Канту. Поэтому я говорю тебе, что Октавио слишком долго просидел в тени Виктора Джулио, и что донья Мерседес передает мне свою тень. Позволяя обычным людям рассказывать тебе свои истории, она пытается подставить тебя на мгновение под тень всех этих людей, так чтобы ты почувствовала, как вертится колесо случая и как ведьмы помогают этому колесу вращаться.

Я безуспешно пыталась объяснить ей, что ее заявления ввергли меня в глубочайшее замешательство. Она смотрела на меня светлым доверчивым взглядом.

— Когда в дело вмешивается ведьма, мы говорим, что это тень ведьмы вращает колесо случая, — задумчиво сказала она; затем, секунду помолчав, добавила: — история моего отца подойдет тебе, но я не хочу быть с вами, когда он начнет рассказывать тебе ее. Он стесняется меня, поэтому я могу помешать, — она обернулась к своему отцу и засмеялась. Ее смех, как хрустальный взрыв, закружился эхом по всему дому.

Проведя ночь без сна, Гвидо Микони сел на кровать и задумался, скоро ли кончится ночь и сколько еще продлится безмятежный сон Рорэмы. На его лице промелькнуло озабоченное выражение, когда он окинул взглядом ее голое тело, темное на фоне белой простыни, ее лицо, скрытое под спутанной массой волос. Он нежно убрал волосы. Она улыбалась. Ее глаза слегка приоткрылись, блеснув между густых, коротких ресниц, но она не проснулась.

Стараясь не разбудить ее, Гвидо Микони поднялся и выглянул в окно.

Почти рассвело. В ответ на пение пьяницы, бредущего по улице, в соседнем дворе залаяла собака. Затем шаги и пение удалились и затихли. Собака заснула.

Гвидо Микони отошел от окна и, присев, достал из-под кровати небольшой чемодан, который там прятал. Ключом, который он носил на цепочке на шее вместе с медальоном девицы Марии, он открыл замок и нашарил широкую кожаную сумку, засунутую между сложенной одеждой. Странное чувство, почти предчувствие поколебало его на миг. Он не стал завязывать сумку вокруг талии, как думал раньше. Вместо этого он вытащил из нее тяжелый зеленый браслет и, положив его на подушку рядом с Рорэмой, засунул сумку обратно в чемодан.

Он плотно закрыл свои глаза. Его ум вернул назад тот день, когда он, прельщенный возможностью хорошо заработать, эмигрировал в Венесуэлу почти двадцать лет назад. Тогда ему было всего двадцать шесть лет. Уверенный, что жена и двое детей вскоре присоединятся к нему, первые несколько лет он оставался в Каркасе. Откладывая деньги, он жил в дешевых гостиницах, поближе к строительным объектам, на которых работал. Каждый месяц он посылал часть своих сбережений домой.

Несколько лет спустя он наконец понял, что его жена сюда не приедет.

Он уехал из Каркаса и стал работать на периферии. Письма из дома доходили до него все реже и реже, а затем перестали приходить вообще. Он перестал отсылать деньги, и по примеру многих своих товарищей, начал откладывать жалование и скупать драгоценности. Ему хотелось вернуться в Италию богатым.

— Богатым, — прошептал Гвидо Микони, защелкивая кожаный ремень чемодана. Он задумался, почему это слово не вызывает больше привычного волнения.

Он взглянул на Рорэму, лежащую в постели. Ему уже будет не хватать ее. Воспоминания перенесли его почти на десятилетие, к тому дню, когда он впервые увидел Рорэму во внутреннем дворе своей дешевой гостиницы, где он разогревал на примусе спагетти. У нее были ввалившиеся глаза, и платье, которое она носила, было слишком велико для ее худого маленького тела; ее можно было спутать с одним из тех подростков, которые приходили сюда посмеяться над иностранцами, особенно над итальянскими строительными рабочими.

Но Рорэма приходила сюда не для того, чтобы потешаться над итальянцами. Днем она работала в пансионе, а ночью за несколько монет делила постель с мужчинами. На досаду своим подругам она преданно привязалась к Гвидо и даже отказалась спать с кем-либо еще, не соглашаясь ни на какие деньги. Однако однажды она исчезла. Никто не знал, где ее искать, никто не знал, куда она ушла.

Пять лет спустя он вновь увидел ее. По какому-то необъяснимому капризу, вместо того, чтобы вывести команду к казармам на то место, где они строили фабрику и фармакологическую лабораторию, он поехал на автобусе в город. Здесь на автобусной станции, как будто ожидая его, сидела Рорэма.

Прежде чем он полностью оправился от неожиданности, она позвала маленькую девочку, которая играла неподалеку, — это Канделярия, — заявила она и невинно улыбнулась, — ей четыре года, и она твоя дочь.

Было какое-то безудержное ребячество в ее голосе, в ее выражении лица. Он не смог сдержать смеха. Слабая и тонкая, Рорэма выглядела скорее сестрой, а не матерью ребенка, стоящего рядом с ней.

Канделярия молчаливо смотрела на него. Затаенное выражение ее темных глаз было выражением старого человека. Она была довольно высока для своего возраста. Ее лицо было так серьезно, что его нельзя было назвать детским.

Но оно тут же стало симпатичной детской мордашкой, когда Канделярия вернулась к своей игре. Когда же она посмотрела на него опять, проказливый лучик блеснул в ее глазах, — идем домой, — сказала она, взяв его за руку и потянув за собой.

Не в состоянии сопротивляться твердому давлению ее крошечной ладони, он пошел с ней по главной улице на окраину города. Они остановились перед небольшим домом, окруженным рядами колосьев, по которым волнами перекатывался ветерок. Цементные блоки были неоштукатурены, а рифленые цинковые листы на крыше были закреплены на месте большими камнями.

— Наконец-то Канделярия привела тебя сюда, — заявила Рорэма, принимая у него из рук небольшой чемоданчик, — а я уже почти перестала верить, что она родилась ведьмой, — она позвала его внутрь небольшой передней, которая переходила в широкую комнату, пустую, если не считать трех стульев, расставленных у стен. Ступенькой ниже находилась спальня, разделенная занавеской на две части. В одной из них под окном стояла двуспальная кровать, на которую Рорэма бросила его чемодан. На другом краю комнаты висел гамак, где, по-видимому, спала малышка.

Следуя за Рорэмой, он прошел по короткому коридору на кухню и сел у деревянного стола, который стоял посреди комнаты.

Гвидо Микони взял руки Рорэмы в свои и, как ребенку, начал объяснять, что в город его привела не Канделярия, а плотина, которую будут строить на холмах.

— Нет, это только на поверхности так. Ты пришел, потому что Канделярия привела тебя сюда, — пробормотала Рорэма, — и вот ты гостишь у нас. Не так ли? — видя, что он молчит, она добавила, — Канделярия родилась ведьмой, — круговым взмахом руки Рорэма указала на комнату, дом и двор, — все это принадлежит ей. Ее крестная мать знаменитая целительница, подарила ей все это, — она снизила голос и зашептала: — но не этого она хотела. Она хотела тебя.

— Меня! — повторил он, встряхнув озадаченно головой. Он никогда не лгал Рорэме о своей семье в Италии, — я верю, что ее крестная мать прекрасная целительница. Но родиться ведьмой! Это чистейший вздор. Ты же знаешь, что когда-нибудь я вернусь к семье, которую оставил.

Непривычная нервная улыбка пробежала по лицу Рорэмы, когда она достала кувшин и поставила на стол изогнутый бокал. Она наполнила его и протянула ему, добавив: — Микони, эта тамариндовая вода была околдована твоей дочерью Канделярией. Если ты выпьешь ее, ты навсегда останешься с нами.

Секунду он колебался, а затем захохотал: — хитрости ведьм — это ерунда и суеверие, — одним долгим глотком он осушил бокал, — это лучший напиток, который я когда-либо пил, — отметил он, протягивая бокал за следующей порцией.

Слабый кашель дочери прервал его воспоминания. Он вышел на цыпочках в другую часть разделенной комнаты и с тревогой склонился над спящей в гамаке Канделярией. Грустная улыбка тронула его губы, когда он посмотрел в ее маленькое лицо, в котором так часто пытался обнаружить сходство с собой. Он ничего не видел. Как ни странно, бывали случаи, когда девочка заставляла его задуматься о своем деде. Здесь не было большого сходства, но скорее настроение, определенный жест, сделанный ребенком, напоминал то, что когда-то пугало его.

У нее была та же самая мягкость животного, что и у старика. Она лечила любого осла, корову, козла, собаку или кошку. Она фактически уговаривала птиц и бабочек садиться на ее вытянутые руки. Его дед имел тот же дар. В маленьком городе Калабрии люди называли его святым.

Было что-то святое или нет в Канделярии, он не слишком в это верил.

Однажды после полудня он нашел ребенка во дворе, лежащей на животе. Ее подбородок упирался в сложенные руки. Она беседовала с болезненным на вид котом, который свернулся калачиком в нескольких дюймах от нее. Кот, казалось, отвечал ей. Он не издавал явных звуков, но короткое пыхтение страшно напоминало смех пожилого человека.

Мгновенно почувствовав его присутствие, и кот, и Канделярия подпрыгнули в воздух, будто какая-то невидимая нить подкинула их. Они приземлились прямо перед ним с жуткими ухмылками на их лицах. Он растерялся; на какой-то миг их черты, казалось, были наложены друг на друга. Он не мог решить, чье лицо кому принадлежит. С того самого дня он понял, почему Рорэма всегда говорила, что Канделярия ведьма, а не святая.

Тихо, чтобы не разбудить ребенка, Гвидо Микони ласкал ее щеку, затем он вышел на цыпочках в небольшую прихожую, слабо освещенную керосиновой лампой. Он потянулся за своим пиджаком, шляпой и туфлями, приготовленными заранее еще

вечером, и оделся. Поставив лампу у зеркала, он критически осмотрел свое изображение. Обветренное лицо 46-летнего мужчины, слегка худощавое, было все еще наполнено той неистощимой энергией, которая позволила ему пройти сквозь годы изнурительного труда. Его волосы с прожилками седины были по-прежнему густы, а ясные коричневые глаза ярко блестели под косматыми бровями.

Осторожно, стараясь не наступить на собаку, которая во сне скулила и перебирала ногами, он вышел на улицу. Прислонясь к стене, он подождал, пока его глаза привыкнут к темноте. Вздыхнув, он проводил взглядом ранних тружеников, идущих на работу. Они словно призраки скользили в пустоте предрассветной тьмы.

Вместо того, чтобы пойти на южный конец города, где строителей плотины ожидал грузовик, Микони направился на рыночную площадь. Там останавливался автобус на Каркас. Слабый свет внутри автобуса очерчивал фигуры нескольких пассажиров, дремавших на своих местах. Он прошел в самый конец и, поднимая чемодан на багажную полку, увидел тень через грязное стекло автобуса. Черная и огромная, она стояла напротив белой церковной стены. Он не знал, что заставило его подумать о ведьме. И хотя он не был верующим, его губы тихо зашептали молитву. Тень растворилась в слабом облаке дыма.

Наверное, ослепительные лампы на площади сыграли шутку с его глазами, подумал он. Рорэма и Канделярия объяснили бы это по-другому. Они бы сказали, что он видел одно из тех ночных существ, которые бродят по ночам.

Существо, которое никогда не оставляет следов, и лишь таинственными сигналами оно сообщает о своем присутствии и исчезновении.

Голос контролера вмешался в его мысли. Микони оплатил свой проезд и спросил, как лучше проехать в порт Ла Гуэйра, а затем закрыл глаза.

Дребезжа и покачиваясь, автобус пересек долину и медленно поднялся на пыльную извилистую дорогу. Микони прильнул к окну, рассматривая все в последний раз. Отступающие пятна крыш и белая церковь с колокольной проплыли перед его помутневшими от слез глазами. Как он любил звон этих колоколов! Он больше никогда не услышит их снова.

Отдохнув немного под неуловимой тенью цветущего миндального дерева, Гвидо Микони прошелся по площади и свернул на сонную, узкую улочку, которая кончалась кривыми ступеньками, вырезанными в холме. Он поднялся до середины и осмотрел порт. Ла Гуэйро — город, зажатый между горами и морем; розовые, голубые и бурожелтые дома, церковные башни-близнецы и старая таможня, которая, как какой-то древний форт, врезалась в гавань.

Его повседневные экскурсии в это уединенное место стали необходимостью. Только здесь он чувствовал себя в безопасности и покое.

Иногда он проводил здесь несколько часов, наблюдая, как швартуются большие корабли. По флагам и цвету дымовых труб он пытался угадать, какой стране они принадлежат.

Его еженедельные визиты в контору судоходства этого города были так же необходимы для его благополучия, как и это наблюдение за судами. Прошел месяц с тех пор, как он оставил Рорэму и Канделярию, а он все еще не мог решить, вернуться ли ему в Италию напрямик или проездом через Нью-Йорк.

Или последовать совету мистера Гилкема из судоходной конторы: сесть на один из немецких сухогрузов, плывущих через Рио, Буэнос-айрес, через Африку в средиземное

море и посмотреть на мир. Но какими бы заманчивыми ни были его возможности, он не мог заставить себя заказать обратный билет в Италию. Он не понимал, почему. Хотя в глубине души он знал причину.

Он поднялся на вершину холма и свернул на узкую извилистую тропинку, ведущую к пальмовой рощице. Он сел на землю, прислонив спину к стволу, и начал обмахивать себя шляпой. Тишина была абсолютной. Пальмовые листья неподвижно обвисли. Даже птицы парили без каких-либо усилий, словно падающие листья, подколотые к безоблачному небу.

Он услышал отдаленный смех, эхом отозвавшийся в тишине. Вздрыгнув, он оглянулся. Звонящий звук напомнил ему смех его дочери. Внезапно ее лицо материализовалось перед его глазами. Мимолетный образ, бестелесный, плывущий в каком-то слабом свете; ее лицо, казалось, было окружено нимбом.

Быстрыми, резкими движениями, словно стараясь стереть наваждение, Гвидо Микони замахал своей шляпой.

Возможно, что Канделярия на самом деле родилась ведьмой, — размышлял он, — может ли ребенок действительно быть причиной его нерешительности с отъездом? — спрашивал он самого себя. Была ли она причиной его неспособности вспомнить лица жены и детей, оставшихся в Италии, как бы сильно он ни желал этого?

Гвидо Микони встал и обвел глазами горизонт. На секунду он подумал, что спит и видит огромный корабль, который появился словно мираж в дрожащем мареве раскаленного воздуха. Судно подходило все ближе и ближе, направляясь в гавань. Несмотря на расстояние, он ясно различал белую, красную и зеленую трубы.

— Итальянское судно! — закричал он, подбросив свою шляпу в воздух. Он был уверен, что теперь его наконец оставят чары Венесуэлы, Рорэмы и Канделярии, этих суеверных созданий, которые читают приметы по полету птиц, движению теней, направлению ветра. Он счастливо улыбнулся. Это судно, входящее в гавань, было прекрасным чудом, было его освобождением.

В волнении он несколько раз оступился, сбегаая вниз по кривым ступенькам. Он помчался мимо старых колониальных домов. Не останавливаясь, он мельком услышал плеск воды в фонтанах, пение птиц в клетках, вывешенных у открытых окон и дверей. Он бежал в контору судоходства. Он бежал, чтобы купить билет в этот же день.

Его резко остановил детский голос, назвавший его полное имя.

Преодолевая внезапное головокружение, он закрыл глаза и прислонился к стене. Кто-то схватил его за руку. Он открыл глаза, но увидел лишь черное пятно, маячившее перед ним. Он снова услышал голос ребенка, который звал его по имени.

Понемногу головокружение прекратилось. Все еще рассеянным взором он посмотрел на взволнованное лицо мистера Гилкема, голландца из конторы судоходства, — я не знаю, как здесь оказался, но мне надо поговорить с тобой, — заикаясь, проговорил Гвидо Микони, — с холма я увидел входящее в гавань итальянское судно. Я хочу немедленно купить билет на родину.

Мистер Гилкем недоверчиво покачал головой, — ты уверен в этом? — спросил он.

— Я хочу взять билет на родину, — по-детски настаивал Микони, — прямо сейчас! — под пристальным взглядом мистера Гилкема, красноречивым по смыслу, он добавил: — я в конце концов нарушу это заклятие!

— Конечно, ты сделаешь это, — мистер Гилкем одобряюще похлопал его по плечу, а затем направил к кассиру.

Подняв глаза, Гвидо Микони посмотрел на высокого худощавого голландца, который важно сидел за прилавком. Как обычно, мистер Гилкем был одет в белый льняной костюм и черные матерчатые сандалии. Челка седых волос, проросшая на одной стороне его головы, была аккуратно зачесана и распределена по его голому черепу. Его лицо постарело от безжалостного солнца и, конечно же, от выпитого рома.

Мистер Гилкем вынул тяжелый гроссбух и шумно опустил его на прилавок.

Он пододвинул стул, сел и начал писать, — есть некоторые люди, которые решили остаться здесь, — сказал он. Затем поднял свою ручку и указал ею на Микони, — и ты мой друг, никогда не вернешься в Италию.

Гвидо Микони, совершенно не зная, что ему ответить, укусил свою губу.

Мистер Гилкем издал громкий хохот, который, зародившись в глубине его брюха, прорвался грохочущим болезненным звуком. Но когда он заговорил, его голос странно смягчился, — я просто пошутил. Я возьму тебя с собой на судно.

Мистер Гилкем сходил с ним в отель и помог собрать его вещи.

Уверившись, что он получил каюту, какую просил, и расплатившись, Микони распрощался с голландцем.

Немного обалдев, он озирался, заинтригованный тем, что на палубе итальянского судна, стоящего на якоре у девятого пирса, никого не было. Он поставил стул рядом со столиком на палубе, сел на него верхом и опустил лоб на деревянную спинку. Нет, он не сошел с ума. Он был на итальянском судне, повторял он сам себе, надеясь рассеять страх того, что вокруг никого не было. Сейчас, отдохнув немного, он спустится на другую палубу и докажет себе, что команда и остальные пассажиры находятся на корабле. Эта мысль вернула ему уверенность.

Гвидо Микони встал со стула и, опираясь на перила, посмотрел на пирс.

Он увидел мистера Гилкема, который замахал ему рукой, увидев его.

— Микони! — кричал голландец, — судно поднимает якорь. Ты уверен, что хочешь уехать?

Гвидо Микони прошиб холодный пот. Неизмеримый страх овладел им. Он очень хотел спокойной жизни рядом с семьей, — я не хочу уезжать, — закричал он в ответ.

— У тебя нет времени, чтобы вернуть свой багаж. Трап уже убрали.

Прыгай немедленно. Тебя поймут в воде. Если ты не прыгнешь сейчас, ты не сделаешь этого никогда.

Гвидо Микони колебался всего секунду. В его чемодане лежали драгоценности, которые он собирал годами, работая почти с нечеловеческим упорством. И все это будет утрачено? Он решил, что у него есть еще достаточно сил, чтобы начать все сначала, и прыгнул с перил.

Все слилось. Он собрался перед ударом о воду. Он не волновался, так как был хорошим пловцом. Но удара так и не последовало. Он услышал голос мистера Гилкема, громко сказавшего: — я думаю, этот человек в обмороке.

Автобус не поедет, пока мы не выведем его. Эй, кто-нибудь, подайте его чемодан.

Гвидо Микони открыл свои глаза. Он увидел черную тень на белой церковной стене. Он не знал, что заставило его подумать о ведьме. Он чувствовал, что его подняли и вынесли из автобуса. Потом пришло разрушительное понимание.

— Я никогда не смогу уехать. Я никогда не уезжал. Это был сон, — повторял он. Его мысли вернулись к драгоценностям в чемодане. Он был уверен, что тот, кто схватил

чемодан, украл его. Но драгоценности больше не имели для него значения. Он уже потерял их на суде.

10.

В моей последней поездке к дому Гвидо Микони меня сопровождала Мерседес Перальта. Когда в конце дня мы собрались вернуться в город, Рорэма обняла меня и повела сквозь заросли тростника узкой тропой к небольшой поляне, обсаженной кустами юкки, чьи цветы, прямые и белые, напоминали мне ряды свечей на алтаре.

— Как тебе это нравится? — спросила Рорэма, указывая на грядки, укрытые редким навесом из тонких и сухих ветвей, который по углам поддерживался раздвоенными на концах шестами.

— Прямо как на картинке! — воскликнула я, осматривая поле, покрытое перистыми ростками моркови, малюсенькими листьями салата, сходными по форме с сердечками, и кружевными завитками веточек петрушки.

Сияя восторгом, Рорэма прогуливалась туда и обратно вдоль опрятно вспаханных рядов смежного поля, собирая на свою длинную юбку массу сухих листьев и веточек. Каждый раз указывая место, где она посадила салат, редис или цветную капусту, Рорэма поворачивалась ко мне, ее рот изгибался в слабой воздушной улыбке, а хитрые глаза сверкали из-под полуприкрытых век, отражая огонек низкого слепополуденного солнца.

— Я знаю, что у меня есть прямое посредничество ведьмы, каким бы оно ни было, — внезапно воскликнула она, — и единственно хороший момент в этом то, что я знаю это.

Прежде чем я воспользовалась случаем расспросить ее подробнее, она подошла ко мне и обняла меня.

— Я надеюсь, ты не забудешь нас, — сказала она и отвела меня к джипу.

Мерседес Перальта крепко спала на переднем сидении.

В одном из окон второго этажа показался Гвидо Микони. Он сделал мне знак рукой, который был скорее манящим, чем прощальным.

Незадолго до того, как мы достигли Курмины, Мерседес Перальта зашевелилась. Она громко зевнула и рассеянно посмотрела в окно.

— Ты не знаешь, что на самом деле произошло с Гвидо Микони? — спросила она.

— Нет, — сказала я, — мне только известно, что Микони и Рорэма называют это вмешательством ведьмы.

Донья Мерседес захихикала, — это определенно было вмешательство ведьмы, — сказала она, — канделярия уже говорила тебе, что когда ведьмы вмешиваются во что-то, они говорят, что делают это своей тенью. Канделярия создала звено для своего отца; она создала ему жизнь во сне. Поскольку она ведьма, она вращала колесо случая.

Виктор Джулио тоже создал звено, и он тоже повернул колесо случая, но так как он не был магом, сон Октавио Канту — хотя он так же реален и нереален, как сон Микони — получился очень длинным и мучительным.

— Как Канделярия создала вмешательство?

— Некоторые дети, — объяснила донья Мерседес, — имеют силу желать чего-либо с огромной страстью долгий период времени, — она откинулась на свое сидение и закрыла глаза, — канделярия была таким ребенком. Она была рождена такой. Она желала возвращения своего отца, и желала этого, ни в чем не сомневаясь. Эта отдача, эта решимость и есть то, что ведьмы называют тенью. Это было той самой тенью, которая не могла позволить Микони уйти.

Мы проехали остаток пути в молчании. Мне хотелось переварить ее слова. Прежде, чем мы вошли в ее дом, я задала ей последний вопрос.

— Как мог Микони иметь такой подробный сон?

— Микони никогда не хотел уезжать, никогда, — ответила она, — поэтому он был открыт непоколебимому желанию Канделярии. Подробности сна сами по себе, однако, не являются частью вмешательства ведьмы, это было воображение Микони.

Часть третья.

11.

Когда что-то пощекотало мою щеку, я села и медленно подняла глаза к потолку, разыскивая гигантского мотылька. С тех пор, как я увидела его в рабочей комнате доньи Мерседес, я была одержима им. Каждую ночь мотылек размером в птицу появлялся в моих снах, трансформируясь в Мерседес Перальту. Когда я рассказала ей, что верю в свои сны, она высмеяла это, как плод моего воображения.

Я вновь опустилась на свою смятую подушку. Уже погружаясь в сон, я услышала шарканье Мерседес Перальты, проходящей мимо моей двери. Я вскочила, оделась и на цыпочках выбежала в темный коридор. Тихий смех донесся из ее рабочей комнаты. Янтарное зарево горящих свечей просачивалось сквозь открытую, небрежно задернутую портьеру. Непреодолимое любопытство заставило меня взглянуть внутрь. За столом сидела Мерседес Перальта и мужчина, лицо которого было скрыто шляпой.

— Ты не хочешь присоединиться к нам? — крикнула донья Мерседес, — я только что говорила нашему другу, что вскореты придешь взглянуть на меня.

— Лион Чирино! — воскликнула я, как только он повернулся ко мне и приподнял край шляпы в знак приветствия. Мы познакомились во время моего неудачного участия в сеансе. Именно он организовывал встречи спиритов. Ему было около семидесяти-восьмидесяти лет, но на его темном лице было всего несколько морщин. У него были большие черные глаза и искрящиеся белые зубы, которым следовало бы быть желтыми от сигар. На его подбородке торчала щетина, но его седые, коротко остриженные волосы были безупречно причесаны. Его темный костюм, помятый и мешковатый, выглядел так, будто он спал в нем.

— Он работал как сумасшедший, — сказала донья Мерседес, словно читая мои мысли.

Хотя меня больше не приглашали на сеансы, Мерседес Перальта одобряла мои поездки к Леону Чирино. Иногда она сопровождала меня, иногда я ездила одна. Он был плотник по профессии, но его знание различных шаманских традиций, практикуемых в Венесуэле, было изумительным. Его интересовали мои изыскания, он часами изучал мои записи, отслеживая в процедурах магов индейские и африканские корни. Он знал всех спиритуалистов, ведьм и знахарей Венесуэлы восемнадцатого и девятнадцатого веков. Он говорил о них с такой искренней фамильярностью, словно желал, чтобы у меня сложилось впечатление, будто он знает их лично.

Голос Мерседес Перальты бесцеремонно оборвал мои воспоминания, — ты не хотела бы поехать с нами, чтобы выполнить обещание? — спросила она.

Смущенная ее вопросом, я посмотрела сначала на нее, потом на него. Их лица мне ничего не сообщили.

— Мы уезжаем сейчас же, — сказала она мне, — у нас в запасе только ночь и день, — она встала и взяла меня за руку, — я подготовлю тебя для поездки.

Подготовка заключалась в следующем. Она спрятала мои волосы под тесную вязаную матросскую шапочку и вымазала мое лицо черной растительной пастой. Она заставила меня поклясться, что я ни с кем не заговорю и не буду задавать вопросов.

Игнорируя мое предложение воспользоваться джилом, Мерседес Перальта вскарабкалась на заднее сидение старого меркурия Леона Чирино. С мятыми бамперами и разбитой рамой, его машина выглядела так, словно ее вытащили со склада металлолома.

Прежде чем я рискнула спросить, куда мы едем, она велела мне залезть и присматривать за ее корзиной, наполненной лечебными травами, свечами и сигарами. Громко вздохнув, она перекрестилась и заснула.

Я не решалась заговорить с Леоном Чирино; вся его концентрация, казалось, шла на то, чтобы управлять машиной. Ближний свет едва освещал пяточок дороги перед нами. Слегка сгорбившись, он напряженно крутил баранку, словно этим как-то мог помочь машине пересекать темные холмы.

Когда она артачилась на крутых подъемах, он тихо уговаривал ее продолжать путь. Но под гору он выжимал из машины все, проходя повороты в темноте на безрассудной скорости, так что я заволновалась за наши жизни. Сумерки врывались сквозь неостекленные окна и щели в картоне, который скрывал ржавые дыры в полу.

Торжественно улыбаясь, он наконец резко остановился и погасил передние фары. Донья Мерседес зашевелилась на заднем сиденье.

— Мы приехали, — мягко сказал Леон Чирино.

Мы вышли из машины. Стояла темная безоблачная ночь. На небе не было ни одной звезды. Прямо перед нами что-то протянулось черной полосой. Я неловко шагнула и ухватилась за донью Мерседес, у которой, казалось, никаких проблем видеть в темноте не было.

Леон Чирино взял меня за руку и повел. Я услышала около себя приглушенный смех. Здесь явно были другие люди, которых я пока не могла видеть.

Наконец, кто-то зажег керосиновый фонарь. В слабом дрожащем свете я различила силуэты четырех мужчин и доньи Мерседес, сидящих кругом. Леон Чирино отвел меня на несколько шагов от группы. Я чувствовала полный упадок сил. Он помог мне сесть, прислонив меня к какой-то глыбе, торчащей из земли, затем подал фонарь и проинструктировал, как держать его и освещать то, что скажут. Затем он дал мне две солдатские кружки; та, что побольше, была наполнена водой, в другой был ром. Я должна была подавать их мужчинам по их просьбе.

Молча и без усилий двое мужчин начали копать мягкий грунт, аккуратно возводя у ямы кучу земли. Прошло по крайней мере полчаса, прежде чем они остановились и потребовали ром. Пока они пили и отдыхали, Леон Чирино и другой мужчина продолжали копать.

Так, сменяя друг друга, они работали, пили — кто ром, кто воду — и отдыхали. За час мужчины выкопали яму, в глубине которой спокойно мог спрятаться человек. Когда один из них ударил лопатой о что-то твердое, они перестали работать. Леон Чирино попросил меня осветить внутрь ямы, но не смотреть туда, — это он, — сказал один из мужчин, — теперь нам надо обкопать его, — он и его партнер присоединились к тем, кто находился в яме.

Я умирала от любопытства, но не смела нарушить своего обещания. Ах, если бы я только могла говорить с доньей Мерседес, которая сидела неподалеку от меня. Она была так неподвижна, что казалось, будто она в трансе.

Мужчины лихорадочно работали в яме. Прошло почти полчаса, прежде чем я услышала голос Леона Чирино, говорящего донье Мерседес, что они готовы открыть его.

— Музия, зажги сигару из моей корзины и дай ее мне, — приказала она.

— и принеси мне корзину.

Я зажгла сигару и уже хотела встать, чтобы принести ее ей, как Леон Чирино зашептал со дна ямы: — присядь, Музия! Присядь!

Я остановилась и передала сигару и корзину донье Мерседес.

— Не смотри в яму ни за что на свете! — шепнула она мне в ухо.

Я вернулась туда, где сидела, борясь с почти непреодолимым желанием посветить фонарем в яму. Я знала с абсолютной уверенностью, что они выкапывают сундук, полный золотых монет. Я даже могла слышать звук лопат, тупо ударяющих обо что-то, что казалось большим и тяжелым.

Очарованная, я смотрела, как донья Мерседес достала из своей корзины черную свечу и банку с черной пудрой. Она зажгла свечу, установила ее на землю возле ямы, затем приказала мне потушить фонарь.

Черная свеча источала жуткий свет. Донья Мерседес села у свечи.

Повинуясь какой-то произнесенной команде, мужчины по очереди высунули свои головы прямо перед ней. Каждый раз, когда возникала голова, она отсыпала небольшую порцию черного порошка в ладонь, а затем натирала им каждую голову. Вскоре, после того, как она управилась с головами, она намазала черным порошком руки мужчин.

Мое любопытство достигло предела, когда я услышала треск открываемой крышки.

— Мы достали ее, — сказал Леон Чирино, высунув свою руку из ямы.

Донья Мерседес подала ему банку с черным порошком, затем банку с чем-то белым, и после этого задула свечу.

Нас снова поглотила полнейшая тьма. Стоны и вздохи мужчин, вынимавших что-то из ямы, еще больше подчеркивали неестественную тишину. Я прижалась к донье Мерседес, но она оттолкнула меня.

— Все сделано, — прошептал Леон Чирино напряженным голосом.

Донья Мерседес вновь зажгла черную свечу. Я с трудом различила контуры трех мужчин, которые несли большой узел. Они положили его на кучу грунта. Я наблюдала за ними с такой увлеченностью, что чуть не упала в яму, услышав голос доньи Мерседес. Она приказала Леону Чирино, который все еще находился в яме, поскорее забить гвоздями то, что там было, и вылезать.

Леон Чирино появился сейчас же, и донья Мерседес массировала ему лицо и руки, в то время, как трое других мужчин, взяв лопаты, засыпали яму.

Когда они закончили работу, донья Мерседес поставила свечу в центр зарытой ямы. Леон Чирино бросил на нее последнюю лопату земли и погасил пламя.

Кто-то зажег керосиновый фонарь и мужчины немедленно продолжали свой труд; они утрамбовали землю так идеально, что никто не смог бы догадаться о произведенных раскопках. Я следила за ними все это время, но в последний миг все мое любопытство сфокусировалось на узле, завернутом в презент.

— Теперь никто не узнает, — сказал один из мужчин и тихо засмеялся, — а сейчас надо уходить отсюда. Скоро начнет светать.

Мы подошли к узлу. Я освещала путь. Мне очень не терпелось узнать, что там такое. В попытках я налетела на узел, брезент соскользнул, приоткрыв часть женской ноги, одетой в черный ботинок.

Не в силах сдержаться, я дернула брезент и осветила раскрытый узел. В нем был труп женщины. Мой испуг и ошеломление достигли таких размеров, что я даже не закричала, хотя желала этого и прилагала к этому все силы. Все, что я смогла сделать, это каркнуть. Затем все в моих глазах потемнело.

Я залезла на заднее сидение машины Леона Чирино и уткнулась в колени доньи Мерседес. Она плотно прижала к моему носу платок, смоченный смесью нашатыря и розовой воды. Это было любимое средство доньи Мерседес. Она называла его духовной инъекцией.

— Я всегда знала, что ты трусиха, — отозвалась она и начала массировать мне виски.

Леон Чирино крутился вокруг, — ты очень смелая, Музия, — сказал он, — но у тебя еще нет сил, чтобы отступить. Тебе придется потерпеть. Несколько дней придется потерпеть.

Я не отзывалась. Мой испуг был слишком велик, чтобы можно было успокоиться. Я со злостью обругала их за то, что они не предупредили меня о своих действиях.

Донья Мерседес ответила, что все, сделанное ими, делалось преднамеренно, и частью их замысла была моя полная неосведомленность. Это давало им род защиты против осквернения могилы. Слабым местом оказался мой жадный интерес к тому, что было под брезентом.

— Я говорила тебе, что мы приехали выполнить обещание, — сказала мне донья Мерседес, — мы закончили первую часть — выкопали труп. Теперь мы должны похоронить его снова, — она закрыла свои глаза и заснула.

Я пересела на переднее сиденье.

Тихо напевая, Леон Чирино поехал по грунтовой дороге к побережью.

Было уже утро, когда мы достигли заброшенной кокосовой рощи.

Почувствовав запах морского бриза, Мерседес Перальта проснулась. Она громко зевнула и выпрямилась. Высунувшись в окно, она, казалось, вдыхала плеск дальних волн.

— Вот хорошее место для остановки, — заявил Леон Чирино, притормозив в нескольких шагах от пальмового дерева, прямее и выше которого я еще не встречала. Казалось, что тяжелые серебристые листья подметают облака на темно-синем небе.

— Здесь поблизости находится дом Лоренцо Паза, — продолжал болтать Леон Чирино, помогая донье Мерседес выйти из машины, — прогулка пойдет нам на пользу, — улыбаясь, он подал мне ее корзину.

Мы пошли проторенной дорогой через густые заросли высокого бамбука, обрамлявшего ручей. Здесь было прохладно и темно, а воздух наполнялся зеленой прозрачностью листьев. Леон Чирино шагал впереди нас, его соломенная шляпа была сдвинута на глаза так, чтобы ее не унес ветер.

Мы догнали его на узком мосту. Опираясь на балюстраду из свежесрезанных шестов, мы немного отдохнули, наблюдая за группой женщин, стиравших белье. Из чьих-то рук выскользнула рубашка, и юная девушка прыгнула в воду, чтобы поймать ее. Тонкое платье вздулось воздушным пузырем, затем облепило ее грудь, живот и мягкий изгиб бедер.

Прямая грунтовая дорога по ту сторону моста вела к маленькой деревушке, в которую мы так и не зашли. Свернув на заброшенное маисовое поле, мы пошли вдоль оросительной канавы. Затвердевшие початки жалко обвисали шелухой на засохших стеблях; при слабых дуновениях ветерка они издавали трескучее шуршание. Мы подошли к маленькому дому. Его стены были недавно покрашены, а черепичная крыша частично переделана. Банановые деревья, листья которых были почти прозрачны на солнечном свете, словно часовые стояли стеной перед дверью.

Дверь была приоткрыта. Без стука и отклика мы вошли в дом. На кирпичном полу, опираясь о стены, сидело несколько мужчин. Увидев нас, они в знак приветствия подняли наполовину наполненные ромом стаканы, а затем вновь продолжили беседу низкими, ленивыми голосами. В узкое окно врвался солнечный луч. Пыль, клубящаяся в нем, подчеркивала спертую духоту и острый запах керосина. В дальнем углу комнаты на двух упаковочных ящиках стоял открытый гроб.

Один из мужчин поднялся и, нежно взяв меня под локоть, подвел к гробу. Мужчина был небольшой, но крепко сложенный. Его седые волосы и морщинистое лицо указывали на ?????????? ???????? ??? Что-то молодое было в изящном наклоне его скул и озорном выражении его красно-коричневых глаз.

— Взгляни на нее, — шепнул он, склоняясь над мертвой женщиной, лежавшей в гробу неокрашенном гробу, — видишь, как она еще красива.

Я едва сдержала крик. Это была та самая женщина, которую мы откопали прошлой ночью. Я подошла поближе и внимательно осмотрела ее. Несмотря на серо-зеленый цвет кожи, который не мог скрыть даже грим, в ней было что-то живое. Казалось, будто она улыбается своей собственной смерти. Ее тонкий нос венчали круглые очки без стекол. Яркие выкрашенные губы были полуоткрыты, обнажая прекрасные белые зубы. Ее длинное тело было завернуто в мантию, отделанную белым. На подставке лежала красно-черная деревянная маска дьявола, украшенная двумя угрожающе вывернутыми рогами барана.

— Она была очень красива и очень дорога для меня, — сказал мужчина, расправляя складку на мантии.

— Невероятно, как она еще красива, — согласилась я с ним. Боясь, что он перестанет говорить со мной, я не стала задавать ему вопросы.

С волнением продолжая расправлять красную мантию, он подробно рассказал мне о том, как они выкопали ее из могилы на кладбище вблизи Курмины и принесли в его дом.

Внезапно он взглянул на меня и понял, что я здесь посторонняя. Он осмотрел меня с любопытством.

— Ох, милая моя! Ну что я за хозяин? — воскликнул он, — я все говорю и говорю, а еще не предложил тебе ни еды, ни питья, — он взял меня за руку и представился: — я — Лоренцо Паз.

Я хотела сказать ему, что мне кусок в горло не полезет, но он быстро провел меня через узкий проход на кухню.

Здесь у керосиновой плиты хозяйничала Мерседес Перальта. Она размешивала какую-то стряпню из лекарственных растений, которые принесла с собой, — ты лучше похорони ее поскорее, Лоренцо, — сказала она, — не надо слишком долго держать ее над землей.

— Она еще хороша, — уверял ее мужчина, — я уверен, ее муж отвалил солидный куш тем, кто бальзамировал ее в Курмине. Для большей надежности я посыпал гроб

негашеной известью, а ее тело обернул в ткань, пропитанную керосином и креозолом, — он умоляюще посмотрел на целительницу, — я должен быть уверен, что ее дух последует за нами.

Кивнув, донья Мерседес продолжала мешать свою стряпню.

Лоренцо Паз наполнил ромом две эмалированные кружки. Он подал одну мне, а другую — донье Мерседес, — мы похороним ее, как только она остынет, — пообещал он и вышел в другую комнату.

— Кем была эта мертвая женщина? — спросила я донью Мерседес и села на кипу сухих пальмовых листьев, сложенных у стены.

— Для тех, кто тратит большую часть своего времени на изучение людей, ты не очень наблюдательна, — заметила она, мягко улыбаясь, — я указывала тебе на нее несколько раз прежде. Она была женой фармацевта.

— Шведка? — ошеломлено спросила я, — но почему?., — конец моей фразы потонул в шумном хохоте мужчин в соседней комнате.

— Я думаю, они узнали, что ты была той, кто держал фонарь прошлой ночью, — сказала донья Мерседес и вышла в другую комнату посмеяться вместе с мужчинами.

Непривычная к спиртному, я почувствовала, что фактически засыпаю.

Голоса мужчин, их смех, а несколько позже ритмичный стук молотка доносились до меня как будто издалека.

12.

Ближе к вечеру мужчины ушли с гробом на кладбище, а я и донья Мерседес отправились в деревню.

— Интересно, где все люди? — спросила я. Кроме девчушки, стоявшей у дверей с голым карапузом на спине, и нескольких собак, лежавших в тени домов, на площади никого не было.

— На кладбище, — сказала донья Мерседес, направляясь через площадь к церкви, — сегодня день поминовения умерших. Люди приводят в порядок могилы своих покойных родственников и молятся за них.

Внутри церкви было прохладно и сумрачно. Последние нити солнечного света, дробясь цветными стеклами узких окон, падали вниз, освещая статуи святых в стенных нишах. Распятие в натуральную величину, с разорванной, вывернутой плотью и упавшей, кровоточащей головой, освещенной ярким светом, возвышалось на алтаре. Справа от распятия стояла статуя счастливой девы из Коромото, облаченной в голубую бархатную накидку с вышитыми звездами. Слева был косоглазый образ святого Иоанна, в узкополой шляпе и в красном фланелевом плаще, порванном и пыльном, небрежно наброшенном на его плечи.

Донья Мерседес потушила пламя семи свечей, горевших на алтаре, положила их в свою корзину и зажгла семь новых. Она закрыла глаза и, сложив руки, прочла длинную молитву.

Солнце едва мерцало за холмами, когда мы вышли из церкви. Малиновые и оранжевые облака, украшенные закатом, медленно тянулись к морю в золотистых сумерках. Когда мы пришли на кладбище, было уже темно.

Казалось, что здесь собралась вся деревня. Мужчины и женщины, присев возле могилы, молились тихими голосами, окруженные горящими свечами.

Мы прошли вдоль низкой кладбищенской стены к уединенному месту, где отдыхали Лоренцо Паз и его друзья. Они уже опустили гроб в землю и забросали его грунтом. Их лица, освещенные расположенными по кругу свечами, превратились в абстрактные маски, чьи призрачные формы скорее годились тем, кто был погребен под нами. Как только они заметили Мерседес Перальту, они ретиво бросились устанавливать крест в изголовье могилы.

Сделав это, они исчезли, быстро и беззвучно, как если бы их поглотила тьма.

— Сейчас мы вызовем сюда духа Бирджит Брицены, — сказала донья Мерседес, доставая из корзины семь свечей, которые взяла с церковного алтаря, и столько же сигар. Воткнув свечи в мягкий грунт на вершине могилы, она зажгла их и сунула в рот первую сигару, — следи внимательно, — шепнула она, передавая мне остальные сигары, — когда я выкурю ее, у тебя уже должна быть раскурена следующая.

Делая глубокие затяжки, она выпустила дым в четырех главных направлениях. Она сидела у могилы и непрерывно курила, шепча заклинания низким дребезжащим голосом.

Казалось, что табачный дым выходил не из ее рта, а прямо из-под земли. Тонко струясь, он окутывал нас облаком. Очарованная, я сидела возле нее, подавала сигару за сигарой и слушала ее мелодичное, но непонятное пение.

Когда она начала передвигать свою левую руку над могилкой, я придвинулась к ней поближе. Мне казалось, что она встряхивает трещоткой, но в руке у нее ничего не было видно. Я только слышала трескучий звук зерен или, возможно, мелкой гальки, которую она быстро перекачивала в руке. Крошечные искры, словно светлячки, выскакивали между ее сжатых пальцев. Она начала насвистывать странный мотив, который стал вскоре неотличим от шуршащего шума.

Из дыма выплыла высокая фигура, облаченная в длинную мантию и колпак.

Я прижала руку ко рту, заглушая нервный смех. Я считала, что еще нахожусь под воздействием рома и принимаю участие в каком-то трюке, который, возможно, является частью дневного празднества в память умерших.

Полностью поглощенная, я следила за фигурой, вышедшей из дымного круга и бредущей к кладбищенской стене. Взгляд задержался на грустной улыбке призрака. Я услышала мягкий смех, такой тихий и нереальный, что, возможно, он был лишь частью пения Мерседес Перальты.

Но голос стал громче. Звук, казалось, исходил из четырех углов могилы, каждая сторона повторяла слова эхом. Дым рассеялся; он поднялся к пальмовым листьям и исчез в ночи. Некоторое время донья Мерседес продолжала сидеть у могилы, что-то тихо бормоча. Ее лицо едва виднелось в свете догорающих свечей.

Она повернулась ко мне, на ее губах промелькнула улыбка.

— Я заманила дух Бирджит Брицены сюда, но не к ее могиле, — сказала она. Взяв мою руку, она встала.

Я хотела спросить ее о странном видении, но что-то в пустом выражении ее глаз заставило меня замолчать. Лоренцо Паз, прислонясь к огромному валуну, ожидал нас за кладбищем. Ни слова не говоря, он встал и последовал за нами по узкой тропе, ведущей к пляжу. Полумесец ярко сиял на выбеленном плавнике, разбросанном по широкой полосе песка.

Донья Мерседес приказала мне подождать ее у ствола вырванного с корнем дерева. Она и Лоренцо Паз ушли на берег. Он снял свою одежду, вошел в воду и исчез в волнистом фосфоресцирующем седом покрывале, обшитом серебристыми тенями.

Он показался несколько раз на волне, блеснув в лунном свете, затем его вынесло на берег.

Мерседес Перальта достала из корзины банку и посыпала ее содержимым распростертую на песке фигуру. Встав на колени рядом с ним, она положила свои руки ему на голову и забормотала заклинания. Она нежно массировала ее, ее пальцы едва касались тела, наконец вокруг него показалось слабое свечение. Быстрыми рывками она покатила его из стороны в сторону, ее рука описывала в воздухе округлое движение. Казалось, что она собирала тени и обматывала их вокруг него.

Немного позже она вернулась ко мне, — дух Бирджит Брицены прилип к нему, как вторая кожа, — сказала она, садясь рядом со мной на ствол дерева.

Вскоре Лоренцо Паз, одевшись, подошел к нам. Донья Мерседес движением своего подбородка приказала ему сесть перед ней на песок. Поджимая губы, она издала несколько громких шлепающих звуков и своими быстрыми, короткими выдохами заставила вибрировать горло в приглушенном рычании.

— Пройдет много времени, прежде чем призрак Бирджит Брицены будет забыт, — сказала она, — процесс умирания длится некоторое время и после того, как тело предано земле. Умерший очень медленно теряет память о себе.

Она повернулась ко мне и приказала сесть на песок рядом с Лоренцо Пазом. Его одежда пахла дымом свечей и розовой водой.

— Лоренцо, — обратилась она к нему, — мне хочется, чтобы ты рассказал Музии историю о том, как ты околдовал Бирджит Брицену.

Он озадаченно посмотрел на нее, затем обернулся и взглянул на море; его голова слегка склонилась, казалось, что он выслушивает тайное послание от волн, — почему ей нравится слушать нелепые истории стариков? — спросил он ее, не обращая внимания на меня, — у Музии есть свои собственные истории. Я уверен в этом.

— Но это же я прошу тебя рассказать ей твою историю, — сказала донья Мерседес, — она рассматривает пути и способы, посредством которых колесо случая может быть повернуто человеком. В твоем случае объект, который повернул колесо, это ты, Лоренцо.

— Колесо случая! — сказал он грустным голосом, — я помню это, словно все случилось только вчера, — по-видимому, размышляя о чем-то, он потыкал гальку кончиком своего ботинка и вытянулся плашмя на песке.

Со своего кресла позади прилавка в тусклом, прокуренном баре Лоренцо наблюдал за группой мужчин, склонившихся за бильярдным столом над партией корнера. Он перевел взгляд на часы у камина, отмечавшие каждый час стеклянным перезвоном. Почти рассвело. Он уже хотел подняться и напомнить мужчинам о позднем времени, когда услышал шаркающие шаги Пэтры. Он опять быстро уселся. Злая усмешка пробежала по его лицу. Пусть посетителями занимается его тетушка. Никто в городе еще не избежал ее порицаний. Их слушали, не считаясь с тем, какими бы мерзкими и возмутительными они ни были.

— Этот чертов стук бильярдных шаров не дает человеку заснуть, — пожаловалась она хриплым голосом, едва только вошла в комнату, — вы не подумали о том, что вас

ждут жены? Вы не думаете, что вам надо завтра идти на работу, как и всем добрым христианам? — не давая мужчинам прийти в себя от неожиданности, она продолжала в той же негодующей манере, — я знаю, что делается с вами. Вы уже сожалеете о том, что принесли эти языческие рождественские деревья в свои дома, что разрешили своим детям играть в рождественские игры.

Она перекрестилась и набросилась на одного из мужчин, — вот ты, мэр.

Как же ты можешь позволять такое? Неужели вы все обратились в протестантов?

— Упаси бог, Пэтра, — сказал мэр, крестясь, — не делай из мухи слона.

Какой вред в деревьях и играх? Посмотри, как детям это нравится.

Проворчав что-то неразборчивое, она хотела было уйти, но вдруг остановилась: — мне стыдно за дону Серапио! Он более чужд нам, чем истинные иностранцы. Мне стыдно за то, что он более чужой нам, чем даже его жена. Благодаря им большинство детей в городе не получит подарков трех волхвов шестого января, как то полагается каждому доброму христианину, — она достала на прилавок пачку сигарет, — сейчас они собирают их на рождество, — продолжала она, — называя каких-то типов Санта Клаусами. Это позор!

Прислонясь к двери, она угрожающе рассматривала мэра, не замечая, что сигарета из ее рта давно упала на пол. Она потянулась к полуоткрытой бутылке рома рядом с бильярдным столом и пропустила стаканчик, шепча что-то про себя.

Улыбнувшись, Лоренцо ясно вспомнил тот день, когда грузовик, нагруженный необычными ароматными деревьями, приехал в город. Дон Серапио, фармацевт, назвал их рождественскими елками. Он заказал их в Каркасе вместе с украшениями и пластинками европейских рождественских песен.

Не желая уступать друг другу, друзья дона Серапио вскоре последовали его примеру и, уплатив кучу денег за хрупкие деревья, выставляли их так, чтобы они были заметны в их лилых комнатах.

К большому огорчению старых родственников, живущих в этих домах, деревья ставили рядом, а то и прямо в тех местах, которые по традиции отводились для рождественских сцен.

Открывая окна, чтобы каждый прохожий мог заглянуть и услышать незнакомые мотивы "тихой ночи" и "танненбаума", женщины украшали тощие веточки стеклянными шарами, бусами, золотой и серебряной мишурой и снегом из ваты.

Шорох дребезжащей занавеси рассеял воспоминания Лоренцо. Он помахал рукой мужчинам, покидавшим бар, а затем принялся расставлять бутылки на полках. Его взгляд остановился на маске, засунутой за дешевые статуэтки богородиц, святых и страдающего Христа. Фигурки дарили бедные клиенты, которые не в силах были оплатить спиртное. Он вытащил маску. Это была маска дьявола с огромными рогами. Ее оставил приезжий из Каркаса. Он не смог оплатить заказанный стакан рома.

Прислушиваясь к тому, как Пэтра гремит горшками и кастрюлями на кухне, он поставил маску обратно на полку. Вместо того, чтобы запереть бар, он вытащил свое кресло-качалку на тротуар. Широкие ветви древних деревьев на площади резко вырисовывались на бледном предрассветном небе.

Он неторопливо раскачивался взад и вперед. Сквозь полуприкрытые веки он следил за стариками, которые, наверное, никогда не спали на рассвете.

Они сидели у своих дверей, беседуя и вспоминая поминутно детали прожитых дней с какой-то все возрастающей живостью.

Сквозь тишину плыла мелодия. Через улицу прямо на Лоренцо смотрела Бирджит Брицена, жена фармацевта. Это звучало ее радио. Ему стало интересно, проснулась ли она только что или тоже еще не ложилась.

Ее лицо было безупречно овальным. Уголки ее маленького, чувственного, прекрасного рта выражали вызов и нахальство. Ее желтые волосы оплетали голову косой, а холодные голубые глаза, казалось, блеснули, когда она улыbnулась ему.

Он кивнул ей в знак безмолвного приветствия. Он всегда немел в ее присутствии. С первого дня, как он увидел ее, она была для него идеалом красоты, — это из-за нее я прожил до сорока лет, так и не женившись, — подумал он. Для него все женщины были привлекательны и неотразимы, но Бирджит Брицена была более чем неотразима, она была действительно недосыгаема.

— Почему ты не зашел к нам вечером на рождественские игры? Сегодня вечером будет рождество Евы, — прокричала она через улицу.

Старики, дремавшие у своих дверей, внезапно оживились и повернули головы к владельцу бара. Нетерпеливо усмехаясь, они ждали его ответа.

До сих пор Лоренцо постоянно отказывался от приглашений дона Серапио.

Он не мог терпеть важного вида фармацевта. Ему претила его неуступчивость в попытках убедить всех знакомых и близких в том, что он самый влиятельный человек в городе, и что только он может служить примером цивилизованного человека.

Но каким несносным ни казался ему этот мужчина, Лоренцо не мог сопротивляться приглашению его жены. Громким голосом он пообещал Бирджит Брицене, что придет этим вечером. Он затащил в дом свое кресло и отправился спать в заднюю часть дома, довольный и уверенный в себе.

Одетый в белый льняной костюм, Лоренцо вышагивал по своей спальне, испытывая новые лакированные туфли. Это была большая комната, заставленная тяжелой витой мебелью из красного дерева. Она стояла прежде в гостиной, но отец перестроил ее несколько лет назад в небольшой бар. Лоренцо сел на постель, снял туфли и носки и надел матерчатые сандалии.

— Я рада, что ты не зря старался, — отозвалась Пэтра, входя в комнату, — нет ничего хуже, чем неудобная обувь. Она делает человека абсолютно ненадежным.

Ее небольшие темные глаза одобрително засияли, когда она осмотрела его костюм, — и все же ты никогда не заманишь Бирджит Брицену обычными средствами, — заявила она, поймав его взгляд в зеркале, — эта иностранка отзовется лишь на хитрости ведьмы.

— Неужели? — пробормотал Лоренцо, пожимая плечами с напускным безразличием.

— Не в этом ли причина того, что ты хотел увидеться с ведьмой?

Попросить приворотное зелье для Музии? — подзадоривала она его, скрестив тонкие руки на плоской груди. Понимая, что он не посмеет ответить, она добавила: — ладно, но почему ты не следуешь совету ведьмы?

Лоренцо усмехнулся и внимательно посмотрел на свою тетку. Она жутким образом знала все, что было в его мыслях, а ее оценка всегда была точна.

Пэтра поселилась в доме после смерти отца. Ему было тогда десять лет.

Она не только присматривала за ним все эти годы, но и заведовала баром до тех пор, пока он не вырос и не стал справляться с этим самостоятельно.

— Бирджит Брицена ответит только на уловку ведьмы, — угрюмо повторила Пэтра.

Лоренцо осмотрел себя в зеркале. Он был слишком мал и приземист, чтобы выглядеть достойно. У него чересчур сильно выступали скулы, рот был тонким, а нос большим. Однако он без смущения любил женщин и знал, что женщины любят мужчин такого образа поведения. Но любить Бирджит Брицену — что можно желать более? И он желал ее больше всего на свете.

Он никогда не сомневался в силе ремесла ведьм. Рекомендации ведьмы в том, как соблазнить иностранку, однако, были слишком необычными, — приворотное зелье готовят для людей, не имеющих силу идти прямо к душе вещей, — говорила она ему, — любая исполнит твоё желание, твоё самое серьёзное желание, если у тебя имеется достаточно силы, чтобы желать прямо в душу вещей. У тебя есть маска дьявола. Попроси маску соблазнить Бирджит Брицену, — он решил, что все это слишком неясно. Он был очень практичен и мог полагаться только на что-то конкретное.

— Ты знаешь? — спросил он, взглянув на свою тетку, — бирджит Брицена сама пригласила меня к себе в дом.

— Она наверное пригласила полгорода, — цинично ответила Пэтра, — а не приглашенная половина тоже будет там, — она встала, но прежде чем оставить комнату, добавила: — я не предлагаю тебе — не ходить к Бирджит Брицене. Но запомни мои слова. У тебя ничего не получится с помощью обычных средств.

Он отбросил совет ведьмы из-за того, что больше не хотел соблазнять шведку; он хотел, чтобы она любила его, пусть даже на мгновение. В этот миг эйфории он подумал, что до встречи осталось менее часа.

Парадная дверь и окна дома Брицены были открыты настежь. Даже с площади можно было увидеть высокую ель в гостиной, которая пылала бесчисленными яркими огнями во всем своем великолепии.

Лоренцо вошел в дом. Что-то здесь напоминало железнодорожный вокзал.

В патио на возвышающейся платформе были расставлены ряды стульев. Из гостиной вместе с мебелью из ивы вынесли кожаные кресла, диваны и сафьяновые табуретки. Мальчишки и девчонки носились босиком, таща на буксире своих матерей, которые на ходу пытались поправить их костюмчики.

— Лоренцо! — закричал дон Серапио, увидев его в широко открытых дверях гостиной. Он был высок и худощав, к тому же обладал приличным брюшком. Поправив свои толстые роговые очки, дон Серапио радушно похлопал Лоренцо по плечу, — мы подаем кофе, — сказал он, сопровождая его к гостям, элите города. Здесь были доктор, мэр, парикмахер, директор школы и священник. Увидев Лоренцо в доме дона Серапио, они пришли в полное недоумение.

Фармацевт, казалось, искренне радовался тому, что заполучил неуволимого владельца бара к себе в гости.

Лоренцо поздоровался с каждым и, отходя от двери, едва не столкнулся с Бирджит Бриценой, которая в этот миг входила в комнату.

— Отлично! — воскликнула она, улыбаясь гостям, — дети уже начинают игру. Но сначала идите и помогите вашим женам приготовить печенье и кофе.

— взяв под руку мужа, она прошла в столовую.

Лоренцо не сводил с нее глаз. Она была высока и прекрасно сложена, однако, подумал он, было что-то незащищенное, почти хрупкое в ее длинной шее, нежных руках и ступнях.

Почувствовав, что ее оценивают, она взглянула на него. Секунду подумав, она налила кофе в две маленькие чашки в золотой оправе и понесла их туда, где стоял он, — здесь есть еще и ром, — сказала она, задумчиво поглядывая на бутылку в конце стола, — который предназначен только для мужчин.

— Я позабочусь о нем без промедлений, — воскликнул Лоренцо, одним глотком приканчивая кофе. Он взял бутылку, наполнил свою чашку ромом и непринужденно обменял ее пустую чашку на свою.

Усмехаясь, она взяла печенье, немного откусила и элегантно выпила ром маленькими глотками, — со мной всегда происходят странные истории, — прошептала она, ее глаза вдруг заблестели, а щеки покраснелись.

Лоренцо не замечал вокруг себя ничего — только ее. Все, о чем говорил гостям дон Серапио, пролетало мимо его ушей, пока она, досадливо отмахиваясь, не сказала: — я лучше вернусь к детям.

А фармацевт медлительно и педантично разоблачал традиции рождественских гуляк Венесуэлы, которые каждую ночь проводят в пении импровизированных колядок, иступленно играя на своих барабанах. Это так надоедливо, подчеркивал он, слушать непрерывный бой барабанов. Ему казалось просто возмутительным видеть молодежь, шатавшуюся по улицам от рома, которым их обпайвали в награду за пение.

Лоренцо вспомнил последний визит к ведьме. Выражение озорства и злорадства озарило его лицо.

— Я не верю в то, о чем ты мне говоришь, — кричал он, — потому что я не знаю, кто сможет дать мне такое монументальное желание.

— Доверься мне, — ответила она, — нет способа узнать, кто дает такое желание. Но оно случается, когда ты меньше всего этого ожидаешь, — она настаивала на том, что у него уже есть предмет, который позволит ему наслать заклятие на Бирджит Брицену — дьявольская маска, — и еще добавлю.

Ты должен надеть маску в момент торжества, и она удовлетворит твоё желание.

Ведьма объяснила ему, что требовалось выбирать лучшее время, так как магическая маска могла сработать только один раз.

И то, что маска попалась ему этим утром на глаза, было более чем совпадение. Лоренцо бесцеремонно вышел во двор, уверенный в том, что никто не видит его. Он перебежал улицу и незаметно проскользнул в тыльную дверь своего дома.

Он вошел на цыпочках в бар, зажег свечу и достал маску с полки.

Нерешительно провел пальцами по красно-черной поверхности. Резчик вложил в свое творение что-то адское, подумал Лоренцо. У него было странное чувство, что глазные щели, прикрытые густыми бровями, обвиняли его за пренебрежение. Рот, с длинными клыками в уголках, дьявольски скривился в усмешке, подбивая его на танец с маской.

Он одел ее на свое лицо. Его глаза, нос и рот так хорошо подходили к маске, что он почти поверил, будто маска сделана для него. Лишь скулы слегка терлись о гладкую поверхность. Он связал сыромятные ремешки на затылке и прикрыл их волосами из пакли, окрашенными в фиолетовый, зеленый и черный цвета. Волосы свисали на его спину.

Лоренцо не слышал, как в комнату вошла Пэтра. Испугавшись, он подпрыгнул, когда она заговорила.

— Ты должен переодеться, — заявила она, подавая ему брюки и залатанную рубашку, — сними сандалии, дьявол ходит босиком, — она оглянулась, боясь, что кто-то может подслушать, затем добавила: — помни, дьявол приказывает, не произнося слов.

Тихо, той же дорогой, какой пришел, Лоренцо выскользнул через заднюю дверь. Секунду он колебался, размышляя, каким путем вернуться. И вдруг увидел группу гуляк, игравших на своих барабанах в конце улицы. Укрываясь в тени, он пошел вдоль стены к ним.

— Дьявол! — закричал один из них, увидев Лоренцо, затем бросился вприпрыжку по улице, крича, что в город пришел дьявол.

Четверо юношей отделились от группы и окружили дьявола, продолжая бить в свои барабаны. Один из них запел импровизированные стихи о том, что они будут этой ночью под началом дьявола.

Лоренцо почувствовал, как дрожь пробежала по его позвоночнику. Она наполнила его нетерпением, которое он не мог контролировать. Он медленно поднял свои мускулистые руки, его ноги задвигались по собственной воле под ритм барабанов.

На их пути открывались окна и двери. Они шествовали по улице к площади, а сзади их сопровождала растущая толпа. Вдруг словно по велению дьявола освещение на площади и в окрестных домах погасло на три-четыре секунды. Музыка оборвалась. И в этот момент парализованная толпа глазела на то, как дьявол входит в дом Брицены.

Он вспрыгнул на платформу патио, и ракеты, пущенные кем-то снаружи, взвились в воздух. Красные, голубые, зеленые и белые огни расплзлись по небу, а затем головокружительно понеслись на землю ливнем слабых золотых искр.

Прикованные к месту, ошеломленные гости смотрели на дьявола и барабанщиков, которые следовали за ним. Словно прислушиваясь к какой-то безмолвной музыке, он кружился среди умолкших барабанщиков. Его тело слегка горбилось, а рога были угрожающе направлены в небо.

Словно гром, взорвались барабаны, превратив затянувшуюся тишину в грохот, который заползал в каждый уголок дома.

Дьявол, увидев у дверей столовой Бирджит Брицену, спрыгнул с платформы, схватил бутылку рома со стола и подал ей.

Улыбаясь, она взяла бутылку и, запрокинув ее, выпила до капли.

Уверенный в своей силе, дьявол кружился вокруг нее, двигаясь с изумительной грацией.

Вытянув руки и восторженно улыбаясь, Бирджит Брицена раскачивалась в такт барабанам, словно была в трансе.

Дон Серапио сжался в комочек на кресле, которое вдруг оказалось слишком широким для него. В его глазах под толстыми роговыми очками был ужас.

Гости, смешавшись с толпой, нахлынувшей с площади, начали танцевать.

Скромно покачивая бедрами, они старались сдерживать свои движения.

Лоренцо был окружен все увеличивающимся числом танцующих женщин, которые хотели коснуться его, прижаться к нему, удостовериться, что он из плоти и крови. Он потерял из виду Бирджит Брицену. Без усилий разорвав нить нетерпеливых женских рук, он скрылся за дверью. Уверенный, что его не будут преследовать, он бросился в заднюю часть дома, заглядывая в каждую комнату.

Радостный смех настиг его на полпути. У арки, отделявшей прачечную от заднего двора, стояла высокая тучная фигура, одетая в черные сапоги, длинную красную мантию, отделанную белым, и красный фригийский колпак поверх кудрявого парика.

Лоренцо приблизился к странно одетой персоне, — бирджит Брицена, — прошептал он вполголоса, глядя в ее ясные, нахальные глаза, обрамленные очками в проволочной оправе без стекол.

— Санта Клаус! — поправила она; широкая усмешка тронула ее губы, скрытые лохматой бородой и усами. Она потянулась за джутовым мешком, набитым пакетами.

— Я ждала двенадцати часов, чтобы раздать детям рождественские подарки, — объяснила она, — но теперь не могу пройти мимо такой возможности, — она хитро улыбнулась, — ты пойдешь со мной? — спросила она, и ее глаза хищно блеснули, когда она согнулась, заглядывая в щели его маски.

Лоренцо кивнул ей, затем поднял джутовый мешок, взвалил его на плечо и движением руки приказал ей следовать за ним.

Через задний двор они вышли на улицу, ведущую к площади, где несколько стариков, женщин и детей собрались посмотреть на праздник в доме Брицены.

— Там дьявол! — завизжала маленькая девочка. Позвав других детей за собой, она побежала на середину площади. Дети резко остановились. Их глаза расширились от ужаса и любопытства.

— Это дьявол, — сказала маленькая девочка, указывая на Лоренцо, — а ты кто? — спросила она высокую фигуру, — почему ты такодет?

— Я Санта Клаус, и я принес подарки, — сказала Бирджит Брицена, вытаскивая из мешка пакеты. Смеясь, она раздавала их детям.

— А нам ты принес подарки? — кричали другие дети, танцующая вокруг нее.

Громко хохоча, Бирджит Брицена положила пакеты в их жадные маленькие ручки.

Растерянная малышка, прижимая завязанную коробку к груди, возбужденно кричала: — Санта Клаус и дьявол пришли к нам танцевать!

Восторженный визг детей в один миг привлек толпу. Несколько музыкантов заиграли на своих инструментах, снова загремели барабаны.

— Давай танцевать подальше от твоего дома, — шепнул Лоренцо в ухо Бирджит Брицены, — а когда мы войдем в переулок, то улизем от них.

Лоренцо обвязал вокруг ее талии цветастый платок и крепко держал его концы. Их тела сплетались и дрожали в пламенных, ритмичных объятиях.

Боясь выпустить из рук концы платка, он напрочь игнорировал явные приглашения других женщин, которым тоже хотелось потанцевать с ним.

Несмотря на свою полную увлеченность танцем, он вдруг услышал другую группу музыкантов, идущих в конце улицы. На глазах у всех он схватил вскрикнувшую Бирджит Брицену на руки и вытащил ее из толпы. Прежде чем кто-либо понял, что случилось, дьявол и Санта Клаус исчезли.

Они бежали, пока было дыхание. А когда услышали гул толпы за углом, Лоренцо поднял Бирджит Брицену на руки и вошел в парадную дверь дома одного из своих друзей. Он увидел его в гостиной с небольшой группой людей. Лоренцо и в голову не приходило, что он может помешать семейному торжеству. Все, о чем он думал, было тем, как он убедит своего друга дать ему на время машину.

— Какая ночь, — вздохнула Бирджит Брицена. Радостная улыбка озарила ее лицо, — эта толпа почти настигла нас, — она сняла парик, бороду, усы и выбросила их в окно, затем вытащила подушку из-под мантии и кинула ее на заднее сидение, — куда мы едем? — спросила она, всматриваясь в темноту.

Лоренцо сбросил свою маску и продолжал гнать к небольшому домику у моря.

Хихикнув, она откинулась на своем сидении, — я чувствую запах морского ветра, — резко прошептала она, глубоко вздохнув, — люди моей нации всегда хоронят своих умерших близких у моря, и единственное, о чем я жалею, что не буду похоронена у моря. Серапио уже купил участок на городском кладбище.

Озадаченный ее странным замечанием, он остановил машину.

— Сможет ли маска дьявола исполнить мое желание быть похороненной у моря? — спросила она так серьезно и решительно, что он только кивнул в знак согласия.

— Обещание, подобное этому, священно, — сказала она. Взгляд ее глаз выражал понимание какой-то тайны. Она была спокойна, но странная, почти озорная улыбка играла на ее устах, — и я, на этом месте, обещаю любить владельца исполняющей желания маски всю эту ночь, — прошептала она.

Он отчаянно торопил мгновения любви. А потом была ночь — как вечность.

13.

Весь конец дня я размышляла над смыслом историй, которые услышала. Я думала, что понимаю то, что означает звено или тень ведьмы или колеса случая, но я все же еще нуждалась в пояснениях доньи Мерседес или Канделярии.

Я приняла за исходный пункт то, что не могу истолковать свои переживания с точки зрения моей академической подготовки, однако мне не хотелось переводить их на язык того, чему я научилась в мире нагвалы.

Флоринда объясняла это с точки зрения намерения: универсальной абстрактной силы, ответственной за формирование всего, что есть в мире, где мы живем. Наличие абстрактной силы, ее формирующая способность обычно находятся за пределами досягаемости человека, однако при некоторых обстоятельствах ими можно манипулировать. И это дает нам ложное впечатление того, что люди и вещи исполняют наши желания.

По сравнению с Флориндой — а я не могла удержаться от сравнения — донья Мерседес и Канделярия не имели общего законченного понимания своих действий. Они понимали лишь то, что делали как медиумы, ведьмы и целители, на уровне отдельных, конкретных событий, свободно связанных друг с другом.

К примеру, донья Мерседес дала мне конкретный образец способа манипулировать чем-то неизвестным. Акт манипуляции им она называла тенью ведьмы. Результат этой манипуляции она называла звеном, непрерывностью, поворотом колеса случая.

— Конечно, это маска исполняла желания Лоренцо, — сказала донья Мерседес с абсолютной убежденностью, — я знаю другие, очень похожие примеры вещей, исполнявших желания.

— Но скажи мне, донья Мерседес, какой фактор важнее — вещь сама по себе или личность, которая имеет желание?

— Вещь сама по себе, — ответила она, — если бы Лоренцо не имел этой маски, он бы всю жизнь вздыхал о Бирджит Брицене; и это было бы всем, что дало бы ему его желание. Ведьма должна сказать, что маска, а не Лоренцо, создала звено.

— Почему ты называешь это тенью ведьмы? Разве здесь вовлекалось влияние ведьмы?

— Тень ведьмы — это только название. Все мы имеем в себе кусочек ведьмы. Лоренцо безусловно не был ни спиритом, ни целителем, однако он имел определенную силу очарования. Я думаю, недостаточно создать звено и передвинуть колесо случая. С помощью маски получается совсем другая история.

Часть четвертая.

14.

Меня испугал слабый шум. Я попробовала передвинуться, но моя левая рука, которую я отлежала, затвердела и не слушалась меня. Я заснула в комнате Мерседес Перальты, изнуренная проведением инвентаризации ее лекарственных растений.

Услышав голос, звавший меня по имени, я повернула голову, — донья Мерседес? — прошептала я. Кроме скрипа узлов гамака о металлические кольца, я ничего не услышала в ответ. Я прошла на цыпочках в угол. В гамаке никого не было. Но я имела четкое ощущение, что она только что была в комнате, какое-то присутствие ее еще было здесь.

Застигнутая необъяснимой тревогой, я открыла дверь и выбежала в темный пустой коридор; я прошла через патио на кухню, затем во двор. Здесь в гамаке отдыхала донья Мерседес, окутанная табачным дымом.

Ее лицо медленно показалось из дымного облака. Оно больше походило на образ во сне. Ее глаза сверкали странной глубиной.

— Я только что думала о тебе, — сказала она, — о том, что ты здесь делаешь, — она вытянула свои ноги и выпрыгнула из гамака.

Я рассказала ей, что уснула в ее комнате и была напугана звуком ее пустого гамака.

Она молча слушала с тревожным выражением на лице, — музия, — сказала она строго, — сколько раз я советовала тебе не спать в комнате ведьмы? Мы очень уязвимы, пока спим.

Неожиданно она хихикнула и прикрыла рот рукой, словно сказала слишком много. Она сделала мне знак подойти ближе и сесть на землю у края гамака.

Затем начала массировать мне голову. Ее пальцы скользили волнообразными движениями вниз по моему лицу.

Успокоительное оцепенение распространилось по лицу. Кожа, мускулы и кости, казалось, растворились под ее ловкими пальцами. Полностью расслабленная и успокоенная, я чувствовала себя находящейся в дремоте, которая, однако, не была и сном. Я полусознавала ее мягкие прикосновения и наконец легла лицом вверх вблизи от цементной плиты.

Донья Мерседес молча стояла надо мной, — смотри, Музия, — внезапно крикнула она, указывая на полную луну, бегущую сквозь облака. То скрываясь, то появляясь вновь, луна, казалось, в спешке рвала облака, — смотри, — крикнула она снова, подбросив горсть золотых медалей, связанных длинной золотой цепочкой, над своей головой, — когда ты увидишь цепочку еще раз, ты вернешься в Каркас.

На миг темная горсть, казалось, была подвешена к луне, показавшейся среди облаков. Я не видела ее падения. Я была слишком озабочена тем, что побудило ее упомянуть о моем возвращении в Каркас. Я спросила ее об этом; она заметила, что для меня было бы глупо предполагать, что я останусь в Курмине навсегда.

Настойчивый, резкий треск цикад на ветвях над моей головой был больше похож на колебания, разрывавшие тишину жаркой и влажной ночи. Я лежала лицом вниз на циновке и ожидала женщину, которая являлась ко мне каждую ночь на этом самом месте.

Донья Мерседес, дремавшая в гамаке поблизости, решила составить мне этой ночью компанию и, похоже, нарушила своим присутствием всю исключительность таких появлений. Она с самого начала установила, что поскольку еще никто не был свидетелем моих встреч с духом, они могли оказаться чисто личным событием. Но если кто-то еще будет присутствовать при этом, все станет, как говорится, общественным достоянием.

Я уже приобрела некоторый опыт в курении сигар. Сначала я жаловалась донье Мерседес на раздражающее действие горячего дыма на нежные ткани внутри рта. Она смеялась над моими страхами, уверяя меня, что дым ритуальных сигар на самом деле прохладен и успокоителен.

Потренировавшись немного, я согласилась с ней; дым действительно был прохладным; казалось, что табак ментолизирован.

Решение доньи Мерседес сопровождать меня этой ночью было вызвано сомнениями Канделярии в том, что я достаточно сильна для самостоятельного проведения сеанса. По ее словам, полный сеанс означал то, что в некоторый момент медиум абсолютно оставлял весь контроль над своей личностью и дух мог выражать себя посредством тела медиума.

Днем раньше донья Мерседес объяснила мне, что мое присутствие в ее доме не могло длиться слишком долго. Не потому, что она или Канделярия были как-то против меня, но потому, что она не могла дать мне ничего ценного. Она уверяла меня, что и Канделярия и она сама не чувствовали ничего другого ко мне, кроме глубокой любви. Если бы я ей меньше нравилась, она бы удовлетворилась тем, что разрешила мне наблюдать ее лечение больных, и делала бы вид, что я являюсь ее помощницей. Но любовь ко мне вынуждала ее быть правдивой. Мне нужно было звено, а она не могла мне его дать. Она создавала его для Канделярии. Однако, поскольку дух выбрал меня как посредника, а возможно даже как настоящего медиума, она уважала этот выбор. Пока она помогала мне только косвенно при ночных контактах с призраком.

— Тот факт, что дух моего предка избрал тебя, — говорила она, — делает тебя, Канделярию и меня в некотором роде родственницами.

Канделярия потом мне рассказала, что у нее был контакт с тем же духом еще в детстве. Но, следуя традиции медиумов хранить все в глубочайшей тайне, она не могла рассказать мне об этом.

Донья Мерседес пошевелилась в гамаке и скрестила свои руки за головой, — музья, ты лучше садись и начинай курить, — сказала она тихим, расслабленным голосом.

Я зажгла сигару и часто запыхтела ею, шепча заклинания, которым она меня научила. Дым и звук были обязательными средствами для вызова призрака. Я услышала тихий шелест. Донья Мерседес тоже услышала его, она повернулась в том же направлении, что и я. В нескольких шагах от нас, между гигантскими терракотовыми цветочными горшками, сидела женщина.

Донья Мерседес присела рядом со мной и взяла сигару из моих губ. Она запыхтела ею, шепча заклинания, отличные от моих. Я почувствовала дрожь в теле; невидимая

рука сжала мое горло. Я услышала, что выпускаю свистящий, булькающий шум. К моему изумлению он звучал как слова, сказанные кем-то еще с помощью моих собственных голосовых связок. Я мгновенно узнала — хотя и не понимала слов — что это было другое заклинание. Призрак парил над моей головой, затем он исчез.

Я обнаружила себя в доме вместе с доньей Мерседес и Канделярией. Я насквозь пропотела и чувствовала себя физически истощенной. А тут были две женщины. Однако мое истощение не изнуряло. Я чувствовала удивительную легкость и оживление.

— Как я очутилась здесь? — спросила я.

Канделярия взглянула вопросительно на донью Мерседес и сказала: — у тебя был полный сеанс.

— Это меняет все, — воскликнула донья Мерседес слабым голосом, — дух моего предка даст звено для тебя. Поэтому ты должна остаться здесь, пока дух не позволит тебе уйти.

— Но почему дух избрал меня? — спросила я, — я же иностранка.

— Для духов не существует иностранцев, — ответила Канделярия, — духи имеют дело только с медиумами.

16.

Мерседес Перальта сидела сгорбившись у алтаря, бормоча заклинания.

Голодная и утомленная, я наблюдала за ней со своего места. Было почти шесть часов вечера. Я пылко желала о том, чтобы крупная женщина, сидевшая за столом, оказалась последней пациенткой доньи Мерседес в этот день.

Обычно она принимала не более двух больных, но последние четыре субботы донья Мерседес осматривала более двенадцати пациентов за день.

Большей частью это были женщины из соседних деревень, которые, совершая еженедельную поездку на рынок, задерживались, чтобы пройти осмотр у целительницы. Некоторые из них искали помощи от таких недугов, как головные боли, простуды и женские расстройства. Большинство посетителей, однако, приходило решать свои эмоциональные проблемы. Безответная любовь, семейные затруднения, конфликты с родней и подростками, проблемы на работе и в обществе были наиболее частыми темами бесед. Поседевшие волосы, отсутствие волос, появление морщин и полоса неудач были самыми легкомысленными жалобами. Донья Мерседес лечила каждого, независимо от его или ее проблемы, с одинаково искренним интересом и эффективностью.

Сначала она определяла недуг, применяя морской компас или истолковывая узор пепла сигары на тарелке. Если отсутствие целостности человека было вызвано физиологическим смятением — она называла его духовным — она накладывала молитвы-заклятия и делала массаж. Если человек страдал физическим недугом, она прописывала лекарственные растения.

Ее изумительное владение языком и великолепная чувствительность к каждой мельчайшей перемене в настроении человека побуждали сопротивляющихся мужчин и женщин раскрываться и откровенно говорить о своих интимных делах.

Голос Мерседес Перальты испугал меня, — в этот раз ты действительно испортила все дело, — отчитывала она крупную женщину, которая сидела перед ней за столом. Недоверчиво встряхнув головой, она еще раз осмотрела пепел сигары, который собрала на металлическую тарелку, — ты дурачишь меня, — заявила она, поднеся тарелку к лицу женщины и призывая ее узнать в мягком, серо-зеленом порошке природу своего недуга, — на этот раз ты действительно в беде.

Покраснев от волнения, женщина суетливо озиралась, словно пытаясь найти путь к отступлению. Она надула губы совсем как ребенок.

Донья Мерседес поднялась и подошла ко мне, произнеся официальным голосом: — я прошу тебя подробно записать методы лечения этой пациентки.

Как обычно, я сначала выслушивала названия прописанных трав и цветочных эссенций и диетические ограничения. Затем я записывала подробный отчет о том, при каких обстоятельствах пациент должен принимать отвар из трав или очищающие ванны. По указанию доньи Мерседес я никогда не делала копий для себя. И наконец, по ее просьбе я несколько раз перечитывала то, что написала. Я была уверена, что донья Мерседес не только убеждает себя в том, что я правильно поняла ее, но главным образом учитывает возможность того, что пациент будет неграмотен.

С инструкцией в руке женщина встала и повернулась к алтарю. Она положила несколько банкнот под статуэтку девы, затем торжественно пообещала, что будет следовать инструкциям доньи Мерседес.

Донья Мерседес подошла к алтарю, зажгла свечу и, встав на колени, помолилась святым о том, чтобы ее мнение оказалось правильным.

Я упомянула, что знаю докторов, которые тоже очень часто молятся.

— Единственное, что объединяет хороших докторов и целителей, это терпеливое уважение к своим пациентам, — объяснила она, — они доверяются великой силе, которая ведет их. Они могут вызвать эту силу с помощью молитвы, заклинаний, табачного дыма, лекарств или хирургического скальпеля.

Она взяла копии инструкций, которые я написала в этот день и сосчитала листы, — я в самом деле осмотрела сегодня столько людей? — спросила она, по-видимому, совершенно не интересуясь моим ответом. Слабая улыбка тронула ее губы, когда она закрыла глаза и откинулась на спинку своего неказистого стула, — иди и принеси мне все твои записи о моих клиентах, кроме тех, кто рассказал тебе свою историю. Я хочу посмотреть, сколько людей я вылечила за то время, как ты появилась здесь, — она встала и прошла со мной до двери, — принеси все в патио. Я хочу, чтобы Канделярия помогла мне, — добавила она.

Почти час я собирала все мои материалы. За исключением нескольких дневников я принесла все в патио, где донья Мерседес и Канделярия уже поджидали меня.

— Это оно и есть? — спросила донья Мерседес, разглядывая стопку бумаг, которую я положила на землю перед ней.

Не ожидая моего ответа, она приказала Канделярии сложить бумаги и каталоги у металлической бочки, которая стояла в дальнем конце патио.

Сделав это, Канделярия снова села рядом со мной на циновку. Мы сидели перед доньей Мерседес, которая лежала в своем гамаке.

— Я уже говорила тебе, что ты находишься под покровительством духа моего предка, — сказала мне донья Мерседес, — прошлой ночью дух избрал тебя как

медиума. А медиумы не держат записей о целительстве. Подобная мысль отвратительна.

Она встала и подошла к стопке моих бумаг. Только сейчас меня осенило, что она намерена сделать. Она разрезала бечевку переплета ножом и бросила пригоршню листьев в металлический бак. Раньше я не заметила, что внутри него горит огонь.

Пытаясь спасти хотя бы часть моей работы, я вскочила. Слова Канделярии остановили меня.

— Если ты сделаешь это, ты должна будешь уехать сейчас же, — она улыбнулась и похлопала по циновке рядом с собой.

В этот момент я поняла все. Я просто ничего не могла здесь сделать.

17.

Проработав целый день, донья Мерседес крепко заснула на своем стуле.

Я начала перебирать различные флаконы, банки и коробочки в ее стеклянном буфете. Когда я проходила на цыпочках мимо нее, она вдруг открыла глаза, медленно повернула голову, прислушиваясь к чему-то, ее ноздри затрепетали, словно нюхая воздух.

— Чуть не забыла, — сказала она, — приведи его сейчас же.

— Но там никого нет, — ответила я с абсолютной уверенностью.

Она подняла руки в беспомощном жесте, — делай то, что тебе говорят.

Не сомневаясь, что на этот раз она ошибается, я вышла из комнаты.

Было почти темно. Никого не было. С торжествующей улыбкой я уже собиралась вернуться, когда услышала слабый кашель.

Словно вызванный по велению доньи Мерседес, из сумрачного коридора вышел аккуратно одетый мужчина. У него были непропорционально длинные ноги. Плечи же, по контрасту, казались маленькими и выглядели слабыми и хрупкими. Мгновение он колебался, затем в знак приветствия поднял гроздь зеленых кокосов. В другой руке он держал мачете, — мерседес Перальта у себя? — спросил он низким, скрипучим голосом, прерванным резким кашлем.

— Она ждет тебя, — сказала я и отодвинула занавес в сторону.

У него были короткие, жесткие, вьющиеся волосы, пространство между бровями измято глубокими складками, а темное угловатое лицо приковывало к себе внимание неприступной суровостью, свирепым и безжалостным выражением глаз. Лишь кое-где в уголках его рта проступала некоторая мягкость.

Слабая улыбка медленно пробежала по его лицу, когда он приблизился к донье Мерседес. Опустив кокосы на землю и поправив на коленях брюки, он присел перед ее стулом. Он выбрал самый крупный кокос и тремя искусными ударами острого мачете срезал макушку, — они как раз такие, как тебе нравится, — сказал он, — еще мягкие и очень сладкие.

Донья Мерседес пригубила фрукт и, делая шумные глотки, заметила, как прекрасно молоко, — дай мне немного внутренности, — потребовала она, возвращая фрукт ему.

Одним ловким ударом он разделил кокос пополам, а затем отрезал сладкую желатиновую мякоть от макушки.

— Дай Музии другую половину, — сказала донья Мерседес.

Он строго посмотрел на меня, потом без слов соскоблил оставшуюся половину кокоса с той же самой тщательностью и подал ее мне. Я поблагодарила его.

— Что привело тебя сюда сегодня? — спросила донья Мерседес, прерывая неловкое молчание, — тебе нужна моя помощь?

— Да, — сказал он, доставая портсигар из своего кармана. Прикурив от зажигалки, он сделал долгую затяжку и сунул портсигар обратно в карман, — дух был прав. Проклятый кашель стал еще сильнее. Он не дает мне заснуть. У меня от него болит голова. Он не дает мне работать.

Она пригласила его сесть, но не напротив нее, где обычно сидели ее клиенты, а на стул у алтаря. Она зажгла три свечи перед девой, затем небрежно спросила о кокосовых плантациях, которыми он владел где-то на побережье.

Он медленно оглянулся и посмотрел в ее глаза. Она успокоила его кивком головы, — эта Музия помогает мне, — сказала она ему, — ты можешь говорить все, словно ее тут нет.

Его взгляд на миг остановился на мне, — мое имя Бенито Сантос, — сказал он и быстро взглянул на донью Мерседес, — как ее зовут?

— Она говорит, что ее имя Флоринда, — ответила донья Мерседес, прежде чем я смогла вставить словечко, — но я зову ее Музия.

Она внимательно осмотрела его и встала ему за спину. Медленными легкими движениями она растирала мазь на его груди и на шее почти полчаса.

— Бенито Сантос, — сказала она, поворачиваясь ко мне, — очень крепкий человек. Он приезжает время от времени повидаться со мной, причем всегда или с головной болью, или с простудой, или с кашлем. Я излечу его за пять встреч. У меня для него есть особо приготовленная мазь и молитва к духу моря.

Она вновь массировала его длительное время, — ушла головная боль? — спросила она, положив руки на плечи Бенито Сантоса.

Казалось, он не слышал ее вопроса. Его невидящий взор был направлен на мигающие свечи. Он начал говорить о море и о том, каким зловещим оно бывает на рассвете, когда солнце встает из тусклой, потерявшей блеск воды.

Монотонным шепотом он говорил о своих повседневных полуденных экскурсиях в море.

— Пеликаны кружились вокруг меня, — говорил он, — иногда они пролетали очень низко и смотрели прямо мне в глаза. Я уверен, они хотели знать, не иссякла ли моя сила.

Опустив голову он замолчал на длительное время, а потом перешел на низкий, почти неразборчивый шепот.

— В сумерки, когда солнце садится за дальние холмы и его лучи больше не ласкают воду, я слышу голос моря. Он говорит мне, что в такой-то день он умрет, но пока он жив, он неумолим. А потом я знаю, что люблю море.

Мерседес Перальта сдвинула ладонями его виски, ее пальцы оплели его голову, — бенито Сантос, — сказала она, — это мужчина, который преодолел свою вину. Он стар и утомлен. Но даже сейчас он такой же безжалостный, как и море.

Бенито Сантос приходил к донье Мерседес пять дней подряд. Окончив ежедневный лечебный сеанс, она просила его рассказать мне свою историю. Он ничего не говорил в ответ, полностью игнорируя меня, — твой джип на улице?

— Спросил он, и тут же добавил, не дав мне времени на ответ: — отвези меня, пожалуйста, на кокосовую плантацию.

Мы ехали в молчании. Уже достигнув побережья, я попыталась заверить его, что он может и не выполнять просьбу доньи Мерседес.

Он решительно замотал головой, — все, о чем бы она ни просила, свяшенно для меня, — сухо произнес он, — я просто не знаю, что говорить, вернее, как говорить об этом.

Под предлогом доставки кокосов для доньи Мерседес я посетила Бенито Сантоса много раз. Мы долго беседовали друг с другом, но он так и не потеплел ко мне. Он всегда вызывающе сверлил меня взглядом, пока я не отводила глаза. Он совершенно ясно давал мне понять, что говорит со мной только потому, что об этом его попросила Мерседес Перальта. Он, конечно же, был таким, как она и описала его, строгим и безжалостным.

Яростно сжимая в руке мачете, Бенито Сантос неподвижно стоял под палящим полуденным солнцем. Оно обжигало его спину, изрезанную тростником.

Сдвинув край шляпы, он пристально следил за группой усталых мужчин, бредущих в город по пустым, убраным полям сахарного тростника.

Последние день и ночь все работали без отдыха. Это был последний урожай сахарного тростника. Теперь эту землю выровняют трактора, а затем ее распродадут по частям. Владелец этих полей не выдержал. Как и все другие плантаторы, он был вынужден продать свои владения Каркассской строительной компании.

Долина превращалась в индустриальный центр. Немцы и американцы строили свои фармацевтические лаборатории. Итальянцы привезли на строительство обувной фабрики своих собственных рабочих.

— Проклятые иностранцы, — ругнулся Бенито Сантос, сплюнув на землю.

Он не мог ни писать, ни читать, у него не было профессии. Он был рубщиком сахарного тростника и знал только, как обращаться с мачете. Обтерев длинное лезвие о землю, он вошел во внутренний двор гасиенды, свернув к небольшому бунгалу, где был расположен кабинет мастера. Толпа рабочих, сидящих в тени крыши, подозрительно смотрела ему вслед, когда он входил в контору.

— Что тебе надо? — спросил его маленький толстопузый мастер, сидящий за серым металлическим столом, — хочешь получить расчет? — добавил он нетерпеливо, вытирая потную шею аккуратно сложенным белым платком.

Бенито Сантос кивнул. Он был неразговорчив и большей частью груб.

Услышав, что с ним заговорили, он спросил любезно: — я слышал, что сахарный тростник повезут на фабрику в город, — пробормотал он, уставившись на массивную шею мастера, которая как тесто выпирала на воротник его крахмаленной рубашки, — я однажды ходил на фабрику. Скажи, ты можешь нанять меня туда?

Откинувшись на стуле, мастер смотрел на Бенито Сантоса сквозь прикрытые веки, — ты живешь где-то здесь, не так ли? Как ты будешь добираться до города? До него, пожалуй, больше пятнадцати миль.

— На автобусе, — буркнул Бенито Сантос, глядя украдкой ему в глаза.

— На автобусе! — презрительно захохотал мастер, приглаживая тонкие, аккуратно подрезанные усы, — ты прекрасно знаешь, что автобус отходит только тогда, когда он полный. Ты никогда не уедешь раньше полудня.

— Уеду, — отчаянно возразил Бенито Сантос, — если ты дашь мне работу, я всегда буду приезжать вовремя. Я прошу тебя.

— Слушай, — прошипел мастер, — я нанимаю любого, кто может рубить тростник, несмотря ни на возраст, ни на опыт. Но я устанавливаю им срок. И это известно каждому, кто работает у меня шестидневку. На заводе и так людей больше, чем надо, — мастер начал перебирать бумаги на столе, — не отвлекай меня больше. Я занятый человек.

Бенито Сантос шагнул во внутренний двор, стараясь не наступать на траву, проросшую между камней. Мельница в конце двора выглядела опустевшей. Он знал, что никогда больше не увидит долину такой.

Громкий гудок грузовика отрезвил его. Он быстро шагнул в сторону, поднимая руку в просьбе подвезти его в город. Его окутало облако пыли.

— Эй, Бенито, пройдишь пешком, — крикнул кто-то из машины.

Пыль осела, а он еще слышал крики и смех рабочих на грузовике. Его пальцы сдавили рукоятку мачете. Он натянул шляпу на брови, прикрыв глаза от яркого солнца и слепящей голубизны неба.

Он не пошел в город по широкой дороге. Бенито Сантос шагал по пустынным полям, узкой пыльной тропой, ведущей к южной окраине города, где находился субботний открытый рынок.

Он медленно брел по тропе, ощущая в одном башмаке дыру, а в другом хлопающую подошву, поднимавшую пыль перед ним. Время от времени он отдыхал в прохладной тени манговых деревьев, удрученно рассматривая мимолетные зеленые очертания ящериц, которые стремительно носились взад и вперед между кустов.

Было послеобеденное время, когда он наконец добрался до рынка.

Площадь бурлила людьми. Торговцы, с уже охрипшими голосами, расхваливали товар с тем же энтузиазмом, какой они проявляли и рано утром. Покупатели, в основном женщины, бесстыдно торговались за цену. Бенито Сантос проходил мимо лотков португальских фермеров, которые ломились под увядающими овощами; мимо мясных и рыбных рядов, вокруг которых роились мухи, а шелудивые собаки с бесконечным терпением ждали кусочка мяса, упавшего на землю. Он улыбнулся, увидев наемных мальчишек, стоявших за фруктовыми лотками. Они потихоньку подкладывали гнилые фрукты в бумажные пакеты вместо тех, что выбрал покупатель.

Он позвенел монетами в своем кармане, своей шестидневной зарплатой, размышляя, купить ли ему продуктов для жены Альтаграции сейчас или немного позже, — позже, — сказал он вслух. Имелась возможность сторговаться повыгоднее под конец распродажи.

— Покупай продукты, пока у тебя еще есть деньги, — крикнула ему старая женщина, которая немного знала его, — бобы и рис не станут дешевле.

— Только женщины ждут послеобеденной торговли, — поддразнил его продавец, делая непристойный жест своим тазом.

Бенито Сантос яростно оглядел смеющиеся лица разносчиков лебанессы, стоявших за броскими лотками с рекламой дешевой одежды, поддельных драгоценностей и духов. Гнев вздул жилы на его висках, мышцы на шее напряглись. В уме вновь возник

унизительный инцидент в кабинете мастера. В ушах зазвенел презрительный смех рабочих на грузовике. Мачете сверкнул в его руке. С огромным усилием он повернулся и зашагал прочь.

Холодный пот выступил на теле. Во рту было сухо. В желудке возникла неприятная дрожь, хотя он не был голоден. Надо сейчас же достать ром, решил он. Не дожидаясь прихода домой. Ему был нужен ром, чтобы рассеять гнев, рассеять его уныние, его подавленность.

Он целеустремленно направился к центральному выходу рынка, где грузовики и выучные обозы ожидали разгрузки продуктов. Он пересек улицу и, войдя в небольшой темный магазин на углу, купил три поллитровые бутылки дешевого рома.

Он сел в тени дерева, разглядывая грузовики и ослов, стараясь не упустить момент, когда торговцы начнут расходиться. Довольно вздохнув, он прислонился к дереву и, сняв шляпу, вытер рукавом пот и пыль с изможденного лица.

Открыв бутылку, он опустошил ее одним долгим глотком. Мало-помалу ром притупил напряжение в его желудке, успокаивая боль в натруженной спине и усталых ногах. Он улыбнулся. Смутное чувство благополучия зашумело в голове. Да, задумался он, лучше сидеть здесь, наслаждаясь ромом, чем идти домой и слушать непрерывные придирки Альтаграции. Пусть он немного успокоился, но это будет больше, чем он сможет вынести.

Сквозь усталые веки Бенито Сантос разглядывал людей, собравшихся в круг возле ворот рынка. Это была толпа, которая каждую субботу приходила сюда из ближайших деревень биться об заклад на петушиных боях. Его сонный взгляд остановился на двух мужчинах, которые сидели под деревом прямо напротив него. Он совершенно не интересовался петушиными боями, однако его внимание привлекли два петуха в руках мужчин. Они отскакивали, взлетая и опускаясь, поминутно приседая на своих крепких ногах.

Станным мягким жестом мужчина взъерошил перья птиц и толкнул их друг к другу, возбуждая их боевой дух.

— Эта птица прекрасно выглядит, — сказал Бенито Сантос человеку, который держал темного петуха с золотистыми перьями.

— Так оно и есть, — охотно согласился мужчина, — после обеда ты увидишь ее в последней драке. Лучших птиц берегут для последнего боя, — гордо добавил он, разглаживая перья петуха, — ты можешь смело ставить на него. Сегодня он будет победителем.

— Ты уверен? — небрежно спросил Бенито Сантос, вынимая другую бутылку из своего бумажного пакета. Он сделал долгий глоток, затем пробрался сквозь толпу возбужденных мужчин, сидящих вокруг песочной ямы. Они отодвигались, не глядя на него. Их глаза были направлены в центр арены, где птицы сцепились в смертельной схватке.

— Ваши ставки! Джентльмены, ваши ставки! — крикнул мужчина, и его голос на миг успокоил шум толпы, — ваши ставки на последнюю драку! На настоящую драку!

Мужчина жадно меняли свои грязные банкноты на цветные фишки, которые обозначали сумму ставок.

— Ты уверен, что твой петух сегодня выиграет? — спросил Бенито Сантос владельца птицы с золотистыми перьями.

— Он уверен! — воскликнул мужчина, восторженно целуя алый гребешок.

— Боишься поставить на кон, Бенито Сантос? — спросил его один из парней, который работал с ним эту неделю, — лучше иди и купи еду для своей старухи, если не хочешь скандала сегодня вечером, — насмешливо добавил он.

Бенито Сантос сгреб фишки и без колебаний поставил все свои заработанные деньги на петуха с золотистыми перьями. Он верил, что удвоит свой капитал. Тогда он купит не только рис, но и мясо, и даже ром. А может быть даже хватит денег на то, чтобы купить сыну его первую пару башмаков.

Бенито захлестнуло волнение зрителей, он, как и все, одобрительно закричал, когда владельцы подняли своих птиц высоко над головами. Они сосали острые, смертельные шпоры на ногах петухов, доказывая, что они не отравлены. Мужчины бормотали что-то ласковое своим птицам, а затем по команде судьи положили их в центр песочной ямы.

Бойцы гневно оглядывали друг друга, но от боя пока воздерживались. На них опустили плетеные клетки. Толпа кричала, возбужденно подбадривая птиц на драку. Петухи дрожали от ярости, их оперение под бритыми, налитыми кровью шеями, распустилось.

Клетки подняли. Петухи прыгнули друг на друга, умело избегая ударов клювами и крыльями. Но вскоре они сцепились в смертельном взрыве бешеных взмахов крыльев, ударов головой и ногами. Белые перья петухов покраснели от крови из своих ран и глубоких порезов на шеях противников.

Бенито Сантос молчаливо молился за птицу, на которую он поставил. По сигналу судьи из ямы убрали петухов с открытыми клювами и тяжелым дыханием. С нарастающей тревогой Бенито Сантос смотрел на владельца птицы с золотистыми крыльями, который дул на раны. Он что-то говорил, успокаивая петуха.

По команде судьи птиц вновь поставили в центр круга. Белокрылая птица тут же совершила прицельный прыжок, запустив шпоры в шею своего противника. Ликующий крик петуха нарушил безмолвие зрителей. Петух с золотистым оперением упал замертво.

Бенито Сантос горько улыбнулся, затем захохотал, стараясь сдержать свои слезы, — по крайней мере у меня остался ром, — прошептал он, допивая остатки второй бутылки. Дрожащими пальцами он вытер подбородок и, выйдя из толпы, направился к холмам. Пустые тростниковые поля тянулись вдаль, сверкая в ярком послеполуденном солнечном свете. Желтая пыль на дороге, поднятая его башмаками, прекрасным золотым порошком оседала на его руки.

Он медленно взбирался на крутой холм. Где бы ни было дерево, он сворачивал с пути и отдыхал в его тени.

Он откупорил последнюю бутылку и сделал глоток. Ему не хотелось видеть свою жену. Он не выносил взгляда ее обвиняющих глаз. Бенито обвел глазами холмы вокруг себя, его взор остановился на зеленом откосе по другую сторону дороги. Там была ферма генерала высшего ранга из правительства.

Бенито Сантос глотнул еще. Ром наполнил его смутной надеждой.

Возможно, ему дадут работу на ферме. Он мог бы подрезать сочную, зеленую люцерну, которая выращивалась специально для лошадей. Черт! У него хватит умения! Подумал он. Бенито Сантос — рубщик тростника. Резать тростник или люцерну — какая разница. Он может даже попросить аванс. Совсем немного.

Лишь бы купить риса и бобов.

Он взбежал на холм и по недавно проложенной дороге направился к генеральской ферме. Он был так возбужден возможностью получить работу, что даже не заметил двух солдат у широко открытых ворот.

— Ты думаешь, куда идешь? — остановил его один из них, указывая винтовкой на знак у дороги, — читать умеешь? Тебе нельзя пересекать эту линию. Это частная дорога.

У Бенито Сантоса с каждым вдохом в горле росла обида. Он переводил взгляд с одного солдата на другого, затем обратился ко второму, который прислонился к крупному валуну около знака. Он выглядел постарше и казался более дружелюбным, — я отчаянно ищу работу, — прошептал он.

Солдат молча кивнул головой, его глаза остановились на жестких черных волосах Бенито Сантоса, которые вылезли сквозь порванную соломенную шляпу. Его поношенные подвернутые брюки и рубашка цвета хаки влажно липли к его высокому, исхудавшему телу, — здесь ты не получишь работы, — дружелюбно сказал он, — во всяком случае, здесь нет никого, кто мог бы нанять тебя.

— Но кто-то же должен был остаться с лошадьми, — настаивал Бенито Сантос, — я мог бы помогать ему. Хотя бы пару часов в день.

Часовые переглянулись, а затем, пожав плечами, проказливо улыбнулись.

— попроси Германа, он отвечает за лошадей, — сказал мужчина помоложе, — возможно, он поможет тебе.

На миг Бенито Сантосу показалось, что солдаты смеются над ним. Но он чувствовал себя слишком признательным за их заботу о нем. Боясь, что они могут изменить решение и прогнать его, он поспешил к холму по прямой мощеной дороге.

Он резко остановился перед генеральским домом, нерешительно рассматривая двухэтажное здание. Оно было ослепительно белым, с длинным балконом на массивных колоннах. Вместо того, чтобы окликнуть кого-нибудь, он на цыпочках подкрался к одному из окон нижнего этажа. Оно было открыто и ветерок ласково шевелил ажурную занавеску. Ему захотелось хотя бы одним глазом посмотреть на то, что было внутри. Он слышал, что роскошную мебель сюда привезли из Европы.

— Что ты здесь делаешь? — громко крикнул кто-то за его спиной.

Вздрогнув, Бенито Сантос едва не выронил бутылку. Он удивленно оглядел жилистого мужчину среднего возраста, с белокурыми, тщательно подстриженными волосами. Это наверное Герман, которого солдаты советовали повидать, подумал он, заглядывая в беспокорные глаза мужчины. Они были голубые, как небо, и свирепо сияли под нависшими бровями.

— Дай мне работу, — попросил Бенито Сантос, — какую угодно работу, — мужчина подошел поближе к Бенито Сантосу и угрожающе взглянул на него, — как ты посмел прийти сюда, пьяница? — презрительно закричал он, — убирайся прочь, пока я не спустил на тебя собак.

Взгляд Бенито Сантоса дрогнул, веки непроизвольно затрепетали. Он чувствовал себя, как нищий. Он не выносил просить о милости. Он всегда был честным тружеником. Его язык отяжелел, — хотя бы на пару часов, — он протянул свою руку так, чтобы мужчина мог видеть трещины и мозоли на его ладони, — я хороший работник. Я рубщик тростника. Я могу резать траву для лошадей.

— Пошел прочь, — закричал Герман, — ты пьян.

Бенито Сантос медленно брел по дороге, волоча конец мачете по земле.

Путь казался длиннее, чем обычно, протягиваясь вдаль, словно нарочно пытаясь задержать его приход домой. Ему хотелось с кем-нибудь поговорить.

Монотонное жужжание насекомых создавало чувство еще большего одиночества.

Он шел вдоль сухого оврага к своей лачуге. На миг он остановился, глубоко вдыхая вечернюю свежесть и позволив ласковому ветерку остудить его покрасневшее лицо.

Сутулясь, он вошел в хижину. Здесь не было окон, лишь отверстия спереди и сзади, которые он закрывал на ночь кусками картона, подпирая их палками.

Внутри стояла душная жара. Его раздражали звуки трущихся о дерево веревок гамака и неровное дыхание Альтаграции. Он знал, что она кипит от гнева. Он обернулся, взглянув на сына, спящего на земле. Его прикрывали грязные лохмотья, которые едва закрывали маленькую грудь. Бенито Сантос не мог вспомнить, было ли ребенку два года или три.

Альтаграция вылезла из гамака, ее взгляд устремился к пакету в его руках. Она опустилась перед ним на колени и спросила резким, визгливым голосом: — где еда? Бенито?

— Когда я пришел туда, рынок уже закрылся, — пробормотал Бенито Сантос, перейдя от детской кровати в угол лачуги. Крепко сжимая в руке бумажный пакет, он добавил: — Мне кажется, у нас еще осталось немного бобов и риса.

— Ты прекрасно знаешь, что у нас ничего нет, — сказала Альтаграция, пытаясь схватить пакет, — у тебя хватило времени, чтобы напиться, — ее лицо с желтоватой, обвисшей кожей покраснело. Ввалившиеся, обычно безжизненные глаза засверкали в гнев и отчаянии.

Он ясно почувствовал ускоренное биение ее сердца. Ему не было перед ней оправдания. Он ничего не мог объяснить ей.

— Заткнись, женщина, — крикнул он. Он достал бутылку рома и выпил остатки, не переводя дыхание, — всю ночь я работал, рубя тростник. Я устал, — он бросил пустую бутылку в отверстие хижины, — сейчас я хочу немного тишины и покоя. Я не позволю, чтобы женщина кричала на меня.

Забери ребенка и убирайся отсюда ко всем чертям.

Альтаграция схватила его за руку, прежде чем он опустился на детскую кровать, — дай мне денег. Я сама куплю еду. Ребенок хочет есть, — она вывернула его карман, — где деньги? — повторяла она в смятении, непонимая разглядывая его, — ты не получил сегодня заработок? Не мог же ты пропить все деньги, полученные за шесть дней, — непристойно ругаясь, она вцепилась ему в волосы и заколотила сжатыми кулаками по его спине и груди.

Он почувствовал себя пьяным, но не от рома, а от бешенства и безнадежности. Проблеск ужаса мелькнул в ее глазах, когда он поднял свой мачете. Ее крик наполнил воздух, затем наступила тишина. Он взглянул на ее распростертую фигуру, на ее спутанную копну волос, намокшую от крови.

Кто-то дергал его за штаны. Маленький сын вцепился в его ногу с такой силой, что ему подумалось страшное. Он никогда не сможет освободиться от его объятий. Одержимый необъяснимым страхом, он попробовал освободить его хватку, но ничего не вышло. Глаза ребенка, направленные на мать, были темны, а глубоко в них бушевало все то же обвинение. Под неумолимым взором ребенка у него застучало в висках. В слепом неистовстве он поднял мачете еще раз.

Никогда в жизни он не чувствовал такого мучительного одиночества.

Никогда прежде у него не было такого ясного ума. словно совсем из другой жизни, более многозначительной — жизни с высокой целью — он вглядывался сейчас в кошмар, которым стало его существование. Он намочил несколько тряпок в стоявшей поблизости канистре с керосином и поджег свою хижину.

Он бежал, сколько мог, затем остановился. Он неподвижно рассматривал опустошенные поля у подножия холма и далекие горы. По утрам у этих гор цвет надежды. За ними море. Он никогда не видел моря. Он только слышал, что оно огромно.

Бенито Сантос подождал, пока горы, холмы и деревья не превратились в тени. Тени, словно воспоминания о детстве. Он чувствовал, что снова шагает со своей матерью по узким улочкам деревушки среди толпы верующих за какой-то процессией в сумерках, со свечами, мигающими в темноте, — святая Мария, мать божья, молись за наших грешников сейчас и в час их смерти.

Аминь, — его голос, подхваченный ветром, тысячью маленьких звуков окутал холмы. Он съёжился от страха и вновь понесся в диком беге. Он бежал до тех пор, пока не прервалось дыхание. Он чувствовал себя втоптаным в мягкую землю. Почва поглощала его, успокаивала своей чернотой. И Бенито Сантос знал, что это последний день его бесполезной жизни. Он наконец умрет.

Он открыл глаза на звук женского плача. Это был ночной бриз, посвистывающий вокруг него. Как он хотел остаться навсегда в этой тьме! Но он знал, что теперь ничто не достанется ему легко. Он встал, поднял свой мачете и зашагал по дороге, которая вела к горам. Ясный свет струился с небес. Он струился вокруг него, он делал воздух тоньше и легче для дыхания.

Он шел в никуда. Ни на что не глядя. У него не было никаких эмоций.

Было только смутное ощущение, смутная надежда на то, что он может увидеть море.

18.

— Пришло время уезжать, — сказала мне Канделярия, — ты не должна работать по воскресеньям, — она спустила в туалет мои записанные ленты.

В это время на кухню вошла донья Мерседес. Она нахмурилась, заметив, что я еще в своем халате, — почему ты не готова? — спросила она меня.

— Я знаю, почему, — вмешалась Канделярия. Ее голос был любопытно мягким, а в глазах сверкали шаловливые блески, — она не хочет больше забирать кокосы у Бенито Сантоса. Она боится его.

Прежде чем я успела опровергнуть ее обвинение, она вышла из комнаты.

— Это правда, Музия? — спросила донья Мерседес, наливая себе в чашку кофе, — я не замечала раньше, что ты имеешь к нему какую-то неприязнь.

Я заверила ее, что не имею. Однако я ничего не могла поделать с ощущением, что Бенито Сантос поступил со своей женой и ребенком ужасно мерзко.

— Не смотри на его историю с позиции морали и справедливости, — перебила она меня, — это история о яростном, отчаявшемся человеке.

Я запротестовала, так как была глубоко против того, чтобы рассматривать его только самого по себе. Я почти истерично заговорила об отчаянии и безнадежности женщины и ребенка.

— Брось это, Музия, — она ткнула меня своим пальцем в грудь около ключицы. Мне показалось, что она толкнула меня железным наконечником, — не давай своему ложному чувству распоряжаться собой. Не будь Музией, которая приехала из дальних стран искать здесь недостатки; пусть другие обижаются на Бенито Сантоса и на промах, который я пытаюсь показать тебе. Я хочу подставить тебя в тень тех людей, которых я выбрала для того, чтобы они рассказали тебе свои истории.

История последнего дня бесполезной жизни Бенито Сантоса подводит итог всему его существованию. Я попросила его рассказать тебе все детали, какие он вспомнит. Я также заставила тебя увидеть его кокосовую рощу у моря, чтобы ты могла проверить, как повернулось колесо случая.

Мне было трудно объяснить донье Мерседес мои чувства, не используя моральных категорий. Я не только не хотела, но и не могла помочь в этом себе. Она одарила меня все понимающей улыбкой.

— Ценность его истории, — внезапно сказала она, — заключается в том, что он без какой-либо подготовки создал для себя звено; он повернул колесо случая.

Ведьма сказала бы, что иногда одно-единственное действие может создать такое звено.

Донья Мерседес приподнялась со стула, на котором сидела и, взяв твердо мою руку, пошла из кухни в свою комнату.

У дверей она остановилась и взглянула на меня, — бенито Сантос убил свою жену и сына. Это действие повернуло колесо случая; но то, что заставило его оказаться там, где он сейчас находится — было его желание увидеть море.

Он должен был рассказать тебе, что это было смутное чувство, смутное желание, но оно было единственной вещью, которую он имел после совершения поступка, проявившегося в таком насилии и финале. Поэтому желание захватило его и повело.

Вот почему он остается верным этому желанию, оно спасло его. Он любит море. Он приезжает ко мне для того, чтобы я помогла ему сохранить его непоколебимый курс.

Я могу сделать это, ты же знаешь. Мы можем создавать свои собственные звенья одним-единственным действием. Оно не обязательно должно быть таким отчаянным и насильственным, как поступок Бенито Сантоса, но оно может стать последним. Если за этим действием следует желание огромной силы, мы иногда, подобно Бенито Сантосу, можем быть вынесены за основы морали.

Часть пятая.

19.

Наступил вечер. Донья Мерседес и я вышли из дома и пошли по улице к дому Леона Чирино. Мы неторопливо проходили мимо старых колониальных домов вблизи рыночной площади, заглядывая в открытые окна. В комнатах было темно, и все же мы могли различить тени старых женщин, которые перебирали бусинки четок, читая свои безмолвные молитвы.

Мы вышли на площадь и отдохнули на скамье в окружении стариков, сидящих на грубых деревянных стульях. Мы сидели с ними, ожидая, когда солнце исчезнет за холмами и вечерний бриз охладит воздух.

Леон Чирино жил на другой стороне города у подножия холма, усеянного хижинами. Его дом, сделанный из неоштукатуренных цементных блоков, имел большой двор и был окружен высокой стеной.

Маленькая деревянная калитка в стене была открыта, так же как и передняя дверь. Без стука и оклика мы прошли через большую гостиную и направились прямо в заднюю часть патио, которая была превращена в мастерскую.

В свете одинокой лампочки Леон Чирино шлифовал кусок дерева. Он сделал широкий жест, приглашая нас присесть на скамью недалеко от его рабочего стола.

— Я догадался, время собираться, — сказал он, отряхивая опилки со своих курчавых волос и одежды.

Я вопросительно взглянула на донью Мерседес, но она просто кивнула головой. Таинственный огонек блеснул в ее глазах, когда она обернулась к Леону Чирино. Ни слова не говоря, она встала и пошла по коридору в заднюю часть патио.

Я последовала за ней, но Леон Чирино резко остановил меня, — тебе лучше пойти со мной, — сказал он, выключая свет. Он сплюнул сквозь зубы, метко попав в цветочный горшочек в углу.

— Куда пошла донья Мерседес? — спросила я.

Он нетерпеливо пожал плечами и повел меня в противоположном направлении к узкой нише, которая отделяла гостиную от кухни. У одной из стен небольшой конторки стояла глиняная посуда с процеженной водой, около другой — холодильник.

— Хочешь одну? — он указал на бутылку с пепси.

Не дожидаясь моего ответа, он открыл ее и небрежно добавил: — донья Мерседес уверяла, что сигар будет достаточно.

— Здесь будет сеанс? — спросила я, принимая от него бутылку.

Леон Чирино включил свет в гостиной и прошел к высокому окну, выходящему на улицу. Он достал деревянный щиток и вставил его в оконную раму. Затем оглянулся через плечо. Его глаза блестели. Одна рука поглаживала подбородок. Его улыбка, слегка перекошенная, была дьявольской.

— Здесь безусловно что-то будет, — сказал он.

Потягивая пепси, я села на кушетку у окна. Отсутствие мебели делало комнату гораздо большей, чем она была на самом деле. Кроме кушетки, здесь был еще высокий шкаф, набитый книгами, снимками, бутылками, банками, чашками и стаканами. У стен рядами стояли стулья.

Что-то неразборчиво прошептав, Леон Чирино выключил свет и зажег свечи, который стояли на вырезанных полочках под образами святых, индейских вождей и черных лидеров. Стены комнаты были выкрашены охрой, — я хочу, чтобы ты сидела здесь, — попросил он, поставив два стула в центр комнаты.

— А на котором?

— На любом, который ты предпочтешь, — широко улыбаясь, он отстегнул мои ручные часы и спрятал их в карман, затем подошел к шкафу и вынул оттуда небольшую банку. Она была наполовину наполнена ртутью. В его темных руках она казалось гигантским зрачком живого чудовища.

— Я так понял, что ты вполне оперившийся медиум, — сказал он, положив банку на мои колени, — ртуть удержит духа от притяжения к тебе. Мы не хотим, чтобы он приближался к тебе. Это слишком опасно для тебя, — он подмигнул и надел на мою шею серебряное ожерелье с медалью девы, — эта медаль гарантирует покровительство, — заверил он меня.

Прикрыв глаза, он сложил свои руки в молитве. Закончив ее, он предупредил меня, что нет способа узнать, чей дух посетит нас во время сеанса, — смотри не урони банку, и ни в коем случае не снимай ожерелье, — предостерег он, устанавливая в круг стульев в центре комнаты. Он погасил все свечи, оставив только одну, ту, что горела под образом Эла Негро Мигуэля — знаменитого лидера черных, который повел рабов на первое восстание в Венесуэле. Леон Чирино прочел небольшую молитву и молча покинул комнату.

Когда он вернулся, свеча почти догорела. Посоветовав мне смотреть только на банку, он сел рядом со мной. Не в силах преодолеть любопытство, я все же несколько раз осмотрелась, особенно когда услышала шаги входящих в комнату людей и скрип стульев. В неясном свете я не могла разглядеть отдельных лиц.

Мерседес Перальта была последней, кто вошел в комнату. Она сняла свечу с полки и раздавала самодельные сигары, — ни с кем не разговаривай ни до, ни после сеанса, — прошептала она в мое ухо, поднося мигающее пламя к моей сигаре, — никто, кроме Леона Чирино, не знает, что ты медиум. Медиумы очень уязвимы.

Она села напротив меня. Я закрыла глаза, раскуривая сигару так, как делала это неоднократно в патио доньи Мерседес. Я так углубилась в это действие, что потеряла счет времени. Тихий стон раздался из дымной темноты. Я открыла глаза и увидела женщину, которая материализовалась в центре круга из стульев. Это была туманная фигура. Красноватый свет медленно распространялся по ней, пока она не запылала огненным вихрем.

Манера, в которой она вела себя, ее одежда — черная юбка и блуза — знакомый наклон головы набок — все это заставило меня подумать, что передо мной стояла Мерседес Перальта. Однако чем дольше я за ней наблюдала, тем меньше была уверена в этом.

Меня заинтересовало это необъяснимое видение, которое я уже наблюдала однажды. Я взяла в руки банку с ртутью и встала со стула. Но женщина стала прозрачной. Я остановилась, прикованная к месту. В ее прозрачности не было ничего пугающего. Я просто приняла, что сквозь нее можно видеть.

Неожиданно женщина распласталась не земле темной кучей. Свет внутри нее погас. Я полностью поняла, что это не призрак, когда она вытащила платок и высморкалась.

Устав, я опустилась на свой стул. Леон Чирино, сидящий слева, подтолкнул меня локтем, показывая на центр комнаты. Там в кругу стульев, где только что находилась призрачная женщина, стояла старуха, по-видимому, иностранка. Она пристально смотрела на меня, ее голубые глаза были широко открыты, они пугали и приводили меня в замешательство. Ее голова дернулась назад, потом вперед. Но прежде чем у меня появилось какое-либо чувство относительно видения, оно угасло. Не очень быстро она растворилась в воздухе.

В комнате было так тихо, что я подумала на миг о том, что все ушли. Я потихоньку осмотрелась. Все, что я увидела, было огнями сигар. Но это были не те сигары, которые раздавала донья Мерседес, подумала я. Когда я наклонилась вперед, чтобы привлечь к себе внимание Леона Чирино, кто-то положил руку на мое плечо.

— Донья Мерседес, — воскликнула я, узнав ее прикосновение. Все еще склонив голову, я ждала, что она скажет мне что-то. Но она молчала. Я осмотрелась еще раз. Никого вокруг не было. Я была одна в комнате. Все уже ушли. Испугавшись, я вскочила и бросилась к двери, но меня остановил Леон Чирино.

— Дух Фриды Герцог бродит вокруг, — сказал он, — она умерла на ступенях этого холма.

Он подошел к окну и открыл деревянную панель. Словно призрачное видение, дым забурился, выходя из комнаты и растворяясь в ночном воздухе.

Леон Чирино обернулся ко мне и вновь повторил, что Фрида Герцог умерла на ступенях этого холма. Он прошелся по комнате, тщательно проверяя затемненные углы; возможно, он думал, что в комнате кто-то спрятался.

— Фрида Герцог — это та старуха, которую я видела? — спросил я, — ты тоже видел ее?

Он кивнул, затем еще раз прошептал, что ее дух бродит вокруг. Он несколько раз обтер лоб рукой, будто пытаясь избавиться себя от мысли или, возможно, образа устрашающей старухи.

Тишина в комнате стала невыносимой, — я лучше догоню донью Мерседес, — тихо сказала я и открыла дверь.

— Подожди! — Леон Чирино бросился вперед и схватил меня за руку. Он снял с меня серебряное ожерелье и взял из моей руки банку с ртутью, — во время сеанса хронологическое время прекращается, — прошептал он медленно и устало, — спиритуальное время — это время равновесия, это и не действительность, и не сон. Но это время существует в пространстве, — он намекнул, что я была отброшена в событие, которое произошло много лет назад, — прошлое — это не последовательность событий во времени, — продолжал он, — сегодняшний день может стать днем вчерашним или событием давно минувших лет, — он застегнул на моем запястье часы, — но лучше не говорить о таких вещах. То, что случается, является неопределенным и неуловимым, и его нельзя обозначить словами.

Я хотела присоединиться к донье Мерседес и равнодушно соглашалась с ним. Но, кажется, Леон Чирино решил держать меня в своем доме. Он вновь и вновь повторял, что Фрида Герцог умерла на холме прямо за его домом.

— Я видела, как Мерседес Перальта стала прозрачной, — перебила я его.

— Ты это тоже видел?

Он взглянул на меня так, словно не ожидал, что я задам ему вопрос. Но в следующий момент он рассмеялся, — она хотела ошеломить тебя, — сказал он, наливаясь гордостью, — она безупречный медиум, — слегка улыбаясь, он прикрыл утомленные глаза, по-видимому, смакуя какое-то бесценное видение.

А потом он мягко вытолкнул меня на улицу и без слов закрыл за мной дверь.

На секунду я опешила и остановилась у дверей Леона Чирино. Я знала, что потеряла счет времени в течение сеанса, но все же не ожидала, что ночь прошла и что ночью шел дождь. Однако уже рассвело, а на тротуаре блестели лужи.

Где-то далеко закричал попугай. Я огляделась. Через дорогу, словно тень, под эвкалиптом у цементных ступеней, ведущих на холм, стояла Мерседес Перальта. Я подбежала к ней.

Предвидя мои вопросы, она коснулась моих губ пальцами, затем низко согнулась и подняла небольшую свежесломанную ветвь, лежавшую на земле. Она была мокрой от ночного дождя. Донья Мерседес встряхнула ее; аромат эвкалипта, заключенный в сотне капель, обрушился на мою голову.

— Нам лучше уйти, — сказала она, но повела меня не домой, а на холм.

В воздухе стоял запах гниющего ковыля. Вокруг нас не было ни души.

Лачуги на холме выглядели брошенными. От широких ступеней, как от ствола, ветвилось множество тропинок. Мы свернули на одну из них и вскоре остановились перед желтым домиком, покрытым листьями рифленой жести.

Передняя дверь открывалась прямо в спальню. Узкая опрятная постель стояла в середине комнаты. На стульях стояли экзотические горшки с лохматыми папоротниками. Под потолком висели бамбуковые клетки с канарейками. На кованых крюках, вбитых в стены, болтались брюки, жакеты и накрахмаленные рубашки.

Из-за ярко окрашенной занавески, которую я сперва ошибочно приняла за настенное украшение, вышел мужчина.

— Эфраин Сандоваль! — воскликнула я, горя желанием узнать, что делает здесь человек, в лавке которого я покупаю свои блокноты и карандаши. Я хорошо знала его и его жену-немку, у которой речь и манеры были более венесуэльскими, чем у кого-либо. Вместе с двумя дочерьми они жили на площади над магазином канцелярских и радиотелевизионных товаров, которым он владел.

Ему было сорок, но легкое сложение и тонкие черты лица намного молодили его. Раскосые темные глаза, обрамленные длинными ресницами, ярко сияли. Как всегда, его одежда была безукоризненной; но этим утром он весь пропах дымом сигар.

— Вы были на сеансе? — спросила я его недоверчиво.

Прижав палец к губам, он пригласил нас присесть на кровать.

— Я сейчас вернусь, — пообещал он и исчез за занавеской. Вскоре он вернулся, держа в руках бамбуковый поднос с едой, тарелками и приборами.

Он взял свободный табурет, поставил на него поднос и пышными движениями метрдотеля обслужил нас черными бобами, рисом, пизангом, острым шинкованным мясом и кофе.

В нервном ожидании я переводила взгляд с одного блюда на другое, предвкушая обсуждение спиритической встречи, — музия скоро лопнет от любопытства, — сообщила донья Мерседес, ее глаза дьявольски сверкнули, — она хочет знать, почему ты живешь здесь, когда у тебя есть славная квартира над твоим магазином в городе. Мне бы хотелось, чтобы ты рассказал ей, почему.

— Ты этого хочешь? — безразлично спросил Эфраин Сандовал. Доедая последние бобы, он медленно жевал некоторое время, затем встал, подошел к окну и открыл его. Взглянув на бледное предрассветное небо, он повернулся и осмотрел меня, — наверное, у тебя есть какая-то причина тому, чтобы узнать нечто обо мне? — добавил он вопросительным тоном.

— Да, это так, — ответила донья Мерседес, — поэтому, не смущайся, когда она придет в твой магазин мучить тебя твоей историей.

Эфраин Сандоваль робко улыбнулся, наклонив свой табурет, и прислонился к стене. Его взгляд блуждал по комнате. В его глазах было столько глубины, что казалось, будто он забыл о нашем присутствии.

— Но какой смысл рассказывать ей это? — наконец спросил он, не глядя на донью Мерседес, — это ничем не примечательная история. Скорее даже банальная.

— В ней есть смысл, — сказала она, — музика сейчас выслушивает разные истории. Твоя интересна тем, что ты никогда не делал ничего против того, что должно было случиться. Ты просто был здесь, положившись на высший порядок.

— И все же я не вижу, как история Фриды Герцог может помочь Музике, — настаивал Эфраин Сандоваль.

— Это уже ее забота, — сухо сказала Мерседес Перальта. Она встала с кровати и поманила меня за собой.

Эфраин Сандоваль, кажется, хотел возразить ей, но вместо этого лишь кивнул головой, — как ты уже знаешь, у меня есть большой дом в городе, — сказал он, поворачиваясь ко мне. Он обвел рукой вокруг себя, — и все же я иногда живу здесь. Именно здесь я могу ощутить присутствие Фриды Герцог, той, кто невольно дал мне все, что я имею, — он подошел к окну, но прежде чем закрыть его, как-то неопределенно взглянул на донью Мерседес: — ты дашь мне сегодня очищение?

— Конечно, — засмеялась она, — не думай о Музике. Она уже видела, как я делаю это.

Эфраин Сандоваль секунду колебался, затем, по-видимому, испугавшись, что ему, возможно, не хватит времени, быстро снял пиджак и лег лицом вниз на постель.

Мерседес Перальта вытащила из кармана маленькую бутылочку, белый платок, две свечи и две сигары. Она тщательно разложила их на полу у кровати, затем зажгла одну из свечей, раскурила сигару и глубоко затаилась. Слова заклинаний, окутанные дымом, вырывались из ее рта с каждым выдохом. Злая улыбка пробежала по ее лицу; она подняла белый платок и маленькую бутылочку, наполовину наполненную микстурой из ароматной воды и нашатыря. Она обильно смочила платок и сложила его в идеальный квадрат.

Вдохни! — приказала она и одним быстрым и точным движением поднесла платок к носу Эфраина Сандовала.

Бессвязно бормоча, он несколько раз изогнулся в тщетной попытке сесть. Слезы покатались по его щекам, его губы в волнении скривились в напрасной мольбе. Донья Мерседес удерживала его на месте совершенно без усилий, просто увеличивая давление своей руки на его нос. Вскоре он отказался от борьбы, сложив руки на груди. Совершенно изнуренный, он лежал тихо и неподвижно.

Донья Мерседес зажгла вторую сигару. Тихо шепча молитву, она попросила дух Ганса Герцога защитить Эфраина Сандовала. Последние несколько затяжек дыма она

вдула в свои чашечкой сложенные руки, а затем провела пальцами по его лицу, сложенным рукам и ногам.

Услышав странный звук, я испугалась и оглянулась. Комнату наполнял дым, и из этого тумана появилась фигура, не более чем тень или волна дыма, которая, казалось, парила рядом с кроватью.

Глубокий сон Эфраина Сандовалья прерывался громким храпом и заклинаниями. Мерседес Перальта встала, сложила все свои вещи и окурки сигар в свой карман, затем повернулась к окну и открыла его. Указав своим подбородком на дверь, она приказала мне следовать за ней.

— С ним будет все в порядке? — спросила я, когда мы вышли. Я никогда не присутствовала на такой короткой встрече.

Он также хорош, как и в другие годы, — заверила она меня, — каждый год Эфраин Сандоваль приходит на такую спиритическую встречу, — она обвела рукой вокруг себя, — здесь бродит дух Фриды Герцог. Эфраин верит, что она принесла ему счастье. Вот почему он держит эту хижину, в то время как его семья живет в городе. Это, конечно, не так, но его вера никому не вредит.

Фактически она приносит ему облегчение.

— Но кто такая Фрида Герцог? — спросила я, — и кто такой Ганс Герцог?

Ты еще попросила его дух покровительствовать Эфраину.

Донья Мерседес зажала мне рот, — музья, имей терпение, — сказала она.

— Эфраин со временем расскажет тебе об этом. Я же добавлю только одно. Для Эфраина колесо случая было повернуто не Фридой Герцог. Да, она была причиной. Но сделал это призрак. Призрак Ганса Герцога.

Донья Мерседес тяжело оперлась на меня. Мы медленно спускались с холма, — скорей бы добраться до моего гамака, — прошептала она, — я умираю от усталости.

Боясь, что кто-то может подменить или даже украсть его мопед, Эфраин вытащил его на тротуар и закатил в прихожую нового двухэтажного дома, который принадлежал его хозяйке Фриде Герцог.

Финка и ее ребенок, которые ютились в нижних комнатах, обиженно смотрели на него. Они считали прихожую своей верандой. Он извинительно пожал плечами и поднялся по ступенькам в апартаменты Фриды Герцог.

Он работал на Герцогов еще подростком. Сначала на Ганса Герцога, который и купил ему мопед. Время, которое Эфраин работал на него, пролетело так быстро, что он даже не заметил его. Ему нравилась работа на птицеферме, где он был и помощником, и курьером. Но больше всего его привлекала аристократичность хозяина, его величайшее чувство юмора. Иногда Эфраину казалось, что он не работает, а, приходя на службу, каждый день получает уроки искусства хорошей жизни.

С годами он стал скорее приемным сыном или учеником Ганса Герцога, чем его служащим, — я думаю, что ты, Эфраин, — говорил он ему, — человек моего склада потребностей, в определенном возрасте, конечно.

Ганс Герцог приехал из Германии перед войной, но искал не счастья и денег, а скорее удовлетворения. Он очень поздно женился и считал брак, а тем более отцовство, моральной необходимостью. Он называл их управляемыми видами рая.

Когда с ним случился удар, Эфраин ухаживал за ним день и ночь. Ганс Герцог не мог ничего говорить, но прекрасно общался с Эфраином с помощью глаз. В свой последний

миг он сделал безумное усилие сказать что-то Эфраину — но не смог. Тогда он пожал плечами и рассмеялся. И умер.

Сейчас Эфраин работал на вдову, правда, не так охотно и, конечно, не с тем удовольствием. Она продала птицеферму, напоминавшую, как она говорила, ее супруга, но продолжала держать Эфраина на службе, так как он был единственным, кто знал, как ездить на мопеде.

Заметив, что дверь в апартаменты Фриды Герцог приоткрыта, он толчком, без стука, открыл ее и вошел в крошечную переднюю, которая вела в гостиную.

Комнату, заваленную мебелью с бежевой обивкой, отделял от столовой прекрасный рояль. Остекленный книжный шкаф стоял рядом с огромным камином, который Фрида Герцог разжигала раз в год на рождество Евы.

Эфраин отошел на несколько шагов так, чтобы мог видеть себя в позолоченном зеркале на каминной доске. Ему было двадцать лет, но маленькое суховатое тело и мальчишеское, незрелое, безбородое лицо делали его еще моложе. Он старательно причесал свои вьющиеся волосы, поправил галстук и надушенный носовой платок в нагрудном кармане. Бедность — это еще не причина для того, чтобы выглядеть неопрятным, подумал он и, оглядываясь, осмотрел пиджак сзади, расправляя складки и морщины.

Весело насмистывая, он пересек комнату и вышел на широкий балкон.

Декоративные пальмы, орхидеи, высокие папоротники и птичьи клетки почти скрывали Фриду Герцог. Полная и солидно сложенная, она сидела за белым письменным чугунным столом с тяжелой матовой стеклянной крышкой.

— Я жду тебя с девяти часов, — сказала она вместо приветствия.

Сердитое выражение ее глаз усиливалось линзами толстых роговых очков, угрожающе спущенных на ее орлиный нос.

— Ну что за красота! Какой прохладой дышит это истинное небо! — воскликнул Эфраин восторженным тоном. Он знал, что восхваляя ее искусственные джунгли, Фриду Герцог всегда можно вернуть в хорошее расположение духа, — даже в полдень ваши канарейки поют как ангелы, — подражая крику птиц, он снял пиджак и аккуратно повесил его на спинку стула.

— Ладно, хватит о птичках, — сварливо сказала она, приказав ему сесть возле себя, — я плачу тебе жалование и хочу, чтобы ты был здесь все время.

— Меня задержали наши будущие клиенты, — важно возразил он.

Она посмотрела на него с сомнением и вытерла капельки пота вышитым платком с верхней губы и лба, — ты принял все заказы? — она не дала ему возможности ответить, подтолкнув несколько белых коробочек, — проверь это, — проворчала она.

Не смущаясь ее плохим настроением, он весело сообщил ей, что заказы в сущности написаны и подписаны. Затем он почти благоговейно открыл одну из коробочек и почтительно осмотрел покрытый серебром набор шариковых ручек, уложенных на темно-синюю вельветовую подкладку. Он открыл одну ручку, отвинтил колпачок и аккуратно проверил небольшой прямоугольный кусок металла с резиновым оттиском. Это была печать. Эту операцию он повторил со всеми ручками, после чего тщательно проверил правильность написания фамилии и адреса покупателя.

— Сколько раз тебе повторять — на ручках не должно быть отпечатков пальцев, — затрещала Фрида Герцог, выхватив авторучку из его рук. Она обтерла ее своим платком и опустила в коробочку, — сейчас же заверни их!

Он бросил на нее недружелюбный взгляд, — вы хотите, чтобы я наклеил на них адреса? — спросил он, закончив заворачивать последнюю коробку.

— Да, сделай это, — она дала ему шесть аккуратно отпечатанных наклеек из небольшого металлического ящика, — постарайся наклеить их ровно.

— Что? — раздраженно переспросил он, не расслышав слов, которые она сказала. Ее акцент, обычно едва заметный, становился невыносимым, когда она была в гневе или страхе.

Фрида Герцог медленно повторила, четко произнося каждое слово: — наклей все уголки этикеток ровно, — она взглянула на него и добавила: — я хочу, чтобы этикетки были приклеены крепко.

— Если бы взглядом можно было убивать, я был бы уже мертв, — прошептал он, поднимая обе руки над головой в притворном жесте муки. Затем он очаровательно улыбнулся ей и обругал ее скороговоркой.

— Что ты сказал? — спросила она. Ее акцент был так силен, что слова получались невнятными.

— Я сказал, что у меня нет столько времени, чтобы сделать все, что вам хочется, — он ослабил свой галстук в голубую полосу и расстегнул воротничок жестко накрахмаленной рубашки, затем достал из ящика стола тюбик с клеем и выдавил по небольшой капле на каждую этикетку. Он тщательно подравнивал резиновую насадку со всех сторон и наклеил этикетки на аккуратно завернутые пакеты.

— Хорошо сделано, Эфраин, — намек на одобрение мгновение играл на полном, румяном лице Фриды Герцог. Она никогда не удивлялась той аккуратности, с которой он приклеивал наклейки как раз посередине коробок.

Она не могла признать, что кто-то может делать это лучше ее самой.

Окрыленный ее комплиментом, он решил спросить о ручке, которую она обещала ему. Хотя юноша уже оставил надежду когда-нибудь получить что-то от нее, он тем не менее напоминал ей об этом при первой возможности.

Каждый раз у нее были различные отговорки, чтобы не выполнить свое обещание, — когда же вы дадите мне авторучку? — повторил он высоким, настойчивым голосом.

Фрида Герцог молча посмотрела на него, затем подвинула стул ближе к столу и опустила на него свои локти, — я не говорила тебе раньше о трудностях, которые я имею, чтобы убедить фирму направлять торговое судно в эту местность? Да ты и не поймешь, что быть в моем возрасте (она никогда не говорила, сколько ей лет) и быть женщиной — это огромный недостаток, — она помолчала секунду, а затем гордо добавила: — и то, что я так хорошо продаю авторучки, еще не означает, что я должна их кому-то дарить.

— Одна авторучка не разорит вас, — настаивал Эфраин.

— Твоя ручка! Твоя ручка! Это все, о чем ты думаешь? — ее голос дрожал от негодования. Она приблизила свое лицо к нему. Ее глаза сверлили его немигающим взором.

Он ошеломленно смотрел в ее голубые глаза, в которых бушевал огонь безумия.

Возможно, заметив, что зашла слишком далеко, Фрида Герцог потупила взор. Ее лицо смягчилось. Просительным тоном она продолжала говорить о своей уверенности в том, что вместе они смогут продать тысячи авторучек.

Они будут продавать их не только в городе и в окрестных деревнях, но и по всей стране, — будь терпелив, Эфраин, — умоляла она, склоняясь к нему, — когда дело

пойдет в гору, мы оба будем богачами! — она резко откинулась на стул и ласково провела рукой по маленькой серой коробке.

— Но мне нужна только ручка, ты понимаешь, старая идиотка, только ручка, — отчаянно прошептал Эфраин.

Фрида Герцог не слышала его. Она сонно смотрела на свои птичьи клетки грустным мечтательным взглядом.

— Я работаю как лошадь, — сказал Эфраин громко и ясно, — я не только доставляю товар, я нахожу покупателей на ваши ручки, — он игнорировал ее попытку перебить его, — а вы не хотите дать мне одну ручку.

— Я не буду говорить, как нехорошо ты поступаешь, — капризно сказала она, — я из сил выбиваюсь, пытаюсь вдолбить тебе то, что начало любого бизнеса требует каких-то жертв, — она вышла на балкон, — очень скоро я дам тебе не только ручку и комиссионные, я сделаю тебя партнером, — она остановилась перед ним, — я деловая женщина. Представь, эти ручки будут в каждом доме по всей стране. Эфраин, мы продадим их каждому грамотному человеку в этом государстве.

Она отошла от него и оперлась на перила, — взгляни на эти холмы! — крикнула она, — посмотри на эти хижины! — взмахом руки, от которого затрепетали широкие рукава ее халата, она описала панораму перед собой.

Улыбка засияла на ее губах, она повернулась к нему, — подумай об этих лачугах на холмах. Какие возможности! Мы продадим ручки всем, кто может писать. А те, кто не могут, вместо того, чтобы ставить крестик каждый раз, когда им нужно подписать документ, будут штамповать свое полное имя на любой бумаге, где необходима их подпись, — она захлопала в ладоши в детском восторге и, присев возле него, сунула руку в карман, — это, — утвердительно произнесла она, доставая свою позолоченную ручку, — идеальное решение всех проблем! — она осторожно отвинтила колпачок и, нажав небольшой выступ на конце авторучки, проштемпелевала каждый пакет, а затем гордо прочла свое имя и адрес, которые вмиг отпечатались фиолетовыми буквами, — сотни людей живут в этих хижинах. И я знаю, что они все захотят такие ручки, — она коснулась его руки, — эфраин, с сегодняшнего дня я буду платить тебе комиссионные за каждую ручку, проданную тобой на этих холмах.

— Они не купят ни одной. Это им не по средствам, — напомнил он ей саркастически.

— Я сделаю то, чего не делала никогда прежде, — напыщенно провозгласила она, — я позволю им покупать авторучки в кредит, — она опустила с рассеянным видом несколько авторучек — включая свою золотую ручку — в кожаный ранец Эфраина, — а сейчас можешь идти.

Он недоверчиво посмотрел на нее. Неужели она не заметила свою ошибку?

Юноша беспечно взял свой ранец, — увидимся завтра, — сказал он.

— Но тебе надо доставить всего шесть ручек, — напомнила она ему, — я жду тебя к пяти часам. За эти ручки уже заплатили, и тебе не придется ждать денег.

— Сейчас середина дня, — запротестовал Эфраин, — неужели вы хотите, чтобы я таскался по этому пеклу? Кроме того, мне надо сначала пообедать. И мне нужны деньги на транспортные расходы, — заметив ее мрачное лицо, он пояснил: — мне нужен бензин для мопеда.

Она дала ему немного мелочи, — не забудь спросить квитанцию на заправке, — сказала она, свирепо посмотрев на него через очки.

Его передернуло от недовольства, — скупая идиотка. Этого не хватит даже на то, чтобы наполнить бак, — сказал он быстрой скороговоркой.

— Что ты сейчас сказал мне? — крикнула Фрида Герцог.

— За эти деньги нельзя наполнить бак, — сказал он, ссыпая монеты в карман. Он вынул расческу и, не обращая внимания на ее недовольное лицо, пробежал ею по своим непослушным черным волосам.

— Всего четыре адреса, и все они рядом, — убеждала она, — не надо даже ездить на мопеде. Я сама хожу на такое расстояние, а иногда и дальше.

Если уж я в своем возрасте делаю это, то вправе ожидать от молодого человека, что он сделает то же.

Тихо насвистывая, он поправил свой галстук и надел пиджак, затем, лениво махнув рукой на прощание, повернулся и вышел в гостиную. С его губ сорвался радостный вздох. Его глаза расширились, выражая удивление и восторг

В одном из объемистых кресел, оголив ноги, поднятые на подлокотник, сидела Антония, единственная дочь Фриды Герцог. Не прикрывая ног, она посмотрела на него с нежной заботой — так женщины смотрят на своих младенцев — а затем соблазнительно улыбнулась.

Она была маленькой, симпатичной женщиной около двадцати лет, но ее изможденное лицо и отчаявшийся вид очень старили ее. Она отсутствовала уже долгое время. К великому смущению матери Антония уходила с мужчинами при каждом удобном случае и периодически возвращалась навестить родной дом.

Жаль, что старуха в таком скверном настроении, подумал Эфраин. Он почувствовал клубящуюся страсть Антонии, ему хотелось остаться, поговорить с ней, но зная, что Фрида Герцог может услышать их с балкона, он сморщил губы и послал Антонии воздушный поцелуй. А затем вышел в переднюю дверь.

Фрида Герцог неподвижно стояла у ограды балкона. Палящее солнце и дрожащее марево заставляли ее глаза слезиться. Жара волнами вздымалась в ближайшее предгорье, превращая разноцветные лачуги в мерцающие пятна.

Совсем недавно эти холмы были зеленые. Почти за ночь переселенцы превратили их в скопище хибар. Словно грибы после сильного дождя, лачуги выросли в одно утро, и никто не осмелился снести их.

Ее взгляд остановился на шумном мопеде Эфраина, который тарахтел внизу на улице. Она знала, что сначала он поедет к двум секретаршам из фармацевтической лаборатории, которые были помешаны на авторучках. Фрида Герцог была уверена, что хотя бы одна из них похвастается своей ослепительной новинкой среди коллег, и это заставит других придти к ней.

Тихо хохотнув, она повернулась и взглянула через балкон в гостиную, где сидела ее дочь. У нее вырвался тяжелый вздох, голова разочарованно качнулась из стороны в сторону. Не было способа заставить Антонию понять, что нельзя класть ноги на бежевый шелк кресел. Как много надежд возлагала она на свою красивую дочь! Антония могла выйти замуж за какого-нибудь богатого человека. И почему девочка связала себя браком с нищим, безродным продавцом? Это было выше ее понимания. К тому же он однажды ушел от нее.

Она не могла вспомнить, обед был или полдник, когда он встал из-за стола и больше никогда не вернулся.

Сложив губы в приятную улыбку, Фрида Герцог смиренно вошла в гостиную.

— Подумать только! Эфраин стал опаздывать каждый день, — сказала она, садясь в кресло напротив Антонии, — я боюсь, что если я дам ему авторучку, которую он просит, мальчик совсем бросит работу. Это все, чем он интересуется.

— О, ты знаешь, чего он хочет, — сказала Антония. Не глядя на мать, она продолжала рассматривать свои длинные, холеные ноги, — итак, единственное желание Эфраина — это получить ручку. Что плохого в этом?

— Он бы мог ее купить! — злобно огрызнулась Фрида Герцог.

— Ну что ты, мамочка, — упрекнула Антония, — эти глупые безделушки стоят слишком дорого. Козе понятно, что он не сможет себе этого позволить.

— Не смей меня, — фыркнула Фрида Герцог, — я прекрасно оплачиваю его труд. Если бы он не тратил зря денег на одежду, он мог бы...

Антония оборвала ее на полуслове, — эти ручки просто причуда, — заявила она, — и Эфраин знает это. Вот так. Через несколько месяцев и даже недель люди перестанут покупать их.

Фрида Герцог выпрямилась в своем кресле. Ее лицо покраснело от гнева.

— не смей со мной так разговаривать, — закричала она, — эти ручки всегда будут в цене!

— Успокойся, мать. Ты сама не веришь в это, — примирительно отозвалась Антония, — ну почему ты думаешь, что продашь ручки в этом богом забытом местечке? Неужели ты не понимаешь, что в Каркасе их больше никто не покупает?

— Это неправда, — крикнула Фрида Герцог, — когда-нибудь я буду торговать по всей области, а может быть даже по всей стране. Если бы я изготавливала авторучки, я бы расширила торговлю в международном масштабе. И я сделаю это. Я создам империю.

Антония захохотала и отвернулась к зеркалу на каминной доске. Полоски преждевременной седины бороздили ее темноватые волосы. В уголках рта появились морщины. Ее большие голубые глаза можно было бы считать прекрасными, не будь в них такого ожесточенного выражения. Не возраст, а отчаяние и изнеможение были началом увядания лица и тела этой молодой женщины.

— Ты просто не знаешь, в чем опытен Эфраин, — сказала Антония, — никто не сравнится с ним в нахождении способов делать деньги. А ты думаешь, что разбогатеешь на ручках! Это же анекдот. Почему бы тебе не использовать его там, где ему нет равных?

Презрительная ухмылка заиграла на лице Фриды Герцог, — использовать его там, где он лучший! Ты думаешь, я не знаю, где ты была последние несколько месяцев? Возможно, я немного глуховата, но зато не глуповата, — увидев, что Антония встала, она торопливо добавила: — у тебя никогда не было никакого достоинства. Связалась с Эфраином! Тебе когда-нибудь будет стыдно за себя. Он же мулат. Онцветной!

Когда ее гнев утих, она откинулась в кресле и закрыла глаза. Ей хотелось отказаться от своих слов, но когда она заговорила, ее голос был по-прежнему сердит: — неужели нет ничего, что тебе было бы нужно от жизни?

— Я хочу выйти замуж за Эфраина, — тихо сказала Антония.

— Только через мой труп! — закричала Фрида Герцог, — я лишу тебя наследства. Я выгоню тебя из дома! — она жадно ловила ртом воздух, — погоди! Я все скажу тебе! Я отберу у него мопед и сожгу его.

Но Антония больше не слушала ее. Хлопнув дверьми, она покинула гостиную.

Несколько секунд Фрида Герцог смотрела на дверь, за которой исчезла ее дочь, ожидая ее возвращения. Ее глаза отяжелели от слез. Она молча отправилась в спальню.

Сев перед туалетным столиком, она трясущимися руками сняла очки и осмотрела себя в зеркале. Надо было сделать новую завивку, подумала она, проводя пальцами по своим волосам с полосками седины. Ее глаза, окруженные темными тенями, ввалились. Ее кожа, когда-то гладкая и белая, как тонкий фарфор, неумолимо старела, разъедаемая безжалостным тропическим солнцем.

Слезы катились по щекам, — о боже, — тихо прошептала она, — не дай мне заболеть и умереть в этой чужой стране.

Она услышала тихий шорох за дверью; несомненно, ее подслушивала Антония. Фрида Герцог была слишком утомлена, чтобы волноваться из-за этого. Она легла на постель и забылась в полусне, убаюкиваемая нежными звуками сонаты Моцарта. Мысль о том, что на рояле играет Антония, наполнила ее печальной радостью. Девочка играла всегда так прекрасно.

Когда Фрида Герцог проснулась, было почти 4 часа. Как всегда, немного подремав, она чувствовала себя посвежевшей, настроение у нее поднялось.

Она решила одеть шелковое платье в горошек и туфли, которые Антония подарила ей на рождество.

Заходящее солнце наполняло комнату тенями. Она взглянула через балкон на ярко раскрашенные хижины на далеких холмах. В вечернем свете они казались намного ближе. Она прошла на кухню и приготовила послеобеденный поднос: кофе, сахар, сливки и тарелку маковых пирожных.

— Антония, — ласково позвала она, садясь в одно из кресел. Прежде чем налить себе кофе, она услышала знакомую дробь каблучков. Она крикнула снова, но ответа не было. Ушла, наверное, решила Фрида Герцог, разворачивая на коленях белую льняную салфетку.

Она посмотрела на свои золотые часы. Было около пяти. Вот-вот должен вернуться Эфраин, подумала она. Может быть, он сказал ей правду и действительно нашел новых клиентов. Она давно знала, что, несмотря на отсутствие честолубия, он прекрасно сговаривался с людьми. Плохо, что она разрешила ему уйти. Ей давно надо было найти ему замену, а теперь, узнав планы Антонии относительно него, она не позволит ему втереться в свою семью. А может быть дочь хочет просто подразнить ее. Ну как же она могла поверить, что Антония захочет выйти замуж за этого молокососа?

К шести часам Фрида Герцог была так обеспокоена, что позвонила секретаршам в лаборатории и владельцу магазина одежды. Авторучек им не приносили.

Она ошарашено посмотрела на телефон, затем выбежала на балкон и дрожащими руками нервно ощупала каждый предмет на своем рабочем столе, — он взял мою ручку! — завизжала она. Через парадную дверь она торопливо сбежала по ступенькам на улицу. Она не замечала испуганных лиц соседей, которые сплетничали на тротуарах. Она не слышала их приветствий, огибая поворот. Лишь достигнув подножия холма, она остановилась передохнуть.

Проклиная себя за то, что не надела более удобную обувь, Фрида Герцог медленно поднималась по широкой грунтовой дороге, которая вела к хижинам.

Она никогда не была в доме Эфраина, но примерно знала, где он находится. Ей приходилось слышать об опасностях этих трущоб, где чужим появляться не следовало. Даже полиция неохотно преследовала преступников, которые скрывались на этих

холмах. Но это ее не пугало. Кто захочет причинить вред старой женщине? Она почувствовала себя в полной безопасности, заметив, что не все жилища были лачугами. Некоторые из них были сделаны из цементных блоков, а несколько домов имели даже два этажа.

У нее часто захватывало дух, тогда она останавливалась, успокаивая бешенное биение сердца. Люди оглядывались на нее с любопытством. Босые, полуголые дети бросали свои игры и хихикали, когда она проходила мимо.

Перед тем, как взобраться на вершину холма, она оглянулась и оглядела город внизу. Мягкий бриз овеивал ее покрасневшее лицо.

Промытый в сочном рассеянном зареве сумерек, еще дрожащем от послеобеденной жары, город никогда не казался ей более красивым. Преодолев странное и неопределенное предчувствие роковой гибели, она выискивала силуэт своего дома.

Приветливый голос девочки рассеял ее думы, — может быть вам нужна помощь? — спросила она, рассматривая ее с любопытством, — вы что-то потеряли?

— Я ищу дом Эфраина Сандовала, — отозвалась Фрида Герцог. Поглощенная поисками своего дома, она и не заметила, что уже наступает ночь, — ты не можешь мне показать, где живет Эфраин? — она несколько раз повторила вопрос, но девочка наверное не понимала слов, которые говорила Фрида Герцог.

— Ты зашла слишком далеко, — вежливо сообщил ей старик, сидевший поблизости на корточках. Слабый свет между криво сбитыми досками едва освещал его, — спустись немного и сверни налево по тропинке. Там будет желтый дом. Ты не промахнешься. Он выглядит как канарейка, — он с тревогой следил за ее нетвердыми шагами, когда она начала спускаться с холма, — шла бы ты лучше домой, — крикнул он ей вслед, — здесь полно пьяниц в это время, а они всегда готовы к ссоре.

Но Фрида Герцог не услышала его предостережения. Оно утонуло в оглушительной брани мужчины и топота торопливых шагов. Прежде чем она успела обернуться и посмотреть, что случилось, ей нанесли резкий удар.

Земля дрогнула у нее под ногами и она полетела через перила низкой Стеллы.

На мгновение она увидела, как острые камни внизу рванулись ей навстречу.

Потом были голоса, то громкие, то тихие, а после остались лишь тишина и мрак.

Вздрыгнув, Эфраин проснулся. Ему приснился жуткий сон. Как и много раз прежде в своих снах, он вновь гулял с Гансом Герцогом. Друг торопил его взять дела в свои руки и жениться на Антонии. Вместе они смогут объехать весь мир. Эфраин засмеялся и попросил друга рассказать ему одну из своих историй об иноземных странах. Ганс Герцог отказался, говоря, что настанет день, когда Эфраин сам сможет увидеть эти страны.

И хотя живость его снов о Гансе Герцогe стала привычной, одна деталь заставляла задуматься; это было затяжное чувство реальности, которое Эфраин не мог развеять. Он уже отказывался признавать, что его друг и хозяин умер. В конце концов он же виделся и говорил с ним каждую ночь в своих снах.

Эфраин зажег керосиновую лампу на столе у кровати и открыл бутылку пива, стоявшую на столе. Он перелил пиво в высокий бокал и, прежде чем сделать глоток, сдул пену с ободка. Он не обратил внимания на то, что пиво было теплым.

— Взять дела в свои руки! — повторил он, вынимая позолоченную ручку из своего ранца. Тихо смеясь от удовольствия, он отвинтил колпачок и прочертил несколько линий на своей руке.

Неделю назад он решил взять дела в свои руки и договорился с гравером из ювелирного магазина, чтобы тот сделал ему точную копию печати, но с его именем. Эфраин не сомневался, что к нему пришла удача. Как еще он мог объяснить это пугающее совпадение: в тот день, когда он получил печать со своим именем и адресом, Фрида Герцог ошиблась, положив свою позолоченную ручку в его ранец.

Он вылил остатки пива в свой бокал и выпил до дна маленькими глоточками. Возможно, какая-то бессознательная часть Фриды Герцог перешла к нему вместе с этой авторучкой. Ему хотелось верить в это.

Настойчивый стук в дверь перебил его мысли.

— Эфраин! — прокричал кто-то, — старуху-иностранку, которая искала тебя, столкнул вниз какой-то пьяница.

— Фриду Герцог! — схватив ранец со стола, он побежал туда, где уже собралась толпа.

— Этого не может быть, — повторял он, расталкивая людей в стороны.

Она лежала на земле. Он опустился перед ней на колени. Тусклый блеск керосиновой лампы бросал на ее лицо желтоватый отблеск. Он хотел что-то сказать, но ни одно слово не вырвалось из его рта. Эфраин смотрел в ее голубые глаза. Без очков — они лежали рядом, раздавленные кем-то — ее глаза выглядели большими, внимательными, почти детскими. Складки у рта придавали ей строгий вид. Белые зубы были слегка приоткрыты. Ему почудилось, что она хочет что-то сказать.

— Я принес авторучки, — шепнул он, успокаивая ее. Вынув шесть коробочек из ранца, он поднес их к ее лицу поближе, — я не отдал их сегодня, потому что был занят составлением нескольких заказов. У нас будут четыре новых клиента.

Она нахмурилась еще больше. Ее губы дрогнули, шепча что-то об его увольнении с работы и об Антонии. Ее глаза стали еще больше, зрачки расширились, а затем жизнь иссякла.

— Я работал у нее, — сказал Эфраин, ни к кому конкретно не обращаясь.

— жизнь так необычна. Только этим утром она подарила мне эту прекрасную ручку, — рассказывал он, доставая из кармана позолоченную авторучку. Точно и аккуратно он приложил кончик с печатью к своему предплечью, — эфраин Сандоваль. Канареичная хижина. Курмина, — прочитал он свое имя и адрес громким ясным голосом, — и я могу договориться с любым из вас о продаже такой же прекрасной ручки в кредит.

20.

Было воскресное утро. Я и донья Мерседес сидели на площади и ожидали выхода Канделярии из церкви. Часом раньше у меня была последняя встреча с Эфраином Сандовалем.

На соседней скамье сидел прилично одетый достойный старичок. Он громко читал газету из Каркаса, причем читал таким серьезным голосом и так увлеченно, что даже не замечал улыбок людей вокруг него.

На другой стороне улицы из бара, уже открытого в это время, вышел растрепанный пожилой мужчина. Он надел свою шляпу и, положив бутылку в пластиковый пакет, хрипя и кашляя, пошел вниз по улице.

С необъяснимым чувством печали я взглянула на донью Мерседес. Она надела темные очки, и я не могла видеть выражения ее глаз. Она сложила свои руки на груди, обнимая себя, словно замерзнув на холодном ветру.

Я пыталась рассказать ей, как я понимаю теперь истории, которые успела услышать, а она внимательно слушала.

— Ты показываешь мне различные способы манипуляции той силой, которую Флоринда называла намерением, — сказала я.

— Привести ее в движение — это не то же самое, что манипулировать ею, — поправила она меня, по-прежнему обнимая себя, — я пыталась сделать большее. Как я уже говорила, я подставляю тебя время от времени в тень этих людей, так, чтобы ты чувствовала движение колеса случая. Без этого чувства все сделанное тобой окажется ерундой. Ты будешь переходить от человека к человеку, выслушивая их рассказы; на миг ты окажешься в их тени.

— Как в случае Эфраина Сандоваля? Он, конечно, ничего не делал для того, чтобы с ним случилась подобная перемена. Но зачем мне надо было быть в его тени? — спросила я.

— Как колесо случая передвинулось для него? Он не двигал его сам, и все же его жизнь изменилась. Я хочу, чтобы ты почувствовала это изменение, почувствовала это движение колеса.

Я уже напоминала тебе, что это призрак, дух Ганса Герцога передвинул колесо для него. Так же как Виктор Джулио в момент смерти повернул колесо случая, погубив жизнь Октавио Канту. Ганс Герцог передвинул это колесо после своей смерти и обогатил жизнь Эфраина Сандоваля.

Донья Мерседес сняла очки и посмотрела мне в глаза. Затем раскрыла рот, собираясь что-то добавить, но вместо этого улыбнулась и встала со скамьи, — месса скоро закончится, — сказала она, — встретим Канделярию у церковных дверей.

Часть шестая.

21.

— Музия, ты здесь? — шепнула Мерседес Перальта, бесшумно открывая дверь в мою комнату. В слабом свете настольной лампы она выглядела настоящей ведьмой. Ее наряд состоял из длинного черного платья и широкополой фетровой шляпы, которая скрывала половину ее лица.

Не включай свет, — сказала она, увидев, что я потянулась к выключателю, — не выношу резкого света, — она села на мою постель. Ее брови были задумчиво нахмурены, руки бесконтрольно разглаживали морщинки на моем одеяле. Она пристально взглянула мне в лицо долгим немигающим взглядом.

Я застенчиво провела пальцами по своим щекам и подбородку, стараясь понять, что же здесь не так.

Хихикая, она отвернулась к книжному столику и начала аккуратно складывать мои тощие блокноты, — прямо сейчас мне нужно уезжать в Чуао, — наконец сказала она, ее голос был тревожным.

— В Чуао? — спросила я, — в этот час? — увидев ее решительный кивок, я добавила: — мы застрянем в грязи, если пойдет дождь, — деревня Чуао находилась на побережье по крайней мере в часе езды от Курмины.

— Дождь будет, — небрежно произнесла она, — но в твоём джипе мы не застрянем, — она села, сгорбившись, на ночной столик и закусилла нижнюю губу, раздумывая над тем, что еще сказать, — я должна быть там сегодня вечером перед полуночью, — произнесла она тоном, который выдавал скорее срочность, чем желание, — я еду за некоторыми растениями, которые надо срывать только этой ночью.

— Сейчас одиннадцатый час, — сказала я, указывая на светящийся циферблат своих часов, — мы не успеем к полночи.

Улыбаясь, донья Мерседес достала мои джинсы и рубашку, висевшую в изголовье моей кровати, — мы заставим твои часы остановиться, — слабая улыбка осветила ее лицо; ее глаза доверчиво и нетерпеливо смотрели на меня, — ты сделаешь это для меня, не так ли?

Когда мы выехали из города, по джипу забарабанили крупные капли дождя. За секунду дождь превратился в сплошную стену, плотную и темную. Я сбавила ход, не в состоянии разглядеть дорогу. Меня раздражал скрип "дворников", очищавших стекло, которое тут же заливалось снова. Деревья по сторонам дороги смутно маячили то рядом с нами, то выше нас, создавая впечатление того, что мы проезжаем через туннель. Лишь прерывистый одинокий лай собаки указывал на то, что мы проехали мимо какой-то хижины.

Ливень окончился так же резко, как и начался, но небо оставалось пасмурным. Облака нависали гнетуще низко. Я не сводила глаз с ветрового стекла, увертываясь от лягушек, которые, ослепнув от света фар, прыгали через дорогу.

Стоило нам свернуть на дорогу, ведущую к побережью, и облака исчезли как по мановению волшебной палочки. Луна сияла ярко и таинственно над плоской равниной,

где бриз мягко раскачивал редкие деревья. Их листва отливала серебром в нереальном свете.

Я остановилась на середине перекрестка и вылезла из джипа. Воздух, теплый и влажный, пахнул горами и морем.

— Почему ты остановилась здесь, Музия? — спросила Мерседес Перальта, ее голос наполнял изумление. Она вышла из машины и остановилась передо мной.

— Я ведьма, — объяснила я, глядя ей в глаза. Я знала, что если расскажу ей о моем простом желании размять ноги, она не поверит мне, — я родилась в местечке, похожем на это, — продолжала я, — где-то между горами и морем.

Мерседес Перальта хмуро оглядела меня, а потом в ее глазах заблестел юмористический, восторженный огонек. Неудержимо расхохотавшись, она села на мокрую землю и потянула меня за собой, — возможно, ты не родилась, как все нормальные люди, может быть куриоза потеряла тебя на своем пути через небо, — сказала она.

— Что такое куриоза? — спросила я.

Она ободряюще посмотрела на меня и объяснила, что куриозы — это ведьмы, которые совершенно не интересуются явными аспектами колдовства: символическими вещами, ритуалами и заклätиями, — куриозы, — прошептала она, — это существа, озабоченные вещами вечными. Они, как пауки, плетут тонкие невидимые нити между известным и неизвестным, — она сняла свою шляпу и легла на спину, расположив свою голову точно на середине перекрестка так, чтобы она указывала на север, — ложись, Музия, — произнесла она, протягивая руки на восток и запад, — макушка твоей головы должна касаться моей, а твои руки и ноги пусть будут в такой же позе, как и у меня.

Лежать голова к голове на перекрестке было неудобно. У меня было ощущение, что наши скальпы, хотя и разделенные волосами, сплавились вместе. Я повернула свою голову в сторону и к своему великому удивлению заметила, насколько длиннее ее руки, чем мои. По-видимому, осознав мое открытие, донья Мерседес подвинула свои руки ближе к моим.

— Если кто-нибудь увидит нас, то подумает, что мы сошли с ума, — сказала я.

— Возможно, — согласилась она, — однако, если найдутся люди, которые обычно прогуливаются по этому перекрестку в это время ночи, они убегут прочь в ужасе, думая, что увидели двух куриоз, готовых к полету.

Мы молчали некоторое время, а когда я спросила ее о полете куриоз, она заговорила снова.

— Что заставило меня так заинтересоваться, почему ты остановилась на перекрестке? Есть люди, готовые присягнуть, что видели куриозу, лежавшую голой на этом самом месте. Они говорят, что у нее появились крылья, выросшие из спины. Они видели, как ее тело стало просвечиваться белизной, когда она взлетела в небо.

— Я видела, как твое тело стало прозрачным на сеансе Сандовалья, — сказала я.

— Конечно, ты видела это, — ответила она с веселым пренебрежением, — я сделала это для того, чтобы ты поняла, что ты никогда не будешь целительницей. Ты медиум и возможно даже ведьма, но учти — не целительница. Я знаю это, так как я сама — ведьма.

— Чем ведьма отличается от других? — спросила я между приступами смеха. Я не хотела воспринимать ее серьезно.

— Ведьмы — это существа, которые не только способны видеть колесо случая, — ответила она, — но способны создавать свое собственное звено.

Что ты скажешь, если в этот миг мы отправимся в полет, связанные друг с другом головами?

На секунду или две у меня было ужаснейшее восприятие. Затем чувство полного безразличия овладело мной.

— Повторяй любое из заклинаний, которым тебя научил дух моего предка, — приказала она, — я буду повторять его с тобой.

Наши голоса слились в единый гармоничный звук, который наполнил пространство вокруг, окутывая нас гигантским коконом. Слова выстраивались в ряд непрерывной линией, унося нас все выше и выше. Я видела, как облака двинулись на меня. Мы начали вращаться, словно колесо, пока все вокруг нас не стало черным.

Кто-то энергично тормозил меня. Я проснулась от неожиданного толчка.

Сидя за рулем джипа, я вела машину! Это потрясло меня. Я никак не могла вспомнить, как и когда я вернулась в машину.

— Не спи, — пробурчала донья Мерседес, — мы же можем так разбиться и умереть, как две дуры.

Я нажала на тормоза и выключила зажигание. Мысль о том, что я спала и управляла машиной, заставила меня задрожать от страха.

— Куда мы едем? — мой голос прозвучал на октаву ниже.

Она улыбнулась и сделала жест полного отчаяния, поднимая брови, — ты слишком быстро устаешь, Музия. Ты слишком маленькая. Но я думаю, что это твоя лучшая черта. Если бы ты была больше, ты была бы невыносимой.

Я настаивала на том, чтобы она назвала мне место назначения. Мне хотелось знать, где оно находится, чтобы ощутить чувство направления.

— Мы едем на встречу с Леоном Чирино и другими коллегами, — сообщила она, — трогай. Я покажу тебе, куда надо ехать.

Я завела джип и ехала некоторое время в молчании. Мне все еще хотелось спать.

— Леон Чирино медиум или целитель? — наконец спросила я.

Она тихо засмеялась, но ничего не ответила, — почему ты думаешь об этом? — спросила она после долгого молчания.

— В нем есть что-то совершенно необъяснимое, — ответила я, — он напоминает мне тебя.

— И даже сейчас? — насмешливо спросила она, и вдруг совершенно серьезным голосом признала, что Леон Чирино и медиум и ясновидец.

Уйдя в раздумья, я прослушала ее указание и вздрогнула, указывая на высокое дерево букаре: — ты проехала мимо! Дай задний ход, — затем она улыбнулась и добавила: — останови здесь! Мы немного пройдемся.

Дерево отмечало въезд на узкую дорожку. Земля была усыпана мелкими цветами. Я знала, что они красного цвета, но при лунном свете цветы казались черными. Букаре почти никогда не растут сами по себе. Обычно они украшают рощи, затеняя кофейные и какаовые деревья.

Следуя узкой тропой между тонких стволов букаре, мы направились к гряде холмов, мрачно маячивших перед нами. Кругом стояла тишина, нарушаемая лишь неровным дыханием Мерседес Перальты и хрустом ветвей под нашими ногами. Тропа кончилась перед низким домиком, грязные стены которого едва держались. Крышу покрывали пальмовые листья вперемежку с оцинкованной жестью. Скат крыши доходил почти до земли, создавая широкую веранду. Окон на фасаде не было, и слабый свет проникал только через узкую дверь.

Донья Мерседес распахнула ее настежь. Мерцание свечей и блики причудливых теней наполняли комнату, в которой почти не было мебели. Леон Чирино, сидя на стуле, смотрел на нас с удивлением и восторгом. Он вскочил, горячо обнял целительницу и подвел ее к стулу, который толькочто освободил.

Потом он приветствовал меня, шутливо встряхнув мою руку, — я хочу представить тебе одного из величайших целителей нашего времени, — сказал он, — второго после доньи Мерседес.

Прежде чем он успел что-либо добавить, кто-то крикнул: — я Августин.

Только сейчас я заметила в углу низко опущенный гамак, а в нем небольшого мужчину. Он лежал изогнувшись, и его нога касалась земли, раскачивая гамак назад и вперед. Он не казался особенно молодым, но не был и старым. Ему было, пожалуй, лет тридцать, однако его впалые щеки и костлявое тело делали его похожим на ребенка-дистрофика. А какие у него были глаза! Голубые, на смуглом лице, они сияли ослепительной силой.

Я неловко топталась посреди комнаты. Было что-то жуткое в неясном свете свечей, играющем нашими тенями на стенах, увешанных паутиной.

Спартанская обстановка — стол, три стула, два табурета, раскладушка создавала в комнате нежилую атмосферу.

— Ты здесь живешь? — спросила я Августина.

— О, нет, — сказал он, приближаясь ко мне, — это мой летний дворец, — довольный своей остротой, он откинул голову назад и захохотал.

Смущенная, я двинулась к ближайшему табурету и вскрикнула, когда что-то большое оцарапало мою лодыжку. Гнусный грязныйкот глазел на меня.

— Нет нужды кричать, садясь на стул, — сказал Августин и взял на руки костлявое животное. Стоило хозяину погладить его по голове, как он начал урчать, — он нравится тебе? Ты не хочешь его погладить?

Я категорически замотала головой. Меня страшили не столько блохи и чесоточные голые пятна, рассыпанные по его желтоватой шкуре, как эти пронзительные желто-зеленые щелочки глаз, ни на миг не спускавшие взора с моего лица.

— Если мы хотим отыскать растения, нам лучше выходить, — сказал Леон Чирино, помогая донье Мерседес подняться. Он отцепил старую лампу, висевшую на гвозде за дверью, зажег ее и дал нам сигнал следовать за ним.

Низкая дверь, закрытая занавесом, вела в заднюю часть дома, которая служила кухней и кладовой. Одной стороной комната выходила на небольшой участок земли, усаженный толстыми саженцами деревьев и высоким кустарником. В свете лампы он выглядел как фруктовый сад без фруктов.

Мы протиснулись сквозь брешь в непроходимой стене кустарника и оказались в пустынной унылой местности. Склон холма, покрытый недавно сожженной травой и обуглившимися пеньками, выглядел в лунном свете уродливо и страшно.

Не сказав ни слова, Леон Чирино и Августин исчезли.

— Куда они пропали? — шепнула я донье Мерседес.

— Они впереди нас, — сказала она, неопределенно указывая в темноту.

Тени, оживленные керосиновой лампой в руках доньи Мерседес, зигзагами проносились рядом с нами и впереди нас по тропе, ведущей в чащу. Я заметила вдали свет, он слабо мерцал сквозь кусты. Словно светлячок, он то появлялся, то исчезал. Подойдя к нему поближе, я услышала монотонное пение, смешанное с резкими звуками жужжащих насекомых и листья, волнуемой ветром.

Мерседес Перальта погасила лампу. Но перед тем, как исчез последний блик света, я увидела, как взметнулась в воздухе ее юбка, оседая возле осыпавшейся низкой стены, шагах в двенадцати от меня. Огонек сигары осветил ее фигуру. Из макушки ее головы исходило прозрачное мерцающее сияние. Я окликнула ее по имени, но ответа не было.

Очарованная, я смотрела на туманное облако дыма от сигары, которое парило по кругу прямо надо мной. Дым не рассеивался, а оставался сконцентрированным над землей довольно долгое время. Что-то коснулось моей щеки. Автоматически я поднесла руку к лицу и в полном изумлении уставилась на кончики пальцев — они светились. Я испуганно бросилась к стене, где сидела донья Мерседес. Но стоило мне сделать несколько шагов, как меня перехватили Леон Чирино и Августин.

— Куда ты, Музия? — насмешливо спросил Леон Чирино.

— Я хотела помочь донье Мерседес собирать растения.

Мой ответ, казалось, рассмешил их. Они тихо рассмеялись. Леон Чирино погладил меня по голове, а Августин ловко схватил меня за большой палец и сдвинул его несколько раз, словно он был резиновой грушей.

— Нам придется терпеливо ожидать здесь, — сказал он, — а сейчас с помощью этого пальца я просто закачиваю в тебя терпение.

— Она взяла меня сюда, чтобы я помогала ей, — настаивала я.

— Все верно, — успокоил он меня, — ты помогаешь ей, но это не относится к ее занятиям, — взяв мою руку, он повел меня к упавшему дереву.

— подожди донью Мерседес здесь.

Серебристо-зеленые и блестящие листья свисали на лоб Мерседес Перальты. Она закрепила фонарь на ветвях, присела на землю и начала сортировать растения, складывая их в отдельные кучи. Корни вербены прописывались при менструальных болях. Корни валерианы, вымоченные в роме, были идеальным средством от неврозов, раздражительности, беспокойства и кошмаров. Корни торко, настоянные в роме, излечивали от анемии и желтой лихорадки. Корни гваритото, в основном мужское средство, предназначались при затруднениях с мочевым пузырем. Розмарит и рута главным образом использовались как дезинфицирующее средство. Листья мальвы надо было прикладывать на кожу при сыпях, а артемизия, сваренная в соке сахарного тростника, успокаивала менструальные боли, убивала паразитов и уменьшала жар. Цебила излечивала астму.

— Все эти растения растут в твоём дворе, — озадаченно сказала я, — почему ты приехала за ними сюда?

— Хочешь, я что-то тебе расскажу, Музия? — вмешался Августин, весело улыбаясь. Он наклонил голову поближе к моей и прошептал: — эти растения выросли на трупах, — он сделал широкий жест рукой, — мы с тобой стоим посреди кладбища.

Я встревожено огляделась. Здесь не было ни надгробных плит, ни холмиков, которые бы указывали места погребения, хотя, впрочем, я не видела их и на других кладбищах.

— Здесь похоронены наши предки, — сказал Августин и перекрестился, — вот в такие ночи, когда полная луна встает над могилами, рисуя белые тени в шаге от деревьев, можно услышать жалкие стоны и дребезг цепей. Это бредут мужчины, неся свои срезанные головы. Они — призраки рабов, которые, зарыв в глубокой яме сокровища своих хозяев, были обезглавлены и погребены на проклятом золоте. Не надо бояться их, — торопливо добавил Августин, — все, что им нужно, это немного рома. Если ты дашь им его, они расскажут тебе, где закопаны сокровища.

Здесь бродят призраки монахов, которые умерли богохульствуя и сейчас жаждут исповедоваться в своих грехах, но нет никого, кто бы услышал их.

Здесь есть призраки пиратов, пришедших в Чуао в поисках золота испанцев, — он тихо хохотнул и доверчиво добавил: — тут есть и одинокие призраки. Они завывают, увидев прохожего. Они самые простенькие из всех. Они не просят многого. Единственное желание этих призраков в том, чтобы кто-то рассказал о них нашему отцу.

Собрав корни в одну руку, Мерседес Перальта медленно подняла свою голову. Ее темные глаза уставились на меня, — у Августина неиссякаемый запас историй, — сказала она, — каждый рассказ он украшает до предела.

Августин встал, вытягивая тело и конечности. Казалось, у него не было костей. Он опустил на колени перед доньей Мерседес и спрятал свою голову в ее коленях.

— Нам лучше уйти, — сказала она, нежно погладив его по голове, — я пришлю к тебе Музию через несколько дней.

— Но я лечу только детей, — пробормотал Августин, рассматривая меня с грустным и виновным видом.

— Она не нуждается в лечении, — засмеялась донья Мерседес, — все, чего она хочет, это посмотреть на тебя и послушать твои истории.

22.

Я вскочила от толчка. Что-то с сильным стуком свалилось на постель у моих ног. Собака, спящая поблизости, вскинула голову, наострила уши, но, не услышав ничего другого, кроме моих проклятий, вновь положила голову на свои передние лапы. Секунду я совершенно не понимала, где нахожусь.

Услышав мягкий, настойчивый шепот доньи Мерседес, я вспомнила, что нахожусь в доме брата Леона Чирино, в маленьком городе в часе езды от Курмины. Я прилегла на раскладушке, а они собрались на кухню. Леон Чирино и я с доньей Мерседес приехали сюда в середине ночи. Они хотели провести частный сеанс для его брата.

Закрыв глаза, я села на скомканную подушку и прислушалась к успокаивающим звукам голоса целительницы. Мне казалось, что звуки окутывают меня. Я почти заснула, когда новая серия шума разбудила меня вновь.

Затхлое одеяло, которым я была укрыта, обкрутилось вокруг моей шеи. Я приподнялась, чтобы поправить его, и вскрикнула, увидев кота Августина, который сидел на моих коленях.

— Почему ты всегда визжишь, когда видишь моего любимца? — голос, пришедший из темноты, был наполнен мягкой иронией. Августин, усевшись на край моей постели, скрестил ноги и забрал своего кота, — я пришел защитить тебя от собаки, — объяснил он. Его блестящие глаза смотрели мне в лицо, — собаки фактически не спят по ночам. Если ты откроешь глаза в темноте, то можешь увидеть, что собака следит за тобой всю ночь. Поэтому их и называют сторожевыми псами, — он засмеялся над своей шуткой.

Я было открыла рот, желая что-то сказать ему. Но ни слова не сорвалось с моих губ. Едва я потянулась к нему, Августин и кот, смутно дрожа перед моими глазами, исчезли, растворясь в воздухе. Наверное они были во дворе, подумала я, и вышла туда же. Но наполненный предрассветными тенями двор был пуст. Я взглянула на свои часы. С момента, когда мы приехали сюда, прошло всего два часа. Я подумала о том, что проспала очень мало, чтобы вставать, и вновь повалилась на раскладушку. Натянув на голову одеяло, я задремала.

Меня разбудили звуки голосов и музыки. Воздух был наполнен ароматом кофе. Леон Чирино, склонясь над керосиновой плитой, процеживал кофе через фланелевое ситечко.

— Ну как, хорошо выспалась? — спросил он, приглашая меня сесть рядом.

Я уселась за большой квадратный стол, покрытый совершенно новой клеенкой.

Он налил две чашки кофе и добавил в каждую по целой порции тростникового ликера.

— Это для силы, — сказал он, двигая ко мне дымящуюся чашку.

Боясь опьянеть, я сделала несколько неуверенных глотков. Чашечка была раскрашена розами, по краю шел золотой ободок.

Он снова налил в чашку кофе и ликер.

— Донья Мерседес говорит, что ты ясновидящий, — сказала я, — ты можешь рассказать, что меня ждет в будущем? — я надеялась, что своим резким вопросом могу добиться откровенного ответа.

— Милая моя, — сказал он с той очаровательной выдержкой, какую старые люди демонстрируют в обращении с кем-то моложе себя, — я старый приятель доньи Мерседес. Я живу ее призраками и ее воспоминаниями. Я разделяю ее одиночество, — он сплюнул сквозь зубы, вытащил две сигареты из пачки на столе и положил одну за ухо, — ты лучше сходи и повидайся с Августином, — посоветовал он, — августин всегда начинает работать с рассветом. Пойдем, я покажу тебе дорогу в город.

— Ты просто уходишь от вопроса, — сказала я, не обращая внимания на его нетерпеливые попытки выпроводить меня из дома.

Смешное и смущенное выражение появилось на его лице, — я не могу рассказать, что ждет тебя в будущем, — заявил он, — ясновидящие лишь мельком видят вещи, которых они совершенно не понимают, а затем они придумывают остальное.

Он взял мою руку и фактически вытащил меня наружу, — я покажу тебе дорогу к дому Августина, — повторил он несколько раз, — если ты пойдешь этим путем, — сказал он, указывая на тропинку, сбегавшую с холма, — ты достигнешь города, а там любой скажет тебе, где живет Августин.

— А как же донья Мерседес? — спросила я.

— Мы встретимся с тобой вечером, — ответил он. Затем, склонившись ко мне, он добавил таинственным шепотом: — донья Мерседес и я уделим целый день на дело моего брата.

Воздух наполнился щебетанием птиц благоуханием зрелых плодов, которые среди темной листвы блестели золотыми слитками. Проторенный путь, сбегавший по склону, вытекал на широкую улицу и вновь сворачивал на холмы, уже на другом конце жаркого, залитого солнцем города.

Женщины, подметавшие цементный тротуар перед своими ярко раскрашенными домами, остановились на секунду и, повернувшись, приветствовали меня, когда я проходила мимо.

— Вы не могли бы сказать, где живет целитель Августин?— спросила я одну из них.

— Конечно, могу, — ответила она, положив подбородок на руки, сложенные на рукоятке метлы. Громким голосом — чтобы слышали любопытные соседки — она направила меня к зеленому домику в конце улицы, — вот этот, с большой антенной на крыше. Ты не ошибешься, — она снизила голос до шепота и конфиденциально заверила меня, что Августин может вылечить что угодно от бессонницы до змеиного укуса. Даже рак и проказа ему нипочем.

Его юные пациенты всегда уходят здоровыми.

Я постучала в парадную дверь дома Августина, но никто не отозвался.

— Заходи, не стесняйся, — крикнула маленькая девочка, выглядывая из окна дома напротив, — августин наверное не слышит. Он в задней части дома.

Последовав ее совету, я шагнула во внутреннее патио и побрела, заглядывая в каждую комнату. Не считая гамаков, две первые комнаты были совершенно пустыми. Следующая служила гостиной. Стены ее были украшены календарями и журнальными вырезками. Перед огромным телевизором выстроился ряд стульев и кушеток.

Дальше была кухня. За ней, через нишу, начиналась следующая комната, где за большим столом сидел Августин. Когда я появилась, он галантно встал и, улыбаясь, почесал свою голову. Другую руку он засунул в глубокий карман поношенных штанов цвета хаки. Его белая рубашка была залатана, а манжеты рукавов обтрепались от старости.

— Это мой рабочий кабинет! — гордо воскликнул он, обводя руками пространство вокруг себя, — я всех встречаю здесь. И ко мне всегда можно.

Мои пациенты приходят через эту дверь. Она приносит им счастье.

Комната, хорошо проветренная и освещенная, имела два окна, которые выходили на холмы. В воздухе стоял запах какого-то дезинфицирующего средства. На стенах высились ряды неокрашенных полок. На них в исключительной последовательности стояли разного размера фляги, бутылки, банки и коробки, наполненные сухими корешками, корой, листьями и цветами.

Ярлыки на них были озаглавлены не только общепринятыми названиями, но и содержали научную латинскую номенклатуру.

У открытого окна располагался стол с резными ножками. На нем аккуратно выстроились бутылочки, чашки, пестики и книги. По краям стояла пара весов. Кровать и огромное расписание, висевшее в углу, зажженные свечи на треугольной подставке, подтверждали то, что я вошла в рабочую комнату целителя, а не какого-нибудь старомодного аптекаря.

Сразу, без всяких разговоров, Августин принес из кухни еще один стул и пригласил меня наблюдать за его работой. Он распахнул боковую дверь, на которую указывал прежде. Там в смежной комнате уже сидели посетители — три женщины и четверо детей.

Время пролетело незаметно. Он начинал лечение пациента с осмотра банки с мочой ребенка, которую приносила мать каждого из них. Побуждая каждую женщину рассказывать о симптомах болезни, Августин начинал "читать воды". Запах, цвет, вид микробов или "спиралек", как он предпочитал их называть, и которых, по его утверждению, он видел невооруженным глазом, все это тщательно взвешивалось перед окончательной постановкой диагноза.

Наиболее распространенными болезнями, которые он мог выявить при "чтении вод", были лихорадка, простуда, расстройство желудка, паразиты, астма, сыпь, аллергия, анемия и даже корь и оспа.

В почтительном молчании каждая женщина ожидала от Августина призыва помощи Христа, после чего он прописывал подходящее лекарство. Знакомый с современной фармакопеей и верящий в нее, Августин в дополнение к собственным отварам прописывал молоко магнезии, антибиотики, аспирин и витамины, которые, однако, пересыпал и переливал в собственную тару. Как и Мерседес Перальта, он не назначал платы за лечение, оставляя это на усмотрение своих клиентов. Они платили столько, сколько могли себе позволить.

Наш поздний обед из цыпленка и жареной свинины нам принесла женщина, живущая по соседству. Но в этот момент в кухню вошел мужчина, неся на руках небольшого подростка. Мальчик шести или семи лет порезал икру ноги, играя на поле с мяचेю своего отца.

Спокойно и уверенно Августин положил ребенка на койку в своей рабочей комнате и развязал пропитанную кровью повязку. Сначала он промыл глубокий порез соком розмарина, затем перекисью водорода.

Трудно сказать, был ли мальчик загипнотизирован успокаивающими прикосновениями Августина, когда тот массировал встревоженное маленькое личико, или его мягким голосом, когда он читал заклинания. Но через некоторое время малыш уснул. Августин же приступил к наиболее важной части своего лечения. Для остановки кровотечения он приложил к ране припарку из листьев, смоченных в чистом тростниковом ликере. Затем он приготовил пасту, которая, как он утверждал, должна была залечить рану в течение десяти дней, не оставив даже шва.

Воззвав к руководству Христа, Августин брызнул несколько капель молочной субстанции на раковину. Медленными ритмичными движениями он начал дробить раковину широким деревянным пестиком. Через полчаса он получил чуть меньше половины чайной ложки зеленоватой, с запахом мускуса, субстанции.

Он осмотрел рану еще раз и, сжав порез пальцами, закрыл его и тщательно наложил сверху пасту. Шепча молитвы, он искусно перебинтовал ногу полосками белой материи. Довольная улыбка осветила его лицо. Он передал спящего мальчика в руки отца и приказал приводить его каждый день на перевязку.

После обеда, убедившись, что пациентов сегодня больше не будет, Августин предложил мне прогуляться во дворе. Его лекарственные растения росли аккуратными рядами, расположенные в том же порядке, что и банки на столе и полках в его рабочей

комнате. В дальнем конце двора у бревенчатого сарая стоял старый керосиновый холодильник.

— Не открывай его! — закричал Августин, крепко сжимая мою руку.

— Как бы я смогла? — обиделась я, — он же на замке. Какие тайны ты хранишь в нем?

— Мои чары, — прошептал он, — ты знаешь, что я практикую колдовство?

— В его голосе сквозила насмешка, но лицо оставалось хмурым, — я специалист по лечению детей и наведению чар на взрослых.

— Ты действительно практикуешь колдовство? — спросила я с недоверием.

— Не будь тупой, Музия, — выругался Августин. Он помолчал секунду, а затем выразительно добавил: — донья Мерседес наверно говорила тебе, что другой стороной целительства является колдовство. Они идут бок о бок, так как одно бесполезно без другого. Я лечу детей. Я околдовываю взрослых, — повторил он, постукивая по крышке холодильника, — я добр к тем, и к другим. Донья Мерседес говорит, что однажды мне придется околдовывать тех, кого я лечил в их юные годы, — он засмеялся, увидев мое испуганное лицо, — я не думаю, что это возможно. Но пусть нас рассудит время.

Мне понравилась его открытость, и я рассказала ему то, о чем думала целый день. О том, что я видела и слышала его этой самой ночью.

Августин слушал внимательно, но его взгляд ничего не выражал.

— Я совершенно не могу понять, что произошло, — говорила я, — но это был не сон!

Его нежелание оценить или объяснить мне это вывело меня из себя и я настаивала на ответе.

— Мы с тобой так схожи, что мне захотелось узнать, действительно ли ты медиум, — сказал он, улыбаясь, — сейчас я знаю, что это так.

— Мне кажется, ты смеешься надо мной, — сказала я в еще большем отчаянии.

Брови Августина поднялись в изумлении, — наверно просто ужасно иметь такие длинные ноги.

— Длинные ноги? — пробормотала я в недоумении, разглядывая свои босоножки, — мои ноги идеально соответствуют моему росту.

— Они могли бы быть чуть меньше, — настаивал Августин, прикрыв пальцами свои губы, стараясь сдержать улыбку, — твои ноги чересчур длинные.

Вот почему ты живешь в нескончаемой действительности. Вот почему ты хочешь объяснить все на свете, — в его голосе насмешка сменилась горьким состраданием, — колдовство следует правилам, которые не могут быть продемонстрированы на опыте или повторены. Этим они отличаются от других законов природы. Колдовство — это точное действие убедительной причины, чтобы подняться выше себя или, если хочешь, опуститься ниже себя, — он тихо засмеялся и толкнул меня.

Я споткнулась, и он быстро подхватил меня, удерживая от падения.

— Ну как, сейчас ты убедилась, что твои ноги слишком длинны? — спросил Августин и захохотал.

Мне показалось, то он пытается загипнотизировать меня. Он смотрел на меня не мигая. Я была пленницей его глаз. Словно две капли воды они растекались все шире и шире, заслоняя все вокруг меня. Единственное, что я осознавала, был его голос.

— Колдун выбирает быть отличным от того, чем он был поднят, — продолжал он, — он понимает, что колдовство — это дело всей жизни.

Посредством чар он ткёт узоры, похожие на паутину. Узоры, которые передают вызванные силы к какому-то высочайшему таинству. Дела человека имеют бесконечную по протяженности сеть результатов; он принимает и истолковывает эти результаты магическим образом, — он приблизил ко мне свое лицо еще ближе и произнес почти шепотом: — сила, с которой колдун держит реальность любым способом, который есть в арсенале его искусства.

Но он никогда не забывает, какой была и какой стала реальность, — без лишних слов он повернулся и зашагал в гостиную.

Я быстро последовала за ним. Он прыгнул на диван и сел, скрестив ноги; точно так же он сидел и на моей кровати. Улыбнувшись мне, он похлопал место рядом с собой, — давай посмотрим настоящее колдовство, — сказал он, включая дистанционное управление огромного телевизора.

Я не успела задать ему ни одного вопроса. В следующий момент нас окружила группа хихикающей детворы из соседних домов.

— Каждый вечер они прибегают сюда посмотреть телевизор. Это на час или больше, — объяснил Августин, — позже у нас будет время для разговора.

После первой встречи я стала беспристрастной поклонницей Августина.

Привлеченная не столько его мастерством целителя, сколько таинственной индивидуальностью, я фактически переселилась в тайны пустых комнат его дома. Он сплетал для меня бесконечные истории, включая в них то, что хотела дать мне послушать Мерседес Перальта.

Испуганный слабым стоном, Августин открыл глаза. В луче света, подвешенный на невидимой нити, с облупленного тростникового потолка спускался паук. Он опускался все ниже и ниже, туда, где, свернувшись как кот, лежал Августин. Малыш потянулся к пауку, сдвигая его слабыми пальцами и съел. Вздыхнув, он подтянул колени поближе к груди, дрожа от предрассветного холода, который сочился сквозь щели грязных стен.

Августин уже не мог припомнить, сколько дней или недель прошло с тех пор, как мать принесла его в эту ветхую заброшенную хижину, где летучие мыши свисали с потолка, словно незажженные лампочки, а тараканы роились днем и ночью. Он знал только, что он голоден, и что слизняки, пауки и кузнечики никогда не смогут утолить грызущие боли в его вздутом животе.

Августин слышал слабый стон, который исходил из затемненного угла в дальнем конце комнаты. Он увидел призрак своей матери. Она сидела на матрасе, ее рот был слегка приоткрыт. Она томно растирала свой голый живот, оседлав матрас, словно осла. Ее голая тень скользила вверх и вниз по закопченной стене.

Часом раньше он видел свою мать в тот момент, когда она дралась с мужчиной. Он видел как ее голые ноги, словно две черные змеи, тесно оплетая торс мужчины, вздымались при его дыхании. И когда он услышал пронзительный крик и эту гнетущую тишину, остановившую ночь, он знал, что мужчина выиграл битву. Он убил ее.

Усталые глаза Августина закрылись в блаженстве при мысли, что он стал сиротой. Он был в безопасности. Его возьмут в приют. Под шелест призрачных вздохов, хихиканья и шепота матери он задремал еще раз.

Громкий стон расколол утреннюю тишину. Августин открыл глаза и закусил кулак, останавливая вопль. Перед ним на матрасе сидел мужчина, тот самый, из ночного кошмара.

Августин не знал его, но был уверен, что он из Ипаири. Он смутно помнил, что видел его, когда мать разговаривала с ним на площади. Неужели женщина из маленькой деревушки на холмах велела привезти его обратно?

Возможно он убьет его? Этого не может быть. Просто это яркий и ужасный сон.

Мужчина откашлялся и сплюнул на землю. Его голос заполнил комнату, — я заберу тебя сегодня. Но я не могу взять мальчишку. Почему ты не оставила его у протестантов? Ты же знаешь, они принимают детей, и даже если они его не примут, то хотя бы накормят.

Когда Августин услышал резкий ответ матери, он понял, что проснулся окончательно. Он знал, что это уже не призрак.

— Протестанты не берут ребенка, если он не сирота, — сказала его мать, — мне ничего не оставалось делать, как отнести ребенка в эту заброшенную хижину. Я хотела, чтобы он умер.

— Я знаю женщину, которая возьмет его, — прошептал мужчина, — она знает, что с ним делать. Она ведьма.

— Слишком поздно, — отозвалась мать, — я хотела отдать Августина ведьме, когда он только родился. Он был совсем маленьким, и ведьма из Ипаири хотела забрать его себе. Она напоила его зельем и нацепила амулеты на его запястья и шею. Они хранят его от бедствий и болезней. Я знаю, она наложила на него заклятье. Это из-за нее все мои беды, — мать замолчала на мгновение, затем сдавленным шепотом, словно под давлением невидимого врага, добавила: — я в ужасе от ведьм. Если я сейчас останусь одна, она узнает, что я не кормила мальчишку. Она убьет меня.

Слезы покатались по щекам Августина. Он вспомнил дни в Ипаири, когда мать баюкала его на своих руках. Она душила его поцелуями и говорила, что его глаза похожи на кусочки неба. Но когда женщина из соседней хижины запретила своим детям играть с ним, его мать изменилась. Она больше не ласкала и не целовала его. В конце концов она совершенно перестала с ним разговаривать.

Однажды после обеда соседка принесла в их хижину мертвого ребенка, — голубые глаза на черном лице, — кричала она матери Августина, — это работа дьявола. Это и есть дьявол. Он убил мое дитя дурным глазом. Если ты не избавишься и не изведешь мальчишку, это сделаю я.

Той же ночью мать убежала с ним в холмы. Августин был уверен, что это соседка навела на мать заклятие, так как она ненавидела его.

Громкий голос мужчины оборвал раздумья Августина.

— Тебе нельзя вести его к ведьме. Я сам попрошу ее забрать ребенка сегодня вечером. Потом мы уедем. Я увезу тебя так далеко, что ведьма никогда не отыщет тебя, — пообещал он ей.

Мать долго молчала, а затем, откинув голову назад, захохотала, как сумасшедшая. Она вскочила с матраса и, накинув на тело грязное одеяло, пошла через комнату, обходя сломанный стол и разбросанные ящики.

— Взгляни на него, — прошептала она, указывая подбородком в угол, где лежал Августин, притворяясь спящим, — ему только шесть лет, а он выглядит как злой старик. У него выпадают волосы. Его тело покрыто отрепьями. Его живот распух от

паразитов. Но он выжил. У него нет одежды. Он спал без одеяла. И он даже не простужен, — она обернулась к мужчине, — неужели ты не видишь, что он и в самом деле дьявол? Дьявол найдет меня везде, куда бы я ни уехала, — глаза матери лихорадочно блестели под растрепанными волосами, — мысль о том, что я вскормила дьявола своей грудью, наполняет меня ужасом и трепетом.

Она подошла к нише, где прятала хлеб, который мужчина принес ей прошлой ночью. Мать протянула кусок мужчине и, надкусив другой, опустила с ним на матрас.

Монотонным безнадежным голосом она рассказала о том, как подменили Августина — одна женщина в госпитале подменила моего ребенка на этого дьявола, — в страстном порыве она повысила голос до крика, — все знали, что у меня должна быть девочка. Мой живот был широк, а не заострен. У меня выпадали волосы, а на коже появились прыщи и пятна. Мои ноги вздулись.

Разве это не доказательство того, что я носила девочку?

Сперва, даже зная, что его подменили, я не могла не любить его. Он был такой умный и красивый. Он никогда не кричал. Он заговорил раньше, чем научился ходить. Он пел как ангел. Я отказывалась верить той женщине из Ипаири, которая обвиняла Августина в дурном глазе. Даже после того, как я родила мертвого ребенка, я не обращала внимания на намеки соседей. Я просто думала, что они необразованны, и хуже всего, что они завидуют прекрасным глазам ребенка. Да и кто когда слышал, что ребенок может иметь дурной глаз? — она соскребла белую мягкую внутренность своего куска и бросила сухую корку через комнату, — но когда при аварии на заводе погиб мой муж, я согласилась с женщиной, — она закрыла лицо руками и добавила: — Августин никогда не болел. Я хотела оставить его в Ипаири на произвол судьбы. Тогда бы его смерть не была на моей совести.

— Давай я поговорю с той женщиной, о которой я тебе рассказывал, — сказал мужчина. Его голос звучал тихо, но убедительно, — я знаю, что она возьмет его.

Потом мужчина долго рассказывал о своей работе в фармацевтической лаборатории. Он работал на складе и был в хороших отношениях с хозяином.

Он был уверен, что ему без труда удастся получить аванс, — и мы вдвоем уедем в Каркас, — шептал матери мужчина. Он поднялся и оделся, — жди меня около лаборатории. Я выйду в пять часов. К тому времени все будет устроено.

Августин подполз к сухой корке, лежавшей на земле. Нетвердой походкой он прошел через комнату и шагнул туда, что когда-то считалось двором. Он направлялся к своему любимому месту, к сучковатой сухой акации, которая нависала над ущельем. Он сел на землю, вытянув ноги. Его голая спина касалась части осыпавшейся низкой стены, которая окружала площадку.

Костлявый, болезненный на вид кот, следовавший за ним всю дорогу из Ипаири, потерся своей грязной шерстью о его бедро. Августин дал ему маленький кусочек корки и подтолкнул кота к ящерицам, снующим сквозь щели глинобитной стены. Он мог бы и не делиться с ним едой. Малыш не в силах был утолить свой неутолимый голод; голод, который наполнял дни и ночи снами о пище. Он задремал со вздохом на губах.

Напуганный порывом ветра, мальчик проснулся. Сухие листья закружились вокруг него. Листва взмыла в воздух и коричневым шуршащим водоворотом опустилась в ущелье. Он слышал журчание ручья внизу. Когда шел дождь, мелкий ручей разрастался в бурный поток, несущий на волнах деревья и мертвый скот из горных деревень. Августин поднял голову и оглядел безмолвные холмы вокруг себя. Вдали редкий столб

дыма уходил в небо, сливаясь с бегущими облаками. Наверное, там протестантская миссия, подумал он. Или, возможно, дым шел из дома женщины, которая не боялась взять его к себе. Он положил щеку на маленькую костлявую руку. Около его открытого рта кружились мухи. Он сжал пересохшие губы, раскинул ноги и пописал. Как ему хотелось есть! Засыпая, он чувствовал внутри себя отвратительную ноющую боль.

Августин проснулся, когда солнце стояло в зените. Кот был рядом, пожирая крупную ящерицу. Он подполз к животному. Злобно рыча, кот сжимал в своих лапах полу съеденную рептилию. Августин пнул кота в живот, схватил скользкие белые внутренности и проглотил их. Он оглянулся и увидел, как его мать с ужасом наблюдает за ним.

— Святая дева! — всхлипнула она, — он не человек! — она перекрестилась, — и он даже не отравился, — она вновь осенила себя крестом и, сложив молитвенно руки, прошептала: — святой отец! Избавь меня от этого чудовища. Дай ему умереть обычной смертью, чтобы совесть моя больше не мучила меня, — она вбежала в дом, опустилась на матрас и вытащила свое единственное платье. Она прижала его к себе, нежно расправляя складки, затем несколько раз встряхнула его и осторожно разложила на матрасе.

Августин с любопытством наблюдал, как она разводит огонь в кухонной яме.

Чуть слышно напевая, она принесла кофе и куски сахарного батона, который хранила в ящике, прибитом высоко на стене. Ему страшно захотелось съесть хотя бы кусочек этого лакомства. Он попытался встать, но, подкошенный тошнотой, присел на землю. Его вырвало не пережеванными кусками ящерицы. Соленые слезы покатились по впалым щекам. Он пытался зажать рот рукой, но пена и желчь струей рвались из его дрожащих губ. Малыш вытер рот и подбородок. С болезненным стоном он вновь хотел выпрямиться, но повалился на землю.

Шум, идущий из ущелья, поглотил его мягкой вуалью. Когда запах кофе ударил ему в ноздри и он услышал, как мать кричит ему, что сделала для него сладкий кофе, он знал, что уже спит. Его сухие губы скривились в гримасе. Он хотел улыбнуться, услышав ее смех; тот высокий, счастливый смех, который был ему когда-то так хорошо знаком. Ему стало интересно, наденет ли она платье и поедет ли на встречу с мужчиной из лаборатории.

Августин открыл глаза. На земле рядом с ним стояла маленькая жестянка, наполненная кофе. Боясь, что увиденное исчезнет, он схватил банку и прижал ее к своему рту. Не обращая внимания на жгучую боль на губах и языке, он маленькими глотками пил крепкое и очень сладкое варево.

В голове прояснилось, а тошнота утихла.

Августин сонно смотрел на кривые полосы дождя вдали. Черные облака с золотыми краями куда-то неслись в небе. Они пятнали холмы фиолетовой тенью, наполняя небо клубящейся чернотой. Холодный ветер и оглушительный грохот вылетали со дна ущелья. Дождевая вода с далеких холмов рвалась в глубоком ущелье с неслыханной силой. С неба посыпались огромные тяжелые капли.

Августин поднялся и, вглядываясь в небо раскинул руки, приветствуя успокоительную прохладу, омывавшую его голое тело. Ведомый необъяснимым импульсом, он вошел в дом и поднял платье. Вцепившись в него трясущимися руками, он поспешил наружу в дальний конец ущелья и швырнул одежду по ветру. Она взлетела воздушным змеем и опустилась на сухие ветви старой акации, нависшей над крутым склоном.

— Ты дьявол! Ты чудовище! — отчаянно закричала мать. Она бросилась к нему, ее волосы рассыпались по лицу. Словно прикованная к месту диким ревом воды, она остановилась между мальчиком и трепетавшим на ветру платьем. Ее глаза горели ненавистью. Хватаясь за сорняки и обнаженные корни, она яростно тянулась к нависшим ветвям акации.

Августин заморожено следил за ней, встав позади сучковатого ствола.

Ее ноги двигались с безошибочной легкостью по крутому скользкому склону.

Она достанет платье во что бы то ни стало, подумал он. Его затрясло от гнева и страха. Ей оставалось всего несколько дюймов. Она вытянула руку и коснулась одежды кончиками пальцев, но, потеряв равновесие, сорвалась в бездну.

Ее ужасный вопль смешался с шумом ревущей воды и его унесло ветром.

Августин подошел к обрыву. Его глаза блеснули бездонной глубиной, когда он увидел тело матери, беспомощно кружащееся в густой коричневой воде. Буря утихла. Дождь окончился, ветер стих. Бурные воды в ущелье возвращались к обычному журчанию.

Августин прошел в дом, лег на матрас и накрылся тонким грязным одеялом. Он почувствовал грубый мех кота, который искал тепла его тела. Он натянул одеяло до глаз и провалился в глубокий сон без сновидений.

Когда мальчик проснулся, была ночь. Через открытую дверь виднелась луна, застрявшая в бесплодных ветвях акации, — сейчас мы уйдем, — шепнул он, погладив кота. Августин чувствовал себя сильным и крепким. Это будет легкой прогулкой по холмам, убеждал он себя. Мальчик был уверен, что вместе с котом они найдут или миссию протестантов или дом женщины, которая не боялась взять его к себе.

23.

Мерседес Перальта торопливо вошла в мою комнату, села на кровать и поерзала немного, устраиваясь поудобнее.

Выкладывай вещи обратно, — сказала она, — к Августину ты больше не поедешь. Он отправился в свою ежегодную поездку по отдаленным местечкам страны.

В ее словах была такая уверенность, словно она только что говорила с ним по телефону. Но я знала, что телефона поблизости не было. В комнату заглянула Канделярия, держа поднос с моим любимым лакомством: желе из гуавы и несколько ломтиков белого сыра.

— Я знаю, это совсем не то, что твое духовное общение с Августином перед телевизором, — заметила она, — но я постараюсь сделать для тебя все, что можно, — она поставила поднос на ночной столик и села на кровать напротив доньи Мерседес.

Донья Мерседес засмеялась и посоветовала мне приступить к трапезе.

Она сказала, что Августина знают во всех далеких и заброшенных поселках, и он навещал их каждый год. Довольно долго она говорила о его даре лечить детей.

— Когда он вернется назад? — спросила я. Мысль, что я никогда не увижу его вновь, наполняла меня неопишуемой грустью.

— Это невозможно знать, — ответила донья Мерседес, — месяцев через шесть, а возможно и больше. Он поступает так, потому что чувствует, что должен оплатить огромный долг.

— Кому он должен?

Она взглянула на Канделярию, затем они посмотрели на меня, словно я должна была все знать.

— Ведьмы понимают долги такого рода в более своеобразной манере, — наконец сказала донья Мерседес, — целители обращают свои молитвы к святым, к святой деве и к господу нашему Иисусу Христу. Ведьмы обращают молитвы к силе; они завлекают ее своими заклинаниями, — она встала с кровати и прошлась по комнате. Тихо, словно говоря это самой себе, она продолжала рассказывать о том, что хотя Августин молился святым, он был обязан более высшему порядку, который не был человеческим.

Донья Мерседес помолчала несколько секунд, затем быстро взглянула на меня.

— Августин знал об этом высшем порядке всю свою жизнь, даже когда был ребенком, — продолжала она, — он говорил тебе когда-нибудь, что тот мужчина, который хотел забрать его мать, нашел его темной ночью, в дождь, уже полумертвым и принес его ко мне?

Не ожидая от меня ответа, она быстро добавила: — быть в гармонии с высшим порядком всегда было секретом удач Августина. Он воплощал это через целительство и колдовство.

Она вновь сделала паузу, разглядывая потолок, — это высший порядок вручил дар Августину и Канделярии, — продолжала она, опуская взгляд на меня, — он помог им в момент рождения. Канделярия оплатила часть своего долга, став моей служанкой. Она наилучшая служанка.

Донья Мерседес подошла к двери, но прежде чем выйти, повернулась ко мне и Канделярии. Ослепительная улыбка сияла на ее лице, — я думаю, что в какой-то мере ты задолжала еще большую долю, — сказала она, — так что всеми средствами старайся оплатить долг, который ты имеешь.

Долгое время никто из нас не сказал ни слова. Две женщины вопросительно смотрели на меня. Мне пришло в голову, что они ждали той минуты, когда я создам очевидную связь — очевидную им. Просто Канделярия родилась ведьмой, а Августин — магом.

Донья Мерседес и Канделярия слушали меня с сияющими улыбками.

— Августин сумел создать свои собственные звенья, — объяснила донья Мерседес, — у него есть прямая связь с высшим порядком, который является и колесом случая и тенью ведьмы. Чем бы он ни был, он заставляет вращаться это колесо.

Часть седьмая.

24.

Я и Канделярия сидели за кухонным столом. Над нами светила тусклая лампочка. Канделярия изучала глянцевые картинки журнала, который я принесла для нее. Я прослушивала свои записи.

— Тебе не кажется, что кто-то стучит в переднюю дверь? — спросила я, снимая наушники.

Совершенно не замечая моих слов, она показала мне картинку с белокурой манекенщицей, — я не могу решить, какая девушка нравится мне больше, — размышляла она, — если я вырежу это, я испорчу вторую на другой странице. Там брюнетка гуляет по улице с тигром на поводке.

— Я выбрала бы ту, что с тигром, — продолжала я, — в журнале полным-полно блондинок, — я коснулась ее руки, — слушай, кто-то стоит у дверей.

Это на секунду оторвало Канделярию от журнала, и в следующий момент она поняла, что действительно кто-то стучит в дверь, — кто бы это мог быть так поздно? — безразлично шепнула она, вновь переводя свой взгляд на глянцевые страницы.

— Может быть, это пациент, — я взглянула на свои часы. Уже было около полуночи.

— Ну нет, моя радость, — спокойно сказала Канделярия, смерив меня взглядом исподлобья, — никто не приходит в такой час. Люди знают, что донья Мерседес никого не лечит так поздно без крайней необходимости.

Я хотела сказать, что, возможно, это и был тот крайний случай, но стук раздался снова, на этот раз более настойчивый.

Я заспешила в переднюю. Проходя мимо комнаты целительницы, я секунду колебалась, размышляя над тем, надо ли дать знать Мерседес Перальте, что кто-то ждет у двери.

Уже третий день она не выходила из этой комнаты. День и ночь она жгла свечи на алтаре, выкуривая сигару за сигарой, и с восторженным выражением на лице читала непонятные заклинания до тех пор, пока стены не начинали вибрировать от звуков. Она полностью игнорировала мои вопросы, но, кажется, приветствовала те небольшие перерывы, когда я приносила ей еду и настаивала на том, чтобы она отдохнула.

Новый стук заставил меня поспешить к парадной двери, которую Канделярия всегда запирала с наступлением темноты. Это было совершенно излишне, так как тот, кто захотел бы войти в дом, мог пройти через открытую кухню.

— Кто там? — спросила я, открывая железную задвижку.

— Генте де паз (мирные люди), — ответил мужской голос.

Удивленная тем, что кто-то в ответ произнес искаженную слабым акцентом устаревшую формулу приветствия времен испанских завоевателей, я автоматически ответила в требуемой манере: — храни нас Дева Мария, — и открыла дверь.

Высокий седой мужчина, прислонясь к стене, смотрел на меня так озадаченно, что я даже рассмеялась.

— Это дом Мерседес Перальты? — спросил он неуверенным голосом. Я кивнула, изучая его лицо. Оно было не таким морщинистым, скорее его опустошило какое-то горе или боль. Его водянистые голубые глаза окружали черные пятна возраста и усталости.

— Мерседес Перальта дома? — спросил он, заглядывая мимо меня в затемненную переднюю.

— Она здесь, — ответила я, — но она не принимает людей так поздно.

— Я долго кружил по городу, размышляя идтисюда или нет, — сказал он.

— мне нужно видеть ее. Я ее старый друг и старый недруг.

Вздвогнув от боли и отчаяния, которыми был наполнен его голос, я попросила зайти его в дом, — она в своей рабочей комнате, — сказала я, — сейчас я зайду предупредить ее о вашем приходе, — я шагнула вперед и ободряюще улыбнулась ему, — как ваше имя?

— Не говори ей обо мне, — попросил мужчина, схватив мою руку, — дай я пойду сам. Я знаю дорогу, — хромая, он тяжело пересек патио и коридор.

Секунду постояв перед занавесом комнаты доньи Мерседес, он поднялся по двум ступеням и вошел внутрь.

Я шла за ним, готовясь взять на себя вину за бесцеремонное вторжение.

На секунду я подумала, что она уже в постели. Но как только мои глаза привыкли к дымной темноте, я увидела ее в дальнем конце комнаты. Она сидела на стуле, едва различимая в свете одинокой свечи, зажженной на алтаре.

— Федерико Мюллер! — задохнулась она, рассматривая его в полной панике. Она несколько раз провела рукой по глазам, не веря себе, — не может быть. Все эти годы я думала, что ты умер.

Он неловко опустился на колени и, положив голову на ее колени, зарыдал, словно ребенок, — помоги мне, помоги мне, — повторял он сквозь плач.

Я заторопилась к выходу, но резко остановилась, услышав, как Федерико Мюллер упал на пол с громким стуком.

Я хотела позвать Канделарию, но донья Мерседес остановила меня, — как странно! — воскликнула она дрожащим голосом, — все сходится, как в волшебном кроссворде. Это тот человек, которого ты мне напоминала. И ты вернула мне его.

Я хотела сказать ей, что не вижу сходства между собой и этим стариком, но она отправила меня в свою спальню за корзиной с лекарственными травами. Когда я вернулась, Федерико Мюллер все еще лежал на полу. Донья Мерседес пыталась привести его в чувство.

— Позови Канделарию, — приказала она, — я не могу прикоснуться к нему сама.

Канделария, услышав шум, уже стояла в дверях. Она вошла. В ее глазах было недоверие и ужас, — он вернулся, — прошептала она, приближаясь к Федерико Мюллеру. Она перекрестилась и, обернувшись к донье Мерседес, спросила: — что мне надо делать?

— Его душа отделилась от его тела, — ответила она, — я слишком слаба, чтобы вернуть ее назад.

Канделария быстро перевела инертное тело Федерико Мюллера в сидячее положение. Обняв, она придерживала его сзади. Кости его спины трещали, словно лопались на тысячи кусков.

Она прислонила его к стене, — он очень плох. Я думаю, он вернулся сюда, чтобы умереть, — канделярия вновь перекрестилась и вышла из комнаты.

Фредерико Мюллер открыл глаза. Он окинул нас мутным взглядом, а затем посмотрел на меня в молчаливой просьбе оставить его наедине с доньей Мерседес.

— Музия, — сказала она слабым голосом, остановив меня у выхода, — ты вернула его в мою жизнь, и ты должна остаться с нами.

Я нерешительно уселась на свой табурет. Он начал говорить, ни на чем не останавливаясь конкретно. Его бессвязные реплики продолжались часами.

Мерседес Перальта внимательно слушала его. Что бы он ни говорил, все было важно для нее.

Когда он кончил говорить, потянулись долгие минуты молчания. Донья Мерседес медленно поднялась и зажгла свечу перед богородицей. Она стояла перед алтарем как древняя статуя, ее лицо превратилось в невыразительную маску. Лишь глаза, полные слез, казались живыми. Она прикурила сигару и несколько раз глубоко затянулась, как будто питая какую-то силу в своей груди.

Пламя ярко вспыхнуло. Свеча бросала жуткий свет на ее фигуру, когда она повернулась к Фредерико Мюллеру. Тихо нашептывая заклинания, она помассировала сначала его голову, а затем плечи.

— Ты можешь поступить со мной, как захочешь, — сказал он, прижимая ее ладони к своим вискам.

— Иди в гостиную, — сказала донья Мерседес; ее голос перешел на дрожащий шепот, — я дам тебе валериановое зелье. Оно заставит тебя заснуть, — улыбаясь, она гладила его волосы.

Он неуверенно прошел через патио и коридор звук его шагов отдавался слабым эхом по всему дому.

Мерседес Перальта вновь вернулась к алтарю, но не пошла к нему. Она начала падать, и я подскочила к ней, подхватывая ее. Чувствуя неконтролируемую дрожь ее тела, я поняла, каким огромным было ее напряжение и состояние нерешительности. Она часами утешала Фредерико Мюллера. Но я видела лишь ее смятение. Она никогда не рассказывала о себе.

— Музия, скажи Канделярии, пусть она готовится, — сказала донья Мерседес, войдя в кухню, где я работала, — ты повезешь нас на джипе.

Я немедленно побежала в комнату Канделярии, уверенная в том, что она еще спит. Ее здесь не было. Дверца гардероба была широко раскрыта, выставляя напоказ перекошенное зеркало и ее платье. Они были расставлены не только по цветам, но и по длине. Узкая постель — каркас из реек и волосяной тюфяк — стояла между двух книжных шкафов, набитых романтическими новеллами и альбомами с вырезанными журнальными картинками. Все было в безукоризненном порядке.

— Я уже готова, — сказала Канделярия позади меня.

Я испуганно оглянулась, — донья Мерседес хочет, чтобы ты..., — она не дала мне закончить фразу и, подтолкнув меня к выходу, сказала: — я обо всем уже позаботилась. Быстрее переодевайся. У нас мало времени.

На обратном пути я заглянула в гостиную. Фредерико Мюллер спокойно спал на диване. Донья Мерседес и Канделярия уже ожидали меня в джипе. На небе не было ни луны, ни звезд, но это была чудесная ночь, мягкая и темная, с прохладным ветром, струящимся с холмов.

Следуя указаниям Канделярии, я подвозила двух женщин к домам людей, которые регулярно посещали спиритические сеансы, а затем ожидала их на улице. Кроме Леона Чирино, я никогда не встречалась ни с кем из них, но знала, кто где живет. Мне показалось, что мои спутницы объявляли дату сеанса. Они почти не задерживались в этих домах.

— А сейчас к дому Леона Чирино, — сказала Канделярия, помогая донье Мерседес сесть на заднее сидение.

Мне показалось, что Канделярия была чем-то рассержена. Она непрерывно болтала о Фредерико Мюллере. Хотя я и умираю от любопытства, я все время теряла нить ее по-видимому бессвязных заявлений. Я была слишком озабочена тем, что разглядывала в зеркале заднего обзора потерянное лицо доньи Мерседес. Она несколько раз собиралась что-то сказать, но вместо этого встряхивала головой и вглядывалась в окно, словно искала помощи и утешения в бархатной ночной темноте. Леон Чирино долго не подходил к двери. Наверно он крепко спал и не слышал нетерпеливых громких ударов Канделярии. Наконец он открыл дверь и вышел, скрестив руки, защищая грудь от холодного влажного бриза, несущего рассвет. В его глазах светилось предчувствие.

— Фредерико Мюллер в моем доме, — сказала донья Мерседес, обрывая его приветствие.

Леон Чирино молча смотрел на нее. Он явно находился в состоянии глубокого потрясения и нерешительности. Его губы задрожали, глаза яростно сверкнули и тут же наполнились слезами обиды.

Он пригласил нас на кухню. Позабывшись о том, чтобы донья Мерседес удобно устроилась в гамаке около печи, он приготовил свежий кофе. Мы сидели в полном молчании.

Подал мне и Канделярии кофе, он усадил донью Мерседес и, встав за ее спиной, начал массировать ей заднюю часть головы. Его руки скользили вниз по шее, по плечам, рукам, оканчивая движение на ступнях ее ног. Звуки мелодичного заклинания наполнили комнату. Они были чистые, как рассвет, пронизанные мирным, беспредельным одиночеством.

— Только ты знаешь, что делать, — сказал он, помогая донье Мерседес подняться, — если хочешь, я поеду с тобой.

Кивнув, она обняла его и поблагодарила за отданную им силу.

Таинственная улыбка изогнула ее губы. Она повернулась к столу и неторопливо выпила свой кофе.

— Сейчас мы увидим моего компадре, — сказала она, взяв меня за руку.

— Ты повезешь нас к дому мочо.

— Это Лукас Нунец? — переспросила я, переводя взгляд с одного на другого. Все трое кивнули, но никто не произнес ни слова. Я вспомнила то, что Канделярия рассказывала мне о крестном отце приемного сына доньи Мерседес. Он обвинял себя в смерти Элио.

Когда солнце появилось над горами, мы достигли небольшого городка на побережье. Воздух был горячим и соленым от моря и мускусным от цветения мимоз. Главная улица города тянулась между яркими колониальными домами, около церкви и площади, и оканчивалась на краю кокосовой плантации. Рядом было море. Его не было видно, но ветер доносил плеск волн, катящихся на берег.

Дом Лукаса Нунца находился на одной из боковых улочек, которые были скорее широкими тропинками, посыпанными галькой. Донья Мерседес слегка постучала, но, не дождавшись ответа, распахнула дверь и вошла в темную сырую комнату.

Ослепленная ярким светом солнца, я сначала с трудом различала силуэт мужчины, читавшего за деревянным столом в небольшом патио. Он посмотрел на нас с такой отрешенностью, что мне захотелось убежать. Мужчина неуверенно встал и молча обнял донью Мерседес, Леона Чирино и Канделярию. Он был высок и костляв; его седые волосы были подрезаны так коротко, что через них проступала темнота его черепа.

Я почувствовала странную боль, увидев его руки, и поняла, почему его прозвали мочо, искалеченным. У него на каждом пальце не хватало по одной фаланге.

— Фредерико Мюллер находится в моем доме, — тихо сказала донья Мерседес, — музия привела его к моей двери.

Лукас Нунец медленно повернулся ко мне. В узком лице мужчины, в его блестящих глазах была такая сила, что я съежилась.

— Она с ним связана? — строго спросил он, отводя от меня свой жгучий взгляд.

— Музия никогда в жизни не видела Фредерико Мюллера, — заметила донья Мерседес, — но она привела его к моей двери.

Лукас Нунец прислонился к стене, — если он в твоём доме, значит я должен убить его, — произнес он сильным шепотом.

Донья Мерседес и Леон Чирино подхватили его под руки и повели в одну из комнат.

— Кто он, этот Фредерико Мюллер? — спросила я Канделярию, — и что он сделал?

— Ну, Музия, — сказала она нетерпеливо, — я всю дорогу рассказывала тебе о тех ужасных вещах, которые натворил Фредерико Мюллер, — она взглянула на меня в полном недоумении и недоверчиво покачала головой.

Несмотря на мои настойчивые просьбы повторить рассказ, она больше ничего не сказала.

Когда мы вернулись домой, вместо того, чтобы отдохнуть в гамаке, Мерседес Перальта попросила меня и Канделярию зайти к ней в рабочую комнату. Она зажгла на алтаре семь свечей и, встав за складками голубой мантии девы, вытащила револьвер.

Я в ужасе очарованно смотрела на то, как она ласкает оружие. Донья Мерседес улынулась мне и вложила револьвер в мои руки, — он не заряжен, — сказала она, — я разрядила его в день твоего приезда. Я знала, что больше не нуждаюсь в нем, хотя и не предполагала, что ты вернешь мне его назад, — она подошла к своему стулу и села, глубоко вздохнув, — этот револьвер хранился у меня почти тридцать лет, — продолжала она, — я хотела убить из него Фредерико Мюллера.

— И ты должна сделать это сейчас! — прошипела Канделярия сквозь стиснутые зубы.

— Я знаю, что делать, — продолжала донья Мерседес, игнорируя ее замечание, — я буду заботиться о Фредерико Мюллере до тех пор, пока он жив.

— Великий боже! — вскричала Канделярия, — ты сошла с ума?

Детский взгляд невинной надежды волной нежности заблестел в глазах доньи Мерседес. Она внимательно оглядела нас и подняла руку, призывая к молчанию, — ты привела Фредерико Мюллера к моей двери, — сказала она мне.

— И сейчас я знаю, что здесь нечего прощать. Нечего понимать. Он вернулся для того, чтобы я осознала это. Вот почему я никогда не буду вспоминать о том, что он сделал. Он умрет, но не сейчас.

25.

В доме было несколько пустых комнат, но Фредерико Мюллер спал в узком алькове за кухней. Туда едва входила раскладушка и ночной столик.

Он категорически отклонил мое предложение съездить с ним в Каркас, чтобы привезти его вещи. Он сказал, что в настоящее время для него нет ничего ценного. И все же он был очень признателен, когда по подсказке доньи Мерседес я купила ему несколько рубашек, пару брюк и туалетные принадлежности.

Так Фредерико Мюллер стал одним из домочадцев. Донья Мерседес баловала его. Она потакала ему во всем. Каждое утро и каждый раз после обеда она лечила его в рабочей комнате. Каждую ночь она давала ему валериановое зелье, смешанное с ромом.

Фредерико Мюллер никогда не покидал дома. Он проводил все время либо в гамаке во дворе, либо в разговорах с доньей Мерседес. Канделярия игнорировала его существование; он поступал так же с ней и со мной.

Однажды Фредерико Мюллер заговорил со мной по-немецки, сначала неуверенно, с трудом подбирая слова. Но вскоре он приобрел полную уверенность в языке и больше никогда не говорил со мной по-испански. Это его изменило до неузнаваемости. Слово все его проблемы, какими бы они ни были, заключались в звучании испанских слов.

Канделярия была сначала слегка удивлена, услышав иностранную речь.

Понемногу она начала задавать ему вопросы и в конце концов поддалась его врожденному обаянию. Он научил ее немецким детским стишкам, которые Канделярия напевала целые дни с безупречным произношением. А он повторял мне снова и снова то, что говорил донья Мерседес в ночь, когда вернулся сюда.

Как и в прошлую ночь, Фредерико Мюллер проснулся от своего крика. Он сел на постель, прижимая спину к стене, пытаясь спастись от этого лица. Но оно приближалось к нему, все ближе и ближе, так что он мог видеть жестокие насмешливые огоньки в глазах мужчины, эти золотые зубы, распыленные в диком хохоте. За ним стояли другие лица людей, которые всегда населяли его кошмары: лица, искаженные болью и ужасом. Они всегда кричали в агонии, умоляя о пощаде. Все, кроме нее. Она никогда не кричала. Она никогда не прерывала свой пристальный взгляд. Он не мог этого выдержать.

Застонав, Фредерико Мюллер надавил на глаза кулаками, как будто этот жест мог защитить его от прошлого. За тридцать лет он был измучен этими кошмарами, воспоминаниями и видениями. Они преследовали его порывами ужасной ясности.

Измученный, он скользнул назад под покрывало. Что-то осязаемое, но невидимое, витало в комнате. Оно мешало ему заснуть. Он отбросил одеяло в сторону и неохотно включил свет, затем, хромая, прошел к окну и отдернул занавеску.

Фредерико очарованно смотрел на белый предрассветный туман, вползавший в комнату. Сделав усилие, он широко раскрыл глаза, успокаивая себя, что это не сон. И

как это часто случалось, она материализовалась из этой бесформенной дымки и села за его рабочий стол, заваленный чучелами птиц, глазевших на него бесстрастными мертвенно пустыми стекляшками. Он осторожно приблизился к фигуре, но она исчезла словно тень, не оставив следов.

Звон колоколов ближайшей церкви и шаркающие шаги старой женщины, спешившей на утреннюю мессу, эхом отдавались по пустынной улице. Привычные звуки успокоили его. Все было так, как и в другие дни. Он умылся, побрился и приготовил утренний кофе. Почувствовав себя заметно лучше, он сел за работу. Смутное беспокойство, какой-то неопределенный страх помешал ему закончить чучело совы, которое он обещал клиенту сделать до обеда.

Федерико надел свой лучший костюм и вышел на прогулку.

В этот ранний час город еще хранил атмосферу спокойной ясности. Он медленно захромал вниз по узкой улочке. Район Каркаса, где он жил, избежал бую модернизации, которая прокатилась по остальной части города.

Кроме случайных приветствий, его ничего не отвлекало. Он чувствовал себя странно защищенным этими старыми улочками с одноэтажными колониальными домами, ожившими от детского смеха и голосов женщин, которые сплетничали у своих дверей.

Сначала люди говорили о нем много глупостей, но он никогда не считал нужным объяснять свое появление в этих местах. Его не интересовало, что соседи думают о нем и в чем подозревают.

Но с годами, как он и рассчитывал, интерес людей к нему иссяк. Теперь они относились к нему, как к чудаковатому старику, который делал чучела птиц и всегда оставался одиноким.

Фредерико Мюллер мельком увидел себя в зеркальной витрине магазина и вновь испугался тому, что выглядит намного старше своих лет. Не осталось и следа от высокого красивого мужчины с белокурыми локонами и нежным загаром. Когда он поселился в этой части Каркаса, ему было только тридцать, но и тогда он уже выглядел на все шестьдесят: постаревший раньше времени, с бесполезной ногой, с седыми волосами, глубокими морщинами и мертвенной бледностью, которая не исчезала даже под пальцем солнцем.

Покачав головой, он направился к площади и сел на скамью. Рядом скучало несколько стариков. Зажав руки между колен, каждый из них ворошил свои воспоминания. В их безраздельном одиночестве было что-то страшно беспокоящее. Он встал и зашагал дальше, квартал за кварталом по многолюдным улицам.

Жарко палило солнце. Контуры зданий потеряли свою предутреннюю четкость, а шум на улицах усилился кружащим голову мерцанием газа над городом. И вновь, как сотню раз прежде, он обнаружил себя на той же автобусной станции. Его глаза выхватили в толпе темное лицо.

— Мерседес, — прошептал он, зная, что это не она. Возможно, услышав его, женщина взглянула ему в глаза. Это был быстрый, но преднамеренный взгляд. Он наполнил его опасением и надеждой. А потом она растворилась в толпе.

— Вы видели здесь темную, высокую женщину? Она только что прошла мимо, — спросил он уличного торговца, стоявшего на автобусной станции.

— Я видел тысячи женщин, — ответил тот, сделав широкий жест рукой, — посмотри, сколько их, — он ухватил за руку Фредерико Мюллера и повернул его слегка влево, — видишь этот автобус? Он набит женщинами. Одни старые, другие темные, третьи высокие. Выбирай, какая тебе нравится. Они сейчас поедут на побережье, — хохотнув,

мужчина отошел и, обращаясь то к одному, то к другому, продолжал расхваливать свой товар.

Привлеченный необъяснимой уверенностью, что он найдет эту женщину, Фредерико Мюллер подошел к автобусу и, пройдя между рядами, внимательно осмотрел каждого пассажира. Они тоже молчаливо рассматривали его. На секунду он подумал, что все лица похожи на ее лицо. Надо отдохнуть немного, подумал он и опустился на свободное сиденье в задней части автобуса.

Слабый, отдаленный голос, требующий его билет, вывел старика из дремоты. Слова вибрировали в его голове. Сонливость тяжело давила на брови и он с трудом открыл глаза. Федерико выглянул в окно. Город был далеко позади. Озадаченный и смущенный, он взглянул на контролера, — я не собирался никуда уезжать, — оправдывался он извиняющимся тоном, — я только зашел посмотреть на одного человека, — он помолчал секунду и прошептал самому себе: — на человека, которого я надеялся и боялся найти в этом автобусе.

— Что случилось, то случилось, — с участием заметил мужчина, — плати за полный билет и кати до самой Курмины, — он улыбнулся и хлопнул его по плечу, — там ты сядешь в автобус, который приведет тебя обратно в столицу.

Фредерико Мюллер протянул ему несколько монет, — когда автобус поедет в Каркас? — спросил он.

— Около полуночи, — неопределенно ответил мужчина, — или когда наберется достаточно людей.

Он дал ему сдачу и пошел по проходу, проверяя билеты у остальных пассажиров.

Это судьба, что я залез в этот автобус, сам того не желая, подумал Фредерико Мюллер. Слабая улыбка пробежала по его лицу. Усталые веки закрылись с чувством надежды, спокойно и мягко. Судьба наконец заставила его сдаться своему прошлому. Незвестное ранее спокойствие наполнило его, когда он вспомнил это прошлое.

Все началось на вечеринке в Каркасе, куда его пригласил генерал высокого ранга из правительства. Во время разговора он в упор предложил ему сотрудничать с тайной полицией. Подумав, что генерал пьян, Федерико не воспринял его слова серьезно. Но неожиданно несколько дней спустя в его дверь постучал армейский офицер.

— Я капитан Сергио Медино, — представился он. В этом небольшом, но сильном мужчине с медной кожей и золотыми зубами было что-то зловещее. Он убедительно рассказал о выгодах предстоящей работы, о щедрой плате и быстром продвижении по службе. Польщенный и заинтригованный Федерико последовал с ним к дому генерала.

Ласково похлопав его по спине, словно старого друга, генерал провел его в свой кабинет, — это дело позволит тебе заработать уважение и благодарность всей страны, — сказал он, — в конце концов это и твоя страна, но все же это не так. И у тебя есть возможность действительно стать одним из нас.

Кивнув, Федерико не мог не согласиться с генералом. Ему было шестнадцать лет, когда его родители эмигрировали в Венесуэлу.

Благоприятная программа правительства позволила им арендовать огромный участок земли, которым они могли впоследствии завладеть. После несчастного случая, при котором родители погибли, Федерико, ни в коей мере не интересуясь земледелием, пошел подмастерьем к немцу-зоологу, специалисту по набивке чучел. Тот научил его всему, что знал.

— Мне непонятно, как вы будете меня использовать, — обратился Федерико к генералу, — я знаю только, как ставить ловушки и набивать птиц.

Генерал громко рассмеялся, — милый мой Федерико, — произнес он, — твой опыт в набивке чучел послужит идеальным прикрытием той работы, которую мы тебе доверим, — он конфиденциально улыбнулся и, наклонясь поближе, добавил: — у нас есть точные сведения о подрывной группе, которая действует в окрестностях Курмины. Мы хотим, чтобы ты разоблачил их, — он весело засмеялся, совсем как ребенок, — мы потерпели неудачу с теми агентами, которые были посланы туда. Но ты, мой дружок, белокурый потрошитель птиц, ни у кого не вызовешь подозрений.

Федерико не дали возможности отказаться от этой работы. Через день в его распоряжение был предоставлен новенький джип, набитый инструментами и химикатами высшего качества, о которых он никогда не смел мечтать.

Федерико всегда был осторожен, посещая холмы. Но однажды утром, увидев в ловушке редкого тукана, он выпрыгнул из гамака, не одев предварительно обувь. Он почувствовал укус между пальцев ноги. Федерико выругался и подумал, что наступил на шип колючки. Но когда небольшое покалывание перешло в резкую боль, которая быстро разошлась по всей ступне и ноге, он понял, что его укусила змея. Змея, которую он не видел и не слышал.

Федерико бросился к джипу и рылся в вещах до тех пор, пока не нашел аптечку. Он перемотал платком икру ноги, искусно разрезал два прокола и выдавил кровь из раны. Но яд уже попал внутрь. Вспышки боли простреливали до ягодицы, а ступню раздуло вдвое. До Каркаса ему не добраться, подумал он, садясь за руль. Он должен найти свой шанс в ближайшем городке.

Медсестра в больничной аптеке на площади спокойно сообщила ему, что сыворотки с противоядием у них нет.

— Что же мне делать? Умирать? — закричал Федерико, его лицо исказилось от гнева и боли.

— Надеюсь, что до этого не дойдет, — спокойно заметила сестра, — по моему, вы уже отбросили возможность возвращения в Каркас, — она помолчала, тщательно обдумывая свои слова, — я знаю местную целительницу.

У нее есть лучшее противоядие, секретное зелье, нейтрализующее яд любой змеи, — она просительно улыбнулась, — вот почему мы почти никогда не храним сыворотки. Почти все пострадавшие предпочитают идти к ней, — она осмотрела раздувшуюся ступню, — я не знаю, что за змея укусила вас, но ничего хуже я еще не видела. Только целительница поможет вам.

Федерико никогда в жизни не обращался к ведьмам, но в этот момент он был готов на все. Ему не хотелось умирать. Его не волновало, кто поможет ему.

Медсестра с помощью двух клиентов из бара напротив подвела Федерико к дому целительницы где-то на окраине города. Его уложили на кровать в прокуренной комнате. В воздухе густо пахло нашатырем.

Услышав чирканье спички, Федерико открыл глаза. Сквозь завесу дыма он увидел высокую женщину, зажигающую свечу на алтаре. В мерцающем свете ее лицо походило на маску, ее кожа на выпиравших скулах, темная и гладкая, блестела как полированное дерево. Глаза, прикрытые тяжелыми веками, не выражали абсолютно ничего. Она взглянула на него.

— Мачагва кусает наверняка, — сказала она, опустив свой взгляд на его стопу, — эта змея дала тебе все, что имела. Тебе повезло, что сестра привела тебя ко мне. От этого яда нет сыворотки, — она подтянула стул поближе к нему и внимательно осмотрела его ногу. Ее длинные пальцы мягко и нежно скользили по коже вокруг раны, — не волнуйся, — шепнула она с абсолютной уверенностью, — ты молод. Ты переживешь и яд, и мое лечение.

Отвернувшись к столу, она достала два больших сосуда, наполненных густой зеленовато-коричневой жидкостью, в которой плавали корни, листья и внутренности змеи. Из одной банки она наполнила металлическую тарелку, из другой до половины налила оловянную кружку.

Целительница прикурила сигару. Глубоко затянувшись, она прикрыла глаза и покачала головой. Внезапно она склонилась над его стопой и выдохнула то, что казалось сгустившимся дымом всей сигары. Она выдохнула это прямо в порез, который он сделал своим ножом. Женщина высосала кровь, затем быстро выплюнула ее и ополоснула рот прозрачной сильно пахнущей жидкостью. Она повторила эту процедуру семь раз.

По-видимому устав, она откинула голову на спинку стула. Чуть позже, зашептав заклинания, она расстегнула его рубашку и средним пальцем, обмакнув его в пепел сигары, прочертила прямую линию от основания его горла до половых органов. С удивительной легкостью она перевернула его, стянула рубашку и провела линию вниз по его спине.

— Сейчас я разделю тебя пополам, — сообщила она, — яд не сможет перейти на другую сторону.

— Она вновь очертила линии спереди и сзади, намазав палец свежим пеплом.

Несмотря на боль, Федерико засмеялся, — мне кажется, яд давным-давно разошелся по всему моему телу, — сказал он.

Она обхватила его лицо своими руками, заставив его взглянуть ей в глаза, — музи, если ты не поверишь мне, ты умрешь, — предостерегала она.

Целительница обмыла его ступню в жидкости, которую налила в металлическую тарелку. Сделав это, она взяла оловянную кружку, — выпей это, — приказала она. Тебя вырвет, с тобой все кончено.

Безудержные волны тошноты грозили выдавить скверное зелье.

— Заставь себя проглотить его, — подгоняла она, положив маленькую прямоугольную подушку, наполненную сушеными кукурузными ядрами, на его шею. Она взглянула на него, намочила носовой платок в смеси розовой воды и нашатыря, — вдохни! — приказала она, опустив платок на его нос, — дыши медленно и глубоко.

Секунду он сопротивлялся под удушливым давлением ее руки, но когда она начала массировать ему лицо, он понемногу расслабился, — не подходи близко к беременным женщинам. Они нейтрализуют эффект противоядия, — предупредила она.

Он непонимающе посмотрел на нее и прошептал, что не знает никаких беременных женщин.

По-видимому удовлетворенная его заявлением, Мерседес Перальта повернулась к алтарю, расставила семь свечей вокруг статуи святого Иоанна и зажгла их. В молчании она смотрела на мерцающие языки пламени, затем внезапно рывком откинула голову и прочла странно диссонирующую литанию.

Слова перешли в крик, который то нарастал, то затихал вслед за ее дыханием. Это был нечеловеческий плач. Он заставил вибрировать стены, пламя свечей задрожало. Звук наполнил комнату, дом, все вокруг, словно был предназначен какой-то далекой силе.

Фредерико смутно ощущал движение в другой комнате. Дни и ночи сплетались друг с другом. Он лежал в бреду. Его знобило и бросало жар.

Когда бы он ни открывал глаза, над ним всегда было лицо целительницы. В темноте красные камни ее сережек сверкали еще одной парой глаз. Тихим мелодичным голосом она отгоняла тени и ужасные призраки его лихорадки.

Или, словно являясь частью его галлюцинаций, она отождествлялась с этими неизвестными силами, приказывая ему бороться с ними.

Позже она обмыла его пропотевшее тело и массировала до тех пор, пока кожа вновь не остыла. Бывали моменты, когда Федерико чувствовал в комнате еще чье-то присутствие. Другие руки, большие и сильные, но такие же нежные, как и у целительницы, покачивали его голову, пока она приказывала ему резким тоном пить тошнотворное зелье, которое подносила к его губам.

Утром она принесла ему завтрак из риса и овощей; за ней шел юноша, держа в руках гитару.

— Я Элио, — представился он. Заиграв на гитаре, Элио начал петь забавную песенку, в которой говорилось о событиях схватки Федерико с ядом. Элио рассказал ему, что в тот день, когда медсестра из аптеки привела его в дом матери, он ушел на холмы со своим мачете и убил мачагву, которая укусила Федерико. Если бы змея осталась живой, зелье и заклинания были бы бесполезны.

Однажды утром, заметив, что лиловая опухоль опала, Федерико достал свою выстиранную одежду. Горя желанием проверить силы, он вышел во двор, где нашел целительницу. Она склонилась над тазом с розмариновой водой. Он молча наблюдал, как она свои руки в фиолетовой жидкости.

Улыбаясь, она взглянула на него, — это бережет мои волосы от седины, — объяснила она, проведя несколько раз пальцами по своим кудрям.

Обезумев от наплыва желания, нахлынувшего на него, он подошел к ней.

Ему очень хотелось поцеловать капельки воды, сбегавшие по ее лицу и шее.

Его не волновало, что она, возможно, стара, как и его мать. Для него она была без возраста. О, какой таинственный соблазн!

— Ты вернула мне жизнь, — шептал он, прикасаясь к ее лицу. Его пальцы задержались на ее щеках, ее полных губах, ее теплой гладкой шее, — наверное, ты добавила любовное зелье в тот мерзкий отвар, который я вынужден пить каждый день.

Она взглянула ему прямо в глаза, но ничего не ответила.

Боясь обидеть ее, он зашептал извинения.

Она встряхнула головой, в ее горле заклокотал низкий дребезжащий смех. Он никогда не слышал такого звука. Она захохотала от всей души, словно ничего в мире не имело никакого значения, — ты можешь оставаться здесь, пока силен, — сказала она, взъерошив его белокурые локоны. В ее прикрытых глазах был блеск насмешки, но там была и страсть.

Быстро пролетали месяцы. Целительница приняла его как своего любовника. Но она никогда не позволяла ему оставаться на всю ночь в ее комнате.

— Еще немного, — просил он каждый раз, лаская шелковистую кожу, но желая, чтобы на этот раз она подчинилась его требованиям. Но она выталкивала его в темноту и, смеясь, закрывала за ним дверь, — все будет по-твоему, если мы останемся любовниками три года, — успокаивала она его каждый раз.

Сезон дождей почти подошел к концу, и Федерико возобновил свои поездки на холмы. Элио сопровождал его, сначала для защиты, но вскоре он научился ловить и потрошить птиц. Никогда прежде Федерико не брал никого с собой. Несмотря на разницу в десять лет, они стали лучшими друзьями.

Федерико удивлялся, как легко Элио выдерживает долгие часы молчания, когда они ожидали птиц у ловушки, и тому, с каким наслаждением он бродит по холодным туманным вершинам, где их подстерегали туман и ветер. Ему часто хотелось рассказать Элио о капитане Медино, но он как-то не смел нарушить эту интимную и хрупкую тишину.

Федерико чувствовал смутную вину за эти светлые дни на холмах и тайные ночи с целительницей. Он не только убедил Элио и целительницу, но и сам начал верить в то, что капитан Медино был обычным жителем Каркаса, который продавал набитых им птиц в школы, музеи и антикварные лавки.

— Чем ловить этих проклятых птиц, займись лучше делом, — сказал ему Медино однажды после обеда, когда они зашли выпить пива в местный бар, — больше общайся с пациентами целительницы. Через сплетни можно узнать изумительные вещи. Во всяком случае, ты должен довести до конца эту блестящую уловку.

Федерико каждый раз удивлялся и расстраивался, когда Медино восхищался его ловкой интригой. Капитан и в самом деле верил, что Федерико преднамеренно дал укусь себя змее.

— Только интеллектуалы и образованные люди планируют и замышляют свергнуть диктатуру, — сказал Федерико, — среди них нет ни бедных фермеров, ни рыбаков. Они слишком заняты работой, чтобы замечать, какое у них правительство.

— Музи, тебе не расплатиться с нами такой трепотней, — резко оборвал его Медино, — делай то, что тебе положено делать, — он повертел пустой бокал в руках, затем взглянул на Федерико и добавил шепотом: — недавно из тюрьмы сбежал лидер небольшой, но фанатичной группы революционеров. У нас есть все основания верить в то, что он скрывается где-то здесь, — захохотав, Медино положил свою правую руку на стол, — он оставил в тюрьме по суставу от каждого пальца. Поэтому сейчас его зовут мочо.

После обеда пошел дождь. Шум в неисправном сточном желобе разбудил Федерико. Он пошел в коридор выкурить сигарету и вдруг услышал тихий шепот, приходящий из рабочей комнаты целительницы.

Он знал, что это не она. Утром он отвез ее в соседний городок, где она проводила спиритический сеанс. Федерико на цыпочках пересек коридор.

Среди прочих голосов он отчетливо различил взволнованный голос Элио.

Сперва он не мог уловить смысл их беседы, но когда слова "диктатор", "плотина на холме" и "неофициальный визит диктатора" повторились несколько раз, он понял, что

неожиданно наткнулся на заговор против главы военного правительства. Федерико прижался к стене, успокаивая бешеный стук сердца.

Взбежав по двум ступенькам, он решительно шагнул в темную комнату.

— Элио! Это ты? — сказал он, — я услышал голоса и начал волноваться.

В комнате было несколько мужчин. Они мгновенно отпрянули в тень. Но Элио не тревожился. Он взял Федерико за руку и представил его мужчине, который сидел на стуле у алтаря.

— Крестный, это тот Музи, о котором я тебе рассказывал, — сказал Элио, — он друг семьи. Ему можно доверять.

Мужчина медленно встал. В его худощавом лице было что-то святое, широкие скулы выступали под темной кожей, глаза сверкали ледяной свирепостью, — я очень рад знакомству с тобой, — сказал он, — я Лукас Нунец.

Секунду Федерико посмотрел на протянутую руку, затем пожал ее. Первые фаланги каждого пальца отсутствовали.

— Я чувствую, что тебе можно доверять, — сказал он, — элио говорит, что ты можешь помочь нам.

Кивнув, Федерико прикрыл глаза, боясь, что голос и взгляд выдадут его смятение.

Лукас Нунец представил его группе мужчин. Они пожали ему руку и вновь сели полукругом на пол. Слабое мерцание свечей на алтаре едва вырисовывало их лица.

Федерико внимательно слушал точные и спокойные доводы Лукаса, когда он обсуждал прошлую и настоящую политическую ситуацию в Венесуэле.

— Как я могу помочь вам? — спросил Федерико в конце его разъяснений.

Глаза Лукаса стали грустными, его лицо омрачилось от неприятных воспоминаний. Но он улыбнулся и сказал: — если другие согласны, ты мог бы подвозить к нам на холмы взрывчатку.

Все согласились. Федерико чувствовал, что они приняли его полностью из-за того, что знали о его связи с Мерседес Перальтой.

После полуночи беседа понемногу затихла, словно трепет крыльев раненой птицы. Мужчины выглядели бледными и изможденными. Когда они обнимали его, он почувствовал озноб. Не говоря ни слова, они покинули комнату и исчезли в темной ложине холма.

Он был ошеломлен дьявольской иронией этой ситуации. Последние слова Лукаса еще звучали в его ушах, — ты идеальный человек для этого дела.

Никто не заподозрит белокурого потрошителя птиц.

Федерико развернул джип на небольшой поляне у дороги. Мелкий дождь окутал холмы темной дымкой, а полумесяц, просеянный сквозь облака, заливал местность призрачным сиянием.

Он и Элио молча выгрузили ящик, набитый плитками динамита.

— Я отнесу ветошь обратно в хижину, — шепнул Элио. Он ободряюще улыбнулся, — не смотри так тоскливо, Федерико. Мост они заминируют на рассвете.

Федерико взглядом проводил его по тропе, спускавшейся в густую тьму.

Они часто приходили с Элио сюда в поисках диких номарос, своеобразных ароматных плодов, которые пахли лепестками роз. Это было любимое лакомство целительницы.

Федерико сел на упавший ствол и уткнулся лицом в руки. Кроме смутной вины. Иногда он чувствовал желание получить щедрую плату, намного превосходящую стоимость тех редкостных птиц, которых он продавал Медино.

Он отбросил все мысли относительно того, что делал. До сих пор все это казалось ему похожим на невероятные приключения в фильмах и экзотических романах. Но теперь надо было предать людей, которых он знал и любил, которые доверились ему.

Утром он заметил джип Медино, спрятанный в уединенном месте на окраине города, и подъехал к нему. Он рассказал Медино все, и сейчас было слишком поздно сожалеть об этом.

Когда ослепительная вспышка молнии озарила небо, Федерико вскочил на ноги. Гром хлестнул оглушительным ревом, и эхо покатилося в глубине ущелья. Дождь превратился в сплошной поток. Все смешалось вокруг него.

— Какой я дурак! — закричал он громко и бросился вниз по тропе.

Федерико знал абсолютно точно, что Медино не исполнит своего обещания и не пощадит ни целительницу, ни ее сына. Он обещал ему это, чтобы вытрясти все, что знал Федерико.

— Элио! — закричал он, но возглас его утонул в шумной очереди пулемета, и испуганный крик тысячи птиц ринулся в черное небо.

За несколько минут, которые понадобились ему, чтобы достичь хижины, в его уме промчалось страшное видение. С потрясающей ясностью он увидел, как его жизнь в одно мгновение фатально изменилась. Почти механически он подошел к безжизненному, разорванному пулями телу Элио. Он даже не заметил, как в хижину вошли Медино и двое солдат.

Медино кричал на одного из них, но его голос был далеким шепотом: — проклятый идиот! Я же кричал тебе — не стреляй! Ты мог всех нас разнести на куски. Здесь же динамит!

— Я услышал, как кто-то бежит в темноте, — оправдывался солдат, — здесь могла быть засада. Я не верю этому Музи!

Медино отвернулся от него и направил свой фонарь в лицо Федерико: — а ты глупее, чем я думал, — прошипел он, — надеялся, что все будет не так?

Поверил мне? — он приказал солдатам сбросить ящик со взрывчаткой в ущелье.

Федерико развернул джип и так яростно затормозил перед домом целительницы, что его бросило вперед, и он ударился головой о ветровое стекло. Секунду все было как в тумане, он непонимающе разглядывал закрытую дверь и закрытые ставни. Федерико пересек двор, там стоял армейский джип.

— Медино! — закричал он и побежал через патио и кухню в рабочую комнату целительницы.

Побежденный и совершенно обессиленный, он упал на землю рядом с целительницей, которая лежала в углу алтаря.

— Она ничего не знает, — закричал он, — она не замешана в этом.

Медино откинул назад свою голову и весело захохотал, его золотые зубы сияли в зареве свечей, зажженных на алтаре: — дутый шпион. Ты бесконечно умнее меня, —

сказал он, — но у меня есть опыт. Коварство и подозрительность — это мое пропитание, — он ударил Федерико в пах, — если ты хотел предупредить ее, то почему не приехал сюда первым? Не надо было скулить над мальчишкой, которого ты убил.

Двое солдат подхватили целительницу под руки и заставили ее встать.

Ее полуприкрытые глаза были в синяках и распухли. Губы и нос кровоточили.

Слабо вострепнувшись, она оглядела комнату. Наконец ее глаза отыскивали Федерико.

— Где Элио? — спросила она.

— Скажи ей, Федерико, — захохотал Медино, — Расскажи ей, как ты убил его.

Словно яростное животное, собрав последние силы, она толкнула Медино к алтарю, опрокинула одного из солдат и выхватила свое оружие.

Солдат выстрелил первым.

Целительница неподвижно замерла. Ее руки сжали грудь, пытаясь остановить кровь, вытекавшую через лиф ее платья, — я проклинаю тебя до конца твоих дней, Федерико, — ее голос ослабел, слова были почти не слышны. Казалось, что она нашептывала заклинание. Мягко, как тряпичная кукла, она повалилась на землю.

В последнем порыве ясности Федерико принял окончательное решение: до смерти он будет связан с людьми, которых предал. Его мысли неслись, как экспресс. Он должен искупить вину, убив людей, ответственных за все: себя и своего соучастника — Медино.

Федерико выдернул из ножен охотничий нож и воткнул его в сердце Медино. Он надеялся, что его тут же убьют, но солдат прострелил ему только ногу.

Ему связали руки, завязали глаза, засунули в рот кляп и перенесли в машину. Он услышал насмешливый лепет стайки попугаев, пролетевших мимо.

Часом позже машина остановилась. Его привезли в Каркас и поместили в тюремную камеру. Он признался во всем, на что намекали его мучители. Все, что он сказал, не имело для него значения. Его жизнь уже кончилась.

Федерико не знал, как долго он пробыл в тюрьме. В отличие от других заключенных, он не считал ни недель, ни месяцев, ни лет. Все они были одинаковы для него.

Однажды он стал свободным. Это случилось утром во время сильных волнений. На улицах люди кричали, плакали и смеялись. Диктатура была свергнута. Федерико поселился в старой части города и вновь стал набивать птиц. Но больше он не посещал холмы.

26.

— Человеческая природа очень странная, — сказала донья Мерседес, — я знала, что ты приехала, чтобы что-то сделать для меня. Я знала это с самого начала, как только увидела тебя. И все же, когда ты наконец сделала это, я не поверила своим глазам. Ты повернула для меня колесо случая. Я даже скажу, ты заставила Федерико Мюллера вернуться к действительности жизни. Ты привела его ко мне силой своей тени ведьмы.

Она оборвала меня, едва я раскрыла рот, — все эти месяцы, проведенные в моем доме, ты была под моей тенью, — сказала она, — было бы обычным, если бы я дала тебе звено, но никак не наоборот.

Мне захотелось выяснить этот вопрос. Я настаивала на том, что ничего не делала. Но она меня и слушать не хотела. Тогда я выдвинула такую гипотезу: она создала себе звено сама, убедив себя, что это вызвано мной.

— Нет, — сказала она, сморщив нос, — твои рассуждения ложны. Мне очень грустно, что ты ищешь объяснения, которые только истощают нас.

Донья Мерседес встала и обняла меня, — мне жаль тебя, — шепнула она мне в ухо. И вдруг засмеялась так радостно, что грусть ее рассеялась, — нет способа объяснить, как ты это сделала, — сказала она, — я не говорю ни о человеческих соглашениях, ни о смутной природе магии. Я говорю о том, что так же неуловимо, как вечность сама по себе, — она запнулась, подбирая слова, — все, что я знаю и чувствую, это то, что ты создала для меня звено. Это удивительно! Я пыталась показать тебе, как ведьмы вращают колесо случая, а в это время ты повернула его для меня.

— Я уже сказала тебе, что ты ошибаешься, — я настаивала на этом и верила в это. Ее усердие и пыл смущали меня.

— Не будь такой тупой, Музия, — ответила она с такой досадой, что живо напонила мне Августина, — нечто помогло тебе создать для меня переход. Ты можешь сказать, и будешь совершенно права, что, используя свою тень ведьмы, ты даже не знала о ней.

Часть восьмая.

27.

Сезон дождей почти прошел, но каждый день после обеда начинался ливень, который обычно сопровождали гром и молнии.

Я проводила это дождливое время суток в комнате доньи Мерседес. Она лежала в гамаке и была совершенно безразлична к моему присутствию. Если я задавала вопрос, она отвечала, если я ничего не говорила, она молчала.

— Никто из пациентов не приходит после дождя, — сказала я, глядя из окна на проливной дождь.

Буря стихала, но улица по-прежнему была затоплена водой. На соседней крыше сидели три канюка (род птицы). Они прыгали с вытянутыми крыльями, взбираясь на высокий конек. Солнце наконец прорвалось, и из домов выбежали полуголые дети. Вспугивая воробьев, они носились друг за другом по грязным лужам.

— Никто не приходит после дождя, — повторила я и повернулась к донье Мерседес. Она молча сидела в гамаке, забросив ногу на ногу, и пристально рассматривала свои ботинки, — я думаю пройтись и навестить Леона Чирино, — сказала я, вставая.

— Я бы не делала этого, — прошептала она, не сводя глаз со своих ног.

Внезапно донья Мерседес взглянула на меня. В ее глазах отражалось глубокое раздумье. Она колебалась, хмурясь и покусывая губы, словно хотела сказать что-то еще. Вместо этого донья Мерседес подхватила меня под руку и повела в свою рабочую комнату.

Едва мы вошли, она начала метаться из одного угла комнаты в другой, осматривая по несколько раз одни и те же места, разгребая и переставляя вещи на столе, алтаре и внутри остекленного буфета, — я не могу найти его, — наконец сказала она.

— Что ты потеряла? Может быть я знаю, где это лежит? — не выдержала я.

Она было открыла рот, но ничего не сказав, отвернулась к алтарю.

Сначала донья Мерседес зажгла свечу, прикурила сигару и раскуривала ее без остановки до тех пор, пока не остался лишь окуроч. Ее глаза следили за пеплом, падавшим на металлическую тарелку перед ней. Затем она резко обернулась, взглянула на меня и опустилась на пол. Переставив несколько бутылок под столом, она вытащила оттуда золотое ожерелье, украшенное множеством медалей.

— Что ты..., — я остановилась на полуслове, вспомнив ночь, когда она подбросила ожерелье высоко в небо, — когда ты увидишь медали вновь, ты вернешься в Каркас, — сказала она тогда. Я никак не могла разобраться, была ли это шутка или я просто была очень усталой, когда оказалась свидетельницей их падения. С тех пор я их больше не видела и полностью забыла о медалях.

Мерседес Перальта усмехнулась и встала. Она повесила медали мне на шею и сказала: — чувствуешь, какие они тяжелые? Чистое золото!

— Они и вправду тяжелые! — воскликнула я, поддерживая связку руками.

Гладкие блестящие медали имели буйный оранжевый оттенок, характерный для венесуэльского золота. Они располагались по величине от десятипенсовой монеты до серебряного доллара. Не все медали были церковными. Некоторые изображали индейских вождей времен испанских завоевателей, — для чего они?

— Для постановки диагноза, — сказала донья Мерседес, — для целительства. Они полезны каждому, кто был выбран для них, — громко вздохнув, она села около стола.

С ожерельем на шее я стояла перед ней. Мне хотелось спросить ее, куда положить медали, но чувство полного опустошения лишило меня дара речи. Я смотрела ей в глаза и видела в них беспредельную печаль и грустное раздумье.

— Сейчас ты испытанный медиум, — прошептала она, — но твое время здесь подошло к концу.

На этой неделе она пыталась помочь мне вызвать дух ее предка. Но оказалось, что мои заклинания не имеют больше силы. Мы не смогли заманить духа, хотя я делала это одна каждую ночь уже несколько месяцев.

Донья Мерседес засмеялась тихим, звонким смехом, который прозвучал почему-то зловеще, — дух сообщил нам, что твое время прошло. Ты выполнила то, ради чего пришла сюда. Ты пришла передвинуть для меня колесо случая. Я же повернула его для тебя той ночью, когда увидела тебя на площади. В тот миг мне захотелось, чтобы ты пришла сюда. Не сделай я этого, ты бы никогда не нашла того, кто указал бы тебе на мою дверь. Видишь, я тоже, используя свою тень ведьмы, создала для тебя звено.

Она собрала со стола коробки, свечи, банки и образцы материи, сгребла все это руками и медленно поднялась, — помоги мне, — сказала она, указав подбородком на застекленный буфет.

Аккуратно расставив вещи на полках, я повернулась к алтарю и подровняла статую святых.

— Часть меня всегда будет с тобой, — тихо произнесла донья Мерседес.

— где бы ты ни была, что бы ты ни делала, мой невидимый дух всегда будет рядом. Судьба соединила нас невидимой нитью и связала навеки.

Мысль о том, что она прощается со мной, вызвала слезы на глазах. Это было откровение. Я считала само собой разумеющимся любить ее беззаботно и легко, как любят стариков. Мне не удалось выразить свои чувства, так как в этот миг в комнату ворвалась старая женщина.

— Донья Мерседес! — закричала она, сцепив свои морщинистые руки на усохшей груди, — помоги Кларе. У нее припадок, и я не смогла привести ее сюда. Она лежит, как мертвая, — женщина говорила очень быстро. Когда она подошла к целительнице, ее голос превратился в крик, — я не знаю, что делать. Доктора уже не вызовешь, а я знаю, что у нее припадок, — она замолчала и перекрестилась. Оглядев комнату, она увидела меня, — я не думала, что у тебя будут пациенты, — прошептала она виновато.

Предложив женщине стул, донья Мерседес успокоила ее, — не волнуйся, Эмилия. Музия не пациент. Она моя помощница, — она отправила меня принести из кухни ее корзину.

Выходя, я услышала, как донья Мерседес спросила Эмилию, навещали ли Клару ее тетушки. Я подошла поближе к портьеру, чтобы услышать ответ женщины.

— Они уехали только этим утром, — сказала она, — они были здесь почти неделю. Они хотят вернуться сюда. И Луизито приезжал. Он хочет забрать Клару в Каркас.

И хотя я не могла оценить, какой информацией обладает донья Мерседес, я знала, что именно она сочтет нужным взять из дома. Я знала, что она отправит Эмилию в аптеку купить флакон лувии де оро (золотого дождя), бутылку лувии де плато (серебряного дождя) и бутылку ла мано подероза (могучей руки). Эти цветочные экстракты, смешанные с водой, служили для омоложения околдованных в их домах. Это задание обычно выполняли сами околдованные.

Долина и плавные склоны южной части города, прежде отведенные под поля сахарного тростника, были очищены для индустриального центра и непривлекательных рядов современных домов. Среди них, как след прошлого, покоились останки гасиенды Эль Ринко — длинное розовое здание и фруктовый сад.

Некоторое время донья Мерседес и я стояли, рассматривая дом и облупившуюся краску на стенах. Двери и ставни были заколочены. Изнутри не доносилось ни звука. Ни один лист не шевелился на деревьях.

Мы прошли парадные ворота. Шум машин на улицах затих, приглушенный высокими стенами и деревьями, которые заслоняли жаркое солнце.

— Ты думаешь, Эмилия уже вернулась? — шепнула я, напуганная этой жуткой тишиной. Причудливые тени ветвей метались по широкой аллее.

Не ответив мне, донья Мерседес вошла в дом. Порыв ветра, пахнув разложением, бросил нам под ноги опавшую листву. Мы прошли по широкому коридору, который примыкал к внутреннему патио, наполненному тенью и прохладой. Вода сочилась из плоской посуды, которая была водружена на поднятые руки пухлого ангела.

Мы свернули за угол и пошли по другому коридору мимо бесконечных комнат. Полуоткрытые двери позволяли мельком видеть бесподобные остатки раскиданной как попало обстановки. Я видела простыни поверх диванов и кресел, свернутые ковры и опрокинутые статуэтки. Покосившиеся зеркала, картины и портреты были прислонены к стенам, словно ожидая того момента, когда их повесят вновь. Донью Мерседес, по-видимому, совершенно не занимал хаос, царивший в доме, и она только пожалала плечами, когда я начала его обсуждать.

Она уверенно вошла в большую, слабо освещенную спальню, в центре которой стояла широкая, из красного дерева кровать, покрытая тонким, как туман, накомарником. Темные и тяжелые портьеры закрывали окна, на туалетном столике стояло зеркало, аккуратно задернутое темной тканью.

Запах горелого жира, ладана и святой воды заставил меня подумать о церкви.

На полу, кровати, на двух креслах и ночном столике — везде валялись небрежно сваленные книги. Они лежали даже на перевернутом ночном горшке.

Мерседес Перальта включила лампу на ночном столике, — клара, — позвала она тихо, откидывая в сторону сетку накомарника.

Ожидая увидеть ребенка, я стояла, удивленно рассматривая молодую женщину, возможно лет двадцати. Она полулежала, прислонясь к передней спинке кровати, все ее конечности были перекошены, как у тряпичной куклы, которую небрежно бросили на кровать. Красный китайский шелковый халат с вышитыми драконами едва прикрывал ее сладострастную фигуру. Несмотря на растрепанный вид, она была потрясающе красива, с высокими выдающимися скулами, чувственным пухлым ртом и темной кожей, блестящей нежным глянцем.

— Негрита, Кларита, — позвала донья Мерседес, мягко встряхивая ее за плечи.

Молодая женщина резко открыла глаза, словно кто-то силой вытащил ее из кошмара. Она села, ее зрачки были невероятно расширены, слезы потекли по ее щекам, но лицо ничего не выражало.

Откинув книги в сторону, донья Мерседес поставила свою корзинку около кровати, вытащила носовой платок и, побрызгав на него своим любимым средством, приложила его к носу женщины.

Духовная инъекция, как донья Мерседес называла свою смесь, по-видимому, не оказала на женщину влияния, она лишь вяло пошевелилась, — ну почему я не могу умереть в покое? — прошептала она, ее голос был капризным и усталым.

— Не болтай ерунды, Клара, — сказала донья Мерседес, что-то разыскивая в своей корзине, — когда человек собирается умереть, я с радостью помогаю ему подготовиться к его вечному сну. Конечно, есть болезни, ведущие к смерти тела, но твое время еще не пришло, — как только донья Мерседес нашла то, что искала, она встала и кивнула мне подойти поближе, — оставайся с ней. Я скоро вернусь, — тихо шепнула она мне в ухо.

Я с тревогой смотрела, как Мерседес Перальта выходит из комнаты, затем перевела свое внимание на постель и перехватила взгляд женщины, наполненный мертвящей неподвижностью. Она почти не дышала, но кажется сознавала то, что я пристально разглядываю ее. Она медленно приоткрыла веки и лениво мигнула, ослепленная тусклым светом. Клара потянулась к ночному столику, нашарила щетку и спросила: — ты не могла бы заплести мои волосы?

Я кивнула и, улыбаясь, взяла щетку, — на одну или две косички? — спросила я, расчесывая ее длинные вьющиеся волосы и перебирая спутавшиеся прядки. Как у доньи Мерседес, ее волосы пахли розмарином, — ну как тебе эта милая толстая косичка?

Клара не ответила. Застывшим отсутствующим взглядом она пристально разглядывала дальнюю стену комнаты, где в овальных рамах висели фотографии, украшенные пальмовыми листьями, сложенными крест накрест.

С искаженным от боли лицом она повернулась ко мне. Ее конечности забились сильной дрожью. Лицо потемнело, и она ловила воздух ртом, пытаясь подтолкнуть меня к спинке кровати.

Я побежала к двери, но побоялась оставить ее одну и не посмела уйти из комнаты. Несколько раз я кричала, призывая донью Мерседес, но ответа не было. Уверенная, что свежий воздух пойдет Кларе на пользу, я шагнула к окну и отдернула портьеру. Слабый проблеск дневного света еле пробивался снаружи. Его заслоняла листва фруктовых деревьев, которые, переливаясь цветами, гоняли тени по комнате. Но теплый ветер, влетевший в окно, лишь повредил Кларе. Ей становилось все хуже. Тело конвульсивно тряслось.

Дергаясь и задыхаясь, она рухнула на постель.

Испугавшись, что в эпилептическом припадке она может перекусить себе язык, я попыталась засунуть рукоятку щетки для волос между ее лязгающими зубами. Это наполнило ее ужасом. Ее глаза вылезали из орбит. Ногти на руках превратились в фиолетовые пятна. Видно было, как в распухших венах на шее дико пульсировала кровь.

Совершенно не зная, что делать, я вцепилась в золотые медали, которые все еще висели на моей шее, и начала качать их перед ее глазами. У меня не было никаких

идей и мыслей; это была чисто автоматическая реакция, — негрита, Кларита, — шепнула я то, что слышала от доньи Мерседес.

В слабом усилии она попыталась поднять руку. Я опустила ей на ладонь ожерелье. Тихо завывая, она прижала медали к груди. Казалось, она втягивает в себя какую-то магическую силу. Вздутые вены на шее опали, дыхание успокоилось. Зрачки уменьшились, и я заметила, что в ее глазах больше не было темноты, в них засиял янтарно-коричневый свет. Слабая улыбка коснулась ее губ, насухо приклеенных к зубам. Закрыв глаза, она отпустила медали и боком скользнула в постель.

Донья Мерседес вошла так тихо, что мне показалось, будто она материализовалась около кровати по вызову теней, кружившихся по комнате. В руках она держала большую алюминиевую кружку, наполненную ужасно пахнущим зельем. В своей руке она крепко сжимала пачку газет. Закусив губы, она жестом приказала мне хранить молчание, затем поставила кружку на ночной столик и опустила газеты на пол. Она подняла с постели золотое ожерелье и повесила его себе на шею.

Зашептав молитву, донья Мерседес зажгла свечу и, покопавшись в своей корзине, вытащила крошечный комочек белого теста, завернутого в листья.

Она скатала тесто в шарик и бросила его в кружку. Шарик мгновенно с шипением растворился. Она помешала зелье пальцем и, попробовав его, поднесла кружку к губам Клары.

— Пей, — приказала она. Молча, со странно бесстрастным выражением, целительница наблюдала, как Клара глотает жидкость.

Едва заметная улыбка появилась на лице молодой женщины. Из ее губ вырвался резкий смех, который перешел в ужасную болтовню. Я не могла разобрать ни одного слова. Секундой позже она улеглась в постель, прерывисто шепча извинения и умоляя о прощении.

Совершенно не затронутая ее вспышкой, донья Мерседес склонилась над Klarой и начала массировать область вокруг ее глаз. Пальцы целительницы описывали круги одинакового диаметра. Она передвигалась к ее вискам, затем мазками, идущими вниз, начала массировать оставшуюся часть лица, словно сдирала липкую маску. Искусно передвинув Klarу на край постели, она расположила ее голову над газетами и давила на спину Клары до тех пор, пока ту не вырвало.

Одобрительно крикнув, донья Мерседес осмотрела темную массу на полу, завернула ее в бумагу и связала узел веревкой, — сейчас мы похороним это месиво где-нибудь снаружи, — сказала она и одним быстрым движением подняла Klarу на ноги. Она ласково отерла ее лицо и поправила пояс на ее халате.

— Музия, — позвала донья Мерседес, обернувшись ко мне, — возьми другую руку Клары.

Поддерживая ее с двух сторон, мы медленно прошли коридор, ведущий во двор, и спустились по широким цементным ступеням вниз по склону, туда, где росли фруктовые деревья. Здесь донья Мерседес похоронила сверток в глубокой яме, которую она заставила меня вырыть. Клара стояла на каменной ступеньке и равнодушно смотрела на нас.

За шесть дней Клара окрепла. Каждый раз после обеда, ровно в шесть часов, я привозила донью Мерседес в гасиенду Эль Ринко. Она лечила Klarу таким же образом. Каждая встреча заканчивалась под деревом, где мы хоронили узел из газет, который с каждым днем становился все меньше и меньше.

На шестой и последний день, несмотря на усилия, Клару не вырвало. Тем не менее донья Мерседес заставила ее похоронить пустой обвязанный веревкой пакет.

— Сейчас с ней все в порядке? — спросила я по дороге домой, — встреч больше не будет?

— Не совсем. И это ответ на два твоих вопроса, — сказала она, — начиная с завтрашнего дня, ты будешь видеться с Кларой каждый день. Это будет частью ее лечения, — она ласково хлопнула меня по руке, — ты будешь беседовать с ней. Это принесет ей много хорошего. И, — добавила она в раздумье, — это также будет полезно для тебя.

С одеждой и обувью в руках Клара вбежала из коридора в ванную. Бросив все на пол, она сняла ночную рубашку и залюбовалась своим отражением в зеркальной стене. Она подошла поближе, рассматривая, на сколько за ночь подросла ее грудь. Довольная улыбка пробежала по ее лицу, когда она склонила голову и распустила волосы. Напевая легкий мотив, Клара пустила горячую и холодную воду в огромную ванну в виде раковины, затем подошла к туалетному столику и тщательно осмотрела все флаконы, расставленные на мраморной поверхности. Не зная, какой из шампуней выбрать, она понемногу отливала в воду из каждого.

На миг она остановилась, рассматривая пузырьки пены. В пириту все было иначе. Воду там брали из реки или из крана у дороги, а затем несли по холму в жестяных канистрах.

Лишь год прошел с тех пор, как она приехала в Эль Ринко, но ей казалось, что она живет в этом длинном старом доме вечно. Ей не хотелось вспоминать свою жизнь в пириту. И воспоминания увядали, словно мимолетные грезы. Ей помнилось только лицо бабушки и звук качалки, скрипящей по грунтовому полу, и тот последний день ее пребывания в лачуге.

— Ты стала совсем взрослой, Клара, — прошептала бабушка. Ее лицо выглядело более старым и уставшим, чем когда-либо прежде. И в этот миг девочка поняла, что этот самый близкий и родной человек скоро умрет.

— Всеу свой черед, — сказала бабушка, уловив мысли внучки, — когда тело готово умереть, ничего не остается, как только лечь и закрыть глаза.

Я уже обменяла свою качалку на гроб, осталось сменить эту лачугу на кладбище.

— Но бабушка...

— Молчи, дитя, — прервала ее старая женщина. Она вытащила из кармана носовой платок, развязала узелок в одном углу и отсчитала несколько монет, которые откладывала на черный день, — этого тебе будет достаточно для поездок в Эль Ринко.

Она коснулась пальцами лица девочки и погладила ее длинные волнистые волосы, — никто не знает, кто твой отец, но мать твоя была внебрачным ребенком дона Луиса. Она осталась в Каркасе после твоего рождения. Твоя мать по-прежнему ищет удачи, но удачу не надо искать, — ее голос угас, она сбилась с мысли. Немного погодя старушка добавила: — я уверена, что дон Луис примет тебя как внучку. Он владелец гасиенды Эль Ринко. Он стар и одинок, — она взяла в свои руки ладони девочки, прижала их к своим морщинистым щекам и поцеловала родинку в форме листа на ее правой ладони.

— Покажи это ему.

Свет свечи перед фигуркой Христа расплылся в глазах ребенка. Взгляд девочки вновь скользнул по раскладушке в углу, по корзине, набитой накрахмаленным, не

выглаженным бельем, по коляске, в которой она возила свою бабушку. В последний момент ее глаза остановились на старой женщине.

Та сидела в кресле с откинутой головой, ее пустой взгляд был устремлен вдаль, лицо сжимали судороги смерти.

Когда автобус подвез ее прямо к арке в стене, окружавшей Эль Ринко, уже смеркалось. Она прошла по склону, где на террасах ровными рядами росли фруктовые деревья. На полпути девочка резко остановилась и замерла, все ее существо было захвачено видом небольшого дерева, покрытого белым цветением.

— Это яблоня, — раздался голос, — а ты кто? Откуда приехала?

На секунду она подумала, что это дерево говорит с ней, но тут же увидела старика, который стоял рядом с ней, — я упала с этой яблони, — сказала она, протягивая руку для знакомства.

Он, по-видимому, этого не ожидал и удивленно смотрел на ее руку.

Вместо того, чтобы пожать ее, он нежно взял руку девочки в свою, — странно, — прошептал старик, его большой палец погладил родинку в форме листа, — кто ты? — спросил он еще раз.

— Мне кажется, я твоя внучка, — сказала она с надеждой. Он понравился ей с первой же минуты. На вид старик был слаб и хрупок, с серебристо-белыми волосами, которые разительно отличались от его загорелого лица. От носа к уголкам губ сбежали две глубокие бороздки.

Интересно, подумалось ей, отчего они возникли: от волнений и тяжелого труда или от частых улыбок?

— Кто послал тебя ко мне? — спросил старик, его большой палец все еще поглаживал листовидную родинку.

— Моя бабушка. Элиза Гомес из Пириты. Когда-то она ????????????????

Здесь. А вчера вечером она умерла.

— А как тебя зовут? — спросил он, изучая ее лицо с большими янтарно-коричневыми глазами, тонким носиком, полным ртом и решительным подбородком.

— Она звала меня Ла Негра..., — она запнулась под его пристальным взглядом.

— Ла Негра Клара, — сказал он, — так звали мою бабушку. Она была такая же темненькая, как и ты, — он повел ее вокруг яблони, — это дерево было размером с маленькую веточку петрушки, когда я привез его из путешествия по Европе. Люди смеялись надо мной, говоря, что яблони никогда не будут расти в тропиках. Сейчас она уже старушка. И пусть она высоко не выросла, но все же принесит кое-какие фрукты. Иногда она стоит вся в белом, — он печально посмотрел на нежные лепестки, затем его взгляд перешел на любознательное личико девочки, — это прекрасно, что ты упала с яблони. Так мне подарков еще не дарили.

Голос Эмили пробудил Клару от мечтаний — Неграааа, — крикнула она, просовывая в щель двери свою голову, — поторопись, детка. Я слышала, как подъезжает машина.

Клара торопливо выскочила из ванны, обтерлась и почти мокрая скользнула в свое любимое платье. Платье было прекрасного желтого цвета с маргаритками, вышитыми вокруг воротничка, рукавов и пояса. Взглянув на себя в зеркало, она радостно хихикнула. Платье делало ее еще темнее, но оно нравилось ей. Она не сомневалась, что кузену Луизито оно тоже понравится. Он проведет в Эль Ринко целое лето. Правда,

она никогда не видела его. Прошное лето он вместе с родителями путешествовал по Европе.

Услышав шум машины, Клара побежала по коридору в гостиную и в открытое окно увидела блестящий черный лимузин. Она с благоговением рассматривала шофера в кожаной куртке и тучную женщину, одетую в белую блузу.

С хмурыми лицами они начали выгружать бесчисленные чемоданы, коробки, корзины и птичьи клетки. Не говоря ни слова, они вносили все в дом, наотрез отказавшись от услуг Эмилии, которая выбежала помочь им. Вскоре они закончили разгрузку, и громкий, неприятный гудок огласил окрестности.

Через минуту вторая машина, такая же большая, черная и блестящая, въезжала во двор.

Сначала появился небольшой толстый мужчина, одетый в бежевую гвяберу, панаму и черные брюки, заправленные в сапоги. Клара узнала в нем Рауля, очень важную персону в правительстве и зятя ее сестры.

— Дон Луис! — закричал Рауль, — я привез твоих дочек. Вот они, три грации! — он низко поклонился, почти коснувшись земли своей шляпой, затем открыл заднюю дверь лимузина и помог выйти трем женщинам: близняшкам Розарио и Марии, и младшей сестре Марии Магдалене, своей жене.

— Луизито, — позвал Рауль, открыв переднюю дверь машины, — помоги мне с этими...

Клара не стала дожидаться конца его фразы и побежала во двор, — луизито! Я тебя ждала, — она остановилась как вкопанная. Девочка растерянно смотрела на маленького мальчика, который опирался на костыли, — я не знала, что ты попал в аварию.

Покраснев, Луизито взглянул в ее темное лицо, — я не был в аварии, — деловито ответил он. Для такого маленького и тщедушного существа, как он, у него был довольно громкий голос, — я болел полиомиелитом, — объяснил он, заметив ее недоумение и добавил: — я калека.

— Калека? — переспросила она, — мне никто не говорил об этом, — его маленькие белые руки и темные локоны, обрамлявшие бледное, утонченное лицо, казались ей чем-то не от мира сего. Он напоминал ей цветение яблони.

Она знала, что ему тринадцать лет, на год больше, чем ей, но выглядел он лет на семь или восемь.

Его губы, загнувшись в уголках, поддерживались, словно он догадался о ее мыслях и едва сдерживал смех.

— Ах, Луизито, — она вздохнула с облегчением и поцеловала его в щеку.

— Ты прямо как ангел.

— Кто это? — спросила одна из близняшек, поворачиваясь к Эмилии, — это крошка помогает тебе на кухне? Она твоя родственница?

— Я Клара! — ответила девочка, присев между экономкой и теткой, — ла Негра Клара, ваша племянница!

— Моя кто? — взвизгнула женщина, хватая Клару за руку и встряхивая ее.

— Негрита Кларита, — возбужденно закричал мальчик. Опираясь на один костыль, он подскочил к ней, — разве ты не слышала, тетушка? Она моя кузина! — взяв руку Клары, он оттянул ее подальше от родителей и теток.

— Ну, показывай, где прячется дедушка.

Прежде чем Клара успела объяснить, что дедушка в городе, Луизито свернул на широкую песчаную аллею, ведущую к фруктовому саду за домом. Он передвигал свои костыли так быстро и ловко, что больше походил на обезьяну, чем на калеку.

— Луизито! — крикнула ему вслед Мария дель Розарио, — тебе нужен отдых. Поездка была долгой и утомительной. К тому же такая жара.

— Оставь его в покое, — вмешался Рауль, сопровождая в дом супругу, — свежий воздух пойдет ему на пользу.

— Где дедушка? — спросил Луизито, опускаясь на землю в тени мангового дерева, нависшего над стеной.

— В городе, — отозвалась Клара, пристраиваясь рядом с ним. Она очень радовалась тому, что не поехала в этот день с дедушкой. Обычно они заезжали сначала в парикмахерскую, потом в аптеку, где он покупал новейшие медикаменты, которые, кстати, никогда сам не принимал, потом в бар, где он выпивал стаканчик бренди и играл в домино. Но сегодня она не променяла бы встречу с Луизито ни на что на свете.

— Вот удивится дедуля. Он ждет тебя не раньше вечера, — затараторила Клара, — давай сбежим в город и никому ничего не скажем.

— Я не могу гулять так далеко, — луизито опустил голову и грустно оттолкнул свои костыли.

Клара пососала свою нижнюю губу, — мы все же сделаем это, — заявила она с лютой решимостью, — я покачу тебя в огородной коляске. Я это здорово умею, — она положила руку ему на губы, чтобы он не прерывал ее, — все, что тебе надо сделать — это залезть в коляску и сидеть, — она показала рукой на узкую калитку в стене, — встретимся здесь, — и, не дав ему времени на возражения, она вскочила и побежала к сараю за инструментами.

— Видишь, как все просто, — Клара засмеялась и помогла ему устроиться в коляске, — никто не узнает, где мы, — она положила костыли на его колени и покатила его по широкой, недавно проложенной дороге мимо фабрик и незастроенных пустырей.

Тяжело дыша, Клара затащила коляску на крутой холм. Жара раскачивала окрестности в волнах зноя. Мерцающий свет слепил глаза. Ее бабушка весила гораздо больше, но Клара никогда не катала ее так далеко.

— Он всегда ходит в город по этой дороге, — сказала она, вытирая ладонью пыль и пот со своего лица, — держись крепче, Луизито! — крикнула она, толкнув коляску вниз по склону, по траве, зеленой от недавних дождей.

— Ты гений, — кричал мальчик, заливаясь смехом, — это лучшее, что может быть на свете! Ты вернула мне счастье. А счастье — это то, что делает людей здоровыми. Я знаю это, потому что сам калека.

Он взволнованно показал своим костылем в небо, — смотри, Клара. Посмотри на грифов над нами. Они так сильны и так свободны, — он схватил ее руку, — взгляни на них! Взгляни на их раскинутые черные крылья! Как вытянуты их ноги под хвостами. Взгляни на их хищные морды, измазанные кровью. Я могу поспорить с тобой, что они счастливы.

— Здесь поблизости бойня, — объяснила Клара.

— Толкай меня туда, где стоят грифы на земле, — просил он, показывая на площадку, где птицы, словно черные тени, сидели у стен бойни.

— Быстрее, Клара! — кричал он, — быстрее!

Гриффы поскакали в сторону, затем лениво поднялись в воздух и, низко облетев круг над ними, взмыли в вышину.

Рассматривая его покрасневшее лицо, его глаза, блеснувшие от возбуждения, Клара знала, что подарила ему счастье. На секунду она отвлеклась и не успела обогнуть большой камень. Луизито упал в заросли высокой травы. Он лежал совершенно неподвижно и выглядел мертвым.

— Луизито, — тревожно окликнула его Клара, встав перед ним на колени.

Он не отвечал. Она осторожно перевернула его. На лбу из ранки сочилась кровь, а щеки были поцарапаны колючками.

Его веки с трепетом открылись. Его глаза, испуганные и озадаченные, смотрели на нее.

— Ты ушибся, — сказала она. Взяв его руку, Клара прижала ее к своему лбу и показала ему его окровавленные пальцы. Но он выглядел таким счастливым и довольным, что девочка просто рассмеялась.

— Давай посмотрим, может быть ты поцарапался где-то еще, — предположила она, — как твоя нога?

Он сел поднял штанину и сказал: — тяги на месте. Когда тяги выворачиваются, мой отец знает, как поправить их.

— Ну а как сама нога? — настаивала она, — все в порядке?

Луизито грустно покачал головой, — она никогда не бывает в порядке, — прошептал он и быстро поправил брюки. Мальчик долго объяснял ей, что такое полиомиелит, — я был у многих докторов, — рассказывал он, — отец возил меня в соединенные штаты и в Европу, но я так и остался калекой, — последние слова он кричал с таким надрывом, что его схватил приступ кашля.

Он робко взглянул на нее, — я пойду с тобой, куда бы ты ни захотела, — сказал он, опустив голову на ее плечо, — клара, а ты правда моя кузина?

— Ты думаешь, что я слишком черненькая, чтобы быть твоей кузиной? — спросила она.

— Нет, — ответил он задумчиво, — ты слишком хорошая, чтобы быть моей кузиной. Ты единственная, кто не смеется надо мной, и в то же время не смотрит на меня с жалостью и презрением, — он вытащил из кармана белый платок, сложил его треугольником, затем скатал и обвязал им лоб, — наверно это лето будет самым лучшим в моей жизни, — в голосе мальчика чувствовалась и радость и грусть, — поехали, кузина, вперед, на поиски нашего дедушки!

Прежде чем открыть дверь столовой, Клара пригладила за уши непокорные прядки волос. После приезда тетюшек из Каркаса дедушка и она больше не завтракали на кухне.

Мария дель Розарио сидела в дальнем конце стола, украшенного цветами в вазах, и нетерпеливо общипывала лепестки. Мария дель Кармен уткнулась в служебник и молча сидела рядом с сестрой. Родители Луизито, прогостив несколько дней в Эль Ринко, уехали в Европу.

— Доброе утро, — пробормотала Клара, занимая свое место у длинного стола рядом с Луизито.

Дон Луис приподнял глаза со своей тарелки и заговорщицки подмигнул ей. Ему хотелось подразнить близняшек, и он продолжал макать булку в кофе, шумно обсасывая ее.

Тетки никогда не ели перед мессой.

Спрятавшись за шоколадницу, Клара украдкой смотрела на неодобрительные лица близняшек. Как они были непохожи на тех юных красивых девочек, чьи портреты висели в гостиной. Их желтые лица, их впалые щуки, темные волосы, связанные на затылке в небольшие пучки, напоминали ей ожесточенных монахинь, которые преподают в школе катехизис.

Самой вредной была Мария дель Розарио. В ее присутствии Клара всегда чувствовала тревогу и беспокойство. У Марии дель Розарио были нервные глаза человека, который долго не спал. Глаза, полные нетерпения и тревоги.

Глаза, которые всегда следили и осуждали. Она выглядела приятной только тогда, когда все шло по ее желанию.

И наоборот, Мария дель Кармен была почти незаметной. Ее глаза, прикрытые тяжелыми веками, сгибались под тяжестью какой-то родовой усталости. Ходила она бесшумно, а говорила так тихо, словно двигала губами по принуждению.

Резкий голос Марии дель Розарио прервал наблюдения Клары, — клара, Луизито не уговорил тебя составить нам компанию на ??????????

??????? В это воскресенье? — обратилась она к девочке в такой манере, словно объявляла приговор.

— Нет. Она не пойдет, — ответил за нее Луизито, — мы собираемся туда вечером, с Эмилией.

Чтобы скрыть улыбку, Клара засунула в рот оладью. Она знала, что Мария дель Розарио настаивать не будет. Клара ненавидела воскресные мессы, а здесь никто не хотел перечить Луизито. Он не слушал никого, кроме дедушки. Стоило его тетушкам хоть в чем-нибудь пойти наперекор его желаниям, он начинал наводить на них ужас. Его неистовство выражалось в безумных ударах костылями по всему, что стояло перед ним, в непристойных жестах и сквернословии. Все это приводило женщин в крайнюю слабость.

— Клара, заканчивай завтрак, — приказала Мария дель Розарио, — служанке надо все убрать, прежде чем мы уйдем. Она тоже пойдет с нами в церковь.

Клара проглотила остатки шоколада и отдала чашку высокой серьезной женщине, которую близняшки привезли с собой из Каркаса. Она была с Канарских островов и вела в доме хозяйство. Эмилию это нисколько не огорчало, и ее единственная забота заключалась в том, чтобы готовить пищу для дон Луиса. Он категорически отказывался есть вегетарианские блюда, обожаемые тетушками, — даже собаки не будут есть эту дрянь, — говорил он всякий раз, когда они приступали к трапезе.

Кларе тоже не очень нравились вегетарианские блюда, но она считала верхом элегантности ежедневные поездки Марии дель Розарио на поля португальских фермеров, где она сама собирала растения для еды, причем платила за них вдвое больше, чем Эмилия на субботнем открытом рынке.

Как только Клара услышала в коридоре легкий стук костылей Луизито, она выскочила в окно и побежала на холм к манговому дереву, росшему у стены.

Не заботясь о своем желтом платье, она вытянулась во всю длину на земле и сбросила башмачки. Не находя удобной позы, она поворачивалась и так и этак. Кровь стучала в ее висках, в груди и бедрах. Это наполняло ее странным желанием, которого она не могла понять. Услышав, что Луизито подходит, Клара резко села.

— Почему ты не отзывалась? — спросил он, опускаясь на землю рядом с ней. Он положил костыли и добавил: — они все ушли, кроме дедушки, конечно.

Улыбаясь, она смотрела ему в лицо с нежным восхищением. Луизито выглядел сонным, тихим, милым, и в то же время отважным. Ей хотелось рассказать ему так много вещей, но она не могла выразить их, — поцелуй меня, как это делают в кино, — потребовала она.

— Хорошо, — шепнул он, и это слово было ответом на все ее смятение, на то странное желание, которого она не понимала, — ах, Негрита, — шептал он, зарываясь лицом в ее шею. Она пахла землей и солнцем.

Его губы шептали, но звука не было. С широко открытыми глазами она наблюдала, как он снимает свои брюки. Она не могла оторвать взгляда.

Его лицо разгоралось растущим воодушевлением, его глаза казалось таяли между длинных ресниц. Бережно, чтобы стальные тяги его протеза не причинили ей боль, он лег на нее.

— Мы останемся вместе навсегда, — говорил Луизито, — я скажу родителям, что только в Эль Ринко мое счастье. И они пришлют мне репетитора сюда.

Клара закрыла глаза. Последние три месяца ее любовь к Луизито стала безумной. Каждый день они наслаждались друг другом в тени мангового дерева, — да, — шептала она, — мы всегда будем вместе, — она обняла его и прижала к себе.

Клара не поняла, что услышала первым: приглушенный вздох Луизито или ужасный вопль Марии дель Розарио. Тетушка заходила в крике. Она подбежала поближе и, понизив голос, грозно зашипела: — Луизито, ты опозорил честь нашей семьи. То, что ты сделал, нельзя даже выразить, — ее строгие, неумолимые глаза ни на секунду не отрывались от красного и белого цветения, нависшего над стеной, — и все из-за тебя, Клара, — продолжала она, — твое поведение не удивительно. Я не сомневаюсь, что ты кончишь той же сточной канавой, откуда и вышла, — она засеменила по ступенькам. На самом верху тетушка остановилась, — мы вернемся в Каркас сегодня же, Луис. И можешь не закатывать своих истерик. Теперь они тебе не помогут.

Все твои жесты противные, вся ругань — это ничто по сравнению с тем, что ты натворил.

Луизито зарыдал. Клара обхватила ладонями его побледневшее лицо и вытерла кончиками пальцев слезы на его ресницах, — мы будем любить друг друга вечно. Мы всегда будем вместе, — сказала она и только тогда позволила ему уйти.

Только сейчас Клара заметила вечерние тени, омрачившие все вокруг нее. Сквозь пелену слез она посмотрела на дерево перед ней. Листва, отпечатанная на звездном небе, сплетала неожиданные непредсказуемые формы.

Быстрый ветер тут же стирал узоры, и все, что запоминалось, было звуком ветра — одинокого плача о прошедшем лете.

— Клара, — позвал дедушка.

Рыдая от угрызений совести и тревоги, она не ответила. Огонек среди фруктовых деревьев больше не шевелился. Уверенность в том, что дедушка будет ожидать ее ответа всю ночь, наполнила ее благодарностью.

Она медленно поднялась, стряхивая листья и сырость со своего платья.

— дедушка, — тихо позвала она, направляясь к огоньку — любви и пониманию — который ожидал ее.

— Взгляни на эту яблоню, — шепнул дон Луис, — я думаю, она снова зацветет следующим летом.

28.

Двумя неделями позже, в воскресный полдень, донья Мерседес сообщила нам, что собирается навестить Эль Ринко.

— Клара снова больна? — встревожено спросила я.

— Нет, — успокоила меня донья Мерседес, поднимаясь с гамака, — я хочу проверить, как она выполняет мои инструкции. Она довольно своенравная пациентка.

Донья Мерседес опустила руки мне на плечи, — сегодня мы с тобой должны помочь Кларе. Мы повернем для нее колесо случая, — она повернулась к платяному шкафу, который закрывал дверь, ведущую на улицу, нашарила ключ, но прежде чем отпереть его, взглянула на меня и сказала: — собери все свои вещи и отнеси их в джип. Увидев, что ты упаковалась, Клара подумает о твоём отъезде в Каркас. Это натолкнет ее на решение воспользоваться твоей поездкой. В глубине души она знает, что ей будет лучше только в том случае, если она покинет Эль Ринко.

Сначала я была поражена тем, что многие из моих вещей пропали, но затем вспомнила, как отдала большинство из них юным пациентам Августина.

— История Клары для тебя просто счастливая находка, — говорила донья Мерседес, помогая мне укладывать чемодан, — по крайней мере я не ожидала такого. История возникла из ничего, но она очень кстати. Поэтому я поощряла тебя говорить с Klarой и проводить с ней время. Я уверена, что в ее тени ты наконец смогла ощутить движение колеса случая в ее жизни. Она — это человек с врожденным даром, естественным контролем над тенью ведьмы.

Действительно, Клара была очень сильной личностью. Правда, я чувствовала, что эмоциональные конфликты делали ее несколько мрачной; она казалась, по крайней мере мне, всегда озабоченной, обдумывающей что-то невысказанное.

Донья Мерседес согласилась с моей оценкой Клары и добавила, что Кларе просто необходима наша помощь, причем совместная.

— И мы поможем ей, — продолжала она, — клара так сильна, что в данный момент заставляет наши тени работать на себя.

— Что все это значит, донья Мерседес?

— Это значит, что ты и я поможем ей уехать, но не потому, что мы такие уж добрые самаритяне, а потому, что она вынуждает нас делать это.

Что-то внутри принуждало меня не соглашаться с ней или, вернее, привести все в порядок.

— Никто не принуждает меня делать что-либо, — сказала я.

Донья Мерседес насмешливо оглядела меня, затем подняла мой чемодан и положила его на заднее сиденье.

— Ты хочешь сказать, что пальцем не шевельнешь, чтобы помочь ей? — спросила она шепотом.

— Нет. Я этого не говорила. Я просто сказала, что Клара меня не принуждает. Я с радостью сделаю это сама, без ее просьб ко мне.

— Ах, ну это же звено. Клара заставляет нас, не говоря ни слова. Ни ты, ни я не можем остаться бесстрастными. Так или иначе, мы были в ее тени слишком долго.

В зеркале заднего обзора я увидела туманную одинокую фигуру Канделярии. Она махнула мне на прощанье и привязала к антенне джипа связку желтых, голубых и красных лент. Они шумно кружились на ветру.

— Как ты думаешь, может быть, Канделярия хочет поехать с нами в Каркас? — спросила я донью Мерседес.

— Нет, — прошептала она сквозь дремоту, — канделярия ненавидит Каркас: как только она достигает окраин столицы, у нее начинаются головные боли.

Когда я остановилась перед Эль Ринко, донья Мерседес выскочила из машины и бросилась в дом. Я быстро нагнала ее, и мы поспешили, увлекаемые звуками метлы.

Клара убирала патио. Она посмотрела на нас, улыбнулась, но ничего не сказала. Казалось, что она подметает тишину и тени, на земле не было ни одного листочка.

Донья Мерседес зажгла две свечи на каменном парапете фонтана, закрыла глаза и стала ждать, когда Клара кончит уборку.

— Я сделала все так, как ты мне говорила, — сказала Клара, усаживаясь между двух зажженных свечей.

Донья Мерседес, не глядя на нее, начала нюхать воздух, пытаюсь распознать какой-то неуловимый аромат, — слушай внимательно, Клара, — резко сказала она, — единственной вещью, которая поможет тебе обрести здоровье, будет твой отъезд из этого дома.

— Почему я должна бросать его? — встревожено спросила Клара, — дедушка оставил этот дом мне. Он хотел, чтобы я оставалась здесь.

Он хотел, чтобы у тебя был дом, — поправила ее донья Мерседес, — но он не хотел, чтобы ты оставалась здесь. Почему ты не вспомнишь того, что он сказал тебе перед смертью?

Донья Мерседес казалась совершенно безразличной к волнениям Клары.

Она зажгла сигару и курила ее медленно, ровными затяжками, массируя в то же время голову и плечи Клары. Она выдувала дым так, словно вырисовывала в воздухе контур молодой женщины.

— Этот дом населен призраками и воспоминаниями, которые не принадлежат тебе, Клара, — продолжала она, — ты только гость в этом доме.

Ты царствовала здесь с момента своего приезда лишь потому, что имела удачу и силу. Они помогали тебе воздействовать на людей, легко общаться с ними.

Но теперь их больше нет. Время твоей удачи прошло. И только призраки остались с тобой. Призраки и тени, которые тебе не принадлежат.

— Что же мне делать? — заплакав спросила Клара.

— Уезжай в Каркас! — воскликнула донья Мерседес, — уезжай и помирись с Луизито.

— Вот оно что! — возмущенно закричала Клара, — как ты смеешь предлагать такое? Это просто неприлично.

— Это слова твоих теток, — донья Мерседес весело посмотрела на нее, откинув голову и расхохоталась, — не будь ослицей, Клара. Если что и неприлично, так это притворяться ханжой. Ну-ка вспомни, чем ты занималась с Луизито, когда тебе было двенадцать?

Клара молчала, собираясь с мыслями, — я не буду торопиться с решением, — она улыбнулась, очертив носком трещину в цементной плите, — пока я не могу оставить все это.

— Если ты не тряпка, то сможешь, — отозвалась донья Мерседес, — отозвалась донья Мерседес, — музия собралась уезжать сегодня. Мы можем отвезти тебя к Луизито.

— А как же Эмилия? — спросила Клара.

— Эмилия будет счастлива с твоими тетушками. Они же хотят вернуться в Эль Ринко. Эти места наполнят их воспоминаниями и забытыми чувствами. Это будет их лучшее время. Тени прошлого затуманят настоящее и развеют их разочарование.

Донья Мерседес замолчала на секунду и, чтобы придать своим словам большую настойчивость, взяла руки Клары в свои.

— Надень свое желтое платье. Желтый цвет идет тебе. Он дает тебе силу. Скорее переодевайся. Не надо больше ничего. Когда ты приехала в Эль Ринко, на тебе было только одно платье: так и уходи, — заметив колебания Клары, она подлила масла в огонь, — это твой последний шанс, девочка. Я уже говорила Музии, что тебе будет лучше только в том случае, если ты будешь любить Луизито так же страстно и бескомпромиссно, как делала это в детстве.

Крупные слезы покатались из глаз Клары, — но я люблю его, — прошептала она, — ты знаешь, что я никого не любила, кроме него.

Донья Мерседес внимательно взглянула на нее, — это правда, — произнесла она и, обернувшись ко мне, добавила: — у нее была дюжина богатых ухажеров. Она получала злобное удовольствие, разочаровывая их всех. Насколько я помню, она всех оставила.

Клара громко расхохоталась. Она обняла донью Мерседес за плечи и поцеловала в щеку, — ты всегда все преувеличиваешь, — ее тон выдавал, в каком она была восторге, — но, несмотря на всех моих поклонников, я никого не любила, кроме Луизито.

Донья Мерседес подхватила ее под руку и повела в комнату, — вырвавшись отсюда, ты сможешь любить Луизито так же, как любила его под облупленными стенами Эль Ринко, — она подтолкнула ее, — иди и одень свое желтое платье. Мы подождем тебя в джипе.

Несмотря на описание Кларой Луизито, я была удивлена, увидев поразительно красивого мужчину, который встретил нас в Каркасе в своих апартаментах. Я знала, что ему около двадцати лет, но выглядел он как подросток. У него были черные курчавые волосы, зеленовато-желтые глаза и гладкая белая кожа. Когда Луизито улыбался, на его щеках появлялись ямочки. Он сильно хромотал, но ничего неуклюжего в его движениях не было. Его привлекательность и уверенные манеры не давали ни малейшего повода для жалости.

Луизито не удивился, увидев нас. А когда он угостил нас пышным обедом, я поняла, что донья Мерседес все устроила заранее.

Мы гостили у них допоздна. Это была незабываемая ночь. Я никогда не видела донью Мерседес в таком прекрасном настроении. Ее безупречное умение подражать людям, которых мы прекрасно знали по Курмине, ее бесчисленные смешные истории, ее талант в их драматизации, ее бесстыдное преувеличение превращали анекдоты в незабываемые рассказы.

Незадолго перед полночью, отклонив приглашение Луизито остаться на ночь Мерседес Перальта встала и обняла Клару и Луизито. Она приблизилась ко мне с распростертыми объятиями.

— Не обнимай меня так. Ты еще не простилась со мной. Я провожу тебя.

— Я рассмеялась и вернула ей объятие.

Я потянулась к зажиганию. Вокруг ключа была намотана цепочка.

Дрожащими пальцами я распутала ее. Это была длинная золотая цепочка с огромной медалью на ней.

— Ты лучше надень ее, — сказала донья Мерседес, взглянув на меня, — это святой Христофор, замечательный покровитель путешественников, — вздох облегчения сорвался с моих губ, когда она села в машину, — так ты будешь лучше защищена. Ведь прежде всего ты путешественница, которая остановилась лишь на миг.

Мы не поехали в Курмину. Донья Мерседес направляла меня, указывая на какие-то улицы. Когда у меня появилось чувство, что мы движемся по кругу, она наконец приказала остановиться перед старым зеленым колониальным домом.

— Кто здесь живет? — спросила я.

— Здесь жили мои предки, — ответила она, — это был их дом. А я только лист этого громадного дерева, — она смотрела на меня так внимательно, словно отпечатывала мое лицо в глубине своих глаз. Склонясь поближе, она шепнула в мое ухо: — ведьма, имея удачу и силу, вращает колесо случая.

Силу можно растить и холить, но удачу нельзя заманить. Ее ничем не завлечь. Удача независима от магии и окружения людей. Она делает свой собственный выбор.

Донья Мерседес пробежала пальцами по моим волосам и добавила: — вот почему она так привлекает ведьм.

Меня наполнило странное предчувствие. Я взглянула на нее вопросительно; но она потянулась к своей корзине и вытащила оттуда красновато-коричневый лист, по форме похожий на бабочку.

— Посмотри на него внимательно, — сказала она, передав мне лист, — души моих предков приказали мне всегда носить с собой сухой лист. Я — этот лист, и мне хочется, чтобы ты забросила его в окно, — она показала на дом перед нами, — когда ты бросишь его, почти заклинание. Я хочу узнать, как сильны твои заклинания.

Желая угодить ей, я осмотрела лист под разными углами, поворачивая его так и этак. Я обшарила взглядом все его внутренности, всю его поверхность, — он действительно красив, — признала я.

— Брось его в окно, — повторила она.

Я перелезла через чугунную решетку, оттолкнула в сторону тяжелую портьеру и, когда заклинания полились из меня, бросила лист внутрь. Вместо того, чтобы упасть на

пол, лист взлетел в верхний угол, к потолку. Это был уже не лист, а огромный мотылек. Я прыгнула в тревоге на землю.

Мерседес Перальты в джипе не было. Уверенная, что она вошла в дом, я тихо постучала в дверь. Она открылась, — донья Мерседес, — прошептала я и шагнула внутрь.

Дом, постройки вокруг патио и темные коридоры напоминали молчаливый темный монастырь. С черной крыши свисали длинные кровельные желоба и металлические кольца болтались в старых, торчащих гнездах.

Я вышла в центр патио, к плакучей иве, окутанной туманом. Крошечные серебряные капли росы на ее листьях, словно призрачные бусы, беззвучно скользили в фонтан. Порыв ветра встряхнул иву, забросав меня сухими листьями. Охваченная необъяснимым ужасом, я выбежала на улицу.

Усевшись в джип, я решила обождать Мерседес Перальту. Под сиденьем что-то было. Я нашла там пачку с записями, нащупала фотоаппарат и кассеты.

Я озадаченно осмотрелась. Ничего, кроме одежды, в машине должно быть не было. К моему великому удивлению, на заднем сидении я обнаружила пакет.

В нем были мои дневники и ленты. К пакету была приклеена недописанная записка. Я узнала четкий почерк Канделарии. "Прощание ведьмы — как пыль на дороге: оно прилипает, если пытаешься отбросить его прочь."

Эпилог.

Я вернулась в Лос-Анджелес, а потом уехала в Мексику к Флоринде.

Выслушав подробное изложение моих приключений, она подчеркнула необычность и необъяснимость того, что моя жизнь в мире доньи Мерседес началась с ее собственной записки, а окончилась запиской Канделярии.

Высмеив то, что она называла моей отчаянной доскональностью, Флоринда тем не менее посоветовала мне посмотреть, могу ли я использовать свои многочисленные записи для диссертации.

Работая с материалом, я обнаружила, что, несмотря на факт отсутствия разработанного плана исследований, события в доме доньи Мерседес казались заранее предназначенными для моего знакомства со спиритами, ведьмами, целителями, людьми, с которыми они общались, и с тем, что они делали в контексте своей повседневной деятельности.

Работая с донье Мерседес, изучая ее собственную систему толкования, я искренне верила, что овладела, по крайней мере интеллектуально, способом целителей рассматривать самих себя, других людей, свое знание. Мне казалось, что моего опыта и записей будет вполне достаточно для диссертации.

Но после расшифровки, перевода и анализа лент и дневников я начала сомневаться в своем интеллектуальном мастерстве целителя. Моя попытка подогнать данные под какую-то структуру оказалась тщетной, мои записи пестрели несоответствиями и противоречиями, и моего знания явно не хватало, чтобы заделать эти мощные пробоны.

По этому поводу Флоринда цинично заявила: надо либо изменить данные, подогнав их под свои теории, либо забыть о диссертации вообще.

Флоринда всегда советовала мне глядеть за поверхность вещей. В случае моих приключений с доньей Мерседес она предложила мне выйти за их возможную академическую ценность. Она считала, что мое академическое пристрастие ослепляло меня большим числом важных аспектов. Я долго читала и перечитывала собранные мной истории доньи Мерседес и наконец поняла то, чего хотела Флоринда. Я поняла, что если пишу свой труд качеств академической ценности и значимости, я должна буду остаться с документом о человеческой ценности — человеческой ценности, совершенно инородной нам, но принимаемой как идеал, стоит нам только вывести себя за обычные рамки отношений.

Своими историями донья Мерседес стремилась показать мне, что ведьмы и даже обычные люди, используя удивительные силы, существующие во вселенной, меняют ход событий или ход своей жизни или жизни других людей. Ход событий она называла "колесом случая", и процесс влияния на него — "тенью ведьмы".

Она претендовала на то, что мы можем менять все путем прямого вмешательства в процесс и в то же время даже не зная, что мы, собственно, это делаем.

Для жителей запада — это немыслимое заявление. Когда мы находим, что влияем на ход событий без прямого вмешательства, то есть без прямого вторжения в них, мы думаем о совпадении, как о единственно серьезном объяснении происходящего, мы верим, что прямое вмешательство представляет собой единственный способ

изменения всего. Например, человек истории, как науки, влияет на события комплексом социальных решений. Или в более мелких масштабах с помощью своих поступков люди прямо вмешиваются в жизнь других людей.

По контрасту, истории, подобранные доньей Мерседес, позволяли осознать то, с чем мы не были знакомы. Они указывали на непонятную возможность стать более влиятельным в формировании хода событий, отказавшись от прямого посредничества.

В целом Флоринда была удовлетворена результатами моей поездки в Венесуэлу. Она хотела, чтобы я получила из первых рук знание о моих скрытых резервах. Ее идея заключалась в том, что, эффективно работая в неизвестном мне окружении, я должна была научиться приспосабливаться к тем ситуациям, которые стояли за границами того, что я знала, принимала и могла предсказать. Флоринда утверждала, что нет ничего более уместного для пробуждения скрытых резервов, чем конфронтация с социально неизвестным.

Моя жизнь в доме доньи Мерседес, взаимодействие с ее пациентами и друзьями была тем самым социально неизвестным.

Я призналась Флоринде, что ее указания из философии женщины-воина — совершенно непонятные мне тогда — фактически стали основой всех моих действий в то время, пока я оставалась у доньи Мерседес.

— Есть много образцов поведения, когда находишься в нормальном окружении, — отозвалась Флоринда, — но когда ты в одиночестве, опасности и темноте, есть лишь один путь — путь воина.

По словам Флоринды, я открыла ценность пути воина и смысл всех его предпосылок. Сталкиваясь с неизвестными жизненными ситуациями, я обнаружила, что для того, чтобы не потерять состояние свободы, не покориться чувству собственной важности, нужна неукротимая свирепость, неистовость, и что моральный приговор, навязанные взгляды могут быть преодолены всеутешительной скромностью, которая не является рабством.

FLORINDA DONNER

SHABONO

A True Adventure in the Remote and Magical Heart of the South American Jungle

“DELL PUBLISHING Co.” NEW YORK 1982

ФЛОРИНДА ДОННЕР

ШАБОНО

Истинное приключение в магической глуши южноамериканских джунглей

Оглавление

<u>Вступление</u>	<u>2</u>	<u>Глава 13</u>	<u>79</u>
<u>Основные имена</u>	<u>4</u>	Часть четвёртая	87
Часть первая	5	<u>Глава 14</u>	<u>87</u>
<u>Глава 1</u>	<u>5</u>	<u>Глава 15</u>	<u>93</u>
<u>Глава 2</u>	<u>8</u>	<u>Глава 16</u>	<u>98</u>
<u>Глава 3</u>	<u>18</u>	<u>Глава 17</u>	<u>101</u>
<u>Глава 4</u>	<u>27</u>	<u>Глава 18</u>	<u>103</u>
<u>Глава 5</u>	<u>31</u>	Часть пятая	109
Часть вторая	35	<u>Глава 19</u>	<u>109</u>
<u>Глава 6</u>	<u>35</u>	<u>Глава 20</u>	<u>118</u>
<u>Глава 7</u>	<u>41</u>	<u>Глава 21</u>	<u>123</u>
<u>Глава 8</u>	<u>47</u>	<u>Глава 22</u>	<u>126</u>
Часть третья	53	Часть шестая	135
<u>Глава 9</u>	<u>53</u>	<u>Глава 23</u>	<u>135</u>
<u>Глава 10</u>	<u>63</u>	<u>Глава 24</u>	<u>142</u>
<u>Глава 11</u>	<u>66</u>	<u>Глава 25</u>	<u>150</u>
<u>Глава 12</u>	<u>72</u>	<u>Глоссарий</u>	<u>154</u>

Вступление

Индейцы Яномама, известные также в антропологической литературе как Ваика, Шаматари, Барафири, Ширишана и Гвахарибо, населяют наиболее изолированные районы вдоль южных границ Венесуэлы и северных — Бразилии. По приблизительной оценке, их от двадцати до тридцати тысяч, и живут они на площади приблизительно в семь тысяч квадратных миль. Эта территория заключена между истоками рек Ориноко, Мавака, Сьяпо, Окамо, Падамо и Вентуари — в Венесуэле и Урарикоэра, Катримани, Димини и Арача — в Бразилии.

Яномама живут в разбросанных по лесу деревушках, называемых шабоно, которые состоят из крытых пальмовыми листьями хижин. Население каждого из этих отдаленных друг от друга поселений варьируется между шестьюдесятью и сотней человек. Некоторые шабоно располагаются неподалеку от католических или протестантских миссий или в других районах, доступных белому человеку, другие — глубже в джунглях. И в наше время существуют настолько изолированные деревни, что у них до сих пор отсутствуют всякие связи с внешним миром.

Эта книга повествует о моей жизни с Итикотери, жителями одного из таких неизвестных шабоно, и представляет собой что-то вроде субъективного антропологического исследования, которое я проводила, изучая целительские практики в Венесуэле. Моя работа как антрополога основывается на том, что именно объективность определяет качество антропологического исследования. Но так случилось, что во время моего совместного существования с этой группой людей Яномама мне не удалось сохранить дистанцию и независимость, необходимые для такого исследования. Особые узы признательности и дружбы с ними сделали для меня невозможным интерпретировать факты или делать выводы из того, что я видела или чему научилась. Возможно, оттого, что я женщина, или из-за моих физических особенностей и некоторых черт характера вначале я была склонна не доверять индейцам. Они же приняли меня как послушную чудачку, и я могла, улучив удобный момент, приспосабливаться к особому ритму их жизни. Работая над этой книгой, я сделала в предварительных записях два изменения. Первое нужно было сделать с именами — название Итикотери так же, как и имена всех описанных в книге людей, вымышленное. Второе изменение коснулось стиля. Для драматического эффекта я изменила последовательность событий, а для удобства чтения представила диалоги, используя свойственный английскому синтаксис и грамматические структуры. Разве можно было литературно перевести их язык, если я не способна даже достаточно компетентно судить о его сложности, гибкости и высокопоэтических метафорических выражениях. Многообразие суффиксов и префиксов придает языку Яномама тончайшие оттенки значений, которые не имеют аналогов в английском языке. Несмотря на то, что я

долго и настойчиво училась, пока сумела различить и воспроизвести большинство их слов, я никогда не смогу говорить на их языке свободно. Однако неспособность овладеть языком не стала помехой при общении с ними. Я научилась «говорить» намного раньше, чем овладела адекватным словарем. Общение было скорее физическим ощущением, чем фактическим обменом словами. Насколько точным был такой взаимообмен, — это уже другое дело. И для меня, и для них это было эффективно. Они извиняли меня за то, что я не всегда могла себя выразить или понять все то, что они передавали словами; кроме того, они и не рассчитывали, что я справлюсь со всеми тонкостями и сложностями их языка. Яномама так же, как и мы сами, имеют свои собственные предубеждения: они считают, что белые инфантильны и поэтому менее понятливы.

Основные имена

ИТИКОТЕРИ (*Eete co teh ree*)

действующие лица

- АНХЕЛИКА (*An geh lee ca*) Старая индеанка из католической миссии, которая организовала путешествие в деревню Иतिकотери.
- МИЛАГРОС (*Mee la gros*) Сын Анхелики, человек, принадлежащий двум мирам, — индейцев и белых людей.
- ПУРИВАРИВЕ (*Puh ree wah ree weh*) Брат Анхелики, старый шаман поселения Иतिकотери.
- КАМОСИВЕ (*Kah mah see weh*) Отец Анхелики.
- АРАСУВЕ (*Arah suh weh*) Зять Милагроса, вождь Иतिकотери.
- ХАЙЯМА (*Наh yah mah*) Старшая сестра Анхелики, теща Арасуве, бабушка Ритими.
- ЭТЕВА (*Eh teh wah*) Зять Арасуве.
- РИТИМИ (*Ree tee mee*) Дочь Арасуве, старшая жена Этевы.
- ТУТЭМИ (*Tuh teh mee*) Вторая, молодая жена Этевы.
- ТЭШОМИ (*Teh sho muh*) Четырехлетняя дочь Ритими и Этевы.
- СУСИВИ (*See see wee*) Шестилетний сын Ритими и Этевы.
- ХОАШИВЕ (*How ba shee weh*) Новорожденный сын Тутеми и Этевы.
- ИРАМАМОВЕ (*Eerah mah moh weh*) Брат Арасуве, шаман поселения Иतिकотери.
- ШОРОВЕ (*Shoh roh weh*) Сын Ирамамове.
- МАТУВЕ (*Mah tuh weh*) Младший сын Хайямы.
- ШОТОМИ (*Shoh toh weh*) Дочь Арасуве, невестка Ритими.
- МОКОТОТЕРИ (*Moh coh toh teh ree*) Жители соседнего шабоно.

Часть первая

Глава 1

Я почти спала, но все же могла ощущать людей, двигающихся вокруг меня. Как будто очень издалека доносилось тихое шуршание босых ног по грязному полу хижины, покашливание, отхаркивание и слабые голоса женщин. Я медленно открыла глаза. Еще не совсем стемнело. В полутьме я могла видеть Ритими и Тутеми, их обнаженные тела, склонившиеся над очагом, где еще тлели угли ночного огня. Листья табака, наполненные водой бутылки из тыквы, колчаны, полные стрел с отравленными наконечниками, черепа животных и пучки зеленых бананов, подвешенные к потолку из пальмовых листьев, казалось, замерли в воздухе под слоем поднимающегося дыма. Зевнув, Тутеми встала. Она потянулась, затем, перегнувшись через край гамака, взяла Хоашиве на руки. Тихонько хихикая, она приблизила лицо к животу ребенка. Пробормотав что-то неразборчивое, она запихнула свой сосок в рот ребенка и со вздохом опустила в гамак. Ритими достала несколько сухих листьев табака и окунула их в тыквенную флягу с водой, затем взяла один влажный лист и, прежде чем свернуть его в шарик, посыпала золой. Положив шарик между десной и нижней губой, она принялась шумно сосать его, продолжая готовить два других. Один она дала Тутеми, а потом подошла ко мне. Я закрыла глаза, притворяясь, что сплю. Присев на корточки у изголовья моего гамака, Ритими сунула свой пахнущий табаком, влажный от слюны палец между моей десной и нижней губой, но не оставила шарик у меня во рту. Посмеиваясь, она направилась к Этеве, который наблюдал за ней из своего гамака. Она сплюнула свой шарик на ладонь и протянула ему. Легкий вздох вырвался из ее губ, когда она поместила третий шарик себе в рот и улеглась сверху на Этеву. Хижина наполнилась дымом от очага, и огонь окончательно согрел прохладный сырой воздух. Пылающий день и ночь очаг был центром каждого жилища. Пятна копоти, остающиеся на пальмовых перекрытиях, отделяли один семейный очаг от другого, так что никто не строил стен между хижинами. Они располагались так близко, что смежные крыши частично перекрывали друг друга, создавая впечатление одного громадного кольцевого жилища. Главный проход в шабоно состоял из нескольких узких промежутков между двумя-тремя хижинами. Каждая хижина поддерживалась двумя длинными и двумя короткими шестами. Более высокая сторона хижины была открыта и обращена к расчищенному месту в центре шабоно. Снаружи низкая сторона хижины была закрыта укрепленной у крыши клиньями стеной из коротких столбов. Тяжелый туман окутывал деревья вокруг. Листья пальм, свисающие с внутренней стороны хижины, причудливо вырисовывались на сером фоне неба. Охотничья собака Этевы подняла голову и, не проснувшись полностью, широко зевнула. Я закрыла глаза, впадая в дремоту от запаха бананов, жарящихся на огне. У меня затекла спина и болели ноги после того, как я практически целый день провела на корточках, выпалывая сорняки в садах неподалеку. Я неожиданно открыла глаза от того, что гамак сильно раскачивался, а маленькое колено

давило мне на живот. Инстинктивно я опустила сетку гамака, чтобы уберечься от тараканов и пауков, постоянно падавших с пальмовой крыши. По крыше и вокруг меня смеясь ползали дети. По сравнению с моей кожа у них была нежнее и теплее. Практически каждое утро с тех пор, как я приехала, дети приходили ко мне и трогали своими пухлыми руками мое лицо, грудь, живот и ноги, уговаривая меня назвать каждую часть тела. Я притворилась, что сплю, и громко захрапела. Два малыша приютились у меня по бокам, а маленькая девочка сверху, давя своей темной головкой в мой подбородок. Они пахли дымом и пылью. Когда я впервые пришла в их деревню глубоко в джунглях между Венесуэлой и Бразилией, то не знала ни слова на их языке. Но для восьмидесяти человек, населяющих шабоно, это не стало препятствием для того, чтобы принять меня. Для индейцев не понимать их язык равносильно тому, что ты ака boreki — немой. То есть меня кормили, любили и прощали; ошибки не замечались, как будто я была ребенком. Большинство моих промахов сопровождалось неистовыми взрывами смеха, который сотрясал их тела до тех пор, пока они не валились на землю и слезы не наполняли их глаза. Давление крошечной ручки на мою щеку прервало мои воспоминания. Тешома, четырехлетняя дочь Ритими и Этевы, лежащая на мне, открыла глаза и, пододвинув свое лицо к моему, начала моргать густыми ресницами напротив моих.

— Разве ты не хочешь вставать? — спросила малышка, запуская свой палец в мои волосы.

— Бананы готовы. Мне не хотелось покидать теплый гамак.

— Интересно, сколько месяцев я провела здесь? — спросила я.

— Много, — в унисон ответило три голоса. Я не удержалась от улыбки. В ответе слышалось звучание более трех голосов.

— Да, много месяцев, — тихо произнесла я. — Ребенок Тутеми еще спал у нее в животе, когда ты пришла, — прошептала Тешома, приютившись напротив меня. Я не то чтобы перестала отдавать себе отчет о времени, но дни, недели и месяцы потеряли свои четкие границы. Только настоящее имело здесь значение. Для этих людей важно было лишь то, что происходило каждый день среди зеленых покровов леса. Вчера и завтра, говорили они, так же неопределенны, как и мимолетные сны, хрупкие, как паутина, которая заметна лишь когда луч света проникает сквозь листву. В течение нескольких первых недель отсчет времени был у меня навязчивой идеей. Я не снимала самозаводящиеся часы днем и ночью и записывала в дневник каждый восход солнца, как будто от этого зависело мое существование. Я не могу точно определить, когда именно во мне произошло странное коренное изменение. Но верю, что все это началось даже до того, как я приехала в поселение Итикотери, — в маленьком городке восточной Венесуэлы, где я изучала целительские практики. После транскрибирования, перевода и анализа многочисленных магнитофонных записей и сотен страниц заметок, собранных в течение многих месяцев работы с тремя целителями в районе Барловенто, я начала серьезно сомневаться в целях и обоснованности моих исследований. Все попытки впихнуть информацию в имеющиеся смысл теоретические рамки оказались бесплодными, потому что материал изобилует противоречиями и несоответствиями. Основной смысл моей работы был в том, чтобы определить значение, которое целительские практики имеют для самих целителей и для их пациентов в контексте повседневной деятельности. Особый интерес представляло исследование того, как социальные условия в терминах здоровья и болезни отражались на их совместной деятельности. Я убедилась, что необходимо овладеть особой манерой, при помощи которой целители относятся друг к другу и к своим знаниям; только

таким образом я смогу ориентироваться в их социуме и внутри их собственной системы интерпретаций. И тогда отчет превратился бы в систему, которой я могла бы оперировать, не налагая собственный культурный опыт. Занимаясь этой работой, я жила в доме доньи Мерседес, одной из трех целителей, с которыми работала. Я не только записывала на магнитофон, наблюдала и интервьюировала целителей и их многочисленных пациентов, но также принимала участие в лечебных сеансах, полностью погружаясь в новую обстановку. Но несмотря на все свои усилия, я день за днем сталкивалась с вопиющим несоответствием их лечебных практик с их собственным толкованием этих практик. Донья Мерседес смеялась над моим замешательством и считала его следствием недостатка гибкости в принятии изменений и новшеств.

— Ты уверена, что я говорила это? — спросила она после прослушивания одной из записей по моему настоянию.

— Ну не я же! — едко заметила я и начала читать свои заметки, надеясь, что она осознает противоречивость информации, которую мне дает.

— Это прекрасные звуки, — сказала донья Мерседес, прерывая мое чтение.

— И ты действительно имеешь в виду меня? Ты сделала из меня настоящего гения. Прочти мне заметки о твоих сеансах с Рафаэлем и Серафино. Так звали двух других целителей, с которыми я работала. Я сделала, как она просила, потом перемотала пленку и прослушала запись еще раз, надеясь, что это поможет мне разобраться с противоречивой информацией. Однако донью Мерседес абсолютно не интересовало то, что она сказала месяц назад. Для нее это было чем-то давно прошедшим, и поэтому не имело значения. Она бесцеремонно дала мне понять, что магнитофон ошибся, записав нечто, чего она не говорила.

— Если я действительно сказала все это, то это твоих рук дело. Всякий раз, когда ты спрашиваешь меня о целительстве, я начинаю говорить, не зная заранее, о чем. Именно ты всегда помещаешь слова в мой рот. Если знаешь как лечить, тебе не нужно суетиться, делая записи или разговаривая об этом. Тебе нужно только делать это. Я не могла согласиться с тем, что моя работа бесполезна, и решила познакомиться с двумя другими целителями. К моему огромному разочарованию, это совершенно не помогло мне. Они подтвердили все несоответствия и описали их еще более явно, чем донья Мерседес. Теперь, когда прошло много времени, мне кажется смешным все это беспокойство по поводу моих неудач. Однажды в приступе гнева я спровоцировала донью Мерседес сжечь все мои заметки. Она охотно согласилась и, сжигая лист за листом, зажгла одно из кадил у статуи Девы Марии на алтаре в ее рабочей комнате.

— Я действительно не могу понять, почему ты так огорчилась из-за того, что сказала твоя машина и что — я, — заметила донья Мерседес, зажигая второе кадило на алтаре.

— Какая разница в том, что делаю я сейчас и что делала несколько месяцев назад? Единственное, что имеет смысл, это то, что больные выздоровели. Несколько лет тому назад сюда приезжали психолог и социолог. Они записали все, что я сказала, на такую же машину, как у тебя. Я полагаю, их машина была лучше: она была намного больше. Они пробыли здесь всего неделю. По полученной информации они написали книгу о целительстве.

— Знаю я эту книгу, — огрызнулась я. — Ине думаю, что это настоящее исследование. Оно примитивно, поверхностно и неверно истолковано. Донья Мерседес лукаво посмотрела на меня, в ее взгляде читалась смесь сострадания и мольбы. Я молча смотрела на последнюю страницу, превращающуюся в пепел, но не беспокоилась о том, что она сделала; у меня был еще английский перевод записей и заметок. Она встала со

своего стула и села рядом со мной на деревянной скамье.

— Ты очень скоро почувствуешь, какой тяжкий груз свалился с твоих плеч, — утешила меня она. Я была вынуждена пуститься в многословное объяснение, касающееся важности изучения западных лечебных практик. Донья Мерседес внимательно слушала с неискренней улыбкой на лице.

— На твоём месте, — посоветовала она, — я бы приняла предложение твоих друзей поехать на охоту на реку Ориноко. Я думаю, ты не пожалеешь об этом. Несмотря на то, что мне хотелось вернуться в ЛосАнжелес как можно скорее, чтобы закончить работу, я серьёзно обдумывала приглашение моего друга отправиться в двухнедельную поездку в джунгли. Охота меня не интересовала, но я верила, что может предоставиться возможность встречи с шаманом или посещения целительской церемонии при помощи одного индейского гида, которого мой друг планировал нанять по прибытии в католическую миссию, бывшую последним оплотом цивилизации. — Я думаю, мне стоит поехать, — сказала я донье Мерседес.

— Может быть, я встречу великого индейского целителя, который расскажет мне то, чего не знаешь даже ты.

— Уверена, ты услышишь множество интересных вещей, — засмеялась донья Мерседес.

— Но не спеши их записывать, там тебе не следует делать никаких исследований. — В самом деле? Откуда ты это знаешь? — Вспомни, я — bruja, — сказала она, потрепав меня по щеке. Ее глаза были полны невыразимой доброты.

— И не беспокойся о твоих английских записях, спрятанных в столе. К тому времени, когда ты вернешься, они тебе уже не будут нужны.

Глава 2

Неделю спустя я вместе со своим другом летела в маленьком самолёте в одну из католических миссий в верхнем течении Ориноко. Там мы должны были встретиться с остальными членами группы, которые несколькими днями раньше тронулись в путь на лодке с охотничьим снаряжением и запасом продуктов, достаточным для двухнедельного пребывания в джунглях. Мой друг жаждал показать мне все прелести мутного и бурного Ориноко. Он отважно и мастерски маневрировал своим самолётиком. В какой-то момент мы так низко пролетели над поверхностью воды, что распугали аллигаторов, нежившихся под солнышком на песчаной отмели. В следующее мгновение мы уже были высоко в воздухе над бескрайним непроходимым лесом. Не успевала я перевести дух, как он снова пикировал, причем так низко, что мы могли разглядеть черепа, гревшихся на древесных стволах у речных берегов. Меня трясло от тошноты и головокружения, когда мы наконец приземлились на небольшой площадке рядом с возделанными полями миссии. Нас радушно встретили отец Кориолано, священник, возглавлявший миссию, остальные члены группы, прибывшие днем раньше, и несколько индейцев, которые, возбужденно галдя и толкаясь, пытались забраться в маленький самолётик. Отец Кориолано повел нас мимо посевов маиса, маниоки, банановых и тростниковых плантаций. Это был тощий,

длиннорукий и коротконогий человек. Под тяжелыми бровями прятались глубоко сидящие глаза, а все лицо покрывала густая, давно не стриженная борода. С его черной сутаной явно не вязалась потрепанная соломенная шляпа, которую он постоянно сдвигал на затылок, чтобы дать ветерку подсушить вспотевший лоб. Пока мы дошли до грубо сколоченного причала из вбитых в илистый берег свай, к которому была привязана лодка, одежда влажно облепила мое тело. Здесь мы остановились, и отец Кориолано заговорил о нашем завтрашнем отъезде. А меня окружила группа индейских женщин, не говоривших ни слова, лишь робко мне улыбавшихся. Их мешковатые платья задирались спереди и обвисали сзади, так что можно было подумать, что все они беременны. Среди них была одна старушка, такая маленькая и сморщенная, что походила на старого ребенка. Она не улыбалась, как другие. В глазах старушки, протянувшей мне руку, стояла немая мольба. Я испытала какое-то странное чувство, увидев её полные слез глаза; я не хотела, чтобы они покатались по её щекам цвета глины. Я подала ей руку. С довольной улыбкой она повела меня к фруктовым деревьям, окружавшим длинное одноэтажное здание миссии. В тени широкого навеса, как бы продолжавшего шиферную крышу, сидели на корточках несколько стариков с эмалированными жестяными кружками в дрожащих руках. Все они были в одежде цвета хаки, их лица наполовину скрывали пропотевшие соломенные шляпы. Они смеялись и болтали высокими визгливыми голосами, причмокивая над кофе, щедро сдобренным ромом. На плечах одного из них восседала пара крикливых попугаев с яркими подрезанными крыльями. Я не разглядела ни лиц этих людей, ни цвет их кожи. Говорили они вроде бы по-испански, но я их не понимала.

— Кто эти люди, индейцы? — спросила я старуху, когда та привела меня в комнатуху в дальней части одного из окружавших миссию домов. Старушка рассмеялась. Она направила на меня спокойный взгляд глаз, еле видных сквозь узкие щелочки век. — Это *racionales*. Тех, кто не индейцы, называют *racionales*, — повторила она.

— Эти старики здесь уже очень давно. Они приходили сюда искать золото и алмазы. — Нашли что-нибудь? — Многие нашли.

— Почему же они все еще здесь? — Это те, кто не может вернуться туда, откуда пришли, — сказала она, положив костлявые руки мне на плечи. Меня не удивил этот жест. В ее прикосновении было столько сердечности и нежности. Я просто подумала, что она немного не в себе.

— Они потеряли в лесу свои души. Глаза старухи расширились; они были цвета табачных листьев. Не зная, что сказать, я отвела глаза от ее пристального взгляда и осмотрела комнату. Покрывавшая стены голубая краска выгорела на солнце и слущивалась от сырости. Возле узкого окна стояла грубо сколоченная деревянная кровать. Она походила на огромную колыбель, затянутую противомоскитной сеткой. Чем дольше я на нее смотрела, тем больше она напоминала клетку, в которую можно попасть, лишь подняв тяжелый затянутый сеткой колпак.

— Меня зовут Анхелика, — сказала старуха, не сводя с меня внимательных глаз.

— Это все, что ты с собой привезла? — спросила она, снимая у меня со спины оранжевый рюкзак. В немом изумлении я смотрела, как она достает оттуда мое белье, пару джинсов и длинную майку.

— Это все, что понадобится мне на две недели, — сказала я, указывая на фотоаппарат и туалетный набор на дне рюкзака. Она осторожно вынула

фотоаппарат, расстегнула пластиковую косметичку и вытряхнула ее содержимое на пол. Там был гребень, маникюрные ножницы, зубная паста и щетка, флакончик шампуня и кусок мыла. Удивленно покачав головой, она вывернула рюкзак наизнанку и рассеянным жестом убрала прилипшую ко лбу прядь темных волос. В глазах ее промелькнуло какое-то смутное воспоминание, а лицо сморщилось в улыбке. Она снова уложила все в рюкзак и, ни слова не говоря, отвела меня обратно к друзьям. После того как вся миссия погрузилась в тишину и мрак, я еще долго не спала, прислушиваясь к незнакомым ночным звукам, доносившимся через раскрытое окно. Не знаю, то ли из-за усталости, то ли из-за пронизывающей всю миссию атмосферы покоя, но в тот вечер, перед тем как заснуть, я решила не ехать с друзьями в охотничью экспедицию. Вместо этого я собралась провести две недели в миссии. Никто, к счастью, не возражал. Напротив, все, кажется, почувствовали облегчение. Не говоря этого вслух, кое-кто из моих друзей считал, что человеку, не умеющему обращаться с ружьем, на охоте делать нечего. Я завороченно смотрела, как прозрачная синева воздуха растворяет ночные тени. По всему небу разливался этот мягкий оттенок, выявляя очертания ветвей и листья, качающейся на ветерке у моего окна. Одинокй крик обезьяны-ревуна был последним, что я услышала, прежде чем провалиться в глубокий сон.

— Стало быть, вы антрополог,— сказал на следующий день за ланчем отец Кориолано.

— Все антропологи, которых мне доводилось видеть до сих пор, были нагружены звукозаписывающей и снимающей аппаратурой и еще Бог весть какой всячиной.

— Он предложил мне еще порцию запеченной рыбы и кукурузы в тесте.

— Вас интересуют индейцы? Я объяснила ему, чем занималась в Барловенто, упомянув и те трудности, с которыми столкнулась при получении данных.— Пока я здесь, я хотела бы увидеть несколько сеансов исцеления.

— Боюсь, что здесь вы вряд ли что-нибудь такое увидите, — сказал отец Кориолано, выбирая застрявшие в бороде крошки маниоковой лепешки.

— У нас тут хорошо оборудованный диспансер. Индейцы издавна приводят сюда больных. Но я, возможно, смогу устроить вам посещение какой-нибудь деревни поблизости, где вы могли бы повидать шамана.

— Если такое возможно, я была бы вам очень признательна, — сказала я.

— Не могу сказать, что я приехала сюда заниматься работой в поле, но увидеть шамана было бы интересно.

— Не очень-то вы похожи на антрополога.

— Густые брови отца Кориолано поднялись и сдвинулись.

— Конечно, большинство тех, кого я встречал, были мужчины, но было и несколько женщин. — Он почесал голову.

— Вы как-то не соответствуете моему представлению о женщине-антропологе.

— Не можем же мы все быть похожими друг на друга,— легким тоном сказала я, подумывая, кого это он мог встретить. — Пожалуй, верно,— сказал он застенчиво.

— Я просто хочу сказать, что на вид вы не совсем взрослая. Сегодня утром после того, как уехали ваши друзья, разные люди спрашивали меня, почему они оставили ребенка у меня. Еге) глаза живо засветились, когда он стал подтрунивать над индейцами, ожидающими, что взрослый белый непременно должен превосходить их ростом. —

Особенно когда у них светлые волосы и голубые глаза,— сказал он.

— Считается, что они-то должны быть настоящими великанами. В эту ночь в моей заткнутой сеткой колыбели мне привиделся жуткий кошмар. Мне приснилось, будто ее крышка намертво прибита гвоздями. Все мои попытки вырваться на свободу разбивались о плотно пригнанную крышку. Меня охватила паника. Я закричала и стала трясти раму, пока вся эта хитроумная конструкция не опрокинулась вверх дном. Все еще в полусне я лежала на полу, голова моя покоилась на обвисшей груди старухи. Какое-то время я не могла вспомнить, где я. Детский страх заставил меня теснее прижаться к старой индеанке, я знала, что здесь я в безопасности. Старуха растирала мне макушку и нашептывала на ухо непонятные слова, пока я окончательно не проснулась. Уверенность и покой вернулись ко мне от ее прикосновения и непривычного гнусавого голоса. Это чувство не поддавалось разумному объяснению, но было в ней нечто такое, что заставляло меня прижиматься к ней. Она отвела меня в свою комнатку за кухней. Я улеглась рядом с ней в привязанном к двум столбам тяжелом гамаке. Чувствуя оберегающее присутствие этой странной старой женщины, я без всякого страха закрыла глаза. Слабое биение ее сердца и капли воды, просачивающейся сквозь глиняный жбан, увели меня в сон.

— Тебе намного лучше будет спать здесь,— сказала на другое утро старуха, подвешивая мой хлопчатобумажный гамак рядом со своим. С того

дня Анхелика не отходила от меня ни на шаг. Большую часть времени мы проводили у реки, болтая и купаясь у самого берега, где красно-серый песок напоминал золу, смешанную с кровью. В полном умиротворении я часами наблюдала за тем, как индеанки стирают одежду, и слушала рассказы Анхелики о былых временах. Словно бредущие по небу облака, ее слова сливались с образами женщин, полощущих белье и раскладывающих его на камнях для просушки. В отличие от большинства индейцев в миссии, Анхелика не принадлежала к племени Макиритаре. Совсем молоденькой ее выдали за мужчину из этого племени. Она любила повторять, что он хорошо с ней обращался. Она быстро усвоила их обычаи, которые не особенно отличались от обычаев ее народа. А еще она побывала в городе. Она так и не сказала мне, в каком именно. Не сказала она и своего индейского имени, которого, согласно обычаям ее народа, нельзя было произносить вслух. Стоило ей заговорить о прошлом, как ее голос обретал непривычное для моих ушей звучание. Она начинала гнусавить и часто переходила с испанского языка на родной, путая место и время событий. Нередко она останавливалась посреди фразы; лишь несколько часов спустя, а то и на другой день она возобновляла разговор с того самого места, на котором остановилась, словно беседа в такой манере была самым обычным делом на свете.

— Я отведу тебя к моему народу, — сказала Анхелика как-то после полудня, взглянув на меня с мимолетной улыбкой. Я почувствовала, что она готова сказать больше, и подумала, не знает ли она, что отец Кориолано договорился с мистером Бартом, чтобы тот взял меня с собой в ближайшую деревню Макиритаре. Мистер Барт был американским старателем, который больше двадцати лет провел в венесуэльских джунглях. Он жил ниже по течению с женой-индеанкой и по вечерам частенько по собственной инициативе заходил в миссию на ужин. Хотя желания возвращаться в Штаты у него не было, он с огромным удовольствием слушал рассказы о них.

— Я отведу тебя к моему народу, — повторила Анхелика.

— Туда много дней пути. Милагрос поведет нас через джунгли.

— Кто такой Милагрос? — Индеец, как и я. Он хорошо говорит по-испански. — Анхелика с явным ликованием потеряла руки.

— Он должен был быть проводником у твоих друзей, но решил остаться. Теперь я знаю, почему. В голосе Анхелики была странная глубина; глаза ее блестели, и снова, как в день приезда, мне показалось, что она немного не в себе.

— Он с самого начала знал, что понадобится нам как проводник, — сказала старуха. Веки ее опустились, словно у нее не осталось больше сил поднять их. Внезапно, будто испугавшись что уснет, она широко раскрыла глаза.

— И неважно, что ты мне сейчас скажешь. Я знаю, что ты пойдешь со мной. Эту ночь я лежала в гамаке, не в силах заснуть. По дыханию Анхелики я знала, что она спит. А я молилась, чтоб она не забыла о своем предложении взять меня с собой в джунгли. В голове у меня вертелись слова доньи Мерседес: «К тому времени, как ты вернешься, твои записи тебе уже не понадобятся». Может, у индейцев я проведу кое-какую полевую работу. При этой мысли мне стало весело. Магнитофона я с собой не взяла; не было у меня ни бумаги, ни карандашей — только маленький блокнот и шариковая ручка. Я привезла фотоаппарат, но к нему было лишь три кассеты с пленкой. Я беспокойно завертелась в гамаке. Нет, у меня не было ни малейшего намерения отправляться в джунгли со старухой, которую я считала немного сумасшедшей, и индейцем, которого никогда в жизни не видела. И все же в этом переходе через джунгли был такой соблазн. Я безтруда могла бы устроить себе небольшой отпуск. Никакие сроки меня не поджимали, никто меня не ждал. Друзьям я могла бы оставить письмо с объяснением своего внезапного решения. Да их это и не особенно встревожит. Чем больше я об этом думала, тем сильнее меня интриговала эта затея. Отец Кориолано, разумеется, снабдит меня достаточным количеством бумаги и карандашей. И, возможно, донья Мерседес была права. Старые записи о практике целительства могут оказаться ненужными, когда — и если, — закралась зловещая мысль, — я вернусь из этого путешествия. Я выбралась из гамака и посмотрела на спящую тщедушную старуху. Словно почувствовав мой взгляд, ее веки затрепетали, губы зашевелились: — Я не умру здесь, а умру среди моего народа. Мое тело сожгут, а мой пепел останется с ними. Глаза ее медленно раскрылись; они были тусклы, затуманены сном и ничего не выражали, но в ее голосе я уловила глубокую печаль. Я прикоснулась к ее впалым щекам. Она улыбнулась мне, но мысли ее были где-то далеко. Я проснулась, ощутив на себе чей-то взгляд. Анхелика сказала, что ждала, пока я проснусь. Она жестом пригласила меня взглянуть на лубяной коробок величиной с дамскую сумочку, стоявший рядом с ней. Она подняла плотно пригнанную крышку и с большим удовольствием принялась показывать мне каждый предмет, всякий раз взрываясь бурей радостных и удивленных восклицаний, словно видела их впервые в жизни. Там было зеркальце, гребешок, бусы из искусственного жемчуга, несколько пустых баночек из-под крема «Пондс», губная помада, пара ржавых ножниц, вылинявшая блузка и юбка.

— А это что, по-твоему, такое? — спросила она, пряча что-то за спиной. Я созналась в своем невежестве, и она рассмеялась: — Это моя книжка для письма.

— Она открыла блокнот с пожелтевшими от времени страницами. На каждой странице виднелись ряды корявых букв. — Смотри.

— Достав из короба карандашный огрызок, она стала выводить печатными буквами свое имя.

— Я научилась этому в другой миссии. Намного большей, чем эта. Там еще была школа. Это было много лет назад, но я не забыла, чему там научилась.

— Она снова и снова писала свое имя на поблекших страницах.

— Тебе нравится? — Очень.

— Я зачарованно смотрела, как эта старая женщина сидит на корточках, сильно наклонись вперед и почти касаясь головой лежащего на земляном полу блокнота. Умудряясь сохранять равновесие в такой позе, она продолжала старательно выписывать буквы своего имени. Внезапно закрыв блокнот, она выпрямилась. — Я побывала в городе, — сказала она, глядя куда-то в окно.

— В городе полно людей и все на одно лицо. Сначала мне это нравилось, но потом я быстро устала. Слишком за многим надо было уследить. Да еще столько шума. Говорили не только люди, но и вещи.

— Она помолчала, нахмурившись и изо всех сил стараясь сосредоточиться; все морщины на ее лице обрисовались резче. Наконец она сказала: — Город мне совсем не понравился. Я спросила, в каком городе она была и в какой миссии выучилась писать свое имя. Она посмотрела на меня так, словно не расслышала вопросов, и продолжала свой рассказ. Как и раньше, она начала путать место и время событий, временами сбиваясь на родной язык. То и дело она смеялась, повторяя одно и то же: — Я не отправлюсь на небеса отца Кориолано. — Ты всерьез собираешься идти к своему народу? — спросила я.

— А ты не думаешь, что двум женщинам опасно отправляться в лес? Ты хоть знаешь дорогу? — Конечно, знаю, — сказала она, резко выходя из состояния, близкого к трансу.

— Старухе бояться нечего.

— Но я-то не старуха. Она погладила меня по волосам.

— Ты не старуха, но у тебя волосы цвета пальмовых волокон и глаза цвета неба. Ты тоже будешь в безопасности. — Я уверена, что мы заблудимся, — тихо сказала я.

— Ты даже не помнишь, как давно ты в последний раз видела свой народ. Ты сама мне говорила, что они все дальше уходят в лес. — С нами идет Милагрос, — убежденно заявила Анхелика.

— Он хорошо знает лес. Он знает обо всех людях, какие живут в джунглях. — Анхелика начала укладывать свои пожитки в лубяной коробок.

— Пойду-ка я поищу его, чтобы мы смогли тронуться в путь как можно скорее. Тебе надо будет дать ему что-нибудь. — У меня нет ничего такого, что ему бы хотелось, — сказала я.

— Может, я договорюсь с друзьями, чтобы они оставили привезенные с собой мачете в миссии для Милагроса. — Отдай ему свой фотоаппарат, — предложила Анхелика.

— Я знаю, что он хочет иметь фотоаппарат не меньше, чем еще одно мачете.

— А он знает, как пользоваться фотоаппаратом? — Не знаю.

— Она хихикнула, прикрыв рот ладонью.

— Он мне как-то сказал, что хочет делать снимки белых людей, которые приезжают в миссию поглазеть на индейцев. Я отнюдь не жаждала расставаться с фотоаппаратом. Он был хороший и очень дорогой. Я пожалела, что не взяла с собой другого, подешевле.

— Я отдам ему фотоаппарат, — сказала я в надежде, что когда объясню Милагросу, как сложно им пользоваться, он сам выберет мачете.

— Чем меньше нести, тем лучше, — сказала Анхелика, со стуком захлопывая крышку коробка.

— Все это я отдам какой-нибудь здешней женщине. Мне оно больше не понадобится. Когда идешь с пустыми руками, никому от тебя ничего не нужно.

— Я хотела бы взять гамак, который ты мне дала, — пошутила я.

— А что, неплохая мысль, — посмотрела на меня Анхелика и кивнула.

— Ты беспокойно спишь и, наверное, не сможешь спать в гамаках из лыка, как мой народ. — Взяв коробок, она собралась уходить из комнаты.

— Я вернусь, когда разыщу Милагроса. Допивая свой кофе, отец Кориолано смотрел на меня так, словно впервые видел. Опершись о стул, он с большим усилием поднялся с места. Он глядел на меня в полной растерянности, не говоря ни слова. Это было молчание старого человека.

Увидев, как он провел по лицу негнувшимся скрюченными пальцами, я впервые осознала, какой он, в сущности, хилый старик.

— Вы с ума сошли, собираясь идти в джунгли с Анхеликой, — сказал он наконец. — Она очень стара; далеко она не пойдет. Пеший переход по лесу — это вам не экскурсия.

— С нами пойдет Милагрос. Глубоко задумавшись, отец Кориолано отвернулся к окну, то и дело дергая себя за бороду.

— Милагрос отказался идти с вашими друзьями. Не сомневаюсь, что он и Анхелику откажется вести в джунгли. — Он пойдет.

— Моя уверенность была совершенно необъяснимой. Она полностью противоречила всякому здравому смыслу.

— Станный он человек, хотя и вполне надежный, — задумчиво сказал отец Кориолано.

— Он был проводником в разных экспедициях. И все же... — Отец Кориолано снова сел и, наклонившись ко мне, продолжал: — Вы не готовы идти в джунгли. Вы даже не представляете, с какими трудностями и опасностями связано такое предприятие. У вас даже обуви подходящей нет.

— Разные люди, побывавшие в джунглях, говорили мне, что для этого нет ничего лучше теннисных туфель. Они, не сжимаясь, быстро высыхают на ногах, и от них не бывает волдырей. Отец Кориолано пропустил мое замечание мимо ушей. — Почему вы так хотите идти? — спросил он раздраженно.

— Мистер Барт отведет вас на встречу с шаманом Макиритаре; вы увидите сеанс исцеления, и вам не надо будет так далеко ходить. — Я и в самом деле не знаю, почему хочу туда идти, — беспомощно сказала я, посмотрев на него.

— Возможно, я хочу увидеть нечто большее, чем сеанс исцеления. Собственно, я хотела попросить вас дать мне бумагу и карандаши.

— А как же ваши друзья? Что я им скажу? Что вы просто взяли и исчезли вместе с выжившей из ума старухой? — спрашивал он, наливая себе еще кофе.

— Я здесь вот уже тридцать лет и ни разу не слышал о таком нелепом плане. Время сиесты уже прошло, но в миссии все еще царила тишина, когда я растянулась в своем гамаке в тени густо сплетенных ветвей и зубчатых листьев двух деревьев *eromogosa*. Вдалеке я увидела высокую фигуру мистера Барта, направлявшегося к миссии. Странно, подумала я, ведь он обычно приходил по вечерам. А потом я догадалась, зачем он пришел. Он присел на корточки у ступенек, ведущих на веранду неподалеку от места, где ялежала, и закурил одну из привезенных моими друзьями сигарет. Мистеру Барту, похоже, было не по себе. Он встал и прошелся тудасюда, словно часовой на посту. Я совсем было собралась его позвать, когда он заговорил сам с собой, выдыхая слова с дымом. Он почесал белую щетину на подбородке, поскреб один ботинок о другой, чтобы счистить

налипшую грязь, будто пытался избавиться от не дававших ему покоя мыслей.

— Вы пришли рассказать мне об алмазах, которые нашли в ГранСабана? — спросила я вместо приветствия, надеясь развеять меланхолическое выражение в его добродушных карих глазах. Он затаился сигаретой и выпустил дым через нос короткими клубами. Выплюнув несколько табачных крошек, прилипших к кончику языка, он спросил: — Почему вы хотите идти с Анхеликой в лес? — Я уже говорила отцу Кориолано, что не знаю. Мистер Барт тихо повторил мои слова, но уже с вопросительной интонацией. Закурив очередную сигарету, он медленно выпустил дым, глядя, как его завитки постепенно тают в прозрачном воздухе.

— Идемте-ка пройдемся, — предложил он. Мы не спеша шли по берегу реки, где огромные переплетенные корни выползали из земли, словно изваяния из дерева и ила. Теплая липкая влажность очень скоро пропитала всю мою кожу. Из-под толстого слоя веток и листьев мистер Барт вытащил каноэ, толкнул его в воду и жестом велел мне сесть в него. Он направил лодку прямо через реку, держа курс на небольшую заводь на левом берегу, которая давала некоторую защиту от мощного течения. Точными сильными движениями он направлял каноэ против течения, пока мы не добрались до узкого притока. Бамбуковые заросли уступили место мрачной густой растительности, бесконечной стене деревьев, тесно столпившихся у самого берега. Корневища и ветви нависали над водой; по деревьям ползли лианы, словно змеи обвиваясь вокруг стволов, стремясь сокрушить их в смертельной хватке.

— Ага, вот она, — сказал мистер Барт, указав на просвет в этой, казалось бы, непроницаемой стене. Мы протаскивали лодку по болотистому берегу и надежно привязали к стволу дерева. Солнце едва пробивалось сквозь густую листву; чем дальше я шла сквозь заросли следом за мистером Бартом, тем больше все краски сливались в прозрачную зелень. Лианы и ветки цеплялись за меня как живые. Жара здесь уже не была такой сильной, но из-за липкой влажности одежда пристала ко мне, как слизь. Вскоре лицо мое покрылось слоем растительной трухи и паутины, от которой шел запах разложения.

— Это и есть тропа? — недоверчиво спросила я, чуть не вступив в лужу зеленоватой воды. Ее поверхность кишела сотнями насекомых, беспокойно суесящихся в мутной жиже. Куда-то улетели испуганные птицы, и в этой сплошной зелени я не смогла различить ни их цвета, ни величины, а только услышала их возмущенные крики в знак протеста против нашего вторжения. Я поняла, что мистер Барт старается напугать меня. Мысль о том, что он, возможно, ведет меня в другую католическую миссию, тоже приходила мне в голову.

— Это и есть тропа? — спросила я еще раз. Мистер Барт резко остановился перед деревом, таким высоким, что его верхние ветви, казалось, задевали небо. Ползучие растения тянулись вверх, обвиваясь вокруг ствола и веток.

— Я собирался преподать вам урок и напугать до полусмерти, — мрачно сказал мистер Барт.

— Но все, что я готовился вам сказать, сейчас прозвучало бы глупо. Так что передохнем немного и пойдем обратно. Мистер Барт позволил лодке плыть по течению, берясь за весло лишь тогда, когда ее заносило слишком близко к берегу.

— Джунгли — это мир, который невозможно себе представить, — сказал он. — Я не могу вам его описать, хотя так часто испытывал его на своей шкуре. Это дело личное. Опыт каждого человека уникален и не похож на другие. Вместо того чтобы вернуться в миссию, мистер Барт пригласил меня к себе домой. Это была большая круглая хижина с конической крышей из пальмовых листьев. Внутри было довольно темно; свет попадал

внутри только через небольшой вход и прямоугольное окно в крыше с люком из пальмовых листьев, который открывался с помощью блока из сыромятной кожи. Посреди хижины висели два гамака. Вдоль побеленных стен стояли корзины, полные книг и журналов; над ними висели калабаши, кухонная утварь, мачете и ружье. С одного из гамаков поднялась нагая молодая женщина. Она была высока ростом, полногруда, с широкими бедрами, но лицо ее было лицом ребенка, круглым и гладким, с раскосыми темными глазами. Улыбнувшись, она потянулась за платьем, висевшим у плетеного опахала для раздувания огня.

— Кофе? — спросила она по-испански, усаживаясь у очага на земляной пол, уставленный алюминиевыми кастрюлями и сковородками.

— Вы хорошо знаете Милагроса? — спросила я у мистера Барта после того, как он познакомил меня со своей женой, и все мы расселись в гамаках, причем мы с молодой женщиной сели вдвоем в один гамак.

— Трудно сказать, — ответил он, берясь за стоящую на полу кружку с кофе.

— Он приходит и уходит; он как река. Он никогда не останавливается и, похоже, никогда не отдыхает. Как далеко Милагрос уходит, как долго он там остается, этого никто не знает. Все, что я слышал, — это то, что какие-то белые людизабрали его в юности из родного племени. Рассказывает он об этом всегда по-разному. То он говорит, что это были сборщики каучука, то — что это были миссионеры, а в другой раз может сказать, что это были старатели, ученые. Неважно, кто это был, но с ними он путешествовал много лет. — А из какого он племени? Где живет? — Он из племени Макиритаре,

— сказал мистер Барт.

— Но никто не знает, где он живет. Время от времени он возвращается к своим сородичам. Но из какой он деревни, я не знаю.

— Анхелика ушла его искать. Интересно, знает ли она, где его можно найти? — Знает наверняка, — сказал мистер Барт.

— Они очень близки. Я не удивлюсь, если они окажутся в каком-то родстве.

— Он поставил кружку на землю, выбрался из гамака и на мгновение исчез в густом кустарнике рядом с хижинкой. Спустя несколько секунд мистер Барт появился снова с небольшой жестянкой в руках.

— Откройте ее, — сказал он, вручая мне жестянку. Внутри был маленький кожаный мешочек.

— Алмазы? — спросила я, пробуя его на ощупь. Мистер Барт, улыбнувшись, кивнул и жестом пригласил меня подсесть к нему поближе на земляном полу. Он снял рубашку, расстелил на полу и попросил меня высыпать на нее содержимое мешочка. Я едва могла скрыть разочарование. Эти камни не сверкали; они были скорее похожи на мутный кварц. — Вы уверены, что это алмазы? — спросила я.

— Совершенно уверен, — ответил мистер Барт, кладя мне в ладонь камень величиной с ягодный помидор. Если его как следует огранить, получится очень славное колечко.

— Вы здесь нашли эти алмазы? — Нет, — рассмеялся мистер Барт.

— Недалеко от Сьерра Паримы, много лет назад.

— Полуприкрыв глаза, он стал раскачиваться взад-вперед. Щеки его покрывала багровая сетка склеротических сосудов, щетина на подбородке была чуть влажной.

— Давным-давно единственной целью в моей жизни было найти алмазы, чтобы

вернуться домой богачом.

— Мистер Барт тяжело вздохнул, уставясь глазами куда-то за пределы хижины.

— А потом в один прекрасный день я понял, что моя мечта разбогатеть, так сказать, пересохла; она перестала быть навязчивой идеей, да и сам я уже не хотел возвращаться в мир, который знал когда-то. И я остался здесь.

— В глазах мистера Барта блеснули слезы, когда он сделал жест в сторону алмазов.
— С ними — Он часто замигал, потом взглянул на меня и улыбнулся.

— Я люблю их, как люблю эти края. Я так много хотела у него спросить, но побоялась вконец его расстроить. И мы умолкли, прислушиваясь к ровному, тихому журчанию реки. Мистер Барт заговорил снова: — А знаете, антропологи и миссионеры одного поля ягода. Для этой земли плохи и те, и другие. Антропологи даже лицемернее; они жульничают и лгут ради того, чтобы заполучить нужную информацию. По-моему, они свято верят, что во имя науки всякие средства хороши. Нет, нет, не перебивайте меня, — предупредил мистер Барт, замахав рукой у меня перед лицом.

— Антропологи, — продолжал он тем же резким тоном, — жаловались мне на заносчивость миссионеров, на их бесцеремонное и высокомерное отношение к индейцам. А сами-то хороши, никто так нагло не сует нос в дела других людей, как они, да еще так, будто имеют на это полное право.

— Мистер Барт глубоко вздохнул, словно эта вспышка исчерпала его силы. Опасаясь новой вспышки, я решила не защищать антропологов и утешилась разглядыванием алмаза, лежавшего у меня на ладони. — Очень красивый, — сказала я, возвращая камень.

— Оставьте его себе, — сказал он и начал собирать остальные камешки. Один за другим он бросал их в кожаный мешочек.

— Боюсь, что не смогу принять такой ценный подарок, — хихикнула я и в свое оправдание добавила: — Я не ношу драгоценностей.

— А вы не считайте это ценным подарком. Считайте его талисманом. Это только горожане считают его драгоценностью, — сказал он небрежно, сжав мои пальцы на камне.
— Он принесет вам удачу.

— Он поднялся, расправив ладонями отсыревшие сзади штаны, и растянулся в гамаке. Молодая женщина снова наполнила наши кружки. Потягивая приторно сладкий кофе, мы смотрели, как с приходом сумерек выбеленные стены приобретают пурпурный оттенок. Тени не успели вырасти, потому что сразу же упала темнота. Меня разбудила Анхелика, прошептавшая на ухо: — Мы выходим утром. — Что? — мгновенно проснувшись, я выпрыгнула из гамака.

— Я думала, что на поиски Милагроса у тебя уйдет пара дней. Сейчас я соберусь в дорогу. Анхелика рассмеялась.

— Соберусь? Нечего тебе собирать. Вторую пару твоих трусиков и топ я отдала мальчишке-индейцу. Две пары тебе ни к чему. Иди-ка лучше спать. Завтра будет долгий день. Милагрос ходит быстро. — Не могу я спать, — взволнованно сказала я.

— Скоро начнет светать. Я напишу записку друзьям. Надеюсь, гамак и тонкое одеяло поместятся у меня в рюкзаке. А что с едой? — Отец Кориолано отложил для нас на завтра сардины и маниоковые лепешки. Я понесу их в корзине.

— Ты говорила с ним этим вечером? Что он сказал? — Он сказал, что все в руках Божьих. Когда зазвонил к службе церковный колокол, я уже полностью собралась в дорогу. В первый раз со дня приезда в миссию я пошла к мессе. Индейцы и *racionales*

заполнили деревянные скамьи. Они смеялись и болтали, словно на пирушке. Отцу Кориолано пришлось довольно долго их унимать, прежде чем он смог начать мессу. Сидевшая рядом со мной женщина пожаловалась, что отец Кориолано всегда умудряется разбудить ее младенца своим громким голосом. Младенец и в самом деле заплакал, но не успел раздаться его первый громкий вопль, как женщина выпростала грудь и прижала ее ко рту ребенка. Опустившись на колени, я подняла глаза к изображению Девы над алтарем. На Ней было расшитое золотом голубое одеяние. Лицо было поднято к небесам, глаза голубые, щеки бледные, а рот темно-красный. На одной руке у Нее сидел младенец Христос; другую руку, белую и нежную, Она протягивала к этим странным дикарям у Ее ног.

Глава 3

Милагрос с мачете в руке вел нас по узкой тропе вдоль реки. Сквозь дырявую красную рубашу просвечивала его мускулистая спина. Защитного цвета штаны, закатанные до колен и подвязанные выше пояса шнурком, делали его на вид ниже его среднего роста. Он шел резвым шагом, опираясь на внешние края стоп, узких в пятке и веером расширявшихся к пальцам. Коротко стриженные волосы и широкая тонзура на макушке делали его похожим на монаха. Перед тем как идти дальше по тропе, уводящей в лес, я остановилась и оглянулась. За рекой, почти скрытая в излучине, лежала миссия. Пронизанная сиянием утреннего солнца, она, казалось, стала чем-то неосязаемым. Я почувствовала странную отчужденность не только от этого места и людей, скоторыми провела минувшую неделю, но и от всего, что было столь привычно мне прежде. Я ощутила в себе какую-то перемену, словно переправа через реку стала отметиной в судьбе, поворотным пунктом. Что-то, видимо, отразилось на моем лице, потому что поймав на себе взгляд Анхелики, я уловила в нем тень сочувствия.

— Уже далеко, — сказал Милагрос, остановившись рядом с нами. Сложив руки на груди, он блуждал взглядом по реке. Ослепительно сверкавший на воде утренний свет отражался на его лице, придавая ему золотистый оттенок. У него было угловатое, костлявое лицо, которому маленький нос и полная нижняя губа придавали неожиданное выражение ранимости, резко контрастировавшее с мешками и морщинами вокруг раскосых карих глаз. Они неуловимо напоминали глаза Анхелики, в них было такое же вневременное выражение. В полном молчании мы зашагали под громадами деревьев по тропам, затерянным в густом кустарнике, сплошь увитом лианами, в переплетении веток, листвы, ползучих растений и корней. Паутина невидимой вуалью липла к моему лицу. Перед глазами у меня была одна лишь зелень, а единственным запахом был запах сырости. Мы перешагивали и обходили упавшие стволы, переходили ручьи и болота в тени высоких бамбуковых зарослей. Иногда впереди меня шел Милагрос; иногда это была Анхелика со своей высокой узкой корзиной за плечами, которая удерживалась на своем месте надетой на голову специальной лубяной повязкой. Корзина была наполнена тыквенными сосудами, лепешками и жестянками сардин. Я не имела представления, в каком направлении мы идем. Солнца я не видела — только его свет, сочащийся сквозь густую листву. Вскоре шея у меня занемела от глядения вверх, внемыслимую высь недвижных деревьев. Одни лишь стройные пальмы, неукротимые в своем вертикальном

порыве к свету, казалось, расчищали серебристыми верхушками редкие заплатки чистого неба.

— Мне надо передохнуть, — сказала я, тяжело плюхнувшись на ствол упавшего дерева. По моим часам шел уже четвертый час дня. Мы без остановок шагали вот уже больше шести часов.

— Я умираю от голода. Передав мне калабаш из своей корзины, Анхелика присела рядом со мной.

— Наполни его, — сказала она, указав подбородком на протекавший поблизости неглубокий ручей. Сев посреди потока на корточки с широко расставленными ногами и упершись ладонями в бедра, Милагрос наклонялся вперед, пока его губы не коснулись воды. Он напился, не замочив носа.

— Пей, — сказал он, выпрямившись. Ему, должно быть, около пятидесяти, подумала я. Однако неожиданная грация плавных движений делала его намного моложе. Он коротко усмехнулся и побрел вниз по течению ручья.

— Осторожно, не то искупаешься! — воскликнула Анхелика с насмешливой улыбкой. Вздвогнув от ее голоса, я потеряла равновесие и бултыхнулась в воду вниз головой. — Не получится у меня напиться так, как это сделал Милагрос, — небрежно сказала я, отдавая ей наполненный сосуд.

— Лучше уж мне пить из калабаша. Усевшись возле нее, я сняла промокшие теннисные туфли. Тот, кто сказал, что такая обувь лучше всего годится для джунглей, никогда не топал в ней шесть часов подряд. Мои ноги были стерты и покрылись волдырями, колени исцарапаны и кровоточили.

— Не так уж плохо, — сказала Анхелика, осмотрев мои стопы. Она легонько провела ладонью по подошвам и покрытым волдырями пальцам.

— У тебя ведь отличные жесткие подошвы. Почему бы тебе не идти босиком? Мокрые туфли только еще сильнее размягчат стопы. Я посмотрела на свои подошвы; они были покрыты толстой ороговевшей кожей в результате многолетних занятий каратэ. — А вдруг я наступлю на змею? — спросила я.

— Или на колючку? — Хотя ни одна рептилия мне еще не попадалась, я замечала, как Милагрос и Анхелика время от времени останавливаются и вытаскивают засевшие в ступнях колючки.

— Надо быть круглым дураком, чтобы наступить на змею, — сказала она, сталкивая мои ноги со своих колен.

— А по сравнению с москитами колючки тоже не так уж плохи. Тебе еще повезло, что эти мелкие твари не кусают тебя так, как этих *gacionales*. Она потерла мои ладони и руки, словно надеясь отыскать в них ответ на эту загадку.

— Интересно, почему это? Еще в миссии Анхелика изумлялась тому, как я, подобно индейцам, сплю без москитной сетки.

— У меня зловредная кровь, — сказала я с усмешкой. Встретив ее озадаченный взгляд, я пояснила, что еще ребенком часто уходила с отцом в джунгли искать орхидеи. Он неизменно бывал искусан москитами, мухами и вообще всякими кусачими насекомыми. Но меня они почему-то никогда не донимали. А однажды отца даже укусила змея. — И он умер? — спросила Анхелика.

— Нет. Это вообще был очень необычный случай. Та же змея укусила и меня. Я вскрикнула сразу вслед за отцом. Он решил было, что я его разыгрываю, пока я не

показала ему крохотные красные пятнышки на ноге. Только моя нога не распухла и не побагровела, как у него. Друзья отвезли нас в ближайший город, где моему отцу ввели противозмеиную сыворотку. Он болел много дней.

— А ты? — А со мной ничего не было, — сказала я и добавила, что именно тогда его друзья и пошутили, что у меня зловредная кровь. Они, в отличие от доктора, не верили, что змея истощила весь запас, яда на первый укус, а того, что осталось, было недостаточно, чтобы причинить мне какойто вред. Еще я рассказала Анхелике, как однажды меня искушали семь ос, которых называют mata caballo — убийцами лошадей. Доктор подумал, что я умру. Но у меня только поднялась температура, и несколько дней спустя я поправилась. Никогда прежде я не видела, чтобы Анхелика так внимательно слушала, слегка наклонившись вперед, словно боясь упустить каждое слово.

— Меня тоже однажды укусила змея, — сказала она.

— Люди подумали, что я умру.

— Она помолчала немного, задумавшись, потом ее лицо сморщилось в робкой улыбке.

— Как по-твоему, она тоже успела на кого-то извести свой яд? — Конечно, так оно и было, — сказала я, тронув ее иссохшие руки.

— А может, у меня тоже зловредная кровь, — сказала она, улыбнувшись. Она была так щедра и стара. На мгновение мне показалось, что она может растаять среди теней.

— Я очень старая, — сказала Анхелика, посмотрев на меня так, словно я произнесла свою мысль вслух. — Мне давно уже пора бы умереть. Я заставила смерть долго ждать.

— Она отвернулась и стала смотреть, как муравьиное войско уничтожает какой-то куст, отгрызая целые куски листьев и унося их в челюстях.

— Я знала, что именно ты доставишь меня к моему народу, знала с той самой минуты, как тебя увидела.

— Наступило долгое молчание. Она либо не хотела говорить больше, либо пыталась найти подходящие слова. Она посмотрела на меня, загадочно улыбаясь.

— Ты это тоже знала, иначе тебя бы здесь не было, — наконец сказала она с полной уверенностью. На меня напал нервный смехок; всегда ей удавалось смущать меня этим своим особым блеском глаз.

— Я не знаю толком, что я здесь делаю, — сказала я. — Я не знаю, зачем иду вместе с тобой.

— Ты знала, что тебе предназначено сюда приехать, — настаивала Анхелика. Было в этой ее уверенности нечто такое, что пробудило во мне охоту поспорить. Согласиться с нею было не так просто, особенно если учесть, что я и сама не знала, с какой стати бреду по джунглям Бог весть куда. — Честно говоря, у меня вообще не было намерения куда-либо идти, — сказала я.

— Ты же помнишь, я даже не отправилась, как планировала, с друзьями вверх по реке охотиться на аллигаторов.

— Вот об этом я и говорю, — убеждала она меня так, словно разговаривала с бестолковым ребенком.

— Ты нашла повод отменить поездку, чтобы получить возможность пойти со мной. — Она положила костлявые ладони мне на голову.

— Поверь мне. Мне-то не пришлось долго над этим раздумывать. И тебе тоже. Решение пришло в ту минуту, когда ты попалась мне на глаза. Чтобы подавить смех, я

уткнулась лицом в колени старой женщины. Спорить с ней было бесполезно. К тому же она, возможно, права, подумала я. Я и сама не находила этому объяснения. — Я долго ждала, — продолжала Анхелика.

— Я уже почти забыла, что ты должна ко мне приехать. Но как только я тебя увидела, я поняла, что тот человек был прав. Не то чтобы я в нем когда-нибудь сомневалась, но он сказал мне об этом так давно, что я уже начала думать, что упустила свой случай.

— Какой человек? — спросила я, подняв голову с ее колен.

— Кто тебе сказал, что я приеду? — В другой раз расскажу.

— Анхелика пододвинула корзину и достала большую лепешку.

— Давай-ка поедим, — добавила она и открыла банку с сардинами. Настаивать не было смысла. Если уж Анхелика решила молчать, нечего было и думать заставить ее заговорить снова. Не утолив любопытства, я довольствовалась изучением аккуратного ряда жирных сардин в густом томатном соусе. Я видела такие же в супермаркете Лос-Анжелеса; одна моя подруга обычно покупала их для своего кота. Я подцепила одну пальцем и размазала по куску белой лепешки.

— Где, интересно, может быть Милагрос, — сказала я, вгрызаясь в сэндвич с сардинкой. На вкус он был совсем неплох. Анхелика не ответила; она и есть ничего не стала. Время от времени она лишь пила воду из тыквенного сосуда. В уголках ее рта держалась едва заметная улыбка, и мне захотелось узнать, о чем таком могла задуматься эта старая женщина, что пробудило такую тоску в ее глазах. Внезапно она уставилась на меня, словно очнувшись от сна.

— Смотри, — сказала она, толкнув меня локтем. Перед нами стоял мужчина, совершенно нагой, за исключением повязок из хлопковой пряжи на предплечьях и шнура поперек талии, петлей охватывавшего крайнюю плоть и подвязывавшего таким образом пенис к животу. Его тело сплошь было покрыто коричневато-красными узорами. В одной руке он держал лук и стрелы, в другой — мачете.

— Милагрос? — наконец выдавила я, когда первый шок миновал. Все-таки узнала я его с трудом. И не только из-за его наготы; он как бы стал выше ростом, мускулистее. Красные зигзагообразные полосы, спускающиеся со лба по щекам, поперек носа и вокруг рта, заострили черты его лица, напрочь стирая всякую уязвимость. Помимо чисто физической перемены было что-то еще, чего я не могла точно определить. Словно избавившись от одежды *racionales*, он сбросил какой-то невидимый груз. Милагрос расхохотался во все горло. Смех, вырывавшийся, казалось, из самой глубины его существа, сотрясал все тело. Раскатисто разносясь по лесу, он смешался тревожными криками испуганно взлетевшей стайки попугаев. Присев передо мной на корточки, он резко оборвал смех и сказал:

— А ты меня почти не узнала.

— Он придвинул свое лицо к моему, так что мы коснулись друг друга носами, и спросил: — Хочешь, я тебе раскрашу лицо? — Да, — сказала я, доставая фотоаппарат из рюкзака.

— Только можно я сначала тебя сфотографирую? — Это мой фотоаппарат, — решительно заявил он, потянувшись за ним. — Я думал, что ты оставила его для меня в миссии.

— Я хотела бы им воспользоваться, пока буду находиться в индейской деревне. Я стала учить его, как пользоваться фотоаппаратом, с того, что вставила кассету спленкой. Он очень внимательно слушал мои пояснения, кивая головой всякий раз, когда я

спрашивала, все ли он понял. Вдаваясь во все подробности обращения с этим хитроумным устройством, я надеялась сбить его с толку.

— А теперь давай я тебя сфотографирую, чтобы ты видел, как надо держать камеру в руках. — Нет, нет.

— Он живо остановил меня, выхватив камеру. Без каких-либо затруднений он открыл заднюю крышку и вынул пленку, засветив ее.

— Ты же пообещала, что он мой. Только я один могу делать им снимки. Лишившись дара речи, я смотрела, как он вешает фотоаппарат себе на грудь. На его нагом теле камера выглядела настолько нелепо, что меня разобрал смех. А он принялся карикатурными движениями наводить фокус, ставить диафрагму, нацеливать объектив куда попало, разговаривая при этом с воображаемыми объектами съемок, требуя, чтобы те то подошли поближе, то отодвинулись. Мне ужасно захотелось дернуть за шнурок на его шее, на котором висели колчан со стрелами и палочка для добывания огня.

— Без пленки у тебя никаких снимков не получится, — сказала я, отдавая ему третью, последнюю кассету. — А я не говорил, что хочу делать снимки.

— Он с ликующим видом засветил и эту пленку, потом очень аккуратно вложил фотоаппарат в кожаный футляр.

— Индейцы не любят, когда их фотографируют, — серьезно сказал он, повернулся к корзине Анхелики и, порывшись в ее содержимом, вытащил небольшой тыквенный сосуд, обвязанный вместо крышки кусочком шкуры какого-то животного.

— Это оно то, — сказал он, показывая мне пасту красного цвета. На вид она была жирной и издавала слабый, но поддающийся определению аромат. — Это цвет жизни и радости, — сказал он.

— А где ты оставил свою одежду? — поинтересовалась я, пока он откусывал кусочек лианы длиной с карандаш.

— Ты живешь где-то поблизости? Занятый разжевыванием одного из кончиков лианы, пока тот не превратился в подобие кисточки, Милагрос не счел нужным отвечать. Он плюнул на оно то и стал размешивать кисточкой красную пасту, пока та не размякла. Точной твердой рукой он нарисовал волнистые линии у меня на лбу, по щекам, подбородку и шее, обвел кругами глаза и разукрасил руки круглыми точками. — Где-то неподалеку есть индейская деревня? — Нет.

— Ты живешь сам по себе? — Почему ты задаешь так много вопросов? — Раздраженное выражение, усиленное резкими чертами его раскрашенного лица, сопровождалось возмущением в голосе. Я открыла рот, что-то промямлила, но побоялась сказать, что мне важно узнать о нем и об Анхелике побольше: чем больше я буду знать, тем мне будет спокойнее.

— Меня учили быть любопытной, — сказала я чуть погодя, чувствуя, что он не поймет того легкого беспокойства, которое я пыталась сгладить своими вопросами. Мне казалось, что узнав их ближе, я приобрету в какой-то мере чувство владения ситуацией. Пропустив мимо ушей мои последние слова, Милагрос искоса с улыбкой взглянул на меня, придирчиво изучил раскраску на лице и разразился громким хохотом. Это был веселый, заразительный смех, смех ребенка.

— Светловолосая индеанка, — только и сказал он, утирая слезы с глаз. Все мои мимолетные опасения улетучились, и я расхохоталась вместе с ним. Внезапно смолкнув, Милагрос наклонился и прошептал мне на ухо какое-то непонятное слово.

— Это твое новое имя, — с серьезным видом сказал он, прикрыв мне ладонью рот,

чтобы я не повторила его вслух. Повернувшись к Анхелике, он шепнул это имя и ей на ухо. Покончив с едой, Милагрос знаком велел нам идти дальше. Я быстро обулась, не обращая внимания на волдыри. То взбираясь на холмы, то спускаясь в долины, я не различала ничего, кроме зелени, — бесконечной зелени лиан, листы, ветвей и острых колючек, где все часы были часами сумерек. Я уже не задирала голову, чтобы поймать взглядом небо в просветах между листвой, а довольствовалась его отражением в лужах и ручьях. Прав был мистер Барт, когда говорил мне, что джунгли — это мир, который невозможно себе представить. Я все еще не могла поверить, что шагаю сквозь эту бесконечную зелень неведомо куда. В моем мозгу вспыхивали жуткие рассказы антропологов о свирепых и воинственных индейцах из диких племен. Мои родители были знакомы с несколькими немецкими исследователями и учеными, побывавшими в джунглях Амазонки. Ребенком я завороченно слушала их истории об охотниках за головами и каннибалах; все они рассказывали разные случаи, когда им удавалось избежать верной смерти, лишь спасая жизнь больному индейцу, как правило, вождю племени или его родственнику. Одна немецкая супружеская пара с маленькой дочерью, вернувшаяся из двухлетнего путешествия по джунглям Южной Америки, произвела на меня самое сильное впечатление. Мне было семь лет, когда я увидела собранные ими в странствия предметы материальной культуры и фотографии в натуральную величину. Совершенно очарованная их восьмилетней дочерью, я ходила за ней по пятам по уставленному пальмами залу в фойе «Сирз Билдинг» в Каракасе. Не успела я толком разглядеть коллекцию луков и стрел, корзин, колчанов, перьев и масок, развешанных по стенам, как она потащила меня к укромной нише. Присев на корточки, она вытащила изпод кучи пальмовых листьев красный деревянный ящик и открыла его ключом, висевшим у нее на шее.

— Это дал мне один мой друг-индеец, — сказала она, доставая оттуда маленькую сморщенную голову.

— Это тсанта, ссохшаяся голова врага, — добавила она, поглаживая, словно кукле, длинные темные волосы. Преисполнившись благоговения, я слушала ее рассказы о том, как она не боялась находиться в джунглях, и что на самом деле все было не так, как рассказывали ее родители.

— Индейцы не были ни ужасными, ни свирепыми, — серьезно сказала она, взглянув на меня большими глубокими глазами, и я ни на секунду не усомнилась в ее словах.

— Они были добрые и очень смешливые. Они были моими друзьями. Я не могла вспомнить имя девочки, которая, пережив все то, что пережили ее родители, не восприняла этого с их страхами и предубеждениями. Фыркнув от смеха, я едва не споткнулась об узловатый корень, затаившийся под скользким мхом.

— Ты разговариваешь сама с собой? — голос Анхелики прервал мои воспоминания.

— Или с лесными духами? — А такие есть? — Да. Духи живут среди всего этого, — сказала она негромко, поведя вокруг рукой.

— В гуще сплетенных лиан, вместе с обезьянами, змеями, пауками и ягуарами.

— Ночью дождя не будет, — уверенно заявил Милагрос, втянув в себя воздух, когда мы остановились у какихто валунов на берегу мелкой речушки. По ее спокойным прозрачным водам здесь и там плыли розовые цветы с деревьев, стоявших на другом берегу, словно часовые. Я сняла обувь, стала болтать стертymi в кровь ногами в благодатной прохладе и смотреть, как небо, вначале золотисто-алое, становилась постепенно оранжевым, потом багряным и, наконец, темно-фиолетовым. Вечерняя сырость принесла с собой запахи леса, запах земли, жизни и тления. Еще до того, как

темнота вокруг нас ступила окончательно, Милагрос сделал два лубяных гамака, обоими концами привязав их к веревкам из лиан. Не скрывая удовольствия, я смотрела, как он подвешивает мой веревочный гамак между этими очень неудобными на вид лубяными люльками. Предвкушая интересное зрелище, я присматривалась к действиям Милагроса. Он снял со спины колчан и палочку для добывания огня. Велико же было мое разочарование, когда сняв кусок обезьяньей шкурки, прикрывавшей колчан, он достал из него коробок спичек и поджег собранный Анхеликой хворост.

— Кошачья еда, — проворчала я, принимая из рук Милагроса жестянку сардин. Мой первый ужин в джунглях, как я себе представляла, должен был состоять из мяса только что добытого на охоте тапира или броненосца, отлично пропеченного над жарким потрескивающим костром. А эти тлеющие веточки лишь подняли в воздух тонкую струйку дыма, слабый огонек едва освещал наше ближайшее окружение. Скупой свет костра заострил черты Милагроса и Анхелики, заполнив впадины тенями, высветив виски, выдающиеся надбровные дуги, короткие носы и высокие скулы. Интересно, подумала я, почему свет костра делает их такими похожими? — Вы не родня друг другу? — спросила я наконец, озадаченная этим сходством.

— Да, — сказал Милагрос.

— Я ее сын.

— Ее сын! — повторила я, не веря своим ушам. А я-то думала, что он ее младший родной или двоюродный брат; на вид ему было лет пятьдесят.

— Тогда ты только наполовину Макиритаре? Оба они захихикали, словно над ведомой лишь им одним шуткой.

— Нет, он не наполовину Макиритаре, — сказала Анхелика, давась от смеха. — Он родился, когда я еще была с моим народом.

— Больше она не сказала ни слова, а лишь придвинула свое лицо к моему с вызывающим и в то же время задумчивым выражением. Я нервно шевельнулась под ее пристальным взглядом, заволновавшись, не мог ли мой вопрос ее обидеть. Должно быть, любопытство — это моя благоприобретенная черта, решила я. Я жаждала узнать о них все, а они ведь никогда не расспрашивали меня обо мне. Казалось, для них имеет значение лишь то, что мы находимся вместе в лесу. В миссии Анхелика не проявила никакого интереса к моему прошлому. Ни она не хотела, чтобы и я что-нибудь знала о ее прошлом, за исключением нескольких рассказов о ее жизни в миссии. Утолив голод, мы растянулись в гамаках; наши с Анхеликой гамаки висели поближе к огню. Вскоре она уснула, подобрав ноги под платье. В воздухе потянуло прохладой, и я предложила взятое с собой тонкое одеяло Милагросу, которое тот охотно принял. Светляки огненными точками освещали густую тьму. Ночь звенела криками сверчков и кваканьем лягушек. Я не могла заснуть; усталость и нервное напряжение не давали мне расслабиться. По ручным часам с подсветкой я следила, как медленно крадется время, и вслушивалась в звуки джунглей, которые уже не в состоянии была различать. Какие-то существа рычали, свистели, кричали и выли. Под моим гамаком прокрадывались тени — так же беззвучно, как само время. Пытаясь разглядеть что-нибудь сквозь тьму, я села в гамаке и частозамигала, не соображая, то ли я сплю, то ли бодрствую. За колючим кустарником бросились враспынную обезьяны со светящимися в темноте глазами. Какие-то звери с оскаленными мордами уставились на меня с нависающих ветвей, а гигантские пауки на тонких, как волосинки, ногах ткали у меня на глазах свою серебристую паутину. Чем больше я смотрела, тем сильнее меня охватывал страх. А когда моему взору предстала нагая фигура, целящаяся из натянутого лука в черноту неба, по спине у меня покатились калачи

холодного пота. Явственно услышав характерный свист летящей стрелы, я прикрыла рот рукой, чтобы не закричать от ужаса.

— Не надо бояться ночи, — сказал Милагрос, коснувшись ладонью моего лица. Это была крепкая мозолистая ладонь; она пахла землей и корнями. Он подвесил свой гамак над моим, так что сквозь полоски луба я чувствовала тепло его тела. Он тихонько повел разговор на своем родном языке; потекла длинная вереница ритмичных, монотонных слов, заглушившая все прочие лесные звуки. Мною постепенно овладело ощущение покоя, и глаза начали смыкаться. Когда я проснулась, гамак Милагроса уже не висел над моим. Ночные звуки, теперь еле слышные, все еще таились где-то среди окутанных туманом пальм, бамбука, безымянных лиан и растений-паразитов. Небо еще было бесцветным; оно лишь слегка посветлело, предвещая погожий день. Присев над костром, Анхелика подкладывала хворост и раздувала тлеющие угли, возрождая их к новой жизни. Улыбнувшись, она жестом подозвала меня.

— Я слышала тебя во сне, — сказала она.

— Тебе было страшно? — Ночью лес совсем другой, — ответила я чуть смущенно.

— Должно быть, я слишком устала. Кивнув, она сказала: — Посмотри на свет. Видишь, как он отражается с листка на листок, пока не спустится на землю к спящим теням. Вот так рассвет усыпляет ночных духов. — Анхелика погладила лежащие на земле листья.

— Днем тени спят. А по ночам они пляшут во мраке. Не зная, что ответить, я глуповато улыбнулась. — А куда ушел Милагрос? — спросила я немного погодя. Анхелика не ответила; она поднялась во весь рост и огляделась.

— Не бойся джунглей, — сказала она и, подняв руки над головой, заплясала мелкими подпрыгивающими шажками и стала подпевать низким монотонным голосом, неожиданно сорвавшимся на высокий фальцет.

— Пляши вместе с ночными тенями и засыпай с легким сердцем. Если позволишь теням запугать себя, они тебя погубят.

— Голос ее стих до бормотания и, повернувшись ко мне спиной, она неторопливо пошла к реке. Вода, в которую я нагишом плюхнулась посреди ручья, оказалась прохладной; в тихих заводях отражался первый утренний свет. Я смотрела, как Анхелика собирает хворост, каждую веточку, как ребенка, укладывая на сгиб локтя. Должно быть, она крепче, чем выглядит, подумала я, споласкивая намыленные шампунем волосы. Но тогда, возможно, она вовсе не так стара, как показалось на первый взгляд. Отец Кориолано говорил мне, что к тридцати годам индейские женщины нередко уже бабушки. Доживших до сорока считают старухами. Я выстирала бывшую на мне одежду, напялила ее на шесть поближе к костру и надела длинную майку, доходившую мне почти до колен. В ней было удобнее, чем в облегающих джинсах.

— Ты хорошо пахнешь, — сказала Анхелика, пробежав пальцами по моим мокрым волосам. — Это из бутылочки? Я кивнула.

— Хочешь, я и тебе вымою волосы? С минуту поколебавшись, она быстро сняла платье. Тело ее было таким сморщенным, что на нем не оставалось ни дюйма гладкой кожи. Мне она напомнила одно из окаймлявших тропу чахлах деревьев с тонкими серыми стволами, почти ссохшихся, но все еще выбрасывающих зеленую листву на ветвях. Никогда прежде я не видела Анхелику нагой, потому что она ни днем, ни ночью не снимала своего ситцевого платья. Я уже не сомневалась, что ей гораздо больше сорока лет, что она и в самом деле глубокая старуха, как она мне говорила. Сидя в воде, Анхелика

повизгивала и смеялась от удовольствия, громко плескалась и размазывала пену с волос по всему телу. Ковшиком из разбитого калабаша я смыла пену, вытерла ее тонким одеялом и расчесала гребнем темные короткие волосы, уложив завитки на висках.

— Жаль, что нет зеркала, — сказала я.

— На мне еще осталась красная краска? — Немножко, — сказала Анхелика, придвигаясь к огню. — Придется Милагросу снова разрисовать тебе лицо.

— Не пройдет и минуты, как мы обе пропахнем дымом, — сказала я, поворачиваясь к лубяному гамаку Анхелики. Забираясь в него, я недоумевала, как она может в нем спать, не вываливаясь на землю. Его длины едва хватало для моего роста, а узок он был настолько, что и не повернуться. И все же, несмотря на впившиеся мне в голову и тело острые края лубяных полос, я неожиданно для себя задремала, глядя, как старая женщина разламывает собранный хворост на одинаковые по длине веточки. Странная тяжесть удерживала меня в том раздвоенном состоянии, которое не было ни сном, ни явью. Сквозь прикрытые веки я видела красное солнце. Где-то слева я ощущала присутствие Анхелики, с тихим бормотанием подкладывающей ветки в огонь, и присутствие леса вокруг, все дальше и дальше втягивающего меня в свои зеленые глубины. Я позвала старую женщину по имени, но с моих губ не слетел ни один звук. Я звала снова и снова, но из меня лишь выплывали беззвучные формы, взлетая и падая на ветерке, как мертвые мотыльки. Потом слова начали звучать без всякого участия губ, будто в насмешку над моим желанием знать и задавать тысячи вопросов. Они взрывались в моих ушах, их отзвуки трепетали вокруг меня, словно пролетающая по небу стайка попугаев. Почувствовав вонь паленой шерсти, я открыла глаза. На грубо сколоченной решетке, примерно в одном футе над огнем лежала обезьяна с хвостом, передними и задними лапами. Я тоскливо покосилась на корзину Анхелики, в которой было еще полно сардин и маниоковых лепешек. Милагрос спал в гамаке, его лук стоял у дерева, колчан и мачете лежали рядом на земле на расстоянии вытянутой руки.

— Это все, что он добыл? — спросила я у Анхелики, выбираясь из гамака. В надежде, что жаркое никогда не будет готово, я добавила: — Долго она еще будет печься? С нескрываемым весельем Анхелика блаженно мне улыбнулась.

— Еще немного, — ответила она.

— Это тебе понравится больше, чем сардины. Милагрос руками разделал жареную обезьяну, вручив мне ее голову, самый лакомый кусочек. Не в силах заставить себя высосать мозг из разрубленного черепа, я выбрала себе кусочек хорошо прожаренной ляжки. Она была жилистой, жесткой и по вкусу напоминала чуть горьковатую дичь. Покончив с обезьяньим мозгом, пожалуй, с несколько преувеличенным удовольствием, Милагрос и Анхелика принялись поесть ее внутренности, которые пеклись в углях завернутыми в толстые веерообразные листья. Каждый кусочек перед тем, как отправить в рот, они обмакивали в золу. Я сделала то же самое со своим кусочком мяса и к своему удивлению обнаружила, что оно стало чуть подсоленным. То, что мы не доели, было завернуто в листья, крепко обвязано лианами и уложено в корзину Анхелики до следующей трапезы.

Глава 4

Следующие четыре дня и ночи, казалось, слились друг с другом; мы шагали, купались и спали. Чем-то они походили на сон, в котором причудливой формы деревья и лианы повторялись, словно образы, бесконечно отраженные в невидимых зеркалах. Эти образы исчезали при выходе на поляны или к берегам речек, где солнце палило вовсю. На пятый день волдыри у меня на ногах пропали. Милагрос разрезал мои туфли и приладил к стелькам размягченные волокна каких-то плодов. Каждое утро он заново подвязывал к моим стопам эти самодельные сандалии, и мои ноги, словно по собственной воле, топали вслед за Милагросом и старухой. Мы все шли молча по тропам, окаймленным сплошной листвой и колючими зарослями в человеческий рост. Мы проползали под нижними ветвями подлеска или расчищали себе путь сквозь стены из лиан и веток, выбираясь оттуда с перепачканными и исцарапанными лицами. Временами я теряла из виду моих провожатых, но легко находила дорогу по веточкам, которые Милагрос имел обыкновение надламывать на ходу. Мы переходили речки и ручьи по подвесным мостам из лиан, прикрепленных к деревьям на обоих берегах. На вид это были настолько ненадежные сооружения, что всякий раз, переходя очередной мост, я боялась, что он не выдержит нашего веса. Милагрос смеялся и уверял меня, что его народ хоть и неважно плавает, зато искусен в строительстве мостов. Кое-где нам попадались в грязи на тропях следы человеческих ног, что по словам Милагроса свидетельствовало о наличии по соседству индейской деревни. Но мы ни разу не подошли ни к одной из них, так как он хотел, чтобы мы дошли до цели без всяких остановок.

— Если бы я шел один, я бы уже давно был на месте, — говорил Милагрос всякий раз, когда я спрашивала, скоро ли мы придем в деревню Анхелики. И взглянув на нас, он сокрушенно добавлял: — С женщинами быстро не походишь. Но против нашего неспешного темпа Милагрос не возражал. Мы часто разбивали лагерь задолго до сумерек, где-нибудь на широком речном берегу. Там мы купались в прогретых солнцем заводях и обсыхали на громадных гладких валунах, торчащих из воды. Мы сонно смотрели на неподвижные облака, которые так медленно изменяли форму, что спускались сумерки, прежде чем они полностью меняли свое обличье. Именно в эти ленивые предвечерние часы я размышляла о причинах, побудивших меня удариться в эту немислимую авантюру. Может, это ради осуществления какой-то моей фантазии? А может быть, я пряталась от какой-то ответственности, которая стала для меня непосильной? Не упускала я из виду возможности того, что Анхелика могла меня околдовать. С каждым днем мои глаза все больше привыкали к вездесущей зелени. Вскоре я начала различать синих и красных попугаев ара, редко попадавшихся туканов с черными и желтыми клювами. Однажды я даже заметила тапира, бредущего напролом через подлесок в поисках водопоя. В конечном счете он оказался нашим очередным блюдом. Обезьяны с рыжеватым мехом следовали за нами по макушкам деревьев, исчезая лишь тогда, когда на нашем пути встречались реки с водоскатами и тихими протоками, в которых отражалось небо. Глубоко в зарослях, на обросших мхом поваленных деревьях, росли красные и желтые грибы, настолько хрупкие и нежные, что рассыпались в цветную пыль при малейшем

прикосновении. Я было пыталась сориентироваться по встречавшимся нам крупным рекам, надеясь, что они будут соответствовать тем, которые я помнила из учебников географии. Но всякий раз, когда я спрашивала их названия, они не совпадали с теми, какие я знала, поскольку Милагрос называл их индейские имена. По ночам при слабом свете костра, когда земля, казалось, источала белый туман, и я чувствовала на лице влагу ночной росы, Милагрос начинал низким гнусавым голосом рассказывать мифы своего народа. Анхелика широко раскрывала глаза, словно стараясь не столько внимательно слушать, сколько не уснуть, и обычно минут десять сидела прямо, а потом крепко засыпала. А Милагрос рассказывал до глубокой ночи, оживляя в памяти времена, когда влосу обитали некие существа — отчасти духи, отчасти животные, отчасти люди — существа, насылавшие мор и наводнения, наполнявшие лес дичью и плодами и учившие людей охоте и земледелию. Любимым мифом Милагроса была история об аллигаторе Ивраме, который до того, как стать речным животным, ходил и разговаривал, как человек. Ивраме был хранителем огня и прятал его у себя в пасти, не желая делиться с другими. Тогда лесные обитатели решили устроить аллигатору роскошный пир, ибо знали, что только заставив его расхохотаться, они смогут похитить огонь. Они рассказывали ему одну шутку за другой, пока, наконец, Ивраме не выдержал и не разразился громким хохотом. Тогда в его раскрытую пасть влетела маленькая птичка, схватила огонь и улетела высоко на священное дерево. Оставляя нетронутым основное содержание мифов, которые он выбирал для рассказа, Милагрос видоизменял их и приукрашивал по своему вкусу. Он вставлял в них подробности, не приходившие ему прежде в голову, добавлял собственные суждения, возникавшие по ходу повествования.

— Сны, сны, — каждую ночь говорил Милагрос, заканчивая свои истории.

— Кто видит сны, тот долго живет. Наяву ли это было, во сне ли? Спала я или бодрствовала, когда услышала, как зашевелилась Анхелика? Невнятно что-то пробормотав, она села. Еще не очнувшись от сна, она отвела прилипшую к лицу прядь волос, огляделась и подошла к моему гамаку. Она смотрела на меня необычайно пристально; глаза ее казались огромными на худом морщинистом лице. Она открыла рот; из ее гортани полились странные звуки, а все тело затряслось. Я протянула руку, но там не было ничего — одна лишь неясная тень, удаляющаяся в заросли.

— Старая женщина, куда ты уходишь? — услышала я собственный голос. Ответа не было — лишь стук капель тумана, осевшего на листьях. На мгновение я увидела ее еще раз — такой, как в тот же день видела ее купающейся в реке; а потом она растаяла в густом ночном тумане. Не в силах остановить ее, я видела, как она исчезла в расщелине, скрытой в земле. И сколько я ни искала, я не смогла найти даже ее платя. Это всего лишь сон, уговаривала я себя и продолжала искать ее в потемках, в окутанной туманом листве. Но от нее не осталось даже следа. Я проснулась в сильной тревоге, с колотящимся сердцем. Солнце уже высоко поднялось над верхушками деревьев. Никогда еще с начала нашего похода я не спала так допоздна, и не потому, что я не хотела спать, — просто Милагрос требовал, чтобы мы поднимались с рассветом. Анхелики не было; не было ни ее гамака, ни корзины. Под деревом стояли лук и стрелы Милагроса. Странно, подумала я. До сих пор он никогда без них не уходил. Должно

быть, он ушел со старой женщиной собирать плоды или орехи, которые нашел вчера, повторяла я про себя, пытаюсь загасить растущую тревогу. Незная, что делать, я подошла к краю воды. Никогда прежде они не уходили вдвоем, оставив меня одну. На другом

берегу реки стояло дерево, бесконечно одинокое, его ветви склонились над водой, удерживая на весу целую сеть ползучих растений, на которой виднелись нежные красные цветы. Они походили на мотыльков, попавшихся в гигантскую паутину. Стайка попугаев шумно расселась на лианах, тянувшихся, казалось, прямо из воды, безо всякой видимой опоры, потому что невозможно было разглядеть, к какому дереву они прикреплены. Я начала подражать крикам попугаев, но они явно не замечали моего присутствия. Лишь когда я зашла в воду, они взлетели, раскинувшись по небу зеленой дугой. Я ждала, пока солнце не скрылось за деревьями, а кроваво-красное небо не залило реку своим огнем. Я рассеянно подошла к гамаку, поворошила золу, пытаюсь оживить костер. Прямо мне в лицо вперилась янтарными глазами зеленая змея, и я онемела от ужаса. Покачивая головкой в воздухе, она, казалось, была напугана не меньше меня. Затаив дыхание, я вслушивалась, как она шуршала опавшей листвой, медленно исчезая в густом сплетении корней. У меня уже не осталось сомнений, что Анхелику я никогда больше не увижу. Я не хотела плакать, но уткнувшись лицом в сухие листья, не смогла сдержать слез.

— Куда же ты ушла, старая женщина? — шептала я те же слова, что и во сне. Я позвала ее по имени сквозь огромное зеленое море зарослей. Из-за старых деревьев не донеслось никакого ответа. Они были немymi свидетелями моей печали. В густеющих сумерках я еле разглядела фигуру Милагроса. С почерневшим от золылицом и телом, он замер передо мной, немного постоял, удерживая мой взгляд, а потом глаза его закрылись, ноги подкосились, и он устало рухнул на землю.

— Ты похоронил ее? — спросила я, перекинув его руку себе через плечо, чтобы тащить его на мой гамак. Мне это удалось с большим трудом

— сначала перекинула туловище, потом ноги. Он открыл глаза и поднял руку к небу, словно мог дотянуться к далеким облакам. — Ее душа вознеслась на небо, в дом грома, — с трудом выдавил он.

— Огонь высвободил ее душу из костей, — добавил он и тут же крепко уснул. Охраняя его беспокойный сон, я увидела, как перед моими усталыми глазами выросла призрачная чаща деревьев. В ночной тьме эти химерические деревья казались реальнее и выше пальм. Печали больше не было. Анхелика исчезла в моем сне, стала частицей настоящих и призрачных деревьев. Теперь она вечно будет скитаться среди духов исчезнувших зверей и мифических существ. Перед самым рассветом

Милагрос взял лежавшие на земле мачете, лук и стрелы. С отрешенным видом он забросил за спину колчан и, ни слова не говоря, направился в заросли. Я поспешила следом, боясь потерять его в полумраке. Часа два мы шли молча, а потом Милагрос резко остановился на краю лесной прогалины.

— Дым мертвых вреден для женщин и детей, — сказал он, указав на сложенный из бревен погребальный костер. Он уже частично обрушился, и в золе виднелись почерневшие кости. Сев на землю, я стала смотреть, как Милагрос подсушивает над небольшим костром ступу, сделанную им из куска дерева. Со смесью ужаса и какого-то жуткого любопытства я неотступно следила за тем, как Милагрос просеивает золу, выбирая из нее кости Анхелики. Потом он принялся толочь их в ступе тонким шестом, пока те не превратились в черно-серый порошок.

— С дымом костра ее душа добралась к дому грома, — сказал Милагрос. Была уже ночь, когда он наполнил наши тыквенные сосуды истолченными костями и замазал их вязкой смолой.

— Жаль, что она не смогла заставить смерть подождать еще самую малость, — сказала я с тоской.

— Это не имеет значения, — сказал Милагрос, поднимая глаза от ступы. Лицо его было бесстрастно, но в черных глазах блестели слезы. Его нижняя губа дрогнула, потом скривилась в полуулыбку.

— Все, чего она хотела, — это чтобы ее жизненная сущность снова стала частицей ее народа.

— Это не одно и то же, — возразила я, не вполне понимая, что имеет в виду Милагрос.

— Ее жизненная сущность находится в ее костях, — сказал он так, словно прощал мне мое невежество.

— Ее пепел вернется к ее народу, в лес.

— Ее нет в живых, — настаивала я.

— Что толку от ее пепла, если она хотела увидеть свой народ? — При одной мысли о том, что я никогда больше не увижу эту старую женщину, не услышу ее голоса и смеха, на меня снова нахлынула безудержная печаль.

— Она так и не рассказала, почему была уверена, что я пойду вместе с ней. Милагрос заплакал и, выбрав уголья из костра, стал тереть ими свое мокрое от слез лицо.

— Один наш шаман сказал Анхелике, что хотя она и покинула свою деревню, умрет она среди своего народа, а душа ее останется частью родного племени.

— Милагрос жестко взглянул на меня, словно я собиралась его перебить.

— Этот шаман уверил ее, что об этом позаботится девушка с волосами и глазами такого цвета, как у тебя. — Но я думала, что ее народ никак не контактирует с белыми, — сказала я. Слезы текли по лицу Милагроса, пока он объяснял, что в прежние времена его народ жил ближе к большой реке.

— Теперь о тех днях помнят лишь немногие оставшиеся в живых старики, — сказал он тихо.

— А позднее мы стали все дальше и дальше уходить в лес. Я не вижу больше причины продолжать этот переход, подавленно думала я. Без этой старой женщины что мне делать среди ее народа? Она была главной причиной моего пребывания здесь.

— Что мне теперь делать? Ты отведешь меня обратно в миссию? — спросила я и, увидев недоумение на лице Милагроса, добавила: — Ведь принести ее пепел — это не одно и то же.

— Это одно и то же, — произнес он вполголоса.

— Для нее это было важнее всего, — прибавил он, цепляя один из калабашей с пеплом мне на пояс. Мое тело на мгновение застыло, потом расслабилось, когда я заглянула в глаза Милагроса. Его почерневшее лицо было полно благоговения и печали. Мокрыми от слез щеками он прижался к моим щекам и подчеркнул их угольями. Я робко тронула калабаш, висевший у меня на поясе; он был легкий, как смех старой женщины.

Глава 5

Два дня мы, все убыстряя ход, без отдыха взбирались и спускались по склонам холмов. Я настороженно следила за безмолвной фигурой Милагроса, то появляющейся, то исчезающей в лесном сумраке. Торопливость его движений лишь усиливала мою неуверенность; временами мне хотелось заорать на него, чтобы он отвел меня обратно в миссию. День над лесом помрачнел, а тучи из белых стали сначала серыми, затем и вовсе почернели. Тяжко и давяще они нависли над кронами деревьев. Тишину взорвал оглушительный раскат грома; вода потоками хлынула на землю, с беспощадной яростью ломая ветки, срывая листву. Дав мне знак укрыться под гигантскими листьями, которые он успел нарезать, Милагрос присел на землю. Я же вместо того, чтобы подсесть к нему, сняла рюкзак, сняла висевший у меня на поясе сосуд с истолченными костями Анхелики и стащила с себя майку. Теплая вода благодатными струями забила по моему измученному телу. Намывив шампунем сначала голову, затем все тело, я смыла с кожи весь пепел, весь запах смерти. Я повернулась к Милагросу; его почерневшее лицо изможденно осунулось, а в глазах стояла такая печаль, что я пожалела о той поспешности, с какой принялась отмываться. Нервными движениями я стала стирать майку и, не глядя на него, спросила:

— Мы ведь уже почти дошли до деревни? — По моему разумению, выйдя из миссии, мы прошагали далеко за сотню миль.

— Мы придем туда завтра, — сказал Милагрос, разворачивая маленький сверток из обвязанных лианами листьев с жареным мясом. Уголки его рта приподнялись в лукавой улыбке и резче обозначили морщины вокруг раскосых глаз.

— То есть, если мы будем идти моим шагом. Дождь стихал. Тучи разошлись. Я глубоко задышала, наполняя легкие чистым свежим воздухом. Долго еще после того, как дождь прекратился, с листья падали капли. Поймав отражение солнца, они ослепительно сверкали, словно осколки стекла. — Я слышу, кто-то идет, — прошептал Милагрос.

— Не шевелись. Я ничего не слышала — ни птичьего голоса, ни шелеста листьев. Только я хотела сказать об этом, как треснула ветка, и на тропе перед нами появился нагой мужчина. Он был немного выше меня — примерно пять футов четыре дюйма. Интересно, подумала я, что делает его более мощным на вид — его мускулистая грудь или нагота. В руках у него был большой лук и несколько стрел. Лицо и тело были покрыты красными извилистыми линиями, которые тянулись по бокам вдоль ног и заканчивались точками вокруг колен. Чуть позади него на меня тарачились две молодые женщины. В их широко раскрытых темных глазах замерло изумление. Пучки волокон, казалось, вырастали у них из ушей. В уголках рта и нижней губе торчали палочки величиной со спичку. Вокруг талии, на предплечьях, кистях рук и под коленками виднелись повязки из красных хлопковых волокон. Темные волосы были коротко острижены и так же, как у мужчины, на их макушках были выбриты широкие тонзуры. Никто не произнес ни слова, и страшно разволновавшись, я выкрикнула: — Шори нойе, шори нойе! Анхелика както советовала мне, повстречав в лесу индейцев, приветствовать их словами «Добрый друг, добрый друг!» — Айя, айя, шори, — ответил мужчина, подходя поближе. Его уши были украшены перьями, торчавшими из обоих концов коротких, с мой мизинец, тростинок, воткнутых в мочки. Он завел разговор с Милагросом, сильно жестикулируя, и то рукой, то кивком головы показывая на тропу, ведущую в заросли. Несколько раз подряд он поднимал руку

над головой, вытянув пальцы так, будто хотел дотянуться до солнечного луча. Я сделала женщинам знак подойти ближе, но они с хихиканьем спрятались в кустах. Увидев бананы в висевших у них за плечами корзинах, я широко открыла рот и показала рукой, что хочу попробовать. Старшая из женщин осторожно подошла, не глядя на меня, отвязала корзину и отломила от грозди самый мягкий и желтый банан. Одним ловким движением она вынула изо рта палочки, впилась зубами в кожуру, надкусила ее вдоль, раскрыла и прямо мне под нос подсунула очищенный плод. Это был самый толстый банан странной треугольной формы, который я когда-либо видела.

— Очень вкусно, — сказала я по-испански, поглаживая себя по животу. По вкусу он был похож на обычный банан, но оставил во рту толстый налет. Она подала мне еще два. Когда она начала очищать четвертый, я попыталась дать ей понять, что уже наелась. Улыбнувшись, она уронила недоочищенный банан на землю и положила руки мне на живот. Руки у нее были загрубевшие, но тонкие нежные пальцы были ласковы, когда она неуверенно потрогала мою грудь, плечи и лицо, словно желая убедиться, что я на самом деле существую. Она заговорила высоким гнусавым голосом, напомнившим мне голос Анхелики. Потом оттянула резинку моих трусов и подозвала свою товарку посмотреть. Только теперь я почувствовала смущение и попыталась отстраниться. Смеясь и радостно повизгивая, они обняли меня и принялись оглаживать спереди и сзади. Они были немного ниже меня ростом, но довольно плотно сложены; рядом с этими полногрудыми, широкобедрыми, с выпуклыми животами женщинами я выглядела совершенным ребенком.

— Они из деревни Иतिकотери, — сказал по-испански Милагрос, повернувшись ко мне.

— Этева и две его жены, и еще другие люди из деревни устроили на несколько дней лагерь на старом заброшенном огороде недалеко отсюда. Он взял лук и стрелы, оставленные было у дерева, и добавил: — Дальше мы пойдем вместе с ними. Тем временем женщины обнаружили мою мокрую майку. Не успела я набросить ее на себя, как они в полном восторге стали тереть ее о свои раскрашенные лица и тела. Растянутая и вымазанная красной пастой оното, она висела на мне, как огромный грязный рисовый мешок. Я уложила сосуд с пеплом в рюкзак, и когда вскинула его себе на спину, женщины неудержимо захихикали. Подошел Этева и встал рядом со

мною; он окинул меня внимательным взглядом карих глаз, потом с широкой улыбкой, осветившей все лицо, провел пальцами по моим волосам. Точеный нос и нежный изгиб губ придавали его округлому лицу почти девичий облик.

— Я пойду с Этевой по следу тапира, которого он недавно засек, — сказал Милагрос, — а ты пойдешь с женщинами. Какое-то мгновение я тарасилась на него, не веря своим ушам.

— Но...

— выдавила я наконец, не зная, что еще сказать. Должно быть, выглядела я очень забавно, потому что Милагрос расхохотался; его раскосые глаза почти открылись между лбом и высокими скулами. Он положил руку мне на плечо, стараясь быть серьезным, но на губах его держалась озорная улыбка.

— Это народ Анхелики и мой народ, — сказал он, вновь поворачиваясь к Этеве и двум его женам.

— Ритими ее внучатая племянница. Анхелика никогда ее не видела. Я улыбнулась обеим женщинам, а они кивнули так, словно поняли слова Милагроса. Смех Милагроса и

Этевы еще какое-то время раздавался эхом среди лиан, а затем стих, когда они дошли до бамбуковых зарослей, окаймлявших тропу вдоль реки. Ритими взяла меня за руку и повела в гущу зелени. Я шла между Ритими и Тутеми. Мы молча шагали гуськом к заброшенным огородам Итикотери. Интересно, думала я, почему они ходят немного косолапо — из-за тяжелого груза за спиной или потому, что это придает им большую устойчивость. Наши тени то росли, то укорачивались вместе со слабыми солнечными лучами, пробивавшимися сквозь кроны деревьев. Мои колени совершенно ослабели от усталости. Я неуклюже ковыляла, то и дело спотыкаясь о корни и ветки. Ритими обняла меня за талию, но это сделало ходьбу по узкой тропе еще неудобнее. Тогда она стащила у меня со спины рюкзак и затолкала его в корзину Тутеми. Меня охватила странная тревога. Мне захотелось забрать рюкзак, достать оттуда сосуд с пеплом и привязать его к себе на пояс. Я смутно почувствовала, что вот сейчас разорвалась какая-то связь. Если бы меня попросили выразить это чувство словами, я не смогла бы этого сделать. И все же я ощутила, что с этой минуты некое таинственное волшебство, перелитое в меня Анхеликой, растаяло. Солнце уже скрылось за деревьями, когда мы вышли на лесную прогалину. Среди всех прочих оттенков зелени я отчетливо разглядела светлую, почти прозрачную зелень банановых листьев. По краю того, что некогда было обширным огородом, выстроились полукругом задами к лесу треугольные по форме хижины. Жилища были открыты со всех сторон, кроме крыш из банановых листьев в несколько слоев. Словно по сигналу, нас мгновенно окружила толпа мужчин и женщин с широко раскрытыми глазами и ртами. Я вцепилась в руку Ритими; то, что она шла со мной через лес, как-то отличало ее от этих возбужденных на меня людей. Обхватив за талию, она теснее прижала меня к себе. Резкий возмущенный тон ее голоса на минуту сдержал толпу. А затем сразу же их лица оказались всего в нескольких дюймах от моего. С их подбородков капала слюна, а черты искажала табачная жвачка, торчащая между деснами и нижними губами. Я начисто забыла о той объективности, с какой антрополог обязан подходить к иной культуре. В данный момент эти индейцы были для меня не чем иным, как кучкой уродливых грязных людей. Я закрыла глаза и тут же открыла, почувствовав на щеках прикосновение чьей-то сухой ладони. Это был старик. Заулыбавшись, он закричал: — Айя, сия, айиния, шори! Эхом повторяя его крик, все тут же бросились наперебой меня обнимать, чуть не раздавив от радости. Они умудрились стащить с меня майку. На лице и теле я почувствовала их руки, губы и языки. От них несло дымом и землей; их слюна, прилипшая к моему телу, воняла гнилыми табачными листьями. От омерзения я разрыдалась. Они настороженно отпрянули. Хотя слов я не понимала, их интонации явно свидетельствовали о недоумении. Уже вечером я узнала от Милагроса, как Ритими объяснила толпе, что нашла меня в лесу. Поначалу она приняла меня за лесного духа и боялась ко мне подойти. Только увидев, как я поедаю бананы, она убедилась, что я человек, потому что только люди едят с такой жадностью. Между гамаком Милагроса и моим, дымя и потрескивая, горел костер; он тускло освещал открытую со всех сторон хижину, оставляя в темноте сплошную стену деревьев. От этого красноватого света и дыма на мои глаза наворачивались слезы. Вокруг костра, касаясь друг друга плечами, тесно сидели люди. Их затененные лица казались мне совершенно одинаковыми; красные и черные узоры на телах словно жили своей собственной жизнью, шевелясь и извиваясь при каждом движении. Ритими сидела на земле вытянув ноги и левой рукой опиралась о мой гамак. Ее кожа в неверном свете костра отсвечивала мягкой глубокой желтизной, нарисованные на лице линии сходились к вискам, подчеркивая характерные азиатские черты. Хорошо были видны освобожденные от палочек дырочки в уголках ее рта, в нижней губе и в перегородке между широкими ноздрями. Почувствовав мой взгляд, она встретила со мной глазами, и ее круглое лицо

расплылось в улыбке. У нее были короткие квадратные зубы, крепкие и очень белые. Я стала задремывать под их тихий говор, но спала какими-то урывками, думая о том, что мог им рассказывать Милагрос, когда я то и дело просыпалась от их хохота.

Часть вторая

Глава 6

— Когда ты думаешь вернуться? — спросила я Милагроса шесть месяцев спустя, отдавая ему письмо, которое написала в миссию отцу Кориолано. В нем я кратко уведомляла его, что намерена пробыть у Иतिकотери еще по меньшей мере два месяца. Я просила его дать знать об этом моим друзьям в Каракасе; и самое главное, я умоляла его передать с Милагросом столько блокнотов и карандашей» сколько он сможет.— Когда ты вернешься? — спросила я еще раз.

— Недели через две, — небрежно ответил Милагрос, упрятывая письмо в бамбуковый колчан. Должно быть, он заметил озабоченность у меня на лице, потому что добавил: — Наперед никогда не скажешь, но я вернусь. Я проводила его взглядом по тропе, ведущей к реке. Он поправил висевший за спиной колчан и на мгновение обернулся ко мне, словно хотел сказать что-то еще. Но вместо этого лишь махнул на прощанье рукой.

А я медленно направилась в шабоно, миновав нескольких мужчин, занятых рубкой деревьев у края огородов. Я осторожно обходила валявшиеся на расчищенном участке стволы, стараясь не поранить ноги о куски коры и острые щепки, таящиеся в сухой листве.

— Он вернется, как только поспеют бананы, — крикнул Этева, взмахнув рукой, как это только что сделал Милагрос.

— Праздника он не пропустит. Улыбнувшись, я помахала ему в ответ и хотела было спросить, когда же будет этот праздник. Но в этом не было нужды, на этот вопрос он уже ответил, — когда поспеют бананы. Колючие кустарники и бревна, которые каждую ночь нагромождались перед главным входом в шабоно, были уже убраны. Было еще раннее утро, но почти все обращенные лицом к открытой круглой поляне хижины были пусты. Мужчины и женщины работали на расположенных поблизости огородах либо ушли в лес собирать дикie плоды, мед и дрова для очагов. Меня обступили несколько вооруженных миниатюрными луками и стрелами мальчишек.

— Смотри, какую ящерицу я убил, — похвалился Сисиве, держа за хвост мертвое животное.

— Только это он и умеет — стрелять ящериц, — насмешливо заявил один из мальчишек, почесывая коленку пальцами другой ноги.— И то почти всегда промахивается.

— Не промахиваюсь! — крикнул Сисиве, покраснев от злости. Я погладила чуть отросшие волосы на его выбритой макушке. В солнечном свете волосы у него оказались не черными, а красновато-коричневыми. Подыскивая слова из своего небогатого запаса, я постаралась заверить его, что когда-нибудь он станет лучшим охотником в деревне. Сисиве, сыну Ритими и Этевы, было шесть, максимум семь лет от роду, потому что он еще не носил лобкового шнура. Ритими, считавшая, что чем раньше подвязать пенис мальчика к животу, тем быстрее сын будет расти, постоянно заставляла его делать. Но Сисиве отказывался, оправдываясь, что ему больно. Этева не настаивал. Его сын и так рос

крепким и здоровым. Скоро уже, доказывал отец, Сисиве и сам поймет, что негоже мужчине показываться на людях без такого шнурка. Как большинство детей, Сисиве носил на шее кусочек пахучего корня, отгонявшего хворь, и как только стирались рисунки на его теле, его тут же заново раскрашивали пастой оното. Заулыбавшись, начисто позабыв о гневе, Сисиве взялся за мою руку и одним ловким движением вскарабкался на меня так, словно я была деревом. Он обхватил меня ногами за талию, откинулся назад и, вытянув руки к небу, крикнул: — Смотри, какое оно голубое — совсем как твои глаза! Из самого центра поляны небо казалось огромным. Его великолепия не затеняли ни деревья, ни лианы, ни листва. Густая растительность толпилась за пределами шабоно, позади бревенчатых заграждений, охранявших доступ в деревню. Казалось, деревья терпеливо ждут своего часа, зная, что их вынудили отступить лишь на время. Потянув меня за руку, ребятишки свалили нас с Сисиве на землю. Первое время я не могла разобраться, кто чей родитель, потому что дети кочевали от хижины к хижине, ели и спали там, где им было удобно. Только о младенцах я точно знала, чьи они, так как они вечно висели подвязанными к телам матерей. Ни днем, ни ночью младенцы не проявляли никакого беспокойства независимо от того, чем занимались их матери. Не знаю, что бы я стала делать без Милагроса. Каждый день он по несколько часов обучал меня языку, обычаям и верованиям своего народа, а я жадно записывала все это в блокноты. Разобраться, кто есть кто у Итикотери, было весьма непросто. Они никогда не называли друг друга по имени, разве что желая нанести оскорбление. Ритими и Этеву называли Отцом и Матерью Сисиве и Тешомы (детей разрешалось называть по имени, но как только они достигали половой зрелости, этого всячески избегали). Еще сложнее обстояли дела с мужчинами и женщинами из одного и того же рода, ибо они называли друг друга братьями и сестрами; женившийся на женщине из данного рода, называл женами всех женщин из этого рода, но не вступал с ними в сексуальный контакт. Милагрос часто замечал, что приспособиться приходится не мне одной. Мое поведение, бывало, точно так же ставило Итикотери в тупик; для них я не была ни мужчиной, ни женщиной, ни ребенком, из-за чего они не знали, что обо мне думать, к чему меня отнести. Из своей хижины появилась старая Хайяма. Визгливым голосом она велела детям оставить меня в покое.

— У нее еще пусто в животе, — сказала она и, приобняв за талию, повела меня к очагу в своей хижине. Стараясь не наступить и не споткнуться о какую-нибудь алюминиевую или эмалированную посудину (приобретенную путем обмена с другими деревнями), черепахи панцири, калабаши и корзинки, в беспорядке валявшиеся на земляном полу, я уселась напротив Хайямы. Полностью вытянув ноги на манер женщин Итикотери и почесывая голову ее ручного попугая, я стала ждать еды.

— Ешь, — сказала она, подавая мне печеный банан на обломке калабаша. С большим вниманием старуха следила за тем, как я жую с открытым ртом, то и дело причмокивая. Она улыбнулась, довольная тем, что я по достоинству оценила мягкий сладкий банан. Милагрос представил мне Хайяму как сестру Анхелики. Всякий раз, глядя на нее, я пыталась отыскать какое-то сходство с хрупкой старушкой, с которой я навеки рассталась в лесу. Ростом около пяти футов четырех дюймов, Хайяма была довольно высокой для женщин Итикотери. Она не только физически отличалась от Анхелики, не было у нее и легкости души, присущей ее сестре. В голосе и манерах Хайямы ощущалась жесткость, из-за чего я нередко чувствовала себя неудобно. А ее тяжелые обвислые веки вообще придавали лицу особо зловещее выражение.

— Ты останешься здесь, у меня, пока не вернется Милагрос, — заявила старуха,

подавая мне второй печеный банан. Чтобы ничего не отвечать, я набила рот горячей едой. Милагрос представил меня своему зятю Арасуве, вождю Итикотери, и всем прочим жителям деревни. Однако именно Ритими, повесив мой гамак в хижине, которую разделяла с Этевой и двумя детьми, заявила на меня свои права.

— Белая Девушка будет спать здесь, — объявила она Милагросу, пояснив, что гамаки малышей Сисиве и Тешомы будут повешены вокруг очага Тутеми в соседней хижине. Никто не стал возражать против замысла Ритими. Молча, с чуть насмешливой улыбкой, Этева наблюдал за тем, как Ритими носилась между хижинами — своей и Тутеми — перевешивая гамаки привычным треугольником вокруг огня. На небольшом возвышении между двумя столбами, поддерживающими все жилище, она водрузила мой рюкзак среди лубяных коробов, множества разных корзин, топора, сосудов с оното, семенами и кореньями. Самоуверенность Ритими основывалась не столько на том факте, что она была старшей дочерью вождя Арасуве от его первой, уже умершей жены, дочери старой Хайямы, и не столько на том, что она была первой и любимой женой Этевы, сколько на том, что Ритими знала, что, несмотря на порывистый нрав, все в шабоне ее уважали и любили.

— Не могу больше, — взмолилась я, когда Хайяма достала из огня очередной банан.

— У меня уже полон живот. И задрав майку, я выпятила живот, чтобы она видела, какой он полный.

— Твоим костям надо бы обрасти жиром, — заметила старуха, разминая пальцами банан.

— У тебя груди маленькие, как у ребенка.

— Хихикнув, она подняла мою майку повыше.

— Ни один мужчина никогда тебя не захочет — побоится, что ушибется твои кости.

Широко раскрыв глаза в притворном ужасе, я сделала вид, что жадно набрасываюсь на пюре.

— От твоей еды я уж точно стану толстой и красивой, — пробубнила я снабитым ртом. Еще не обсохшая после купания в реке, в хижину вошла Ритими, расчесывая волосы тростниковым гребнем. Сев рядом, она обняла меня за шею и вlepила пару звучных поцелуев. Я едва удержалась от смеха. Поцелуи Итикотери вызывали у меня щекотку. Они целовались совсем не так, как мы; всякий раз, приложившись ртом к щеке или шее, они делали фыркающий выдох, заставляя губы вибрировать.

— Ты не станешь перевешивать сюда гамак Белой Девушки, — сказала Ритими, глядя на бабу. Решительность тона совсем не вязалась с просительно мягким выражением ее темных глаз. Не желая оказаться причиной спора, я дала понять, что не так уж важно, где будет висеть мой гамак. Поскольку стен между хижинами не было, мы жили практически под одной крышей. Хижина Хайямы стояла слева от Тутеми, а справа от нас была хижина вождя Арасуве, где он жил со своей старшей женой и тремя самыми младшими детьми. Две другие его жены со своими отпрысками занимали соседние хижины. Ритими вперила в меня немой молящий взгляд.

— Милагрос просил меня заботиться о тебе, — сказала она, осторожно, чтобы не оцарапать кожу, пройдясь тростниковым гребнем по моим волосам. Прервав кажущееся бесконечным молчание, Хайяма наконец заявила: — Можешь оставить свой гамак там, где он висит, но есть ты будешь у меня. Все сложилось очень удачно, подумала я. Этева и без того должен прокормить четыре рта. С другой стороны, о Хайяме хорошо заботился ее самый младший сын. Судя по количеству висящих под пальмовой крышей звериных черепов и банановых гроздей, ее сын был хорошим охотником и земледельцем. После

съеденных утром печеных бананов вся семья собиралась за едой еще только один раз, перед закатом. В течение дня люди закусывали всем, что попадалось под руку, — плодами, орехами, либо такими деликатесами, как жареные муравьи или личинки. Ритими тоже, казалось, была довольна договоренностью насчет питания. Она с улыбкой прошла в нашу хижину, сняла подаренную мне ею корзину, которая висела над моим гамаком, и достала из нее блокнот и карандаши.

— А теперь за работу, — заявила она командирским тоном. В последние дни Ритими передавала мне науку о своем народе так же, как в течение шести минувших месяцев это делал Милагрос. Каждый день он несколько часов уделял тому, что я называла формальным обучением. Поначалу мне было очень трудно усвоить язык. Я обнаружила, что у него не только сильное носовое произношение, — мне еще оказалось крайне сложно понимать людей, разговаривающих с табачной жвачкой во рту. Я попыталась было составить нечто вроде сравнительной грамматики, но отказалась от этой затеи, когда поняла, что у меня не только нет должной лингвистической подготовки, но и чем больше я старалась ввести в изучение языка рациональное начало, тем меньше могла говорить. Лучшими моими учителями были дети. Хотя они отмечали мои ошибки и с удовольствием заставляли повторять разные слова, они не делали осознанных попыток что-либо мне объяснять. С ними я могла болтать без умолку, нимало не смущаясь допущенных ошибок. После ухода Милагроса я все еще многого не понимала, но не могла надивиться тому, как легко стала общаться с остальными, научившись правильно понимать их интонации, выражения лиц, красноречивые движения рук и тел. В часы формального обучения Ритими водила меня в гости к женщинам то в одну, то в другую хижину, и мне разрешалось вдоволь задавать вопросы. Ошеломленные моим любопытством, женщины обо всем рассказывали легко, словно играя в какую-то игру. Если я чего-то не понимала, они раз за разом терпеливо повторяли свои объяснения. Я была благодарна Милагросу за создание прецедента. Любопытство не только считалось у них бестактностью, им вообще было не по душе, когда их расспрашивают. Несмотря на это, Милагрос всячески потакал тому, что называл моей странной причудой, заявив, что чем больше я узнаю о языке и обычаях Иतिकотери, тем скорее почувствую себя среди них как дома. Вскоре стало очевидно, что мне вовсе не нужно задавать так уж много прямых вопросов. Нередко мое самое невинное замечание вызывало такой встречный поток информации, о котором я и мечтать не могла. Каждый день перед наступлением темноты я с помощью Ритими и Тутеми просматривала собранные днем данные и пыталась привести их в некое подобие классификации по таким разделам, как социальная структура, культурные ценности, основные технологические приемы, и по иным универсальным категориям социального поведения человека. Однако, к моему глубокому разочарованию, была одна тема, которой Милагрос так и не затронул: шаманизм. Из своего гамака я наблюдала два сеанса исцеления, которые подробно впоследствии описала.

— Арасуве — это великий шапори, — сказал мне Милагрос, когда я наблюдала за первым ритуалом исцеления.

— Своими заклинаниями он взывает к помощи духов? — спросила я, глядя, как зять Милагроса массирует, лижет и растирает простертое тело ребенка. Милагрос возмущенно зыркнул на меня. — Есть такие вещи, о которых не говорят.

— Он резко поднялся с места и перед тем, как выйти из хижины, добавил: — Не

спрашивай о таких вещах. Будешь спрашивать — не миновать тебе беды. Его ответ меня не удивил, но я не была готова к его неприкрытому гневу. Интересно, думала я, он не желает обсуждать эту тему из-за того, что я женщина, или потому, что шаманизм вообще является темой запретной. Тогда у меня не хватило смелости это выяснить. То, что я женщина, белая, да еще одна-одинешенька, само по себе внушало достаточные опасения. Мне было известно, что почти во всяком обществе знания, касающиеся практики шаманства и целительства, открываются исключительно посвященным. За время отсутствия Милагроса я ни разу не упомянула слова «шаманизм», однако целыми часами обдумывала, как бы получше об этом разузнать, не вызвав ни гнева, ни подозрений. Из моих заметок, сделанных на сеансах исцеления, явствовало, что согласно верованиям Иतिकотери, тело шапори претерпевало некую перемену под воздействием нюхательного галлюциногена эпены. То есть шаман действовал, основываясь на убеждении, что его человеческое тело преображалось в некое сверхъестественное тело. В результате он вступал в контакт с лесными духами. Вполне очевидным для меня был бы приход к пониманию шаманизма через тело — не как через объект, определяемый психохимическими законами, одушевленными стихиями природы, окружением или самой душой, а через понимание тела как суммы пережитого опыта, тела как экспрессивного единства, постигаемого через его жизнедеятельность. Большинство исследований на тему шаманизма, в том числе и мои, сосредоточиваются на психотерапевтических и социальных аспектах исцеления. Я подумала, что мой новый подход не только даст новое объяснение, но и предоставит мне способ узнать об исцелении, не вызывая подозрений. Вопросы, касающиеся тела, вовсе не обязательно должны быть связаны с шаманизмом. Я не сомневалась, что шаг за шагом понемногу раздобуду необходимые данные, причем Иतिकотери даже не заподозрят, что именно меня интересует на самом деле. Всякие угрызения совести по поводу непорядочности поставленной задачи быстро заглушались постоянными напоминаниями себе самой, что моя работа имеет большое значение для понимания западных методов целительства. Станные, нередко эксцентричные методы шаманизма станут более понятными в свете совершенно иного интерпретационного контекста, что, в свою очередь, расширит антропологические познания в целом.

— Ты уже два дня не работала, — сказала мне как-то Ритими, когда солнце перевалило за полдень.

— Ты не спрашивала про вчерашние песни и танцы. Разве ты не знаешь, что они очень важны? Если мы не будем петь и плясать, охотники вернутся без мяса к празднику.

— Нахмурившись, она бросила блокнот мне на колени.

— Ты даже ничего не рисовала в своей книжке.

— Я отдохну несколько дней, — ответила я, прижимая блокнот к груди, словно самое дорогое, что у меня было. Не могла же я ей сказать, что каждая оставшаяся драгоценная страничка предназначалась исключительно для записей по шаманизму. Ритими взяла мои ладони в свои, внимательно их осмотрела и, сделав очень серьезную мину, заметила:

— Они очень устали, им надо отдохнуть. Мы расхохотались. Ритими всегда недоумевала, как я могу считать работой разрисовывание моей книжки. Для нее работа означала прополку сорняков на огороде, сбор топлива для очага и починку крыши шабоно.

— Мне очень понравились и песни, и пляски, — сказала я.

— Я узнала твой голос. Он очень красивый. Ритими просияла.

— Я очень хорошо пою.

— В ее утверждении была очаровательная прямота и уверенность; она не хвастала, она лишь констатировала факт. — Я уверена, что охотники придут с большой добычей,

чтобы хватило накормить гостей на празднике. Согласно кивнув, я отыскала веточку и схематически изобразила на мягкой земле фигуру человека.

— Это тело белого человека,— сказала я, обозначив основные внутренние органы и кости.

— Интересно, а как выглядит тело Иतिकотери? — Ты, должно быть, и впрямь устала, если задаешь такие глупые вопросы, — сказала Ритими, глядя на меня, как на полоумную. Она поднялась и пустилась в пляс, припевая громким мелодичным голосом: — Это моя голова, это моя рука, это моя грудь, это мой живот, это моя... Вокруг насмоментально собралась толпа мужчин и женщин, привлеченных забавными ужимками Ритими. Смеясь и повизгивая, они принялись отпускать непристойные шутки насчет тел друг друга. Кое-кто из мальчишекподростков буквально катался по земле от хохота, держа себя за половые органы.

— Может еще кто-нибудь нарисовать свое тело так, как я нарисовала мое? — спросила я. На мой вызов откликнулось несколько человек. Схватив кто деревяшку, кто веточку, кто сломанный лук, они стали рисовать на земле. Их рисунки резко отличались друг от друга, и не только в силу вполне очевидных половых различий, которыеони всеми силами старались подчеркнуть, но еще и тем, что все мужские тела были изображены с крохотными фигурками в груди. Я с трудом скрывала радость. По моему разумению, это должны были быть те самые духи, которых призывал Арасуве своими заклинаниями перед тем, как приступить к сеансу исцеления. — А это что такое? — спросила я как можно небрежнее.

— Это лесные хекуры, которые живут в груди у мужчины, — ответил один из мужчин. — Все мужчины шапори? — В груди у каждого мужчины есть хекура,— ответил тот же мужчина.

— Но заставить их себе служить может только настоящий шапори. И только великий шапори может приказать своим хекурам помочь больному или отразить колдовство враждебного шапори.

— Изучая мой рисунок, он спросил: — А почему на твоём рисунке тоже есть хекуры, даже в ногах? Ведь у женщин их не бывает. Я пояснила, что это никакие не духи, а внутренние органы и кости, и они тут же дополнили ими свои рисунки. Удовлетворившись тем, что узнала, я охотно составила компанию Ритими, собравшейся в лес за дровами, что было самой трудоемкой и нелюбимой женской обязанностью. Топлива всегда не хватало, потому что огонь в очагах поддерживался постоянно. В тот же вечер, давно взяв себе это за правило, Ритими тщательно осмотрела мои ноги на предмет колючек и заноз. Убедившись, что таковых нет, она удовлетворенно оттерла их ладонями дочиста.

— Интересно, преображаются ли как-то тела шапори, когда на них воздействует эпена, — сказала я. Важно было получить подтверждение из их же уст, поскольку изначальной предпосылкой моего теоретического построения было то, что шаман действует на основании неких предположений, связанных с телом. Мне нужно было знать, все ли эти люди разделяют подобные предположения, и являются ли они осознанными или подсознательными по своей природе. — Ты видела вчера Ирамамове? — спросила Ритими.

— Ты видела, как он ходил? Его ноги не касались земли. Он очень могущественный шапори. Он стал большим ягуаром.

— Он никого не исцелил, — мрачно заметила я. Меня разочаровало то, что брат Арасуве считается великим шаманом. Пару раз я видела, как он колотил свою жену.

Утратив интерес к разговору, Ритими отвернулась и начала приготовления к нашему вечернему ритуалу. Сняв корзину с моими пожитками с небольшого возвышения в глубине хижины, она поставила ее на землю. Один за другим она доставала оттуда различные предметы и, подняв высоко над головой, ожидала, пока я их назову. Тогда вслед за мной она повторяла название по-испански, затем по-английски, а ей начинал вторить вечерний хор жен вождя и нескольких других женщин, каждый вечер собиравшихся в нашей хижине. Я удобно устроилась в гамаке, а пальцы Тутеми принялись прядь за прядью перебирать мои волосы в поисках воображаемых вшей; я-то не сомневалась, что у меня их нет — пока нет. На вид Тутеми была пятьюшестью годами младше Ритими, которой, по-моему, было около двадцати. Она была выше ростом и крупнее, а живот ее округляла первая беременность. Она была робка и застенчива. Я часто замечала в ее глазах какое-то печальное, отсутствующее выражение, и временами она разговаривала сама с собой, словно размышляя вслух.

— Вши, вши! — закричала Тутеми, прервав англоиспанскую декламацию женщин.

— Дай-ка мне посмотреть, — сказала я, в полной уверенности, что она шутит.

— Разве вши белые? — спросила я, разглядывая крошечных белых жучков на ее пальце. Я всегда считала, что они темные.

— Белая Девушка — белые вши! — с лукавым видом сказала Тутеми. С явным удовольствием она хрустнула ими на зубах и проглотила.

— Вши всегда белые.

Глава 7

Наступил день праздника. С самого полудня надо мной хлопотали Ритими и Тутеми, взявшие на себя заботу меня украсить. Заостренным кусочком бамбука Тутеми остригла мне волосы на общепринятый манер, а острой, как лезвие ножа, травинкой выбрила макушку. Волосы с моих ног она удалила с помощью абразивной пасты, приготовленной из золы, растительной смолы и ила. Ритими разрисовала мне лицо волнистыми линиями, а все тело расписала затейливыми геометрическими узорами с помощью разжеванной веточки. Мои ноги, красные и опухшие после удаления волос, остались нераскрашенными. К моим сережкам-колечкам, которые мне удалось отстоять, она прикрепила по розовому цветку вместе с пучками белых перьев. К предплечьям, кистям рук и коленкам она привязала красные шнуры из хлопковой пряжи.

— О нет. Только не это, — воскликнула я, отскакивая подальше от Ритими.

— Да это совсем не больно, — заверила она меня, а потом негодуя спросила: — Ты что, хочешь выглядеть, как старуха? Это же не больно, — настаивала Ритими, ходя за мной по пятам.

— Оставь ее в покое, — сказал Этева, доставая с возвышения лубяной короб. Оглядев меня, он расхохотался. Его крупные белые зубы и прищуренные глаза, казалось, насмехались над моим смущением.

— Не так уж много у нее волос на лобке. Я с облегчением повязала вокруг бедер красный хлопковый пояс, который дала мне Ритими, и рассмеялась вместе с ним. Убедившись, что широкий плоский пояс повязан так, что его бахрома полностью скрывает неуместную растительность, я сказала Ритими: — Вот видишь, ничего не видно. Ритими оставила это

без внимания и, равнодушно пожав плечами, продолжала обследовать собственный лобок в поисках хотя бы одного волоска. Загорелое лицо и тело Этевы украшали круги и завитушки. Поверх лобкового шнура он повязал толстый круглый пояс из красной хлопковой пряжи, на предплечьях — узкие полоски обезьяньего меха, к которым Ритими прикрепила загодя отобранные Этевой из короба белые и черные перья. Запустив пальцы в липкую смолистую пасту, приготовленную сегодня утром женами Арасуве, Ритими вытерла их о волосы Этевы. Тутеми сразу же взяла из другого короба целый пучок белых пушистых перьев и прилепила их к его голове, так что он словно оказался в белой меховой шапке.

— Когда начнется праздник? — спросила я, глядя, как несколько мужчин оттаскивают прочь с уже расчищенной от растительности поляны огромные кучи банановой кожуры.

— Когда будет готов банановый суп и все мясо, — ответил Этева, расхаживая по хижине, чтобы мы вдоволь им налюбовались. Его губы кривились в улыбке, а насмешливые глаза все еще были прищурены. Он взглянул на меня и вынул изо рта табачную жвачку. Положив ее на обломок калабаша, он мощной высокой дугой сплюнул поверх своего гамака. С уверенным видом человека, чрезвычайно довольного своей внешностью, он еще раз повернулся перед нами и вышел из хижины. Мокрую от его слюны жвачку подобрала малышка Тешома. Запихнув ее в рот, она принялась сосать с таким же наслаждением, с каким я бы сейчас вгрызлась в шоколадку. Ее мордашка, обезображенная торчащей изо рта жвачкой, выглядела уморительно. Улыбаясь, она забралась в мой гамак и вскоре заснула. В соседней хижине я видела вождя Арасуве, возлежащего в своем гамаке. Оттуда он присматривал за приготовлением бананов и жаркой мяса, принесенного охотниками, ухажившими за добычей несколькими днями раньше. Словно рабочие у конвейера, несколько мужчин с рекордной скоростью обрабатывали многочисленные связки бананов. Один, впившись острыми зубами в кожуру, раскрывал ее; другой срывал твердую шкурку и бросал банан в лубяное корыто, сделанное сегодня утром Этевой; третий следил за тем, чтобы разведенными под корытом маленькими кострами.

— А почему стряпней занимаются одни мужчины? — спросила я у Тутеми. Я знала, что женщины никогда не готовят крупную дичь, но меня поразило, что ни одна из них и близко не подошла к бананам.

— Женщины большие растяпы, — ответил Арасуве за Тутеми, входя в хижину. Глаза его, казалось, ожидали, хватит ли у меня смелости возразить. И улыбнувшись, он добавил: — Они легко отвлекаются на всякую всячину, а огонь тем временем прожигает корыто. Не успела я ничего сказать в ответ, как он уже опять был в своем гамаке.

— Он приходил только затем, чтобы это сказать? — Нет, — сказала Ритими.

— Он приходил, чтобы на тебя посмотреть. У меня не было охоты спрашивать, прошла ли я инспекцию Арасуве, чтобы не напоминать ей о невыщипанных волосах у меня на лобке. — Смотри, — сказала я, — к нам гости.

— Это Пуривариве, самый старший брат Анхелики, — сказала Ритими, указывая на старика в группе мужчин. — Он — шапори, наводящий страх. Однажды его убили, но он не умер.

— Однажды его убили, но он не умер, — медленно повторила я, не зная, как это понимать, — в буквальном или переносном смысле.

— Его убили во время набега, — сказал Этева, заходя в хижину.

— Мертвый, мертвый, мертвый, но не умер.

— Он раздельно выговаривал каждое слово, усиленно шевеля губами, словно таким способом мог донести до меня истинное значение своих слов.

— А такие набегии еще случаются? На мой вопрос никто не ответил. Этева достал длинную полую тростинку, небольшой тыквенный сосуд, спрятанный за одним из стропил, и вышел встречать гостей, остановившихся посреди поляны лицом к хижине Арасуве. Мужчины все подходили, и я громко поинтересовалась, приглашались ли на праздник женщины. — Они снаружи, — пояснила Ритими.

— Украшают себя вместе с остальными гостями, пока мужчины принимают эпену. Вождь Арасуве, его брат Ирамамове, Этева и еще шестеро мужчин Итикотери, все разукрашенные перьями, мехом и красной пастой оното, уселись на корточки напротив уже сидевших гостей. Они немного поговорили, избегая глядеть друг другу в глаза. Арасуве отвязал висевший у него на шее маленький калабаш, засыпал немного коричневатозеленого порошка в один конец полой тростинки и повернулся к брату Анхелики. Приставив конец тростинки к носу шамана, Арасуве с силой вдул одурманивающий порошок в ноздрю старика. Шаман не сморщился, не застонал и не отшатнулся, как это делали другие мужчины. Но глаза его помутнели, а из носа и рта потекла какая-то зеленая слизь, которую он смахивал веточкой. Медленно, нараспев он начал произносить заклинания. Слов я не могла разобрать; они произносились слишком тихо и тонули в завываниях остальных. С остекленевшими глазами, со слизью и слюной, стекающей по подбородку и груди, Арасуве высоко подпрыгнул. Красные перья попугая, висевшие у него в ушах и на руках, затрепетали. Он подпрыгивал, касаясь земли с легкостью, невероятной для человека столь плотного телосложения. Лицо его словно было высечено из камня. Над крутым лбом свисала прямая челка. Нос с широко раздутыми ноздрями и оскаленный рот напомнили мне одного из четырех царей-стражей, которых я видела когда-то в японском храме. Кое-кто из мужчин отошел в сторону, пошатываясь и держась за голову; их рвало. Завывания старика становились все громче; один за другим мужчины снова сгрудились вокруг него. Они молча сидели на корточках, обхватив руками колени и уставив глаза в лишь им одним видимую точку, пока шапори не завершил своего песнопения. Каждый мужчина Итикотери вернулся в свою хижину, ведя гостя. Арасуве пригласил Пуривариве; Этева вошел в хижину с одним из тех молодых мужчин, которых вырвало. Не удостоив нас взглядом, гость развалился в гамаке Этевы, как в своем собственном; на вид ему было не больше шестнадцати.

— А почему не все мужчины Итикотери принимали эпену и украсили себя? — шепотом спросила я Ритими, которая хлопотала вокруг Этевы, очищая и заново раскрашивая ему лицо пастой оното.

— Завтра все они будут украшены. В ближайшие дни к нам придут еще гости, — сказала она.

— Сегодняшний день только для родственников Анхелики.

— Но ведь здесь нет Милагроса.

— Он пришел сегодня утром.

— Сегодня утром! — повторила я, не веря своим ушам. Лежащий в гамаке Этевы юноша взглянул на меня, широко раскрыв глаза, и закрыл их снова. Проснулась Тешома и захныкала. Я попыталась успокоить ее, сунув в рот выпавшую на землю табачную жвачку. Выплюнув ее, она заревела еще громче. Я отдала девочку Тутеми, которая стала ее укачивать, пока ребенок не успокоился. Почему Милагрос не дал мне знать, что вернулся,

думала я со злостью и обидой. От жалости к себе на глаза у меня навернулись слезы.

— Смотри, вот он идет, — сказала Тутеми, указывая на вход в шабоно. В сопровождении группы мужчин, женщин и детей Милагрос подошел прямо к хижине Арасуве. Его глаза и рот были обведены красными и черными линиями. Я не сводила замороженного взгляда с повязанного у него на голове черного обезьяньего хвоста, с которого свисали разноцветные перья попугая. Такие же перья украшали меховые повязки на его предплечьях. Вместо праздничного пояса из хлопковой пряжи на нем была ярко-красная набедренная повязка. Необъяснимая тревога охватила меня, когда он подошел к моему гамаку. При виде его сурового, напряженного лица сердце у меня заколотилось от страха.

— Принеси свой калабаш, — сказал он по-испански и, отвернувшись, направился к корыту с банановым супом. Не обращая на меня ни малейшего внимания, все двинулись на поляну вслед за Милагросом. Я молча достала корзину, поставила ее перед собой на землю и вытащила все свои пожитки. На самом дне, завернутый в рюкзак, лежал гладкий, цвета охры калабаш с пеплом Анхелики. Я часто задумывалась, что мне с ним делать. Ритими, перебирая мои вещи, никогда не трогала рюкзака. В моих застывших, похолодевших руках сосуд словно потяжелел. А каким легким он был, когда я несла его через лес подвешенным к поясу.

— Высыпь все это в корыто, — сказал Милагрос. Это он тоже сказал по-испански.

— Там же суп, — тупо сказала я. Голос мой дрожал, а руки так ослабели, что мне показалось, я не смогу вытащить смоляную затычку.

— Высыпай, — повторил Милагрос, тихонько подталкивая мою руку. Я неловко присела и медленно высыпала горелые, мелко истолченные кости в суп, не сводя замороженного взгляда с темного холмика, выросшего на густой желтой поверхности. Запах был тошнотворный. Пепел так и остался наверху. Туда же Милагрос высыпал содержимое своего сосуда. Женщины завели причитания и плач. Может быть, мне тоже полагается заплакать, подумала я. Но я знала, что несмотря на все старания, не выжму из себя ни слезинки. Вздвогнув от громкого треска, я выпрямилась. Ручкой мачете Милагрос расколол оба калабаша на половинки. Потом он хорошенько размешал прах в супе, так что желтая масса сделалась грязно-серой. У меня на глазах он поднес половинку калабаша с супом ко рту и опорожнил ее одним долгим глотком. Утерев подбородок тыльной стороной ладони, он снова наполнил ковшик и передал его мне. Я в ужасе взглянула на окружавшие меня лица; они с напряженным вниманием следили за каждым моим движением и жестом, в их глазах не оставалось ничего человеческого. Женщины прекратили плач. Я слышала бешеный стук собственного сердца. Часто сглатывая в попытках избавиться от сухости в горле, я протянула дрожащую руку. Затем крепко зажмурилась и одним духом проглотила вязкую жидкость. К моему удивлению сладкий, с чуть солоноватым привкусом суп легко прокатился по горлу. Слабая улыбка смягчила напряженное лицо Милагроса, когда он взял у меня пустой ковшик. А я повернулась и пошла прочь, чувствуя, как в желудке волнами накатывает тошнота. Из хижины доносилась визгливая болтовня и смех. Сисиве, сидя на земле в компании своих приятелей, показывал им один за другим мои пожитки, которые я оставила разбросанными в беспорядке. Тошнота мигом растворилась в приступе ярости, когда я увидела свои блокноты тлеющими в очаге. Захваченные врасплох дети вначале смеялись над тем, как я, обжигая пальцы, пыталась спасти то, что осталось от блокнотов. Постепенно веселье на их лицах сменилось изумлением, когда до них дошло, что я плачу. Я выбежала из шабоно по тропе, ведущей к реке, прижимая к груди обгорелые странички.

— Я попрошу Милагроса отвести меня обратно в миссию, — бубнила я, размазывая слезы по лицу. Но эта мысль настолько поразила меня своей абсурдностью, что я расхохоталась. Как я предстану перед отцом Кориолано с выбритой тонзурой? Присев над водой, я заложила палец в рот и попыталась вырвать. Бесполезно. Вконец измученная, я улеглась лицом вверх на плоском камне, нависающем над водой, и стала разбираться, что же осталось от моих записей. Прохладный ветерок ворошил мои волосы. Я перевернулась на живот. Теплота камня наполнила меня мягкой истомой, унесшей прочь всю мою злость и усталость. Я поискала в прозрачной воде свое лицо, но ветерок мелкой рябью сдул с поверхности все отражения. Река не возвращала ничего. Пойманная, словно в капкан, темными заводами у берегов, яркая зелень растительности казалась сплошной дымчатой массой.

— Пусти свои записи по воде, — сказал Милагрос, садясь на камне рядом со мной. Его внезапное появление меня не удивило. Я ожидала, что он придет. Чуть кивнув головой, я молча повиновалась, и рука моя свисла с камня. Пальцы разжались. И глядя, как мои записи уплывают по течению, я почувствовала, как с моих плеч упал тяжкий груз. — Ты не ходил в миссию, — сказала я.

— Почему ты не сообщил, что отправляешься за родственниками Анхелики? Милагрос, не отвечая, молча глядел на другой берег.

— Это ты велел детям сжечь мои записи? — спросила я. Он повернул ко мне лицо, но снова промолчал. Судя по плотно сжатым губам, он был чем-то разочарован, но чем — я не в силах была понять. Когда он, наконец, заговорил, голос его был тих, словно пробивался вопреки его желанию.

— Иतिकотери, как и другие племена, многие годы уходили все глубже в леса, подальше от миссий и больших рек, где проходят пути белого человека.

— Отвернувшись, он глянул на ящерицу, с трудом перебиравшуюся через камень. На какое-то мгновение она уставилась на нас немигающими глазами и скользнула прочь. — Иные племена предпочли поступить иначе, — продолжал Милагрос.

— Они хотят заполучить товары, которые предлагают *tacionales*. Они не смогли понять, что только лес может дать им безопасность. Слишком поздно они обнаружат, что для белого человека индеец не лучше собаки. Он говорил, что всю жизнь прожив между двумя мирами, он знает, что у индейцев нет шансов выжить в мире белого человека, как бы ни старались отдельные немногие представители обеих рас сделать возможным обратное. Я стала рассказывать об антропологах и их работе, о важности запечатления обычаев и верований, которые, как он только что сам сказал, в противном случае обречены на забвение. Тень насмешливой улыбки искривила его губы.

— Про антропологов я знаю: я работал как-то с одним из них как информатор, — сказал он и засмеялся; смех его был тонок и визглив, но лицо оставалось бесстрастным. В глазах его не было смеха; они светились враждебностью. Я опешила, потому что его гнев был, казалось, направлен против меня. — Ты же знал, что я антрополог, — неуверенно сказала я.

— Ты сам помогал мне заполнить добрую половину блокнота сведениями об Иतिकотери. Ведь ты же водил меня от хижины к хижине, поощряя других все мне рассказывать и учить вашему языку и обычаям. Милагрос хранил полную невозмутимость, его раскрашенное лицо походило на лишенную всякого выражения маску. Мне захотелось его встряхнуть. Моих слов он будто не слышал. Милагрос смотрел на деревья, уже почерневшие на фоне угасающего неба. Я заглянула снизу вверх ему в

лицо. Голова его резким силуэтом выделялась на фоне неба. И я увидела небо, словно подернутое огненными перьями попугая и пурпурными кистями длинной обезьяньей шерсти. Милагрос печально покачал головой.

— Ты сама знаешь, что пришла сюда не работать. Ты намного лучше могла бы сделать то же самое в какой-нибудь деревне поближе к миссии.

— В уголках его глаз собрались слезы; они дрожа поблескивали на густых коротких ресницах.

— Знание наших обычаев и верований дано тебе для того, чтобы ты могла войти в ритм нашей жизни; чтобы ты чувствовала себя под защитой и в безопасности. Это дар, который нельзя ни использовать, ни передавать другим. Я не в силах была отвести взгляда от его влажных блестящих глаз; в них не было упрека. В его черных зрачках я видела отражение своего лица. Дар Анхелики и Милагроса. Наконец-то я поняла. Меня провели сюда через леса вовсе не затем, чтобы я увидела их народ глазами антрополога, просеивая, взвешивая и анализируя все увиденное и услышанное, — а для того, чтобы увидеть их так, как увидела бы Анхелика в свой последний раз. Она тоже знала, что ее время и время ее народа подходит к концу. Я перевела взгляд на воду. Я и не почувствовала, как мои часы упали в реку, но они лежали там на галечном дне, — зыбкое видение крошечных светящихся точек в воде, то сходящихся вместе, то расходящихся. Должно быть, сломалось звено металлического браслета, подумала я, но не стала и пытаться достать часы, это последнее звено, соединявшее меня с миром за пределами этого леса. Голос Милагроса прервал мои мысли: — Когда-то очень давно, в одной деревне у большой реки я работал у антрополога. Он не жил вместе с нами в шабоно, а построил себе отдельную хижину неподалеку от бревенчатого ограждения. У нее были стены и дверь, которая запиралась изнутри и снаружи.

— Милагрос немного помолчал, смахнул слезы, подсыхавшие у окруженных морщинками глаз, потом спросил: — Хочешь знать, что я с ним сделал? — Да, — неуверенно сказала я.

— Я дал ему эпену, — Милагрос выдержал паузу и улыбнулся, словно моя настороженность доставила ему удовольствие.

— Этот антрополог повел себя так же, как любой другой, кто вдохнет священный порошок. Он сказал, что у него были видения, как у шамана.

— В этом нет ничего удивительного, — сказала я, слегка раздосадованная плутовским тоном Милагроса. — А вот и есть, — сказал он и рассмеялся.

— Потому что я вдул ему в ноздри обычную золу. А от золы только кровь идет из носа, больше ничего.

— Ты и мне собираешься дать то же самое? — спросила я, покраснев от того, как жалостно прозвучал мой голос.

— Я дал тебе частицу души Анхелики, — тихо сказал он, помогая мне подняться. Границы шабоно, казалось, растворялись в темноте. В тусклом свете я все хорошо видела. Собравшиеся вокруг корыта люди показались мне похожими на лесных существ, в их блестящих глазах отражался свет костров. Я уселась рядом с Хаймой и приняла из ее рук кусок мяса. Ритими потерлась головой о мою руку. Малышка Тешома вскарабкалась ко мне на колени. Среди знакомых запахов и звуков я чувствовала полное удовлетворение и защищенность. Пристально всматриваясь в окружающие меня лица, я думала о том, как много у Анхелики родственников. Не было ни одного лица, походившего на нее. Даже черты Милагроса, прежде казавшегося таким похожим на Анхелику, теперь выглядели

иначе. А может, я уже забыла, как она выглядела, подумала я с грустью. И тут в свете костра я увидела ее улыбающееся лицо. Я тряхнула головой, пытаюсь избавиться от наваждения, и оказалось, что я смотрю на старого шамана Пуривариве, сидящего на корточках чуть поодаль от всех. Это был маленький, тощий, сухой человечек с коричневато-желтой кожей; мышцы на его руках и ногах уже усохли. Но волосы его все еще были темны и чуть вились. Он никак не был украшен; все его одеяние состояло из повязанной вокруг талии тетивы. На подбородке торчали редкие волоски, а по краям верхней губы виднелись жалкие остатки усов. Его глаза под тяжелыми сморщенными веками поблескивали крохотными огоньками, отражая свет костра. Зевнув, он раскрыл зияющий провалами рот, в котором, как сталагмиты, торчали пожелтевшие зубы. Смех и разговоры смолкли, когда он стал нараспев произносить заклинания голосом, который, казалось, принадлежал к иному месту и времени. У него было два голоса: один, гортанный, был высокий и гневный; другой, идущий из живота, был низкий и успокаивающий. Долго еще после того, как все разошлись по гамакам и угасли костры, Пуривариве, согнувшись в три погибели, сидел у небольшого огня посреди поляны. Он пел тихим приглушенным голосом. Я выбралась из гамака и присела рядом с ним на корточки, стараясь коснуться ягодицами земли. По мнению Иतिकотери, это был единственный способ, полностью расслабившись, часами сидеть на корточках. Давая понять, что заметил мое присутствие, Пуривариве коротко взглянул на меня и снова уставился в пустоту, словно я прервала ход его размышлений. Больше он не шевелился, и у меня возникло странное ощущение, что он уснул. Но тут он чуть передвинул по земле ягодицы, не расслабляя ног, и потихоньку снова еле слышно запел. Ни одного слова я понять не могла. Начался дождь, и я вернулась в свой гамак. Капли мягко шлепались на пальмовую крышу, порождая странный завораживающий ритм. Когда я снова обратила взгляд к центру поляны, старик уже исчез. И только с поднимающейся над лесом зарей я провалилась в бесконечность сна.

Глава 8

Красный закат пронизывал воздух багряным свечением. Несколько минут небо пылало перед тем, как быстро погрузиться в темноту. Шел третий день праздника. Сидяв гамаке с детьми Этевы и Арасуве, я наблюдала, как около полусотни мужчин Иतिकотери и их гостей с самого полудня без еды и отдыха пляшут в центре поляны. В ритме собственных пронзительных криков, под трескучее постукивание луков о стрелы, они поворачивались то в одну сторону, то в другую, ступая вперед и назад. Над всем властвовал глухой назойливый ритм звуков и движений, колыхание перьев и тел, смешение алых и черных узоров. Над деревьями взошла полная луна, ярко высветив поляну. На мгновение непрерывный гул и движение стихли. Затем плясуны разразились дикими гортанными криками, наполнив воздух оглушительным ревом, и отшвырнули прочь луки и стрелы. Забежав в хижины, танцоры выхватили из очагов горящие головни и с бешеной яростью принялись лупить ими по столбам, поддерживающим крышу шабоно. Полчища всевозможных ползучих насекомых со всех ног бросились спасаться в пальмовой крыше, а оттуда дождем посыпались вниз.

Испугавшись, что хижина может рухнуть либо разлетающиеся искры подожгут крыши, я с детьми выбежала наружу. Земля дрожала от топота ног мужчин, разворотивших очаги во всех хижинах. Размахивая над головой горящими головнями, они выбежали в центр поляны и возобновили пляску со все нарастающим неистовством. Они обошли поляну по кругу, болтая головами во все стороны, словно марионетки с оборванными ниточками. Пышные белые перья в их волосах, трепеща, ниспадали на блестящие от пота плечи.. Луна скрылась за черной тучей. Поляну освещали теперь только искры, слетающие с горящих головней. Пронзительные крики мужчин взвились еще выше; размахивая палицами над головой, они стали приглашать женщин принять участие в пляске. С криками и смехом женщины бросились врассыпную, ловко уворачиваясь от свистящих в воздухе дубинок. Неистовство плясунов неумолимо нарастало и достигло наивысшей точки, когда юные девушки с гроздьями желтых бананов в высоко поднятых руках влились в их круг, покачиваясь в чувственном самозабвении. Не помню точно, Ритими или кто другой втащил меня в пляшущую толпу, потому что в следующее мгновение я очутилась одна посреди бешеного круговорота испуганных лиц. Зажатая между мраком и телами, я попыталась пробраться к Хайяме, стоявшей на безопасном расстоянии в своей хижине, но не знала, куда мне идти. Я не узнала мужчину, который, размахивая палицей, снова втолкнул меня в гущу пляски. Я закричала и с ужасом поняла, что мои крики словно онемели, выдохлись внутри меня бесчисленными отголосками. Ничком падая на землю, я почувствовала резкую боль в голове за ухом. Я открывала глаза, стараясь что-нибудь увидеть сквозь густеющий вокруг меня мрак, и только успела подумать, заметил ли хоть кто-то в неистовой круговерти скачущих ног, что я упала. А потом была темнота, помеченная искорками света, влетающими и вылетающими у меня из головы, словно ночные светляки. Потом я смутно осознала, что кто-то оттаскивает меня подальше от топота пляски и укладывает в гамак. Я с огромным усилием открыла глаза, но склонившаяся надо мной фигура была как в тумане. На лице и затылке я ощутила легкое прикосновение чуть дрожащих рук. На мгновение мне показалось, что это Анхелика. Но услышав этот ни на что не похожий голос, идущий из глубины живота, я поняла, что это старый шаман Пуривариве распекает свои заклинания. Я попыталась сосредоточить на нем взгляд, но его лицо оставалось размытым, словно видимое сквозь толстый слой воды. Я хотела спросить его, где он был, почему я не видела его с первого дня праздника, но слова оставались лишь образами у меня в голове. Не знаю, то ли я потеряла сознание, то ли спала, но когда я очнулась, Пуривариве уже не было. Вместо него я увидела лицо Этевы, склоненное надо мной так низко, что я могла бы потрогать красные круги на его щеках, между бровями и в уголках глаз. Я протянула руки. Но рядом уже никого не было. Я снова прикрыла глаза; в голове, словно в черной пустоте, красной вуалью плясали круги. Я крепче зажмурилась, пока это видение не рассыпалось на тысячи осколков. Огонь в очаге разожгли снова; он наполнил хижину уютным теплом, а меня словно спеленало плотное покрывало дыма. Вырванные из темноты пляшущие тени отражались в золотистом налете на свисающих со стропил калабашах. Весело смеясь, в хижину вошла старая Хайяма и уселась возле меня на земляной пол.

— Я думала, ты будешь спать до утра.

— Подняв обе руки к моей голове, она стала ощупывать ее, пока не отыскала шишку, вздувшуюся за ухом.

— Большая, — заметила она. Ее иссохшее лицо выражало сдержанную грусть; в глазах теплился тихий ласковый свет. Я села в лубяном гамаке. Только теперь до меня дошло, что я нахожусь не в хижине Этевы. — Ирамамове, — сказала Хайяма, опередив мой вопрос.

— Его хижина была ближе всех, вот Пуривариве и притащил тебя сюда после того, как тебя толкнули на чьюто дубинку. Луна уже высоко забралась в небо. Ее бледный мерцающий свет сеялся на поляну. Пляски закончились, но в воздухе все еще висела неуловимая дрожь. Крича и ударяя стрелами о луки, несколько мужчин встали полукругом перед хижинкой. Ирамамове и один из его гостей шагнули в центр группы живо жестикулирующих мужчин. Я не могла сказать, из какой деревни был этот гость, так как совершенно запуталась в разных группах, приходивших и уходивших с начала праздника. Ирамамове крепко уперся ногами в землю и поднял левую руку над головой, выпятив грудь.

— Ха, ха, ахаха, аита, аита! — прокричал он, притопывая ногой. Этим бесстрашным кличем он вызывал противника нанести ему удар. Молодой гость отмерил вытянутой рукой расстояние до тела Ирамамове; он несколько раз замахивался, и наконец, его сжатый кулак нанес мощный удар в левую сторону груди Ирамамове. Потрясенная, я сжалась всем телом. На меня накатила тошнота, словно боль прошла мою собственную грудь.

— Почему они дерутся? — спросила я Хайяму.

— Они не дерутся, — смеясь, ответила та.

— Они хотят услышать, как звучат хекуры, жизненные сущности, обитающие у них в груди. Они хотят слышать, как при каждом ударе вибрируют хекуры. Толпа взорвалась подбадривающими криками. Бурно дыша от возбуждения, юный гость отступил и ударил Ирамамове еще раз. С презрительно вздернутым подбородком, твердым взглядом, замерев в гордой стойке, Ирамамове принял одобрительные, возгласы мужчин. Только после третьего удара он изменил стойку. На мгновение его губы скривились в одобрительной усмешке, и тут же снова появилась ухмылка презрения и равнодушия. Постоянное притопывание ногой, как объяснила мне Хайяма, выражало не что иное, как раздражение: противник еще не нанес ему достаточно сильного удара. С нездоровым оттенком праведного удовлетворения я надеялась, что Ирамамове хорошенько прочувствует каждый удар. Поделом ему, думала я. Увидев однажды, как он колотит свою жену, я стала испытывать к нему все нарастающую неприязнь. И все же я не могла не восхищаться тем, как он храбро держится среди этой толпы. В его прямой, как стрела, спине, в том, как он выпячивает разукрашенную ссадинами грудь, было что-то по-детски задиристое. Его круглое плоское лицо с узким лбом и распухшей верхней губой казалось таким ранимым, когда он в упор глядел на стоящего перед ним молодого противника. Интересно, подумала я, не выдает ли его чуть дрогнувший взгляд, что ему крепко досталось. Четвертый удар с сокрушительной силой врезался ему в грудь. Его отголоски походили на катящиеся по реке камни во время бури.

— Пожалуй, я слышала его хекуры, — сказала я, уверенная, что у Ирамамове сломано ребро.

— Он ваитери! — хором воскликнули Итикотери и их гости. Они восторженно запрыгали на корточках, колотя над головой стрелами о луки.

— Да. Это храбрец, — повторила Хайяма, не сводя глаз с Ирамамове. Тот, весьма довольный тем, как мощно прозвучали его хекуры, стоял, выпрямившись в толпе приветствовавших его мужчин, а его покрытая синяками грудь раздувалась от гордости.

Успокоив зрителей, вождь Арасуве шагнул к брату.

— А теперь ты прими удар Ирамамове, — сказал он тому, кто нанес ему четыре удара. Гость встал перед Ирамамове в такую же задиристую позицию. Кровь брызнула у него изо рта, когда он рухнул на землю под третьим ударом Ирамамове. Ирамамове высоко подпрыгнул и пустился в пляс вокруг упавшего. Пот блестел на его лице, на вздувшихся мускулах шеи и плеч. Но голос его звучал ясно, звеня радостью, когда он воскликнул: — Ай, ай, айайайай, айай! Две женщины из числа гостей отнесли побитого в пустой гамак рядом с тем, в котором сидели мы с Хайямой. Одна из них плакала; другая склонилась над мужчиной и стала отсасывать кровь и слюну из его рта, пока тот не задышал короткими медленными вздохами. Ирамамове вызвал еще одного гостя нанести ему удар. После первого он упал на колени и в таком положении потребовал, чтобы противник ударил еще раз. После следующего удара изо рта у него показалась кровь. Гость присел на корточки лицом к Ирамамове. Они обхватили друг друга руками и крепко обнялись.

— Ты хорошо ударил, — едва слышно прошептал Ирамамове.

— Мои хекуры полны жизни, могущественны и счастливы. Пролилась наша кровь. Это хорошо. Наши сыновья вырастут крепкими. Наши огороды и лесные плоды будут зреть до сладости. Гость выразил примерно те же мысли. Поклявшись в вечной дружбе, он пообещал Ирамамове мачете, приобретенное у индейцев, живущих у большой реки.

— А вот на это надо будет посмотреть внимательно, — сказала Хайяма, выходя из хижины. В числе мужчин, вышедших в круг для следующего раунда ритуальных ударов, был ее самый младший сын. Я не хотела оставаться с побитым гостем в хижине Ирамамове. Две женщины, которые его принесли, вышли просить пришедшего с ними шамана, чтобы тот приготовил какое-нибудь снадобье, чтобы снять боль в грудираненого. Перед глазами у меня все поплыло, когда я встала на ноги. Я медленно прошла через пустые хижины, пока не добралась до хижины Этевы. Там я растянулась в своем хлопковом гамаке, и надо мной сомкнулась жуткая тишина, словно я погрузилась в легкое забытие. Меня разбудили рассерженные крики. Кто-то говорил: — Этева, ты спал с моей женщиной без моего разрешения! — Голос прозвучал так близко, словно над самым моим ухом. Перед хижинкой собралась группа мужчин и хихикающих женщин. Этева, неподвижно стоя в толпе с лицом, похожим на непроницаемую маску, не отвергал обвинения. Внезапно он крикнул: — Ты и твоя семья все три дня жрали, как голодные собаки! — Это было заведомо несправедливое обвинение; гостям давалось все, что они просили, ибо во время праздника огороды и охотничьи уголья хозяев были в распоряжении гостей. Подобное оскорбление означало, что данный человек злоупотреблял своим привилегированным положением.

— Ритими, подай-ка мою набруши! — крикнул Этева, грозно сдвинув брови на стоящего перед ним разъяренного молодого мужчину. Ритими с рыданиями кинулась в хижину, выбрала подходящую дубинку и, не глядя на мужа, вручила ему четырехфутовую палицу.

— Не могу я на это смотреть, — сказала она, плюхаясь в мой гамак. Я обняла ее, стараясь утешить. Не будь она такой расстроенной, я бы рассмеялась. Ни в малейшей степени не встревоженная неверностью Этевы, Ритими боялась, что вечер может закончиться серьезной потасовкой. Глядя на то, как орали другна друга двое разгневанных мужчин, и на возбужденную реакцию толпы, я тоже невольно прониклась тревогой. — Ударь меня по голове, — потребовал взбешенный пришелец.

— Ударь, если ты мужчина. Увидим, посмеемся ли мы вместе. Увидим, пройдет ли

ярость.

— Мы оба разозлены, — кричал Этева с нахальной самоуверенностью, взвешивая в руке набруши. — Мы должны умиротворить наш гнев.

— Затем без дальнейших разговоров он крепко врезал по выбранной тонзуре противника. Из раны хлынула кровь. Она медленно растекалась по лицу мужчины, пока не залила его сплошной красной маской. Ноги его дрогнули и чуть было не подкосились. Но он устоял.

— Ударь меня, и мы снова станем друзьями, — воинственно гаркнул Этева, заставив смолкнуть разгоряченную толпу. Опершись на палицу, он подставил в ожидании голову. Удар противника на мгновение ошеломил Этеву; кровь ручьем потекла по бровям и ресницам, заставив его закрыть глаза. Тишину взорвали вопли мужчин, и целый хор одобрительных выкриков потребовал, чтобы они ударили друг друга еще раз. Со смешанным чувством ужаса и восхищения я следила за стоящими лицом к лицу противниками. Их мускулы были напряжены, вены на шеех вздулись, глаза сверкали, словно омытые яростным потоком крови. Их лица, замершие презрительными красными масками, не выдавали боли, когда они, как два раненых петуха стали кружить друг против друга. Тыльной стороной ладони Этева стер кровь, мешавшую ему видеть, и сплюнул. Подняв палицу, он с силой опустил ее на голову соперника, и тот беззвучно рухнул на землю. Цокая языками, с помутневшими глазами, зрители разразились жуткими воплями. Я не сомневалась, что поединку пришел конец, когда все шабоно наполнилось их оглушительными криками. Я взялась за руку Ритими и удивилась, что ее залитое слезами лицо хранило довольное, почти радостное выражение. Она пояснила, что, судя по тону издаваемых мужчинами выкриков, их уже не волновали нанесенные вначале оскорбления. Все, что их интересовало, — это лицезрение могущества хекур каждого из соперников. Тут не было ни победителей, ни побежденных. Если боец падал, это всего лишь означало, что в данный момент его хекуры недостаточно сильны. Кто-то из зрителей выпил на лежащего гостя полный калабаш воды, потянул его за уши, вытер кровь с лица. Потом, помогая подняться, сунул в руки обалдевшему бойцу его палицу и велел еще раз ударить Этеву по голове. У мужчины едва хватило сил поднять тяжелую палицу; вместо того, чтобы опустить ее на череп Этевы, он нанес ему удар в центр груди. Этева рухнул на колени, кровь потекла у него изо рта по губам, подбородку и шее, вниз по груди и бедрам, красной струйкой уходя в землю.

— Как хорошо ты ударил, — сдавленно произнес Этева.

— Пролилась наша кровь. Наши тревоги позади. Наш гнев умиротворен. Ритими подошла к Этеве. С громким вздохом я откинулась в гамаке и закрыла глаза. За этот вечер я посмотрелась достаточно крови. Опасаясь, нет ли у меня небольшого сотрясения, я ощущала припухлость на голове. Когда кто-то схватился за лиану, которой мой гамак был привязан к одному из столбов, я чуть не вывалилась на землю. Вздрогнув от неожиданности, прямо над собой я увидела залитое кровью лицо Этевы. То ли он меня не заметил, то ли ему было все равно, где лежать, но он просто кучей повалился на меня. Запах крови, теплый и острый, смешивался с кислым запахом его кожи. Несмотря на отвращение, я не могла отвести глаз от зияющей раны на его черепе, откуда сих пор сочилась кровь, и от вздувшейся, побагровевшей груди. Только а стала обдумывать, как бы высвободить придавленные его тяжестью ноги, как в хижину вошла Ритими, неся в руках калабаш с подогретой на костре водой. Она ловко приподняла Этеву и жестом велела мне сесть в гамаке за его спиной, чтобы можно было опереть его о мои поднятые колени. Осторожными движениями она обмыла ему лицо и грудь. Этеве было лет двадцать пять,

однако с прилипшими ко лбу влажными волосами и чуть приоткрытыми губами он казался беззащитным, как спящий ребенок. Мне вдруг пришло в голову, что он может умереть от внутренних повреждений.

— Завтра он поправится, — сказала Ритими, словно угадав мои мысли. Она тихонько засмеялась; в ее смехе по-детски звенела затаенная радость.

— Хорошо, что пролилась кровь. У него сильные хекуры. Он ваитери. Довольный похвалой Ритими, Этева открыл глаза. Переведя взгляд на меня, он что-то невнятно пробормотал.

— Да. Он ваитери, — поддакнула я. Вскоре появилась Тутеми с темным горячим варевом. — Что это такое? — спросила я.

— Лекарство, — улыбаясь, ответила Тутеми. Она сунула палец в снадобье и мазнула им по моим губам. — Пуривариве приготовил его из кореньев и волшебных растений.

— В глазах Тутеми поблескивал довольный огонек. Пролилась кровь: теперь она была уверена, что родит крепкого, здорового сына. Ритими осмотрела мои ноги, все в синяках и ссадинах после того, как Пуривариве волок меня через поляну, и обмыла их остатками теплой воды. Я улеглась в неудобном лубяном гамаке Этевы. Луна в короне желтого сияния добралась уже почти до верхушек деревьев. Несколько мужчин все еще плясали и пели на поляне; потом луна спряталась за тучей, и все потонуло во мраке. Одни лишь голоса, уже не пронзительные, а тихо бормочущие, указывали на то, что плясуны еще не разошлись. Луна выглянула снова, бледный свет озарил кроны деревьев, и темнокожие фигуры снова материализовались из тьмы; длинные тени их тел придавали реальность тихому постукиванию луков о стрелы. Кое-кто из мужчин пел до тех пор, пока на востоке над деревьями не показался краешек зари. Небо покрывали темные пурпурные облака цвета избитой груди Этевы. Роса сверкала на листьях, на бахромах склонившихся над хижинами пальмовых вершин. Голоса постепенно стихали, уносимые прохладным предрассветным ветром.

Часть третья

Глава 9

Сев и высадка рассады изначально относились к мужским обязанностям, но большинство женщин сопровождало своих мужей, отцов и братьев, когда те отправлялись поутру на огороды. Составляя им компанию, женщины помогали в прополке либо пользовались возможностью собрать топливо для очагов, если бывали срублены новые деревья. Несколько недель я ходила с Этевой, Ритими и Тутеми на их участки. Долгие утомительные часы прополки, казалось, уходили впустую, поскольку не видно было никакого улучшения. Солнце и дожди одинаково способствовали росту всяких растений, без учета человеческих интересов. У каждой семьи был свой участок земли, отгороженный поваленными стволами деревьев. Огород Этевы соседствовал с огородом Арасуве, который возделывал самый обширный участок из всех Итикотери, ибо вдни праздников гости кормились именно с участка вождя. Сначала я умела распознавать только несколько видов бананов и различные пальмы, здесь и там растущие на огородах. Плодоносящие пальмы также высаживались целенаправленно, каждое дерево принадлежало тому, кто его посадил. Позднее я к своему удивлению обнаружила в зарослях сорняков великое разнообразие съедобных корнеплодов, таких как маниок, батат, разные тыквенные лианы, хлопчатник, табак и колдовские травы. На огородах и вокруг шабоно выращивались также деревья с розовыми цветами и красными стручками, из которых приготавливалась красная паста оното. Пучки красных остроконечных стручков срезались, очищались, а яркоалые семена с окружающей их мясистой мякотью помещались в большой калабаш, наполненный водой. Тщательно измельченная и перемешанная оното затем полдня кипятилась на медленном огне. Остыв за ночь, наполовину затвердевшая масса заворачивалась в продырявленные банановые листья и подвешивалась для просушки к стропилам хижины. Несколько дней спустя готовая к употреблению красная паста раскладывалась в маленькие калабаши. В огороде Этевы Ритими, Тутеми и Этева имели свои собственные грядки с табаком и волшебными травами.

Так же, как табачные грядки каждого жителя деревни, они были огорожены от непрошенных гостей частоколом из палок и острых костей. Табак не позволялось брать без разрешения, при каждом таком случае вспыхивали ссоры. Ритими показала мне несколько своих волшебных трав. Одни применялись для возбуждения любовной страсти и защиты; другие использовались в недобрых целях. Этева никогда не рассказывало своих волшебных травах, а Ритими и Тутеми делали вид, что ничего о них не знают. Однажды я увидела, как Этева выкапывает какой-то клубневидный корень. На другой день, уходя на охоту, он натер стопы и ноги этим измельченным в кашицу корнем. В тот день на ужин у нас было мясо броненосца.

— Какое могущественное растение, — заметила я. Он долго смотрел на меня в недоумении, потом с усмешкой сказал: — Корни адома оберегают от змеиных укусов. В другой раз, когда я сидела на огороде с малышом Сисиве, слушая его подробные пояснения насчет съедобных муравьев, мы увидели, как его отец выкапывает другой корень. Этева раздробил его, смешал сок с оното и натер этой смесью все тело. — На тропе моего отца появится пекари, — прошептал Сисиве.

— Я это знаю по тому, какой он взял корень. На каждого зверя есть своя волшебная трава. — Даже на обезьян? — спросила я.

— Обезьяны пугаются громких криков, — тоном знатока ответил Сисиве. От страха обезьяны замирают на месте, и тогда стреляй в них сколько хочешь. Однажды утром, почти скрытая в густом сплетении тыквенных лиан и сорняков, я заметила Ритими. За твердыми стеблями, остроконечными листьями и гроздьями белых, похожих на колокольчики цветов маниоки я видела только ее голову. Казалось, она разговаривает сама с собой; слов я не слышала, но губы ее все время шевелились, словно бормоча заклинания. Я было подумала, что она колдует над своими посевами табака, чтобы те быстрее росли, либо собирается угоститься табаком с грядки Этевы, расположенной по соседству. Однако Ритими крадучись прошла к середине своей табачной делянки. Торопливыми движениями она принялась обрывать веточки и листья, затем воровато оглянувшись, затолкала их в корзину и прикрыла банановыми листьями. Потом с улыбкой поднялась и, немного поколебавшись, направилась ко мне. Почувствовав над собой ее тень, я с деланным удивлением подняла глаза. Ритими поставила корзину на землю и села рядом со мной. Меня распирало любопытство, но я знала, что спрашивать о том, что она делала, бесполезно.

— Не трогай этого пучка в моей корзине, — сказала она немного погодя, не удержавшись от смеха.

— Я знаю, что ты за мной подсматривала. Я почувствовала, что краснею, и улынулась.

— Ты стащила табак у Этевы? — Нет, — сказала она в притворном ужасе.

— Он так хорошо знает все свои листочки, что сразу заметил бы пропажу.

— А мне показалось, что я видела тебя на его грядке, — заметила я небрежно.

Приподняв банановые листья в своей корзине, Ритими сказала:

— Я была на своем участке. Видишь, я взяла несколько веточек волшебной травы око-шики, — прошептала она. — Я приготовлю очень сильное зелье.

— Ты собираешься кого-то лечить? — Лечить! Ты что, не знаешь, что лечит только шапори? — Чуть склонив голову набок, она немного подумала и продолжила: — Я собираюсь околдовать ту женщину, которая переспала с Этевой во время праздника, — заявила она с улыбкой.

— А может быть, тебе надо бы приготовить зелье и для Этевы, — спросила я, заглянув ей в лицо. Его изменившееся выражение застало меня врасплох. Рот ее сжался в ниточку, глаза сузились.

— В конце концов, он виноват не меньше, чем та женщина, — пробормотала я извиняющимся тоном, чувствуя себя неуютно под ее жестким взглядом.

— Ты разве не видела, как эта баба бесстыдно с ним заигрывала? — с упреком сказала Ритими.

— Ты разве не видела, как непристойно вели себя все эти женщины, пришедшие в

гости? — Ритими довольно комично вздохнула и добавила с нескрываемым разочарованием: — Иногда ты бываешь такой дурехой. Я не знала, что сказать. По моему убеждению, Этева был виноват не меньше той женщины. Не придумав ничего лучше, я улыбнулась. Впервые я застала Этеву в компрометирующей ситуации совершенно случайно. Каждое утро на заре я, как и все, выходила из хижины облегчиться. Я всегда заходила подальше в лес, за место, отведенное для отправления естественных нужд. Однажды утром я, вздрогнув от неожиданности, услышала тихий стон. Решив, что это какой-нибудь раненый зверь, я как можно тише поползла на звук, и в полном изумлении, вытаращив глаза, увидела Этеву, лежащего на самой младшей жене Ирамамове. Он, глупо улыбаясь, глянул мне в лицо, но не слезая с женщины, продолжал делать свое дело. В тот же день немного позже Этева угостил меня найденным в лесу медом. Мед был редкостным лакомством, и им делились далеко не так охотно, как всякой другой едой. Напротив, мед, как правило, поедался на том же месте, где был найден. Я поблагодарила Этеву за угощение, полагая, что получила взятку. Сладкого мне постоянно не хватало. Я уже не брезговала есть мед с сотами, пчелами, личинками, куколками и пылью, как это делали Итикотери. Стоило Этеве принести в дом мед, как я садилась рядом с ним и до тех пор жадно смотрела на вязкое месиво, напиханное пчелами в различных стадиях развития, пока он не угощал меня кусочком. Мне даже не приходило в голову, что по его мнению, я наконец усвоила, что жадно смотреть на желаемый предмет или открыто попросить его как раз и считается хорошим тоном. Однажды, желая напомнить ему, что знаю о его любовных похождениях, я спросила, не боится ли он, что его снова огреет по голове чей-нибудь разъяренный муж. Этева уставился на меня в полном недоумении.

— Это все потому, что ты ничего толком не знаешь, иначе ты бы таких вещей не говорила.

— В его тоне послышалась отчужденность, и он высокомерно отвернулся к группе подростков, заостривших бамбуковые щепки для наконечников к стрелам. Бывали и другие ситуации, причем не всегда случайные, когда я заставала Этеву в момент прелюбодеяния. Вскоре стало очевидно, что раннее утро — это не только время для удовлетворения низменных телесных нужд, но и самая удобная пора для внебрачных связей. Мне стало ужасно интересно, кто кому наставляет рога. Сговариваясь накануне вечером, парочки на рассвете скрывались в густых зарослях. Спустя несколько часов они как ни в чем не бывало возвращались по разным тропинкам, зачастую неся орехи, плоды, мед, а иногда даже топливо для очагов. Некоторые мужья, узнав о проделках жен, реагировали довольно бурно, даже колотили их, как это на моих глазах сделал Ирамамове. Другие, отлупив жен, требовали еще и дуэли с виновником, что временами приводило к крупной драке, в которую ввязывались и другие. Мои раздумья были прерваны словами Ритими: — Ты почему смеешься? — Потому что ты права, — ответила я. — Иногда действительно бываю дурехой.

— До меня внезапно дошло, что Ритими знает о похождениях Этевы. Даже может быть, всем и каждому в шабоно известно, что происходит. И разумеется, в первый раз Этева угостил меня медом по чистому совпадению. И только я одна отнеслась к этому с подозрением, считая себя соучастницей. Ритими обняла меня за шею, вlepила в щеку смачный поцелуй и заверила, что никакая я не дуреха, а просто очень многого не знаю. Она пояснила, что до тех пор, пока знает, с кем у Этевы связь, ее не особенно тревожат его любовные похождения. Само собой, радости это ей не доставляло, но она считала, что пока это кто-нибудь из их шабоно, она в определенной степени владеет ситуацией. Выводила ее из себя вероятность того, что Этева может взять себе третью жену из другой

деревни.

— А как ты собираешься околдовать эту женщину? — спросила я.

— Ты сама приготовишь снадобье? Поднимаясь на ноги, Ритими самодовольно улыбнулась.

— Если я тебе сейчас расскажу, колдовство не подействует.

— Она помолчала, в глазах ее светилось лукавство.

— Я расскажу тебе, когда уже околдую эту бабу. Вдруг тебе тоже когда-нибудь понадобится кого-то околдовать. — Ты собираешься ее убить? — Нет. У меня на это духу не хватит, — ответила она. — У этой бабы будет болеть поясница, пока не сделается выкидыш.

— Ритими забросила корзину за плечи и направилась к одному из немногих деревьев, оставленных нетронутыми у ее табачного участка.

— Идем, перед тем, как идти на реку купаться, мне надо передохнуть. Я немного постояла, пока отошли затекшие мышцы, и двинулась за ней. Ритими села на землю, прислонившись к мощному стволу дерева. Его листья раскрытыми ладонями заслоняли нас от солнца, давая прохладную тень. Покрытая толстым слоем листвы земля была мягка. Положив голову на бедро Ритими, я стала смотреть в небо, казавшееся прозрачным в своей чуть выгоревшей голубизне. За нашими спинами ветерок тихо шелестел в тростнике, словно не желая будоражить предполуденный покой.

— Шишка уже прошла, — сказала Ритими, пройдясь пальцами по моим волосам.

— Да и на ногах никаких шрамов не осталось, — добавила она насмешливо. Я сонно ей поддакнула. Ритими посмеивалась над моими опасениями серьезно заболеть от того, что сама она считала незначительным повреждением. Одного того, что Пуривариве выволок меня в безопасное место, уверяла она, вполне достаточно, чтобы гарантировать выздоровление. Тем не менее я опасалась, что порезы на ногах могут загноиться, и настояла на том, чтобы она ежедневно обмывала их кипяченой водой. В качестве дополнительной предосторожности старая Хайяма втерла в ранки порошок из сгоревшего муравейника, объявив, что это природное дезинфицирующее средство. Никаких осложнений от этого жгучего порошка у меня не было, а порезы быстро зажили. Сквозь полуприкрытые веки я смотрела на залитую светом и воздухом ширь раскинувшихся перед нами огородов. Потревоженная криками, доносившимися с дальнего конца огородов, я открыла глаза. Из-под огромных банановых листьев, казалось, возник из ничего Ирамамове, прокладывая дорогу в небо. Я зачарованно стала смотреть, как он карабкается по усеянному колючками стволу пальмы раша. Чтобы не пораниться о шипы, он действовал с помощью двух пар крестообразно связанных шестов, поочередно переставляя их по стволу. Без всяких усилий, плавными движениями он, становясь попеременно на одну пару шестов, поднимал другую все выше и выше, пока не добрался до желтых гроздьев раша самое меньшее в шестидесяти футах над землей. На мгновение он исчез в перистых листьях, серебристой аркой реющих в небе. Срезав плоды, Ирамамове привязал тяжелые гроздья к длинной лиане и спустил их на землю. Затем, неторопливо спустившись по стволу, он исчез в зелени бананов.

— Я люблю эти плоды, если их сварить; по вкусу они похожи на...

— сказала я и только теперь сообразила, что не знаю перевода слова «картошка». Я села. Склонив набок голову и чуть приоткрыв рот, Ритими крепко спала.

— Идем купаться, — позвала я, пощекотав ей нос травинкой. Ритими уставилась на меня невидящим взглядом; у нее был немного растерянный вид, как у человека, только что

видевшего сон. Она лениво поднялась, зевая и потягиваясь, как кошка.

— Да, идем, — сказала она, вешая корзину за плечи.

— Вода унесет прочь мой сон.

— Тебе приснилось что-то плохое? Она задумчиво на меня посмотрела и отвела волосы со лба.

— Ты стояла одна на вершине горы, — сказала она неуверенно, словно припоминая.

— Тебе не было страшно, но ты плакала.

— Взглянув пристальнее, Ритими добавила: — А потом ты меня разбудила. Как только мы свернули на тропу к реке, нас догнал Этева.

— Достань-ка листьев пишаанси, — велел он Ритими и повернулся ко мне: — Идем со мной. Я пошла следом за ним через вновь расчищенный участок леса, где уже была высажена банановая рассада и среди щепок от срубленных деревьев уже проглядывали первые ростки. Расстояние между ними выдерживалось от десяти до двенадцати футов, что позволяло взрослым растениям не затенять в будущем друг друга, а лишь касаться листьями. Всего несколько дней назад Этева, Ирамамове и прочие близкие родственники Арасуве помогали ему отделять боковые побеги от огромного материнского бананового корня. С помощью сплетенной из лиан и толстых листьев и снабженной лямками волокуши они притащили тяжелые отростки к месту новой посадки.

— Ты что, нашел мед? — спросила я с надеждой в голосе.

— Не мед, — ответил Этева, — а кое-что ничуть не хуже.

— Он указал туда, где стояли Арасувеи двое старших его сыновей. Они по очереди пинали ногами старое банановое дерево. Из многослойного зеленого ствола сотнями выпадали личинки. Как только Ритими вернулась из леса с листьями пишаанси, мальчики стали подбирать извивающихся червей и складывать на грубые широкие листья. Арасуве развел маленький костер. Один из его сыновей, крепко упершись ногами в землю, держал овальную по форме деревяшку, в то время как Арасуве с поразительной скоростью вращал между ладонями зажигательную палочку. Воспламенившаяся древесная труха подожгла термитник, поверх которого уже был набросан сухой хворост. Ритими обжаривала личинок не больше минуты, пока листья пишаанси не чернели и не становились ломкими. Раскрыв один сверток, Этева послуноил указательный палец, обкатал его в жареных личинках и преподнес все это мне.

— Это вкусно, — настаивал он, видя, как я отворачиваюсь. Пожав плечами, он дочиста облизал палец. Ритими с набитым ртом тоже взялась меня уговаривать снять пробу.

— Как ты можешь говорить, что они тебе не нравятся, если ты их даже не пробовала? Взяв двумя пальчиками сероватую, еще теплую личинку, я положила ее в рот. Они ничем не отличаются от улиток, говорила я себе, или от жареных устриц. Но когда я попыталась проглотить личинку, она прилипла к языку. Вынув ее изо рта, я подождала, пока наберется достаточно слюны и проглотила личинку, словно пилюлю.

— По утрам я не ем ничего, кроме бананов, — заявила я Этеве, подсунувшему мне сверток с личинками.

— Ты же работала на огороде, — сказал он.

— Тебе надо поесть. Когда нет мяса, вполне сойдет и такое.

— И он напомнил, что мне нравились муравьи и сороконожки, которыми он меня иногда угощал. При виде его полного надежды лица у меня не хватило духу сказать, что они мне нисколько не нравились, хотя сороконожки и напоминали по вкусу хорошо

прожаренные кусочки овощей. С трудом пересилив себя, я проглотила еще несколько жареных личинок. Следом за мужчинами мы с Ритими двинулись через лес к реке. Плескаясь в воде, ребятишки пели песню про тапира, который упал в глубокий омут и утонул. Мужчины и женщины растирались листьями; их тела гладко и золотисто блестели на солнце. Сверкающие капли на кончиках темных волос играли в его лучах, как алмазные бусины. Старая Хайяма жестом велела мне сесть рядом с ней на большом валуне у края воды. Подозреваю, что я стала предметом особых забот бабки Ритими, и та сочла делом своей чести во что бы то ни стало меня откормить. Хайяма пеклась о том, что бы мне всегда было чем перекусить в любое время дня, впрочем, как и всем детям в шабоно, которых хорошо кормили, чтобы они росли крепкими и здоровыми. Она всячески потакала моей неутолимой страсти к сладостям. Стоило кому-нибудь найти сладкий густой светлый мед нежалящих пчел, — а только такой и давали детям, — как старая Хайяма заботилась о том, чтобы мне дали хотя бы попробовать. Если в шабоно приносился мед от черных жалящих пчел, Хайяма тоже добывала для меня кусочек. Таким медом лакомились только взрослые, так как, по мнению Иतिकотери, у детей он может вызвать тошноту и даже смерть. В то же время Иतिकотери считали, что не будет никакой беды, если я буду есть оба вида, поскольку они никак не могли для себя решить, взрослая я или ребенок.

— Съешь вот это, — предложила мне Хайяма несколько плодов сопаа. Эти зеленовато-желтые плоды были величиной с лимон. Я разбила их камнем (пытаясь на манер Иतिकотери разгрызать плоды и орехи, я уже сломала зуб) и высосала сладкую белую мякоть, выплюнув коричневые семечки. Липкий сок склеил мне пальцы и рот. Маленькая Тешома забралась ко мне на спину, а на голову водрузила ручную обезьянкуапуцина, с которой не расставалась ни днем, ни ночью. Зверек обвил мне шею длинным хвостом так крепко, что я чуть не задохнулась. Одна мохнатая лапка вцепилась в мои волосы, а другая замельтешила перед лицом, стараясь выхватить у меня плод. Боясь проглотить обезьянны шерстинки и вместе с ними вшей, я попыталась стряхнуть зверька. Но Тешома и ее любимица радостно завопили, решив, что я с ними играю. Тогда, опустив ноги в воду, я попробовала стащить через голову майку. От неожиданности девочка и обезьянка отскочили в сторону. Ребятишки повалили меня на песок и сами плюхнулись рядом. Хихикая, они один за другим стали прохаживаться у меня по спине, а я полностью предалась благодатному ощущению маленьких прохладных ступней на моих наболевших мышцах. Напрасно я пыталась уговорить женщин помассировать мне шею, плечи и спину после многочасовой работы на огородах. Как бы я ни старалась показать им, что это хорошо для тела, они давали мне понять, что хотя им и нравятся эти прикосновения, но массажем занимается только шапори, когда человек болен или околдован. К счастью, они ничего не имели против того, чтобы дети топтались у меня по спине. Для Иतिकотери было совершенно непостижимо, чтобы кто-то мог получать удовольствие от такого варварского обращения. Рядом со мной села на песок Тутеми и стала разворачивать сверток пишаанси, который дала ей Ритими. Ее огромный живот и набухшие груди, казалось, удерживались на месте только туго натянутой кожей. Она никогда не жаловалась на боли или тошноту; не бывало у нее и никаких причуд с едой. Напротив, для беременной женщины существовало столько табу по части еды, что я частонедоумевала, как они при этом умудряются рожать здоровых младенцев. Им не разрешалось есть крупную дичь. Единственным источником белка для них были насекомые, орехи, личинки, рыба и

определенные виды мелких птиц.

— Когда у тебя будет ребенок? — спросила я, погладив ежеживот. Сосредоточенно сдвинув брови, Тутеми на какое-то время задумалась.

— Эта луна придет и уйдет; другая придет и уйдет; потом придет еще одна, и до того, как она исчезнет, я рожу здорового сына. Я усомнилась. По ее подсчетам оставалось еще три месяца. А по моему, она готова была вотвот родить.

— Выше по реке есть рыба, такая, как ты любишь, — сказала, улыбаясь, Тутеми.

— Я сейчас быстренько поплаваю, а потом пойду с тобой ловить рыбу.

— Возьми меня с собой плавать, — стала упрашивать меня Тешома.

— Тогда оставь обезьянку на берегу, — сказала Тутеми. Тешома усадила обезьянку на голову Тутеми и рысью пустилась за мной. Визжа от удовольствия, она устроилась в воде на моей спине, ухватившись руками за плечи. При каждом гребке я полностью неспешно расправляла руки и ноги, пока мы не доплыли до заводи на другом берегу.

— Хочешь нырнуть на дно? — спросила я.

— Хочу, хочу! — закричала она, возя мокрым носиком по моей щеке.

— Я буду держать глаза открытыми, я не буду дышать, я буду крепко держаться, но не так, чтобы ты задохнулась. Вода была не слишком глубока. Смутно различимые сероватые, красные и белые камешки ярко светились в янтарном песке, несмотря на затенявшие заводь деревья. Почувствовав, как сжались у меня на шее ручки Тешомы, я быстро всплыла.

— Выходи! — прокричала Тутеми, едва завидев наши головы.

— Мы тебя ждем.

— Она указала на стоящих рядом с ней женщин.

— Я сейчас ухожу обратно в шабоно, — сказала Ритими.

— Если увидишь Камосиве, отдай ему вот это.

— Она протянула мне последний оставшийся сверток с личинками. Я пошла следом за женщинами и несколькими мужчинами по хорошо протоптанной тропе. Вскоре мы встретили стоявшего на дороге Камосиве. Опершись на лук, он, казалось, крепко спал. Я положила сверток у его ног. Старик открыл свой единственный глаз; яркое солнце заставило его сощуриться, превращая в гримасу покрытое морщинами лицо. Он поднял личинки и медленно начал есть, переступая с ноги на ногу. Взбираясь вслед за Камосиве на невысокий, густо заросший холм, я удивлялась непринужденной ловкости его движений. Никогда не глядя под ноги, он, однако, ни разу не наткнулся на колючки и корни. Тщедушный, весь какой-то иссохший, он казался мне самым глубоким стариком, которого я когда-либо видела. Волосы у него не были ни черными, ни с проседью, ни совсем седыми; это была неопределенного цвета свалывшаяся козна, которую явно не расчесывали годами. Волосы, однако, были короткими, словно их время от времени стригли. Может быть, они просто перестали расти, решила я, как и щетина у него на подбородке, всегда бывшая одной и той же длины. Шрамы на сморщенном лице были от удара палицы, лишившего его глаза. Говорил он тихим бормочущим голосом, так что о содержании его речей приходилось лишь догадываться. По ночам он часто стоял в центре деревенской поляны и целыми часами беспрерывно что-то говорил. У его ног сидели на корточках дети, которые поддерживали разведенный для него огонь. В его сиплом голосе таились сила и нежность, казалось, несовместимые с его внешностью. В его словах, разлетавшихся в ночь, всегда было ощущение чего-то насущно важного, предупреждения чем-то, чувство волшебства. — В памяти этого старика хранятся слова знания, слова

традиции, — пояснил как-то Милагрос. Только после праздника он вскользь упомянул, что Камосиве был отцом Анхелики.

— То есть это твой дед? — недоверчиво переспросила я тогда. Милагрос, кивнув, добавил: Когда я родился, Камосиве был вождем Иतिकотери. Камосиве жил один в хижине, стоящей недалеко от входа в шабоно. Он уже не охотился и не работал на огородах; но он никогда не оставался без еды и топлива. Он сопровождал женщин на огороды или в лес, когда те ходили собирать орехи, ягоды и дрова. Пока женщины работали, Камосиве стоял на часах, опершись на лук и прикрыв от солнца лицо надетым на кончик стрелы банановым листом. Иногда он взмахивал рукой — может, птице, а может, облаку, в котором, как он полагал, жила душа Иतिकотери. Иногда он посмеивался про себя. Но обычно он стоял неподвижно и молча, то задремывая, то прислушиваясь к шелесту ветра в листве. Хотя он никогда не признавал моего присутствия среди его народа, я часто ловила на себе взгляд его единственного глаза. Временами я явственно ощущала, что он стремится оказаться поближе ко мне, потому что он всегда сопровождал ту группу женщин, в которой была и я. И в сумерках, когда я уходила посидеть одна у реки, он был тут как тут, сидя на корточках где-нибудь поблизости. Мы остановились в том месте, где река заметно расширялась. Темные камни, кое-где видневшиеся на желтом песке, были словно нарочно разложены кем-то в симметричном порядке. Спокойная, укрытая тенью вода темным зеркалом отражала воздушные корни гигантского *matapalos*. Свесившись с девяностофутовой высоты, они задушили дерево в смертельных объятиях. А зародились эти гибельные корни из маленького семени, случайно занесенного птицей на ветку. Я не могла сказать, какое это было дерево; скорее всего, сейба (*ceiba*), поскольку исполненные трагического величия ветви были усеяны шипами. Вооружившись ветками дерева арапури, росшего неподалеку, несколько женщин забрели на мелководье. С громкими пронзительными криками, взорвавшими тишину, они стали бить ветками по воде. Испуганная рыба бросилась удирать под гниющую листву у другого берега, где остальные женщины хватали ее голыми руками. Откусив рыбам головы, они швыряли трепещущие тушки в плоские корзины на песке.

— Идем со мной, — сказала одна из жен вождя. Взяв за руку, она повела меня вверх по течению.

— Попытаем удачи с мужской снастью. Сопровождавших нас мужчин и подростков окружили несколько женщин и крикливо потребовали, чтобы те одолжили им на время свои луки и стрелы. Рыболовство считалось женским занятием. Мужчины приходили лишь ради того, чтобы посмеяться и пошутить над ними. И все же это была единственная ситуация, в которой они разрешали женщинам пользоваться своими луками и стрелами. Некоторые мужчины отдали женщинам оружие, а сами резво убежали подальше на берег, боясь, что их могут случайно поранить. К их удовольствию, ни одной женщине не удалось подстрелить рыбу.

— Попробуй, — сказал Арасуве, протягивая мне лук. Еще в школе я занималась стрельбой из лука и не сомневалась в своем навыке. Однако взяв в руки его лук, я поняла, что ничего не получится. Я с трудом могла натянуть тетиву, выпуская короткую стрелу, чувствовала в руке неуправляемую дрожь. Я сделала несколько попыток, но в рыбу так и не попала.

— Смело стреляешь, — заметил Камосиве, подавая мне лук поменьше, принадлежащий одному из сыновей Ирамамове. Парнишка отдал его безропотно, но с очень мрачным видом. В его возрасте ни один мужчина не отдаст женщине свое оружие добровольно.

— Попробуй еще раз, — настаивал Камосиве. В его единственном глазу горел странный огонек. Без тени сомнения я снова натянула лук, целясь в блестящее серебристое тело, на мгновение замершее в воде. Я почувствовала, как лук резко ослабел; стрела легко ушла в цель. Я отчетливо услышала ее жесткий удар о воду и увидела кровавый след. С восторженными криками женщины достали из воды подстреленную рыбу. Она была не больше средней форели. Я вернула оружие мальчику, глазевшему на меня с восхищенным удивлением. Я оглянулась на старого Камосиве, но того и след простыл.

— Я сделаю тебе маленький лук, — сказал Арасуве, — и тонкие стрелы специально для рыбной ловли. Вокруг меня столпились мужчины и женщины.

— Ты в самом деле подстрелила рыбу? — спросил кто-то из мужчин. Попробуй еще раз. Я не видел.

— Подстрелила, подстрелила, — заверила его жена Арасуве, показывая добычу. — Ахахаха, — воскликнул мужчина.

— Где ты научилась стрелять из лука? — спросил Арасуве. Я, как могла, постаралась объяснить, что такое школа. Видя недоумевающие глаза Арасуве, я пожалела, что не сказала, что этому меня научил отец. Попытка что-либо объяснить более чем в нескольких фразах, бывало, оказывалась безрезультатной не только для меня, но и для моих слушателей. И далеко не всегда причина крылась в незнании нужных слов. Трудность была скорее в том, что некоторых слов в их языке просто не существовало. Чем больше я говорила, тем растерянее становилось лицо Арасуве. Хмурясь в недоумении, он потребовал, чтобы я еще раз объяснила, откуда знаю, как управляться с луком и стрелами. Я пожалела, что Милагрос ушел в гости в другую деревню.

— Я знаю, что среди белых есть меткие стрелки из ружья, — сказал Арасуве.

— Но я никогда не видел, чтобы белый хорошо стрелял из лука. Я сочла заблаго принизить значение моего меткого выстрела, предположив, что это была чистая случайность, тем более, что так оно и было. Арасуве, однако, упорно настаивал, что я умею пользоваться индейским оружием. Даже Камосиве заметил, как я держу лук, громко заявил он. Думаю, мне все же как-то удалось растолковать им, что такое школа, потому что они стали расспрашивать, чему еще меня там учили. Мои слова о том, что выводить узоры, которыми я разукрашиваю свой блокнот, меня тоже научили в школе, мужчины встретили оглушительным хохотом.

— Плохо тебя учили, — убежденно сказал Арасуве.

— Твои узоры никуда не годятся.

— А ты знаешь, как делать мачете? — спросил какой-то мужчина.

— Для этого нужны сотни людей, — ответила я.

— Мачете делают на заводе.

— Чем усерднее я старалась им объяснить, тем более косноязычной становилась.

— Мачете делают только мужчины, — наконец заявила я, довольная тем, что нашла понятное им объяснение.

— А чему ты еще научилась? — спросил Арасуве. Я пожалела, что у меня с собой нет какого-нибудь прибора, скажем, магнитофона или карманного фонаря, или чего-то в этом роде, чтобы произвести на них впечатление. И тут я вспомнила о том, что несколько лет занималась гимнастикой.

— Я умею высоко прыгать, — выпалила я. Расчистив на песчаном берегу квадратную площадку, я расставила по ее углам корзины с рыбой. — Пусть сюда никто не заходит.

— Встав в центре моей арены, я обвела глазами окружавшие меня любопытные лица. После нескольких упражнений на гибкость они взорвались одобрительными криками. Хотя песок не пружинил так, как ковер для вольных упражнений, я утешила себя тем, что хотя бы не покалечусь, если ошибусь при приземлении. Я сделала пару стоек на руках, перевороты боком вперед и назад и наконец сальто вперед и назад. Моему приземлению было далеко до изящества опытного гимнаста, но меня вознаградили восторженные лица зрителей.

— Каким странным тебя учили вещам, — сказал Арасуве.

— Сделай-ка еще раз.

— Такое можно делать только один раз.

— Я села на песок перевести дух. Такого представления я не смогла бы повторить, даже если бы очень захотела. Мужчины и женщины подошли поближе, не сводя с меня внимательных глаз.

— А что ты еще умеешь? — спросил кто-то. Я на секунду растерялась; я-то думала, что сделала вполне достаточно. Чуть поразмыслив, я заявила:

— Я умею сидеть на голове. Их тела затряслись от смеха, пока по щекам не покатились слезы.

— Сидеть на голове, — все твердили они между новыми приступами хохота. Поставив предплечья на землю, я уперлась лбом в сплетенные пальцами ладони и медленно подняла тело вверх. Убедившись, что держу равновесие, я скрестила поднятые ноги. Смех умолк. Арасуве лег ничком на землю, приблизив ко мне лицо. Улыбка собрала морщинки вокруг его глаз.

— Белая Девушка, я не знаю, что о тебе думать, зато я знаю, что если пойду с тобой по лесу, обезьяны замрут на месте, чтобы посмотреть на тебя. И пока они будут так сидеть, я настреляю их целую кучу. — Он тронул мое лицо большой мозолистой ладонью.

— А теперь садись-ка обратно на задок. Лицо у тебя красное, словно разрисованное пастой оно. Как бы у тебя глаза не вылезли на лоб. Когда мы вернулись в шабоно, Тутеми положила передо мной на землю рыбу, запеченную в листьях пишаанси. Рыба была моей любимой едой. Ко всеобщему удивлению, я предпочитала ее мясу броненосца, пекари или обезьяны. Листья пишаанси и соленый раствор из золы дерева курори придавали рыбе приятный пряный привкус.

— Твой отец хотел, чтобы ты научилась стрелять из лука? — спросил Арасуве, подсев ко мне. И не дав мне ответить, продолжил: — Может, он хотел мальчика, когда родилась ты? — Вряд ли. Он был очень рад, когда я родилась. К тому времени у него уже было двое сыновей. Арасуве раскрыл свой сверток и неторопливо подвинул рыбу к середине листа, словно глубоко размышлял над загадкой, которой не находил объяснения. Он жестом предложил мне угоститься из его порции. Тремя пальцами я отщипнула порядочный кусок рыбы и отправила в рот. Как того требовали правила хорошего тона, я слизала сок» потекший у меня по руке, а наткнувшись на косточку, выплюнула ее на землю, оставив все мясо во рту.

— Зачем ты научилась стрелять из лука? — требовательно спросил Арасуве. И я, не задумываясь, ответила: — Может быть, во мне что-то знало, что однажды приду сюда.

— Тогда тебе надо бы знать, что девушки не стреляют из лука.

— И коротко усмехнувшись, он принялся за еду.

Глава 10

Тихое лopotание дождя и голоса поющих у хижины мужчин пробудили меня от полупроснутой дремоты. Тени стали длиннее, а ветер играл в верхушках склонившихся над хижинами пальм. Как-то разом хижины наполнились звуками и образами. Повсюду растапливались очаги. Вскоре все пропахло дымом, сыростью, стряпней и мокрыми собаками. Мужчины пели под дождем, не чувствуя капель, стучащих по их спинам, по похожим на маски лицам. Их остекленевшие от эпены глаза, широко раскрытые навстречу лесным духам, неотрывно глядели на далекие облака. Я вышла под дождь и направилась к реке. Барабанная дробь тяжелых капель по листьям сейбы разбудила крошечных лягушек в высокой траве вдоль берега. Я села у края воды. Не думая о времени, я смотрела, как расходятся по речной глади круги от дождевых капель, как проплывают мимо розовые цветы, словно сны, где-то канувшие в забвение. Небо потемнело; очертания облаков сливались, становясь все более размытыми. Деревья превратились в безликую массу. Листья утратили свои характерные формы и стали неотличимыми от вечернего неба. За спиной у меня послышался тихий скулящий звук; я обернулась, но увидела лишь чуть заметный отблеск дождя на листе. Охваченная необъяснимой тревогой, я стала подниматься по тропе в шабоно. По ночам вся моя уверенность улетучивалась; я лишь ощущала присутствие реки и леса, но никогда их не понимала. Поскользнувшись на раскисшей тропе, я больно ударилась пальцем о торчащий корень и снова услышала тихий скулеж. Он напомнил мне исполненный боли плач охотничьего пса Ирамамове, которого разъяренный хозяин подстрелил отравленной стрелой за то, что тот не вовремя залаял. Раненый пес вернулся в деревню, спрятался за деревянным частоколом и скулил там несколько часов, пока Арасуве не прекратил его мучений второй стрелой. Я тихонько позвала. Плач прекратился, и я явственно услышала болезненный стон. Может быть, это правда, что существуют лесные духи, подумала я, поднимаясь во весь рост. Итикотери утверждают, что есть существа, преступившие тонкую грань, которая отделяет животное от человека. Эти существа зовут по ночам индейцев, заманивая их в смертельные ловушки. Я с трудом подавила крик, — во мраке мне привиделся смутный образ, какая-то полускрытая фигура, шевелящаяся в лесной чаще в каком-нибудь шаге от меня. Я снова присела, сама пытаясь спрятаться, и услышала еле уловимое дыхание с хриплыми всхлипами. В голове у меня мигом пронеслись истории о мести и кровавых набегах, о которых мужчины так любят рассказывать по вечерам. Особенно мне запомнилась история брата Анхелики, старого шамана Пуривариве, который был вроде бы убит, и все же не умер.

— Стрела сначала попала ему в живот, туда, где прячется смерть, — рассказывал однажды вечером Арасуве.

— Но он не лег в свой гамак, а остался стоять в центре деревенской поляны, опираясь о лук. Он шатался, но не падал.

— Нападавшие словно к месту приросли, не решаясь выпустить еще одну стрелу в старика, заклинавшего духов. Со стрелой, торчащей в месте, где гнездится смерть, он скрылся в лесу. Его не было много дней и ночей. Он жил в

сумраке лесов без еды и питья. Он пел заклинания хекурам зверей и деревьев, существам, безобидным при ясном свете дня, но в ночном мраке наводящим ужас на тех, кто не умеет ими повелевать. Из своего укрытия старый шапори заманил врагов и одного за другим перебил волшебными стрелами. Я опять услышала хрипящие всхлипы и поползла, старательно избегая колючек. Наткнувшись на чью-то руку, я охнула от ужаса; ее пальцы крепко сжимали сломанный лук. Я не узнавала распростертое тело, пока не коснулась покрытого шрамами лица Камосиве.

— Дедуля, — окликнула я, опасаясь, что он уже умер. Он повернулся на бок и подогнул ноги, как ребенок, ищущий тепла и покоя. Беспомощно взглянув, он попытался сосредоточить на мне взгляд своего единственного глубокозапавшего глаза. Он словно возвращался из страшного далека, из иного мира. Опираясь о сломанный лук, он попытался встать на ноги, однако вцепившись в мою руку, с истошным криком рухнул на землю. Удержать его я не смогла. Я встряхнула его, но он даже не шевельнулся. Я пощупала пульс, чтобы убедиться, что он еще жив. Камосиве открыл глаз; в его взгляде была немая мольба. Расширенный зрачок не отражал света; словно глубокий мрачный туннель, он, казалось, вытягивал все силы из моего тела. Опасаясь сделать что-нибудь не так, я тихо, как с ребенком, заговорила с ним по-испански в надежде, что он закроет свой жуткий глаз и уснет. Подхватив под мышки, я поволокла его к шабоно. Хотя в нем были лишь кожа да кости, его тело, казалось, весило целую тонну. Спустя несколько минут я была вынуждена сесть и передохнуть, не зная, жив он или мертв. Губы его задрожали, и он выплюнул табачную жвачку. Темная слюна тонкой струйкой потекла у меня по ноге. Его глаз наполнился слезами. Я воткнула жвачку ему в рот, но он ее не принял. Тогда я взяла его ладони и стала тереть о свое тело, чтобы передать ему немного тепла. Он попытался что-то сказать, но я услышала лишь невнятное бормотание. Какой-то подросток, спавший недалеко от входа рядом с хижинкой старика, помог мне взгромоздить Камосиве в гамак.

— Подбрось дров в очаг, — велела я одному из глазевших на все это мальчишек.

— И позови Арасуве, Этеву или кого-нибудь, кто может помочь старику. Камосиве открыл рот, чтобы легче дышалось. Неверный свет маленького костра подчеркивал его мертвенную бледность. Лицо скривилось в жалкой улыбке; это убедило меня, что я все сделала правильно. Хижина заполнилась людьми. В их глазах блестели слезы, и по всему шабоно разнеслись горестные вопли.

— Смерть не похожа на ночную темень, — еле слышно прошептал Камосиве. Слова его пали в тишину, ибо столпившиеся вокруг гамака люди мгновенно смолкли.

— Не оставляй нас одних, — застонали, громко рыдая, мужчины. Они заговорили о былой отваге старика, об убитых им врагах, о его детях, о временах, когда он был вождем Итикотери, и том процветании и благоденствии, в каком пребывала при нем деревня.

— Я пока еще не умру.

— Слова старика снова заставили их умолкнуть.

— Ваши рыдания очень меня огорчают.

— Он открыл глаз и обвел им лица окружающих.

— Хекуры еще живут у меня в груди. Заклинайте их, ибо только они удерживают меня при жизни. Арасуве, Ирамамове и еще четверо мужчин вдули друг другу в ноздри эпену. С помутневшими глазами они завели песнопения духам, обитающим под землей и над нею.

— Что у тебя болит? — спросил немного погодя Арасуве, наклонившись над стариком. Его сильные руки стали массировать хилую сморщенную грудь; его губы

вдували тепло в бездвижную плоть. — Я только опечален, — прошептал Камосиве.

— Скоро уже хекуры покинут мою грудь. Это моя печаль делает меня таким слабым. Вместе с Ритими я вернулась в нашу хижину. — Он не умрет, — сказала она, утирая слезы.

— Не знаю, почему он хочет так долго жить. Он такой старый, он уже не мужчина. — А кто же он? — Его лицо так съежилось, так осунулось...

— Ритими взглянула на меня, словно ища подходящие слова. Она сделала неопределенный жест рукой, будто пытаюсь ухватить нечто такое, чему не находила выражения, и пожав плечами, улыбнулась: — Мужчины будут петь заклинания всю ночь, и хекуры оставят старика в живых. Монотонный дождь, теплый и неустанный, сливался с песнями мужчин. Всякий раз, просыпаясь и садясь в гамаке, я видела их, сидящих на корточках у очага в хижине Камосиве. Они пели мощно и требовательно в убеждении, что их заклинания могут сохранить жизнь человеку, пока остальные Итикотери спят. Голоса стихли с розовой грустью зари. Я поднялась и перешла поляну. Воздух был зябкий, земля отсырела после дождя. Огонь угас, но в хижине держалось тепло от густого дыма. Мужчины все еще сидели тесной кучкой вокруг Камосиве. Их лица осунулись, под глазами появились темные круги. Когда я снова забралась в гамак, Ритими встала, чтобы раздуть огонь в очаге.

— Похоже, Камосиве пошел на поправку, — сказала я, укладываясь спать. Как-то раз, поднявшись из-за куста, я увидела самую младшую жену Арасуве и ее мать, медленно пробиравшихся сквозь заросли к реке. Я потихоньку пошла следом за женщинами. У них с собой не было корзин — один лишь заостренный кусочек бамбука. Беременная женщина обхватила руками живот, будто держа его на весу. Они остановились под деревом арапури, где был расчищен подлесок, а земля устелена широкими банановыми листьями. Беременная встала на колени на подстилку и обеими руками надела на живот. Из губ ее вырвался тихий стон, и она родила младенца. Я прикрыла рот рукой, чтобы подавить смех. Я и представить себе не могла, что роды могут быть такими скорыми и легкими. Обе женщины переговаривались шепотом, но ни одна не взглянула и не подобрала лежащего на листьях мокрого блестящего младенца. Старуха перерезала бамбуковым ножом пуповину, потом, оглядевшись, отыскала прямую ветку. У меня на глазах она положила ветку поперек шеи ребенка и наступила ногами на оба ее конца. Раздался легкий треск — не то ветки, не то шейки новорожденного. Из банановых листьев они сделали два свертка, в одном — послед, в другом — безжизненное тельце. Обвязав свертки лианами, они сложили их под деревом. Когда женщины собрались уходить, я попыталась забраться глубже в кусты, но ноги меня не слушались. Все мои чувства пересохли, словно мне привиделся какой-то чудовищный кошмар. Женщины встретились со мной глазами. По их лицам промелькнуло легкое удивление, но не было в них ни боли, ни сожаления. Как только они ушли, я развязала лианы. В листьях лежало, будто спало мертвое тельце девочки. Длинные черные волосы шелковыми ниточками прилипли к скользкой головке. Припухшие веки без ресниц прикрывали глаза. Струйка крови из носа и рта уже подсохла и стала похожа на жуткий узор оното на тонкой багрового оттенка коже. Я разжала крошечные кулачки, убедилась что есть все пальцы на ножках, — не было никаких явных дефектов. Долго тянувшийся к вечеру день наконец выдохся. Сухая листва уже не шуршала у меня под ногами; на нее упала ночная сырость. Ветер гнул широколистые

ветви сейб. На меня, казалось, смотрели тысячи глаз, равнодушных, подернутых зеленоватой дымкой. Я спустилась к реке и села на упавшее, но все еще живое дерево. Потрогала молодые побеги, отчаянно рвущиеся к свету. Крик сверчка будто насмехался над моими слезами. Запах дыма тянулся ко мне из хижин, и я вдруг возненавидела эти очаги, горящие днем и ночью, пожирающие время и события. Черные тучи закрыли луну и окутали реку траурным покрывалом. Я стада прислушиваться к лесным обитателям, просыпающимся от дневного сна, чтобы скитаться ночами по лесу. Страх не было. Вокруг меня мягкой звездной пылью осыпалась тишина. Я хотела заснуть и проснуться, зная, что все это был лишь сон. В просвете чистого неба я заметила падающую звезду и невольно улыбнулась. Я всегда успевала загадать желание, но сейчас мне ни одно не пришло в голову. Я почувствовала руку Ритими, обнявшую меня за шею. Беззвучно, как лесной дух, она присела рядом. Светлые палочки в уголках ее рта светились в темноте, как золотые. Я была рада, что она со мной, и что не говорит ни слова. Ветер унес тучи, закрывавшие луну; ее свет залил нас прозрачной голубизной. Только теперь я заметила старого Камосиве, на корточках сидевшего у поваленного дерева и не сводившего с меня глаза. Он медленно заговорил, тщательно выговаривая каждое слово. Но я не слушала. Тяжело опираясь о лук, он встал и велел нам идти за ним в шабоно. У своей хижины он остановился, а мы с Ритими пошли дальше в свою.

— Всего неделю назад плакали и мужчины, и женщины, — сказала я, садясь в гамак.

— Они плакали, думая, что Камосиве умрет. А сегодня я видела, как жена Арасуве убила свое новорожденное дитя. Ритими дала мне воды.

— Как может женщина кормить нового младенца, имея ребенка, который еще сосет грудь? — резко спросила она.

— Ребенка, который уже так долго прожил. Рассудком я поняла слова Ритими. Мне было известно, что детоубийство — это не столь уж необычное дело у индейцев бассейна Амазонки. Детей как правило рожают с интервалами в два-три года. Все это время у матери есть молоко, и она воздерживается от рождения в этот период очередного ребенка, чтобы сохранить достаточный его запас. Если же в это время появляется на свет младенец с дефектами или девочка, такое дитя убивается, чтобы у сосущего грудь ребенка было больше шансов выжить. Но сердцем я не могла с этим смириться. Ритими взяла в руки мое лицо и заставила посмотреть на нее. Глаза ее блестели, губы взволнованно дрожали.

— Тот, кто еще не успел увидеть небо, должен вернуться туда, откуда пришел.

— Она вытянула руку в огромную черную тьму, которая начиналась у наших ног и уходила в небо.

— В дом грома.

Глава 11

Однажды утром вместо негромкой женской болтовни меня разбудили крики Ирамамове, возглашавшего, что сегодня он будет готовить кураре. Я села в гамаке.

Ирамамове стоял посреди поляны. Широко расставив ноги, со скрещенными на груди руками он придирчиво осматривал собравшихся вокруг него молодых мужчин. Он громогласно предупредил их, что если они намереваются помогать ему сегодня в приготовлении яда, то не должны спать в эту ночь с женами. Продолжая ворчать так, словно мужчины уже провинились, Ирамамове напомнил, что непременно, узнает об их послушании, ибо испытает яд на обезьяне. Если только зверек выживет, он никогда больше не попросит этих мужчин помогать ему. Еще он сказал, что если они хотят идти с ним в лес за различными лианами, необходимыми для приготовления мамукори, они должны воздерживаться от еды и питья, пока наконечники их стрел не будут смазаны ядом. С уходом мужчин в шабоно снова воцарилось спокойствие. Тутеми, разведя огонь в очагах, свернула из табачных листьев жвачку для себя, Ритими и Этевы и снова улеглась в гамак. Я тоже подумала, что есть еще время вздремнуть, пока пекутся зарытые в горячую золу бананы, и повернулась на другой бок. Зябкий воздух прогревался дымом. Как было у нас заведено по утрам, сбежав по своим делам, Тешома, Сисиве и двое младших ребятишек Арасуве забрались ко мне в гамак и уютно облепили меня со всех сторон. Все эти утренние события прошли мимо Ритими. Она все еще крепко спала на земляном полу. Но даже во сне Ритими заботилась о своей внешности. Голова ее покоилась на руке в положении, позволявшем демонстрировать полный набор украшений. Тонкие отполированные палочки были продеты в носовую перегородку и уголки рта. На щеке красовались две волнистые линии, недвусмысленно указывающие каждому обитателю шабоно, что у Ритими месячные. Две последние ночи Ритими не спала в гамаке, не ела мяса, не занималась стряпней и не прикасалась ни к Этеве, ни к его вещам. Мужчины побаивались менструирующих женщин. Ритими как-то рассказывала, что хотя у женщин, как известно, не обитают в груди хекуры, зато они связаны с жизненной сущностью выдры, прародительницы первой женщины на земле. Считалось, что во время месячных на женщин нисходили сверхъестественные способности выдры. Она вроде бы не знала, в чем заключаются эти способности, но сказала, что увидев выдру в реке, мужчина никогда не убивает ее из опасения, что в деревне немедленно умрет какая-нибудь женщина. Первое время женщины Итикотери недоумевали, почему с того дня, как я у них появилась, у меня ни разу не было месячных. Мои объяснения — потеря веса, полная смена рациона, новая обстановка — не воспринимались всерьез. Вместо этого они считали, что поскольку я не индеанка, —я и не то чтобы вполне человек. У меня не было связи с жизненной сущностью ни животного, ни растения, ни духа. Одна лишь Ритими хотела верить и доказать остальным женщинам, что я все-таки человек.

— Ты сразу должна мне сказать, когда будешь руу, все равно как матери, — говорила мне Ритими всякий раз, когда у нее самой бывали месячные.

— А я сделаю все необходимые приготовления, чтобы маленькие существа, которые живут под землей, не обратили тебя в камень. Настойчивость Ритими была, по-видимому, дополнительной причиной, по которой мой организм не желал соблюдать свои обычные циклы. Поскольку время от времени я страдаю приступами клаустрофобии, меня периодически донимали вспышки тревоги, что я могу быть подвергнута таким же суровым ограничениям, как девочка Итикотери в дни своих первых месячных. Всего неделю назад Шотоми, одна из дочерей вождя, вышла из трехнедельного заточения. Ее мать, узнав, что у Шотоми начались первые месячные, соорудила в углу хижины чуланчик

из палок, лиан и пальмовых листьев. Открытым оставался лишь узенький проход, едва позволявший матери дважды в день войти внутрь, чтобы поддержать чуть теплившийся огонек (которому никогда не давали погаснуть) и убрать валявшиеся на земле грязные банановые листья. Мужчины, боясь умереть в молодом возрасте или заболеть, даже не смотрели в этот угол хижины. Первые три дня менструации Шотоми получала только воду и спала на земляном полу. Впоследствии ей давали три небольших банана в день и разрешили спать в маленьком лубяном гамаке, висевшем в том же чуланчике. Во время заточения ей нельзя было ни разговаривать, ни плакать. Из-за пальмовой загородки доносилось лишь тихое царапанье, когда Шотоми почесывалась палочкой, потому что касаться своего тела ей тоже не полагалось. К концу третьей недели мать Шотоми разобрала чуланчик, связала пальмовые листья в тугой сверток и попросила кого-то из подружек Шотоми отнести его подальше в лес. Шотоми не шевелилась, словно загородка была еще на своем месте. С опущенными глазами она, согнувшись, сидела на земле. Ее чуть сутулые плечи были такими хрупкими, что, по-моему, стоило схватить их, и косточки сломались бы со звонким хрустом. Больше, чем когда-либо, она походила на перепуганного ребенка, грязного и худого.

— Не поднимай от земли глаз, — сказала мать, помогая двенадцатилетней девочке встать на ноги. Обняв за талию, она подвела Шотоми к очагу.

— Не вздумай смотреть ни на кого из мужчин на поляне, — увещевала она девочку, — если не хочешь, чтобы у них дрожали ноги, когда им придется лазать по деревьям. Согрели воду. Ритими любовно обмыла сводную сестру с головы до ног, потом натерла ее тело пастой оното, пока оно не загорелось сплошной краснотой. В огонь подбросили свежих банановых листьев, и Ритими обвела девочку вокруг очага. Только после того, как кожа Шотоми запахла одними лишь горелыми листьями, ей разрешили поднять на нас глаза и заговорить. Закусив нижнюю губу, она медленно подняла голову.

— Мама, я не хочу уходить из хижины отца, — сказала она наконец и расплакалась.

— Ого-о, глупенькая девочка, — воскликнула ее мать, беря лицо Шотоми в ладони. Вытирая ей слезы, мать напомнила, как девочке повезло, что она станет женой Матуве, младшего сына Хайямы, и что, к счастью, ее братья будут рядом и вступятся, если тот будет плохо с ней обращаться. В темных глазах матери блестели слезы.

— Вот мне было отчего входить в это шабоно с тяжелым сердцем. Я ведь разлучилась с матерью и братьями. Вступаться за меня было некому. Тутеми обняла эту совсем еще юную девушку.

— Посмотри на меня. Я тоже пришла издалека, а теперь я счастлива. Скоро у меня будет ребенок. — А я не хочу ребенка, — рыдала Шотоми.

— Я хочу только мою обезьянку. Чисто автоматически я сняла обезьянку с банановой грозди, где та сидела, и отдала ее Шотоми. Женщины рассмеялись.

— Если ты станешь обращаться с мужем как надо, он у тебя и будет, как обезьянка, — хохоча, сказала одна из них.

— Не говорите девочке таких вещей, — упрекнула их старая Хайяма и с улыбкой повернулась к Шотоми: — Мой сын хороший человек, — утешила она девочку. — Тебе нечего будет бояться.

— И Хайяма стала расточать похвалы своему сыну, особо подчеркивая достоинства Матуве как охотника и добытчика. В день свадьбы Шотоми тихо плакала. Хайяма придвинулась к ней поближе.

— Не надо больше плакать. Мы тебя украсим. Ты сегодня будешь такой красавицей,

что все рты разинут от восхищения.

— Она взяла Шотоми за руку и жестом позвала остальных женщин последовать за ними в лес через боковой выход. Сев на пенек, Шотоми вытерла слезы тыльной стороной ладони. Она взглянула Хайяме в лицо, и на губах ее появилась лукавая улыбка, после чего она с готовностью позволила женщинам хлопотать над собой. Ей коротко обрезают волосы и выбрили тонзуру. В мочки ушей были вдеты пучки пышных белых перьев. Они резко контрастировали с ее черными волосами, придавая неземную красоту тонкому лицу. Дырочки в уголках рта и нижней губе были украшены красными перьями попугая. В перегородку между ноздрями Ритими вставила очень тоненькую, почти белую отполированную палочку.

— Какая же ты красавица! — воскликнули мы, когда Шотоми поднялась перед нами во весь рост.

— Мама, я готова идти, — торжественно сказала она. Ее темные раскосые глаза блестели, кожа, казалось, горела от пасты оното. Она коротко улыбнулась, показав крепкие, ровные белые зубы, и направилась обратно в шабоно. И всего на мгновение, перед самым выходом на поляну в глазах ее, устремленных на мать, промелькнула немая мольба. С высоко поднятой головой, ни на кого не глядя, Шотоми медленно обошла деревенскую площадь, выказывая полное безразличие к восхищенным словам и взглядам мужчин. Она вошла в хижину отца и села перед корытом, полным бананового пюре. Первым она угостила супом Арасуве, потом своих дядьев, братьев и, наконец, всех мужчин шабоно. Угостив женщин, она отправилась в хижину Хайямы, села в гамак и принялась есть дичь, приготовленную мужем, которому была обещана еще до своего появления на свет. Мои воспоминания были прерваны словами Тутеми: — Ты будешь есть бананы здесь или у Хайямы? — Лучше там, — ответила я, улыбнувшись бабке Ритими, уже поджидавшей меня в соседней хижине. Когда я вошла, меня встретила улыбкой Шотоми. Она очень изменилась. И дело вовсе не в том, что она прибавила в весе, выйдя из заточения. Скорее стало взрослым ее поведение, ее брошенный на меня взгляд, то, как она угощала меня бананами. И я подумала, не связано ли это с тем, что девочки, в отличие от мальчиков, детство которых далеко заходит в отрочество, уже с шести-восьми лет привлекаются матерями к выполнению домашних работ

— сбору топлива для очагов, прополке огородов, присмотру за младшими детьми. К тому времени, как мальчик начинает считаться взрослым, девочка того же возраста нередко уже замужем и имеет одного - двух детей. После еды мы с Тутеми и Шотоми несколько часов проработали на огородах, а потом, освежившись купанием в реке, вернулись в шабоно. На площади тесной кучкой сидело несколько мужчин с раскрашенными черной краской лицами и телами. Кое-кто сдирал кору с толстых веток.

— Кто эти люди? — спросила я.

— Ты их разве не узнаешь? — рассмеялась Тутеми.

— Это же Ирамамове и мужчины, которые уходили с ним вчера в лес.

— А почему они такие черные? — Ирамамове! — крикнула Тутеми.

— Белая Девушка хочет знать, почему у вас черные лица? — спросила она и убежала в хижину. — Хорошо, что ты убегаешь, — сказал, поднимаясь, Ирамамове.

— Ребенок в твоем чреве мог бы добавить воды в мамукори. и ослабить его.

— И он, нахмурившись, повернулся к нам с Шотоми. Не дав ему ничего сказать, Шотоми втащила меня за руку в хижину Этевы. То и дело прыскавая от смеха, Шотоми пояснила, что никому, кто побывал в этот день в воде, не полагается даже подходить к

мужчинам, занятым приготовлением кураре. Считалось, что вода ослабляет яд.

— Если мамукори не подействует как надо, он обвинит в этом тебя.

— А я так хотела посмотреть, как они будут готовить мамукори, — разочарованно протянула я.

— Очень надо смотреть на такое! — сказала, садясь, Ритими.

— Я тебе и так расскажу, что они будут делать.

— Она зевнула, потянулась, собрала в кучку банановые листья, на которых спала, и постелила на земле свежие.

— Мужчины раскрашены в черное, потому что мамукори годится не только для охоты, но и для войны, — сказала Ритими, приглашая меня сесть рядом. Очистив банан, она с полным ртом рассказала, как мужчины кипятят лиану мамукори, пока та не превратится в темное варево. Потом для густоты добавляется высушенная лиана ашукамаки. Когда смесь в достаточной степени уваривается, ею можно смазывать наконечники стрел. Махнув на все рукой, я стала помогать Тутеми готовить табачные листья для просушки. Следуя ее подробным наставлениям, я разрывала каждый лист вдоль жилки снизу вверх, так что он слегка закручивался, а потом целыми связками подвешивала их к стропилам. С того места, где я сидела, мне не было видно, что происходит перед хижинкой Ирамамове. Вокруг работающих мужчин столпились ребятишки в надежде, что их попросят помочь. Нечего и удивляться, что никто из детей не купался сегодня в реке. — Принеси-ка воды из ручья, — велел Ирамамове малышу Сисиве.

— Да смотри не замочи ноги. Ступай по стволам, корням или камням. Если промокнешь, придется мне послать кого-нибудь другого. День уже клонился к вечеру, когда Ирамамове заканчивал смешивание и уваривание кураре.

— Вот теперь мамукори набирает силу. Я чувствую, как у меня засыпают руки.

— Монотонным голосом он медленно запел заклинания духам яда, продолжая помешивать кураре. На другой день, незадолго до полудня Ирамамове влетел в шабоно.

— От мамукори никакого проку! Я подстрелил обезьяну, а она не умерла. Она убежала с торчащей в лапе бесполезной стрелой.

— Ирамамове носился от хижинки к хижине, ругая мужчин, помогавших ему готовить кураре.

— Говорил же я вам, что нельзя было спать с женщинами. А теперь мамукори не действует. Если бы на нас сейчас напали враги, вы не смогли бы даже защитить своих женщин. Вы думаете, что вы храбрые воины. А толку от вас не больше, чем от ваших стрел. Корзины вам таскать, а не оружие! На мгновение, когда Ирамамове уселся на землю посреди деревенской площади, мне показалось, что он заплачет.

— Я сам буду готовить яд. А вы все бестолочь, — бубнил он до тех пор, пока злость не выкипела и сам он совершенно не выдохся. Несколько дней спустя на заре, незадолго до того, как изжарилась обезьяна, подстреленная стрелой со свежим ядом, в шабоно явился пришелец с большим свертком. Его волосы были еще мокрые после купания в реке; лицо и тело броско раскрашены пастой оното. Положив сверток, лук и стрелы на землю, он несколько минут молча постоял в центре деревенской площади и лишь после этого подошел к хижине Арасуве.

— Я пришел пригласить вас на праздник моего народа, — громко и нараспев произнес пришелец.

— Вождь Мокототери прислал меня сказать вам, что у нас поспело много бананов.

Не вылезая из гамака, Арасуве сказал посланцу, что не может пойти на праздник.

— Я не могу бросить свои огороды. Я посадил новые саженцы бананов, за ними нужен уход.

— Арасуве обвел рукой хижину: — Смотри, сколько плодов висит на стропилах. Я не хочу, чтобы они пропали. Пришелец подошел к нашей хижине и обратился к Этеве: — Твой тесть не хочет к нам идти. Надеюсь, ты сможешь прийти в гости к моему народу, который прислал меня с приглашением. Этева от радости хлопнул себя по бедрам.

— Да, я приду. Мне не жаль оставлять свои бананы. Я разрешу их съесть остальным. По мере того, как пришелец переходил от хижины к хижине, приглашая Итикотери в свою деревню, его темные живые глаза все больше светились радостью. Его пригласили передохнуть в хижине старого Камосиве, угостили банановым супом и мясом обезьяны. Позже вечером он распаковал сверток, оставленный посреди деревенской площади.

— Гамак, — разочарованно пробормотали столпившиеся вокруг него мужчины. Хотя Итикотери и признавали удобство и теплоту хлопчатобумажных гамаков, но такие были только у немногих женщин. Мужчины предпочитали лубяные либо сплетенные из лиан гамаки, которые время от времени заменялись новыми. Гость желал обменять хлопчатобумажный гамак на отравленные наконечники для стрел и порошок эпена, приготовленный из семян. За разговорами и обсуждением новостей несколько мужчин Итикотери просидели с гостем всю ночь. Арасуве был категорически против того, чтобы вместе с группой жителей деревни пошла на праздник Мокототери и я. — Милагрос доверил тебя мне, — напомнил вождь.

— Как я смогу тебя оберегать, если ты будешь далеко? — А зачем меня оберегать? — спросила я.

— Разве Мокототери — это опасный народ? — Мокототери доверять нельзя, — сказал после долгого молчания Арасуве. — Костями чувствую, что не следует тебетуда идти.

— Когда я впервые встретила с Анхеликой, она сказала, что женщине не опасно ходить по лесу. Глядя сквозь меня, Арасуве не счел нужным ответить или как-то прокомментировать мое замечание. Он явно считал вопрос решенным и не собирался опускаться до препирательств с невежественной девчонкой. — Может, там будет и Милагрос, — сказала я. Арасуве улыбнулся.

— Милагроса там не будет. Будь он там, мне не о чем было бы беспокоиться. — А почему Мокототери нельзя доверять? — настаивала я.

— Ты задаешь слишком много вопросов, — сказал Арасуве и нехотя добавил: — У нас с ними не очень-то дружеские отношения. Я недоверчиво уставилась на него: — Тогда почему же они приглашают вас на праздник?

— Ничего ты не понимаешь, — сказал Арасуве и вышел из хижины. Решение Арасуве разочаровало не меня одну. Ритими так расстроилась из-за того, что не сможет продемонстрировать меня Мокототери, что призвала к себе в союзники Этеву, Ирамамове и старого Камосиве, чтобы те помогли уговорить ее отца дать такое разрешение. Хотя советы стариков всегда высоко ценились и уважались, но только известный своей храбростью Ирамамове смог уговорить и заверить брата, что в деревне Мокототери со мной не случится ничего плохого.

— Возьми с собой лук и стрелы, которые я для тебя сделал, — сказал мне Арасуве в тот вечер и громко расхохотался.

— То-то Мокототери удивятся. Ради того, чтобы это увидеть, и мне стоило бы пойти.

— Но увидев, как я проверяю стрелы, Арасуве уже серьезно сказал: — Нельзя их тебе брать. Негоже женщине идти по лесу с мужским оружием.

— Я возьму ее под свою опеку, — пообещала отцу Ритими.

— Уж я-то позабочусь, чтобы она ни на шаг от меня не отходила — даже когда захочет в кусты.

— Я уверена, что Милагрос хотел бы, чтобы я пошла, — сказала я, рассчитывая немного успокоить Арасуве. Мрачно взглянув на меня, он пожал плечами: — Надеюсь, ты вернешься благополучно. Настороженное ожидание всю ночь не давало мне спать. Знакомое потрескивание поленьев в очаге наполняло меня дурными предчувствиями. Перед тем, как лечь спать, Этева пошевелил угли в очаге. Сквозь дым и туман кроны деревьев вдали походили на призраки. Просветы в листве пустыми глазницами обвиняли меня в чем-то, чего я не понимала. Я совсем было решила последовать совету Арасуве, но дневной свет рассеял мои опасения.

Глава 12

Едва солнце успело прогреть зябкий утренний воздух, как мы тронулись в путь с корзинами, полными бананов, калабашей, гамаков, принадлежностей для украшения собственных персон и предметов меновой торговли: толстых мотков неокрашенной хлопковой пряжи, новых наконечников для стрел, бамбуковых емкостей с эпеней и оното. Старшие дети шли рядом с матерями и несли свои гамаки переброшенными через шею. Мужчины, замыкавшие поход каждой семьи, несли только луки и стрелы. Нас было двадцать три человека. Четыре дня мы молча шагали по лесу неспешным темпом, который задавали старики и дети. Стоило из зарослей донестись малейшему звуку или движению, как женщины замирали на месте, лишь повернув голову в сторону шума. Мужчины мгновенно исчезали в том направлении. Как правило, они возвращались, неся агути — похожего на кролика грызуна — или пекари, или птицу. В тот же вечер на привале добыча готовилась на кострах. Дети постоянно были заняты поисками диких плодов. Зоркими глазенками они следили за полетом пчел, пока не отыскивали ульи в дуплах деревьев. Они по их полету могли точно определить, относятся пчелы к числу жалящих или нет. Хайяма, Камосиве и еще несколько стариков обернули вокруг груди и живота полосы лыка какого-то дерева. Они уверяли, что это восстанавливает их силы и облегчает ходьбу. Я тоже попробовала так сделать, но плотно обернутое вокруг тела лыко лишь вызвало сильный зуд. Взявшись и спускаясь по холмам, я задавалась вопросом, неужели это тот самый маршрут, по которому я шла с Милагросом. Не было ни дерева, ни камня, ни участка реки, который показался бы мне знакомым. Да и полчищ москитов и прочих насекомых, висящих над болотами, я как-то не припоминала. Привлеченные нашими потными телами, они звенели над нами с доводящей до безумия назойливостью. И я, никогда прежде не страдавшая от их укусов, не знала, где мне первым делом чесаться. Рваная майка не давала от них никакой защиты. Даже Ирамамове, не обращавший поначалу внимания на их

безжалостные укусы, время от времени признавал, что они его беспокоят, шлепая себя по шее, по руке, либо почесывая коленку пальцами другой ноги. На пятый день около полудня мы сделали привал на окраине огородов Мокототери. На расчищенном от подлеска участке гигантские сейбы выглядели еще монументальнее, чем в лесу. Столбы солнечного света, пробившиеся сквозь листву, создавали на черной земле затейливую игру светотеней. Мы искупались в протекавшей неподалеку речке, где с чувственным изяществом колыхались на ветерке красные цветы, свисающие с лиан над водой. Ирамамове и еще трое молодых мужчин первыми облачились в праздничный наряд и раскрасились пастой оното, прежде чем направиться в шабоно наших хозяев. Вскоре Ирамамове вернулся, неся корзину с жареным мясом и печеными бананами.

— Ого-о, у Мокототери еще очень много всего, — приговаривал он, раздавая нам еду. Прежде чем украсить себя, женщины помогли своим мужчинам прилепить к волосам белые пушистые перья, а на руки и головы надеть повязки из обезьяньего меха и перьев. Мне было поручено разрисовать детские тела и мордашки точно предписанными узорами оното. Наш смех и болтовня были прерваны выкриками подошедшего Мокототери.

— Он похож на обезьяну, — шепнула Ритими. Я согласно кивнула и с трудом подавила смехок. Его короткие кривые ноги и непропорционально длинные руки оказались еще забавнее, когда он встал рядом с Ирамамове и Этевой, очень импозантно выглядевшими в своих пуховых головных уборах, наручных повязках с длинными разноцветными перьями попугаев и ярко-красных поясах.

— Наш вождь хочет начинать праздник. Он хочет, чтобы вы поскорее пришли, — сказал Мокототери таким же высоким официальным голосом, каким говорил человек приходивший к нам в шабоно с приглашением на праздник.

— Если вы слишком долго будете готовиться не останется времени для разговоров. С высоко поднятыми головами, чуть вздернув подбородки, Этева, Ирамамове и еще трое молодых мужчин, все должным образом разрисованные и украшенные отправились вслед за Мокототери. Шествуя в шабоно, мужчины чувствовали на себе наши восхищенные взгляды, хотя и притворялись равнодушными. А женщины принялись с лихорадочной поспешностью вносить последние дополнения в свой праздничный туалет, — где цветок или перышко, где мазок пасты оното. Причем об их внешности могли судить только окружающие, потому что о зеркалах не было и речи. Ритими повязала у меня на талии пояс, стараясь, чтобы широкая бахрама оказалась посередине.

— Ты все еще такая худенькая, — сказала она, коснувшись моих грудей, — хотя и много ешь. Ты сегодня не ешь так, как делаешь это у нас в шабоно, а то Мокототери подумают, что мы тебя плохо кормим. Я пообещала, что буду есть очень скромно, и расхохоталась, припомнив, что как раз то же самое советовала мне в детстве мать, когда меня приглашали на выходные к друзьям. Она тоже приходила в смущение от моего зверского аппетита и опасалась, что люди подумают, будто дома меня плохо кормят, либо еще хуже, что у меня солитер. Перед самым выходом в шабоно Мокототери старая Хайяма принялась увещевать своих правнуков Сисиве и Тешому хорошо себя вести. Громким голосом, так чтобы услышали остальные пришедшие с нами дети, она подчеркнула, как важно не дать никакого повода женщинам Мокототери позлословить на их счет, когда они уйдут домой. Хайяма настояла на том, чтобы дети напоследок еще раз сделали все свои делишки за кустами, потому что в шабоно никто не станет за ними ни убирать, ни выводить в случае нужды из деревни. На подходе к деревенской площади Мокототери мужчины выстроились в ряд, высоко подняв головы и держа оружие

вертикально. Мы с детьми встали за их спиной. Завидев меня, из хижин с криками выбежало несколько женщин. Без страха и отвращения я терпеливо ждала, пока они трогали, целовали и лизали мое лицо и тело. Зато Ритими, похоже, забыла, как в первый раз встретили меня Итикотери, потому что все время тихонько ворчала, что теперь ей придется возобновлять раскраску на моем теле. Крепко ухватив меня за руку, одна из женщин Мокототери оттолкнула Ритими в сторону:

— Идем со мной. Белая Девушка.

— Нет, — крикнула Ритими, притянув меня поближе к себе. Ее улыбка нисколько не смягчала резкого, злого тона.

— Я привела Белую Девушку, чтобы ты на нее посмотрела. Никто ее у меня не отнимет. Мы все равно что тени друг дружки. Куда она, туда и я. Куда я, туда и она.

— И Ритими вперила взгляд в соперницу — пусть только осмелится оспорить ее слова. Расхохотавшись, женщина широко разинула набитый табаком рот.

— Если ты привела Белую Девушку в гости, ты должна позволить ей зайти в мою хижину. Кто-то подошел к нам из-за столпившихся женщин. Скрестив руки на груди и самодовольно выпятив губы, он остановился рядом со мной.

— Я вождь Мокототери, — сказал он. Когда он улыбался, глаза превращались в две блестящие щелочки в красном узоре его изборожденного глубокими морщинами лица.

— Эта Белая Девушка — твоя сестра, что ты так ее защищаешь? — спросил он Ритими.

— Да, — с силой ответила она.

— Она моя сестра. Недоверчиво покачивая головой, вождь Мокототери тщательно меня осмотрел и внешне остался совершенно невозмутимым.

— Я вижу, что она белая, но на настоящую белую женщину она непохожа, — сказал он наконец.

— У нее босые ноги, как у нас, она не носит на теле этой их странной одежды, разве что вот это. — Тут он потянул за мои рваные старые трусики.

— Зачем она носит это под индейским поясом? — Пэнтииз, — важным тоном произнесла Ритими; ей больше нравилось их английское название, чем испанское, которое она тоже выучила.

— Так их называют белые люди. У нее есть еще две пары таких. А носит она пэнтииз потому, что боится, как бы какие-нибудь пауки или сороконожки не заползли ночью внутрь ее тела. Кивнув так, словно понимает мои опасения, вождь коснулся моих коротких волос и провел мясистой ладонью по выбритой тонзуре. — Они цвета волокон пальмы ассаи.

— Он придвинул свое лицо к моему, пока мы не коснулись друг друга носами.

— Какие странные глаза — цвета дождя.

— Его грозный взгляд растворился в радостной улыбке.

— Да, она, должно быть, белая; и если ты называешь ее своей сестрой, никто ее у тебя не отнимет, — сказал он Ритими.

— Как ты можешь называть ее сестрой? — спросила женщина, все еще державшая меня за руку. На ее раскрашенном лице было написано явное замешательство.

— Я называю ее сестрой, потому что она такая, как мы, — сказала Ритими, обнимая меня за талию. — Я хочу, чтобы она побыла в моей хижине, — сказала женщина.

— Хочу, чтобы она прикоснулась к моим детям. Мы последовали за женщиной в

хижину. У покато́й крыши стояли луки и стрелы. Со стропил свисали бананы, калабаши и завернутые в листья куски мяса. По углам были свалены мачете, топоры и дубинки. Пол был усеян хворостом, сучьями, банановой кожурой и черепками глиняной посуды. Ритими села со мной в один гамак. Как только я допила сок из пальмовых плодов, которым угостила меня хозяйка, она положила мне на колени младенца.

— Приласкай его. Крутятся и извиваясь у меня в руках, младенец чуть не выпал на землю. А посмотрев мне в лицо, он вообще заревел. — Ты его лучше заberi, — сказала я, отдавая женщине ребенка.

— Маленькие дети меня боятся. Я не могу их трогать, пока они ко мне не привыкнут.

— В самом деле? — спросила женщина, подозрительно глядя, как Ритими укачивает ребенка.

— Наши младенцы так не орут.

— Ритими бросила на ребенка презрительный взгляд.

— Мои дети и дети моего отца даже спят с ней в одном гамаке.

— Я позову старших детей, — сказала женщина, знаками подзывая девочек и мальчиков, выглядывавших из-за банановых связок у покато́й крыши.

— Не надо, — сказала я.

— Я знала, что они тоже испугаются.

— Если ты заставишь их подойти, они тоже будут плакать.

— Да, — сказала одна из женщин, зашедших с нами в хижину.

— Дети усядутся вместе с Белой Девушкой, как только увидят, что их матери не боятся трогать ее волосы цвета пальмовых волокон и бледное тело. Вокруг нас собралось несколько женщин. Сначала осторожно, потом все смелее их руки ощупывали мое лицо, затем шею, руки, груди, живот, бедра, колени, икры, пальцы ног; ни одна частица моего тела не осталась необследованной. Наткнувшись на след от укуса москита или царапину, они плевали на нее и растирали это место большим пальцем. Если укус оказывался свежим, они высасывали яд. Хотя я уже привыкла к бурным и скоротечным проявлениям нежности со стороны Ритими, Тутеми и детей Итикотери, мне все же стало довольно неуютно под ощупывающими прикосновениями многих рук.

— Что они делают? — спросила я, указав на группу мужчин, сидящих на корточках перед соседней хижинкой.

— Они приготавливают листья ассаи для танца, — ответила женщина, положившая мне на колени ребенка.

— Ты хочешь на это посмотреть? — Да, — живо сказала я, желая отвлечь от себя их внимание.

— А Ритими должна сопровождать тебя, куда бы ты ни пошла? — спросила женщина, когда Ритими вслед за мной поднялась из гамака.

— Да, — сказала я.

— Если бы не она, я не пришла бы в гости к вам в шабоно. Ритими заботится обо мне с тех пор, как я пришла в лес. Ритими одарила меня лучезарным взглядом, а я пожалела, что не сказала ей чего-нибудь в этом роде раньше. До самого нашего ухода ни одна из женщин Мокототери больше не оспаривала право собственности Ритими на меня. А возле хижины мужчины расщепляли острыми палочками еще не развернувшиеся бледно-желтые листья молодой пальмы ассаи. Завидев нас, один из мужчин поднялся во весь рост. Вынув изо рта жвачку, он утер ладонью капающую с подбородка слюну и

приложил пальмовый лист к моей голове. Улыбаясь, он показал на тонкие золотистые прожилки, едва заметные в свете заходящего солнца. Он потрогал мои волосы, сунул жвачку обратно в рот и, ни слова не говоря, продолжил свое занятие. С наступлением темноты на деревенской площади разожгли костры. Выстроившиеся с оружием в руках вокруг костров, мужчины Иतिकотери были встречены хозяевами бурей приветственных криков. Пара за парой Иतिकотери протанцевали вокруг поляны, замедляя темп перед каждой хижинкой, чтобы все могли налюбоваться их праздничным облачением и танцевальными па. В последней паре танцевали Этева и Ирамамове. При виде их идеально согласованных движений зрители взревели от восторга. Они не танцевали по кругу вдоль хижин, а оставались вблизи костров, кружа и вращаясь с нарастающей скоростью в ритме всплесков пламени. Резко остановившись, Этева и Ирамамове взяли наизготовку луки и нацелили стрелы на мужчин Мокототери, стоящих перед хижинами. Затем, громко расхохотавшись, оба возобновили танец под неистовые восхищенные вопли зрителей. Хозяева пригласили мужчин Иतिकотери отдохнуть в своих гамаках. Пока подавалось угощение, на поляну ворвалась группа мужчин Мокототери.

— Хаии, хаиии, хаииии, — выкрикивали они, ритмично двигаясь под стук луков о стрелы и со свистом размахивая пальмовыми листьями. Я с трудом различала фигуры танцоров. Временами они, казалось, сливались в единое целое, временами распадались. Из колыхания пальмовых листьев выныривали в пляске то руки, то ноги. Черные, похожие вдаль от света костров на огромных крылатых птиц силуэты превращались в горящие медью фигуры не то людей, не то птиц, когда их блестящие тела высвечивались в пламени.

— Мы хотим танцевать с вашими женщинами, — потребовали Мокототери. И не услышав ответа от Иतिकотери, стали над ними насмехаться: — Да вы их просто ревнуете. Почему бы не позволить потанцевать вашим бедным женщинам? Вы что, забыли, что у вас на празднике мы разрешали вам танцевать с нашими женщинами? — Кто хочет танцевать с Мокототери, пусть танцует! — прокричал Ирамамове и предупредил мужчин: — Но вы не станете заставлять наших женщин танцевать, если они не захотят.

— Хаии, хаиии, хаииии. — иступленно завопили мужчины, приглашая в пляску и своих женщин, и женщин Иतिकотери.

— А ты разве не хочешь потанцевать? — спросила я Ритими. — И я с тобой пойду.

— Нет уж. Я не хочу потерять тебя в толпе, — ответила она.

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь ударил тебя по голове.

— Но это же было случайно. К тому же Мокототери не пляшут с горящими головнями, — сказала я.

— Что плохого они могут сделать пальмовыми листьями? Ритими пожала плечами.

— Мой отец сказал, что Мокототери верить нельзя.

— Я думала, что к себе на праздник приглашают только друзей.

— Врагов тоже, — посмеиваясь, заметила Ритими.

— Праздники — это удобный случай вывести, что у людей на уме.

— А Мокототери очень радушны, — сказала я.

— Они нас так хорошо накормили.

— Они хорошо нас накормили, потому что не хотят, чтобы их называли жадюгами, — сказала Ритими.

— Но, как мой отец тебе уже говорил, ты еще ничего не понимаешь. Ты явно не

видишь, что происходит, если считаешь их радушными людьми. — Ритими, словно ребенка, шлепнула меня по затылку и продолжала:

— Неужели ты не заметила, что наши мужчины не принимали сегодня эпену! Неужели ты не заметила, что они все время настороже? Ничего такого я не заметила и хотела было добавить, что как раз поведение Итикотери было не особенно дружелюбным, но решила смолчать. В конце концов, как заметила Ритими, я действительно не понимала, что происходит. Я стала наблюдать, как шестеро мужчин Итикотери пляшут вокруг огней. В их движениях не было привычного самозабвения, а глаза рыскали во все стороны, пристально следя за тем, что творится вокруг. Остальные мужчины Итикотерине отдыхали в гамаках хозяев, а стояли у хижин. Пляска утратила для меня всякое очарование. Тени и голоса приобрели иной оттенок. Ночь теперь казалась сгустившейся в зловещую тьму. Я принялась есть поданное угощение.

— У этого мяса горьковатый привкус, — заметила я, опасаясь, не отравлено ли оно. — Оно горькое из-за мамукори, — небрежно сказала Ритими.

— То место обезьяны, куда попала отравленная стрела, не было как следует промыто. Я тут же выплюнула мясо, причем не только из страха быть отравленной. При одном воспоминании о варившейся в алюминиевом котле обезьяне и плавающем на поверхности жире и обезьяньей шерсти, на меня накатила тошнота. Ритими положила кусочек мяса обратно на мою тарелку из обломка калабаша. — Съешь, — велела она.

— Оно не опасно, даже если горькое. Твое тело привыкнет к яду. Ты разве не знаешь, что отцы всегда дают сыновьям те куски, куда попала стрела? Если во время набега их ранят отравленной стрелой, они не умрут, потому что их тела уже привыкли к мамукори.

— А я боюсь, что умру от отравленного мяса, не дождавшись, пока в меня попадет отравленная стрела.

— Нет. Никто не умирает, съев мамукори.

— Оно должно попасть через кожу.

— Она взяла с моего калабаша изжеванную порцию, откусила кусочек, а остаток воткнула в мой разинутый рот. С насмешливой улыбкой она поменялась со мной тарелками.

— Я не хочу, чтобы ты подавилась, — заявила она, доедая обезьянью грудку с преувеличенным аппетитом. Все еще жуя, она предложила мне взглянуть на круглолицую женщину, плясавшую у костра. Я кивнула, хотя и не поняла, кого она имела в виду. У огня плясало около десятка женщин. Все они были круглолицы, с темными раскосыми глазами, с пышными телами, медово светившимися в отблесках пламени.

— Это та самая, которая спала с Этевой во время нашего праздника, — сказала Ритими.

— Я ее уже околдовала.

— Когда же ты это сделала? — Сегодня днем, — тихонько сказала Ритими и, хихикнув, удовлетворенно добавила: — Я выдула око-шки, которую сорвала у себя в огороде, на ее гамак.

— А что, если в ее гамак сядет кто-нибудь другой? — Это неважно. Колдовство нанесет вред только ей одной, — заверила меня Ритими. Разузнать побольше о колдовстве у меня не было возможности, потому что в этот момент пляска закончилась и усталые улыбающиеся танцоры разошлись по хижинам поесть и передохнуть. Собравшиеся возле нас у очага женщины были удивлены тем, что мы с Ритими не танцевали. Пляска имела такое же значение, как и раскрашивание тела пастой оното — она сохраняла молодость и

радость жизни. Вскоре на поляну вышел вождь и громовым голосом объявил: — Я хочу послушать, как поют женщины Итикотери. Их голоса радуют мой слух. Я хочу, чтобы наши женщины выучили их песни. Женщины, посмеиваясь, стали подталкивать друг дружку. — Иди ты, Ритими, — сказала одна из жен Ирамамове.

— У тебя такой красивый голос. Ритими не заставила просить себя дважды.

— Давайте все вместе, — сказала она, поднимаясь. Тишина воцарилась в шабоно, когда мы, обняв друг друга за талии, вышли на середину поляны. Вставлицом к хижине вождя, Ритими запела чистым, мелодичным голосом. Песни были очень короткие; две последние строчки мы повторяли хором. Остальные женщины тоже пели, но вождь настоял, чтобы именно Ритими повторила свои песни, особенно одну, пока ее не заучили его женщины. Когда ветер веет в пальмовых листьях, Я вслушиваюсь в их грустный шелест вместе с умолкшими лягушками. В высоком небе смеются звезды, Но скрытые тучами, они проливают слезы печали. Вождь подошел к нам и, обратившись ко мне, сказал:—А теперь ты спой нам что-нибудь.

— Но я никаких песен не знаю, — сказала я, не в силах подавить смехок. — Должна же ты знать хоть какие-нибудь, — настаивал вождь.

— Мне рассказывали, как белые люди любят петь. У них даже есть поющие ящики. Как говорил еще в третьем классе в Каракасе мой учитель музыки: мало того что у меня отвратительный голос, мне еще и медведь на ухо наступил. Тем не менее профессор Ханс — он требовал, чтобы мы его так называли — не остался безучастным к моему страстному желанию петь. Он разрешал мне оставаться в классе при условии, что я буду сидеть в последнем ряду и петь очень тихо. Профессор Ханс не утруждал нас религиозными и народными песнями, которые полагалось изучать по программе, а учил нас петь аргентинские танго тридцатых годов. Этих песен я не забыла. Окинув взглядом исполненные ожидания лица окружающих, я подошла ближе к огню, прокашлялась и запела, не обращая внимания на то, что безбожно перевираю мелодию. В какой-то момент я почувствовала, что очень точно воспроизвожу ту страстную манеру, с какой профессор Ханс распевал эти танго. Я прижала руки к груди и закрыла глаза, словно захваченная трагической тоской каждой строчки. Мои слушатели были потрясены. Мокототери и Итикотери вышли из хижин, чтобы лучше видеть каждый мой жест. Вождь долгое время смотрел на меня и наконец сказал: — Наши женщины не смогут научиться петь в такой странной манере. Потом стали петь мужчины. Каждый певец выходил на середину поляны и стоял там, обеими руками опираясь о лук. Иногда исполнителя сопровождал друг, и тогда певец опирался рукой о плечо товарища. Особым успехом в тот вечер пользовалась песня, спетая юношей Мокототери. . Когда обезьяна прыгаетс дерева на дерево, Я выпускаю в нее стрелу. А вниз летят лишь зеленые листья. Кружась, они ложатся у моих ног. Мужчины Итикотери не ложились спать в свои гамаки, а беседовали и пели с хозяевами всю ночь. Мы с женщинами и детьми спали в пустых хижинах у главного входа шабоно. Утром я досыта наелась ананасов и плодов папайи, которые принесла мне с отцовских огородов девушка Мокототери. Мы с Ритими обнаружили их еще раньше, когда ходили в кусты. Она посоветовала мне не просить этих плодов — не потому что так не принято, а потому, что они еще не созрели. Меня, однако, вполне устраивал их кисловатый вкус, несмотря даже на легкую боль в животе. Многие месяцы я не ела привычных фруктов. Бананы и пальмовые плоды были для меня все равно что овощи. .

— У тебя был очень противный голос, когда ты пела, — сказал, подсев ко мне, молодой мужчина.

— Ого-о, песни твоей я не понял, но она, должно быть, ужасная. Онемев, я свирепо

на него уставилась. Я не знала, то ли мне смеяться, то ли обругать его в ответ. Обняв меня руками за шею, Ритими расхохоталась, посмотрела искоса и прошептала на ухо: — Когда ты пела, я подумала, что от обезьяньего мяса у тебя разболелся живот. Усевшись на корточки в том же месте поляны, что и вчера вечером, мужчины Итикотери и Мокототери продолжили беседу в той же официальной, освященной ритуалом манере, которая полагалась для вайямоу. Меновая торговля была долгим и сложным делом, во время которого равное значение придавалось как предметам торговли, так и обмену информацией и сплетнями. Ближе к полудню кое-кто из женщин Мокототери принялся ругать мужей за приобретенные предметы, заявляя, что мачете, алюминиевые котелки и хлопковые гамаки нужны им самим.

— Отравленные наконечники для стрел! — сердито кричала какая-то женщина.

— Ты и сам мог бы их сделать, если бы не был таким лентяем! — Но мужчины продолжали торговаться, не обращая ни малейшего внимания на упрёки женщин.

Глава 13

После полудня мы покинули деревню Мокототери с корзинами, полными привычных бананов, пальмовых плодов и мяса, врученного хозяевами гостям на дорогу. Незадолго до темноты нас догнали трое мужчин Мокототери. Один из них, подняв лук, заговорил: — Наш вождь хочет, чтобы Белая Девушка осталась у нас. — И он уставился на меня, глядя вдоль древка нацеленной стрелы.

— Только трус целится стрелой в женщину, — сказал Ирамамове, становясь впереди меня.

— Что же ты не стреляешь, ты, бестолковый Мокототери? — Мы пришли не сражаться, — ответил мужчина, воз вращая лук со стрелой в исходное положение.

— Мы давно могли бы устроить на вас засаду. Мы хотим только напугать Белую Девушку, чтобы она пошла с нами. — Она не может остаться у вас, — сказал Ирамамове.

— Милагрос привел ее в наше шабоно. Если бы он хотел, чтобы она оставалась у вас, он и привел бы ее к вам в деревню.

— Мы хотим, чтобы она пошла с нами, — настаивал мужчина.

— Мы приведем ее обратно еще до начала дождей.

— Если ты меня разозлишь, я убью тебя на месте.

— Ирамамове ударил себя в грудь.

— Запомни, трусливый Мокототери, что я свирепый воин. Хекуры у меня в груди подчиняются любому моему приказу даже без эпены. Ирамамове подошел к троице поближе. — Вы разве не знаете, что Белая Девушка принадлежит Итикотери? — Почему ты ее сам не спросишь, где она хочет жить? — сказал мужчина.

— Ей понравился наш народ. Может, она хочет жить с нами. Ирамамове разразился раскатистым смехом, по которому нельзя было судить, веселится он или разъярен. Внезапно он оборвал смех.

— Белой Девушке не нравится внешность Мокототери. Она сказала, что всевы похожи на обезьян.

— Ирамамове обернулся ко мне. В глазах его было такое просящее выражение, что я чуть не захихикала. При виде недоуменных лиц троих Мокототери, мне стало немного совестно. На минуту у меня появилось искушение опровергнуть слова Ирамамове. Но я не могла не считаться с его гневом и не забывала встревоженности Арасуве по поводу моего похода на праздник. Скрестив руки на груди, я вздернула подбородок и, ни на кого не глядя, заявила: — Я не хочу идти к вам в деревню. Я не хочу есть и спать с обезьянами. Итикотери разразились громким насмешливым хохотом. Трое мужчин резко развернулись и скрылись на тропе, уводящей в заросли. Мы сделали привал на расчищенном участке леса в небольшом отдалении от реки, где еще сохранились остатки временных жилищ. Накрывать их новыми листьями не стали, поскольку старый Камосиве заверил нас, что ночью дождя не будет. Ирамамове ничего не ел и сидел у огня в мрачной задумчивости. Весь он был напряжен, словно каждую минуту ожидал появления той же троицы.

— Есть опасность, что Мокототери могут вернуться? — спросила я. Прежде чем ответить, Ирамамове довольно долго молчал.

— Они трусливы. Они знают, что мои стрелы пригвоздят их на месте.

— Плотно сжав губы, он упорно смотрел в землю.

— Я думаю, как нам лучше возвращаться в наше шабоно.

— Нам надо разделиться, — предложил старый Камосиве, не сводя с меня единственного глаза.

— Этой ночью луны не будет; Мокототери не вернутся. А завтра они, может быть, снова потребуют Белую Девушку. Тогда мы им сможем сказать, что они ее так напугали, что она попросила отвести ее обратно в миссию.

— Ты отсылаешь ее обратно? — полный тревоги голос Ритими повис в темноте.

— Нет, — живо ответил старик. Седая щетина на подбородке, единственный, не упускавший ни малейшей мелочи глаз и тщедушное сморщенное тело придавали ему сходство с плутоватым эльфом.

— Этева должен будет вернуться в шабоно вместе с Ритими и Белой Девушкой через горы. Путь неблизкий, зато за ними не будут тащиться дети и старики. До деревни они дойдут всего на день-два позже нас. Это хороший путь, по нему редко ходят. — Старый Камосиве поднялся и втянул в себя воздух.

— Завтра будет дождь. Сделаешь на ночь укрытие, — сказал он Этеве, потом сел на корточки, улыбаясь и не сводя с меня своего запавшего глаза.

— Ты не боишься возвращаться в шабоно через горы? Усмехнувшись, я покачала головой. Я как-то не могла представить, что мне может грозить опасность.

— Тебе не было страшно, когда Мокототери нацелил на тебя стрелу? — спросил Камосиве.

— Нет. Я знала, что Итикотери меня защитят.

— Я заставила себя умолчать о том, что весь этот инцидент показался мне скорее забавным, чем опасным. В тот момент я не вполне осознавала, что несмотря на явную попытку запугать нас, типичную для всякой критической ситуации, Мокототери и Итикотери были совершенно серьезны в своих требованиях и угрозах. Старого Камосиве порадовал мой ответ. Мне показалось, что доволен он был не столько тем, что я не испугалась, сколько тем, как я доверяю его народу. До глубокой ночи он проговорил с Этевой. Ритими уснула, держа меня за руку, со счастливой улыбкой на губах. Глядя на спящую, я понимала причину ее радости. Несколько дней она будет иметь Этеву

практически только для себя. В шабоно мужчины крайне редко выказывали к женам нежные чувства. Это считалось проявлением слабости. Только с детьми мужчины были откровенно нежны и ласковы; они баловали их, целовали и не скупились на ласки. Я не раз видела, как Этева и даже свирепый Ирамамове несли тяжелые вязанки дров вместо своих женщин только затем, чтобы бросить их на землю при подходе к шабоно. Когда поблизости не было мужчин, Этева приберегал лакомый кусочек мяса или плод для Ритими или Тутеми. Я видела, как под покровом темноты он прижимает ухо к животу Тутеми послушать, как шевелится нерожденное дитя. А на людях он никогда даже не упоминал, что вскоре должен стать отцом. Этева разбудил нас с Ритими за несколько часов до рассвета. Мы тихо вышли из лагеря и отправились вдоль песчаного берега реки. За исключением гамаков, нескольких бананов и трех ананасов, которыми угостила меня девушка Мокототери, в наших корзинах ничего не было. Старый Камосиве заверил Этеву, что по дороге у нас будет много дичи. Луны не было, но река черно поблескивала, отражая слабое свечение неба. С небольшими промежутками тишину пронизывал слабый крик ночной птицы, возвещающий наступление рассвета. Звезды одна за другой гасли; очертания деревьев становились все резче по мере того как розовый свет зари опускался все ниже к сумеркам у наших ног. Меня поразила речная ширь, тишина вод, текущих настолько плавно, что они казались неподвижными. Три попугая ара треугольником пронеслись в небе, расцветив повисшие в безветрии облака красными, синими и желтыми перьями, а над кронами деревьев пылающим апельсином поднялось солнце. Широко раскрыв рот, Этева зевнул во всю глубину легких и сощурился — солнечный свет был слишком ярок для невыспавшихся глаз. Мы отвязали корзины. Ритими и я сели на поваленное дерево и стали смотреть, как Этева натягивает лук. Он медленно поднял руки и изогнул спину, нацеливая стрелу ввысь. Бесконечно долго он стоял не двигаясь, словно каменное изваяние с тщательно прорисованными мускулами, и пристально следя за пролетающими птицами. Я не осмеливалась спросить, почему он так долго выжидал, прежде чем выстрелить. Я не услышала, как стрела прорезала воздух — только отчаянный вскрик, растворившийся в трепете крыльев. На мгновение попугай комком перьев, скрепленных окрасившейся кровью стрелой, завис в небе, а потом рухнул вниз недалеко от того места, где стоял Этева. Этева развел огонь, на котором мы зажарили ошипанную птицу и запекли несколько бананов. Сам он съел немного и настоял, чтобы все остальное съели мы, поскольку нам понадобятся силы для утомительного подъема в горы. Свернув в заросли, мы не стали жалеть о ярком солнечном свете на прибрежной тропе. Тень от лиан и деревьев давала отдых нашим уставшим глазам. Увядающие листья на фоне зелени походили на лоскутки цветов. Этева срезал ветки с дикорастущего какао.

— Из этого дерева получают самые лучшие палочки для добывания огня, — сказал он, счищая кору с веток острым ножом, сделанным из нижнего резца агути. Потом он нарезал зеленых, желтых и фиолетовых стручков, короткими, лишенными листьев ножками прикрепленных к низкорослым стволам какао. Он разрезал стручки, и мы высосали сладкую желеобразную мякоть, а бобы завернули в листья.

— Если их поджарить, — пояснила Ритими, — бобы похоро очень вкусные. — Интересно, подумала я, не напоминают ли они по вкусу шоколад.

— Поблизости должны быть обезьяны и ласки, — заметил Этева, показывая мне валявшиеся на земле обгрызанные стручки.

— Они не меньше нашего любят плоды похоро. Немного дальше Этева остановился перед извилистой лианой и сделал ножом зарубку.

— Мамукори, — сказал он.

— Я сюда вернусь, когда мне понадобится сделать свежий яд.

— Ашукамаки! — воскликнула я, когда мы остановились под деревом, чей ствол покрывали блестящие, словно восковые листья. Но это не была лиана, применявшаяся для сгущения кураре. Этева заметил, что те листья были длинными и зазубренными. А остановился он, потому что увидел на земле кости разных животных.

— Гарпия, — сказал он, показывая гнездо на верхушке дерева.

— Не убивай птицу, — стала просить Ритими.

— А вдруг это дух умершего Итикотери. Не обращая внимания на жену, Этева вскарабкался на дерево. Добравшись до гнезда, он вытащил белого пушистого птенца и под громкие крики матери сбросил его на землю. Затем, крепко опершись о ствол и ветви дерева, он прицелился в кружащую над ним птицу.

— Я рад, что подстрелил эту птицу, — сказал Этева, подгоняя нас к тому месту, куда сквозь ветки рухнула убитая гарпия. — Она ест только мясо.

— И повернувшись к Ритими, он тихо добавил: — Я слушал ее крик, перед тем как выпустить стрелу — это не был голос духа.

— Он выщипал мягкие белые перья из грудки птицы и длинные серые из ее крыльев, затем завернул их в листья. Сквозивший сквозь листву полуденный жар нагнал на меня такую дремоту, что мне отчаянно захотелось спать. У Ритими под глазами были темные круги, словно она мазнула по нежной коже углем. Этева замедлил шаг и, ни слова не говоря, направился к реке. Мы долго стояли в широком мелководье, отупев от зноя и слепящего света. Мы смотрели на отражения деревьев и облаков, потом улеглись на ярко-желтой песчаной отмели посреди реки. От танина затопленных корней синева выцвела в зелень и красноту. Все замерло — каждый листик, каждое облачко. Даже висащие над водой стрекозы казались неподвижными в прозрачном трепете крыльев. Перевернувшись на живот, я опустила руки на водную гладь, словно могла удержать полную истомы гармонию между речным отражением и сиянием небес. Я скользнула на животе, пока мои губы не коснулись воды, и стала пить отраженные облака. Две цапли, взлетевшие было при нашем появлении, вернулись на прежнее место. Стоя на своих длинных ногах, с шеями, спрятанными в пышных плюмажах, они наблюдали за нами из-под полуприкрытых век. Я увидела, как, поблескивая над водой, взбрасывались ошалевшие от зноя серебристые тела.

— Рыба! — воскликнула я, и всю мою сонливость как ветром сдуло. Посмеиваясь, Этева указал стрелой на пролетавшую мимо стайку крикливых попугаев.

— Птицы! — крикнул он и потянулся за висащим у него за спиной бамбуковым колчаном. Достав наконечник, он лизнул его, чтобы проверить, хорош ли еще яд. Удовлетворившись его горьким вкусом, он прикрепил наконечник к древку, затем проверил лук, натянув и спустив тетиву.

— Плохо натянута, — заметил он, отвяывая один ее конец. Несколько раз скрутив тетиву в ладонях, он привязал ее на место.

— Переночуем здесь, — сказал он и побрел по мелководью. Поднявшись на противоположный берег, он скрылся за деревьями. Мы с Ритими остались на песчаном берегу. Она вынула перья из свертка и разложила их на камне, чтобы солнце уничтожило насекомых. Внезапно оживившись, она указала на стоящее у берега дерево, с которого

подобно плодам свисали гроздья белых цветов. Срезав несколько веток, она предложила мне полакомиться этими цветами.

— Они же сладкие, — заметила она, увидев, что я не проявляю к ним особого интереса. Пытаясь объяснить, что по вкусу эти цветы напоминают мне сильно пахнущее туалетное мыло, я уснула. Разбудили меня звуки сумерек, сметающих с неба дневной свет, — прохладный шелест ветерка в листве, голоса птиц, устраивающихся на ночлег. Этева вернулась с двумя индейками гокко и связкой пальмовых листьев. Я помогла Ритими собрать на берегу топливо для костра. А пока она ошипывала птиц, помогла и Этеве построить временное укрытие.

— Ты уверен, что будет дождь? — спросила я, поглядывая в чистоебезоблачное небо.

— Если старый Камосиве сказал, что будет дождь, значит, будет, — ответил Этева.

— У него такой же нюх на дождь, как у других на еду. Получилась маленькая уютная хижина. Передний шест был выше двух задних, но не настолько высок, чтобы позволить встать во весь рост. Шесты соединялись длинными палками, что придавало всему сооружению треугольную форму. Крыша и задняя стенка были накрыты пальмовыми листьями. На землю мы постелили банановые листья, поскольку тонкие шесты не удержали бы трех гамаков. Собственно говоря, Этевапостроил убежище не столько ради удобства моего и Ритими, сколько для себя. Промокнув под дождем, он мог бы стать виновником того, что ребенок у Тутеми родится мертвым или увечным. На костре, который развел в хижине Этева, Ритими приготовила птиц, несколько бананов и бобы какао. Я размяла один из наших ананасов. Смешение ароматов и блюд напомнило мне ужин в День Благодарения.

— Это должно быть похоже на орехи момо, — сказала Ритими после того, как я рассказала ей про крыжовенный соус.

— Момо тоже красный, его тоже надо долго варить, пока он не размякнет. Его тоже надо вымачивать в воде, чтобы растворился весь яд.

— Не думаю, чтобы мне понравились орехи момо.

— Понравятся, — заверила меня Ритими.

— Видишь, тебе же понравились бобы похоро. А орехи момо еще лучше. Я с улыбкой кивнула. Хотя жареные бобы какао не были похожи на шоколад, на вкус они были не хуже орехов кешью. Улегшись на подстилку из банановых листьев, Этева и Ритими моментально заснули. Я вытянулась во весь рост рядом с Ритими. Во сне она потянулась и прижала меня к себе. Тепло ее тела наполнило меня благодатной истомой; ритмичное дыхание навевало сладкую дремоту. В мозгу один за другим проплывали похожие на сон образы, то медленно, то быстрее, словно кто-то показывал мне кино: перехватывая руками ветки деревьев, крича, как обезьяныревуны, мимо меня пронеслись мужчины Мокототери. Крокодилы со светящимися глазами, едва высунувшись над поверхностью воды, сонно мигали и вдруг разевали гигантские пасти, готовые меня проглотить. Муравьеды с их узенькими липкими языками пускали слюной пузыри, в которых я видела себя захваченной вместе с сотнями муравьев. Меня разбудил внезапный порыв ветра; он принес с собой запах дождя. Я села и начала слушать как тяжелые дождевые капли шлепаются на пальмовую крышу. Привычные голоса сверчков и лягушек создавали непрерывный пульсирующий фон жалобным крикам ночных обезьян, похожим на флейту голосам лесных куропаток. Совершенно явственно я услышала шаги, а потом треск веток.

— Там кто-то есть, — сказала я, растормошив Этеву. Он подвинулся к переднему шесту хижины.

— Это ягуар ищет лягушек на болотах.

— Этева чуть повернул мою голову налево.

— Вот его запах. Я несколько раз потянула носом воздух.

— Не чувствую я никакого запаха.

— Это дыхание ягуара так воняет. Вонь такая сильная, потому что он ест все сырое.

— Этева снова повернул мою голову, на этот раз направо.

— Послушай, вот он возвращается в лес. Я снова легла. Проснулась Ритими, протерла глаза и улыбнулась. — Мне приснилось, что я поднялась в горы и видела водопады.

— Завтра мы туда и пойдем, — сказал Этева, снимая висевший на шее мешочек с эпеней. Он отсыпал немного порошка на ладонь и одним глубоким вдохом втянул его в ноздри. — Ты сейчас будешь петь заклинания хекурам? — спросила я.

— Я буду просить лесных духов, чтобы они нас оберегали, — ответил Этева и тихо запел. Его песня, уносимая ночным ветерком, казалось, проникала сквозь тьму. Я не сомневалась, что она дошла до ушей духов, обитающих в четырех углах земли. В угасающем костре тускло светились уголья. Голоса Этевы я уже не слышала, но губы его все еще шевелились, когда я уплывала в глубокий сон. Вскоре я проснулась от тихих стонов Ритими и тронула ее за плечо, решив, что ей привиделся какой-то кошмар.

— Ты тоже хочешь попробовать? — промурлыкала она. Я удивленно открыла глаза и увидела улыбающееся лицо Этевы; он занимался с ней любовью. Какое-то время я смотрела на них. Движения тел были настолько согласованными, что казалось, они не двигаются вовсе. Без малейшего смущения Этева оставил Ритими и встал передо мной на колени. Подняв мои ноги, он их слегка распрямил, прижался щеками к икрам; его прикосновение было как игривая ласка ребенка. Не было объятий, не было слов. Но меня переполняла нежность. Этева снова перебрался к Ритими, положив голову между ее и моим плечами. — Теперь мы и в самом деле сестры, — тихо сказала Ритими.

— Внешне мы непохожи, зато внутри мы теперь одинаковые. Я прижалась к ней крепче. Ветерок с реки, пробежавший под нашей крышей, был как ласка. Розовый свет зари осторожно спустился на кроны деревьев. Ритими и Этева направились к реке. Я вышла из хижины и вдохнула воздух нового дня. На заре лесная темень уже не черная, а голубовато-зеленая, как в подземной пещере, куда свет проникает сквозь скрытую расщелину. Брызги росы ласковым дождем омывали мое лицо, когда я отводила в сторону листья и лианы. Красные паучки с волосатыми лапками поспешно латали свои серебристые паутины. В дупле трухлявого дерева Этева нашел соты с медом. Выжав последние капли в наши рты, он бросил соты в наполненный водой калабаш, и позже мы пили сладкую воду. Мы взбирались по заросшим тропам вдоль маленьких водопадов и стремительных речных потоков, ветер от которых развеивал наши волосы и раскачивал бамбуковые заросли на берегу.

— Вот это я и видела во сне, — сказала Ритими, распахнув руки, словно желая объять все огромное пространство воды, летящей перед нами в глубокий и широкий водоем. Я осторожно пробралась на темные базальтовые камни, выступающие среди водопадов и долго стояла под струями, подняв руки, чтобы смягчить оглушительную силу воды, ниспадающей с прогретых солнцем высот. — Белая Девушка, выходи! — крикнул Этева.

— Не то духи быстрой воды нашьют на тебя болезнь. Ближе к вечеру мы сделали привал у рощицы диких банановых деревьев. Среди них я обнаружила авокадо. На нем

был только один плод, причем не грушевидной формы, а круглый и большой, как мускусная дыня, блестящий, словно восковой. Этева посадил меня до первой ветки, и я медленно поползла за плодом, висящим на самой вершине. Я так жаждала добраться до этого зеленого шарика, что не обратила внимания на предательский треск хрупких веток под ногами. И как только я схватила плод, ветка, на которой я стояла, обломилась. Этева хохотал, пока по щекам у него не потекли слезы. Ритими, тоже смеясь, соскребала раздавленное авокадо с моего живота и бедер.

— Я чуть не покалечилась, — сказала я, задетая их беззаботным весельем.

— Может, я ногу сломала.

— Не сломала, — заверил Этева.

— Земля тут покрыта сухими листьями и мягкая.

— Он собрал в ладонь немного раздавленной мякоти и заставил меня съесть. —

Говорил я тебе не стоять под водопадом, — серьезно добавил он.

— Духи быстрой воды сделали так, что ты не обратила внимания на опасность от сухих веток. Пока Этева соорудил хижину, день растаял без следа. В лесу стоял беловатый туман. Дождя не было, но роса при малейшем прикосновении крупными каплями стекала с листьев. Мы снова спали на банановых листьях, согревая друг друга телами и впитывая тепло небольшого костра, который Этева поддерживал всю ночь, время от времени подталкивая ногой ближе к огню горящие поленья. Еще до зари мы тронулись дальше. Густой туман все еще окутывал деревья, и кваканье лягушек доносилось до нас словно издалека. Чем выше мы взбирались, тем беднее становилась растительность, пока, наконец, не остались лишь трава да камни. Мы выбрались на вершину изъеденного ветрами и водой плато, этого реликта иной эпохи. Лес внизу еще спал под одеялом тумана. Загадочный, непроходимый мир, всю огромность которого невозможно постичь извне. Сев на землю, мы молча стали дожидаться восхода солнца. Как только небо на востоке заиграло багрянцем и пурпуром, я в благоговейном порыве вскочила на ноги. Послушные ветру облака разошлись, дав место поднимающемуся солнечному диску. Розовый туман волнами катился над деревьями, подсвечивая сумерки глубокой синевой, разливая по всему небу зеленые и желтые тона, пока оно наконец не стало прозрачно-голубым. Я оглянулась на запад, где облака меняли очертания, уступая потокам света. На юге небо было подернуто огненными полосами и громоздились подгоняемые ветром светящиеся изнутри тучи.

— Вон там наше шабоно, — сказал Этева, показывая куда-то вдаль. Схватив за руку, он развернул меня на север.

— А там течет большая река, где проходят пути белого человека. Солнце подняло одеяло тумана. Река золотой змейкой блеснула сквозь море зелени, и я совершенно затерялась в этом необъятном пространстве, казавшемся частью иного мира. Я хотела говорить, крикнуть во весь голос, но не было таких слов, чтобы выразить мои чувства. Взглянув на Ритими и Этеву, я увидела в их глазах глубокое понимание того, что со мной творится. Я распахнула руки, словно желая обнять эту волшебную границу между лесом и небом. Я чувствовала, что нахожусь на краю пространства и времени. Я слышала, как трепещет свет, как шепчутся деревья, ветер доносил до меня далекие голоса птиц. Внезапно я поняла, что вовсе не изза отсутствия интереса, а вполне сознательно Итикотери никогда не расспрашивали меня о прошлом. В их глазах я не имела личного прошлого. Только так они могли воспринимать меня не как некую диковинку. События и связи из прошлого начали стираться у меня в памяти. Не то чтобы я стала их забывать, — я просто перестала о них думать, ибо в лесу они теряли всякое значение. Подобно

Иतिकотери, я научилась жить настоящим. Время было вне меня. Оно стало чем-то, пригодным только на короткий момент. Попользуешься им, и оно снова погружалось в себя и становилось неощутимой частицей моей внутренней сущности.

— Ты так долго молчишь, — сказала сидящая на земле Ритими. Подтянув колени, она обхватила их руками, уперлась подбородком и пристально посмотрела на меня.

— Я думала о том, как я здесь счастлива, — сказала я. Улыбнувшись, Ригами немного покачалась вперед и назад.

— Однажды когда-нибудь я пойду собирать дрова, а тебя со мной рядом не будет. Но я не стану печалиться, потому что сегодня, перед тем как войти в шабоно, мы раскрасим наши тела оното и будем радоваться, глядя, как летят попугаи вдогонку за уходящим солнцем.

Часть четвёртая

Глава 14

Как я уже говорила, женщины не имеют отношения к ритуалу принятия эпены. Обычно они даже не готовят ее и им не разрешается принимать галлюциногенную смесь. Женщинам неприлично даже прикасаться к тростниковой трубке, через которую вдувается смесь, если только мужчина не попросит принести ее. Поэтому я очень удивилась, когда однажды утром увидела Ритими, склонившуюся над очагом и внимательно изучающую темно-красные семена эпены, сохнувшие над углями. Не подозревая о моем присутствии, она продолжала тереть ладонями сухие семена над большим листом, на котором была кучка пепла из коры. С той же тщательностью, что и Этева, она периодически плевала на пепел и семена и смешивала все в мягкую тестообразную массу. Сложив рыхлую смесь в разогретую глиняную посудину, Ритими посмотрела на меня. Она по-детски смеялась над моим озадаченным выражением лица.

— Да-а, эпена будет сильной, — сказала она и снова сконцентрировалась на приготовлении галлюциногенной смеси, которая лопалась с чихающими звуками на куске терракоты. Гладким камнем она растирала быстро высыхающую массу, пока та не превратилась в очень мелкую пудру, в состав которой входил слой грязи с поверхности посуды. — Я не думала, что женщины знают, как готовить эпену.

— Женщины могут делать все, — сказала Ритими, ссыпая бурую пудру в небольшой бамбуковый контейнер. Напрасно надеясь, что она сама удовлетворит мое любопытство, я наконец спросила: — А почему ты делаешь смесь? — Этева знает, что я хорошо готовлю эпену, — гордо сказала она.

— Он любит, чтобы к его возвращению с охоты было готово немного смеси. Уже несколько дней мы не ели ничего, кроме рыбы. Будучи в неподходящем для охоты настроении, Этева вместе с группой мужчин преградил маленький ручей, в который они бросили срезанные ветви лозы ауогі-тото. Вода стала белой, как молоко. Единственное, что осталось сделать женщинам, — это наполнить корзины поднявшейся на поверхность задыхающейся рыбой. Но Иतिकотери не особенно любили рыбу, и скоро женщины и дети начали жаловаться на недостаток мяса. С тех пор как Этева и его товарищи ушли в лес, прошло два дня.

— Откуда ты знаешь, что сегодня Этева возвращается? — спросила я, и прежде чем Ритими успела ответить, поспешно добавила: — Я знаю, ты это чувствуешь ногами. Улыбаясь, Ритими взяла длинную узкую трубку и несколько раз быстро подула в нее. — Я ее чищу, — произнесла она с озорным блеском в глазах.

— Ты когда-нибудь пробовала эпену? Ритими наклонилась и прошептала мне на ухо: — Да, но мне не понравилось. У меня болела голова. Она украдкой посмотрела вокруг.

— А ты хочешь попробовать? — Я не хочу, чтобы у меня болела голова.

— Возможно, у тебя все будет по-другому, — сказала она. Поднимаясь, она

небрежно сунула бамбуковый контейнер и трехфутовую трубку себе в корзину.

— Пойдем к реке. Я хочу проверить, хороша ли эпена. Мы отошли вдоль берега на небольшое расстояние от того места, где Итикотери обычно моются и берутводу. Я села на землю напротив Ритими, которая начала очень тщательно засыпать небольшую порцию эпены в один конец трубки. Она аккуратно постукивала по трубке указательным пальцем, пока пудра равномерно не распространилась по всей длине. Я чувствовала, что покрываюсь каплями холодного пота. Всего один раз в жизни при удалении трех зубов мудрости я принимала наркотики. И тогда же решила, что гораздо умнее было бы выдержать боль вместо того чтобы потом долго галлюцинировать.

— Подними немного голову, — попросила Ритими, помещая трубку передо мной.

— Видишь на конце маленький орешек раша? Прижми его к ноздре. Я кивнула. Пальмовое семечко было прочно приклеено смолой к концу трубки. Убедившись, что маленькая дырочка, просверленная в нем, находится у меня в носу, я провела рукой по гладкой трубке и тут же отчетливо услышала, как по ней пронесся сжатый воздух. Я позволила ему проникнуть в ноздрию, и сразу же ощутила острую боль, которая обожгла мой мозг. — Ужасное ощущение, — простонала я, охватывая голову руками.

— А теперь в другую, — проговорила Ритими и, улыбаясь, направила трубку в левую ноздрию. Мне показалось, что из носа течет кровь, но

Ритими уверила, что это только слезы и слюна, бесконтрольно льющиеся из носа и рта. Я попыталась вытереться, но невозможно было поднять отяжелевшую руку.

— Почему ты так суетишься из-за соплей вместо того чтобы наслаждаться? — спросила Ритими, смеясь над моими неуклюжими усилиями. — Позже я вымою тебя в реке.

— Тут нечем наслаждаться, — проговорила я. Пот струился по всему телу. Я чувствовала себя отвратительно, все тело было налитو свинцом. Я везде видела точки красного и желтого света. Интересно, что же так смешило Ритими. Ее смех многократно повторялся у меня в ушах, как будто он рождался в моей голове.

— Давай я немного вдуну тебе в нос, — предложила я.

— О нет. Мне нужно следить за тобой, — сказала она.

— У кого-то одного должна болеть голова.

— Эта эпена. должна дать больше чем просто головную боль. Вдуй мне еще немного, — попросила я. — Я хочу увидеть хекур.

— Хекуры не приходят к женщинам, — между приступами смеха проговорила Ритими. Она поднесла трубку к моему носу.

— Но если ты очень попросишь, может быть, они придут к тебе. Я ощутила каждую частицу смеси, попавшую в мой нос и взорвавшуюся где-то в темени. Восхитительная вялость распространилась по всему телу. Я посмотрела на реку, ожидая, что мистические существа вот-вот появятся из глубин. Мелкая рябь на воде начала вырастать в волны, накатывающиеся с такой силой, что я поспешила встать на четвереньки. Я была убеждена, что вода хочет поймать меня. Я посмотрела в лицо Ритими и удивилась ее испугу.

— Что случилось? — спросила я. Мой голос замер, когда я проследила за ее взглядом. Перед нами стояли Этева и Ирамамове. С большим трудом явсталась и прикоснулась к ним, чтобы убедиться, что это не галлюцинация. Развязав большие узлы и сняв их со спины, они отдали все другим охотникам, стоявшим позади них.

— Отнесите мясо в шабоно, — произнес Ирамамове хриплым голосом. Мысль о том,

что Этева и Ирамамове будут есть так мало мяса, повергла меня в такую печаль, что я расплакалась. Охотник всегда отдавал большую часть убитой им дичи. Он скорее будет голодать, чем согласится с тем, что его попытаются обвинить в скупости.

— Я отдам тебе свою порцию, — сказала я Этеве.

— Мне больше нравится рыба.

— Зачем ты пробовала эпену? — голос Этевы был суров, но глаза весело искрились.

— Нам нужно было проверить, правильно ли Ритими смешала пудру, — пробормотала я.

— Она недостаточно сильная. Совсем не видно хекур.

— Нет, она сильная, — возразил Этева. Положив руки мне на плечи, он заставил меня сесть на землю перед собой.

— Эпена, сделанная из семян, сильнее, чем из коры.

— Он поднял трубку со смесью.

— В дыхании Ритими недостаточно силы. Дьявольская усмешка исказила его лицо, когда он поднес трубку к моему носу и подул. Я снова почувствовала головокружение, а в моей голове волнами разносился громкий смех Ирамамове и Этевы. Я медленно поднялась. Казалось, я не касалась ногами земли. — Танцуй, Белая Девушка, — подбадривал меня Ирамамове.

Посмотрим, сможешь ли ты привлечь хекур своими песнями. Очарованная его словами, я вытянула руки и начала танцевать маленькими отрывистыми шагами, точно так же, как танцевали мужчины в трансе от эпены. В моей голове проносились мелодия и слова песни одной из хекур Ирамамове. После долгих дней Призывания духа колибри, Он наконец пришел ко мне. Ослепленный, я наблюдал его танец. Ослабевший, упал я на землю И не чувствовал, Как он вошел в мое горло И отнял мой язык. Я не видел, как в реку Утекла моя кровь И вода стала красной. Он укрыл мои раны прекрасными перьями. Так я узнал песни духа, С тех пор я пою их. Этева подвел меня к берегу реки и плеснул воды мне в лицо и на грудь. — Не повторяй его песню, — предупредил он меня.

— Ирамамове будет злиться и причинит тебе вред своими волшебными растениями. Я хотела сделать так, как он сказал, но что-то заставило меня повторить песню хекуры Ирамамове. — Не повторяй его песню, — умолял Этева.

— Ирамамове сделает тебя глухой. Он заставит тебя плакать кровью. Этева повернулся к Ирамамове: —• Не заколдовывай Белую Девушку. —А я и не собираюсь, — уверил его Ирамамове.

— Я не злюсь на нее. Я знаю, она не такая, как мы, она не все понимает. Взяв мое лицо в руки, он заставил меня заглянуть в его глаза.

— Я вижу, как хекуры танцуют у нее в зрачках. На солнечном свете глаза Ирамамове были не темными как обычно, а светлыми, цвета меда.

— Я тоже вижу хекуры у тебя в глазах, — сказала я ему, рассматривая желтые пятна на радужке его глаз. Я попыталась сказать ему, что наконец поняла, почему его имя Глаз Ягуара, но свалилась к его ногам. Я смутно помнила, что меня несли чьи-то руки. Добравшись до гамака, я сразу же провалилась в глубокий сон и проснулась только на следующий день. В хижине Этевы собрались Арасуве, Ирамамове и старый Камосиве. Я беспокойно рассматривала их. Они были разукрашены оното; мочки их ушей были украшены короткими тростниковыми палочками, раскрашенными под перо. Когда Ритими

села рядом со мной в гамаке, я решила, что она пришла защищать меня от их гнева. Не дав никому из мужчин возможности что-либо сказать, я начала нести ахинею, извиняясь за то, что попробовала эпену. Чем быстрее я говорила, тем безопаснее себя чувствовала. Ровный поток слов, решила я, был надежным способом разогнать их гнев. Арасуве наконец прервал мою бессвязную болтовню: — Ты говоришь слишком быстро. Я не могу ничего понять. Меня смутил его дружеский тон. Казалось, он не был результатом моей речи. Я взглянула на других. Их лица не выражали ничего, кроме искренней любознательности. Я наклонилась к Ритими и шепотом спросила: — Если они не злятся, то почему они пришли в хижину? — Не знаю, — тихо ответила она.

— Белая Девушка, ты когда-нибудь раньше видела хекуру? — спросил Арасуве.

— Я никогда в жизни не видела хекур, — быстро уверила его я.

— Даже вчера.

— Ирамамове видел хекур в твоих глазах, — настаивал Арасуве.

— Вчера вечером он принимал эпену. Его собственная хекура сказала ему, что научила тебя своей песне.

— Я знаю песню Ирамамове, потому что очень часто слышала ее, — не унималась я.

— Как могла его хекура научить меня? Духи не приходят к женщинам.

— Ты не похожа на женщин Иतिकотери, — сказал старый Камосиве, глядя на меня так, как будто впервые видел.

— Хекуры могут легко ошибиться.

— Он вытер сок табака, стекающий в уголках рта.

— Были случаи, когда хекуры приходили к женщинам.

— Поверь мне, — сказала я Ирамамове, — я знаю твою песню, потому что слышала много раз, как ты ее пел. — Но я пою очень тихо, — доказывал Ирамамове.

— Если ты действительно знаешь мою песню, почему бы тебе не спеть ее прямо сейчас? Надеюсь, что на этом инцидент будет исчерпан, я начала напевать мелодию. К полному разочарованию я совершенно не могла вспомнить слов. — Ну вот видишь! — радостно воскликнул Ирамамове.

— Моя хекура научила тебя этой песне. Именно поэтому я не разозлился на тебя вчера, поэтому я не повредил тебе уши и глаза, поэтому я не ударил тебя горящей палкой.

— А следовало бы, — сказала я, выдавливая улыбку. Внутри меня все дрожало. Характер Ирамамове был всем хорошо известен. У него была мстительная натура и очень жестокие наказания. Старый Камосиве сплюнул шарик табака на землю, а потом достал банан, висевший прямо над ним. Очистив, он запихнул в рот весь плод целиком.

— Много лет тому назад была женщина — шапори, — бормотал он, жуя.

— Ее звали Имаваами. У нее была белая кожа, как у тебя. Она была высокой и очень сильной, а когда она принимала эпену, то пела для хекур. Она знала, как при помощи массажа снять боль и как высосать яд. Никто не мог превзойти ее в охоте за потерявшимися душами детей и в противодействии проклятиям черных шаманов.

— Скажи нам. Белая Девушка, — попросил Арасуве, — знала ли ты шапори прежде, чем пришла сюда? Учил ли тебя кто-нибудь из них? — Я знала шаманов, — сказала я.

— Но они никогда ничему меня не учили. Очень подробно я описала работу, которой занималась перед приездом в миссию. Я говорила о донье Мерседес и о том, как она разрешила мне наблюдать и записывать на магнитофон взаимодействие между собой и пациентами.

— Однажды донья Мерседес позволила мне принять участие в спиритическом сеансе, — сказала я.

— Она верила, что я могу стать медиумом. Спириты со всей округи собрались в ее доме. Мы все сидели в Кругу и заклинаниями призывали духов. Мы пели заклинания очень долго. — Ты принимала эпену? — спросил Ирамамове.

— Нет. Мы курили большие толстые сигары, — ответила я, улыбаясь своим воспоминаниям. В комнате доньи Мерседес было десять человек. Мы все неподвижно сидели на стульях, покрытых козлиной кожей. С всепоглощающей концентрацией мы пыхтели нашими сигарами, наполняя комнату дымом, таким густым, что едва можно было видеть друг друга. Я была слишком озабочена концентрацией дыма и его воздействием на организм, чтобы прийти в транс.

— Один из спиритов попросил меня выйти, объяснив, что духи не придут, пока я остаюсь в комнате.

— И хекуры пришли, когда ты вышла? — спросил Ирамамове.

— Да, — ответила я.

— Донья Мерседес рассказала мне на следующий день, как духи вошли в голову каждого спирита.

— Странно, — пробормотал Ирамамове.

— Но ты должна была многому научиться, живя в ее доме.

— Я выучила ее молитвы и заклинания, а также научилась обращаться с различными типами трав и корней, которые применяются при лечении, — сказала я.

— Но меня никогда не учили тому, как общаться с духами, или тому, как лечить людей.

— Я посмотрела на каждого из мужчин. Этева был единственным, кто улыбался.

— Как говорила донья Мерседес, единственный способ стать целителем — заниматься этим. — И ты пробовала исцелять? — спросил старый Камосиве.

— Нет. Донья Мерседес посоветовала мне отправиться в джунгли. Четверо мужчин посмотрели друг на друга, потом медленно повернулись ко мне и в один голос спросили: — Ты пришла сюда, чтобы изучать шаманов? — Нет же! — вспыхнула я, а потом, смягчившись, добавила.

— Я пришла, чтобы принести пепел Анхелики. Очень осторожно выбирая слова, я рассказала им о своей профессии — антрополога. Мое основное занятие — изучать людей, в том числе и шаманов, не потому, что мне хочется стать одним из них, но потому, что мне интересно изучать черты сходства и различия в различных шаманских традициях.

— Бывала ли ты когда-нибудь с другим шапори, кроме доньи Мерседес? — спросил старый Камосиве. Я рассказала мужчинам о Хуане Каридаде, старике, которого я встретила много лет тому назад. Я поднялась и достала свой рюкзак, который хранила в корзине, подвешенной к одному из перекрытий. Из закрывающегося на молнию кармана, который из-за своего странного замка избежал интереса женщин и детей, я вытащила маленький кожаный мешочек и вытряхнула его содержимое в руки Арасуве. Очень подозрительно он смотрел на камень, жемчужину и алмаз, подаренный мне мистером Бартом.

— Этот камень, — сказала я, взяв его из руки Арасуве, — дал мне Хуан Каридад. Он заставил его выпрыгнуть из воды прямо у меня перед глазами. Я погладила гладкий темно-золотистый камень. Он как раз помещался в мою ладонь и имел овальную форму,

плоский с одной стороны и выпуклый с другой.

— Ты общалась с этим шапори точно так же, как с доньей Мерседес? — спросил Арасуве.

— Нет. Я не оставалась с ним надолго. Я боялась его.

— Боялась? Я думал, что ты никогда не боишься, — воскликнул старый Камосиве.

— Хуан Каридад страшный человек, — сказала я. — Он заставлял меня видеть странные сны, в которых сам всегда появлялся. По утрам он давал подробное описание того, что мне снилось. Мужчины кивали друг другу со знанием дела. — Какой могущественный шапори, — произнес Камосиве.

— О чем же были эти сны? Я рассказала им, что больше всего меня испугал сон, который представлял собой точное повторение события, которое случилось со мной, когда мне было пять лет. Однажды, когда мы с семьей возвращались с побережья, вместо того чтобы ехать прямо домой, отец решил сделать круг через лес и поискать орхидеи. Мы остановились возле неглубокой реки. Братья с отцом углубились в кусты. Мама, боясь змей и moskitov, осталась в машине. Сестра же предложила мне пройти вброд вдоль отмели. Она была на десять лет старше меня, высокая и худая, с короткими вьющимися волосами, добела выгоревшими на солнце. У нее были бархатные темно-карие глаза, а не голубые или зеленые, как у большинства блондинок. Присев посреди потока, она предложила мне посмотреть на воду у нее между ногами. К моему огромному удивлению, вода окрасилась кровью.

— Тебе больно? — воскликнула я. Не сказав ни слова, она встала и предложила мне следовать за ней. Ошеломленная, я так и продолжала стоять в воде, наблюдая за сестрой, карабкающейся на противоположный берег. Во сне, всякий раз переживая тот же страх, я постоянно говорила себе, что нечего бояться, ведь я уже взрослая. Я была на грани того, чтобы последовать за сестрой к заманчивому берегу, но всегда слышала голос Хуана Каридада, побуждавший меня остаться в воде. — Она зовет тебя с земли мертвых, — говорил он.

— Разве ты не помнишь, что она умерла? Бесчисленное количество раз я спрашивала, но Хуан Каридад решительно отказывался обсуждать то, как ему удавалось появляться в моих снах, или откуда он знал, что моя сестра погибла в авиакатастрофе. Я никогда не говорила с ним о моей семье. Он ничего не знал обо мне, кроме того, что я приехала из ЛосАнжелеса изучать целительские практики. Хуан Каридад не злился, когда я вслух предполагала, что, возможно, он близок с кем-то, кто хорошо знает меня. Он уверил меня, что мои слова не имеют смысла так же, как и то, в чем я его обвиняю. Все равно он не станет обсуждать то, о чем поклялся молчать. Сказав об этом, он всегда заставлял меня ехать домой. — Почему он дал тебе камень? — спросил старый Камосиве.

— Видишь эти темные пятна и сквозные прожилки на его поверхности? — спросила я, поднося камень к его единственному глазу.

— Хуан Каридад сказал мне, что они обозначают деревья и реки леса. Он сказал, что я много времени проведу в джунглях и должна хранить этот камень в качестве талисмана, оберегающего меня от вреда. Мужчины долго молчали. Арасуве протянул мне алмаз и жемчужину: — Расскажи нам об этом. Я рассказала им об алмазе, который дал мне в миссии мистера Барт.

— А это? — спросил старый Камосиве, взяв маленькую жемчужину из моей ладони.

— Я никогда еще не видел такого круглого камня.

— Он у меня уже очень давно, — сказала я.

— Дольше, чем камень Хуана Кариадада? — спросила Ритими.

— Значительно дольше. Жемчужину дал мне один старик, когда я приехала на остров Маргариты, где мы с друзьями собирались провести каникулы. Как только мы высадились из катера, старый рыбак подошел прямо ко мне. Положив жемчужину мне на ладонь, он сказал: «Она была твоей со дня твоего рождения. Ты потеряла ее, но я нашел ее для тебя на дне моря». — А что случилось потом? — нетерпеливо спросил Арасуве.

— Больше ничего. Прежде чем я пришла в себя, старик ушел. Камосиве положил жемчужину себе на ладонь и начал катать ее. Она необыкновенно красиво смотрелась на его темной, морщинистой руке, как будто они изначально принадлежали друг другу.

— Я хочу, чтобы ты оставил ее себе. Улыбаясь, Камосиве посмотрел на меня: — Мне она очень нравится. Он посмотрел на солнце через жемчужину: — Как красиво! Внутри камня — облака. А что, старик, который подарил ее тебе, был похож на меня? — спросил он, когда все четверо мужчин выходили из хижины.

— Он был стар, как ты, — сказала я, когда он повернулся в направлении своей хижины. Но старик уже не слышал меня. Подняв жемчужину высоко над головой, он важно расхаживал по шабоно. Больше никто не упоминал о том, как я принимала эпену. Иногда по вечерам, когда мужчины собирались возле своих хижин и вдыхали галлюциногенную пудру, кое-кто из молодежи выкрикивал, шутя: — Белая Девушка, мы хотим видеть, как ты танцуешь. Мы хотим слышать, как ты поешь песню хекуры Ирамамове. Но я больше никогда не пробовала пудру.

Глава 15

Я никак не могла понять, где живет Пуривариве, брат Анхелики, и зовет ли его кто-нибудь, когда он бывает нужен, или он интуитивно чувствует это. Никто никогда не знал, останется он в шабоно на несколько дней или на несколько недель. Но в его присутствии было что-то успокаивающее. Он всегда пел по ночам, призывая хекур, умоляя духов охранять людей, и особенно детей, которые наиболее уязвимы, от проклятий черных шапори. Однажды утром старый шапори вошел в хижину Этевы. Усевшись в один из пустых гамаков, он попросил показать ему драгоценности, которые я прячу в рюкзаке. Я хотела было возразить, что ничего не прячу, но, промолчав, сняла рюкзакс балки. Я знала, что он собирается попросить у меня один из камней и пламенно желала, чтобы им оказался не тот камень, который дал мне Хуан Кариадад. Каким-то образом я была уверена, что именно этот камень привел меня в джунгли. Я боялась, что если Пуривариве отнимет его у меня, Милагрос придет и заберет меня обратно в миссию. Или еще хуже: что-то ужасное может случиться со мной. Я безоговорочно верила в оберегающую силу этого камня. Старик тщательно изучил оба камня. Он посмотрел на свет через алмаз.

— Я хочу этот камень, — улыбаясь, сказал он.

— В нем — цвета неба. Растянувшись в гамаке, старик положил камень и алмаз себе на живот.

— А сейчас я хочу, чтобы ты рассказала мне о шапори Хуане Кариададе. Я хочу

послушать обо всех снах, в которых появлялся этот человек.

— Не знаю, получится ли у меня вспомнить все это. Когда я смотрела на его худое морщинистое лицо и истощенное тело, меня посетило странное ощущение, что я знаю его много дольше, чем могу вспомнить. Во мне проснулась хорошо знакомая, мягкая реакция на его улыбающиеся глаза, постоянно следящие за моим взглядом. Устроившись поудобнее у себя в гамаке, я легко и плавно начала говорить. Когда я не знала нужного слова на языке Итикотери, я заменяла его испанским аналогом. Казалось, Пуривариве не замечал этого. У меня было ощущение, что его больше интересуют звуки и ритм моих слов, чем их действительный смысл. Когда я закончила свой рассказ, старик выплюнул шарик табака, который Ритими приготовила ему, прежде чем уйти работать в огородах. Мягким голосом он заговорил о женщине-шамане, о которой уже рассказывал Камосиве. Имаваами слыла не только великим шапори, она также была великолепным охотником и воином и вместе с мужчинами воевала против враждебных племен.

— Может быть, у нее было ружье? — спросила я, надеясь узнать о ее личности побольше. С тех пор как я впервые услышала о ней, мной овладела мысль, что, возможно, это была пленная белая женщина. Возможно, все происходило в то время, когда испанцы впервые приехали на эти земли в поисках Эльдорадо. — У нее был лук и стрелы, — сказал старый шаман.

— Ее яд мамукори был самым лучшим. Стало ясно, что независимо от того, как формулировать вопросы, невозможно было узнать, была ли Имаваами реальным лицом или персонажем из мифологического эпоса. Все шапори говорили, что Имаваами жила очень давно. Я уверена, что старик не уклонялся от ответа: у Итикотери просто было принято неопределенно говорить о прошедших событиях. Иногда по вечерам, когда женщины готовили ужин, Пуривариве садился у огня в центре деревни. Все от мала до велика собирались вокруг него. Я всегда старалась найти место поближе к нему, потому что не хотела пропустить ни слова из того, что он говорил. Тихим монотонным голосом, слегка в нос, он рассказывал о том, откуда произошли человек, огонь, наводнения. Лунаи Солнце. Я уже знала некоторые из этих мифов. Но всякий раз, когда он пересказывал их, мифы принимали новую невообразимую форму. Согласно своему собственному видению каждый рассказчик приукрашал и дополнял основной миф.

— Какой же из этих мифов является настоящим рассказом о сотворении? — спросила я Пуривариве, когда он в один из вечеров закончил рассказ о Ваипилишони, женщине-шамане, которая сотворила кровь, смешав оното с водой. Она дала жизнь древовидным телам брата и сестры, заставив их выпить эту смесь. Вечером раньше шапори рассказывал нам, что первый индеец был рожден из ноги человекоподобного существа. Мгновение Пуривариве в растерянности рассматривал меня.

— Они все реальные, — наконец произнес он.

— Разве ты не знаешь, что человек создавался много раз и в разное время? От удивления я тряхнула головой. Он дотронулся до моего лица и засмеялся.

— Какая же ты еще глупая. Слушай внимательно. Я расскажу тебе обо всех случаях, когда мир разрушался огнем и наводнениями. Несколькоми днями позже Пуривариве объявил, что Шорове, старший сын Ирамамове, должен будет пройти посвящение в шапори. Шорове было семнадцатьвосемнадцать лет. У него было худое, ловкое тело и смуглое, изящно очерченное лицо, на котором темно-карие сверкающие глаза казались слишком большими. С одним лишь гамаком он поселился в маленькой хижине, построенной для него на расчищенной площадке. Женщинам было запрещено подходить к этому жилищу, так как, согласно поверью, хекуры избегают их. Не подпускали даже мать

Шорове, его бабушку и сестер. За посвящаемым должны были следить молодые люди, которые никогда не были с женщиной. Именно они вдували эпену Шорове, следили за огнем в хижине и доставляли ему каждый день достаточное количество воды и меда, единственной пищи, разрешенной при инициации. Женщины всегда оставляли достаточно дров рядом с шабоно, поэтому Шорове не нужно было ходить далеко в лес. Мужчины приносили ему мед. Каждый день шапори заставляли их ходить далеко в лес за новыми запасами. Шорове проводил большую часть времени, оставаясь в хижине и лежа в гамаке. Иногда он сидел на большом бревне, которое Ирамамове положил у входа в жилище, потому что Шорове по обычаю не полагалось сидеть на земле. Через неделю его лицо потемнело от эпены, а чудесные сияющие глаза стали мутными и расфокусировались. Его тело, грязное и истощенное, стало неловким, как у пьяницы. Жизнь в шабоно шла своим чередом, исключения составляли семьи, живущие поблизости от хижины Шорове. На их очагах не разрешалось готовить мясо. Пуривариве утверждал, что хекуры ненавидят запах жарящегося мяса, и если почувствуют его, то улетят обратно в горы. Как и его ученик, Пуривариве принимал эпену днем и ночью. Он часами неумоимо пел, призывая духов в хижину Шорове, уговаривая хекур войти в тело молодого человека и поселиться там. Иногда по вечерам Арасуве, Ирамамове и другие мужчины шабоно пели вместе со стариком. На следующей неделе Шорове нетвердым дрожащим голосом начал присоединяться к их пению. Вначале он пел песни хекур броненосца, тапира, ягуара и других крупных животных, которые по поверью обладали мужскими духами. Их было легче всего привлечь. Потом он пел песни хекур растений и скал. И наконец песни женских духов — паука, змеи и колибри. Из-за их коварной и ревнивой натуры ими было очень трудно управлять. Однажды поздно ночью, когда все в шабоно спали, я сиделавозле Этевы и наблюдала за поющими мужчинами. Шорове был настолько слаб, что ему нужно было помочь встать, чтобы Пуривариве мог танцевать вокруг него.

— Шорове, пой громче, — подбадривал его старик.

— Пой громко, как птицы, как ягуар. Ритуальный танец уносил Пуривариве в лес прочь от шабоно. — Пой громче, Шорове, — выкрикивал он уже издалека.

— Хекуры живут во всех уголках леса. Они хотят слышать твою песню! Тремя ночами позже радостные крики Шорове эхом разнеслись по шабоно: — Отец, отец, хекуры появляются! Я слышу, как они жужжат и вертятся вокруг! Они входят в меня, в мою голову! Они проникают сквозь пальцы и ноги! Шорове выскочил из хижины. Упав перед стариком, он кричал: — Отец, отец, помоги мне! Они проходят через глаза и нос! Пуривариве помог Шорове встать на ноги. Они начали танцевать, и лишь их слабые тени были видны на освещенной луной поляне. Через несколько часов отчаянный вопль, крик панически испуганного ребенка пронзил воздух: — Отец, отец! С сегодняшнего дня не позволяй ни одной женщине подходить к моей хижине! — Все они так кричат, — пробормотала Ритими, вставая из гамака. Она подбросила в огонь немного дров, а потом положила на горячие угли несколько бананов.

— Когда Этева решил стать шапори, я уже была его женой, — сказала она.

— В ночь, когда он умолял Пуривариве не подпускать к нему женщин, я вошла в его хижину и прогнала хекур прочь. — Почему ты это сделала? — Меня попросила мать Этевы, — ответила Ритими.

— Она боялась, что он умрет, она знала, что Этева слишком любит женщин; из него никогда бы не получился великий шапори. Ритими села ко мне в гамак.

— Я расскажу тебе все с начала. Она устроилась поудобнее рядом со мной и начала говорить тихим шепотом.

— В ночь, когда хекуры вошли в тело Этевы, он кричал точно так же, как сегодня Шорове. Это женские хекуры заставляют так волноваться. Они не хотят, чтобы поблизости хижины находились женщины. В ту ночь Этева горько плакал, выкрикивая, что какая-то злая женщина прошла мимо его хижины. Мне было очень грустно, когда я услышала, что хекуры покинули его тело.

— Знает ли Этева, что именно ты была в его хижине? — Нет, — ответила Ритими.

— Меня никто не видел. Если Пуривариве и знает, то он молчит. Он был уверен, что Этева никогда не станет хорошим шапори.

— Почему же Этева хотел стать шапори? — Всегда есть надежда, что мужчина может стать великим шапори. — Ритими положила голову мне на руки.

— Той ночью мужчины долго умоляли хекур вернуться, но духи не возвратились. Они ушли не только потому, что в хижине побывала женщина, но и потому, что хекуры боялись, что Этева никогда не станет для них хорошим отцом.

— Почему мужчина считается оскверненным после того, как он побывал с женщиной? — Это касается шапори, — сказала Ритими.

— Не знаю почему, но так считают мужчины, в том числе и шапори. Я верю, что именно женские хекуры очень ревнивы и сторонятся мужчин, которые слишком часто удовлетворяют женщин. Ритими продолжала рассказывать о том, что сексуальноактивные мужчины получают мало проку от принятия эпены и призывания духов. Мужские духи, поясняла она, не имеют чувства собственности. Они вполне довольны тем, что мужчины принимают эпену до и после охоты или сражения.

— В качестве мужа я предпочитаю хорошего охотника и воина — хорошему шапори, — призналась она.

— Шапори не очень любят женщин.

— А Ирамамове? — спросила я. — Он безусловно великий шапори, но у него две жены.

— О-оох, ты по-прежнему ничего не понимаешь. Я же все тебе уже объяснила, — смеялась Ритими.

— Ирамамове не слишком часто спит со своими женами. С ними обычно спит его младший брат, у которого нет своей жены. Ритими посмотрела вокруг, проверяя, не подслушивают ли нас. — Разве ты не заметила, что Ирамамове часто уходит в лес? Я кивнула:

— Но то же делают и другие.

— То же делают и женщины, — проговорила Ритими, передразнивая мое произношение. У меня были трудности при имитировании особого носового тона Итикотери, который, возможно, появился в результате того, что у них во рту постоянно находился табачный шарик.

— Я не это имела в виду, — сказала она.

— Ирамамове уходит в лес, чтобы найти то, что ищут великие шапори.

— Что же? — Силу, чтобы путешествовать в Дом Грома. Силу, чтобы отправиться к Солнцу и возвратиться живым.

— Я видела, что в лесу Ирамамове занимается любовью с женщиной, — призналась я. Ритими тихо смеялась.

— Я открою тебе один очень важный секрет, — прошептала она.

— Ирамамове спит с женщинами так, как это делают шапори. Он берет у женщин

силу, а взамен ничего не дает.

— А ты спала с ним? Ритими кивнула. Я долго просила ее рассказывать дальше, но она отказалась. Неделей позже мать Шорове, его сестры, тетки и кузины начали причитать в своих хижинах.

— Старый человек, — плакала мать, — у моего сына больше нет силы. Ты хочешь убить его голодом? Ты хочешь, чтобы он умер от недостатка сна? Тебе пора оставить его в покое. Старый шапори не обращал внимания на их крики. На следующее утро Ирамамове принял эпену и танцевал перед хижиной своего сына. Его движения чередовались: он то прыгал высоко в воздух, то, ползая на четвереньках, имитировал воинственное рычание ягуара. Внезапно он остановился. Он сел на землю, а глаза его сфокусировались на одной точке, где-то далеко впереди.

— Женщины, женщины, не отчаивайтесь, — выкрикнул он громким носовым голосом.

— Еще несколько дней Шорове должен оставаться без пищи. Даже если он выглядит слабым и его движения вялы, и он стонет во сне, он не умрет. Встав, Ирамамове подошел к Пуривариве и попросил его вдуть еще немного эпены в его голову. Потом он вернулся на то самое место, где сидел раньше. — Слушай внимательно, — посоветовала Ритими.

— Ирамамове один из тех немногих шапори, которые путешествовали к Солнцу во время посвящения. Он сопровождает других в их первом путешествии. У него два голоса. Тот, который ты уже слышала, это его собственный; другой — голос его хекуры. Сейчас слова Ирамамове исходили из глубины его груди; звуки заклинаний падали на собравшихся у хижин замерших людей, как камни, грохочущие в ущелье. Жизнь в шабоно замерла в торжественном ожидании. Глаза людей сверкали. Они ждали, что скажет хекура Ирамамове, что произойдет дальше в мистерии посвящения.

— Мой сын побывал в глубинах земли и горел в жарком огне ее безмолвных пещер, — произнес грохочущий голос хекуры Ирамамове.

— Ведомый глазами хекуры, он прошел через пелену тьмы, через реки и горы. Они научили его песням птиц, рыб, змей, пауков, обезьян и ягуаров.

— Он силен, хотя его глаза и щеки впали. Те, кто спускался в молчаливые горящие пещеры, те, кто прошел по ту сторону лесного тумана, возвратятся. И в их теле будет хекура. Именно она приведет их к Солнцу, к светящимся хижинам моих братьев и сестер, хекур неба.

— Женщины, женщины, не зовите его по имени. Позвольте ему идти. Дайте ему оторваться от матери и сестер, чтобы достичь мира света, который требуете больше силы, чем мир тьмы. Очарованная, я слушала голос Ирамамове. Никто не говорил, никто не двигался, все лишь смотрели на фигуру шамана, неподвижно сидящего перед хижиной своего сына. После каждой паузы его голос достигал наивысшей степени глубины.

— Женщины, женщины, не отчаивайтесь. На пути он встретит тех, кто прошел через долгие ночи тумана. Он встретит тех, кто не вернулся обратно. Он встретит тех, кто не дрогнул от страха и прошел этот путь до конца. Он встретит тех, чьи тела сожжены и убиты, тех, чьи кости hr вернулись к своему народу и сохнут на солнце. Он встретит тех, кто не прошел облака, направляясь к Солнцу.

— Женщины, женщины, не нарушайте его равновесие. Мой сын достигает конца своего путешествия. Не смотрите на его потемневшее лицо. Не смотрите в его впавшие глаза, в них нет света. С сегодняшнего дня ему предопределено быть одному. Ирамамове поднялся. Вместе с Пуривариве он вошел в хижину Шорове, где они провели остаток

ночи, взывая к хекурам. Через несколько дней молодые мужчины, ухаживавшие за Шорове долгие недели посвящения, вымыли его теплой водой и растерли ароматными листьями. Потом Шорове раскрасил тело смесью угля и оното — волнистыми линиями от головы вдоль щек к плечам и дальше кругами до колен. Шорове ненадолго остановился в центре шабоно. Его глаза печально сияли из глубоких впадин, наполненные невыразимой грустью, как будто он только сейчас понял, что он больше не человек, а лишь тень. В нем ощущалась особая сила, которой не было раньше, как будто груз его новых знаний и опыта был больше, чем память о прошлом. Потом в общем молчании Пуривариве отвел его в лес.

Глава 16

— Белая Девушка, Белая Девушка! — кричал шестилетний сын Ритими, подбегая ко мне. Тяжело дыша, он остановился передо мной и прокричал: — Белая Девушка, твой брат...

— Мой кто? Размахивая палкой-копалкой, я побежала к шабоно и остановилась на краю расчищенного участка леса вокруг шабоно. Здесь росли тыквы, хлопок и множество целебных трав. Этева говорил, что эту узкую полоску леса расчистили для того, чтобы враги не смогли бесшумно подкрасться к шабоно. Из хижин не доносилось ни одного незнакомого звука. Проходя через площадку к группе людей, сидящих у хижины Арасуве, я не ожидала увидеть Милагроса.

— Белая индеанка, — сказал он по-испански, жестом приглашая меня сесть рядом.

— Ты даже пахнешь, как индеанка.

— Как я рада видеть тебя. Маленький Сисиве сказал, что ты мой брат.

— В миссии я говорил с отцом Кориолано. Милагрос указал на блокноты, карандаши, банки с сардинами, коробки крекеров и сладкие бисквиты, вокруг которых сутились Иतिकотери.

— Отец Кориолано хочет, чтобы я привел тебя в миссию, — задумчиво глядя на меня, произнес Милагрос. Мне не хотелось говорить. Взяв прут, я чертила линии на земле. — Я еще не могу уйти.

— Я знаю, — улыбнулся Милагрос, но не смог скрыть выражение грусти на лице. Он говорил нежным и шутливым тоном.

— Я сказал отцу Кориолано, что у тебя очень много работы. Я уверил его в том, что эта работа очень важна для тебя. Ведь необходимо закончить это замечательное исследование в области антропологии. Я не могла удержаться от смеха. Он говорил, как важный ученый. — И он поверил? Милагрос пододвинул ко мне блокноты и карандаши.

— Я уверил отца Кориолано, что с тобой все в порядке. Из маленького узелка он вытряхнул коробку с тремя кусками мыла «Кэмей». — Он передал это для тебя.

— И что я должна с этим делать? — спросила я, нюхая ароматное мыло.

— Вымойся! — воскликнул Милагрос, как будто действительно поверил, что я забыла, для чего предназначено мыло.

— Дай мне понюхать, — попросила Ритими, вынимая кусок из коробки. Она поднесла его к носу, закрыла глаза и сделала один глубокий вдох.

— Хм. А что ты собираешься этим помыть? — Волосы! — воскликнула я. Я

понадеялась, что мыло сможет уничтожить вшей.

— Я тоже вымою волосы, — сказала Ритими, вода куском по голове.

— Мыло действует только с водой, — объяснила я.

— Нужно пойти к реке.

— К реке! — закричали женщины, которые стояли вокруг и наблюдали за происходящим. Смеясь, мы побежали по тропинке. На нас изумленно смотрели мужчины, возвращавшиеся из садов. Женщины, шедшие с ними, побежали следом за нами к Ритими, которая держала драгоценный кусок мыла в высоко поднятой руке.

— Сперва вам нужно намочить волосы, — выкрикивала я из воды. С сомнением глядя на меня, женщины оставались на берегу. Улыбаясь, Ритими протянула мне мыло. Скоро моя голова покрылась толстым слоем пены. Я усердно терла ее, с удовольствием видя, как грязная пена течет сквозь пальцы по шее, спине и груди. С помощью разбитого калабаша я ополоснула волосы, используя мыльную воду, чтобы вымыть тело. Я начала напевать старую испанскую рекламу мыла «Камей» — одну из тех, которые я любила слушать по радио в детстве.

— Для небесного войска нет ничего лучше, чем мыло «Кэмей»: — Кто следующий? — спросила я, подходя к берегу, где стояли женщины. Я сияла чистотой. Отступив назад, женщины улыбались, но никто не осмеливался войти в воду.

— Я хочу, я хочу! — закричала маленькая Тешома, влетая в воду. Одна из другой, женщины подходили ближе. С благоговением в глазах они внимательно смотрели, как шапка из пены вырастала на голове у ребенка. Я занималась волосами Тешомы, пока не вымыла всю грязь, колючки и насекомых из ее головы. Ритими нерешительно потрогала волосы дочери. Застенчивая улыбка тронула уголки ее рта.

— О-оо, как красиво! — Закрой глаза и не открывай их, пока я не смою все мыло, — предупредила я Тешому. — Закрой их крепче. Если пена попадет в глаза, будет очень больно.

— Для небесного войска, — кричала Тешома, когда мыльная вода потекла у нее по спине. — Нет ничего лучше...

— Она посмотрела на меня: — Спой свою песню снова. Я хочу, чтобы мои волосы стали такого же цвета, как твои.

— Это невозможно, — сказала я.

— Но зато они будут хорошо пахнуть.

— Я следующая, я следующая! — начали кричать женщины. Я вымыла головы двадцати пяти женщинам, всем, за исключением беременных, которые боялись, что волшебное мыло может причинить вред еще не родившимся детям. Однако, не желая оставаться в стороне, беременные женщины решили вымыть свои волосы обычным образом, листьями и илом со дна реки. Для них я тоже спела глупую рекламную песенку. Ко времени, когда все стали чистыми, я охрипла. Мужчины, собравшиеся вокруг хижины Арасуве, все еще слушали рассказ Милагроса о его путешествии. Когда мы уселись позади, они понюхали наши волосы. Старая женщина легла на землю перед молодым человеком, предлагая ему понюхать у нее между ногами.

— Понюхай здесь, я вымылась мылом «Кэмей». Она начала напевать мелодию рекламы. И мужчины и женщины разразились громким хохотом. Все еще смеясь, Этева прокричал: — Бабушка, тебя же никто не захочет, даже если ты вымажешься медом. Ворча, женщина сделала неприличный жест, а потом ушла к себе в хижину.

— Этева, — закричала она из своего гамака, — я видела тебя лежащим между

ногами у старых ведьм похлеще меня. Когда смех утих, Милагрос указал на четыре мачете, лежащих перед ним на земле.

— Твои друзья оставили это в миссии, прежде чем отправиться в город, — сказал он. — Они для тебя. Раздай их. Я беспомощно посмотрела на него.

— Почему так мало? — Потому что я не мог больше нести, — весело проговорил Милагрос. — Не давай мачете женщинам.

— Я отдам их вождю, — сказала я, посмотрев на лица, в ожидании обращенные ко мне. Улыбаясь, я протянула мачете Арасуве. — Мои друзья прислали это для тебя.

— Как ты умна. Белая Девушка, — сказал он, проверяя, остры ли мачете.

— Это я оставлю себе. Одно будет моему брату Ирамамове, который защитил тебя от Мокототери. Одно для сына Хайямы, который кормит тебя. Арасуве посмотрел на Этеву: — Одно должно быть для тебя, в один из праздников я дам мачете твоим женам, Ритими и Тутеми. Они ухаживают за Белой Девушкой как за родной сестрой. На мгновение наступила полная тишина. Потом один из мужчин встал и обратился к Ритими: — Отдай мне твою мачету, я смогу рубить деревья. Ты ведь не делаешь мужскую работу.

— Не давай ему, — запротестовала Тутеми.

— В садах удобнее работать с мачетой, чем с палкой-копалкой. Ритими посмотрела на мачету, подняла его, а потом протянула мужчине.

— Я отдам его тебе. Наихудший грех — не отдать того, что просят другие. Я не хочу закончить в шопаривабе. — Где это? — прошептала я Милагросу.

— Шопаривабе — это как ад у миссионеров. Я открыла одну банку сардин. Сунув одну из серебристых жирных рыбешек в рот, я предложила банку Ритими: — Попробуй одну. Она неуверенно посмотрела на меня. Большим и указательным пальцами она подняла кусок сардины и положила в рот.

— Ух, как противно! — закричала она, выплевывая сардину на землю. Милагрос взял банку из моей руки.

— Сохрани их. Это пригодится на обратном пути в миссию.

— Но я еще не собираюсь возвращаться, — возразила я.

— Они испортятся, если я долго буду их хранить.

— Тебе хорошо было бы возвратиться до начала дождей, — в замешательстве проговорил Милагрос.

— Потом невозможно будет идти по лесу и переправляться через реки. Я самодовольно улыбнулась: — Мне нужно остаться хотя бы до того момента, когда родится ребенок Тутеми, — я была уверена, что ребенок появится во время дождей.

— Что же я скажу отцу Кориолано? — То же, что и раньше, — насмешливо проговорила я.

— Я занимаюсь выдающейся работой.

— Но он ожидает, что ты вернешься до начала дождей, — сказал Милагрос.

— Дожди будут продолжаться не один месяц. Улыбаясь, я взяла коробки с крекерами: — Лучше мы съедим их. Они могут испортиться от сырости.

— Не открывая остальные банки с сардинами, — сказал Милагрос по-испански. — Они не нравятся Итикотери. Лучше я сам съем их.

— А ты не боишься попасть в шопаривабе? Не ответив, Милагрос пустил открытую банку по кругу. Большинство мужчин только понюхали содержимое и сразу же

протягивали банку дальше. Те же, кто отважился попробовать рыбу, сразу же выплевывали. Женщины отказались даже понюхать. Милагрос улыбнулся мне, когда банка возвратилась к нему.

— Им не нравятся сардины. А я не отправлюсь в ад, если съем все сам. Крекеры также не имели успеха ни у кого, кроме нескольких детей, которые любили соль. Но сладкие бисквиты, даже несмотря на то что они слегка прогоркли, были съедены с довольным чавканьем. Ритими присвоила себе все блокноты и карандаши. Она настояла, чтобы я научила ее рисовать узоры, которыми я украшала свой сгоревший блокнот. Она упорно практиковалась в написании испанских и английских слов. Она не понимала, что значит «писать», хотя выучилась рисовать все буквы алфавита, включая несколько китайских иероглифов, которым я узнала на уроках каллиграфии. Ритими они напоминали узоры, которыми она иногда украшала свое тело, предпочитая буквы S и W. В шабоно Милагрос провел несколько недель. Он ходил на охоту с мужчинами и помогал в садах. Однако большую часть времени он проводил лежа в гамаке и бездельничая или играя с детьми. По шабоно постоянно разносился их радостный визг, когда Милагрос высоко подбрасывал младших на руках. По вечерам он развлекал нас рассказами о напе — белых людях, которых он встречал в разных местах и в разное время, о их странных традициях. Термин напе относился ко всем иностранцам, — то есть ко всем, кто не был Яномама. Для Итикотери не существовало различий между национальностями. Для них венесуэльцы, бразильцы, шведы, немцы и американцы, независимо от цвета кожи, были напе. Увиденные глазами Милагроса, эти люди даже мне казались странными. С необыкновенным чувством юмора и с незаурядным даром рассказчика он умел ничего не значащее событие превратить в чудесную сказку. Если ктонибудь из слушателей сомневался в правдивости того, о чем он рассказывал, Милагрос обращался ко мне: — Белая Девушка, ведь я не лгу? Я всегда кивала головой и не возражала, как бы сильно он ни преувеличивал.

Глава 17

Во время работы в саду к нам с Ритими подошла Тутеми.

— Я думаю, мое время пришло, — сказала она, опуская свою наполненную дровами корзину на землю.

— В моих руках нет силы. Я не могу глубоко дышать. И не могу больше легко согнуться.

— Тебе больно? — спросила я, видя появившуюся на лице Тутеми гримасу. Она кивнула.

— Я боюсь. Ритими нежно дотронулась до живота Тутеми, сначала по бокам, потом в центре.

— Ребенок очень сильно бьется. Ему пришло время появиться на свет.

— Ритими повернулась ко мне.

— Сходи за старой Хайямой. Скажи ей, что Тутеми больно. Она знает, что делать.

— Где я вас найду? Ритими указала прямо перед собой. Я побежала через лес, перепрыгивая упавшие стволы, натываясь на колючки, корни и камни.

— Пойдем скорее! — хватая воздух, закричала я перед хужиной Хайямы.

— Тутеми рожает, и ей больно. Захватив бамбуковый нож, бабушка Ритими сперва направилась к старику, живущему в хужине напротив.

— Ты ведь слышал, что сказала Белая Девушка, спросила Хайяма и, увидев что он кивнул, добавила: — Если ты понадобишься, я пошлю ее за тобой. Я шла впереди Хайямы, нетерпеливо ожидая каждые пятьдесят шагов, когда она подойдет. Тяжело опираясь на кусок сломанного лука, она, казалось, двигалась даже медленнее чем обычно.

— А этот старик тоже шапори? — спросила я.

— Он знает все, что нужно, о детях, которые не хотят рождаться.

— Но Тутеми просто больно.

— Если есть боль, — уверенно проговорила Хайяма, — это значит, что ребенок не хочет видеть Солнца.

— Я так не думаю.

— Мне не удалось скрыть поучительный тон.

— Это нормально для первых родов, — утверждала я, как будто действительно знала.

— Белые женщины чувствуют боль, сколько бы детей они ни рождали.

— Так не должно быть, — заявила Хайяма.

— Может быть, белые дети не хотят видеть мир. Приглушенные стоны Тутеми прервали наш спор. Она лежала на подстилке из листьев, разостланной прямо на земле. Вокруг лихорадочно блестящих глаз появились темные тени. На лбу и над верхней губой выступила испарина.

— Вода уже прорвалась, — спокойно сказала Ритими.

— Но ребенок не хочет выходить.

— Давайте уйдем дальше в лес, — умоляла Тутеми.

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь из шабоно слышал мои стоны. Старая Хайяма нежно погладила молодую женщину по голове и вытерла пот на ее лице и шее.

— Сейчас тебе станет легче, — нежно успокаивала она, как будто говорила с ребенком. Всякий раз, когда наступали схватки, Хайяма с силой давила на живот Тутеми. Мне показалось, что прошло очень много времени, прежде чем Хайяма попросила меня позвать старого шапори. Он уже принял эпену, а над костром кипело темное варево. Поковырявшись палочкой в носу, он плеснул немного лекарства на землю.

— Из чего это сделано? — Корни и листья, — ответил он, но не уточнил названия растений. Как только мы пришли, он заставил Тутеми выпить лекарство из тыквенной посуды до последней капли. Пока она пила, он танцевал вокруг нее. Высоким носовым голосом он просил хекуру белой обезьяны освободить шею неродившегося ребенка. Лицо Тутеми понемногу расслабилось, испуг в ее глазах сменился спокойствием.

— Кажется, мой ребенок сейчас родится, — улыбнувшись, сказала она старику. Хайяма поддерживала Тутеми сзади, сложив ее руки вокруг головы. Разбираясь, что — лекарство или танец шамана — вызвало такое быстрое расслабление, я пропустила момент рождения ребенка. Я прикрыла рот рукой, чтобы не закричать, когда увидела, что пуповина обмоталась вокруг шеи мальчика, а его кожа имела лиловый цвет. Хайяма разрешила пуповину, потом положила лист на пупок мальчика, чтобы остановить кровь. Она потерла пальцем детское место, а затем провела им по губам ребенка. — Что она делает? — спросила я Ритими.

— Она проверяет, будет ли ребенок говорить. Прежде чем я успела крикнуть, что

ребенок мертв, по лесу эхом разнесся самый неудержимый человеческий крик, который я когда-либо слышала. Ритими подхватила кричащего ребенка и кивком позвала меня следовать за ней к реке. Набрав в рот воды и подождав немного, пока она согреется, Ритими начала поливать ребенка изо рта. Подражая ей, я помогала отмыть маленькое тело от слизи и крови.

— Теперь у него три матери, — сказала Ритими, протягивая мне ребенка.

— Те, кто моют новорожденного малыша, отвечают за него, если что-нибудь случится с матерью. Тутеми будет счастлива, когда узнает, что ты помогала мыть ее дитя. Ритими помыла илом большой лист платаний, пока я держала мальчика в неуверенных руках. Я никогда раньше не видела новорожденного ребенка. С благоговением смотря на его лиловое сморщенное личико, на его тоненькие ножки, которые он пытался запихнуть себе в рот, я удивлялась, каким чудом он остался жить. Хайяма завернула плаценту в твердый узел из листьев и положила под маленьким навесом, который старик построил под высоким деревом сейба. Ее нужно будет сжечь через несколько недель. Мы забросали землей все следы крови, чтобы дикие животные и собаки не рыскали вокруг. С ребенком на руках Тутеми благополучно шла впереди по тропинке в шабоно. Прежде чем войти в хижину, она положила малыша на землю. Все, кто был свидетелем его рождения, должны были переступить через него три раза. Это означало принятие малыша деревней. Этева даже не выглянул из своего гамака; он оставался в нем с тех пор, как узнал, что его младшая жена рождает. Тутеми вошла в хижину с сыном на руках и села у очага. Сжав грудь, она втокнула сосок в рот ребенку. Мальчик жадно начал сосать, время от времени открывая расфокусированные глаза, как будто старался запомнить этот источник пищи и удовольствия. В этот день родители ничего не ели. На второй и третий день Этева приносил полную корзину мелкой рыбы, которую готовил для Тутеми. После этого оба постепенно вернулись к обычному питанию. На следующий день после рождения ребенка Тутеми начала работать в саду. Малыша она привязывала к себе на спину. Этева же провел в гамаке целую неделю. По поверию, любое физическое усилие с его стороны было вредно для здоровья ребенка. Через девять дней Милагрос попросили проколоть ребенку уши длинными палочками из пальмы раша. Потом он срезал концы палочек у самых мочек и покрыл их смолой, чтобы ребенок не поранился. В тот же день мальчику было дано имя Хоашиве в честь белой обезьяны, которая хотела оставить ребенка в животе у матери. Это было всего лишь прозвище. Ко времени, когда малыш научится ходить, ему дадут настоящее имя.

Глава 18

Было еще светло, когда Милагрос наклонился над моим гамаком. Я почувствовала, как мозолистой рукой он гладит мой лоб и щеки. Он был едва виден в полутьме. Я знала, что он уходит, и ждала, надеясь поговорить, но провалилась в сон, так и не узнав, хотел ли он что-нибудь сказать.

— Дожди скоро придут, — объявил в тот вечер старый Камосиве.

— Я видел, как выросли молодые черепахи. Я слышал голос тумана. Через четыре дня, сразу же после полудня, поднялся ветер. С ужасающей силой он раскачивал деревья, то и дело врывался в хижины, раскачивая пустые гамаки, как лодки во время шторма. Листья с земли поднимались спиралями, которые носились в странном танце, умирая так

же внезапно, как появлялись. Я стояла в центре шабоно и наблюдала, как порывы ветра налетают со всех сторон. Голени облепили куски коры. Затапав ногами, я попыталась сбросить их, но кора держалась так прочно, будто была приклеена. В небе темнели гигантские черные облака. Непрерывный отдаленный рев льющегося дождя становился громче по мере того, как он приближался. По лесу разносились раскаты грома, в полутьме мерцали белые вспышки молний. Из леса постоянно раздавался скрип падающих стволов, сраженных молнией, ему эхом вторил мрачный шум деревьев и кустов. Пронзительно крича, женщины и дети сгрудились в кучу, спрятавшись под покатою тростниковой крышей. Схватив горящую головню, старая Хайяма побежала в хижину Ирамамов. Она начала отчаянно колотить по шестам. — Вставай! — вопила она.

— Твоего отца нет. Вставай! Защити нас от хеку р. Хайяма обращалась к хекуре Ирамамов, потому что сам он вместе с несколькими мужчинами был на охоте. Гром и молнии ушли в сторону, облака над селением рассеялись. Дождь надвинулся широкой полосой, такой плотной, что не было видно соседних хижин. Еще через мгновение небо полностью очистилось от облаков. Старый Камосиве попросил меня пройти с ним, чтобы посмотреть на ревущую реку. Груды земли валялись по берегам, принесенные сюда бушующим ливнем. Повсюду текли ручейки, от которых доносился звук, как от дрожащей тетивы лука. Лес замер. Не было слышно ни птиц, ни насекомых, ни зверей. Внезапно, без всякого предупреждения, на наши головы обрушился оглушительный раскат грома. — Но облаков нет! — закричала я, падая как скошенная на землю.

— Не гневи духов, — предупредил меня Камосиве. Срезав два больших листа, он приказал мне укрыться. Начавшийся с нескольких капель, сильнейший ливень пошел, казалось, прямо с солнца. Порывы ветра сотрясали лес, а пелена темных облаков снова скрыла солнце.

— Грозу вызывают мертвые, чьи кости не были сожжены, чей прах не был съеден, — сказал старый Камосиве.

— Именно эти несчастные духи, не возвратившиеся к своему народу, поднимают облака и собирают их, пока в небе не зажигается огонь.

— Огонь, который наконец сожжет их, — закончила я его предложение.

— О, ты уже начинаешь понимать, — похвалил Камосиве.

— Дожди начались. Теперь ты останешься с нами еще на много дней — и ты многому научишься. Улыбаясь, я кивнула.

— Ты думаешь, Милагрос успел добраться до миссии? Камосиве вопросительно посмотрел на меня, а затем разразился хриплым веселым смехом, смехом очень старого человека, перекликающимся с шумом дождя. У него все еще сохранилась большая часть зубов. Здоровые, но пожелтевшие, они торчали из десен, как куски старой слоновой кости.

— Милагрос не пошел в миссию. Он отправился к своей жене и детям.

— В какой деревне живет Милагрос? — Во многих.

— И у него в каждой жена и дети? — Милагрос — талантливый мужчина, — сказал Камосиве, и в его единственном глазу заплескали хекуры.

— Кое-где у него есть и белые женщины. Я в ожидании посмотрела на Камосиве. Наконец-то появилась возможность узнать что-нибудь о Милагросе! Но старик молчал. Когда он дал мне руку, я поняла, что его ум занят чем-то другим, и начала осторожно массировать узловатые пальцы.

— Старый человек, ты действительно дедушка Милагрос? — спросила я, надеясь вернуть его к разговору о Милагросе. Камосиве внимательно посмотрел мне в глаза, его

единственный сияющий глаз изучал меня, как будто существовал и мыслил отдельно от тела. Что-то бормоча, Камосиве дал мне другую руку. Я без всяких мыслей смотрела в его сияющий глаз, который медленно засыпал, не подчиняясь воле хозяина.

— Интересно, сколько тебе лет на самом деле? Глаз Камосиве остановился на моем лице. Его затуманили воспоминания.

— Если развернуть в линию время, которое я прожил, то можно дотянуться до Луны, — пробормотал Камосиве.

— Вот как я стар. Мы стояли, прикрывшись листьями, и наблюдали за темными облаками, несущимися по небу. Туман опускался на деревья и пропускал серый призрачный свет.

— Дожди начались, — повторил Камосиве, когда мы медленно возвращались в шабоно. Огонь в хижинах больше дымил, чем грел, и дым висел в неподвижном воздухе вместе с капельками воды. Я растянулась в гамаке и уснула, убаюканная звуками леса. Утро было холодным и влажным. Ритими, Тутеми и я весь день провалились в гамаках, ели печеные бананы и слушали стук капель по пальмовой крыше.

— Я думала, что Этева и другие еще прошлой ночью возвратятся с охоты, — бормотала Ритими, время от времени глядя в небо, которое из почти белого постепенно становилось серым. Охотники возвратились далеко за полдень на следующий день. Ирамамове и Этева направились прямо в хижину старой Хайямы, неся ее младшего сына Матуве на носилках из полос коры. Он был ранен упавшей веткой. Мужчины осторожно переложили его в гамак. Нога Матуве безжизненно свисала вниз, из нее торчала лучевая кость. Рваная кожа вокруг раны распухла и приобрела лиловый оттенок.

— Она сломана, — сказала старая Хайяма.

— Она сломана, — повторила я вместе с другими женщинами, собравшимися в хижине. Состояние раненого было безусловно тяжелым. Матуве застонал от боли, когда Хайяма выпрямила его ногу. Ритими поддерживала ее на весу, пока старая женщина готовила повязку из древков сломанных стрел. Хайяма ловко приложила их со всех сторон ноги, сделав прокладки из хлопка между кожей и тростником. Вокруг стрел по всей ноге от голени до середины бедра Хайяма положила свежие полоски тонкой и прочной коры. Тотеми и Шотоми, молодая жена раненого, хихикали всякий раз, когда Матуве стонал. Не то чтобы они развлекались, они старались ободрить и утешить его. — О Матуве, это же не больно, — пыталась убедить его Шотоми.

— Вспомни, как ты радовался, когда кровь текла из твоей головы после удара дубинкой на последнем празднике.

— Не двигайся, — велела Хайяма сыну. Закрепив тонкую лиану на одной из стрел, она обмотала ею ногу от голени до бедра и таким образом зафиксировала повязку.

— Сейчас ты не можешь двигать ногой, — сказала Хайяма, с удовлетворением разглядывая свою работу. Примерно через две недели Хайяма сняла повязку. Опухоль прошла, а нога, бывшая прежде лилового цвета, стала зеленовато-желтой. Легко проведя рукой вдоль кости, она объявила: — Срослось, — и начала массировать ногу, поливая теплой водой. Каждый день в течение месяца она делала одну и ту же процедуру: массировала ногу, а потом снова накладывала повязку.

— Кость уже полностью срослась, — наконец сказала Хайяма, разломав шину на мелкие куски. — Но я не могу двигать ногой, — в страхе запротестовал Матуве.

— Я не могу ходить как прежде. Хайяма успокоила его, объяснив, что колено не разгибается оттого, что нога так долго была в одном положении.

— Я буду делать тебе массаж, пока ты не сможешь ходить как раньше. С дождями пришло ощущение спокойствия, безвременья, день и ночь плавно переходили друг в друга. В садах никто много не работал. Бесконечные часы мы проводили, лежа или сидя в гамаках и общаясь тем странным образом, которым люди общаются во время дождей: с длинными паузами и бессмысленными взглядами вдаль. Ритими решила научить меня плести корзины. Я выбрала, как мне казалось, самый простой вид — большую U-образную корзину, которую используют для переноски дров. Женщины получили массу удовольствия, наблюдая за моими неуклюжими попытками перенять простую технику плетения. Потом я сконцентрировала усилия на плетении того, что, по моему мнению, было наиболее необходимо, — широкой дискообразной корзины, используемой для хранения фруктов или разделения пепла и костей после сжигания мертвых. Хотя я была очень довольна конечным результатом, мне пришлось согласиться со старой Хайямой, что мое изделие не найдет применения у Иतिकотери. Слушая ее, я вспомнила, что у меня была школьная подруга, которая хотела научить меня вязать. Полностью расслабившись, глядя телевизор, разговаривая или ожидая встречи, она всегда вязала; у нее была масса красивых свитеров, перчаток и шапочек. Я же напряженно сидела рядом с ней, зажав плечи и пальцы, держа спицы в дюйме от глаз, постоянно проверяя, не потеряла ли петлю. Конечно, я была не готова заниматься плетением. Каждый должен попробовать как минимум три раза, убедила я себя и начала делать корзину для ловли рыбы.

— О-хо-хо, Белая Девушка, — безудержно смеялась Шотоми.

— Эта корзина снова недостаточно плотно переплетена.

— Она сунула пальцы между прутьями лозы на дне.

— Рыба проскользнет сквозь эти отверстия. Наконец я ограничила себя простой задачей расщеплять кору и ветви, используемые для плетения, на тонкие полосы. Эта работа получалась хорошо, и я решила сделать гамак. Я выбрала полосы длиной около семи футов, крепко связала концы и переплела поперек тонкой полоской из той же коры. Потом я закрепила плетение ветвями лиан и хлопковыми нитями, которые выкрасила в красный цвет оното. Ритими была так очарована гамаком, что повесила его Этеве.

— Этева, я сделала тебе новый гамак, — сказала я, когда он возвратился после работы в садах. Он скептически посмотрел на меня.

— И ты думаешь, что он меня выдержит? Я шелкнула языком от удовольствия, показывая, как прочно закреплены концы. Он неуверенно сел в гамак.

— Кажется, выдержит, — произнес он, растянувшись во весь рост. Я услышала скрежет лианы по столбу и, прежде чем успела предупредить, Этева вместе с гамаком оказался на земле. Ритими, Тутеми, Арасуве со всеми своими женами, наблюдавшие за нами из соседней хижины, покатались от хохота, немедленно собрав большую толпу. Шлепая друг друга по плечам и бедрам, они смеялись все сильнее и сильнее. Позже я спросила Ритими, можно ли все-таки пользоваться этим гамаком.

— Безусловно, — сказала она, и в ее глазах засияла детская улыбка. Она уверила меня, что Этева совсем не расстроился.

— Мужчины любят, когда женщине удастся их провести. Хотя я серьезно сомневалась, что Этева действительно доволен этим происшествием, он, конечно же, не злился на меня. Он объявил всему шабоно, как чудесно отдыхать в новом гамаке. Меня стали осаждать просьбами. Иногда я делала по три гамака в день. Несколько мужчин помогали мне доставать хлопок, который они отделяли от коробочек и семян. С помощью палки они заплетали волокна в нить и соединяли нити в крепкую пряжу, которая прочно соединяла полосы коры в гамаке. С готовым гамаком, висющим на руке, я вошла в хижину

Ирамамове.

— Ты собираешься делать стрелы? — спросила я. Он поднялся, держась за шест, а потом подтянулся на одной из балок крыши.

— Этот гамак мне? — он протянул мне тростник, взял гамак, привязал и уселся в него.

— Хорошо сделано.

— Я сделала его для твоей старшей жены, — сказала я.

— Я сделаю и тебе, если ты научишь меня, как делать стрелы.

— Сейчас не время делать стрелы, — заявил Ирамамове.

— Я только проверяю, сухой ли тростник на древки.

— Он весело взглянул на меня и засмеялся.

— Белая Девушка хочет делать стрелы! — прокричал он высоким голосом.

— Я научу ее и возьму с собой на охоту. Все еще смеясь, он предложил сесть рядом.

Он положил древки на землю и разобрал их по размеру.

— Длинные — лучше всего для охоты. Короткие же — для ловли рыбы и для уничтожения врагов. Только самые лучшие стрелки могут всегда использовать длинные стрелы. Они часто трескаются, и их путь трудно определить. Ирамамове разобрал короткие и длинные древки.

— Сюда я надену наконечники, — он указал на один конец тростниковых палочек. Он крепко связал их хлопковой нитью и к другому концу смолой приклеил и закрепил ниткой разрезанные пополам перья.

— Некоторые охотники украшают свои стрелы собственными узорами. Я делаю так только во время войны: мне нравится, когда враг знает, кто его убил. Как и большинство мужчин Итикотери, Ирамамове был великолепным рассказчиком. Он оживлял свои истории точным звукоподражанием, драматическими жестами и паузами. Шаг за шагом он проводил слушателя по тропам охоты: как впервые замечал зверя, как, прежде чем выпустить стрелу, он дул на нее растертыми корнями одного из своих магических растений, чтобы дать стреле силу. Потом, рассказывал он, уверившись, что стрела не ошибется в достижении цели, он настигал непокорное животное. Остановив на мне взгляд, он вывалил содержимое колчана на землю и принялся подробно рассказывать все о наконечниках.

— Этот из пальмового дерева, — сказал он, протягивая мне гладкий кусок древесины.

— Он сделан из склеенных щепок. По кругу вырезан желобок, который смазывают мамукори. Они разламываются в теле животного. Это лучшие наконечники для охоты на обезьян.

— Он улыбнулся, а потом добавил: — И конечно же, для врагов. Потом он достал длинный и широкий наконечник с зазубринами по краям, украшенный извивающимися линиями.

— Этот хорош для охоты на ягуаров и тапиров. Возбужденный лай собак, смешанный с криками людей, прервал рассказ Ирамамове. Я побежала вслед за ним к реке. В воде нашел себе убежище муравьед размером с маленького медведя. Он спасался от преследования псов. Этева и Арасуве ранили животное в шею, живот и спину. Поднявшись на задние лапы, он отчаянно размахивал в воздухе передними, вооруженными мощными когтями.

— Хочешь достать его моей стрелой? — спросил Ирамамове. Не в силах оторвать взгляд от длинного языка муравьеда, я затрясла головой, не понимая, говорит он серьезно или шутит. С языка животного капала клейкая жидкость с мертвыми муравьями. Стрела Ирамамове поразила муравьеда в крошечное ухо, и он мгновенно умер. Мужчины набросили веревки на массивное тело и вытащили на берег, где Арасуве разделал животное так, чтобы мужчины могли унести тяжелые куски мяса в шабоно. Один из мужчин обжег шерсть, а потом положил мясо на деревянную платформу, сооруженную над огнем. Хайяма завернула внутренности в листья пишаанси и положила свертки на угли.

— Муравьед! — кричали дети и, хлопая руками от удовольствия, танцевали вокруг огня.

— Подождите, пока приготовится, — предупреждала детей старая Хайяма, когда один из них потянулся за куском.

— Вы заболаете, если съедите мясо, которое не до конца приготовлено. Его следует готовить до тех пор, пока сок не перестанет течь сквозь листья. Первой была готова печень. Прежде чем дети приступили к ней, Хайяма отрезала мне небольшой кусок. Печень была мягкой, сочной и неприятно пахла, как будто была приправлена испортившимся лимонным соком. Потом Ирамамове принес мне кусок жареной задней ноги. — Почему ты не захотела испытать мою стрелу? — спросил он.

— Я могла попасть в одну из собак, — уклончиво ответила я, жуя жесткое мясо с сильным запахом. Я посмотрела в глаза Ирамамове, не зная, догадывается ли он, что я не хочу, чтобы меня даже отдаленно сравнивали с Имаваами, женщиной-шаманом, которая знала, как призывать хекур, и охотилась как мужчина. Ненастными вечерами мужчины принимали эпену и пели, прося хекуру анаконды обернуться вокруг деревьев и не позволить ветру сломать стволы. Во время одной из самых сильных бурь старый Камосиве посыпал свое сморщенное тело пеплом. Хриплым голосом он призывал дух паука, его собственную хекуру, раскинуть охраняющую паутину над растениями в садах. Неожиданно он повысил голос и запел резко и пронзительно, как длиннохвостый попугай.

— Однажды я был похож на старого ребенка и забрался на самое высокое дерево. Я понял, что превратился в паука. Почему вы прервали мой мирный сон? Камосиве поднялся с колен и нормальным голосом продолжал: — Паук, я хочу, чтобы ты ужалил хекур, которые уничтожают растения в наших садах. Он расхаживал по шабоно и выдувал эпену из своей трубки на все вокруг, упрашивая паука ужалить духов-разрушителей. На следующее утро мы с Камосиве отправились в сады. Улыбаясь, он указал мне на маленьких волосатых пауков, суеющих над плетением паутины. На тонких серебристых нитях блестели капли воды, в солнечном свете похожие на изумруд. По замершему лесу мы прошли к реке. Присев рядом, мы молча смотрели на сломанные лианы, деревья и кучи листьев, сорванные безудержным потоком. По возвращении в шабоно Камосиве пригласил меня к себе в хижину разделить коронное блюдо — жареных муравьев, залитых медом. В дождливые вечера любимым занятием женщин было распевать песни, высмеивающие ошибки мужей. Если женщина намекала, что мужчине лучше управляться с корзиной, чем с луком и стрелами, сразу же возникал спор. Такие споры всегда превращались в коллективное обсуждение, в котором все шабоно принимало активное участие. Временами, когда после окончания спора проходило уже несколько часов, кто-то выкрикивал свежую мысль по поводу обсуждавшейся проблемы, и перебранка тут же возобновлялась.

Часть пятая

Глава 19

Едва солнце хоть немного пробивалось сквозь тучи, я вместе с жителями деревни отправлялась работать на огороды. Выпалывать сорняки из влажной земли было намного легче, но у меня и на это не хватало сил. Подобно старому Камосиве, я просто стояла посреди остролистой маниоки и впитывала солнечный свет и тепло. Считая птиц, бывало целыми днями не появлявшихся в небе, я тосковала по жарким сухим дням. После стольких недель затяжных дождей я страстно желала, чтобы солнце светило подольше и рассеяло туман. Однажды утром у меня так закружилась голова, что я не смогла подняться из гамака. Пригнув голову к коленям, я подождала, пока пройдет эта дурнота. Но сил, чтобы поднять голову и ответить на встревоженные расспросы Ритими, у меня уже не нашлось, и ее слова потонули в мощной волне назойливого шума. Должно быть, это река, подумала я. До нее было рукой подать, но я понимала, что источник шума где-то в другом месте. Изю всех сил, словно от этого зависела моя жизнь, я старалась сообразить, откуда же доносится этот шум. А зарождался он во мне самой. Целыми днями я не слышала ничего, кроме несмолкающей барабанной дробы в голове. Я хотела открыть глаза. И не могла. Сквозь прикрытые веки я видела, как звезды в небе, вместо того чтобы гаснуть, разгораются все ярче. При мысли о том, что надвигается вечная ночь, а я все глубже погружаюсь в мир теней и бессвязных сновидений, меня охватила паника. Мимо меня, маша руками с подернутого туманом берегов, проплывали Ритими, Тутеми, Этева, Арасуве, Ирамамове, Хайяма, старый Камосиве. Иногда они перепрыгивали с облака на облако, разгоняя туман густыми метлами из листьев. Но стоило мне их окликнуть, как они таяли в этом тумане. Временами сквозь ветки и листву я видела красно-желтое сияние солнца. Но, через силу открывая глаза, я понимала, что это всего лишь отблески костра, пляшущие под пальмовой крышей.

— Белым людям, когда они болеют, нужна еда, — явственно слышался громкий голос Милагроса. И я чувствовала, как он, прижавшись своими губами к моим, проталкивает мне в рот разжеванный кусок мяса. В другой раз я узнала голос Пуривариве: — Люди болеют от этой их одежды.

— И я чувствовала, как он стаскивает с меня одеяло.

— Я должен ее охладить. Принесите мне с реки белого ила.

— И я чувствовала, как смыкаются вокруг тела руки, покрывая меня илом с головы до ног. Он начинал высасывать из меня злых духов, и его губы оставляли на коже прохладный след. Часы сна и бодрствования заполнял голос шапори. Стоило мне взглянуть, как из тьмы выплывало его лицо. Я слышала песню его хекуры. Я чувствовала, как острый клюв колибри рассекает мне грудь. Потом клюв превратился в луч света. Но не

солнечного и не лунного, а в ослепительное сияние глаз старого шапори. Он велел мне заглянуть в самую глубину его черных зрачков. Глаза ей), казалось, лишены были век и доходили до висков. Они были полны пляшущих птиц. Это глаза безумца, подумала я. Я видела, как его хекуры повисли в капельках росы, как они пляшут в блестящих глазах ягуара, я пила водянистые слезы эпены. Сильное щекотание в горле заставило желудок сжаться в тугой комок, пока меня не вырвало водой. Она потоком хлынула прочь из хижины, прочь из шабоно и дальше по тропе к реке, тая в ночи, полной дыма и заклинаний. Открыв глаза, я села в гамаке и увидела, как Пуривариве выбегает из хижины. Словно призывая всю энергию звезд, он широко распахнул руки в ночь. Потом, оглянувшись на меня, он сказал:

— Ты будешь жить. Злые духи покинули твое тело.

— С этими словами он скрылся в ночной тьме. Миновало несколько бурных грозowych недель, и пошли ровные дожди, поведение которых почти всегда можно было предсказать. После хмурых туманных рассветов по предполуденному небу плыли белые пушистые облачка. Спустя несколько часов над шабоно собирались тучи. Они нависали так низко, что, казалось, цеплялись за деревья, зловещей тенью покрывая небеса. Затем начинался сильнейший ливень, который переходил в изморось и нередко тянулся далеко за полночь. По утрам, когда не было дождя, я не слишком утруждала себя работой на огородах, а обычно шла с детьми на болота, образовавшиеся по берегам реки. Там мы ловили лягушек и выковыривали из-под камней крабов. Стоя на четвереньках, ребяташки чутко ловили каждый звук, каждое движение и молниеносно атаковали зазевавшихся лягушек. С глазами, почти прозрачными в рассеянном свете дня, мальчишки и девчонки, словно какие-то злые гномики, ловко затягивали волоконные петли на лягушачьих шеях, пока не стихало последнее кваканье. С самодовольной улыбкой, свойственной только детям, не осознающим собственной жестокости, они разрывали лягушку за лапы, чтобы вытекла вся кровь, считавшаяся ядовитой. Сняв шкурку, дети заворачивали свою

добычу в листья пишаанси и жарили ее на костре. С гарниром из маниоковой каши получался настоящий деликатес. Я обычно просто сидела на камне среди высоких побегов молодого бамбука и смотрела, как вереницы черных и желтых навозных жуков осторожно и почти незаметно ползли вверх и вниз по светло-зеленым стеблям. В своих сверкающих обсидианом и золотом доспехах они казались существами из иного мира. В утреннем безветрии в бамбуковой поросли стояла такая тишина, что было слышно, как жуки высасывают сок из нежных побегов. Однажды утром Арасуве присел у моего изголовья. Лицо его от высоких скул до нижней губы, оттопыренной табачной жвачкой, светилось радостью. Сетка морщин вокруг его глаз стала еще заметнее, придавая улыбке задушевную теплоту. Я не сводила взгляда с его толстых ребристых ногтей, пока он ловил в пригоршню последние капли меда из калабаша. Он протянул мне ладонь, и я сунула палец в мед.

— Лучшего меда, чем этот, я давно не ела, — сказала я, с наслаждением облизывая палец.

— Ты можешь отправиться со мной вниз по реке, — предложил Арасуве и объяснил, что собирается вместе с двумя женами и двумя младшими зятьями, одним из которых был Матуве, отправиться на заброшенный огород, где пару месяцев назад они срубили несколько пальм, чтобы добыть вкусную пальмовую сердцевину. — Помнишь, как тебе понравились хрустящие побеги? — спросил он.

— А теперь в срубленных стволах, должно быть, полно жирных личинок. Пока я

раздумывала, как ему объяснить, что личинки мне нравятся далеко не так, как пальмовые побеги, рядом со мной присела Ритими. — Я тоже пойду на огороды, — сказала она.

— Я должна присматривать за Белой Девушкой. Арасуве громко высморкался и расхохотался.

— Дочь моя, мы поплывем в каноэ. Я думал, ты не особенно любишь путешествовать по воде.

— В любом случае это лучше, чем топать через заболоченный лес, — задиристо ответила Ритими. В конце концов Ритими пошла с нами вместо одной из жен Арасуве. Пройдя немного вдоль берега, мы вышли к насыпи, где в густых зарослях было спрячено длинное каноэ.

— Оно похоже на длинное корыто, в котором вы готовите суп, — заметила я, подозрительно рассматривая сделанное из коры суденышко. Арасуве с гордостью пояснил, что и то, и другое изготавливается по одной технологии. Оббивствол большого дерева твердыми дубинками, с него цельным куском снимают кору. Затем для придания гибкости края этого куска прогревают над костром, чтобы можно было сложить их вместе и сжать в форме тупоносой посуды, после чего края сшиваются лианами. Для большей устойчивости в лодку вставляется прочный деревянный каркас. Мужчины столкнули каноэ в воду. Ритими, я и вторая жена Арасуве с хихиканьем забрались в лодку. Боясь перевернуть это плавучее корыто, я так и осталась сидеть на корточках, и, орудуя шестом, Арасуве вывел каноэ на середину реки. Повернувшись спиной к теще, оба молодых зятя постарались сесть от нее как можно дальше. Я недоумевала, зачем Арасуве вообще взял их с собой. Общение с матерью жены считалось для мужчины кровосмесительным грехом, особенно если та была еще в сексуальноактивном возрасте. Мужчины, как правило, всячески избегали общения со своими тещами вплоть до того, что даже не смотрели на них. И уж ни при каких обстоятельствах они не называли их вслух по имени. Течение подхватило нас и понесло по мутной бурлящей реке. На прямых участках вода немного успокаивалась, и в ней с резкой отчетливостью возникали отражения стоящих по берегам деревьев. Всматриваясь в зеркальное отражение листвы, я воображала, будто мы разрезаем лодкой затейливо сплетенное кружево. В лесу царила тишина. Лишь изредка мы замечали парящую в небе птицу. Ни разу не взмахнув крыльями, она, казалось, спала в воздухе. Путешествие по реке закончилось неожиданно быстро. Арасуве причалил каноэ к небольшому песчаному лоскутку среди черных базальтовых камней.

— Дальше придется идти пешком, — сказал он, глядя в возвышающийся перед нами лес. — А как же каноэ? — спросила я.

— Надо же перевернуть его вверх дном, чтобы послеполуденный дождь не залил его водой. Арасуве почесал голову и расхохотался. Уже не раз он говорил мне, что я слишком самоуверенна в суждениях, причем отнюдь не потому, что я женщина, а потому, что слишком молода. Старики, независимо от пола, пользовались уважением и глубоко почитались. У юнцов же всячески отбивали охоту высказывать свое мнение вслух.

— На обратном пути лодка нам не понадобится, — сказал Арасуве.

— Слишком тяжело толкать каноэ шестом против течения.

— Кто же доставит ее обратно в шабоно? — не удержалась я от вопроса, боясь, что нам придется ее нести.

— Никто, — успокоил он меня.

— Лодка годится только чтобы плыть по течению.

— И Арасуве, усмехнувшись, перевернул ее вверх дном.

— Может, она еще пригодится кому-нибудь, чтобы плыть вниз. Я с удовольствием расправила затекшие ноги, и мы молча зашагали по мокрому заболоченному лесу. Передо мной шел худощавый и длинноногий Матуве. Колчан так низко висел у него за спиной, что подпрыгивал, ударяясь о ягоды. Я стала тихо насвистывать, и Матуве оглянулся. При виде его нахмуренного лица меня разобрал смех и появилось жуткое искушение треснуть его колчаном по ягодицам.

— Тебе не нравится твоя теща? — не удержавшись, поддразнила я его. Матуве робко улыбнулся и залился румянцем от того, что у меня хватило нахальства назвать при нем тещу по имени.

— Ты разве не знаешь, что мужчине нельзя ни смотреть, ни разговаривать, ни приближаться к теще? В тоне его послышалась обида, и мне стало как-то неловко.

— Я этого не знала, — солгала я. Прибыв на место, Ритими стала уверять, что это тот самый заброшенный огород, куда они с Тутеми привели меня при первой встрече в лесу. Я же ничего не узнавала. Все так заросло дикими травами, что я с большим трудом отыскивала хижину, стоявшие, как я помнила, под банановыми деревьями. Подсекая с помощью мачете высокую траву, мужчины стали искать поваленные пальмовые стволы. Затем, разрубив их, начали вынимать гниющую сердцевину и разламывать ее на куски. Ритими и жена Арасуве радостно взвизгнули при виде копошащихся личинок, которые были величиной с мячик для пингпонга. Присев на корточки рядом с мужчинами, они принялись откусывать личинкам головы, заодно вытаскивая их внутренности. Белые тельца выкладывались на листья пишаанси. Если Ритими случалось повредить личинку, что происходило довольно часто, она тут же ее съедала, причмокивая губами от удовольствия. Несмотря на насмешливые уговоры помочь в обработке личинок, я не могла заставить себя даже прикоснуться к этим извивающимся тварям, не говоря уже о том, чтобы откусывать им головы. Одолжив у Матуве его мачете, я нарезала банановых листьев, чтобы накрыть крыши истрепанных непогодой хижин. Как только на костре поджарилась часть собранных личинок, Арасуве позвал меня. — Ешь, — велел он, подвинув ко мне сверток.

— Тебе нужна жирная еда. Последнее время ты мало ела, поэтому у тебя и был понос, — добавил он тоном, не допускавшим возражений. Я покорно улыбнулась и с решимостью, которой на самом деле у меня не было, раскрыла тугой сверток. Сморщенные беловатые личинки плавали в жире, от них шел запах поджаренного бекона. Поглядывая на остальных, я сначала облизала лист пишаанси, потом осторожно положила в рот

личинку. Вкус ее удивительно напоминал пережаренный жир новогоднего окорока. А когда наступили сумерки и мы устроились на ночлег в наспех почищенной хижине, Арасуве вдруг торжественно объявил, что мы должны вернуться в шабоно.

— Ты хочешь идти ночью? — недоверчиво переспросил Матуве.

— Мы же еще хотели накопать утром корней.

— Нельзя нам здесь оставаться, — твердил свое Арасуве.

— Костями чувствую, что в шабоно что-то должно случиться. Закрыв глаза, он покачал головой взад-вперед, словно эти медленные ритмичные движения могли подсказать ему, что делать дальше.

— К рассвету мы должны вернуться в шабоно, — решительно заявил он. Ритими

разложила по нашим корзинам около сорока фунтов личинок, добытых мужчинами в гнилых пальмовых стволах, оставив на мою долю самую меньшую часть. Арасуве и оба его зятя взяли из костра полуобгоревшие головни, и мы гуськом тронулись в путь. Чтобы импровизированные факелы не погасли, мужчины то и дело с силой дули на них, разбрызгивая в сырой темноте целый дождь искр. Временами сквозь листву проглядывала почти полная луна, высвечивая тропу призрачным голубовато-зеленым сиянием. Высокие стволы, подобно столбам дыма, растворялись в насыщенном влагой воздухе, словно стремясь вырваться из объятий лиан и свисающих отовсюду растений-паразитов. И только верхушки деревьев отлично просматривались на фоне бегущих облаков. Арасуве часто останавливался, прислушиваясь к малейшему шороху, настороженно вглядываясь в темноту. Он глубоко втягивал воздух, раздувая ноздри, словно мог почувствовать еще что-нибудь помимо запаха сырости и тления. Он оглянулся на нас, женщин, и в глазах его мелькнула тревога. И я подумала, что в памяти его, должно быть, пронеслись сейчас воспоминания о набегах, засадах и еще Бог весть каких опасностях. Я, однако, не слишком долго задумывалась над причинами озабоченности вождя, поскольку из всех сил старалась не спутать выпирающие из земли корни гигантских сейб с телом какой-нибудь анаконды, мирно переваривающей тапира или пекари. Арасуве забрел в мелкую речушку и приложил ладонь к уху, как будто стремясь уловить малейший шум. Ритими шепнула, что ее отец вслушивается в отголоски речных струй, в бормотание духов, которым ведомо все о подстерегающих нас впереди опасностях. Затем Арасуве опустил ладони на поверхность воды и секунду подержал в руках лунное отражение. Чем дальше мы шли, тем больше луна превращалась в затуманенное и едва различимое световое пятно. И я подумала, что, может быть, это облака стараются не отставать от нас, идущих навстречу рассвету.

Мало-помалу смолкли птички и обезьяньи голоса, стих ночной ветерок, и я уже знала, что рассвет совсем рядом. Мы пришли в шабоно в ту предрассветную пору сероватых сумерек, когда уже не ночь, но еще и не утро. Многие Итикотери еще спали. Те, кто уже был на ногах, приветствовали нас, удивляясь, как быстро мы вернулись. Радуюсь, что опасения Арасуве не оправдались, я улеглась в гамак. Меня разбудила, подсев мой гамак, Шотоми.

— Съешь быстренько вот это, — велела она, подавая мне печеный банан. — Вчера я видела рыбу, которую ты больше всего любишь.

— И, не дожидаясь, пока я скажу, что устала и не смогу пойти, она подала мой маленький лук и короткие стрелы. При мысли о том, что можно будет полакомиться рыбой вместо личинок, всю мою усталость как рукой сняло.

— Я тоже хочу пойти, — сказал малыш Сисиве, увязываясь за нами. Мы направились вверх по течению, где река образовывала широкие заводи. Не слышно было ни шороха листвы, ни птиц, ни лягушек. Присев на камне, мы смотрели, как первые солнечные лучи просачиваются сквозь окутанный туманом лиственный шатер. Словно нити, прoderнутые в кисейной пелене, тонкие лучики пронизывали темные глубины речной заводи.

— Я что-то слышал, — прошептал Сисиве, схватив меня за руку.

— Я слышал, как треснула ветка.

— Я тоже слышала, — тихо сказала Шотоми. Я не сомневалась, что это не лесной зверь, а человек осторожно пробирался по лесу и остановился, наступив на ветку. — Вот он! — крикнул Сисиве, показывая на другой берег.

— Это враг, — добавил он и во всю прыть помчался в шабоно. Вцепившись мне в руку, Шотоми потащила меня в сторону. Я оглянулась, но увидела на другом берегу только покрытые росой колючие заросли. В тот же момент Шотоми пронзительно вскрикнула. В ее ногу вонзилась стрела. Теперь уже я потащила ее в кусты, окружавшие тропу, заставляя ползти все дальше, пока мы совершенно не скрылись в чаще. — Мы подождем, пока не придут Итикотери и не выручат нас, — сказала я, осматривая ее ногу. Шотоми утирала ладонью катящиеся по щекам слезы.

— Если это набег, то мужчины останутся в шабоно. чтобы защищать женщин и детей.

— Они придут, — сказала я с уверенностью, которой не испытывала.

— Малыш Сисиве побежал за подмогой.

— Зазубренный наконечник прошел ей икру насквозь. Я сломала стрелу, вытащила наконечник из страшновато выглядывшей раны, которая кровоточила с обеих сторон, и перевязала ей ногу своими трусиками. Кровь тут же стала просачиваться сквозь тонкий трикотаж. Испугавшись, что стрела может быть отравленной, я осторожно сняла импровизированную повязку и еще раз обследовала рану, чтобы убедиться, не почернела ли она. Ирамамове как-то объяснял мне, что рана, нанесенная отравленной стрелой, непременно чернеет. — Не думаю, чтобы наконечник был смазан мамукори, — сказала я.

— Да, я это тоже заметила, — сказала она, слабо улынувшись. Склонив голову набок, она знаком велела мне помолчать.

— По-твоему, он был не один? — прошептала я, услышав, как снова треснула ветка. Шотоми подняла на меня расширенные от страха глаза. — Они обычно не ходят поодиночке.

— Не будем же мы сидеть здесь, как лягушки, — с этими словами я взяла лук и стрелы и тихонько подползла к тропе. — Эй, ты, покажись, трусливая обезьяна! Ты подстрелил женщину! — заорала я не своим голосом и добавила то, что сказал бы на моем месте всякий воин Итикотери: — Только попадись на глаза — убью на месте. Примерно в двадцати футах от меня из-за листвы высунулась измазанная черной краской физиономия. Волосы этого типа были мокрые. На меня вдруг напал дурацкий смешок, — мне было совершенно ясно, что он не купался, а просто поскользнулся, переходя реку вброд, так как воды в ней было всего по пояс. Я прицелилась в него из лука и на минуту растерялась, не зная, что еще сказать.

Брось оружие на тропу, — наконец крикнула я и добавила: — Мои стрелы смазаны самым лучшим мамукори, какой делают Итикотери. Бросай оружие. Я целюсь тебе в живот, где гнездится смерть. Широко раскрыв глаза, словно перед ним явилось привидение, человек вышел на тропу. Он был ненамного выше меня ростом, но более плотного телосложения. В руках он крепко сжимал лук и стрелы.

— Брось оружие на землю, — прикрикнула я, топнув ногой. Медленно и настороженно мужчина положил лук и стрелы перед собой на тропу.

— Зачем ты стрелял в мою подругу? — спросила я, увидев, что Шотоми выползает из зарослей.

— Я не хотел стрелять в нее, — ответил тот, не сводя глаз с окровавленной рваной повязки на ноге Шотоми. — Я хотел попасть в тебя.

— В меня! — онемев от бессильной ярости, я несколько раз открыла и закрыла рот,

не в силах выговорить ни слова. Когда, наконец, ко мне вернулся дар речи, я разразилась мощным потоком брани на всех известных мне языках, в том числе и на языке Итикотери, богатом самыми сочными ругательствами. Человек замер передо мной в полном оцепенении, явно потрясенный не столько нацеленной в него стрелой, сколько моей площадной руганью. Ни он, ни я даже не заметили подошедших Этеву и Арасуве.

— Трусливый Мокототери, — сказал Арасуве.

— Мне бы надо убить тебя на месте.

— Он хотел убить меня, — прохрипела я. Вся моя отвага улетучилась, и меня заколотила дрожь. — Он ранил Шотоми в ногу.

— Я не хотел тебя убивать, — сказал Мокототери, умоляюще глядя на меня.

— Я только хотел ранить тебя в ногу, чтобы ты не смогла убежать.

— Он повернулся к Арасуве.

— Ты можешь не сомневаться в моих добрых намерениях; на моих стрелах нет яда.

— Тут он посмотрел на Шотоми.

— Я ранил тебя случайно, когда ты потащила Белую Девушку в сторону, — пробормотал он, словно еще не веря, что промазал.

— Сколько вас здесь еще? — спросил Арасуве, ощупывая рану дочери, но ни на секунду не спуская глаз с Мокототери. И, выпрямившись, добавил:

— Ничего страшного. — Еще двое.

— Мокототери издал крик какой-то птицы, и ответные крики не заставили себя ждать.

— Мы хотели похитить Белую Девушку. Наш народ хочет, чтобы она жила у нас в шабоно. — А как, по-вашему, я бы туда дошла, если бы вы меня ранили? — спросила я.

— Мы понесли бы тебя в гамаке, — не задумываясь ответил мужчина и улыбнулся. Вскоре из зарослей вынырнули еще двое Мокототери. При виде меня они заулыбались, нисколько не смущенные и не напуганные тем, что были пойманы с поличным.

— Вы давно здесь? — спросил Арасуве.

— Мы выслеживали Белую Девушку несколько дней, — ответил один из них. — Мы знаем, что она любит ходить с детьми охотиться на лягушек.

— Тут он повернулся ко мне, улыбаясь от уха до уха: — В окрестностях нашего шабоно лягушек хоть пруд пруди.

— А почему вы так долго выжидали? — спросил Арасуве. Воин совершенно искренне признался, что я постоянно находилась в окружении женщин и детей. Он надеялся захватить меня на рассвете, когда я пойду по нужде в кусты, так как слышал, что я предпочитаю уходить одна подальше в лес.

— Но мы ни разу не видели, чтобы она уходила. Арасуве и Этева взглянули на меня с усмешкой, словно ожидая объяснений по этому поводу. Я в свою очередь уставилась на них. С тех пор как начались дожди, я стала замечать все больше змей в местах, отведенных для отправления естественных нужд, и я отнюдь не собиралась рассказывать им, куда хожу. С таким же энтузиазмом, словно рассказывая увлекательную историю, Мокототери принялся объяснять, что они вовсе не собирались ни убивать кого-нибудь из Итикотери, ни похищать их женщин. — Мы хотели только забрать Белую Девушку.

— И сквозь смех он добавил: — Вот бы все вы удивились, если бы Белая Девушка вдруг бесследно исчезла. Арасуве признал, что это действительно была бы ловкая проделка.

— Но мы бы все равно знали, что это дело рук Мокототери. Вы были настолько беспечны, что оставили в грязи отпечатки ног. Обходя окрестности шабоно, я видел множество следов того, что здесь побывали Мокототери. А вчера ночью я уже не сомневался, что здесь что-то неладно, — потому и вернулся так быстро со старых огородов.

— Арасуве немного помолчал, словно желая, чтобы сказанное получше дошло до всех троих, и заявил: — Если бы вы похитили Белую Девушку, мы устроили бы набег на вашу деревню, забрали ее обратно, да прихватили бы еще и ваших женщин. Мужчина, ранивший Шотоми в ногу, подобрал с земли лук и стрелы.

— Я думал, что сегодня как раз подходящий случай. С Белой Девушкой была только одна женщина и ребенок. — Тут он с беспомощным видом взглянул на меня.

— Но я ранил не ее, а другую. Должно быть, в вашей деревне живут очень сильные хекуры, которые оберегают Белую Девушку. — Он недоверчиво pokrutil головой и взглянул на Арасуве.

— Почему у нее мужское оружие? Мы как-то видели ее на реке с другими женщинами, и она стреляла там в рыбу, как мужчина. Мы не знали, что о ней думать. Потому-то я в нее и не попал. Я уже просто не знал, что она такое. Арасуве велел всем троим идти в шабоно. Абсурдность всей этой ситуации поразила меня до глубины души, и расхохотаться мне не позволяла только рана Шотоми, хотя губы все равно расползались в судорожной улыбке. Я старалась напустить на себя серьезный вид, но уголки рта то и дело предательски подергивались. Я взялась было нести Шотоми на спине, но она так смеялась, что нога ее снова начала кровоточить.

— Будет легче, если я просто обопрусь о тебя, — сказала она.

— Нога уже не так сильно болит.

— Эти Мокототери теперь наши пленники? — спросила я. Какое-то время она смотрела на меня непонимающими глазами и наконец сказала:

— Нет, в плен берут только женщин.

— Тогда что с ними сделают в шабоно? — Их накормят.

— Но они же враги. — сказала я.

— Они ранили тебя в ногу и должны быть наказаны. Шотоми снова посмотрела на меня, словно отчаявшись заставить меня что-либо понять, и спросила, убила бы я Мокототери, если бы тот не бросил оружие. — Конечно, убила бы, — сказала я громко, чтобы услышали мужчины.

— Я бы убила их своими отравленными стрелами. Арасуве и Этева оглянулись. Их суровые лица растаяли в улыбке. Они-то знали, что на моих стрелах яда нет.

— Это точно, она бы всех вас перестреляла, — обратился Арасуве к Мокототери.

— Белая Девушка не то, что наши женщины. Белые скоры на расправу. А я задумалась, смогла бы я в самом деле выпустить стрелу в Мокототери. Во всяком случае я бы уж точно врезала ему ногой в пах или живот, если бы он не бросил оружия. Я отлично понимала, что пытаться победить более сильного противника было бы чистым безумием, но я не видела причин, почему, уступая в росте и силе, нельзя захватить нападающего врасплох резкой оплеухой или ударом ноги. Это наверняка дало бы мне время убежать. Внезапный удар ногой вывел бы Мокототери из строя даже надежнее, чем лук и стрелы. И при этой мысли у меня стало спокойнее на душе. В шабоно нас встретили мужчины Итикотери с натянутыми луками. Женщины и дети попрятались в хижинах. Ко

мне подбежала Ритими: — Я знала, что у тебя все будет в порядке, — сказала она, помогая мне донести свою сводную сестру до хижины Хайямы. Бабка Ритими промыла ногу теплой водой, затем присыпала рану порошком эпены.

— Теперь ложись в гамак и лежи смирно, — сказала она девочке.

— А я принесу немного листьев, чтобы обернуть твою рану. В полном изнеможении я пошла прилечь в свой гамак и, надеясь уснуть, подтянула повыше его края. Однако вскоре меня разбудил смех Ритими. Склонившись надо мной, она стала покрывать мое лицо звучными поцелуями. — Я слышала, как ты перепугала Мокототери.

— А почему спасти меня пришли только Арасуве и Этева? — спросила я. — Ведь этих Мокототери могло быть и больше.

— Да мой отец и муж вовсе и не ходили тебя спасать, — чистосердечно призналась Ритими. Она поудобнее устроилась в моем гамаке и принялась объяснять, что никто в шабоно даже не знал, что мы с Шотоми и малышом Сисиве пошли ловить рыбу. Арасуве и Этева наткнулись на нас с Шотоми по чистой случайности. Арасуве, следуя своим предчувствиям, отправился на разведку по окрестностям шабоно сразу же после ночного перехода. Хотя у него и были подозрения, что творится что-то неладное, он наверное не знал, что поблизости от деревни околачиваются Мокототери. Ее отец, заявила Ритими, всего лишь исполнял обязанности вождя и проверял, нет ли где следов пребывания чужаков. Подобную задачу вождь должен выполнять лично, поскольку желающих составить ему компанию в таком опасном деле не находилось. Лишь в последнее время я начала понимать, что хотя Милагрос и представил мне Арасуве как вождя Итикотери, титул этот был довольно сомнительным. Власть вождя была ограниченной. Он не носил никаких знаков, отличающих его от прочих мужчин, а в принятии важных решений принимали участие все взрослые мужчины деревни. И даже если решение было принято, каждый мужчина волен был поступать, как ему заблагорассудится. Авторитет Арасуве основывался на его обширных родственных связях. Его братья, многочисленные сыновья и зятья придавали ему вес и оказывали поддержку. До тех пор пока его решения устраивали жителей шабоно, его авторитет не подвергался сомнению.

— А как с ним вместе оказался Этева? — Ну, это вообще было совершенно случайно, — смеясь, ответила Ритими.

— Он, видимо, возвращался с тайного свидания с какой-нибудь женщиной шабоно и натолкнулся на своего тестя. — Ты хочешь сказать, что никто не пришел бы нас спасать? — изумилась я.

— Узнав, что поблизости враг, мужчины никогда не станут выходить из шабоно. Слишком легко угодить в засаду. — Но нас же могли убить! — Женщин убивают очень редко, — убежденно заявила Ритими.

— Они бы захватили вас в плен. Но тогда наши мужчины совершили бы набег на деревню Мокототери и привели бы тебя обратно, — утверждала она с поразительным простодушием, словно все это было в порядке вещей.

— Но они же ранили Шотоми в ногу, — я уже чуть не плакала.

— И они хотели покалечить меня.

— Это все потому, что они не знали, как тебя захватить, — сказала Ритими, обнимая меня руками за шею.

— Они знают, как обращаться с индейскими женщинами. Нас очень легко похищать. А с тобой Мокототери совершенно сбились с толку. Можешь радоваться. Ты храбрая, как настоящий воин. Ирамамове убежден, что у тебя есть особые хекуры, которые тебя

оберегают, и что они настолько сильны, что даже отклонили выпущенную в тебя стрелу, и та попала в ногу Шотоми.

— А что сделают с Мокототери? — спросила я, заглядывая в хижину Арасуве. Трое мужчин, рассевшись в гамаках, словно гости, ели печеные бананы.

— Вы как-то странно обходитесь с врагами.

— Странно? — недоуменно взглянула на меня Ритими.

— Мы обходимся с ними как надо. Разве они не раскрыли свои планы? Арасуве очень рад, что они провалились. Ритими заметила, что все трое, возможно, пробудут какое-то время у Итикотери, особенно если они подозревают о вероятности набега на их деревню со стороны ее соплеменников. Еще со времен ее деда и прадеда, а то и раньше, два эти шабоно устраивают набеги друг на друга. Ритими притянула мою голову к себе и прошептала на ухо: — Этева давно уже мечтает отомстить этим Мокототери.

— Этева! Но он же был так рад пойти к ним на праздник, — изумилась я.

— Мне казалось, он хороню к ним относится. Арасуве, я знаю, считает их вероломной публикой, и даже Ирамамове. Но Этева! Он ведь с таким удовольствием пел и плясал у них на празднике.

— Я тебе уже говорила, что на праздники ходят не только петь и плясать, но и выведать чужие планы, — прошептала Ритими и с серьезным видом добавила: — Этева хочет, чтобы его враг думал, будто он не собирается мстить за отца. — Мокототери убили его отца? Ритими прикрыла мне ладонью рот.

— Давай не будем об этом говорить. Вспоминать человека, убитого во время набега, — это не к добру.

— А что, разве готовится набег? — успела я спросить, прежде чем Ритими заткнула мне рот печеным бананом. Она только улыбнулась и ничего не ответила. При одной мысли о набеге мне стало не по себе, и я чуть не подавилась этим бананом. До сей поры набеги представлялись мне чем-то ушедшим в далекое прошлое. Несколько раз я расспрашивала о них Милагроса, но тот отделялся туманными фразами. И только теперь я подумала, что в голосе Милагроса звучал оттенок сожаления, когда он говорил, что миссионерам удалось положить конец междеревенским распрям.

— Что, готовится набег? — спросила я вошедшего в хижину Этеву. Он посмотрел на меня, сурово нахмутив брови.

— Нечего женщинам задавать такие вопросы.

Глава 20

Уже начинало темнеть, когда в шабоно явился Пуривариве. Я не видела его со времени своей болезни, с той самой ночи, когда он стоял посреди поляны с руками, с мольбой распахнутыми во тьму. От Милагроса я узнала что шесть дней и ночей подряд старый шапори принимал эпену. Старик чуть не сломался под бременем духов, которых призвал в свою грудь, но продолжал упорно молить их о моем исцелении от приступа тропической лихорадки. Ритими особо отметила, что главная трудность с моим исцелением заключалась в том, что हेкуры не любят, когда их призывают в сезон дождей.

— Тебя спасла только хекура колибри, — объясняла она.

— Дух колибри, хоть и маленький, но могущественный. Искусный шапори призывает его как крайнее средство. Я без всякого энтузиазма выслушала заверения обнимавшей меня за шею Ритими насчет того, что случись мне умереть, моя душа не отправилась бы скитаться по лесу, а мирно вознеслась бы в Дом Грома, ибо тело мое было бы сожжено, а истолченные в порошок кости съела бы она и вся ее родня. Я вышла на поляну к Пуривариве и, присев рядом с ним, сказала: — Я уже выздоровела. Он поднял на меня мутные, почти сонные глаза и погладил по голове. Его темная маленькая ладонь двигалась проворно и легко, хотя казалась тяжелой и неповоротливой. Едва заметная тень нежности смягчила его черты, но он не произнес ни слова. Интересно, подумала я, знает ли он, что во время болезни я почувствовала, как клюв колибри рассекает мне грудь. Об этом я не рассказывала никому. Вокруг Пуривариве собралась группа мужчин с лицами и телами, раскрашенными черной краской. Они вдули друг другу в нос эпену и стали слушать его заклинания, которыми он молил хекур покинуть свои убежища в горах. В слабом свете очагов черные мужские фигуры все больше походили на тени. Они тихо вторили песнопениям шамана. Во все убыстряющемся темпе невнятной скороговорки постепенно нарастала мощь и угроза, и я почувствовала, как по спине у меня пробежал холодок. Вернувшись в хижину, я спросила Ритими, что это за обряд исполняют мужчины.

— Они направляют хекур в деревню Мокототери убивать врагов.

— И враги действительно умрут? Подтянув колени, она вперила задумчивый взгляд в крошечную черноту безлунного и беззвездного неба над пальмовой крышей и тихо сказала: — Умрут. В полной уверенности, что настоящего набега так и не будет, я засыпала и просыпалась под пение заклинаний. Я не столько слышала, сколько зримо представляла себе звуковые образы, которые взлетали и падали, уносясь с дымом очагов. Прошло несколько часов. Я поднялась и села у хижины. Почти все мужчины разошлись по своим гамакам. На поляне осталось лишь десять человек, в том числе Этева. Закрыв глаза, они вторили песне Пуривариве. В пропитанном сыростью воздухе слова доносились четко и внятно: Следуй за мной, следуй за моим видением. Следуй за мной над вершинами деревьев. Взгляни на птиц и мотыльков; таких красок ты никогда не увидишь на земле. Я возношусь на небеса к самому Солнцу. Песню шапори внезапно прервал один из мужчин. С криком: — Меня ударило солнце — жжет глаза! — он вскочил и беспомощно оглянулся в темноте. Ноги его подкосились, и он с глухим ударом рухнул на землю. Никто словно ничего и не заметил. Голос Пуривариве звучал все требовательнее, словно в стремлении возвысить всех мужчин до представленного им образа. Он снова и снова повторял свою песню тем, кто еще оставался рядом. Чтобы мужчины не заплутали в тумане своих видений, он предупредил их, что на пути к Солнцу в лесных дебрях и сплетении корней их подстерегают острые копыта бамбуковых листьев и ядовитые змеи. Но больше всего он убеждал мужчин не впадать в сонное забытие, а шагнуть из тьмы ночи в белую тьму солнца. Он обещал им, что их тела пропитаются жаром хекур, & глаза их засияют драгоценным солнечным светом. Я просидела у хижины до тех пор, пока заря не стерла с земли остатки сумерек, и в надежде обнаружить какоенибудь явное свидетельство их путешествия к Солнцу, стала переходить от одного мужчины к другому, пристально

вглядываясь в их лица. Пуривариве провожал меня полными любопытства глазами и с насмешливой улыбкой на изрезанном морщинами лице.

— Ты не найдешь видимых следов того, что они летали к Солнцу, — сказал он, словно читая мои мысли.

— Глаза их тусклы и красны от бессонной ночи, — добавил он, указывая на мужчин, тупо уставившихся в пустоту и совершенно безразличных к моему присутствию.

— Драгоценный свет, отражение которого ты ищешь в их зрачках, сияет теперь у них внутри. И видят его только они сами. И не дав мне спросить о его путешествии к Солнцу, он вышел из шабоно и скрылся в лесу. В последовавшие за этим дни в деревне воцарилось мрачное тягостное настроение. Поначалу я лишь смутно чувствовала, а затем уже не могла отделаться от уверенности, что от меня намеренно скрывают приближение некоего события. Я стала угрюмой, замкнутой и раздражительной. Пытаясь перебороть ощущение отчужденности, я старалась скрыть свои дурные предчувствия, но меня словно осаждали некие не поддающиеся определению силы. Если я спрашивала Ритими или любую другую женщину, не надвигаются ли какие-то перемены, они даже не реагировали на мой вопрос и вместо этого затевали разговор о каком-нибудь дурацком случае в надежде меня рассмешить.

— На нас готовится набег? — наконец спросила я у Арасуве в один прекрасный день. Он повернул ко мне озабоченное лицо, словно пытался, но не мог разобрать мои слова. Я сконфузилась, разнервничалась и чуть не заплакала. Я сказала ему, что не такая уж я дура, чтобы не замечать, что мужчины постоянно находятся в боевой готовности, а женщины боятся ходить одни на огороды или рыбную ловлю.

— Почему никто мне не может сказать, что происходит? — выкрикнула я.

— А ничего такого и не происходит, — спокойно ответил Арасуве и, закинув руки за голову, поудобнее растянулся в гамаке. Он тут же заговорил на совершенно постороннюю тему, то и дело посмеиваясь по ходу рассказа.

Но меня это не успокоило. Я не стала смеяться вместе с ним, не стала даже слушать его слов и, к его полному изумлению, сердито потопала в свою хижину. Целыми днями я чувствовала себя несчастной, то обижаясь на всех, то жалея себя. Я стала плохо спать. Я постоянно твердила себе, что ко мне, полностью принявшей новый образ жизни, ни с того ни с сего стали относиться как к чужой. Я злилась и считала себя обманутой. Я не могла смириться с тем, что Арасуве не захотел доверить мне свою тайну. Даже Ритими не проявляла особой охоты меня успокоить. Я страстно желала, чтобы здесь оказался Милагрос. Уж он бы наверняка развеял все мои тревоги. Уж он бы все мне рассказал. Однажды ночью, когда я еще не совсем впала в сонное забытие, а витала где-то между сном и явью, на меня обрушилось внезапное озарение. И пришло оно не в словах, но преобразилось в целую последовательность мыслей и воспоминаний, вспыхивавших передо мной яркими образами, и все вдруг предстало в истинном свете. Меня охватило ликование. Я расхохоталась с облегчением, переросшим в настоящее веселье. Я слышала, как мой смех эхом разносится по всем хижинам. Сев в гамаке, я увидела, что почти все Итикотери хохочут вместе со мной. Арасуве присел у моего гамака.

— Тебя не свели с ума лесные духи? — спросил он, взяв мою голову в ладони.

— Свели, — все еще смеясь, ответила я и заглянула в его глаза; они блестели в темноте. Я обвела глазами Ритими, Тутеми и Этеву, стоявших возле Арасуве с заспанными любопытными лицами, раскрасневшимися от смеха. Из меня бесконечным потоком

попились слова, громоздясь друг на дружку с поразительной быстротой. Я заговорила по-испански, и не потому что хотела что-то скрыть, а потому что на их языке мои объяснения не имели бы никакого смысла. Арасуве и все остальные слушали так, словно все понимали, словно чувствовали, как мне необходимо избавиться от царившего во мне смятения. А я, наконец, осознала, что для них я и есть чужачка, и мои требования быть в курсе таких дел, о которых Итикотери не говорят даже в своем кругу, были вызваны только моим повышенным самомнением. И уж в совершенно несносное существо превратила меня мысль о том, что меня оставляют в стороне, не подпускают к чему-то такому, что я имею полное право знать. Это свое право знать я не подвергала ни малейшему сомнению, и это делало меня несчастной, лишало всех тех радостей, которыми я так дорожила прежде. Угрюмость и подавленность находились не вне, а внутри меня и как-то передавались в шабоно и к его жителям. Мозолистая ладонь Арасуве легла на мою тонзуру. Я несколько не стыдилась своих чувств и с радостью поняла, что только я сама могу возродить ощущение чуда и волшебства от пребывания в другом мире.

— Вдуй-ка мне в нос эпену, — велел Арасуве Этеве.

— Я хочу убедиться, что злые духи не тронут Белую Девушку. Я услышала бормотание, тихий ропот голосов, приглушенный смех, и под монотонное пение Арасуве погрузилась в спокойный сон, как не спала уже много дней. Маленькая Тешома, которая уже давненько не забиралась ко мне в гамак, разбудила меня на рассвете.

— Я слышала, как ты смеялась вчера среди ночи, — сказала она, уютно прижимаясь ко мне.

— Ты не смеялась так давно, и я боялась, что ты больше никогда не засмеешься. Я заглянула в ее блестящие глазенки, словно могла найти в них ответ, который позволил бы мне в будущем избавляться с помощью смеха от всех душевных смут и тревог. Непривычная тишина глухой пеленой опускалась на шабоно по мере того, как вокруг нас гущались ночные сумерки. Я уже почти засыпала под убаюкивающее прикосновение пальцев Тутеми, искавших вшей у меня в волосах. Крикливая болтовня женщин, занятых приготовлением ужина и кормлением младенцев, истаяла до шепота. Словно по чьему-то безмолвному приказу, ребятишки прекратили свои шумные вечерние забавы и собрались в хижине Арасуве послушать сказки старого Камосиве. Он, казалось, был совершенно увлечен собственными речами, драматически жестикулируя по ходу повествования. Но глаз его внимательно следил за длинными клубнями батата, зарытыми в горячие угли. С благоговейным трепетом я смотрела, как старик голыми руками вытаскивает клубни из огня и, не дожидаясь, пока те остынут, отправляет их в рот. Со своего места я видела над верхушками деревьев луну на ущербе, которую то и дело закрывали бредущие по небу и светившиеся прозрачной белизной облака. Внезапно тишину ночи пронзил жуткий вопль — нечто среднее между визгом и рычанием. В тот же момент из темноты возник Этева с лицом и телом, раскрашенным в черный цвет. Он встал перед кострами, горящими в центре деревенской поляны, и застучал луком о стрелы, подняв их над головой. Я не видела, из чьей хижины появились остальные, но рядом с Этевой, с такими же черными лицами, на поляне встали еще одиннадцать мужчин. Арасуве подровнял шеренгу, пока все не выстроились в одну линию, и, поправив последнего, сам встал в строй и запел низким гнусавым голосом. Последнюю строку песни все подхватили хором. В этой приглушенной гармонии я различала каждый голос в отдельности, не понимая ни слова. Чем дольше они пели, тем большая, казалось, их охватывала ярость. В конце каждой песни они издавали самые свирепые вопли, которые я когда-либо слышала. Как ни странно, мне стало казаться, что чем громче они вопят, тем дальше уходит их ярость, как будто она перестала

быть частью их раскрашенных в черное тел. Внезапно они смолкли. Неверный свет костров подчеркивал гневное выражение их застывших, похожих на маски лиц и лихорадочный огонь в глазах. Я не видела, подал ли Арасуве какую-то команду, но они рывкнули в один голос: — С какой радостью увижу я, как моя стрела вонзается в тело врага. С какой радостью увижу я, как его кровь хлынет на землю. Держа оружие высоко над головами, воины сломали строй, собрались в тесный кружок и стали что-то выкрикивать, сначала тихо, затем такими пронзительными голосами, что меня мороз продрал по коже. Затем они снова смолкли, и Ритими шепнула мне на ухо, что мужчины вслушиваются в эхо своих криков, чтобы определить, с какой стороны оно вернулось. Эти отголоски, пояснила она, приносят с собой духов врага. Завывая и стуча оружием, мужчины пустились вскачь по поляне, но Арасуве их успокоил. Еще дважды они собирались в тесный кружок и орали во всю мочь. Затем, вместо того чтобы направиться в лес, как я ожидала и боялась, мужчины подошли к хижинам, стоящим у самого входа в шабоно. Там они легли в гамаки и вызвали у себя рвоту.

— Зачем они это делают? — спросила я у Ритими.

— Когда они пели, они пожирали своих врагов, — пояснила она.

— А теперь им надо избавиться от гнилого мяса. Я вздохнула с облегчением, хотя и была неожиданно для себя разочарована тем, что набег состоялся лишь символически. Незадолго до рассвета меня разбудили плач и стенания женщин, и я стала тереть глаза, чтобы удостовериться, что не сплю. Время словно остановилось, потому что мужчины стояли на поляне в той же самой стройной шеренге, что и глубокой ночью. Их крики утратили прежнюю свирепость, как будто женский плач смягчил их гнев. Забросив банановые гроздья, сложенные у входа в шабоно, себе на плечи, они с театральной торжественностью зашагали по тропе в сторону реки. Мы со старым Камосиве в отдалении последовали за мужчинами. Я подумала было, что начинается дождь, но это была лишь роса, капающая с листка на листок. На мгновение мужчины замерли, и их тени четко обозначились на светлом прибрежном песке. Полумесяц уже прошел свой небесный путь и слабо мерцал в туманном воздухе. Мужчины скрылись с глаз, и песок словно всосал их тени. Я слышала только удаляющийся в глубину леса шорох листьев и треск веток. Туман сомкнулся вокруг нас непроницаемой стеной, будто ничего и не произошло, будто все увиденное было всего лишь сном. Присев возле меня на камень, старый Камосиве чуть тронул мою руку.

— Я уже не слышу эха их шагов, — сказал он и медленно побрел в воду. Дрожа от холода, я пошла за ним. Я чувствовала, как мелкая рыбешка, прятаясь в корнях под водой, тычется мне в ноги, но в темной воде ничего не было видно. Пока я досуха вытирала Камосиве листьями, он тихо посмеивался.

— Смотри, какой сикомасик, — радостно заметил он, указывая на белые грибы, растущие на гнилом стволе дерева. Я собрала их для него и завернула в листья. Поджаренные на костре, они считались большим деликатесом, особенно среди стариков. Камосиве протянул мне кончик своего сломанного лука, и я вытащила его на скользкую тропу, ведущую к шабоно. Туман не поднимался весь день, словно солнце побоялось оказаться свидетелем перехода мужчин через лес.

Глава 21

Маленькая Тешома села рядом со мной на поваленное дерево в зарослях бамбуковой травы.

— Ты не будешь ловить лягушек? — спросила я. Она подняла на меня жалобный взгляд. Ее глаза, обычно такие блестящие, потускнели и медленно налились слезами.

— Что ты так загрустила? — спросила я, беря ее на руки. Плачущих детей всегда старались как можно быстрее утешить, опасаясь, что их душа может вылететь через рот. Взяв ее на закорки, я отправилась в шабоно.

— Ты такая тяжелая, как целая корзина спелых бананов, — попыталась я рассмешить ее. Но девочка даже не улыбнулась. Ее личико прижималось к моей шее, а слезы горохом катились у меня по груди. Я бережно уложила ее в гамак, но она крепко вцепилась в меня, заставив лечь рядом. Вскоре она уснула, но очень беспокойным сном. Время от времени она вздрагивала всем телом, словно в лапах какого-то жуткого кошмара. С подвязанным к спине младенцем Тутеми в хижину вошла Ритими. Взглянув на спящую рядом со мной девочку, она залилась слезами.

— Я уверена, что какой-нибудь злой шапори этих Мокототери выманил ее душу прочь.

— Ритими заходила в таких душераздирающих рыданиях, что я оставила Тешому и подседа к ней. Я не знала толком, что ей сказать. Я не сомневалась, что Ритими плачет не только из-за маленькой дочери, но и изза Этевы, который вот уже неделя, как ушел с отрядом воинов в набег.

После ухода мужа она стала сама не своя: перестала работать на огородах, ни с кем из женщин не ходила в лес за ягодами и дровами. Бесцельно и подавленно она целыми днями бродила по шабоно. Большую часть времени она лежала в гамаке, играя с ребенком Тутеми. Как бы я ни старалась ее подбодрить, мне не удавалось стереть жалкое выражение с ее лица. Скорбная улыбка, которой Ритими отвечала на все мои усилия, придавала ей еще более унылый вид. Обняв за шею, я расцеловала ее в обе щеки и стала уверять, что у Тешомы самая обыкновенная простуда. Но утешить Ритими было невозможно. Рыдания не принесли ей ни облегчения, ни усталости, а лишь углубили ее отчаяние.

— Вдруг что-нибудь случилось с Этевой, — говорила она.

— Вдруг какой-нибудь Мокототери убил его.

— Ничего с твоим Этевой не случилось, — заявила я.

— Костями чувствую. Ритими слабо улыбнулась, как бы сомневаясь в моих словах.

— Почему же тогда моя дочурка заболела? — Тешома заболела потому, что простыла, играя с лягушками на болотах, — заявила я сухим деловым тоном.

— Дети очень быстро заболевают и так же быстро выздоравливают. — А ты уверена, что это так и есть? — Совершенно уверена, — ответила я. Ритими с сомнением посмотрела на меня и сказала: — Но ведь больше никто из детей не заболел. Я знаю, что Тешому околдовали. Не зная, что ответить, я решила, что лучше всего будет позвать дядю Тешомы, и спустя минуту вернулась вместе с Ирамамове. На время отсутствия своего брата Арасуве Ирамамове исполнял обязанности вождя. Его храбрость делала его самым подходящим человеком для защиты шабоно от возможного нападения. Его же репутация

шамана обеспечивала деревне защиту от злых хекур, насланных вражескими колдунами. Ирамамове посмотрел на девочку и попросил меня принести его тростинку для эпены и сосуд с галлюциногенным порошком. Одному из юношей он велел вдуть зелье ему в ноздри и запел заклинания к хекурам, расхаживая перед хижинкой из стороны в сторону. Время от времени он высоко подпрыгивал, крича на злых духов, которые, как он полагал, угнездились в теле ребенка, чтобы те оставили Тешому в покое. Затем Ирамамове стал осторожно массировать девочку, сначала голову, потом грудь, живот и так до самых ног. Он то и дело встряхивал руками, сбрасывая злых хекур, которых вытаскивал из Тешомы. Еще несколько мужчин вдохнули эпену и вместе с Ирамамове пели заклинания ночь напролет. А он попеременно то массировал ее тельце, то высасывал хворь из него. Тем не менее девочке и на другой день не стало лучше. С покрасневшими и отекавшими глазами она неподвижно лежала в гамаке, ничего не хотела есть и отказалась даже от воды с медом, которой я пыталась ее напоить. Ирамамове определил, что ее душа покинула тело, и принялся строить в центре поляны помост из шестов и лиан. К своим волосам он прикрепил листья пальмы ассаи; глаза и рот обвел кругами из пасты оното, смешанной с углем. Пустившись вскачь вокруг помоста, он стал имитировать крики гарпии. Затем веткой с куста, растущего поблизости от шабоно, он стал тщательно мести землю, пытаясь найти затерявшуюся душу ребенка. Не найдя ее, он собрал вокруг себя несколько маленьких приятелей Тешомы, точно так же разукрасил их волосы и лица и поднял их на помост.

— Внимательно осмотрите землю сверху, — велел он детям.

— Отыщите душу вашей сестры. Подражая крикам гарпии, дети запрыгали на шатком помосте. Ветками, которые подали им женщины, они стали разметать воздух, но и им не удалось отыскать потерянную душу. Взяв ветку, поданную мне Ритими, я вместе с остальными взялась за поиски. Мы дочиста вымели тропинки к реке, к огородам и на болота, где Тешома ловила лягушек. Ирамамове поменялся со мной ветками.

— Ты принесла ее в шабоно, — сказал он.

— Может, ты отыщешь ее душу.

Не задумываясь о бессмысленности этой затеи, я смела землю так же старательно, как и все остальные.

— А откуда известно, что душа где-то недалеко?— спросила я Ирамамове, когда мы возвращались по своим следам обратно в шабоно.

— Просто известно, и все, — ответил он. Мы обыскали каждую хижину, чисто вымели под гамаками, вокруг каждого очага и за сложенными в кучи бананами. Мы сдвигали прислоненные к покатым крышам луки и стрелы. Мы разогнали всех пауков и скорпионов из их убежищ в пальмовых крышах. Я прекратила поиски, лишь когда увидела змею, выскользнувшую из-за стропил. Рассмеявшись, старая Хайяма ловким ударом мачете отсекла змее голову, завернула извивающееся обезглавленное тело в листья пишаанси и сунула в огонь. Хайяма подобрала также свалившихся на землю пауков. Они тоже были завернуты в листья и изжарены. Старикам особенно нравились их нежные брюшки. Лапки Хайяма приберегла, чтобы размолоть их позже в порошок, который, как считалось, лечит порезы, укусы и царапины. К вечеру состояние Тешомы несколько не улучшилось. Она неподвижно лежала в гамаке, уставясь пустыми глазами в пальмовую крышу. Меня охватило чувство неопишуемой беспомощности, когда Ирамамове снова склонился над ребенком, чтобы массировать и высасывать из нее злых духов.

— Позволь мне попытаться вылечить ребенка, — сказала я. Ирамамове едва заметно

улыбнулся, переводя глаза то на меня, то на Тешому.

— А с чего ты взяла, что сможешь вылечить мою внучатую племянницу? — спросил он в глубокой задумчивости. В его тоне не было насмешки, одно лишь смутное любопытство.

— Мы не отыскиали ее душу. Какой-то могущественный вражий шапори выманил ее прочь. Ты думаешь, что сможешь противостоять заклятию злого колдуна? — Нет, — поспешно заверила я его.

— Это можешь только ты.

— Что же ты тогда будешь делать? — спросил он.

— Ты однажды сказала, что никогда никого не исцеляла. Почему же ты думаешь, что сейчас тебе это удастся? — Я помогу Тешоме горячей водой, — сказала я.

— А ты исцелишь ее своими заклинаниями к хекурам. Ирамамове на минуту задумался; затем постепенно лицо его смягчилось. Он прикрыл ладонью рот, будто удерживаясь от смеха.

— Ты многому научилась у тех шапори, которых знала? — Я помню кое-что из их методов лечения, — ответила я, не упомянув, однако, что средство, которое предназначалось Тешоме, применяла моя бабушка, когда не удавалось сломить лихорадку.

— Ты сказал, что видел хекур у меня в глазах. Если ты будешь петь им заклинания, то, может быть, они мне помогут. Легкая улыбка появилась и задержалась на губах Ирамамове. Казалось, мои доводы почти убедили его. Тем не менее он с сомнением покачал головой.

— Так исцеление не делается. Как я могу просить, чтобы хекуры помогли тебе? Ты тоже хочешь принять эпену? — Это мне не понадобится, — заверила я его и заметила, что если могущественный шапори может приказать своим хекурам похитить душу ребенка, тогда такой искусный колдун, как он, вполне может приказать своим духам, которые, как он считает, со мной уже знакомы, чтобы те пришли мне на помощь. — Я призову хекур помочь тебе, — объявил Ирамамове.

— Я приму эпену вместо тебя. Пока один из мужчин вдувал галлюциноген в ноздри Ирамамове, Ритими, Тутеми и жены Арасуве принесли мне полные калабаши горячей воды, которую старая Хайяма нагрела в больших алюминиевых котелках. Я намочила свое разрезанное одеяло в горячей воде и, пользуясь штанинами джинсов вместо перчаток, выжала каждую полоску ткани, пока в ней не осталось ни капли влаги. Потом я осторожно обернула ими все тело Тешомы и накрыла прогретыми над огнем пальмовыми листьями, нарезанными по моей просьбе кем-то из подростков. Я с трудом могла перемещаться по хижине, куда набилась целая толпа народу. Они молча следили за каждым моим движением, внимательно и настороженно, чтобы не упустить ни единой мелочи. Сидя рядом со мной на корточках, Ирамамове без устали бросал в ночь свои заклинания. Час проходил за часом, и люди постепенно разошлись по гамакам. Нимало не обескураженная их неодобрением, я продолжала сменять остывающие компрессы. Ритими молча сидела в своем гамаке. Ее сплетенные пальцы безвольно лежали на коленях в жесте полнейшего отчаяния. Всякий раз, поднимая на меня глаза, она заливалась слезами. Тешома, казалось, никак не реагировала на мои хлопоты. Что если у нее не простуда, а что-то другое? Что если ей станет хуже? Уверенность моя заколебалась, и я с таким жаром стала бормотать молитвы за нее, с каким не молилась с самого детства. Подняв глаза, я натолкнулась на взгляд Ирамамове. Он был встревожен, словно понимал сумятицу противоречивых влияний, одолевающих меня в эту минуту, — колдовства, религии и страха. Затем с

прежней решимостью он стал петь дальше. К нам присоединился старый Камосиве, присев на корточки у очага. Предраассветная прохлада еще не вползла в хижину, но сам по себе горящий огонь заставил его инстинктивно придвинуться к нему поближе. Он тоже завел тихую песню. Его журчащий голос успокоил меня; он, казалось, принес с собой голоса ушедших поколений. Дождь, поначалу решительно и энергично забарабанивший по пальмовой крыше, затем ослабел до легкой измороси, которая погрузила меня в какое-то оцепенение. Уже почти светало, когда Тешома заметалась в гамаке, нетерпеливо срывая мокрые куски одеяла и обернутые вокруг нее пальмовые листья. Широко раскрыв глаза от удивления, она села и улыбнулась старому Камосиве, Ирамамове и мне, сгрудившимся у ее гамака.

— Я хочу пить, — сказала она и одним глотком выпила всю поданную воду с медом.

— Она поправится? — неуверенно спросила Ритими.

— Ирамамове заманил ее душу обратно, — сказала я.

— А горячая вода переломила ее лихорадку. Теперь ей нужно только тепло и спокойный сон. Я вышла на поляну и распрямила затекшие ноги. Опирающийся о палку старый Камосиве тесно прижал локти к груди, чтобы сохранить тепло. Он был похож на ребенка. Ирамамове остановился

рядом со мной по дороге в свою хижину. Не было сказано ни слова, но я точно знала, что мы пережили момент абсолютного взаимопонимания.

Глава 22

Едва заслышав приближающиеся шаги, Тутеми знаком велела мне пригнуться к покрытым плесенью листьям тыквенной лианы.

— Это отряд, уходивший в набег, — шепнула она.

— Женщинам не полагается видеть, с какой стороны возвращаются воины. Не в силах совладать с любопытством, я потихоньку встала на ноги. Вместе с мужчинами шли три женщины, одна из них была беременна. — Не смотри, — взмолилась Тутеми, потянув меня вниз.

— Если увидишь тропу, по которой возвращались участники набега, тогда тебя захватят враги.

— До чего же все-таки украшают мужчин эти яркие перья, которые струятся их наручных повязок, да еще эта сплошная раскраска пастой оното, — сказала я и тут же в смятении заметила: — Но Этевы среди них нет! Как по-твоему, его не могли убить? — Тутеми ошеломленно уставилась на меня. Без малейшего намека на нервозность она чуть отвела в сторону широкие листья лианы, чтобы взглянуть на удаляющиеся фигуры. На ее встревоженном лице вспыхнула улыбка, и она схватила меня за руку.

— Смотри, вон Этева.

— И она притянула к себе мою голову, чтобы я тоже увидела.

— Он, унукаи. Далеко позади всех медленно тащился Этева, ссутулив плечи, словно под тяжестью невидимого груза. На нем не было ни украшений из перьев, ни раскраски. Лишь короткие тростниковые палочки были продеты в мочки его ушей и такие же

тростинки браслетами были повязаны на обоих запястьях. — Он что, болен? — Нет. Он унукай, — восхищенно ответила она.

— Он убил Мокототери. Не в состоянии разделить радость Тутеми, я лишь уставилась на нее в немом изумлении. Потом, почувствовав, что вотвот расплачусь, отвела глаза в сторону. Мы подождали, пока Этева скроется из виду, и неторопливо направились в шабоно. Услышав приветственные крики вышедших из хижин жителей деревни, Тутеми ускорила шаг. В окружении ликующих Итикотери посреди поляны гордо стояли участники набега. Отвернувшись от мужа, самая младшая жена Арасуве подошла к трем пленным женщинам, которых радостные приветствия обошли стороной. Они молча стояли в некотором отдалении, не сводя настороженных взглядов с приближающейся к ним женщины Итикотери.

— Раскрасились оното — какая гадость! — завопила жена Арасуве.

— Чего же еще ждать от женщины Мокототери? Вы что, думаете, что вас пригласили на праздник? — Злобно глядя на женщин, она схватила палку.

— Я всех вас сейчас отлуплю. Если бы меня захватили в плен, я бы убежала, — кричала она. Три женщины Мокототери сжались в тесную кучку. — По крайней мере я пришла бы с жалобными рыданиями, — прошипела жена Арасуве, дернув одну из них за волосы. Арасуве ступил между своей женой и пленницами.

— Оставь их в покое. Они так много ревели, что от их слез промокла вся тропа. Это мы заставили их прекратить плач. Мы не хотели слышать их завываний. — Арасуве отнял у жены палку.

— И это мы велели им раскрасить лица и тела оното. Здесь этим женщинам будет хорошо. И обходиться с ними будут хорошо! — Он повернулся к остальным женщинам Итикотери, столпившимся возле его жены.

— Дайте им что-нибудь поесть. Они проголодались не меньше нас. А мы не ели вот уже два дня. Но укротить жену Арасуве было не так-то просто. — Ваши мужья убиты? — приставала она с расспросами к женщинам.

— Вы сожгли их? Вы съели их пепел? — Затем она набросилась на беременную: — А твой муж тоже убит? Ты что же, считаешь, что мужчина Итикотери станет отцом твоему ребенку? Грубо оттолкнув жену, Арасуве громко объявил: — Убит был только один человек. В него угодила стрела Этевы. Это был тот самый человек, который убил отца Этевы во время прошлого вероломного набега Мокототери.

— Арасуве повернулся к беременной женщине и продолжил без малейшего сочувствия во взгляде или голосе: — Мокототери похитили тебя некоторое время назад. Среди них у тебя нет братьев, которые пришли бы тебя выручать. Так что ты теперь Итикотери. И нечего больше реветь.

— И Арасуве пустился в объяснения, что трем пленницам будет лучше жить среди его народа. Он особо подчеркнул, что Итикотери чуть ли не каждый день едят мясо, и в течение всего сезона дождей у них полно кореньев и бананов, так что никто здесь не голодает. Одна из пленниц была совсем еще молоденькая девочка, лет десяти или одиннадцати.

— Что с ней будет? — спросила я Тутеми.

— Как и остальных, кто-нибудь возьмет ее в жены, — ответила Тутеми.

— Мне было примерно столько же, когда меня похитили Итикотери.

— Губы ее скривились в тоскливой улыбке.

— Мне еще повезло, что свекровь Ритими решила, что я стану второй женой Этевы. Он ни разу еще меня не колотил. Ритими относится ко мне как к сестре. Она не ссорится со мной, не заставляет работать за себя...

— Тутеми оборвала на полуслове, когда жена Арасуве снова с криками набросилась на женщин Мокототери.

— Какое бесстыдство явиться сюда в раскраске! Вам не хватало еще только воткнуть цветы в уши и пуститься в пляс. — И она следом за тремя пленницами направилась в хижину мужа.

— Мужчины изнасиловали вас в лесу? Вот почему вас так долго не было! Должно быть, вам это понравилось.

— И толкнув беременную женщину, она добавила: — А с тобой они тоже спали? — Заткнись! — рявкнул Арасуве.

— Не то я отколочу тебя до крови.

— И он повернулся к шедшим в отдалении женщинам.

— А вы должны радоваться, что ваши мужья вернулись живые и здоровые. Вы должны быть довольны, что Этева убил этого человека, а мы привели трех пленниц. Теперь ступайте в свои хижины и кормите мужей. Женщины, ворча, вернулись к своим очагам.

— А почему так злится только жена Арасуве? — спросила я Тутеми.

— А ты разве не знаешь? — спросила она, злорадно улыбнувшись.

— Она боится, что он выберет себе из этих женщин четвертую жену.

— А зачем ему так много? — У него большая сила и влияние, — категорично заявила Тутеми.

— У него много зятьев, которые приносят много дичи и помогают ему на огородах. Арасуве может прокормить много жен.

— Пленниц изнасиловали? — спросила я.

— Одну.

— На какую-то долю секунды Тутеми озадачило возмущенное выражение моего лица, но затем она продолжила свои объяснения насчет того, что захваченную в плен женщину обычно насилуют все участники набега.

— Так принято.

— А эту молоденькую девушку тоже изнасиловали? — Нет, — небрежно ответила Тутеми.

— Она ведь еще не женщина. Не насиловали и ту, что беременна — их вообще никогда не трогают. Во время всей этой суматохи Ритими не покидала своего гамака. Мне она сказала, что не видит причины утруждать себя из-за этих женщин Мокототери, поскольку и без того знает, что Этева не возьмет себе третью жену. Я же с радостью заметила, что вся грусть и уныние, с которыми она не расставалась последние несколько дней, исчезли бесследно. — А где Этева? — спросила я.

— Он не придет в шабоно? Ритими с лихорадочно блестящими от возбуждения глазами стала объяснять, что ее муж, после того как убил врага, занялся поисками подходящего дерева недалеко от шабоно, на котором он мог бы повесить свой старый гамак и колчан. Однако перед этим он должен содрать кору со ствола и ветвей этого дерева. В направленных на меня глазах Ритими светилась глубокая озабоченность. Она предупредила, что я ни в коем случае не должна смотреть на такое дерево. Почему-то она

была уверена, что я не спутаю его с деревом, чья кора была снята для изготовления корыт или лодок. Такие деревья, пояснила она, остаются похожими на деревья, тогда как деревья, с которых снял кору человек, убивший когонибудь, походят на призрачные тени, белея среди окружающей их зелени, с гамаком, колчаном, луком и стрелами, болтающимися на его ободранных ветвях. Духи — особенно злые — любят скрываться поблизости от таких деревьев. Мне пришлось пообещать Ритими, что если я когда-нибудь окажусь по соседству с таким деревом, я убегу от него во всю прыть. Голосом, тихим настолько, что я было решила, что она разговаривает сама с собой, Ритими поделилась со мной своими опасениями. Она надеялась, что Этева не сломается под тяжестью убитого им человека. Кекуры убитого поселяются в груди убийцы и обитают там, пока родственники убитого не сожгут его тело и не съедят истертые в порошок кости. Мокототери могут как можно дольше откладывать церемонию сожжения в надежде, что Этева умрет от слабости. — Мужчины будут рассказывать о набеге? — спросила я.

— Как только поедят, — ответила Ритими. С луком и стрелами в руках Этева пересек поляну и вошел в хижину, в которой сын Ирамамове посвящался в шаманы. Мужчины, ходившие с Этевой в набег, накрыли хижину со всех сторон пальмовыми листьями, оставив лишь маленький вход спереди. Ему принесли наполненный водой калабаш и внутри развели огонь. Этева должен был оставаться в хижине, пока Пуривариве не объявит, что мертвое тело Мокототери уже сожжено. Дни и ночи напролет Этева должен быть настороже на случай, если дух убитого подкрадется к хижине в образе ягуара. Стоит Этеве в эти дни заговорить, прикоснуться к женщине или что-нибудь съесть — и он умрет. В сопровождении невестки к нам в хижину вошла старая Хайяма.

— Хочу узнать, что творится у Арасуве, — сказала старуха, усаживаясь возле меня. Шотоми села на землю, прислонившись головой к моим ногам, свисающим из гамака. Багровый шрам — напоминание о ране — уродовал ее точеную ножку. Но Шотоми это мало беспокоило: она была рада, что рана не загноилась. — Матуве захватил одну из женщин, — гордо сказала Хайяма.

— Самое время ему взять вторую жену. Лучше уж мне выбрать ему подходящую, не то дай ему волю, и он наверняка ошибется.

— Но у него же есть жена, — заикнулась было я, глядя на Шотоми.

— Да, — согласилась старуха.

— Но если он вообще собирается взять вторую жену, сейчас самое время. Шотоми молода. Сейчас ей легко будет подружиться с другой женщиной. Матуве следует взять самую молоденькую из трех пленниц. — И Хайяма погладила Шотоми по выбритой тонзуре.

— Эта девочка моложе тебя. Она будет тебя слушаться. Когда тебя будут месячные, она станет нам стряпать. Она может помогать тебе на огородах и собирать топливо для очага. Я уже слишком стара, чтобы много работать. Шотоми внимательно осмотрела трех пленниц в хижине Арасуве.

— Если уж Матуве непременно должен взять себе вторую жену, то я бы хотела, чтобы он взял девочку. Мне она больше по душе. Она будет согревать его гамак, когда я забеременею. — А ты что, беременна? — спросила я.

— Я в этом не уверена, — ответила она с лукавой улыбкой. Хайяма мне как-то рассказывала, что, как правило, беременная женщина выжидала от трех до четырех месяцев, а то и дольше, прежде чем сказать об этом мужу. Муж был молчаливым сообщником в этом обмане, ибо и его приводили в ужас всевозможные ограничения в еде

и запреты в образе жизни. Если у женщины случался выкидыш, либо она производила на свет ребенка-урода, она никогда не считалась виноватой. Вина всегда падала на мужа. Более того, если женщина раз за разом рожала болезненных младенцев, то поощрялось даже зачатие от другого мужчины. Тем не менее ее муж должен был соблюдать все положенные табу и воспитывать ребенка как своего собственного. Хайяма перешла в хижину Арасуве.

— Я заберу эту девочку Мокототери. Из нее получится хорошая жена для моего сына, — сказала она, беря девочку за руку.

— Она будет жить у меня в хижине.

— Я захватил женщину, — сказал Матуве.

— Не нужна мне эта девчонка. Она слишком худая. Мне нужна крепкая женщина, которая родит мне здоровых сыновей. — Она еще окрепнет, — невозмутимо сказала Хайяма.

— Она еще зелена, но скоро созреет. Посмотри на ее груди. Они уже большие. К тому же, — добавила она, — Шотоми не будет против, если ты ее возьмешь.

— Тут Хайяма повернулась к мужчинам, собравшимся у хижины Арасуве.

— Никто ее пальцем не тронет. Я буду о ней заботиться, пока она не станет женой моего сына. С сегодняшнего дня она моя невестка. Со стороны мужчин возражений не последовало, и Хайяма отвела девочку к себе в хижину. Остальные Мокототери робко сидели на земле у очага.

— Я не буду тебя бить, — сказала Шотоми, беря руку девочку в свои ладони. — Но ты должна делать, что я тебе велю.

— Матуве глуповато улыбался нам из дальнего угла хижины. Интересно, подумала я, то ли он гордится, что теперь у него две жены, то ли смущен тем, что его заставили взять девочку, хотя захватил он взрослую женщину.

— А что будет с остальными пленницами? — спросила я.

— Арасуве возьмет себе беременную, — заявила Хайяма.

— Откуда ты знаешь? — И, не дожидаясь ответа, я спросила, что будет третьей.

— Ее отдадут кому-нибудь в жены после того, как ее возьмет всякий мужчина в шабоно, который этого пожелает, — ответила Хайяма.

— Но ее ведь уже насиловали участники набег: , — возмутилась я. Старая Хайяма расхохоталась.

— Но не те, кто не принимал в нем участия.

— Старуха потрепала меня по голове.

— И нечего тебе возмущаться. Таков обычай. И меня как-то раз захватили в плен, и меня насильовало много мужчин. Мне еще повезло, и я нашла способ убежать. Нет, не перебивай меня. Белая Девушка, — сказала Хайяма, прикрыв мне ладонью рот.

— Я сбежала не потому, что меня насильовали. Об этом я очень скоро забыла. Я сбежала из-за того, что меня заставляли тяжело работать и кормили впроголодь. Как и предсказывала старуха, Арасуве взял себе беременную женщину.

— У тебя уже есть три жены, — крикнула ему самая младшая с искаженным от ярости лицом.

— Зачем тебе еще одна? Нервно хихикая, две другие жены Арасуве наблюдали из своих гамаков, как младшая толкнула беременную женщину в горящий очаг. Арасуве выскочил из гамака, схватил горящую головню и подал ее упавшей женщине.

— Обожги руку моей жене, — потребовал он, прижав свою младшую жену к столбу. Беременная с рыданиями прикрывала обожженное плечо ладонью.

— Давай, обожги! — кричала жена Арасуве, вывернувшись из крепкой хватки мужа.

— Только попробуй, и я тебя живьем сожгу — и костей твоих никто не съест. Я разбросаю их по лесу, и мы будем на них мочиться... Она смолкла, широко раскрыв глаза в непритворном изумлении, когда увидела, как сильно обожжено плечо пленницы.

— Да ты и в самом деле обожглась! Тебе очень больно? Подняв глаза, женщина Мокототери утерла залитое слезами лицо.

— Боль моя велика.

— Ах ты, бедняжка.

— Жена Арасуве заботливо помогла ей подняться и отвела к своему гамаку, потом, достав из калабаша какие-то листья, осторожно приложила их к плечу женщины. — Все быстро заживет, уж я об этом позабочусь.

— Довольно тебе плакать, — сказала старшая жена Арасуве, подсаживаясь к женщине, и ласково похлопала ее по ноге.

— Наш муж хороший человек. Он будет хорошо с тобой обращаться, а я позабочусь о том, чтобы никто в шабоно тебя не обижал. — А что будет, когда родится ребенок? — спросила я Хайяму.

— Трудно сказать, — признала старуха. Она немного помолчала, словно глубоко задумавшись.

— Может, она его убьет. Однако, если родится мальчик, Арасуве может попросить старшую жену вырастить его как своего сына. Несколько часов спустя Арасуве размеренным гнусавым тоном начал рассказ о том, как проходил набег.

— В первый день мы шли медленно и часто останавливались передохнуть. Наши спины болели под тяжелыми гроздьями бананов. В первую ночь мы почти не спали, ибо дров было недостаточно, чтобы поддерживать тепло. Шел такой сильный дождь, что ночное небо, казалось, смешалось с темнотой вокруг нас. На следующий день мы зашагали уже немного быстрее и подошли к окрестностям деревни Мокототери. Хотя и в эту ночь мы находились в достаточном отдалении, чтобы нас могли обнаружить вражеские охотники, но все же мы были слишком близко, чтобы рискнуть развести огонь на привале. Лицо Арасуве я видела лишь в профиль и замороженно смотрела, как оживленно, словно по собственной воле, двигаются красные и черные узоры на щеках в такт его речей. Перья в мочках ушей немного смягчали его суровое уставшее лицо и придавали рассказу игривый оттенок, несмотря на всю его жуть. Несколько дней мы пристально следили за всеми передвижениями врага. У нас была задача убить этого Мокототери, не выдавшему шабоно нашего присутствия. Однажды утром мы увидели, как мужчина, который убил отца Этевы, уходит в заросли с женщиной. Этева выстрелил ему в живот отравленной стрелой. Этот индеец был так ошеломлен, что даже не вскрикнул. Не успел он и глазом моргнуть, как Этева отправил ему в живот вторую стрелу, а потом еще одну в шею возле самого уха. Тут он и свалился замертво. Словно оглушенный, Этева направился домой в сопровождении моего племянника. Тем временем Матуве отыскал спрятавшуюся в кустах женщину. Мы пригрозили убить ее, если она посмеет хотя бы кашлянуть, и Матуве вместе с моим самым младшим зятем повели упирающуюся женщину в нашу деревню. Позже все мы должны были встретиться в заранее назначенном месте. Пока остальные решали, не разделить ли нам на еще меньшие группы, мы увидели мать с маленьким сыном, беременную женщину и девочку, направляющихся в лес. Против такого искушения мы не

устояли и тихонько пошли за ними следом.

— Откинувшись в гамаке с руками, сплетенными за головой, Арасуве обвел глазами зачарованных слушателей. Воспользовавшись тем, что вождь на минуту умолк, поднялся с места другой участник набега. Дав знак собравшимся, чтобы те освободили для него побольше места, он начал свой рассказ с тех самых слов, которыми начал Арасуве: — В первый день мы шли медленно. Но за исключением этих слов, между двумя рассказами не было ничего общего. Бурно жестикулируя, рассказчик с напускным жаром изображал поведение и настроения различных участников похода, вводя таким образом юмористический и мелодраматический оттенок в сухой деловой отчет Арасуве. Ободренный смехом и похвалами слушателей, мужчина принялся пространно рассказывать о двух самых младших участниках набега, которым было не больше шестнадцати-семнадцати лет. Они не только постоянно жаловались то на стертые в кровь ноги, то на другие болячки, но еще и до смерти боялись крадущихся ягуаров и разных духов во время второго ночлега, когда довелось спать, не разводя огня. Свое повествование мужчина пересыпал подробными сведениями насчет различной дичи и созревающих плодов — их цвета, величины и формы, — замеченных им по дороге. Как только мужчина сделал паузу, возобновил свой отчет Арасуве.

— Когда эти три женщины и девочка отошли достаточно далеко от шабоно, — продолжил вождь, — мы пригрозили, что застрелим их, если они попытаются бежать или закричать. Мальчишке удалось нырнуть в кусты, но мы не стали его преследовать, а как можно быстрее пошли восвояси, стараясь не оставлять следов. Мы не сомневались, что, обнаружив убитого, Мокототери немедленно отправятся за нами в погоню. Незадолго до сумерек мать сбежавшего мальчишки вдруг вскрикнула от боли, сев на землю, схватилась за ногу и с горькими слезами пожаловалась, что ее укусила ядовитая змея. Ее душераздирающие крики так нас расстроили, что мы даже не проверили, была ли эта змея на самом деле.

— Что было толку, — рыдала она, — моему сынишке бежать, если у него нет больше матери, которая бы о нем позаботилась? — И не прекращая вопить, что ей невыносимо больно, женщина заползла в кусты. Мы почти сразу поняли, что это уловка, и тщательно обыскали лес, но так и не смогли определить, куда она побежала. Старый Камосиве смеялся от души.

— Это хорошо, что она вас надула. Нет никакого смысла похищать женщину, у которой остался маленький ребенок. Такие либо плачут без конца, пока не заболеют, либо, что еще хуже, и вовсе сбегают. Мужской разговор затянулся до самой зари, окутавшей шабоно покрывалом дождя. Посреди поляны стояла одинокая хижина, где пребывал в заточении Этева. Она была так тиха и обособлена — так близко и все же так далеко от людского смеха и говора. Неделию спустя Этеву навестил Пуривариве. Управившись с печеным бананом и медом, старик попросил Ирамамове вдуть ему эпену и с пением заклинаний пустился в пляс вокруг хижины Этевы. — Мертвеца еще не сожгли, — объявил он.

— Его тело уложили в корыто, повесили на высокое дерево, и там оно гниет. Не смей пока прерывать молчания. Хекуры мертвеца все еще находятся у тебя в груди. Сделай себе новые стрелы и лук. Скоро уже Мокототери сожгут гниющее тело, ибо из трупа уже выползают черви.

— Старый шапори еще раз обошел кругом хижину Этевы и, приплясывая, удалился с поляны в лес. Тремя днями позже Пуривариве объявил, что Мокототери уже сожгли тело убитого.

— Вынь тростинки из ушей, отвяжи их от запястий, — сказал он, помогая Этеве подняться.

— Через несколько дней отнесешь свой старый лук и стрелы к тому ободранному дереву, на котором ты повесил гамак и колчан. Пуривариве повел Этеву влес. Арасуве и еще несколько участников набега последовали за ними. Вернулись они только под вечер. Волосы Этевы были подстрижены, тонзура выбрита, тело вымыто и заново раскрашено пастой око/по. В мочках ушей красовались тростинки с продетыми в них перьями попугая ара. На нем были новые меховые наручные повязки, также украшенные перьями, и толстый хлопковый пояс, который сделала для него Ритими. Арасуве вручил Этеве полную корзину мелкой рыбешки, которую изжарил для него в листьях пишаанси. Еще через три дня Этева в первый раз рискнул один пойти в лес.

Я подстрелил обезьяну, — объявил он несколько часов спустя, выйдя на поляну. Как только его окружила группа мужчин, он подробно объяснил им, где можно найти убитого зверя. Чтобы заручиться в будущем помощью и защитой хеку? на охоте, Этева еще дважды уходил в лес один. Каждый раз он возвращался без добычи и сообщал остальным, где ее можно найти. Этева не съел ни кусочка мяса подстреленных им обезьяны и двух пекари. В один прекрасный день он вернулся с висящей за спиной куропаткой и снял кожу с головки птицы, оставив себе только полоску с курчавыми черными перьями. Теперь она будет служить ему наручной повязкой. Маховые перья он отложил для оперения стрел. На самолично сделанной деревянной решетке он изжарил почти двухфунтовую птицу. Затем, убедившись, что она хорошо прожарилась, он принялся делить ее между детьми и двумя женами.

— А Белая Девушка твоя жена или твой ребенок? — крикнула из своей хижины старая Хайяма, увидев, как Этева подает мне кусок темной грудки.

— Она моя мать, — ответил Этева под хохот Иतिकотери.

Прошло несколько дней, и под присмотром Арасуве был приготовлен густой банановый суп. В корыто с супом Этева опорожнил небольшой калабаш. Ритими сказала мне, что это остатки истолченных костей отца Этевы. По лицам мужчин и женщин, глотавших суп, катились слезы. Я приняла из рук Этевы тыквенный черпак с супом и оплакала его умершего отца. Как только корыто опустело, Арасуве крикнул во всю мочь: — Какой ваитери живет среди нас! Он убил своего врага. Он пронес в своей груди хекуры мертвеца, и его не сломил ни голод, ни одиночество заточения. Этева обошел поляну по кругу.

— Да, я ваитери, — запел он.

— Хекуры мертвеца могут погубить самого сильного воина. Очень тяжело нести эту ношу столько дней. От печали и умереть можно. — И Этева стал приплясывать.

— Я больше не думаю о человеке, которого убил. Я пляшу с тенями ночи, а не с тенями смерти.

— Чем дольше он плясал, тем легче и быстрее становились его шаги, словно этими движениями он наконец сбрасывал тяжелое бремя, которое носил в груди. Долго еще по вечерам мужчины обсуждали все перипетии набега. Даже у старого Камосиве появилась своя версия. Единственное, что объединяло все эти рассказы с истинным ходом событий, было то, что Этева убил человека, а три женщины были захвачены в плен. Со временем осталась лишь смутная память о том, как все было на самом деле, а набег превратился в историю из далекого прошлого, как и все прочие истории, которые Иतिकотери так любят

рассказывать.

Часть шестая

Глава 23

Крошечные ножки, сучащие по моему животу, вывели меня из мечтательной дремоты. В одно мгновение в голове пронеслись яркие живые образы минувших дней, недель и месяцев. Слова протеста так и заглохли на моих губах, когда Тутеми уложила мне на живот Хоашиве. Я взяла младенца на руки, чтобы не разбудить Тешому, уснувшую в моем гамаке в ожидании, пока я проснусь. Достав погремушку Хоашиве из нанизанных на лиану лягушачьих черепов, которая висела у изголовья моего гамака, я повертела ее перед малышом. Тот, радостно гукая, потянулся за игрушкой.

— Ты уже не спишь? — пробормотала Тешома, легонько коснувшись моей щеки. — Я думала, ты целый день будешь спать.

— Я думала обо всем, что увидела и чему научилась с тех пор, как пришла сюда, — сказала я, беря ее ручку в свою. Узкая ладошка, длинные изящной формы пальцы выглядели удивительно взрослыми для пятилетней девочки и резко контрастировали детскими ямочками на щеках. — Я и не заметила, что солнце уже взошло.

— Ты даже не заметила, как мои братья выбрались из твоего гамака, когда испеклись бананы, — сказала Тешома. — Ты так крепко задумалась? — Нет, — рассмеялась я.

— Это было больше похоже на сновидение. Кажется, время остановилось с того дня, как я пришла в шабоно.

— А по-моему, прошло много времени, — серьезно заметила Тешома, глядя мягкие волосики своего сводного брата.

— Когда ты к нам только пришла, младенец еще спал в животе у Тутеми. Я хорошо помню день, когда мои мамы нашли тебя. — И, захихикав, девочка уткнулась мне лицом в шею.

— Я знаю, почему ты тогда плакала. Ты боялась моего дядю Ирамамове — у него уродливое лицо.

— В тот день, — заговорщицки прошептала я, — я боялась всех Иतिकотери.

— Почувствовав, как по животу потекло что-то теплое и мокрое, я на вытянутых руках чуть отстранила от себя Хоашиве. Сидящий верхом на своем гамаке Этева весело заулыбался, глядя, как его сын пускает струю в огонь очага.

— Всех нас? — спросила Тешома. — Даже моего отца и дедушку? Даже моих мам и старую Хайяму? — Наклонившись к моему лицу, она недоверчиво и чуть встревоженно всмотрелась в мои глаза, словно пытаясь что-то найти в них.

— Ты и меня боялась? — Нет. Тебя я не боялась, — заверила я ее, подбрасывая в воздух улыбающегося Хоашиве.

— И я тебя не боялась.

— Со вздохом облегчения Тешома откинулась в гамаке.

— Я не спряталась, как почти все »дети, когда ты в первый раз вошла к нам в хижину. Мы слышали, что белые люди очень высокие и волосатые, как обезьяны. А ты была такая маленькая. Я знала, что ты не можешь быть настоящей белой. Надежно закрепив на спине корзину, Тутеми взяла у меня с колен ребенка и ловко усадила его в петлю из мягкого луба у себя на груди.

— Готово, — сказала она, улыбнувшись и вопросительно взглянула на Этеву и Ритими. Этева усмехнулся и взял в руки мачете, лук и стрелы.

— Ты придешь попозже? — спросила Ритими, поправляя в носу длинную тонкую палочку. Уголки ее рта, лишенные привычных палочек, приподнялись в улыбке, обозначив ямочки на щеках. Словно почувствовав мою нерешительность, Ритими не стала дожидаться ответа и вслед за мужем и Тутеми пошла на огороды.

— Хайяма идет, — прошептала Тешома.

— Хочет знать, почему ты не пришла есть печеные бананы.

— Девочка выскользнула из гамака и побежала к играющей неподалеку компании ребятешек. Хайяма, что-то ворча себе под нос, прошла через хижину Тутеми. Ее старческая кожа длинными вертикальными складками висела на бедрах и животе. Напустив на себя строгую мину, она подала мне половинку калабаша с банановым пюре. Потом со вздохом уселась в гамак Ритими и стала раскачиваться, возя рукой по земле, явно завороченная ритмичным поскрипыванием узла на лиане.

— Жаль, что мне так и не удалось тебя откормить, — после долгого молчания сказала старуха. Я стала убеждать Хайяму, что ее бананы творят настоящие чудеса, и что еще немного, и я даже начну толстеть.

— Не так уж много этого времени, — тихо заметила Хайяма.

— Ты же уйдешь в миссию.

— Что? — вскричала я, пораженная недвусмысленностью ее тона.

— Кто такое говорит?

— Милагрос перед уходом взял с Арасуве обещание, что если нам придется перебраться на один из старых огородов в глубине леса, то тебя мы с собой не возьмем.

— Черты Хайямы смягчило ностальгическое, почти мечтательное выражение глаз, когда она напомнила, что довольно много семей уже ушло на старые огороды еще несколько недель назад. Полагая, что они скоро вернутся, яне обратила тогда на это внимания. Хайяма же говорила дальше, что большое семейство Арасуве со всеми его родными и двоюродными братьями, сыновьями и дочерьми не отправилось вслед за остальными по той простой причине, что вождь ожидает вестей от Милагроса. — Значит, жители покинут это шабоно? — спросила я.

— А как же здешние огороды? Их же совсем недавно расширили. И что будет с молодыми посадками бананов? — взволнованно продолжала спрашивать я.

— Они будут расти.

— Лицо Хайямы сморщилось в веселой улыбке.

— Здесь останутся старики и большинство детей. Мы построим временные хижины поближе к банановым посадкам, потому что никому неохота жить в опустевшем шабоно. Мы будем ухаживать за огородами, пока не вернутся остальные. К тому времени созреют и бананы, и плоды раша, и снова наступит пора праздника. — Но почему уходит так много народу Итикотери? — спросила я.

— Разве здесь недостаточно еды? Хайяма сказала напрямик, что с продовольствием сейчас туго, однако подчеркнула, что старые огороды превратились в настоящую кормушку для обезьян, птиц, агути, пекари и тапиров. Там мужчины смогут без особого труда охотиться, а женщины отыщут на огородах множество корней и плодов, чтобы продержаться, пока не будет дичи.

— К тому же, — продолжала Хайяма, — временное переселение всегда полезно, особенно после набега. Не будь я так стара, я бы тоже ушла. — Как на выходной, — заметила я.

— Да. Выходной, — рассмеялась Хайяма, когда я объяснила значение слова.

— О, как бы я хотела пойти и сидеть себе в тени, объедаясь плодами кафу. Деревья кафу высоко ценятся за их кору и лубяные волокна. Гроздя плодов, величиной около десяти дюймов каждый, теснятся на одном общем стебле. Мясистый желеобразный плод полон крошечных семян и по вкусу напоминает перезрелый инжир.

— Если мне нельзя перебраться с Арасуве и его семейством на старые огороды, — сказала я, присев у изголовья Хайямы, — тогда я останусь с тобой. Мне незачем возвращаться в миссию. Мы вместе станем ждать возвращения остальных. В глазах Хайямы, остановившихся на моем лице, появился неестественный блеск. Медленно, тщательно обдумывая каждое слово, она растолковала мне, что хотя и не в обычаях их племени учинять набеги на опустевшие шабоно или убивать стариков и детей, Мокототери наверняка устроят какую-нибудь пакость, если узнают, — а старуха заверила меня, что узнают непременно, — что я осталась в незащищенной деревне. Меня пробрала дрожь при воспоминании о том, как несколько недель назад в шабоно явилась ватага мужчин Мокототери, вооруженных дубинками, и потребовала возвращения своих женщин. После бурного обмена угрозами и оскорблениями Арасуве заявил воинам Мокототери, что по дороге домой они сами освободили одну из похищенных женщин. Он подчеркнул, что их ни на минуту не ввела в заблуждение ее уловка со змеиным укусом. Тем не менее, после некоторых препирательств вождь неохотно отдал им девочку, которую Хайяма выбрала в жены своему младшему сыну. Пригрозив скорым возмездием, Мокототери убрались восвояси. Этева пояснил мне, что хотя Мокототери не собирались затевать перестрелку, поскольку оставили луки и стрелы спрятанными в лесу, вождь поступил мудро, быстро отдав им девочку. Итикотери уступали им в численности, так как несколько мужчин уже ушли на заброшенные огороды.

— А когда Арасуве пойдет на старые огороды? — спросила я Хайяму.

— Очень скоро, — сказала она.

— Арасуве отправил несколько человек на поиски Милагроса. Правда, до сих пор им не удалось его отыскать. Я в душе улыбнулась и самодовольно заметила: — Похоже, что несмотря на обещание Арасуве, я все-таки пойду с Ритими и Этевой. — Не пойдешь, — уверенно заявила Хайяма с коварной усмешкой.

— Мы должны защитить тебя не только от Мокототери. По пути на огороды тебя может похитить шапори и держать в отдаленной хижине как свою жену. — Сомневаюсь, — хихикнув, заметила я.

— Ты мне сама говорила, что меня, такую тощую, не захочет ни один мужчина.

— И я рассказала старухе о том, что приключилось в горах между мной и Этевой. Прижав к обвисшим грудям скрещенные руки, Хайяма хохотала до тех пор, пока по ее морщинистым щекам не покатались слезы. — Да, Этева готов взять первую попавшуюся женщину, — сказала она.

— Но тебя он боится. — И наполовину высунувшись из гамака, Хайяма прошептала: — Шапори — это не обычный мужчина. Он не захочет иметь тебя для собственного удовольствия. Шапори. необходимо иметь в своем теле женское начало.

— Тут она снова откинулась в гамак.

— А ты знаешь, где находится женское начало? — Нет. Старуха посмотрела на меня, как на полоумную. — Во влагалище, — наконец выговорила она, задыхаясь от смеха.

— По-твоему, Пуривариве мог бы меня похитить? — насмешливо спросила я.

— А по-моему, он слишком стар, чтобы интересоваться женщинами. Глаза ее раскрылись в искреннем изумлении.

— Ты что, ничего не видела? Тебе никто не рассказывал, что старый шапори будет покрепче любого мужчины в шабоно? — спросила она.

— Бывает, по ночам этот старик ходит из хижины в хижину и трахает всех женщин подряд, не зная устали. А на заре, возвращаясь в лес, он свеж и полон сил как ни в чем не бывало.

— Хайяма, правда, заверила, что Пуривариве не стал бы меня похищать, ибо ему уже ничего не нужно. Она, однако, предупредила меня, что есть и другие шаманы, не столь могущественные, как этот старик, которые вполне на это способны. Закрыв глаза, она громко вздохнула. Я было подумала, что она уснула, но словно почувствовав, что я собираюсь подняться, старуха резко обернулась, положила обе руки мне на плечи и спросила дрогнувшим от волнения голосом: — Знаешь, почему тебе так нравится у нас? Я недоуменно взглянула на нее и не успела открыть рот, чтобы ответить, как Хайяма продолжила: — Ты счастлива у нас, потому что у тебя нет никаких обязанностей. Ты живешь как мы. Ты хорошо выучилась говорить по-нашему и знаешь многие наши обычаи. Для нас ты не ребенок и не взрослый, не мужчина и не женщина. Мы ничего от тебя не требуем. Иначе ты бы стала обижаться на нас.

— Глаза Хайямы, удерживавшие мой взгляд, так потемнели, что мне стало не по себе. На ее морщинистом лице они казались громадными и яркими, словно горели каким-то неистощимым внутренним светом. После долгой паузы она добавила с вызовом: — Если бы тебе довелось стать женщиной шапори, ты была бы очень несчастлива. В ее словах почувствовала угрозу. Тем не менее, гордя в ответ всякую чепуху в свою защиту, я внезапно поняла, что она права, и мне неудержимо захотелось рассмеяться. Старуха ласково прижала пальцы к моим губам.

— В дальних уголках леса, где обитают хекуры зверей и растений, живут могущественные шапори, — сказала Хайяма.

— Во мраке ночи эти мужчины сходятся с прекрасными женскими духами. — Я очень рада, что я не прекрасный дух, — сказала я.

— Нет. Ты не красавица. — Я не в состоянии была обидеться на нелестное замечание Хайямы, сказанное под вкрадчивый смех и с чуть насмешливым взглядом.

— Однако для многих из нас ты особа необычная. С неожиданной нежностью в голосе она принялась объяснять мне, почему Мокототери так хотели забрать меня к себе в шабоно. Их интерес ко мне был вызван не теми традиционными причинами, по которым индейцы ищут дружбы с белыми, — получением мачете, посуды и одежды, — но тем, что по мнению Мокототери, я обладаю некоей силой. До них дошли слухи и о том, как я вылечила маленькую Тешому, и о случае с эпенной, и о том, как Ирамамове увидел отражение хекур в моих глазах. Они даже видели, как я стреляла из лука. Все мои попытки внушить старухе, что никакой особой силой я не обладаю, и один лишь здравый

рассудок помог мне вылечить простуженного ребенка, оказались тщетными. Я стала доказывать, что и ее можно считать обладательницей дара исцеления, — она ведь вправляет кости и готовит какие-то тайные отвары из внутренностей животных, корни и листья для лечения укусов, царапин и порезов. Но все мои доводы пропали впустую. Для нее существовала громадная разница между вправлением кости и заманиванием заблудшей души ребенка обратно в тело. На это, подчеркивала она, способен только шапори.

— Но это же Ирамамове вернул ее душу, — упорствовала я. — Я только вылечила ее от простуды.

— Нет, не он, — настаивала Хайяма.

— Он слышал твои заклинания.

— Это была молитва, — слабо возразила я, осознавая, что молитва в сущности ничем не отличается от заклинаний Ирамамове к хекурам.

— Я знаю, что белые не такие, как мы, — перебила меня Хайяма, решительно настроенная не допускать моих дальнейших возражений.

— Я говорю о совершенно иных вещах. Даже если бы ты по рождению была Иतिकотери, ты все равно была бы непохожа на Ритими, Тутеми или на меня.

— Хайяма коснулась моего лица, проведя длинными костлявыми пальцами по лбу и щекам.

— Моя сестра Анхелика никогда не стала бы просить тебя пойти с нею в лес.

Милагрос никогда не привел бы тебя к нам, будь ты похожа на тех белых, которых он знает.

— Она задумчиво посмотрела на меня и, словно запоздалая мысль только что пришла ей в голову, добавила: — Интересно, был бы любой другой белый так же счастлив с нами, как ты? — Наверняка да, — тихо сказала я.

— Не так уж много на свете белых, у которых есть шанс сюда попасть. Хайяма пожала плечами.

— Ты помнишь историю об Имаваами, женщине-шапори? — спросила она.

— Это же миф! — и опасаясь, что старуха попытается провести какуюто параллель между Имаваами и мной, я поспешно добавила: — Это ведь как история о птичке, которая похитила огонь из пасти аллигатора.

— Может быть, — мечтательно заметила Хайяма. — Я в последнее время много думала над тем, что рассказывали мне отец, дед и прадед о белых людях, которых они видели путешествующими по большим рекам. Должно быть, белые путешествовали по лесам задолго до времен моего прадеда. Возможно, Имаваами была одной из них. — Хайяма склонилась ко мне серьезное лицо и продолжала шепотом: — Должно быть, какой-нибудь шапори похитил ее, полагая, что белая женщина — это прекрасный дух. Но она оказалась могущественнее самого шапори. Она похитила его хекуры и сама стала колдуньей. — И Хайяма посмотрела на меня с вызовом, словно ожидая возражений. Рассуждения старухи меня не удивили. Для Иतिकотери было обычным делом подстраивать свою мифологию к современности либо вводить в нее факты реальной жизни.

— А индейские женщины становятся когда-нибудь шапори? — спросила я.

— Да, — не задумываясь ответила Хайяма.

— Странные существа эти женщины-шапори. Подобно мужчинам, они охотятся с луком и стрелами. Свои тела они украшают точками и пятнами, как у ягуара. Они

вдыхают эпену и песнями заманивают хекур к себе в грудь. Женщины-шапори имеют мужей, которые им служат. Но стоит им родить ребенка, как они снова становятся обыкновенными женщинами.

— Анхелика была такой шапори, правда? — Я не сразу поняла, что произнесла эту мысль вслух. Она просто явилась мне с очевидностью откровения. Я припомнила, как Анхелика вызволила меня из кошмарного сна в миссии, как меня успокоила ее невразумительная песня. Она походила не на мелодичные песни женщин Иतिकотери, а на монотонные заклинания шаманов. Как и они, Анхелика, казалось, имела два голоса: один — исходящий откуда-то из самых глубин ее существа, и другой — из гортани. Я вспомнила и те дни, когда шла через лес вместе с Милагросом и Анхеликой, и то, как очаровали меня слова Анхелики о таящихся в сумраке лесных духах, и о том, что с ними всегда надо лишь плясать, не позволяя им пасть на себя тяжким бременем. Передо мной встал живой образ Анхелики, как она плясала в то утро, — с поднятыми над головой руками, семена мелкими подпрыгивающими шажками, как пляшут мужчины Иतिकотери, одурманенные эпеной. До сих пор мне не казалось странным, что Анхелика, в отличие от прочих индейских женщин в миссии, сочла для меня вполне естественным делом приехать в джунгли на охоту. Из раздумий меня вывели слова Хайямы: — Моя сестра говорила тебе, что она шапори? — Глаза Хайямы наполнились глубокой печалью, в уголках блеснули слезы, но они так и не покатались по щекам, а затерялись в сеточке мелких морщин.

— Никогда не говорила, — пробормотала я и улеглась в гамак. Свесив ногу, я тоже стала раскачиваться вперед и назад, принаравливая свой ритм к ритму Хайямы, чтобы узлы гамаков поскрипывали в унисон.

— Моя сестра была шапори, — сказала Хайяма после долгого молчания.

— Я не знаю, что с ней было после ухода из шабоно. Пока она была с нами, она была почитаемым всеми шапори, но родив Милагроса, она утратила всякую силу. — Хайяма резко села.

— Его отец был белый. Я прикрыла глаза, боясь, что они выдадут мое любопытство, и затаила дыхание, чтобы ни малейший звук не прервал воспоминаний старухи. Нечего было и думать о том, чтобы узнать, из каких краев был отец Милагроса. Независимо от национальности, любой неиндеец именовался нам.

— Отец Милагроса был белый, — повторила Хайяма.

— Давным-давно, когда мы жили ближе к большой реке, в нашей деревне поселился один напе. Анхелика надеялась, что сможет заполучить его силу. А вместо этого забеременела.

— Почему же она не избавилась от ребенка? Морщинистое лицо Хайямы расплылось в широкой улыбке. — возможно, Анхелика была слишком уверена в себе, — пробормотала старуха.

— А может, надеялась, что, родив ребенка от белого, она все равно останется шапори. Рот Хайямы широко раскрылся в хохоте, обнажив желтоватые зубы. — В Милагросе нет ничего от белого, — лукаво заметила она.

— Несмотря даже на то, что Анхелика забрала его с собой. Несмотря на все то, чему он научился у белых, Милагрос навсегда останется Иतिकотери.

— Глаза Хайямы светились твердо и непреклонно, а лицо выдавало смутное затаенное торжество. Мысль о том, что скоро придется возвращаться в миссию, наполнила меня тревогой. Несколько раз со времени моей болезни я пыталась представить себе

возвращение в Каракас и Лос-Анжелес. Каково мне будет встретиться с родней и друзьями? В такие моменты я точно знала, что никогда не уйду отсюда по собственной воле. — Когда Милагрос отведет меня в миссию? — спросила я.

— Не думаю, чтобы Арасуве стал дожидаться Милагроса. Вождь не может больше откладывать свой уход, — сказала Хайяма.

— Тебя отведет Ирамамове.

— Ирамамове! — воскликнула я, не веря своим ушам.

— А почему не Этева? Хайяма принялась терпеливо объяснять мне, что Ирамамове несколько раз бывал в окрестностях миссии и знает дорогу лучше всякого другого Итикотери. Существовала также вероятность того, что Этевувыследят охотники Мокототери, и тогда его убьют, а меня похитят.

— С другой стороны, — заверила меня Хайяма, — Ирамамове может сделаться в лесу невидимым. — Но я-то не могу! — возразила я.

— Тебя будут оберегать хекуры Ирамамове, — убежденно заявила Хайяма. Затем старуха тяжело поднялась, немного постояла, уперевшись руками в бедра, взяла меня за руку и неторопливо повела к себе в хижину.

— Ирамамове уже охранял тебя прежде, — напомнила она, усаживаясь в свой гамак. — Да, — согласилась я.

— Но я не могу отправиться в миссию без Милагроса. Мне нужны сардины и сухари.

— От этого добра тебя только стошнит, — пренебрежительно сказала она и пообещала, что по дороге мне голодать не придется, поскольку стрелы Ирамамове добудут уйму дичи. К тому же она даст мне с собой полную корзину бананов.

— У меня не хватит сил тащить такой тяжелый груз, — возразила я, зная, что Ирамамове не понесет ничего, кроме лука и стрел. Хайяма какого-то время разглядывала меня с мягкой улыбкой, потом растянулась в гамаке, зевнула во весь рот и вскоре заснула. Я вышла на поляну. Ватага ребятишек — в основном девочек — играла со щенком. Каждая пыталась заставить щенка сосать из своих плоских сосков. За исключением немногих стариков, лежащих в своих гамаках, да нескольких женщин у очагов, в хижинах никого не было. Переходя от жилища к жилищу, я думала, знают ли они, что мне приходит пора уходить. Какой-то старик угостил меня своей табачной жвачкой. Я с улыбкой отказалась. «Как можно отказываться от такого угощения?» — казалось, говорили его глаза, пока он запихивал жвачку на свое место между нижней губой и десной. Ближе к вечеру я зашла в хижину Ирамамове. Его старшая жена, только что вернувшись с реки, подвешивала к стропилам наполненные водой калабаши. Мы подружились с той поры, как ее сын Шорове был посвящен в шапори, и много предвечерних часов провели в разговорах о нем. Время от времени Шорове возвращался в шабоно лечить людей от простуды, лихорадки и поноса. Он пел заклинания к хекурам с не меньшим рвением и силой, чем более опытные шаманы. Однако, по мнению Пуривариве, пройдет еще немало времени, прежде чем Шорове сможет направлять своих духов чинить вред в селении врага. Только тогда он будет считаться вполне оперившимся колдуном. Жена Ирамамове налила в небольшой калабаш немного воды и добавила меда. Я не сводила жадных глаз с вязкой массы, начиненной пчелами на разных стадиях развития. Тщательно размешав все пальцем, она подала мне сосуд, и причмокивая при каждом глотке, я выпила все до дна и вылизала доньшко. — До чего же вкусно! воскликнула я.

— Наверняка это мед пчел амоши. — Это была нежалящая разновидность, которая очень ценилась за темный душистый мед. Согласно улыбнувшись, жена Ирамамове дала

мне знак сесть рядом с ней в гамак и стала искать у меня на спине укусы moskitov и блох. Обнаружив два свежих укуса, она высосала из них яд. Свет, проникавший в хижину, потускнел. Казалось, бесконечно много времени прошло после утреннего разговора с Хайямой. И я сонно закрыла глаза. Мне приснилось, что я с детьми на реке. Тысячи бабочек слетали с деревьев, кружа в воздухе, словно осенние листья. Они садились на наши волосы, лица, тела, покрывая нас зыбким золотым светом сумерек. Я горестно смотрела на прощальные взмахи их крылышек, словно чьих-то нежных ручек.

— Не надо грустить, — говорили дети. А я заглядывала в каждое лицо и целовала смех на их губах.

Глава 24

Вместо привычного бамбукового ножа Ритими подстригла мне волосы острой травинкой. Сосредоточенно хмурясь, она старательно подровняла концы волос по всей окружности головы.

— Не трогай тонзуру, — сказала я, прикрыв макушку обеими руками.

— Там больно.

— Не будь такой трусихой, — рассмеялась Ритими.

— Не хочешь же ты появиться в миссии, как дикарка. Я не смогла втолковать ей, что буду очень курьезно выглядеть среди белых с выбритым кружком на темени. Ритими утверждала, что дело здесь не столько в эстетических соображениях, сколько в чисто практических.

— Вши, — заметила она, — больше всего любят это самое место. Ирамамове наверняка не станет искать тебе вшей по вечерам. — Может быть, ты тогда обреешь мне голову наголо, — предложила я.

— Это лучший способ от них избавиться. Ритими посмотрела на меня с ужасом.

— Только очень больные люди бреют себе голову. Ты же изуродуешь себя. Согласно кивнув, я поручила себя ее заботам. Покончив с бритьем, она натерла плешь пастой оното, потом очень аккуратно раскрасила мне лицо. Она провела широкую прямую линию чуть ниже челки и волнистые линии по щекам, расставив между ними ряды точек.

— Какая досада, что я не сделала тебе проколов в носу и уголках рта сразу же, как ты к нам пришла, — сказала она разочарованно. Вынув тонкую отполированную палочку из ноздрей, она приложила ее к моему носу.

— Как бы это было красиво, — вздохнула она в комическом отчаянии и принялась раскрашивать мне спину широкими полосами оното, закруглявшимися ближе к ягодицам. Спереди, начав немного ниже груди, она провела волнистые линии до самых бедер. И наконец обвела мои колени широкими красными полосами. Глядя на мои ноги, можно было подумать, что я хожу в носках. Тутеми повязала мне на талии новенький хлопковый пояс так, чтобы бахрама прикрывала лобок. Довольная моим внешним видом, она хлопнула в ладоши и запрыгала на месте.

— Ах, еще уши! — воскликнула она, дав знак Ритими подать связку пушистых белых перьев, и привязала их к моим сережкам. На предплечьях и под коленями Тутеми повязала

красные хлопковые шнурки. Обнимая за талию, Ритими повела меня от хижины к хижине, чтобы все Иतिकотери могли мною полюбоваться. В последний раз я видела свое отражение в блестящих глазах женщин и веселье в насмешливых улыбках мужчин. Старый Камосиве, зевнув, потянулся так, что его костлявые руки чуть не выскочили из суставов. Открыв свой единственный глаз, он стал пристально изучать мое лицо, словно старался запомнить каждую черточку. Медленными осторожными движениями он развязал мешочек, висевший у него на шее, и достал из него подаренную мной жемчужину.

— Я буду думать о тебе, когда буду катать этот камешек в ладонях. Отказываясь поверить в то, что никогда больше нога моя не ступит сюда, в шабону, что никогда больше меня не разбудит смех ребятишек, забравшихся на заре ко мне в гамак, я заплакала. Прощания не было. Я просто пошла в лес следом за Ирамамове и Этевой. Позади шли Ритими и Тутеми, будто бы выбравшись в лес за дровами. Целый день мы молча шагали по тропе, делая лишь короткие остановки, чтобы перекусить. Солнце уже опускалось за линию деревьев, когда мы остановились в густой тени трех гигантских сейб. Они росли так близко друг от друга, что казались одним деревом. Ритими отвязала корзину, которую несла вместо меня. В ней были бананы, жареное обезьянье мясо, калабаш с медом, несколько пустых сосудов, мой гамак и рюкзак, в котором лежали джинсы и рваная майка.

— Тебя не станет одолевать грусть, если всякий раз после купания в реке ты будешь раскрашивать себе тело пастой оното, — сказала Ритими, повязывая мне на пояс маленький калабаш, отполированный листьями. Белый и гладкий, он висел у меня на поясе, как огромная слеза. Лес, три улыбающихся лица — все поплыло передо мной. Не говоря ни слова, Ритими первая направилась в заросли. Только Этева обернулся перед тем, как растаять в сумраке. Лицо его осветила улыбка, и он взмахнул мне рукой, как это часто у него на глазах делал, прощаясь, Милагрос. А я полностью отдалась воцарившейся во мне пустоте. Легче от этого не стало, наоборот, меня лишь еще сильнее охватило уныние. И все же, чувствуя себя совершенно несчастной, я как-то странно осознавала присутствие этих трех сейб. Словно во сне, я узнала эти деревья. Когда-то я уже была на этом самом месте. И Милагрос сидел передо мной на корточках и бесстрастно смотрел, как дождь смывает пепел Анхелики с моего лица и тела. Сегодня на том же месте сидел Ирамамове и смотрел, как слезы безудержно катятся по моим щекам.

— Вот здесь я впервые встретила Ритими, Тутеми и Этеву, — сказала я, только теперь поняв, что Ритими намеренно пошла провожать меня так далеко. Я поняла все, что осталось недосказанным, поняла, как глубоки были ее чувства. Она вернула мне корзину и калабаш, — две вещи, которые я несла в тот далекий день. Только теперь в сосуде был не пепел, а оното, символ жизни и счастья. Тихое одиночество, смиренное и безропотное, заполонило мое сердце. Осторожно, чтобы не смазать раскраску с лица, я отерла слезы.

— Может быть, Ритими еще когда-нибудь найдет тебя на этом же месте, — сказал Ирамамове, и его обычно суровое лицо смягчилось в мимолетной улыбке. — Пройдем-ка еще немного до ночлега.

— И взяв тяжелую банановую гроздь из моей корзины, он забросил ее на плечо. Спина его слегка изогнулась, живот выпятился. Должно быть, Ирамамове что-то подгоняло в дорогу не меньше, чем меня. А мои ноги, казалось, шагали сами по себе, точно зная, куда ступить в темноте. Я не упускала из виду колчан Ирамамове, прижатый к спине банановой гроздью. Я шла сквозь тьму, и мне виделось, что это лес от меня уходит, а не я от него.

— Заночуем здесь, — сказал Ирамамове, осмотрев потрепанный непогодой навес в

стороне от тропы. Там он развел небольшой огонь и повесил свой гамак рядом с моим. Лежа без сна, я смотрела сквозь дыру в крыше на звезды и тающую луну. В темноте начал сгущаться туман, пока не осталось ни искорки света. Деревья и небо образовали сплошную массу, сквозь которую мне представлялись луки, густым дождем сыплющиеся из туч, хекуры, вздымающиеся из невидимых расщелин в земле и пляшущие под песни шамана. Солнце было уже высоко, когда меня разбудил Ирамамов. Разделавшись с печеным бананом и куском обезьяньего мяса, я предложила ему свой калабаш с медом.

— Тебе это понадобится на многие дни пути.

— Ласковый взгляд смягчил слова отказа.

— По дороге мы найдем еще, — пообещал он, берясь за мачете, лук и стрелы. Мы шли ровным шагом, причем намного быстрее, чем я когда-либо ходила в жизни. Мы переправлялись через реки, взбирались и спускались по холмам без каких-либо узнаваемых ориентиров. Дни переходов, ночи сна сменялись, обгоняя друг друга. Мои мысли не покидали пределов каждого отдельного дня или ночи. А между ними не было ничего, кроме стремительной зари и вечерних сумерек, когда мы садились поесть.

— Я знаю это место! — воскликнула я однажды, прервав долгое молчание, и указала на торчащие из земли черные скалы, которые встали вертикальной стеной вдоль речного берега. Но чем дальше я смотрела, тем меньше была уверена, что когда-то бывала здесь. Я перелезла через поваленное дерево, во всю длину лежащее на воде. Целый день царил полное безветрие, но теперь листва легонько зашевелилась, пуская по течению шепот свежего ветерка. Изогнутые ветви и ползучие растения касались водной глади и погружались в темную глубину, отпугивая рыб и москитов.

— Нам уже недалеко до миссии? — спросила я, повернувшись к Ирамамову. Он не ответил и спустя мгновение, словно раздосадованный молчанием, которого сам не захотел нарушить, дал мне знак идти дальше. Я устала — каждый шаг давался мне с трудом, хотя не припомню, чтобы мы так уж много прошли в тот день. Услышав крик птицы, я подняла голову. С ветки, словно гигантская бабочка, сорхнул желтый лист и, боясь упасть и сгнить на земле, прилип к моей ноге. Ирамамов выпрямил руку за спиной, ведя мне замереть на месте, затем крадучись стал пробираться вдоль берега.

— Сегодня на ужин у нас будет мясо, — шепнул он и растворился в неверном свете. Тело его стало лишь черточкой на фоне мерцающей реки. Улегшись на темный песок, я вначале смотрела, как на короткое время вспыхнуло небо, когда земля поглотила солнце. Потом я допила остатки меда, найденного утром Ирамамову, и уснула со сладостью на губах. Я проснулась от потрескивания костра и перевернулась на живот. На небольшой решетке Ирамамов поджаривал почти двухфунтового агути.

— Нехорошо спать по ночам без огня, — сказал он, повернув ко мне лицо.

— Тебя могут околдовать лесные духи.

— Я так устала, — и зевнув, я подвинулась ближе к огню.

— Я могла бы проспать несколько дней кряду.

— Ночью будет дождь, — объявил Ирамамов и начал устанавливать вокруг костра три шеста, опору нашего убежища. Я помогла ему накрыть хижину банановыми листьями, которые он нарезал, пока я спала. Он подвесил гамаки ближе к огню, чтобы мы, не вставая, могли подталкивать поленья в костер. Сочное и нежное мясо агути напоминало по вкусу жареную свинину. Недоеденные остатки Ирамамов подвязал к шести высоко над огнем.

— Остальное мы съедим утром.

- И с довольной улыбкой он растянулся во весь рост в гамаке.
- Оно даст нам силы, чтобы подняться в горы.
- Горы? — спросила я.
- Когда я шла сюда с Анхеликой и Милагросом, на пути у нас были только холмы.
- Я наклонилась к Ирамамове.
- Единственный раз я поднималась в горы, когда возвращалась в шабоно с Ритими и Этевой после праздника у Мокототери. Эти горы были недалеко от шабоно.
- Я коснулась его лица. — Ты уверен, что знаешь дорогу в миссию? — Что за вопрос, — ответил он, закрыв глаза и скрестив руки на груди. Его щетинистые брови вразлет расходились к вискам. На верхней губе виднелось несколько волосков. Кожа на высоких скулах была туго натянута, от раскраски оното остался едвазаметный след. Словно раздраженный моим пристальным взглядом, он открыл глаза; в них отражался свет костра, но взгляд не выражал ничего. Я улеглась в гамак и провела пальцами по лбу и щекам, чтобы проверить, не сошли ли с моего лица нарисованные узоры. Завтра выкупаюсь в реке, подумала я. И все мое беспокойство, а скорее всего, просто усталость, исчезнет, как только я заново раскрашусь оното. Однако сколько я ни пыталась приободриться, я не в силах была унять нарастающего недоверия. Мой разум и тело напряглись в какомто смутном предчувствии, которого не выразить словами. Воздух стал зябким. Наклонившись, я подтолкнула полено ближе к огню.
- В горах будет еще холоднее, — негромко вымолвил Ирамамове.
- Я приготовлю напиток из растений, который нас согреет. Приободрившись от его слов, я начала усиленно и глубоко дышать, отгоняя от себя всякие мысли, пока не перестала воспринимать ничего, кроме шелеста дождя, прогретого дымом воздуха и запаха влажной земли. Так я и заснула спокойным тихим сном до самого утра. Утром мы искупались в реке и раскрасили друг другу лица и тела пастой оното. Ирамамове дал мне четкие указания, какими узорами его раскрасить: извивающаяся линия со лба должна была спускаться до челюстей и затем вокруг рта; один круг между бровями, круги в уголках глаз и по одному на щеках. На груди он захотел иметь волнистые линии, спускающиеся до пупка, а на спине — прямые линии. Меня же он с чуть насмешливой улыбкой разрисовал с головы до ног одинаковыми кругами.
- Что они означают? — нетерпеливо спросила я. Ритими никогда меня так не раскрывала. — Ничего, — ответил он, смеясь.
- Просто так ты не выглядишь такой тощей. Поначалу подъем по узкой тропе был довольно легким. В подлеске не было ни острой, как пила, травы, ни колючих кустов. Теплый туман пеленой окутывал лес, творя полупрозрачный свет, сквозь который верхушки высоких пальм казались свисающими с небес. Шум водопадов призрачным эхом раздавался в туманном воздухе, и всякий раз, когда я задевала ветку или лист, на меня сыпались капельки влаги. Однако послеполуденный дождь превратил тропу в раскисший кошмар. Я то и дело разбивала пальцы о корни и камни, спрятанные в жидкой грязи. Мы устроили привал, когда день стал клониться к вечеру, на полпути к вершине. Совершенно измученная, я села на землю и стала смотреть, как Ирамамове забивает колья в землю. У меня не было сил, чтобы помочь ему накрыть треугольное сооружение пальмовыми листьями.
- Ты будешь возвращаться в шабоно этим же путем? — спросила я, недоумевая, почему он так основательно укрепляет хижину. Для пристанища на одну ночь она

выглядела даже слишком крепкой. Ирамамове только покосился на меня, но ничего не ответил.

— Сегодня ночью будет гроза? — уже раздраженно спросила я. Неудержимая улыбка заиграла на его губах, а в лице появилось что-то детское, когда он присел со мной рядом. Лукавая искорка, словно он затеял какую-то проделку, светилась в его глазах.

— Сегодня ты хорошо будешь спать, — наконец сказал он и принялся разводить огонь в уютной хижине. Мой гамак он повесил у задней стенки, свой — поближе к узкому выходу.

— Сегодня мы не почувствуем холода, — сказал он, ища глазами сосуд с измельченными листьями и бледно-желтыми цветами какого-то растения, найденного им накануне на прогретых солнцем скалах у речного берега. Он открыл калабаш, плеснул туда воды и поместил его над огнем. Затем он тихо запел, не сводя глаз с темной кипящей жидкости. Пытаясь разобрать слова его песни, я уснула, но вскоре он меня разбудил.

— Выпей это, — велел он, поднося сосуд к моим губам.

— Его остудила горная роса. Я сделала глоток. Вкус был как у травяного чая, горьковатый, но не слишком неприятный. После нескольких глотков я оттолкнула калабаш.

— Выпей все, — стал уговаривать меня Ирамамове.

— Это тебя согреет. Ты целыми днями будешь спать.

— Целыми днями? — я выпила все до дна, посмеиваясь над его словами как над шуткой, хотя мне почудилось, что он произнес это с затаенным коварством. Но пока до меня окончательно дошло, что он и не думает шутить, по всему телу растеклось приятное оцепенение, перетопившее мою тревогу в успокоительную тяжесть, от которой голова так налилась свинцом, что, казалось, вот-вот отвалится. Представив, как она, словно шар со стеклянными глазами, покатится по земле, я судорожно расхохоталась. Присев у костра, Ирамамове наблюдал за мной со все нарастающим любопытством. А я медленно поднялась на ноги. Я утратила свою физическую сущность, подумала я. Попытавшись двинуться с места, я поняла, что ноги меня не слушаются, и удрученно плюхнулась на землю рядом с Ирамамове.

— Ты почему не смеешься? — спросила я, удивляясь собственным словам. На самом деле я хотела узнать, не означает ли лopotание дождя по крыше, что пришла гроза. Я тут же засомневалась, действительно ли я что-то сказала, ибо отголоски слов звенели у меня в голове, как дальнее эхо. Боясь пропустить ответ, я подсела к Ирамамове поближе. Тишину прорезал крик ночной обезьяны, и лицо его напряглось. Ноздри раздулись, полные губы сжались в прямую линию. Он впился в меня глазами, которые становились все больше. В них светилось глубокое одиночество и еще нежность, такая неожиданная на его суровом, похожем на маску лице. Словно приведенная в движение неким неповоротливым механизмом, я с огромным трудом подползла к порогу хижины. Мои сухожилия будто кто-то заменил эластичными струнами. Я с удовольствием чувствовала, что могу растянуться в любом направлении, принять самые нелепые, самые невообразимые позы. Из висящего на шее мешочка Ирамамове отсыпал на ладонь эпену, глубоко втянул галлюциноген в ноздри и запел. Я ощутила его песню в себе и вокруг себя, почувствовала ее мощное притяжение. Без тени сомнения я отпила еще из сосуда, который он поднес к моим губам.

Темное варево больше не горчило. Мое ощущение времени и пространства совершенно перекошилось. Ирамамове и костер оказались так далеко, что меня одолел

страх потерять их в ставшей необъятной хижине. И сразу же его глаза так приблизились к моим, что я увидела свое отражение в их темных зрачках. Меня сокрушила тяжесть его тела, руки сами сложились у него под грудью. Он шептал мне что-то на ухо, но я не слышала. Ветерок развел листья в стороны, и открылась полная теней ночь, деревья касались верхушками звезд, бесчисленных звезд, собравшихся в кучу, словно готовых вот-вот упасть. Я протянула руку; рука схватила листья в алмазах капель. На мгновение они повисли у меня на пальцах, а потом исчезли, как роса. Тяжелое тело Ирамамове держало меня; его глаза сеяли во мне зерна света; его нежный голос звал меня за собой сквозь сны дня и ночи, сны дождевой воды и горькой листвы. В его пленившем меня теле не было ничего от насилия. Наслаждение волнами сливалось с видениями гор и рек, тех дальних краев, где обитают хекуры. Я плясала с духами зверей и деревьев, скользя с ними в тумане мимо корней и стволов, мимо веток и листьев. Я подпевала голосам птиц и пауков, ягуаров и змей. Я разделяла сны тех, кто живет эпеней, горькими цветами и листьями. Я уже не знала, сплю я или бодрствую. Временами мне смутно вспоминались слова Хайямы о шаманах, телам которых необходимо женское начало. Но эти воспоминания были расплывчаты и скоротечны, оставаясь глухими неуверенными предчувствиями. А Ирамамове всегда чутко улавливал, когда я готова погрузиться в настоящий сон, когда у меня на кончике языка повисали вопросы, а когда я вот-вот заплачу.

— Если ты не можешь видеть сны, я тебя заставлю, — сказал он, обнимая меня и отирая мне слезы своей щекой. И вся моя решимость отказаться пить из сосуда, который подобно лесному духу стоял у огня, исчезла без следа. Я жадно выпила темное, приносящее видения зелье и снова повисла в безвременье, которое не было ни днем, ни ночью. И снова я влетела в ритм дыхания Ирамамове, в биение его сердца, сливаясь со светом и тьмой внутри него. Время вернулось ко мне, когда я почувствовала, что как-то перемещаюсь сквозь листву, деревья и неподвижные лианы подлеска. Я знала, что не иду сама, и тем не менее я спускалась из холодного, погруженного в туман леса. Ноги мои были связаны, а голова безвольно болталась, словно сосуд, выпитый до дна. Видения вытекали из моих ушей, носа и рта, оставляя тонкий след капель на крутой тропе. И напоследок передо мной всплыли образы шабоно, в которых жили мужчины и женщины-шаманы из иных времен. Когда я проснулась, Ирамамове сидел у костра. На лице его играли огненные блики и слабый свет луны, заглядывавшей в хижину. И я подумала, сколько же дней миновало с той ночи, когда он в первый раз дал мне горькое зелье. Сосуда у костра не было. В том, что мы уже не в горах, я не сомневалась. Ночь была безоблачна. Тихий ветерок, шелестящий в кронах деревьев, расплел мои мысли, и я уплыла в сон без сновидений под монотонные песни Ирамамове к хекурам. Меня разбудило сильное урчание в животе. Неуверенно встав на ноги в пустой хижине, я почувствовала головокружение. Все мое тело было разрисовано волнистыми линиями. Как странно все это было, подумала я. Сожалений не было; не было ни ненависти, ни отвращения. И вовсе не потому, что все мои чувства как бы оцепенели. Скорее у меня было состояние, которое испытываешь, пробудившись ото сна, значения которого не можешь объяснить. У огня лежал сверток с жареными лягушками. Сев на землю, я стала дочиста обглаживать тонкие косточки. Стоящее у одного из шестов мачете означало, что Ирамамове где-то поблизости. Ориентируясь на журчание реки, я стала пробираться сквозь лесную чащу. Внезапно заметив, как Ирамамове совсем близко от меня прибывает к берегу маленькое каноэ я

спряталась в кустарнике. По виду суденышка я определила, что оно сделано индейцами Макиритаре. Я уже видела в миссии такие лодки, выдолбленные из древесного ствола. При мысли о том, что мы, возможно, находимся совсем близко от какой-нибудь их деревни или далее от миссии, сердце застучало быстрее. Ирамамове не подавал виду, что как-то заметил мое появление, и я украдкой вернулась к хижине, недоумевая, где он мог раздобыть каноэ. Не прошло и минуты, как с перекинутым на лиане за спину увесистым свертком в хижину вошел Ирамамове.

— Рыба, — сказал он, сбрасывая сверток на землю. Я покраснела и смущенно рассмеялась. А он неторопливо разложил завернутую в листья рыбу между угольями, следя за тем, чтобы жара было достаточно, но огонь не задевал листья платаний. Он так и остался сидеть у костра, целиком поглощенный поджариванием рыбы. Как только испарилась последняя влага, он с помощью раздвоенной палочки убрал сверток с огня и раскрыл его.

— Хорошо, — сказал он, отправляя пригоршню крошащегося белого мяса в рот, и подвинул сверток ко мне.

— Что произошло в горах? — спросила я. Вздрыгнув от моего воинственного тона, он так и остался сидеть с раскрытым ртом. Непрожеванный кусок рыбы выпал в золу. Он автоматически, не счистив налипшей грязи, сунул его обратно в рот и потянулся за лежащей на земле лианой. Меня охватил неудержимый страх. Я не сомневалась, что Ирамамове сейчас свяжет меня и унесет в лесные дебри. Куда подевалась моя недавняя уверенность, что мы находимся совсем рядом с деревней Макиритаре или даже с миссией. Я была лишь в состоянии думать о рассказе Хайямы о шаманах, прятавших похищенных ими женщин в лесной глуши. Я уже не сомневалась, что Ирамамове никогда не отведет меня в миссию. Мысль о том, что пожелай он спрятать меня где-то в лесу, он не стал бы приносить меня с гор сюда, в тот момент как-то не пришла мне в голову. Я уже не верила ни его улыбке, ни ласковому блеску в глазах. Взяв стоящий у огня калабаш с водой, я протянула его ему. Он с улыбкой отложил веревку. Я подвинулась ближе, будто собираясь поднести сосуд к его губам, но вместо этого изо всех сил врезала ему между глаз. Захваченный врасплох, он упал навзничь, глядя на меня с немым изумлением, а кровь с обеих сторон потекла у него по носу. Не обращая внимания на колючки, корни и острые клинки травы, я рванулась сквозь заросли к тому месту, где видела каноэ. Однако я неверно рассчитала, куда Ирамамове его привязал, и добежав до реки, не увидела ничего, кроме разбросанных вдоль берега камней. Суденышко оказалось выше по течению. Я запрыгала с камня на камень с ловкостью и быстротой, каких в себе не подозревала, и с трудом переводя дух, повалилась на землю рядом с каноэ, наполовину вытащенным на берег. Увидев стоящего передо мной Ирамамове, я не смогла сдержать крика. Он присел и рассмеялся, широко раскрыв рот. Хохот накатывал на него порывами и так сотрясал все тело с головы до ног, что подо мной задрожала земля. Слезы катились у него по щекам и смешивались с кровью из рассеченного лба.

— Ты забыла это, — сказал он, помахав рюкзаком у меня перед носом, потом открыл его и подал мне джинсы и рваную майку. — Сегодня ты доберешься до миссии.

— Это та река, на которой стоит миссия? — спросила я, глядя в его окровавленное лицо. — Я не узнаю этого места. Ты была здесь с Анхеликой и Милагросом, — заверил он меня. Дожди так же меняют лицо лесов и рек, как облака меняют лицо неба. Я надела джинсы; они мешковато повисли, грозя свалиться с бедер. Сырая, пропахшая плесенью майка заставила меня расчихаться. Почувствовав неловкость, я подняла неуверенный

взгляд на Ирамамове: — Как я выгляжу? Он обошел меня кругом и придирчиво осмотрел со всех сторон. Затем, после минутного размышления, снова присел и со смехом произнес: — Ты лучше выглядишь в раскраске из око/по. Я присела возле него. Ветра не было; на реке все словно замерло. Тени высоких деревьев тянулись над водой, ложась не песок у наших ног. Я хотела извиниться за то, что разбила ему калабашем лицо, и объяснить свои подозрения. Я хотела, чтобы он рассказал мне о днях, проведенных в горах, но мне не хотелось прерывать молчание. Словно зная, в каком я затруднении, и забавляясь этим, Ирамамове уткнулся лицом в колени и тихо засмеялся, как бы деля свое веселье с каплями крови, падающими между широко расставленными пальцами ног.

— Я хотел взять себе хекуры, которые однажды видел в твоих глазах,— негромко промолвил он. И дальше он рассказал, что не только он сам, но и старый шапори Пуривариве видел во мне хекур.

— Всякий раз, когда я лежал с тобой и чувствовал, какая в тебе бурлит энергия, я надеялся переманить духов в свою грудь, — сказал Ирамамове.

— Но они не захотели тебя покинуть.

— Он обратил на меня протестующий взгляд.

— Хекуры не пожелали откликнуться на мой зов; не пожелали прислушаться к моим песням. А потом я испугался, что ты можешь забрать хекур из моего тела. Гнев и невыразимая печаль на мгновение лишили меня дара речи.

— Мы пробыли в горах больше суток? — наконец спросила я, ибо любопытство все же взяло во мне верх. Ирамамове кивнул, но не сказал, как долго мы пробыли в хижине.

— Когда я убедился, что не смогу изменить твоего тела, когда понял, что хекуры ни за что тебя не покинут, я отнес тебя на лямках сюда.

— А если бы ты изменил мое тело, ты бы держал меня в лесу? Ирамамове застенчиво посмотрел на меня. Губы его разомкнулись в улыбке облегчения, но глаза туманило смутное сожаление.

— В тебе обитает душа и тень Иतिकотери, — тихо промолвил он.

— Ты ела пепел наших мертвых. Но у тебя тело и голова напе.

— И молчание выделило эту последнюю фразу, прежде чем он добавил:

— Впереди у меня ночи, когда ветер принесет твой голос вместе с голосами обезьян и ягуаров. И я увижу, как твоя тень пляшет на земле в пятнах лунного света. В такие ночи я буду думать о тебе. Он встал и столкнул каное в воду.

— Держись поближе к берегу — не то течение понесет тебя слишком быстро, — сказал он, давая мне знак сесть в лодку. — А ты не поедешь? — встревоженно спросила я.

— Это хорошее каное, — сказал он, подавая мне весло. У него была красивой формы ручка, круглое древко и овальная лопасть в форме остроконечного вогнутого щита. — В нем ты спокойно доберешься до миссии.

— Подожди! — воскликнула я, прежде чем он отпустил лодку, и дрожащими руками стала раздвигать непослушный замок бокового кармана рюкзака. Достав кожаный мешочек, я подала его ему. — Ты помнишь камень, который дал мне шаман Хуан Каридад? — спросила я.

— Теперь он твой. Его потрясенное и изумленное лицо на мгновение застыло. Пальцы его медленно сжали мешочек, а лицо смягчилось в улыбке. Ни слова не говоря, он столкнул каное в воду и, сложив на груди руки, смотрел, как меня относит течение. Я часто оглядывалась, пока он не скрылся из виду. В какой-то момент мне показалось, что я

все еще вижу его фигуру, но это лишь играющий тенями ветер подшутил над моими глазами.

Глава 25

Деревья по обоим берегам и ползущие по небу облака затеняли реку. Желая сократить промежуток времени между тем миром, который остался в прошлом, и тем, который поджидал меня впереди, я гребла изо всех сил. Однако вскоре я устала, и теперь только отталкивалась веслом, когда течение заносило меня слишком близко к берегу. Временами река светлела, и тогда буйная зелень отражалась в ней неестественно ярко. В лесном сумраке и глубокой тишине вокруг меня было что-то навевающее покой. Деревья, казалось, прощально мне кивали, слегка кланяясь на слепополуденным ветру, а может быть, они только оплакивали уход еще одного дня и угасание последних лучей солнца на небе. Незадолго до того, как сгустились сумерки, я подвела каноэ к противоположному берегу, где заметила среди черных скал песчаные проплешины. Как только лодка врезалась в песок, я выпрыгнула из нее и вытащила каноэ на сушу, поближе к лесной опушке, где свисающие лианы и ветки образовали укромное убежище. Оглянувшись на дальние горы, уже фиолетовые в наступивших сумерках, я подумала, что провела там, пожалуй, не меньше недели, прежде чем Ирамамове принес меня в хижину, где я проснулась этим утром. Взобравшись на самую высокую скалу, я окинула окрестности взглядом в надежде увидеть огни миссии. Должно быть, она дальше, чем рассчитывал Ирамамове, подумала я. Одна лишь темнота, выползая из реки, медленно взбиралась на скалы по мере того, как в небе таяли последние следы солнца. Я проголодалась, но не рискнула обследовать песчаный берег в поисках черепаших яиц. Лежа в каноэ, я никак не могла решить, то ли мне положить рюкзак под голову, как подушку, то ли укутать тем озябшие ноги. Сквозь густое сплетение ветвей я видела прозрачное небо, полное бесчисленных крошечных звезд, сверкающих, словно золотые пылинки. Упрятав ноги в рюкзак и уплывая в сон, я надеялась, что мои чувства, как свет звезд, дойдут до тех, кого я любила в этой лесной глуши. Вскоре я проснулась. Воздух звенел криками сверчков и лягушек. Я села и огляделась, словно взглядом могла разогнать темноту. Потoki лунного света сочились сквозь полог ветвей, разрисовывая песок причудливыми тенями, оживающими при малейшем шорохе ветра. Даже закрыв глаза, я остро чувствовала, как эти тени задевают каноэ. Стоило сверчку прервать свое неумолчное стрекотание, как я открывала глаза и ждала, пока он запоет снова. Наконец рассвет заставил смолкнуть все крики, шорохи и посвисты ночного леса. Окутанные туманом листья были как бы осыпаны тончайшей серебряной пылью. Над деревьями взошло солнце, окрасив облака в оранжевый, пурпурный и розовый цвета. Я выкупалась, выстирала одежду мелким речным песком, разложила еду для просушки на каноэ и раскрасила себя пастой оного. Я была даже рада, что не добралась до миссии накануне, как надеялась поначалу, и что у меня еще есть время посмотреть, как облака изменяют облик неба. На востоке, омрачая горизонт, громоздились тучи. Вдали сверкали молнии, спустя долгое время доносились громовые

раскаты, и белые полосы дождя неслись по небу на север, значительно опережая меня. Я подумала, не греются ли гденибудьздесь на солнышке аллигаторы среди разбросанного на песке плавника. Немного проплыв дальше, я вынеслась наширокий разлив вод. Течение стало таким сильным, что яс большим трудом уводила лодку от водоворотов на мелководье у каменистых берегов. На какое-то мгновение я решила, что мне привиделсядлинный долбленный челнок, пробирающийся против течения вдоль другого берега. Я встала во весь рост, отчаяннозамахала майкой и расплакалась от радости, увидев, какчелнок направляется ко мне через водную ширь. С хорошорассчитанной точностью тридцатифутовое каноэ присталок берегу всего в нескольких шагах от меня. Из каноэ, улыбаясь, выбрались двенадцать человек —четыре женщины, четверо мужчин и четверо детей. Онистранно выглядели в своей цивилизованной одежде и слицами в пурпурных узорах. Их волосы были острижены, как мои, но макушки не были выбриты.

— Макиритаре? — спросила я. Женщины закивали, прикусив губы, словно пытались сдержатъ смешок. Потом их подбородки дрогнули, и ониразразились неудержимым хохотом, которому сталивторить мужчины. Я поспешно натянула джинсы и майку. Самая старшая из женщин подошла поближе. Она быланевысока ростом, коренаста, ее платье без рукавов открывало круглые толстые руки и длинные груди, свисавшие досамого пояса.

— Ты та самая, что ушла в лес со старухой Иतिकотери, — сказала она, словно встретить меня плывущей по реке в челноке, сделанном ее народом, было самымобычным в мире делом. — Мы знаем о тебе от отца в миссии.

— После официального рукопожатия старуха познакомила меня со свои мужем, тремя дочерьми, их мужьями и детьми.

— Мы недалеко от миссии? — спросила я.

— Мы выехали оттуда ранним утром, — сказал муж старухи.

— Мы навещали родственников, которые живут неподалеку.

— Она стала настоящей дикаркой, — воскликнула младшая из дочерей, указывая на мои изрезанные ноги таким возмущенным видом, что я едва удержалась от смеха. А та обыскала мое каноэ и потрясла пустым рюкзаком.

— У нее нет обуви, — изумленно сказала она.

— Она настоящая дикарка! Я посмотрела на ее босые ноги.

— Наша-то обувь лежит в каноэ, — заявила она и принялась доставать из лодки целую кучу разнообразнойобуви.

— Видишь? У нас всех есть обувь.

— У вас есть какая-нибудь еда? — спросила я.

— Есть, — заверила меня старуха, попросив дочь отнести обувь в лодку и подать один из лубяных коробов. Короб, изнутри выстланный листьями платанийо, был полон маниоковых лепешек. Я набросилась на еду, с нежностью макая кусок за куском в калабаш с водой, преждечем отправить его в рот.

— Мой желудок полон и счастлив, — сказала я, наполовину опустошив короб. Макиритаре выразили сожаление, что у них нет с собой мяса, а есть лишь сахарный тростник. Старик отрубил кусок длиною в фут, снял с помощью мачете кору, похожуюна кору бамбука, и подал его мне.

— Он придаст тебе силы, — сказал он. И я принялась жевать и высасывать белые жесткие волокна, пока они не стали совсем сухими и безвкусными. Макиритаре слышали

о Милагросе. Один из зятьев знал еголично, но никто из них не знал, где он сейчас.

— Мы отвезем тебя в миссию, — сказал старик. Я слабо попыталась втолковать ему, что им нет никакой необходимости возвращаться назад, но убежденности в моих словах было маловато, так что я быстро забралась вих лодку, усевшись среди женщин и детей. Чтобы воспользоваться мощным течением, мужчины вывели каноэ на самую середину реки. Они гребли, не говоря друг другу нислова, но ритм одного так был согласован с ритмом другого, что они заранее предугадывали движения соседа. И явспомниласлова Милагроса о том, что Макиритаре — этоне только самые лучшие строители лодок на всем Ориноко, но и самые искусные гребцы. Усталость тяжело навалилась мне на глаза. Ритмичныйплеск весел нагнал на меня такую дремоту, что я то и делоклевала носом. Безвозвратно ушедшие дни и ночи проплывали у меня в мозгу, как обрывки снов из иного времени. Все уже казалось таким смутным, таким далеким, словномираж. Был уже полдень, когда меня разбудил отец Кориолано, войдя в комнату с кружкой кофе.

— Восемнадцать часов сна — неплохо для начала, — сказал он. В его улыбке была та же ободряющая теплота, как и тогда, когда он встретилменя у лодки Макиритаре.С глазами, в которых еще клубился сон, я села наполотняной койке. Спина затекла от долгого лежания. Ямаленькими глотками стала медленно тянуть горячий черный кофе, такой крепкий и сладкий, что меня даже немного затошнило.

— У меня еще есть шоколад, — сказал отец Кориолано. Я одернула на себе ситцевую сорочку с чужого плеча и отправилась вслед за ним на кухню. С видом шеф-повара, готовящего замысловатое блюдо, он смешал в кипящей накеросинке кастрюльке с водой две чайные ложки сухогомолока, две — порошкового шоколада «Нестле», четыреложки сахару и несколько крупинок соли. Он вылил недопитый мною кофе, пока я пила с ложечки божественно вкусный шоколад.

— Я могу передать по радио вашим друзьям в Каракасе, чтобы они забрали вассвоим самолетом, когда вы захотите.

— О, пока не надо, — еле слышно сказала я. Дни ползли за днями. По утрам я бесцельно бродила у огородов вдоль реки, а в полдень усаживалась в тени большого, уже не плодоносящего мангового дерева вблизи часовни. Отец Кориолано не спрашивал меня ни о планах, ни о том, как долго я еще намерена пробыть в миссии. Казалось, он воспринимал мое присутствие как неизбежность. По вечерам я целыми часами беседовала с отцом Кориолано и часто заходившим на огонек мистером Бартом. Мы говорили об урожае, о школе, о диспансере, словом, на самые нейтральные темы. Я была рада, что ни один из них не расспрашивал меня, где я пробыла больше года, что я там делала или что видела. Я все равно не смогла бы им ответить — и не потому, что хотела сохранить это в секрете, а потому, что мне просто нечего было сказать. Если темы для разговора исчерпывались, мистер Барт читал нам статьи из газет и журналов примерно двадцатилетней давности. Независимо от того, слушали мы или нет, он трещал без умолку сколько хотел, то и дело громко хохоча. Но несмотря на весь их юмор и приветливость, бывали вечера, когда и на их лица наползала тень одиночества, и мы сидели, молча прислушиваясь к лopotанию дождя по ржавой крыше или крику обезьяны-ревуна, устраивающейся на ночлег. В такие минуты я задавалась вопросом, не прикоснулись ли и они когда-то к тайнам леса, — тайнам окутанных туманом пещер, к тихому журчанию древесного сока, бегущего по ветвям и стволам, не прислушивались ли к паукам, пряжущим свою серебристую паутину? В такие минуты я задумывалась, не об этом ли предупреждал меня отец Кориолано, когда говорил об опасностях, подстерегающих в лесу? И не это ли, думала я, удерживает их от возвращения в некогда покинутый ими

мир? По ночам, в четырех стенах комнаты, я ощущала необъятную пустоту. Мне очень не хватало скученности хижин, запаха людей и дыма. Журчание реки под окном уносило меня в сны, где я снова оказывалась у Итикотери. Я слышала смех Ритими, видела улыбающиеся лица детей, и был еще неизменный Ирамамове, который, сидя на корточках у порога хижины, призывал к себе ускользнувших от него хекур. Как-то раз я шла вдоль берега, и меня вдруг охватила неумная печаль. Река громко шумела, заглушая голоса болтавших неподалеку людей. В полдень прошел дождь, и теперь солнце лишь проглядывало сквозь клочья облаков, не припекая в полную силу. Бесцельно бродя по песчаному берегу, я заметила вдалеке одинокую фигуру идущего мне навстречу человека. В своих защитного цвета штанах и красной клетчатой рубаше он был неотличим от любого другого цивилизованного индейца в миссии. Но в его вальяжной походке было что-то неувлимо знакомое.

— Милагрос! — закричала я и стала ждать, пока он ко мне подойдет. Его лицо казалось незнакомым под потрепанной соломенной шляпой, сквозь которую, будто выкрашенные в черный цвет пучки пальмовых волокон, пробивались пряди волос.

— Я так рада, что ты пришел. Улыбнувшись, он дал мне знак присесть рядом и провел ладонью по моей макушке.

— Волосы у тебя отросли, — заметил он.

— Я знал, что ты не уедешь, пока не повидеаешься со мной.

— Я возвращаюсь в Лос-Анжелес, — сказала я. Я так много хотела у него спросить, но сейчас, когда он был рядом со мной, я как-то не видела надобности в объяснениях. Мы смотрели, как над рекой и лесом растекаются сумерки. Темноту наполнили крики лягушек и сверчков. На небо взошла полная луна. Забираясь все выше, она становилась все меньше и заливала реку серебристой рябью.

— Как сон, — тихо вымолвила я.

— Сон, — повторил Милагрос.

— Сон, который будет сниться тебе всегда. Сон опереходах по лесу, о смехе и о печали.

— И после долгого молчания он заговорил снова: — Даже если твое тело утратило наш запах, какая-то частица тебя навсегда сохранит кусочек нашего мира, — с этими словами он махнул рукой куда-то вдаль. — Ты никогда не освободишься от этого.

— Я даже не поблагодарила их, — сказала я. — В твоём языке нет слова «спасибо».

— Нет в нём и слова «прощай», — добавил он. Что-то холодное, как капля дождя или росы, коснулось моего лба. Когда я оглянулась, Милагроса рядом уже не было. Из-за реки, из темной дали ветер донес смех Итикотери. — Слово «прощай» говорится глазами.

— Голос прошелестел в старых деревьях и растаял, как серебристая рябь на воде.

Глоссарий

- Ашукамаки (*Ah shun kah mah kee*) лиана, используемая для придания густоты яду кураре.
- Айори-тото (*Ah yo ree toh toh*) лиана, используемая как яд для рыбы.
- Эпена (*Eh pen nah*) галлюциногенный нюхательный порошок, изготавливаемый либо из коры дерева эпена, либо из семян дерева хисиома. Оба эти вещества изготавливаются и принимаются внутри одинаковым способом.
- Хекуры (*Heh kuh rahs*) крошечные человекоподобные духи, обитающие в скалах и горах. Шаманы вступают в контакт с хекурами, вдыхая галлюциногенный порошок эпену. Посредством заклинаний шаманы заманивают хекур к себе в грудь. Преуспевающие шаманы подчиняют хекур своей воле.
- Мамукори (*Mah muh ko ree*) толстая лиана, используемая для приготовления яда кураре.
- Момо (*Moh moh*) съедобные семена, похожие на орехи.
- Набруши (*Nah bru shee*) шестифутовая боевая палица.
- Напе (*Nah peh*) чужеземец. Всякий, кто не является индейцем, независимо от цвета кожи, расовой или национальной принадлежности.
- Око-шики (*Oh koh shee kee*) волшебные растения, применяемые с целью нанесения вреда.
- Оното (*Oh no toh*) красный растительный краситель, получаемый из толченых семян растения *Bixa orellana*. Краска используется для украшения лица и тела, равно как и корзинок, наконечников стрел и иных украшений.
- Пишаанси (*Pee sha kah see*) широкие листья, используемые либо для заворачивания мяса, либо при приготовлении еды, либо как тара.
- Платанийо (*Plah tah neeyo*) крупный, широкий, твердый лист, используемый в качестве оберточного материала либо как подстилка.
- Похоро (*Ph oh roh*) дикорастущее какао.
- Раша (*Rah sha*) возделываемая персиковая пальма со стволом, усеянным колючками. Высоко ценится за плоды, плодоносит пятьдесят и более лет. После бананов это, пожалуй, наиболее важное растение на индейских огородах. Такая пальма принадлежит тому, кто ее посадил.
- Шабоно (*Sha boh noh*) долговременное поселение индейцев Яномама в виде кольца из хижин с открытым пространством посередине.
- Шапори (*Sha poh ree*) шаман, знахарь, колдун.
- Унукаи (*Uh nuh kah ee*) человек, который убил врага.
- Ваитери (*Wah ee teh ree*) храбрый, мужественный воин.

ТАЙША АБЕЛЯР

МАГИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД

Путь женщины-воина

Оглавление

Предисловие Карлоса Кастанеды.....	2	Глава 11.....	133
Вступление.....	4	Глава 12.....	147
Глава 1.....	7	Глава 13.....	161
Глава 2.....	18	Глава 14.....	174
Глава 3.....	32	Глава 15.....	187
Глава 4.....	44	Глава 16.....	200
Глава 5.....	59	Глава 17.....	211
Глава 6.....	69	Глава 18.....	225
Глава 7.....	81	Глава 19.....	238
Глава 8.....	90	Глава 20.....	248
Глава 9.....	102	Глава 21.....	261
Глава 10.....	117		

Перед вами новая, вполне "Кастанедовская" книга - "Магический переход" Тайши Абеляр - женщины-сталкера из партии нагваля Карлоса Кастанеды. Это не только очередное увлекательное путешествие в мир магии дона Хуана применительно к обучению женщины-воина, но и ценнейшее практическое пособие, Здесь подробно описаны так называемые "Магические приемы" - упражнения, при помощи которых можно достичь раскрытия энергетических ресурсов, здоровья, молодости и, кроме того, понимания многих удивительных вещей, скрытых от нас в обыденной жизни.

Кроме этой книги, "София" готовит к публикации две книги еще одной женщины-мага из отряда Карлоса Кастанеды, уже известной вам по "Сну ведьмы" Флоринды Доннер. Это "Шабона", - по хронологии событий являющаяся продолжением "Сна" и "Жизнь в сновидении", - книга об обучении сновидящей Флоринды из той же магической семьи, которая описана у сталкера Тайши Абеляр.

Предисловие Карлоса Кастанеды

Тайша Абеляр - это одна из трех женщин, которые прошли серьезный курс обучения магии в Мексике у дона Хуана Матуса.

Я подробно описал свое обучение под его руководством, но в своих книгах ни разу не упомянул* об этой особой группе, к которой и принадлежит Тайша Абеляр. Дело в том, что среди подопечных дона Хуана действовало неписаное соглашение не упоминать о них.

*

Предисловие было написано до выхода в свет девятой книги Карлоса Кастанеды "Искусство сновидения" (К. К. том V, стр.13, изд. "София", Киев, 1993 г.) (Прим. ред.).

В течение двадцати лет мы придерживались этого соглашения. И несмотря на то, что мы жили и работали в непосредственной близости друг от друга, мы никогда совместно не обсуждали своих переживаний. Фактически, у нас ни разу даже не было возможности обменяться мнениями о том, что конкретно делали с нами дон Хуан и маги его отряда.

Такое положение дел не было связано с присутствием дона Хуана. После того, как он вместе со своей группой оставил мир, мы продолжали жить в изоляции друг от друга, потому что не желали расходовать энергию на пересмотр действующих соглашений. Все имеющееся у нас время и энергия использовались нами на совершенствование в том, чему дон Хуан так усердно нас обучал.

Дон Хуан обучал нас магии как практике, которая дала каждому из нас возможность непосредственно видеть энергию. Он утверждал, что для того, чтобы видеть энергию таким образом, мы должны вначале освободиться от ограничений обычного восприятия. Это освобождение и обучение видению стало для нас первоочередной задачей.

Маги считают, что качества нашего обычного восприятия были навязаны нам в процессе воспитания принудительно, хотя и не без нашего участия. Одним из неотъемлемых аспектов обычного восприятия является система интерпретации ощущений, которая превращает то, что мы наблюдаем посредством органов чувств, в осмысленные единицы, рассматриваемые в соответствии с общественной системой ценностей.

Обычная жизнь в обществе требует от людей слепой и безоговорочной приверженности нормальному восприятию, что исключает возможность

непосредственного видения энергии. Но дон Хуан утверждал, в частности, что при желании вполне можно научиться видеть людей как энергетические поля, напоминающие большие вытянутые пузыри яйцевидной формы, отсвечивающие тусклым белым светом.

Для того, чтобы достичь более высокой ступени восприятия, нам нужна внутренняя энергия. Поэтому накопление ее необходимого количества является ключевой задачей тех, кто занимается магией.

Обстоятельства, сложившиеся в настоящее время в мире благоприятствуют тому, чтобы Тайша Абеляр описала процесс своего обучения, который был во многом похож на мой, но в то же время существенно отличался от него. Написание книги заняло у нее продолжительное время, потому что она должна была прежде всего обрести магические творческие средства. Дон Хуан Матус сам поставил передо мной задачу писать о его магии. Он же дал мне указание, как это нужно делать, говоря: "Пиши как маг, а не как писатель". Это означало, что я должен был заниматься писательством в состоянии более тонкого восприятия, которое маги называют сновидением. У Тайши Абеляр ушли годы на то, чтобы овладеть сновидением в той степени, которая необходима для превращения его в магическое творческое средство.

В мире дона Хуана маги в зависимости от своего темперамента подразделялись на две основные категории: сновидящие и сталкеры. К сновидящим относятся те маги, которые наделены способностью выходить на более высокий уровень восприятия с помощью управления течением своих снов. Они совершенствуют эту способность посредством целенаправленных занятий, превращая ее в искусство сновидения. С другой стороны, сталкеры - это те маги, которые обладают врожденной способностью согласовывать свою жизнь с внешними обстоятельствами и могут достигать высоких уровней восприятия, совершенствуясь в управлении своим поведением. Магическая практика превращает эту естественную способность в искусство сталкинга.

Хотя все последователи дона Хуана в совершенстве владеют обоими этими искусствами, каждый маг относится к какой-то одной категории. Тайша Абеляр принадлежит к сталкерам и занималась под их руководством. Эта книга увлекательно повествует о ее занятиях искусством сталкинга.

Вступление

Я посвятила свою жизнь целеустремленным занятиям дисциплиной, которую, за неимением лучшего названия, мы именуем магией. Но я также являюсь антропологом и получила ученую степень доктора философии в этой области. Я упомянула об этих двух сферах своей деятельности именно в таком порядке потому, что мое увлечение магией шло первым. Обычно человек становится антропологом, а затем изучает какие-то аспекты человеческой культуры - в частности, магические культы. Но со мной случилось все наоборот: занимаясь магией, я начала изучать антропологию.

В конце 60-тых, когда я проживала в Таксоне, штат Аризона, я встретила с женщиной-мексиканкой по имени Клара Грау, которая пригласила меня погостить в свой дом в мексиканском штате Сонора. Приняв меня там, она сделала все от нее зависящее, чтобы посвятить меня в тайны своего мира, ведь в действительности она была магом - одной из шестнадцати человек, которые образовывали цельную магическую группу. Некоторые из них были индейцами племени яки, другие - мексиканцами разного происхождения и воспитания, возраста и пола. Большинство составляли женщины. Все они настойчиво преследовали одну цель: стремились преодолеть общественные предубеждения и связанные с ними стереотипы восприятия, которые препятствуют нашему выходу за рамки обычного повседневного мира и проникновению в другие возможные миры.

Для магов преодоление этих стереотипов восприятия означает возможность пересечь грань и войти в невообразимое. Этот немислимый скачок они называют "магическим переходом". Иногда они говорят, что это и есть тот "полет в абстрактное", который переносит нас из материального, физического мира в сферу расширенного восприятия и безличностных трансцендентных сущностей.

Эти маги по собственной инициативе взялись помочь мне постичь полет в абстрактное с тем, чтобы я могла впоследствии присоединиться к ним в их деятельности.

Академические занятия стали для меня неотъемлемой частью моей подготовки к магическому переходу. Лидер группы магов, к которой я отношу себя, или нагваль, как мы его называем, - это человек, который проявляет живой интерес к формальным научным знаниям. Вследствие этого все его подопечные должны были в совершенстве овладеть абстрактным мышлением, которому обучают в наши дни только в университетах.

У меня возникла необходимость получить высшее образование также и потому, что я - женщина. Ведь женщин с раннего детства воспитывают в духе зависимости от инициативы мужчин, которым в нашем обществе отведена роль мыслителей и реформаторов. Маги, у которых я занималась, были довольно категоричны в своих мнениях по этому поводу. Они считали, что женщина обязательно должна развивать свой интеллект и овладевать навыками рационального анализа для того, чтобы увереннее чувствовать себя в современном мире.

Кроме того, развитие интеллекта является хитроумной магической уловкой. Сознательно занимая ум размышлениями и анализом, маги получают возможность беспрепятственно исследовать иные сферы восприятия. Другими словами, пока рациональная сторона занимается формальными академическими науками, энергетическая, или иррациональная сторона, которую маги называют "двойником", посвящает себя выполнению магических действий. При этом недоверчивый рациональный ум не так часто вмешивается в процессы, происходящие на иррациональном уровне, а нередко и просто не замечает их.

Поэтому, мои занятия наукой шли рука об руку с расширением сознания и приобретением неординарных качеств восприятия: эти два аспекта деятельности развивают все наше существо. Оказывая на меня одновременное воздействие, эти две стороны моей жизни перенесли меня из того само-собой разумеющегося мира, в котором я была рождена и воспитана как женщина, в новую для меня область восприятия, где отсутствуют многие ограничения, свойственные обычному миру.

Нельзя сказать, что одной лишь приверженности магическому миру было бы достаточно для того, чтобы преодолеть все препятствия, которые возникали на моем пути. Дело в том, что влияние обычного мира так сильно и устойчиво, что, несмотря на усердие и прилежание, практикующие магию снова и снова обнаруживают себя в ситуациях, где их охватывает самый обычный страх, где они ведут себя неразумно и привязываются к вещам так, словно совсем ничему не научились. Мои учителя предостерегали меня, что я в этом смысле тоже не являюсь исключением и что только непрекращающиеся ни на минуту настойчивые усилия, направленные на достижение совершенства, могут совладать с нашим естественным, но очень неконструктивным желанием ничего не менять.

После тщательного рассмотрения того, что уже достигнуто мной, и того, что еще предстоит совершить, посоветовавшись со своими друзьями-магами, я пришла к выводу о необходимости описать весь процесс своих занятий для того, чтобы все, кто стремится постичь неизведанное, могли узнать о важности развития навыков более тонкого восприятия, чем наше обычное. Эти более

высокие уровни восприятия должны стать неотъемлемой частью нового, трезвого и прагматичного образа жизни. Но их не следует ни при каких условиях рассматривать в качестве продолжения нашего обычного взгляда на мир.

События, которые я описываю в книге, представляют собой первые шаги в магической практике сталкера. Эта стадия занятий подразумевает искоренение стереотипов мышления, поведения и эмоционального реагирования посредством традиционных магических средств, одним из которых является "вспоминание" - метод пересмотра своего жизненного опыта, через который проходят все неофиты. В дополнение к практике вспоминания меня обучили также ряду упражнений, которые называются "магические приемы" и представляют собой сочетание определенных движений и дыхания. И наконец для того, чтобы смысл этих упражнений стал понятен, моему вниманию предлагались соответствующие философские идеи и объяснения.

Целью всего, что я изучала, было научиться накапливать и перераспределять энергию, которая затем может быть использована для совершения самых непредсказуемых манипуляций с восприятием, необходимых для осуществления магических действий. В основе всех занятий лежала идея о том, что, как только навязчивые привычки, предвзятые мнения, ожидания и ощущения исчезают, человек сразу же получает возможность накопить достаточное количество энергии для того, чтобы жить, руководствуясь представлениями, которые бытуют в магической традиции, - и убеждаться в их правильности, непосредственно постигая реальность на более глубоком уровне.

Глава 1

Я выбрала уединенное место, подальше от шоссе и людей. Мне хотелось ранним утром сделать зарисовку теней на склонах гор удивительного горного массива вулканического происхождения, который окаймляет пустыню Гран-Дезьерто на юге штата Аризона. Темно-коричневые остроугольные скалы засверкали, когда первые лучи солнца выплеснулись на их вершины. Вокруг меня были разбросаны огромные глыбы пористых пород - застывшая лава, напоминающая о том, что в далеком прошлом здесь произошло гигантское извержение вулкана. Я устроилась поудобнее на большой глыбе и, позабыв обо всем на свете, погрузилась в свою работу, как случалось нередко в этом диком, но прекрасном месте. Я как раз закончила рисовать выступы и впадины далекой горной гряды, когда заметила, что за мной наблюдает какая-то женщина. Мне стало крайне неприятно, что кто-то снова вторгся в мое одиночество. Я изо всех сил старалась не замечать ее, но когда она подошла поближе, чтобы посмотреть на мой рисунок, я рассерженно повернулась к ней лицом.

По ее широким скулам и черным волосам, спадающим на плечи, ее можно было принять за евроазиатку. Крепкое, красиво сложенное тело не давало возможности судить о ее возрасте. Он мог быть любым в пределах от тридцати до пятидесяти. Она, вероятно, была дюйма на два выше меня - а это означало, что ее рост равен пяти футам и девяти дюймам,- но казалась вдвое крупнее меня. И в то же время, в своей куртке восточного покроя и черных шелковых брюках она выглядела очень изящно.

Я обратила внимание на ее глаза. Они были зелеными и сверкающими. Именно этот дружелюбный блеск в одно мгновение погасил всю мою злость, и я услышала, как задаю ей нелепый вопрос:

- Вы живете где-то поблизости?

- Нет, - сказала она, сделав несколько шагов в моем направлении. - Я направляюсь в сторону пропускного пункта на границе Штатов в городок, Сонойта. Я остановилась здесь, чтобы поразмять ноги, и вот зашла в это безлюдное место. Увидев, что в этой глуши уже кто-то есть, я так удивилась, что не смогла удержаться, чтобы не полюбопытствовать. Позвольте представиться. Меня зовут Клара Грау.

Она протянула мне руку, и я пожала ее, а затем без каких-либо колебаний сказала ей, что сразу после рождения мне дали имя Тайша, но впоследствии мои родители решили, что это имя не слишком подходит для Америки, и начали

называть меня Мартой, так же, как зовут мою мать. Я невзлюбила это имя и решила, что пусть уж лучше меня зовут Мэри.

- До чего интересно! - изумилась она. - У тебя три имени, и все они различны. Я буду величать тебя Тайша, потому что это твое первое имя.

Мне было приятно, что она выбрала именно это имя. Оно было мне ближе всего. Хотя я и согласилась со своими родителями, что оно звучит слишком непривычно, мне настолько не нравилось имя Марта, что я втайне вынашивала мысль о том, чтобы вернуть себе имя Тайша.

Резким тоном, который она, тем не менее, смягчила ласковой улыбкой, она произнесла целый ряд утверждений, которые явно были скрытыми вопросами.

- Ты не уроженка Аризоны, - начала она.

Я прямо ответила ей, что было для меня очень нетипично из-за моей привычки не доверять людям, особенно незнакомцам.

- Я приехала в Аризону год назад на работу.

- Тебе не больше двадцати лет.

- Через пару месяцев мне исполнится двадцать один.

- У тебя едва заметный акцент. По-видимому, ты не американка, но я не могу точно указать твою национальность.

- Я - американка, но детство провела в Германии, сказала я. - Мой отец - американец, а мать - венгерка. Я оставила родительский дом, когда поступила в колледж, и уже не вернулась туда, потому что не хотела иметь ничего общего со своей семьей.

- Надо полагать, ты не поладила с ними?

- Нет. Дома я чувствовала себя отвратительно. Все никак не могла дожждаться возможности уйти оттуда.

Она улыбнулась и понимающе кивнула, будто сама тоже была хорошо знакома с желанием убежать из дому.

- Ты замужем? - спросила женщина.

- Нет. У меня нет никого во всем мире, - ответила я, жалея себя, как делала всегда, когда мне приходилось говорить о себе.

Она никак не отреагировала на мои слова, но начала спокойно и деловито рассказывать о себе, как будто старалась завоевать мое доверие и в то же время сообщить мне в каждой своей фразе как можно больше сведений.

Когда она говорила, я положила карандаши в сумку и не отрывала взгляда от незнакомки, потому что мне не хотелось создавать впечатление, что я слушаю ее невнимательно.

- Я была единственным ребенком в семье, и моих родителей сейчас уже нет в живых, - сказала она. - Мой отец родом из мексиканской семьи из города Оахака. Но мать моя - американка немецкого происхождения. Ее родня и сейчас живет в восточных штатах, в Фениксе. Я как раз возвращаюсь со свадьбы одного из своих двоюродных братьев.

- Вы тоже живете в Фениксе? - спросила я.

- Полжизни я провела в Аризоне, а другую половину в Мексике, - ответила она. - Сейчас я живу в мексиканском штате Сонора.

Я начала застегивать свой портфель. Встреча и разговор с этой женщиной несколько выбили меня из колеи, и я поняла, что в этот день уже не смогу больше ничего рисовать.

- А еще я путешествовала по Востоку, - сказала она, вновь привлекая мое внимание. - Там я изучала боевые искусства, акупунктуру и местную медицину. Несколько лет я даже жила в буддистском храме.

- Серьезно? - Я удивленно посмотрела в ее глаза. По ним действительно можно было сказать, что она долго занималась медитацией. В них чувствовалась сила, но взгляд был спокоен.

- Я очень интересуюсь Востоком, - сказала я, - особенно Японией. Я тоже читала о буддизме и изучала боевые искусства.

- Серьезно? - Она с удивлением задала мне тот же вопрос. - С удовольствием поведала бы тебе свое буддистское имя, но тайные имена можно произносить лишь при определенных обстоятельствах.

- Я сказала вам свое тайное имя, - упрекнула я, застегивая ремешки своего портфеля.

- Да, Тайша, это так, и для меня это имеет большое значение, - ответила она неподдельно серьезным тоном. И все же, сейчас не время для этого.

- Вы приехали сюда на машине? - спросила я, оглядываясь в поисках ее автомобиля.

- А я как раз то же самое собиралась спросить у тебя, - сказала она.

- Я оставила свою машину за четверть мили к югу отсюда, на грязной дороге. А вы?

- Ты приехала на белом "Шевроле"? - спросила она весело.

- Да.

- Ну, в таком случае моя машина стоит рядом с твоей, - ответила она, хихикая так, будто это было очень забавно. Я была удивлена, когда заметила, что у нее такой неприятный смех.

- Я уже собралась уходить, - сказала я. - Было очень приятно с вами познакомиться. До свидания!

Я направилась в сторону своей машины, ожидая, что женщина задержится еще на некоторое время для того, чтобы полюбоваться пейзажем.

- Давай пока не будем прощаться, - запротестовала она. - Я иду с тобой.

Мы пошли вместе. Рядом с моими ста десятью фунтами она выглядела как большой валун. Ее тело было плотным и сильным. Глядя на нее, можно было сказать, что она склонна к полноте, но она не была тучной.

- Можно задать вам нескромный вопрос, миссис Грау? - сказала я для того, чтобы прервать неловкое молчание.

Она остановилась и повернулась ко мне лицом.

- Я тебе - не чья-нибудь миссис! - резко произнесла она. - Я - Клара Грау. Можешь называть меня Кларой и обращаться ко мне на "ты", и еще, можешь без предупреждения спрашивать меня о чем пожелаешь.

- Вижу, ты не очень лестного мнения о любви и браке, - заметила я, обратив внимание на ее тон.

Какое-то мгновение она смотрела на меня испепеляющим взглядом, но через миг смягчилась.

- Я нелестного мнения о рабстве, - ответила она. Однако я имею в виду не только женщин. Так что ты там собиралась спрашивать?

Ее поведение было таким неожиданным для меня, что я забыла, что было у меня на уме, когда я обращалась к ней после паузы. Я смущенно уставилась на нее.

- Почему ты решила отъехать так далеко от шоссе? поспешно спросила я.

- Я свернула сюда потому, что это место силы, ответила она, указывая на большие нагромождения лавы вдали. - Когда-то эти горы выступили на поверхности земли так, как на теле выступает кровь. Проезжая через Аризону, я всегда делаю крюк, чтобы заехать сюда. Это место излучает особую земную энергию. А теперь разреши мне спросить тебя то же самое, почему ты избрала для рисования именно это место?

- Я часто бываю здесь. Это одно из моих любимых мест.

Я не думала, что мои слова покажутся ей смешными, но она залилась смехом.

- Этим все сказано! - воскликнула она, а затем продолжила более спокойным голосом:

- Я собираюсь попросить тебя сделать то, что тебе может показаться странным и даже глупым, но сначала выслушай меня. Я хочу пригласить тебя в свой дом погостить на несколько дней.

Я было уже подняла руку, чтобы поблагодарить ее и отказаться, но она попросила меня не торопиться. Она уверила меня, что наш общий интерес к Востоку и боевым искусствам могут послужить основанием для серьезного обмена мнениями.

- Где именно ты живешь? - спросила я.

- Недалеко от городка Навахоа.

- Но это более чем в четырехстах милях отсюда.

- Да, это довольно далеко. Но там такие тихие и красивые места, что я не сомневаюсь: ты будешь довольна.

Она помолчала некоторое время, как бы ожидая моего ответа.

- Кроме того, мне кажется, что а настоящее время ты как раз ничем не занята,- продолжила она, - и ты сама не знаешь, что будешь делать дальше. Знаешь, может быть, я предлагаю тебе именно то, что ты уже давно ищешь.

Она была права в том отношении, что я действительно понятия не имела, что мне делать дальше. Недавно я бросила работу секретарши, собираясь заняться рисованием. Однако у меня не было ни малейшего желания ехать к кому-либо в гости.

Я оглянулась вокруг в поисках чего-нибудь, что бы могло подсказать мне, как правильно поступить. Я никогда не могла объяснить, откуда у меня появилось представление о том, что человек может черпать помощь и советы из своего окружения. Но мне почти всегда удавалось получить подсказку таким образом. У меня был метод, который, казалось, родился вместе со мной и с помощью которого я могла узнавать ответы на интересующие меня вопросы. Для этого я обычно давала своим мыслям уплыть, сосредоточивая взгляд на линии горизонта на юге, хотя и не имела ни малейшего представления, почему выбрала именно юг. После нескольких минут молчания ко мне, как правило, приходили прозрения, помогающие понять, чем заниматься или как действовать в данной ситуации.

Шагая по тропинке вместе с Кларой, я остановила взгляд на горизонте в южном направлении и неожиданно увидела, что жизнь простирается передо мной, как эта бесплодная пустыня. Я искренне могла сказать, что никогда раньше не замечала, насколько одинока и заброшена эта земля, хотя я и до этого не раз бывала в Соноранской пустыне, которая занимает весь юг штата Аризона, часть Калифорнии и половину мексиканского штата Сонора.

Потребовалось всего лишь мгновение для того, чтобы вид бесплодной и безлюдной пустыни воплотился в конкретные мысли. Я порвала со своей семьей, но не завела еще своей собственной. У меня даже не было никаких планов на будущее. Я нигде не работала. Я жила на скудные сбережения, доставшиеся мне по наследству от тети, в честь которой я получила свое имя, но они уже подходили к концу. В этом мире я была совсем одинока. Необъятное пространство, простирающееся во всех направлениях, было жестоко и безразлично. Его вид вызвал во мне прилив жалости к себе. Я почувствовала, что мне нужен друг, который сможет положить конец моему одиночеству.

Я знала, что с моей стороны очень глупо принимать приглашение Клары и оказаться в ситуации, которую я едва ли смогу контролировать, но в прямоте ее характера и энергичности было что-то такое, что вызывало во мне любопытство

и заставляло ее уважать. Я заметила, что восхищаюсь ее красотой и силой, а может быть, даже завидую ей. Я подумала, что это была самая удивительная и яркая женщина из всех, которых я знала, - независимая, уверенная в своих силах, спокойная и в то же время незакомплексованная и не без чувства юмора. Она была наделена как раз теми качествами, которыми мне самой больше всего хотелось бы обладать. Но, помимо всего прочего, ее присутствие, казалось, может положить конец бесцельности моей жизни. Пространство вокруг нее становилось насыщенным энергией, полным надежд и возможностей.

Однако у меня было незыблемое правило не принимать приглашений погостить, которое в данном случае подкреплялось еще и тем, что Клару я встретила в пустыне случайно. Я подумала, что согласие погостить у нее будет означать, что я должна буду пригласить ее потом к себе, а к этому я совершенно не была готова, потому что в Туксоне жила в небольшой квартирке. Какое-то время я не могла принять решение, не зная, куда повернуть.

- Пожалуйста, соглашайся, - настаивала Клара. Ты сделаешь мне большое одолжение.

- Ладно, мне кажется, что я смогу поехать с тобой, вяло произнесла я, желая на самом деле сказать обратное.

Она радостно взглянула на меня и мне пришлось скрыть свою панику нарочито задорной фразой, хотя мне было совсем не весело.

- Мне пойдет на пользу перемена обстановки, - сказала я. - Новое приключение!

Она одобрительно кивнула.

- Ты не пожалеешь об этом, - сказала она тоном, в котором чувствовалась такая уверенность, что все мои сомнения сразу же рассеялись.

- Мы сможем вместе позаниматься боевыми искусствами.

Она сделала руками несколько быстрых движений, которые были одновременно грациозны и энергичны. Мне казалось невероятным то, что эта плотно сложенная женщина может быть такой подвижной.

- Какие конкретно стили восточных единоборств ты изучала? - спросила я, замечая, что она непринужденно заняла стойку борца с длинным шестом.

- На Востоке я изучала все стили, но не останавливалась надолго ни на одном из них, - сказала она, будто собираясь улыбнуться. - Когда мы приедем ко мне, я с удовольствием покажу их тебе.

Остаток пути мы прошли в тишине. Придя на то место, где стояли машины, я села за руль и ждала, что скажет Клара.

- Что ж, трогаемся, - отозвалась она. - Я буду ехать впереди и показывать тебе дорогу. Ты как любишь ездить, быстро или медленно, Тайша?

- Как черепаха.

- И я тоже. Жизнь в Китае отучила меня от спешки.

- Можно задать тебе вопрос о Китае, Клара?

- Конечно. Я уже говорила, что ты можешь без разрешения спрашивать у меня все что хочешь.

- Ты, наверное, была в Китае до Второй Мировой войны, правда?

- О да. Я была там в прошлой жизни. Полагаю, что ты в самом Китае никогда не бывала?

- Да, не бывала. Я бывала только на Тайване и в Японии.

- Конечно же, после войны там многое изменилось, многозначительно произнесла Клара. - Порвалась связь с прошлым. Теперь это совсем другая страна.

Сама не знаю почему, но я побоялась спрашивать ее, что она имеет в виду, и поэтому задала вопрос о том, как долго ехать до ее дома. Клара высказалась очень неопределенно, и это обеспокоило меня. Она лишь предупредила меня, чтобы я была готова к длительной поездке. Затем ее голос смягчился, и она отметила, что моя смелость определенно ее радует.

- Если кто-то ведет себя так беспечно с незнакомым человеком, - сказала она, - это свидетельствует либо о крайней глупости, либо о великом дерзании.

- Обычно я очень осторожна, - объяснила я, - но сегодня я что-то совсем на себя не похожа.

Это была правда, и чем больше я думала о своем необъяснимом поведении, тем больше мне становилось не по себе.

- Пожалуйста, расскажи мне побольше о себе, попросила она ласковым голосом, а затем подошла и стала рядом с дверцей моей машины, словно для того, чтобы вселить в меня уверенность.

И снова я обнаружила к своему удивлению, что начала рассказывать о себе всю правду.

- Моя мать - венгерка, но из старого австрийского рода, - сказала я.
- Она встретила с отцом во время Второй Мировой войны, когда они вместе работали в полевом госпитале. После войны они переехали в Соединенные Штаты, а затем отправились в ЮАР.

- Что они делают в ЮАР?

- Моя мать всегда хотела быть вместе с родней, которая проживает там.

- У тебя есть братья и сестры?

- У меня двое братьев, возраст которых отличается на один год. Старшему сейчас двадцать шесть.

Ее глаза были устремлены на меня. И с неожиданной легкостью я поведала ей обо всех своих горестных переживаниях, которые были заперты в моей памяти в течение всей жизни. Я сказала ей, что выросла в одиночестве. Мои братья никогда не обращали на меня внимания, потому что я была девочкой. Когда я была маленькой, они часто привязывали меня к столбу, как собаку, а сами бегали по двору или играли в футбол. Все, что я могла делать, это ходить туда-сюда, натягивая веревку, и смотреть, как они развлекаются. Потом, когда я подросла, я начала бегать за ними. Но к тому времени у них обоих уже были велосипеды, и я никак не могла за ними угнаться. Когда я начинала жаловаться матери, что бывало довольно часто, она отвечала, что мальчишки - это мальчишки, а я девочка и поэтому должна играть с куклами и помогать по дому.

- Твоя мать воспитывала тебя в традиционном европейском духе, - сказала она.

- Знаю, но от этого мне не легче.

Стоило мне только начать, как я уже не могла остановиться и продолжала рассказывать этой женщине все, что помнила о своем детстве. Я сказала, что с каждым годом все чаще оставалась единственным ребенком в доме, потому что братья часто ездили в путешествия, а позже поступили в колледж с проживанием по месту учебы. Я хотела, чтобы моя жизнь была полна приключений, но мать учила меня, что девочки должны застилать кровати и гладить белье. Забота о семье - это уже приключение, любила повторять мать. Женщины рождаются для того, чтобы подчиняться. Я была уже на грани слез,

когда рассказывала Кларе, что, сколько себя помню, должна была прислуживать трем хозяевам-мужчинам: отцу и двум братьям.

- Это звучит впечатляюще, - заметила Клара.

- Это было ужасно. Я вырвалась из дому и решила держаться от него как можно дальше, - сказала я. - И конечно, жить с приключениями. Но вплоть до настоящего времени мне так и не удалось получить то, к чему я стремилась. Наверное, меня просто воспитали так, что я не могу быть счастливой и беззаботной.

Описав свою жизнь незнакомке, я почувствовала себя очень неудобно. Я перестала рассказывать и посмотрела на Клару, ожидая от нее реакции, которая либо устранил мое беспокойство, либо усилит его до такой степени, что я решу никуда с ней не ехать.

- Что ж, кажется ты умеешь делать хорошо только одно, и поэтому предаешься этому занятию сколько хочешь, - сказала она.

Я думала, что она имеет в виду мое увлечение живописью и графикой, и была вконец раздосадована, когда она добавила:

- Все, что ты умеешь делать, - это жаловаться на СВОЮ ЖИЗНЬ.

Я плотно сжала пальцами ручку дверцы кабины.

- Неправда! - запротестовала я. - Кто ты- мне, чтобы говорить так?!

Она засмеялась и понимающе покачала головой.

- Мы с тобой во многом похожи, - сказала она. Нас учили быть пассивными и послушными, приспособливаться к обстановке, но внутри у нас все кипит. Мы подобны вулкану, который вот-вот должен начать извергаться, и наше положение усугубляется еще и тем, что у нас нет другой надежды, кроме мечты о том, что в один прекрасный день мы встретим хорошего мужчину, который вытянет нас из этого болота.

От удивления я не могла ничего сказать.

- Ну что? Разве я не права? Разве это не так? - настаивала она. - Скажи, положи руку на сердце, разве я не права?

Я сжала пальцы в кулаки, собираясь послать ее подальше. Но Клара тепло улыбнулась, излучая одновременно силу и благополучие, и я тут же почувствовала, что не могу лгать ей или скрывать от нее то, что думаю.

- Ты прочла мои мысли, - согласилась я.

Мне пришлось признать, что единственным, что придавало смысл моему ужасному существованию, кроме занятий рисованием, была надежда на то, что когда-нибудь я все-таки встречу мужчину, который поймет меня и оценит по достоинству все уникальные качества моей личности.

- Может быть и так, что в ближайшее время твоя жизнь изменится к лучшему, - сказала она с ноткой надежды в голосе.

Она села в свою машину и жестом пригласила меня следовать за собой. И только тут я поняла, что она ни разу так и не спросила меня, есть ли у меня паспорт, одежда, деньги или какие-то срочные дела. Но это меня не испугало и не обескуражило. Сама не зная почему, я почувствовала, что приняла правильное решение, как только сняла машину с ручного тормоза и начала двигаться. Должна же была моя жизнь когда-нибудь измениться.

Глава2

После более чем трех часов непрерывной езды мы остановились пообедать в городе Гуаймас. Пока мы ждали, когда нам подадут еду, я выглянула из окна на узкую улочку, примыкающую к заливу. Орава голых до пояса мальчишек гоняла мяч. Неподалеку рабочие строили кирпичный дом. У некоторых из них уже начался обеденный перерыв, и они потягивали из бутылок газировку, прислонившись спиной к штабелям запечатанных мешков с цементом. Я подумала, что Мексика повсюду - очень шумное и грязное место.

- В этом ресторане всегда подают вкуснейший черепаховый суп, - сказала Клара, привлекая к себе мое внимание.

Через мгновение улыбающаяся официантка с серебряным передним зубом поставила на стол перед нами две тарелки с супом. Клара вежливо обменялась с ней несколькими репликами на испанском, прежде чем официантка принялась поспешно обслуживать других посетителей.

- Я никогда раньше не ела черепахового супа, - сказала я, взяв в руки ложку и внимательно рассматривая, насколько она чистая.

- Тебе предстоит получить море удовольствия, - сказала Клара, наблюдая, как я вытираю ложку бумажной салфеткой.

Я неохотно попробовала суп. Кусочки белого мяса, которые плавали в густом томатном соусе, были на самом деле очень вкусны.

Я съела несколько ложек супа, а затем спросила:

- Где они берут черепах?

Клара указала на окно.

- Прямо из залива.

Статный мужчина средних лет, сидевший за соседним столиком, повернулся ко мне и подмигнул. Этот его жест, как мне показалось, скорее напоминал поведение весельчака, чем заигрывание. Он повернулся ко мне и, словно продолжая начатый разговор, сказал по-английски с сильным акцентом:

- Черепаха, которую вы едите, была очень большая.

Клара посмотрела на меня и подняла брови, будто не могла поверить, что незнакомец оказался таким нахальным.

- Эта черепаха была такой большой, что ее хватило бы, чтобы накормить дюжину голодных людей, - продолжал он. - Они ловят черепах в море. Для того, чтобы вытянуть одну такую тварь на берег, нужно несколько человек.

- Наверное, они бьют их гарпунами, как китов, заметила я.

Мужчина проворно переставил свое кресло к нашему столу.

- Нет, я знаю, что они используют большие сети, сказал он. - Затем они бьют черепах дубинками, чтобы те потеряли сознание, прежде чем вскрыть им живот. Если поступать таким образом, мясо не становится жестким.

Мой аппетит улетел в окно. В этот момент мне меньше всего хотелось, чтобы этот простодушный навязчивый незнакомец забавлял нас своими рассказами, сидя у нас за столом, - но я не знала, как себя повести.

- Коли мы уж заговорили о еде, нужно отметить, что Гуаймас славится своими блюдами из креветок, - продолжал мужчина с обезоруживающей улыбкой на лице. Если позволите, я закажу одно такое блюдо для вас обеих.

- Я уже сделала это, - сказала Клара резко.

Как раз в этот момент снова подошла официантка и принесла тарелки с самыми большими креветками, каких я когда-либо видела. Одной этой креветки хватило бы на целый банкет, и было очевидно, что мы просто не сможем вдвоем съесть все это, как бы голодны мы ни были.

Наш непрошенный компаньон взглянул на меня так, словно ожидал, что я приглашу его присоединиться к нашей трапезе. Если бы я была одна, ему явно бы удалось вопреки моей воле привязаться ко мне. Но у Клары были другие планы, и она поступила решительно. Она с кошачьей грацией вскочила на ноги и, повернувшись к мужчине, посмотрела прямо ему в глаза.

- Проваливай отсюда, идиот! - закричала она по-испански. - Как ты осмелился сесть за наш стол?! Это моя племянница, а не какая-нибудь шлюха!

В ней чувствовалась такая сила, а голос звучал так властно, что все в зале замерли. Со всех сторон глаза уставились на наш столик. Мужчина съежился так беспомощно, что мне стало его жаль. Он боком выскользнул из кресла и, можно сказать, выполз из ресторана.

- Я знаю, что тебя приучили уступать мужчинам уже только потому, что они мужчины, - сказала мне Клара, снова сев на свое место. - Ты всегда

любезничаешь с ними, а они выжимают из тебя все твои соки. Разве ты не знаешь, что мужчины питаются женской энергией?!

Мне было слишком не по себе, чтобы пререкаться с ней. Я чувствовала, что все глаза в зале устремлены на меня.

- Ты потакаешь им потому, что чувствуешь к ним жалость, - продолжала Клара. - В глубине своей души ты отчаянно стремишься к тому, чтобы позаботиться о мужчине, о любом из них. Если бы этот недоумок оказался женщиной, ты бы никогда не позволила ему сесть за наш столик.

Мой аппетит был потерян безвозвратно. Я мрачно задумалась.

- Вижу, что задела болезненное место, - сказала Клара, криво улыбаясь.

- Это ты затеяла всю эту сцену. Ты поступила грубо, - сказала я с упреком.

- Конечно, - ответила она, посмеиваясь. - И к тому же напугала его чуть ли не до смерти. - Ее лицо было так открыто, и говорила она настолько беззаботно, что мне тоже ничего не оставалось делать, как рассмеяться, вспомнив, какой вид был у этого типа.

- Я поступаю точно как моя матушка, - проворчала я. - Следует признать, что ей удалось сделать из меня сущую мышь во всем, что касается мужчин.

Как только я выразила вслух эту мысль, мое плохое настроение исчезло, и я снова ощутила голод. Мало-помалу я съела почти всю креветку.

- Ничто не сравнится с удовольствием от продолжения поездки с полным желудком, - заявила Клара.

Креветка едва не зашевелилась в моем животе, когда я внезапно ужаснулась. Наше знакомство состоялось так неожиданно, что я даже не спросила у Клары о ее доме. Может быть, это разваливающаяся лачуга, похожая на те, что я видела, когда мы раньше проезжали по мексиканским городам. И что я там буду есть? Возможно, только что я ела нормальную пищу в последний раз. Какую воду я буду пить? Я вообразила себя с сильным расстройством желудка. Я совсем не представляла себе, как спросить у Клары о том, где мне придется жить, и при этом не обидеть ее и не показаться неблагодарной. Клара критически взглянула на меня. Казалось, она почувствовала мое беспокойство.

- Мексика - это суровое место, - сказала она. Приходится быть начеку постоянно. Но скоро ты привыкнешь.

Северная часть страны даже более неприглядна, чем все остальные. Люди съезжаются сюда отовсюду либо в поисках работы, либо как на перевалочный пункт перед тем, как пересечь границу со Штатами. Люди прибывают сюда целыми поездами. Некоторые из них остаются на побережье, а другие уезжают в глубь страны в кузовах грузовиков для того, чтобы найти работу на огромных сельскохозяйственных угодьях, которыми владеют частные компании. Еды и работы на всех просто не хватает, поэтому большинство уезжает в Соединенные Штаты в качестве сезонных рабочих.

Между тем я доела остатки супа, поскольку обычно чувствовала себя виноватой, если что-то оставляла в тарелке.

- Расскажи мне больше об этих местах, Клара.

- Все местные индейцы принадлежат к племени яки, которое было переселено когда-то в Соноранскую пустыню согласно постановлению правительства.

- Ты хочешь сказать, что они раньше жили не здесь?

- Это действительно их исконные земли, - ответила Клара, - но в двадцатых или тридцатых годах их оторвали от земли и десятками тысяч отправили на жительство в центр страны. Затем в конце сороковых их вернули назад в Соноранскую пустыню.

Клара наполнила минеральной водой свой стакан, а затем мой.

- Жить в Соноранской пустыне нелегко, - сказала она. - Ты, наверное, видела, когда мы проезжали по ней, что земли здесь неплодородные, негостеприимные. Однако у индейцев племени яки нет другого выбора. Им приходится селиться в лачугах там, где была когда-то река Яки. В далеком прошлом предки нынешних яки построили возле реки свои священные города и жили в них сотни лет, пока не пришли испанцы.

- Мы будем проезжать мимо этих городов? - спросила я.

- Нет, сейчас у нас нет для этого времени. Я хочу добраться в Навохоа до наступления темноты. Возможно, когда-нибудь мы специально съездим туда, чтобы посмотреть эти священные города.

- А почему они священны?

- Потому что для индейцев местоположение каждого города вдоль реки соответствует определенному аспекту их мифологического мира. Как и вулканические горы в Аризоне, это места силы. У индейцев очень богатая мифология. Они верят, что могут входить в мир снов и выходить из него в одно мгновение. Видишь ли, их представление о реальности совершенно отлично от нашего.

В соответствии с мифами яки, эти города существуют также и в ином мире, - продолжала Клара, - и именно из этой тонкой сферы черпают индейцы свою силу. Они называют себя людьми без разума для того, чтобы отличить себя от нас, людей с разумом.

- Что такое та сила, которую они получают оттуда? спросила я.

- Это магия, волшебство, знание. Все это приходит к ним непосредственно из мира снов. Этот мир описан в их легендах и преданиях. У индейцев яки существует богатая, многообразная традиция устных преданий.

Посмотрев вокруг себя на переполненный ресторан, я спросила себя, кто из сидящих за столиками является индейцами, если таковые здесь вообще есть, а кто мексиканцами. Некоторые люди были высокими и жилистыми, тогда как другие - низкими и коренастыми. Все они казались мне чужими, и я втайне чувствовала свое превосходство над ними. Поэтому мне казалось, что я определенно нахожусь не на своем месте.

Клара доела свою креветку, а также фасоль и рис. Я знала, что объелась, но несмотря на мой протест, она настояла на том, чтобы заказать еще заварной карамельный крем в качестве десерта.

- Наедайся как следует, - сказала она, подмигивая мне. - Кто знает, когда можно будет поесть в следующий раз, и что это будет. Здесь, в Мексике, мы всегда едим до отвала.

Я знала, что она подшучивает надо мной, но все же чувствовала правду в ее словах. Раньше в этот день я видела мертвого осла, лежащего на обочине шоссе. Его сбила машина. Я знала, что в сельской местности нет холодильников, и поэтому люди едят любое мясо, которое имеется в наличии. Я не могла не беспокоиться по поводу того, что мне придется есть в следующий раз. Про себя я решила ограничить свое пребывание у Клары несколькими днями.

Более серьезным голосом Клара продолжала свой рассказ.

- Но час от часу не легче, и у индейцев появились новые трудности, - сказала она. - Когда правительство возвело плотину, чтобы построить гидроэлектростанцию, русло реки Яки так изменилось, что людям пришлось собрать свои вещи и переехать в другое место.

Суровость этой страны контрастировала с моим привычным окружением, где всегда хватало еды и уюта. Я спрашивала себя, не могло ли быть так, что мой приезд в Мексику был проявлением моего глубинного желания полной перемены обстановки. Всю свою жизнь я искала приключений, но теперь, когда моя мечта могла осуществиться, меня сковывал страх перед неизвестным.

Я попробовала карамельного крема и выбросила из головы все те опасения, которые преследовали меня с момента встречи с Кларой в пустыне Аризоны. Мне было приятно в ее компании. И хотя сейчас, когда я была сыта после креветки и черепахового супа, Клара предупредила, что это, возможно, моя последняя нормальная еда, я решила довериться ей и предоставить возможность приключению развиваться.

Клара настояла на том, чтобы уплатить по счету. Мы заполнили баки горючим и снова выехали на трассу. Проехав еще несколько часов, мы прибыли в Навохоа. Не останавливаясь в самом городе, мы проехали через него, а затем свернули с шоссе "Пан Америкэн" на посыпанную гравием дорогу, ведущую на восток. Было далеко за полдень, но я совсем не устала и даже наслаждалась оставшимся путем. Чем дальше мы продвигались на север, тем большая радость и покой сменяли мое обычное угнетенное состояние.

После часа езды по выбоинам Клара свернула с дороги и пригласила меня следовать за собой. Через некоторое время грунтовая дорога привела нас к высокой стене, по которой вилась цветущая бугенвиллея*. Мы оставили машины на поляне у конца стены, где трава была сильно вытоптана.

* Бугенвиллея - американское тропическое вьющееся растение, которое используется в декоративном садоводстве. Цветет красными или пурпурными соцветиями (Вебстер).

- Вот здесь я и живу, - сказала мне Клара, вылезая из кабины.

Я подошел к ее машине. Клара выглядела уставшей и как будто еще более полной.

- Ты так хорошо выглядишь, что можно подумать, будто ты и не ехала так долго, - заметила она. - О чудеса молодости!

По другую сторону стены между деревьями и густым кустарником кое-где проглядывал крытый черепицей дом с зарешеченными окнами и несколькими балконами. Будто во сне, я проследовала за Кларой через калитку из фигурных железных прутьев, мимо мощеного кирпичом внутреннего дворика, до тяжелой деревянной двери, которая явно была черным ходом. Терракотовый черепичный пол в прохладном пустом холле подчеркивал строгость выбеленных стен и темные перекладыны потолка, сделанные из цельных неокрашенных бревен. Через холл мы прошли в просторную гостиную.

Белые стены здесь окаймлялись по краям со вкусом разрисованной черепицей. Два безупречно чистых бежевых дивана и четыре кресла были расположены вокруг тяжелого деревянного кофейного столика. На столе лежало несколько раскрытых испанских и английских журналов. Мне показалось, что кто-то только что читал их, сидя в одном из кресел, но поспешно удалился, когда мы вошли через заднюю дверь.

- Что скажешь о моем доме? - спросила Клара с гордой улыбкой.

- Это фантастика, - сказала я. - Кто бы мог подумать, что здесь, в пустыне, может быть такой дом.

Затем высунулось мое завистливое "я", и мне стало не по себе. Этот дом был похож на дом моей мечты, но я знала, что никогда не смогу приобрести ничего подобного.

- Ты даже не представляешь, насколько недалеко от истины, когда говоришь о фантастике, - ответила она. Все, что я сейчас могу сказать тебе об этом доме, - это то, что он, как и вулканические горы, которые мы видели сегодня утром, содержит в себе силу. По нему беззвучно циркулирует утонченная энергия, подобно тому, как электрический ток течет по проводам.

Когда я это услышала, случилась необъяснимая вещь: вся моя зависть исчезла. Она пропала полностью, как только Клара договорила до конца последнюю фразу.

- А сейчас я покажу тебе дорогу к твоей спальне, объявила она. - А также познакомлю тебя с некоторыми основными правилами, которым ты должна следовать, пока находишься в этом доме в качестве гостя.

Все те части дома, которые расположены справа и сзади от гостиной, предоставляются в твое распоряжение так же, как и весь двор. Здесь ты можешь ходить и рассматривать все, что хочешь. Но ты не должна заходить ни в одну из спален, кроме, разумеется, своей. В своей спальне можешь пользоваться всем, что видишь. Даже можешь разбить что-нибудь вдребезги в порыве гнева или

долго любоваться чем-то при наплыве нежности. Однако пребывать в левой части дома тебе не разрешается ни в какое время и ни под каким предлогом. Поэтому туда не ходи.

Я была шокирована странным требованием, но заверила ее, что поняла ее правильно и непременно буду выполнять то, о чем она просит. В действительности же я думала, что это требование нетактично и является чистым капризом с ее стороны. Фактически, чем больше она предостерегала меня против того, чтобы я заходила в эти части дома, тем сильнее разгоралось мое любопытство.

Клара, казалось, думала о чем-то другом, потому что добавила:

- Конечно же, ты можешь сидеть в гостиной. Можешь даже спать там на диване, если устала или ленишься идти в спальню. Еще одно место, куда тебе запрещено ходить, это та часть усадьбы, которая находится перед главным входом в дом. Этот вход сейчас закрыт на замок, поэтому заходи в дом через черный ход.

Клара не дала мне времени для того, чтобы ответить. Она увлекла меня за собой в длинный коридор, и мы прошли мимо нескольких закрытых дверей, которые, по ее словам, были входами в другие спальни, куда мне входить не разрешалось. Наконец мы вошли в большую спальню. Первым, что я заметила, оказавшись здесь, была резная деревянная двуспальная кровать. Она была накрыта прекрасным белоснежным покрывалом, вышитым тамбуром. Рядом с окном, которое выходило на задний двор дома, находилась ручной работы этажерка из красного дерева, полностью заставленная старинными предметами, фарфоровыми вазами и статуэтками, эмалированными шкатулками и крохотными чашечками. На противоположной стене находился выполненный в том же стиле шкафчик, который Клара открыла. В нем висела разнообразная женская одежда и аксессуары: накидки, шляпы, туфли, зонтики, трости - все это, казалось, было подобрано с незаурядным вкусом.

Прежде чем я успела спросить Клару, где она достала все эти вещи, она закрыла дверцу шкафчика.

- Пользуйся всем, что тебе может понадобиться, сказала она. - Вся эта одежда - твоя, а комната будет в твоём распоряжении, сколько бы ты не находилась в этом доме.

Затем она взглянула себе через плечо так, будто в комнате был кто-то еще, и добавила:

- А кто может сказать, как долго это будет продолжаться!

Создавалось впечатление, что она говорит о том, что мое пребывание в ее доме может оказаться продолжительным. Я почувствовала, как у меня на ладонях выступает пот, и несмело сказала ей, что в лучшем случае смогу остаться у нее лишь на несколько дней. Клара заверила меня, что живя в ее доме, я нахожусь в полной безопасности. Здесь, по ее словам, мне будет даже намного безопаснее, чем в других местах. Она добавила, что с моей стороны было бы глупо упустить такую хорошую возможность получить новые знания.

- Но ведь мне нужно искать себе работу, - сказала я, оправдываясь. - У меня почти не осталось денег.

- О деньгах не беспокойся, - ответила она. - Я обеспечу тебя всем необходимым и дам тебе столько денег, сколько тебе будет нужно. Это - не проблема.

Я поблагодарила ее за это предложение и сообщила, что с детства привыкла считать, что брать деньги у чужих людей крайне нетактично, с какими бы хорошими пожеланиями мне их не предлагали.

Она остановила меня словами:

- Я думаю, что дело вот в чем, Тайша. Ты сердись на меня за то, что я велела тебе не ходить в левую часть дома и не приближаться к главному входу. Я знаю, что ты подумала, что я слишком своенравна и чересчур скрытна. И теперь ты не хочешь согласиться провести у меня больше, чем день или два, как требуют того правила хорошего тона. Возможно, ты даже считаешь меня ненормальной старухой, у которой не все дома.

- Нет, нет, Клара, дело не в этом. Мне скоро нужно будет платить за свою квартиру в Штатах, и если я не найду к тому времени работу, у меня не будет для этого денег. А возможность взять их у другого человека для меня исключена.

- Ты хочешь сказать, что тебя совсем не задела моя просьба не заходить в некоторые части дома?

- Разумеется, нет.

И тебя совсем не заинтересовало, почему я попросила тебя об этом?

- Очень заинтересовало.

- Дело в том, что в той части дома живут другие люди.

- Твои родственники, Клара.

- Да, у нас большая семья. В этом доме на самом деле живет даже две семьи.

- И обе большие?

- Да. В каждой из них по восемь человек, а всего нас здесь шестнадцать.

- И все они живут в левом крыле дома, Клара?

За всю свою жизнь ни разу не слыхала о таком странном расположении жильцов.

- Нет, там живут только восьмеро. Другие восемь составляют непосредственно мою семью и живут в правом крыле дома. Ты - мой гость, и поэтому должна проживать на правой стороне. Очень важно, чтобы ты понимала это. Это, наверное, необычно, но все же не непонятно.

Я удивлялась тому, какую власть надо мной она обрела. Ее слова успокоили мои эмоции, но не разум. Тогда я поняла, что для того, чтобы действовать решительно, я должна согласовать оба эти проявления - тревогу разума и эмоциональное беспокойство. В противном случае я остаюсь пассивной, ожидая следующего внешнего импульса для того, чтобы начать что-либо предпринимать. Знакомство с Кларой привело меня к выводу о том, что несмотря на все мои усилия, направленные на то, чтобы быть собой, действовать независимо, я не могла ясно мыслить и принимать собственные решения.

Клара с большим интересом взглянула на меня, словно она все это время следила за моими невысказанными мыслями. Я попыталась скрыть неловкость своего положения, обратившись к ней:

- Твой дом прекрасен, Клара. Он очень старый?

- Конечно, - сказала она, так и не уточнив, что имеет в виду: то, что дом прекрасен, или что он старый. С улыбкой она добавила:

- Теперь, когда ты уже побывала в доме - то есть в его холле, - у нас осталось на повестке дня еще одно небольшое дельце.

Из одного из шкафчиков она достала фонарь, а из одежного шкафа - утепленную китайскую куртку и пару походных ботинок. Она сказала мне, что после того, как мы перекусим, я оденусь, обуюсь, и мы пойдем на прогулку.

- Но мы ведь еще совсем не передохнули с дороги, запротестовала я. - И к тому же, разве на улице еще не темнеет?

- Темнеет. Но я хочу сводить тебя в одно место на холме, откуда ты увидишь дом и двор как на ладони. Будет лучше, если ты впервые увидишь дом именно в эту пору суток. Мы все начинали свое знакомство с ним в сумерках.

- Кого ты имеешь в виду, когда говоришь "мы"? спросила я.

- Шестнадцать человек, которые живут здесь естественно. Все мы занимаемся в точности одним и тем же.

- У вас всех одна профессия? - спросила я, не в силах скрыть удивления.

- Нет, что ты! - воскликнула она, засмеявшись и поднося руку к лицу.

- Я хотела сказать, что все, что должен делать один из нас, другие должны делать также. Каждый из нас впервые взглянул на этот дом и окружающую его местность в сумерках, поэтому ты тоже должна начать свое пребывание здесь с этого.

- Почему ты уподобляешь меня вам, Клара?

- Давай пока ограничимся тем, что скажем: я делаю это потому, что ты - мой гость.

- А я позже встречу с твоими родственниками?

- Ты познакомишься со всеми, - уверила она меня. - А сейчас в доме нет никого, кроме нас с тобой и сторожевой собаки.

- Они куда-то уехали?

- Именно так. Они все отправились в далекое путешествие, а я с собакой осталась сторожить дом.

- Когда ты ожидаешь их возвращения?

- Через несколько недель, а может быть, и месяцев.

- Где они путешествуют?

- Мы всегда в разъездах. Иногда и я отсутствую месяцами, а кто-то другой остается на хозяйстве.

Только я собиралась повторить свой вопрос о том, куда они отправились, как она ответила на него.

- Они уехали в Индию, - сказала она.

- Все пятнадцать человек?

- Но разве это не замечательно? Ведь это подарок судьбы! - воскликнула она голосом, который настолько карикатурно отразил мою затаенную зависть, что я должна была засмеяться вопреки себе самой.

Затем мне в голову пришла мысль о том, что мне одной будет небезопасно находиться в этом удаленном от других поселений пустом доме, живя в нем только с Кларой.

- Мы здесь одни, но в этом доме тебе нечего бояться, - сказала она со странной убежденностью. - Кроме, быть может, пса. Когда мы вернемся с прогулки, я познакомлю тебя с ним. При встрече с ним ты должна быть очень спокойной. Он видит людей насквозь и набросится на тебя, если почувствует, что ты относишься к нему враждебно или испугана.

- Но я уже сейчас испугана, - выпалила я.

Меня начинало трясти.

Я ненавидела собак с самого детства, когда один из доберман-пинчеров моего отца прыгнул на меня и сшиб с ног. Он тогда все-таки не укусил меня, а лишь зарычал и показал свои острые зубы. Я позвала на помощь, потому что была так испугана, что не могла двигаться. Помню, что от страха я намочила штанишки, и братья долго высмеивали меня, когда увидели это, называя младенцем, которому впору быть в пеленках.

- Я сама тоже недолюбливаю собак, - сказала Клара, - но наша собака - это в действительности совсем не собака. Это что-то другое.

Она меня заинтриговала, но это не развеяло моих дурных предчувствий.

- Если хочешь, в первый раз я проведу тебя в туалет во дворе. Ведь может оказаться, что собака рыскает где-то поблизости, - сказала она.

Я согласилась, чувствуя себя уставшей и раздраженной, - длительная поездка наконец-то дала о себе знать. Мне хотелось смыть пыль с лица и расчесать взлохмаченные волосы.

Клара провела меня по другому коридору, который тоже выходил на задний двор. На некотором расстоянии от дома находились две небольших постройки.

- Это мой спортивный зал, - указала она на одну из них. - Пока не ходи туда. Когда-нибудь я сама тебя туда поведу.

- Там ты занимаешься боевыми искусствами?

- Да, - ответила Клара сухо. - А другое строение - это уборная. Я подожду тебя в гостиной и приготовлю пару сэндвичей. Но не надейся, что сможешь покрасоваться перед зеркалом, расчесывая волосы, - сказала она, как бы зная о чем я подумала. - Зеркал в этом доме нет. Ведь они, как и часы, свидетельствуют о течении времени. А важно научиться останавливать его.

Я хотела было спросить ее, как следует понимать ее слова об остановке времени, но она подтолкнула меня в направлении уборной. Войдя внутрь постройки, я заметила несколько дверей. Поскольку Клара не дала мне никаких указаний по поводу того, куда можно входить, а куда - нельзя, и поскольку я не знала какая из них является дверью туалета, я осмотрела все помещения. С одной стороны от маленького предбанника находилось шесть клозетов, в каждом из которых размещался низкий деревянный унитаз. Здесь необычным было лишь то, что я не заметила никакой вони и даже запаха хлорки от вымытых отверстий. Было слышно, как под унитазами журчит вода, но я не имела ни малейшего представления как и откуда она подводится.

С другой стороны предбанника были три одинаковых комнаты, выложенные красивой плиткой. В каждой из них находилась старинная ванна передвижного образца и продолговатый столик, на котором стояло ведро с водой и соответствующий ему по размеру фарфоровый тазик. В комнатах действительно не было зеркал или каких-нибудь хромированных поверхностей, в которых можно было бы увидеть свое отражение. Фактически здесь не было даже водопровода.

Я налила воды в тазик, умыла лицо, а затем провела мокрыми пальцами по спутанным волосам. Вместо того, чтобы воспользоваться одним из белых махровых полотенец, боясь испачкать его, я вытерла руки о какие-то куски

ткани, которые лежали в ящичке на столике. Я несколько раз глубоко вздохнула и потерла уставшую шею, прежде чем выйти к Кларе.

Я нашла ее в гостиной, где она составляла цветочные композиции в белой и голубой китайских вазах. Журналы, которые раньше валялись разбросанными по столу, теперь лежали аккуратной стопочкой, а рядом с ними находилась тарелка с едой. Она улыбнулась, увидев меня.

- Ты свежа, как маргаритка, - сказала она. - Бери сэндвич. Скоро совсем стемнеет. Нам пора.

Глава 3

Проглотив половину бутерброда с ветчиной, я поспешно одела куртку и ботинки, которые мне дала Клара, и мы вышли из дома. В руках у нас были мощные электрические фонари. Ботинки оказались тесными, и левый тут же начал натирать мне пятку. Я была уверена, что у меня будет волдырь. Но было приятно, что для меня нашлась куртка, потому что вечер обещал быть холодным. Я подняла воротник и застегнула верхнюю пуговицу.

- Мы обойдем вокруг этого места и поднимемся на холм, - сказала Клара. - Я хочу показать тебе дом в сумерках с некоторого расстояния. Я буду показывать тебе то, что ты должна запомнить, поэтому будь внимательна.

Мы шли по узкой тропинке. Вдали на востоке я могла различить темные иззубренные силуэты гор на фоне фиолетового неба. Когда я заметила, что они выглядят очень зловеще, Клара сказала, что эти горы вызывают благоговейный страх потому, что у них очень древняя тонкая сущность. Она сказала мне, что все видимое и невидимое обладает тонкой сущностью, и что для того, чтобы понимать происходящее, человек должен научиться ее чувствовать.

То, что она сказала, напомнило мне о моем методе получения ответов на сложные вопросы с помощью устремления взгляда на горизонт в южном направлении. Не успела я спросить ее об этом, как она продолжила рассказ о Горах, деревьях и тонкой сущности камней. Мне казалось, что Клара так глубоко проникла в тайны китайской культуры, что могла говорить загадками, напоминающими те, которые восточная литература приписывает просветленным людям. Я поняла тогда, что в глубине души я целый день насмеялась над ней. Это было странное ощущение, потому что Клара едва ли принадлежала к числу людей, которые заслуживали снисходительного отношения с моей стороны. Обычно на работе и в школе я насмеялась над слабыми или теми, кто напускает на себя важность, но Клару нельзя было отнести ни к тем, ни к другим.

- Вон то место,- сказала Клара, указывая на небольшую ровную поляну на вершине одного из холмов. - Оттуда ты сможешь видеть дом.

Мы свернули с тропинки и поднялись туда, куда она указывала. Здесь перед нами открылся завораживающий вид на всю долину, раскинувшуюся внизу. Я могла разглядеть большие группы темно-зеленых деревьев, окруженные еще более темными, коричневыми областями, но самого дома не было видно, потому что деревья и кусты полностью закрывали его.

- Дом идеально сориентирован в соответствии с четырьмя сторонами света,- сказала Клара, указывая на зеленые заросли. - Твоя спальня на северной стороне, а запретная часть дома - на южной. Задняя дверь и внутренний дворик расположены с западной.

Клара указала, где расположены все эти части дома, но, как ни старалась, я не могла их разглядеть. Все, что было в полутьме доступно моим глазам, представляло собой темно-зеленые очертания.

- Чтобы увидеть дом, мне придется просвечивать местность рентгеновскими лучами, - пожаловалась я. - Он полностью скрыт за деревьями.

И очень важными деревьями, кстати, - сказала Клара дружелюбно, не обращая внимания на мой огорченный тон. - Каждое из них является самостоятельным живым существом, которое преследует в жизни определенную цель.

- Разве не верно, что каждое живое существо на этой планете имеет определенную цель? - спросила я раздраженно.

Мне не нравилось что-то в том, с каким энтузиазмом Клара показывала мне свои владения. Тот факт, что я не могу разглядеть то, что она мне показывает, еще больше вывел меня из равновесия. Сильный порыв ветра надул мою куртку, и мне в голову пришла мысль о том, что мое раздражение может быть проявлением обычной зависти.

- Я имела в виду не это банальное суждение, объяснила Клара. - Я хотела сказать, что в моем доме каждая вещь и каждый человек появляются не случайно. Это касается и деревьев, и меня, и, конечно же, тебя.

Мне захотелось перевести разговор на другую тему, и поскольку я не смогла выдумать ничего лучшего, я спросила:

- Ты купила этот дом, Клара?

- Нет, мы его унаследовали. Он принадлежит нашей семье уже многие поколения, хотя если принять во внимание все те беспорядки, через которые прошла Мексика, нетрудно догадаться, что его разрушали и восстанавливали неоднократно.

Я поняла, что лучше всего себя чувствую, задавая самые простые вопросы, потому что Клара дает на них прямые ответы. Ее рассуждения о "тонких сущностях" показались мне такими высокими материями, что хотелось

передохнуть, поговорив о чем-нибудь обыденном. Но к моему огорчению Клара оборвала наш нормальный диалог и снова начала говорить о своих абстракциях.

Этот дом является отражением всех поступков живущих в нем людей, - сказала она почти благоговейным тоном. - Главная его особенность в том, что он скрыт. Он расположен на самом видном месте, но его никто не видит. Запомни это. Это очень важно!

Интересно, как бы я могла этого не запомнить, думала я. В течение двадцати предшествующих минут я напрягала зрение для того, чтобы разглядеть дом в полутьме. Мне бы хотелось, чтобы сейчас здесь оказался бинокль, с помощью которого я смогла бы наконец удовлетворить свое любопытство. Прежде чем я успела об этом сказать Кларе, она начала спускаться с холма. Я была бы не прочь остаться на холме сама еще некоторое время, чтобы подышать прохладным ночным воздухом, но я боялась, что одна не смогу во тьме найти дорогу назад. Я решила про себя, что вернусь сюда днем и выясню, можно ли на самом деле видеть отсюда дом так, как об этом сказала Клара.

Возвращаясь обратно, мы пришли к черному ходу ее особ; яка на удивление быстро. Вокруг царил непроглядная темень. Я могла видеть лишь небольшие участки тропинки, освещенные светом фонарей. Войдя в дом, Клара осветила деревянную скамейку и велела мне сесть на нее, снять куртку и ботинки, а затем повесить их на вешалку, находящуюся рядом с дверью.

Я почувствовала необычайный голод. Не припомню когда в своей жизни я так сильно хотела есть, но все же на решилась прямо спросить у Клары, будем ли мы ужинать. Возможно, она считала, что роскошного обеда в Гуаймаса было достаточно на целый день. Однако, судя по комплекции Клары, она была не из тех, кто любит экономить на еде.

- Давай пройдем на кухню и посмотрим, что там можно найти перекусить, - предложила она. - Но вначале я покажу тебе, где находится наш генератор и как его включать.

Освещая путь фонарем, она провела меня по тропинке вдоль забора до кирпичного сарайчика, крытого гофрированной жестью. В нем находился небольшой дизель-генератор. Я знала, как его включать, потому что мне случалось жить в сельском доме, в котором был похожий генератор на случай перебоя в электроснабжении. Потянув за рычаг рубильника, я увидела через окошко в сарайчике, что электричеством освещена только одна часть дома и холла: в них свет зажегся, тогда как весь остальной дом оставался во тьме.

- Почему электричество проведено у тебя не на весь дом? - спросила я у Клары. - Какой смысл оставлять полдома во тьме? - Затем, повинувшись неожиданному импульсу, я доставила. - Если хочешь, я смогу сделать там проводку.

Она удивленно посмотрела на меня.

- Это правда? Ты уверена, что после этого дом не сгорит?

- Конечно. Мои домашние говорили мне, что я - волшебница во всем, что касается электричества. Некоторое время я работала помощницей электромонтера - до тех пор, пока не надоела ему своими советами.

- Что ты ему советовала? - спросила Клара.

- Я говорила ему, куда следует что подключать. Потом пришлось распрощаться с ним.

Клара громко рассмеялась. Но я не могла понять, что она нашла смешного в моих словах о том, что я была когда-то электриком, а потом бросила это.

- Спасибо за твое предложение, - сказала Клара, возвращая своему голосу серьезное звучание. - Дело в том, что дом оснащен электричеством как раз так, как мы того хотим. Мы пользуемся им только в случае необходимости.

Я заключила, что электричество нужно прежде всего на кухне, и поэтому свет зажегся только в этой части дома. Не задумываясь, я направилась в ту сторону, где горел свет, но Клара дернула меня за рукав, чтобы остановить.

- Куда ты? - спросила она.

- На кухню.

- Ты направляешься не в ту сторону, - сказала она. - В мексиканских загородных домах ни кухня, ни ванная не находятся в основном доме. Что, потвоему, стоит у нас на кухне? Электрохолодильники и газовые плиты?

Она провела меня вдоль дома, мимо своего спортивного зала, к небольшому домику, которого я раньше не заметила. Он был почти полностью закрыт пышными цветущими деревьями. То, что она назвала кухней, представляло собой одну большую комнату с полом из терракотовых плиток, недавно побеленными стенами и несколькими рядами лампочек над головой. Кто-то, наверное, немало потрудился для того, чтобы так хорошо здесь все устроить. Но вся утварь здесь была старой - каждый предмет выглядел как музейный экспонат. С одной стороны комнаты стояла огромная железная печь,

которая топились дровами и, к моему удивлению, выглядела так, будто ее только что протопили. Печь находилась на массивной подставке, а дымовая труба выходила в отверстие в потолке. С другой стороны комнаты находились два длинных кухонных стола, возле которых с обеих сторон стояли скамейки. Рядом с ними находился рабочий стол повара, на котором лежала доска толщиной в три дюйма для разделки мяса. Ее поверхность выглядела далеко не гладкой: нож оставил на ней немало следов.

В удобных местах на стенах были расположены крюки, на которых висели корзинки, чугунные кастрюли и сковородки, а также много других кухонных принадлежностей. Вся комната производила впечатление сельской, но тем не менее хорошо оснащенной кухни из ряда тех, какие можно иногда увидеть в иллюстрированных журналах.

На печке стояли три глиняных горшка с крышками. Клара предложила мне сесть за один из столов. Она подошла к печке и, повернувшись ко мне спиной, принялась помешивать в горшочках и накладывать в тарелки. Через несколько минут она поставила передо мной плов, приготовленный из тушенки, риса и фасоли.

- Когда ты успела приготовить эту еду? - спросила я, искренне удивляясь, потому что за все время нашего пребывания в ее доме она явно никуда не отлучалась.

- Я состряпала все это перед нашим выходом на прогулку и поставила на печку, - сказала она полушутя.

За кого она меня принимает? - думала я. Для того, чтобы приготовить эту еду, нужно несколько часов. Она загадочно засмеялась в ответ на мой удивленный взгляд.

- Ты права, - сказала она тоном человека, который прекращает розыгрыш. - Есть здесь смотритель, который иногда готовит для нас пищу.

- Этот смотритель сейчас находится здесь?

- Нет, что ты. Он, должно быть, был здесь утром, но потом ушел. Ешь и не забивай себе голову такими незначительными вопросами, как то, откуда он пришел.

Клара и ее дом были полны неожиданностей, подумала я. Но усталость и голод давали о себе знать, и я не могла больше ни спрашивать, ни размышлять о чем-то, не имеющем отношения непосредственно к настоящему. Креветка,

которая казалась за обедом такой большой, теперь ушла так далеко в прошлое, что мне едва удавалось о ней вспомнить. Тому, кто любит есть медленно, могло показаться, что я набросилась на плов, как голодный волк. Еще ребенком я никогда не могла расслабиться за столом и просто получать удовольствие от еды. Я всегда воображала себе ту гору посуды, которую мне придется мыть потом. Каждый раз, когда один из моих братьев брал еще одну тарелку или ложку, внутри меня все сжималось. Я была уверена, что они специально пачкают как можно больше посуды, чтобы мне потом было что мыть. К тому же, каждый раз во время еды мой отец затевал споры с матерью. Он знал, что она не сможет уйти из-за стола, пока все не закончат есть, поэтому использовал эту возможность для того, чтобы излить ей все свои жалобы и замечания.

Клара сказала, что мне не нужно мыть тарелки, хотя я и предложила ей свою помощь. Мы пошли в гостиную очевидно, одну из тех комнат, которые по ее мнению, не нуждались в электрическом освещении, потому что здесь царил полный мрак. Клара зажгла керосиновую лампу. Она загорелась ярко, придавая всему таинственный, но в то же время спокойный и уютный вид. Везде покачивались тени. Мне казалось, будто нахожусь во сне вдаль от реальности, которую освещают электрическим светом. Клара, ее дом, эта комната - все, казалось, относится к какому-то другому времени, находится в каком-то потустороннем мире.

- Я обещала, что познакомлю тебя с нашей собакой, - начала Клара, садясь на диван. - Эта собака является неотъемлемой частью здешней обстановки. И ты должна быть очень внимательной с тем, что думаешь или говоришь о ней.

Я уселась рядом с ней.

Что, это чувствительная, нервная собака? спросила я, рисуя в воображении неприятную встречу с ней.

- Чувствительная - да, нервная - нет. Я считаю, что эта собака представляет собой очень развитое существо, но, являясь собакой, ей очень трудно, если вообще возможно, выйти за пределы представления о себе.

Я громко засмеялась, когда услышала, что у собаки может быть представление о себе. Я сказала Кларе, что ее утверждение кажется мне бессмысленным.

- Ты права, - согласилась Клара, - в данном случае не стоит говорить о представлении. Лучше сказать, что собака заблуждается, чувствуя свою важность.

Я знала, что она шутит со мной, но мой смех на этот раз был более осторожным.

- Ты можешь смеяться, но я говорю вполне серьезно,- сказала Клара тихим голосом. - Я дам тебе возможность убедиться в этом. - Она наклонилась ближе ко мне и понизила голос до шепота. - В ее отсутствие мы называем ее заро, что по-испански означает "жаба", потому что Эта собака похожа на большую лягушку. Но осмелюсь лишь при ней назвать ее так, и она разорвет тебя на куски. Теперь, если ты не веришь мне или если у тебя достаточно смелости, чтобы попробовать назвать ее так, знай, что когда собака придет в ярость, существует только один выход.

- И что же это? - спросила я насмешливо, хотя в этот раз почувствовала какую-то тень страха.

- Нужно очень быстро сказать: "Клара тоже похожа на белую жабу". Собаке приятно это слышать.

Но на таком меня не проведешь. Я была уверена, что достаточно умудрена опытом, чтобы понять, что это - бессмыслица.

- Наверное, ты научила свою собаку отрицательно реагировать на слово заро,- предположила я. - У меня есть некоторое представление о воспитании собак и я знаю, что они не настолько разумны, чтобы понимать слова людей, не говоря уже о том, чтобы приходить от этого в ярость.

- Тогда давай сделаем следующее, - предложила Клара. - Давай я познакомлю тебя с ней, а затем мы будем просматривать книгу по зоологии с картинками, на которых изображены лягушки, и обмениваться мнениями о них. Потом в один прекрасный момент ты скажешь: "Он действительно похож на жабу", и мы посмотрим, что произойдет.

Прежде чем я успела принять или отвергнуть это предложение, Клара вышла через боковую дверь, оставив меня в одиночестве. Я уверяла себя, что вполне представляю о чем идет речь, и не допущу, чтобы меня водила за нос женщина, которая утверждает, что собаки обладают высшими проявлениями сознательной деятельности.

Я бодро болтала с собой в воображении, чтобы вернуть себе уверенность, когда через боковую дверь вошла Клара, ведя за собой самую большую из когда-либо виденных мною собак. Это был огромный кобель, толстые лапы которого достигали размера кофейных блюдец. Его шерсть была черной, лоснящейся. В желтых глазах собаки можно было прочесть взгляд человека, смертельно

уставшего от жизни. Ее уши были закруглены, а морда - неровной и со всех сторон покрытой морщинами. Клара была права, пес определенно был похож на исполинскую лягушку. Собака подошла прямо ко мне и остановилась, а затем посмотрела на Клару, как бы ожидая, что та скажет.

- Тайша, я хочу познакомить тебя со своим другом Манфредом. Манфред, это - Тайша.

Я готова была протянуть руку и пожать его лапу, но Клара, качнув головой, подала мне знак, чтобы я этого не делала.

- Рада с тобой познакомиться, Манфред, - сказала я, стараясь не засмеяться и в то же время не выглядеть испуганной.

Собака подошла еще ближе и начала нюхать мой пах. С отвращением я отскочила назад. В одно мгновение собака подскочила ко мне, повернулась задней частью своего туловища и ударила меня под колени так, что я потеряла равновесие. Я опомнилась, стоя на полу сначала на коленях, я потом на всех четырех. Собака лизнула мою щеку, и прежде, чем я успела подняться на ноги или отвернуться, выпустила газы прямо перед моим носом.

Я с криком вскочила. Клара так смеялась, что не могла вымолвить ни слова. Я могла поклясться, что Манфред тоже смеялся. Он с ликующим видом спрятался за Кларой и вопросительно смотрел на меня, переминаясь по полу своими большими лапами.

Я была так разъярена, что закричала:

- Ты - не собака, а проклятая вонючая жаба!

В одно мгновение пес бросился ко мне и ударил меня головой. Я упала назад на пол, а он оказался сверху. Его челюсти были в нескольких дюймах от моего лица. Я увидела, что в его желтых глазах искрится ярость. Одного зловонного дыхания этой пасти было достаточно для того, чтобы вызвать тошноту, и я почувствовала, что меня вот-вот вырвет. Чем громче я кричала, чтобы Клара убрала подальше свою проклятую собаку, тем ожесточеннее рычал надо мной пес. Я чувствовала, что от страха нахожусь на грани потери сознания, когда услышала сквозь шум и собственные вопли, как Клара кричит:

- Скажи ему то, о чем я тебе говорила! Скорее, скажи ему!

Я была слишком испугана, чтобы говорить что-то. В отчаянии Клара попыталась оттянуть собаку в сторону за уши, но это лишь пуще разъярило ее.

- Скажи ему! Скажи ему то, о чем я тебе говорила! вопила Клара.

В том ужасном положении, в котором я находилась, я никак не могла вспомнить, что же такого должна ему сказать. Но когда я поняла, что сознание уже начинает оставлять меня, я услышала собственный крик:

- Клара тоже похожа на белую жабу! Прости меня!

Собака мгновенно перестала рычать и отошла от меня. Клара помогла мне встать и сесть на диван. Собака шла рядом с нами, будто помогая ей. Клара дала мне выпить теплой воды, от чего меня затошнило еще больше. Едва я успела выскочить на улицу, как меня сильно вырвало.

Позже, когда я отдыхала в гостиной, Клара еще раз предложила посмотреть книгу о лягушках в присутствии Манфреда для того, чтобы я могла повторить при нем еще раз, что она выглядит как белая жаба. Она сказала, что я должна устранить все недоразумения, которые могли появиться в его уме.

- Он очень несчастен потому, что должен быть собакой, - объяснила она. - Бедняжка! Это ему очень не нравится, но он ничего не может поделать. Поэтому он приходит в ярость, когда кто-то насмехается над ним.

Я сказала, что в том состоянии, в котором я нахожусь, дальнейшие эксперименты по собачьей психологии едва ли целесообразны. Но Клара настаивала на том, чтобы я доиграла эту игру до конца. Как только она открыла книгу, Манфред подошел, чтобы смотреть на картинки. Клара все восхищалась и шутила по поводу того, какими причудливыми бывают лягушки, и что среди них есть даже такие, которые выглядят довольно отвратительно. Я тоже вступила в игру со своей стороны. Я произносила слово "жаба" и испанское слово заре как можно чаще и как можно громче в течение всего нашего наигранного разговора. Но Манфред на это никак не реагировал. Он выглядел таким же скучающим, как и в первый раз, когда мои глаза увидели его.

Но когда, как было условленно, я громко заметила, что Клара определенно похожа на белую жабу, Манфред сразу же начал вилять хвостом, заметно оживившись. Я повторила ключевую фразу несколько раз, и чем больше я ее повторяла, тем более возбужденной становилась собака. Тут я неожиданно решила проявить инициативу и сказала, что сама похожа на неприглядную жабу, которая старается стать такой же, как Клара. Услышав это, собака так обрадовалась, что подскочила на месте, как ужаленная. Клара сказала:

- Ну, здесь ты перегнула палку в своей заботе о нем, Тайша.

Я заметила, что Манфред пришел в такое возбуждение, что не мог этого больше переносить. Он выбежал из комнаты. В изумлении я откинулась на

спинку дивана. Несмотря на все свидетельства, которые подтверждали, что собака может так реагировать на обидное прозвище, я все же в глубине души не могла поверить в это.

- Скажи, Клара,- произнесла я, - в чем здесь фокус? Как ты научила его так себя вести?

- То, свидетельством чего ты была, не является фокусом, - ответила она. - Манфред - таинственное, неизвестное существо. Во всем мире есть только один человек, который может называть его заро или зарио, маленькая жабка, и при этом не привести его в бешенство. Скоро ты встретишься с этим человеком. Он ответственен за тайну Манфреда. Только он может объяснить тебе, что все это значит.

Внезапно Клара встала.

- Сегодня у тебя был нелегкий день,- сказала она, вручая мне керосиновую лампу. - Думаю, сейчас самое время отправиться спать.

Она провела меня в отведенную мне комнату.

Все что тебе может понадобиться, ты найдешь внутри, - сказала она. - Ночной горшок находится под кроватью, если ты боишься выходить во двор. Надеюсь, тебе будет уютно.

Коснувшись моей руки, она пошла по коридору, пока не исчезла во тьме. Я так и не поняла, где находится ее спальня. Возможно, подумала я, ее спальня находится в том крыле дома, в которое мне нельзя было заходить. Клара так загадочно пожелала мне спокойной ночи, что некоторое время я просто стояла и держалась за дверную ручку, теряясь в догадках.

Затем я все же вошла в комнату. Керосиновая лампа освещала вещи, которые отбрасывали причудливые тени. На полу красовался узор из отблесков, которые давала ваза с цветами, стоявшая на столе. Должно быть, Клара принесла эти цветы из гостиной и оставила их здесь. Большой резной деревянный сундук, казалось, излучал серебристое сияние, а спинки кровати отбрасывали на стены тени, похожие на змей. Внезапно я поняла, почему в моей комнате стояла этажерка из красного дерева, на которой находились статуэтки и другие эмалированные предметы. Свет лампы полностью преобразал их, создавая вокруг фантастический мир. Статуэтки из фарфора не предназначены для помещений, освещаемых электрическим светом, подумала я в этот момент.

Мне хотелось осмотреть комнату, но я чувствовала смертельную усталость. Я поставила лампу на небольшой прикроватный столик и разделась. На спинке стула лежала муслиновая ночная рубашка, которую я и надела. Казалось, она была мне впору, по крайней мере, не волочилась по земле.

Я взобралась на мягкую кровать и улеглась на подушку. Тени в комнате так заворожили меня, что я не погасила лампу сразу. Я вспомнила, что еще ребенком играла перед тем, как уснуть, в такую игру: сколько разных предметов я смогу узнать по их теням на стенах.

Сквозняк из полуоткрытого окна привел тени на стенах в движение. Несмотря на усталость, я вообразила, что вижу перед собой очертания животных, деревьев и летящих птиц. Затем в расплывах серого света я увидела смутное очертание морды собаки. У нее были закругленные уши, притупленный, покрытый морщинами нос. Казалось, она моргает мне. Я знала, что это Манфред.

Странные чувства и мысли наполнили мой ум. Что я вообще могу сказать о событиях этого дня? Ни одно из них мне не удавалось объяснить удовлетворительно. Но самой замечательной вещью было то, что я вне всяких сомнений поняла, что мое последнее замечание - о том, что я похожа на неприглядную жабу, которая старается стать похожей на Клару, - положило начало нашей с Манфредом взаимной симпатии. Я также ясно понимала, что не могу думать о нем как об обычном псе и что я больше не боюсь его. Несмотря на то, что мне было очень трудно в это поверить, я чувствовала, что он наделен каким-то особым разумом и может понимать то, о чем мы с Кларой разговариваем.

Внезапно порыв ветра растворил окно полностью, и тени замельтешили по стенам множеством причудливо мерцающих очертаний. Морда собаки слилась с другими рисунками на стене, и я подумала, что в действие вступили чары, которые дадут мне силу при встрече с ночью.

Как удивительно то, думала я, что ум может наполнять бесформенные рисунки на стене осмысленным содержанием так, будто является проекционным аппаратом, в который заряжена кассета с бесконечным фильмом.

Тени задрожали, когда я опустила пониже фитиль керосиновой лампы. Когда последний блик света угас, я осталась в крошечной тьме. Но я не боялась ее. Тот факт, что я нахожусь в чужом доме, лежу в незнакомой кровати, ничуть не смущал меня. Ранее Клара сказала, что это моя комната, и, побыв в ней так недолго, я почувствовала себя как дома. У меня было какое-то странное чувство, что я нахожусь под защитой.

Глядя в пустоту перед собой, я заметила, что воздух в комнате начинает отсвечивать. Я вспомнила слова Клары о том, что весь этот дом заряжен невидимой энергией, которая течет по нему, как ток по проводу. Я не чувствовала ее раньше потому, что мое внимание было занято другими вещами. Но сейчас, в абсолютной тишине я отчетливо расслышала ее тихий жужжащий звук. Затем мне показалось, что я вижу, как по комнате на большой скорости летают едва заметные пузырьки. Они часто сталкивались друг с другом и гудели, как многотысячный пчелиный рой. Комната и весь дом, казалось, были пронизаны тонкой электрической энергией, которая заполняла все мое существо.

Глава 4

Как тебе спалось? - спросила меня Клара, когда я зашла на кухню.

Она как раз собиралась сесть за стол, чтобы приняться за еду. Я заметила, что стол накрыт на двоих, хотя она и не говорила мне накануне, в котором часу будет завтрак.

- Я спала как медведь, - сказала я, и мои слова были недалеко от истины.

Клара пригласила меня присоединиться к ней и положила в мою тарелку какое-то ароматное блюдо из нарезанного мяса. Я сказала ей, что пробуждение в незнакомом месте всегда было для меня неприятным мгновением. Мой отец очень часто менял работу, и семья должна была менять место жительства, когда он уезжал в другой город, чтобы занять там вакантную должность. Внезапное пробуждение утром на новом месте, когда я поначалу не могла понять, где я нахожусь, было невыносимым для меня. Но в это утро я не испытала никаких неприятных переживаний. Я проснулась с чувством, что комната и кровать, на которой я лежу, всегда были моими.

Клара выслушала меня внимательно и кивнула головой.

- Так произошло потому, что твой характер соответствует характеру того человека, кому принадлежит эта комната, - сказала она.

- А кому принадлежит эта комната? - спросила я с любопытством.

Когда-нибудь ты узнаешь это, - ответила она, положив на мою тарелку рядом с мясом огромную порцию риса. Затем она подала мне вилку. - Ешь, не стесняйся. Сегодня тебе понадобится вся твоя сила.

Она не стала продолжать беседу, пока я не съела все, что находилось на моей тарелке.

- И что же мы будем делать? - спросила я, когда она убирала со стола грязную посуду.

- Не мы, - поправила она меня. - Ты сама пойдешь в пещеру, чтобы начать занятия воспоминанием.

- Занятия чем, Клара?

- Вчера вечером я сказала тебе, что каждая вещь и каждый человек в этом доме появляется не случайно. Это касается и тебя.

- Зачем же тогда я оказалась здесь?

- Причина твоего появления здесь может быть объяснена тебе лишь в несколько этапов, - ответила она. - Рассуждая на самом простом уровне, можно сказать, что ты здесь потому, что тебе это нравится, что бы ты об этом ни думала. Вторая, и менее очевидная причина состоит в том, что ты приехала сюда для того, чтобы заниматься увлекательной практикой, которая называется воспоминанием.

- Что это за практика? Что она от меня требует?

- Об этом я скажу тебе, когда мы придем в пещеру.

- А почему ты не можешь сказать мне об этом здесь?

- Не возражай мне, Тайша. Сейчас я не могу ответить на все твои вопросы, потому что у тебя недостаточно энергии для того, чтобы понять мои ответы. Позже ты сама убедишься в том, что некоторые вещи бывает очень нелегко объяснить.

Надевай свои походные ботинки, нам пора уходить.

Мы вышли из дома и поднялись на невысокие холмы к востоку от долины, идя по той же тропинке, по которой мы шли в минувший вечер. Вскоре после начала нашего похода я заметила небольшую поляну на холме, где мы были вчера вечером и которую я собиралась посетить днем. Не ожидая, пока Клара предложит мне сделать это, я направилась туда, потому что мне не терпелось выяснить, виден ли оттуда дом в дневное время.

Моим глазам открылась чашеподобная долина между холмами, покрытая зарослями деревьев. Однако несмотря на то, что утро было солнечным и ясным, я не смогла различить никаких следов жилых строений. Мне стало очевидно лишь то, что в долине растет намного больше деревьев, чем я могла предположить, судя по вчерашним наблюдениям в сумерках.

- Ты, конечно, можешь заметить отсюда небольшой домик во дворе, - сказала Клара. - Видишь вон ту красноватую точку недалеко от зарослей мескитовых деревьев?

Я подпрыгнула от неожиданности, потому что была так поглощена созерцанием долины, что не услышала, как Клара подошла ко мне.

Для того, чтобы помочь мне сориентироваться, Клара указала на одну группу зеленых деревьев в долине. Я подумала, что могла бы из вежливости сказать ей, что вижу все, на что она мне показывает, но мне не хотелось начинать этот день с нечестности по отношению к ней. Я молчала. Кроме того, в этой скрытой долине было что-то столь изысканное, что у меня перехватило дыхание. Я смотрела на нее так увлеченно, что мне показалось, что я засыпаю. Прислонившись к камню, я дала возможность тому, что производило на меня такое сильное впечатление, унести себя. И меня действительно понесло. Я увидела себя среди людей, которые собрались на пикник. Все вокруг веселились, и я слышала смех...

Мое видение рассеялось, когда Клара подняла меня на ноги, взяв подмышки.

- Вот-те на, Тайша! - воскликнула она. - Такого я от тебя не ожидала. На какое-то мгновение мне показалось, что я тебя потеряла.

Я хотела было рассказать ей, что мне пригрезилось, потому что была уверена, что отключилась всего лишь на мгновение. Но Клара, казалось, не проявляла к этому никакого интереса и начала спускаться с холма.

Она шла уверенной и целенаправленной походкой так, будто точно знала, куда направляется. Что же касается меня, то я плелась бесцельно за ней, стараясь не отставать и не спотыкаться. Мы шли в полной тишине. Прошло уже более получаса, как мы снова вышли к нагромождению скал, о котором я могла с уверенностью сказать, что мы здесь уже были.

- Мы уже проходили здесь сегодня? - спросила я, прерывая молчание.

Она утвердительно кивнула.

- Мы ходим по кругу, - заметила она. - Что-то преследует тебя, и если мы не отделаемся от него, оно придет с нами в пещеру.

Я оглянулась, чтобы проверить, не идет ли кто-нибудь за нами. Но заметила я только кусты и переплетенные ветви деревьев. Я поспешила за Кларой, чтобы догнать ее, но споткнулась о пень. Падая вперед, я неожиданно вскрикнула. С невероятной скоростью Клара поймала меня за руку и не дала мне упасть, поставив передо мной свою ногу.

- Да, ходок из тебя не самый лучший, - заметила она.

Я сказала ей, что никогда не проводила много времени за пределами дома и с детства верила, что далекие прогулки и походы - удел сельских жителей, а не

образованных горожан, ведь последние не привыкли жить в лесной глуши. Разгуливать по предгорьям - не самое приятное занятие для меня, и за исключением того вида на долину, в которой находится ее дом, я не нахожу ничего интересного в нашей прогулке, хотя кто-то другой, возможно, назвал бы ее увлекательной.

- Согласна с тобой, - ответила Клара. - Но ты здесь не для того, чтобы разглядывать по сторонам. Смотри себе под ноги. Здесь бывают змеи.

Действительно ли там водились змеи, осталось для меня загадкой, но ее совет, конечно, приковал мой взгляд к земле. По мере того как мы шли, я начала задыхаться. Ботинки, которые дала мне Клара, повисли у меня на ногах, как пудовые гири. Мне становилось все труднее поднимать ногу для того, чтобы поставить ее впереди другой.

- Нужна ли на самом деле эта прогулка по горам? спросила я в конце концов.

Клара остановилась и повернулась ко мне.

- Прежде чем мы сможем поговорить о чем-то осмысленном, было бы неплохо, если бы ты по крайней мере немного почувствовала свое окружение, - сказала она. - Я делаю все что в моих силах для того, чтобы помочь тебе в этом.

- О чем ты говоришь? - настаивала я. - Какое окружение?

Меня вновь охватила моя обычная подозрительность.

- Я имею в виду скопление твоих обычных чувств и мыслей, твою личную историю, - объяснила Клара. - Все то, что делает тебя тем, кем ты себя считаешь, единственной и неповторимой личностью.

- Что плохого в моих обычных чувствах и мыслях? спросила я.

Ее непонятные высказывания определенно начинали меня раздражать.

- Эти обычные чувства и мысли - источник всех твоих проблем, - заявила она.

Чем больше она говорила загадками, тем сильнее во мне росло разочарование. В это мгновение мне захотелось ударить себя за то, что согласилась принять предложение этой женщины посетить ее дом. Но моя реакция была запоздавшей. Опасения, которые все время теплились во мне,

теперь разгорелись в полную силу. Я подумала, что она очень похожа на психопатку, которая может в любое мгновение выхватить нож и убить меня. Затем я подумала о том, что, судя по тому, что она хорошо владеет боевыми искусствами, нож ей не понадобится. Один хороший удар ее сильной ноги будет последним для меня. Я не смогу противостоять ей. Она была старше меня и очевидно намного сильнее. Я вообразила себе, что моя смерть станет еще одним случаем пропадания без вести, как об этом пишут в статистических сводках.

- Выбрось из головы все свои нездоровые мысли - сказала Клара, явно имея представление о том, что я подумала. - Я привела тебя сюда лишь для того, чтобы подготовить к тому, чтобы ты смогла взглянуть на жизнь немного более трезво. Но кажется, вместо этого мне удалось лишь вызвать в тебе лавину дурацких подозрений и страхов.

Я почувствовала себя неловко из-за того, что у меня появились такие безобразные мысли. Я не могла себе вообразить, как ей удастся так точно определять, когда меня охватывают подозрения и опасения, и как ей одной фразой удастся положить конец моему внутреннему беспокойству.

Мне захотелось извиниться перед ней и обо всем спокойно рассказать, но я еще не была готова к этому. Я подумала, что это могло бы создать для меня дальнейшие осложнения.

- Ты обладаешь необыкновенным даром успокаивать мои нервы, Клара, - сказала я вместо этого. - Ты научилась этому на Востоке?

- Научиться этому не так уж трудно, - ответила она. - Это легко не потому, что именно тебя нетрудно успокоить, а потому, что все мы похожи друг на друга. Для того, чтобы знать подробно, о чем ты думаешь, мне нужно лишь знать себя. Об этом, можешь не сомневаться, у меня есть кое-какое представление. А сейчас давай продолжим идти дальше. Я хочу добраться до пещеры до того, как ты окончательно свалишься с ног.

- Скажи мне еще раз, Клара, что мы будем делать в пещере? - спросила я, желая оттянуть необходимость двигаться дальше.

- Я собираюсь научить тебя удивительным вещам.

- Каким таким удивительным вещам?

- Вскоре узнаешь, - ответила она, глядя мне прямо в глаза.

Я хотела что-то спросить, но прежде чем я успела открыть рот, она уже шла впереди меня на полпути к следующему склону. С трудом волоча ноги, я прошла за ней еще около четверти мили, пока она не остановилась у ручья. Здесь листва на деревьях была такой густой, что я не могла даже видеть небо. Я сняла ботинки. На пятке у меня был волдырь.

Клара нашла заостренную палочку и нажала ею на мою ногу между большим и вторым пальцами. Нечто похоже на слабый электрический ток ударило мне в лодыжки и потекло внутри бедер. Затем она попросила меня стать на четвереньки и, поднимая поочередно каждую ногу стопой вверх, уколола палочкой в то место, которое находится сразу же под выпуклостью большого пальца. Я завопила от боли.

- Это не так уж плохо, - сказала она тоном человека, который уже не в первый раз лечит больных. Традиционные китайские врачи часто использовали этот прием для того, чтобы вернуть силы слабым или ввести человека в состояние повышенной внимательности. Но в наши дни эти древние знания вымирают.

- Почему так происходит, Клара?

- Потому что преклонение перед материализмом увело человека в сторону от эзотерических наук.

- Это же самое ты имела в виду и тогда, когда в пустыне сказала мне, что разрушена связь с прошлым?

- Да. Великие перемены всегда влекут за собой резкие изменения в энергетической природе вещей. И эти изменения не всегда к лучшему.

Она велела мне опустить ноги в ручей и поводить ими по гладким камням, которые лежали на дне. Вода была холодной, как лед, и я непроизвольно вздрогнула.

- Повращай лодыжками по часовой стрелке, - предложила она. - Дай возможность текущей воде унести всю твою усталость.

После нескольких минут вращения лодыжками я почувствовала себя отдохнувшей, но мои ноги окоченели от холода.

- А теперь попытайся почувствовать, как все твое напряжение концентрируется в ногах, а затем отбрось его резким движением лодыжек в стороны, - посоветовала Клара. - Так ты сможешь избавиться и от ощущения холода.

Я продолжала мутить воду до тех пор, пока ноги не онемели окончательно.

- Мне кажется, что то, о чем ты говоришь, не работает, Клара, - сказала я, вынимая ноги из воды.

- Это потому, что ты не даешь возможности напряжению уйти, - ответила она. - Текущая вода уносит с собой усталость, ооченелость, болезни и все другие нежелательные вещи, но для того, чтобы это произошло, ты должна выразить свое намерение. В противном случае можешь болтать ногами воду до тех пор, пока не пересохнет ручей, и все будет напрасно.

Она добавила, что если кто-то хочет проделать это упражнение, лежа в постели, для этого ему нужно просто вообразить себе текущий ручей.

- Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что я должна выразить свое намерение? - спросила я, вытирая ноги рукавами куртки. После активного растирания они наконец согрелись.

- Намерение - это сила, движущая вселенной, - сказала она. - Это сила, которая порождает все. Благодаря ей случается мир.

Я не могла верить тому, что так внимательно слушаю каждое ее слово. Со мной явно что-то произошло, потому что мое обычное скучающее равнодушие сменилось просто невероятной внимательностью. И дело было не просто в том, что я понимала, что говорит мне Клара, - на самом деле я не понимала этого. Меня поразил тот факт, что я слушала ее, не отвлекаясь и не раздражаясь.

- Ты можешь описать мне эту силу более подробно? попросила я.

- На самом деле о ней ничего нельзя сказать, кроме иносказаний, - ответила Клара. Она провела по земле подошвой своей туфли, отметая в сторону сухие листья. Под сухими листьями находится почва, поверхность огромной планеты. Намерение - это то, что лежит в основе всего.

Клара набрала пригоршню воды и плеснула ее себе в лицо. Я снова удивилась тому, что на ее коже нет морщин. На этот раз я сказала ей о том, как она выглядит.

- То, как человек выглядит, зависит от того, как он согласовал свою жизнь с окружающим миром, - сказала она, отряхивая с рук воду. - Все, что мы делаем, так или иначе влияет на эту согласованность. Мы можем быть молодыми и исполненными сил, а можем быть старыми и больными, как застывшая лава в горах Аризоны. Все зависит от нас самих.

Неожиданно для себя самой я спросила ее, можно ли восстановить эту гармонию, если она утрачена. Можно было подумать, что я верила ее словам.

Она утвердительно кивнула и сказала:

- Конечно же, можно. И ты сделаешь это с помощью того уникального упражнения, которому я собираюсь Мучить тебя. Оно называется воспоминание.

- Я не могу дождаться того времени, когда ты будешь меня учить, - сказала я возбужденно, надевая ботинки.

Затем без всяких видимых причин я так оживилась, что несколько раз подпрыгнула на месте и спросила:

- Не пора ли нам идти дальше?

- Мы уже пришли, - объявила Клара, указывая на небольшую пещерку на склоне холма. Когда я посмотрела туда, мой энтузиазм куда-то исчез. В этом зияющем отверстии было что-то зловещее и недоброе, но в то же время и заманчивое. У меня сразу же возникло желание исследовать его, но я боялась обнаружить внутри что-то неожиданное.

Я подозревала, что мы находимся где-то недалеко от ее дома, и эта мысль утешала меня. Клара сообщила мне, что это - место силы, то есть такое место, которое древние китайские маги, владевшие искусством фэн-шуй, несомненно выбрали бы для постройки храма.

- Здесь элементы воды, леса и воздуха находятся в идеальном равновесии, - сказала она. - Здесь энергия циркулирует в изобилии. Ты поймешь, что я имею в виду, когда войдешь в пещеру. Ты должна воспользоваться энергией этого неповторимого места для того, чтобы очиститься.

- Ты хочешь сказать, что я должна буду остаться здесь?

- А разве ты не знаешь, что на Востоке в древности монахи и ученые часто уходили в пещеры, чтобы пожить некоторое время в уединении? - спросила она. - Когда со всех сторон окружает земля, легче медитировать.

Она предложила мне забраться в пещеру. Набравшись смелости, я протиснулась внутрь, подавив в себе все мысли о летучих мышах и пауках. Внутри было темно и прохладно, и места хватало лишь на одного человека. Клара сказала мне, чтобы я села, скрестив ноги и опираясь спиной о стену. Я заколебалась, не желая запачкать свою куртку, но стоило мне прислониться к

стене, как я почувствовала облегчение. Даже несмотря на то, что потолок находился сразу же над моей головой, а земля сильно давила мне в копчик, стиснутое пространство не угнетала меня. Легкий, почти незаметный поток воздуха двигался по пещере. Я почувствовала прилив сил, чего, по словам Клары, и следовало ожидать. Я собралась снять-с себя куртку и подложить ее под себя, когда Клара, сидевшая на корточках у входа в пещерку, заговорила.

- Вершиной того искусства, которому я хочу научить тебя, - начала она, - является то, что называется абстрактный полет, а средством овладения им есть воспоминание. - Она протянула руку в пещерку и коснулась левой и правой сторон моего лба. - Осознание должно переместиться отсюда сюда, - сказала она. - В детские годы мы могли это делать легко, но когда гармония нашего тела была нарушена вследствие вредных привычек, только особая работа с осознанием, правильный образ жизни и воздержание могут восстановить потерянную энергию. Энергию, которая необходима для того, чтобы изменить уровень восприятия.

Я явно поняла все, что она сказала, и даже смогла почувствовать, что осознание подобно потоку энергии, который может перетекать из одной части головы в другую. Я представила себе расстояние между этими двумя частями как огромное пространство - пустоту, которая мешает переходу.

Я внимательно слушала то, что она рассказывала.

- Тело должно быть необычайно сильным, - сказала она. - Только тогда осознание может стать проникающим и текучим настолько, чтобы в одно мгновение преодолеть пропасть, которая отделяет нас от абстрактного полета.

Когда она говорила мне все это, случилось что-то необычайное. Я почувствовала абсолютную уверенность в том, что я останусь с Klarой в Мексике. Мне хотелось представить, как я возвращаюсь в Аризону через несколько дней, но я понимала, что в действительности вернусь туда не скоро. Я осознала также и то, что мое решение остаться здесь не является просто принятием того, к чему меня с самого начала подталкивала Клара. Дело было в том, что я просто не могла оказывать сопротивление ее намерениям, потому что на меня воздействовало нечто, относящееся не только к ней.

- Начиная с этого времени ты будешь жить жизнью, в которой нет ничего важнее осознания, - сказала она таким тоном, будто я дала молчаливое согласие остаться с ней. - Ты должна избегать всего, что может причинить вред телу или уму, либо ослабить их. Кроме того, в настоящее время для тебя очень важно порвать все физические и эмоциональные связи с миром.

- Почему это так важно?

- Потому что прежде всего ты должна стать целостной.

Клара объяснила, что люди склонны считать, что их природа дуалистична: что ум является их духовной, а тело - материальной составляющей. Это разделение приводит к тому, что наша энергия постоянно находится в хаотическом состоянии, и это мешает ее концентрации.

- Разделенность - это условие, в котором существует человек, - заметила она. - Но в действительности оно наблюдается не между умом и телом, а между телом, которое содержит в себе ум, или "я", и дублем, который является вместилищем нашей основной энергии.

Она сказала, что до рождения этого разделения не существует, но, начиная со времени появления человека в этом мире, эти две его составляющие оказываются разделенными вследствие воздействия намерения всего человечества. Одна часть при этом превращается в физическое тело, тогда как другая, внутренняя, становится дублем. После смерти более тяжелая физическая составляющая возвращается обратно в землю, а более легкая, дубль, становится свободной. Но, к несчастью, дубль не может наслаждаться свободой дольше чем мгновение, потому что в силу своей недоразвитости он сразу же растворяется во вселенной.

- Ясли мы умрем, не искоренив ложного дуализма, который по нашему мнению существует между телом и умом, - мы умираем обычной смертью, - сказала она.

А как можно умереть по-другому?

Клара уставилась на меня, высоко подняв брови. Вместо ответа на мой вопрос она доверительным тоном сообщила мне, что мы умираем потому, что нам никогда не приходит в голову мысль о возможности изменить себя. Она подчеркнула, что это преображение должно быть совершено в течение жизни, и что успешное решение этой задачи это единственная подлинная цель, которую может иметь человеческая жизнь. Все остальные наши достижения проходящи, потому что смерть превращает их обладателя в ничто.

- Что представляет собой это преображение? - спросила я.

- Оно предполагает радикальное изменение, - сказала она. - И достичь этого изменения можно с помощью вспоминания, этого краеугольного камня свободы. Искусство, которому я собираюсь научить тебя - это искусство быть

свободной. Заниматься им очень трудно, но еще труднее объяснить его суть другим.

Клара сказала, что каждый метод, которому она будет меня обучать, и каждое задание, которое она будет мне давать, каким бы необычным оно мне ни показалось, в действительности является шагом к достижению конечной цели искусства быть свободной - постижению абстрактного полета.

- Вначале я покажу тебе простые движения, которые ты должна будешь выполнять каждый день, - продолжала она. - Считай их неотъемлемой частью своей жизни. Первым делом давай рассмотрим технику правильного дыхания, которая хранилась в тайне в течение многих веков. Эта техника отражает двойственную суть возникновения и исчезновения, света и тьмы, бытия и небытия.

Она попросила меня выйти из пещеры, а затем легкими движениями показала, как мне сесть, наклонившись вперед и придвинув колени как можно ближе к груди. Не отрываясь ногами от земли, я должна была обнять икры, плотно охватить их руками перед собой и положить ладони на локти, если мне так было удобнее. Легким нажатием она опустила мою голову так, что подбородок касался груди.

Мне пришлось сильно напрячь мышцы рук для того, чтобы удерживать колени перед собой. Моя грудь и живот оказались сдавленными, а в шее что-то хрустнуло; когда я опускала подбородок вниз.

- Это очень активный метод, - сказала она. Может даже случиться так, что скоро ты потеряешь сознание или уснешь. В любом случае, когда придешь в себя, возвращайся в дом. Пещера, кстати, находится сразу же за домом. Иди по тропинке, и ты выйдешь прямо к нему через две минуты.

Клара сказала мне, что следует делать короткие, поверхностные вдохи. Я ответила, что ее указание ничего не меняет, потому что в этом положении я могу дышать только так, и не иначе. Она сказала, что если я хотя бы частично Расслаблю руки, мое дыхание снова станет нормальным. Но этого не должно было происходить. Она хотела, чтобы я дышала поверхностно хотя бы минут десять.

Я оставалась в таком положении наверное около получаса, все это время дыша короткими вдохами, как она меня наставляла. После того, как колики в животе прошли и ноги перестали ныть, дыхание, казалось, размягло мои внутренности и растворило их. Затем через мучительно долгое время Клара толкнула меня так, что я перекатилась на спину и продолжала лежать на земле,

но она не разрешила мне ослабить напряжение в руках. Когда моя спина коснулась земли, я почувствовала некоторое облегчение, но полное освобождение наступило только тогда, когда Клара позволила мне разжать руки и вытянуть ноги. Единственное, что я могу сказать о своих ощущениях, - это то, что с помощью такого дыхания что-то внутри меня освободилось, а затем начало растворяться и в конце концов исчезло полностью. Как и предупреждала Клара, я почувствовала такую сонливость, что заснула, едва успев добраться до пещерки.

Я проспала в пещере, должно быть, не менее двух часов. Судя по положению, в котором я проснулась, можно было сказать, что за все время сна я не шевельнула ни одним мускулом. Я подумала, что это, должно быть, случилось потому, что в пещерке не было места для движений и поворотов. Но вполне могло быть и так, что я спала неподвижно потому, что полностью расслабилась и не нуждалась в движениях для того, чтобы найти более удобное положение.

Я пошла в направлении к дому, как мне сказала Клара. Она сидела в плетеном кресле во внутреннем дворике возле дома. У меня создалось впечатление, что рядом с ней сидела другая женщина, но когда они услышали, что я иду, та быстро поднялась на ноги и ушла.

- О да, ты выглядишь отдохнувшей, - сказала Клара. - Этот метод дыхания и поза просто творят с нами чудеса.

Клара сказала, что если это упражнение проделывать регулярно в спокойном и сосредоточенном расположении духа, то оно способствует постепенному приведению в равновесие нашей внутренней энергии.

Прежде чем я успела сказать ей, как хорошо я себя чувствую, она попросила меня присесть и научиться еще одному способу дыхания, который играет важную роль в искоренении ложного дуализма. Она попросила меня сидеть, выпрямив позвоночник, и немножко свести глаза так, чтобы я могла видеть кончик носа.

- Это дыхательное упражнение следует выполнять, сняв с себя одежду, - начала она. - Но для того, чтобы не раздевать тебя здесь во дворе, на этот раз мы сделаем исключение. Прежде всего ты начинаешь глубокий вдох, набирая воздух в легкие так, будто дышишь через влагалище. Втяни живот и вдыхай так, словно воздух поднимается вверх вдоль позвоночника, минуя почки, до места, которое находится между лопатками. Задержи воздух здесь на некоторое время, а затем продолжай поднимать его дальше, в затылок, затем поверх макушки головы в точку, которая находится между бровями.

Она сказала, что, задержав его там на мгновение, я должна начать выдох через нос и при этом в воображении проводить воздух вниз вдоль тела до места, которое находится чуть-чуть ниже пупка, а затем дальше, до влагалища, откуда начинался весь цикл.

Я начала проделывать это дыхательное упражнение.

Клара положила руку на основание моего позвоночника, а затем вычертила линию вдоль моей спины, над головой и до точки между бровями, на которую она легонько нажала.

- Старайся доносить воздух сюда, - сказала она. А глаза нужно держать скошенными для того, чтобы тебе легче было концентрировать внимание на переносице. Так ты сможешь вращать воздух по линии вдоль позвоночника и над головой до этой точки. Можешь также, если хочешь, Следить взглядом за воздухом, когда он опускается вдоль тела вниз и возвращается в половые органы.

Клара сказала, что циркуляция воздуха подобным образом создает непробиваемый заслон для внешних враждебных влияний, которые стремятся воздействовать на энергетическое поле тела. Это упражнение также помогает предотвратить утечку жизненно важной внутренней энергии во внешнее пространство. Она подчеркнула, что вдохи и выдохи должны быть беззвучными и что это упражнение можно выполнять стоя, сидя или лежа, хотя поначалу лучше всего делать его, сидя на подушке или на стуле.

- А теперь, - сказала она, пододвигая свое кресло поближе к моему, - давай поговорим о том, что мы уже начали обсуждать сегодня утром, о воспоминании.

Я внутренне содрогнулась. Затем я сказала ей, что хотя не имею ни малейшего представления, о чем она собирается мне поведать, и догадываюсь, что это будет нечто монументальное, я не уверена, что готова сейчас это воспринять. Она сказала, что я нервничаю потому, что какая-то часть моего существа, возможно, почувствовала, что ей вот-вот откроется один из самых важных методов самообновления. Она терпеливо объяснила мне, что воспоминание представляет собой действие, направленное на возвращение энергии, которую мы уже израсходовали когда-то в прошлом. Воспоминание подразумевает припоминание всего прожитого. Мы должны воссоздать в воображении все места, в которых когда-то бывали, всех людей, которых когда-либо встречали, и все чувства, которые когда-либо переживали. Так нужно пройти по всей своей жизни, начиная с настоящего и доходя до самых ранних воспоминаний и очищая их при этом одно за другим с помощью специального выметающего дыхания.

Я увлеченно слушала ее, но была более чем уверена, что все ее слова ровным счетом ничего не говорят мне. Прежде чем я успела сказать ей что-либо в ответ, она крепко взяла мой подбородок в свои руки и приказала мне вдохнуть через нос, поворачивая при этом мою голову влево, а затем выдохнуть, поворачивая ее вправо. Затем мне следовало повернуть голову слева направо еще раз без дыхания. Она сказала, что такое дыхание - это чудесный способ очищения, который к тому же является залогом успешного вспоминания, потому что вдох позволяет нам возвращать потерянную энергию, а выдох дает возможность исторгать из себя враждебную, ненужную энергию, которая накопилась в нас в течение многих лет общения с другими людьми.

- Для того чтобы жить и действовать, нам нужна энергия, - продолжала Клара. - Как правило, энергия, которую мы израсходовали, уходит от нас навсегда. Поэтому, если бы не вспоминание, мы бы никак не могли вновь обрести потерянное когда-то. Вспоминание наших жизней и выметание нашего прошлого с помощью очищающего дыхания работают совместно.

Припоминать всех, кого я знала, и все, что я когда-либо чувствовала, казалось мне абсурдной и бессмысленной задачей.

- На это может уйти вся оставшаяся жизнь, - сказала я в надежде, что это практическое замечание поможет Кларе более трезво взглянуть на вещи.

- Может уйти, - согласилась она. - Но уверяю тебя, Тайша, что, позанимавшись вспоминанием, ты ничего не потеряешь, но можешь приобрести нечто превосходящее все твои ожидания.

Я сделала несколько глубоких вдохов, покачивая головой из стороны в сторону, стараясь делать это так, как она мне показала. Этим я хотела успокоить ее и дать ей понять, что слушала ее внимательно.

Косо улыбнувшись, она предупредила меня, что вспоминание - это не случайное досужее занятие.

Практикуя вспоминание, старайся ощутить длинные натянутые волокна, которые выходят из солнечного сплетения, - объяснила она. - Затем согласуй движение головы с движениями этих едва заметных волокон. Они являются проводниками, по которым утраченная когда-то энергия вновь возвращается к тебе. Для того, чтобы стать сильной и вернуть себе целостность, ты должна высвободить всю свою энергию, которая была в течение жизни уловлена миром, и вновь вобрать ее в себя.

Она уверяла меня, что во время воспоминания мы распространяем эти длинные энергетические волокна по пространству-времени, соединяясь ими с теми людьми, местами и событиями, с которыми мы имели дело в прошлом. В результате мы оказываемся в состоянии вернуться в каждый прошлый момент своей жизни и действовать в нем так, как если бы мы еще раз реально проживали его.

Эта перспектива заставила меня вздрогнуть. Хотя интеллектуально я была и заинтригована тем, что мне рассказала Клара, у меня не было никакого желания возвращаться в свое отвратительное прошлое, даже если речь шла об обычном путешествии в воображении. Ведь я гордилась даже тем, что смогла как-то выпутаться из той невыносимой обстановки, в которой была вынуждена жить с самого раннего детства. Я вовсе не собиралась снова посещать свое прошлое и воскрешать в памяти все те моменты, которые мне больше всего хотелось забыть. Однако Клара выглядела такой серьезной и сосредоточенной, объясняя мне технику воспоминания, что я решила на некоторое время отложить свои сомнения в сторону и выслушать то, что она мне излагала.

Я спросила ее, имеет ли значение порядок, в котором человек вспоминает свое прошлое. Она ответила, что важнее всего научиться ярко проживать в воображении события прошлого, припоминая как можно больше подробностей, связанных с ними, и очищая их при этом с помощью выметающего дыхания, которое освобождает уловленную в них энергию.

- Это упражнение относится к буддистской традиции? - спросила я.

- Нет, это не так, - сказала она возвышенно. - Оно относится к другой традиции. Вскоре ты узнаешь, о какой традиции сейчас идет речь.

Глава 5

Вновь я увидела Клару на следующий день за завтраком. Наш разговор во дворе дома за день до этого неожиданно прекратился, когда взгляд у Клары внезапно стал отсутствующим и устремленным вдаль, будто она заметила там кого-то или что-то. Она поспешно встала, извинилась и оставила меня размышлять о важности всего того, что я слышала.

Когда мы утром ели жареное мясо с рисом, я сказала Кларе, что, возвращаясь вчера из пещеры, я убедилась в справедливости ее слов о том, что она расположена совсем недалеко от дома.

- Почему в таком случае мы так долго блуждали вчера по холмам, прежде чем попасть туда? - спросила я.

Клара залилась смехом.

- Я пыталась сделать так, чтобы ты сняла ботинки, поэтому нам пришлось немного погулять, прежде чем мы подошли к ручью, - ответила она.

- Зачем мне нужно было снимать ботинки? Из-за волдыря, который я натерла?

- Нет, не потому, - сказала Клара с особым выражением. - Мне нужно было сделать точечный массаж очень важных мест на твоих подошвах, для того чтобы пробудить тебя из летаргического сна, который длился всю твою жизнь. В противном случае ты бы никогда не стала меня слушать.

- Ты не преувеличиваешь, Клара? Я бы слушала тебя

Она покачала головой и многозначительно улыбнулась.

- Все мы были воспитаны так, чтобы жить в чем-то типа тюрьмы, где ничто не имеет значения, кроме жалких, мелочных удовольствий, - сказала она. - И женщинам в этой тюрьме приходится особенно трудно. До тех пор, пока мы не занимаемся воспоминанием, мы не можем преодолеть свои детские комплексы. А говоря о воспоминании...

Она заметила мой удрученный вид и засмеялась.

- Что, мне придется снова идти в пещеру? - перебила я ее, предчувствуя, что она собирается сказать мне об этом.

Я бы предпочла остаться с тобой в доме. Если ты попозируешь мне, я сделаю несколько набросков, а затем нарисую твой портрет.

- Спасибо, не надо этого, - сказала она без всякого интереса. - Я собираюсь лишь дать тебе некоторые предварительные указания о том, как лучше заниматься воспоминанием.

Когда мы закончили еду, Клара вручила мне блокнот и карандаш. Я подумала, что она решила принять мое предложение нарисовать ее портрет. Но когда принадлежности для письма оказались у меня в руках, она сказала, что я должна буду начать записывать имена всех людей, которых я когда-либо встречала, начиная с этого дня и уходя в воспоминаниях в самое отдаленное прошлое.

- Это невозможно! - воскликнула я. - Как я реально смогу вспомнить всех, кого видела в своей жизни, начиная с ее первого дня?

Клара отодвинула в сторону тарелки, чтобы освободить место, где я могла бы писать.

- Верно, это нелегко, но тем не менее это возможно, - сказала она. - Это неотъемлемая часть воспоминания. Этот список станет для твоего ума матрицей, за которую он будет держаться при работе с воспоминаниями.

Она объяснила, что начальная стадия воспоминания подразумевает две вещи. Во-первых, нужно пользоваться списком, а во-вторых, стараться как можно ярче визуализировать перед собой все имеющиеся в памяти детали событий по мере того, как они появляются перед внутренним взором вспоминающего.

- Как только ты восстановила в памяти все элементы, начинай очищающее дыхание. Движения головы в этом случае напоминают веер, который овеивает потоком воздуха всю картину, - сказала она. - Если ты помнишь комнату, например, очищай дыханием стены, потолок, мебель и людей, которых ты в ней видишь. Не прекращай делать этого до тех пор, пока не впитаешь в себя всю энергию, которую ты тогда оставила там, до последней капли.

- А как мне узнать, что энергии больше не осталось? - спросила я.

- Твое тело подскажет тебе, когда можно будет остановиться и перейти к следующему событию, - завершила она меня. - Но не забывай, что ты должна иметь явное намерение вбирать в себя всю ту энергию, которую ты оставила в

прошлом, и выдыхать всю враждебную энергию, которую другие навязали тебе тогда.

Я была настолько ошеломлена необходимостью сделать список всех, кого я знала, и начинать заниматься воспоминанием, что вообще не могла ни о чем думать. Отрицательная непроизвольная реакция моего ума проявилась в том, что все мысли и чувства полностью покинули его. Затем меня затопил целый поток воспоминаний, и я не знала, откуда начать. Клара объяснила, что мы должны начинать воспоминание, сосредоточивая внимание прежде всего на наших прошлых сексуальных переживаниях.

- Почему мы должны начинать именно с этих воспоминаний? - спросила я с подозрением.

- Потому что в них заключено больше всего нашей энергии, - объяснила Клара. - Вот почему мы должны освободить ее в первую очередь!

- Я не думаю, что мои любовные встречи были такими уж значительными.

- Неважно, что ты о них думаешь. Ты могла смотреть в потолок, умирать от скуки или видеть падающие звезды и далекие огни - но кто-то оставил тогда в тебе свою энергию и уволокло с собой уйму твоей.

Выслушав ее слова, я окончательно упала духом. Воскрешать в памяти свои сексуальные переживания казалось мне невыносимым.

- Не такое уж это приятное дело, - сказала я, переживать снова все эти события. Более того, я не хочу копаться во всем, что связано с мужчинами.

Клара взглянула на меня, высоко подняв брови.

- К тому же ты, наверное, ожидаешь, что я все это буду тебе рассказывать, - продолжала я. - Но на самом деле, Клара, мне кажется, что все то, что я делала с мужчинами, никого не должно касаться.

Мне казалось, что я выразилась довольно однозначно. Однако Клара решительно покачала головой, не соглашаясь со мной, и сказала:

- Ты хочешь, чтобы все мужчины, с которыми ты встречалась, продолжали питаться твоей энергией? Ты хочешь, чтобы они становились все сильнее по мере того, как ты становишься слабее? Ты хочешь оставаться для них источником энергии до конца своих дней?! Не хочешь? Мне кажется, ты не вполне представляешь себе важность полового акта и всего того, чем занимается человек при воспоминании.

- Ты права, Клара. Я не вполне понимаю, зачем нужны все те странные действия, которые ты просишь меня делать. И как может быть так, что мужчины становятся сильнее за счет моей энергии? Я никого не питаю и не снабжаю. Это я тебе говорю серьезно.

Она улыбнулась и сказала, что допустила ошибку, навязывая мне свои идеи.

- Выслушай то, что я тебе расскажу, - попросила она. - В своей жизни я убедилась в правильности того, о чем говорю. По мере того, как ты будешь преуспевать во вспоминании, ты узнаешь, как пришли ко мне мои убеждения. На сейчас достаточно лишь отметить, что все то, а чем я тебе говорю, составляет неотъемлемую часть искусства, которому я собираюсь тебя обучать.

- Если это так важно, как ты утверждаешь, Клара, тогда, наверное, будет лучше, если ты мне расскажешь обо всем этом сейчас, - сказала я. - Прежде чем я начну заниматься вспоминанием, я хочу знать, что это за собой повлечет.

- Хорошо, если ты настаиваешь, - кивнула она мне.

Она налила в наши чашки ромашковый чай и добавила в свою ложечку меда.

Не допускающим возражений голосом учителя, просветляющего неофита, она объяснила, что в действительности женщины вносят больший энергетический вклад в поддержку человечества, чем мужчины, и для того, чтобы они могли выполнять эту функцию, по всему миру их воспитывают в духе повиновения мужчинам.

И при этом неважно, покупают ли их на невольничьем рынке или окружают любовью и делают предметом почитания, - подчеркнула она. - Основной смысл их существования и судьба при этом одни и те же: питать и защищать мужчин, служить им.

Клара посмотрела на меня, как мне показалось, для того, чтобы убедиться, что я слушаю ее внимательно. Я слушала, но моя глубинная реакция была отрицательной мне казалось, что ее позиция неправильна.

- Иногда это может действительно быть так, - сказала я. - Но не думаю, что ты вправе делать столь огульные обобщения и распространять это на всех женщин.

Клара решительно не соглашалась со мной.

- Жестокая правда состоит в том, что подчиненное положение женщин является не просто социальной условностью, - сказала она, - а фундаментальной биологической закономерностью.

- Погоди, Клара, - запротестовала я. - Как ты пришла к этому?

Она объяснила, что биологические закономерности обеспечивают каждому виду живых существ максимум шансов для выживания. И с этой целью природа породила средства, которые дают возможность мужским и женским энергиям вступать во взаимодействие самым эффективным образом. Она сказала, что, хотя в мире людей принято считать, что половой акт нужен прежде всего для целей продолжения рода, у него есть и другая, неявная функция, которая состоит в том, что он поддерживает непрерывный поток энергии от женщин к мужчинам.

Клара произнесла слова "к мужчинам" с таким акцентом, что я была вынуждена спросить:

- Почему ты говоришь о человечестве, как об улице с односторонним движением? Разве половой акт не является равным обменом энергиями между мужчиной и женщиной?

- Нет, - подчеркнуто ответила она. - Мужчины оставляют в телах женщин особые энергетические волокна. Они подобны светящимся червям, которые живут в матке и поглощают энергию.

- Это звучит как-то зловеще, - сказала я, посмеиваясь над ней.

Но она продолжала говорить совершенно серьезно.

- Эти энергетические волокна обладают одним еще более зловещим качеством, - сказала она, не обращая внимания на мой нервный смешок, - которое состоит в том, что они обеспечивают постоянный отток энергии к мужчине, который их посеял. Эти волокна, которыми женщина заражается во время полового акта, вбирают в себя и похищают энергию ее тела, которая уходит к тем мужчинам, что оставили их.

Клара была так непреклонна в том, что говорила, что я уже не могла шутить и должна была задуматься об этом всерьез. По мере того, как я слушала ее дальше, моя нервная улыбка стала превращаться в гримасу.

- Я не могу согласиться ни с одним твоим словом, Клара, - сказала я.

- Но мне очень интересно узнать, где ты вообще приобрела подобное нелепое представление? Тебе кто-то об этом рассказал?

- Да, мой учитель рассказал мне об этом. Вначале я тоже ему не верила, - заметила она. - Но он обучил меня также искусству быть свободной, а это означает, что я научилась видеть энергию. Теперь я знаю, что он был прав, когда говорил об этом, потому что сама могу видеть червеподобные нити в телах женщин. У тебя, например, тоже есть несколько таких нитей, и все они по-прежнему действуют.

- Ну хорошо, Клара, предположим, что это так, сказала я смущенно. - Но скажи мне на милость, почему это так? Разве этот односторонний отток энергии не является несправедливым по отношению к женщинам?

Весь мир несправедлив по отношению к женщинам! воскликнула она. - Но сейчас речь идет не об этом.

- А о чем же? Клара, я хочу это знать.

- Природа стремится к тому, чтобы наш вид воспроизводился, - объяснила она. - Для того, чтобы это происходило, женщины должны нести на себе избыточное бремя энергетических потерь, а это подразумевает постоянный отток энергии к мужчинам.

- Но ты все еще не объяснила, почему должно быть так, - сказала я, уже начиная уступать ее убежденности.

- Женщинам отведена основная роль в воспроизведении человека как вида, - ответила Клара. - Они отдают массу энергии не только для того, чтобы рожать, питать и воспитывать детей, но и для того, чтобы привлекать мужчин к участию во всем этом процессе.

Клара объяснила, что в идеале этот процесс дает возможность женщине, которая энергетически питает мужчину, оставившего в ее теле свои энергетические волокна, сделать его таинственным образом зависимым от себя на уровне тонких сущностей. Это подтверждается тем, что мужчина делает все от него зависящее для того, чтобы возвратиться к этой женщине снова и снова для энергетической подпитки. Таким образом, говорила Клара, природа достигает того, что мужчина не просто чувствует иногда мимолетное желание получить удовольствие от физической близости с женщиной, но и получает основание для установления с ней более устойчивых отношений.

Энергетические волокна, оставленные в матке женщины, в случае зачатия частично сливаются с энергетической оболочкой плода, - продолжала дальше Клара. - Их можно назвать рудиментарной формой семейных уз, потому что отцовская энергия сливается с энергией эмбриона, и это даст возможность отцу

впоследствии чувствовать, что это ее ребенок. Но эти простые факты матери никогда не рассказывают своим дочерям. Девушек воспитывают так, чтобы их легко было соблазнить, не давая им ни малейшего представления о последствиях полового акта в смысле связанного с ним будущего оттока энергии. Вот что мне кажется несправедливым прежде всего.

По мере того, как я слушала Клару, я пришла к выводу, что кое-что из того, о чем она рассказывала, соответствовало моим телесным ощущениям на глубинном уровне. Она просила меня не просто соглашаться или не соглашаться, но хорошенько обдумывать все, о чем она говорила, и оценивать это с позиции разума смело и непредвзято.

- Нехорошо даже, если хотя бы один мужчина оставит энергетические волокна в теле женщины, - продолжала Клара, - хотя это и может быть необходимо для того, чтобы у них были потомки, которые смогут жить после них. Но иметь в себе энергетические волокна десяти или двадцати мужчин означает для женщины настолько истощить свою энергетическую оболочку, что жить ей становится крайне трудно. Не удивительно, что женщинам так трудно бывает постоять за себя.

- Может ли женщина избавиться от этих волокон? спросила я, все больше убеждаясь в том, что в словах Клары есть определенная доля истины.

- Женщина носит в себе эти нити в течение семи лет, - сказала Клара, - после чего они исчезают или увядают. Но неприятнее всего то, что когда эти семь лет оказываются на исходе, вся армия червей, начиная с тех, которые оставил первый мужчина, и кончая принадлежащими последнему, внезапно оживляется и вынуждает женщину снова вступить в половой акт. После него все черви опять усиливаются за счет новой потери женщиной светящейся энергии и существуют в таком состоянии еще семь лет. Фактически, это бесконечный цикл.

А если женщина воздерживается от встреч с мужчиной? - спросила я. - Что, "черви" тогда просто умирают?

- Да, но только в том случае, если она не занимается любовью в течение семи лет. Однако в наши дни, в наш век женщина не может так долго воздерживаться, если она не станет монахиней или не имеет достаточно средств для жизни. И даже в этом случае сделать это ей будет нелегко.

- Почему это так, Клара?

- Дело в том, что участие женщины в половом акте это не просто биологическая необходимость, но и социальное требование.

Клара привела в качестве примера очень волнующий и скорбный факт. Она сказала, что, поскольку мы не можем видеть потоки энергии, мы зачастую без всякой нужды подвергаем себя опасным эмоциональным влияниям и следуем линиям поведения, которые могут повлечь за собой энергетическое истощение. Так, например, общество совершенно напрасно требует от женщин, чтобы они выходили замуж или по крайней мере предлагали себя мужчинам. С этим связан совершенно неоправданный предрассудок, свойственный большинству женщин, вследствие которого они чувствуют свою жизнь несостоявшейся, если они не приняли в себя мужское семя. Верно, что энергетические волокна мужчины придают их жизням смысл, дают им возможность выполнить свою биологическую функцию: питать мужчин и произвести на свет потомство. Но человеческое существо достаточно разумно, чтобы требовать от себя чего-то большего, чем обычное продолжение рода. Она сказала, что саморазвитие, в частности, представляет собой такую же, как и деторождение, если не более достойную человека цель жизни, и что эта ориентация подразумевает открытие перед женщинами их истинной роли в жизни человечества.

Затем она заговорила обо мне лично и сказала, что я была воспитана, как и каждая другая девушка, своей матерью, которая считала, что главное в моей жизни - удачно выйти замуж и не носить на себе клеймо старой девы. И действительно, я была воспитана как животное для того, чтобы вступить в сексуальные отношения, как бы моя мать ни называла их.

- Как и всех женщин, тебя обманом и силой заставили подчиниться этому требованию, - сказала Клара. - И самое неприятное здесь то, что ты оказалась пойманной в ловушку общественных стереотипов, хотя и не собираешься вступать в брак и рожать детей.

Ее утверждение было таким смущающим, что я опять нервно захихикала.

Но Клару это ничуть не обескуражило.

- Возможно, все это на самом деле так, Клара, - сказала я, стараясь не обидеть ее. - Но как мне может помочь то, что я буду вспоминать все, что со мной было? Разве оно не утекло, как вода под мостом?

- Я могу сказать лишь, что для того, чтобы проснуться, тебе нужно разорвать порочный круг, - ответила она, испытующе глядя на меня своими зелеными глазами.

Я повторила, что не верю в ее теории о мрачных биологических необходимостях и вампирстве мужчин, которые высасывают из женщин энергию, и заметила, что мне никак в данном случае не поможет простое сидение в пещере и припоминание всего, что со мной произошло.

- Есть такие вещи, о которых я вообще никогда не хочу больше думать, - решительно провозгласила я и ударила кулаком по столу. Я встала из-за стола с твердым намерением сказать ей, что не желаю больше слышать ничего о воспоминании, списке всех, кого я встречала, или биологических необходимостях, и готова уехать.

- Давай заключим сделку, - сказала Клара с видом продавца, который решил провести своего покупателя. Ты - честный человек и уважаешь порядочность. Поэтому я предлагаю тебе заключить со мной один договор.

- Какой такой договор? - спросила я со все возрастающим беспокойством.

Она оторвала листок от блокнота и подала его мне.

- Я хочу, чтобы ты написала расписку, что согласна позаниматься воспоминанием один лишь месяц. Если по истечении месяца ты не заметишь, что у тебя прибавилось энергии или улучшилось самочувствие и мнение о жизни вообще, можешь свободно ехать домой, где бы ни находился твой дом. Если действительно так и случится, будешь потом рассказывать об этом как о странной просьбе ненормальной женщины.

Я снова села, чтобы успокоиться. После нескольких глотков чая мне в голову пришла мысль, что я должна пойти на это уже из одного уважения к Кларе, которая проявила ко мне столько внимания. Кроме того, было ясно, что мне не удастся так легко сорваться с ее крючка. Да и к тому же мне не составит труда просмотреть все то, что имеется в моей памяти. В конце концов, кто будет знать, чем я занимаюсь в пещерке, - визуализацией и дыханием, или просто мечтаю и дремлю.

- Только на один месяц, - сказала она с подкупающей искренностью. - Ты ведь не продаешься в рабство на всю жизнь. Поверь мне, я действительно пытаюсь помочь тебе. - испытующе глядя на меня своими зелеными глазами.

- Я знаю, - ответила я. - Но зачем ты принимаешь на себя всю эту заботу обо мне? И почему ты выбрала именно меня, Клара?

- Есть одна причина, но она так нетривиальна, что я не могу сейчас ее тебе назвать. - ответила она. Единственное, что я теперь могу сказать тебе,

- это то, что, помогая тебе, я преследую достойную цель: возвращаю долг. Уплата долга является для тебя приемлемой причиной?

Клара взглянула на меня с такой надеждой в глазах, что я взяла карандаш и написала расписку, преднамеренно выбирая слова так, чтобы потом не могло возникнуть никаких недоразумений по поводу того, что речь идет именно об одном месяце. Она уговорила меня не включать в этот месяц время, которое мне понадобится для того, чтобы составить список имен всех тех людей, которых я встречала в своей жизни. Я согласилась и сделала в конце соответствующую приписку. А затем, вопреки собственному здравому смыслу, я поставила на листке свою подпись.

Глава 6

На то, чтобы составить список, ушли недели напряженного умственного труда. Я презирала себя за то, что позволила Кларе уговорить себя не включать это время в один месяц, отведенный для моего пребывания у нее по договору. Все эти долгие дни я работала в одиночестве и тишине. Я встречалась с Кларой только за завтраком и за обедом на кухне, но каждый раз мы обменивались лишь несколькими словами. Она категорически отказывалась начинать со мной серьезный разговор, утверждая, что мы поговорим после того, как я закончу составление списка. Когда я справилась с этим, она сразу же отложила в сторону свое шитье и направилась вместе со мной в пещеру. Было как раз четыре часа дня, а раннее утро и конец второй половины дня, как сказала Клара, являются лучшим временем для начала масштабных работ.

У входа в пещеру она дала мне несколько указаний.

- Остановись на первом человеке, значащемся в твоем списке, и припомни все, что связано с ним,- сказала Клара, - начиная с того дня, когда вы встретились, и кончая днем, когда ты его видела в последний раз. Или, если хочешь, можешь работать в обратном направлении - от момента вашей последней встречи до дня вашего знакомства.

Вооружившись списком, я приходила в пещеру каждый день. Вначале воспоминание было нелегкой работой. Я не могла сосредоточить внимание, потому что боялась ворошить прошлое. Мой ум странствовал от одного, по моему мнению, болезненного воспоминания к другому, или же я просто отдыхала, предаваясь грезам. Но по прошествии некоторого времени меня начала впечатлять ясность и подробность моих воспоминаний. Я даже стала более объективно относиться к тем из них, которые всегда были для меня табу.

К моему удивлению, я действительно начала чувствовать себя более сильной и исполненной оптимизма. Иногда во время вдоха я ощущала, как энергия струится обратно в мое тело, согревая и наполняя силой мышцы. Я так увлеклась процессом воспоминания, что мне понадобилось меньше месяца для того, чтобы убедиться в его важности. После двух недель занятий воспоминанием во время обеда я попросила Клару, чтобы она нашла когонибудь, кто бы забрал мои вещи из квартиры, где я раньше жила, и положил их на хранение. Клара предлагала мне сделать это уже несколько раз, но каждый раз я отказывалась, потому что была все еще не готова к тому, чтобы отважиться на это. Теперь Клару очень обрадовала моя просьба.

- Я попрошу одну из своих племянниц сделать это, предложила она. - Она обо всем позаботится. Я не хочу отвлекать тебя от работы этими заботами.

- Раз уж мы заговорили об этом, Клара,- сказала я, - я хочу выяснить один вопрос, который очень меня беспокоит.

Клара ждала, пока я продолжу говорить. Я сказала, что мне кажется очень странным то, что еда всегда ждет нас готовая, хотя я никогда не видела, как она занимается ее приготовлением.

- Так происходит потому, что тебя не бывает в доме в течение дня,- серьезно сказала Клара. - И к тому же ты рано ложишься спать.

Я действительно большую часть времени проводила в пещере. Когда я возвращалась в дом, я направлялась на кухню, а потом шла в свою комнату и не выходила из нее, потому что размер дома пугал меня. Дом был огромным. И при этом не выглядел неухоженным, а был заполнен до отказа мебелью, книгами и различными украшениями, сделанными из керамики, серебра и эмали. В каждой комнате был порядок и совсем отсутствовала пыль, словно каждый день в ней работала горничная. И в то же время дом казался пустым, потому что в нем никого не было. Дважды Клара на некоторое время таинственно исчезала, отказываясь обсуждать свое отсутствие. Тогда в доме оставались только мы с Манфредом. В эти дни мы с ним отправлялись на прогулки по окрестным холмам. Я разглядела дом и двор с одного места на холме, которое, как я думала, я обнаружила сама. Тогда я не хотела признаться себе в том, что к нему меня привел Манфред.

Глядя с этого личного наблюдательного пункта на дом, я часами пыталась рассмотреть, как он ориентирован. Клара сказала мне раньше, что он расположен в соответствии с четырьмя сторонами света. Но когда я сверяла то, что я видела, с показаниями компаса, у меня создавалось впечатление, что дом стоит немного не так, как следовала ожидать. Еще хуже обстояло дело с двором дома, потому что мне никак не удавалось точно определить его местоположение. Со своего наблюдательного пункта я видела, что он намного больше, чем мне казалось, когда я находилась возле дома. Клара запретила мне ступать на территорию перед домом - с востока от него - и подходить к нему с юга. Но я вычислила, прогуливаясь вокруг него, что восточная и южная части по размеру соответствуют западной и северной, к которым я имела доступ. Однако, когда я разглядывала дом с расстояния, они не казались мне одинаковыми вообще, и я терялась в догадках, пытаюсь это объяснить.

Затем я отказалась от попыток определить положение дома и двора и заняла свое внимание другой загадочной проблемой: родственниками Клары. Хотя она постоянно косвенно упоминала о них, ни одного из них я еще в глаза не видела.

- Когда твои родственники вернутся из Индии? спросила я Клару без обиняков.

- Скоро, - ответила она.

Она взяла свою тарелку с рисом так, как это делают китайцы. Я никогда не видела, чтобы она пользовалась палочками для еды, и была удивлена, с каким невероятным изяществом она умеет с ними обращаться.

- А почему тебя так волнуют мои родственники? спросила она.

- Сама не знаю почему, Клара, но, по правде говоря, меня снедает любопытство, - ответила я. - Иногда в этом доме мне приходят в голову беспокойные чувства и мысли.

- Ты хочешь сказать, что дом тебе не нравится?

- Нет, что ты, я люблю его. Он такой большой и загадочный.

- Какие же мысли и чувства в таком случае беспокоят тебя? - поинтересовалась она, ставя на стол свою тарелку.

- Иногда мне кажется, что в холле я вижу людей или слышу их голоса. И к тому же у меня постоянно присутствует ощущение, что за мной кто-то наблюдает, но когда я оборачиваюсь, я никого не замечаю.

- В этом доме действительно есть то, чего глазами не увидишь, - согласилась Клара, - но это не должно возбуждать в тебе страх или беспокойство. Вся эта местность, а не только дом, его двор и окружающие холмы окружены магией. Именно поэтому мы поселились здесь. Это также и причина того, почему ты сама решила здесь жить, хотя, возможно, у тебя нет ни малейшего представления о том, что это случилось именно поэтому. Но так все и должно быть. Ты приносишь в этот дом свое неведение, а дом со всем намерением, которое в нем заключено, превращает его в мудрость.

- Все это звучит очень красиво. Клара, но что в точности это значит?

- Я всегда говорю с тобой в надежде, что ты меня поймешь, - сказала Клара с ноткой разочарования в голосе. - Каждый из моих родственников,

которых, уверяю тебя, ты рано или поздно встретишь, будет говорить с тобой подобным языком. Поэтому не думай, что мы говорим бессмыслицу, если ты сейчас не понимаешь нас.

- Поверь мне, Клара, я не думаю так вообще никогда, и я очень благодарна тебе за то, что ты пытаешься мне помочь.

- Помогает тебе воспоминание, а не я, - поправила меня Клара. - Замечала ли ты в доме какие-нибудь странные вещи кроме тех, о которых ты мне только что рассказала?

Я сказала ей о несогласовании моих визуальных наблюдений дома с холма и со двора.

Она смеялась так долго, что даже начала кашлять.

- Мне придется учесть в своем поведении этот шаг в твоём развитии, - сказала Клара, когда к ней вновь вернулся дар речи.

- Ты можешь объяснить мне, почему двор мне кажется таким несимметричным, и почему показания компаса отличаются, когда я нахожусь возле дома и когда я поднимаюсь на холм? - спросила я.

Конечно же, могу, но ты все равно ничего не поймешь. Более того, это даже может тебя испугать.

- Связано ли это с компасом или со мной, Клара? Я схожу с ума, или как это понимать?

- Ясное дело, что это связано с тобой, с тем, кто проводит измерения. Но с ума ты не сходишь, влияет нечто другое.

- Что это такое? Скажи мне Клара. От всей этой загадочности у меня мурашки по коже бегут. Я чувствую себя так, будто попала в фантастический фильм, где действуют другие законы, и в любой момент может произойти все что угодно. Но мне не нравится это положение!

Клара всем своим видом давала понять, что не желает мне больше ничего открывать. Вместо объяснений она спросила:

- А разве тебе не нравятся неожиданности?

Я сказала ей, что выросла в обществе старших братьев, которые издевались надо мной, и поэтому стала раздражительной и болезненно

реагирую на все, что они любили. Они смотрели по телевизору Сумеречная зона и приходили в восторг от этого фильма. Но мне всегда казалось, что это надуманное и неинтересное представление.

- Послушай, что я скажу тебе об этом, - согласилась продолжить разговор Клара. - Прежде всего, следует помнить, что это не дом из научно-фантастического фильма. Лучше будет сказать, что этот дом наделен необычным намерением. Я не могу тебе объяснить, в чем различие в этих двух случаях, потому что я все еще не могу дать тебе представление, что значит намерение.

Пожалуйста, не говори загадками, Клара, взмолилась я. - Это не только пугает меня, но и просто раздражает.

- Для того, чтобы ты смогла понять эти нетривиальные вещи, я должна выражаться окольным путем, - сказала Клара. - Поэтому давай я сначала расскажу тебе о человеке, который непосредственно ответственен за мое появление в этом доме и косвенно - за мое знакомство с тобой. Его имя Хулиан, и он является самым удивительным человеком, которого ты когда-либо можешь узнать. Он встретил меня однажды, когда я заблудилась в горах Аризоны, и привел сюда, в этот дом.

- Погоди, Клара, я помню, как ты сказала, что этот дом принадлежал твоей семье на протяжении многих поколений, - вставила я.

- На протяжении пяти поколений, если быть точной, - ответила она.

- Как ты можешь так спокойно высказывать сейчас два противоречащих друг другу суждения?

- Я не противоречу себе. Это ты интерпретируешь все неправильно, не представляя себе, о чем идет речь. Истина в том, что этот дом принадлежал моей семье в течение поколений. Но моя семья - это не обычная семья. Это семья в том же смысле, в каком этот дом является домом, а Манфред - собакой. Но ты уже знаешь, что Манфред - не простая собака, а дом - не обычный реальный дом, как все другие дома, в которых ты когда-либо была.

Понимаешь, о чем я говорю?

Я не была расположена к тому, чтобы разгадывать загадки Клары. Некоторое время я сидела спокойно, в надежде, что она изменит тему разговора. Затем я почувствовала, что напрасно раздражаюсь и таю в душе неприязнь.

- Нет, я не понимаю, о чем ты говоришь, - ответила я наконец.

- Для того, чтобы ты поняла это, ты должна измениться, - сказала Клара терпеливо. - А это как раз и есть то, для чего ты здесь живешь: чтобы измениться. Изменение в данном случае означает, что ты будешь способна совершать абстрактный полет, и тогда все станет для тебя очевидным.

В ответ на мои настоятельные просьбы она объяснила, что этот невообразимый полет символизируется переходом осознания из правой части головы в левую, однако в действительности он подразумевает возможность воспринимать нашу тонкую сущность дубля в обычном мире бодрствующего сознания.

- Я уже говорила тебе, что разделение человека на тело и ум не соответствует действительности, - продолжала она. - Подлинное различие существует лишь между физическим телом, в котором обитает ум, и тонким телом или дублем, - которое содержит нашу энергию. Абстрактный полет начинается тогда, когда мы достигаем способности участвовать в обычной жизни, не теряя связи с дублем. Другими словами, в тот момент, когда наше физическое тело полностью осознает присутствие своей энергетической оболочки, мы переходим на абстрактный уровень, где наше сознание работает совсем не так, как обычно.

Если речь идет о том, что я сначала должна измениться, я глубоко сомневаюсь в том, что я когда-либо смогу совершить этот переход, - сказала я. - Мои стереотипы так глубоко укоренились, что, мне кажется, жизни будет мало для того, чтобы мой характер существенно улучшился.

Клара налила в свою чашку немного воды. Она поставила керамический кувшин и посмотрела на меня в упор.

- Существует способ изменить себя, - сказала она. И сейчас ты уже с головой окунулась в него. Он называется воспоминание.

Она заверила меня в том, что глубинное и полное воспоминание дает нам возможность осознать все то, что мы желаем в себе изменить, потому что оно делает нас способными видеть жизнь такой, какова она есть. Опыт воспоминания дает возможность человеку в течение мгновения перед каждым действием принять решение вести себя так, как он привык, или с помощью намерения изменить свое поведение, прежде чем оно полностью завладеет им.

Как человек может изменить свое поведение с помощью намерения? - спросила я. - Что, ты просто произносишь слова: "Изыди, Сатана!"?

Клара засмеялась и отпила воды из чашки.

- Для того, чтобы изменение стало возможным, мы должны удовлетворять трем условиям, - сказала она. Во-первых, мы должны выразить вслух свое решение что-то изменить с тем, чтобы намерение услышало нас. Во-вторых, ясно осознавать происходящее в течение некоторого времени; иначе, если мы начнем что-то и тут же бросим это, разочаровавшись, - мы ничего не добьемся. И в-третьих, мы должны относиться к результату своих действий с чувством полного беспристрастия. Это означает, что мы не должны предаваться размышлениям об успехе или неудаче. Следуя этим трем правилам, ты сможешь заменить любые нежелательные проявления своего характера, - завершила меня Клара.

- Я даже не знаю, что мне и думать, - сказала я скептически. - В твоём изложении все звучит так просто.

Дело было не в том, что я не хотела верить ей, а в том, что я всегда была очень практичной. А с практической точки зрения изменение собственного характера представляется сложнейшей задачей, какие бы программы из трех правил она не предлагала.

Мы закончили еду в молчании. Единственным звуком на кухне был мерный звук капающей из известнякового фильтра воды. Он навел меня на мысль о том, что так же постепенно протекает процесс очищения в ходе воспоминания. Внезапно я пережила прилив оптимизма. Наверняка действительно можно изменить себя, капля за каплей, мысль за мыслью, очиститься, подобно воде, просачивающейся через этот фильтр.

Сверху тусклые лампы отбрасывали на белую скатерть замысловатые тени. Клара отложила палочки для еды и принялась делать над столом разные фигурки из пальцев так, чтобы на скатерти возникли картинки из теней. Я ожидала, что в любой момент из-под ее рук выскочит кролик или выползет черепашка.

- Что ты делаешь? - спросила я, нарушая тишину.

- Это своеобразная форма общения, - объяснила она, - но не с людьми, а с силой, которую мы называем намерением.

Она вытянула мизинец и указательный палец вперед, а затем сделала так, что большой и два остальных пальца Образовали круг. Она сказала мне, что такое положение пальцев помогает привлечь к себе внимание этой силы и дает ей возможность входить в тело по энергетическим линиям, которые начинаются и заканчиваются в кончиках пальцев.

Энергия входит через указательный палец и мизинец так, словно это антенны, при условии, что они вытянуты вперед, - объяснила она, показывая мне этот жест снова. - Затем энергия улавливается кольцом из трех остальных пальцев и накапливается в нем.

Она сказала, что используя это положение пальцев, мы можем накапливать в теле необходимое количество энергии для его укрепления и исцеления, а также для того, чтобы изменять свои привычки и настроение.

- Давай перейдем в гостиную, там нам будет удобнее, - сказала Клара.
- Не знаю, как ты, но я уже отдавила себе задницу, сидя на этой скамье.

Клара встала и мы прошли по темному двору через черный ход и холл большого дома в гостиную. К моему удивлению, керосиновая лампа здесь уже горела, и Манфред спал, свернувшись калачиком возле кресла. Клара удобно устроилась в этом кресле, которое, как я заметила, было ее любимым. Она взяла в руки вышивку, которой в это время занималась, и добавила к ней несколько стежков, внимательно прокалывая иглой ткань и вытягивая ее неспешным плавным движением руки. Глаза ее были неподвижно устремлены на то, что она делала.

Мне было очень непривычно видеть, как эта сильная женщина вышивает, и я с любопытством заглянула, чтобы увидеть узор на ткани. Клара заметила мой интерес и подняла свое рукоделие вверх, чтобы я могла его разглядеть. Это была наволочка для подушки, на которой она вышивала бабочек и красочные цветы. На мой вкус, узор был слишком ярким.

Клара улыбнулась, словно почувствовала мое критическое мнение о своей работе.

- Ты, возможно, скажешь, что то, что я вышиваю, это всего лишь красивая вещица, и что я просто теряю время, - сказала она, делая очередной стежок, - но это меня ничуть не смутит. Такое отношение к замечаниям можно назвать "знанием собственного достоинства"? - Она задала себе риторический вопрос и сама же ответила на него. - И каково же, ты думаешь, мое достоинство? - Абсолютный ноль.

Я сказала, что, по моему мнению, она является очень хорошим и интересным человеком. Как она может говорить, что ее достоинство равно нулю?

- Все здесь очень просто, - объяснила Клара. - До тех пор, пока положительные и отрицательные силы уравнивают друг друга, их сумма равна нулю, что я и сказала о своем достоинстве. Это также означает, что я ни

при каких условиях не могу смутиться, если кто-то меня критикует, или возгордиться, если кто-то меня превозносит.

Клара подняла иголку и, несмотря на тусклый свет, быстро втянула в нее новую нитку.

- Древние китайские мудрецы утверждали, что для того, чтобы узнать свое подлинное достоинство, человек должен проскользнуть через глаз дракона, - сказала она, соединяя оба конца нитки вместе.

Она рассказала, что эти мудрецы были убеждены, что безграничная неизведанность охраняется исполинским драконом, чешуя которого сияет ослепительным светом. Они верили, что отважные искатели, которые осмеливаются приблизиться к дракону, приходят в ужас от этого слепящего сияния, от силы, заключенной в его хвосте, одно движение которого сокрушает все на его пути, и от испепеляющего дыхания дракона, обращающего в пепел то, что оказывается поблизости. Но они верили также в то, что существует возможность проскользнуть мимо этого дракона. Клара сказала, что они были убеждены в том, что, сливая свое намерение с намерением дракона, человек становится невидимым и проходит сквозь глаз монстра.

- Что это значит, Клара? - спросила я.

- Это значит, что с помощью вспоминания мы становимся пустыми, свободными от мыслей и желаний, что для этих древних провидцев было отождествлением с намерением дракона и достижением невидимости.

Я взяла в руки другую вышитую подушку - тоже образец Кларино рукоделия - и положила ее себе под спину. Несколько раз я глубоко вдохнула для того, чтобы прояснить свой ум, мне хотелось понять то, что она мне сказала. Но использование ею китайской аллегории еще больше запутало меня. Однако во всем, что она говорила, слышалась такая убежденность, что я чувствовала, что совершу ошибку, если хотя бы не попытаюсь ее понять.

Наблюдая за тем, как Клара вышивает, я неожиданно вспомнила о своей матери. Возможно, именно это воспоминание вызвало во мне великую грусть, тоску, которую невозможно описать словами. Или, быть может, на меня так подействовали слова Клары, или пребывание в ее безлюдном таинственном доме, или то, что я сидела в этой комнате, где горела, внушая суеверный страх, керосиновая лампа. Слезы потекли по моим щекам, и я начала рыдать.

Клара вскочила с кресла и встала рядом со мной. Затем она принялась шептать мне на ухо так громко, что это звучало для меня как крик.

- Как ты осмеливаешься скорбеть о себе в этом доме! Если ты будешь это делать, он отторгнет тебя. Он просто выплюнет тебя так, как ты выплевываешь оливковую косточку.

Ее увещевание сразу же подействовало на меня. Моя грусть тут же исчезла. Я отерла слезы, а Клара продолжала говорить так, словно ничего вообще не произошло.

- Искусство быть пустым - это тот метод, которым пользовались китайские мудрецы для того, чтобы пройти через глаз дракона, - сказала она, снова усаживаясь на свое место. - Сегодня мы называем это искусством искусством быть свободным. Мы чувствуем, что в действительности это лучшее название, потому что это искусство выводит нас в сферу абстрактного, где отсутствует само понятие о человеческом.

- Ты хочешь сказать, что в этой сфере все бесчеловечно, Клара?

Клара положила вышивку себе на колени и внимательно взглянула на меня.

- Я хочу сказать, что почти все, что мы слышали об этой сфере от мудрецов и тех, кто ее искал, наводит на мысль о том, что кое-что в ней имеет отношение к человеку. Однако мы - те, кто практикует искусство быть свободным, - убедились на собственном опыте, что такое описание не может быть удовлетворительным. Мы обнаружили, что все человеческое в этой сфере - если оно вообще существует там - настолько незначительно по сравнению с бесконечностью других возможностей, что его вполне можно не принимать во внимание.

- погоди минутку, Клара. А как насчет той группы легендарных личностей, которых в Китае почитают достигшими бессмертия? Разве они не стали свободными в том смысле, о котором ты говоришь?

Они не достигли свободы в нашем смысле, ответила Клара. - Ведь для нас свобода подразумевает также и освобождение от человеческого. А те китайцы, которые якобы стали бессмертными, оказались пойманными в свои собственные мифы о бессмертии, о мудрости, о том, что им удалось достичь освобождения, и теперь они пришли на землю, чтобы помочь на этом пути другим. Среди них были ученые, музыканты и люди, наделенные сверхъестественными способностями, они были подчеркнуто добродетельными и капризными, во многом напоминая древнегреческих божеств. Ведь даже нирвана представляет собой состояние человека, и при этом блаженство связано со свободой от тела.

Кларе удалось нагнать на меня чувство беспросветного одиночества. Я сказала ей, что меня всегда обвиняли в том, что мне недостает теплоты в общении и желания понимать других. Фактически каждый раз случалось так, что мне всегда говорили, что я - самая неприветливая из всех людей, которых мой собеседник когда-либо встречал. И вот сейчас Клара утверждала, что свобода состоит в том, чтобы быть равнодушной к людям. В то же время мне всегда казалось, что я теряю что-то очень существенное, когда отношусь к другим без сострадания.

Я была на грани того, чтобы снова заплакать, но Клара еще раз пришла на помощь.

- Свобода от человеческого не подразумевает, что человек становится бессердечным и равнодушным ко всему идиотом, - сказала она.

- В таком случае свобода, которую ты описываешь, остается полностью непонятной для меня, - настаивала я. - И я не уверена, что захочу ее когда-нибудь.

- А я уверена в том, что она меня вполне удовлетворяет, - провозгласила она. - И хотя мой ум тоже не может понять ее, поверь мне, она действительно существует! Более того, поверь мне, что наступит день, когда ты будешь рассказывать о ней кому-то другому точно так, как я рассказываю тебе о ней сейчас. Возможно, ты тогда будешь пользоваться теми же самыми словами.

И она подмигнула мне так, будто у нее не было сомнений в том, что так оно когда-то и случится.

- По мере того, как ты будешь продолжать свои занятия, воспоминание, та сфера, в которой человеческое не имеет значения, начнет приоткрываться перед тобой, продолжала Клара. - Это послужит тебе приглашением пройти через глаз дракона. Именно это мы называем абстрактным полетом. В действительности он подразумевает переход через громадную пропасть в мир, который не может быть описан, потому что человек не может быть его мерилом.

Я оцепенела от ужаса. Я не могла относиться к словам Клары несерьезно, потому что она никогда не шутила со мной. Мысль о том, что я могу потерять даже ту человечность, которая у меня была, и свалиться в пропасть, была для меня более чем ужасной. Я собиралась было спросить у нее о том, знает ли она, когда передо мной должен открыться вход в этот иной мир, но она продолжила объяснение.

- Неожданная истина состоит в том, что этот вход находится перед нами постоянно, - сказала Клара, - но только те, чей ум спокоен и у кого на душе легко, могут видеть и чувствовать его присутствие.

Она объяснила, что название "вход" - не простая метафора, потому что он на самом деле появляется перед внутренним взором в виде обычной двери, темного углубления, ослепительного света или какого-то другого вполне осязаемого образа, которым может быть, в частности, и глаз дракона. Она отметила, что в данном случае аллегория древних китайских мудрецов вовсе не является надуманной.

- Древние китайские посвященные верили также в то, что невидимость приходит вместе с достижением спокойного беспристрастия, - сказала она.

- Что такое это спокойное беспристрастие, Клара?

Не отвечая прямо на мой вопрос, она спросила меня, видела ли я когда-нибудь глаза бьющихся петухов.

- Я никогда в своей жизни не видела, как бьются петухи, - ответила я.

Клара сказала, что в глазах бьющихся петухов можно прочесть выражение, которого не встретишь в глазах других животных и людей, потому что в глазах живого существа всегда отражается озабоченность, участие, злость или страх.

- В глазах бьющегося петуха нельзя прочесть всех этих переживаний, - сообщила мне Клара. - В противоположность этому в них отражается невероятная беспристрастность, нечто такое, что можно встретить также во взгляде тех, кто совершил великий переход. Ведь вместо того, чтобы смотреть на окружающий мир, глаза такого человека обращены внутрь и созерцают там то, что еще не наступило.

- Глаз, который смотрит внутрь, неподвижен, - продолжала Клара. - Взгляд такого глаза не выражает ни человеческой обеспокоенности, ни страха, но лишь бесконечную необъятность пространства. Провидцы, которым посчастливилось взглянуть в бездонность, утверждают, что после этого бездонность смотрит их глазами, в которых теперь можно прочесть только спокойную непреклонную беспристрастность.

Глава 7

Однажды во второй половине дня, ближе к вечеру, мы с Кларой возвращались в дом из пещеры по длинному маршруту, любуясь открывающимися панорамами. Она предложила сесть отдохнуть в тени каких-то деревьев. Мы рассматривали тени, отбрасываемые этими деревьями на землю, когда неожиданно налетел порыв ветра, заставивший задрожать листья на ветвях. Они заколыхались, и по земле пробежала рябь света и тени. Когда ветер стих, листья вновь замерли на ветвях, а вместе с ними - и тени на земле.

- Ум подобен этим теням, - тихо сказала Клара. Когда мы дышим ровно, наш ум пребывает в покое. Если же дыхание беспорядочно, ум приходит в движение точно так же, как эти листья.

Я попыталась выяснить, ровное у меня дыхание или возбужденное, но как я ни старалась, не могла искренне ответить на этот вопрос.

- Если ты дышишь как попало, в твоём уме не может быть покоя, - продолжала Клара. - Для того, чтобы успокоить ум, нужно прежде всего начать с успокоения дыхания.

Она попросила меня сидя выровнять позвоночник и сосредоточивать внимание на дыхании до тех пор, пока оно не станет плавным и ритмичным, как дыхание младенца.

Я заметила, что если человек был физически активен так, как мы, когда шли по холмам, его дыхание не может быть плавным, как у младенца, который просто лежит и ничего не делает.

- Кроме того, - сказала я, - я не знаю, как дышат младенцы. Я была младенцем только раз, да и то, тогда я не обращала внимания на такие мелочи.

Клара пододвинулась поближе ко мне и положила одну руку мне на спину, а другую на грудь. Непонятно зачем она стала сжимать меня до тех пор, пока я не почувствовала, что задыхаюсь. Я попыталась освободиться, но она держала меня железной хваткой. Для того чтобы хоть как-то дышать, мне пришлось начать ритмично двигать животом по мере того, как воздух входил и выходил из тела.

- Вот как дышат младенцы, - сказала она. - Запомни это ощущение раздувающегося живота для того, чтобы ты могла повторить его в любой момент, независимо от того, идешь ты, занимаешься чем-нибудь или лежишь и ничего не делаешь. Ты наверное не поверишь мне, если я скажу тебе, что в

детстве мы росли в таких условиях, что теперь нам снова нужно учиться правильно дышать.

Она убрала руки с моей спины и груди.

- А теперь дыши так, чтобы воздух заполнял грудную клетку, - потребовала она, - но не давай ему заходить в голову.

- Воздух не может зайти мне в голову, - со смехом заметила я.

- Не понимай меня так буквально, - упрекнула она. - Когда я говорю о воздухе, я в действительности имею в виду энергию, которую ты получаешь в процессе дыхания и которая заполняет живот, грудь, а потом голову.

Она говорила так серьезно, что мне хотелось смеяться. Мысленно я готовила себя к тому, что сейчас услышу еще одну порцию китайских метафор. Она улыбнулась и подмигнула мне.

- Степень серьезности соответствует размеру говорящего, - сказала она, посмеиваясь. - Мы, большие люди, всегда более серьезны, чем маленькие веселые человечки. Разве не так, Тайша?

Я не поняла, почему она решила включить меня в число больших людей. Ведь я была по крайней мере на два дюйма ниже ее и на добрых тридцать пять фунтов легче. Мне очень не понравилось, что меня сочли большой, и тем более, когда при этом подразумевалось, что я должна быть серьезной. Но я не высказала вслух эти свои рассуждения, потому что знала, что она сделает этот предмет темой разговора и посоветует мне несколько занятий вспоминания посвятить тому, чтобы разобраться с отношением к своему росту и весу.

Клара взглянула на меня так, словно хотела определить мою реакцию на ее слова. Я улыбнулась, давая понять, что они меня ничуть не смутили. Видя, что я снова стала внимательной, она снова серьезным голосом заговорила о том, как наше эмоциональное равновесие зависит от ритмичности дыхания.

- Дыхание расстроенного человека, - сказала она, наклоняясь ко мне, - быстро, поверхностно и ограничено лишь грудью и головой. Но у того, кто безмятежен, дыхание опускается в живот.

Я попыталась опустить дыхание пониже, чтобы Клара не догадалась, что я расстроена. Но она с пониманием улыбнулась и добавила:

- Большим людям труднее дышать животом, потому что их центр тяжести находится немножко выше. Вот почему для нас еще более важно сохранять спокойствие и невозмутимость.

Она продолжала объяснять, что большая часть энергии тела локализуется в трех местах: в животе, в груди и в голове. Она коснулась моего живота в месте, которое находится немного ниже пупка, потом солнечного сплетения, а затем середины лба. Она объяснила, что эти три точки являются центрами соответствующих областей. И чем более спокойны ум и тело человека, тем лучше воздух может проникать в каждую из областей.

- Младенец, несмотря на свой небольшой размер, вдыхает огромное количество воздуха, - сказала Клара. Однако по мере того, как мы вырастем, наше тело становится более закрепощенным, особенно в области груди, и поэтому мы вдыхаем не так много воздуха.

Прежде чем продолжить говорить, Клара глубоко вдохнула.

- Поскольку эмоции непосредственно связаны с дыханием, - сказала она, - хороший метод успокоения состоит в том, чтобы восстановить правильное дыхание. Мы можем, например, научиться поглощать большее количество энергии, удлиняя каждый вдох.

Она поднялась на ноги и велела мне внимательно следить за ее тенью. Я заметила, что тень совершенно неподвижна. Затем она попросила меня встать и понаблюдать за моей тенью. Я сразу же заметила, что моя тень немного колыхается, как тень дерева, ветвей которого коснулся легкий ветерок.

- Почему моя тень трясется? - спросила я. - Мне казалось, что я стою совершенно неподвижно.

- Твоя тень колыхается, потому что через тебя дует ветер эмоций, - ответила Клара. - Сейчас ты уже более спокойна, чем тогда, когда начинала заниматься воспоминанием, но в тебе все еще осталось довольно много суетливости.

Она предложила мне стать на левую ногу, а правую приподнять, согнув в колене. Я покачивалась, стараясь находиться в равновесии, и удивлялась тому, что она стоит на одной ноге так, словно на двух, и при этом ее тень абсолютно неподвижна.

- Тебе, наверное, нелегко удерживать равновесие, заметила Клара, ставя ногу на землю и поднимая другую. - Это означает, что твои мысли и чувства так же беспокойны, как и дыхание.

Я подняла другую ногу, чтобы попробовать еще раз. На этот раз мне лучше удавалось сохранить равновесие, но когда я снова обратила внимание на то,

насколько неподвижна тень Клары, я почувствовала неожиданный прилив зависти и тут же должна была поставить ногу на землю, чтобы не упасть.

- Какая бы мысль у нас не возникла, - объясняла Клара, поставив свою ногу на землю, - наша энергия движется в направлении этой мысли. Мысли подобны разведчикам, которых тело посылает вперед, прежде чем начать движение в определенном направлении. А теперь посмотри еще раз на мою тень, - приказала она, - но старайся видеть в ней нечто большее, чем просто тень. Попытайся разгадать в ней сущность Клары, отразившуюся в ее очертании на земле.

Я сразу же почувствовала в себе напряжение. Меня испытывали, и при этом мои способности оценивали. Во мне проснулось детское чувство соперничества, которое развилось у меня, когда я должна была во всем соревноваться со своими братцами.

- Не напрягайся, - строго сказала Клара. - Это не соревнование. Это просто радость. Понимаешь? Радость!

С детства меня учили реагировать на слова других. Когда Клара сказала "Радость!", я почувствовала себя в полном смятении, а потом меня охватил ужас. Она неправильно использует это слово, - ничего другого я не могла подумать. Она, должно быть, имеет в виду что-то другое. Но Клара повторяла это слово снова и снова, будто хотела, чтобы я прониклась им.

Я не сводила глаз с ее тени, и вскоре у меня создалось впечатление, что тень спокойна, красива и могущественна. Это была не просто темная заплатка на поверхности земли - она, казалось, наделена глубиной, разумом и жизнью. Но вдруг мне показалось, что я заметила, как Кларина тень движется полностью независимо от ее тела. Это движение было таким невероятно быстрым, что его трудно было заметить. Я ждала, затаив дыхание, уставившись на тень и сконцентрировав на ней все свое внимание. И вот это случилось вновь, но на этот раз я была к этому готова. Тень задрожала, а затем растянулась так, словно ее плечи и грудь вдруг увеличились в размере. Казалось, что тень живет независимой жизнью.

Я издала пронзительный крик и вскочила на ноги. Я крикнула Кларе, что ее тень - живая. Я была готова броситься прочь, но боялась, что тень будет преследовать меня. Клара удержала меня, взяв за плечо.

Когда я успокоилась настолько, что снова обрела дар речи, я рассказала ей все что видела, стараясь не смотреть больше на землю, потому что боялась, что снова замечу ее зловещую тень.

- Тот факт, что ты можешь видеть движения тени, означает, что ты с помощью вспоминания уже вернула себе огромное количество энергии, - заметила Клара.

- Ты уверена, что я не вообразила себе все это, Клара? - спросила я с надеждой на то, что она скажет, что так оно и было.

Именно твое намерение заставило ее прийти в движение, - заявила она авторитетно.

- Не кажется ли тебе, что вспоминание тоже возбуждает ум? - спросила я. - Ведь я должна быть довольно сильно возбужденной, чтобы видеть, как тени двигаются сами по себе.

- Нет. Смысл вспоминания в том, чтобы преодолеть те предрассудки, которые у нас сформировались в течение жизни, - терпеливо объяснила Клара. - Не разделившись с ними, мы не можем сделать так, чтобы сила воспоминаний не затуманивала нашего восприятия.

- Клара, объясни, пожалуйста, поподробнее, что такое сила воспоминаний.

- Этот мир подобен огромной ширме, составленной из воспоминаний. Если некоторые наши предрассудки удастся устранить, - сказала она, - сила воспоминаний не просто оказывается контролируемой, но и вообще выходит из игры.

Я не поняла ее слов и обиделась на нее за то, что она выражается так туманно.

- Возможно, это ветер пошевелил листья, на которых лежала твоя тень, - сказала я, предлагая рациональное объяснение.

Клара отрицательно покачала головой.

- Давай попробуем еще раз, чтобы ты убедилась наверняка, - предложила она.

Я почувствовала, как мои руки покрываются гусиной кожей. Ничто не могло заставить меня снова посмотреть на ее тень.

- Ты утверждаешь, что тени людей не двигаются сами по себе потому, что так говорит тебе память о том, что с тобой было раньше, - сказала Клара. - Разве ты помнишь, чтобы они когда-нибудь двигались на твоих глазах?

- Нет, ясное дело, не помню.

- Теперь ты понимаешь, что произошло. Твоя способность сверять все с памятью на какое-то мгновение покинула тебя, и ты смогла заметить движение тени.

Клара, глядя на меня, покачала пальцем и захихикала.

- Так что ветер, который шевелит листья, здесь ни при чем, - сказала она. Затем она закрыла лицо руками так, как это делает пугливый ребенок. Внезапно меня поглотила мысль о том, что, хотя она и была взрослой женщиной, ее детские жесты никогда не выглядели смешными.

- У меня есть для тебя новости, - сказала она. - Ты видела, как движутся тени, когда была ребенком, но тогда ты еще не умела рассуждать, и поэтому тебя это не смущало. Когда же ты выросла, твоя энергия увязла в ограничениях, которые воспитало в тебе общество, и поэтому ты забыла, что когда-то могла видеть их движение, и помнишь только то, что тебе разрешают помнить.

Пытаясь разобраться в смысле слов Клары, я внезапно вспомнила, что когда была ребенком, часто видела, как тени на тротуаре покачиваются и извиваются, словно стараясь освободиться от людей, которым они принадлежат. Я всегда со страхом наблюдала, как тени разворачиваются в сторону и заглядывают друг на друга. Мне казалось странным, что взрослые никогда не замечают этих ужимок своих теней.

Когда я рассказала об этом Кларе, она объяснила, что мой страх был связан с моим пониманием несоответствия между тем, что я реально видела, и тем, что, по словам взрослых, было возможно и что мне разрешалось видеть.

- Мне кажется, я не совсем понимаю тебя, Клара. - сказала я.

- Попробай представить себя как огромный склад воспоминаний, - предложила Клара. - На этом складе кто-то отличный от тебя разместил чувства, идеи, внутренние диалоги и модели поведения. Поскольку он твой, ты можешь входить туда, когда хочешь, и брать все, что там найдешь. Проблема в том, что ты совсем никак не можешь влиять на то, что там хранится, потому что весь склад был запакован еще задолго до того, как ты стала его владельцем. Таким образом, ты сильно ограничена в выборе того, что имеется в твоём распоряжении.

Она сказала, что наши жизни кажутся нам непрерывными последовательностями событий потому, что инвентарный список предметов,

хранящихся в наших складах никогда не меняется. Она подчеркнула, что если человек не почистит свой склад, он не сможет быть тем, кем он есть в действительности.

Находясь под впечатлением своих воспоминаний и того, что мне сказала Клара, я села на большой камень. Краем глаза я увидела свою тень и ощутила прилив страха от мысли о том, что будет, если моя тень не захочет сидеть так же неподвижно, как я.

- Я не могу больше этого выносить, Клара, - сказала я, вскакивая. - Пошли домой.

Но она приказала мне оставаться на месте.

- Успокой ум, - посоветовала она, глядя на меня, и тогда тело тоже будет в покое. Иначе напряжение разорвет тебя на куски.

Клара подняла левую руку перед собой так, что запястье находилось как раз над уровнем пупка. Ладонь была обращена в сторону, а сжатые вместе пальцы были направлены вниз. Она сказала, чтобы я расположила свою руку точно так же и смотрела на кончик среднего пальца. Я посмотрела вниз, несколько скашивая глаза, потому что вынуждена была смотреть над переносицей. Она объяснила, что когда человек смотрит подобным образом в таком положении, его осознание выходит за пределы тела на землю, в результате чего его психическое возбуждение уменьшается.

Затем она велела, чтобы я глубоко вдохнула и, сосредоточившись на земле, выразила намерение получить из нее искру энергии, которая, как капля клея, должна влиться в мой средний палец. Затем я должна была повернуть руку в запястье так, чтобы она могла коснуться грудной кости основанием большого пальца. Я должна была считать до семи, глядя на средний палец, а затем сразу переместить осознание в точку между глазами над переносицей. Этот перенос должен сопровождаться выражением намерения переместить искру энергии из среднего пальца в точку между глазами, сказала она. Если перемещение энергии удалось осуществить, на темном фоне закрытых глаз возникает свет. Она отметила, что этот светящийся сгусток энергии мы можем направлять в любое место тела для того, чтобы побеждать боль, излечивать болезни и преодолевать дурные предчувствия.

Затем она подняла руку и мягко нажала на мое солнечное сплетение.

- Если тебе нужно быстро вызвать прилив энергии, как, например, сейчас, воспользуйся силовым дыханием, которое я тебе покажу, и я гарантирую, что ты почувствуешь новый прилив сил.

Я наблюдала, как Клара показывала мне серию коротких вдохов и выдохов через нос, которые она делала с помощью быстрых движений диафрагмы. Я сделала так же, как и она, и приблизительно через двадцать вдохов и выдохов путем сокращения и расслабления диафрагмы я почувствовала, как по телу потекло тепло.

- Мы будем сидеть здесь и заниматься силовым дыханием и созерцанием света при закрытых глазах до тех пор, пока страх не покинет тебя, - сказала она.

- Но ведь я не так уж сильно испугалась, - солгала я.

- Ты не видела себя со стороны, - ответила Клара. С того места, где я сижу, было видно, что кто-то чуть было не потерял сознание.

Конечно, она была права. Я никогда не испытывала такого смертельного ужаса как тогда, когда увидела, что тень Клары сама по себе вытягивается. Давно забытые переживания поднялись на поверхность моего сознания из таких глубин, что в течение секунды или двух я действительно чувствовала себя ребенком.

Я подняла руку так, как показывала Клара, - ладонью в сторону, - и пристально посмотрела на кончик пальца. Некоторое время я смотрела, не отводя глаз, а затем сосредоточила все внимание на точке между глазами. Я не увидела никакого света, но постепенно успокоилась.

Уже почти стемнело. Я видела, как недалеко от меня вырисовывается силуэт Клары. Ее голос звучал успокаивающе. Она сказала:

- Давай останемся здесь еще в течение некоторого времени, чтобы эта искра энергии рассосалась в твоём теле.

- Ты научилась этому в Китае? - спросила я.

Она отрицательно покачала головой.

- Я уже говорила тебе, что у меня был учитель здесь, в Мексике, - ответила она, а затем почтительно добавила:

- Мой учитель был удивительным человеком, который посвятил свою жизнь познанию, а затем учил нас искусству быть свободными.

- Но разве это не восточный метод дыхания?

Казалось, на какое-то мгновение она заколебалась, прежде чем ответить мне. Я подумала, что ее нерешительность связана с тем, что она не хочет разглашать какую-то тайну.

- Где твой учитель нашел этот метод? - настаивала я. - Что, он тоже был в Китае?

- Он научился всему от своего учителя, - сказала Клара уклончиво.

Когда я попросила ее рассказать мне побольше о своем учителе и о том, чему он научил ее, Клара извинилась передо мной за то, что пока не может ответить мне на мои вопросы.

- Для того, чтобы понять то, что я могу тебе рассказать, - объяснила она, - ты должна приобрести особую энергию, которой в настоящее время у тебя еще нет.

Она похлопала меня по руке.

- Не торопи время, - сказала она доброжелательно. - Мы собираемся обучить тебя всему, что знаем. А если так, то зачем спешить?

- Каждый раз, когда ты говоришь "мы", меня охватывает очень сильное любопытство, Клара. Дело в том, что я догадываюсь, что в этом доме живут и другие люди, и к тому же я начинаю видеть и слышать то, насчет чего мой рассудок говорит, что это невозможно.

Клара начала смеяться и продолжала так долго, что я испугалась, как бы она не упала с валуна, на котором сидела. Этот внезапный и непонятный мне смех раздосадовал меня еще больше, чем ее отказ рассказать о своем учителе.

- Ты даже не представляешь, каким смешным мне кажется твое положение, - сказала она, объясняя свое поведение. - Сейчас, как и тогда, когда ты увидела движение тени, я убеждаюсь в том, что ты успешно освобождаешь свою энергию. Ты начинаешь все выносить из своего склада. Помни, что чем больше предметов ты выбросишь из него, тем больше у тебя будет места для новых вещей.

- Что это будут за вещи? - спросила я по-прежнему раздосадовано. - Движущиеся тени и бестелесные голоса?

- Возможно, - ответила она неопределенно. - Но может быть и так, что ты увидишь тех, кому принадлежат эти тени и голоса.

Я захотела узнать, кому могут принадлежать эти голоса и тени, но она отказалась разговаривать об этом дальше. Она неожиданно встала и заявила, что желает вернуться домой до наступления сумерек, чтобы без труда включить электрический генератор.

Глава 8

Я не видалась с Кларой три дня. Она предприняла какое-то таинственное путешествие и отсутствовала в доме. Теперь это вошло в ее привычку. Не сказав ни слова, она оставляла меня одну в доме по несколько дней кряду в обществе одного лишь Манфреда. И хотя в моем распоряжении был весь дом, я не рисковала находиться где-нибудь за пределами гостиной, своей спальни, Кларинового спортивного зала, кухни и, конечно, домика со службами во дворе. В доме и во дворе было что-то такое, что наполняло меня иррациональным страхом, особенно в отсутствие Клары. В результате получалось так, что, когда я оставалась одна, я делала все по собственному расписанию, и это немного успокаивало меня.

Обычно я просыпалась около девяти часов утра, готовила себе завтрак на электроплитке, потому что все еще не умела топить печь дровами, съедала его, а затем направлялась в пещеру для занятий воспоминанием или уходила с Манфредом на длительную прогулку. Как правило, я возвращалась поздно во второй половине дня и занималась еще некоторое время кунг-фу в Кларином зале для боевых искусств. Это было большое помещение с куполообразным потолком, лакированным деревянным полом и покрытой черным лаком стойкой, на которой было расположено множество видов восточного оружия. Вдоль стены напротив двери находилась платформа, покрытая соломенными матами. Однажды я спросила Клару, зачем она нужна. Она ответила, что здесь она занимается медитацией.

Я никогда не видела, как она медитирует, потому что она всегда, приходя в зал одна, закрывала дверь на замок. Сколько я ни спрашивала, какой медитацией она занимается, она отказывалась вдаваться в подробности. Единственное, что мне удалось узнать, - это то, что она называла ее сновидением.

Клара разрешила мне пользоваться своим спортивным залом в любое время, когда она не занималась там сама. Когда я оставалась одна в доме, меня тянуло зайти в него потому что здесь больше всего чувствовалось ее присутствие и сила, что положительно влияло на мои эмоции. Именно здесь она обучала меня очень интересному стилю кунг-фу. Я никогда не увлекалась китайскими стилями боевых искусств, потому что мои преподаватели японского каратэ всегда утверждали, что движения в этих стилях слишком запутаны и витиеваты чтобы иметь практическое значение. Они постоянно насмехались над

китайскими стилями и превозносили свои собственные, говоря, что, хотя каратэ и происходит из китайских стилей, его приемы и стратегия были существенно доработаны и пересмотрены в Японии. Ничего не зная о китайских боевых искусствах, я верила своим учителям и ни во что не ставила все другие стили. Теперь я не знала, как мне относиться к тому стилю кунг-фу, которым занималась Клара. Но несмотря на мое невежество в этом отношении я сразу поняла одно: она бесспорно была мастером этого стиля.

Позанимавшись около часа в Кларином спортзале, я переодевалась и отправлялась на кухню, чтобы поесть. Каждый раз еда уже ждала меня там, на столе, но я всегда бывала настолько голодна после физических упражнений, что просто проглатывала все, что было приготовлено, не размышляя особо о том, как оно здесь появилось.

Когда я спросила Клару, она ответила мне, что во время ее отсутствия в дом приходит смотритель и готовит еду для меня. Он, должно быть, и стирал белье, потому что я каждый раз находила его аккуратно сложенным в стопку у двери моей спальни. Мне оставалось лишь выгладить его.

Однажды вечером, после особо успешного дня занятий я почувствовала такой прилив энергии, что решила нарушить обычный распорядок и сходить еще раз в пещеру в темноте, чтобы продолжить воспоминание, хотя Манфред критически поглядывал на меня и время от времени рычал. Мне так не терпелось добраться до пещерки, что я забыла взять с собой фонарь. Ночь была облачной, но, несмотря на кромешную тьму, я ни разу не споткнулась в течение всего пути. Я добралась до пещеры и, используя визуализацию и дыхание, провспоминала все, что было в моей памяти связано с моими преподавателями каратэ и теми демонстрациями и соревнованиями, в которых мне довелось принимать участие. Это заняло у меня большую часть ночи, но когда я закончила работу, мне показалось, что я существенно очистилась от тех предрассудков, которые переняла в ходе занятий от своих учителей.

На следующий день Клара все еще не вернулась, и поэтому я отправилась в пещеру немного позднее обычного. Возвращаясь домой, я решила поэкспериментировать и пройти по той же тропинке, по которой я ходила каждый день, только на этот раз с закрытыми глазами, будто вокруг непроглядная тьма. Мне было интересно узнать, смогу ли я пройти до самого дома, ни разу не споткнувшись, потому что до меня только теперь дошло, что в предыдущий вечер мне удалось каким-то чудом пройти так. Идя по тропинке днем, но с закрытыми глазами, я несколько раз упала, зацепившись за торчащие камни и пни, и набила себе солидный синяк на голени.

Я сидела в гостиной, накладывая повязки на свои ссадины, когда дверь неожиданно открылась и вошла Клара.

- Что с тобой случилось? - удивленно спросила она. Ты поцапалась с собакой?

В это мгновение в комнату неслышным шагом вошел Манфред. Я могла дать голову на отсечение, что он понял ее слова. Он хрипло пролаял, словно незаслуженно обиженный. Клара встала перед ним, слегка поклонилась ему, сгибаясь в талии, как это делают на востоке ученики, когда делают поклон своему учителю, и произнесла самое изощренное двуязычное извинение. Она сказала:

- Мне очень жаль, дорогой синьор, что я выразилась так беспечно о вашем безукоризненном поведении и ваших изысканных манерах, а также - и превыше всего - о вашей высшей рассудительности, которая делает вас *un senior entre senores, el mas ilustre entre todos ellos* - господином среди господ, самым выдающимся среди них.

Я была просто потрясена. Я подумала, что за три дня своего отсутствия Клара сошла с ума. Я никогда не слышала ранее, чтобы она говорила таким тоном. Я собиралась уже было засмеяться, но ее серьезность заставила мой смех застрять у меня в горле.

Она вот-вот должна была начать очередную серию извинений, когда Манфред зевнул, устало взглянул на нее, развернулся и вышел из комнаты.

Клара села на диван, и ее тело затряслось от беззвучного смеха.

- Когда он обижен, единственная возможность его утешить состоит в том, чтобы утомить его комплиментами, объяснила она.

Я надеялась, что Клара расскажет мне, где она провела эти три дня. Некоторое время я ожидала, что она сама вернется к разговору о своем отсутствии, но этого не произошло. Я сказала ей, что во время ее отсутствия Манфред каждый день приходил навестить меня в пещеру, где я занималась воспоминанием. У меня создалось впечатление, что он время от времени заглядывал туда, чтобы убедиться, что со мной все в порядке.

Затем я снова попыталась узнать от Клары что-нибудь о ее поездке, но она, как ни в чем не бывало, сказала:

Да, он очень заботлив и крайне внимателен к другим. Поэтому он от всех ожидает к себе такого же отношения, и стоит только ему заподозрить, что кто-то настроен против него, как он тут же приходит в бешенство. Когда он находится

в таком состоянии, он смертельно опасен. Помнишь, в тот первый вечер он чуть было не откусил тебе голову, когда ты назвала его жабой?

Мне захотелось изменить тему разговора. Я не любила думать о Манфреде как о бешеном псе. В течение прошедших месяцев он стал мне другом, и я больше не считала его зверем. Он был таким другом, что я иногда с беспокойством думала, что он - единственный, кто действительно понимает меня здесь.

- Ты еще не рассказала мне, что случилось с твоими ногами, - напомнила мне Клара.

Пришлось рассказать ей о своей неудачной попытке ходить с закрытыми глазами. Я сказала, что вчера ночью у меня не было никаких затруднений с тем, чтобы пройти по той же тропинке в темноте.

Она взглянула на царапины и ссадины на моих ногах и потрепала мои волосы так, словно я была Манфредом.

- Вчера вечером ты не делала события из своего похода по тропинке, - сказала она. - Ты была исполнена решимости добраться до пещерки и поэтому ноги автоматически доставили тебя туда. А сегодня ты сознательно пыталась повторить то, что было вчера, но потерпела жалкую неудачу, потому что на твоём пути встал твой собственный ум.

Некоторое время она помолчала, а затем добавила:

- Или, быть может, ты не слышала голос духа, который мог бы благополучно провести тебя.

Она сморщила нос и губы в детской гримаске нетерпения, когда я сказала ей, что не слышала в последнее время никаких голосов, хотя иногда в доме у меня создавалось впечатление, что до меня доносится какой-то странный шепот. Но я была уверена, что это лишь завывание ветра в безлюдном коридоре.

Мы договаривались, что ты никогда не будешь принимать мои слова буквально, если я заранее не предупрежу тебя об этом, - сказала Клара строгим голосом. Опустошая свой склад, ты освобождаешь место для того, чтобы поместить туда что-нибудь новое. Вот у тебя уже и появилось достаточно места для того, чтобы держать в нем искусство ходить в темноте. Поэтому я подумала, что, возможно, там уже достаточно места для голоса духа.

Я так усиленно пыталась понять, что Клара имеет в виду, что на лбу у меня, должно быть, появились морщины. Клара уселась в свое любимое кресло и начала терпеливо объяснять, что она хотела сказать.

- До того, как ты оказалась в этом доме, среди твоих представлений не было сведений о собаках, которые больше чем собаки. Однако здесь ты встретила Манфреда, и в результате этой встречи твоё представление изменилось.

Она встряхнула рукой, как итальянка, и спросила:

- Capisce?

- Ты хочешь сказать, что Манфред - это голос духа? - спросила я, недоумевая.

Клара засмеялась так громко, что едва смогла прийти в себя, чтобы сказать:

- Нет, я имею в виду другое, нечто более абстрактное, - выдавила она сквозь смех.

Она предложила мне достать из шкафчика подстилку.

- Давай выйдем во двор и посидим под сапотовым деревом, - сказала она, доставая из аптечки бальзам. Сумерки - лучшее время для того, чтобы слушать голос духа.

Я расстелила подстилку под деревом, увешанным зелеными плодами, похожими на персики. Клара втерла немного бальзама в ушибленные места на моих ногах. Было ужасно больно, но я старалась не морщиться. Когда она закончила втирать, я заметила, что самый большой ушиб уже почти рассосался. Она отодвинулась от меня и оперлась спиной о ствол дерева.

- Все имеет видимую форму, - начала она. - И кроме внешних очертаний существует внутреннее сознание, которое управляет вещами. Это безмолвное сознание есть дух, всеобъемлющая сила, которая проявляет себя разными способами в различных вещах. Эта энергия может вступить с нами в контакт.

Она велела мне расслабиться и глубоко дышать, потому что собиралась показать, как пробудить в себе дар внутреннего слуха.

- Ведь голос духа, - сказала она, - можно слышать лишь внутренним слухом.

Во время дыхания давай возможность энергии вытекать через уши, - продолжала она.

- Как мне сделать это? - спросила л.

Во время выдоха сконцентрируй внимание на отверстиях ушей и воспользуйся этой сосредоточенностью и намерением для того, чтобы направить поток.

Некоторое время она следила за тем, как я пытаюсь сделать это, давая мне указания.

- Выдыхай через нос с закрытым ртом, а кончиком языка касайся неба, - сказала она. - Выдыхай бесшумно.

После нескольких попыток я могла чувствовать ушные раковины и полости довольно отчетливо. Затем она велела мне тереть ладони одна о другую до тех пор, пока они не станут горячими, а затем приложить их к ушам так, чтобы пальцы левой и правой рук почти соприкасались на затылке.

Я сделала так, как она сказала. Затем Клара предложила мне, не изменяя положения рук, сделать массаж ушей легкими круговыми движениями ладоней. Потом, оставляя руки по-прежнему в том же положении, я должна была постучать указательными пальцами по голове за ушами, поднимая их для этого на средние пальцы и давая им резко соскакивать с них. Удары пальцев по голове представлялись мне подобными приглушенному звучанию далеких колоколов. Я простучала пальцами восемнадцать раз, ровно столько, сколько она сказала. Опустив руки, я заметила, что могу отчетливо слышать самые тихие звуки среди окружающей зелени, тогда как до этого они сливались в один недифференцированный, едва различимый звуковой фон.

- Теперь, когда уши стали чувствительными, ты, возможно, услышишь голос духа, - сказала Клара. - Но не ожидай, что кто-то будет кричать тебе что-то с верхушек деревьев. То, что мы называем голосом духа, ближе к чувству. Или это может быть идея, которая неожиданно возникнет у тебя в голове. Иногда этот голос напоминает ностальгическое желание вернуться в какое-то смутно припоминаемое место или едва осязаемое стремление сделать что-то неясно осознаваемое.

Возможно, именно сила ее внушения привела к тому, что я начала слышать вокруг неразборчивый шепот. Прислушавшись, я заметила, что этот шепот превратился в отдаленные человеческие голоса. Я могла различить чистый женский смех и глубокий грудной баритон мужчины, который пел. Я слышала

эти голоса так, словно до меня порывами доносил их ветер. Я сосредоточилась для того, чтобы расслышать, что говорят эти голоса, и чем больше я прислушивалась, тем сильнее меня охватывала радость. Переливающаяся через край внутренняя энергия заставила меня вскочить на ноги. Я была так счастлива, что хотела прыгать, танцевать и бегать по двору, как ребенок. Не осознавая собственных действий, я начала петь, скакать, кружиться, как балерина, до тех пор, пока полностью не выбилась из сил.

Когда я в конце концов подошла к Кларе и села рядом с ней, я вся истекала потом, но это была нездоровая испарина. Это был холодный пот полного изнеможения. Клара задыхалась от смеха при виде моих выходок. Надо сказать, что мне удалось показать себя в самом нелепом виде, когда я прыгала и приплясывала по двору.

- Прямо не знаю, что на меня нашло, - сказала я, будучи не в состоянии объяснить свое поведение.

- Опиши, что произошло, - сказала Клара серьезным голосом.

Когда я смущенно отказалась, она добавила:

- В таком случае мне придется считать, что у тебя немного... ну, одним словом, крыша поехала, если ты только понимаешь, о чем идет речь.

Я рассказала ей, что слышала удивительное пение и смех, которые так меня заворожили, что мне захотелось потанцевать.

- Как ты думаешь, я не сошла с ума? - спросила я озабоченно.

- На твоём месте я бы не беспокоилась об этом, сказала она. - Твои выкрутасы были естественной реакцией на то, что ты услышала голос духа.

- Это был не один голос, а много, - поправила я.

- Ну вот, она опять за свое, эта буквально все понимающая мисс Совершенство, - сказала она с издевкой.

Она объяснила, что буквальное понимание - это одна из главных вещей, которые хранятся на нашем складе, и что для того, чтобы не понимать все буквально, нужно постоянно осознавать, что это только одна из возможных интерпретаций. Голос духа - это метафора, которая обозначает то, что не имеет никакого отношения к голосам, хотя иногда мы действительно слышим его как голос.

Она сказала, что для меня, поскольку я выросла в католической семье, лучше всего представлять себе дух в виде ангела-хранителя - доброго, покровительствующего мужчины, который наблюдает за мной.

- Но дух в действительности никого не охраняет, продолжала она. - Это абстрактная сила, которая по своей природе не добра и не зла. Сила, которой нет до нас дела, но которая, тем не менее, отвечает на нашу силу. Обрати внимание, не на молитвы, а на силу. Вспомни об этом в следующий раз, когда тебе захочется помолиться о прощении грехов!

- Но разве дух не добр и снисходителен? - с тревогой спросила я.

Клара ответила, что рано или поздно мне придется отказаться от всех своих предрассудков о хорошем и плохом, о Боге и религии и мыслить исключительно в рамках новых представлений.

- Ты хочешь сказать, что добро и зло не существуют? - спросила я, держа наготове целый свод логических доказательств в пользу существования свободы воли и зла, которые я усвоила в годы обучения в католической школе.

Но прежде чем я успела начать излагать свои аргументы, Клара сказала:

- В этом отношении мое мировоззрение и мировоззрение моих друзей отличается от общепринятого. Я уже говорила тебе, что для нас свобода означает свободу от человеческого. А человеческое включает Бога, добро и зло, святых, Деву Марию и Святой Дух. Мы верим в то, что только те убеждения, которые никак не связаны с человеческим, могут дать людям свободу. Если каши склады остаются переполненными обычными человеческими желаниями, чувствами, идеями и объектами, то как мы можем быть свободными? Ты понимаешь, что я имею в виду?

Я понимала ее, но не так ясно, как мне бы хотелось, отчасти потому, что я все еще не желала отказываться от идей о сохранении человечности, а отчасти потому, что к тому времени я еще не вспомнила все свои переживания, связанные с обучением в католической школе. Кроме того, я привыкла никогда не думать ни о чем, что не касается меня непосредственно.

Я сидела молча, пытаясь обнаружить изъян в ее рассуждениях, как вдруг Клара неожиданно резким ударом по ребрам выбила меня из состояния задумчивости. Она сказала, что собирается показать мне еще одно упражнение для остановки мыслей и овладения навыком видеть энергетические волокна. Иначе я всегда буду оставаться в этом состоянии - в рабстве у представления о себе.

Клара велела мне сесть скрестив ноги и в процессе дыхания наклоняться в стороны - то вправо, то влево, - и чувствовать при этом, как меня водит по горизонтальной линии, которая проходит через уши. Она отметила, что, как это ни странно, линия при этом не начинает раскачиваться, а остается идеально горизонтальной, и что это - одна из таинственных закономерностей, которую обнаружила она вместе со своими друзьями.

- Такое покачивание, - объяснила она, - сдвигает в сторону наше сознание, которое в обычном состоянии направлено вперед.

Она приказала мне расслабить мышцы челюсти, сделав несколько жевательных движений, и три раза проглотить слюну.

- А зачем это нужно? - поинтересовалась я, судорожно глотая.

- Жевание и глотание перемещает энергию, которая локализована в голове, в направлении желудка, уменьшая тем самым нагрузку на мозг, - сказала она, посмеиваясь. - Тебе следовало бы делать это почаще.

Я хотела было встать и немного пройтись, потому что отсидела себе ноги. Но Клара потребовала, чтобы я продолжала еще некоторое время делать это упражнение.

Я покачивалась из стороны в сторону, стараясь как можно яснее чувствовать эту едва ощутимую горизонтальную линию, но это мне не удавалось. Однако мне удалось остановить обычный поток мыслей. Прошло, наверное, около часа, а я все сидела в полной тишине, не думая ни о чем. Вокруг нас стрекотали кузнечики и шелестели листья, но ветер больше не приносил никаких других голосов. В течение некоторого времени я прислушивалась к лаю Манфреда, который доносился из комнаты в доме. Затем, будто повинуясь незаметной команде, мысли вновь хлынули в мою голову. Только теперь я осознала, что до этого их совсем не было, и подумала, насколько приятно это их отсутствие. Мои ерзания, должно быть, послужили для Клары сигналом к тому, что можно продолжить беседу.

- Голос духа приходит ниоткуда, - заговорила она. - Он исходит из бездн молчания, из мира не-бытия. Этот голос можно слышать только тогда, когда в душе царят полное спокойствие и гармония.

Она объяснила, что две противоборствующие силы мужская и женская, свет и тьма, положительное и отрицательное - должны поддерживаться в равновесии, и тогда откроется отверстие в окружающей нас энергии, через

которое наше осознание может выскользнуть наружу. Именно через это отверстие в окружающей энергии дух может проявить себя.

- Равновесие - это то, к чему мы стремимся, - продолжала она. - Оно не просто подразумевает присутствие обеих сил в равной пропорции. Оно означает также и то, что когда соблюдена эта пропорция, образуется какаято новая гармоническая комбинация, которая приобретает собственный импульс и начинает жить своей жизнью.

Клара во тьме внимательно изучала мое лицо. Я чувствовала, что она ищет в нем признаки понимания. Не найдя таковых, она произнесла почти издевательским тоном:

- Мы еще не столь умны, не правда ли?

Я почувствовала, как от ее замечания все мое тело сжалось. Я сказала, что никогда в моей жизни никто не упрекал меня в недостатке ума. Мои родители и учителя в один голос хвалили меня, как одну из лучших учениц в классе. Когда речь шла о получении итоговых отметок, я училась так настойчиво, что едва не заболела, и все потому, что хотела, чтобы моя успеваемость была лучше, чем у братьев.

Клара вздохнула и терпеливо выслушала продолжительные рассуждения, с помощью которых я пыталась доказать свою разумность. Прежде чем я смогла истощить все свои доводы в пользу ее неправоты, она уступила:

- Да, ты умна, но все, о чем ты говоришь, относится к миру повседневной жизни. Здесь ты не просто умна, но и настойчива, сообразительна и трудолюбива. Ты согласна?

Мне пришлось согласиться с ней, несмотря на то, что мой рассудок говорил мне, что если бы я и впрямь была такой, как она сказала, мне бы не приходилось так много заниматься.

- Но для того, чтобы быть умной в моем мире, объяснила Клара, - ты должна научиться концентрировать внимание, сосредоточиваться на любой конкретной вещи или абстрактном проявлении.

- О каких абстрактных проявлениях ты говоришь, Клара? - спросила я.

- Вот, например, отверстие в энергетическом поле, которое окружает нас, - это абстрактное проявление, ответила она. - Но не надейся увидеть или почувствовать его так же, как ты видишь или чувствуешь конкретные вещи. Здесь нужен несколько иной тип восприятия.

Клара подчеркнула, что для сосредоточения внимания на каком-либо абстрактном проявлении мы должны научиться спонтанно соединять известное с неизвестным. Подобным образом мы получаем возможность использовать разум и в то же время быть независимыми от него.

Затем Клара предложила мне встать и немного пройтись.

- Теперь, когда стемнело, попробуй ходить, не глядя на землю, - сказала она. - Но делай это не как сознательное упражнение, а как магическое неделание.

Я хотела было спросить ее, что она называет магическим неделанием, но поняла, что если она сделает это, я начну сознательно обдумывать ее объяснение и соотносить свои действия с этим новым представлением, даже если не пойму его до конца. Однако, я вспомнила, что она использовала понятие "неделание" прежде, и несмотря на мое нежелание задавать вопросы, я попыталась припомнить, что она говорила мне о нем. Для меня даже скудное и неправильное представление о чем-то всегда было лучше, чем отсутствие информации, потому что так у меня создавалось ощущение, что я могу контролировать ситуацию, тогда как не знаю ничего, я чувствовала себя очень уязвимой.

- Представление о неделании пришло к нам из нашей собственной магической традиции, - продолжала Клара, очевидно понимая, что я нуждаюсь в объяснениях. - Оно распространяется на все, что не входит в состав навязанных нам привычных представлений. Ведь когда мы начинаем делать что-то в соответствии с привычным представлением, мы занимаемся деланием, тогда как поступки, не укладывающиеся в рамки общепринятого, являются неделанием.

Все имеющееся у меня до настоящего времени спокойствие сразу же исчезло, как только я услышала ее слова.

Что ты имеешь в виду, когда называешь свою традицию магией? - действительно спросила я.

- А ведь ты не пропускаешь ни одного слова, Тайша. Не удивительно, что у тебя такие большие уши, - сказала она со смехом, уклоняясь от прямого ответа.

Я смотрела на нее в упор, ожидая, что она скажет. После паузы она заговорила:

- Я не хочу рассказывать тебе об этом сейчас, но, коль уж я проболталась, замечу, что искусство быть свободной это порождение намерения магов.

- О каких магах ты говоришь?!

- В Мексике жили и по-прежнему живут люди, которых волнуют глубинные вопросы. Моя магическая семья и я называем их магами. От них мы унаследовали все те идеи, с которыми я тебя знакоблю. О вспоминании ты уже знаешь. Неделание также относится к подобным понятиям.

- Но кто эти люди, Клара?

Вскоре ты узнаешь о них все, что о них можно знать, - заверила она меня. - А сейчас давай заниматься одним из их неделаний.

Она сказала, что в этот конкретный момент неделанием может быть, например, мое решение безусловно довериться духу, отказавшись от рационального обдумывания.

- Не пытайся притвориться, что доверяешь, тогда как втайне испытываешь сомнения, - предупредила меня Клара. - Только тогда, когда положительные и отрицательные силы в тебе придут в полную гармонию, ты сможешь видеть или чувствовать отверстие в окружающей тебя энергии, а также расхаживать с закрытыми глазами, не теряя уверенности, что не споткнешься.

Я сделала несколько глубоких вдохов и начала ходить, не глядя перед собой, но вытянув руки на случай, если на что-нибудь наткнусь. Некоторое время я продолжала спотыкаться, а однажды даже зацепилась за ящик с высаженными в нем цветами и обязательно бы упала, если бы Клара не схватила меня за руку. Но постепенно я начала спотыкаться все меньше и меньше, и вот настало время, когда я могла медленна ходить, ни за что не цепляясь. Создавалось впечатление, что мои ноги ясно видят все что находится во дворе, и точно знают, куда можно ступать, а куда нельзя.

Глава 9

Однажды во второй половине дня, занимаясь воспоминанием в пещере, я уснула. Проснувшись, я обнаружила, что на земле рядом со мной лежат два прекрасно отполированных кристалла. Некоторое время я сомневалась, стоит ли к ним прикасаться, потому что выглядели они несколько зловеще. Каждый из них был длиной около пяти дюймов и абсолютно прозрачен. Их кончики были заострены, а сами кристаллы, казалось, сияли собственным светом. Когда я увидела, что Клара приближается к пещере, я аккуратно взяла кристаллы в руку и выползла наружу, чтобы показать их ей.

- Да, они великолепны, - закивала она, словно узнав их.

- Откуда они взялись? - спросила я.

- Их оставил тебе тот, кто очень внимательно следит за тобой, - ответила она, ставя на землю принесенный с собой узел.

- Но я не видела никого, кто мог бы это сделать.

- Этот человек приходил, пока ты дремала. Я ведь предупреждала тебя о том, что нельзя засыпать во время занятий воспоминанием.

- Кто приходил, пока я спала? Один из твоих родственников? - спросила я возбужденно. Я положила изящные кристаллы на кучу листьев и надела туфли. Когда-то Клара посоветовала мне никогда не оставаться обутой во время занятий воспоминанием, потому что при этом затруднена циркуляция энергии через ноги.

- Если я скажу тебе, кто оставил кристаллы, ты все равно ничего не поймешь, и, может быть, даже испугаешься, - ответила она.

- Давай попробуем. Ведь после того, как я наблюдала движение твоей тени, мне кажется, ничто больше не может меня испугать.

- Хорошо, если ты настаиваешь, - сказала она, развязывая свой узел. - За тобой следит великий маг, с которым могут сравниться лишь немногие на этой земле.

- Ты говоришь, что это настоящий маг? Тот, кто делает зло?

- Я сказала, что это настоящий маг, а не тот, кто делает зло. Это существо, которое умеет так же легко перестраивать и менять свое восприятие, как ты

рисуешь кистью картину. Однако это не значит, что он своевольный. Когда он манипулирует восприятием с помощью своего намерения, его поведение безупречно.

Клара сравнила его с легендарным мастером китайской живописи, о котором рассказывают, что он рисовал драконов так искусно, что когда ставил последний штрих, прорисовывая их зрачки, они слетали со стен или холстов, на которых были изображены. Тихим голосом человека, открывающего важную тайну, Клара сказала, что когда опытный маг решает покинуть мир, ему для этого нужно лишь изменить уровень восприятия, с помощью намерения создать дверь, войти в нее и исчезнуть.

Сильное волнение, которое отразилось в ее голосе, смутило меня. Я села на большой плоский камень и принялась разглядывать кристаллы, раздумывая о том, кем мог быть великий маг. С тех пор, как я здесь живу, я не разговаривала ни с кем, кроме Клары и Манфреда, потому что здесь просто никого больше не было. Мне не удалось ни разу хотя бы мельком увидеть даже того смотрящего, о котором говорила Клара. Я уже собиралась напомнить ей, что она и Манфред - это единственные разумные существа, которых я видела здесь, когда я вдруг припомнила, что существует еще один человек - мужчина, который однажды возник будто из пустоты прямо у меня на глазах, когда я как-то утром делала зарисовку деревьев недалеко от пещеры. Он сидел на корточках на поляне, которая находилась от меня футов за тридцать. Я продрогла от утренней прохлады, и это помогло мне еще лучше сосредоточить внимание на его зеленой ветровке. Он был в бежевых брюках и традиционной для северной Мексики широкополой соломенной шляпе. Я не смогла разглядеть его лица, потому что шляпа закрывала его, однако заметила, что он силен и хорошо сложен.

Смотрел он в сторону, и я могла видеть его руки, сложенные на груди. Затем он повернулся ко мне спиной и к моему величайшему удивлению легко свел руки за спиной так, что их ладони соприкоснулись пальцами вверх. Затем он встал и ушел, скрывшись в кустах.

Я быстро зарисовала то положение, в котором он сидел, а затем отложила рисовальные принадлежности и попыталась повторить то, что он сделал. Однако как я ни старалась, напрягая руки и выворачивая плечи, я все же не могла соприкоснуться ладонями у себя за спиной. Я продолжала сидеть на корточках, сложив руки на груди. Очень скоро я перестала дрожать и почувствовала, что мне стало тепло и уютно, несмотря на прохладу.

- Значит, ты уже видела его, - заметила Клара, когда я рассказала ей о мужчине.

- Это и был великий маг?

Она утвердительно кивнула в ответ, развернула узел и подала мне тамале*, которое принесла для меня.

* Тамале - мексиканское блюдо из толченой кукурузы с мясом и красным перцем (прим. перев).

- Он очень гибок, - сказала она. - Ему ничего не стоит вынуть руки из плечевых суставов, а затем вернуть их на место. Если ты продолжишь заниматься воспоминанием и накопишь достаточное количество энергии, он, возможно, научит тебя своему искусству. Тогда, когда ты видела его, он лишь показал тебе, как справляться с холодом при помощи особого положения тела: нужно сесть на корточки и сложить руки на груди.

- Это что, особая форма йоги?

Она пожала плечами.

- Возможно, ваши пути когда-нибудь снова пересекутся, и он сам ответит на твой вопрос. А сейчас скажу лишь, что эти кристаллы помогут тебе прояснить многое внутри себя.

- Что конкретно ты имеешь в виду, Клара?

- Какую сторону жизни ты прорабатывала с помощью воспоминания, когда заснула? - спросила она, не обращая внимания на мой вопрос.

Я сказала Кларе, что как раз вспоминала тогда, как я ненавидела работать по дому. Мне казалось, что для того, чтобы вымыть посуду, нужна целая вечность. Но хуже всего было то, что я все время могла видеть из окна, как мои братья играют в мяч во дворе. Я завидовала, что они не должны ничего делать по дому, и сердилась на мать за то, что она заставляла меня работать. Мне хотелось перебить всю ее дорогую посуду, но, конечно же, я не могла себе этого позволить.

- И как ты чувствуешь себя теперь, после воспоминания этого всего?

- Я по-прежнему хочу разбить все тарелки до последней, чтобы отомстить матери. Я не могу заставить себя простить ее.

- Быть может, кристаллы помогут тебе направить намерение в другое русло и освободить уловленную тогда энергию, - мягко сказала Клара.

Повинуясь странному желанию, я зажала кристаллы между средними и указательными пальцами. Казалось, что они были специально подогнаны под мои руки - настолько удобно их было держать между пальцами.

- Вижу, что ты уже знаешь, как ими нужно пользоваться, - заметила она. - Великий маг сказал мне, что если я увижу, что ты сама нашла правильное положение кристаллов в руках, я должна показать тебе одно очень важное движение, которое ты можешь делать с этими кристаллами.

- Какое движение, Клара?

- Движение силы, - сказала она. - Все что касается его происхождения и цели, я объясню тебе попозже. А сейчас позволь мне показать тебе, как оно выполняется.

Она велела мне крепко зажать кристаллы между средними и указательными пальцами. Затем, помогая мне сзади, она попросила меня вытянуть руки перед собой на высоте плеч и поворачивать ими против часовой стрелки. Она сделала так, что вначале круги были большими, а затем они становились все меньше и меньше до тех пор, пока движение не прекратилось, и кристаллы не оказались устремлены своими остриями вдаль. Воображаемые линии, продолжающие их, сходились в точку на горизонте.

- Когда описываешь круги руками, следи за тем, чтобы ладони были обращены друг к другу, - посоветовала она. - И всегда начинай с мягких, широких движений. Таким образом ты собираешь энергию, которую можешь затем направить на все, что требует ее воздействия, будь то предмет, мысль или чувство.

- Какое воздействие при этом окажут кристаллы? спросила я.

- Такая ориентация кристаллов и такое движение руками, как я тебе только что показала, вытягивает энергию из вещей, - объяснила она. - Эффект в данном случае напоминает процесс разминирования. Это как раз то, что тебе сейчас нужно больше всего. Но никогда и ни при каких обстоятельствах не вращай руками по часовой стрелке, если держишь в них кристаллы.

- А что случится в этом случае?

Ты не только создашь бомбу, но и подожжешь фитиль, вследствие чего произойдет огромный взрыв. Помни, что движение рук по часовой стрелке заряжает энергией вещи, оно используется для концентрации энергии.

Использование этого движения мы отложим до того времени, когда ты станешь сильнее.

- Но разве это не то, что мне как раз сейчас нужно, Клара? Накапливать энергию? Я чувствую себя такой истощенной.

- Конечно, тебе нужно накапливать энергию, - согласилась она, - но пока ты должна делать это, устраняя абсурдные привязанности. Ты можешь собрать уйму энергии уже одним лишь простым неделанием того, что ты привыкла делать, - например, жаловаться, сожалеть о том, что случилось в прошлом, или беспокоиться о том, чего нельзя изменить. Переставая расходовать энергию на эти никому не нужные заботы, ты получаешь возможность направить ее на самосовершенствование и исцеление себя.

Тогда как энергия, которую ты соберешь, двигая руками с кристаллами по часовой стрелке, - это опасная энергия, которая выделяется в больших количествах и с которой ты в настоящее время не сможешь совладать. Поэтому пообещай мне, что ни при каких обстоятельствах не будешь пытаться получать ее.

Обещаю, Клара. Но то, что ты рассказываешь, звучит довольно соблазнительно.

- Великий маг дал тебе эти кристаллы, видя, что ты делаешь успехи. Постарайся же теперь оправдать его доверие, - сказала она.

- А зачем этот великий маг наблюдает за мной?

В моем голосе прозвучала нотка нездорового любопытства. Мне было неловко, но в то же время я чувствовала себя польщенной тем, что какому-то мужчине пришлось в голову следить за мной, хотя бы и с расстояния.

- У него есть планы в связи с тобой, - ответила Клара как ни в чем не бывало.

Я тут же почувствовала опасность. Сжав кулаки, я в негодовании вскочила на ноги.

Не будь настолько глупа, чтобы делать неправильные выводы, - сказала Клара раздраженно. - Уверяю тебя, никто здесь не собирается тебя соблазнять. Тебе действительно еще нужно хорошенько вспомнить свои сексуальные приключения, Тайша, для того, чтобы избавиться от этих беспочвенных подозрений.

Ее тон, свидетельствующий о полной беспристрастности, и прямота ее слов немного отрезвили меня. Я села и проямлила извинение.

Она прижала палец к своим губам.

- Нас не интересует все то, за чем гоняются люди, заверила она меня.
- И чем скорее ты это поймешь, тем лучше. Когда я говорю о планах, я имею в виду возвышенные намерения, дерзания свободного духа. Несмотря на все то, что ты о себе думаешь, ты очень отважна. Посмотри на то, где ты сейчас. Каждый день ты просиживаешь часы напролет, вспоминая свое прошлое. Для этого нужна немалая смелость.

Я призналась, что всякий раз меня охватывает тревога, когда я вспоминаю о том, как я согласилась поехать вместе с ней, и как сейчас живу в ее доме, будто так и надо.

- Меня это тоже очень озадачило тогда, - сказала она. - Но прямо об этом я тебя еще ни разу не спрашивала. Почему ты так легко согласилась поехать вместе со мной? Я бы сама этого никогда не сделала.

- Родители и братья всегда говорили, что я сумасшедшая, - призналась я. - Возможно, причина в этом. На дне моей души лежат какие-то непонятные побуждения. Они-то всегда и приводят к тому, что я совершаю загадочные поступки.

- Например, какие? - Ее сверкающие глаза побуждали меня довериться ей.

Но я колебалась. Мне в голову приходили десятки случаев, каждый из которых был для меня травмой и вехой у поворота моей жизни - и всегда к худшему. Я никогда не говорила об этих катастрофах, хотя постоянно осознавала их. Теперь, после месяцев напряженных занятий воспоминанием, большинство их стало даже еще более яркими и болезненными.

- Иногда я веду себя глупо, - сказала я, не желая углубляться в детали.

- Что это значит? - настаивала Клара.

После еще нескольких ее просьб рассказать, я в качестве примера привела ей свои переживания совсем недавнего прошлого, когда я принимала участие в международном турнире по каратэ в Японии. Так, в токийском Будокане я опозорилась перед десятками тысяч зрителей.

- Десятками тысяч? - повторила она вслед за мной. А ты не загибаешь?

- Нет, конечно! - воскликнула я. - Будокан - это самая большая аудитория города, и он был в тот день битком набит!

Вспоминая о случившемся тогда, я чувствовала, что у меня сжимаются кулаки и напрягается шея. Я не хотела продолжать рассказ.

- По-моему, лучше не будить зло, пока оно спит, правда? - спросила я.
- И кроме того, я уже провспоминала все, что связано в моей памяти с каратэ.

- Важно, чтобы ты могла спокойно рассказывать обо всех своих переживаниях, - настаивала Клара. - Вероятно, ты не визуализировала их перед своим мысленным взором достаточно ясно или дышала не совсем правильно. Ведь кажется, что они все еще держат тебя. Посмотри, от волнения у тебя даже пот выступил!

Чтобы угодить ей, я описала, как мой учитель по каратэ однажды невзначай заметил, что, по его мнению, женщины хуже собак. Ему казалось, что женщинам нет места в мире каратэ, и уж тем более на соревнованиях. В тот раз в Будокане он хотел, чтобы вышли на помост только парни. Но я сказала ему, что приехала в Японию не для того, чтобы отсиживаться в задних рядах и наблюдать за выступлениями мужской команды. Он предупредил меня, чтобы я вела себя почтительно, но вместо того, чтобы послушать его, я сделала нечто непростительное.

- Что именно ты сделала? - поинтересовалась Клара.

Я сказала, что пришла тогда в такую ярость, что поднялась на центральную арену, вырвала гонг из рук у ведущего, ударила в него сама и формально объявила свое имя и название элементов каратэ, которые собиралась продемонстрировать.

- И они встретили тебя бурными аплодисментами? спросила Клара, насмешливо улыбаясь.

- Я провалила свое выступление, - сказала я, чуть не плача. - В середине длинной последовательности движений у меня помутилось в голове. Я забыла, что нужно делать дальше. Все что я помню, это целый океан лиц, глядящих на меня с негодованием. Мне кое-как удалось закончить выполнение ката, и я покинула помост в состоянии полного шока.

- Взять на себя смелость и вклиниться в программу так, как это сделала я, было уже само по себе очень плохо, но забыть последовательность движений в ката перед лицом тысяч зрителей было невероятным оскорблением для

Федерации каратэ. Я опозорилась сама, подвела своих учителей и бросила тень на женщин в целом.

- А что было потом? - спросила Клара, стараясь не улыбаться.

- Меня исключили из школы и поговаривали даже о том, чтобы лишить меня черного пояса. После этого я больше не занималась каратэ.

Тут Клара разразилась смехом. Я же была так подавлена своими постыдными переживаниями, что начала рыдать. Вдобавок ко всему я поняла, что совершила еще одну ошибку, рассказав об этом Кларе.

Клара встряхнула меня за плечи.

- Делай очищающее дыхание! - сказала она. - Давай, прямо сейчас.

Я стала качать головой справа налево, возвращая себе энергию, которая была по-прежнему безнадежно увязшей в зале для выступлений. Возвращая голову в обратном направлении, я выдыхала всю ту неловкость и жалость к себе, которые обволакивали меня. Я долго покачивала головой, повторяя снова и снова очищающее дыхание, до тех пор, пока сильное беспокойство не прошло. Затем я сделала несколько движений головой влево-вправо без дыхания, с тем, чтобы разорвать все связи с этим конкретным моментом прошлого. Когда я закончила, Клара осмотрела меня с головы до ног и одобрительно кивнула.

- Ты столь ранима потому, что чувствуешь свою важность, - заявила она, протягивая мне вышитый платочек, чтобы я высморкалась. - Весь этот позор свалился на тебя потому, что твое чувство собственной важности вышло из-под контроля. А затем ты испортила свое выступление, что и должно было случиться, и тем самым еще больше задела свою и без того уязвленную гордость.

Некоторое время Клара молчала, давая мне возможность собраться с мыслями.

- Почему ты прекратила заниматься каратэ? - наконец спросила она.

- Я просто устала от этого и прочего лицемерия, отрезала я.

Клара отрицательно покачала головой.

- Нет. Ты перестала потому, что никто не обращал на тебя внимания после этого происшествия, и ты не получала того признания, которого, по моему мнению, заслуживала.

Положа руку на сердце, я должна была сознаться, что Клара права. Я верила, что мои успехи должны быть признаны. Каждый раз, когда я совершала один из своих диких импульсивных поступков, я делала это для того, чтобы укрепить свое самомнение или победить кого-то и доказать, что я лучше его. Меня охватила грусть и чувство безысходности. Я знала, что несмотря на дыхание и вспоминание, надежд на то, что я изменюсь, было мала.

- Содержимое твоего смлада меняется очень естественно и гармонично, - сказала Клара, легонько похлопывая меня по голове. - Не беспокойся об этом. Просто сосредоточься на вспоминании, а все остальное само о себе позаботится.

Наверное, мне бы не помешало обратиться к психиатру, - сказала я. - Кстати, разве вспоминание не является своеобразной психотерапией?

- Вовсе нет, - ответила Клара. - Люди, которые изобрели вспоминание, жили сотни, если не тысячи лет назад. Поэтому не стоит думать об этом древнем способе обновления в рамках современного психоанализа.

- А почему бы и нет? - поинтересовалась я. - Ведь ты не можешь отрицать, что возврат к воспоминаниям детства и акцент на половом акте - все это звучит в духе психоанализа и, в частности, фрейдовских интерпретаций?

Клара была непреклонна. Она подчеркнула, что вспоминание - это магическое действие, в котором намерение и дыхание играют неотъемлемую роль.

- Дыхание концентрирует энергию и заставляет ее двигаться по кругу, - объяснила она. - А управляет ею изначально присутствующее намерение, которое посредством вспоминания освобождает нас от биологических и социальных оков.

- Это намерение вспоминания является даром, полученным от тех древних провидцев, которые изобрели этот метод и передали его секрет своим последователям, - продолжала Клара. - Каждый, кто занимается им, должен добавить свое собственное намерение к этому изначально существующему. Для чего это просто желание или необходимость заниматься вспоминанием. Что же касается конечной цели, на достижение которой направлено это намерение, то можно сказать, что ее определили еще древние мудрецы и что она представляет собой абсолютную свободу. Поскольку эта цель управляет намерением независимо от нас, вспоминание открывает нам очень важное качество нашего бытия: тот факт, что перед тем, как начать любое действие, у нас есть мгновение, в течение которого мы можем точно взвесить наши мотивы,

надежды и шансы на успех. Подобное знание никогда не является приятным или удовлетворительным, и поэтому мы сразу же подавляем его.

- Что ты хочешь этим сказать, Клара?

- Я хочу сказать, что ты, например, в течение какой-то доли секунды ясно знала, что совершишь грубейшую ошибку, выскочив на арену Будокана и изменив ход выступлений, но по какой-то причине ты сразу же подавила это знание. Или другой пример. В течение какого-то мгновения ты знала, что прекратила заниматься каратэ, потому что почувствовала обиду оттого, что тебя не признавали и не превозносили. Но ты сразу же спрятала это знание под другое, более выгодное для тебя объяснение: что ты устала от лицемерия.

Клара сказала, что этот момент непосредственного знания был назван видящими людьми, которые впервые сформулировали, что такое воспоминание, потому что он дает возможность видеть суть вещей незамутненным взглядом. Однако, несмотря на ясность и точность оценок видящего, мы никогда не уделяем ему должного внимания и не даем ему возможность недвусмысленно выразить свою точку зрения. Посредством постоянного подавления мы приостанавливаем его развитие и не даем ему проявить все свои возможности.

- В конце концов видящий в нас становится желчным и ненавидящим, - продолжала Клара. - Люди древности, которые изобрели воспоминание, верили, что поскольку мы никогда не прекращаем подавлять в себе видящего, он в конечном итоге разрушает нас. Но они также дали нам знать, что с помощью воспоминания мы можем создать для него благоприятные условия, в которых он начинает расти, и становится таким, каким и должен быть.

- А я и не догадывалась, зачем в действительности нужно воспоминание, - сказала я.

- Цель воспоминания состоит в том, чтобы дать видящему свободу видеть, - объяснила Клара. - Давая ему свободу действий, мы целенаправленно превращаем его в силу, которая одновременно таинственна и эффективна, в силу, которая рано или поздно приводит нас к свободе, вместо того, чтобы погубить нас.

Вот почему я всегда настаиваю на том, чтобы ты рассказывала мне, что ты обнаруживаешь в ходе воспоминания. Ты должна дать видящему возможность подняться на поверхность и поведать тебе о том, что он видит.

Я без труда понимала и соглашалась с ней. Я прекрасно чувствовала сама, что внутри меня живет кто-то, кто всегда безошибочно знает что есть что. Я

также прекрасно знала, что всегда подавляла это свое качество, потому что его советы, как правило, противоречили моим желаниям или ожиданиям.

Я поделилась с Кларой неожиданно пришедшей мне в голову мыслью о том, что единственной ситуацией, в которой я прислушивалась к голосу видящего, была моя привычка смотреть на горизонт в южном направлении, когда я чувствовала, что мне нужна помощь. Я снова отметила, что никогда не могла понять, почему так поступаю.

- В один прекрасный день все это тебе объяснят, пообещала Клара.

И по тому, как лукаво она улыбалась, я поняла, что сейчас она об этом больше ничего не скажет.

Клара посоветовала мне вернуться в пещеру еще на несколько часов, а затем прийти в дом и немного вздремнуть перед ужином.

- Я пришлю за тобой Манфреда, - предложила она.

Но я отказалась. Я уже не могла идти в пещеру в этот день. Я слишком устала. После того, как я рассказала Кларе о беспокоящих меня неприятностях и отбилась от нескольких ее атак на меня, я почувствовала себя эмоционально истощенной. На какое-то мгновение моим вниманием завладел свет, отражавшийся от одного из кристаллов. Глядя на него, я успокоилась. Я спросила у Клары, знает ли она, зачем великий маг дал мне кристаллы. Она сказала, что в действительности он не дал их мне, а явил их для того, чтобы они мне помогли.

- Он нашел их в пещере в горах. Кто-то, должно быть, оставил их там многие века назад, - сказала она неприветливо.

Ее угрюмый тон навел меня на мысль о том, что она не желает разговаривать сейчас о "великом маге", и, чтобы изменить направление беседы, я спросила ее:

- Что еще ты знаешь об этих кристаллах?

Я подняла один из них, чтобы полюбоваться его прозрачностью.

Маги древней Мексики широко использовали кристаллы, - объяснила она.
- Это оружие, с помощью которого можно победить врага.

Услышав ее слова, я содрогнулась и чуть было не выронила из рук один из кристаллов. Я попыталась всунуть их Кларе в руки, не желая больше иметь дела с ними, но она отказалась взять их.

- Если уж ты однажды коснулась их, ты не можешь передать их другому, - упрекнула она. - Это будет неправильно и даже опасно. Обращаться с ними нужно бесконечно внимательно. Это дар силы.

- Прости, - сказала я. - Я не хотела никого обижать. Я просто испугалась, когда ты упоминала, что их использовали в качестве оружия.

- Когда-то это было так, но не теперь, - уточнила она. - У нас нет знаний о том, как превратить их в оружие.

- А в древней Мексике существовали такие сведения?

- Несомненно! Это же часть нашей традиции, - заявила она. - Как и в Китае, где древние поверья стали такими невероятными, что их превратили в легенды, точно так же и здесь, в Мексике, существуют свои поверья и легенды.

- Но почему случилось так, что о том, что было в древнем Китае, знают все, а о поверьях и легендах древней Мексики никто ничего не слышал?

Здесь, в Мексике, столкнулись две культурные традиции: испанская и индейская, - объяснила Клара. Мы знаем многое об испанской традиции и почти ничего о традиции древней Мексики потому, что испанцы оказались победителями и сделали все от них зависящее для того, чтобы стереть индейскую цивилизацию с лица земли. Однако несмотря на свои систематические и настойчивые усилия в этом направлении, сделать это до конца им не удалось.

Какие еще поверья связываются с подобными кристаллами? - спросила я.

- Считается, что маги древности использовали их так: в состоянии невероятной концентрации внимания они воссоздавали в своем воображении образ своих врагов, а затем в этом состоянии их психического и физического присутствия маги находили центр сосредоточения их энергии. Говорят, что для этого нужно такое необычное состояние сосредоточения, которое почти невозможно достичь и совсем нельзя описать.

- И что эти маги делали потом с образом своих врагов? - спросила я, подстегиваемая нездоровым любопытством.

- Они обычно находили отверстие, расположенное в области сердца. Оно представляет собой маленький вихрь в потоке энергии. Как только им удавалось его обнаружить, они направляли в эту точку свои смертоносные кристаллы.

Стоило ей рассказать мне о направлении кристаллов на образ врага, как меня охватила нервная дрожь. Невзирая на это свое состояние, я не смогла удержаться от вопроса о том, что потом случилось с тем человеком, образ которого подвергался такому воздействию со стороны мага.

- Могло случиться так, что его тело истощалось, предположила она. - А могло быть и так, что этот человек переносил подобное испытание без каких-либо последствий. Считается, что маги сами не знали наверняка, что должно случиться, хотя, если их силы были значительны, они могли быть уверены в том, что врагу не поздоровится.

Мне еще больше захотелось положить кристаллы на землю, но в свете того, что сказала Клара, я не могла решиться так поступить с ними. Я спрашивала себя, зачем вообще кому-то понадобилось мне их давать.

Были времена, когда магическое оружие играло очень большую роль, - продолжала Клара. - Оружие типа кристаллов становилось продолжением тела мага. Оно наполнялось его энергией, которая могла при этом направляться в любую точку пространства-времени.

Клара сказала, что самым грозным оружием является все же не кристалл, не меч и даже не пистолет, а человеческое тело. Дело в том, что его можно превратить в средство для накопления, хранения и передачи энергии.

Мы можем рассматривать тело либо как биологический организм, либо как источник силы, объяснила Клара. - Все зависит от того, какое представление имеется на нашем складе. Это значит, что наше тело может быть грубым и закрепощенным или развитым и гибким. Если на складе у нас пусто, само тело тоже пусто, и энергия всей бесконечности может протекать через него.

Клара повторила, что для того, чтобы опустошить себя, мы должны погрузиться в состояние глубокого воспоминания и дать возможность энергии течь через нас беспрепятственно. Только пребывая в безмятежном состоянии, мы можем дать полную свободу видящему и превратить всю безличностную энергию вселенной в силу нашего личного намерения.

- Когда нам удастся в значительной мере освободиться от всего старого и ненужного, что загромождает наш склад, - продолжала она, - энергия сама вливается в нас в нужном количестве, и когда ее накопится достаточно, она

превращается в силу. О присутствии силы можно судить по разным приметам: это могут быть громкие звуки, тихие голоса, мысли, которые появляются откуда-то совершенно неожиданно, или же внезапный прилив бодрости и благодати. Клара подчеркнула, что на самом деле не имеет значения, приходит ли к нам энергия в состоянии бодрствования или во сне. В обоих случаях это хорошо, однако во сне нередко приходят более тонкие энергии, спектр возможных применений которых более широк, чем в случае энергий, получаемых во время бодрствования.

- То, что мы переживаем наяву, когда речь идет о проявлениях силы, должно быть вначале проверено в сновидении, - продолжала она, - а все то, что нам удастся совершить с помощью силы во сне, может быть потом использовано в бодрствующем состоянии. При этом важно лишь одно - постоянное осознание происходящего, независимо от того, имеет оно место во сне или наяву.

Уставившись на меня, она повторила:

- При этом важно одно - постоянное осознание происходящего.

Клара немного помолчала, а затем сказала мне то, что показалось мне совершенно бессмысленным. Это были слова:

- Постоянное осознание времени, например, может удлинить жизнь человека до нескольких сот лет.

- Это чепуха, - сказала я. - Разве человек может жить так долго?

Осознание времени - это особое состояние восприятия, в котором процесс старения приостанавливается, и мы получаем возможность жить дольше, чем несколько десятков лет, - объяснила Клара. - Существует поверье, которое пришло к нам от древних магов, согласно которому мы сможем сознательно покинуть этот мир и поселиться где-нибудь в другом месте в том случае, если научимся использовать свое тело как оружие - то есть, выражаясь современным языком, тогда, когда опустошим свои склады.

- И куда мы попадем, если выйдем за пределы этого мира? - спросила я.

Клара удивленно посмотрела на меня, словно я уже должна была знать ответ.

- В сферу не-бытия, мир теней, - ответила она.

- Считается, что как только наш склад становится пустым, мы обретаем такую легкость, что можем парить в пустоте, и ничто не может стать препятствием у нас на пути. А затем мы можем вернуться в этот мир помолодевшими и исполненными сил.

Я заерзала на твердом камне, который отдавил мне копчик.

- Но ведь это просто поверье, не так ли, Клара? спросила я. - Легенда, которая пришла к нам из прошлого.

В настоящее время это просто поверье, - согласилась она. - Но времена, как и все остальное в этом мире, меняются. В наши дни, как никогда, человек должен научиться обновляться, проникать в пустоту, постигать свою свободу.

На какое-то мгновение я задумалась над тем, как бы оно было, если бы я парила легко, как облако, по воздуху, и ничто не мешало бы мне опускаться и подниматься, когда мне этого захочется. Затем я снова вернулась в воображении на землю и сочла своим долгом сказать:

- То, что ты, Клара, говоришь об осознании времени и переходе в мир теней, я не могу ни принять, ни понять. В рамках моих представлений этого не понять, или, как ты выражаешься, этого нет на моем складе.

- Да, там этого нет, - согласилась Клара. - Это магия!

- Ты хочешь сказать, что магия по-прежнему существует, и в наши дни есть те, кто ею занимается? спросила я.

Клара резко поднялась на ноги и схватила свой узел.

- Не спрашивай меня больше об этом, - сказала она прямо. - Позже ты узнаешь все, что тебя интересует, но не от меня, а от того, кто лучше, чем я, разбирается в таких вещах.

Глава 10

Клара сидела на краю дворика в плетеном кресле и расчесывала свои блестящие черные волосы. Затем она поправила их пальцами так, что прическа приняла свой обычный вид. Закончив прихорашиваться, она положила левую ладонь на лоб и начала делать ею круговые движения. Затем она провела рукой над макушкой головы и дальше в направлении затылка, а потом встряхнула кистями и пальцами в воздухе. Она повторила эти движения и встряхивания еще несколько раз.

Я удивлялась, наблюдая за ее движениями. В них не было ничего небрежного или случайного. Она выполняла их, находясь в состоянии полного сосредоточения, так, словно занималась очень важным делом.

- Что ты делаешь? - спросила я, нарушая тишину. - Это что-то типа массажа лица?

Клара бросила на меня быстрый взгляд. Я сидела в таком же кресле и повторяла ее движения.

- Эти круговые движения предотвращают появление на лбу морщин, - сказала она. - Тебе может показаться, что это массаж лица, но в действительности это не так. Это один из магических приемов, движения руки, которыми накапливают энергию для определенной цели.

- Для какой такой цели? - спросила я, встряхивая кистями так, как это делала она.

- Смысл магических приемов в том, чтобы помогать человеку выглядеть молодо и не дать образоваться морщинам, - ответила она. - Этот смысл определен заранее, и не мной или тобой, а самой силой.

Я должна была признать, что все, что делала Клара, действительно было эффективным. Кожа ее лица была гладкой. Она красиво оттеняла ее зеленые глаза и черные волосы. Я всегда верила, что ее моложавый вид объясняется индейским происхождением, и никогда не подозревала, что она поддерживала его с помощью специальных движений.

Где бы ни сосредоточивалась энергия, как происходит в случае применения магических приемов, мы называем ее силой, - продолжала Клара. - Помни об этом, Тайша. Сила - это сконцентрированная энергия, которая накапливалась сама по себе либо по чьей-то воле. Скоро ты узнаешь очень

много о силе, и не только от меня, но и от других тоже. Они должны вернуться со дня на день.

Хотя Клара постоянно упоминала о своих родственниках, я уже потеряла всякую надежду когда-либо увидеть их. Ее рассказ о силе был чем-то совсем другим. Я никогда не могла понять, что именно она называет "силой".

- Я покажу тебе некоторые магические приемы, которые ты должна будешь выполнять каждый день, начиная с этого, - заявила она.

Я тяжело вздохнула. Было уже много вещей, которые она заставляла меня делать каждый день - дыхательные упражнения, вспоминание, элементы кунфу, далекие прогулки. Если бы я начала делать подряд все, что она мне говорила, в дне не хватило бы часов для того, чтобы выполнить хотя бы половину того, что нужно.

- Ради Бога, не принимай мои слова так буквально, - сказала Клара, видя мое обиженное выражение. - Я запикиваю это все в твои крохотные мозги, потому что хочу, чтобы ты знала обо всем этом. Знание помогает накапливать энергию, поэтому знание - это сила. Для того, чтобы магия работала, мы должны знать, что делаем, когда выражаем намерение достичь результата. И обрати внимание, что речь идет о результате, а не о цели магического действия. Если бы с помощью намерения мы могли создавать цели магических действий, мы бы тем самым творили магию, но ни у тебя, ни у меня для этого недостает силы.

- Кажется, я тебя не вполне понимаю, Клара, - сказала я, пододвинув свое кресло поближе к ней. - Для чего у меня не хватает силы?

- Я говорю, что ни одна из нас не может накопить так много энергии, чтобы создать новую цель. И тем не менее, каждая из нас обладает достаточным количеством энергии для того, чтобы с помощью намерения достигать результата магического приема: предотвращать появление морщин, например. Это все, что мы можем сделать, потому что результат - поддержание нашей бодрости и молоджавого вида - уже определен.

- Относится ли это и к вспоминанию, результат которого был установлен когда-то давно намерением древних магов? - поинтересовалась я.

- Совершенно верно, - ответила Клара. - Намерение всех магических действий уже запрограммировано. Нам остается лишь подключить к нему свое осознание.

Она передвинула свое кресло так, что сидела теперь напротив меня, и наши колени почти соприкасались. Затем она интенсивно потерла каждый большой палец о ладонь противоположной руки и поместила их на переносице. Потом она начала делать легкие движения в разные стороны по бровям в направлении висков.

Этот прием позволяет предотвратить появление морщин между бровями, - объяснила она.

Быстро потерев друг о друга указательные пальцы, как палочки для добывания огня, она приложила их вертикально к носу с двух сторон и мягко провела ими несколько раз в стороны по щекам.

- А этот поможет очистить внутренние полости, сказала она, медленно шевеля носом. - Вместо того, чтобы ковырять в носу, лучше уж делай эти движения.

Я не обратила внимания на ее слова о ковырянии в носу, но попробовала сделать несколько поглаживающих движений, которые, казалось, действительно очищают полости.

Следующий прием поможет предотвратить обвисание щек, - сказала она.

Она быстро потерла ладони друг о друга, а затем длинными, сильными движениями провела ими по щекам от подбородка до висков. Она повторила это движение шесть или семь раз, делая его ровным и медленным.

Я заметила, что ее лицо покраснело, но это было еще не все. Прижав большой палец руки к ладони, она поднесла внутренний край руки к верхней губе и потерла ее из стороны в сторону интенсивными пилящими движениями.

Она объяснила, что если быстро потереть то место, где соединяются нос и верхняя губа, то можно ощутить приток энергии небольшими ровными порциями. Но если нужны большие количества энергии, их можно получить, покалывая точку на десне над верхними зубами, которая находится как раз под верхней губой ниже носовой перегородки.

Если чувствуешь, что во время занятий воспоминанием в пещере тебя охватывает сонливость, потри быстро это место, и это временно вернет тебе бодрость, посоветовала она.

Я потерла верхнюю губу и почувствовала, что в носу и в ушах стало яснее. Я также ощутила легкое онемение неба. Оно наблюдалось лишь несколько

секунд, но у меня перехватило дыхание. У меня создалось впечатление, что передо мной вот-вот должно открыться что-то ранее неизвестное.

Потом Клара поводила указательными пальцами под подбородком, снова используя для этого быстрые пилящие движения. Она объяснила, что массаж точки, которая находится под подбородком, помогает успокоиться и сосредоточиться. Она сказала также, что мы можем воздействовать на эту точку и в положении сидя на полу, положив подбородок на низкий столик.

Следуя ее указаниям, я положила на землю подушку, села на нее и оперлась подбородком о деревянный подлокотник, который находился как раз на уровне моего лица. Наклоняясь вперед, я слегка нажала на ту точку, о которой говорила Клара. Через некоторое время я почувствовала, что мое тело расслабляется, а вдоль позвоночника поднимаются покалывающие ощущения, которые доходили до самой головы. Дыхание стало более глубоким и ритмичным.

- Еще один способ активизировать точку под подбородком, - продолжала Клара, - состоит в том, чтобы, лежа на животе, сжать руки в кулаки и подложить их под подбородок, поставив кулаки друг на друга.

Она сказала, что выполняя это упражнение, следует напрягать кулаки для того, чтобы создавать ими давление на подбородок, а затем расслаблять их, уменьшая это давление. Напряжение и расслабление кулаков, сказала она, создает пульсации, которые направляют энергию небольшими порциями в жизненно важный центр, который находится у основания языка. Она подчеркнула, что выполнять это упражнение следует осторожно, а то можно вызвать боль в горле.

Я снова села в плетеное кресло.

- Этот набор магических приемов, который я показала тебе, - продолжала Клара, - следует выполнять каждый день до тех пор, пока они не перестанут быть движениями, напоминающими массаж, и не превратятся в то, чем они в действительности являются: в приемы магии. Смотри на меня! - велела она.

Я посмотрела, как она повторяет всю показанную мне прежде последовательность движений с тем лишь исключением, что теперь ее руки и пальцы танцевали. Казалось, что ее руки то глубоко проникают в кожу лица, то легонько поглаживают ее, как бы касаясь ее поверхности и двигаясь так быстро, что их трудно было разглядеть. Я смотрела на ее ловкие движения, как замороженная.

- Этих знаний никогда не было в твоём складе, смеясь, заметила она, когда закончила. - Это - магия. Она требует намерения, которое существенно отличается от намерений, действующих в обычном мире. Прodelывая все эти движения на своём лице, мы должны использовать какое-то другое намерение, если мы собираемся расслабить мышцы и воздействовать на центры, которые находятся здесь.

Клара сказала, что все наши эмоции отражаются на лице в большей мере, чем во всех других частях тела. Поэтому мы должны высвобождать накапливающееся здесь напряжение, используя для этого магические приемы и сопровождающее их намерение,

Какое-то мгновение она смотрела на меня, а затем заметила:

- Я вижу по напряжению на твоём лице, что ты серьезно поработала сегодня, занимаясь воспоминанием. Не забудь повторить все эти приемы перед тем, как лечь спать сегодня вечером для того, чтобы распрямить все складки на лбу.

Я призналась, что воспоминание вызывает у меня беспокойство.

- Все это потому, что ты проводишь слишком много времени в пещере, - сказала Клара, дружелюбно подмигивая мне. - Я не хочу, чтобы ты превратилась из девушки в летучую мышь. Мне кажется, пришло время начать изучение других вещей, ведь ты уже накопила достаточное количество энергии.

Она выпрыгнула из кресла так, словно ее вытолкнула из него пружина. Это выглядело так неожиданно - такая крупная женщина и вдруг движется так проворно, - что я не смогла удержаться от смеха. Затем я медленно встала сама, и можно было подумать, что я вдвое тяжелее ее.

Она посмотрела на меня и покачала головой.

- Ты слишком зажата, - заметила она. - Тебе нужно позаниматься специальными физическими упражнениями для того, чтобы открыть свои энергетические центры.

Мы направились к вешалке, где висела наша одежда и стояла обувь. Она находилась сразу же за дверью черного хода. Она вручила мне широкополую соломенную шляпу и повела меня на поляну, которая находилась недалеко от кухонного флигеля.

Ярко светило солнце. День был необычайно теплым. Клара посоветовала мне надеть шляпу. Затем она обратила мое внимание на небольшую грядку,

окруженную забором из проволоки. На ней были ровными рядами высажены какие-то небольшие растения.

- Кто вскопал здесь землю и посадил эти растения? удивленно спросила я, потому что никогда не видела, чтобы Клара работала здесь. - Для этого пришлось немало потрудиться. Ты это все сделала сама?

- Нет, кто-то другой пришел и сделал это для меня.

- Но когда? Я проходила тут каждый день и ни разу не видела, чтобы здесь кто-то работал!

- В этом нет ничего необычного, - сказала Клара. Тот, кто возделывал этот огород, приходил, когда ты была в пещере.

Но ее объяснение не удовлетворило меня. Огород был так ухожен, что создавалось впечатление, что к нему приложилась больше чем одна пара рук. Прежде, чем я успела задать очередной вопрос, Клара заявила:

- Начиная с этого дня, ухаживать за ним будешь ты. Считай, что это твое новое задание.

Я старалась не показывать своего недовольства в связи с тем, что у меня появилась еще одна повседневная забота. Я думала, что когда Клара говорила о физических упражнениях, она имела в виду какие-то новые элементы боевых искусств, возможно, даже такие, которые требуют использования меча или длинного шеста. Увидев мой потупленный взгляд, Клара заверила меня, что возделывание огорода будет очень полезно для меня. Я смогу поработать физически и побыть на солнце, что нужно для хорошего здоровья и бодрости. Она заметила также, что в течение более чем шести месяцев, я не делала ничего, а лишь вспоминала то, что было со мной в прошлом. Забота о чем-то внешнем по отношению ко мне поможет мне стать менее мнительной. Только теперь я неожиданно осознала, что уже прошло полгода с тех пор, как я поселилась в Кларин дом. У меня было впечатление, что я попала сюда вчера, настолько разительно здесь изменилась моя жизнь.

- Большинство людей умеют заботиться лишь о себе, - заговорила Клара, прерывая мои размышления. - Хотя это им тоже удастся не очень хорошо. Но вследствие такого сильного акцента их личность болезненно распухает, наполняясь настоятельными требованиями.

Мы вошли в деревянную калитку в заборе, окружавшем огород.

- Работа на этом огороде поможет тебе приобрести особую энергию, которую тебе не даст ни воспоминание, ни дыхательные упражнения, ни занятия кунг-фу, - сказала Клара.

- Что это за энергия?

- Энергия земли, - ответила она, глядя зелеными, как весенняя трава, глазами вокруг себя. - Она дополняет энергию солнца. Возможно, ты почувствуешь, как она втекает в тебя по рукам, когда ты обрабатываешь почву. Или, быть может, она начнет подниматься по ногам, когда ты сидишь на корточках.

Я никогда не работала на огороде до этого и не была уверена, смогу ли справиться с тем, что здесь нужно делать. Я попросила ее объяснить мне мои обязанности. Она уставилась на меня, словно решая, подходящего ли человека выбрала для этой работы.

- Земля все еще влажна после вчерашнего дождя, сказала она, нагибаясь для того, чтобы коснуться ее рукой. - Но когда она высохнет, тебе придется ведрами носить воду из ручья. Или если ты проявишь смекалку, возможно тебе удастся построить систему орошения.

- Скорее всего, я так и сделаю, - сказала я уверенно. - Я установлю электронасос, как в том доме в деревне, где я одно время жила, и подключу его к генератору. Тогда мне не придется таскать из долины воду ведрами.

- Неважно, как ты это сделаешь, лишь бы растения не оставались без полива. Кроме того, каждые две недели ты должна будешь удобрять землю компостом с кучи, что находится с той стороны огорода. Обязательно следи за тем, чтобы не оставалось сорняков. В этих местах они разрастаются со скоростью лесного пожара. И не забывай закрывать калитку, чтобы сюда не забрели дикие кролики.

- Хорошо, - заверила я ее без энтузиазма.

- Вот и прекрасно. Можешь начать прямо сейчас.

Она указала мне на ведро и велела наполнить его компостом, а затем подмешивать его к почве рядом с каждым растением. Когда я вернулась с полным ведром того, что не было, как я надеялась, землей, набранной рядом с отхожим местом, она дала мне инструмент для взрыхления почвы. Некоторое время она наблюдала за тем, как я работаю, предостерегая меня, чтобы я не копала слишком близко возле корней этих нежных растений.

По мере того, как я все больше сосредоточивалась на своей работе, я начала чувствовать, что меня окружает какое-то странное спокойствие и благодать. Земля казалась прохладной и мягкой, когда мои пальцы касались ее. Впервые за все время моего пребывания в доме Клары я почувствовала себя по-настоящему легко, безопасно и защищенно.

Энергия земли питает, - заметила она, словно объясняя мне, почему изменилось мое настроение. - Ты уже освободила в себе достаточно места с помощью вспоминания, и теперь какое-то количество этой энергии вошло в тебя. Ты чувствуешь себя легко, потому что начинаешь осознавать, что земля - мать всего. - Она провела руками над рядами растений. - Все исходит из земли. Она поддерживает и питает нас, а когда мы умираем, наши тела возвращаются к ней.

Она сделала паузу, а затем добавила:

- Если, конечно, нам не удастся совершить великий переход.

- Ты хочешь сказать, что существует возможность не умереть? - спросила я. - Это серьезно, Клара, ты не шутишь?

- У каждого из нас есть шанс стать свободным, - тихо сказала она. - Мы сами решаем, воспользоваться им или отвернуться от него.

Она объяснила, что накапливая энергию, мы можем преодолеть свои предубеждения о природе реальности и нас самих, освобождая тем самым на нашем складе место для других возможностей. Одной из них является возможность не умирать. Она сказала, что лучшее объяснение этой необычной альтернативы предложили мудрецы древнего Китая. Они утверждали, что личное сознание может добровольно слиться со всеобъемлющим сознанием, или Дао. В этом случае после наступления смерти индивидуальное сознание не исчезает, как это случается обычно, а расширяется до масштабов великого целого.

Она добавила, что вспоминание нужно для построения коконообразного энергетического мешка, в котором я могу: накапливать и хранить энергию. Теперь мне пришла пора использовать эту энергию для упрочения своих связей с духом.

- Вот почему тебе следует поработать в огороде и вобрать в себя энергию земли и солнца, - сказала она. - Солнце дарует свою энергию земле и дает возможность всему на ней расти. Если ты открываешь солнечной энергии дорогу в свое тело, твоя сила тоже начинает расцветать.

Клара велела мне вымыть руки в ведре с водой и сесть на бревно, находившееся на поляне за забором, сказав, что она собирается показать мне, как начинать направлять внимание к солнцу. Она подчеркнула, что я всегда должна носить широкополую шляпу, чтобы закрывать от него голову и лицо. Она также предостерегла меня, чтобы я никогда не делала те дыхательные упражнения, которые она мне показала, более чем по несколько минут кряду.

- Какова роль этих упражнений? - спросила я.

- Намерение, изначально заложенное в них, направлено на то, чтобы передавать энергию, которую мы поглощаем из воздуха, туда, где сосредоточено наше внимание. Это может быть орган тела, энергетический канал или даже мысль или воспоминание, как в случае вспоминания. Всегда важно, что энергия передается, претворяя в жизнь заранее установленное намерение. В результате мы получаем подлинную магию, потому что каждый раз создается впечатление, что она появилась ниоткуда. Вот какова роль этих упражнений.

Клара приказала, чтобы я стала лицом к солнцу с закрытыми глазами, затем сделала глубокий вдох ртом, втягивая солнечное тепло и свет в живот. Я должна была держать их там как можно дольше, затем проглотить слюну и наконец выдохнуть весь оставшийся воздух.

- Воображай, что ты подсолнечник, - настаивала она. - Всегда обращай лицо к солнцу, когда выполняешь дыхательные упражнения. Солнечный свет заряжает воздух энергией. Поэтому старайся набирать его как можно больше, дыша полной грудью. Делай так три раза.

Она объяснила, что в этом упражнении энергия солнца сама по себе распространяется по всему телу. Однако мы можем целенаправленно направлять исцеляющие лучи солнца в любое место с помощью прикосновения к нему или сознательного направления туда энергии.

- На самом деле, если ты достаточно долго позанимаешься таким дыханием, тебе не нужно будет использовать для этой цели руки, - продолжала она. - Ты просто можешь визуализировать, как энергия струится в каждое конкретное место твоего тела.

Она предложила мне сделать еще три вдоха, но на этот раз дыша через нос и визуализируя свет, текущий вниз по спине и заряжающий энергией энергетические каналы проходящие вдоль позвоночника. Таким образом солнечные лучи заполняют все мое тело.

- Если хочешь, можешь полностью обойти дыхание через рот или нос, - сказала Клара, - и дышать прямо животом, грудью или спиной. Ты можешь насыщать тело энергией, поглощая ее даже подошвами ног.

Она посоветовала мне сосредоточиться на нижней части живота, на точке, которая находится сразу же под пупком, и спокойно дышать до тех пор, пока я не почувствую, что между моим телом и солнцем установилась связь.

Дыша так, как она мне велела, я почувствовала, что мой живот изнутри становится теплее и заполняется светом. Через некоторое время Клара предложила мне попробовать дышать другими частями тела. Она прикоснулась к точке, находящейся на лбу между глазами. Когда я сосредоточила здесь свое внимание, моя голова наполнилась желтым сиянием. Клара порекомендовала мне впитать в себя как можно больше солнечной энергии, задерживая дыхание, а затем перед выдохом вращая глазами по часовой стрелке. Я сделала так, как она меня проинструктировала, и желтое сияние стало еще сильнее.

- Теперь встань и попытайся дышать спиной, - сказала она, помогая мне снять куртку.

Я повернулась спиной к солнцу и попыталась сосредоточить внимание на тех местах, которых она касалась. Одно из них находилось между лопатками, другое - на затылке. По мере того, как я дышала, визуализируя солнце у себя на спине, я начала чувствовать, как теплые потоки движутся вверх-вниз по моей спине, а затем ударяют мне в голову. Началось головокружение, и я чуть было не потеряла равновесие.

- На сегодня хватит, - сказала Клара, возвращая мне куртку.

Я села. В голове мутилось так, словно я была немного пьяна.

- Свет солнца - это чистая сила, - сказала Клара. На самом деле, это самая концентрированная энергия, которая существует в природе.

Затем она сказала, что с макушки головы невидимые энергетические волокна устремляются вверх, в сферу небытия. Энергия может поступать к нам и из этой сферы через отверстие, существующее на самой макушке головы.

- Если хочешь, можешь называть это волокно ниточкой жизни, которая соединяет нас с высшим сознанием, сказала она. - Солнце, если уметь правильно им пользоваться, заряжает это волокно и приводит его в действие. Вот почему макушка головы всегда должна быть защищена.

Клара сказала, что прежде чем мы вернемся в дом, она покажет мне еще один важный магический прием, который включает в себя последовательность движений тела. Она сказала, что его следует выполнять как одно цельное движение, уверенно, точно и грациозно, но без напряжения.

- Трудно переоценить важность приемов, которые я тебе показываю, - сказала она. - Они являются незаменимыми помощниками воспоминания. Тот, который ты сейчас увидишь, сотворил когда-то со мной чудеса. Внимательно следи за мной. Посмотрим, увидишь ли ты моего двойника.

- Твоего что? - спросила я в ужасе. Я боялась, что упущу что-то очень важное, или что даже если увижу его, не буду знать, как к нему относиться.

- Смотри на мой дубль, - повторила Клара, отчетливо выговаривая слова. - Этот прием дает возможность его увидеть. У тебя уже достаточно энергии для того, чтобы наше совместное намерение позволило тебе успешно осуществить этот прием.

- Но скажи мне, Клара, что является в данном случае успехом?

Видение двойника. Тонкого тела. Продолжения физического тела, которое, как ты уже наверное знаешь или по крайней мере догадываешься, не является вымыслом.

Она вышла на такое место, где поверхность земли была ровной, остановилась, поставив ноги вместе. Руки свободно свисали вдоль туловища.

- Клара, подожди. Я уверена, что у меня еще недостаточно энергии для того, чтобы увидеть то, о чем ты говоришь, потому что я даже теоретически не понимаю, что такое дубль.

- Теоретическое понимание не играет никакой роли. Просто внимательно смотри, и может случиться так, что нашей общей силы окажется достаточно для того, чтобы с помощью намерения сделать видимым моего двойника.

Совершая самые грациозные движения, которые я когда-либо видела в своей жизни, она подняла над головой руки, сложенные вместе в жесте молитвы. Затем она наклонилась назад, согнувшись в ровную дугу и почти касаясь вытянутыми руками земли за собой. Затем ее тело начало двигаться влево так, что, не разгибаясь, она через мгновение уже стояла наклонившись вперед до самой земли. И прежде чем я успела открыть рот от удивления, она снова быстро наклонилась назад, дугой нависая над землей.

Она повторила это еще два раза, как бы хвастаясь передо мной своими быстрыми грациозными движениями, а может быть, для того, чтобы я заметила ее дубль. В один момент ее движения я действительно увидела ее очертания размытыми, так, словно она была фотографией женщины в натуральную величину, на которой было наложено друг на друга два кадра. Какую-то долю секунды существовало две движущиеся Клары, одна из которых будто чуть-чуть запаздывала.

Я была совсем сбита с толку тем, что увидела, и что, когда я задумалась над этим, могло сойти за оптическую иллюзию, возникшую из-за большой скорости ее движений. Но на уровне телесных ощущений я понимала, что мои глаза видели что-то невообразимое. Мне хватило энергии для того, чтобы не торопиться с выводами о том, как оно должно быть, а допустить возможность существования чего-то еще.

Клара прекратила показ своей искусной акробатики, а затем подошла и стала рядом со мной, даже не запыхавшись. Она объяснила, что этот магический прием дает, возможность телу объединяться со своим двойником, находящимся в сфере не-бытия, вход в которую витает над нашей головой и немного сзади от нее.

- Нагибаясь назад и вытягивая при этом руки, мы создаем мост, - сказала Клара. - И поскольку тело и двойник подобны двум концам радуги, мы можем с помощью намерения соединить их.

- Для выполнения этого приема существует какое-то определенное время? - спросила я.

- Этот прием предназначен для сумерек, - сказала она. - Но для того, чтобы успешно выполнить его, тебе необходимо большое количество энергии, и ты должна быть совершенно спокойна. Сумерки помогают достичь спокойного расположения духа и дают дополнительный прилив энергии. Вот почему конец дня - лучшее время для выполнения этих движений.

- Может, мне попробовать прямо сейчас? - спросила я.

Когда она с недоверием посмотрела на меня, я заверила ее, что в школе занималась гимнастикой и сейчас очень хочу попробовать сделать то же, что и она.

- Вопрос не в том, занималась ли ты гимнастикой в детстве, а в том, насколько спокойна ты сейчас, - ответила Клара.

Я сказала, что спокойнее, чем сейчас, я никогда не бывала. Клара недоверчиво засмеялась и заявила, что не возражает, если я попробую. Она сказала, что будет наблюдать за мной со стороны и следить за тем, чтобы неосторожными движениями я ничего не сломала.

Я уверенно стала на землю, согнула ноги в коленях и начала самый медленный и глубокий прогиб назад, на который только была способна. Но стоило мне перегнуться дальше определенной точки, как я потеряла равновесие и неуклюже свалилась на землю.

- Ты сейчас далеко не спокойна, - заключила Клара дружелюбно, помогая мне подняться на ноги. - Что тебя беспокоит, Тайша?

Вместо того чтобы рассказать ей о том, что было у меня на уме, я спросила, можно ли мне попробовать выполнить это еще раз. Но во второй раз получилось еще хуже, чем в первый. Я поняла, что именно мое психическое и эмоциональное беспокойство не давало мне возможности сохранять равновесие. Я знала, что эгоистические побуждения, как выражалась Клара, были во мне довольно сильны - они поглотили все мое внимание. Я не видела другого выхода, кроме того, чтобы рассказать Кларе все, о чем я думала. Я сказала ей, что больше всего меня беспокоит то, что мои занятия воспоминанием не могут сдвинуться с места.

- В чем причина? - спросила Клара.

Я призналась, что это было связано с моей семьей.

- Теперь я вне всяких сомнений знаю, что они не любят меня, - грустно сказала я. - Я и раньше об этом догадывалась, не без этого, и часто приходила в ярость. Но теперь, когда я просмотрела все свое прошлое, я не могу больше сердиться на них так, как когда-то. Поэтому я не знаю, что делать дальше.

Клара критически посмотрела на меня, отводя голову назад, чтобы видеть меня всю сразу.

- Ты не знаешь, что делать? - спросила она. - Ты сделала свое дело и обнаружила, что они не любят тебя. Прекрасно! Я не вижу, в чем здесь проблема.

Ее бесцеремонные слова расстроили меня. Я ожидала если не сочувствия, то хотя бы понимания и разумного совета.

- Проблема в том, - выразительно сказала я со слезами на глазах, - что я шокирована. Я знаю, что должна заглянуть глубже, чем вижу сейчас, но я не

могу этого сделать. Я только сижу и все время думаю, что они меня ненавидели, а я любила их.

- Погоди, погоди. Разве ты сама не говорила мне раньше, что они ненавидели тебя? Я ясно помню, как...

- Да, я действительно говорила это, но тогда я не представляла себе, что могут значить эти слова. Я действительно любила их, и своих братьев тоже. Потом я научилась презирать их, но это было намного позже. Когда я подросла. А когда я была ребенком, мне больше всего хотелось, чтобы они обратили на меня внимание и играли со мной.

- Кажется, я догадываюсь, что ты имеешь в виду, сказала Клара, кивая головой. - Давай сядем и поговорим об этом.

Мы снова сели на бревно.

- Насколько я себе представляю, твои проблемы связаны с тем, что еще ребенком ты дала какое-то обещание. Ты помнишь, что это было за обещание, Тайша? спросила она, глядя мне прямо в глаза.

Я не припомню никаких обещаний, - честно ответила я.

Дружеским тоном Клара сказала, что возможно, я не помню его потому, что была очень маленькой, когда его давала, или потому, что это было скорее чувство, чем обещание, сформулированное с помощью многих слов. Клара объяснила, что в раннем возрасте мы часто даем клятвы, а затем оказываемся скованными ими, хотя и не помним уже, что когда-то их дали.

- Эти минутные зарокни ограничивают нашу свободу, - сказала Клара. - Иногда мы становимся жертвой чрезмерной преданности или обязательства вечно любить кого-то, которое даем, едва осознавая это.

Она сказала, что в жизни каждого человека существуют мгновения, которых больше всего в раннем детстве, когда мы так сильно хотим чего-то, что непроизвольно сосредоточиваем на этом все свое намерение. Запрограммированное таким образом, оно остается неизменным до тех пор, пока мы не достигаем желаемого. Она развила свою мысль дальше и объяснила, что клятвы, зарокни и обещания связывают наше намерение так, что начиная со времени, когда мы их даем, наши действия, чувства и мысли оказываются направленными на осуществление того, что было решено достигнуть, или на выполнение обязательств, которые мы приняли, независимо от того, помним ли мы тот момент, когда взяли их на себя или нет.

Она посоветовала мне во время воспоминания припомнить все обещания, которые я давала в своей жизни, и особенно те из них, которые я дала в спешке, неведении или руководствуясь ошибочными суждениями. Ведь до тех пор, пока человек сознательно не выпутает из них свое намерение, он не сможет свободно выражать его в настоящем.

Я пыталась думать о том, что она мне сказала, но в моем уме царило полное смятение. Внезапно я припомнила одну сцену из своего раннего детства. Мне тогда было, наверное, лет шесть. Я хотела, чтобы мама приласкала меня, но она меня оттолкнула со словами, что я уже не маленькая и что мне лучше было бы убрать в комнате. Но младшего из моих братьев, которому было на четыре года больше, чем мне, и который был любимчиком матери, она всегда обнимала и гладила. Я боялась тогда, что не буду никогда любить и уважать никого из них. И начиная с этого дня, я, повидимому, сдерживала свое обещание и оставалась отчужденной от них.

- Если верно то, что они не любят тебя, - сказала Клара, - то значит такова твоя судьба: вырасти чужой среди родных. Прими ее! Кроме того, какое сейчас может иметь значение то, любили они тебя или нет?

Для меня это имело значение, но я не сказала Кларе об этом.

У меня тоже были проблемы, очень сходные с твоими, - продолжала она. - Я всегда чувствовала, что у меня нет друзей, что я - толстая, несчастная девочка, но посредством воспоминания я обнаружила, что моя мать специально откармливала меня, начиная с первых дней моей жизни. Она думала, что полная, домашняя девушка никогда не покинет родительский дом, и хотела, чтобы я прислуживала ей всю жизнь.

Я была ошарашена. Это был первый случай, когда Клара рассказала мне что-то о своем прошлом.

- Я отправилась к своему учителю, который, несомненно, был величайшим из всех когда-либо существовавших учителей, и попросила дать мне совет, - продолжала она. - И он сказал: "Клара, я тебе сочувствую, но знай, что ты напрасно теряешь время, потому что тогда было тогда, а теперь есть теперь. Помни, что теперь единственное время, когда ты можешь быть свободна".

Видишь ли, я искренне считала, что мать погубила мою жизнь. Я была полной и не могла перестать есть. Мне понадобилось очень долгое время для того, чтобы понять смысл слов: Тогда было тогда, а теперь есть теперь. Помни, что теперь - единственное время, когда ты можешь быть свободна.

Клара некоторое время помолчала, будто давая возможность дойти до меня
смыслу своих слов.

- У меня есть единственный шанс обрести свободу, Тайша, - сказала она,
слегка подталкивая меня локтем. Теперь есть теперь.

Глава 11

Приближался вечер, и я начала подозревать, что не успею справиться со своей работой. Клара сказала, чтобы я сгребла листья на поляне за домом и наносила от ручья камней для того, чтобы выложить их вдоль тропинки, ведущей от огорода к внутреннему дворику. Я едва успела догresti граблями листья и поспешно выравнивала камни в две линии вдоль дорожки, когда Клара вышла из дома, чтобы посмотреть на мою работу.

- Ты побросала камни как попало, - сказала она, одним взглядом окинув тропинку. - И все еще не закончила сгребать листья. Чем ты занималась всю вторую половину дня? Снова мечтала?

К моему разочарованию несколько несвоевременных порывов ветра раздули на поляне аккуратные кучки листьев прежде, чем я успела собрать их в корзину.

- По-моему, камни лежат довольно хорошо, - сказала я в свою защиту. - А что касается листьев, что ж, кто мог знать, что ветер снова разбросает их?

- Если ставить себе целью построение совершенной вещи, тогда то, о чем ты сказала "довольно хорошо", не представляет собой ничего хорошего, - перебила меня Клара. - К настоящему времени ты уже должна была понять, что внешний вид всего, что мы делаем, реально отражает наше внутреннее состояние.

Я сказала ей, что не представляю себе, каким образом расположение тяжелых камней может быть чем-то отличным от трудной работы.

- Это лишь потому, что ты делаешь все, думая о том, как бы поскорее от этого отделаться, - упрекнула она. Она подошла к рядам камней, которые я выравнивала, и покачала головой. - Может показаться, что кто-то просто уронил здесь эти камни, не задумываясь над тем, как их следует правильно расположить.

- Начинало темнеть, и у меня просто не оставалось времени, - объяснила я.

В этот момент я не была настроена вести длинные дискуссии об эстетике и законах композиции. Кроме того, я считала, что разбираюсь в этом лучше, чем Клара, потому что в свое время посещала занятия по композиции.

- При расстановке камней важно то же, что и при занятиях кунг-фу, - сказала Клара. - Важно то, как мы это делаем, а не то, сколько мы успели сделать.

Я встряхнула кистями, чтобы расслабить уставшие пальцы.

- Ты хочешь сказать, что таскание камней - это один из способов заниматься боевыми искусствами? - удивленно спросила я.

- А что же тогда такое по-твоему кунг-фу? - задала она встречный вопрос.

Я подумала, что она пытается поймать меня на незнании элементарного, и поэтому подумала и дала ответ, который представлялся мне правильным.

- Это вид боевых искусств, представляющий собой систему приемов рукопашного боя, - уверенно заявила я.

Клара отрицательно покачала головой.

- Только спроси Тайшу, и она сразу же выдаст тебе самый прагматичный ответ, - сказала она, смеясь.

Она уселась на одно из плетеных кресел на краю внутреннего дворика, откуда открывался хороший вид на тропинку. Я развалилась в другом кресле, которое стояло рядом. Когда я устроилась удобно, положив ноги на край огромного керамического горшка, Клара начала объяснять, что понятие "кунг-фу" по-китайски пишется с помощью двух иероглифов, один из которых значит "работа, сделанная на протяжении какого-то периода времени", а другой означает "человек". Когда эти два иероглифа объединяются в одно слово, их смысл сводится к следующему: человек стремится усовершенствовать себя при помощи постоянных усилий. Она настаивала на том, что независимо от того, расставляем ли мы камни, или сгребая листья, мы всегда выражаем в своих действиях свое внутреннее состояние.

Таким образом, совершенствовать свои действия означает совершенствовать себя, - сказала Клара. - Вот в чем подлинный смысл кунг-фу.

- Но я по-прежнему не вижу связи между расположением камней и занятиями кунг-фу, - сказала я.

- Тогда я расшифрую для тебя, что это значит, ответила Клара подчеркнуто терпеливо. - Я предложила тебе носить камни от ручья для того, чтобы ходьба вверх по крутой тропинке с дополнительным грузом способствовала развитию твоей внутренней силы. Ведь мы не просто наращиваем мускулатуру, а скорее

развиваем внутреннюю энергию. Этой же цели служат и все дыхательные упражнения, которым я тебя уже обучила, и которые ты должна выполнять ежедневно. Они служат развитию твоей внутренней силы.

Я почувствовала себя виноватой. Увидев, как она посмотрела на меня, когда говорила, что я должна выполнять дыхательные упражнения ежедневно, я заключила, что она отлично знает, что я не выполняю их так методично, как это от меня требуется.

- То, чему я тебя здесь обучаю, можно было бы назвать по-китайски "нэй-кунг", или внутреннее кунг-фу, - продолжала Клара. - Внутреннее кунгфу использует контроль дыхания и циркуляцию энергии для того, чтобы укрепить тело и улучшить здоровье человека, тогда как внешнее кунг-фу, подобное тем приемам каратэ, которые ты изучала у своих японских учителей, и тем движениям, которые я показывала тебе, служит для наращивания мышц и выработки молниеносной реакции, но при этом энергия высвобождается и уходит от нас.

Клара сказала, что внутреннее кунг-фу монахи в Китае начали практиковать задолго до того, как они развили внешнее кунг-фу, или жестокие стили единоборств, которые в наши дни и известны повсеместно как кунг-фу. - Вот что ты должна понять, - продолжала Клара. Независимо от того, занимаешься ли ты боевыми искусствами или изучаешь те упражнения, которые я тебе показала, твоей целью должно быть совершенствование своего внутреннего существа с тем, чтобы оно могло выйти за пределы внешней формы и совершить абстрактный полет.

Чувство уныния нависло надо мной, как темное облако. Ко мне снова вернулось мое старое угнетенное состояние, в котором я чувствовала, что обречена на неудачу. Даже если я действительно буду делать дыхательные упражнения так, как рекомендует Клара, я никогда не смогу преуспеть настолько, чтобы хоть как-то рассчитывать на практический успех в этом начинании.

- Ты была очень терпеливой в течение всех этих месяцев, - сказала Клара, похлопав меня по щеке, словно зная, что я нуждаюсь в поддержке. - Ты ни разу не спросила меня, что означают мои постоянные намеки на то, что я обучаю тебя магии как формальной дисциплине.

Я увидела хорошую возможность выяснить то, что занимало меня еще с тех пор, когда она впервые использовала при мне это слово.

- Почему ты называешь эту формальную дисциплину магией? - спросила я.

Клара усталилась на меня. Выражение ее лица было как нельзя более серьезным.

- Трудно сказать. Я неохотно обсуждала этот вопрос раньше потому, что не хотела напугать тебя, говоря правду, или врать, чтобы удовлетворить твое любопытство,- ответила она. - Сейчас, мне кажется, все же пришло время поговорить об этом. Но прежде всего позволь мне рассказать тебе побольше о жителях древней Мексики.

Клара наклонилась ко мне и сказала тихим голосом, что люди в Мексике до вторжения в эту страну испанцев были во многих отношениях очень похожи на древних китайцев. Общность их мировоззрения, вероятно, можно объяснить тем, что эти народы близки по происхождению. Древние мексиканцы, однако, имели небольшое преимущество перед древними китайцами, потому что мир, в котором они жили, был несколько более мимолетным, сказала она. Это заставило их внимательно присмотреться ко всем аспектам бытия и попытаться построить самый гармоничный подход к жизни. Они хотели понять вселенную, жизнь, смерть и сферу возможного для человека, рассматривая это все с позиции осознания и восприятия. Это великое стремление к познанию привело их к созданию средств, с помощью которых они могли достигать невообразимых уровней восприятия. Они оставили подробные описания этих средств и создали карты миров, которые им удалось таким образом посетить. Эта традиция передавалась из поколения в поколение, оставаясь всегда под покровом тайны.

Почти запыхавшись от восторга или, быть может, удивления, Клара закончила свой рассказ об этих древних индейцах, сказав, что они фактически были магами. Она смотрела на меня широко открытыми глазами. В сумерках ее зрачки казались огромными. Она поведала мне, что ее главный учитель, мексиканский индеец по происхождению, обладал исчерпывающими знаниями об этих средствах и передал их ей.

- Ты обучаешь меня этим методам, Клара? - сказала я, сравниваясь с ней по восторженности. - Ты говорила, что кристаллы использовались в качестве оружия древними магами, что магические приемы освящены их намерением и что вспоминание тоже было изобретено в древности. Значит ли все это, что ты обучаешь меня магии?

- Отчасти это так, - ответила Клара. - Но пока нам достаточно остановиться лишь на том, что эти средства изменения уровня восприятия являются магией.

- Почему так?

- Потому что нас интересует сейчас нечто большее, чем старинные эзотерические ритуалы и заклинания тех магов, которые жили когда-то давно. Видишь ли, мы верим в то, что эти причудливые практики и навязчивый поиск силы привел лишь к тому, что их эгоизм усилился. Этот путь ведет в тупик, потому что по нему никогда не придешь к безусловной свободе. Именно к такой свободе мы стремимся. Опасность здесь в том, что практикующий магию в наше время может слишком легко стать на ложный путь и последовать за магами древности.

- Я не стану на этот путь, - заверила я ее.

- Честное слово, не могу сейчас рассказать тебе больше, - сказала она сердито. - Но ты узнаешь больше по мере того, как будешь продвигаться дальше.

Почувствовав, что меня обманули, я отчаянно запротестовала. Я обвинила ее в том, что она сознательно дразнит мое любопытство, подсовывая мне каждый раз лишь крохи информации, которые я могу просто повертеть в уме, так ничего и не поняв. Кроме того, она постоянно обещает мне, что все это будет раскрыто мне в будущем, никогда не называя конкретного времени.

Клара не обратила никакого внимания на мой протест. Она вела себя так, словно я не произнесла ни слова. Она встала, подошла к куче камней и подняла один из них с такой легкостью, будто он был сделан из пенопласта. Некоторое время поразмыслив, как лучше его расположить, она установила его у края дорожки. Затем она разместила рядом еще два камня, каждый из которых был размером в футбольный мяч. Оставшись довольна их расположением, она отошла на несколько шагов, чтобы полюбоваться композицией. Я должна была признать, что тропинка, ведущая к огороду, гладкие серые камни и зубчатые листья растений - все это вместе выглядело очень гармонично.

- Прежде всего важна грация, с которой ты работаешь с вещами, - объяснила Клара, подбирая еще один камень. - Твое внутреннее состояние отражается в том, как ты движешься, разговариваешь, ешь и располагаешь камни. Неважно, что ты делаешь, если в процессе работы ты продолжаешь концентрировать энергию и превращать ее в силу.

В течение некоторого времени Клара снова внимательно смотрела на дорожку, словно прикидывая, куда бы положить следующий камень, который она держала в руках. Найдя подходящее место, она мягко положила его туда и ласково похлопала ладонью.

- Как человек искусства, ты должна знать, что камни должны располагаться там, где для них самое подходящее место, - сказала она, - а не

там, где тебе легче всего их уронить. Разумеется, если бы ты была наделена силой, ты могла бы ронять их как попало, и в результате каждый раз возникала бы композиция непревзойденной красоты. Подлинный смысл раскладывания камней в том, чтобы понять это.

Слушая то, что она говорила, и видя, как уродливо и беспорядочно расположены камни, которые установила вдоль тропинки я, я поняла, что снова потерпела неудачу. Сильное разочарование охватило меня.

- Клара, я - не человек искусства, - призналась н. Я - всего лишь ученик. В действительности, я лишь бывший ученик. Я ушла из художественной школы год назад. Я люблю думать, что я - художник, только и всего. На самом же деле я - ничто.

- Все мы - ничто, - напомнила мне Клара.

- Знаю, но ты - таинственное ничто, исполненное силы, тогда как я - всего лишь жалкое, глупое и ничтожное ничто. Я не могу даже разложить в одну линию груды камней. Нет никакой...

Клара зажала своей рукой мой рот.

- Не говори больше ни слова, - предупредила она. Еще раз предостерегаю тебя. Будь внимательна со всем, о чем рассуждаешь вслух в этом доме. И особенно в сумерках!

Было уже почти совсем темно, и все вокруг замерло в настолько абсолютном покое, что мне стало жутко. Птиц не было слышно. Все стихло. Даже ветер, который так раздражал меня, когда я пыталась сгрести листья, полностью унялся.

- В это время нет теней, - прошептала Клара. Давай посидим под этим деревом в темноте и посмотрим, сможешь ли ты войти в мир теней.

- Погоди минутку, Клара, - сказала я громким голосом, который больше напоминал крик. - Что ты собираешься со мной делать?

Волны нервной дрожи пробегали по моему животу, и несмотря на то, что на улице было прохладно, лоб покрылся потом.

Тогда Клара прямо спросила меня, занималась ли я дыхательными упражнениями и магическими приемами, которым она меня обучила. Больше всего на свете я хотела ответить, что занималась, но это была бы ложь. На самом деле я все же немного практиковала их, ровно столько, чтобы не забыть

их, потому что на большее у меня не оставалось ни времени, ни сил - воспоминание поглощало меня цели

Целиком. А вечером я чувствовала такую усталость, что не могла делать ничего, а хотела лишь упасть в постель и уснуть.

- Ты не занималась ими регулярно, ведь если бы это было не так, ты не была бы сейчас в таком плачевном состоянии, - сказала Клара, наклоняясь ко мне. - Ты дрожишь, как осиновый лист. Есть один секрет, касающийся тех упражнений и приемов, которые я тебе показала. Их эффективность зависит от знания этого секрета.

- Какой это секрет? - спросила я, заикаясь.

Клара легонько похлопала меня по голове.

- Ими нужно заниматься каждый день. В противном случае они бесполезны. Ты ведь не можешь представить свою жизнь без еды или питья? А упражнения, которые я показала тебе, даже более важны, чем еда и питье.

Она добила своего. Я втихомолку поклялась, что каждый вечер перед тем, как ложиться спать, я буду делать их, и кроме того, повторять каждое утро после пробуждения до ухода в пещеру.

- У человеческого тела есть вспомогательная энергетическая система, которая начинает действовать, когда мы находимся в состоянии стресса, - объяснила Клара. А стресс случается тогда, когда мы в чем-то доходим до крайности. Примером может послужить твое теперешнее состояние, когда ты очень сильно обеспокоена собой и своими возможностями. Вот почему одним из фундаментальных принципов искусства быть свободной является необходимость избегать крайностей.

Она сказала, что движения, которым она обучила меня, будь то дыхательные упражнения или магические приемы, важны потому, что воздействуют непосредственно на эту резервную энергетическую систему. Они считаются незаменимыми средствами для развития энергетического тела, потому что позволяют по резервным каналам подводить к нему дополнительную энергию. Затем, когда снова приходит время действовать, вместо того, чтобы чувствовать себя энергетически истощенными после стресса, мы становимся сильнее и ощущаем прилив энергии, которая может быть использована для осуществления необычных действий.

- А сейчас, прежде чем заняться миром теней, я покажу тебе еще два незаменимых магических приема, которые объединяют в себе дыхание и движение, - продолжала она. - Повторяй их каждый день, и ты не просто перестанешь болеть и уставать, но и получишь большое количество энергии, которую можно будет использовать для того, чтобы твое намеревание стало более действенным.

- Чтобы что стало более действенным?

- Твое намеревание, - повторила Клара. - Намерение, с помощью которого ты можешь достичь успеха в любом начинании. Помнишь?

Она взяла меня за плечи и повернула так, что я оказалась сидящей лицом к северу.

- Это движение особенно важно для тебя, Тайша, потому что твои легкие ослаблены из-за того, что ты очень много плачешь, - сказала она. - За все предыдущие годы жалобы на свою жизнь, конечно же, сказались на твоих легких.

Ее утверждение привлекло мое внимание. Я видела, как она развела немного колени и лодыжки, приняв стойку, которая в боевых искусствах называется "стойкой всадника", потому что ноги в этой стойке напоминают положение ног у человека, скачущего на лошади. Они стоят на ширине плеч, немного разведены в стороны и согнуты. Указательный палец левой руки был направлен вниз, тогда как остальные пальцы были согнуты во втором суставе. Начиная вдох, она плавно, но уверенно повернула голову вправо, насколько это было возможно. Одновременно с этим она описала круг левой рукой, вращая ее в плечевом суставе, начиная с подъема ее перед собой, затем над головой и заканчивая движением руки за спиной до упора ладонью в копчик. При этом правая рука перемещалась на уровне талии за спину и расположилась так, что правый кулак прижался к оттопыренному запястью левой руки, лежащей ладонью на копчике.

С помощью правого кулака она подтолкнула левую руку вверх вдоль позвоночника, тогда как согнутый локоть при этом торчал вбок, и вдох закончился. Затем она досчитала до семи, задержав дыхание, а потом расслабила левую руку, возвращая ее вниз на копчик и снова вращая ею, на этот раз в обратном направлении так, что, пройдя над головой, она остановилась, накрыв ладонью лобковую кость. Одновременно с этим она обвела правой рукой вокруг талии вперед и поместила кулак правой руки на левую, а затем толкала левую руку вверх по животу, заканчивая при этом выдох.

- Повтори это движение вначале левой рукой, а затем сделай все то же симметрично для правой руки, - сказала она. - Так тебе удастся привести в равновесие обе стороны тела.

В качестве демонстрации она проделала то же движение, поменяв руки ролями, и поворачивая на этот раз голову влево.

- Теперь попробуй ты, Тайша, - сказала она, отступая в сторону, чтобы освободить пространство для вращения моей руки.

Я точно повторила ее движения. Когда я вела левую руку назад, я почувствовала неприятное напряжение вдоль нижней части моей вытянутой руки, которое распространилось от самых пальцев до подмышки.

- Расслабься и дай возможность энергии вдоха течь через руку и вытекать через кончик указательного пальца, - посоветовала она. - Держи указательный палец вытянутым, а остальные пальцы согнутыми. Таким образом ты сможешь сделать протекание энергии по каналам вдоль руки беспрепятственным.

Боль становилась все сильнее, когда я поднимала согнутую руку вверх вдоль позвоночника. Клара заметила гримасу боли у меня на лице.

- Не толкай руку слишком сильно, - предупредила она, - или ты растянешь себе сухожилия. И не напрягай плечи, когда толкаешь ее вверх.

Выполнив движение еще и правой рукой, я почувствовала жжение в мышцах бедер от продолжительного стояния в позе всадника. Несмотря на то, что я стояла в этой стойке каждый день, занимаясь кунг-фу, казалось, что мои ноги вибрируют так, словно по ним течет электрический ток. Клара велела мне стать ровно и встряхнуть ногами для того, чтобы избавиться от напряжения.

Клара подчеркнула, что этот магический прием, в котором объединены дыхание и движение рук, способствует перемещению энергии к органам, находящимся в груди, что активизирует их. Этот прием воздействует на глубинные, фундаментальные центры, которые редко вступают в действие. Вращение головой способствует лучшей работе желез, находящихся в шее, а также открывает энергетические каналы, идущие к затылку. Она объяснила, что если эти центры удастся пробудить и наполнить энергией, получаемой в процессе дыхания, они помогут открыть такие тайны, которые нам и не снились.

- Для того, чтобы проделать следующий магический прием, - сказала Клара, - стань так, чтобы ноги были вместе и смотри прямо перед собой, будто стоишь перед дверью, которую собираешься открыть.

Клара велела мне протянуть руки на уровень глаз и согнуть пальцы так, словно я взялась за ручку невидимой двери, которая отъезжает в сторону, образуя отверстие в середине.

- Ты будешь таким образом открывать не что иное, как щель в энергетических линиях мира, - объяснила она. - Представь себе эти линии как жестко натянутые вертикальные струны, которые стеной стоят перед тобой. А потом зажми в руке пучок этих волокон и дерни их в сторону изо всей силы. Оттягивай их до тех пор, пока не образуется отверстие, в которое ты сможешь протиснуться.

Она сказала мне, что как только я сделаю эту дыру, я должна ступить в нее левой ногой, а затем быстро повернуться вокруг этой ноги на сто восемьдесят градусов против часовой стрелки и стоять лицом в ту сторону, от которой я начала движение. Вследствие такого поворота энергетические волокна, которые я раздвинула, наматываются на меня.

Для того, чтобы вернуться, сказала она, я должна вновь отодвинуть линии, оттягивая их в сторону так же, как и раньше, затем ступить обратно правой ногой и тут же повернуться на сто восемьдесят градусов по часовой стрелке, как только я сделаю этот шаг. Таким образом я выпутаю себя из энергетических линий и снова буду смотреть в том же направлении, что и в начале этого магического приема.

- Это один из самых могущественных и таинственных магических приемов, - предостерегла Клара. - С его помощью мы можем открывать двери в иные миры, при условии, разумеется, что у нас в запасе имеется достаточно внутренней энергии, и мы можем понять намерение этого приема.

Ее серьезный тон и выражение лица заставили меня смутиться. Я не знала, что и ожидать, если мне вдруг удастся открыть дверь в невидимый мир. Резким голосом она дала мне последние указания.

- Когда тыходишь, - сказала она, - твое тело должно быть устойчивым, тяжелым и напряженным. Но как только ты оказалась внутри, ты начинаешь чувствовать себя легко, как пушинка, словно что-то тебя поднимает вверх. Пересекая отверстие, резко выдохни, а затем медленно и глубоко вдохни, до предела заполняя свое тело энергией из того мира.

Несколько раз я повторила движения этого приема, а Клара наблюдала за мной. Но создавалось впечатление, что я просто выполняю физические упражнения: я не чувствовала энергетических линий, образующих перегородку, о которой говорила Клара.

- Ты не стараешься открыть дверь достаточно настойчиво, - поправила она меня. - Используй и свою внутреннюю энергию, а не только силу мышц. Шагая вперед, выдохни застойный воздух и втяни живот. Оказавшись внутри, дыши столько, сколько хочешь, но все время будь начеку. Не оставайся там дольше, чем нужно.

Я сконцентрировала всю свою силу и рванула воздух рукой. Клара, стоявшая сзади, держала меня за предплечье и яростно дернула его в сторону. В то же мгновение я почувствовала, будто передо мной открылась какая-то плавающая дверь. Я ринулась в нее, или, лучше будет сказать, что это Клара сильно толкнула меня вперед. Я вспомнила, что нужно повернуться и глубоко вдохнуть, но на мгновение я забеспокоилась, что не буду знать, когдa мне нужно будет выходить обратно. Клара почувствовала это, и сказала мне, когда прекратить дышать и шагнуть обратно.

- Когда ты будешь практиковать этот прием одна, сказала Клара, - ты научишься выполнять его правильно. Но будь внимательна. Когда ты вошла в отверстие, может случиться все что угодно. Помни, что нужно быть осторожной и в то же время смелой.

- Но как мне понять, что там есть что? - спросила я.

Клара пожала плечами.

- Некоторое время разобраться с этим тебе будет довольно трудно. К несчастью, предусмотрительность приходит к нам только после нескольких хороших переделок.

Она сказала, что осторожность без трусости появляется тогда, когда мы оказываемся способными контролировать свою внутреннюю энергию и направлять ее в резервные каналы с тем, чтобы быть в состоянии пользоваться ею для неординарных действий.

- Имея в своем распоряжении достаточное количество внутренней энергии, можно совершить все что угодно, сказала Клара, - но прежде всего нам нужно научиться накапливать и обновлять ее. Поэтому давай позанимаемся еще некоторыми из тех магических приемов, которые мы разучили, и посмотрим заодно, сможешь ли ты быть осмотрительной и не бояться, входя в мир теней.

Я ощутила прилив энергии, которая вначале пришла в движение небольшими кругами у меня в животе. Сначала я подумала, что это так дает о себе знать мой страх, но я совсем не чувствовала себя испуганной. Было похоже на то, что какая-то безличностная сила, не зависящая от желаний и чувств, воздействовала на меня изнутри, выливаясь оттуда наружу. По мере ее подъема верхняя часть моего туловища непроизвольно вздрагивала.

Клара вышла в центр внутреннего дворика, я последовала за ней. Она начала делать некоторые магические приемы, двигаясь настолько медленно, чтобы я успевала повторять их.

- Закрой глаза, - прошептала она. - Когда глаза закрыты, тебе легче использовать для поддержания равновесия энергетические линии, которые проходят везде вокруг нас.

Я закрыла глаза и начала двигаться вслед за Кларой. Следуя командам, которые она подавала, я без труда изменяла положение тела, но мне было по-прежнему трудно поддерживать равновесие. Я знала, что это происходит потому, что я изо всех сил пытаюсь делать правильные движения. Это напоминало ситуацию, когда я впервые попробовала ходить с закрытыми глазами и все время спотыкалась, потому что больше всего старалась ни за что не зацепиться. Однако постепенно мое желание двигаться безупречно пошло на убыль, и от этого тело стало легким и гибким. Продолжая выполнять приемы, я настолько расслабилась, что почувствовала, будто у меня нет ни костей, ни суставов. Когда я поднимала руки вверх, мне казалось, что я могу вытянуть их до верхушек деревьев. Когда я подгибала колени и приближала центр тяжести тела к земле, по моим ногам вверх устремлялся поток энергии. Возникало впечатление, что у меня выросли корни. Энергетические линии тянулись из подошв глубоко в землю, придавая мне невообразимую устойчивость. Постепенно грань между моим телом и окружающей средой растворилась. С каждым новым приемом, который я выполняла, мне все больше казалось, что я растаяла и слилась с темнотой. Так продолжалось до тех пор, пока эта темнота не начала двигаться и дышать независимо от меня.

Я могла слышать, как Клара дышит рядом со мной, делая те же самые приемы. С закрытыми глазами я чувствовала, в каком положении она находится. Внезапно произошла странная перемена. Я осознала, что у меня в голове включился свет. Но, посмотрев вверх, я поняла, что в действительности этот свет вовсе не находился внутри меня. Он приходил с верхушек деревьев, словно там среди ночной тьмы зажгли щит с электрическими прожекторами, который освещает большой стадион под открытым небом. Я без труда увидела Клару, все, что находилось во дворике, и все, что было за его пределами.

Этот свет был очень необычного цвета. Я все никак не могла решить, какой он: розоватый, красноватый, персикового цвета или бледнотерракотовый. Иногда казалось, что он изменяет свой оттенок в зависимости от того, куда я смотрю.

- Не двигай головой, - сказала Клара, внимательно глядя на меня. - И продолжай держать глаза закрытыми. Сосредоточься на дыхании.

Я не понимала, зачем она велела мне продолжать держать глаза закрытыми, ведь она видела, что они у меня широко раскрыты. Я продолжала определять оттенок этого цвета, потому что у меня создалось впечатление, что он меняется, когда я поворачиваю голову. Его яркость также менялась в зависимости от того, насколько сосредоточено я смотрела. Я так увлеклась изучением этого сияния вокруг меня, что выбилась из ритма дыхания. Потом свет потух точно так же неожиданно, как и зажегся, и я снова оказалась в кромешной тьме.

- Пошли на кухню и подогреем себе немного риса, сказала Клара, слегка подталкивая меня локтем.

Я заколебалась, чувствуя себя потерявшей ориентацию в каком-то незнакомом месте. Мое тело стало таким тяжелым, что я подумала о том, не лучше ли будет, если я сяду.

- Теперь можешь открыть глаза, - сказала Клара.

Я не помню, когда еще мне было так трудно открыть глаза, как в этот момент. Мне казалось, что для этого понадобится целая вечность, потому что, как только мне удавалось немножко их приоткрыть, они сразу же закрывались вновь. Это открывание и закрывание, по-видимому, продолжалось очень долго, пока Клара, наконец, не встряхнула меня за плечи.

- Тайша, открывай глаза! - скомандовала она. Или ты не можешь отважиться посмотреть на меня? Ты меня слышишь?!

Я встряхнула головой, чтобы прийти в себя, и глаза тут же широко открылись. Вокруг была непроглядная темнота, но лунного света, пробивавшегося через листву, было достаточно, чтобы разглядеть силуэт Клары. Мы сидели во внутреннем дворике на плетеных креслах под деревьями.

- Как я оказалась здесь? - спросила я, постепенно начиная понимать, что происходит.

- Ты сама подошла сюда и села, - ответила Клара вполне серьезно.

- Но что случилось? Совсем недавно здесь было настолько светло! Я могла отчетливо видеть все вокруг.

- Случилось так, что ты вошла в мир теней, - торжественно произнесла Клара. - По ритму твоего дыхания я поняла, что ты там. Но я не хотела пугать тебя, предлагая посмотреть на свою тень. Если бы ты обратила на нее внимание, ты бы заметила, что...

Я тут же поняла, на что намекает Клара.

- Теней не было! - вырвалось у меня. - Свет был, но ничто не отбрасывало тень!

Клара утвердительно кивнула.

- Сегодня вечером ты открыла нечто, обладающее подлинной ценностью, Тайша. В иных мирах не бывает теней!

Глава 12

После восьми с лишним месяцев упорных занятий воспоминанием я уже могла уделять этой практике весь день от начала до конца, не раздражаясь и не отвлекаясь. Однажды, когда я визуализировала здание, в котором училась в год окончания колледжа, а также аудитории в нем и своих преподавателей, я так увлеклась, что начала разговаривать вслух, проходя в воображении между рядами и обращаясь то к одному, то к другому из своих товарищей по учебе.

- Когда ты разговариваешь вслух, ты не можешь правильно дышать, - произнес рядом со мной мужской голос.

От неожиданности я ударилась головой о стену пещерки. Я открыла глаза. Образ аудитории медленно растворился в моем воображении, когда я повернулась в сторону отверстия, которое служило входом и выходом из пещерки. Я увидела, что напротив отверстия сидит на корточках мужчина. Я сразу же узнала в нем великого мага, которого видела когда-то утром на поляне среди холмов. На нем были те же ветровка и брюки, но на этот раз я разглядела его профиль: заметно выступающий нос и слегка покатый лоб.

- Не смотри на меня удивленно, - услышала я слова великого мага. Его голос был тихим и звучал как ручей, журчащий по гальке. - Если хочешь узнать больше о дыхании, оставайся спокойной и уравновешенной.

Я сделала несколько глубоких вдохов, и его присутствие перестало пугать меня. Я даже почувствовала облегчение оттого, что наконец-то с ним познакомилась. Он сел на землю скрестив ноги возле входа в пещеру и наклонился точно так же, как это делала Клара.

- Твои движения слишком резки, - сказал он тихим бархатистым голосом.
- Дыши так.

Он сделал глубокий вдох, плавно поворачивая голову влево. Затем выдохнул весь воздух, так же легко поворачивая голову вправо. И наконец повернул голову от правого плеча к левому и в обратном направлении еще раз, теперь уже без дыхания, а потом снова вернул ее к центру. Я повторила за ним вдох и выдох, стараясь делать их так же плавно и глубоко, как и он.

- Это уже лучше, - сказал он. - Во время выдоха выбрасывай из головы все мысли и чувства, которые прорабатываешь. И не просто поворачивай голову с помощью мышц шеи, а сопровождай ее движение движением невидимых энергетических линий, тянущихся из живота. Когда тебе удастся проникнуть

этими волокнами в окружающее пространство, можешь считать, что одна из целей вспоминания достигнута.

Он объяснил, что под самым пупком находится энергетический центр, и что все движения тела, включая и дыхание, должны осуществляться в связи с этим средоточием энергии. Он отметил, что я должна синхронизировать движение головы и живота для того, чтобы невидимые энергетические линии протянулись до бесконечности.

- Эти линии составляют часть моего тела, или я их просто себе воображаю? - спросила я.

Он немного изменил свое положение на земле, прежде чем ответил мне.

- Эти невидимые линии являются частью твоего тонкого тела, твоего дубля, двойника, - ответил он. - Чем больше энергии тебе удастся пропустить с помощью манипуляций с этими линиями, тем сильнее станет твой двойник.

- Но я хотела узнать, реальны ли они, или существуют лишь в нашем воображении?

- Когда восприятие расширяется, ничто больше не является реальным или мнимым, - сказал он. - Существует одно лишь воспринимаемое. Закрой глаза и убедись в этом сама.

Но я не хотела закрывать глаза. Мне хотелось видеть, что он будет делать, если это будут какие-то резкие движения. Однако мое тело стало вялым и тяжелым, а глаза начали слипаться, несмотря на то, что я изо всех сил старалась держать их открытыми.

- Что такое дубль? - успела вымолвить я, прежде чем меня сковало сонное оцепенение.

- Это хороший вопрос, - ответил он. - Он свидетельствует о том, что какая-то часть тебя по-прежнему бодрствует и внимательна.

Я ощутила, как он глубоко вдохнул, раздувая свою грудь.

- Физическое тело - это лишь оболочка, сосуд, если хочешь знать, - произнес он после медленного выдоха. Сосредоточиваясь на своем дыхании, ты можешь растворить свое грубое тело, и тогда останется лишь тонкое, эфирное.

Он поправил себя, сказав, что в действительности физическое тело не растворяется, а изменяется лишь наше осознание, и мы начинаем понимать, что

на самом деле физическое тело никогда не было грубым. Это понимание представляет собой противоположность того; что мы узнавали по мере взросления. Будучи младенцем, человек полностью осознает своего двойника, но по мере того, как он подрастает, он привыкает делать все больший акцент на физической стороне, и все меньший - на тонкой. Став взрослым, он полностью забывает даже о том, что тонкая сторона вообще существует.

- Тонкое тело - это энергетический сгусток, - объяснил он, - но мы осознаем лишь его внешнюю, затвердевшую часть. Но если мы позволяем своему намерению проникнуть вглубь, мы начинаем осознавать свою тонкую составляющую.

Он подчеркнул, что наше физическое тело неразрывно связано со своей тонкой сущностью, но эта связь была замутнена нашими мыслями и чувствами, которые сосредоточены исключительно на физическом теле. Для того, чтобы переместить осознание с грубой видимости на ее неосознаваемую составляющую, мы прежде всего должны растворить грань, которая разделяет эти два аспекта нашего существа.

Я собиралась спросить его, как это можно осуществить, но обнаружила, что не могу выразить вслух свои мысли.

- Устранить предрассудки нам помогает вспоминание, - сказал он, отвечая на мой незадачный вопрос. - Но для того, чтобы осознать дубль, нужно проявить ловкость и усердие. Уже сейчас ты в какой-то мере пользуешься своей тонкой частью. Ты наполовину спишь, но какая-то часть тебя бодрствует и внимательна. Она может слышать меня и ощущать мое присутствие.

Он предостерег меня, что с освобождением энергии, заключенной в нас, связана немалая опасность, потому что двойник раним и легко может пострадать в процессе перевода осознания на уровень тонких сущностей.

- Ты можешь нечаянно создать отверстие в эфирной сети и потерять через него огромное количество энергии, предупредил он меня. - А эта энергия бесценна, потому что дает нам возможность поддерживать определенный уровень ясности в нашей жизни и определенную степень контроля над ней.

- Что такое эта эфирная сеть? - прояснила я как бы сквозь сон.

- Эфирная сеть - это свечение, которое окружает физическое тело, - объяснил он. - У обычных людей эта энергетическая паутина оказывается разорванной в куски. Огромные ее части оказываются потерянными или

запутываются в энергетических оболочках других людей. Если человек лишается очень большой ее части, он заболевает или умирает.

Его голос так хорошо убаюкал меня, что я начала дышать животом, как во сне. Я прислонилась к стенке пещеры, но не ощущала ее твердости.

- Дыхание оказывает воздействие как на физический, так и на тонкий уровень, - объяснил он. - Оно помогает заживлять прорехи в эфирной сети и поддерживает ее в жизнеспособном виде.

Я хотела спросить что-то о своих занятиях воспоминанием, но не могла найти нужных слов: все они были так далеко! Но он снова ответил на этот вопрос, хотя я его и не задала.

- Вот чем ты занималась в течение нескольких месяцев в процессе воспоминания. Ты возвращаешь в свою эфирную сеть те ее фрагменты, которые были утеряны или увязли в других энергетических образованиях в процессе твоей жизни в прошлом. Пересматривая свою связь с прошлым, ты притягиваешь к себе все то, что разбросала в течение двадцати лет в тысячах различных мест.

Я хотела спросить его, имеет ли двойник какую-то определенную форму и цвет. Я подумала об аурах. Но он не отвечал. После продолжительного молчания усилием воли я открыла глаза и увидела, что сижу в пещерке одна. Я напрягла зрение, глядя через тьму на свет, который сиял возле входа в пещеру, там, где я его видела. Я подозревала, что он отошел в сторону и где-то неподалеку ждал, пока я вылезу наружу. Но когда я присмотрелась, я заметила, что на ярком фоне дневного света выделяется яркое светящееся пятно, которое парит в воздухе на расстоянии двух футов от меня. Видение испугало меня, но в то же время я была так очарована, что не могла оторвать от него глаз. У меня подспудно присутствовало ощущение, что этот свет живой, сознательный и знающий о том, что я за ним наблюдаю. Внезапно размер сияющей сферы удвоился, и вокруг нее появилось ярко-красное светящееся кольцо.

От страха я закрыла глаза руками в надежде, что вскоре свет исчезнет и я смогу выбраться из пещерки, не проходя сквозь него. Сердце сильно стучало у меня в груди, и на теле выступил пот. Во рту у меня пересохло, а внутри все сжалось. Когда я открыла глаза в следующий раз, света больше не было. Я была склонна считать, что все это был сон, потому что я довольно часто дремала во время занятий воспоминанием. Но воспоминание о великом маге и всем, что он сказал, было так ярко, что я была почти уверена, что все это произошло наяву.

Я осторожно выбралась из пещерки, обулась и бросилась бежать к дому. Клара стояла у двери, словно поджидая меня. Запыхавшись, я выпалила ей, что только что либо разговаривала с великим магом, либо он мне очень ярко приснился. Она улыбнулась и едва заметно кивнула в сторону кресла. Мой рот от удивления открылся. Он сидел здесь. Это был тот же самый мужчина, который разговаривал со мной несколько минут назад в пещере, но на этот раз он был одет в другую одежду. На нем был серый свитер с застежкой на пуговицах и без воротника, спортивная футболка и аккуратные брюки.

Он был намного старше, чем я думала, но в то же время и намного более энергичен. Я не могла определить его возраст - ему могло быть и сорок, и семьдесят. Создавалось впечатление, что он необычайно силен, но не сутулый и не полный. Его волосы были темного цвета, и он был похож на индейца. У него был большой нос, красивый рот, широкий подбородок и сверкающие черные глаза, которые смотрели так же внимательно, как и тогда, в пещере. Все эти черты подчеркивали густые, переливающиеся седые волосы. Его волосы производили очень странное впечатление: они не превращали его в старика, как это обычно происходит, если у человека седая голова. Я помню, каким пожилым выглядел мой отец, когда его волосы стали седыми, и он старался всячески сделать их незаметными, то подкрашивая, то пряча под шляпу. Но все было напрасно, потому что старость была написана на его лице, на руках и на всем теле.

- Тайша, я хочу тебя представить. Это м-р Джон Мишель Абеляр, - сказала мне Клара.

Мужчина вежливо встал и протянул мне руку.

- Очень рад с тобой познакомиться, Тайша, - произнес он на прекрасном английском, пожимая мне руку.

Я хотела было спросить его, что он здесь делает, когда он успел переодеться и был ли он на самом деле несколько минут назад возле пещеры. Дюжина других вопросов вспыхнула у меня в уме, но я была слишком шокирована и смущена, чтобы что-нибудь спрашивать. Я напустила на себя спокойный вид, будто ничуть не была взволнована. Я отметила, что он прекрасно владеет английским и очень понятно рассказывал мне обо всем возле пещеры.

- Приятно, что ты говоришь это, - сказал он с обезоруживающей улыбкой. - Однако не удивительно, что я хорошо говорю по-английски. Я индеец яки, но родился в Аризоне.

- Вы живете здесь в Мексике, м-р Абеляр? - несмело спросила я.

- Да. Я живу в этом доме, - ответил он. - Я живу здесь вместе с Кларой.

И он взглянул на Клару так, что я могла бы описать этот взгляд лишь как исполненный глубокого обожания. Я не знала, что мне и думать. Я чувствовала себя неловко, смущенно по какой-то непонятной причине.

- Мы - не муж и жена, - сказала Клара, как будто для того, чтобы я перестала стесняться, и они оба громко засмеялись.

Вместо того, чтобы перестать чувствовать себя неловко, от этого смеха я стала еще более мнительна. Но вдруг смятение еще больше усилилось, когда я осознала, какое чувство владело мной: это была ревность в чистом виде. Вследствие какого-то необъяснимого собственнического импульса я считала, что он принадлежит мне. Мне пришлось скрывать свое смущение, поскорее задав какие-то тривиальные вопросы.

- Вы давно живете в Мексике?

- Да, - ответил он.

И не собираетесь возвращаться в Соединенные Штаты?

Он остановил меня своим сильным взглядом, улыбнулся и сказал обаятельным голосом:

- Все это не имеет никакого значения, Тайша. Почему бы тебе не спросить меня о чем-нибудь из того, что мы обсуждали в пещере? Тебе было что-то непонятно?

Клара предложила нам сесть. Мы с ней уселись на диване, а м-р Абеляр - на плетеном кресле. Я спросила его, не расскажет ли он что-нибудь еще о двойнике. Это понятие интересовало меня чрезвычайно.

- Некоторые люди являются хозяевами своего дубля, - начал он. - Они могут не просто осознавать его, но и приводить его в действие. Однако большинство из нас не имеет даже представления о том, что двойник существует.

- А что двойник может делать? - спросила я.

- Все, что мы захотим. Он может перепрыгивать через деревья или летать по воздуху, становиться большим или маленьким, либо даже принимать

очертания животного. Еще он может осознавать мысли других людей и переноситься на большие расстояния в мгновение ока.

- Он может даже действовать так, как личность, перебила его Клара, глядя прямо мне в глаза. - Если ты умеешь с ним обращаться, ты можешь предстать перед кем-то в другой стране и поговорить с ним так, будто ты действительно находишься там.

М-р Абеляр утвердительно кивнул.

В пещере ты могла осознать мое присутствие с помощью своего двойника. И только когда проснулся твой рассудок, ты засомневалась в том, реальны ли были твои переживания.

- Я в этом по-прежнему сомневаюсь, - сказала я. Действительно ли вы были там?

- Конечно же, был, - ответил он, прищурясь, - в такой же мере, в какой сейчас я нахожусь здесь.

На какое-то мгновение я задумалась, не снится ли мне все это. Но мой рассудок твердил, что это невозможно. Чтобы еще раз в этом убедиться, я потрогала стол. Он был твердым.

- Как вы сделали это? - спросила я, откинувшись на спинку дивана.

М-р Абеляр какое-то время сидел молча, словно подбирая слова.

- Я оставил физическое тело и слился с двойником, сказал он. - Если мы связываем свое осознание с двойником, мы оказываемся за пределами сферы действия физических законов. Лучше будет даже сказать, что мы подчиняемся воздействию только тонких сил. Но до тех пор, пока осознание ограничено физическим телом, наши движения ограничены силой тяжести и другими препятствиями.

Я так и не поняла значило ли то, что он говорил, что он может находиться в двух местах сразу. Казалось, он почувствовал мое непонимание.

- Клара говорила мне, что ты интересуешься боевыми искусствами, - сказал м-р Абеляр. - Различие между обычным учеником и мастером кунг-фу в том, что последний умеет управлять своим тонким телом.

- Мои учителя говорили это мне когда-то, - сказала я. - Они утверждали, что боевые искусства развивают и тонкую сторону тела, но я все никак не могла понять, что они имеют в виду.

- Они вероятно хотели сказать, что когда атакует опытный каратэист, он поражает уязвимые места тонкого тела врага, - сказал он. - Поражающим фактором при этом является не физическая сила, а отверстие, которое он пробивает в эфирном теле противника. Через это отверстие он может оказать силовое воздействие на эфирную сеть, в результате чего она будет сильно повреждена. Человек может получить то, что со стороны иногда кажется легким ударом, но это воздействие может по истечении нескольких часов или даже дней оказаться смертельным.

- Все это так, - согласилась Клара. - Не давай возможности внешним движениям и тому, что ты видишь, ввести себя в заблуждение. Роль играет лишь то, чего ты не видишь.

От своих учителей каратэ я часто слышала подобные вещи. Но всякий раз, когда я спрашивала их, как совершить подобный трюк, они не могли внятно объяснить это мне. Тогда я думала, что это было связано с тем, что они были японцами и не могли выразить такие утонченные мысли на английском языке. Вот теперь и м-р Абеляр, который владел английским исключительно хорошо, говорил мне нечто подобное, но я по-прежнему не могла понять, что он имеет в виду, когда говорит о тонком теле, или двойнике, и как можно получить доступ к его таинственным возможностям.

Я заинтересовалась, не является ли м-р Абеляр мастером боевых искусств, но прежде чем я успела его об этом спросить, он продолжил:

- Настоящие мастера боевых искусств - насколько я знаю их по описаниям Клары, которая прошла курс обучения разным стилям единоборств в Китае, - стремятся достичь возможности управлять своим тонким телом, сказал он. - Двойник при этом подчиняется не интеллекту, а намерению. Не существует никакой возможности понять это рационально или хотя бы подумать об этом. Это можно лишь почувствовать, потому что двойник подсоединен к светящимся энергетическим линиям, которые пронизывают всю вселенную. - Он коснулся своей головы и поднял руку над собой. - Так, например, энергетическая линия, которая выходит из макушки головы, сообщает ему о направлении движения и цели действий. Эта линия растягивается и уносит двойника туда, куда он желает попасть. Если он хочет подняться вверх, все, что ему нужно сделать, - это выразить намерение двигаться вверх. Если он желает погрузиться в землю, ему нужно лишь выразить соответствующее намерение. Все в действительности так просто.

Затем Клара спросила меня, помню ли я то, что она говорила мне в саду в тот день, когда мы занимались вдыханием солнечной энергии. Она тогда отметила, что макушка головы всегда должна быть защищена. Я ответила, что хорошо помню об этом и не выходила с тех пор из дома без шляпы. Потом она

спросила меня, понятно ли мне то, что говорит м-р Абеляр. Я сказала, что без труда понимаю его объяснения, хотя мне и не до конца ясны некоторые понятия, которыми он пользуется. Это звучит парадоксально, но я обнаружила, что он говорил непостижимые для интеллекта, но вполне разумные и понятные на каком-то другом уровне вещи. Клара одобрительно кивнула и отметила, что так происходит потому, что он обращается к той части моего существа, которую нельзя по праву назвать рациональной, ведь она способна постигать все вещи непосредственно, особенно если о них говорит маг.

Клара говорила правду. В поведении м-ра Абеляра было что-то такое, что располагало меня к спокойствию даже больше, чем Клара. Это была не его манера выражаться вежливо и тихо, а что-то в выражении его глаз. Его глубокий взгляд заставлял меня внимательно выслушивать его объяснения, несмотря на то, что с рациональной точки зрения они казались мне бессмысленными. Я снова и снова замечала, что задаю ему вопросы так, как будто прекрасно понимаю, о чем идет речь.

- А я смогу когда-нибудь добраться до своего тонкого тела? - спросила я у м-ра Абеляра.

- Все зависит от того, захочешь ли ты этого.

Его слова посеяли во мне сомнения. В ходе воспоминания я неоднократно убеждалась, что я самодовольна и труслива и что моя первая реакция на все беспокоящее и опасное состоит в том, чтобы избегать этого. Но во мне также жило сильное любопытство. Я стремилась пройти через необычные переживания, что подтверждают и слова Клары о том, что я несомненно обладаю бесстрашием и дерзостью.

- Мне очень интересно узнать, что такое двойник, сказала я, - стало быть, я определенно хочу почувствовать его.

- Любой ценой?

- Любой, за исключением продажи своего тела, - сказала я неловко.

Услышав это, они так залились смехом, что я подумала, не закончится ли это тем, что они будут кататься по полу. Я говорила искренне, потому что, по правде говоря, не была уверена, нет ли у них в связи со мной каких-то тайных планов. Будто прочитав мои мысли, м-р Абеляр сказал, что пришло время познакомить меня с некоторыми законами их мира. Он выпрямился, и лицо его приняло серьезное выражение.

- Перипетии отношений мужчин и женщин нас не интересуют, - сказал он.
- Это значит, что нам нет никакого дела до морали человеческого общества, отсутствия таковой или наличия аморальности. Вся наша энергия направляется на исследование новых путей.

- Можете ли вы привести мне пример нового пути, м-р Абеляр? - спросила я.

- Разумеется, могу. Что ты скажешь о том, чем ты сейчас занимаешься, о воспоминании? Уже сам факт, что я сейчас разговариваю с тобой, связан с тем, что благодаря своим занятиям ты накопила достаточно энергии для того, чтобы выйти за пределы некоторых физических ограничений. Ты уже видела, хотя, возможно, это длилось лишь мгновения, то, что нельзя понять рационально, потому что его нет у нас на складе, как выражается Клара.

- Мой склад содержит странные вещи, - предупредила я его. - Просмотрев свое прошлое в ходе воспоминания, я убедилась, что когда-то была сумасшедшей. На самом деле я и сейчас не совсем в своем уме. Подтверждением этому может служить то, что я здесь, и то, что я не могу сказать, во сне мы сейчас разговариваем или наяву.

Едва я это произнесла, как они оба опять разразились хохотом, словно смотрели телепередачу, в которой комик только что выдал очередную остроту.

- Я прекрасно знаю, насколько ты в своем уме, сказал м-р Абеляр с оттенком понимания в голосе. - Но твое сумасшествие не связано с тем, что ты здесь с нами. Более того, со времени твоего появления здесь, что бы ты сама об этом ни думала, я уверяю тебя, что ты индальгировала* не так много, как в прошлом. Откровенно говоря, кое-что из того, что, по словам Клары, ты уже делала, например, посещение мира теней - в действительности не является ни индальгированием, ни сумасшествием. Это был новый путь, нечто неназванное и невообразимое с точки зрения обычного мира.

* См. примечание на стр. 14 книги 1 Карлоса Кастанеды
"Сказки о силе". Изд. "София", 1992г (прим. ред.).

Затем последовало продолжительное молчание, от которого я неловко заерзала. Мне хотелось сказать что-нибудь, чтобы нарушить беспокоящую тишину, но ничего подходящего не приходило мне в голову. Мое положение усугубилось тем, что м-р Абеляр все время искоса поглядывал на меня. Затем он шепнул что-то Кларе, и они вместе тихо засмеялись, что окончательно вывело меня из равновесия, потому что я не сомневалась ни на мгновение, что они насмеются надо мной.

- Ты даже не представляешь себе, как высоко мы ценим твое согласие быть здесь с нами, - сказал м-р Абеляр совершенно неожиданно для меня. - Мы находим тебя забавной, потому что ты так эксцентрична. Вскоре ты познакомишься с одной особой из нашей группы, которая так же эксцентрична, как и ты, хотя она намного старше тебя. Когда мы смотрим на тебя, мы вспоминаем, как она выглядела в молодости. Вот почему мы смеемся. Прости ну, пожалуйста.

Я терпеть не могла, когда надо мной смеются, но ее извинение было таким искренним, что я тут же принял его. М-р Абеляр вновь пустился рассуждать о двойнике так словно ничего другого и не было сказано.

- По мере того, как мы отказываемся от идей, которые запирают нас в физическом теле, - сказал он, - наше осознание начинает смещаться в сторону тонких сущностей, что происходит постепенно или внезапно. Для того, чтобы способствовать этому переходу, наш физический аспект должен оставаться в полном покое, будто погруженный в глубокий сон. Трудность здесь в том, чтобы убедить тело начать сотрудничать, потому что оно редко по своей воле отказывается от власти над ним.

- Как же тогда мне стать независимой от тела? спросила я.

- Нужно его перехитрить, - ответил он. - Ты даешь своему телу возможность чувствовать себя погруженным в глубокий сон. Ты преднамеренно успокаиваешь его, смещая осознание на другой уровень. Когда твои тело и ум успокаиваются, двойник просыпается и берет контроль над происходящим в свои руки.

- Кажется, я не до конца понимаю вас, - сказала я.

- Не разыгрывай здесь роль адвоката дьявола, Тайша, - оборвала меня Клара. - Для этого у тебя есть достаточно времени в пещере. Знай, что уже сам факт, что ты смогла увидеть нагваля, свидетельствует о твоей способности пользоваться двойником. Ведь ты тогда спала и бодрствовала одновременно.

Мое внимание привлекло слово, которым Клара назвала м-ра Абеляра. Она сказала, что он - "нагваль". Я спросила ее, что означает это слово.

- Джон Мишель Абеляр - это нагваль, - гордо сказала она. - Он - мой наставник, источник моей жизни и благополучия. Напрягай воображение как хочешь, ты не сможешь понять, в каком смысле он является моим мужчиной, и все же я люблю его больше всех на свете. Когда он станет таким же и для тебя,

тогда он будет и твоим нагвалем тоже. А пока он для тебя просто м-р Абеляр или даже Джон Мишель.

М-р Абеляр засмеялся так, словно Клара говорила это все шутя, но она смотрела на меня столь выразительно, что я поняла, что она говорила чистую правду.

Последовавшее за этим молчание прервал м-р Абеляр.

- Для того, чтобы привести в действие тонкое тело, ты должна прежде всего открыть некоторые центры своего тела, которые работают подобно воротам, - продолжал он. Когда все эти центры открыты, двойник может выйти из своей защитной оболочки. В противном случае он навсегда останется заключенным в этой грубой скорлупе.

Он попросил Клару достать из шкафчика коврик. Затем он расстелил его на полу и попросил меня лечь на него лицом вверх, вытянув руки вдоль туловища.

- Что вы собираетесь со мной делать? - подозрительно спросила я.

- Не то, что ты думаешь, - резко ответил он.

Клара захихикала.

- Тайша не на шутку боится мужчин, - объяснила она м-ру Абеляру.

- Тем хуже для нее, - сказал он, от чего моя неловкость стала просто неопишуемой.

Затем, повернувшись лицом ко мне, он объяснил, что хотел показать мне простой метод перевода осознания с физического тела на эфирную сеть, которая его окружает.

- Ляг и закрой глаза, но не засыпай, - велел он.

Я сделала так, как он сказал, чувствуя не только смущение, но и уязвимость от того, что лежу перед ним на полу. Он наклонился надо мной и заговорил тихим голосом.

- Вообрази себе энергетические линии, которые выходят повсюду из твоего тела, начиная с ног, - сказал он.

- А что если я не могу этого сделать?

- Если захочешь, то сможешь, - сказал он. - Напряги все свои силы для того, чтобы с помощью намерения воссоздать их существование.

Он объяснил мне, что в действительности моя задача состояла не просто в том, чтобы вообразить себе эти волокна, а в том, чтобы совершить магический акт вытягивания их из тела, начиная с пальцев ноги и доходя до макушки головы. Он сказал также, что я должна чувствовать, как из подошв исходят линии, которые затем огибают снизу тело и возвращаются в него на затылке. Кроме того, я должна чувствовать линии, идущие из лба поверх моего тела к ногам. Все они образуют что-то наподобие кокона из светящейся энергии, внутри которого находится тело.

- Воображай линии до тех пор, пока не почувствуешь, что можешь покинуть физическое тело и по собственной воле сосредоточивать внимание на светящейся эфирной сети, - сказал он. - После некоторой практики ты сможешь одним поворотом мысли воссоздавать эту сеть в воображении и сознать ее столько, сколько нужно.

Я пыталась расслабиться. Его голос успокаивал. Влияние этого голоса было гипнотизирующим. По временам казалось, что он звучал рядом со мной, а иногда доносился откуда-то издалека. Он предупредил меня, что если в теле где-то были места, в которых сеть ощущалась запутанной, туго натянутой, или ее линии расплывались, в этом месте мое тело было ослаблено или повреждено.

- Ты можешь излечить эти места, если дашь возможность своему двойнику восстановить в этих местах эфирную сеть, - сказал он.

- Как мне сделать это?

- С помощью намерения, но без всяких мыслей, ответил он. - Воспользуйся намерением, которое находится на более глубоком уровне, чем мысли. Внимательно прислушайся и поищи его под мыслями, вдали от них. В действительности намерение пребывает так далеко от мыслей, что мы ничего не можем сказать о нем. Мы не можем даже почувствовать его. Но несомненно то, что мы можем использовать его.

Однако я даже представить себе не могла, как мне пользоваться намерением. М-р Абеляр сказал, что у меня не должно возникнуть особых затруднений с воображением сети, потому что в течение нескольких месяцев, сама того не подозревая, я укрепляла отдельные ее линии в ходе вспоминания. Он отметил, что начинать следует с сосредоточения внимания на дыхании. Казалось, прошли часы, в течение которых я, должно быть, раз или два начинала дремать, прежде чем мне удалось почувствовать покалывающее тепло

в ногах и голове. Это тепло распространялось вокруг меня, образуя вытянутую оболочку вокруг тела.

Тихим голосом м-р Абеляр напомнил мне, что я должна сосредоточить внимание на тепле, которое струится внутри моего тела, затем попытаться вытолкнуть его наружу и дать ему возможность расшириться.

Я сосредоточивала внимание на дыхании до тех пор, пока все напряжение не исчезло. Когда я расслабилась еще больше, покалывающее тепло потекло по мне без всяких усилий с моей стороны. Ничто не исходило из меня наружу, ничто не расширялось. Наоборот, тепло сконцентрировалось внутри, и мне показалось, что я лежу на парящем в пространстве гигантском шаре. На мгновение меня охватил ужас, и я начала задыхаться. Затем что-то внутри одержало верх и начало дышать независимо от меня. Волны убаюкивающей энергии окружали меня, то накатывая на меня, то удаляясь куда-то до тех пор, пока я не перестала осознавать, потому что все вокруг погрузилось во тьму.

Глава 13

Я проснулась оттого, что слышала, как Клара просит меня сесть. На то, чтобы ответить, мне потребовалось довольно много времени, во-первых, потому что я все никак не могла понять, где нахожусь, а во-вторых, потому что у меня занемели ноги. Увидев, что у меня возникли затруднения, Клара взяла меня под руки и посадила, а затем подложила под спину несколько подушек, чтобы я могла сидеть без ее помощи. Я увидела, что сижу на кровати и одета в ночную рубашку. По свету в комнате можно было понять, что уже далеко за полдень.

- Что случилось? - пробормотала я. - Я что, проспала всю ночь?

- Да, - ответила Клара. - Я очень беспокоилась о тебе. Ты вошла в глубокий тупик восприятия. Ничто не могло до тебя достучаться. Поэтому мы решили дать тебе возможность спать в нем до тех пор, пока ты сама не проснешься.

Я наклонилась и принялась растирать ноги, пока ощущение покалывания не прекратилось. Я все еще чувствовала слабость и какое-то странное раздражение.

- Ты должна говорить, рассказывать мне все, что с тобой происходило, до тех пор, пока полностью не придешь в себя, - сказала Клара самым категоричным тоном, который я от нее когда-либо слышала. - Это одна из тех ситуаций, когда тебе полезно разговаривать.

- Но мне не хочется ничего рассказывать, - сказала я, плюхаясь обратно на подушку. Тело покрылось холодным потом, а конечности казались резиновыми - я едва могла шевелить ими.

- М-р Абеляр сделал что-то со мной?

- Если и сделал, то тогда, когда я не видела, - ответила Клара, весело посмеиваясь своей собственной шутке.

Она взяла мои руки в свои и потерла их внешние стороны, стараясь взбодрить меня.

Но мне было не до смеха.

- Что на самом деле случилось, Клара? - настаивала я. - Я не помню ничего.

Она удобно устроилась на краю кровати.

- Твоя первая встреча с нагвалем не совсем пошла тебе на пользу, - сказала Клара. - Ты еще слишком слаба, вот и все. Но я не хочу, чтобы ты думала об этом, потому что тебя так легко лишить уверенности в себе. Кроме того, я не хочу, чтобы ты читала между строк, как ты любишь делать, и приходила к неправильным выводам.

- Как я могу читать между строк, если я совсем не представляю, что происходит? - спросила я, стуча зубами.

- Думаю, что это ты всегда можешь, - сказала Клара со вздохом. - Ты умеешь делать выводы исключительно быстро. Но, к сожалению, неправильные. И при этом неважно, что ты не представляешь себе, что происходит, ведь тебе ничего не стоит решить, что ты представляешь это.

Мне пришлось признать, что я очень не любила двусмысленных ситуаций. Они всегда ставили меня в невыгодное положение. Мне всегда хотелось знать, что происходит, чтобы вовремя принять меры в случае возникновения нежелательных обстоятельств.

- Твоя мать сделала из тебя идеальную женщину, сказала Клара. - Наблюдая лишь детали обстоятельств, идеальные женщины узнают все, что им нужно знать, особенно если речь идет о мужчине. Они могут прогнозировать его самые незначительные желания. Они всегда замечают изменения в его настроении, потому что верят, что оно связано с чем-то сказанным или сделанным женщиной. В итоге у них создается впечатление, что они могут дать мужчине все, что тому нужно.

Понаблюдав за собой в ходе занятий воспоминанием, я должна была, к своему огорчению, признать, что Клара права - я веду себя точно так же снова и снова. Пришлось признать, что воспитали меня прекрасно. Стоило только отцу вздохнуть, подать знак взглядом или тоном своих слов, и я уже точно знала, чего он хочет или о чем подумал. То же самое касалось и братьев. Они приучили меня реагировать на малейший намек со своей стороны. Но еще хуже было то, что, как только мне приходило в голову, что я мужчине не нравлюсь, я делала все от меня зависящее для того, чтобы угодить ему.

Клара легко толкнула меня локтем, будто для того, чтобы привлечь к себе мое внимание.

- Если бы мы с тобой вчера вечером были вдвоем, ты бы не залетела так далеко, - сказала она, улыбаясь самой неприятной улыбкой.

- На что ты намекаешь, Клара? Что я нахожу м-ра Абеляра привлекательным?

- Именно так. Когда поблизости появляется мужчина, ты сразу же преображаешься. Ты становишься женщиной, которая готова сделать все для того, чтобы привлечь его внимание, включая и потерю сознания.

- Позволь мне с тобой не согласиться, - сказала я. Я вовсе не пыталась заигрывать с м-ром Абеляром.

- Задумайся! Не пытайся сейчас выгораживать себя, - ответила Клара. - Я не нападаю на тебя. Я просто указываю тебе на то, что сама когда-то чувствовала и делала.

В глубине души я знала, о чем говорит Клара. М-р Абеляр был так необычайно обаятелен, что несмотря на его возраст, он показался мне очень привлекательным. Однако я предпочла этого не признавать ни перед собой, ни перед Кларой. Я почувствовала облегчение, когда Клара сменила тему разговора.

- Я тебя прекрасно понимаю, потому что у меня был свой Джон Мишель Абеляр, - сказала она. - Это был нагваль Хулиан Грау, самый красивый и галантный мужчина, который когда-либо жил на свете. Он был очарователен, дерзок и забавен. Он просто незабываем. Все обожали его, включая и Джона Мишеля, и всех остальных членов моей семьи. Мы все готовы были целовать землю, по которой он прошел.

Когда я слушала, как Клара восторгается своим учителем, мне пришло в голову, что это, наверное, потому, что она слишком много времени провела на Востоке. Меня всегда смущало то, каким нелепым поклонением ученики окружают своего учителя каратэ, или сэнсэя. Они тоже буквально целовали землю, по которой он прошел, почтительно кланяясь до самой земли всякий раз, когда наставник входил в комнату. Я не сказала об этом Кларе, хотя и чувствовала, что она слишком унижается сама, окружая таким почитанием своего учителя.

- Нагваль Хулиан обучил нас всему, что мы знаем, продолжала она, не заметив моих размышлений. - Он посвятил свою жизнь тому, что указывал нам путь к свободе. Он специально наставлял нагваля Джона Мишеля Абеяра, что позволило тому стать новым нагвалем.

- Ты хочешь сказать, что нагвали подобны королям? - спросила я ее, желая напомнить ей об опасности и неразумности такого сильного преклонения.

- Нет, совсем не похожи. У нагвалей вообще нет чувства собственной важности, - сказала она. - И именно по этой причине мы можем поклоняться им, ничем не рискуя.

- Я имела в виду другое, Клара. Они получают свою должность по наследству? - быстро поправила я себя.

- О, да! Они получают свою должность именно по наследству, но не как короли. Для того, чтобы взойти на престол, нужно быть сыном короля. Но для того, чтобы стать нагвалем, нужно, чтобы человека отметил дух. Ведь если дух не изберет его, он ни при каких условиях не может быть лидером. Начать с того, что нагваль - это личность с особой энергией. Но даже обладая этой энергией, человек может реально стать нагвалем только в том случае, если его обучат всему тому, что должен знать нагваль.

Я внимательно слушала Клару, но ее объяснение, каким-то непонятным образом смущало меня. Поразмыслив немного, я поняла: меня тревожило то, что она сказала, что избрать нагваля должен дух.

- Как дух решает, кого ему выбрать? - спросила я.

Клара покачала головой.

- Это, моя дорогая Тайша, тайна всех тайн, - сказала она тихо. - Нагваль может либо выполнить миссию, возложенную на него духом, либо потерпеть жалкое поражение.

Я подумала о м-ре Абеляре и о том, какую миссию возложил на него дух. Я вспомнила также о том, что когда-то он, возможно, станет и моим нагвалем.

- Кстати, где сейчас м-р Абеляр? - спросила я, стараясь сделать это так, чтобы мой вопрос прозвучал как бы невзначай.

- Он отбыл вчера вечером, когда увидел, что ты выбыла из строя.

- А он вернется?

- Конечно. Ведь он живет здесь.

- Где, Клара? В левой части дома?

- Да. Сейчас он находится там. Но не в этот конкретный момент, - поправила она, - не теперь. Иногда он живет со мной в правом крыле дома. Я о нем забочусь.

Я почувствовала такой сильный прилив ревности, что откуда-то ко мне хлынула энергия.

- Ты говорила, что он не является твоим мужем, Клара? - спросила я.

Моя щека нервно подергивалась.

Клара смеялась так сильно, что повалилась спиной на кровать, будучи не в силах больше сидеть.

- Нагваль Джон Мишель Абеляр вышел за пределы всего того, что свойственно обычному мужчине, - заверила она меня, снова садясь.

- Что ты имеешь в виду, Клара?

- Я имею в виду, что он не является больше обычным человеком. Но я не могу объяснить всего этого тебе, потому что мне не хватает мастерства, а ты еще не можешь понять. Насколько я понимаю, нагваль потому и дал тебе те магические кристаллы, что я не способна тебе объяснить все, что нужно.

- Ты неспособна, Клара? Ты выражаешься очень понятно.

- В таком случае, это ты не можешь правильно понять.

- Но это нелепо, Клара.

- Почему же тогда я никак не могу растолковать тебе, кто мы, и что мы от тебя хотим?

Я несколько раз глубоко вдохнула для того, чтобы расслабить нервное напряжение в животе.

- И что же вы от меня хотите? - спросила я Клару, снова поддаваясь панике.

- Мне очень трудно объяснить тебе это, - начала она. - Очевидно, что мы с тобой принадлежим одной и той же традиции. Ты являешься неотъемлемой частью того, что представляем собой мы. Поэтому мы обязаны обучать тебя.

- Кого ты имеешь в виду, когда говоришь "мы"? Себя и м-ра Абеляра?

На мгновение Клара задумалась, словно выбирая нужные слова.

- Как я уже говорила, нас больше, чем двое, ответила она. - Фактически я даже не являюсь твоим учителем. И Джон Мишель тоже не является им. Это кто-то другой.

- Погоди, погоди, Клара. Ты снова вводишь меня в заблуждение. Кто этот другой человек, о котором ты только что упомянула?

- Это женщина, очень похожая на тебя, но старше тебя и намного сильнее. А я для тебя - все равно что швейцар. Я ответственна лишь за то, чтобы дать тебе возможность накопить достаточное количество энергии с помощью воспоминания и тем самым подготовить тебя к встрече с этой женщиной. И поверь мне, ее присутствие будет для тебя еще более сокрушительны, чем присутствие нагваля.

- Не понимаю, что ты хочешь этим сказать, Клара. Ты считаешь, что она опасна и может причинить мне вред?

- Здесь мы сталкиваемся с затруднением, которое дает о себе знать, когда я пытаюсь ответить на твои вопросы, сказала Клара. - Ты меня не понимаешь потому, что между нами существует лишь поверхностная связь. Ты задаешь мне вопрос, ожидая получить однозначный ответ, который удовлетворит тебя, а я даю тебе ответ, который удовлетворяет меня, а тебя сбивает с толку. Поэтому я советую тебе либо ни о чем меня не спрашивать, либо не приходить в смятение от моих ответов.

Я хотела узнать больше о м-ре Абеляре и этой другой женщине, а также об их планах в отношении меня, поэтому с надеждой, что Клара мне все об этом расскажет, я пообещала, что начиная с этого времени буду рассудительной и не стану нервничать и тревожиться, когда услышу от нее что-то непонятное.

- Прекрасно. Давай посмотрим, как ты воспримешь это, - сказала Клара с видом ученого, приступающего к очередному эксперименту. - Я напому тебе, о чем нагваль говорил тебе вчера вечером, прежде чем ты потеряла сознание. Но поскольку я не мужчина, несомненно, что ты будешь реагировать на это не так, как тогда, когда об этом говорил нагваль. Возможно, ты даже дослушаешь меня до конца.

- Но я не помню ничего из того, что он говорил мне, когда я заснула на коврике, - запротестовала я.

Она сделала паузу и посмотрела на меня, пытаясь заметить на моем лице следы тревоги или волнения. Затем она покачала головой, словно что-то

заметила, хотя я изо всех сил пыталась выглядеть спокойной и внимательной и даже улыбнулась, чтобы развеять ее подозрения.

- Он рассказал тебе обо всех существах, которые проживают в этом доме, - начала Клара. - Он сказал тебе, что все они являются магами, включая и Манфреда.

Когда она упомянула о Манфреде, внутри меня что-то екнуло.

- Так я и знала - выпалила я, не задумываясь.

Мысль, что Манфред является магом, показалась мне вполне достоверной, хотя я не имела ни малейшего представления о том, почему это должно быть так. Я сказала Кларе, что однажды чуть было сама так не подумала, хотя и не совсем ясно представляю себе, что такое маг.

- Неправда, представляешь, - заверила меня Клара, широко улыбаясь.

- А я говорю тебе, что нет.

Клара посмотрела на меня с недоверием.

- Ты уверена, что не помнишь ничего из объяснений нагваль?

- Нет. Я действительно не помню этого.

- Для нас маг - это тот, кто с помощью настойчивых целенаправленных занятий выходит за пределы обычного восприятия, - сказала Клара так, будто давала формальное определение.

- Ну, это ничего не проясняет, - сказала я. - Как может Манфред делать все это?

Казалось, она радуется моему непониманию.

- Вижу, что ты снова запуталась, Тайша. Я ведь говорю не об одном лишь Манфреде. Ты все никак не можешь взять в толк, что все мы в этом доме маги. Не только нагваль, Манфред и я, но и те четырнадцать человек, которых ты еще не видела. Все мы - маги, абстрактные существа. Если ты хочешь считать магию занятием, которое сводится к выполнению ритуалов или приготовлению волшебных снадобий, - я могу сказать, что такие конкретные маги действительно существуют, но в этом доме ты их не встретишь.

Было очевидно, что до сих пор мы с ней рассуждали о разных вещах. Я говорила о Манфреде, а она - о людях, которых я никогда в глаза не видела. И только теперь, когда она сказала мне об этом прямо, я вдруг осознала, что Клара, м-р Абеляр и все эти невидимые другие люди, о которых они то и дело упоминали, являются магами. Вместо того, чтобы о чем-то спрашивать, я припомнила ее совет и решила лучше промолчать.

Она продолжила рассказ о том, что абстрактные маги достигают освобождения с помощью расширения диапазона своего восприятия, тогда как конкретные маги, к которым относятся последователи магических традиций древней Мексики, преследуют лишь эгоистические цели, увеличивая при этом чувство собственной важности.

- А что, собственно, плохого в эгоистических делах? спросила я, отпив немного воды из стакана, стоящего на прикроватном столике.

- Ну вот, Тайша начинает защищать конкретных магов, - сказала она, сочувственно посмотрев на меня. - Не удивительно, что нагваль дал тебе те заостренные кристаллы.

Невзирая на свое обещание оставаться спокойной, я занервничала, как только она упомянула о кристаллах. В животе у меня начались такие бурные процессы, что я заподозрила, что подхватила где-то кишечную инфекцию.

- Мне кажется, что я едва ли смогу объяснить тебе, что мы делаем, но еще труднее мне донести до тебя то, почему мы это делаем, - сказала Клара.

- Такие ответы может дать только учитель.

- Мой учитель?

- Ты меня не слушаешь, Тайша. Я уже сказала тебе, что у тебя есть учитель. Ты не встретишься с ней лишь потому, что у тебя недостаточно энергии. Для встречи с ней нужно в десять раз больше энергии, чем для этой встречи с нагвалем, после которой ты все еще не можешь прийти в себя. Ты выглядишь болезненно бледной.

- Мне кажется, что я подхватила какую-то инфекцию, - сказала я, снова чувствуя головокружение.

Клара покачала головой.

- Ты подхватила тяжелый случай индуглирования, - сказала она, и после паузы продолжила:

- Нагваль также может объяснить тебе все что нужно. Но проблема в том, что ты считаешь его мужчиной, и если он говорит с тобой больше чем несколько минут, так и знай, что в тебе проснется твоя женская натура. Вот почему твой учитель должен быть женщиной.

- Не кажется ли тебе, что ты преувеличиваешь роль всего, что касается отношений мужчины и женщины? спросила я, пытаюсь встать с кровати.

Я чувствовала сильную слабость, и ноги мои дрожали. Комната начала вращаться вокруг меня, и я чуть было не потеряла сознание. Но Клара сразу же ухватила меня за руку.

- Вскоре ты сама разберешься, преувеличиваю я или нет, - сказала она.
- Давай выйдем на улицу и сядем в тени деревьев. Быть может, свежий воздух благотворно подействует на тебя.

Она помогла мне одеть длинную куртку и какие-то штаны и повела меня, как инвалида, во внутренний дворик за домом.

Мы уселись на соломенных матах под огромным сапотовым деревом, которое бросало тень почти на весь дворик. Я спросила Клару, можно ли мне съесть плод этого дерева. Она заставила меня замолчать, сказав:

- Бери и ешь, но не говори об этом.

Я так и сделала, но вскоре почувствовала себя виноватой, словно чемто обидела дерево.

Мы сидели в тишине, слушая как ветер шелестит листьями. Здесь было прохладно и спокойно, и я почувствовала, что усталость и неловкость покидают меня. Через некоторое время из-за дома вышел Манфред. Он приплелся оттуда, где возле дома ему была отведена комнатка, вход в которую был закрыт панелью на шарнирах - толкая ее, он мог заходить и выходить, когда ему хотелось. Он подошел ко мне и принялся лизать мне руку. Я посмотрела в его грустные глаза и поняла, что мы с ним - близкие друзья. Будто повинувшись невысказанному приглашению, он взгромоздился мне на колени. Я начала гладить его мягкую шелковистую шерсть и почувствовала огромную теплоту по отношению к нему. Меня охватила необъяснимая нежность, и я наклонилась к нему и обняла его. Следующее, что я помню, было то, что я заплакала, потому что мне стало очень жаль его.

- Где твои кристаллы? - требовательным голосом спросила Клара.

Ее резкий тон вернул меня к реальности.

- В комнате, - ответила я, отпуская Манфреда и вытирая глаза рукавом куртки.

Он быстро взглянул на Кларино лицо, на котором ясно читалось неодобрение, прыгнул с моих колен и уселся под ближайшим деревом по другую сторону дорожки.

- Ты должна всегда носить их с собой, - строго сказала она. - Как ты уже знаешь, оружие, подобное этим кристаллам, не имеет ничего общего с войной или миром. Можешь быть какой угодно пацифисткой, но все же ты будешь нуждаться в оружии. На самом деле тебе оно нужно именно сейчас для борьбы с врагом.

- У меня нет врагов, Клара, - сказала я, тяжело вздохнув. - Никто даже не знает, жива ли я еще.

Клара наклонилась ко мне.

- Нагваль дал тебе эти кристаллы для того, чтобы ты уничтожила своих врагов, - сказала она тихо. - Если бы они сейчас были здесь, ты бы сделала несколько магических приемов, которые помогли бы тебе избавиться от этого наплыва жалости к себе.

- Я и не думала жаловаться на свою судьбу, - сказала я, защищаясь. - Мне было жаль несчастного Манфреда.

Клара засмеялась и покачала головой.

- Манфреда жалеть не стоит. Какую бы форму он не принимал, он - воин. А жалость к себе - это то, что живет внутри тебя и проявляет себя поразному. Вот сейчас ты назвала ее "жалостью к несчастному Манфреду".

У меня на глазах вновь выступили слезы, потому что на фоне пугающей меня обстановки я опять почувствовала, как во мне дал знать о себе огромный океан жалости, относящийся исключительно ко мне самой. Я уже достаточно занималась воспоминанием, чтобы понять, что я переняла эту реакцию у своей матери, которая жаловалась на свою жизнь каждый день, сколько я ее помню. Поскольку она очень редко проявляла при мне какие-то другие эмоции, эту я сама переняла у нее.

- Ты должна держать кристаллы между пальцами как оружие и повторять свои магические приемы, сосредоточивая внимание на сердце своего врага, которым в данном случае является чувство собственной важности,

пробивающееся к тебе под видом жалости к себе, морального негодования или праведной грусти, - продолжала Клара.

Я только смотрела на нее в смятении. Она заговорила вновь, обвиняя меня в слабости и неустойчивости, вследствие которых я сдаю, как только ощущаю на себе малейшее давление. Но больше всего меня уязвило то, что она сказала, что все эти месяцы вспоминание проходило у меня неэффективно, потому что это были всего лишь поверхностные фантазии. Ведь, по ее словам, я занималась лишь тем, что ностальгически припоминала удачи своего безупречного "я" и лелеяла жалость к себе, когда встречала воспоминания о не столь уж безупречном его поведении.

Я не могла понять, зачем ей понадобилось так жестоко нападать на меня. Скоро в ушах у меня загудело и я почувствовала прилив ярости. Я безудержно разрыдалась, ненавидя себя за то, что позволила Кларе нанести мне такой сокрушительный эмоциональный удар. Я слышала ее слова так, будто они приходят ко мне издалека. Она говорила:

- ...чувство собственной важности, отсутствие целеустремленности, неконтролируемое честолюбие, недальновидная чувственность, трусость. Список врагов, которые стремятся помешать твоему полету к свободе, бесконечен, и ты должна быть беспощадна в борьбе с ними.

Попросив меня успокоиться, она сказала, что просто пыталась показать мне, что наши мнения и чувства являются нашими подлинными врагами и что они не менее опасны, чем какой-нибудь вооруженный до зубов бандит, которого мы можем встретить на большой дороге.

- Нагваль дал тебе эти кристаллы с тем, чтобы ты выровняла свою энергию, - объяснила она. - Они творят чудеса во всем, что касается сосредоточения нашего внимания и удерживания его на одном объекте. Это качество всех кварцевых кристаллов вообще и особое намерение этих кристаллов в частности. Для того, чтобы подключиться к этому намерению, тебе нужно просто выполнять магические приемы, не выпуская их из рук.

Мне и впрямь захотелось, чтобы кристаллы сейчас были здесь со мной. Но поскольку их не было, я посмотрела в сочувственно поблескивающие глаза Манфреда. Мне пришла в голову мысль, что они отражают свет точно так же, как и кристаллы кварца. На какое-то мгновение его взгляд задержался на мне, и непонятная безусловная уверенность наполнила мое сознание. Я поняла, что Манфред является магом, который следовал традиции древних магов, в результате чего его дух каким-то образом оказался заключенным в тело собаки.

Как только я подумала об этом, Манфред резко пролаял, словно подтверждая мою мысль.

Я спросила себя, не Манфред ли нашел эти кристаллы для меня в какойто далекой пещере и привел туда нагваля точно так же, как он показал мне прекрасное место на холмах, с которого лучше всего был виден дом и прилегающая к нему местность.

- Когда-то ты спрашивала меня, откуда я так много знаю о кристаллах, - отозвалась Клара, перебивая мои размышления. - Тогда я не могла тебе ответить, потому что в то время ты еще не была знакома с нагвалем. Но теперь, после того, как я представила ему тебя, я могу сказать тебе, что... - она глубоко вздохнула и наклонилась ко мне. - Мы принадлежим к той же древней традиции, что и маги прошлого. Мы унаследовали от них все их эзотерические ритуалы и заклинания, но не хотим пускать их в дело, хотя и знаем все об их использовании.

Манфред - это один из древних магов! воскликнула я с нескрываемым восхищением, забыв о том, что не поведала ей ничего о своих предыдущих мыслях. Клара посмотрела на меня так, словно хотела убедиться, что я в своем уме, а затем засмеялась так неудержимо, что наш разговор не мог больше продолжаться. Я услышала, как Манфред лает так, будто тоже смеется. Я чувствовала себя, как безнадежная идиотка. Клара и слушать не захотела ничего о том, как блестели глаза у Манфреда.

- Я всегда говорила тебе, что ты медлительна и совсем не догадлива, но ты мне не верила, - пожурела она. - Но не переживай, никто из нас не является очень уж догадливым. Все мы невежественны, глупы и похожи на уколобых обезьян. Она похлопала меня по голове, чтобы до меня дошло как следует. Мне не нравилось, что меня называют уколобой обезьяной, но я была так восхищена своим открытием, что пропустила это замечание мимо ушей.

- У нагваля есть много других оснований для того, чтобы дать тебе эти кристаллы, - продолжила Клара, но будет лучше, если об этом он расскажет тебе сам. Единственное, что я знаю наверняка, - это то, что тебе следует сшить для них мешочек.

- Какой мешочек?

- Небольшой кисет из того материала, который, по твоему мнению, лучше всего подходит. Можешь использовать для этой цели замшу, войлок, пике или даже дерево, если так подсказывает тебе внутреннее чутье.

- А из чего ты сделала свой мешочек, Клара?

- Я никогда не получала никаких кристаллов, ответила она, - но когда в юности я одно время пользовалась ими.

- Ты говоришь о себе так, словно ты - старуха. Но мне кажется, что за время нашего знакомства ты даже помолодела.

- Для того, чтобы создать видимость этой внешности, я делаю очень много магических приемов, - сказала она, по-детски отдаваясь смеху. - Маги только то и делают, что творят видимости. Взгляни, например, на Манфреда.

Услышав свое имя, Манфред поднял голову, оставаясь лежать под своим деревом, и пристально посмотрел на нас. У меня появилось странное чувство, что он точно знает, что мы разговариваем о нем, и не желает пропустить ни одного нашего слова.

- А что Манфред? - спросила я, неосознанно понижая голос.

- Глядя на него, можно поклясться, что это собака, сказала шепотом

Клара. - Но он достаточно силен, чтобы творить иллюзии. - Она толкнула меня локтем и подмигнула, как заговорщик. - Видишь ли, на самом деле ты права, Тайша. Манфред - это совсем не собака.

Я не могла понять, добивается ли она моего согласия по этому поводу ради Манфреда, который, несомненно, слушал наш разговор, потому что даже привстал для этого, или же она действительно говорит правду о том, что Манфред - вовсе не собака. Прежде чем я смогла определить, в чем смысл ее слов, из дома донесся резкий шум, услышав который, Клара и Манфред бросились в его направлении. Я хотела последовать за ними, но Клара повернулась ко мне и резко сказала:

- Останься здесь. Я вернусь очень скоро.

Она побежала в дом, а Манфред последовал за ней по пятам.

Шли недели, за ними месяцы. Но я не обращала на время совсем никакого внимания. Клара, Манфред и я жили вместе в идеальной гармонии. Клара перестала оскорблять меня, а может быть, это я перестала обижаться. Все время я проводила в занятиях воспоминанием и кунг-фу с Кларой и Манфредом, который при своем весе в сотню фунтов был довольно серьезным противником. Я неоднократно убеждалась в том, что удар его головы ничуть не слабее удара кулаком призера соревнований.

Меня беспокоило лишь одно противоречие, которое мне все никак не удавалось разрешить. Хотя Клара и настаивала на том, что уровень моей энергии неуклонно возрастает, о чем можно было судить, в частности, по тому, что я теперь могла разговаривать с Манфредом, я была убеждена в обратном: я медленно, но верно захожу в тупик.

Всякий раз, когда мы с Манфредом оставались одни, мной овладевало неопишное чувство расположения к нему. Я просто обожала его. Именно это чувство слепой любви послужило мне мостом, по которому я могла временами проникать в его мысли и настроения. Я поняла, что чувства у Манфреда просты и непосредственны, как у ребенка. Он мог переживать счастье, тревогу, гордость за какой-нибудь свой поступок, или страх, который мог мгновенно перейти в ярость. Но больше всего мне нравились в нем его смелость и способность к состраданию. Я чувствовала, что он действительно сожалеет о том, что Клара похожа на лягушку. В отношении своей смелости Манфред был уникален. Это была смелость развитого сознания, которое видит свои ограничения. Уже только это в Манфреде было совершенно непонятно для меня. Но было очевидно, что никто не смог бы выносить одиночество так, как он, не обладая этой непревзойденной смелостью.

Однажды во второй половине дня, вернувшись из пещеры, я присела отдохнуть в тени сапотового дерева. Манфред подошел, лег мне на колени и тут же уснул. Слушал его мерное похрапывание и чувствуя его теплую тяжесть у себя на коленях, я тоже стала засыпать. Я, наверное, уснула, потому что внезапно проснулась и поняла, что видела сон, в котором спорила со своей матерью о серебряных вещах. Во сне я настаивала на том, что после ополаскивания их не следует сразу же прятать в шкаф. Проснувшись, я увидела, что рядом стоит м-р Абеляр и смотрит на меня яростным холодным взглядом. Этот взгляд, его поза, аккуратность его одежды и сосредоточенность, с которой он на меня взирал, создали у меня впечатление, что на меня смотрит орел. Его вид вселил в меня благоговейный страх.

- Что случилось? - спросила я.

Температура воздуха и яркость неба изменились. Было уже почти темно, вечерние тени лежали на земле.

- А случилось вот что: Манфред привязался к тебе и высасывает из тебя энергию, как вампир, - сказал он, широко улыбаясь. - То же самое он делал и со мной. Между вами, кажется, установились довольно близкие взаимоотношения. Попробуй называть его зарио, и мы посмотрим, рассердится он или нет.

- Нет, я не могу сделать этого,- ответила я, поглаживая Манфреда по голове. - Он красив и одинок, но никак не напоминает ж-а-б-у.

Мне показалось нелепым то, что я произнесла это слово по буквам, но что-то во мне не желало произносить это слово, чтобы не обидеть Манфреда.

- Жабы тоже красивы и одиноки, - сказал м-р Абеляр, сверкая глазами.

Подстегиваемая внезапным любопытством, я наклонилась над Манфредом и прошептала ему на ухо: "Сапито!" Я сказала это так доброжелательно, что Манфред только зевнул, делая вид, что ему наскучили мои комплименты.

М-р Абеляр засмеялся.

- Пошли в дом,- сказал он, - а то он истощит всю твою энергию. И кроме того, там теплее.

Я столкнула Манфреда со своих колен и последовала за м-ром Абеляром внутрь дома. Я села в гостиную, приняв очень формальную позу, потому что чувствовала себя очень неловко, оставшись наедине с мужчиной в темном пустом доме. Он зажег керосиновую лампу, а затем сел на диван на почтительном расстоянии от меня и произнес:

- Насколько я понимаю, ты хотела задать мне какие-то вопросы. Сейчас как раз подходящее время для этого, поэтому давай, я жду.

В течение какого-то мгновения в моей голове было пусто. Оказавшись в поле зрения его пронзительных глаз, я потеряла самообладание. Наконец я собралась с мыслями и спросила:

- Что произошло со мной в тот вечер, когда мы с вами познакомились, м-р Абеляр? Клара сказала, что не может должным образом объяснить это мне, а сама я ничего не помню.

- Твой двойник одержал верх,- серьезно сказал он. И при этом ты потеряла связь со своим обыденным "я".

- Что вы имеете в виду, когда утверждаете, что я потеряла с ним связь? - спросила я обеспокоенно. - Я сделала тогда что-то недозволенное?

- Ты не сделала ничего, о чем нельзя было бы рассказать твоей матери, - сказал он хитро и улыбнулся. Его полные озорства глаза сверкали. - А если серьезно, Тайша, то тебе просто-напросто удалось воссоздать в своем воображении эфирную сеть настолько полно, насколько ты тогда была на это способна. Ты смогла отдохнуть в этом невидимом гамаке, который в действительности составляет неотъемлемую часть тебя. Когда-нибудь, став более опытной, ты можешь использовать линии эфирной сети для того, чтобы перемещать и изменять вещи.

А двойник находится внутри или вне тела? спросила я. В тот вечер у меня в течение какого-то мгновения присутствовало несомненное впечатление, что надо мной возобладаало нечто внешнее по отношению к моему телу.

- Двойник находится и там, и там, - сказал м-р Абеляр. - Он одновременно и снаружи, и внутри тела. Как об этом можно сказать по-другому? Для того чтобы управлять им, та часть двойника, которая свободно перемещается вне тела, должна вступить в контакт с энергией, которая пребывает внутри тела. Внешнюю составляющую приближают и удерживают с помощью непоколебимого сосредоточения, а внутреннюю энергию-ось рожают, открывая некоторые тайные врата в теле и поблизости от него. Когда эти две части сливаются, рождается сила, которая позволяет человеку творить немислимые чудеса.

- Где находятся те таинственные врата, о которых вы говорите? - спросила я, не смея прямо взглянуть ему в глаза.

- Некоторые из них находятся на поверхности кожи, тогда как другие скрыты в глубине тела, - ответил м-р Абеляр. - Всего есть семь главных врат. Если они закрыты, наша внутренняя энергия остается заключенной внутри физического тела. Присутствие внутри нас двойника при этом едва дает о себе знать. Мы можем прожить всю жизнь даже не подозревая о том, что он существует. Но если человек все же желает осознать его, врата должны быть открыты, и это можно сделать с помощью вспоминания и тех дыхательных упражнений, которые тебе показывала Клара.

М-р Абеляр пообещал, что лично будет наставлять меня в том, как преднамеренно открыть первые врата, после того, как я успешно совершу абстрактный полет. Он подчеркнул, что для того, чтобы открыть все врата, нужно полностью изменить свое мировоззрение, потому что свободу двойника

ограничивают скорее наши предвзятые представления о том, что мы - это всего лишь тело, чем сама структура этого физического тела.

- А вы можете рассказать мне, где находятся эти врата так, чтобы я смогла открыть их сама?

Он посмотрел на меня и отрицательно покачал головой.

- Легкомысленно экспериментировать с силами, которые пребывают по ту сторону врат, глупо и опасно,- предупредил он. - Освобождать двойник следует постепенно, гармонично. Однако при этом обязательно должно соблюдаться одно условие: человек не должен вступать в половые сношения.

- Почему это так важно? - спросила я.

- Разве Клара не говорила тебе о светящихся червях, которые мужчина оставляет в теле женщины?

- Говорила,- сказала я смущенно и подавленно. Но мне следует признаться, что я в это не поверила.

- Это была твоя ошибка, - сказал он раздраженно. Ведь если вначале не очиститься с помощью процесса вспоминания, то открыв врата, ты буквально раскупоришь консервную банку с червями. А если к тому же будешь про-

должать заниматься сексом, это лишь подольет масла в огонь.

Он громко засмеялся, от чего я почувствовала себя очень неловко.

- Если серьезно, то сохранение сексуальной энергии является первым шагом в путешествии к эфирному телу, к глубинному восприятию и полной свободе.

Как раз в это время в гостиную вошла Клара, одетая в просторный белый кафтан, в котором она выглядела, как большая белая лягушка. Я про себя улыбнулась оттого, что так непочтительно подумала о ней, и тут же взглянула на м-ра Абеяра, который, я могла поклясться, подумал то же самое. Клара села на стул и улыбнулась, глядя на то, как неуклюже мы сидим на диване.

Ну как, дошли уже до обсуждения ворот? спросила она с любопытством у м-ра Абеяра. - Поэтому Тайша так плотно сжимает ноги?

М-р Абеяр утвердительно кивнул, оставаясь полностью серьезным.

- Я только что рассказал о громадных воротах, которыми являются половые органы. Однако не думаю, что она поняла, о чем шла речь. В этом отношении у нее еще осталось немало заблуждений.

- Разумеется, осталось,- сказала Клара, подмигнув в мою сторону.

Они одновременно разразились такими раскатами хохота, что я почувствовала себя совершенно не в своей тарелке. Я терпеть не могла, когда надо мной смеялись или при мне разговаривали так, будто меня нет в комнате. Я уже собиралась сказать им, что они совсем не понимают меня, но вдруг Клара снова заговорила, обращаясь на этот раз ко мне.

- Ты понимаешь, почему мы советуем тебе не вступать в половые сношения? - спросила она.

- Чтобы я могла совершить путешествие к свободе, сказала я, повторяя слова м-ра Абеляра.

Затем я прямо спросила Клару о том, воздерживаются ли она и м-р Абеляр от половой жизни или просто пропагандируют линию поведения, которой не собираются следовать в жизни сами.

- Я же говорила тебе, что мы - не муж и жена, ответила Клара, ничуть не смутившись. - Мы - маги и поэтому нас интересует сила, которая приходит вместе с накоплением энергии, а не при растрачивании ее.

Я повернулась к м-ру Абеляру и спросила у него, правда ли, что он является магом, и попросила объяснить, что это значит. Он посмотрел на Клару, будто спрашивал у нее разрешения на то, чтобы разгласить тайну. Клара едва заметно одобритительно кивнула.

- Мне не нравится слово "маг", - сказал он, - потому что оно сразу же наводит на мысль о человеке, который занимается тем, что не имеет никакого отношения к нашим делам.

- О каких делах идет речь? - спросила я. - Клара сказала, что только вы можете ответить на этот вопрос.

М-р Абеляр сел ровно и устрашающе посмотрел на меня. Мгновенно я забыла обо всем и приготовилась внимательно его слушать.

- Мы - группа, состоящая из шестнадцати человек, к числу которых отношусь и я, и еще одного существа Манфреда,- начал он официальным тоном.

- Десятеро среди нас - женщины. Все мы занимаемся одним и тем же: мы посвятили свои жизни совершенствованию своих двойников. С помощью эфирных тел нам удастся совершать действия, которые не могут быть описаны в рамках законов физического мира. Если мы теперь условимся называть это магией, то можно сказать, что все мы - маги. Если нет, мы - не маги. Это проясняет положение вещей?

- Из того, что вы рассказываете мне о двойнике, я делаю вывод, что вы хотите, чтобы я тоже стала магом. Это так? - спросила я.

- Не совсем, - ответил он, внимательно глядя на меня. - Все здесь зависит от тебя. Ведь в каждом конкретном случае от самого человека зависит, как сложится его судьба.

- Но Клара говорила, что все в этом доме появляются не случайно. Почему я была избрана? - спросила я. - Почему именно я?

- Ответить на этот вопрос очень трудно, - сказал м-р Абеляр, улыбаясь. - Давай ограничимся тем, что скажем, что мы должны были взять тебя в этот дом. Ты помнишь ту ночь лет пять назад, когда тебя застали в компрометирующей ситуации с молодым человеком?

Я тут же начала чихать, как со мной бывало всегда, когда я чувствовала себя в опасности. По ходу занятий воспоминанием я снова и снова вспоминала все подобные ситуации. С четырнадцатилетнего возраста я с ума сходила из-за молодых людей и постоянно преследовала их так же, как в детстве бегала за своими братьями. Мне больше всего на свете хотелось, чтобы меня любили, потому что я знала, что мои домашние меня не любят. Но это всегда заканчивалось тем, что я отпугивала кандидатов в поклонники раньше, чем мы успевали сблизиться. Моя навязчивость послужила поводом для того, чтобы все начали считать меня ветреной женщиной, способной на все. В итоге у меня была самая худшая репутация из всех, какие только можно себе вообразить, хотя я не совершила и половины того, что мне приписывали родители и друзья.

- Тебя застали в служебном помещении кафе того кинотеатра на открытом воздухе, куда люди приезжают на просмотр фильма в автомобилях. Это было в Калифорнии, помнишь? - услышала я слова м-ра Абеляра.

Как я могла не помнить? Несомненно, это была одна из самых худших переделок в моей жизни. И поскольку воспоминания о ней были для меня такими болезненными, я все откладывала ее глубокую проработку в ходе воспоминания, каждый раз только издали касаясь ее. Тогда во время летних каникул я нанялась в кинотеатр на работу, которая состояла в том, чтобы

продавать горячие бутерброды с сосисками и прохладительные напитки. В конце лета молодой человек по имени Кенни, который работал в справочном бюро того же кинотеатра на открытом воздухе, сказал, что любит меня. До этого я была полностью безразлична к нему, потому что на примете у меня был директор кинотеатра, который был красив и богат. Но к несчастью для меня, он был увлечен Ритой, девятнадцатилетней ярко-размалеваной красоткой, которая стала моей Немезидой.* Каждый вечер вскоре после того, как начинался сеанс, она украдкой проскальзывала в кабинет босса и запирала за собой дверь. Когда она появлялась оттуда перед самым началом перерыва, ее красно-белый клетчатый костюм официантки был весь измят, а волосы взлохмачены и запутаны. Я сильно завидовала Рите за то внимание, которое ей уделяют. Но еще хуже было то, что вскоре она получила более престижную работу кассира, тогда как я по-прежнему бегала с поп-корном и бутылками лимонада.

Когда Кенни сказал мне, что я красива и желанна, я начала смотреть на него в ином свете. Я перестала замечать, что его лицо сплошь покрыто угрями, что он постоянно хлещет пиво, слушает веселенькую музыку, ходит в ботинках и разговаривает на отвратительном техасском слэнге. Совершенно неожиданно для себя я увидела в нем мужество и красоту, хотя все, что я знала о нем, сводилось к тому, что его родители - католики. Я даже не знала, что он покуривает марихуану. Я начала влюбляться в него и не хотела, чтобы все эти, как мне тогда казалось, мелочи воспрепятствовали этому.

Когда я сообщила ему, что заканчиваю работать в конце недели, потому что моя семья уезжает на остаток моих каникул в Германию, и я должна последовать за ними, Кенни был очень раздосадован. Он обвинил моих родителей в том, что они пытаются разлучить нас. Он взял меня за руку и поклялся, что не может жить без меня. Он предложил мне выйти за него замуж, но мне тогда еще не было и шестнадцати, поэтому я сказала, что ему придется подождать. Он страстно обнял меня и сказал, что в таком случае мы могли бы по крайней мере заняться любовью. Я не поняла, имел ли он в виду тот вечер или вообще время до моего отъезда, но тут же согласилась с ним и предложила не откладывать. До конца сеанса у нас оставалось минут двадцать, поэтому я быстро отодвинула в сторону булочки и начала раздеваться.

* Древнегреческая богиня возмездия.

Он испугался. Он дрожал, как мальчишка, хотя ему было уже двадцать два. Мы обняли друг друга и поцеловались, но прежде чем случилось все остальное, к нам в комнату ворвался какой-то старик. Увидев, что мы находимся в такой неловкой ситуации, он схватил метлу, ударил ею меня по спине и выгнал меня полураздетую в фойе, где я оказалась на виду у публики, стоящей в очереди в буфет. Они принялись хохотать и язвительно обзывать меня. Но хуже всего было

то, что среди них я узнала двух учителей из своей школы. Они были так же шокированы, когда меня увидели, как и я, когда узнала их. Один из них рассказал о случившемся директору школы, который в свою очередь доложил обо всем родителям. Через некоторое время обо мне стали ходить сплетни, я стала посмешищем для всей школы. В последующие годы больше всех на свете л ненавидела того глупого старичка, который взял на себя роль моего морального воспитателя. Мне казалось, что в действительности это он испортил мне жизнь, потому что после этого мне не пришлось больше увидеться с Кенни.

- Я был тем старичком, - сказал м-р Абеляр так, будто следил за моими мыслями.

В это мгновение на меня свалилась вся тяжесть воспоминания о том публичном осмеянии. Но тот факт, что виновник всего происшедшего был сейчас передо мной, был для меня совершенно невыносимым. Почувствовав полную безвыходность своего положения, я расплакалась. Однако хуже всего было то, что м-р Абеляр, казалось, совсем не сожалеет о том, что тогда сделал.

- Я слежу за тобой, начиная с того самого вечера, сказал он, застенчиво улыбаясь.

В его взгляде и словах я прочла множество утонченных сексуальных оттенков. Казалось, что мое сердце вот-вот разорвется от ярости и страха. Я тогда поняла, что Клара привезла меня в Мексику, претворяя в жизнь какой-то злоедейский замысел, который распространялся на меня и явно был связан с половыми извращениями. Ни на мгновение я не верила в то, что они говорили о воздержании.

- Что вы намереваетесь делать со мной? - спросила я дрожащим от страха голосом.

Клара озадаченно посмотрела на меня, а затем начала смеяться так, будто поняла, что у меня на уме. М-р Абеляр передразнив меня, задал Кларе тот же вопрос:

- Что вы намереваетесь делать со мной?

Вслед за этим его громогласный хохот присоединился к Кларину так, что, казалось, задрожал весь дом. Я услышала завывание Манфреда, доносящееся из его будки, - оно тоже напоминало смех. Я чувствовала себя хуже чем ничтожеством: для меня это был полный крах. Я поднялась, чтобы уйти, но м-р Абеляр снова толкнул меня на диван.

- Стыдливость и чувство собственной вины - не лучшие приятели,- сказал он серьезно. - Ты не проработала этот эпизод в ходе воспоминания, в противном случае ты бы себя сейчас так не вела.

А затем, сменив свой гневный взгляд на почти что соболезнующий, он добавил:

- Мы с Кларой ничего не собираемся с тобой делать. Ты уже сама сделала более чем достаточно. В тот вечер я искал комнату отдыха и случайно открыл дверь служебного помещения. Поскольку нагваль не может сделать подобной ошибки по невнимательности, так как он всегда осознает все свои действия, мне пришлось предположить, что сама судьба привела меня к тебе, а это означает, что ты для меня что-то значишь. Увидев тебя полураздетой, готовой отдаться какому-то хилому парню, который, возможно, испортит тебе жизнь, я начал действовать решительно и ударил тебя метлой.

- На самом деле вы сделали меня посмешищем для родных и друзей, - с досадой сказала я.

- Возможно. Но кроме этого я поймал твое эфирное тело и отметил его одной особой энергетической линией, сказал он. Начиная с этого дня, я всегда знал, где ты, но мне понадобилось пять лет для того, чтобы мы с тобой оказались в ситуации, в которой ты сможешь выслушать то, что я должен сказать тебе.

В первый раз до меня полностью дошли его слова. Я с недоверием уставилась на него.

- Вы хотите сказать, что постоянно знали, где я нахожусь? - спросила я.

- Я следил за каждым твоим движением, - ответил он уверенно.

- Значит, вы подсматривали за мной?

Смысл его слов медленно поднимался на поверхность моего ума.

- Да, в некотором смысле, - признался он.

- И Клара знала, что я живу в Аризоне?

- Естественно, все мы знали, где ты.

- Значит, Клара тогда встретила меня в пустыне не случайно! - выпалила я.

Я повернулась к Кларе в ярости.

- Ты знала, что я буду там, правда?!

Клара кивнула.

- Признаю это. Но ты ездила туда так часто, что нетрудно было

проследить, где ты бываешь.

- Ио ведь ты сказала мне, что ты оказалась там случайно, - закричала я. - Ты сказала неправду. Ты хитростью заманила меня в Мексику. И с тех пор ты постоянно мне лжешь, посмеиваясь у меня за спиной, Бог знает почему!

Все сомнения и подозрения, которые я не высказывала месяцами, вырвались на поверхность.

- Для тебя это всегда были шуточки! - вопила я. Ты сразу поняла, что я глупая и доверчивая!

М-р Абеляр свирепо взглянул на меня, но я не опустила глаз и смотрела прямо на него. Он похлопал меня по голове, чтобы успокоить.

- Ты жестоко ошибаешься, девушка, - сказал он строго. - Все это для нас не забава. Верно, что мы немало потешаемся над твоей неразумностью, но никакие наши действия не направлены на то, чтобы обмануть кого-то или обвести вокруг пальца. Наши действия преследуют очень серьезную цель. В действительности здесь речь идет о нашей жизни или смерти.

Он говорил так проникновенно и выглядел так повелительно, что почти вся моя злость исчезла, оставив вместо себя безнадежное замешательство.

- Чего Клара от меня хочет? - спросила я, глядя на м-ра Абеляра.

- Я дал Кларе очень деликатное задание: привести тебя домой, - объяснил он. - И это ей удалось. Ты последовала за ней, повинаясь своей глубинной предрасположенности. Согласись, что не каждому незнакомому человеку удастся пригласить тебя к себе в дом. Но она справилась с этой почти невозможной задачей. Это был мастерский ход! Мне остается только восхищаться тем, как хорошо это ей удалось.

Клара вскочила на ноги и почтительно поклонилась.

- Шутки в сторону, - сказала она, снова садясь и принимая самый серьезный вид. - Нагваль прав: это было самое трудное дело в моей жизни. В какой-то момент мне показалось, что ты вот-вот должна уступить своей недоверчивой натуре и послать меня подальше. Мне пришлось даже соврать тебе и сказать, что у меня есть тайное буддистское имя.

- А его у тебя нет?

- Нет. Все тайны во мне сожгло мое стремление к свободе.

- Но мне по-прежнему неясно, как Клара узнала, где меня искать, - сказала я, глядя на м-ра Абеляра. - Как она поняла, что я была в это время в Аризоне?

- С помощью твоего двойника, - ответил м-р Абеляр так, словно речь шла о чем-то совершенно очевидном.

Как только он сказал это, мой ум прояснился, и я сразу же поняла, что он имеет в виду, я уже на самом деле знала, что это была единственная возможность проследить за мной.

- Я прицепил одну энергетическую линию к твоему тонкому телу в тот вечер, когда впервые тебя встретил, объяснил он. - Поскольку двойник состоит из чистой энергии, оставить на нем такую отметину не так уж трудно. Принимая во внимание обстоятельства нашей встречи, я почувствовал тогда, что по крайней мере это я могу сделать для тебя. Для твоей же защиты.

М-р Абеляр смотрел на меня, ожидая, что я задам вопрос. Но я была занята тем, что пыталась вспомнить как можно подробнее обстоятельства того вечера, когда он ворвался в комнату, где я находилась.

- Ты что, не будешь спрашивать у меня, как я отметил тебя? - спросил он, глядя на меня испытующе.

Мои уши покраснели, я почувствовала, как комната наполняется энергией, и вдруг все стало на свои места. Мне не нужно было спрашивать м-ра Абеляра, как он сделал это, потому что я поняла это без его объяснений.

М-р Абеляр утвердительно кивнул, довольный тем, что я все поняла сама.

- Вы отметили меня ударом метлы! - воскликнула я.

Это было для меня несомненно, но когда я задумалась над своими словами, они показались мне совершенно бессмысленными, потому что я никак не могла их обосновать.

- Совершенно верно. Я отметил тебя, когда ударил по верхней части спины метлой, выгоняя тебя из комнаты. При этом я оставил внутри тебя особую энергию. Она находится в тебе с тех самых пор.

Клара подошла ко мне и пристально посмотрела на меня.

- Тайша, разве ты никогда не замечала, что твое левое плечо выше, чем правое?

Я знала, что одна из моих лопаток торчит сильнее, чем другая, вследствие чего в затылке и плечах у меня иногда возникает напряжение.

- Я думала, что это у меня от рождения, - сказала я.

- Никто не рождается с отметиной нагваля, - засмеялась Клара. - Энергия нагваля сконцентрирована у тебя за левой лопаткой. Вспомни, твои плечи стали неровными после того, как нагваль ударил тебя метлой.

Я вынуждена была признаться, что именно в то время, когда я работала на каникулах в кинотеатре на открытом воздухе, моя мать заметила, что у меня что-то случилось со спиной. Она примеряла на меня летнее платье, которое шила для меня тогда, и заметила, что оно неровно сидит на мне. Она была удивлена, когда обнаружила, что изъязн не в платье, а в моих лопатках: одна из них была заметно выше другой. На следующий день она вызвала семейного доктора, который осмотрел меня и пришел к выводу, что у меня немного искривлен позвоночник. Он поставил диагноз "сколиоз", но заверил мать, что искривление настолько незначительно, что на него можно не обращать внимания.

- Тебе повезло, что нагваль не оставил в тебе слишком много энергии, - сказала Клара насмешливо, - а то бы ты стала горбуньей.

Я повернулась лицом к м-ру Абеяру, чувствуя, что мышцы на спине у меня напряжены так, как это обычно происходило, когда я нервничала.

- Теперь, когда вы поймали меня, что вы собираетесь со мной делать? - спросила я.

М-р Абеяр сделал шаг в направлении ко мне. Его холодный взгляд заставил меня сосредоточиться.

- Все, что я хотел, начиная с того самого дня, когда я тебя впервые встретил, - это сделать с тобой то же, что и в тот вечер, - ответил он

торжественно. - А именно: открыть дверь и выгнать тебя наружу. Только наэтот раз я хочу открыть дверь в этом обычном мире и выгнать тебя на свободу.

Его слова и то, как он их произнес, вызвали во мне целую лавину переживаний. Дело в том, что сколько я себя помню, я всегда чего-то искала, выглядывала из окна, разглядывая пешеходов на улице, словно где-то рядом кто-то поджидает меня. У меня всегда были какие-то непонятные предчувствия, мне снились сны о побегах, хотя я никогда не могла понять, от чего я убегала. Именно это чувство заставило меня последовать за Кларой в неизвестном направлении. Оно же удерживало меня от того, чтобы уехать отсюда, несмотря на очевидную бессмысленность всего, чем я здесь занималась. М-р Абеляр продолжал пристально смотреть на меня, и вдруг по мне прокатилась волна неопишуемой благодати. Я поняла, что наконец-то нашла то, что всегда искала. Повинуясь порыву искренней признательности, я наклонилась и поцеловала его руку. Из каких-то неведомых мне ранее глубин во мне что-то поднялось, и я пробормотала то, что не имело никакого смысла, а выражало лишь мои чувства.

- Вы и мой нагваль тоже, - сказала я.

Его глаза сияли, радуясь тому, что мы в конце концов пришли к пониманию. Он нежно потрепал меня по волосам, и тут все мои скрытые страхи и разочарования прорвались потоками слез.

Клара встала и подала мне носовой платок.

- Для того чтобы вывести тебя из этого грустного расположения духа, нужно было тебя разозлить или заставить думать, - сказала она. - Я сейчас открою тебе то, что подействует на тебя и так, и этак. Я не только знала, где найти тебя в пустыне, но и ... Помнишь ту душную, запакованную вещами маленькую квартирку, из которой ты попросила меня перевезти свои вещи? Так вот, дом, в котором она расположена, принадлежит моему двоюродному брату.

Я ошарашено посмотрела на Клару, не в состоянии вымолвить ни слова. Смех ее и м-ра Абеяра прозвучал в моих ушах как грандиозный взрыв. Что бы они ни сказали или ни сделали, сильнее они не могли меня удивить ничем. Когда я вновь пришла в себя, вместо того, чтобы разозлиться на них за то, что как они так обошлись со мной, меня охватил благоговейный страх перед невероятной точностью их замысла и широтой их возможностей, которые, как я теперь поняла, не сводились лишь к тому, чтобы контролировать меня, но вытекали из их глубокого контроля себя самих.

Глава 15

Однажды через несколько месяцев после знакомства с м-ром Абеляром Клара вместо того, чтобы послать меня заниматься воспоминанием в пещере, предложила мне составить ей компанию для работы во дворе. Неподалеку от огорода за внутренним двориком Клара усердно сгребала на кучу листья. Я увидела, что наверху кучи она аккуратно выложила какой-то узор из сухих коричневых листиков.

- Что ты делаешь? - спросила я, подходя поближе, чтобы лучше видеть.

Я чувствовала усталость и уныние, потому что все утро, сидя в пещерке, прокручивала в воображении воспоминания о своем отце. Мне всегда казалось, что он похож на высокомерного напыщенного великана-людоеда. Но когда я поняла, что в действительности это обычный угрюмый мужчина, надломленный войной и переживший полное крушение надежд на красивую жизнь, я почувствовала великое разочарование.

- Я свила тебе гнездышко, где ты можешь сесть, ответила Клара. - Ты должна будешь расположиться на этой куче, как наседка на яйцах. Я хочу, чтобы ты отдохнула, потому что скоро к нам пожалует гость.

- Кто бы это мог быть? - спросила я как бы невзначай.

Уже не один месяц Клара обещала познакомить меня с другими членами группы нагваля - своими таинственными родственниками, которые, должно быть, вернулись из Индии, - но до сих пор этого не происходило. Каждый раз, когда я выражала желание повидать их, она говорила, что я вначале должна очиститься с помощью воспоминания, потому что в том состоянии, в котором я тогда находилась, я не была готова к этой встрече. И я верила ей. Чем больше я исследовала свои воспоминания, тем больше я убеждалась, что нуждаюсь в очищении.

- Ты не ответила на мой вопрос, Клара, - раздраженно сказала я. - Кто должен к нам прийти?

- Какая тебе разница? - промолвила она, протягивая мне несколько сухих листиков цвета меди. - Положи их себе на пупок и обвяжи тем поясом, который используешь при воспоминании.

- Я оставила свой пояс в пещере, - сказала я.

- Надеюсь, ты правильно им пользуешься, - начала

она. - Он нужен для того, чтобы поддерживать нас во время воспоминания. Ты завязываешь его вокруг талии, а одним концом привязываешь к палке, которую я закопала в пещерке. Таким образом ты не упадешь и не ударишься головой, даже если задремлешь или если пожелает проснуться твой двойник.

- Мне сходить и принести его?

Она рассержено щелкнула языком.

- Нет, у нас нет больше времени. Наш гость должен явиться с минуты на минуту, а я хочу, чтобы ты успела расслабиться и была в лучшей своей форме. Возьми мой пояс.

Клара поспешно вошла в дом и сразу же вернулась с полоской из оранжевой ткани. Она была действительно прекрасна. На ее поверхности был вышит едва заметный узор. В лучах солнечного света эта шелковая полоска переливалась разными оттенками от темно-золотистого до нежного янтарного.

- Если какое-то место на твоем теле болит или повреждено, оберни вокруг него этот пояс, - объяснила Клара. Он поможет тебе выздороветь. В нем отложилось немало силы, потому что я годами занималась в нем воспоминанием. Когда-нибудь то же самое ты сможешь сказать и о своем поясе.

- Почему ты не можешь сказать мне, кто к нам придет? - настаивала я.

- Ты ведь знаешь, как я не люблю сюрпризы. Это нагваль?

- Нет, кто-то другой, - сказала она, - но этот кто-то не менее силен. Когда ты встретишься с ней, ты должна быть спокойной и совершенно без мыслей, иначе ее присутствие не пойдет тебе на пользу.

Чрезмерно напыщенно Клара сказала мне, что сегодня мне обязательно придется использовать все магические приемы, которым она меня обучила - и не потому, что кто-то будет проверять, знаю ли я их, а потому, что я подошла к распутью и должна буду начать движение в новом направлении.

- погоди, Клара, не пугай меня разговорами о скорых изменениях, - взмолилась я. - У меня вызывает страх это новое направление.

- Пугать тебя меньше всего входит сейчас в мои планы, - заверила она.

- Дело в том, что я сама немного беспокоюсь. Магические кристаллы с тобой?

Я расстегнула жилет и показала ей кожаный мешочек на веревочке, висящий у меня на шее, который я с ее помощью сшила для того, чтобы хранить в нем два кварцевых кристалла. Они находились каждый в отдельном кармашке, закрытые сверху кусочком кожи с застежкой.

- Достань их и держи наготове, - сказала она. - И пользуйся ими для того, чтобы поддерживать свою энергию на должном уровне. Не жди, пока она посоветует тебе сделать это. Делай это по своему усмотрению всякий раз, когда чувствуешь, что нуждаешься в энергетической подпитке.

Судя по утверждениям Клары, я могла легко сделать два вывода: что должна состояться очень серьезная встреча, и что ожидаемый гость - женщина.

- Она - одна из твоих родственниц? - спросила я.

- Да, - сказала Клара, холодно улыбаясь. - Эта особа - моя родственница, член нашей группы. А теперь расслабься и не задавай больше никаких вопросов.

Я хотела узнать, где сейчас находятся ее родственники. Они не могли жить в этом доме, потому что я рано или поздно наткнулась бы на них или по крайней мере заметила бы следы их присутствия. Но тот факт, что я нигде ни разу не встретилась ни с кем из них, превратил мое любопытство в наваждение. Я воображала, что родственники Клары специально прячутся от меня и даже подсматривают за мной. Это выводило меня из себя и в то же время умножало мою решимость хотя бы мельком увидеть кого-то из них. Источником моего беспокойства было безошибочное ощущение, что за мной постоянно следят.

Я, желая получить доказательства их присутствия, оставляла один из своих карандашей валяться на видном месте для того, чтобы кто-нибудь подобрал его. Я оставляла журнал открытым на определенной странице, а потом проверяла, на том ли месте он открыт. На кухне я внимательно исследовала всю посуду, чтобы выяснить, не пользуется ли ею кто-нибудь кроме нас. Дошло даже до того, что я очищала от мусора участки тропинки перед черным ходом в дом, и подойдя к нему позже, искала на нем отпечатки чьих-то ног или какие-то другие непонятные следы. Но несмотря на все мои детективные уловки, я каждый раз обнаруживала лишь следы Клары, Манфреда и свои. Я была уверена, что если бы кто-то скрывался от меня в доме, я бы точно заметила его. Но поскольку я ничего не замечала, получалось, что в доме никого кроме нас нет, хотя это и противоречило моим ощущениям.

- Прости меня, Клара, но я все же должна кое-что у тебя спросить, - выпалила я, в конце концов не удержавшись, - потому что я скоро свихнусь. Где живут твои родственники?

Клара удивленно посмотрела на меня.

- Это их дом. Разумеется, они живут здесь.

- Но где именно? - настаивала я. Мне даже захотелось рассказать ей обо всех своих уловках, с помощью которых я напрасно старалась подтвердить их присутствие, но я удержалась от этого.

- О! Понимаю, что ты имеешь в виду, - ответила она. - Тебе не удалось обнаружить никаких их следов, несмотря на все твои попытки разыграть из себя сыщика. Но в этом нет ничего загадочного. Ты никогда не видела их, потому что они живут в левом крыле дома.

- Но почему они никогда не выходят во двор?

- Они выходят, только избегают появляться вблизи правого крыла, потому что в нем живешь ты, а они не хотят тебе мешать. Они знают, как ты дорожишь своим одиночеством.

- Но как можно ни разу не попасться мне на глаза? Не перегибают ли они в данном случае, стараясь любой ценой не нарушить мое одиночество?

- Нисколько, - ответила Клара. - Тебе нужно полное одиночество для того, чтобы ты могла сосредоточить все внимание на воспоминании. Когда я сказала тебе сегодня, что у нас будет посетитель, я имела в виду, что одна из моих родственниц придет из левого крыла для того, чтобы повидаться с тобой. Она давно мечтает с тобой встретиться, но вынуждена была ждать, пока ты хотя бы немного очистишься. Я говорила тебе, что встреча с ней является еще большим испытанием, чем встреча с нагвалем. Ты должна уже обладать некоторой силой. В противном случае с тобой опять что-нибудь приключится, как в тот вечер, когда ты познакомилась с нагвалем.

Клара помогла мне расположить листочки на животе и прижать их поясом.

Эти листья и пояс помогут тебе устоять перед натиском этой женщины, - сказала Клара, а затем, глядя на меня, добавила:

- Они защитят тебя и от других ударов тоже. Поэтому, что бы ты ни делала, не снимай повязку.

- А что со мной должно произойти? - спросила я, нервно набивая под пояс побольше листьев.

Клара пожала плечами.

- Все зависит от твоей силы, - сказала она и потуже затянула узел пояса. - Но по тому, как ты выглядишь, я ничего не могу сказать об этом.

Дрожащими пальцами я снова застегнула пуговицы рубашки и заправила ее в свои отвисающие штаны. Я выглядела раздувшейся, потому что вокруг талии была обмотана широким оранжевым куском ткани. Листья были похожи на колкую травяную подушку, которая лежала у меня на животе. Но через некоторое время мой беспокойный живот перестал дрожать. Он нагрелся и расслабился, а за ним и все тело.

- А теперь усади себя на кучу листьев так, как это делает курица, - приказала Клара.

Я, должно быть, удивленно посмотрела на нее, потому что она спросила меня:

- Как ты думаешь, чем занимаются куры, когда сидят на яйцах?

- Не имею представления, Клара.

- Курица сидит спокойно и прислушивается к яйцам под собой, сосредоточивая на них все свое внимание. Она прислушивается и не позволяет себе отвлечься на что-то постороннее ни на миг. Эта негибкая концентрация внимания направляет ее намерение на то, чтобы вылупились цыплята. Способностью спокойно вслушиваться животные владеют от природы, но люди потеряли этот дар и поэтому должны снова развивать его в себе.

Клара села на большой бледно-серый камень и повернулась лицом ко мне. В камне была естественная впадина, придающая ему вид кресла.

- Теперь задремай так, как курица, и слушай своим глубинным слухом то, что я буду тебе рассказывать. Сосредоточься на тепле в животе и не позволяй вниманию отвлекаться. Прислушивайся к звукам, доносящимся отовсюду, но не позволяй уму следовать за ними.

- Действительно ли мне нужно сидеть здесь так, как ты говоришь, Клара? Я хочу сказать, не будет ли лучше, если я просто вздремну для того, чтобы немножко освежиться?

Боюсь, что не будет. Как я уже говорила тебе, присутствие нашей будущей гостьи является серьезным испытанием. Если ты не накопишь достаточное количество энергии, для тебя это будет полный провал. Поверь мне, она не так ласкова, как я. Она больше напоминает нагвалю своей беспощадностью и жестокостью.

- А зачем она подвергает всех такому испытанию?

- Она просто ничего не может с собой поделать. Она настолько превосходила людей в своем развитии и так мало обращает внимания на их заботы, что может своей энергией полностью сокрушить тебя. В настоящее время различия между ее физическим телом и эфирным двойником не существует. Я хочу сказать, что она великая женщина-маг.

Клара взглянула на меня испытующе и высказалась о темных кругах у меня под глазами.

- Конечно же, ты опять читала ночью при свете фонаря. Или скажешь, что не читала? - упрекнула она. - Почему, как ты думаешь, мы не провели в спальне электричество?

Я сказала ей, что не прочла ни одной страницы с того самого дня, когда впервые вошла в ее дом, потому что воспоминание и другие занятия, которыми она загрузила меня, отнимали у меня все время.

- Я не слишком люблю читать, - призналась я. - Но все же я иногда была бы не прочь пошарить по книжным полкам в холле.

Я не сказала ей, что в действительности ходила туда для того, чтобы наблюдать, не взяли ли ее родственники каких-то книг.

Она рассмеялась и сказала:

- Кое-кто из моих родственников очень любит читать. Но на меня это не распространяется.

- Но разве ты никогда не читаешь ничего просто ради удовольствия, Клара?

- Нет. Я читаю для того, чтобы получить новые сведения. Но есть среди нас и такие, которые читают ради удовольствия.

- Почему же я тогда ни разу не видела, чтобы на полке недоставало книг? - спросила я, стараясь говорить так, словно это вопрос, заданный мимоходом.

Клара захихикала.

- У них есть своя библиотека в левом крыле дома, сказала она, а затем спросила меня:

- А разве ты читаешь ради удовольствия, Тайша?

- К несчастью, я тоже читаю только для того, чтобы узнать что-то новое, - ответила я.

Я поведала Кларе, что моя любовь к чтению была подавлена в зародыше еще тогда, когда я обучалась в средней школе. Один из приятелей моего отца, хозяин книготорговой фирмы, имел привычку давать моему отцу целые упаковки книг, которые не пользовались спросом. Отец просматривал и отбирал художественные для меня, чтобы я обязательно читала их в дополнение к тем, которые меня заставляли читать в школе. Я знала, что от меня требуется, чтобы я прочла все от первого до последнего слова, но хуже всего было то, что он требовал от меня, чтобы я всегда заканчивала одну книгу, прежде чем начать читать другую. Впоследствии я была немало удивлена, когда узнала, что мои друзья иногда читают одновременно по несколько книг, переходя от одной к другой в зависимости от своего настроения.

Клара посмотрела на меня и покачала головой так, будто со мной было все ясно.

- Под давлением родителей дети ведут себя очень странно, - сказала она. - Теперь я понимаю, почему ты так привыкла к принуждению. Уверена, что если бы ты вспомнила сейчас, о чем были все те истории, ты была бы немало удивлена. В детстве мы никогда не ставим под сомнение то, что нам предлагается, точно так же, как и не спрашиваем, зачем нужно прочитывать каждую книгу от корки до корки. Члены моей семьи имеют серьезные претензии к тому, что родители делают с детьми.

Я прямо не могу дождаться, когда мне посчастливится встретиться с твоими родственниками, Клара.

- Вполне естественно. Ведь я так много говорила тебе о них.

- Дело не только в этом, Клара, - сказала я. - Речь идет о каком-то физическом ощущении. Сама не знаю почему, но я не прекращаю думать о них. Они мне уже начали сниться.

Как только я сказала это, что-то прояснилось у меня в уме. Я решила подвергнуть Клару прямому допросу. Ведь если она знала обо мне задолго до нашей встречи в горах, и если ее двоюродный брат как хозяин дома, в котором я жила, тоже знал меня, мне внезапно пришло в голову спросить у нее, знаю ли я других ее родственников.

- Естественно, все они знают тебя, - ответила Клара так, словно речь шла о чем-то самом очевидном, - но я ее спрашивала не об этом.

Я совершенно не могла представить себе, кем они могли быть.

- Позволь мне прямо спросить тебя об этом, Клара. Я их знаю? - настаивала я.

- Это один из тех вопросов, на которые я не могу пока тебе ответить, Тайша. Думаю, будет лучше, если ты не будешь меня об этом спрашивать.

Я обиделась. Но как только я привстала с кучи листьев, Клара ловко толкнула меня обратно.

- Ладно, ладно, Маленькая Мисс Сыщик, - сказала она. - Если ты согласишься посидеть еще некоторое время, я расскажу тебе. Ты знаешь их всех, но, разумеется, ты не помнишь, когда ты их встречала. Даже если кто-нибудь из моих родственников окажется сейчас перед тобой, мне кажется, ты нисколько не заподозришь, что видишь его не в первый раз. Но в то же время что-то в тебе придет в сильное возбуждение. Такой ответ тебя удовлетворяет?

Ее ответ совсем не удовлетворял меня. Он фактически убедил меня в том, что она умышленно мистифицирует меня, заговаривая мне зубы, играя словами.

- Тебе, наверное, приятно издеваться надо мной, сказала я с отвращением.

Клара громко засмеялась.

- Я не разыгрываю тебя, - заверила она меня. Дело в том, что труднее всего объяснить, кто мы такие и что мы делаем. Я очень хочу, чтобы мои слова были понятнее, но мне не удастся этого достичь. Поэтому с твоей стороны будет бессмысленным настаивать на объяснении там, где его не существует.

Сидеть мне стало неудобно, и я заерзала на куче. Ноги так затекли, что я их не чувствовала. Клара предложила мне лечь на живот и положить голову на правую руку, согнув ее в локте. Я так и сделала и заметила, что это положение довольно удобно. Казалось, что я глубоко связана с землей и листьями, но ум оставался спокоен и внимателен. Клара наклонилась и ласково погладила меня по голове. Затем она так странно взглянула на меня, что мне захотелось взять ее за руку и подержать некоторое время.

- А теперь мне пора уходить, Тайша, - сказала она тихо, высвобождая свою руку, - но будь уверена, что мы еще встретимся. - В ее глазах играли маленькие желтые огоньки. Взгляд этих глаз был последним, что я видела.

Я проснулась от того, что кто-то касался палкой моей спины. Надо мной стояла странная женщина. Она была высокой, стройной и невероятно красивой.

Черты ее лица были словно высечены из мрамора - небольшой рот, равные зубы, идеально очерченный нос, овальное лицо. Она была изящного скандинавского телосложения и выглядела почти прозрачной. Ее выющиеся белокурые волосы сияли. Когда она улыбнулась, мне показалось, что это молодая девушка, дерзкая и пленительная. Но когда она смотрела невозмутимо, казалось, что это жительница континентальной Европы, средних лет и модно одетая. Ее одежда была изыскана и выдержана в одном стиле. Особенно бросались в глаза ее удобные туфли, каких я никогда не видела на красавицах в Соединенных Штатах, где хорошо одетая женщина в таких туфлях выглядела бы как мать семейства.

Женщина была одновременно старше и моложе Клары: очевидно, она была старше ее возрастом, но выглядела намного моложе. Кроме того, ей было свойственно то, что можно назвать внутренней энергией. По сравнению с ней Клара выглядела не до конца развитой, тогда как это существо воплощало в себе совершенство. Я осознала, что с неподдельным любопытством меня рассматривал кто-то, совсем не похожий на обычных людей, возможно, отличающийся от них, как представитель другой цивилизации разумных существ.

Я вскочила и быстро представилась.

Меня зовут Нелида Абеляр, - сказала она по-английски. - Я живу здесь вместе с своими компаньонами. Ты уже знакома с двумя из них, - Кларой и нагвалем Джоном Мишелем. Вскоре ты встретишься и со всеми остальными.

У нее был какой-то особый выговор. Ее голос был приятен и так близко знаком мне, что я, недоумевая, уставилась на нее. Она рассмеялась, как мне показалось, из-за того, что от удивления на моем лице застыла резиновая улыбка. Звук ее пронзительного смеха тоже показался мне отдаленно знакомым - у меня было чувство, что я уже слышала этот смех раньше. У меня промелькнула мысль, что я видела где-то эту женщину, но все никак не могла вспомнить, где. Чем больше я смотрела на нее, тем больше я была убеждена, что встречалась с ней когда-то, но забыла, когда это было.

- В чем дело, дорогая? - спросила она заботливым тоном. - Тебе кажется, что мы встречались раньше?

- Да, да, - возбужденно промолвила я, потому что почувствовала, что вот-вот вспомню, где я ее видела.

- Рано или поздно ты вспомнишь, где это было, сказала она успокаивающим голосом, который дал мне понять, что она не спешит. -

Очищающее дыхание, которым ты занимаешься во время воспоминания, когда-нибудь позволит тебе вспомнить все, что ты делала в своей жизни, включая и сны. Тогда ты поймешь, где и когда мы встречались.

Я почувствовала неловкость из-за того, что не могу оторвать от нее глаз и поймана врасплох на первой же своей мысли о ней. Я встала и повернулась к ней лицом, но не вызываяще, а с благоговейным ужасом.

- Кто вы? - спросила я, будто во сне.

- Я уже сказала, кто я, - сказала она с улыбкой. Но когда ты узнаешь, что я из себя представляю, ты будешь разочарована. На самом деле я не Бог весть что. Я просто одна из группы людей, которые ищут свободу. После того, как ты встретишься с нагвалем, следующим шагом для тебя была встреча со мной. Это потому, что я ответственна за тебя.

Услышав, что она ответственна за меня, я почувствовала укол страха. Всю свою жизнь я боролась за то, чтобы отстоять свою независимость. Я завоевывала ее, пуская в ход все свои способности.

- Я не хочу, чтобы кто-то был ответственным за меня, - сказала я. - Я так настойчиво боролась за то, чтобы ни от кого не зависеть, что не желаю больше быть ни у кого под пятой.

Я думала, что она обидится, но она засмеялась и дружелюбно похлопала меня по плечу.

- Я не хотела, чтобы это так прозвучало, - сказала она. - Никто здесь не собирается помыкать тобой. Нагваль объяснил мне, почему у тебя такой упрямый характер. Он действительно верит, что ты наделена духом воина. Он серьезно считает, что ты немножко сумасшедшая, но в хорошем смысле.

Она сказала, что нагваль объясняет странности моего характера тем, что я была зачата в необычных безвыходных условиях. Затем Нелида рассказала мне факты из жизни моих родителей, которые никто, кроме них, не знал. Она поведала мне, что перед тем, как я была зачата, мои родители жили в Южной Африке, и мой отец был там заключен в тюрьму по причинам, о которых он никогда ничего не говорил. Я всегда догадывалась, что он на самом деле был не в тюрьме, а в лагере для интернированных. Нелида сказала, что отец спас жизнь одному из тюремщиков. Впоследствии этот тюремщик помог моему отцу бежать, не подняв тревогу в критический момент.

- Ем искали по всей стране, - продолжила Нелида, но он пришел повидаться со своей женой, думая, что видится с ней в последний раз. Он не сомневался, что его поймут и убьют. Во время этой страстной встречи на грани жизни и смерти жена понесла. Сильный страх и жажда жизни, которые твой отец испытывал тогда, передались тебе. Поэтому ты родилась неусидчивой, непокорной и стремящейся обрести свободу.

Но я едва ли слышала то, о чем она мне рассказывала. Я была так ошарашена тем, что она мне открыла, что уши у меня покраснели, а колени подкашивались. Мне пришлось опереться на ствол дерева, чтобы не упасть. Прежде чем ко мне вернулся дар речи, она продолжила:

- Твоя мать была так несчастна и втайне ненавидела отца потому, что он использовал все, что досталось ей по наследству, для того, чтобы уплатить за свои ошибки, каковы бы они ни были. Деньги у них были на исходе, и им пришлось уехать из ЮАР до того, как ты родилась.

- Откуда ты знаешь о моих родителях все то, что даже мне, их дочери, не до конца ясно? - спросила я.

Нелида улыбнулась.

- Я знаю это все, потому что ответственна за тебя, ответила она.

Снова волна страха прокатилась по мне, и я вся задрожала. Я боялась того, что если она знает столько о моих родителях, она может знать все и обо мне. Я всегда чувствовала безопасность, когда знала, что могу укрыться в своей несокрушимой субъективной крепости. Меня убаюкивало ложное чувство безопасности, которое подсказывало мне, что все, что я переживала в душе, думала и делала, не имеет значения до тех пор, пока я скрываю это от других, до тех пор, пока о нем никто ничего не знает. Но сейчас мне стало очевидно, что эта женщина имеет доступ в святая святых моей души. Мне отчаянно захотелось самоутвердиться.

- Если я вообще представляю собой что-то, - сказала я упрямо, - то это значит, что я сама себе хозяйин. И никто не должен господствовать надо мной.

Нелида засмеялась, услышав, как я огрызнулась. Она взъерошила мне волосы так же, как и нагваль, - одновременно очень знакомым и успокаивающим жестом.

Никто не собирается господствовать над тобой, Тайшика, - сказала она дружелюбным тоном. Ее мягкость сразу же развеяла мою злость. - Я рассказала

тебе обо всем этом, потому что мне нужно подготовить тебя к одному очень неожиданному для тебя повороту событий.

Я внимательно слушала ее, потому что чувствовала по ее тону, что она должна сказать мне что-то ужасное.

- Клара довела тебя до этого уровня очень быстро и искусно. За это ты всегда будешь благодарна ей. Но теперь, когда ее работа выполнена, она ушла. Самое грустное здесь то, что ты даже не поблагодарила ее за ее заботу и доброту.

Какое-то ужасное, невыразимое чувство подступило ко мне.

- погоди, - пробормотала я. - Что, Клара покинула меня?

- Да, она ушла.

- Но ведь она вернется, правда? - спросила я.

Нелида отрицательно покачала головой.

- Нет. Я же сказала тебе, что ее работа сделана.

В это мгновение меня охватило самое глубокое чувство, которое я когда-либо переживала в своей жизни. По сравнению с ним все, что я чувствовала раньше, было нереально: ни злость, ни припадки гнева, ни приливы нежности, ни даже моя жалость к себе - ничто не могло сравниться с тем душераздирающим страданием, которое охватило меня в это мгновение. Оно было таким сильным, что я не могла говорить. Я хотела плакать, но не могла. Я поняла тогда, что подлинное страдание не сопровождается слезами.

- И Манфред? Он тоже ушел? - наконец спросила я.

- Да. Его роль, состоявшая в том, чтобы охранять тебя, тоже сыграна до конца.

- А нагваль? Я увижу его вновь?

- В магическом мире нет невозможного, - сказала Нелида, касаясь моей руки. - О нем можно сказать наверняка только одно: ты никогда не знаешь, что будет завтра. Поэтому мы должны благодарить других сразу же, потому что будущего не существует.

Я была так ошарашена, что могла лишь смотреть на нее отсутствующим взглядом. Она тоже смотрела на меня некоторое время, а потом прошептала:

- Завтра никогда не наступит. Тебе уже пора понять это. И когда ты закончишь воспоминание и полностью сотрешь свое прошлое, у тебя останется лишь настоящее. Тогда ты постигнешь, что все существует лишь одно мгновение, и не дольше.

Нелида ласково погладила меня по спине и велела мне дышать свободнее. Но я была так убита горем, что дыхание у меня почти прекратилось.

- Я когда-нибудь изменюсь? У меня есть хоть какая-то надежда? - умоляюще спросила н.

Не ответив, Нелида повернулась и пошла в направлении дома. Подойдя к двери черного хода, она поманила меня за собой движением указательного пальца.

Я хотела побежать за ней, но не могла сдвинуться с места. Я начала рыдать, а затем у меня вырвался невероятный крик, в котором было что-то нечеловеческое. Тогда я поняла, почему Клара повязала мне на талию свой защитный пояс - он должен был защитить меня от этого потрясения. Я упала лицом на кучу листьев и принялась неистово выть, как животное. Но от этого горе, которое душило меня, не отступило. Я достала кристаллы, поместила их между пальцами и стала вращать руками против часовой стрелки по кругу уменьшающегося радиуса. Я направила кристаллы на свою бесчувственность, трусость и напрасную жалость к себе.

Глава 16

Нелида терпеливо ждала меня возле двери черного хода. Мне показалось, что прошли часы, прежде чем я успокоилась. День приближался к концу. Я последовала за ней в дом. В холле, как раз напротив гостиной, она остановилась так неожиданно, что я чуть не столкнулась с ней.

- Клара говорила тебе, что я живу в левом крыле дома, - сказала она, поворачиваясь лицом ко мне. - Теперь я собираюсь забрать тебя туда же. Но сначала давай зайдем в гостиную и немножко посидим, чтобы ты отдышалась.

Меня трясло, а сердце стучало настолько быстро, что мне было не по себе.

- Я в хорошей физической форме, - заверила я ее. Каждый день мы с Кларой занимались кунг-фу. Но сейчас я почему-то чувствую себя плохо.

- Не беспокойся, что у тебя появилась одышка, - предупредила Нелида.
- На тебя давит энергия моего тела. Из-за этого избыточного давления сердце у тебя начинает биться быстрее. Но когда ты привыкнешь к моей энергии, оно больше не будет беспокоить тебя.

Она взяла меня за руку и провела в гостиную, где У садила меня на полу на подушку так, что я опиралась спиной о переднюю сторону дивана.

Когда ты перевозбуждена так, как сейчас, прислонись нижней частью спины к какому-нибудь предмету в комнате. Или отведи руки за спину и нажми ими то место, которое находится ниже почек.

Я посидела немного на полу, опираясь при этом спиной о диван, и определенно заметила расслабляющий эффект. Через некоторое время ко мне вернулось нормальное дыхание, а желудок не казался больше завязанным в узел.

Я наблюдала, как Нелида прохаживается туда-сюда по комнате.

- Давай теперь уясним раз и навсегда вот что, - сказала она, продолжая плавно двигаться передо мной из стороны в сторону. - Когда я говорю, что ответственна за тебя, я имею в виду, что от меня зависит, достигнешь ты окончательного освобождения или нет. Поэтому не говори мне больше чепухи о том, что борешься за свою независимость. Мне совсем нет никакого дела до твоего своенравного ухода из дома. Несмотря на то, что жить с родными тебе было очень неприятно, твой уход от них ничем так и не увенчался, потому что

был бесцельным. Пришло время направить силу и настойчивость, которые даны тебе от природы, на достижение достойной цели.

Я заметила, что она ходит по комнате совсем не потому, что нервничает. Это с ее стороны был скорее способ приковать к себе мое внимание, потому что, глядя на ее движение, я полностью расслабилась, но в то же время осталась сосредоточенной.

Я еще раз спросила ее, увижу ли когда-нибудь Клару или Манфреда. Нелида взглянула на меня столь беспощадным взором, что у меня мороз пошел по коже.

- Нет, ты больше их не увидишь, - сказала она. По крайней мере в этом мире. Они оба безупречно сделали все что могли для того, чтобы подготовить тебя к великому полету. Только тогда, когда ты овладеешь своим двойником и совершишь переход в абстрактное, ты сможешь встретиться с ними. Если сделать это тебе не удастся, они останутся лишь в твоих воспоминаниях, о которых ты будешь или не будешь иногда рассказывать другим, но в любом случае станешь постепенно их забывать.

Я поклялась ей, что никогда не забуду ни Клару, ни Манфреда, что они всегда останутся частью меня, даже если я их больше никогда не увижу вновь. И хотя что-то во мне знало, что я их действительно никогда больше не увижу, я не могла смириться с мыслью об этой разлуке навсегда. Мне снова захотелось заплакать, как я всегда делала в трудные минуты своей жизни, но тот магический прием с кристаллами, по-видимому, сработал: слез больше не было. Теперь, когда у меня были для этого все основания, плакать я не могла. Внутри я чувствовала пустоту. Я оставалась такой, какой была всегда: бесчувственной. Только теперь в моем поведении проявлялись другие мотивы. Я помнила, что Клара говорила мне о том, что бесстрастность – это не жестокость и не бездушие, а полная непривязанность. Наконец-то я начала понимать, что значит ни о чем не сожалеть.

- Не акцентируй внимания на своих потерях, - сказала Нелида, зная, что творится у меня на душе. - По крайней мере сейчас. Давай лучше посмотрим, как можно накопить достаточно энергии для того, чтобы совершить неминуемое - постичь абстрактный полет. Ты уже знаешь теперь, кто мы такие и кто такая, в частности, я. Сегодня ты должна будешь попытаться перейти в мое крыло дома. Нелида сняла туфли и села в кресло напротив меня. Одним ловким движением она подняла колени к груди и поставила ноги на сидение перед собой. Длинная юбка закрывала ее икры так, что видны были только лодыжки и стопы ног.

- А теперь постарайся не быть застенчивой, осуждающей или подозревающей какие-то извращения, - сказала она.

Затем, прежде чем я успела как-то отреагировать, она подняла юбку и раздвинула бедра.

- Посмотри на мое влагалище, - приказала она. Отверстие между ног женщины - это энергетический вход в матку, орган, который является средоточием одновременно и силы, и новых возможностей.

К моему ужасу, на Нелиде не было нижнего белья. Я смотрела прямо ей в промежность. Мне захотелось отвести взгляд, но я была словно загипнотизирована. Я могла только смотреть перед собой с отвисшей челюстью. На ее теле не было волос, а живот и ноги были гладкими и упругими, совсем без морщин и жира.

- Поскольку я не живу в этом мире как женщина, мои половые органы приобрели некоторую другую функцию, отличную от той, которую они выполняют у всех обычных неразвитых женщин, - сказала она, ничуть не смутившись. - Поэтому ты просто не должна считать, что я делаю сейчас что-то неприличное.

Она действительно была красива, и я почувствовала укол зависти. Я была не меньше чем раза в три моложе ее, но едва ли могла выглядеть так хорошо, сидя в подобной позе. На самом деле я не смела и подумать о том, чтобы показаться кому-то в обнаженном виде. Я всегда носила длинные купальные халаты, словно под ними у меня было что прятать. Вспомнив о своей стыдливости, я благовоспитанно отвернулась, но мой взгляд уже успел зачерпнуть того, что может быть названо чистейшей энергией область вокруг ее влагалища, казалось, излучала силу, от которой у меня начала кружиться голова.

Я закрыла глаза, не заботясь о том, что она подумает обо мне. Смех Нелиды зазвучал как журчание воды - нежно и с переливами.

- Сейчас ты полностью расслабилась, - сказала она. Посмотри на меня еще раз и глубоко вдохни несколько раз для того, чтобы зарядить себя этой энергией.

- Подожди минутку, Нелида, - сказала я, внезапно почувствовав страх не от созерцания ее наготы, а от того, что только что поняла.

Когда я увидела ее в обнаженном виде, со мной случилось что-то немыслимое: я сразу же забыла о своем горе и не чувствовала больше стыдливости. В одно мгновение мы с ней стали очень близкими друзьями. Болезненно заикаясь, я рассказала ей о том, что сейчас поняла.

- Именно так проявляется действие энергии из матки, - весело сказала Нелида. - А теперь ты действительно должна посмотреть на меня еще раз и глубоко подышать. А потом будешь сколько хочешь анализировать все, что с тобой случилось.

Я сделала так, как она сказала, и не почувствовала в этот раз никакой робости. Вдыхая ее энергию, я заметила, что становлюсь все более вдохновленной, как будто между нами возникли узы, которые не нуждаются в словах.

- Управляя и перераспределяя энергию матки, ты можешь творить чудеса, - сказала Нелида, снова натягивая юбку себе на колени.

Нелида объяснила, что первичная функция матки состоит в том, чтобы рожать потомство и тем самым способствовать выживанию вида. Но женщины и не догадываются, что матка является органом, который имеет еще и иные тонкие и изощренные функции. Именно эти функции, сказала она, представляют для нас с ней интерес и нуждаются в дальнейшем развитии.

Я была так польщена тем, что Нелида включила и меня в число тех, кто интересуется такими фундаментальными вещами, что почувствовала у себя в животе приятную щеколку. Я внимательно слушала, как она объясняла, что наиболее важная вторичная функция матки состоит в том, что она служит связующим звеном с двойником. Тогда как мужчинам для управления двойником приходится пользоваться сочетанием деятельности разума и намерения, женщины имеют в своем распоряжении матку - мощный источник энергии, наделенный к тому же множеством таинственных качеств и функций, смысл которых в том, чтобы защищать и приводить в действие двойник.

- Все это становится доступным только тогда, конечно, когда ты освободишься от той отягощающей энергии, которая была оставлена в тебе мужчинами, - сказала она. - И в том тебе поможет воспоминание всего, что связано с сексуальной деятельностью.

Она подчеркивала, что использование матки - самый непосредственный и эффективный метод работы с дублем. Она напомнила о том известном мне магическом приеме, в ходе которого дыхание осуществляется непосредственно через отверстие влагалища.

- С помощью матки самки животных ощущают окружающий мир и регулируют функционирование своих тел,

сказала она. - Используя матку, женщины могут порождать и накапливать силу своих двойников для того, чтобы созидать, разрушать или отождествляться со всем, что их окружает.

Снова я почувствовала пощипывание в животе. Это была едва уловимая вибрация, которая распространялась на этот раз на половые органы и внутреннюю часть бедер.

- Существует еще один способ добраться до двойника, которого называют также другим. С этой целью можно использовать не только энергию матки, но и движения, продолжала Нелида. - Именно поэтому Клара обучала тебя магическим приемам. Для того, чтобы подготовиться к предстоящему тебе сегодня, нужно вспомнить два приема.

Она подошла к шкафчику, достала оттуда соломенный коврик, расстелила его на полу и велела мне лечь на него. Когда я легла на спину на коврик, она попросила меня немного согнуть ноги в коленях, сложить руки на груди и кататься на спине то вправо, то влево. Она заставила меня повторить это движение семь раз. Перекатываясь, я должна была немного сгибать позвоночник в районе плеч.

Затем она предложила мне снова сесть скрестив ноги на пол, прислонившись спиной к дивану. Сама она села напротив меня в кресле. Медленно и плавно она вдохнула воздух через нос. Затем она грациозно поворачивала левой рукой с ладонью вверх перед собой так, словно сверлила в воздухе дырку. Потом она протянула руку "внутрь", ухватила там что-то и вытянула руку назад, создавая у меня впечатление, что ей удалось достать из отверстия в воздухе длинную веревку. Затем она повторила то же движение правой рукой.

Когда она выполняла этот магический прием, я узнала в нем движение, которое мне показывала Клара, но в исполнении Нелиды оно сильно отличалось - оно было легче, плавнее, но не менее насыщено энергией. У Клары магические приемы получались похожими на движения в боевых искусствах: они были грациозными и исполненными внутренней силы. Но в исполнении Нелиды те же приемы выглядели зловеще, угрожающе, но в то же время на них было приятно смотреть: они излучали психическую энергию, но не носили при этом следов возбуждения.

Во время выполнения магического приема лицо Нелиды напоминало прекрасную маску. Его черты были симметричны, совершенны. Наблюдая за великолепными движениями, которые она выполняла отчужденно и бесстрастно, я вспомнила, как Клара сказала о Нелиде, что у нее нет жалости.

- Этот прием используется для того, чтобы получать энергию из необъятности, которая лежит сразу же за всем, что мы видим, - сказала она.

- Постарайся проделать дыру в видимой панораме вещей, проникнуть за нее и зачерпнуть оттуда энергию, которая питает нас. Сделай это сейчас.

Я старалась подражать ее точным плавным движениям, но чувствовала себя по сравнению с ней скованно и неуклюже. Я не смогла представить себе, что проникаю рукой в дыру и достаю оттуда энергию, как я ни напрягала свое воображение. И тем не менее, после того как я завершила выполнение приема, я почувствовала, что стала сильнее, и энергия переполняет меня.

- В действительности вступать в контакт с эфирным телом и даже осознать его не так уж трудно, - продолжала Нелида. - Помимо использования для этой цели энергии матки и движений, его внимание можно привлечь с помощью обычных звуков.

Она объяснила, что обращаясь постоянно со словами к источнику нашего осознания - двойнику, - можно получать от него ответы.

- При условии, что у нас достаточно энергии, разумеется, - добавила она. - Если энергии действительно достаточно, нам нужно лишь произнести определенные слова или услышать некоторый тихий звук, для того чтобы открыть перед собой нечто немислимое.

Как именно мы можем направить эти слова к двойнику? - спросила я.

Нелида взмахнула руками перед собой.

- Двойник почти бесконечен, - сказала она. - Ведь точно так же, как тело может общаться с другими физическими телами, двойник может вступать в контакт с космической силой жизни.

Нелида быстро встала.

- Мы уже выполнили магические приемы и много говорили, - сказала она, - давай теперь посмотрим, умеем ли мы действовать. Я хочу, чтобы ты стала перед дверью, которая ведет в левое крыло дома. Я хочу, чтобы ты стояла спокойно и ясно осознавала все, что происходит вокруг тебя.

Я проследовала за ней через холл до двери, которая всегда оставалась закрытой. Клара объясняла мне, что эта дверь остается закрытой даже в том случае, когда все члены ее семейства присутствуют в доме. Поскольку она взяла с меня слово, что я никогда ни при каких обстоятельствах не буду пытаться ее

открыть, какое бы меня ни одолевало любопытство, я не обращала на эту дверь слишком много внимания.

Взглянув на нее теперь, я не заметила в ней ничего особенного. Это была обычная деревянная дверь, похожая на многие другие двери в этом доме. Нелида аккуратно открыла ее. По ту сторону тоже был холл, точно такой же, как и холл правого крыла, но двери из него вели в другую часть дома.

- Я хочу, чтобы ты повторила одно слово, - сказала Нелида, стоя совсем рядом у меня за спиной. - Это слово намерение. Я хочу, чтобы ты произнесла намерение три, четыре раза или больше. Но не просто выговаривай его, а являй его из своих глубин.

- Из моих глубин?

- Дай возможность этому слову вырваться из своего живота громко и отчетливо. Фактически это значит, что ты должна выкрикивать слово намерение в полную силу.

Я колебалась. Я терпеть не могла кричать, и не любила, когда другие в разговоре со мной повышали голос. Еще в детстве я усвоила, что кричать очень неприлично, и приходила в ужас, когда родители громко ссорились в моем присутствии.

Не будь застенчивой, - сказала Нелида. Прокричи так громко, как нужно, и столько раз, сколько нужно.

- Как мне узнать, когда остановиться?

- Остановишься тогда, когда что-нибудь случится или когда я скажу, что надо остановиться, потому что ничего не случилось. Ну, давай! Пора!

Я произнесла слово "намерение", но мой голос звучал тихо, нетвердо и нерешительно. Даже я поняла, что в нем недостает уверенности. Я продолжала повторять его снова и снова, каждый раз все с большим задором. Мой голос стал неглубоким, но резким и громким. Так продолжалось до тех пор, пока я чуть не потеряла сознания от душераздирающего крика, который был уже не моим. Однако я уже слышала его раньше. Это был тот же самый пронзительный звук, который донесся до меня из дома в тот день, когда Клара и Манфред бросились туда, оставив меня одну под дверью. Я затряслась, а голова у меня так закружилась, что я рухнула на пол и прислонилась к дверному косяку.

- Не двигайся! - приказала Нелида, но было уже поздно. Я вяло сидела на полу.

- Очень плохо, что ты пошевелилась тогда, когда должна была стоять неподвижно, - строго сказала Нелида, но к своим словам она прибавила улыбку, когда увидела, что я вот-вот потеряю сознание. Она присела на корточки рядом со мной и потерла мне шею и руки, чтобы привести меня в чувство.

- Зачем ты заставила меня кричать? - пробормотала я, выравниваясь и занимая более удобное положение под стенами.

- Мы пытались привлечь внимание твоего двойника, - сказала Нелида. - Дело в том, что существует два уровня вселенского осознания: уровень видимого мира, в котором все упорядочено, названо и где обо всем можно подумать; а также непроявленный уровень энергии, которая порождает и питает все.

- Поскольку мы привыкли во всем доверять логике и названиям, - продолжала Нелида, - мы считаем реальным только видимый уровень. Вам кажется, что здесь все систематизировано, стабильно и предсказуемо. Однако на этом уровне все мимолетно, временно и подвержено изменениям. То, что мы считаем неизменной реальностью, есть в действительности лишь поверхностное проявление необъятной силы.

Я чувствовала себя такой сонной, что едва понимала, о чем она говорит. Несколько раз я зевнула для того, чтобы набрать в грудь побольше воздуха. Нелида засмеялась, когда я преувеличенно широко раскрыла глаза, стараясь создать у нее впечатление, что слушаю ее внимательно.

- Все эти крики нужны нам с тобой для того, - продолжала она, - чтобы привлечь внимание не видимой реальности, а невидимой силы, которая является источником нашего существования и которая, как мы надеемся, перенесет тебя через пропасть.

Я хотела слушать то, что она рассказывала, но мне мешала одна странная мысль. Непосредственно перед тем, как я повалилась на пол, мне удалось на мгновение заметить необычную картину. Я увидела, что воздух в холле за дверью был наполнен небольшими пузырьками, точно так же, как и в ту первую ночь, когда я лежала в темноте в своей комнате.

Нелида продолжала говорить, но когда я снова повернулась в сторону двери, она стала между дверью и мной, не давая мне возможности заглянуть в соседний холл. Она нагнулась и подняла листик. Он, должно быть, выпал, когда я кричала, из защитной повязки, которую Клара обмотала вокруг моего живота.

- Возможно, этот листик поможет нам понять, что к чему, - сказала она, держа его передо мной. Она заговорила быстро, словно знала, что я не смогу надолго сосредоточить внимание, и должна была успеть сказать мне как можно больше, прежде чем мой ум снова отвлечется на что-то постороннее.

- Наощупь этот листик сухой и шершавый, форма у него плоская и закругленная, а цвет - коричневый с красными прожилками. Мы знаем, что это листик, потому что органы чувств, инструменты нашего восприятия, наблюдают его, а мысли называют его. Без них листик представлял бы собой чистую недифференцированную энергию. Та же самая нереальная эфирная энергия, которая струится в основе этого листика, течет в основе всего и питает собой все. Так же, как и все остальное, мы реальны с одной стороны и являемся бестелесной видимостью с другой.

Она бережно положила листик обратно на пол, как будто он был таким хрупким, что мог сломаться от малейшего прикосновения.

На некоторое время Нелида сделала паузу, словно ожидая, пока мой ум впитает в себя все, что она сказала, но мое внимание отвлеклось, когда я снова заглянула через открытую дверь в холл и увидела, как небольшие светящиеся шарики влетают в помещение через большое окно в дальнем конце холла. Мне удалось мельком заметить, как из дверей, выходящих в холл, выглянуло несколько мужчин и женщин, слегка высывая из-за них головы. Казалось, что все они внезапно проснулись от моих криков и выглядывали из своих спален, чтобы понять, откуда весь этот шум.

Ты совершенно не можешь управлять собой! отрывисто крикнула Нелида.
- Твое внимание отвлекается слишком часто!

Я попыталась рассказать Нелиде, что я видела, но она остановила меня одним взглядом. Я почувствовала, как у меня по спине до самого затылка поднимается холодок. Кончилось это тем, что я непроизвольно затряслась. Именно в этот момент, когда я сидела под стеной растерянная и незащищенная, ко мне пришла самая странная из всех мыслей, которые когда-либо приходили мне в голову. Я поняла, что Нелида кажется мне знакомой, потому что я видела ее во сне. В действительности я видела ее во сне не раз. Это была целая последовательность снов, и эти люди в холле ...

- Не пускай свой ум дальше этого места! - закричала Нелида. - И не вздумай мне... Ты меня слышишь?! И не вздумай мне еще раз отвлечься! Я хочу, чтобы все твоё внимание сейчас было обращено только на меня!

Она подняла меня на ноги и велела поскорее прийти в себя. Я делала все, что было в моих силах, подчиняясь ей беспрекословно. Я всегда считала, что никто не имеет надо мной такой власти и гордилась этим. Но один взгляд этой женщины мог остановить поток моих мыслей, наполнив меня благоговейным страхом.

Нелида сильно ударила меня по макушке головы костяшками пальцев. От этого в голове у меня прояснилось так же быстро, как перед этим там все смешалось, когда она крикнула на меня.

- Я забивала тебе баки разговорами, потому что Клара сказала мне, что это лучший способ снять у тебя напряжение и завладеть твоим вниманием, - сказала она. - Я хочу, чтобы ты собралась с силами. Ведь тебе любой ценой предстоит пройти сегодня через эту дверь.

Я сказала ей, что уверена в том, что видела ее в снах. Но это было еще не все. У меня создалось впечатление, что люди, которые высовывали свои головы из дверей в холле,

Когда я упомянула о людях, Нелида отступила на не сколько шагов и осмотрела меня так, словно искала у меня на теле какие-то следы. Некоторое время она молчала, по-видимому размышляя о том, стоит ли открывать мне какой-то секрет.

- Мы представляем собой группу магов, как уже говорили тебе Клара и нагваль. У нас есть родословная, но это не обычная семейная родословная. В этом доме живут две линии нашего рода, в каждой из них насчитывается восемь человек. Представители Клариной линии носят фамилию Грау, а представители моей - фамилию Абеляр. Происхождение наших линий затерялось в незапамятном прошлом. Каждый из нас относится к тому или иному поколению. Я представитель ныне здравствующего поколения, а это означает, что я могу передавать знания, которые являются достоянием всей группы, тем, кто подобен мне. В данном случае это ты. Ты - Абеляр.

Она стала позади меня и повернула меня в направлении двери.

А теперь никаких больше разговоров. Повернись лицом к двери и снова выкрикивай слово "намерение". Думаю, что сейчас ты уже готова к тому, чтобы встретиться со всеми нами лично.

Я прокричала "Намерение!" три раза. На этот раз мой голос не хрипел, а громко звучал эхом в стенах дома. После третьего крика воздух в холле начал пузыриться. Миллиарды крохотных шариков вспыхнули и засияли, будто кто-то

в одно мгновение зажег их. Я услышала тихий шум, который напоминал приглушенный звук электрогенератора. Его притягивающее жужжание влекло меня в холл через порог, на котором мы с Нелидой стояли. Уши постоянно закладывало, и мне то и дело приходилось глотать слюну для того, чтобы я снова могла слышать. Затем жужжание прекратилось, и я обнаружила, что стою посередине левого холла, являющегося точной зеркальной копией правого, к которому примыкает коридор, ведущий к моей комнате. Но в этом холле было полно людей. Все они вышли из своих комнат и удивленно смотрели на меня, словно я пришелец с другой планеты, который материализовался здесь прямо у них на глазах.

Среди них в дальнем конце холла я увидела Клару. Она лучезарно улыбалась и широко раскрыла объятия, приглашая меня подойти к ней и прижаться к ее груди. Затем я увидела Манфреда, который стоял, переминаясь лапами по полу. Он был так же рад видеть меня, как и Клара. Я побежала ему навстречу, но вместо того, чтобы чувствовать каждый свой шаг на деревянном полу, мне казалось, что я плыву по воздуху. К моей досаде, я проплыла мимо Клары, Манфреда и всех остальных людей в холле. Я не могла управлять своими движениями. Все, что я могла делать, это выкрикивать в отчаянии имена Клары и Манфреда, пролетая мимо них через холл, сквозь дом, деревья, холмы в ослепительное сияние, которое в конце концов превратилось в непроглядную тьму и полный покой.

Глава 17

Мне снилось, что я вскапываю почву на огороде, когда резкая боль в шее разбудила меня. Не открывая глаз, я стала шарить рукой в темноте в поисках подушки, из-за отсутствия которой ныла моя шея. Но руками я так ничего и не нащупала. Подушки не было. Я не могла почувствовать под собой даже матраса. Вокруг меня все начало покачиваться так, будто предыдущим вечером я съела и выпила больше, чем нужно, и теперь страдала от нежелательных последствий несварения желудка. Постепенно я открыла глаза. Вместо стен и потолка я увидела ветви и зеленые листья. Когда я попыталась подняться, все вокруг меня пришло в движение. Я поняла, что нахожусь не на кровати. Я была подвешена в воздухе с помощью какого-то приспособления из кожи, и покачивалась я, а не окружающий мир. Я знала вне всяких сомнений, что это не сон. Когда мои органы чувств наконец упорядочили хаос окружающей обстановки, я увидела, что с помощью блоков была поднята и зацеплена за ветку на самой вершине дерева.

Ощущение от неожиданного пробуждения в неудобном положении, к которому прибавилось понимание того, что я подвешена в воздухе и вокруг меня ничего нет, мгновенно вызвали во мне физический страх высоты. Я никогда в своей жизни не была так высоко на дереве. Я начала звать на помощь. Никто не спешил меня спасать, и поэтому я кричала до тех пор, пока не сорвала голос. Выбившись из сил, я расслабилась и вяло повисла в воздухе. От страха я потеряла контроль над своими выделительными функциями. Все вокруг было испачкано. Но крики помогли мне преодолеть страх. Я огляделась по сторонам и начала трезво оценивать свое положение.

Я заметила, что руки у меня свободны, и когда я повернула голову вниз, я увидела, на чем вишу. Вокруг моей талии, груди и ног были затянуты толстые коричневые кожаные ремни. Вокруг ствола дерева был обвязан другой ремень, до которого я могла дотянуться, вытянув руки. К этому ремню был прикреплен блок, через который была перекинута веревка. Я поняла, для того, чтобы спуститься на землю, мне нужно было лишь расфиксировать веревку и начать понемногу отпускать ее. Я собрала все свои силы для того, чтобы дотянуться до веревки, а затем постепенно опуститься. Мои руки дрожали. Но как только я оказалась на земле, мне удалось расстегнуть ремни, охватывающие тело, и освободиться от приспособления, в котором я висела.

Я побежала в дом, зовя Клару. У меня осталось смутное воспоминание о том, что я ее больше не увижу, но это было скорее какое-то предчувствие, чем осознанная уверенность. Не задумываясь над тем, что делаю, я начала искать Клару, но нигде не могла найти ни ее, ни Манфреда. Я осознала, что все вокруг

как-то изменилось, но я еще не могла сказать, что это было за изменение, когда оно случилось и почему, но было очевидно, что теперь все не так, как раньше. Я знала лишь, что прошлое было безвозвратно утрачено.

Я начала длинный внутренний монолог. Я говорила себе, что больше всего хочу, чтобы Клара вернулась сейчас из своего нового таинственного путешествия, ведь она мне сейчас нужна больше всего. Затем я подумала, что ее отсутствие может объясняться и другими причинами. Может быть и так, что она умышленно избегает меня или отправилась навестить своих родственников в левом крыле дома. Затем я вспомнила встречу с Нелидой, бросилась к двери, которая вела в левую часть дома, и попыталась открыть ее, невзирая на то, что Клара предостерегала меня против этого. Дверь оказалась запертой. Несколько раз я позвала Клару через дверь, затем в отчаянии ударила по двери ногой и пошла в свою спальню. К моему разочарованию, ее дверь тоже была закрыта. Я отчаянно пыталась открыть двери других спален, которые выходили в коридор. Все они были закрыты, кроме одной. Это была комната, напоминавшая чулан - в ней хранились какие-то вещи. Я никогда не заходила в нее, подчиняясь специальной просьбе Клары держаться от нее подальше. Однако эта дверь всегда оставалась приоткрытой, и, проходя мимо, я каждый раз заглядывала в нее.

На этот раз я вошла внутрь, зовя Клару и Нелиду, прося их показаться мне. Комнатка была темной и заполненной до отказа самыми странными вещами, которые я когда-либо видела. Она была битком набита причудливыми скульптурами, ящиками и трубами, и здесь едва можно было двигаться. Тусклый свет падал из небольшого окошка, застекленного витражным стеклом и выделявшегося на фоне темной стены. Освещаемые этим мягким светом, все предметы в комнатке отбрасывали жуткие тени. Я подумала, что так, должно быть, выглядит каморка красивого, но сейчас уже не используемого океанского корабля, который неоднократно совершал кругосветное плавание. Внезапно пол у меня под ногами заходил ходуном и начал скрипеть. Я бросилась прочь из комнаты. Мое сердце стучало так громко и быстро, что для того, чтобы успокоить его, мне понадобилось несколько минут и много глубоких вдохов.

Снова оказавшись в коридоре, я заметила, что открыт большой стеной шкаф, находящийся напротив каморки, из которой я выбежала. На его полках лежала моя одежда, аккуратно сложенная. К рукаву куртки, в которой мы с Кларой ходили на прогулку в первый вечер, была приколоты записка, адресованная мне. В ней говорилось: "Тайша, тот факт, что ты читаешь сейчас эти слова, свидетельствует о том, что ты смогла спуститься с дерева на землю. Пожалуйста, неукоснительно следуй моим инструкциям. Не заходи в старую комнату, потому что она закрыта на ключ. Начиная с этого времени, ты должна

будешь спать в том приспособлении, в котором ты сегодня проснулась в домике на дереве. Все мы уехали в продолжительное путешествие. Весь дом остается на твоём попечении. Делай все что в твоих силах!" Внизу стояла подпись: "Нелида".

Я ошарашено смотрела на записку довольно долго, читая и перечитывая ее. Что Нелида хотела сказать тем, что дом находится на моем попечении? Чем мне заниматься здесь, оставшись совсем одной? А от мысли о том, что я должна спать в том ужасном приспособлении, вися в воздухе, как мясная туша, у меня по телу забегали мурашки.

Мне хотелось, чтобы слезы наполнили мои глаза. Мне хотелось сожалеть о себе, потому что они покинули меня одну, и сердиться на них за то, что они не предупредили меня перед отъездом, но я не могла ни страдать, ни гневаться. Я прохаживалась туда-сюда, стараясь вызвать у себя приступ раздражения. И я снова потерпела жалкую неудачу. Создавалось впечатление, что что-то внутри меня переключилось, отчего я стала безразличной ко всему и неспособной выражать привычные мне эмоции. Но я все же чувствовала себя одинокой. Мое тело задрожало, как происходило всегда перед тем, как я начинала плакать. Но теперь за дрожью последовали не слезы, а всплеск воспоминаний и сноподобных видений.

Я висела на дереве и смотрела вниз. Подо мной возле дерева стояли люди, они смеялись и хлопали в ладоши. Криками они старались привлечь мое внимание. Затем они все в один голос издали звук, напоминающий рычание льва, и ушли. Я знала, что это было всего лишь видение. Но в то же время встреча с Нелидой явно не была сном. Это подтверждала записка, которая находилась сейчас в моих руках. Я не была уверена только в том, сколько я провисела на дереве. Судя по состоянию моей одежды и по тому, как я проголодалась, могло быть и так, что я провисела там несколько дней. Но как я оказалась там?

Я взяла из шкафа все, что нужно, и отправилась в уборную, чтобы помыться и переодеться. Когда я снова стала чистой, мне пришла в голову отрадная мысль, что я еще не была на кухне. У меня появилась надежда, что, возможно, Клара как раз завтракает там и поэтому не слышала моего зова. Я распахнула дверь, но на кухне никого не было. Я посмотрела вокруг в поисках еды. В печке я обнаружила горшочек со своим любимым пловом. Мне очень хотелось верить в то, что именно Клара оставила его мне. Я попробовала плов и грустно вздохнула, потому что плакать не могла. Овощи были нарезаны очень мелко, а не кусками, и мяса почти не было. Я поняла, что Клара не могла такого приготовить, а значит, она действительно уехала. Сначала я не хотела есть этого

плова, но я была ужасно голодна. Достав с полки свою тарелку, я заполнила ее до краев.

Только после того, как я поела и принялась размышлять о своем положении, мне пришло в голову, что есть еще одно место, куда я забыла заглянуть. Я поспешила в направлении пещерки со смутной надеждой на то, что хотя бы там я встречу Клару или нагваля. Но там тоже никого не было - даже Манфреда. Одинокость пещерки и окружающих холмов навяли на меня такую грусть, что я готова была отдать что угодно за то, чтобы снова уметь плакать. Я заползла в пещерку, чувствуя отчаяние немого, который еще вчера знал, как говорить. Мне захотелось умереть прямо там, но вместо этого я уснула.

Проснувшись, я вернулась в дом. Теперь, когда все уехали, думала я, я тоже вполне могу отправиться, куда захочу. Я пошла туда, где стояла моя машина. Клара часто ездила на ней и отремонтировала ее в автомастерской в городе. Я завела мотор, чтобы проверить аккумулятор, и облегченно вздохнула, когда убедилась, что все работает нормально. Собрав все свои вещи в первую попавшуюся на глаза сумку, я уже выходила из двери дома, как неожиданно меня остановил сильный укол вины. Я перечитала записку Нелиды. В ней она просила позаботиться о доме. Я не могла просто так бросить его и уехать. Она просила меня сделать все, что в моих силах. Я почувствовала, что они доверили мне какую-то важную роль, и я должна была остаться уже хотя бы для того, чтобы узнать, что это за роль. Я выложила свои вещи обратно в шкаф и легла на диване, чтобы критически оценить свое положение.

От всех сегодняшних криков у меня болели голосовые связки. В горле ужасно ныло, но во всех других отношениях мое физическое состояние было на первый взгляд вполне хорошим. Потрясение, страх и жалость к себе прошли, и я чувствовала лишь уверенность в том, что со мной случилось что-то очень важное тогда, когда я вошла в холл левого крыла дома. Но как я ни старалась, я не могла вспомнить, что же произошло, когда я пересекла порог холла.

Кроме неясности в отношении этих фундаментальных событий, у меня было еще одно частное затруднение: я не была уверена, что смогу разжечь в печке огонь. Клара мне снова и снова показывала, как это делается, но я все никак не могла научиться. Вероятно, это объяснялось тем, что я никогда не думала, что мне придется топить ее самой. Мне пришла в голову мысль о том, как выйти из этого положения: я могла поддерживать огонь, постоянно подбрасывая дрова.

Я бросилась на кухню для того, чтобы добавить дров уже сейчас, пока огонь не потух. Я также согрела немного воды и помыла в ней свою тарелку. Остаток воды я вылила в известняковый фильтр, который выглядел как большой перевернутый конус. Он представлял собой большой резервуар, устойчиво

стоящий на подставке из железных прутьев. Из него капля по капле сочилась кипяченая вода. Из сосуда, который стоял под фильтром, я несколько раз зачерпнула черпаком воды себе в чашку. Затем я выпила эту прохладную вкусную воду и решила снова отправиться в дом. Вероятно, Клара или Нелида оставили где-нибудь еще записку, в которой было сказано, что я должна делать.

Я принялась искать ключи от дверей, которые вели в спальни. В шкафчике, расположенном в холле, я обнаружила связку, каждый ключ в которой был подписан. Я выбрала тот, на котором было написано имя Нелиды, и была удивлена, когда обнаружила, что он подходит к замку двери в мою комнату. Затем я выбрала Кларин ключ и пробовала открыть им несколько дверей до тех пор, пока не нашла замок, к которому он подходил. Я повернула ключ и дверь открылась, но когда я поняла, что следующим моим действием будет осмотр обстановки в комнате, я почувствовала, что не могу этого делать. Я знала, что несмотря на то, что она уехала, за ней попрежнему оставалось право на тайну.

Я закрыла дверь, замкнула ее и положила ключи там, где я их нашла. Затем вернулась в гостиную и села на пол, прислонившись спиной к дивану так, как мне советовала поступать Нелида, когда нужно избавиться от напряжения. Это определенно успокоило мои нервы. Я снова подумала о том, чтобы сесть в машину и уехать. Однако я чувствовала, что совсем не хочу никуда уезжать. Я решила, что принимаю их предложение и останусь на хозяйстве в доме как бы долго мне ни пришлось ждать их возвращения, пусть даже вечно.

Поскольку мне ничего не нужно было делать, мне пришло в голову, что можно было бы почитать. Я уже проработала в ходе воспоминания свои детские отрицательные переживания, связанные с чтением, и решила, что таким образом проверю, изменилось ли мое отношение к книгам. Я вышла в холл и осмотрела книжные полки. Я обнаружила, что большинство книг было на немецком, некоторые - на английском и несколько - на испанском. После быстрого просмотра я узнала, что большинство немецких книжек было по ботанике. Среди них оказались также труды по экологии, геологии, географии и океанологии. На другой полке, которая была не сразу заметна, были собраны английские книги по астрономии. Испанские книги, стоящие на отдельной полке, были художественными романы и поэзия.

Я решила, что вначале прочту книги по астрономии, потому что этот предмет всегда волновал меня. Я взяла в руки тоненькую книжечку с многими картинками и начала просматривать ее. Вскоре она усыпила меня.

Когда я проснулась, в доме царил непроглядная темнота, и мне пришлось наощупь искать путь к выходу из дома. Направляясь в сарайчик, где был расположен электрогенератор, я заметила, что на кухне горит свет. Я подумала, что кто-то уже, должно быть, включил генератор. Порадовавшись тому, что,

возможно, это вернулась Клара, я бросилась в сторону кухни. Приблизившись к ней, я услышала тихое пение по-испански. Это была не Клара. Это был голос мужчины, но не нагвалы. Я продолжала идти, но меня охватило волнение. Не успела я подойти к двери, как мужчина высунул наружу голову и, заметив меня, громко вскрикнул. Я вскрикнула одновременно с ним. Очевидно, я напугала его точно так же, как и он меня. Он вышел за дверь, и в течение какого-то времени мы просто смотрели друг на друга.

Он был строен, но не сухощав, силен, но не массивен. Он был такого же роста, как и я, а возможно на дюйм выше меня: это значило пять футов и восемь дюймов. На нем был голубой рабочий комбинезон, похожий на те, какие носят служащие бензозаправочных станций. Его лицо было слегка розовым, а волосы - седыми. Нос и подбородок были заостренными, а скулы выступали. Рот у него был небольшим, а глаза напоминали глаза птицы - темные и круглые, но сияющие и живые. Мне едва удавалось разглядеть белки его глаз. Я пристально глядела на него, но у меня не создавалось впечатления, что это старик. Он был похож на мальчишку, у которого вследствие какой-то странной болезни появились морщины. В нем было что-то одновременно юношеское и старческое, располагающее к себе, но в то же время вселяющее беспокойство. Используя все свои знания испанского языка, мне удалось спросить его, кто он и что здесь делает.

Он с любопытством уставился на меня.

- Я разговариваю по-английски, - сказал он почти без акцента. - Многие годы я жил в Аризоне вместе с родственниками Клары. Меня зовут Эмилито. Я смотритель. А ты, наверное, живущая на деревьях.

- Что ты говоришь?

- Ты - Тайша, не так ли? - сказал он, сделав несколько шагов в моем направлении. Его движения были легкими и плавными.

- Да, Тайша. Но что вы имели в виду, когда сказали, что я - живущая на деревьях?

- Нелида сказала мне, что ты живешь на большом дереве перед главным входом в дом. Это правда?

Не задумываясь, я утвердительно кивнула в ответ, и только теперь до меня дошло нечто столь очевидное, что лишь твердолюбая обезьяна могла до этого не додуматься: мое дерево находилось на запретной территории перед домом к востоку от него. Эту часть прилегающей к дому территории до сих пор я могла

лишь обозреть из своего наблюдательного пункта на холмах. Открытие отозвалось во мне радостным возбуждением, потому что я поняла, что теперь я уже свободна обследовать те места, которые раньше были запретными для меня.

Радости у меня поубавилось, когда Эмилито покачал головой, словно ему было жаль меня.

- Что ты натворила, бедная девочка? - спросил он, нежно похлопывая меня по плечу.

- Ничего я не натворила, - сказала я, отступая назад.

Он явно намекал на то, что я сделала что-то не так, за что меня наказали, подвесив на дерево.

- Ну-ну, я не хотел тебя обидеть, - сказал он, улыбаясь. - Тебе не нужно ссориться со мной. Я ничего собой не представляю. Я - просто смотритель, наемная рабочая сила. Я не отношусь к их числу.

- Ничего я не натворила, - оборвала я его. - Еще раз говорю вам, что ничего такого не делала!

- Ладно, если ты не желаешь говорить об этом, не говори. Мне как-то все равно, - сказал он, поворачиваясь ко мне спиной, чтобы вернуться на кухню.

- А здесь и говорить не о чем! - крикнула я, желая, чтобы мое слово было последним.

Мне ничего не стоило повесить на него голос, чего бы я никогда не осмелилась сделать, если бы он был молодым и красивым. Я даже сама удивилась, когда продолжила кричать:

- Нечего меня здесь допрашивать! Я здесь главная! Меня Нелида оставила присматривать за домом! Она написала об этом в записке!

Он подскочил, словно пораженный молнией.

- Ты очень странная, - пробормотал он.

Затем он откашлялся и тоже закричал на меня:

- Осмелюсь только подойти ближе ко мне! Хотя я и выгляжу старым, у меня еще хватит силенок! Работая здесь, я не обязан рисковать своей жизнью или выслушивать оскорбления идиотов! Я уволюсь!

Я сама не знала, что на меня нашло.

- Погодите, - сказала я тоном, которым просят прощения. - Я не хотела повышать голос, но я сейчас очень раздосадована. Клара и Нелида оставили меня здесь, не предупредив, что уезжают, и не объяснив, что делать.

- Кто ж, я тоже не хотел на тебя кричать, - сказал он в точности таким же тоном, как и я. - Я просто хотел узнать, почему они подвесили тебя перед отъездом. Поэтому я и спросил тебя, не натворила ли ты чего-нибудь. Я не хотел тебя обидеть.

- Но уверяю вас, сэр, я ничего не натворила, честное слово.

- Почему же ты тогда стала живущей на деревьях? Эти люди очень серьезны. Они бы не сделали этого с тобой просто так. Кроме того, очевидно, что ты - одна из них. Если Нелида оставляет тебе записки, в которых просит присматривать за домом, значит, ты ее закадычная подруга. Она никогда не разбрасывается подобными словами.

- По правде говоря, - сказала я, - я и сама не знаю, зачем они оставили меня висеть на дереве. Я была с Нелидой в левом крыле дома, а потом следующее, что я помню, - это то, что я проснулась с искривленной шеей, висая на дереве. Я насмерть перепугалась.

Вспомнив о том, что я обнаружила себя одну в доме, когда все остальные уехали неизвестно куда, я помимо своей воли снова разволновалась. Я начала дрожать прямо там, стоя перед этим странным мужичком, а на лице у меня выступил пот.

- Ты была в левой части дома?

Когда он спросил это, его глаза расширились, а на лице появились признаки непритворного удивления.

- Какое-то мгновение я была там, но потом все куда-то провалилось, - ответила я.

- И что же ты видела?

- Я видела много людей в холле. Целую толпу.

- Сколько их было, ты можешь сказать?

- Холл был заполнен людьми. Быть может, их было двадцать или тридцать.

- Так много? Да-а, это странно.

- Почему это странно, сэр?

- Потому что во всем доме никогда не было столько людей. В то время в нем находилось только десять человек. Я знаю, потому что я - смотритель.

- Что это все значит?

- Будь я проклят, если знаю! Но мне лично кажется, что с тобой что-то не так.

Мой желудок завязался в узел, когда меня окутало знакомое облако обреченности. Подобное чувство я пережила еще ребенком, когда в кабинете врача у меня обнаружили моноклеоз.* Я не знала тогда, что это значит, но понимала, что я обречена. Угрюмый вид окружающих говорил о том, что они тоже это знают. Когда мне попытались сделать укол пенициллина, я кричала так надрывно, что потеряла сознание.

* Инфекционное заболевание крови, разновидность ангины.

- Ну-ну, - ласково сказал смотритель. - Не стоит впадать в панику. Я не хотел задеть тебя. Давай я лучше расскажу тебе то, что я знаю о том приспособлении, в котором ты висела. Возможно, это что-то прояснит для тебя. Они подвешивают в нем тех, кто не... как сказать, немного не в себе. Если ты понимаешь, что я имею в виду.

- А что вы имеете в виду, сэр?

- Называй меня Эмилито, - сказал он улыбаясь. Но, пожалуйста, не обращай ко мне "сэр". Можешь называть меня смотрителем подобно тому, как все называют Джона Мишеля нагвалем. А сейчас давай пройдем на кухню и сядем за стол, где обстановка более располагает к разговорам.

Я последовала за ним на кухню и села. Он налил в мою чашку теплой воды, которая нагрелась на печке, и поднес ее мне.

- Так вот, о том приспособлении, - начал он, садясь на скамейку напротив меня. - Бытует мнение, что оно излечивает душевные недуги. Обычно они подвешивают в нем тех, кто свихнулся.

- Но я не сумасшедшая, - запротестовала я. - И если вы или кто-то другой будут обвинять меня в этом, я уеду отсюда.

- Но ты ведешь себя как сумасшедшая, - заключил он.

- Этим все сказано. Я уезжаю домой, - сказала я, поднимаясь на ноги.

Смотритель остановил меня.

- Погоди, Тайша. Я не хотел сказать, что ты не в своем уме. Это все

можно объяснить и по-другому, - сказал он дружелюбно. - Эти люди очень доброжелательны. Вероятно, они сочли, что тебе нужно немного укрепить психику, пока они находятся в отъезде, а вовсе не вылечить от душевной болезни. Вот зачем тебя подвесили. Я был неправ, когда начал делать поспешные выводы. Пожалуйста, прими мои извинения.

Я была рада этому примирению со смотрителем и снова уселась за стол. Помимо всего прочего, я была заинтересована в том, чтобы быть с ним в хороших отношениях, потому что он, очевидно, знал, как разжигать печь. Кроме того, мне не хотелось расходовать энергию на то, чтобы чувствовать себя обиженной. Только теперь я поняла, что смотритель был прав. Я была сумасшедшей. Я просто не хотела, чтобы он об этом знал.

- Ты живешь где-то поблизости, Эмилито? - спросила я, стараясь говорить непринужденно.

- Нет. Я живу здесь, в доме. Дверь в мою комнату находится как раз напротив твоего шкафчика в коридоре.

- Ты хочешь сказать, что живешь в той каморке, которая заполнена скульптурами и всякой рухлядью? воскликнула я. - А откуда ты знаешь, где находится мой шкаф?

- Мне Клара рассказала об этом, - ответил он, усмехнувшись.

- Но если ты живешь здесь, как могло случиться так, что я никогда не видела тебя в доме или во дворе?

- А это наверное потому, что мы с тобой входим и выходим в разное время. По правде говоря, я тоже ни разу тебя не видел.

- Как так может быть, Эмилито? Я здесь живу уже больше года.

- А я здесь уже сорок лет, с перерывами, правда.

Мы с ним громко рассмеялись, поняв всю нелепость того, что было сказано. Больше всего меня смущало то, что в глубине души я чувствовала, что он является тем самым человеком, присутствие которого я давно ощущала в доме.

- Я знаю, Эмилито, что ты все это время следил за мной, - сказала я открыто. - Не отрицай этого и не спрашивай меня, откуда я это знаю. Более того, я знаю также и то, что ты прекрасно представлял себе, кто я, когда увидел, как я подхожу к кухне. Разве не так?

Эмилито вздохнул и утвердительно кивнул.

- Это правда, Тайша. Я действительно узнал тебя. Но ты все же здорово меня напугала.

- Но как ты узнал меня?

- Я наблюдал за тобой из своей комнаты. Но не сердись на меня. Я никогда не мог подумать, что ты почувствуешь, что я наблюдаю за тобой. Смирненно приношу тебе извинения, если доставил тебе этим неудобство.

Я собиралась спросить у него, зачем он за мной наблюдал. Я надеялась, что он скажет, что я показалась ему красивой или по крайней мере интересной, но он оборвал наш разговор, заметив, что поскольку уже стемнело, он чувствует себя обязанным помочь мне подняться на дерево.

- Позволь мне дать тебе один совет, - сказал он. Спи в домике на дереве, а не в этом приспособлении. Это увлекательнейшее занятие. Я тоже однажды жил некоторое время в этом домике, но это было много лет назад.

Прежде чем мы вышли, Эмилито угостил меня тарелкой великолепного супа и целой горой лепешек из маисовой муки. Мы ели в полной тишине. Я пыталась заговорить с ним, но он сказал, что болтовня во время еды плохо влияет на пищеварение. Я сказала ему, что мы с Кларой всегда подолгу разговаривали за едой.

- Мое тело даже отдаленно не напоминает ее тело, пробормотал он. - Она сделана из железа, поэтому она может делать с ним все что хочет. Но я не могу позволить себе этого, потому что у меня тело маленькое и капризное. Это же касается и тебя.

Мне понравилось, что он включил и меня в число тех, у кого маленькое тело, хотя я надеялась, что говоря обо мне, он имел в виду его изящность, а не капризность.

После ужина он очень заботливо провел меня через дом к центральному входу. Я никогда не была в центральной части дома, поэтому я специально замедляла шаг и пыталась заметить как можно больше деталей интерьера. Я увидела еще одну огромную гостиную, в которой стоял длинный праздничный стол и сервант, заполненный хрустальными бокалами, стаканами для шампанского и всевозможной посудой. Рядом с гостиной находился кабинет. Проходя мимо него, я увидела внутри огромный стол из красного дерева, а также книжные полки, полностью закрывавшие собой одну из стен. В следующей комнате горел электрический свет, но я не могла видеть, что находится в ней, потому что дверь в нее была лишь приоткрыта. Изнутри доносились приглушенные голоса.

- Кто там, Эмилито? - возбужденно спросила я.

- Никого, - ответил он. - Это ты слышишь завывание ветра. Он творит чудеса с нашими ушами, когда дует сквозь ставни.

Я взглянула на него взглядом, который говорил: "Кого ты хочешь провести?", и решительно распахнула дверь, чтобы посмотреть, кто сидит в комнате. Он был прав: в комнате никого не было. Это тоже была гостиная, похожая на ту, что находилась в правом крыле дома. Однако когда я присмотрелась, я заметила, что с тенями в комнате творится что-то странное. Я могла поклясться, что они двигались, мерцали, танцевали, хотя ничто в комнате не двигалось, и сквозняка тоже не было.

Шепотом я сказала об этом Эмилито. Он засмеялся и похлопал меня по спине.

- Ты ведешь себя точно как Клара, - сказал он. - Но в этом нет ничего предосудительного. Я бы начал беспокоиться, если бы ты была похожа на Нелиду. Ты знаешь, что у нее между ног живет энергия?

То, как он на меня посмотрел, тон его слов и странное птичье недоумение, отразившееся в его глазах, показались мне очень смешными, и я так рассмеялась, что слезы едва не брызнули из моих глаз. Затем мой смех оборвался так же внезапно, как и начался, будто кто-то внутри меня повернул выключатель. Это обеспокоило меня. Это обеспокоило Эмилито тоже, потому что он так настороженно посмотрел на меня, будто сомневался в моем душевном здоровье.

Он открыл главную дверь, сняв задвижку, и вывел меня к тому месту во дворе перед домом, где находилось мое дерево. Он помог мне застегнуть ремни и показал, как управлять блоком так, чтобы я могла находиться во время подъема в сидячем положении. Он дал мне маленький фонарик, и я подняла себя наверх. Оказавшись на уровне верхних веток, я смогла разглядеть небольшой деревянный домик. Он находился почти рядом с тем местом, где я висела сегодня утром, когда проснулась, но я тогда не заметила его, потому что была очень испугана, а также потому, что его со всех сторон окружала листва.

С земли смотритель освещал своим фонарем это строение и кричал мне:

- Внутри домика есть корабельный светильник, Тайша, но не пользуйся им очень долго. А утром, перед тем, как слезать на землю, не забудь отсоединить его от батарей.

Он освещал меня с земли до тех пор, пока я не пришвартовалась к небольшой площадке, находящейся прямо перед входом в домик, и не закончила расстегивать ремни.

- Спокойной ночи! Я уйду! - кричал он снизу. Приятных сновидений!

Мне показалось, что я слышала его хихиканье, когда он перестал освещать меня и направился в сторону главного входа в дом. Я забралась в домик на дереве с помощью своего маленького фонарика и начала искать в нем то, что он назвал корабельным светильником. Это был большой фонарь, прикрученный к полке. На полу лежала огромная квадратная батарея в оправе, которая была прикручена к полу. Я подключила ее к светильнику и зажгла его.

Домик на дереве представлял собой одну небольшую комнатку, в которой находилась небольшая платформа, служившая одновременно кроватью и низеньким столиком. Сверху на ней лежал свернутый спальный мешок. Постройка имела с каждой стороны по одному окошку, которое представляло собой рамочку со стеклом, закрепленную сверху шарнирами и открывающуюся наружу. Для того чтобы зафиксировать рамочку в таком положении, использовались толстые палочки, которые лежали тут же на полу. В углу комнатки находился ночной горшок, который как раз помещался в корзинку, плотно закрывающуюся крышкой. После этого быстрого осмотра домика изнутри я отключила большой светильник и заползла в спальный мешок.

Вокруг было совсем темно. Я могла слышать треск сверчков и шум ручья вдали. Ветер шевелил листья рядом с домиком и тихонько покачивал все дерево. Я лежала и прислушивалась ко всем этим звукам, и тут в мое сознание начал закрадываться страх, а в теле появились ощущения, которых у меня никогда

раньше не было. Непроглядная темнота так искажала и преображала окружающие звуки, что мне казалось, будто они доносятся до меня изнутри моего тела. Каждый раз, когда домик вздрагивал, у меня начинало покалывать в подошвах ног. Стоило ему скрипнуть, как у меня вздрагивали колени, а каждая сломанная ветка отдавалась болью в затылке.

Затем мое тело наполнилось страхом и начали дрожать ноги. Кончилось это тем, что вся нижняя часть тела стала непроизвольно трястись. В голове у меня помутилось, и я потеряла ориентацию в пространстве. Я не знала, где дверь, где светильник. Мне начало казаться, что домик переворачивается. Вначале я едва ощущала это, но постепенно наклон становился все более заметен, и в конце концов мне показалось, что пол накренился под углом градусов в сорок пять. Я громко вскрикнула, когда мне показалось, что платформа, на которой я лежала, наклонена еще больше. Мысль о том, чтобы поскорее спуститься вниз, одолевала меня. Но я была уверена, что разобьюсь, упав вниз. С другой стороны, ощущение, что домик переворачивается, было таким несомненным, что мне казалось, что я вот-вот скачусь с платформы и выпаду через дверь. В одно мгновение увеличение угла наклона создавало впечатление, будто я стою, а не лежу.

При каждом резком движении домика я вскрикивала и хваталась за край платформы, чтобы не соскользнуть с нее. Казалось, домик вот-вот развалится на куски. От качки меня начало тошнить. Раскачивание и скрипы стали такими резкими, что я решила, что это моя последняя ночь на Земле. Но как только я оставила последнюю надежду на то, что как-нибудь дотяну до утра, ко мне на помощь пришло нечто невообразимое. Изнутри меня засиял свет. Он пробивался через все отверстия в моем теле. Это был густой светящийся поток, который приковал меня к платформе, окружив со всех сторон сияющей защитной оболочкой. Он заполнил мою гортань, и я перестала кричать. Кроме того, он тек по дыхательным путям, отчего дышать мне стало легче. Он успокоил мой разнервничавшийся живот и дрожащие ноги. Этот свет освещал всю комнатку, и я теперь могла видеть дверь, находящуюся на расстоянии нескольких футов от меня. Купаясь в сиянии, я постепенно успокоилась. Все мои опасения и заботы исчезли. Ничто больше не имело значения. Я спокойно, полностью расслабившись, пролежала до рассвета. Исполненная сил, я спустилась вниз и пошла на кухню завтракать.

Глава 18

На кухонном столе я увидела тарелку с тамале. Я знала, что Эмилито приготовил еду, но его самого нигде не было видно. Я налила в чашку немного воды и съела все, что было у меня в тарелке, думая о том, что зритель уже, должно быть, позавтракал.

Помыв тарелку, я отправилась немного поработать в огород, но быстро устала. Я сделала себе под деревом гнездо из листьев так, как меня учила Клара, и уселась в него отдохнуть. Некоторое время я наблюдала, как качаются ветви соседнего дерева. Движение этих ветвей перенесло меня в детство. Тогда мне, наверное, было пять или шесть лет. Я хваталась руками за гибкие ветви ивы. Это переживание было не воспоминанием о тех днях - я действительно была там. Мои ноги болтались подо мной, едва касаясь земли. Я была в восторге. Я кричала от радости, сидя на ветке, которую мои братья по очереди раскачивали. Они подпрыгивали вверх, хватаясь при этом за ветки, подтягивали колени к груди, покачиваясь вверх-вниз несколько раз, а затем снова опускались на землю для того, чтобы оттолкнуться от нее и снова повиснуть в воздухе.

Очнувшись, я сразу же очистила дыханием все то, что только что пережила: радость, смех, крики и чувства, которые питала к своим братьям. Я отмела прошлое плавным покачиванием головы. Постепенно веки становились все более тяжелыми. Наконец, я повалилась в свое лиственное гнездо и уснула глубоким сном.

Я проснулась, потому что какой-то острый предмет касался моих ребер. Зритель стоял надо мной и легонько толкал меня своей палкой.

- Пора вставать, уже полдень,- сказал он.- Разве тебе плохо спалось этой ночью в домике на дереве?

Когда я открыла глаза, первым, на что я обратила внимание, было то, как солнечный свет сверкает разными оттенками оранжевого на верхушках деревьев. Лицо зрителя тоже было озарено каким-то странным сиянием, от которого оно выглядело зловещим. На нем был тот же самый голубой рабочий комбинезон, в котором он был в предыдущий день. Но на этот раз к поясу комбинезона были привязаны три тыквы. Я села и посмотрела на то, как он аккуратно вынул пробку из самой большой из них, поднял ее ко рту и немного отпил оттуда. Затем он причмокнул губами от удовольствия.

- Разве тебе плохо спалось этой ночью? - спросил он еще раз, уставившись на меня любопытствующим взглядом.

- Ты что, издеваешься? - простонала я. - По правде говоря, это была одна из самых ужасных ночей в моей жизни.

Целый поток слезных жалоб начал изливаться из меня. Затем я смолкла и ужаснулась от того, что поняла, насколько сейчас похожа на свою мать. Каждый раз, когда я спрашивала, как ей спалось, она давала мне подобный отчет о своих неприятностях. Я очень не любила ее за это, а теперь, подумать только, - я делала то же самое!

- Эмирито, пожалуйста, прости мне этот ничтожный порыв, - сказала я. - Правда, я даже не сомкнула глаз, но сейчас я чувствую себя хорошо.

- Да, я слышал, как ты выла подобно приведению, подхватил он. - Я думал, что ты либо видишь кошмар, либо падаешь с дерева.

- Мне казалось, что я действительно падаю с дерева, - сказала я, ожидая встретить его сочувствие. - Я чуть не умерла от страха. Но затем случилось нечто необычное, и я дожила до рассвета.

- И что же такого необычного с тобой случилось? спросил он с любопытством, усаживаясь на землю на безопасном расстоянии от меня.

Я не видела причин, по которым мне не следовало рассказывать ему о случившемся, и поэтому я описала ему как можно подробнее события прошедшей ночи, завершив свой рассказ словами о свете, который спас меня. Эмирито выслушал меня с неподдельным интересом, кивая иногда головой для того, чтобы дать мне понять, что ему понятны описываемые мною чувства.

- Я очень рад, что ты оказалась такой находчивой, сказал он. - Я даже не ожидал, что ты переживешь эту ночь. Я думал, что ты потеряешь сознание. А оказывается, ты совсем не такая бестолковая, какой они тебя рисуют.

- А кто сказал, что я бестолковая?

- Нелида и нагваль. Они специально приказали мне не вмешиваться со своей помощью. Вот почему я не бросился выручать тебя ночью, несмотря на мое желание это сделать - хотя бы для того, чтобы отвести тебя в спокойное и безопасное место.

Он еще раз отхлебнул из тыквы.

- А ты не хочешь глотнуть? - предложил он, протягивая тыкву мне.

- А что в тыкве? - спросила я, догадываясь, что там спиртное. В этом случае я бы не отказалась глотнуть несколько раз сама.

Он на миг заколебался, а затем перевернул тыкву вверх дном и громко постучал по ней.

- Она пуста, - вырвалось у меня.- Ты разыгрываешь меня.

Он отрицательно покачал головой.

- Это только кажется, что она пуста, - ответил он. На самом же деле она заполнена до краев самым необычным напитком в мире. Скажи еще раз, хочешь ли ты его попробовать?

- Не знаю, - сказала я.

На одно мгновение я подумала, не шутит ли он со мной. Увидев его в аккуратно выглаженном комбинезоне, к поясу которого привязаны тыквы, у меня создалось впечатление, что он сбежал из психушки.

Он пожал плечами и, широко открыв глаза, уставился на меня. Затем я увидела, как он снова заткнул тыкву пробкой и бережно пристегнул ее к поясу с помощью тоненького кожаного ремешка.

- Ну ладно, дай мне глоточек, - сказала я, одолеваемая любопытством и внезапно возникшим желанием поиграть в его игру.

Он вынул пробку снова и дал тыкву мне. Я встряхнула ее и заглянула внутрь. Там действительно ничего не было. Однако когда поднесла ее к губам, у меня во рту возникло очень необычное ощущение. То, что наполнило мой рот, было похоже на жидкость, которая меньше всего похожа на воду. Она напоминала сухую, почти горькую, невидимую массу, глотая которую, я сначала задохнулась, а затем по всему моему телу растеклось приятное тепло.

Мне пришло в голову, что в тыкве, должно быть, находится какой-то очень мелкий порошок, который попал мне в рот, когда я переворачивала ее. Чтобы проверить свою догадку, я потрясла тыкву над ладонью, но при этом из нее ничего не выпало.

- В этой тыкве нет ничего, что можно увидеть глазом, - сказал наблюдатель, заметив мое удивление.

Я еще раз хлебнула невидимой жидкости и на этот раз чуть не свалилась с ног. Что-то напоминающее электрический ток потекло по мне и стало

покалывать у меня в ногах. Покалывание поднялось вверх по ногам до позвоночника, по которому оно как молния ударило в голову, от чего я чуть не потеряла сознание.

Я увидела, как зритель прыгает от радости и смеется, как клоун. Я ухватилась руками за землю, чтобы не упасть. Когда мне кое-как удалось восстановить равновесие, я сердито обратилась к нему.

- Что у тебя в этой тыкве, черт побери? - строго спросила я.

- То, что находится в ней, называется намерение, ответил он серьезно.

- Клара немного рассказывала тебе о нем. И вот пришел теперь мой черед поведать тебе кое-что.

- Что ты хочешь сказать тем, что пришел твой черед, Эмилито?

- Я хочу сказать, что теперь я - твой наставник. Клара сделала часть работы, а мне теперь заканчивать.

Моей первой реакцией на его слова было недоверие. Ведь он сам раньше говорил, что является обычным наемным работником, а не членом группы. Было очевидно, что все это - его выдумки, и я решила, что не дам себя провести.

- То, что ты говоришь, звучит так же глупо, как если бы ты захотел сейчас дернуть меня за ногу, - сказала я, стараясь улыбнуться.

- А я и правда этого захотел, - ответил он и, подскочив ко мне, дернул меня за ногу.

Прежде чем я успела встать на ноги, он, продолжая дурачиться, потянул меня за ногу еще раз. Он был очень оживлен и, весело смеясь, прыгал вокруг меня на корточках, как кролик.

- Тебе не нравится, когда твой наставник дергает тебя за ногу? - спросил он, хихикая.

Мне совсем не хотелось, чтобы он прикасался ко мне. Еще больше мне не хотелось, чтобы он таскал меня за ногу. Но я вспомнила, что прикосновения Клары тоже были неприятны для меня. Я начала вертеть в уме идею, почему мне не нравится, когда ко мне прикасаются. Несмотря на то, что я проработала в ходе воспоминания все встречи с людьми, физическое прикосновение было для меня таким же неприятным, как и раньше. Я отложила эту проблему, для того чтобы в будущем вернуться к ней, потому что зритель унялся и начал объяснять нечто, требовавшее моего внимания.

- Я - твой учитель, - услышала я его слова. - Кроме Клары, Нелиды и нагваля в число твоих воспитателей вхожу также и я.

- Ты болтаешь чепуху, вот что ты делаешь, - оборвала я его.- Ведь ты сам сказал мне вчера, что ты всего лишь нанятый смотритель. Откуда же теперь твои претензии на то, чтобы быть моим учителем?

Все это правда. Но я все-таки еще один твой учитель, - сказал он серьезно.

И чему же ты собираешься меня обучать? закричала я, чувствуя отвращение к такому повороту дела.

- Я собираюсь обучать тебя тому, что называется stalkingу с двойником, - сказал он, мигая глазами, как птица.

- А где Клара и Нелида? - настойчиво спросила я.

- Они уехали. Нелида сказала об этом в своей записке, не правда ли?

- Сама знаю, что они уехали, но куда именно?

- О, наверное они отправились в Индию, - ответил он, усмехаясь так, словно собирался вот-вот разразиться хохотом.

- Значит, они вернутся оттуда не раньше, чем через несколько месяцев, - сказала я с досадой.

- Так и есть. Мы с тобой одни. Нет даже собаки. Поэтому перед тобой открываются два пути: собрать свои манатки и уехать, либо остаться со мной и включиться в работу. Советую тебе избрать последнее, потому что тебе некуда ехать.

- Мне совсем не хочется отсюда уезжать, - сообщила я ему.- Нелида оставила меня присматривать за домом. Этим-то я и буду теперь заниматься.

- Хорошо, я рад, что ты решила следовать намерению магов, - сказал он.

Поскольку ему, должно быть, показалось, что я не поняла смысл его слов, он объяснил, что намерение магов отличается от намерения обычных людей тем, что маги умеют сосредоточивать свое внимание на нем с необычайной силой и точностью.

- Если ты - мой учитель, можешь ли ты привести мне конкретный пример для подтверждения того, что имеешь в виду? - спросила я, уставившись на него.

На мгновение он задумался, оглядываясь вокруг. Затем его лицо просияло и он указал на дом.

- Этот дом может служить хорошим примером, - сказал он.- Он представляет собой результат действия намерения многочисленных магов, которые в течение многих поколений накапливали и хранили энергию. Поэтому в настоящее время он больше не физическая структура, а фантастическое поле энергии. Сам дом можно разрушить десять раз, как уже и происходило, но сущность магического намерения при этом остается неприкосновенной, потому что оно неуничтожимо.

- А что будет, если маги захотят уехать? - спросила я.- Их энергия будет существовать здесь вечно?

Если уезжая они повинуются духу, - сказал Эмилито, - они могут взять с собой намерение из того места, где сейчас стоит дом, и поместить его где-нибудь в другом месте.

- Я могу подтвердить, что дом этот очень странный, сказала я и поведала ему о том, как он оказывал сопротивление моим попыткам измерить его и точно рассчитать его местоположение.

- Станным этот дом делает не расположение комнат, стен или внутренних двориков, - заметил наблюдатель, а намерение, которым многие поколения магов наполняли его. Другими словами, тайна этого дома - это история многочисленных магов, чье намерение создало его. Видишь ли, они не просто проявили намерение, смысл которого в том, чтобы этот дом был, они сами построили его, кирпич за кирпичом, камень за камнем. Даже ты уже успела внести в него свою лепту намерения и труда.

- В чем же мой вклад в него? - спросила я, искренне удивляясь тому, что сказал Эмилито. - Неужто ты имеешь в виду ту несчастную тропинку на огород, которую я выложила камнями?

- Никто в здравом уме не назовет это вкладом, сказал он, смеясь.- Нет, ты сделала несколько более важных действий.

Он отметил, что на мирском строительно-кирпичном уровне моим вкладом в обустройство этого дома, по его мнению, является надежная электрическая проводка и установка в маленькой цементной постройке насоса для подъема воды из ручья для поливки огорода.

- На более тонком уровне энергетических потоков, продолжал он, - я могу совершенно искренне сказать тебе, что твой вклад заключается, в частности, в том, что, сколько мы себя помним, никому еще не удавалось так полно слить свое намерение с Манфредом.

В этот момент мне в голову пришла одна догадка.

- Наверное ты - это тот человек, который может назвать его в лицо "жаба"? - спросила я. - Клара однажды сказала мне, что есть один такой человек.

Лицо зрителя просияло и он утвердительно кивнул.

- Да, я - тот человек. Я нашел Манфреда, когда он был еще щенком. Его либо прогнали из дому, либо он сам оттуда сбежал. Возможно, он раньше жил на моторной станции, которая находится недалеко отсюда. Когда я его нашел, он был едва живой.

- Где ты нашел его? - спросила я.

- На Восьмом шоссе, в шестидесяти милях от местечка Гила-Бенд, штат Аризона. Я остановился на обочине, чтобы сбегать в кусты и чуть было не помочился на него. Он лежал там, еле живой от жажды. Меня больше всего поразило то, что он не сидел вблизи дороги, как сделала бы всякая другая собака. И, конечно же, меня озадачило то, что, остановившись там, я будто специально приехал за ним.

- А что было потом? - спросила я.

Я почувствовала такую жалость к несчастной собаке, оказавшейся в столь незавидном положении, что забыла обо всей своей злости на зрителя.

- Я привез Манфреда домой и положил его в воду, но не позволил ему пить, - сказал зритель.- А затем я предложил магическому намерению поступить с ним так, как оно сочтет нужным.

Эмилито сказал, что магическое намерение решало не только жить ему или умереть, но и то, будет он собакой или кем-то другим. И он выжил и стал чем-то большим, чем обычная собака.

- То же самое случилось и с тобой, - продолжал он. Вероятно, именно поэтому вы с Манфредом чувствуете такую близость. Нагваль встретил тебя, когда ты испытывала духовную жажду и была на грани того, чтобы погубить свою жизнь. Поскольку он тогда был в кинотеатре на открытом воздухе вместе с Нелидой, они вместе предложили тебя магическому намерению.

- Как они предложили меня магическому намерению? - спросила я.

- Разве они тебе об этом до сих пор не рассказали? спросил он удивленно.

Я задумалась на мгновение, прежде чем ответить.

- Кажется, не рассказывали.

- Нагваль и Нелида вслух обратились к намерению несомненно, это было там же, в кинотеатре - и провозгласили, что готовы без колебания и сожаления отдать все в своей жизни без остатка для того, чтобы помочь тебе. И сразу же после этого они вместе поняли, что не могут увезти тебя с собой сразу же, но должны будут еще некоторое время следить за тобой. Поэтому ты теперь можешь сказать, что именно магическое намерение привлекло тебя в этот дом. Воззвание нагваля и Нелиды подействовало. Посмотри, где ты теперь! Ты здесь и разговариваешь со своим доброжелателем.

Он взглянул на меня, чтобы понять, слежу ли я за ходом его мыслей. Я пристально смотрела на него, безмолвно умоляя точнее объяснить мне, что такое магическое намерение. Он заговорил о том, что имело ко мне лично более непосредственное отношение и сказал, что, судя по тому, что я рассказывала Кларе о себе, он склонен считать, что мое намерение направлено на полное поражение. По его словам, я неявно всегда намереваюсь быть сумасшедшей и неудачницей.

- Клара рассказывала мне все что ты ей говорила о себе, - сказал он, щелкнув языком.- Тот факт, например, что ты выскочила на арену в Японии, свидетельствует о том, что ты намеревалась доказать всему миру свою любовь к поражениям, а не умение выполнять комплексы движений каратэ.

Он сразил меня, сказав, что все мои поступки окрашены предвкушением поражения. Поэтому важнее всего для меня сейчас приобрести другое намерение. Он объяснил, что это новое для меня намерение называется магическим, потому что это не просто намерение, направленное на то, чтобы сделать что-то новое. Смысл магического намерения в том, чтобы подключиться к чему-то уже существующему, а именно - к намерению, которое уходит своими истоками в тысячелетнюю историю магической традиции.

Он сказал, что в этом магическом намерении нет места для поражений, потому что перед магами всегда был открыт лишь один путь: достигать успеха во всех своих начинаниях. Но для того, чтобы унаследовать это могущественное и ясное видение, маг должен преобразить все свое существо, а это подразумевает развитие у себя новых способностей и достижение более

глубокого понимания. Понимание приходит вместе с воспоминанием, а способности появляются, когда маг безупречен в своих поступках.

Эмилито посмотрел на меня и похлопал ладонью по тылке. Он объяснил, что в ней он хранит свои безупречные чувства и что дал мне хлебнуть магического намерения для того, чтобы развеять мои пораженческие настроения и подготовить к пониманию его наставлений. Он говорил еще что-то, но я не могла больше сосредоточить на этом свое внимание. Его голос начал усыплять меня. Совершенно неожиданно я почувствовала тяжесть во всем теле. Я напрягала зрение, чтобы разглядеть его лицо, но видела лишь белый туман, похожий на тот, который заполняет низины в сумерках. Я расслышала, как он велел мне лечь и, постепенно расслабляя мышцы, воссоздать в воображении эфирную сеть.

Я поняла, что он имеет в виду, и почти бессознательно последовала его указаниям. Я легла и начала перемещать осознание от стоп дальше по телу - к щиколоткам, икрам, коленям, бедрам, животу и позвоночнику. Затем я расслабила руки, плечи, шею и голову. Двигаясь осознанием по различным частям тела, я становилась все более сочной и тяжелой.

Затем смотритель приказал мне легко поворачивать глазами против часовой стрелки, давая им возможность свободно перемещаться в глазницах. Я продолжала расслабляться до тех пор, пока дыхание не стало плавным и ритмичным, пока грудь не стала подниматься и опускаться сама по себе. Я сосредоточивалась на убаюкивающих волнообразных движениях грудной клетки, когда он прошептал, что мне следует переместить сознание от головы как можно выше над собой и сделать там маленькое отверстие.

- Какое отверстие? - пробормотала я.

- Небольшое отверстие. Дырочку.

- Дырочку куда?

- Дырочку в пустоту, и которой парит твоя эфирная сеть, - ответил он. - Если ты вынесешь осознание за пределы своего тела, ты почувствуешь, что тебя со всех сторон окружает темнота. Попытайся проникнуть в эту темноту. Сделай дырочку, чтобы выйти в нее.

- Мне кажется, я не смогу, - сказала я, напрягаясь.

- Сможешь, ясное дело, - заверил он меня. - Помни, для магов нет невозможного, они достигают успеха во всем.

Он наклонился надо мной и шепотом сказал, что после того, как мне удастся сделать отверстие, я должна буду свернуть тело в трубочку, как свиток, и улететь вдоль энергетической линии, которая простирается из макушки моей головы в пустоту.

- Но ведь я же лежу, - вяло запротестовала я.- Макушка моей головы почти касается земли. Не лучше ли мне встать?

- Пустота окружает нас со всех сторон, - сказал он. Даже если мы стоим на голове, она тоже присутствует.

Затем тон его голоса изменился настолько, что стал напоминать недопускающие возражения команды. Он приказал мне сосредоточиться на отверстии и позволить своим чувствам и мыслям вытечь через него. Снова мои мышцы напряглись, ведь я еще не сделала никакого отверстия. Смотритель велел мне расслабиться, не думать больше об этом, а действовать и чувствовать так, словно я уже проделала отверстие.

- Выбрось в него все, что находится внутри тебя, сказал он.- Позволь всем своим мыслям, чувствам и воспоминаниям вытечь наружу.

Прекратив напрягать мышцы тела, я ощутила, что меня заполняет энергия, сметающая все на своем пути. Меня словно кто-то выворачивал наизнанку: все притягивалось к макушке головы, устремляясь к ней, как горизонтальный водопад, а затем летело дальше, туда, где я ощущала отверстие.

- Отпусти себя на еще более глубоком уровне, - прошептал он мне на ухо. - Отдай себя всю пустоте.

Я сделала все что могла, для того, чтобы поступить так, как он говорил. Какие бы мысли не появлялись у меня в голове, они сразу же присоединялись к водопаду того, что вылетало из меня через макушку головы. Я смутно слышала, как смотритель сказал, что если я захочу улететь сама, мне нужно только отпустить себя, и меня унесет вслед за всем туда, куда я захочу. Прежде чем я позволила этому случиться, я почувствовала легкое, но не прекращающееся дерганье в левом боку. Я расслабилась и позволила этому ощущению продолжаться. Поначалу у меня создалось впечатление, что одна только голова наклонилась влево, но скоро все мое тело, казалось, начало скатываться в эту сторону. Мне чудилось, что я вот-вот упаду куда-то вбок, но в то же время я знала, что мое тело не движется с места. Я слышала за головой шум и увидела, что отверстие увеличилось в размере. Мне захотелось выползти наружу, протиснуться сквозь него и раствориться в пустоте. Вдруг все внутри

меня пришло в движение: осознание начало перемещаться в направлении макушки головы, а затем выскользнуло наружу.

Я почувствовала, будто оказалась внутри огромной полости. Ее бархатистые стенки окружали меня со всех сторон. Было темно. Мое внимание приковала к себе светящаяся точка. Она то разгоралась, то угасала, появляясь и исчезая, когда я сосредоточивала на ней внимание. Затем пространство передо мной озарилось ярким светом. Потом все вокруг снова погрузилось во тьму. Дыхание, казалось, совсем прекратилось, и никакие мысли и образы больше не появлялись вокруг. Я больше не чувствовала своего тела. Последней моей мыслью было то, что я растворилась.

Я услышала громкий отрывистый звук, напоминающий хлопанье пробки. Внезапно ко мне вернулись все мои мысли, посыпавшись откуда-то, как куча обломков, а вместе с ними пришло осознание твердости земли, занемелости тела и того, что какое-то насекомое кусает меня в подошву. Я открыла глаза и осмотрелась. Смотритель, сняв мои туфли и носки, приводил меня в чувство тем, что тыкал в подошвы ног палочкой. Я хотела рассказать ему о том, что со мной произошло, но он остановил меня покачиванием головы.

- Не разговаривай и не двигайся до тех пор, пока снова не затвердеешь, - предостерег он меня. Он приказал мне закрыть глаза и дышать животом.

Я лежала на земле до тех пор, пока не почувствовала, что ко мне снова вернулись силы, затем села, опираясь спиной о ствол дерева.

- Ты открыла выход во тьму, и твой двойник вначале соскользнул влево, а потом прошел через него, - сказал смотритель, прежде чем я успела ему что-либо сказать.

- Я ясно чувствовала, как меня туда тянет сила, заметила я.- А потом я увидела яркий свет.

- Та сила была выходящим из тела двойником, - сказал он так, словно безошибочно знал, о чем я говорю. - А свет был глазом двойника. Поскольку ты занимаешься воспоминанием больше года, тебе уже удалось немного укрепить свои энергетические линии, и теперь они начинают двигаться сами. Но поскольку ты по-прежнему отягощена разговорами и размышлениями, эти линии еще не двигаются так легко и широко, как они смогут когда-нибудь делить ЭТО.

Я не понимала, что он имел в виду, когда говорил, что я укрепляла энергетические линии в ходе занятий воспоминанием. Я попросила его объяснить это.

- Что здесь объяснять? - спросил он. - Все сводится к энергии. Чем больше ее ты возвращаешь себе с помощью воспоминания, тем больше ее уходит на усиление двойника. Переход энергии к двойнику мы называем укреплением энергетических линий. Тот, кто может видеть энергию, заметит, что из тела человека выходит множество энергетических линий.

- А что все это значит для того, кто, подобно мне, не видит энергии?

- Чем больше у тебя энергии, - объяснил он, - тем больше у тебя возможностей замечать необычное.

- Мне кажется, что со мной все происходит не так: чем больше у меня появляется энергии, тем больше не в своем уме я становлюсь, - сказала я, и не пытаюсь шутить.

- Не сбивай себя с толку подобными выводами, посоветовал он. - Восприятие - это великая тайна, потому что его совсем никак нельзя объяснить. Маги, как и все люди, что-то воспринимают, но то, что они воспринимают, не является ни хорошим, ни плохим. Это просто воспринимаемое. Если кто-то из людей посредством целенаправленных усилий получает возможность видеть больше, чем доступно обычному восприятию, они приобретают необычные способности. Тебе понятно, что я имею в виду?

Он отказался говорить на эту тему дальше. Вместо этого он снова провел меня сквозь дом и через парадную дверь к моему дереву. Он указал на верхушку дерева и сказал, что, поскольку на этом дереве расположены жилые помещения, оно оснащено громоотводом.

- В этих местах молнии бьют часто и очень сильно, отметил он. - Бывают грозы без единой капли дождя. Но когда видишь, что начинает идти дождь, или что в небе появилось много кумулонимбических облаков, залезай поскорее в домик на дереве.

- Когда появилось в небе много чего? - спросила я.

Эмилито засмеялся и ласково похлопал меня по спине.

- Когда нагваль Хулиан отправлял меня в домик на дереве, он сказал мне точно так же, но тогда я не осмелился его спросить, что это значит. И он мне

тоже не объяснил. Только много позже я узнал, что он имел в виду грозовые облака.

Он посмеялся, глядя на тревожное выражение моего лица.

- Может ли случиться так, что молния ударит в дерево? - спросила я.

- Может, на твое дерево находится под защитой, ответил он.- А теперь давай, взбирайся наверх, а то скоро стемнеет.

Прежде чем я начала подъем, он дал мне мешочек с грецкими орехами, которые были уже разбиты, но не очищены.

Он сказал, что если уж мне суждено быть живущей на дереве, я должна питаться как белочка, съедая каждый раз немножко пищи, но ничего не есть ночью.

Мне эта идея понравилась, потому что перспектива слезать каждый раз вниз для того, чтобы сходить на кухню, меня не очень прельщала. Я сказала об этом ему.

- А оправляться ты любишь? - спросил он, хихикая. - Думается, что нет, потому что самое неприятное в жизни на дереве начинается тогда, когда нужно опорожнить кишечник. С человеческими экскрементами трудно иметь дело. Моя философия говорит, что чем меньше их у тебя, тем лучше ты приспособлена к жизни.

Эти его слова показались ему такими забавными, что, смеясь, он чуть не покатился по земле. Продолжая посмеиваться, он развернулся и ушел, а я осталась размышлять о его философии.

Глава 19

На следующую ночь была гроза с громом и молнией. Но нет на всей Земле способа описать мои переживания, когда я сидела в домике на дереве, а небо рассекали молнии, ударяя время от времени в деревья неподалеку. Описать мой страх невозможно. Я кричала еще громче, чем в первую ночь, когда мне казалось, что я вот-вот упаду с платформы, служившей мне кроватью. Это был какой-то животный ужас, он просто парализовал меня. Единственная мысль, способная удерживаться в моем сознании, была о том, что я - трусиха от рождения, и когда напряжение стало невыносимым, я потеряла сознание.

Сознание вернулось ко мне только в середине следующего дня. Когда я спустилась вниз, оказалось, что Эмилито уже ждет меня, сидя на одной из нижних веток так, что его ноги едва касаются земли.

- Ты выглядишь, как летучая мышь, выбравшаяся из ада,- заметил он.

- Что случилось этой ночью?

- Я чуть не умерла от страха,- ответила я.

Я не собиралась прикидываться бодренькой или создавать впечатление, что ничего не произошло. Я чувствовала себя точно так же, как, наверное, и выглядела - живой тряпкой.

Я сказала ему, что впервые за всю свою жизнь посочувствовала солдатам на поле битвы, потому что пережила тот же страх, который, должно быть, посещает их, когда рядом разрываются бомбы.

- Я не согласен, - сказал он. - Твой страх этой ночью был еще сильнее. Твои крики не были человеческими. А значит, они доносились с уровня двойника, и это был действительно непревзойденный страх.

- Эмилито, пожалуйста, объясни мне, что ты хочешь этим сказать.

- Твой двойник уже близок к осознанию, поэтому в стрессовых ситуациях, подобных той, которая возникла у тебя прошлой ночью, он уже частично осознает себя, но при этом абсолютно испуган. Он еще не привык воспринимать мир. Твои тело и ум привыкли к этому, а двойник - еще нет.

Я была уверена, что если бы я была готова к тому, что ночью будет буря, я бы расслабилась и мои страхи и тревожные мысли не проявились бы в полную силу. Возможно, случилось бы даже так, что нечто во мне вышло бы за пределы

тела, вышло из домика и спустилось на землю. Но этого не произошло, потому что я испугалась в первую очередь того, что заключена, поймана в своем теле.

- Когда мы входим в абсолютную темноту, туда, где ничто не отвлекает наше внимание, - сказал смотритель, - двойник одерживает верх. Он вытягивает свои эфирные конечности, открывает свои сияющие глаза и оглядывается по сторонам. Иногда это переживание еще более страшно, чем то, что выпало на твою долю этой ночью.

- Двойник не может так бояться, - заверила я его. Я в этом уверена.

- Ты еще ни в чем не можешь быть уверена, - возразил он. - Не сомневаюсь, что твои крики этой ночью были слышны до самого Таксона.

Его реплика задела меня. Было в нем что-то такое, что мне не нравилось, но я не могла точно знать, что это. Возможно, всему был виной его странный вид. Он не вел себя так, как подобает мужчине: он казался всего лишь тенью мужчины, хотя при более пристальном взгляде можно было заключить, что он довольно силен. Но больше всего мне претило то, что он не позволял мне вертеть собой, и это невероятно раздражало худшую сторону моего характера.

В порыве гнева я рывкнула:

- Как ты смеешь все время наезжать на меня, когда я говорю то, что тебе не нравится!

Стоило мне только выпалить эту фразу, как я тут же пожалела об этом и принесла свои искренние извинения за несдержанность.

- Сама не знаю, почему ты так сильно раздражаешь меня, - призналась я потом.

- Не переживай, - сказал он. - Это происходит потому, что ты чувствуешь во мне что-то такое, чего не можешь объяснить. Как ты сама выразила это, я веду себя не так, как подобает мужчине.

- Я не говорила этого, - запротестовала я.

Судя по его взгляду, он не верил моим словам.

- Нет, говорила, - настаивал он. - Ты сказала это моему двойнику несколько минут назад. Мой двойник слышит все и никогда не ошибается в интерпретации услышанного.

Мол нервность и смущение достигли апогея. Я не знала, что ему ответить. Лицо у меня покраснело, а тело задрожало. Я не могла понять, почему это со мной происходит. Голос зрителя прервал поток моих мыслей.

- Это происходит потому, что твой двойник заметил моего, - сказал он.
- Твое физическое тело напугано, потому что его врата открыты, и через них в него втекают новые для него ощущения. Если тебе сейчас кажется, что тебе плохо, подумай о том, насколько хуже тебе было бы, если бы все твои врата были открыты.

Он говорил так убедительно, что я подумала о том, что скорее всего он прав.

- У животных и младенцев, - продолжал он, - не возникает затруднений с тем, чтобы видеть двойника, и поэтому часто бывает так, что он беспокоит их.

Я заметила, что животные не особо любят меня и что за исключением Манфреда я питаю к ним те же чувства.

- Животные не любят тебя, - начал объяснять он, потому что врата твоего тела никогда не были полностью закрыты. И твой двойник постоянно стремится вырваться наружу. Будь начеку. Ведь теперь ты помогаешь ему своим намерением, и врата рано или поздно распахнутся. В один прекрасный день твой двойник возьмет да и проснется, и ты, например, можешь вдруг обнаружить себя во внутреннем дворике, хотя не выходила из дома.

Мне оставалось лишь засмеяться, прежде всего для того, чтобы разрядить нервное напряжение, которое создавалось во мне под влиянием его бессмысленных слов.

- А как насчет детишек, особенно маленьких? спросил он. - Разве они не начинают визжать, когда ты сажаешь их себе на руки?

Обычно так и происходило, но я не сказала об этом зрителю.

- Маленькие дети любят меня, - солгала я, прекрасно зная, что когда я несколько раз оказывалась рядом с младенцами, они сразу же начинали плакать. Я всегда говорила себе, что это происходит потому, что у меня недостает материнских чувств.

Зритель с недоверием покачал головой. Я потребовала, чтобы он объяснил, как животные и дети могли чувствовать двойника, если сама я не знала, что он существует. Фактически, до тех пор, пока Клара и нагваль не рассказали мне о двойнике, я даже не подозревала о том, что он есть. Я также не

знала никого, кто знал бы о нем. Он резко ответил мне, что ощущения младенцев и животных не имеют ничего общего с рациональным знанием. Они ощущают двойника чем-то другим: своими открытыми воротами.

Он добавил, что эти ворота постоянно открыты у животных, но люди закрывают их, как только начинают разговаривать и думать, в результате чего у них начинает преобладать разум.

До этого я слушала зрителя очень внимательно, потому что Клара говорила мне, что кто бы ни говорил мне что-то в этом доме, моя задача в том, чтобы слушать. Но чем больше я уделяла внимание тому, что говорит Эмилито, тем сильнее я раздражалась. Это закончилось тем, что я пришла в откровенную ярость.

- Я не верю ни одному твоему слову, - сказала я. Зачем ты говорил, что являешься моим учителем, а? Ведь ты же не можешь ничего мне толком объяснить!

Зритель рассмеялся.

- Разумеется, я не добровольно взял на себя эту обязанность, - сказал он.

- А кто же тогда тебя назначил?

После паузы, в течение которой он размышлял, я услышала:

- Длинная последовательность событий. Началось все с того, что нагваль нашел тебя голую и лежащую на спине с поднятыми ногами.

Он залился хохотом, к которому примешивались какие-то резкие звуки, напоминающие крик птицы.

Его издевательское чувство юмора вызывало у меня негодование.

- Не отвлекайся, Эмилито, и скажи мне, что все это значит! - крикнула я.

Извини меня, я думал, что тебе доставит удовольствие напоминание о твоих подвигах, но вижу, что ошибся. Мы же, в отличие от тебя, очень любим твои выходки. Многие годы мы высмеиваем Джона Мишеля и те несчастья и невзгоды, которые он навлек на себя, когда ошибся дверью и вместо того, чтобы зайти в уборную, попал туда, где была голая девушка, - сказав это, он разразился смехом.

Но я не видела в этих словах ничего смешного. Моя ярость была такой безудержной, что мне хотелось усмирить его несколькими точными ударами рук и ног. Он посмотрел на меня и отодвинулся подальше. Несомненно, он почувствовал, что я вот-вот взорвусь.

- Неужели ты не находишь ничего смешного в том, что Джон Мишель прошел через ад, преодолевая все связанные с тобой затруднения, и все это лишь потому, что, находясь в кинотеатре, захотел помочиться? Это у нас с ним общее. Только там, где я нашел почти дохлого щенка, он встретил совсем спятившую девицу. И оба мы ответственны за тех, кого нашли, до конца своей жизни. Увидев, что с нами случилось, все остальные члены нашей группы пришли в ужас и поклялись никогда больше не ходить мочиться, не проверив и не перепроверив выбранное место.

Тут он так закатился, что ему пришлось переступить с места на место для того, чтобы удержаться на ногах.

Но заметив, что я даже не улыбаюсь, он постепенно успокоился.

- Ладно... давай продолжим наш разговор, - сказал он, утихомирившись.
- Как только произошло первое событие - нагваль увидел тебя с поднятыми ногами, - он выполнил свой долг и пометил тебя. Затем он должен был следить за тобой. Для этого ему понадобилась помощь Клары и Нелиды. В первый раз он пришел с Нелидой навестить тебя, когда ты закончила колледж и работала воспитателем в детском лагере, который находился в горах.

- Это правда, что он нашел меня при помощи энергетического канала? - спросила я, стараясь не выглядеть слишком заинтересованной.

Абсолютная. Он пометил твой двойник своей энергией, и поэтому мог следить за каждым твоим движением, - сказал он.

- Но я что-то не помню их, - заметила я.

- Это потому, что тебе казалось, что ты просто видишь повторяющийся сон. Но они на самом деле отправились туда, чтобы встретиться с тобой наяву. С тех пор они продолжали посещать тебя в течение всех этих лет. Чаще это делала Нелида. Затем, когда, следуя ее совету, ты переехала в Аризону, всем нам выпала возможность встретиться с тобой.

- Погоди, это все становится очень запутанным. Как я могла последовать ее совету, если я даже не помню ни единой встречи с ней?

- Поверь мне, она не уставала повторять тебе, что ты должна переехать в Аризону, что ты потом и сделала, хотя, конечно, думала, что приняла это решение самостоятельно.

Когда зритель рассказывал мне об этом, передо мной вспыхивали картины, относящиеся к тому периоду жизни. Я припомнила, что думала тогда об Аризоне как о месте, где я должна жить. Я помню, как применила тогда свой "метод южного горизонта" для того, чтобы решить, куда отправиться в поисках работы, и получила очень ясную подсказку, что должна направляться в Таксон. Мне тогда даже приснился сон, в котором кто-то говорил мне, что я должна устроиться на работу в книжный магазин. Я никогда не любила книг, и мне показалось тогда странным то, что я должна работать с ними, но тем не менее, когда я оказалась в Таксоне, первым делом я зашла в книжную лавку, на двери которой висела табличка "Требуется продавец". Я поступила туда на работу и начала печатать накладные, работать на кассе и подавать посетителям книги с полок.

- Когда кто-то из нас приходил к тебе, - продолжал Эмилито, - он общался только с твоим двойником, поэтому встречи с нами откладывались в твоей памяти как события снов. Но исключением была Нелида. Ее ты должна помнить, как обратную сторону своей собственной руки.

Как много покупателей я ни повидала тогда в магазине, я все же смутно помнила красивую, со вкусом одетую женщину, которая однажды подошла ко мне и очень дружелюбно заговорила со мной. Это было очень необычно для меня, потому что никто тогда не обращал на меня внимания. Эта женщина вполне могла быть Нелидой.

На глубинном уровне все, что говорил Эмилито, было понятно. Но для моего рассудка все это казалось столь натянутым, что я бы сочла себя сумасшедшей, если бы признала, что верю ему.

- То, что ты говоришь, напоминает конский навоз, сказала я, но мои слова прозвучали более неуверенно, чем я того хотела.

Моя грубая реплика ничуть его не смутила. Он поднял руки над головой и поворачивал ими.

- Если все, что я сказал, для тебя навозная куча, будь добра, объясни мне, что происходит с тобой, - поддел он меня, хитро улыбаясь. - Но не разыгрывай здесь маленькую девочку, которая первым делом начинает плакать и топтать ножкой.

Я услышала свой надрывный голос:

- Ты грязный старикашка! Ты проклятый... - На этом моя пылающая ярость потухла.

Я не могла поверить в то, что начала выкрикивать вслух ругательства. Сразу же я начала извиняться, утверждая, что не привыкла ни кричать, ни браниться. Я уверяла его, что была воспитана самым цивилизованным образом матерью, которая и не помышляла никогда о том, чтобы повышать на кого-нибудь голос.

Смотритель рассмеялся и поднял руку, чтобы остановить меня.

- Не надо больше извинений, - сказал он. - Это говорит твой двойник. Он всегда выражается кратко и точно, и поскольку ты никогда не давала ему свободы слова, он исполнен ненависти и негодования. Он объяснил, что мой двойник был очень растревожен громом и молниями прошедшей ночи и особенно событиями пятидневной давности, когда Нелида втолкнула меня в холл левого крыла дома с тем, чтобы я сделала первый шаг в направлении магического перехода.

- Пятидневной давности! - воскликнула я. - Ты хочешь сказать, что я провисела на дереве два дня и две ночи?

- Если быть точным, ты провисела там два дня и три ночи, - сказал он с ехидной усмешкой. - Мы по очереди должны были подниматься туда для того, чтобы посмотреть, не стряслось ли с тобой чего-нибудь. Ты была без чувств, но в хорошем состоянии, поэтому мы оставили тебя там одну.

- Но зачем меня там подвесили?

- Ты потерпела жалкую неудачу, когда попыталась совершить маневр, который мы называем абстрактный полет или магический переход, - сказал он. - Это истощило твою энергию.

Он объяснил, что в действительности это не была неудача с моей стороны, а просто несвоевременная попытка, которая закончилась полным провалом.

- А что бы случилось, если бы у меня получилось? спросила я.

Он заверил меня, что удача не дала бы мне никаких преимуществ, но могла бы послужить точкой отсчета, чем-то типа путеводной нити или маяка на пути, по которому я бы точно определила то место, куда мне предстоит прийти в

будущем, когда я должна буду совершить абстрактный полет полностью самостоятельно.

- Пока ты живешь за счет энергии нас всех, - продолжал он. - Все мы обязаны помочь тебе. Фактически ты сейчас потребляешь энергию всех магов, которые жили до нас в этом доме. Ты вживаешься в их магию. Это подобно тому, как если бы ты лежала на волшебном ковре-самолете, который переносит тебя из одной сказочной страны в другую, и причем страны эти без ковра-самолета посетить никак нельзя.

- Но мне по-прежнему непонятно, почему я здесь, сказала я. - Неужели просто из-за того, что нагваль Абельяр ошибся и случайно натолкнулся на меня?

- Нет, все здесь не так просто, - сказал он, посмотрев на меня в упор. - На самом деле, твой нагваль - совсем не Джон Мишель. Есть новый нагваль и новая группа, ты относишься к этой новой группе.

- О чем ты говоришь, Эмилито? Какая новая группа? Кто это все решает?

- Сила, дух, та необъятная сущность, которая являет этот мир, решает все. Для нас же свидетельством того, что ты принадлежишь к новому поколению магов, служит тот факт, что ты точь-в-точь похожа на Нелиду. В молодости она была точно такой, как ты сейчас. Ваша схожесть проявляется даже в том, что она тоже потеряла всю имеющуюся у нее энергию во время своей первой попытки совершить абстрактный полет. И так же, как ты, она при этом чуть не погибла.

Ты хочешь сказать, что я могла проститься с жизнью, пытаюсь сделать это, Эмилито?

- Конечно. И это не потому, что магический переход настолько опасен, а потому, что ты так неуравновешенна. Если бы на твоём месте был кто-то другой, у него, наверное, просто заболел бы живот. Но с тобой все не так. Тебе, как и Нелиде, обязательно нужно все преувеличить и довести до крайности. Вот почему ты чуть было не погибла. После этого единственная возможность вернуть тебе силы была в том, чтобы оставить тебя повисеть на дереве вдали от земли до тех пор, пока ты не придешь в чувство. Ничего другого мы не могли сделать.

Как бы невероятно все это ни звучало, происшедшее стало постепенно проясняться для меня. Во время моей встречи с Нелидой была допущена какая-то серьезнейшая ошибка. Что-то во мне вышло из-под контроля.

- Вчера я дал тебе отпить намерения из своей тыквы, потому что хотел выяснить, пришел ли в равновесие твой двойник, - объяснил Эмилито. - Оказывается, нет! В этой ситуации единственная возможность поддержать его состоит в том, чтобы загрузить его работой. И нравится тебе это или нет, я единственный, кто может давать ему задания и присматривать за его деятельностью. Поэтому я - твой учитель. Лучше будет даже сказать, что я - учитель твоего двойника.

- Как ты думаешь, что случилось со мной, когда я была с Нелидой? - спросила я, все еще не понимая, что же тогда было не так.

- Точнее, что не случилось тогда с тобой, - поправил он меня. - Предполагалось, что ты плавно и уравновешенно пересечешь пропасть и полностью осознаешь своего двойника в левом крыле дома.

А затем он пустился в пространные объяснения того, что должно было произойти.

Под руководством Нелиды я должна была перемещать осознание между телом и двойником несколько раз. Предполагалось, что этот сдвиг устранил все естественные препятствия, которые нагромождались в течение моей жизни между телом и двойником. Маги планировали, сказал он, что я смогу встретиться со всеми ими лично, постольку мой двойник уже знаком с ними. Но поскольку я не совсем в своем уме, я не смогла осуществить переход плавно и уравновешенно. Другими словами, случилось так, что осознание, которое приобрел мой двойник, не имело ничего общего с осознанием моего тела. В результате я пережила ощущение неуправляемого полета. Вся имеющаяся у меня энергия быстро исчерпалась, поскольку ее ничто не ограничивало, и двойник пошел вразнос.

Мне очень жаль, Эмилито, но я вынуждена признаться, что не поняла, о чем ты мне рассказывал, сказала я.

Магический переход подразумевает перемещение осознания из мира обычной жизни, в котором находится физическое тело, в сферу двойника, - ответил он. - Слушай внимательно. Осознание мира обычной жизни - это то, что мы желаем переместить от тела к двойнику. Осознание мира обычной жизни.

- Кто это значит, Эмилито?

- Это значит, что мы стремимся к трезвости, уравновешенности, контролю. Нам не нужны сумасшедшие и их суматошные действия.

- Что это все значит в приложении ко мне? - настаивала я.

- Ты индальгировала, потому что постоянно впадаешь в крайности. В результате твое осознание мира обычной жизни не перешло к двойнику.

- А что же я сделала?

- Ты поместила в двойник какое-то непонятное неконтролируемое осознание:

- Что бы ты ни говорил, Эмилио, я не могу в это поверить, - сказала я. - На самом деле это все совершенно непонятно.

- Естественно, это не понятно, - согласился он. - Но если ты ищешь понятного, тебе не нужно сидеть здесь для того, чтобы лелеять свои сомнения и покрикивать на меня. Лежать раздетой с поднятыми вверх ногами - вот что понятно для тебя!

На мгновение его лицо озарила улыбка развратника, от которой по мне побежали мурашки. Но прежде чем я успела сказать что-то в свою защиту, выражение лица у него стало глубоко серьезным.

- Легко и гармонично выпустить двойник на свободу, переместить в него восприятие мира обычной жизни ничто не сравнится с этим, - сказал он тихо.
- Тот, кто сделал это, постигает невообразимое. А сейчас давай займемся чем-нибудь понятным. Пошли завтракать.

Глава 20

Свою третью ночь в домике на дереве я провела как на курорте. Я просто забралась в спальный мешок, крепко заснула и проснулась на рассвете. Опускаться вниз на этот раз тоже было легче. Я наловчилась пользоваться веревками и блоками так, что при этом мне не приходилось напрягать спину и плечи.

- Сегодня - последний день твоего переходного периода, - объявил Эмилито, когда мы закончили завтракать. - Тебе предстоит немало потрудиться. Но ты не лентяйка, поэтому для тебя это будет несложно.

- Что ты называешь переходным периодом?

- Речь идет о шести днях, которые прошли с тех пор, когда ты в последний раз разговаривала с Кларой. Не забывай, что ты провела на дереве уже шесть ночей, три из которых ты помнишь, а три не помнишь. Маги всегда группируют события в серии по три.

- Я тоже должна делать все по три раза? - спросила я.

- Разумеется. Ты ведь преемница Нелиды, не так ли? Ты продолжаешь ее линию. - Затем он застенчиво улыбнулся и добавил:

- Но сейчас ты должна делать то, что тебе говорю я. Помни, что пока мы с тобой здесь вдвоем, как бы долго это ни продолжалось, - я твой наставник. Вт слов Эмилито меня немного покорило. Когда Нелида говорила "мы с тобой" во всех своих высказываниях, я каждый раз чувствовала гордое волнение, но когда так говорил со мной смотритель, это мне совсем не нравилось.

Заметив мое смущение, он заверил меня, что никем не контролируемые силы свели нас с ним вместе для выполнения особой задачи. Поэтому мы должны были действовать согласованно, ведь именно так осуществляются все начинания в магической традиции.

- Клара подготовила физический аспект твоего существа, научив тебя вспоминанию, и приоткрыла твои энергетические врата с помощью магических приемов, объяснил он. - Моя же задача в том, чтобы укрепить твой двойник, а затем научить его stalkingу.

Он заверил меня, что никто кроме него не может научить меня stalkingу с двойником.

- Ты мне можешь объяснить, что такое сталкинг с двойником? - спросила я.

- Конечно, могу. Но разговаривать об этом было бы неразумно, потому что сталкинг подразумевает действие, а не разговоры о том, как нужно действовать. Кроме того, ты сама уже знаешь, о чем идет речь, потому что ты уже занималась этим сталкингом.

- Где и когда я им занималась?

- В первую свою ночь в домике на дереве, - сказал Эмилито, - когда ты чуть было не умерла от страха. Тогда твой рассудок не мог найти выхода из сложившейся ситуации, потому что обстоятельства вынудили тебя положиться на двойника. Именно твой двойник пришел тебе тогда на помощь. Он просочился через те врата, которые широко открыл в тебе страх. Я называю то, что тогда случилось с тобой, сталкингом с двойником.

Нагваль и Нелида достигли мастерства в управлении двойником. Поэтому они помогут расставить тебе все точки над "i", - продолжал он, - при условии, что я проделаю всю черновую работу. Таким образом, от меня зависит, сможешь ли ты понять то, что они будут тебе говорить, точно так же, как от Клары зависело, будешь ли ты готова для работы со мной. Отсюда следует, что если я не подготовлю тебя, они ничему не смогут тебя научить.

- А почему Клара не могла и дальше оставаться моим учителем? - спросила я, выпив немного воды.

Он пристально посмотрел на меня, а затем моргнул глазами, как птица.

- Это традиция - иметь двух наставников, - сказал Эмилито. - У каждого из нас их было двое. Но в конце концов я продолжил занятия с одним учителем, которым был нагваль. Это тоже традиция.

Эмилито объяснил, что нагваль Хулиан Грау был не только его учителем, но и учителем каждого из шестнадцати других представителей семейства. Нагваль Хулиан вместе со своим учителем, другим нагвалем по имени Элиас Абеляр, нашли каждого из членов магической группы и помогли всем стать на путь освобождения.

- А почему фамилии Грау и Абеляр перешли ко всем остальным магам?

- Это имена силы, объяснил Эмилито. - Их берут себе маги всех поколений. Еще есть правило чередования фамилий нагвалей из поколения в поколение. Это значит, что Джон Мишель Абеляр унаследовал свою фамилию от Элиаса Абеляра, а новый нагваль, который продолжит дело Джона Мишеля

Абеляра, возьмет себе фамилию Грау в честь Хулиана Грау. Это правило распространяется на всех нагвалей.

- Почему Нелида сказала, что я - Абеляр?

- Потому что вы с ней похожи как две капли воды. А традиция гласит, что в таком случае ты должна унаследовать ее фамилию или имя, - если пожелаешь, и то, и другое. Сама она унаследовала от своей предшественницы и имя, и фамилию.

- Кто ввел эти правила и зачем они ему понадобились? - спросила я.

- Правила нужны для того, чтобы маги руководствовались ими и не становились слишком своенравными и непредсказуемыми. Они должны придерживаться этой традиции, потому что она предложена им самим духом. Вот что мне говорили по этому поводу, и сомневаться в чем у меня нет никаких оснований.

Эмилито сказал, что его другим учителем была женщина по имени Талиа. Он описал ее как самую великолепную женщину, которую можно себе вообразить существующей на земле.

- А мне кажется, что Нелида - самое прекрасное существо! - выпалила я, но тут же и остановилась. Если бы я этого не сделала, мои слова прозвучали бы так же, как слова Эмилито, - исполненными бесконечного почитания.

Эмилито наклонился ко мне через стол и с видом конспиратора, который все же собирается поведать мне какой-та секрет, произнес:

- Я с тобой согласен. Но подожди еще некоторое время, пока Нелида старательно возьмется за тебя, - тогда ты будешь любить ее так, будто во всем мире никого больше не существует.

Яго слова не удивили меня, потому что он правильно высказался о том, о чем я сама уже начала догадываться. Я любила Нелиду так, словно знала ее вечно, словно она была моей матерью, которой у меня в семье, можно сказать, и не было. Я сказала ему, что для меня она была самой доброй, самой прекрасной и безупречной женщиной, которую я когда-либо встречала, и это все при том, что всего лишь несколько дней назад я даже не подозревала, что она существует.

На самом деле ты знала ее, - запротестовал Эмилито. - Каждый из нас встречался с тобой, а Нелида навещала тебя чаще, чем все остальные. Задолго до того, как ты встретила с Кларой, Нелида обучила тебя множеству полезных вещей.

- Чему же она, по-твоему, меня обучила? - спросила я неловко.

Он почесал макушку, а затем ответил:

Она научила тебя, например, советоваться с двойником.

- Ты уже говорил, что с помощью двойника я выжила в первую свою ночь на дереве. Но я совсем не представляю себе, как мне это удалось.

- Да представляешь ты, представляешь. Ты всегда умела контактировать с ним. Что ты скажешь, если я напомним тебе твой метод получения советов с помощью расслабления и посматривания на горизонт в южном направлении?

Как только он сказал об этом, что-то прояснилось у меня в уме. Я совсем позабыла о тех снах, которые мне снились многие годы и в которых прекрасная загадочная леди разговаривала со мной и оставляла мне подарки на прикроватном столике. Однажды мне приснилось, что ока подарила мне кольцо с опалом, а в другой раз - золотой браслет с маленьким амулетом в виде сердечка. Иногда она просто садилась на краю моей кровати и говорила мне о том, что я должна сделать по пробуждении. Тогда же она научила меня смотреть в поисках ответа на горизонт, носить одежду определенных цветов и даже делать прическу, которая бы была мне больше к лицу.

Когда я чувствовала себя уныло и одиноко, она успокаивала и веселила меня, шепча мне в ухо забавные глупости. Но отчетливее всего я помню, как она говорила мне, что любит меня такой, какой я была тогда. Она так и говорила: "Я люблю тебя такой, какая ты есть". Затем она обычно гладила меня по спине там, где я чувствовала напряжение, касалась головы и трепала мои волосы. Я поняла теперь, что именно потому, что она так ласкает меня, я не любила прикосновений своей матери. Мне было неприятно, когда кто-то кроме нее дотрагивался до меня. Проснувшись утром после такого сна, я всякий раз чувствовала, что ничто в мире не страшно мне до тех пор, пока эта леди лелеет в своем сердце любовь ко мне.

Мне всегда казалось, что это все мои фантазии. Посещая католическую школу, в то время я даже думала, что это ко мне является Блаженная Дева Мария или какая-то из святых. Меня учили, что все добро в мире исходит от них. Одно время мне даже казалось, что моя волшебница-крестная, о которой я прочла в какой-то детской сказке, но никогда мне не могло прийти в голову, что эта женщина реально существует на Земле.

- Это была не Дева Мария и не святая, дуреха, сказал Эмилио, засмеявшись. - Это была наша Нелида. И все те драгоценности она на самом

деле давала тебе. Ты найдешь их все под платформой в домике на дереве. Ей они достались от ее предшественницы, поэтому она теперь передает их тебе.

Ты хочешь сказать, что кольцо с опалом действительно существует?! - вырвалось у меня.

Эмилито утвердительно кивнул.

- Если не веришь, иди посмотри. Нелида просила меня, чтобы я сказал тебе...

Прежде чем он успел закончить свою реплику, я выскочила из кухни и побежала к дереву перед домом. С рекордной скоростью я поднялась в домик на дереве. Там, в маленькой обитой шелком шкатулке, спрятанной под платформой, лежали изысканные драгоценные украшения. Я сразу же узнала кольцо с опалом, в котором мерцал красный огонек, и золотой браслет с амулетом. Кроме них, там были другие кольца, золотые часы и цепочка с бриллиантом. Я достала золотой браслет и надела его. Впервые с тех пор, как я рассталась с Кларой, мои глаза наполнились слезами. Но это были слезы не жалости к себе и грусти, а радости и возбуждения. Ведь теперь я знала вне всяких сомнений, что прекрасная леди была не просто причудой моего воображения.

Я произнесла вслух имя Нелиды и поблагодарила ее громким голосом за все ее добрые дела. Я пообещала ей измениться, оправдать ее доверие и делать все, что Эмилито велит мне, - до тех пор, пока снова не увижусь с ней.

Когда я спустилась вниз, оказалось, что Эмилито ждет меня возле двери в кухню. Я показала ему браслет и кольца и спросила, как могло случиться, что те же самые драгоценности снились мне много лет назад.

- Маги - очень удивительные существа, - сказал Эмилито, - и все потому, что большую часть времени они действуют с помощью двойника. Нелида - великий сталкер. Она использует stalking для того, чтобы входить в сны других. Ее сила так велика, что она может не только сама оказываться во сне, но и приносить туда с собой вещи. Вот так она встречалась с тобой. Теперь ты понимаешь, почему она носит фамилию Абеляр. Абеляр - означает сталкер. А Грау у нас значит сновидящий. Все маги в этом доме либо сталкеры, либо сновидящие.

- В чем разница, Эмилито?

- Сталкеры замышляют, а затем воплощают в жизнь свои замыслы. Они делают изобретения и открытия, изменяя при этом вещи во сне и наяву.

Сновидящие идут вперед без всяких замыслов и рассуждений. Они просто окунаются в реальность мира или в реальность сновидения.

- Это все непонятно мне, Эмилито, - сказала я, рассматривая отблески света в опале.

- Я и занимаюсь с тобой затем, чтобы это стало тебе понятным, - ответил он. - И для того, чтобы содействовать мне, ты должна делать то, что я тебе говорю. Все, что я говорю, делаю или советую тебе, - это либо буквальное воспроизведение слов двух моих учителей, либо что-то, непосредственно выведенное из их наставлений. - Он наклонился ближе ко мне. - Ты можешь мне не верить, прошептал он, - но по своей натуре мы с тобой очень схожи.

- В чем, Эмилито?

- Мы оба чуть-чуть чокнутые, - сказал он с самым серьезным выражением лица. - Обрати на это внимание и хорошенько запомни это. Для того чтобы быть здоровыми, мы должны работать, как лошади, над достижением гармонии, но не ума и тела, а двойника.

Я не видела, как можно ему возразить, и поэтому согласилась с этим. Но через некоторое время, сидя за кухонным столом, я спросила его:

- Как мы можем быть уверены, что совершенствуем двойник?

- М этом можно судить по тому, как нам удастся открывать врата, - ответил он. - Первые врата находятся на подошвах ног, у основания большого пальца.

Одним быстрым движением он ухватил под столом мою левую ногу и мгновенно снял с нее туфлю и носок. Затем большим и указательным пальцами он как клещами сдавил круглую выпуклость, которая находится на стопе там, где расположено основание большого пальца. От неожиданности и резкой боли я вскрикнула. Я так сильно рванула ногу к себе, что ударила коленом о нижнюю сторону столешницы. Я вскочила и завопила:

- Как это называется, черт побери!

Он не обратил никакого внимания на мой сердитый порыв и сказал:

- Я показываю тебе, где расположены врата, в полном соответствии с традицией. Поэтому будь внимательна.

Он встал и перешел на мою сторону.

- Вторые врата находятся в области икр и внутри колен, - сказал он, нагибаясь и ударяя меня по ногам. Третьи - это половые органы и копчик. Прежде чем я успела отодвинуться, он протянул свои горячие руки до моей промежности и, ухватив за брюки, немного приподнял.

Я с силой оттолкнула его, но он ухватил меня за одежду внизу спины.

- Четвертые и наиболее важные находятся в области почек, - сказал он. Не обращая внимания на мое сопротивление, он снова толкнул меня на скамью. Его руки поднялись выше по моей спине. Я съежилась, но ради Нелиды не мешала ему.

- Пятая точка находится между лопатками, - сказал он. - Шестая - у основания черепа, а седьмая - на макушке головы. - Для того, чтобы продемонстрировать, где находится последняя точка, костяшки его руки с силой опустились на самую макушку моей головы.

Он вернулся на другую сторону стола и сел.

- Если открыты первые и вторые врата, мы излучаем энергию, которая делает нас невыносимыми для окружающих, - продолжал он. - Если же третьи и четвертые врата не закупорены так плотно, как это обычно бывает, мы излучаем энергию, которая располагает к нам людей.

Я знала наверняка, что у зрителя были настежь открыты нижние центры, потому что более несносным и отвратительным я не могла его себе представить. Отчасти шутя, а отчасти потому, что чувствовала себя виноватой перед ним за эту мысль, я заметила, что люди не очень-то любят меня. Мне всегда казалось, что мне недостает доброжелательности и внимательности, и поэтому мне постоянно хотелось чем-то располагать их к себе.

- Это вполне понятно, - согласился он. - Твои врата на подошвах и икрах приоткрыты с самого рождения. Еще одним следствием того, что у тебя открыты нижние центры, является то, что у тебя возникают трудности с ходьбой.

- Послушай, - сказала я, - в том, как я хожу, нет ничего плохого. Я занимаюсь боевыми искусствами. Клара говорила мне, что я передвигаюсь очень плавно и грациозно.

Тут он рассмеялся.

- Можешь заниматься всем чем хочешь, - возразил он, - но ты таскаешь ноги во время ходьбы. У тебя походка старика.

Эмилиито был еще хуже, чем Клара. Она по крайней мере умела смеяться со мной, а не только надо мной. У него же не было совсем никакого уважения к моим чувствам. Он издевался надо мной так, как старшие дети издеваются над младшими - теми, кто еще беззащитен.

Ты ведь не обиделась, правда? - спросил он, пристально глядя на меня.

Я? Обиделась? Разумеется, нет, - сказала я, кипятясь.

- Вот и хорошо. Клара уверяла меня, что с помощью вспоминания ты почти полностью избавилась от жалости к себе и от чувства собственной важности. Проработка в ходе вспоминания эпизодов твоей жизни, особенно половой жизни, еще больше приоткрыла у тебя врата. Хруст, который иногда раздается в твоём затылке, происходит в тот момент, когда левая и правая стороны у тебя разделяются. В результате точно в середине тела образуется зазор, по которому энергия поднимается в затылок, туда, откуда доносится этот звук. Если ты слышишь по временам этот звук, это значит, что двойник у тебя вот-вот осознает себя.

- Что мне делать, когда я слышу этот звук?

- Знание о том, что делать, не имеет никакого значения, поэтому мы практически ничего не можем изменить, - сказал он. - Можно продолжать сидеть дальше или встать и пройтись. Главное, знать при этом, что мы ограничены потому, что физическое тело сковывает наше осознание. Но когда случается переворот и двойник начинает управлять осознанием, мы можем сделать почти все, что можем себе вообразить.

Он встал и подошел ко мне.

- Знай, что тебе не удастся хитростью вынудить меня рассказывать тебе обо всем этом так, как ты заставляла это делать Клару и Нелиду, - сказал он. - Понять что-то о двойнике можно только тогда, когда ты сама осуществила соответствующее действие. А пока я говорю с тобой потому, что твой переходный период еще не закончился.

Он взял меня за руку и практически выволок за собой во двор дома. Затем он усадил меня под деревом так, что одна толстая ветка проходила несколькими дюймами выше моей головы. Он сказал, что собирается посмотреть, смогу ли я еще раз воссоздать двойник, на этот раз с помощью дерева и в полном сознании.

Я очень сильно сомневалась в том, что смогу что-нибудь воссоздать, и сказала ему об этом. Но он настаивал на том, что если я использую намерение,

мой двойник сам выйдет из меня и распространится за пределы моего физического тела.

- Что конкретно я должна делать? - спросила я, надеясь, что он покажет мне какую-то последовательность действий, которая является частью магической традиции.

Он велел мне закрыть глаза и сосредоточиться на дыхании. Затем мне следовало выразить намерение, которое приведет в действие силу. Эта сила устремится вверх до тех пор, пока я не почувствую вратами, расположенными на макушке головы, что могу касаться веток, находящихся надо мной. Он сказал, что это сделать мне будет довольно легко, потому что я воспользуюсь поддержкой моего друга - дерева. Его энергия, объяснил он, сформирует матрицу, которая заполнит собой мое осознание.

После того, как я некоторое время сосредоточивалась на дыхании, я почувствовала восходящие пульсации энергии в позвоночнике. Казалось, что они выталкивают что-то на макушке головы. Затем что-то во мне открылось. С каждым вдохом энергетическая линия простиралась из меня до вершины дерева, а на выдохе ее втягивало обратно в тело. С каждым вдохом во мне росло ощущение, что я достаю до вершины дерева. В конце концов у меня не осталось сомнений в том, что мое тело увеличилось до размеров дерева.

В один момент меня охватило чувство огромной расположенности и привязанности к дереву. Мгновенно я почувствовала, как что-то хлынуло вверх по позвоночнику и еще выше за пределы головы. Внезапно я осознала, что обзираю окружающую местность с вершины дерева. Это ощущение длилось лишь мгновение, потому что до меня донесся голос зрителя, приказывающего мне опуститься и вернуться вновь в свое тело. Я почувствовала, как что-то пенящееся и шипящее, подобное водопаду, обрушилось вниз, вошло в меня через макушку и заполнило тело знакомым теплом.

- Не следует потакать желанию надолго отождествляться с деревом, - сказал он мне, когда я открыла глаза.

Меня переполняло стремление обнять дерево, но зритель за руку оттянул меня на некоторое расстояние от него и усадил на большой камень. Он отметил, что с помощью внешней силы, которая в данном случае объединила мое осознание с деревом, человек легко может дать возможность двойнику расширяться. Однако это настолько легко, что мы можем переусердствовать и слиться с деревом на столь продолжительное время, что лишим его всей его энергии, которая необходима ему для того, чтобы жить и расти. Еще существует

опасность, что мы можем потерять часть энергии, отдав ее дереву вследствие своей чрезмерной привязанности к нему.

- Сливаться можно с чем угодно, - объяснил он. Если тот человек или та вещь, с которыми ты сливаешься, сильны, твоя энергия возрастает, как это было всякий раз, когда ты сливалась с волшебником Манфредом. Но если человек или вещь слабы, лучше держись от них подальше. В любом случае не увлекайся этим упражнением, потому что, как и все остальное, это обоюдоострый меч. Внешняя энергия всегда отличается от нашей внутренней, а нередко и враждебна ей.

Я внимательно слушала то, что рассказывал мне смотритель. Одно показалось мне чрезвычайно интересным.

Эмилито, скажи пожалуйста, почему ты назвал Манфреда волшебником?

- Таким образом мы подчеркиваем его уникальность. Манфред для нас не может быть кем-то иным кроме волшебника. Он - больше чем маг. Он был бы магом, если бы жил среди своих братьев. Но он живет среди людей, и к тому же магов, и при этом не уступает им. Только весьма продвинутый волшебник может вести себя так.

Я спросила его, увижу ли когда-нибудь Манфреда вновь. Но смотритель с таким пафосом прижал свой указательный палец к губам, что я решила дальше молчать и не требовать от него ответа.

Он поднял с земли палочку и нарисовал на земле овал. Затем он провел еще одну горизонтальную черту, пересекающую его посередине. Указывая на эти две половинки овала, он сказал, что двойник разделяется на верхнюю и нижнюю части, которые в первом приближении соответствуют в физическом теле животу и грудной клетке. В этих двух частях тела обращается два различных типа энергии. В нижней части циркулирует изначальная энергия, которая была у нас еще тогда, когда мы находились в лоне матери. В верхней части находится энергия мысли. Эта энергия входит в тело после рождения с первым вдохом. Он объяснил, что с годами энергия мысли возрастает и проникает в голову, а исходная энергия опускается в область гениталий. В обычной жизни эти две энергии разделены в двойнике, что вызывает слабость и недомогание физического тела.

Он провел еще одну линию, на этот раз разделяя овальный контур по вертикали, и сказал, что это соответствует делению тела на левую и правую стороны. Эти две стороны, заявил он, также характеризуется каждая своей структурой круговорота энергии. Справа энергия циркулирует по передней

части двойника вверх, а по задней - вниз, но слева происходит наоборот: она опускается по передней части и поднимается по задней.

Он объяснил, что типичная ошибка многих магов, которые пытаются пробиться к двойнику, состоит в том, что они распространяют на него закономерности, которые присущи лишь физическому телу. Они, например, могут начать обращаться с ним так, будто он создан из мышц и костей. Он заверил меня, что физические упражнения никак не могут повлиять на двойник.

- Самый простой выход из этого затруднения, объяснил наблюдатель, - разделить тело и двойник. Только когда вне всяких сомнений ясно, что они разделены, осознание может перетекать от одного к другому. Этим и занимаются маги. Таким образом им удастся оставить в стороне всю бессмысленность ритуалов, заклинаний и изощренных методов дыхания, которые, как предполагается, должны объединять их.

- А что ты скажешь о дыхательных упражнениях и магических приемах, которым Клара обучила меня? Они тоже бессмысленны?

- Нет. Она обучала тебя только тому, что поможет тебе разделить тело и двойник. Поэтому все они нам пригодятся.

Он сказал, что, вероятно, самая большая ошибка людей в том, что они считают самым важным здоровье тела и заботятся лишь о том, чтобы ему было удобно, тогда как в сущности смысл наших жизней находится в сфере двойника. Непонимание этого связано с тем, что люди склонны видеть источник осознания в физическом теле. Он добавил, что наше обычное восприятие базируется на энергии, которая обращается к правой части двойника. С этим связана наша способность думать, рассуждать и эффективно работать с идеями и мнениями других. Иногда случайно, но чаще всего вследствие целенаправленных занятий, осознание может переместиться к энергии, которая циркулирует в левой части двойника, что приводит к появлению в поведении человека тенденций, которые не благоприятствуют умственной работе и контактам с людьми.

Когда осознание устойчиво обращается к левой части двойника, - продолжал он, - двойник становится независимым от тела, и человек может совершать невиданные трюки. И это не удивительно, ведь двойник - это источник нашей энергии. А физическое тело представляет просто вместилище, где эта энергия может временно находиться.

Я спросила его, существуют ли люди, которые могут по своей воле помешать свое осознание на любой стороне двойника.

Он утвердительно кивнул.

- Маги могут делать это, - ответил он. - В тот день, когда ты достигнешь этой способности сама, ты тоже станешь магом.

Он сказал, что некоторые люди могут перемещать сознание в левую часть двойника или в правую сразу после того, как им удастся совершить абстрактный полет. Для этого им достаточно только управлять своим дыханием. Такие люди могут заниматься магией или боевыми искусствами так же успешно, как и постигать заумные научные построения. Он сказал, что стремление постоянно осознавать лишь левую часть двойника является более опасной ловушкой, чем все соблазны обычного мира, потому что это стремление приводит нас к тайне и обещает силу.

- Наша подлинная надежда лежит в центре, - сказал он, касаясь моего лба и центра грудной клетки, - потому что в стене, которая разделяет двойник на части, имеется тайная дверца, ведущая к маленькой третьей части, о которой мало кто знает. Только тогда, когда эта дверца открывается, мы познаем подлинную свободу.

Он схватил меня за руку и стянул с камня.

- Твой переходный период уже почти закончился, сказал он, поспешно увлекая меня за собой в дом. - Некогда больше рассуждать. А сейчас мы отметим его завершение тем, что провернем одну штуку. Пошли в мою комнату.

Я обмерла. Теперь я была не просто смущена, но и почувствовала страх. Каким бы эксцентричным Эмилито ни был, и как бы много он ни говорил о двойнике, он все же был мужчиной, и воспоминание о том, как он протягивал ко мне руки на кухне, были еще слишком ярки. Я знала к тому же, что это не было с его стороны бесстрастное прикосновение с целью продемонстрировать мне местоположение энергетических центров. Его прикосновения ясно дали мне понять, что он желает меня.

Смотритель уставился на меня холодным взглядом.

- Кто ты хочешь сказать тем, что мои прикосновения дали тебе понять, что я желаю тебя?

Мне оставалось лишь смотреть на него с открытым ртом. Он воспроизвел мою мысль дословно. Волна стыда прокатилась по мне, а затем все мое тело задрожало. Я начала неуклюже извиняться. Я сказала ему, что часто воображала себя такой прекрасной, что ни один мужчина не мог передо мной устоять.

- Вспоминать означает сжигать это все, - сказал он. Ты не справилась со своей работой. Несомненно, именно в этом причина того, что ты потерпела неудачу при попытке совершить магический переход.

Он развернулся и пошел прочь от дома.

- Значит, еще не время показывать тебе то, что я хотел показать, - сказал он. - Нет, время еще не пришло. Тебе нужно еще немало поработать ты должна быть намного внимательней. И настойчивей тоже, потому что тебе нельзя больше спотыкаться.

Глава 21

Мой переходный период закончился сразу после того, как Эмилито упрекнул меня в том, что я неправильно поняла его замысел. Начиная с этого времени он полностью прекратил разыгрывать роль своенравного шута и стал очень требовательным наставником. Я больше не слышала от него пространных рассуждений о том, что такое двойник, или объяснений каких-то других магических понятий. Мне больше не приходилось выслушивать утешительные речи. Я работала много и упорно. Каждый день с утра до вечера я ни на минуту не покладала рук. И лишь вечером, изнемогая от усталости, я засыпала в домике на дереве.

Продолжая заниматься кунг-фу и работая в огороде, я должна была также готовить обед и ужин. Смотритель научил меня разжигать печь и готовить простые блюда. Следует отметить, что моя мать тоже пыталась научить меня этому, но потерпела полную неудачу. Поскольку теперь у меня были другие дела, я обычно засыпала все что нужно в горшочек и ставила его в печку, а затем приходила позже и ела. После нескольких недель приготовления одного и того же плова я добилась наконец того, что он стал вкусным. Эмилито даже заметил, что я стала если не довольно хорошим поваром, то, по крайней мере, таким поваром, еда которого съедобна. Я отнеслась к его словам как к комплименту, потому что ни разу в моей жизни то, что я готовила, - будь то отбивная или торт - не было съедобным.

Мы каждый раз ели в молчании. Тишина нарушалась лишь тогда, когда он хотел мне что-то сказать. Но когда завязать разговор хотела я, он похлопывал по своему животу, напоминая мне тем самым о своем утонченном пищеварении.

Как и раньше, большую часть времени я посвящала воспоминанию. Смотритель велел мне проработать еще раз те же самые события с участием тех же людей, что и раньше, только на этот раз я должна была заниматься этим в домике на дереве. Я так привыкла подниматься в него каждый день, что потеряла свой врожденный страх высоты. Мне нравилось проводить время на свежем воздухе. Очень приятен для меня был вечер, когда я занималась особыми делами. Под руководством Клары я занималась воспоминанием в пещере. Тогда мое доминирующее настроение было мрачным, тяжелым, земным и нередко имело примесь страха. Но под руководством Эмилито мое воспоминание в домике на дереве приобрело новые качества. Оно стало легким, воздушным, прозрачным. Я припоминала события с беспрецедентной ясностью. То ли у меня прибавилось энергии, то ли дело было в том, что я находилась над землей, но воспоминания стали необычайно подробными. Все стало более ярковыраженным, но в то же время не так заряженным жалостью к себе,

мраком, страхом или сожалением о случившемся, что было очень характерно для моих прежних занятий воспоминанием.

Клара предлагала мне писать на земле имя каждого человека, которого я встречала в своей жизни, а затем стирать его рукой, когда я очистила дыханием все, что ассоциировалось у меня с этим человеком. Эмилито же заставлял меня писать имена людей на сухих листиках, а затем подносить к ним горящую спичку, когда я заканчивала работать с воспоминаниями о них. Он дал мне специальное приспособление для сожжения листьев. Это был металлический куб высотой двенадцать дюймов, в стенках которого были аккуратно сделаны маленькие круглые дырочки. Половина одной грани куба была прозрачной - в нее было вмонтировано стеклышко, напоминающее маленькое окошко. Верх куба открывался, и на нижней стороне крышки было длинное отверстие. Со стороны окошка был небольшой рычажок, который вдвигался внутрь и выдвигался оттуда. К нему можно было привязать спичку и зажечь ее трением о шероховатую поверхность внутренней стороны крышки после того, как она оказывалась закрытой.

- Для того, чтобы ты не могла прямо смотреть на огонь,- объяснил Эмилито, - ты должна наколоть листок на острие с тем, чтобы когда ты закроешь крышку, он оказался внутри ящика. Затем смотри внутрь через окошко и с помощью рычажка зажги спичку, поднеси ее к листику и наблюдай, как он сгорает, оставляя после себя золу.

Глядя на пламя, поглощающее листик, я должна была вбирать в себя глазами энергии огня, но внимательно следить за тем, чтобы не дышать дымом. Он приказал мне сыпать золу в специальную металлическую коробочку, а использованные спички - в бумажный пакетик. Каждая из спичек представляла собой символ человека, имя которого было написано на листике, который сгорел от этой конкретной спички. Когда коробочка переполнялась, я высыпала ее содержимое с верхушки дерева, давая возможность ветру разнести золу во всех направлениях. Я получила приказ опустить пакетик с сожженными спичками вниз на специальной веревке, а Эмилито взял его щипцами, и поместил в корзинку, которую он использовал лишь для этой цели. Он был очень внимателен в том, чтобы не касаться ни спичек, ни пакетика. Я могла лишь догадываться о том, что он закапывал их где-то на холмах или высыпал в ручей, чтобы вода унесла их по течению. Он заверял меня, что правильная утилизация спичек - это завершение процесса разрыва связей с миром.

После трех месяцев занятий воспоминанием во второй половине дня Эмилито решил изменить мой распорядок.

- Я устал постоянно есть один и тот же плов, - сказал он однажды утром, поднимая мне на дерево еду, которую приготовил сам.

Я была рада этому, но не потому что у меня появилась возможность проводить больше времени в домике на дереве, а потому что я очень любила есть то, что приготовил кто-то другой.

Когда я впервые попробовала то, что он приготовил, я уже больше не сомневалась в том, что Клара никогда не варила те блюда, которые мне подавала. Поваром всегда был Эмилито. Он делал все с душой, и поэтому что бы он ни приготовил, получалось просто объедение.

Каждое утро около семи часов Эмилито уже стоял у дерева, готовый к тому, чтобы поднять мне в корзинке что-то поесть. Закончив завтракать, я обычно приступала к занятиям воспоминанием. Теперь, когда я освободилась от неприятных ощущений, связанных с вытаскиванием на поверхность сознания воспоминаний о своих неудачах, воспоминание стало больше напоминать увлекательное путешествие, в ходе которого я делала интереснейшие открытия. Ведь чем больше я освобождалась от прошлого, тем легче и раскованнее я себя чувствовала.

Когда старые связи с людьми перестали отягощать меня, я начала по-другому относиться к тем, кто меня окружал. В данном случае речь идет об отношениях с тем уникальным существом, которое направляло мои усилия. Хотя Эмилито и проявлял строгость и настойчивость в том, чтобы я работала непокладая рук, его характер был легок как перышко. Поначалу меня очень удивляло то, что и он, и Клара утверждали, что я похожа на них. Но познакомившись с собой поглубже, я должна была согласиться, что являюсь такой же напористой, как Клара, и такой же взбалмошной, если не сумасшедшей, как Эмилито.

Но как только я привыкла к его странностям, мое отношение к нему перестало отличаться от отношения к Кларе, нагвалю или Манфреду. Чувства, которые я питала по отношению к этим людям, теперь уже составляли одно целое, поэтому я начала чувствовать симпатию к Эмилито. Вполне естественно, что в один прекрасный день я почувствовала нема чую радость оттого, что называю его "Эмилито". Во время нашей первой встречи зритель сказал мне, что его зовут Эмилито - уменьшительное от испанского имени Эмилио. Поначалу мне казалось смешным то, что я называю этого взрослого мужчину "маленьким Эмилио", поэтому мне не нравилось его имя. Но когда я сошлась с ним поближе, я не могла вообразить, как можно было бы величать его по-иному.

Всякий раз, когда я думала об этих четверых, они были для меня словно один человек. Но я все никак не могла соотнести их с Нелидой. Она была особо дорога мне. Она всегда стояла в моих глазах в стороне от других, и это при том, что я видела ее в реальном мире лишь раз. Я поняла, что в тот день, когда мой взгляд впервые остановился на ней, узы, которые уже давно связывали нас, просто проявились в этом мире. Всего лишь одной встречи в обычной жизни, какой бы короткой она ни была, было достаточно для того, чтобы эти узы стали несокрушимыми и вечными.

Однажды, когда мы обедали на кухне, Эмилито вручил мне пакет. Взяв его в руки, я поняла, что он от Нелиды. Я попыталась найти на нем обратный адрес, но его нигде не было. К пакету был прицеплен маленький кусочек картона, на котором была нарисована женщина, сводившая губы так, словно она собиралась кого-то поцеловать. Внизу рукой Нелиды было написано: "Поцелуй дерево". Я разорвала пакет и нашла в нем пару ботинок из мягкой кожи с высокими голенищами, которые зашнуровывались спереди и имели на подошвах большие резиновые шипы.

Я подняла их для того, чтобы показать Эмилито. Я не могла себе представить, для чего они предназначены.

- Это ботинки для лазания по деревьям, - сказал он, кивая головой так, словно узнал что-то знакомое. Нелида знает, что ты любишь деревья, несмотря на то, что боишься упасть. Шипы сделаны из резины для того, чтобы ты не повреждала кору деревьев.

Казалось, что появление этого пакета было сигналом для Эмилито, чтобы он дал мне детальные наставления о лазании по деревьям. До сих пор для того, чтобы добираться до домика, я пользовалась только подъемным приспособлением. А иногда я дремала или спала в нем, как в гамаке. Но я так ни разу и не карабкалась на дерево, за исключением нескольких случаев, когда мне нужно было достать что-нибудь с нижних веток. В этом случае я становилась ногами на нижние ветки или на некоторое время повисала на руках.

- Пришло время посмотреть, из чего ты сделана, сказал Эмилито, и не думая шутить. - Новое задание нетрудное, но если ты не будешь предельно внимательна, оно может оказаться твоим последним. Ты должна будешь пустить в ход всю свою вновь приобретенную энергию для того, чтобы научиться тому, что я сейчас собираюсь тебе показать.

Он велел мне подождать его среди высоких деревьев, которые росли перед парадным входом в дом. Через несколько минут он вернулся, неся с собой длинный плоский ящик. Он открыл его и достал оттуда несколько поясов

безопасности и большие мотки альпинистской веревки. Один пояс он надел мне на талию, а другой пристегнул к нему с помощью карабинов, которые используются при скалолазании. Надев на себя похожий пояс, он показал мне, как взбираться по дереву, цепляясь за более длинный пояс, который охватывает ствол дерева, и затем используя этот пояс для того, чтобы подняться по стволу вверх. Он поднимался по дереву быстрыми и точными движениями. По мере продвижения вверх он набрасывал веревочные петли на ветки для того, чтобы застраховаться от падения. В результате, поднявшись до вершины, он оставил после себя вереницу петель, которые теперь давали ему возможность двигаться по всей высоте дерева в полной безопасности.

Вниз он спустился так же проворно, как и поднялся вверх.

- Убеждайся в том, что все узлы, которые ты завязываешь на веревках, надежны, - сказал он. В этом деле нельзя допускать серьезных ошибок. Незначительные оплошности исправить легко, но одна грубая ошибка - и тебе конец.

- Боже мой, неужели мне придется заниматься тем, что ты только что показал? - спросила я с нескрываемым удивлением.

И дело было вовсе не в том, что я по-прежнему боялась высоты. Мне просто казалось, что у меня не хватит терпения завязать столько узлов и постоянно цеплять и расцеплять карабины. Ведь даже для того чтобы научиться подниматься на дерево с помощью приспособления, в котором я когда-то проснулась, мне понадобилась длительная практика.

Эмилито утвердительно кивнул и весело засмеялся.

- Это будет для тебя серьезным испытанием, - заметил он. - Но когда ты научишься висеть уверенно, не сомневаюсь, что ты убедишься в том, что игра стоила свеч. Тогда узнаешь, что я имел в виду.

Он дал мне в руки моток веревки и терпеливо показал, как завязывать и развязывать узлы. Кроме того, он научил меня надевать на веревку куски резинового шланга для того, чтобы веревка не повреждала кору деревьев, когда я охватывала ею ветку, делая очередную петлю. Я узнала, как упираться в ствол ногами, чтобы сохранять равновесие, и как миновать гнезда птиц, если они попадутся на моем пути.

В течение последующих месяцев я работала под его постоянным руководством и не поднималась выше самых низких веток. Когда я научилась обращаться со снаряжением и уверенно двигаться, сохраняя равновесие, кожа

на руках у меня так затвердела, что перчатки были больше не нужны, Эмилито разрешил мне подниматься на более высокие ветки. Я тщательно отработывала на них те же маневры, которые до этого изучала на нижних ветках. И вот однажды совершенно неожиданно для себя я поднялась на самую вершину дерева, по которому училась лазить. В этот день Эмилито подарил мне то, что по его словам было самым ценным подарком. Это был комплект, состоящий из трех защитного цвета полевых комбинезонов и соответствующих им по расцветке кепок. Очевидно, он купил его на каком-нибудь складе армейского обмундирования в Штатах.

Нарядившись в лесные тона, я жила в роще высоких деревьев, которая находилась перед фасадом дома. Я спускалась на землю лишь для того, чтобы сходить в туалет, или для того, чтобы изредка отобедать с Эмилито. Я взбиралась на каждое дерево, которое мне нравилось, при условии, конечно, что оно было достаточно высоким. Было всего несколько деревьев, на которых я не побывала: среди них были очень старые, для которых мое присутствие оказалось бы вторжением, и очень молодые, которые еще не были столь крепкими, чтобы выдерживать мое движение на веревках.

Я предпочитала молодые и сильные деревья, потому что они вселяли в меня бодрость и оптимизм. Однако общение с некоторыми из тех, что были постарше, было тоже приятным мне, потому что им было что мне рассказать. Однако Эмилито разрешал мне ночевать только на одном дереве - на том, где находился домик, потому что лишь оно было оснащено громоотводом. Я спала на платформе в домике, в кожаном приспособлении, а иногда просто пристегнувшись к какой-нибудь ветке по собственному выбору.

Некоторые из моих излюбленных веток были толстыми и без сучков. Я часто лежала на них, глядя вниз. Положив голову на небольшую подушечку, которую я везде носила с собой, я обнимала ветку руками и ногами, оставаясь при этом в неустойчивом, но очень приятном положении. Конечно же, я всегда следила за тем, чтобы вокруг талии у меня была повязана веревка, надежно зацепленная за одну из верхних веток, на тот случай, если я потеряю равновесие или усну.

Чувства, которые я питала по отношению к деревьям, невозможно описать. Я была уверена, что проникаюсь их настроениями, знаю точно их возраст, привычки и ощущения. Я научилась общаться с деревьями с помощью импульсов, которые исходили изнутри моего тела. Часто наше общение начиналось с пробуждения во мне искренней симпатии, приближающейся по глубине к той, которую я чувствовала по отношению к Манфреду. Эта симпатия всегда появлялась во мне неожиданно и непринужденно. Тогда я начинала чувствовать их корни, уходящие в землю. Я знала, хотят ли они пить и какие

корни достигают подземных источников влаги. Я могла сказать, что значит протягивать ветви навстречу свету, ожидать восхода солнца, намереваться увидеть его, чувствовать тепло, холод и бурю с громом и молнией. Я узнала, что значит никогда в жизни не сходить с одного места. Что значит молчать, ощущать через кору и впитывать свет листьями. Я вне всяких сомнений знала, что деревья могут страдать и что, как только общение с ними наладилось, они изливают на человека свою ласку и нежность.

Сидя на толстой ветке и прижимаясь спиной к стволу дерева, я занималась воспоминанием, которое приобрело теперь всецело иное качество. Я могла припомнить мельчайшие подробности своих прошлых переживаний, не боясь оказаться в плену у отвлекающих эмоций. Я могла громко смеяться над тем, что раньше было очень болезненным для меня. Я обнаружила, что никакие воспоминания не вызывают во мне чувства жалости к себе. Теперь я видела все в ином свете, не как закомплексованная городская жительница, которой я когда-то была, а как свободная и беззаботная живущая на дереве, которой я стала.

Однажды вечером, когда мы ели плов, который я приготовила из кролика, Эмилито удивил меня тем, что завязал очень оживленный разговор. Он попросил меня не уходить после ужина, потому что у него было что мне сказать. Это было столь на него не похоже, что я просто сгорала от нетерпения. Ведь я многие месяцы общалась преимущественно с деревьями и птицами. Я готовила себя к тому, что услышу что-то грандиозное.

- Прошло уже больше шести месяцев, как ты стала живущей на деревьях, - начал он. - Пришло время посмотреть, чему ты за это время научилась. Пошли в дом. У меня есть что тебе показать.

- Что ты собираешься мне показать, Эмилито? спросила я, вспомнив о том дне, когда он хотел что-то показать мне в своей комнате, но я отказалась последовать за ним.

Имя "Эмилито" больше всего подходило ему теперь. Он стал для меня самым дорогим существом, точно как Манфред. В ходе одного из самых возвышенных озарений, которые посетили меня, когда я сидела на ветвях высокого дерева, я поняла, что Эмилито вовсе не человек. Был ли он когда-то человеком, а потом стер в себе все человеческое с помощью воспоминания, я могла только догадываться. Его не-человечность была тем барьером, который становился на пути каждого, кто хотел поговорить с ним по душам. Ни один обычный человек не мог понять, что у Эмилито на уме, о чем он думает и что чувствует. Но если он того хотел, он мог войти во внутренний мир любого и разделить его настроения и мысли. Его не-человечность была тем, что я почувствовала еще тогда, когда впервые встретила с ним возле кухни. Теперь

меня не смущало его присутствие, и, хотя этот барьер еще разделял нас, я искренне восхищалась его совершенством.

Я спросила Эмилито снова, поскольку в первый раз он не ответил мне, что он собирается показать.

- Я хочу показать тебе нечто непревзойденной важности, - сказал он. - Но то, как ты увидишь его, зависит всецело от тебя. Все сводится к тому, смогли ли ты обрести молчание и гармоничность, присущие деревьям.

Мы быстро прошли через темный внутренний дворик в дом. Я проследовала за ним через холл к двери в его комнату. Мое беспокойство удвоилось, когда я увидела, что он надолго остановился перед ней для того, чтобы глубоко подышать, словно готовя себя к тому, что должно произойти.

- Порядок, давай войдем, - сказал он и легонько потянул меня за рукав. - Одно предостережение. Находясь в комнате, не смотри ни на что пристально. Гляди на все что угодно, но не присматривайся, скользи по всему поверхностными взглядами.

Он открыл дверь, и мы вошли в его странную комнату. Живя на деревьях, я совсем забыла, что уже заходила сюда в тот день, когда уехали Клара и Нелида. Теперь меня снова поразил диковинный набор предметов, которые ее наполняли. Первыми, что я увидела, были четыре лампы, которые стояли на полу, по одной у каждой стены. Я не могла себе и представить, что это могут быть за лампы. Комната и ее интерьер были освещены жутковатым бледно-янтарным светом. Я достаточно хорошо разбиралась в электрическом оборудовании для того, чтобы понять, что ни одна обычная электрическая лампочка не могла бы дать такого света, даже если бы абажур был сделан из самого диковинного материала.

Я почувствовала, как Эмилито взял меня за руку и помог переступить через заграждение высотой в один фут, которое отделяло от всей остальной комнаты небольшую часть пола в юго-западном углу.

- Добро пожаловать в мою пещеру, - сказал он, загадочно улыбаясь, когда мы с ним ступили на выделенную территорию.

Здесь стоял длинный стол, наполовину закрытый черной занавеской, и четыре кресла, очень странные на вид. Каждое из них имело высокую твердую овальную спинку, немного изогнутую по форме спины, а вместо ножек у кресла было основание, которое казалось прочным и круглым. Все кресла были обращены к стене.

- Не смотри пристально, - напомнил смотритель, помогая мне сесть в одно из кресел.

Я заметила, что кресла сделаны из какого-то пластичного материала. Круглое сидение пружинило, хотя я не могла сказать, почему так происходило: оно было твердым, как дерево, и в то же время прогибалось, когда я покачивалась на нем. Кроме того, оно поворачивалось вокруг своей оси. Овальная спинка, которая, казалось, охватывала меня сзади, была тоже одновременно пружинистой и твердой. Все кресла были яркого небесно-голубого цвета.

Смотритель сел в кресло рядом со мной. Он повернулся на кресле лицом к центру комнаты и непривычно напряженным голосом велел мне тоже повернуться. Когда я сделала это, из глубины моего тела вырвался судорожный вздох. Комната, по которой я совсем недавно ходила, исчезла. Я смотрела в необъятное пустое пространство, озаренное тусклым сиянием. Комната, казалось, стала бесконечным пространством прямо у меня перед глазами. Мой взгляд простирался до далекого темного горизонта. Я еще раз судорожно глотнула воздух, потому что в животе у меня ощущалась пустота. Я почувствовала, что пол уходит из-под моих ног, и меня притягивает к себе пространство. Я не осознавала, где нахожусь, хотя по-прежнему сидела в кресле.

Я услышала слова Эмилито.

- Давай повернемся назад.

Но у меня не осталось сил, чтобы вращать сидение кресла. Должно быть, он сделал это за меня, потому что я внезапно поняла, что снова смотрю в угол комнаты.

- Ну что, скажешь, что так не бывает? - спросил смотритель, улыбаясь.

Я не могла вымолвить ни единого слова, не говоря уже о том, чтобы задавать вопросы, на которые, очевидно, не было ответов. Через пару минут Эмилито еще раз повернул мое кресло для того, чтобы снова дать мне возможность окунуться в бесконечность. Безграничность пространства казалась мне такой ужасной, что я закрыла глаза. Я ощутила, как он вернул мое кресло в исходное положение.

- А теперь встань, - сказал он.

Я бессознательно повиновалась ему и стояла рядом, непроизвольно дрожа и пытаясь вернуть себе дар речи. Он взял меня за плечи и повернул лицом к комнате.

Одолеваемая страхом, я из упрямства или по благоразумности отказывалась открывать глаза. Тогда смотритель ударил меня костяшками пальцев по макушке головы, отчего глаза у меня мгновенно широко открылись. С облегчением я увидела, что комната не является больше темным бесконечным пространством, а представляет собой ту самую комнату, в которую я недавно вошла. Игнорируя запрет смотреть пристально, я стала разглядывать все непонятные вещи, которые лежали вокруг.

- Эмилито, пожалуйста, скажи мне, что это за вещи? спросила я.

- Я - всего лишь смотритель, - сказал Эмилито. Все это находится у меня на попечении. - Взмахом руки он указал на все, что находилось в комнате. - Но будь я проклят, если я знаю, что это. В действительности никто из нас этого не знает. Нам это все досталось по наследству вместе с домом от моего учителя, нагваля Хулиана, а он унаследовал это от своего учителя, нагваля Элиаса, который тоже получил это от своего учителя.

- Все здесь напоминает комнату, в которой в театре хранят декорации, - заметила я. - Но ведь это не так. Правда, Эмилито?

- Это магия! Ты можешь видеть это все, потому что ты освободила свою энергию и можешь выходить на иные уровни восприятия. Каждый может видеть это при условии, что он накопил достаточно энергии. Трагедия многих в том, что их энергия поглощена бессмысленными заботами. Но воспоминание - это ключ. Оно освобождает уловленную энергию - и voila! Ты видишь бесконечность прямо у себя перед глазами.

Я засмеялась, когда Эмилито сказал опа, потому что это было очень неуместно и неожиданно. Смех немного снял мое напряжение.

- Но реально ли все это, Эмилито, или я просто вижу сон? - только и могла я спросить.

- Ты находишься в состоянии сновидения, но все это реально. Настолько реально, что мы можем растаять здесь, как снежинки.

Рационально я не могла объяснить, что именно только что видела, поэтому у меня не было никаких оснований для того, чтобы доверять либо не доверять

своим ощущениям. Мое положение было невыносимым, равно как и мой страх. Смотритель подошел ближе.

- Магия - это больше, чем черные кошки и обнаженные люди, танцующие ночью на кладбище и замышляющие недоброе против других, - прошептал он. - Магия холодна, абстрактна, сверхличностна. Вот почему мы называем постижение ее тайны магическим переходом или полетом к абстрактному. Для того, чтобы понять ее ужасное притяжение, мы должны быть сильны и решительны, а не пугливы и малодушны. Нагваль Хулиан любил это повторять.

Мне было так интересно, что я заметила, что слушаю его слова необычайно внимательно. Но тем не менее все это время мои глаза шарили по комнате, переходя от одного предмета к другому. Я пришла к выводу, что ни одна вещь здесь не была реальной. Но поскольку было ясно, что мне удастся наблюдать их, я спрашивала себя, реальна ли я сама, или это все какой-то чудовищный сон. И дело было не в том, что эти вещи были неопишутельны. Они просто не вписывались ни в какие мои представления.

А теперь готовься к полету лагов, - сказал Эмилито. - Что бы ни случилось, держись за меня. Если хочешь, ухватишься за мой пояс или сядешь мне на плечи. Но что бы ты ни делала, не отпускай меня.

Прежде чем я успела спросить у него, что он решил делать дальше, он быстро повернул меня и усадил в кресло лицом к стене. Затем он повернул кресло на девяносто градусов, и я снова увидела в центре комнаты жуткое бесконечное пространство. Поддерживая меня за талию, он помог мне встать и сделать несколько шагов в сторону бесконечности.

Каждый шаг давался мне невероятными усилиями: казалось, что каждая нога весит не меньше тонны. Я почувствовала, как смотритель толкнул меня вперед, продолжая поддерживать. Внезапно какая-то грандиозная сила втянула меня вовнутрь, и я больше не шла, а парила в пространстве. Смотритель плавно плыл рядом со мной. Я вспомнила о его предостережении и ухватила за его пояс. В мгновение ока новый прилив энергии ускорил мой полет до невероятной скорости. Я завопила ему, чтобы он остановил меня. Он быстро усадил меня себе на плечи, и я что есть мочи вцепилась в него. Я с силой зажмурилась, но это не подействовало. Я видела перед собой одну и ту же необъятность, независимо от того, закрыты или открыты были мои глаза. Мы парили в чем-то, не похожем на воздух. Земли в поле зрения тоже не было. Более всего я боялась, что какой-то головокружительный всплеск энергии оторвет меня от смотрителя. Я делала все что могла, для того чтобы держаться за него и в то же время оставаться сосредоточенной.

Все кончилось так же внезапно, как и началось. На меня налетел еще один энергетический вихрь, и я очнулась, стоя возле лазурного кресла и истекая потом. Меня трясло, и я, задыхаясь, судорожно глотала воздух. Волосы у меня растрепались, запутанные и мокрые, они рассыпались по лицу. Смотритель толкнул меня назад в кресло и снова повернул к стене.

- Не вздумай написать в штаны, сидя в этом кресле, предупредил он строго.

Я не управляла телом. Все покинуло меня, включая и страх. Оно все выветрилось из меня, когда я парила в бесконечном пространстве.

- Ты уже можешь осознавать так же, как и я,- сказал Эмилито, кивая головой. - Но ты все еще не можешь управлять собой, находясь в этой новой сфере восприятия. Эта способность приходит после долгих лет упорных занятий и накопления силы.

- Я никогда не смогу объяснить этого себе, - сказала я и повернулась в кресле лицом к центру комнаты, чтобы еще раз полюбоваться бледно-розовой бесконечностью. На этот раз все, что было в комнате, показалось мне крошечным, похожим на фигурки на шахматной доске. Мне пришлось приложить специальные усилия, чтобы обнаружить их. Но холодность и жуткость этого пространства наполнили мою душу непревзойденным ужасом. Я припомнила, что Клара говорила о тех провидцах, которые сподобились достичь этого, и о том, как они смотрели в эту ширь и как она смотрела на них с холодным и неприступным безразличием. Клара никогда не говорила мне, что видела ее, но теперь я поняла, что она видела. Но даже если бы она и сказала мне тогда об этом, что бы это дало? Я бы только посмеялась над ней и подумала, что она все это выдумала. Теперь пришел мой черед смотреть в бесконечность и знать, что я никогда не смогу понять, на что смотрю. Эмилито был прав, когда сказал, что потребуются долгие годы упорных занятий и развития силы, чтобы чувствовать себя уверенно перед лицом этой бездонности.

- А теперь давай посмотрим на другую сторону бесконечности,- сказал Эмилито и плавно повернул мое кресло в сторону стены. Церемониальным жестом он поднял черную занавеску, а я в это время наблюдала за его действиями отсутствующим взглядом, стараясь перестать стучать зубами.

За занавеской оказался длинный узкий стол. Он был без ножек, и казалось, что он крепится к стене, хотя мне и не удалось разглядеть ни шарниров, ни кронштейнов, на которых бы он держался.

- Поставь локти на стол и положи голову на кулаки так, чтобы они находились под подбородком. Клара учила тебя делать это, - приказал он мне. - Прижми подбородок к рукам. Но держи голову легко и не напрягайся. Сейчас нам понадобится легкость.

Я сделала все так, как он сказал. В то же мгновение в черной стене на расстоянии шести дюймов от моего носа появилось маленькое окошечко. Смотритель сидел справа от меня и, наверное, смотрел в другое подобное окошко.

- Смотри туда, - сказал он. - Что ты видишь?

Я видела дом. Я узнала парадную дверь, а затем гостиную левого крыла дома, которую я успела осмотреть лишь мельком, когда мы с Эмилио проходили через нее в первый раз по пути к моему дереву. Гостиная была хорошоосвещена и заполнена людьми. Они смеялись и разговаривали по-испански. Некоторые из них ели, сидя за столом, который изобилдовал аппетитными блюдами, красиво сервированными в серебряной посуде. Я узнала среди них нагваля, а затем Клару. Она была сияющей и радушной. Она играла на гитаре и пела дуэтом с другой женщиной, которая вполне могла оказаться ее сестрой. Она была такой же крупной, как и Клара, но смуглокожей и черноволосой. Глаза ее были не такие лучисто зеленые, как у Клары. Они были сверкающими, но черными и зловещими. Затем я увидела, как в стороне Нелида исполняет танец под какую-то прекрасную незабвенную мелодию. Она чем-то отличалась от той Нелиды, которую я помнила, но я не могла понять, в чем же конкретно заключается это отличие.

Некоторое время я наблюдала за ними. Я была так очарована, словно умерла и оказалась в раю - настолько эта картина была нереальной, светлой и далекой от земных забот. Но мое веселье куда-то отлетело, когда я вдруг заметила, что в комнату через боковую дверь вошла еще одна Нелида. Я не могла поверить своим глазам - их было две! Я повернулась к смотрителю и задала ему бессловесный вопрос.

- Та, которая танцует, - это Флоринда,- сказал он. Она и Нелида очень похожи, только Нелида выглядит немного ласковее. - Он посмотрел на меня и подмигнул. Но на самом деле она намного беспощаднее.

Я сосчитала всех, кто был в комнате. Кроме нагваля здесь было четырнадцать человек: девять женщин и пять мужчин. В гостиной присутствовали две Нелиды, Клара со своей сестрой и пять других женщин, которые были мне незнакомы. Три из них явно были пожилыми, но, как и в случае Клары, Нелиды, нагваля и Эмилито, об их возрасте судить было очень

трудно. Две другие женщины были лишь несколькими годами старше меня. Вероятно, им шел третий десяток.

Четверо мужчин были постарше и выглядели так же сурово, как и нагваль, но один был молодым. Он был смуглым, низкорослым и выглядел совсем юным. Его волосы были черными и кудрявыми. Он оживленно жестикулировал, его лицо было живым и выразительным. В нем было что-то такое, что выделяло его среди остальных. Сердце у меня забилося, и я ощутила к нему бесконечную симпатию.

- Это новый нагваль, - сказал смотритель.

Пока мы глядели в комнату, Эмилито объяснил мне, что каждый нагваль привносит в магию что-то новое, соответствующее его темпераменту и жизненному опыту. Нагваль Джон Мишель Абеляр, как индеец яки, привнес в группу индейскую степенность, которая стала отличительной чертой всех действий представителей группы. Их магия, сказал он, впитала в себя унылость, которая присуща индейцам яки. И всем им, включая и меня, традиция предписывает знакомство с мировоззрением этих индейцев и использование их принципов в своей жизни.

- Эта тенденция будет доминировать до тех пор, пока группу не возглавит новый нагваль, - сказал он мне на ухо. - Тогда тебе придется пропитаться его склонностями и причудами. Это правило. В соответствии с ним, ты должна будешь поступить в университет. Ведь он с головой ушел в научные исследования.

- Когда это случится? - шепотом спросила я.

- Когда все члены группы совместно взглянут в бесконечность, которая находится у нас за спиной, и позволят ей растворить нас, - ответил он тихо.

Облако усталости и мрака начало окутывать меня. Напряжение от попыток понять немыслимое давало о себе знать.

Эта комната, которая находится на моем попечении, - сказал Эмилито мне на ухо, - представляет собой совокупное намерение всех нагвалей, которые предшествовали Джону Мишелю Абеляру, и отражает все их характеры одновременно. Не существует абсолютно никакой возможности объяснить, что она собой представляет. Для меня, точно так же, как и для тебя, это непостижимо.

Я перевела глаза с комнаты, где сидели все эти люди и где веселье било ключом, и посмотрела на Эмилито. Мне захотелось заплакать, когда я вдруг поняла, что он так же одинок, как и Манфред, и является существом, которое достигло невообразимых уровней восприятия, но обречено на одиночество самим своим совершенством. Однако мое желание заплакать длилось очень недолго и уступило место благоговению, когда я поняла, что в данном случае оно намного более уместно, чем моя глупая грусть.

Новый нагваль позаботится о тебе, - сказал Эмилито, возвращая мое внимание обратно в комнату. Он является твоим окончательным учителем, который откроет тебе путь к свободе. У него много имен, каждое имя отражает его владение каким-то одним аспектом магии. В магии бесконечности его имя - Дилас Грау!* Когда-нибудь ты встретишься и с ним, и со всеми остальными. Ты не смогла сделать это тогда, когда вошла в левое крыло дома с Нелидой, и ты все еще не можешь сделать этого сейчас, сидя здесь со мной. Но ты завершишь магический переход очень скоро. Они ждут тебя.

* В обычной жизни - Карлос Кастанеда (прим. ред.).

Невыразимая тоска охватила меня. Я хотела проскользнуть через глазок в стене в ту комнату, чтобы быть вместе с ними. Там царили сердечность и взаимопонимание. И они ждали меня.